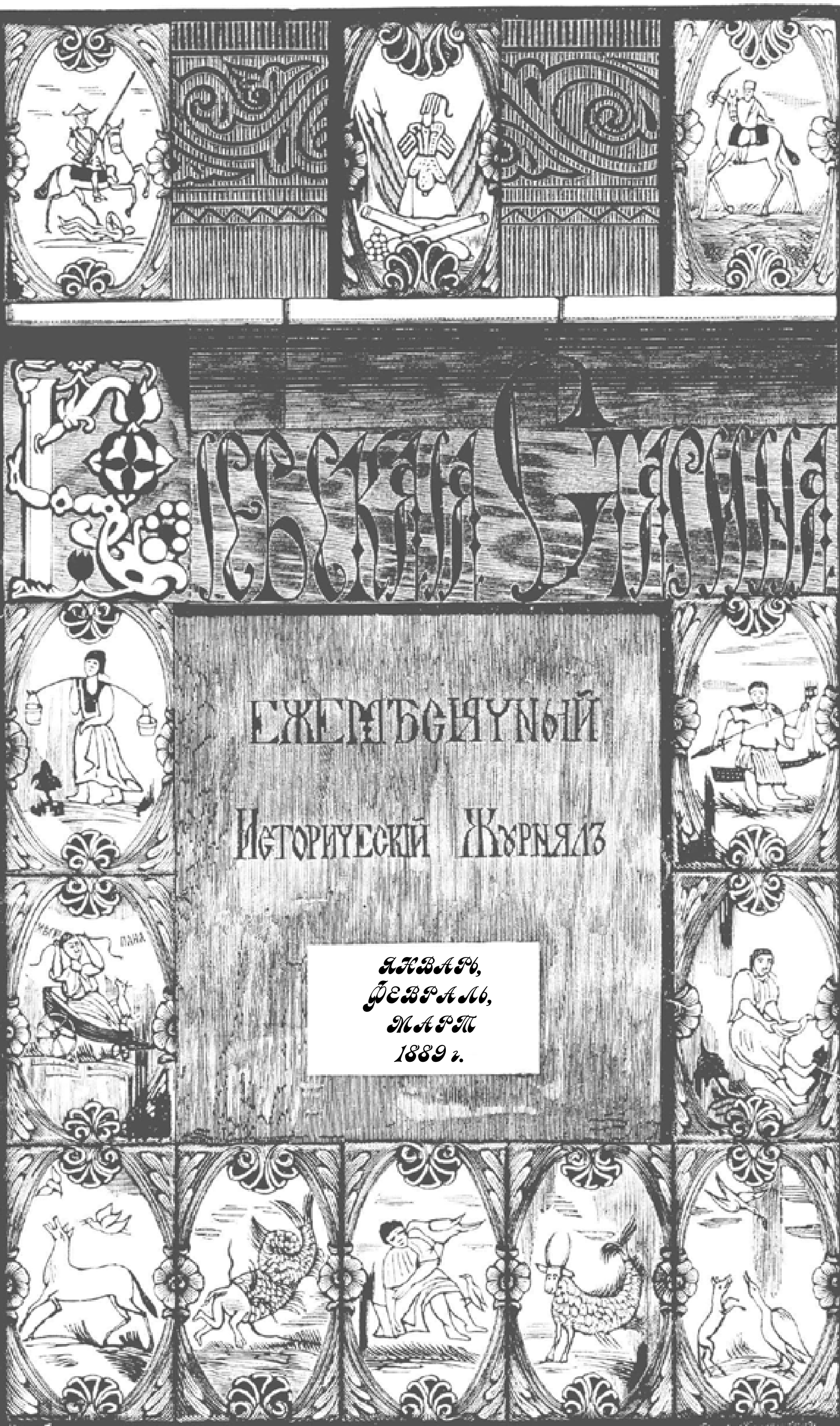

РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКIЙ ЖУРНАЛЪ
ЯНВАРЬ,
ФЕВРАЛЬ,
МАРТ
1889 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Тома XXIV 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины" 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**— Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ **П. С. Ефименка.** — Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова.**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**— Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**— Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.** — Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**— Памятникъ Б. Хмельницкому.—„Бунтъ" сквирскаго магистрата. **Н. О.**— Порченная (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченка.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго.**— Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**— Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**— Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**— Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго.**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.**—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенка.**—Фатальная вдова. **П. К.** Половинщикъ (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ.**—Осада и взятіе Очакова **А. А. Русова.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., М. За-

Отъ редакціи историческаго журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфелѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполнѣ обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что па ея призывъ къ участію откликаются не только мѣстныя научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбѣжныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить

изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной критики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣтельствуетъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редакція выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ двѣнадцати книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. Б. Антоновича: Грановщина, эпиз. изъ ист. брацл. Украины и Обозрѣніе предметовъ вел.-княж. эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **Ганны Барвинокъ**: Молотники (бытов. разсказъ) и Половинщикъ (быт. разск.). **Проф. С. А. Бершадскаго**: Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго**: Два предмета кіев. церк.-археол. музея и Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Проф. Алексѣя Ник. Веселовскаго**: Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова**: Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго. **А. А. Востокова**: Нѣжинская рада 1663 г. **Проф. П. В. Голубовскаго**: Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка**: Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **А. Я. Ефименко**: Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **П. С. Ефименка**: Рудни въ Сѣверщинѣ. **И. П. Житецкаго**: Графиня Е. М. Румянцева. **П. И. Житецкаго**: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. **П. К.** Фатальная вдова. **И. М. Каманина**: Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву и Кіевляне и Б. Хмельницкій. **П. Л.** Объ изображеніяхъ св. Владиміра и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтоп. сказан.). **Л.**: Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **А. М. Лазаревскаго:** Люди старой Малороссіи. **О. И. Левицкаго**: Ганна Монтовтъ (ист.-быт. очеркъ изъ жизни волын. дворянства). **Ю. Г. Левицкой-Пащенко:** Порченная (бытов. повѣсть). **Проф. И. А. Линни-**

ченка: Архивы въ Галиціи. **Проф. И. В. Лучицкаго**: Кіевъ въ 1766 г. Матеріалы для исторіи гайдамачины, съ пред. **проф. В. Б. Антоновича. Мирона**: Слава Богу, для начала и это хорошо (этюдъ изъ жизни прикарпатскаго народа). **Михайло-горскаго**: Нелишнее слово о виршахъ. **Проф. Ѳ. Г. Мищенко**: Г. П. Галаганъ. **В. П. Науменка**: Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ и Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **Н. О.** „Бунтъ" сквирскаго магистрата. Памятникъ Богдану Хмельницкому. **Проф. Н. И. Петрова**: Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Проф. А. А. Потебни**: Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **Равиты**: На рубежѣ, истор. романъ. **Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго**: Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта. **А А Русова**: Осада и взятіе Очакова. **Ѳ. Р. Рыльскаго**: Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **А. В. Стороженка**: Леонардъ Совинскій. **Проф. Н. И. Стороженка**: Четыре первые года ссылки Шевченка. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**: Историческій очеркъ попытокъ ввести въ южную и западную Россію Григоріанскій календарь и Станиславъ Орѣховскій. **И. В. Теличенка**: Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **Турчинскаго**: Тарасъ изъ Ворохты, повѣсть изъ быта гуцуловъ, пер. съ польск. К. М. **Х. Н. Ящуржинскаго**: Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено 54 рецензіи на вновь вышедшія книги, и 82 документа и замѣтки. Въ библіографическомъ листкѣ редакція слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Ѳеофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ, съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ, по

рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви. Портретъ проф. А. А. Котляревскаго. Портретъ Г. П. Галагана.

Кромѣ вышеноименованныхъ сотрудниковъ въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалѣй, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Китицынъ, М. Ө. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малышевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, Ө. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, Я. П. Новицкій, С. Р., А. А. Русовъ, Н. В. Стороженко, А. І. Степовичъ, А. Д. Твердохлѣбовъ, В. Н. Ястребовъ и др.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ **8** р. **50** к., на полгода **5** р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ **10** р., полгода **6** р. За границу на годъ **13** р., полгода **7** р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50** к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается **50** к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается **25** к. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—88 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Редакторъ-Издатель *А. С. Лашкевичъ.*

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28 ноября 1888 года.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

ЯНВАРЬ

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 2-го Января 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXIV. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.

2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.

3) Пред. В. Тяпинскаго къ печатн. Евангелію.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Березенская Вознесенская церковь.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго.

Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ...
Богъ старости—неумолимый богъ:
Приходитъ онъ къ прожившему полвѣка
И говоритъ: „оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ, достойныхъ человѣка!“
Увы! ихъ нѣтъ! одинъ ошибокъ рядъ!

Некрасовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ряду литературныхъ произведеній, пользующихся у русской публики бо̀льшею или меньшею популярностью, едва ли не самая незначительная доза вниманія выпадаетъ на долю сочиненій, отличающихся характеромъ субъективнымъ, каковы: воспоминанія, автобіографическія записки, дневники и т. п. произведенія, которыми не особенно богата наша литература. У насъ на Руси какъ то не въ обычаѣ подводить итоги прожитому и прочувствованному, а тѣмъ болѣе дѣлиться съ публикой своими личными впечатлѣніями. Происходитъ ли это отъ равнодушія русскаго человѣка къ своему прошлому, или же причинъ такого явленія слѣдуетъ искать въ несостоятельности нашей интеллигенціи въ литературномъ дѣлѣ, въ отсутствіи въ ней способности наблюдать и комбинировать обыденныя явленія жизни—вопроса этого мы рѣшить не беремся; но во всякомъ случаѣ, такой важный пробѣлъ въ отечественной литературѣ не мо-

жетъ не броситься въ глаза каждому, кто сколько нибудь знакомъ съ литературами другихъ народовъ, у которыхъ существуетъ такое обиліе разнаго рода мемуаровъ, записокъ современниковъ, дневниковъ и т. п. сочиненій, возбуждающихъ живѣйшій интересъ въ массѣ читающей публики, наравнѣ съ романами и повѣстями, каковыми исключительно пробавлается большинство русскихъ читателей. Большой спросъ потребителей легкаго чтенія на беллетристику переполнилъ нашъ журнальный рынокъ множествомъ произведеній съ претензіей на соціальное направленіе, хотя между ними весьма мало истинно художественныхъ произведеній, въ которыхъ бы

Наглядно отразился вѣкъ
И современный человѣкъ,

и изъ которыхъ читатель дѣйствительно могъ бы ознакомиться съ духомъ и направленіемъ русскаго общества въ данный моментъ его историческаго развитія.

Признавая за лучшими изъ такихъ произведеній важное соціальное значеніе, авторъ позволяетъ себѣ думать, что для болѣе основательнаго изученія общества въ данную эпоху его развитія, недостаточно ограничиться чтеніемъ однихъ романовъ, какъ бы рельефно ни были изображены, въ лицѣ ихъ героевъ и героинь, представители и выразители идеаловъ своего времени. Преслѣдуя преимущественно художественныя цѣли, романисты невольно иногда должны жертвовать фактической стороной сюжета изяществу выраженія, красотамъ формы и концепціи ad hoc придуманныхъ событій и случаевъ, чего нельзя сказать о мемуарахъ, запискахъ современниковъ, дневникахъ и т. п., въ которыхъ на первомъ планѣ всегда остается задача: вѣрно и точно воспроизвесть дѣйствительность, не скрашивая ее вымыслами фантазіи. При томъ же, и сами романисты, нисходя изъ области вымысла на реальную почву, не всегда могутъ ограничиться поэтическимъ чутьемъ, коль скоро дѣло коснется воспроизведенія явленій жизни изъ эпохи болѣе или менѣе отдаленной: въ этомъ случаѣ ихъ творчеству необходимъ сырой матеріалъ, простая лѣтопись событій. Тутъ то самый безъискуственный разсказъ современника-очевидца, какой нибудь дневникъ, мемуаръ можетъ оказать неоцѣненную услугу не только романисту-поэту, но и бытописателю-историку.

Правда, геніальные художники, воспроизводя прошлую жизнь, по особенному инстинкту, сразу становятся прорицателями минувшаго: для нихъ не существуетъ ни время историческихъ вѣковъ, ни пространство мѣстности націй—они всемірны. За всѣмъ тѣмъ, хроники понадобились даже такому міровому генію, какъ Шекспиръ, котораго душа, по словамъ Тэна, была какъ бы „сокращеніемъ вселенной" и котораго Шлегель называетъ „пророкомъ, прозрѣвающимъ прошедшее".

„Въ описаніе по воспоминанію, говоритъ Сѣченовъ въ статьѣ своей „Элементы мысли", человѣкъ вноситъ, кромѣ объективнаго воспроизведенія фактической стороны дѣла, множество субъективныхъ элементовъ, навязанныхъ ему степенью развитія, свойствами его характера, складомъ ума, настроеніемъ духа и проч.".

А ко всѣмъ подобнаго рода произведеніямъ, съ индивидуальными, чисто субъективными элементами, читающая публика относится съ крайнимъ равнодушіемъ: у каждаго непочатый уголъ собственныхъ воспоминаній и каждый, поэтому, вправѣ встрѣтить подобный моему трудъ ѣдкими стихами поэта:

> Какое дѣло намъ, страдалъ ли ты иль нѣтъ?
> На что намъ знать твои волненья?...
>
> *Лерм.*

Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь выступить въ свѣтъ съ своими „Воспоминаніями". Помимо автобіографическихъ замѣтокъ, интересныхъ для меня одного, въ нихъ найдется не мало страницъ чисто объективнаго свойства, которыя своими деталями могутъ способствовать воспроизведенію событій и лицъ недавняго прошлаго, за послѣдніе 50 лѣтъ.

„Воспоминанія" мои главнымъ образомъ будутъ вращаться въ училищной сферѣ. Пройдя суровую школу жизни и ученія, а по профессіи педагога, стоя, такъ сказать, у самаго источника воспитанія нарождающихся поколѣній, я имѣлъ полную возможность слѣдить не за однимъ лишь физическимъ ростомъ дѣтей, но и за духовнымъ ихъ развитіемъ. „Школьный міръ вообще представляетъ много любопытнаго для наблюденія надъ человѣческой природой во всей ея первобытности", говоритъ французскій реалистъ Зола̀. А исторія моего ученія и учительства тѣсно связана съ исторіей рус-

скаго просвѣщенія въ періодъ наибольшихъ перемѣнъ въ организаціи нашихъ учебныхъ заведеній съ 1828 по 1871 годъ. Хотя, правду сказать, всѣ наши начинанія и реформы по части народнаго просвѣщенія, производимыя безъ строго опредѣленной системы, были не болѣе, какъ временныя, палліативныя мѣропріятія, „въ видѣ опыта", такъ что въ результатѣ выходитъ, что втеченіе полстолѣтія мы производили въ отечественной педагогіи одни лишь эксперименты.

Оглядываясь на свое прошлое и подводя итоги собственной педагогической дѣятельности, невольно приходишь къ убѣжденію, что и самъ я учился около 20 лѣтъ и слишкомъ 30 лѣтъ училъ уму-разуму другихъ—не болѣе какъ „въ видѣ опыта".

Увы! одинъ ошибокъ рядъ!...

I. Моя родина и ея обитатели.

Родина моя—Новгородъ-Сѣверскъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ славянскаго міра. Въ отличіе отъ Новгорода Великаго, городокъ этотъ въ старину именовался Малымъ, а также Новгородкомъ; въ хроникѣ же Стрыйковскаго—Новгородомъ Литовскимъ.

„Сей Новгородъ, хотя крѣпокъ и красенъ былъ, но толь лютыя раззоренія на него были, что съ землею огнемъ и мечемъ уравнивано и раскапывано нарочно, чтобы его имени не было", говоритъ безъименный лѣтописецъ XVIII столѣтія [1]).

Какъ главный городъ удѣльнаго княжества, Новгородъ-Сѣверскъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ въ 1141 году, а къ 1185 году относится знаменитый походъ Игоря Святославича на половцевъ, воспѣтый въ извѣстной поэмѣ XII вѣка „Слово о плъку Игоревѣ".

Начавшіяся послѣ монгольскаго періода между Москвой и Литвой войны преимущественно велись за обладаніе Сѣверской землей, которая въ XIV столѣтіи вошла въ составъ литовскаго государства и Новгородъ-Сѣверскъ, по свидѣтельству Стрыйковскаго, былъ нѣкоторое время „столицею королевской резиденціи и коронаціи престоль-

---

[1]) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1853 г. № 1. Матеріалы для описанія Новгородъ-Сѣверска Ив. Самчевскаго.

нымъ городомъ". Въ немъ крестился Миндовгъ и вѣнчался королевскою короной, присланною папой Иннокентіемъ IV.

Древнѣйшія на Руси владѣнія литовцевъ, по изслѣдованію проф. В. Антоновича, составляла по преимуществу Черная Русь, съ городами: Новгородкомъ, Здатовымъ, Гродно и др. Область эта въ XIV столѣтіи называлась Кривичскою землею и только съ конца XVI столѣтія—Сѣверскою землей или Сѣверіей.

Когда окатоличенная Литва задумала окатоличить народъ Сѣверской земли, то сей послѣдній протестовалъ противъ такого посягательства на свое исконное православіе:

„Все наше православное христіанство хотятъ окрестити въ латинскую вѣру, ино наша Русь велми ся съ Литвою не любитъ", говоритъ одинъ современникъ 1498 года.

Въ концѣ XV столѣтія Сѣверія, вслѣдствіе тяготѣнія своего къ православной Москвѣ, безъ всякой войны, отдѣлилась отъ Литвы и соединилась съ московскимъ государствомъ. Между тѣмъ Литва, соединившись съ Польшею, во все продолженіе XVI столѣтія, силилась отвоевать Сѣверскую землю отъ московскаго государства, что наконецъ и удалось ей въ „смутное время".

Въ 1604 году къ Новгородъ-Сѣверску подступилъ съ своими полчищами Лжедимитрій, за два года предъ тѣмъ инкогнито проживавшій въ Спасской обители, подъ именемъ Отрепьева. Русскіе воеводы Трубецкой и Басмановъ, съ помощію горожанъ, дали мужественный отпоръ самозванцу, за что городу пожалованъ гербъ „съ изображеніемъ городской стѣны съ башнею, на коей звѣзда, по сторонамъ же копье и сабля золотыя".

Въ 1634 году, по поляновскому договору, къ Польшѣ отошелъ и Новгородокъ, который, хотя и утратилъ свое прежнее значеніе, будучи причисленъ къ старосту черниговскому, но удержалъ за собой магдебургское право и иныя привилегіи. Ad majorem Dei gloriam, поляки основали здѣсь два монастыря, „коихъ память и поднесь остается: одного въ городѣ, на горѣ надъ Десною, которое мѣсто называется Кляшторомъ (clasztorż—монастырь), а другого подъ городомъ, гдѣ нынѣ деревушка Домоткановъ", по испорченному слову доминикановъ[1]). Старожилы говорятъ, что еще въ концѣ прошлаго

[1]) Черниг. Губернс. Вѣдомости, 1853 г. № 1.

столѣтія на высокомъ берегу Десны находились остатки древняго укрѣпленія, состоявшаго изъ землянаго вала, съ остатками Басмановскаго замка, отчего и самая гора до сихъ поръ именуется Замкомъ.

Сѣверская земля находилась подъ властію Польши до 1654 года, когда Малороссія лѣвобережная возсоединилась съ Россіей.

Въ 1708 году, во время шведскихъ войнъ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ имѣлъ пребываніе Императоръ Петръ I, въ домѣ сотника Журавки. Домъ этотъ находился на Кляшторѣ, близь собора, еще въ концѣ 20-хъ годовъ. Никому и въ голову не пришло сохранить эту историческую рѣдкость.

Съ учрежденіемъ намѣстничествъ въ 1782 году, Новгородъ-Сѣверскъ сталъ главнымъ городомъ сѣверскаго намѣстничества и оставался имъ до учрежденія губерній (1797 г.).

Въ 1787 году черезъ городъ прослѣдовала Екатерина II, въ честь коей сооружены уцѣлѣвшія до нынѣ тріумфальныя ворота извѣстныя у горожанъ подъ именемъ Брамы. Но лучшее украшеніе города—Преображенскій монастырь—зданіе величественной архитектуры, итальянскаго стиля, воздвигнутое по проекту Гваренчи. На сооруженіе храма Екатерина II велѣла отпустить 75 тысячъ руб., а на внутреннюю онаго отдѣлку Александръ I повелѣлъ выдать 21 тысячу. Вслѣдствіе обнаружившихся въ зданіи трещинъ, для поддержанія главнаго купола, въ 1821 году поставлено 16 колоннъ, скрывшихъ отчасти красоту и величіе храма. Поврежденія произошли не отъ архитектурныхъ погрѣшностей знаменитаго художника, а отъ недобросовѣстнаго выполненія строителями и подрядчиками его идеи: при возведеніи купола они употребили вмѣсто желѣзныхъ связей—деревянныя. Гора, на которой красуется Спасскій монастырь, благодаря корыстолюбію архимандрита Никанора и ближайшихъ его преемниковъ, вступившихъ въ компанію съ іудеями, по поставкѣ камня на черниговское шоссе,—гора эта обезображена и разрыта до основанія. Живописно выдававшіяся къ рѣкѣ гранитныя скалы исчезли, величавые дубы и сосны, окружавшія обитель цѣлыя столѣтія, пали подъ святотатственной рукой сребролюбцевъ-настоятелей; опасность угрожала самой угловой башнѣ, еслибъ высшая духовная власть не остановила варварскаго хищенія, запретивъ добываніе камня изъ нѣдръ св. горы.

Приступая къ характеристикѣ моихъ сограждан сѣверянъ, какими они были въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, необходимо коснуться болѣе отдаленнаго времени.

Въ концѣ XVI столѣтія Сѣверскій край заключался въ предѣлахъ сѣверной части нынѣшней черниговской губерніи. Народонаселеніе его состояло тогда изъ трехъ главныхъ элементовъ: восточную его часть занимали малороссы, западную, пограничную съ Литвой,—бѣлоруссы, въ верхнихъ же его городахъ и селахъ жили великороссы. Впослѣдствіи Сѣверія стала заселяться выходцами изъ пограничныхъ областей, чему, съ одной стороны, содѣйствовали продолжительныя польско-козацкія войны, набѣги крымскихъ татаръ и невыносимый гнетъ крѣпостнаго права, а съ другой стороны, глухая лѣсистая мѣстность Сѣверской земли. Находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ великоруссами, литвинами и малоруссами и не примкнувъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ, земляки мои выработали своеобразный типъ. Въ силу тѣхъ же историческихъ и этнографическихъ условій, языкъ моей родины представляетъ уродливую смѣсь словъ и оборотовъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ и даже польскихъ, а въ повѣрьяхъ, нравахъ и обычаяхъ сохранилось много языческаго. Сограждане мои по пословицѣ и отъ своего отстали, и къ чужому не пристали. Тѣмъ не менѣе сѣверскіе города подверглись постороннему вліянію пришлаго населенія въ гораздо большей степени, чѣмъ села и деревни. Языкъ, обычаи, одежда горожанъ, постоянно входившихъ въ соприкосновеніе съ чуждыми элементами, подвергались безпрерывнымъ измѣненіямъ, между тѣмъ какъ деревенскій людъ, замкнутый въ самомъ себѣ, всегда отличался строго консервативнымъ характеромъ. Оттого племенныя особенности разныхъ національностей русскаго царства этнографы преимущественно изучаютъ по селамъ.

Особенно со времени реформы 61 года наша печать весьма участливо стала относиться къ крестьянству, какъ бы не замѣчая существующаго на ряду съ нимъ другаго сословія—мѣщанъ.

„Изумительно печально положеніе нашихъ мѣщанъ, говоритъ наблюдательный этнографъ Максимовъ, а еще печальнѣе то, что за нихъ почти совсѣмъ не вступалась наша литература и обходила ихъ, какъ бы забывая, что они составляютъ самостоятельный, интересный

для изученія классъ, что они не крестьяне, не купцы, а именно мѣщане, среднее звено между этими двумя звеньями сложной цѣпи сословій русскаго царства".

„Но пора желать, ратуетъ другой народолюбецъ Щаповъ, чтобы и писателями, и учеными были не одни дворяне, а всѣ научно развитые люди—крестьяне, мѣщане, купцы".

Мыслящіе люди, подобные авторамъ приведенныхъ строкъ, возлагаютъ большія надежды на обновленіе общественныхъ силъ русскаго народа отъ прилива свѣжихъ дѣятелей изъ низшихъ слоевъ его; но едва ли они скоро дождутся возрожденія русской жизни. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ наша черноземная сила произвела весьма мало умственныхъ плодовъ. Россіи далеко еще до Англіи, гдѣ, по свидѣтельству Гальтона, изъ 107 ученыхъ 95 дали средніе классы и только 12 низшіе и высшіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодѣтельная реформа предыдущаго царствованія, потрясшая прежнее statu in quo въ его подгнившихъ основаніяхъ, дала широкій просторъ всѣмъ сословіямъ стремиться къ образованію, наравнѣ съ правящими классами, которые одни до того времени пользовались монополіей просвѣщенія; но частію по своей бѣдности, частію по своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, неразлучнымъ съ абсолютнымъ невѣжествомъ, наши мѣщане все таки мало подвинулись впередъ. А пора бы, казалось, стряхнуть съ себя вѣковую грязь грубости и косненія, и выглянуть на свѣтъ Божій изъ тьмы кромѣшной... Поживемъ да подождемъ, пока что то будетъ, а пока оно будетъ, ничтожный процентъ мѣщанской интеллигенціи не въ состояніи удовлетворить самымъ обыденнымъ потребнозтямъ городского самоуправленія. А что было прежде, лѣтъ 50 назадъ, о томъ и вспомнить тошно.

Бывало какъ дойдетъ дѣло до общественныхъ выборовъ въ гласные, бургомистры и ратманы, то изъ четырехтысячнаго населенія некого и выбрать. Оттого всѣ дѣла въ думѣ и магистратѣ рѣшались секретарями да городничимъ изъ отставныхъ военныхъ, бургомистры же и гласные оставались безгласными чурбанами. Только непроходимое невѣжество членовъ городскаго присутствія и происходящая отъ того безпомощность общественнаго положенія была причиной такихъ, напр., возмутительныхъ исторій, что какой нибудь при-

казный выжига, въ родѣ думскаго секретаря П...скаго, позволилъ себѣ въ присутственной комнатѣ трепать по щекамъ городскаго голову Соболя. Только забитость и запуганность нашего мѣщанства могла вызвать дикое насиліе градоначальника на пожарѣ, разбившаго въ кровь голову мѣщанину Іощенку, такъ сказать, всенародно, безъ малѣйшаго протеста со стороны любезныхъ согражданъ.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ съ 1808 года существуетъ гимназія. Для поступленія въ нее требовалось увольнительное отъ общества мѣщанъ свидѣтельство, но его получить было весьма не трудно: стоило лишь купить ведра два горѣлки на угощеніе „общества“--и дѣло въ шляпѣ. Отчего же теперь, когда доступъ къ образованію открытъ не только мѣщанамъ, но и крестьянамъ, цифра учениковъ изъ мѣщанскаго сословія не только не возрастаетъ, но съ каждымъ годомъ падаетъ? Отчего дѣти мѣщанъ, въ большинствѣ случаевъ, завершаютъ свое образованіе первымъ или вторымъ классомъ уѣзднаго училища?

Бывали, правда, хотя весьма рѣдкіе, примѣры, когда изъ мѣщанскаго сословія выходили люди съ высшимъ образованіемъ, но вырвавшись изъ своей среды, они безъ оглядки бѣжали отъ своихъ милыхъ согражданъ, потому что сколько нибудь развитому человѣку не безопасно оставаться въ родномъ омутѣ. А какихъ трудовъ и лишеній стоитъ это высшее образованіе всѣмъ намъ, вышедшимъ изъ бѣдной мѣщанской семьи! Намъ ничто не давалось даромъ, но достигалось тяжелой борьбой, а на такой подвигъ, при своей наслѣдственной лѣни и распущенности семейныхъ нравовъ, рѣдкій изъ „нашихъ“ отваживается. Лучше спокойно сидѣть въ лавкѣ и бездѣльничать отъ бездѣлья.

Не взлюбилъ я своихъ согражданъ-мѣщанъ за ихъ глумленіе надъ „мужиками“, за ихъ насмѣшки надъ „деревенщиной“. Въ числѣ многихъ другихъ безобразій, въ памяти моей сохранилась возмутительная выходка молодыхъ лавочниковъ на базарѣ. Сидя отъ утра до вечера въ лавкѣ, безъ всякаго дѣла, они, подобно „шутникамъ“ Островскаго, развлажаютъ свою скуку разными грубыми издѣвками надъ своими всегдашними покупателями и кормильцами—крестьянами изъ окрестныхъ селъ. Попадутъ какого нибудь горемыку мамекинца изъ имѣнія кн. Голицыныхъ и начнутъ надъ нимъ глумиться.

„У тебя на правой ногѣ шесть пальцевъ“, пристанутъ къ нему цѣлой ватагой.

Долго бѣдняга открещивается и отбивается отъ нихъ, какъ отъ докучливыхъ собакъ, да наконецъ, соблазнившись посуломъ пятака, развязываетъ свои оборы, скидаетъ лапоть, развертываетъ онучи и показываетъ имъ свои пять пальцевъ; а „шутники“ хватаютъ лапоть и забрасываютъ на лавочную крышу при 15 градусномъ морозѣ. И хохочутъ въ свое удовольствіе и молодые и старики, что одурили отупѣвшаго отъ голода и дрожащаго отъ холода нищаго.

Да, неприглядна была жизнь моихъ согражданъ-мѣщанъ и не за что мнѣ было полюбить ихъ? Вѣчное сидѣнье въ лавкѣ, въ ожиданіи копѣечнаго барыша, распущенность и шалопайство младшихъ членовъ семьи, отвратительное сквернословіе, дикое самодурство и домашніе разбои—старшихъ: отцы семейства пьяные и буйствующіе, женщины-матери съ синяками подъ глазами ищущія убѣжища у сосѣдей, разбитыя окна и посуда, разваленная печь... дѣти, брошенныя на произволъ судьбы, безъ всякаго призора... О, памятны мнѣ эти родныя картины моего печальнаго прошлаго!...

Насупротивъ нашего дома, подъ Замкомъ, стояла бѣдная, кривобокая хатенка, глядѣвшая на улицу единственнымъ оконцемъ. Тутъ жилъ и здравствовалъ извѣстный всей Варварской парафіи герой-сапожникъ Красненькій, съ женою Ѳеклой и сыномъ Ѳедоромъ. Заунывныя пѣсни Кондрата, которыя онъ распѣвалъ, сидя за работой, и фантастическія сказки Ѳедора до того приковывали мое дѣтское вниманіе, что я, несмотря на запрещеніе родителей, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ. Съ помощью подростка-сына, Кондратъ работалъ неутомимо и скоро. Не одни „шкаповые“ чоботы, но и настоящіе выростковые „сапоги въ рантъ“ подъ ваксу ему были ни почемъ. Сапогъ за сапогомъ откидывался на „полицу“ работа кипѣла, пѣсни не умолкали ни днемъ, ни ночью. Такъ проходила недѣля, иногда двѣ, а то и цѣлый мѣсяцъ. Когда оканчивались заказы, Кондратъ бралъ подъ мышку нѣсколько паръ готовыхъ сапогъ и съ утра уходилъ изъ дому за получкой денегъ. И тутъ то наступалъ періодъ совершеннаго превращенія. Никто, видѣвшій его за работой, не повѣрилъ бы, что природа человѣка можетъ измѣниться до такой степени: изъ тихаго, честнаго, трудолюбиваго, до тонкости деликатнаго

человѣка—внезапно дѣлался лютый звѣрь, вырвавшійся изъ желѣзной клѣтки.

Получивъ мѣстахъ въ трехъ деньги, Кондратъ начиналъ свое тріумфальное шествіе съ отдаленнаго конца города, не минуя ни одного заведенія съ двуглавымъ орломъ, въ каждомъ выпивалъ онъ по крючку и, идя по улицѣ, страшно неистовствовалъ, произнося неблагозвучныя ругательства на свою жену Ѳеклушу. Львиное рыканіе его слышалось издалече.

Войдя въ хату, Кондратъ въ ту же минуту начиналъ бить посуду, стекла, ломалъ столъ, раскидывалъ постель и такимъ образомъ сокрушалъ все, что подвержено разрушенію рукъ человѣческихъ. Ѳекла, дорожа припрятаннымъ въ коморѣ добромъ, бѣжала во всѣ лопатки въ полицію. Вернувшись домой, въ сопровожденіи двухъ полисменовъ, она сдавала имъ на руки свое сокровище и тѣ уводили Кондрата проспаться въ холодной.

Разъ, послѣ сильной бомбардировки, когда онъ проломалъ даже стѣну въ своей ветхой хатенкѣ, не зная куда дѣваться отъ стыда, Кондратъ нанялся за 100 рублей въ солдаты. Наемщикъ кормилъ и поилъ его цѣлыхъ четыре мѣсяца, откормилъ его, какъ борова, и повезъ въ Черниговъ „до пріему“ но, увы! тамъ нашли въ немъ какой то изъянъ и забрили затылокъ, къ великому огорченію семейства, а чѣмъ бы казалось не воинъ?

„Пьянъ, какъ сапожникъ!“ привыкли возглашать немыслящіе, хотя съ виду и образованные, люди, не задаваясь вопросомъ, отчего пьютъ преимущественно сапожники? И одни ли сапожники пьяницы? Отчего не сказать: пьянъ, какъ купецъ, пьянъ, какъ чиновникъ Терлецкій? Зачѣмъ пользуются такой привилегіей одни лишь сапожники? „Всѣ на Руси пьютъ и пьютъ страшно!“ замѣтилъ гдѣ то Писаревъ.

Вотъ для примѣра два молодыхъ лавочника, учившіеся, но не доучившіеся въ мѣстной гимназіи: они напивались до чортиковъ. Честный труженикъ Кондратъ имѣетъ передъ ними огромное преимущество: онъ пропивалъ свои собственныя трудовыя деньги, между тѣмъ какъ они пропивали готовое, отцовское достояніе и пили до безобразія. Скитаясь цѣлую недѣлю по городскимъ кабакамъ, они забирались потомъ на вольную—въ Домоткановъ или въ Солоное;

ночевали гдѣ нибудь во рву или на кладбищѣ въ запавшей могилѣ, какъ евангельскіе бѣсноватые, о коихъ повѣствуется: „не живяху въ домѣхъ, но во гробахъ“.

Чѣмъ лучше сапожника Красненькаго хоть вотъ тотъ молодой купецъ, бѣгавшій въ одной рубашкѣ по базару въ припадкѣ delirium tremens? На его памяти тяготѣетъ проклятіе отца, не добитаго на пожарѣ городничимъ и умершаго отъ побоевъ, нанесенныхъ ему собственнымъ дѣтищемъ—этимъ самимъ потеряннымъ юношей.

Иль хоть этотъ блудный сынъ пившаго безъ просыпу мѣстнаго богача, бывшаго головы Бѣлова, вольноотпущенника Демидова? Сапожникъ Кондратъ ему и въ подметки не годится...

„О препоганая мать-природа! Зачѣмъ ты создала мать-сивуху? Чтобъ тебѣ на сквозь прошло!“

Облаявъ такими некрасивыми словами природу и обвинивъ ее въ произведеніи на свѣтъ такого чудища, какъ сивуха, несчастная жертва того же чудища—Помяловскій, безъ сомнѣнія, разумѣлъ подъ этимъ словомъ не ту „природу-мать“, которая восхищала великаго Байрона и въ которой поэтъ находилъ бальзамъ утѣшенія для разтерзанной души своей. Люди сами создаютъ себѣ адъ и среди рая земнаго, а она, владычица, остается вѣчно неизмѣнною, дѣвственно прекрасною. Гнусные пороки и преступленія людей не въ силахъ омрачать свѣтлаго чела ея. Солнце одинаково свѣтитъ на праведныхъ и неправедныхъ, и блаженъ, кто, подобно великому пантеисту Гёте, умѣетъ дышать одною жизнію съ природой, чья душа откликается на ея дружескіе призывы, кто понимаетъ „говоръ древесныхъ листовъ и чувствуетъ травъ прозябанье“.

II. Дѣтскіе годы и мое домашнее воспитаніе.

Кто наблюдалъ, какъ пристально, широко раскрывъ глаза, смотритъ младенецъ на окружающіе предметы, тому хорошо извѣстно, что воспитаніе начинается уже съ того времени.

Спенсеръ.

Сознавая всю важность дѣтскихъ лѣтъ и первоначальнаго домашняго воспитанія относительно вліянія ихъ на образованіе въ человѣкѣ характера, я, однакожъ, мало коснусь этого темнаго періода

своей жизни. Что можно сказать о первоначальномъ дѣтскомъ воспитаніи подъ родительскимъ кровомъ, при этой безобразной обстановкѣ домашняго быта, какую въ большинствѣ предъявляла семейная жизнь мѣщанскаго сословія?

Школьному возрасту, говоритъ ученый педагогъ Кнаппе, предшествуетъ шестилѣтіе, которое гораздо важнѣе, чѣмъ два трехлѣтія, проведенныя въ академіи и путешествіяхъ".

Есть, конечно, счастливцы, у которыхъ было такое блаженное шестилѣтіе; но у меня его не было. Я и мои сверстники поведены были такъ, что не допускали въ старшихъ себя никакихъ недостатковъ: все, что ни дѣлали они, по нашему убѣжденію, такъ и слѣдовало быть. Привыкши слышать изъ устъ своихъ родителей вѣчные упреки въ нашей дѣтской глупости, забитые и придавленные самодурствомъ старшихъ членовъ семьи, мы никогда не относились критически къ тому, что говорилось намъ зачастую въ нетрезвомъ видѣ. Произволъ и деспотизмъ большаковъ не возбуждалъ въ насъ никакого протеста. Безобразное поведеніе взрослыхъ, тузившихъ насъ за всякіе пустяки, по теоріи того же, самаго скуднаго воспитанія въ мірѣ, не должно было служить примѣромъ для подражанія, по латинской пословицѣ: quod licet Jovi, non licet bovi. Но такое правило было для насъ обязательнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы оставались дѣтьми. Мы пришли къ убѣжденію, что бьютъ насъ не за то, что мы поступаемъ дурно, а за то, что мы не получили еще, такъ сказать, юридическаго права поступать такъ, оставаясь дѣтьми. Такая мораль наводила нашъ дѣтскій умъ на мысль, что абсолютнаго безобразія нѣтъ и быть не можетъ, что скверные поступки неприличны только дѣтямъ, большимъ же все вольно. Всякій изъ насъ, получивъ затрещину отъ властной руки старшаго, думалъ: погоди, дай-кась мнѣ вырости и я буду такимъ манеромъ расправляться съ меньшими себя. Руководясь такими нехитрыми соображеніями, дѣти усвоивали всѣ дурныя наклонности своихъ родителей и шли по ихъ слѣдамъ, какъ только переставали быть дѣтьми. Физическая сила, при совершенномъ отсутствіи вліянія нравственнаго, сдерживая въ мальчикѣ порочные инстинкты, переставала имѣть для него значеніе, коль скоро онъ становился большимъ болваномъ: тогда разнузданная природа его не знала удержу. Такимъ образомъ

сынъ копировалъ отца и, дождавшись собственныхъ дѣтей, поступалъ съ ними тѣмъ же манеромъ. Удивляясь богатырскимъ подвигамъ подобнаго сорванца, родители только ахали, приговаривая: „совершенный батечко!“ и на томъ мирились съ безобразіемъ его поступковъ.

Нечего послѣ этого удивляться, что нѣкоторые пороки во многихъ мѣщанскихъ семьяхъ дѣлаются наслѣдственными, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія къ поколѣнію. Еще Горацій гдѣ то сказалъ, что „примѣры, понятія и правила вкореняются въ дѣтствѣ такъ же сильно, какъ запахъ кушаньевъ впервые влитыхъ въ глиняный сосудъ“.

Часто случается, что родители еще при жизни пожинаютъ плоды такого безсмысленнаго воспитанія. Сынъ, выросшій изъ подъ палки, возмужавъ, беретъ за груди отца и ругается надъ матерью, которая, отбиваясь отъ милаго чадушки кочергой, нерѣдко проклинаетъ день его рожденія, причитая сквозь слезы: „а щобъ ты бувъ пропавъ маленькимъ!“

За примѣромъ ходитъ не далеко. Единственный сынъ и наслѣдникъ Красненькаго Өедоръ, мой закадычный пріятель, посвятившій меня во всѣ таинства игры въ пацы (бабки) и уженья рыбы, получивъ отъ природы богатые задатки врожденныхъ способностей и добрыхъ инстинктовъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго вліянія окружавшей его среды, не могъ не сдѣлаться вторымъ, значительно передѣланнымъ изданіемъ своего батюшки. Въ силу вышеизложенной морали, будучи мальчикомъ, онъ не смѣлъ и подумать о чемъ нибудь дурномъ. Вкусы его были самые невинные, проказы самыя дѣтскія; но это происходило оттого, что онъ считалъ для себя недозволеннымъ то, что составляло привилегію однихъ совершеннолѣтнихъ. За то, оперившись, да оженившись, этотъ птенецъ и батька за поясъ заткнулъ. Тотъ, по крайней мѣрѣ, хоть и пилъ, но былъ всегда честенъ и совѣстливъ. Врагъ самому себѣ и своей семьѣ, Красненькій старшій пропивалъ свою собственную, заработанную копѣйку и не зарился на чужое добро, между тѣмъ Красненькій—меньшій, кромѣ того, что былъ страшный буянъ и пьяница, былъ еще вдобавокъ отъявленнымъ негодяемъ и злодюгой; „обокравъ нѣсколько лавокъ и замордовавши двохъ жонокъ, и само пропало ледащо!“ сообщили мнѣ о немъ ближайшіе сосѣди.

Уединеніе, въ нѣкоторомъ отношеніи пагубное для здоровья дѣтей, никогда не остается безъ добрыхъ послѣдствій для ихъ внутренняго саморазвитія. Тепличное воспитаніе барскихъ дѣтей, удаленное отъ природы, совершенно исключаетъ уединеніе изъ своей программы: они вѣчно окружены няньками и гувернерами, а у семи нянекъ, какъ извѣстно, дитя часто лишается глаза: привыкши постоянно ходить на помочахъ, дѣти лишены самодѣятельности ума и нерѣдко во всю остальную жизнь чувствуютъ себя какими то безпомощными созданіями.

Pas trop gouverner—по мнѣнію педагога Рихтера,—считается лучшимъ правиломъ не только въ политикѣ, но и въ педагогіи.

Не то было съ нами—замарашками, брошенными на произволъ судьбы, безъ всякаго надзора. Не знали мы въ дѣтствѣ ни боннъ, ни гувернеровъ, а росли волею Божіей, какъ грибки послѣ дождика.

Никому до насъ не было дѣла, развѣ, набѣгавшись вдоволь, ѣсть попросишь—тогда только о тебѣ вспомнятъ, утрутъ съ любовью носъ, давши въ придачу подзатыльника. Для такихъ дѣтей, при безобразіи домашней обстановки, уединеніе не опасно, даже лучше, если они будутъ подальше отъ взрослыхъ, у которыхъ имъ нечего хорошаго заимствовать. Такъ было отчасти и со мной.

Былъ, правда, и у меня менторъ, но совсѣмъ другаго сорта. Въ темномъ царствѣ невѣжества, лѣни и дикихъ инстинктовъ, свѣтила мнѣ путеводная звѣзда, въ лицѣ моего добраго дидуся Алексія Ивановича: она то и вывела меня на хорошую дорогу.

Въ 1834 году дѣду моему въ день его кончины было 100 лѣтъ безъ мѣсяца. Стало быть, онъ родился въ царствованіе Анны Ивановны около 1735 года и умеръ въ восьмое царствованіе, при императорѣ Николаѣ I. На его глазахъ совершились всѣ перемѣны, всѣ важнѣйшія фазы какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни Малороссіи. Пришелъ онъ въ Новгородокъ около 1765 года, въ царствованіе Екатерины II, изъ правобережной Украины, гдѣ подвизался въ оное время извѣстный гайдамака Савва Чалый. Упорнымъ трудомъ достигъ онъ безбѣднаго состоянія и, передавши на старости лѣтъ нажитое добро единственному сыну Корнилію, успокоилъ свои кости на теплой лежанкѣ. Много видѣлъ онъ и испыталъ на своемъ вѣку. Чередовались поколѣнія, видоизмѣнялся бытъ родной земли,

а онъ оставался неизмѣннымъ, какъ столѣтній дубъ между молодыми деревьями. Среди своихъ согражданъ—мѣщанъ, утратившихъ навсегда память о своихъ предкахъ, дидусь мой Алексій Ивановичъ едва ли былъ не единственною живою связью съ отдаленнымъ прошлымъ...

Моя любовь къ Украинѣ, благодаря этому столѣтнему старцу, вкоренилась во мнѣ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Смутно помню я его поэтическіе разсказы о старинѣ, въ долгіе зимніе вечера при тускломъ мерцаніи каганца. Благодаря этимъ разсказамъ, я созналъ себя украинцемъ съ первымъ проблескомъ пониманія.

Приверженность мою къ малорусской старинѣ питали во мнѣ и заунывныя пѣсни Кондратовы, и фантастическія сказки сына его Өедора, и юмористическія прибаутки нашего сосѣда Игната Попка, тоже сапожника зимой и садовника лѣтомъ, и иныхъ бѣдняковъ—ремесленниковъ, къ которымъ уходилъ я тайкомъ въ долгіе осенніе вечера, когда они въ кругу своихъ домочадцевъ обоего пола, скорчившись, сидѣли за работой при яркомъ освѣщеніи „лушника" [1]).

Немало занимали меня и юродивыя выходки мѣстнаго полишинеля Ивана Скакуна, говорившаго всегда стихами и пѣвшаго дребезжащимъ голосомъ комическія пѣсни, съ подмигиваніемъ и притопываніемъ, что такъ не шло къ сѣдой головѣ его. Печально, говоритъ Гейне, если старику приходится продавать отъ нужды уваженіе, должное его лѣтамъ, и приниматься за шутовство.

Чувство привязанности къ Украинѣ нерѣдко также будилъ въ дѣтской душѣ моей своими заунывными думами забревшій изъ за Десны бандуристъ, пробиравшійся всегда съ своимъ поводыремъ въ городъ на петровскую ярмарку „манывцямы", во избѣжаніе встрѣчи съ становымъ, какъ видно, сильно не долюбливавшимъ народной музыки...

Хотя дѣдовскій нашъ домъ, по своей старосвѣтской обстановкѣ, не принадлежалъ къ числу богатыхъ хоромъ купеческихъ, но изъ уваженія къ почтенной личности высокочтимаго старца Алексія Ивановича, нашимъ убогимъ жилищемъ не пренебрегали не только именитые купцы и мелкотравчатые чиновники, насъ посѣщали нерѣдко

[1]) Такъ назывался натянутый на обручи и выбѣленный мѣломъ конической формы мѣшокъ, котораго вершина вдѣлывалась въ потолокъ и сообщалась съ дымовой трубой на чердакѣ, въ основаніи же этого конуса привѣшивалась желѣзная рѣшотка, на которой ярко пылали сосновые коренья, не уступая газовому освѣщенію.

и настоящіе породистые паны, какъ напр. Судіенко, Богунъ и Халанскій. Несмотря, однакожъ, на сіе, меня, сколько я помню, никогда не тянуло вверхъ. Въ дѣтствѣ у меня не было ни одного пріятеля между дворянскими и купеческими дѣтьми. Всѣ мои симпатіи принадлежали низшему слою населенія. Меня всегда тянуло неудержимой силой къ нашему бѣдному, голодному, оборванному крѣпостному люду и къ трудовому сословію ремесленниковъ. Кажется, любовь и симпатіи мои къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ я унаслѣдовалъ отъ своей матери, родившейся не въ городѣ, а въ селѣ Семіоновкѣ [1]).

И если участьемъ былъ связанъ
Съ больнымъ человѣчествомъ я—
Я знаю, кому я обязанъ
Тѣмъ чувствомъ, согрѣвшимъ меня.

(Изъ Мориса Гартмана).

Мать моя никогда бывало не отпуститъ ни одного нищаго безъ того, чтобы не накормить его горячимъ борщемъ или молокомъ съ хлѣбомъ.

Живымъ примѣромъ этой кроткой страдалицы я только и могу объяснить мои дѣтскія привязанности къ разнымъ горемыкамъ: Каблукамъ и Каблучкамъ, рыжему Сенькѣ, кучерскому сыну, Васѣ слѣпой нищенкѣ и прочей голи, пріютившейся подъ Замкомъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ домомъ. Часто, послѣ долгихъ поисковъ, матушка находила меня то у сапожника Кондрата, то у Лукьяна портнаго, то на Замкѣ въ сообществѣ дѣтей разныхъ возрастовъ и половъ, въ замаранныхъ и заплатанныхъ рубашонкахъ. Эту голодную ватагу пріятелей водилъ я иногда, воровскимъ обычаемъ, въ собственный садъ красть яблоки, за что неоднократно гости мои, вмѣстѣ со мною, отвѣдывали джигучки-крапивы и, поднявъ рубашонки, разбѣгались по домамъ, оглашая улицу жалобными воплями,

— Яке ты ледащо, Михайло, не буде зъ тебе ничого доброго!

Журилъ меня дидусь послѣ каждой подобной проказы. Тонъ его рѣчи былъ всегда спокойный и строго внушительный. Я не

---

[1]) Село Семіоновка, новозыбковскаго уѣзда, населено гетманомъ Самойловичемъ выходцами съ правой стороны Днѣпра послѣ руины и названо имъ по имени сына его Семіона; жители этого села во многомъ сохранили еще до сихъ поръ свои особенности, отличающія ихъ отъ мѣстнаго населенія.

помню, чтобы онъ когда нибудь бранился или раздражался. Живо представляется мнѣ его величавая фигура: это былъ высокаго роста старикъ, атлетическаго сложенія, съ большой широкой бородой, съ высокимъ лоснящимся челомъ, изрѣзаннымъ глубокими морщинами, съ нависшими густыми бровями, изъ подъ которыхъ глядѣли кроткіе любящіе глаза. До 90 лѣтъ своей жизни онъ былъ еще такъ бодръ, что здоровью его могли бы позавидовать тщедушные юноши новѣйшей формаціи. Чаще всего журилъ меня дѣдушка лѣтомъ, не видя меня по цѣлымъ днямъ. Да и какъ его усидѣть въ комнатѣ? По утру, едва продерешь глаза, какъ и былъ таковъ. На улицѣ подъ заборомъ ожидали меня пріятели, съ которыми я нерѣдко дѣлился и своимъ завтракомъ. Любимыя мѣста нашихъ дѣтскихъ игръ: садъ, замокъ и оболонье—тамъ меня обыкновенно и находила мать, вернувшись домой изъ лавки.

— Ледащо нашъ Михайло! твердилъ вѣчную свою пѣсню старый ворчунъ, а я слушалъ, какъ Васька-котъ у Крылова, понуривъ голову, и наровилъ только, какъ бы, подкрѣпивши силы, снова улизнуть на улицу, захвативъ съ собой какой нибудь блинъ, намазанный саломъ, или краюху хлѣба для своихъ голодныхъ друзей, ожидавшихъ меня подъ воротами.

Но быстро проходитъ веселое лѣтечко; наступаетъ скучная осень и еще скучнѣйшая Филипповка, когда, по словамъ моей слѣпенькой бабушки, „молоко и сметана полизли на дуба“. За осенью, обычной своей колеей, слѣдовала сѣдая чародѣйка зима, съ своими вьюгами и мятелями. Вылазки мои прекращались надолго. Выскочишь на дворъ, повозишься съ полчаса съ крынджолами (салазки) да „трушкомъ у хату“, къ дидусю на теплую лежанку. Въ эти длинные зимніе вечера (въ счастливѣйшіе годы моего дѣтства, пока не постигло насъ великое семейное горе, повлекшее за собой совершенное разореніе), къ намъ частенько приходилъ кто нибудь изъ родственниковъ—провесть вечеръ въ душеспасительныхъ бесѣдахъ съ дѣдушкой, а я все слушалъ и наблюдалъ своимъ дѣтскимъ умомъ, сидя подлѣ дѣда на теплой лежанкѣ. Тутъ нерѣдко читались Четьи-Минеи или Печерскій патерикъ. Чтеніе прерывалось обильными комментаріями дядюшки Никиты Гавриловича Згутницкаго, великаго книжника, вступавшаго иногда въ жаркіе богословскія пренія съ

раскольниками изъ Стародубья—Григоріемъ Москалемъ и Нестеромъ Меркуловымъ. Подъ вліяніемъ благочестивыхъ бесѣдъ, воображеніе мое настраивалось на тонъ чудеснаго и сверхъестественнаго, такъ что на нѣкоторое время я чуть не сдѣлался маленькимъ мистикомъ; а страшныя сказки слѣпой Васи про вѣдьмъ, домовыхъ, вовкулакъ и другую погань—довершили мое эстетическое образованіе, разстроивъ нервы и поселивъ въ душѣ такой суевѣрный страхъ, что я ни на одну минуту не могъ остаться одинъ въ темной комнатѣ. Иногда, пробужденный страшнымъ сновидѣніемъ, я ощупывалъ руками дѣда и своимъ плачемъ прерывалъ старческій сонъ его. И все таки, несмотря на такой страхъ, слушать волшебныя сказки было для меня неизъяснимымъ наслажденіемъ: изъ за нихъ я забывалъ и сонъ, и пищу.

Отрѣшаясь такимъ образомъ отъ окружавшей меня дѣйствительности, я съ раннихъ лѣтъ привыкалъ жить поэзіей вымысловъ, принимая мечту, порожденіе собственной фантазіи, за существенность. Справедливо кто то замѣтилъ, что тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ убаюканъ волшебными сказками, во всю жизнь не отрезвится.

По замѣчанію эстетиковъ, чувство прекраснаго врождено каждому человѣку, но у одного оно проявляется сильнѣе, у другаго слабѣе, смотря по тому, какіе предметы окружаютъ наше младенчество, какими стремленіями волнуется наше воображеніе въ юности, какими, наконецъ, склонностями зрѣлый возрастъ завершилъ образованіе нашей духовной природы. Мое дѣтство вращалось въ очарованномъ кругу вымысловъ,—я жилъ въ мірѣ призраковъ. Чѣмъ сильнѣе тѣснила меня грубая среда, тѣмъ чаще уходилъ я мыслію въ область фантастическаго міра: я бредилъ одними чудесами.

Уродливость такого воспитанія не преминула обнаружиться во всей своей силѣ. Воображеніе и чувство, питаясь и развиваясь на счетъ разсудка, породили во мнѣ неисправимую мечтательность и ту нервную впечатлительность, которыя легли въ основу моего характера, сдѣлавшись причиной многихъ увлеченій и необдуманныхъ поступковъ, что немало вредило моей практической дѣятельности. О, какъ много дѣлаетъ дѣтямъ зла этотъ сказочный міръ съ его прекрасными спящими царевнами!...

Съ другой стороны, въ первоначальномъ моемъ воспитаніи весьма важную роль играло непрерывное сближеніе съ природой, чему

такъ много содѣйствовало привлекательное мѣстоположеніе моей родины. Оно то, это сближеніе, и послужило противувѣсомъ тому одностороннему мистическому направленію способностей, которое, подъ вліяніемъ Четь-Миней и волшебныхъ сказокъ слѣпой Васи, несомнѣнно привело бы меня къ монастырю или къ желтому дому, что и случилось съ нѣкоторыми изъ моихъ сверстниковъ впослѣдствіи... То, что слышишь и видишь въ дѣтскомъ возрастѣ, врѣзывается въ умъ и служитъ основой нашихъ мыслей до конца жизни.

Съ самаго ранняго дѣтства я полюбилъ природу беззавѣтною, безотчетною любовью; въ ней одной находилъ я отраду, забывая тяготы своего существованія. Она — кормилица пріютила меня на своемъ матернемъ лонѣ, сохранивъ въ душѣ невинность, простоту и воспріимчивость, на зло окружавшей меня пошлости и грубости.

„Безсознательно для человѣка, говоритъ Гумбольдтъ, рано сливается въ немъ то, что отражала въ душѣ его окружающая его природа, съ тѣмъ, что глубоко и свободно вкоренилось въ его первоначальныхъ наклонностяхъ, въ его внутреннихъ духовныхъ силахъ".

Живописная мѣстность моего роднаго города весьма благопріятствовало зарожденію въ душѣ неизмѣнной любви моей къ природѣ [1]), Городъ лежитъ на Деснѣ, а домъ нашъ находился почти на берегу ея, подъ Замкомъ. За рѣкой разстилаются зеленые луга, изрѣзанные въ разныхъ направленіяхъ проточными рѣчками: Липовкой, Вытью, Прыжкомъ, съ безчисленными озерками, поросшими ситнякомъ и осокой—приволье дикихъ утокъ. Лѣтъ 50 тому назадъ эти луга, почти на половину заросшіе лозой, представляли картину первобытной природы: воды кишѣли рыбами и раками, заросли—птицей, въ непроходимыхъ дебряхъ водились волки, лисицы и зайцы. Въ нынѣшнихъ голыхъ сѣнокосныхъ пространствахъ не осталось ни образа, ни подобія прежняго приволья. Съ сѣверовостока луга окаймлялись чернѣющей полосой сосноваго лѣса, теперь уже совершенно истребленнаго, а въ половодье заливались водой, образуя огромный бассейнъ верстъ на десять въ ширину, безъ конца въ длину. Туда то меня всегда влекло неудержимо. Вода всегда производила на

---

[1]) Проѣздомъ черезъ Новгородокъ въ Таганрогъ, въ 1825 году, Александръ I, любуясь изъ за Десны на городъ, сказалъ: „да это въ миніатюрѣ Кіевъ!"

меня чарующее впечатлѣніе. Люблю я, за одно съ Аксаковымъ, мысленно переноситься

На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ
И въ свои былые годы...

То, что Гарибальди сказалъ о морѣ, можно отнести къ моей любимицѣ Деснѣ: „если человѣкъ растетъ на берегу моря—онъ въ него влюбляется. Послѣ разлуки съ нимъ, онъ встрѣчаетъ его какъ любимаго человѣка".

Но мнѣ не нравится море съ его безбрежною далью. Не люблю я и широкихъ быстрыхъ рѣкъ: меня пугаетъ ихъ негостепріимная пучина. Но я не могу оторваться отъ маленькихъ рѣчекъ, поросшихъ очеретомъ и лопухомъ, съ ихъ тихими заводями и омуточками, съ наклонившимися къ водѣ кустами.

О, знакомая картина моего дѣтства! Высоко въ небѣ стоитъ солнце. Жаркій іюльскій воздухъ напоенъ ароматомъ луговыхъ травъ и цвѣтовъ. Въ заросляхъ подъ лозой копошится рыбалка съ своимъ длиннымъ сакомъ. Вверху, надъ водою, мелькая ослѣпительной бѣлизной своихъ крыльевъ, летаетъ голодная крячка и зорко слѣдитъ за играющей на поверхности рыбешкой, и вдругъ, съ быстротой пули, падаетъ внизъ—хватаетъ верховодку и опускается съ своей добычей въ ситнякъ... Вонъ и охотникъ, въ потѣ лица ползущій въ густой травѣ подъ утокъ, и летающая надъ нимъ съ жалобнымъ воплемъ чайка, и дерущій, что есть мочи, горло, скрытый въ камышахъ деркачъ...

И тутъ, пріютившись гдѣ нибудь подъ кустомъ, сидишь бывало съ удочкой, не сводя глазъ съ поплавка, а пестрые горбачи—окуни такъ и снуютъ стаями, ища убѣжища отъ палящихъ лучей солнца подъ широкими листьями лопуха.

Степное мѣсто безъ воды—для меня пустыня, охватывающая душу ужасающей тоской. Мнѣ всегда становится не по себѣ среди безводныхъ жаркихъ равнинъ. Любимый мною видъ: небольшіе пригорки, окаймленные лѣсомъ: внизу—зеркало пруда или рѣчки съ мельницей...

Ни въ одну весну, когда вскрывалась рѣка и спирался у пристани ледъ, я не пропускалъ случая полюбоваться съ Замка на плы-

вущія съ шумомъ и трескомъ льдины. „Въ шумѣ родной рѣки, сказалъ гдѣ то Лермонтовъ, есть что то схожее съ колыбельною пѣснію“. Никто не нарушалъ безмолвнаго созерцанія этой величественной картины пробудившейся отъ долгаго сна природы.

А въ дождливую и бурную осень забьешься бывало куда нибудь на чердакъ, на сѣновалъ или въ расщелину обрыва, закутаешься въ свой заячій тулупчикъ и просидишь такъ цѣлые часы, прислушиваясь къ сердитому свисту вѣтра и къ шуму крутящихся листьевъ.

Любовь къ природѣ, со всѣмъ ея безчисленнымъ населеніемъ— летающимъ, ползающимъ, прыгающимъ, жужжащимъ и поющимъ— сказалась во мнѣ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ ребяческихъ экскурсій былъ Замокъ, съ его буграми и провальями. Преданье гласитъ, что подъ этой горой есть подземные ходы, гдѣ зарыто множество кладовъ. Находились и искатели оныхъ; но послѣ того, какъ одного изъ нихъ засыпало землей, никто болѣе не отваживался лѣзть въ подземелье. Мы часто бросали камни въ это страшное провалье, гдѣ, по общему убѣжденію моихъ сверстниковъ, жилъ змѣй о 20 головахъ. На Замкѣ я проводилъ большую часть лѣта, гоняясь за разноцвѣтными мотыльками, жучками, саранчой и другими проворными насѣкомыми. Изловивши ихъ порядочное количество, я обыкновенно выкапывалъ въ саду квадратный погребокъ, накрывалъ его сверху стекломъ и, заключивъ туда своихъ плѣнниковъ, по цѣлымъ часамъ наблюдалъ за ихъ движеніями, стараясь угадать, что они думаютъ и о чемъ между собой перешептываются, шурша своими крылышками. Меня сильно занимало такое насильственное смѣшеніе живыхъ созданій, у которыхъ отнята ихъ родная сфера и которыя всѣ, по моей прихоти, должны были дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Долго оставались мои узники въ этой темницѣ; я все ждалъ, что за недостаткомъ пищи, они начнутъ пожирать другъ друга, но, не дождавшись этого, давалъ имъ свободу.

То же самое зимой продѣлывалось съ птичками. Окнами наша комната выходила въ садъ. Устроивъ, съ помощію Ѳедора Красненькаго, ловушку изъ обруча, обтянутаго сѣткой, и привадивши снигирей, чечотокъ, овсянокъ и другихъ пернатыхъ, я ставилъ свой не-

хитрый аппаратъ, подпиралъ его палочкой, къ которой привязывался длинный снурокъ, проведенный въ комнату, и потомъ, сидя въ теплѣ, наблюдалъ черезъ окно за движеніями птичекъ, пока они не подойдутъ подъ сѣтку. Изловивъ ихъ такимъ образомъ порядочное количество, налюбовавшись ими досыта, при первой случившейся оттепели, я выпускалъ ихъ на волю. Мысль о лишеніи этихъ воздушныхъ странниковъ ничѣмъ незамѣнимой для нихъ свободы, какъ видно, не входила въ мою дѣтскую башку и превышала мои понятія.

Подъ конецъ Филиппова поста, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидались нами рождественскіе праздники, обильные разными развлеченіями и лакомыми яствами. По вечерамъ обыкновенно собирались ближайшіе родственники то въ одномъ, то въ другомъ домѣ. Шли они въ гости цѣлыми семействами, со всѣми чадами и домочадцами. По старосвѣтскому обычаю всѣмъ гостямъ дѣти хозяина должны были „давать чоломъ“, т. е. цаловать руку, а иногда и говорить вирши. Довольные „звичайненькимъ хлопчикомъ“, гости гладили его по головкѣ и дарили ему на орѣхи,—кто грош , а кто и цѣлаго пятака. Затѣмъ, когда начиналось потчиваніе гостей, дѣти удаляемы были въ особое помѣщеніе, большею частію на кухню. Любимѣйшимъ препровожденіемъ времени у насъ были очередные разсказы про разные необычайныя событія изъ области суевѣрій народныхъ, которыми, какъ я имѣлъ случай замѣтить выше, заражены были не одни дѣти, но и взрослые. Каждый изъ насъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ, спѣшилъ разсказать свое, и Боже мой, о чемъ тутъ не говорилось!

И ка́къ дядюшка Хома Темный, идучи пьяненькій по Нечаевой улицѣ, наступилъ на клубокъ, ка́къ этотъ клубокъ началъ самъ собою кататься и подпрыгивать, подбиваясь подъ ноги дядюшки, который отъ того нѣсколько разъ падалъ и разбилъ себѣ до крови лобъ, какъ этотъ клубокъ превратился наконецъ въ женщину-вѣдьму, при чемъ завязались жаркіе споры: была ли то Жучиха или Трясобородка — первѣйшія знаменитости города по части ночныхъ похожденій.

Ка́къ кожемяка Тарелка поймалъ вѣдьму, доившую у него на дворѣ корову. И какъ старый Правосудъ (который и самъ имѣлъ въ носу муху) схватилъ за переднія лапы бѣлую сучку, облапившую его сзади за шею съ цѣлію задушить его,—да принесши ее въ домъ,

отрубилъ ей переднія лапы, а на другой день весь городъ узналъ, что на Заручьѣ одна женщина оказалась безъ рукъ.

Какъ рыбалка Ховрычъ, отправившись на всю ночь съ сѣтью за Десну, познакомился съ водяными; одного изъ нихъ поподчивалъ табачкой, а вѣжливый чортяка поднесъ ему чарку горѣлки, отъ которой Ховрычъ проспалъ цѣлые сутки.

Ка́къ до купчихи Сорочихи летаетъ въ трубу огненный змѣй и носитъ ей червонцы... Ка́къ другой дядюшка Микита Гавриловичъ встрѣтилъ въ лѣсу пасѣчника-колдуна, который, пошептавши надъ яблокомъ, изъ краснаго превратилъ его въ черное, какъ уголь, а пошептавши вторично, изъ чернаго сдѣлалъ опять краснымъ. Какъ этотъ страшный человѣкъ, обиженный острымъ словцомъ, которое позволилъ себѣ сказать при этомъ старшій сынъ Никиты Гавриловича Максимъ, подарилъ сему юношѣ складной ножикъ, которымъ онъ, спустя два года, закололся въ припадкѣ меланхоліи.

Ка́къ и отчего разбогатѣлъ булочникъ Нечипоръ, ка́къ онъ ѣздилъ на мельницу для свиданія съ нечистыми, не ходилъ никогда въ церковь, не исповѣдывался и не причащался... и для чего онъ бросалъ подъ мельничное колесо надѣванную имъ на Пасху сорочку.

Ка́къ разбойникъ Гаркуша подъѣхалъ ночью къ богатому Зимаку, жившему на Кручѣ, и, сжаривъ его, какъ карася, на большой сковородѣ, въ ту же ночь повѣнчался съ его красавицей дочкой въ Покровской церкви, а потомъ, забравши въ приданое все имущество изжареннаго тестя, на разсвѣтѣ ускакалъ въ свой недоступный притонъ—въ лѣсъ, за Десну (лѣса же эти въ старину тянулись до самаго Брянска).

Изъ многаго множества выслушанныхъ мною въ дѣтствѣ сказокъ особенно врѣзалась мнѣ въ память одна: про вѣдьму, которая позавидовавъ на дорогіе перстни богатой покойницы, въ глухую полночь отправилась на кладбище, и принесши домой отрѣзанныя руки, принялась ихъ варить въ горшкѣ для того, чтобы снять съ пальцевъ золотыя кольца. Сказку эту съ особеннымъ искусствомъ умѣла разсказывать слѣпая Вася, весьма эффектно поя басомъ пѣсню, которую въ сказкѣ поетъ вставшая изъ могилы покойница, стоя подъ окномъ вѣдьминой хаты и смотря на ея каннибальскую работу:

И куры сплять, и гуси сплять,
Одна моя кума не спить:
Бѣлы руки въ горшкѣ варить
Золоты перстни изнимаеть.

Какъ страшенъ и какъ поэтиченъ былъ разсказъ про вѣдьму Жучиху, когда она въ ясную лунную ночь разгуливала по улицамъ спящаго города, распустивъ по плечамъ свои черныя патлы, въ бѣлой сорочкѣ, расхристанная, съ блѣднымъ лицомъ и сверкающими фосфорическимъ блескомъ глазами! Горе тому, съ кѣмъ она встрѣтится! Собаки, завидя ее, не лаютъ, а дрожа отъ страху, съ жалобнымъ воемъ спѣшатъ укрыться въ свои конуры. (За исключеніемъ, впрочемъ, „ярчуковъ“, щенковъ первенцевъ, не боявшихся вѣдьмъ). Рѣдкій смѣльчакъ отваживался пройти по городу ночью, кромѣ развѣ пьяныхъ, которымъ, по пословицѣ, и море по колѣна; за то имъ никогда не проходила даромъ такая безшабашная удаль; да одни они и разсказывали, въ назиданіе дѣтямъ, о случившемся съ ними. Самые обыкновенные предметы, на которые днемъ никто не обращаетъ вниманія, ночью, подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха, принимаютъ особенный видъ: съ ними происходятъ такія метаморфозы, какихъ и Овидій не могъ придумать: встрѣтится ли бѣлая собака, кошка, свинья, лошадь—все это одна и та же вѣдьма, принимающая различные образы, чтобы сильнѣе отуманить и безъ того темный умъ невѣжды и сдѣлать ему какую нибудь пакость.

И до сихъ поръ (хотя не въ такой степени) подобная чертовщина господствуетъ надъ умами моихъ земляковъ. Иной молодецъ не вѣруетъ въ Бога, а слѣпо вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ и колдуновъ. Днемъ ни Бога не боится, ни людей не стыдится, а ночью осмѣливается пройти улицу не иначе, какъ набравшись храбрости изъ зеленой скляницы.

Если вліяніе окружающей насъ среды бываетъ неизбѣжно въ возрастѣ зрѣломъ, когда въ человѣкѣ окончательно установятся и окрѣпнутъ твердые принципы, регулирующіе различныя функціи его дѣятельности, то въ дѣтскіе годы, когда воспріимчивость бываетъ сильнѣе, вліяніе это еще неизбѣжнѣе; тѣмъ не менѣе въ природѣ каждаго индивидуума есть что то такое, что не поддается вліянію среды даже въ этомъ возрастѣ.

„Каждый характеръ ассимилируетъ себѣ изъ окружающаго міра то, что ему сродно, и отбрасываетъ все... ему несродное: подобно растенію, вбирающему въ себя изъ земли и воздуха только тѣ элементы, которые питаютъ его, и не трогаетъ тѣхъ, которые ему негодны въ пищу". Льюисъ.

Но обратимся снова къ рождественскимъ праздникамъ.

Пріемъ гостей не ограничивался обильными яствами и возліяніями въ честь Бахуса. Когда гости находились уже въ нѣкоторомъ подпитіи, въ собраніе врывалась толпа ряженыхъ со звѣздою или козою и гости терпѣливо выслушивали обычную пѣснь о томъ, какъ „волсви со звѣздою путешествують"; смотрѣли осовѣлыми глазами и на самую звѣзду, быстро вертящуюся и освѣщенную сзади сальными огарками, подъ громогласное завываніе шевцовъ, кравцовъ и шаповаловъ. Хохотали до упаду не только малые. но и старые надъ козою, топавшею по полу огромными сапожищами, при чемъ пѣлась всегда одна и та же пѣсня: „Ой ты, коза, ой ты госпожа!"

Для вящей потѣхи гостей. однажды случилась презабавная исторія. Постучался кто то въ ставню.

— Кто тамъ?—Я.—Кто ты?—Климъ!—Чего тебѣ?

— Позвольте козу пустить!

Позволеніе дано. Въ комнату вошли всего двое; Климъ—нашъ сосѣдъ портной, да коза. По окончаніи „приставленія" Климу поднесли водки и спросили шутливо: „може й коза твоя выпье чарку? Кто у тебя за козу?"

— А жонка, отвѣчаетъ невозмутимо Климъ.

И гости, подобно олимпійцамъ, смѣхъ несказанный воздвигли. А забавникъ на своемъ жаргонѣ продолжаетъ:

„Сядимъ сабѣ зъ жонкою удвохъ у хати. Добрые люди гарѣлку пьють, по улицамъ расхажують, а мы, ради праздничка святого, сядимъ якъ у вострози. Отъ я й кажу: А ну, Кулыно, выворачуй кожухъ да ходѣмъ казу пускать! Взяли тай пашли. Вовка, якъ тамъ кажуть, ноги кормять. Ажъ ось, поздоровъ Боже хозяиновъ, и мы празничекъ вспомянемъ".

Хотя въ подобныхъ зрѣлищахъ нѣтъ ничего эстетическаго, что бы могло сколько нибудь удовлетворить врожденному всѣмъ людямъ чувству изящнаго, но зрѣлища эти доставляли гостямъ

отмѣнное удовольствіе, значитъ, приходились имъ по вкусу, а римляне, у которыхъ, какъ извѣстно, въ театральныхъ зрѣлищахъ тоже было немного вкуса, какъ бы въ оправданіе своего безвкусія, твердили: de gustibus non est disputandum.

Но изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ дѣтствѣ представленій самое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня вертепъ.

По свидѣтельству моего товарища по уѣздному училищу Аѳанасія Слищенка, вертепъ появился въ Новгородкѣ въ первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія подъ дирекціей воскресенскаго діакона Фотіева, который, купно съ братомъ своимъ пономаремъ и дворяниномъ Богуславскимъ, впервые ознакомили своихъ согражданъ съ этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ.

Въ описываемое мною время вертепъ „пускалъ“ Аѳанасій Слищенко, совмѣстно съ Максимомъ Постарнакомъ. Это былъ шкапъ, вышиною аршина въ три, шириной—въ полтора и глубиной не болѣе полуаршина. Во внутренности его устраивалась сцена, составленная изъ двухъ ярусовъ, съ двумя балкончиками вверху. Сцена отдѣлялась отъ зрителей балясникомъ.

Съ наружной стороны шкапъ былъ выкрашенъ зеленою краской, а снутри оклеенъ обоями. Колонки и карнизъ были вызолочены сусальнымъ золотомъ.

Въ каждомъ ярусѣ сцены было по двое дверей, по одной съ каждой стороны, куда входили и откуда выходили дѣйствующія лица. Полъ сцены выложенъ былъ заячьимъ мѣхомъ, скрывавшимъ отъ зрителей продѣланные въ полу ходы для куколъ, приводимыхъ въ движеніе ловкою рукой фокусника Аѳанасія, сидѣвшаго за шкапомъ и наблюдавшаго за своей работой чрезъ маленькую дырочку, просверленную въ задней стѣнѣ вертепа.

Соорудилъ это диво столяръ Потапчукъ; онъ же дѣлалъ и деревянные чурбанчики, которые обшивалъ, по указанію антрепренеровъ, нашъ сосѣдъ Лукьянъ Ерченко.

Во время представленія гремѣла „троиста музыка:“ Бузука-отецъ на контрабасѣ; Бузука-сынъ—первая скрипка, а Трясобородъ—вторая. Вертепъ возили по городу на санчатахъ. Выбравъ домъ побогаче, актеры останавливались у воротъ, посылали къ домохозяину

герольда, который, войдя въ комнату, полную гостей, провозглашалъ во всеуслышаніе:

— Позвольте вертепъ пустить! И, получивъ соизволеніе хозяина, въ припрыжку возвращался съ радостною вѣстью о предстоящей поживѣ.

Вертепъ торжественно вносили въ свѣтлицу и ставили или въ проходныхъ дверяхъ между двумя комнатами, или въ углу свѣтлицы на двухъ стульяхъ, а пустое пространство за вертепомъ, гдѣ помѣщались пѣвцы и музыканты, завѣшивали ташей, такъ что зрители видѣли лишь то, что происходило на сценѣ.

Куклы хранились въ особомъ сундукѣ. За представленіе брали обыкновенно два рубля ассигнаціями, а съ богатыхъ хозяевъ и по карбованцу, что въ тѣ блаженныя времена составляло значительныя деньги.

Самое представленіе состояло изъ двухъ дѣйствій: первое было божественное и происходило въ нижнемъ ярусѣ, а второе, житейское въ верхнемъ. Въ антрактѣ между дѣйствіями, на балконѣ появлялись съ мечами и копьями свирѣпаго вида воины царя Ирода, избившіе виѳлеемскихъ младенцевъ.

Все, что слѣдовало за этими, по моему мнѣнію, необходимыми объясненіями касательно устройства вертепа, изложено въ приложеніи къ этой главѣ и записано со словъ главнаго воротилы театральныхъ зрѣлищъ Аѳанасія Филоновича Слищенка сыномъ его Александромъ въ 1874 году.

Приложеніе къ главѣ II.

ВЕРТЕПЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Іосифъ ведетъ осла, на которомъ возсѣдаетъ Богоматерь, съ младенцемъ на колѣнахъ.

Хоръ.

Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ и земля вертепъ неприступному приноситъ и пр.

Марія сходитъ съ осла и садится въ небольшую нишу, знаменующую пещеру, а Іосифъ остается посреди сцены, держа за поводъ осла.

Входятъ два ангела съ ярко пылающими свѣчами.

Хоръ.

Слава во вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе и проч. затѣмъ:

Днесь Виѳлеемъ воспріемлетъ и проч.

(ангелы уходятъ).

Входятъ два пастуха; у одного въ рукахъ ягненокъ; благоговѣйно склонившись предъ святою Дѣвой, поютъ:

Хоръ.

Нова рада (радость) стала,
Яко въ небѣ хвала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣту возсіяла.
    Гдѣ Христосъ родился,
    Отъ Дѣвы-Маріи воплотился,
    Какъ человѣкъ передъ Богомъ,
    Передъ нами явился.
Пастухи съ ягняткомъ
Передъ симъ дитяткомъ
На колѣняхъ упадають,
Бога выхваляють.
    Просимъ тебе, Царю,
    Найвышнѣйшему хвалу,
    Пошли лѣта всего свѣта
    Сему господарю!

(пастухи уходятъ).

Входятъ съ дарами волхвы и покланяются до земли Новорожденному.

Хоръ.

Шедше тріе цари
Ко Христу со дары,
Иродъ ихъ пригласилъ,

Куда идутъ? испросилъ.
Отвѣщаша ему:
„Идемъ къ рожденному“.
—Идите, идите,
И мнѣ возвѣстите,
Да шедъ поклонюся,
Предъ царемъ явлюся,
Отдамъ честь обычну,
Цареви приличну—
Звѣзда идетъ чудно
Съ востокъ на полудне,
Надъ вертепомъ сіяетъ,
Царя-Христа являетъ.

Входитъ ангелъ и, обращаясь къ волхвамъ, говоритъ:

Ангелъ.

Куда идти мыслите? Не къ Ироду ли? Вы его не слушайте, онъ вамъ сказа лукаво, а вы идите направо! Мы ангелы небесные, посланные отъ Бога, вести ваше житейство до небеснаго чертога.

(ангелъ уходитъ).

Хоръ (речитативомъ).

Волсви возвратиша, у Ирода не быша;
Вспять возвратишася, не вотще трудишася.
Пришли въ свои страны, Христа славословятъ:
Спасаяй человѣки на вѣчные вѣки. (волхвы уходятъ).

Іосифу спящу, является ангелъ.

Ангелъ.

Іосифе! возстань отъ сна и бѣжи во Египетъ, ибо царь іудейскій ищетъ убить младенца (уходитъ).

Іосифъ пробуждается и, обращаясь къ св. Дѣвѣ, взываетъ: Маріе! возстань, бери отроча и поѣдемъ во Египетъ! (уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Иродъ царь, сопровождаемый воинами.

Хоръ.

Се царь Иродъ идетъ,
За нимъ воинство грядетъ.

Возсѣвъ на тронъ, царь отдаетъ такое приказаніе:

Иродъ.

Вои мои, вои! Садитесь на кони и поѣзжайте во Египетъ, избивайте тамъ младенцевъ всѣхъ мужеска пола отъ двухъ до трехъ лѣтъ!

Воины (свирѣпыми голосами).

Мечемъ терзаемъ, тѣло вбиваемъ (трижды) (уходятъ).

Спустя не долгое время, одинъ изъ нихъ возвращается.

Воинъ.

О царю нашъ! Исполненъ приказъ вашъ: всѣхъ младенцевъ мужеска пола избили. Одна Рахиль не даетъ дитя свое убити.

Царь Иродъ.

Поди, приведи ее сюда!

Воины (вводя рахиль).

Поди бабушка, къ царю, а не то списомъ сколю!

Рахиль (падая къ ногамъ ирода).

О царю, помилуй! Одного младенца имѣю и того убиваешь, кровь неповинную проливаешь!

Иродъ.

Воинъ, поведи ее казнить,
Чтобъ не смѣла царя дразнить!

Воинъ подымаетъ младенца на списъ, Рахиль съ визгомъ падаетъ безъ чувствъ.

Хоръ.

За что, за что пролилъ кровь неповинную?

Входитъ ангелъ и говоритъ, обращаясь къ Рахили:

Ангелъ.

Рахиль, Рахиль! возстань: отроча твое будетъ въ царствіи небесномъ, а Иродъ пропадетъ (уходитъ).

На сцену вбѣгаетъ, вприпрыжку, вертлявый и шустрый бѣсенокъ и кричитъ пискливымъ голосомъ:

Бѣсенокъ.

Тьфу, тьфу! мой пане коханый! Я пришелъ тебѣ виршу сказати, тебѣ очи заплевати. Моя маты прыде—тоби голову зныме, мои браты прыбижять—тебе въ пекло потащять. Тьфу, тьфу, тьфу! (убѣгаетъ).

Иродъ.

Вои мои, вои! станьте передо мной, якъ лыстъ передъ травой, и не допускайте до мене смерти.

Воины подпираютъ плечами дверь, но она съ трескомъ отворяется и они падаютъ.

Входитъ смерть съ косою. Воины разбѣгаются, оставивъ на сценѣ одного Ирода.

Смерть.

Азъ есмь монахи́ня, всего свита Рахиня: подо мною всѣ страны и всѣ предѣлы. Полно тебѣ, Ироде, царствоваты, пора тебѣ, Ироде, вмираты!

Иродъ.

Увы, увы! какая стала истина! Я думалъ жить безконечно, но приспѣла и моя кончина. Однакъ, еще смерти оберегаться буду, покуда мое царство славно всему люду.

Смерть.

Азъ никогда съ такимъ развратомъ дружбы не видила и въ разговоры не входила. Приди, мой брате! Приди, мой любезный, и предай сего кровопивца отъ земли до самой бездны.

Иродъ.

Преклоняю главу подъ власть твою.

Смерть отсѣкаетъ ему косой голову и уходитъ.

Съ шумомъ и трескомъ на сцену врываются два чорта косматые, съ рогами, съ красными огненными глазами на выкатъ и волокутъ трупъ Ирода вонъ, приговаривая:

Черти.

Амицами, амицами (amice mi) зъ желѣзными рукавицами!

А изъ за кулисъ слышится: у у! какъ берутъ! у у! какъ гребутъ.

Входятъ дѣдъ и баба.

Дѣдъ (шамкая).

Отъ теперъ, бабусенько, годына настала, якъ царя Ирода не стало: отъ тепереньки мы съ тобой и потанцюемо.

Баба.

О прескурвый дидуга! Якъ прыде москаль, якъ дасть тоби щовчка, то будешъ знаты, якъ танцюваты.

Дѣдъ

О превража бабо! да нехай же-но зайграють!

Хоръ (подъ музыку).

Ой пидъ вишенькою,
Пидъ черешенькою
Стоявъ старый изъ старою,
Якъ изъ ягидкою.
И просылася,
И молылася:
Пустыжъ мене, старый диду,
На улыцю погулять.
Я й самъ не пийду,
И тебе не пущу и проч.

Входитъ москаль и прогоняетъ чету.

Москаль.

Прочь, прочь, старое лубье. Здѣсь не вамъ танцювать, а господамъ.

Входятъ—съ одной стороны кавалеръ во фракѣ, а съ другой дама въ робронѣ; называютъ другъ друга по имени-отчеству и танцуютъ. За ними входитъ другая пара, потомъ третья и т. д. до семи паръ.

Входитъ запорожецъ, съ большущимъ оселедцомъ (хохломъ), съ булавой и рокомендуется публикѣ.

Запорожецъ.

Здраствуйте, господа! вотъ и я пришолъ къ вамъ сюда. Имя мое—авловержитель, всѣхъ дѣйствій предсказатель и приказыватель. Грай, музыко, возъ рыбы дамъ!

Музыка играетъ, запорожецъ танцуетъ; затѣмъ начинаетъ звать жида:

Жиде, прескурвый сыну! несы горилки!

Жидъ вноситъ бочонокъ съ водкою; запорожецъ прикладывается къ бочонку и потомъ, отплевываясь, бьетъ жида булавой. Жидъ кричитъ: гвултъ! и падаетъ мертвъ. На крикъ его прибѣгаетъ жидовка; запорожецъ убиваетъ и ее; потомъ, уходя со сцены, говоритъ: тьфу, якъ навонялы!

Вбѣгаютъ черти и выволакиваютъ трупы.

Входятъ цыганъ и цыганка.

Цыганъ.

Чхавъ бурдочки! начхавъ бурдочки! Наша маты не вмирала! (поетъ):

За Татьяну симь кипъ давъ,
Бо Татьяну сподобавъ;
За Марусю пьятака,
Бо Маруся не така!

Цыганочка, коханочка! Гей сюды, моя жоночка!

Цыганка.

Чого жъ, чого, мой цыгане?

Цыганъ.

Ой дежъ ты була, моя чорнобрива?

Цыганка.

На базари була,
Пять кошиковъ продала,
Пять кипъ узяла.

Цыганъ.

А я теперо коней проминявъ, 25 рубливъ узявъ. Нехай же намъ заграють (танцуютъ).

Входитъ запорожецъ и прогоняетъ цыганъ.

Входитъ попъ:

Попъ.

Полно тебѣ, козаче, гуляты, пора тоби, козаче, свои грихи сказаты!

Запорожецъ.

Грихи? Що жъ, батюшка! жидивъ побивъ, цыганъ побивъ: исповидуюсь тоби душою и серцемъ.

Попъ.

Ничого! дай тилько мени три копы грошей—я за тебе уси грихи одмолю.

Запорожецъ.

Эге, да ты, бачу, батюшко, не сповидаешъ, а тилько зъ кишени гроши выймаешъ. (Бьетъ его булавой).

Вотъ тебѣ запорожская плата! Вотъ тебѣ запорожская плата!

(Попъ уходитъ).

Грай, музыко, возъ рыбы дамъ! (танцуетъ).

На сцену вползаютъ двѣ страшенныя гадюки. Запорожецъ отбивается отъ нихъ булавой, но онѣ жалятъ его и онъ падаетъ.

Входитъ баба-знахурка.

Знахурка.

А що, козаче, докозаковався, що въ штаняхъ и учкуръ порвався! Я баба-шопотуха, отъ Святого Духа, що въ кишени то— мени, що въ животи—то тоби! (трижды).

Запорожецъ медленно подымается.

Запорожецъ.

О дай же, Боже, моя бабусенько, тоби здоровья, що ты мене одъ смерти слобоныла! Я жъ тоби за сее дамъ запорожьскую плату: (Бьетъ ее булавой). Вотъ тебѣ запорожская плата! Вотъ тебѣ запорожская плата! (уходитъ).

Входитъ пышно разодѣтый гетманъ, въ сопровожденіи жида.

Хоръ.

Ой у пана, пана,
У пана Гетмана
Въ пятницу нерано.
Якъ поихавъ панъ Гетманъ
До жида на шабашъ:
„Здоровъ, здоровъ, жыде,
Прескурвый ты сыну
Ой сказалы про жыда,
Що въ жыда грошей богато“.

Жидъ.

Але жъ мій Гетмане! Дежъ вы чувалы, дежъ вы бачылы, щобъ у жыда да було грошей богато? Есть у мене еднисенька копієчка, та й та щербата, валяеться у столовци.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій!
Подай лучокъ тугенькій,
Пробьемъ, пробьемъ жида,
Прескурваго сына!

Вбѣгаетъ мальчикъ (козачокъ) и бьетъ жида.

Жидъ.

Ой вей миръ! За щожъ намъ, пане, битьця, лучше намъ помиритьця. Есть у мене гроши-червинцы, ще батькивски.

Хоръ.

Ой у пана, пана, у пана Гетьмана и проч.
А сказали про жида,
Що у жида кони хороши.

Жидъ.

Дежъ вы чувалы, дежъ ви видалы, щобъ у жида булы кони хороши. Есть у мене кони—слѣпые, хромые, кривые, для васъ негодные.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій!
Подай лучокъ тугенькій,
Пробьемъ, пробьемъ жида и проч.

Жидъ.

Годи жъ намъ, пане, битьця, лучше помиритьця. Есть у мене кони хорошіе.

Хоръ.

Ой у пана, пана и проч.
А сказали про жида
Що у жида жинка хороша.

Жидъ.

Дежъ вы, пане, бачилы, дежъ вы чулы, щобъ у жида та була жинка хороша? Есть у мене жинка, слипая, поганая, та й та за печкой сыдыть, дурно хлиба исть.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій и проч.

Жидъ.

За що жъ намъ, пане, биться, лучше мириться: есть у мене жинка Сурочка, ай gut! а дочка ще краща. „Сура, Сура! лизь зъ печи скоро! Лейзере, Лейзере кумере штубе!“

Входитъ жидовка съ дочкою. Гетманъ приказываетъ всѣмъ имъ танцовать.

Жидъ.

Ой пане, пане, сёгодни у насъ сабашъ.

Гетманъ.

Танцуйте, я приказываю (жиди танцуютъ). Поцѣлуйтесь! (жиды цалуются).

Жидъ (уходя).

Позалуйте, пане, до насъ на цай, на водку! (уходятъ).

Входитъ служивый.

Служивый.

Здраствуйте, господа! Вотъ вамъ служивый молодецъ: былъ бомбандиромъ—пушки качалъ, колеса мазалъ, заслужилъ себѣ чипъ господина прахвоста!

Входитъ жена служиваго.

Жена.

А вотъ и я тутъ—прахвостова жена, пани Хвеська! Не буду подати платыть!

Служивый.

А, здорово, здорово, моя Хвесечка! Давно жъ мы съ тобой не бачилысь (цалуются).

Музыка играетъ, прахвосты танцуютъ (уходятъ).

Входитъ пьяница Хома.

Хома.

Оце я, мосцѣпанове, Хома, що у мене на голови волосся нема; а бувъ одынъ космокъ, да й той у пылыповку коло грубы спёкъ. А штанивъ затымъ не маю, що добре горилку кусаю. А ще жъ на мене люде казалы, що я велыкый сердюкъ, а я по зимности сей зогнувся у крюкъ. Дайте жъ мени чарку горилкы?

Примѣчаніе: У Хомы во рту было перышко, проходившее черезъ всю его фигуру подъ сцену и незамѣтно сообщавшееся со

ртомъ машиниста-фокусника. Когда Хомѣ подносили водку, то онъ выпивалъ всю рюмку, а если, потѣхи ради, въ рюмку наливалась вода, то Хома выплевывалъ ее обратно на зрителей, что чрезвычайно забавляло дѣтей.

На сцену, по уходѣ Хомы, въѣзжаетъ верхомъ на козѣ Антонъ, а за нимъ идетъ жена, подгоняя козу.

Хоръ.

Антонъ козу веде,
Антонова коза не йде и пр.

Входитъ шинкарка.

Шинкарка.

А що визмешъ за козу?

Антонъ.

Чотыры карбованци.

Шинкарка.

Возьмы тры.

Сторговались наконецъ за три съ полтиной и пошли пить могорычъ, оставивши козу. Прибѣгаетъ волкъ и тащитъ козу, коза кричитъ мэээ! Публика хохочетъ.

Возвращается Антонъ, а козы чортъ мае. Антонъ горько плачетъ:

Входитъ Савочка съ кошелькомъ, а за нимъ запорожецъ съ булавой, которой онъ подталкиваетъ его сзади, приговаривая. проси! проси!

Савочка.

Я Савелій, человѣкъ веселій, та що къ тому и убогъ, а кто подаритъ, да спасетъ того Богъ! (Ему бросаютъ въ кошелекъ деньги, а онъ добавляетъ: На звонъ, на клепало, що вкынулы, то пропало! (уходитъ).

Входитъ генералъ, а за нимъ солдатъ.

Генералъ (къ солдату).

Поди скажи, пусть подаютъ пушку!

Солдаты вкачиваютъ на сцену пушку. Раздается выстрѣлъ.

Хоръ поетъ: многая лѣта е finita la comedia.

Иногда, послѣ представленія, изъ за кулисъ выходилъ самъ антрепренеръ и декламировалъ стихъ:

За горами, за долами.
Бонопартъ съ москвичами
Вздумалъ поиграть:
Онъ въ Москву къ нимъ притащился
И игрой своей хвалился—
Славный играчокъ!
„Нутко, русски игроки!
Давай играть въ дураки!" и пр.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Судъ и казнь Григорія Самойловича.[1]

Малороссійская старшина въ челобитной своей великимъ государямъ о низложеніи Ивана Самойловича съ гетманскаго уряда „за его къ великимъ государемъ измѣны, а къ нимъ, старшинѣ, и войску и ко всему народу малороссійскому за многія обиды, и тягости и разоренія“, между прочимъ, просила „дѣтей и совѣтниковъ гетм..на отъ чиновъ, которые они у себя имѣли отставить“. Въ отвѣтъ на это челобитье въ царской грамотѣ на имя князя В. В. Голицына предписано ему какъ дѣтей гетмана, такъ и его ближайшихъ совѣтниковъ захватить и держать подъ карауломъ. Самъ гетманъ и сынъ его Яковъ были уже въ рукахъ Голицына; оставалось поймать другаго старшаго сына, Григорія, полковника черниговскаго, который въ это время съ своимъ и другими козацкими полками былъ въ Запорожьѣ. Вотъ какъ доносилъ Голицынъ въ Москву объ исполненіи порученнаго ему дѣла.

„Іюля въ 23 д. писалъ я въ Запороги къ товарищу моему, окольничему и воеводѣ Леонтью Романовичу Неплюеву, чтобъ онъ, по вашему, великихъ государей, указу, будучи на службѣ съ полкомъ въ Запорогахъ, сына гетманскаго, черниговскаго полковника Гришку, и переяславскаго полковника Леонтья Полуботка да Ѳедора Сулима изъ казацкихъ полковъ принялъ къ себѣ въ полкъ и держалъ ихъ у себя въ обозѣ за крѣпкимъ карауломъ, въ великомъ береженіи, чтобъ они не ушли и казаки ихъ не побили бъ; а того смотрѣлъ бы и берегъ накрѣпко, и

[1] Москов. Арх. М. Ю. Разрядный Пр., Сѣвскій ст., столбецъ № 8739.

всякими мѣры остерегалъ, чтобъ въ казацкихъ полкахъ и въ Низовомъ войскѣ замѣшанія какого и бунта не учинилось; а полки: черниговскій и переяславскій приказалъ вѣдать наказнымъ полковникамъ, кого тѣхъ полковъ старшина и казаки между себя выберутъ; и сказалъ всѣмъ полковникамъ и казакамъ городовымъ, и охочимъ компанейнымъ и сердюцкимъ пѣшимъ вашъ, великихъ государей, указъ, чтобъ они были съ нимъ, окольничимъ, на вашей, великихъ государей, службѣ въ Запорогахъ, а до вашего указа съ службы не ходили. А также объявить тѣхъ полковъ старшинѣ и казакамъ, что какія имъ были отъ бывшаго гетмана тягости, а именно, аренды, и тѣ тягости отставлены и новому гетману въ статьяхъ будутъ подкрѣплены, что имъ впредь не быть, и они бъ въ томъ были надежны. Да и отъ себя я писалъ листы на кошъ къ кошевому атаману, ко всему войску низовому и во всѣ бывшіе на Низу, объявляя имъ вашъ, великихъ государей, указъ объ отставкѣ гетмана Ивана Самойлова за его измѣны, обнадеживая ихъ вашей государской милостью и увѣщавая и укрѣпляя ихъ въ службѣ всякою вѣрностію и постоянствомъ. Августа въ 9 д. писалъ ко мнѣ окольничій Л. Р. Неплюевъ, что іюля въ 30 д. явились къ нему въ урочище у Никитина Рога бѣлогородецъ Иванъ Масловъ да полтавскаго полка товарищъ Леонтій Чернякъ и подали мою отписку; но Григорья Самойловича уже при немъ не было: прежде пріѣзда Маслова съ отпиской, Григорій Самойловичъ, узнавши о взятьѣ своего отца, со всѣми казацкими полками, сильно поссорившись съ нимъ, Неплюевымъ, и забунтовавъ, пошелъ по Кодацкой дорогѣ, а ему взять его было невозможно, потому что вѣдомости объ отставкѣ гетмана не было. Получивъ отписку, Неплюевъ послалъ Леонтья Черняка въ Запороги для объявленія объ отставкѣ гетмана въ низовомъ войскѣ кошевому атаману и всему войску, а войска запорожскаго къ городовымъ, компанейнымъ и сердюцкимъ полковникамъ и старшинѣ послалъ Ив. Маслова да путивльца Ивана Щекина, а велѣлъ имъ листы во всѣхъ полкахъ прочесть въ слухъ и раздать по полкамъ, а самимъ быть у Григорья Самойлова для его береженья неотлучно и того смотрѣть накрѣпко, чтобъ отъ него не уросло

какое дурно и въ войскѣ смятенія не было; да съ ними жъ писалъ къ полковникамъ и ко всему войску, чтобъ они бывшаго черниговскаго полковника, Григорья Самойловича, имѣли въ соблюденіи, чтобъ онъ не ушелъ и никто надъ нимъ никакого дурна не учинилъ. Самъ Неплюевъ, оставивши въ Запорогахъ генерала Григорія Ивановича Косагова, 31 іюля пошелъ вслѣдъ за Григорьемъ Самойловичемъ; того жъ числа на станъ къ нему, на рѣчку Каменку, пріѣхалъ Леонтій Чернякъ съ 224 запорожскими казаками, подъ начальствомъ Өедора Иваника, и доложилъ, что объ отставкѣ гетмана Ивана Самойловича кошевому атаману и всему низовому войску объявилъ и что все войско били челомъ и отставкѣ гетманской рады. Въ тотъ же день писалъ къ нему, Неплюеву, миргородскій полковникъ Данила Апостоленко, съ басанскимъ сотникомъ Карпомъ Тимоөеевымъ, чтобъ онъ, окольничій, поспѣшалъ къ нимъ съ войскомъ; къ этому сотникъ Карпъ Тимоөеевъ отъ себя добавилъ, что въ полкахъ у нихъ казаки имѣютъ рознь и начинается недоброе и если онъ, окольничій, къ нимъ не поспѣшитъ, и у нихъ де безъ смятенія не пройдетъ". Нѣсколько дней спустя, 3-го августа, Неплюевъ получилъ отъ Ив. Маслова, Щекина и компанейскаго полковника Ильи Новицкаго письмо, въ которомъ они сообщали, что въ козацкихъ городовыхъ полкахъ начались великіе бунты, что прилуцкаго полка козаки своего полковника Лазаря Горленка, да судью побили до смерти, и въ иныхъ полкахъ козаки побили многихъ знатныхъ людей, а потому онъ, Неплюевъ, шелъ бы къ нимъ наспѣхъ, а если за тяжестью обозовъ со всѣми полками поспѣшить нельзя, то послалъ бы ратныхъ людей, чтобы козацкіе бунты унять. Къ этому извѣстію податель отписки, эсаулъ компанейнаго Григорія Пашковскаго полка Тимоөей Бережницкой, добавилъ, что де городовые казаки забунтовали и многихъ знатныхъ людей побили до смерти, а Лазаря Горленка да того жъ полка судью, бивъ, вкинули въ горячую печь и засыпали землею живыхъ, и во всѣхъ полкахъ у побитыхъ и у бѣглыхъ пожитки и лошадей разграбили и сердюковъ и компанейцевъ хотятъ побить же. Опасаясь нападенія козаковъ, компанейный полковникъ Илья Новицкій сталъ съ своимъ полкомъ отдѣльно

отъ козацкихъ полковъ, а сердюцкіе полковники, Герасимъ Васильевъ да Степанъ Еверской, между козацкихъ полковъ окопались землянымъ валомъ; при нихъ держится и Григорій Самойловичъ, наградившій сердюковъ деньгами, съ нимъ же остались Ив. Масловъ и Ив. Щекинъ. Въ виду такого положенія, если онъ, Неплюевъ, къ нимъ въ полкъ не поспѣшитъ, то тѣ козаки ночью сердюковъ хотятъ взять приступомъ.

Не имѣя возможности идти со всѣмъ своимъ войскомъ, Неплюевъ отрядилъ къ лагерю козацкому сумскаго полковника Андрея Кондратьева съ его полкомъ, да ротмистровъ дворянскихъ, Никифора Дурова съ товарищи, пять человѣкъ, съ ихъ ротами, и приказалъ имъ говорить бунтовщикамъ отъ его имени, чтобъ они отъ бунта унялись, а если не уймутся, и имъ за то будетъ смертная казнь. Въ тотъ же день полковникъ Андрей Кондратьевъ писалъ къ Неплюеву: „пріѣхали де они къ казацкимъ полкамъ на рѣчку Суру и выѣхали де къ нему полковники компанейные, Илья Новицкій да Григорій Пашковскій, да Миргородскій Данила Апостоленко съ старшиною, которые не бунтовали, и сказали ему, Андрею: бунты де въ городовыхъ въ казацкихъ полкахъ учинились отъ прилуцкаго полка, казаки этого полка разграбили свою полковую церковь, въ которой въ тотъ день была совершена св. литургія, св. иконы подрали, церковные сосуды пограбили и изъ потира вылили на землю св. Дары, оставленные въ немъ въ запасъ для причащенія больныхъ, а самый потиръ унесли. Выслушавши эти рѣчи, неплюевскіе посланцы поѣхали по всѣмъ полкамъ, приглашая козаковъ къ порядку и угрожая за неповиновеніе смертною казнью. Въ заключеніе Кондратьевъ требовалъ, чтобы Неплюевъ немедленно шелъ съ своимъ войскомъ къ козацкимъ полкамъ, такъ какъ ходятъ слухи, что казаки въ ночь намѣрены учинить великое смятеніе

Получивши такія вѣсти, Неплюевъ, взявъ съ собою копейные и рейтарскіе полки, дворянскія роты и харьковскаго полковника съ полками да запорожскихъ козаковъ, съ большей поспѣшностью пошелъ къ козацкому обозу, къ рѣчкѣ Сурѣ, а пѣхотнымъ полкамъ и обозу подъ начальствомъ Давыда-Вильгельма

графа де Грагама, барона Деморфійскаго да дьяка Петра Исакова велѣлъ идти за собою. Неплюевъ пришелъ къ козацкому табору за три часа до вечера, сталъ близъ обоза и тотчасъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ полковниковъ, старшину и изъ поспольства лучшихъ людей и, объявивъ имъ указъ объ отставкѣ гетмана, потребовалъ, чтобы бунтовщики-козаки были ему выданы, а что старшиною всѣхъ козацкихъ полковъ на время велѣно быть Леонтью Черняку. Козаки обѣщались исполнить требованія Неплюева и на другой же день, 4 августа, привели къ нему Григорья Самойловича, Леонтья Полуботка и Ѳедора Сулиму со всею ихъ рухлядью, при чемъ произошла значительная свалка. Неплюевъ отдалъ Григорія Самойловича подъ караулъ полковнику Константину Малѣеву да назначилъ быть въ приставахъ у него неотлучно Ив. Щекину, а войсковые знаки: бунчукъ, полковое знамя, прапоръ, боздуганъ—положилъ въ разрядный шатеръ; Леонтья Полуботка и Ѳедора Сулиму отдалъ подъ караулъ полковнику Тимоѳею Фандервидину; два сердюцкихъ полка, которые сидѣли въ осадѣ отъ городовыхъ козаковъ въ окопахъ, изъ нихъ вывелъ въ цѣлости и велѣлъ стоять близъ своего обоза. Въ тотъ же день Леонтій Чернякъ и полковники разныхъ полковъ прислали къ нему пятьдесятъ девять козаковъ, которые были уличены въ грабежѣ церкви, въ убійствѣ старшины и въ грабежѣ ихъ пожитковъ, а отобранные у нихъ грабежные животы возвратили потерпѣвшимъ. Когда Голицынъ получилъ донесеніе Неплюева, что козацкій бунтъ усмиренъ и Григорій Самойловичъ въ его рукахъ, онъ 10 августа писалъ ему, чтобы, соединясь съ войскомъ генерала Григорья Ивановича Косагова, со всѣми своими полками, переправясь черезъ Днѣпръ подъ Кодакомъ, шелъ этой стороною Днѣпра въ малороссійскіе города и сталъ подъ Лубнами до государева указа“ Все было исполнено по предписанію кн. Голицына. Изъ подъ Лубенъ, по государевой грамотѣ, Григорій Самойловичъ подъ сильнымъ конвоемъ былъ отправленъ въ Сѣвскъ, гдѣ подъ строгимъ карауломъ былъ помѣщенъ въ избѣ сѣвскаго жителя гостинной сотни Гапошки Медвѣдева, при чемъ строжайше было приказано стражѣ наблюдать, чтобы онъ рѣшительно не имѣлъ возможности сно-

ситься ни съ кѣмъ. Какъ ни строго казалось заключеніе, однако Григорій нашелъ случай повидаться съ нѣсколькими людьми; вотъ что пишетъ сѣвскій подъячій Михаилъ Жаденовъ кому то: „сентября, государь, въ 7 д. писалъ Леонтій Романовичъ (Неплюевъ) къ Семену Протасьевичу (Неплюеву—сѣвскому воеводѣ) и ко мнѣ, сиротѣ твоему, что плутъ де Гришка наказывалъ къ Миклошевскому словомъ гостинныя сотни съ сѣвскимъ жителемъ съ Гапошкою Медвѣдевымъ, чтобъ прислалъ къ нему денегъ, и намъ бы его, Гапошку, роспрося о томъ накрѣпко, вкинуть въ тюрьму. И онъ, Гришка, до моего сироты твоего пріѣзда поставленъ во дворѣ у него, Гапошки, въ особой избѣ, и какъ я, сирота твой, приволокся отъ тебя, милосердаго государя, и началъ быть при немъ, и при моей бытности его, Гапошки, я, сирота твой, въ дому его и у него, Гришки, не видалъ и нынѣ онъ для торговаго своего промысла въ отъѣздѣ; развѣ онъ былъ до моего пріѣзда; и для сыску его, Гапошки, мы послали, а какъ приведенъ будетъ, и его о томъ распрося накрѣпко, вкинемъ въ тюрьму. А я бываю у него непрестанно и смотрю того накрѣпко, также и приставники начальные люди и подъячіе у него живутъ днемъ и ночьми неотступно. Ей, ей! государь милосердый, съ неусыпнымъ и прилежнымъ, неотступнымъ моимъ стараніемъ смотрю того повсечасно накрѣпко! при мнѣ ему, плуту, не только чтобъ съ кѣмъ говорить, и на сторону посмотрѣть трудно, развѣ какъ я отъ него отойду, только и безъ себя приставникамъ приказываю подъ жестокимъ страхомъ, чтобъ смотрѣли того неотступно накрѣпко, и въ ночахъ того за ними наглядаю накрѣпко". Опасаясь выговора изъ Москвы, сѣвскій воевода самъ собою распорядился допросить Медвѣдева объ его свиданіи съ Григорьемъ Самойловичемъ. Въ роспросѣ Медвѣдевъ сказалъ: „за недѣлю де до Семена дня сбирался онъ ѣхать въ Глуховъ для продажи меду, который завезенъ былъ у него прежъ сего въ Глуховъ; и какъ де впрягъ лошадь и пришелъ изъ избы къ возу своему, и стародубецъ, который приставленъ къ Гришкѣ, Андрей Курдюмовъ, позвалъ его въ свѣтлицу къ Гришкѣ и въ свѣтлицѣ де Гришка говорилъ ему, чтобъ онъ поговорилъ Миклашевскому, чтобъ Миклашевскій прислалъ ему двое сапоговъ,

да денегъ рублей съ пять да бочку пива. И онъ де, Гапошка, будучи въ Глуховѣ, о присылкѣ къ Гришкѣ вышеписаннаго Миклашевскому говорилъ, и Миклашевскій де сказалъ: безъ гетманскаго вѣдома прислать ему того не мочно, а доложитъ де онъ о томъ гетману. А ѣздилъ де онъ, Гапошка, въ Глуховъ для продажи меду своего, а не по Гришкиной посылкѣ, и Миклашевскому говорилъ безъ всякія хитрости, съ простоумія".

Андрей Курдюмовъ въ роспросѣ сказалъ: „какъ де Гапошка сбирался въ Глуховъ, и Гришка де, увидѣвъ изъ избы въ окно, спрашивалъ у него, Андрея, куда ихъ хозяинъ Гапошка ѣдетъ? и Гришкинъ де челядникъ сказалъ ему, что ѣдетъ въ Глуховъ. И Гришка де ему, Андрею, говорилъ, чтобъ онъ Гапошку призвалъ къ нему въ избу, и онъ де Гапошку въ избу позвалъ; и Гришка де при немъ Гапошкѣ говорилъ, чтобъ онъ поговорилъ Миклашевскому, чтобъ онъ прислалъ ему двое сапоговъ, да денегъ пять рублей, да пива бочку. А больше де того иныхъ никакихъ словъ не бывало; а призвалъ де онъ Гапошку къ нему, Гришкѣ, спроста, безъ всякія хитрости.

Розыскъ этотъ воевода при отпискѣ послалъ въ Москву, послѣ того, какъ оттуда было потребовано объясненіе этого свиданія Самойловича съ Медвѣдевымъ, и по указу великихъ государей „Гапошкѣ и Курдюмову велѣно учинить наказаніе, бить батоги, за то что они къ Гришкѣ приходили". Наказаніе было учинено.

Сентября 12-го сѣвскій воевода Семенъ Неплюевъ получилъ изъ Москвы грамоту, въ которой значилось: „вѣдомо намъ, великимъ государемъ, учинилось, что жилецъ Лазарь Шагаровъ да курскій подъячій Аѳонька Бочаровъ хотѣли въ Сѣвску видѣться съ Гришкою Самойловымъ, невѣдомо для чего. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ велѣлъ того жильца Лазаря Шагарова и подъячаго сыскать въ Сѣвскѣ въ приказную избу и распросить ихъ накрѣпко съ пристрастіемъ порознь, для чего они съ Гришкою Самойловымъ видѣться хотѣли, и кто имъ о томъ приказывалъ или тайно научалъ, или они видѣться съ нимъ хотѣли собою, не по приказу и не по наученью чьему; а, роспрося ихъ, велѣли держать въ Сѣвскѣ въ тюрьмѣ до нашего,

великихъ государей, указу". Въ отвѣтъ на эту грамоту сѣвскій воевода немедленно разыскалъ Шагарова, который въ роспросѣ сказалъ слѣдующее. „Въ прошломъ въ 195 г. (1687), по указу великихъ государей, былъ онъ на службѣ въ полку боярина и воеводы, князя Михаила Андреевича Голицына, съ товарищи, и въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ—того онъ не упомнитъ, кн. Голицынъ посылалъ его, да съ нимъ курской приказной избы подъячаго Аѳоньку Бочарова, изъ полка своего, изъ города Чугуева, въ малороссійскіе города, въ Батуринъ, провѣдать про новообраннаго гетмана, про Ивана Степановича Мазепу, и объ его гетманскомъ поведеніи, что у него въ Батуринѣ дѣлается, а объявливаться ему, гетману, онъ, кн. Голицынъ, имъ, Лазарю и Аѳонькѣ, не велѣлъ; да и въ иные малороссійскіе города для провѣдыванія всякихъ вѣдомостей, да въ Сѣвскъ для провѣдыванья про бывшаго гадяцкаго полковника, про Мишку Васильева, да про Гришку Самойловича, въ Сѣвску ль они, или изъ Сѣвска куда взяты. И они де въ Батуринѣ были августа въ 24 д. и явились тамъ стольнику и полковнику Петру Борисову, а сказали ему, что они присланы изъ полка боярина, кн. М. Голицына, для провѣдыванія про гетмана Ивана Ст. Мазепу. И онъ де, Борисовъ, объявилъ объ нихъ гетману, и гетманъ велѣлъ имъ придти къ себѣ. Когда они были у гетмана, онъ спрашивалъ ихъ о здоровьѣ кн. М. Голицына и велѣлъ ихъ отпустить изъ Батурина безъ задержанія, а также далъ проѣзжій листъ. Послѣ того они были для провѣдыванія всякихъ вѣдомостей въ малороссійскихъ городахъ: въ Конотопѣ, въ Королевцѣ, въ Глуховѣ, а изъ Глухова пріѣхали въ Сѣвскъ и, провѣдавъ про Михаила Васильева и про Гришку Самойлова, что они въ Сѣвскѣ, съ ними, съ Михайломъ и съ Гришкой, видѣться онъ, Лазарь, хотѣлъ собою, только бы ихъ посмотрѣть, а ничего съ ними не говорить. И того жъ августа въ 28 д. они, Лазарь и Аѳонька, изъ Сѣвска поѣхали въ полкъ къ боярину, кн. М. Голицыну, въ Чугуевъ, а сентября 16-го ратные люди полка кн. М. Голицына распущены по домамъ, и онъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ домой, а Аѳонька Бочаровъ отпущенъ домой на двѣ недѣли".

По докладѣ распросныхъ рѣчей государямъ, состоялся приговоръ: „Великіе государи указали: въ Сѣвескъ къ окольничему и воеводамъ послать свою великихъ государей грамоту, велѣть за такія дѣла тому жильцу, Лазарю Шагарову, учинить наказанье, бить батоги, и написать его въ прежній чинъ, въ которомъ онъ былъ напередъ сего до жилецкаго чина, и въ Розрядъ послать о томъ память, велѣть въ списку надъ именемъ его отмѣтить, что ему въ житьѣ не быть, а служить въ прежнемъ чину, въ которомъ онъ былъ до того чина; да и подъячему курскому учинить наказанье жъ, бить батоги, и о томъ послать ихъ, великихъ государей, грамоту въ Курескъ къ думному дворянину и воеводѣ, къ Абраму Ивановичу Хитрово“.

Пока производились эти дѣла, шло своимъ чередомъ и дѣло о самомъ Григорьѣ Самойловичѣ. При разборѣ бумагъ бывшаго гетмана Ивана Самойловича, въ числѣ ихъ нашлись письма бывшаго гадяцкаго полковника Михаила Васильева, въ которыхъ были писаны разныя непристойныя слова про государей, каковыя будто бы Григорій Самойловичъ говорилъ полковнику М. Васильеву. Михаилъ Васильевъ былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и распрошенъ относительно компрометирующихъ его писемъ, при чемъ онъ подтвердилъ, что написанныя въ письмахъ непристойныя слова дѣйствительно были говорены Гр. Самойловичемъ, и что, кромѣ того, онъ и еще кой-что знаетъ про него. 30 сентября изъ Москвы окольничему Л. Неплюеву, бывшему тогда съ войскомъ подъ Путивлемъ, была послана государева грамота, въ которой предписывалось ему, по распущеніи состоящаго подъ его начальствомъ войска, произвести розыскъ по обвиненію Михаиломъ Васильевымъ Гр. Самойловича въ сказываніи непристойныхъ словъ, „а будетъ Гришка учнетъ запираться, и ему, Гришкѣ, съ Мишкомъ Васильевымъ дать очную ставку; а будетъ на очной ставкѣ Гришка учнетъ запираться, а Мишка его тѣми непристойными словами станетъ уличать, и его, Гришку, велѣть въ тѣхъ непристойныхъ словахъ распросить у пытки и пытать; а будетъ и съ пытки Гришка станетъ запираться и говорить, что на него тѣ непристойныя слова онъ, Мишка затѣялъ напрасно, и въ тѣхъ непристойныхъ словахъ велѣть и Мишку

пытать и разыскивать о томъ накрѣпко, чтобъ доискаться самыя правды". Неплюевъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ въ началѣ октября и съ 11-го числа приступилъ къ допросу Мишки Васильева и Гр. Самойловича.

Въ роспросѣ Михаилъ Васильевъ на вопросъ: говорилъ ли ему Гр. Самойловичъ разныя непристойныя слова, отвѣчалъ: которое де дѣло окольничій и воевода Леонтій Романовичъ Неплюевъ ему объявилъ, и такія де непристойныя слова Гришка Самойловъ ему говорилъ. Да въ прошлыхъ де годахъ, а въ которомъ—того онъ не упомнитъ, писалъ онъ, Гришка, къ нему листъ съ человѣкомъ своимъ, съ Куцкевичемъ, а имени его не помнитъ, въ листу же почато тѣмъ: какъ инымъ, такъ и ему, Мишкѣ, онъ, Гришка, объявляетъ, что отецъ его, Ивашка, обѣщалъ ему черниговское полковничество многократно, и еще того не даетъ, которое онъ, Гришка, имѣетъ одержати сего времени, потому что онъ вѣдаетъ на отца своего Ивашку и брата Якушку такое дѣло, отъ котораго его отецъ и братъ не видятъ никуда; а о томъ дѣлѣ онъ, Гришка, человѣку своему, Куцкевичу, приказалъ, чтобъ объявилъ ему, Мишкѣ, словомъ, да и въ особомъ письмѣ о томъ же написалъ именно. И тотъ Гришкинъ человѣкъ, Куцкевичъ, придя къ нему, говорилъ: есть де у него отъ Гришки Самойлова къ нему листъ, а другой Ивашки Самойлова къ прикащику, къ Васькѣ Чайкевичу, который былъ у него на приказѣ въ его гадяцкомъ дворѣ, а велѣлъ де Гришка тѣ листы ему, Мишкѣ, и Васькѣ Чайкевичу отдать обще; и отдавъ тотъ Гришкинъ человѣкъ ему и Васькѣ Чайкевичу листы, тѣ непристойныя слова говорилъ же, и онъ де, Мишка, тому Гришкину человѣку говорить запретилъ. А въ поданномъ листѣ въ особомъ письмѣ осмотрѣлъ онъ тоже непристойное и затѣйное дѣло, написанное рукою Гришки; и онъ, Мишка, помня ихъ государское крестное цѣлованье, помысля съ тѣмъ прикащикомъ, Гришкина человѣка въ Гадячѣ, сковавъ, отдали за крѣпкій караулъ, и о томъ непристойномъ дѣлѣ къ Ивашкѣ Самойлову онъ писалъ и Гришкинъ листъ къ нему послалъ, и то къ нему, Ивашкѣ, назначилъ, дабы онъ толь великаго дѣла не потаилъ, вскорѣ донесъ, кому надлежитъ, къ Москвѣ, чтобы имъ всѣмъ за то плевело-

сѣятельное дѣло великаго грѣха и бѣды не было. А про то его Мишково объявленіе и что онъ писалъ къ Ивашкѣ Самойлову вѣдаетъ прежній бунчужный Костька Ивановъ, потому что онъ, Ивашка, то дѣло ему, Костькѣ, да сыну своему Семену разсудить вручилъ. И противъ де того его, Мишкина, письма, Ивашка Самойловъ велѣлъ ему прислать Гришкову цыдулу, а Куцкевича привезть скованнаго въ Батуринъ; и по его, Ивашкову, велѣнью, того Гришкина человѣка привезъ въ Батуринъ его, Ивашковъ, дворовый человѣкъ Апонасъ Дороѳеенко, а Гришковой де цыдулы онъ къ Ивашку не послалъ, убоясь того, чтобъ онъ, Ивашка, похотя то дѣло потаить, не велѣлъ его, Мишку, предать смерти, а къ нему, Ивашкѣ, отписалъ такъ, что ту цыдулу сжегъ. И того де Гришкина человѣка, Куцкевича, Ивашка Самойловъ распрашивалъ, и онъ сказалъ тоже; и къ нему, Мишкѣ, Иванъ Самойловъ приказалъ, будто тому человѣку учинено наказаніе и къ Москвѣ де о томъ писалъ. И онъ де, Гришка, зляся за то, нѣсколько разъ хотѣлъ убить до смерти и, прикрывая то свое воровство и неистовыя рѣчи, чтобъ на нихъ было не вынесено, въ конецъ его, Мишку, разорили и непрестанно приправливали къ смерти; и о томъ де Гришкиномъ воровствѣ и о непристойныхъ словахъ, не именуя дѣла, онъ, Мишка, глухо являлъ Василью Борковскому да Леонтью Полуботку такимъ образомъ, что онъ, Гришка, не токмо ихъ царскаго величества людей искореняетъ, но и государскаго имени безъ страха Божія касается. Да онъ же, Гришка, ѣдучи изъ Батурина въ Стародубъ, въ то время какъ Ивашковъ сынъ Самойлова Семенъ былъ боленъ, при Василѣ Борковскомъ и при бывшемъ бунчужномъ Костькѣ Ивановѣ, ту же страшную, неистовую рѣчь всѣмъ имъ троимъ говорилъ вслухъ. А въ прошломъ де, въ 192 г., съ размѣны онъ, Мишка, писалъ къ Ивашку Самойлову письмо таково: будетъ онъ, Ивашка, похочетъ въ Крымъ послать, и онъ бы къ хану съ гостинцами послалъ, а въ гостинцахъ послалъ бы два кубка, да двѣ винтовки да пару пистолетовъ, хотя бы тѣ подарки взять съ полковниковъ, чтобъ при тѣхъ подаркахъ выпросить бѣглеца изъ малороссійскихъ городовъ, Самченка, который называется гетманомъ; а что де въ томъ письмѣ написано: „за то малое

мочно сдѣлать у хана великое“, и то де слово „великое“ написано про Самченка жъ, потому что Самченко Ивашкѣ Самойлову былъ надобенъ, для того въ томъ его, Мишковомъ, письмѣ за великое дѣло онъ и написанъ; а о разговорахъ съ беемъ и мурзами въ томъ письмѣ приписано, а онъ де съ беемъ и мурзами тайно ни о чемъ не говаривалъ и отъ Ивашки Самойлова говорить ему не наказано“.

Къ этому распросу на вопросы, предложенные Неплюевымъ, Михаилъ Васильевъ прибавилъ отъ себя слѣдующее: „въ то де время, какъ Гришка Самойловъ ѣхалъ въ Стародубъ, онъ сказывалъ Василью Борковскому, да Костькѣ Иванову, да ему, Мишкѣ, такое же затѣйное, неистовое дѣло и на другое лице; да по смерти де Семеновой нашелъ онъ, Мишка, въ письмахъ его, Семеновыхъ, брата его Якушковой руки письмо, а въ томъ письмѣ при иныхъ дѣлахъ написано: объявляетъ ему, Семену, что братъ ихъ Гришка хвалится и хочетъ переѣхать въ крымскую сторону. Да онъ же Гришка, по взятьѣ у него, Мишки, полковничества, въ Батуринѣ, призвавъ его въ домъ свой, говорилъ наединѣ, будто то ему учинила Москва, а когда бы онъ, не смотря въ Москву, держался Украйны и его отца, то бы ему лучше было; а и нынѣ, если упованіе свое на Москву оставитъ, то де онъ у отца своего о немъ упроситъ. А онъ де, Гришка, будучи на Москвѣ, видѣлъ: править и держать московскаго государства некому и строенія ни отъ кого нѣтъ, самая де крѣпость нынѣ во всей Руси его, Гришкинъ, отецъ. Да онъ же де, Гришка, писалъ въ кіевскій Братскій монастырь къ ректору Ѳеодосію Гогуревичу въ письмѣ, чтобъ отъ него, Мишки, въ тотъ монастырь милостыни не принимали, для того что де въ немъ объявилась измѣна противъ Украйны и противъ отца, такая, что писывалъ къ Москвѣ, желая украинскіе и отца его порядки потерять и всѣ малороссійскіе города наклонить по образцу слободскихъ городовъ, за эту де измѣну будетъ ему смертная казнь непремѣнно; а то де письмо читалъ онъ, Мишка, у Ѳеодосія Гогуревича въ Батуринѣ. Да въ 194 г. сказывалъ ему, Мишкѣ, Леонтій Полуботокъ, что писалъ де къ нему Гришка Самойловъ своею рукою письмо, а въ томъ де письмѣ при иныхъ

дѣлахъ его жъ, Гришково, воровское, непристойное слово, касающееся чести великихъ государей со дерзновеніемъ, написано такъ: „ни ихъ государскіе грамоты и ничто иное, едино только его Гришкова отца милостивая воля крѣпчайше всего содержитъ“. Да въ 193 г., какъ былъ Ивашка Самойловъ въ Полтавѣ, да при немъ были сѣверскаго разряда городовые дворяне, и въ городѣ де Ромнахъ на полковничьемъ дворѣ говорилъ онъ ему, Мишкѣ: бѣда де его, Ивашкова, великая, что два, и нынѣ де для его искорененія держатъ на него Дорошенка, а тѣмъ де двумъ не только христіане, и басурмане дивятся. Приказывалъ де къ нему турской визирь, что де имъ при такомъ случаѣ никакого добра не будетъ“.

Въ заключеніе Михаилъ Васильевъ заявилъ, что письма, о которыхъ онъ говорилъ въ распросѣ,—одно присланное ему съ Куцкевичемъ, а другое Якова Самойловича, въ которомъ писано, что Григорій Самойловичъ хочетъ бѣжать въ Крымъ,—находятся у него въ домѣ, въ селѣ Михайловкѣ, у матери, и билъ челомъ, чтобы великіе государи указали за тѣми письмами послать, кого пристойно, а онъ съ тѣмъ посланнымъ пошлетъ къ матери своего малаго, который нынѣ при немъ, и отпишетъ, чтобъ мать, доставъ изъ упрятки тѣ письма, прислала къ нему въ Сѣвскъ. По челобитью его, октября 12-го по тѣ письма въ лебедянскій уѣздъ, въ село Михайловку, посланы сѣвскіе стрѣльцы, Демидка Прокофьевъ, Васька Мукосѣевъ, да съ ними малый Мишки Васильева, Стенька Петруновской; стрѣльцамъ было наказано ѣхать наспѣхъ и, взявъ письма, немедленно ѣхать назадъ.

На другой день былъ призванъ къ распросу и Григорій Самойловичъ; онъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ обвиненія его Михаиломъ Васильевымъ, да, кромѣ того, былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „какъ онъ, Гришка, побѣжалъ изъ Запорожья къ Кодаку, и въ тѣхъ числѣхъ съ Лазаркомъ Горленкомъ какой у него къ измѣнѣ былъ совѣтъ и умыслъ? и въ Крымъ къ хану онъ, Гришка, Лазарка хотѣлъ ли посылать, и въ которыхъ мѣстѣхъ у нихъ умышлено стоять и орды изъ Крыма къ себѣ на помочь дожидаться?“

Григорій Самойловичъ въ распросѣ говорилъ: „которые де непристойныя слова окольничей Л. Р. Неплюевъ ему объявилъ, и такія де слова онъ Мишкѣ говорилъ, только де тѣ слова говорилъ не своею затѣйкой, а слышелъ отъ братьевъ своихъ, первое отъ Семена въ то число, какъ онъ послѣ смятенія пріѣхалъ съ Москвы, а послѣ того, пріѣхавъ съ Москвы жъ, братъ его Якушка говорилъ ему тѣжъ непристойныя слова; а братья его, Семенъ да Якушка, тѣ непристойныя слова слышали на Москвѣ, а отъ кого именно—про то онъ отъ братьевъ своихъ не слыхалъ. А въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ—того онъ не упомнитъ, писалъ къ нему, Гришкѣ, изъ Гадяча Мишка Васильевъ въ его деревню Орловку, чтобъ онъ писалъ къ нему о вѣдомостяхъ, какія у отца его есть; да въ тѣхъ же числахъ нынѣшній гетманъ И. Ст. Мазепа писалъ къ нему изъ Глухова, что пріѣхалъ де въ Глуховъ стольникъ Семенъ Ерофеевичъ Алмазовъ для дѣлъ государственныхъ и отца его домовыхъ, и онъ де, Гришка, чая того, что онъ будетъ разыскивать про вранье брата его Якушки и щадя брата своего и отца, чтобъ за то не было на нихъ государской опалы, къ нему, Мишкѣ, при иныхъ дѣлахъ въ особомъ письмѣ о той неистовой рѣчи написалъ, а не отъ себя то затѣялъ, о чемъ де и выше сего сказалъ, слышалъ то отъ братьевъ своихъ. Да въ томъ же де письмѣ и то написалъ, что отцу его отъ тѣхъ ихъ словъ печаль, а имъ слѣпота; а иного де ничего въ той цыдулѣ не писано. А человѣку своему, Оськѣ Куцкевичу, о томъ словомъ къ нему, Мишкѣ, не приказывалъ, и онъ де, Мишка, и Васька Чайкевичъ того его человѣка за то не ковали, а скованъ де онъ былъ и къ отцу въ Батуринъ отправленъ за то, что безъ вѣдома отца своего онъ, Гришка, черезъ того человѣка купилъ себѣ въ Гадячѣ дворъ; и о томъ непристойномъ дѣлѣ къ отцу его, Ивашкѣ Самойлову, онъ, Мишка, писалъ листъ, а въ томъ де листу написалъ такъ: „еще онъ, Мишка, на него, Гришку, имѣлъ великаго дѣла цыдулу, только де онъ ту цыдулу сжегъ“, а именно дѣла, и чтобы отецъ его, кому надлежитъ, донесъ къ Москвѣ, чтобы имъ за то дѣло великаго грѣха и бѣды не было, того не писалъ, и каковъ листъ къ отцу его писалъ Мишка Васильевъ, про тотъ листъ вѣдаетъ

прежній бунчужный Костька Ивановъ, а того дѣла для разсужденія отецъ его Костькѣ Иванову да брату Семену не вручивалъ, а вручилъ де ему, Семену, да Костькѣ Иванову судити Мишку съ попомъ Денисьемъ въ иныхъ дѣлахъ. И человѣка де его, Оську Куцкевича, отецъ его безъ всякаго распроса отпустилъ къ нему; да отецъ же его къ Мишкѣ Васильеву того не приказывалъ, будто Куцкевичу учинено наказанье и къ Москвѣ о томъ писано, и онъ де, Гришка, зляся на него, Мишку, и для того, чтобъ тѣ непристойныя рѣчи на нихъ были не вынесены, его до смерти убить не хотѣлъ, и въ конецъ его не разорялъ и къ смерти не приправливалъ, и о тѣхъ неистовыхъ словахъ, не именуя дѣла, Василью Борковскому да Леонтью Полуботку такимъ образомъ, и будто не токмо ихъ царскаго величества людей онъ, Гришка, искореняетъ, но и государскому имени касается", Мишка Васильевъ говорилъ ли, того де онъ не вѣдаетъ; и изъ Батурина ѣдучи въ Стародубъ, въ то время, какъ братъ его, Гришковъ, былъ боленъ, при Васильѣ Борковскомъ, и при бывшемъ бунчужномъ Костькѣ Ивановѣ и при немъ, Мишкѣ, той рѣчи и о другомъ лицѣ онъ не говаривалъ и въ томъ де онъ шлется на нихъ, Василья и Костьку. Да въ 195 г., какъ онъ, Гришка, пошелъ изъ Запорожья къ Кодаку, и въ то де число бывшій прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко прежде началъ ему говорить: имѣетъ онъ, Гришка, у себя войска съ потребу, а изъ тѣхъ де надежные компанейцы да сердюки, и онъ бы де съ тѣмъ войскомъ сталъ въ Кодакѣ, а изъ Кодака бъ писать боярину, князю Василью Васильевичу Голицыну, за что его отца взяли? а онъ де, Лазарь, поѣдетъ въ Запорожье и когда де надобна будетъ орда, то де и орда будетъ, а если де ненадобна будетъ орда, то де онъ приведетъ запорожцевъ, а къ нимъ де пристанутъ многіе; а какъ придетъ окольничій Л. Р. Неплюевъ съ полкомъ, и онъ бы сталъ въ особомъ мѣстѣ, а когда де ихъ станетъ зацѣплять, то бы съ нимъ биться, а запасы бы на ихъ казацкое войско имать изъ государевыхъ запасовъ, что подъ Кодакомъ. И полковники де и старшина всѣ ему на томъ приговаривали крѣпко, и онъ де къ той ихъ мысли не присталъ и, помня къ великимъ государемъ свое крестное цѣлованье, въ томъ

ихъ намѣреніи имъ запретилъ, и ни къ какому измѣнному дѣлу въ то число и никогда никакой мысли у него не было".

Противъ извѣта Михаила Васильева Григорій Самойловичъ возразилъ слѣдующее: „По смерти де брата его, Семена, онъ, Мишка, въ его, Семеновыхъ, письмахъ Якушковой руки письмо нашелъ ли, и въ томъ Якушковомъ письмѣ, будто онъ, Гришка, хвалится и хочетъ переѣхать въ крымскую сторону, написано ль,—того онъ не вѣдаетъ; а онъ де въ крымскую сторону и никуда отъѣзжать не мыслилъ. А хотя бы де братъ его съ глупости, или по какой злобѣ на него и писалъ, чтобъ тому письму было не повѣрено; а по взятьѣ де у Мишки полковничества, онъ, Гришка, его къ себѣ въ домъ наединѣ не призывалъ и что „то ему учинила Москва, и когда бы онъ, Мишка, не смотрѣлъ въ Москву, а держался Украйны и его отца, то бы ему лучше было, и если упованіе свое на Москву оставитъ, то де онъ у отца своего о немъ упроситъ",—такихъ де словъ онъ Мишкѣ не говаривалъ; и будто, будучи на Москвѣ, видѣлъ онъ, „что править и держать московскаго государства некому и строенья ни отъ кого нѣтъ, а самая де крѣпость нынѣ во всей Руси его отецъ"—того онъ ему, Мишкѣ, не сказывалъ; и въ кіевскій де Братскій монастырь къ ректору, къ о. Өеодосію Гогуревичу, „чтобъ у Мишки милостыни не принимали, для того что отъ него противъ Украйны и отца его объявилась измѣна, такая, что посылывалъ онъ къ Москвѣ, желая украинскіе и отца его порядки потерять и всѣ малороссійскіе города наклонить по образцу слободскихъ городовъ, за каковую измѣну будетъ ему смертная казнь непремѣнно"—такого письма онъ не писывалъ и такого письма онъ въ Батуринѣ у Гогуревича не читалъ, потому что такого письма не было, а говорилъ де онъ, Гришка, Өеодосію Гогуревичу въ Батуринѣ словомъ не такъ, какъ Мишка его поклепалъ, выговаривая за то, что въ Братскомъ монастырѣ его, Мишкову, личину по подобію гетманскому напечатали съ крестами и съ булавою, и они бы де такъ впредь его личину не печатали, а и ему де, Мишкѣ, за то безъ бѣды не пробудетъ, что онъ свою личину печатаетъ по гетманскому. Въ 194 г. (1686) онъ, Гришка, писалъ письмо къ Леонтью Полуботку

своею рукою, а въ письмѣ тѣхъ словъ, что „ни государскія грамоты и ничто иное, едина только отца его милостивая воля крѣпчайше всего содержитъ“—не писано, то де рѣчь прибавочная.

Вслѣдствіе разницы въ показаніяхъ Григорія Самойловича и Михаила Васильева, имъ дана была въ спорныхъ статьяхъ очная ставка. На очной ставкѣ Михаилъ Васильевъ говорилъ то же, что и въ распросѣ; „а въ тѣхъ де спорныхъ статьяхъ онъ, Гришка, запирается, отбывая своей вины. А что де онъ, Мишка, отъ Ивашки Самойлова слышалъ въ Ромнахъ, и про то онъ, Гришка, вѣдалъ ли, того онъ не знаетъ, потому что говорилъ ему про то отецъ его, Ивашка; да что въ листу брата его Якушки написано, что онъ, Гришка, хотѣлъ бѣжать въ Крымъ къ хану, и про то де вѣдаетъ братъ его Якушка подлинно, а онъ де, Мишка, уличаетъ Гришку тѣмъ письмомъ, брата его рукою“.

Григорій Самойловичъ въ свою очередь заявилъ на очной ставкѣ, что „въ чемъ онъ великимъ государемъ принесъ свою вину, про то все сказалъ въ распросѣ, а которыя статьи оспариваетъ, и тѣмъ всѣмъ Мишка его клеплетъ напрасно; а онъ де того не говаривалъ и не писывалъ, и братъ его, Якушка, на него что писалъ ли, и отецъ его Мишкѣ въ Ромнахъ про что сказывалъ ли, про то онъ ничего не вѣдаетъ. А которыя статьи онъ спорилъ въ распросѣ, тѣ всѣ онъ споритъ и теперь на очной ставкѣ“.

Тогда Михаилъ Васильевъ билъ челомъ, чтобъ великіе государи указали Григорья Самойловича пытать, потому что онъ во многихъ статьяхъ винился, а на пыткѣ де и про тѣ дѣла, въ которыхъ запирался, скажетъ подлинно. Григорій же Самойловичъ, выслушавъ оговоръ Михаила Васильева, также билъ челомъ, чтобы великіе государи пытать его не указали, а велѣли бъ розыскать тѣми людьми, на которыхъ у нихъ была ссылка; да и подлинныхъ де писемъ онъ, Мишка, на очной ставкѣ не положилъ, а на очной ставкѣ тѣ письма положить было ему довелось и тѣми письмами свидѣтельствовать. А въ которыхъ статьяхъ онъ, Гришка, винился и спорилъ въ распросѣ, о тѣхъ статьяхъ твердитъ то же и инако де говорить не будетъ. Миха-

илъ Васильевъ отвѣчалъ ему, что какъ только письма будутъ привезены, онъ немедленно представитъ ему ихъ въ улику.

Посланные въ с. Михайловку за письмами сѣвскіе стрѣльцы, Демидъ Прокофьевъ и Василій Мукосѣевъ пріѣхали въ Сѣвскъ 16 сентября и, явясь въ разрядную избу, подали окольничему Л. Р. Неплюеву деревянный ставъ, съ прибитою двумя гвоздями къ ставу крышкою, перевязанный нитью и запечатанный сургучемъ. По осмотру въ немъ оказалось сорокъ три листа бѣлорусскаго письма о домовыхъ и козацкихъ дѣлахъ Михаила Васильева. Въ тѣхъ же письмахъ найдено письмишко сжено и рѣзано, подклеено другою бумагою, „а въ немъ написано неистово и плевелосѣятельно полчетверты строки"; по оговору Михаила Васильева то письмишко руки Григорья Самойловича. Кромѣ того въ числѣ „листовъ" были: листъ Ив. Самойловича, писанный къ Михаилу Васильеву, „съ клятвою на сына своего, Григорія"; листъ Якова Самойловича; листъ Ивана Самойловича, писанный къ Михаилу Васильеву, въ которомъ желаетъ добра размѣнному бею; три листа Григорія Самойловича къ Михаилу Васильеву.

Въ листахъ было написано слѣдующее: 1) Въ листу Ивана Самойлова къ Михаилу Васильеву, между прочимъ, сказано, что „онъ его проклятаго сына человѣка его непристойныя и погибельныя рѣчи у себя держитъ напрасно и такъ обмышляетъ, что межъ ими еще имѣетъ быть нѣкакая тайна; а что де написано, будто имъ не видно туда и чтобъ ему и до вѣку такъ далъ Богъ, каково было и есть, и онъ бы, Мишка, его и въ послѣднихъ дѣлахъ не скрылъ. То онъ, Мишка, вѣдаетъ и самъ, что Богъ совѣты злые разоряетъ. А человѣка его, Куцкевича, прислати бъ къ нему, Ивашкѣ, съ человѣкомъ его, съ Апонаскомъ; а плевелосѣятельныхъ такихъ словъ межъ людьми чтобъ онъ, Мишка, не разсѣвалъ, и чтобъ онъ отписалъ ему: Куцкевичъ такія слова отъ кого слышалъ"? 2) Въ Якушковомъ листу къ брату его, Семену, написано: „отецъ ихъ, Ивашка, брата его, Гришку, бранилъ съ плачемъ и клялъ страшно и говорилъ, чтобы отъ него шелъ куда хочетъ, понеже де всегда хвалится идти къ крымскому хану, и онъ бы шелъ, а онъ де, Ивашка, посмотритъ,

какъ будетъ жить". 3) Въ Ивашковомъ же листу къ Михаилу Васильеву написано: „вѣдомо де ему учинилось, что запорожцы хотятъ размѣннаго бея въ то число, какъ онъ поворотится съ казною въ Крымъ, перенявъ въ дорогѣ, казну отнять, и онъ вѣдаетъ, что своевольствомъ могутъ то учинити за побудкою ляцкою; и онъ бы де, Мишка, бея предостерегъ и чтобы онъ, бей, по его Михайлову совѣту послалъ отъ себя въ Казикермень наскоро, для того чтобы къ нему изъ Казыкерменя татаръ и янычаръ конныхъ навстрѣчу послано было наскоро". 4) Въ письмѣ Григорія Самойловича къ Михаилу Васильеву писано: „вѣдомо онъ ему, Мишкѣ, чинитъ, что отецъ его, Ивашка, на него, Гришку, сердитъ, невѣдомо за что, и за то де Богъ отмщеніе ему да воздастъ! Знатно де, за гнѣдую сердится лошадь, которую онъ, Ивашка, велѣлъ его, Гришкову, человѣку привести къ себѣ, и для той лошади присылалъ къ нему бунчужнаго; и онъ де ему отказалъ и говорилъ, что до того никто не дожилъ, чтобы на его лошади кому ѣздить при немъ. И за то де отецъ его на него и пущее положилъ сердце, и чтобъ отцу его то сердце съ болѣстью въ животѣ своемъ держать. Да еще онъ, Гришка, о двухъ дѣлахъ молитъ Бога: либо бы его предалъ смерти, или бы проклятое его Ивашково гетманство скороталося, а онъ бы де въ людяхъ лучше дослужился". 5) Въ его же письмѣ къ Михаилу Васильеву написано: „писалъ де онъ, Мишка, къ его, Гришкову, отцу, чтобъ навесть на него гнѣвъ, и то де онъ писалъ на свою бѣду и безголовье; и то бы онъ вѣдалъ, что онъ терпѣть такъ, какъ братъ его Сенька, не будетъ и за свое безчестье станетъ, а если онъ, Гришка, то забудетъ, чтобъ ему не встати на судъ Божій". 6) Въ листу Григорья Самойловича къ Михаилу жъ Васильеву написано: „самъ бы Богъ его, Гришку, скаралъ за тяжкую сердечную клятву, если онъ не отдастъ ему за свое безчестье; а на томъ онъ, Гришка, отца своего проситъ: если онъ надъ нимъ, Михаиломъ, указа не учинитъ, то онъ, оставя жену и дѣтей, для его, недобраго сына, съ Украйны выступитъ".

По прочтеніи обвиняемому и обвинителю приведенныхъ писемъ, Неплюевъ, „чтобы доискаться самыя правды", сдѣлалъ

распоряженіе о пыткѣ того и другаго, ссылаясь въ своемъ постановленіи на государеву грамоту. Но пытка тому и другому не была особенно жестока: Григорій Самойловичъ висѣлъ на встряскѣ съ полчаса, былъ дважды тянутъ и дано было ему пятнадцать ударовъ кнутомъ; Мишка Васильевъ тоже висѣлъ на встряскѣ и получилъ двѣнадцать ударовъ.

Будучи пытанъ, Григорій Самойловичъ говорилъ: „въ которыхъ статьяхъ въ первомъ распросѣ и на очной ставкѣ винился, въ томъ во всемъ и въ неистовыхъ словахъ и нынѣ винится жъ; а которыя де непристойныя слова онъ Мишкѣ говорилъ и писалъ, и тѣ слова онъ слышалъ отъ братьевъ своихъ, Якова и Семена, а отъ кого они слышали такія слова, того братья ему не говорили. И Василью Борковскому, да бывшему бунчужному Костькѣ Иванову да ему, Михаилу Васильеву, ѣдучи въ Стародубъ, онъ тѣхъ непристойныхъ словъ не говоривалъ, да въ тожъ число такихъ же словъ и о другомъ лицѣ, имъ не сказывалъ. А что де онъ, Гришка, въ распросѣ говорилъ на Лазаря Горленка съ товарищи въ измѣнѣ, и къ той измѣнѣ и къ воровству къ начинанію былъ первый онъ, Лазарка, а его де желанія къ той измѣнѣ не было". Когда ему показывали письмо и листы, Григорій Самойловичъ сказалъ: „то де письмо его руки, а писано въ немъ то, что онъ слышалъ отъ брата своего Якушки; а листы—одинъ руки его отца, другой—за его жъ рукою, третій—брата его Якова руки, да три листа его, Григорьевы, въ томъ числѣ два—его руки, а у третьяго въ концѣ приписано его рукою. Для чего его отецъ и братъ Яковъ такіе листы писали, про то не знаетъ, а онъ въ своихъ листахъ про отца своего и про Михайла Васильева писалъ съ сердца, а убить его, Михаила, не хотѣлъ. А что въ его листу написано, что онъ хочетъ выступить съ Украйны, и то де написалъ съ дерзости, а о побѣгѣ куда нибудь умысла у него не было".

Михаилъ Васильевъ съ пытки говорилъ: „что де онъ въ распросѣ и на очной ставкѣ на Григорія Самойлова говорилъ, то самая правда. А Василью Борковскому, да Костькѣ Иванову и ему, ѣдучи въ Стародубъ, онъ, Гришка, говорилъ, и въ то жъ число имъ же и о другомъ лицѣ такія же слова сказывалъ.

А что за Иваномъ Самойловымъ и за сыномъ его Григорьемъ какія дѣла вѣдалъ, о томъ въ распросѣ его писана самая правда", а о разговорахъ съ размѣннымъ беемъ и мурзами, и къ хану о подаркахъ съ пытки говорилъ то же, что и въ роспросѣ."

По окончаніи слѣдствія, по приказу окольничаго Л. Р. Неплюева, Григорій Самойловичъ и Михаилъ Васильевъ были отданы за приставовъ подъ караулъ, скованы, въ прежнія мѣста, а приставамъ и караульщикамъ было приказано накрѣпко, чтобы они держали ихъ въ соблюденіи твердомъ и караулы денные и ночные были у нихъ крѣпкіе, да и сами бъ пристава были на дворахъ безотлучно.

Все розыскное дѣло: распросныя и пыточныя рѣчи Григорья Самойловича и Михаила Васильева, письмо Григорьевой руки къ М. Васильеву и шесть листовъ бѣлорусскаго письма, 17 октября 1687 г. было отослано Неплюевымъ съ сѣвскимъ подъячимъ Титомъ Русиновымъ въ государственный посольскій приказъ къ князю В. В. Голицыну, съ товарищами; отсюда дѣло было перенесено въ боярскую думу и здѣсь, по выслушаніи доклада, состоялся слѣдующій приговоръ: „196 (1687 г.) октября въ 24 д. Великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, слушавъ сего розыску въ комнатѣ, съ комнатными бояры, указали и бояре приговорили: Гришку Самойлова за его воровскія, затѣйныя и непристойныя слова, о которыхъ его воровскихъ словахъ и о письмѣ его руки, въ которомъ онъ тѣ непристойныя и воровскія, затѣйныя свои слова говорилъ и написалъ, имъ, великимъ государемъ, извѣстно и у розыску въ томъ онъ, Гришка, винился, и то его Гришкино воровское вышепомянутое письмо поднесено имъ, великимъ государемъ, того жъ числа и оставлено въ хоромѣхъ; тако жъ за его измѣну, какъ онъ, будучи въ Запорогахъ, хотѣлъ и умышлялъ имъ, великимъ государемъ, измѣнить, въ чемъ на него писалъ въ большой полкъ къ ближнему боярину, и оберегателю и дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу Голицыну, съ товарищи изъ Запороговъ

товарищъ его, окольничій и воевода, Леонтій Романовичъ Неплюевъ, съ товарищи, и что изъ Запороговъ онъ Гришка, забунтовавъ, ушелъ съ ратными людьми своевольствомъ своимъ къ Кодаку, безъ великихъ государей указу, и у того розыску въ томъ онъ, Гришка, винился жъ, а сказалъ, что наговаривалъ де его и приводилъ къ той измѣнѣ бывшій прилуцкій полковникъ Лазарка Горленокъ, а онъ будто къ тому воровству и къ измѣнѣ приставать не хотѣлъ, и потому по всему знатно, что и онъ, Гришка, мыслилъ о томъ съ нимъ, Лазаркомъ, обще, а если бъ его умыслу въ томъ не было, и онъ бы изъ Запороговъ прибѣжалъ самъ, извѣстясь о томъ, или бъ отписалъ въ полки къ ближнему боярину, и оберегателю и большаго полку къ дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу съ товарищи, или бъ сказалъ о томъ въ Запорогахъ окольничему и воеводѣ Леонтью Романовичу съ товарищи,—*казнить смертью*. А женѣ его дать свободу и жить ей въ малороссійскихъ городѣхъ, въ которыхъ пристойно, по гетманскому разсмотрѣнію, и дать ей на прожитокъ изъ его, Гришковыхъ, пожитковъ двѣсти рублевъ денегъ, да изъ платья ея камчатыя, и атласныя, и суконныя теплыя бѣльи и лисьи и холодныя платна, кромѣ золотныхъ, и бархатныхъ, собольихъ и холодныхъ платенъ; а бѣлое всякое платье, также и Гришкино платье, которое есть на немъ нынѣ въ Сѣвску, отдать всей ей. А Мишку Васильева пожаловали великіе государи, смертью его казнить не велѣли, а указали съ женою его и съ дѣтьми, отдавъ ему всѣ пожитки его, и хлѣбъ, прислать его къ Москвѣ съ провожатыми: а что ему пожитковъ его всякихъ будетъ отдано и тому всему прислать роспись. А село его Михайловку съ деревнями и со всѣми людьми, и съ крестьяны, и съ мельницами, и съ землями, и съ хуторы, и съ пасѣки и съ сады указали великіе государи отписать къ сумскому полку и написать того села и деревень жителей и мастеровыхъ людей, также и дворовыхъ его людей, буде которые съ нимъ ѣхать къ Москвѣ не похотятъ, въ казаки и дать имъ сотника добра, и быть сотнѣ михайловской, и вѣдать ихъ службою и расправою сумскимъ полковникомъ, и учинить въ томъ селѣ Михайловкѣ острогъ съ крѣпостьми; а съ мельницъ, и съ пасѣкъ медъ, и съ садовъ яблоки

и иной овощъ сбирать и въ прудахъ рыбу ловить на себя, великихъ государей. И къ тому бъ ко всему приставили они, полковники, цѣловальниковъ добрыхъ, и для того послать въ Михайловку изъ Сѣвска дьяка Михаила Жаденова. А Ивана Самойлова указали великіе государи сослать изъ Кукарки въ Сибирь въ Тоболескъ, а сына его, Якушка, и съ женою его въ Енисейскъ и держать ихъ въ тѣхъ городѣхъ за крѣпкимъ карауломъ и давать своего, великихъ государей, жалованья кормъ по прежнему; а отъ Кукарки до Тобольска велѣть съ ними послать въ приставѣхъ казанцевъ двухъ человѣкъ дворянъ добрыхъ и провожатыхъ служилыхъ людей, сколько человѣкъ пристойно. А Григорья Бахметева, принявъ у него Ивана и Якушку, велѣть отпустить къ Москвѣ. А въ Тобольскѣ, принявъ Ивана и Якушка, отпустить тѣхъ казанцевъ и съ служилыми людьми въ Казань, и послать Якушка изъ Тобольска за крѣпкимъ карауломъ въ Енисейскъ. И указали великіе государи о томъ свои, великихъ государей, грамоты въ Сѣвскъ, и въ Казань, и къ Григорью Бахметеву и къ гетману для вѣдома, а въ Сибирскій приказъ о пріемѣ память послать. Думной дьякъ Емельянъ Украинцовъ".

Государева грамота о казни Григорья Самойловича и о присылкѣ въ Москву Михаила Васильева послана въ Сѣвскъ воеводѣ Л. Р. Неплюеву 31 октября 1687 г. съ сѣвскимъ подьячимъ, а въ отвѣтъ въ Москвѣ была получена отписка Неплюева, въ которой онъ писалъ: „...и по вашему, великихъ государей, указу Гришкѣ Самойлову у казни его воровскія, затѣйныя и непристойныя слова и измѣна сказана и казненъ смертью, отсѣчена голова, ноября въ 11 числѣ нынѣшняго 196 г. (1687), а у казни былъ солдатскаго строя полковникъ Тимоѳей Фандервидинъ". На отпискѣ сдѣлана помѣта: „196 г. ноября въ 21 д. Великимъ государемъ и великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ извѣстно. Взять къ отпуску". Этими словами—взять къ отпуску—и закончилось для Москвы существованіе въ свое время опаснаго для нея козака Григорья Самойловича.

А. Востоковъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.

Вся наша жизнь объята культурными переживаніями, остатками древняго міросозерцанія и древней морали. Много ихъ въ понятіяхъ, нравахъ, языкѣ и бытѣ современнаго интеллигентнаго общества, и еще болѣе въ нравахъ и понятіяхъ простаго народа. Широкій потокъ цивилизаціи новаго времени, повсемѣстное господство скептицизма и критики не могли еще очистить народную жизнь отъ остатковъ древней грубости нравовъ и темныхъ повѣрій старины. Культурныя переживанія упорно держатся въ семьѣ и въ обществѣ, проникаютъ въ искусство и литературу. Что можетъ быть, напримѣръ, невѣжественнѣе и грубѣе вѣры въ колдовство, въ порчу и гоненія на мнимыхъ представителей демонической силы—вѣдьмъ, однако, такая вѣра и гонительство, какъ темныя культурныя переживанія, проявляются и въ Россіи, и въ западной Европѣ среди простаго народа. Въ 1875 году Нипольдъ издалъ сочиненіе, любопытное уже по заглавію: „Die gegenwärtige Widerbelebung des Hexenglaubens“, а въ сущности дѣло состоитъ не въ оживаніи, а въ переживаніи понятій и нравовъ темной старины. Не все то хорошо, что ново, и среди культурныхъ пережитковъ, большею частью дѣйствительно мрачныхъ и грубыхъ, встрѣчаются весьма цѣнные съ точки зрѣнія прогресса и морали. „Въ историческомъ прошломъ народовъ, замѣчаетъ г. Кулишеръ, было много добрыхъ злаковъ, до того добрыхъ, что въ нѣсколько измѣненной формѣ они являются идеаломъ лучшаго будущаго. Многія изъ тѣхъ бытовыхъ формъ и нравственныхъ понятій, которыя исчезли уже изъ жизни болѣе культурныхъ народовъ, погибли не потому, что онѣ не соотвѣтствовали высшему критерію добра, не потому, что онѣ не удовлетворяли интересамъ и потребностямъ большинства лицъ,

жившихъ въ этихъ формахъ, а потому, что онѣ не выдержали борьбы съ иными бытовыми формами, съ которыми имъ пришлось столкнуться" (Очерки сравн. этногр. 7).

Въ народной жизни культурныя переживанія стоятъ въ настоящее время независимо одно отъ другаго, какъ разнородные и разновременные обломки старины. Въ предлагаемыхъ вниманію статьяхъ я не буду подгонять культурныя переживанія подъ извѣстныя рубрики, миѳологическую, историко-литературную, сравнительно-этнографическую, или дѣлить ихъ по внѣшнему формальному сходству обрядности или значенія. Всякому культурному переживанію отводится самостоятельное мѣсто и посвящается особое изслѣдованіе. При такой постановкѣ дѣла выигриваютъ изслѣдователь и читатель. Изслѣдователь не стѣсненъ матеріаломъ, разсматриваетъ то, что ему болѣе нравится и болѣе извѣстно, и всегда можетъ остановиться, на любомъ мѣстѣ своего труда, читатель имѣетъ въ такомъ случаѣ передъ собою рядъ статей разнообразнаго содержанія, по возможности законченныхъ, и можетъ дѣлать изъ нихъ выборъ по своимъ личнымъ научнымъ наклонностямъ и привычкамъ.

Принимая во вниманіе спеціальный характеръ „Кіевской Старины", я и въ слѣдующихъ моихъ этюдахъ о folk-lare на первое мѣсто ставлю южно-русскій этнографическій матеріалъ; но при объясненіи его считаю необходимымъ обращаться къ бытовой археологіи арійскихъ народовъ и въ частности къ сравнительно-историческимъ изслѣдованіямъ обрядовъ, повѣрій и сказаній славянскихъ народовъ.

1.

Олень въ произведеніяхъ народной словесности и искусства.

Пѣсенный мотивъ о турѣ-оленѣ —Двойственное значеніе тура-оленя.—Олень въ міросозерцаніи и символикѣ языческихъ народовъ.—Символическій олень христіанскаго искусства и литературы.—Пути распространенія мотива объ оленѣ.—Современное пѣсенное значеніе тура-оленя.

Въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчается темный образъ чудовищнаго звѣря тура-оленя. Такъ, въ галицкихъ колядкахъ:

Ой шумыть, шумыть геть дубровонька,
Зійшла жь ся и къ ней вся громадонька:
Чого жъ ты шумишь, гей, дубровонька,
Ой тожь я знаю, чого я шумю,
Бо въ мене е чудное звѣрють,
Чудное звѣрють сиве оленють;
Въ того оленя семьдесятъ рогивъ.... (*Голов*. IV, 18).

—

(Газдыня) дывыться, дывыться въ чистое поле,
Ой высмотрѣла дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-оленя;
На головцѣ жъ му та девять рожкивъ... (*Голов*. II, 48).

—

Шуми, не шуми чомъ дубровонько,
Ой якъ же менѣ, гей, не шумиты,
По мене ходитъ дивное звѣря,
Дивное звѣря девятороге,
А на десятимъ святый тарильчикъ,
На тимъ тарильци золотый стильчикъ,
На тимъ стильчику панночька сидитъ... (*Голов*. IV, 612).

—

..... Дивное звѣря тура-оленя
Що на головки девять рижечкивъ,
А на десятимъ теремъ збудованъ,
А въ тимъ тереми гречна панночка... (*Гол*. II, 84).

—

Ходитъ по мени всякая звирька,
Всякая звирька, сивый оленю,
На кимъ оленю симдевять рогивъ,
А тій десятый самый золотый,
А въ кимъ золотимъ свитлечко горыть,
А въ кимъ свитлочку панночка сидить (*Kolberg* Pokucie I. 108).

Этотъ мотивъ встрѣчается съ нѣкоторыми измѣненіями въ великорусскихъ пѣсняхъ. Молодецъ собирается застрѣлить „мать сѣру ланью съ ланятами,“ но она направляетъ его на турка. Въ другой пѣснѣ, болѣе близкой къ малорусскимъ колядкамъ.

Во тѣхъ ли лугахъ все шелкова трава,
По той по травушкѣ ходитъ олень,
Ходитъ олень золотые рога.

Молодецъ женихъ (пѣсня свадебная) хочетъ застрѣлить бѣлаго оленя, но послѣдній сказалъ:

Не бей меня, Иванъ господинъ,
Нѣ въ кое время я самъ пригожусь:
Станешь жениться на свадьбу приду
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
Всѣхъ я твоихъ гостей взвеселю. (*Потебня*, Коля[illegible]21).

Пѣсенный мотивъ объ оленѣ золотые рога встрѣчается у сербовъ и болгаръ, при чемъ обнаруживается большое сходство сербскихъ пѣсень съ пѣснями малорусскими объ оленѣ. Въ лазарской пѣснѣ въ честь неженатаго парня, записанной въ Старой Сербіи:

Іелен пливат по море,
Златни му се рогови,
На рогови пиргови (т. е. башни),
На пиргови тронови,
На тронови млад юнак (*Ястребовъ*, Об. и пѣс. тур серб., 110).

Въ другой пѣснѣ олень также плыветъ по морю; на рогахъ у него башня; на башнѣ взголовье; на немъ дѣвица нижетъ бисеръ (Потебня, Колядки, 339).

Въ болгарской величальной пѣснѣ молодецъ сынъ хозяина

Ни намери дрибна лова,
Най намери сур-илена,
Сур-илена злътурога.

Молодецъ замахиваетъ копьемъ, и олень, какъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, обращается къ охотнику съ рѣчью (*Потебня*, Колядки, 330). Болгарскихъ пѣсенъ объ охотникѣ и оленѣ записано нѣсколько (ib. 330—339).

Такимъ образомъ, малорусскій пѣсенный мотивъ объ оленѣ золотые рога есть мотивъ обще-славянскій. Значительное сходство славянскихъ пѣсень съ этимъ мотивомъ даетъ поводъ къ предположенію о вліяніи пѣсенности одного славянскаго народа на пѣснотворчество другаго народа, близкаго по мѣстежительству и умонастроенію.

Туръ-олень является весьма любопытнымъ и сложнымъ историческимъ явленіемъ. Темнота его поэтическаго образа проистекаетъ отъ того, что въ немъ слиты въ одно два совершенно различныхъ предмета, во первыхъ предметъ изъ міра зоологическаго bos primi-

genius—туръ, и во вторыхъ предметъ историко-литературный и историко-художественный символическій олень.

Я уже имѣлъ случай говорить о значеніи тура въ народной словесности (въ „Кіев. Стар.,“ потомъ отдѣльной брошюрой) и здѣсь повторю только общій выводъ, что туръ существовалъ въ Россіи, преимущественно южной, съ древнѣйшихъ временъ до шестнадцатаго столѣтія включительно и, какъ животное крупное и сильное, надолго сохранился въ народной памяти и вошелъ въ народные обряды, поговорки и пѣсни[1]), но при этомъ возможно, что онъ вошелъ въ малорусскую поэзію подъ вліяніемъ непонятнаго болгарскаго пѣсеннаго сур-оленя.

Въ исторіи развитія поэтическихъ, литературныхъ и художественныхъ образовъ оленя можно намѣтить два періода—древнѣйшій, религіозно-миѳическій и новый христіанскій. Символическій олень возникъ изъ религіозно-миѳическихъ представленій объ оленѣ древнихъ классическихъ народовъ и получилъ блестящее развитіе въ искусствѣ и словесности христіанскихъ народовъ, какъ западныхъ католическаго вѣроисповѣданія, такъ и восточныхъ, вѣроисповѣданія православнаго. Разными путями символическій олень проникъ въ старинную русскую литературу и въ малорусскую народную словесность, преимущественно въ колядки, въ которыхъ церковно—историческое содержаніе гораздо болѣе значительно, чѣмъ принято думать, такъ что многіе мотивы, напримѣръ, міровое дерево, райскія пташки и др., ближайшимъ источникомъ имѣютъ не религіозно-миѳическія представленія отдаленной древности, а религіозныя повѣствовательныя и апокрифическія сказанія христіанской эпохи.

Въ міросозерцаніи и символикѣ древнихъ народовъ олень занимаетъ видное мѣсто, какъ образъ солнечнаго божества, какъ символъ свѣта и жизни. У египтянъ олень служилъ знакомъ для обозначенія солнечнаго года. У грековъ олень былъ посвященъ Аполлону. Кромѣ того, это было любимое животное Геркулеса. По весьма распространенному въ древности мнѣнію, олень пожиралъ змѣй.

---

[1]) Въ дополненіе къ моей ст. о Турѣ см. сочиненіе *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго* „Къ вопросу о быкѣ въ религ. представленіяхъ древн. Востока 1885 г. и соч. *Wankel*'я Der Bronzestier aus der Byciskala—Höhle 1877 г.

Повѣрье это, отвергаемое положительной наукой, прочно держалось въ средніе вѣка и въ новое время. Для предохраненія отъ укушенія змѣинаго носятъ оленій зубъ. Согласно съ своимъ значеніемъ солнечнаго животнаго, олень, какъ всѣ греческіе боги и герои солнечнаго происхожденія, обнаруживаетъ любовь къ музыкѣ. Аристотель раздѣляетъ народное повѣрье, что оленя можно очаровать и поймать звуками музыки. Въ европейскихъ могилахъ каменнаго вѣка и болѣе позднихъ меровингской эпохи и въ могилахъ англосаксонскихъ находятъ оленьи рога, при чемъ усматриваютъ въ нихъ символъ безсмертія души. Символическое значеніе оленя отчетливо обнаруживается, между прочимъ, въ одномъ скульптурномъ изображеніи на гробницѣ: дитя лежитъ на оленьей шкурѣ и держитъ въ рукахъ оленя или ягненка, а подъ нимъ ползетъ ехидна. Здѣсь змѣя означаетъ смерть, а оленья шкура и ягненокъ воскресенье и побѣду жизни надъ смертью. (*Palus Cassel*, Aus Literatur und Symbolik. 1884, 281).

Солнечнымъ значеніемъ оленя обусловлено повѣрье въ продолжительность его жизни. Существовало повѣрье, что олень можетъ жить сотни лѣтъ. Согласно съ нимъ, нѣкоторые ѣли оленье мясо съ цѣлью долго прожить (ib. 282)

Религіозныя представленія оленя существовали въ южной Россіи въ древнее время, что подтверждается археологическими изслѣдованіями профес. В. Б. Антоновича о скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Такъ, на одной скалѣ высѣчена слѣдующая группа: съ одной стороны стоитъ дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей, горизонтальной, сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ стоитъ на колѣнахъ человѣческая фигура, изображенная въ профиль и нѣсколько напоминающая своими контурами каменныя бабы; фигура эта держитъ въ рукахъ чашу, совершая какъ-будто либацію. Сзади за человѣческою фигурою стоитъ фигура оленя съ вѣтвистыми рогами; послѣдняя при томъ поставлена, повидимому, какъ изображеніе не живаго, а монументальнаго оленя, ибо ноги ея опираются на умышленно выкованный подъ ними пьедесталъ. Между рогами оленя и пѣтухомъ находится квадратъ, въ видѣ рамки, но произведенный не рельефомъ, а выдолбленный въ скалѣ, что наводить на мысль, что ква-

дратъ этотъ высѣченъ не одновременно съ остальными фигурами, а, вѣроятно въ гораздо болѣе позднее время. (*Труды* Одес. Арх. Съѣзда I, 39).

Скальный рельефъ съ оленемъ по содержанію своему имѣетъ очень близкое отношеніе и къ языческимъ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, и къ христіанской символикѣ. В. Б. Антоновичъ высказываетъ предположеніе, что изображенная на скалѣ группа представляетъ сцену изъ славянскаго предшествовавшаго христіанству религіознаго культа О древности происхожденія барельефа свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что гранитная скала, на которой онъ изсѣченъ, вывѣтрилась послѣ изсѣченія равномѣрно и на поверхности ея образовались глубокія продольныя борозды, которыя пересѣкаютъ равно гладкую поверхность скалы и высѣченныя на ней фигуры. Въ ближайшихъ окрестностяхъ пещеры найдено много кремневыхъ осколковъ и въ томъ числѣ нѣсколько экземпляровъ совершенно явственныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій (ib. 100).

Все содержаніе скальнаго рельефа можно объяснить вполнѣ удовлетворительно фактами христіанской символики и литературы, главнымъ образомъ данными житія св. Евстафія Плакиды, о чемъ ниже, и только точное хронологическое опредѣленіе рельефа, если только оно возможно, могло бы рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону.

Въ священномъ писаніи олень служитъ символомъ разныхъ нравственныхъ понятій (см. Псалтырь, пс. XXVIII, 9, и Пѣснь пѣсней, II, 17). Первые христіане изображали оленя на гробницахъ, преимущественно какъ символъ Спасителя, иногда какъ символъ апостоловъ или святыхъ Олень служилъ также символомъ души, въ томъ смыслѣ, что душа боится грѣха и готова съ быстротой бѣжать отъ него. На западѣ символическій олень встрѣчается на древнихъ мозаикахъ, гробницахъ, иконописныхъ изображеніяхъ и чаще всего въ баптистеріяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ присутствіе оленя обусловлено словами 41 псалма: „имже образомъ желаетъ олень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже!“

Въ исторіи символики, живописи и словесности особенно важное значеніе имѣетъ символическое представленіе Христа въ видѣ

оленя, отдѣльно или въ сочетаніи съ крестомъ. На сводахъ катакомбы св. Марцелины и Петра и на древней трибунѣ латеранскаго храма находится изображеніе двухъ оленей и креста между ними. (*Martigny* Diction. d' antiq. chret. 136).

Символическій олень съ распятіемъ между рогами получилъ широкое распространеніе въ западныхъ и восточныхъ религіозныхъ легендахъ. Въ житіяхъ латинскихъ святыхъ Губерта, Евстерія, Германа Окирскаго и Норберта и въ древнемъ греческомъ житіи Евстафія Плакиды встрѣчается символическій олень. Губертъ съ такой яростью предавался охотѣ, что совершенно забылъ о спасеніи своей души Но, по милосердію Божію, онъ встрѣтился однажды съ оленемъ, который несъ на головѣ чашу съ св. дарами. Сіяніе, распространявшееся отъ головы оленя, было до такой степени ослѣпительно, что охотничьи собаки испугались и отказались на всю жизнь отъ травли оленей. Губертъ, понявъ, что его увлеченіе охотой непріятно Господу, ушелъ въ пустыню и сталъ впослѣдствіи учить людей смиренію и кротости и пользовать ихъ отъ болѣзней цѣлебными травами (*Туссенель*, Нравы животныхъ, 135). Эта легендарная подробность воспроизводится въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ европейскихъ преданіяхъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что Іоахимъ II, курфирстъ бранденбургскій, незадолго до своей смерти увидѣлъ разъ во снѣ оленя съ блестящимъ золотымъ распятіемъ между рогами. Олень этотъ оказался предвѣстникомъ смерти курфирста. (*Ждановъ*. Къ литер. ист. былев. поэзіи, 80). Подобнаго рода народное преданіе литературно обработано Флоберомъ въ Легендѣ о св. Юліанѣ Милостивомъ.

Олень встрѣчается въ византійскихъ житіяхъ святыхъ и въ миніатюрахъ. Такъ, въ греческой рукописи париж. нац. библ., содержащей избранныя рѣчи Григорія Богослова, съ хронологической помѣткой 1262 г., находится, между прочимъ, слѣдующая миніатюра поэтическаго характера. Къ рѣчи „на Новое Воскресеніе“ въ прелестномъ фронтисписѣ, наполненномъ арабесками и внутри осьми-угольнаго поля, образованнаго оригинальнымъ плетеніемъ вѣтвей, виньетка изображаетъ молодаго пастуха съ кошелкою на плечѣ, среди оленей, славословящаго Бога. Въ небѣ Христосъ по грудь. Буква рядомъ изображаетъ пастуха, доящаго ланей (*Кон-*

даковъ, Исторія визант. искусства, 203. Снимокъ съ миніатюры см въ Приложеніи, на табл. XIII, 3).

Что символическій олень проникъ глубоко въ греческую словесность и искусство, видно изъ того, что онъ отразился на греческихъ народныхъ пѣсняхъ. Такъ, по одному варіанту пѣсни о Дигенисѣ, смерть этого выдающагося средневѣковаго греческаго богатыря произошла въ наказаніе за то, что онъ убилъ вѣщаго оленя съ распятіемъ среди роговъ, звѣздой во лбу и образомъ Богородицы среди лопатокъ. (*Ждановъ*, Къ литер. ист, 80). Въ другой греческой пѣснѣ о Дигенисѣ олень обращается уже въ мѣстнаго духа на высокомъ гребнѣ горы, съ крестомъ на рогахъ, съ мѣсяцемъ на заднихъ ногахъ. Онъ содрогается, и содрогаются горы и поля; ударомъ ноги онъ выбиваетъ деревья къ корнемъ, (*Дестунисъ*, въ Сборн. Ак. Наукъ XXXIV, I, 30).

Возвращаясь къ малорусскимъ пѣсеннымъ мотивамъ съ оленемъ золотые рога и сходнымъ съ ними пѣсеннымъ образомъ другихъ славянскихъ народовъ, мы попробуемъ хотя приблизительно и гадательно опредѣлить путь въ распространеніи ихъ и въ частности попытаемся разъяснить вопросъ, какимъ путемъ проникли эти мотивы въ южнорусскую народную поэзію.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что символическій олень возникъ и развился на древней классической почвѣ. Таинственный образъ оленя нашелъ большое распространенія въ Греціи; здѣсь онъ проникъ въ иконопись, миніатюру и народныя пѣсни, и отсюда уже, т. е изъ Греціи, перешелъ въ славянскія страны путемъ литературной и устной передачи. По справедливому замѣчанію Леграна: „plusieurs chronographes byzantins nous apprennent, que les chansons populaires grecques des cette époque (т. е. средневѣковыя, напр., пѣсни о Дигенисѣ) étaient très repandues dans les pays slaves.“ Въ частности извѣстно, что сказанія о Дигенисѣ, гдѣ встрѣчается и олень, издавна были извѣстны на Руси и сдѣлались отчасти достояніемъ русской народной поэзіи (подробности см. у *Жданова*, Къ литер. ист. 77, 233—239; *Дестуниса*, въ Сборн. Акад. Наукъ XXXIV, I, 29—32).

По всей вѣроятности, символическій олень первоначально проникъ въ Болгарію, можетъ быть въ IX или X вѣкѣ, цвѣтущіе

вѣка болгарской письменности. Въ это время были переведены съ греческаго на болгарскій книги священнаго Писанія, книги богослужебныя, многія отеческія творенія, разныя статьи философскаго и психологическаго содержанія. Во главѣ литературнаго движенія стоялъ самъ царь „книголюбецъ“ Симеонъ, а вокругъ него группировались переводчики и писатели. Въ это время обнаружились здѣсь и попытки самостоятельной литературной дѣятельности, при чемъ на развитіе болгарской письменности и поэзіи оказали сильное вліяніе богумилы. Вообще, болгарская литература X вѣка, по словамъ И. В. Ягича, была уже на столько богата, что могла сравниться съ современными литературами греческой и латинской и рѣшительно превосходила всѣ современныя европейскія литературы.

Изъ Болгаріи символическій олень легко могъ проникнуть въ Сербію и южную Русь, при чемъ обычный въ болгарской народной поэзіи эпитетъ сур (сур-иленъ, сура-ламя) въ однѣхъ украинскихъ пѣсняхъ сохранился (сив. оленютъ, сивый олень) въ другихъ пѣсняхъ обратился въ названіе извѣстнаго животнаго тура, и потомъ уже наросли бытовыя подробности объ охотѣ на тура и его внѣшнемъ видѣ. Трудно сказать, какимъ путемъ и когда балканскій сур-илен переселился въ русскую народную словесность, можетъ быть черезъ Румынію, которая въ старое время служила переходнымъ мостомъ для разныхъ бытовыхъ и литературныхъ вліяній, славянскихъ и романскихъ. Въ румынскихъ колядкахъ, между прочимъ, встрѣчается мотивъ объ охотѣ на ланъ (*Веселовскій*, Сборн. Акад. Наукъ XXXII. 256). Число 9 встрѣчается въ греческихъ былинахъ о Дигенисѣ (посѣялъ 9 мѣрокъ зерна: см. *Дестуниса*, стр. 15); оттого, м. б., и девять роговъ у оленя.

Великорусскіе пѣсенные мотивы объ оленѣ могли непосредственно произойти изъ письменности, или они взяты изъ вторыхъ или третьихъ рукъ и затѣмъ удержались и распространялись подъ вліяніями книжными, житій святыхъ, подлинниковъ и иконописныхъ изображеній, которыя заимствовали оленя изъ первоисточника, греческой духовной литературы. Въ старинной московской письменности символическій олень игралъ видную роль. Онъ вошелъ въ изображенія страшнаго суда. Такъ, въ одномъ подлинникѣ XVIII вѣка на иконѣ Страшнаго суда полагается, между прочимъ, Христосъ

въ кругу въ образѣ оленя объ одномъ рогѣ (*Буслаевъ*, Истор. очерки, II, 134).

Въ старинной литературѣ выдается житіе св. Евстафія Плакиды по подробному описанію символическаго оленя. Плакида, „стратилатъ при Троянѣ царѣ,“ любилъ охоту. Однажды онъ погнался за большимъ и красивымъ оленемъ. Олень соскочилъ на высокій камень и остановился. Надъ рогами его показался крестъ, испускавшій свѣтъ сильнѣе солнца, а посреди роговъ образъ святаго тѣла Христова: „О Плакидо, что мя гонеши? сказалъ олень. Се тебе ради пришелъ есмь на животнѣмъ семъ явитися тебѣ. Азъ есмь Іисусъ Христосъ... Си слыша стратилатъ пристрашенъ бѣ, спаде съ коня (*Великія Минеи-Четьи* I 1284 и 1287). Это описаніе символическаго оленя объясняетъ происхожденіе подножія оленя на днѣстровскомъ скальномъ рельефѣ, если допустить мысль о христіанскомъ его происхожденіи, объясняетъ также многія пѣсенные мотивы съ оленемъ, напримѣръ, слова оленя, что онъ пригодится молодцу на свадьбѣ, въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, въ особенности рельефно объясняетъ происхожденіе жалобъ оленя (что мя гонеши) въ великорусскихъ пѣсняхъ.

Пѣсни съ туромъ-оленемъ золотые рога получили характеръ и значеніе величальныхъ пѣсенъ, и образъ тура оленя въ настоящее время прилагается преимущественно къ жениху. Въ великорусскихъ пѣсняхъ лань указываетъ охотнику невѣсту; въ малорусскихъ олень обѣщаетъ парубку прійти къ нему на свадьбу; въ одной сербской пѣснѣ олень перебрасываетъ дѣвицу черезъ рѣку, что по смыслу пѣсни имѣетъ отношеніе къ замужеству. Вообще, въ серскихъ пѣсняхъ—женихъ, лань (кошута)—невѣста; или женихъ и его братья охотники, олень—невѣста. (*Потебня*, Колядки 319—328).

2.

Принесеніе въ церковъ хлѣба и мяса.

Языческое кормленіе боговъ. — Двоевѣріе. — Историческія свидѣтельства о принесеніи въ церковъ пищи и питья.

До принятія христіанства славяне имѣли вещественныя изображенія религіозво-миѳическихъ представленій, олицетворявшія стихійныя силы и явленія природы въ формѣ истукановъ или идоловъ,

которымъ приносили въ жертву мясо, хлѣбныя печенія и напитки. Въ покормъ богамъ шло все, что употреблялъ въ пищу человѣкъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго и Льва Діакона руссы приносили въ жертву живыхъ птицъ. Въ Словѣ Христолюбца говорится о „моленіи короваевъ,“ о закланіи куръ „бѣсамъ“ (т. е. идоламъ), о предложеніи имъ молока, масла, яицъ и „всего потребнаго“

Обычаи языческаго жертвоприношенія оставили глубокіе слѣды въ народной жизни. Принявъ христіанство, допускающее только символическую жертву Богу, въ видѣ свѣчъ и ладана, восточные славяне въ частности южно-руссы, долгое время сохраняли матеріальный взглядъ на молитву и церковное освященіе въ большіе праздники съѣдобныхъ предметовъ. Въ великорусскихъ областныхъ говорахъ слово моленіе до сихъ поръ удержало характеръ кормленія домоваго или языческаго жертвоприношенія. Въ старинной южнорусской письменности находится нѣсколько любопытныхъ указаній на обычай приносить въ церковь на освященіе пищу и питье. Въ поученіи пр. Өеодосія печерскаго къ народу противъ пьянства половины одинадцатаго вѣка находится уже порицаніе обычая „благословлять кутью во оставленіе грѣховъ.“ Никакимъ приношеніемъ, говоритъ Өеодосій, не очищаются грѣхи, кромѣ приношенія тѣла и крови Господней. Далѣе Өеодосій порицаетъ обычай приносить въ олтарь, кромѣ просфоръ, ладона и свѣчъ, пищу и питье (*Макарій*, Ист. рус. церкви, II).

Такое же документальное указаніе на существованіе въ западной и южной Россіи обычая приносить въ церковь пищу и питье находится въ письмѣ супральскаго архимандрита Сергія Кимбара къ кіевскому митрополиту Макарію II около 1536 года. Указывая на разныя нестроенія въ церковной жизни тогдашняго западно-русскаго общества, Кимбаръ замѣчаетъ, что „и мяса, и хлѣбы и церквахъ посвящаютъ и внутрь святого алтаря нѣціи и мясо и сыры и хлѣбы и овощіе всякое, и медовину, и оловину вносятъ и животная скоть во освященные храмы нѣкогда пущаютъ; а то крѣпко въ святыхъ правилахъ отречено и запрещено не токмо у святый олтарь таковая, но и въ церковь никако не вносити, а ни животныхъ скотинъ упущати; въ святый же алтарь кромѣ вина

служебнаго и масла древяннаго и тиміяна инѣхъ не повелѣно вносити подъ клятвою, а по тутошнему обычаю въ томъ не радятъ а ни того знаютъ, а ни хотятъ знати" (*Архивъ* юго-зап. Россіи, ч. I, т. VII, 13).

Прошло 50 съ небольшимъ лѣтъ, и въ 1589 г. константинопольскій патріархъ Іеремія обратился съ окружной грамотой къ литовско русскому духовенству и мірянамъ объ уничтоженіи обычаевъ приносить въ церковь мяса и пироги для освященія въ праздники Рождества Христова и св. Пасхи. Патріархъ находитъ неправильнымъ, что малороссіяне на другой день праздника Рождества Христова празднуютъ пологъ Богородицы и приносятъ въ церковь „семидаліонъ, муку печену". Южно-русское духовенство въ соборномъ посланіи 1590 г., согласно съ грамотой патріарха, осудило обычаи приносить въ церковь пироги и освящать хлѣбъ и мясо. (*Акты* Запад. Рос. IV § 22).

Нѣчто подобное встрѣчается и нынѣ въ крестьянскомъ быту. Такъ, въ обширной корреспонденціи изъ Зміева (Харьк. губ.) о мѣстныхъ церковныхъ дѣлахъ, напечатанной въ № 2580 Южнаго Края отъ 3 іюля 1888 года, между прочимъ. говорится, что „въ Зміевѣ многіе изъ крестьянъ вмѣстѣ съ пасхой и другими съѣстными припасами, освящаемыми для разговѣнья, освящаютъ еще и другіе совершенно не подходящіе предметы, напримѣръ: макъ, перецъ, ладанъ, брусокъ точильный, иголки и проч. Каждый предметъ имѣетъ какое нибудь суевѣрное назначеніе: макъ, вѣроятно, какъ символъ плодородія, дается домашнимъ птицамъ и другимъ животнымъ, назначаемымъ на расплодъ; перецъ дается людямъ и птенцамъ индѣйки для предупрежденія болѣзней, ладанъ употребляется для подкуриванія, а брусокъ для придавливанія больнаго вымени коровы и, по мнѣнію хозяекъ, спасаетъ корову отъ порчи ея вѣдьмами, о похожденіяхъ которыхъ, какъ извѣстно, вездѣ разсказываются самыя фантастическія исторіи. Иголки служатъ для лѣченія „куриной слѣпоты": больной долженъ стараться смотрѣть вдаль сквозь игольное ушко, а потомъ закинуть иголку"...

3.

Ворожба надъ тучами.

Власть земли.—Молитвы о дождѣ.—Идея личнаго господства надъ тучами.—Важное значеніе ворожбы надъ тучами въ глазахъ земледѣльческихъ народовъ.—Легальная ворожба.—Отрицательное къ ней отношеніе подъ вліяніемъ христіанства.

Идея о власти земли въ жизни и міровоззрѣніи народа, развитая въ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго, имѣетъ широкое примѣненіе къ объясненію многихъ народныхъ обычаевъ и повѣрій. Находясь въ большой зависимости отъ земли, соразмѣряя свое благосостояніе со степенью хлѣбнаго урожая, земледѣльческій народъ внимательно слѣдитъ за всѣми явленіями природы и въ древности старался подчинить ихъ себѣ путемъ заговора, молитвы, ворожбы, разнаго рода таинственными къ нимъ обращеніями и символическими дѣйствіями. Въ особенности важное значеніе въ жизни земледѣльческаго народа имѣетъ своевременный весенній и лѣтній дождь, сказочный жемчугъ, перлы, живая вода, вдохновляющій мудрый напитокъ, источникъ здоровья и силы. Въ малорусскихъ колядкахъ дождь прославляется за то, что весной отъ него хорошо идетъ хлѣбъ. „Якъ я перейду три рази на ярь мисяця мая или ярца, возрадуются жита, пшеницы и вси ярныци". Въ другой прекрасной колядкѣ Богъ говоритъ:

Якъ я спущу дрибного дождж у,
Зрадуется ми весь мирный свитокъ,
Весь мирный свитокъ, жито пшеныця,
Жито, пшеныця, всяка сѣвбыця (*Голов. II*, 4).

Въ одномъ колядочномъ варіантѣ присоединено, какъ заключительный аккордъ, размышленіе:

Нитъ, якъ надъ тебе, велыкій нашъ Боже!
Ты кажешъ мисяцю: «свиты всему свиту!»
Ты кажешъ сонейку: «свиты всему свиту!»
Ты кажешь дождж ейку: «мочы суху землю!» (*Потѣбня*, Колядки, 186).

Въ дѣтскихъ обращеніяхъ къ дождю и въ настоящее время еще слышится отзвукъ древней молитвы и жертвоприношенія: „Дощику, дощику! зварю тоби борщику въ новенькому горщику поставлю на дуба, лини якъ зъ луба—цебромъ, видромъ, дійничкою надъ нашою пшеничкою" (*Номисъ*, Приказки 334).

Въ сербскихъ пѣсняхъ, связанныхъ съ вожденіемъ додолы:

Наша дода Бога моли,
Да удари росна киша,
Да покисну сви орачи,
И по кучи пословачи...
Сви орачи и копачи

Маркъ Аврелій въ сочинеіи „Наблюденія надъ самимъ собою" сообщаетъ молитву древнихъ Аѳинянъ: „дожди, дожди, милый Зевсъ, на поля и нивы аѳинянъ" (*Grimm,* Klein. Schrift. II, 449).

Во время засухи или продолжительныхъ дождей выступалъ наружу цѣлый рядъ таинственныхъ заговоровъ и дѣйствій, хранимыхъ и производимыхъ особыми лицами, жрецами, колдунами, знахарками. Въ классическую магію входило много формулъ и жертвоприношеній для укрощенія бурь. Коринѳъ содержалъ укротителей вѣтровъ, а Эмпедоклъ дѣлалъ чудеса въ этой области. Въ Меѳанѣ въ Арголидѣ для отвращенія палящаго юго-западнаго вѣтра отъ цвѣтущихъ виноградниковъ приносили въ жертву бѣлаго пѣтуха, разрѣзаннаго на двѣ равныя части, а въ Клеонахъ охраненіе полей община поручала градовымъ сторожамъ (*Буше-Леклеркъ,* Изъ ист. культ. I, 166) Діонъ говоритъ, что римляне однажды побѣдили квадовъ благодаря тому, что находившійся въ свитѣ римскаго императора египетскій магикъ Арнуфъ низвелъ съ неба сильный дождь. По другому сообщенію Діона римскій полководецъ Гета, когда войско римское страдало отъ жажды въ мавританской пустынѣ, ворожбой добылъ много воды (*Grimm,* Kl. Schrift. II 440—442).

Въ настоящее время ворожба надъ тучами встрѣчается у многихъ народовъ, дикихъ, варварскихъ и даже цивилизованныхъ. Африканскія племена минкопіи и нимики, чтобы отогнать бурю, пускаютъ въ нее отравленныя стрѣлы (*Леббокъ,* Нач цив., 165). Обыкновенно дѣло обходися заклинаніями. Подробное описаніе обрядности заклинанія дождя у бечуановъ находится у *Ливингстона* (Путеш. по Афр. 149—151), съ приложеніемъ рисунка. Производитель дождя у дикихъ народовъ пользуется уваженіемъ; но если заклинанія долгое время не оправдывается дождемъ, то надъ колдуномъ смѣются и даже убиваютъ его.

Ворожба надъ тучами встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ славянскаго міра, преимущественно у балканскихъ славянъ, а повѣрье въ возможность такой ворожбы весьма распространено въ южной

Россіи среди малороссовъ. Въ Болгаріи и Сербіи во время засухи водятъ по улицамъ додолу, или пеперугу-дѣвушку, украшенную зелеными вѣтвями, при чемъ толпа поетъ пѣсню: „О пеперуго рудоле! пусть упадетъ роса, пусть идетъ дождь, чтобы пшеница, маисъ и пшено родились богато“ и пр. (*Слав Ежег.* 1877. 151; *Каравеловъ.* Памятн. I, 180). Повидимому, додола служитъ воспоминаніемъ о древнѣйшемъ человѣческомъ жертвоприношеніи водѣ во время засухи, на что указываетъ то обстоятельство, что додолу поливаютъ водой, а въ Шумлѣ бросаютъ въ воду одѣтую въ зелень куклу, при полномъ собраніи всѣхъ жителей деревни.

Въ примитивной формѣ ворожба надъ тучами сохранилась у турецкихъ сербовъ, въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ. Описаніе ея можетъ служить объясненіемъ того, что было нѣкогда на югѣ Россіи, среди южноруссовъ, и о чемъ у послѣднихъ сохранились теперь лишь воспоминанія. Въ Старой Сербіи охраненіе вспаханныхъ и засѣянныхъ нивъ отъ бури, ненастья, града и сильныхъ ураганов берутъ на себя бабы. Какъ только замѣтятъ, что ураганъ не минуемъ, бабы выносятъ во дворъ столъ, кладутъ на него три ложки и пестъ. Какъ только начнетъ падать дождь, баба съ ситомъ выходитъ во дворъ, машетъ имъ преусердно и кричитъ, что есть мочи: „Мара, Стойка! Гей, Марія, гей. Магдалина! выходите на встрѣчу облаку и сверните его туда, гдѣ и пѣсенъ не поютъ, не плачутъ, гдѣ и пѣтухи не поютъ, т. е. въ горы, гдѣ никого нѣтъ—уа, уа!“ Если случится, что тучу пронесетъ надъ селомъ, не причинивъ вреда нивамъ, то баба та съ сознаніемъ своего достоинства принимаетъ благодарность всѣхъ своихъ односельчанъ. Женщины, занимающіяся ворожбой надъ тучами, на томъ свѣтѣ не допущены къ женщинамъ, умершимъ естественною смертью. По селамъ Моравы и Коссова поля въ случаѣ появленія тучи съ градомъ женщины выходятъ изъ воротъ дома съ ситомъ, ковригой хлѣба,. лицомъ, машутъ этими вещами по направленію къ тучѣ и поютъ.

Сирна средо, бијела субото,
Бела субото, градова сестро!
У наше поле је ли си пао?
Коса пуштија, поле покрија

Овде немаш места, где да паднеш,
Но иди тамо у пусту гору,
У дубоку воду, гди люда нема,
Гди петао не поје,

Гди кокоше не кваче,
Гди волове не мичи,
Гди овце не блеjи—и!—и!
(*Ястребовъ*, Обыч. тур. серб. 175).

Съ этой пѣснью-заговоромъ весьма сходны многіе малорусскіе заговоры, напр., отъ переложговъ: „идыть соби на мха, на сухіи очерета, и на болота, и на ниціи (?) лозы, де пивни не спивають, и пивнячій голосъ не заходитъ“ (*Ефименко*, Малор. закл. 21), „на мха, болота, на крутыи берега, на жовтыи пески: тамъ кури не спивали, гуси не кричали, собаки не брехали, вѣтеръ не віе, и христіанскій голосъ не заходитъ“ (ib. 22)

Извѣстно, какъ сильно распространено въ Малороссіи вѣрованіе въ существованіе вѣдьмъ. Нѣтъ села, гдѣ не было бы одной или нѣсколькихъ вѣдьмъ. Во всякой хатѣ побаиваются козней вѣдьмы. Что бы ни случилось въ крестьянской семьѣ, такъ или иначе виновной является вѣдьма. Ее бранятъ за глаза, ненавидятъ, клянутъ, и къ ней же обращаются съ просьбой о помощи въ самыхъ разнообразныхъ житейскихъ случаяхъ. Изъ всѣхъ народныхъ суевѣрій, вѣдовство одно изъ самыхъ вредныхъ, такъ какъ оно отклоняетъ вниманіе народа отъ наблюденія надъ дѣйствительными бытовыми причинами нестроеній и неудачъ, постоянно подсказываетъ ему одинъ и тотъ же выводъ, пошлый и грубый притупляетъ умственную пытливость народа.

Злодѣяніе малорусскихъ вѣдьмъ многочисленны и разнообразны; но я не буду надъ ними здѣсь останавливаться, тѣмъ болѣе что на страницахъ „Кіевской Старины“ о вѣдьмахъ довольно подробно уже говорилось въ статьѣ П. С. Ефименка „Судъ надъ вѣдьмами“ (1883 г.) и въ статьѣ г. Селецкаго „Колдовство въ юго-западной Россіи“ (1886 г.). Остановимся только на заклинаніи тучъ вѣдьмами.

Документальныя указанія о ворожбѣ надъ тучами въ Малороссіи идутъ съ начала семнадцатаго вѣка. Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“, иданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ Кіевѣ въ 1624 г., находится указаніе, что иные гордились тѣмъ, будто повелѣваютъ облаками и укрощаютъ бури (*Огоновскій*, Ист. литер. русской I 145) Канцлеръ Радзивилъ, описывая въ своихъ мемуарахъ страшную бурю, бывшую 5 мая 1643 т, думаетъ, что ее произвели вѣдьмы (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III 449). Въ 1709 г. подвергнута была въ Подоліи пыткѣ дворянка Яворская, по обви-

нію въ задержаніи дождя (*Антоновичъ*, въ Трудахъ Э. С. эксп. I, 347). Въ 1711 г. на Волыни такое обвиненіе было взведено на нѣсколькихъ женщинъ (*Ефименко*, Кіевская Старина, 1883 г., III, 384) Въ настоящее время также думаютъ, что дождя не бываетъ оттого, что вѣдьмы снимаютъ росу и прячутъ ее въ погребѣ въ горшокъ (*Чубин.*, Труды I, 20). Вѣдьмы скрадываютъ съ неба дождь и росу, унося ихъ въ завязанныхъ кринкахъ или мѣшкахъ. и потомъ прячутъ ихъ въ своихъ хатахъ и коморахъ. Въ старые годы похитила вѣдьма дождь, и во все лѣто не упало его ни единой капли. Разъ она ушла въ поле, а дома оставила наймичку и строго приказала ей не дотрогиваться до горшка, что стоялъ подъ покутемъ. Мучимая любопытствомъ, наймичка развязала горшокъ и и услышала оттуда невѣдомый голосъ: „вотъ будетъ дождь! вотъ будетъ дождь!“ Испуганная наймичка выскочила въ сѣни, а дождь уже льется—словно изъ ведра. Скоро прибѣжала хозяйка, бросилась къ горшку, накрыла его и дождь пересталъ. Послѣ того вѣдьма принялась бранить наймичку: „еслибъ еще немного остался горшокъ непокрытымъ, сказала она, то затопило бы всю деревню!“ Вообще о вѣдьмахъ разсказываютъ, что онѣ вызываютъ ненастье, погружая въ воду горшки и взбалтывая ее; онѣ варятъ въ своихъ котлахъ и горшкахъ непогоду (*Аѳанас.* III, 443). Послѣдняя черта встрѣчается въ повѣрьяхъ африканскихъ негровъ. Мофатъ разсказываетъ, что у бечуанъ заклинатель дождя, указывая начальникамъ на свою жену, которая вытрясала молочный мѣшокъ, чтобы добыть изъ него нѣсколько масла, сказалъ: „Вы видите, что жена моя сбиваетъ дождь, какъ масло“. Это указаніе совершенно удовлетворило начальниковъ, и вѣсть, что дождь можно сбивать, какъ масло, всюду быстро распространилась (*Ливингст.*, 151). Норманны вѣрили, что колдуны продаютъ морякамъ вѣтеръ въ кожаныхъ мѣшкахъ (*Аѳанас.*, III, 445). Вообще, историко-культурныя параллели малорусскихъ повѣрій о ворожбѣ надъ тучами встрѣчаются у разныхъ народовъ.

Повѣрья о ворожбѣ надъ тучами въ сходныхъ или даже тожественныхъ формахъ повторяются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи. Такъ, въ воронежской губ. говорятъ, что вѣдьма, желая произвести засуху, прогоняетъ дождевыя тучи своимъ передникомъ (*Воронеж. Бес.*, *193*). Въ городѣ Ровно, подобно тому, простой народъ вѣ-

ритъ, что бездождіе происходитъ отъ того, что вѣдьмы отворачиваютъ хмару обратно. Въ литинскомъ уѣздѣ крестьяне вѣрятъ, что вѣдьмакъ разгоняетъ тучи (Чуб. I, 205). Въ херсонской губерніи въ с. Пересадовкѣ недавно имѣлъ мѣсто слѣдующій любопытный случай: продолжительное бездождіе крестьяне „приписали колдовству и обвиняли въ этомъ трехъ бабъ-колдуній. Ихъ призвали въ сельское управленіе и строго наказали имъ, чтобы 17-го іюня былъ дождь; пока же для вящшаго воздѣйствія, ихъ немедленно выкупали въ рѣкѣ. Наступаетъ однакожъ 17-е іюня, а дождя все таки нѣтъ. Бабъ опять притащили въ волостное управленіе.

— Почему дождя нѣтъ? Сегодня семнадцатое число!—пригрозилъ имъ староста. Вы заколдовали дождь?

— Мы его заколдовали. Да еще не такъ съ вами поступить слѣдовало бы за то, что вы насъ выкупали... Не будетъ вамъ дождя за это!

Тутъ вся деревня со слезами на глазахъ обступила „повелительницъ дождя“ и начала упрашивать ихъ смиловаться надъ ними, пощадить ихъ и отпустить дождь на волю.

— Нѣтъ, не пустимъ!—упорствовали бабы.—Да и нельзя уже и помочь: мы дождь продали на Аѳонскую гору... - Толпа пришла въ ярость, начали угрожать колдуньямъ „прописать Аѳонъ“. Бабы струсили и указали мѣсто, гдѣ спрятана настоящая сила колдовства. Староста съ понятыми пошелъ въ избу одной изъ колдуній и тамъ въ печной трубѣ нашелъ замазанными 2 напильника и одинъ замокъ“ (*Харьк. Вѣд.*, 1885, № 185).

Въ Великороссіи издавна существовало вѣрованіе въ ворожбу надъ тучами. Въ древнихъ памятникахъ, Домостроѣ, судебныхъ актахъ, встрѣчаются чародѣи облако-прогонники и облако-хранительники. Они повелѣвали дождемъ и ведромъ и черезъ то самое могли насылать урожай или неурожай. Въ XVI вѣкѣ разсказывали, что во время осады Казани, въ 1552 г., татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на стѣнахъ города, махали одеждами на русское войско и насылали вѣтеръ и дождь (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар., въ Соврем. 537). Какъ ни сильно въ Малороссіи вѣрованіе въ чародѣйство, въ частности въ ворожбу надъ тучами, оно, однако, имѣетъ здѣсь такой темный характеръ въ глазахъ народа, настолько

лишено нравственнаго значенія, что должно исчезнуть передъ первыми лучами серьезнаго духовнаго просвѣщенія. Общее развитіе нравственныхъ понятій народа отняло у ворожбы надъ тучами въ Малороссіи ту нравственную опору, то общественное одобреніе, какое находимъ въ Старой Сербіи. Здѣсь заклинательницы тучъ пользуются уваженіемъ и дѣйствуютъ вполнѣ какъ древнія жрицы; въ южной Россіи къ нимъ относятся враждебно и преслѣдуютъ ихъ. Въ Малороссіи женщина, за рѣдкими исключеніями, устранилась отъ ворожбы надъ тучами, и вѣдьма облако-прогонница является особымъ исключительнымъ существомъ, при чемъ даже способы и средства ворожбы, которыми охотно пользуется сербская ворожка, возбуждаютъ въ малорусской женщинѣ чувство страха. Такъ, въ Старой Сербіи женщина торжественно машетъ на тучу ситомъ или хлѣбомъ, а въ Малороссіи женщины для отвращенія бури выбрасываютъ изъ хатъ на дворъ кочергу, лопату и помело, думая угодить разъяренной вѣдьмѣ (*Чуб.* I. 25).

4.

Испытаніе вѣдьмъ водой.

Историческія свидѣтельства объ испытаніи вѣдьмъ водой въ южной Руси.—Историко-культурныя параллели.—Значенія бросанія женщинъ въ воду, въ смыслѣ жертвоприношенія, очищенія, испытанія и казни.

Серапіонъ, еп. владимірскій, въ обличительномъ словѣ по поводу народнаго самосуда надъ вѣдьмами, сообщаетъ слѣдующій случай: нѣсколько женщинъ было обвинено въ томъ, что изъ-за нихъ нѣтъ урожая и стоитъ дурная погода; рѣшили ихъ сжечь и для испытанія того, которыя изъ подозрѣваемыхъ виновны, женщинъ бросали въ воду (прудъ или рѣку), и если которая тонула, то признавалась невиноватой, а остававшаяся поверхъ воды виновной и достойной наказанія. Не обнаруживая принципіальнаго противодѣйствія избіенію вѣдьмъ, Серапіонъ желаетъ обставить его законными границами (*Пѣтуховъ*, Серап. Влад. 63—67).

Архимандритъ печерскій Серапіонъ получилъ санъ владимірскаго епископа въ 1274 г., а въ слѣдующемъ 1275 г. онъ скон-

чался. Его поученія составлены, должно быть, подъ вліяніемъ наблюденій надъ южнорусской народной жизнью и произнесены, можетъ быть, на сѣверѣ, а нѣкоторыя поученія, можетъ быть, и на югѣ, въ Кіевѣ, напримѣръ, четвертое поученіе, гдѣ рѣчь идетъ о самосудѣ надъ вѣдьмами, относительно времени произнесенія котораго ничего даже предположительнаго нельзя сказать. Серапіонъ слишкомъ короткое время пробылъ на сѣверѣ, слишкомъ мало ознакомился съ жизнью владимірской Руси, чтобы считать его сочиненія для нея характерными или исключительно для нея составленными.

Въ галицкомъ рукописномъ житіи в. кн. Владиміра, по рукописи XVIII в., находится слѣдующее сообщеніе: „Въ старину и теперь безрозумніи въ нѣкоторыхъ сторонахъ чинять подъ-часъ знаменитаго праздника Воскресенія Христова: забравшися молоди обоего пола и взявши человѣка вкидаютъ въ воду (въ колодецъ или въ озеро), и трафляется за сторожнемъ тихъ боговъ, т. е. бѣсовъ, ижъ вкинены въ воду албо о древо, албо о камень разбіотся, а въ иншихъ засъ сторонахъ не вкидаютъ въ воду, але только поливаютъ водою, що однакъ тому жъ бѣсу офѣру чинятъ (*Маякъ*, 1843, XI. Матер. 47). Въ этомъ указаніи не упоминаются вѣдьмы, не обозначены точно мѣстности нахожденія обычая, и самое указаніе одинаково можетъ относится къ Сербіи, Болгаріи и Украинѣ, гдѣ существовалъ такой обычай, имѣвшій значеніе очищенія посредствомъ воды.

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII ст. находятся прямыя указанія на плаваніе вѣдьмъ. Такъ, въ 1709 г. дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли до нага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязали къ большому пальцу лѣвой ноги и тоже сдѣлали на-кресть), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинною (*Антоновичъ*, въ „Трудахъ" I, 347). Это описаніе пытки представляетъ, между прочимъ, тотъ интересъ, что повторяется въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Конотопская вѣдьма", при чемъ Квитка руководствовался не архивнымъ документомъ, изданнымъ

лишь недавно, а разсказами стариковъ и личнымъ изученіемъ современной ему народной жизни. Извѣстно, что Квитка собиралъ преданія, пѣсни, обряды и обычаи архаическаго свойства, изучалъ народную жизнь, и результаты своихъ наблюденій вводилъ въ свои повѣсти. „Якъ же намъ, пане Рыгоровычу, за ныхъ (т. е. вѣдьмъ) узятысь, щобъ воны вернулы дощи и щобъ намъ не наробылы описля́ якои капости?“ спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. „Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея прычеплють“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самаго производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: „Посередъ ставу убыто чотыри пали товстенькыхъ, а у гори позвъязано верёвка́ми, та вп'ять, якось то хытро та мудро переплу́товано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ; а воны не рыбалки. бо въ ныхъ на човнахъ не сети и не въятери, а те жъ верёвкы́... Калавурны стереглы ны́зку видёмъ и придывлялысь пыльно, щобъ котра зъ ныхъ, перекынувшысь або сорокою, або свынею, та не дала бъ дёру“... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ палямъ, подвязываютъ ее къ веревкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду (*Квитка*, Малор. пов. I, 197—214).

Въ луцкомъ уѣздѣ раскзываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго не было дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой (*Чуб.* I, 26). Припомнимъ здѣсь, что и въ „Конотопской вѣдьмѣ“ Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, „хлопци отчесали терновыми“.

Гуцулы топили вѣдьмъ въ 1827 году (*Аѳан.*, III, 511).

Въ угорской Руси во время засухи заставляютъ женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно бросаютъ ихъ въ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе (*Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣс. 25).

Бросаніе подозрѣваемыхъ женщинъ въ воду иногда замѣняли въ Малороссіи болѣе легкимъ способомъ испытанія: заставляли ихъ носить воду изъ рѣки или пруда черезъ поля и поливать ею фигуру, или крестъ, выставляемый обыкновенно близъ села или на раздорожьѣ. Которая изъ женщинъ выносила это испытаніе, та избавлялась отъ подозрѣній въ чародѣйствѣ (*Антоновичъ*, I, 347).

Водой обливаютъ или въ воду бросаютъ даже трупъ женщины, которую считали вѣдьмой. Такъ, въ брацлавскомъ уѣздѣ подольской губерніи повѣсилась женщина, слывшая въ селѣ за вѣдьму. Чтобы сдѣлать ее, уже послѣ смерти, безвредной для людей, трупъ за волосы выволокли за село на раздорожье и бросили въ яму, нарочно для этого наполненную водою. Этимъ лишили вѣдьму возможности насылать на село засуху (*Ефим.*, въ К. Стар. 83 г. XI, 377).

Эти мрачныя картины невѣжества и суевѣрія повторяются у многихъ другихъ народовъ, варварскихъ и цивилизованныхъ, были въ древности, встрѣчаются и теперь въ разныхъ странахъ Азіи и Европы. Ограничимся краткими историко-культурными параллелями:

Въ сѣверной Африкѣ, въ принадлежащей Франціи Константинѣ существуетъ обыкновеніе купать во время засухи одного или нѣсколькихъ человѣкъ (мужчинъ марабутовъ), бросая ихъ въ рѣку (*Grimm*, Klein. Schrift. II, 449).

Объ испытаніи невинности посредствомъ воды говорится въ древней индусской книгѣ законовъ Ману (*Тэйлоръ*, Антропологія, 420). Арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ-Батута говоритъ, что въ Индіи въ г. Дели на судъ привели вѣдьму и обвиняли ее въ томъ, что она сглазила ребенка. По приговору судьи, она была брошена въ рѣку Джумну; но такъ какъ она плавала наверху воды, то была, по приговору судьи, сожжена, и народъ раздѣлилъ между собой ея пепелъ въ увѣренности, что кто запасся таковымъ, тотъ избавился на цѣлый годъ отъ нападенія вѣдьмъ (*Nowos*, Zudukr. II, 83).

На существованіе водянаго испытанія у иранцевъ есть указаніе и въ Авестѣ. Испытаніе это состояло въ погруженіи обвиняемаго въ глубокую воду (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 205).

Въ древнемъ нѣмецкомъ обычномъ правѣ и въ законодательствѣ встрѣчается испытаніе водой, mit kaltem wasser. Обвиняемаго въ томъ или другомъ преступленіи обвязывали веревкой и бросали въ воду, при чемъ виновнымъ признавался, если плавалъ на верху воды. Людовикъ Благочестивый воспретилъ въ 829 г. „examen aquae frigidae"; но испытаніе водой очень долго жило въ нѣмецкой жизни и въ нѣмецкихъ законодательствахъ. Въ XVI и въ XVII ст. оно широко примѣнялось въ многочисленныхъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ, при чемъ виновной признавалась та женщина, которая выдерживала „hexenbad", не тонула. Въ одномъ старинномъ нѣмецкомъ актѣ описывается самый процессъ испытанія: soll man ime sein hend binden zu hauf und sol ime ein heinen knebel zwischen sinen beinen und armen durch stossen und soll ine werfen in ein meiesche boden van drien funder wassers fellet er zu grunde-so ist er schuldig, schwebt er empor-so ist er unschuldig (*Grimm*, D. Rechtsalt., 923—929). Реймскій архіепископъ Гинкмáръ († 882) писалъ въ защиту употребленія способа испытанія холодной водой; но въ его же сочиненіи говорится, что нѣкоторые отвергали „испытаніе посредствомъ холодной и горячей воды и посредствомъ раскаленнаго желѣза, какъ изобрѣтенія человѣческой мысли, въ которыхъ очень часто преступнымъ образомъ ложь занимаетъ мѣсто правды, и потому на эти испытанія не слѣдуетъ полагаться" (*Пѣтуховъ*. Серап. Влад. 86). Это одно изъ древнѣйшихъ проявленій того благотворнаго скептицизма, который впослѣдствіи, въ XVI—XVIII вѣкахъ, оказалъ великія услуги европейскому просвѣщенію и гуманизму. Въ Германіи испытаніе вѣдьмъ водой прекратилось съ прекращеніемъ судебныхъ процессовъ о колдовствѣ, въ XVII ст., подъ благотворнымъ вліяніемъ развитія образованности, въ частности, подъ вліяніемъ направленныхъ противъ вѣрованія въ колдовство сочиненій Вецера, Лооса, Шпе, Беккера и Томазіуса (см. мою брошюру объ ист. колд. въ запад. Европѣ, стр. 25—34).

Въ англійскомъ правѣ испытаніе водой до начала XIII ст. представляло легальное средство испытанія лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ или грабежѣ (*Тэйлоръ*, Антроп. 420; *Спенсеръ*, Опис. соціологія, 40).

Въ чешскихъ законахъ XIV в. находятся указанія на испытаніе водой по обвиненію въ грабежѣ. Истецъ долженъ былъ идти

въ глубь рѣки, а отвѣтчикъ слѣдовать за нимъ на разстояніи трехъ шаговъ; если истецъ тонулъ, отвѣтчикъ объявлялся оправданнымъ, а если отвѣтчикъ подвергался опасности утонуть, то этотъ послѣдній терялъ жизнь и имущество; если же оба счастливо достигали берега, то отвѣтчикъ освобождался отъ иска (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. II, 198). Это испытаніе могло возникнуть подъ вліяніемъ нѣмецкихъ обычаевъ.

Испытаніе вѣдьмъ водой было въ употребленіи у черногорцевъ и герцеговинцевъ до послѣдняго времени: во время повальныхъ болѣзней бросаютъ женщинъ въ воду, и которая тонетъ, ту быстро вытягиваютъ канатомъ изъ воды и отпускаютъ домой, а которая барахтается поверхъ воды, та признается за вѣдьму. Въ Герцеговинѣ, Бокѣ-Которской и Черногоріи власти запрещаютъ этотъ обычай, но, говорятъ, онъ повторяется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно (*Ефим.*, 387).

У австрійскихъ южныхъ славянъ во время повальныхъ болѣзней народъ хваталъ старую женщину, заподозрѣнную въ чародѣйствѣ, и бросалъ ее въ воду: если она начинала тонуть, ее спасали; въ противномъ случаѣ, вынувши ее изъ воды, бросали въ огонь. Въ сербскомъ княжествѣ это дѣлали при Карагеоргіевичѣ (*Березинъ*, въ „Знаніи“ 1877, IV, 57).

Что касается до происхожденія обычая испытывать вѣдьмъ водой, то тутъ имѣетъ приложеніе теорія самозарожденія, обусловленнаго извѣстнымъ, вообще низкимъ положеніемъ культуры народа. Заимствованіе могло быть въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Такъ, отъ нѣмцевъ кое что изъ внѣшней формальной обрядности могло перейти къ чехамъ и, можетъ быть, къ малороссамъ.

Купаніе вѣдьмъ имѣло разное значеніе,—испытанія, очищенія, казни и въ нѣкоторыхъ случаяхъ жертвоприношенія. Самое крупное и наиболѣе обычное значеніе состоитъ въ томъ, что вода, какъ чистая стихія, указываетъ на темное чародѣйство и не принимаетъ вѣдьмъ. Понятіе объ очистительномъ значеніи воды чрезвычайно распространено у всѣхъ арійскихъ народовъ, особенно у иранцевъ, и намъ прійдется еще говорить о немъ при разсмотрѣніи размывокъ, обмывокъ и нѣкоторыхъ другихъ народныхъ обрядовъ. Въ древности были обычны жертвоприношенія водѣ во время засухи,

даже человѣческія. О существованіи у славянъ человѣческихъ жертвъ говорятъ Гельмольдъ, Титмаръ, Адамъ Бременскій, древній русскій лѣтописецъ, митроп. Иларіонъ (въ Словѣ о Законѣ и Благодати: „уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга“). Въ Болгаріи нынѣ во время засухи бросаютъ въ рѣку куклу, что является воспоминаніемъ о древнемъ человѣческомъ жертвоприношеніи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣлая Панна.[1]

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта).

Посвящается Софьѣ Григорьевнѣ Рубинштейнъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Скитаясь по роднымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда прошло мое дѣтство, мнѣ удалось разъ набрести въ глухой деревушкѣ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ перепроданной чуть ли не въ двадцатыя руки, настоящій владѣлецъ которой, мой пріятель, неизмѣнно проживалъ въ столицѣ,—на цѣлую кучу мелко исписанной нервнымъ почеркомъ бумаги. Я нашелъ ее въ глухомъ углу пыльнаго чердака стараго, полуразвалившагося, совсѣмъ покинутаго барскаго дома, въ которомъ жили теперь только филины, совы, да крысы. Отъ нечего дѣлать да и по нѣкоторой страсти къ исписанной бумагѣ, въ особенности старой, пыльной,—ей Богу, у меня есть такая страсть,—я сталъ рыться въ этой безпорядочной кучѣ, уже сильно изъѣденной крысами. Съ самаго же начала мнѣ пришлось убѣдиться, что я счастливо напалъ на рукописи какого то неизвѣстнаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ «неудавшійся поэтъ» и это, само собою, увеличило мою рьяность. Нашелъ я тамъ полуобглоданные обрывки стиховъ, поэмъ, легендъ, разсказовъ въ прозѣ, замѣтокъ, набросковъ и т. д,—и всѣ они были подписаны этимъ страннымъ, не то ироническимъ, не то отдававшимъ какою то грустью псевдонимомъ. Къ сожалѣнію, крысы не

[1]) Въ западной, такъ называемой „карпатской", части нашей Подоліи издавна живетъ легенда о „Бѣлой Паннѣ", своимъ появленіемъ де предвѣщающей людямъ грядущія бѣды. Предъ голодомъ, моромъ, войной и другими общими бѣдами, гласитъ легенда,—она является людямъ въ дикихъ заросляхъ глухой лѣсной чащи блѣдная, съ печальнымъ взоромъ, съ крупными каплями слезъ на прекрасномъ лицѣ, вся въ бѣломъ, отчего де люди и прозвали ее „бѣлой панной".—*Прим. издателя*

пощадили ничего, обглодали, оборвали почти все... Тутъ былъ съѣденъ конецъ, тамъ обглодано начало,—здѣсь недоставало середины. Только кое какъ, съ большими усиліями удалось мнѣ собрать въ этой кучѣ изъ разбросанныхъ, измятыхъ и отчасти тоже обглоданныхъ листковъ цѣльную, какъ будто законченную вещь, которую, внимательно перечитавъ, я и рѣшаюсь издать теперь подъ тѣмъ же заглавіемъ, какое неизвѣстный авторъ выставилъ самъ на обложкѣ. Какъ увидитъ читатель, въ предлагаемомъ разсказѣ дѣло идетъ о дняхъ давно минувшихъ, безвозвратно канувшихъ въ Лету,—что, конечно, не для всѣхъ интересно,—но любящіе вспоминать былое,—старину,—на меня, вѣрно, не посѣтуютъ. Крысы, однако, и тутъ полакомились не мало: такъ напр., онѣ съѣли всю начальную страницу первой главы, отчего я, нежелающій ничего добавлять отъ себя, выпускаю ее въ свѣтъ безъ частнаго заглавія, какое она несомнѣнно имѣла, судя по остальнымъ главамъ. Большая часть многоточій въ остальныхъ главахъ тоже должна быть отнесена на долю этихъ своеобразныхъ любителей литературы.

ГЛАВА I.

. . . .

... И такъ, я провелъ свое дѣтство въ этомъ чудномъ, благодатномъ уголкѣ, упершемся грудью въ австрійскую границу, а съ боковъ опоясанномъ быстрымъ Днѣстромъ и величаво-спокойнымъ, зеркальнымъ Бугомъ... Двѣ могучія рѣки какъ будто сдавили его, сжали,—отчего онъ и сморщился весь, какъ морщинами, высокими кряжами скалистыхъ холмовъ, перерѣзанными вдоль и поперегъ глубокими долинами, точно сморщенное, изрытое лицо столѣтняго дѣда. Надъ нимъ разстилалось голубое, безмятежно-ясное небо, сверкавшее такой яркой лазурью, какъ риза Богоматери на картинахъ древнихъ мастеровъ, и дышавшее,—такъ казалось мнѣ, ребенку,—такими лаской и миромъ, точно кругомъ не было ни грѣха, ни злобы, ни печали. Высокіе холмы сплошь были покрыты тогда вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, таинственнымъ въ ведро и грозно сердитымъ въ бурю, а въ глубокихъ долинахъ ютились тихія деревни съ ихъ бѣлыми хатами и зелеными садочками, гдѣ отъ

зари до зари трещали соловьи, да широкими нивами, надъ которыми весною высоко, высоко кружился, заливаясь, жаворонокъ, а лѣтомъ сверкали острые серпы и косы. Зимою, когда улетали соловьи и снѣгъ одѣвалъ бѣлой пеленою и холмы и долины,—въ обнаженномъ лѣсу гудѣлъ и плакалъ вѣтеръ, кой гдѣ подвывалъ ему и волкъ,—но въ такихъ деревняхъ ярко сверкали огни веселыхъ „вечерницъ" и голосистыя дивчата распѣвали за прялками свои чудныя, дѣдовскія пѣсни, сказочники разсказывали самыя страшныя сказки, а старые дѣды вспоминали то, что было когда то на свѣтѣ.

Эта яркая лазурь неба, грозные, лѣсистые холмы и тихія, роскошныя долины,—этотъ воздухъ, мягкій и нѣжный, соловьи, пѣсни, эти чудныя ночи, полныя нѣги и золотыхъ звѣздъ, перемигивающихся съ темнаго неба съ своими отраженіями въ заснувшихъ озерахъ,—все это вмѣстѣ, проникнутое лаской и граціозной, немного мечтательной поэзіей,—всецѣло и своеобразно отразилось и на людяхъ. Природа, какъ искусная рука на канвѣ, вышила тамъ на душѣ человѣка свои особенные узоры, дала ему особыя представленія, особые характеръ и взгляды. Тамъ создавались свои миѳы, слагались свои пѣсни, свои думы,—тамъ царила своя легенда... Когда я былъ ребенкомъ,—тамъ, въ тѣнистыхъ рощахъ, на могучихъ вѣтвяхъ развѣсистыхъ дубовъ, качались лѣсныя дѣвы, въ озерахъ и рѣчкахъ играли русалки, луна грустно рыдала о людяхъ росою, а слѣпые кобзари пѣли людямъ баллады и дѣянья предковъ...

Конечно,—и тамъ теперь уже не то, что было... Могучая, безстрастная рука времени покорила и этотъ божій уголокъ земли, чтобы нивеллировать по новому. Нѣмецъ вырубилъ рощи и сплавилъ ихъ въ Кенигсбергъ и Данцигъ, распугавъ нѣжныхъ лѣсныхъ дѣвъ, надъ которыми такъ весело хохочетъ современный, невѣрующій писарь. Русалки задохлись отъ дыма высокихъ, стройныхъ заводскихъ трубъ, точно маяки торчащихъ у воды, и вѣритъ въ нихъ еще только глупая, темная деревен-

щина,—во что она не вѣритъ!? Золотыя, какъ море шумѣвшія нѣкогда, пшеничныя нивы смѣнились безконечными, безмолвными, зелеными, какъ зеленый коверъ, плантаціями свекловицы, изъ которой умные люди, отлично знающіе, что роса не лунныя слезы, выжимаютъ въ коническія формы бѣлый, кристаллическій сахаръ... Слѣпой кобзаръ сидитъ гдѣ нибудь за безпаспортность, а красивые палацы полуфеодальныхъ магнатовъ, гдѣ нѣкогда въ вихрѣ постоянныхъ, шумныхъ баловъ кружились прелестныя пани и панны, превратились въ угрюмые, тупо молчащіе амбары новыхъ, трезвыхъ владѣльцевъ — крѣпко хранящіе до болѣе высокихъ цѣнъ пшеницу и картофель. Пѣсни, чудныя нѣжныя пѣсни!?—и пѣснямъ другимъ научили фабрики и солдаты!... Да, многое измѣнилось... Многое прошло... И слава Богу, что измѣнилось, что прошло оно, если людямъ дѣйствительно живется лучше на свѣтѣ... А лучше ли,—пусть они ужъ рѣшаютъ сами!...

Я думаю тоже, что лучше... Но иногда... иногда,—когда я услышу эти новыя залихватскія, бравыя пѣсни, услышу веселый раскатистый хохотъ разудалаго, невѣрующаго въ лѣсныхъ дѣвъ и русалокъ трезваго писаря, увижу кобзаря безъ его кобзы, увижу козака—земледѣльца полунагимъ за свекловичнымъ прессомъ и вспомню при этомъ прошлое,—мнѣ вдругъ станетъ такъ жутко, такъ невыразимо жаль чего то, точно безвозвратно канувшаго съ этимъ прошлымъ,—что сердце сожмется невыразимо мучительной спазмой...

Больныя нервы?!—о, я это отлично знаю!...

Больные нервы были у меня еще съ дѣтства и, какъ говорилъ дѣдъ, перешли ко мнѣ отъ покойной матери, его единственной и страстно любимой дочери. Круглый сирота, я жилъ подъ теплымъ крыломъ добраго, сѣдаго, какъ лунь, ворчуна дѣда въ его крошечной, но прелестной Пустынькѣ, точно птичье гнѣздышко ютившейся среди скалъ и горныхъ отроговъ съ ея немногими бѣлыми хатами и густыми садами. И что за чудный,

очаровательный уголокъ на божьей землѣ была, въ самомъ дѣлѣ, эта Пустынька! Даже чубатый, почти слѣпой уже отъ дряхлости „сѣчевикъ" Панасъ, доживавшій свой страшно долгій вѣкъ на печи у дѣда,—такъ много видавшій, знавшій всего такъ много, что разсказамъ его, казалось, и конца никогда не будетъ, — даже онъ говорилъ, что краше нашей Пустыньки „нема мисця на цимъ свити,—хоть весь изойди!" И, ей Богу же,—онъ былъ правъ, добрый, дряхлый Панасъ, давнымъ давно покоющійся за оградой деревенской церкви рядомъ съ своимъ другомъ-паномъ—моимъ добрымъ дѣдомъ! И я много видѣлъ впослѣдствіи, о, очень, очень много,—и пальму, и угрюмыя, высокія горы, и южное море, бураны мрачнаго сѣвера и его фантастическое, чарующее сіянье,—а вотъ же и меня теперь все тянетъ къ Пустынькѣ!...

Всего было вдоволь кругомъ нашего земнаго рая, чтобы сдѣлать изъ него волшебную, дивную картинку... Были высокіе, островерхіе холмы, переходившіе дальше, на „австрійской сторонѣ" почти въ горы, отливавшія фіолетовыми тѣнями и какъ то мягко и нѣжно тонувшія въ туманной синевѣ, сливаясь съ темной дымкой далекаго горизонта. И глубокія, тихія долины, по которымъ ползли отъ холмовъ черныя, густыя тѣни. И грозныя скалы, обвитыя зеленымъ плющемъ, повиликой и дикимъ хмѣлемъ, и темныя ущелья, куда не забирался ни одинъ лучъ солнца,—гдѣ гнѣздилась только ночная сова, да ютилась хищная выдра. Былъ и дремучій вѣковой лѣсъ, тянувшійся Богъ вѣсть куда и откуда—вѣчно что то шептавшій, темный, густой, пугавшій воображенье своимъ угрюмымъ, таинственнымъ видомъ. Было и гладкое, прозрачное, какъ небо голубое озеро, въ которомъ плавали, ныряя, и небесныя тучки, и звѣзды, которое золотили порой слѣпящее блескомъ солнце и матово-золотая луна... Чего—чего только не было?!

А тихою, молчаливою ночью, когда весь пейзажъ этотъ, тонувшій въ глубокой мглѣ, кой гдѣ озаренной блѣднымъ лун-

нымъ и звѣзднымъ свѣтомъ, отчего мгла становилась какъ бы еще гуще,—принималъ фантастическій характеръ какого то заколдованнаго мѣста, когда разыгравшееся воображеніе охотно вѣрило и въ русалокъ, игравшихъ съ лунными лучами, и въ лѣсныхъ дѣвъ, качавшихся на вѣтвяхъ вѣковаго лѣса,—со всѣхъ уголковъ земли неслись дружно, въ перебой соловьиныя трели...

Мудрено ли было при этомъ въ конецъ развинтиться нервамъ, когда больными передала мнѣ ихъ мать, когда я росъ совсѣмъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ дряхлыхъ стариковъ, баюкавшихъ меня самыми чудными сказками, а мои дѣтскія думы и грезы дѣлили такимъ образомъ только молчаливыя портреты предковъ, рубившихся когда то на славу за Украину, темный, угрюмый лѣсъ да эти чудныя, полныя невыразимой нѣги ночи!?

Съ дѣтства былъ я уже болѣзненно нервный, сосредоточенный, замкнутый мальчикъ...

ГЛАВА II.

Дѣдъ съ его саблей и кубкомъ.

Право, я не зналъ въ жизни человѣка болѣе угрюмаго, сердитаго и грознаго на видъ и въ то же время такого добродушнаго, какъ мой старый, ворчливый дѣдъ. Сухой, высокій, широкій въ плечахъ, съ подбритой по древнему—святому для него—козацкому обычаю головой, съ длинными сѣдыми усами, спускавшимися далеко на грудь и хмуро сдвинутыми густыми бровями,—онъ имѣлъ дѣйствительно грозный, воинственный видъ, которому позавидовалъ бы самый отчаянный рыцарь древней Сѣчи. Стариннаго покроя бекеша, которую онъ вѣчно носилъ по тому же завѣту, ненавидя и отрицая всѣ требованія моды, какъ и все, что не носило въ себѣ „козацкаго духа,“—вполнѣ гармонируя съ этимъ видомъ, еще усиливала, казалось,

общее грозное впечатлѣніе. А когда дѣдъ принимался, по выраженію легкомысленно безстрашной кухарки Горпыны,—„грымать“ и, покручивая длинный усъ и страшно поводя густыми, нависшими бровями, покашливать да величественно поднимать руку, разсказывая въ несчетный разъ, какъ достались его „роду“ эти святая-святыхъ нашего дома: сабля Дорошенка и кубокъ Палія,—робкій человѣкъ чего добраго почувствовалъ бы себя не особенно ловко. Да,—когда дѣло доходило до завѣтныхъ сабли и кубка, и клинокъ при этомъ вынимался изъ богатыхъ ноженъ и сверкалъ въ могучей рукѣ дѣда золотымъ чеканомъ,—становилось не до шутокъ!... Робкій рѣзникъ Янкель, привозившій намъ говядину, неизмѣнно блѣднѣлъ въ такихъ случаяхъ и, покручивая головой и какъ то особенно смѣшно цокая губами, вѣчно твердилъ одно и то же:—„ой вай!“—Да, дѣдъ былъ дѣйствительно страшенъ тогда!

Но стоило только заглянуть въ его глаза, въ эти полинявшіе, но все еще сверкавшіе жизнью глаза, чтобы всѣ грозныя впечатлѣнія разлетѣлись прахомъ. Эти сѣро-голубые глаза свѣтились такой лаской, глядѣли такъ любовно, мягко и какъ то дѣтски наивно, что всѣ страхи моментально исчезали, а уста сами собою раздвигались въ хорошую, добрую улыбку. Становилось какъ то особенно легко и радостно на душѣ отъ ихъ взгляда, сводившаго къ нолю весь дѣдовъ величественный паѳосъ, и дѣлалось вполнѣ понятнымъ безстрашное легкомысліе Горпыны, ворчавшей, когда дѣдъ, вмѣсто того, чтобы заказывать обѣдъ или ужинъ, увлекался своими разсказами.

— Ой, лышенько жъ мини съ тою шаблюкою, та чаркою, прости Господи!—легкомысленно ворчала нетерпѣливая Горпына.

— Згынь! Пропади зъ твоимы обидамы!—„грымалъ“ въ отвѣтъ раздосадованный и обиженный такой непочтительностью къ „святынѣ“ дѣдъ.—Прыстала, якъ та пьявка! Геть!... Но безстрашная баба не сдавалась... Она закладывала руки за фартукъ, высокомѣрно измѣряла воинственную фигуру избѣгавшаго

ея взгляда дѣда и, слегка повысивъ тонъ, пускала въ ходъ свой послѣдній, непреоборимый аргументъ.

— Такъ!—восклицала она съ убійственной ироніей и подавляющей силой,—такъ! Ну, а що жъ буде исты воно?!..

„Воно“ былъ, конечно, я,—общій пестунъ и любимецъ, и этотъ ехидный, тонко разсчитанный вопросъ сразу мѣнялъ положеніе. Имъ рѣшалось дѣло,—одолѣвала Горпына и дѣдъ немедленно сдавался. Одно представленіе, что это „воно“ можетъ остаться безъ обѣда или, вообще, испытать какое либо лишеніе, моментально убивало дѣдову воинственность, все его увлеченіе и далеко отодвигало назадъ остальное. Да проститъ мнѣ его праведная душа эти святотатственныя мысли,—но, ей Богу, мнѣ кажется, что это „воно“ значило для него больше даже сабли славного гетмана, даже кубка Палія!..

Я отлично схватилъ это давно своимъ наблюдательнымъ, пронырливымъ дѣтскимъ умомъ и потому, какъ только дѣдъ начиналъ „грымать“ на меня за какой нибудь проступокъ,—старался только заглянуть въ его добрые, ласковые глаза, чтобы прочесть въ нихъ любовь и всепрощеніе... Да, только они свѣтились въ этихъ старыхъ глазахъ,—и можетъ быть потому то дѣдъ такъ не любилъ поднимать своихъ рѣсницъ, а все глядѣлъ внизъ и ворчалъ... Такъ онъ дѣйствительно, хоть съ виду, могъ сойдти за грознаго козака-рубаку!..

Самъ глубоко любящій, онъ и меня, ребенка, училъ тому же, насаждая въ моемъ еще открытомъ настежь сердечкѣ тѣ сѣмена, которыхъ никогда почти не вырываютъ оттуда ни годы, ни самыя сильныя бури жизни. Онъ училъ меня любить и родное небо, и родную землю, свой народъ, его языкъ, обычаи и пѣсни. Онъ училъ меня уважать и любить свое прошлое, которое принимало такой поэтическій колоритъ въ фантастическихъ сказкахъ и легендахъ стараго Панаса, а въ разсказахъ самого дѣда звучало величественной эпопеей глубокаго самоотверженія, страстнаго патріотизма и почти невѣроятныхъ бранныхъ подви-

говъ. Эти разсказы его велись біографически, предъ каждымъ изъ портретовъ нашихъ предковъ, наполнявшихъ собою одну изъ комнатъ дома,—всѣхъ этихъ чубатыхъ и грозныхъ пановъ полковниковъ, сотниковъ, хорунжихъ, глядѣвшихъ на меня неподвижно суровымъ взглядомъ изъ своихъ рамокъ, пока дѣдъ грознымъ голосомъ передавалъ ихъ подвиги, заклиная крошечнаго потомка не ударить въ свою очередь лицомъ въ грязь и ничѣмъ не омрачить ихъ нетлѣнной славы.

— Гляди жъ, внуку,—страшно поводя бровями и усами, грозно „грымалъ“ дѣдъ,—гляди, никогда не плачь, какъ баба, и самого чорта не бойся!..

— Не буду, не буду, дѣдусю!—страстно отвѣчалъ я, лихорадочно ловя его рѣчи и загораясь браннымъ волненьемъ,—ей Богу жъ, никогда не буду ни плакать какъ баба, ни трусить!...

— Не будешь!?...

— Не буду, дѣдусю!...

И дѣдъ, довольный, ласкалъ мою кудрявую головку, вѣря дѣтскому слову. Старикъ становился необычайно счастливъ, что его разсказы будятъ, казалось, въ потомкѣ воинственность героевъ предковъ... И не знай я, что дѣдъ быстрыми шагами уходитъ со двора, какъ только увидитъ, что Горпына несетъ рѣзать жалобно клокчущаго пѣтуха,—эти разсказы его, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ отразились бы во мнѣ самымъ яростнымъ шовинизмомъ!

Очень можетъ быть, что таковою же точно, какъ и дѣдова воинственность, была въ сущности и его прословутая ненависть къ „ляхамъ, згубившимъ Украйну“. Очень можетъ быть потому, что вообще у меня какъ то не вяжется представленіе о старикѣ съ какою бы то ни было „ненавистью“. Но въ ней я не сомнѣвался,—я воспринималъ ее съ дѣтства безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, воспринималъ, какъ завѣтъ... Дѣло въ томъ, что тутъ у меня совсѣмъ не было прецедентовъ для сомнѣній... Ею дышало, казалось, все вокругъ меня,—о ней говорили и сѣче-

викъ Панасъ, и кухарка Горпына, и эти молчаливые грозные портреты предковъ, и священные сабля и кубокъ... Ее поддерживало и презрительное, свысока отношеніе всемогущей тогда, гордой шляхты къ намъ русскимъ, и наше общее, народное сознаніе, что шляхта исконный врагъ народа, его религіи, его языка и обычая, что она враждебный пришлецъ въ нашей милой Украйнѣ. Ненависть народа была далеко не одной ненавистью крѣпостнаго къ своему пану: ненавидя пановъ поляковъ, народъ тепло относился и даже болѣе чѣмъ тепло къ дѣду, тоже пану. Но дѣдъ говорилъ его языкомъ, молился въ его церкви, любилъ и ненавидѣлъ то, что и онъ, и никогда не забывалъ въ крѣпостномъ *человѣка*...

Въ нашей семьѣ эта общая, традиціонная вражда, обнимавшая всѣхъ, а не кого нибудь одного, сильно обострялась еще, конечно, и совершенно частной враждой къ сосѣду графу, исконной, родовой враждой, основанной на старомъ земельномъ спорѣ. Во время своеволія шляхты предки графа какъ то отхватили себѣ наши земли и съ тѣхъ поръ потомки той и другой стороны вели нескончаемый процессъ между собою по всѣмъ судамъ и инстанціямъ. Этотъ процессъ, высосавшій все богатство нашего рода до того, что въ распоряженіе дѣда досталась уже одна крошечная Пустынька, досасывалъ теперь и этотъ скромный остатокъ... Но что бы ни было, какъ бы круто ни приходилось,—старый дѣдъ не оставлялъ этой тяжбы,—хотя я глубоко убѣжденъ, что лично ему ничего, кромѣ его Пустыньки, не было нужно, что эта тяжба тяготила, мучила его. Тяжба была для него дѣломъ чести рода, стариннымъ, святымъ завѣтомъ, и смотря на нее, какъ на крестъ, возложенный на его плечи и завѣщанный ему всѣми предками, портреты которыхъ наполняли собою весь домъ, и этой саблей, и этимъ кубкомъ,—онъ, не задумываясь, несъ на алтарь „рода" свое мягкое, доброе „я". Прекращеніе тяжбы онъ считалъ бы прямой измѣной,—она была для него дѣломъ культа.

— Видишь, вонъ, эту долину?—спрашивалъ меня чуть не ежедневно дѣдъ, стоя у окна и грозно дымя трубкой,—видишь?

— Вижу!..

— И лѣсъ видишь?

— И лѣсъ!..

— И холмы, вонъ, тѣ,—вправо?

— И холмы вижу, дѣдъ.

Трубка сильно дымится, брови сурово сдвигаются, длинные усы грозно шевелятся...

— Все наше было! Все! Еще за гетмана, когда прадѣдъ полковникъ здорово побилъ ляховъ, упокой его Господи! да вонъ тѣ бисовы ляхы отняли...

Я злобно смотрю на графскій замокъ и глаза мои горятъ страстной враждою...

— Погоди,—снова наше будетъ!—все также грозно ободряетъ меня дѣдъ, и только чуть слышный вздохъ вырывается диссонансомъ изъ его мощной груди,—наше дѣло правое!.. Уже изъ Палаты, слышно, въ Сенатъ отсылаютъ...

Объ этой готовящейся отсылкѣ дѣла въ Сенатъ я слышалъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мое дѣтское ухо впервые стало сознательно раздѣлять звуки человѣческой рѣчи... Тѣмъ не менѣе я, какъ и дѣдъ, глубоко вѣрилъ въ наше торжество и побѣду, самъ не зная, зачѣмъ мнѣ эти земли и что я съ ними буду дѣлать, и страстно ненавидѣлъ и самаго графа, и его величественный замокъ.

ГЛАВА III.

Мои битвы и моя слабость.

А этотъ замокъ, это „разбойничье ляшское гнѣздо“ гордо высился на холмѣ и вѣчно смотрѣлъ внизъ на нашу Пустыньку всѣми своими темными окнами съ какимъ то, казалось, холод-

нымъ, недоступнымъ презрѣньемъ... Надъ густымъ паркомъ-лѣсомъ, плотно облегавшимъ склоны холма,—точно изъ самыхъ верхушекъ вѣковыхъ дубовъ и вязовъ,—гордо взлетали къ синему небу дерзкія башни и зубчатыя стѣны и темный, угрюмый лѣсъ, какъ вѣрный рабъ, лобызалъ ихъ подошвы и преданно кивалъ имъ головами. Въ дѣтскомъ воображеньи эти стѣны и башни, громадныя, темныя окна и легкіе балконы оживали и, казалось, тоже раздѣляли чувства своихъ могучихъ владѣльцевъ... Высокія, угрюмыя башни дышали угрозой, легкіе балконы какъ бы презрительно улыбались, темныя окна сулили бѣды,—за ними чуялся враждебный сговоръ... Мы, страстный, нервный мальчикъ и угрюмый, холодный камень молча враждовали другъ съ другомъ, въ глубокой, затаенной ненависти отлично, казалось, понимая одинъ другаго. Я ненавидѣлъ пылко, страстно,—замокъ же какъ то холодно, величаво, какъ то презрительно, точно снисходя, ненавидѣлъ и это еще больше усиливало мою страстность. Я, казалось, чуялъ, ощущалъ всю глубину его ненависти и въ то время, какъ моя то повышалась, то понижалась въ своей страстности, колеблясь отъ настроенія, отъ дневныхъ впечатлѣній,—его оставалась неизмѣнной, какъ вчера, какъ сегодня, какъ за недѣлю, всегда ровной, всегда одной и той же. Камень не зналъ колебаній! Иногда, впрочемъ, въ тихіе, лѣтніе вечера, когда розовые лучи заката горѣли огнемъ въ темныхъ стеклахъ, пестрили мраморъ и колонны и все окрестъ дышало какой то скрытой, тихой грустью,—самъ не знаю почему,—мнѣ казалось, что дышетъ ею и угрюмый замокъ... Мнѣ казалось тогда, что онъ тоже глядитъ грустно и печально, что ему тоже точно жаль чего то... Чего?—Богъ его знаетъ,—но и мнѣ вдругъ становилось грустно и, сливаясь съ нимъ въ новомъ чувствѣ, я на мигъ забывалъ свою ненависть... На мигъ!—потому что черствый, холодный замокъ, точно устыдившись и мстя за проблескъ невольнаго чувства, быстро, съ уходомъ солнца одѣвшись темною дымкой, становился еще угрюмѣе и еще грознѣе глядѣлъ на

меня своими горѣвшими, какъ у хищнаго волка, окнами—глазами...

Въ раннемъ дѣтствѣ, когда воображеніе настоятельно стремится все одухотворять, во все мертвое вкладывать живой, знакомый образъ, замокъ казался мнѣ, помню, чудовищемъ, тѣмъ сказочнымъ гигантомъ-змѣемъ, что въ сказкахъ Панаса вѣчно похищалъ молодыхъ королевенъ. Его угловыя башни раздвигались въ широкія крылья, его темныя окна становились очами, его колонны глядѣли какъ страшные зубы, а грозные зубцы превращались въ колючія иглы щетины... И какъ сказочный рыцарь собирался я воевать съ чудовищемъ-замкомъ, какъ онъ же страстно, полный трепетнаго страха выслѣживалъ ночью куда ходятъ русалки за „мертвой водою“, безъ которой,—такъ гласили сказки,—невозможна побѣда.

Бывало, давно уже спитъ вся Пустынька, и старый Панасъ перестал̃ъ давно сопѣть на печи своей люлькой, и дѣдъ храпитъ за разложеннымъ пасьянсомъ, а я все еще сижу въ густой травѣ и дышу чудною ночью и своими дѣтскими грезами... Зеленые склоны холмовъ блестятъ отъ луннаго свѣта какъ матовый бархатъ и только дремучій лѣсъ выглядитъ еще темнѣе, совсѣмъ чернымъ, да страшно зіяютъ непроницаемымъ мракомъ ущелья, куда не добраться лунному свѣту... Гладкое озеро, закрытое сбоку холмомъ, совсѣмъ застыло и отливаетъ во мракѣ какимъ то темнымъ, какъ сильно вороненая сталь, блескомъ, выдѣляясь изъ черной рамы густаго, неподвижнаго камыша, окутаннаго непроницаемою мглою... Подъ ракитами, сильно пригнувшимися къ водѣ, также темно, какъ и въ камышахъ... Пастухи или чумаки разложили гдѣ то далеко на берегу яркій костеръ и пламя его падаетъ багровымъ пятномъ въ темную воду и дрожитъ на ней, то широко разбѣгаясь, то снова сбѣгаясь въ небольшое пятно, какъ живое,—а высоко, высоко надъ нимъ, на горѣ точно свѣтитъ облитая луннымъ свѣтомъ проѣзжая дорога и кажется совсѣмъ бѣлой. Вотъ,—вотъ,—кто нибудь

покажется на ней, задвижется, проѣдетъ... Но нѣтъ,—это только такъ кажется и напрасно стучитъ мое сердце въ тревожномъ ожиданіи!... Все спитъ, все безмолвно! Только вода лѣниво журчитъ, сбѣгая съ заснувшаго колеса и въ щели ветхой плотины, и еще глубже, еще таинственнѣе кажется царящая тишина отъ этого монотоннаго, тихаго журчанья... Мнѣ становится какъ то жутко и страшно... Горпына клянется, что тамъ, подъ мельницей, прячутся нехрещеныя дѣти и бродитъ страшный „упыръ", высматривая свою жертву... Сердце начинаетъ колотиться, въ вискахъ стучитъ... Я хочу шума, крика, свиста,—чего бы то ни было, лишь бы оно напоминало собою живое, но самъ боюсь шевельнуться,—къ тому-жъ я задыхаюсь!... Весь оцѣпенѣвшій отъ страха, точно сквозь сонъ слышу я, какъ что то вдругъ свиснуло въ рощѣ, затрещало, разсыпалось звонкою дробью, и прихожу въ себя, когда уже вся даль, и сама глубокая тьма ночи кажется, трепещутъ и разносятъ кругомъ соловьиное пѣніе... И я слышу, какъ ожившее сердце мое говоритъ совсѣмъ явственно:—спасибо тебѣ Божія пташка!

Успокоенный, я начинаю глядѣть вверхъ на яркія звѣзды... Тихо, медленно, безъ шума плывутъ онѣ надо мною цѣлыми группами, пестря темное небо самыми прихотливыми узорами, и вижу, какъ глубокая ночь, точно стараясь погасить ихъ, дышетъ на нихъ снизу своимъ мракомъ,—отчего онѣ то вспыхиваютъ, то гаснутъ, мерцая... Млечный путь,—эта свѣтлая тропа святыхъ ангеловъ,—ярко выдѣляется на общемъ темномъ фонѣ, рѣзко дѣля небесный куполъ, чтобы въ страшный судный день и грѣшники и праведники знали, гдѣ стать имъ одесную и ошую Божьяго Престола... Совсѣмъ незамѣтно движется золотой „Возъ", на которомъ праведныя души добираются до Рая, и я жадно всматриваюсь въ темную синеву, чтобы разглядѣть ихъ во что бы то ни стало... Но какъ ни гляжу я,—мнѣ ихъ не видно, потому что глаза мои грѣшны... Чтобы ихъ видѣть, нужно много поститься, нужно выстроить келью въ глухомъ дремучемъ лѣсу

и долго жить въ ней праведнымъ схимникомъ... Ужъ не уйдти ли и мнѣ въ лѣсъ,—не построить ли келью и не зажить ли схимникомъ? Хищные волки лизали бы мой слѣдъ и я понималъ бы говоръ всякой птицы... Я понималъ бы, что шепчетъ лѣсная трава, о чемъ шумятъ, качаясь, столѣтніе дубы!... Нѣтъ!—Я боюсь лѣса!—стучитъ мое сердце... Къ тому же... дѣдъ... Панасъ... Горпына!... Да и замокъ... моя война съ замкомъ!?...

Я вспоминаю о немъ и жадно выслѣживаю во мракѣ его темные, чуть видные силуэты... Освѣщенныя окна глядятъ совсѣмъ какъ очи и я еще больше вѣрю, что это страшный змѣй, а не камень... Я вспоминаю, зачѣмъ я здѣсь, чего мнѣ нужно, и вновь дѣлается мнѣ жутко... Русалки не любятъ, говоритъ Горпина, живаго человѣческаго духа,—зорко слѣдятъ, чтобы никто не подглядѣлъ ихъ „мертваго источника", и часто уносятъ смѣльчаковъ къ себѣ на холодное, вѣчно влажное дно... И все больше и больше охватываетъ меня страхъ и все сильнѣе колотится въ груди моей сердце...

— Не трусь!—точно слышу я грозный шепотъ дѣда и какъ то замираю, слабѣя отъ неимовѣрныхъ усилій...

Но вотъ, наконецъ, луна всплыла выше и блеснула въ зеркальной глади застывшаго озера... Золотыя ленты невидимо протянулись въ воздухѣ и отразились въ водяной глубинѣ цѣлыми снопами и золотою рябью. Весь облитый свѣтомъ, выплылъ изъ густаго мрака темный камышъ и стоитъ надъ водою, точно тая въ себѣ что то, и ясно выдѣляются ракиты, бросая отъ себя густыя тѣни... Это роковой часъ... Часъ, когда разбуженныя луннымъ свѣтомъ, выходятъ играть русалки... Я хочу закрыть глаза, но что то невидимое толкаетъ меня смотрѣть и смотрѣть и я гляжу, не отрывая взора... Вонъ, что то двинулось... что то шелохнулось... Русалка,—она!.. Даже рука бѣлая мелькнула на водѣ!.. Нѣтъ!—это закачалась бѣлая водяная лилія, тронутая всплеснувшей съ просонокъ рыбой,—это камышемъ зашуршала, пробираясь, хищная выдра... И досадно мнѣ,

и какъ то легко становится на душѣ, что это не русалка... Неужели же въ самомъ дѣлѣ все это только брехня, эти Панасовы сказки, какъ говоритъ мнѣ часто дѣдъ!?...

Когда я сталъ старше, замокъ, конечно, пересталъ быть чудовищнымъ змѣемъ... Но въ немъ, въ его угрюмыхъ стѣнахъ концентрировалось для меня, казалось, все зло, что я когда либо видѣлъ, о которомъ я могъ слышать,—все то враждебное, несправедливое, злое, что должно было по общему понятію обнимать собою собирательное имя—ляхи... Тамъ, только тамъ, казалось,—гнѣздилось то, съ чѣмъ рубились когда то предки, что вело ихъ на плаху, что не любилъ весь народъ, что обижало нашъ „родъ", съ чѣмъ враждовалъ дѣдъ, что грозило въ будущемъ и мнѣ бѣдой... И по мѣрѣ того, какъ я росъ,—слѣпая, безсознательная дѣтская ненависть, перенятая отъ старшихъ, переходила, казалось, въ глубокую вражду, похожую на злобу и потому какъ будто болѣе сознательную. Не замокъ я уже ненавидѣлъ, не его темныя стѣны,—нѣтъ!—я ненавидѣлъ то, что въ немъ жило, что, казалось, крылось или должно было крыться въ его стѣнахъ... Темный камень не смотрѣлъ уже на меня, не грозилъ,—онъ подавлялъ меня холоднымъ презрѣніемъ, оскорблялъ скрытой ироніей, возмущалъ тщеславнымъ сознаніемъ гордой силы, съ которой кичливо взлеталъ къ синему небу, высоко, высоко царя надъ всѣми...

И я ненавидѣлъ все, что въ немъ крылось, всѣхъ. кто тамъ жилъ, любилъ или ненавидѣлъ въ свою очередь,—всѣхъ, кого я даже и не зналъ никогда... Все это были только „враги" и будь они прелестны какъ свѣтлые ангелы,—они могли быть для меня, казалось, только врагами, только ненавистными „людьми изъ замка". Въ этихъ трехъ словахъ крылось все,—они сами собой опредѣляли отношенія.... И въ тихія ночи, когда замокъ ярко горѣлъ праздничными огнями, когда легкія воздушныя волны доносили до моего уха чудные звуки замковой музыки, подъ которые весело кружились прелестныя пани и панны,—я жарко

молилъ у Бога мощь и силу Самсона!.. Легче выдры, казалось, подкрался бы я къ ликующиму замку... Полный мощнаго гнѣва, поднялся бы я по мраморнымъ ступенямъ и, какъ великій слѣпецъ столбы Дагонова храма, схватилъ бы гордыя колонны руками... Мигъ,—и все рухнетъ, все ликующее погибнетъ въ стонахъ и мукахъ, простирая руки!... Но тутъ исчезаетъ вдругъ злоба,—сердце сжимается болью, мнѣ становится жаль, невыразимо жаль, и безсильныя уже руки сами собою оставляютъ колонны... Я не могу... я прощаю все... все!.... Таковъ почему-то былъ финалъ всѣхъ моихъ нападеній на замокъ. Даже когда я воображалъ себя вольнымъ козакомъ, когда по моей молитвѣ вскрывались высокія могилы и мнѣ на помощь выходили оттуда чубатые козаки въ красныхъ жупанахъ, когда всѣ предки слетались ко мнѣ изъ портретной и при блескѣ сверкавшихъ на лунѣ копій и сабель съ гордо поднятыми бунчуками мы шли на замокъ непреоборимой ратью,—даже и тогда! Блестящій клинокъ гетманской сабли безсильно падалъ въ моей рукѣ, потому что я видѣлъ поблѣднѣвшія лица и слёзы, я слышалъ стоны... Вдругъ изчезала злоба, потухало мщенье, сердце сжималось, мнѣ становилось жаль... Я нехотѣлъ уже ни битвы, ни мщенья, ни славы... я все... все прощалъ!... Можетъ быть потому то и смотрѣлъ на меня такъ угрюмо съ своего портрета непреклонный сподвижникъ Гонты!.. Можетъ быть своей жалостливостью я омрачалъ нетлѣнную славу предковъ?!

— У тебя опять будетъ лихорадка!—говоритъ бывало дѣдъ, когда я вернусь наконецъ домой послѣ подобныхъ боевъ и разбужу его своимъ приходомъ.—Гляди,—опять блестятъ у тебя глаза и горятъ щеки... Не нужно бы тебѣ, хлопче, такъ долго сидѣть на дворѣ ночью!...

Я молчалъ... я былъ скрытный мальчикъ, и дѣдъ никогда не зналъ, отчего у мечтательнаго мальчика горѣли щеки и естѣли глаза.

— Горпыно,—иди но уложы его!...

Входила, зѣвая, Горпына и укладывала меня въ постельку... Она любовно ласкала мои волосы и разсказывала сказки, подъ которыя я такъ привыкъ было засыпать. Я несказанно удивилъ ее разъ, перебивъ ея сказку.

— Горпыно,—лихорадочно спросилъ я ее шепотомъ, весь волнуясь и дрожа въ жгучемъ нетерпѣньи,—ты могла бы своего врага зарѣзать?

— Зарѣзать?!

И Горпына, вѣчно призывавшая на головы своихъ враговъ самыя страшныя муки и болѣзни, въ ужасѣ всплеснула руками...

— Зарѣзать!? Да развѣ вы не слышали, панычыку, что попъ читаетъ въ церкви?! Зарѣзать!.. Господи!.. И пришло жъ тоби на умъ такое, да еще и на ночь... Спаси тебя Пречистая ..

Она долго крестила меня и шептала молитву, пока я не заснулъ съ облегченнымъ сердцемъ.

ГЛАВА IV.

Плѣнъ.

Обитателей замка я почти никогда и не видѣлъ... Я зналъ что графъ вдовецъ, что у него есть почти взрослые сынъ и дочь и еще другой сынъ, младшій,—немного старше меня,— но видѣть ихъ мнѣ приходилось крайне рѣдко и то мелькомъ, случайно,—когда въ рѣдкіе выѣзды въ ближайшее мѣстечко ихъ пышная карета встрѣчалась съ нашей скромной бричкой. Дѣдъ тоже никогда ни съ кѣмъ изъ замка не встрѣчался, избѣгалъ всякихъ сношеній и о томъ, что происходило тамъ, мы узнавали только отъ рѣзника Янкеля, вмѣстѣ съ провизіей привозившаго еженедѣльно цѣлый коробъ новостей... Газетъ тогда нигдѣ не было и словоохотливый Янкель съ честью замѣнялъ ихъ собою для всѣхъ скучавшихъ въ своихъ усадьбахъ окрестныхъ помѣщиковъ. Онъ прекрасно зналъ все, что дѣлалось въ

усадьбахъ,—обо всѣхъ предпріятіяхъ,—о рожденіяхъ, смертяхъ, даже намѣченныхъ бракахъ,—обо всемъ, что происходило въ губерніи, даже о томъ, что дѣлалось за границей... Исчезни вдругъ Янкель, и всѣ помѣщики навѣрное очутились бы въ томъ же положеніи, какъ и мы теперь, еслибы у насъ вдругъ исчезли газеты и журналы...

— Ну, что,—не слышно чего нибудь о войнѣ?!... спрашивалъ его часто дѣдъ.

— Вой-нѣ!? Борони Богъ! А вотъ губернаторъ новый ѣдетъ!—говоритъ Янкель или сообщаетъ о предполагаемой свадьбѣ въ уѣздѣ.

Я и теперь еще помню длинные пейсы и вытертую мѣховую шапку этого добраго, крайне болтливаго жида... Привязавъ къ плетню свою разбитую, тощую клячу, кое какъ запряженную веревочками въ двухколесную тележку, онъ взваливалъ на плечи свой „товаръ“ и, еще издали улыбаясь и кивая головой, входилъ прямо въ домъ, гдѣ всегда былъ желаннымъ гостемъ... Сейчасъ же бывало начинался торгъ съ невѣроятной божбою, ужаснѣйшими клятвами, увѣреніями въ готовности провалиться или даже „ослѣпнуть“ и все это пересыпалось новостями... Спачала, помню, я долго искренно боялся за бѣднягу, когда его уличали, несмотря на самыя страстныя клятвы въ готовности немедленно лопнуть для доказательства своей мнимой правоты, пока дѣдъ не успокоилъ меня увѣреніемъ, что Богъ терпитъ ложь купцовъ, потому что они купцы, никогда не прощая ее другому. Это успокоило мои сомнѣнія, и мой страхъ за Янкеля, который самъ, кажется, былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого положенія и, въ конецъ уличенный, всегда оправдывался, улыбаясь, извѣстной поговоркой: „не обманешь,—не продашь!“

— Наше дѣло купеческое, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, на своемъ курьезномъ жаргонѣ, пожимая плечами и улыбаясь,—на то мы купцы!... намъ нельзя безъ этого!... Сами знаете!...

Этотъ Янкель и служилъ единственнымъ звеномъ, связы-

вавшимъ нашу изолированную, замкнутую жизнь съ кипучей, шумной жизнью гордаго замка...

Но давно, давно, когда меня еще не было на свѣтѣ, когда графъ только что вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ, онъ неожиданно самъ пріѣхалъ въ своей каретѣ къ дѣду и предложилъ ему мировую.. Графъ добровольно уступалъ часть земли и предлагалъ еще какую то сумму денегъ, но дѣдъ обидѣлся и разсердился... Онъ не могъ уступить ни клочка, ни пяди изъ того, что съ такими жертвами изъ рода въ родъ отстаивали его предки, не омрачивъ своей чести, не оскорбивъ своего родоваго культа, а отъ какихъ бы то ни было денегъ на отрѣзъ отказался... Деньги!? Родовой споръ и деньги! Нѣтъ, я слышалъ, будто дѣдъ тогда же предложилъ молодому графу покончить дѣло не деньгами, точно они были торгаши, а рыцарски, саблей на спорной межѣ... Графъ уклонился и споръ снова закипѣлъ по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ...

Я помню только одинъ случай непосредственнаго сношенія дѣда съ замкомъ да и то какой то странный, загадочный, носившій не то характеръ шутки, не то охотничьей пикировки... Послѣ одной изъ охотъ графъ прислалъ дѣду зайца, велѣвъ сказать, что посылаетъ его потому, что заяцъ убитъ имъ случайно въ дѣдовскихъ владѣніяхъ. Была ли это любезность, шутка, право не знаю, но дѣдъ сейчасъ же увидѣлъ въ этомъ, кажется, вызовъ и, нахмурившись, велѣлъ сказать графу, что не замедлитъ отблагодарить его... Страстный охотникъ, онъ немедленно вскинулъ ружье на плечо, спустилъ всѣхъ своихъ гончихъ и вернулся только глубокою ночью.

— Гдѣ ты былъ, дѣдъ?—спросилъ я его, помню, проснувшись.

— Гдѣ я былъ?—переспросилъ дѣдъ, наклоняясь ко мнѣ и гладя мою головку,—я убилъ во владѣньяхъ графа волка и послалъ ему за его зайца.

И дѣдъ самодовольно и гордо улыбнулся.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на нашу отчужденность, нашу замкнутость,—я попалъ разъ въ самый замокъ... Но попалъ въ качествѣ плѣнника на судъ самого графа.

По страсти бродяжить, въ одно прекрасное лѣтнее утро, я какъ то совсѣмъ незамѣтно для себя очутился далеко за предѣлами нашей Пустыньки, въ незнакомомъ мѣстѣ на берегу узенькаго, прозрачнаго ручья, голубаго, какъ стоявшее надъ нимъ голубое небо. Густой кустарникъ скрывалъ эту водяную ленту отъ палящихъ лучей солнца и она тихо журчала, струясь свѣтлой влагой по чистому песчаному дну и голышамъ, дыша заманчивой прохладой... Мнѣ понравилось это мѣсто, я напился изъ ручья и, набравъ голышей, задумалъ строить плотину... Увлеченный своей работой, я и не замѣтилъ, какъ кто то подошелъ сзади и съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ моимъ движеньемъ.

— Ты строишь мостъ?

Я обернулся, встревоженный и удивленный незнакомымъ голосомъ, присутствіемъ нежданнаго свидѣтеля. Въ двухъ шагахъ стоялъ свѣтлорусый мальчикъ, красиво одѣтый, ростомъ выше меня и улыбался мнѣ привѣтливой улыбкой... Всегда росшій одиноко, внѣ дѣтскаго общества,—я совсѣмъ растерялся и сконфузился.

— Ты строишъ мостъ?—Да?—спрашивалъ красивый незнакомецъ, все также улыбаясь и указывая рукою на мою работу.—Да?

— Да!— глухо и угрюмо отвѣтилъ я.

— О! какъ это хорошо! Дай, я помогу тебѣ и мы выстроимъ отличный мостъ.—Хочешь?

— Хорошо!—колеблясь выговорилъ я, все еще оглядывая фигуру мальчика изподлобья и растерянно тереба полы своей куртки.

Тотъ бросилъ хлыстъ, который держалъ въ рукѣ, набралъ голышей и бросилъ ихъ въ воду у моей кучи.

— Вотъ такъ будетъ отлично, мы выстроимъ чудный мостъ, говорилъ онъ совершенно свободно и развязно, притаптывая голыши ногою...- -А ты кто такой, мальчикъ?

— Я изъ Пустыньки...

— Изъ Пустыньки!?

Развязный мальчикъ остановился въ удивленьи и вытаращилъ на меня глаза.

— Изъ Пустыньки!? Ты можетъ быть внукъ этого злаго старика, который процессуется съ нами? наивно спросилъ мальчикъ и лицо его потемнѣло.

Но и мое потемнѣло,—его слова рѣзнули и меня ножомъ по сердцу... Предо мною стоялъ „врагъ изъ замка“ и осмѣлился поносить дѣда!

— Да, я внукъ его,—обиженно и гордо отвѣтилъ я,—но ты не смѣешь называть такъ дѣда!...

— Не смѣю?!—Его всѣ такъ называютъ... Онъ завзятый хлопъ и хлопской вѣры... Говорятъ, онъ сумасшедшій колдунъ!—насмѣшливо улыбался мальчикъ.

Я задрожалъ, голова у меня начала мутиться... Такой дерзости я не ожидалъ,—ее впервые слышали мои уши.

— Врешь, поганый ляхъ! перебилъ я его, задыхаясь и чувствуя какъ отъ обиды у меня подступаютъ къ горлу слезы.

— Что ты сказалъ?! выпрямился гордо мальчикъ, презрительно щуря глаза и побагровѣвъ отъ злобы.—Что ты смѣлъ сказать, подлый хлопъ?...

— Я сказалъ, что ты поганый ляхъ и что вы всѣ сами злые и колдуны...

— Ты смѣлъ это сказать мнѣ? Да ты знаешь, кто я? Я сынъ графа... Я позову людей и они отстегаютъ тебя нагайками, песья кровь!...

— А мой дѣдъ перерубитъ васъ всѣхъ ляховъ на мелкіе кусочки...

— Твой дѣдъ!? презрительно захохоталъ тотъ. Твой глупый дѣдъ—хлопъ и его тоже отстегаютъ...

— Дѣда!!?—я сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку,—Дѣда?! ляшское отродье?!

— Да, твоего дѣда и тебя.. Вотъ такъ!—и схвативъ свой хлыстъ онъ быстро стеганулъ меня по лицу.

Острая боль удесятерила мое негодованіе, а можетъ быть и силы... Какъ дикая рысь, прыгнулъ я на врага, вырвалъ хлыстъ и повалилъ его на землю... Мы сцѣпились, какъ двѣ разъяренныя кошки, и терзали другъ друга, барахтаясь на землѣ, пуская въ ходъ кулаки, зубы и ногти... Я дрался молча, тяжело сопя, стиснувъ зубы, отуманенный злобой, сквозь которую какъ то смутно просвѣчивало сознаніе исполняемаго будто бы долга, завѣщаннаго и предками и дѣдомъ, еще больше подзадорившее меня,—мой противникъ оралъ во все горло... Я былъ сильнѣе, ловче и черезъ минуту онъ уже почти не сопротивлялся... Онъ только кричалъ и задыхался, весь изцарапанный, искусанный, съ избитымъ въ кровь лицомъ...

— Вотъ тебѣ за дѣда... вотъ, вотъ, вотъ! говорилъ я, задыхаясь отъ злобы и тузя его немилосердно.

Но къ нему на помощь прибѣжалъ гувернеръ, съ которымъ онъ гулялъ, и силою, кляня и ругаясь, вырвалъ у меня мою жертву... Платье мое было измято, кой-гдѣ исцарапано лицо, я еле еле переводилъ духъ, но я торжествовалъ побѣду и гордо утиралъ носъ рукою... Мой противникъ громко плакалъ, его платье было въ клочьяхъ...

— Ты кто такой чертенокъ!? трясъ меня злобно гувернеръ.

— Я изъ Пустыньки! отвѣтилъ я съ достоинствомъ и гордо, смотря ему прямо въ глаза.

— А... такъ вотъ кто ты!.. Какъ же ты смѣлъ драться съ графомъ да еще и на его землѣ!...

— Это наша земля, неправда! Ляхи ее украли у насъ, но дѣдъ отниметъ!... грозилъ я съ необычайнымъ апломбомъ, упоенный побѣдой.

Гувернеръ захохоталъ.

— Ну, ладно, бѣсенокъ, а пока что, пойдемъ-ка къ графу въ замокъ... Онъ васъ разберетъ...

— Я не пойду къ ляхамъ!

— Не пойдешь къ ляхамъ, завзятый чертенокъ?! А вотъ увидимъ! и онъ схватилъ меня за руку.

— Не смѣй меня трогать! Дѣдъ тебя изрубитъ! кричалъ я, но ничто не помогало... Я кричалъ, упирался, билъ ногами, кусалъ его руки, а онъ все тащилъ меня и тащилъ... Тщетно звалъ я дѣда, никто не являлся мнѣ на помощь и по мраморнымъ ступенямъ замка я взошелъ не всемогущимъ королевичемъ, не грознымъ гайдамакомъ, а беззащитнымъ плѣнникомъ.

— Подожди здѣсь, чертенокъ, ишь какъ искусалъ мою руку! чтобъ тебѣ!..—сказалъ гувернеръ и заперъ меня въ комнатѣ.

До сихъ поръ я не боялся... Я не думалъ, не имѣлъ времени думать, что мнѣ могутъ сдѣлать зло и несправедливо наказать... Я весь былъ поглощенъ обидой, что меня тащутъ къ себѣ ляхи, что меня, такъ страстно и побѣдоносно воевавшаго всегда съ замкомъ, влекутъ теперь такъ позорно и никто не является мнѣ на помощь... Но оставшись одинъ, я сразу почувствовалъ приливъ глубокаго страха и сердце мое сжалось... Обида вмѣстѣ со страхомъ быстро пришибли меня, хотя злоба все таки клокотала. Стѣны были крѣпки, окна высоко, дѣдъ такъ далеко, да къ тому же онъ и не зналъ, что дѣлается съ его внукомъ!.. Въ окно я увидѣлъ внизу нашу Пустыньку всю, какъ на ладони, и слезы хлынули у меня градомъ... Что ждетъ меня?.. Раскаленная жаровня, какъ гетмана Остряницу? Плаха, костеръ или голодная смерть въ подземельи, какъ многихъ героевъ Сѣчи когда то? Господи,—хоть ты не оставь меня!... Слезы лились у меня градомъ,—я жарко молился,—я зналъ, что такъ дѣлали козаки предъ смертью...

Вдругъ щелкнулъ замокъ, я какъ то быстро вспомнилъ тутъ слова дѣда: не бойся и чорта, не трусь!—и почувствовалъ, что непремѣнно струшу...

— Иди сюда, хлопче!..

Въ дверяхъ стоялъ нахмурившись графъ и глядѣлъ на меня, сдвинувъ сердито брови. Сзади стоялъ гувернеръ.

Я не двинулся,—я точно приросъ къ мѣсту.

— Иди же сюда!..

— Я не пойду!—отвѣчалъ я сквозь зубы, заглушая готовыя вырваться наружу рыданья.

— Я докладывалъ вашей свѣтлости, что это чертенокъ,—онъ искусалъ мою руку!—вмѣшался сзади гувернеръ, но графъ точно не обратилъ на его слова вниманья.

— Почему?—продолжалъ графъ.—Ты боишься меня?!

— Да!—отвѣтилъ я глухо.

— Отчего же ты меня боишься?... Ты чувствуешь себя виноватымъ?...

— Нѣтъ,—я не чувствую...

— Такъ отчего же?..

Я молчалъ.

— А?—Отчего же ты не скажешь?..

— Оттого что ляхи жгли нашихъ, и мучили, и голодомъ морили!.. вылилось у меня какъ то невольно,—оттого... оттого... что!—но тутъ мнѣ помѣшали слезы.

— Вотъ отчего!—улыбнулся вдругъ графъ... Вотъ, что тебя пугаетъ! Ха, ха, ха! Правда,—это было,—но давно было,—хлопче,—за то и отъ вашихъ доставалось ляхамъ не меньше, если не больше... Но тебѣ про это и знать бы не слѣдовало!... Теперь ляхи не жгутъ и не рѣжутъ!.. Иди, не бойся!

Тонъ графа меня успокоилъ. Я подошелъ и вытеръ слезы, а онъ упорно и долго посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ужъ не думалъ ли ты,—началъ онъ снова,—что я буду жечь или мучить ребенка?!—улыбнулся онъ.

— Я думалъ...

— Жаль же, хлопче, что ты такого дурнаго мнѣнія о ляхахъ,—ну, да не твоя въ томъ вина!—добавилъ онъ, слегка

вздохнувъ.—Скажи мнѣ, за что ты такъ отдѣлалъ моего сына?.. Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

Мнѣ вдругъ стало стыдно.

— Ну, что же?...

— Я строилъ мостъ,—началъ я, покраснѣвъ какъ піонъ, но прямо смотря въ пронизывающіе глаза графа,—и онъ тоже захотѣлъ... Но онъ сказалъ, что мой дѣдъ сумасшедшій колдунъ и злой... И сказалъ, что я хлопъ и дѣдъ хлопъ и вѣра наша хлопская, и что онъ прикажетъ отстегать насъ нагайками... И онъ хлестнулъ меня хлыстомъ первый...

— Такъ ли?—нахмурился графъ,—позовите Яся!...

— Повтори при немъ,—сказалъ онъ, и когда я повторилъ слово въ слово при сконфуженномъ сынѣ, графъ сердито обратился къ нему:

— Правда это?

— Да!—отвѣтилъ тотъ,—я слышалъ, что такъ зовутъ его дѣда и сказалъ. А хлестнулъ я его потому,—оправдывался онъ растерянно,—потому, что онъ началъ ругаться...

— Ну, въ такомъ случаѣ ты получилъ должное!.. Прикажите запречь экипажъ и отвезите мальчика,—указалъ графъ гувернеру на меня,—къ его дѣду... Вина всего этого падаетъ всецѣло на васъ, сударь,—вы воспитатель... Я не хочу, чтобы мой сынъ былъ грубымъ нахаломъ!..

— Но я... но я!.. ваша свѣтлость,—началъ оправдываться гувернеръ.

— Съ вами мы поговоримъ еще послѣ!—перебилъ его сердито графъ и обратился снова ко мнѣ.

— Ну, поѣзжай, мальчикъ, домой, кланяйся своему дѣду да помни, что не все ляхи дѣлаютъ только зло да несправедливость!.. Я не виню тебя, что ты побилъ моего сына, когда тотъ безпричинно оскорбилъ тебя,—но все таки дамъ тебѣ хорошій совѣтъ: побольше любить и поменьше ненавидѣть!..

Я ѣхалъ домой съ торжествомъ, но признаюсь это торжество мое сильно было смущено послѣдними словами графа и вообще всѣмъ его обращеніемъ. Самъ не понимая почему,—я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, мнѣ точно стало вдругъ чего то стыдно.—Неужели графъ и добръ, и справедливъ, несмотря на все?.. смутно шевелилось во мнѣ гдѣ то глубоко, глубоко, какъ я ни гналъ отъ себя этотъ еретическій, казалось, вопросъ. И послѣдующее поведеніе дѣда, когда я разсказалъ ему все, далеко не успокоило мои сомнѣнія. Дѣдъ съ большимъ интересомъ слушалъ мою повѣсть и долго былъ, казалось, на моей сторонѣ... Пока я передавалъ мою ссору,—онъ негодовалъ вмѣстѣ со мною... Его глаза метнули искры, когда я сказалъ, что меня стегнули хлыстомъ... Онъ съ гордостью, весь красный отъ удовольствія, слушалъ, какъ я храбро побѣдилъ врага и смѣло отвѣчалъ гувернеру... На глазахъ у него сверкнули слезы и поблѣднѣло лицо, когда я передалъ свои ощущенія въ запертой комнатѣ,—онъ задрожалъ даже и сталъ ласкать мою голову... Но когда я разсказалъ подробно сцену съ графомъ и передалъ его послѣднія слова,—дѣдъ вдругъ остановился, грозно сдвинулъ брови и затѣмъ сердито зашагалъ по комнатѣ.

— Повтори!—сказалъ онъ, наконецъ, останавливаясь и не поднимая глазъ.

Я повторилъ и дѣдъ зашагалъ еще сердитѣе, кусая усъ,—что бывало съ нимъ въ рѣдкія минуты... Наконецъ онъ остановился.

— Вотъ что!—съ досадой сказалъ онъ сердитымъ голосомъ,—если ты еще будешь бѣгать на чужую землю и драться тамъ съ мальчиками,—я не буду пускать тебя изъ дома!.. Помни это!..

Такимъ я еще не видѣлъ дѣда и такихъ словъ я отъ него не слыхалъ. Все это было для меня болѣе чѣмъ неожиданно и надолго поселило въ моемъ сердцѣ тревогу...

Г. А. Мачтетъ.

(*Окончаніе будетъ*).

РУССКІЯ КОЛОНІИ ВЪ ДОБРУДЖѢ.[1)]

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Сколько намъ извѣстно, самый фактъ существованія довольно многочисленнаго украинскаго населенія на устьяхъ Дуная и въ Добруджѣ до настоящаго времени знакомъ, кажется, не всѣмъ, не исключая даже и большинства записныхъ, такъ сказать, изслѣдователей украинскаго народа. По всей вѣроятности, мы не особенно ошибемся, если выскажемъ предположеніе, что о добруджскихъ украинцахъ знаютъ гораздо больше наши новороссійскіе селяне, чѣмъ россійскіе вообще и даже украинскіе въ частности историки и этнографы. Все то, что сколько-нибудь извѣстно по слухамъ или по книгамъ о русскихъ въ Добруджѣ, касается почти исключительно великорусской эмиграціи—старообрядцевъ, безпоповцевъ, молоканъ и проч.;—о южно-русскомъ же населеніи Добруджи не говорится нигдѣ ни слова. Его даже какъ будто не замѣтилъ и Кельсіевъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Тульчѣ и оставившій свои замѣтки о добруджско-русской эми-

---

¹) Настоящая статья доставлена намъ при слѣдующемъ письмѣ профессора В. Б. Антоновича:

„Многоуважаемый Александръ Степановичъ! Мой пріятель, одинъ изъ профессоровъ бухарештскаго университета, сообщилъ мнѣ, по моей просьбѣ, портфель рукописныхъ замѣтокъ, относящихся къ Добруджѣ, съ правомъ пользоваться ими для печати; въ числѣ рукописей я нашелъ очеркъ колонизаціи Добруджи на французскомъ языкѣ, составленный членомъ Географическаго Румынскаго общества г. Loupouleskou; изъ этой статьи я извлекъ все то, что относилось къ русской колонизаціи въ Добруджѣ, опустивъ румынъ, грековъ etc. Прилагая вамъ эту работу въ переводѣ съ прибавленіемъ кое какихъ справокъ и замѣчаній, честь имѣю просить

граціи въ извѣстной книгѣ „Пережитое и передуманное". (Спб. 1868). Въ этихъ, поверхностныхъ во всѣхъ, впрочемъ, отношеніяхъ, замѣткахъ онъ почти ни однимъ словомъ не вспоминаетъ ни о существованіи нѣкогда въ Добруджѣ запорожцевъ, ни о нынѣшнихъ украинскихъ колонистахъ въ ней. Затѣмъ, если не считать нѣскольких коротенькихъ замѣтокъ, преимущественно въ „Кіевской Старинѣ", и вышедшей въ прошломъ году брошюры Г. Бахталовскаго „О посадѣ Вилковѣ", только сосѣднемъ съ Добруджей, то оказывается, что объ украинскихъ поселеніяхъ за Дунаемъ въ русской литературѣ ничего нѣтъ, равно какъ нѣтъ ничего и о самой Добруджѣ и вообще объ устьяхъ Дуная. Нужно замѣтить, впрочемъ, что несмотря на довольно большое вниманіе, которое обратили на себя эти мѣстности въ зап. Европѣ со времени возникновенія такъ назыв. восточнаго вопроса,—вниманіе это ограничивалось почти исключительно только военными интересами, а вслѣдствіе этого и въ европейской литературѣ почти до самаго послѣдняго времени было весьма немного сколько нибудь обстоятельныхъ описаній этой страны. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, теперь восполнился трудами нѣмцевъ и преимущественно австрійцевъ. Карлъ Петерсъ, авторъ лучшаго географо-геологическаго сочиненія о Добруджѣ [1]), говоритъ прямо, что „Австрія должна занимать *первое* мѣсто въ работахъ по изученію этой страны", и это вытекаетъ, по его мнѣнію, „изъ самой природы вещей: австрійскій геологъ, зоологъ или ботаникъ, путешествующій по нижнему Дунаю, не стоитъ на чужой почвѣ; съ небольшими (?) отличіями онъ находитъ на нижнемъ Дунаѣ тѣ же типы геологическихъ напластованій, тѣхъ же животныхъ и растенія, какъ

васъ покорно, въ случаѣ, если вы найдете ее годною для печати, помѣстить въ вашемъ журналѣ. Не желая приписывать себѣ чужаго труда, прошу васъ покорно оставить подпись лица, которого перу принадлежитъ первоначальный трудъ.

Примите и пр.

В. Антоновичъ.

1888 г.

Іюля 20 дня.

[1]) *Karl Peters.* Grundlinien zur Geographie und Soologie der Dobrudscha (Denkschriften der k. k. Academie der Wissenschaften, mathematisch-naturwissenschaftliche Klasse. XXVII B. Wien. 1867).

и въ венгерско-сербской долинѣ, начинающейся отъ воротъ Вѣны" (стр. 86). Само собой разумѣется, что нѣмецкій авторъ не ограничивается только этими учеными соображеніями и черезъ нѣсколько страницъ прямо заявляетъ, что изученіе этихъ странъ важно именно потому, что онѣ представляютъ собой „мѣста для аванпостовъ германскаго Drang nach Osten"...

Относительно украинскихъ колоній за Дунаемъ работа Петерса имѣетъ, впрочемъ, только очень второстепенное значеніе, такъ какъ она, главнымъ образомъ, посвящена географическому и геологическому описанію Добруджи. Заключающіяся въ ней статистическія и этнографическія свѣдѣнія о нашихъ землякахъ въ Добруджѣ кратки, да не совсѣмъ уже и новы, весь же интересъ этого сочиненія заключается для насъ въ нѣсколькихъ тоже краткихъ, но важныхъ для нашей цѣли, историческихъ замѣчаніяхъ о передвиженіи украинскихъ колоній въ странѣ. Изъ другихъ же работъ, отчасти цитируемыхъ и у Петерса, для насъ можетъ имѣть извѣстный интересъ развѣ еще сочиненіе г. Висковича, австрійскаго консула прежде въ Тульчѣ, а въ настоящее время въ Сулинѣ [1]), очень симпатичнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя, очевидно, весьма серьезно относящагося къ своей дѣятельности. Въ работѣ Lejean'a „Ethnographie de la Turquie d'Europe" [2]) интересна только довольно старательно составленная этнографическая карта Балканскаго полуострова (европейской Турціи), само же изслѣдованіе отличается относительно русскаго населенія чрезвычайной краткостью. Затѣмъ и въ европейской литературѣ о нашихъ землякахъ въ Добруджѣ и на устьяхъ Дуная мы не находимъ почти ровно ничего.

Между тѣмъ исторія и современная жизнь украинскихъ колоній за Дунаемъ должна бы быть, по крайней мѣрѣ для насъ, предметомъ гораздо большаго вниманія и интереса. Эмиграція изъ южной Россіи за Дунай, какъ дѣло временъ сравнительно недавнихъ, представляетъ собою явленіе, довольно близкое

[1]) *Viscovich.* Zur Statistik der Dobrudscha. Zeitschrift „Austria". Wien 1863. 15 Jahrg. 5. 698, 715, 737, 755.

[2]) Petermann's Mittheilungen. 1861. Ergänzungsheft

къ различнымъ вопросамъ современной жизни нашего отечества и при томъ явленіе, еще исторически далеко не закончившееся, продолжающее существовать и въ настоящее время, хотя, конечно, подъ вліяніемъ нѣсколько иныхъ условій и стимуловъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ оно начиналось. Исторія небольшой части народа, ушедшей вслѣдствіе извѣстныхъ условій внутренней жизни края и живущей уже болѣе столѣтія внѣ этихъ условій, въ положеніи при томъ, весьма благопріятствующемъ совершенно самостоятельному развитію, не можетъ не быть для насъ интересной, а во многомъ даже, можетъ быть, и довольно поучительной. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мы рѣшаемся предложить читателямъ въ настоящей статьѣ небольшое количество фактовъ, касающихся украинской эмиграціи за Дунай, главнымъ образомъ начиная съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и существующихъ тамъ въ настоящее время украинскихъ поселеній. Главнымъ источникомъ этой статьи будутъ личныя наблюденія и разсказы очевидцевъ и участниковъ самой эмиграціи, записанныя во время путешествій по Добруджѣ и дельтѣ Дуная.

I.

Колонизаціонныя движенія украинскаго племени.—Переселеніе запорожцевъ на устья Дуная.—Задунайская Сѣчь.—Райя.—Возвращеніе запорожцевъ въ Россію въ 1828 г.—Побѣги азовскихъ козаковъ обратно за Дунай.—Бѣгство украинскихъ крестьянъ въ Новороссію и Бессарабію.—Положеніе ихъ тамъ.—Эмиграція изъ Новороссіи и Бессарабіи за Дунай.—Переправа черезъ границу.—Перевозчики.—Пріемъ въ Турціи.—Разселеніе по Добруджѣ и начало колоній.—Жизнь въ новой странѣ.—„Велика виходка", или обратное движеніе въ Россію послѣ крымской войны.

Несмотря на общераспространенное мнѣніе о неподвижности и домосѣдствѣ южнорусскаго населенія, историческіе факты показываютъ намъ, что населенію этому всегда были присущи большія колонизаторскія стремленія. Достаточно сравнить этнографическую карту древней южной Руси по лѣтописи Нестора съ современнымъ намъ разселеніемъ южноруссовъ, чтобы видѣть, что поселенія ихъ не заходившія во время Нестора даже по теченію такой по преимуществу украинской рѣки, какъ Днѣпръ,

дальше впаденія въ него Роси,—дошли теперь до самаго Чернаго моря и какъ въ другую сторону, поселенія эти, самымъ восточнымъ пунктомъ которыхъ въ то время былъ Переяславъ, представляютъ теперь въ этомъ направленіи сплошную массу, переходящую уже черезъ Донъ и доходящую даже до подножій Кавказа. При этомъ необходимо напомнить, что въ этотъ промежутокъ времени, т. е. уже на глазахъ исторіи, русское племя было *три* раза оттираемо отъ Чернаго моря: первый разъ, въ VIII—IX вѣкахъ, жившіе возлѣ устьевъ Дуная угличи и тиверцы были вытѣснены оттуда печенѣгами,—второй разъ—въ XV ст. турки разорили литовско-русскія поселенія на мѣстахъ нынѣшнихъ Аккермана и Очакова—и, наконецъ, въ третій разъ—въ XVII ст. почти вся правобережная козацкая Украина, т. е. кіевское и брацлавское воеводства, была совершенно опустошена, какъ это видно по договорамъ, состоявшимся между Турціей, Польшей и Московскимъ государствомъ. Но, начиная уже съ этого столь недавняго времени, южноруссы успѣли вновь колонизировать обширныя страны этихъ двухъ воеводствъ, затѣмъ всю Новороссію и отчасти донскія и даже кубанскія и терскія степи. Это стремленіе украинцевъ на югъ обусловливалось, разумѣется, прежде всего географическими особенностями страны и преимущественно теченіемъ рѣкъ Прута, Днѣстра, Буга, Днѣпра и Донца. Изъ этихъ рѣкъ Прутъ, начинающійся въ русской части Галиціи и текущій въ область нижняго Дуная, былъ однимъ изъ первыхъ путей, по которымъ съ незапамятныхъ временъ двигались южноруссы по направленію къ югу, въ дунайскую долину. Есть указанія, что уже въ XII столѣтіи на нижнемъ Дунаѣ и у устья Прута находились города, населеные галицко-русскими выходцами: Берладь, Текуча и Малый Галичъ, т. е. нынѣшній Галацъ (Jnstructiunea Publica за 1860 г., № 1). Ипатская лѣтопись подъ 1159 годомъ упоминаетъ „городы подунайскіе“, принадлежавшіе галицкому княжеству, галицкіе корабли „кубарѣ,“ торговавшіе на устьи Дуная, которое занято было „рыболовами Галичьскими“ (Ипатская лѣтоп. стр. 341.) Слово о полку Игоревѣ говоритъ намъ, что Ярославъ Осмомыслъ Галицкій „заступаетъ путь Дунаеви“. Затѣмъ Берладь, въ дотатарское же время,

былъ убѣжищемъ бѣглецовъ изъ Галиціи и, наконецъ, до сихъ поръ карпатскіе гуцулы спускаются по Пруту плотами и идутъ на заработки въ Молдавію, Бессарабію и Новороссію. Впрочемъ, съ другой стороны, дельта Дуная была доступна для южноруссовъ и съ моря. Украинскимъ козакамъ и въ особенности запорожцамъ были прекрасно извѣстны эти страны, и они направлялись туда или сухимъ путемъ мимо Аккермана, или на своихъ „чайкахъ" моремъ черезъ дунайскія гирла. Достаточно будетъ для примѣра вспомнить извѣстную думу объ Алексѣѣ Поповичѣ о бурѣ на Черномъ морѣ, чтобы видѣть, до какой степени была извѣстна запорожцамъ географія дунайской дельты. Вотъ почему нисколько не удивительно, что когда запорожскому братству пришелъ конецъ на Днѣпрѣ въ 1775 г., то у запорожцевъ явилась идея о перенесеніи своей Сѣчи въ дельту другой великой рѣки того же черноморскаго бассейна, хотя и начинающейся внѣ славянскихъ предѣловъ. А съ другой стороны нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ и населеніе даже и внутреннихъ южно-русскихъ областей въ своихъ стремленіяхъ къ отысканію вольныхъ земель и личной свободы также обратило свои взоры и на дунайскую дельту.

Запорожская колонизація устьевъ Дуная и Добруджи уже разсмотрѣна въ статьѣ, напечатанной въ „Кіевск. Стар." 1883 года и затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ [1]). Здѣсь же мы намѣрены познакомить читателя съ слѣдовавшей за ней, позднѣйшею, вполнѣ мирной, крестьянско-земледѣльческой колонизаціей, которая развилась главнымъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, затѣмъ нѣсколько ослабѣла съ уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостнаго права и въ послѣднее время явно усиливается опять. Такъ какъ запорожская колонизація служила началомъ и опорою этой позднѣйшей земледѣльческой колонизаціи, составляющей предметъ нашей статьи, то мы позволимъ себѣ въ общихъ чертахъ напомнить сначала читателю судьбу бывшей задунайской Сѣчи.

---

[1]) *Ѳ. Кондратовичъ*. Задунайская Сѣчь по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ. Кіевъ 1883. (Въ журн. „Кіевск. Стар." 1883 г., янв., февр. и апрѣль).

Послѣ окончательнаго разоренія Сѣчи на Днѣпрѣ въ 1775 году, небольшая часть запорожцевъ перешла, какъ извѣстно, въ турецкіе предѣлы и, получивши разрѣшеніе Порты, въ количествѣ около 5000 челов. переселилась на дельту Дуная. Мѣстность эта была уже въ то время занята перешедшими туда еще раньше съ Кубани (а на Кубань пришедшими съ Дона подъ предводительствомъ Игната Некрасова) великорусскими козаками, извѣстными подъ именемъ некрасовцевъ или Игнать-козаковъ. Это обстоятельство было, по всей вѣроятности, причиною того, что запорожцы сразу не могли прочно утвердиться на устьяхъ Дуная и по прошествіи около 10 лѣтъ, т. е. въ 1785 году, по приглашенію австрійскаго правительства, всѣ или, только частью, передвинулись вверхъ по Дунаю на Военную Границу, гдѣ и поселились въ Банатѣ на берегахъ Тиссы и въ бачскомъ комитатѣ около города Zenta. По прошествіи, впрочемъ, очень короткаго времени запорожцы вышли оттуда и основали свой кошъ въ Сейменахъ, селѣ, находящемся также на Дунаѣ, но уже опять въ предѣлахъ Турціи между Гирсовой и Силистріей. Находясь тамъ, они принимали участіе въ войнѣ 1809 г., состоя въ гарнизонѣ крѣп. Рущука, въ мирное же время занимались, какъ и прежде, рыболовствомъ, спускаясь съ этой цѣлью къ устьямъ Дуная, гдѣ они имѣли свои рыболовные заводы. При этомъ, разумѣется, у нихъ происходили постоянныя столкновенія съ некрасовцами, окончившіяся, наконецъ, правильнымъ походомъ запорожцевъ противъ некрасовцевъ, полнымъ разбитіемъ послѣднихъ, взятіемъ запорожцами ихъ укрѣпленнаго пункта—Дунавца и переселеніемъ туда въ 1814 г. запорожскаго коша изъ Сейменъ. Основанная такимъ образомъ въ Дунавцѣ Сѣчь немедленно же сдѣлалась центральнымъ пунктомъ прочихъ запорожскихъ поселковъ, разбросанныхъ по всей дельтѣ и отчасти Добруджѣ. Оттуда запорожцы принимали участіе въ походѣ турецкихъ войскъ противъ сербовъ въ 1817 г. и затѣмъ противъ грековъ въ 1821 г. Наконецъ, въ 1828 г., въ началѣ происходившей тогда войны Турціи съ Россіей, тогдашній кошевой О. Гладкій съ небольшимъ количествомъ оставшихся съ нимъ козаковъ переправился въ Измаилъ и возвратился въ подданство Россіи. Послѣ этого заду-

найская Сѣчь была уничтожена, перешедшіе же съ Гладкимъ козаки были по окончаніи войны отправлены къ Азовскому морю, гдѣ изъ нихъ было сформировано азовское козачье войско.

Между тѣмъ, въ теченіи всего этого времени, т. е. по крайней мѣрѣ всей первой четверти нынѣшняго столѣтія, южная часть Новороссіи и особенно Бессарабія, присоединенная къ Россіи по бухарештскому мирному договору 11 іюля 1812 г., представляли собой мѣстности очень удаленныя отъ государственныхъ центровъ, а вслѣдствіе этого совершенно еще дезорганизованныя въ административномъ отношеніи и бывшія въ состояніи служить достаточно еще надежнымъ пріютомъ для бѣглецовъ. Сюда то и направлялись бѣжавшіе главнымъ образомъ отъ недавно введенныхъ крѣпостнаго права и рекрутчины новороссійскіе крестьяне и здѣсь отчасти селились на свободныхъ еще земляхъ и заводили земледѣльческіе хутора, отчасти же занимались рыболовствомъ и охотой на пустынныхъ и до сихъ поръ еще лиманахъ Дуная. Положеніе этихъ колонистовъ въ Бессарабіи въ то время въ весьма значительной степени облегчалось и обезпечивалось существованіемъ запорожской Сѣчи за Дунаемъ. Люди, особенно сильно преслѣдуемые, люди, искавшіе болѣе привольной и свободной жизни, наконецъ, люди болѣе молодые и предпріимчивые, а кромѣ того не вполнѣ забывшіе козацкія традиціи недавно разореннаго коша на Днѣпрѣ,—во всякое время могли сравнительно безпрепятственно переправиться черезъ Дунай и очутиться въ Сѣчи, гдѣ они могли имѣть и вполнѣ уже безопасный пріютъ, и свободныя рыбныя ловли, и, наконецъ, широкое удовлетвореніе своимъ военно-авантюристическимъ наклонностямъ. Задунайскіе сѣчевики, какъ видно изъ приведенныхъ разсказовъ Коломійца, не только охотно принимали къ себѣ каждаго сколько нибудь способнаго „ко́закувать" бѣглеца, но организовали дѣло побѣговъ систематически, отправляя нарочитыхъ эмиссаровъ для вербовки охотниковъ поступить въ составъ Сѣчи. Эти эмиссары—„вожаи"—обходили почти всю Украину и, собравши въ разныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ небольшой отрядъ бѣглецовъ, приводили ихъ на Сѣчь, пользуясь, разумѣется, по пути и помощью и укрывательствомъ со стороны такого же бѣг-

лаго населенія Бессарабіи. Но кромѣ такихъ эмигрантовъ, составлявшихъ постоянные кадры задунайской Сѣчи, на Дунавецъ шло много и другихъ людей, очень часто семейныхъ или женившихся уже въ бѣгахъ, привлекавшихся туда то привольемъ мѣстъ, то родственными связями, то, наконецъ, и свободными землями. Такимъ образомъ и вокругъ дунавецкой Сѣчи образовалась мало по малу такъ назыв. „Райя" [1]), т. е. такое же семейное и большею частью земледѣльческое населеніе, какое въ свое время группировалось вокругъ днѣпровской Сѣчи, ея гардовъ, паланокъ и зимовниковъ. Такими семейно-земледѣльческими поселками Райи въ Добруджѣ были: Райя на Дунавцѣ, Муругиль, Кара-Орманъ, а потомъ Приславъ, Пирлиця, отчасти Старая Тульча и др. мѣста.

Такимъ образомъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія мы видимъ довольно многочисленную уже колонизацію въ Бессарабіи и кромѣ того запорожскія поселенія въ Добруджѣ и на устьяхъ Дуная. Очень скоро послѣ перенесенія Сѣчи на Дунавецъ начали образовываться и упомянутыя нами выше украинскія земледѣльческія колоніи. Въ то время, когда запорожцы вели хозяйство исключительно рыболовное и охотничье, семейное населеніе Райи занималось главнымъ образомъ земледѣліемъ на территоріи, отведенной запорожцамъ турецкимъ правительствомъ. Земли было настолько достаточно, что не было надобности въ какомъ нибудь регулированіи пользованія ею: „де хто хотивъ— тамъ и пахавъ" и при этомъ значительное количество земли все таки оставалось, и запорожскій кошъ отдавалъ ее въ аренду трансильванскимъ пастухамъ—моканамъ и болгарамъ, занимавшимся скотоводствомъ. При такихъ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ какъ благосостояніе, такъ и вообще успѣхи украинской колонизаціи на запорожскихъ земляхъ въ Добруджѣ должны были развиваться чрезвычайно быстро, и дѣйствительно, почти че-

---

[1]) Райей у Турокъ вообще называлось христіанское населеніе деревень, находившееся въ извѣстныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ спагіямъ, игравшимъ прежде въ Турціи роль феодальнаго дворянства. Понятно, что запорожская райя носила только это имя, безъ всякаго подчиненія кому бы то ни было въ указанномъ нами смыслѣ, а была подчинена только административно кошевому Сѣчи.

резъ четверть столѣтія мы видимъ земледѣльческія колоніи Добруджи на столько укрѣпившимися, что онѣ начинаютъ уже вмѣшиваться въ политическую жизнь Сѣчи и въ концѣ концовъ успѣваютъ провесть своего кандидата (О. Гладкаго) на должность кошеваго. Тѣмъ не менѣе постоянная неувѣренность за свою дальнѣйшую судьбу, находившуюся въ очень тѣсной зависимости отъ непрочнаго политическаго положенія Сѣчи между Россіей и Турціей, все таки давала себя знать очень чувствительно и въ концѣ концовъ располагала добруджскихъ колонистовъ къ возвращенію въ Россію, тѣмъ болѣе, что Гладкому постоянно дѣлались, повидимому, очень выгодныя въ этомъ смыслѣ предложенія со стороны русскаго правительства. Въ концѣ концовъ—взяло ли верхъ это направленіе, расходившееся очень рѣзко съ настроеніемъ самихъ запорожцевъ, или просто пришлось подчиниться послѣдствіямъ переворота, произведеннаго Гладкимъ,—но съ переходомъ Гладкаго на сторону Россіи добруджскія колоніи значительно опустѣли. Съ самаго начала, т. е. непосредственно за сдачей Гладкаго, бѣгство украинскихъ колонистовъ изъ Добруджи обусловливалось прежде всего страхомъ мести со стороны турокъ и грабежа со стороны прочаго полудикаго населенія страны, состоявшаго изъ моканъ (пастуховъ-трансильванцевъ), румынъ, болгаръ и т. п., которые дѣйствительно на другой же день послѣ выхода Гладкаго накинулись на оставшуюся беззащитной райю и чуть было ее всю не вырѣзали, если бы ее не спасло заступничество одного священника румына. Затѣмъ обратной эмиграціи добруджскихъ колонистовъ больше всего содѣйствовали тѣ льготы, которыя были обѣщаны всѣмъ „забиглымъ душамъ" со стороны русскаго правительства, разрѣшившаго принимать въ дунайскіе, а потомъ азовскіе козаки всевозможныхъ бродягъ съ обезпеченіемъ имъ полной амнистіи за прежнія преступленія и съ надѣломъ земли на рѣкѣ Кальчикѣ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ обстоятельствъ украинскія колоніи въ Добруджѣ очень быстро начали пустѣть, нѣкоторая часть земледѣльческаго населенія ихъ отодвинулась дальше въ глубь Добруджи, по направленію къ Тульчѣ, большая же часть ушла, оставивши послѣ себя разрозненную кучку запорожцевъ,

потерявшихъ прежнюю свою организацію и продолжавшихъ „рыбалить“ въ одиночку до окончательнаго своего исчезновенія.

Однако такое положеніе дѣлъ могло длиться не болѣе 2—3 лѣтъ, такъ какъ ожиданія возвратившихся изъ Добруджи эмигрантовъ въ сущности не вполнѣ оправдались, а съ другой стороны, не только не прекратились, а напротивъ, въ высшей степени усилились тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ люди бѣжали изъ своего отечества за Дунай. Въ видѣ примѣра и для характеристики бѣгства изъ азовскаго козачьяго войска, мы приведемъ отрывокъ изъ записаннаго разсказа одного изъ бѣжавшихъ—давняго жителя Тульчи, но до сихъ поръ еще бодраго и красиваго старика Корнія Билаго: „Ушелъ я отъ пана (разсказывалъ онъ) молодымъ еще хлопцемъ... Я панскій былъ—изъ Херсонщины... ушелъ въ Бессарабію... А тогда какъ разъ (1829—1830 г.г.) пріѣзжалъ отъ Гладкаго людей набирать въ азовскіе козаки панъ Рачковскій—онъ полякъ былъ. Воротникъ на немъ красивый, и здѣсь—на рукавахъ (обшлагахъ) тоже красное... Собралъ онъ людей возлѣ корчмы да и говоритъ: „кто, говоритъ, хочетъ подъ Бѣлаго Царя?“ Кто то обозвался, что пойдетъ,—вотъ онъ его и поставилъ въ сторону, а потомъ другихъ спрашиваетъ: „кто идетъ—въ одну сторону, кто не хочетъ—въ другую... Такъ вотъ и мы пошли—молодые еще хлопцы были!.. А какъ пришли туда, да какъ увидѣли, что тамъ дѣлается,—такъ подумали да и опять сюда поутекали!... А тамъ же, спрашиваете, что?!... Что и говорить! извѣстно что... въ москали (солдаты) повернули... ну, такъ мы и ушли, опять таки въ Бессарабію... А тогда какъ разъ переборка была: генералъ Василевскій былъ надъ дунайскими козаками... ну, и перебирали всѣхъ—кто панскій былъ, такъ къ панамъ отсылали, головы брили на половину, а кто старый человѣкъ, то и полъ бороды брили. Много тогда народу сюда (т. е. въ Добруджу) ушло... А я уже тогда женатый былъ; такъ забралъ жену и дѣтей да сюда и ушелъ!... „Тутъ оце усе, що руснаки живуть то усе забигли души!“—прибавилъ онъ въ заключеніе. Что касается упоминаемаго въ этомъ разсказѣ генерала Василевскаго, то объ этой, во многихъ отношеніяхъ памятной для Бессарабіи, личности мы будемъ имѣть еще случай

упомянуть нѣсколько разъ, пока же обращаемъ вниманіе читателя на то, что Корній Билый вышелъ изъ Новороссіи, основался сначала въ Бессарабіи и оттуда уже принужденъ былъ уйти за границу Россіи, въ Турцію, приблизительно около 1830—31 г. Кромѣ поступленія въ качествѣ бѣглаго въ азовское козачье войско и обратнаго бѣгства оттуда, судьба Корнія Билаго интересна для насъ въ томъ отношеніи, что она представляетъ собой типическій примѣръ общей судьбы громаднаго большинства украинскихъ колонистовъ Добруджи, въ указанное нами время, т. е. въ то именно время, съ котораго начались преслѣдованія бродягъ въ Новороссіи и особенно въ Бессарабіи и рядомъ съ этимъ, разумѣется, бѣгство оттуда людей цѣлыми тысячами ежегодно за Дунай. Какъ упоминаемыя нами преслѣдованія, такъ и оживленная эмиграція въ Добруджу, начавшись съ этого времени, продолжались, какъ мы увидимъ сейчасъ, непрерывно вплоть почти до самой крымской войны.

Присоединенныя въ 1812 г. къ Россіи Бессарабія и часть Молдавіи оставались до 1818 г. вполнѣ почти на прежнихъ основаніяхъ, т. е. безъ всякаго почти вмѣшательства русской администраціи во внутреннюю жизнь этихъ странъ. Съ 1818 г. такое отношеніе русскаго правительства къ новоприсоединенному краю начинаетъ нѣсколько измѣняться съ введеніемъ новаго устава для управленія областью и производствомъ первой въ Бессарабіи народной переписи. Въ силу этого новаго устава Бессарабіи была предоставлена, впрочемъ на первыхъ только порахъ, довольно значительная доля мѣстнаго самоуправленія. Такъ назыв. верховный совѣтъ, составленный изъ мѣстныхъ дворянъ, подъ предсѣдательствомъ облеченнаго широкими полномочіями намѣстника, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все управленіе края. Вся администрація Бессарабіи въ это время была выборною отъ мѣстнаго дворянства и широко пользовалась своими старинными обычаями и правами, съ употребленіемъ даже не только въ школѣ, но и въ администраціи румынскаго языка. Трудно, разумѣется, сказать, до какой степени могла быть полезна и выгодна для всей массы населенія эта введенная тогда система управленія краемъ посредствомъ мѣстнаго

привилегированнаго сословія, система бывшая въ употребленіи во многихъ завоеванныхъ странахъ,—но мы видимъ, что такого рода самоуправленіе было скоро найдено несоотвѣтствующимъ общей государственной системѣ. Уже въ 1823 г. назначенный новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ Бессарабіи князь Воронцовъ обратилъ вниманіе на возможность улучшенія верховнаго совѣта и на „упроченіе въ немъ правосудія и подчиненности, а въ странѣ порядка и спокойствія". Впослѣдствіи, а именно въ 1859 г., въ губернаторскихъ отчетахъ говорится уже о неудовлетворительности „областнаго совѣта", замѣнившаго собою по иниціативѣ кн. Воронцова прежній „верховный совѣтъ", и о несостоятельности коллегіальнаго устройства областнаго управленія. Впрочемъ, почти до 1829—30 гг. населеніе Бессарабіи пользовалось, повидимому, все таки сравнительнымъ благополучіемъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи личной безопасности нѣсколько тяжело чувствовались только втеченіе этого времени нѣкоторыя аграрныя перемѣны. Въ 1823—28 гг. происходило приведеніе въ извѣстность и заселеніе нѣмцами и болгарами Буджака, опустѣвшаго вслѣдствіе происходившаго отчасти передъ этимъ (въ 1817—18 гг.), отчасти одновременно, бѣгства изъ страны молдаванъ и части болгаръ (до 3000 семей), возвратившихся снова въ турецкіе предѣлы [1]). Оставшіяся послѣ этого бѣгства свободныя буджацкія земли, кромѣ надѣла вышеупомянутымъ колонистамъ, были пожалованы въ собственность разнымъ русскимъ сановникамъ, молдавскимъ боярамъ, перешедшимъ въ подданство имперіи, и вообще „разнымъ заслуженнымъ лицамъ", земли же, оставшіяся послѣ ногайцевъ, были зачислены въ казну въ видѣ государственныхъ имуществъ. Затѣмъ съ 1830 и слѣдующихъ гг. положеніе преимущественно украинскихъ колонистовъ Бессарабіи начинаетъ чрезвычайно чувствительно измѣняться къ худшему даже и въ смыслѣ только личной безопасности. Небольшое сравнительно количество райи, ушедшей изъ

[1]) *А. Защукъ.* Бессарабская область. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами Генеральнаго Штаба. Т. II, стр. 2.

Добруджи въ 1828 г., направилось почти цѣликомъ къ Азовскому морю, а въ числѣ переселившихся въ это время въ Бессарабію изъ Турціи людей мы находимъ только 1042 души некрасовцевъ (вѣроятно, липованъ) и около 3000 семействъ болгаръ, объ украинскихъ же колонистахъ и о возвращеніи ихъ въ это время изъ Добруджи, въ источникахъ вовсе не упоминается. Но за то, наоборотъ, мы видимъ, начиная преимущественно съ этого времени (къ которому относится и приведенный нами разсказъ Корнія Билого) систематическое и непрерывное, какъ мы сказали, до самой крымской войны переселеніе украинскихъ колонистовъ изъ Бессарабіи къ Добруджу. Это именно и есть то переселеніе, которое положило основаніе позднѣйшей (послѣ запорожцевъ) украинской колонизаціи въ Добруджѣ, колонизаціи, продолжавшейся около 30 лѣтъ сряду, прервавшейся, какъ мы увидимъ далѣе, послѣ освобожденія крестьянъ и начинающей опять возобновляться въ настоящее время.

Въ январьской и февральской книжкахъ журнала „Устои“ 1882 г. была помѣщена статья подъ заглавіемъ „Записки южно-русскаго крестьянина“. Этотъ необыкновенно простой, почти эпическій по своей непосредственности, разсказъ мы рекомендуемъ нашему читателю, какъ самую лучшую иллюстрацію, какую возможно, по нашему мнѣнію, сдѣлать для характеристики положенія тогдашняго бѣглаго и по преимуществу украинскаго населенія Бессарабіи, изъ котораго, какъ мы только что видѣли, составился главный контингентъ добруджскихъ украинскихъ колоній. Тѣ немногіе разсказы, которые записаны въ Тульчѣ и будутъ приведены въ дальнѣйшемъ изложеніи, представятъ только детальныя подтвержденія общей картины, рисуемой „Записками южно-русскаго крестьянина“. Не менѣе детальныя и, такъ сказать, документально-цифровыя подтвержденія и разъясненія этой картины находимъ мы также въ мало извѣстныхъ, впрочемъ, русской публикѣ „Матеріалахъ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи“. Къ этимъ даннымъ прежде всего мы и обратимся, такъ какъ они лучше всего могутъ служить для составленія понятія о характерѣ и причинахъ описываемой нами эмиграціи изъ Украины, о происхожденіи и судьбѣ тѣхъ

скитальцевъ, которые, хотя и бѣдствовали въ Новороссіи и Бессарабіи, все таки въ теченіи почти 30 лѣтъ уходили туда и спасаясь отъ преслѣдованій, находили себѣ, наконецъ, пріютъ въ Добруджѣ. „Матеріалы", о которыхъ мы говоримъ, начинаются, какъ извѣстно, только съ 1836 г. Въ этомъ году оффиціальнымъ отчетомъ департамента полиціи исполнительной Бессарабія признается однимъ изъ главныхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствуютъ разбои, и при этомъ говорится именно о бродягахъ, скрывающихся за Дунаемъ; кромѣ того, въ отчетахъ обращается особое вниманіе на количество бродягъ въ черниговской губерніи. Въ слѣдующемъ 1837 г. по всему югу Россіи происходило настоящее крестьянское движеніе, выражавшееся побѣгами въ Анапу; движеніе это было въ значительной степени вызвано распоряженіями самого правительства, разрѣшившаго въ 1832 г. „для успѣшнаго населенія сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря, водворять въ томъ краѣ бродягъ, приходящихъ туда безъ надлежащихъ видовъ". Приписанные въ Анапѣ люди, получивши такимъ образомъ законное гражданство, брали паспорты на заработки и возвращались обратно на Украину „для подговора тамошнихъ крестьянъ, желавшихъ припиской за Кубанью освободиться изъ крѣпостнаго состоянія". Между крестьянами начали возникать побѣги и безпорядки, „угрожавшіе разореніемъ многимъ помѣщичьимъ имѣніямъ", вслѣдствіе чего правительство приняло рѣшительныя мѣры—командировало особаго флигель-адъютанта, учредило на границахъ Черноморья и Земли войска донскаго особые пикеты, подвергало наказанію всѣхъ пойманныхъ подстрекателей къ побѣгамъ и т. д. Для большаго поощренія военныхъ командъ, составлявшихъ пикеты, была установлена особая денежная премія за поимку бродягъ и безпаспортныхъ. Въ 1839 г. правительство опять принимаетъ „особенныя къ пресѣченію бродяжничества мѣры" въ бессарабской области, такъ какъ было констатировано, что побѣги туда бываютъ довольно часто, особенно изъ губерній херсонской и подольской и что нашедшіе себѣ въ помянутой области надежный пріютъ бѣглые являются иногда лично въ мѣста прежняго своего жительства для подговора другихъ къ

побѣгамъ. Въ виду этого сдѣлано было распоряженіе о наказаніи такихъ лицъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ они будутъ пойманы, и объ отдачѣ ихъ потомъ въ солдаты, въ арестантскіе роты или ссылкѣ въ Сибирь. Въ бессарабской же области были учреждены спеціальныя коммиссіи для открытія бродягъ, зашедшихъ туда *въ послѣднее время*. Въ 1840 г. между крестьянами опять распространяются „нелѣпые толки" о послѣдовавшемъ будто бы разрѣшеніи переселяться въ бессарабскую область съ правомъ свободы отъ помѣщичьяго владѣнія. Въ самой же Бессарабіи, „благодаря мѣрамъ, принятымъ въ прошломъ году", побѣги значительно уменьшились, но за то обнаруживается масса побѣговъ въ Галицію, преимущественно изъ смежныхъ съ нею подольской и волынской губерній, при чемъ опять таки бѣжавшіе являются въ мѣста прежняго жительства и подговариваютъ народъ къ бѣгству въ Австрію. Въ слѣдующемъ году открываются опять массовые побѣги крестьянъ могилевской, харьковской, екатеринославской, кіевской и подольской губ.,—„обманутыхъ молвою о состоявшемся будто бы манифестѣ, коимъ дарована свобода и обѣщаны земли тѣмъ, кои прибудутъ въ Новороссійскій край, Бессарабію или Молдавію крѣпостнымъ людямъ". При этомъ само правительство уже констатируетъ фактъ, что кромѣ ложныхъ слуховъ, въ екатеринославской напр. губ., причиной бѣгства крестьянъ было „стѣсненное положеніе и отягощеніе крестьянъ нѣкоторыми владѣльцами, изъ которыхъ одинъ былъ даже преданъ суду". Тѣмъ не менѣе въ виду всего этого учреждаются особыя слѣдственныя коммиссіи и мин. внутр. дѣлъ проектируетъ усилить надзоръ за бродягами, посредствомъ *клейменія* попавшихся изъ нихъ. Мѣра эта была осуществлена въ 1845—46 гг. распоряженіемъ министерства о наложеніи поиманнымъ бродягамъ знака на правой рукѣ съ буквою Б (бродяга или бѣглый), натирая оный для неизгладимости составомъ изъ индиго и туши". Операція эта должна была производиться черезъ одного изъ состоящихъ при врачебной управѣ фельдшеровъ, въ присутствіи чиновника полиціи, уѣздн. стряпчаго и врача (стр. 141). По наложеніи такого знака, бродягъ очень часто, кромѣ наказанія шпицрутенами, отдавали въ военную

службу, арестантскія роты или ссылали въ Сибирь на поселеніе. Упоминая о томъ, что всѣ эти мѣры уже введены въ дѣйствіе, отчетъ прибавляетъ, что „можно смѣло надѣяться на значительное вслѣдствіе этого уменьшеніе бродяжничества вообще“. Однако, несмотря на то, что введенныя министерствомъ мѣры прилагались неуклонно (какъ видно изъ того, напр., что, по словамъ отчета, за послѣднюю только половину 1846 г. было подвергнуто клейменію 939 человѣкъ) надеждамъ министерства не суждено было осуществиться, и не дальше, какъ въ слѣдующемъ же году возникаютъ опять побѣги крѣпостныхъ крестьянъ цѣлыми массами и опять таки преимущественно изъ южныхъ губерній, гдѣ народъ не успѣлъ еще свыкнуться съ крѣпостнымъ правомъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для удержанія бѣжавшихъ потребовались войска; въ одномъ г. Себежѣ (витебской губ.) подвергнуто было тѣлесному наказанію около 4000 чел.; изъ курской губ. бѣжало до 1500 чел. и былъ остановленъ побѣгъ въ 46 помѣщичьихъ имѣніяхъ, заключавшихъ до 20,000 душъ. При усмиреніи и задержаніи воинской командой бѣжавшіе отняли ружья у солдатъ и перевязали бывшихъ при этомъ полицейскихъ чиновниковъ, но въ концѣ концовъ, разумѣется, были усмирены и наказаны. Затѣмъ въ 1849 г. во всей имперіи, кромѣ Сибири и Кавказа, было поймано 24,967 чел. бродягъ, большая часть которыхъ была изъ западныхъ и южныхъ губерній: изъ виленской, напр., 1049, изъ волынской 1190, кіевской—1858, херсонской и г. Одессы—2348 и т. д. Такое же точно положеніе дѣлъ тянулось и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, и еще въ 1854 г. вызвало опять новыя исключительныя мѣры въ херсонской губ. и бессарабской области. На этотъ разъ мѣры эти отличаются особенной энергіей и по отношенію не къ однимъ только бродягамъ: было предписано, чтобы *всѣ* безпаспортные были представлены въ полицейскія учрежденія къ извѣстному сроку „съ предвареніемъ, что виновные въ неисполненіи сего будутъ преданы военному суду“. Бродягъ, не помнящихъ родства и изъявившихъ желаніе поступить въ военную службу, предписано было отдавать въ рекруты безъ судебнаго опредѣленія, на основаніи особыхъ повелѣній. Въ

концѣ этого года и въ слѣдующемъ 1855 г. въ юго-западномъ краѣ произошли опять довольно большія крестьянскія волненія, поводомъ, къ которымъ было непониманіе крестьянами точнаго смысла воззванія Св. Синода по случаю образованія государственнаго ополченія и явившіеся вслѣдствіе того ложные толки о томъ, что поступившіе на время въ службу крестьяне получаютъ вольность вмѣстѣ съ своими семействами. Волненія эти произошли главнымъ образомъ въ кіевской губ., гдѣ въ „памяти народной, по выраженію отчета, живетъ еще козачество“. Въ воронежской губ. по поводу подобныхъ же волненій было объявлено, что „всѣ тѣ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые самовольно отлучатся изъ своихъ селеній для изъявленія желанія поступить въ военную службу или явятся съ несправедливыми жалобами на обремененіе ихъ будто бы тяжкими работами со стороны помѣщиковъ, будутъ тотчасъ преданы военному суду и наказаны по всей строгости законовъ, въ особенности зачинщики безпорядковъ“. Крымская война, а затѣмъ наступленіе новаго царствованія съ послѣдовавшимъ вскорѣ затѣмъ освобожденіемъ крестьянъ прекратили до извѣстной степени крестьянскія волненія, а слѣдовательно и побѣги, по крайней мѣрѣ, въ Бессарабію и на устья Дуная, откуда послѣ указанныхъ событій, а особенно послѣ освобожденія крестьянъ началась обратная эмиграція въ обширныхъ размѣрахъ, извѣстная въ Добруджѣ подъ именемъ „великой выходной“. Эго обратное движеніе въ Россію длилось, впрочемъ, не особенно долго и хотя ему до извѣстной степени много способствовало водвореніе въ Добруджѣ крымскихъ татаръ и черкесовъ съ Кавказа, но тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько лѣтъ уже оно смѣняется опять эмиграціей изъ Россіи, усиливающейся постепенно до настоящаго времени.

Такимъ образомъ мы имѣемъ теперь довольно яркую, составленную на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, картину того положенія дѣлъ въ Украинѣ и Новороссіи, которое доставляло кадры для колонизаціи Бессарабіи и Добруджи въ теченіи всей первой половины нынѣшняго столѣтія. Обращаясь затѣмъ спеціально къ Новороссіи и Бессарабіи и припоминая сказанное уже по этому поводу, мы видимъ, что до 1828—30 гг. положе-

ніе бѣглецовъ въ этихъ мѣстностяхъ было еще довольно удобнымъ, особенно въ виду существованія за Дунаемъ запорожской Сѣчи и украинскихъ земледѣльческихъ колоній при ней. Съ указываемаго же нами времени обстоятельства по отношенію къ бѣглымъ значительно мѣняются. Льготы, дарованныя бѣглецамъ послѣ сдачи Гладкаго и необходимыя для организаціи азовскаго козачьяго войска, а также усть-дунайскихъ козачьихъ войсковыхъ поселеній, были довольно скоро ограничены. Вообще военные порядки и режимъ того времени, отъ которыхъ жившіе въ Турціи эмигранты успѣли было уже отвыкнуть, не могли особенно нравиться возвратившимся переселенцамъ. „Тогда какъ они вышли съ Гладкимъ, разсказывалъ старикъ *Марко Чмеленко*—или по просту *Марко Глухый*,—много народа въ Россію ушло, да только опять назадъ возвратилось. Пошли, да солдатчиной какъ запахло, такъ они и вернулись... Гдѣ ужъ тамъ... извѣстное дѣло въ тѣ времена... бывало—и шапки не станетъ, передъ всѣми сбрасывая, все снимай да снимай!... А у турка—нѣтъ, не то... Вотъ, право, хоть перекреститься,—въ конакъ (присутственныя мѣста) придешь, вездѣ, все въ шапкѣ—не надо было сбрасывать"!... Между тѣмъ уже въ 1832 г. значительная часть украинскихъ колоній въ Бессарабіи была присоединена къ военному вѣдомству и превращена въ военныя поселенія съ переименованіемъ въ станицы. Съ принятіемъ этихъ мѣръ легализація прежнихъ переселенцевъ начала прекращаться, преслѣдованія же новыхъ, бѣжавшихъ въ это время изъ Россіи начали дѣлаться все болѣе и болѣе строгими. Въ особенности же преслѣдованія эти усилились и приняли систематическій характеръ съ вступленіемъ въ должность бессарабскаго гражд. губернатора генералъ-маіора Өедорова въ 1834 г., съ распространеніемъ его власти въ 1836 г. на измаильское градоначальство и съ назначеніемъ въ томъ же году начальникомъ новороссійскаго козачьяго войска полковника Василевскаго. Для характеристики дѣятельности этихъ двухъ лицъ, память о которыхъ, какъ увидитъ читатель далѣе, жива еще и до сихъ поръ за Дунаемъ, достаточно будетъ сказать, что съ 1837 по 1843 годъ было поймано и выслано изъ Бессарабіи 35,000 бродягъ, всего же, какъ видно

изъ собственноручныхъ замѣтокъ Ѳедорова, во все время его управленія областью было выслано изъ Бессарабіи безпаспортныхъ бродягъ болѣе 48,000. „А сколько укрылось!?"—прибавляетъ къ этой цифрѣ г. Защукъ, авторъ „Описанія Бессарабской области", изъ котораго мы беремъ эти цифры. Затѣмъ съ 1847 по 1851 годъ поймано и отправлено по принадлежности бродягъ 17,655 чел. и дезертировъ 1,107, всего—19,562. Кромѣ того въ Измаилѣ открыто бродягъ, которымъ предоставлено право оставаться на мѣстѣ, 15,400 чел. [1]). Но „число преступниковъ и арестантовъ, преданныхъ въ руки правосудія, говоритъ г. Защукъ, не можетъ служить средствомъ достаточнымъ для узнанія преступленій истинно совершенныхъ, подобно тому, какъ и число рыбъ, пойманныхъ неводомъ, не означаетъ числа рыбъ, плавающихъ въ рѣкѣ". Замѣчаніе это, по крайней мѣрѣ относительно бѣглыхъ, оказывается вполнѣ вѣрнымъ, такъ какъ, несмотря на все указанное нами громадное количество пойманныхъ бродягъ, число ихъ все таки не переставало постоянно увеличиваться. „По статистическимъ выводамъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ,—въ Бессарабію прибываетъ (писано въ концѣ пятидесятыхъ годовъ) болѣе 20,000 безпаспортныхъ въ годъ... Въ посадахъ г. Аккермана довольно долгое время по цѣлымъ годамъ не числилось вовсе умершихъ, такъ какъ всѣ умиравшіе оффиціально продолжали существовать въ видѣ разныхъ бродягъ, принимавшихъ ихъ имена. Ни поимки въ огромномъ количествѣ, ни упомянутыя уже выше наказанія (а мы вѣдь говорили только о наказаніяхъ, налагавшихся правительственною властью, кромѣ которой была вѣдь еще и власть помѣщичья, лично въ большей степени заинтересованная), ни угрозы даже военнымъ судомъ,—ничто не могло остановить движенія, которое было вызываемо постояннымъ давленіемъ крѣпостнаго права. „Южная Бессарабія, говоритъ г. Защукъ,—все таки продолжала служить притономъ бѣглыхъ крѣпостныхъ изъ Малороссіи, западныхъ и внутреннихъ (раскольники) губерній Россіи. Достигши благополучно южной Бессарабіи, бѣглецъ могъ сво-

---

[1]) Защукъ. Бессарабская область. I. 150, 157.

бодно вздохнуть, заняться ремесломъ по своему усмотрѣнію, а прежде всего приписаться въ мѣщане на мѣсто какого нибудь умершаго. Общества же, состоявшія сами изъ людей, бѣжавшихъ отъ крѣпостнаго состоянія, рѣдко отказывали кому нибудь въ этомъ одолженіи". Но тѣмъ не менѣе положеніе бѣглецовъ въ Бессарабіи было все таки тяжело. Далеко не всѣ изъ нихъ находили такой радушный пріемъ и пріютъ, о какомъ говоритъ г. Защукъ,—и для насъ въ этомъ отношеніи несравненно болѣе объективный и непосредственный источникъ представляютъ уже упомянутыя нами „Зап. южно-русскаго крестьянина". Какъ видно изъ этого замѣчательнаго разсказа и изъ нѣкоторыхъ записанныхъ въ Добруджѣ воспоминаній, съ которыми читатель познакомится ниже, бѣглецы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не находили себѣ пристанища до тѣхъ поръ, пока не попадали къ какому нибудь жадному хозяину или помѣщику, жившему въ ладахъ съ полиціей, или умѣвшему ловко отъ нея прятаться, и желавшему воспользоваться даровымъ трудомъ бродяги, боявшагося поимки и готоваго переносить какую угодно эксплоатацію. Одни изъ бѣглецовъ жили просто у хозяевъ въ качествѣ безплатныхъ рабочихъ за одинъ только пріютъ и кой какую пищу, другихъ помѣщики приписывали въ число своихъ крѣпостныхъ, очень часто даже помимо воли и безъ вѣдома самихъ приписываемыхъ, третьи скитались изъ одного мѣста въ другое, пока или не попадали въ руки полиціи, или не успѣвали какъ нибудь заработать денегъ на приписку, которая тоже не дешево обходилась. Счастливѣйшими изъ всѣхъ нихъ, наконецъ, были тѣ, кому удавалось, несмотря на всѣ опасности, перебраться черезъ Дунай и уйти въ гостепріимную Турцію. Вотъ изъ этихъ то послѣднихъ и образовались тѣ украинскія поселенія за Дунаемъ, въ которыхъ намъ пришлось побывать и съ которыми мы желаемъ познакомить читателей въ настоящей статьѣ.

Первымъ сигналомъ къ болѣе или менѣе сильному движенію бѣглецовъ изъ Бессарабіи за Дунай, въ Добруджу было то разочарованіе, которое пришлось испытать людямъ, воспользовавшимся амнистіей, обѣщанной записывавшимся въ азовскіе ко-

заки. Примѣръ такого разочарованія и бѣгства вслѣдствіе этого за Дунай мы видѣли въ приведенныхъ уже нами разсказахъ Корнія Билого и Марка Чмеленка. Затѣмъ не меньшее разочарованіе досталось и на долю тѣхъ, которые оставались въ Бессарабіи въ качествѣ легализированныхъ уже поселенцевъ. Не говоря уже о припискѣ цѣлыхъ селеній въ составъ козачьихъ станицъ и введеніе военныхъ порядковъ, въ каждой почти такой поселенной семьѣ прибавлялись годъ отъ году новые члены, убѣгавшіе къ своимъ родственникамъ и, понятно, незначившіеся уже въ записяхъ начальства и дѣлавшіеся такимъ образомъ своего рода дамокловымъ мечемъ, грозившимъ погибелью цѣлой семьѣ. Наконецъ, обыкновенныя притѣсненія исправниковъ, „угнетеніе, корыстолюбіе и несправедливость которыхъ"— говоритъ г. Защукъ со словъ г. Сомова (правителя канцеляріи бессарабскаго губернатора, составившаго особую записку о положеніи Бессарабіи) „доводили крестьянъ до того, что совершались частые побѣги казенныхъ поселянъ въ Турцію", прибавляя въ заключеніе: „значитъ, что хорошо было имъ жить въ Бессарабской области". Постоянно откупаться или прятаться отъ полиціи становилось въ концѣ концовъ невозможнымъ, а между тѣмъ „переборки", т. е. провѣрки населенія по спискамъ и паспортамъ дѣлались все чаще и строже. Первою изъ такихъ провѣрокъ, давшею огромный сравнительно контингентъ переселенцевъ, была знаменитая „переборка", устроенная полковникомъ Василевскимъ въ 1836 году, т. е. тотчасъ же по вступленіи его въ должность. Оффиціальныхъ и литературныхъ свѣдѣній объ этой „переборкѣ" мы не встрѣтили ни въ одномъ изъ пересмотрѣнныхъ нами источниковъ, но объ ней, равно какъ и объ имени устроившаго ее администратора, упоминалось уже въ разсказѣ Корнія Билого. Вотъ что еще разсказываетъ объ этой „переборкѣ" катырлезскій старикъ Игнатъ, ушедшій въ свое время изъ васильковскаго уѣзда кіев. губ. „одъ пана" и переселившійся въ 1836 г. за Дунай: „ну, ужъ и переборка была при Василевскомъ... всѣхъ, всѣхъ перебирали... спрашивали, кто отъ какого пана ушелъ? Тѣмъ, кто еще „до розмиру" (т. е. до войны 1828 г.) былъ, такъ тѣмъ

большіе ярлыки давали—живи себѣ, значитъ... а тѣмъ, которые недавно ушли—коротенькіе... Когда потомъ вдругъ слухъ,—что въ острогъ берутъ... Спрашиваемъ, гдѣ Грицько, а Грицько уже въ острогѣ... говорятъ, что назадъ къ пану отошлютъ... глядимъ—и тотъ уже въ острогѣ, и тотъ... Вотъ те и на!... Эге, говоримъ, такъ если же такъ, такъ матери жъ его чортъ!... Давай скорѣй лодокъ искать, да сюда!... Много тогда народу сюда ушло, развѣ, можетъ быть, какого сотаго поймали... а то всѣ люди ушли"... Другой разсказъ объ этомъ событіи, записанный со словъ тоже очевидца и участника въ бѣгствѣ, упомянутаго уже разъ 76-лѣтняго старика Марка Чмеленка, даетъ намъ между прочимъ понятіе и о тѣхъ неопредѣленныхъ слухахъ на счетъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщиковъ по царскому указу, пріурочиваемому къ тому или другому случаю, которые въ значительной степени содѣйствовали и даже служили стимуломъ къ побѣгамъ. Марко Чмеленко, или Марко Глухій изъ верхнеднѣпровскаго у. екатериносл. губ., внукъ запорожца Якова Чмеля, ушелъ отъ пана еще молодымъ хлопцемъ, по причинамъ, о которыхъ онъ выразился очень неопредѣленно: „такъ пишовъ соби, що тамъ казать... багато говорить, да ничого слухать!"...— „Было насъ пятеро—разсказываетъ онъ дальше—мы и пошли. Былъ я молодъ еще тогда, нанимался въ матросы, по морю ходилъ, потомъ поселились мы въ Килiѣ, я и женился. Когда въ 36 году насталъ генералъ Василевскій... онъ надъ мангинскими козаками[1]) за генерала былъ... ну, какъ начали тогда переборку, ревизію—значитъ, дѣлать, такъ очень много народу сюда поуходило за Дунай. Въ Бессарабіи тогда очень людей много было — все отъ пановъ уходили... все отъ пановъ... много ихъ было вездѣ и въ Килiѣ, и въ Рени, и въ Измаилѣ, вездѣ... Такъ вотъ, какъ начали переборку дѣлать,—кто панскій—сейчасъ брали и отсылали къ пану... Указъ, видите ли, не такой былъ: указъ былъ отъ Бѣлаго Царя, чтобы тѣхъ только брать, кто ушелъ изъ солдатъ, а панскихъ чтобъ не трогали, однако этотъ указъ

---

[1]) *Мангинскими*, или правильнѣе *акманитскими* козаками называли обыкновенно усть-дунайскіе козачьи полки, учрежденные въ 1807 г. и затѣмъ переиме-

отобрали отъ людей. Только въ одномъ Аккерманѣ указа не отдали—копію дали, а указъ у себя припрятали—такъ тамъ вотъ и не брали людей. Вотъ и меня тогда взяли... Писарь и говорилъ мнѣ: „уходи, говоритъ—вы люди молодые, жаль мнѣ васъ!“—Ну, да я не послушалъ. А потомъ таки опять ушелъ—да уже за Дунай—сюда вотъ. И жену и дѣтей забралъ—двое было. Сначала нанимался, за плугомъ ходилъ, а потомъ въ мельникахъ былъ, въ мирошникахъ, значитъ, по нашему—по простому... съ половины мололъ, а потомъ съ третьей мѣрки, если на хозяйскихъ харчахъ. А тамъ—что то года два помололъ, да и бросилъ, рыбалить началъ... „китцями“ рыбу ловилъ, можетъ быть, лѣтъ двадцать, а вотъ теперь только, можетъ быть года три, какъ пересталъ—опять въ мельники“... Объ Аккерманѣ, не выдавшемъ царскаго указа, а потому оставшемся неприкосновеннымъ, въ этомъ разсказѣ упоминается не безъ извѣстнаго основанія. Читатель, вѣроятно, помнитъ указанный уже нами раньше фактъ приписки въ посадахъ г. Аккермана бѣглыхъ людей на мѣсто умершихъ. Это обстоятельство, само по себѣ, повидимому, достаточно ясное и понятное, дало тѣмъ не менѣе поводъ къ подтвержденію вѣры въ легенду, о которой разсказываетъ Марко. Наконецъ, мы приведемъ еще одинъ разсказъ о „переборкѣ“ 1836 г., записанный отъ тульчанской старухи Маріи Михайлихи, интересный въ томъ отношеніи, что въ немъ есть указанія на зависимость эмиграціи въ Добруджу не только отъ преслѣдованій, какимъ подвергались бѣглые, но также и отъ извѣстныхъ экономическихъ условій, созданныхъ причисленіемъ переселенческихъ деревень къ военнымъ поселеніямъ, зачисленіемъ свободныхъ прежде земель въ Бессарабіи въ государственныя имущества и другими измѣненіями экономическаго быта населенія. „Отецъ мой Савва—разсказывала она намъ—былъ панскій, откуда то изъ подъ Кіева... ушелъ онъ еще молодымъ въ Бессарабію, лѣтъ 16—17 было, присталъ онъ гдѣ то въ сло-

---

нованные въ новороссійское козачье войско. Названіе это происходитъ отъ деревни *Акмангитъ*, основанной запорожцами, вернувшимися въ подданство Россіи въ 1807 г.

бодѣ къ хозяину, годъ или два тамъ былъ—ему ничего не давали за эту работу, только кормили да отъ начальства прятали: было—прослышатъ только, что начальство ѣдетъ—сейчасъ его въ канаву или въ стогъ сѣна—сиди тамъ, пока становой проѣдетъ. А ни жалованья, ничего не давали. Вотъ видитъ онъ, что такъ плохо, нашелъ разъ на дорогѣ мѣшечекъ съ сухарями, взялъ его да и пошелъ дальше въ Бессарабію. Тамъ уже и жилъ и женился. Жили мы возлѣ Измаила въ Кугурицѣ, въ Матроскѣ жили, въ Броскѣ (Броска—слобода возлѣ Измаила). Ну, а какъ при Василевскомъ людей провѣряли—мнѣ тогда лѣтъ 7 было, можетъ быть, десять. Сначала еще хорошо было жить, а потомъ, какъ землю размежевали—бѣда настала. То было, вотъ какъ здѣсь когда то, гдѣ хочешь, тамъ и ори; а какъ размежевали землю—какую къ Измаилу, какую къ Матроскѣ, тогда ужъ пришлось и аренду платить. Когда мы были въ Кугурицѣ—то уже аренду платили. Ну, и жить стало труднѣе (сутужнійше)—наѣдетъ, бывало, засѣдатель, сейчасъ ярлыки требуетъ. На всѣхъ—и на старыхъ, и на дѣтей—на всѣхъ ярлыки были, а если на кого нѣтъ ярлыка, говорятъ „бродяга", въ острогъ, закуютъ въ кандалы, и отправляютъ куда то въ Россію. А у насъ какъ разъ въ то время мужа моего братъ былъ—ужъ прятались мы, бывало, съ нимъ, дрожимъ, бывало, всѣ трясемся, пока не проѣдетъ засѣдатель. Подати большія пошли, недоимки, за все плати да плати... такъ вотъ и говоритъ мой мужъ разъ: „нужно, говоритъ, въ Туречину уходить, за Дунай!... Ну, и ушли!"...

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ все сводилось къ тому, чтобы „втикать за Дунай". Ни личная безопасность, ни экономическое положеніе не могли считаться обезпеченными для переселенцевъ въ Бессарабію, а въ перспективѣ кромѣ наказаній могла предстоять и невольная солдатчина, о которой поется въ одной изъ украин. рекрутскихъ пѣсенъ:

Бодай же ти мене, мати, въ купели зальляла,
Якъ ти мене молодого въ військо згодувала!

или въ другой пѣснѣ, относящейся къ концу прошлаго столѣтія.

Втикай, сыну, въ Волощину—
Не можна тутъ буты:
Пописали комисари
Всихъ насъ у некруты.

—

Пописали, пописали,
Палети роздали,
Та щобъ нашихъ некрутикивъ
Въ середу забрали.

—

Въ середу забрали,
Въ четверъ повъязали,
А въ пъятницю дуже рано
Въ Каменець оддали.

—

Ой Каменець, славный городъ—
Покопани шанци,
Ой тамъ лежять похованы
Наши новобранци.

—

Ой пане нашъ, пане князю,
Ой маешъ ти грошы—
Чомъ не идешъ до царици,
Да іи не просишъ?!

— Шкода хлопци, шкода хлопци,
Да за васъ просити—
Пописали дрибни листы,
Щобъ васъ привозити.

—

Ой пане нашъ, пане князю,
Ой маешъ ты волю:
Не давай насъ, биднихъ сиротъ,
Въ такую неволю.

—

Которыи богатыи
Себе викупляють:
Наймитами, сиротами
Повки наповняють.

—

Ой у лиси край розмаю
Зацвили оришки—
Туди гнали некрутикивъ
До Хотина пишки.

—

Летить орелъ черезъ море—
Ой дай море пити
Ой такъ тяжко некрутикамъ
Въ тимъ війську служити.

—

Лучче бъ тоби, мати,
Малимъ поховати,
Нижъ у тыи нещастныи
Некрути оддати.

Если же не солдатчина, то пойманному бѣглецу угрожало еще худшее—возвращеніе къ прежнему помѣщику или приписка къ

новому,—во всякомъ случаѣ „панщина“, въ виду которой даже въ любовной пѣснѣ „дивчина“ говоритъ:

Ой оддайте мене за волошина,
Бо дивчина молода ще й хорошая.
Ой оддайте мене за татарина,
Бо дивчина молода—не поганая.
Ой оддайте мене да за турчина,
Щобъ мени паншина недокучила (Ibid).

И бессарабскіе переселенцы уходили въ Волощину, до турчина—за Дунай. Но не такъ то легко было и уходить. По всей границѣ, шедшей тогда отъ Прута, мимо Рени, по лѣвому берегу Дуная и затѣмъ Георгіевскаго гирла, до самаго моря, были разставлены козачьи пикеты отъ дунайскихъ козачьихъ полковъ, спеціально командировавшихся въ 1835—36 г.г. по очереди на дунайскіе острова „для очищенія ихъ отъ укрывавшихся тамъ разнаго сброда людей“ и „для преслѣдованія и поимки бродягъ“ (Защукъ I. 36). Какъ ни была близка по своему происхожденію и традиціямъ эта кордонная стража къ преслѣдуемымъ ею бродягамъ, однако она отправляла свою службу съ достаточнымъ усердіемъ, примѣръ котораго мы можемъ видѣть хоть бы изъ того, что даже въ 1857 г., въ теченіи только 8 мѣсяцевъ три сотни козаковъ представили 1753 чел. пойманныхъ ими бродягъ. Надзоръ за границей былъ въ высшей степени строгимъ и наказанія за самовольный переходъ границы были тяжелы въ особенности по отношенію къ перевозчикамъ и прочимъ лицамъ, такъ или иначе способствовавшимъ побѣгамъ. Тѣмъ не менѣе перевозчики всегда находились и изъ-за корыстныхъ ли разсчетовъ, изъ сочувствія ли къ бѣглецамъ, или, наконецъ, просто изъ своего рода молодечества, переправляли бѣглыхъ, несмотря на самыя страшныя преслѣдованія. „Тутъ кордонъ былъ—разсказывала намъ далѣе та же Марья Михайлиха—какъ разъ до етого Дуная, противъ самой Тульчи... страхъ какъ смотрѣли, чтобы люди не переѣзжали. Перевозчики были съ этой стороны—рыбалки больше—они вотъ и перевозили... А на той сторонѣ ужъ у нихъ свои люди были—одни другимъ знаки давали: огонь, бывало, рубитъ, что ли—вотъ они подъѣдутъ, людей заберутъ на лодки да и повезутъ... только и страшно же было!“... По разсказамъ тульчанскаго старожила-молокана Ив. Ив. Ѳедорова, въ сороковыхъ годахъ между такими перевозчиками особенно

славился нѣкій *Юда Васильичъ*—бѣглый донской урядникъ, жившій въ Тульчѣ и занимавшійся этого рода контрабанднымъ промысломъ, какъ кажется, больше изъ разсчета. Онъ имѣлъ на русской сторонѣ Дуная своихъ людей, которые обыкновенно и подготовляли переправу: сговорившись съ желавшими бѣжать, они прятали ихъ въ камышахъ, затѣмъ высматривали время, когда можно было болѣе или менѣе безопасно подъѣхать, и давали Юдѣ Васильичу условный сигналъ. „Выйдетъ на берегъ Дуная въ извѣстное мѣсто, прикроется чуйкой и вырубитъ огнивомъ искры столько разъ, сколько условлено"—съ другой же стороны должны были отвѣчать, напр., соотвѣтственнымъ количествомъ ударовъ палкой о камень, или вообще обо что ниб. твердое. Сигналы эти приходилось довольно часто мѣнять, такъ какъ сторожевые козаки замѣчали или другимъ образомъ узнавали объ этихъ хитростяхъ, и искусно подражая имъ, заманивали иногда перевозчиковъ на свой берегъ и тамъ ловили ихъ. Юда Васильичъ бралъ съ перевозимыхъ иногда рублей по 25 и больше, если оказывалось возможнымъ. Лѣтомъ перевозка совершалась чаще всего черезъ пунктъ, лежащій немного къ сѣверу отъ Тульчи, пониже так. наз. Верхнихъ Чаталъ, т. е. перваго развѣтвленія Дуная на гирла; зимою же бѣглыхъ перевозили по льду прямо черезъ Дунай, противъ самой Тульчи. Другой перевозчикъ *Романъ*, изъ бѣглыхъ старообрядцевъ, также пользовался въ свое время большою извѣстностью въ качествѣ чрезвычайно смѣлаго и рѣшительнаго человѣка, предпріимчивость котораго доходила иногда до безумнаго бравурства. Такъ, онъ однажды со своими людьми, высадившись на русскій берегъ, поймалъ кордоннаго козака, отнялъ у него оружіе, втащилъ бѣднягу въ лодку и высадилъ обратно какъ разъ противъ сторожеваго поста. Во время своихъ контрабандистскихъ похожденій онъ отличался рѣшительностью, переходившей часто границы всякой гуманности, хотя, можетъ быть, и оправдываемой отчасти обстоятельствами, при которыхъ приходилось дѣйствовать, не имѣя при томъ времени для размышленій. Разсказываютъ, что однажды въ опасный моментъ, когда грудныя дѣти своимъ крикомъ могли выдать нѣсколько переправлявшихся въ лодкѣ семействъ, онъ бро-

силъ двухъ младенцевъ въ Дунай. Окончить свою карьеру ему пришлось самымъ печальнымъ образомъ. Во время одной изъ своихъ экскурсій онъ былъ пойманъ, наконецъ, козаками, проведенъ нѣсколько разъ сквозь строй въ Измаилѣ и затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда уже не вернулся, несмотря на обѣщаніе, данное кому то видѣвшему его на арестантскихъ работахъ въ Одессѣ. Вообще русскія власти, разсчитывавшіе прекратить бѣгство изъ Бессарабіи карательными мѣрами, поступали съ пойманными перевозчиками очень строго „и чего уже это начальство съ этими перевозчиками не дѣлало — разсказывала намъ Михайлиха — и разстрѣливали ихъ, и сквозь строй гоняли,—а все перевозили... съ имуществомъ, совсѣмъ“..... Насколько опасна была и какими обстоятельствами сопровождалась очень часто, такая перевозка, — мы можемъ судить изъ дальнѣйшаго разсказа той же Михайлихи о томъ, какъ была перевезена ея семья: „Насъ, когда перевозили—говорила она — такъ мы перенесли сначала все потихоньку, по ночамъ, въ плавни (плавучіе камыши), а потомъ, когда все было готово, ночью подъѣхали лодки, положили въ лодки все и сами мы сѣли... проплывемъ немного (а имъ пришлось плыть отъ самаго Измаила), а потомъ мужчины вылѣзають въ воду и тащатъ лодку по мелководью на себѣ, перетащатъ до глубокой воды, а потомъ опять ѣдемъ... а услышатъ, что козакъ идетъ по берегу—сейчасъ мы и притаимся всѣ, чтобъ не услышалъ какъ нибудь... такъ тихо нужно было ѣхать, чтобъ и камышемъ не зашелестѣть... Дѣти съ нами были— такъ одного ребенка чуть въ Дунай не бросили: кричитъ, да кричитъ... Что же, говорятъ, за одного маленькаго да всѣмъ пропадать—пусть уже лучше оно одно... такъ старикъ одинъ былъ, взялъ онъ то дитя, въ одѣяло завернулъ совсѣмъ, да сверху еще тулупомъ прикрылъ, чтобъ не слыхать было крика... А ужъ какъ выѣхали на чистый Дунай, тогда раскрыли это дитя, а оно уже и не дышетъ... полили водою, ожило понемногу, въ себя пришло... Котелокъ батько далъ тѣмъ перевозчикамъ, да муки мѣшокъ, да еще деньгами что то... не знаю! А какъ пріѣхали въ Тульчу—сейчасъ всѣхъ насъ въ конакъ отвели, переписали

сколько большихъ, сколько малыхъ,—всѣхъ, и пустили... Турокъ хорошо принималъ, спасибо ему!"...

Дѣйствительно, судя по всѣмъ разсказамъ, турки принимали бѣглецовъ довольно охотно и оказывали имъ почти всегда не только нѣкоторую помощь на первыхъ порахъ, но въ случаѣ надобности, и покровительство противъ преслѣдованій, если съ русской стороны требовали выдачи бѣжавшихъ. Въ одномъ изъ разсказовъ Игната изъ Василькова мы имѣемъ случай такого преслѣдованія, возбужденнаго русскими властями относительно нѣсколькихъ военныхъ дезертировъ. „Теперь уже не такъ,—разсказываетъ онъ—а прежде много уходило. Вотъ здѣсь, какъ разъ противъ Тульчи, сторожка стояла... москали по всему берегу были, а все было чуть ли не каждый день уходятъ. Разъ, помню, смотримъ, ходятъ по базару москали въ солдатскихъ шиняляхъ въ чемъ были, въ томъ и пришли... Ну, увидѣли ихъ турки, привели въ конакъ...—Что жъ, говорятъ, такъ и такъ—ушли! Разсказываютъ, какая имъ тамъ бѣда въ Россіи была: „и ѣсть не даютъ, и бьютъ"... Турокъ выслушалъ: Э, гайда,—говоритъ—живите себѣ, только чтобъ шкоды не было!" Офицеръ изъ Измаила пріѣзжалъ тѣхъ солдатъ требовать—такъ гдѣ тамъ!.. не дали!.. Турокъ говоритъ: „не знаю... можетъ быть и есть гдѣ нибудь... а я не знаю! ищите, говоритъ, если хотите... а только нѣтъ здѣсь никого вашего!"... Понятно, что такое отношеніе турокъ къ бѣглецамъ не могло съ своей стороны не содѣйствовать безпрестаннымъ побѣгамъ черезъ границу. Еще болѣе содѣйствовало этому то, что турецкое правительство поступало такимъ образомъ не только вслѣдствіе личнаго добродушія своихъ представителей въ Добруджѣ (о которомъ свидѣтельствуютъ рѣшительно всѣ), но и изъ политическаго разсчета, заключавшагося въ желаніи возможно скорѣе заселить эту почти совершенно еще пустынную въ то время страну. Прямое указаніе на это мы увидимъ далѣе въ словахъ одного изъ турецкихъ начальниковъ, по поводу постройки украинскими переселенцами своей церкви, изъ которыхъ видно, что турки, отличавшіеся часто, вопреки общепринятому о нихъ мнѣнію, пол-

нѣйшею вѣротерпимостью, охотно дѣлали даже значительныя съ ихъ точки зрѣнія уступки въ виду успѣха колонизаціи.

Изъ только что приведенныхъ разсказовъ видно между прочимъ, что въ эпоху позднѣйшихъ и вполнѣ уже земледѣльческихъ переселеній въ Добруджу главнымъ пунктомъ, куда направлялись новоприбывшіе бѣглецы, была уже Тульча. Прежніе переселенцы, отправлявшіеся въ Туреччину до 30-хъ годовъ, т. е. еще во время существованія за Дунаемъ Сѣчи, стремились понятно къ Дунавцу, какъ къ центру политическому и экономическому, подъ защитой котораго могли селиться не только люди, поступавшіе въ „товариство“ и занимавшіеся рыболовствомъ, а и земледѣльцы, получавшіе возможность пользоваться сѣчевыми землями. Съ уничтоженіемъ Сѣчи Дунавецъ потерялъ, разумѣется, всякое значеніе въ этомъ смыслѣ, бывшія же прежде запорожскими земли по своимъ размѣрамъ не могли уже удовлетворять довольно многочисленную эмиграцію. Вслѣдствіе этого оставшееся послѣ уничтоженія Сѣчи земледѣльческое украинское населеніе Добруджи, а равно и первые переселенцы послѣ войны 1828 г. начали группироваться сначала возлѣ Муругиля, а затѣмъ мало по малу отодвигаться вдоль Георіевскаго гирла къ западу, осаживаясь главнымъ образомъ въ существовавшихъ и прежде козацкихъ поселкахъ—Махмудіэ, Пирлицѣ, Приславѣ и, наконецъ, въ Тульчѣ. Мѣстности же по южному Бешъ-тепе́ и вокругъ лимана Разина были заняты моканами и болгарами, отчасти липованами, которые послѣ исчезновенія Сѣчи почувствовали себя опять на свободѣ и начали подвигаться къ мѣстамъ своего прежняго жительства. Такимъ образомъ позднѣйшимъ переселенцамъ изъ Украины приходилось направляться по преимуществу къ Тульчѣ, которая, какъ административный центръ и ближайшая къ Бессарабіи заграничная пристань на Дунаѣ, скоро сдѣлалась главнымъ пунктомъ украинской эмиграціи и не потеряла этого значенія даже и до настоящаго времени. Какъ увидимъ далѣе, Тульча и теперь представляетъ собою самую многочисленную и центральную колонію украинцевъ во всей странѣ. Основаніе Тульчи относится къ концу прошлаго столѣтія; кѣмъ она была основана—это, какъ кажется, съ точностью неизвѣстно:

одни думають, что основателями ея были турки, другіе—что болгары, нѣкоторые думають, что она была основана запорожцами и получила свое названіе отъ украинскаго глагола *тулитись*, т. е. прижиматься, находить себѣ убѣжище, пріютъ; румыны же претендуютъ, съ своей стороны, на эту честь и производятъ названіе этого города отъ лат. *dulcis*. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія или въ началѣ нынѣшняго Тульча представляла собой небольшой городокъ съ крѣпостью, находившійся къ с.-з. отъ нынѣшняго своего положенія, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь карантинъ для скота и гдѣ сохранились еще остатки прежней крѣпости, съ находящимся вблизи нихъ полуразрушившимся памятникомъ надъ русскими солдатами, убитыми, кажется, въ 1828 г. при осадѣ и взятіи города. Затѣмъ, если не ошибаемся, послѣ турецкой войны 1828 г. Тульча была уже перенесена на нынѣшнее свое мѣсто и одними изъ первыхъ ея поселенцевъ на новомъ мѣстѣ оказываются уже украинскіе эмигранты, вырубившіе и выкорчевавшіе вѣковые лѣса, покрывавшіе холмы, окружающіе городъ. Однако количество украинскаго населенія было все таки сначала не особенно велико. Одинъ изъ тульчанскихъ старожиловъ, прибывшій въ Тульчу въ началѣ 30-хъ годовъ, разсказываетъ, что въ это время онъ засталъ въ городѣ не больше 6—7 малорусскихъ семействъ и 2—3 великорусскихъ—православныхъ, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ. Но затѣмъ эмиграція пошла очень быстро, и Тульча не только населилась сама въ нѣсколько лѣтъ украинцами, или, какъ зовутъ ихъ въ Добруджѣ, *руснаками*, но и стала пунктомъ, откуда они разселялись по прочимъ мѣстамъ страны. Для исторіи этихъ первыхъ поселеній мы имѣемъ довольно характерный разсказъ бывшаго катырлезскаго шинкаря Сидора, указывающій между прочимъ на образъ жизни и занятія первыхъ переселенцевъ, которые не могли сразу приступить къ земледѣлію, а должны были сначала заняться расчисткой почвы подъ поля. „Ушелъ я отъ пана—разсказываетъ Сидоръ—17 лѣтъ... ходилъ съ чумаками, такъ дорогу уже зналъ. Пришли мы къ Дунаю, а тутъ въ Вилковѣ были ужъ такіе, что перевозили... Здѣсь же въ Тульчѣ человѣкъ у

меня знакомый былъ—я къ нему и пришелъ... здѣсь вотъ онъ жилъ... а тамъ вотъ, гдѣ церковь теперь—все лѣса были. Они въ Телицѣ корчевали лѣсъ, а дерево обстругивали и „бентомъ" (т. е. по канализированной горной рѣченкѣ) сплавляли въ Исакчу. Вотъ взялъ этотъ человѣкъ и меня лѣсъ корчевать съ собою, далъ какую то желѣзную штуку да и говоритъ: „вотъ такъ работай и такъ!" Взялся я... онъ мнѣ по два лева (40 сант.) въ день платилъ. Поработалъ я такъ нѣсколько дней, а потомъ и бросилъ. Онъ спрашиваетъ, почему? а я и говорю: я никого не убилъ, не зарѣзалъ въ Россіи—такъ и не хочу... Если бъ я, говорю, человѣка убилъ, что ли, ну, работалъ бы такъ, да грѣхъ свой искупилъ (спокутувавъ), а такъ зачѣмъ же?" Ну, и бросилъ. Пошелъ въ Тростяникъ, да началъ самъ лѣсъ рубить и въ брусья обтесывать... Они тамъ себѣ все ровненькое дерево выбираютъ, да тоненькое, а я всякое, сплошь рубилъ... хоть и кривое—по шнуру обтешешь, такъ и ровное будетъ. Такъ вотъ, надѣлалъ я брусьевъ, отвезъ въ Исакчу, продалъ; а у меня еще рублей триста денегъ было—изъ Россіи принесъ... Такъ вотъ я такъ и началъ себѣ помаленьку"... Такъ происходила расчистка полей около Тульчи, въ Телицѣ, и до сихъ поръ еще лежащей среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ; затѣмъ въ другихъ мѣстахъ и между прочимъ еще въ началѣ 50 годовъ въ Чиликѣ, гдѣ вся эта трудная работа была произведена, какъ мы увидимъ далѣе, руками украинскихъ монахинь. Вмѣстѣ съ этимъ происходило и дальнѣйшее разселеніе украинскихъ эмигрантовъ по направленію на востокъ, явились поселенія въ Кишлѣ, Сомовой, Паркишѣ, Исакчѣ, Телицѣ, Тростяникѣ, а затѣмъ въ Майданкѣ, Цифиркѣ, Таицѣ, Цыганкѣ, Дунджѣ, Чукровой, еще дальше возлѣ Мачина и до Сейменъ, гдѣ оставались еще поселенія со времени пребыванія тамъ запорожцевъ. Съ западной же стороны, возлѣ моря и на дельтѣ Дуная остались заселенными украинцами: Катырлезъ, Кара-Орманъ, отчасти Сулина, Старая Килія и поселки на о—вѣ Лети. Такимъ образомъ, украинскія поселенія растянулись, начиная отъ моря, по дельтѣ и по теченію Дуная вверхъ почти до самой Силистріи, не занимая, впрочемъ,

нигдѣ вполнѣ сплошнаго пространства и представляя собой только острова среди самаго разноплеменнаго населенія,

Все сказанное выше относится главнымъ образомъ къ переселенцамъ осѣдлымъ, семейнымъ и занимавшимся земледѣліемъ. Но, кромѣ того, Добруджа всегда была наполнена цѣлой массой безсемейнаго, бродячаго люда, пришедшаго изъ Украины и изъ другихъ мѣстъ, не принеся съ собой ничего, кромѣ подчасъ буйной головы да здоровыхъ рукъ, и искавшаго заработка то при чужихъ хозяйствахъ на земледѣльческой работѣ, то по рыболовнымъ заводамъ у своихъ же земляковъ или у грековъ и липованъ. Эта „сиромашня" да доживавшіе вѣкъ остатки старыхъ запорожцевъ представляли собой крайне непостоянный бродячій элементъ украинской эмиграціи, никогда не имѣвшій постояннаго мѣста жительства и кочевавшій по рыбачьимъ поселкамъ, рыболовнымъ заводамъ и плавнямъ дунайской дельты. О жизни оставшихся послѣ 1828 г. запорожцевъ сообщено уже нѣсколько фактовъ въ статьѣ „Задунайская Сѣчь". Они продолжали жить главнымъ образомъ рыболовствомъ или сидя (весьма немногіе) на своихъ собственныхъ ерикахъ и заводахъ, или ловили рыбу на чужихъ заводахъ съ полу-пая и занимались по прежнему охотой, тѣмъ болѣе, что всякаго рода звѣрей и дичи было тогда еще легендарное изобиліе. „Сиромашня" же, ушедшая въ Добруджу, какъ поется въ народной пѣснѣ:

> Выдно степы полтавськіи, выдно горы задунайськыи.
> Ой давно я поглядаю на курини сироманськыи...

не имѣла не только своихъ куреней, но не могла вести и такого сравнительно самостоятельнаго образа жизни, какъ старые рыбалки и охотники, бывшіе запорожцы. Сиромахамъ приходилось, какъ мы сказали, наниматься или, въ лучшемъ случаѣ, работать съ пая на рыболовномъ заводѣ. Въ извѣстные сезоны въ Тульчу, гдѣ обыкновенно заключаются и теперь всѣ сдѣлки между хозяевами рыболовныхъ заводовъ и „матульняками", т. е. неводными рабочими, такой „сиромашни" собиралось столько, что она обращала на себя всеобщее вниманіе. „Было какъ поприходятъ сюда въ Тульчу—разсказываетъ объ нихъ Остапъ Данчукъ,—точно войско какое нибудь... Да и народъ же былъ добрый... войдутъ,

бывало, въ хату колядовать, такъ черезъ нихъ ничего и невидно— только потолокъ и видишь—такіе высокіе... Оттака парубота була“!...

Такимъ образомъ разселялась и пристраивалась украинская эмиграція за Дунаемъ, втеченіе почти 30 лѣтъ, послѣ возвращенія запорожцевъ въ Россію. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ очерковъ читатель увидить, что жилось и живется нашимъ землякамъ въ Добруджѣ сравнительно очень и очень недурно, но стремленіе къ „волѣ“ все таки не пересиливало въ концѣ концовъ привязанности къ своей родной странѣ. И большіе размѣры личной свободы, и сравнительно хорошія экономическія условія жизни—все это не могло побороть въ украинскихъ бѣглецахъ тоски по родинѣ, не могло заглушить жгучаго чувства любви къ своей землѣ. Въ особенности, повидимому, не совсѣмъ весело жилось въ свободной Туреччинѣ безсемейной „паруботѣ“, „сиромашнѣ“, не имѣвшей ничего кромѣ рукъ да „воли“. Семейные или сдѣлавшіеся семейными на чужбинѣ все таки имѣли хоть тотъ теплый уголокъ, который такъ дорогъ всякому, а особенно нашему украинцу,—у „сиромахъ“ же и этого не было:

Сыдыть, сыдыть сиромаха,
Думае, гадае—
Самъ зостався на чужыни,
Родыны не мае...
Нема роду, ни родыны,
Ни щастьтя, ни доли—
Самъ зостався на чужыни,
Якъ былына въ поли.
Ой на тую былыночку
Стыха витеръ віе—
Тожъ то тяжко безъ дружыны,
Ажъ серденько мліе... и т. д.

(Зап. отъ О. Данчука, въ Тульчѣ).

или какъ говорится въ другой пѣснѣ:

Ой безщасная та волокыта,
Та журба жъ мене зъила:
Ой що найменша у степу пташка,
Та й та мене была...
А за що жъ вона мене была?
Що я сыротына.—
А за що жъ вона мене лае?
Що роду немае!...
Есть у мене родыночка,
Та далеко одъ мене,
Ой чую жъ я черезъ люде
Цураеться мене.
Нехай соби цураетьця,
Якъ же соби знае,
Прыйде той часъ и годына,
Що й мене згадае.

Ой перебреду тую быструю ричку,
Половыну ставу;
Ой я жъ тую быструю ричку
Очеретомъ перетычу
Докы жъ свою та родыночку
Та на цей бикъ переклычу.

(Зап. отъ Сидора Телиги, въ Тульчѣ).

И бѣдному сиромахѣ дѣйствительно удавалось „переклыкать свою родыночку“ на турецкую сторону Дуная, но гораздо чаще это не удавалось и приходилось одному „якъ билыночци въ поли“ тянуть свою „безщасную волокыту“ вдали отъ родныхъ людей и родной земли, постоянно объ ней вспоминая и на нее оглядываясь:

Ой тамъ за Дунаемъ молодець гуляє,
Молодець гуляє, на той бикъ гукає,
На той бикъ гукає: „подай перевозу—
Подай перевозу, я й перевезуся,
На свою Вкраину хочъ разъ подывлюся....

Въ этомъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отчасти искать объясненія того, что эта сиромашня была первымъ элементомъ, начавшимъ обратное передвиженіе изъ Туреччины въ Россію, какъ только обстоятельства сдѣлали такое передвиженіе возможнымъ. Само собой разумѣется, что, кромѣ этого, отсутствіе какихъ бы то не было прочныхъ связей со страной, отсутствіе всякой собственности и семьи дѣлали это передвиженіе для нихъ гораздо болѣе легкимъ сравнительно съ людьми семейными, но все таки привязанность къ родинѣ должна была быть у нихъ сильнѣе и сильнѣе должна была чувствоваться оторванность отъ края, гдѣ оставалась семья и все дорогое для нихъ. Какъ только повѣяло болѣе свободнымъ воздухомъ въ Россіи, въ началѣ прошлаго царствованія, какъ только почуялась близость свободы для крестьянъ и, вслѣдствіе конвенціи съ турецкимъ правительствомъ послѣ крымской войны, было рѣшено переселеніе крымскихъ татаръ и черкесовъ въ Добруджу съ тѣмъ, что желающимъ возвратиться оттуда русскимъ будутъ отведены земли въ Крыму и на Кубани,—сейчасъ же встрепенулось все украинское населеніе Добруджи и началось то большое обратное движеніе въ Россію—„велика ви-

ходка," которое и до сихъ поръ еще составляетъ одну изъ главныхъ эръ въ задунайской Украинѣ. Первою, какъ мы сказали, бросилась въ отечество „сиромашня." Она рѣшилась на этотъ шагъ еще до крымской войны—„се ще передъ севастопольскымъ розмиромъ було..." разсказываетъ Остапъ Данчукъ. Самой главной причиной этой быстрой рѣшимости было, вѣроятно, распоряженіе правительства о пріемѣ въ солдаты всѣхъ бѣглыхъ и непомнящихъ родства, что, разумѣется, избавляло ихъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности за прошлое; но еще болѣе, вѣроятно, прибавили рѣшимости тѣ слухи, которые были распространены тогда въ крестьянствѣ о возможности вступленіемъ въ ополченіе избавиться отъ крѣпостной зависимости. Слухи эти, ходившіе особенно въ южной Россіи и вызвавшіе, какъ мы упоминали уже, крупные безпорядки, потребовавшіе для подавленія ихъ военной силы, не могли не достигнуть Добруджи и не дать повода сиромахамъ начать „выходку." Кромѣ этого и ожидавшееся занятіе Добруджи русскими войсками тоже могло имѣть свое вліяніе на это движеніе. „Тысяча восемьсотъ душъ за одно лѣто вышло—продолжаетъ Данчукъ свой разсказъ,—а сколько они лодокъ загнали съ собой въ Катырлезѣ!... Извѣстное дѣло, на заводѣ были, такъ на хозяйскихъ лодкахъ и уѣхали, прямо въ Керчь. Воды съ вечера въ бочонки набрали, харчей приготовили... а на другой день проснулись хозяева, смотрятъ, а они уже плывутъ.—Куда вы, хлопци, вернитесь!... А они только шапками махаютъ... такъ и уѣхали—и не слышно было потомъ про нихъ..." Передвиженіе же семейныхъ, осѣдлыхъ людей послѣдовало уже только вслѣдъ за заключеніемъ мира, начиная съ 1857 г. и достигло своего апогея въ 1861—62 гг., вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Насколько было многочисленно это переселеніе—видно изъ того, что, благодаря ему, опустѣли цѣлыя села, какъ напр. Жежина, Цыганка, Таица и др., въ которыхъ теперь осталось только по нѣсколько семействъ[1]). Населеніе же другихъ селъ значительно

---

[1]) ... Wurden Taiza und Zufirca ehedem schöne russische Dörfer, durch übereilte Auswanderung ganz entvölkert und neuerlich von stark gemischten Elementen wieder eingenommen. (Peters. p. 132).

уменьшилось. Но во всякомъ случаѣ, значительное большинство колонистовъ все таки предпочло оставаться на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что доходившія отъ вышедшихъ раньше извѣстія не всегда были благопріятны, а многіе изъ переселившихся вернулись даже обратно. „А вы жъ чомъ не пишлы у ту выходку?"— спрашивали мы у старика Сидора изъ Катырлеза.—„Ге... чомъ...?! отвѣчалъ онъ: „то ото жь и тоди було пытаються, чомъ ты у Россію не йдешъ?—то я й кажу: а хочте, кажу, отъ подывитьця: оттамъ иззаду напысано, чого я не йду—мени панъ мій якъ давъ добре ризокъ, то й доси слидъ знать!... Ну, а теперъ, хочъ не бьють,—та знаете, якъ то кажуть: хочъ не бье и не лае, та ничого и не дае... польска прыказка е така!"

Немного времени ушло отъ „велыкои выходнои" и вызвавшихъ ее обстоятельствъ, а уже опять послышались старыя пѣсни и опять изъ Украины потянулись за Дунай старыя птицы. Но объ этой эмиграціи въ Добруджу мы будемъ говоритъ далѣе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕЛЬСКІЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

З. А. ПЕТКЕВИЧА [1]).

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

— Отдай лыко! Зачѣмъ укралъ?

— То мое! не виддамъ!

— Твое? Ахъ ты... Развѣ это твой лѣсъ? Не знаешь развѣ, что панскій?

— Завжде такъ було!

— Зачѣмъ же ты крадешь, если знаешь, что „завжде такъ було?"

— Ни, не тее! Я жъ кажу, якъ той казавъ, що такъ и батькы наши робылы...

— Что? воровали?

— На лапти соби бралы.

— Ахъ, ты воръ этакій! Бога ты не боишься! Знаешь, чѣмъ это пахнетъ?

— А Богъ його святый знае...

— Отдай, говорятъ тебѣ! хуже будетъ... А топоръ! куда дѣвалъ топоръ?

— Не дамъ сокиры, не дамъ лыка! Рижте мене, быйте, пане!

Такіе возгласы раздавались въ чащѣ молодаго липняка, поросшаго у подножія высокихъ грабовъ, ясеней и клёновъ.

[1]) Газета „Głos" 1888 г., №№ 40—45.

Былъ май. Теплый весенній дождикъ съ громомъ и молніею только что окропилъ лѣсъ. Ясное, голубое небо казалось еще чище и глубже обыкновеннаго, а бѣлыя, легкія облачка тихо плыли по вѣтру и таяли въ вышинѣ. Заходящее солнце разсѣвало по лѣсу влажные, золотистые лучи, отъ которыхъ блистала свѣжая зелень деревьевъ. Крупныя капли висѣли на каждомъ листѣ; деревья, казалось, становились выше, все росло въ глазахъ. Въ густой чащѣ наперерывъ другъ передъ другомъ заливались соловьи, иволги вторили имъ радостнымъ свистомъ, помахивая желтыми хвостиками, какъ бы подражая голосу кошки, которой придавили лапу. Какая-то птичка, укрывшись на самой вершинѣ дерева, твердила безъ умолку свое мѣрное „тихъ-тяхъ, тяхъ-тихъ.“ А въ лѣсу длился пока споръ между старшимъ лѣсничимъ Тенжулькевичемъ и крестьяниномъ Илькомъ Тетерою изъ Кобылева. Присутствіе лѣсничаго въ лѣсу было нежелательнымъ въ эту пору, а привлекъ его сюда инстинктъ охотника: вальдшнепы водились во множествѣ въ урочищѣ „Княжемъ“ на обильныхъ кормомъ трясинахъ. Среди чернаго лѣса тихо клубился паръ надъ свѣже-выжженными полянами, густо усѣянными полумертвыми улитками. Вороны, собираясь на ночлегъ, хлопали въ воздухѣ своими упругими крыльями, утки перекликались въ камышахъ, а „очеретянки“ издавали рѣзкіе звуки. Туда то и направлялся Тунжулькевичъ съ объѣздчикомъ Артемомъ Стёбою, и здѣсь имъ попался въ молодомъ липнякѣ Илько Тетеря. Виновный былъ одѣтъ въ рубаху изъ грубаго холста *на выпускъ*, подпоясанную красною крайкою, и такіе же шаровары; обутъ онъ былъ въ лапти. Пеньковая ткань, прикрывавшая его тѣло, напитанная дождевою водою, сдѣлалась еще плотнѣе и темнѣе обыкновеннаго. Онъ стоялъ передъ Тенжулькевичемъ съ мокрою шапкою „валёнкою“ на всклокоченныхъ волосахъ, съ вьющеюся, безобразно-спутанною бородою. На лицѣ его выражалось упрямство. Онъ держалъ подъ мышкою толстый пукъ молодыхъ липовыхъ по-

бѣговъ, а правую руку съ топоромъ пряталъ за спину. Передъ нимъ, выпрямившись во весь ростъ, стоялъ лѣсничій въ охотничьей курткѣ и высокихъ ботфортахъ, выше колѣна.

— Отдай лыко, говорятъ тебѣ, и топоръ!

— Быйте мене—не дамъ!

Глаза Тенжулькевича засверкали, словно готовые выскочить изъ орбитъ. Крестьянинъ отчаянно защищался, но нѣсколько ударовъ въ грудь и затылокъ доказали ему, что съ нимъ не шутятъ. Онъ продолжалъ кричать: „быйте мене, рижте!“ но когда посыпались удары. завопилъ:

— Що жъ то, пане! розбій?...

— Гей! Артемъ! А иди-ка сюда! Гопъ, гопъ!...

Сильный и громкій окрикъ лѣсничаго гулко пронесся по лѣсу и вскорѣ послышалось въ отвѣтъ хриплое, пискливое „гопъ-гопъ“ Артема Стёбы, затѣмъ затрещало въ кустахъ и вскорѣ показался объѣздчикъ въ лаптяхъ, съ барсучьей сумкой и ружьемъ за плечами.

— Бери, Артемъ, эти лыка и топоръ!

Илько Тетеря, держа въ одной рукѣ шапку, другою почесываясь въ затылкѣ, кланялся и просилъ, лукаво поглядывая на побѣдителя.

— Не берить, паночку, сокиры! То жъ моя худоба... Чымъ же я маю рубаты лучыну на майданъ? [1]) Паночку, соколыку мій! Да якъ бы жъ я колы, де нибудь що якъ... а то-жъ я нигде, николы ничого такого... дакъ за що жъ на мене така напасть?

— Прочь! Не тронь чужаго! Я васъ научу за прошлогоднее, за Цéцковщину!... Чья это собака лаетъ? Это твоя, Артемъ? Смотри! тамъ еще кто то крадетъ!

Глаза Тетери съ тревогою обратились въ сторону липняка, гдѣ за минуту передъ тѣмъ работали ножи и топоры. Тамъ

[1]) Въ смоляномъ производствѣ на Полѣсьи лучиною называется лѣсной матеріалъ, заготовленный для перегонки смолы изъ нижней части ствола и верхней части корней сосны. Майданомъ называется печь, въ которой гонятъ смолу изъ лучины.

вокругъ старшихъ побѣговъ еще недавно дружною семьею тѣснились молодыя однолѣтнія липки; теперь на ихъ мѣстѣ бѣлѣли только осиротѣлые пеньки съ выступавшими на нихъ каплями соку, который не могъ больше подыматься вверхъ по стволу. Теперь тамъ царили страхъ и тревога; ивовая свирѣль, наигрывавшая за минуту передъ тѣмъ, умолкла. Въ чащѣ шла борьба.

— Здыймай свиту! Трясця твоій матери, тай батькови! Чы довго ще стоятымешъ, якъ дурень?... И нижъ давай! Куды ты, сучій сыну? Зкыдай свыту!—я тоби!...

— Не дамъ! Ай! ой! рятуй, батьку соколе!... Бъють!

— Я тобі, злодюго, очкуръ перерву й безъ сорочкы пущу!

— Ей, Артемъ, довольно тамъ! Не бей ихъ.

Илько плелся еще нѣсколько десятковъ шаговъ вслѣдъ за лѣсничимъ въ надеждѣ, что тотъ смилуется надъ нимъ, но напрасно обнажалъ онъ свои льняные волосы и повторялъ по нѣсколько разъ: „якъ бы я колы, що, де небудь...“ его ожидала или уплата штрафа деньгами, или отработокъ. Онъ повернулъ домой. Надъ головою его подымались два свода: одинъ зеленый, изъ древесной листвы, другой синій, просвѣчивавшій сквозь него, какъ сквозь рѣшето. По зарумянившимся облакамъ Илько опредѣлилъ время и прибавилъ шагу. Въ мысляхъ его было столько же загадочнаго и невѣдомаго, сколько и въ окружавшей его лѣсной чащѣ въ ночное время. Только когда молодые побѣги скрипѣли подъ ножемъ и топоромъ, онъ чувствовалъ, что беретъ то, что *самъ Богъ* насадилъ для пользованія „ихъ брата.“ Это убѣжденіе не раздѣляли полѣсовщики и съ нѣкотораго времени (съ тѣхъ поръ, какъ настала воля) постоянно твердятъ людямъ, будто они, мужики, должны помнить, кому теперь отдалъ Богъ эти непроглядныя пущи съ шумящими дубровами и прогалинами, съ ольхами и березами, подъ которыми такъ обильно растутъ грибы вмѣстѣ съ красною, сочною клюквою. Чтобъ ихъ все „кодло“ перевелось.

даромъ что полѣсовщики тѣже мужики. Выросли они здѣсь также точно, какъ и всѣ прочіе, ходятъ въ лаптяхъ и ѣдятъ тотъ же картофель съ кислыми огурцами, а стали всѣмъ костью поперекъ горла. Передъ паномъ виляютъ хвостомъ, какъ собаки, не спустятъ даже и ребенку и каждому стараются вогнать душу въ самыя пятки.—„А, бодай вы заповитрылы! Хоче насъ навчыты за Цецковщину. Ще напюхаесся дыму и въ „Княжому," и въ „Слѣпечищу," и въ „Безпалый Ольшыни," и въ „Дидовимъ Острови"—нанюхаесся, вражый ляше! Таке наше право, якъ давнише. Або то наша худобына не потребуе липшого корму? Тай грыбы липше ростытымуть. Ой, ой! „Не було насъ—бувъ лисъ, якъ той мовлявъ, не буде насъ—зостанеться лисъ." Чѣмъ то пахне? пытався. А вже-жъ одробками, панцыною, бодай ихъ *хындря!*—Отъ вже й „Княже" мынувъ, а ще чорный лисъ. На „Безпалу Ольшыну" не можна йты—здыбають, псякость... „Пафъ! пафъ! Бачъ, сучи сыны! вже и туды прыйшлы... Гладко бъйе. Певно трапывъ качора. Цыть! А, то Янко Деркачъ. Завжды такъ тоби гарно заграйе въ дуду, що по лиси ажъ луна йде. А се вже й Дидовый Островъ. Чы жъ хочъ ножа маю прынаймній пры соби? Нарижмо соби теперъ лычка... Тьфу! Изгынь, пропады, проклята гадюко! Ото налякала—зъкупцивъ та просто до ногы".

Вотъ уже и „Безпала-Ольшына." Тамъ чаще всего пасется кобылевское стадо. Нѣсколько въ сторонѣ находится *стойло*, гдѣ измученный полуденнымъ зноемъ скотъ отдыхаетъ, пережовывая жвачку; мягкій, специфическій запахъ еще издали указываетъ, гдѣ находится это мѣсто. Теперь тамъ пахнетъ свѣжестью и зеленью. Къ шелесту деревьевъ примѣшивается глухой топотъ многочисленнаго стада, лакомящагося молодою травою. Тетеря подошелъ къ пастуху; это былъ старикъ съ жидкою бородою съ просѣдью, въ длинной, истрепанной снизу свитѣ; онъ плелъ лапти и время отъ времени щелкалъ *пугую*. На дальнемъ болотѣ хоромъ перекликались журавли, а комары

тучами налетали и на людей, и на скотъ; жалили молча, безъ звука; нѣмые, упорные слѣпни лѣзли въ глаза. Это самые страшные мучители скота. На „выжарахъ" красуются желтыя коронки молочая. Отягченное вымя живо напоминаетъ коровамъ, мелкимъ и неказистымъ, ихъ телятъ, привязанныхъ у яслей по „оборамъ;" жалобно мычатъ за ними матери, но привлеченныя вкусными цвѣтами, жадно рвутъ ихъ про запасъ для ночной жвачки.

— Якъ ся маешъ, Ильку? А дежъ твое лыко? Наризавъ бувъ чымало, а взявъ дулю!

— Ой диду, диду! Якъ бы знаття! Геть чысто облупылы! и сокиру взялы, и все... Отъ диждалы часу! Чы колы такъ бувало?

— Кепсько, Ильку! а ще гирше буде...

— Крый насъ, Боже!... Чи не йшлы тутъ хлопци, диду?

— А булы ту. Твій Петрукъ-нивроку! Якъ загравъ на мою дуду, взявъ въ мене ножа, тай побралысь вси въ трёхъ до „Слепечища." Може десь вже недалеко бавляться, бо малы тилько лыка наризаты.

Илько нѣсколько разъ огласилъ лѣсъ своимъ: гопъ-гопъ! и направился домой. Путь лежалъ мимо стойла; это была часть поляны, нѣкогда поросшей травою, теперь же покрытой толстымъ слоемъ навоза и представлявшей топкое болото послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія громадскаго скота. Видъ этого болота хорошо былъ понятенъ крестьянину и возбуждалъ въ немъ зависть. Сколько здѣсь удобренія! Хорошо было бы пріѣхать когда нибудь съ лошадью и набрать нѣсколько полныхъ возовъ. Въ его *оборѣ* такъ мало всегда бываетъ перегною— всего вѣдь пять штукъ скота; едва наберется пластъ въ палецъ толщины, а ужь пора свозить на поле. А поле безплодное, чистый песокъ—много ли пользы въ горсти навозу? Слѣдовало бы пріѣхать когда нибудь... и не далеко.

„Слепечище"—смѣшанный лѣсъ; тамъ и дубъ, и береза, попадается и осина, а чаще всего сосна; внизу у подножія

ихъ роскошными кустами разрослись калина, *проскурына* и *крушына.* По мѣрѣ приближенія къ Кобылеву лѣсъ все больше и больше переходитъ въ боръ. У ногъ высокихъ, тонкихъ сосенъ робко поглядываетъ на ихъ верхушки одуряющій *дягель*, тощій дрокъ, да темный верескъ съ жесткими листьями крѣпко сросся корнями съ приземистою черникою, любимымъ кормомъ тетеревей. За то дальше растутъ одни папоротники; пучки сморщенныхъ, перистыхъ листьевъ, на тонкихъ стебляхъ простираются надъ землею, какъ крылья птицы, раскрытыя для полета словно желая преградить проходъ каждому. Недавній пожаръ истребилъ весь лѣсной коверъ на нѣсколько десятковъ десятинъ, обуглилъ молодыя деревья и лизнулъ огненными языками стволы старыхъ на нѣсколько сажень въ вышину. Теперь на сухой, потрескавшейся землѣ торчали бѣдныя сосенки почернѣлыя, безъ листьевъ; рядомъ гордыя сосны, тоже съ обожженною корою, уходили въ небо и шумѣли вершинами, словно переговариваясь между собою, а на нихъ неутомимый дроздъ тянулъ свою грустную, безконечную пѣсню. Изъ подъ пепла прежней травы пробивалась молодая, ярко зеленая и необыкновенно густая; при видѣ ея у крестьянина загорѣлись глаза и въ рукахъ почувствовался зудъ.

— Отъ, якъ-бы коса, думалъ онъ, була бъ телятамъ добра харчъ!... Дурный Тенжулькевичъ! За що жъ тутъ гниватысь та грозытысь? Пожежа въ лиси—то добро. Де тильки пройде, усе одродыть. Хиба слипый недобачае: пущу вычыстыть зъ *повалу*, зъ *хрусту* усякого, зъ прегыдкои осокы, гадъ гыне, а худоба мае чымъ жывытысь. А до того й грыбы ростуть, якъ скажени. Отъ хочъ бы й теперъ, бачъ, земля скризь понапухала, мовъ кротовыння; хутко й повылазять, може и черезъ ничъ, бо писля дощу. А може де нибудь вже и йе лысычкы, або сыроижкы? А такъ—йе! Назбираю соби трохы, то стара наварыть губъяку... Такы дурный, справди, той Тенжулькевичъ изъ своею грозьбою.

Недальновидный крестьянинъ, думая только о выгодахъ, какія могли произойти отъ пожара, совсѣмъ выпустилъ изъ виду вредныя его стороны; онъ забылъ, что вмѣстѣ съ змѣями гибла и дичь: яйца тетерокъ, вальдшнеповъ и утокъ или лопались отъ огня, или же высыхали на огромномъ пространствѣ молодыхъ, самосѣянныхъ зарослей... Тутъ было о чемъ задуматься лѣсничему. Что то еще скажетъ помѣщикъ, какъ отнесется къ этому, если его собаки перестанутъ спугивать дичь и пропадетъ охота?...

Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ чаще встрѣчаются пасѣки, принадлежащія различнымъ хозяевамъ. Вонъ на той тонкой, кудрявой соснѣ, съ двумя вороньими гнѣздами на вершинѣ, два улья между вѣтвей, прикрытые одною крышкою—это Купріяна Гончара. На стволѣ этой сосны, сажени на четыре надъ землею устроенъ „*подкуръ*", преграда для лакомки медвѣдя; это помостъ изъ тонкихъ досокъ, утвержденный на четырехъ поперечныхъ, перекрещивающихся между собою и прикрѣпленныхъ къ дереву; снизу помостъ набитъ острыми коликами. Это надежная защита противъ лѣснаго лакомки. Взобравшись сюда и встрѣтивъ грозящій ему колючій потолокъ, онъ непремѣнно долженъ воротиться; дѣйствительно, слѣды когтей на корѣ дерева нерѣдко свидѣтельствуютъ о побѣдѣ надъ нимъ этой выдумки крестьянина. Дальше, на той „*росохатой*" соснѣ прижался, какъ дитя къ матери, старый улей Илька. Далъ онъ роевъ безъ счета, а меду безъ мѣры и подъ нимъ, подобно прочимъ, покровительственно простирается подгнивающій *подкуръ*. Илько замѣтилъ двѣ борти, блиставшія новымъ, бѣлымъ еще подкуромъ—имъ овладѣло безпокойство.—Купріянъ Гончаръ очень предусмотрителенъ; должно быть тутъ побывалъ медвѣдь. Такъ! кора исцарапана... Нужно будетъ позаботиться о новомъ подкурѣ и для своего улья.

Лѣсъ рѣдѣлъ, показалась песчаная полянка со слѣдами старыхъ бороздъ. Гдѣ то на дальнемъ деревѣ печально про-

щался дроздъ съ послѣдними лучами солнца, зарумянившими изорванныя вѣтромъ облака. Чуялась близость деревни. Дѣтскій крикъ и плачъ, ревъ скота, лай собакъ—все указывало на близость людскаго поселенія. Еще двѣ полянки, да березовая роща—а тамъ пойдутъ уже и хаты, позади же останется господскій лѣсъ, а съ нимъ все: и дубровы, и пасѣки, и грибы, и лыко, и ненавистные объѣздчики на его сторожѣ. Только небо все то же какъ надъ лѣсомъ, такъ и надъ селомъ—глубокое, темное и спокойное.

II.

Въ Кобылевѣ всего восемьдесятъ хатъ, выстроенныхъ въ рядъ въ одну длинную, узкую улицу, идущую прямо и затѣмъ вдругъ сворачивающую въ сторону, какъ бы испугавшуюся излишней правильности въ своемъ направленіи. Почти каждая хата носитъ на себѣ отпечатокъ нужды. Низенькія, кое какъ покрытыя тощею дранью, словно предназначенною для потѣхи сильнымъ порывамъ вѣтра, сколоченныя изъ „кругляковъ", переложенныхъ мхомъ, немазанныя, вѣчно окруженныя лужами, выглядываютъ онѣ на улицу небольшими окошечками, съ тусклыми стеклами, вывѣтрившимися отъ долговременной службы. Только надъ немногими хатами возвышается на крышѣ настоящая дымовая труба, обмазанная глиною, а не просто сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ: это отличіе указываетъ на жилище „богатыря". По примѣру окрестныхъ селъ эти хаты выстроены въ стилѣ домиковъ нѣмецкихъ колонистовъ. Стѣны ихъ значительно выше, сложены изъ теса, крыша плотно обшита шелевками, окна вчетверо больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, даже у дверей вмѣсто обычныхъ деревянныхъ засововъ, легко отодвигаемыхъ свинымъ рыломъ, блестятъ желѣзные засовы. Тамъ обыкновенно живутъ богачи, мѣстные кулаки. Надъ дверьми у

каждой хаты красуется табличка съ изображеніемъ какой нибудь изъ огнегасительныхъ принадлежностей; тутъ ведро, тамъ бочка, дальше топоры, багры, кое гдѣ пожарная труба. Въ случаѣ пожара, каждый домохозяинъ обязанъ явиться съ тѣмъ орудіемъ, какое изображено надъ его дверью. На долю Илька Тетери приходилась бочка, вѣчно пустая и разсохшаяся, которую не наполняли даже и проливные дожди.

На западѣ загоралась вечерняя заря, надъ водою затихалъ плескъ вальковъ, смѣшивавшійся съ монотонными *веснянками* дивчатъ, оканчивавшихъ работы въ огородахъ. Село оживлялось съ окончаніемъ дневныхъ работъ въ полѣ. На улицѣ съ разныхъ концевъ сходились одновременно и люди, и овцы, и скотъ, за которымъ выступалъ громадскій пастухъ, похлопывая *пугою*. Его мокрые полотняные шаровары болтались, какъ мѣшки, надъ самыми лаптями; свита, слишкомъ длинная, была подобрана за поясъ—такъ шелъ онъ съ *кошелемъ* и связкою лаптей за спиною. На лицѣ его виднѣлись кровавые слѣды убитыхъ комаровъ. Вслѣдъ за стадомъ налетѣли изъ лѣсу цѣлыми тучами комары, мошки, оводы, жаля немилосердно, обремененныхъ молокомъ коровъ, съ трудомъ отмахивающихся отъ нихъ жидкими своими хвостами. Въ дворахъ со скрипомъ открывались ворота и хозяйки выбѣгали встрѣчать своихъ кормилицъ.

— Телюхъ, телюхъ, телюхъ!—ласково привѣтствуютъ онѣ, но замѣтивъ, что коровы теряютъ молоко, набрасываются съ выговорами на пастуха.

— Ей, диду, диду! Чомъ такъ пизно прыгнавъ худобу? Колы старый, не здужаешъ, то й не берысь!

— Не здужаешъ, не здужаешъ!—ворчалъ пастухъ, поворачивая за уголъ, гдѣ жили бобыли. Тымъ що далій загнавъ нынька. Старый... А самы молоденьки? Атъ! бабськи выгадки! аби ганьбыты...

Вспомнилось ему, сколько сосновыхъ *„шурокъ“* нарубилъ онъ прошлою осенью для *майдана;* стало быть онъ еще въ си-

лахъ, хоть уже и голова облысѣла, и стукнулъ ему шестой десятокъ.

Съ поля возвращались пахари; усталые, съ разгорѣвшимися лицами, босые и въ рубашкахъ на выпускъ они шли медленно вслѣдъ за волами, тащившими плуги.

— Цобъ, цобъ! ацабе! покрикивали на нихъ крестьяне.

Двадцатилѣтній парубокъ остановился съ плугомъ у одной изъ первыхъ отъ *царины* хатъ съ вербою въ огородѣ и съ изображеніемъ бочки надъ окномъ.

— Цобъ, цобъ, сывый! Прр!... Добры-вечиръ, дядьку!

— Добры-вечиръ! А що жъ, Сидоре, дооравъ?

— Ни, не здужавъ, дядьку!

— Чому? Скилько жъ тамъ?

— Та моргивъ зо три буде. Не можна було бильше — картоплю сіялы.

— А якъ тамъ жыто на полянци, Сидоре?

— Ничого соби, дядьку. Бачылы бжолы? Чи не выдеръ часомъ чыихъ ведмидь?

— На твоій сосни кору подряпано.

— Трясця жъ його матеры!... На якій?

— А що зъ новымъ подкуромъ. Треба й на своій зробыты нови *палатки*... Але, отъ бида, треба першъ выкупыты сокиру.

— Або що?

— Забралы, матери ихъ бисъ!

— Оува!... Кепсько! И *луцки* побралы, дядьку?

— А вже жъ!

— Хто жъ то такъ?

— Да вже жъ нихто, якъ той Стёба зъ Тенжулькевичомъ. Я жъ думавъ, що принамній хочъ хлопцямъ пощастыть. Та, де тамъ! и лыко побралы, и ножи, й свытки—усе раптомъ. Не помылувалы й твого хлопця, Куперьяне; а Нестиръ Калександра то й въ потылыцю диставъ.

— Кса, кса, карый!.. Ой, знущаються надъ нами, знущаються!

Илько отдыхалъ на *прызьбѣ*, покуривая трубку и выпуская густые клубы дыма, какъ вдругъ до слуха его долетѣлъ серебристый звукъ колокольчика. Онъ началъ тревожно прислушиваться. Такъ ѣздятъ исправникъ и становой. Сердце его мучительно сжалось. Можетъ быть снова потянутъ въ какое нибудь присутствіе по дѣлу пана съ „нашимъ братомъ". Колокольчикъ затихъ.

— Гей, Омелько! окликнулъ Илько парубка, шедшаго съ майдана домой, перемѣнить грязное бѣлье. А хто тамъ затрымався биля корчмы?

— Ни, дядьку, то не биля корчмы. То становый прыихавъ до волости.

— Не знаешъ чого?

— А Богъ його святый знайе. Кажуть, ниби за для пожежи.

— За для якои пожежи?

— А що то була въ мыстечку.

— Ага! а я думавъ, що то за для... Що жъ тамъ на майдани? Позвозылы вже смолу на берегъ?

— Позвозылы, дядьку.

— Хто жъ то?

— Рижны люде... изъ Заболоття де яки, зъ Настилля...

— Гады, трясця ихъ матери!...

— Якъ же тамъ, дядьку, мій батько? Чи добре пасе?

— А вже жъ, ничего!... Тилько сылы не мае—не здолае. Позавчора старостыного бычка забувъ въ лиси. Добре, що розумна худобына й сама прыбигла. А якъ бы, бороны Боже, вовкъ зарizавъ? Але, отъ що найперше, що хтять не пустыты худобы въ лисъ на пашу.

— Чувъ и я. Бувъ позавчора лисничій на майданы, побачывъ, що *смолякивъ* и до петривки не выстарчыть,—лышенько! а якъ зобачывъ при „механику" кобылевскихъ, та рашовскихъ, та избиньскихъ—якъ закрычыть: „Визьму я ихъ въ добри щыпци,

задавлю гадывъ! Скоту не пущу, опалу не дамъ! Злагидніють тоди, руки лызатымуть.

— А ляхъ, матери його бисъ! злобно вскричалъ Илько.

— На добра ничъ вамъ, дядьку!

— На добра ничъ, сынку!

Надъ головою его послышался стукъ въ окошко; тамъ въ избѣ его *стара* суетилась около печи съ „полоныкомъ“ въ рукахъ.

— Ильку, а Ильку! йды вечеряты!

Крестьянинъ вошелъ боковою калиткою во дворъ, тѣсный, какъ и вся его усадьба, выстроенная на скудномъ надѣлѣ: вотъ рядомъ хата сосѣда, а тутъ же сейчасъ и хлѣвы, и гумно. Онъ тронулъ деревянную задвижку и скрылся въ темныхъ сѣняхъ. Тамъ дышало и двигалось что то живое. Куры ворочались на насѣсти подъ крышею, вытряхивая изъ перьевъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Въ углу раздавалось младенческое хрюканье поросятъ, въ то время какъ ихъ мать еле еле переводила духъ, придавленная своимъ многочисленнымъ потомствомъ. Тоже самое встрѣчалъ онъ ежедневно, возвращаясь домой, и въ хатѣ своей онъ нашелъ ту же обычную обстановку: старыя стѣны, обмазанныя глиною, низкій, закоптѣлый потолокъ, съ свѣшивающимся по серединѣ хаты *лучникомъ*, загаженный полъ, плотно убитый глиною, влажный подъ лавкою отъ перемыванья кухонной посуды и поросшій блѣдно-зелеными стебельками забытаго отъ зимы картофеля, овса, или проса. Вѣчный запахъ каши, лыка, овчины.

— Мамо—йисты! тянулъ маленькій Дмытро.

— А рожна! отрѣзала раздраженная мать. До ижи проворный, а до роботы кійемъ не поженешъ!

— Исты, мамо!

— Цыть, смаркачу! не ты старшый! не отрываясь отъ работы у печи, прикрикнула на него мать.

Сало громко трещало на сковородѣ. Возлѣ *припечка* Оксана толкла въ ступѣ гречневую крупу на слѣдующій день; когда

она нажимала одинъ конецъ поршня, другой подымался и затѣмъ съ глухимъ шелестомъ опускался въ отверстіе.

— Оксано, годи! съ сердцемъ крикнула на нее мать, ото безглузда: була бъ товкла до судного дня, якъ бы не зпыныты. И що ты соби думаешъ? Яка зъ тебе господыня?

— Колы жъ бо крупы ще цилы...

— А що жъ то ты въ перше въ мене робышъ? Не знаешъ, що треба пересіяты на решето? Тилько за царыну знаешъ бигаты, до Омелька! въ бобыли захотилось? Бигай, бигай! Нагуляешъ дытыну, колы заманулось! Правдыва титка... И та такъ само робыла, а теперъ що? Перша роспутныця на циле село... Або жъ я не знаю? Чоловикъ сыдивъ у холодній, а та шельма, тымъ часомъ, впустыла на ничъ поссесорчука...

Илько и Сидоръ, наклонившись надъ мискою кислаго молока, молча хлебали деревянными ложками. Гдѣ то въ углу трещалъ сверчокъ, да сонные цыплята въ лукошкѣ пищали подъ крыльями у насѣдки. Красноватый, мерцающій свѣтъ углей въ печи расходился по хатѣ, а сквозь небольшія стекла проникалъ снопъ блѣдныхъ лучей мѣсяца. Мухи притихли на образахъ. Опорожнивши миску, Илько отяжелѣвшимъ голосомъ прервалъ потокъ словъ жены:

— А то що тоби? Чого прычепылась до дивчыны? Дывысь! Розквохталась мовъ та квочка!

— Знаю, знаю! заторохтѣла та ему въ отвѣтъ. Хочешъ бороныты сестру. А знаешъ же ты, що та твоя сестра...

— Но, годи, годи, стара! Знаю: сяка така!... Ото роспустыла языка! Давай краще исты!

— Мамо, исты! не отставалъ Дмитро, сидя въ темномъ углу на лежанкѣ.

— На, подавысь!

Подавая сковороду съ саломъ къ „кулешу“, женщина зацѣпилась головою о лучникъ.

— А щобъ ты зказылось! завопила она, хватаясь за очипокъ, ото господари въ мене! доси не выймуть лучныка. Чи жъ то способъ?

Ильиха была сварливая баба, потому что вѣчно хворала, постоянно мучили ее то „гостець“, то „печинки“, а всего хуже донимали повседневная нужда и заботы. Изъ веселой когда то дѣвушки она стала—воплощенная злость; брюзжаніе у ней вошло въ привычку и сдѣлалось насущною потребностью. Тощая дворняга съ впалыми боками, долго глядѣвшая на ужинавшихъ въ нѣмомъ ожиданіи, печально отошла въ уголъ и тамъ, опершись передними лапами объ лавку, принялась лакать сыворотку, стекавшую изъ „климковъ“ съ творогомъ въ лоханку.

— А я нещасна! А геть!

Собака съ визгомъ выскочила на улицу и вскорѣ голосъ ея слился съ хоромъ товарищей; она лаяла мѣрно, съ паузами, глядя на луну и звѣзды.

— И сила! и сидыть соби! Щожъ то, я маю розчыняты хлибъ? Чуешъ, Оксано? Чого се ты така сонна?

— Дыво! Або ще не напрацювалася за день?

— А якже, напрацювалась!

— А тожъ... И картоплю садыла, й шмаття прала... Тфу! воды нема! Дмытро, бижы швыдче по воду! чуешъ?

Мальчикъ спалъ уже на лежанкѣ, уткнувшись босыми ногами въ миску; ему снились сопилки, ягоды, одинокія груши на межахъ и разбѣжавшіяся въ безпорядкѣ свиньи. Онъ тревожно бросался во снѣ, отталкивалъ что то. Оксана схватила ведра, вскинула на плечо коромысло и выбѣжала изъ хаты какъ бы изъ тюрьмы. Село погружалось въ дремоту, огни въ хатахъ гасли, только майское небо съ капризными обрывками свѣтлыхъ облаковъ, да мѣсяцъ, запутавшійся между ними,—одни бодрствовали надъ сонною землею. Влажные луга покрывались клубами бѣлаго тумана, а подъ его покровомъ трещали въ травѣ кузнечики и хоры лягушекъ надъ водою оглашали окрестности

своимъ кваканьемъ. Въ воздухѣ дрожали упругія крылья летучихъ мышей, пахло березою. Сквозь туманъ свѣтился огонь пастуховъ, ночевавшихъ подъ лѣсомъ. По росистой травѣ пробѣгалъ разбитый звукъ жестяныхъ колокольчиковъ, болтавшихся на шеѣ у стреноженныхъ, тяжело подпрыгивавшихъ лошадей. Оксана шла съ коромысломъ, пустыя ведра болтались у ней за спиною, а она радовалась тому, что здѣсь подъ звѣзднымъ сводомъ такой просторъ и спокойствіе, тогда какъ въ хатѣ и *сволоки* какъ будто грозятъ обрушиться на голову, и стѣны давятъ ее. Она остановилась у колодца. Шестъ съ пустымъ ведромъ медленно опускался въ темную глубь и тянулъ за собою рычагъ скрипящаго журавля. Около *царины* стояла группа дѣвушекъ; они то тихо затягивали *веснянку,* то смѣялись, то слушали, какъ Омелько, сидя на плетнѣ, игралъ на сопилкѣ „левониху". Оксана поглядѣла на нихъ съ завистью и начала опускать другое ведро, но сколько ни дергала, шестъ не подавался. Подняла глаза кверху—журавль стоитъ ровный и острый, но въ мигъ, какъ бы внезапно развязанный, быстро со скрипомъ опустился, ведро плеснуло въ водѣ, дрогнулъ шестъ и что то тяжелое упало на землю. Бывшія подлѣ дѣвушки захохотали. Оксана обернулась—съ земли вставалъ Омелько.

— Тю, дурный! Перервавъ клоччя. Якъ же я теперъ вытягну видро?

— Я тоби вытягну! вскрикнулъ Омелько, с躺ативъ ее въ охапку и стращая колодцемъ; она сорвала у него съ головы „валёнку".

— Омелько, пусты! Омелько! вкыну шапку въ воду!

Но тотъ не выпускалъ; Оксана болтала босыми ногами по воздуху, попадая иногда ему и въ животъ.

— Оттакъ винъ завжды пустуйе! кричали ей подруги.

— Памъятаешъ, Оксано, що винъ торикъ выгадувавъ на майдани?

— Але, ба!

— Може хочете, то й заразъ вамъ те саме розкажу?

— Цыть бо! сорому ты не маешъ!

Другіе парни гнали съ пастбища скотъ, поздно взятый отъ работы.

— Эй, дивчата! чы не хоче тамъ яка до насъ, на солому?

— Оксано! иды зъ нымы!—смѣялись дѣвушки.

— Або вона здурила? мае вже свого...

Но Оксана ничего не слышала—она шепталась съ Омелькомъ.

— И сёгодни тежъ въ хати?

— Ни, сёгодни въ комори...

— Сама една тамъ спышъ?

— Сама.

— А Сыдиръ?

— Винъ пидъ повиткою спыть.

— А Дмытро?

— Въ хати... Петро въ лиси пры коняхъ ночуе...

— То якъ же буде?

— А якъ побачышъ, що вже нема свитла въ хати, то значыть можна... Розчыню тисто, да й пиду въ комору... На добра ничъ, дивчата!

Она подняла коромысло на плечи и поспѣшно пошла вдоль улицы легкими шагами, въ короткомъ „андеракѣ“, обрисовывавшемъ ея стройную фигуру, съ развѣвающимся угломъ платка на затылкѣ. Она еще разъ обернулась.

— Завтра, дивчата, раненько у лисъ, по грыбы!

— А вжежъ!

Снова Оксана въ неволѣ. Послѣ свѣжаго, вечерняго воздуха еще ощутительнѣе и тяжелѣе духота въ этой избѣ, вмѣстѣ и столовой, и спальной цѣлаго семейства, гдѣ нѣтъ возможности различить смѣшанныхъ испареній горшковъ и человѣческаго тѣла. Родители уже спали. Входя, Оксана услышала, какъ что то мелкое торопливо разбѣжалось по хатѣ—вѣроятно мыши. Какой то острый, непріятный запахъ ударилъ ей въ носъ; она поставила ведра на полъ и бросила нѣсколько сосновыхъ лучи-

нокъ на тлѣющія угли. Просовывая голову въ печь, чтобы раздуть огонь, она почувствовала на лицѣ прикосновеніе какихъ то влажныхъ и смрадныхъ тряпокъ; это отцовскія *онучи* и лапти сушились въ духу. Пламя вспыхнуло. На стѣнахъ и на потолкѣ засновали пруссаки и черные тараканы, разбѣгаясь по щелямъ, второпяхъ сбивали другъ друга съ ногъ и падали. Раскрыла *дижу*—и тамъ полно прусовъ; одни живились остатками заплесневѣлаго тѣста, другіе, уже сытые, сидѣли на *копыстцѣ*. Струя горячей воды прекратила ихъ существованіе раньше, чѣмъ они успѣли двинуться съ мѣста. Размѣшивая опару, Оксана нѣсколько разъ поглядывала на тапчанъ, гдѣ спалъ отецъ. Его загорѣлая грудь тяжело подымалась вмѣстѣ съ животомъ, стянутымъ *очкуромъ*; онъ то кашлялъ, то почесывался во снѣ, то вдругъ кричалъ: „не дамъ! быйте мене, рижте!“ Мать стонала. У дѣвушки стучало въ головѣ, захватывало духъ отъ волненья; сейчасъ она прикроетъ *дижу* кружкомъ, поставитъ на печь, сама пойдетъ въ комору, а черезъ минуту Омелько увидитъ, что въ окошечкѣ темно, и придетъ къ ней. Они снова пробудутъ вмѣстѣ до утра—счастливые, какъ и въ прошедшую субботу.

III.

— Оце взувъ лапти, то чомъ не йдешъ?

— Куды?

— До ловчого мавъ иты по сокиру.

— Мовчы краще, бабо, колы ничого не знаешъ! Ловчого нема въ дома—не вернувся зъ лису.

— Бидна жъ моя головонька! Туды жъ дивчата пишлы!..

— То що жъ?

— Якъ то що?... Нибы не знаешъ, що пишлы по грыбы безъ квытивъ?

— Га! якъ удасться имъ—то добре, а не вдасться—поберуть коробкы... Звычайно... Одроблять на фольварку.

— Не шкода жъ тоби твоеи дочкы? А ну жъ зъ неи й андеракъ здиймуть, и свытку, якъ торикъ зъ Нечыпоровой?

— Що жъ я зроблю?

— Якъ то що? Згодься зъ паномъ! Досыть вже того упору, такъ не далеко заидешъ. Воны все зроблять, що схочуть. Имъ и въ повити поможуть, и въ губерніи—скризь. А нашому брату що? Теперъ ниде не знайдешъ правды...

— Правду кажешъ, бабо, нема теперъ въ свити правды для нашого брата...

— То на що жъ обстаешъ пры своему разомъ зъ иншымы? Хочъ подымайся, хочъ ни, а выще носа не чхнешъ!

— Громада—велыкый чоловикъ!—торжественно отвѣчалъ Илько женѣ; та въ нетерпѣніи еще громче плескала ладонями, выдѣлывая хлѣбы. Въ хатѣ слышенъ былъ запахъ пригорѣлыхъ дубовыхъ листьевъ и сосновой метлы, обычный при печеніи хлѣба. Илько былъ возмущенъ новымъ распоряженіемъ лѣсничаго относительно билетовъ.

— По що мають дивчата браты тыи квыты, идучы по грыбы, та по ягоды, або орихы? Давнише того но бувало. То якась нова мода. Перше збиралы соби, скилькы влизе, абы занеслы до двору якый хунтыкъ грыбивъ, або горщыкъ ягидъ. Мусыла за тее дивчына ще килько днивъ одробыты, то вже мусыла! Що зробышъ зъ ляхомъ? А теперъ якысь картки повыдумувалы. То все Тенжулькевычъ заводыть. Хоче, щобъ его попамъятано. А за що? Пидъ часъ озымои оранкы забажавъ, щобъ далы пидводы, перевезты смолу на берегъ. Певно, нихто не поихавъ. Грозывся бувъ, що послухають его, якъ не дасть опалу, по грыбы не пустыть, не дозволыть *гала* косыть. За що жъ то, Боже мылый? Та вже и за панщыны липше було!

Недавній пожаръ въ лѣсу, зажженный умышленно и причинившій такъ много вреда молодымъ зарослямъ, переполнилъ мѣру преступленій кобылевцевъ. Они пустили огонь на „галу“, желая истребить старую траву; неблагопріятный вѣтеръ испор-

тилъ все дѣло: пламя пробралось къ густому валежнику, окружавшему опушку, истребило его и проникло въ глубь лѣса. Не за это ли мститъ лѣсничій? Если такъ, то они тоже не уступятъ—не пойдутъ больше гасить. Пусть имъ не отмѣняютъ старыхъ обычаевъ! Громада—велыкій чоловикъ... Она—все и для нея должно быть все!

Такъ думалъ и чувствовалъ Илько Тетеря, а наравнѣ съ нимъ и всѣ жители села. Много было недовольныхъ и было бы еще больше ихъ, если бы Тенжулькевичъ раскрылъ имъ сразу всѣ свои планы; онъ стремился къ полному ограниченію ихъ на всѣхъ пунктахъ. Воспитанникъ лѣснаго института и поборникъ цивилизаціи, онъ хотѣлъ отучить крестьянъ отъ вкоренившихся среди нихъ варварскихъ взглядовъ на отношенія ихъ къ лѣсу и пастбищамъ; хотѣлъ принудить ихъ уважать права помѣщика и на эту собственность.

Довольно ужъ было общности пользованія. До сихъ поръ помѣщикъ не умѣлъ извлекать выгодъ изъ своего положенія; теперь онъ его слуга и уполномоченный, постарается возстановить пана во всѣхъ его правахъ. Такимъ образомъ будутъ достигнуты сразу двѣ цѣли: подчиненіе мужика и порядокъ въ лѣсу. Прочь остатки феодализма! теперь все на деньги. Никакихъ „опальныхъ дней", никакихъ „десятинъ"! Достигнуть этого было не трудно. Онъ организовалъ лѣсныхъ сторожей, на подобіе казенныхъ, а чтобы усилить ихъ рвеніе, опредѣлилъ въ ихъ пользу третью часть штрафа взыскиваемаго съ крестьянъ, и радостно потиралъ руки, глядя на ихъ старанія. Онъ называлъ это „игрою на струнахъ личнаго интереса". Пока результаты были блестящіе. Вся жизнь крестьянина неразрывно связана съ лѣсомъ, онъ какъ бы приросъ къ нему частью своего существа. Стоило только нажать его, чтобы вынудить желаемое; что же, если оторвать его цѣликомъ отъ лѣса?

— Мотре, а Мотре!—крикнулъ Илько женѣ.—Зловы но курку!

— На що тоби курка?

— На що? треба, тай годи!

— Далеби, зовсимъ зсунувся зъ глузду...

— Колы кажу—дай, то дай! Я туть хазяинъ! Давай оту чубату, занесты ловчому, розуміешъ?

— Ага! такъ бы й казавъ! Дамъ тоби яець зъ десятокъ, а куркы не дамъ. Шкода! Хыба визьмешъ ще сала, або меду.

Вскорѣ Илько былъ у пана ловчаго, у котораго завтракалъ становой. Войдя, онъ поклонился имъ въ поясъ, заметая шапкою пыль. Ловчій игралъ на гармоніи, а становой разсматривалъ ружье и прицѣливался изъ окна. На столѣ кипѣлъ самоваръ; Купріянъ Гончаръ сидѣлъ въ сторонкѣ и пилъ чай, затѣмъ, окончивши, отошелъ въ уголъ за трубкою. Илька не удивляла эта короткость его съ „ляхомъ", всѣ давно знали, что онъ любимецъ „лѣснаго управленія". Это хитрый мужикъ, умѣетъ подладиться. Когда помѣщикъ задумалъ выстроить для ловчаго домъ подлѣ села, онъ предложилъ въ наймы свою новую хату, отстроенную по пански, изъ двухъ комнатъ, съ большими окнами на завѣсахъ, съ „ганкомъ". Богатый крестьянинъ. Разсказываютъ, что у него въ „липовкѣ" сложено много серебряныхъ рублей, и земли и пчелъ у него больше, чѣмъ у кого бы то ни было въ цѣломъ Кобылевѣ. Умѣетъ раньше всѣхъ заарендовать лучшую землю у пана. Въ прошедшемъ году не хорошо поступилъ съ сосѣдями: тѣ подрядились у поссесора вспахать и засѣять цѣлину съ третьяго снопа, а онъ предложилъ отдавать половину и его личныя условія взяли верхъ надъ громадскими. Вотъ только съ Тенжулькевичемъ ему какъ то трудно; никакъ не можетъ войти въ милость къ новому лѣсничему. Но примѣнится и къ нему; знаетъ, хитрецъ, кого чѣмъ обойти... Ловчій, панъ Варакса, фаворитъ Тенжулькевича, вотъ онъ и является къ нему съ подарками. Смотри, какой „лазбень" меду приволокъ! Поддабривается, лисица! а впрочемъ, такъ и слѣдуетъ, потому что и его подростка поймали.

Такъ думалъ Илько, переступая съ ноги на ногу, а панъ ловчій тѣшился его безпокойствомъ.

— Что скажешь, Илько? спросилъ онъ, не переставая играть. Топоръ нуженъ?

— Такъ, панычыку—соколе! Загарбалы вчора, ледве зъ душею пустылы...

— Такъ тебѣ и нужно! Не тронь чужаго!

— Дакъ я жъ ничого... трохи луцця... лапти поодтоптувавъ, не трымаються на ногахъ...

— Какже ничего! У васъ, хамовъ, все такъ: отъ лычка до ремешка...

— Бѣги, не то выстрѣлю! шутилъ становой, прицѣливаясь въ младшаго сына Гончара, несшаго ловчему миску съ водою для умыванья.

— Забыйте его, ваше благородіе, притворно смѣялся отецъ. Може ще на злодія выросте, лыко буде красты...

— И будетъ такимъ же, какъ его отецъ, закончилъ становой. Яблоко отъ яблоньки не далеко укатится.

— Ласка ваша, вельможный пане, сміятысь зъ бидного хлопа.

— Пидлещуеться собака, подумалъ Илько. Боиться, щобъ не обралы кого иншого старшыною на выборахъ, той пиддобрюеться Илько стоялъ у порога и не зналъ, какъ просить ловчаго.

— Напрасно ждешь, сурово произнесъ Варакса. Не отдамъ топора.

— А панычу! за що жъ то такъ? Якъ бы я колы, де небудь що таке, а то...

— Напрасно, братъ! Какъ поработаешь день на майданѣ, тогда и топоръ отдамъ...

Онъ поднялся и вышелъ въ другую комнату; крестьянинъ робко послѣдовалъ за нимъ.

— Чего тебѣ? обернулся ловчій.

— Не прогнивайтесь, панычу, тихо проговорилъ тотъ и вынулъ изъ за пазухи десятокъ яицъ, а изъ шапки кусокъ сала, обернутый въ тряпочку.

Ловчій сдѣлался сговорчивѣе, отперъ складъ, въ которомъ хранились арестованныя у крестьянъ вещи, и позволилъ ему отыскать свой топоръ. Глубокое сожалѣніе охватило Илька при видѣ столькихъ вещей „ихъ брата", лежавшихъ здѣсь подъ замкомъ. Но вдругъ взглядъ его прояснился, онъ увидѣлъ длинный рядъ топоровъ, лежавшихъ полукругомъ, рукоятками впередъ. Было ихъ здѣсь множество, различныхъ формъ, изъ разныхъ селъ; всѣ ожидали терпѣливо той минуты, когда придется имъ снова застучать по дереву, а топорища ихъ оросятся потомъ, капающимъ на приготовляемую для майдана лучину. Если бы могли они думать, тяжелы были бы ихъ мысли, какъ и ихъ желѣзныя головы; а если бы сверхъ того одарены они были совѣстью, то, вѣроятно, не разъ устыдились бы того, что такъ ярко блистали за плечами у полѣсовщиковъ, когда брали ихъ въ плѣнъ. Сельскій кузнецъ выковалъ ихъ по первобытнымъ образцамъ, восходящимъ еще къ тому времени, когда бронзовыя острія свободно могли портить никому не принадлежавшее дерево...

— Панычыку соколе! А луцьки оддасте?

— Не дамъ! чего еще захотѣлъ? Будь благодаренъ за топоръ!

— Та вже жъ, певно... Спасыби за ласку, але...

Онъ съ завистью поглядѣлъ на стѣны и потолокъ *коморы*, увѣшанныя связками лыка, почесалъ въ затылкѣ, поклонился и пошелъ домой.

У него былъ новый срубъ хаты, еще недостроенный, которую онъ готовилъ старшему сыну. Тамъ дѣти забавлялись „стрыбаньемъ", бросаясь сверху на кучу песку, суевѣрно отплевываясь каждый разъ. Былъ и Дмитро между ними.

— Поволи, диты, поламаете ногы!

— Ни, дядьку! крикнули ему въ отвѣтъ и снова по очереди выговаривали магическія слова: „тьфу, слынко! ты ся забый, а я ни". Плевки падали на землю, а дѣти слѣдомъ за нимъ, нисколько не колеблясь, скакали туда же. Едва успѣлъ Илько отойти отъ

нихъ, какъ его *братова* выбѣжала на порогъ своей хаты, и раздраженная ссорою съ мужемъ и вѣчною вознею съ дѣтьми и домашнимъ скарбомъ, издали кричала ему что то о свиньяхъ, безъ призора выпущенныхъ на паръ, приправляя накопившуюся у ней злость потоками брани.

Странное зрѣлище увидѣлъ Илько, входя на свое подворье. Изъ за стодолы, со стороны лѣса, бѣжали нѣсколько дѣвушекъ, еще недавно отправившихся туда за грибами. Бѣжали онѣ безъ коробокъ и даже безъ красныхъ клѣтчатыхъ андераковъ; вѣтеръ свободно игралъ ихъ длинными, толстыми рубахами. Страхъ и стыдъ гнали ихъ впередъ; на мелкихъ загорѣлыхъ лицахъ еще не высохли слезы. Какъ испуганныя овцы, онѣ безъ оглядки перепрыгивали черезъ плетень къ Ильку во дворъ. Только старая Явдоха, мать Омелька, сухая и высокая, будучи не въ силахъ поспѣть за молодыми, шла медленно, жалобно причитывая; уголъ платка, повязаннаго по обычаю *молодыць*, усиленно мотался у подбородка. Ильку показалось, что это трупъ дѣда знахаря всталъ изъ могилы въ бѣломъ саванѣ и гонится за дѣвушками.

— Чого се вы? а де жъ коробкы й андеракы? спрашивалъ онъ.

— Ой, дядьку, голубчыку, облупылы чисто.

— Де жъ вы булы? хто се васъ такъ спорядывъ?

— А въ Соколимъ такъ, той стрыженный, якъ его...

— Тенжулькевычъ?

— А такъ!

— Самъ еденъ?

— Де тамъ! зъ проклятымъ Цюцькою.

— Чомъ же вы, дурни, не втикалы?

— Хыба втичешъ! Зненацька напалы...

Неосторожныя дѣвушки пѣли въ лѣсу, забывая опасность, а послушное эхо повторяло ихъ голоса. Тенжулькевичъ возвращался въ бричкѣ съ охоты, услышалъ и накрылъ ихъ; на вопросъ, имѣютъ ли билеты, онѣ бросились бѣжать: „Чы маете

квиты, пытае, разсказывали потерпѣвшія, а мы драла на втикача". Онъ безъ труда догналъ ихъ съ помощью ловчаго и полѣсовщика и отобралъ у нихъ юбки и лукошки въ залогъ ихъ будущаго отработка.—Новое притѣсненіе крестьянъ въ лѣсу.

— А що? а що? не казала тоби: пиды, умовся зъ экономіею! накинулась Мотря на мужа. А ты все по своему...

— Годи! торжественно отвѣчалъ тотъ. Громада—велыкій чоловикъ... Покы вона не прыстане и я не прыстану.

Опершись о плетень, Омелько безпокойными глазами слѣдилъ за Оксаною и, улучивъ удобную минуту, подозвалъ ее взглядомъ,—та подошла.

— И що жъ? спросилъ онъ насмѣшливо.

— А ничого...

— Тилько й того, що андеракъ знявъ?

— А що жъ бильше? недоумѣвала та. Отъ дурный, прибавила она догадавшись, о чемъ онъ подумалъ.

— То жъ бо, то й що...

Взглянулъ на нее, на мать и инстиктивно сжалъ кулаки. Между тѣмъ по улицѣ пронеслась бричка лѣсничаго, привѣтствуемаго гнѣвнымъ ропотомъ крестьянъ.

— Певно вже чогось хоче одъ насъ, толковали между собою. А то жъ! прыихавъ мордоваты насъ за лучыну...

Крестьяне не ошибались. Вскорѣ явился Стёба съ приказомъ—идти къ лѣсничему.

— Иде вже, иде Цюцька, щобъ его задавыло! ворчали одни.

— Якъ бы далы ему доброго хлосту, залышывъ бы допомагаты до крывдження нашого брата, подзадоривали другіе.

— Хай подякуе, що становый въ сели, а то бъ...

— Одчепиться одъ мене! Хиба я вынный?...

— Дарма що невынный, а спробуй въ друге не пустыты товару на пашу, памьятатымешъ!

Всѣми овладѣла ярость при воспоминаніи о запрещенномъ для нихъ урочищѣ.

— Винъ думае, якъ прыихавъ становый...

— Годи, братця! извинялся полѣсовщикъ. Становый не для того прыихавъ.

— А для чого-жъ? Круты, не круты, а колысь одирвешъ... То дарма! Хто набрехавъ лиснычому буцимъ-то кобыляне пидпалылы лисъ?

— Не я... одчепиться! далеби—не я!

— Не выбрихуйся! ты самый! мы тее добре знаемо, не бійсь! Але дарма. Брехнею, якъ той казавъ, свитъ перейдешъ, а назадъ чи вернесся? Попадесся намъ колысь, побачышъ.... Колы теперъ становый...

— Та годи вже, Ильку, годи! Я-жъ тоби кажу, що становый не для того...

— А для чого-жъ? Що ты людей зводишъ? Нащо насъ склыкаешъ?

— Або я знаю? Чорты его знають! А становый вже поихавъ соби, не бійтеся, отъ и дзвоныкъ, чуете, якъ дзынь, дзынь! о?... Занехайте, братця, тый сварки, дай зходьтеся. Надись про опалъ, або про пашу мають вамъ щось казаты, а може про лучыну... Богъ ихъ знае... А я що-жъ? на мене не гнивайтесь: роблю, що звелять... звычайно служба! Мушу стерегты... Его провожали насмѣшками: „геть, цюцько! иды соби къ нечыстый матери!"...

— Бокомъ тоби выйде тая сторожа! вырвалась одинокая угроза. Вскорѣ множество бѣлыхъ и коричневыхъ *валёнокъ* колыхалось передъ хатою Купріяна Гончара. При появленіи Тенжулькевича на порогѣ многія изъ нихъ очутились въ рукахъ и видны были только однѣ обнаженныя головы.

— Добры день, паночку! заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— Какъ поживаете? спросилъ лѣсничій. Что слышно?

— Зле, паночку! ой, барзо зле...

— Ну! что такъ?

— Довго говорыты, а нема чого слухаты...

Несмотря, однако, на такое начало, языки развязались и въ толпѣ начали перечислять претензіи:

— Товару не пускаютъ у лисъ...

— Дивчатъ геть обдыраютъ...

— Такого ще николы не бувало...

— И худобу поморылы голодомъ и людей поморють,—послышалось горькое замѣчаніе.

— Кажуть люде, буцимъ-то и гала не дозволять косыты въ въ тымъ роци?...

— Еще-бы! разумѣется!

— Колы такъ дали буде, прыйдеся панови поскаржытысь! слышались угрозы.

Каждое изъ этихъ замѣчаній было шпилькою по адресу лѣсничаго; въ самыхъ жалобахъ скрывался тайный вызовъ.

— Сами виноваты, голубчики, возразилъ тотъ. Почему не хотите условиться?

— Мы рады-бъ онъ якъ, паночку,—началъ Илько, почесывая въ затылкѣ,—дакъ тильки тяжко...

— Чѣмъ тяжко?

— Дуже мало паши даете, пане... И торикъ, и одъ давнѣйшихъ часивъ выганялы худобу скризь, де добра паша: и въ Княже, и въ Безпалы Ольхи, и въ Слепечище, а теперъ, кажуть, туды вже не пускатымуть, тильки въ Соколе, та въ Красный Ригъ...

— Га, га! Красный Ригъ! Га, га! насмѣхался кто-то. Сыта буде худоба писля черницы, багуну, та верболозу.

— Крый Боже такого корму!

— Никуда больше не пущу! сурово отрѣзалъ Тенжулькевичъ. Хотите, соглашайтесь, а портитъ траву по всему лѣсу не позволю. Вотъ вамъ мои условія: по два рабочихъ дня отъ хаты за право выпаса въ Сокольемъ и въ Красномъ Рогѣ.

— Ходимъ до дому, колы такъ! Нема чого стояты...

— Алежъ, паночку голубчыку! Що намъ зъ того Сокольёго, та Красного Рогу? Тожъ тамъ самый михъ та вересъ...

— Мохомъ годуватымемъ худобу, чи чуете?

Всѣхъ разбирала досада: мысль кипѣла, раздраженная несправедливостью.

— По два дни за самый михъ! Хе, хе, хе! Ходимъ.

Шапки снова появились на головахъ.

— Пустое, голубчики, выдѣлялся изъ общаго говора сильный голосъ лѣсничаго. Все пустое! Есть и тамъ трава. Вамъ не того хочется. Хотите по прежнему хозяйничать въ лѣсу: надрать лыка, срубить дерево въ тихомолку, поджечь боръ...

Недовольные возгласы прервали перечень ихъ проступковъ: „а Боже бороны, крый насъ и заступы! Хто-жъ про те говорыть? Бодай мы зъ того мисця не зійшлы, колы то правда!“...

— Напрасно! кричалъ непреклонный Тенжулькевичъ. И не понюхаете больше дальнихъ урочищъ. Какъ вы пану, такъ и онъ вамъ! Забрали впередъ деньги еще въ прошломъ году и думать забыли!

Крестьяне переглянулись. Онъ помолчалъ немного и вдругъ спросилъ:

— Лучина когда будетъ?

— Буде, паночку—голубчыку! отвѣчали нестройнымъ хоромъ. Одробымо!...

— Когда же?

Никто не отвѣчалъ; всѣ соображали что то въ умѣ, уставивъ глаза въ землю и почесывая затылки.

— Ну, що жъ, панове громадо? вмѣшался Купріянъ Гончаръ, какъ старшина. Прецинь васъ пытають?

Крестьяне перебирали въ умѣ всѣ лѣтніе сроки—ни одинъ не оказался удобнымъ. Всѣ оказались связаны кругомъ хозяйственныхъ работъ; притиснутые сборомъ податей, они принуждены были взять впередъ деньги за лучину, а теперь не знали, когда отработаютъ и совѣщались объ этомъ.

— Если ко дню Петра и Павла не доставите мнѣ тридцати „шурокъ“, возвысилъ голосъ лѣсничій, отдамъ „гала“ избинцамъ и рашевцамъ, хоть за третій стогъ!...

Глаза у крестьянъ потемнѣли при этихъ словахъ, потомъ залоснились лбы отъ усиленной работы мысли. Заколыхалась вся эта масса сермягъ и пеньковыхъ рубахъ, подпоясанныхъ красными „крайками“. И страхъ, и гнѣвъ овладѣли всѣми; знакомыя картины собиранія недоимокъ воскресли въ памяти и замутили медленное теченіе ихъ мысли и чувства; тревога выражалась на всѣхъ лицахъ, надломленные голоса пытались возражать:

— Ни, пане! До Петра не здужаемо...

— То тяжко, пане! смѣлѣе другихъ говорилъ Тетеря. Роботы не покынешъ. Скинчыться сіянка, надійде косовыця, тамъ жнывa... Э, пане, трудно!... Въ Спасивку—тобы швыдче...

— Але, паночку! Илько правду каже, подхватилъ Климъ Тетеря. Въ Спасивку тобъ чоловикъ швыдче...

— Але, але! подтвердили другіе.

— Илько дуракъ! вотъ что я вамъ скажу! крикнулъ раздосадованный Тенжулькевичъ. Ты у меня людей не бунтуй. Умникъ ты! Самъ больше всѣхъ забралъ денегъ, а теперь подстрекаешь другихъ!... Ну, что жь? на чемъ порѣшили?

Крестьяне опять свѣсили головы и переговаривались въ полголоса.

— Нехай вже буде до Спаса, пане... Гм, гм!...

— Хорошо, голубчики мои! протянулъ лѣсничій, сдерживая гнѣвъ. Пусть будетъ до „Спаса!“ (Радость въ сердцахъ ихъ боролась съ недовѣріемъ). Но и сѣнокосы, и „паша“—тоже до „Спаса“... Эй, Лука, подавай лошадь!... Вотъ какъ западутъ бока у скотины, какъ не достанетъ сѣна на зиму, тогда одумаетесь. Сами придете, безъ зова и поклонитесь низенько.

Онъ уже садился въ бричку съ этими словами, когда старый пастухъ прогонялъ по селу громадское стадо. Всѣмъ показалось, что скотъ былъ худѣе обыкновеннаго; ляжки глубже за-

пали у коровъ, на бокахъ можно было сосчитать всѣ ребра. Пропадать имъ развѣ, что ли? Не всегда же удастся старому Костулѣ обмануть бдительность стражи и пробраться въ глубь лѣса. Не лучше ли поклониться Тенжулькевичу, пока еще не поздно? Но стадо, преслѣдуемое оводами, исчезало изъ вида при поворотѣ улицы, а Илько снова отвлекъ вниманіе всѣхъ своимъ замѣчаніемъ.

— Дакъ нема чого стояты, люде добри! Ходимъ до дому!...

— Ходимъ, братця! Нема чого стояты, повторяли другіе.

— Почекайте! крикнулъ Гончаръ, куды жъ вы? А зъ галомъ и пашою, то якъ же буде? га?..

— Але! правду каже! подтвердили всѣ, какъ будто вопросъ этотъ впервые сталъ передъ ними. Якъ же буде? кажить!...

— Не загынемо! выходилъ изъ себя Илько. Пидемо до посесора косыты гало, хочъ зъ половыны... А гроши, паночку, одробымо по жнывахъ!

— Эге, паночку! Такъ коло Спаса, якъ Богъ дасть...

— То нехай вже такъ буде. Даруйте, паночку, не гнивайтесь... говорилъ Климъ Тетеря.

Лѣсничій дѣйствительно сдерживалъ гнѣвъ, не желая ронять своего достоинства въ виду такого множества устремленныхъ на него глазъ; сильнымъ, рѣшительнымъ голосомъ отдавалъ онъ распоряженія своимъ подчиненнымъ:

— Прошу слѣдить внимательно, господинъ Варакса, чтобы нигдѣ, кромѣ Сокольего и Краснаго Рога, не пасли скота! И ты, Стёба, помни, смотри въ оба, не то прогоню на всѣ четыре стороны! Безъ билетовъ за ягодами, грибами и орѣхами и близко не подпускать къ лѣсу! Если бы которая пошла безъ билета—отбирать лукошки, даже юбки, и пока не отработаютъ штрафныхъ дней на майданѣ, не отдавать, какъ бы ни просили!..

Крестьяне слушали эти распоряженія съ чувствомъ человѣка, растянутаго на землѣ, на котораго черезъ минуту посыплются удары.

— Объявляю вамъ—обратился къ нимъ лѣсничій, что если не уберете своихъ ульевъ съ господскихъ деревьевъ ко дню св. Иліи, то я прикажу сбросить ихъ!

— Якъ же то, пане? И зъ бжоламы?

— Съ пчелами и съ медомъ!

Это былъ страшный, безжалостный ударъ, направленный противъ крестьянъ. Имъ казалось, что это не ульи, а сами они сидятъ на деревьяхъ и что ихъ, живыхъ людей, хотятъ сбросить оттуда. Столько лѣтъ стояли ульи на деревьяхъ! Развѣ одинъ медвѣдь сбрасывалъ ихъ иногда, какъ мячики, но и тогда глухой шумъ ихъ среди ночной тишины, сопровождаемый собачьимъ воемъ, поражалъ ихъ владѣльцевъ въ самое сердце, словно паденіе отца, брата или сына. Чтожь если сброситъ ихъ оттуда святотатственная рука полѣсовщика! Представить только себѣ: какъ улей, сброшенный съ вершины достигающей до неба сосны, летитъ и вдругъ—бацъ! на землю съ глухимъ стономъ, словно отъ сотрясенія всѣхъ внутренностей. Хорошо еще, если упадетъ на мягкія подушки мху, иначе—одна *мезга* останется отъ сотовъ и пчелъ.

— Але жъ то розбій, пане! крикнулъ Илько.

— Если снимете сами, никто вамъ ихъ не тронетъ, успокаивалъ Тенжулькевичъ.

— Де жъ мы ихъ поставымо?

— Ставьте, гдѣ хотите! это ваше дѣло, а въ лѣсу и не думайте держать ихъ: сброшу,—развѣ, впрочемъ, продадите въ экономію.

— Алежъ я маю борть въ Дидовымъ Острови! кричалъ Климъ Тетеря.

— Въ тебе една, а въ мене ажъ чотыры, да й мовчу,—спокойно замѣтилъ Купріянъ Гончаръ. Зъ чужого возка, мовлявъ, и въ болоти зсидай!...

— Не бійсь! не зсядешъ... не утерпѣлъ Илько.

Старшина смѣрилъ его гнѣвнымъ взглядомъ.

— Всѣ, всѣ безъ исключенія! кричалъ лѣсничій.

— Дарма! побачымо, хто знайде ласку, развивали въ толпѣ мысль Тетери. Хто въ паньску дудку...

— Годи, братця! уговаривалъ роптавшихъ одинъ изъ почтенныхъ хозяевъ. Що жъ мы, паночку, зробымо зъ улыкамы?

— Не надумается, бидный! смѣялись другіе. Попереносымо на свій грунтъ, и сосны хай ростуть сами, та роспускають гилля по надъ щырымъ пискомъ...

— Ульи продадите или снесете, какъ угодно—отвѣчалъ лѣсничій съ достоинствомъ. Ну, трогай, Лука! До свиданья, громада... Такъ поторопитесь съ этимъ до Ильи!

— А, щобъ тебе побыла лыха годына! раздавалось ему вслѣдъ. Матери твоій!...

К. М.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.[1]

Мм. Гг. Представьте себѣ, что передъ вами находится такое странное зданіе... Часть его возведена высоко, чуть не подъ самую крышу, другая едва виднѣется надъ землей, далѣе только роютъ еще фундаментъ. Въ первой, еще недостроенной, части идетъ дѣятельная работа—масса работниковъ съ лихорадочной поспѣшностью не только гонитъ зданіе вверхъ, но въ тоже время старательно обдѣлываетъ его лѣпными работами и всякими украшеніями. Во второй части лѣниво двигается нѣсколько запоздалыхъ работниковъ, еще дальше—сидятъ, сложа руки, или спятъ отдѣльные рабочіе. Ни общаго плана, ни общаго надзора нигдѣ не видно. Всякій хорошій архитекторъ съ улыбкой и состраданіемъ посмотритъ на такую постройку—элементарное условіе прочности всякаго зданія—равномѣрность постройки, иначе ей предстоитъ печальная участь: она дастъ трещины и грозитъ обваломъ.

Наука о нашей національной исторіи, напоминаетъ мнѣ Мм. Гг. подобную постройку. Есть въ этой наукѣ излюбленные отдѣлы, надъ которыми давно работаетъ масса тружениковъ, работаетъ съ увлеченіемъ, отдѣлывая тщательно самыя мелкія ихъ детали, изучая т. ск. не только анатомію, но и гистологическое строеніе самыхъ мелкихъ вопросовъ. А тутъ же рядомъ находятся цѣлыя области, цѣлые періоды, рядъ крупныхъ и важныхъ вопросовъ, представляющихъ настоящую terra incognita. Съ подобнымъ явленіемъ можно было бы отчасти примириться, еслибы дѣло ограничива-

---

[1]) Вступительная лекція въ московскомъ университетѣ 21 сентября 1883 г.

лось только этимъ детальнымъ изученіемъ, еслибы изъ изучаемаго матеріала дѣлались только тѣ частные выводы, на которые онъ даетъ право: чѣмъ глубже и детальнѣе изучается предметъ, тѣмъ болѣе выигрываетъ наука. Къ сожалѣнію, этимъ дѣло не ограничивается. Едва ли гдѣ есть другая интеллигенція, болѣе нашей склонная къ общимъ выводамъ, общимъ сентенціямъ. Болѣе чѣмъ кто либо мы склонны частные случаи возводить въ систему, изъ частныхъ фактовъ дѣлать общіе выводы. Разница между научнымъ и публицистическимъ выводомъ состоитъ въ томъ, что первый есть только математическій выводъ изъ данныхъ, вполнѣ критически провѣренныхъ фактовъ, второй сопоставляетъ рядъ фактовъ одной категоріи съ рядомъ положеній совсѣмъ инаго разряда, не пытаясь критически провѣрить тѣхъ и другихъ, а главное законности подобнаго рода сопоставленія. А между тѣмъ къ подобнаго рода сопоставленіямъ и выводамъ мы склонны болѣе, чѣмъ кто либо. Оттого то наши общіе выводы такъ часто отличаются голословностью, бездоказательностью, оттого они такъ шатки. Оттого у насъ такъ часто встрѣчаемъ догматизмъ, рутину, а не здоровый научный критицизмъ.

Едва ли гдѣ сильнѣе отразился этотъ недостатокъ, чѣмъ въ нашей наукѣ. Едва ли гдѣ мы найдемъ больше пробѣловъ, большее количество нетронутыхъ вопросовъ, болѣе одностороннюю обработку, и въ тоже время большее обиліе общихъ выводовъ и догматическихъ положеній. Не успѣла наша наука подняться, т. ск., надъ землей, какъ является уже и ея философія, общая характеристика русскаго національнаго духа, русскихъ національныхъ учрежденій, сдѣланная на основаніи ничтожнаго количества частныхъ и мѣстныхъ фактовъ.

И въ тоже время эти скороспѣлые выводы выдаются за нѣчто непреложное, за уроки исторіи, на основаніи ихъ стараются пересоздать нашъ внутренній строй, ими хотятъ руководить нашей внутренней и внѣшней политикой.

Нельзя не обратить еще вниманія въ этомъ вопросѣ на какую то мѣстную гордость, сказывающуюся въ опредѣленіи того, что и кто на самомъ дѣлѣ *русскій*. Въ извѣстныхъ случаяхъ мы съ гордостью повторяемъ, что Русь вездѣ „отъ хла-

дныхъ финскихъ скалъ, до пламенной Колхиды", отъ Бѣлаго моря и до отдаленныхъ уголковъ Карпатскихъ горъ. Но лишь только дѣло зайдетъ объ опредѣленіи основныхъ чертъ русскаго характера, національно-русскихъ учрежденій, мы тотчасъ начинаемъ бросать за бортъ однихъ русскихъ за другими, вычеркиваемъ одинъ періодъ за другимъ изъ нашей исторіи и въ концѣ концевъ безконечно съуживаемъ Русь и территоріально и исторически и принимаемся смотрѣть на вопросъ съ исключительной точки зрѣнія извѣстной мѣстности и извѣстнаго времени, черты временныя возводимъ къ общимъ началамъ русскаго духа, учрежденія, вызванныя исторической необходимостью, считаемъ характерными національными отличіями и настойчиво требуемъ возврата къ прошлому.

Странное недоразумѣніе! Одно изъ двухъ: или, опредѣляя національный типъ, мы должны брать его, какъ онъ теперь существуетъ, со всѣми историческими наслоеніями, или же, если мы убѣждены, что основы національнаго характера слишкомъ пострадали отъ разныхъ посторонныхъ вліяній, искать въ прошломъ того времени, когда враждебныхъ сохраненію національнаго типа условій или не было вовсе, или они существовали только въ незначительной степени. А въ такомъ случаѣ не въ среднемъ же періодѣ русской исторіи можно найти чистый національный типъ. Кто, знакомый съ фактами, станетъ отрицать громадное вліяніе 250 лѣтняго ига азіатской орды надъ сѣверо-восточною Русью? Можно развѣ сказать, что оно прошло безслѣдно въ исторіи развитія національнаго типа ея населенія, не принесло новыхъ учрежденій, значительно отличныхъ отъ прежнихъ?

Оставимъ пока въ сторонѣ практическое значеніе подобныхъ справокъ, не будетъ касаться того вопроса, имѣли ли мы и въ какой мѣрѣ и когда право требовать возврата къ прошлому, ограничимся только теоретической стороной вопроса. Изучая основныя черты русскаго національнаго типа, мы должны начать изученіе съ древняго періода нашей исторіи, когда вліяніе условій, могущихъ видоизмѣнить цѣльность національнаго типа, было еще очень незначительно. Продолжая наше изученіе, мы не можемъ ограничиваться одною какой нибудь мѣстностью, одною

вѣтвью нашего народа, мы должны изучать его весь, несмотря на временное политическое разъединеніе его частей.

На зарѣ нашей исторической жизни мы застаемъ уже нашъ народъ раздѣленнымъ на отдѣльныя племенныя группы, живущія самостоятельной жизнью. На общей основѣ, данной имъ происхожденіемъ отъ одного общаго корня, каждая вырабатываетъ собственныя оригинальныя черты въ языкѣ, бытѣ, общественномъ устройствѣ, религіи. Не обходится безъ племенныхъ счетовъ, племенной вражды. Въ IX в. у насъ повторяется явленіе, общее въ то время всѣмъ славянскимъ племенамъ. Одна изъ племенныхъ группъ выдвигается и тѣмъ или другимъ образомъ подчиняетъ себѣ остальныя. Объединеніе это на первый разъ чисто внѣшнее, политическое. Подчиненнымъ группамъ назначаются только дани и уроки, внутренніе распорядки ихъ продолжаютъ развиваться прежнимъ самостоятельнымъ путемъ. Это хотя и внѣшнее единство продолжалось сравнительно недолго—не болѣе полутора столѣтія. Въ XI ст. мы опять находимъ Русь разбитой на отдѣльныя части. Но составъ этихъ частей уже нѣсколько иной: это уже группы не племенныя, а государственныя: здѣсь нѣсколько племенныхъ группъ соединилось въ одномъ княженіи, тамъ на почвѣ одного племени выросло нѣсколько княжествъ. Эти отдѣльныя государства начинаютъ снова жить самостоятельной жизнью. Прежніе племенные счеты смѣняются счетами государственными. Связь между отдѣльными государствами болѣе платоническая, чѣмъ реальная. И все же нельзя не замѣтить, что эти отдѣльныя группы теперь несравненно ближе другъ къ другу, чѣмъ прежде. Не забудемъ, что на зарѣ этого новаго порядка вещей возникаетъ великое явленіе, память котораго мы праздновали на дняхъ. Мѣстныя религіозныя вѣрованія, своеобразныя у каждаго племени, уступаютъ мѣсто одному общему вѣрованію. Вліяніе его на первыхъ порахъ мало проникаетъ вглубь самой народной массы, но за то уже тогда оно начинаетъ играть важную роль въ смыслѣ политически-объединительномъ. Рядъ другихъ факторовъ—общій княжескій родъ, общій литературный языкъ, постоянное передвиженіе населенія то съ военными, то съ торговыми цѣлями

устанавливаютъ извѣстную связь между отдѣльными группами княжествъ. Въ теченіи этого новаго періода происходитъ не разъ новая группировка частей—то тамъ, то здѣсь, отдѣльныя княженія соединяются политически въ одно цѣлое, сами княженія дробятся, и отдѣльныя ихъ части примыкаютъ то къ той, то къ другой группѣ. Къ концу этого періода мы замѣчаемъ уже среди отдѣльныхъ частей Руси несомнѣнную тенденцію къ объединенію. Эта центростремительная сила направляется въ началѣ къ двумъ противоположнымъ центрамъ—одному на сѣверо-востокѣ, другому на юго-западѣ. Замѣчательно, что оба эти центра устанавливаются на окраинахъ русской земли и русскаго населенія. Но вотъ въ XIII ст. Русь постигаетъ страшное бѣдствіе, гнетущая власть котораго продолжается два съ половиной столѣтія. Однако этотъ страшный ударъ, во многомъ задержавшій наше самостоятельное развитіе, не только не останавливаетъ намѣченное раньше стремленіе къ объединенію, наоборотъ служитъ ему могущественнымъ толчкомъ. Объединительные центры устанавливаются окончательно—на сѣв.-вост. Москва, на юго-западѣ Галичь. Каждый изъ центровъ считаетъ себя въ равной мѣрѣ законнымъ наслѣдникомъ кіевскихъ традицій и смѣняетъ старое племенное и болѣе новое мѣстное названіе однимъ и тѣмъ же—*Русь*—съ начала XIV ст. галицко-владимірскіе князья уже именуютъ себя князьями всей Малой Руси.

Однако историческая судьба идеи объединенія совсѣмъ иная въ Руси сѣв.-восточной нежели въ Руси юго-западной. Первая находится въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ: врагъ стоитъ у самыхъ ея воротъ, помощи ждать не откуда, во всемъ необходимо дѣйствовать собственными силами. И вотъ эти силы собираются и накопляются. Идея объединенія получаетъ силу необходимости, ей приносится въ жертву, ей служитъ все—земля и люди. Не обходится безъ увлеченія, односторонности; все, такъ или иначе мѣшающее идеѣ объединенія, ломается сурово и безпощадно, и ломка эта идетъ и дальше и глубже, чѣмъ это, быть можетъ, было необходимо. Такъ бываетъ впрочемъ всегда: увлеченный извѣстной идеей человѣкъ смотритъ на все съ одной точки зрѣнія, не признавая за другими воззрѣніями права на существованіе.

Какъ бы то ни было, но вѣковыя усилія увѣнчались на сѣверо-востокѣ полнымъ успѣхомъ: врагъ былъ сломленъ, идея объединенія восторжествовала.

Иная судьба постигла эту идею на юго-западѣ. Врагъ былъ отъ нея гораздо дальше, гнетъ его чувствовался несравненно слабѣе. Къ тому же географическія условія южнаго центра, окруженнаго съ двухъ сторонъ сильными иностранными сосѣдями, нѣкоторая безпечность южно-русскаго характера, живущаго день за днемъ безъ особенной заботы о будущемъ, давали ему надежду на помощь извнѣ. Несмотря на опыты прошлаго, легко забывалось, что въ политикѣ чужая помощь никогда не бываетъ безкорыстною.

По всѣмъ этимъ причинамъ страшный урокъ XIII в. проходитъ для южнаго центра какъ то безслѣдно; внутренніе распорядки продолжаютъ развиваться по прежнимъ, противнымъ идеѣ объединенія началамъ. Въ то же время на сѣв.-зап. внезапно возникаетъ новое государство, подобно снѣжному кому, ростущее съ невѣроятной быстротой. Подъ ударами нѣмецкаго ордена пробуждается Литва, хватается за мечъ и съ отчаянья сыплетъ удары на право и на лѣво, одерживая невѣроятно легко вездѣ побѣды. Слишкомъ поздно спохватился южно-русскій центръ, остановить роста этаго новаго могущества онъ уже не могъ. Сверхъ всякаго ожиданія Литва оказывается прекраснымъ политикомъ, вызываетъ такія симпатіи, что западно-русскія княжества, давно искавшія точки опоры, чуть не добровольно отворяютъ ей свои ворота.

Роль галицко-русскаго центра была сыграна; внутренняя дезорганизація достигла въ немъ такой степени, что достаточно было чисто внѣшняго повода—прекращенія мѣстной династіи, и это такъ много обѣщавшее государство почти безъ борьбы пало въ чужія руки.

Несравненно лучше пошло дѣло въ остальныхъ русскихъ областяхъ, примкнувшихъ къ литовскому центру. Новый объединительный центръ строитъ свою государственную систему на той идеѣ, которую впослѣдствіи перенимаетъ, впрочемъ только по имени, у него Польша,—на уніи. Никакихъ новыхъ порядковъ, ника-

кихъ *новинъ* не вноситъ Литва въ присоединенныя русскія области, ничего она не ломаетъ, все оставляетъ по старому. Въ этомъ лежитъ причина ея быстраго успѣха, но въ этомъ же зародышъ государственной слабости. Несовмѣстимость старыхъ порядковъ съ новымъ положеніемъ вещей прекрасно понималъ такой умный политикъ, какъ Витовтъ, но его реформы явились слишкомъ поздно, дѣло зашло уже слишкомъ далеко.

Обезпокоенная быстрымъ ростомъ могущества литовско-русскаго государства, Польша предлагаетъ ему тотъ же компромиссъ, благодаря которому Литва такъ легко изъ ничтожнаго зерна выросла въ могучее дерево—т. е. личную унію. Замѣтимъ при этомъ, что польская историческая наука выработала цѣлую философію уніи. По ея утвержденію, изъ всѣхъ славянскихъ государствъ одна Польша нашла мирный безкровный способъ рѣшать національные счеты—путемъ уній религіозныхъ и свѣтскихъ, политическихъ и народныхъ. Забывается при этомъ, что уніи никогда не были свободными договорами безъ задней мысли, и что послѣдствія ихъ всегда оканчивались тѣмъ же кровавымъ результатомъ, что и всякіе иные способы рѣшенія національныхъ счетовъ.

Впродолженіи двухъ почти столѣтій со времени соединенія съ Польшей жизнь внутреннихъ западно-русскихъ областей продолжаетъ развиваться по старымъ русскимъ началамъ. Въ то же время, однако, со стороны Польши идетъ глухая подземная работа, конечная цѣль которой—претвореніе русскаго тѣла въ польское. Однако, въ пріемахъ этой работы мы можемъ въ настоящее время констатировать полное незнаніе и непониманіе основныхъ началъ русской жизни. Построенное на сословномъ принципѣ, привыкшее признавать человѣческія права только за однимъ привилегированнымъ сословіемъ, съумѣвшимъ поработить и обезличить всю остальную народную массу, польское государство судитъ и о Руси съ той же сословной точки зрѣнія. Ассимиллируя себѣ principes et majores natu русскаго народа, Польша считала свою подготовительную работу вполнѣ поконченной и провозгласила новую эру—полнаго сліянія обоихъ государствъ. Извѣстно, какъ она жестоко ошиблась. Народная масса воз-

стаетъ на защиту своей націальности и, ослабѣвъ въ тяжелой борьбѣ, примыкаетъ къ достаточно уже окрѣпшему сѣверо-восточному русскому центру. И эта народная масса вступаетъ въ московское государство *вполнѣ русской*, сохранивъ свои старыя русскія начала, свой родной языкъ, свою родную вѣру.

Проходитъ еще столѣтіе, и обезсиленная Польша не только отдаетъ намъ остальныя русскія области, но и сама входитъ въ составъ нашего государственнаго организма.

Однако, при этомъ не обошлось безъ страннаго недоразумѣнія, и въ немъ опять должна нести повинную наша національная наука. Мы необыкновенно легко повѣрили на слово, что въ возсоединенныхъ частяхъ нашего стараго организма не осталось ни капли русской крови, ни куска русскаго тѣла, что все это успѣло давно претвориться въ кровь и плоть польскую. Только извѣстныя историческія обстоятельства заставили насъ внимательнѣе приглядѣться къ народному облику зап. Руси, и мы опять съ изумленіемъ увидѣли здѣсь русское начало въ замѣчательной чистотѣ.

Любопытнѣе всего въ этомъ отношеніи судьба единственной еще не возсоединенной части русскаго организма—Руси Галицкой.

Въ эпоху раздѣла Польши наши свѣдѣнія въ національной исторіи были еще такъ слабы, что мы совершенно не подозрѣвали въ этой области присутствія русскаго начала. Стоило только Австріи выдвинуть свои миѳическія права на эту область, основанныя на томъ полукомическомъ фактѣ, что въ XIII ст. венгерскій королевичъ посидѣлъ на галицко-владимірскомъ княжескомъ столѣ и, изгнанный оттуда, принялъ въ утѣшеніе титулъ rex Galiciae et Lodomeriae, какъ мы безъ всякаго колебанія отдали ей наше законное достояніе, а взамѣнъ того получили даръ Данайцевъ.

Между тѣмъ, если гдѣ, то именно въ этой части юго-зап. Руси изумительнѣе всего сказалась живучесть русскаго начала Эта часть русскаго тѣла раньше всѣхъ другихъ перешла подъ чужую власть. Нельзя при этомъ не вспомнить и ея прежнюю судьбу—до перехода въ чужія руки. Изъ всѣхъ областей

древней Руси это была б. м. часть наиболѣе культурная и во всякомъ случаѣ, благодаря своему географическому положенію, часть наиболѣе подверженная иноземнымъ вліяніямъ. На ряду съ вліяніями Византіи, имѣвшей съ этой страной тѣсныя торговыя и политическія сношенія—(одинъ изъ галицкихъ князей, знаменитый Романъ Мстиславичъ спасалъ даже Византію неоднократно отъ вторженія варваровъ), здѣсь тѣснымъ узломъ переплетаются разнородныя вліянія Польши, Венгріи, даже Германіи. Князья и магнаты греческіе, польскіе и венгерскіе ищутъ здѣсь убѣжища и помощи послѣ своихъ политическихъ неудачъ на родинѣ; измученное насиліями въ родной странѣ населеніе Польши, Венгріи, Трансильваніи, Валахіи и Молдавіи массами притекаетъ подъ защиту русскаго начала. Высшіе классы галицко-русскаго общества съ успѣхомъ примѣняютъ на родинѣ политическія тенденціи польскихъ и венгерскихъ магнатовъ, усвояютъ себѣ ихъ нравы и далеко не чужды европейской культуры. Составителю древнѣйшей мѣстной лѣтописи, повидимому, былъ не чуждъ литературный языкъ запада—языкъ латинскій. Городское населеніе имѣло здѣсь уже и тогда весьма разнообразный составъ—евреи, армяне, нѣмцы, чехи, поляки не только вели здѣсь оживленную транзитную торговлю, но и нерѣдко поселялись въ галицко-русскихъ городахъ на постоянное жительство.

Въ самомъ началѣ XIV в. нѣкоторые галицко-русскіе города получаютъ уже нѣмецкое устройство, извѣстное подъ именемъ магдебургскаго права.

И вотъ при такихъ условіяхъ Галицкая Русь въ ½ XIV ст. помощью цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, о которыхъ мы теперь не станемъ распространяться, теряетъ свою самостоятельность и подпадаетъ подъ чужую власть. Послѣ непродолжительнаго спора за ея обладаніе между Польшей, Венгріей и Литвой она къ исходу XIV в. окончательно закрѣпляется за Польшей. Трудно, кажется, и представить себѣ лучшихъ условій для окончательнаго воспріятія чужихъ порядковъ, чужой культуры: подготовка къ ассимиляціи, повидимому, болѣе чѣмъ благопріятная. И польское правительство не церемонится съ этой страной, считая ее добытой мечемъ, а потому полной своей соб-

ственностью. Этотъ взглядъ совершенно опредѣленно былъ высказанъ на одномъ изъ польскихъ сеймовъ, когда зашла рѣчь о подтвержденіи древнихъ грамотъ на земли, выданныхъ старыми русскими князьями: всѣ старыя права не имѣютъ никакого значенія и должны быть кассированы, такъ какъ Червоная Русь представляетъ собой военную добычу. Въ этомъ опредѣленіи узнаемъ откликъ древне-галльскаго жестокаго слова—vae victis.

И дѣйствительно, не проходитъ и полувѣка, какъ Польша сочла эту ассимиляцію фактомъ совершившимся. Русское право объявляется здѣсь окончательно уничтоженнымъ, и во всѣхъ сферахъ управленія вводится право польское.

Мало того: по многимъ причинамъ Червоная Русь была настоящей обѣтованной землей для Польши. Дѣло въ томъ, что пресловутая равноправность польской шляхты существовала только въ воображеніи. Уже давно эта самая шляхта раздвоилась на весьма незначительное количество безмѣрно богатыхъ магнатовъ и огромную массу почти безземельной шляхты; значительная часть послѣдней т. наз. загродовая шляхта не владѣла и $^1/_4$ обычнаго тогда крестьянскаго надѣла, а весьма значительное число ея, носившее характерное названіе *голоты,* вовсе было лишено земли и скиталось по дворамъ магнатовъ, исполняя у нихъ самыя ничтожныя должности. Вотъ эта то голодная масса, подобно саранчѣ, цѣлой тучей направляется въ Черв. Русь и всѣми правдами и неправдами овладѣваетъ ея богатыми, текущими медомъ и молокомъ, по ихъ собственнымъ восторженнымъ отзывамъ, землями. Со введеніемъ польскаго права все мѣстное населеніе окончательно подчиняется шляхтѣ, вводится доминіальный судъ и нѣмецкое право, въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличное отъ польскаго.

Казалось, русское начало здѣсь окончательно подавлено, въ конецъ убито, русская плоть и кровь претворилась въ плоть и кровь польскую.

Но приглядимся внимательнѣе къ источникамъ. Счастливый случай сохранилъ намъ безконечно важный разрядъ источниковъ, тѣмъ болѣе важный, что въ немъ нѣтъ мѣста для тенденціозныхъ умолчаній, для сокрытія всего, говорящаго не въ пользу

извѣстныхъ теорій, извѣстныхъ желаній; я говорю о судебныхъ протоколахъ, сохранившихся здѣсь съ конца XIV и начала XV в. Изучая этотъ драгоцѣнный матеріалъ, отсутствіемъ котораго такъ страдаютъ другія части нашей исторіи, нельзя не замѣтить, какъ русская жизнь, русское право, русское начало бьетъ ключемъ подъ этой чуждой оболочкой. Полуграмотные протоколисты въ своей варварской латыни постоянно сбиваются на мѣстный говоръ и постоянно вводятъ цѣлыя тирады (особенно тамъ, гдѣ передается интерпелляція сторонъ) по русски.—Ясное доказательство, что и само судопроизводство происходило на томъ же мѣстномъ нарѣчіи, хотя съ 1435 г. оффиціальнымъ языкомъ и сталъ здѣсь языкъ латинскій, и прекратилась выдача актовъ русскихъ. Сами судьи оказываются вполнѣ невинными въ дѣлѣ юридическаго образованія, постоянно отговариваются незнакомствомъ съ правомъ польскимъ и предпочитаютъ вершить дѣла по мѣстнымъ обычаямъ, по указанію самихъ сторонъ.

Но этого мало. Въ этихъ документальныхъ источникахъ историкъ русскаго права и русской жизни найдетъ себѣ обильную жатву и навѣрное разъясненіе не одного темнаго вопроса внутренней исторіи древне-русской жизни. Мы найдемъ здѣсь еще во всей своей силѣ древне-русскую сельскую общину—сотню съ десятниками, тіунами, атаманами во главѣ, общинный судъ, какъ извѣстно удержавшійся весьма долго въ юго-зап. Руси. По всему карпатскому подгорью мы найдемъ здѣсь славянскую общину съ ея характернымъ устройствомъ и періодическими сходами, удержавшими старинное названіе *вѣча*. Для исторіи и характеристики общественныхъ классовъ древне-русскаго общества это опять таки безцѣнный матерьялъ—передъ нами проходятъ здѣсь разнообразные классы русскаго общества, начиная отъ рабовъ, продаваемыхъ какъ скотъ на торгу, кабальныхъ холоповъ, разнаго вида крестьянъ до остатковъ древне-русскаго высшаго класса—бояръ. И вездѣ узнаемъ родные лики, нравы, а часто и рѣчь. Но описываемая эпоха XV и нач. XVI в. еще время сравнительное благопріятное для сохраненія русскаго начала. Польской шляхтѣ не было никакого интереса вмѣшиваться въ сокровенные уголки русской жизни; она получала съ населенія

то, что ей было нужно, чинии и работы, стараясь, правда, получить какъ можно больше, до остальнаго ей было мало дѣла. Это было лучшее время Польши, золотой вѣкъ ея литературы, эпоха терпимости религіозной. Польская шляхта того времени весьма туго слушала проповѣди своего духовенства, настаивавшаго на обращеніи схизматиковъ. Она плохо вѣрила въ безкорыстіе своего духовенства, она сама тяготилась его опекой, была недовольна значительными налогами въ пользу церкви, отнимавшими немалую часть ея доходовъ, и весьма благосклонно стала относиться къ реформаторскому движенію зап. Европы. Къ сожалѣнію, этотъ періодъ вѣротерпимости продолжался недолго и смѣнился эпохой самой непривлекательной реакціи.

Нужно, впрочемъ, отдать честь польскому духовенству: оно было дальновиднѣе шляхты; оно прекрасно поняло, что полному сліянію двухъ національностей, претворенію русской плоти въ польскую болѣе всего другаго препятствуетъ разница въ вѣрѣ, старыя религіозныя традиціи, мѣстный языкъ въ богослуженіи. Важность этого открытія скоро поняло и правительство и явилось дѣятельнымъ пособникомъ духовенству. И однако всѣ усилія союзниковъ разбились о неимовѣрную стойкость русскаго народа. Быть можетъ, причиною неуспѣха была отчасти и самая безсистемность въ пріемахъ: начинали съ увѣщаній и обѣщаній, но первыя встрѣчали моральный отпоръ, вторыя не исполнялись, являлось раздраженіе, сыпались удары и встрѣчали сильную реакцію. Заправилы этой политики хорошо понимали, что достигнутый ими успѣхъ—проведеніе уніи слишкомъ ничтоженъ. Мало знакомый съ догматическими тонкостями, народъ продолжалъ и продолжаетъ до сихъ поръ считать свою вѣру греческой—или русской, тѣмъ болѣе, что продолжалъ видѣть въ сущности прежнее богослуженіе на родномъ языкѣ, а во многихъ мѣстахъ духовенству русскому удалось отстоять и до сихъ поръ сравнительную чистоту обряда. Однако, въ результатѣ всѣхъ этихъ перипетій русское населеніе Галиціи, измученное непосильной борьбой, какъ то замерло, ушло въ себя.

При томъ сливки русскаго общества, единственный его гласный классъ, имѣвшій возможность громко заявлять о своей на-

ціональности, оставилъ свое знамя послѣ недолгой борьбы, продалъ свою національность и вѣру за нѣсколько жалкихъ серебренниковъ. Такъ продолжалось дѣло до паденія польскаго государства. Мы уже говорили, что уступая Галицію Австріи, мы совсѣмъ забыли, или не знали о существованіи въ ней русскаго населенія. Не знала этого и Австрія, предполагая въ обѣихъ частяхъ нынѣшней Галиціи одно сплошное польское населеніе.

И вотъ, лишь только въ незабвенную для галицкой Руси эпоху просвѣтительной дѣятельности благороднаго Іосифа II въ ней повѣяло болѣе свободнымъ духомъ, русское начало снова оживаетъ и громко заявляетъ свои національныя права. Тщетно стараются подавить это движеніе, представить его мятежемъ, искусственнымъ явленіемъ, вызваннымъ чужимъ вліяніемъ—остановить ростъ этого національнаго самосознанія было уже невозможно. И характерно то, что всѣ почти безъ исключенія дѣятели галицко-русскаго возрожденія, Маркіанъ Шашкевичъ, Устиновичъ, Яковъ Головацкій, Яхимовичъ—люди, вышедшіе изъ народа, изъ среды русскаго духовенства, которое въ югозап. Руси сливалось съ народомъ такъ тѣсно, что вмѣстѣ съ нимъ принадлежало къ крѣпостному состоянію, отбывало работы и панщину и вмѣстѣ съ крестьянами, какъ скотъ, перепродавалось изъ рукъ въ руки.

И несмотря на тѣ безконечно тяжелыя условія, въ которыхъ и по нынѣ находится русское населеніе Галиціи, гдѣ оно принуждено отстаивать шагъ за шагомъ каждый клочекъ своего національнаго тѣла, каждый звукъ своего роднаго языка, посмотрите, какихъ результатовъ оно въ настоящее время достигло: оно имѣетъ свою литературу на родномъ языкѣ, которая съ каждымъ годомъ улучшается и очищается отъ вѣковыхъ чуждыхъ вліяній—и что всего замѣчательнѣе, матеріалъ для этого очищенія даетъ языкъ народный, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшій доселѣ въ изумительной чистотѣ. Оно имѣетъ свои семинаріи и школы съ преподаваніемъ на родномъ нарѣчіи, въ самой религіи оно изгоняетъ черты чужой обрядности, отстаивая въ то же время съ поразительной настойчивостью старые русскіе обычаи. Все болѣе и болѣе усиливаются культурныя сношенія и съ нашей Русью, и это сближеніе, эти симпатіи годъ отъ году сильнѣе.

Попробуйте переѣхать изъ южной Руси за рубежъ въ Русь галицкую, минуйте города, гдѣ смѣшанное поселеніе затемняетъ свѣтлый ликъ народа, зайдите въ сельскую хату и вглядитесь въ народный обликъ—и что же вы увидите? Тѣ же родныя южно-русскія черты, тотъ же чистый и свѣтлый народный говоръ, тѣ же знакомыя пѣсни, тѣ же родныя преданія.

Не напоминаетъ ли Вамъ, Мм. Гг., эта поразительная живучесть русскаго начала ту живую силу хлѣбныхъ зеренъ, которыя дали ростки послѣ тысячелѣтняго пребыванія въ темныхъ египетскихъ катакомбахъ?

Итакъ, Мм. Гг., изученіе западно-русской исторіи не только глубоко поучительно, но и безусловно необходимо для правильной оріентировки въ нашемъ національномъ самопознаніи, для всесторонняго и точнаго пониманія нашего національнаго типа. Оно показываетъ намъ поразительную живучесть русскаго начала, тѣмъ болѣе поразительную, что это начало сумѣло соблюсти свою чистоту среди самыхъ тяжелыхъ условій, сумѣло отстоять себя въ борьбѣ не съ грубой языческой ордой, а съ началомъ культурнымъ, исполненнымъ всѣми тонкостями коварства, испытавшимъ въ этой борьбѣ всѣ средства, начиная отъ самаго грубаго насилія и до самыхъ неуловимыхъ моральныхъ вліяній. Какимъ же чудомъ съумѣла въ этой борьбѣ зап. Русь вынести свое родное достояніе во всей его чистотѣ и неприкосновенности? Какіе факторы содѣйствовали ей въ этой безпримѣрной борьбѣ? Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности, скажемъ только, что побѣдѣ этой способствовала и самая стойкость русскаго начала, стойкость, доходящая порою до консерватизма, и рядъ причинъ моральныхъ и экономическихъ. Нельзя не указать на безконечно важную роль, которую сыграла въ этой борьбѣ русская церковь, отстоявшая родной языкъ въ богослуженіи и тѣмъ положившая непроходимую грань для чуждаго вліянія. Содѣйствовало ей и частое колебаніе во внутренней политикѣ польскаго государства, и порою сознательная и безсознательная поддержка той самой шляхты польской, въ интересахъ которой было подавленіе этого начала,—но подробнымъ изученіемъ этихъ причинъ мы займемся въ свое время.

Итакъ, Мм. Гг., только параллельнымъ изученіемъ сѣверной и западной русской исторіи мы можемъ всесторонне изслѣдовать сущность нашего національнаго начала, можемъ узнать, какъ оно реагировало на самыя разнообразныя вліянія. Развитіе многихъ сторонъ русской жизни пошло здѣсь по иному направленію, чѣмъ въ исторіи сѣв. Руси, но почему же мы должны изучать это развитіе преимущественно по одному направленію, а не по всѣмъ? Каждое начало состоитъ изъ массы составныхъ элементовъ—при однихъ условіяхъ развиваются одни элементы, при другихъ—иные. Но задачей истинно-научнаго отношенія должно быть изученіе предмета при всевозможныхъ вліяніяхъ. Притомъ въ исторической наукѣ сравнительное изученіе есть единственное возмѣщеніе недоступнаго ей опыта.

Параллельное изученіе много поможетъ и пониманію разныхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ во внутренней исторіи сѣв.-вост. Руси. Историческое изслѣдованіе находится въ печальной зависимости отъ состоянія сохранившагося матеріала, а мы знаемъ, какъ бѣденъ и отрывоченъ этотъ матеріалъ для многихъ періодовъ нашей исторіи. Скудостью и отрывочностью матеріала обясняются часто діаметрально противоположныя воззрѣнія на многія стороны древне-русской жизни—вспомните, напр., знаменитый споръ пятидесятыхъ годовъ относительно происхожденія и роли сельской общины у насъ. Только сравнительное изученіе поможетъ намъ въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, для которыхъ недостаточно одного собственнаго матеріала.

Но и здѣсь, прежде чѣмъ идти въ далекія страны и тамъ искать правды, поищемъ этой правды у себя, въ забытыхъ частяхъ нашего собственнаго тѣла.

Даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ зарубежной Руси народъ именуетъ себя русскимъ, свою вѣру русской. И стоитъ только проѣхать по этой многострадальной странѣ, дабы убѣдиться, что это не самозванство, а открытое, несмотря на всѣ препятствія и насилія, заявленіе своей истинной національности. А если такъ, Мм. Гг., то и исторія западной и юго-зап. Руси не чуждая намъ исторія, и не *мѣстная*, а исторія *общерусская*, и ей довлѣютъ тѣ же права, что и исторіи сѣверной русской. Не

станемъ же отдѣлять одной отъ другой и не будемъ вносить въ историческое изученіе нашего прошлаго той розни, отъ которой издревле страждетъ великое славянское племя.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ моимъ будущимъ слушателямъ.

Г-да! У насъ одно время очень много говорили о вліяніи среды на человѣка. Составилась даже характерная фраза, что человѣка заѣдаетъ среда, засасываетъ его, подобно гнилому болоту. Но если бываетъ среда гнетущая, убивающая лучшія стороны человѣческой природы, то есть среда бодрящая и животворящая, воспитывающая и облагораживающая всѣ добрыя стороны человѣка. И въ числѣ такихъ средъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ средѣ университетской. Каковы бы ни были природные задатки человѣка, какимъ бы дурнымъ членомъ общества онъ себя ни зарекомендовалъ впослѣдствіи, но въ счастливые годы студенчества онъ всегда чувствуетъ себя лучше и чище. И это не только потому, что время студенчества есть время молодыхъ надеждъ и упованій, но и потому, что надъ юношей довлѣютъ благородныя университетскія традиціи, своей моральной силой сдерживающіе и ограничивающіе его дурные инстинкты.

Но, г-да, ту же силу университетскихъ традицій, то же моральное вліяніе ихъ испытываетъ и преподаватель. Подъ вліяніемъ этихъ традицій и онъ чувствуетъ себя свѣжѣе и бодрѣе, его моральное чувство держится всегда на сторожѣ благородными завѣтами университетскаго прошлаго. И гдѣ же эти завѣты старины, эти традиціи прошлаго чувствуются сильнѣе, какъ не въ старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ, въ университетѣ, который считаетъ въ числѣ своихъ членовъ такихъ благородныхъ и высокогуманныхъ дѣятелей, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Кавелинъ, Соловьевъ и недавно почившій Усовъ? Память этихъ свѣтлыхъ личностей будетъ жить вѣчно и морально воспитывать каждаго, вступающаго въ университетскую среду. И если съ этой каѳедры, гдѣ раздавалось высокое и благородное слово этихъ героевъ мысли, труда и нравственности, преподаватель

отступить хотя на іоту отъ всего того, что ему предписываетъ его нравственный долгъ, уваженіе къ наукѣ и истинѣ, благородные завѣты прошлаго, ему всегда должно казаться, что въ глубинѣ этихъ стѣнъ на него глядятъ съ нѣмымъ укоромъ эти прекрасныя блѣдныя тѣни прошлаго. Да не будетъ этого!

Господа! Нашъ нелегкій трудъ, наши усилія мысли мы отдаемъ цѣликомъ Вамъ, нашимъ младшимъ товарищамъ-ученикамъ. Наша единственная награда и утѣшеніе въ сочувствіи тѣхъ, для кого мы работаемъ. Будемъ же, г-да, сочувствовать другъ другу и работать вмѣстѣ. Съ своей стороны я предлагаю вамъ все, что имѣю, тѣ скромныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось пріобрѣсть; отъ васъ взамѣнъ я жду, надѣюсь и желаю только одного—сочувствія и довѣрія.

И. А. Линниченко.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ [1]).

27-го прошлаго іюля въ г. Переяславѣ предположено было произвести разбивку плана для постройки на мѣстѣ разобранной за ветхостью деревянной Успенской церкви новой каменной. Успенская церковь, какъ извѣстно, была нѣсколько лѣтъ назадъ предметомъ газетной полемики, особенно мѣстной—кіевской. Когда къ концу 70-хъ годовъ эта церковь оказалась обветшавшею настолько, что въ ней прекращено было богослуженіе и возникла мысль о постройкѣ на ея мѣстѣ новой каменной, любители отечественной старины встревожились сдѣланнымъ изъ Переяслава же напоминаніемъ, что въ Успенской именно церкви этого города, 8 января 1654 года, была принесена гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ вмѣстѣ съ народомъ малороссійскимъ присяга на вѣрноподданство царю московскому. Явились сторонники сохраненія въ томъ видѣ, какъ есть, обветшавшей церкви, этого памятника великаго событія; нашлись и болѣе серьезные изслѣдователи мѣстныхъ памятниковъ г. Переяслава, которые утверждали, что обветшавшая деревянная церковь носила только имя и занимала мѣсто той Успенской церкви, въ которой Хмельницкій приносилъ присягу, а церковное зданіе, дѣйствительно бывшее свидѣтелемъ этой присяги, уничтожено пожаромъ еще въ 1660-хъ годахъ. Уяснилось изъ этой полемики, между прочимъ, и то, что въ Переяславѣ твердо держится преданіе о сооруженіи первоначальной Успенской церкви на томъ же самомъ мѣстѣ еще Владиміромъ Мономахомъ въ 1098 году, (но, какъ думали, тоже деревянной);

---

[1]) Читано въ засѣданіи Историческаго Общ. Нест. Лѣтописца 30-го октября 1888 года.

думали также, что по разрушеніи церкви Мономаховой въ нашествіе Батыя, новая на мѣстѣ ея построена была кн. В. В. Острожскимъ въ 1586 году; что присяга Хмельницкаго была принесена въ церкви Острожскаго, скоро затѣмъ сгорѣвшей; что и новая, построенная потомъ стрѣлецкимъ головою Иртыщевымъ, сгорѣла въ 1761 году, и до послѣдняго времени оставалась на мѣстѣ первыхъ церковь, построенная уже въ 1767 году. Не придавая въ свое время особаго значенія аргументаціи въ пользу того мнѣнія, что въ предназначенной къ сломкѣ послѣдней деревянной церкви могли уцѣлѣть, послѣ двухъ пожаровъ, истреблявшихъ Успенскую церковь, какіе-либо остатки той деревянной церкви Успенія, въ которой приносилъ присягу Хмельницкій, можно было однако же предполагать, что связанное съ мѣстомъ ея преданіе о постройкѣ тамъ первоначальной церкви Владиміромъ Мономахомъ найдетъ для себя подтвержденіе въ остаткахъ, по крайней мѣрѣ, древнихъ фундаментовъ на мѣстѣ разобранной церкви, если только та церковь была каменная, а не деревянная. Основаніемъ для такого предположенія служилъ самый характеръ мѣста, на которомъ стояла Успенская церковь. Мѣсто это имѣло видъ возвышающагося надъ окружающею его площадью холма, или кургана довольно правильной, круглой формы.

Такого именно вида холмы, или курганы и были могилами древнихъ каменныхъ церквей, въ которыхъ онѣ погребались, повергаясь въ теченіе столѣтій разрушенію отъ времени. Рѣшившись при разбивкѣ плана и прорытіи рвовъ для фундаментовъ новой церкви провѣрить свои предположенія, мы, совмѣстно съ членомъ Церковно-археологическаго общества, архитекторомъ В. Н. Николаевымъ, приглашеннымъ для этой разбивки, просили о. предсѣдателя строительнаго Успенской церкви комитета обратить вниманіе при самой нивелировкѣ мѣстности, которая имѣла быть произведена прежде разбивки плана, на возможные остатки тамъ древняго каменнаго сооруженія, а равно и на слѣды другихъ послѣдовательно производившихся на томъ мѣстѣ построекъ и, оставляя ихъ неприкосновенными, сберечь и всякія другія вещи, какія при этомъ могутъ быть найдены.

Дѣйствительно, при самой уже нивелировкѣ мѣста, на которомъ стояла разобранная деревянная церковь, когда былъ снятъ съ кургана слой земли въ три четверти аршина, обозначились подъ этимъ слоемъ остатки каменнаго фундамента значительно болѣе древней, чѣмъ разобранная, но тоже деревянной церкви. Остатки представлялись отдѣльными кусками и даже просто слѣдами стѣнъ, расположенными по

линіямъ многоугольника, охватывавшаго почти всю площадь кургана. Обширность очерченнаго ими пространства соотвѣтствовала вполнѣ мѣстнымъ преданіямъ объ обширности построенной кн. Острожскимъ церкви, вмѣщавшей въ себѣ яко-бы 14 (?) престоловъ [1]). Лучше всего сохранились восточныя части фундамента. Эти восточныя части имѣли видъ двухъ стѣнъ, толщиною въ $1^3/_4$ аршина и длиною одна 4 ар. 10 вер. и другая 7 ар. 12 верш.; первая шла въ прямомъ направленіи къ сѣверу, въ сѣверо-восточной части кургана, вторая въ прямомъ же направленіи къ югу въ юговосточной. Стѣны были сложены изъ дикаго камня, сохранившаго на себѣ слѣды древняго цемента, но сложены на обыкновенной извести, съ употребленіемъ по мѣстамъ кирпича старинной, но не древней формы. Каждая изъ нихъ своими внутрь кургана шедшими концами упиралась въ двѣ кирпичныя стѣны, шедшія на извѣстномъ разстояніи параллельно одна другой къ востоку и служившія очевидно фундаментомъ для алтаря. Обѣ послѣднія стѣны заканчивались однако же съ восточной стороны не многогранникомъ, какъ это было бы естественно въ фундаментѣ подъ алтаремъ деревянной церкви, а правильнымъ полукругомъ, какъ это обычно въ фундаментахъ каменныхъ церковныхъ абсидовъ, и при томъ такъ, что діаметръ полукруга былъ значительно менѣе разстоянія между стѣнами и сливался съ ними чрезъ небольшіе простѣнки въ ту и другую сторону. Обративъ затѣмъ особое вниманіе на кладку этихъ служившихъ фундаментомъ для алтаря, стѣнъ, мы нашли въ ней признаки кладки церкви уже исключительно древнѣйшаго велико-княжескаго періода, и своеобразность формы подобнаго фундамента для алтаря деревянной церкви могли объяснить только тѣмъ, что строитель послѣдней воспользовался для алтарнаго фундамента готовыми стѣнами древнѣйшаго сооруженія.

Чтобы уяснить размѣры и значеніе обозначившагося остатка древнѣйшаго сооруженія, комитетъ по постройкѣ новой церкви рѣшилъ пріостановить до 1 августа разбивку плана и произвести новую съемку съ кургана земли приблизительно на 1 аршинъ. Свойство почвы не дѣлало эту съемку излишнею: верхніе слои холма состояли все еще изъ земли рыхлой, наносной, представляющей смѣсь

[1]) Внутри многоугольника лежали по мѣстамъ только отдѣльные значительной величины камни, служившіе, очевидно, основаніемъ для внутреннихъ столбовъ, поддерживавшихъ своды и кровлю.

перегноя дерева съ углемъ, каменнымъ и кирпичнымъ щебнемъ и разными остатками отъ бывшихъ внутри церкви погребеній, а потому ни въ какомъ случаѣ не могли служить основаніемъ для возведенія новаго каменнаго сооруженія. Новая съемка была сдѣлана 28—30 іюля подъ непосредственнымъ наблюденіемъ комитета. Велась она отъ окраинъ кургана къ центру и пріостанавливалась при встрѣчѣ съ линіею стѣнъ: это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы торопливою очисткою заключеннаго внутри стѣнъ пространства не уничтожить остатковъ древняго пола зданія и не лишиться возможности открыть какіе либо древнія вещи въ наполнявшемъ это пространство щебнѣ.

По окончаніи новой съемки, осмотрѣвъ 1-го прошлаго августа вмѣстѣ съ архитекторомъ В. Н. Николаевымъ оказавшіеся въ холмѣ остатки стѣнъ, мы нашли слѣдующее:

1) Въ восточной половинѣ круглой площади холма обнаружилась полукруглая (съ удлиненными нѣсколько концали дуги) стѣна высотою въ 1 аршинъ и 3 вершка, которая своимъ положеніемъ и формою соотвѣтствовала алтарнымъ стѣнамъ древнихъ церквей великокняжескаго періода. Только полукружіе этой стѣны не сливается своими концами съ подобными же полукружіями съ сѣверной и западной стороны, какъ это наблюдается на алтарныхъ стѣнахъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ церквей древняго періода, а сливается непосредственно со стѣнами, расположенными правильнымъ прямоугольникомъ (почти квадратомъ). Отъ прямоугольника этого сохранились: уголъ сѣверовосточный съ частью сѣверной стѣны и на ней двухъ наружныхъ пилястръ съ полуколоннами; уголъ юговосточный съ частью стѣны южной и на ней одной пилястры съ полуколонною, и небольшой кусокъ западной стѣны также съ пилястрою и полуколонною. Кладка всѣхъ этихъ остатковъ одинакова: кирпичъ имѣетъ видъ плитъ въ 7 вершковъ длины на $5^{1}/_{4}$ вершковъ ширины и 1 верш. толщины; положенъ онъ на толстыхъ слояхъ цемента изъ извести съ толченымъ кирпичемъ; фундаментъ подъ стѣнами не идетъ глубже трехъ четвертей аршина и представляетъ массу ломанаго кирпича, залитаго цементомъ. Изъ кіевскихъ церквей древняго періода почти тождественную кладку мы встрѣтили въ найденныхъ въ 1878 году остаткахъ древней церкви на Кудрявцѣ (въ усадьбѣ Митрополитанскаго дома надъ Вознесенскимъ спускомъ); наружныя же съ полуколоннами пилястры, какъ извѣстно, отличаютъ фасадъ древней Васильевской, нынѣ Трехсвятительской, церкви въ Кіевѣ.

2. Частью на поверхности холма, частью въ землѣ, во время съемки ея, добыты слѣдующія предметы:

а) круглая, болѣе чѣмъ до половины сохранившаяся красная шиферная плита, около 2 аршинъ (1 арш. 15½ вершковъ) въ діаметрѣ съ вырубленными въ ней по опредѣленному рисунку византійскаго стиля углубленіями и два значительной величины куска такихъ-же и съ такими же углубленіями шиферныхъ плитъ, но съ нѣсколько отличнымъ рисункомъ и не круглой формы, и между прочимъ, съ остатками въ углубленіяхъ цемента.

Подобныя плиты, наполненныя по углубленіямъ цементомъ съ наборомъ по немъ мозаическихъ украшеній, сохранились въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, гдѣ сложено изъ нихъ епископское (въ алтарѣ) сѣдалище. Два куска такихъ съ мозаическимъ наборомъ плитъ найдены въ восьмидесятыхъ годахъ подъ поломъ великой Лаврской церкви. Нѣсколько кусковъ такихъ-же плитъ, только безъ мозаики найдено въ 1888 году при перестилкѣ пола въ Златоверхо-Михайловской церкви.

б). Множество кусковъ краснаго шифера, масса цѣльнаго и ломанаго кирпича древней формы и значительное количество кусковъ разноцвѣтной половой цѣнины квадратной формы, напоминающей цѣнину изъ пола церкви на Кудрявцѣ.

Пришедши на основаніи этого къ заключенію, что полукруглая восточная стѣна и части стѣнъ прямоугольника, съ которыми она сливается, представляютъ собою остатки той древнѣйшей Успенской церкви, которая, по мѣстнымъ преданіямъ, построена была въ 1098 году Владиміромъ Мономахомъ, мы, совмѣстно съ В. Н. Николаевымъ, просили строительный комитетъ озаботиться сохраненіемъ этихъ остатковъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что они представляютъ такія особенности въ планѣ, какія до настоящаго времени еще не были замѣчены ни въ одномъ изъ церковныхъ сооруженій древняго, великокняжескаго періода. Затѣмъ, такъ какъ вторичная съемки земли производилась отъ окраинъ холма до стѣнъ, то пространство, заключенное между восточнымъ полукружіемъ и частями сѣверной и южной стѣны, осталось не очищеннымъ отъ щебня и мусора, и мы просили комитетъ оставить это пространство безъ очистки до болѣе удобнаго времени, чтобы имѣть досугъ произвести эту очистку съ возможными предосторожностями отъ порчи и утраты предметовъ, какіе могутъ быть найдены въ щебнѣ и подъ нимъ. Вся изрытая позднѣйшими могилами площадь холма въ этой части, какъ находившейся подъ алтаремъ, осталась не тронутою, и потому даетъ надежду отыскать

въ ней, по крайней мѣрѣ, древній полъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ свое время уложенъ. Наконецъ, такъ какъ древнее зданіе занимало сравнительно незначительную площадь ($14^1/_2$ аршинъ длины, 10 арш. 10 верш., ширины), а предположенная къ сооруженію каменная церковь имѣетъ весьма значительные размѣры, мы просили комитетъ произвести разбивку фундамента для новой церкви такъ, чтобы рвы этого фундамента обошли вокругъ древнихъ остатковъ, оставивъ ихъ неприкосновенными въ срединѣ новой церкви подъ поломъ ея.

О. предсѣдатель и гг. члены комитета изъявили полную готовность принять всѣ мѣры къ сохраненію памятника, и съ своей стороны, высказали даже предложеніе поднять цоколь новой церкви до такой высоты, чтобы остатки древнихъ стѣнъ не только оставались подъ поломъ неприкосновенными, но и могли быть по желанію осматриваемы. Глубокій интересъ, съ какимъ строительный комитетъ и само общество г. Переяслава отнеслись къ открытому памятнику, даетъ ручательство въ томъ, что какъ самый памятникъ, такъ и другія возможныя при немъ находки не будутъ потеряны для науки.

Что же касается замѣченныхъ первоначально остатковъ каменнаго фундамента подъ деревянной церковью, то дальнѣйшая съемка земли только подтвердила ихъ позднѣйшее происхожденіе. Фундаменты эти заложены мельче древнихъ стѣнъ, и хотя камень, употребленный въ ихъ кладку изъ разрушившагося древнѣйшаго зданія, носитъ иногда слѣды древняго цемента, но кирпичъ, которымъ камни по мѣстамъ переложены, одинаковъ съ кирпичемъ въ могильныхъ склепахъ, открывшихся въ разныхъ мѣстахъ площади, которая была занята деревянною церковью. Кирпичъ этотъ имѣетъ, впрочемъ, характерныя особенности, заслуживающія, по нашему мнѣнію, вниманія. Размѣры его обычные для кирпича XVI—XVIII вѣка: 6 вершковъ длины на 3 или $3^1/_8$ вершка ширины и на $1^1/_8$ или $1^1/_4$ вершка толщины; но кирпичъ этотъ съ одной изъ своихъ широкихъ сторонъ имѣетъ продолговатыя полосы въ видѣ слѣдовъ отъ первоначальной (до обжиганія) очистки его съ этой стороны пальцами. При этомъ весь кирпичъ представляется очень плохо обожженнымъ: онъ имѣетъ видъ кирпича краснаго или такъ называемаго алаго, и не отличается твердостью. Въ поправкахъ древнихъ церквей, производившихся въ періодъ татарскаго владычества, встрѣчается кирпичъ съ подобными же продольными отъ пальцевъ полосами; но кирпичъ тотъ значительно уже и толще, и прекрасно выжженъ. Совершенно сходный съ

этимъ переяславскимъ кирпичемъ былъ найденъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ могильныхъ склепахъ подъ поломъ средней части церкви Михайловскаго монастыря,—въ склепахъ, которые могутъ быть отнесены къ XVII или къ концу XVI вѣка, но не ранѣе. Съ своей стороны мы полагаетъ, что этотъ родъ кирпича указываетъ на совершенный упадокъ заводскаго его производства, и относится къ тому времени, когда кирпичъ вырабатывался и обжигался домашнимъ, такъ сказать, образомъ въ незначительномъ количествѣ, достаточномъ для частнаго обихода и для такихъ развѣ сооруженій, какъ постройка могильнаго склепа, и фундамента подъ деревянную церковь, гдѣ онъ употреблялся смѣшанно съ камнемъ.

П. Лашкаревъ.

Церковище возлѣ дер. Монастырекъ, каневск. у. кіевск. губ.

Въ каневскомъ уѣздѣ, версты три ниже большаго села Трактомірова, надъ самымъ Днѣпромъ, расположена деревня Монастырекъ. На мѣстѣ этой деревни находился извѣстный трактоміровскій запорожскій монастырь, существовавшій вплоть до начала нынѣшняго столѣтія.

Еще версты $1^1/_2$ ниже, между Монастыркомъ и д. Зарубинцами находится на берегу Днѣпра древнее городище съ остатками какого то зданія. Въ этомъ мѣстѣ правый берегъ Днѣпра достигаетъ громадной высоты. Представляя иногда совершенно отвѣсную стѣну, перерѣзываясь изрѣдка небольшими балками съ журчащими на днѣ ручейками, возвышенность эта въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположено городище, уходитъ немного въ сторону и затѣмъ опять приближается къ берегу, образуя такимъ образомъ котловину съ отвѣсными боками. Въ центрѣ этой котловины, также на довольно значительной высотѣ, и находится городище. Сѣверо-западной стороной оно примыкаетъ къ возвышенности, а юго-восточной, постепенно понижаясь, выходитъ на берегъ Днѣпра. Сохранность городища довольно неудовлетворительна. Въ общемъ оно представляетъ слѣдующій видъ.

Центральную часть занимаетъ овальная площадь приблизительно пространствомъ въ 150 квад. арш. и окружностью въ 170 арш. Поверхность площади неровна,—она состоитъ изъ бугровъ и ямъ, сдѣланныхъ отчасти окрестными крестьянами, бравшими отсюда ка-

мень и кирпичъ на свои потребности. Съ юго-восточной стороны площадь окружена рвомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ изгладившимся; глубина его въ лучше сохранившихся частяхъ до $1\frac{1}{2}$ саж. Можно предположить, что эта канава, огибая городище, упиралась концами въ стѣнки котловины. За рвомъ находится небольшой валъ, длиной аршинъ въ 80, также плохо сохранившійся; высота его въ самой высокой части доходитъ до $2\frac{3}{4}$ аршинъ. Расположенная за валомъ мѣстность идетъ, понижаясь, къ Днѣпру и огибается въ свою очередь валомъ высотой въ $1\frac{1}{2}$ арш. и длиной до 100 арш. Концы этого вала также подходятъ къ бокамъ котловины. Нужно вообще замѣтить, что какъ канава, такъ и валы отъ времени сильно пострадали и изгладились.

Съ восточной стороны городища находится глубокій оврагъ и за нимъ громадный естественный валъ, за которымъ и параллельно которому течетъ Днѣпръ.

Небольшія изысканія, которыя я произвелъ въ одномъ изъ бугровъ, расположенномъ въ срединѣ городища, дали слѣдующія результаты. Весь бугоръ состоялъ изъ извести, валуновъ разной величины, покрытыхъ известкой, и кусковъ кирпичей, также съ известкой; кирпичи эти тонкіе, какъ и кирпичи изъ кіевскихъ построекъ велико-княжеской эпохи, толщина ихъ разная—въ $\frac{5}{8}$, $\frac{6}{8}$, 1 и $1\frac{1}{4}$ верш.; но формой они отличаются отъ тѣхъ, именно, они уже и не квадратные, шириной въ $3\frac{1}{2}$ вер., длина же осталась неизвѣстной, такъ какъ мнѣ не удалось найти ни одного цѣлаго кирпича. Они очень крѣпки и различныхъ цвѣтовъ. Между щебнемъ попалось болѣе 50 небольшихъ фрагментовъ штукатурки съ сохранившейся фресковой живописью. Преобладающій цвѣтъ—коричнево-красный, затѣмъ слѣдуетъ: сѣровато-голубой, желтый, бѣлый, зеленый и розовый. На всѣхъ кускахъ видны остатки орнамента; такъ, коричнево-красное поле окаймлено черной полосой; сѣровато-голубое—двумя полосами: одной поуже—бѣлой и другой болѣе широкой—коричнево-красной; на бѣломъ фонѣ сдѣланъ орнаментъ въ видѣ сѣрыхъ полуколецъ или колецъ; такой-же фонъ окаймленъ оранжево-желтыми полосами подъ прямымъ угломъ; на бѣломъ-же фонѣ встрѣчаются блѣдно зеленыя и красныя полосы; есть также сочетаніе желтаго и коричнево-краснаго цвѣтовъ. Попадались куски фресокъ отъ угловъ и карнизовъ. Между щебнемъ было найдено нѣсколько кусочковъ желтаго вывѣтрившагося стекла отъ какого то сосуда, глиняные черепки и два куска цѣнинъ—одинъ съ зеленой глазурью, другой съ коричневой;

цѣнины вѣроятно были квадратныя въ 4½ вер., и толщиной въ ½ вер. Все это было вынуто изъ ямы діаметромъ въ 1 арш. и глубиной въ ½ арш. Несомнѣнно, что и вся остальная площадь городища носитъ такой же характеръ.

Пониже городища, на берегу Днѣпра, въ рытвинахъ, вымытыхъ водой, попадались черепки отъ сосудовъ и амфоръ; въ особенности замѣчателенъ своей толщиной (½ вер.) бокъ одной амфоры, весь испещренный параллельными бороздками.

Куски кирпичей, шифера и черепки попадались непрерывно по берегу Днѣпра вплоть до дер. Монастырекъ. Невдалекѣ отъ городища встрѣтилось мѣсто, положительно покрытое черепками отъ толстыхъ амфоръ и сосудовъ разной величины и, видно, еще не бывшихъ въ употребленіи; всѣ сосуды хорошо сработаны и обожжены, на нихъ находятся украшенія въ видѣ прямолинейнаго орнамента; ушки сосудовъ отличаются оригинальной формой; въ этомъ-же мѣстѣ находилась масса кусковъ кирпичей и кирпичнаго сплава. Можно предположить, что здѣсь въ древности существовали гончарное и кирпичное производства. Еще немного далѣе, на песчаномъ берегу найденъ кусокъ широкаго браслета изъ синяго стекла, половинка зеленой стеклянной же бусы и бронзовый четыреугольный крестикъ съ желтой эмалью, величиной въ ¾ вер.; онъ насквозь прошелъ зеленой патиной. На основаніи формы и сохранности, крестикъ этотъ можно отнести къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи.

У самой дер. Монастырекъ, на берегу Днѣпра, видны остатки какого то стариннаго укрѣпленія; вершина его состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ громадныхъ валуновъ, наваленныхъ одинъ на другой; промежутки между ними заполнены мусоромъ и тонкимъ кирпичемъ, тождественнымъ съ находимымъ на городищѣ. Подъ слоями валуновъ обнаруживается могильникъ, кости изъ котораго выпадаютъ и скатываются на берегъ; одинъ костякъ еще не разрозненный, находился на глубинѣ 2-хъ арш. отъ поверхности, головой на западъ.

Вышеописанное городище своей формой (валы въ видѣ концентрическихъ круговъ) указываетъ на княжескую эпоху. Это подтверждается также находкой какъ въ самомъ городищѣ, такъ и вблизи него, нѣкоторыхъ предметовъ той эпохи, а также черепковъ отъ характерной для того времени посуды (амфоръ) и тонкихъ кирпичей.

Масса остатковъ строительнаго матеріала (валуны, кирпичъ, известь) и украшеній (фрески) даетъ поводъ предположить существованіе въ древности на городищѣ какого то зданія, скорѣе всего церкви;

правдоподобность послѣдняго предположенія подтверждается отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что окрестные крестьяне называютъ это мѣсто — «Церковище».

Болѣе осязательные результаты могутъ быть достигнуты только посредствомъ систематическихъ и болѣе обширныхъ раскопокъ городища.

Н. Бѣляшевскій.

Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго.

О мѣстности описаннаго здѣсь Церковища, о Трактоміровѣ и Трактоміровскомъ или иначе Терехтемировскомъ монастырѣ имѣются и нѣкоторыя историческія указанія и свѣдѣнія. Считаемъ не излишнимъ привести ихъ въ дополненіе къ интересному сообщенію г. Бѣляшевскаго. Въ упомянутой мѣстности высокій хребетъ кіевскихъ горъ, вдаваясь острымъ мысомъ въ Днѣпръ, дѣлаетъ какъ бы изломъ, зарубину въ Днѣпрѣ, отъ чего эта мѣстность называлась «Зарубомъ», какъ показываетъ и названіе находящейся вблизи ея деревни «Зарубинцы». А слово «Зарубъ», какъ названіе извѣстной мѣстности, неоднократно упоминается въ древней нашей лѣтописи. Такъ, въ 1147 году изъ «Заруба», по избранію вел. кн. Изяслава II-го, взятъ на кіевскую митрополію Климентъ «книжникъ и философъ, яко-же не бысть въ Русской земли». У «Заруба» — противъ Переяслава переходили Днѣпръ съ войскомъ въ бродъ: въ 1146 г. Изяславъ Мстиславичъ по пути въ Поросье, въ 1151 г. Юрій Долгорукій, направляясь съ своими дружинами въ кіевскую область на борьбу съ братомъ своимъ Вячеславомъ и племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ за обладаніе Кіевомъ; въ 1096 году в. князь Святополкъ — Михаилъ съ Владиміромъ Мономахомъ — во время похода противъ Святополкова тестя, половецкаго князя Тугоркана, стоявшаго съ своей ордою подлѣ Переяслава; у «Заруба» же въ 1156 году Юрій Долгорукій заключилъ миръ съ половцами. Былъ ли городъ какой или было какое укрѣпленіе у «Заруба» изъ лѣтописей не видно. Но изъ описи кіевскаго замка 1552 года, недавно появившейся въ печати, узнаемъ, что здѣсь былъ монастырь, называвшійся Зарубскимъ. О немъ въ Описи такъ сказано: «монастырь слыветъ *Зарубскій* святое Пречистое, и тому монастырю бывала также пашня, бортная земля, озера и бобровые гоны. Но теперь пусто, одинъ чернецъ стережетъ для пожару».

(Архивъ югозапад. Россіи—ч. VII, т. I, стр. 121). Изъ этого свидѣтельства видно, что Зарубскій Пречистенскій монастырь былъ древній, что онъ былъ нѣкогда надѣленъ хорошими угодьями, но пришелъ къ половинѣ XVI вѣка въ разореніе и запустѣніе, вслѣдствіе нашествій татарскихъ. Изъ этого монастыря, конечно, взятъ въ кіевскіе митрополиты въ XII вѣкѣ Климентъ, 2-й изъ русскихъ иноковъ удостоившійся этого сана. Было ли здѣсь какое укрѣпленіе въ XI и XII вѣкахъ, лѣтописи не упоминаютъ, но матеріалъ древнихъ фундаментовъ, разбросанный по всей этой мѣстности и куски штукатурки съ фресковой живописью суть, очевидно, остатки каменной церкви великокняжескаго періода, бывшей въ Зарубскомъ монастырѣ. Ему же принадлежатъ, безъ сомнѣнія, имѣющіяся здѣсь пещеры съ галлереями подземными, напоминающими собою кіевскія пещеры, которыхъ не замѣтилъ г. Бѣляшевскій за ихъ обвалами. Находящійся выше Заруба, также на берегу Днѣпра, *Терехтемировъ* или, какъ въ 16 вѣкѣ назывался иногда Телехтемировъ, въ лѣтописяхъ древняго періода нашей исторіи не упоминается, но, вѣроятно, здѣсь была одна изъ греческихъ колоній, на что указываетъ и древнѣйшее названіе этой мѣстности *Телевтемировъ*, которое значитъ: конечный, стоящій на краю, на концѣ чего нибудь.

Находящееся нынѣ здѣсь село Терехтемировъ принадлежало бывшему въ началѣ, съ 1508 года, атаманомъ запорожскихъ козаковъ, а потомъ до 1535 года,--старостою каневскимъ и черкасскимъ, Евстафію *Дашкевичу* (погребенному въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры), какъ данина государская; по смерти Дашкевича оно перешло, по его завѣщанію, къ Кіево-Печерской Лаврѣ, а потомъ, промѣномъ на другія угодія ставъ опять государевой собственностью, присоединено къ кіевскому замку, при которомъ и числилось въ 1552 году съ 9-ю семьями жителей. Вскорѣ послѣ сего оно стало резиденціей козацкой старшины, которой подчинялись запорожскіе козаки, жившіе при Каневскомъ и Черкасскомъ замкахъ. Приднѣпровскіе города, какъ извѣстно, съ 15 вѣка имѣли при себѣ казачіе посады, а разъѣзды козаковъ въ «поле» и внизъ по Днѣпру служили охраною не только окрестныхъ селъ, но и самыхъ городовъ отъ татарскихъ нападеній. Хотя происхожденіе козаковъ отъ хозаръ и черкесовъ признается бездоказательнымъ и основаннымъ на случайномъ созвучіи названій, но черкасскіе «тубольцы» или старожилы тѣмъ не менѣе въ половинѣ 16 вѣка дали королевскимъ коммиссарамъ сохранившееся у нихъ по преданію показаніе, что «великій князь литовскій Гедиминъ,

(Ольгердъ?) завоевавши Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорскіе, и приведши Черкасовъ съ княгинею ихъ, часть посадилъ на Снепораде, а иншихъ на Днѣпрѣ, гдѣ теперь Черкасы сидятъ, а Снепорадцевъ посадилъ на Днѣпрѣ-жъ въ Каневѣ, и сидя Снепорадцы на Днѣпрѣ въ Каневѣ, предся отчизны свои по рѣчкамъ инымъ Сѣверскимъ уходити не престали» (ibid. стр. 103). Этому показанію кажется, должно болѣе вѣрить, чѣмъ гаданіямъ нашихъ историковъ. Получивъ правильное военное устройство при польскомъ королѣ Баторіѣ, въ 1576 году, козаки получаютъ отъ него и городъ Терехтемировъ, вмѣстѣ съ основаннымъ близь него Евстафіемъ Дашкевичемъ Терехтемировскимъ Успенскимъ монастыремъ, признаютъ его своимъ, *козачьимъ*, и становятся надолго его ктиторами и благотворителями, устроивши при немъ госпиталь для престарѣлыхъ, больныхъ и раненыхъ козаковъ. Изъ этого монастыря были назначаемы начальники и монахи въ Самарскій монастырь и въ сѣчевую Покровскую церковь.

Въ 1618 г. козаки, вступившись за Терехтемировскій монастырь силою отняли его имѣнія, присвоенныя паномъ Трипольскимъ. Въ генварѣ 1621 года Терехтемировскій монастырь посѣтилъ патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, по пути изъ Кіева въ сопровожденіи козачьяго гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго и козачьяго отряда; въ то же время Ѳеофаномъ посвященъ здѣсь въ санъ епископа владиміроволынскаго настоятель сего монастыря *Іезекіиль Курцевичъ*, укрывшійся потомъ въ Москву отъ преслѣдованія польскаго правительства. Послѣ потерпѣннаго козаками пораженія подъ Кумейками въ 1637 году, когда козацкіе полки были сведены въ Трактоміровъ и присягнули быть въ подчиненіи польскому правительству, Трактоміровъ поступилъ въ вѣдомство польскаго коммиссара. Но по трактату съ Богданомъ Хмельницкимъ онъ возвращенъ козакамъ. Въ этомъ же монастырѣ принялъ было монашество сынъ Богдана Юрій Хмельницкій.

Во время междуусобныхъ войнъ Малороссіи при Дорошенкѣ и Самойловичѣ, вмѣстѣ съ разореніемъ Трахтомірова бѣдствовалъ и Трахтоміровскій монастырь. Когда же правая сторона Днѣпра, по Андрусовскому договору 1667 г., отошла къ Польшѣ, а Дорошенко подчинилъ ее Турціи, Запорожская Сѣчь не могла быть въ прежнихъ отношеніяхъ къ своему Терехтоміровскому монастырю и отправивъ въ 1672 году пословъ для переговоровъ о подданствѣ московскому государю, послала въ Межигорье приглашеніе быть войсковымъ запорожскимъ монастыремъ, обязываясь съ своей стороны быть всегда его

парафіей и ктиторомъ сей обители, устроивъ при ней госпиталь для содержанія престарѣлыхъ и увѣчныхъ запорожцевъ, что, наконецъ, и осуществлено по постановленію сѣчевой рады въ 1786 году. Впрочемъ, запорожцы до времени не забывали и Терехтеміровской обители, какъ видно изъ слѣдующей народной пѣсни.

„Срибло, злато на тры части паевалы:
„Первую часть бралы, на церквы накладалы—
„На святого Межыгорского Спаса,
„На Трахтоміровскій монастырь,
„На святую Сѣчевую Покрову давалы,
„Котори давнимъ скарбомъ козацкымъ будовали"

Изъ пастоятелей Терехтеміровсваго монастыря извѣстны:

игумены: Іезекіилъ Курцевичъ—съ 1620 г. епископъ владиміроволынскій, а съ 1626 г. архіепископъ суздальскій.
Порфирій Борецкій—1639 г.
Өеофанъ . . . . 1654 г.
Іоасафъ . . . . 1660 г.
Сильвестръ . . . 1665 г.
Артемій Силицкій . 1673 г.
Іеронимъ Дубина . 1690 г.

Терехтеміровскій монастырь просуществовалъ до конца прошлаго столѣтія, испытавъ въ 18 вѣкѣ разныя бѣдствія.

Партія Мазепы проектировала, что «городъ Терехтоміровъ, поневажъ здавна до войска Запорожскаго низоваго належалъ и шпиталемъ онаго назывался, теды и теперь, за освобожденьемъ отъ Московскаго подданства, мѣетъ гетманъ тотъ городъ войску Запорожскому низовому со всѣми угодіями и перевозомъ на Днѣпрѣ, тамо зостаючимъ, привернути, шпиталь въ ономъ для старыхъ, зубожалыхъ и ранами скалѣчоныхъ козаковъ, коштомъ войсковымъ построити и отколь имѣетъ имъ быть пища одежда. (Исторія Малорос. Б. Каменскаго. Ч. 4-я стр. 213). Но когда жители кіевской Украины отвергли соблазнительныя предложенія Орлика, то опустошая эту страну огнемъ и мечемъ, Орликъ сжегъ и Терехтомировскій монастырь вмѣстѣ съ прочими украинскими монастырями, а затѣмъ земли опустѣлаго сего монастыря причислены къ переяславской каөедрѣ. По передачѣ этой правой стороны въ 1715 году подъ власть Польши, вмѣсто монастыря явилась построенная уніатами въ 1718 г., церковь ad instar (на подобіе) *шопы* (сарая) *съ полотнянымъ иконостасомъ и оловяною чашей*, какъ значится въ уніатской описи 1748 года, которая вмѣстѣ

служила и приходскою для приклоненныхъ въ унію жителей д. Монастырка.

Въ 1768 году козаки, мстя уніатамъ за гоненіе на православныхъ, разрушили Терехтемировскій монастырь до основанія. По окончаніи этой руины онъ былъ вновь возстановленъ православными, но существовалъ въ жалкомъ видѣ. Окончательно упраздненъ въ концѣ прошлаго вѣка.

П. Л.

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ малороссійскихъ губерній.

Личность кн. Н. Г. Репнина столь крупна въ историческомъ значеніи, что всякій фактъ, служащій штрихомъ для обрисовки этой личности, долженъ вноситься въ сокровищницу нашей исторической науки. Кн. Николай Григорьевичъ, какъ извѣстно, за время управленія Саксоніею оставилъ надолго признательную о себѣ память. Такъ, много лѣтъ спустя, гр. А. П. Завадовскій писалъ изъ Дрездена «здѣсь кн. Репнина всѣ хвалятъ. И я желаю его почитать столько по Малороссіи, сколько чту его по Саксоніи.» Такую же добрую память, дѣйствительно, оставилъ онъ и въ Малороссіи. И вотъ тому живое доказательство: князю Репнину предшествовалъ цѣлый рядъ генералъ-губернаторовъ, имѣлъ онъ цѣлый рядъ и преемниковъ, которые, конечно, стоятъ ближе къ нашему времени. Но всѣ они исчезли изъ памяти народной, тогда какъ всякъ,—и старъ и малъ скажетъ вамъ о кн. Репнинѣ.

Настоящее представленіе кн. Репнина весьма цѣнно для опредѣленія его характера и взгляда его на служебный долгъ. Онъ не стѣснился тѣмъ, что уже на одно его представленіе послѣдовалъ отказъ со стороны комитета министровъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія, представляетъ вторично и непосредственно Государю—Императору. Кн. Репнинъ хорошо понималъ, что подобнымъ образомъ дѣйствій онъ подвергалъ свое служебное положеніе большому риску. Самое представленіе даетъ понять—какою клеветою старались враги его опутать его имя передъ Трономъ. Совѣстно и больно читать это. Положимъ, кн. Репнинъ плохо велъ свои собственные дѣла,

т. е. вовсе не занимался ими; но объяснять его ходатайство личными разсчетами—это, по отношенію къ нему, въ высшей степени оскорбительно и неприлично. Вспомнимъ, что кн. Николай Григорьевичъ, бывъ назначенъ вице-королемъ Саксоніи съ королевскимъ содержаніемъ, отказался отъ послѣдняго на возстановленіе г. Дрездена и въ пользу бѣдныхъ его жителей, удѣляя на этотъ предметъ немалую долю и изъ своихъ собственныхъ средствъ. Князь Николай Григорьевичъ, стоя выше этихъ обвиненій, изложилъ чистосердечно свое положеніе Монарху и настойчиво домогался исполненія своего ходатайства, подкрѣпляя его весьма вѣскими данными.

Имѣя у себя современный списокъ этого представленія, мы почли долгомъ сдѣлать его извѣстнымъ черезъ ближайшій намъ историческій органъ. Вотъ это достопамятное представленіе:

Всемилостивѣйшій Государь!

При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего [1]), обращающихъ на себя все попечительное вниманіе Вашего Императорскаго Величества, не дерзнулъ бы обременять Васъ симъ новымъ представленіемъ моимъ, еслибы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священною волею Вашего Императорскаго Величества, чтобы правда невозбранно достигала до подножія Престола Вашего.

Я ручался Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ первыхъ дняхъ сего года [2]), что никакія происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка въ Малороссіи и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать Вамъ, какъ Государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаетъ на милосердіе Ваше и въ Васъ единомъ находитъ залогъ благоденствія и спокойствія отечества. Я утверждалъ тоже, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества и къ счастію моему событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое [3]).

Но въ тоже время, Всемилостивѣйшій Государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе Вашего Императорскаго Величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а чрезъ то и дворянства. И въ отношеніи моемъ къ генералу Бенкендорфу, отъ 9 января, не льстилъ яко царедворецъ (?!), но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, несоразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожая и общихъ несчастій, возрождаютъ ропотъ на правительство и, наконецъ, что нищета и скорбь производятъ часто въ простолюдинахъ тѣ же преступныя дѣйствія, которыя возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей ложно-образованныхъ.

---

[1]) Представленіе писано въ 31 году, въ годъ польскаго возстанія.

[2]) 1831-го.

[3]) Черниг. и полтав. губерніи изъявили готовность на свой счетъ сформировать два полка для усиленія средствъ вооруженія государства.

Ваше Императорское Величество услышали мольбу подданнаго, истинно Вамъ приверженнаго, казакамъ простили милліоны недоимокъ и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе Ваше исполнилось: полмилліона подданныхъ Вашихъ, счастливые, съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя Ваше. Казеннымъ крестьянамъ предстоитъ та же надежда милосердія чрезъ представленіе г. министра финансовъ, войти въ положеніе ихъ; въ сложеніи же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ комитетъ гг. министровъ положилъ рѣшительно отказать, но взысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однако жъ мѣру сего снисхожденія, слѣдственно, дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства, обвиняемаго тѣмъ же положеніемъ комитета гг. министровъ въ упущеніи и послабленіи.

Трудно мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, оправдывать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе комитета гг. министровъ послѣдовало Высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе, и сверхъ того, министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное; но я измѣнилъ бы Вамъ, Всемилостивѣйщій Государь, и отечеству, если бы умолкъ, предвидя стонъ шестисотъ тысячъ Вашихъ подданныхъ и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе имперіи. Основываясь на свѣдѣніяхъ положительныхъ и на прямыхъ государственныхъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе въ ниже приложенной у сего запискѣ; но здѣсь, Всемилостивѣйшій Государь, представляю на благоуваженіе Вашего Императорскаго Величества важнѣйшую причину испрашиваемаго мною милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполъство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ и какъ скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе; покуда же пользовались правомъ вольнаго перехода, до 1783 года. Но въ сіе время порабощены происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ[1]) пользовался всѣми выгодами свободы и память разсказовъ объ ономъ—есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ, изъ зависти къ казакамъ. Но сіи вредныя для общественнаго спокойствія чувства не усугубятся ли въ помѣщичьихъ крестьянахъ, когда увидятъ они милосердіе Вашего Императорскаго Величества, оказанное казакамъ, и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ? Не покажется ли рабство ихъ еще несноснѣе прежняго? Не станутъ ли они проклинать своихъ владѣльцевъ, служащихъ для нихъ какъ будто преградою отеческому милосердію Вашего Императорскаго Величества, равнаго ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Вашимъ? Наконецъ, отданіемъ дворянскихъ имѣній въ опекунское управленіе и вслѣдствіе закона не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ владѣній на многіе годы, но и запрещеніемъ слушать ихъ распоряженія, не нарушаетъ ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцевъ съ ихъ крестьянами?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесъ Вашему Императорскому Величеству, что распоряженія о взысканіи недоимокъ по обѣимъ малороссійскимъ

---

[1]) Въ приводимое время, т. е. рожденный въ 1770—71 году.

губерніямъ сдѣланы мною еще 18-го истекшаго мѣсяца, слѣдственно я не умедлилъ исполнить. Высочайше утвержденное, положеніе комитета гг. министровъ. Но признаюсь Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что я долго колебался обременять Ваше Императорское Величество симъ предстательствомъ моимъ, боясь, чтобы оное по заключенію г. министра финансовъ не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ; но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости ни передъ Богомъ, ни передъ Вами, ни передъ честію и я рѣшаюсь исполнить долгъ вѣрности, ходатайствуя въ послѣдній разъ у милосердія Вашего Императорскаго Величества о помощи порученнымъ управленію моему съ тою откровенностію правды, которую я всегда дерзалъ имѣть въ донесеніяхъ моихъ Вашему Императорскому Величеству. Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость, но могу ли я страшиться, предавая судьбу и честь мою подъ непосредственную защиту Вашего Императорскаго Величества? Справедливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою и непоколебимую во время оной вѣрность Отцу, Брату и Вамъ; терпѣніе, съ коимъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія; правду, съ которою осмѣливался я всегда излагать донесенія мои; безкорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависили отъ распоряженій моихъ многіе милліоны; отчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, неразлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ; наконецъ, единое упованіе на справедливость и защиту Вашу. Вы взвѣсите все, Всемилостивѣйшій Государь, съ обвиненіемъ меня и, уповаю, Ваше Императорское Величество, удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ себя отъ дѣйствія и силы закона, но, напротивъ, былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка.

Та же справедливость и прозорливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, оправдаютъ и жену мою, о коей я съ гордостію скажу, что жизнь ея небезполезна отечеству. Ваше Императорское Величество лично удостовѣритесь, что если расчесть недоимку, крестьянами ея невыплаченную, по числу душъ, то она ничѣмъ болѣе другихъ невиновна и что г. министръ финансовъ ошибается, почитая большею инаго помѣщицею, хотя владѣтельницу 13 т. крестьянъ своихъ: 5 т. совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копейки дохода, 3 т. едва усмиренныхъ бунтовщиковъ нижегородской губерніи, а 5 т. скудныхъ и которые получила она отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ 2.800.000 долга.

Тяжко мнѣ обременять Ваше Императорское Величество частнымъ дѣломъ, когда благотворное сердце Ваше скорбитъ объ испытаніяхъ, судьбами Всевышняго на отечество наше посылаемыхъ; но я вынужденъ къ тому, Всемилостивѣйшій Государь, ибо, оправдавъ себя, могу только вновь пріобрѣсти довѣріе Вашего Императорскаго Величества, лишившись коего, неполезнымъ уже буду для службы и части государства, порученной надзору моему, напротивъ, совершенно вреднымъ. Но не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно. И если польза государства побудитъ Ваше Императорское Величество смѣнить меня съ мѣста, нынѣ мною 15 лѣтъ занимаемаго[1]), то милосердіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, навѣрно не откажетъ въ мольбѣ моей—употребить меня на защиту отечества въ степени гораздо низшей той, въ которую возвысила меня благость Вашего Величества.

[1]) Кн. Репнинъ занималъ этотъ постъ съ 1816—1834 г.

Истинно русскіе должны нынѣ окружать Престолъ Вашъ и съ ревностію, и съ восторгомъ принести въ жертву жизнь, достояніе и честолюбіе. Смѣло скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду съ благоговѣніемъ навсегда, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ

Князь *Николай Репнинъ.*

Это представленіе интересно и потому, что рисуетъ отношенія кн. Репнина къ гр. Канкрину. Понималъ ли послѣдній въ немъ непріязненнаго ему русскаго аристократа, старавшагося, вмѣстѣ съ другими, ему вредить? Или забота о государственной экономіи, чему всецѣло былъ преданъ гр. Канкринъ, ослѣпляла ему глаза? Или экономъ—нѣмецъ, кропотливо сколачивающій, про черный день, свой сундучокъ, не могъ иначе объяснить широкую натуру русскаго человѣка, бросающаго свои деньги на помощь чуждому народу, вмѣсто того, чтобы дѣлать собственную экономію за его счетъ, какъ легкою возможностію пополнять свой дефицитъ на счетъ казны,—рѣшить трудно. Представленіе это указываетъ только намъ, что въ отношеніяхъ этихъ двухъ, достойныхъ памяти государственныхъ мужей, не было маски.

Въ ходатайствѣ кн. Репнина нельзя подозрѣвать какой-либо сословной заботы....

И. С. Листовскій.

Псевдо-Желѣзнякъ.

Въ одномъ изъ номеровъ «Кіевлянина» за прошлый годъ (№ 240), было напечатано слѣдующее извѣстіе: «Недавно въ имуществѣ Мотронинскаго монастыря, чигиринскаго уѣзда, между различными старинными вещами, найденъ портретъ Максима Желѣзняка, который былъ послушникомъ въ Мотронинскомъ монастырѣ въ 1765 году. Владѣлецъ фотографическаго заведенія въ м. Смѣлѣ г. Темненко снялъ фотографію съ портрета Желѣзняка. Снимки вышли весьма удачные»... Далѣе говорилось, что снимки продаются въ книжномъ магазинѣ Оглоблина.—Въ магазинѣ Оглоблина мы дѣйствительно нашли фотографическія карточки съ подписью: «Максимъ Желѣзнякъ, послушникъ Мотронинскаго монастыря. 1765 г.». Посмотрѣвъ на карточку мы вспомнили, что гдѣ то видѣли уже и прежде этотъ рисунокъ... Карточки были обозначены: съ боку—цыфрою XXXXII, а внизу—буквами В. В. Эти признаки напомнили намъ Живописную Украйну Жемчужникова, въ которой рисунокъ, помѣченный номеромъ

XXXXII-мъ, дѣйствительно, представляетъ тоже самое лицо, которое кому то угодно было обратить въ Желѣзняка, но которое въ сущности есть «портретъ одного селянина полтавской губ., срисованный Трутовскимъ и награвированный В. В. Верещагинымъ» (В. В.), какъ сказано въ объясненіи къ этому рисунку въ сентябрской книжкѣ Основы 1862 г., на стр. 129-й.—Кто же обратилъ въ Желѣзняка сего мирнаго «селянина», можетъ бы и теперь еще сѣющаго гречь на полтавскихъ нажитяхъ?—Не объяснитъ ли г. Темненко сію мистификацію?

А. Л.

Дейнеки.

Во второй половинѣ XVII ст. среди смутъ и междуусобій, волновавшихъ козачество, появляется терминъ «дейнеки», которымъ обозначаютъ сбродныя толпы козаковъ и посполитыхъ, составлявшія нерегулярные и плохо вооруженные отряды, отличавшіеся крайне демократическимъ настроеніемъ, дѣйствовавшіе, впрочемъ, болѣе по внушеніямъ неопредѣленнаго инстинкта, чѣмъ по указаніямъ сколько нибудь яснаго политическаго сознанія.—Происхожденіе слова дейнеки оставалось непонятнымъ; Н. И. Костомаровъ предложилъ слѣдующую догадку для его уясненія: «*дейнеки* т. е., можетъ быть *де-не-яки*=кой какіе» (Историческія монографіи т. II стр. 72.—Гетманство Выговскаго). Это замѣчаніе, высказанное вскользь знаменитымъ историкомъ козачества, представляло единственную, извѣстную намъ, попытку объясненія даннаго слова.

Въ одной изъ актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива намъ встрѣтился документъ, который даетъ, какъ намъ кажется, болѣе удовлетворительное объясненіе искомаго термина: въ Летичевской гродской книгѣ № 5245, на оборотѣ 51 листа, подъ 1665 годомъ, записана жалоба дворянки Клобуковской на дворянина Петра Подлескаго; послѣдній съ толпою вооруженныхъ слугъ напалъ на домъ Клобуковской, выбилъ въ немъ окна, затѣмъ стрѣлялъ въ комнаты изъ лука и т. д. Во время послѣдовавшей свалки онъ былъ убитъ, но тѣмъ не менѣе Клобуковская подала жалобу въ судъ о причиненномъ ей насиліи и какъ corpus delicti представила оружіе, отнятое у убитаго Подлескаго; она «презентовала» въ судѣ: «arcum album, alias łuk białogrodzki, sagittas quatuor atque *dejnekam alias wegierę*»; затѣмъ описывая само происшествіе она говоритъ, что Подлескій

стрѣлялъ «per fenestram, *baculo*, *alias wegierq*, extrusam».—Сопоставивъ эти тексты находимъ, что слова: «дейнека, wegiera и baculum—синонимы: слѣдовательно слово дейнека означало палку, дубину. Намъ кажется, что на основаніи приведеннаго текста, можно предположить, что въ примѣненіи къ козацкимъ отрядамъ слово *дейнеки* должно было означать толпу вооруженную дубинами; предположеніе это будетъ отвѣчать характеристикѣ дейнецкихъ отрядовъ, составлявшихъ безпорядочный сбродъ бѣднѣйшаго народонаселенія, не имѣвшаго возможности запастись лучшимъ оружіемъ.

В. А.

Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, Т. М. Сенютовичъ.

Въ одной жалобѣ, поданной въ полов. прошлаго вѣка на генер. писаря Безбородка за самовольное замѣщеніе старшинскихъ урядовъ, послѣдній, между прочимъ, обвинялся, что еще будучи старшимъ канцеляристомъ (помощникъ генер. писаря) въ 1739 г., онъ, Безбородко, назначилъ черниговскимъ полковымъ судьею Тимофея Сенютовича, безвинно удаливъ отъ уряда при этомъ прежняго судью Ивана Мокріевича. «А въ прошломъ 1739 г., бывшій тогда старшій канцеляристъ, что нинѣ писарь войск. генеральный Безбородко, говорилось въ жалобѣ, согласясь съ нынѣшнимъ судіею полковымъ черниговскимъ Тимофеемъ, которой Сенютовичомъ назывался, а нынѣ Сенютою, чрезъ проискъ свой и подлогъ, оного называемого Сенютовича, кой тогда при главному малороссійскому командиру генералъ-аншефу и кавалеру Ал. Ив. Румянцеву *былъ учителемъ сына его*.... произвелъ обманомъ въ чинъ судейства безъ всякихъ его служебъ и заслугъ, ибо оный Сенютовичъ посполитого званія человѣкъ и отправлялъ въ ту пору службу приватную въ ученіи школы дѣтей (sic) и съ тоя службы произведенъ въ чинъ судейства» ... Оправдываясь противъ этой жалобы, Безбородко писалъ, что Сенюта «за то опредѣленъ судіею полковымъ, яко онъ на своемъ коштѣ *въ иностранныхъ земляхъ разныхъ языковъ учился* и въ разныхъ былъ переводахъ.»

А. И. Румянцевъ былъ правителемъ Малороссіи въ 1738—40 г.г. Конечно, въ это время Сенютовичъ и былъ учителемъ его сына, будущаго побѣдителя турокъ, которому въ 1738 г. было тринадцать лѣтъ (род. въ 1725 г.). До сихъ поръ нѣтъ обстоятельной біографіи

знаменитаго полководца и умнаго администратора Румянцева—Задунайскаго, и мы не знаемъ, гдѣ онъ онъ провелъ свою юность. Имѣется извѣстіе, что П. А. Румянцевъ «возросъ въ Малороссіи»; а если это такъ, то можетъ быть, что Сенютовичъ, какъ видно человѣкъ очень образованный для своего времени, былъ не только учителемъ, но и вообще наставникомъ Румянцева, который при этомъ и усвоилъ ту привязанность къ Малороссіи, о которой говоритъ издатель «Анекдотовъ, объясняющихъ духъ фельдмарш. графа П. А. Румянцова—Задунайскаго» (Спб. 1811. 8°). На стр. 63-й этой книжки читаемъ: «Графъ Румянцевъ, возросшій въ Малороссіи, былъ столь привязанъ къ своей родинѣ, что всегда, встрѣтивъ одноземца, старался обласкать всѣми силами и до того прославился своею любовію къ Малороссіи, что каждый уроженецъ ея, ѣхавъ въ Петербургъ, почиталъ графа Задунайскаго лучшимъ своимъ покровителемъ. Иногда услышавъ малороссійское произношеніе, отъ коего не могъ отучиться совершенно, радовался подобно дитяти, а встрѣтивъ однажды на улицѣ совсѣмъ незнакомаго ему одноземца, распрашивалъ о его обстоятельствахъ и пенялъ, почему онъ не былъ у графа Румянцева.» Учитель Румянцева—Тимофей Сенютовичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго печерскаго архимандрита Іоанникія Сенютовича (1715—1729), уроженца г. Сосницы. У архимандрита было два брата, Михаилъ и Іоасафъ, о которыхъ знаемъ, что они сначала учились въ «кіевскомъ коллегіумѣ» («для подпоры церкви святой восточной»); а потомъ были тоже монахами. Но средній, Михаилъ, въ монашествѣ Митрофанъ, до монашества былъ женатъ и имѣлъ трехъ сыновей: Тимофея, Лазаря и Дмитрія, изъ которыхъ Тимофей и Дмитрій въ 1709 г. учились «въ латинскихъ школахъ». Вѣроятно при помощи дяди-архимандрита, Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ и могъ докончить свое образованіе въ «иностранныхъ земляхъ».

А. Л.

Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой.

Въ 1766 г. кошевой Кальнишевскій съ товарищами, находился въ Петербургѣ по разнымъ дѣламъ «войска». (Исторія Нов. Сѣчи, изд. 3-е, III, 279 и слѣд.). Тамъ же въ это время находился и графъ Румянцевъ, президентъ малороссійской коллегіи, вѣдѣнію которой

подчинялось и «Войско запорожское». Запорожцы зажились въ столицѣ и прохарчились. Не стало у нихъ и водки, которую они привозили съ собою изъ Сѣчи. Пришлось посылать за нею. По этому случаю и дано было гр. Румянцевымъ малороссійской коллегіи слѣдующее предложеніе: «господинъ кошевой атаманъ войска низоваго запорожскаго Калнишевскій отправилъ старшину Антона Головатого для привозу ему и старшинамъ войсковымъ, находячимся при немъ, *ради собственного ихъ здѣсь употребленія*, изъ Сѣчи запорожской пятидесяти вѣдеръ вина горячого, на свободный провозъ котораго отъ показанного мѣста до Санктпетербурга, дать отъ малороссійской коллегіи ему, Головатому, обыкновенную выписъ, въ силѣ указовъ» (20 апрѣля 1766 года. Санктпетербургъ)[1]).

Сообщ. **А. Л.**

Березенская Вознесенская церковь.

Находящаяся въ заштатномъ городѣ черниг. губерніи Березномъ церковь Вознесенія Господня, рисунокъ которой помѣщенъ при этой книжкѣ, представляетъ одинъ изъ старѣйшихъ памятниковъ южнорусской церковной архитектуры XVII—XVIII вѣка. Построенная въ 1759—1761 гг. она, безъ всякаго сомнѣнія, сохранила многія черты церквей XVII вѣка, двѣ изъ которыхъ послужили образцами для ея строителей. Различныя детали постройки могутъ быть выведены изъ разсмотрѣнія приводимаго нами ниже контракта, заключеннаго въ 1759 году священниками прежней Вознесенской церкви, сотникомъ и жителями Березнаго со строителями Аѳанасіемъ Семеновымъ Шолудкомъ и товарищемъ его Тимофѣемъ Іосифовымъ. Какъ видно изъ этого контракта, при постройкѣ тогда новой церкви были сохранены размѣры и форма другой мѣстной церкви, Благовѣщенской, построенной до 1676-го года[2]). Судить о томъ, на сколько нынѣшняя Вознесенская церковь воспроизводитъ старую Благовѣщенскую, въ настоящее время мы не можемъ, такъ какъ послѣдняя сгорѣла еще въ 1765 году. Несомнѣнно, однако, что полнаго сходства между этими двумя церквами не существовало, и въ самомъ контрактѣ указана

[1]) Книга записная полученныхъ отъ его сіят. малороссійской коллегіи президента гр. П. А. Румянцова, въ малоросс. колл. предложеній, 1766 г. Кіевск. Центр. Арх.

[2]) См. Историко-статист. описаніе черниг. епархіи. Кн. V, стр. 135.

ихъ разница, состоящая въ томъ, что три алтаря и двѣ башни предъ входомъ заимствованы для церкви Вознесенья изъ другой старой, существовавшей съ XVII ст., церкви г. Березнаго, Покровской. Очень возможно, что существовали и другія отличія, такъ какъ строители нашей церкви могли получить во время постройки особыя указанія со стороны своихъ заказчиковъ, относившіяся «къ лутшому того строенія манеру». Какъ бы то ни было, березенская Вознесенская церковь вмѣстѣ съ девятиглавымъ запорожскимъ соборомъ въ г. Новомосковскѣ, рисунокъ котораго былъ приложенъ къ первой книжкѣ «Кіев. Стар.» за прошлый годъ, является одной изъ типичнѣйшихъ старинныхъ деревянныхъ церквей, форма которыхъ выработалась и развилась изъ господствовавшаго въ Малороссіи еще въ прошломъ столѣтіи и теперь вымершаго типа деревянныхъ трехглавыхъ храмовъ. На прилагаемомъ рисункѣ читатель легко можетъ замѣтить нѣкоторыя особенности во внѣшней формѣ Вознесенскаго храма, особенности, составляющія, по словамъ гг. Мартиновича и Горленка, занимавшихся недавно вопросомъ о церквахъ старинной постройки въ полтавской епархіи, отличительныя признаки старинной церковной архитектуры Малороссіи [1]). Каждая изъ пяти главъ нашей церкви покоится какъ бы на отдѣльномъ корпусѣ, имѣющемъ форму восьмигранной башни, при этомъ четыре наружныхъ башни примыкаютъ къ пятой срединной, болѣе высокой, чѣмъ остальныя, которая и составляетъ главный корпусъ зданія. Окна, расположенныя въ три яруса, не считая куполовъ, въ которыхъ помѣщается еще одинъ, а въ главномъ яруса ихъ, двоякой формы: четырехугольныя, узкія и длинныя, и крестообразныя. Видны на рисункѣ и маленькая крыша на крышѣ пристройки къ церкви, назначеніе которой предохранять нижнюю крышу отъ гніенія. Характернымъ намъ кажется и устройство верхней части нашей церкви. Дѣло въ томъ, что въ старинныхъ малорусскихъ церквахъ отдѣльные корпуса состояли изъ нѣсколькихъ ярусовъ суживающихся по мѣрѣ приближенія къ верху башенъ, соединенныхъ между собою неполными куполами, похожими на отрѣзанную нижнюю часть колокола, такъ что въ общемъ отдѣльная глава, или даже башня церкви нѣсколько походила на растянутую зрительную трубу. На самомъ верху помѣщался маленькій полный куполъ. Промежуточные, неполные купола назывались «полубаньками», цѣлая же отдѣльная глава—

---

[1]) См. №№ 15—16 Полт. Епарх. Вѣдомостей и замѣтка въ „Кіев. Старинѣ" за 1888 годъ, № 11.

«баней», въ какомъ смыслѣ она фигурируетъ и въ шестомъ пунктѣ нашего контракта. Образцемъ такого устройства можетъ служить запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ: въ немъ каждая башня имѣетъ четыре яруса, съ отдѣльнымъ рядомъ оконъ для каждаго; ярусы соединены тремя «полубаньками». Въ березенской церкви ярусовъ меньше—два въ боковыхъ башняхъ, три въ главномъ корпусѣ, почему и «полубанекъ» меньше, но форма послѣднихъ тождественна съ полукуполами церкви въ Новомосковскѣ. Да и вообще, «бани» церкви на снимкѣ схожи съ куполами многихъ церквей, какъ въ Кіевѣ (Спасъ на Берестовѣ, Михайловскій мон., Кирилловъ. мон., Софійскій соборъ, Трехсвятительская церковь и другія), такъ и по всей Малороссіи, особенно по уѣзднымъ городамъ. Изъ другихъ особенностей Вознесенской церкви можно указать на два «преддверніи слупы», или двѣ башенки съ западной стороны ея, направо и налѣво отъ главнаго хода. Башенки эти «зъ банями манерными» выстроены по точному примѣру Покровской березенской церкви, бывшей въ то время соборной, и напоминаютъ башни въ порталѣ Богоявленской церкви Братскаго монастыря. По всему вѣроятію, заимствованы онѣ малорусскими церквами изъ господствовавшаго въ XVII—XVIII ст. на югѣ Россіи въ католическихъ костелахъ готическаго стиля. За удовольствіе имѣть «слупы зъ манерними банями» березенцы въ контрактѣ освободили Шолудка отъ постройки «бани» надъ женскимъ придѣломъ и «преддвернаго бабинца». Вѣроятно, они впослѣдствіи перерѣшили, такъ какъ на нашемъ рисункѣ виднѣются всѣ пять бань. Отсутствіе же бабинца повело къ скученію всѣхъ частей церкви, что при достаточной высотѣ придаетъ послѣдней довольно стройный видъ. Вмѣсто бабинца строитель устроилъ «щитъ», собственно арку, служащую притворомъ. На верху этой арки, почти подъ самой крышей, снаружи церкви онъ провелъ хоры и на одинаковой высотѣ съ ними другіе внутри церкви. Еще одна наружная галлерейка устроена аршинъ на 8—9 ниже первой вдоль всей западной части церкви. Такъ какъ церковь на снимкѣ обращена къ зрителю восточной своей стороной, то ни щита, ни наружныхъ галлерей намъ не видно. Согласно условію, церковь устроена безъ «опасанья» (въ контрактѣ «абасань») т. е. наружной крытой галлерейки вокругъ всего зданія. Въ 1761 году постройка Вознесенской церкви была окончена. Такимъ образомъ простой мѣщанинъ г. Нѣжина, человѣкъ безъ всякаго теоретическаго образованія, выполнилъ довольно сложную архитектурную работу; и такимъ самоучкамъ-архитекторамъ, иногда художникамъ по

натурѣ, какъ Погребнякъ, построившій запорожцамъ новомосковскій храмъ, обязаны своимъ существованіемъ старыя церкви не только селъ, но и городовъ Малороссіи.

Впрочемъ, священники старой Вознесенской церкви и жители Березнаго не положились вполнѣ въ дѣлѣ постройки на вкусъ и умѣнье Шолудка и обязали послѣдняго условіемъ: «что отъ нихъ (заказчиковъ) къ лутшому того строенія манеру будетъ приказано дѣлать, оное повелѣніе не пренебрегая со всякимъ тщаніемъ радѣтелно и безспорно исполнять». Любопытно, что тотъ же четвертый пунктъ контракта, въ которомъ помѣщено предыдущее условіе, обязываетъ строителей вести себя благопристойно во все время постройки, воздавать честь священникамъ и горожанамъ березенскимъ и не пьянствовать.

Вознагражденіе за постройку строители получили главнымъ образомъ провизіей и деньгами. Провизія цѣликомъ уходила на прокормленіе рабочихъ во время работы, какъ видно изъ условія въ шестомъ пунктѣ контракта, согласно которому она должна была выдаваться Шолудку не вся сполна, а по частямъ, по мѣрѣ надобности. Такимъ образомъ за болѣе чѣмъ годовой трудъ, Шолудко и, по всему вѣроятію, цѣлое товарищество плотниковъ, получили, кромѣ пищи, деньгами всего 395 рублей и немного матеріи на одежду; при чемъ всякій недосмотръ и недостатокъ въ постройкѣ исправлялся на счетъ Шолудка.

Церковь Вознесенія Господня выстроена на каменномъ фундаментѣ, трехпрестольная съ двумя придѣлами во имя св. Георгія и св. Николая. Колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви. По обѣимъ сторонамъ алтаря придѣланы «паламарня и кладовая». Снизу до верху церковь обита «шаліовницами» и первоначально была покрыта гонтомъ. Расположена она была около срытаго уже теперь вала, внутри прежней березенской крѣпости, «близъ воротъ черниговскихъ». Размѣры ея, по словамъ ея нынѣшняго священника, таковы: высота — 17 саж., длина — 11 с. и ширина — $10^1/_2$ с. При храмѣ издавна былъ теплый храмъ во имя св. Варвары, возобновленный въ недавнее время. До послѣдняго времени при ней уцѣлѣла школа давнихъ временъ, но прежней богадѣльни при ней уже нѣтъ. Изъ древнихъ евангелій замѣчательны въ ней одно львов. печати 1644 года, другое м. п. 1694 г.

Приводимъ контрактъ 1759-го года на постройку березенской Вознесенской церкви, которымъ мы пользовались въ нашей замѣткѣ.

Интересенъ онъ, въ дословной передачѣ, между прочимъ, по обилію въ немъ оригинальныхъ малорусскихъ терминовъ, относящихся къ церковной архитектурѣ.

По шестому пункту этого договора можно судить, въ сколько приблизительно оцѣнивалась въ то время постройка различныхъ частей обыкновенной деревянной церкви. Означенный контрактъ сообщенъ редакціи въ оригиналѣ нынѣшнимъ священникомъ Вознесенской церкви, о. Петромъ Михальченкомъ.

П. Т.

Тысяча сѣмсотъ пятьдесятъ девятого года іюля шестого дня.

Я ниже подписавшійся житель нѣжинскій Афанасій Семеновъ Шолудко с товарищемъ моимъ Тимофѣемъ Иосифовимъ чиню вѣдомо симъ моимъ даннимъ священникамъ Вознесенскимъ Березинскимъ и его благородію господину сотнику Березинскому Якиму Сахновскому з гражданами Березинскими жъ контрактомъ во всякомъ судѣ и правѣ и кому би сего вѣдать будетъ потребно теперъ и впредъ слѣдующіе времена, что договорился я с ними священниками и гражданами о нижеписанномъ: 1-е, имѣю я состоящую в городѣ Березномъ старую церковъ Вознесенскую совсѣмъ разобрать, и на ономъ мѣстѣ зделать вновъ искусно деревяную на каменномъ основаніи троепрестольную церковь с пяти банями и при троихъ церковнихъ дверахъ придѣлами без абасанѣ, а при четвертихъ олтарнѣхъ— паламарнею, а с другой сторони олтара противъ паламарнѣ— кладовою, в мѣру и вышину таковую, какъ Благовѣщенская Березинская церковъ зделана и таковим же манеромъ, толко о троихъ олтарахъ и по здѣланіи около шаліовницами оббить, а банѣ шаліованнемъ и полубанки пошаліованнѣ гонтою покрить; 2-е, оную жъ церковъ долженъ я сего года с отдачи сего моего контракта недель в двѣ разобрать совсѣмъ, и какъ надлежитъ подъ оную церковъ основаніе каменное починать делать, тое имѣю показать и размѣрить уговоренному особливо на то майстру; 3, по окончаніи же того основанія каменного тотъ часъ тую церковъ наономъ основаніи каменномъ за помощію Божіею з скоримъ поспѣшеніемъ рачително дѣлать начну, и от начатка дѣланія оной в еденъ годъ построить совсѣмъ имею конечно; 4-е, ежелиж би при постройки той церкви могло дерево какое за моимъ несмотрѣніемъ спорчено или что неискусно

здѣлается, то тое я своимъ коштомъ пополнять долженъ; 5-е, будучи жъ мнѣ в той церковной роботѣ, честь священникамъ и гражданамъ отдавать и непьянствовать и что отъ ихъ к лутшому того строенія манеру будетъ приказано дѣлать, оное повелѣніе, не пренебрегая, со всякимъ тщаніемъ радѣтелно и безспорно исполнять и во всемъ с ними священниками и гражданами жить имѣю такъ какъ честнимъ и доброго состоянія людямъ приличествуетъ; 6-е, по издѣланіи же той церкви звнѣ и извнутрь совсѣмъ работою на оную крести без всякои порчи снести и укрипить, якъ лутше долженъ; 7, за оной же той трудъ по доброволному с ними договору долженъ я отъ священниковъ и гражданъ получить готовихъ денегъ триста-семдесятъ пять рублей, муки ржаной тридцать двѣ осмачки, гречаной тредцать четвертей, пшеничной десять четвертей, пшона восѣмъ четвертей крупъ, гречанихъ восѣмъ четвертей, сала двадцать пять пудъ, соли двадцать пять пудъ, барановъ двадцать, яловицъ три, кабановъ десять, сира пять пудъ, масла пудъ одинъ, риби чехонѣ круглой пять тисячъ, чабана платаного пять сотъ, олѣи полтораста квартъ вѣдерковихъ, горѣлки кадокъ тридцать, сукна французского локотъ десять, китаю двѣ трубки, на шапку рубль, на поясъ два рублѣ денегъ, да козлинъ двѣ;—которіе денги имѣю я принимать по частямъ, яко то: при дачи сего контракта в задатокъ взялъ пять десятъ рублей, при вступленіи въ дѣло оправлять на оную церковъ деревню, пять десятъ рублей, при заложеніи на каменномъ основаніи той церкви и за оципомъ одвѣрковъ пять десятъ рублей, за оципомъ оконъ крестовихъ пять десятъ рублей, за засклепованіемъ четирехъ банъ нисшихъ пять десятъ рублей, за окончаніемъ и прикритіемъ болшой банѣ пятъ десятъ рублей, за обойкою шаліовницами вкругъ церкви двадцать пять рублей, а за окончаніемъ звнѣ и извнутрь всей по моему майстерству работи пятъ десятъ рублей имѣю взять. Вишеписанную же провизію должни они священники и граждане мнѣ отдавать не всю сполна, но сколко мнѣ с оной чего будетъ потрѣбно; чего для в достовѣріе и сей мой контрактъ за подписомъ моимъ и товарища моего рукъ имъ священникамъ з гражданами данъ, а что они имѣютъ по договору више писанное все без остатка мнѣ отдавать в такой же силѣ контрактъ и отъ ихъ принялъ.

Майстеръ Афанаси Семеновъ своеручно подписався. Вмѣсто его неграмотного Тѣмофѣя Есипова по его прошенію Кондратъ Григориевъ подписался.

Въ добавку сего моего контракта еще задолжаюся по точному примѣру Покровской Березинской церкви два преддверніе слупи здѣлать зъ банями манерними и превосходя ту работу, какъ можно красивѣйше дѣлать старатимуся; вмѣсто чего опущено мнѣ отъ нихъ прихожанъ дѣлать пятую надъ женскимъ придѣломъ баню и преддверній бабинецъ, но где должно было быть пятой банѣ, тамъ засклепить и покрить подъ вилчикъ шаліовницами и гонтою, а вмѣсто бабинца здѣлать щитъ посредѣ помянутихъ слуповъ, какъ можно искуснѣйшею работою. За что мнѣ звишъ сего моего контракта должни они прихожане же заплатить денегъ рублей двадцятъ. А чтожъ по сему и прописанную работу безспорно здѣлать долженствую, въ томъ своеручно подписуюсь: Майстеръ Афанаси Семеновъ своеручно подписався. Помянутого Афанасія товарищъ Тимофѣй Іосифовъ, а вмѣсто его неграмотнаго, по его рукоданному прошенію дьячокъ Вознесенскій Березинскій Семенъ Михайловъ подписался.

Замѣчательныя колядки.

Передо мною лежитъ интересный рукописный сборникъ колядокъ, записанныхъ свящ. Михаиломъ Зубрицкимъ въ горскомъ селѣ Мшанцѣ турчанскаго уѣзда въ началѣ 80-хъ годовъ. Между этими колядками (всѣхъ 19 номеровъ) есть одна, по моему мнѣнію, заслуживающая особеннаго вниманія,—почему, это видно будетъ изъ самаго ея текста, который здѣсь прилагаю. Колядка поется обыкновенно «старшому братови церковному». Вотъ она.

1. А що намъ было зъ нащаду свита—
   Славенъ есъ, Боже, по й усимъ свити и на небесихъ.
2. Ой не было жъ намъ хиба сина вода,
3. Синая вода, тай билый каминь.
4. А прыкрывъ Господь сыровъ землыцевъ,
5. Выросло на нимъ кедрове древо
6. Барзъ высочейке и барзъ сличнейке.
7. Высмотрила го Пресвята Дива,
8 Зизвала дъ нему сорокъ ремисныкивъ.
9. „Ой пидите жъ вы, ремисничейки,
10 А зитните жъ вы кедрове древо,

11. Збудуйте зъ него святу Софію,
12. Святу Софію въ святемъ Кійови,
13. Бы на ній было симдесять вирхивъ,
14. Симдесять верхивъ, симдесять крыживъ,
15. Семеро дверій, а едны видлогы".
16. День будували, въ ночи втикалы,
17. Въ ночи втикалы, въ день прыбывалы.
18. А зиславъ Господь ангела зъ неба.
19. „Не влякайтеся, ремисныичейкы!
20. Давъ вамъ то Господь ведлукъ сылойкы.
21. Крыжи робите, верхы зводите!"
22. Единъ вершейко барзъ высочейко,
23. Барзъ высочейко и барзъ сличнейко.
24. А въ тимъ вершейку золотый престилъ,
25. За тымъ престоломъ самъ мылый Господь
26. Служилъ службойку суборовую.
27. Суборовую, заздоровую,
28. И за здоровья нашого брата,
29. Нашого брата и всихъ христіянъ
30. Тамтуды лежить зъ давну стежейка.
31. Стежкою иде польська винойка.
32. Межи нымы йде полковнычейко.
33. Стала винойка въ крыжи стриляты.
34. Рече словейко полковнычейко:
35. „А не стриляйте жъ въ святіи крыжи,
36. Бо спустыть Господь огняный дожджыкъ,
37. Огняный дождждыкъ, громови кули,
38. Затопытъ Господь польську винойку".
39. Вны не слухалы, въ крыжи стрилялы.
40. Ай такъ ся стало, якъ винъ говорывъ:
41. Испустывъ Господь огняный дожджыкъ,
42. Огнянный дожджикъ, громови кули,
43. Затопывъ Господь польську винойку.
44. Хиба намъ зиставъ полковнычейко,
45. Полковнычейко, той нашъ братейко.
46. Бы на здоровья, на многи лита!
47. Гей нашъ панейку, то нашъ братойку!
48. Не самъ и съ собовъ, а зъ мылымъ Богомъ,
49. Изъ мылымъ Богомъ, зъ господынейковъ,
50. Зъ господынейковъ и зъ челядойковъ.

Что прежде всего любопытно въ этой колядкѣ, такъ это упоминаніе Кіева и св. Софіи въ такой отдаленной и захолустной мѣстности, гдѣ народъ въ настоящее время едва ли знаетъ даже о существованіи Кіева, не говоря уже о св. Софіи. Такъ и хочется заподозрить въ этомъ мѣстѣ (ст. 11 и 12) искусственную поддѣлку,

хотя собиратель извѣстенъ мнѣ, какъ человѣкъ довольно серьезно образованный и знакомый съ научными требованіями при записываніи произведеній народнаго пѣсеннаго творчества.

Самаго бѣглаго взгляда на текстъ предлагаемой колядки довольно, чтобъ убѣдиться въ ея компилятивномъ характерѣ. Весь составъ ея естественно распадается на пять частей. Часть первая, ст. 1—16, не что иное, какъ испорченная и сокращенная колядка о началѣ свѣта, въ полномъ видѣ извѣстная изъ сборника Головацкаго (т. II, 5, № 7.) и разобранная А. А. Потебней («Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ», II, стр. 738—740). Но мотивъ тотъ сейчасъ же переходитъ въ другой мотивъ—созиданія церкви (стр 7—15, 22—29). Это тоже извѣстный колядочный мотивъ; сюда принадлежащія пѣсни указаны А. А. Потебней («Объясненія», II, 619—620). Цѣльность этого мотива нарушается въ нашей колядкѣ вставкой (ст. 16—21), которая очевидно представляетъ сколокъ съ совсѣмъ другаго мотива. Стихи эти довольно неясны; въ нихъ не сказано, почему «ремиснычейкы» днемъ работали, а ночью должны были убѣгать съ мѣста работы, чего они «влякалыся» такъ, что нужно было ангела небеснаго для ихъ успокоенія. Мнѣ кажется, здѣсь происходило что нибудь похожее на то, что разсказывается въ польской легендѣ о «вежи седьми вождей», которые строили башню: что построятъ днемъ, то ночью провалится сквозь землю, но когда въ концѣ выведенъ былъ верхъ башни, стѣны ея чудеснымъ образовъ поднялись изъ земли. На такое чудо указываетъ въ нашей колядкѣ и испугъ рабочихъ, убѣгающихъ всякую ночь съ мѣста работы, и приказаніе ангела «Крыжи робите, верхы зводите!» Упомянутую польскую легенду я слыхалъ когда то (въ 60-хъ годахъ) отъ захожаго краковяка—кузнеца; въ польской литературѣ ее переработалъ одинъ изъ поэтовъ Романъ Загорскій въ довольно пространной и съ талантомъ написанной поэмѣ п. «Wieża siedmiu wodzów».

Новый и до сихъ поръ въ колядкахъ не встрѣчавшійся мотивъ представляютъ стихи 30—45. Стихи эти основаны, очевидно, на какомъ нибудь апокрифическомъ сказаніи, какъ наказаны были язычники, ругавшіеся надъ христіанской святыней. Стихъ 45 довольно механическимъ образомъ связываетъ это съ основной цѣлью всякой колядки—величаніемъ того лица или дома, которому она поется. Остальные стихи (46—50)—обычный финалъ, состоящій изъ благожеланій и съ соотвѣтственными перемѣнами повторяющійся послѣ каждой колядки.

Миронъ.

Малороссійскія рождественскія вирши.

Извѣстны въ окрестностяхъ с. Ксендзовки кролевец. уѣзда черниговской губ.—списаны со словъ Ан. Ал. Порохонской [1]).

1.

Хрыстосъ родывся,
Мыръ взвеселывся,
Сегодняшнымы часы,
Для сыхъ родынъ
Всякъ христыанынъ
Уменае ковбасы.

2.

Диды, бабы
Пыво, меды,
Горилку, варену
Кухлыкомъ пьють;
Зъ кнышамы труть
Свынину печену.

3.

Паны, купци,
Славные кравци,
Шынкарство, мещане
Обо симъ Риздви
Вси у нови
Убраны жупаны!
Хлопци, дивкы
На выпередкы
Бигають пидъ хаткы,
Якъ ты вовкы
Або свынкы
Скурнечуть колядкы.

5.

Маты земля
Уся гуля
Узявшысь въ бокы,
Письни гука,
Бье гоцака,
Въ пидковы шырокы.

6.

Ангелы вси
Скачуть и въ ладони плещуть,
Письни гудутъ
Зъ радости бьють,
Якимови доли (?)

7.

Старенькій Бигъ
На стилъ излигъ,
Да самъ соби дума,
Усимъ душамъ
Праздникъ, а Адаму рюма [2]).

8.

Тяжко здыхнувъ
И тукъ гукнувъ
Гаврыла [3]) швыденько.
Да и сказавъ,
Щобъ лысть пославъ,
Адаму хутенько.

9.

Архыстратыгъ
Мотнувся вмигъ,
Папиръ и чернило
Де треба взявъ
Да й напысавъ
Адаму такъ мыло:

10

«Чесный Адамъ!
Ты всимъ людямъ
Праотець зовесся,
Постый не плачъ,
Ось, ось, якъ бачъ,
Одъ пекла спасесся!

---

[1]) Варіантъ этой вирши см. у Безсонова „Калеки Перехожіе", вып. 4-й, стр. 27, а также у Терещенка „Бытъ русс. народа", ч. 7-я, стр. 68—69.

[2]) плачъ (rumsać płakać).

[3]) Арх. Михаила.

11.

Бо вже на свитъ
Якъ рожы цвитъ
Хрыстосъ народывся.
Винъ адъ стребыть,
Чорта смырыть,
Щобъ тый не гордывся!

12.

Смерть злу Ягу
Зогне въ дугу
И зломыть йіи спыну;
Гостру косу
И сбрую всю
Змете, якъ паутыну.

13.

Адськыхъ спиакъ
Зотре, якъ макъ,
Зобъе въ макуху;
За ихъ плутню
И всю бредню
Винъ дать имъ цукрухи.

14.

Кать бы ихъ ма
У ныхъ нема
Никому спуску,
Хоть бы святець
Або чернець,
Осмалыть, якъ гуску.

15.

Того святци,
Того ченци
Не мыналы страху.
Хвылозопы,
Протопопы
Набыралысь жаху!

16.

Пропавъ той страхъ,
Зарисъ той шляхъ,
Купямъ та болотомъ,
Де той злый духъ
Глутавъ, якъ мухъ
Ненасытнымъ ротомъ.

17.

Пропавъ той страхъ:
Теперъ той шляхъ
До Раю протертый!
Безъ сторожей
Вси на встежей
Ворота одперты!

18.

Уже велять
Яблокы рвать
Изъ райского древа;
Зъ коего плодъ
Не веливъ Богъ,
Да вкусыла Ева!

19.

Бидна Ева
Одну зъ древа
Вырвала кыслычку;
Збула власти;
Треба прясты
На гребени смычку!

20.

Черезъ неи тамъ
Бидный Адамъ
Щось кажуть прокудывъ,
За то ёго Богъ
Иты за порогъ
Адама прынудывъ!

21.

За ту йиду
Ева биду
Заслужыла сію;
Въ честь Адаму
Ажъ за браму,
Выбылы у шію!

22.

Глупа жона:
Сама она

Яблучко строщыла;
За одынъ плодъ
Увесь народъ
У пекло втащыла.
. . . .
. . . .
(Недостаетъ 2 куплета).
Финалъ:
Сю виршу, Панове,
Що празныка чытаю,
И святымъ Рождествомъ
Васъ поздоровляю!

Сообщилъ **К. В. Болсуновскій.**

Рождественская „вечеря".

По повѣрью малоросса «хрещеныкы» на томъ свѣтѣ будутъ подавать своимъ «хрещенымъ батькамъ та матерямъ» воду, но только въ томъ случаѣ, если они будутъ на этомъ свѣтѣ въ рождественскій «святвечиръ» носить имъ «вечерю». Кромѣ того «вечерю» эту «годытся» носить имъ еще въ виду слѣдующаго, какъ гласитъ приводимая легенда, обстоятельства:

Якъ хто бувъ у Ерусалыми, такъ розказують: тамъ, де жыды Хрыста мучилы, осталось два жыденкы. Якъ мисяць молодый—то и воны молоди, а якъ мисяць старый—то й воны стари. И тамъ пры дорози стоить гробъ Господень, а пры ёму ти два жыденкы зъ виныкамы та все обмитають зъ ёго ту полову, шо—якъ хто у недилю віе, то іи и несе сюды, а вона и сида на гробъ. Такъ кажуть все пытають:

— А то чы ще кумъ до кума носе вечерю?

— Носе,—одвитять.

— Ну, ще, кажуть, далеко страшный судъ, а якъ перестане кумъ до кума вечерю носыты, тоди и страшный судъ буде.

(Зап. въ александровскомъ у. екатерин. губ. Ив. М—га).

Ив. Манжура.

Рождественскія святки на Волыни [1]).

Еще недѣли за двѣ до наступленія рождественскихъ святокъ наши села оживляются—начинаются приготовленія къ празднику. Первымъ признакомъ близости святокъ служитъ бѣленіе хатъ. Два раза въ годъ—передъ Рождествомъ и передъ Пасхой—всякая крестьянская хата бѣлится и внутри, и снаружи [2]). Одновременно съ этимъ

---

[1]) Наши наблюденія относятся къ староконстантиновскому у. волынской губ.

[2]) Шестая недѣля великаго поста такъ и называется у нашихъ крестьянъ „билымъ тыжднемъ".

моютъ и чистятъ посуду, столы, лавки, моютъ бѣлье. По всему селу раздается визгъ убиваемыхъ свиней, а въ воздухѣ носится запахъ гари, потому что всякій, даже бѣднякъ, старается зарѣзать къ празднику хоть поросенка. Передъ самымъ праздникомъ, дня за три начинается печеніе и вареніе всякихъ снѣдей: пекутся кныши и пироги, варится и жарится разнаго рода рыба (преимущественно судакъ), а самое главное, приготовляется узваръ и кутя. Узваръ варятъ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, сливъ, вишень, а кутю изъ пшеничныхъ или ячныхъ крупъ; ѣдятъ кутю съ медовою сытою, а за неимѣніемъ меду съ сахарнымъ сиропомъ и маковымъ молокомъ.

Вотъ, наконецъ, и 24 декабря — «вилія». Передъ наступленіемъ вечера хозяинъ или старшій въ семьѣ вноситъ въ хату охапку сѣна и снопъ разнаго рода хлѣба: пшеницы, жита, овса и т. п. Помолившись передъ образами, онъ поздравляетъ присутствующихъ съ наступающимъ праздникомъ, сопровождая поздравленіе разными пожеланіями, кладетъ сѣно въ переднемъ углу подъ образами и ставитъ на него снопъ. Хозяйка же ставитъ на сѣно узваръ, кутю и кладетъ хлѣбъ и соль. Во время этого обряда всѣ присутствующіе въ хатѣ садятся [1]).

Къ вечеру этого дня крестьяне одѣваются по праздничному. Заплатанный, засаленный кожухъ замѣняется новымъ, бѣлымъ или свиткой изъ чернаго, домашняго сукна; вмѣсто грязныхъ полотняныхъ штановъ и дырявыхъ сапоговъ, а то и лаптей, надѣваются новые, голову расчесываютъ и смазываютъ масломъ. Такой торжественный видъ нашъ крестьянинъ имѣетъ очень и очень рѣдко — раза три — четыре въ годъ. Женщины заботятся о своемъ нарядѣ еще больше. Молодицы и дѣвушки надѣваютъ ситцевые сорочки съ вышитыми рукавами и воротникомъ, красныя или голубыя юбки, цвѣтные кафтаны — «кунтушы» и «кетлыкы» (старухи носятъ черные — «бекешы») и желтые сапоги. Голову молодицы повязываютъ большими красными съ чернымъ платками, а дѣвушки убираютъ вѣнками изъ искусственныхъ цвѣтовъ и «бындами» (лентами).

По заходѣ солнца разряженная крестьянская семья садится за столъ, покрытый бѣлой скатертью, подъ которой тоже разостлано

---

[1]) Намъ не удалось добиться отъ крестьянъ объясненія значенія этого обряда. На всѣ наши расспросы какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ намъ давали одинъ отвѣтъ: „диды, прадиды нашы такъ робылы, такъ и мы робымо. А на що воно такъ треба — Богъ его святый знае. Алежъ выдно такъ треба, колы такъ робылы и роблять“.

сѣно. Въ этотъ день не ѣдятъ «до звѣзды» и обѣдъ соединяется съ ужиномъ. Прежде всего подаютъ на столъ узваръ и кутю. Одинъ изъ семьи беретъ въ ложку кути и бросаетъ вверхъ, приговаривая: «морозе, морозе! иды кути йисты!». За узваромъ и кутей слѣдуетъ рыба—жареная, вареная и холодная или «холодець». Послѣ рыбы подаются борщъ и каша, а затѣмъ «локшина» (лапша), вареники и пироги. Вечеря продолжается довольно долго; передъ каждымъ кушаньемъ чарка обходитъ въ круговую всѣхъ отъ мала до велика; даже дѣтямъ крестьяне въ торжественныхъ случаяхъ даютъ водку; на этотъ счетъ у крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что кто ребенкомъ пьетъ много водки, тотъ, выросши, не будетъ пить вовсе. Впрочемъ, въ первые дни Рождества и Пасхи крестьяне пьютъ сравнительно мало, такъ какъ въ эти дни считается грѣхомъ ходить въ шинокъ.

Кутю оставляютъ на столѣ и на ночь и кладутъ въ нее ложки въ увѣренности, что ночью приходятъ умершіе родственники хозяевъ и тоже ѣдятъ кутю. Огней въ эту ночь не тушатъ, да и спятъ очень мало или даже вовсе не спятъ, особенно старые люди, «хто въ таку ничъ, пидъ таке велыке свято, спыть, говорятъ они, той царство небесне, спасиння проспыть».

На «вилію» же (а у иныхъ на второй день праздника) посылается «вечеря» бабѣ (т. е. повитухѣ, воспринимавшей ребенка) и кумамъ. Вечеря эта состоитъ изъ одного или двухъ кнышей, нѣсколькихъ пироговъ и жареной рыбы. Если ребенокъ великъ, то онъ несетъ вечерю самъ, въ противномъ случаѣ несетъ мать, старшій братъ или сестра, или, вообще, кто нибудь изъ семьи. Принесшій вечерю говоритъ: «просыть батько, маты (или дядько, дядына) и унукъ (или похрестникъ, похрестница) на вечерю и я также прошу». Бабка или кумовья, принявши вечерю, кладутъ въ опорожненную миску деньги или насыпаютъ ее крупами или зерновымъ хлѣбомъ, а ребенку даютъ гостинца—конфектъ, орѣховъ или пряниковъ. Богатые крестьяне посылаютъ, вмѣсто вечери, булки, пряники, яблоки и т. п. Такая же вечеря посылается кумовьямъ и бабкѣ и на Пасху.

Первый день Рождества крестьяне проводятъ скромно. Утромъ идутъ въ церковь, затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, а послѣ обѣда молодежь иногда собирается потанцовать, если случится музыка. Но у молодежи въ это время есть и другое дѣло—она готовится къ колядованью.

Приготовленія эти начинаются также еще задолго до праздниковъ—за недѣлю, за двѣ. Парубки собираются особо, мальчики особо. Передъ вечеромъ втораго дня устраивается генеральная репетиція,

послѣ которой, когда уже достаточно стемнѣетъ, одинъ изъ парубковъ наряжается очень извѣстной всѣмъ «козой», и вся молодежь направляется по селу колядовать, переходя отъ одной хаты къ другой [1]). Подошедши къ окну, одинъ изъ колядниковъ спрашиваетъ: «панегосподару! чы позволыте поколядуваты?» — и, конечно, на этотъ вопросъ всегда слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ. По окончаніи коляды, приносится привѣтствіе хозяину, обыкновенно въ такой формѣ: «поздоровляю, пане-господарю, съ симы святкамы; дай Боже сіи свята опровадыты, Нового року дочекаты, одъ Нового року до Богоявлення, одъ Богоявлення до Воскресенія — до ста литъ, покы Богъ благословыть мыромъ, покоемъ, добрымъ здоровьемъ. Вечиръ добрый!». Хозяева въ благодарность колядникамъ выносятъ кнышъ, или пироги, или даже деньги, которыми потомъ колядующіе дѣлятся поровну, въ иныхъ мѣстахъ отдѣляя часть барышей въ пользу мѣстной церкви; при этомъ надо замѣтить, что весьма часто мѣстные священники вообще запрещаютъ колядованіе, разрѣшая его только при условіи взноса извѣстнаго процента съ дохода въ пользу церкви.

Нельзя не обратить вниманія на то, что на Волыни излюбленными колядками являются не чисто-народныя, а заимствованныя отъ грамотниковъ, при чемъ, конечно, искаженіе ихъ первоначальной формы иногда доходитъ до неузнаваемости и даже до безсмыслицы. Лучше всего можно видѣть это въ приводимой ниже колядкѣ, самой распространенной у волынскихъ крестьянъ:

Выдыть Богъ, выдыть Творецъ, —
Що мыръ погыбае. —
А ангелы Гаврыила
Въ Назоретъ посылаютъ.
Благовисныкъ въ Назорети, —
Стала слава у вертепи;
Ой, въ прекраснимъ гради Выфліеми,
Твердый рай тамъ едыный. —

Не заходыть сонце ясне
Съ дывичеська ложа;
Раде воно заходыты —
И весь мыръ просвитыты.
Звизда ясна осіяла, —
Путь тромъ царамъ показала;
Ой съ першыи тры цары
Несутъ Хрысту дары.

[1]) Судя по мѣстности, время колядованія въ Малороссіи вообще мѣняется, начиная съ 24 декабря и далѣе въ теченіе первыхъ дней святокъ. Мѣстности, въ которыхъ обычай коляды совершается 24 декабря, естественно, удержали болѣе другихъ древній срокъ. Перенесеніе же этого срока на послѣдующіе дни находится въ зависимости отъ тѣхъ запрещеній обряда коляды, которыя начались очень давно, но которыя не уничтожили обычая, а только отдалили его на нѣсколько дней. (См. объ этомъ у Потебни „Объяснен. малорус. и сродныхъ народн. пѣсенъ". Т. II й стр. 33—37 и 46—47). *Примѣч. редакц.*

Ой прыйшовъ же охранитель,
На колинка упадае;
На колинка упадае,—
Богу хвалу дае.
Плачуть маты и рыдають
По чадахъ маленькихъ.
Не плачъ, маты, не рыдай
По чадахъ маленькыхъ.
Якъ же мыни не рыдаты,
Печальныи мати:
Ыродъ диты забывае;
Гострымъ мечемъ розсикае, (2 р.)
Кровь невынну розлывае, (2 р.)
Хрыста вбыты шукае.
— Ой ты, Ыродъ, ты—проклятый.
Пощо ты такъ шатаешъ?
— Десь ты Бога Правдывого
Хрыста вбыта шукаешъ.
Пишовъ Ыродъ ажъ до аду
Люцыперу на пораду
Ты жъ до аду зыйдешъ,
Тамъ ты погыбнешъ;
И путь твоя погыбае.
На праведни осіяе;
Правыдныкы-офирныкы
Просвищають на викы.

Въ сборникѣ П. Безсонова «Калѣки перехожіе» (вып. 4-ый, стр. 106—110) находимъ эту же колядку въ нѣсколькихъ варіантахъ, помѣщенныхъ въ разныхъ рукописяхъ; вошла она также въ «Богогласникъ или собраніе набожныхъ пѣснопѣній». Кіевъ 1885 г., стр. 11. Для сличенія приводимъ одинъ изъ нихъ.

Видѣ Богъ, видѣ Творецъ,
Что міръ погибаетъ,
Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посылаетъ:
„Благовѣствуй въ Назаретѣ!"
Слово стало во вертепѣ:
„О прекрасный граде Виѳлееме,
Отверзи врата, Эдеме!
Незаходимое солнце
Изъ дѣвическихъ ложеснъ
Грядетъ—возсіяетъ
И просвѣтитъ весь міръ!"
Звѣзда ясно возсіяла,
Тремъ царямъ путь показала.
Отъ востока пришли тріе цари
Принесли Христу дары,
И пришедши въ храмину,
На колѣну упадоша.
И Иродъ царь возмутимъ,
Что Христосъ царь народимъ,
Слуги своя посылаетъ,
Христа убити взыскаетъ.
Четырнадцать тысящъ
Дѣтей малѣйшихъ побили.
Не плачь, Рахиль, не рыдай:
Иродъ пойдетъ даже до ада
Къ *лицемьру на породу*[1]).
А мы съ тобой веселимся,
Христу Спасу поклонимся.

Не трудно замѣтить, что въ волынской колядкѣ, кромѣ многихъ мелкихъ искаженій, особенно кидается въ глаза утрата значенія плача Рахили, имя которой даже совершенно исчезло, и остался только неясный намекъ на плачъ какой то матери. (Многіе варіанты этой

[1]) Въ колядкѣ волынской это мѣсто сохранилось правильнѣе, чѣмъ въ данной рукописи (къ Люцыперу на пораду); при чемъ нужно прибавить, что *Люцыперъ* въ разныхъ спискахъ искажается не только въ *лицемьра*, но и въ Пицинора и Никифора (см. Безсоновъ „Калѣки перех.", вып. 4-ый, стр. 110).

колядки см. у Чубинскаго «Труды этногр.-статист. экспед.» Т. 3-й, стр. 358—365) [1]).

Приведемъ еще одну колядку, которую часто можно слышать на Волыни; она извѣстна по сборнику Чубинскаго (Труды этнограф.-статист. экспедиціи и т. д. Т. 3-й, стр. 375—376), но въ нашей мѣстности представляетъ нѣкоторыя особенности, не столько по содержанію, сколько по формѣ.

Небо й земля, небо й земля
Сей день торжествуютъ;
Ангелы людямъ, ангелы людямъ
Радисть звиствуютъ.
Хрыстосъ родывся!
Богъ вошлотывся!
Ангелы спиваютъ,
Царіи вытаютъ,
Поклоны даютъ;
Пастыри граютъ.—
Чуда-чуда повидаютъ!!
Служатъ ангелы (2 р.) свому королю,—
Богу увертепи(2 р.) — творятъ Его волю.
Хрыстосъ родывся!
Богъ вошлотывся! и т. д.
Тры царія, тры царія отъ всюду прыходятъ, —
Левонъ, смырну, злато (2 р.) Хрысту дары прыносятъ.
Хрыстосъ родывся!
Богъ вошлотывся! и т. д.
Адамъ и Ева (2 р.) ныни свободывся.
Дывысь прыгоди (2 р.) радостію исполнывся.
Хрыстосъ родывся!
Богъ вошлотывся! и т. д.
Ту мылостыву землю (2 р.) сонце освитыло
Дывысь прыгоди (2 р.), радостію наполнывся
Хрыстосъ родывся!
Богъ вошлотывся! и т. д.
А мы нарожденному (2 р.) поклонъ даймо
Слава Богу вичне—(2 р.) Хрысту заспиваймо.—
Хрыстосъ родывся и т. д.

Варіантъ этой колядки также находимъ въ указанномъ выше «Богогласникѣ» на стр. 5.

Вообще, сличая распѣваемыя теперь на Волыни колядки съ варіантами, помѣщенными въ разныхъ этнографическихъ сборникахъ, можно, кажется, прійти къ выводу, что въ народномъ сознаніи все болѣе начинаетъ теряться первоначальный смыслъ ихъ, такъ что нѣкоторые варіанты, записанные въ томъ же старо-константиновскомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь слышатся въ народномъ пѣніи совершенно искаженными. Не станемъ приводить всѣхъ ихъ, а для образца, укажемъ на одну колядку, варіантъ которой помѣщенъ у Чубинскаго (т. 3, стр. 378).

---

[1]) Эта колядка превратилась также, въ видѣ пародіи, въ шуточную:

Выдыть Богъ, выдыть Творець,
Що укравъ мужыкъ жыта корець,
И пшеныци на паляныци,
И гороху также троху,
И ячменю также зъ жменю и т. д.

Ой, прыйдите—увыдыты
Мыромъ сына Божого зобачете,
Прославете Суса Хрыста Своего.—
Бо у шопи народывся,
Въ пелюшечкы уповывся,— } 2 р.
Правда буде у всимъ свити.— }
Казавъ Ыродъ войску статы,—
И всю землю сплюндруваты,— } 2 р.
Хрыста въ яслахъ шукаты.— }
Войско стало—сплюндрувало
Дае знаты самому,
Що нема Хрыста въ крулевстви,
А ни въ панстви твоему.—
Казавъ Ыродъ диты тяты;
Диты тяты—крови ляты,
Кровъ невынну розлываты,—
Хрыста вбыты шукаты.—
ирты тялы—крови лялы,
Хролъ невынну розлывалы,—
ДыКсва вбыты шукалы.—
Ой княгыня-монархыня,
Не поможешъ въ тимъ ты,—
Що есть диты,—яко квиты,
Казавъ Ыродъ вытяты
Царъ небесный ихъ прыймуе,—
Въ неби мисце имъ готуе, } 2 р.
Вси ангелы святіи. }

И. Бѣньковскій.

Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст.

Предлагаемъ двѣ рождественскія вирши, записанныя въ прошломъ столѣтіи: одну—шутливую, въ простонародномъ духѣ, другую—серьезную, составленную на церковной основѣ.

I.

Слава Богу, того ми теперъ(а) дождались,
Що за шесть недѣль с ковбасою внять повидались.
Я жъ казавъ: шутка, що позавчира свинѣ галасали!
Ажъ то люди ик святкамъ все ковбаси дбали.
Лишъ почули, що Рѣздво (вже) не за горами,
Не схотѣли болшъ сидѣти над огѣрками;
Заразъ стали шататься мижъ скоромнимъ крамомъ:
То зъ гусми, то с курми, то зъ битимъ товаромъ.
А иншѣи по хуторахъ начали махати,
Щобъ доброи и багато к празнику предбати.
Колибъ же и Ваша-мосць справди не нарокомъ,
Взглянувшись на мене щедримъ теперъ окомъ,
Хоть шелягомъ на (въ) первой часъ мене поманыли,
А посля бъ и ковбасу в пазуху втеребили,
Да й тымъ по губахъ, що пред ковбасою пютъ люди,
А я бъ сказавъ: вамъ Рожденій наградою буде!
Будьте ж ви здорови, Рождества дождавши,
А я пойду ис хати, свое в карманъ взявши.

II.

Антепатровъ синъ Иродъ былъ неистовій:
Насытился, якъ хотѣлъ, младенческой крови.

От двою лѣтъ и ныже всѣхъ (с)сущихъ младенцовъ
Въ предѣлахъ Іудейскіхъ рубилъ, якъ птенцовъ.
Закричала и Рахиль сколько мала сили,
Якъ отъ грудей на коп(ь)е младенца схватили
О Христе, днесь рожденій и в яслехъ повитій!
Прыйми кровъ ихъ ради той вины знаменитой,
Да славимъ и ми Твою божествену славу,
Вѣдуще Твою милость крѣпку и державу.
Поздравляю васъ рожденіемъ от Дѣви Бога,
Желаю вамъ жить лѣта многа.

Обѣ вирши записаны на листкѣ старинной, пожелтѣвшей бумаги, почеркомъ несомнѣнно 2-й половины прошлаго столѣтія. Первая написана малограмотною, нетвердою, какъ бы женскою рукою, а послѣдняя—по линейкамъ, славянскими печатнаго типа буквами, очевидно—рукою школяра. Листокъ найденъ между старыми бумагами, въ «коморѣ» одного священника, въ гадяцкомъ у. полтавской губ.

Оттуда же мы имѣемъ рукописную тетрадь, къ сожалѣнію—неполную, на заглавномъ листѣ которой сохранилась надпись: «*Сии псалми Петра Навроцкого, подканцеляристы полкового Гадяцкого*». Очевидно, тетрадка писана раньше 1782 года, времени закрытія въ Малороссіи полковыхъ урядовъ и канцелярій. Названіе «*псалми*» не соотвѣтствуетъ содержанію той части тетрадки, какая сохранилась: болѣе всего въ ней нравоучительныхъ разсказовъ или анекдотовъ изъ жизни древнихъ царей и философовъ, а рядомъ съ ними—поэма Ломоносова въ честь Петра Великаго, нѣсколько сентиментальныхъ стихотвореній, въ родѣ: «Рыдаетъ, бьется, воплетъ слезно, лишившись горлица дѣтокъ», и здѣсь же—солдатская пѣсня временъ Екатерины:

„Наши въ полѣ не робѣютъ,
Всякій хощетъ городъ взять"...

Какъ видно, подканцеляристъ Навроцкій былъ не особенно разборчивъ въ дѣлахъ литературныхъ и вносилъ въ свою тетрадь все, что ему нравилось. Есть въ ней и *вирши*—двѣ рождественскія и двѣ пасхальныя. Особенность ихъ заключается прежде всего въ томъ, что онѣ написаны не на малорусскомъ, а на литературномъ русскомъ языкѣ XVIII в., какъ и всѣ остальныя піесы сборника Навроцкаго. Одна изъ нихъ озаглавлена имъ такъ: «*Кармѣнъ рождественскій, а по нашему—вѣрша*». Очевидно, что этотъ «кармѣнъ» для записывателя былъ новинкой, недавно лишь появившейся на смѣну старин-

ной «вирши»,—иначе онъ не сталъ бы переводить для себя этого термина. Это былъ продуктъ новѣйшей, общерусской культуры, проникшей въ Малороссію со временъ Елисаветы и особенно Екатерины II. Для людей, тронутыхъ этой культурой и образовавшихъ свои литературные вкусы на высокопарныхъ реторическихъ произведеніяхъ новѣйшихъ «россійскихъ сочинителей», казались уже грубыми и непристойными свои національныя «вирши»; но такъ какъ обычай виршованія жилъ въ Малороссіи еще въ полной силѣ, то на смѣну старыхъ «виршей» появились *«кармѣны»*. Съ этой стороны «кармѣны» эти, при всей безцвѣтности и ординарности ихъ формы и содержанія, представляютъ нѣкоторый интересъ, какъ знаменіе перемѣны литературныхъ вкусовъ, совершившейся въ извѣстной части малорусскаго общества во 2-й половинѣ XVIII ст.

Приводимъ два такихъ «кармѣна» изъ тетради Навроцкаго, въ точности сохраняя его орѳографію.

I.

Вольфы скоро поспѣшалы
Прийтыть въ городъ Выфълеемъ,
Когда по звѣздѣ узналы,
Что родылсь Месыя въ немъ.
Такъ и я предсталъ предъ вамы
Не для прочиихъ причинъ,
Какъ что зрю двома глазамы,
Что живетъ въ немъ (?) Божый Сынъ.
Да живетъ же неотлучно
И въ васъ Богъ и Человѣкъ
И да вашъ благополучно
Временной продолжить вѣкъ! Finis.

II.

Полно вамъ уже, печали,
Полно вамъ сердецъ сушить:
Ушъ перемени тѣ настали,
Кои могуть веселить.
Нинѣ радость превелика
Въвесь возвеселила родъ
Тѣмъ, что намъ родылсь Владика
И податель всѣхъ щедротъ,
Кой израилскому роду,
Въмѣсто скорби, въмѣсто скукъ,
Вѣчную подалъ свободу,
Вызволилъ изъ горкихъ мукъ.
О велико Божие дѣло
Что повинни мы во всемъ,
Да принялъ онъ наше тѣло
И подалъ намъ радость всѣмъ!
Радость пусть сія множится
Внутрь сердецъ всѣхъ человѣкъ.
И ея ушъ не лишится
Я желаю вамъ вовѣкъ.

Судя по такимъ словамъ и формамъ, какъ: «поспѣшалы», «родылсь», «вызволилъ» и др., можно утверждать, что подобные «кармѣны» слагались на мѣстѣ, въ Малороссіи, людьми хотя и книжными, но не вполнѣ еще отрѣшившимися отъ непосредственнаго вліянія родной рѣчи.

О. Л.

Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ.

П. А. Лукашевичъ умеръ въ концѣ 1887 г. въ глубокой старости въ м. Березани, переяславскаго уѣзда полтавской губ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, гдѣ былъ классным товарищемъ Гоголя, въ директорство Орлая, и воспитанникомъ перваго выпуска. Кончалъ образованіе въ ришельевскомъ лицеѣ и совершилъ въ молодости поѣздку заграницу, гдѣ, въ Прагѣ, познакомился съ Ганкой и Колляромъ. Всю остальную жизнь онъ провелъ въ м. Березани, гдѣ владѣлъ довольно значительнымъ помѣстьемъ. Знакомство съ чешскими учеными повліяло на научныя наклонности Лукашевича. Подъ вліяніемъ его онъ обратился къ собиранію произведеній народной украинской поэзіи и въ 1836 году издалъ свой сборникъ «Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни». Эта, вышедшая безъ имени собирателя, книжка, записала его имя въ память потомства. Книжка невелика, часть матеріала въ ней заключающагося, заимствована изъ другаго собранія (Вацлава зъ Олеска); но она была третьимъ сборникомъ украинскихъ думъ и пѣсень, увидѣвшимъ свѣтъ и составлялась тогда, когда старое пѣснотворчество еще жило полной жизнью въ народѣ. Главную цѣну этому сборничку даетъ отдѣлъ думъ, съ его древними списками, между которыми выдѣляется величественный списокъ думы о Самойлѣ Кишкѣ. Это самая обширная изъ всѣхъ извѣстныхъ украинскихъ думъ и одна изъ самыхъ прекрасныхъ. Въ сборникѣ не отмѣчено, гдѣ и отъ кого она записана. На запросъ по этому предмету, покойный Лукашевичъ сообщилъ намъ, что записалъ эту думу въ 1832 г. отъ бандуриста Стрички, уроженца села Березовки, прилуцкаго уѣзда полтавск. губ. Этого бандуриста онъ встрѣтилъ случайно, на постояломъ дворѣ, ѣхавъ въ Ромны на ярмарку. Отецъ Стрички былъ также бандуристъ. Черезъ два года, справясь о Стричкѣ, Лукашевичъ узналъ, что онъ умеръ. Во время записыванья Стричкѣ было около 30 лѣтъ.

Сборникъ свой Лукашевичъ составилъ «между дѣломъ», и тѣ драгоцѣнности, которыя онъ въ немъ сберегъ, показываютъ только какъ обильна могла быть жатва собирателя въ ту далекую пору... Остальную свою жизнь Лукашевичъ посвятилъ quasi—филологическимъ трудамъ, на изданіе которыхъ потратилъ большія средства, но которыя стали притчею во языцѣхъ. Амбары его деревенской усадьбы и полки кіевскихъ книжныхъ магазиновъ завалены были этими книгами, которыхъ не бралъ никто, а если бралъ, то выбрасывалъ съ

негодованьемъ. «Греческій Корнесловъ», «Объясненіе ассирійскихъ именъ», «Латинскій Корнесловъ» и другія ужасныя произведенія Лукашевича того же сорта не имѣли ничего общаго не только съ здравой филологіей, но и съ здравымъ смысломъ. Послѣднимъ трудомъ его въ этомъ родѣ была двухтомная «Микроскопическая Астрономія», выходъ въ свѣтъ которой можно допустить только, вспомнивши, что терпится и не преслѣдуется всякое тихое безуміе. Жившій едва вѣроятнымъ оригиналомъ, Лукашевичъ окружалъ себя таинственностью и позволялъ предполагать, что у него собрано много историческихъ документовъ и этнографическихъ записей. Въ послѣдніе годы его жизни были сдѣланы попытки извлечь у него эти матеріалы изъ подъ спуда. Результатомъ этихъ очень тяжелыхъ усилій было полученіе отъ Лукашевича двухъ тетрадей старинныхъ малороссійскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и маленькаго, но очень цѣннаго отрывка автобіографическихъ записокъ священника Турчиновскаго (писанныхъ въ половинѣ XVIII в.), помѣщеннаго тогда же въ «Кіевской Старинѣ». Этнографическія записи заключаются въ толстой книгѣ, куда Лукашевичъ вносилъ на бѣло то, что записалъ послѣ изданія своего сборника. Сравнительно съ продолжительностью времени собрано имъ не такъ много, хотя добросовѣстно, безъ произвольныхъ поправокъ, и съ точнымъ воспроизведеніемъ всего слышаннаго. Но по внутренней своей цѣнѣ этотъ сборникъ, оставшійся въ рукописи, никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ печатнымъ сборникомъ 1836 года.

Какъ человѣкъ, покойный Лукашевичъ представлялъ явленіе исключительное и даже мало вѣроятное. Мы не имѣли намѣренія касаться странностей его жизни, объясняемыхъ несомнѣннымъ ненормальнымъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился. Право на признательную память даетъ ему подвигъ его молодости, спасшій отъ забвенія нѣсколько сокровищъ народнаго творчества, въ ту пору, когда самъ онъ былъ юнъ и умъ его еще не былъ омраченъ тяжелымъ и неизлѣчимымъ недугомъ.

W.

Александръ Ипполитовичъ Гавриловъ.

А. И. Гавриловъ земскій врачъ константиноградск. у. полтавск. губ. умеръ 10 мая 1888 г. въ с. Ганебномъ того же уѣзда, заразившись тифомъ во время леченія крестьянъ. Родился онъ въ старобѣльскомъ уѣздѣ харьковск. губ. въ 1856 г. Такимъ образомъ ему было всего

32 года. Со времени сознательной юности, покойный былъ ревностнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ. Послѣ него осталось огромное рукописное собраніе ихъ. Страстный любитель украинскихъ пѣсенъ, Гавриловъ собиралъ ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ самъ и просилъ о томъ же многихъ своихъ знакомыхъ, которые доставляли ему свои сборники. Въ бумагахъ покойнаго осталось 57 тетрадей пѣсенъ и множество записей на отдѣльныхъ листахъ, которыя въ общемъ составятъ тоже около 15 подобныхъ тетрадей. Около 30 изъ этихъ тетрадей доставлено Гаврилову разными лицами, остальное собрано имъ самимъ. Большая часть пѣсенъ—бытовыя. Второе мѣсто по количеству занимаютъ обрядныя, третье—историческія. Собранныя пѣсни записаны въ изюмскомъ и лебединскомъ уѣздахъ харьковской губерніи, въ бахмутскомъ—екатеринославской, въ гадячскомъ и константиноградскомъ уѣздахъ—полтавской, въ васильковскомъ и звенигородскомъ—кіевской и въ конотопскомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

Полнѣе всего сборники изъ изюмскаго и сосѣдняго съ нимъ бахмутскаго уѣздовъ, а также изъ нѣкоторыхъ мѣстностей кіевской губерніи. По этимъ сборникамъ можно наблюдать отличіе пѣсенъ изюмскаго уѣзда отъ пѣсенъ бахмутскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ кіевской губерніи пѣсни записаны въ такомъ количествѣ, что видна разница въ пѣсняхъ одного уѣзда отъ пѣсенъ сосѣдняго.

Въ обрядныхъ пѣсняхъ особенно выдѣляется отдѣлъ колядокъ, которому позавидовали бы самые счастливые собиратели. Ихъ болѣе 100 и всѣ онѣ большею частью очень древнія.

Подготовляя свои сборники для печати, Гавриловъ тщательно сравнивалъ ихъ съ существующими печатными собраніями. Это сравненіе показало, что въ записяхъ его есть уники т. е. такія пѣсни, которыя никогда и никѣмъ не были записаны. Къ сохраненію и обнародованію сборниковъ Гаврилова будутъ приняты мѣры.

Хорошо сознавая тѣсную связь текста народной пѣсни съ ея музыкой, Гавриловъ запоминалъ большею частью и мотивъ записанной пѣсни. Къ сожалѣнью онъ не успѣлъ положить этихъ мотивовъ на ноты и унесъ это музыкальное богатство съ собой въ могилу.

Трагическая, ранняя смерть Гаврилова была результатомъ самопожертвованія и честнаго отношенія къ общественной службѣ. Кончина его произвела сильное впечатлѣніе въ мѣстномъ обществѣ, почтившемъ на земскомъ собраніи его память. Но тѣ идеальныя цѣли, къ которымъ стремилась эта молодая жизнь, остались недостигнутыми

П. М

Для справокъ.

Общество „Бѣлаго Креста". Послѣ послѣдней турецкой компаніи, въ Петербургѣ образовалось изъ 6-го Попечительства „Общество попеченія о нуждающихся семействахъ воиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ въ *мирное время*", имѣющее знакъ „Бѣлаго Креста", и дѣйствующее параллельно Красному Кресту. Это общество возникло и задалось извѣстными цѣлями по слѣдующимъ причинамъ: воины, пострадавшіе во время компаніи, а также ихъ семьи, покровительствуются не только Краснымъ Крестомъ, но и такимъ правительственнымъ учрежденіемъ какъ Комитетъ о раненыхъ; слѣдовательно они всегда находятъ пріютъ, пропитаніе и помощь. Въ совершенно иномъ положеніи обрѣтаются воины, теряющіе здоровье на службѣ въ мирное время, а также ихъ семьи, не говоря уже о сиротахъ. Хотя при нынѣшней краткосрочной службѣ солдатъ, будущность ихъ не настолько мѣняется, какъ прежде, но во всей арміи не мало случается увѣчій, болѣзней, такъ что въ общемъ, бываетъ на Руси не мало неспособныхъ къ тяжелому труду запасныхъ нижнихъ чиновъ. Солдатскія семьи остающіяся въ деревняхъ въ случаѣ смерти отцовъ на службѣ, лишаются земли за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и средствъ платить подати. Для такихъ семей, а также и для проживающихъ иногда въ городахъ требуется часто временное пособіе или опредѣленная на срокъ пенсія. Но въ гораздо худшемъ положеніи бываютъ офицеры, потерявшіе здоровье въ мирное время. Оберъ-офицеръ, какъ не выслуживающій никакой пенсіи и по спеціальному образованію не подготовленный къ другаго рода дѣятельности, большею частію находится въ критическомъ положеніи; при выходѣ въ отставку или въ запасъ по болѣзни, онъ нигдѣ не можетъ найдти себѣ покровительства, помощи, а часто и занятій. Затѣмъ сироты офицеровъ, умирающихъ на службѣ, почти всегда остаются безъ всякихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ матерей или ближайшихъ родственниковъ, то буквально должны переходить съ рукъ на руки, или быть на попеченіи командира части, въ которой служилъ ихъ отецъ. Сама жизнь, дѣйствительность и печальные случаи, указали на крайнюю необходимость общественнаго учрежденія, какъ „Бѣлый Крестъ", который бы заботился о воинахъ и ихъ семействахъ, преслѣдуя столь важныя цѣли въ мирное время.

Насколько важны цѣли Общества, настолько задача его обширна. Оно должно безпрерывно дѣйствовать и 1) содержать пріютъ для солдатскихъ дѣтей обоего пола. Нынѣ существуетъ въ Петербургѣ образцовый пріютъ на 50 человѣкъ, (Выборгская Сторона, Нижегородская ул. д. № 27); 2) учредить возможно скорѣе пріютъ для офицерскихъ дѣтей, который бы замѣнилъ прежній Александровскій Корпусъ для малолѣтнихъ. Дѣти, опредѣляемые съ 5-ти лѣтняго возраста, будутъ готовиться въ немъ къ поступленію въ корпуса и институты. Нерѣдко случается, что родители, привезя дочь на баллотировку для поступленія въ институтъ, должны увозить ее обратно за невынутіемъ дочерью жребія; это ихъ ставитъ въ безвыходное положеніе, при понесенныхъ затратахъ на проѣздъ и т. д. Пріютъ „Бѣлаго Креста" и будетъ спасительнымъ учрежденіемъ для подобныхъ дѣтей. 3) Учредить богадѣльню какъ для офицеровъ, ихъ вдовъ, такъ и для солдатъ. 4) Выдавать пенсіи лицамъ, подлежащимъ покровительству Общества, ихъ вдовамъ и семьямъ. Въ настоящее время, Общество въ состояніи удѣлить на пенсіи всего

только 500 руб. въ годъ. 5) Выдавать временныя пособія въ случаѣ крайней нужды, для экипировки, переѣздовъ, для уплаты въ гимназіи и училища для дѣтей и т. д. По имѣющимся теперь средствамъ, Общество ассигнуетъ на выдачу пособій ежегодно только 400 руб.

Проводя въ жизнь столь обширныя задачи, Общество озабочено не только увеличеніемъ неприкосновеннаго капитала, стоящаго теперь изъ 45,000 рублей, но и пріобрѣтеніемъ крайне необходимой недвижимой собственности—домовъ для пріютовъ и богадѣльни. Въ прошломъ году, вслѣдствіе ходатайства Г-на Военнаго Министра, Государь Императоръ Высочайше разрѣшилъ открыть подписку между военнослужащими, для сбора пожертвованій на постройку домовъ.

Цѣли этого общества близко касаются сердца русской арміи, и можно быть увѣреннымъ, что русскій народъ, столь же заинтересованный въ судьбѣ своихъ братьевъ—воиновъ, поможетъ вознести „Бѣлый Крестъ“ на должную высоту.

Предсѣдательницею Общества состоитъ вдова Генералъ-Адъютанта Графиня Е. А. Орлова-Денисова, Товарищъ Предсѣдателя Генералъ-Лейтенантъ М. П. Тучковъ, завѣдующій кружечнымъ сборомъ и пожертвованіями Генералъ-Лейтенантъ В. А. Родіоновъ и Правленіе Общества образуется изъ 12 лицъ: Попечительницы пріюта, жены Генералъ-Лейтенанта Е. Ф. Тучковой, Генералъ-Лейтенанта Н. Е. Штадене, Полковника Ѳ. Ф. Дубиса-Крачака, Подполковника Ф. Н. Курнѣева, жены Свиты Его Величества Генералъ-Маіора М. И. Аргамаковой, Секретаря Общества Гвардіи Штабсъ-Капитана Л. М. Чичагова, О. Ф. Худяковой, Коллежскаго Совѣтника А. П. Минюшскаго, Коллежскаго Совѣтника Е. М. Андреева, Инженеръ-Технолога Ф. А. Фридлендера и Коллежскаго Совѣтника В. И. Черепнина. Митрополиты: С.-Петербургскій и Московскій, Г. Военный Министръ и другія высшія лица состоятъ Почесными Членами. Дѣйствительныхъ членовъ пока насчитывается до 300. Уполномоченнымъ Общества въ Москвѣ состоитъ, находящійся теперь въ отставкѣ Генералъ-Маіоръ Н. В. Апрѣлевъ.

Правленіе Общества помѣщается въ Петербургѣ, Выборгская сторона по Нижегородской улицѣ, д. № 27, куда просятъ адресовать пожертвованія деньгами и вещами, и всѣ заявленія лицъ, желающихъ вступить въ Члены „Бѣлаго Креста“.

Библіографія.

Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства, т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе Д. И. Багалѣя. Москва. 1887 г. [1]).

Названное сочиненіе проф. Багалѣя обратило на себя общее вниманіе благодаря важности предмета изслѣдованія и интереснымъ выводамъ автора. Лучшимъ доказательствомъ этого общаго вниманія къ труду г. Багалѣя служитъ большое количество рецензій, появившихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и удостоеніе сочиненія уваровской преміи отъ академіи наукъ. Наиболѣе серьезными возраженіями мы считаемъ лишь тѣ, въ которыхъ автору дѣлаютъ указаніе на игнорированіе имъ книгъ разрядныхъ, писцовыхъ и друг.; остальныя замѣчанія рецензентовъ, касающіяся лишь разработки авторомъ нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о колонизаціи, мы находимъ менѣе важными и думаемъ, что авторъ въ своемъ отвѣтѣ критикамъ [2]) обстоятельно разъяснилъ мотивы своихъ выводовъ и пріемовъ разработки вопроса.

Трудъ Д. И. Багалѣя состоитъ изъ предисловія и пяти главъ; къ нему приложены въ концѣ личный и географическій указатели и карта степной окраины русскаго государства во 2-й четверти XVIII столѣтія. Карта эта особенно цѣнна: на ней указаны не только служившія укрѣпленіями «черты» и «линіи», но даже и татарскіе шляхи, подробно описываемые авторомъ въ 1-й главѣ; для составленія этой карты г. Багалѣй пользовался между прочимъ копіей съ современнаго оригинала (1735 года) «Украинской линіи».

---

[1]) Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ; оно напечатано во 2-й книгѣ „Чтеній" этого общества за 1886 г.

[1]) Журналъ Министр. Народ. Просв. за 1888, августъ.

Въ «предисловіи» къ своему изслѣдованію авторъ обходитъ опредѣленіе значенія вопроса о колонизаціи въ прошлой русской жизни, ссылаясь на труды Соловьева, Бестужева-Рюмина и Ешевскаго, лишь въ немногихъ словахъ указываетъ его настоящее состояніе и не намѣчаетъ того, какое направленіе рѣшенію другихъ историческихъ вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ о колонизаціи, дается рѣшеніемъ этого вопроса. Напоминаніе объ этомъ было бы весьма кстати и еще болѣе возвысило бы въ глазахъ читателей и самую тему автора, и значеніе изслѣдованія. Вмѣсто того, авторъ ограничивается перечисленіемъ выдающихся сочиненій по исторіи колонизаціи харьковской губерніи, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на трудѣ преосвящ. Филарета, памяти котораго онъ посвящаетъ 5-ю главу.

Первая глава посвящена историко-топографическому очерку степной мѣстности, на которой расположена нынѣшняя харьковская губернія и сосѣднія части курской и воронежской и которая составляла нѣкогда незаселенную окраину московскаго государства. Авторъ подробно описываетъ характеръ мѣстности: устройство ея поверхности, орошеніе, климатъ, растенія, животныхъ, минеральное богатство и пути сообщенія; особенно важны послѣдніе, до сихъ поръ мало извѣстные; въ заключеніе г. Багалѣй бросаетъ взглядъ и на степи новороссійскаго края, такъ какъ благодаря ихъ существованію и характеру на югѣ долго удерживались татары кочевники, столкновенія съ которыми вліяли на заселеніе южной Руси.

Разсмотрѣвъ во 2-й главѣ составъ поселенцевъ въ степной окраинѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что великорусская колонизація была исключительно государственной; всякаго рода вольница: «сходцы», крестьяне, бѣглые люди и проч. не допускались къ поселенію на югѣ. По мнѣнію автора, приходъ въ степи вольныхъ людей былъ возможенъ лишь въ смутное время, когда власть правительства была здѣсь весьма слаба.

Для южно-русской исторіи особенно интересны представляемыя авторомъ данныя относительно участія малороссовъ въ колонизаціи степной окраины москов. государства, изложенныя въ 3-й главѣ. Г. Багалѣй старается прежде всего обрисовать состояніе края на правомъ берегу Днѣпра, чтобы понять и особенности въ организаціи общественнаго строя переселенцевъ, и причины, побуждавшія ихъ къ переходу на новыя мѣста; между прочимъ, онъ отмѣчаетъ, что фактическими колонизаторами южныхъ степей на правомъ берегу

были бояре, мѣщане и козаки, но что, по мѣрѣ заселенія ими края, большія пространства его отдавались шляхтѣ; возникавшее изъ за этого неудовольствіе побуждало обиженныхъ бѣжать на лѣвый берегъ Днѣпра въ предѣлы московскаго государства. Упомянувъ о переходахъ нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ - князей Бѣльскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ на службу въ Москву, авторъ подробно разсказываетъ объ отношеніяхъ князя Дмитрія Вишневецкаго съ его козаками къ царю Ивану Васильевичу Грозному, о переселеніи черкашенина Михайлы, Гавріила Слѣпецкаго, Семена Высоцкаго и князя Богдана Ружинскаго, далѣе указываетъ на увеличившееся количество переходящихъ малороссовъ въ послѣдующія царствованія. Смутная эпоха пріостановила это движеніе, потому что многочисленныя воровскія шайки грабили и разоряли переселенцевъ. Въ началѣ XVII в. положеніе козачества въ польской половинѣ Украины становится тяжелѣе и снова начинается переселеніе ихъ и крестьянъ на лѣвый берегъ Днѣпра; вслѣдъ затѣмъ крестьяне и козаки большими толпами идутъ на Донъ къ тамошнимъ козакамъ и, вмѣстѣ съ ними, совершаютъ походы на Крымъ. Переселенцы эти оставались жить въ прежде основанныхъ украинныхъ городахъ, иногда значительно отдаленныхъ отъ рубежа, а въ 1638 году имъ было уже указано мѣсто въ степи на Чугуевомъ городищѣ; тогда же явился въ Бѣлгородъ на государево имя гетманъ Яцко Остренинъ, послѣ неудачной войны съ поляками. Козаки недолго просидѣли въ Чугуевѣ: изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича отъ 1641 года становится уже ясно, что переселенцы бѣжали оттуда по неизвѣстной причинѣ, убивъ своего гетмана. Переселяющіеся черкасы получили отъ московскаго правительства земли, денежное пособіе на первоначальное обзаведеніе, а впослѣдствіи и жалованье и снабжались всѣмъ необходимымъ, а чугуевскіе поселенцы получили даже право торговли на Дону; единственной ихъ обязанностью была военная служба, охраненіе южной границы отъ вторженія татаръ и борьба съ послѣдними. Особенное самостоятельное мѣсто среди переселенцевъ занимали монахи православныхъ южно-русскихъ монастырей. Первыя документальныя извѣстія о сношеніяхъ ихъ съ московскими государями относятся къ 1583 году и касаются сбора милостыни въ Россіи на монастырскія нужды; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ эти сношенія становятся болѣе частыми. Южно-русскіе іерархи съ этихъ поръ также обращаютъ свои взоры къ Москвѣ, ища здѣсь поддержки (Исаія Копинскій, Исаакій Борисковичъ, Іовъ Борецкій) и заводятъ рѣчь даже о возсоединеніи сѣверной Россіи съ южной.

Всѣхъ переселенцевъ принимали охотно и разселяли уже по существовавшимъ монастырямъ; ихъ переходы особенно цѣнились, потому что они приносили съ собою и политическія вѣсти; просьбы о милостынѣ почти всегда удовлетворялись. Устраивая переселенцевъ какъ своихъ служилыхъ людей, московское правительство позволяло имъ сохранять нѣкоторыя особенности своего быта, какъ, напр., выборъ атамана, сыченіе меда въ праздники, собираніе воска и проч.

Въ IV-й главѣ авторъ возвращается къ продолженію разсказа о великорусской государственной колонизаціи со времени царя Алексѣя Михайловича. Онъ отмѣчаетъ фактъ, что въ это царствованіе получаетъ окончательное устройство такъ называемая бѣлогородская черта; онъ подробно описываетъ тѣ 25 городовъ, которые находились на этой чертѣ, обращая особенное вниманіе на степень ихъ укрѣпленія и количество населенія.

Съ увеличеніемъ населенія за бѣлогородской чертой является мысль объ устройствѣ новой, болѣе южной, укрѣпленной границы; она приводится въ исполненіе въ первой половинѣ XVIII в., подъ именемъ украинской линіи. По мнѣнію автора, необходимость такого укрѣпленія была сознана еще правительствомъ Θеодора Алексѣевича въ 1681 году. Коссоговъ показываетъ чертежъ новой «линіи» гетману Самойловичу; построеніе же ея началось лишь въ 1731 году и было окончено въ весьма короткій срокъ, именно въ 1733 году. Авторъ подробно излагаетъ ходъ работъ на «линіи», указываетъ на обременительность ихъ для населенія, которая, вмѣстѣ съ обидами отъ командировъ и тягостью крымскаго похода, начавшагося въ 1735 г., совершенно разорила населеніе. Линія тянулась отъ Днѣпра до Сѣвернаго Донца и была прекрасно защищена крѣпостями, отстоявшими одна отъ другой на протяженіи 25 верстъ; по окончаніи построекъ здѣсь были поселены 20 полковъ, изъ которыхъ половина были конные. Къ 1752 году относится извѣстіе о заведеніи на «линіи» школъ,—кромѣ грамоты, въ нихъ преподавалась артиллерія, инженерное искусство и проч., преподователями были полковые офицеры. Въ 1764 году рѣшено было завести третью еще болѣе южную линію отъ устья р. Самары до устья р. Лугани: сюда переселена была часть однодворцевъ съ украинской линіи, которая образовала потомъ изъ себя полки ландмилиціи. Но съ устройствомъ украинской линіи и усиленіемъ крѣпостей на ней, татарскіе набѣги не прекращались и по прежнему отличаются разбойническимъ характеромъ, хотя становятся рѣже и слабѣе. По мѣрѣ того, какъ уменьшалась опасность

татарскихъ набѣговъ, населеніе переходитъ отъ военнаго быта къ мирнымъ занятіямъ: прежніе служилые люди становятся однодворцами и на помощь къ нимъ приходятъ крестьяне, для занятія земледѣліемъ и другими промыслами (число ихъ, напр., въ воронежской губ. равняется числу однодворцевъ). Правительство поддерживало сельско-хозяйственную дѣятельность въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Въ развитіи хозяйственной дѣятельности принимали участіе также и монастыри, имѣя большія вотчины, заключавшія въ себѣ богатыя угодья; монастыри для эксплоатаціи ихъ должны были вызывать населеніе и, такимъ образомъ, явиться, въ свою очередь, устроителями степей. Что касается до вольной народной великорусской колонизаціи, то она, по словамъ автора, не могла быть изображена имъ съ желательной полнотой вслѣдствіе недостаточности матеріала. Хотя и есть свидѣтельства о движеніи къ югу великороссовъ, пользовавшихся правомъ перехода, и пріобрѣтенія себѣ земли покупкой, но такихъ переселенцевъ было очень незначительное количество. Въ гораздо большемъ количествѣ являлись сюда бѣглые крестьяне и находили радушный пріютъ; но правительство несочувственно относилось къ такого рода колонизаціи и предписывало немедленно выдавать бѣглыхъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ; въ числѣ бѣглецовъ было не мало и раскольниковъ, но противъ пріема ихъ на поселеніе издавались всегда строгіе указы. Впрочемъ, несмотря на эти запрещенія, имъ удавалось здѣсь все таки устроиться.

Пятая глава содержитъ въ себѣ разсказъ о малорусской колонизаціи, шедшей одновременно съ великорусской. Такъ какъ единичныя переселенія малороссовъ съ запада на востокъ совершались безпрестанно, то авторъ, опуская ихъ, останавливаетъ свое вниманіе лишь на массовыхъ. Разбирая мнѣнія другихъ изслѣдователей по этому вопросу, нашъ авторъ признаетъ только одно массовое движеніе до Алексѣя Михайловича, это—Яцка Острянина; онъ не находитъ основанія допускать массовое переселеніе наканунѣ войнъ Хмельницкаго и въ первые три года его войнъ, хотя соглашается, что съ началомъ Хмельнищины усилилось число отдѣльныхъ переселенцевъ крестьянъ изъ черниговской области; правительство принимало ихъ весьма охотно, снабжая жалованьемъ и надѣляя землей. Весьма значительное массовое переселеніе малороссовъ лѣтописи относятъ къ 1651 г.; тогда ими заселены были города Ахтырка, Лебединъ, Сумы, Харьковъ и многія слободы; другое массовое движеніе авторъ относитъ къ 1659 году, т. е. ко времени гетманства Юрія Хмельницкаго.

Въ эпоху руины переселенія малороссовъ еще болѣе усилились: наиболѣе важными были переселенія 1663, 1674—1675, 1679—1680 гг. Время палiивщины (1700—1705) также дало не мало переселенцевъ; наконецъ, послѣднее массовое движеніе имѣло мѣсто въ началѣ XVIII вѣка (1711—1715 г.) Всѣ переселенцы, являющіеся въ слободскую Украину со времени царя Алексѣя Михайловича поселяются за бѣлогородской чертой, основывая рядъ новыхъ городовъ и селеній; они не только получаютъ все необходимое для перваго обзаведенія, но удерживаютъ даже свой козацкій строй; переселенцы, кромѣ того, пользовались правомъ безпошлинной пропинаціи, безоброчнаго пользованія землями и угодьями и проч.; за все это на нихъ лежала единственная обязанность защищать предѣлы государства. Говоря о каждомъ отдѣльномъ массовомъ переселеніи, авторъ отмѣчаетъ его поступательное движеніе къ востоку и югу, выражавшееся въ сооруженіи новыхъ городовъ; время ихъ основанія тщательно изслѣдуется авторомъ. Сооруженіемъ новыхъ городовъ завѣдывали, подъ наблюденіемъ воеводы, осадчіе; дѣятельность нѣкоторыхъ осадчихъ простиралась на значительную территорію; эти лица получали на осаду особыя грамоты. Такъ какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича усилилась колонизація и переселенцы являлись цѣлыми толпами, то дарованныя имъ льготы, на которыя мы указали выше, утверждались за ними рядомъ жалованныхъ грамотъ; всѣ такія грамоты исчисляются и разбираются авторомъ. Такъ какъ на внутреннемъ строѣ жизни новопоселившихся за бѣлогородской чертой колонистовъ отражались татарскіе набѣги и внутреннія смуты (Выговскаго, Брюховецкаго, Разина и друг.), то авторъ обращаетъ на это вниманіе, разсматривая каждое отдѣльное явленіе. Подъ вліяніемъ этихъ условій жизнь колонистовъ принимала особый складъ, сочетаніе военнаго-козацкаго и земледѣльческо-промышленнаго быта. Система обороны осталась та же, что и въ предшествующую эпоху на бѣлогородской чертѣ: сильнѣе укрѣпленные города, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и центральными въ административномъ отношеніи, т. е. полковыми городами, составляли съ своими окологородными острожками и валами новую оборонительную линію. За козацкой колонизаціей слѣдуетъ крестьянско-владѣльческая: лица, получавшія во владѣніе землю, брали обыкновенно у воеводы или гетмана дозволительныя листы на устройство слободъ, въ которыя и привлекали крестьянъ. Появленіе владѣльческихъ слободъ авторъ относитъ къ самому раннему періоду исторіи заселенія слободскихъ полковъ. Онъ обращаетъ также вниманіе и на

монастырскую колонизацію. Всѣ монастыри авторъ считаетъ основанными малорусскими монахами, выходцами изъ за польскаго рубежа, или козацкой старшиной: они были надѣляемы землями и богатыми угодьями, пользовались льготами, а потому легко и скоро наполнялись. Иноземная колонизація въ краѣ также занимаетъ видное мѣсто: вождями ея были, напр., князь Кантемиръ и молдаване, полковникъ Танскій изъ Заднѣпровья, сербы, калмыки и даже цыгане и евреи. Старые города Украины, переполнившіеся населеніемъ въ XVIII в., стали также выдѣлять изъ себя колонистовъ за черту: многіе города слободской Украины были населены такимъ образомъ, особенно— г. Изюмъ, острогожскій уѣздъ и друг. Всѣ города, заселенные путемъ такой внутренней колонизаціи отмѣчены авторомъ. Расширяя свои предѣлы, жители полковъ слободской Украины должны были приходить въ столкновеніе со своими сосѣдями на всѣхъ окраинахъ; и дѣйствительно, авторъ находитъ слѣды такихъ споровъ и подробно передаетъ ихъ: споры эти касались преимущественно права владѣнія землей и слободскіе полки вели ихъ съ малороссійскими полками, бѣлогородскимъ и воронежскимъ краями и, наконецъ, областью войска донскаго. Споры съ сосѣдями указываютъ приблизительно предѣлы слободскихъ полковъ или провинцій, каковыми они являются позже, и авторъ опредѣляетъ пространство этихъ провинцій, сравнительно съ настоящими уѣздами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ означаетъ количество городовъ, мѣстечекъ, селъ, деревень, слободъ и хуторовъ на пространствѣ провинцій и приводитъ цифры населенія въ нихъ. Въ заключеніе авторъ касается отношенія центральнаго правительства къ малорусской колонизаціи и находитъ, что правительство Алексѣя Михайловича, недовольное малороссами въ первой половинѣ XVII вѣка, вслѣдствіе нападеній воровскихъ людей, перемѣняетъ свое отношеніе къ ней со времени присоединенія Малороссіи и, принимая переселенцевъ, даетъ всѣ желательныя для населенія льготы. Такимъ образомъ, «московскіе государи самымъ тщательнымъ образомъ регулировали дѣло заселенія южной степной окраины государства», тогда какъ «польское правительство не хотѣло и не могло взять въ свои руки руководительство въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края». Таково въ самыхъ краткихъ словахъ содержаніе обширнаго и интереснаго труда Д. И. Багалѣя. Изъ изложеннаго видно, какое важное значеніе для южно-русской исторіи имѣетъ этотъ трудъ, и читатели, надѣемся, не поставятъ намъ въ вину того, что мы подробно передали его содержаніе.

Однако, при разработкѣ вопроса о колонизаціи степной окраины, почтенный изслѣдователь, кажется намъ, упустилъ изъ виду одно обстоятельство, отразившееся на полнотѣ труда. Мы думаемъ, что всякій вопросъ о заселеніи какой либо мѣстности въ прошломъ (исключая, конечно, болѣе древніе періоды исторіи) можетъ быть разрѣшенъ, на основаніи двоякаго рода матеріала: историко-юридическаго и статистическаго. Разработка того и другаго можетъ производиться одновременно, если для изслѣдованія избирается небольшой періодъ времени, небольшая территорія или, вообще, какое нибудь не особенно крупное колонизаціонное движеніе, но съ величайшимъ трудомъ совмѣстимо одновременное изученіе обоихъ родовъ матеріала при такихъ широкихъ задачахъ, какія принялъ на себя проф. Багалѣй. Онъ, найдя массу историко-юридическихъ документовъ и статистическихъ данныхъ, отдалъ предпочтеніе первымъ; имъ однимъ посвятилъ все свое вниманіе, оставивъ въ сторонѣ вторыя. Этимъ и объясняются упреки оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ критиковъ, что авторъ не изслѣдовалъ разрядныхъ и писцовыхъ книгъ, касающихся той мѣстности, исторію заселенія которой онъ написалъ, что онъ ссылается не на первоисточники, а на труды, хотя и очень почтенные, но предназначенные, по самому характеру своему, для ознакомленія съ сырымъ матеріаломъ и выбора изъ него необходимаго въ каждомъ данномъ случаѣ; этимъ же обстоятельствомъ мы объясняемъ недостаточную обработку статьстическаго матеріала (напр., стр. 250, 251, 412, 413): Измѣненіе величины цифръ является какъ будто произвольнымъ, случайнымъ, и не объясняется никакими мотивами. Кромѣ того цифры здѣсь сообщаются отдѣльно для каждаго города, тогда какъ, по нашему мнѣнію, ихъ слѣдовало бы брать сначала общими итогами и потомъ уже распредѣлять переселенцевъ и по мѣстамъ ихъ выхода, и по мѣстамъ ихъ новаго поселенія: получилось бы двѣ картины: разрѣженіе населенія или даже опустѣніе одной области и наплывъ въ другую; изученіе историческихъ фактовъ дало бы объясненіе и тому и другому явленію. Авторъ избѣгнулъ бы и кажущейся апріорности нѣкоторыхъ положеній, напр., объ увеличеніи числа однодворцевъ въ XVIII в. (стр. 351), о возвышеніи Харькова и Змiева надъ другими городами (428, 429), о возростаніи числа посполитыхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ (стр. 508) и друг.

Намъ кажется, что нельзя согласиться также и съ нѣкоторыми другими выводами почтеннаго автора: говоря, напр., о колонизаціи малороссовъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича и изображая

литовско-русскій государственный строй этого времени, авторъ сравниваетъ староства съ уѣздами и станами сѣверной Руси, а старостъ съ воеводами. Если такое сравненіе и можно допустить, то лишь для времени до люблинской уніи (авторъ не говоритъ опредѣленно, какое время онъ разумѣетъ); въ царствованіе же Михаила Өеодоровича, съ котораго собственно и начинается изслѣдованіе Д. И. Багалѣя, край давно уже дѣлился на воеводства и повѣты, обнимавшіе большія пространства, въ которыхъ административными центрами являются повѣтовые города, староства же, будучи королевскими имѣніями, занимали лишь небольшую территорію среди развившагося шляхетскаго землевладѣнія и старосты въ повѣтовыхъ городахъ удерживали въ своихъ рукахъ исключительно судебныя функціи, а во второстепенныхъ городахъ (державцы) являлись лишь пожизненными владѣльцами старостъ.

Мы не можемъ, въ свою очередь, согласиться съ отождествленіемъ Д. И. Багалѣемъ бояръ и земянъ, особенно послѣ люблинской уніи. Тѣ и другіе, хотя и выдѣлились изъ древняго русскаго боярства въ періодъ литовскихъ князей, но различались уже обязанностями своими по отношенію къ государству: земяне несли исключительно военную повинность, а бояре—ямскую или сторожевую, тѣ и другіе владѣли за службу землей. Послѣ люблинской уніи земяне были приравнены къ шляхтѣ, а бояре слились съ посполитыми. Мнѣніе Д. И. Багалѣя о томъ, что козачество какъ бы выдѣлялось изъ мѣщанства, недостаточно обосновано.

Жители городовъ особыми пожалованными имъ правами соединены были въ отдѣльное сословіе; что же касается до козачества, населявшаго города, то оно представляло военное сословіе, которое подъ предводительствомъ старостъ защищало окраины государства, а болѣе позднее по происхожденію низовое козачество образовалось изъ элементовъ недовольныхъ и неспокойныхъ представителей другихъ сословій. Вообще, вопросъ о происхожденіи козачества у насъ не рѣшенъ еще окончательно.

Отвѣчая своимъ критикамъ, г. Багалѣй намѣчаетъ содержаніе имѣющаго выйти 2 тома, который долженъ будетъ заключать въ себѣ исторію сословій: каждому сословію онъ предполагаетъ удѣлить одну главу. Мы думаемъ, что въ виду громадности матеріала, который можетъ служить для исторіи сословій, каждое изъ нихъ можетъ быть предметомъ особой монографіи, болѣе или менѣе обширной. Конечно, ихъ можно соединить и въ одинъ томъ, но въ такомъ слу-

чаѣ или исторія отдѣльныхъ сословій будетъ разработана не во всей своей полнотѣ, а лишь намѣчены главные моменты ея развитія, или, можетъ быть, авторъ ограничитъ свое изслѣдованіе небольшимъ промежуткомъ времени? Пока, нельзя не поблагодарить автора за то, что имъ уже сдѣлано. Путь для дальнѣйшей разработки исторіи колонизаціи харьков. губ. проложенъ, а это дѣло и главное, и трудное.

И. Каманинъ.

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1888 г. Вып. 2-й. Изд. харьков. статистич. комитета подъ ред. члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ. 1888 годъ.

Въ существованіи «Харьковскаго Сборника» и въ большомъ спросѣ на него нельзя не видѣть назрѣвшей потребности въ большомъ изданіи не спеціально историческомъ, но общаго научно-литературнаго характера, гдѣ нашли бы себѣ мѣсто статьи по различнымъ вопросамъ, представляющимъ живой интересъ для юга Россіи и почти не затрогиваемымъ въ столичныхъ изданіяхъ. Мы увѣрены, что возникновеніе такого органа вызвало бы къ дѣятельности многія, дремлющія теперь за недостаткомъ исхода, научныя и литературныя силы. То же, хотя нѣсколько неопредѣленно и туманно, выражено и въ предисловіи къ «Сборнику» его молодой редакціей, говоримъ молодой въ смыслѣ происшедшей въ ней перемѣны: мѣсто П. С. Ефименка занялъ В. И. Касперовъ.

Что въ Харьковѣ нѣтъ недостатка въ интеллигентныхъ силахъ, доказывается содержаніемъ разбираемаго нами «Сборника». Оно весьма разнообразно и богато. «Сборникъ» распадается на два отдѣла: статистико-экономическій и научно-литературный (точнѣе историко-этнографическій). Библіографія не присоединена ни къ одному изъ этихъ отдѣловъ, хотя и не выдѣлена въ особый.

Въ первомъ отдѣлѣ въ трудахъ гг. Совѣтова, Кулешова, Павловича, Верещагина, Черняева, Тимофеева, Тарасова, Шишкина, Фортунатова, Калантара, Могиленскаго и др. обозрѣваются результаты всероссійской сельско-хозяйственной выставки 1887 г. въ Харьковѣ, результаты дѣятельности харьковскаго земства и желѣзно-дорожнаго хозяйства. Отмѣтимъ еще въ этомъ отдѣлѣ статьи: Г. Н. Литошенка «Община въ купянскомъ уѣздѣ» и Н. Савицкаго «Кустарные промыслы въ харьковской губ.»

Во второмъ, литературно-научномъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаетъ перепечатка «Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества», изданнаго какъ разъ сто лѣтъ тому назадъ; къ перепечатанному «Описанію» проф. Д. И. Багалѣемъ сдѣлано предисловіе; въ немъ ставится вопросъ объ авторѣ этого сочиненія и источникахъ сего послѣдняго; авторомъ его г. Багалѣй, на основаніи недавно опубликованнаго документа, считаетъ капитана Н. Загоровскаго, но не отрицаетъ участія и Н. Переверзева, директора училищъ харьковской губерніи, которому до сихъ поръ приписывалось «Описаніе». Что касается до источниковъ, то упоминаніе о трехъ изданіяхъ «Описанія»: 1785, 1787 и 1788 гг. даетъ г. Багалѣю возможность утверждать, что первое изданіе служило источникомъ для двухъ послѣднихъ и авторомъ его именно и былъ Переверзевъ; съ доводами Д. И. Багалѣя нельзя не согласиться. «Описаніе» дѣлится на двѣ части: историческую и географическую; насколько первая преисполнена грубыхъ ошибокъ, настолько вторая точна и обстоятельна. Въ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ статьи, г. Багалѣй дѣлаетъ нѣкоторыя исправленія и дополненія къ «Описанію», касающіяся главнымъ образомъ вопроса объ основаніи нѣкоторыхъ городовъ, направленія дорогъ, открытія ярмарокъ и проч. Вообще, нельзя не поблагодарить проф. Д. И. Багалѣя за весьма умѣстное 2-е изданіе этого цѣннаго источника для южно-русской исторіи.

Здѣсь же рядомъ помѣщена небольшая статья г. П. И.: «Народныя представленія и вѣрованія, относящіеся къ внѣшнему міру»; она заключаетъ въ себѣ матеріалы для характеристики крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда, собранные авторомъ, какъ лично, такъ и чрезъ учителей и учительницъ сельскихъ школъ; матеріалъ распредѣляется по слѣдующимъ рубрикамъ: небесныя свѣтила и небо; атмосфера и ея явленія; царства животныхъ, птицъ и растеній.

Въ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова: «Культурный уголокъ харьковской губерніи» разсказывается, на основаніи писемъ А. А. Палицына, служившаго адъютантомъ при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ, о чрезвычайно любопытномъ и отрадномъ явленіи въ старое время. Выйдя въ отставку, А. А. Палицынъ поселился въ селѣ Поповкѣ сумскаго уѣзда; все свое время онъ проводилъ «въ литературныхъ занятіяхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ; при чемъ на 70-мъ году жизни увлекался красотами мѣстной природы со свѣжестью чувствъ юноши; около Палицына собралось нѣ-

сколько болѣе или менѣе талантливыхъ мѣстныхъ писателей и художниковъ; Палицынъ высоко цѣнилъ просвѣтительное значеніе этого кружка, называемаго имъ въ шутку, въ письмахъ, поповской академіей, и желалъ появленія другихъ такихъ же центровъ просвѣщенія. Къ кружку Палицына принадлежало немного лицъ, именно: кромѣ жены и дочери, Н. Ѳ. Алферовъ, В. И. Ярославскій, Е. И. Станевичъ, П. и М. Байковы, М. Г. Ушинскій, А. И. Кардашевскій и друг. О благотворномъ вліяніи Палицына на членовъ своего кружка говорятъ Каразинъ и Данилевскій; но еще болѣе сдѣлалъ для оцѣнки дѣятельности и признанія заслугъ Палицына харьковскій университетъ, избравъ его въ свои почетные члены. Къ сожалѣнію, авторъ не обратилъ вниманія на мотивы избранія и на отношеніе Палицына къ университету до избранія. Здѣсь что то неясно: или дѣятельность Палицына была болѣе громка и извѣстна въ свое время, чѣмъ представляетъ ее авторъ, или Палицынъ стоялъ къ университету ближе, и автору неизвѣстно объ этой близости. Этотъ безпримѣрный фактъ, весьма отрадный и, къ прискорбію, почти невозможный въ наше время, вполнѣ заслуживалъ того, чтобы на немъ остановиться побольше. Въ приложеніи г. Сумцовъ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми литературными произведеніями Палицына, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя упомянуты въ самой статьѣ. Не была ли литературная дѣятельность главнымъ поводомъ къ избранію Палицына въ почетные члены?

Съ удовольствіемъ читается статья А. Твердохлѣбова: «Котельва» — историко-статистическое описаніе этого мѣстечка и прилежащихъ къ нему селъ; между Котельвой въ прошломъ столѣтіи и современной сдѣлано наглядное, живое сравненіе и отмѣчены характерныя особенности каждой эпохи; при этомъ авторъ предлагаетъ даже краткіе біографіи наиболѣе извѣстныхъ уроженцевъ мѣстечка, стараясь представить черты ихъ нравственной жизни.

«Археологическія, этнографическія и топографическія замѣтки о харьковской губерніи» составлены проф. Д. И. Багалѣемъ, благодаря призыву П. С. Ефименка къ читателямъ «Сборника» о доставкѣ всякаго рода корреспонденцій относительно предметовъ древности: на призывъ отозвались нѣкоторые священники и частныя лица; ихъ то корреспонденціи и послужили автору основой для его статьи. Весь этотъ матеріалъ Д. И. Багалѣй распредѣляетъ на слѣдующія группы: 1) извѣстія о городищахъ и курганахъ; 2) извѣстія объ остаткахъ и развалинахъ прежнихъ крѣпостей; 3) о монетахъ; 4) о наход-

кахъ стариннаго оружія; 5) о рукописяхъ и предметахъ искусства; 6) о замѣчательныхъ историческихъ могилахъ и легендахъ о нихъ. Отвѣтственность за достовѣрность всѣхъ этихъ извѣстій авторъ оставляетъ на корреспондентахъ. Статья проф. Багалѣя убѣждаетъ въ существованіи большаго количества памятниковъ старины въ харьковской губ. и въ живой связи между читателями «Харьковскаго Сборника» и его редакціей.

Очень цѣнной мы находимъ статью того же проф. Д. И. Багалѣя: «Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII в.в.» Этотъ очеркъ составленъ на основаніи дѣлъ харьковскаго историческаго архива и представляетъ истинный вкладъ въ науку. Всякій, кто касался культурной исторіи русскаго народа, не могъ не чувствовать, какой громадный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ составляетъ отсутствіе и разработка данныхъ о состояніи промышленности и торговли въ разное время и въ разныхъ окраинахъ; поэтому, нельзя не согласиться съ авторомъ, что «исторія южно-русской торговли ожидаетъ еще своего изслѣдователя». Въ своемъ изслѣдованіи авторъ различаетъ три рода ярмарокъ по важности ихъ: большія, среднія и малыя; первыхъ было 6, вторыхъ—10 и третьихъ—203; на большія и среднія ярмарки привозимы были иностранные товары; малыя же служили мѣстомъ сбыта продуктовъ внутренняго производства; вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ указываетъ тѣ сосѣднія государства, которыя входили въ торговыя сношенія съ слободской Украиной, и тѣ произведенія, какія они вволили и вывозили; наконецъ, нельзя не пожалѣть, вмѣстѣ съ авторомъ, что у него недоставало статистическихъ данныхъ для опредѣленія размѣровъ торговли.

Большой интересъ имѣетъ также, отчетъ о «первомъ годѣ харьковской общественной библіотеки». Учрежденіе библіотеки было задумано еще въ 30-хъ годахъ; она тогда же была и открыта; но равнодушіе публики, не посѣщавшей ее, предало ее забвенію; она была заброшена; равнодушіе же публики отчасти происходило и отъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ стояла тогда библіотека: не было ни сноснаго помѣщенія, ни служащаго персонала, ни опредѣленныхъ часовъ для пользованія книгами. Только теперь, черезъ 50 лѣтъ, означенныя неудобства устранены; 26 сентября 1886 года библіотека снова была открыта. И что же? Библіотеку въ первомъ же году посѣтило 70,000 лицъ, т. е. около 6000 человѣкъ въ мѣсяцъ. Успѣхъ поразительный и знаменательный. Въ настоящее время воз-

бужденъ уже вопросъ объ учрежденіи нѣсколькихъ отдѣловъ библіотеки для народнаго чтенія въ разныхъ частяхъ города. Нельзя не порадоваться этому отрадному явленію.

Г. Н. Л—ій въ собранныхъ имъ «народныхъ колыбельныхъ пѣсняхъ» хотѣлъ доказать существованіе того нѣжнаго чувства къ дѣтямъ въ крестьянской семьѣ, которое, заглушаемое дневными заботами о насущномъ хлѣбѣ, очень рѣдко проявляется.

Въ замѣткѣ И. А. Зарѣцкаго «о древностяхъ харьковской губ. богодуховскаго уѣзда слободы Лихачевки» указаны весьма многочисленные вещественные слѣды былой жизни населенія въ предметахъ вооруженія, домашней утвари, украшеніяхъ одежды и проч.; здѣсь среди остатковъ каменнаго и бронзоваго періода попадаются и желѣзныя издѣлія; встрѣчаются также и монеты римскихъ императоровъ II-го и III-го вѣковъ по Р. Х.; на основаніи изслѣдованія всѣхъ указанныхъ предметовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что они принадлежатъ какому то славянскому племени, находившемуся подъ властью римлянъ и переживавшему конецъ бронзоваго и начало желѣзнаго періодовъ. Къ статьѣ приложены изображенія предметовъ древности въ сл. Лихачевкѣ.

Въ заключеніе сообщены некрологи почтенныхъ дѣятелей Харькова, сошедшихъ въ могилу въ прошломъ году: проф. зоологіи Л. С. Ценковскаго, университетскаго садовника П. П. Поликарпова и смотрителя духовнаго училища Г. Г. Лапчинскаго.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ «Сборника» разборы книгъ хотя и краткіе, но выводы авторовъ переданы точно; въ оцѣнкѣ книгъ чувствуется безпристрастіе. Все наиболѣе выдающееся, вышедшее въ свѣтъ и касающееся Харькова и его губерніи или изданное въ немъ обстоятельно разсмотрѣно въ этомъ отдѣлѣ.

И. Каманинъ.

Двадцатипятилѣтіе изданія Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1886 г.) Каменецъ-Подольскъ. 1887. 20+15 стр. (Отд. оттискъ изъ Подольск. Еп. Вѣд. 1887 г., № 1). Указатель неоффиціальной части Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Составилъ Ювеналій Тиховскій. Почаевъ. 1888. 8°. 275 стр. Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 25 лѣтъ изданія ихъ, съ 1863 по 1888 г. Составилъ протоіерей Петръ Мазановъ. Полтава. 1888. 8°. 197 стр.

Кто то сравнилъ указатели, помѣщаемые при ученыхъ изданіяхъ, съ проѣзжими дорогами: какъ трудно ѣздить при отсутствіи дорогъ, такъ трудно пользоваться научнымъ изданіемъ, когда оно не имѣетъ при себѣ указателя. Какъ благодарятъ путешественники правителей за устройство въ странѣ хорошихъ дорогъ, такъ признательны книжные люди составителямъ указателей къ книгамъ и журналамъ.—Четверть вѣка назадъ въ большинствѣ губернскихъ городовъ начали издаваться Епархіальныя Вѣдомости, въ «неоффиціальной части» которыхъ стали печататься разныя статьи научнаго содержанія по мѣстной церковной исторіи. На страницахъ нѣкоторыхъ изъ Епарх. Вѣдом. появились замѣчательные труды мѣстныхъ духовныхъ ученыхъ, при чемъ достаточно указать на Описаніе черниговск. епархіи Филарета Черниговскаго, печатаніемъ котораго ученый авторъ открылъ изданіе Черниг. Епарх. Вѣд. Цѣнныя ученыя работы помѣщали на своихъ страницахъ и другія Епархіальныя В—ти, преимущественно по разработкѣ мѣстной церковной старины. Все это хорошо извѣстно книжнымъ людямъ, но бѣда въ томъ, что пользованіе Епарх. Вѣд. чрезвычайно затруднительно, такъ какъ полные экземпляры ихъ можно найти только на мѣстѣ и при томъ лишь у аккуратныхъ приходскихъ священниковъ. При такой недоступности этихъ изданій, указатели къ нимъ болѣе чѣмъ необходимы: можно справиться—что можно найти на страницахъ вѣдомостей той или другой епархіи и затѣмъ уже приниматься и за розыски самихъ вѣдомостей...

Сколько мы знаемъ, изъ южнорусскихъ Епархіальныхъ В—тей до настоящаго времени дали указатель, и притомъ прекрасно составленный, однѣ лишь Кіевскія Епарх. В—ти, за первое десятилѣтіе своего существованія (1861—1870 г.). Теперь явилось три указателя сразу, при помощи которыхъ можно получить полное знакомство съ Подольскими, Волынскими и Полтавскими Епарх. Вѣд. По богатству

содержанія, первое мѣсто занимаютъ Волынск. Епарх. Вѣд. Богатство содержанія ихъ можно видѣть отчасти изъ примѣчаній къ недавно изданной книгѣ Н. И. Петрова—«Волынь». Однимъ изъ главныхъ источниковъ служатъ Волынск. Еп. Вѣд. и для труда г. Теодоровича—«Описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи», первая книга котораго напечатана въ прошломъ году (Почаевъ. 1888).—На страницахъ Волынск. Еп. Вѣд. появились цѣнныя изслѣдованія какъ, напр., архимандр. Амвросія Лотоцкаго,—«Сказаніе о почаевской Успенской лаврѣ» (въ отд. оттиск. 296 стр.), г. Селецкаго—«Острожская типографія и ея изданія» (въ отд. отт. 227 стр.). Особенно много потрудились для мѣстной волынской исторіи недавно умершій протоіерей Андрей Хойнацкій и свящ. Аполлоній Сендульскій, котораго мѣстная исторіографія не забудетъ за трудолюбиво обработанные имъ историческіе очерки отдѣльныхъ мѣстностей волынской земли. Волынскія Еп. Вѣд. не чуждаются и публицистики: на страницахъ ихъ встрѣчаемъ напр. немало статей по еврейскому вопросу, изъ которыхъ многія не должны быть обойдены изслѣдователемъ сего сложнаго вопроса въ жизни югозападной Руси.

Составленный къ Вол. Еп. Вѣд. г. Тиховскимъ указатель раздѣленъ на два отдѣла: исторія и проповѣдничество; оба отдѣла подраздѣлены на группы: исторія—по мѣстностямъ, а проповѣдничество—по отношенію проповѣдей къ тѣмъ или другимъ событіямъ. Въ концѣ находится указатель авторовъ статей. Вообще указатель г. Тиховскаго составленъ настолько обстоятельно, что его можно поставить образцомъ для другихъ работъ сего рода[1]).

Указателю къ Подольск. Еп. Вѣд. предпосланъ историческій очеркъ изданія и обозрѣніе важнѣйшихъ статей по мѣстной исторіи.—Въ Подольск. Еп. Вѣд. такъ же, какъ и въ Волынскихъ, находимъ цѣнныя монографіи по изученію мѣстной, преимущественно церковной, исторіи, изъ которыхъ можно назвать слѣдующія: 1) Глищинскаго, Истор.-статист. описаніе подольской епархіи, 1862 г.; 2) Симашкевича, Истор.-стат. и этногр. очеркъ Подоліи, 1875 и 1876 г.г.; 3) его же,

[1]) Указатель г. Тиховскаго первоначально печатался приложеніемъ къ Вол. Еп. Вѣд. за 1888 г. Присылая къ намъ отдѣльный оттискъ своего указателя, г. Тиховскій проситъ насъ извѣстить, что послѣдній въ продажу едва ли поступитъ, но что лица, интересующіяся его книгой, „благоволятъ прислать составителю свой адресъ и указатель будетъ имъ высланъ съ удовольствіемъ“. Адресъ составителя: Ст. Млыновъ, волынск. губ., настоятелю хорупанскаго прихода о. Павлу Совицкому, для передачи Ю. Тиховскому. *Ред.*

Римское католичество и его іерархія въ Подоліи, 1871 и 1872 г.г. (въ отдѣльн. оттиск.—528 стр.); 4) Ист.-стат. опис. приходовъ и церквей брацлавскаго уѣзда, 1875 и 1876 г.г.; 5) Хойнацкаго, Преп. Іовъ, игуменъ почаевскій и затѣмъ множество историческихъ очерковъ разныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ Подоліи.—Подольск. Еп. Вѣд. отличаются отъ другихъ тѣмъ, что помѣстили на своихъ страницахъ не мало статей этнографическаго содержанія, преимущественно о народныхъ обычаяхъ въ важнѣйшіе моменты человѣческой жизни: при сватьбахъ, похоронахъ и проч. Кромѣ того въ Под. Еп. Вѣд. помѣщено нѣсколько интересныхъ монографій, касающихся вообще исторической жизни югозападной Руси, какъ напр. статьи Н. И. Яворовскаго: 1) Медовареніе на Руси и остатки при церквахъ подольск. епархіи, 1878 г. и 2) Памятники уніатской церковной литературной дѣятельности въ к. прошл. и нач. настоящ. стол. Особенно интересна первая статья, заключающая въ себѣ исторію исчезновенія такъ называемыхъ «кануновъ». Указатель къ Под. Еп. Вѣд. составленъ съ раздѣленіемъ содержанія послѣднихъ на два отдѣла: въ первомъ перечислены—«историко-статистич. описанія Подоліи и въ частности монастырей, церквей и приходовъ под. епархіи», а во второмъ—«статьи, заключающія историческія, этнографическія и другія свѣдѣнія о Подоліи и югозападномъ краѣ».

Въ видѣ приложенія къ Под. Еп. Вѣд. издаются Труды Комит. для истор.-стат. описанія подольск.епархіи, которыхъ по настоящее время издано три выпуска. Содержаніе этихъ трудовъ также введено въ указатель.

Указатель къ Полтавск. Еп. Вѣд. раздѣленъ на нѣсколько отдѣловъ, въ которыхъ затѣмъ статьи перечисляются въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣхъ статей перечислено 1292; изъ нихъ: «статей историко-біографическихъ»—50 и «историко-статистическихъ»—98. Эти два отдѣла только и составляютъ матеріалъ для мѣстной церковной исторіи. За 25-ть лѣтъ своего существованія Полтавск. Епарх. Вѣд. сдѣлали немного. Изъ сотни «историко-статистическихъ» статей, содержательныхъ очень мало; большинство ихъ составляютъ коротенькіе очерки того или другаго села съ бѣдными свѣдѣніями о приходскихъ храмахъ. Изъ статей, имѣющихъ какое нибудь содержаніе, можно указать на Историческій очеркъ полтавской епархіи, игумена Поліевкта, и на статьи г. Левицкаго о закрытыхъ монастыряхъ той же епархіи. Видно, что лица, удѣлявшіе досуги свои на разработку мѣстной церковной старины, относились къ этому предмету или безъ всякой подготовки, или же формально...

А. Л.

Pulaski Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków. 1887.
(Пуласкій Казиміръ. Историческіе очерки и изслѣдованія).

Среди историческихъ польскихъ писателей, заявившихъ себя серьезными работами въ послѣднее время, весьма видное мѣсто занимаетъ г. Пуласкій. Первый его, насколько намъ извѣстно, трудъ вышелъ въ 1881 г. въ Варшавѣ подъ заглавіемъ «Отношенія Польши къ татарамъ; томъ I—отношенія къ хану перекопскому Менгли-Гирею (1469—1515)»[1].—Это весьма обстоятельное и серьезное изслѣдованіе снабжено объемистымъ приложеніемъ, въ которомъ помѣщено 158 документовъ, относящихся къ предмету изслѣдованія, заимствованныхъ по большей части изъ Литовской Метрики.

Сочиненіе, котораго заглавіе мы выписали выше, представляетъ второй трудъ г. Пуласкаго, особенно интересный для насъ потому, что изъ числа семи монографій, входящихъ въ его составъ, пять посвящены различнымъ эпизодамъ исторіи южно-русскаго края. Первый очеркъ «Дикія поля» и шестой «Остафій Дашкевичъ» тѣсно связаны между собою содержаніемъ и потому мы ихъ разсмотримъ вмѣстѣ; въ очеркахъ этихъ авторъ изображаетъ состояніе степной украины в. княжества литовскаго въ концѣ XV и въ XVI столѣтіи. Основываясь по преимуществу на актахъ и документахъ и дополняя ихъ свѣдѣнія данными лѣтописными, которыми онъ пользуется впрочемъ съ должною критикою и осторожностью, авторъ возсоздалъ весьма живую и вполнѣ реальную картину жизни литовской украины въ теченіе избраннаго имъ столѣтія: Мы здѣсь находимъ разсказъ о борьбѣ мѣстнаго населенія съ татарами, о значеніи украинныхъ старостъ, о постепенномъ развитіи колонизаціи, о зарожденіи козачества; затѣмъ по документальнымъ источникамъ опредѣлены права, обязанности, занятія и промыслы разныхъ группъ, на которыя распадалось населеніе края: земянъ, козаковъ, бояръ и мѣщанъ. Біографія Остафія Дашкевича служитъ какъ бы иллюстраціею общей картины состоянія края. Всѣ свѣдѣнія заимствованы авторомъ изъ первыхъ источниковъ: Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи, Архива юго-западной Россіи, Литовской Метрики и т. д. Въ разсказѣ своемъ авторъ, встрѣчаясь съ спорными или еще не разрѣшенными вопросами, высказываетъ взгляды вполнѣ научные или ставитъ весьма

[1]) Stosunki Polski z tatarszczyzną od połowy XV wieku; tom I—Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów Perekopskich (1469—1515).

осторожно предположенія очень правдоподобныя; такъ, онъ указываетъ на ошибку многихъ историковъ, считавшихъ украинныхъ старостъ козацкими гетманами (стр. 6), опредѣляетъ точно разницу исторической роли городоваго козачества и Запорожья (стр. 13), высказываетъ предположеніе, что первыми представителями козачества, могли быть исконные русскіе обитатели степной украины, уцѣлѣвшіе въ ней послѣ татарскихъ погромовъ и т. п. Вообще, и по выбору и по полнотѣ источниковъ [1]) и по научнымъ пріемамъ пользованія ими, несомнѣнно трудъ г. Пуласкаго принадлежитъ къ числу лучшихъ работъ по избранному имъ сюжету. Оцѣнивая вполнѣ научныя достоинства труда г. Пуласкаго, мы съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ должны указать на одинъ крупный недостатокъ, который нѣсколько удивляетъ насъ въ виду научныхъ критическихъ пріемовъ автора и его полнаго объективизма: г. Пуласкій не успѣлъ вполнѣ стряхнуть съ себя дурныхъ привычекъ той исторической школы, въ которой онъ онъ воспитался, и въ силу этого онъ въ иныхъ случаяхъ переноситъ, вѣроятно незамѣтно для самаго себя, понятія и отношенія послѣдующей эпохи на время предъидущее. Въ этомъ отношеніи существенная ошибка г. Пуласкаго состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ русскія области великаго княжества литовскаго входившими въ составъ Польши, подлежавшими польскому законодательству и польскому устройству еще до люблинской уніи, т. е. въ то время, когда в. княжество литовское составляло совершенно самостоятельное государство, связанное съ Польшею лишь въ династическомъ отношеніи, но совершенно независимое по отношенію къ законодательству, администраціи и устройству внутренняго быта, сложившагося въ свои оригинальныя формы, не имѣвшія ничего общаго съ Польшею. Такое смѣшеніе двухъ разныхъ эпохъ жизни края мы замѣчаемъ у г. Пуласкаго слишкомъ часто; такъ, говоря о концѣ XV и первой половинѣ XVI ст., онъ утверждаетъ, что *Польша* отражала татаръ на Поднѣстровіи (стр. 4), что *Польша* потеряла въ этой борьбѣ громадное количество населенія (стр. 12), что при Александрѣ Казимировичѣ *каневскіе* старосты стояли на сторожѣ *польско*-литовскихъ земель (стр. 25), что въ 1551, Сигизмундъ II держалъ въ *Черкассахъ*

---

[1]) Г. Пуласкій не воспользовался однимъ матеріаломъ—Описаніемъ украинныхъ замковъ—и самъ жалуется на недостатокъ этого матеріала (стр. 26). Къ сожалѣнію тотъ томъ Архива юго-западной Россіи, въ которомъ помѣщены эти описанія, появился въ свѣтъ позже разбираемыхъ очерковъ

польскій гарнизонъ (стр. 28), что кн. Дмитрій Вишневецкій защищалъ границы *Польши* (стр. 33) и т. п.

Какъ ни непріятно встрѣчать въ серьезной и почтенной монографіи частое повтореніе явной ошибки, мы бы еще съ нею помирились, если бы она проявлялась только въ рѣченіяхъ, подобныхъ приведеннымъ, которыя не заслоняютъ сущности изображаемой картины, но, къ несчастью, раза два указанная ошибка повліяла на автора до того, что заставила его представить въ совершенно ошибочномъ свѣтѣ довольно крупные факты внутренней жизни южно-русскаго края; такъ, авторъ, желая обозначить значеніе украинныхъ старостъ, разсказываетъ о разницѣ староствъ гродовыхъ и негродовыхъ и о распредѣленіи повѣтовъ въ южныхъ воеводствахъ; то и другое обстоятельство онъ представляетъ въ томъ видѣ, въ какомъ гроды и повѣты установились послѣ 1569 года и полагаетъ, что они находились въ томъ же состояніи и въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. Между тѣмъ въ это время гродовыхъ староствъ вовсе не было въ великомъ княжествѣ литовскомъ потому, что не существовалъ и самъ институтъ гродскихъ судовъ; повѣтовъ было гораздо больше и каждый староста или намѣстникъ, управлявшій замкомъ, управлялъ вмѣстѣ съ нимъ и тянувшимъ къ нему повѣтомъ и судилъ его жителей судомъ старостинскимъ (а не гродскимъ). Такъ, въ кіевской землѣ были замки и повѣты, а также управлявшіе ими старосты: черкасскій, каневскій, житомірскій, овручскій, мозырскій, чернобыльскій и остерскій и сверхъ того воевода кіевскій, который, несмотря на свой титулъ, былъ почти равенъ по власти старостамъ и управлялъ только кіевскимъ повѣтомъ, а не позднѣйшимъ кіевскимъ воеводствомъ. Я полагаю, что г. Пуласкій согласится съ этимъ положеніемъ, пересмотрѣвъ описанія замковъ кіевской земли, помѣщенныя въ I томѣ VII-ой части Архива юго-западной Россіи и откажется отъ своего мнѣнія, будто Каневъ и Черкассы въ продолженіи XVI столѣтія не составляли отдѣльныхъ повѣтовъ и принадлежали къ повѣту кіевскому (стр. 22—23).

Въ слѣдствіе той же ошибки г. Пульскій приводитъ постановленіе піотрковскаго сейма 1550 года, въ силу котораго замки и староства рѣшено было раздавать исключительно землевладѣльцамъ-полякамъ шляхетскаго происхожденія, и полагаетъ, что постановленіе это относилось eo ipso къ староствамъ украиннымъ (стр. 24). Но въ 1550 году Литва составляла еще самостоятельное государство, она не принимала участія въ польскихъ сеймахъ и постановленія этихъ

сеймовъ ни въ какомъ случаѣ не относились и не могли быть обязательны для территоріи великаго княжества. Полагаемъ, что самъ почтенный авторъ убѣдится въ этомъ, если взглянетъ нѣсколько пристальнѣе на тѣ документы, которыми онъ пользовался: съ одной стороны въ заглавіи постановленій піотрковскаго сейма онъ найдетъ слѣдующее: «Привилегія короля Сигизмунда Августа, которою онъ подтверждаетъ всѣ привилегіи, права и вольности *коронныя* и т. д. [1]), съ другой онъ встрѣтитъ въ Актахъ, относящихся къ исторіи западной Россіи (т. II, стр. 33) грамоту уставную кіевской земли, изъ которой явствуетъ, что въ землѣ этой и ея повѣтахъ, великіе князья литовскіе обязались давать староства не полякамъ, а исключительно уроженцамъ кіевской же земли: «А волости кіевскія—кіяномъ держати, а иному никому. А *городки кіевскіе* въ нашой воли—кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити». Обязательство это дано было еще в. к. Витовтомъ, затѣмъ возобновлено: Казимиромъ, Александромъ и Сигизмундомъ I; слѣдовательно въ 1550 году при раздачѣ украинныхъ старостъ правительство руководилось этимъ обязательствомъ, а не постановленіями піотрковскаго сейма, относившимися къ землямъ *короннымъ*, но не имѣвшимъ никакой силы для земель *литовскихъ*.

За исключеніемъ этой, хотя крупной, но, какъ намъ кажется, единственной ошибки, мы встрѣтили въ разсматриваемыхъ статьяхъ только 2—3 мелкіе недосмотра, не имѣющіе, впрочемъ, существеннаго значенія; такъ, въ описаніи Канева г. Пуласкій утверждаетъ (стр. 10), что въ этомъ городѣ существовала таможня во время Витовта, названная въ запискахъ Михалона Литвина Витовтовою Банею. Между тѣмъ Михалонъ Литвинъ ясно говоритъ, что эта таможня была у Таванскаго перевоза т. е. гораздо ниже, днѣпровскихъ пороговъ [2]). Затѣмъ, нѣсколько мѣстныхъ терминовъ, какъ кажется, поняты авторомъ не точно: такъ, слово, встрѣтившееся въ актѣ, *осетровая лука* (стр. 38) онъ переводитъ по польски словомъ *łąka*, которое означаетъ лугъ, покрытый травою; на этомъ лугу, конечно, мудрено было бы поймать осетра. Слово *пашня* онъ считаетъ не пахатною землею, а пастбищемъ (стр. 60); наконецъ, одного изъ Дашкевичей онъ на-

---

[1]) Volumina legum т. II, стр. 1, fol. 591.

[2]) In trajectu Borysthenis ad Tovani, ubi etiam hodie extat camera lapidea, quam... balneum Vitovdinum vocant. Отрывки Михалона Литвина, изданіе Калачева, стр. 66.

зываетъ Юхусомъ, вѣроятно, не разобравъ въ рукописи очень употребительнаго въ XVI в. имени Юхно (стр. 235).

Въ четвертомъ очеркѣ[1]) «Хозяйство королевы Боны въ украинныхъ земляхъ» мы встрѣчаемъ весьма подробный и интересный очеркъ хозяйственной дѣятельности королевы Боны въ подаренныхъ ей или пріобрѣтенныхъ ею имѣніяхъ на Волыни и въ Подоліи, въ волостяхъ: барской, кременецкой и ковельской; статья эта даетъ прекрасную характеристику личности самой королевы Боны и вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ весьма живую и полную картину экономическихъ отношеній, существовавшихъ въ городахъ и селахъ южно-русскаго края въ первой половинѣ XVI в.; матеріаломъ для статьи послужили по преимуществу документы, помѣщенные въ изданіяхъ кіевской археографической коммиссіи, а также переписка Боны съ своими управляющими и арендаторами, извлеченная г. Пуласкимъ изъ его собственнаго архива. Нѣсколько изъ этихъ документовъ онъ напечаталъ in extenso въ теченіи разсказа. Въ прекрасной статьѣ этой мы замѣтимъ лишь одну мелкую неточность: въ одномъ изъ писемъ Боны встрѣтилась фамилія ея дворянина «Непитущій“; г. Пуласкій предполагаетъ, что это былъ италіанецъ, находившійся въ ея службѣ (стр. 151) (вѣроятно онъ думаетъ, что это передѣлка на славянскій лад фамиліи *Nepitucci*); предположеніе это ошибочно: Непитущіе это старый земянскій православный родъ волынской земли: въ описаніяхъ луцкаго замка въ 1545—1552 годахъ мы встрѣчаемъ городни: «Грицька Непитущого зъ Охматкова» и «Петра Непитущого зъ Охматкова»; пани Григорева Непитущая владѣла въ то же время дворомъ въ овруцкомъ замкѣ; въ 1577 мы встрѣчаемъ пана Романа Непитущаго въ татарскомъ плѣну, гдѣ онъ подписываетъ завѣщаніе составленное Василіемъ Загоровскимъ; наконецъ, въ XVII уже столѣтіи, намъ извѣстенъ (1680) велебный Рафаилъ Непитущій, игуменъ Кіево-пустыннаго Никольскаго монастыря[2]).

Пятый очеркъ г. Пуласкаго озаглавленъ: «Первые годы общественной дѣятельности Адама Киселя». Это собраніе весьма интересныхъ данныхъ для біографіи А. Киселя съ 1622 по 1635 годъ, извлеченныхъ авторомъ изъ неизвѣстнаго понынѣ матеріала,—именно

[1]) Второй и третій очерки посвящены эпизодамъ царствованія Сигизмунда I, не относящимся непосредственно къ исторіи южной Руси.

[2]) Памятники кіевской коммиссіи т. IV, стр. 86. Арх. юго-зап. Рос.: Ч. I, т. I, стр. 94 и т. IV, стр. 35; Ч. IV, т. I, стр. 41; Ч. VII, т. I, стр. 161.

изъ переписки А. Киселя съ разными лицами, хранящейся въ архивѣ, принадлежащемъ самому г. Пуласкому. Многія изъ этихъ писемъ напечатаны въ статьѣ и представляютъ много совершенно новыхъ историческихъ данныхъ; между прочимъ, мы находимъ свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ Киселя въ 1633 году, когда ему поручено было защищать Черниговщину отъ вторженія Бутурлина; среди документовъ, относящихся къ этому эпизоду, особенный интересъ представляетъ подробная записка, составленная Киселемъ, объ осадѣ Чернигова Алябіевымъ (31 августа—4 сентября 1633 г.).

Наконецъ, седьмой и послѣдній очеркъ носитъ названіе: «Князья Гольшанскіе, историко-генеалогическая монографія». Это очень кропотливый трудъ, въ которомъ авторъ собралъ съ большимъ вниманіемъ всѣ данныя, разсѣянныя въ документахъ и лѣтописяхъ, о князьяхъ Гольшанскихъ (одна вѣтвь ихъ рода приняла въ XV ст. названіе кн. Дубровицкихъ) и сопоставивъ ихъ, составилъ довольно полную генеалогію этого княжескаго рода, занимавшаго весьма видное положеніе въ в. княжествѣ литовскомъ съ XV столѣтія и прекратившагося въ исходѣ XVI

Передовая вкратцѣ содержаніе «историческихъ очерковъ» г. Пуласкаго, мы увѣрены, что всѣ, интересующіеся историческимъ изученіемъ разсматриваемыхъ имъ сюжетовъ, найдутъ въ его книгѣ много интересныхъ и новыхъ фактовъ, выбранныхъ тщательно и оцѣненныхъ согласно правиламъ здравой и безпристрастной исторической критики, за исключеніемъ единственной предвзятой мысли, указанной нами, отъ которой, мы полагаемъ, самъ авторъ откажется въ дальнѣйшихъ трудахъ по внушенію присущаго ему стремленія къ объективному, строго научному методу изслѣдованія.

В. А.

Девятисотлѣтіе русской іерархіи: епархіи и архіереи—988—1888 г. Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ Н. Д. Москва. 1888 г.

Книга подъ этимъ заглавіемъ не составляетъ новости въ нашей библіографіи. Ей предшествовали: 1) «Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ іерархіи всероссійской со времени учрежденія Св. Правительствующаго Синода» —1721—1871 г., составленные Юріемъ Толстымъ, б. товарищемъ оберъ-прокурора Св. Синода и изданные въ 1872 г. и 2) «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской

церкви» —орд. академика Павла Строева, изданные послѣ его смерти Археографическою Коммиссіей подъ редакціей члена Коммиссіи М. И. Семевскаго въ 1887 году. Пособіемъ Юрію Толстому при составленіи его книги послужилъ рукописный трудъ бывшаго пензенскаго преосвященнаго Амвросія Орнатскаго, хранящійся въ Архивѣ Св. Синода. Ю. Толстой, воспользовавшись этимъ трудомъ, исправилъ, дополнилъ и расположилъ списки въ другомъ, лучшемъ порядкѣ. Академикъ Строевъ, работавшій по архивнымъ источникамъ, началъ свой трудъ въ 1830, окончилъ въ 1838 г. и въ послѣдующіе 13 лѣтъ до своей кончины въ 1875 году исправлялъ и дополнялъ, пересмотрѣвъ для сего старыя дѣла Государственнаго Архива, нѣсколько тысячъ грамотъ московскаго Сената, дѣла старыя министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣла бывшаго монастырскаго приказа и остатокъ патріаршаго архива, старинные столбцы въ московской конторѣ Св. Синода. Посторониимъ пособіемъ послужило ему только «Дополненіе къ каталогу монастырскихъ настоятелей съ 14 по 18 вѣкъ» —члена Археографической Коммиссіи Бередникова, составленное по грамотамъ, поступившимъ въ Коммиссію изъ министерства финансовъ и изъ старыхъ дѣлъ государственнаго архива. У Ю. Толстаго сначала помѣщенъ алфавитный реестръ архіереевъ, бывшихъ при учрежденіи Св. Синода и хиротонисанныхъ по его учрежденіи, съ раздѣленіемъ на царствованія, въ которыя они хиротонисаны, затѣмъ реестръ архіереевъ 1872 года, потомъ списокъ епархій и викаріатствъ съ 1821 по 1871 г. въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ учрежденія и на концѣ азбучная роспись архіерейскихъ каѳедръ и азбучный указатель ихъ именъ. Строевъ въ основаніе своего списка положилъ рядъ епархій по времени ихъ учрежденія, начавъ съ кіевской и окончивъ туркестанской; за спискомъ епархій у него идутъ списки іерарховъ каждой епархіи и списки настоятелей ея монастырей въ хронологическомъ порядкѣ. Въ концѣ книги таковые же списки упраздненныхъ епархій и алфавитный указатель всѣхъ монастырей, упоминаемыхъ въ спискахъ. Послѣ трудовъ Ю. Толстаго и Строева, въ особенности послѣдняго, списки котораго представляютъ томъ болѣе, чѣмъ въ 1,000 страницъ, уже не трудно было Н. Д. составить списки епархій и архіереевъ съ 988 г. по 1888 г. Оставалось только регистрировать ихъ въ разныхъ порядкахъ по своему усмотрѣнію, дополнивъ за время съ 1872 по 1888 годъ, что и сдѣлано весьма тщательно. Есть, впрочемъ, у него и свои дополненія, которыя состоятъ 1) изъ перечня архіереевъ при московскомъ Архангельскомъ соборѣ, архіереевъ, присутствовавшихъ въ Св. Си-

подѣ и его конторѣ, управлявшихъ патріаршею областію и бывшихъ въ Москвѣ для священнослуженій и крестныхъ ходовъ; 2) изъ перечня епархій и архіереевъ, составлявшихъ Грузинскій Экзархатъ съ 1811 года, и 3) изъ перечня духовныхъ лицъ, управлявшихъ военнымъ духовенствомъ и настоятелей патріаршихъ въ Москвѣ подворій. Въ концѣ книги приложены 3 алфавитныхъ указателя: именъ архіереевъ русской церкви, именъ архіереевъ грузинской церкви и названій епархій. Въ видѣ приложенія, неподходящаго къ заглавію книги, помѣщены краткія статьи: о просвѣтителяхъ славянъ, о первомъ крещеніи руссовъ, первыхъ 5-ти первосвятителяхъ русской церкви, о крещеніи угроруссовъ и первомъ ихъ епископѣ. Въ самихъ спискахъ сначала идетъ рядъ епархій и викаріатствъ по времени ихъ учрежденія, т. е. въ хронологическомъ порядкѣ съ крещенія св. Владиміра до нашего времени. Далѣе (стр. 10—11) слѣдуютъ списки епархій и викаріатствъ нынѣ существующихъ и упраздненныхъ, причемъ викаріатства титулуются уже епископіями. Почему епархіи здѣсь слѣдуютъ одна за другою въ такомъ, а не иномъ порядкѣ, трудно угадать: этотъ порядокъ нельзя назвать ни хронологическимъ, ни по степенямъ епархій, такъ какъ здѣсь 1-ою стоитъ московская епархія, а затѣмъ уже идутъ кіевская, новгородская, с.-петербургская; ростовская стоитъ на 5-мъ мѣстѣ, а казанская—5-я по степени—на 6-мъ мѣстѣ и т. п. Въ спискахъ іерарховъ сначала рядъ московскихъ патріарховъ 17 вѣка, за ними слѣдуютъ митрополиты кіевскіе съ 989 г. до 1461, потомъ московскіе митрополиты съ 1461 года до 1882 г., и опять кіевскіе съ 1354 г. по 1685 г., московскіе викаріи съ 1788 по 1887 г., и снова кіевскіе митрополиты съ 1690 по 1882 г. съ ихъ викаріями и такъ далѣе по всѣмъ епархіямъ—сначала епархіальные архіереи, а потомъ ихъ викаріи. При этомъ очень замѣтно желаніе автора, въ несообразность съ исторіей, поставить московскую епархію на 1-мъ мѣстѣ; не сдѣлано этого только тамъ, гдѣ епархіи исчисляются по классамъ. Списки какъ епархій, такъ и іерарховъ и ихъ указатель составлены весьма тщательно, съ означеніемъ времени открытія епархіи и времени служенія іерарховъ въ извѣстной епархіи, хотя все таки не обошлось безъ нѣкоторыхъ неправильностей и поправокъ, указанныхъ въ концѣ книги. Позволяемъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе, что въ списки епархій и іерарховъ не слѣдовало вносить такихъ мнѣній, которыя составляютъ еще спорный предметъ въ исторической наукѣ, напримѣръ о томъ, будто до 1051 года кіевскіе митрополиты не жили въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ, и что бѣл-

городскіе епископы были намѣстниками кіевскихъ митрополитовъ, а также не слѣдовало первыхъ 3-хъ кіевскихъ митрополитовъ: св. Михаила, Леонтія и Іоанна исключать изъ ихъ каталога, дѣлая изъ нихъ особый отдѣлъ. Тѣмъ не менѣе книга Н. Д. найдетъ себѣ мѣсто въ каждой ученой библіотекѣ и можетъ быть настольнымъ пособіемъ для всякаго занимающагося исторіей Россіи и русской церкви въ частности. Нельзя только не пожалѣть, что цѣна книгѣ, заключающей въ себѣ 130 страницъ, назначена довольно крупная—въ 2 руб. 25 коп. съ пересылкою.

П. Л.

Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г., изд. подъ ред. М. Запольскаго. М. 1889 г.

Число календарей, выходящихъ въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ все увеличивается и въ настоящемъ году здѣсь, кромѣ календарей собственно кіевскихъ, вышелъ еще и календарь сѣверо-западнаго края (хотя этотъ календарь и напечатанъ въ Москвѣ, но редакція его, какъ означено на обложкѣ, находится въ Кіевѣ). Указывая въ предисловіи цѣль своего изданія, редакція календаря заявляетъ, что ставитъ себѣ задачею способствовать распространенію въ русскомъ обществѣ вообще, а въ мѣстномъ въ частности свѣдѣній о сѣверо-западномъ краѣ, преимущественно же о Бѣлоруссіи, и содѣйствовать разработкѣ научныхъ данныхъ о немъ, что, въ виду скудости доступныхъ публикѣ источниковъ для ознакомленія съ прошедшимъ и настоящимъ этого края, является, конечно, весьма желательнымъ. Календарь распадается на два отдѣла. Первый содержитъ въ себѣ необходимыя календарныя свѣдѣнія, приспособленныя, главнымъ образомъ, къ потребностямъ мѣстныхъ жителей; особеннаго вниманія въ этомъ отдѣлѣ заслуживаетъ обиліе статистическихъ данныхъ о 7 сѣв.-западныхъ губерніяхъ (данныя эти занимаютъ 17 страницъ). Во второмъ отдѣлѣ, названнымъ редакціею научно-литературнымъ, на первомъ мѣстѣ помѣщена обстоятельная статейка «Владиміръ св. и его время». Остальныя статьи этого отдѣла посвящены спеціально Бѣлоруссіи. Въ коротенькомъ очеркѣ «Бѣлорусское нарѣчіе» указаны главнѣйшія его особенности; памятники народнаго творчества бѣлоруссовъ представлены въ 20 народныхъ пѣсняхъ; есть и образчики искусственной поэзіи на бѣлорусскомъ нарѣчіи, а популярной и до

сихъ поръ въ Бѣлоруссіи поэмѣ Дунина-Марцинкевича «Гапонъ» посвящена особая статья, гдѣ эта поэма приведена частью въ пересказѣ, а частью въ подлинномъ видѣ. Нѣсколько статей относятся къ исторіи географіи и этнографіи Бѣлоруссіи, а въ концѣ книги приложенъ библіографическій указатель новыхъ книгъ и статей, касающихся сѣверо-западнаго края. Въ общемъ календарь производитъ пріятное впечатлѣніе и нельзя не пожелать ему самаго широкаго распространенія. Издана книжка опрятно и цѣна ея (30 к. за 138 страницъ большаго формата) умѣренная.

Н. Т.

Кіевскій народный календарь на 1889 г Годъ двадцать пятый. Редакторъ-издатель А. Андріяшевъ. Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ третій. Издатель Іогансонъ. Кіевскій календарь на 1889 г., шестой годъ изданія. Редакторъ-издатель В. Фабриціусъ, астрономъ-наблюдатель университета св. Владиміра. Волынскій календарь на 1889 г. Годъ первый. Изданіе Ѳ И. Досинчука. Житомиръ.

«Всѣ врутъ календари»—истина старая, но все же истина. Къ этой истинѣ мы всѣ такъ привыкли, что появленіе неврущаго календаря могло бы насъ даже потревожить, какъ появленіе въ знакомомъ обществѣ лица невѣдомаго. Если лица невѣдомаго сторонятся изъ опасенія, не «ревизоръ» ли онъ, то неврущій календарь съ тѣмъ же правомъ былъ бы принятъ за симптомъ близости послѣдней ревизіи—страшнаго суда. А какъ при мысли объ этой послѣдней ревизіи многимъ, и большимъ и малымъ чинамъ становится больно жутко, то мы съ радостью пріемлемъ наши старые и новые врущіе календари, сознавая, что вѣдь и мы сами навираемъ въ продолженіи жизни на добрую сотню календарей.

Многочастно и многообразно календарное вранье, какъ многообразно и само содержаніе этихъ краткихъ современныхъ энциклопедій. Врутъ они и статистически, и исторически, и политически, et tutti quanti. Да и какъ, спрашивается, не врать нашему календарныхъ дѣлъ мастеру? Вотъ Брокгаузъ и Мейеръ ежегодно выпускаютъ по новому изданію своихъ громадныхъ энциклопедій, гдѣ отдѣльныя статьи пишутся спеціалистами, да еще какими! *нѣмецкими*, которые изъ за одной буквы перероютъ всѣ печатныя и писанныя книги, да и то сколько неточностей, починокъ и исправленій! Только что

напечаталъ, что въ тридесятомъ государствѣ сидитъ на царствѣ Магонъ 223, анъ уже его давно нѣтъ, да и сынъ померъ, а царствуетъ внукъ, Магонъ 225. А о министрахъ и говорить нечего— тутъ хоть плачь, или приписывай впередъ—уволенъ. Обозначишь на картѣ границы, и только что съ любовью осматриваешь свѣжій оттискъ разноцвѣтной карты, какъ трахъ! читаешь телеграмму: «мирные переговоры окончились уступкой земли гяуровъ славному народу культуртрегеровъ». Садись и черти все на ново.

А если даже Брокгаузъ и Мейеръ часто «ошибаются», то какъ же не ошибаться нашему несчастному календарныхъ дѣлъ мастеру, совмѣщающему въ себѣ (совмѣстительство теперь въ модѣ) и астронома и метеоролога, статистика, историка, публициста и пр. и пр. и пр.? Вотъ напр. почтеннѣйшій издатель Кіевскаго народнаго календаря А. Ѳ. Андріяшевъ на что уже опытный календаристъ—четверть вѣка ведетъ свое дѣло,—вѣдь долженъ былъ уже набить руку, а сколько въ его календарѣ неточностей и можетъ быть смѣлыхъ, но мало провѣренныхъ гипотезъ! Такъ, напр., наши скудныя историческія свѣдѣнія о первыхъ князьяхъ русскихъ почтенный авторъ дополняетъ точными данными о годѣ рожденія ихъ (ужъ не астрологія ли помогла при этомъ почтенному историку?)—Рюрикъ р. 830, Олегъ 855, Игорь 877 и т. д. Другія историческія данныя, доселѣ считаемыя за прочное достояніе науки, почтенный авторъ въ корень опровергаетъ, не давая однако, къ сожалѣнію, возможности провѣрить его интересныхъ гипотезъ. Такъ, напр., по его исторической таблицѣ грозный царь Иванъ IV род. 1537 г., слѣд. черезъ 4 года по смерти своего отца, сынъ его Ѳеодоръ Ивановичъ родился по таблицѣ г. Андріяшева въ 1550 г., когда Ивану IV было всего 13 лѣтъ. Знаетъ почтенный историкъ и годъ рожденія Лжедимитрія, знаетъ и кіевскаго князя Мстислава въ 1145 г., вообще, знаетъ многое, чего мы не знаемъ. Есть въ календарѣ г. Андріяшева неточности и другія, болѣе или менѣе важныя, но перечислять ихъ мы не станемъ: если почтенный издатель дѣйствительно «сосредоточитъ всѣ свои силы и заботы» на календарѣ, то найдетъ ихъ и самъ, а мы не желаемъ лишать его великаго наслажденія, испытываемаго каждымъ человѣкомъ при *само*усовершенствованіи.

Календарь г. Андріяшева носитъ названіе «Кіевскій Народный». Отсюда мы заключаемъ, что издатель предназначаетъ его для средняго и низшаго классовъ населенія юго-зап. Руси (понимая *кіевскій* въ болѣе широкомъ смыслѣ). Слѣд., кромѣ свѣдѣній полезныхъ для

всѣхъ (у г. А. есть между прочимъ рубрика—*общеполезныя свѣдѣнія*, куда почему то вошло извѣстіе о приготовленіи скрипокъ въ смоленской губ. кустарями), здѣсь еще должны быть свѣдѣнія, спеціально предназначенныя для населенія юго-зап. Руси. Спрашивается, удовлетворяетъ ли календарь г. А. этой цѣли? По нашему мнѣнію, далеко не вполнѣ. Есть въ немъ статьи совершенно лишнія (въ родѣ изслѣдованій о Копыревѣ концѣ) и нѣтъ много нужнаго и полезнаго.

Что мы находимъ здѣсь спеціально предназначеннаго для юго-зап. Руси? По части исторіи—3 статьи («Кіевск. просвѣтители XVII в. въ Москвѣ», «Др. Коп. конецъ въ Кіевѣ», «О соед. стараго города съ Кіево-Подоломъ»), по части мѣстной хроники-учительскіе курсы церк. пѣнія и ручнаго труда въ Кіевѣ, открытіе памятника Богд. Хмѣльницкому и празднов. 900 л. крещ. Руси въ Кіевѣ (по страничкѣ), по части сельско-хозяйственной—статьи по шелководству и списокъ лучшихъ плодовыхъ деревьевъ для юго-зап. Руси—и только. Почему нѣтъ хроники кіевской жизни и жизни юго-зап. Руси вообще за истекшій годъ? Почему нѣтъ обзора явленій научной, литературной и художественной жизни въ Кіевѣ? Отчего необходимѣйшіе адресы составлены такъ плохо? (число врачей напр. показано 36, когда ихъ почти въ 10 разъ больше; въ числѣ учебныхъ заведеній пропущена кіево-подольская женская гимназія и пр.). Почему нѣтъ... да впрочемъ такихъ вопросовъ можно наставить бездну. Надѣемся однако, что почтенный издатель «сосредоточитъ всѣ свои силы на календарномъ дѣлѣ» и постарается привесть свой календарь въ соотвѣтствіе съ предъявленными нами требованіями. Въ этомъ, впрочемъ, его же прямая выгода, такъ какъ теперь это уже не единственный русскій календарь въ юго-зап. Руси, какимъ онъ былъ нѣкогда. Посовѣтуемъ почтенному редактору позаботиться еще хоть немного объ улучшеніи рисунковъ, а то напр. его куриный гусь похожъ болѣе на ихтіозавра, чѣмъ на гуся.

Замѣтимъ, однако, что несмотря на всѣ свои недостатки, несмотря на многіе комичные промахи, все же календарь г. Андріяшева выдается между всѣми нашими мѣстными календарями. Онъ единственный *программный*, въ составленіи его видна извѣстная и весьма симпатичная цѣль—приспособить календарь къ потребностямъ среднихъ и низшихъ классовъ населенія юго-зап. Руси. Въ немъ есть своя опредѣленная физіономія, своя индивидуальность. Онъ все же болѣе *кіевскій* и болѣе *народный*, чѣмъ всѣ прочіе, и если бы только былъ потщательнѣе составленъ, принесъ бы несомнѣнно хорошую пользу.

Довольно тщательно, но ужасно безцвѣтно, составленъ *Кіевскій Календарь* г. Фабриціуса. Только въ обиліи астрономическихъ свѣдѣній выступаетъ личность составителя. *Кіевскаго* въ этомъ календарѣ только развѣ адресы. Планъ г. Кіева, составленный весьма полно и точно. Мѣстной хроники касаются лишь 3 статейки—о празднованіи 900 л. христіанства въ Кіевѣ, о памятникѣ Богдану Хмельницкому и о сельско-хозяйственной выставкѣ въ Кіевѣ. Составителю мѣстныхъ календарей необходимо же имѣть въ виду, что покупателями ихъ являются исключительно мѣстные жители, и къ ихъ потребностямъ и слѣдуетъ принаравливать изданіе. Эту истину да имѣетъ въ виду на будущее время г. Фабриціусъ.

Чистой спекуляціей, разсчитанной на невниманіе публики, является *Кіевскій Календарь* Іогансона. Подобно гоголевскому портному, думавшему убить всѣхъ конкуррентовъ вывѣской «Портной изъ Лондона и Парижа», г. Іогансонъ задумалъ убить и календарь г. Андріашева и календарь г. Фабриціуса, перенявъ у перваго цвѣтъ обертки, а у втораго шрифтъ ея. Замѣтимъ кіевскому Леухину, что контрафакція преслѣдуется по закону.

Преподнося любезному читателю *меню* мѣстныхъ календарей, мы оставили ему на дессертъ *Волынскій календарь* г. Досинчука. Мы не знаемъ, появляется ли г. Досинчукъ на литературной аренѣ впервые, или это уже маститый и заслуженный литераторъ (отъ Кіева къ Житоміру доселѣ нѣтъ желѣзной дороги, а дилижансы ходятъ крайне неисправно), но однимъ уже календаремъ волынскій авторъ несомнѣнно создаетъ себѣ славу неувядаему. Отнынѣ имя г. Досинчука станетъ нарицательнымъ, какъ имя геніальнѣйшаго изъ всѣхъ календарныхъ дѣлъ мастеровъ. Въ своемъ календарѣ г. Досинчукъ выступаетъ передъ нами настоящимъ хамелеономъ: онъ и историкъ, и этнографъ, и поэтъ, и реформаторъ русской рѣчи, и во всемъ одинаково великъ и неподражаемъ. Обладая неслыханной эрудиціей, онъ даетъ намъ массу новыхъ данныхъ изъ мѣстной исторіи, преисполненный сильнымъ и вдохновеннымъ воображеніемъ, онъ даетъ намъ новые поэтическіе образы и геніальные метафоры, человѣкъ отмѣннаго вкуса, онъ доводитъ русскую рѣчь до неслыханнаго еще совершенства и изумительной чистоты. Счастливы волынцы, имѣющіе такого земляка, счастливъ Житоміръ, гдѣ его дивное произведеніе впервые узрѣло свѣтъ, счастливы и мы возможностью ознакомить публику съ новымъ литературнымъ солнцемъ. Но довольно похвалъ (всѣ великіе таланты скромны!). Скорѣе къ дѣлу.

Новыя историческія данныя:

1025 г. умеръ *Богиславъ* Храбрый.

1320. Заключенъ новый договоръ (съ кѣмъ?) князя Владиміра (?), имѣвшій чисто торговое значеніе.

1332 г. Король *Карлъ* предпринималъ походы въ Галицію, увѣнчавшіеся успѣхомъ.

1366. Прекращеніе борьбы между импер. нѣмецкимъ и королемъ венгерскимъ, *въ которомъ* принималъ участіе и Казиміръ.

1376 г. Любортъ, Кейстутъ... опустошили Сандом. землю до самаго города *Торкова*, *можетъ быть просто даже съ цѣлью грабежа*.

1533 (?!). Козаки избрали своимъ гетманомъ Павлюка, который въ 1637 г. *сравнялся* съ Польшею.

862. Св. Кириллъ составилъ *русскую* азбуку.

Къ сожалѣнію, мѣсто не дозволяетъ намъ давать больше выписокъ, но и по этимъ немногимъ читатель видитъ, сколько новыхъ неизвѣстныхъ доселѣ данныхъ даетъ вамъ ученый ... ерундистъ.

Этнографія: Рабочіе на *половину русины* на *половину евреи* (прибавимъ отъ себя—не потомки ли древнихъ кентавровъ?) (стр. 61).

Извѣстно, что климатич., топограф. и почвенныя условія даютъ своеобразную окраску характеру и обычаямъ народнымъ. Такъ, у насъ въ Россіи разнятся малороссы, великороссы, *казаки* и пр. (63).

Угорскій король Стефанъ далъ право *латышамъ*-священникамъ обратить страну въ католичество.

Языкъ: Вахилкъ Дмитрій Степ... *лишилъ* по себѣ *хорошія* воспоминанія. Половцы, *послѣдніе въ этомъ родѣ*, исчезли съ русской земли съ нашествіемъ татаръ. Нужно, чтобы у насъ образованный классъ взялъ на себя иниціативу въ устройствѣ общ. воздержаніе... *принимая участіе въ кабацкихъ предпріятіяхъ на новыхъ началахъ* (45).

Прекращаемъ увы! по недостатку мѣста, выписки.

Поэзія: Талантливый авторъ далъ намъ, къ сожалѣнію, только 3 образца своего поэтическаго творчества (одно стихотвореніе безъ заглавія, 2-ое — *Съ горя* и 3-е *Пѣснь Дѣвы*). Рядомъ, какъ бы для сравненія, помѣщены 3 стихотворенія г. Надсона. Прелестные стихи автора только выигрываютъ отъ такого сосѣдства; дѣлается просто жаль Надсона съ его простымъ языкомъ и малооригинальными метафорами. Такъ развѣ пишетъ г. Досинчукъ? Послушайте.

Солнце скрылось давно

Только мѣсяцъ *кривой*
Спутникъ ночи порой
Внизъ косится, глядитъ
Вмѣстѣ съ близкой звѣздой
. . . .

Или какъ хороша эта прерывистая рѣчь милой дѣвы

Люди какъ змѣи, вѣдь
Злы коварны... не вѣрь
Сплетнямъ всякимъ, мой другъ
Будто я... о! не вѣрь!

Какой чудной картиной начинается стихотвореніе *Съ горя*.

Что сидишь печально, *ручки* заломивши
Безъ лица? угрюмый, *голову склонивши?*

Или какъ трогательна пѣснь дѣвы:

Отчего милый другъ *ты такъ глядишь?*
Отчего, дорогой, цѣлый день грустишь?

Но довольно. **Амартолъ.**

Редакціею получена слѣдующая книга: *Н. П. Лихачевъ.* Разрядные дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1888. 559 стр. и 101 стр. приложеній. Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Кіевлянинъ (244—264). *Кіев. Слово* (533—556). *Черниг. Губ. Вѣд.* (89—97). *Волынскія Епарх. Вѣд.* (32—35). *Волынск. Губ. Вѣд.* (88—90). *Подольскія Епарх. Вѣд.* (45—49). *Бессарабск. Губ. Вѣд.* (117—126). *Екатериносл. Губ. Вѣд.* (88—97). *Крымъ* (107—116). *Харьков. Губ. Вѣд.* (293—324). *Южный Край* (2703—2735). *Кубанскія Област. Вѣд.* (44—48). *Литовскія Епарх. Вѣд.* (46—49). *Зоря* (22—23).

Кіевлянинъ №№ 244—264. № 244. Перепечатка изъ «Нов. Врем». анекдота о М. С. Щепкинѣ.

246. *Библіографическая замѣтка* о 3 разсказахъ изъ галицко-русской жизни прот. И. Г. Наумовича: «Псалтырникъ», «Завѣтныя тополи», «Четыре путеводителя доброй жизни». И. А.

Развалины Мстиславова храма во Владимірѣ-Волынскомъ. В. Г. Старинный храмъ этотъ (XII в.) много разъ подвергался разрушеніямъ, а въ

концѣ XVIII ст., когда уніатскіе епископы попытались, при помощи передѣлокъ, придать ему видъ костела, главный куполъ его рухнулъ и зданіе опустѣло. Въ 1886 г. образована была коммиссія изъ мѣстныхъ обывателей для изслѣдованія развалинъ. Съ тою же цѣлью въ іюнѣ 1886 г. прибыли во Владиміръ проф. В. Б. Антоновичъ, проф. А. В. Праховъ и О. И. Левицкій. Работы длились около мѣсяца. По изслѣдованію храмъ по длинѣ оказался близко подходящимъ къ Кіево-Софійскому, но значительно уже его. Древнія стѣны сложены изъ характерныхъ тонкихъ и широкихъ кирпичей вел.-княж. эпохи на толстомъ слоѣ темно-розоваго цемента. Видно, что древній храмъ былъ построенъ въ византійскомъ стилѣ. Кое гдѣ на стѣнахъ сохранились остатки фресковой живописи. Въ подземельяхъ подъ толстымъ слоемъ мусора былъ обнаруженъ помостъ изъ широкихъ квадратныхъ плитъ зеленаго и розоваго мрамора настилки XVIII в. Ниже, подъ слоемъ мусора въ 12 вершк. толщины съ разбросанными человѣческими костями, лежитъ древній Мстиславовъ полъ изъ квадратныхъ и треугольныхъ кирпичиковъ на розовомъ цементѣ; этотъ полъ сохранился въ немногихъ частяхъ, т. к. его часто ломали для опусканія гробовъ въ подземелья. Подъ всѣмъ зданіемъ находятся склепы; въ зап. части храма весь склепъ наполненъ гробницами, поставленными въ нѣсколько этажей. Гробницы сдѣланы изъ самаго разнообразнаго матеріала, а скелеты въ нихъ одѣты въ дорогія ткани. По обѣимъ сторонамъ главнаго входа, въ сѣв. и южной стѣнахъ, въ полукруглыхъ нишахъ—мѣста гробницъ князей владимірскихъ, но самыхъ гробницъ уже не было. Въ одной изъ нишъ открыто вырубленное въ стѣнкѣ и замурованное помѣщеніе, въ которомъ оказалось 4 скелета: 2 мужскихъ, 1 женскій и 1 дѣтскій. Одинъ изъ мужскихъ скелетовъ имѣетъ только лѣвую половину нижней челюсти съ почернѣвшими краями, что указываетъ на какое то патологическое разрушеніе кости; это обстоятельство даетъ право думать, что это скелетъ кн. Владиміра Васильковича († 1288 г.), у котораго, по словамъ лѣтописца «челюсть бородняя перегни». Подъ нишей съ этими скелетами найденъ въ мусорѣ деревянный осмоленный гробъ съ развалившейся деревянной крышкой. Въ этомъ гробу лежалъ женскій скелетъ съ клочками русыхъ волосъ на черепѣ и валялись остатки туфель, разбитое зеркало въ шелковой рамѣ, куски плотной шелковой матеріи, большой воротникъ изъ тонкаго кружева и куски чернаго бархата, шитаго золотомъ, шелками и крупнымъ бисеромъ. Узоръ шитья изображалъ бѣгущихъ оленей. Въ мусорѣ, выброшенномъ изъ гроба, найдено два золотыхъ кольца: одно массивное съ небольшой овальной печатью изъ горнаго хрусталя, положенной на красной эмали; на печати изображенъ скачущій всадникъ съ поднятымъ мечемъ (гербъ Гедиминовичей) и буквы A. S. K., по сторонамъ всадника „1570“; на внутренней сторонѣ кольца изображено сердце и буквы A—Z. Второе кольцо изъ тонкой проволоки, меньше перваго;

на немъ посажено изображеніе собаки, и къ ней на цѣпочкѣ привѣшена крошечная гирька; на внутренней сторонѣ надпись „sic fidus". На срединѣ церкви найдена разбитая на нѣсколько кусковъ огромная плита чернаго мрамора, съ гербомъ Гедиминовичей и надписью, что въ гробницѣ лежало тѣло кн. Анны Сангушковны Коширской, жены воев. витебскаго Сапѣги, умершей во 2-й пол. XVI в. Между царскими вратами и амвономъ, гдѣ былъ погребенъ, согласно завѣщанію, извѣстный Ипатій Пацѣй, при раскопкѣ былъ обнаруженъ прекрасно устроенный склепъ, наполненный расписными кафлями разнообразнаго происхожденія, мусоромъ и землею; кромѣ того на днѣ склепа были найдены чешуйки отъ киверовъ, нѣсколько пикъ, глиняныхъ трубокъ и множество бутылокъ, въ углу валялось нѣсколько серебряныхъ екатерининскихъ гривенниковъ. Ни гроба, ни скелета епископа въ склепѣ не оказалось, равно какъ не оказалось въ сосѣднемъ склепѣ гроба преемника Поцѣя Іоакима Мороховскаго.

248. *Библіогр. замѣтка* объ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ кіев. дух. академіею «Празднованіе девятисотлѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ».

Перепечатка изъ Хар. Губ. Вѣд. свѣдѣній о памятникахъ древности въ кобелякскомъ у. полт. губ.

Извѣстіе о сооружаемомъ въ Новочеркасскѣ памятникѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

250. *Столѣтній юбилей новгородъ-сѣверской гимназіи.*

252. *Археологическія раскопки.* Въ южной части черкасскаго уѣзда, у с. Матусова, на землѣ свящ. Моссаковскаго гр. А. А. Бобринскимъ вскрыто 16 кургановъ. Въ одномъ изъ нихъ обнаруженъ обрядъ погребенія черезъ сожженіе, при чемъ костеръ былъ разведенъ сверху трупа; болѣе другихъ обуглились кости передней части скелета, который лежалъ на спинѣ. При этомъ покойникѣ найденъ небольшой ручной жерновъ изъ шифера и 8 раковинъ cyprea moneta. Въ другомъ курганѣ найдена бронзовая ручка отъ зеркала, съ несложными извилистыми орнаментами. Наконецъ, въ одномъ курганѣ обнаруженъ рѣдкій въ нашей мѣстности способъ погребенія: на днѣ кургана высѣчено углубленіе, въ которое ведутъ двѣ земляныя ступеньки; въ стѣнѣ этого углубленія устроена узкая ниша, въ которую вдвинутъ мертвецъ. Такой же способъ погребенія обнаруженъ гр. Бобринскимъ въ одномъ изъ кургановъ близъ м. Смѣлы.

253. *Къ реставраціи Святополковой церкви Михайловскаго монастыря.*

Архитект. В. Н. Николаевъ представилъ въ кіев. церк.-археол. общество планъ этой церкви съ обозначеніемъ оказавшихся подъ поломъ гробницъ и вещей, найденныхъ при передѣлкѣ церкви прошлымъ лѣтомъ.

Преосв. Іеронимъ обратился въ церк.-арх. общ. съ заявленіемъ о необ-

ходимости возстановленія открытыхъ лѣтомъ древнихъ фресокъ и орнаментовъ. Общество командировало для осмотра фресокъ П. А. Лашкарева и Н. И. Петрова и, согласно съ ихъ заключеніемъ, не нашло препятствій къ освѣженію и возстановленію фресокъ и орнаментовъ, подъ условіемъ предварительнаго снятія съ нихъ калекъ или прорисей. При этомъ признано желательнымъ замѣнить нижній ярусъ иконостаса болѣе легкимъ.

Засѣданіе историческаго общества 20 ноября. Отчетъ о рефератѣ проф. Кнауэра «о раскопкахъ въ Бессарабіи».

254. *Годичный актъ въ кіевской 3 гимназіи.*

257. *Древнія гробницы.* Во время передѣлокъ пола соборной церкви Кіево-Печ. лавры найдено нѣсколько шиферныхъ плитъ. При осмотрѣ ихъ проф. П. А. Лашкаревымъ, на нихъ найдены вырѣзанныя письмена. Плиты доставлены въ церковно-археол. музей. Письмена еще не прочтены. Подобныя плиты находятся въ большомъ количествѣ на дворахъ кіевскихъ монастырей.

Кіевское Слово №№ 533—556. № 535. Корреспонденція изъ пос. Клинцовъ черн. губ. о безпоповской сектѣ «коликовщинѣ».

Корреспонденція изъ кобелякскаго у. полт. губ. о памятникахъ древности. Перен. изъ «Хар. Губ. Вѣд.».

537. *Нѣмецкія колоніи въ юго-зап. краѣ.*

538, 543. *Производительность хлѣба и потребленіе его населеніемъ кіевской губ.*

539. О новыхъ пріобрѣтеніяхъ музея искусствъ г. Хайновскаго въ г. Кіевѣ.

541. *Къ отчету о засѣданіи историческаго общества 20 ноября.* Результаты изслѣдованія проф. Сикорскимъ черепа, найденнаго проф. Кнауэромъ.

544. *Новое пожертвованіе въ кіевскій церковно-археологическій музей.* О пожертвованіи Е. П. Демидовой кн. Санъ-Донато коллекціи иконъ, крестовъ и складней; въ коллекціи находится и крестъ, которымъ св. Сергій благословилъ Дмитрія Донскаго на войну съ татарами.

547. *Археологическая находка.* Одинъ изъ крестьянъ с. Ольховца канев. у. наткнулся при паханьи плугомъ на большой сосудъ, въ которомъ нашелъ нѣсколько серебряныхъ слитковъ (гривенъ новгородскаго и кіевскаго типа) и 5 шейныхъ гривенъ; послѣднія состояли каждая изъ 8 спирально скрученныхъ серебряныхъ проволокъ; проволоки скручены попарно густою спиралью и потомъ всѣ 4 пары свиты между собою; задніе концы снабжены застежками. Шейныя гривны проданы евреямъ въ Богуславъ.

551. *М. С. Щепкинъ.* (Отрывокъ изъ воспоминаній) Д. Мохтина. Авторъ зналъ Щепкина въ Москвѣ, въ 50-хъ годахъ, во время пребыванія своего въ гимназіи и университетѣ.

555. Перепечатка изъ «Новостей» сообщенія гр. А. А. Бобринскаго въ Спб. археологическомъ обществѣ о раскопкѣ одного кургана въ звенигородскомъ уѣздѣ членами краковской академіи наукъ. Масса драгоцѣнныхъ памятниковъ греческаго искусства вывезена въ Краковъ.

Отчетъ о засѣданіи историческаго общества 11 декабря. Изложено содержаніе рефератовъ И. И. Малышевскаго «Новое извѣстіе о происхожденіи св. княгини Ольги», г. Дмитревскаго «О христіанскомъ богослуженіи въ Іерусалимѣ въ страстную седьмицу» и г. Лилеева «О раскольничьихъ поселеніяхъ въ стародубскомъ полку».

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 89—97. № 89. Къ исторіи края. Черниговъ въ 1804 г. (Замѣтка митрополита московскаго Платона)—выдержки изъ путешествія митр. Платона въ Кіевъ изъ Москвы, напечатаннаго въ 1813 году.

91. Легенда объ одномъ изъ полковниковъ Малороссіи Ба(о)рковскомъ. Іосифа Ж—аго. Авторъ легенды гораздо бы лучше сдѣлалъ, передавъ его въ дословной записи слышаннаго имъ, чѣмъ переложивъ ее въ стихи.

93, 96. Земельныя документы изъ архива гр. Милорадовича 1712 г. (2), 1713 (2).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 32—35. № 32. Почаеволаврская церковно-приходская двухклассная школа съ августа мѣсяца 1886 года по октябрь 1888 года.

32—35. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. Г. Острогъ (продолженіе и окончаніе). 1-й благочин. окр. острож. уѣзда: м. Аннополь, с. Блудовъ, с. Вольбовна, с. Нетищинъ, с. Головли, с. Горбаковъ, с. Должокъ, с. Жавровъ, с. Клепачи, м. Килпкіевъ, с. Крыловъ, с. Крупецъ, с. Кривинъ, с. Коломли, с. Мощаница, с. Ровки, с. Понора, с. Русивль, с. Курозвоны, с. Малый Скнитъ, с. Великій Скнитъ, с. Тудоровъ и с. Черница.

33. Изъ воспоминаній бывшаго уніатскаго іеромонаха архим. Владиміра,—перепеч. изъ «Херсон. Епарх. Вѣд.»

34. Почитаніе святыхъ иконъ на Волыни—свящ. К. А. Гвоздиковскаго.

35. 2-й благочин. округъ: с. Бочаница, с. Бугринъ, с. Бильгоза, с. Колесники, с. Волосковцы, м. Гоща.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 88—90. № 90. Братчиковъ. Остатки волынской старины. Историческо-археологическія замѣтки.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 45—49. № 45, 46. Святый равноапостольный и великій князь Владиміръ въ произведеніяхъ русской словесности. (Рѣчь, произнесенная въ торж. собр. под. дух. семинаріи 16 окт. 1888 г. по случаю 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси). Владиміра Тиминскаго.

47. Рѣчь преподавателя семинаріи Шиповича съ характеристикою исторіи православія и русской народности въ Подоліи.

48. Заслуги русской женщины въ дѣлѣ первоначальнаго распространенія и утвержденія вѣры Христовой на Руси. (Рѣчь) Сергѣя Крижацкаго.

49. В. Г. Развалины Мстиславова храма въ Владимірѣ Волынскомъ.

Бессарабскія Вѣдомости № 117—126. № 117. Библіогр. замѣтка. Потопъ ром. Сенкевича, перев. съ пол. Лаврова.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 88—97. 88. Къ исторіи запорожскихъ козаковъ (перепечат. изъ Сбор. мат. для исторіи зап. коз. Д. Эварницкаго) предписаніе гетмана Разумовскаго 1753 г. 11 окт. по дѣлу о спорахъ запор. козаковъ съ полтав. полков. Горленкомъ изъ за владѣнія самарскимъ побережьемъ.

89. Помѣщичья икона Іоанна-Воина—А. Егорова. Въ замѣткѣ приведенъ весьма любопытный архивный документъ.

«Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода преосвященному Іову Архіепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому и Кавалеру. По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали прошеніе Слободско-Украинской губерніи, Изюмскаго уѣзда, помѣщика маіора Андрея Карлова сына Грунева, въ коемъ описываетъ поступки Екатеринославской округи, Бахмутскаго уѣзда сельца Козьмодемьянска помѣщика коллежскаго ассессора Ивана Смольянинова, который въ апрѣлѣ 1818 года похоронилъ внутри сельца его Бѣлокузминовской церкви жену свою, отъ чего великій смрадъ и въ церкви нѣсколько недѣль стоять было людямъ не можно; потомъ съ пасынкомъ своимъ поручикомъ Павломъ Ползыковымъ, посредствомъ живущаго въ заштатномъ городѣ Славянскѣ живописца Петра Родомскаго, написали по сочиненному первыми прежде рисунку на доскѣ образъ святаго угодника Іоанна Воина, *со изображеніемъ противу его пловущей лодки на рѣчкѣ Бѣлинькой и на оной сидящаго одного человѣка со овцами и птицами, такъ же сада, господскаго его Грунева дома, мущинъ и женщинъ съ имянами, коровъ, баранъ, гусей, утокъ и даже собакъ.* Образъ сей по освященіи священникомъ Антономъ Брагинымъ поставленъ былъ въ церкви къ обидѣ и поношенію его Грунева чести на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съ семействомъ становится и въ виду народа. По истребованіи и освидѣтельствованіи онаго образа Вашимъ Преосвященствомъ священникъ Брагинъ за освященіе его посланъ въ монастырь на три мѣсяца, а написавшіе его остаются безъ наказанія, почему проситъ съ означенными богохульниками поступить по законамъ. Приказали: Вашему Преосвященству предписать указомъ, что ежели справедливо описываетъ проситель о изображеніи на образѣ Іоанна Воина и образъ сей написанъ и

поставленъ въ церкви посредствомъ показанныхъ отъ него людей, то таковые поступки ихъ, если объ оныхъ не было заключенія, представить разсмотрѣнію и сужденію гражданскаго правительства, и что окажется донести Святѣйшему Синоду. Декабря 14 дня 1820 года».

92. О губернскихъ съѣздахъ земскихъ врачей.

— С. Покровское, александровскаго у. екат. губ. корреспонденція, въ которой сообщены отвѣты по этому селу имп. московскому археологич. обществу по его вопросной программѣ Ив. Ч—на;—передаемъ эти интересныя отмѣтки:

«Село Покровское, александровскаго уѣзда, екатер. губ.—Согласно съ желаніемъ императорскаго московскаго археологическаго общества и его вопросной программой, имѣю честь сообщить обществу краткія свѣдѣнія по вопросамъ:

а) *По находкамъ каменныхъ издѣлій.* Въ мѣстности, примыкающей къ селу Покровскому, попадаются въ небольшомъ количествѣ вещи, принадлежащія къ каменному періоду. Изъ вещей находимыхъ могу указать на боевые каменные молоты. Молоты попадаются больше на пашняхъ. Внѣшность ихъ: не грубая отдѣлка, сдѣланы изъ камня твердой породы; одинъ конецъ молота отъ пробуравленной дыры клинообразный и острый, а другой полуокругленный, тупой. Цѣлые молоты рѣдко попадаются, а больше—половины. Преданій о молотахъ въ народѣ не существуетъ, хотя отъ двухъ стариковъ, охотниковъ передавать легенды, слышалъ миѳическое сказаніе, что «молотки—це клевакы. Колысь було жылы луцыпери-песыголовци зъ однымъ окомъ велыкымъ въ лоби. Воны дуже страшенни: самы здоровенни и зъ однымъ окомъ. Жылы воны въ могыльныхъ пещерахъ, не оралы, не сіялы, а тилько скотыну розводылы. Хлиба ниде було браты, такъ воны нападалы на тихъ, шо хлибъ сіялы, и грабувалы ихъ хлибъ. Хлиборобы тоди не такы булы, якъ мы теперъ, а въ сажень росту, голова зъ добренный казанъ и зъ косымы очама. Такъ ци на довге держально надивалы клювакы каменни и отбывалысь отъ песыголовцивъ. Песыголовцю не дуже дошкуляло, куды его не ударъ. Щобъ его убыть, такъ треба въ око улучыть. Такъ онъ це яки молоткы!»

Наконечники кремневыхъ стрѣлъ рѣдки. Пишущему, какъ любителю собиранія рѣдкостей, въ теченіи семи лѣтъ доставленъ лишь одинъ наконечникъ каменной стрѣлы. Знахарки села Покровскаго, какъ и другихъ мѣстностей, владѣютъ каменными наконечниками, которые хранятъ какъ святыню и при томъ секретно. Онѣ же примѣняютъ ихъ при купаніи слабыхъ новорожденныхъ; затѣмъ, трутъ въ водкѣ наконечникъ о наконечникъ и даютъ пить при страданіи желудка (по народному: одъ утрунка).

б) *По находкамъ мѣдныхъ и бронзовыхъ топориковъ и стрѣлокъ.* Къ числу находокъ бронзоваго періода въ мѣстностяхъ были находимы мѣдныя стрѣлы. Всѣ находимыя стрѣлы по формѣ раздѣляются на восемь образцовъ.

Попадаются онѣ въ рытвинахъ, послѣ истока весеннихъ водъ. Пишущій владѣетъ двѣнадцатью стрѣлами. Преданій въ народѣ о нихъ нѣтъ.

в) *По находкамъ старинныхъ монетъ.* Клады старинныхъ монетъ не были находимы. Монеты въ отдѣльности попадаются, а именно: «пять копеекъ 1737 года», «двѣ копейки 1757 г.» (съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца), «копейка 1758 года» (съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца) «пять копеекъ 1726 г.» (надпись въ крестѣ, съ маленькимъ орломъ въ центрѣ ея), серебряная монета (по предположенію—князей-халифовъ), монета съ непонятною славянскою надписью, на одной сторонѣ коей человѣческая фигура и на другой грубый оттискъ креста. Чаще монетъ попадаются жетоны екатерининскіе и др.

г) *По находкамъ костей.* Въ курганахъ при челолѣческихъ остовахъ были находимы: дутыя кольца мѣдныя, разной величины, безъ спайки, привѣски ирдоликовые, привѣски изъ муміи, острія мѣдныя (подобія иглъ).

и) *О курганахъ.* Кургановъ на землѣ села Покровскаго 14. Ихъ названія: Середины, Воронина, Горбова, Орлова, Дудниковы, Рясни (цѣпь могилъ), Довги, Задорожняго, Гостреньки, Порохнина, Савченкова, Бабы, Чубати, Хитраго. Преданій о курганахъ довольно много и съ разными варіантами. Не имѣя свободнаго времени для изложенія преданій о курганахъ, ограничиваюсь названіями ихъ.

і) *О каменныхъ бабахъ.* Въ настоящее время каменныхъ бабъ на курганахъ не осталось, а годовъ тридцать тому назадъ онѣ были. Находятся онѣ теперь въ распоряженіи крестьянъ и служатъ столбами у воротъ».

— Екатеринославская судебно-мировая юстиція.

93. 94. Бахмутскія солеварни и каменносольныя копи—А. Пу—въ.

94. Краткій обзоръ земской медицины въ екатеринославской губерніи въ 1886 г.

95. *А. А.* Корреспонденція изъ села Чернявщины (павлоградскаго уѣзда). Село наше расположилось по рѣкѣ «Орелъ». Надъ рѣкой вверхъ и внизъ, на пригоркахъ, находится нѣсколько высокихъ кургановъ. Курганамъ этимъ старожилы придаютъ каждому особое значеніе. При селѣ есть три высокихъ кургана, называемые «Панасовыми могилами» (могила—мѣстное названіе кургана), которые, какъ говорятъ, были передовыми аванпостами запорожцевъ. Далѣе, къ рѣкѣ одинъ большой, другой меньше, носящіе названіе «Волосскихъ». Здѣсь былъ полсотни лѣтъ тому назадъ винокуренный заводъ помѣщика Чернявскаго, отчего мѣстность эта и носитъ мѣстное названіе «Караванище». Объ этихъ двухъ курганахъ мы не слышали никакихъ народныхъ преданій. Въ двухъ верстахъ на юго-востокъ къ деревнѣ Алексѣевкѣ два небольшихъ и одинъ большой курганы, послѣдній называется «Долгой могилой». О послѣднемъ, до 1883 года, ходили слухи, что будто бы въ немъ хранится складъ сокровищъ запо-

рожцевъ. Въ 1883 году (кажется такъ) мѣстные крестьяне дѣлали раскопку кургана, но затѣя ихъ не увѣнчалась успѣхомъ. На самой срединѣ на 2-хъ саженной глубинѣ, у самой подошвы, нашли большой камень, не имѣющій никакого значенія,—тѣмъ все дѣло и кончилось. Молва же о какомъ то туманѣ и о лѣшихъ, водящихъ и пугающихъ путниковъ въ ночное время, послѣ разрытія «Долгой» умерла. Въ сторону, на югъ отъ этихъ кургановъ, чрезъ долину «Непхай», надъ долинами «Соленая» и «Дубовая», на возвышенности—три небольшихъ кургана, называемые «Бабами». На одной изъ нихъ стояли три каменныя бабы, которыя убраны (въ концѣ 70 годовъ) на барскій дворъ. Отъ Бабъ на югъ, гдѣ сошлись вмѣстѣ Соленая и Водяная долины, мѣсто называется «Вилами». Объ этихъ то вилахъ много разсказываютъ исторій; въ нихъ будто бы многіе тамошніе жители видѣли не только вырытыя неизвѣстно кѣмъ ямы, но даже и признаки какой то чугунной или черепяной посуды съ деньгами. Соленая и Водяная, сойдясь вмѣстѣ, получили названіе «Дубовая».

Въ устьи «Дубовой», надъ болотомъ, носящимъ названіе «Давыдово», на бугоркѣ, и надъ рѣкой, также много большихъ и малыхъ кургановъ. Главные изъ нихъ три, называемые «Майданами». Въ Майданахъ этихъ, какъ гласитъ народное преданіе, жилъ кошевой запорожцевъ. Здѣсь явные признаки жилья, посрединѣ большаго кургана, во весь его ростъ, глубиною въ сажень—яма. Сверхъ этой ямы (на верху кургана) посажена была въ два ряда лиція (теперь же ее и признаковъ нѣтъ; но я это знаю лѣтъ 10—15 тому назадъ). Яма эта, какъ говорятъ, была мѣстомъ храненія оружія и цѣнностей. Отъ большаго кургана къ рѣкѣ, на подобіе развернутаго башлыка, съ обѣихъ сторонъ, саженъ на 15 длиною, обнесено валомъ; въ серединѣ этого укрѣпленія—широкая, сажени въ 3 ширины и аршина 2 глубины (теперь) яма, вокругъ которой со всѣхъ четырехъ сторонъ по три ямы, на подобіе солдатскихъ палатокъ. Майданъ этотъ составляетъ порядочное укрѣпленное мѣсто. Дальше на сѣверъ, надъ болотомъ Давыдовымъ, такое же укрѣпленіе, но съ меньшими признаками мѣстъ для жилья, хотя и есть небольшое укрѣпленіе. О «Майданахъ» много есть разнорѣчивыхъ разсказовъ; говорятъ, что многіе видѣли, какъ неизвѣстные люди и даже мѣстные жители доставали всякое добро; также говорятъ, что не разъ видѣли развѣдчиковъ, отъ которыхъ будто бы слышали, что по планамъ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ значится, что по «Дубовой» и въ «Майданѣ» (что у Дубовой) много хранится кладовъ.

У насъ теперь живетъ крестьянинъ Савелій Ивановичъ Волошинъ, которому 5 декабря сего года исполнится 90 лѣтъ отъ роду. Волошинъ, несмотря на свои 90 лѣтъ, въ сравненіи съ новыми старпками (дѣдами) высматриваетъ еще молодцомъ Его тощее лицо при какомъ либо волненіи или воодушевленіи покрывается румянцемъ. Голосъ его звонокъ и твердъ. Одно горе: онъ мало

видитъ и жалуется на спинную боль отъ полученныхъ въ молодости палокъ, которыми по милости господъ былъ награждаемъ до полусмерти. Волошинъ разсказываетъ о томъ, что было въ старину. Онъ помнитъ, что село Чернявщина состояло изъ 4 дворовъ. Вокругъ села была дикая степь, заросшая бурьянами, вышиною въ сажень. По рѣкѣ вездѣ были большія дубовыя рощи, глубокія озера съ множествомъ рыбъ и птицъ и берега рѣки разрослись камышемъ на большое разстояніе, а межъ камышемъ—высокая бѣлая и черная лоза. До него, какъ онъ передаетъ, по рѣкѣ былъ сплошной лѣсъ (это передавалъ покойный Тихонъ Граненко, который три или четыре года тому назадъ на 106 году отъ роду умеръ), гдѣ плодилось множество разнаго рода животныхъ. Жители села Чернявщины (четыре хозяина) были люди очень богатые. У каждаго изъ нихъ было паръ по десяти воловъ; гулеваго скота 30—40 штукъ. Кромѣ рогатаго скота и лошадей, у нихъ имѣлось до трехъ-четырехъ сотъ овецъ.

96. Къ исторіи запор. козаковъ. Перепечатка изъ Сборника Эварницкаго указа 1820 г. о постройкѣ церкви въ с. Тритувномъ.

Крымъ №№ 107—116. № 107, 108, 109. *Орѣховское ссудо сберегательное товарищество* (1878—1888 г.) Ф. Введенскаго.

109. Извѣстіе о находкѣ близь Симферополя какихъ то «предметовъ, имѣющихъ археологическое значеніе».

111. *Библіографія.* Краткій отзывъ о книгѣ М. М. Захарченка «Кіевъ теперь и прежде».

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 293—324. № 301. Памяти А. Н. Бурнашева и его некрологъ.

301. Библіогр. замѣтка о вышедшемъ въ Кіевѣ «Юбилейномъ Сборникѣ».

312. Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30 ноября); перепечатка изъ «Кіев. Стар.» № 11. 1888 г.

313. Къ юбилею ученой дѣятельности И. И. Мечникова (перепечатка изъ «Одес. Листка»).

315. Сообщеніе. Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 9 ноября проф. А. А. Потебня сдѣлалъ сообщеніе по поводу статьи Бругмана «Die Nominalgeschlecht in den indo-germanischen Sprachen». Въ засѣданіи общества 30 ноября М. М. Плохинскій прочиталъ рефератъ о цыганахъ въ Малороссіи, по архивнымъ документамъ. Въ члены общества избраны С. К. Соловьевъ, М. А. Масловъ и М. Н. Савиновъ. За редактированіе сборника сказокъ И. И. Манжурѣ опредѣлено вознагражденіе въ 50 руб., независимо отъ выдачи опредѣленнаго числа оттисковъ.

316. В. Н. Каразинъ и основаніе харьковскаго университета.

317. Рескриптъ Имп. Екатерины II графу де Рибасу на орденъ св. Владиміра 3 степ. за храбрость въ экспедиціи на Матчинъ и противъ Браилова.

321. Замѣтка о вышедшей новой книгѣ Омельченко: «Малороссійскія пѣсни, собранныя въ окрестностяхъ г. Павловска».

Южный Край 1888. №№ 2703—2735. № 2703. О кустарныхъ промыслахъ въ бѣлгородскомъ у. курск. г. Въ этомъ уѣздѣ успѣшно развивается производство чулковъ, шерстяныхъ поясовъ, шерстяной бѣлой парусинки, овчиныхъ полушубковъ и иконъ изъ фольги.

2707. Замѣтка о праздновании въ Варшавѣ 25-лѣтія ученой дѣятельности генерала Александра Өедоровича Риттиха, «который своими изысканіями по статистикѣ, этнографіи и славистикѣ оказалъ наукѣ неоцѣнимыя услуги. Первый трудъ Александра Өедоровича былъ «Атласъ Западно-русскаго края по исповѣданіямъ», представленный имъ 15 ноября 1863 г. въ Царскомъ Селѣ Государю Императору Александру II. Этимъ атласомъ впервые было доказано, что гродненская губернія, считавшаяся дотолѣ переполненною поляками, есть чисто русская. Не меньшій эффектъ произвела въ 1864 г. «Общая карта всего Западнаго края», которая научно изъяла изъ рукъ поляковъ русскія земли съ ихъ населеніемъ. Говорятъ, что покойный князь Горчаковъ, получивъ экземпляръ этой карты, воскликнулъ: «ну, теперь намъ не страшна коалиція». Затѣмъ А. Ө. перенесъ научную войну на Вислу и подъ покровительствомъ покойнаго Н. А. Милютина доказалъ, что вся восточная полоса привислянскаго края не польская, а чисто русская и литовская. Эта этнографическая работа имѣла вліяніе на рѣшеніе уніятскаго вопроса, черезъ 10 лѣтъ, въ 1874 г. Въ 1870 г. А. Ө. издалъ пространное изслѣдованіе казанской губерніи, намѣтившее различные тезисы для русской этнографіи и освѣтившее вопросъ о переселеніи изъ Сибири, о движеніи Гунновъ въ Европу и проч. Въ 1873 году А. Ф. занялся прибалтійскимъ краемъ и доказалъ, что этотъ край вовсе не нѣмецкій, а чисто финскій и литовскій съ примѣсью всего 7% нѣмцевъ. Съ 1873 по 1876 г. въ Петербургѣ А. Ө. разработалъ статистику и вооруженныя силы Австро-Венгріи, что теперь очень можетъ пригодиться въ виду ожидаемыхъ міровыхъ событій. Въ этотъ же періодъ, въ связи съ рекрутскимъ наборомъ и всеобщею воинскою повинностью, А. Ө. написалъ о «племенномъ составѣ контингентовъ русской арміи». Послѣдствіемъ этого труда была посылка русскихъ рекрутъ къ окраинамъ, а окраинскихъ въ центръ Россіи, давшая въ результатѣ то, что въ каждой части нашихъ войскъ не менѣе 75% русскихъ и лишь 25% смѣси. Тогда же А. Ө. издалъ двѣ карты западныхъ славянъ М. Ө. Мирковича съ поправками и новою редакціею. Наконецъ, А. Ө. исполнилъ по порученію Императорскаго русскаго географическаго общества величайшую этнографическую карту—Европейскую Россію. Карта эта удостоилась на выставкахъ въ Парижѣ и Филадельфіи высшихъ наградъ. Свои этнографическія изслѣдованія Россіи А. Ө. закончилъ «картой Кавказскаго края». Послѣ

этого онъ занялся славянами и въ 1885 г., къ празднику Кирилла и Меѳодія, издалъ обширный трудъ—«Славянскій міръ». Въ бытность свою въ Харьковѣ А. Ѳ. издалъ «Карту Славянскихъ поселеній въ эпоху Карла Великаго», «Этнографическій очеркъ харьковской губерніи» и «Переселенія».

2711, 2715. Харьковское земство и курско-харьково-азовская желѣзная дорога, по поводу борьбы этого земства съ названною желѣзною дорогою за злоупотребленія и безпорядки, разсказанной въ «Нов. Врем.» профес. Н. Ѳ. Сумцовымъ.

2711. Александръ Николаевичъ Бурнашевъ, бывшій предсѣдатель харьков. окр. суда (некрологъ).

2712. Друзья покойнаго А. А. Брилліантова и сочувствующіе увѣковѣчиванію памяти «перваго нашего кооператора» изданіемъ, съ благотворительною цѣлью, перваго харьковскаго кооперативнаго сборника и Брилліантовской воскресной школы (мы упоминали въ «Южн. Краѣ» объ этихъ предположеніяхъ)—уже приступили къ дѣлу. На одномъ изъ собраній, такъ называемаго Брилліантовскаго сотрудничества, или товарищества, рѣшено: приступить къ собиранію матеріаловъ для біографіи А. А. Брилліантова, для исторіи харьковскаго товарищества потребителей и предполагавшагося въ Харьковѣ всероссійскаго съѣзда русскихъ потребительскихъ обществъ въ 1869 г. Въ разработкѣ этихъ матеріаловъ обѣщалъ принять участіе проф. Г. М. Цѣхановецкій. Въ отдѣлѣ сборника, который будетъ заключать статьи, касающіяся благотворительныхъ, взаимныхъ и кооперативныхъ учрежденій г. Харькова, ихъ образовательнаго значенія и желательнаго развитія обѣщалъ принять участіе Ф. А. Павловскій. Статьи и матеріалы какъ для этихъ двухъ отдѣловъ сборника, такъ и для остальныхъ отдѣловъ (воспоминанія русскихъ и заграничныхъ кооператоровъ и другія статьи, въ томъ числѣ статьи въ беллетристической формѣ, имѣющія цѣлью популяризировать изученіе теоріи и практики кооpeраціи, адресуются на имя Н. П. Баллина, въ Харьковъ, въ контору Мороховвца, на Чернышевскую улицу, № 10. Въ Брилліантовскій сборникъ, въ виду благотворительной цѣли, статьи принимаются только безплатныя. Размѣръ сборника не опредѣляется. Имѣя въ виду, что пожертвованій, поступившихъ уже въ пользу Бриллiантовской воскресной школы, достаточно, чтобы приступить къ открытію ея, не ожидая изданія сборника, сотрудничество постановило: поручить Л. Е. Ефимовичъ хлопоты по устройству ея при харьковскомъ обществѣ грамотности въ помѣщеніи русско-еврейской школы. Учительницы женской воскресной школы полагаютъ, что лучше устроить мужскую воскресную школу; другіе стоятъ за женскую, такъ какъ женская школа имѣетъ уже удачный прецендентъ и такъ какъ образованіе женщинъ лучше пропагандируется, чѣмъ образованіе мужчинъ. Будетъ ли учреждена мужская или женская школа, будетъ зависѣть

отъ контингента преподавательскаго персонала школы; нужно надѣяться, что онъ будетъ вполнѣ удачный.

2721. Замѣтка о количествѣ дворянскихъ земель въ харьковской губерніи и о переходѣ ея по частямъ въ другія сословія, именно за три года количество ея уменьшилось на 119,644 д., что составляетъ на губернію 10%.

2727. Сообщеніе о скоромъ выходѣ въ свѣтъ изданія города Екатеринослава, сочиненія г. Акинжіева «О растительности въ г. Екатеринославѣ въ концѣ перваго столѣтія его существованія».

— Александръ Тимофѣевичъ Велиховъ (вице-предсѣд. Совѣта главн. общ. жел. дорогъ)—Харьковскій уроженецъ и воспитанникъ тамошнихъ гимназій и университета (некрологъ).

2729. О числѣ учебныхъ заведеній и учащихся за 1887 г. въ харьковской губерніи.

2730. Перепечатано изъ «Новорос. Телеграфа» слѣдующее письмо николаевскаго священника отца Гр. Дѣлова:

«Несомнѣнно, что на столь важное и полезное дѣло многія лица и учрежденія отзовутся съ должнымъ сочувствіемъ, но не эта цѣль моей замѣтки. Въ г. Николаевѣ, на городскомъ кладбищѣ мнѣ, какъ священнику, приходится по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ проходить вблизи памятника, гдѣ погребены посмертные остатки В. Н. Каразина, жены его Евгеніи Ѳеодосьевны, сына лейтенанта Филадельфа и дочери младенца Александры. Памятникъ этотъ находится за церковью, на восточной сторонѣ ея, и представляетъ обыкновенную, небольшихъ размѣровъ, квадратную каплицу, выстроенную изъ камня, безъ особыхъ архитектурныхъ затѣй, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ, сверху до низу, образовались сквозныя трещины въ стѣнахъ, несомнѣнно предполагающія собою близкое и совершенное ея разрушеніе. Не знаю, есть ли въ Николаевѣ родственники великаго дѣятеля В. Н. Каразина, но памятникъ находится внѣ всякой заботливости и вниманія, исключая лишь того, что чья то заботливая христіанская душа, въ сѣверо-восточномъ углу каплицы, поставила столикъ и на немъ двѣ старыя иконы съ лампадкой, которой едва ли когда либо удастся теплиться, такъ какъ, благодаря сквознымъ трещинамъ и поломанной двери, вѣтеръ свободно и во всякое время разгуливаетъ въ небольшомъ зданіи. Посреди каплицы стоитъ небольшой четырехъ-угольный мраморный памятникъ, на стѣнкахъ котораго сдѣлана слѣдующая надпись: «Виновникъ учрежденія въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, основатель харьковскаго университета, учредитель и правитель дѣлъ филотехническаго общества, Высочайше утвержденнаго въ 1811 году; помѣщикъ, поставившій первый крѣпостныхъ людей (своихъ?) на степень существъ свободныхъ (каковыми 40 лѣтъ спустя хотѣлъ ихъ сдѣлать Русскій Царь указомъ 1842 г., апрѣля 2 дня); водворитель цвѣ-

тущей торговли и благосостоянія гражданъ въ г. Харьковѣ, естествоиспытатель, подавшій первый мысль о возможности сдѣлать изъ метеорологіи науку точную, полезную для людей, почетный членъ двухъ университетовъ: московскаго и харьковскаго, членъ разныхъ учебныхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ. Родился въ Крючикѣ, харьковской губ., богодуховскаго уѣзда, 1773 года, января 30, скончался въ г. Николаевѣ херсонской губерніи 1842 года, ноября 4 дня, въ 8 часовъ вечера».

Полагаемъ, что такая многоговорящая надпись на могильномъ памятникѣ Каразина сдѣлана не безъ основанія, а потому остается пожелать, чтобы имѣющійся состояться комитетъ для сбора пожертвованій на памятникъ въ г. Харьковѣ не позабылъ и памятника надъ посмертными останками В. Н. Каразина, каковой памятникъ, на николаевскомъ городскомъ кладбищѣ, представляетъ собою печальное зрѣлище и близокъ къ разрушенію! Устройство памятника обойдется недорого,—приблизительно нѣсколько сотъ рублей».

2726, **2727**. Харьковскіе сценическіе дѣятели прешлаго времени Н. Х. Рыбаковъ.—Н. Ч. (не окончено).

2734. С. Новоборисоглѣбскъ зміевскаго уѣзда (корр.). Этнографическія и экономическія свѣдѣнія объ этомъ селѣ.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 44—48. №№ 44, 45—46. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Екатеринодарѣ.

44. Нѣсколько словъ по водоснабженію сѣверной части кубанской области инженера Ф. Маевскаго.

47—48. Обзоръ кубанской области за 1887 г.

48. Путевыя замѣтки (продолж.)—Учителя К. Живилло.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 46—49. № 47. *Присоединеніе къ православію ульбаровскихъ чеховъ дубенскаго уѣзда.* Обращаетъ на себя вниманіе слово, произнесенное чешскимъ проповѣдникомъ о. Каллистомъ Метельскимъ по поводу циркулировавшихъ среди чеховъ слуховъ, что со смертію бывшаго начальника юго-западнаго края А. Р. Дрентельна и Е. М. Крыжановскаго должно ослабиться движеніе чеховъ по пути къ православію.

49—50. *Противодѣйствіе Базиліанскаго ордена стремленію бѣлаго духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви.* Историческое изслѣдованіе по документамъ архивовъ греко-уніатскаго (2-го) департамента Р.—К. коллегіи и министерства народнаго просвѣщенія. Изслѣдованіе это обнимаетъ двадцати-пяти-лѣтній періодъ времени (1803—1828 г.).

Зоря №№ 22—25. №№ 22—25. Старосвѣтски батюшки и матушки. Ив. Левицкаго.

22. Ворогамъ—В. Чайченка.

22—25. На досвѣткахъ—З. Петруся.

— Проти хвилѣ—Его же.

— Исторія литературы русской. Ом. Огоновской. Періодъ новый: Устіяновичъ 5. Михайло Старицкій.

22. Русскій театръ у Львовѣ: Наймичка—Карого.

— Замѣтки критични и библіографія: Ганна Монтовтъ Ор. Левицкаго. Споры о правопис. у русиновъ и у румуновъ Ал. Тороньского. Про спилки нашихъ гуцуловъ зъ жидами-лихварами—Луговика. «Добри Роди» газета. «Кіевская Старина» № 10 1888. Выданя русской бесѣды въ Черновцяхъ. Змѣстъ ч. 2 Правды.

25. Одповѣдь выдавництву «Правды»—Алексѣя Борковскаго.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи:

Бернарденъ де Сенъ Пьеръ. Павло и Виргинія, картина природы. Переклавъ зъ французкого Евгеній Горницкій. Перемышль. 1888.

Бѣловъ Г. Путешествіе холмскихъ паломниковъ ко гробу Господню. Разсказъ. Варшава, 1888 г., 8 д., 161 стр.

Ванченко К. Вечиръ на хутори. Сцены въ 1 дѣйст. Кіевъ. 1889 г., 16 д., 64 стр.

Веселый Оповидачъ. Изд. С. Гомолинскаго. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 32 стр.

Haliczanin, kalendarz powszechny na rok 1889, rocznik XXXV. Львовъ 1888.

Hankiewicz. Ein Beitrag zur Volksetymologie im Kleinrussischen. Помѣщено въ Archiv für Slawische Philologie Ягича Berlin 1888.

Hibl. Austryjacko-galicyjskie prawo naftowe. Львовъ 1888.

Гоголь В. Простакъ, комедія въ 1 дѣйствіи. Изд. 3-е. Кіевъ 1888 г., 16 д., 64 стр.

Дорошкевичъ. Тарасъ Бульба, повѣсть изъ козачей жизни запорожцевъ. Москва 1888.

Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1889 г. Вильно, 4 д., 60 стр.

Зерна. Литературно-науковый додатокъ до «Буковины» за рикъ 1888. Черневцы. 1888.

Zuber. Atlas geologiczny Galicji, zeszyt drugi. Вѣна. 1888.

Kaindl. Geschichte der Bukowina, I, Von der ältesten Zeit bis zur Gründung des Fürstenthums Moldau um 1350. Черновицъ 1888.

Kałużniacki. Monumenta linguae paleoslovenicae, tomus I. Evangeliarium Putnanum. Вѣна и Цѣшинъ 1888.

Каргопольцевъ. Путеводитель по рѣкѣ Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888.

Карѣевъ Н. Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Спб. 1888, 8 д., 457 стр.

Каталогъ археологично-библіографической выставки ставропигійскаго института во Львовѣ. Львовъ. 1888.

Луговой Ив. Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 6 стр.

Михайловскій М. Вѣнецъ и похвала св. Владиміру. Черниговъ 1888 г., 8 д., 88 стр.

Огоновскій. Петро. Учебникъ аритметики для высшихъ клясъ шкилъ середнихъ. Львовъ. 1888.

Олещукъ. За давнихъ часивъ—оповиданйа исторични. Львовъ. 1888.

Омельченко. Малороссійскія пѣсни, собранныя въ окрестностяхъ г. Павловска по острогожскому и павловскому уѣздамъ. Выпускъ I. Воронежъ 1888.

Ossowski G.—Wielki kurhan ryżanowski, według badań, dokonanych w latach 1884 i 1887. Краковъ 1888.

Осташевскій. Сто байокъ, а въ нихъ найдете бильше якъ сто правдъ. Написавъ для русского мира. Львовъ 1888.

Парасевичъ. Повистки и оповидання для старшихъ и молодшихъ. Львовъ 1888.

Потапенко В. Надъ кручею. Эскизъ. Кіевъ 1889 г., 16 д., 32 стр.

Ptaszycki—Dzieje rodów litewskich, jako materjał do archeologji historycznej. Варшава 1888.

Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ. Адресъ-календарь съ приложеніемъ плановъ Одессы и ея окрестностей. Одесса. 1889 г., 8 д., 551 стр.

Сарныцкій. Поясненіе псалмивъ и писней богослуженія, котри мистятся въ Часослови. Львовъ 1888.

Smolka. Kiejstut i Jagiełło. Краковъ 1888.

Sokalski. Wieś Zarudka na Podolu, jaką była, a jaką dziś jest. Львовъ 1888.

Старчевскій А. Наши сосѣди. Справочная книжка. Пограничный переводчикъ (по нашей западной границѣ), заключающій въ себѣ 12 языковъ: шведскій, нѣмецкій, литовскій, польскій, верхне-лужицкій, русинскій, чешскій, словацкій, венгерскій, хорватскій, словенскій и румынскій. Т. II. Спб. 1889 г., 16 д., 3 ненум.+567+3 ненумер. стр.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., 8 д., 20 стр.

Теличенко И. Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. Кіевъ 1888 г., 8 д., 118 стр.

Трыльовскій К. Впередъ! збирникъ поезій. Выпускъ I.—Черновицъ 1888.

Udziela—Wspomnienia z przeszłości Ropczyc. Тарновъ. 1888.

Устенко-Гармашъ. Черепьяни гроши. Кіевъ 1888 г., 16 д., 32 стр.

Хойнацкій. Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или патерикъ волынско-почаевскій. С.-Петербургъ. 1888.

Chotkowski. Ueber die Russische Jubiläumsfeier zu Kiew. Помѣщено въ Historisch politische Blätter für das katolische Deutschland. München 1888.

Шевченко Т. Катерына. Одесса, 8 д., 31 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1889 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЦѢНА 30 к. ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ЦѢНА 30 к.

„КАЛЕНДАРЬ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ"

на 1889 годъ.

Содержаніе Календаря слѣдующее: Отъ редакціи.—Астрономич. свѣдѣнія.—Православные святцы.—Указатель именъ правосл. святыхъ.—Римско-Католич. календ.—Указатель именъ Римско-Католич. св.—Почтово-телеграфн. свѣдѣнія.—Пароходство.—Желѣзныя дороги.—Торгово-промышл. свѣдѣнія.—Свѣдѣнія объ отбываніи воинской повинности.—Судебный отдѣлъ. Медицинскія свѣдѣнія.—Сельско-хозяйствен. свѣдѣнія. *Статистическія свѣдѣнія о Сѣверо-Западн. краѣ:* пространство; народонас. по вѣроиспов., народонас. по сословіямъ, народное образованіе, статистика поземел. собственности (распредѣленіе поземел. собственности по угодьямъ, земли принадлеж. крестьянск. общест., земли въ частной собственности), сельско-хозяйств. статистика за 1887 годъ, фабрично-заводская промышленность, главнѣйшія отрасли фабрично-заводской промышленности, списокъ губерн. и уѣзд. городовъ Сѣв.-Западн. края.-*Научно-Литературный отдѣлъ:* статья „Владиміръ Св. и Его время".—Бѣлорусск. нарѣчіе.—„Гапонъ", повѣсть въ стихахъ на бѣлорусск. нарѣчіи В. Дунина-Марцинкевича.—Географич. и статистич. очеркъ Рѣчицкаго уѣзда Минской губ.—Географич. очеркъ древней Бѣлоруссіи (въ періодъ до нач. XIII в.).—Брагинская волость (историч. очеркъ).—Институтъ церковной власти въ Смоленской землѣ въ XII в.—Стихотворенія: „Родная Бѣлоруссія", „Вдовій сынъ" и мн. др.—Изъ жизни (разсказъ).—Народныя бѣлорусскія пѣсни.—Стихотворенія на бѣлорусскомъ языкѣ: „Ноччу у сялѣ", „Могилки".—Пасха въ Бѣлоруссіи—Библіографическій листокъ (книги и статьи, вышедшія въ продолж. 1888 г., относящіяся къ Сев.-Запад. краю).—Некрологи.—Объявленія.

Склады изданія „Календаря Сѣверо-Западнаго Края" находятся:

Въ Москвѣ—въ типо-литографіи „Разсвѣтъ" (бывш. Любенкова), Тверская, Гнѣздниковскій пер., д. Любенкова.

Въ Кіевѣ—въ редакціи „Календаря Сѣверо-Западнаго края“ (обращаться письменно,—адресъ почтамту извѣстенъ).

Въ Минскѣ—въ книжн. магаз. г. Френкеля, Губернаторская ул.

Въ Смоленскѣ—въ книжн. магаз. Лаврова, Кирочная ул.

Въ Вильнѣ-въ редакціи „Виленскаго Вѣстника“.

Въ Витебскѣ—въ книжн. магаз. Миндельсона. № 31. 1—1.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

XXVIII г. — въ 1889 году. — XXVIII г.

(Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи).

Вступая въ 28-й годъ своего существованія, Редакція „Филол. Записокъ“ будетъ держаться тѣхъ же принциповъ, какимъ столько лѣтъ служила, именно—доставлять филологическія и лингвистическія изслѣдованія по языкознанію вообще, а по русскому языку въ особенности, по литературѣ, классицизму, славистикѣ, миѳологіи, доставлять библіографическія свѣдѣнія, переводы сочиненій извѣстныхъ иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ, разрабатывать и разъяснять разные грамматическіе вопросы и пр. и пр.; но главной задачей остается вопросъ: 1) о постановкѣ русскаго языка въ школѣ и 2) о составленіи словопроизводственнаго словаря.

На сколько изданіе наше оправдываетъ и оправдало стремленія Редакціи, мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь, особенно для тѣхъ, кто вовсе не знакомъ съ нашимъ изданіемъ, слѣдующіе отзывы Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв., напечатанные въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. (въ 1869 г. Май, стр. 27 и въ 1876 году Май).

„Филологическія Записки—единственное изъ провинціальныхъ изданій, посвященныхъ спеціально языку и литературѣ. При крайней бѣдности средствъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, оно существовало уже и существуетъ, не только не падая въ своемъ значеніи—случай, рѣдко представлявшійся и въ столичной журналистикѣ,—но даже, по возможности, улучшаясь, благодаря единственно труду и стойкости издателя“...

„Во вниманіе къ несомнѣнному научному достоинству „Филологическихъ Записокъ“ и къ постоянно нимало невознаграждаемымъ трудамъ издателя ихъ, г. Хованскаго, а также въ видахъ весьма желательнаго для пользы науки поддержанія этого изданія, Учен. Комитетъ призналъ справедливымъ ходатайствовать предъ г. Министромъ Нар. Пр., во-первыхъ, о предложеніи начальствамъ гимназій

выписывать „Филологическія Записки" для библіотекъ гимназій и, во-вторыхъ, объ оказаніи г. Хованскому нѣкотораго денежнаго вспомоществованія. А такъ какъ было бы весьма полезно, чтобы въ гимназическихъ библіотекахъ находились „Филологическія Записки" за все время ихъ изданія, то, по мнѣнію Ученаго Комитета, было бы всего лучше снестись съ издателемъ о томъ, имѣется ли у него въ запасѣ нужное, по числу гимназій, количество экз. его журнала за прежніе годы и за какую сумму онъ можетъ уступить эти экз. Этимъ способомъ могла бы быть оказана существенная матеріальная поддержка полезному изданію, и вмѣстѣ съ тѣмъ экземплярами онаго были бы снабжены библіотеки гимназій"...

„Во вниманіе къ тому, что издаваемыя въ Воронежѣ г. Хованскимъ „Филологическія Записки" заключаютъ въ себѣ много полезнаго матеріала для занимающихся преподаваніемъ русскаго языка и потому могутъ служить для нихъ полезнымъ пособіемъ,—предложить начальствамъ гимназіи, чтобы они *озаботились* пріобрѣтеніемъ этого журнала для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій по непосредственному сношенію съ г. Хованскимъ"...

Кромѣ того желающіе подробно могутъ ознакомиться съ трудами изданія по изданнымъ брошюрамъ, каковы: 1) „Указатель статей, напечатанныхъ за весь 25-лѣтній періодъ изданія Фил. Зап." и 2) „Двадцатипятилѣтній юбилей изданія Фил. Записокъ. Юбилейный Сборникъ", въ которомъ помѣщены: 1) Телеграммы (около 100), полученныя Редакторомъ, начиная отъ Г. Министра Нар. Пр. и Академіи Наукъ, отъ разныхъ высшихъ ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній, 2) рѣчи, 3) статьи посвященныя 25-лѣтію Ф. З. и 4) Записка Редактора о возникновеніи изданія. (Цѣна Указателю и Сборнику—по 40 к. съ перес.).

„Филологическіе Записки" издаются въ Воронежѣ; выходятъ безсрочными выпусками,—по шести выпусковъ въ годъ.

ЦѢНА годовому изданію 6 р. 50 к. съ перес. заграницу 7 р.

Подписка преимущественно принимается въ Редакціи „Филологическихъ Записокъ" въ Воронежѣ; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе Фил. Зап. можно выписывать и за прежніе годы.

№ 32. 1—1. Редакторъ-Издатель *А. Хованскій.*

1889 годъ.— ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА —*годъ шестой.*

КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ

Журналъ, издаваемый Русскимъ Обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

Программа журнала: 1) Правительственныя распоряженія относящіяся до спеціальности журнала (Высочайшія повелѣнія, распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министерства, вновь разрѣшаемыя повременныя изданія, перемѣны въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній и

ній), въ видѣ самостоятельнаго ежемѣсячнаго литературнаго журнала, и составляющихъ собою въ концѣ года библіотеку новѣйшихъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, стоющую въ отдѣльной продажѣ вдвое больше подписной суммы журнала.

II. *Двѣнадцать нумеровъ новѣйшихъ „Парижскихъ модъ"*, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціальнаго моднаго журнала. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ поручено опытному спеціалисту; описаніе модныхъ новостей составляется по лучшимъ французскимъ источникамъ и моделямъ, доставляемымъ первоклассными парижскими торговыми фирмами и модными ателье. Въ каждомъ нумерѣ отведено мѣсто для статей по домашнему хозяйству, гигіенѣ, кухнѣ и пр.

III. *Двадцать образцовыхъ дамскихъ работъ*, въ составъ которыхъ входятъ: а) выкройки въ натуральную величину различныхъ костюмовъ и бѣлья для дамъ и дѣтей, отличающіяся новизною, изяществомъ и практичностью. б) Рисунки для вышивокъ суташью, шерстями, шелкомъ и бисеромъ по канвѣ, сукну, бархату и пр. в) Рисунки для вышивокъ гладью, англійскимъ швомъ и пр. по полотну, батисту и т. п. г) Образцы различныхъ вязаній крючкомъ, на спицахъ и пр. д) Образцы и рисунки для русскаго шва (крестиками), отпечатанные въ нѣсколько красокъ. е) Образцы и рисунки различныхъ новоизобрѣтаемыхъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій. ж) Образцы для вышивокъ по филе. з) Буквы и монограммы для мѣтки бѣлья, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изящныхъ и Образцы-оригинальные рисунки для выпилочныхъ работъ въ разныхъ стиляхъ и пр.

IV. *Десять большихъ гравюръ-копій* съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныя въ два тона, на эстампной роскошной бумагѣ, будутъ по прежнему прилагаться при нумерахъ журнала отдѣльными листами и составятъ въ концѣ года самостоятельный альбомъ.

V. *Стѣнной календарь* въ роскошномъ орнаментѣ древняго русскаго стиля, отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

Новыя цѣнныя и художественныя приложенія ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ *съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ-акварелистовъ.*

Въ премію: на выборъ одна изъ четырехъ картинъ или „Альбомъ".

Главная премія—большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картины, написанной въ пандань (pendant) уже выданной нами преміи за 1887 г.—„Босфоръ", тѣмъ же знаменитымъ пейзажистомъ берлинской акад. худож.—проф. А. Ригеромъ.

1) „ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ"

Картина изображаетъ роскошный восточный пейзажъ на берегу Чернаго моря. Въ перспективѣ виднѣется Константинополь, со своими причудливыми мечетями, минаретами и другими постройками, а также отдаленными горами, рисующимися на голубомъ небѣ. Интересное историческое прошлое Константинополя и та роль, которую онъ играетъ нынѣ, полны важнаго міроваго значенія. Поэтому,

---

Подписная цѣна съ пересылкой:

на годъ (24 №№). . . . . . 6 рублей. на полугодіе (12 №№) . . . . 3 рубля.

NB. Книжнымъ магазинамъ 5% уступки.

Учителя начальныхъ училищъ и всѣ учащіеся могутъ подписываться на журналъ на льготныхъ условіяхъ, а именно:

на годъ (24 №№) . . . . . . 4 рубля. на полугодіе (12 №№) . . . . 2 рубля.

NB. Подписка на льготныхъ условіяхъ черезъ книжные магазины не принимается. Комплекты номеровъ журнала (по 12 №№) за каждое изъ истекшихъ полугодій (съ 20 августа 1886 г.) продаются по 2 р. 50 к. за каждый, а льготнымъ подписчикамъ и книгопродавцамъ по 2 руб.

ЖУРНАЛЪ РЕКОМЕНДОВАНЪ

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для гимназій мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, прогимназій, учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній для всѣхъ военно-учебныхъ заведеній.

Въ каждое полугодіе выходитъ 12 номеровъ журнала (не менѣе 280 стр. in 8°), съ рисунками и чертежами въ текстѣ, съ особыми приложеніями справочныхъ таблицъ, матеріаловъ для физико-математическаго словаря и пр. Въ журналѣ постоянно предлагаются задачи для рѣшенія, научныя вопросы, темы для сотрудниковъ и пр. Всѣ подписчики и читатели журнала приглашаются быть сотрудниками и корреспондентами.

Редакціей издаются физико-математическія сочиненія на выгодныхъ для авторовъ условіяхъ какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Въ книжномъ складѣ редакціи имѣются для продажи, кромѣ собственныхъ изданій, вообще книги физико-математическаго содержанія.

Редакторъ-Издатель кандидатъ физико-математическихъ наукъ *Э. К. Шпачинскій.*

Адресъ: г. Кіевъ, Редакція Вѣстника Оп. Физики и Эл. Математики для
№ 37. 1—3. телеграммъ: *КІЕВЪ, ВОФЭМ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

въ **1889** году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:

На годъ	9	руб.	60	коп.
„ полгода	4	„	80	„
„ три мѣсяца	2	„	40	„
„ мѣсяцъ	—	„	80	„

Съ пересылкою:

На годъ	12	руб.	—	коп.
„ полгода	6	„	—	„
„ три мѣсяца	3	„	—	„
„ мѣсяцъ	1	„	—	„

дающіяся литературныя силы, какъ то: бывшій фельетонистъ газеты „Голосъ“ г. Гамма, Баронъ Иксъ, Черноморецъ, Оса и др. Помимо фельетоновъ изъ общественной жизни, въ „Одесскомъ Листкѣ“ помѣщаются оригинальные и переводные разсказы, повѣсти, новеллы, стихотворенія

4) Новости изъ области науки и искусства, рецензіи театральныхъ представленій, отзывы о новыхъ книгахъ, картинахъ, выставкахъ, концертахъ.

5) Въ отдѣлѣ Дневника печатаются саммыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ какъ Одессы, такъ и другихъ мѣстностей края.

6) Рефераты думскихъ засѣданій и отчеты о земскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ, а также дворянскихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ.

7) Распоряженія Правительства, Высочайшія повелѣнія, указы, награды и проч.

8) Корреспонденціи изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ южнаго края

9) Отдѣлы „О чемъ говорятъ“ и „Маленькій листокъ“ посвящены исключительно злобѣ дня, и въ нихъ находитъ откликъ все, что въ данную минуту интересуетъ читающую публику.

10) Въ судебной хроникѣ помѣщаются отчеты о наиболѣе выдающихся процессахъ изъ практики мировыхъ учрежденій и общихъ судебныхъ мѣстъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ.

11) Въ коммерческомъ отдѣлѣ помѣщаются телеграммы и свѣдѣнія о курсахъ на монеты, фонды, акціи, облигаціи, о хлѣбныхъ, зерновыхъ, колоніальныхъ и друг. рынкахъ.

12) Тиражи 5% выигрышныхъ билетовъ 1-го и 2-го внутр. займовъ, закладныхъ листовъ Херсонскаго земскаго банка, Одесск. Городск. Кредитнаго Общества и Таврическаго Земельнаго Банка.

13) Въ судебномъ указателѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ окружномъ и коммерческомъ судахъ, суд. палатѣ и мировыхъ съѣздахъ городскомъ и уѣздномъ.

14) Вниманію объявителей. Спросъ и предложеніе посредствомъ публикацій неоспоримо быстрѣе достигаютъ своей цѣли, если объявленія обнародованы въ наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ. На югѣ Россіи такою распространенностью пользуется „Одесскій Листокъ“, не только въ Одессѣ но и въ другихъ городахъ нашего края. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить та масса разнообразныхъ объявленій, которыя ежедневно печатаются на страницахъ нашей газеты.

„Одесскій Листокъ“—первая большая провинціальная газета, которая печатается посредствомъ стереотипа на ротаціонной машинѣ и на безконечной бумагѣ.

Подписная цѣна съ ежедневною высылкою по почтѣ 12 руб. въ годъ. 7 руб. за полгода, 3 р. 80 к. за три мѣсяца.

Контора редакціи въ Одессѣ, на углу Дерибасовской и Ришельевской ул., д. Меля (бывш. Стифеля).

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкій.*

№ 13. 2—3.

разсказы изъ библейскаго и евангельскаго быта, повѣсти и разсказы изъ религіозной жизни русскаго народа, стихотворенія, легенды; житія святыхъ, біографіи дѣятелей Церкви, какъ современныхъ, такъ и почившихъ, преимущественно архипастырей русскихъ и восточныхъ; описанія трудовъ и подвиговъ православныхъ миссіонеровъ; этнографо-историческія статьи, посвященныя инославнымъ христіанскимъ церквамъ, особенно Восточнымъ; статьи по предметамъ православнаго вѣроученія и нравоученія, назидательныя размышленія и разсказы, проповѣди знаменитыхъ проповѣдниковъ - цѣлыя и въ отрывкахъ; популярныя статьи по всѣмъ церковнымъ наукамъ и по всѣмъ отраслямъ церковнаго искусства, современныя извѣстія изъ церковной жизни какъ въ Россіи, такъ и заграницею и пр.

По всѣмъ этимъ отдѣламъ редакція уже имѣетъ въ своихъ рукахъ много интересныхъ и разнообразныхъ статей. Такъ, въ наступающемъ году будутъ помѣщены: „По Святой Землѣ" прот. В. Я. Михайловскаго, „Путь къ Синаю"—митроп. Саввы Косановича (пер. съ сербскаго), „Письма съ Аѳона", Тихвинскій монастырь", „Очерки Царьграда", „Святыни Москвы", рядъ статей д-ра А. В. Елисѣева, разсказы К. К. Случевскаго, Ѳ. Ѳ. Тютчева, стихотворенія: О. Н. Чюминой, В. А. Иванова, корреспонденціи книгоноши И. К. Голубева и мн. др.

Литературныя произведенія большаго объема будутъ редакціею выдѣлены въ **особое литературное приложеніе** и будутъ прилагаться при журналѣ особыми книжками.

Такихъ книжекъ въ 1889 г. будетъ шесть, не менѣе 10 листовъ каждая.

I Книжка, которая выйдетъ при первомъ же № журнала, будетъ заключать въ себѣ два интереснѣйшихъ произведенія: 1) „Въ древней Палестинѣ" (разсказъ) и 2) „Цецилія, или первыя времена христіанства" (истор. повѣсть). Въ слѣдующихъ книжкахъ будутъ печататься: „Путеводитель по Св. Землѣ" (съ иллюстраціями, портретами и картами)—д-ра А. В. Елисѣева, рядъ истор. повѣстей, большіе біографическіе разсказы и пр.

II. Часть художественная. Портреты Восточныхъ патріарховъ, архипастырей Россіи и Востока, знаменитыхъ проповѣдниковъ и вообще дѣятелей Церкви; снимки со святыхъ иконъ; виды св. мѣстъ, обителей храмовъ и другихъ святынь; копіи съ картинъ великихъ мастеровъ христіанской живописи; оригинальные рисунки изъ жизни святыхъ; иллюстраціи къ статьямъ, автографы, копіи съ древнихъ предметовъ и рукописей, планы, карты и пр.

Между прочимъ, въ наступающемъ году редакція дастъ: 1) Двѣнадцать копій, въ уменьш. размѣрѣ, съ картинъ великихъ мастеровъ (Рафаэля, Рубенса, Рембрандта, Вернэ, Пуссэна и др.), изображающихъ сцены изъ Библіи: 2) рядъ высокохудожественныхъ рисунковъ подъ общимъ названіемъ „Библейскія женщины", 3) рядъ картинъ, изображающихъ святыни Москвы и пр.

Кромѣ всего перечисленнаго, редакція въ 1889 годъ разошлетъ подписчикамъ

Три художественныхъ преміи:

I. Большую, исполненную многими красками копію съ акварели, спеціально исполненной для „Русскаго Паломника" извѣстнымъ академикомъ Шрейберомъ и изображающей

„АѲОНЪ ПРИ ЗАКАТѢ СОЛНЦА".

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ газеты состоятъ: И. Ф. Василевскій (Буква), А. С. Степановъ (передовыя статьи, бывшій сотрудникъ „Голоса"), М. В. Неручевъ, И. Н. Потапенко, извѣстный бессарабскій дѣятель М. К. Зозулинъ, П. А. Сергѣенко (Бѣдный Iорикъ), П. И. Компанъ, Наблюдатель (псевдонимъ). По беллетристическому отдѣлу, кромѣ И. Н. Потапенко, будутъ по прежнему помѣщать свои произведенія г-жа Назарьева, В. С. Лихачовъ и Зео.

Кромѣ того намъ обѣщали свое сотрудничество профессора А. И. Кирпичниковъ, И. Г. Табачниковъ и В. И. Шерцль, а также и извѣстный сотрудникъ „Новаго Времени" А. И. Молчановъ.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты.

Такого состава редакціи не имѣетъ ни одна провинціальная газета въ Россіи.

Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей и пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, ежедневно доставляющихъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаются нами и печатаются въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ" одновременно съ телеграммами и во всякомъ случаѣ 2—3 днями раньше появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ они помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства", мы даемъ постоянно, въ теченіи цѣлаго года (а не передъ годовой только подпиской), телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые какъ по вопросамъ внутренней жизни, такъ и внѣшней политики государства, всегда присылаютъ свои сообщенія раньше „Сѣв. Тел. Агентства" и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе обстоятельной формѣ.

„Новороссійскій Телеграфъ" имѣетъ въ своей программѣ „Юридическую хронику" съ правомъ относиться критически къ рѣшеніямъ судовъ, а также пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Эти права имѣютъ не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Агаркова, противъ Херсонской улицы, и въ отдѣленіи газеты при типографіи: Новая улица, домъ Озмидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишиневѣ, въ библіотекахъ: А. Т. Грищенко (уголъ Губернской и Госпитальной. ул), А. П. Дромашко (близь женской гимназіи, соб. домъ), въ книжномъ магазинѣ г. Шаха. Въ Бендерахъ: въ библіотекѣ г. Муслина. Въ Николаевѣ, въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха, и у г. Рыбакова Садовая № 29.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяц.	7 р. 50 к.	9 р. — к.
„ 2 „	2 „ 50 „	2 „ 75 „	„ 8 „	8 „ 50 „	10 „ — „
„ 3 „	3 „ 50 „	4 „ — „	„ 9 „	9 „ 50 „	11 „ — „
„ 4 „	4 „ 50 „	5 „ 50 „	„ 10 „	10 „ 50 „	12 „ — „
„ 5 „	5 „ 50 „	6 „ 50 „	„ 11 „	11 „ — „	13 „ — „
„ 6 „	6 „ 50 „	7 „ 50 „	„ 12 „	12 „ — „	14 „ — „

ныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библіографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ,, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Владиміровъ. Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко. И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, проф. О. Ѳ. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; 3/4 стран.—6 р. 50 к.; 1/2 стран.—4 р. 50 к.; 1/4 стран.—2 р. 50 к.; 1/8 стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магагазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа" за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 27. 2—2. Редакторъ *Н. М Лисовскій.*

Въ „ВОСХОДѢ“ и „НЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКѢ“ принимали участіе: Абрамовичъ М. С., Бершадскій С. А. (Профессоръ), Берхинъ I., Блюменфельдъ Г. Ф., Бенъ-Ами (псевдонимъ), Богровъ Г. И., Вейнбергъ П. И.. Ватсонъ Э. К., Вербовъ А., Волынскій А. Л., Гаркави А. Я., Градовскій Г. К. Гордонп Л. О., Горвицъ М. И. (Профессоръ), Грузенбергъ С. О., Дубновъ С. М., Каминка А. И., Коршъ В. Ѳ., Кайзерлингъ Д-ръ, Кангоръ Л. О, Кулишеръ М. И., Лазаревъ М. Н. Леванда Л. О-, Левенсонъ П. Я., Лякубъ П. М., Лиліенблюмъ М. Л., Минскій Н. М., Манасевичъ Ю. В., Моргулисъ М. Г., Мышъ М. И., Мандельштаммъ I. Е., Мережковскій Д., Позняковъ Н. И., Никитинъ В. Н. Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И, Песковскій М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Слонимскій), г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А., Рускинъ Л. (Н. Н. Фирсовъ), Сементковскій Р. И., Станиславскій С. М., Фругъ С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Шафиръ М. П., Штейнбергъ О. Н, Ярошевскій С. О. и другіе.

Въ настоящее время въ портфелѣ редакціи имѣются, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

САУЛЪ ВАЛЬ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ. Очерки изъ польско-еврейской исторіи. Проф. С. А. Бершадскаго.—О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЧЕРТЫ ОСѢДЛОСТИ. Мысли русскаго человѣка. Русскаго.—СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ СЕКТАТОРСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ XIX ВѢКА. А. В. Мякотина.—ЦАРЬ СІОНСКІЙ. Драма А. Косига.—КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ. По поводу новѣйшихъ объ нихъ изслѣдованій. А. К—к—и.—НОВОБРАНЕЦЪ. Очеркъ Елены Бердяевой.— ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКИХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХН КОЛОНІЙ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ. В. Н. Никитина.—ГАМЗУ ЛЕТОВО. Очерки захолустной жизни. С. Живова.—ВЪ КАКОЙ МѢРѢ ЕВРЕИ ИСПОЛНЯЮТЪ ВОИНСКУЮ ПОВИННОСТЬ. По статистическимъ даннымъ. А. К—м—и.—ЗАБЛУДШІЙ. Романъ въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Альмонда.—ОЧЕРКИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ. М. И. Мыша. ЕВРЕЙСКІЯ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЯ. Изслѣдованіе. Д-ра Погорѣльскаго.—АМЕРИКАНСКІЕ ЕВРЕИ. Историко-біографическіе очерки. I. Петриковскаго.—ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ХАСИДИЗМА. С. М. Дубнова.—ЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. Іешуруна—и разные другія публицистическія и беллетристическія статьи, а также стихотворенія гг. Абрамовича, Мережковскаго, Фофанова, Фруга и др.

Кромѣ того въ теченіе 1889 года въ журналѣ будутъ между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи:

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЮ И ЕВРЕИ. По поводу первой годовщины французской революціи. С. Мстиславскаго.—ЭССЕИ. Историко-соціологическій этюдъ А. К. Шеллера (Михайлова).—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ. М. И. Кулишера.—КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. А. Я. Гаркави.—ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. М. Г. Моргулиса.—ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Карпелеса въ переводѣ Петра Вейнберга въ приложеніи. Въ 1889 году „Исторія литературы“ Карпелеса будетъ доведена до конца и составитъ два тома въ слишкомъ 85 печатныхъ листовъ убористой печати.

Цѣна на годъ журнала „ВОСХОДЪ“ и газеты „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ подписы-

ПРЕДИСЛОВІЕ

ВАСИЛІЯ ТЯПИНСКАГО

КЪ ПЕЧАТНОМУ ЕВАНГЕЛІЮ,

ИЗДАННОМУ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

около 1570 года.

Покойный Поповъ (А. Н., авторъ „Обзора хронографовъ“) имѣлъ въ виду сдѣлать подробное описаніе замѣчательнаго печатнаго Евангелія на двухъ языкахъ — на церковно-славянскомъ и на литературномъ языкѣ юго-западной Россіи,—XVI вѣка, но успѣлъ описать только рукопись, соединенную съ этимъ Евангеліемъ (Императ. Публ. Библ.) и то не вполнѣ (Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1879 г., I). Поповъ опустилъ послѣднюю часть рукописи, заключающую предисловіе Василія Тяпинскаго къ неполному печатному Евангелію, безъ обозначенія мѣста выхода и времени изданія. Имѣя въ виду въ другомъ мѣстѣ подробнѣе остановиться на языкѣ этого „русскаго“ Евангелія XVI в., я считаю здѣсь умѣстнымъ сослаться на мое изслѣдованіе — „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“, Спб. 1888 г., стр. 203, 235 и далѣе, въ которомъ приведены выдержки изъ этого Евангелія и указано его значеніе.

Позволю себѣ еще отмѣтить нѣсколько особенностей въ русской части языка Евангелія Тяпинскаго. Замѣчательно отсутствіе извѣстной смѣны предлоговъ *въ* и *у*, характеризующихъ памятники юго-западной Россіи. Послѣ *ц* почти всегда слѣдуетъ *ы*. Послѣ *р*, наоборотъ, чаще *и* (на мѣстѣ *ы*). Послѣ *ч*, *ш*, *щ*, *ж* обычно *о* (на мѣстѣ *е*). Полногласіе выдержано. Много примѣровъ перехода без-

ударнаго *а* въ *е*; но примѣровъ аканья незамѣтно. Тѣмъ не менѣе, какъ и раньше, я отношу языкъ русской части въ Евангеліи Тяпинскаго къ бѣлорусскому нарѣчію, насколько оно проявлялось въ памятникахъ XVI вѣка. Помѣщаю для образца отрывокъ изъ текста Евангелія Тяпинскаго сравнительно съ соотвѣтствующимъ текстомъ изъ „Казанья св. Кирилла патр. Іерусалимскаго“, Вильна 1596 г.

П. Владиміровъ.

ПРЕДМОВА

Василеи Тѧпинскіи зацнои монархии словенскои, а злаща богобоиным ласка ипокои ѿбга ѿца ипна нш҃го і҃с х҃а.

(все написано киноварью).

Рад покажоу мою вѣроу которꙋю маю. азлаща народоу своемоу роускомꙋ. тые ее оным давним вѣкомъ славною, предков своих оумѣетностью, покорне ꙗко довнимаю потвердѧть, аестли ест вчом блꙋдна оны то поправѧт. ведже держꙋ же неиначеи одно зъ е҃ѵліи ѿ бога через х҃рта пана иего апостолов поданое. котораꙗ есть сꙋма законоу б҃жего. котораꙗ зсловенского абы имъ теж их власным езыком роуским вдроукоу вышла. иотое маючи пана напомочи. несмысленым або красомовным выводом. незалецаными аничасꙋ оугажаючими словы. але ꙗко сприꙗзливыи простыи ащиріи. правдиве вѣрне, аѿвористе. зъ зычливости кумоеи ѿчизне. поневажь которымъ бы то властнеи ꙋчинити пристоело митрополитове вл҃ки иниҳто зꙋчоных через так многіи час нехотѣли. зъꙋбогое своее маетности народоу моему ꙋслꙋгую. накоторои ітеж принеи и наименечкоу хотѧж то было невеликое, вжо дле накладоу, азлаща книг стариг давних, нарозных инеблизких месца(х) доставаючи. надто еще вминоулые лѣта тѧжкіе дороги дле дроукꙋ ипотребъ томꙋ належачих подымаючи, аправе все дотого зачинаючи зновоу. ач вельмим стол ведже предсе и должачисе. ибымитеж, ижем то не влох не нѣмець або не доктор иниꙗкіи постановеныи межи попы. але з чого бы мѣли пана звыкриканемъ фалити ирадоватсе же зъих посредкоу русинъ их имъ своеи рꙋси оуслоугꙋючии. бы ми мовлю ꙗко то призвоито бываеть. итакою невдѧчностью, анекоторые вместо помочи

або дѧки, изазростью платити хотѣли. не одно ми тое все длѧ моее повинности, ик8ним зычливости неест прикро, але и овшем, заласкою пана бг҃а вдѧчно. староючисѧ оих збавенное, анаостатокъ оучьстивое изацное, хоут иоуприимост срца моего им показоват, ито к8фале бж҃иеи кончить. Вжобо а еще хотѧж то небезболшое троудности пришло. ижь двема езыкы зараз исловенским ипринем т8тжо роускимъ. атонаболшии словенскимъ. азлаща слово ѿслова, такъ ꙗко они вси везде вовсих своих црквах чтоут. имают. неодно длѧ лѣпшое их вѣри, жесе не новое што, але ихже властное. им подает. алетеж идлѧ лѣпшого им розсоудкоу надто идлѧ их самихъ цвиченꙗ втом неледа оучоном езыкоу словенскомъ еѵлиꙗ. писанꙗ ст҃го матфеѧ ист҃го марка ипочатокъ лоуки. есть втои 8богои моеи дроукарни ѿмене имъ выдруковано.

Дочого абы первеи сами и их детки смыслы свои неꙗко готовали острили иввѣре прицвичали тым часомъ тот катехисис [1]). акоторіи сами здпаемъ своим, ꙗко довнимаю зареч исте потребн8ю, естли незараз, вжды з своим часомъ оузнают имъ впередъ подаю. Ова их охотными ихутливыми ку можнеишим наоукам вслове своем к8статочному розсудк8 ику оумеетности пан оучинит ивзбоудить.

Ато небезвеликое се потребы чинит таꙗ бо тепер межи ними ꙗко 8стала, ꙗко загин8ла. ебачиване речеи жалосных кгвалтом слова до8стъ гонит.

Бо ахто бг҃обоиныи не задержить натак8ю казнь бж҃їю гледечи, хтобы немусил плакати. видечи так великих кнѧжат. таких панов значных. такъ мног(о) деток невинных мужов зжонами втаком зац-

---

[1]) Ср. надписи на первомъ листѣ, передъ „предмовой: „Катехисисъ або соума на8ки детеи Въ христе Исусе". Послѣ двухъ текстовъ изъ Апостола: Ижсе имѧ свое подписывает, аесли тофалы своее ищоучи хто не всхочет вѣрит троудно сем8 справит. але въ богобоиного само досыт ꙗсне натое што нам длѧ того задавано ионас мнимано бываеть вымовит. ꙗко бысмы або длѧ встыдоу словом божим подперети немогли, анаостатокъ же бы страхаючисе длѧтое правды чого естли бг҃ъ допустить 8терпѣти имен наших несмѣли подписоват. аведже даст бг҃ъ вовсеи моеи покоре иокождом лепеи ниж особе роз8мѣючи.

номъ руском азлаща перед тым довстипном оучоном народе. езыка своего славнаго занедбане, апросто взъгардоу. скоторое запокаранемъ панскимъ онаѧ ıаспаѧ их вслове бжьем мдрость. акоторала им была праве ıако врожонаıа, гды ѿних ѿишла, на ее мѣстьце натых мѣстъ, такаıа оплаканаıа неѹмеетность пришла. же вжо некоторие иписмом се своим. азлаща вслове бжемъ встыдают. Анаостаток што может быти жалоснеишаıа што шкарадша. иж итые што се межи ними зовут дховными, иѹчители, смѣле мовлю намнеи его невмеют, намнеи его вырозѹменıа незнают, анисевнем цвичат. але и ани школы коу наѹце его нигде не мают. зачим вполскіе, або в иные писма затакою неволею, немало и оу себе и дети небез встыдоу своего, бы се одно почули немалого заправоуют. Тут бых ıа имъ ихже хоть одного змноѯства личбы оных словѧн, иоанна або григориıа которых дле великое нетолко всвоем, але теж иврозных езыкахъ наоуки. идлѧ вдѧчное ихъ вымовы, аж золотоустыми звали. бы были живы рад их взѧлъ собе запричину доних в том. ана остаток засветка им тое речи. естлибъ бо тепер были заисте зѹмет бы се мусели видечи, ıако окраса и оздоба народѹ ихъ, впотомстве их ѿнѧта, а просто загиноула. которим е ıакже бы потреба се станет, о оулитоване самих над собою. гды бобы нерекѹчи вчасы давніе посмотрели. ıако тобыл зацныи славныи остріи довстипныи народ их вѹмеетности. иıако многокрот посторонніе ѹчоные народы их мдрость мусели похвалѧт. и овшем се ѿнихъ оучит. але бы хот самое писмо свое, тетра еѵлиıа иапостола словенского. которое могу мовит перед тисѧчею лѣт ѿнѣкоторого зсловѧн выложоно. акоторое неодно въих, але иповсѣх црквах сербских московских волоских булъгаръских, харвацких іиных чтут ѹважали. истехто бы хотэл аоумелъ тот выклад чести. обачил бы их цѣлевалъ аснат изасобою оставил. тот муж нашь милыи словенин латынских іиных толмачов. ѧко властне слова згреческого выкладал, иж трудно зрѹзѧметь, чи болшь греческіи або словенскіи езыкъ оумел. и бы не было болшь, тогды и ѿтул досыт знакъ немалыи маем. ѧкъ пред тым словѧне. которым а што может быт прироженшого одно не рус, был люд довстипныи. а естли бы пакъ еще се коротко не фолковало. азлаща

бы были вчитанью писмь своих оних беглійшими тоесть же бы се не плонно им проводило.

Бы были мовлю што се там пишет паметниками. о их довстипнеи остроси ꙗкіе оны синоды, з папою римским изъ иными памети годные мевали. ꙗко мнозства людеи квѣре зблудов выдвигали. иѧко врозмаитых езыках оучоными были, ктомꙋ ꙗко живот светобливыи вели. ѧко теж межи собою злых ифалшивых ввере братов знашали, лечили, направлѧли. ꙗко зас оучителеи своих, водле наꙋки слова божего светобливым малженством ѿиных ѡтделили. и их тым оздобеных всим народом иверам ипонине ку прикладу праве ѧко свечꙋ чистостю малженства светѧчую были показали. было бы што заисте широце о них выписоват.

Але толко один ꙗвныи ѧсныи авечное памети годныи приклад их припомню. акоторіи без писма всим вѣдомыи значныи аправе видомыи есть. ꙗко они дле так великое светобливости своее мимо иных таким гоиным даромъ были ѿ пана оздобени. же не рекꙋчи мимо папу римског(о) але и мимо оных часов наученших народов. влибіи вантиохіи впентаполіи сыцыліи вмесопотаміи впалестыне вфиницыи иинде. ѧко то инаоко бы се ꙋсмотрѣти могло иꙋ нам недалеких влохов немцов полѧков францꙋзов ганкликов гишпанов. а коротко мовечи всих на свете хртиꙗнских народов вслове бжьемъ прозрѣвши. сами одни толко того были доказали. же подлꙋг науки апльское своим влосным езыком ѿтак давного часу слово боже выложили имели инам зоставили. Вчом иные веси народы их прикладом, ледве се аж затых наших веков обачили. идотого што не без малого забуренꙗ иображенѧ пришли. же слово бже златинских и иных писмь, своим теж езыком прироженым перекладати ичитати почали. Але дал бы то панъ, ижбы вы кождыи ѿ себе, о зацные панове, которі есте тои речи ꙗкобы оцами потаких фалебных предках своих позостали. ина мѣстьца их встꙋпили. поневаж втом або жадное помочи люцкое дле греху нет. або толко вы сами томꙋ з млти ку очизне вашои помочи быстe могли. гдыж простота члвка бедного посполитого. навас очи завжды оудавала иꙋдает. изавами идет. втую потребꙋ ѿчизны вашое простоту грꙋбую про недостаток

наꙋки брати вашое прикладом своим милосерным. если есть што милости братерское ꙋ вас. гдыж межи всими люцкостѧми ничого неест такъ власного азлаща богобоиному чл҃вкꙋ ꙗко ꙋлитоване, которим оуказꙋемъ пособе неѧкое подобенство добротливости бж҃ее. анаконець дле заплаты собе ѿпана вечное, тому народу вашому неꙋметностью заведеному иꙋтрапеному допомогаючи. митрополита вашого, владыкъ иꙋчителеи ваших дотого прозбами вашими вели. жебы не подкупов не посулов дле поседанꙗ столиць один перед другим. недоживотеи іпривильев, один над другого обварованеиших. але слова бж҃его сами се оучили идругих змаетностеи и іменеи ѿ ваших предков имъ не на марнотрацства, не настрои ишто такого. але дле наꙋкъ наданых. ова бы кꙋ наꙋце, леч не такои ꙗко тепер навѣчныи свои встыд толко прочести итоледво всвоем езыку неболшь ꙋчатсе школы заложити инаꙋку слова бж҃его ѿтак много лѣт занедбанꙋю выдвигнути братьи вашои хотели иꙋсиловали. Которих ꙗ не одному которому, але всим изстою потребою ѿчизны вашое, богопоинои пилности ростропности и верности порꙋчаю изоставую. просечи пана абых был готов если она доконца згинет знею згинут. або если через вашь ретунокъ будет выдвигнена звами изнею выбринуть. атут вжо конець речи моеи чиню [1].

Которую замыкаючи, и то вжалости моеи мовлю если натот час занѿю невдѧчность мѧрдыꙗ бы бж҃его небыло. тоую казнь ѿнас ѿдалити. злаща тепер наоко видим, иж везде вси рѣчи злыми розсудками так сут попсованы, иж не может быт ничого такь добре поведено. нашто бы потвар немогла быт оучинена. а ни теж жадинъ ѿтог(о) чого се разхвати ѿсттупит нехочет абы се не здал вчом поблудит. еще теж ижь посполите бывает. же живого чл҃ка вдарехъ, азлаща своего або собе знаемого люди скромне ибезобразы зносит немогут, прото абых иприправдивои повести зостал излого

---

[1]) На поляхъ приписка: „перед тисечю лѣт з гевреиского ветхіи а з греческого новыи завет то ест всю библею, штож иныхъ або толковых писм их предки выложили и в своих цр҃квах власным езыком своим и поніне оставили. Аони тепер нетолко вгевреиских але и всловенском своемъ ꙋмеетность стратили“.

мниманіꙗ ꙋшолъ. не мовлю всих але таких. ниꙋсилною прозбою. ни плонным забеганемъ анилагодными і прибавлѧючими доводы спирати хочꙋ. але ꙋчинивши повинности своеи досыт, мусим домаестату бж҃его отозватсе перед которим вси стати мусимъ. автом ничого не вонтьпим. же оный справедливый судѧ роч н҃шю пофалит, хотѧ ее так непріѧтели взгаржають ивыкидают. А тепер побожного читолника дле хрⷭ҇а просим. естли мнимает внас быт што выступног(о), або зстороны наꙋки, або зстороны нас. абы тог(о) неприписовал н҃шои злости але люцкои крепкости анеꙋмеетности. аиж бы дле хрⷭ҇а ѿпустилъ. а естлиж так речест не мало в которои нам вину дает, нехаи нас несоромотит, але нас нехаи втом хрⷭ҇тиꙗнске напоминает. бо естосмы готови изь іоаном крⷭ҇тителем здробнети абы пн҃ъ хс҃ росъ.

Наостаток всих побожных дле хрⷭ҇а просимъ абы жадное васни немели против тым которіе насъ щипанемь огижанем преследуют. або ижбы изь іѧковом або іоаном не жадали спущеніꙗ огнѧ знеба дле забореніꙗ господы имесца ꙋних слову бж҃ему азнами нехаи заних пана бг҃а просѧт. абы се ꙋпамѧтали азбавени были. и ижбы сами собе не зазрели так великое ласки бж҃ее, зьихже имь достоиностью изацностью зачинаючое. Аминь.

Евангеліе Тяпинскаго.

Иседече ему нагоре оливной приступили кнему ꙋченики наедине, мовечи. речи намъ коли тое будеть. ишто есьть за знаме твоего прийстьꙗ, исконченыꙗ векꙋ. И ѿповедаючи исусъ, рекъ имъ. Сьтережитесе бы нихто васъ не звелъ. Многиѣ бо прийдуть вимени моемъ, мовечи. Ꙗ есмъ христосъ. имногихъ зведуть. И ꙋслышете ма-

Казанье св. Кирилла, 1596 г.

Гды хс седѣл нагорѣ оливнои; приступили до него ꙋченицы особно мовѧчи. повѣж нам коли тое будет. ишто заз знак приходꙋ твоего идоконченя свѣта, а ѿповѣдаючи іс реклъ имъ. Стережѣте абы васъ кто нездрадил абовѣм много их приидет воимѧ мое мовѧчи ꙗесмем хс, имногих переластѧт. абꙋдете слышати ѡвоинах и ѿпо-

єте войны ислухи овойнахъ. Смо-
трите, нелекатісе, потреба бо
всему тому быти. але нетогды
єст сконченьє. Повстанет бо на-
родъ противъ народу, икоролев-
ство протівъ королевству. ибȣ-
дȣт голоды и морї итресеньїа
по месцахъ. Лечъ все тоє поча-
токъ болесьтамъ. Тогды пода-
дуть васъ вȣтрапеньїа, изабь-
ють васъ. ибȣдете ненавидени
ѿ всихъ народовъ имени моєго
деле. Итогды згоршатьсѧ мно-
гиє, идругъ друга выдадȣть,
ивзненавидить дрȣгъ друга.
Имногиє лживыє пророки пов-
стануть извѣдуть многихъ.
Идлѧ розмножѣньїа беззаконьїа.
озѧбнеть милосьть многихъ
лечъ вытерпевший доконца, тотъ
збавитьсѧ. Ипроповедитьсе таїа
євангелиїа королевства повсей
земли, насьведоцъство всимъ
народомъ. итогды прїидеть
сконченьє. Гъды протоȣзрите
мерзкосьть спȣстошеньѧ речонȣю
черезъ данїла пророка, стоѧчую
намесцы светомъ. Которий чтеть
нехай розумеєть. тогды будучиє
въюдеи, нехай ȣтекають на-
горы. Икоторий на кровли, не-
хай несходить взѧти што вдо-
му єго. Икоторий нарольи, не-
хай неворочаєтьсе назадъ взѧть

вѣди военные, смотрѣте а не-
лѧкантесѧ. пристоит бовѣм
всемȣ томȣ быти, але нетогды
еще естъ кончина абовѣм пов-
станет народ нанарод, и крȣлев-
ство накрȣлевство. ибȣдȣт го-
лоды иморн итрѧсѣне помѣстом,
ато все початок болестем. то-
гды выдадȣт вас нафрансȣнки,
нȣбют васъ ибȣдете вненависти
оувсѣх народѡв длѧ имене мо-
его. итогды погоршатсѧ их
мнѡго и еден дрȣгого. имнѡго
фалшивых пророкѡв повстанет
ипрелстѧт мнѡгихъ. адлѧ мнѡ-
гого беззаконства изгаснет лю-
бов мнѡгих. акто вытерпит до-
конца тот спсетсѧ. ипроповѣссѧ
еуглїе царества повсю(н) вселен-
но(н), насвѣдоцтво всѣм наро-
дом, итогды прїидет кончина.
Акгды оузрите ѡбридливое спȣ-
стошѣнѧ реченнȣю Данїилом про-
роком стоѧчȣю намѣсци стом,
ахто читает нехаи розȣмѣет.
тогды которїи бȣдȣт вжидов-
ствѣ, нехаи бѣжат на горы. а ко-
торїи на дахȣ нехаи несходит
взѧти што вдомȣ его. ико-
тори нароли нехаисѧ взад на-
вертает взѧти шат своих. Абѣ-

одежъ своихъ. Беда пакъ беременнымъ иперъсами кормачимъ втые дни. Лечъ молитесе бы небыло утеканье вашо зиме, нивсуботу. Будеть бо тогды, утрапенье великое, якое не было шпочатку сьвета, дотуль. анимаеть быти. Несьли небылибъ укорочоны днитые, небылобъ несьте заховано каждое тело. Для выбраныхъ пакъ деле укоротатьсе дни тые. Тогды еслї хто речеть вамъ отосезьде христосъ, або онде, неймите веры. Повъстануть болъживые христосы, илживые пророки. идадуть знамена великие ичюда. ижбы звели есьли можно ивыбраные. Ото впередъ рекломъ вамъ. Есьли прото рекуть вамъ, ото впустыни есьть, невыходьте. ото вскрытосьтяхъ, неймите веры. Якъ бо маланья выходїть ш всходу ивгляетьсе назаходе. такъ будеть иприньстье сына человечъего. Где бо кольвек будеть трупъ, тамъ зберутьсе орлы. А натыхъ местъ поутрапеньи дней тыхъ, солнце затьмитьсе, имесецъ недасьть сьветла съвоего. и звезды зъпадуть знеба имоцы небесные порушатьсе.

да беременным иперсами кормячим воные дны. Млтеся абы небыло оутекане вше зиме, ание всуботу. будет бовем тогды оутрапене великое, якое небыло шпочатку света аж доты ниебудет. несли бы неукорочены дны оные небылобы збавлено всякое тело але для выбраных оукорочены будут дны оные. тогды если кто вам речет, ово ту хс, албо онде невтерте. Повстанут бовем лжехристи илживые пророци. идадут знаки ичуда, абы звели если можная реч инавыборнейших. што вперед повелем вам прото если рекут што впустыни ес невыходете што впокоях неимете вери, абовем як блискавица выходит швсходу, иявлется аж назаходе так будет иприход сна члчкаго. Агде бовем будет труп, тамся зберут иорли. азараз поутрапенїю днишв оных слнце затмится имцъ недас света своего. А звезды спадут, знеба, имоцы нбные подвигнутся тогды явится знамя сына члческого нанбси итогды плакатися

Итогды явиться знамє сына
чоловєчѣєго на нєбє. и тогды
всплачуться вѣси поколєныя зємѣ-
скиє и ȣзрѧть сына чєловєчѣєго
приходѧчого на оболокохъ нє-
вєсныхъ зъмоцѣю и славою мно-
гою.

бȣдȣт всѣ поколѣнѧ зємлѣ.
иоузрѧт сн҃а ч҃лчкого идȣчого
наоблацѣхъ н҃бныхъ. змоцȣ из-
славою вєликою.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

ФЕВРАЛЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXIV. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Дозволено цензур. Кіевъ, 31 -го Января 1889 г.

ВОСПОМИНАНІЯ Н. И. УСКОВОЙ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

Съ примѣчаніями М. К. Чалаго.

Наталья Ираклiевна Ускова съ вдохновеннымъ Кобзаремъ провела лишь первые годы своего дѣтства и самолично немного удержала въ памяти о событiяхъ того счастливаго, по ея заявленiю, времени, когда Тарасъ Григорьевичъ былъ для нея другомъ—нянею; но постоянно повторяемые разсказы и воспоминанiя ея родителей, которые прожили съ Шевченкомъ къ Новопетровскомъ укрѣпленiи послѣднiе пять лѣтъ его ссылки до самаго его освобожденiя [1]), много пополнили свѣдѣнiя, касающiяся той жизни поэта.

Услышавъ отъ нея въ первый разъ разсказъ о Ш-кѣ въ 1882 году, я записалъ его и затѣмъ напечаталъ въ 75 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за тотъ же годъ, подъ заглавiемъ: „Воспоминанiя Наты о дядѣ Тарасѣ“. Въ настоящее время мнѣ удалось получить отъ той же Н. И. еще нѣсколько свѣдѣнiй по тому же предмету и три собственноручныхъ письма Т. Г—ча къ ея отцу. Все это и помѣщается ниже.

Отецъ Н. И—ны Ираклiй Александровичъ Усковъ до 1853 года служилъ въ Оренбургѣ, состоя адъютантомъ при главномъ начальникѣ оренбургскаго края гр. В. А. Перовскомъ. Въ 1853 году онъ былъ назначенъ комендантомъ Новопетровскаго укрѣпленiя и, прибывъ туда, нашелъ Т. Г. Шевченка, въ

[1]) При комендантѣ Усковѣ Ш—ко прожилъ въ укрѣпленiи около четырехъ лѣтъ, именно съ осени 1853 по 2 августа 1857-го.

качествѣ рядоваго, въ жалкомъ положеніи: ближайшіе начальники обращались съ нимъ слишкомъ строго [1]).

Съ прибытіемъ Ускова, такое суровое обращеніе съ опальнымъ солдатомъ прекратилось и заявленія нѣкоторыхъ лицъ о томъ, что Т. Г. былъ притѣсняемъ до самаго его освобожденія, совершенно неосновательны. Еще въ Оренбургѣ, когда стало извѣстно, что комендантомъ Новопетровскаго укрѣпленія назначается Усковъ, многіе добрые люди [2]) просили его сдѣлать все возможное къ облегченію участи Ш—ка и предупредили о его слабости къ вину.

Первая встрѣча Ускова съ Т. Г—чемъ послѣдовала на смотру, когда чины укрѣпленія представлялись новому коменданту. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ смотра, какъ Ш—ко нашелъ теплое сочувствіе и самый радушный пріемъ въ домѣ Ускова [3]). Недовѣрчивый вообще къ людямъ, при пер-

[1]) Въ первые два года пребыванія Ш—ка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи комендантомъ былъ Антонъ Петровичъ Маевскій, который очень любилъ Т. Г—ча и принималъ его у себя въ домѣ, не какъ солдата, а какъ умнаго собесѣдника, что случалось очень часто, такъ какъ А. П. былъ старый холостякъ и велъ жизнь, что называется, отца командира, вполнѣ холостую. Жилъ Кобзарь въ его комендантство постоянно въ казармахъ, но имѣлъ тамъ, по протекціи доктора Никольскаго, особенную койку и не посылался на черныя работы. Въ эти два года Т. Г. нарисовалъ нѣсколько портретовъ и получалъ безпрепятственно черезъ коменданта письма и деньги. Въ концѣ 1852 года Маевскій скончался и Ш—ко лишился въ немъ покровителя; батальонное же начальство отнеслось къ нему весьма сурово. Въ письмѣ своемъ къ Гулаку поэтъ горько жалуется на угнетеніе: «Якъ бы ты побачивъ мижъ якимъ людомъ верчуся я!... А я у нихъ въ кулакѣ сижу: давятъ, безъ всякаго милосердія давятъ, а я повиненъ ще й кланяться, а то визьме тай роздавить, якъ ту вошу мижъ ногтями».

Такъ продолжалось со дня смерти А. П. Маевскаго вплоть до прибытія въ укрѣпленіе новаго коменданта, почти цѣлый годъ.

[2]) Это были К. И. Гернъ, Ѳ. М. Лазаревскій и Матвѣевъ.

[3]) Комендантъ Усковъ, въ первый годъ своего пребыванія въ укрѣпленіи, дѣйствовалъ, въ отношеніи Ш—ка, чрезвычайно осторожно, опасаясь доносовъ, которыми кипѣлъ этотъ забытый Богомъ и проклятый людьми край.

вой съ ними встрѣчѣ, онъ и въ данномъ случаѣ не сразу повѣрилъ искренности добряка Ускова, но скоро, убѣдившись въ ней, сдѣлался постояннымъ гостемъ и дорогимъ собесѣдникомъ, а затѣмъ и преданнымъ другомъ семьи коменданта.

Новопетровское укрѣпленіе, гдѣ поэтъ провелъ послѣдніе семь лѣтъ своей изгнаннической жизни, нынѣ уже упраздненное, во время его тамъ пребыванія, представляло собой небольшой укрѣпленный пунктъ съ девятью или десятью орудіями и было расположено на обрывистой известковой скалѣ западной оконечности полуострова Мангишлака, верстахъ въ трехъ отъ берега Каспійскаго моря. Небольшая каменная церковь, комендантскій домъ, караульный домъ, госпиталь и нѣсколько каменныхъ флигелей для помѣщенія нижнихъ чиновъ и офицеровъ—вотъ все, что находилось въ крѣпости и было окрашено въ желтый казенный цвѣтъ. Около крѣпости, подъ горой, нѣсколько армянскихъ лавокъ, а кругомъ голая степь и ни признака растительности.

Въ годъ прибытія коменданта Ускова, именно осенью 1853 года, были посажены первыя вербы [1]), въ разстояніи около версты отъ укрѣпленія, на мѣстности болѣе для того пригодной, и послѣ многихъ и долгихъ усилій, съ помощью чернозема и деревьевъ, привезенныхъ изъ Астрахани, удалось устроить садъ, нѣкоторыя деревья котораго ко времени отъѣзда Ш—ка давали уже значительную тѣнь. Въ саду былъ построенъ небольшой одноэтажный въ двѣ комнаты домъ съ плоскою крышей, гдѣ въ

Получивъ на имя своего предмѣстника письмо, для передачи Т. Г—чу, со вложеніемъ 20 рублей, онъ хотѣлъ было отослать его обратно, но батальонный докторъ Никольскій, большой поклонникъ поэзіи Кобзаря, упросилъ Ускова не дѣлать этого. Значитъ, не «черезъ нѣсколько дней», а почти черезъ годъ поэтъ нашелъ «радушный пріемъ въ домѣ коменданта».

[1]) Первая верба была посажена самимъ Ш—комъ въ 1850 году. «Когда меня препроводили изъ Орской крѣпости въ Н. П. укрѣпленіе, въ Гурьевѣ Городкѣ я поднялъ на улицѣ свѣжую вербовую палку и, принесши ее въ укрѣпленіе, воткнулъ въ землю на гарнизонномъ дворѣ» (см. письмо Ш—ка къ художнику Осипову въ «Основѣ»).

лѣтнее время помѣщалась семья коменданта, и двѣ деревянныя бесѣдки, изъ которыхъ одна, шестигранной формы, съ тремя небольшими окнами и конической крышей, а другая ажурная съ плоской крышей; первая служила для ночлега Т. Г—ча, а вторая для дневнаго отдыха въ тѣ дни, которые онъ проводилъ въ саду [1]).

Первое облегченіе ссыльной жизни Ш—ка выразилось тѣмъ, что комендантъ Усковъ, со вступленіемъ своимъ въ должность, не требовалъ уже отъ него несенія солдатской службы со всею строгостью, которую налагала на рядоваго военная дисциплина, допустивъ появленіе его въ строю лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда манкированіе службой могло повлечь за собою непріятности.

Жилъ Т. Г—чъ не въ казармахъ, какъ было до сихъ поръ, а съ кѣмъ нибудь изъ офицеровъ [2]) въ зимнее время, а лѣтомъ въ комендантскомъ саду; очередныхъ дежурствъ и караульной службы не несъ, нанимая, когда приходила такая очередь, за себя какого нибудь рядоваго. Обѣдалъ въ семьѣ Ускова зимою и лѣтомъ ежедневно, за исключеніемъ лишь тѣхъ дней, когда чувствовалъ не въ мѣру выпитую рюмку вина: въ этихъ случаяхъ Т. Г—чъ обѣдалъ у знакомыхъ офицеровъ или являлся въ комендантскую кухню, гдѣ, войдя въ дипломатическія сношенія съ поваромъ, по секрету что нибудь съѣдалъ и уходилъ незамѣтно. Такимъ образомъ, отсутствіе Ш—ка въ домѣ коменданта въ обѣденное время обыкновенно обозначало, что онъ выпилъ лишнее и не является къ столу, чтобъ не вызвать со стороны Ускова и его жены обычныхъ въ этихъ случаяхъ назиданій.

---

[1]) Любимѣйшимъ мѣстомъ отдохновенія для Т. Г—ча служила также и его разросшаяся въ большое дерево верба; подъ ея тѣнью онъ съ пріятелемъ Фіалковскимъ штудировалъ эстетику Либельта (см. Дневникъ въ «Основѣ»).

[2]) Жить съ офицерами рядовому Ш—ку не дозволяла строгость военной дисциплины. Одинъ изъ нихъ Мостовскій предлагалъ поэту поселиться у него на квартирѣ, но тотъ не согласился, подъ опасеніемъ доноса, который вслѣдъ затѣмъ и не замедлилъ послѣдовать. Сдѣлалъ его какой то М—въ: «Какую подлую кляузу могъ вывести этотъ отвратительный надворный совѣтникъ изъ нашего сожительства» пишетъ поэтъ въ дневникѣ.

Суровый, непривѣтливый, съ мѣшковатой походкой, Ш—ко производилъ первое впечатлѣніе неблагопріятное, но, по мѣрѣ дальнѣйшаго съ нимъ знакомства, каждый незамѣтно привязывался къ нему и въ Новопетровскомъ укрѣпленіи мало было людей, которые относились къ нему недоброжелательно. Однакожъ были и такіе люди. Нѣкоторыхъ офицеровъ, по ихъ неразвитости, весьма шокировало пребываніе рядоваго Ш—ка въ ихъ обществѣ въ домѣ коменданта, какъ гостя; имъ не нравилось явное предпочтеніе, оказываемое ему, и допускаемыя Усковымъ облегченія, которыя выражались и тѣмъ, что Т. Г—чу не препятствовали писать и рисовать, а даже помогали ему въ томъ. Все это приводило въ негодованіе недоброжелателей поэта, вооружало ихъ противъ коменданта и дало поводъ еще къ одному доносу генералъ-губернатору Перовскому. Впрочемъ доносъ этотъ графомъ принятъ не былъ. Подробности этого дѣла изложены въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева о Шевченкѣ [1]).

Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи Тарасъ Григорьевичъ былъ душою общества. Рѣдкій пикникъ, рѣдкая прогулка совершались безъ его участія и въ часы хорошаго расположенія духа не было конца его шуткамъ и остротамъ. При поѣздкахъ новопетровскаго общества на гулянья онъ обыкновенно садился въ экипажъ съ провизіей и бралъ на свою отвѣтственность охраненіе бутыли съ водкою; однако привозилъ ее на мѣсто прогулки далеко не полною; а потому собутыльники предложили ему выбирать мѣсто подальше отъ бутылокъ.

[1]) «Подробности», сообщенныя Тургеневымъ, ни на чемъ не основаны. Ѳ. М. Лазаревскій, близко знавшій отношенія гр. Перовскаго къ окружавшимъ его лицамъ, не допускаетъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ осмѣлился наушничать этому гордому и недоступному вельможѣ. Еще неправдоподобнѣе другой разсказъ—Лѣскова о томъ, что яко бы Перовскій собственноручно билъ Ш—ка: въ продолженіе 7 лѣтъ, при гр. Перовскомъ, Т. Г—чъ безвыходно находился въ укрѣпленіи, гдѣ Перовскій не бывалъ никогда, слѣд. и не могъ изъ Оренбурга достать поэта, за 800 слишкомъ верстъ. Собственноручная рукопашная расправа была вовсе не въ характерѣ гр. Перовскаго; никогда этотъ гордый и сильный человѣкъ не унизился бы до того, чтобы лично кого нибудь бить.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ на Хангу Бабу [1]) (небольшая лощина, лежащая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія, имѣвшая десятокъ тутовыхъ деревьевъ, дававшихъ тѣнь), Ш—ко лежалъ на коврѣ и болталъ съ офицеромъ. Послѣдній, замѣтивъ, что Т. Гр. выпилъ лишнее, вздумалъ подшутить надъ нимъ: собравши разсыпанные по степи „орѣшки“, потерянные гуртами овецъ, онъ предложилъ ихъ Ш—ку за кедровые, тотъ попробовалъ... Почувствовавъ, что̀ это было въ дѣйствительности, онъ не высказалъ неудовольствія, и занялся мыслію, какъ бы наказать шутника. Возвратясь въ садъ, онъ набралъ клещевинику (изъ котораго приготовляютъ касторовое масло), состряпалъ самъ лично соусъ, и, пригласивъ къ себѣ офицера на завтракъ, накормилъ его этимъ соусомъ. Гость, конечно, скоро почувствовалъ дѣйствіе оригинальнаго блюда...

Не бѣгалъ Т. Гр. и дамскаго общества, которое также иногда не прочь было подтрунить надъ нимъ. Такъ, однажды было рѣшено сдѣлать пельмени,—любимое блюдо поэта,—такъ какъ онъ заспорилъ, увѣряя дамъ, что съѣстъ ихъ цѣлую сотню. Барыни, сговорясь между собою, изготовили пельмени, по возможности, покрупнѣе и, чтобы затруднить ѣдоку выиграть пари, нѣсколько изъ нихъ начинили одной горчицей или однимъ перцемъ. Но Ш—ко, къ удивленію многолюднаго участвовавшаго въ завтракѣ общества, не поморщившись, одинъ за другимъ уничтожилъ цѣлое блюдо [2]).

[1]) Въ первый годъ своего пребыванія въ укрѣпленіи поэтъ, вмѣстѣ съ Брониславомъ Залѣскимъ, предпринималъ экскурсію на Хангу Бабу, но не съ цѣлію покутить на свободѣ, а полюбоваться хоть тощею растительностію и порисовать деревья. Разставшись же съ нимъ, Т. Гр. любилъ посѣщать это мѣсто, освященное дружбой; ему «такъ сладко было сидѣть тамъ, подъ вѣтвями стараго дерева, обнажившаго свои корни»...

[2]) «Отуманенный лестію» (пишетъ Ш—ко въ своемъ дневникѣ) «я не имѣлъ силы, во вредъ желудку, отказаться отъ *пельменей:* они были мастерски приготовлены... (послѣ продолжительной прогулки) я сладко заснулъ и видѣлъ во снѣ Новгородъ-Сѣверскій; по улицѣ ѣздили огромные рыжіе, пьяные монахи, тутъ былъ и Семенъ (Гулакъ).. Это все пельмени такъ наметаморфозили»....

Если какая нибудь дама, подтрунивая надъ тяжеловатостію и неповоротливостію Ш—ка въ движеніяхъ, заявляла, что въ него не легко влюбиться, Т. Г. въ отвѣтъ напѣвалъ съ улыбкой русскую пѣсню: „Ходитъ вѣтеръ у воротъ", особенно сильно налегая на послѣдній ея куплетъ:

Дунулъ вѣтеръ и Авдѣй
Полюбился снова ей,
Дунетъ вѣтеръ еще разъ—
И полюбится Тарасъ.

Дѣтей Ш—ко очень любилъ. Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи любимицей его была именно Наталья Иракліевна, старшая дочь Ускова, родившаяся чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прибытія ея родителей въ фортъ. Съ ней поэтъ постоянно дѣлилъ часы досуга, разсказывалъ о своей дорогой родинѣ понятнымъ ей дѣтскимъ языкомъ, дѣлалъ ей удочки, плелъ корзины и пѣлъ пѣсни, то грустныя, заставлявшія сжиматься ея дѣтское сердечко и проливать слезы, то веселыя. И несказанно любила Натаденька [1]) своего дядю—Горича, какъ она его называла. „Истый Тарасъ Горичъ, мое серденько, моя ясочка!" приговаривалъ поэтъ, цалуя ее.

Для своей любимицы, Наточки, онъ оставлялъ кусочки сахару отъ утренняго чаю, которые, иногда запачканные мухами, служили ей лучшимъ лакомствомъ.

Случалось, что Т. Гр. появлялся въ домъ коменданта съ покраснѣвшимъ носомъ, тогда малютка Ната заботливо ходила за дядей Горичемъ съ баночкой спармацетной мази, упрашивая его помазать носъ, такъ какъ, по ея дѣтскому убѣжденію, никакого другаго цѣлебнаго средства не существовало.

Непривыкшая видѣть дядю Горича курящимъ, она однажды была поражена, увидя его вечеромъ съ дымящейся сигарой въ зубахъ [2]), и когда онъ пытался поймать ее, чтобъ поцѣловать,

---

[1]) «Кого любятъ дѣти, тотъ еще не совсѣмъ поганый человѣкъ», говаривалъ о себѣ Тарасъ Григорьевичъ.

[2]) Ш—ко былъ не изъ курящихъ; но В. М. Лазаревскій соблазнилъ его, приславъ въ подарокъ 25 сигаръ «настоящихъ гаванскихъ». «Взявъ три

со страхомъ убѣгала, боясь быть обожженною. Лѣтомъ, послѣ обѣда, онъ часто усаживался на каменную скамью террасы комендантскаго дома и какъ только дѣвочка приближалась къ нему, Т. Гр., со словами: „сейчасъ пущу ракету!“ быстро проводилъ раковиной по камню и заставлялъ ее поспѣшно убѣгать, добродушно смѣясь ея страху.

Незадолго до своего отъѣзда, именно 4 іюня 1857 года, въ день рожденія Наташеньки, Ш—ко устроилъ транспарантъ съ вензелемъ ея, установилъ его въ концѣ сада и вечеромъ освѣтилъ разноцвѣтными огнями; а когда поэтъ, покидая Новопетровское укрѣпленіе, собирался въ дальній путь, онъ подарилъ своей любимицѣ ея портретъ, нарисованный имъ сепіей, и книгу „О подражаніи Христу, переводъ Сперанскаго“ [1]). На подаркахъ этихъ собственноручныя надписи: „Милой умницѣ Наташенькѣ на память отъ дяди Тараса Шевченка“.

Живописью въ укрѣпленіи, особенно въ послѣдніе годы, Т. Гр. занимался весьма усердно. Масляными красками и акварелью онъ не работалъ, а всѣ рисунки сдѣланы сепіей или карандашомъ. Сюжетами для нихъ обыкновенно служили окрестные виды и ближайшіе киргизскіе аулы. Было нарисовано и нѣсколько портретовъ [2]). Усковымъ на память о прожитомъ съ ними времени и о самомъ себѣ Ш—ко оставилъ портреты: жены коменданта Агафьи Емельяновны, со старшей дочерью на рукахъ, Кати—няни Наташиной, въ киргизскомъ костюмѣ и пять пейзажей: на двухъ изображены ближайшіе къ укрѣпленію

оставшіяся у меня завѣтныя сигары, я пришелъ на огородъ къ вечернему чаю и попотчивалъ Ир. Ал. и его гостя и самъ закурилъ остальную. Всѣ, начиная съ Наташеньки, немало удивились, увидѣвъ въ моемъ лицѣ торчащую дымящуюся сигару, хотя и находили, что мнѣ она къ лицу» (Дневникъ).

[1]) Книга эта—дорогой подарокъ княжны В. Н. Репниной—была очень дорога поэту и онъ не безъ сожалѣнія разстался съ нею.

[2]) Къ послѣднимъ двумъ годамъ ссылки относятся превосходные рисунки Т. Гр—ча, которые онъ отсылалъ Бр. Залѣскому, какъ запретный плодъ, подъ именемъ «разныхъ кусковъ шерстяной матеріи»; выручка отъ продажи ихъ отсылалась въ укрѣпленіе. Отсылаемыя тому же лицу стихотворенія извѣстны были подъ названіемъ «свяченой воды».

аулы, на другихъ двухъ комендантскій садъ—въ первый годъ его существованія и въ годъ отъѣзда поэта; пятый пейзажъ представляетъ видъ самаго Новопетровскаго укрѣпленія со стороны моря.

Находя въ семействѣ Ускова постоянно самый радушный, сердечный пріемъ и теплое участіе, Т. Гр. отвѣчалъ на то полною преданностію. Однако съ Усковыми у него случались и размолвки. Жена коменданта и самъ Ираклій Александровичъ находили нужнымъ удерживать Ш—ка отъ его слабости и это то обстоятельство иногда бывало поводомъ нѣкотораго недоразумѣнія, что впрочемъ скоро забывалось [1]). За исключеніемъ размолвокъ, о которыхъ только что сказано, между Ш—комъ и Усковымъ существовали ~~самыя~~ лучшія отношенія. Когда у Т. Гр. не было денегъ, онъ ссужался ими у Ираклія Александровича, съ нимъ онъ занимался и фотографіей. Книги и рисовальныя принадлежности высылались поэту его далекими друзьями на имя коменданта, чрезъ котораго велась вся переписка. Такимъ образомъ и радостное извѣстіе, полученное имъ отъ М. М. Лазаревскаго о давно ожидаемой свободѣ, было передано при слѣд. письмѣ къ Ускову:

---

[1]) Добрѣйшая душа Ир. Ал., подъ опасеніемъ большой отвѣтственности за фамиліарное обращеніе съ нижнимъ чиномъ, принялъ поэта въ свою семью, какъ роднаго. Помимо глубокой признательности, какую, естественно, долженъ былъ питать къ Ускову обездоленный изгнанникъ, въ его душѣ, открытой для всего изящнаго, пробудилось иное чувство: онъ влюбился въ комендантшу: «Это одно единственное существо, которымъ я увлекаюсь до поэзіи... (сознается онъ Залѣскому). Да и могло ли быть иначе вприсутствіи высоко нравственной и физически прекрасной женщины? Я полюбилъ ее возвышенно чисто, всѣмъ сердцемъ и всею благодарной моей душой»... Но несмотря на такую пламенную любовь, близкую къ обожанію, подъ конецъ своей ссылки, нашъ Кобзарь разочаровался въ ней. Охлажденіе къ прекрасной «Агатѣ» произошло отъ неосторожнаго съ ея стороны намека на благодѣянія, оказываемыя въ *ея* домѣ рядовому Ш—ку. «И я, (пишетъ Т. Гр. ~~въ дневникѣ~~) отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и повторилъ слова флорентинскаго изгнанника:

Горекъ хлѣбъ подаянія
И жостки ступеньки чужого крыльца.

С.-Петербургъ. 2 мая 1857 года.

М. Г. Ираклій Александровичъ!

Прилагая при семъ 75 рублей для передачи Тарасу Григорьевичу, я увѣренъ, что и Вы обрадуетесь его радости.

Будьте добры, выгоняйте его скорѣе оттуда. Извините, что я не въ первый разъ уже безпокою Васъ своими просьбами, не бывши съ Вами знакомъ... Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ было прислано и другое, на имя самого Шевченка (см. Біографія стр. 95).

Оффиціальное извѣстіе о свободѣ рядоваго Шевченка прибыло къ коменданту 21 іюля и Усковъ, не дожидаясь изъ Оренбурга указа объ отставкѣ, выдалъ ему на свой страхъ пропускъ до самаго Петербурга. Т. Гр. выѣхалъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія 2 августа вечеромъ, напутствуемый лучшими пожеланіями людей, искренно его любившихъ.

Первое письмо, полученное Усковымъ отъ поэта, послѣ его отъѣзда, было изъ Астрахани отъ 10 августа 1857 года, но оно затерялось. Слѣдующее затѣмъ письмо отъ 12 ноября получено изъ Нижняго Новгорода; третье отъ 17 февраля 1858 года тоже изъ Нижняго, а четвертое—изъ Петербурга.

I.

12 ноября 1857 года. Нижній Новгородъ.

Многоуважаемый Ираклій Александровичъ!

Давно уже я собираюсь описать вамъ все случившееся со мною со дня, въ который я послалъ вамъ мое письмо изъ Астрахани, т. е. съ 10 августа, но для этого описанія не доставало главнаго матеріала т. е. конца, заключенія этого на диво курьезнаго путешествія.

22 августа выѣхалъ я изъ Астрахани, вмѣстѣ съ семействомъ А. А. Сапожникова, съ которымъ мы возобновили старое знакомство. 19 сентября прибыли мы благополучно и весело въ Нижній Новгородъ и того же дня полиціймейстеръ объявилъ мнѣ, что я за настоящимъ указомъ объ отставкѣ долженъ отправиться обратно въ Оренбургъ. Такое милое предложеніе меня не мало

озадачило, но я вскорѣ оправился т. е. заболѣлъ и самъ написалъ въ Оренбургъ и добрыхъ людей просилъ написать о себѣ прямо Катенину, прося его развязать сей гордіевъ узелъ какъ нибудь помягче. Пока этотъ таинственный узелъ развязывался, я хворалъ, бродилъ по грязнымъ нижегородскимъ улицамъ и скучалъ до ипохондріи. Наконецъ вчера здѣшній военный губернаторъ получаетъ отъ генералъ-губернатора оренбургскаго подробное объясненіе моего увольненія отъ военной службы. Объясненія эти вчера же прочитаны мнѣ. Въ нихъ изображено, что я, бывшій художникъ, имѣю право поселиться гдѣ мнѣ угодно въ предѣлахъ Россійской Имперіи, кромѣ столицъ, а около столицъ даже мимо проѣзжать запрещено. Сегодня же написалъ я моимъ друзьямъ въ Петербургъ объ этой катастрофѣ и въ ожиданіи будущихъ благъ, поселился въ Нижнемъ Новгородѣ.

Мнѣ здѣсь пока хорошо. Нижегородская аристократія принимаетъ меня радушно и за работу платитъ, не торгуясь, 25 рублей серебромъ за портретъ, нарисованный карандашомъ. Деньги у меня есть. Костюмъ себѣ построилъ перваго сорта, начиная съ голандскаго бѣлья, и въ добавокъ запустилъ бороду, настоящее помело. Теперь мнѣ только не достаетъ столицы, а то все, слава Богу, имѣю, начиная съ здоровья. Столицу я не раньше надѣюсь увидать, какъ черезъ годъ. И я теперь не знаю, что мнѣ дѣлать съ письмами Киріевскаго и съ вашей довѣренностью. Напишите мнѣ.

Весело ли у васъ? Здорова ли Агафья Емельяновна? Здоровы ли мои большіе друзья Наташенька и Наденька? Не посылаю имъ гостинца, потому что Нижній Новгородъ безъ ярмарки та же деревня, еще хуже по дороговизнѣ самыхъ необходимыхъ вещей.

Газетныя новости вамъ извѣстны, о нихъ и говорить нечего, а не газетныя не стоютъ того, чтобъ о нихъ говорить. Занимаетъ теперь всѣхъ самый животрепещущій вопросъ о томъ, какъ освободить крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія. Съ новымъ годомъ ожидаютъ правительственныхъ распоряженій по этому вопросу.

Прощайте, Ираклій Александровичъ! Желаю вамъ здоровья и счастія. Цалую отъ души моихъ большихъ друзей Наташеньку

и Наденьку и свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Агафьѣ Емельяновнѣ и остаюсь благодарный вамъ Т. Шевченко.

Кланяюсь я Жуйковымъ, Бурцевымъ и моему старому, незабвенному другу Мостовскому [1]).

II.

Многоуважаемый Ираклій Александровичъ!

Письмо Ваше отъ 7 января получилъ я 15 февраля, за которое приношу вамъ искреннюю благодарность и за письмо стараго моего друга Черноморца Кухаренка приношу такую же вамъ искреннюю благодарность. Сердечно радуюсь благополучію вашему, Агафьи Емельяновны и здоровью моихъ милыхъ и малыхъ друзей Наташеньки и Наденьки. Наденька, я думаю, уже бѣгаетъ, какъ бы мнѣ хотѣлось ее потютюшкать! А моя умница, красавица Наташенька вспоминаетъ ли своего друга, дядю Тараса Горича? Сердечно жалѣю, что не могу ничѣмъ ей напомнить о себѣ. Нижній Новгородъ безъ ярмарки настоящая деревня. Хуже, потому что обыкновенные сельскіе продукты до-

---

1) На это письмо, полученное Усковымъ 5 января 1858 г., Тарасъ Григорьевичъ получилъ отвѣтъ съ разными порученіями со стороны коменданта:

7 января 1858 года. Новопетровское.

Какъ я радъ, добрѣйшій Тарасъ Григорьевичъ, что вы догадались остаться въ Н. Новгородѣ и сождать тамъ результата рѣшенія изъ Оренбурга. Я второпяхъ забылъ вамъ вложить письмецо, а главное сомнѣвался, чтобы моя бумага застала васъ въ Нижнемъ. Этотъ скотина Михальскій, завѣдывающій въ отсутствіе Львова батальономъ, написалъ галематьи на счетъ вашего увольненія и чрезъ это подвергъ меня большимъ непріятностямъ: корпусный командиръ, получивши отъ меня донесеніе на счетъ увольненія вашего въ Петербургъ, вопреки сдѣланнаго имъ распоряженія, прислалъ мнѣ строгій выговоръ и написалъ отъ себя въ обѣ столицы, чтобы вамъ объявить о Высочайшей волѣ. Я теперь радъ, по крайней мѣрѣ, что васъ не потребовали въ Оренбургъ и что вы можете пользоваться свободой ѣхать, куда угодно. Кстати, я получилъ отъ Еленева письмо къ вамъ отъ Кухаренка, и при семъ его прилагаю.

Письма Киріевскаго, пожалуйста, пришлите ко мнѣ съ конвертами, какъ они есть. Я думаю послать ихъ къ его отцу, а тамъ посмотрю, что будетъ.

роже, нежели въ селѣ. Городъ просто самъ по себѣ дрянь. Семь лѣтъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи мнѣ не казались такъ длинны, какъ въ Нижнемъ эти пять мѣсяцевъ. Это значитъ перепутье. На рождественскихъ святкахъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ гости изъ Москвы мой старый другъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ (извѣстный актеръ). Теперь я думаю отдать ему старику визитъ. Онъ мнѣ сдѣлалъ честь, какой немногіе удостоились отъ знаменитаго старца. На будущей недѣлѣ думаю навсегда оставить Нижній Новгородъ, прожить до весны подъ Москвой у сына Щепкина, а весною, если не разрѣшатъ мнѣ жить въ столицахъ, поѣду въ Харьковъ, въ Кіевъ, въ Одессу и за границу. Богъ съ ними и съ столицами! Деньжонокъ уже накопилось столько, что безбѣдно можно прожить года три за границею, а тамъ—что Богъ дастъ. Не погибъ въ неволѣ, не погибну и на волѣ, говоритъ малороссійская пѣсня.

Какова у васъ зима нынѣшній годъ? Здѣсь ужасно много снѣгу, а морозовъ сильныхъ еще не было. Письмо мое вы по-

---

Можетъ быть еще вамъ же придется выручать мои деньги, если будете въ Петербургѣ.

Я увѣренъ, что вы не прервете со мною переписки, по старому знакомству. Если будете въ Кіевѣ, то побывайте у моего дяди полковника Матвѣя Яковл. Ускова, онъ живетъ на Подолѣ, противъ Набережнаго Николая, въ собств. домѣ.

Итакъ, дай вамъ Богъ успѣховъ въ вашихъ занятіяхъ живописью. Радуюсь отъ души, что вы имѣете хорошій пріемъ въ Нижнемъ.

Меня надулъ подлецъ Чернягинъ и выслалъ объективы и вещи прескверныя, и сверхъ того отъ небрежной укупорки большая часть изъ нихъ попорчена и побита. Г. Лазаревскій даже не потрудился посмотрѣть вещи и только написалъ мнѣ, что онъ просилъ Чернягина скорѣй отправить ко мнѣ посылку. Это мнѣ весьма не было въ пользу.

Жена моя и дѣти, слава Богу, здоровы и вамъ кланяются. И такъ, прощайте Тарасъ Григорьевичъ! не забывайте насъ и пишите; намъ всегда будетъ пріятно получать отъ васъ вѣсточки, какъ отъ стараго пріятеля.

Преданный вамъ И. Усковъ.

P. S. Хропачевскій въ Уральскѣ женился на распутной вдовѣ эсаульшѣ. Мостовскій, Бурцевы и Жуйковы вамъ кланяются.

лучите не раньше праздника Воскресенія Христова, то я и поздравляю васъ съ этимъ свѣтлымъ праздникомъ и отъ души цѣлую васъ всѣмъ: и Катю, и няню, и въ особенности большихъ друзей моихъ Наташеньку и Наденьку. Пошли имъ Богъ здоровья!

Прощайте, многоуважаемый Ираклій Александровичъ, не забывайте искренняго вашего Т. Шевченка.

P. S. Если получу фотографическій портретъ—пришлю, а вы мнѣ пришлите собственнаго издѣлія портреты друзей моихъ Наташеньки и Наденьки. А письмо ваше адресуйте на имя М. С. Щепкина въ Москву, въ контору императорскихъ театровъ.

Цѣлую Жуйкова съ благовѣрною и Бурцова съ благовѣрною же, а старого полыводу Мостовскаго безъ благовѣрной три раза цѣлую.

1858 года февраля 17.

Съ боку приписка: Поздравляю Агафью Емельяновну съ прошедшимъ днемъ ангела [1]).

III.

Іюля 4, 1858.

Многоуважаемый Ираклій Александровичъ!

Наконецъ я добрался до Петербурга и до завѣтнаго Павловска. Но Павловскъ, увы! не обѣщаетъ ничего хорошаго. Три раза, впродолженіе одной недѣли, побывалъ я въ Павловскѣ и три раза стучался напрасно у дверей вашего честнаго и въ добавокъ высокоблагороднаго комиссіонера. Онъ никого не принимаетъ потому, что къ нему, кромѣ заимодавцевъ, никто не заходитъ. О пребываніи моемъ въ Петербургѣ онъ узналъ отъ генерала Бюрно, съ которымъ я встрѣтился въ Павловскѣ же

Упомянутое въ настоящемъ письмѣ И. А. Ускова письмо черноморца Кухаренка, автора драматическаго произведенія „Черноморскій Побытъ", будетъ помѣщено на страницахъ „Кіевской Старины" вмѣстѣ съ другими письмами его къ Т. Г. Шевченку, въ числѣ шести, изъ коихъ одно относится къ 1844 году, а остальныя пять къ 1856—1860 годамъ.—Отвѣтныя же письма Ш—ка можно найти въ „Основѣ".

[1]) На это второе письмо отвѣта не послѣдовало.

и имѣлъ неосторожность разсказать ему о сдѣланномъ мнѣ вами порученіи. А Киріевскій, ловкій шарлатанъ, смекнулъ дѣломъ и не велѣлъ меня принимать. А случайно гдѣ то встрѣтившись съ Марковичемъ, увѣрялъ его, что онъ зимнимъ путемъ еще выслалъ вамъ отличнѣйшій фотографическій аппаратъ со всѣми принадлежностями; даже много лишняго выслалъ. Подлецъ! и въ добавокъ неловкій.

Довѣренность ваша не по формѣ написана и Михайло Матвѣевичъ говоритъ, что она не можетъ имѣть никакой силы. Попробуйте написать его матери; она живетъ въ Павловскѣ, вмѣстѣ съ нимъ, въ собственномъ домѣ. За успѣхъ ручаться нельзя, а попробовать можно.

Посылка ваша сегодня же отправляется. Кажется вы получите все требуемое исправно и лучшаго свойства. Я посылаю вамъ „Губернскіе очерки“, письма (Киріевскаго) и вашу довѣренность, а вы мнѣ пришлите двѣ чорныя мерлушки, чѣмъ премного обяжете, и адресуйте вашу посылку на имя М. М. Лазаревскаго.

Въ Питерѣ мнѣ хорошо пока. Квартирую я въ самой академіи. Товарищи—художники меня полюбили, а безчисленные земляки меня просто на рукахъ носятъ. Однимъ словомъ, я совершенно счастливъ.

Какъ то вы тамъ поживаете? Что мои великіе друзья подѣлываютъ? Наденька, я думаю, уже бѣгаетъ, а Наташа читаетъ. А басенъ Крылова все таки не издаютъ съ порядочными картинками. Посылаю вамъ свой плохой портретъ, снятый съ натуры въ Петербургѣ. Каковъ вашъ садъ? Нынѣшнее лѣто у васъ должно быть много винограду и абрикосовъ.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Агафьѣ Емельяновнѣ, цѣлую отъ всего сердца моихъ большихъ друзей и остаюсь уважающій васъ Т. Шевченко.

Кланяюсь Бажановымъ, Жуйковымъ и старому волокитѣ Мостовскому [1]).

---

[1]) Отправивъ это письмо, Т. Гр. получилъ отъ коменданта Ускова еще два письма, и затѣмъ переписка между ними прерывается. Усиленныя занятія

Вотъ все, что сохранилось изъ переписки Шевченка съ Усковымъ. Тяжело было семьѣ коменданта услышать о преждевременной кончинѣ Тараса Григорьевича. Четыре съ половиною года, прожитые съ нимъ вмѣстѣ, тѣсно связали ихъ и навсегда оставили о Т. Гр. свѣтлыя воспоминанія. Нѣкогда „милая умница

гравюрой, исполненная тревогъ поѣздка въ Малороссію, хлопоты о покупкѣ усадьбы и постройкѣ дома, заботы о выкупѣ родныхъ изъ крѣпостной неволи, перипетіи по случаю неудавшагося сватанья и эта вѣчная сутолока столичной жизни—все это совершенно заслонило отъ нашего поэта скромные образы добродушной семьи коменданта.

Вотъ эти письма:

1.

20 августа 1858 г. (наше укрѣпленіе переименовано въ *фортъ Александровскій*).

Добрѣйшій нашъ Тарасъ Григорьевичъ!

Какъ мы рады, что вы наконецъ достигли цѣли вашихъ искреннихъ желаній и теперь въ Питерѣ. Слава Богу! Жена моя и дѣти чрезвычайно обрадовались, получивши вашъ портретъ. Наташа сейчасъ узнала васъ, хоть портретъ не совсѣмъ удался, но похожъ.

Я зналъ, что вы не сладите съ мошенникомъ Киріевскимъ, но по крайней мѣрѣ узнайте и напишите, какъ зовутъ его мать и какъ ей адресовать, а также отца. Я имъ всѣмъ хочу написать почетныя письма, какъ пишутъ обыкновенно такимъ людямъ, у которыхъ ни на волосъ нѣтъ совѣсти. Я деньги считаю уже пропавшими; по крайней мѣрѣ доставьте мнѣ случай разругать подлецовъ.

За присылку книги «Губернскіе очерки» премного благодаренъ, а мерлушки вышлю непремѣнно. И вы насъ не забывайте. Наташа начинаетъ читать, а Надя бѣгаетъ. Все, слава Богу! Наташа все собирается писать къ вамъ, но говоритъ, что перо нехорошо—не пишетъ: она, какъ обезьяна полагаетъ, что съ очками можно читать, не учившись.

Садъ намъ нынѣшній годъ уродилъ; много абрикосовъ и персиковъ, но винограду мало. Посылку отъ Нагорѣцкаго я получилъ въ исправности, но онъ не всѣ мнѣ вещи выслалъ, о которыхъ я писалъ, вѣроятно, потому что не достало денегъ. Чернягинъ не досталъ мнѣ воронокъ и стеколъ (для фотографій) и еще осталось у него немного моихъ денегъ, не знаю почему не присылаетъ.

Прощайте! Не забывайте всегда преданнаго вамъ И. Ускова.

Наташенька" и въ настоящее время не можетъ вспомнить безъ слезъ своего лучшаго друга дѣтства, дядю Тараса Горича.

Полковникъ И. А. Усковъ занималъ должность коменданта Новопетровскаго укрѣпленія (переименованнаго въ 1858 году въ „Александровскій фортъ", а въ 1865 году упраздненнаго и срытаго) до 1865 года. Затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился сперва въ Саратовѣ, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 15 іюля 1882 г., не оставивъ никакихъ записокъ, касательно жизни Шевченка.

Н. Зарянко

2.

Добрѣйшій Тарасъ Григорьевичъ!

Вмѣстѣ съ этимъ я послалъ къ вамъ пять мерлушекъ, изъ нихъ нѣкоторыя попорчены немного молью, но эти мѣста можно вырѣзать, и потому то вамъ, вмѣсто трехъ, посылаю пять. Лучшихъ нельзя было достать: ихъ обыкновенно привозятъ только весной.

Я писалъ почтеннѣйшему Михаилу Матвѣевичу, чтобы онъ взялъ отъ Чернягина оставшіяся у него за камеру деньги 2 р. 44 коп., и кромѣ того, онъ не дослалъ мнѣ всего, что требовалось.

Агафья Емельяновна и мои дѣти, ваши искренніе друзья, вамъ кланяются и желаютъ всего лучшаго для васъ въ свѣтѣ. Не забывайте насъ, Т. Гр., пишите, будетъ грѣхъ вамъ забывать людей, которые всегда питали къ вамъ теплыя, искреннія чувства. Не пишите часто: этого нельзя требовать при вашихъ теперешнихъ занятіяхъ,—но хоть изрѣдка, только бы знать намъ о васъ, гдѣ вы находитесь и какъ поживаете.

Остаюсь искренно преданный вамъ И. Усковъ.

9 сентября 1858 года
фортъ Александровскій.

РУССКІЯ КОЛОНІИ ВЪ ДОБРУДЖѢ.[1]

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

II.

Нынѣшнія поселенія въ Добруджѣ.—Количество украинскаго населенія и расположеніе его.—Занятія—рыболовство и хлѣбопашество.—Городское населеніе, ремесла.—Рабочіе.—Бытовая обстановка.—Отношенія къ прочимъ народностямъ.

Перейдемъ къ нынѣшнему украинскому населенію Добруджи и устьевъ Дуная. Вполнѣ точное опредѣленіе количества этого населенія въ настоящее время врядъ ли возможно, такъ какъ во время турецкаго владычества въ Добруджѣ, ни о какой сколько нибудь правильной статистикѣ не могло быть и рѣчи,—теперь же, когда этотъ край присоединенъ къ Румыніи, т. е. съ 1879 г. исчисленіе населенія хотя и началось, но находится въ далеко еще несовершенномъ видѣ. Это, впрочемъ, не очень и легкая вещь, такъ какъ населеніе Добруджи, кромѣ величайшей разношерстности, отличается еще чрезвычайной подвижностью. Здѣсь живетъ много грековъ, пріѣзжающихъ сюда по торговымъ дѣламъ и остающихся въ странѣ на довольно долгое время, затѣмъ еще большее количество болгаръ, жителей главнымъ образомъ Македоніи и Восточной Румеліи, держащихъ здѣсь свои стада и пребывающихъ въ Добруджѣ большую часть года, очень много моканъ, т. е. трансильванскихъ румынъ, тоже занимающихся здѣсь скотоводствомъ и населяющихъ цѣлыя деревни, потомъ достаточное количество эмигрирующихъ туда и сюда

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1889 г., январь.

татаръ, турокъ, албанцевъ, славуновъ, т. е. далматинцевъ, черногорцевъ, сербовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, наконецъ, евреевъ и т. д. Понятно, что при такомъ количествѣ и пестротѣ подвижнаго населенія, правильная статистика была бы не легка и для болѣе цивилизованныхъ странъ, чѣмъ Турція и Румынія. Вслѣдствіе этого и относительно украинскаго населенія Добруджи мы должны довольствоваться только цифрами болѣе или менѣе приблизительными, извлекая ихъ отчасти изъ напечатанныхъ отчетовъ румынскихъ префектовъ, отчасти же восполняя недостающее разспросами и соображеніями. При этомъ благопріятнымъ для нашей цѣли обстоятельствомъ является то, что по румынской статистикѣ южноруссы (rusi) всегда почти строго отдѣляются отъ великоруссовъ (lipoveni). Наибольшее смѣшеніе можетъ произойти отъ причисленія въ рубрику rusi—молоканъ, но это не составляетъ большой разницы, такъ какъ количество этихъ послѣднихъ въ Добруджѣ очень невелико, а именно не превышаетъ 40—50 семействъ,—и то почти исключительно въ г. Тульчѣ. Такимъ образомъ, по оффиціальной статистикѣ [1]), не обнимающей всей Добруджи, и по инымъ дополнительнымъ справкамъ, количество украинскаго населенія этой страны, вмѣстѣ со всѣмъ пространствомъ дунайской дельты, можно считать доходящимъ по самой меньшей мѣрѣ до *десяти тысячъ* человѣкъ [2]).

Принимая же во вниманіе, что въ эту цифру не входитъ часть населенія о—ва Лети, бродячее рыболовно-бурлацкое населеніе дунайской дельты, а отчасти и добруджскихъ лимановъ

---

[1]) Expunerea, Situatiunei plasilor Sulina, Babadag, Tulcea si Macin din judetul Tulcea. Tulcea. 1881.

[2]) Городъ Тульча—около 2500 д., тульчанскій округъ—1651 д., сулинскій округъ—3060 д., бабадагскій—495 д. и мачинскій около 2300 д. При этомъ главными центрами украинскаго населенія являются: въ тульчанскомъ округѣ—г. Тульча, Муругиль (244 д.), Верхній Дунавецъ (бывшая Сѣчь—132 д.), Нижній Дунавецъ (160), Телица (около 500 д.), въ бабадагскомъ округѣ—Сатуновъ (150), Черкасская Слава (188 д.), въ сулинскомъ округѣ—г. Сулина (775 д.), Старая Килія (1325 д.), Сатуновъ (355), Катирлезъ (325 д.), Кара-Орманъ (260 д.). Изъ нихъ исключительно украинскими можно считать: Муругиль, оба Дунавца, Телицу, Черкасс. Славу, Ст. Килію, Катирлезъ, Сатуновъ, Кара-Орманъ, въ прочихъ же поселеніяхъ украинскій элементъ входитъ только какъ составная часть.

и, наконецъ, населеніе украинскихъ селъ подъ Силистріей, о которомъ намъ также не удалось добыть сколько нибудь точныхъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что села эти входятъ въ составъ нынѣшняго болгарскаго княжества, все украинское населеніе за Дунаемъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, полагать никакъ не меньшимъ 12—15000 д., что составляетъ около 15% всего населенія страны, въ которой, кромѣ развѣ болгаръ, нѣсколько преобладающихъ по численности, всѣ прочіе элементы находятся почти въ одинаковомъ другъ къ другу отношеніи. Въ частности преобладающимъ элементомъ въ сулинскомъ округѣ (именно въ г. Сулинѣ) оказываются греки, въ тульчинскомъ—румыны и болгары, въ бабадагскомъ—болгары и турки, въ дельтѣ же Дуная за исключеніемъ Сулины,—во всякомъ случаѣ, руснаки и липоване. Такимъ образомъ интенсивность украинскаго населенія наибольшей степени достигаетъ въ дунайской дельтѣ, гдѣ оно замѣтно преобладаетъ надъ прочими элементами, и затѣмъ постепенно уменьшается, по мѣрѣ удаленія къ западу. Но ни въ дунайской дельтѣ, ни въ восточной Добруджѣ, украинцы, живя отдѣльными селами, какъ мы однажды замѣтили, нигдѣ не составляютъ вполнѣ сплошнаго населенія цѣлой мѣстности, хотя бы даже на не особенно большомъ пространствѣ, и вездѣ болѣе или менѣе перемѣшаны съ населеніемъ другихъ національностей. Такое разселеніе украинскихъ колонистовъ обусловливалось, разумѣется, прежде всего самымъ ходомъ и условіями колонизаціи; этимъ же, въ связи, разумѣется, съ характеромъ мѣстности, обусловливается и то, что восточныя украинскія поселенія сохранили и до настоящаго времени рыболовство въ качествѣ своего главнаго занятія и средства къ жизни, въ восточныхъ же господствуетъ почти исключительно одно земледѣліе. Жители Катирлеза, о—ва Лети, большая часть жителей Кара-Ормана и Киліи занимаются исключительно однимъ рыболовствомъ, жители же Муругиля, обоихъ Дунавцевъ, отчасти Кара-Ормана и Киліи и даже въ извѣстной степени самой Тульчи—занимаются лѣтомъ хлѣбопашествомъ, осенью же и зимою рыболовствомъ; жители Телицы и другихъ горныхъ и степныхъ селеній—исключительно однимъ земледѣліемъ.

Вполнѣ самостоятельное рыболовство въ сколько нибудь крупныхъ размѣрахъ встрѣчается у руснаковъ только въ Катирлезѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ близкихъ къ морю деревняхъ. Это такъ назыв. *кармашные заводы.* Во время существованія въ Дунавцѣ запорожской сѣчи, большая часть рыболовныхъ заводовъ, технически ничѣмъ, кажется, не отличавшихся отъ нынѣшнихъ, принадлежала сѣчевымъ куренямъ, и слѣдовательно, составляла вполнѣ общинное предпріятіе. Но уже и въ то время, въ эту область начала врываться частная предпріимчивость, съ уничтоженіемъ же задунайской сѣчи и съ паденіемъ запорожской общины, рыболовныя заводы стали исключительно дѣломъ частныхъ предпринимателей, изъ людей владѣющихъ достаточными средствами для веденія этого, нужно сказать, довольно рискованнаго промысла; впрочемъ, по отношенію къ рабочимъ, заводы эти и по настоящее время сохраняютъ еще извѣстный общинно-артельный характеръ. Въ настоящее время *кармаки* (т. е. длинныя осмоленныя веревки съ крючьями) растягиваемыя на шестахъ по песчанымъ отмелямъ вдоль морскаго берега, преимущественно же противъ устьевъ Дуная, для лова исключительно красной рыбы (бѣлуги, осетра, севрюги, стерляди и т. п.) принадлежатъ только болѣе или менѣе крупнымъ хозяевамъ, которые принимаютъ большую часть своихъ рабочихъ (занимающихся именно ловлей рыбы) съ полу-пая, т. е. въ качествѣ участниковъ предпріятія съ половинной доли всего улова, при чемъ кормъ и вообще содержаніе рабочихъ вычитается изъ ихъ половины. Такимъ образомъ сумма, выручаемая отъ всего улова, дѣлится пополамъ между хозяиномъ и артелью, или „ватагой“ рабочихъ, которыхъ всегда бываетъ опредѣленное количество. Кромѣ кармашниковъ, т. е. рабочихъ, ловящихъ рыбу, на каждомъ заводѣ есть еще рѣзальщики, солильщики и т. п., которые работаютъ по найму отъ хозяина и получаютъ помѣсячную или посезонную плату, не участвуя, подобно кармашникамъ, въ выгодѣ и рискѣ предпріятія. Въ прѣсноводномъ рыболовствѣ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ видовъ его, получившій уже вполнѣ капиталистическій характеръ, составляютъ такъ наз.

ерики (слово, занесенное въ Добруджу некрасовцами), т. е. небольшіе, по большей части искусственные, протоки, соединяющіе лиманы или озера съ рѣкой, откуда рыба переходитъ весной въ эти лиманы для метанія икры, а подъ осень вылавливается въ такъ назыв. *гардахъ*, т. е. перегородкахъ, замыкающихъ эти ерики. На ерикахъ, большинство которыхъ принадлежитъ впрочемъ липованамъ, искуснѣйшими спеціалистами этого дѣла, такъ наз. *гардаджи*, бываютъ обыкновенно старые, опытные руснаки. Въ ерикахъ ловится, главнымъ образомъ, рыба изъ породы карповъ. Этого же рода рыба ловится и въ большихъ лиманахъ, какъ напр. въ Разинѣ, бабадагскомъ лиманѣ, въ лиманахъ къ с. з. отъ Тульчи и проч., посредствомъ очень большихъ неводовъ, такъ наз. *матулъ*, принадлежащихъ также обыкновенно частнымъ предпринимателямъ, принимающимъ рабочихъ тоже съ полу-пая. Кромѣ этихъ видовъ крупнаго рыболовства, существуетъ еще довольно много видовъ мелкаго: *авами*, *китцями*, *вентерями*, и проч., болѣе или менѣе доступныхъ уже каждому, требующихъ сотрудничества не болѣе 2—4—6-ти человѣкъ и практикуемыхъ почти всѣми жителями Добруджи, гдѣ только есть вода. Ловля рыбы кармаками производится, какъ мы сказали, въ Катирлезѣ, отчасти возлѣ Сулины и вообще по побережью Чернаго моря, ерики разбросаны по всей дунайской дельтѣ вдоль теченія гирлъ, матульные же заводы передвигаются съ мѣста на мѣсто, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ лимана Разина и по прочимъ лиманамъ.

Катирлезскіе рыбопромышленники — народъ, по большей части, довольно богатый, живутъ въ хорошихъ хатахъ, напоминающихъ наши мѣщанскіе домики, имѣютъ спеціальныя постройки для соленія и склада рыбы и ведутъ свое дѣло въ видѣ спеціальнаго промысла, не занимаясь больше никакими посторонними предпріятіями. Ерики содержатся тоже людьми болѣе или менѣе состоятельными, но уже больше въ видѣ побочнаго промысла и принадлежатъ, какъ было сказано, по большей части купцамъ—липованамъ, украинцы же являются въ этомъ промыслѣ чаще всего только въ качествѣ спеціалистовъ—гардаджи. Еще болѣе второстепенную роль занимаютъ украинскіе рыбалки

въ матулахъ, которыхъ владѣльцами бываютъ греки и липоване и въ которыхъ изъ украинцевъ бываютъ только рабочія артели, начиная съ первыхъ лицъ каждой такой артели—*атамана* и его помощника—*карлаша* и кончая обыкновенными матульняками, рѣзальщиками, солильщиками и кухарями. Это отчасти народъ семейный и иногда довольно достаточный, отчасти же, особенно простые матульняки, рѣзальщики и т. п., почти совершенно голые бурлаки, точно такіе же, какъ и рабочіе кармашники. Это народъ, по большей части, довольно молодой и здоровый, почти всегда въ буквальномъ смыслѣ голый (до того въ буквальномъ смыслѣ, что весь костюмъ ихъ иногда доходитъ до куска старой сѣти „матулы“, обернутой вокругъ бедеръ на подобіе костюмовъ акробатовъ, исключая трико), не имѣющій никакого пристанища, кромѣ камышевой „калибы“ на рыбномъ заводѣ и кабака, когда ловля рыбы прекращается. Въ началѣ каждаго рыболовнаго сезона, весь этотъ оборванный сбродъ начинаетъ въ очень большомъ количествѣ собираться въ особо излюбленныхъ ими шинкахъ Тульчи и Катирлеза, туда же являются и хозяева рыбныхъ заводовъ и тамъ заключаются сдѣлки на сезонъ. Обыкновенно артель рекрутируется атаманомъ и карлашемъ, которые пріискиваются хозяиномъ заранѣе, но всегда въ присутствіи послѣдняго, такъ какъ онъ выдаетъ поступающимъ въ матулу задатки и выкупаетъ ихъ вещи изъ шинковъ или покупаетъ новыя, въ счетъ будущаго заработка. Почти всегда, получивши задатокъ или вещи, матульнякъ отправляется сейчасъ же въ другой шинокъ, закладываетъ все полученное и, спустивши все тутъ же, начинаетъ искать новаго хозяина, для того, чтобы съ нимъ въ свою очередь продѣлать то же самое. Продолжается это до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣми правдами и неправдами хозяинъ съ атаманомъ не соберутъ всей матулы, т. е. 12 человѣкъ неводчиковъ и 4—6-ти рѣзальщиковъ и солильщиковъ и не отправятъ ихъ на заводъ, откуда впрочемъ тоже нерѣдко бываютъ побѣги, съ похищеніемъ разныхъ вещей. Герои всѣхъ этихъ продѣлокъ, матульняки представляютъ собой очень часто типы въ высшей степени оригинальные: случалось встрѣчать между ними людей бывавшихъ въ гимназіяхъ и семинаріяхъ,

говорившихъ когда то по французски, по нѣмецки, кое что читавшихъ и радовавшихся возможности добыть книжекъ, находясь даже въ матулѣ. Народъ этотъ по большей части безъ роду и племени, бѣжавшій изъ Россіи, иногда вслѣдствіе очень серьезныхъ преступленій, видѣвшій всевозможные виды и, наконецъ, „замотавшійся въ матулу". Приходитъ однажды къ доктору одинъ изъ такихъ „сиромахъ"—старикъ уже, но очень крѣпкій, хотя и хронически полупьяный: по разспросамъ оказывается, что онъ былъ когда то чѣмъ то при Садыкъ-пашѣ (Чайковскомъ). затѣмъ какимъ то чиновникомъ, а потомъ гдѣ то поваромъ и грамотѣ кого то училъ и вставляетъ въ свой довольно книжный разговоръ латинскія фразы и т. д...—Ну, а теперь же вы какъ?— „Въ настоящее время состою-съ при матулѣ!.." Этимъ, разумѣется, уже все сказано. Судьба этихъ матульняковъ обыкновенно бываетъ очень незавидна: страшный физическій трудъ, при самыхъ невыгоднѣйшихъ условіяхъ, жизнь среди болота и плавней, въ мѣстности крайне лихорадочной, постоянное пьянство, драки, наконецъ, сифилисъ очень быстро разрушаютъ часто желѣзные организмы этихъ послѣднихъ эпигоновъ украинской „сиромашни" и сводятъ ихъ преждевременно въ могилу. Довольно сносный, а очень часто и совсѣмъ хорошій заработокъ всегда пропивается, иногда даже раньше его полученія, и матульняки, даже пожилые, очень рѣдко дѣлаются самостоятельными хозяевами, а обыкновенно или умираютъ, или просто исчезаютъ какъ то неизвѣстно куда.

Совершенно иное представляетъ собой земледѣльческое украинское населеніе Добруджи. Мы упоминали уже о томъ, что въ зависимости отъ рода своихъ занятій, позднѣйшіе эмигранты изъ Украины селились болѣе на западной сторонѣ Добруджи, вверхъ по Дунаю. Благодаря малой населенности этой мѣстности и отсутствію всякой регламентаціи со стороны турецкаго правительства, переселенцы имѣли полную возможность занимать подъ поля столько земли, сколько каждая семья хотѣла или могла обработать. „Населяющія Добруджу народности, говоритъ Петерсъ, живутъ на основаніи законовъ, управляющихъ всѣми подданными В. Порты, и въ частности на основаніи но-

выхъ колонизаціонныхъ патентовъ, которые, подобно всѣмъ новѣйшимъ законамъ Турціи, отличаются большимъ либерализмомъ. Безплатно надѣляемые участки земли остаются въ теченіи 6-ти лѣтъ свободными отъ всякихъ поземельныхъ платежей въ казну (при чемъ колонисты освобождаются и отъ взноса подати, взамѣнъ военной повинности) и затѣмъ по истеченіи 20 лѣтъ переходятъ въ полную собственность колониста“ [1]). Такъ дѣло шло почти до самаго послѣдняго времени—теперь же, хотя румынское правительство и начало уже регулировать поземельныя отношенія, но, несмотря даже на то, что оно зачислило большую часть земель въ государственныя имущества и раздаетъ эти земли колонистамъ уже съ нѣкоторою осмотрительностью и на извѣстныхъ болѣе тяжелыхъ условіяхъ,—переселенцы даже и въ послѣднее время получаютъ довольно значительныя количества земли, сравнительно почти даромъ. Въ зависимости отъ всего этого, украинское населеніе Добруджи пользуется весьма достаточными земельными участками: въ Верх. Дунавцѣ, напр. селенія, гдѣ жители занимаются земледѣліемъ только на половину, такъ какъ всѣ они въ то же время и рыбопромышленники, на 52 семьи приходится 32000 дюлюмовъ (дюлюмъ—40 кв. метровъ) пахатныхъ полей, что составляетъ около 6-ти десятинъ на дворъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что здѣсь дѣло идетъ только о пахатной землѣ, независимо отъ сѣнокосовъ, пастбищъ и лѣса, которые по сохраняющимся еще отъ турецкаго времени обычаямъ, считаются казенными и на извѣстныхъ основаніяхъ (т. е. подъ надзоромъ сельскихъ властей) находятся въ почти безплатномъ пользованіи всѣхъ хозяевъ (взымается, напр., за пользованіе лѣсомъ только ничтожная плата за билетъ). На восточной части Добруджи поземельные участки гораздо значительнѣе и очень нерѣдко, даже, можно сказать, среднимъ числомъ, доходятъ до 10—15 дес. на семью. Вслѣдствіе этого уровень благосостоянія украинскихъ переселенцевъ за Дунаемъ можно назвать очень высокимъ, несмотря на довольно серьезные налоги, введенные въ послѣднее время румынскимъ правительствомъ. Въ

---

[1]) Peters. S. 131.

заброшенномъ между моремъ и болотами Катирлезѣ, гдѣ буквально ни одна душа не занимается земледѣліемъ, большая половина семей имѣетъ по волу и на каждое хозяйство приходится по 4 коровы, не считая мелкаго скота. Въ Телицѣ почти каждая семья имѣетъ по парѣ воловъ и по лошади, вообще же на каждое хозяйство приходится по 5-ти штукъ крупнаго скота и по столько же штукъ мелкаго, кромѣ того почти всѣ имѣютъ *баги*, т. е. виноградники, табачныя плантаціи (особенно до введенія монополіи), сады и т. п. Система хозяйства въ Добруджѣ почти такая же, какъ и у насъ на Украинѣ, при чемъ поля тоже распредѣляются такъ, чтобы въ каждой смѣнѣ у каждаго хозяина былъ свой участокъ. Такъ, въ Телицѣ, напр., пахатныя поля, находящіяся по обѣимъ сторонамъ села, обрабатываются по очереди черезъ годъ, и въ каждой половинѣ всякій хозяинъ имѣетъ свой участокъ. Виноградники находятся почти всегда внѣ села, по большей части на южныхъ склонахъ горъ и обыкновенно въ одномъ мѣстѣ. Иногда они бываютъ расположены довольно далеко отъ селъ, на разстояніи даже нѣсколькихъ верстъ. Земля (въ западной части Добруджи суглинокъ, а въ восточной—чистый и глубокій черноземъ) вовсе не истощена еще и очень плодородна, обрабатывается она почти исключительно плугомъ, при чемъ вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ въ послѣднее время способствуетъ введенію болѣе легкихъ и практичныхъ плужковъ, новаго устройства. Это вліяніе нѣмцевъ отразилось также и на формѣ повозокъ: теперь въ Добруджѣ только развѣ у турокъ удержались еще маленькіе возики, въ родѣ нашихъ малороссійскихъ, обыкновенно же употребляются повозки нѣмецкой или скорѣе венгерской конструкціи, напоминающія большія польскія брички, всегда на желѣзныхъ осяхъ (получаемыхъ изъ Австріи) и очень прочно окованныя. Хѳдъ обработки земли вообще такой же, какъ и у насъ въ Украинѣ, съ той только разницей, что молотьба производится не цѣпами, какъ у насъ, а на такъ наз. *гарманахъ*, которые впрочемъ встрѣчаются и у насъ въ Новороссіи. Гарманъ—это круглый токъ съ столбикомъ посрединѣ, къ которому привязываются лошади; на этомъ току раскладываютъ снопы и выбиваютъ изъ нихъ зерна, гоняя

по току лошадей. За отсутствіемъ надлежащаго количества лошадей, употребляютъ на гарманѣ такъ наз. *бутукъ*, т. е. деревянный или каменный цилиндръ съ рубцами вдоль оси, который парою лошадей, а иногда и одною таскаютъ по разбросаннымъ снопамъ. Такимъ образомъ молотятъ пшеницу, рожь, овесъ, ячмень и проч. Кромѣ этихъ хлѣбныхъ растеній, въ добруджскомъ хозяйствѣ играетъ также очень важную роль кукуруза (папушой), которую разводятъ въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ у насъ, хотя все таки меньше, чѣмъ въ Румыніи. Способы воздѣлыванія винограда и приготовленія вина очень еще примитивны, благодаря чему вино получается только самое обыкновенное, не особенно высокаго качества, хотя виноградъ очень хорошъ и, при усовершенствованныхъ способахъ производства, могъ бы давать вино гораздо лучшее. Виноградный сокъ обыкновенно выжимаютъ ручными прессами „тисками“, имѣющимися почти у каждаго хозяина, владѣющаго сколько нибудь порядочной багой. Учителями нашихъ украинцевъ въ виноградствѣ были болгары и отчасти турки—тѣ и другіе великіе мастера по части всякаго садоводства и огородничества. Между прочимъ болгары познакомили нашихъ переселенцевъ и съ восточнымъ способомъ орошенія огородовъ и даже полей посредствомъ канавокъ, въ которыя вода накачивается колесомъ съ ведрами по окружности его, приводимымъ въ движеніе если не самой водой, гдѣ это возможно, то волами, лошадьми, иногда буйволами.

Украинское населеніе городовъ, т. е. главнымъ образомъ Тульчи, занимается также преимущественно земледѣліемъ, хотя извѣстная, чѣмъ дальше, тѣмъ большая, часть его превращается уже въ классъ городскихъ ремесленниковъ и рабочихъ. Нѣкоторые, кромѣ земледѣлія и виноградарства, занимаются еще кой-какими видами торговли, напр. рыбою, солью, весьма немногіе держатъ шинки или чайныя, промышляютъ извозомъ и т. п. Изъ ремеслъ украинскіе жители Тульчи занимаются преимущественно сапожнымъ мастерствомъ, нѣкоторые кузнечнымъ, печнымъ, столярнымъ, постройкой и оснасткой судовъ и т. п. Сапожничество—это самое надежное и наиболѣе распространенное ремесло въ Тульчѣ, такъ какъ этотъ городъ представляетъ

собою торговый и промышленный центръ всей страны и поставляетъ обувь всему рабочему, сельскому и главнымъ образомъ всему „рыбальскому“ населенію. Ремесло это организовано на тѣхъ же мануфактурныхъ, а иногда и кустарныхъ началахъ, какъ и у насъ, при чемъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ также нельзя назвать удовлетворительными. Существовавшее, или лучше сказать, державшееся еще при туркахъ цеховое устройство, въ извѣстной степени все таки поддерживавшее корпоративную организацію, теперь разрушилось, а вмѣсто нея существуетъ нѣчто среднее, отставшее отъ цеха и не доросшее до европейской организаціи ремеслъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ, разумѣется, внѣшнихъ причинъ, молодые тульчанскіе подмастерья, два раза пробовали устраивать ассоціаціи на кооперативныхъ началахъ, но оба раза неудачно, отчасти благодаря сообразительности хозяевъ, догадавшихся кому прибавить заработную плату, кого угостить окомъ—другимъ вина и т. п., отчасти же въ силу того соціальнаго закона, по которому сапожники и въ Тульчѣ не особенно уклоняются отъ своей профессіональной репутаціи ревностныхъ поклонниковъ Бахуса, а въ концѣ концовъ и потому, почему разрушается большая часть подобныхъ предпріятій вездѣ, т. е. благодаря появленію ловкаго человѣка, сумѣвшаго превратить ассоціацію въ единоличное предпринимательство. Въ качествѣ простыхъ рабочихъ, а часто и низшихъ техниковъ, украинскій элементъ играетъ очень видную роль въ дунайскомъ судоходствѣ и въ исполненіи работъ европейской Дунайской коммиссіи. Это происходитъ отъ того, что занимавшіеся въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ плаваніемъ по Дунаю и его дельтѣ, украинцы-рыбаки до того свыклись съ судоходствомъ и изучили вездѣ мѣстность, что по справедливости считаются лучшими знатоками своего дѣла. Начиная отъ зимней переправы въ Мачинѣ, единственной на всю Добруджу и очень опасной вслѣдствіе почти всегда сильнаго и продолжительнаго ледохода, и кончая работами по регулированію сулинскаго гирла,—вездѣ, за исключеніемъ пароходнаго лоцманства, монополизированнаго греками, въ числѣ лучшихъ рабочихъ на водѣ встрѣчаются руснаки. До какой степени они составляютъ во всемъ этомъ видный эле-

ментъ, можно судить уже по тому, что почти всѣ служащіе въ европейской Дунайской коммиссіи нѣмцы, французы и англичане, пробывшіе довольно долго уже на службѣ и совсѣмъ не знающіе русскаго языка, говорятъ довольно сносно по украински. Но при всемъ этомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія всякой капиталистической предпріимчивости и практической ловкости въ обдѣлываніи такъ назыв. „дѣлишекъ“, украинскій элементъ является здѣсь почти исключительно рабочимъ и находится въ замѣтномъ экономическомъ подчиненіи у грековъ, липованъ и прочихъ лицъ другихъ національностей. Въ качествѣ обыкновенныхъ городскихъ чернорабочихъ украинцы встрѣчаются впрочемъ очень рѣдко, такъ какъ для этого существуютъ въ Тульчѣ еще болѣе низкія въ соціальномъ отношеніи расы людей въ видѣ татаръ, албанцевъ, иногда болгаръ, очень часто бывшихъ повелителей Добруджи—турокъ и нынѣшнихъ—румынъ.

Въ этнографическомъ отношеніи добруджскіе и дунайскіе *руснаки* (какъ они сами себя и другіе ихъ называютъ въ отличіе отъ великоруссовъ, обыкновенно здѣсь называемыхъ липованами) представляютъ собой совершенно еще чистый и хорошо сохранившійся національный типъ. Большая часть руснацкихъ селъ, въ особенности же села старыя, даже и по наружности имѣютъ совершенно малороссійскій характеръ. Пріютившійся за обрубленными вербами съ своими бѣлыми хатками надъ водой Катирлезъ, раскинувшаяся вдоль глубокаго оврага между горами Телица, выглядывающій изъ за камышей и смотрящійся въ лиманъ Муругиль, стоящій на мѣстѣ прежней Сѣчи Верхній Дунавецъ и даже утопающая въ вишневыхъ и абрикосовыхъ садахъ руснацкая „магала“ Тульчи съ перваго же взгляда даютъ почувствовать зрителю, что онъ находится въ Украинѣ, точно гдѣ нибудь надъ Днѣпромъ. Сходство это, зависящее отъ общаго характера построекъ и садовъ, въ значительной степени дополняется знакомой архитектурой церквей, совсѣмъ похожихъ на наши украинскія. Внутри селъ то же самое: тѣ же бѣленькія, чистенькія хаты, „причилками“ на улицу, тѣ же соломенныя или камышевыя „стрихи“, тѣ же двойные дворики, тѣ же плетеные изъ хвороста „хижи“, „повитки“ и „кошары“, тѣ же зе-

леные садки и цвѣтнички съ неизбѣжными ярко-желтыми повняками и чорнобрывцями, даже тѣ же гирлянды изъ ярко-желтой кукурузы или краснаго перца подъ „стрихами“ надъ окнами, какъ и у насъ на Украинѣ... Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только совсѣмъ новыя села въ родѣ Пошты, или села, бывшія прежде черкесскими или татарскими, а теперь занятыя руснаками, какъ напр. Черкасская Слава и Нижній Дунавецъ. Въ послѣднемъ сразу бросается въ глаза отсутствіе садовъ, желтыя, невыбѣленныя хаты, обращенныя выходомъ прямо на улицу, почти безъ дворовъ и крайне безобразной постройки. Это хаты, оставленныя бывшими здѣсь татарами, вслѣдствіе чего на многихъ изъ этихъ хатъ, пока пустыхъ еще, мы видѣли написанные по стѣнамъ снаружи и извнутри большіе кресты. Вообще же въ Добруджѣ архитектура руснацкихъ хатъ совершенно украинская, болѣе или менѣе новороссійскаго типа, иногда впрочемъ съ привнесеніемъ молдаванской галлерейки или веранды подъ окнами. Окна и двери, а иногда и „присьба“ (завалинка) почти во всякой хатѣ обведены синими или красными полосами, очень часто съ разными „марафетами“, какъ здѣсь говорятъ, т. е. узорами и цвѣтами, ставеньки, гдѣ онѣ есть, тоже почти всегда размалеваны знакомыми украинскими узорами. Новороссійскій или вообще южно-украинскій характеръ хатъ зависитъ, по всей вѣроятности, не столько отъ того, что почти всѣ переселенцы прошли черезъ Новороссію и Бессарабію, но и отъ самаго матеріала постройки, одинаковаго съ бессарабскимъ и вообще степнымъ. Здѣсь почти всѣ безъ исключенія хаты строятся изъ камыша, битой глины или чамура, т. е. кубиковъ, сдѣланныхъ изъ смѣси земли, глины, навоза и соломы и высушенныхъ на солнцѣ. Въ Тульчѣ даже одна изъ руснацкихъ церквей, а именно старая, построена также изъ битой глины и только сверху обшита деревомъ. Въ этихъ способахъ постройки высказывается между прочимъ та замѣчательная рутинность пріемовъ, которая такъ ярко поражаетъ наблюдателя и у насъ въ волынской губ. Въ странѣ, гдѣ лѣса и камня сколько угодно, гдѣ, наконецъ, прочіе жители, какъ напр. въ Добруджѣ татары и турки, дѣлаютъ всѣ свои постройки, даже заборы, исключительно изъ камня, а

крыши изъ черепицы,—наши украинцы упорно держатся своихъ камышевыхъ, земляныхъ и, самое большее, деревянныхъ построекъ. Въ восточной части Добруджи и именно въ дунайской дельтѣ—это еще понятно, такъ какъ тамъ дѣйствительно нѣтъ даже и дерева, но въ западной—это болѣе чѣмъ странно. Съ такимъ же, но только гораздо болѣе раціональнымъ постоянствомъ, добруджскіе руснаки держатся своихъ національныхъ традицій во внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ жилищъ. Войдя въ руснацкую хату, путешественникъ видитъ то же расположеніе ея, какъ и въ Малороссіи, съ тою только разницею, что здѣсь почти всякая хата бываетъ съ „кимнатою“ и обѣ половины хаты—жилыя, тогда какъ у насъ одна половина обыкновенно представляетъ изъ себя „комору“. Затѣмъ убранство хаты, расположеніе мебели, иконъ, полокъ для посуды (мысныкъ), оконъ, печи и т. п.,—то же, что и на Украинѣ. Возлѣ иконъ цѣлыя коллекціи разныхъ рушниковъ, голубковъ, яицъ, душистыхъ растеній и т. п., очень часто разныя картины, заносимыя сюда, такъ какъ и къ намъ, великорусскими офенями, но преимущественно (особенно духовнаго содержанія) кіевской лаврской печати, лавы (скамьи) очень часто покрыты самодѣльными или болгарскими коврами, а въ комнатѣ почти всегда и зеркальцо, драпированное рушникомъ, и занавѣски на окнахъ, и цвѣты, и большая парадная кроватъ, и лавы уже въ родѣ диванчиковъ со спинками и ручками, и даже стулья—такъ, какъ у насъ бываетъ только у зажиточныхъ мѣщанъ, да у сельскаго духовенства. Во всемъ этомъ однако сохраняется строго украинскій колоритъ. Наиболѣе этнографическихъ измѣненій потерпѣлъ у добруджскихъ руснаковъ, кажется, костюмъ. Изъ обыкновеннаго украинскаго костюма, какъ извѣстно болѣе или менѣе однороднаго на всемъ пространствѣ Малороссіи, въ Добруджѣ сохранились въ мужской одеждѣ только черная или чаще сивая шапка, да широкіе шаровары, опущенные въ длинные сапоги—даже вышитая рубашка теперь здѣсь уже рѣдкость. Свитъ въ Добруджѣ теперь уже не носятъ, а сверхъ рубахи обыкновенно надѣвается жилетъ съ рукавами, при чемъ жилетъ дѣлается по большей части синяго цвѣта съ большимъ количествомъ пуговокъ, спина

же и рукава непремѣнно изъ какой нибудь цвѣтной, клѣтчатой фланели. Сверхъ этого жилета носятъ, особенно въ парадныхъ случаяхъ, суконный, обыкновенно тоже синій или коричневый *капаранъ*, нѣчто въ родѣ куртки, носимой также турками и болгарами и называемой у нихъ *антеріэ*. Въ видѣ верхней одежды носятъ здѣсь вмѣсто нашихъ „кобеняковъ"—*чекмени*, похожіе на великорусскіе или татарскіе армяки. „Перше носылы довги свыты з скрыпками иззаду, пидшыти червонымъ сукномъ, а теперъ уже оци чорт-зна яки чекмени пишлы", такъ говорилъ старецъ Коломыецъ. Кромѣ того нужно замѣтить еще, что мужчины носятъ бороды, начиная уже лѣтъ съ 40-ка, а то даже и ранѣе, прическу же сохраняютъ по большей части малороссійскую. Но этотъ костюмъ, несмотря на все его уклоненіе отъ національнаго типа, тѣмъ не менѣе отличителенъ для руснаковъ, такъ какъ великоруссы—липоване сохранили во всей первобытной чистотѣ свой отечественный костюмъ, молокане приняли костюмъ общеевропейскій, болгары же и прочіе одѣваются по своему, ничуть не похоже на руснаковъ. Что же касается женскаго малорусскаго костюма, то онъ почти совершенно исчезъ въ Добруджѣ и замѣнился „нѣмецкимъ", т. е. такимъ, въ какой одѣвается у насъ городская прислуга, и т. п. Главной причиной такого измѣненія была, кажется, прежде всего скитальческая жизнь, заставлявшая носить то, что легче и дешевле было достать, а затѣмъ, можетъ быть, до извѣстной степени желаніе одѣваться „не по мужицки", тѣмъ болѣе, что все остальное женское населеніе Добруджи, исключая липованокъ и отчасти болгарокъ, одѣвается тоже по европейски. Тѣмъ не менѣе своеобразный украинскій вкусъ выражается все таки въ извѣстномъ выборѣ цвѣта и рисунка ситцевъ: тогда какъ турчанки, татарки и отчасти болгарки предпочитаютъ ситцы съ яркимъ крупнымъ рисункомъ, а липованки отличаются страстью къ невыносимо-яркимъ, кричащимъ цвѣтамъ—руснанчки предпочитаютъ довольно скромные ситцы съ мелкимъ цвѣточнымъ узоромъ, по цвѣтному, а чаще по темному фону, точно такіе же, какіе больше всего въ ходу и на Украинѣ. Пища добруджскихъ руснаковъ, сохраняя болѣе или менѣе свой украинскій составъ и порядокъ, отли-

чается гораздо большимъ разнообразіемъ и лучшимъ качествомъ въ зависимости какъ отъ общаго благосостоянія страны, такъ и отъ привнесенія многихъ матеріаловъ, не употребляющихся въ народномъ быту на Украинѣ. Такъ, въ Добруджѣ въ составъ руснацкой пищи входитъ въ большомъ количествѣ и лучшаго качества рыба, между которою главную роль играетъ коропъ, свѣжая селедка, бѣлужина, соленая, а часто и свѣжая даже осетрина и т. п., большое разнообразіе овощей и плодовъ, изъ которыхъ черные баклажаны, разные виды паприки, абрикосы, персики, виноградъ и т. п., у насъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ почти не встрѣчаются. Изъ напитковъ въ довольно большомъ употребленіи чай, а изъ спиртныхъ—больше всего въ ходу мѣстное виноградное вино. Водка употребляется, сравнительно съ виномъ, въ очень небольшомъ количествѣ и хотя руснаки потребляютъ ея больше, чѣмъ прочіе жители Добруджи (за исключеніемъ липованъ), но можно сказать съ увѣренностью, что потребленіе это меньше, чѣмъ гдѣ либо. Извѣстный бытовой ритуалъ и разные обычаи держатся у добруджскихъ руснаковъ, особенно у селянъ „по слободахъ" еще въ достаточной неприкосновенности,—у горожанъ же они начинаютъ понемногу утрачиваться и переходить къ бытовому строю „по господському". Пѣсни, игры, разныя семейныя и общественныя торжества и церемоніи, свадебные обряды—все это устраивается съ соблюденіемъ старыхъ украинскихъ обычаевъ, при чемъ появились, разумѣется, и нѣкоторыя смягченія, вошедшія впрочемъ уже въ обыкновеніе и на Украинѣ. Для сватанья посылаютъ „старостивъ" съ хлѣбомъ, даютъ традиціонныя „рушныкы" и т. п.; „весилья" т. е. свадьбу празднуютъ и три дня, и цѣлую недѣлю, какъ кто можетъ, со всѣми установленными вѣковымъ обычаемъ пѣснями и церемоніями, „якъ усе добре, то добри писни спиваютъ, а якъ недобре—то другіи... а быть не бьютъ и хамута зъ соломы батькамъ не надиваютъ... того вже нема!"... Въ извѣстной степени къ старымъ украинскимъ обычаямъ начали примѣшиваться уже и нѣкоторые мѣстные, позаимствованные отъ прочихъ населяющихъ Добруджу народовъ, но эти обычаи касаются не столько обрядовой стороны жизни, сколько ма-

неръ и нравовъ. Такъ, напр., у руснаковъ, подобно всѣмъ южнымъ народамъ, въ Добруджѣ проснулась потребность жить и особенно веселиться на улицѣ, въ саду, словомъ—на воздухѣ, они рѣдко снимаютъ шапки въ комнатѣ, усвоили себѣ южную манеру выражать отрицаніе кивкомъ головы снизу вверхъ и обратно (что у насъ было бъ понято какъ разъ наоборотъ) съ легкимъ прищелкиваніемъ языкомъ, а утвержденіе—кивкомъ нѣсколько въ бокъ (что у насъ было бы понято за отрицаніе), удивленіе они выражаютъ, какъ и прочіе южане, рядомъ короткихъ прищелкиваній (т. т. т...), а желая кого нибудь позвать, махаютъ рукой не къ себѣ, а *отъ себя*, при питьѣ въ компаніи всегда чокаются стаканами и никогда не пьютъ полнымъ стаканомъ, а всегда наливаютъ вино или водку — все равно—до половины или до $^2/_3$ стакана или рюмки, что у насъ, угощая другихъ, показалось бы неприличнымъ, и т. п. Сапожникъ-подмастерье или калфа въ Тульчѣ (мастеру это ужъ не совсѣмъ прилично), если имѣетъ возможность и желаетъ „гулять", то поступаетъ такъ же совершенно, какъ и всѣ румыны: садится въ извощичій фаэтонъ (кстати сказать, ихъ всего въ Тульчѣ только семь), возлѣ себя сажаетъ одного или двухъ товарищей, а противъ себя на скамеечкѣ двухъ цыганъ со скрипками и въ такомъ видѣ, съ музыкой, медленно ѣдетъ по улицамъ, останавливаясь непремѣнно возлѣ каждаго кабака (т. е. на извѣстныхъ улицахъ чуть ли не возлѣ каждаго дома), изъ котораго обязательный хозяинъ сейчасъ же выноситъ на подносѣ равное числу участвующихъ въ этой процессіи количество стаканчиковъ съ виномъ... всѣ, никогда не исключая ни кучера, ни цыганъ, чокаются, пьютъ и двигаются далѣе. Совсѣмъ иначе, опять, гуляетъ катирлезскій кармашникъ. Получивши деньги по окончаніи дувана, онъ прежде всего наряжается во все новое, затѣмъ отправляется въ кабакъ, захвативши съ собой предварительно фунтъ или два стеариновыхъ свѣчей, садится за отдѣльный столикъ, налѣпливаетъ по краямъ этого столика всѣ свои свѣчи, зажигаетъ ихъ и требуетъ око вина, которое подается тамъ обыкновенно въ кувшинахъ. Наливши стаканъ, онъ отпиваетъ одинъ глотокъ, а остальное выплескиваетъ тутъ же на полъ,

затѣмъ точно также съ слѣдующимъ стаканомъ и т. д. Очень часто это продолжается и съ цѣлыми кувшинчиками, которыхъ, разумѣется, требуется цѣлый рядъ..., а иногда и съ нѣсколькими бутылками поддѣльнаго, конечно, но все таки очень дорогаго хереса, лафита и т. п. Однимъ словомъ, вся прелесть и радость закутившаго кармашника заключается въ одномъ случаѣ въ томъ, чтобы выразить какъ можно больше презрѣнія къ деньгамъ, и эта черта, какъ кажется, у нихъ не подражательная, а составляетъ прямое наслѣдіе отъ запорожцевъ; называется все это „катирлезськи церемоніи". И нужно замѣтить, что все это совершаетъ человѣкъ вовсе не до безчувствія пьяный, а только такъ-- пришедшій въ нѣкоторый веселый задоръ... съ разными, иногда очень остроумными, шутками на счетъ своего собственнаго бурлацкаго положенія, а еще чаще съ очень грустною бурлацкой пѣсней, въ которой главную роль играетъ тяжелая тоска по родинѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ бытовая жизнь украинскихъ переселенцевъ въ ихъ новомъ отечествѣ, среди самаго пестраго смѣшенія разныхъ другихъ народностей. Къ своимъ сосѣдямъ руснаки относятся, по большей части, очень добродушно, хотя, разумѣется, не ко всѣмъ одинаково. Больше всего симпатій обнаруживаютъ руснаки къ туркамъ, татарамъ, грекамъ, румынамъ, западнымъ европейцамъ, русскимъ-молоканамъ, въ особенности же къ славянамъ въ родѣ далматинцевъ, сербовъ и т. п.— меньше всего къ городскимъ болгарамъ, евреямъ и къ липованамъ. Это нерасположеніе къ липованамъ, доходящее даже до ненависти, имѣетъ въ Добруджѣ свое спеціальное, историческое основаніе, заключающееся въ томъ, что до прихода запорожцевъ, устья Дуная и восточная Добруджа были заняты некрасовцами, т. е. бѣглыми донскими козаками, пришедшими туда съ Кубани, и вотъ когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, появились въ дунайской дельтѣ запорожцы, то между ними и некрасовцами, смотрѣвшими на себя уже какъ на хозяевъ мѣстности, неминуемо должны были произойти столкновенія, и дѣйствительно въ началѣ нынѣшняго столѣтія столкновенія эти приняли характеръ постоянной партизанской войны, перешедшей въ настоящій пра-

вильный походъ запорожцевъ, предпринятый подъ предлогомъ наказанія некрасовцевъ за убійство одного изъ козаковъ, но въ сущности для того, чтобы завладѣть Дунавцемъ, т. е. всею вдающеюся въ дельту восточной оконечностью Добруджи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страшной взаимной рѣзни [1]), некрасовцы, какъ извѣстно читателю, были окончательно вытѣснены изъ этой части Добруджи, а турецкое правительство, для прекращенія этой безконечной бойни, должно было перевесть ихъ въ Майносъ на берегу Малой Азіи. Тѣмъ не менѣе извѣстная часть некрасовцевъ осталась на западномъ берегу лимана Разина и въ бабадагскихъ горахъ въ долинѣ р. Славы, впослѣдствіи же къ нимъ постепенно присоединялись бѣжавшіе изъ Россіи старообрядцы, но уже не козаки, а уходившіе отъ религіозныхъ преслѣдованій старообрядцы „филиппоны", или по мѣстному—„липоване". Понятно, что это позднѣйшее наслоеніе, связанное съ некрасовцами единствомъ религіозныхъ воззрѣній, унаслѣдовало отъ нихъ вражду къ запорожцамъ, а запорожцы съ своей стороны передали свою ненависть къ липованамъ своимъ наслѣдникамъ въ Добруджѣ, позднѣйшимъ украинскимъ переселенцамъ. Чрезъ большой уже промежутокъ времени, послѣ войнъ съ некрасовцами, далеко даже послѣ того, какъ перестала существовать задунайская Сѣчь, передъ крымской войной, на Дунавцѣ противъ нынѣшней слободы Нижняго Дунавца „тамъ де гардъ забывають на Дунавци", по разсказамъ Остапа Дончука, въ урочищѣ Калиновомъ Кутѣ была хата, въ которой жилъ старый запорожецъ Завадській съ своимъ сыномъ Кондратомъ. „Воны охотнычалы—звира тоди сыла була,— и лыпованъ ризалы... усе по старому, бачыте, піймають було та й зарижуть"... Старикъ умеръ, а Кондрата „взялы москали за те, що лыпованъ воны ризалы,—якъ одвелы у Россію, то бильше й не чуть було". Вмѣстѣ съ охотничьимъ и рыболовнымъ существованіемъ, эту старинную вражду къ липованамъ поддерживали, особенно сначала, какъ мы говорили, и позднѣйшіе пришельцы изъ Украины, главнымъ образомъ такъ называемая „сиромашня". Тотъ же Остапъ разсказываетъ, что въ Муругилѣ

---

[1]) Задунайская сѣчь 31—39.

лѣтъ около десяти-пятнадцати тому назадъ, жилъ одинъ „невелыкый, такъ—непоказный соби чоловичокъ,—то було якъ зійдуться, то й каже: „я, каже, не багацько (не много) лыпованъ вырizавъ—тильки девьятнадцятеро, а ще маю одного заризаты—до двадцяты... Та й добре ихъ ризать: узявъ за бороду, голову одигнувъ назадъ та й чыкнувъ...“ Понятно, что липоване съ своей стороны не упускали случая „зарѣзать хохла“, и эта взаимная вражда, утратившая, конечно, въ настоящее время свой прежній кровавый характеръ (единичные случаи бываютъ, разумѣется, и теперь, особенно со стороны липованъ, и то, впрочемъ, больше съ цѣлью грабежа, вслѣдствіе чего, напр., въ долину р. Славы руснакъ особенно ночью и теперь одинъ не поѣдетъ) сохраняется все таки въ видѣ взаимнаго отчужденія, разнаго рода остротъ, насмѣшекъ и т. п. Этому содѣйствуетъ въ значительной степени также религіозный фанатизмъ липованъ, не только не допускающій браковъ съ иновѣрцами, но заставляющій липованъ, особенно безпоповцевъ, даже не ѣсть и не пить изъ одной посуды съ людьми другой вѣры, хотя бы и христіанами и т. п. Тотъ же религіозный фанатизмъ создалъ у липованъ своего роди условную нравственность, прощающую послѣ очистительной молитвы самыя страшныя преступленія и безпощадно карающую малѣйшее отступленіе отъ освященныхъ временемъ раскольничьихъ формъ и обрядовъ. Эта особенность, вмѣстѣ съ крайне узкимъ міровоззрѣніемъ, грубостью нравовъ и какимъ то фанатическимъ обскурантизмомъ, отталкиваютъ отъ липованъ не только украинцевъ, но и людей прочихъ національностей.

Доказательствомъ того, что, кромѣ извѣстныхъ уже читателю историческихъ основаній, причина всей этой вражды не заключается въ національной нетерпимости руснаковъ, служитъ то, что въ отношеніяхъ руснаковъ къ прочимъ народамъ и въ особенности къ молоканамъ не замѣчается рѣшительно ничего подобнаго. Въ 1851 г. во время рождественскихъ праздниковъ, въ г. Тульчѣ произошло довольно серьезное столкновеніе руснаковъ съ греками, но это столкновеніе имѣло характеръ чисто случайный и никакъ не можетъ быть объясняемо какой нибудь

національной враждой. Въ этомъ году въ Тульчѣ зимовало больше сотни греческихъ судовъ и, слѣдовательно, было очень много матросовъ-грековъ. Однажды, по какому то случаю, руснаки танцовали возлѣ дома одного своего земляка Андрея Довгополенка, при этомъ въ числѣ зрителей было много грековъ и одинъ изъ нихъ вздумалъ поцѣловать какую то руснацкую дѣвушку. Кто то его за это ударилъ, началась драка съ одной стороны ножами, съ другой—дубинами, натасканными изъ лежавшихъ вблизи дровъ, и въ результатѣ оказалось около 20 чел. убитыхъ, по разсказу молоканскаго настоятеля Ив. Ив. Ѳедорова, все грековъ, такъ какъ у руснаковъ былъ одинъ человѣкъ Андрей Охременко, „хохолъ такой—такъ онъ зналъ *гартовать*, т. е. отъ ножа людей заговаривать, вотъ онъ своихъ то и загартовалъ... а его самого привели въ конакъ—такъ на немъ ни одной раны нѣтъ—синяки только, а шубенка на немъ вся изрѣзана“... Извѣстнаго рода нерасположеніе руснаковъ къ болгарамъ и евреямъ, раздѣляемое впрочемъ всѣми народами, живущими въ Добруджѣ, зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ экономической роли, вполнѣ аналогичной съ такою же ролью евреевъ въ Россіи, при чемъ нужно замѣтить, что роль эта въ Добруджѣ въ значительной степени раздѣляется и липованами, особенно въ отношеніи рыбнаго промысла и торговли рыбою. Что же касается прочихъ народовъ, то, какъ мы сказали выше, отношенія между ними и руснаками отличаются полнымъ добродушіемъ и сосѣдской обязательностью. Да не удивитъ, между прочимъ, читателя и то, что, говоря о народахъ, къ которымъ руснаки относятся съ особенной симпатіей, мы назвали прежде всего турокъ.

„Жылы мы у турка, якъ горобци у стриси!...“ (какъ воробьи въ соломенной крышѣ), говорилъ намъ со вздохомъ не разъ уже нами упомянутый Остапъ Дончукъ. „Турокъ честный человѣкъ“, отвѣчалъ одинъ старикъ старообрядецъ на вопросъ о турецкихъ притѣсненіяхъ, „хоть и не въ нашего Бога вѣруетъ... обиды никакой отъ него не было... десятину свою возьметъ, а

больше пальцемъ не тронетъ... Вотъ развѣ на счетъ женскаго пола—ну, бывало! да и то вѣдь не турокъ, а черкесъ..." Какъ оказалось изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, причина этого сожалѣнія о турецкомъ режимѣ заключается прежде всего въ томъ, что при туркахъ и налоговъ было меньше и, главное, податная система была несравненно выгоднѣе для плательщиковъ, чѣмъ теперь. „Знаешь себѣ одну десятину, говорилъ намъ тотъ же старообрядецъ, да и ничего больше: много уродило и отдашь больше, меньше уродило и платить меньше, ничего не уродитъ—ничего и не платишь!... А теперь при румынахъ другой разговоръ, сколько тебѣ тамъ ни уродитъ, хоть и совсѣмъ ничего Богъ не дастъ, а плати каждый годъ одинаково"... „Добре було", говоритъ старый Остапъ,—„хто бъ не прыйшов не записавсь—жывы!... Давъ 30 левъ—якъ ще давъ, бо винъ тамъ по регистрахъ не шукае—та й живи соби, нихто тебе й не займе (не тронетъ). Стрине, було зборщыкъ: Ты дававъ *гарачъ?* (подать)—Ни!—„Давай 15 левъ! Тутъ тоби на сидли напысавъ, давъ тоби, тай годи. А якъ утечешъ, то й такъ пропаде! Оце бижять було хлопци зъ базару: Вы, дядьку, куды?--На базаръ!... Не ходить... тамъ за гарачъ ловлять! Тильки жъ на базари, а у хату не пійде!"... Этотъ разсказъ Остапа относится, конечно, къ десятинѣ и къ личной подати, т. е., лучше сказать, ежегодной платѣ, взымавшейся въ Турціи съ немагометанъ, вмѣсто отбытія воинской повинности. Другая причина сожалѣнія о туркахъ—это ихъ полная вѣротерпимость, допускавшая всѣ секты и вѣры и публичное отправленіе богослуженія для всѣхъ, о чемъ мы будемъ говорить еще далѣе.

Для всякаго, не бывавшаго на Балканскомъ полуостровѣ и знакомаго съ тамошними международными отношеніями только по газетнымъ статьямъ времени минувшей войны,—это можетъ показаться очень страннымъ и даже неправдоподобнымъ; но мы ссылаемся на всѣхъ, кто хоть разъ въ жизни бывалъ за Дунаемъ, что турки не только со стороны руснаковъ, но и со стороны всѣхъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, населяющихъ

Европейскую Турцію,—единогласно и единодушно признаются народомъ въ высшей степени симпатичнымъ, добрымъ, безукоризненно честнымъ и справедливымъ. Путешественникъ въ первые же дни своего прибытія въ Добруджу обыкновенно изумляется тѣмъ замѣчательнымъ единодушнымъ сожалѣніемъ, съ которымъ всѣ „освобожденные отъ турецкаго ига“ жители Добруджи: и болгары, и греки, и русскіе всевозможныхъ сектъ, и руснаки, вспоминали о турецкомъ господствѣ. „При туркѣ было гораздо лучше“, слышали мы со всѣхъ сторонъ.

Лупулеску.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Бѣлая Панна.[1]

(изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта).

(*Окончаніе*).

ГЛАВА V.

На волѣ.

Я уже сказалъ раньше, что я росъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ трехъ стариковъ, что, очень можетъ быть, и сдѣлало меня скрытнымъ, сосредоточеннымъ и мечтательнымъ ребенкомъ... У дѣда было много хлопотъ и всякихъ дѣлъ,—Панасъ вѣчно сопѣлъ люлькой на печи, Горпына шныряла по хозяйству, такъ что волей неволей мнѣ приходилось быть всегда одному и самому забавлять себя съ утра до ночи по своему вкусу... Я полюбилъ бродяжить, полюбилъ грезить,—но всего этого было для меня, конечно, мало... Дѣтская душа, вообще не выносящая одиночества, способна одухотворить камень, чтобы замѣнить себѣ недостающаго живаго сверстника, живую душу,— но камень ея не удовлетворитъ, ибо не угаситъ вѣчно живой потребности въ любви... Камень, мертвый камень не можетъ стать объектомъ любви, какъ бы болѣзненно ни было развито воображеніе ребенка... Для этой страстной жажды непремѣнно нужно что нибудь живое, имѣющее свои дѣйствительныя потребности, свое живое „я", будь оно хоть червякъ, птица—все равно... Такимъ образомъ я полюбилъ собаку...

---

[1]) „Кіевская Старина", 1889 г., январь.

Моя первая любовь, страшный Разбой былъ скорѣе лютый звѣрь, чѣмъ домашняя собака... Цѣпь ли, на которой онъ былъ прикованъ съ дѣтства, сдѣлала его такимъ лютымъ, вѣчное ли одиночество,—или ужъ природа его была такова,—не знаю,—но его трепетали всѣ кромѣ дѣда и Панаса,—вся Пустынька... Я кормилъ его часто издали, но не гладилъ, не подходилъ даже близко по настоянію дѣда,—хотя песъ никогда не глядѣлъ на меня злобно... Можетъ быть въ моихъ глазахъ онъ читалъ свою грусть, тоску, свое одиночество и свое же, можетъ быть, несознанное стремленіе къ ласкѣ и потребность хоть чьей нибудь дружбы,—по крайней мѣрѣ онъ никогда не рычалъ на меня одного... Я побаивался его, жалѣлъ, а можетъ быть и онъ меня жалѣлъ или считалъ слишкомъ ничтожнымъ для своей злобы...

Это страшилище срывалось иногда съ цѣпи, приводя всѣхъ въ испугъ и смятеніе... Разъ онъ сорвался и долго пропадалъ безъ вѣсти, такъ что его сочли пропавшимъ... Гдѣ онъ бѣгалъ, что дѣлалъ,—не зналъ никто и его будка, похожая на домикъ, стояла пустою... Въ жаркій день я игралъ на дворѣ и видъ пустой будки и темнота въ ней соблазнили меня;—я влѣзъ въ будку, задумавъ превратить ее себѣ въ домикъ... Безпечно игралъ я въ ней камнями и прочей мелочью, которыми всегда были набиты мои карманы, какъ вдругъ мой взглядъ встрѣтился со взглядомъ страшнаго звѣря...

Онъ прибѣжалъ и неожиданно стоялъ у самаго входа въ будку, слегка всунувъ въ нее свою огромную морду... Пасть его была открыта отъ жары, красный языкъ высунулся, громадные бѣлые клыки сверкали и страшные глаза глядѣли на меня не моргая какимъ то удивленнымъ взглядомъ... Что прочелъ онъ въ моемъ застывшемъ взорѣ, не знаю,—но онъ вдругъ сталъ обнюхивать мое лицо и двинулся лапами въ будку. Я сидѣлъ неподвижно, не дыша, не спуская глазъ съ собаки, пока она вдругъ не лизнула мою руку... Тогда я его погладилъ и звѣрь завизжалъ и завилялъ хвостомъ... Я погладилъ его смѣлѣе, онъ влѣзъ, весело визжа, въ будку и сталъ лизать меня всего.

Горпына какъ то случайно заглянула въ будку, всплеснула руками и, какъ сама говорила, „окаменѣла на мѣстѣ“. Я спо-

койно спалъ, положивъ свою голову на рядомъ свернувшагося звѣря...

— Пресвята Богородыця! Панычыку! Що вы тутъ робыте!?— разбудилъ меня ея испуганный визгъ. Но собака грозно зарычала ей въ отвѣтъ... Она уже полюбила меня беззавѣтно и ревновала ко всему на свѣтѣ... Такъ завязалась эта дружба звѣря и ребенка, сдѣлавшая громадный переворотъ въ жизни того и другаго... И звѣрь, и я,—мы уже не были одиноки, намъ обоимъ не приходилось уже только грезить,—ему на цѣпи, мнѣ на волѣ, не нужно было все таить только про себя, мы могли все дѣлить между собою... И мы дѣйствительно дѣлили другъ съ другомъ все, что могли и умѣли. Даже думы наши мы дѣлили, мы ей Богу, кажется, вполнѣ понимали другъ друга... Когда, казалось, я читалъ въ его темныхъ глазахъ безумную жажду воли,—я тихонько спускалъ его съ цѣпи, а когда звѣрь въ свою очередь замѣчалъ мой нахмуренный взглядъ, устремленный на замокъ, онъ грозно рычалъ и глаза его наливались кровью. Казалось, онъ грозилъ ему вмѣстѣ со мною!...

Но въ нашей любви другъ къ другу была большая разница,—одна совсѣмъ не походила на другую... Звѣрь любилъ беззавѣтно, преданно—рабски любилъ, а я точно больше позволялъ ему себя любить, гордился преданностью и любовью этого общаго страшилища, чѣмъ дѣйствительно любилъ... Впрочемъ, люди вообще, кажется, отвѣчаютъ именно такъ на беззавѣтную, рабскую любовь. Я былъ всевластный господинъ надъ нимъ,— онъ только преданный беззавѣтно рабъ... Я только требовалъ, приказывалъ, лишь снисходя къ его интересамъ, онъ только исполнялъ, подчинялся и всѣмъ поступался для меня... Я могъ съ нимъ дѣлать, что хотѣлъ, дразнить, мучить, онъ трепеталъ даже дохнуть на меня сильно... Кто любилъ чище и лучше,— звѣрь или человѣкъ, я не хочу разбирать,—но думаю, что многія жесткія стороны характера послѣдняго,—острое самолюбіе и деспотическая жилка,—если не зародились въ этой любви, то много обязаны именно ей.

Разбой спасъ меня въ самую критическую минуту моей жизни, имѣвшую, какъ увидитъ читатель ниже, большія послѣдствія.

Это случилось, когда дѣдъ однажды уѣхалъ на долго по дѣламъ все того же процесса въ городъ, а вмѣсто него завѣдывать домомъ и хозяйствомъ пріѣхала въ Пустыньку тетка генеральша съ сыномъ Валентиномъ. Я не любилъ чопорную, сухую, завистливую тетку да и она, кажется, платила мнѣ тѣмъ же... Злые языки, между прочимъ и Горпыны, увѣряли даже, что она бы и не прочь была „извести“ меня, лишь бы Пустынька досталась ея долговязому ротозѣю, два года подъ рядъ не сумѣвшему совладать съ экзаменомъ во второй классъ, несмотря на всѣхъ своихъ гувернеровъ... Впрочемъ, въ душѣ онъ былъ добрый мальчикъ,—только страшно испорченный,—хвастунъ, лгунъ и къ тому же плакса. Онъ дразнилъ меня съ утра до вечера „мазепой“, смѣялся надъ моими манерами, незнаніемъ городскихъ обычаевъ, деревенскимъ костюмомъ и доводилъ до того, что я блѣднѣлъ и задыхался отъ бѣшенства... Поощреніе онъ встрѣчалъ у тетки, тоже всегда зло подсмѣивавшейся надъ „деревенскимъ дикаремъ“, какъ она меня звала открыто. Тетка была сестрой моего отца, вдовой предсѣдателя какой то палаты, имѣла свой домъ въ городѣ, хорошій пенсіонъ, круглый капиталецъ, скопленный покойнымъ мужемъ „на службѣ“, и особенно любила „бонтонность“.—Изъ за нея она заставила своего мужа перемѣнить фамилію Онысковець на „Онисковцевъ“, что сильно смѣшило дѣда... Дѣдъ тоже сильно не долюбливалъ ее, но деликатность и гостепріимство были до того сильно развиты у него, что съ ея пріѣздомъ онъ всецѣло уступалъ ей главенство въ домѣ... И тетка мучила насъ всѣхъ, начиная съ дѣда и кончая Горпыной...

Разъ Валентинъ довелъ меня своими насмѣшками до того, что я просто очумѣлъ отъ злобы и, не въ силахъ будучи сдерживаться дольше, хотѣлъ убѣжать... Но онъ заградилъ мнѣ дверь и продолжалъ травить подъ хохотъ генеральши... Самъ не знаю какъ, совсѣмъ потерявъ голову,—я сильно ударилъ его тогда кулакомъ и ударъ пришелся по несчастью прямо въ носъ... Кровь заструилась у него по лицу и онъ взревѣлъ...

— Розогъ!—крикнула громко генеральша, задрожавъ отъ гнѣва и поблѣднѣвъ, какъ полотно.

То было въ первый разъ еще, что мое ухо услыхало это позорное слово, и я тоже весь задрожалъ... Помню, что ноги у меня подкосились, я съ трудомъ удержался, голова закружилась и я какъ то странно, по овечьи, закружился на мѣстѣ, теребя полы растерянно двигавшимися руками. Я задыхался и отъ неостывшей еще злобы, и отъ новой обиды, которая, казалось, подступая все выше и выше, сжимала горло, туманила голову и заливала блѣдныя щеки жгучимъ румянцемъ невыразимаго стыда... Позорное слово все звенѣло и звенѣло въ моихъ ушахъ и я способенъ былъ броситься отъ него въ пропасть внизъ головою и въ то же время броситься, какъ звѣрекъ, на тетку и кусать ее, и царапать въ изступленьи... Грудь моя высоко вздымалась...

— Не смѣешь!—выпалилъ я внѣ себя,—все больше охватываемый стыдомъ и злобою,—не смѣешь!—и топнулъ ногою.

— Не смѣю?! Несите скорѣе розгу!...

Въ глазахъ у меня какъ будто помутилось... Я взглянулъ на саблю, самъ не сознавая, что бы такое я сдѣлалъ съ нею, но гетманская сабля висѣла высоко... Я былъ одинъ, безпомощенъ, разъяренный, покинутый всѣми, неспособный защитить себя отъ позора... Дѣдъ!?—его не было... Панасъ!?—онъ кряхтѣлъ безсильно на печи... Горпына!?—она только страстно рыдала въ кухнѣ за своего любимца!... Никого... я одинъ!... а въ это время генеральшинъ кучеръ вносилъ позорную розгу...

Нѣтъ,—я не одинъ! У меня есть вѣрный, преданный другъ, который не дастъ меня въ обиду!... Въ этотъ роковой моментъ я вдругъ вспомнилъ о страшномъ, прикованномъ Разбоѣ,—вспомнилъ и, самъ не помню какъ, бросился въ открытое окно, разбивъ дорогую, любимую дѣдовскую вазу.

— Разбой!... Разбой!... Разбой!...

Понялъ ли вѣрный, любящій песъ, мирно дремавшій въ своей будкѣ, этотъ отчаянный вопль мчавшагося къ нему ребенка, понялъ ли онъ, что его любимцу, его властелину грозила бѣда,—не знаю,—но я слышалъ какъ страшно загрохотала тяжелая желѣзная цѣпь, какъ дрогнулъ воздухъ яростнымъ ревомъ.—Я увидѣлъ могучій прыжокъ, какимъ прикованный звѣрь взвился высоко и отъ котораго глухо застонала стѣна сарая,

къ которой былъ онъ прикованъ... Я все бѣжалъ къ нему, звалъ и молилъ,—а онъ бѣшено метался на своей цѣпи, бѣшено ревѣлъ и въ его ревѣ я, кажется, слышалъ глухое рыданье на свое безсилье... Да, звѣрь рыдалъ!—но въ этомъ рыданьи слышалась угроза, отъ которой могло замереть самое храброе сердце!...

Меня, наконецъ, схватили сзади... Чья то сильная рука налегла на мое плечо,—и я пошатнулся... Ноги мои подкосились, я пересталъ дышать, упалъ и помню только, что въ этотъ моментъ что то страшно загрохотало, что то дрогнуло кругомъ, лопнуло съ визгомъ и что то мохнатое съ ужаснымъ ревомъ коснулось моего лица...

Когда я очнулся, пришелъ въ себя,—я лежалъ на травѣ, а Разбой съ обрывкомъ цѣпи на шеѣ лизалъ мнѣ лицо, визжалъ и поднималъ голову мордой... Вдали виднѣлись испуганные генеральша съ сыномъ, конюхъ, Горпына, даже Панасъ, слѣзшій вдругъ съ печи, не смѣя сдѣлать и шага... Страшный звѣрь не пускалъ ихъ и самъ приводилъ меня въ чувство...

Тогда же я рѣшилъ бѣжать, несмотря ни на что, несмотря на заигрыванье испугавшейся тетки, на ласки любящей Горпыны... Бѣжать во что бы то ни стало отъ роднаго порога, отъ родной хаты, въ которой текли до сихъ поръ мирно мои дѣтскіе годы, а теперь вдругъ преслѣдовали меня и гнали нелюбимые люди, гдѣ въ воздухѣ все еще, кажется, звучало, какъ бы застывъ въ немъ, ужасное, позорное слово... Я еще не остылъ отъ стыда и обиды, мое сердце еще пылало мщеньемъ,—а отомстить, казалось, я могъ лучше всего побѣгомъ... Мнѣ осмѣлились грозить розгой?! Дѣдъ оставилъ меня на муки этимъ людямъ?! Никто не хотѣлъ прійдти мнѣ на помощь, кромѣ Разбоя?! Хорошо же! Пусть меня ищутъ, пусть плачутъ обо мнѣ!... Я не хочу, чтобы меня били... Я уйду съ своимъ Разбоемъ,—уйду далеко... далеко... вонъ туда,—за высокіе холмы и... и...—не вернусь!... Развѣ дѣдъ пошлетъ за мною!...

Я прокрался тихо въ кабинетъ дѣда и, обливаясь горячими слезами, невозможными каракулями, хотя, казалось, очень трогательно, — написалъ ему послѣднее прости и описалъ свои муки... Тамъ, въ кабинетѣ, моя рѣшимость какъ бы дрогнула,

но я совладалъ съ собою, утеръ слезы и пробрался въ кухню, гдѣ незамѣтно стащилъ хлѣбъ, щепоть соли и кусокъ сала... Затѣмъ я пошелъ къ Разбою и спустилъ его съ цѣпи...

Мы выбрались вдвоемъ далеко, далеко за предѣлы деревни... Пустынька исчезла и только высокія верхушки тополей, выдѣляясь на яркой синевѣ неба, напоминали мнѣ родное пепелище... Но я не думалъ о немъ, нѣтъ,—я, какъ и мой вѣрный песъ, всецѣло упивался свободой!,..

Да, свободой! — Надъ нами разстилалось безграничное, чистое небо, а впереди кругомъ зеленѣли широкія нивы... Никого не было, кромѣ насъ, вокругъ,—только жаворонокъ кружился съ пѣсней, гдѣ то щебетали маленькія пташки да въ зеленой травѣ стрекотали кузнечики несмолкавшимъ хоромъ... Угрюмый звѣрь забылъ свою цѣпную скуку и какъ маленькій щенокъ катался по травѣ, визжа отъ восторга и смотря на меня свѣтлыми глазами... Онъ чуялъ и цѣнилъ свою волю...

И я ее чуялъ,—и я упивался ею!... Безграничное небо и зеленыя нивы я видалъ часто,—но только видѣлъ, а не сливался съ ними... У меня всегда были своя хата, постель, свой уголъ, своя семья,—теперь у меня никого и ничего не было кромѣ неба, нивы, малыхъ пташекъ!... Я былъ теперь ихъ, а они моими!... И я почувствовалъ вдругъ, какъ распахнулось широко мое сердце и оттуда хлынула потокомъ свѣтлая любовь и къ небу, и къ нивѣ, каждой былинкѣ, ко всему, что тонуло далеко, далеко въ голубой дали горизонта, подъ сверкавшими лучами жаркаго солнца...

Да, я почуялъ, что я люблю все...—все... И эту травку, и этого жука, что копошится подъ нею,—и малую пташку, что робко щебечетъ, запрятавшись въ вѣчномъ страхѣ, и хлопотунью пчелу, что жужжа торопится мимо... Все, все люблю! Этой любви я не зналъ, не чуялъ, не подозрѣвалъ даже раньше и теперь она охватила меня какимъ то непередаваемо полнымъ восторгомъ и нѣгой... Точно пелена, вѣчно застилавшая мнѣ свѣтъ, упала съ моихъ глазъ,—точно грудь моя стала дышать вдвое сильнѣе... Помню, — я былъ безгранично счастливъ...

И я сталъ щебетать вмѣстѣ съ пташкой, перекликаться съ кузнечикомъ, жужжать съ пролетавшей пчелою... На все, на каждый звукъ я откликался весь, всѣмъ сердцемъ, всей душой,—какъ братъ всего того, что жило въ этомъ просторѣ... И все оно, казалось, откликалось и мнѣ, дыша веселымъ привѣтомъ... Я даже визжалъ, какъ Разбой, и къ его невыразимому восторгу сталъ кататься вмѣстѣ съ нимъ на зеленой травѣ...

— Разбой,—давай завтракать!

Мы позавтракали и пошли дальше... Играя, мы шли долго, сами не зная, куда мы идемъ и гдѣ мы... Наконецъ, мы очутились у какой то плотины, на которой стояла запряженная карета. Возлѣ кареты, что то чиня, суетились люди, а немного поодаль, ближе ко мнѣ, стояли двѣ пани. Я взглянулъ и обмеръ...

Такой дивной красоты я еще не видѣлъ... Мнѣ показалось, что прямо противъ меня стоитъ Божій ангелъ съ распущенными по плечамъ свѣтлыми волосами, съ цвѣтами на высокой груди, и смотритъ на меня своими чудными, нетлѣнными очами... Я вытаращилъ глаза и боялся шевельнуться, несмотря на свѣтлую улыбку, свѣтившуюся мнѣ на устахъ и во взорѣ... И Разбой стоялъ возлѣ, точно околдованный вмѣстѣ со мною...

— Тетя,—посмотри, что за прелестный мальчикъ!

Другая пани, старуха, обернулась и окинула меня сквозь очки взглядомъ. Это привело меня въ себя,—околдовавшія чары, казалось, разлетѣлись.

— Ты откуда, мальчикъ? спросила она.

Я замялся. Кто и откуда былъ я,—когда теперь у меня не было уже дома? Тѣмъ не менѣе уста сами собой какъ то прошептали обычное;

— Я изъ Пустыньки:

— А?! засмѣялась звонко прелестная панна,—это не ты ли побилъ моего брата?

Я сконфузился и покраснѣлъ отъ стыда... Да, отъ стыда! Мнѣ дѣйствительно стало стыдно, что я побилъ *ея* брата.

— Я!—прошептали глухо мои уста.

— Ты, говорятъ, очень не любишь поляковъ?—все также смѣялась панна.

— Да! отвѣтилъ я, низко опуская голову.

— И меня не любишь?

Этотъ вопросъ ошеломилъ меня,—я не зналъ, что отвѣтить... Я чувствовалъ только, что мои нелживыя уста не выговорятъ да,—и покраснѣлъ еще больше.

— Ну, что же?

Но я молчалъ, все краснѣя и краснѣя...

— Подойди ко мнѣ,—не бойся!

— Я ничего не боюсь!—отвѣтилъ я, какъ бы задѣтый,—и подошелъ къ ней вплотную.

— О, ты такой храбрый!? Ты не боишься и лѣса?

— Лѣса!!

Она попала въ самую слабую точку,—я только его и боялся! Меня пугали его мракъ, его таинственная глубина,—въ лѣсу я никогда не бывалъ одинъ... Мнѣ стало невыразимо стыдно и я поклялся въ душѣ побороть свой страхъ...

— Я и его не буду бояться!—глухо отвѣтилъ я ей.

Но она не разобрала или не разслышала скрытаго смысла моего отвѣта и положила свои чудныя руки мнѣ на плечи.

— А я люблю тебя, мальчикъ,—говорила она, все смѣясь,—люблю, хоть я и полячка, а ты завзятый украинецъ...

И она звонко поцѣловала меня въ губы.

— Вотъ тебѣ на память отъ польки! она бросила мнѣ, отколовъ отъ груди, бѣлую розу.

Карета давно умчалась съ тучей поднятой сѣрой пыли, а въ моихъ ушахъ все еще звенѣлъ этотъ звонкій дѣвичій смѣхъ и на губахъ горѣлъ жаркій поцѣлуй, какъ горѣла въ рукахъ бѣлая роза.—Я стоялъ неподвижно, жадно смотря въ даль за умчавшейся каретой, готовый, казалось, броситься вслѣдъ за нею... Да, броситься за нею, чтобы разсказать чудной паннѣ, за что я не любилъ ляховъ, за что я побилъ ея брата... Мнѣ точно оправдаться хотѣлось предъ нею, точно снять съ себя что то и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать ей... сказать... я не сознавалъ, казалось, что именно хотѣлъ я сказать ей,—но я чувствовалъ, что и ея слова, и ея поцѣлуй пронизали точно огнемъ все мое я,—все затуманили, спутали и затеплили въ

душѣ что то совсѣмъ новое, теплое и невыразимо сладкое... Еще немного,—и очень можетъ быть, самъ не зная почему, я бы вдругъ заплакалъ,—но меня привелъ въ себя Разбой; удивленный моимъ столбнякомъ, онъ ткнулъ меня мордой.

— Пойдемъ, Разбой!

Я вспомнилъ снова все и мою клятву не бояться лѣса... Я повернулъ назадъ, къ нему, темной дугой огибавшему Пустыньку... Тамъ навѣрное не найдетъ меня теткина погоня...

ГЛАВА VI.

Лѣсъ.

Когда мы подошли къ опушкѣ, было далеко за полдень... Дремучій лѣсъ, казалось, спалъ и громадные мшистые дубы стояли неподвижно и молча, широко распластавъ свои вѣтви, точно крылья въ застывшемъ отъ зноя воздухѣ. Въ немъ, за стволами, подъ непроглядною зеленою кущей царилъ, казалось, безпросвѣтный мракъ, но на опушкѣ, между порослей и невысокими кустами, на зеленыхъ прогалинахъ, пестрѣвшихъ яркими цвѣтами дикаго мака и золотоцвѣта, бѣлой кашкой и всевозможныхъ цвѣтовъ колокольчиками, всецѣло властвовало еще горячее солнце. Тутъ кишѣла еще жизнь:—перелетала, щебеча мелкая пташка, прыгалъ стрекотунъ кузнечикъ, шумно гудѣлъ круглый шмель, да тихо звенѣла почти невидимая мошка. Въ лѣсу же было тихо, совсѣмъ тихо! Только гдѣ то сбоку и ближе къ опушкѣ лѣса тоскливо ныла горлица, точно баюкая и навѣвая дрему, да временами звонко разсыпался въ тишинѣ, разя холодомъ, зловѣщій пискливый хохотъ хищнаго кобчика. Глухо и мѣрно, точно маятникъ, стучалъ еще невидимый дятелъ.

Свѣтлая опушка пріободрила меня, а влажный и густой ароматъ лѣса, точно волной, пахнувшей изъ него, потянулъ, казалось, къ себѣ. Я прошелъ, наконецъ, опушку, зашелъ за стволы и остановился въ тревогѣ и недоумѣньи. Страшный, непроницаемый мракъ, который такъ пугалъ меня всегда издали и начинался, казалось, сейчасъ за стволами, ушелъ дальше въ глубину. Я двинулся впередъ, мракъ ушелъ еще дальше, онъ

точно манилъ меня! Что то враждебное, казалось мнѣ, крылось въ этомъ заманиваньи и я громко крикнулъ, чтобы вызовомъ скорѣе разрѣшить свою тревогу и пріободрить оробѣвшее сердце. Мой крикъ пронесся гулко, протяжно и точно потонулъ въ этомъ уходившемъ густомъ мракѣ. Все оставалось также неподвижно, также тихо, только птица какая то сорвалась и тяжело захлопала крыльями. Спокойный Разбой посмотрѣлъ на меня удивленными глазами, я прижался къ нему ближе и пошелъ смѣлѣе. Мой вызовъ очевидно не былъ принятъ! И мракъ все отступалъ и отступалъ. Иногда съ Разбоемъ мы попадали даже въ цѣлый потокъ горячаго свѣта, который, врываясь густыми волнами сквозь просвѣты въ зеленой пущѣ, падалъ яркими озерами на зеленую мураву, трепеталъ въ зеленыхъ листьяхъ и сверкалъ на угрюмыхъ стволахъ. Сюда сейчасъ же врывалась и жизнь вмѣстѣ съ золотыми лучами, здѣсь прыгало, кружилось, гудѣло, звенѣло все, что было разбужено свѣтомъ. Я самъ набирался здѣсь мужества и все дальше, все смѣлѣе пробирался между стволами сквозь густую чащу молодой поросли, сплетенной дикимъ хмѣлемъ и тонкимъ вьюнцомъ.

Гдѣ же страхи?!

Если они и были, то, конечно, отступали все дальше и дальше въ глубь вмѣстѣ съ мракомъ, потому что на мнѣ былъ крестъ, а Разбой былъ „марчукъ“ [1]), котораго боится и волкъ и нечистая сила. О, насъ никто и ничто не тронетъ, пусть только попробуетъ! Я знаю заклинанья, которымъ научилъ меня Панасъ, а Разбой задастъ такую трепку, что и тошно станетъ! Правда, Разбой!? Я даже запѣлъ знаменитую старую пѣсню,— какъ смѣлый вызовъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ тонъ мой становился заносчивѣе и смѣлѣе... „Гей, кто въ лиси,—отзовыся“ кричалъ я все громче и громче, но никто не отзывался. Еще бы,—попробуй только!

Тѣмъ не менѣе разъ, когда мои шаги вспугнули тяжело взлетавшую сову, мое сердце забилось такъ скоро, что я чуть не замеръ на мѣстѣ...

[1]) „Марчукъ“—собака, рожденная въ мартѣ. Народное повѣрье.

Куда же я шелъ?! Я пробирался къ той свѣтлой зеленой прогалинѣ съ отдѣльными группами развѣсистыхъ дубовъ, которую видѣлъ на изображеніи святаго схимника, которая издавна манила меня своимъ чистымъ миромъ, покоемъ и поэтической красотой и которая несомнѣнно должна быть въ лѣсу... Если есть тамъ сѣдой схимникъ,—я паду на колѣни, жарко, жарко помолюсь Богу и исповѣдуюсь во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ... Я попрошу сѣдаго схимника оставить меня у себя,—буду носить ему изъ чистаго ключа воду, буду искать съ нимъ лѣсные коренья... А Разбой останется съ нами, оберегать насъ, защищать отъ всего враждебнаго, хищнаго и злаго... Вѣдь, если и нѣтъ у него души, то все таки есть доброе сердце и вѣроятно не хуже, чѣмъ у льва св. Марка.

И я нашелъ ее, эту прогалину, свѣтлую, мирную, дышавшую какой то скрытой, невыразимой красотой, только безъ сѣдаго схимника... Она раскинулась у небольшаго проточнаго озерка, густо поросшаго камышемъ, изъ котораго немедленно взвился, трепеща, кверху быстрый бекасъ, да зашлепали двѣ грузныя утки. Озеро съ избыткомъ питало здѣсь все просившее влаги,—трава, отливавшая пріятнымъ синеватымъ цвѣтомъ, была гуще и ярче, сама почва мягче и упруго гнулась подъ ногою,—воздухъ свѣжѣе... Темная чаща окружала ее красивой, какъ бы очерченной линіей, а сверху смотрѣло голубое бездонное небо, въ которое прихотливыми зубцами врѣзывались верхушки молчаливаго лѣса...

— Разбой, купаться!

Мы долго, долго провозились въ прохладной водѣ, играя съ шумомъ и визгомъ, а затѣмъ катались на стогѣ сѣна, стоявшаго между озеркомъ и чащей...

Когда я проснулся,—и озеро, и листва, и угрюмые стволы, и полянка,—все горѣло уже раскаленымъ жаромъ, какъ и моя, казалось, вдругъ отяжелѣвшая, точно свинцомъ налитая голова. Все пылало въ розовыхъ лучахъ и даже шерсть свернувшагося возлѣ Разбоя пестрѣла красноватыми пятнами. Очевидно стоялъ уже вечеръ, близилась темная ночь,—но мнѣ было какъ то все равно,—я ни о чемъ не думалъ... Налитая голова не двига-

лась,—все тѣло мое ныло,—во рту было сухо, тяжелыя вѣки слипались сами собой... Я разорвалъ воротъ, разметалъ руки и снова заснулъ...

Долго ли спалъ я,—не знаю,—но проснулся вновь отъ страшнаго холода темною, глубокою ночью. Надо мной сверкали, мигая, звѣзды, но кругомъ стоялъ такой мракъ, что я только по дыханью различалъ спящую рядомъ собаку. Впрочемъ,—мнѣ опять было какъ то все равно,—тьма ли стоитъ надо мною,—свѣтъ ли блещетъ... Меня мучили боль въ вискахъ и сильный ознобъ, отъ котораго дрожало все мое нывшее тѣло и не переставая стучали зубы... Я даже не различалъ хорошо—гдѣ я, дома ли, въ своей мягкой постелькѣ, или въ дремучемъ лѣсу забился въ сѣно... Все у меня спуталось... Я хотѣлъ только согрѣться, во что бы то ни стало согрѣться и слабою, непослушною, точно спавшею рукою потянулъ къ себѣ Разбоя... Онъ придвинулся, прикрылъ меня, лизнулъ и какъ то трѣвожно обнюхалъ... А я все дрожалъ и дрожалъ...

Наконецъ, тепло вдругъ какъ то снова разлилось по мнѣ и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось сильнѣе... Разбой дышалъ на меня точно раскаленнымъ воздухомъ жарко натопленной печи, точно жегъ меня,—но я не могъ шевельнуться, я лежалъ какъ мертвый... Въ головѣ у меня все подернулось точно флеромъ, я ничего не видѣлъ, не различалъ, я тонулъ, казалось, въ какомъ то горячемъ, влажномъ туманѣ... Вдругъ я услышалъ шепотъ, таинственный и нѣжный... Я открылъ, казалось, глаза,—и снова какъ будто сталъ различать все хорошо и ясно... Между мной и блестѣвшимъ звѣздами небомъ стояла бѣлая роза, которую утромъ я сунулъ за пазуху, куда обыкновенно пряталъ все самое дорогое,—та роза, которую дала мнѣ... Кто, въ самомъ дѣлѣ?—бѣлая же роза?... или... полячка!? Право,—я какъ то все спуталъ...

И видѣлъ я, какъ она, эта роза,—то принимавшая образъ чудной полячки, то снова становившаяся бѣлой розой,—смотрѣла на меня печально и грустно, точно рыдая... Я безжалостно, грубо измялъ ее за пазухой, я растрепалъ, истерзалъ ея нѣжные, ароматные лепестки...—За что?—спрашивалъ меня ея нѣжный шепотъ,—что сдѣлала тебѣ я,—молоденькій хлопче?! За что

же ты ненавидишь меня и собираешься воевать съ моимъ гнѣздомъ, съ моимъ замкомъ?! Развѣ я жгла твоего гетмана и мучила вольныхъ козаковъ?—Нѣтъ! Такъ зачѣмъ же ты переносишь чужіе, давніе грѣхи на меня молодую и невинную,—на меня, которой, какъ и тебѣ, хотѣлось жить вольно на свѣтѣ?! За что ты измялъ мои лепестки, обломалъ мои стебли,—о, за что, молоденькій хлопче!?

И бѣлая роза зарыдала... Слезы закапали, какъ роса, съ ея бѣлыхъ, измятыхъ лепестковъ и падали, казалось, мнѣ въ самое сердце, разливаясь оттуда жаромъ по всему тѣлу... Я хотѣлъ ей что то отвѣтить,—но не могъ,—мои уста запеклись,—а она продолжала:

— Слушай дальше!... А развѣ мало потоптали твои козаки моихъ сестеръ и братьевъ, когда вихремъ летали по степи?!.. Развѣ мало легло подъ копытами ихъ борзыхъ коней цвѣтовъ яркаго мака, золотоцвѣта, кувшинчиковъ и сестеръ моихъ,—степныхъ лилій?! А вотъ же я люблю тебя!... Я такъ жарко поцѣловала тебя сегодня утромъ на плотинѣ, что и до сихъ поръ пышутъ твои уста жгучимъ пламенемъ!—Развѣ не помнишь?!

— О, помню... Я все помню, бѣлая роза!—прошептали мои засохшія губы...

— Помнишь?—улыбнулась сквозь слезы роза,—такъ сравни же меня, невинную и любящую,—съ твоей суровой, холодной теткой!... Генеральша лишила тебя роднаго крова и теплой постельки!... Ты бѣжалъ отъ нея въ дремучій боръ и пугливо запрятался въ сѣно... Она смѣется надъ твоей рѣчью и твоей пѣсней... Что ей твои предки, старая сабля и кубокъ,—она ихъ и знать не хочетъ!... Она подняла, наконецъ, на тебя свою позорную розгу!...

Я хотѣлъ слушать дальше, но все исчезло вдругъ отъ страшнаго рева... Вѣрный Разбой, весь нащетинившись и дрожа отъ ярости, рычалъ предо мною куда то въ темную глубь,—гдѣ что то видѣлъ... И я увидѣлъ! Двѣ свѣтлыя, зеленоватыя точки глядѣли на меня изъ густаго мрака и двигались... Я принялъ бы ихъ за звѣзды, упавшія съ неба, стой онѣ неподвижно... Но теперь я узналъ ихъ... Это... это... страшные глаза... да, страшные глаза!... Но чьи же?...—Господи,—чьи же?!... А... Глаза генеральши!...

— Разбой! Не дай, добрый Разбой!...

Моя мольба, мой крикъ поднялъ на дыбы вѣрнаго друга! Онъ взвизгнулъ мнѣ и зарычалъ такъ страшно въ чащу, что все задрожало, все исчезло!...

Я проснулся, пришелъ въ себя вновь только подъ жгучими, палящими лучами новаго полдня... Меня разбудили жажда и жалобный вой Разбоя!... Онъ лизалъ мнѣ лицо, обнюхивалъ, затѣмъ поднималъ морду вверхъ и вылъ такъ страшно, точно прощался съ самою жизнью...

— Разбой, перестань!... Разбой,—я пить хочу... Пить, Разбой!

Звѣрь смотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и визжалъ, точно оправдываясь, что не понимаетъ моей рѣчи... О, что же мнѣ дѣлать!? жажда была мучительнѣе боли, мучительнѣе изнеможенія,—она вооружила меня неестественной волей... Я поднялся на руки, закачался, изнемогалъ,—но все таки ползъ. Инстинктъ, а не глаза влекли меня къ ручью,—кажется, я его даже и не видѣлъ. Но я изнемогъ... я растянулся по дорогѣ...

— Разбой... о, Разбой!... простоналъ я сквозь слезы.

Больная ли грёза, или дѣйствительность была то,—не знаю, но ей Богу я, кажется, помню, что умный песъ точно понялъ меня, наконецъ... Сквозь какой то неясный туманъ, заслонившій мою память, я вспоминаю однако, что онъ завизжалъ, завилялъ хвостомъ и, не берусь утверждать, но, право, мнѣ какъ то рисуется, хотя и не ясно, что, бережно взявъ меня за воротъ зубами, онъ помогъ мнѣ ползти. По крайней мѣрѣ я былъ у ручья, я пилъ его чудную влагу.

Ахъ, какъ я пилъ! Я пилъ глазами, ртомъ, всѣмъ тѣломъ, я дыханьемъ пилъ и все мнѣ казалось мало и мало... Я боялся, что ручья не хватитъ, что я никогда не утолю этой жажды, которая отъ каждаго глотка разливалась пожаромъ, сильнѣе и сильнѣе. Но все таки, кажется, я поднялся освѣженный... Да, кажется!... Но какъ я вновь добрался до стога, какъ я снова повалился въ сѣно, я ничего. . ничего не помню!

Точно сквозь туманъ, помню еще, что на мигъ я пришелъ въ себя опять ночью отъ страшнаго визга Разбоя, отъ громкаго говора какихъ то людей, стоявшихъ съ факелами и фонарями.

Чьи то сильныя руки подняли меня на воздухъ, чьи то слезы закапали мнѣ на лицо...

— Грыцю!.. Мій внуку!.. Що зъ тобою, дытыно?!—слышу я чей то ласковый, знакомый шепотъ. Неужели дѣдъ!? Кажется, его длинные усы щекочутъ мнѣ горячія щеки?! Нѣтъ, это золотыя кудри... Это черные глаза и густыя дугою брови!.. Это полячка прижимаетъ меня къ своей упругой, полной груди и шепчетъ, и дышетъ на меня какъ бѣлая роза!... это... это!... И горячими руками обнимаю я чью то шею и шепчу въ отвѣтъ:— я люблю тебя, чудная панна!

. . . .

Когда я выздоровѣлъ у себя на постелькѣ, я узналъ и отъ дѣда, и отъ Горпыны, и отъ Панаса, что меня хватились только къ вечеру дня побѣга и всюду разослали людей на поиски. На другой день пріѣхалъ дѣдъ и самъ повелъ поиски, разсорившись навсегда съ рыдавшей въ испугѣ генеральшей. Меня нашли скоро, благодаря неустанному вытью Разбоя. Помню, я страстно рыдалъ и каялся, когда узналъ, какую муку причинилъ любившимъ меня людямъ.

Янкель, конечно, разнесъ всюду исторію моего побѣга, моей болѣзни и въ одно утро изъ замка мнѣ прислали громадный букетъ и сласти.

— Тебѣ панна прислала изъ замка!.. сказалъ дѣдъ, передавая мнѣ съ удивленіемъ присланное, но въ тонѣ его не слышалось раздраженья, онъ, кажется, даже радъ былъ такому вниманію къ его больному внуку,—ты ее видѣлъ?

— Да! отвѣтилъ я покраснѣвъ.

— Гдѣ же? Да, кстати! Ты все поминалъ въ бреду какую то панну... Ужъ не ее ли?

Я покраснѣлъ еще больше и обнялъ его шею.

— Дѣдъ!—прошепталъ я стыдливо,—она поцѣловала меня на плотинѣ и дала бѣлую розу!..

Съ этихъ поръ дѣдъ однако отказался самъ отъ педагогіи и выписалъ изъ города заштатнаго учителя, добраго старичка Ивана Семеновича, взявшагося приготовить меня въ третій классъ.

Я занимался много и хорошо, но все таки имѣлъ довольно досуга бѣгать въ темный лѣсъ, котораго я уже не боялся и гдѣ скоро свелъ новое знакомство, о которомъ разскажу въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

Въ античномъ мірѣ.

Говорятъ, что какому то молодому князю, страстно увлекавшемуся Гомеромъ, красотой изображеннаго имъ античнаго міра, суровый патеръ воспитатель строго замѣтилъ, что грѣшно увлекаться такимъ языческимъ вздоромъ.—„Да, это конечно вздоръ,— отвѣтилъ, говорятъ, юный князь,—но отъ него мнѣ такъ сладко, отче!" Моимъ Гомеромъ былъ Охримъ.

О, чего только не зналъ онъ, чего не понималъ, куда не проникалъ своимъ пытливымъ, вдумчивымъ окомъ?! Все было ему ясно, все, и въ безграничномъ небѣ, и на широкой землѣ. Ему были открыты всѣ тайны дремучаго лѣса, онъ читалъ въ водяной пучинѣ, какъ хорошій чтецъ въ открытой книгѣ, онъ проникалъ насквозь непроглядную тьму глубокой, таинственной ночи, твердо зная, что скрыто ею отъ глазъ человѣка, онъ зналъ все... все то, „що колысь було правдою, а теперъ стало брехнею". И если всѣ его знанія безусловно расходились съ тѣмъ, что зубрилъ я въ книжкахъ, если всѣ эти знанія ученый Иванъ Семеновичъ называлъ „чистѣйшимъ вздоромъ, которымъ стыдно увлекаться", за то онѣ были мнѣ невыразимо сладки... Да, именно сладки! Мнѣ положительно становилось иногда горько, что книжки говорятъ иное, что въ мірѣ можетъ происходить все не такъ, какъ говорилъ Охримъ, я какъ то ближе былъ къ *его* міру, чѣмъ къ другому. Впрочемъ, помню, я какъ то странно двоился: училъ, зналъ я одно, а сердцемъ вѣрилъ въ другое. Сердцемъ я сливался въ вѣрѣ съ Охримомъ.

У него къ тому же было одно несомнѣнное преимущество предъ книжками и ученымъ Иваномъ Семеновичемъ. Тѣ знали разные „но" и сомнѣнья, многое ими только предполагалось, требовало еще доказательствъ, многое было невыяснено, а еще

большее обѣщало стать для меня яснымъ только современемъ-де „когда выростешь“, ничего этого не было у Охрима. О, онъ не зналъ ни „но“, ни сомнѣній, ни колебаній, у него было все ясно, опредѣленно, цѣльно, *ничто* не требовало никакихъ доказательствъ. Тамъ казалось все сухо, безжизненно, какъ мертвая формула, какъ застывшій законъ, у Охрима все носило живой, сознательный образъ, всякое явленіе вызывалось и двигалось опредѣленной цѣлью, тѣсно связанной съ живымъ человѣческимъ міромъ, все было полно поэзіи, пластики, дышало неотразимой красотой творческаго духа. И все къ тому же могло стать для меня яснымъ сей часъ же, сію минуту!

Охримъ былъ пастухъ и если имъ не родился, какъ родился крѣпостнымъ графа, то едва ли помнилъ себя чѣмъ нибудь инымъ на свѣтѣ. Дремучій лѣсъ, полный тайны и страховъ, зеленый лугъ, весь трепетавшій неугомонной жизнью, небесный куполъ равно для всѣхъ ласковый и свѣтлый, послушное стадо, понимавшее его такъ же хорошо, какъ и онъ его понималъ—вотъ и все, съ чѣмъ онъ близко соприкасался съ дѣтства, что такъ или иначе могъ считать своимъ. Да не знаю, и хотѣлъ ли онъ еще чего нибудь?! Говорили, что когда то онъ любилъ богатую красавицу, дочь мельника, которую, конечно, не отдали за бездомнаго сироту—пастуха, отчего она и умерла съ горя. Съ той поры онъ и сталъ играть на своей сопилкѣ.

По этой сопилкѣ его знали всѣ кругомъ, зналъ и я гораздо раньше, чѣмъ сошелся съ нимъ, бродя въ свободные часы въ чащѣ полюбившагося мнѣ лѣса. Вечерами, когда по землѣ, отдыхавшей полною грудью отъ зноя,—стлались легкія тѣни и тихо дрожали въ послѣднихъ розовыхъ лучахъ заката, когда и воздухъ, не то розовый, не то подернутый дымкой, начиналъ дрожать и какъ бы струиться,—откуда то внезапно, дрожа и струясь какъ воздухъ, какъ вечернія тѣни,—приносились и легкіе тоны этой волшебной сопилки... Что за власть крылась въ этихъ тонахъ,—не знаю,—но хлопотливыя бабы останавливались, подпирались рукою, вслушивались, глаза ихъ туманились влагой и онѣ тихо шептали: „то Охримъ грае!“—Да, конечно, Охримъ! Кто жъ бы другой могъ околдовать эти перестававшіе дрожать

воздухъ и тѣни, кто другой могъ погрузить въ такую неподвижно-глубокую дрёму потемнѣвшіе въ сумеркахъ развѣсистые дубы и липы, предъ кѣмъ же еще, предъ какимъ другимъ чародѣемъ, смолкли бы эти неугомонные птичьи хоры?!... Все окрестъ околдовывали эти звуки Охримовой сопилки и, чаруя млѣвшую въ восторгѣ и нѣгѣ землю, поднимались отъ нея куда то высоко, высоко, вмѣстѣ съ легкой, чуть видной дымкой вечерняго тумана. Тамъ они, казалось, трепетали съ послѣдними лучами догоравшаго румянаго блеска и вмѣстѣ съ ними таяли и утопали въ темнѣвшей, лазуревой выси,—но утопая, расплываясь, это они, и только они вызывали изъ непроницаемаго эфира блѣдныя звѣзды!... На эти волшебные звуки, точно на вызовъ, выныряли звѣзды одна за другою...

Такую непередаваемо чудную музыку чарующихъ звуковъ любятъ часто сравнивать съ чѣмъ нибудь близко знакомымъ человѣческому уху... Любятъ говорить, что скрипка или флейта рыдаетъ... Нѣтъ,—Охримова сопилка не рыдала, рыдать можетъ всякій!... Она прямо хватала своими невидимыми, но властными тонами за сердце, точно руками, и влекла его за собою въ безграничную, подернутую фіолетовой дымкой, задумчивую даль... Можетъ быть туда, гдѣ она искала душу красивой мельниковой дочки?...

Какими чарами вызывалъ Охримъ въ своей простой дудкѣ такіе звуки,—осталось его тайной,—что за власть и сила крылась въ нихъ,—я не знаю,—но я живо помню, что дѣлали они съ моей дѣтской душою... Предо мною почему то вставала вся облитая багровымъ свѣтомъ заката далекая, турецкая Кафа, о которой поетъ слѣпой лирникъ, гдѣ стонали о „тыхыхъ зоряхъ“ родной Украины бѣдные невольники козаки въ желѣзныхъ путахъ,—и мнѣ хотѣлось тогда стонать вмѣстѣ съ ними... Эти звуки разворачивали предъ моимъ духовнымъ окомъ, какъ свитокъ, безграничную зелень Великаго Луга, гдѣ жалобно клекочетъ степная орлица, тщетно сзывая, какъ въ пѣсняхъ, непробудно заснувшихъ козаковъ,—и мнѣ хотѣлось также клекотать вмѣстѣ съ нею... Я видѣлъ, наконецъ, какъ въ волнахъ голубаго эфира ныряла бѣдная чайка, я слышалъ, какъ она рыдала, что

„вывела дитокъ на бытій дорози,“ и меня неудержимо влекло рыдать вмѣстѣ съ чайкой... Влекло до того, что я плакалъ...

— На що... на що, Горпыно, винъ такъ грае?!—взволнованно, точно жаловался я, хватаясь за ея запаску.

— Цыть-те, паныченку, цыть-те!—чуть слышно шептала мнѣ въ отвѣтъ очарованная Горпына,—послухайте! Такъ ёму уже Богъ давъ!

Развѣ, что Богъ!...

Я и теперь еще живо и ясно помню наши встрѣчи... И теперь еще пышетъ на меня багровое тепло ночнаго костра, въ которомъ печется нашъ картофель, пока мы ведемъ свои бесѣды подъ чернымъ пологомъ неба, усыпаннаго звѣздами... Отъ яркаго пламени костра еще чернѣе кажется темное небо, еще гуще становится налегшая на землю ночная мгла, изъ которой рѣзко вырисовывается пылающій профиль Охрима. Онъ крѣпко сжалъ руками ярко освѣщенные колѣни, его брови сдвинуты; плотно стиснутая губами люлька совсѣмъ погасла,—его темные глаза неподвижно устремлены въ пылающее пламя... Что онъ тамъ видитъ, о чемъ думаетъ,—я не знаю!... Онъ вспоминаетъ, можетъ быть, прошлое,—другое пламя, что пылало въ немъ, въ немъ самомъ когда то,—пылало... и разсыпалось пепломъ, какъ сухой валежникъ?... Или онъ видитъ бранный станъ лихихъ запорожцевъ, о которыхъ поетъ въ своихъ пѣсняхъ,—видитъ и ждетъ условнаго „пугу!“—чтобы, вскочивъ на „вороного“, умчаться птицей,—нѣтъ, что птицей!—вихремъ умчаться въ безгранично вольныя степи и вздохнуть въ нихъ,—о, такъ сладко вздохнуть!—полною грудью!... Я не знаю и не хочу знать!... Трещитъ, разсыпая искры, яркое пламя, тихо пофыркиваютъ пасущіеся кони, глубоко и протяжно вздыхаютъ во мракѣ волы... Молчитъ Охримъ и я самъ молчу, весь истомленный этой нѣгой лѣтней ночи, ея душистой мглою, этимъ багровымъ тепломъ костра,—этой цѣпью видѣній, грёзъ, какихъ то неясныхъ обрывковъ, что смутно проносятся въ головѣ, навѣянныя ночью...

— Гляди, Охримъ, гляди!... Вонъ скатилась звѣздочка!...

— Это не звѣздочка, панычу!—увѣренно поучаетъ Охримъ, посасывая люльку и надавливая золу пальцемъ, не поворачиваясь

и не глядя на меня.—Это не звѣздочка!—Это дитя родилось на свѣтъ...

— Дитя родилось?!

— Эге-жъ! Это Господь посылаетъ ему душу...

Вотъ какъ!?

— Отчего жъ онѣ разныя?—заинтересованный, страстно спрашиваю я Охрима.—Отчего жъ одна бѣлая, другая бываетъ красная,—а то и синеватая?

— Про то Господь знаетъ,—говоритъ онъ, не мѣняя позы, тѣмъ же докторальнымъ, не знающимъ сомнѣній тономъ.—Люди не могутъ знать... Опять же, мужская душа и женская!... Все же разница...

Да, конечно... Все это такъ понятно, такъ ясно и мнѣ дѣлается какъ то покойно, что именно такъ оно, а не иначе на свѣтѣ...

Во все посвящалъ меня Охримъ въ эти ночи,—весь міръ, загадочный и чудный, открывалъ онъ предо мною въ какой то стройной, красивой поэмѣ... Я узналъ всѣ легенды, всѣ преданья, я услышалъ чудныя пѣсни, которыя въ живыхъ образахъ воскрешали мнѣ таинственное прошлое, я услышалъ живой говоръ человѣка съ природой той поры еще, когда онъ не покорилъ ее для наживы и обмана, а жилъ съ нею, какъ братъ съ сестрою. Я полнѣе узналъ, наконецъ, что мучитъ, печалитъ и радуетъ человѣческую душу, узналъ многое такое, отъ чего замирало мое сердце... И еще шире раскрылось оно,—шире чѣмъ тогда,—на волѣ и еще глубже, еще страстнѣе забилось оно любовью... И если теперь даже, теперь, когда жизнь такъ жестоко истоптала все, чѣмъ оно билось, когда въ душѣ она не оставила ни одного мѣста, не обожженнаго слезою,—когда она даже рѣчь мою сумѣла замѣнить другою,—если и теперь еще въ моемъ сердцѣ тлѣетъ хоть одна теплая искра, то она навѣрное запала туда изъ багроваго костра въ эти волшебныя ночи!...

— А ты не боишься лѣса... одинъ... ночью?

— Чего же мнѣ бояться?...—уклончиво и какъ бы въ раздумьи цѣдитъ Охримъ сквозь стиснувшіе люльку зубы.

— А страхи! Развѣ нѣтъ въ лѣсу страховъ?

— Какъ нѣтъ?—есть! Вездѣ, панычыку, есть страхи... Только бояться мнѣ ихъ нечего,—крестъ на мнѣ и живу я въ правдѣ...

— А кто же живетъ въ неправдѣ?

— Ляхи живутъ въ неправдѣ, паны!—говоритъ Охримъ, сплевывая на сторону.—Всякій, кто обижаетъ другаго, зло дѣлаетъ, завидуетъ...

— А ты не завидуешь, Охримъ?—наивно спрашиваю я его.

— Нѣтъ, панычыку, я никому не завидую...

— А хотѣлъ бы ты быть паномъ?

— Паномъ? И паномъ не хотѣлъ бы я быть!—послѣ нѣкотораго раздумья твердо отвѣчаетъ Охримъ.—На что мнѣ панство? Тѣлу оно въ сладость, за то душѣ на сгубу... Такъ, панычыку, въ лѣсу оно лучше. Солнце тебѣ грѣетъ, пташка всякая поетъ и живешь ты себѣ въ правдѣ... Развѣ не хорошо здѣсь, панычыку?

Каждымъ фибромъ своимъ чувствую я правоту Охрима и въ то же время больной, щемящій червь заползаетъ мнѣ въ душу и румянитъ во мглѣ мои щеки.

— А я, вѣдь, панычъ,—Охримъ!—не то стыдясь, не то съ болью, какъ то робко шепчутъ ему мои уста.

Чуткій Охримъ понялъ меня сразу и говоритъ мнѣ ласково и нѣжно, точно извиняясь:

— Что жъ, что панычъ? Это Божья воля... И Савлъ былъ паномъ, а сталъ святымъ апостоломъ... И дѣдусь вашъ живетъ въ правдѣ и всѣ люди его любятъ и уважаютъ, даромъ что панъ... Только бы душу не сгубить въ панствѣ,—вотъ оно что, панычыку!

О, нѣтъ,—я не сгублю ее!... И я клянусь въ томъ и ему, и темной ночи, и звѣздному небу!... Я не сгублю ее, какъ не сгубилъ Охримъ, не сгубилъ дѣдусь, не сгубили всѣ тѣ, что почили въ этихъ высокихъ могилахъ... И когда я выросту и окрѣпну,—я стану весь на сторонѣ такихъ чистыхъ душою, какъ Охримъ, и пойду за нихъ противъ „ляховъ"...

Да, я пойду,—чего бы это мнѣ ни стоило... Пусть они готовятъ свои жаровни, на которыхъ жгли козаковъ, пусть изобрѣтаютъ что нибудь другое, болѣе утонченное, болѣе жестокое,—я не сдамся! А если мнѣ станетъ тяжело, не подъ силу, еслу

стонъ будетъ вырываться самъ собою, я, какъ Гонта, облегчи себя вздохомъ, молитвой за родную Украину...

— Да, да, Охримъ!—страстно клянусь я ему на его мягкій, ласкающій, полный благодарности взглядъ,—ты увидишь!

Какъ бы въ отвѣтъ на мои клятвы, онъ вынимаетъ свою волшебную сопилку и начинаетъ играть на ней что то такое чудное, что я, кажется, росту и крѣпну подъ эти чарующіе звуки...

Въ одну изъ такихъ ночей Охримъ разсказалъ мнѣ легенду. Много я слышалъ уже легендъ, многія чаровали уже меня своей красотой и драматизмомъ, но эта поразила всѣхъ сильнѣе,—поразила до того, что я почти бредилъ ею... И теперь еще, когда я ее вспомню, когда предо мною встанетъ образъ несчастной панны, глубоко любящей, но обреченной всегда вѣщать одно горе, мнѣ становится жутко и глубокая скорбь сжимаетъ мое сердце... Желать одного добра и приносить одно горе! Да есть ли что нибудь на свѣтѣ полное большаго ужаса, болѣе глубокаго драматизма, болѣе жгучей скорби?!... Ничего такого нѣтъ въ дантовскомъ „Адѣ“,—воображеніе великаго поэта было безсильно создать подобную муку!... Ее могло создать только творчество цѣлаго народа, вѣками искусившагося въ мукахъ...

Помню, я прибѣжалъ къ костру запыхавшись, горя нетерпѣніемъ скорѣй сообщить Охриму жгучую новость...

— Охримъ,—ты хотѣлъ бы быть вольнымъ?!

— Вольнымъ?—какъ то усмѣхнулся Охримъ.—Кто жъ, панычыку, не хочетъ быть вольнымъ?! Всякая тварь Божья! Малая птица,—звѣрь въ лѣсу, рыба въ водѣ,—всѣ хотятъ... Какъ же не хотѣть человѣку?

И онъ угрюмо свѣсилъ голову, точно вопросъ мой давилъ его какимъ то тайнымъ искушеніемъ.

— Такъ ты будешь вольнымъ!... Всѣ, всѣ будете вольными... Я слышалъ, какъ дѣдусь говорилъ, что царь даетъ волю...

— Слышно въ народѣ!—нерѣшительно протянулъ Охримъ! поднявъ вдругъ голову, но глаза его ясно блеснули.—Слышно, Пошли Господь бѣлому царю счастье и здоровье... Великое это будетъ дѣло, панычыку!—и онъ набожно перекрестился.

— Да, Охримъ,—это правда! Дѣдусь говорилъ, что скоро уже будетъ воля! Скоро!

Охримъ не отвѣтилъ,—онъ только вздохнулъ,—но этотъ вздохъ былъ могучѣе и краснорѣчивѣе всякаго слова... Этотъ вздохъ, казалось мнѣ, поднялся къ черному небу и отъ него задрожали свѣтлыя звѣзды... Онъ разбудилъ дремавшее эхо мрачнаго лѣса и лѣсъ, казалось, тоже вздохнулъ въ отвѣтъ тысячегрудымъ вздохомъ.—Онъ пронесся въ даль,—и точно вся даль вздохнула... Онъ глубоко, проникъ въ мое дѣтское сердце и расплылся тамъ горячею скорбью.... Мнѣ стало невыразимо жаль Охрима...

— Охримъ!—и, повинуясь безотчетному порыву, я обнялъ его загорѣлую шею дѣтскими руками... Лихорадочными устами я шепталъ ему страстныя, любовныя рѣчи и возбужденное ухо мое чутко ловило громкіе удары его сердца въ отвѣтъ на этотъ шепотъ... Мнѣ казалось, что самъ я какъ то изчезаю,—что въ этотъ моментъ я нераздѣльно сливаюсь съ Охримомъ, въ одно цѣлое, общее,—какъ два ручья сливаются въ одномъ рѣчномъ ложѣ... Сдержанному, всегда одинокому Охриму стала, наконецъ, не подъ силу эта необычная нѣга ласки...

— Эге,—ге, мылый панычыку,—а не поспѣлъ ли нашъ картофель?!—весь взволнованный, крѣпко прижимая меня къ себѣ сильной, но дрожавшей рукою, спросилъ онъ, чтобы отогнать отъ себя этимъ вопросомъ сладкій, околдовывавшій кошмаръ...

Мы ѣдимъ горячій картофель и разнѣженный Охримъ, какъ бы платя за ласку, разсказываетъ мнѣ свои чудныя легенды... Я слушаю повѣсть о жестокомъ панѣ, обратившемъ въ раба роднаго брата, за что правосудный Богъ превратилъ его послѣ смерти въ дикій камень, вѣчно неподвижный, холодный и мрачный, и на вѣки вѣчные поставилъ стоять, какъ знаменіе своего гнѣва, за Збручемъ, на одной изъ угрюмыхъ вершинъ Карпатовъ... Я слушаю, какъ свѣтлая луна по Божьему слову отпечатлѣла на себѣ образъ первороднаго грѣха, чтобы люди никогда его не забыли... Я узнаю, какъ страшно, дико, леденя на смерть, можетъ хохотать угрюмый боръ темною ночью...

— Какъ!? Лѣсъ можетъ смѣяться!?

— Эге, панычыку,—можетъ!—увѣренно и твердо говоритъ Охримъ, затягиваясь люлькой.—Все можетъ:—и смѣяться можетъ, и стонать, и плакать!... Только не дай Богъ никому слышать, какъ лѣсъ смѣется! Страшный это смѣхъ! Былъ одинъ человѣкъ, что не вѣрилъ,—такъ Богъ и наказалъ его... Шелъ онъ разъ ночью и услышалъ... Ну, и умеръ онъ отъ того смѣха...

— Какъ же лѣсъ смѣется, Охримъ?..

— Богъ его знаетъ, панычыку, я слава Богу не слышалъ,— только люди говорятъ, что страшно!... Говорятъ,—такъ вдругъ!.. Тихо, тихо... а тутъ сразу что то засмѣется, да и пойдетъ, да и пойдетъ по всему лѣсу... Каждое дерево, панычыку, смѣется,— каждый кусточекъ, каждая травка... Говорятъ, лѣсныя дивчата играются это...

— А ты видѣлъ ихъ, Охримъ?—охваченный жгучимъ интересомъ, въ которомъ сквозитъ страхъ,—почти шепотомъ спрашиваю я Охрима.

— Нѣтъ,—не доводилось, слава тебѣ Господи! А вотъ покойникъ Панасъ, панычыку, что на печи у васъ умеръ,—царство ему небесное,—тотъ говорятъ Бѣлую Панну видѣлъ передъ войною!...

— Какую Бѣлую Панну?—весь замирая, спрашиваю я.

— Что бѣду вѣщуетъ!... Развѣ не слыхали, панычыку?—Нѣтъ?! Ну, такъ послухайте...

И снова набивъ свою люльку, онъ разсказалъ мнѣ эту дивную легенду...

Онъ разсказалъ мнѣ, какъ давно, давно,—еще за Польшу,— на крутой горѣ стоялъ мрачный замокъ и жила въ немъ злая пани, запродавшая нечистому свою душу... Онъ разсказалъ, какой хитрый уговоръ сдѣлала злая пани, поставивъ нечистому условіе, что взять ее онъ можетъ только, когда опадутъ всѣ до единой зеленыя иглы ея молоденькой елки и только въ оградѣ ея замка... И она вѣчно держала ворота настежь, чтобы бѣжать при первой опасности... А ея молоденькая дочка ничего про все это не знала...

— Она была тоже злая?—перебиваю я Охрима.

— Нѣтъ, панычыку,—она была добрая, какъ мать ея была злою, и такая красивая, что и у короля не было такой краси-

вой королевны... Когда она смѣялася, панычыку,—то и все съ нею смѣялось...

— И пани крѣпко холила свою елку, но разъ должна была отлучиться по какому то нечистому дѣлу, — говорилъ дальше Охримъ... И строго наказала она крѣпко любившей свою мать дочкѣ:

Поливай мою елку ключевою водою
И ходи ты за нею, какъ сестра за сестрою...

— А если бы, приказывала дальше мать,—у елки опали зеленыя иглы,—ты выйди на встрѣчу мнѣ въ черномъ... Помни же, дочка,—въ черномъ!...

— Зачѣмъ, Охримъ?—спрашиваю я, затаивъ дыханіе.—Чтобы дать ей этимъ знакъ?

— Эге-жъ, панычыку... Ось, слухайте!...

— И дочка ходила, говорилъ Охримъ,—за елкой, какъ сестра, и поливала ее водою... Но къ ужасу ея, разъ, всѣ зеленыя иглы сразу опали... Не знала панна, что это значитъ, и крѣпко тужила... И подумала тутъ же своимъ добрымъ сердцемъ: „Зачѣмъ ей огорчать любимую мать еще издалека!... Нѣтъ,—пусть лучше въѣдетъ она въ свой замокъ съ ясной душою... Не одѣнетъ она чернаго платья!“... И завидѣвъ мать издалека,—вышла къ ней въ бѣломъ...

— Ну, что жъ?!—тороплю я Охрима.

— Ну, и въѣхала, говоритъ онъ, пани веселая, но завидѣвъ голую елку, задрожала, посинѣла и пропала вмѣстѣ съ замкомъ и горою... Но прежде она прокляла свою дочку... Накинулась на нее съ пѣной, назвала ехидной, и какъ ни плакала, какъ ни молила дочка, положила на нее страшное заклятіе...

— Иди же, ехидно, сказала мать, и вѣщай всѣмъ людямъ одно горе вся въ бѣломъ, какъ ты его мнѣ и провѣщала. Съ той поры и убѣжала прелестная панна въ лѣсную чащу...

— Зачѣмъ же, Охримъ, зачѣмъ же убѣжала она въ лѣсную чащу?—спрашиваю я, задыхаясь.

— А потому, панычыку, что она добрая и жалко ей людей... Какъ только кто увидитъ ее,—такъ и настанетъ большое горе,—потому она и прячется отъ всѣхъ въ дремучей чащѣ... Прячется и все плачетъ...

— И навсегда это, Охримъ?

— На вѣки, панычыку... Говорятъ люди, что еслибы кто встрѣтилъ ее и пожалѣлъ, такъ кончились бы ея муки!...

— Неужели жъ, Охримъ, никто ее не пожалѣетъ?!

— Никто, панычыку, ибо всякій ее боится и бѣжитъ отъ нея... А кого боятся люди,—того они не жалѣютъ!...

. . . .

Меня душили жгучія слезы,—но я вздохнулъ полною грудью и съ души скатилась тяжелая гиря, наложенная было жестокой судьбою чудной панны... Если никто,—такъ я же ее пожалѣю! Я найду ее и пожалѣю,—хотя, можетъ быть, мнѣ и будетъ страшно въ первое время! О, пожалѣю всѣмъ сердцемъ!... Я пойду за ней въ дремучую чащу!...

Бѣдная панна! Такая добрая, прелестная и обреченная на одно зло и горе!... Какъ опьяненный шелъ я домой и, глотая невидимыя подъ чернымъ пологомъ ночи слезы, дрожа отъ волненья, какъ въ лихорадкѣ,—поставилъ себѣ страстный обѣтъ... Ее видѣлъ покойный Панасъ,—и я ее увижу, найду... и... Почему то она вызвала въ моемъ представленіи образъ той... что тогда... на плотинѣ... образъ той, которую давно уже смутно искало мое сердце!... Можетъ быть для другаго образа въ моемъ сердцѣ уже не было и мѣста?!...

ГЛАВА VIII.

Бѣлая панна.

И я ее увидѣлъ!...

Но до того многое успѣло уже измѣниться на свѣтѣ. Многое успѣло рухнуть, точно въ пропасть, на замутивъ даже рябью спокойную на видъ поверхность жизненнаго моря,—многое успѣло народиться, чего никогда и не было на свѣтѣ. Великое дѣло, какъ называлъ его Охримъ, совершилось, народъ по царскому слову сталъ вольнымъ. Воля, за которую вѣками билась Украина и съ ляхами, и съ туркомъ, изъ за которой когда то разорвала на двое древнюю Польшу и соединилась съ единовѣрною Москвою, стала, наконецъ, фактомъ. И какъ сильный

дождь изнывшую отъ зноя и жажды спаленную степь,—она подняла, освѣжила и укрѣпила всѣ ростки жизни, что таились глубоко, глубоко въ изнывавшемъ, изможденномъ народѣ.

Какъ все это произошло подробно,—я теперь не помню. Слишкомъ много лѣтъ и еще неизмѣримо больше впечатлѣній легло уже между мною и тѣмъ моментомъ, который видѣли мои дѣтскія очи. Потому то и встаетъ онъ теперь въ моемъ воспоминаніи, какъ долгій, долгій весенній праздникъ, полный всеобщаго ликованья и счастья. Сама природа точно ликовала тогда съ народомъ, по крайней мѣрѣ изъ моей памяти совсѣмъ исчезли какъ то зима и осень, точно въ томъ году ихъ и не было вовсе. Какъ ребенокъ, и къ тому же очень нервный, я схватилъ только самыя сильныя, общія впечатлѣнія, оттого я и помню только ясное ведро природы и счастливое ликованіе народа.

Да, все окрестъ ликовало! Но въ палатахъ магнатовъ, въ усадьбахъ шляхты творилось что то другое, тамъ не было ликованья и счастья. Оттуда несло какой то смутой и тревогой, какой то загадочной тайной и угрозой. Тамъ собирались какіе то таинственные съѣзды, шли бенкеты, на которые съѣзжались откуда то невиданные доселѣ въ краѣ люди, шли какіе то странные толки о дѣлахъ въ Варшавѣ. Шляхта одѣлась въ старинныя чамарки, шляхтянки стали носить только траурныя платья, точно вновь свидѣтельствуя этимъ свою рознь съ народомъ, даже Янкель сталъ какимъ то таинственнымъ и скрытнымъ. Дѣдъ все это видѣлъ, понималъ конечно, хмурился и укоризненно качалъ головою.

— Ничему не научилась еще эта Варшава!—вѣчно бормоталъ онъ въ свои длинные усы, глядя подчасъ въ окно на суету въ замкѣ,—а пора бы кажется!? Охъ, пора бы!

Чему было бы пора научиться Варшавѣ,—я не понималъ еще тогда, но я скоро узналъ, что значитъ это оживленье шляхты. Въ той средѣ, къ которой я былъ такъ близко,—въ средѣ народа, тоже шли свои толки. Тамъ тоже все видѣли и по своему знали, что это шляхта готовится бунтовать противъ народной воли. И грозно сдвигались тамъ брови, сумрачны ста-

новились лица, страшной угрозой дышали взоры. Зорко слѣдили оттуда за шляхтой, такъ зорко, что самый легкій вздохъ даже не прошелъ бы незамѣтнымъ, и напряженно ждали... Ждали, что съ высоты самаго высокаго на свѣтѣ золотаго трона, который, какъ небо звѣздами, усыпанъ весь миріадами драгоцѣнныхъ каменьевъ, что съ высоты этого трона, провѣщавшаго народу волю, раздастся призывъ, нѣтъ, что призывъ! одно движеніе, одинъ только намекъ на него и... и... и, конечно, „отъ Случи до Чернаго моря“ исчезла бы самая память о „ляхахъ“. Пыль засыпала бы тѣ мѣста, гдѣ стояли гордые замки важныхъ магнатовъ... подорожникъ зеленѣлъ бы на мѣстахъ шляхетскихъ усадебъ... О, хорошо помнила Украина уроки своего прошлаго!

— Не хочетъ царь позволить намъ самимъ усмирить ляховъ!— говорилъ мнѣ со вздохомъ Охримъ.—Видно, жалко царскому сердцу и ляховъ... Все жъ, вѣдь, и они тоже ему дѣти!... А мы бы!...

Охримъ не договаривалъ, только глаза его сверкали, да тонкія ноздри дрожали... Я и самъ понималъ хорошо, что сдѣлали „мы бы“...

А суета шляхты все росла и росла. Въ костелахъ стали пѣть неслыханные доселѣ гимны; по дорогамъ запрыгали таратайки то съ молчаливыми, сосредоточенными ксендзами, то съ молодыми шляхтичами, одѣтыми въ старопольское платье, старавшимися брататься съ ненавидѣвшимъ ихъ народомъ, можетъ быть, даже искренно въ тотъ моментъ, но совершенно неудачно. Дѣдъ хмурился все сильнѣе, тѣмъ больше, что народъ то и дѣло прибѣгалъ къ нему за совѣтами, что дѣлать въ виду затѣй шляхты, въ виду слуховъ о готовившемся возстаніи въ Варшавѣ, съ опасеніемъ о судьбѣ своей воли.

— Охъ, видно прійдется намъ еще разъ побить въ Украинѣ ляховъ!—вырвалось у него, помню, какъ то невзначай послѣ одной изъ бесѣдъ съ народомъ.

Разъ, я спалъ уже въ своей постели, когда къ крыльцу дома неожиданно подкатила одна изъ такихъ таратаекъ, изъ нея выскочилъ никому неизвѣстный молодой шляхтичъ и пошелъ къ дѣду. Долго они бесѣдовади о чемъ то, то тихо, то громко, но, наконецъ, дѣдъ сталъ говорить такъ сердито и громко, что я

въ удивленіи проснулся... Компата дѣда приходилась рядомъ съ моей спальней.

— Одно жъ у насъ небо, одна жъ земля насъ вскормила!— коснулись моего слуха слова незнакомца, сказанныя такимъ тономъ, точно онъ въ чемъ то убѣждалъ дѣда.

— Что жъ изъ того? — возразилъ твердо дѣдъ.—Въ одной водѣ, пане, живутъ карась и щука... Развѣ не знаете?...

— Такъ, положимъ... Но вѣдь мы оба любимъ одну и ту же Украину!.. горячился шляхтичъ.

— Любимъ, то любимъ... Да, вотъ, бѣда, пане, любимъ мы разно.

— Какъ?!—не то вспыхнулъ, не то улыбнулся иронически незнакомецъ.

— А такъ, пане!—совсѣмъ уже грозно отвѣтилъ дѣдъ.—Общаго нѣтъ у насъ съ вами... Мы подѣлились еще за время Рѣчи Посполитой, которую и мы же порвали, а порвали мы ее потому, что согласиться не могли, что у каждаго изъ насъ было нѣчто свое, что ставило насъ другъ противъ друга... Вы любили свое, а мы свое....

— Что же это такое, я не понимаю? Недоразумѣнія, что ли?—удивлялся гость, и мнѣ показалось, что онъ вновь иронически улыбнулся.

— Хороши недоразумѣнія, нечего сказать,—засмѣялся дѣдъ.— Народническая Русь и шляхетская Польша, да вѣдь это огонь и вода, пане!.. Двумъ разнымъ богамъ молились мы съ вами, вотъ что насъ подѣлило! И знайте, пане, что пока такъ стоитъ дѣло, не будетъ между нами мира и общаго..! Прислушайтесь-ка къ толкамъ народа!... Пока вы будете смотрѣть тѣми же шляхетскими глазами, вся Русь, весь народъ ея...

— Народъ?!—съ досадой, казалось мнѣ вновь, перебилъ гость.— Народъ—стадо! Кто пообѣщаетъ ему лучшее сѣно, за тѣмъ онъ и пойдетъ!..

— Стадо!?—крикнулъ дѣдъ.—Вотъ тутъ то и разница между нами, пане! Для васъ онъ только стадо, для меня онъ все на свѣтѣ! И знаете что, пане, послушайте моего совѣта, жалко мнѣ васъ! Не трогайте вы это стадо, охъ, не трогайте!.. Бросьте свои затѣи, которыя въ конецъ васъ погубятъ!.. Послушайте, пане,— если бы этому стаду вы предложили брилліантовую гору отъ

земли до неба, и тогда онъ будетъ какъ милости ждать позволенія—стереть съ земли самое мѣсто, гдѣ стоитъ Варшава.. Вотъ оно какъ, пане.

— Я могу согласиться только на томъ, что онъ такой же теперь, пожалуй, варваръ,—какимъ былъ, когда поднялъ бунтъ и противъ цивилизаціи, противъ культуры древней Польши... ѣдко возразилъ гость,—и не кончилъ, ибо въ этотъ самый моментъ неожиданно появился я на порогѣ и, щурясь отъ свѣта, сталъ съ удивленіемъ разглядывать незнакомца.

— Ты какъ здѣсь?!—съ удивленіемъ спросилъ дѣдъ, проглотивъ готовое было сорваться въ отвѣтъ гостю слово.

— Я проснулся, дѣдусю...

— Вижу... Чего жъ тебѣ надо?..

— Ничего, дѣдусю... Я такъ...

— Ты слышалъ, о чемъ мы говорили?

— Да, дѣдусь... Я слышалъ, какъ ты говорилъ, что народъ хотѣлъ бы побить Варшаву...

— Ну, а ты какъ думаешь?—усмѣхнулся дѣдъ, которому всегда пріятно было меня видѣть.

— Я тоже хотѣлъ бы, дѣдусь!—отвѣтилъ я искренно, смотря на улыбавшагося насмѣшливо гостя.

— Ну, а пока иди спать!...

Эту сцену помню я живо, хотя много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, а сущность самаго разговора стала мнѣ ясна только впослѣдствіи изъ разсказовъ самого дѣда, когда я сталъ постарше. Но я и теперь, кажется, вижу высокую разгнѣванную фигуру дѣда, готоваго было крикнуть съ ироніей:—да, до сихъ поръ, пане, помнимъ мы вашу шляхетскую цивилизацію!—и насмѣшливо улыбавшееся лицо молодаго шляхтича. Я ушелъ спать, гость уѣхалъ,—но съ тѣхъ поръ дѣду просто житья не стало отъ сосѣдняго шляхетства. Его травили всѣмъ и чѣмъ могли только, какъ самаго злѣйшаго врага, его почти открыто звали „гайдамацкой собакой“ и не было той клеветы, что не сыпалась бы на его честную, сѣдую голову... Дѣдъ молчалъ, только хмурился сильнѣе,—за то я страдалъ и кипятился за него, дѣля свое негодованіе съ Охримомъ, съ кучеромъ Панькомъ и съ дру-

гими своими знакомцами-друзьями. Разъ,—когда на дѣда посыпались со всѣхъ сторонъ угрозы,—сначала его старались виставить бунтовщикомъ народа въ глазахъ власти и это чуть не удалось было, а затѣмъ стали грозить ему смертью,—онъ позвалъ Панька и велѣлъ ему отточить завѣтную саблю.

— Отточи-но, Панько, гетманку!...

Панько отточилъ ее, какъ бритву и, показывая мнѣ чистый, сверкавшій клинокъ, произнесъ съ какой то гордой похвальбой:

— А у меня, панычу, давно уже есть „точэный"...

— Что такое?...

Панько съ гордостью вытащилъ длинный ножъ и, точно любуясь имъ, сказалъ какъ то задыхаясь:

— Глядите, панычeньку!... Охъ, еслибы только вздумали понавѣдаться сюда вражьи ляхи!!—Я по самый локоть всадилъ бы его въ ихъ панское сердце съ рукою... Такъ всадилъ бы, панычыку,—ахъ, какъ всадилъ бы!

А у пастуха Охрима давно уже была заготовлена тяжелая, сучковатая дубинка...

Но и все это время я никогда не разставался съ своими грезами о чудной Бѣлой Паннѣ, которая по прежнему какъ то странно соединялась въ моемъ представленіи съ образомъ дивной полячки изъ замка, и все такъ же рыскалъ за нею по чащѣ. Меня точно околдовалъ этотъ образъ, тянулъ къ себѣ какой то невидимой, но крѣпкой нитью и какъ ни билось мое сердечко страхомъ, какъ ни блѣднѣли подчасъ мои щеки,—я не могъ совладать съ этимъ влеченьемъ, я шелъ за нимъ, несмотря на страхъ и тревогу, въ самыя густыя заросли лѣса... Казалось,—въ самомъ страхѣ, въ самой тревогѣ моей крылась какая то чарующая прелесть, мимо воли толкавшая меня впередъ и впередъ, и я шелъ, замирая, какъ нѣкогда выслѣживалъ русалокъ въ темныя ночи... Много дней пробродилъ уже я, много новыхъ тропъ проложилъ въ чащѣ и много нашелъ я скрытыхъ ущелій, темныхъ пещеръ и разсѣлинъ въ лѣсистыхъ скалахъ, гдѣ, кажется, должны бы были ютиться самые невообразимые страхи... Но все было тщетно,—меня тоже бѣжала чудная панна...

— Ей жалко людей,—ей горько вѣщать имъ злое горе!—стучали въ моемъ сердцѣ слова Охрима,—и еще сильнѣе тянуло меня къ ней, тянуло „пожалѣть“, чтобы спасти ее отъ злаго заклятья, спасти отъ вѣчной муки. Можетъ быть, тянуло такъ и потому, что она все казалась мнѣ похожей на ту... ту панну, что поцѣловала меня своими чудными устами и дала свою бѣлую розу... Та, вѣдь, тоже была вся въ бѣломъ и тоже любила!...

Но разъ, тихимъ вечеромъ на самомъ закатѣ, когда лѣсъ одѣлся какимъ то стыдливо грустнымъ румянцемъ, съ которымъ спорили, волнуясь, свѣтло-фіолетовые тоны надвигавшихся сумерекъ, я лежалъ въ густой чащѣ... Я лежалъ и смотрѣлъ безцѣльно вверхъ, ни очемъ не думая, ни чего не ожидая,—слѣдя глазами за дымной тучкой, таявшей въ пылавшемъ небѣ, какъ таетъ безъ слѣда снѣжинка, занесенная случайно къ багровому свѣту камина... Все было тихо,—все отдыхало или собиралось на отдыхъ,—только ворона каркнула гдѣ то.... И вдругъ я увидѣлъ!...

Нѣтъ,—сначала я услышалъ только шорохъ за кустами,—тамъ,—гдѣ виднѣлась зеленая полянка,—такой легкій шорохъ, точно поднявшаяся птичка всколыхнула тонкую вѣтку, точно чей то легкій вздохъ пронесся въ зеленой кущѣ вдругъ задрожавшихъ листьевъ... Я невольно повернулъ глаза, невольно вглядѣлся сквозь листья и вѣтви,—и замеръ.. Замеръ весь, какъ лежалъ съ заложенными подъ голову руками, съ поднятою дыханьемъ грудью, съ замолчавшимъ сердцемъ... Я увидѣлъ бѣлое... бѣлое платье!..

Да,—тамъ за кустами стояла Бѣлая Панна,—грустная, печальная вѣщунья,—рѣзко выдѣляясь въ тихо дрожавшей вечерней дымкѣ... Багрово-золотые лучи исчезавшаго солнца, продираясь сквозь чащу неподвижнаго лѣса, играли пурпуромъ и златомъ на складкахъ ея легкаго, бѣлаго платья, свѣтили ея золотистыя кудри, охватывали всю ее какою то дрожавшею волною свѣта... И она сама, легкая и прелестная, дрожала, кажется, свѣтясь,—вмѣстѣ съ вечерней дымкой, съ волной врывавшагося свѣта... Я не вѣрилъ себѣ и въ то же время—видѣлъ,—я замеръ въ ужасѣ и въ то же время смотрѣлъ, смотрѣлъ и смо-

трѣлъ... Что же она вѣщаетъ?! Какое и кому горе? Я боялся двинуться, чтобы не спугнуть чудное видѣнье...

И чѣмъ больше смотрѣлъ я, тѣмъ все шире раздвигались, казалось, мои зрачки,—тѣмъ все больше жгучее недоумѣніе смѣняло мой ужасъ. Видѣніе, эта заколдованная Бѣлая Панна поразительно, какъ двѣ капли воды, походила на тотъ мимо воли обожаемый образъ, которымъ давно трепетало мое сердечко, который съ какой то жгучей властью всегда виталъ предо мною и какъ ядъ грѣха, въ которомъ я самъ себѣ боялся признаться, впитался въ мою дѣтскую душу... Да, и раньше я подозрѣвалъ это сходство и раньше онѣ обѣ соединялись въ моемъ воображеніи въ одно цѣлое, въ одинъ образъ,—но теперь это было живое воплощенье, а не сходство,—предо мною дѣйствительно, казалось, стояла чудная полячка... Эти золотыя кудри... глаза,— эти брови... эта пышная грудь, на которой дрожитъ бѣлая роза! Сонъ ли это, или правда,—видѣнье,—или это дѣйствительно она,—панна изъ замка,—съ которой такъ давно уже и такъ страстно, хотя и смутно, безотчетно желалъ я новой встрѣчи!?.. Но зачѣмъ же пришла она сюда,—не меня же искать въ лѣсной чащѣ... Или... или... Неужели же чудная полячка только привидѣнье, неужели она сама—Бѣлая Панна!?...

Мои недоумѣнія разлетѣлись мигомъ, а сердце въ тотъ же моментъ сжалось болью и какимъ то новымъ, неизвѣстнымъ еще, но тяжелымъ чувствомъ... Туманъ очарованья исчезъ, какъ только у ногъ дивнаго видѣнья очутился тотъ самый шляхтичъ, что пріѣзжалъ ночью къ дѣду, что по словамъ Янкеля, былъ влюбленъ въ молодую графиню, какъ сумасшедшій,—и это видѣнье его не бѣжало... Да,—это была полячка изъ замка,—сомнѣній не было,—а это былъ онъ... тотъ шляхтичъ!... И разглядѣвъ все, я почувствовалъ, какъ вспыхнули вдругъ мои щеки, какъ загорѣлись мои глаза какимъ то нехорошимъ огнемъ,—а грудь заходила неровно...

Тотъ стоялъ у ея ногъ, цѣловалъ ея руки и шепталъ ей какія то тихія, неслышныя рѣчи... Она не отнимала рукъ,—она стояла неподвижно, молча,—прелестная, бѣлая, почти прозрачная, какъ дымка, какъ бѣлая весенняя тучка въ голубомъ небѣ,—блѣдная

и грустная... Только грудь ея колыхалась, только крупныя слезы медленно струились по ея застывшимъ, какъ мраморъ, щекамъ...

— И ты пойдешь?!

— Конечно пойду,—долженъ!—отвѣтилъ шляхтичъ.—Всѣ идутъ и твой старшій братъ съ нами!...

— Знаю!—вырвалось у панны,—но то, что вырвалось, походило скорѣе на вздохъ, чѣмъ на слово.

— Ты не хочешь?! Ты все еще не вѣришь въ наше дѣло?!

— Нѣтъ, не вѣрю!—качнула головой панна.

— Не вѣришь?! Когда за насъ Европа?

— Европа!—горько отвѣтила панна.—Не тотъ ли нѣмецъ, что совсѣмъ онѣмечилъ Познань? Не трусливый ли австріякъ, что взялъ себѣ наши лучшія части и вѣчно дрожитъ за свою цѣлость?... Не они ли?!

— А Франція! Наполеонъ!?

Панна грустно покачала головою.

— Ничего не будетъ кромѣ бѣды...

— Какъ!? Ты не вѣришь!... Ты не слыхала развѣ, что сказалъ онъ маркизу?

— Слыхала, но я ему не вѣрю...

— Не вѣришь Наполеону? Почему!?

— Онъ намъ измѣнитъ, какъ только кровь прольется,—мы для него только шашки въ его игрѣ съ Россіей... Онъ намъ измѣнитъ, какъ измѣнилъ своимъ... Онъ измѣнитъ, какъ измѣнилъ намъ его дядя...

— Ты говоришь о Великомъ?...

— Да, о немъ говорю... Развѣ не вѣрили ему наши?... Развѣ не гибли за него наши легіоны и въ Испаніи, и въ Африкѣ, и вездѣ, куда его ни носило? Развѣ мало уже пролилось нашей крови,—а что же вышло?—Одно горе! Нѣтъ,—я не вѣрю Наполеонамъ!... И нечего намъ разсчитывать на кого бы то ни было,—иначе мы сами себя погубимъ!...

— Ты говоришь не какъ полька!—съ горечью и болью отвѣтилъ ей шляхтичъ.

— Да я и не полька, а украинка, какъ и ты не полякъ, а украинецъ! Но я, какъ и ты, люблю Польшу, я, какъ и ты, все-

сала эту любовь съ колыбели и, какъ у тебя, у меня нѣтъ другой матери-ойчизны... Я готова погибнуть для нея даже безъ вѣры, что принесу ей этимъ пользу... И я не удерживаю тебя,—я говорю тебѣ сама:—иди,—разъ ты говоришь, что долженъ... Иди!..

Я дальше не слышалъ... Въ моихъ ушахъ что то звенѣло, что то поднималось въ груди давящей, мучительной волною... Пара исчезла,—она двинулась по лѣсной тропѣ и потонула, какъ видѣнье, въ сумракѣ лѣсной чащи... Только платье зашуршало, да захрустѣлъ подъ ногами сухой валежникъ... А я все лежалъ и лежалъ, охваченный какой то неясной, смутной, но тревожной мыслью... Мнѣ какъ будто страшно стало, что я держу въ рукахъ чужую тайну, какъ будто стыдно было, что я увидѣлъ то, чего никто не долженъ былъ видѣть... И вмѣстѣ съ тѣмъ меня что то жгло, терзало,—туманило мысли до слезъ,—какое то несознанное, еще незнакомое, но жгучее чувство...

Тайна! Да, я держу въ своихъ рукахъ чужую тайну,—и, Боже,—чего мнѣ это стоитъ!.. И я сдержу ее, скрою,—хотя это можетъ быть и измѣна своимъ... Я скрою ее, какъ скрылъ отъ всѣхъ и тотъ ядъ, что впился въ меня съ прелестныхъ устъ тогда... на плотинѣ... въ горячее, горячее утро... Можетъ быть, и это измѣна,—но такъ велѣло мнѣ тогда почему то все то, что такъ сильно стучитъ у меня въ груди слѣва... Оно сильнѣе моей воли!.. Я скрою,—я никому не скажу!.. Но... но... встрѣть я теперь полячку, встрѣть я ее одну,—я бы... я... Я самъ не знаю, что сказали бы ей мои дрожавшія больной и острой мукой, побѣлѣвшія, запекшіяся уста!...

Я плакалъ...

ГЛАВА IX.

Расплата.

Стояла глубокая осень... Опавшій листъ печально шуршалъ подъ ногами, темные дубы побагровѣли, точно напитались кровью; голубое небо потеряло глубину и яркость, поблѣднѣло похолодѣло и самая даль изъ задумчивой, манящей,—стала какой то грустной...

И гордый замокъ, поднимаясь надъ багрово-желтою кущей умиравшаго лѣса, глядѣлъ теперь тоже грустно... О, не гордо уже, какъ прежде, взлеталъ онъ къ небу, царя надъ всѣмъ домомъ; — его кичливая гордость пропала... Не угрозой дышалъ мрачный камень, — онъ выглядѣлъ сумрачно, глухо, печально, точно памятникъ, поставленный на мѣстѣ, кипѣвшемъ нѣкогда жизнью, а теперь мертвомъ,—и только глубокій вздохъ о прошломъ, казалось, застылъ и таился въ его неподвижныхъ, грандіозныхъ стѣнахъ!... Разъ, я помню, дѣду принесли какую то невиданную птицу, случайно залетѣвшую съ прилетомъ съ далекаго юга и жизнью заплатившую за свою страстную пытливость... Могучая шея невиданной птицы падала безсильно... громадный клювъ съ какимъ то необычайнымъ зобомъ не грозилъ уже никому и возбуждалъ не страхъ, а любопытство... Зоркія очи навѣки потухли и только широкія крылья, шурша, когда ихъ раздвигали руки,—глухо свидѣтельствовали о гордой когда то силѣ... Замокъ напоминалъ мнѣ теперь эту птицу!..

Онъ не горѣлъ уже огнями, не кипѣлъ суетой и прежнимъ шумомъ... Все было въ немъ тихо, только поджарые донскіе кони козацкаго пикета фыркали и ржали, методически жуя сѣно въ его оградѣ,—а когда ночью слабый свѣтъ чуть-чуть мерцалъ въ нѣсколькихъ изъ его безчисленныхъ громадныхъ оконъ,—этотъ свѣтъ напоминалъ мнѣ ночное мерцанье лампадки кладбищенской церкви... Жизнь тамъ только тлѣла, догорая и гармонируя съ общимъ осеннимъ тономъ. Безуміе шляхты, дерзко поднявшей свое архивное знамя въ Украинѣ, — этотъ послѣдній порывъ окоченѣвавшаго, нѣкогда сильнаго тѣла, быстро подавленный, уничтоженный, сразили и замокъ, кичливо поднявшій то же знамя... Съ этимъ послѣднимъ порывомъ умерло навсегда все то, что отъ основанія хранили гордыя стѣны,—остался только голый остовъ, какъ памятникъ былаго,—послѣдняя пѣсня была спѣта... И гордый замокъ, казалось, понялъ это... Какъ сказочный „послѣдній рыцарь", завернулся онъ въ свою каменную тогу и гордо почилъ, полный величья и холоднаго, презрительнаго безучастья къ тому, что вновь складывалось вокругъ него жизнью... Въ немъ могла

гнѣздиться сова,—зеленый плющъ могъ совсѣмъ обвить его сѣдые камни, паукъ заткать паутиной его фрески и узорные карнизы,—громъ могъ метать въ него свои огненныя стрѣлы,—шумъ и свѣтъ, наконецъ, могли внести въ его остовъ новые люди,—ему было все равно... Духъ, созидавшій и оживлявшій вѣками эти стѣны, исчезъ навѣки, застывъ въ нихъ, и камень, казалось, ни на что не могъ отзываться больше... Такъ, входя въ развалины древняго храма низверженнаго кумира,—вы невольно чувствуете, что сѣдой камень и знать не хочетъ васъ, чуждаго пришельца, что весь онъ полонъ только застывшей дремы о своемъ прежнемъ богѣ... И жутко дѣлается отъ этой сосредоточенной дремы и не поднимается какъ то рука зажечь въ этихъ стѣнахъ свѣтильникъ новому кумиру...

Такимъ представлялся этотъ замокъ моему дѣтскому взору, когда мятежъ шляхты былъ подавленъ и свободный народъ пересталъ дрожать за свою волю, когда шляхтѣ пришлось расплачиваться родовыми помѣстьями за свою дерзость и графу предстояло тоже распроститься съ своимъ замкомъ... Слухи гласили, что въ лучшемъ случаѣ, ему будетъ предложено немедленно продать всѣ свои помѣстья, такъ какъ участье его въ мятежѣ было несомнѣнно,—родной сынъ его исчезъ и, какъ говорили, присоединился къ какой то бандѣ... Печально коротал ъ послѣдніе дни въ своихъ стѣнахъ сильно осунувшійся графъ вмѣстѣ съ дочерью и младшимъ сыномъ и выглядѣлъ такъ же печально, какъ и стоявшая на дворѣ глубокая осень...

Такимъ же представляется мнѣ этотъ замокъ и теперь, когда все это давнымъ давно минуло и я, измученный жизнью пришлецъ издалека,—прибрелъ цѣловать родимую землю... Весь облитый фантастическимъ луннымъ свѣтомъ, какимъ то застывшимъ призракомъ взлетаетъ онъ вверхъ надъ окружающими его полными амбарами новаго владѣльца, поражая глазъ грустнымъ диссонансомъ... Громадныя окна пусты и зіяютъ точно темныя черепныя щели, балконы обрушились,—колонны треснули, зубцы высокихъ башенъ свалились... Но что ему за дѣло,—что ему всѣ эти амбары, эти закромы, что внѣдрились даже въ его стѣнахъ,—онъ грезитъ о своемъ богѣ!.. Я чую таинственную

сагу о прошломъ... съ этихъ умирающихъ стѣнъ на меня вѣетъ длинная повѣсть о вѣковой враждѣ народа и шляхты,—эпопея борьбы и древнихъ козацкихъ набѣговъ встаетъ предо мной, какъ живая,—я дышу поэзіей давно умершихъ сказаній,—моя собственная вражда къ нему, которой дышалъ я нѣкогда,—подернута для меня теперь поэтической дымкой, какъ будто связывающей, роднящей меня съ замкомъ... Да, что то общее, связывающее стоитъ теперь между нами и мнѣ сдается, что тоже чувствуетъ грезящій замокъ, что на меня онъ глядитъ не такъ безучастно... Можетъ быть даже привѣтомъ дышутъ на меня эти зіяющія щели!..

Такъ и больные чувствуютъ, говорятъ, какую то связь между собою, такъ и два врага, когда все, за что они нѣкогда боролись, погребено давнымъ давно чуждой имъ рукой,—встрѣчаясь,—чувствуютъ общую близость, несмотря на все, что ихъ раздѣляетъ, и любятъ вмѣстѣ помечтать о прошломъ... Въ этомъ прошломъ затрачено каждымъ такъ много собственной души и частицъ своего сердца!..

Очень можетъ быть, что нѣчто подобное испытывалъ и дѣдъ,—глядѣвшій все послѣднее время какъ то хмуро, печально, точно разочарованно, несмотря на то, что кругомъ быстро складывались новыя условія, что край кишѣлъ новыми пришлецами съ сѣвера, смѣнявшими древнюю, враждебную шляхту... Исконный врагъ былъ навсегда подавленъ и дѣду точно скучно стало, что враждовать было не съ кѣмъ, что давніе счеты были сведены помимо него,—что новые голоса, вмѣшавшіеся въ этотъ вѣковой антагонизмъ двухъ противоположныхъ элементовъ, какъ бы игнорируя, совсѣмъ заглушали его голосъ... Не такъ уже часто останавливался онъ предъ портретами непреклонныхъ предковъ, своей смѣлой рукою сдерживавшихъ своеволіе „ляховъ“ въ Украинѣ, и глухо дрожалъ его голосъ, когда онъ попрежнему пытался передавать мнѣ ихъ великіе завѣты...

Меньше говорилъ онъ о саблѣ и кубкѣ и старая Горпына, получавшая свое меню очень быстро, ворчала уже не на „шаблюку и чарку“, которыя теперь ей не мѣшали, а на то-де „что съ старымъ паномъ щось діется,—воны якъ слабый сталы“. Ей,

можетъ быть, тоже скучно стало безъ этихъ привычныхъ разсказовъ и тревожнымъ взглядомъ окидывала она фигуру сѣдаго пана... Дѣйствительно, дѣдъ сильно измѣнился,—осунулся, согнулся, сталъ нервенъ до того, что длинные усы его вздрагивали при каждомъ звукѣ колокольчиковъ, то и дѣло звенѣвшихъ теперь по дорогамъ... Можетъ быть тутъ просто напросто сказывалась глубокая старость...

Но и я былъ грустенъ... Иванъ Семеновичъ торжествовалъ, ибо близился часъ, когда его ученикъ, по его же увѣренію, долженъ былъ первымъ выдержать экзаменъ за три класса и... и, конечно, распроститься съ чудной Пустынькой, съ „бреднями" Охрима, со всѣмъ миромъ тихой деревни... Грустно бродилъ я по чащѣ,—но я не искалъ уже Бѣлой Панны, не собирался слушать Охрима,—я прощался со всѣмъ, что было до сихъ поръ неразрывно и тѣсно связано съ моимъ сердцемъ, съ мѣстами, гдѣ я жилъ, думалъ, боролся, одухотворяя воображеніемъ мертвую природу, гдѣ учился любить и понимать,—съ плотиной, на которой увидалъ я ту, что впервые вызвала въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ новый, особенный трепетъ, съ полянкой, гдѣ въ душѣ моей впервые вспыхнула жгучая ревность... И желтый осенній листъ грустно шуршалъ подъ моими ногами, точно шепталъ мнѣ роковое: прости! а полуобнаженный, печально умиравшій лѣсъ глядѣлъ на меня, казалось, такъ холодно и безучастно, точно я былъ для него уже чуждымъ пришельцемъ... Что же изъ того, что онъ вскормилъ, воспиталъ меня въ своей могучей, полной таинственной дремы, чащѣ,—что онъ любовно навѣвалъ на меня свои чарующія грезы?... Я уходилъ отъ него,—я рвалъ съ нимъ,—я отстранялъ его ласку и надолго... надолго... надолго... убѣгалъ въ городъ...—О,—могучій, чудный, любимый лѣсъ,—точно стучало ему, плача, мое сердце,—вѣдь, не я же это,—не я... Это все этотъ Иванъ Семеновичъ! Но лѣсъ не слышалъ,—лѣсъ не хотѣлъ знать никакихъ оправданій...

Право, мнѣ казалося, что и старый Разбой глядитъ уныло, что ему тоже отчего то грустно... Не какъ прежде, бывало, бѣжалъ онъ за мною,—онъ плелся тихо, вяло, безучастно, какъ

бы неохотно даже, а повинуясь только обязательному долгу... Но разъ въ густой чащѣ онъ вдругъ оживился, насторожилъ чуткія уши, потянулъ воздухъ... Онъ почуялъ что то, ощетинился, заворчалъ, двинулся быстро и въ тотъ же моментъ моего слуха коснулся холодный лязгъ стали, тупое щелканье взводимаго курка... Какая то суета поднялась въ кустахъ, топотъ, движенье, чей то шопотъ испуганно повторялъ одно и то же слово: кто? кто? кто?...

Я онѣмѣлъ отъ испуга, — предо мною стояли какіе то оборванные, обросшіе, точно одичалые люди и тоже испуганно и подозрительно смотрѣли на меня, какъ и я на нихъ, неподвижными глазами... Цѣлый вѣкъ, казалось, длилось это молчаливое созерцанье другъ друга, во время котораго одинъ Разбой рычалъ все громче и громче... Тамъ, наконецъ, задвигались, переглянулись какъ то,—что то вновь зашептали,—а я все еще стоялъ истуканомъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ вытаращенными глазами...

— Онъ одинъ?—коснулся моего слуха новый такой же робкій шепотъ...

— Ты одинъ, мальчикъ?—спросилъ меня кто то.

Я разглядѣлъ, я узналъ, наконецъ, и понялъ... Предо мной стоялъ исчезнувшій молодой графъ, стоялъ тотъ шляхтичъ, что пріѣзжалъ къ дѣду, котораго я видѣлъ послѣ у ногъ измѣнившей мнѣ панны, и еще кто то. Но до чего они были всѣ оборваны, истощены, несчастны,—я съ трудомъ узналъ ихъ лица!... Мой испугъ не прошелъ,—онъ перемѣнилъ только свой характеръ,—онъ перешелъ въ безпредметный страхъ, въ жуткую тревогу, полную предчувствія чего то больнаго и тяжелаго...

— Одинъ!—сами собой зашептали въ отвѣтъ мои сухія губы.

— Это кажется москаль?... Изъ хлоповъ?!... Онъ предастъ насъ... Мы пропали!—испуганно шепталъ третій изъ стоявшихъ предо мною, и я помню, какъ жгучая обида вливалась отъ этихъ словъ въ мою душу и жгла ее точно каленымъ желѣзомъ... Образъ отвратительнаго Іуды мелькнулъ въ моемъ воображеніи и поднялъ гдѣ то внутри меня все отвращенье, воспитанное къ нему съ дѣтства. Негодованіе оживило, казалось, мое окоченѣвшее тѣло,—и точно заслонило страхъ обидой и злобой...

— Ты кто такой, мальчикъ?...

— Я изъ Пустыньки...

— Ты, можетъ быть, внукъ стараго пана Андрея?—спросилъ шляхтичъ.

— Да, я внукъ его!—не робко, а смѣло уже, точно вызывающе отвѣтили мои губы...

— Ты изъ нашихъ?... съ радостнымъ изумленіемъ вмѣшался третій...

Тутъ я, казалось, совсѣмъ пришелъ въ себя, я точно совладалъ, наконецъ, съ своимъ страхомъ.—Негодованіе ли такъ повліяло, или что другое,—не знаю, но во мнѣ просыпалось, вставало новое чувство, которое брало верхъ надъ страхомъ. Кажется, я испытывалъ теперь аналогичное съ тѣмъ, что вспыхнуло во мнѣ, когда генеральша пригрозила мнѣ розгой... Я точно не боялся уже этихъ людей и ихъ оружія,—и вмѣстѣ съ тѣмъ мое сердце сжималось,—я дрожалъ, но въ то же время что то непонятное, вызывающее, гордое, дерзкое, просыпаясь въ душѣ, толкало не поддаваться страху, стыдилось его, требовало мести.

— Ты нашъ?!

— Нѣтъ, я не ляхъ,—я не ляхъ!... сами собой говорили мои губы съ необычайнымъ, казалось, презрѣніемъ.

— И я не боюсь васъ,—я совсѣмъ васъ не боюсь!...

Но я сейчасъ же вновь помертвѣлъ отъ страха. И я видѣлъ, какъ помертвѣли также и молодой графъ, и незнакомецъ... Я видѣлъ, какъ смутились ихъ взоры, какъ нерѣшительно дрогнули ихъ руки—и ждалъ,—ждалъ, какъ трупъ, у котораго громко стучало бы одно сердце... Чего я ждалъ,—я не знаю,—меня сковалъ ледяной ужасъ,—но я помню, что мои дрожавшія, упрямыя уста ни за что на свѣтѣ не взмолились бы о пощадѣ... Нѣтъ,—онѣ все шептали бы одно и то же,—сквозь леденящій страхъ, онѣ все таки вызывающе твердили бы:—„я не боюсь васъ!“ Но еще немного и я, кажется, разрыдался бы истерично... Изъ такого напряженнаго состоянія вывелъ всѣхъ молодой шляхтичъ.

— Тебѣ и нечего насъ бояться, хлопче,—сказалъ онъ,—мы не разбойники... И мы такіе же, какъ и ты, украинцы.

— Нѣтъ, вы враги... Вы ляхи!... упрямо твердили мои губы, повинуясь какому то безотчетно-дерзкому порыву,—хотя на самомъ дѣлѣ я дрожалъ съ ногъ до головы...—Нѣтъ, вы враги...

— Ты не правъ, мальчикъ,—хрипя больною грудью, говорилъ шляхтичъ.—Одно у насъ съ тобой небо,—одна земля насъ вскормила... Не враги мы тебѣ,—хотя ты и не вѣришь... послѣ когда нибудь узнаешь... Да и никому мы теперь не враги... Смотри, мы оборванные, голодные, больные люди, у которыхъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба... Смотри на насъ... Видишь?! Я смотрѣлъ на лохмотья, я видѣлъ изцарапанное, тощее тѣло,—и вновь свершалось со мною давнее, давнее дѣтское чудо... Въ груди что то закипало, поднимаясь, сжимало горло, туманило глаза, какъ и въ тѣ фантастическія ночи, когда я ребенкомъ нападалъ на замокъ, когда я, какъ Самсонъ, готовъ былъ схватить его колонны руками... Я слабѣлъ,—въ груди разливалось что то теплое и мягкое, какъ слезы,—вытѣсняя заносчивость и дерзость, когда молодой графъ съ какимъ то глухимъ стономъ повалился на землю.

— Я не могу больше!... Я не въ силахъ!—рыдалъ онъ, уткнувшись въ ладони.—Будь, что будетъ!... Мнѣ все равно... все равно...

Капля переполнила чашу... Что было дальше,—я не знаю,—что говорили мои блѣдныя уста,—я не помню,—но я, кажется, тоже плакалъ. Я былъ уже не я,—какое то чудо превратило меня во что то иное,—я жалѣлъ, я болѣлъ и это разглядѣли тѣ трое.

— У тебя нѣтъ хлѣба?

— Хлѣба!?—Нѣтъ,—но я отдалъ бы теперь всѣ свои пальцы, чтобы ладонями поднести голоднымъ хлѣба! Въ карманѣ у меня былъ пряникъ...

— Вотъ!—протянулъ я дрожащей рукою свой пряникъ.

Двѣ руки подняли меня на воздухъ, моего лба коснулись мохнатыя губы и двѣ мужскія слезы омочили мое пылавшее лицо. И я чувствовалъ какъ и поцѣлуй этотъ, и эти слезы впились въ мою душу чѣмъ то острымъ, какъ отточенный ножъ, и подчинили себѣ точно чарой.

— Будь благословенна мать, что носила тебя, хлопче, подъ сердцемъ!—сказалъ шляхтичъ, опуская меня на землю, и тутъ я не выдержалъ, я почему то горько разрыдался...

— Ты знаешь тропу до границы?

— Нѣтъ! задыхаясь, шепнулъ, я съ сожалѣніемъ.

— Окажи намъ услугу...

— Какую?

— Сбѣгай въ замокъ...

Въ замокъ!? Я,—въ замокъ!?

— Тамъ передай паннѣ...

Я поколебался,—но только на мгновенье;—чара была сильнѣе моей воли! Я не зналъ, что волновалось, сталкивалось, боролось въ моей душѣ,—я не понималъ, что со мною,—не сознавалъ ничего,—я, кажется, только чувствовалъ что то и, кажется, именно то, что я очарованъ.

Самъ не знаю какъ, повинуясь безпрекословно, какъ манекенъ,—я сжалъ въ рукѣ записку и сами собой прошептали мои уста.

— Идите же... я васъ укрою.

Я укрылъ ихъ въ одной изъ пещеръ, которую нашелъ и зналъ только я, рыща за Бѣлой Панной, и также безсознательно, кажется, двинулся изъ лѣса... Я бѣжалъ машинально, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета,—мои ноги несли меня сами собою... Кажется, во мнѣ что то двоилось... Въ головѣ шептало что то смутнымъ трепетомъ, но въ груди билось громко то, что всевластно повелѣвало каждымъ моимъ суставомъ... Только при поворотѣ изъ лѣса, гдѣ дорога двоилась въ замокъ и Пустыньку,—что то всплыло, что то смутило меня точно словомъ: „измѣна"... Я задрожалъ, что то обожгло меня, что то смутно спросило: „неужели ты измѣнникъ?" Но я не нашелъ у себя отвѣта,—все во мнѣ смутилось и я не могъ бороться съ тѣмъ, что неудержимо двигало мною... Эти слезы, этотъ поцѣлуй, этотъ нищій видъ, это глубокое горе,—все это вмѣстѣ околдовало меня на вѣки...

И право,—будь это измѣна, будь это что хотите, но съ этой запиской, съ этимъ мокрымъ отъ слезъ клочкомъ бумаги

я, потомокъ сподвижниковъ Гонты, разстался бы, кажется, только вмѣстѣ съ жизнью...

Самъ собою какъ то выросъ предо мной величественный замокъ... Вотъ онѣ эти гордыя колонны,—вотъ онѣ,—эти мраморныя ступени... Чѣмъ же это всхожу по нимъ я,—исконный врагъ,—такъ недавно еще дышавшій одной враждой, завѣщанной мнѣ всей исторіей моего народа, всей жизнью моихъ славныхъ предковъ!? Чѣмъ я вхожу: — побѣдителемъ или побѣжденнымъ?! Какъ долженъ встрѣтить меня этотъ сѣрый камень: съ торжествующимъ величіемъ, граничащимъ съ презрѣніемъ, или онъ долженъ прошептать мнѣ: ты побѣдилъ, молоденькій хлопче!

Если бы сѣрый камень имѣлъ уста и даже крикнулъ бы мнѣ на встрѣчу, я ничего бы не понялъ въ этотъ моментъ, не разслышалъ... Я бѣжалъ уже по аллеѣ сада, куда послалъ меня какой то изумленный дворовый къ паннѣ...

Въ густыхъ сумеркахъ я чуть различилъ ее подъ темною елью... Она стояла неподвижно, какъ тогда на полянкѣ, когда я нашелъ ее въ тотъ чудный вечеръ... но у ногъ ея стоялъ теперь не шляхтичъ, стоялъ я, весь задыхаясь, волнуясь, и дрожащей рукой протягивалъ ей свою ношу. Она задрожала, она схватилась за сердце.

— Ты ихъ видѣлъ? почти крикнула она, схвативъ мою руку.

— Да!

— Они голодны и несчастны?

— Да!

— Ты развѣ нашъ?

Тутъ только, казалось, опомнился я впервые.

— Нѣтъ! сознательно отвѣтили мои губы, и я похолодѣлъ весь отъ этого страшнаго, вдругъ воскресшаго сознанія.

Но она не дала мнѣ прійдти въ себя, опомниться всецѣло... Двѣ нѣжныя руки обвили мою шею, жгучіе поцѣлуи вновь отуманили голову, милыя рѣчи ласкали мое ухо... Она то смѣялась, то плакала, то цѣловала и смѣясь, и цѣлуя, звала меня то завзятымъ запорожцемъ, то святымъ сердцемъ...

Она...

Но я помню только, какъ мы бѣжали съ нею, нагруженные хлѣбомъ, задыхаясь оба, въ густой лѣсной чащѣ... Я помню еще жгучую радость, глубокое счастье, когда тѣ трое увидали насъ предъ собою... Я помню, что надъ нами свѣтила уже задумчивая кроткая украинская луна...

А затѣмъ я помню тотъ холодъ и полный ужаса мракъ, что стояли въ моей душѣ, когда я брелъ домой одиноко. Околдовавшія чары исчезли, сознанье вернулось, я опомнился и невидимыми устами гдѣ то внутри спрятаннаго голоса спрашивалъ я себя,—что я такое сдѣлалъ... Да, что такое я сдѣлалъ?! Какъ все это вышло?!

Зубы мои стучали, холодный потъ позора оросилъ мое пылавшее чело.. Мои ноги качались, потому что земля гнулась подъ ними отъ этого позора... Звѣзды мнѣ свѣтили уже не такъ, какъ прежде, я это чувствовалъ, хотя ихъ и не видѣлъ,—онѣ сливались для меня въ какія то неясныя круги... Онѣ дрожали презрѣньемъ... Луна мнѣ тоже не свѣтила, она нарочно, казалось, обличала только путь, по которому шелъ новый Каинъ, съ начертанной уже, можетъ быть, на челѣ страшной печатью, чтобы все живое его бѣжало... Темная ночь, скрытая отъ луны въ ущельяхъ и за холмами,—мрачно дышала мнѣ въ упоръ своимъ страшнымъ вопросомъ:

— Каинъ, что ты сдѣлалъ!?

Что я сдѣлалъ? Какъ и Каинъ, я могъ отвѣтить только грубо и дерзко,—до того, очевидно, олицетворялъ я его собою... Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія о сдѣланномъ не будилъ, какъ и у него, этотъ вопросъ въ моей упрямой, оледенѣвшей душѣ... Мои дерзкія уста могли бы отвѣтить одно грубое:—„я сдѣлалъ, что сдѣлалъ!“ Да, я былъ Каинъ!... Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія не находилъ я въ себѣ, и грянь надо мною самое страшное проклятіе,—они навѣрное не проснулись бы. Даже больше,—я чувствовалъ, что все сдѣланное мною я, пожалуй, могъ бы продѣлать и вновь. Какъ ни былъ я жалокъ и презрѣненъ, я не хотѣлъ лгать предъ собою.

Но зачѣмъ же я иду туда, гдѣ я не могъ уже найдти ни крова, ни привѣта?! Зачѣмъ же я иду, полный мрака, туда, гдѣ такъ

много свѣта, правды и чести, гдѣ такъ гордо смотрятъ изъ рамокъ портреты доблестныхъ... Кого,—предковъ?! Но у меня, конечно, нѣтъ уже ихъ,—они всѣ отвернулись съ презрѣньемъ... Къ дѣду?! Къ честному сѣдому дѣду!—Но дѣдъ... Тутъ, помню, у меня градомъ посыпались слезы, но не раскаянія, не стыда, слезы одной невыразимой скорби.

А куда же мнѣ идти? Въ замокъ? но онъ по прежнему мой врагъ, я это чувствую, я слышу, какъ скрежещутъ мои сжатые зубы! Къ тѣмъ? но они мнѣ тоже враги и, встрѣть я ихъ въ бою, я бы!... Въ омутъ, въ этотъ тихій, глубокій прудъ? но развѣ я Іуда—предатель!?

Нѣтъ, я не предатель! Развѣ я не люблю это небо, этотъ воздухъ, эти звѣзды, эти хаты, народъ, предковъ, развѣ я промѣнялъ ихъ на другое?! И еслибъ враги, ляхи или турки, или кто нибудь даже страшнѣе ляховъ и турокъ,—обложили Пустыньку браннымъ станомъ и понадобился бы мальчикъ, что бы, рискуя головой, пробрался сквозь вражескую рать и призвалъ бы своихъ на помощь, развѣ не я былъ бы этотъ мальчикъ?

Предатель!? А совершись вдругъ чудо, всколыхнись и раскройся эти высокія могилы, гдѣ почили дѣти воинственной сѣчи... Пусть бы только блеснула булава и страшное: „пугу“ потрясло воздухъ отъ моря до Случи... Развѣ не въ первыхъ рядахъ игралъ бы подо мной „вороненькій?“

Предатель? Развѣ я молилъ бы о пощадѣ,—сожми самый страшный татарскій арканъ мою шею? Развѣ заплакалъ бы я, какъ баба, отъ самыхъ страшныхъ мукъ, какія только можетъ придумать вражеское воображеніе, окрыленное местью? И оставь мнѣ враги только уста и сердце, развѣ не пошелъ бы я, какъ Палій, въ святыя стѣны молить за родину Бога?

— Нѣтъ, я не Іуда!.. Я самъ не знаю, что я... Я что то другое, можетъ быть, дѣйствительно Каинъ, но я не предатель!

Какъ тать, я прокрался тихо къ своей постели... Дѣдъ за дверью раскладывалъ пасьянсъ, Горпына что то быстро рубила въ кухнѣ. Все, все вокругъ было уже не мое, цѣлая пропасть легла между нами. Я зналъ, что въ портретной всѣ грозныя лица дрожатъ отъ негодованія, всѣ глаза дышатъ однимъ холод-

нымъ презрѣньемъ. Правда, тамъ есть одинъ... молодой эсаулъ, что когда то изъ осажденнаго козаками пылавшаго замка выкралъ и спасъ ребенка... Можетъ быть онъ одинъ!? Но нѣтъ, едва ли. Я знаю, что мнѣ уже нѣтъ здѣсь мѣста!'

Я пришелъ только, чтобы разсказать все дѣду... Да,—но какъ!? Какъ передать ему все, что случилось, какъ сказать ему, что вь моей черствой душѣ нѣтъ ни раскаянія, ни сожалѣнія? Моимъ собственнымъ устамъ прійдется сразить его доброе, любящее сердце.

Стѣны меня давили, голова кружилась, по тѣлу бѣгали мурашки. И самъ собою какъ то вырвался изъ моей груди глубокій вздохъ и рѣзко смутилъ царившую тишину.

— Кто тамъ?..

Я замеръ... Сердце ударило громко и какъ будто застыло.

— Это ты, внуку?

Дверь отворилась и мы стали лицомъ къ лицу.

— Это ты? Но что съ тобою? Ты блѣденъ, ты дрожишь...

Я молчалъ. Моя вина, какъ Каинова печать, должна была сквозить сама собою и дѣдъ самъ могъ ее видѣть.

— Да что съ тобою?—въ страшной тревогѣ спросилъ дѣдъ, протягивая руку, но я отклонился.

— Дѣдъ!... Я Каинъ...

— Что!?

— Я не знаю, что̀ я... Я не знаю, дѣдъ!...—шепталъ я, весь охваченный дрожью, глотая струившіяся ручьями слезы.—Я пожалѣлъ ляховъ!...

— Что ты сдѣлалъ?! Какихъ ляховъ?...

И я все разсказалъ дѣду... Все... все! Моя рѣчь мѣшалась со слезами и, какъ слезы, она текла все быстрѣе и быстрѣе. Откуда то внезапно взявшимися словами я разсказалъ мою встрѣчу, споръ, мои кичливыя увѣренія, что я не боюсь ихъ. А затѣмъ... затѣмъ... Я пожалѣлъ ихъ!... Ахъ, они были такъ больны, такъ измучены, такъ несчастны и такъ жалобно, такъ горько рыдалъ молодой графъ! Я видѣлъ лохмотья, слезы, голодъ. У меня не было хлѣба, но былъ пряникъ... Я не зналъ тропу, что ведетъ къ границѣ... я... я... О, дѣдъ! я побѣжалъ туда... въ

этотъ замокъ!.. Я провелъ панну и принесъ хлѣба!... Я укрылъ ихъ!... Дѣдъ!

— Гдѣ же ты укрылъ ихъ?

— Я не скажу... Я никому не скажу дѣдъ!—зашепталъ моими устами неумиравшій во мнѣ Каинъ.

Сколько длилось напряженное молчаніе, я не знаю. Помню, оно казалось мнѣ страшно долгимъ. Я покорно склонилъ голову, я безтрепетно ждалъ финала и былъ готовъ на все... Въ моей душѣ все, казалось, было пусто, все умерло, въ ней гнѣздился уже тотъ безучастный холодъ, съ которымъ обезумѣвшая отъ страха распростертая овца должна ждать роковаго удара... Проклятіе? Или смерть Андрея Бульбы... Но развѣ я предатель?!...

И вдругъ, теплая, старческая рука коснулась моей холодной, какъ ледъ, головы, сѣдые брови наклонились вровень съ моими и не грозный, а мягкій, нѣжно ласкающій и какъ бы растроганный голосъ вызвалъ снова къ жизни мой оледѣнѣвшій слухъ!...

— Что сказалъ тебѣ шляхтичъ,—повтори...

— Онъ благословилъ мою мать!—зашептали мои безжизненныя губы.

— А я тебя, мой хлопче!...

. . . .

И та луна, и тѣ звѣзды, что глядѣли на меня такъ ужасно, свѣтили мнѣ теперь ясной улыбкой и сладкимъ привѣтомъ. И та земля, что гнулась подъ моими ногами,—уже не гнулась. Я бодро шелъ рядомъ съ дѣдомъ, снарядившимся точно на охоту, и прижимался къ нему съ довѣріемъ, счастьемъ, любовью, точно къ нянѣ, до хорошаго конца досказавшей свою страшную сказку. Даже лѣсъ не глядѣлъ уже хмуро и уныло, даже листъ не шуршалъ уже грустно...

— Счастливъ же ихъ Богъ, что не разглядѣли ихъ деревенскіе хлопцы, что ты укрылъ ихъ—сказалъ дѣдъ.—Принесли бы ихъ хлопцы въ мѣшкахъ въ деревню.

Но хлопцы еще не разглядѣли... Всѣ были тутъ, гдѣ я укрылъ ихъ.

— Панъ Андрей!—въ испугѣ вскричали они въ одинъ голосъ, вглядѣвшись въ высокую фигуру дѣда.—Панъ Андрей! Езусъ, Марія!

— Да, это я, но вы не бойтесь, панове!—спокойно отвѣтилъ дѣдъ.

— Мы были врагами—началъ шляхтичъ, выступая впередъ, но дѣдъ перебилъ его.

— Да... и потому вамъ нечего здѣсь мѣшкать... Собирайтесь скорѣе, пока не узнали о васъ въ деревнѣ... Скорѣе, не то плохо будетъ, панове!...

Много благословеній сыпалось на дѣда, но онъ хмуро шелъ впереди, точно ничего не слышалъ, не роняя ни одного слова. Крѣпко ступали его старыя козацкія ноги по узкимъ тропамъ ему одному извѣстныхъ ущелій, смѣло продирался онъ сквозь густой кустарникъ, окутанный темною мглою ночи, увѣренно скользилъ по уступамъ въ черную пропасть, точно не старикъ онъ былъ, а бравый и крѣпкій парубокъ. Только когда сквозь густой кустарникъ со скалы, по которой всѣ шли, блеснула внизу водяная гладь,—дѣдъ остановился и поднялъ руку.

— Вотъ и Збручъ, панове!—сказалъ онъ.—Здѣсь можете смѣло спуститься, только держитесь лѣвѣе.—Ну, до свиданья!

— Пане Андрей!—заговорили всѣ.—Одно только слово!—Пане, мы много виноваты предъ вами, пусть Богъ!...

Но мы съ дѣдомъ были уже далеко и жгучія слова благословеній и страстной благодарности шептало намъ уже эхо таинственнаго лѣса...

На поворотѣ въ Пустыньку намъ перерѣзала дорогу панна и, прильнувъ ласточкой къ могучей груди дѣда, со слезами поцѣловала его руку.

— Пане Андрей! Будь благословенна эта ночь,—она многому меня научила!...

— Что жъ, въ добрый часъ, милая панна!—говорилъ растроганный дѣдъ, тепло лаская ея русую головку.—Въ добрый часъ!

— И я буду молить Бога, чтобы грѣхъ нашъ, насъ подѣлившій, загладило сердце нашихъ потомковъ!

— Дай Богъ, милая панна!

— Чтобы у всѣхъ оно было такое!

И она снова, какъ тогда въ аллеѣ, обвила мою шею руками, снова также страстно цѣловала меня, мѣшая поцѣлуи со сле-

зами и снявъ съ себя медальонъ, торопливой рукою повязала его мнѣ на шею.

— Это тебѣ на память!..

При чуть брезжущемъ, голубовато-розовомъ свѣтѣ занимавшагося дня я прочелъ на немъ вырѣзанное глубокими буквами:

„crede, espere et ame“.

На этомъ обрывалась найденная мною рукопись неудавшагося поэта. Было ли продолженіе, не испортили ли его крысы, я пока не знаю. Но если, разобравшись, въ найденной кучѣ я найду продолженіе, я, конечно, подѣлюсь имъ съ читателемъ.

1888 г.

Григорій Мачтетъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго[1]).

III. Годы моего ученія (1826—1844).

I. Школа Капитанши.

Еще зимой 1826 года отецъ, за частыя мои проказы, сталъ стращать меня никольскимъ дьякомъ, какъ букой.

— Вотъ погоди, дай Богъ только лѣта дождать, я тебя до дьяка отведу: дастъ онъ тебѣ березовой каши.

Но прошло лѣто, а ученіе мое со дня на день все откладывалось. Настала и другая весна, а я все еще оставался дома. Главною виновницею такого замедленія была матушка, которая каждый разъ при словѣ „березовая каша" вздрагивала и просила дидуся поучить меня немножко.

Надобно знать, что въ городѣ у насъ считалось столько школъ, сколько было дьяковъ. Въ собственномъ смыслѣ, это были не школы, а смирительные дома, куда наши мѣщане отдавали своихъ чадъ съ цѣлію, чтобы они не баловались дома, снимая затѣмъ съ себя нравственную отвѣтственность за ихъ поведеніе. Дѣти сидѣли тамъ по году за Граматкой, да по стольку же за Часловцемъ и Псалтыремъ, хотя, правду сказать, рѣдкій изъ мальчиковъ достигалъ полнаго курса ученія, омегой коего считался Псалтырь. Результаты дьячковскаго ученія были весьма жалки: мальчуганъ могъ отбарабанить, не переводя духу, три каѳизмы наизусть и не умѣлъ прочесть никакой другой книги не только гражданской, но и церковной печати.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.", 1889 г., январь.

Несмотря на то, что въ городѣ существовало приходское училище, гдѣ тоже начинали съ азбуки, упрямые мои сограждане не приняли за обычай отдавать дѣтей сперва до дьяка, изъ желѣзныхъ лапъ котораго рѣдко кто выходилъ годнымъ для дальнѣйшаго ученія. Правда, хорошъ былъ и учитель приходскаго училища Илья Семеновичъ, но о немъ рѣчь впереди... Какъ бы тамъ ни было, а благодаря матери, я избѣжалъ дьячковской школы, съ неизбѣжной для каждаго школяра березовой кашей. Случилось это такъ:

Въ нашемъ городѣ поселилась какая то вдова капитанша, вмѣстѣ съ сестрой Аленкой и матерью кацапкой, и завела школу. Матушка моя несказанно обрадовалась такому открытію, какъ богатой находкѣ. Отвергая справедливость русской пословицы, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ, да еще и не берутъ", (ведущей, по всей вѣроятности, свое происхожденіе со временъ попа Сильвестра), добрая мать берегла меня пуще глаза, чтобъ меня и пальцемъ никто не тронулъ, и потому, несмотря на страшный терроръ, господствовавшій тогда въ училищахъ, я остался небитымъ. Она ничего для меня не жалѣла, отдавала учителямъ послѣднія крохи, чтобы задобрить ихъ въ мою пользу и предупредить сѣченіе. А сѣкли тогда очень часто за самую пустую шалость оптомъ, огуломъ, всѣхъ до одного, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ.

На семейномъ нашемъ совѣтѣ рѣшено было отдать меня къ капитаншѣ. На другой день послѣ совѣщанія приглашенъ былъ от. Никита отслужить на дому молебствіе: „о еже преуспѣвати отроку сему въ добромъ и полезномъ ученіи и разумѣ". Затѣмъ, съ цѣлымъ ворохомъ всякой всячины, 8 августа, повели меня въ школу, которая находилась на Кляшторѣ, за рѣзницами. Еще далеко не доходя до школы, мы уже услышали смѣшанный гулъ множества дѣтскихъ голосовъ, при чемъ мать не преминула замѣтить:

— „Бачъ, якъ хороше учаться! учись и ты, мой голубчикъ: не будутъ тебя бить". Чѣмъ ближе подходили мы къ школѣ, тѣмъ слышнѣе становились голоса. Наконецъ, когда вошли въ ворота, школьники подняли такой гвалтъ, что мнѣ стало страшно. Учительница, какъ видно, желала представить свое заведеніе въ самомъ лучшемъ видѣ, показать товаръ съ лицевой стороны, а потому, завидѣвъ насъ, скомандовала дѣтямъ—задать посѣтителямъ концертъ

на славу. Въ сѣняхъ встрѣтила насъ сама капитанша, сказала мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и погладила по головкѣ. Потомъ, передавши тутъ же сестрѣ своей Аленкѣ принесенные нами гостинцы, свела насъ въ классную комнату, съ большой варистой печью при самомъ входѣ. За большимъ некрашеннымъ столомъ, занимавшимъ 2/3 всей комнаты, сидѣло человѣкъ 15 дѣтей обоего пола. Какъ бы не замѣчая нашего прихода, всѣ они, какъ настоящіе школяры, надсаживали грудь надъ своими „стыхамы", быстро водя указкой по строкамъ кто Граматки, кто Часловца и Псалтыря. Особенно вошли въ азартъ псалтырники. Желая на время остановить дѣйствіе своей машины на всемъ ходу, капитанша на силу уняла ихъ. Меня усадили между двумя дѣвочками: большою съ веснушками Ульяной, прозванной Дудою, и маленькой голубоглазой Катей Кубрачкой. Онѣ тотчасъ же взяли меня подъ свое покровительство, какъ новичка.

Приспѣло время завтрака. Едва капитанша скомандовала: „снѣдать!" какъ въ одно мгновеніе ока всѣ книжки закрылись и школьники высыпали на дворъ побѣгать передъ ѣдой для возбужденія аппетита. Дуда и Катя подхватили меня подъ руки и потащили на дворъ.

Общество мальчиковъ съ перваго же дня, мнѣ не понравилось: всѣ такіе отчаянные драчуны, не успѣли выйдти изъ комнаты, какъ уже и подрались. При моей болѣзненной комплекціи и миролюбивомъ нравѣ, во все продолженіе моего ученія, я постоянно сторонился отъ забіякъ, за что и не пользовался ихъ расположеніемъ. Съ перваго моего шага ясно опредѣлились будущія мои отношенія къ новому обществу: я подружился съ дѣвочками, а съ мальчиками былъ подальше.

Черезъ четверть часа насъ позвали къ завтраку. Каждый вытащилъ изъ подъ лавки принесенную имъ изъ дому провизію: кто сало, кто блины, кто пирогъ или кольцо колбасы. Матушка и меня, конечно, не забыла на первый разъ снабдить самыми лакомыми яствами: мое снѣданье было такъ обильно, что имъ могли пообѣдать полдюжины ребятишекъ. Хотя каждый имѣлъ свое, но каждому нравилось больше то, что ѣлъ другой и чего у него не было, а потому тутъ происходила мѣна: ты мнѣ дай колбасы, а я тебѣ пирога. При такихъ коммунистическихъ началахъ никто не завтра-

калъ тѣмъ, что принесъ изъ дому, а пробовалъ понемногу всего, что только лежало на столѣ. Кто былъ проворенъ, тотъ былъ и болѣе доволенъ—тому и доставалось больше. Нарочитою прожорливостію и умѣньемъ выманивать лакомые куски у товарищей отличался сынъ коваля Мулюха. Правда, онъ и работалъ въ школѣ за троихъ, т. е. кричалъ такъ, что заглушалъ всѣхъ. Потъ бывало прошибетъ его, а онъ все выкрикиваетъ: окропиши мя уссопомъ, аки скименъ обитаетъ и т. п. выраженія, едва ли понятныя и для самой командирши нашей Аксюты Ивановны. Впрочемъ, никто отъ насъ никогда не требовалъ того, чтобы мы понимали читаемое, лишь бы читали громко и скоро—этими качествами измѣрялась степень умѣнья заданнаго „стыха“ и достоинство истаго школяра.

Скоро я узналъ, что въ школѣ существуетъ такой обычай: если кто изъ учениковъ догонитъ въ ученіи другаго, то въ присутствіи всей школьной корпораціи, лѣнтяя кладутъ на порогѣ, а опередившему его даютъ въ руки тройчатку и велятъ ему сѣчь отсталаго. Благодаря попеченію обо мнѣ дѣдушки, я былъ достаточно подготовленъ для того, чтобы въ нѣсколько мѣсяцевъ пройти Граматку и взяться за Часловецъ. Такимъ образомъ я догналъ Дуду. Не взирая на наши пріятельскія отношенія, мнѣ предстояла пренепріятная обязанность посѣчь ее немножко.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, дѣвицу разложили на порогѣ, а меня вооружили тройчаткой; но я, какъ истуканъ, стоялъ въ бездѣйствіи, не осмѣливаясь поднять руку на свою товаришку. Но грозный приказъ Капитанши вывелъ меня изъ оцѣпененія и я... тутъ ужъ не помню, что со мной было потомъ, ибо въ то самое время, когда я замахнулся тройчаткой, вся школа заорала благимъ матомъ: наша! наша! наша! Такъ привѣтствовали всякаго, кто въ первый разъ подвергался сѣченію, считаясь до того какъ бы чужимъ. Этотъ крикъ, а еще болѣе пронзительный визгъ несчастной Ульяны дотого меня испугалъ, что я, сгорая отъ стыда, убѣжалъ на дворъ, не нанесши ей ни одного удара.

Въ торжественный день окончанія мною Граматки, въ домѣ нашемъ приготовили большущій горшокъ каши, чѣмъ, по обычаю школы, всякій разъ сопровождалась побѣда надъ одной изъ трехъ школьныхъ премудростей. Въ постный день каша варилась гречне-

вая—съ медомъ, въ скоромный-пшонная на молокѣ и яйцахъ. Въ этотъ памятный для меня день ученія не было. Всѣ школьники шумною толпой направились къ дому виновника торжества, подъ его личнымъ предводительствомъ. При входѣ въ комнату, въ сѣняхъ пропѣта была хоромъ молитва, затѣмъ сильнѣйшій изъ насъ Ховрычъ взялъ горшокъ и со всего размаху хватилъ имъ объ уголъ зеленой изразцовой печки; каша разлетѣлась по полу вмѣстѣ съ черепками, а голодная ватага бросилась собирать ее и набивать свои рты. Послѣ обильнаго угощенія, обрадованный моими успѣхами дидусь далъ каждому гостю по большому краснобокому яблоку. Покувыркавшись часа два въ саду подъ грушею, товарищи мои разбрелись по домамъ.

Кромѣ установленной за выучку платы, въ школѣ Капитанши существовалъ обычай добровольныхъ, но обязательныхъ приношеній въ извѣстные дни въ году, почему нибудь знаменательные: такъ, на Маковія каждый мальчикъ несъ въ школу пѣтушка, а дѣвочка курочку, при чемъ соблюдалось правило, чтобы бѣлокурыя дѣти приносили бѣлыхъ куръ, а брюнеты—черныхъ. На 40 мучениковъ каждый ученикъ обязанъ былъ тащить въ школу 40 бубликовъ и проч.

Хотя школа Капитанши, въ отношеніи способа ученія, начѣмъ особеннымъ не отличалась отъ дьячковской, но все таки она имѣла предъ нею огромное преимущество. Уже одно то, что ею заправляла женщина, незнакомая съ бурсой, имѣло много за собой шансовъ. Каждый дьячокъ вносилъ въ бытъ своей школы традиціи бурсы: грубое до цинизма обращеніе съ дѣтьми, вѣчное сѣченіе, пинки и зуботычины до того уродовали учащихся, что черезъ годъ они были неузнаваемы. Здѣсь школа не только не противодѣйствовала грубой домашней средѣ, но еще болѣе вкореняла въ дѣтяхъ тѣ начала, которые входили въ ихъ природу съ молокомъ матери, подъ вліяніемъ старшихъ. Школа Капитанши, напротивъ, сглаживала грубыя угловатости привычки, усвоенныя подъ родительскимъ кровомъ. Кромѣ того, Аксюта Ивановна постоянно сидѣла дома, тогда какъ дьякъ, исполняя вѣчныя свои требы, часто оставлялъ учениковъ безъ надзора. Иногда только наставница наша, когда ей становилось не въ могоату, т. е. когда допекутъ ей сильно школяры, отправлялась

черезъ три дома къ своей сосѣдкѣ съ чулкомъ въ рукахъ, приказавъ намъ читать такъ громко, чтобы она слышала, сидя въ гостяхъ. Тогда то намъ было раздолье: одинъ старался перекричать другаго и наше чтеніе было слышно не только черезъ три дома, но подлѣ самаго собора. Тутъ больше всѣхъ отличался корифей нашей школы Хома Мулюха. Еслибы кто нибудь изъ проходящихъ мимо нашей школы полюбопытствовалъ узнать, изъ-за чего такъ сильно дерутъ горло эти мальчуганы, то слухъ его поразили бы такія слова и выраженія, которыя совершенно не соотвѣтствовали тому азарту, съ какимъ они произносились нами.—Одинъ выкрикивалъ: тма, мна, здо, тло, азъ ангелъ—ангельскій, буки богъ – божество; другой отхватывалъ: вскую шаташася языцы; третій: сіи на колесницахъ, сіи на коняхъ и т. д. И вся эта дребедень сливалась въ одинъ безобразный гулъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ капитанша препоручала насъ сестрѣ своей Аленкѣ, молодой 20-лѣтней особѣ, совершенно безграмотной, но страшно свирѣпой. Мы ее сильно боялись. Чуть только который нибудь изъ насъ зазѣвается, такъ и начнетъ хлестать тройчаткой, по чемъ зря, не сдѣлавъ даже предварительно никакого предостереженія. „Кусалась, якъ ныцый собака, не гавкаючи“, говорили объ ней школяры, жалуясь своимъ родителямъ.

Но слово „медъ“ еще не дѣлаетъ уста сладкими, говоритъ восточная пословица: и за нашей наставницей водились грѣшки. У нея былъ свой ami de la maison, личность чрезвычайно занимательная. Это былъ массивный, саженный мужчинище, весь заплывшій жиромъ и оттого страдавшій одышкой. Ходилъ онъ всегда въ остроконечномъ, конической формы, картузѣ, съ широкимъ и длиннымъ козырькомъ, въ синемъ нанковомъ козакинѣ и съ черной суковатой палкой. Прозывался онъ Давыдовичемъ. Въ классную комнату, во время ученья, онъ никогда не входилъ, а вошедши, пригнувшись, въ сѣни, поворачивалъ на право, въ темную комору. Не проходило минуты послѣ его прихода, какъ уже одинъ изъ школяровъ командировался въ ближайшій кабачокъ за шкаликомъ, и наша наставница исчезала въ коморѣ и оттуда командовала нами. Мы слышали ея голосъ, но ее самоё не видали. Голосъ ея, сначала звонкій и внушительный, благодаря принесенной скляницѣ, становился посте-

пенно слабѣе и тише и, наконецъ, и совсѣмъ обрывался. Тогда Аленка отпускала насъ по домамъ раньше.

Домашній другъ нашей наставницы былъ по профессіи юрисконсультъ, или просто сутяга, эксплуатировавшій невѣжественныхъ мѣщанъ якобы знаніемъ законовъ. Кто бы ни затѣялъ тяжбу—безъ Давыдовича не обходилось. И начиналъ онъ свое хожденіе по дѣлу въ буквальномъ значеніи этого слова, т. е. заходилъ къ истцу ежедневно (а иногда къ отвѣтчику) съ цѣлію выпить и закусить, для чего самое дѣло тянулъ до безконечности. Наливаетъ, наливаетъ эту сороковую бочку тяжущійся да и плюнетъ, а нашъ юристъ всэ пишэ та пье, пье та пишэ.

Давыдовичъ постоянно пѣлъ на крилосѣ въ соборѣ и читалъ апостола, вооружась синими очками. Безъ него не проходило ни одного храмоваго праздника, ни одной свадьбы, ни однихъ сколько нибудь достаточныхъ похоронъ. Тутъ то ему было раздолье: выпивалъ онъ громадное количество водки (за что его и прозвали жлуктомъ), ѣлъ за троихъ, приправляя ѣду юмористическими прибаутками и и анекдотами, которыхъ у него былъ неистощимый запасъ. Говорилъ онъ чистѣйшимъ украинскимъ нарѣчіемъ, что изобличало въ немъ выходца изъ южныхъ малорусскихъ губерній. Особенно тѣшилъ онъ гостей извѣстною виршей, которою запорожцы привѣтствовали на Велыкдень царицу Екатерину. Виршу эту Давыдовичъ зналъ на память. Эффектнѣе всего онъ изображалъ тревогу, произведенную въ пеклѣ Воскресеніемъ Христовымъ:

Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ
Изъ пекла удрызавъ—
Винъ за Исакомъ ледвѣ ракомъ
И соби поклызавъ... и проч.

Хотя по правиламъ мѣщанской морали худо отзываться о старшихъ „не годытьця" и даже грѣхъ, но мы—школяры ни предъ кѣмъ не дѣлали секрета о поведеніи нашей наставницы. Вообще говоря, трудно скрыть отъ дѣтей что нибудь такое, чего имъ до поры до времени знать не полагается. Наши родители разсчитывали на нашу дѣтскую глупость и простоту, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, свободно высказывались, а потому каждый изъ насъ изъ подъ родительскаго крова привносилъ въ школу довольно непечатной брани и

грязныхъ анекдотовъ. Школа съ ея тремя премудростями и капитанша съ своимъ Давыдовичемъ не только не противодѣйствовали домашнему безобразію, но еще болѣе развивали и усиливали наши порочные инстинкты. Хотя въ коморѣ, гдѣ засѣдалъ толстякъ, было темно, но мы хорошо смекали, что тамъ рѣшались не педагогическіе вопросы. Многое, чего мы не могли видѣть, дополнялось воображеніемъ, уже успѣвшимъ порядочно развратиться подъ вліяніемъ домашней обстановки.

Но пока къ намъ въ школу ходилъ одинъ Давыдовичъ, родители наши считали его посѣщенія совершенно безупречными. Извѣстный всему городу шутникъ и балагуръ, да къ тому же еще и довольно пожилой человѣкъ, не могшій ни одного дня прожить безъ компанства—что жъ въ этомъ худаго? Волей-неволей его вездѣ принимаютъ за гостя: влѣзетъ непрошенный, незванный—ну, и поштуй его.

Но съ того времени, какъ у нашей капитанши появился другой Донъ Жуанъ, надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, и когда наша наставница частенько начала съ нимъ прохаживаться на Замкѣ не только въ праздники, но и въ будни—репутація ея сильно подупала въ мнѣніи нашихъ родителей. При такихъ условіяхъ школа не могла продержаться долго. Къ тому жъ какъ нарочно случился превеликій скандалъ, сдѣлавшійся ужъ черезъ чуръ гласнымъ въ городѣ.

Однажды лѣтомъ, гоняясь по Замку за бабочками, мы наткнулись на rendez-vous своей учительницы съ пьянымъ Терлецкимъ.

— Ну, ужъ это настоящая, что называется, мараль! выразился одинъ изъ родителей учащихся Лаврентій Мулюха.

— Хороша наука! добавилъ другой, и школа капитанши провалилась. 26 іюня 1828 года, за два дня до петровской ярмарки, я пошелъ въ школу въ послѣдній разъ и то лишь за тѣмъ, чтобы взять свой псалтырь. Раскрывши сію премудрую книжицу, можно было сразу угадать, на чемъ остановилось мое ученіе—по засаленнымъ листамъ первыхъ трехъ каѳизмъ. Хотя во время снѣданья, изъ предосторожности, книги закрывались и отодвигались на средину стола (не для того, чтобы онѣ не запачкались, а чтобы школяры. вмѣстѣ съ пирогомъ или блиномъ, не съѣли своего „стыха“), но такъ какъ при завтракѣ не водилось салфетокъ, то книги весьма

много терпѣли отъ замасленныхъ рукъ, хотя и выигрывали въ отношеніи прочности: пропитанные насквозь жирными веществами, листы становились твердыми, какъ пергаментъ, кожанымъ же переплетамъ ихъ и вѣку не было. Набальзамированные такимъ способомъ Часословцы и Псалтыри поступали во владѣніе младшихъ членовъ семьи и затѣмъ оставались для домашняго обихода, пока не воспользуются ими еще ненародившіяся поколѣнія.

У моего дѣда хранилось не малое количество книгъ, которыхъ онъ былъ большей любитель. Кромѣ евангелій, псалтырей, тріодей, большихъ и малыхъ четь-миней, у него было довольно весьма цѣнныхъ старопечатныхъ изданій, которыя онъ берегъ, какъ драгоцѣнность. Нѣкоторыя изъ этихъ археологическихъ рѣдкостей, впослѣдствіи времени, пользуясь критическими обстоятельствами моей матери, за безцѣнокъ купили старообрядцы изъ Клинцовъ.

Отбывши петровскую ярмарку, отецъ порѣшилъ въ августѣ опредѣлить меня въ приходское училище и сталъ къ тому же подговаривать и своего кума Никиту Гавриловича, у котораго былъ сынъ Павелъ, ходившій въ дяческую школу. Самъ батюшка, безъ помощи Давыдовича, написалъ два прошенія, которыя, хотя писались на простой негербовой бумагѣ, но адресовались всегда на Высочайшее имя и сочинялись по извѣстной формѣ: прошенія были написаны весьма грамотно и красиво, къ стыду многихъ дворянъ, едва умѣвшихъ подписать свою фамилію и то такими каракулями, что и разобрать было трудно: подпись выходила въ родѣ Гоголевской „Евдокія обмокни". Да что и говорить о безграмотности тогдашнихъ дворянъ, коли (неча грѣха таить) и самъ учитель россійской грамматики, какъ увидимъ ниже, писалъ отвратительно.

Покончивъ съ прошеніями и положивъ ихъ въ шкапъ, батюшка купилъ ажъ цѣлыхъ три букваря—два для меня и одинъ для своего крестника, и тотчасъ же засадилъ насъ обоихъ за гражданскую азбуку, которую, къ великому нашему горю, пришлось вновь переучивать и поровить такъ, чтобы не смѣшать а, бе, ве, ге—съ буками и глаголями. Между тѣмъ, пока я, подъ руководствомъ дѣдушки, боролся съ этими трудностями и не дошелъ еще до складовъ, родитель мой, съ помощію служанки Лукерьи, вынесъ изъ темной кладовой большой сундукъ съ книгами и тетрадями, по ко-

торымъ онъ самъ учился въ гимназіи и которыя, со дня выхода его оттуда, не видали свѣта божьяго. Замечтавшись о моихъ будущихъ успѣхахъ, онъ сталъ выкладывать изъ сундука груды запыленныхъ книгъ и чего-чего тамъ не было: и естественное право, и астрономія, и фортификація. Полный надеждъ на мое будущее, покойникъ готовился надѣлить меня всей этой премудростью, хотя, увы! ни одна изъ этихъ книгъ не пригодилась мнѣ, благодаря уставу 1828 г. То ли дѣло подумаешь Часловецъ и Псалтырь, вѣчно неизмѣнныя книжицы, пережившія цѣлое тысячелѣтіе Россійской имперіи.

Въ отцѣ моемъ, который до сихъ поръ не обращалъ на меня вниманія, предоставивъ мое ученіе на попеченіе дѣда и матери, пробудилась какая то тревожная дѣятельность, коль скоро дѣло коснулось опредѣленія меня въ училище.

2. Первѣйшій классъ.
(1828—1830)

22 августа 1828 года, въ день священномученика Агафона и Неофита, меня разбудили до свѣта. Около 7 часовъ пришелъ от. Никита и вторично благословилъ мои начинанія; послѣ чего мы съ батюшкой тронулись въ путь къ учителю Ильѣ Семеновичу. Отецъ шелъ, конечно, не съ пустыми руками: небольшая головка сахару да фунтикъ чаю открыли мнѣ входъ въ преддверіе святилища наукъ—приготовительный классъ, который больше извѣстенъ былъ подъ именемъ первѣйшаго.—Отъ природы я былъ страшно боязливъ, а стоустая молва въ городѣ о жестокости, доходившей до кровожадности, учителя Каменскаго до того на меня подѣйствовала, что я, подходя къ училищу, заревѣлъ благимъ матомъ, и если бъ отецъ не удерживалъ меня за руку, непремѣнно бы далъ тягу.

Большой деревянный одноэтажный домъ, гдѣ помѣщалась тогда гимназія, вмѣстѣ съ уѣзднымъ училищемъ, стоялъ посреди обширнаго двора, поросшаго травой. Наружность его была мрачна и неприглядна. Парадный подъѣздъ бывшаго губернаторскаго помѣщенія, съ почернѣвшими отъ времени колоннами, обращенный къ кладбищу, находившемуся тутъ же за рѣшеточнымъ заборомъ, внушалъ мнѣ еще больше ужаса. Но это, какъ оказалось, былъ входъ въ гимназію и мы миновали его. Обогнувъ почти все зданіе, мы взошли на другое,

болѣе скромное крыльцо, потомъ въ грязныя сѣни и корридоръ, гдѣ было двое дверей: одна, на право, вела въ первѣйшій классъ, а другая, на лѣво, въ квартиру учителя.

Илья Семеновичъ, вѣроятно, увидалъ насъ изъ окна классной комнаты, потому что, едва мы вошли въ корридоръ, онъ тотчасъ же вышелъ изъ класса и пригласилъ насъ въ свою квартиру. Отецъ, нисколько не оробѣвши, подошелъ развязно къ столу, положилъ на немъ сперва хлѣбъ святой, отъ котораго, по русскому обычаю, никто не вправѣ отказаться, затѣмъ фунтикъ чаю и поставилъ головку сахару, отъ котораго, по причинѣ его сладости, такъ же не въ обычаѣ было отказываться педагогу.

Илья Семеновичъ былъ высокаго роста мужчина, плотнаго сложенія, съ черными лоснящимися бакенами и какимъ то недобрымъ взглядомъ, напоминавшимъ хищную птицу, хотя и невысокаго полета. Окончивъ 4 классную гимназію въ 1821 году, по лѣтамъ онъ долженъ бы, казалось, принадлежать къ новому поколѣнію педагоговъ, но онъ ни въ чемъ не уступалъ людямъ стараго покроя. Будучи, сравнительно, болѣе другихъ сослуживцевъ обезпеченъ матеріально, владѣя небольшимъ имѣньицемъ въ кролевецкомъ уѣздѣ съ 16 крѣпостными душами, онъ не совѣстился зайти въ лавку мѣщанина, торговавшаго не на рубли, а на копѣйки, и взять у него въ долгъ безъ отдачи фунта три сала или полдесятка чабака, потому только, что сынъ этого торговца имѣлъ несчастіе находиться подъ его ферулой. Напомнить Ильѣ Семеновичу объ отдачѣ долга могъ только тотъ, кто рѣшался взять своего сына изъ училища; въ противномъ случаѣ мальчику приходилось живому лѣзть въ могилу.

Сдавъ на руки такому достойному педагогу трепетавшаго отъ страха сына, батюшка проводилъ меня глазами до дверей классной комнаты и раскланялся съ учителемъ. Что со мной происходило въ этотъ день, ка̀къ я очутился между школьниками, что дѣлалось въ классѣ до конца урока—рѣшительно ничего не помню. На меня напалъ такой столбнякъ, что отъ меня никто не добился ни одного слова. При выходѣ изъ класса, на меня накинулись цѣлой ватагой самые отчаянные драчуны, подъ предводительствомъ Хомы Шота, и я не знаю, чѣмъ бы началось мое первое знакомство съ новыми товарищами: щипками или потасовкой, если бы не взялъ меня подъ

свое покровительство главный цензоръ Петро Сидоровичъ Яковенко здоровый малый, лѣтъ 16, въ нанковомъ сюртукѣ желтогорячаго цвѣта. Будучи ближайшимъ моимъ сосѣдомъ, онъ довелъ меня до самаго дома. Взялъ онъ меня подъ свою высокую руку, какъ оказалось, не безкорыстно: проходя мимо нашего сада, онъ прельстился великолѣпными краснобокими яблоками, да должно быть уже не разъ и пробовалъ ихъ и какъ видно, они ему очень понравились, потому что, прощаясь со мной, онъ строго на строго приказалъ мнѣ, какъ власть имущій, принесть нѣсколько штукъ въ классъ, непремѣнно завтра. Я, конечно, не смѣлъ его ослушаться, потому—сила. Петро Сидоровичъ былъ не цензоръ только, но и палачъ первѣйшаго класса. Аттрибуты его страшнаго могущества,—пучокъ розогъ и линейка—лежали подлѣ него во все продолженіе урока и послѣ звонка прятались въ сундукъ, вмѣстѣ съ мѣломъ и губкой. На другой день я узналъ, что Сидоровичъ беретъ взятки не одними яблоками. Кто давалъ больше, того онъ и билъ полегче, а кто ничего не давалъ, того дралъ безъ милосердія.

Ученики раздѣлялись на три группы и распредѣлялись между аудиторами, которые тоже брали хабары, а не дать нельзя было, такъ какъ Илья Семеновичъ никогда не контролировалъ ихъ отмѣтокъ.

Учитель рѣдко просиживалъ весь урокъ въ классѣ. Задавъ работу и передавъ бразды правленія Сидоровичу, онъ уходилъ къ себѣ въ квартиру; если же случалось, что онъ оставался въ классѣ подольше, то единственно для развлеченія. Иногда бывало выдастся добрый день, стихъ такой находилъ на Илью Семеновича— и онъ весь урокъ глумится то надъ несчастнымъ Евдокимомъ Сугонякой, съ рыжей продолговатой головой, похожей на дыню, то издѣвается надъ добрякомъ Степаномъ Стугой-Самотугой, да надъ плаксой Василіемъ Киндой. Но больше всѣхъ терпѣлъ насмѣшекъ Ванька Цапеницкій. Это былъ крошечный мальчуганъ, совершенный карликъ, не шалунъ и не лѣнтяй, но чрезвычайно живой и потѣшный, напоминавшій по своимъ ухваткамъ комнатную собаченку, которую обыкновенно зовутъ Шарикомъ. Надъ нимъ то Илья Семеновичъ любилъ особенно истощать свое остроуміе: то заставитъ его влѣзть въ сундукъ и запретъ его тамъ на цѣлый часъ, то прика-

жетъ лѣзть въ печку, откуда Ванька вылѣзалъ весь запачканный въ сажу, черный, какъ арапченокъ, къ великой потѣхѣ всего класса.

Между мальчиками сидѣли три дѣвицы, которыя тоже не избѣгали насмѣшекъ со стороны разгулявшагося наставника, иногда весьма пикантныхъ.

— Сидоровичъ! поцѣлуй Жадкевичеву! обращается къ цензору учитель. А тотъ и радъ стараться, да еще и за шею обниметъ.

Не избѣгнулъ насмѣшекъ и самъ Сидоровичъ. Однажды, вошедши въ классъ, онъ подозвалъ къ столу цензора.

— Подай, говоритъ, розги!

Готовый служить вѣрой и правдой своему повелителю Сидоровичъ быстро досталъ изъ сундука розги.

— Подвинь на средину класса сундукъ, продолжаетъ учитель.

Исполнилъ Сидоровичъ и этотъ приказъ. Свирѣпо окинулъ взглядомъ своихъ товарищей, какъ бы стараясь угадать, кого ему придется въ этотъ разъ растянуть на сундукѣ.

— Ложись! приказываетъ тѣмъ же убійственно спокойнымъ тономъ Илья Семеновичъ.

Цензоръ зналъ лучше всѣхъ насъ натуру своего командира, не терпѣвшаго ни малѣйшаго противорѣчія, а потому безпрекословно растянулся на сундукѣ.

— Сѣки себя самъ! да смотри хорошенько, а то я тебя научу, какъ нужно сѣчь.

И Сидоровичъ совершаетъ самобичеваніе не похуже католическаго монаха-изувѣра, смиряющаго грѣшную свою плоть истязаніями.

— Ну, довольно! садись на мѣсто!

И Сидоровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ на мѣсто. За что онъ себя такъ больно наказалъ, никто не зналъ, ни даже онъ самъ. Я думаю Илья Семеновичъ просто выкинулъ штуку, потѣхи ради, или, быть можетъ, онъ хотѣлъ предостеречь цензора, чтобы онъ не зазнавался слишкомъ, не важничалъ.

Но не всегда оканчивался урокъ такими милыми шутками. Расположеніе духа у нашего учителя было чрезвычайно неровное. Разныя семейныя дрязги, ссоры съ супругой и тещей, а можетъ быть, и нахлобучки со стороны начальства, нерѣдко раздражали его до бѣшенства и онъ всѣ эти непріятности вымещалъ на неповин-

ныхъ ни тѣломъ, ни духомъ дѣтяхъ. Ворвется въ классъ, какъ ураганъ, лютый, прелютый—и начнется избіеніе младенцевъ. Дѣти дрожатъ, какъ листья на осинѣ; каждый, притаивъ дыханіе, ждалъ бѣды; впродолженіе всего урока линейка Сидоровича не переставала работать, горячія пали, плачъ, мольбы о пощадѣ не умолкаютъ до звонка; полкласса всхлипываетъ и хукаетъ въ ладони... Но и этимъ не оканчивалась бойня: человѣкамъ пяти велѣно „остаться послѣ класса“ для наказанія розгами.

Какъ продуктъ такого варварскаго обращенія съ дѣтьми, были между нами мальчики, въ которыхъ навсегда было убито чувство человѣческаго достоинства. Ко всему можно привыкнуть, привыкали и къ розгѣ. Но что за люди вышли впослѣдствіи изъ этихъ жалкихъ созданій, безотвѣтныхъ жертвъ чужаго самодурства и ненужной жестокости! Сидѣли они по два, по три и даже по четыре года въ первѣйшемъ классѣ, „въ надеждѣ успѣховъ“, или „по великовозрастію“ переводились въ первый классъ; здѣсь опять сидѣли столько же и выходили въ жизнь отъявленными 18 лѣтними негодяями.

Мое ученіе въ первѣйшемъ классѣ, благодаря домашней подготовкѣ и приношеніямъ матушки, шло довольно успѣшно. Шалостей за мной особенныхъ не водилось, хотя паль все таки не избѣгнулъ, по извѣтамъ цензора, которому не всегда я могъ угодить хабарами. Впрочемъ, отъ наказанія никого не спасали ни отличные успѣхи, ни примѣрное поведеніе, такъ какъ за общій шумъ всего класса наказывались или всѣ поголовно, или десятые; значитъ, будь хоть ангеломъ во плоти, не уйдешь отъ розги. Разъ дѣйствительно и со мной чуть не случилась подобная оказія. По случаю смерти тещи, учитель не сидѣлъ въ классѣ, а препоручилъ насъ цензору. Случился какой то скандалъ, вызвавшій всеобщій взрывъ хохота, дошедшій до ушей „неутѣшнаго“ Ильи Семеновича. Влетаетъ въ классъ сердитый, пресердитый.

— Кто шумѣлъ?—Всѣ! отвѣчаетъ цензоръ.

— Остаться послѣ класса всѣмъ! Какъ котовъ передеру всѣхъ!

Сказалъ, и вышелъ. Смѣхъ смѣнился рыданіемъ веліимъ. Просидѣли мы цѣлый часъ послѣ звонка. Неизвѣстность мучила каждаго изъ насъ, а небитыхъ еще, къ какимъ принадлежалъ и я, конечно, больше другихъ. Наконецъ, Илья Семеновичъ прислалъ сына Ильюшу

съ объявленіемъ, что расправа, по случаю совершавшейся въ то время панихиды, отложена до завтра. На другой день были похороны и потому учитель не явился вовсе. Но на третій день, прійдя въ классъ, онъ вспомнилъ о своей угрозѣ и велѣлъ остаться послѣ класса десятымъ. Какъ на бѣду, я сидѣлъ какъ разъ десятымъ и пришелъ въ ужасъ, но къ немалому удивленію всѣхъ товарищей, Илья Семеновичъ отпустилъ меня домой небитымъ. Дѣло объяснилось очень просто. Милость эта обошлась родителямъ не дешево, будучи куплена цѣною размалеваннаго гроба съ нарисованнымъ ангеломъ въ головахъ и Адамовой головой въ ногахъ. Гробъ этотъ заготовила, на случай смерти, моя бабушка для себя, но онъ былъ взятъ учителемъ для его тещи.

Итакъ, благодаря гробу, я остался небитымъ, къ великой радости моей сердобольной матери.

21 іюня 1830 года происходило публичное испытаніе въ повѣтовомъ училищѣ, въ присутствіи директора и учителей гимназіи. Ученики 1 и 2-го классовъ произносили басни, весьма поучительнаго содержанія, напр. Орелъ и Пчела, Дубъ и Тросгь, Своевольные ребята и т. п. А Илья Семеновичъ громогласно прочелъ рѣчь, написанную на заданную директоромъ тэму: „Сколько счастіе человѣка зависитъ отъ добраго мнѣнія и чести въ обществѣ?“ О, еслибы спросили насъ, безмолвныхъ созерцателей сего торжества, какое составилось мнѣніе у насъ о нашемъ наставникѣ!

Тутъ же, къ великой радости нашихъ родителей, мы услышали свои фамиліи, слѣдовавшія непосредственно за любезнымъ для каждаго ученика словцомъ: „переводится“. Такихъ счастливцевъ оказалось двадцать четыре человѣка, въ числѣ ихъ было и три дѣвицы: Прасковья и Наталія Цапеницкія и Марѳа Жадкевичева.

Въ первѣйшемъ классѣ я пробылъ два года.

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

5.

Уличныя клички.

Опредѣленіе названія уличная кличка.—Научное изученіе личныхъ и фамильныхъ прозвищъ.—Значеніе крестьянскихъ объясненій кличекъ.—Клички по женской линіи родства.—Слѣды крѣпостнаго состоянія крестьянъ.—Клички пьяницкія и воровскія.—П. А. Кулишъ о кличкахъ въ сочиненіяхъ Гоголя.—Клички по привѣтствію и кустарнымъ промысламъ.—Кулацкія клички.—Клички по пѣснямъ, поговоркамъ и выговору словъ.—Архаизмы.—Заключительная замѣтка.

Выраженіе „уличная кличка" въ значеніи личнаго или фамильнаго прозванія употреблялась въ старинное время, что видно изъ „Актовъ южной Руси" и личныхъ воспоминаній запорожскаго козака Коржа. Нынѣ оно также повсемѣстно употребляется среди крестьянъ, при чемъ при ревизскомъ фамильномъ прозвищѣ имѣетъ значеніе добавочнаго прозвища, большею частью по отрицательной сторонѣ лица. Сравнительно съ документальными прозвищами уличныя клички обнаруживаютъ большую подвижность. Онѣ скорѣе подвергаются измѣненіямъ, чѣмъ старинныя, закрѣпленныя письмомъ фамильныя прозванія. Уличныя клички большею частью касаются личностей; но онѣ простираются иногда съ лица на семью и далѣе на родовой союзъ семей. Вообще, фамильныя и родовыя прозванія оберегаются отъ вторженія и замѣны ихъ уличными кличками, большею частью заключающими въ себѣ ироническое опредѣленіе лица по отрицательной его сторонѣ.

Изученіе уличныхъ личныхъ кличекъ представляется столь же любопытнымъ въ историко-бытовомъ и филологическомъ отношеніяхъ,

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.", 1889 г., январь.

какъ изученіе фамильныхъ прозваній. Вообще, послѣ того, что сдѣлано западно-европейскими, преимущественно нѣмецкими, учеными по части изученія личныхъ именъ и фамильныхъ прозваній, нельзя сомнѣваться въ научной важности обстоятельнаго разъясненія происхожденія и измѣненія тѣхъ и другихъ по основнымъ законамъ народной психологіи, и затѣмъ систематической группировки ихъ, на основаніи заключающихся въ нихъ бытовыхъ или филологическихъ фактовъ. Какъ далеко подвинулось изученіе этого предмета въ Германіи, показываетъ появленіе въ послѣднее десятилѣтіе многихъ спеціальныхъ монографій, напримѣръ: *Andresen,* Die altdeutsche Personennamen; *Lucae,* Die altdeutsche Personennamen (1880); *Heinze,* Die deutsche Familiennamen (1880).

Самымъ раннимъ и наиболѣе крупнымъ славянскимъ дѣятелемъ въ этой области филологіи является *Миклошичъ,* авторъ статьи „Die Bildung der slavischen Personennamen", напечатанной въ X томѣ Памятниковъ вѣнской академіи наукъ 1860 г. Съ легкой руки Миклошича научное изученіе личныхъ и фамильныхъ прозваній пошло успѣшно въ славянскихъ странахъ, при чемъ оно естественно получило мѣстное, краевое направленіе, согласно съ характерными особенностями личныхъ и фамильныхъ прозваній каждой славянской народности въ отдѣльности. Такъ, въ 1885 г. вышло спеціальное изслѣдованіе г. *Карловича* о польскихъ собственныхъ мѣстныхъ и личныхъ названіяхъ, (въ „Pamiętnik. fizyograficzn. т. V., потомъ отдѣльно). Въ „Rad jugoslav. Akademije znanosti i umjetnosti" 1886 г. помѣщено обширное изслѣдованіе *Маретича* о народныхъ именахъ и прозвищахъ у хорватовъ и сербовъ.

„Извѣстное дѣло, говоритъ Тургеневъ въ „Пѣвцахъ", русскій народъ на прозвища мастеръ." Въ прозвищахъ, дѣйствительно, много силы и выразительности. Кромѣ этого общаго достоинства, личныя клички имѣютъ еще научное значеніе, филологическое и историко-бытовое. Онѣ представляются любопытными, между прочимъ, въ приложеніи къ современной народной жизни, такъ какъ до нѣкоторой степени уясняютъ направленіе духовной дѣятельности народа въ настоящій моментъ его существованія. Въ личныхъ и фамильныхъ прозваніяхъ мы имѣемъ такое бытовое явленіе, въ которомъ прошлое и современное слились въ одно цѣлое. Любопытнымъ сви-

дѣтельствомъ существованія въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, въ частности въ земствѣ, людей съ правильнымъ взглядомъ на этотъ предметъ служатъ составленные въ 1886 году харьковской губернской земской управой бланки для подворной описи селъ; въ бланки эти, между прочимъ, вошла рубрика: прозвища и почему даны прозвища. Введеніе прозвищъ въ программу собиранія свѣдѣній о народномъ бытѣ заслуживаетъ тѣмъ большаго одобренія, что до сихъ поръ на этотъ отдѣлъ народнаго быта не обращали никакого вниманія; никто не собиралъ по этому поводу свѣдѣній; нигдѣ, даже въ Трудахъ этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край, нѣтъ объяснительныхъ списковъ личныхъ и фамильныхъ прозваній, и такимъ образомъ обширный отдѣлъ народной словесности, выражающій многія любопытныя мелочи народнаго быта, остается въ полной неизвѣстности.

Личныя и фамильныя прозванія остаются или вполнѣ непонятными, или ложно понятыми безъ предварительной справки объ ихъ значеніи у самихъ крестьянъ. Вполнѣ непонятными представляются, напримѣръ, прозвища: Кормысь, Низля, Кабза, Жиранъ, Мурза. Трудно догадаться безъ объясненія крестьянъ, что эти прозванія происходитъ отъ словъ кормить, нельзя, капказъ-дучки (въ дѣтской игрѣ), жирафа, замурзать. Скорѣе всего можно опасаться, что для объясненія такихъ прозвищъ, какъ Кабза, Мурза, Кучмій, будутъ приняты во вниманіе сходныя татарскія слова гокка-базъ, кобза, мурза, кучумъ и т. п.

Между тѣмъ, прозвища подобнаго рода рѣдко указываютъ на татарское происхожденіе надѣленныхъ ими лицъ, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ указываютъ лишь на какую нибудь особенность въ ихъ наружности или въ образѣ ихъ жизни, напримѣръ, на то, что предокъ носилъ высокую шапку, кучму или ходилъ запачканный, замурзаный. Значеніе нѣкоторыхъ фамильныхъ и личныхъ прозваній, повидимому, ясно; въ дѣйствительности, мы соединяемъ съ такимъ прозвищемъ ошибочное представленіе о его происхожденіи и значеніи, и надлежащее его объясненіе иногда открываетъ какую нибудь любопытную мелочь народнаго быта. Возьмемъ, напримѣръ, одно, повидимому, совершенно простое уличное прозвище крестьянина Петренка *Маіорскій шуринъ*.

Крестьяне отправились на заработки въ Донскія степи; на пути имъ нужно было перейти черезъ мостъ. Сборщикъ, поставленный помѣщикомъ для взыманія платы за проѣздъ по мосту, хотѣлъ взять съ нихъ по 7 коп. отъ лошади, тогда какъ на висѣвшей около моста досчечкѣ было написано, что проѣздная плата по 3 коп. отъ лошади. Одинъ изъ крестьянъ, будучи безграмотнымъ, но увидя на доскѣ цифру, сталъ кричать, что сборщикъ беретъ лишнее, грозилъ пожаловаться пану, и, наконецъ, сказалъ, что онъ маіорскій шуринъ: „Въ нашемъ селѣ стояли солдаты, а ихъ маіоръ и женился на моей сестрѣ". Сборщикъ повѣрилъ и взялъ по 3 коп. отъ лошади. Съ тѣхъ поръ не только Петренко, но и дѣти его прослыли Маіорами.

Характерной стороной личныхъ и фамильныхъ прозваній представляется ихъ крайнее разнообразіе по происхожденію и значенію, при звуковой иногда тожественности; напримѣръ:

Крест. Н. по прозванію *Панычъ*. Прозваніе получилъ потому, что родился отъ помѣщика.

Крест. Павленко, по прозванію *Панычъ*: ребенкомъ игралъ съ дѣтьми помѣщика.

Крест. Скибка, по прозванію *Панычъ*: былъ любимый сынъ матери, и мать часто обращалась къ нему съ словами: „мій голубчыку, мій панычыку!"

Крест. Малюкъ, по прозванію *Хворостянъ*: живетъ въ хворостяной хатѣ, сплетенной еще его отцомъ.

Крест. Х., по прозванію *Хворостянка*: кралъ хворостъ въ лѣсу и былъ пойманъ.

Крест. Загоруйко, по прозванію *Хворостъ*: ходилъ къ сосѣдямъ просить хворосту на плетень.

Крест. Пылыпецъ, по прозванію *Бурьяновъ*: прозвище получилъ за высокій ростъ.

Крест. Горовый, по прозванію *Бурьяновъ*: покрылъ сарайчикъ бурьяномъ.

Крест. Р. по прозванію *Дрокинъ*: стоя на мѣстѣ, иногда отбрасываетъ ногами.

Крест. Петренки, по прозванію *Дрокины*: жили въ Дрокиномъ яру.

Различіе значеній при звуковомъ тожествѣ обязываетъ изслѣдователя къ осторожности при объясненіи старинныхъ фамильныхъ прозваній, сохранившихся въ актахъ, современными фамильными прозвищами. Такъ, въ описаніи границъ одной части Запорожья въ 1764 г., составленномъ войсковымъ старшиною Андреемъ Порохнею, говорится, что въ Дунаевскомъ байракѣ „сидѣлъ зимовникомъ казакъ Левушковскаго куреня Сидоръ Дунай давними временами" (*Скальк.* I, 104). Въ объясненіе этого стариннаго фамильнаго названія можно замѣтить, что въ настоящее время въ купянск. у. харьковской губ. проживаетъ крестьянинъ Дунай, получившій это прозвище потому, что ходилъ на заработки къ Дунаю. Объясненіе это, при указанной выше особенности личныхъ и фамильныхъ прозваній, представляется лишь вѣроятнымъ, и не исключаетъ возможности иного значенія прозвища запорожскаго козака. Въ настоящее время прозвище Деркачъ носятъ крестьяне или потому, что въ дѣтствѣ ловили деркачей (скоростелей), или потому что произносятъ слова отрывисто, дерчатъ,

и какое изъ этихъ объясненій наиболѣе примѣнимо къ запорожскому полковнику Деркачу, нельзя съ точностью сказать. Въ области личныхъ и фамильныхъ прозваній болѣе чѣмъ въ какой бы то ни было другой области лингвистики оправдалось древнее классическое изреченіе usus tyrannus dicendi.

При объясненіи личныхъ и фамильныхъ прозваній нужно принимать также во вниманіе тѣ измѣненія, которыя терпятъ прозванія съ теченіемъ времени вслѣдствіе своеобразнаго проявленія народной этимологіи, при забвеніи основнаго значенія прозванія; напримѣръ:

Крест. Овчаренко, по прозванію *Однораль*: Предокъ его былъ на службѣ и дослужился, какъ говорятъ, до генеральскаго чина. Прозваніе генералъ съ теченіемъ времени измѣнилось въ Одноралъ. Семья Овчаренка хранитъ воспоминаніе о своемъ знатномъ предкѣ; но ихъ односельчане соединяютъ съ этимъ прозваніемъ представленіе о плугѣ.

Крест. Голубятниковъ, по прозванію *Конинеръ*. Прозваніе начинаетъ склоняться къ значенію производнаго отъ слова конь, тогда какъ первоначально означало отставнаго канонира, пушкаря.

Крест. С. по прозванію *Жиранъ*. Прозвище это дано С—у за высокій ростъ во время покоса сѣна однимъ изъ грамотныхъ крестьянъ, который видѣлъ въ Естественной исторіи картину жирафа. Прозвище это теперь произносятъ Жиранъ и Жаранъ, сближая его то съ словомъ жиръ, то съ словомъ жаръ.

Обыкновеніе давать личныя и фамильныя прозвища, помимо и независимо отъ книжнаго или документальнаго личнаго или фамильнаго прозванія, встрѣчается не только въ южной, но и въ средней и въ сѣверной Россіи и въ другихъ славянскихъ странахъ, въ особенности въ Болгаріи [1]). Въ Малороссіи обыкновеніе это обнаруживается особенно сильно и разносторонне, въ одинаковой степени какъ въ старину, такъ и въ настоящее время.

Уличныя прозванія въ половинѣ XVII ст. отмѣчены были въ актахъ, какъ такое явленіе народной жизни, которое вносило нѣкоторый безпорядокъ въ теченіе административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Въ 1667 г. малорусскія фамильныя названія вызвали недоразумѣніе и неудовольствіе стольника Кикина, пріѣхавшаго въ Полтаву для слѣдствія о столкновеніи козаковъ съ воеводой (*Солов.*, Ист. Рос. XII, 12—13). По свидѣтельству современника послѣдняго Коша запорожскаго Коржа,

---

[1]) Уличныя клички по названіямъ растеній и животныхъ соотвѣтствуютъ личнымъ именамъ у дикихъ и варварскихъ народовъ (см. *Леббока*, Нач. цивил. 300).— *Прим. авт.*

„козаки запорожскіе... отъ малѣйшаго случая, поступка, походки или „калицтва“ (увѣчья) немедленно давали человѣку прозвище, которое уже навсегда оставалось при немъ. Такъ, кто отъ неосторожности сожжетъ курень или зимовникъ, того называли *Паліемъ*; кто готовитъ пищу или раскладываетъ огонь надъ водою, тому надали имя *Паливоды*. Кто ходитъ согнувшись отъ природы или отъ привычки, тотъ *Горбачъ*, или *Горбъ*, а если кто тощъ, блѣденъ и слабъ, тотъ *Гнида*. Если кто, противъ обычая запорожскаго, не любитъ мамалыги или тетери, главнѣйшихъ яствъ козачества, и варитъ себѣ кашу, того называютъ *Кашкою*. Козака очень малаго росту для смѣху называли *Махиною* (большой человѣкъ), а большаго роста—*Малютою*. Если кто скользилъ и падалъ, тотъ назывался *Слызькій*. Неуклюжихъ звали *черепахою*, шалуновъ—*святыми*, лѣнивыхъ—*добрая воля*. Отъ такихъ случаевъ, говоритъ *Коржъ*, и отецъ мой, котораго настоящая фамилія была Жаданъ, въ Запорожьѣ былъ прозванъ *Тараномъ*, т. е. круглымъ шестомъ, которымъ козаки били конопляное масло“ (*Скальк.* I, 264). Прозваніе самого разсказчика *Коржомъ* произошло отъ того, что онъ въ присутствіи козаковъ упалъ съ кургана, и козаки закричали: „коржомъ, коржомъ свалывся“ (ib. 265). Крестный отецъ Никиты Коржа войсковый хорунжій Яковъ Качаловъ прозванъ былъ *Качалой* за одну качалку (катокъ), сдѣланную имъ въ Сѣчи (ib., 265). Г. Скальковскій въ куренныхъ реестрахъ 1750, 1762 и 1775 гг. насчиталъ 300 Тарановъ, 200 Черныхъ, 60 Бѣлыхъ, большое число Ковалей, Горбовъ, Шкапъ и т. п. Иногда эти прозвища дѣлались именами оффиціальными; но чаще всего, особенно главная старшина оставляла прозваніе и называлась по имени отца; кошевые: Григорій Лантухъ назывался Ѳедоровымъ, Данило Гладкій—Стефановичемъ, Василій Сычъ—Григорьевымъ, полковникъ Деркачъ—Семеновымъ, Николай Косапъ[1]) Тимофѣевымъ (ib., 266). Съ теченіемъ времени обыкновеніе давать уличныя прозвища или „клички“ не ослабѣло, и въ настоящее время столь же распространено, какъ въ старину. Изрѣдка прозвище идетъ отъ прадѣда, большею частью отъ дѣда или бабушки, отъ отца или матери, часто получено въ настоящее время живущимъ крестьяниномъ въ дѣтствѣ или уже въ зрѣлые годы. Наибольшая древность уличнаго прозванія большею частью не превышаетъ трехъ поколѣній, приблизительно сотни лѣтъ.

Прозванія по женской линіи родства столь же многочисленны, какъ и прозванія отъ прадѣда, дѣда и отца. Отъ матери къ ребенку прозвище переходитъ большею частью въ случаѣ ранней смерти отца.

Крест. Демьяненко, по прозванію *Клочекъ*: бабушка его жила въ селѣ Клочковѣ.

Крест. Черевикъ, по прозванію *Близнюкъ*: у его бабушки были два сына близнецы, изъ коихъ одинъ—отецъ Черевика.

Крест. Нетреба, по прозванію *Левчій*: бабушка его была изъ рода Леевыхъ.

Крест. Корощенко, по прозванію *Маіоръ*: бабка его за гордый видъ и скорую походку была прозвана Маіоршей.

Встрѣчаются крестьяне съ уличными прозвищами *Вирченко*, *Марусенко*, *Одарченко*, по имени бабы или матери Вѣры, Маріи, Дарьи.

Крест. Краснокутскій, по прозванію *Малуха*: мать его была небольшаго роста.

Крест. Д., по прозванію *Халайда*: мать его за скупость и неряшливость слыла халайдой.

---

[1]) Косапъ, отъ татарскаго слова казавъ, что значитъ рѣзникъ.

Крест. Р. по прозванію *Задыраченко*: мать его любила браниться, вызывала людей на ссору.

Крестьян. Лысенко, по прозванію *Баловнычєнко*: мать, браня его, называла баловнемъ.

Крест. *Ганноченко*, по прозванію *Городнычій*: прабабу его звали Анной, а мать до замужества проживала въ городѣ, была горожанкой, и слово городнычій въ въ данномъ случаѣ означаетъ горожанина.

Крест. Гордіенко, по прозванію *Мельныкъ*: жена его отличается излишней разгорячивостью.

Крест. Б., по прозванію *Воръ*: жена его уворовала масло въ шинкѣ.

Крест. Лебедевъ, по прозванію *Кабанъ*: жена его была изъ семьи Кабановыхъ.

Крест. Д., по прозванію *Перемотъ*: жена его выставляетъ себя ворожкой, колдуньей; но ей люди не вѣрятъ, считаютъ ее обманщицей и зовутъ перемоткой, а мужа ея перемотомъ.

Встрѣчаются лица съ двумя уличными кличками при одномъ документальномъ фамильномъ прозваніи; напр., крест. Л. (по фамиліи отца), Пазиненко (по фамиліи отчима) и Свичкарь (по прозвищу матери). Крест. З. по уличному Шкуратъ и Высынко (живетъ на горѣ).

Встрѣчаются довольно часто семейства, въ которыхъ мужъ и жена носятъ особенныя прозванія, полученныя ими самостоятельно.

Напримѣръ, крест. У. по уличному *Довгій Мыхайло*, за высокій ростъ, а жена его прозывается *Лыгеней* за то, что однажды на базарѣ приставала къ мяснику съ просьбой: „продайте мени лыгеню“.

Нужно замѣтить, что встрѣчаются крестьяне съ однимъ только оффиціальнымъ фамильнымъ прозваніемъ, которое идетъ и за уличное. Напримѣръ, крестьянинъ Ступакъ на вопросъ объ его уличномъ прозвищѣ отвѣтилъ: Ступакъ по книжному и по уличному. Такой же отвѣтъ былъ полученъ отъ крестьянъ Збаражскаго, Былынки, Лободы и многихъ другихъ.

Въ уличныхъ кличкахъ сохраняются воспоминанія о крѣпостномъ состояніи крестьянства, объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и объ отдѣльныхъ случаяхъ прошлой крѣпостной жизни. Одной изъ темныхъ сторонъ крѣпостничества было посягательство властныхъ помѣщиковъ на честь и нравственное достоинство крѣпостной женщины-крестьянки, посягательство, выраженное во многихъ произведеніяхъ новой малорусской литературы, преимущественно въ стихотвореніяхъ Т. Г. Шевченка. Эта темная сторона стариннаго крѣпостничества выразилась также во многихъ уличныхъ прозвищахъ, напримѣръ, въ прозвищахъ *Панья* (нѣкогда была пан-

ской фавориткой), *Панычъ*, *Панскій*, *Байстрюченко* (незаконнорожденныя дѣти помѣщика). Другая темная сторона стариннаго крѣпостничества, выразившаяся въ уличныхъ прозвищахъ,—жестокое обращеніе панскихъ прикащиковъ или атамановъ съ крестьянами. Такъ, довольно характернымъ представляется уличное прозвище крест. Фесенка *Чистякомъ*.

Прадѣдъ его былъ атаманомъ и, когда приказывалъ кого нибудь высѣчь, то говорилъ: „отчистите его получше", за что и получилъ названіе Чистякъ. Не менѣе любопытно другое однородное прозваніе крестьянина Уманскаго *Балдой*. Лѣтъ сорокъ назадъ отецъ его былъ сборщикомъ и прибѣгалъ къ кулачной расправѣ съ неисправными плательщиками. Если приходилось ударить кого по головѣ, то Уманскій выражался, что онъ ударилъ по балдѣ; или онъ только грозилъ побить балду.

Внимательный наблюдатель и правдивый разсказчикъ Г. Ѳ. Квитка въ своихъ повѣстяхъ на русскомъ языкѣ обрисовалъ добродушное и ласковое отношеніе помѣщиковъ дворянъ къ слугамъ и обратно, слугъ къ своимъ господамъ. Разумѣется, были часто печальныя исключенія; но общій патріархальный строй крѣпостной жизни располагалъ къ патріархальнымъ отношеніямъ прислуги къ господамъ, выражавшимся въ извѣстныхъ типахъ преданныхъ нянекъ, типахъ, отчасти закрѣпленныхъ въ изящной словесности, въ произведеніяхъ Пушкина и Тургенева. Эта черта стариннаго быта обнаружилась и въ уличныхъ прозвищахъ крѣпостнаго времени. Такъ, крест. Охвата получилъ прозваніе *Лужковскаго*, потому что служилъ у пана Лужковскаго, былъ преданный слуга, и Лужковскій, уѣзжая изъ дому, иногда обращался къ нему со словами: оставайся вмѣсто меня Лужковскимъ.

Иногда фамильное названіе пана случайно переходило въ уличное прозвище крестьянина. Такъ, крест. Малюковъ получилъ прозвище *Троянъ* потому, что похожъ былъ лицемъ на пана Трояна.

Однажды старикъ крестьянинъ на предложенный мною вопросъ, почему въ селѣ даютъ уличныя прозвища, отвѣтилъ: „А то старые люди въ шинкахъ понадавали". Въ этомъ отвѣтѣ выразилось прежде всего неумѣніе отвѣтить на общій вопросъ, всегда трудный для неграмотнаго человѣка, затѣмъ презрительное отношеніе степеннаго и пожилаго человѣка къ уличнымъ прозвищамъ, наконецъ, общая всему простому народу наклонность начало всѣхъ обычаевъ относить въ старину. Въ отвѣтѣ старика основательно его замѣчаніе о вы-

дающейся роли шинка въ происхожденіи личныхъ и фамильныхъ прозваній. Къ шинку до послѣдняго времени сходились многія стороны народнаго быта, за неимѣніемъ въ сельскомъ бытѣ другаго пункта для бесѣды, развлеченія, хозяйственныхъ и торговыхъ сдѣлокъ; и изъ шинка вышло много пѣсенъ, поговорокъ, присловій и прозвищъ. На всемъ, что вышло изъ шинка, въ большей или меньшей степени, лежитъ отпечатокъ буйственнаго хмѣля, пьянственнаго бѣса, свившаго гнѣздо въ простомъ народѣ, вопреки многовѣковому, начиная съ Ѳеодосія Печерскаго, противодѣйствію ему со стороны лучшихъ людей страны. Пьяницкія прозвища большею частью отличаются мѣткостью и выразительностью; напримѣръ:

Крест. П. по прозванію *Подорожныкъ*: часто пьяный и спитъ на дорогѣ.

Крест. Т. по уличному *Болюхъ*: когда бываетъ пьянъ, то говоритъ очень тихо.

Крест. Водолажскій, по прозванію *Розбійпляшка*: разбилъ однажды въ шинкѣ бутылку въ полъ-кварты водки.

Крестьянка Д. по прозванію *Пугачка*: дѣдъ ея однажды въ опьяненіи взлѣзъ на крышу своего дома и кричалъ: пугу, пугу, пугу!

Крест. К., по прозванію *Котъ*: однажды въ пьяномъ видѣ подлѣзъ подъ кровать и сталъ мяукать.

Крест. И., по прозванію *Зализный*: въ пьяномъ видѣ говорилъ: у меня желѣзная душа.

Крест. Д., по прозванію *Дурногуляй*: неудачно гулялъ: или его побьютъ, или онъ кого нибудь побьетъ.

Крест. О., по прозванію *Улановъ*: въ пьяномъ видѣ пѣлъ уланскую пѣсню.

Крест. Д., по прозванію *Битокъ*: въ пьяномъ видѣ дрался лбомъ.

Крест. П., мужъ и жена, по прозванію *Дерошійнковы*: часто ссорятся и дерутся въ шинкѣ.

Крест Перепелыця, по прозванію *Попойка*: мать его была шинкаркой. Когда въ шинкѣ собирался народъ и начинался шумъ, она говорила: „ну, пошла попойка!“

Изъ преступленій въ уличныхъ кличкахъ отразилось воровство. Извѣстна патріархальная простота и честность крестьянъ въ глухихъ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ отъ большихъ городовъ, фабрикъ и заводовъ и съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ крестьянъ. Въ такихъ селахъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается, окна и двери лѣтомъ рѣдко на ночь запираются; предметы домашняго хозяйства и одежда безопасно оставляются на ночь на дворѣ, и если случится въ селѣ воровство, то виновникомъ считаютъ какого-нибудь прохожаго человѣка. Если въ воровствѣ попадается кто либо изъ односельчанъ, то маленькій муравейникъ приходитъ въ большое движеніе, слухъ о воровствѣ и ворѣ обходитъ все село, обсуждается

во всѣхъ хатахъ, и провинившійся крестьянинъ получаетъ уличную кличку по тому предмету, который былъ украденъ. Къ этому разряду относятся прозванія:

Крест. З., по уличному *Жытнякъ*: воровалъ снопы въ полѣ.
Крест. З., по уличному *Меделокъ*: однажды укралъ медъ.
Крест. К., по уличному *Вижковый*: однажды укралъ на базарѣ ременныя вожжи.
Крест. Н., по уличному *Хамутовъ*: укралъ хомутъ.
Крест. И., по уличному *Барановъ*: кралъ барановъ.
Крестьяне П—цы, по уличному *Курятныковы*: бабушка ихъ крала куръ.

Въ „Основѣ“ 1861 г. № 4 П. А. Кулишъ подвергъ суровому и несправедливому обсужденію повѣсти Гоголя изъ малорусской жизни. Между прочимъ, г. Кулишъ порицаетъ Гоголя за прозвища Довгочхунъ, Голопупенко, Свербигузъ, Перерепенко. Авторъ могъ, писалъ г. Кулишъ, давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ какія угодно смѣшныя имена, но народъ нашъ въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой соблюдаетъ на свой ладъ ту же учтивость, что и мы грѣшные, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни“. Далѣе, г. Кулишъ утверждаетъ, будто „малорусскому крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ“ прозваніе Довгочхунъ, Свербигузъ, Перерепенко. Въ этихъ сужденіяхъ г. Кулиша выразилось влюбленное отношеніе интеллигенціи къ народу въ шестидесятыхъ годахъ. Вѣроятно, Гоголь слышалъ приведенныя выше прозвища. Среди малорусскихъ фамильныхъ и личныхъ, даже мѣстныхъ, названій встрѣчаются грубыя и даже неприличныя, съ моральной точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка. Что касается до введенія Гоголемъ подобныхъ именъ въ повѣсти, то намъ кажется умѣстно будетъ привести въ объясненіе одно мѣсто изъ его „Женитьбы“:

Агафья Тихоновна. А фамилія какъ?
Өекла. А фамилія Иванъ Павловичъ Яичница.
А. Т. Это такая фамилія?
Өекла. Фамилія.
А. Т. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Өеклуша, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаөія Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, что такое.
Өекла. И мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь.

Гоголь не могъ упустить изъ виду такого явленія въ языкѣ и бытѣ народа, какъ курьезныя личныя прозвища, и потому ввелъ ихъ въ свои произведенія.

Въ оправданіе Гоголя можно привести еще слѣдующее рѣшеніе волостнаго суда сорочинской (миргородск. у. полт. губ.) волости:

1871 г. мая 2-го. Козакъ К. жалуется на козака Р. за то, что онъ, въ присутствіи сельскаго схода, назвалъ его не по фамиліи, а произнесъ другую фамилію Кацабей. Волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое жалобщика, отвѣтчика и свидѣтелей. При спросѣ свидѣтелей, всѣ единогласно подтвердили жалобу К.; отвѣтчикъ Р. показалъ, что онъ дѣйствительно назвалъ К. Кацабеемъ, не зная его по фамиліи по ревизіи. Это прозвище сказалъ ему на сходѣ въ то время козакъ Д. Вызванный въ судъ козакъ Д. показалъ, что дѣйствительно онъ говорилъ козаку Р. на сходѣ, при назначеніи лошадей, что есть лошадь у Кацабея, т. е. у К.,— прозвище это есть по уличному. Судъ по соображенію вышеизложеннаго находитъ, что хотя дѣйствительно нѣкоторые изъ жителей м. Сорочинецъ имѣютъ, кромѣ фамиліи по ревизіи, прозвища по уличному, но таковыхъ произносить въ публикѣ не слѣдуетъ; да при томъ козакамъ Д. и Р., какъ жителямъ одного съ К. мѣстечка, не можетъ „быть неизвѣстна его дѣйствительная фамилія, а потому призналъ козаковъ Д. и Р. въ приложеніи другой фамиліи К. виновными, такъ какъ провозглашеніе прозвища въ публикѣ К. имѣлъ право принимать за обиду, то судъ опредѣлилъ: козаковъ Д. и Р. обязать испросить у К. за обиду христіанское прощеніе съ предупрежденіемъ ихъ на будущее время подобныхъ прозвищъ не только къ К., но и никому другому не прилагать (*Труды* коммиссіи по преобраз волостн. судовъ, т. IV. Спб., 1873 г., 472, № 8.

Нравственное достоинство народа, его наклонность къ общежитію, вообще, степень его моральной и гражданской культурности находитъ надлежащее выраженіе въ разнообразныхъ формахъ ласки и привѣта, въ обиліи внѣшнихъ проявленій дружбы и взаимной любви. При этомъ, въ самомъ языкѣ обнаруживается обиліе мягкихъ и ласкательныхъ словъ и выраженій. Ласковые и привѣтливые элементы языка и обычаевъ въ совокупности всегда могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, что усвоенная народомъ привѣтливость обусловлена не чувствомъ страха или личной приниженности, а широкимъ проявленіемъ всеобщаго народнаго сознанія, что homo homini non lupus, sed frater, началами христіанскаго братолюбія и культурно сильнаго общежитія. Лучшіе люди всегда дорожили существующими въ народѣ обычаями взаимнаго привѣта и ласки. Еще Владиміръ Мономахъ около восьми вѣковъ назадъ совѣтывалъ: „человѣка не минѣте, не привѣчавше; добро слово ему дадите“. Есть прямыя указанія, что „доброе слово“ было весьма распространено и обычно въ нравахъ южнорусскаго народа. Такъ, голландецъ Вердумъ, путешествовавшій въ Польшѣ и на Украинѣ въ 60-хъ годахъ XVII в., замѣтилъ въ своихъ запискахъ про вѣжливость поляковъ и южноруссовъ. „Въ русскомъ воеводствѣ, говоритъ онъ,

особенно развиты ласкательства женщинъ" (*Пташицкій*, въ Журн. Минист. Нар. Пр. 1878, CXCIX, 89). По народнымъ понятіямъ стараго времени, пренебреженіе добрымъ словомъ влекло на виновнаго небесную кару. Такъ, въ думѣ о бурѣ на Черномъ морѣ говорится, что Алексѣй Поповичъ вызвалъ эту бурю, между прочимъ, тѣмъ, что

Мимо царськои громады пробигавъ,
За своею гордощею шляпы не здіймавъ,
На день добрый не дававъ (*Ант. и Драг.* I. 180).

Въ галицко-русской пѣснѣ ляхъ, проѣзжая мимо крестьянина въ то время, когда послѣдній пахалъ въ полѣ, не сказалъ ему „помогай Богъ"; за то крестьянинъ его „привитавъ—за чуприну похитавъ" (Голов. II, 474).

Въ послѣднее время въ народѣ стали появляться насмѣшливыя клички по привѣтствію. Такъ; одинъ крестьянинъ названъ Низкопоклоннымъ, другой Добрыдень; третій Здоровы булы. Возникновеніе уличныхъ кличекъ, въ родѣ трехъ вышеприведенныхъ, можетъ до нѣкоторой степени служить подтвержденіемъ основательности мнѣнія, что современный малороссъ потерялъ нѣкоторыя симпатичныя черты характера малоросса прошлыхъ столѣтій и, прежде всего, огрубѣлъ въ проявленіяхъ общежитія. Впрочемъ, спѣшимъ замѣтить, что факты эти настолько мелки и отрывочны, что на нихъ нельзя строить какіе либо положительные выводы о народной нравственности.

Въ уличныхъ кличкахъ сохраняются указанія на кустарные промыслы, какъ существующіе, такъ и прекратившіеся. Такъ, крест. Лугивецъ получилъ уличное прозвище *Свичкаръ* на томъ основаніи, что мать его „сукаетъ свѣчи" для церковнаго употребленія. Обычай готовить изъ домашняго воска свѣчи для церковнаго употребленія мало-по малу угасаетъ и теперь встрѣчается лишь въ немногихъ селахъ [1]). Крест. Катричъ, по прозванію *Коцаренко:* его мать въ молодыхъ лѣтахъ занималась коцарскимъ ремесломъ, т. е. приготовляла ковры, коцы. Въ настоящее время этотъ кустарный промыселъ въ харьковской губерніи почти вполнѣ прекратился. Лѣтъ сто назадъ харь-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ промыслѣ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, при обозрѣніи остатковъ угасшихъ малорусскихъ кустарныхъ промысловъ.

ковскіе коцы были въ большомъ ходу, и выдѣлкой ихъ занято было много рукъ.

Развитіе кулачества въ селѣ повело къ возникновенію многихъ характерныхъ прозвищъ для кулака, напримѣръ, Глытай, Пыжикъ. Послѣднее прозвище встрѣчается въ харьковскомъ и валковскомъ уѣздахъ въ приложеніи къ гордымъ и грубымъ мужикамъ, разбогатѣвшимъ всякими правдами и неправдами на счетъ своихъ нуждающихся односельцевъ.

Въ уличныхъ прозвищахъ находятся указанія на бытующія въ настоящее время въ народѣ пѣсни. Напримѣръ:

Крест. Ляшенко, по прозванію *Зозуля*: мать Ляшенка любитъ пѣть пѣсню.

Закувала зозуленька, закувала;
Бидная моя головонька, що сама я...

Крест. Видаленко, по прозванію *Солоха*: пѣлъ часто пѣсню про бабу Солоху: „Нема, нема Солохы дома“ и проч.

Крестьянка Несмашная, по уличному *Крыштополянка*: любитъ пѣть извѣстную солдатскую пѣсню „Черная галка, чистая полянка, ты жъ Марусенька черноброва, чомъ не ночуешъ дома“, при чемъ слова „чистая полянка“ передѣлываетъ въ крыштополянка.

Крест. Д., по прозванію *Еремивъ*: въ пьяномъ видѣ поетъ пѣсню про родныхъ братьевъ Ерему и Хому (вошла въ сборники пѣсенъ, напр. въ Кобзарь Остапа Вересая).

Въ простомъ народѣ обращено большое вниманіе на недостатки выговора словъ или на излишнее пристрастіе къ извѣстному слову, опредѣленной фразѣ; множество уличныхъ прозваній обязано своимъ происхожденіемъ или особенностямъ въ выговорѣ словъ, или поговоркѣ. Такъ, по особенностямъ въ выговариваніи словъ произошли слѣдующія характерныя прозвища:

Крест. Д., по уличному *Цвыркунъ*: имѣетъ очень тонкій голосъ.

Крест. П., по уличному *Плямкало*: заикается во время разговора.

Крест. К., по уличному *Хнякъ*: говоритъ въ носъ.

Крест. З., по уличному *Деркачъ*: говоритъ отрывисто.

Крест. О., по уличному *Лепинъ*: когда говоритъ, то цмокаетъ или прищелкиваетъ языкомъ.

Крест. Б., по уличному *Гугнявый*: говоритъ въ носъ.

Крест. Рудь, по уличному *Туркó*: говоритъ поспѣшно и монотонно.

Крест. Крывый, по уличному *Балакъ*: разговорчивый.

Крест. Бій, по уличному *Мовчанъ*: молчаливый, угрюмый.

Во многихъ уличныхъ прозвищахъ обнаруживаются поговорки и присловія, свойственныя отдѣльнымъ лицамъ, иногда весьма странныя. Почти всѣ прозвища этого рода совершенно непонятны безъ объясненія. Напримѣръ:

Крест. Ч., по прозванію *Колышоякшо*: отецъ его имѣлъ привычку употреблять въ разговорѣ слова „колы шо, якъ шо". Выраженіе это означаетъ сомнѣніе, условность, въ смыслѣ поговорки „бабушка на двое сказала".

Крест. Б., по уличному *Покамѣсть*: отецъ его часто употреблялъ слово покамѣсть въ разговорѣ.

Крест. Т., по уличному *Бацнытакъ*: его любимая поговорка: бацны такъ.

Крест. У., по уличному *Долото*: любитъ повторять, особенно передъ обѣдомъ, слѣдующее странное выраженіе: „ходимте, будемо исты, грысты долото".

Крест. З., по уличному *Чарапъ*: имѣетъ обыкновеніе въ началѣ разговора вставлять слѣдующую курьезную фразу: „чарапъ чотыры вороны за одну ногу" [1].

Крест. Ивахненко, по уличному *Сараевъ*: любитъ употреблять въ разговорѣ пословицу: „ругался сарай съ повиткою".

Крест. Г., по уличному *Божемой*: отецъ его часто употреблялъ слова „Боже мой".

Крест. П., по уличному *Выдышь*: отецъ его часто говорилъ „видишь", обращаясь къ другому лицу.

Крест. Г., по уличному *Ростакъ*: дѣдъ его при выраженіи неудовольствія часто употреблялъ слово ростакъ.

Крест. Рыбалка, по уличному *Плескачъ*: когда кто нибудь съ нимъ споритъ, то Рыбалка всегда возражаетъ: „що ты плещешъ", т. е. вздоръ говоришь.

Крест. Жукъ, по уличному *Душка*: свою жену называетъ душкой, когда къ ней обращается съ рѣчью.

Уличныя клички представляютъ, между прочимъ, лексическій интересъ. Въ нихъ сохраняются слова, вышедшія изъ употребленія, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Напримѣръ, крест. Нетреба носитъ уличную кличку *Арцуганъ*. Повидимому, слово это представляетъ мѣстное искаженіе слова харцызъ,—разбойникъ. Въ прошломъ столѣтіи въ харьковской губерніи харцызами называли грабителей и разбойниковъ, выходившихъ изъ Запорожья. Затѣмъ, съ паденіемъ Запорожья, слово это стало выходить изъ употребленія и искажаться.

Въ уличныхъ кличкахъ обнаруживаются мѣстныя слова и выраженія или мѣстныя видоизмѣненія общихъ малорусскихъ словъ. Напримѣръ, прозваніе крестьянина Балдой указываетъ на существованіе въ харьковской губерніи слова балда въ значеніи головы, болѣе сохранившейся въ словѣ „набалдашникъ"—круглая ручка палки. Въ турецкомъ языкѣ встрѣчается слово балда, балта въ значеніи слуги при дворцѣ (*Denkschrift* d. akad. Wissensch. in Wien 1884. XXIV). Любопытно также встрѣчающееся въ харьк. губ. въ уличныхъ кличкахъ слово галайда, халайда въ значеніи чело-

---

[1]) Первоначально въ этой фразѣ выразилась идея невозможности; затѣмъ фраза эта обратилась въ нисенитныцю.

вѣка скупаго и неряшливаго, слово гайда въ значеніи человѣка высокаго роста въ прозвищѣ одной женщины Гайдоверой, слово скоблить въ значеніи бранить въ прозваніи крестьянина Скобленко, перемотать въ значеніи обманывать въ прозвищахъ Перемотъ и Перемотка и т. п. слова. При составленіи толковаго словаря живаго малорусскаго языка, въ особенности его архаизмовъ, уличныя клички могутъ доставить любопытный матеріалъ.

Настоящая статья объ уличныхъ прозвищахъ составлена по устнымъ сообщеніямъ крестьянъ, записаннымъ отчасти мною, отчасти неизвѣстными мнѣ лицами въ двухъ уѣздахъ харьковской губерніи. Послѣднія записи любезно доставлены мнѣ П. В. Ивановымъ и А. А. Доброхотовыми. Записано всего около трехъ сотъ объясненій, число, очевидно, крайне незначительное сравнительно съ сотнями тысячъ, даже милліонами бытующихъ въ народѣ личныхъ и фамильныхъ прозваній. Настоящая статья такимъ образомъ представляется лишь слабой попыткой научнаго изслѣдованія громаднаго сыраго матеріала уличныхъ кличекъ. При составленіи статьи я руководствовался цѣлью указать, что личныя и фамильныя прозванія заслуживаютъ собиранія и спеціальнаго изученія со стороны этнографовъ, историковъ быта и филологовъ, и если цѣль эта статьей выполнена слишкомъ слабо, то виной тому, полагаю, является не самый предметъ изслѣдованія, а недостаточное количество имѣвшагося у меня подъ руками матеріала,— объяснительныхъ записей уличныхъ кличекъ. Можно надѣяться, что, съ накопленіемъ матеріала, научное изслѣдованіе личныхъ и фамильныхъ прозваній раскроетъ много любопытныхъ мелочей стариннаго и современнаго народнаго быта.

6.

Укрощеніе змѣй.

Малорусскіе знахари обладаютъ искусствомъ скликать змѣй, при чемъ прибѣгаютъ къ пѣнію или пользуются ясенемъ. Въ купянскомъ у. харьк. губ. увѣряютъ, что между пастухами есть такіе, которые могутъ по желанію собирать змѣй, созывая ихъ игрой на сопилкѣ, и даже приказывать имъ бросаться на людей по слову: коси.

Говорятъ, жила одна шинкарка, лѣчившая отъ укушенія змѣй. Называя змѣй женскими именами Марфа, Марія, она созывала ихъ и узнавала, какая изъ нихъ укусила человѣка. Разъ въ это время случился въ шинкѣ солдатъ. Онъ сталъ смѣяться надъ легковѣріемъ мужиковъ и увѣрять, что сползшіяся къ шинкаркѣ змѣи не ядовиты, безъ зубовъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ взялъ одну изъ этихъ змѣй; но тотчасъ былъ ею укушенъ, такъ что и самъ вынужденъ былъ обратиться за помощью къ осмѣянной имъ шинкаркѣ (*П. И.*, Харьк. Сбор. 1888. 96). Лѣтъ тридцать назадъ въ с. Боромлѣ ахтырскаго уѣзда жилъ одинъ глубокій старикъ, скликавшій змѣй. Онъ держалъ змѣй въ своей хатѣ, клалъ ихъ за пазуху, что, разумѣется, возбуждало къ нему уваженіе среди сосѣднихъ крестьянъ. Не могу теперь сказать, что это за змѣи были, безвредные ужи или ядовитыя гадюки. Въ Енеидѣ Котляревскаго кумская сивилла говоритъ: „гадюкъ умію замовлять".

Въ одной картинѣ страшнаго суда старинной малорусской живописи, находящейся въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, въ числѣ грѣшниковъ нарисованъ „чаровникъ съ змѣемъ и стклянкою" (*Покровскій*, въ Труд. одес. археол. съѣзда III, 327). Въ печати были указанія, что малорусскіе знахари пользуются ясеневымъ деревомъ, какъ средствомъ оцѣпенѣнія змѣй. Такъ, въ періодическомъ изданіи „Иллюстрація", выходившемъ въ сороковыхъ годахъ, помѣщенъ рисунокъ Т. Г. Шевченка, представляющій малорусскаго знахаря, окруженнаго вызванными имъ змѣями, которыхъ онъ беретъ голыми руками. Въ замѣткѣ по поводу этого рисунка, вѣроятно, написанной самимъ же Т. Г. Шевченкомъ, сообщается, что знахари для укрощенія змѣи натираютъ свои руки и тѣло сокомъ ясеневаго дерева (*Харьковск. Сборникъ* 1887 г. вып. I, стр. 261—262). „Дѣло было еще при крѣпостномъ правѣ, говоритъ Н. И. Зарудный объ одномъ случаѣ укрощенія змѣй. Во время косовицы къ помѣщикамъ, которые не могли обойтись своими крестьянами, являлись наниматься въ косари и посторонніе люди, въ одиночку и артелями. Между такими людьми къ отцу моему приходилъ нѣсколько лѣтъ сряду одинъ уроженецъ ахтырскаго уѣзда, харьковской губерніи, съ которымъ отецъ любилъ иногда побалагурить. Однимъ лѣтомъ по окончаніи косовицы,

косари расчитывались по обыкновенію; между ними былъ и ахтырецъ, который, повидимому, остался очень доволенъ и своимъ расчетомъ, и выпивкой, составляющей необходимую принадлежность расчета, и былъ въ особенномъ настроеніи духа. Онъ подошелъ къ отцу и въ благодарность за хорошій расчетъ вызвался показать ему свою дивную силу сзывать змѣй. Отецъ очень заинтересовался этимъ и предложилъ и мнѣ присутствовать на опытѣ. Мы отправились втроемъ въ нашъ обширный садъ; здѣсь, пройдя по ясеневой аллеѣ, ахтырецъ выломалъ большую вѣтку съ ясеня. Затѣмъ, остановившись на большой полянѣ, онъ поставилъ насъ на одно мѣсто и очертилъ ясеневой вѣткой кругъ, въ центрѣ котораго были мы. Послѣ того вѣтка была брошена имъ на очерченную окружность, потомъ, ходя по окружности, онъ сталъ посвистывать какимъ то особеннымъ посвистомъ, оборачиваясь въ разныя стороны. Черезъ нѣсколько минутъ мы съ испугомъ увидѣли, какъ со всѣхъ сторонъ къ кругу начали сползаться змѣи, однако не переходя окружности. Ахтырецъ успокоивалъ насъ, говоря, что змѣи при немъ не осмѣлятся тронуть насъ, и самъ безбоязненно бралъ ихъ въ руки, ласкалъ всячески и, какъ бы разговаривая съ ними, называлъ ихъ женскими именами и клалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ за пазуху, потомъ вынималъ ихъ и спускалъ на землю. Наконецъ, взялъ одну изъ нихъ и, поласкавъ ее, проговорилъ:—„Ну, Горпыно, иди-жъ теперь и скажи своимъ подругамъ, щобъ симъ панамъ ни якои шкоды не робылы. Та гляды-жъ мини!“ Отдавъ ей такое приказаніе, онъ пустилъ ее среди другихъ; затѣмъ велѣлъ всѣмъ змѣямъ уходить, что онѣ немедленно и исполнили, расползлись въ разныя стороны. Обратясь къ намъ, онъ спросилъ съ самодовольствомъ: „А чи бачили, якъ уси гадюки мене слухаютъ?“ Змѣи дѣйствительно слушали приказаніе ахтырца. Прежде у насъ во время грабавицы, т. е. уборки скошенной травы, не проходило ни одного лѣта, чтобы змѣи не искусали работниковъ, но съ этого случая у насъ не встрѣчалось ни одного укушенія змѣями. Я совмѣстно съ отцомъ присталъ къ этому сзывателю змѣй и просилъ его открыть мнѣ свой секретъ, но онъ, несмотря на всѣ посулы съ нашей стороны, упорно отказывался, увѣряя, что не имѣетъ на это права. Онъ сдѣлалъ, впрочемъ, мнѣ маленькую уступку и разсказалъ объ особенномъ вліяніи ясене-

ваго дерева на змѣй вообще. Если встрѣтится ползущая змѣя, то, накрывъ ее свѣжею ясеневой вѣткой, можно заставить ее свернуться въ спиральное кольцо, и она будетъ оставаться неподвижной, пока вѣтка будетъ лежать на ней, и уползетъ только тогда, когда вѣтка съ нея снимется. Это мнѣ случалось самому испытывать нѣсколько разъ. Такая способность человѣка сзывать змѣй и командовать ими была до того поразительна для меня, что, еслибъ я не былъ самъ очевидцемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ опыта, то никогда бы не повѣрилъ ничему подобному" (*Харьк. Сб.* 1887. I, 261). Отъ змѣинаго укуса на Руси примачиваютъ больное мѣсто ясеневымъ отваромъ или прикасаются къ ранѣ обмакнутымъ въ него пальцемъ. Въ Германіи ужаленнымъ змѣей давали пить ясеневый сокъ (*Аѳанасьевъ.* Поэт. воззр. слав. II. 282).

Укрощеніе змѣй въ южнорусской народной жизни занимаетъ исключительное мѣсто, какъ рѣдкое и странное явленіе. Повидимому, искусство укрощать змѣй заимствовано малороссами отъ цыганъ. По сообщенію одного харьковскаго старожила, лѣтъ сорокъ назадъ подъ Харьковомъ останавливались какіе то необыкновенные цыгане, можетъ быть, румынскіе, и въ числѣ разныхъ продѣлываемыхъ ими фокусовъ было укрощеніе змѣй. Въ любопытномъ сочиненіи о народахъ Турціи, составленномъ женой и дочерью англійскаго консула (безъ обозначенія фамилій), въ главѣ о болгарскихъ суевѣріяхъ, между прочимъ, читаемъ: „мнѣ случилось видѣть однажды цыгана съ цѣлымъ мѣшкомъ змѣй, переброшеннымъ за спину наверхъ тулупа. Прохожій, привлеченный странными движеніями мѣшка, хотѣлъ ощупать его; но едва приложилъ руку, какъ дорого поплатился за свое любопытство: одна изъ змѣй жестоко ужалила его" (II. 147). Ловлей и укрощеніемъ змѣй занимаются также закавказскіе цыгане племенъ Боша и Карачи. Такъ, жители гарнибасарскаго магала эриванской губерніи, принадлежащіе къ цыганскому племени Карачи, промышляютъ ловлей змѣй, которыхъ носятъ въ рубахахъ за пазухой и въ рукавахъ платья; съ усмиренными змѣями они разъѣзжаютъ по деревнямъ и показываютъ ихъ суевѣрному народу, совершенно увѣренному, что эти люди обладаютъ волшебной способностью. Иные берутся вызывать змѣй, что и дѣлаютъ посредствомъ свиста (*Паткановъ*, Цыгане, 73). Смѣло можно предположить, что

и южнорусскіе цыгане обладаютъ искусствомъ скликать змѣй и дѣлать ихъ безвредными, по тому уже, что по образу жизни и нравамъ они очень сходны съ цыганами болгарскими, закавказскими и др. Ихъ языкъ, занятія, ремесла одинаковы. Мужчины занимаются кузнечнымъ дѣломъ, коновальствомъ, барышничествомъ, музыкой, женщины—гаданіемъ, ворожбой, попрошайничествомъ, пѣніемъ и пляской. У цыганъ укрощеніе змѣй является простымъ дополненіемъ къ цѣлому ряду практикуемыхъ ими пріемовъ ворожбы и попрошайничества. Предположеніе о томъ, что и южнорусскіе цыгане обладаютъ искусствомъ укрощать змѣй, находитъ косвенное подтвержденіе въ старинной вертепной драмѣ: Змѣя кусаетъ запорожца за ногу, и онъ обращается къ цыганкѣ съ просьбой вылѣчить его (*Маркевичъ*, Обыч. малорос. 52).

Близкое соприкосновеніе народовъ, хотя бы и весьма различныхъ по языку, нравамъ и обычаямъ, никогда не обходится безъ взаимнаго вліянія. Естественно, что наиболѣе поддающейся стороной является слабая въ культурномъ отношеніи народность, въ данномъ случаѣ цыгане, но и къ народности сильной, вліятельной всегда что нибудь пристаетъ, хотя бы нѣчто очень малое, напримѣръ, нѣсколько словъ, техническихъ терминовъ, нѣсколько обычаевъ. Цыгане появились на Волыни уже въ началѣ шестнадцатаго вѣка, и позднѣе въ другихъ мѣстахъ южной Россіи. Въ XVIII ст. появляются законодательныя мѣры противъ цыганъ, устанавливающія особый съ нихъ сборъ и отчасти ограничивающія свободу ихъ передвиженій (*Патканов*ъ, 14). Цыгане сдѣлались непремѣнными участниками на всѣхъ конскихъ ярмаркахъ, пріобрѣли незавидную репутацію конокрадовъ и барышниковъ-обманщиковъ и вошли во многіе народные повѣсти и разсказы, въ смыслѣ людей плутоватыхъ и глупыхъ. Уже фактъ существованія народныхъ разсказовъ о цыганахъ (см. *Чуб.*, Труды II, 105; *Драг.*, Народ. пред. и разск. 190 и др., *Nowos.*, Lud ukr. II, 212 и др.) указываетъ на то, что этотъ странный народъ обратилъ на себя вниманіе южнорусскаго народа.

Малороссіяне говорятъ, что надъ цыганами и святые смѣются, и при такомъ общемъ взглядѣ на этотъ бѣдный и грубый народъ, они, понятно, очень немногое могли отъ него позаимствовать. Повидимому, заимствовано нѣсколько словъ, повѣрій и заклинаній.

Такъ, если не ошибаюсь, изъ цыганскаго языка заимствованы слова *хымородныкъ* въ значеніи колдуна, знахаря, хотя у цыганъ слово это означаетъ кузнеца, харьковское слово *ракло* въ смыслѣ вора и бродяги, босяка, жулика, хотя у цыганъ слово это обозначаетъ молодца, слово *мандрыка* (хлѣбъ) въ значеніи лепешки изъ хлѣба и сыра.

Научныя изслѣдованія Потта и Миклошича установили, какъ неопровержимый фактъ, что родина цыганъ Индія и языкъ ихъ—индійскій. Отсюда же, изъ Индіи, они, должно быть, вынесли искусство ловить и укрощать змѣй. Индія—царство разнообразныхъ змѣй, громадныхъ и ядовитыхъ. Несмотря на то, что англійское правительство принимаетъ энергичныя мѣры для ихъ истребленія, число ихъ громадно. Въ 1883 г. ихъ истреблено, по оффиціальнымъ даннымъ, 322,421. Одному президентству Бомбея было предъявлено 262,384 убитыхъ змѣй. При всемъ томъ, число человѣческихъ жертвъ отъ ихъ укушенія въ иные годы доходитъ въ Индіи до 20,000. Въ прошломъ году отъ укушенія ядовитыми змѣями погибло 11,980 человѣкъ.

Естественно, что такое грозное явленіе индійской жизни, какъ обиліе ядовитыхъ змѣй, отразилось на религіозныхъ вѣрованіяхъ и на знахарствѣ индусовъ. Съ одной стороны змѣи были обоготворены, съ другой найдены были средства ихъ ловить и укрощать. Культъ змѣй существовалъ въ древности въ Индіи, Египтѣ, Финикіи, Вавилонѣ, Греціи, Италіи и еще нынѣ встрѣчается въ Индіи, въ Персіи и у разныхъ африканскихъ народовъ [1]). Ловля и укрощеніе ядовитыхъ змѣй издавна стоятъ въ Индіи на высокой степени совершенства, и въ сочиненіяхъ лицъ, побывавшихъ въ Индіи, находится много удивительныхъ разсказовъ на эту тему. Нѣкоторые разсказы этого рода, можетъ быть, преувеличены или подкрашены, напримѣръ, у Жаколіо и Радда-Бай. Наиболѣе достовѣрныя извѣстія объ индійскомъ укрощеніи змѣй см. въ 5 томѣ „Иллюстр. жизни животныхъ“ Брема, с. 249—257. Въ древности искусствомъ укрощать змѣй славились псиллы, жившіе внутри Киренаики въ песча-

[1]) *Леббокъ*, Начало цивилиз. 193; *Спенсеръ*, Основ. соціологіи I, 359, и особенно подробно у *Nagele*, Der Schlangenkultus въ Zeitschr. f. Völkerpsychologie. 1888. XVII. 3 p. 264—289.

ныхъ пустыняхъ. Объ нихъ упоминаютъ Геродотъ, Страбонъ и Плиній (см. словари классич. древн. Паули и Любкера).

Въ настоящее время въ Индіи отъ укушенія змѣй лѣчатся змѣинымъ камнемъ, приготовляемымъ браминами изъ смолы, извести и пережженой кости, или корнемъ растенія аристолохіи (*Бремъ*, V, 255). Если только сокъ ясеня дѣйствительно помогаетъ при укушеніи змѣей, то его могли употреблять въ мѣстахъ произрастанія ясеня, можетъ быть, въ гористыхъ и теплоумѣренныхъ странахъ сѣверо-западной Индіи, откуда, по мнѣнію ученыхъ, изучавшихъ цыганскій языкъ, вышли цыгане. Въ Европѣ въ области распространенія ясеня (fraxinus exelcior) лежатъ Карпаты, западная и южная Россія, Кавказъ, Швейцарія (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 196). Ясень, какъ цѣлебное средство отъ укушенія змѣй, въ Россію и въ Германію могъ проникнуть черезъ цыганъ, а въ южныя европейскія страны и помимо цыганъ, другими, неизвѣстными намъ путями, такъ какъ оцѣпеняющее свойство ясеня было извѣстно еще римлянамъ, слѣдовательно задолго до появленія цыганъ въ Европѣ. Въ германскихъ и славянскихъ миѳахъ ясень является священнымъ всемірнымъ деревомъ, и тутъ нелишнимъ будетъ поставить вопросъ, не содѣйствовало ли такому представленію ясеня его оцѣпеняющее дѣйствіе на ядовитыхъ змѣй? Что это свойство ясеня было извѣстно уже въ древности, видно изъ словъ Плинія (lib. 16, cap. 13). „Adeo inimica, говоритъ Плиній о fraxinus exelcior, arbor serpentibus, ut ne matutinas quidem occidentesve umbras quamlibet spatiosus, ejus serpens attingat, ac si frondibus ejus claudatur cum igne, in ignem potius, quam in fraxinum fugiat“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Прошлое переяславскаго духовнаго училища.

(БЫВШЕЙ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ СЕМИНАРИИ).

13 октября 1888 года исполнилось полтараста лѣтъ со времени основанія переяславскаго духовнаго училища.

Время и пожары истребили архивные документы за первые сто лѣтъ его существованія, а пополнить этотъ недостатокъ изустными разсказами нѣтъ возможности, такъ какъ дѣятели того времени и лица, близко стоявшія къ училищу, давно покоятся вѣчнымъ сномъ.

Итакъ, приходится говорить о началѣ училища только на основаніи тѣхъ немногихъ извѣстій, которыя извлечены изъ случайныхъ и часто неполныхъ источниковъ.

Основано училище въ 1738 году Арсеніемъ Берло, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Дѣло это задумано было епископомъ Арсеніемъ гораздо раньше. Еще въ 1737 г., желая открыть при своемъ архіерейскомъ домѣ училище для подготовленія достойныхъ пастырей церкви, онъ собиралъ въ своей епархіи точныя свѣдѣнія о числѣ священническихъ и причетническихъ дѣтей, обучающихся въ кіевской академіи и могущихъ войти въ составъ проектируемаго имъ училища [1]). Въ слѣдующемъ году полученъ былъ указъ императрицы Анны Іоанновны о заведеніи училищъ при архіерейскихъ домахъ. Это еще болѣе возбудило ревность еп. Арсенія, и онъ немедленно приступилъ къ осуществленію своихъ намѣреній. Въ іюлѣ 1738 года во всѣ духовныя правленія переяславской епархіи разосланъ былъ слѣдующій ордеръ:

[1]) Дѣла бывшаго переясл. дух. правленія, хранящіяся при п—скомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

„По благословенію великого господина, ясне в Богу Преосвященнѣйшаго, Кvръ Арсенія Берло, Божіею милостію православнаго епископа переяславскаго и бориспольскаго, з духовной консисторіи катедры переяславской всечестнымъ протопопамъ... предлагается... изобравъ въ самой скорости священническихъ сыновъ искусныхъ и удобныхъ къ наученію латинскому, имѣющемуся при домѣ архіерейскомъ зачати, выслать тѣхъ дѣтей къ первому числу предъидущаго іюля сего 1738 года непремѣнно, опасуяся за небреженіе свое гнѣва архипастырскаго и за преслушаніе указовъ наказанія. Дѣтей же показанныхъ (росписавъ тѣхъ имена, лѣта и по отчеству) выслать въ катедру таковыхъ, дабы они изучены были псалтири и писать хочай мало бъ умѣли и протчіихъ чтеніе славянское умѣющихъ, так священническихъ, як и причетническихъ сыновъ“ [1]).

Какія то, неизвѣстныя намъ, обстоятельства помѣшали открыть училище 1 іюля, какъ желалъ того епископъ. Изъ другихъ его указовъ мы узнаемъ, что открытіе совершилось 2 окт. 1738 года; въ одномъ изъ нихъ сказано, чтобы священники, имѣющіе сыновей, представили бы ихъ непремѣнно къ этому числу для обученія *подъ опасеніемъ за непоставку непоблажнаго штрафа и наказанія*, а въ другомъ, отъ 6 ноября, говорится: „за Божіею помощью при катедрѣ нашей переяславской устроили училища, и уже въ нихъ собравшіеся ученики славянолатинскаго ученія обучаются“ [2]).

Мѣсто для училища отведено было въ оградѣ архіерейскаго Вознесенскаго монастыря, гдѣ и нынѣ помѣщается классный дворъ училища. По просьбѣ еп. Арсенія для постройки училищнаго корпуса настоятель Кіево-печерской Лавры Иларіонъ Негребецкій подарилъ четыре хаты—*будинки, прозываемаго Томаринскаго, за рѣчкою стоячіе* [3]). Для перевозки этихъ будинковъ потребовалось пятьдесятъ подводъ *поодноконь*. Подводы были собраны отъ священниковъ,—кто давалъ лошадь, кто возъ, кто человѣка къ подводѣ. Хаты были перевезены въ срединѣ іюля и

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Полт. Еп. Вѣд. 1878 г. № 2-й.

[3]) Тамъ же.

сразу началась постройка класснаго зданія. 22 сент. еп. Арсеній разослалъ по протопопіямъ указъ, которымъ извѣщалъ духовенство, что училищное зданіе уже сооружено, но нужно еще: „звнутръ вычистивъ, землею высыпать и округъ стѣны и зверху стели глиною помазувать, да и прочее, что потреба укажетъ, опрятать надлежитъ". Такъ какъ монастырскіе послушники не могли всего этого сдѣлать, то Арсеній требовалъ выслать причетниковъ съ подводами. „Собрать тіи подводы, писалъ онъ, безобидно; у едного священника возъ, въ другого лошадь, а отъ третьяго—кто къ подводѣ человѣка сопредѣлитъ. Да прилѣжно сего смотрѣть, были бы возы порядочные и конѣ добріе, ибо яко общая потреба, а не наша персональная архіерейская, такъ со всего общества вспомоществованіе къ строенію указанныхъ школъ быть должно" [1]).

На ряду съ этимъ преосвящ. Арсеній заботился объ устройствѣ матеріальнаго быта своихъ будущихъ питомцевъ. Вопросъ этотъ занималъ основателя задолго до открытія училища. Такъ какъ монастырь и архіерейскій домъ не могли содержать школы исключительно на свои средства, то Арсеній рѣшился привлечь къ этому дѣлу церкви и духовенство епархіи. 6 мая 1738 года разосланъ былъ указъ, которымъ предписывалось всѣмъ протопопамъ епархіи избрать по три священника и съ ними составить точныя описи угодій всѣхъ церквей и доходовъ духовенства каждой протопопіи, и на основаніи этого опредѣлить, сколько каждый приходъ и причтъ можетъ дать на содержаніе училища,—деньгами ли, мукой, медомъ, или дровами. Дѣло это велось весьма осторожно. Составленныя на основаніи указа коммиссіи должны были являться къ архіерею за полученіемъ благословенія и надлежащихъ инструкцій, и затѣмъ уже составлять описи строго правдиво, безъ утайки, *подъ страхомъ лишенія чина и жестокаго наказанія* [2]). Миссію свою они исполнили въ томъ же году, и съ августа уже началась доставка продуктовъ со всѣхъ концовъ епархіи. На первыхъ же порахъ встрѣтилось

---

[1]) „Указная книга", хранящаяся при церкви с. Войтова, переяславск. уѣзда.
[2]) Тамъ же и Полт. Еп. Вѣд. 1888 г. № 20.

затрудненіе въ доставкѣ продуктовъ изъ отдаленныхъ протопопій, и Арсеній разрѣшилъ доставлять вмѣсто продуктовъ деньгами по опредѣленной оцѣнкѣ [1]). Въ дополненіе къ этому въ указѣ отъ 6 ноября еп. Арсеній писалъ духевенству: „Для учениковъ со всей епархіи отъ церковныхъ пожитковъ и священническихъ доходовъ по учиненному расположенію только една пашня, да мука пшеничная, да гречневая отчасти собрана, а то еще не совсѣмъ,—понеже круповъ, сыра, масла и прочихъ къ пропитанію не имѣется, а въ ономъ расположеніи не опредѣлено, безъ чего всячески обойтись невозможно". Посему еп. Арсеній просилъ духовенство высылать продукты *по вновь учиненному расположенію* [2]).

Ко 2-му октября трудами присланныхъ причетниковъ училищныя зданія были окончены и началось ученіе. Открыты были шесть классовъ: *фара*, *инфима*, *грамматика*, *синтаксима*, *поэтика* и *риторика*. Въ составъ низшихъ классовъ вошли дѣти духовенства, обучавшіяся дома, а старшихъ—тѣ, которые прошли уже низшіе классы въ кіевской академіи, а теперь могли перейти въ свою епархіальную школу.

Совершенно неизвѣстно, сколько было учениковъ въ новооткрытомъ училищѣ и кто были первые начальствующіе и учащіе. Нужно думать, что учениковъ было немного, а учители были вызваны изъ кіевской академіи. Отъ 1743 года встрѣчаемъ извѣстіе, что еп. Арсеній обращался къ Кіево-Печерскому архимандриту Тимоѳею Щербацкому съ просьбою прислать ему двухъ ученыхъ монаховъ для риторическаго и піитическаго преподаванія въ заведенной имъ школѣ. Но были ли присланы просимые ученые и кто они были, опять остается неизвѣстнымъ.

За первые 60 лѣтъ существованія училища мы не имѣемъ ни одного списка учениковъ. Только въ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины" 1888 г. напечатана была открытая гдѣ то въ семейномъ архивѣ въ переяславскомъ уѣздѣ *Роспись въ школахъ славено-латинскихъ при домѣ архіерея переяславскаго имѣю-*

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

щихся учениковъ со изъявленіемъ о бытіи ихъ во святую четыредесятницу у исповѣди и св. таинъ причастія 1744 года. При скудости матеріала для исторіи переяславскаго училища это весьма интересный документъ. Изъ него мы узнаемъ имена первыхъ учителей по неточнымъ, впрочемъ, подписямъ ихъ по листамъ въ видѣ скрѣпы. Здѣсь видны подписи: префекта училищъ славено-латинскихъ переяславскихъ Іоанна, іерея Михаила Исаевича и какого то Григорія. Всѣхъ учениковъ по *Росписи* 130; частнѣе, въ фарѣ—17, въ инфимѣ—18, въ грамматикѣ—11, въ синтаксимѣ—40, поэтикѣ—16 и риторикѣ—28. Каждый ученикъ названъ по имени, отчеству и фамиліи съ обозначеніемъ лѣтъ отъ роду. Видно, что число лѣтъ не принималось въ разсчетъ при опредѣленіи ученика въ тотъ или иной классъ: есть ученики 11-ти и 25-ти лѣтъ; много учениковъ возрастомъ свыше 20-ти лѣтъ. 25-ти-лѣтній ученикъ былъ въ синтаксимѣ; риторику онъ могъ окончить 27-ми лѣтъ, а если бы пожелалъ пройти философскій и богословскій классы въ кіевской академіи, то вышелъ бы изъ за скамьи тридцатилѣтнимъ мужемъ. По фамиліямъ учениковъ, значащихся въ *Росписи*, можно судить, что въ училищѣ было много дѣтей лицъ свѣтскихъ,—козаковъ и мѣстной старшины.

7 іюня 1744 года епископъ Арсеній скончался [1]). Трудами его дѣло устройства училища еще не было вполнѣ закончено. Достойнымъ преемникомъ его въ этомъ отношеніи былъ еп. Іоаннъ Козловичъ, вступившій на переяславскую каѳедру въ

---

[2]) Сообщаемъ нѣсколько отдѣльныхъ біографическихъ данныхъ объ Арсеніѣ (въ мірѣ Андреѣ) Берло. Родился онъ въ с. Памфилахъ переяславскаго уѣзда и происходилъ изъ дворянской фамиліи. Отецъ его умеръ въ санѣ протоіерея переяславской Покровской церкви. Воспитывался Андрей Берло въ кіевской академіи, постриженъ въ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ, былъ архидіакономъ при кіевскомъ митрополитѣ Іоасафѣ Кроковскомъ, затѣмъ архимандритомъ кіевскаго Межигорскаго монастыря; въ 1729 году былъ посвященъ во епископа бѣлорусскаго, а въ 1733 г. переведенъ на переяславскую каѳедру. Время сохранило благородныя черты еп. Арсенія на портретѣ, который принадлежитъ гг. Ильяшенковымъ, живущимъ въ с. Памфилахъ,—родственникамъ преосвященнаго. Въ церкви этого села имѣется евангеліе съ собственноручною подписью Арсенія: „отъ книгъ Преосвященнаго Арсенія епископа Переяславскаго и Бориспольскаго“.

1753 году. До этого времени онъ послѣдовательно проходилъ должности—профессора, префекта и ректора славяно-греко-латинской московской академіи, а потому дѣло устройства училища въ Переяславѣ было ему по сердцу. Училище уже просуществовало 15 лѣтъ. Число учащихся, естественно, увеличивалось, такъ что зданія не могли вмѣстить всѣхъ воспитанниковъ. Еп. Іоаннъ строитъ новый каменный подъ желѣзомъ корпусъ о четырехъ классныхъ комнатахъ,—зданіе по тому времени богатое и настолько прочное, что просуществовало и по настоящій день безъ капитальнаго ремонта. Это нынѣшній классный корпусъ, находящійся въ оградѣ монастыря [1]). Откуда могли быть добыты средства для такой цѣнной постройки? Вопросъ этотъ краснорѣчиво рѣшаетъ намъ донесеніе переяславской консисторіи святѣйшему Синоду о смерти еп. Іоанна Козловича, послѣдовавшей 16 марта 1757 года, черезъ четыре года по вступленіи его на каѳедру. Консисторія была поставлена въ затруднительное положеніе,—не на что было похоронить епископа; послѣ покойнаго не осталось совершенно ничего; все имущество и доходы онъ истратилъ на устройство переяславской семинаріи. Консисторія спрашивала св. Синодъ, откуда взять нужную сумму на погребеніе усопшаго епископа [2]).

Есть предположительное извѣстіе, что заботами этого же архіерея построенъ домъ для бѣдныхъ учениковъ, т. н. бурса, внѣ ограды монастыря, близъ крѣпостнаго вала. Если такъ, то при еп. Іоаннѣ отстройка училища была закончена.

Каковъ же былъ внутренній строй училища?

Въ сохранившихся документахъ училище называется различно,—то *латинскими школами*, то *славяно-латинскимъ училищемъ*, то *переяславскою* или *малороссійскою семинаріею*, а въ одномъ документѣ мы встрѣчаемъ даже названіе *коллегіума*. По

---

[1]) Надъ двумя изъ наружныхъ входовъ этого зданія хорошо сохранились интересныя лѣпныя изъ алебастра изображенія. На одномъ внизу виднѣется безформенная масса, а надъ нею полукругомъ огненные языки и голубь; это, кажется, видъ первобытнаго хаоса, надъ которымъ носился животворящій Духъ Божій. На другомъ—красивая монограмма еп. Іоанна Козловича съ архіерейскими атрибутами.

[2]) Полт. Еп. Вѣд. 1867 года, № 20, стр. 306.

нашей современной терминологіи правильнѣе было бы назвать его *просеминаріей*, такъ какъ въ немъ до полнаго курса семинаріи не доставало философскаго и богословскаго классовъ. Классы эти были открыты впослѣдствіи, именно,—философскій въ 1774 г. при еп. Іовѣ Базилевичѣ, а богословскій въ 1778 г. при еп. Иларіонѣ Кондратковскомъ. Въ 1785 г. классы эти опять были закрыты вмѣстѣ съ упраздненіемъ (временнымъ) переяславской епархіи. Окончательное открытіе ихъ послѣдовало какъ разъ на рубежѣ 18 и 19 столѣтій. Начальствовавшіе въ этой неполной семинаріи носили названіе не ректоровъ, а префектовъ, съ каковымъ званіемъ соединялись, собственно, инспекторскія обязанности.—Учебно-воспитательное дѣло, нужно думать, велось такъ, какъ и въ другихъ южно-русскихъ училищахъ того времени, главнымъ образомъ, въ кіевской академіи. Послѣдняя, какъ извѣстно, была основана въ началѣ 17-го столѣтія для подготовленія достойныхъ борцовъ за православіе противъ римскихъ католиковъ, желавшихъ ввести унію въ южной Руси. Для этой борьбы необходимо было знаніе латинскаго языка и умѣнье вести полемику и диспуты на немъ. Во время открытія переяславской семинаріи, съ одной стороны, борьба съ уніей еще не улеглась, съ другой, — не имѣлось учебныхъ заведеній другаго образца, такъ что мы безошибочно можемъ утверждать, что переяславская школа была устроена исключительно по типу старшей сестры своей—кіевской академіи. Да и изъ разсказовъ нашихъ предковъ извѣстно, что главнымъ предметомъ преподаванія въ переяславской славяно-латинской школѣ былъ латинскій языкъ,—на немъ были учебники, на немъ читались лекціи, произносились рѣчи, производились диспуты и проч. Уже начиная съ класса грамматики ученики пріучались говорить по латыни; каждый изъ нихъ снабжался книжкою, заключавшею въ себѣ болѣе употребительныя фразы въ разговорахъ. Лучшимъ искусственнымъ средствомъ для изученія латинскаго языка, какъ и въ кіевской академіи, считался *calculus*,—такъ назывался небольшой бумажный сверточекъ, который давали тому ученику, который по неосторожности въ разговорѣ употреблялъ русское слово вмѣсто латинскаго. Получившій *calculus* долженъ былъ

стараться до наступленія ночи сдать его другому, если же это не удавалось, то злополучный владѣлецъ calculus-а подвергался сѣченію розгами. Приходится иногда и теперь слышать разсказы отъ старыхъ священниковъ о курьезныхъ случаяхъ, когда едва начинающій изучать латину ученикъ путалъ русскія слова съ латинскими. Такъ, одинъ бурсакъ жаловался префекту на товарища: Domine Praefecte! Ego йшовъ, ille—пхнувъ, ego покотывся, nasus розбывся, а sanguis—дзюръ-дзюръ...—Другимъ средствомъ служило возбужденіе соревнованія въ написаніи экзерцицій. За хорошее сочиненіе на латинскомъ языкѣ ученикъ могъ получить то, что принадлежало его товарищу. Напр., если ученикъ находилъ, что товарищъ его слабѣе въ наукахъ, однако въ классѣ занимаетъ мѣсто выше его, то писалъ сочиненіе по латини, надписывалъ его: de loco, во вложенной въ упражненіе записочкѣ указывалъ товарища, на мѣсто котораго онъ предъявляетъ претензію, и подавалъ учителю. Конкуррентъ его, въ свою очередь, долженъ былъ писать экзерцицію, и если она оказывалась слабѣе, чѣмъ претендента, то лишался своего мѣста [1]). Говорятъ, что сочиненія подобнаго рода надписывались не только de loco, но даже de coena, de candella и проч. Вообще же на каждомъ сочиненіи domino magistro полагалась рецензія, часто довольно витіеватая и остроумная, напр.: taliter, qualiter,—nihil fundamentaliter (сякъ да такъ—не выйдетъ ничего основательнаго) [2]), non tibi perventus assa columba venit, или correctis corrigendis persitabitur laude; иногда односложныя похвалы: laudatissime, praestantissime accuratissimeque, или порицанія: pessime, turpissime, dementissime negligentissimeque и проч. Нужно замѣтить, что ученики старой переяславской семинаріи изучали латинскій языкъ основательно, до того, что они даже мыслили на немъ и иногда невольно выражали на немъ свои душевныя движенія. Такъ, ученикъ старой переяславской семинаріи прото-

---

¹) Полт. Еп. Вѣд. 1877 г., № 3-й, 91 стр.

²) Разсказываютъ, что когда профессоръ предложилъ ученику, на сочиненіи котораго написана была эта рецензія, перевести ее на русскій яз., то ученикъ, подумавши, сказалъ: „по моему разумѣнію, сіе означаетъ: не терши, не мнявши,—не буде калачъ“.—Право судилъ еси, замѣтилъ профессоръ (прот. Іосифъ Козачковскій).

іерей Іоаннъ Крамаренко, печатавшій свои воспоминанія въ Полт. Еп. Вѣд., разсказываетъ объ одномъ священникѣ, который оплакивалъ свою жену такими словами: О, mors! о, malum! о malum omnium malorum... и проч. Припоминается намъ также разсказъ старыхъ священниковъ объ одномъ профессорѣ семинаріи, который любилъ пѣть малорусскія пѣсни, импровизируя ихъ въ латинскомъ переводѣ; напр., извѣстная пѣсня *Ой, у поли могила зъ витромъ говорила* у него выходила такъ:

En, tumulus in campo
Stat, colloquio capto:
Ne fle mihi valde, vente,
Quin flos meus nigret!

Къ началу нынѣшняго столѣтія, когда уже вывелось обыкновеніе требовать отъ учениковъ, чтобы они говорили по латыни, многіе изъ нихъ, особенно лучшіе ученики старшихъ классовъ—философскаго и богословскаго, собирались иногда другъ у друга съ тѣмъ, чтобы выкурить трубку табаку, а главное—поговорить по латыни. По выходѣ изъ семинаріи они долго помнили и употребляли въ разговорѣ латинскую рѣчь. Недавно только вывелся типъ этихъ латинистовъ-священниковъ, которые, при встрѣчѣ съ семинаристомъ позднѣйшей формаціи, буквально засыпали его массою латинскихъ *лёкуцій*, пословицъ и поговорокъ, большею частью, каламбурнаго характера. Припомнимъ, кстати, анекдотъ изъ стараго переяславско-семинарскаго быта. Къ старику священнику сельскому зашли три бурсачка, путешествовавшіе, можетъ быть, на каникулы или же собиравшіе пожертвованія для содержанія себя въ семинаріи. Радушный хозяинъ усадилъ ихъ за обѣдъ. Одинъ изъ путешественниковъ попросилъ у прислуги пить.—„А какъ по латини—пить?“ спросилъ священникъ.—Bibo, отвѣтили бурсаки.—„А какъ отъ bibo прошедшее соверш. время?“ Одинъ изъ гостей сказалъ: babi, другой—babsi, а третій—bibi (правильно).—„Да bibere bibi, обратился священникъ къ прислугѣ,—babi, babsique ne da! (т. е. дай пить сказавшему bibi, а сказавшимъ babi и babsi—не давай). Гораздо въ меньшемъ объемѣ преподавались греческій и польскій языки; преподаваніе послѣдняго и совсѣмъ было упразднено

къ концу прошлаго столѣтія. Затѣмъ, преподавались въ семинаріи: православное исповѣданіе вѣры, свящ. исторія, ариѳметика, русскій языкъ, ораторское искусство и поэзія русская и латинская. Изъ учителей прошлаго столѣтія назовемъ извѣстныхъ въ исторіи лицъ: игуменъ пер. Мих. мон. Варлаамъ Шишацкій,—впослѣдствіи архіепископъ могилевскій, Анастасій Романенко-Братановскій, впослѣдствіи архіеп. астраханскій, Иванъ Васильевичъ Леванда—впослѣдствіи кіевскій протоіерей и знаменитый проповѣдникъ, и Григорій Саввичъ Сковорода — украинскій философъ.

Первые четыре класса семинаріи по программамъ наукъ до нѣкоторой степени соотвѣтствовали четыремъ классамъ нынѣшнихъ духовныхъ училищъ, а поэтика и риторика—первымъ классамъ нынѣшнихъ духовныхъ семинарій.

Кромѣ префекта, мы встрѣчаемъ въ семинаріи и другое административное лице—*прокуратора*. Съ этимъ званіемъ соединялись преимущественно обязанности хозяйственнаго характера. Прокураторъ завѣдывалъ сборомъ денегъ и продуктовъ отъ церквей епархіи и заботился о продовольствіи учителей и тѣхъ учениковъ, которые жили въ казенномъ, такъ наз., сиротскомъ домѣ—*бурсѣ*, и состояли на казенномъ содержаніи.

Система воспитанія того времени, какъ извѣстно, отличалась большою жестокостью. Сѣченіе розгами было обычнымъ и часто употреблявшимся родомъ наказанія. Для производства этого наказанія употреблялись великовозрастные—худшіе по успѣхамъ ученики; они назывались *сикарями* или *calefactor*'ами (горячителями). За болѣе тяжкіе проступки наказывали ударами двухъ калефакторовъ по звону семинарскаго колокольчика, который помѣщался надъ класснымъ зданіемъ; его зловѣщій, размѣренный звонъ, распространяясь по всему городу, наводилъ ужасъ на жителей Переяслава. Сѣченіе было иногда до того жестокимъ, что наказываемые подплывали собственною кровью,—это, именно, была та знаменитая *березовая каша*, о которой съ ужасомъ вспоминаютъ наши дѣды. Изъ другихъ, болѣе употребительныхъ наказаній, были: *пали* (удары линейкою по рукѣ), поклоны, стояніе на колѣняхъ на полу или на скамьѣ. Для усиленія не-

пріятнаго чувства иногда ставили на гречку, а иногда заставляли стоящаго на колѣняхъ на скамьѣ держать поднятою рукою тяжелую книгу, библію, напр.; наказываемый иногда держалъ книгу до тѣхъ поръ, пока кровь хлынетъ носомъ и ртомъ...

Воспитательное дѣло почти исключительно лежало на префектѣ, а въ періодъ существованія философскаго и богословскаго классовъ и на ректорѣ семинаріи. Трудно было одному или даже и двумъ лицамъ выполнять эти обязанности, тѣмъ болѣе, что учениковъ было много,—въ лучшіе годы число ихъ достигало до 700 и 800 человѣкъ. Въ помощь префекту избираемы были лучшіе изъ учениковъ, или, какъ они тогда назывались, студентовъ старшихъ классовъ. Большая часть учениковъ жила на квартирахъ въ домахъ мѣщанъ; на каждой квартирѣ, по назначенію префекта, были: *директоръ*, *сеніоры* и *инспекторъ*; первый вѣдалъ всю квартиру, вторые наблюдали за порядкомъ въ каждой отдѣльной комнатѣ, а инспекторъ слѣдилъ за приготовленіемъ учениками уроковъ. Эти три должностныя лица пользовались многими преимуществами предъ младшими учениками,—они даже могли наказывать розгами. Для наблюденія за учениками въ церкви и классахъ назначались *цензоры*, которые о неисправныхъ ученикахъ доносили префекту. Такъ какъ въ каждомъ классѣ было числомъ отъ 100 до 150 учениковъ, то въ помощь учителямъ, не имѣвшимъ возможности переспросить даже $^1/_{10}$ части учениковъ, назначались изъ числа послѣднихъ лучшіе; они носили названіе *аудиторовъ*. Ученики каждаго класса распредѣлялись между своими аудиторами, приблизительно, поровну. Списокъ учениковъ, подлежавшихъ вѣдѣнію аудитора, назывался *эрратой*. Существовало обыкновеніе раскрашивать эрраты, насколько позволяли художественныя средства студентовъ. Передъ урокомъ аудиторъ выслушивалъ своихъ учениковъ и въ эрратѣ противъ фамилій дѣлалъ помѣтки, на сколько каждымъ усвоенъ урокъ. Отмѣтки дѣлались такъ: Scit (знаетъ), nescit (незнаетъ), non tota (не все знаетъ), errabat (ошибался), aeger (боленъ), prorsus nescit (совершенно ничего не знаетъ), absque (безъ), т. е., ученикъ сидитъ дома безъ сапоговъ. Кромѣ обычныхъ эрратъ, существовала генеральная, вручавшаяся гене-

ральному аудитору (auditor auditorum), которому поручались для выслушиванія другіе аудиторы; его же обязанностью было представлять профессору, когда онъ явится въ классъ, эрраты всѣхъ аудиторовъ. Профессоръ, сидя на каѳедрѣ, имѣвшей видъ огражденнаго со всѣхъ сторонъ возвышенія, съ дверкою и спинкою въ видѣ церковнаго кіота, просматривалъ отмѣтки, и часто урокъ ограничивался поркою учениковъ, противъ фамилій которыхъ стояла отмѣтка nescit. Провѣрка пройденнаго производилась по субботамъ. Первая ошибка при отвѣтѣ считалась *parrata* (щадимою), вторая—*admonita* (за нее дѣлали внушеніе), третья уже *verberata* (били линейкой или розгами). Субботнія расправы живутъ и теперь въ памяти учениковъ старой семинаріи.

Въ частной жизни между учениками соблюдалась строгая субординація. Фаристъ долженъ былъ снимать шапку и оказывать знаки полнаго повиновенія предъ грамматикомъ и учениками другихъ старшихъ классовъ, инфимистъ—передъ синтактикомъ и т. д., черезъ классъ. Вообще, фары и инфимы были самыми жалкими и безпомощными существами; ими помыкали ученики всѣхъ старшихъ классовъ. Поневолѣ приходилось задабривать директоровъ, цензоровъ, аудиторовъ. Если мать присылала фарѣ ġалды (кажется, татарское слово-пиръ), т. е., пироговъ, или коржей, сала, сѣмячекъ, даже сухарей и проч., то все это мгновенно уничтожалось десятками риторовъ и поэтовъ, и бѣдному фарѣ ничего не оставалось; впрочемъ, онъ утѣшался тѣмъ, что на нѣкоторое непродолжительное время пожравшіе ġалду оказывали свое высокое покровительство. Нужно замѣтить, что квартирные студенты были аристократами сравнительно съ казеннокоштными, бурсаками; это были дѣти священниковъ и дворянъ. Въ старшихъ классахъ они достигали почтеннаго возраста 25—30 лѣтъ и назывались такъ: панъ риторъ Шпаковскій, панъ философъ Никита; носили они длинные козацкіе усы, подстригали волосы въ кружокъ. Ходили, обыкновенно, въ *жупанахъ* и подпоясывались шелковыми поясами; въ дорогу надѣвали *киреи*—кафтаны съ стоячими воротниками [1]).

[1]) Изъ воспоминаній ученика прошлаго столѣтія Тимковскаго. Полт. Епарх. Вѣд. 1886 г., 11 №.

Между студенческими играми и забавами того времени было много грубыхъ и неприличныхъ, напр., кулачки съ мѣщанами, послѣдствіемъ которыхъ на лицахъ у риторовъ, по выраженію Гоголя, появлялись украшенія въ видѣ разныхъ риторическихъ троповъ. Иногда и сами студенты, собравшись въ классы, передъ приходомъ профессоровъ дѣлились на два лагеря—израильтянъ и филистимлянъ—и открывали сраженіе. Подробнѣе мы остановимся на рекреаціяхъ. Recreatio—возобновленіе, возрожденіе; такъ назывались гулянья, устраивавшіяся въ маѣ. 1-го мая, если была благопріятная погода, префектъ, или ректоръ бралъ съ собою человѣкъ 50 учениковъ и съ ними отправлялся къ архіерею. При входѣ въ пріемную владыки, вся толпа пѣла по-латыни: Recreationem, excelentissime pater, rogamus! Архіерей сначала отказывалъ, а потомъ давалъ свое благословеніе, и толпа съ радостными кликами выбѣгала къ ожидавшимъ результатовъ товарищамъ. Моментально прятались книжки, студенты запасались холодными закусками, обыкновенно коржами съ саломъ, и нестройною, но веселою, толпою направлялись въ лѣсъ. Въ прошломъ столѣтіи мѣстомъ для рекреацій служилъ берегъ Альты, вѣроятно, около Свѣтиловки или Борисовки, а съ начала нынѣшняго столѣтія Гояриновъ лѣсъ или Чирское, принадлежавшее ректору семинаріи протоіерею Ѳеодору Домонтовичу. За семинаріей изъ города выѣзжали на десяткахъ возовъ торговки съ калачами, бубликами, пряниками, рожками, мочеными яблоками, квасомъ и др. лакомствами. Нѣсколько позже прибывали на мѣсто рекреацій учителя съ семействами и знакомыми изъ городскаго общества. Любимымъ начальникамъ семинаристы устраивали въ лѣсу восторженныя, торжественныя встрѣчи; такъ, когда подъѣзжалъ начальникъ или профессоръ, семинаристы съ крикомъ *ура* бросали вверхъ шапки, пѣли нарочно сочиненные канты и проч. Ректоръ открывалъ гулянье первымъ ударомъ мяча протоіерейскою палкою. Съ особеннымъ восторгомъ послѣ этого начинались всевозможныя игры и беззавѣтное веселье. Тутъ ужъ забывались розги, пали и всѣ неприглядныя стороны школьной жизни. Состязались въ бѣганьѣ, въ борьбѣ; играли въ кегли, скракли, долгую лозу, джгутъ, мячъ; бросали вверхъ надутый съ горохомъ

бычачій пузырь и ловили на лету; въ одномъ мѣстѣ играла семинарская музыка, въ другомъ—пѣлъ хоръ; слышалась старинная семинарская пѣсня: *Мы тебя любимъ сердечно* и раздавался величественно-торжественный, но забытый уже напѣвъ: *Тебе, Бога, хвалимъ!* Учителя и городское общество веселились отдѣльно; къ вечеру всѣ гулявшіе соединялись.

По благословенію старшаго духовнаго лица (иногда въ рекреаціяхъ принималъ участіе и архіерей) устраивались танцы на зеленомъ паркетѣ. Состоятельные люди покупали ящиками пряники, конфекты и бросали *на жакъ* (кто поймаетъ). По заходѣ солнца всѣ возвращались домой—усталые, но съ обновленнымъ духомъ. Въ теченіи мая рекреаціи устраивались раза три-четыре. Окончательно прекратились онѣ на нашей памяти—въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Относительно религіознаго воспитанія отмѣтимъ слѣдующее.

По нѣсколько человѣкъ студентовъ ежедневно назначались для чтенія и пѣнія при богослуженіи въ Вознесенскомъ монастырѣ. Ежедневно также всѣ ученики по дорогѣ въ классы заходили прикладываться къ мощамъ св. пр. муч. Макарія, который издавна считался патрономъ семинаріи. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ всѣ ученики ходили на утреннее богослуженіе по звону въ полночь. Заутреня начиналась въ 2—3 часа ночи, поэтому квартирные студенты, боясь проспать, нанимали будить себя бурсачковъ, которые и назывались *будильниками.* Въ началѣ нынѣшняго столѣтія роль будильниковъ играли парубки-мѣщане; они ходили ночью по квартирамъ и будили сильнымъ стукомъ въ окна и крикомъ: Господа студенты! пора вставать до утрени!

Съ особенною торжественностью отдавался послѣдній долгъ умиравшимъ товарищамъ. Въ дни погребенія студента ученія не было. Надъ умершимъ студенты въ церкви произносили много рѣчей на разныхъ языкахъ: русскомъ, греческомъ, латинскомъ, древне-еврейскомъ, польскомъ, даже на французскомъ и нѣмецкомъ. Похоронной процессіи предшествовали хоругви всѣхъ переяславскихъ церквей и значки всѣхъ цеховъ; были даже и

семинарскіе значки—въ видѣ звѣздъ. За гробомъ шли ученики, выстроенные орденами (рядами) [1]).

Благоговѣйное уваженіе къ архіерею, какъ главному начальнику, выражалось въ составленіи поздравительныхъ рѣчей, преимущественно на латинскомъ языкѣ, въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, напр., въ праздникъ Р. Хр., Воскресенія, тезоименитства владыки и проч. При торжественныхъ выѣздахъ архіерея, напр., для служенія въ приходской церкви въ храмовые праздники, отбирали въ семинаріи четырехъ старѣйшихъ богослововъ, одѣвали ихъ въ старинный ученый нарядъ—широкія темносинія *либеріи*, обшитыя цвѣтнымъ снуркомъ, съ широкими разрѣзными рукавами и пуговицами до низу, на головы надѣвали черныя четвероугольныя шапки, на богато убранныхъ лошадяхъ они сопровождали карету архіерея,—два впереди и два по сторонамъ [2]).

Но пора уже поговорить о томъ пролетаріатѣ, который населялъ бурсу,—зданія, находившіяся тамъ, гдѣ нынѣ монастырскій пустырь. Бурса—татарское слово—кошелекъ; такъ называлось помѣщеніе казеннокоштныхъ учениковъ. Довольно характерно описываетъ Нарѣжный въ ром. *Бурсакъ* бытъ и административный строй переяславской бурсы. Приведемъ нѣсколько строкъ въ подлинникѣ. „... Сіи избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники—бурсаками. Старшіе изъ студентовъ по волѣ ректора управляютъ другими, неся величественное имя *консуловъ*... Почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ *сенатомъ*. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе богословы и философы образуютъ сенатъ; риторы составляютъ *ликторовъ* или исполнителей приговоровъ сенатскихъ. Поэты называются *целлерами* или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ *плебеевъ* или чернь—простой народъ. Если бы консулъ сдѣлалъ какое нибудь позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него сей величественный санъ и, наказавъ,

---

[1]) Полт. Еп. Вѣд. 1863 г., № 19, 243 стр.

[2]) Полт. Еп. Вѣд. 1876 г. № 11-й.

по мѣрѣ вины, палками, розгами или батожьемъ, обращаетъ въ званіе сенатора... Кромѣ одежды и обуви, у бурсаковъ все общее и хранится въ коморѣ, пристроенной къ бурсѣ, а ключъ всегда у консула" [1]). Если отбросить иронію, которая сквозитъ въ каждомъ словѣ приведеннаго отрывка, то получится вѣрная картина строя бурсы. Безспорно, были консулы, сенаторы, ликторы, только не всегда они носили *это величественное имя*. Въ раннюю пору жизни семинаріи, когда все проникнуто было латынщиною, и терминологія была римская.

Мы уже упоминали о тѣхъ средствахъ, на которыя бурсаки существовали въ первое время. Разумѣется, средства были слишкомъ скудны. Знакомящагося съ первоначальнымъ бытомъ семинаріи поражаетъ обиліе архіерейскихъ указовъ о томъ, чтобы церкви аккуратнѣе доставляли слѣдуемые отъ нихъ на семинарію продукты. Далеко не все высылалось, что слѣдовало, и иногда учителя и ученики, среди года, оставались безъ хлѣба и безъ дровъ. Что бы помочь дѣлу, епископы иногда разсылали указы, чтобы отцы привозили въ училище дѣтей, *запастись харчами*; иногда штрафовали священниковъ за разныя провинности въ пользу семинаріи; взимали десяти-рублевый штрафъ съ женившихся безъ разрѣшенія консисторіи, для той же надобности взимали деньги отъ рукополагаемыхъ во священники. Отъ 19 дек. 1779 г. встрѣчаемъ указъ о томъ, что бы отъ каждой церкви высылалось на семинарію: по 2 коп. столовыхъ, по денежкѣ мvровыхъ, по полушкѣ солодовыхъ [2]). Всѣ эти и подобные сборы были далеко не достаточны. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было платить жалованье нѣсколькимъ учителямъ и содержать болѣе ста учениковъ на сборы изъ денежекъ и полушекъ? Въ 1785 году съ подчиненіемъ переяславской епархіи кіевской митрополіи и семинарія стала въ зависимость отъ кіевской академіи. Послѣдняя ассигновала на поддержку семинаріи по 500 р. ежегодно. Въ 1797 году, когда переяславская епархія опять стала самостоятельною, повелѣно было отпускать на семинарію по

---

[1]) Бурсакъ, соч. Вас. Нарѣжнаго М. 1860. Ч. 1, стр. 8, 9, 20.

[2]) Дѣла бывшаго переяславскаго дух. правленія.

4500 р. въ годъ изъ государственныхъ суммъ. Кромѣ того, переяславскій епископъ Амфилохій Леонтовичъ, умершій въ 1799 г., положилъ на вѣчныя времена въ московскій опекунскій Совѣтъ 2000 р. асс. для вспомоществованія изъ процентовъ бѣднѣйшимъ ученикамъ, *бѣдственно проходящимъ свое ученіе въ переяславской бурсѣ* [1]).

Итакъ, только въ самомъ концѣ прошлаго стол. средства для содержанія бѣдныхъ учениковъ начали увеличиваться; но до этого времени жизнь въ бурсѣ была самая горемычная. Мяса ученики никогда не видѣли за своими столами, завтраковъ и ужиновъ не полагалось, а на обѣдъ подавался только или жидкій борщъ или классическій *кандеръ*—кулишъ изъ воды и пшена. Не съ юга ли позаимствована извѣстная на сѣверѣ бурсацкая пѣсенка:

Охъ! охъ! охъ!
Semper горохъ,
Quotidie каша—
Miseria наша!

Но хорошо еще, если и горохъ былъ. Въ донесеніяхъ прокураторовъ мы встрѣчаемъ извѣстія, что ученики и даже учителя оставались совсѣмъ безъ пищи. Классы никогда не отапливались, такъ что ученики въ зимніе холода согрѣвались посредствомъ разныхъ гимнастическихъ упражненій, въ бурсѣ протапливали только разъ въ нѣсколько дней [2]). При отсутствіи прислуги ученическія помѣщенія содержались самымъ неряшливымъ образомъ,—вездѣ была грязь и сырость, а въ постеляхъ—миріады насѣкомыхъ (въ бурсѣ было придумано особое названіе для трехъ родовъ постельныхъ насѣкомыхъ: пѣхота, кавалерія и тяжелая артиллерія). Ученики носили самую грубую одежду: лѣтомъ одѣвались въ пестрядевые сюртуки, а зимою—въ шинели изъ грубаго крестьянскаго сукна.

---

[1]) Полт. Еп. Вѣд. 1863 г. № 16, 125 стр.

[2]) Чуть ли не это обстоятельство и породило извѣстныя бурсацкія игры: *тисна баба* (безпощадно давятъ другъ друга, сидя рядомъ за скамьей) и *мала куча* (валятся среди класса другъ на друга въ кучу).

Въ крайнихъ случаяхъ однимъ изъ средствъ содержанія служилъ обычай, называвшійся *эпетенція* (отъ petere—просить, молить).

Когда окончательно изсякала провизія, а молодые желудки требовали пищи, старшій въ бурсѣ—сенаторъ или консулъ—собиралъ сенаторовъ на совѣтъ, гдѣ и рѣшалось, кого изъ наличнаго состава бурсаковъ послать на эпетенцію. Затѣмъ толпа бурсаковъ подъ предводительствомъ какого нибудь ритора или философа отправлялась къ дворамъ зажиточныхъ мѣщанъ или козаковъ, запасшись мѣшками и горшками. Подойдя къ двору, *эпетенты* посылали къ хозяину фару съ *ораціею*; если хозяинъ давалъ согласіе, то начиналось пѣніе виршей, гимновъ, кантовъ и церковныхъ пѣснопѣній, при чемъ выхвалялись доблести хозяина; зимою (во время рождественскихъ святокъ) разыгрывались духовныя интермедіи, поставщицей которыхъ была кіевская академія; можетъ быть, были пьесы и оригинальныя, мѣстныя [1]). Благодушный хозяинъ наливалъ философамъ и богословамъ по чаркѣ горилки (по старо-семинарской поговоркѣ риторамъ—*non licet*—нельзя, философамъ—*licet*—можно, а богословамъ—*debet*—должно); мальчуганамъ давали по прянику или пирогу; кромѣ того, добрая хозяйка сыпала въ мѣшокъ, что было у ней: муки,

[1]) Насколько нравилось это городскимъ обывателямъ, видно изъ того, что и до настоящаго времени на Рождество переяславскіе мѣщане ходятъ по городу и разыгрываютъ *Максимиліана*. Вообще нужно замѣтить, что семинарія оставила глубокіе слѣды въ жизни переяславскихъ мѣщанъ; ихъ пѣсни и мотивы чисто семинарскіе; въ рѣчи ихъ часто слышатся семинарско-школьныя рѣченія. Въ бытность семинаріи въ Переяславѣ міросозерцаніе мѣщанъ складывалось подъ сильнымъ вліяніемъ семинаріи. Многіе изъ нихъ, ближе стоявшіе къ студентамъ, мнили себя даже высокообразованными, любили выслушивать въ монастырскомъ соборѣ проповѣди семинаристовъ и съ важностью знатоковъ наводили критику: приступъ—де несоразмѣренъ съ темою, раздѣленіе неполное и проч. Разсказываютъ объ одномъ почтенномъ мѣщанинѣ, слабою стрункою котораго была критика проповѣдей. Семинаристы, желавшіе получить даровое угощеніе, пользовались его слабостью: положимъ, является къ нему семинаристъ. „Дядинька, Харытонъ Петровичъ! Тутъ така бида! Профессоръ задалъ проповѣдь, да не знаю, какъ составить ее. Не поможете ли?“ Польщеный хозяинъ, самодовольно крякнувши, приказывалъ женѣ: „Жинко! нешлы за пивквартою!“—„А ну, яка тема, кажы?“ обращался онъ къ гостю. „Трудна тема, дяденька!—*Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость*“.—„А що-жъ ты въ прыступи думаешь пысать?“ и проч. Тѣмъ временемъ распивали бутылку и расходились довольные другъ другомъ.

сала, хлѣба, луку, сѣмячекъ, compreniковъ и даже наливала въ горшокъ борщу и проч. По свидѣтельству учениковъ прошлаго столѣтія, эпетенты иногда совершали отдаленныя путешествія; нѣкоторые изъ нихъ, ученики старшихъ классовъ, оставались у богатыхъ помѣщиковъ на *репетицію* (домашними учителями) и являлись въ семинарію только черезъ годъ и позже; остальные путешествовали дальше, на собранныя пожертвованія покупали лошадь, объѣзжали весь южный край лѣвобережной Украйны, доходили даже до Запорожья [1]). Затѣмъ, съ собранною добычею возвращались къ своимъ голодавшимъ собратьямъ.—Разумѣется, не всегда можно было быть сытымъ отъ эпетенцій. Въ случаѣ крайности бурсаки прибѣгали къ послѣднему средству: выбирали темную ночь и дѣлали нападенія на сады, огороды и баштаны мирныхъ обывателей Переяслава, или же ловили заблудившуюся еврейскую козу и за городомъ въ скрытомъ яру приносили ее въ жертву своимъ голоднымъ желудкамъ.

Если и этимъ путемъ нельзя было добыть средствъ къ жизни, то оставался еще одинъ исходъ: бѣжать, куда глаза глядятъ... Въ архивѣ Вознесенскаго монастыря, хранящемся на чердакѣ надъ главными монастырскими воротами, есть сотни архіерейскихъ указовъ о поимкѣ бѣглыхъ бурсаковъ и о доставкѣ ихъ обратно въ бурсу. Отцовъ, отказывавшихся высылать въ семинарію дѣтей, штрафовали въ пользу семинаріи же, а иногда угрожали и лишеніемъ священства; бѣглыхъ препровождали назадъ, заковывая ихъ въ кандалы, и подвергали сѣченію. Если бурсакъ не разъ уже совершалъ побѣгъ, то для устрашенія другихъ архіерей отсылалъ его къ кіевскому генералъ-губернатору для опредѣленія въ военную службу [2]). Въ виду такихъ дурныхъ послѣдствій побѣга на родину, бурсаки часто бѣжали въ другія мѣста: въ запорожскую Сѣчь, пока она существовала, въ лѣса, гдѣ приставали къ отрядамъ гайдамакъ, и проч.

Но бѣгала изъ семинаріи все таки меньшая часть. Многіе же закалялись въ нуждѣ и выходили полезными дѣятелями на разныхъ служебныхъ поприщахъ. Въ началѣ настоящаго столѣ-

[1]) Полт. Еп. Вѣд. 1876 г. № 11-й.

[2]) Архивъ бывшаго переяславскаго дух. правленія.

тія, особенно, при еп. Сильвестрѣ Лебединскомъ, который много сдѣлалъ для семинаріи, она стояла на лучшемъ счету, и изъ нея ежегодно вызывались студенты для пополненія новыхъ курсовъ въ дух. академіи: кіевскую, московскую, петербургскую и въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію.

Въ 1817 году совершилось преобразованіе переяславской семинаріи по планамъ составленной для сего коммиссіи еще при императорѣ Павлѣ I. Низшіе классы были отдѣлены отъ семинаріи и составили нынѣшнее переясл. дух. училище. Въ немъ образованы были три отдѣленія — низшее, среднее и высшее; кромѣ того, при училищѣ открытъ былъ приходской классъ. Ректоромъ училища назначенъ былъ инспекторъ семинаріи, прот. Іосифъ Козачковскій.

Слѣдуетъ констатировать довольно странное явленіе. До 1817 года, т. е., до выдѣленія училища изъ семинаріи, училище жило болѣе полною жизнью; съ этого же времени и до перехода семинаріи въ Полтаву въ 1862 году оно какъ бы потеряло свою индивидуальность. Находясь въ оградѣ одного съ семинаріею двора и имѣя своимъ начальникомъ одного изъ администраторовъ семинаріи, училище совершенно стушевывалось передъ нею. Училищная корпорація отодвигалась на задній планъ передъ корпораціею профессоровъ семинаріи, которые брали перевѣсъ численностью и превосходствомъ образованія. Жалкіе фаристы и грамматики казались незамѣтными козявками передъ солидными философами и богословами. Воспитанники того времени не помнятъ и не любятъ разсказывать о своей училищной жизни и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о жизни въ семинаріи.

Не будемъ и мы долго останавливаться на этомъ безцвѣтномъ періодѣ исторіи училища.

До 1832 г. ректорами училища были инспекторы семинаріи.

Въ этомъ году назначенъ былъ первый самостоятельный начальникъ училища съ званіемъ смотрителя прот. Павелъ Діомидовъ, воспитанникъ перваго курса кіев. дух. академіи. Послѣ него съ 1864 г. ректоромъ училища былъ прот. Ник. Клепачевскій.

Въ теченіи всего этого періода два низшія отдѣленія училища помѣщались въ восточной части существующаго и теперь длиннаго братскаго корпуса; высшее отдѣленіе помѣщалось въ пристройкѣ корпуса еп. Іоанна Козловича, которая въ настоящее время не существуетъ; она была тамъ, гдѣ теперь находятся ворота классснаго двора. Помѣщенія для классовъ были въ высшей степени неудобныя, тѣмъ болѣе, что число учащихся въ каждомъ классѣ доходило иногда до 80 и 100 человѣкъ. Матеріальная обезпеченность учащихъ и учащихся мало улучшилась. Учителя получали жалованья отъ 100 до 150 р. Только въ 50-хъ годахъ начали дѣлать прибавку до незначительной все таки цифры 200—300 р. На казеннокоштнаго ученика отпускалось 20 рубл. Жизнь въ бурсѣ, по прежнему, была неприглядна: скудная пища, холодъ, тѣснота. Въ классныхъ помѣщеніяхъ на урокахъ, за недостаткомъ мѣстъ, приходилось стоять. Печи устроены только въ недавнее время.

Тѣмъ не менѣе интеллектуальная жизнь училища шла своимъ путемъ. Суровая школа нужды и лишеній подготовила къ жизни многихъ тружениковъ—и на важныхъ административныхъ постахъ (архіереевъ, профессоровъ, ректоровъ), и въ скромномъ званіи земскихъ врачей, учителей и священниковъ.

Таково было прошлое переяславскаго духовнаго училища, изъ котораго образовалась въ послѣдствіи переяславская духовная семинарія, переименованная потомъ въ полтавскую духовную семинарію. Съ 1867 г. эта послѣдняя существуетъ отдѣльно отъ училища въ Полтавѣ,—а училище осталось на прежнемъ мѣстѣ: въ новыхъ условіяхъ общественной обстановки оно служитъ живымъ памятникомъ историческаго прошлаго.

Памфилъ Левицкій.

Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи.[1]

Три небольшія, мрачныя и холодныя комнаты, отведенныя въ помѣщеніи харьковскаго университета, составляютъ въ настоящее время убогое хранилище оставленнаго намъ временемъ драгоцѣннаго богатства документовъ по внутренней и бытовой исторіи Малороссіи 18-го вѣка. Болѣе двадцати тысячъ дѣлъ, едва приведенныхъ въ кое какой порядокъ, смотрятъ, придавленныя пылью, съ высоты своихъ полокъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ изслѣдователей... Но къ большому сожалѣнію всѣхъ, интересующихся исторіей нашей родины, изслѣдователей, способныхъ отряхнуть пыль вѣковъ отъ древнихъ хартій и правдиво передать ихъ содержаніе, до сихъ поръ не является, не считая двухъ трехъ лицъ, оффиціально приближенныхъ къ архиву. Причины этого явленія кроются, по нашему мнѣнію, какъ въ неудовлетворительномъ устройствѣ архива, такъ еще болѣе въ прискорбномъ отсутствіи у мѣстныхъ ученыхъ любви къ изученію своего края въ историко-юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, для чего архивъ Малорос. Коллегіи представляетъ богатый матеріалъ... Не имѣя въ виду вдаваться здѣсь въ изложеніе причинъ какъ означеннаго явленія, такъ и того обстоятельства, что отведенныя университетомъ три комнаты болѣе напоминаютъ собой темный и холодный сарай, годный для храненія старой мебели, чѣмъ исторически цѣнныхъ бумагъ,—я приведу здѣсь нѣсколько, хотя отрывочныхъ, но очень интересныхъ данныхъ о прошлой судьбѣ архива и невзгодахъ, имъ перенесенныхъ. Предлагаемыя въ этой замѣткѣ свѣдѣнія имѣютъ даже нѣкоторый поучительный характеръ: лица и учрежденія, на совѣсти

[1]) №№ дѣлъ Южно-рус. архива 5213, 5347, 5724, 13728, 14238, 14308.

и обязанности которыхъ лежатъ заботы о преуспѣяніи русской исторической науки, узрятъ отсюда, какъ они упорно въ отношеніи храненія памятниковъ старины продолжаютъ преступленіе своихъ малообразованныхъ предковъ прошлаго столѣтія.

Печально настоящее архива Мал. Коллегіи, но еще печальнѣе его прошлое, извѣстное намъ въ общихъ чертахъ съ 1739 г., т. е. почти за все время существованія архива, главная часть котораго состоитъ именно изъ дѣлъ бывшей отъ 1722—27 г. Мал. Коллегіи, изъ дѣлъ бывшей затѣмъ Войск. Генер. Канцеляріи и, наконецъ, дѣлъ второй по времени Мал. Коллегіи, возникшей послѣ паденія К. Разумовскаго.

Намъ ничего не извѣстно, гдѣ и какъ содержался архивъ центральнаго управленія Малороссіей до самаго 1739 г., но въ этомъ году мы въ первый разъ узнаемъ, что онъ переведенъ въ домъ ген. асаула Мануйловича. Случился этотъ переводъ архива по той причинѣ, что «каменицы» означеннаго асаула стояли пустыми за выѣздомъ изъ Глухова квартировавшаго въ нихъ члена Войск. Генер. Канцеляріи князя Щербатова. Нужно замѣтить при этомъ, что послѣ отъѣзда кн. Щербатова квартира его нѣкоторое время оставалась свободною и охранялась карауломъ на случай пріѣзда какихъ либо важныхъ чиновъ, но послѣ перевода въ нее архива караулъ сняли, въ силу чего помѣщеніе, занятое архивомъ, было отдано на произволъ судьбы. Судьба оказалась жестокосердной: началось дѣло съ того, что солдаты, стоявшіе квартирами вблизи архива, стали по ночамъ разбирать и растаскивать окружавшіе его заборы и были въ этомъ настолько смѣлы, что угрожали тѣмъ же самому архиву. Войск. Ген. Канцелярія, убоявшись, чтобы бумаги архива не раздѣлили печальной судьбы заборовъ, снова потребовала караулъ отъ глуховскаго коменданта, но, увы, къ 1740 году ограда съ двухъ сторонъ уже была совершенно разобрана, а оставшійся отъ Мостовой улицы заборъ завалился самъ, не дождавшись участи своихъ товарищей, и помѣщеніе архива, ничѣмъ не огороженное, сиротливо выглядѣло среди Глухова. Такова была обстановка архива снаружи, но еще хуже шло дѣло внутри: въ маѣ 1740 г., узнаемъ мы изъ одного доношенія, половина крыши «каменицъ», вслѣдствіе обветшалости каменной трубы, упавшей на крышу, совсѣмъ завалилась и половина помѣщенія вмѣстѣ съ содержавшимися тамъ дѣлами была отдана на распоряженіе глуховскихъ дождей и вѣтровъ. Но мы скрыли бы часть

горькой правды, если бы не упомянули здѣсь, что уже до этого обвала крыши бумагамъ архива не разъ приходилось знакомиться съ дождями, бурей и непогодой, такъ какъ за ветхостью всего строенія двери, окна его не имѣли самыхъ обыкновенныхъ запоровъ, почему дождь чрезъ нихъ набивалъ внутрь, производя сырость, порчу, а часто и невозвратимую погибель документовъ. Вопіющее состояніе хранилища дѣлъ Войск. Генер. Канцеляріи въ этихъ развалинахъ безъ крыши, трубъ и оконъ обратило, наконецъ, на себя вниманіе Войск. Генер. Канцеляріи и она обязала «подъ жесточайшимъ штрафомъ» новаго владѣльца «каменицъ» бунч. тов. Пироцкаго исправить крышу, трубу и проч. въ теченіе мѣсяца—къ 27 іюня 1747 года. Вотъ все, что намъ извѣстно со стороны помѣщенія архива Войск. Ген. Канцеляріи, занимаемаго имъ при помощи всякихъ починокъ и передѣлокъ, вѣроятно, до самого пожара 1748 г., когда его сложили въ каменной колокольнѣ Михайловской церкви, гдѣ многія дѣла по тѣснотѣ и неприспособленности помѣщенія пришли въ порчу и непорядокъ.

Посмотримъ теперь, каковъ былъ внутренній распорядокъ архива и чѣмъ въ немъ занимались въ описываемое нами время. Сколько можно догадываться, до 1739 года порядки въ принятіи и храненіи дѣлъ въ архивѣ далеко не были образцовыми, ибо вскорѣ послѣ перевода его въ новое помѣщеніе ген. м. Шиповъ съ присутствующими въ Г. Канцеляріи членами приказалъ произвести тщательный разборъ дѣламъ архива по роду и предмету содержанія и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Причиною этому распоряженію Шипова послужили частыя затрудненія, возникавшія по челобитческимъ, исковымъ и другимъ дѣламъ и происходившія какъ отъ безпорядочнаго содержанія дѣлъ съ одной стороны, такъ и отъ неопытности въ разборѣ ихъ случайно опредѣленными канцеляристами—съ другой. Въ виду указанныхъ недостатковъ г. м. Шиповъ приказомъ своимъ отъ 7-го іюля 1739 г. постановилъ: поручить разборъ дѣлъ и завѣдываніе архивомъ канцеляристу Андрею Лищню, давъ ему въ помощь 25 канцеляристовъ, а высшій надъ всѣмъ надзоръ поручить достойному бунч. товарищу, но такъ какъ впослѣдствіи таковаго не оказалось въ наличности, то «смотрѣніе» за архивомъ было поручено какому то поручику. Задача разбора въ настоящемъ случаѣ понималась довольно узко, ибо она касалась только челобитческихъ дѣлъ и состояла въ томъ, что по нимъ составлялся подробный экстрактъ съ отмѣтками въ немъ, чье дѣло, когда и съ кѣмъ начато, производится ли оно, или уже окончено. Кромѣ этой работы по существу, на обя-

занности канцеляристовъ лежало наблюденіе также за сохранностью самихъ документовъ—порченные и погнившіе подклеивались, исправлялись и подшивались. Для таковаго разбора архива, какъ мы уже сказали, Шиповъ командировалъ 25 канцеляристовъ, по обычному порядку вещей ихъ явилось всего 9, между тѣмъ какъ по доношенію Анд. Лащня возложенной на него работы и при 20 чел. нельзя было скоро исполнить. Для пополненія недостающихъ рѣшено было обратиться къ полковымъ канцеляріямъ, но присылали ли послѣднія на помощь своихъ канцеляристовъ и доведенъ ли былъ разборъ архива до желаннаго конца, намъ неизвѣстно, ибо здѣсь наши свѣдѣнія прерываются до самаго 1780 г., когда извѣстнымъ гр. Румянцевымъ было возбуждено дѣло о причинахъ погибели и погніенія нѣкоторыхъ частей генеральной описи Малороссіи и другихъ историческихъ документовъ. Замѣтимъ однако, что хотя время отъ 1740—80 годъ и представляется довольно темнымъ въ исторіи архива, тѣмъ не менѣе показанія архиваріуса Кедровскаго, привлеченнаго къ суду за нерадѣніе въ своихъ обязанностяхъ, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на это глухое время и позволяютъ намъ въ общихъ чертахъ изобразить судьбу архива за это четыредесятилѣтіе. Но прежде чѣмъ перейти къ интересному слѣдствію надъ архиваріусомъ Кедровскимъ, мы упомянемъ сначала объ одномъ сенатскомъ указѣ, вызванномъ дурнымъ состояніемъ архивовъ во всей Россіи вообще и имѣвшимъ несомнѣнное вліяніе на содержаніе полковыхъ и Войск. Ген. Канцеляріи архивовъ въ частности.

Въ 1768 г. генералъ-прокуроръ Вяземскій, усмотрѣвъ [1]) изъ многихъ къ нему доношеній о непорядкахъ въ отношеніи содержанія архивовъ, отъ чего, по его словамъ, могъ произойти не малый вредъ для общества, сдѣлалъ докладъ объ этихъ непорядкахъ Сенату и послѣдній своимъ указомъ отъ 28 мая 1768 г. приказалъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и въ томъ числѣ Малор. Коллегіи: 1) чтобы въ архиваріусы были выбираемы люди трезвые, въ порокахъ и пристрастіяхъ неприличившіеся; 2) чтобы архивы ежегодно были прилежно и внимательно осматриваемы самими начальниками присутственныхъ мѣстъ; наконецъ, 3) чтобы за обнаруженныя неисправности подвергать архиваріусовъ приличному для каждаго случая штрафу. Этотъ указъ, болѣе чѣмъ своевременный, былъ разосланъ въ

---

[1]) Между прочимъ до его свѣдѣнія дошло, что принадлежавшая вотчинной конторѣ книга найдена на Петровомъ островѣ въ снѣгу.

Малороссіи во всѣ полки, суды и магистраты и какое имѣлъ значеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра черниговской полковой канцеляріи. Чрезъ нѣсколько времени послѣ полученія сенатскаго указа и очевидно за его силою упомянутая канцелярія сообщила Малор. Коллегіи, что находящееся при ней подъ архивомъ каменное строеніе пришло въ великое поврежденіе: стѣны потрескались, образовались большія скважины, вслѣдствіе чего крыша упала и входъ въ помѣщеніе архива сдѣлался опаснымъ. Въ виду этого разрушенія черниговская канцелярія просила Малор. Коллегію прислать ей архитектора для освидѣтельствованія архива; коллегія распорядилась, какъ того требовала черн. канцелярія, но архитекторъ по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ не выѣхалъ, архивъ завалился, образовалась течь и въ 1771 г. черн. канцелярія снова повторила свою просьбу. Этого примѣра, я полагаю, достаточно, чтобы имѣть понятіе, въ какомъ состояніи находились полковые архивы, если въ лучшемъ городѣ Черниговѣ помѣщеніе архива въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находилось въ полуразрушенномъ состояніи.

Возвращаемся теперь къ возбужденному гр. Румянцевымъ дѣлу о судебномъ преслѣдованіи архив. Кедровскаго и къ заботамъ Румянцева вообще о храненіи дѣлъ и содержаніе архивовъ въ Малороссіи.

26-го марта 1780 года на имя члена Малороссійской Коллегіи М. Туманскаго былъ данъ Румянцевымъ указъ, въ которомъ правитель Малороссіи, напомнивъ, что еще 17 февр. 1778 г. имъ было приказано „опредѣлить одного изъ господъ членовъ и надобнаго числа канцеляристовъ для освидѣтельствованія архива, собранія, приведенія въ совершенный порядокъ и сочиненія описей“, сожалѣлъ, что до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано по этому приказу, и опредѣлилъ вновь втораго члена Коллегіи М. Туманскаго, дабы «въ ген. архивѣ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ Коллегіи мѣстахъ хранимыя дѣла были приведены въ порядокъ». По справкѣ въ Коллегіи выяснилось, что въ 1778 г. для разбора архива былъ назначенъ именно М. Туманскій, замѣненный за его отсутствіемъ другимъ членомъ Коллегіи Козельскимъ; тогда же въ 1778 г. во всѣ полковыя канцеляріи, магистраты и пр. присутственныя мѣста даны были указы, дабы публичныя дѣла были принимаемы въ нихъ и хранимы за описями, по точной силѣ законовъ. Послѣ непродолжительной дѣятельности въ архивѣ Козельскій заболѣлъ и на его мѣсто былъ назначенъ надв. сов. Туманскій, однофамилецъ М. Туманскаго, назначеннаго ему въ помощь указомъ 26-го марта 1780 г. Опредѣляя Козельскаго къ раз-

бору архива, Мал. Коллегія потребовала отъ него прежде всего представить ей рапортъ о состояніи знаменитой генеральной описи для доклада о ней Румянцеву; но Козельскій, по показанію архиваріуса Адамовича, успѣлъ до своей болѣзни освидѣтельствовать всего нѣсколько сотенъ миргородскаго полка и послѣ его ухода дальнѣйшій пріемъ генер. описи отъ смѣненнаго архиваріуса Кедровскаго и освидѣтельствованіе ея производилъ замѣститель послѣдняго Адамовичъ. Къ 1780 г. Адамовичу удалось привести ген. опись въ болѣе или менѣе «совершенный», какъ онъ выразился, порядокъ и представить двѣ книги ея реестровъ на разсмотрѣніе г.г. Туманскихъ. Послѣдніе однако, нашли реестры не вполнѣ «совершенными» на томъ основаніи, «что въ оныхъ книгахъ заглавій съ показаніемъ, по чьему повелѣнію, въ которомъ году та ген. опись начата, по какой годъ продолжалась и въ архиву отдана, не учинено», а посему возвратили Адамовичу для восполненія. Сколько можно теперь догадываться, «2 книги реестровъ», составленныя архиваріусомъ, не могли отличаться большою полнотою или подробностью, ибо монументальный трудъ генеральнаго описанія Малороссіи занималъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, половину всего помѣщенія архива, онъ заключалъ въ себѣ массу фоліантовъ вѣдомостей, крѣпостныхъ грамотъ, статистическихъ таблицъ и пр., совершенно неописанныхъ, а потому едва ли возможно ожидать отъ Адамовича большой полноты въ реестрахъ ген. описи. Получивъ въ 1780 г. отъ Адамовича реестры, г.г. Туманскіе начали разборъ архива съ пересмотра Высочайшихъ грамотъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, приговоровъ и пр. дѣлъ первостепенной важности. Каждую осматриваемую грамоту Адамовичъ, при помощи командированныхъ ему 10 чел. канцеляристовъ, долженъ былъ, свѣривши со старой описью, провѣсить, просушить, если нужно то подклеить и занести въ новую опись, такъ какъ старая оказалась негодной, за невозможностью дѣлать въ ней необходимыя о каждомъ дѣлѣ помѣтки.

Кромѣ этого, къ концу сентября 1780 г. Туманскіе успѣли освидѣтельствовать архивы суда генеральнаго и счетной коммиссіи; описи найденныя ими также не годилось, потому что въ нихъ не было отмѣчено, какія изъ дѣлъ находятся въ дѣйствительности на лицо противъ занесенныхъ въ опись. На этомъ основаніи было рѣшено составить новыя описи и реестръ рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ дѣламъ. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ упомянуть объ обнаруженномъ этой ревизіей недостаткѣ и порчѣ грамотъ и др. документовъ,

но мы предупреждаемъ читателя сей замѣтки, что приводимый ниже перечень недостающихъ документовъ не можетъ вполнѣ свидѣтельствовать объ истинной утратѣ грамотъ, начиная съ 1585 г., ибо самая опись, по которой происходила провѣрка наличности архива, съ большею вѣроятностью можно сказать, была составлена не ранѣе гетманства Разумовскаго, а посему всѣ исчезнувшія до ея составленія дѣла, какъ напр. во время пожара 1748 г. въ опись не попали и погибель ихъ прошла незамѣченною.

По ревизіи грамотъ отъ 1585—1765 г.[1]) не явилося между ними противъ описи: 6-ти грамотъ изъ иностранной коллегіи и одной изъ Пр. Сената, одной грамоты 7798 г., адресованной до запорожскаго кошевого Ив. Гусака о разрывѣ перемирія съ турками и ханомъ; 3-хъ (неважныхъ) грамотъ къ гет. Скоропадскому, 2-хъ къ гет. Д. Апостолу и одной къ Разумовскому. Кромѣ этихъ грамотъ публичнаго, такъ сказать характера, при ревизіи не обнаружилось еще нѣсколькихъ совершенно частнаго характера и между ними одного манифеста слѣдующаго любопытнаго содержанія: «о недачѣ какъ явнымъ, такъ и тайнымъ образомъ никому, ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ никакого совѣта и наставленія отставному лейбъ-гвардіи прапорщику кн. Ник. Хованскому подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имѣнія и указнаго штрафа».

За симъ къ сентябрю 1781 г. гг. Туманскіе успѣли освидѣтельствовать. 1) книги опредѣленій съ 1734—77 г., 2) протоколы съ 1722—77 г., 3) книги ревизій малороссійскихъ полковъ—лубенскаго, черниговскаго и прилуцкаго съ 1713 г., полтавскаго съ 1721 г., прочихъ полковъ съ 1723 г., наконецъ, тогда же были разсмотрѣны копіи гетманскихъ универсаловъ и дѣлъ Мал. Коллегіи съ 1722—32 г. книги объ индуктѣ, инвектѣ и другихъ сборахъ, практиковавшихся въ Малороссіи. При разборѣ этого отдѣла не достало противъ описи 56 №№ дѣлъ, кромѣ того, что у нѣкоторыхъ не оказалось начала, конца или средины. Усмотря такимъ образомъ отсутствіе нѣкоторыхъ грамотъ и дѣлъ, лица, производившія ревизію, обратились къ бывшему архиваріусу Кедровскому за разъясненіями и тотъ объяснилъ, что, вступая въ 1766 г. по смерти своего предшественника Гусаревскаго въ завѣдываніе архивомъ, онъ по реестрамъ дѣлъ не принималъ ни отъ кого, но велъ таковые только дѣламъ, входившимъ за его бытность, а поэтому объяснить причины исчезновенія дѣлъ онъ

---

[1]) Подлинная привилегія короля Стефана Баторія 1585 г.

не можетъ и въ пропажѣ ихъ виновнымъ себя не считаетъ. Въ теченіе свое службы въ архивѣ Кедровскій, по его словамъ, занимался главнымъ образомъ выборкой справокъ по приказу Малорос. Коллегіи, а освидѣтельствованія грамотамъ и другимъ документамъ не производилъ, потому что на это не было приказа; грамоты же хотя и выдавалъ, но всегда получалъ исправно обратно. Донося о неявившихся документахъ и объ отвѣтѣ, данномъ по этому предмету Кедровскимъ, гг. Туманскіе доложили Мал. Коллегіи, что многія изъ грамотъ отъ ветхости и сырости заплесневѣли и загнили настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пораспадались, на сгибахъ поломались и пр... Книга указовъ Пр. Сената, узнаемъ мы изъ этого доношенія, находилась въ столь ветхомъ переплетѣ, что листы изъ нея повыпали и растерялись.

Въ заключеніе Туманскіе просили у Коллегіи разрѣшенія ветхія грамоты подклеивать, а иныя даже переписывать. Мал. Коллегія не удовлетворилась отвѣтомъ Кедровскаго и привлекла его къ слѣдствію по обвиненію въ нерадѣніи по службѣ, выразившемся какъ въ пропажѣ дѣлъ, такъ и въ томъ, что многія изъ нихъ за время отъ 1672—1776 г. подверглись гніенію. Привлеченный къ отвѣту за грѣхи всѣхъ предшественниковъ Кедровскій показалъ, что въ порчѣ дѣлъ отъ 1672—1748 г. виновенъ отнюдь не онъ, а его предшественникъ Дѣвовичъ вмѣстѣ съ своими помощниками Гусаревскимъ и Петрашевичемъ, завѣдывавшими во время болѣзни Дѣвовича; по показанію Кедровскаго, Дѣвовичъ, опредѣленный къ архиву въ 1763 г., хотя мало заботился объ охранѣ дѣлъ отъ гніенія, тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ имъ были обвернуты въ листы бѣлой бумаги и сохранились въ такомъ видѣ до самаго послѣдняго времени, что указываетъ, по словамъ оправдывавшагося архиваріуса, на особенныя заботы его, Кедровскаго, объ архивѣ. Насколько справедливы обвиненія Дѣвовича въ порчѣ и исчезновеніи дѣлъ, можно судить уже по тому обстоятельству, что онъ, несмотря на приказаніе гет. Разумовскаго о сдачѣ ему дѣлъ по описи и за росписками сдатчиковъ, тѣмъ не менѣе не имѣлъ ни одного пріема по роспискамъ, ибо самихъ описей дѣламъ не существовало, вѣроятно, вслѣдствіе уничтоженія ихъ пожаромъ 1748 г.

Слѣдующая за симъ порча дѣлъ отъ 1748 г. по 66 г., говорилъ Кедровскій, также произошла не по его винѣ, а скорѣе по винѣ помѣщенія архива, заключавшагося въ двухъ сырыхъ комнатахъ, расположенныхъ надъ какимъ то погребомъ; это сырое помѣщеніе однако вскорѣ по вступленіи въ должность Кедровскаго было оставлено и

архивъ былъ переведенъ въ другое зданіе противъ генер. суда, гдѣ была раньше счетная коммиссія. Здѣсь новый архиваріусъ просушивалъ и провѣтривалъ дѣла, раскрывая лѣтомъ окна, между тѣмъ какъ въ прежнихъ двухъ комнатахъ предшественниками его не только никакой просушки помѣщенія архива не производилось, но канцеляристъ Петрашевичъ складывалъ дѣла подъ завѣдомо мокрую стѣну, отчего края ихъ пришли въ гнилое состояніе. Здѣсь не мѣшаетъ однако замѣтить, что тяжесть обвиненій, возводимыхъ Кедровскимъ на своихъ предшественниковъ, облегчается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Гусаревскимъ, временно исправлявшимъ обязанности архиваріуса, былъ поданъ въ Коллегію докладъ о порчѣ дѣлъ, но былъ ею оставленъ былъ резолюціи, ибо высшее правительство Малороссіи почло за неприличіе объясняться съ Гусаревскимъ о гнили старыхъ дѣлъ... Въ довершеніе своихъ объясненій Кедровскій сослался и на то всѣмъ извѣстное обстоятельство, что послѣ бывшаго въ 48 году въ Глуховѣ пожара дѣла архивныя были сложены въ каменной колокольнѣ Михайловской церкви, гдѣ отъ тѣсноты и неспособности помѣщенія многія изъ нихъ пришли въ непорядокъ и совершенную погибель. Виновникомъ порчи дѣлъ до Дѣвовича Кедровскій считалъ давно умершаго канцеляриста Закровіецкаго. Пока шло слѣдствіе надъ уволеннымъ отъ должности Кедровскимъ, разборъ архива продолжался, но одинъ изъ Туманскихъ, назначенный въ Кіевъ прокуроромъ, былъ замѣщенъ въ 1783 году Рахмановымъ; разбирались дѣла по вновь учрежденнымъ намѣстничествамъ, куда ихъ предполагалось отправить, за исключеніемъ дѣлъ «генеральныхъ», иначе сказать, дѣлъ, относящихся ко всей Малороссіи. Къ концу 1783 г. намѣстническія дѣла были разобраны и для нихъ составлено два экземпляра описей съ тѣмъ, чтобы одинъ остался въ архивѣ, а другой вмѣстѣ съ самими дѣлами былъ отправленъ въ намѣстничество, опись же «генеральныхъ» дѣлъ была составлена въ одномъ экземплярѣ. За симъ остались неразобранными и неописанными дѣла по военной, внутренней и апелляціонной экспедиціямъ, вновь принятыя Адамовичемъ отъ Мал. Коллегіи въ числѣ 22,320 №№; всѣхъ дѣлъ имъ было принято отъ Кедровскаго 53,840.

Останавливая свое вниманіе предъ этой огромной цифрой и вспоминая, что нынѣ въ архивѣ Мал. Коллегіи всего насчитывается 20 т. дѣлъ слишкомъ, невольно приходится пожалѣть массы погибнувшаго матеріала; это тѣмъ болѣе печально, что погибелью столь драгоцѣннаго богатства мы исключительно обязаны нелѣпому и без-

толковому отношенію къ нему завѣдовавшихъ этимъ дѣломъ лицъ..., отношенію, продолжавшемуся, правду сказать, до самаго послѣдняго времени, когда, благодаря П. С. Ефименко и содѣйствію ист.-филологическаго общества харьковскаго университета, уцѣлѣвшія 20 т. дѣлъ были вытащены на божій свѣтъ изъ черниговскихъ подваловъ и помѣщены въ зданіи харьковскаго университета, гдѣ они, по крайней мѣрѣ, разобраны и гарантированы отъ плесени и гнили. Что касается до исхода слѣдствія надъ Кедровскимъ, то его объясненія были приняты во вниманіе и онъ былъ оправданъ, но чрезъ 2 года по распоряженію гр. Румянцева снова попалъ подъ слѣдствіе за небреженіе о книгахъ генеральной описи—этого дѣтища суроваго реформатора Малороссіи. Въ виду важнаго значенія для исторіи нашего края ген. описи мы разскажемъ здѣсь въ общихъ чертахъ, какъ хранился, или вѣрнѣе погибалъ, этотъ монументальный трудъ, поглотившій столько человѣческихъ усилій и денегъ.

20-го окт. 1767 г., узнаемъ мы отъ того же Кедровскаго, гр. Румянцевымъ было предложено М. Коллегіи принять составленную по полкамъ ген. опись по приложеннымъ къ ней реестрамъ и за росписками принимавшихъ; Коллегія сдѣлала зависящее отъ нея распоряженіе о пріемѣ и сдачѣ въ архивъ ген. описи по реестрамъ, но въ дѣйствительности оказалось нѣсколько иное. Дѣло въ томъ, что описи различныхъ полковъ принимались различнымъ образомъ: одни изъ нихъ, какъ напримѣръ, гадяцкаго, лубенскаго, полтавскаго и стародубскаго полковъ были приняты по реестрамъ, правда, никуда не годившимся, но когда Кедровскій потребовалъ отъ сдававшихъ описи мелкихъ канцеляристовъ и писарей составленія новыхъ реестровъ, то сдатчики рѣшительно воспротивились этому требованію, ссылаясь на поспѣшный призывъ ихъ въ турецкій походъ. Описи нѣжинскаго и прилуцкаго полковъ совсѣмъ не имѣли реестровъ и привезенныя въ связкахъ были приняты исключительно по одному осмотру за печатями коллегіи. О пріемѣ описей остальныхъ полковъ въ коллегіи не нашлось даже ея на этотъ предметъ опредѣленій, хотя, нѣтъ сомнѣнія, что описи были приняты. Такая безалаберность и легкомысліе въ сдачѣ и пріемѣ и отсутствіе реестровъ и постановленій Коллегіи, свидѣтельствующихъ о пріемѣ ген. описи, развязывали руки архиваріусамъ и освобождали ихъ отъ серьезнаго отношенія къ сохраненію многочисленныхъ сундуковъ, связокъ и пр... Конечно описи не губили намѣренно, но ее растеривали и приводили въ безпорядокъ случайно, напр. выдавая справки, копіи съ грамотъ, крѣпостей и др. актовъ,

выдача коихъ требовала распечатанія и разбора неописанныхъ фоліантовъ. Отношеніе Коллегіи къ храненію ген. описи справедливо заслуживаетъ порицанія, и правъ, конечно, Румянцевъ выразившійся, что «описи безъ освидѣтельствованія были принимаемы и, такъ сказать, брошены были, не взирая на то, коль много употреблено времени и труда на сочиненіе оной и что въ томъ цѣлый край оной интересованъ». Дѣйствительно, сваленные въ архивъ фоліанты описи, привезенные зимою или осенью въ неплотныхъ сундукахъ и лубяныхъ коробкахъ, благодаря содержанію ихъ за печатями и отсутствію надлежащаго присмотра,—начали гнить, чему особенно способствовало помѣщеніе архива.

Судьбѣ почему то угодно было, чтобы главный малорусскій архивъ въ теченіи прошлаго и настоящаго вѣковъ занималъ самыя невозможныя помѣщенія по тѣснотѣ и сырости; мы уже знаемъ нѣчто о содержаніи архива въ прежнее время, теперь же добавимъ, что къ этому присоединялись нерѣдко случайности самаго непріятнаго характера, въ родѣ обвала, пожара, поломки, переборки съ мѣста на мѣсто и пр. Въ 1776 году, напримѣръ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, членъ Коллегіи кн. Мещерскій приказалъ разломать 2 комнаты, занятыя архивомъ, а вмѣсто нихъ отвести столько же вблизи генер. суда. Приказаніе было исполнено, архивъ перемѣстили, но новое помѣщеніе оказалось столь тѣснымъ, что въ отведенныхъ двухъ комнатахъ едва удалось помѣстить самыя важнѣйшія дѣла, какъ то: грамоты, указы, книги опредѣленій, протоколовъ и пр., 39 же сундуковъ ген. описи, 16 лубяныхъ ящиковъ стародубскаго и массу связокъ той же описи кіевскаго, полтавскаго и прилуцкаго полковъ принуждены были помѣстить въ остальной комнатѣ *надъ погребомъ*, ставя одинъ сундукъ на другой до самаго потолка, такъ что для разбора нижняго ящика нужно было вынести всѣ верхніе вонъ изъ комнаты, но выносить было некуда и посему все стояло нетронутымъ, предаваясь гнили. Однако такое положеніе вещей продолжалось недолго, и въ томъ же 1776 г., по просьбѣ Кедровскаго, подъ архивъ были отведены еще 2 комнаты, куда предполагалось перенести генеральную опись и привести ее въ порядокъ, но къ сожалѣнію предположеніе осталось невыполненнымъ, такъ какъ комнаты потребовались для коммиссарства. Тогда чрезъ нѣсколько времени архивъ задумали перенести въ каменный флигель ген.-губернаторскаго дома, а такъ какъ онъ былъ довольно удобенъ, то архиваріусъ рѣшилъ туда перенести важнѣйшіе документы, а въ освободившихся двухъ комнатахъ имѣлъ въ виду

расположиться съ ген. описью. Обративъ вниманіе на столь частыя и безтолковыя кочеванія архива, нельзя не согласиться съ Кедровскимъ, что «повреждение въ дѣлахъ» произошло не столько отъ вины архиваріусовъ, какъ «отъ неимѣнія твердаго и непремѣннаго способнаго для архивы мѣста и за частою переноскою съ мѣста на мѣсто оной». Пока состоялось перенесеніе ген. описи изъ нея погнили, по свидѣтельству ревизора Козельскаго, слѣдующіе отдѣлы: 1) двѣ связки миргородскаго полка со свѣденіями о цыганахъ и опись хорольской сотни того же полка, 2) опись городовой сотни полтавскаго полка, 3) описи сотенъ бакланской и шептаковской стародубскаго полка, 4) описи сотенъ лубенской, 1-й и 2-й пирятинской, 2-й чигринъ-дубровской, первосенчанской и лукомской—лубенскаго полка. Порча вышеупомянутыхъ описей была такого рода, что дѣлала ихъ никуда негодными; кромѣ того, говорилъ Козельскій, какъ въ описяхъ этихъ полковъ, такъ и другихъ нѣкоторыя вѣдомости заплесневѣли и загнили. Въ наилучшемъ состояніи была найдена одна только кіевская опись, переписанная на бѣло и скрѣпленная ревизорами.

Въ новомъ своемъ помѣщеніи генеральный архивъ, какъ кажется, пребывалъ до 7 авг. 1784 г., когда новымъ страшнымъ пожаромъ вмѣстѣ съ значительною частью Глухова была уничтожена и часть архива. Въ этотъ день погибло 12—изъ 22-хъ сундуковъ дѣлъ походной румянцевской канцеляріи и нѣкоторая часть архива съ описью; уничтоженіе описи не даетъ намъ возможности опредѣлить числа погибшихъ дѣлъ, «но судя по размѣрамъ бѣдствія, оно не можетъ быть незначительнымъ. Утѣшительно уже при этомъ то обстоятельство, что генеральная опись, занимавшая, какъ извѣстно, половину архива была заранѣе отправлена, вмѣстѣ съ книгами ревизіи 1764 года, по намѣстничествамъ въ новгородъ-сѣверскую, черниговскую и кіевскую казенныя палаты и такимъ образомъ спаслась отъ вѣрной погибели. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только опись полтавскаго полка, оставшаяся по неизвѣстной причинѣ въ архивѣ до дня самаго пожара. Уцѣлѣла ли она отъ огня—намъ неизвѣстно.

Возникшимъ послѣ пожара 7 авг. слѣдствіемъ выяснилось, что помѣщеніе архива въ это время состояло изъ 10 комнатъ въ нижнемъ этажѣ флигеля, стоявшаго у Московскихъ воротъ, вблизи церкви Трехъ-Анастасій и городскаго вала. Размѣщеніе самихъ дѣлъ въ архивѣ было таково, что на углу въ первыхъ 3-хъ комнатахъ стояли 22 сундука дѣлъ походной канцеляріи гр. Румянцева, 4-я и 5-я комнаты были заняты дѣлами, отобранными для намѣстничествъ, а также

принятыми отъ цалмейстерской, рейтмейстерской и бывшей скарбовой канцеляріи и счетной коммиссіи, 6-ю и 7-ю комнаты занимали указы, грамоты, книги предложеній, журналовъ, ревизій и ген. опись полтавскаго полка, въ 8-й и 9-й заключались дѣла, подлежавшія отсылкѣ, но еще не описанныя. Наконецъ, въ 10-ой комнатѣ находились справки.

Пожаръ 7 августа начался съ глуховскаго предмѣстья Бѣлополовскаго и сначала мало угрожалъ архиву, расположенному въ другой сторонѣ города, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ не по направленію архива, а на сварковскую дорогу; однако Адамовичъ, желая предупредить всякую опасность, бѣгалъ, по его признанію, по всему городу, чтобы найти подводы и вывезти хотя бы сундуки и грамоты въ болѣе безопасное мѣсто. Къ сожалѣнію подводъ при общемъ смятеніи не нашлось, между тѣмъ какъ положеніе архива при усиливавшихся съ часу на часъ волнахъ огня дѣлалось опаснымъ, а близкое сосѣдство деревянныхъ лавокъ съ масломъ, саломъ и дегтемъ усугубляло эту опасность. Въ такомъ безвыходномъ положеніи Адамовичъ приказалъ отворить бывшій во дворѣ архива погребъ и успѣлъ свалить туда 10 сунд. дѣлъ Рум. походной канцеляріи и 6 сундуковъ съ грамотами и др. бумагами, «упражняясь въ томъ до самаго уже крайнѣйшаго изнеможенія, не уважая и наступившей отъ огня опасности, пока не былъ уведенъ канцеляристами». «Упражненіе» Адамовича было прервано огнемъ, объявшимъ зданіе архива; моментально загорѣлись окна, двери и все, что было деревяннаго; каменные своды подались и потрескались, огонь уже готовъ былъ охватить и самыя бумаги, лежавшія ближе къ дверямъ и окнамъ, но Адамовичъ съ своими помощниками во время успѣли выбросить на площадь все, стоявшее близко къ огню, и этимъ спасли большую часть архива отъ огня. На слѣдующій день какъ выброшенныя дѣла, такъ и оставшіяся въ архивѣ и въ погребѣ были перевезены болѣе чѣмъ на 100 подводахъ въ отведенный для нихъ амбаръ. Послѣ этого несчастія всякія свѣдѣнія о судьбѣ генеральнаго архива прерываются и часто ли его мочило дождемъ и палило огнемъ, пока онъ попалъ въ Черниговъ, а оттуда, наконецъ, въ руки историко-филологическаго общества—намъ неизвѣстно. Въ заключеніе этой замѣтки мы не можемъ не подѣлиться слѣдующимъ грустнымъ соображеніемъ: имѣющіяся нынѣ бренные остатки архива (20 т. дѣлъ слишкомъ) вѣсятъ,

по словамъ П. С. Ефименка, кажется, около 600 пуд., между тѣмъ какъ 100 подводъ, потребовавшіяся для перевозки архива, позволяютъ думать, что вѣсъ оставшихся отъ пожара дѣлъ былъ никакъ не ниже 2500 пуд., полагая на каждую подводу по 25 пудовъ и допуская, что всѣ онѣ были конныя.

Гдѣ же эти три четверти генеральнаго архива Малороссіи?

Ив. В. Теличенко.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка.

Якось недавно довелось
Мени заихать въ Украину.
И я, заплакавшы, назадъ
Поихавъ знову на чужыну.—*Ш.*

По возвращеніи изъ ссылки, Т. Гр. весною 1859 года осуществилъ любимую свою мечту—посѣтить родныя мѣста. Въ концѣ мая онъ выѣхалъ изъ Петербурга и послѣ продолжительнаго путешествія добрался до Переяслава. Отдохнувши послѣ дороги у своего стараго пріятеля Козачковскаго, онъ по Днѣпру отправился въ Прохоровку, на Михайлову Гору, къ М. А. Максимовичу. Прогостивши тамъ нѣсколько дней, поэтъ Днѣпромъ же поплылъ въ Городище, на сахарный заводъ Яхненка и Симиренка.

Въ то время дѣла фирмы Яхненка и Симиренка находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Заведеніе ихъ своимъ обширнымъ сахарнымъ производствомъ и громадною образцовой механической мастерскою славилось чуть ли не по всей Россіи. И дѣйствительно, при крѣпостномъ правѣ здѣсь—въ заведеніи братьевъ Яхненка и Симиренка—царилъ свободный вольнонаемный трудъ, щедро оплачиваемый. Заботливость и попеченіе хозяевъ заведенія о благосостояніи рабочихъ тружениковъ и служащихъ на заводѣ были безмѣрны: благоустроенныя въ санитарномъ отношеніи казармы, паровыя бани, роскошная больница съ богатой аптекой, прекрасная церковь, библіотека, училище на 150 учениковъ, съ семью преподавателями, большею частію университетскаго образованія. Предметы преподавались по программамъ техническихъ училищъ.

Такое рѣдкое явленіе въ краѣ, съ крѣпостнымъ по преимуществу населеніемъ, — было явленіемъ свѣтлымъ и глубоко отраднымъ. Не удивительно, что Т. Гр., прибывъ на свою родину, подвергавшуюся эксплоатаціи жидовъ и помѣщиковъ, поспѣшилъ прежде всего увидѣть городищенское заведеніе братьевъ Яхненка и Симиренка, бывшихъ, какъ и самъ онъ, крѣпостными, увидѣть, такъ сказать, зорю наступавшаго для его родины свѣтлаго дня свободы.

Въ концѣ іюня Ш—ко заѣхалъ къ одному изъ служащихъ въ заведеніи Александру Ивановичу Хропалю и, не заставъ его дома, отправился къ Платону Ѳедоровичу Симиренку, главному руководителю дѣлами фирмы. Вернувшись домой, Хропаль, узнавъ о посѣщеніи его Шевченкомъ, вслѣдъ за нимъ отправился къ Симиренку. Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ былъ со всѣми свой. Но на этотъ разъ посѣщеніе его ограничилось лишь нѣсколькими часами.

Спустя нѣсколько дней, онъ снова пріѣхалъ, уже съ намѣреніемъ пожить въ Городищѣ подольше. Устроился онъ въ квартирѣ Хропаля съ большимъ комфортомъ. По вечерамъ туда приходили нѣкоторые изъ служащихъ на заводѣ, люди солидно образованные. Поэтъ часто воодушевлялся, разсказывалъ веселые анекдоты, читалъ свои стихотворенія, вписанныя очень мелкимъ почеркомъ въ небольшую переплетенную книжечку, которую онъ обыкновенно носилъ за голенищемъ. Такого художественнаго чтенія никому изъ присутствующихъ не приходилось слышать ни прежде, ни послѣ.

«Глубоко врѣзалось въ мою память, говорилъ А. И. Хропаль, прочитанное имъ стихотвореніе «Сонъ».

На панщыни пшеныцю жала;
Втомылася; не спочывать
Пишла въ снопы,—пошкандыбала
Ивана сына годувать:
Воно сповытее крычало
У холодочку за снопомъ;
Росповыла, нагодувала,
Попестыла,—и нибы сномъ,
Надъ сыномъ сыдя, задримала.
И сныться ій: той сынъ Иванъ—
И уродлывый, и богатый,
Не одынокый, а жонатый
На вольній, бачыться, бо й самъ
Уже не паньскій, а на воли,
Та на своимъ веселимъ поли
У—двохъ соби пшеныцю жнуть,
А диточкы обидъ несуть..
Та й усмихнулася небога...
Прокынулась,—нема ничого!
На Йвана глянула; взяла
Его, гарненько сповыла,
Та, щобъ дожать до *ланового*,
Ще копу дожынать пишла..
Остатню, може; Богъ поможе,
Той сонъ твій справдыться...

Въ самый разгаръ дѣятельности коммиссій объ освобожденіи крестьянъ это стихотвореніе потрясло всѣхъ насъ какъ бы электрическимъ токомъ».

Обѣдалъ Т. Гр. у Платона Өедоровича. Ему оказывалось самое искреннее радушіе. Послѣ обѣда обыкновенно отправлялись осматривать заводъ со всѣми его приспособленіями. Ш—ко многому удивлялся, отъ многаго приходилъ въ восторгъ, по осмотрѣ же училища, онъ порывисто обнялъ К. М. Яхненка, поцѣловалъ его и съ чувствомъ произнесъ:

— Батьку! Що ты тутъ наробывъ! и на глазахъ его показались слезы.

Однажды разговоръ зашелъ о томъ, что въ продажѣ давно нѣтъ сочиненій Кобзаря, на что поэтъ замѣтилъ, что издатели-кацапы скупятся, а самъ онъ для того не имѣетъ средствъ [1]). Тогда ему предложена была матеріальная поддержка.

Восхищаясь садомъ Хропаля, поэтъ выразилъ желаніе подобный «садочокъ» развести у себя, въ своей будущей усадьбѣ, на берегу Днѣпра. Ему и въ этомъ обѣщано содѣйствіе: на заводѣ имѣлись свои садовники, богатыя школы фруктовыхъ деревьевъ, разныхъ декоративныхъ растеній и кустарниковъ, а имѣя свой пароходъ на Днѣпрѣ, Яхненко пообѣщалъ даже перевезть деревья въ Каневъ. Однимъ словомъ, ему обѣщали устроить садъ по его вкусу, безъ всякихъ съ его стороны хлопотъ и расходовъ.

Во время пребыванія Ш—ка на заводѣ А. И Хропаль, дѣлая свои распоряженія по работамъ, зашелъ къ одному изъ служащихъ, въ квартирѣ котораго постоянно останавливались пріѣзжавшіе въ заведеніе чины полиціи; тамъ засталъ онъ пристава Добржинскаго, которому при разговорѣ, между прочимъ, сказалъ, что у него ночуетъ Шевченко.

— Якій Шевченко? Може академикъ?

— Да, академикъ!

Приставъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Отъ спасыби, що сказалы: Я только что получилъ предписаніе отъ исправника наблюдать за нимъ. Теперь я знаю, гдѣ онъ находится. Вотъ и отличусь передъ начальствомъ, прибавилъ онъ вполголоса, какъ бы про себя.

Въ этотъ разъ Т. Г. Ш—ко пробылъ въ Городищѣ трое сутокъ. Въ послѣдній вечеръ, при заходѣ солнца, онъ какъ бы что то вспом-

---

[1]) Объ эксплуатаціи издателей-книгопродавцевъ Т. Гр. писалъ М. А. Маркевичъ (Вовчку): „не посылайте поки що ничого отимъ кныгарямъ, поки васъ лыхо не прискрипило, бо вони не бачать, а носомъ чують наши злыдни“.

нилъ и, обратившись къ Хропалю, попросилъ дать ему лошадей, объявивъ, что ему нужно поѣхать въ Кириловку, а потомъ въ Корсунь къ своему родственнику Варѳоломею Шевченку. Лошади были поданы и Алексѣй Ивановичъ почти насильно навязалъ ему свой теплый бурнусъ, такъ какъ ночь, несмотря на іюнь, предвидѣлась довольно прохладная, а Т. Гр. былъ одѣтъ въ легкое парусиновое пальто. На третій день лошади воротились съ бурнусомъ.

Между тѣмъ на Шевченка былъ сдѣланъ доносъ [1]), вслѣдствіе котораго исправникъ Табачниковъ предписалъ приставу Добржинскому арестовать академика Шевченка. Понятно, что этому порученію тотъ былъ радъ несказанно и пустился за поэтомъ въ погоню.

Ничего не подозрѣвая, Т. Г. отправился къ своему старому пріятелю М. А. Максимовичу, на Михайлову Гору, куда онъ былъ приглашенъ на парадный обѣдъ, нарочно для него устроенный. Во время обѣда пріѣхалъ приставъ и хотѣлъ тотъ же часъ арестовать дорогаго гостя, не давши ему докончить обѣда; но хозяинъ упросилъ его обождать, пока онъ отъ него уѣдетъ: «Чтобъ не у меня въ домѣ», шепталъ онъ приставу въ передней [2]). Добржинскій ушелъ и сдѣлалъ на поэта засаду у Днѣпра. Едва Ш—ко успѣлъ отплыть на нѣсколько саженъ отъ берега, какъ становой налетѣлъ на него, пересадилъ на своего дуба и отвезъ въ становую квартиру въ Мошны. Здѣсь поэтъ просидѣлъ три дня, переселившись въ домъ полковника Грудзинскаго; гулялъ въ воронцовскомъ паркѣ и съ горя усердно поклонялся Бахусу. Получивъ извѣстіе объ арестѣ Ш—ка, П. А. Симиренко, вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ Шевченкомъ ѣздили въ Мошны къ главноуправляющему имѣніями Воронцова Ягницкому, уважаемому всѣми и вліятельному лицу, просить его ходатайства передъ исправникомъ объ освобожденіи арестанта. Тутъ случился жандармскій офицеръ, добрый человѣкъ, который не придавалъ винѣ Ш—ка особеннаго значенія, обѣщая при томъ лично представить кн. Васильчикову объясненніе по этому дѣлу въ благопріятномъ для поэта смыслѣ, что онъ, вѣроятно, и исполнилъ въ пику Табачникову, съ которымъ у него были контры.

Изъ Мошенъ Т. Гр. увезли въ Черкасы, резиденцію исправника, а оттуда пароходомъ отправили въ Кіевъ.

---

[1]) См. Жизнь и произведенія Т. Ш—ка стр. 141—142.

[2]) Свѣдѣніе это сообщено сестрой М. В. Максимовичевой, игуменьей Ржищевскаго монастыря.

Кн. Васильчиковъ, человѣкъ въ высокой степени гуманный, выслушавъ объясненія поэта, велѣлъ освободить его изъ подъ ареста, давъ ему такое напутствіе;

«Поѣзжайте скорѣе въ Петербургъ тамъ, стало, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ, изъ желанія выслужиться» [1]).

По прибытіи въ Петербургъ, Т. Гр. прежде всего занялся изготовленіемъ къ печати своего «Кобзаря». Главное управленіе по дѣламъ печати отнеслось къ изданію сочиненій Ш—ка неблагосклонно и дѣло могло бы затянуться на долго, если бы министръ нар. пр. Ковалевскій собственною властію не разрѣшилъ печатанія.

Покончивъ такимъ образомъ съ цензурой, Шевченко обратился за пособіемъ въ Городище:

Щиро шануемій и многоуважаемый Алексій Ивановичъ!

Мени оце прійшлось до скруту: сёгодни цензура выпустыла изъ своихъ пазуривъ мои безталанніи думы, та такъ проклята одчыстыла, що я ледве пизнавъ свои диточкы, а издатель, кацапська душа (Кожанчиковъ) половины не дае того, що я прошу и що мени прытьмомъ треба. Зъ такымъ моимъ лыхомъ я оце до васъ зъ Платономъ Ѳедоровичемъ: вышлить мени, будьте ласкави, 1100 карбованьцивъ, и я вамъ зъ велыкою дякою прышлю къ новому року экземплярив книгы на такую сумму, або черезъ рикъ грошы зъ невелыкымъ процентомъ. Зробить якъ знаете и якъ вамъ Богъ на розумъ положе. Поклониться одъ мене тричи Кондрату Мыхайловычу (Яхненку), Ѳедору Степановичу и всимъ, и всимъ! Титаривну жъ (дочь Хропаля) тричи поцилуйте за мене, нехай воно здорове росте, та щаслыве буде! Оставайтесь здорови! Нехай вамъ Богъ помагае на все добре! Не забувайте искренняго вашого Т. Шевченка.

P. S. Якъ побачыте Т..ва, то заплюйте ёму всю его собачу морду. Дыво мени, що таку подлую, гнусную тварь земля носыть. Другымъ разомъ я вамъ напышу, що винъ хотивъ зо мною зробыть.

П. Ѳ. Симиренко немедленно сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ поэту потребнаго для изданія книги пособія, при слѣдующемъ письмѣ:

---

[1]) Арестомъ своимъ нашъ Кобзарь главнымъ образомъ былъ обязанъ петербургскому оберъ-полицеймейстеру, который, при отъѣздѣ его на родину, послалъ туда секретное предписаніе полицейскимъ властямъ „строго наблюдать за академикомъ Шевченкомъ“.

Милостивый Государь Тарасъ Григорьевичъ!

Большое спасибо вамъ за ваше письмо и еще большее за то, что Вы не забыли насъ и обратились къ намъ по дѣлу изданія вашихъ пѣсней.

Съ этою почтой я послалъ письмо въ Москву къ С. Д. Пурлевскому и просилъ его выслать вамъ 1100 рублей. По выходѣ книгъ прошу васъ отослать ихъ на 1100 рублей въ Москву Саввѣ Дмитричу, а онъ пришлетъ намъ ихъ сюда—и мы съ Вами расквитаемся.

Кондратъ Михайловичъ дѣйствительно чувствуетъ себя лучше послѣ поѣздки въ Воронежъ. Сахарное дѣло у насъ въ разгарѣ и дѣла много, а все таки я нашелъ минуту написать Вамъ. Мы всѣ часто вспоминаемъ ваше пребываніе у насъ и душевно желали бы еще пользоваться вашимъ обществомъ. Мы съ вами мало знакомы, кой о чемъ хотѣлось поговорить съ Вами, да не было случая. Вы своими поэтическими разсказами такъ увлекали меня, что я все забывалъ. Богъ дастъ увидимся и поговоримъ по правдѣ, откровенно. Вѣдь Вы за правду не сердитесь; скажите мнѣ, хоть на первый случай, *по правдѣ*: отчего вы написали ко мнѣ на одномъ языкѣ, а Алексѣю Ивановичу—на другомъ? Если Васъ не утомляетъ переписка такая не литературная, какъ моя, то я бы просилъ васъ написать мнѣ когда нибудь.

Желаю Вамъ того, что вамъ можетъ быть полезно, а въ особенности здоровья: оно нужно для всѣхъ. Видите мой эгоизмъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Платонъ Симиренко.

11 декабря 1859 г. Городищенскій заводъ—Богоспасаемый

Когда Платонъ Ѳедоровичъ получилъ отъ автора съ собственноручною подписью «Кобзаря» и увидѣлъ на обложкѣ свою фамилію (Коштомъ Симеренка), то былъ этимъ крайне недоволенъ, не желая, чтобы лѣвая его рука знала о томъ, что дѣлаетъ правая—черта, рѣдкая въ наше меркантильное время въ кругу меценатствующихъ богачей.

М. Чалый.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край.

I.

Исполняя данное обѣщаніе, рѣшаюсь сообщить вамъ, милостивый государь, краткія замѣтки о видѣнномъ мною во время поѣздки моей въ сѣверо-западный край. Но при этомъ считаю нужнымъ

оговориться, что я не имѣлъ времени и возможности наблюдать современную соціально-общественную жизнь края и руководился въ своей поѣздкѣ преимущественно историко-археологическими цѣлями. Поэтому мои замѣтки будутъ касаться преимущественно памятниковъ русской старины и источниковъ и пособій для мѣстной исторіи. Что же касается явленій современной соціально-общественной жизни края, то я ихъ буду касаться лишь на столько, на сколько сталкивался съ ними въ вагонѣ, дилижансѣ или на пароходѣ, въ гостинницахъ и при встрѣчахъ съ мѣстными дѣятелями.

20 іюля я выѣхалъ изъ Кіева по желѣзной дорогѣ черезъ Бахмачъ на Минскъ. До Бахмача спутниками моими по вагону были преимущественно богомольцы и гости, возвращавшіеся изъ Кіева съ торжества 900-лѣтія крещенія Руси. Рѣчь, естественно, вращалась около этого грандіознаго, небывалаго въ Кіевѣ торжества, но касалась не существа и внутренняго значенія праздника, а деталей церемоніи, что, впрочемъ,—и естественно въ легкомъ разговорѣ между случайными знакомцами. Но со станціи Бахмачъ составъ пассажировъ рѣзко измѣняется: вагоны биткомъ набиты были евреями, и только изрѣдка попадались въ числѣ пассажировъ мѣстные помѣщики съ польскою рѣчью, крестьяне-бѣлоруссы, сильно смахивающіе на сѣверно-русскихъ мужичковъ, военные разныхъ чиновъ и проч. Но всей этой пестротѣ вагоннаго населенія давали общій тонъ и колоритъ евреи уже по одной своей численности. Они безцеремонно располагались въ вагонахъ, какъ у себя дома, окруженные множествомъ чемодановъ, корзинъ и корзиночекъ, узловъ и узелковъ, и нерѣдко стѣсняли пассажировъ-христіанъ, со всѣми обрядами и открыто совершали свое утреннее моленіе, цѣлымъ кагаломъ вступались за безбилетныхъ единоплеменниковъ своихъ и всегда почти успѣвали отстоять какого нибудь желѣзно-дорожнаго зайца-еврея не только отъ двойнаго штрафа за проѣздъ безъ билета, но и вообще отъ платы. Прибавьте къ этому еврейскую нечистоплотность,—и вы будете имѣть хотя приблизительное представленіе общей картины вагонной жизни.

Я старался заводить разговоръ и съ евреями, и съ польскими помѣщиками, и съ бѣлорусскими крестьянами, но непремѣнно на русскомъ языкѣ. Выѣзжая изъ Кіева, я далъ себѣ слово не говорить и даже не понимать по польски, чтобы убѣдиться на опытѣ, можно ли съ однимъ русскимъ языкомъ объѣхать важнѣйшіе города сѣверо-западнаго края. Слово свое я сдержалъ, и мнѣ нигдѣ не приходилось измѣнить своей русской рѣчи. Евреи вездѣ могутъ говорить русскимъ

языкомъ, хотя и испорченнымъ, но все же такимъ, который можно понять русскому человѣку. Только одна молодая еврейка съ груднымъ ребенкомъ, ѣхавшая безъ желѣзнодорожнаго билета, никакъ не могла или не хотѣла понять кондуктора, хотѣвшаго ее высадить,—и такъ таки и доѣхала благополучно до мѣста своего назначенія. Одинъ польскій помѣщикъ игуменскаго уѣзда, вызванный мною на разговоръ, такъ хорошо говорилъ по русски, что сначала я не могъ опредѣлить, съ кѣмъ имѣю дѣло, съ русскимъ, или съ полякомъ. Впослѣдствіи уже онъ самъ сознался, что онъ—полякъ и что ему трудно было говорить по русски. О крестьянахъ бѣлоруссахъ нечего и говорить: ихъ рѣчь весьма близка къ московскому нарѣчію и вполнѣ понятна, равно какъ и они хорошо понимаютъ русскую рѣчь. Но уже за Минскомъ попался мнѣ интересный экземпляръ ополяченнаго бѣлорусса крестьянина, высадившагося на станціи Солы. Онъ первый началъ говорить со мною и нѣсколько разъ настойчиво заговаривалъ по польски; но, послѣ моего рѣшительнаго отказа вести и понимать польскую рѣчь,—онъ заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій и усилій. На мое замѣчаніе, что, вѣроятно, онъ только католикъ, а не полякъ, крестьянинъ утверждалъ, что онъ и католикъ и полякъ вмѣстѣ. Но изъ дальнѣйшихъ моихъ разспросовъ выяснилось, что въ его селѣ или мѣстечкѣ есть и костелъ, и православная церковь, что крестьяне—на половину католики, на половину православные, и одни съ другими водятъ дружбу и родство. Несомнѣнно, они составляли когда то одно цѣлое и въ религіозномъ отношеніи и принадлежали къ православной церкви и русской народности. Еще дальше, уже въ ковенской губерніи, одинъ господинъ, если не русскій по происхожденію, то бывшій на русской государственной службѣ въ архангельской губерніи, сталъ было говорить со мною по польски, хотя отлично можетъ говорить и по-русски. Что же это значитъ? Уже ли и до сихъ поръ польскій языкъ служитъ въ сѣверо-западномъ краѣ для нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ моднымъ, единственно интеллигентнымъ языкомъ?

Почва земли въ минской губерніи—довольно скудная. Мѣстами попадаются кочки, трясины и болотины, вовсе непригодныя для хлѣбопашества и сѣнокосовъ; лѣсъ—чахлый. Отрадное явленіе представляетъ школа земледѣлія въ Марьиной Горѣ, имѣніи госпожи Маковой. Изъ этой школы, по слухамъ, выходятъ опытные управляющіе для большихъ имѣній; но простому народу эта школа едва ли приноситъ пользу. Крестьянскія хозяйства ведутся прежнимъ традиціоннымъ спо-

собомъ: рожь жнется, складывается въ «бабки» (по сѣверно-русски *суслоны*), затѣмъ складывается въ скирды, сушится на овинахъ и молотится на гумнахъ. Не видно нигдѣ каналовъ для осушенія болотистой почвы. Скудость ли мѣстной почвы, или же наступавшее время жатвы были причиною того, что разговоръ спутниковъ чаще всего касался урожая. Помѣщикъ игуменскаго уѣзда, услышавъ отъ меня, что на югѣ Россіи ожидается въ настоящемъ году богатый урожай, видимо не радъ былъ этому извѣстію, такъ какъ богатый урожай въ другихъ мѣстахъ Россіи долженъ былъ понизить цѣны на мѣстный хлѣбъ и слѣдовательно уменьшить доходы помѣщиковъ. За то крестьяне и даже евреи съ удовольствіемъ встрѣчали извѣстіе о хорошемъ урожаѣ на югѣ Россіи: имъ дешевле приходилось бы прикупать и покупать хлѣбъ для собственнаго пропитанія. Скудость же почвы служитъ причиною переселеній крестьянъ изъ сѣверо-западнаго края въ Сибирь и въ Америку. Одинъ еврей спрашивалъ меня, какой городъ ближе, Томскъ, или Иркутскъ, и сообщалъ мнѣ, что десятки тысячъ крестьянъ изъ черниговской и даже екатеринославской губерній переселяются на жительство на Амуръ. Полякъ-крестьянинъ передавалъ мнѣ, что изъ виленской губерніи «шматъ» народу переселилось въ Америку и еще столько же народу собирается переселиться туда. Въ Америкѣ-де золото лежитъ на землѣ, и некому его подбирать. Лѣса тамъ—громадные, а деревья такія толстыя, что каждое изъ нихъ можно объѣзжать кругомъ на конѣ, и ихъ никто не рубитъ. Въ Америкѣ-де живетъ все черный народъ, и американецъ хочетъ развести у себя нашъ бѣлый народъ, пригодный и привыкшій къ работѣ.

Къ скудости почвы въ Бѣлоруссіи въ настоящемъ году присоединились еще градобитія и ливни. 21 іюля, на послѣдней станціи передъ Минскомъ (Михановичи) насъ застигла буря съ градомъ и ливнемъ, надѣлавшая много бѣдъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Въ Минскѣ въ эту бурю залило водою одно подвальное жилье, въ которомъ потонула на печкѣ старая еврейка съ двумя малолѣтними еврейскими дѣтьми, и перебило множество стеколъ, такъ что въ одномъ казенномъ зданіи ихъ перебито было на 40 руб. сереб. Впослѣдствіи я узналъ, что почти въ тотъ же день такая же буря разразилась надъ Варшавой, Ковно и другими городами. На другой день, 22 іюля вечеромъ, въ Минскѣ былъ сильный ливень, но уже безъ граду. Проѣзжая далѣе отъ Минска къ Вильнѣ, я могъ даже изъ вагона видѣть побитыя бурею и склонившіяся къ землѣ нивы.

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ градъ совершенно вымолотилъ зерна изъ колосьевъ несжатой ржи.

Самый Минскъ мнѣ пришлось обозрѣвать въ промежуткѣ между градовою тучею и ливнемъ. Поэтому городъ показался мнѣ довольно пасмурнымъ, хотя, говорятъ, онъ довольно красивъ по наружности. По количеству жителей (около 75,000), это—первый послѣ Вильны городъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Книжныхъ магазиновъ и лавокъ насчитывается до 8-ми; но изъ нихъ одна только содержится полькой Савицкой, а остальныя—евреями. Лучшею изъ нихъ считается книжная лавка Городенскаго, доставляющая книги и изданія для мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Фотографій—четыре, и изъ нихъ двѣ содержатся католиками, а остальныя—евреями. Главная дѣятельность по изученію губерніи сосредоточена въ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, который съ 1860-хъ годовъ ежегодно выпускаетъ по «Памятной книжкѣ» и издалъ два тома «Трудовъ минскаго губернскаго статистическаго комитета». При статистическомъ комитетѣ находится выставка издѣлій кустарной промышленности и фабричнаго производства въ минской губерніи и порядочный музейчикъ первобытныхъ древностей. Такихъ музейчиковъ я не встрѣчалъ при другихъ губернскихъ статистическихъ комитетахъ сѣверо-западнаго края. Между каменными, бронзовыми и золотыми издѣліями, полученными изъ курганныхъ раскопокъ, въ музейчикѣ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе позументная подвѣска особой формы и греческая амфора изъ красной глины. Музейчикъ этотъ основанъ, впрочемъ, усиліями частнаго лица, польскаго помѣщика игуменскаго уѣзда Татура, который, изучая и собирая памятники мѣстной старины, ничего однако же не пишетъ по русски и помѣщаетъ свои изслѣдованія на польскомъ языкѣ въ заграничныхъ польскихъ изданіяхъ. Со слѣдами его дѣятельности мнѣ не разъ случалось встрѣчаться и въ другихъ мѣстностяхъ сѣверо-западнаго края. Г. Татуръ осматриваетъ семинарскія и монастырскія библіотеки въ краѣ и за рѣдкія въ библіографическомъ отношеніи польскія изданія предлагаетъ въ обмѣнъ другія изданія или же денежное вознагражденіе. Неизвѣстно, успѣлъ ли онъ въ другихъ мѣстахъ; но въ минской и могилевской духовныхъ семинаріяхъ его предложенія не были приняты.

Кромѣ изданій статистическаго комитета, нѣкоторыя свѣдѣнія о минской губерніи заключаются въ историческомъ описаніи минской епархіи архимандрита Николая, 1860-хъ годовъ, въ описаніи борисовскаго уѣзда, въ «Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и въ кален-

даряхъ, издаваемыхъ «Минскимъ Листкомъ». Но этими изданіями далеко не исчерпанъ весь историческій матеріалъ, заключающійся въ соединенномъ архивѣ упраздненныхъ уѣздныхъ судовъ, въ архивѣ губернскаго правленія и въ консисторскомъ архивѣ. Въ послѣднемъ дѣла начинаются собственно со времени учрежденія минской епархіи въ 1793 году; но въ немъ есть болѣе ранніе, старые архивы консисторій жировицкой и полоцкой.

Пріобрѣвъ мѣстныя изданія, какія только можно было достать въ Минскѣ, я постарался осмотрѣть его достопримѣчательности и монументальные памятники и съ этою цѣлью былъ въ минскомъ Петропавловскомъ соборѣ, въ Святодуховскомъ мужскомъ монастырѣ, въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, въ архіерейскомъ минскомъ домѣ, въ минской Екатерининской церкви и въ минской духовной семинаріи и ея библіотекѣ. Руководителемъ моимъ былъ ректоръ минской семинаріи протоіерей А. Конскій.

Минскій Петропавловскій соборъ представляетъ изъ себя сравнительно недавнюю постройку. Но при входѣ въ него въ стѣну вдѣлана каменная плита съ надписью, въ которой архимандритъ Николай нашелъ указаніе на 1000-й годъ, какъ годъ основанія первоначальнаго минскаго собора. Въ дѣйствительности же эта надпись—XVI или XVII вв., написанная виршами и представляющая надгробіе надъ какой то Анной бурмистровой; никакого упоминанія о 1000-мъ годѣ здѣсь нѣтъ. Въ самомъ соборѣ, на колоннѣ, съ лѣвой стороны отъ входа, помѣщается древній образъ Богоматери съ Богомладенцемъ. Руки Богоматери и Богомладенца покрыты слюдою; остальныя части тѣла, кромѣ ликовъ, закрыты серебряною ризою. По словамъ архимандрита Николая въ его «Историческомъ описаніи минской епархіи», икона эта принадлежитъ къ числу написанныхъ евангелистомъ Лукою и принесена изъ Херсонеса св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что это—одна изъ древнѣйшихъ и наилучше сохранившихся иконъ во всемъ сѣверозападномъ краѣ[1]). По преданію, такою же древностію отличаются иконы Богоматери смоленская и виленская Троицкая. Къ сожалѣнію, обѣ онѣ подправлены въ позднѣйшее время: смоленская—въ XVII вѣкѣ, а виленская Троицкая уже въ 1864 году. Въ алтарѣ и въ риз-

---

[1]) Преосвященный минскій Варлаамъ, доставившій мнѣ возможность и средства къ обозрѣнію минскихъ храмовъ, обѣщалъ полное свое содѣйствіе къ изданію гравированнаго снимка съ этой иконы. *Примѣч. автора.*

ницѣ собора—все новое. Можно отмѣтить въ алтарѣ икону распятія съ предстоящими Богоматерью, Іоанномъ Богословомъ, Маріею Магдалиною и Логгиномъ сотникомъ, фряжскихъ писемъ конца XVI века. При выходѣ изъ собора, на помостѣ церковномъ, я замѣтилъ каменную надгробную плиту съ какими то надписями, которую слѣдовало бы прибрать къ мѣсту и разобрать.

Свято-Духовскій мужскій монастырь и Вознесенскій женскій—оба недавней постройки и не имѣютъ почти ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ старинной иконы Богородицы вѣка XVII въ женскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Но за то въ Свято-Духовскомъ монастырѣ есть древности, собственно ему не принадлежащія и перенесенныя сюда изъ слуцкаго Троицкаго монастыря. Въ самомъ храмѣ, съ правой стороны, на аналоѣ, помѣщаются три крестика. Изъ нихъ одинъ серебряный, прекрасной работы, можетъ быть отнесенъ къ XV вѣку, другой—къ XVI или XVII, а на третьемъ обозначенъ 1759 годъ. Въ ризницѣ монастыря хранятся слѣдующіе предметы, перенесенные изъ Слуцка: 1) мѣдный тазъ XV—XVI вв., съ готическими латинскими надписями, впрочемъ не хронологическаго содержанія; 2) серебряный позолоченный крестъ, пожертвованный въ 1580 году княземъ Юрьемъ Юрьевичемъ Олельковичемъ; 3) евангеліе въ серебряномъ окладѣ, съ изображеніями на лицевой сторонѣ распятія, четырехъ евангелистовъ и 12 апостоловъ съ орудіями страданій Спасителя. По краямъ досокъ оклада вырѣзана надпись, изъ которой видно, что евангеліе писано было власною рукою князя Юрія Юрьевича Олельковича въ 1582 году и пожертвовано имъ въ слуцкій Троицкій монастырь въ 1584 году. Но въ дѣйствительности рукописнаго евангелія не сохранилось: оно замѣнено печатнымъ евангеліемъ временъ императора Павла, 4) Евангеліе московской печати 1644 года, въ серебряномъ окладѣ, коштомъ и накладомъ справленное, данное и наданное кіевскому Кирилловскому монастырю игуменомъ его іеромонахомъ Варлаамомъ Андреевичемъ Сколыбой; 5) евангеліе московской печати 1657 года, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ; 6) чеканное на бляхѣ изображеніе XVII вѣка; 7) массивная серебряная дарохранительница; 8) малая серебряная дарохранительница; 9) большая серебряная позолоченная чаша (потиръ); 10) эпитрахиль съ вышитыми на ней изображеніями святыхъ, XVII вѣка, и двѣ фелони; 11) поясъ съ серебряными позолоченными изображеніями, 1756 года, архимандрита Давида Нащинскаго, бывшаго нѣкоторое время ректоромъ кіевской академіи; 12) зеркало «року 1783 новембра 3 дня».

Вверху его, между стеклами, вставлено прекрасно вышитое изображеніе св. Николая. Вообще въ ризницѣ монастыря есть прекрасные обращики мѣстныхъ художественныхъ произведеній съ XV по XVIII в.

Въ архіерейскомъ минскомъ домѣ можно отмѣтить портреты преосвященныхъ: 1) Іосифа Сѣмашко въ двоякомъ видѣ, одинъ въ уніатскомъ, а другой въ православномъ костюмѣ; 2) Михаила Голубовскаго и 3) Антонія Зубко.

Въ минской Екатерининской приходской церкви хранятся: рукописный пергаменный октоихъ и чаша 1630 годовъ.

Минская семинарская библіотека составлена изъ разныхъ библіотекъ уніатскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, но мѣстныхъ уніатскихъ изданій заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе, чѣмъ библіотека волынской семинаріи. Въ первой мы нашли довольно рѣдкую брошюру, изданную въ Минскѣ въ 1792 г., подъ заглавіемъ: «Teodozyusz Rostocki, Arcybiskup Kijowski». Есть здѣсь и рукописный отдѣлъ, заключающій въ себѣ до 28 №№ рукописей. Болѣе интересными изъ нихъ намъ показались слѣдующія: 1) Переписка патріарха цареградскаго Іереміи съ тюбингенскими учеными, въ копіи съ печатнаго лейпцигскаго изданія 1758 г.; 2) Житіе Григорія Омиритскаго, XVI в.; 3) Максима Грека бесѣды на евангеліе; 4) Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ и хронографъ XVI вѣка, южно русскаго письма, безъ конца; 5) «Соборникъ» словъ на господскіе и богородичные праздники, XVII в., южно-русскаго письма, и 6) Diarium alumnatûs pontificii Vilnensis, съ 1743 г., въ двухъ томахъ.

II.

Изъ Минска мнѣ привелось ѣхать до Вильны съ компаніей богомольцевъ, изъ мѣстнаго минскаго русскаго мѣщанства и мелкаго чиновничества, отличавшеюся беззавѣтною веселостію.

Въ Вильну прибылъ я ночью съ 23 на 24 іюля, съ субботы на воскресенье, и, пользуясь утреннимъ воскреснымъ богослуженіемъ, старался какъ можно болѣе посѣтить виленскихъ православныхъ церквей и польско-католическихъ костеловъ. Былъ я въ Остробрамской часовнѣ, въ Терезинскомъ костелѣ, въ Свентъянскомъ и каѳедральномъ костелахъ, въ православныхъ Святодуховскомъ и Троицкомъ монастыряхъ, Пречистенскомъ соборѣ и Николаевской церкви, чтобы наглядно видѣть отношеніе польско-католическаго населенія Вильны къ русскому православному населенію. Результаты наблюденія оказались не совсѣмъ утѣшительными для русскаго чувства. Костелы вездѣ

переполнены были молящимися, тогда какъ въ православныхъ церквахъ молящіеся едва занимали половину храма. Въ русскихъ храмахъ вездѣ заведены пѣвческіе хоры; но не мѣшало бы завести общенародное пѣніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней. Въ Терезинскомъ костелѣ мнѣ привелось слышать общенародное, подъ звукъ органа, пѣніе гимна Богородицѣ. Торжественность такого пѣнія не можетъ идти въ сравненіе ни съ какимъ вокальнымъ хоромъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ между поляками и русскими посторонній и случайный наблюдатель едва ли замѣтитъ что либо особенное, кромѣ нѣкоторой холодности и отчужденности. Но, по разсказамъ старожиловъ, въ прежнее время отношенія эти были гораздо острѣе.

Кстати здѣсь можно передать исторію одной «русской поганки», интересную для характеристики отношеній между поляками-католиками и русскими православными. 33 года тому назадъ одна русская женщина, прибывшая въ петроковскую губернію съ солдатами, родила тамъ дочь и затѣмъ оставила ее на произволъ судьбы у одного бѣднаго польскаго крестьянина. Ксендзъ не хотѣлъ ее крестить по католически, опасаясь отвѣтственности, а русскаго священника вблизи не было. Дѣвочка такъ и оставалась некрещеною до 16-лѣтняго возраста и, вмѣсто имени, получила прозвище «русской поганки». А въ качествѣ «русской поганки», она занимала собачій уголъ и питалась чуть ли не собачьей пищею. Это было заброшенное, забитое, неразвитое существо. Но лѣтъ 17-ть тому назадъ въ Ченстоховѣ построена была православная Кирилло-Меѳодіевская церковь и открытъ православный приходъ. Почтенный настоятель и приходской священникъ этой церкви, приводя въ извѣстность составъ и количество своихъ прихожанъ, узналъ стороною, что въ одной гминѣ есть какая то некрещеная «русская поганка», и потребовалъ ее къ себѣ оффиціальнымъ путемъ для совершенія надъ ней крещенія. Вслѣдствіе этого требованія, крестьянинъ-полякъ привезъ дѣвочку къ русскому священнику и покинулъ ее у него. Дѣлать нечего: священнику пришлось не только крестить «русскую поганку», но и содержать у себя, перевоспитывать и пріучать къ честному труду. Теперь ей уже 33 года, и въ ней никакъ нельзя узнать прежней забитой «русской поганки». Честь и слава русскому священнику, явившемуся истиннымъ спасителемъ бѣднаго русскаго ребенка!

Осмотрѣвъ нѣкоторые изъ виленскихъ храмовъ и костеловъ и важнѣйшія ихъ достопримѣчательности, я хотѣлъ было пріобрѣсть у мѣстныхъ фотографовъ нѣсколько фотографическихъ видовъ и сним-

ковъ съ виленскихъ достопримѣчательностей. Къ сожалѣнію, виленскія православныя достопримѣчательности не пользуются вниманіемъ здѣшнихъ фотографовъ, между которыми нѣтъ ни одного русскаго. Былъ одинъ только фотографъ Чеховичъ, который, по своей раздражительности, не имѣлъ терпѣнія снимать фотографіи съ живыхъ людей и потому преимущественно снималъ виды и снимки съ монументальныхъ памятниковъ, не пренебрегая и русскими; но и этотъ фотографъ въ настоящемъ году умеръ.

Изъ виленскихъ книжныхъ магазиновъ и лавокъ лучшими считуются Сыркина, Кинкулькина и Стракуна; но и у нихъ я не могъ найти даже «Виленскаго календаря» на 1887 годъ.

Впрочемъ, книги и изданія, касающіяся Вильны и для меня интересныя, мнѣ удалось получить изъ первоисточниковъ. Высокопреосвященный литовскій Алексій и попечитель виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій приняли меня очень любезно и не только дали возможность осмотрѣть мнѣ находящіяся въ ихъ вѣдѣніи достопримѣчательности Вильны, но и снабдили меня книгами и изданіями. Виленской археографической коммиссіей и виленскимъ учебнымъ округомъ доселѣ издано свыше 40 томовъ. Изъ нихъ для первоначальнаго ознакомленія съ виленскими достопримѣчательностями особенно важны указатель музея, каталогъ публичной библіотеки и описаніе рукописей той же библіотеки. Есть путеводители по Вильнѣ—польскій Киркора и русскій Ф. Добрянскаго, къ которымъ нужно присовокупить также вышедшій въ этомъ году второй выпускъ «Путеводителя по Россіи» Р. С. Попова. Получилъ я также изданія виленскаго статистическаго комитета отъ секретаря его г. Шверубовича.

Отсылая интересующихся Вильною къ путеводителямъ по ней, сдѣлаю только нѣсколько замѣтокъ о видѣнномъ мною въ Вильнѣ. Въ виленскомъ православномъ Николаевскомъ соборѣ я обратилъ особенное вниманіе на шитую плащаницу съ греческими надписями, относимую нѣкоторыми къ XI столѣтію. По моему же мнѣнію, она сдѣлана никакъ не раньше XVI вѣка. Въ Троицкомъ монастырѣ икона Одигитріи, какъ я уже замѣтилъ выше, поновлена въ 1864 г. Изъ древностей въ этомъ монастырѣ почти ничего не осталось: надписи на плитахъ—сравнительно позднія. Но достопочтенный настоятель Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ указалъ мнѣ одинъ надгробный камень съ надписью, недавно найденный имъ въ помостѣ передъ крыльцомъ зданія православной семинаріи. На немъ я предположительно прочелъ слѣдующее: «князь П(етръ) Ивановичъ

Пеструцкій». Надпись можетъ быть отнесена къ XVI или къ началу XVII вѣка. Въ библіотекѣ литовской духовной семинаріи, помѣщающейся въ Троицкомъ монастырѣ, нѣсколько витринъ занято старинными рукописями и печатными изданіями. Есть здѣсь первопечатныя Минеи и Часословъ краковскаго изданія 1491 года, а между рукописями заслуживаетъ вниманія рукописное евангеліе XVI вѣка, съ двумя записями князей Полубенскихъ о раздѣлѣ ихъ имущества, относящимися къ 1604 и 1690 годамъ.

Въ архіерейскомъ домѣ при Николаевскомъ соборѣ находится галлерея портретовъ мѣстныхъ дѣятелей духовнаго сана, составленная покойнымъ литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ Симашкомъ. Здѣсь находятся портреты: *митрополитовъ*: 1) Іосифа Солтана, 2) Ипатія Поцѣя; 3) Іосифа Рутскаго; 4) Льва Кишки; 5) Флоріана Гребницкаго; 6) Аѳанасія Шептицкаго; 7) Феликіана Володковича; 8) Іасона Смогоржевскаго; 9) Ѳеодосія Ростоцкаго; 10) Григорія Кохановича; 11) Ираклія Лисовскаго; 12) Іосафата Булгака; *архіепископовъ*: 13) Іосафата Кунцевича; 14) Мелетія Смотрицкаго; *епископовъ*: 15) Кирилла Терлецкаго; 16) Сильвестра Рудницкаго; 17) Стефана Левинскаго; 18) Антонія Ангелловича, архіепископа львовскаго; 19) Іакова Мартусевича; 20) Адріана Головни; *православныхъ*: 21) Іосифа Сѣмашка; 22) Василія Лужинскаго; *викаріевъ виленскихъ*: 23—27) Платона, Игнатія, Антонія, Михаила и Евсевія; *архимандритовъ, ректоровъ литовской семинаріи:* 28—31) Филарета, Александра, Михаила Шелепина, Антонія Булгака; 32) *протопресвитера* Антонія Тупальскаго, и 33) *протоіерея* Виктора Гомолицкаго. Большая часть ихъ представляетъ изъ себя копіи съ древнѣйшихъ оригиналовъ, хранящихся будто бы въ г. Холмѣ, люблинской губерніи. Къ нимъ нужно присоединить еще портретъ какого то Сапѣги, находящійся въ трипопольскомъ загородномъ архіерейскомъ домѣ.

Было бы непростительно для путешественника быть въ Вильнѣ и не посѣтить здѣшнихъ центральнаго архива, публичной библіотеки и музея древностей. Несмотря на каникулярное время, я посѣтилъ эти учрежденія, благодаря любезности завѣдывающихъ ими лицъ и особенно г. Снитко. Конечно, въ центральномъ архивѣ я не могъ заниматься, по крайней ограниченности времени, какимъ я могъ располагать; но съ публичною библіотекою и музеемъ древностей успѣлъ ознакомиться, хотя и бѣглымъ образомъ. Эти два учрежденія—единственныя въ своемъ родѣ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, прекрасно устроены и содержатся въ отличномъ порядкѣ. Въ библіо-

текѣ числится до 70,000 названій книгъ и свыше 100,000 томовъ; рукописей насчитывается свыше 1,000 номеровъ. Въ читальной залѣ библіотеки, въ витринахъ, выставлены древнія рукописи и наиболѣе рѣдкія и интересныя старопечатныя изданія. Между рукописями отмѣтимъ: туровское евангеліе XI в., отрывки изъ Супрасльской рукописи и недавно поступившую изъ Супрасльскаго монастыря пергаменную рукопись св. Григорія Бесѣдовника, XIV вѣка. Въ числѣ старопечатныхъ книгъ выложены почти всѣ первопечатныя книги мѣстныхъ типографій сѣверо-западнаго края: виленской, евейской, заблудовской, кутеинской и др., начиная съ апостола виленской печати 1525 года, и находится единственный доселѣ сохранившійся отрывокъ изъ книги о новомъ календарѣ, напечатанной въ Римѣ въ 1596 году. Музей древностей главнымъ образомъ наполненъ первобытными древностями изъ коллекцій графа Тышкевича; но такъ какъ не указаны ихъ мѣстонахожденія и условія находки, то древности эти не имѣютъ почти никакого научнаго значенія. Затѣмъ, сравнительною величиною отличается коллекція монетъ разнаго рода; но собственно литовскихъ монетъ—только три! Изъ отдѣльныхъ предметовъ музея болѣе интересными, для изученія края, мнѣ показались слѣдующіе: нѣсколько статуетокъ, принимаемыхъ за идоловъ литовскихъ и славянскихъ; коллекція кирпичей изъ древнихъ построекъ; образцы голосниковъ изъ остатковъ гродненской коложанской церкви XII в.; бронзовый кувшинъ въ формѣ всадника, вѣроятно служившій умывальникомъ въ той же церкви и найденный подъ ея поломъ; колоколъ съ надписью 1320 года, изъ Троицкаго костела въ селѣ Неводницѣ, гродненской губерніи, бѣлостокскаго уѣзда, указывающій на существованіе здѣсь, въ началѣ XIV вѣка, Троицкой православной церкви, и проч.

Вообще въ Вильнѣ есть чему поучиться заѣзжему путешественнику. Несмотря на то, что въ городѣ нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, мѣстная русская интеллигенція много работаетъ для исторіи города и края и успѣла сдѣлать многое, такъ что мнѣ лично привелось больше собирать мѣстныя изданія по исторіи города и края, чѣмъ самому непосредственно изучать ихъ. Многоуважаемый попечитель округа Н. А. Сергіевскій, руководя непосредственно изданіями виленской археографической коммиссіи и учебнаго округа, въ то же время оказываетъ покровительство и поддержку и предпріятіямъ частныхъ лицъ по изученію края. Такъ напр., имъ оказано пособіе автору и издателю книжки объ «Островоротной

иконѣ Богородицы» и поощряется составленіе предпринятой преподавателемъ виленскаго реальнаго училища Брянцевымъ Исторіи Литвы. Инспекторъ литовской духовной семинаріи І. В. Щербицкій въ настоящее время приготовляетъ для напечатанія въ изданіяхъ виленской археографической коммиссіи извлеченія изъ рукописей жировицкаго духовнаго училища, между которыми, по словамъ г. Щербицкаго, наиболѣе заслуживаютъ вниманія визитаціи уніатскихъ монастырей и церквей и переписка нѣкоторыхъ видныхъ уніатовъ между собою.

Есть въ Вильнѣ еще одинъ почтенный и безкорыстный дѣятель по разработкѣ мѣстной исторіи, это—преподаватель первой виленской мужской гимназіи, художникъ В. В. Грязновъ. Онъ на свои небогатыя средства дѣлаетъ поѣздки въ разныя мѣста сѣверо-западнаго края, разыскиваетъ древніе памятники русской народности и православія и дѣлаетъ съ нихъ акварельные виды и снимки. Услугами его частію уже воспользовался П. Н. Батюшковъ въ своихъ «Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Кромѣ того, нѣкоторые его снимки съ мѣстно чтимыхъ иконъ изданы въ «Виленскомъ календарѣ на 1887 годъ». Но за всѣмъ тѣмъ, въ портфелѣ В. В. Грязнова накопилось еще значительное количество акварелей съ древнихъ памятниковъ русской народности и православія въ краѣ, которыя слѣдовало бы издать, но не въ Вильнѣ, гдѣ собственно нѣтъ и техническихъ средствъ къ художественному воспроизеденію этихъ акварелей. Изъ портфеля многоуважаемаго В. В. Грязнова мы отмѣтили для себя, какъ болѣе интересныя, слѣдующія акварели: 1) Новогрудская церковь будто бы временъ Ярослава I и остатки Новогрудскаго замка; 2) разрѣзъ развалинъ Коложанской гродненской церкви XII в., 3) бронзовый кувшинъ-умывальникъ изъ той же церкви; 4) Трокскій замокъ въ большомъ и маломъ видѣ. Говорятъ, что въ этомъ замкѣ сохранились остатки фресокъ, между которыми уцѣлѣло изображеніе суда Соломона по спору о младенцѣ между двумя женщинами; 5) Супрасльскій Благовѣщенскій соборъ 1503 года; 6) Михайловская церковь въ с. Сынковичахъ слонимскаго уѣзда гродненской губерніи въ готическомъ стилѣ. Она нѣсколько напоминаетъ собою церковь въ м. Коднѣ, сѣдлецкой губерніи; 7) иконы Богородицы: минская Остробрамская, виленская, Троицкая, жировицкая, супрасльская и Коложанская; 8) заставки и иниціалы изъ древнихъ рукописей, преимущественно пергаменныхъ.

Въ Вильнѣ я былъ два раза: съ 24 по 27 іюля, и съ 31 іюля по 1-е августа—всего около 6-ти сутокъ. **Н. Петровъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

Бѣлорусскія колядки.

Бѣлорусскій край—захолустный край, лежащій въ дебряхъ лѣсовъ и пинскихъ болотъ, долгое время удаленъ былъ отъ вліянія цивилизаціи, и потому сохранилъ такія первобытныя черты народнаго міровоззрѣнія, которыя должны заинтересовать всякаго, кто глубже вникаетъ въ особенности, обособляющія данное племя въ извѣстный этнографическій типъ. Для насъ эти черты тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что онѣ выясняютъ намъ древнюю духовную жизнь русскаго племени, о которой письменные памятники сохранили такъ мало указаній. Съ этой стороны праздникъ Рождества Христова и соединенныя съ нимъ въ Бѣлоруссіи обрядности, повѣрья, гаданья, примѣты, колядки, щедровки и народныя игрища представляютъ богатый матеріалъ для объясненія народныхъ вѣрованій и тѣхъ поэтическихъ мотивовъ, которые лежатъ въ основѣ обожанія и олицетворенія природы и первобытнаго взгляда на семейную, родовую и общественную жизнь.

Относительно бѣлорусскихъ колядокъ, обрядностей и повѣрій, сопровождающихъ Рождественскіе праздники, должно сказать, что онѣ имѣютъ чрезвычайно большое сходство съ малорусскими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣлорусскія обрядности и повѣрья имѣютъ большую ясность и миѳическую прозрачность, чѣмъ малорусскія, бѣлорусскія же игрища напоминаютъ тѣ игрища *межю селы*, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ. Что касается бѣлорусскихъ колядокъ и щедровокъ, то здѣсь замѣчается почти буквальное сходство ихъ съ малорусскими, кромѣ тѣхъ разумѣется, колядокъ, которыя развились въ позднѣйшую историческую эпоху, какъ напримѣръ, малорусскія колядки, говорящія о войнѣ козаковъ съ татарами и турками. Чѣмъ объясняется такое сходство, племеннымъ ли родствомъ, или культурнымъ вліяніемъ южнорусскаго племени на бѣлорусское, въ особенности въ древній періодъ русской исторіи—рѣшить пока трудно. Во всякомъ случаѣ есть факты, которые говорятъ за то, что мотивы многихъ бѣлорусскихъ колядокъ заимствованы изъ Малороссіи.

Основной народный смыслъ праздника Рождества Христова въ Бѣлоруссіи удерживается такой же, какъ и въ Малороссіи: это по преимуществу праздникъ въ честь рожденія солнца (по народно-миѳическимъ воззрѣніямъ), а слѣдовательно, и астрономическаго начала года,—въ честь «рода» и умершихъ родственниковъ. Съ началомъ года естественно соединяются примѣты и гаданія о томъ, каковъ бу-

детъ цѣлый годъ въ хозяйственномъ отношеніи. Молодежь, въ особенности дѣвушки гадаютъ о томъ, что составляетъ самое важное въ ихъ жизни, именно, гадаютъ о суженомъ.

Въ Бѣлоруссіи праздникъ Рождества Хр. носитъ слѣдующія названія: «коляды, Рожствя́ные, или Ры́жтванные святки». (Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западн. края П. Шейна, Спб. 1887 г., стр. 37). *Коляды*—это общее названіе для совокупности праздниковъ отъ 25-го декабря по 7-е января. Бѣлоруссъ въ особенности празднуетъ слѣдующіе выдающіеся дни «рыжтьвяныхъ святокъ»: 1) «кутьтю», 2) «Ражтво». 3) «быгатью» или «товстую кыляду», 4) Васильля, 5) «галодныю кыляду» и 6) «Кщеньня». (Бѣлорусскія пѣсни—П. Шейна, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. V. Спб. 1873 г. стр. 323). Послѣдній день передъ праздникомъ называется «куццею» отъ кушанья, которое приготовляется въ сочельникъ Рождества Хр., въ сочельникъ Крещенія и въ канунъ Новаго года. При этомъ берутъ ячменную крупу («груцу») и стараются насыпать во всѣ три раза въ горшокъ равномѣрно, и замѣчаютъ, которая кутья выростетъ больше, то такой будетъ и урожай ячменя: если первая, то хорошъ будетъ ранній урожай; если вторая, то хорошъ будетъ средній урожай, и т. д. Подъ кутью постилается сѣно, которое приноситъ самъ хозяинъ, или же дается слѣдующій любопытный совѣтъ: «Пошли по сѣна хлопца, который заўсёды волы пасе, то хоць ёнъ и загубиць волы по лѣту, то шукаць ихъ не треба, сами придуць, затымъ што ёнъ принесъ сѣно на куццю; коли хочешь, кабъ у цябе рано квактали кури, то привяжи бѣлый хвартукъ, возьми зъ печи куццю хвартухомъ на покуццѣ, и квакчи, якъ курица дзевяць разъ «кво, кво, кво»... да и нарови, кабъ схвацпць кого нибудь за чубъ: то у цябе будуць чубатыя куреняты». (Матер. Шейна, 46). Кутья обыкновенно ставится на сѣнѣ въ «покуць». Вечеромъ, когда взойдетъ первая звѣзда, старинная бѣлорусская обрядность требовала, чтобы хозяинъ обносилъ кутью три раза вокругъ хаты, «да и трэба, кабъ стукаў ў вокно, а женчина нехай пытаецца зъ хаты: хто тамъ стукае? господарь скаже: самъ Богъ стукуняе! А якъ постукае ў тэе окно, што супроцивъ печи, то господаръ откаже жонцѣ: самъ Богъ стукуняе зъ теплую мокрою весною, съ горачимъ небурливымъ лѣтомъ, съ сухою и корыстною осенью,— а жонка повинна отказать: просимо̆жъ до хаты». Обыкновенно столъ состоитъ изъ разныхъ постныхъ блюдъ, иногда же подаются лепешки и блины, такъ какъ этотъ день есть вмѣстѣ и день поминовенія

умершихъ родствеенниковъ; кутья же подается въ заключенье. Хозяинъ, помолившись Богу, наливаетъ первую рюмку, изъ которой немного проливаетъ на скатерть, равно какъ это дѣлается и съ жидкой пищей и кутьей; это устраивается въ честь умершихъ родственниковъ. Хозяинъ, прежде чѣмъ выпить, обращается къ хозяйкѣ и присутствующимъ съ такимъ пожеланіемъ: «Бывайця здоровы! Дай Богъ, кабъ на другой рокъ приждали ў щасьцця, ў доли и ўсякой добруй помысносьци; кабъ живы и здоровы были, кабъ разомъ святую куццю спраўляли; бывайця здоровы!» Кутья сладкая послѣднее заключительное блюдо. Интересно, что первая ложка предназначается какъ жертва для мороза; при этомъ отворяютъ окно и призываютъ морозъ съ заклинаніями; иногда же стучатъ въ стѣну и говорятъ: «Морозъ, морозъ. ходзи куцци ѣсьци! штобъ ты не морозіў ячменю, пшаницы, гороху, сочевицы, просо и гречки и ўсяго, што мнѣ Богъ судзиць посѣяць». Хозяйка обыкновенно стучитъ въ то окно, которое противъ печи, и говоритъ: «Морозъ, морозъ, ходзи куцци ѣсьци; Штобъ ты не морозіў расады, гуркоў, гарбузоў, моркви и буракоў и ўсяго того, што мнѣ Богъ судзиць посадзиць и посѣяць». Послѣ ужина хозяинъ садится на «покуци», а жена насупротивъ его и спрашиваетъ у него: «чи бачишь ты мене? онъ отвѣчаетъ: не бачу! Тогда жена выражаетъ слѣдующее пожеланіе: «кабъ же ты не бачіў за стогами, за возами, за снопами свѣту!» (Матеріалы—Шейна, 37—55). Обращеніе— «чи бачишь ты мене?» предлагаютъ и предъ богагой кутьей.

Затѣмъ съ кутьей въ Бѣлоруссіи соединяются всякія примѣты и гаданья. Примѣты относятся къ категоріи *почина,* когда по случайному признаку въ началѣ года желаютъ судить, каковъ будетъ цѣлый годъ [1]). Крестьяне гадаютъ о томъ, что составляетъ главный предметъ ихъ заботъ: о погодѣ и естественномъ ея вліяніи на урожай, о хозяйствѣ. Бѣлоруссы наблюдаютъ слѣдующее: «если *стежка* будетъ черна, то будетъ урожай на гречиху; если день Рождества Хр. ясный, то будетъ неурожайный годъ, а если пасмурный и снѣгъ идетъ— урожай; если предъ праздникомъ Рождества Хр. морозъ и вьюга, то предъ праздникомъ Воскресенія Хр. будетъ тепло и тихо. (Мат. Шейна, 55). Звѣздное небо означаетъ, что хороши будутъ рои пчелъ. Вытягиваютъ, на богатую кутью, изъ-подъ скатерти соломину и по длинѣ ея узнаютъ, каковъ будетъ урожай льна. Не принято лишь въ дни *колядъ* и вообще

---

[1]) Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок. А. Потебни. Русск. Фил. В. 1884 г. 63—64.

рубить, а то по народному повѣрью у родившихся послѣ Новаго года дѣтей или домашнихъ животныхъ будутъ повреждены члены или зашиты наружныя отверстія (Мат. Шейна 43 и 51). Народъ думаетъ «что самъ Богъ ходитъ въ то время по землѣ и наблюдаетъ, кто работаетъ и кто не работаетъ; неработающему посылаетъ счастье, здоровье, богатство» (Ibid. 54).

Канунъ Новаго года называется богатой куццею, жирною куццею, щедрухою. Богатой и жирной называется потому, что въ это время приготовляются скоромныя кушанья, а щедрухой называется отъ распѣваемыхъ въ этотъ вечеръ пѣсенъ-щедровокъ. Въ самый день Новаго года хозяинъ исполняетъ слѣдующій знаменательный обрядъ: онъ «встаетъ довольно рано, и осмотрѣвъ свое хозяйство, набираетъ въ миску какихъ-либо хлѣбныхъ зеренъ, обходитъ всѣ свои строенія и горстью бросаетъ зерна въ разныя стороны, для того, чтобы былъ такой урожай хлѣба, которымъ можно было бы наполнить всѣ эти помѣщенія». (Мат. Шейна, 52). Въ этотъ вечеръ *ходятъ съ козою.* Пѣсни, которыя при этомъ поются, рѣшительно даютъ права заключать, что коза здѣсь представляетъ какое то миѳическое существо, въ родѣ Велеса—скотьяго бога.—Въ Крещенскій сочельникъ (голодную куццю) *записываютъ коляду.* Обрядность эта состоитъ въ томъ, что хозяинъ беретъ мѣлъ и ставитъ кресты на дверяхъ дома, конюшни; дѣлается это противъ домовыхъ. Иногда же на дверяхъ рисуются коровы, утки и конь съ всадникомъ. На конѣ этомъ, говорятъ, *«коляда ѣдетъ далѣе»*. (Мат. Шейна, 38—39 и 48). Въ день Крещенія собираютъ освященную воду изъ 7 іорданей; этою водой окропляютъ ульи съ пчелами, что имѣетъ для нихъ благодѣтельную силу (Пѣсни Шейна, 325). Въ день Рождества Хр. отправляются въ церковь на молодыхъ невыѣзженныхъ лошадяхъ—обычай выѣзжать молодую скотину съ начала года (Мат. Шейна, 54).

Наканунѣ Новаго года въ Бѣлоруссіи дѣвушки гадаютъ о суженомъ. Способы гаданья здѣсь слѣдующіе: на *сметнику* слушаютъ, откуда лаетъ собака, подъ окномъ слушаютъ, ходятъ въ хлѣвы и ловятъ овцу: если попадутъ барана, значитъ—выйдутъ замужъ; заставляютъ пѣтуха ѣсть счетныя зерна; воруютъ полѣнья и считаютъ, есть ли *до пары*; заставляютъ собаку хватать булочки, что напоминаетъ гаданья въ Малороссіи наканунѣ Андрея Первозваннаго.

Если сопоставимъ бѣлорусскія обрядности *колядъ* и повѣрья, соединяемыя съ ними, съ подобными же обрядностями малорусскими, описанными П. П. Чубинскимъ (въ Труд. этн.-стат. эксп. т. III,

стр. 3—4 и 272—265), то замѣтимъ поразительное сходство между ними: то же значеніе *кутьи*, тѣ же примѣты и гаданія, то же *посѣваніе* и то же значеніе іорданской воды.

Къ особенностямъ бѣлорусскихъ Рождественскихъ праздниковъ относятся праздничныя игрища, которыя имѣютъ соотношеніе къ гаданьямъ о суженомъ. Здѣсь болѣе замѣчательны слѣдующія игры: женитьба *Цярэшки*, *ящеръ и чортъ*. Женитьба Цярэшки—игра съ вакхическимъ характеромъ; она представляетъ примѣрную свадьбу нѣсколькихъ паръ. Происходитъ она въ день Рождества Хр. или Новаго года. Мѣстомъ игры обыкновенно бываетъ корчма. Выбирается «бацька зъ маткэй»; подбираются же пары слѣдующимъ образомъ: каждый парень или силой захватываетъ намѣченную имъ дѣвушку, или же подходитъ къ ней съ любезностью и надѣваетъ ей шапку. Если дѣвушка согласна быть съ нимъ въ парѣ, то она остается въ шапкѣ и садится за столъ. Тутъ начинается угощеніе и всяческія любезности. Къ концу вечера, «если на *бацьку зъ маткэй* нападаетъ ужъ особенно сильный жартъ, то послѣ обычнаго благословенія они прибавляютъ иной парѣ и слѣдующее: «Биражи, зяцёкъ, нашу дочушку, йна у насъ одна,—ни бидна, ты жъ цяперъ ўзяў іе и спи зъ дочкой» (Мат. Шейна, 101). Здѣсь, конечно, бываютъ жертвы, хотя многія пары такъ ужъ и смотрятъ на себя, какъ на мужа и жену, и дѣлаются ими законнымъ образомъ, въ дѣйствительности. Пѣсня также характеризуетъ эту игру:

„Цярэшка, бида стала.—
Съ кимъ яго жена спала!
Ой, подъ гаемъ зиляненькимъ,
Ци ня съ казакомъ молодзенькимъ?
Ой, гожая, пригожая
Зробила нягожая! (Мат. Шейна, 101, № 107).

Въ день Рождества Хр. въ Бѣлоруссіи распѣваются *колядки*; онѣ поются и въ слѣдующіе дни праздниковъ до Новаго года; въ канунъ же Новаго года поются *щедровки*. Обычай пѣть колядки и щедровки сохраняется только въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, среди же великорусскаго племени онъ давно уже исчезъ. Разборъ содержанія колядокъ и щедровокъ, ихъ миѳической и бытовой основы сдѣланъ уже въ замѣчательномъ изслѣдованіи профессора А. Потебни («Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок». Русскій Филолог. Вѣстн. за 1884, 1885, 1886 и 1887 гг.). Я намѣренъ только коснуться болѣе выдающихся бѣлорусскихъ колядокъ и щедровокъ и указать на ихъ соотношеніе съ малорусскими.

Величальныя бѣлорусскія и малорусскія колядки представляютъ миѳическую основу, какъ напр. слѣдующая бѣлорус. колядка, представляющая солнце, мѣсяцъ и звѣзды небесной семьей:

„Господарскій дворъ
На семи столбахъ.
Столбы тоценые,
Позолоценые.
А на самомъ дворѣ
Стояць три церема.
Какъ во первомъ церему
Усѣло солнышко,
Въ другомъ церему—
Свѣцелъ мѣсяцъ.
А во трецьемъ церему—
Цисты звѣздушки.
Цепло солнышко—
Хозяюшка въ дому,
Цеплый мѣсяцъ—
То хозяинъ самъ,
Цасты звѣздушки—
Малы дзѣтушки“.

(Записки, т. V. Пѣсни Шейна, 339).

Подобное же воззрѣніе мы встрѣчаемъ въ малор. щедровкѣ (Чуб. III, 463, 25), которая по началу представляетъ большое сходство съ приведенною бѣлор. колядкою. Въ слѣдующей малорусской колядкѣ небесныя свѣтила берутся, какъ сравненіе:

„Що на неби мисяць—
Да то нашъ господарь;
А на неби зирочки—
Да то его диточкы;
А на неби зирочка—
Да то его жиночка“. (Чуб. III, 430, № 170)

Такъ же распространенный мотивъ какъ бѣлор., такъ и малор. колядокъ, гдѣ свѣтила являются въ церкви. Привожу бѣлор. колядку:

„Е Прачиста Маци церкоу будовала
Радуйся, радуйся, зямля! Сынъ Божи народзіуси!
Ена будовала изъ трэма окнами,
Изъ трема окнами, изъ четырма верхами:
Е у однэ окенцэ—ясно слонцэ свѣциць,
Е у другэ окенцэ—ясенъ мѣсицъ свѣциць,
Е у трейцэ окенцэ—дробны дождзикъ сяче,
А изъ того дождзику зробиласа рэчка,
А изъ рэчки зробилосо море:
Е на туомъ же мори три корабли плыли:
Ой одзинъ корабель—самъ панъ господарь,
Ой другій корабель—дай жана яго,
Ой трейци корабель—да яго дзѣтки“.

(Мат. Шейна, 59 № 39).

Въ другомъ варіантѣ бѣлор. пѣсни, съ подобнымъ же содержаніемъ, прибавляется, что въ третье окно соловей влетѣлъ, на престолѣ сѣлъ, слезку уронилъ; изъ той слезки потекла рѣка, на рѣкѣ челнокъ; въ томъ челнокѣ Марцинка сидитъ, стружечки стружетъ, въ пучечки вяжетъ и на Дунай пускаетъ, приговаривая: «Плувице, стрѣлачки, до мое дзѣвочки». (Ibid. 86, № 86). Малорусская колядка, № 172 (Чуб. III), представляетъ буквальное сходство съ бѣлорусскою;

только конецъ ея видоизмѣняется такъ: красный паничъ Михайлонько свои кудерки чеше, на Дунай несе, чтобъ ихъ мать зачерпнула и сына вспомянула. Еще поэтичнѣе представляется слѣдующая колядка (относящаяся къ тому же разряду), въ которой дѣвушка говоритъ съ милымъ, приплывающимъ къ ней въ видѣ гоголя:

„На туи̑мъ Дунаю хицькіи кладки.
Ой тамъ Улитка пшеныцю мила,
Зъ гоголемъ говорила:
Гоголю, гоголю, приплывы къ берегу,
Хорошенько вряжу:
Твои крилечки шовкомъ обовъю,
Твои ну̑женьки злотомъ обкую",
(Чуб. III, 306, № 38 Б.).

Въ слѣдующей малорусской колядкѣ яснѣе поставлены свойства небесныхъ гостей:

„Пане господару, вставай съ постели,
Вставай съ постели, видчыняй двери,
Бо йде до тебе тры гостонькы:
Іденъ гостонько—ясный мисяць,
Другый гостонько—дрибенъ дощыкъ,
„Ясный мисяцю, чимъ ся похвалышъ"?
— Якъ я зійду рано зъ вечора,
Та просвитю горы й долыны,
То зрадуеться весь звиръ у поли,
А гисть при дорози.
Якъ зійде ясне сонечко рано въ недилю,
То зрадуеться весь мыръ хрыстыяньскый
Ще й диткы маленькы.
„Дробенъ дощыку, чымъ ся похвалышъ?"
— Якъ я зійду тры разы въ маю,
То буде росты жыто й пщеныця,
Жыто й пшеныця, всяка пашныця". (Чуб. III, 453, 17).

Олицетвореніе праздниковъ также обычно какъ въ бѣлор., такъ и малор. колядкахъ, напр.

У пана у Игната да въ яго дворѣ,
Радуйся, Тройца, Сынъ Божій народився!
Три свѣчи горѣли, три святыхъ сядѣли:
Первое свято,—Святоя Рожество,
А другоя свято,—Святая Василля,
Треттяе свято,—да Йванъ Краститель.
Рожество пришло,—намъ радысть принесло,
Василля пришла—Новы годъ принясла,
Иванъ Краститель—воду парахристя.
Воду пярахристя зылотымъ крастомъ". (Мат. Шейна. 81, № 77).

Такія же колядки очень распространены и въ Малороссіи (Чуб. III, № 67, 80 и 88). Содержаніе многихъ колядокъ имѣетъ соотношеніе къ свадебнымъ пѣснямъ; такова, напр. колядка:

„О красна, красна, калина у лузѣ,
Святы вечаръ!
А краснѣй того Марья у татка:
По двору ходзила,—увесь дворъ красила...
До церкви ушла, якъ зара узошла“.

(Мат. Шейна. 78, 73).

Одна изъ колядокъ изображаетъ, что *славный паничокъ три листы* пишетъ до царевны-королевны, а она ему отписуетъ: «Коней не томи, людзей не турбуй, якъ придзе пора прiѣду и сама». (Мат. Шейна. 77 № 70). Съ нею сходна слѣдующая малор. колядка которая, впрочемъ, обильнѣе поэтическимъ содержанiемъ, напр.

„Ни свитъ, ни зора занимаеться,—
Молодый Васыль прыбираеться
На королевскiй двиръ королывну сватать.
Одказала жъ ему да королывна:
— „Не iдь (до) мене, не сватай мене,
Я къ тоби да сама прибуду
Рано въ недилю,
Черезъ чыстее поле темною хмаркою,
Черезъ сынее море сирою уткою,
Надъ твоимъ дворцомъ дрибненькымъ дощомъ,
Въ сини ввiйду ясною зорою,
А въ хату ввiйду ясною свичкою,
За столомъ сяду пышною панною“.

(Чуб. III, 282, 6).

Къ свадьбѣ имѣютъ отношенiе колядки, изображающiя дѣвицу, которая на рѣчкѣ у Кiева перевозъ держитъ; за перевозъ ей даютъ вѣнокъ и перстень: вѣнокъ для вѣнчанья, перстень для заручення (Мат. Шейна. 67 № 54, 84, № 54. Чуб. III, 313 № 43 и 316, № 45). Сюда же относятся и тѣ колядки, которыя изображаютъ дѣвицу собирающею золотую росу для вѣнка и перстня (здѣсь же образъ миѳическаго кузнеца Мат. Шейна, 87, № 88. Чуб. III, 471, № 40).

Многiя колядки оканчиваются благожеланiями, которыя большею частью относятся къ урожаю, въ родѣ слѣдующаго: «Роды, Боже, жыто, пшеныцю, всяку пашныцю. А намъ, дядьку, дай паляныцю». (Чуб. III, 455, № 21). Съ особенною силою эти пожеланiя выражаются въ обрядѣ съ *козой*, о которой причитается: «Гдзѣ козелъ ходзиць, тамъ жито родзиць, гдзѣ козелъ ступою, тамъ жито копою; гдзѣ козелъ рогомъ, тамъ жито стогомъ». (Мат. Шейна. 98, № 99; Чуб. III, 265 № 1, 268, № 2). Подъ козломъ здѣсь несомнѣнно разумѣется

миѳическое существо Волосъ—скотій богъ, что доказываетъ позднѣйшая замѣна въ слѣдующей малорусской колядкѣ:

„А въ поли, поли
Плужокъ ходыть;
А за тымъ плужкомъ
Самъ Богъ изъ рожкомъ...“ (Чуб. III, 428, № 161).

Хр. Ящуржинскій.

Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ.

Осипъ Михайловичъ Гладкій давно уже сдѣлался народнымъ героемъ и разсказы объ немъ мало по малу теряютъ историческую почву и дѣлаются достояніемъ досужей фантазіи народа, при чемъ весьма интересно прослѣдить, какъ разсказы эти по мѣрѣ отдаленія отъ мѣста рожденія нашего героя, уклоняются отъ правды и дѣйствительности. Поэтому намъ кажется, что возникшія въ свое время между родственниками Гладкого и редакціей «Русской Старины» препирательства изъ за нѣкоторыхъ подробностей, напечатанныхъ въ этомъ почтенномъ журналѣ, относительно жизни и подвиговъ новаго малорусскаго герая, не могутъ удержать насъ отъ обнародованья всего того, что намъ самымъ посчасливилось услышать изъ устъ народа.—Затѣмъ такъ какъ всѣ эти разсказы мы слышали по малорусски, то и передаемъ ихъ на этомъ языкѣ, какъ они нами въ свое время были записаны.

Ще за мою намьять,—разсказывала мнѣ одна мелкопомѣстная дворянка Т. Д., жительница села Д. золотоношскаго уѣзда,—бувъ у сели Мельникахъ, нашого такы повиту, головою Мыхайло Гладкый изъ Крутьковъ, дуже зажыточный чоловикъ, а якъ умеръ, то зосталося писля его два сына. Менчый Іосыпъ ожинывся такы въ Мелныкахъ и швыдко перевивъ усю батькивщыну, бо бувъ страшенный пьяныця. Бувало якъ пріиде до насъ въ Д..., то заразъ до свого пріятеля Семена Джуры (по ревызіи Хоменка), та такъ напьеться, що якъ колода лежыть пьяный на улыци. Отъ покынувшы жинку и четверо дитокъ, вырядывся винъ на заробиткы до моря, гай опынывся въ Одеси и почавъ тамъ бондаруваты, а потимъ нанявся до якогось пана на село, та тамъ и злюбывся зъ горнычною. Дійшло дило до винця. Тилькы пипъ не дурный бувъ и не схотивъ винчаты безъ свидетельства, а дали хтось напысавъ у Мелныкы, покы жъ звидтиля одпысала жинка, то нашъ Іосыпъ опынывся ажъ у Керчи. Тутъ его и піймалы Некрасовци, а атаманъ ихъ узявъ ёго за хлопця до себе. Потимъ отаманъ дуже занедужавъ и Іосыпъ доглядавъ ёго, якъ ридного батька, а дали отаманъ, умираючы, заговорывъ его одъ кули и наказувавъ своимъ, щобъ назначылы его отаманомъ. Некрасовци послухалы и наставылы Гладкого ота-

маномъ. Тоди, якъ разъ, султанъ воёвавъ зъ молдаванамы и потребувавъ одъ Іосыпа війска. Той послухавъ и побидывъ. Султанъ хотивъ его наградыты, а винъ ніякои награды не схотивъ, а прохавъ тилькы незавысымосты (sic) одъ обчества, щобъ самъ султанъ его назначывъ. Той послухавъ и назвавъ его двубунчужнымъ пашею, а тутъ султанъ якъ разъ почавъ войну зъ руськымъ царемъ и зновъ потребувавъ війська. Гладкый одвичавъ, що самъ выбере, та пріихавшы до своихъ, пидмовывъ передатьея руському царю, а тихъ, що не послухалы, поспыхавъ у воду. Потимъ явився винъ до генорала Красовського и требувавъ, щобъ ёго допустылы до царя. Его допустылы, а винъ и обыцявся узять Сылистрію безъ урону людей. Якъ взялы жъ Сылистрію, то царь и спытавъ Гладкого, звидкиля винъ, а Гладкій усе чысто розказавъ ему по правди, и те, що винъ безпачпортный, не сказавъ тилькы того, що винъ уже жонатый. Царь наградывъ его и зробывъ полковныкомъ. Писля того Гладкый заразъ напысавъ до жинкы, а та бидна дуже бидувала безъ чоловика, жывучы у велыкій бидносты, неразъ іи и въ гапу (колодка) сажалы за неоплаткы, водылы босу по морозу, а разъ одвалылы комору одъ хаты и продалы. Ходыла вона бидна и на заробиткы, а одного сына наняла у наймы въ село Устымовку херсоньскои губерни.

Прыславъ Гладкый дочкамъ по платку и грошей, а тымъ часомъ справныкъ (тоди у насъ справныкомъ бувъ Васыль Осыповычъ Товбычъ) пославъ до неи голову и козакивъ. Ти якъ прыйшлы, то заразъ ныженько вклонылысь ій и шапкы поздіймалы, а голова хотивъ оддать десять червинцивъ. Перелякалы чысто бидну бабу, бо мыслыла вона, що іи дурять и остатну копійку хотять выдурыть.

Проте пысьмо, що давъ голова, узяла и понесла до священныка, та и пысьму не дала виры, та вже справныку повирыла. Самъ Гладкый поихавъ въ Питенбурхъ ажъ до царя и на цей разъ, якъ почавъ его царь роспытуваты, чомъ винъ не прызнався, що вже жонатый, то винъ сказавъ, що побоявся тоди правду сказаты. Царь давъ ему потомственне дворянство, а винъ и брату тежъ выпрохавъ. А якъ прыихавъ до дому, то навизъ дочкамъ подаркивъ, а тимъ часомъ и сына Васыля повернулы зъ наймивъ и оддалы въ науку до золотоношського смотрителя, а меньчынького Демьяна въ пажескій корпусъ. Дочка Олена у насъ (у разсказчицы и ея сестры) научылась грамоти, а потимъ оддалы іи въ Катерынославъ въ училыще и выйшла вона, якъ вже обучылась, за майора Пысаренка.

Гладкый и до насъ прыиздывъ. Прыихавъ такымъ гоноралом, а якъ выйшовъ у горныци, той пытае по простому: „Чы пизнаете мене, я той самый Іосыпъ, що у вашого Семена пьяный пидъ тыномъ ночувавъ?"... А потимъ и почавъ розказувать, якъ винъ азовськымы чорноморцямы камандувавъ, такъ одынъ смихъ тай годи було слухать. „Військо—крычу я имъ—на чотыры шматкы порвысь!" А скурвыны сыны ажъ на пьять порвалысь.—„А той пьятый по тимъ шматкомъ сховайся!" Не було жъ ему вдачи зъ тымы чорноморцямы. Якъ не мурдувався, а воны такы збунтувалысь, тоди винъ выйшовъ изъ службы и купывъ соби меніе въ херсонській губерни, а до насъ прыиздывъ уже геноралом купувать людей.—Зъ жинкой чыста була кумедія. Отто якъ прыихала вона до насъ зъ дочкою, мы и подалы ій кохвыю, а вона взяла въ рукы тай каже: „Бувайте здорови!" Мы іи й пытаемо де та грамота, що царь давъ на дворянство, а вона намъ: „Нехай же, каже,—якъ сама получу, то й покажу"... А потимъ и почала розказуваты, що теперъ іи чоловикъ усе видмосты, та мазепы чытае!"...

А вотъ и другой разсказъ про Гладкого, записанный нами со словъ 120-лѣтняго старика Марка Костенка или Мостоваго — по уличному. Онъ и теперь еще живъ и много интереснаго приходилось намъ отъ него слышать.

Зазнаю я ще запорожську церкву у Катерынославі. Дуже гарна, у девьять бань була вона, а въ ней бувъ тоненькый, якъ солома, хрестыкъ у палець не бильше, а освищавъ той хрестыкъ у ночи всю церкву—хочъ голкы збырай.

Потимъ бралы ото Шумлу. Бралы, бралы, та ничого не подіють. Запорожець и каже царю, що въ тры часы Шумлу визьме. Отъ запорожець прокопавъ ривъ, пустывъ въ его воду, та зъ другого боку ззаду и війшлы въ Шумлу.

— Се вы про Гладкого розказуете, диду!?...

— Про Гладкого, про Гладкого!...

— Винъ же зъ золотоношського повиту...

— Знаю, знаю!...

У насъ той Гладкый не схотивъ обидаты у Тоцького, а дали поихавъ у Золотоношу. Такъ ни городнычый, и нихто не знавъ, що воно за птыця. Одначе по выду взналы, шо шось важне, и пытають, шо ёму треба, де ёму кватыру одвесты. А винъ и каже, шо у такои то жинкы. Здывувалысь уси, одначе городнычый и други паны повезлы ёго до тыеи бабы, а та якъ побачыла ёго, то зляку не знала, шо й робыть. Дали винъ каже, шобъ вона зготовыла имъ ужынокъ (sic) и заразъ давъ ій на борошно 25 карбованцивъ. Пишла вона за тымъ борошномъ, а люды далы, ій скилькы було треба, и грошей не взялы. Дае винъ ій ще 25 карбованцивъ на дви курыци—и ти ій дарма далы сусиды. Дае винъ ще 25 карбованцивъ на пивкварты, и якъ прынесла вона горилкы, то винъ каже:

„Почастуй же!...

Якъ пиднесла вона ему горилку, винъ и пытае, чы пизнала бъ вона свого чоловика? А вона одвитуе, шо де его вже пизнаты, колы стилькы годъ не бачылысь.

„А чы не було—каже—у твого чоловика якои прымиты?“...

— Була—каже вона—одна прымита: шрамъ на шыи одъ золотухы, такъ якъ долонею закрыть.

Отъ винъ одвернувъ комиръ сорочкы, тай каже: „Дывысь!“...

Якъ глянула жъ вона тай пизнала свого чоловика.

— Шо жъ узявъ винъ свою жинку?—спросилъ я. „Узявъ. Вона и у Лубняхъ була зъ нымъ, якъ дывыся винъ тутъ на військо, и жыла въ вольній аптеци. Уси дывувалысь, шо така персона, та не зцуралась такого шкарбоня.

Сообщ. **А. Савичъ.**

Г. Лубны.

Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1780—82 гг.

Хотя, безспорно, въ наше время и потребность въ чтеніи и литературные вкусы стоятъ гораздо выше, чѣмъ было это въ прошломъ столѣтіи, но нельзя однако игнорировать того факта, что мы, при разборѣ всякихъ старинныхъ фамильныхъ бумагъ, наталкиваемся очень часто на весьма любопытные образчики увлеченія и почитанія литературнаго слова и въ нашей старинѣ. Скажемъ больше того.—Теперь преимущественно этотъ піететъ къ литературному слову замѣчается въ той культурной средѣ, которая представляетъ изъ себя интеллигенцію болѣе высокаго разбора и которая прошла среднюю или даже высшую школу обнаруживаетъ же себя этотъ піететъ любовью къ чтенію текущихъ періодическихъ изданій и книгъ, любовью къ научнымъ занятіямъ и т. п. Въ прежнее же время это уваженіе къ слову было удѣломъ самаго зауряднаго интеллигента, едва лишь прошедшаго школу грамотности, и выражалось оно, помимо чтенія, еще въ переписываніи излюбленныхъ произведеній въ особыя тетрадки составлявшія своего рода альбомъ. Не такъ еще давно, полъ вѣка назадъ, эта черта была свойственна тогдашнему грамотнику: у насъ въ рукахъ имѣются довольно изящно переписанныя въ 30-хъ годахъ тетрадки съ безсмертной комедіей Грибоѣдова, со многими поэмами Пушкина и пр. Конечно, это можно объяснить и тѣмъ, что печатная книга тогда не такъ циркулировала, какъ теперь, была сравнительно очень дорога; но это не единственная причина: несомнѣнно, не малую роль играла здѣсь и почтительная любовь къ литературному слову. Вѣдь и теперь далеко не у всякаго культурнаго человѣка вы найдете достаточный запасъ печатныхъ книгъ, но въ то же время ни у кого почти не найдете и рукописныхъ копій съ нихъ. Ужъ и говорить нечего о томъ, чтобы въ наше время нашелся такой захолустный скромный интеллигентъ, который взялся бы за перо и написалъ, старательно выводя буквы: „Въ сей Кѡмагї Вїпїсаннїє Разнїє Ѱалмы и пѣсны Ѿтѣшителнїє Вїпїсанїєжъ Капїистомъ Андреемъ Ищенкомъ; 1782-го годꙋ мца Апрїля 21-го дня“. И такая не одна тетрадка, а цѣлыхъ три, которыя всѣ къ сожалѣнію, найдены мною въ бумажномъ старомъ хламѣ въ истрепанномъ видѣ. Кромѣ только что озаглавленной, другая тетрадь писана въ 1780 году и начата писцомъ Сотенной Золотоношской канцеляріи Андреемъ Сербиненкомъ, а продолжена и въ 1781-мъ году Андреемъ Ищенкомъ. Этому же Андрею Ищенку принадлежитъ и третья тетрадь, которая

представляетъ изъ себя собраніе 165 избранныхъ пословицъ; на этой тетради стоитъ карандашная замѣтка объ Ищенкѣ, что онъ прожилъ «89 годъ», при чемъ тутъ обозначенъ и его чинъ—коллежскій секретарь. Подпись въ разныхъ мѣстахъ этихъ тетрадокъ, варьирующая фамилію писца (Ищенко, Ѣщенко, Ещенковъ), свидѣтельствуетъ о томъ, что писались онѣ въ г. Золотоношѣ (полтав. губ.) писцемъ, или—какъ онъ себя именуетъ— «копіистомъ», «подканцеляристомъ» золотоношской сотенной канцеляріи. Какова была культура этого копіиста, можно отчасти судить по надписанію, сдѣланному въ двухъ тетрадяхъ: «хто отсый Ѱсалмы можетъ украсты, то будетъ онъ сто годъ свинѣ изусіого свита изусѣмъ своимъ нащадкомъ пасты». Какъ ни страшна такая перспектива для посторонняго обладателя этихъ тетрадокъ, но мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи, нашедши ихъ въ пріобрѣтенныхъ нами рукописяхъ, посчитать ихъ собственностью, тѣмъ болѣе, что и зловѣщій столѣтній срокъ свинопасенія уже истекъ лѣтъ 6 назадъ.

Помимо того интереса, который можетъ представлять самый фактъ существованія этой альбомной литературы въ концѣ прошлаго вѣка, въ данныхъ тетрадкахъ можно еще заинтересоваться и подборомъ литературнаго матеріала, и его расположеніемъ. Большинство его [1]) падаетъ на «псальмы», или пѣсни религіозно-назидательнаго характера; но среди двухъ такихъ пѣсенъ можно встрѣтить и пѣсню шуточнаго содержанія, а иногда псальма какая нибудь заканчивается словами: «конецъ, пѣшла баба у танецъ».

Нѣкоторыя изъ этихъ псальмъ по языку почти приближаются къ церковно-славянскому, другіе же—почти переходятъ въ народную малорусскую рѣчь.

Для образца выпишу нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ разнороднаго содержанія.

Пѣснь Пряжевской Божіей Матери [2]).

Псальма эта записана въ двухъ тетрадкахъ: разъ—Сербиненкомъ, а другой—Ищенкомъ, при чемъ оба записывателя нѣсколько искажали отдѣльныя слова, т. ч. я, свѣривъ оба списка, помѣщаю

---

[1]) Въ двухъ полныхъ тетрадкахъ, состоящихъ изъ 15 четвертушекъ, помѣщается 32 пѣсни.

[2]) Пѣсни въ честь Божіей Матери очень распространены въ разныхъ спискахъ, а равно и въ устахъ народа; но намъ не удалось разыскать даннаго текста въ честь Пряжевской Божіей Матери. Село Пряжево находится въ волынской губ.,

сводный болѣе исправный текстъ. Правописанія подлинниковъ не удерживаю, такъ какъ оно представляется мнѣ мало характернымъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, которыя обозначаю курсивомъ. Записаны всѣ пѣсни безъ раздѣленія ихъ на стихи, прямо въ строку.

1) Отворитеся вси очы нынѣ, присмотритеся таковой новинѣ, что днесь теперъ показало и у Пряжевѣ ново стало отъ иконы Пречистой Панны.

2) Темнымъ очы отворяются, прокаженные очищаются, и кого жъ только щиро кохаетъ, со вѣрою прихождаетъ, неотмѣнно цѣлбу пріемлетъ.

3) Эмпирейскіе суть намъ небеса, испущаютъ вѣрнымъ чудеса, за причиною Матки Божои дождались мы ласки многои у Пряжевѣ, въ мѣстечку новомъ.

4) О Дѣво Маріе, Пречиста Панно во порфирѣ, златомъ одѣянна, на рукахъ держитъ младенца, Сына Бога и первенца, со слезамы молися за нами.

5) Архангельскій гласъ услышимо, Дѣву Марію прославимо, чтобъ насъ могла дароваты, отъ вѣчныхъ мукъ свобождаты, дабы насъ избавила отъ вѣчнои смерты.

Пѣснь святымъ равноапостольнымъ царемъ Борысу и Хлѣбу

1) Да трублять, да трублять въ Россійской земли трубы, во святомъ храмѣ семъ является чудо; во всемъ мирѣ гласитъ двоихъ выхваляетъ во мирѣ.

2) Когда ихъ Святополкъ на пути видѣша, святаго Бориса копіемъ пробиша; князя Давыда ножемъ заколаетъ, Христосъ на ихъ главы вѣнцы полагаетъ нетлѣнны.

3) По страсти злый убійца, тѣло въ земли скрыша, обоихъ страдалцевъ во блато втопиша, Богъ святыхъ царей честью прославляетъ, отъ земли на небо столпъ созидаетъ кривавой.

въ 12 верстахъ отъ Житомира, при впаденіи р. Коденки въ р. Гуйву. Въ недавно вышедшей книгѣ подъ заглавіемъ „Историко-статистич. описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи", сост. Н. Теодоровичъ (Почаевъ 1888 г.), находимъ указаніе на то, что въ этомъ селѣ есть церковь во имя Воскресенія Христова, построенная въ 1750 г. (стр. 70), но ни словомъ не поминается объ иконѣ Божіей Матери; равнымъ образомъ, не находимъ указанія на чествованіе Пряжевской Божіей Матери и въ книгѣ „Жизнь Пресвятой Богородицы и сказаніе о всѣхъ чудотворныхъ иконахъ ея, прославляемыхъ въ православной церкви", сост. Е. Тихомировымъ, Москва 1884 г.

4) Разъярився злый убійца какъ Иродъ на дѣти, не восхотѣлъ зъ братіею на столцѣ сидѣти, началъ мыслити, какъ братевъ убити, какъ Іуда Христа лобзаетъ во уста убійца.

5) Яко *Каїнъ* Авеля *убы* жертву телецъ, тако уби Святополкъ братію за столецъ. О Святополче, прегордый волче! братію убивъ, столца достигнулъ во адѣ.

6) Радуйтеся страдалцы Борисе и Хлѣбе, пріемши вѣнцы отъ Христа на высокомъ небѣ; вамъ подобаетъ веселитися, о насъ *Господевѣ* молитися о грѣсѣхъ.

Изъ многихъ варіантовъ пѣсенъ въ честь Бориса и Глѣба (см. у Безсонова «Калѣки Перехожіе» вып. 3, стр. 625—669) нѣтъ ни одного, который приближался бы хоть сколько нибудь къ данному. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности воспользоваться почаевскимъ Богогласникомъ, изд. 1825 г., гдѣ, весьма вѣроятно, можно отыскать источникъ большей части всѣхъ псальмъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ Ищенка.

Пѣснь о пьянствѣ.

Что въ семъ мирѣ является, то *вѣсконечне* (всеконечне) се человѣкъ, въ свѣтѣ грѣшитъ такъ нестатечне. А *грѣсячы* себѣ *мишлитъ*, бо я еще младъ—покаюся, прежде смерти не пойду во адъ. А діаволъ слѣдомъ за нимъ на путь изводитъ, на *блюдъ*, на сваръ, на забойство людей приводитъ. Прійдѣте въ домъ *колчественной* (корчемственный?), хмелю закусѣмъ; пропившися, умъ загубивъ, грѣшиты мусимъ. Хоть бы къ нему прійшолъ отецъ албо и мати, приводячы на доброе, бо жаль дитяты, ажъ отъ *ныхъ* какъ звѣръ бѣжитъ, словесъ не любитъ, нагъ сидя, та въ кулакъ трубитъ. Прійшло время блудящому въ пекло ступаты, узрятъ сына блудящаго отецъ и маты, а онъ же къ нимъ возглаголетъ, прося ратунку; бѣжатъ къ нему отецъ и маты хвативши смутку.

Пѣснь о смерти.

Нѣсколько псальмъ встрѣчаемъ здѣсь, написанныхъ на общераспространенную тему о смерти; выписываемъ изъ нихъ одну, которая намъ кажется болѣе характерной; отдаленный варіантъ ея находимъ въ «Богогласникѣ», изд. холмскимъ братствомъ (Кіевъ 1885 г., стр. 118).

1. Еще *слонце* не заходитъ, я спаты ложуся, ко исповѣди не готовлюся, Богу не молюся.

2. Спамятай же человѣче остатніе.. (?), дадутъ тебѣ смутную труну и темное ложе.

3. Не дай мнѣ во гресехъ умерты, ахъ мой милый Боже!

4. *Останетия* сребро и злато, дорогіе шаты; да вж жъ мнѣ *исобою* (изъ собою) на той свѣтъ не браты.

5. Хочъ бы я и взялъ *исобою*, тамъ того *нетрá*: саженъ *землѣ* и *четирѣ* дошки спасенія съ неба.

6. (Останеця) ударятъ *увусѣ* (у вси) звоны по скорой годинѣ, отклоняюсь всему свѣту и своей родинѣ.

7. Ой якъ уложатъ грѣшное тѣло въ глыбокое доле и насыплютъ *пѣску* на очи — не глянетъ *нѣколи*.

8. Зеленіе вѣты квѣты земля выпускаетъ по умершой сиротинѣ и весь родъ питаетъ.

9. Не ищите, не *обрящите* уже его (земля) бдяща (?), выпускаетъ земля траву по нему лежащомъ.

Пиршество у воробья.

И вотъ среди пѣсенъ такого содержанія встрѣчаемъ шуточную пѣсню о птичьемъ царствѣ, какъ извѣстно, часто фигурирующемъ въ народныхъ произведеніяхъ. Почти такой же варіантъ имѣется у насъ въ рукописномъ собраніи пѣсенъ Ходаковскаго (въ началѣ 20 годовъ нынѣшняго столѣтія).

1. *Óючинивъ* (ой учынывъ) *оробей* на прыпичку жныва; *съмолотивши* наварывъ пшеничного пыва; тры тычины хмелю давъ, потомъ *барже заловавъ* (бардзо жаловавъ) *младомъ избѣрати* (ставъ дома збираты — у Ходаковск.), гостей частоваты.

2. Ой прылетивъ снигирець, сыритнычокъ непростый. Ахъ мой мылый оробей! идуть *тебѣ гостѣ*: иде панъ журавель, а твой дядюшка хрустель, и пани сыныця — родная сестрыця.

3. Ой кинется оробей гостей выглядаты; колы гляне быстрымъ окомъ, аще й не выдаты, — *толко* два пугачи, преславныи трубачи: *тоей огранисmа* (органиста), панъ *кручко* (sic) (у Ходаков. — нѣтъ) басыстый.

4. Мои мыли *панование* музыканты! заиграйте *мнѣ пофранцузской*, а я пойду въ танци, пане *кручко*. Заграй, снигирчику, заскрыпы; мои *милѣ букцане*, (у Ходаков. — нѣтъ; въ другомъ стихѣ вмѣсто *журавель* поставлено *боцянъ* — аистъ) заграй на *органе*.

5. Ой весело оробей въ дому гуляетъ, запрошенныхъ гостей къ себѣ не принимаетъ. Гости идутъ *засѣни* (?) (у Ходаков. — замки бьютъ, одчиняютъ, одмыкаютъ) бьютъ, замки одбиваютъ, *самы* двери одчиняютъ; а оробей не бачитъ, въ дому своемъ скачетъ.

6. Штурмомъ прыйшлы до хаты; переставъ танцуваты, ставши *себѣ* у порога, да ставъ частуваты. Гей, гей! мылая дружыночко, вирная! Я, оробей, *чикавъ* я васъ по всей часъ.

7. На той бенкетъ комаря съ комашкой вбылы, *штирѣ полки солили* (?) (у Ходаков.—пилти солонини?) съ комаря злупылы, сто ковбасъ начинылы, *штирѣ полки извялили*, ребра *приткали* (?) (у Ход.—схабы прыпекалы), гостей годувалы.

8. Було жъ того до полночи. Сова прылетила; прылетивши потыхеньку, да подъ столомъ сила. А старый панъ журавель загадавъ слаты постель, а хрустель упывся да подъ столомъ звалывся.

9. Да вжежъ сова хрустеля уполъ перервала, а старому журавлю горло передрала, музыкантовъ поразила, и всихъ гостей *розигнала*, а сороки *спечѣ* (съ печи) мусилы *утечѣ* (утечи—утекти).

10. Только сова съ пугачами зосталася въ хати, танцуваты по французской звелила. Гей, гей, совуле, *сокулная матуле*! гуляй доволи, до своей воли!

11. Гуляла сова доволи, да вже упылася, пыва пыты не схотила, браги опылася. Гей, гей, совуле, сокулная матуле! *Тѣмъ* теперъ на *влови* во мнозимъ *потолѣ* (?) (у Ходак.—ходимо на вловы на ничъ до стодолы).

Народныя малорусскія пѣсни.

Изъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ варіантовъ, которые считаю умѣстнымъ выписать здѣсь, какъ относящіеся по времени записи къ прошлому вѣку.

I.

Да оравъ чоловикъ край дороги
Гей, гей, край дороги! (припѣвъ послѣ каждой строчки).
Та у его волы круторогы,
Та погонычи чорнобровы
. . . .
Тв повись бурдюгъ на берези
. . . .
Ой тамъ дивки грыбы рвалы,
Та воны, суки, бурдюгъ вкралы,
Та не порожній съ пырогамы
. . . .
Та пишовъ бы я доганяты,
Та будуть, суки, за чубъ рваты.
Одна дивка Катерына
Та на берези ноги мыла
Та вона въ школу заблудыла.
Та іи маты все пытала:
Та де жъ ты, донько, ночувала.
Ночувала, маты, съ школярамы
Та пидъ гарнымы соболямы.
Ой на школи, маты, кринъ зелененькій
Та въ школи, маты, дякъ молоденькій.

II.

Ой два браты, два браты воны-родныи;
Воны попелъ палылы, у Добрянку возылы,

У Добрянци продавалы, ихъ у салдаты и побралы.
Ой глядите вы, капралы, щобъ булы салдаты вбраны,
Щобъ головки почесаны, мундыри червоны
Щобъ кгудзыки с..ижовыи и поясы зеленыи.
Щобъ колинця побиленыи,
Щобъ сапоги чернохенти, и чулочкы шовковыи.

III.

Въ славномъ городи да Переясловли да покопаны шанци—
Ишовъ козакъ до дивчыны, да не ввечери—въ ранци.

—

Да казавъ же ты, да козаченьку, Гали не любыты;
А прыйшовшы пидъ оконечко: да подай, Галю, пыты!

—

Дурна, Галю, нерозумна! дурный розумъ маешъ,
Що ты мене, да козаченька, на ничъ не пускаешъ!

—

Ой рада бъ я, да козаченьку, тебе на ничъ пускаты,—
Стоить округъ да кумпанія, да хотять насъ пойматы.

—

Да ище жъ Гали не поймалы, ище не вхопылы,
Да вже жъ худобоньку всю роспредилылы.

—

Отаману коня далы, а сотныку зброю,—
Мандруй, мандруй, сердце Галю, въ мандривочку изо мною.

—

Ой рада бъ я, да козаченьку, съ тобою мандруваты,—
Ой есть у мене старая маты да буде проклынаты.

—

Въ славномъ городи да Переясловли да малёвани *данки* (кганки).
Сыдыть козакъ у кайданахъ да у Гали коханки.

—

Плыве щука съ Кременчука, пробывае скука (?),—
Оттеперъ же, сердце Галю, съ тобою розлука.

IV.

Къ величайшему сожалѣнію, не сохранилась въ цѣломъ видѣ еще одна пѣсня, можетъ быть, самая интересная, судя по конечнымъ стихамъ, оставшимся въ рукописи. Это несомнѣнно какая то историческая пѣснь, приближающаяся къ думамъ. Конецъ ея такой:

Ой стѣйте лишенъ панове молодцѣ! Есть у насъ грамота за старого
Бога насланна,
Якъ намъ ище за гетмана Хмелнѣцкого надъ ляхами воля данна.

Изъ приведенныхъ народныхъ пѣсенъ особенно обращаетъ вниманіе на себя пѣсня № 2, какъ записанная очень скоро послѣ ея

сложенія. Она относится къ рекрутскимъ пѣснямъ и пріурочена къ посаду Добрянкѣ (черниг. губ., городниц. уѣзда), гдѣ очевидно было главное управленіе по рекрутскому набору.

Есть тутъ и одна пѣсня великорусской поэзіи, очень плохо записанная; весь интересъ ея въ томъ, что она есть свидѣтель вкуса переписчика и неразборчивости его въ выборѣ матеріала.

Пойди прочь, не досаждай мнѣ молодецъ! Я привыкла здѣсь пасти одна овецъ. Скучно было мнѣ одной здѣсь жить весной, такъ тогда ты не пришелъ гулять, со мной танцовать (?). Я и весною была, я въ деревнѣ всѣхъ дорожныхъ слѣдила; теперь видишь, какъ худа стала, блѣдна, оттого что все весной была *една.* Всякой день пташки видѣла, подъ кустомъ другъ ко другу притулялись; тамъ обнимались, цѣловались; всякой часъ *въ* меня слезы канули изъ глазъ. Лѣтомъ видись, что и тварь можетъ любить и вездѣ съ подругомъ своимъ жить. Все бѣдная знала, что мнѣ зачать, оттого что не могла *каво сказать* (?). Ты не думай, чтобы даромъ то *пойшло.* Ахъ, когдабъ и само на тебя *найшло,* что терпѣла я недѣлю или двѣ! Черезъ рѣчку почто бросился ко мнѣ?

Заканчивая обзоръ рукописнаго альбома Ищенка, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что преобладающими являются въ немъ пѣсни не лѣвобережныя, какъ слѣдовало бы ожидать въ Золотоношѣ, а правобережныя, особенно, что касается *псальмъ.* Объясненіе тому можно найти въ томъ фактѣ, что лѣвобережная Украина тогда не представила еще выдающагося литературнаго творчества, подобнаго тому, какое стало проявляться нѣсколько лѣтъ спустя въ Полтавщинѣ и Харьковщинѣ; а за то Золотоноша была въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ правобережной Каневщиной, откуда и могли идти всѣ литературныя заимствованія.

В. Науменко.

Къ исторіи учрежденія Кіевскаго Дворянскаго Собранія.

9 го іюля минувшаго 1888 года Кіевское Дворянское Собраніе, именуемое обыкновенно Дворянскимъ клубомъ, праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія и къ этому празднеству приготовило маленькую книжечку подъ заглавіемъ «Кіевское Дворянское Собраніе. Первое пятидесятилѣтіе. 1838—1888».

На первой же страницѣ въ этомъ юбилейномъ изданіи мы встрѣчаемся съ фактомъ сомнѣнія, когда именно совершилось открытіе Дворянскаго Собранія—въ 1838 или 1839 году. Сомнѣніе это

рѣшается не какими нибудь достовѣрными фактическими данными, а исключительно со словъ одного кіевскаго старожила. У насъ въ рукахъ имѣются документальныя данныя, которыя позволяютъ точно рѣшить этотъ вопросъ и, сверхъ того, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на обстановку жизни этого учрежденія въ первый годъ его существованія, что намъ кажется небезъинтереснымъ и для характеристики жизни Кіева 50 лѣтъ назадъ.

Прежде всего приходится пожалѣть о томъ, что Кіевское Дворянское Собраніе совершенно лишено своего архива, по крайней мѣрѣ за первыя 28 лѣтъ, какъ это указываетъ намъ упомянутая брошюрка, почему мы не имѣемъ возможности узнать никакихъ частностей, касающихся какъ мотивовъ для учрежденія собранія, такъ и фактовъ проявленія жизни въ немъ. Что болѣе или менѣе правильныя «благородныя собранія» въ Кіевѣ существовали значительно раньше 1838 года, но только безъ опредѣленнаго устава,—въ этомъ удостовѣряетъ насъ найденный въ бумагахъ покойнаго М. А. Максимовича, перваго ректора кіевскаго университета, подписной листъ отъ директоровъ Кіевскаго Благороднаго Собранія, помѣченный 18 ноября 1834 года. Изъ этого листа видно, что и раньше 1834 года были уже благородныя собранія, и что на зимній сезонъ 1834—35 года только предложено было продолженіе подписки на нихъ. Вотъ подлинный текстъ этого листа:

«Отъ Директоровъ Кіевскаго Благороднаго Собранія, по истекшей подпискѣ, предлагается новая подписка на собраніе въ продолженіе наступающей зимы до великаго поста будущаго 1835 года; въ теченіе сего времени предполагается быть однимъ танцовальнымъ собраніямъ по одному въ каждую недѣлю, приноравливая оныя къ ежевременнымъ праздникамъ и другимъ случайнымъ днямъ, но такъ, чтобы общее число собраній было не менѣе десяти; впрочемъ, подробности о семъ имѣютъ быть объявлены въ свое время, а первое собраніе предполагается въ день Тезоименитства Его Императорскаго Величества. Принявъ сіе за основаніе и пригласивъ кіевскаго купца Линовскаго, нанявшаго Дворцовые флигеля, устроить одинъ изъ нихъ для таковыхъ собраній, они, Директоры Кіевскаго Благороднаго Собранія, находятъ возможность ограничить подписокою цѣну съ каждаго мущины въ 25 руб. ассиг., оставляя входъ для дамъ, равно всѣ прочія постановленія, утвержденныя по прежнимъ подпискамъ, на прежнемъ основаніи. Имѣя честь объявить о семъ гг. членамъ Кіевскаго Благороднаго Общества, они, Директоры таковаго Собранія, всепокорнѣйше

просятъ изъявить свое согласіе на учрежденіе собранія подписью своею на семъ». 18 ноября 1834 г.

Подписались на этомъ листѣ: Ректоръ Университета Михаилъ Максимовичъ, Деканъ Степанъ Выжевскій и Профессоръ Владиміръ Цыхъ.

Очевидно отсюда, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до 1838 года были собранія, именовавшіяся «благородными», которыя хотя были и безъ устава, но отличались правильностью, такъ какъ руководились опредѣленными (вѣроятно по избранію) директорами; члены же ежегодно могли мѣняться, въ зависимости отъ подписки на каждый данный сезонъ. Надо предполагать, что устраивая въ такомъ видѣ собранія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, члены порѣшили 9-го іюля 1838 года ходатайствовать объ утвержденіи правильнаго устава этихъ собраній, и хотя уставъ былъ утвержденъ только въ 1839 году, но они положили началомъ правильнаго общества «благородныхъ собраній» считать день своего постановленія, т. е. 9 іюля 1838 года, и съ этого времени начали вести и свою публичную отчетность. Это доказывается другимъ документомъ, имѣющимся у насъ,—краткимъ печатнымъ отчетомъ Кіевскаго Благороднаго Собранія за первый годъ существованія съ 9-го іюля 1838 года по 9 іюля 1839 года.

Отчетъ этотъ представляетъ очень много любопытнаго для характеристики тогдашней кіевской жизни, особенно по сравненію съ теперешнею жизнью Дворянскаго Собранія, поскольку она касается гражданъ Кіева.

Главнымъ доходомъ служили взносы постоянныхъ членовъ. Всѣхъ членовъ было 86; они взнесли 9632 руб. монетнымъ счетомъ[1]), т. е. 8600 руб. ассигнаціоннымъ,—слѣдовательно членскій взносъ былъ установленъ въ 100 р. ассигнаціями, а на серебро 28 р. $57^1/_7$ коп. Если принять во вниманіе, что общій приходъ за годъ составлялъ 15269 р. 56 к. монетнымъ счетомъ, то увидимъ, что $^2/_3$ всего дохода падало на членскіе взносы—явленіе, далеко не похожее на бюджетъ теперешняго дворянскаго собранія, гдѣ громадный перевѣсъ въ доходности выпадаетъ на карты и штрафы. Въ указанной бро-

---

1) Монетный счетъ можетъ быть опредѣленъ такъ: 100 единицъ ассигнаціонныхъ равнялись 112 единицамъ монетнымъ (старой мѣдной монетой), и тѣ же 100 единицъ ассигнаціонныхъ равнялись 28,57 на серебро, иначе 1 рубль серебра равнялся 3 р. 50 к. ассигнаціями. (См. подробно объ этомъ въ книгѣ „Карманныя таблицы для точнаго и легкаго переложенія и разсчета ассигнацій на серебро и серебра на ассигнаціи". Составлена Щ.... Спб. 1841 г.)

шюркѣ, напримѣръ, находимъ, что доходъ съ картъ въ 1887 году составлялъ 44700 руб., да сверхъ того, штрафы за игру послѣ установленнаго часа — 9800 р., тогда какъ членскіе взносы (309 членовъ по 25 р. каждый) равнялись всего 7725 руб. Въ доброе же старое время, очевидно, игра въ карты не была въ большомъ ходу, т. к. доходъ съ картъ показанъ въ 1939 р. 84 к. монетнымъ счетомъ, т. е. 1732 р. на ассигнаціи или около 500 руб. на серебро, а за вычетомъ стоимости картъ 728 р. 50 к. ассигнаціями чистой прибыли получится 1003 р. 50 к. ассигнац., или около 287 р. на серебро. О штрафныхъ же деньгахъ тогда и помину не было. Изъ другихъ статей дохода видное мѣсто занимаетъ плата временныхъ членовъ (вѣроятно то, что теперь носитъ названіе гостей) — 1005 р. ассигнаціями (1125 р. 60 к. монетою) и плата за входъ гостей на балъ около 1768 руб. ассигнаціями (1980 р. монетою).

Очевидно, центръ тяжести развлеченій тогдашняго собранія составляли балы, т. к. изъ отчета видно, что, во 1-хъ, всѣхъ баловъ въ теченіе года было устроено 41, и во 2-хъ, главный расходъ (4992 р. 62 к. монетою, т. е. около 4458 руб. ассигнаціями) приходится на устройство ихъ. Самыя цифры показываютъ, что характеръ этихъ баловъ отличался скромностью, т. к. въ счетъ общаго, сравнительно небольшаго, расхода на балы вошло устройство: во 1-хъ, чрезвычайнаго бала 6 декабря, который стоилъ съ угощеніемъ 180 особъ съ иллюминаціей 626 р. 20 к. монетою (около 559 р. ассигнаціями, или около 160 р. на серебро), и во 2-хъ, бала, бывшаго 1 іюля, который стоилъ съ угощеніемъ 312 р. 60 к. монетою. Такимъ образомъ, каждый изъ остальныхъ 39 ординарныхъ баловъ обошелся среднимъ числомъ около 104 р. монетою, т. е. около 26 руб. серебромъ. Всѣ остальныя цифры расхода служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ характеристикѣ скромности обстановки тогдашнихъ собраній. Единственно крупная статья расхода — наемъ квартиры (3000 р. ассигнаціями) объясняется естественною необходимостью имѣть приличное помѣщеніе для устройства баловъ, на которыхъ, какъ видимъ, бывало до 200 душъ; но эта квартира освѣщалась очень умѣренно: изъ отчета видно, что на освѣщеніе истрачено за годъ около 158 р. ассигнаціями при чемъ прибавлено, что въ освѣщеніе ежедневное входятъ сальныя свѣчи, масло и фитили для лампъ и самая малая часть восковыхъ свѣчей, и только нѣкоторые балы были при освѣщеніи коллетовскими свѣчами. Сверхъ того, при сравнительно обширной квартирѣ, вся прислуга состояла изъ швейцара и маркера,

получавшихъ по 25 руб. въ мѣсяцъ монетою. Также скромно была обставлена и литературная часть этихъ собраній: выписывалась только одна газета «Тыгодникъ» за 58 р. въ годъ монетою. Такая простота въ обстановкѣ позволяла распорядителямъ благороднаго собранія въ концѣ перваго же года существованія его сберечь остатокъ въ 3525 р. 78 к. монетою, при чемъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя единовременныя затраты (часы—110 руб. ассигн., устройство билліарда съ шарами—157 р. 37 к. монетою, одежда швейцару—168 р. монетою, корридоръ съ пристройкой 251 р. 25 к. монетой) да уплатить долгъ прежняго собранія за билліардъ 100 р. ассигнац., что служитъ новымъ доказательствомъ, что благородныя собранія, съ большей или меньшей правильностью, существовали и раньше 1838 года.

В. Науменко.

Изъ воспоминаній о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ.

(*Письмо въ редакцію*).

Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» прошлаго года было напечатано нѣсколько сочиненій П. П. Артемовскаго-Гулака. Это обстоятельство навело насъ на мысль подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» нѣкоторыми свѣдѣніями о жизни и объ отношеніяхъ покойнаго писателя, сохранившимися въ нашей памяти. Правда, эти свѣдѣнія относятся къ частной, домашней жизни поэта, но вѣдь извѣстно, что, такъ называемыя, «домашнія обстоятельства» играютъ въ жизни очень важную роль и нерѣдко въ нихъ то и нужно искать ключа къ уясненію многаго темнаго и загадочнаго въ общественной и литературной дѣятельности извѣстнаго лица.

Предлагаемыя нами свѣдѣнія мы заимствовали изъ воспоминаній одного харьковскаго старожила, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Гулакомъ-Артемовскимъ и даже крестившаго нѣкоторыхъ изъ его дѣтей, и изъ разсказовъ вдовы покойнаго П. П—ча, слышанныхъ нами уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ.

Гулакъ-Артемовскій былъ женатъ дважды. Въ первый разъ онъ женился приблизительно во 2-й половинѣ 20-хъ годовъ на француженкѣ, кажется гувернанткѣ, которая скоро умерла отъ простуды. Вторично онъ женился въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда былъ членомъ какихъ то учебныхъ или педагогическихъ совѣтовъ при

харьковскомъ и полтавскомъ женскихъ институтахъ. Тутъ то и познакомился онъ со своей будущей женой, Елизаветой Өедоровной Панютиной, въ то время пепиньеркой при харьковскомъ институтѣ. Е. Ө. была бѣдная дѣвушка и чуть ли не воспитанница хорошо извѣстной въ тѣ времена въ харьковской (тогда еще слободско-украинской) губ. Н. Н. Надаржинской [1]). По разсказамъ, П. П. былъ глубоко привязанъ къ своей женѣ и это чувство привязанности сохранялъ всю свою жизнь. Тѣмъ сильнѣе должна была отразиться на немъ тяжкая душевная болѣзнь, постигшая Е. Ө. вскорѣ послѣ замужества. Средства къ жизни П. П. добывалъ исключительно личнымъ трудомъ: кромѣ профессуры, онъ имѣлъ уроки въ нѣсколькихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и содержалъ у себя на квартирѣ студентовъ; жена его, какъ мы уже сказали, не принесла никакого приданаго. Понятно, что болѣзнь ея, подрывая не особенно большія средства Гулака-Артемовскаго, тяжело отзывалась и на его семейной обстановкѣ. Разсказы одного изъ старыхъ знакомыхъ П. П—ча мрачными красками рисуютъ его неприглядную домашнюю жизнь.

Намъ неизвѣстно, были ли у покойнаго писателя дѣти отъ перваго брака, отъ втораго ихъ было много, чуть ли не около 10. Ненормальная семейная жизнь пагубно отразилась на этихъ дѣтяхъ— большая часть ихъ вышли неудачниками. Какъ нерѣдко бываетъ въ нашемъ служащемъ классѣ, ни одинъ изъ многихъ сыновей П. П—ча не остался не только въ предѣлахъ харьковской губ., но даже и въ смежныхъ мѣстностяхъ. Двѣ изъ дочерей его проживали въ Харьковѣ еще въ 70-хъ годахъ. Жена П. П—ча, которой онъ завѣщалъ весь свой достатокъ, переѣхала послѣ его смерти куда то въ Финляндію, гдѣ пріобрѣла себѣ на берегу моря мызу, или небольшое имѣніе, и умерла, какъ мы слышали, въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго десятилѣтія. Лѣтъ 10 тому назадъ она пріѣзжала въ Харьковъ и обратилась по нѣкоторымъ своимъ дѣламъ къ пишущему эти строки. Между прочимъ, въ разговорѣ, она передала намъ нѣсколько воспоминаній о своемъ покойномъ мужѣ.

По ея разсказамъ, вскорѣ послѣ смерти П. П.—ча заѣхалъ къ ней добрый знакомый покойнаго, извѣстный малорусскій писатель Олекса Стороженко и, осмотрѣвши бумаги его, выбралъ изъ нихъ

---

[1]) Интересныя, хотя и отрывочныя, свѣдѣнія о Надаржинской, женщинѣ въ своемъ родѣ весьма замѣчательной, есть въ Воспоминаніяхъ В. И. Ярославскаго. (Литературно-научное приложеніе къ Харьковскому календарю 1887 г., стр. 29 и слѣдующія).

кое что и, съ согласія вдовы, увезъ съ собою. Передавая мнѣ, по моей просьбѣ, небольшой остатокъ рукописей[1]), г-жа Артемовская заявила, что это все, что осталось теперь у нея послѣ П. П—ча. Можетъ быть, добавила она, лучшее и болѣе цѣнное выбралъ и взялъ съ собою г. Стороженко.

Изъ воспоминаній вдовы о ея покойномъ мужѣ интересенъ разсказъ объ его отношеніяхъ къ бывшему въ 20-хъ и 30-хъ годахъ малороссійскимъ генералъ губернаторомъ извѣстному князю Н. Г. Репнину. П. П—чъ былъ persona grata у именитаго князя и въ числѣ его особенныхъ услугъ Репнину вдова припоминала одно обстоятельство, подробностей котораго она, къ сожалѣнію, видимо сама хорошо не знала и поэтому передала его мнѣ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Дѣло это было во время польской компаніи 1830—31 г. или, можетъ быть, сейчасъ вслѣдъ за ней. Въ то время были собраны козаки въ полтавской и черниговской губерніяхъ (кажется два полка) и подлежащая власть, по окончаніи компаніи, хотѣла зачислить ихъ въ регулярное войско. Слухъ объ этомъ распоряженіи вызвалъ въ массѣ козаковъ недоумѣніе и ропотъ. Кн. Репнинъ прибѣгнулъ на этотъ разъ къ личному нравственному воздѣйствію на козаковъ П. П—ча и онъ, по словамъ жены, выполнилъ это щекотливое и важное порученіе настолько успѣшно, что самъ покойный Государь Николай Павловичъ, узнавши объ этомъ, въ милостиво шутливомъ тонѣ называлъ иногда П. П—ча «мой милый дипломатъ». Конечно, нельзя безусловно полагаться на воспоминанія жены о ея покойномъ мужѣ, но во всякомъ случаѣ въ этихъ воспоминаніяхъ было что то реальное.

Старуха вспоминала еще объ одномъ казусѣ въ жизни ея покойнаго мужа, который случился, повидимому, въ концѣ 40-хъ годовъ, а именно о какомъ то политическомъ доносѣ, сдѣланномъ на покойника и другаго его сослуживца по харьковскому университету проф. Кронеберга. Доносъ этотъ былъ сдѣланъ какимъ то мелкимъ чиновникомъ Черновымъ или Черняевымъ и временно вызвалъ сильную тревогу въ домѣ Гулака-Артемовскаго; по словамъ его жены, произведенный по этому случаю обыскъ былъ настолько тщателенъ, что не только было пересмотрѣно все до мелочей въ помѣщеніяхъ квартировавшей у П. П—ча молодежи, но даже снимались доски на

---

[1]) Рукописи эти были напечатаны проф. А. А. Потебней въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ прошлаго года.

троттуарѣ возлѣ его дома. Однако съ самой г-жей Артемовской, по ея словамъ, обошлись въ этомъ случаѣ весьма деликатно: подъ какимъ то предлогомъ отъ нея скрыли истинный характеръ этого обыска и она только послѣ узнала его значеніе. Грубая лживость доноса обнаружилась уже изъ того, что темный доносчикъ обличалъ въ какомъ то тяжкомъ злоумышленіи разомъ и П. П—ча и Кронеберга, которые были между собою постоянно «на ножахъ». Ложь эта обнаружилась скоро и, по словамъ г-жи Артемовской, самъ Императоръ Николай Павловичъ, въ проѣздъ свой чрезъ Харьковъ, выразилъ негодованіе по поводу этой безсмысленной клеветы, а доносчикъ высидѣлъ за это дѣло въ острогѣ.

Собирая воспоминанія о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ, мы распрашивали у харьковскихъ старожиловъ о личностяхъ, упоминаемыхъ въ послѣдней одѣ изъ напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», Терешка и Одарки и убитаго въ войнѣ съ французами ихъ сына Власа. Личности эти оказались совершенно неизвѣстными даже тѣмъ, которые были почти домашними людьми въ семьѣ поэта; поэтому нужно думать, что осиротѣвшая послѣ потери сына старая супружеская чета Терешка и Одарки принадлежала къ кругу близкихъ полтавскихъ знакомыхъ П. П—ча и, вѣроятно, входила въ сферу той дворянской или служебной полтавской интеллигенціи, центромъ которой былъ гостепріимный домъ кн. Репнина. Это видно и изъ послѣднихъ стиховъ оды:

Воны жъ пишлы круглять, и я кажу: пиду
Розбуркаю въ журби Терешка та Одарку и т. д.

Во всякомъ случаѣ это были, видимо, какія то дѣйствительныя, живыя лица.

Воспоминанія харьковцевъ о нравственной физіономіи П. П—ча двоятся; почти несомнѣнно, что какое то глубокое раздвоеніе сказывалось въ душевномъ складѣ покойника. Гулакъ-Артемовскій, видимо, былъ однимъ человѣкомъ pro domo sua и другимъ pro foro, притомъ съ лѣтами этотъ «другой человѣкъ» видимо осилилъ перваго и подъ конецъ, можетъ быть, остался уже главнымъ хозяиномъ. «Лыхо и зъ правдою, лыхо и зъ брехнею», писалъ онъ еще во дни своей молодости, «за правду бьють, за брехню виры не дають: отъ-така ловыся!... Що чоловикъ тоби и зъ глуздомъ не зберецця, якъ нáсвити и обертацця!»

Еще въ концѣ 50-хъ годовъ намъ пришлось видѣть разъ П. П—ча, когда онъ былъ уже въ отставкѣ или доканчивалъ долгіе

годы своей службы. Въ первой комнатѣ университетскаго правленія стоялъ замѣчательно высокій и, какъ казалось, еще довольно крѣпкій, сѣдой старикъ и добродушно-начальническимъ тономъ обращался съ какой то просьбой къ служителю-солдату на чистомъ малорусскомъ языкѣ. Видно было, что чистая народная рѣчь была для него обычнымъ языкомъ. Тонъ и складъ этой рѣчи даже въ немногихъ словахъ показывали, что онъ дѣйствительно былъ способенъ на такое публичное слово къ народной массѣ, которое могло успокаивать ее даже въ минуты острыхъ недоразумѣній и глухаго ропота...

Недавно намъ пришлось видѣть прекрасный по работѣ (фотографія съ акварели) портретъ покойнаго Гулака еще въ цвѣтущую пору его жизни, гдѣ ему на видъ не болѣе 30—35 лѣтъ. Портретъ этотъ находится у харьковскаго старожила доктора В. С. Александрова.

Скромный, одноэтажный, деревянный домикъ поэта еще и донынѣ существуетъ въ Харьковѣ на Нѣмецкой улицѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ немъ проживала одна изъ дочерей поэта. Кому онъ принадлежитъ въ настоящее время—не знаю.

А. Ш.

Стефанъ Качала.

(Некрологъ).

29-го октября (10-го ноября) въ селѣ Шельпакахъ збаражскаго повѣта въ Галиціи, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался о. Стефанъ Качала, на 73 мъ году своей жизни и 46-мъ году священства. Покойный принадлежалъ къ числу самыхъ видныхъ политическихъ, общественныхъ и научныхъ дѣятелей русской Галиціи, поэтому считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Стефанъ Качала родился въ 1815 г. въ селѣ Фирлеевѣ бережанскаго повѣта въ Галиціи. Отецъ его былъ бѣдный крестьянинъ, но не крѣпостной и при томъ грамотный. Поступивъ въ гимназію въ Бережанахъ, молодой Стефанъ, несмотря на крайнюю нужду, весьма успѣшно прошелъ полный курсъ ученія, отличаясь большими способностями и прилежаніемъ.

Въ 1842 году Стефанъ Качала былъ рукоположенъ во священники и получилъ приходъ въ селѣ, гдѣ его дѣятельность въ то глухое время, до самаго 1848 года, направлена была преимущественно на пользу ввѣренной ему паствы.

Въ 1848 году, когда галицкіе русины, по примѣру другихъ угнетенныхъ народовъ Австріи, начали добиваться своихъ правъ, о. Стефанъ Качала принималъ самое горячее участіе въ этомъ патріотическомъ движеніи русской народности въ Галиціи. Къ этому времени относится учрежденіе во Львовѣ общества съ политическими правами, названнаго «Головна Руска Рада», выработавшаго программу, въ которой оно заявило о своей національной обособленности отъ поляковъ. Въ томъ же 1848 году состоялся съѣздъ русинскихъ ученыхъ во Львовѣ и учреждено литературно-научное общество «Галицко-руска Матица», однимъ изъ членовъ основателей которой былъ и Стефанъ Качала. Онъ былъ также членомъ основателемъ «Народнаго Дома», устроеннаго на сумму, собранную по подпискѣ, въ которой участвовали всѣ галицкіе русины. Народный Домъ долженъ былъ совмѣщать въ себѣ русскую гимназію, бурсу для бѣднѣйшихъ учениковъ, народный театръ, библіотеку и т. д.

Дѣятельность о. Стефана Качалы не прекратилась и въ періодъ временной реакціи, наступившей въ Австріи послѣ событій 1848 года, хотя и должна была значительно сократиться. А въ 1861 г., когда послѣ пораженій при Маджентѣ и Сольферино возобновлена была конституція 1848 года, онъ является депутатомъ въ «Краевый сеймъ» и въ этомъ званіи остается до самой своей смерти, пользуясь постоянно неизмѣннымъ довѣріемъ своихъ избирателей.

Въ 1868 году онъ отправляется представителемъ на пражскій славянскій съѣздъ, собравшійся по случаю открытія чешскаго театра. Здѣсь онъ, отъ имени своихъ земляковъ, произноситъ рѣчь, въ которой заявляетъ о правахъ своей народности наравнѣ съ другими славянскими племенами. За эту рѣчь митрополитъ лишилъ его деканства (благочинія), такъ какъ она вызвала неудовольствіе среди поляковъ.

Въ 1869 году о. Стефанъ Качала дѣлается однимъ изъ членовъ основателей общества «Просвита». Общество это, какъ извѣстно, имѣетъ цѣлью изданіе и распространеніе популярныхъ книжекъ для народа, которыхъ издало въ послѣднее время болѣе ста названій въ количествѣ около 500,000 экземпляровъ. Для этихъ изданій онъ самъ пишетъ полезныя для народа книжки; изъ нихъ наиболѣе выдающаяся по значенію вышла подъ заглавіемъ «Що насъ губыть и що намъ запомогты може»; въ ней авторъ настаиваетъ на необходимости просвѣщенія для крестьянъ, для того чтобы они имѣли возможность разумно и успѣшно бороться за свои интересы. Какъ на одно изъ средствъ къ достиженію этой цѣли онъ указываетъ на разнаго рода

ассоціаціи, какъ, напримѣръ, учрежденіе въ селахъ читалень, общественныхъ магазиновъ — «Народной торговли», общественныхъ ссудныхъ кассъ и т. п. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствуетъ за одно съ другимъ галицкимъ патріотомъ и извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ того времени о. Иваномъ Наумовичемъ. Насколько плодотворна была ихъ дѣятельность, можно судить изъ того, что въ первый періодъ учрежденія «читалень», съ 1872 по 1878 годъ, ихъ основано въ различныхъ селахъ Галичины до 175, теперь же ихъ существуетъ болѣе 630. При читальняхъ обыкновенно учреждаются магазины, ссудныя кассы, общества трезвости и т. п. Большая степень вліянія въ этомъ дѣлѣ о. Стефана Качалы становится ясною, если принять во вниманіе, что названная выше книжка его выдержала три изданія и разошлась среди народа въ количествѣ 15 — 20 тысячъ экземпляровъ.

Въ семидесятыхъ годахъ при значительномъ его участіи основались еще два общества: «Товариство имени Шевченка» и «Руске товариство педагогичне». Членомъ обоихъ этихъ обществъ, не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, оставался онъ до самой смерти.

Въ 1879 году вышло самое крупное изъ его литературныхъ произведеній, на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Polityka Polaków względem Rusi»; указавши на всѣ тѣ несправедливости, какія совершали поляки по отношенію къ южноруссамъ во все продолженіе ихъ совмѣстной исторической жизни, авторъ приходитъ къ выводу, что политика притѣсненій привела къ самымъ вреднымъ результатамъ для самихъ поляковъ, и убѣждаетъ ихъ обратиться на иной путь, отказавшись отъ своихъ прежнихъ традицій нетерпимости. Историческая часть этой работы, съ опущеніемъ ея полемической стороны, представляющая въ научномъ отношеніи большой интересъ и обнаруживающая основательное знакомство автора съ относящеюся къ предмету его изслѣдованія литературою, была помѣщена въ «Кіевской Старинѣ» за 1885 годъ подъ заглавіемъ «Очеркъ исторіи юго-западной Руси»; въ слѣдующемъ году она была напечатана на малорусскомъ языкѣ въ первомъ томѣ популярно-историческаго изданія, выходящаго періодически въ Тернополѣ подъ названіемъ «Руска Исторична Библіотека».

Въ 1885 году, уже семидесяти лѣтъ отъ роду, о. Стефанъ Качала является однимъ изъ дѣятельныхъ основателей новаго политическаго общества «Народна Рада», имѣющаго цѣлью фактически предоставить русинамъ всѣ тѣ права, которыя признаются за ними въ принципѣ

австрійскими законами, но пока еще не выполняются, или весьма не точно выполняются на дѣлѣ.

Еще въ послѣднее время о. Стефанъ Качала, оставаясь депутатомъ въ Краевомъ Сеймѣ, былъ избранъ предсѣдателемъ клуба русинскихъ пословъ, а одно время состоялъ посломъ въ вѣнскомъ Рейхсратѣ.

Отдавая на служеніе русскому народному дѣлу всю свою неистощимую энергію, всѣ силы, знанія и время, покойный не жалѣлъ для него и своихъ матеріальныхъ средствъ; онъ всегда являлся щедрымъ жертвователемъ на всѣ народно-общественныя предпріятія, въ которыхъ принималъ участіе и на которыя въ разное время пожертвовалъ до 10 тысячъ гульденовъ — сумма весьма крупная для средняго священника въ Галичинѣ.

По своимъ убѣжденіямъ, какъ это видно изъ его дѣятельности, покойный принадлежалъ къ народной партіи галицкихъ русиновъ, но какъ честный дѣятель и искреній патріотъ, обладавшій большимъ тактомъ въ общественныхъ дѣлахъ, онъ и при жизни пользовался безусловнымъ уваженіемъ не только всѣхъ русиновъ безъ различія партій и направленій, но и поляковъ. На его избраніи мирились въ трудныхъ случаяхъ и поляки, и русины, за него одинаково охотно подавали голоса на выборахъ враждовавшія между собою стороны, когда обострялись взаимныя отношенія, подрывалось довѣріе и невозможно было придти ни къ какому соглашенію,—и покойный всегда оправдывалъ довѣріе своихъ избирателей.—Глубокая скорбь поразила всѣхъ галичанъ, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ о. Стефана Качалы. Отъ всѣхъ русскихъ обществъ, литературно-научныхъ и публицистическихъ изданій, отъ русскихъ студентовъ львовскаго и вѣнскаго университетовъ посланы были телеграммы и депутаціи для произнесенія рѣчей при похоронахъ. Скажемъ же и мы за ними: миръ памяти честнаго, разумнаго и самоотверженнаго труженика на пользу рускаго народа. **К. Х.**

Для справокъ.

— **Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ).** У гр. М. М. Толстаго находятся болѣе 100 столбцовъ, относящихся преимущественно къ исторіи московской слободской Украины и заключающихъ обильныя данныя для топографіи этихъ мѣстностей. Это бумаги разныхъ фамилій — Кондратьевыхъ, Каменевыхъ, Авдѣевыхъ, Арсеньевыхъ и др., имѣнія которыхъ перешли въ родъ гр. Толстыхъ

(одесскихъ). Мы разобрали эти столбцы и приводимъ списокъ оказавшимся въ нихъ дѣламъ, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Если бы кто поинтересовался какимъ либо изъ названыхъ ниже дѣлъ, онъ можетъ обратиться къ гр. М. М. Толстому, который охотно вышлетъ копію съ дѣла. Печатаніе же всѣхъ столбцевъ, въ виду несистематичности заключающихся въ нихъ дѣлъ, не представляетъ такъ сказать насущной необходимости.

I. Грамота ц. Михаила Ѳеодоровича 7145 г. октября 31 крестьянамъ курскаго уѣзда, подгороднаго стана, деревни Козиной Поляны съ пустошами и пр. и тускорскаго стана тоже нѣкоторыхъ пустошей объ отдачѣ помѣстія, на которомъ эти крестьяне живутъ, принадлежавшаго Аѳ. Бредихину, дѣтямъ его, недорослямъ Ѳомѣ и Трифону Бредихинымъ.

II. Выпись съ отказной книги 7160 г. на помѣстіе въ рыльскомъ уѣздѣ въ омонскомъ и свапскомъ станахъ, часть деревни Бупела съ пустошами и пр. козаку Новгорода-Сѣверскаго Степ. Микул. сыну Вилимову, каковое помѣстіе принадлежало отцу его.

III. Указъ 7170 г. ноября 9 Петру Вас. Каменеву, назначенному оберегать городъ Гадячъ.

IV. Окончаніе грамоты лицу (П. В. Каменеву), назначенному въ Салтово городище, объ осмотрѣ его, разборѣ людей (и черкасъ) и пр. Даты нѣтъ, но до 7173 г., такъ какъ воевода въ Бѣлгородѣ кн. Гр. Гр. Ромадоновскій былъ еще окольничимъ.

V. Память 7173 г. іюня 20 П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ новую черкасскую слободу Мурафу для описанія близъ лежащихъ пустыхъ земель, о дачѣ которыхъ просили государя новоприхожіе изъ разныхъ городовъ черкасы Ив. Сирко съ товарищи.

VI. Память 7174 г. сентября 23 П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ бѣлгородскій уѣздъ въ саженскій, разуменскій, корецкій и карачевскій станы для вторичнаго вызова на смотръ недорослей дѣтей боярскихъ, которыя къ первому вызову (14 сентября) отнеслись пренебрежительно. Съ нихъ за то велѣно взять по полтинѣ съ человѣка, а въ случаѣ вторичной неявки имъ грозить жестокимъ наказаніемъ. Къ памяти была приложена роспись недорослей, но ея нѣтъ; вѣроятно, Каменевъ предоставилъ ее въ съѣзжую избу.

VII. Память 7174 г. сентября 26. П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ бѣлгородскій уѣздъ въ саженскій станъ на р. Сѣверской Донецъ отъ устья Сажнаго Донца и отъ устья Ольшанца Колодезя вверхъ по Сѣверскому Донцу до Бѣлаго Колодезя для провѣрки здѣшнихъ сѣнныхъ покосовъ, о дачѣ которыхъ просили государя нѣкоторые бѣлогородскіе помѣщики, заявляя, что имъ сѣнныхъ покосовъ не достаетъ, тогда какъ другіе помѣщики имѣютъ сѣнныхъ покосовъ здѣсь болѣе, чѣмъ имъ дано въ помѣстье.

VIII. Память 7174 г. іюля 16 въ Красный Кутъ П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ новую черкасскую слободку Мурафу, для разбора ссоры, возникшей тамъ между мурафскими обывателями и завѣдывающимъ Мурафою приказнымъ человѣкомъ Потап. Ададуровымъ съ одной стороны и соборнымъ архангельскимъ попомъ Степаномъ Ивановымъ съ другой, о чемъ всѣ они жаловались государю.

IX. Запись 7175 года іюня 16 рылянъ Евтих. Вас. Дремова и Леонтія Борисовича Озарева съ рыляниномъ же Герас. Демент. Тураевымъ относительно по-

стройки въ помѣстьяхъ двухъ первыхъ лицъ на р. Котлевѣ мельницы и на владѣніе ею на извѣстныхъ условіяхъ.

X. Память 7176 г. апрѣля 11 П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ Мурафу, откуда писалъ Ададуровъ о замышляемой черкасами измѣнѣ. Каменевъ долженъ былъ произвесть сыскъ и независимо отъ того оставаться завѣдующимъ г. Мурафою.

XI. Списокъ съ выписки изъ курскихъ писцовыхъ книгъ на помѣстья Левоновыхъ въ подгородномъ стану въ деревнѣ Дичнѣ и др., переданный 7182 г. октября 20 Левоновыми Петру В. Каменеву и его дѣтямъ: Сидору, Ѳедосею и Максиму при передачѣ имъ Левоновыми этихъ своихъ помѣстій.

XII. Приказъ 7179 г. сентября 20 Курченину П. В. Каменеву быть сотеннымъ головою съ росписью лицъ, курченъ, находящихся у него въ сотнѣ, числомъ 154. При нихъ есть помѣты: при имени—Михаилъ Максимовъ сынъ Каменевъ приписано: прапорщикъ. При 4-хъ именахъ приписано: умеръ; при 2-хъ—Мих. Артем. с. Боланинъ и Исай Ефремовъ с. Ефремовъ—убитъ. Послѣднее, вѣроятно, объясняется припискою въ концѣ акта:

„Бой былъ подъ Коротоякомъ съ донскими казаками сентября въ 27 день на память святаго великомученика Калистрата и дружины его съ полдень до вечера; стояли донскіе на Дону за сого(?)ю въ окопахъ.

XIII. Копія съ воеводской выписи 7179 г. декабря 2 курчанину Ѳедоту Савину с. Курасову на мѣсто въ г. Курскѣ, принадлежавшее стрѣльцу Шалдову.

XIV. Запись 7181 г. іюля 13 рылянина Конст. Григ. с. Молѣева Новгорода Сѣверскаго Мих. Ив. с. Мошину на владѣніе мельницею на р. Нестунѣ.

XV. Грамота 7181 г. іюля рыльскому воеводѣ объ измѣреніи и описаніи въ рыльскомъ уѣздѣ въ сванскомъ стану въ косожской волости земли, которую, какъ пустую, просилъ дать ему въ помѣстье рылянинъ Герас. Дemeнт. с. Тураевъ.

XVI. Указъ 7181 г. Петру (Каменеву?) о производствѣ слѣдствія относительно земли, о которой спорятъ жители г. Лебедяна и г. Каменаго, о чемъ били челомъ государю лебедянскіе черкасы всѣмъ городомъ, въ томъ числѣ соборной церкви протопопъ Стефанъ съ попами и др.

XVII. Отказная 7182 г. декабря 2 курчанина Сидора Петр. Каменева курчанину Андр. Степ. с. Авдѣеву на помѣстье въ подгородномъ стану въ деревнѣ Ваниной, принадлежавшее Дм. Ванину.

XVIII. Наказъ 7182 г. курчан П. В. Каменеву да подъячему Ив. Аѳонасьевичу, посланнымъ изъ Бѣлогорода для осмотра пограничныхъ укрѣпленій на р. Тихой Соснѣ въ чертѣ Новаго Оскола, Верхососенскаго, Усерда, Ольшанска, Острогожска и до р. Дона.

Къ этому присоединена роспись укрѣпленій на р. Тихой Соснѣ къ 7181 г.

XIX. Грамота 7183 г. февр. 23 курскому воеводѣ о производствѣ сыска о помѣстьи курчен. Ив. Гавр. с. Будасова въ курск. уѣздѣ въ курецкомъ стану въ дер. Березуйской, которое проситъ себѣ въ помѣстье курчен. Андр. Степ. с. Авдѣевъ, говоря, что Будасовъ съ семьею ушелъ жить въ обоянской уѣздъ и помѣстье пустуетъ, и о дачѣ, если это справедливо, помѣстья Авдѣеву.

XX. Отказная 7183 г. апрѣля 17 курчан. Андр. Ѳедос. с. Молютина упомянутаго въ предъидущемъ № помѣстья Ив. Будасова Андр. Авдѣеву.

XXI. Кабальная запись 7184 г. ноября 14, данная на себя черкашениномъ гулящимъ человѣкомъ Ив. Володиміровымъ курчен. Андр. Степ. с. Авдѣеву.

XXII. Продажная запись 7184 г. генваря 9 рылян. Емел. Демент. с. Тураева родному брату Герасиму на мѣсто въ Рыльскѣ на посадѣ, составлявшее ½ ихъ отцовскаго мѣста. Какъ видно изъ этой записи, другая ½ была куплена тѣмъ же Герас. Тураевымъ у своей невѣстки.

XXIII. Выпись, данная по указу ц. Ѳеодора Ал—ча воеводою 7184 г. мая 30 сотнику сумскаго полка Григор. Вдовиченку на помѣстье въ сумскомъ уѣздѣ возлѣ его же хутора на рѣкѣ Бобрикѣ (Въ числѣ граней земли упоминается Сагайдачный шляхъ).

XXIV. Кабальная запись 7185 г. іюля 6, данная на себя русскимъ гулящимъ человѣкомъ Ив. Григ. с. Старицынымъ курчен. Ан. Степ. с. Авдѣеву.

Старицынъ въ 7185 г. 26 іюня былъ схваченъ на полѣ на р. Гнилицѣ и посаженъ въ тюрьму въ г. Балыклеѣ; за преступленія онъ былъ приговоренъ по челобитью балыклейскихъ черкасъ, къ уплатѣ имъ 50 р. и къ повѣшенію; Авдѣевъ же его выкупилъ.

XXV. Грамота 7186 марта 4 рыльскому воеводѣ о посылкѣ лица для приведенія въ исполненіе обмѣна, по добровольному соглашенію, частей помѣстій рылянина Прокоф. Смирнаго сына Фотіева, и Новгорода Сѣверскаго Ос. Петр. с. Левшина. Помѣстья ихъ были въ рыльскомъ уѣздѣ, въ свапск. стану въ косожской волости, но помѣстье Фотіева было въ дер. Севенкахъ, а Левшина Подральская пустошь по р. Пруту.

Упоминается, что часть помѣстья въ Севенкахъ насильственно заселилъ Герас. Тураевъ.

XXVI. Выпись съ переписныхъ книгъ соловскаго уѣзда переписи 7186 г. въ корницкомъ стану въ помѣстіи Ив. Герас. с. Ушакова въ сельцѣ Корницкомъ дворовыхъ людей крестьянъ и бобылей.

Выпись эта выдана была ему въ 7207 году.

XXVII. Выпись съ досмотровыхъ и отказныхъ книгъ досмотра и отказа курчен. Самс. Агѣева с. Денисова о поѣздкѣ его, по государеву указу, 7188 г. августа 12 въ лебедянскій уѣздъ, во первыхъ для осмотра мѣста и разрѣшенія гадяц. полковнику Михаилу Васильеву по его челобитью постройки на р. Пслѣ противъ его села Михайловки мельницы, а во вторыхъ для передачи новопоселившимся въ лебедянскомъ уѣздѣ заднѣпрянскимъ черкасамъ, по ихъ челобитью, сѣножатей, лежащихъ между р. Камышанской и Азаковымъ Колодцемъ и принадлежавшихъ лебедянскимъ пушкарямъ Процику Черному со товарищи, которыхъ Денисовъ долженъ былъ надѣлить за то землею, лежащею близъ с. Капустинскаго (на Ромаданѣ).

XXVIII. Выпись изъ книгъ досмотра и отказа того же Денисова 7188 г. іюля 31, подтвержденная, по указу ц. Ѳеодора Ал—ча, бѣлогородскимъ намѣстникомъ бояр. и воев. кн. П. И. Хованскимъ съ товарищи 7189 г. октября 18, на землю, данную гадяцкому полковнику Михаилу Васильеву, по его челобитью, въ помѣстье, лежащую между уѣздами каменскимъ, гадяцкимъ и недригайловскимъ.

Границы помѣстья, очень общирнаго, обозначены детально.

XXIX. Черновая челобитной государю 7189 г. гадяцк. полковника Михаила Васильева объ обращеніи того, что ему дано въ помѣстье (по № XXVII и XXVIII) т. е. села Михайловки съ людьми, и на что у него есть различные документы, ему въ вотчину съ выдачею о томъ государевой грамоты.

XXX. Наказъ 7189 г. бѣлгородскаго воеводы б. кн. Гр. Гр. Ромодановскаго съ товарищи коротояцкому воеводѣ Петру (?) о сыскѣ въ г. Усердѣ о бывшихъ тамъ въ 7188 г. безпорядкахъ (безъ 1-го листа). О розыскѣ этого дѣла есть письмо 7190 г. іюля 17 бѣлг. воеводы кн. П. И. Хованскаго въ Острогожскъ П. В. Каменеву.

XXXI. Письмо 7190 г. послѣ 1 іюля начальника бѣлгородскаго полка Б. кн. П. И. Хованскаго острогожскому воеводѣ Андрею Григ. Рахманинову о томъ, что по вѣстямъ нельзя ожидать военныхъ дѣйствій и бѣлгородскаго полка ратные люди отпущены по домамъ, поэтому жителямъ г. Острогожска надо жить осторожно и быть готовымъ къ защитѣ.

XXXII. Дѣло о безпорядкахъ въ Острогожскѣ въ 7190 г.

Въ этомъ дѣлѣ находится еще два дѣла, отмѣченныхъ нами выше номерами XXX и XXXI.

XXXIII. Запись 7191 г. сентября 3 курченъ Вас. и Макс. Лукин. д., да Михаила Семен., с. Левоновыхъ П. В. Каменеву съ сыномъ Максимомъ и всѣмъ родомъ на постройку мельницы со всякимъ строеніемъ въ помѣстіи Левоновыхъ въ курск. у., въ подгородн. ст., на берегахъ р. Дичны, и на пользованіе мельницею съ участіемъ Левоновыхъ.

XXXIV. Поступная 7191 г. около 20-го сентября курскихъ дѣтей боярскихъ Петра и Кузьмы Семенов. д. Мизинцовыхъ П. В. Каменеву съ сыномъ Максимомъ на берега рѣки Дичны, въ помѣстіи Мизинцовыхъ въ курскомъ уѣздѣ, въ подгородн. ст. для устройства и владѣнія мельницею за заемъ у Каменевыхъ двадцати пяти руб.

XXXV. Мѣновая запись 7191 г. февраля между Новгорода Сѣверскаго Силою Кузьм. Арсеньевымъ и рылянин. Өедор. Леонт. с. Зиновьевымъ относительно ихъ помѣстій. Первый отдалъ помѣстье въ рыльск., въ свапск. ст., на р. Свапѣ возлѣ Злыднина Городища, второй тамъ же по р. Котлевѣ подъ Долгимъ лѣсомъ.

XXXVI. Отказъ 7191 г. февраля 9 С. К. Арсеньеву на мѣновное помѣстье, указанное въ предыдущемъ номерѣ.

XXXVII. Запись 7191 г. марта 5 Ѳ. Л. Зиновьева С. К. Арсеньеву, что онъ на мѣну помѣстьемъ, указанную въ № XXXV, согласенъ.

XXXVIII. Отказъ 7191 г. апрѣля 12 недорослю Ѳед. и Петр. с. Исакову на помѣстье Дикое поле въ курскомъ у. въ подгор. ст., на верховьи р. Радутина.

Указано, между прочимъ, что на Радутинѣ гость Кондратій Добрынинъ самовольствомъ поставилъ мельницу.

XXXIX. Грамота 7191 г. іюля 21 крестьянамъ деревни Нижней Медвѣдицы въ курск. у., въ курицкомъ стану и пустоши Дикое поле на р. Радутинѣ въ подгородномъ стану, что было помѣстье Леонт. Быканова, а съ 190 г. внука его Ив. Быканова что этимъ помѣстьемъ Ив. Быкановъ поступился въ 7190 г. Ѳ. П. с. Исакову, такъ чтобы живущіе здѣсь крестьяне слушали Исакова и пр.

LX. Копія съ жалованной (уже печатной) грамоты 7192 г. ноября 10 дьяку П. Ал. Исакову, которою, за службу во время войны съ турками и татарами, его жалуютъ похвалою и увеличеніемъ помѣстнаго оклада, даваемаго нынѣ ему въ вотчину, въ курск. у. въ обмяцкомъ стану, въ д. Курасовой, да въ іосепскомъ стану около Гремячаго колодезя, да въ орловскомъ уѣздѣ въ тончюковск. стану на р. Рыбницѣ, что были помѣстья дьяковъ Ив. Максимова да Анис. Кабатова. Дается Исакову въ вотчину и то, что въ его помѣстьяхъ переходитъ его окладъ.

XLI. Отказъ 7192 г. генваря 20 С. К. Арсеньеву на имѣніе Ф. Л. Зиновьева такого же содержанія, какъ № XXXVI.

XLII. Копія съ грамоты 7192 г. мая 5 бояр. Шейну о подтвержденіи гадяц. полковн. Михаилу Васильеву права владѣть всѣми исчисленными въ грамотѣ помѣстьями.

XLIII. Отказъ 7193 г. окт. 15 новг. сѣв. Кузьмѣ Ив. с. Арсеньеву на помѣстье, вымѣнянное имъ у черниговца Игн. Прокоф. с. Артюкова въ рыльск у., въ свапск. ст., въ с. Котлевѣ.

XLIV. Отказъ 7193 г. окт. 15 на примѣрную (т. е. примежевую) землю къ помѣстью того же Арсеньева въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ косопск. волости въ с. Кочлевѣ.

XLV. Отказъ 7193 г. мая тому же Арсеньеву на имѣнье, вымѣнянное имъ изъ помѣстья рылян. Сисоя Игнатьева въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ косожск. вол., въ дер. Севенкѣ.

XLVI. Письмо 1685 г. іюля 29 сумск. полковн. Герасима Кондратьева къ сотнику с. Высшей Сыроватки Грицьку Вдовиченку о земельномъ спорѣ жителей этого села Миска Федорова и Карпа Рагозы.

XLVII. Копія съ мировой записи 7193 г. іюля 18 между Лар. Игн. с. Сергѣевымъ и дьякомъ П. Ал. с. Исаковымъ. Сергѣевъ обвинялъ Исакова въ захватѣ принадлежащей ему женщины съ дѣтьми и имуществомъ, а Исаковъ Сергѣева въ названіи его грабителемъ.

XLVIII. Сказка въ приказной избѣ въ 7194 г., декабря рылян. Гр. Харлам. с. Якшина о томъ, что онъ промѣнялъ помѣстье въ рыльск. у. въ свапск. ст. на р. Котлевѣ нов. сѣв. Силѣ Кузьм. с. Арсеньеву, взявъ у него за то помѣстье въ рыльск. у., въ омонск. ст., на р. Сухой Омонкѣ.

XLIX. Отказъ 7194 г. февраля Арсеньеву на помѣстье, означенное въ предыдущемъ номерѣ.

L. Поручная 7196 г. окт. 2 курченъ Мих. Сем. с. Леонтьева, Ив. Ѳед. с. Михайлова да крестьянина Конст. Бредихина Макс. Егорова. Макс. П. Каменеву въ томъ, что у него будутъ жить въ крестьянствѣ Алешка, Федька и Афонька Карповы д. Слонина съ семьями.

LI. Запись 7196 г. окт. 12, данная на себя вольнымъ человѣкомъ Иванькою Черкашенинымъ курчен. Акиму Ант. Авдѣеву за ссуду отъ него.

LII. Такая же запись 7196 г. декабря 4 вольнаго человѣка польской породы изъ г. Витебска Емел. Ѳедор. с. Раюшкина Авдѣеву же.

LIII. Грамота, кажется, 7196 г. послѣ 5 марта, (но сохранилось лишь начало) объ отмежеваніи отъ сосѣдей вотчины стольника Сидора Петр. с. Каменева въ курск. у., въ подгор. ст., въ д. Дичнѣ.

LIV. Копія съ записи 7197 г. ноября 28 путивльск. собор. діякона Григор. Иванова Ѳед. Петр. с Исакову на крестьянскую семью, отдаваемую потому, что за діакономъ этимъ жилъ прежде бѣглый крестьянинъ Исакова.

LV. Копія съ отказа 7197 г., іюня 28 Серг. Макс. с. Каменеву на помѣстье въ курск. у. въ курицк. ст., на р. Чечевизнѣ.

LVI. Отказъ 7198 февраля Куз. Арсеньеву на то помѣстье Игнатова, которое онъ вымѣнялъ еще въ 7193 г. (см. выше № XLV) и которое Игнатовъ промѣнялъ было путивльцу Никитѣ Яцыну.

LVII. Грамота 7198 г. марта сотнику с. Грязного краснопольскаго уѣзда на помѣстье около Боровли и вдоль Сагайдачнаго шляха.

LVIII. Мѣновая запись 7198 г. мая курчен. Ильи Тарасова с. Звягенцева съ Серг. Макс. Каменевымъ на помѣстья; причемъ первый отдалъ въ курск. у. въ куреци. ст., на р. Семи, второй въ томъ же уѣздѣ въ подгородн. ст. на р. Боршнѣ

LIX. Копія съ отказа 7199 г. августа 25 Каменеву на помѣстья, согласно съ предъидущимъ номеромъ.

LX. Заявленіе 7200 г. послѣ 12 іюля какихъ то Степана и Василія въ курской съѣзжей избѣ, что они переняли и привели бѣглыхъ людей дьяка П. Исакова изъ с. Радужина.

LXI. Списокъ съ грамоты 7200 г. іюля о дачѣ курчен. Ив. Макс. с. Каменеву помѣстья въ курск. у. въ подгор. стану, на р. Дичнѣ изъ дикихъ полей, если тамъ по сыску окажется порозная земля.

LXII. Продажная запись 1694 г. окт. 5 жителей с. Высшей Сыроватки Антона, Ивана и Тимоша дѣтей Моисея Вдовиченка на грунты въ этомъ селѣ, проданные Гавр. Павленку, жителю с. Нижняго (принадлежащаго стольн. полк. сумскому Андр. Герас. Кондратьеву).

LXIII. Мѣновая запись 1694 г. ноября 10 жителя с. Высшей Сыроватки Мих. Феодорова на земли, отданныя имъ сумск. полк. Андр. Герас. Кондратьеву, давшему за то Федорову иныя земли.

LXIV. Грамота 7202 г. дек. 11 о приведеніи въ исполненіе мѣны частями своихъ помѣстій рылян: Ив. Емел. с. Тураева и нов. сѣв. Силы Кузьми на с. Арсеньева; причемъ 1-ый далъ землю въ рыльск. у., свапск. ст., въ с. Плотавѣ, второй въ томъ же у., въ комонск. ст., въ пустоши на р. Вовгощѣ изъ помѣстья отца.

LXV. Грамота 7202 г. апрѣля о посылкѣ межевщиковъ въ курск. у. въ подгород. ст. въ помѣстье стольн. Сид. Петр. с. Каменева для размежеванія отъ сосѣдей.

LXVI. Грамота 7202 апрѣля тому же Каменеву о томъ, что сдѣлано распоряженіе, указанное въ предшествующемъ номерѣ.

LXVII. Показаніе, данное 7202 г. мая 5 курч. Ак. Андр. с. Авдѣеву о данномъ отцу его, потомъ ему и брату его Лукѣ въ 190 г. помѣстьи въ курск. у., въ подгородн. ст., что бывшая деревня Ивана Малыхина, противъ Звонскаго озера, на р. Семи. Это показаніе имѣетъ отношеніе къ процессу Авдѣевыхъ за это имѣніе съ курч. Андр. Өедор. Малютинымъ. См. слѣд. №.

А. Маркевичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библіографія.

П. В. Владиміровъ. Докторъ Франнискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г.

Авторъ вышеназванной книги—уже не новичекъ въ литературѣ изслѣдованій въ области русской словесности, и его прежнія работы, (*Великое зерцало*, изъ исторіи русской переводной литературы 17 вѣка, составлено въ Казани въ 1879 г., напеч. въ Москвѣ 1884 г.; *Житіе св. Алексѣя* человѣка Божія въ западнорусскомъ переводѣ конца 15 в. Спб. 1887 г.) извѣстны спеціалистамъ, какъ тщательныя и довольно умѣло исполненныя изслѣдованія. Любопытно, что онъ съ любовью занимается въ особенности явленіями западнорусской и южнорусской литературы, преимущественно переводной, при чемъ, повидимому, съ особеннымъ стараніемъ опредѣляетъ всѣ источники и постороннія вліянія въ переводахъ и умѣло оцѣниваетъ эти вліянія. Такъ, насколько мы успѣли ознакомиться съ трудами г. Владиміровa, вліяніе чешское, которому только въ недавнее время стали въ нашей литературѣ придавать дѣйствительно важное, какое и было на самомъ дѣлѣ, значеніе, въ русской словесности 15—17 вв., прослѣжено и оцѣнено имъ съ достаточною обстоятельностію и полнотою, разумѣется, по отношенію лишь къ изслѣдуемымъ имъ литературнымъ явленіямъ. Вотъ почему труды г. Владиміровa будутъ весьма пригодны для того, кто возьмется въ будущемъ представить во всей полнотѣ и яркости картину русско-чешскихъ литературныхъ отношеній 15—17 вв. и сдѣлать на основаніи возможно бóльшаго количества данныхъ обстоятельную сводную оцѣнку чешскаго вліянія на русскую словесность. Дѣло въ томъ, что въ указанныхъ русско-чешскихъ литературныхъ отношеніяхъ положительную роль, активную играли собственно факты чешской литературы, какъ сильнѣйшей и высшей по

развитію, составу и внутреннему содержанію; русская же словесность находилась тогда, по отношенію къ чешской, такъ сказать, въ страдательномъ положеніи. Впрочемъ, это должно оказать и не объ одной русской литературѣ: польская тоже находилась подъ сильнымъ вліяніемъ чешской [1]), и это вліяніе отразилось не только на числѣ переводовъ и передѣлокъ съ чешскаго на польскій, но и на самомъ языкѣ этихъ переводовъ, въ которомъ находится немало чешскихъ обликовъ, оборотовъ, словъ и пр.

Несмотря на довольно значительное количество польскихъ работъ, относящихся до вліянія чешской словесности и языка на польскую, мѣра этого вліянія, сколько намъ извѣстно, все таки еще не опредѣлена въ достаточной степени и ждетъ еще своихъ изслѣдователей въ будущемъ; вопросъ поставленъ въ польской литературѣ едва ли лучше, чѣмъ въ русской [2]). Все это мы говоримъ въ виду того обстоятельства, что, какъ намъ кажется — и это мнѣніе мы надѣемся подтвердить со временемъ въ особой, спеціально къ тому назначенной статьѣ—чешская литература заняла съ 14 вѣка и даже ранѣе въ отношеніи къ прочимъ славянскимъ, особенно западнымъ, можно сказать безъ преувеличеній, почти такое же мѣсто, какое въ свое время занимала греческо-византійская словесность по отношенію къ южнымъ и восточнымъ славянамъ и отчасти къ западнымъ. Словомъ сказать, чешская словесность сдѣлалась питомникомъ для прочихъ славянскихъ (не исключая, быть можетъ, и южныхъ славянъ къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, этотъ вопросъ тамъ даже еще и не поставленъ или много, много находится въ зачаточномъ состояніи).

Если количество, составъ произведеній, усвоенныхъ прочими славянами черезъ посредство чешской литературы, и не можетъ равняться съ количествомъ, составомъ грековизантійскихъ произведеній, ставшихъ достояніемъ славянъ, то за то это обстоятельство съ избыткомъ вознаграждается другимъ, относительно котораго чешская словесность оказалась въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, сравнительно съ греческою. Я говорю о языкѣ, который, благодаря близкому

---

[1]) Любопытно, между, прочимъ современное свидѣтельство Луки *Горницкаго* приводимое авторомъ, что и „дворянинъ (dvorzanin) польскій употребляетъ, вмѣсто польскихъ, чешскія слова“ (разумѣется, для показанія своей образованности).

[2]) Работа г. Неринга о вліяніи чешскаго языка на польскій, какъ извѣстно, составлена на нѣмецкомъ языкѣ: Ueber der Einfluss der altcechischen Sprache und Literatur auf die altpolnishe.

родству съ прочими славянскими, производилъ на нихъ весьма сильное, осязательное вліяніе, равнаго которому по силѣ, конечно, не могъ имѣть греческій языкъ. Переводчики и передѣлыватели, особенно польскіе, а за ними и русскіе, берутъ чешскія выраженія зачастую цѣликомъ, или же лишь слегка подправляя ихъ въ звуковомъ отношеніи и приноравливая къ своему родному языку, черпаютъ, такъ сказать, горстями чешскія слова, подчиняются чешскому языку въ словосочиненіи и пр. Читая такія произведенія, всякій, знакомый съ чешскимъ языкомъ, съ первой строки видитъ въ нихъ указанныя вліянія, съ которыми никоимъ образомъ нельзя сравнивать по обилію таковыя же вліянія греческаго языка на славянскій...

Чешскій языкъ воздѣйствовалъ на русскій или посредственно, черезъ польскія литературныя произведенія, переведенныя съ чешскаго и затѣмъ усвоенныя въ переводахъ и передѣлкахъ русскою словесностію, или непосредственно. Въ обоихъ случаяхъ, особливо же въ первомъ чрезвычайно важно было бы взаимодѣйствіе польскихъ и русскихъ изслѣдователей чешскаго вліянія на ихъ литературы и взаимное ознакомленіе ихъ съ трудами соратниковъ: изслѣдованіе вопроса отъ этого значительно скорѣе подвинулось бы впередъ. Вотъ почему весьма было бы желательно, чтобы разсматриваемая нами книга г. Владимірова, изслѣдующая именно одинъ изъ примѣровъ *непосредственнаго* воздѣйствія чешскаго языка на русскій, нашла себѣ хорошій пріемъ и основательное ознакомленіе у польскихъ изслѣдователей; быть можетъ, она содѣйствовала бы появленію и въ ихъ средѣ аналогичнаго труда, который помогъ бы дальнѣйшей разработкѣ вопроса.

Мы съ большимъ удовольствіемъ изучили трудъ г. Владимірова: онъ составленъ съ такою тщательностью, и изданъ такъ изящно и, такъ сказать, основательно, какъ только можно желать для ученой работы и какъ сравнительно рѣдко издаются такого рода книги. Со стороны изложенія книгѣ также можно предсказать успѣхъ въ нашемъ читающемъ обществѣ: несмотря на обиліе разныхъ спеціальныхъ частностей, особенно во второй части, гдѣ изслѣдуется языкъ изданій Скорины, читается она легко и написана вообще интересно. Довольно многочисленныя воспроизведенія текстовъ изъ книгъ Скорины, заставокъ, рисунковъ, объясняющихъ содержаніе (особенно любопытенъ одинъ изъ нихъ, изображающій приходъ «Эсѳири царицы предъ царя»), заглавныхъ и начальныхъ буквъ, наконецъ, изображеніе самого Скорины «съ Полоцка, изъ славнаго града Полоцка» (въ пре-

дисловіи къ книгѣ пророка Даніила онъ говоритъ о себѣ: «Азъ... нароженый въ рускомъ языку») еще болѣе увеличиваютъ и интересъ книги, и даже значеніе ея въ научномъ отношеніи.

Скорина, удостоившійся особаго о себѣ изслѣдованія, дѣйствительно заслуживалъ таковаго: до такой степени онъ представляетъ изъ себя важный факторъ въ исторіи развитія и словесности, и мысли въ западной Руси, а черезъ нее, какъ показано это у г. Владимірова, и въ остальныхъ частяхъ Руси. Изслѣдованіе о немъ распадается, не считая обзора литературы предмета, на двѣ части. Въ первой представлены внѣшнія обстоятельства жизни Скорины съ предпосланнымъ имъ необходимо краткимъ обзоромъ общаго состоянія нравственно-религіозной и умственной жизни въ юго-западной Россіи 15—16 в. и изображена издательская дѣятельность его и ея значеніе въ исторіи русской словесности и русской мысли (главы I, II, III и IV); во второй части (247—350 стр.) обстоятельно изслѣдованъ языкъ изданій Скорины и сдѣланы приложенія нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ для жизнеописанія его и отрывковъ изъ его книгъ сравнительно съ такими же мѣстами изъ другихъ изданій (тексты и разночтенія Фѣоля, южно-славянскій XV в., чешскій). Книга, разбираемая нами, не нуждается въ похвалахъ и немного потеряетъ отъ нашихъ порицаній; вотъ почему въ дальнѣйшемъ нашемъ разсмотрѣніи ея мы коснемся лишь нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ, и такъ или иначе, удачно или неудачно, рѣшенныхъ имъ; при этомъ укажемъ и нѣкоторые изъ тѣхъ небольшихъ промаховъ или недочетовъ, какіе мы замѣтили въ его книгѣ.

Автора особенно занималъ одинъ изъ вопросовъ жизнеописанія Скорины, обставленный крайне скудно историческими данными, а именно вопросъ о его происхожденіи и вѣроисповѣданіи. Нужно сказать, что дѣйствительно въ данномъ случаѣ это былъ вопросъ капитальной важности, а не просто вопросъ празднаго любопытства, такъ какъ отъ того или инаго его рѣшенія могъ зависѣть и тотъ или иной взглядъ историка на сущность и значеніе просвѣтительной дѣятельности Скорины, положительный или отрицательный съ точки зрѣнія, разумѣется, національно русской.

Что Скорина, вопреки мнѣнію Линде, былъ русскій, а не полякъ, родился въ русской семьѣ, а не польской, это, какъ намъ кажется, показано авторомъ довольно наглядно: данныя, приводимыя имъ (напр., что въ своихъ предисловіяхъ къ переводимымъ книгамъ Скорина называетъ русскій языкъ своимъ «прироженымъ», а въ

одномъ изъ нихъ (къ Псалтири, 1517 г.) говоритъ, что онъ дѣйствуетъ на пользу «своей братіи Руси наболеи съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка (т. е. русскаго) на светъ пустилъ». Другое опять выраженіе Скорины о себѣ «Азъ... нароженый въ рускомъ языку» было приведено нами выше), кажется не могутъ поддерживать болѣе ничьего сомнѣнія въ этомъ обстоятельствѣ. Не то съ вопросомъ о вѣроисповѣданіи Скорины: тутъ мы остались не совсѣмъ удовлетворены. Положимъ, авторъ заявляетъ, что «въ Полоцкѣ въ концѣ 15 в. (т. е. когда родился Скорина, а именно около 1490 года) и даже въ началѣ 16 не было ни одного католическаго костела» и сейчасъ же прибавляеть: «населеніе города состояло изъ русскихъ православныхъ». Но первое заявленіе, основанное на документальныхъ данныхъ исторіи, еще не доказываетъ непремѣнно втораго утвержденія, чисто личнаго и выведеннаго не совсѣмъ логично изъ перваго. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли изъ того обстоятельства, что въ городѣ не было костела, выводить заключеніе, что населеніе города все «состояло изъ русскихъ православныхъ»? Прибавляемъ слово «все», отсутствующее въ книгѣ, потому, что оно необходимо подразумѣвается: если бы авторъ предположилъ, что въ городѣ было хотя нѣсколько католическихъ семей, т. е. что, значитъ, не все населеніе его было православное, то онъ не могъ и сдѣлать своего вышеприведеннаго столь рѣшительнаго заявленія о православіи Скорины. Отсутствіе костела въ Полоцкѣ можетъ свидѣтельствовать, по нашему мнѣнію, также и о сравнительной незначительности католическаго населенія города, а не непремѣнно о его полномъ отсутствіи. Во всякомъ случаѣ оба положенія могутъ быть высказаны съ одинаковымъ правомъ. Одинаково вѣрно сказать: «отсутствіе костела въ городѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ немъ католиковъ» или же: «отсутствіе костела можетъ свидѣтельствовать о незначительности католическаго населенія», конечно, если это говорится о столь тѣсно связанномъ съ остальною Литовскою Русью городѣ, какъ Полоцкъ. Если это такъ, то почти съ одинаковымъ вѣроятіемъ, разъ нѣтъ прямыхъ документальныхъ данныхъ, можно утверждать дедуктивно какъ о православіи Скорины, такъ и о неправославіи его, особенно если еще взять во вниманіе то чисто католическое имя его «Францискъ», подъ какимъ онъ обыкновенно извѣстенъ и какимъ онъ самъ себя обычно называлъ (Въ послѣсловіяхъ: *Скоринин сынъ* или же: *Францискo*). Правда, изъ одного акта 16 вѣка явствуетъ, что у Скорины было и другое имя «Георгій», но самъ Скорина нигдѣ этимъ

именемъ себя не называетъ: и современникамъ своимъ, и намъ, потомкамъ, онъ извѣстенъ только подъ излюбленнымъ своимъ именемъ «Францискъ». Говоримъ мы это вовсе не къ тому, чтобы настаивать непремѣнно на католицизмѣ Скорины, но къ тому, чтобы показать, до какой степени это не выяснено у автора, который не постарался остановиться подольше на вопросѣ, откуда же у Скорины явилось это католическое имя, если онъ былъ, по утвержденію автора, православный. Не могло ли быть дѣло такъ? Родившійся въ православной русской семьѣ города Полоцка Георгій Скорина, обучившійся на родинѣ церковно-славянской грамотѣ и письму, не удовлетворившись этимъ, отправляется для полученія высшаго образованія въ Краковъ и тамъ почему то принимаетъ, вѣроятно, для вида, или, по безразличному отношенію въ данномъ случаѣ къ дѣлу, католицизмъ и перемѣняетъ имя, подъ каковымъ и значится въ записяхъ краковскаго университета: *Franciscus Luce* (т. е., вѣроятно, сынъ Луки, Лукичъ) *de Ploczko solvit 2 gr.*, (какъ студентъ, и: *Fran. de Ploczoko, Litphanus* (т. е. литовецъ), какъ баккалавръ. Степень «доктора въ лекарствѣ» Скорина получилъ уже гдѣ то за границею, вѣроятнѣе всего, въ чешской Прагѣ, съ которою онъ потомъ связалъ свою судьбу, въ качествѣ издателя книгъ священнаго писанія для народа. Почему Скорина могъ перемѣнить свое исповѣданіе и имя, если это было едва ли обязательно, трудно сказать; но на это у него могли быть свои, личныя причины. Въ нашей исторіи, во всякомъ случаѣ, есть данныя, указывающія на таковые переходы въ католичество русскихъ людей, ѣздившихъ за границу, напр. Ивана Сапѣги, принявшаго католицизмъ въ Римѣ, въ концѣ 15 вѣка. Сколько намъ кажется, Скорина въ дѣлѣ вѣроисповѣдныхъ различій и тонкостей былъ человѣкомъ *лично* индифферентнымъ и своею дѣятельностью имѣлъ въ виду только вообще дѣйствовать просвѣтительно на свой темный русскій народъ, который онъ искренне любилъ и которому пожелалъ дать книги на языкѣ, наиболѣе для него удобопонятномъ. Потомъ онъ женился въ Вильнѣ на католичкѣ Маргаритѣ Одверниковой, и это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли о равнодушіи и безразличіи Скорины въ вѣроисповѣдныхъ различіяхъ православныхъ и католиковъ.

Говоря о вліяніи чешской библіи на переводъ книгъ Скорины въ отношеніи языка, авторъ могъ бы, намъ кажется, указать и на то, что знакомство съ чешскимъ языкомъ отражалось не только на текстѣ перевода, надъ которымъ работалъ Скорина, но даже и на

слогѣ такихъ мѣстъ, въ которыхъ Скоринѣ не было особенной надобности держаться чешскихъ выраженій, имѣвшихъ для него въ другихъ случаяхъ значеніе авторитета. Я говорю о предисловіяхъ и и послѣсловіяхъ, гдѣ Скорина, хотя и придерживался образцевъ, болѣе или менѣе самостоятеленъ въ изложеніи. Языкъ этихъ произведеній, далеко не свободный отъ чехизмовъ, свидѣтельствуетъ уже, намъ кажется, просто о силѣ вліянія чужаго, хотя и родственнаго, языка, способнаго переходить даже, такъ сказать, въ вольную рѣчь людей. Для примѣра возьмемъ хотя бы то мѣсто изъ предисловія къ книгѣ «Юдиѳь», гдѣ Скорина, выставляя великую еврейскую патріотку въ примѣръ мужамъ, совѣтуетъ имъ, чтобы они «всякого тружания и скарбовъ для посполитаго доброго и для отчины своея *не лютовали»*. Здѣсь послѣднее слово—только приспособленное къ русскому языку въ звукословномъ отношеніи чешское слово «litovali»—жалѣли. Характеръ обликовъ, строеніе рѣчи въ предисловіяхъ носятъ почти настолько же чешскій типъ, насколько и въ текстѣ переводовъ. Въ обзорѣ литературы предмета г. Владиміровъ пропустилъ, какъ намъ кажется, только упоминаніе о Скоринѣ въ Библіологическомъ словарѣ П. М. Строева (см. Записки Императорск. академіи наукъ т. 41, книга I, 262 стр. Спб. 1882 г.). Правда, это упоминаніе очень незначительно, но въ такой же мѣрѣ невелики и незначительны тѣ замѣчанія о Скоринѣ, какія сдѣланы были митрополитомъ Евгеніемъ (Біографіи россійскихъ писателей 1821 г.) и Буслаевымъ (Историческая хрестоматія 1861 г) и попали однако же въ упомянутый обзоръ. Вотъ слова Строева о Скоринѣ: *Скорина*, Францискъ, докторъ, уроженецъ полоцкій. Онъ перевелъ съ вульгаты на бѣлорусское нарѣчіе Ветхій Завѣтъ. Его переводъ нѣкоторыхъ книгъ въ 1568 году присвоилъ себѣ какой то докторъ Василій Жугаевичъ изъ Ярославля (галицкаго), какъ это видно изъ рукописи бывшей библіотеки графа Ѳ. А. Толстова отд. I № 62 (Ср. Евгенія «Словарь русск. свѣтск. писателей» т. II стр. 169—171; Филарета «Обзоръ» стр. 185—187)[1]. Намъ остается сдѣлать еще два небольшія замѣчанія.

Разсмотрѣвъ довольно внимательно языкъ книгъ Скорины со стороны, главнымъ образомъ, звуковъ и словосочиненія, авторъ однако

---

[1]) Въ такой же мѣрѣ незначительно и замѣчаніе о Скоринѣ, сдѣланное г. Первольфомъ и также не указанное г. Владиміровымъ. Мы говоримъ объ извѣстной книгѣ „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до 18 в.“, гдѣ высказано общеизвѣстное замѣчаніе о томъ, что „Скорина просто переводилъ съ чешской библіи—вульгаты, венец. изд. 1506 г.

въ концѣ концевъ не даетъ опредѣленнаго, ясно формулированнаго заключенія, что же это за языкъ, словно предоставляя читателю самому сдѣлать выводъ на основаніи предложенныхъ данныхъ. Самъ онъ выражается въ этомъ отношеніи весьма осторожно и, такъ сказать, обинняками; иногда даетъ понять, что, по его мнѣнію, труды Скорины имѣютъ ближайшее отношеніе къ бѣлорусскому языку (...Происхожденіе Скорины изъ Полоцка, связи съ Вильной и основаніе здѣсь первой русской типографіи придаютъ особенное значеніе трудамъ Скорины со стороны языка--значеніе памятниковъ бѣлорусской рѣчи начала 16 вѣка. Съ этой точки зрѣнія и должно разсматривать труды Скорины въ отношеніи къ русскому языку). Но рѣшительнаго, яснаго и опредѣленнаго вывода все таки, повторяю, нигдѣ не дано. Слова нѣтъ, что языкъ Скорины представляетъ изъ себя довольно пеструю амальгаму церковнославянскаго, бѣлорусскаго, чешскаго, польскаго и отчасти даже литовскаго языковъ[1]); но всетаки авторъ могъ, на основаніи собственнаго же внимательнаго разсмотрѣнія данныхъ этого языка, скорѣе чѣмъ кто либо другой, прійти къ яснымъ, осязательнымъ выводамъ, изъ какихъ элементовъ, и даже, пожалуй, въ какой пропорціи этихъ элементовъ сложился этотъ языкъ. Дѣло въ томъ, что необходимо было, кромѣ собственно описательной стороны работы, заняться и обнаруженіемъ, въ какой же мѣрѣ сознательно или безсознательно употреблены были тѣ либо другіе элементы. Нужно было, намъ кажется, указать, когда именно, т. е. въ какихъ случаяхъ пользуется Скорина словами и выраженіями языковъ: чешскаго, своего роднаго, церковно-славянскаго и пр. и было ли такое пользованіе сознательнымъ для него, либо совершенно безсознательнымъ. Словомъ, важно было бы вскрыть тѣ побужденія и пружины, какія двигали мыслію замѣчательнаго литературнаго дѣятеля 16 вѣка во время его работы; если же въ этой работѣ, относительно языка, нельзя усмотрѣть такой сознательности отношенія, то во всякомъ случаѣ важно было произвести хотя статистическое, такъ сказать, опредѣленіе тѣхъ составныхъ данныхъ, изъ которыхъ сложился языкъ Скорины. Тогда, по крайней мѣрѣ, можно было бы сдѣлать совершенно опредѣлительный, наглядный выводъ объ этомъ языкѣ.

[1]) Головацкій Я. Ѳ. (Науковый сборникъ 1865. Львовъ) такъ таки прямо и говоритъ о языкѣ Скорины: „то языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный, искусственный, якимъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ". Бодянскій тоже, какъ извѣстно, не считалъ возможнымъ признать языкъ Скорины бѣлорусскимъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ книгахъ, подобныхъ изслѣдованію г. Владимірова, очень не лишни старательно составленные азбучные указатели личныхъ именъ и предметовъ, не мало облегчающіе читателю справки и поиски. Отсутствіе такого указателя въ книгѣ Владимірова мы считаемъ важнымъ неудобствомъ для читателя.

А. Степовичъ.

Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества, О. И. Роговой. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1888 г.

Повѣсть эта съ удовольствіемъ и не безъ пользы будетъ прочтена не только «юношествомъ», но и людьми зрѣлаго возраста, не имѣющихъ или досуга, или возможности читать спеціальныя историческія изслѣдованія о Хмельницкомъ. На самомъ же дѣлѣ повѣсть г-жи Роговой составляетъ популярный пересказъ монографіи Н. И. Костомарова о томъ же предметѣ, исполненный весьма старательно и умѣло. Романическій вымыселъ, составляющій обычную приправу историко-беллетристическихъ произведеній, допущенъ здѣсь въ самой незначительной пропорціи и при томъ въ примѣненіи къ второстепеннымъ, не историческимъ личностямъ. Самому Хмельницкому приписаны лишь самые маловажные вымышленные факты, и то преимущественно въ началѣ повѣсти, пока дѣло касается первоначальной поры его дѣятельности, о которой недостаетъ точныхъ историческихъ свидѣтельствъ; со времени же выступленія Хмельницкаго на политическую арену, вымыселъ рѣшительно уступаетъ мѣсто точному и правдивому историческому разсказу, за исключеніемъ, конечно, мелочей. По нашему мнѣнію, такой пріемъ составленія историческихъ повѣстей заслуживаетъ полнаго одобренія. Тѣмъ болѣе обязательно это правило, когда сюжетомъ повѣсти избираются лица или событія, о которыхъ имѣется богатый запасъ точныхъ историческихъ свѣдѣній. Такъ именно стоитъ дѣло въ настоящемъ случаѣ. Лучшая глава въ повѣсти г-жи Роговой, по нашему мнѣнію, — это XX, гдѣ описывается торжественный въѣздъ Хмельницкаго въ Кіевъ, по возвращеніи изъ-подъ Замостья, и пребываніе королевскихъ пословъ въ Переяславѣ; а между тѣмъ въ этой главѣ автору не пришлось прибавить почти ни одной черты къ тому, что онъ нашелъ въ источникахъ. Очень хороши также сцены приготовленій польскихъ гетмановъ въ виду побѣдоносно наступающаго непріятеля — и онѣ опять не придуманы, а списаны съ показаній очевидцевъ. Можно бы сдѣлать

упрекъ г-жѣ Роговой, почему она ограничилась однимъ Костомаровымъ и не воспользовалась другими изслѣдованіями о Хмельницкомъ, но надо отдать ей справедливость въ томъ, что свой излюбленный источникъ она изучила очень основательно, вѣрно поняла духъ эпохи и характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ[1]), запаслась достаточнымъ знаніемъ бытовыхъ фактовъ, столь для нея необходимыхъ, и сумѣла избѣжать крупныхъ промаховъ. Тѣмъ не менѣе мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя невѣрности, не особенно значительныя, нерѣдко встрѣчающіяся въ повѣсти г-жи Роговой. Перечисляя ихъ, мы начнемъ съ имени Хмельницкаго. Въ повѣсти онъ постоянно именуется то «панъ *Зиновій*», то «панъ *Богданъ*», иногда одно и тоже лице, въ разговорѣ съ Хмельницкимъ, называетъ его то тѣмъ, то другимъ именемъ. Несомнѣнно, что у Богдана, кромѣ этого имени, было и другое—крестное или, какъ тогда выражались, «молитвное». Было ли оно *Зиновій*, или же, какъ предполагалъ покойный М. А. Максимовичъ (на основаніи Коховскаго), *Ѳеодоръ* — мы не знаемъ. «Зиновіемъ» стали называть его лишь въ XVIII ст. Самъ же Хмельницкій и на Боровицкой присягѣ 1638 г., и въ Зборовскомъ реестрѣ войска запорожскаго, и во всѣхъ универсалахъ, до конца дней своихъ писалъ себя только *Богданомъ*; этимъ же именемъ называется онъ и въ той массѣ документальныхъ, лѣтописныхъ и другихъ матеріаловъ, какую мы имѣемъ отъ XVII ст. Слѣдовательно, можно категорически утверждать, что Хмельницкаго, при его жизни, никто иначе не именовалъ, какъ только *Богданомъ*, «молитвнымъ» именемъ называли его развѣ только въ церкви, когда молились о немъ. Подобныхъ примѣровъ двуименности мы можемъ представить хоть цѣлыя сотни изъ южно-русской исторіи XV—XVIII ст.

Рисуя портретъ Богдана, авторъ повѣсти замѣчаетъ, что лицо его «представляло смѣсь малорусскаго и *татарскаго* типа». Правда, авторъ увѣряетъ, что татарская примѣсь— «узкіе глаза и толстыя губы» —нисколько не мѣшала «красотѣ, смѣлости и уму, сквозившимъ въ каждой чертѣ этого лица», но мы опасаемся, не помѣшала бы она исторической правдѣ: насколько можно судить о наружности Богдана по имѣющимся стариннымъ портретамъ, его лицо было чистѣйшаго украинскаго типа, какой и понынѣ сохранился на его родинѣ.

Вслѣдъ за Н. И. Костомаровымъ, г-жа Р. повторяетъ ошибку, допущенную покойнымъ историкомъ, по вопросу о времени и мѣстѣ

---

[1]) За исключеніемъ, впрочемъ, Ив. Выговскаго и отчасти А. Киселя.

извѣстнаго Никольскаго пира, связаннаго съ исторіей похищенія Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ. М. А. Максимовичъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательно доказалъ, что это событіе никакъ не могло имѣть мѣста въ 1646 г., а случилось годомъ позже, наканунѣ бѣгства Хмельницкаго на Запорожье. Въ исторической повѣсти, гдѣ это дѣло разсказано съ бо́льшими подробностями, чѣмъ въ ученомъ изслѣдованіи, ошибка эта порождаетъ рядъ несообразностей. Становится совершенно невѣроятнымъ какимъ образомъ и Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, и заклятый врагъ Богдана Чаплинскій, и самъ староста чигиринскій, зная достовѣрно, что у Хмельницкаго находятся въ рукахъ опасныя грамоты, слыша отовсюду, что онъ возмущаетъ ими народъ и козацкую старшину, не догадаются отобрать ихъ у него? И когда же? Когда Богдана дважды послѣ того арестуютъ, сажаютъ въ тюрьму, отнимаютъ все,— а грамоты все таки оставляютъ при немъ! Вообще исторія пребыванія Хмельницкаго со времени похищенія грамотъ и до бѣгства на Запорожье, какъ она представлена въ повѣсти г-жи Р., полна несообразностей. Напр., Хмельницкій вѣрнымъ человѣкомъ предупрежденъ, что его джура Дачевскій подкупленъ и состоитъ шпіономъ у Чаплинскаго; Хмельницкій лично убѣждается, что тотъ предаетъ его на каждомъ шагу, узнаетъ даже, что Дачевскому дано порученіе вѣроломно убить его,—и все таки, по какому то непостижимому равнодушію или упорству, продолжаетъ держать въ своемъ домѣ завѣдомаго шпіона и даже беретъ его съ собой въ походъ, гдѣ тотъ изъ-за спины наноситъ ему почти смертельный ударъ—и послѣ всего остается безнаказаннымъ! Или еще примѣръ: Хмельницкій предупрежденъ, что Чаплинскій съ часу на часъ готовъ предпринять наѣздъ на Суботовъ. Въ такихъ случаяхъ люди того времени или принимали мѣры для защиты и отпора врагу, или же, если это оказывалось невозможнымъ, заблаговременно уходили въ другое, безопасное мѣсто, унося съ собою болѣе цѣнное имущество и ужъ во всякомъ случаѣ не оставляя на произволъ судьбы членовъ своего семейства. Хмельницкій же поступаетъ наоборотъ: уѣзжаетъ въ Чигиринъ какъ будто бы съ жалобою къ старостѣ и, узнавъ, что послѣдній на нѣсколько дней отлучился изъ города, останавливается въ еврейской корчмѣ (вѣдь у него же былъ собственный домъ въ Чигиринѣ!), гдѣ ничего не дѣлая, отъ скуки попиваетъ «брагу» (?) и терпѣливо ждетъ, какъ тамъ Чаплинскій распорядится съ его дѣтьми—двумя дочерьми и малолѣтнимъ сыномъ, оставленными въ Суботовѣ какъ бы намѣренно

на расправу лютому врагу и его пьяной, разнузданной командѣ!... Мало того, получивъ извѣстіе, что Суботовскій хуторъ уже въ рукахъ Чаплинскаго, что его вѣрные слуги перебиты, что Марина уже повѣнчана съ Чаплинскимъ, Богданъ даже не интересуется справиться о судьбѣ дѣтей, и только на другой день случайно узнаетъ, что его сынокъ засѣченъ до смерти. Непостижимо, какъ остались живы и невредимы его красавицы-дочери! Очевидно, авторъ впалъ въ ошибку, такъ какъ отнятіе Суботова случилось гораздо раньше и не совсѣмъ такъ, какъ повѣствуетъ г-жа Р.; по всей вѣроятности, оно произошло неожиданно для Хмельницкаго, въ его отсутствіе,—и это насиліе толкнуло его (и то не сразу, а лишь послѣ неудачнаго обращенія къ правосудію и поѣздки къ королю) на тотъ путь агитаторской дѣятельности, какая въ повѣсти г-жи Р. приписывается ему съ первыхъ же страницъ; а похищеніе грамотъ должно было явиться заключительнымъ актомъ, означавшимъ рѣшимость Хмельницкаго выступить на арену открытой борьбы за народную свободу.

Получивъ отказъ отъ старосты, Хмельницкій идетъ, по словамъ повѣсти, жаловаться на Чаплинскаго *«въ земскій повѣтовый судъ»*. Его «не сразу впускаютъ къ этимъ вершителямъ судебъ (т. е. судьѣ и подсудку), а сперва онъ обращается къ земскому писарю». Писарь, выслушавъ жалобу, идетъ къ судьямъ «съ докладомъ». Судья допрашиваетъ Богдана и предлагаетъ «зайти завтра»: мы молъ «разсмотримъ ваше дѣло и дадимъ окончательный отвѣтъ». И точно, на другой день писарь вручилъ Хмельницкому «письменное рѣшеніе его дѣла».—Вся эта сцена свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ повѣсти имѣетъ совершенно невѣрное представленіе о тогдашнемъ судопроизводствѣ. Во первыхъ, земскаго повѣтоваго суда не было и не могло быть въ Чигиринѣ, какъ *не повѣтовомъ* городѣ, а находились въ то время такіе суды, на цѣлое кіевское воеводство, лишь во трехъ повѣтовыхъ городахъ: Кіевѣ, Житомирѣ и Овручѣ. Во вторыхъ, порядокъ заявленія жалобъ, разсмотрѣнія ихъ и объявленія рѣшеній былъ совсѣмъ не похожъ на тотъ, какимъ онъ изображенъ въ повѣсти. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности тогдашняго судопроизводства; довольно напомнить, что жалобы записывались въ книги, всегда открытыя для всякаго; для разсмотрѣнія же жалобъ назначались опредѣленные сроки, на которые посылались отвѣтчику позвы и проч., судьи не судили ежедневно, а только въ опредѣленныя сессіи или «рочки»; разборъ дѣла не могъ происходить безъ личнаго присутствія истца или его повѣреннаго и т. под. Словомъ, это была довольно

сложная процедура, и Богданъ никакъ не могъ бы справить ее въ два дня.

Потерпѣвъ неудачу въ судѣ, Хмельницкій посылаетъ Чаплинскому формальный вызовъ на *поединокъ*, и тотъ—будто бы принимаетъ его! Послѣднее болѣе чѣмъ невѣроятно, такъ какъ поединки строго были воспрещены Статутомъ, и за подобный вызовъ Чаплинскій не преминулъ бы привлечь Богдана къ суду—такъ какъ выигрышъ дѣла былъ для него очевиденъ.

Опуская другія неточности, въ родѣ того, напр., что послѣдній представитель знаменитаго волынскаго княжескаго рода и образованнѣйшій человѣкъ своего времени, князь Самуилъ-Карлъ Корецкій, вездѣ именуется въ повѣсти просто «паномъ» и обрисованъ въ видѣ ничтожнаго, польскаго шляхтича,—мы укажемъ на одну топографическую невѣрность, тѣмъ болѣе странную, что она касается Кіева. Описывая въѣздъ Хмельницкаго въ этотъ городъ, авторъ говоритъ: «Въ то время предмѣстья Кіева были обширнѣе нынѣшнихъ (!) и тянулись вплоть до Золотыхъ воротъ (!). Они захватывали весь Подолъ (!) и всю ту часть нынѣшняго Кіева, гдѣ находится зданіе университета» (стр. 255). Здѣсь все невѣрно. Подолъ никогда не былъ «предмѣстьемъ» Кіева, а во время Хмельницкаго онъ составлялъ какъ бы центръ Кіева, такъ какъ верхній городъ, лежавшій до того времени въ развалинахъ, едва началъ оправляться лишь незадолго до Хмельницкаго. Что же касается до Золотыхъ воротъ, то неужели же г-жа Р. представляетъ себѣ, будто они находятся гдѣ то внѣ Кіева и при томъ такъ далеко, что нынѣшнія предмѣстья не доходятъ до нихъ? Послѣ этого нечего особенно удивляться сообщенію автора о м. Гощѣ, будто бы она лежитъ на разстояніи всего лишь дня пути отъ Кіева (стр. 256—7).

Мы уже замѣтили, что авторъ повѣсти обладаетъ нѣкоторымъ знакомствомъ съ бытовыми чертами украинской жизни XVII ст. и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи крупныхъ промаховъ. Его описаніе, наприм., Запорожья, хотя сдѣлано по даннымъ быта XVIII ст., не грѣшитъ противъ истины и составляетъ одну изъ лучшихъ главъ повѣсти. Но встрѣчаются и въ этомъ отношеніи погрѣшности, которыхъ мы не можемъ, однако, ставить въ вину автору, въ виду полнаго отсутствія въ нашей литературѣ спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ бытовой исторіи Малороссіи. На головѣ у Марины «кокетливая кибалка», а у Барабашихи—«бархатный корабликъ», изъ подъ котораго то и дѣло «выбиваются ея сѣдые кудри». *Кибалка*

и *корабликъ* точно составляли женскій головной уборъ въ Малороссіи, но только въ XVIII в., а въ XVI—XVII вв. женщины носили «*чепцы*», поверхъ которыхъ повязывалась «намитка» или «завиванье»; а чтобы у такой почтенной особы, какова была Барабашиха, могли выбиваться изъ подъ головного убора «кудри» — это такое неприличіе, какое врядъ ли допуститъ и современная намъ пожилая и степенная хуторянка, въ понятіяхъ которой «свитыть волосомъ» считается большимъ позоромъ.—Въ числѣ напитковъ въ повѣсти безпрестанно фигурируетъ «брага», которую пьютъ даже на пиру у Хмельницкаго. Намъ кажется, что *брага*—спеціально великорусскій напитокъ, перешедшій въ Малороссію въ позднѣйшее время. Не даромъ же у великороссіянъ есть слово «*бражничать*», неизвѣстное украинцамъ. Въ южнорусскихъ историческихъ матеріалахъ XVI—XVII в. упоминаются напитки: медъ, пиво, горилка (оковита), а въ высшемъ быту—венгерскія, французскія и даже испанскія вина; но «браги» не приходилось намъ встрѣчать никогда.—На томъ же пиру у Хмельницкаго подаются на ужинъ блюда въ такомъ невѣроятномъ числѣ и, главное, въ такомъ неестественномъ порядкѣ, что какъ ни выносливы были козацкіе желудки, но едва ли они могли бы справиться съ этимъ винегретомъ, именно: сначала подаютъ рѣзанное ломтями мясо съ подливками и мясные пастеты; на вторую перемѣну—разныя жаркія: каплуны, пулярки, зайцы, оленина (?), кабанина и рябчики; далѣе—свиное сало съ гороховымъ отваромъ, которое гости «глотали, не жуя»; а въ заключеніе, въ видѣ десерта, пироги, блины, творогъ, галушки и простокваша! Гдѣ же это видано, чтобы *галушки* служили десертомъ послѣ сытнаго ужина!—Счетъ денегъ въ повѣсти часто опредѣляется «карбованцами»; это не вѣрно: тогда считали или на *копы* и *гроши* (литовскіе), или на «золотые» (польскіе).

Несмотря на все нами выше сказанное, мы вполнѣ признаемъ за авторомъ «Богдана Хмельницкаго» талантъ хорошо и занимательно пересказать юношеству исторію одного изъ лучшихъ нашихъ народныхъ героевъ и признаемъ книгу его вполнѣ заслуживающею вниманія читателя, почему и желаемъ ей полнаго успѣха, и думаемъ, что при вторичномъ ея изданіи, быть можетъ, наши замѣчанія во многомъ пригодятся автору.

Въ заключеніе—два слова о внѣшности изданія. Книга издана очень роскошно и снабжена превосходными иллюстраціями, по акварелямъ художника Микѣшина. Рисунки почти во всѣхъ подробностяхъ вѣрны эпохѣ.

О. Л.

Юліанъ Солтыкъ-Романскій. Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра, Т. І. Слово о Полку Игоря древнеславянская (?!) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій и польскій. Львовъ (30+140 стр.) ц. 1 гульд.

Довольно вычурная по своей внѣшности, книжка эта состоитъ изъ двухъ вступительныхъ статей о поэтическомъ памятникѣ, польской и русской (принадлежащей перу г. Николая Гербеля и помѣщенной въ сокращеніи, между прочимъ, въ его уже рѣдкомъ нынѣ изданіи, которое слѣдовало бы повторить, «Поэзія Славянъ» 1871 г.). Текстъ знаменитаго «Слова» расположенъ такъ, что на одной страницѣ помѣщены древнерусскій подлинникъ, напечатанный церковными буквами, и новорусскій переводъ Н. Гербеля, а на другой чешскій переводъ Яроміра Эрбена (прозаическій) и польскій епископа А. Ст. Красинскаго (стихотворный). Въ концѣ книги помѣщены примѣчанія, которыми снабжены эти переводы.

Идея изданія, пожалуй, недурна, но въ исполненіи его, особенно со стороны историко-литературныхъ и филологическихъ познаній издателя, можно бы пожелать большей подготовленности и дѣльности. Такъ, во вступительной польской статьѣ, принадлежащей перу самого издателя, можно было бы еще помириться съ общей характеристикою «Слова», о которой заявляется въ выноскѣ, что она повторена г. Бартошевичемъ въ его исторіи литературы безъ упоминанія источника, и съ нѣкоторыми сближеніями «Слова» съ «Краледворскою рукописью», но за то лингвистическія разсужденія его мало удачны. Откуда, напр., взялъ издатель, что, во 1-хъ «Слово» составлено на славянскомъ языкѣ (!), во 2-хъ, что выраженія *обычаи*, *тропа*, *дно*, *жаба*, *зеліе*, *прикладъ*, *челядь* и др. «вышли изъ употребленія» (wyszły z użycia) въ новомъ русскомъ языкѣ? [X и XI стр.]. Можно ли съ такими свѣдѣніями въ русскомъ языкѣ и литературѣ пускаться въ разсужденія о столь важномъ памятникѣ древнерусской словесности?

Затѣмъ въ пониманіи трудныхъ мѣстъ памятника издатель черезчуръ уже своеобразенъ и пускается въ толкованія, такъ сказать, «безъ руля и безъ вѣтрилъ». Такъ, выраженіе «нъ рози нося» онъ понимаетъ: *рогоносцы*, т. е. волы (!).

Въ выраженіе «пардуже гнѣздо» подъ *пардусомъ* онъ хочетъ понимать не леопарда или шакала (къ чему же это! кто же не знаетъ, что въ древнемъ русскомъ языкѣ, по азбуковникамъ, слово *пардусъ* толкуется: *звѣрь*, *рысь*!), а какую то *пардву*, по его объясненію, родъ

большихъ куропатокъ (tetrao jagopus), потому что, де, шакалы не могутъ разсыпаться изъ гнѣздъ (!) (szakale nie mogą rozsypywać się z gniazda).

Вотъ до чего можно дойти съ такой наклонностью къ философствованію, заслуживающей лучшаго примѣненія! Наконецъ, издатель не позаботился даже о примиреніи противорѣчивыхъ объясненій гг. переводчиковъ; онъ взялъ, перепечаталъ тексты и замѣчанія и счелъ свое дѣло конченнымъ. Что ему за дѣло до разныхъ тамъ противорѣчій въ пониманіи памятника! И вотъ онъ преспокойно помѣщаетъ, напримѣръ, два прямо противоположныя объясненія личности великаго князя Всеволода, который, по выраженію пѣвца, можетъ «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти»: одно вполнѣ вѣрное, Гербелево, по которому это—Всеволодъ Юрьевичъ, великій князь Владиміра Залѣсскаго (на Клязьмѣ), слѣдовательно тотъ князь, который въ нашей исторіи извѣстенъ подъ именемъ Большаго Гнѣзда; а другое—Красинскаго, по мнѣнію котораго слишкомъ уже невозможному, это—Всеволодъ III, сынъ Олега Тмутараканскаго, князь во Владимірѣ Волынскомъ (!?) [Wsewołod III, syn Olega Tmutarakańskiego, książe na Włodzimierzu Wołyńskim]. И издатель счелъ возможнымъ оставить въ своей книгѣ подобныя нелѣпости безъ оговорки!?

А. Степовичъ.

Iłgowski.—Ostatnia starościna Zwinogrodzka.—Kraków 1888. (Илговскій.—Жена послѣдняго звенигородскаго старосты).

Подъ этимъ заглавіемъ вышла въ Краковѣ небольшая книжка, представляющая обстоятельный очеркъ исторіи города Звенигородки. Авторъ выбралъ изъ изданныхъ документовъ и лѣтописей все то, что можно было найти относительно исторіи данной мѣстности, и попытался составить ея исторію; конечно, пробѣловъ въ разсказѣ много, потому что извѣстный понынѣ матеріалъ весьма скуденъ; есть цѣлыя столѣтія, въ теченіи которыхъ источники вовсе не упоминаютъ объ имени Звенигородки; при томъ болѣе древнія извѣстія не точны и сбивчивы, и г. Илговскій не всегда успѣлъ избѣжать повторенія завѣдомо ошибочныхъ свѣдѣній: такъ, первое упоминаніе о Звенигородкѣ онъ заимствовалъ изъ сочиненія Стрыйковскаго и, вслѣдъ за этимъ авторомъ, относитъ его къ 1331 году—ко времени побѣды Ольгерда надъ татарами у Синей воды; конечно, это довольно

крупная хронологическая ошибка, на которую авторъ напрасно не обратилъ вниманія: Ольгердъ не могъ въ 1331 году совершить похода на татаръ, по той простой причинѣ, что еще въ то время не княжилъ; отецъ Ольгерда в. к. Гедыминъ погибъ въ 1341 году, Ольгердъ же занялъ великокняжескій столъ только въ 1345 г. послѣ удаленія изъ Вильны Явнутія. Очевидно, походъ на Синія воды слѣдуетъ отнести къ болѣе позднему времени и указанія русскихъ лѣтописей на 1362 годъ гораздо вѣроятнѣе даты Стрыйковскаго, котораго хронологія вообще не выдерживаетъ критики.

Вторая половина сочиненія г. Илговскаго, подавшая ему поводъ дать всей книжкѣ приведенное заглавіе, составлена авторомъ по рукописному матеріалу, который онъ нашелъ въ архивѣ мѣстнаго костела. Это подробная исторія семьи послѣдняго звенигородскаго старосты, Феликса Солтыка; староство было ему пожаловано королемъ въ 1760 году и оставалось въ его владѣніи до смерти въ 1788 г.; затѣмъ его вдова выхлопотала для себя право на пожизненное владѣніе староствомъ и пользовалась его доходами до 1803 года. Во время управленія Солтыковъ въ звенигородскомъ староствѣ кромѣ 9 селъ, существовавшихъ раньше, возникло 18 новыхъ поселеній; авторъ перечисляетъ эти села, но къ сожалѣнію не указываетъ точныхъ датъ ихъ возникновенія, что было бы вполнѣ умѣстно въ монографіи, посвященной исторіи опредѣленной мѣстности, и легко въ виду архивнаго мѣстнаго матеріала, которымъ пользовался г. Илговскій. Затѣмъ авторъ разсказываетъ довольно подробно дѣятельность Солтыковой въ то время, когда пожилая вдова старосты поселилась въ Звенигородкѣ послѣ смерти мужа; потерявъ единственную дочь, она искала утѣшенія въ молитвѣ и всѣ богатые доходы староства употребляла на цѣли благотворительныя; впрочемъ, подчинившись вліянію мѣстнаго приходского священника, ксендза Грабовскаго, Солтыкова дала своей благотворительности довольно одностороннее направленіе: въ числѣ ея крупныхъ пожертвованій, перечисленныхъ г. Илговскимъ, мы не встрѣчаемъ ни разу мысли о какомъ либо учрежденіи, полезномъ для массы народонаселенія староства; всѣ пожертвованія имѣютъ цѣлью лишь вспомоществованіе интересамъ католической церкви: Солтыкова истратила около 200,000 злотыхъ на постройку въ Звенигородкѣ каменнаго костела, оставила крупный капиталъ, на счетъ котораго послѣ ея смерти была учреждена въ Звенигородкѣ католическая семинарія (существовавшая съ 1816 по 1839 г.) и т. д. Очевидно, послѣдняя звенигородская старостина все-

цѣло принадлежала по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ къ заурядному шляхетскому кругу своего времени; даже либеральныя вліянія, нѣсколько волновавшія болѣе просвѣщенные шляхетскіе кружки во время четырехлѣтняго сейма, вовсе ея не коснулись; ей ни разу не приходила въ голову мысль о томъ, насколько неестественно жертвовать громадные доходы, извлекаемые изъ труда православныхъ крестьянъ староства, исключительно въ пользу чуждой имъ церкви, забывая совершенно интересы того народонаселенія, трудъ котораго и былъ источникомъ жертвуемыхъ ею капиталовъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что книжка г. Илговскаго издана весьма изящно и даже роскошно—она иллюстрирована пятью рисунками, изображающими: портреты Солтыковой и ея дочери, найденные авторомъ въ складахъ костельнаго хлама, видъ звенигородскаго костела и два герба города Звенигородки: прежній (1791) и современный.

В. А.

Deux voyages en Asie au XIII-e siècle par Guillaume de Rubruquis envoyé de Saint Louis et Marco Polo marchand venitien. (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et litteraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la Bibliotheque de l'Arsenal). Paris. Delagrave. 1888.

Нельзя не отдать должнаго французамъ, какъ замѣчательнымъ популяризаторамъ всякихъ научныхъ свѣдѣній. Не только отдѣльные научные вопросы излагаются ими мастерски просто, занимательно и въ то же время вполнѣ научно, но для пользованія публики издаются цѣлые литературные памятники, имѣющіе глубокій интересъ въ научномъ отношеніи. При этомъ изданія эти отличаются замѣчательнымъ изяществомъ, чистотой и дешевизной. Доказательствомъ можетъ служить коллекція in 12° цѣлаго ряда учено-популярныхъ работъ лучшихъ французскихъ ученыхъ, коллекція, въ составъ которой входятъ: Biologie, Linguistique, Anthropologie, Pédagogie и т. д. Теперь издательская фирма Delagrave уже выпустила въ свѣтъ цѣлую серію путешествій, въ которую вошли записки Рубруквиса и Марко-Поло. Путешествіе перваго, какъ извѣстно, относится къ 1253 году, а втораго къ 1271 году. О важномъ значеніи въ научномъ отношеніи этихъ записокъ нечего и говорить. Для русскаго ученаго онѣ имѣ-

ютъ особенный интересъ, особенно записки Рубруквиса. Онъ изъ Константинополя проѣхалъ въ Азію чрезъ Крымъ и Южную Россію.

Марко-Поло въ Россіи никогда не былъ и посвящаетъ ей лишь одну послѣднюю главу: «De la province de Rutheni». Но и тотъ и другой сообщаютъ массу историческихъ, этнографическихъ и археологическихъ данныхъ о народахъ урало-алтайскихъ, изъ которыхъ многіе принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ русской исторіи. Записки обоихъ этихъ путешественниковъ издавались много разъ, но всѣ эти изданія сдѣлались положительной рѣдкостью.

Къ числу изданій, перечисленныхъ у Аделунга въ его трудѣ «Литературныя извѣстія о древнѣйшихъ путешествіяхъ иностранцевъ по Россіи» можно прибавить еще одно, именно въ «Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis», Fejer'a (v. IV, pars 2) Записки Марко Поло были переведены и на русскій языкъ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Шемякинымъ (1861 г. ч. III, IV, 1862 г. ч. I—IV). И сборникъ Гаклюйта, и Бержерона, и Fejer'a—изданія весьма дорогія, могущія быть достояніемъ лишь большихъ библіотекъ, да въ настоящее время и весьма рѣдкія. Русское изданіе Марко-Поло теперь также почти вышло изъ продажи. Всѣ эти обстоятельства придаютъ важное значеніе изданію, заглавіе котораго мы только что выписали. Оно сдѣлано весьма изящно in 12° и на 307 страницахъ мелкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма четкаго и красиваго шрифта заключаетъ полный текстъ путешествій Рубруквиса и Марко-Поло. Текстъ взятъ изъ сборника Бержерона (Voyages faits en Asie), но издатель Мюллеръ производилъ при этомъ тщательное сличеніе бержероновскаго текста съ текстами другихъ изданій и особенно съ изданіемъ Дидо 1845 года съ примѣчаніями ученаго синолога Потье (Pauthier). Такимъ образомъ, текстъ Бержерона въ сомнительныхъ мѣстахъ былъ пополняемъ и исправляемъ на основаніи лучшихъ текстовъ. Изданіе снабжено весьма незначительнымъ числомъ примѣчаній, не имѣющихъ, впрочемъ, значенія. Замѣтимъ въ заключеніе, что цѣна изданія болѣе, чѣмъ умѣренная,—всего одинъ франкъ.

П. Голубовскій.

Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра отъ Смоленска до лимана, произведеннаго днѣпровскою описною партіею въ 1875—1883 г. подъ начальствомъ генералъ-маіора Поликарпова 1-го С.-Петербургъ, 1887. 16⁰. 79 стр. Подробные планы рѣки Днѣпра, раздѣленные на пять участковъ: 1) отъ Смоленска до Лоева; 2) отъ Лоева до Кіева; 3) отъ Кіева до Екатеринослава; 4) отъ Екатеринослава до Александровска и 5) отъ Александровска до лимана. Изданы статистическимъ отдѣломъ М—ва Путей Сооб. С.-Петербургъ. 1886. In-folio.

Происхожденіе этого изданія изложено въ «Объяснительной запискѣ къ изданію плановъ и профилей рѣкъ Оки, Днѣпра и Камы, изслѣдованныхъ описными партіями» (Спб. 1887. 16⁰. 15 стр.), въ которой читаемъ: «26 декабря 1874 г., по Всеподданнѣйшему докладу г. министра п. с. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на изслѣдованіе внутреннихъ водяныхъ путей имперіи. Цѣль этого изслѣдованія: подробное ознакомленіе съ состояніемъ рѣкъ и озеръ и со способностью ихъ для внутренняго судоходства, возможность правильной обстановки ихъ предостерегательными знаками и составленіе основательныхъ проектовъ расчистки и улучшенія этихъ водъ.—Работы описныхъ партій по изслѣдованію внутреннихъ водъ сначала производились подъ руководствомъ Высочайше утвержденной навигаціонно-описной коммиссіи, а по ея упраздненіи, производятся подъ руководствомъ техническаго отдѣла д—та ш. и в. с.—Изданіе плановъ и профилей изслѣдованныхъ рѣкъ, для общаго употребленія возложено на статистическій отдѣлъ М—ва П. С.»—Далѣе объ изданныхъ такимъ образомъ статистическимъ отдѣломъ «Подробныхъ планахъ», говорится: «Подробные планы издаются въ масштабѣ 50, 100, 200 саж. въ 0,001 сажени, смотря по ширинѣ русла рѣки. Въ эти планы входятъ всѣ подробности, назначенныя на оригиналахъ, составленныхъ описными партіями, за исключеніемъ части береговой полосы, которая, въ видѣ удешевленія изданія, напечатана въ упомянутыхъ масштабахъ только шириною около 250 саж. въ обѣ стороны рѣки отъ урѣза воды».

Изъ приведеннаго описанія изданныхъ плановъ видно, что назначеніе ихъ чисто спеціальное—«ознакомленіе со способностью рѣкъ для внутренняго судоходства». Для историка на этихъ планахъ интересны указанія на старыя русла Днѣпра, извѣстныя подъ именемъ «стариковъ». Извѣстно, что на пологихъ берегахъ Днѣпръ очень часто измѣняетъ свое теченіе, прокладывая новые пути для своихъ водъ. При этомъ нерѣдко прибрежныя поселенія терпятъ разореніе, а

иногда принуждены бываютъ перемѣщаться вмѣстѣ съ своею рѣкою. Перемѣна руслъ происходитъ обыкновенно при весеннихъ разливахъ, которые, перемѣщая съ собою массы рѣчнаго песку, засыпаютъ («заметаютъ») цѣлые дворы. Теперешнее кобеляцкое мѣстечко Орликъ населено тѣми изъ жителей Стараго Орлика, усадьбы которыхъ перемѣстившій здѣсь въ началѣ XVIII в. прежнее свое русло Днѣпръ «замелъ пескомъ». На старыхъ днѣпровскихъ руслахъ нерѣдко появляются значительные острова, изъ за которыхъ обыкновенно возникаютъ между жителями ближайшихъ къ нимъ селъ безконечные споры... Яблокомъ раздора при этомъ служитъ обыкновенно та превосходная лоза, которою покрываются такіе острова.

Изданные М—вомъ П. С. планы Днѣпра сколько намъ извѣстно, въ обычную продажу не поступали.

А. Л.

Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ (Справочная книга для одесситовъ и пріѣзжихъ). Адресъ Календарь съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городскаго и русскаго театровъ. Изданіе В. В. Скидана. Одесса, 1889 г. стр. I—XXIII, 1—395, цѣна 60 к.

Доступная по цѣнѣ и хорошо изданная книга, необходимая и для пріѣзжихъ, и мѣстныхъ жителей, по той разнообразной массѣ отвѣтовъ, которые могутъ быть вызваны вопросами частной и общественной жизни въ г. Одессѣ.

Н. Т.

Виленскій Календарь на 1889 годъ (шестой годъ изданія) съ тремя рисунками. Вильна 1888 г. Цѣна 30 к. стр. 1—319.

Изъ массы провинціальныхъ календарей это самый лучшій и по содержанію, и по внѣшнему виду, и по дешевизнѣ.—Кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній (118 стр.), въ календарѣ мы находимъ слѣдующія статьи, знакомящія насъ какъ съ настоящею, такъ и съ прошлою жизнью въ Литвѣ: 1) о посѣщеніи и. в. в. к. Михаиломъ Николаевичемъ, Сергіемъ Михайловичемъ, Владиміромъ Александровичемъ и супругою его в. к. Маріею Павловною нѣкоторыхъ храмовъ литовской епархіи въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г., 2) о посѣщеніи и. и. в. в. к. Владиміромъ Александровичемъ и в. к. Маріею

Павловною, во время поѣздки въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г. по сѣверо-западному краю, ковенской гимназіи и нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній г. Минска и объ участіи учащихся разныхъ учебный заведеній г. Бреста во встрѣчѣ ихъ высочествъ, 3) проподобная Евфросинія, княжна полоцкая (съ рисункомъ), В. А. фонъ-Роткирха, 4) Каѳедральный Іосифовскій соборъ въ губ. гор. Могилевѣ, 4) Церковная унія (краткій истор. очеркъ) К. Ш., 5) Уніатскій вопросъ въ 1772—1827 гг. А. Бѣлецкаго, 6) Іосифъ, митрополитъ литовскій и виленскій (съ его портретомъ) К. В. Ши—аго и нѣсколько некрологовъ скончавшихся въ минувшемъ 1888 г. русскихъ дѣятелей въ сѣверо-западномъ краѣ.

Н. Т.

Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 и 1889 г.

Кіевлянинъ (265—285, 1—14). *Кіев. Слово* (557—583). *Черниг. Губ. Вѣд.* (98—102, 1—5). *Волынскія Епарх. Вѣд.* (361—1). *Волынск. Губ. Вѣд.* (911, 1—4). *Волынь* (144—165) (1—15) *Подольскія Епарх. Вѣд.* (50—52). *Бессарабск. Губ. Вѣд.* (127—135, 1—5). *Екатериносл. Губ. Вѣд.* (98—102). *Крымъ* (107—124, 1—6). *Харьков. Губ. Вѣд.* (235—236, 1—13). *Южный Край.* (2738—2762). *Воронеж. Епарх. Вѣдомости* (1). *Донъ* (102—146, 1—4). *Донская Рѣчь* (122—128, 1—6). *Елисав. Вѣстн.* (7—12). *Одесскій Вѣстникъ* (1—14). *Новороссійскій Телеграфъ* (4293—4305). *Одесскій Листокъ* (1—10). *Южанинъ* (1—12). *Орловскій Вѣстникъ* 123—168, 1—7). *Минскій Листокъ* (1—3). *Кубанскія Област. Вѣд.* (49—52). *Сибирскій Вѣстникъ* (80—85). *Червоная Русь* (132—151, 1—2).

Кіевлянинъ №№ 265—283, 1—14. 266. *Предстоящія живописныя работы во Владимірскомъ соборѣ.*

Извѣстіе о предполагаемомъ въ память 100-лѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи изданіи «Изслѣдованія церковноисторической жизни Подоліи».

267. *Некрологъ А. И. Линниченка,* бывшаго начальника кіевскихъ Фундуклеевской и Подольской женскихъ гимназій.

Библіографич. замѣтка—Г. о книгѣ Е. Шмурло «Митрополитъ Евгеній, какъ ученый».

Перепечатка изъ «Новостей» нѣсколькихъ эпизодовъ осады Очакова въ 1788 г.

Перепечатка изъ «Нов. Времени» эпизода изъ дѣятельности переяславскаго (полт. г.) капитанъ-исправника 1-й четверти текущаго столѣтія Самойлова.

269. *Звенигородскій кладъ.* Сообщеніе гр. А. А. Бобринскаго объ этомъ кладѣ въ археологич. обществѣ.

Засѣданіе историческаго общества 11 декабря. Отчетъ о рефератахъ И. И. Малышевскаго, А. А. Дмитревскаго и М. И. Лилеева.

Корресподенція изъ м. Жашкова, таращ. у. кіев. г., о мѣстныхъ кустарныхъ промыслахъ.

Корреспонденція изъ м. Новоконстантинова, подол. г. о находкѣ старинныхъ пуль.

270. *Интересное изслѣдованіе.* Объ изслѣдованіяхъ д-ра Талько-Гринцевича надъ продолжительностью жизни населенія звениг. у. кіев. губ.

271. *Засѣданіе общества кіевскихъ врачей 3 декабря.*

272. *Открытіе дома трудолюбія въ Кіевѣ.*

273. *Мірскіе капиталы крестьянъ въ кіев. губ.*

275. *Некрологъ* о. Даніила Левицкаго, настоятеля церкви Свято-Владимірскаго братства во Владимірѣ-Волынскѣ, знатока церковной старины.

Дѣтскія книги. Отзывъ о книгѣ г-жи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

276—278. *Присоединеніе къ православію стремигородскихъ и зубовщинскихъ чеховъ, кіев. губ. радомысл. у.*

277. Извѣстіе о предстоящей реставраціи Кіево-Софійскаго собора.

Некрологъ т. с. П. П. Максимовича, кіевскаго уроженца, послѣдняго изъ воспитанниковъ старой кіевской академіи.

Отчетъ о XII т. Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej.

279. Корреспонденція изъ м. Триполья, кіев. г., о небольшомъ кладѣ древнихъ монетъ, захваченномъ мѣстными евреями.

282. *Засѣданіе общества кіевскихъ врачей 17 декабря.*

283. *Дѣятельность каменецъ-подольской коммиссіи Императорскаго челавѣколюбиваго общества въ 1887 г.*

1. *Юго-западный край въ 1888 г.*

Корреспонденція изъ радомысл. у. о народныхъ школахъ.

3. *Передвижная выставка Имп. академіи художествъ въ 1888—89 г.* Изъ картинъ, сюжеты которыхъ взяты ихъ южно русской природы и жизни здѣсь отмѣчены: Сергѣева — «Ночь наступила», Мещерскаго — «У кавказскихъ береговъ Чернаго моря», В. Д. Орловскаго — «Охотники», Н. И. Мурашко — «Днѣпръ», Г. П. Кондратенко — «Ночь въ Бахчисараѣ» и «Ночь въ Крыму», К. Я. Крыжицкаго — «Гроза собирается» и «Хуторъ въ Малороссіи», С. И. Васильковскаго — «Малороссійскій видъ», Х. П. Платонова — «Наймичка».

7, **8**, **9**, *Записка о состояніи и дѣятельности Императ. университета св. Владиміра въ 1888 г.*

— *Десятилѣтіе кіевскаго драматическаго общества.*

— Перепечатка изъ «Черн. Губ. Вѣд.» анекдота, имѣвшаго мѣсто при проѣздѣ черезъ г. Березну имп. Екатерины II.

— *Актъ 8 янв. въ унив. св. Владиміра.*

8 *Общее собраніе членовъ Богоявленскаго братства при кіевской духовной академіи.*

9. *Магистерскій коллоквіумъ въ кіевской дух. академіи.* О защитѣ Г. Я. Крыжановскимъ диссертаціи на степень магистра богословія подъ заглавіемъ «Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ».

Перепечатка изъ «Южн. Края» анекдота о поголовномъ сѣченіи харьк. извощиковъ бывшимъ харьков. генералъ-губернаторомъ Кокошкинымъ.

10. *Спб. общество вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ унив. св. Владиміра.* Отчетъ о дѣятельности этого общества.

Крестьянскіе хлѣбные запасы и продовольственные капиталы въ кіев. губ.

Перепечатка изъ № 1 «Кіев. Старины» о томъ, какъ запорожцы посылали изъ Петербурга въ Сѣчь за водкою.

11. Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода о дѣятельности типографіи Кіево-Печерской лавры въ 1886 г.

Контрабандныя раскопки кургановъ съ научною цѣлью. «Возлѣ с. Лосятина, васильк. у., въ 18 в. отъ Бѣлой Церкви, въ имѣніи гр. Браницкой осенью прошлаго года произведена была краковскими археологами раскопка одного замѣчательнаго кургана. Раскопка совершена была по всѣмъ правиламъ археологическаго искусства. Что нашли въ курганѣ краков. ученые неизвѣстно, какъ и то, по какому праву они производили раскопку. Говорятъ, будто ими было получено разрѣшеніе отъ спб. археологич. общества».

12. Краткій некрологъ земскаго врача новозыбковскаго у. черниг. губ. П. С. Евсѣенка, воспитанника унив. св. Владиміра.

Кіевское Слово №№ 557—583. 558. Корреспонденція изъ Бердичева. Приводится текстъ заговора отъ укушенія змѣи: «Господу Богу помолюся, Матери Божей Пречистой поклонюся. Изъ видки сонечко сходыть, Изъ видты Іисус Христосъ приходить. Помощь мени приносить. Маты Божа приступае, И я приступаю, Маты Божа помогае, И я помогаю, Гадыну замовляю: На гори, гори Іоньской, На води Іорданской, Тамъ лежала гадына Зофія. Гадыно Зофія! Прикажь гаду, Щобъ не роспускавъ яду До жовтои кости, До червоной крови, До щираго сердця, До румянаго лица, До раба Божаго Крещенаго, священнаго Молитвеннаго Ивана. На Іосафатовой долини, На перекрестному шляху Тамъ стояли: Сава И Варвара и Микола, И Покрова, и Святе Благовищенье; Ясныя свичи посвитылы Господа милосерднаго просилы И молились и благословились *За хрестьянску виру* За раба Господня Ивана».

Если заговариваемое лицо женскаго пола, то упоминается Овдюшка. Эти два имени: *Иванъ* и *Овдюшка* говорятся всегда, хотя бы въ дѣйствительности имена больныхъ были и другія.

Въ томъ случаѣ, когда приходится «одмовлять» какое либо животное, то молитва читается такая же, только, когда рѣчь идетъ о лошади, стихъ: «за хрестьянску виру» выбрасывается.

— И про свинью можно говорить и про скотыну, а про коня нельзя,— сообщала мнѣ баба.

Я спросилъ, почему для лошади дѣлается подобное исключеніе.

— Свинья и всякая другая скотина святятся, вотъ, напримѣръ, у Великъ-День когда пасхи святятся, а лошадь не святится,—объясняла баба,—потому про нее и нельзя говорить: «за хрестьянску виру».

560. *Объ открытіи перваго кіевскаго дома трудолюбія.*

Корресп. изъ екатериносл. губ. О курганахъ близь с. Чернявщины и д. Алексѣевки павлоград. у. екатер. губ.

Корресп. изъ Харькова. Краткій некрологъ бывшаго профес. астрономіи въ харьков. у—тѣ И. И. Ѳедоренка.

551. Замѣтка о соч. А. В. Гурова «Геологическое описаніе полтавской г.». *Кіевскіе календари.*

562. Отчетъ объ 11-мъ очередномъ собраніи кіев. общ. естествоиспытателей.

563, **565**. *Тяжкій грѣхъ бабы Солохи.* Разсказъ изъ малорусской народной жизни.

564. О картинѣ Неврева «Ярославъ Мудрый напутствуетъ дочь свою Анну въ замужество француз. королю Генриху I». I. Августина.

567. Отчетъ о засѣданіи общества кіевскихъ врачей 17 декабря.

Извѣстіе о кладѣ, найденномъ въ лѣсу близь д. Гавронщины, кіев. у.

568. Перепечатка изъ Хар. Губ. Вѣд. корреспонденціи изъ кобелякскаго у. полт. губ. о народныхъ обычаяхъ на Рождество Х—во и Новый Годъ.

571. *Изъ отчета о 3-мъ присужденіи преміи гр. Толстаго.* Изъ кіевскихъ ученыхъ получилъ премію въ 400 р. А. I. Степовичъ за «Очеркъ исторіи чешской литературы».

572. Корреспонденція изъ Бердичева. О прекращеніи дѣятельности бердич. драматич. общества.

574. Перепечатка изъ «Южн. Кр.» корреспонденціи изъ Лохвицы о дѣятельности мѣстнаго общества сельскаго хозяйства.

575. Кіевскіе подкидыши,—А. С—кій.

—Земская дѣятельность Г. П. Галагана. Выдержки изъ статьи Ѳ. Г. Мищенка («Кіев. Стар.» № 12).

576. Актъ 8 янв. въ университетѣ св. Владиміра.

579. *Малороссы за Волгой.* Извлеченіе изъ III вып. «Трудовъ саратовской архивной коммиссіи».

Черниговскія Губерн. Вѣдомости 1888. № 98—102. 1889. № 1—5.

№ 99. Николая Гармашева. Къ исторіи края: *Домницкій монастырь по описанію прошлаго вѣка.*

Нами случайно пріобрѣтена старинная рукопись половины прошлаго вѣка, имѣющая слѣдующее заглавіе:

«Копіи со всѣхъ крепостей монастыря домницкаго, по коимъ оный монастырь владѣетъ наданными от гетмановъ искупленными в разныхъ мѣстахъ грунтами, мелницами, озерами, полями и селомъ Дурнями.—Вписаны в'сію книгу 1750 года Іюня мѣсяца во время бытности в томъ монастырѣ игумена и в чернѣговской катедрѣ намѣсника его высокопревелебія отца Іосифа Миткевича».

По внѣшнему виду рукопись наша была переплетена и обрѣзана, но теперь вырвана изъ переплета. Писана рукопись крупнымъ красивымъ почеркомъ на полулистахъ сѣроватой бумаги. Страницы перенумерованы чьей то чужой рукой. На узенькихъ поляхъ противъ нѣкоторыхъ актовъ находятся отчерки, нотабены; мѣстами попадаются поправки, сдѣланныя также чужой рукой, быть можетъ, самого о. игумена Іосифа Миткевича.

По содержанію рукопись дѣлится на три части. Сначала идетъ краткое историческое описаніе [1]) Домницкаго монастыря, далѣе слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ гетманскіе универсалы (Мазепы, Скоропадскаго, Апостола), данные «на владеніе тому монастыру... грунтами, мелницами, озерами, полями и другими угодіи»; въ концѣ идутъ всевозможныя выписи изъ книгъ мѣскихъ, записи, росписи, духовницы и купчія, данныя «отъ разныхъ званій людей монастыру домницкому на владѣніе купленними у ихъ грунтами, мелницами, полями, сѣнокосами и протчиімъ». Всѣхъ документовъ около сотни. Представляютъ они драгоцѣннѣйшій матеріалъ какъ для исторіи самой Домницкой обители, такъ и сосѣднихъ съ нею селъ и мѣстечекъ: Березнаго, Дурней, Салтыковой Дѣвицы и другихъ. Въ виду такого значенія нашей рукописи, мы, по мѣрѣ переписки заключающагося въ ней матеріала, будемъ сообщать его редакціи «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» для печатанія. На этотъ разъ предлагаемъ первую часть рукописи:

Описаніе монастыря домницкаго въ какомъ онъ году и чьимъ иждивеніемъ состроенъ и о прочемъ какъ ниже поименовано.

1) Оной монастырь въ 1696 году построенъ иждивеніемъ и старателствомъ бывшого гетьмана малороссійского Ивана Мазепы, какъ то: церковъ большую, однопрестолну, которая и нынѣ есть, храмъ Рождества пресвятыя Богородецы внутръ монастыря, въ оную иконостасъ утвари, всѣ вещи, сосуды, книги

---

[1]) Это описаніе занесено переписчикомъ въ рукопись значительно позже написанія оной.

и прочое належащее къ священнослуженію надалъ и монастырь деревяною оградою обнесъ и келеи построилъ деревяніи, и унѣверсаломъ своимъ ствердилъ.

2) Гдѣ монастырь состроенъ прежде было пахатное поле, при коемъ зарослъ небольшого дерева, въ той зарослѣ явилась чудотворная икона въ коемъ году, какъ и кому знать нѣ почему.

3) Съ того времени близъ мѣста того состроена была церковъ храмъ Рождества пресвятыя Богоматере съ тесовыхъ досокъ, въ коей и священнослуженіе отправляемо было близъ десяти лѣтъ, пока состроенъ монастырь вышепрописанымъ Мазепою, по доказательству старожиловъ, а чьимъ иждивеніемъ оная построена о томъ неизвѣстно.

4) Къ оному монастырю онъ же Мазепа 1700 года мая 13 дня деревню Дурнѣ, въ коей дворовъ 25 со всѣми къ ней принадлежащими грунтами такожъ озера, рыболовлѣ и мелницу о двух колахъ состоящую на озерѣ Домницѣ, близъ неи луга, пахатное поле съ гаемъ, при своемъ унѣверсалу надалъ.

Мѣстоположеніе оного монастыря на ровномъ сухомъ и пѣсчаномъ имѣетъ окрестъ его съ 1-й сторонѣ восточной разнаго дерева лѣсъ, съ 2-й стороны отъ Березнаго вышепрописанная мелница. За оною пахатное поле.

5) Въ монастырѣ церквей четыре: первая, внутръ монастыря, деревяная, болшая выстроена коштомъ, зъ средины вымалевана съ горы донизу (кромѣ олторя) иждивеніемъ жителя березинского Григорія Сечевицы въ 1751 году за игумена оного монастыря Саввы Любовича и подъ мурована съ исподу кирпичомъ коштомъ монастырскимъ, Вторая, внутрѣ монастыря, неболша, деревяна жъ, теплая, однопрестолная, Преображеніе Господне, при оной трапеза и келія, построилъ оную своимъ иждивеніемъ обозный генералный Скоропадскій въ какомъ году неизвѣстно. Третая, каменна, неболшая, на брамѣ однопрестолна храмъ святителя Николая, состроена коштомъ монастырскимъ, начата строится за бывшого игумена Іероѳея Малѣцкаго въ 1772 году, закончена въ 1779 году за нынѣшняго игумена Діонисія Левандовскаго. Четвертая, внѣ монастыря, деревяная, неболшая, на томъ мѣстѣ, гдѣ икона явилась, однопрестолна храмъ великомученицы Параскевы, оную построилъ своимъ иждивеніемъ бывшій сотникъ столинскій Іосифъ Сичевскій въ какомъ году неизвѣстно.

6) Оной монастырь въ пожарѣ никогда не былъ, округъ же его ограда прежде сего была вся деревяна и необширна а за прежде бывшого игумена Іероѳея построена общирнѣе в полъ каменная, а въ полъ деревяна иждивеніемъ монастырскимъ; въ окружности состоитъ ввесь монастырь треаршинныхъ саженъ 280.

Въ немъ келій деревянныхъ 11, хлѣбная пекарня 1.

7) По явленіи иконы и по выстройки съ досокъ церкви какъ вышейпрописано были начальники: 1. Климентъ, 2. Діонисій, 3. Инокентій, 4. Генадій и 5. Макарій, а когда они родились и отъ какихъ родителей, и что происходило

до времени ихъ и въ монастырѣ домницкомъ сколько житія ихъ было и гдѣ кто умре, или переселенъ никакихъ достопамятныхъ записокъ въ монастырѣ не сыскано, потому и знать нѣ почему.

8. По выстройки жъ Гетьманомъ Мазепою монастыря были игумены: первый Варлаамъ Василіевичъ выбылъ въ Троецкій черниговскій ильинскій монастырь архимандритомъ, вторый Димитрій Винѣцкій въ Домницкомъ монастырѣ умре, третый Иоаникій Дубравскій въ семъ монастырѣ умре, четвертый Андрей Осмаковскій потомъ переведенъ въ Борисоглѣбскій катедральный монастырь намѣстникомъ, пятый Іоанъ Дубинскій оной переведенъ архіереемъ въ городъ Нижной, по немъ повторно былъ Андрей Осмаковскій въ семъ монастырѣ и умре, шестий Иоасафъ Миткевичъ переведенъ въ Каменскій монастырь игуменомъ же, седмый Савва Любовичъ въ семъ монастырѣ умре.

Въ какихъ годахъ и отъ такихъ родителей и какъ до посвященія ихъ въ Домницкій монастырь происходили, и по сколько лѣтъ были игуменами знать нѣ почему.

Осмый Іероѳей Малѣцкій съ 1762 года по 1774 годъ былъ игуменомъ, переведенъ въ Елецкій черниговскій монастырь архимандритомъ, девятый: нынѣ въ семъ Домницкомъ монастырѣ игуменомъ съ 1774 года Діонисій Левандовскій переселенъ святѣйшаго Синода указомъ съ псковской епархіи великопустыннаго монастыря. Болѣе жъ при ономъ монастырѣ лѣтописей старинныхъ печатныхъ, ни рукописныхъ записокъ и никакихъ другихъ достопамятныхъ и примѣчателныхъ замѣтокъ не отъискано и неимѣется, всего не по чему и узнать.

На подлинномъ подписъ таковъ къ сему описанію Рождественскаго домницкаго монастыря игуменъ Діонисій подписался.

100. Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича. Два земельные документа рода Полуботковъ (1713—1714 г).

1. Къ исторіи края. Разсказы старожиловъ. Г. А. Тищинскій, обращаясь къ мѣстнымъ любителямъ съ просьбою сообщать свои разсказы «о добромъ старомъ времени», въ свою очередь разсказываетъ то, что ему удалось слышать отъ старожиловъ про проѣздъ императрицы Екатерины II черезъ г. Черниговъ и его губернію въ 1787 г.—Императрица, не доѣзжая Чернигова, останавливалась въ г. Березномъ (кстати замѣтимъ здѣсь отъ себя: въ Березномъ для проѣзда выстроенъ былъ на казенный счетъ дворецъ,—послѣ проѣзда онъ былъ проданъ и купленъ тайн. сов. Гр. Пет. Милорадовичемъ, перевезенъ въ Черниговъ, гдѣ выстроенъ вновь, но уже съ пристройками и существуетъ понынѣ, принадлежа внуку покупщика графу Гр. Ал. Милорадовичу),—при выходѣ ея на крыльцо, сопровождавшая ее комнатная собачка бросилась съ лаемъ въ кусты, откуда выскочившій мѣстный пінта Леженъ, бросился къ государынѣ, преподнесъ ей оду своего сочиненія и скрылся,—его розыскали и вручили отъ государыни 150 р. сер.—При посѣщеніи Чернигова Екатерина II пожелала про

гуляться по немъ пѣшкомъ, но грязь сдѣлала то, что при прогулкахъ ея, приходилось или валить ей подъ ноги плетни, которыми по случаю недавно бывшаго пожара были огорожены только что отстроенные дворы, или переносить ее на рукахъ. Наконецъ еще старожилы указываютъ на дворъ, въ которомъ останавливался проѣздомъ австр. импер. Іосифъ II.

2, 4. Къ исторіи края: Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Ал. Л—ій, приступая къ печатанію этихъ списковъ, въ своемъ вступленіи говоритъ: «Происхожденіе настоящихъ списковъ слѣдующее: на основаніи грамоты на права дворянства, въ каждой губерніи, между прочимъ, должна была быть составлена дрорянская родословная книга, ири чемъ въ эту книгу слѣдовало «внести имя и прозваніе всякаго дворянина въ той губерніи имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и дворянство свое доказательствами утвердить могущаго». Списки лицъ, которые должны были быть внесены въ дворянскую родословную книгу, составлялись по уѣздамъ: «уѣздный предводитель дворянства имѣетъ сочинить по приложенной формѣ списокъ по алфавиту всѣмъ дворянскимъ родамъ въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющимъ». По приложенной формѣ требовались слѣдующія свѣдѣнія: 1) имя и прозваніе дворянина въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и его лѣта; 2) холостъ или женатъ и на комъ, или вдовъ; 3) много ли дѣтей мужскаго или женскаго пола и ихъ имена и лѣта; 4) сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ или купленныхъ, или вновь пожалованыхъ, или въ приданое полученныхъ обоего пола душъ крестьянъ нынѣ состоитъ и во сколькихъ селахъ или деревняхъ: 5) въ уѣздѣ ли живетъ тотъ дворянъ или въ отлучкѣ; 6) какого онъ чина и 7) въ какой именно службѣ или отставкѣ». По этимъ формамъ были составлены по каждому уѣзду особо списки лицъ, имѣвшихъ право, по мнѣнію предводителей, на дворянство, и представлены затѣмъ въ сенатъ. Въ сенатѣ произведена была ревизія этихъ списковъ уже по документамъ, которые были представлены лицами, желавшими доказать юридически свое дворянство.—По разсмотрѣніи документовъ, одни роды—были утверждены въ дворянствѣ, а другимъ—въ этомъ отказано. Такимъ образомъ въ составленныхъ въ 1783 г. спискахъ, оказалось много лицъ, за которыми сенатъ не призналъ дворянства. Тѣмъ не менѣе списки эти сохраняютъ за собою значеніе цѣннаго матеріала для исторіи мѣстнаго общества второй половины XVIII вѣка. По симъ спискамъ передъ нами проходятъ полные ряды того «малороссійскаго шляхетства», персоналъ котораго «съ точнымъ доказательствомъ о шляхетствѣ» правительство давно уже желало знать.

Печатая эти списки, присоединяемъ къ нимъ небольшія примѣчанія, которыя могутъ быть далеко полнѣе и интереснѣе, если бы кто захотѣлъ для составленія ихъ обратиться къ архиву черниговскаго дворянскаго депутатскаго

собранія, гдѣ въ «дѣлахъ о дворянствѣ» того или другаго рода хранятся почти еще нетронутые матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства.

Сообщаемые здѣсь списки относятся къ слѣдующимъ уѣздамъ: конотопскому, коропскому, кролевецкему, глуховскому, погарскому, мглинскому, суражскому, новомѣстскому и сосницкому. Только эти списки мы и имѣли въ своемъ распоряженіи».

Послѣ чего слѣдуетъ списокъ по конотопскому уѣзду, озаглавленный такъ: *Вѣдомство о дворянствѣ уѣзда конотопскаго съ означеніемъ кто изъ оного въ службѣ при должностяхъ и въ отставкѣ находится, какихъ чиновъ, кто на комъ женатъ, скольло кто имѣетъ дѣтей, какихъ оные лѣтъ и гдѣ обрѣтаются, сколько за кѣмъ по послѣдней 1782 года сочиненной ревизіи мужскаго и женскаго пола душъ, въ какихъ селеніяхъ и уѣздахъ. Сочиненна по алфавиту 1783 г. апрѣля 27 дня.*

Затѣмъ слѣдуютъ роды: 1. Армашевскій, 2. Базилевичъ, 3. Бакланъ, 4. Бартошъ, 5. Богдановскій, 6. Велентѣй, 7. Вольховскій, 8. Волъ, 9. Воленко, 10. Гацукъ, 11. Горошковскій, 12. Громѣкова, 13. Езучевскій Ив., 14. Езучевскій Сем., 15. Забѣяка Дмит., 16. Забѣяка Алексѣй, 17. Занковичъ, 18. Ильнѣцкій, 19. Кандиба Андрей, 20. Козловскій, 21. Косичева, 22. Косинскій, 23. Костенецкій Григ., 24. Костенецкая Маѳа, 25. Костенецкій Алексѣй; 26. Кролевецкая.

5. Къ исторіи края. Ковчинецъ сообщаетъ двѣ мѣстныя легенды, записанныя имъ въ черниговъ. у. въ с. Ковчинѣ, а) народное преданіе объ императрицѣ Екатеринѣ II.

«Цариця Катерина дарила панамъ людей, що вана раздарила земли! да толки все хутарцѣ, де нема, значитъ, церкви. Отъ грахъ Кушелевъ и просыть: подари мынѣ Кулычки. Вана ему вже богато понадарювала: Стольне, Дремайловку и ще богато. Цариця поіхала подивилась и каже: церковъ е, не дамъ; се не Кулычки, а Куликовка». Куликовка — с. черн. у. въ 30 верст. отъ Чернигова.

И б) легенду о Петрѣ Великомъ.

«Бувъ царъ Петро. Були таки волшебныцы Лютра и Утеранка. Петро выпросывъ земли на шкуру у Утерянки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременцѣ, посшивавъ ихъ, одъ Двини до Цвини обовьевъ землю и построивъ крепость. Воевавъ вонъ изъ Утерянкою и изъ Лютрою. Лютру убивъ одинъ казакъ, а зъ Утерянкою царъ Петро воевавъ ще много лѣтъ. Дачка ии полюбыла Петра, ходила па саду зъ имъ и вонъ спрашуе ии, чи возьму я твою матку, чи нѣ. Хоть сѣмъ годъ стой, дакъ не возьмешъ. Есть у тебе солдатъ Иванъ, дакъ его смерть у моей матки, а матчина у его. Ну якъ же его узнаты, питае Петро. Ты зраби пиръ, на пиру якъ упъюцця, поляжуть спать; вонъ засне пудъ деревомъ, дерево усхне, бо въ его сыла изъ рота иде, якъ дымъ. Тогда

Петро зробивъ пиръ, узнавъ его. Посли пиру Петро найшовъ его на ученіи и давай спрашувать: что жъ ты можешъ узять ии. Приставъ до его. Вонъ тадѣ й каже: позвольте пугвицю зорвати. Тои каже: хочъ уси зриваи. Москаль зорвавъ пугвицю, выстрелывъ пугвицею и убивъ Утерянку; якъ его въ карету укынулы, сычасъ и умеръ. Царъ сѣвъ на лошадя, перескочывъ черезъ Двину, тольки задни капыты конь умочивъ; городомъ, якъ побѣгъ, дакъ пудкова одарвалась, ударилась въ стену и теперъ высыть.

Царъ Петро ходывъ у зароботки, въ чужой земли зробывъ корабель, одъ его й сталы у насъ корабли». (Записано отъ Лукьянця с. Ковчина черниговъ. губ. и уѣзда).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. № 36.—1889. № 1. 36. Слово въ день памяти Высокопреосвященнаго митрополита литовскаго Іосифа Семашко, іеромонаха Владиміра.

36, 1. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской губерніи (продолженіе): м. Гоща, с. Рясники, с. Завизовъ, с. Михалковцы, с. Краевъ, с. Стадники, с. Майковъ, с. Дулибы, с. Милятинъ, с. Почепки, с. Мнишинъ, с. Могиляны, с. Симоновъ, с. Сѣянцы, с. Тесовъ, с. Томаховъ. 3 благочинническій окр. острожскаго уѣзда. с. Бродовъ, с. Оженинъ, с. Верховъ, с. Гульча, с. Глупонинъ, с. Здолбица, с. Ивачковъ, с. Копытковъ (Октавинъ), с. Коростова, с. Плоска, с. Новомильскъ, с. Новоставцы, с. Новоселки, с. Посягва, с. Мятицъ, с. Подлѣски.

1. Польскій католицизмъ на Литвѣ (перепечатка изъ «Правды»).

— Развалины Мстиславова храма во Владимірѣ-Волынскомъ (перепечатка изъ Кіевлянина), В. Г.

Волынскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 91—95. 1889. № 1—4. № 92. По части мѣстной библіографіи: «Житомирскій могильникъ», археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ.—Сергѣя Гамченка, рецензія Братчикова.

95—4. Остатки волынской старины,—историческо-археологическія замѣтки (прод.) Братчикова.

Волынь №№ 144—165 и 1—11. № 157. *М. Искорость и его окрестности.* Михайлова.

160. *Былыя времена.* Ш—скаго. Передается содержаніе замѣтки «Архіерейскій подарокъ», напечатанной въ № 12 «Кіев. Старины» 1888 г.

162—164. *Духъ конокрада.* Святоч. разсказъ Кл. Скальскаго. Сюжетъ взятъ изъ народной жизни въ подольск. губ.

164. Корреспонденція изъ м. Лѣщина. При постройкѣ плотины черезъ р. Гуйву, въ горѣ, назыв. «Замкомъ» или «Замчищемъ», гдѣ нѣкогда стоялъ

замокъ владѣтельныхъ князей, найдены три человѣческихъ черепа, старинная сабля и ружье.

9. Сообщается о присоединеніи къ православію чеховъ с. Губина, ровенскаго уѣзда волынск. губ.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 7—12. № 11. О сельскихъ обычаяхъ подъ праздники. Описываются два характерные обычая, которые сохранились еще и теперь въ патріархальныхъ семействахъ нашей южной Руси—обычай праздновать «Святый Вечиръ» и «смалыть дида».

«Святый вечиръ» —торжественная «вечеря» подъ праздникъ Рождества Христова, отправляемая всей семьей и домочадцами, во время которой уничтожается всякое сословное различіе среди вечеряющихъ—обычай, конечно, чисто христіанскій.

Гораздо древнѣе по своему происхожденію обычай, существующій во многихъ захолустьяхъ Малороссіи— «смалыть дида» подъ Новый годъ. Въ глубокую полночь противъ Новаго года, въ то время, когда «дивчата» заняты выливаніемъ воска, гаданіемъ передъ зеркаломъ и проч., старикъ отецъ со старшимъ сыномъ идутъ въ садокъ и здѣсь подальше отъ построекъ, чтобы не произвести пожара, сожигаютъ нѣсколько вязокъ соломы. Дымъ отъ этого огня долженъ окурить плодовыя деревья и этимъ сообщить имъ плодородіе въ наступающемъ году и избавить отъ гусеницъ, червей и проч. Затѣмъ здѣсь огни тушатся и зажигаются костры на «попилыщи», т. е. на томъ мѣстѣ, куда сбрасываютъ «попилъ» (золу изъ печей) и соръ изъ хаты впродолженіи цѣлаго года. Хозяйка дома выноситъ сюда въ это время и весь соръ, собранный за дни праздничные и сохраняемый подъ «прыпечкомъ». Все это самымъ тщательнымъ образомъ пережигается, потомъ перемѣшивается и снова зажигается. Огни поддерживаются на «попилыщахъ» цѣлую ночь, до встрѣчи дневнаго свѣта, а потомъ тушатся. Вотъ это зажиганіе огней по садамъ и пережиганіе «попилыщъ» и называется «смалыть дида».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это беретъ свое начало въ древней дохристіанской Руси. Это есть ничто иное, какъ нѣсколько измѣненный обрядъ чествованія бога солнца—Дидъ-Ладо...

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. №№ 50—52. № 50—52. Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ приходахъ подольской епархіи.—Владиміра Тиминскаго.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 127—135. 1889. № 1—5. № 128. В. Н. Каразинъ и основаніе харьковскаго университета. Перепечатано изъ Правит. Вѣстника, редакція котораго принимаетъ пожертвованія на сооруженія памятника В. Н. Каразину.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 98—102. № 98. Н. А. Лабинскій—директоръ екатеринославскаго дѣтскаго пріюта (некрологъ).

98. Могилы Близнюки—Ив. Каргопольцева. Въ четырехъ верстахъ отъ г. Екатеринослава, по дорогѣ въ Никополь, расположены самые большіе въ окрестностяхъ г. Екатеринослава курганы, носящіе названіе «*Близнюки*». Объ этихъ могилахъ такъ много ходитъ среди мѣстныхъ жителей разсказовъ (одинъ изъ которыхъ былъ помѣщенъ г. Кащенкомъ въ № 6 «Екатеринославскаго Юбилейнаго Листка»), что мы употребили всѣ силы, чтобы собрать среди окрестныхъ жителей всѣ существующія о нихъ преданія и легенды. Къ сожалѣнію, многаго намъ добыть не удалось; старые люди вымираютъ, съ ними вымираютъ и слѣды народнаго творчества, выражаемаго въ пѣсняхъ, сказкахъ, преданіяхъ и пр. То, что намъ удалось собрать, мы сочли не лишнимъ записать и тѣмъ сохранить въ памяти потомства хотя остатки тѣхъ интересныхъ разсказовъ, легендъ и преданій, которыми была такъ богата благословенная Украина.

Большинство разсказовъ, существующихъ про «Близнюки», носитъ полнѣйшій оттѣнокъ легендъ, въ родѣ сообщенной г. Кащенкомъ, почти дословное повтореніе которой приходилось и намъ слышать. Но есть разсказы нѣсколько видоизмѣненные, такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что здѣсь существовало когда то «безбожное басурманское государство». Послѣ одного изъ умершихъ царей этого государства осталось два сына «близнецы»; долго они спорили между собою, кому изъ нихъ царствовать, наконецъ рѣшили собрать знатнѣйшихъ изъ своего народа и въ присутствіи ихъ копать землю и носить на избранное мѣсто. Кто больше насыплетъ земли въ опредѣленное время, тотъ и долженъ царствовать. Оказалось, что оба они насыпали поровну, потому и царствовали оба. Другіе разсказываютъ тотъ же разсказъ, но уже нѣсколько въ другомъ видѣ. Тоже послѣ смерти какого то царя, царствовавшаго здѣсь, осталось два брата-близнеца, которые оба и вступили на отцовскій престолъ. Во время одного изъ набѣговъ непріятелей была взята въ плѣнъ мать этихъ царей; грустя о потерѣ матери, братья-богатыри поклялись во что бы то ни стало отомстить врагамъ. Желая издали увидѣть непріятелей, они насыпали два кургана, и каждый сидѣлъ на своемъ курганѣ съ дружиной, ожидая враговъ. Наконецъ третьи, преимущественно жители с. Лоцманской Каменки, передаютъ тотъ же разсказъ, но прибавляютъ, что братья-цари вскорѣ послѣ похищенія матери, по заговору какого то колдуна, вмѣстѣ умерли и были похоронены въ насыпанныхъ ими курганахъ съ массой богатствъ. Вообще мнѣніе, что въ «Близнюкахъ» зарыта масса сокровищъ, сильно распространено въ окрестныхъ жителяхъ и, несмотря ни на какія увѣщанія, они глубоко убѣждены въ этомъ и, какъ будто, въ поддержаніе своего убѣжденія, разсказываютъ цѣлые разсказы о явленія различнымъ лицамъ около «Близнюковъ» какихъ то рыцарей, стари-

ковъ и пр. Передавать всѣ слышанные нами объ этомъ разсказы нѣтъ возможности (подробно объ этомъ мы постараемся сообщить впослѣдствіи), такъ много слышали мы ихъ отъ крестьянъ, между которыми встрѣчались люди, увѣрявшіе, что они сами видѣли ночью пещеру или старика, и между разсказчиками очевидцами попадались люди не старые. Передадимъ здѣсь одинъ изъ слышанныхъ нами, какъ образецъ всѣхъ подобныхъ разсказовъ. Одинъ изъ крестьянъ возвращался изъ деревни Сурскихъ Хуторовъ домой въ с. Лоцманскую Каменку поздно вечеромъ; поровнявшись съ могилами, онъ услышалъ, что его зоветъ кто то по имени; оглянувшись, онъ увидѣлъ около одной изъ могилъ свѣтъ; во внутренность могилы, какъ будто въ погребъ, были отворены двери, около которыхъ стоялъ мужчина, одѣтый въ зеленое козацкое платье, съ шапкой на боку и съ большимъ пистолетомъ за кушакомъ; стоявшій обратился къ крестьянину со словами: «человѣкъ добрый, иди ко мнѣ, бери сколько хочешь золота и серебра, только запиши меня въ свою граматку». Но крестьянину, сидящему на возу, не видно было золота, поэтому онъ приподнялся и дѣйствительно увидалъ въ погребѣ много сундуковъ, наполненныхъ золотомъ, испугался идти въ могилу, чтобы его тамъ не заперли, а отвѣтилъ: «если бы ты явился мнѣ днемъ, я пошелъ бы къ тебѣ и записалъ бы тебя въ граматку, а ночью не хочу, потому что если бы ты былъ добрымъ человѣкомъ, то не сталъ бы являться по ночамъ». Тогда стоящій у могилы спросилъ: «развѣ я злой»? Крестьянинъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «да злой», ударилъ воловъ и поѣхалъ домой. Долго боялся крестьянинъ оглянуться, но его какъ будто тянуло посмотрѣть назадъ; наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и оглянулся, но ничего уже не было. Не успѣлъ онъ проѣхать нѣсколько шаговъ, какъ возъ встряхнуло и одинъ изъ воловъ упалъ и околѣлъ. Всталъ съ воза бѣднякъ, заплакалъ и началъ возиться съ телѣгой, чтобы ѣхать дальше на одномъ волѣ; среди работы онъ произнесъ громко: «Господи, за что ты такъ меня наказалъ»; вдругъ слышитъ, что ему кто то сзади отвѣтилъ «это я тебя наказалъ за то, что ты меня назвалъ злымъ—этого мало; черезъ годъ еще хуже будетъ». Говорятъ, что такъ и случилось.

Какъ ни смѣшенъ и невѣроятенъ разсказъ, но въ справедливость его твердо вѣрятъ. Одинъ изъ крестьянъ с. Лоцманской Каменки передавалъ мнѣ, что года три тому назадъ ему пришлось поздно ѣхать около Близнюковъ; вдругъ откуда не возьмись выскочилъ какой то человѣкъ, весь въ красномъ, подбѣжалъ къ нему и перевернулъ воловъ такъ, что рога одного изъ воловъ совершенно вошли въ землю.

На ряду съ этими легендами приходилось намъ слышать и другаго рода разсказы о происхожденіи этихъ могилъ, въ разсказахъ этихъ уже скользитъ доля правдоподобія. Разсказываютъ, что эти могилы поставлены во времена

Богдана Хмельницкаго. Возвращаясь съ войнъ съ поляками, онъ закапывалъ въ поляхъ всю забранную добычу: золото, оружіе и пр., и что здѣсь онъ зарывалъ свою добычу, вмѣстѣ съ какими то знатными козаками, убитыми во время битвъ, и чтобы отличить это мѣсто—насыпаны курганы. На вопросы мои—не разрывалъ ли кто когда либо эти могилы, старожилы отвѣчали, что было, но до конца не дорывали, а вырывши изъ лѣвой (ѣхавши изъ города) могилы что то, дальше не продолжали рыть, при чемъ присовокупляли, что и нельзя рыть, «грѣшно, время не пришло, а когда прійдетъ, то все богатство само откроется». Приходилось слышать убѣжденіе, что не только въ Близнюкахъ, но и вокругъ ихъ есть много добра. Передавали намъ еще такой разсказъ. Нѣсколько мальчиковъ (теперь уже старики) пасли около могилы воловъ, а къ сѣверо-западу на разстояніи около полверсты отъ нихъ, нашли въ землѣ большое кольцо, въ діаметрѣ около четверти, которое поднять не могли. Одинъ изъ мальчиковъ, заложивъ въ кольцо толстую пастушескую палку, началъ крутить его; послѣ большихъ усилій ему удалось вытащить кольцо, къ нему былъ прикрѣпленъ винтъ, ясно показывающій, что оно было прикрѣплено къ какому то предмету въ землѣ. Кольцо съ винтомъ мальчикъ принесъ домой; и на другой день все семейство мальчика пошло къ Близнюкамъ съ цѣлью разрыть это мѣсто, такъ какъ были увѣрены, что здѣсь долженъ находиться кладъ, но не могли отыскать мѣста, гдѣ было вынуто кольцо, такъ какъ мальчикъ нехорошо замѣтилъ его. Приходилось слышать отъ стариковъ, что около балки, идущей отъ с. Лоцманской Каменки къ Близнюкамъ, и на степи около ихъ, прежде довольно часто отыскивали клады.

Недавно разсказывали мнѣ, что одинъ изъ рабочихъ, бывши въ Каменкѣ лѣтомъ на плотахъ изъ полтавской губ., говорилъ лоцманамъ, что у Близнюковъ и на всей каменской степи зарыто много добра и что у отца его есть доставшаяся ему отъ его дѣда книга, гдѣ про все это написано. Разсказчикъ, говорятъ, ходилъ во время пребыванія въ Каменкѣ нѣсколько разъ къ Близнюкамъ; фамилію этого рабочого узнать мы не могли.

Какъ бы ни неправдоподобны были большинство изъ слышанныхъ нами разсказовъ, но очевидно, что эти могилы многихъ смущаютъ и сильно развиваютъ въ народѣ суевѣріе, и нельзя не удивляться, почему археологическія общества и многія изъ мѣстныхъ и часто посѣщающихъ насъ столичныхъ археологовъ не обратятъ вниманія на эти могилы и вообще окрестности нашего города. Можно предполагать, что ихъ труды не пропали бы безплодно, наука и исторія края получила бы отъ нихъ не мало пользы,—а если бы даже раскопки и не дали блестящихъ результатовъ, то уже достаточно было бы того, что все суевѣріе народа, связанное съ Близнюками, исчезло; исчезли бы съ ними и вся-

кіе разсказы о видѣніяхъ, погребахъ, пѣтухахъ, бѣгающихъ ночью по могиламъ, синенькихъ огонькахъ, горящихъ тамъ ночью, и т. д.

Крымъ №№ 117—124 и 1—6. № 118. *Жатва въ зимнее время.* Нравы днѣпровскаго уѣзда Д. Прасолова.

123. Библіографическая замѣтка о книгѣ госпожи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

124. *Хлѣбная торговля въ таврической губ.*

Библіографич. замѣтка о № 5 «Извѣстій таврич. ученой архивной коммисіи» (въ память 900-лѣтія крещенія Руси).

1—3. *Хлѣбная торговля въ таврич. губ.*

— № 5 Извѣстій таврич. ученой архивной коммиссіи. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Замѣтка.

Торговля таганрогскаго порта въ 1888 г.

2. Корреспонденція изъ Екатеринослава о празднованіи 50-лѣтія мѣстнаго клуба.

3. Недавно вышелъ изъ печати отчетъ о гидрогеологическихъ изысканіяхъ въ различныхъ пунктахъ тавр. губ. проф. Головкинскаго; къ сожалѣнію, онъ напечатанъ не для продажи, а какъ отчетъ автора передъ губ. земствомъ.

4. Годовой отчетъ таврическаго медико-фармацевтическаго общества за 1887—88 г.

Корреспонденція изъ Алешекъ, таврич. губ. Сообщается, между прочимъ, объ одномъ интересномъ «нововведеніи» въ крестьянской жизни: «дѣвушка, избравшая себѣ жениха, заключаетъ съ послѣднимъ условіе, которымъ онъ обязывается исправиться, т. е. оставить шалости холостой жизни, а въ особенности употребленіе спиртныхъ напитковъ; для доказательства назначается извѣстное время, въ продолженіе котораго дѣвушка слѣдитъ за поведеніемъ будущаго мужа и, когда послѣдній стойко выполнитъ условіе, назначается день вѣнчанія.

6—7. Таврическая губернская сельско-хозяйственная и промышленная выставка (изъ Зап. Имп. общ. сел. хоз. южной Россіи).

7. Лашковъ. Отвѣтъ Г. Т. по поводу замѣтки его о № 5 Извѣстій таврической ученой архивной коммиссіи (Крымъ № 124 1888 г., 1 и 3 1889 г.)

Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1888. №№ 235—340, 1—10. № 235. Отчетъ по устройству фотографической выставки въ помѣщеніи харьков. городскаго музея съ 1 октября по 15 ноября 1888 г.

235. Къ вопросу о народномъ продовольствіи.

237. Сообщеніе, что въ засѣданіи антропологическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ между прочимъ было сообщено о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ текущаго года И. А. Зарѣцкимъ въ полтавской губ., въ мѣстностяхъ полтавскаго и зень-

ковскаго у., и въ харьковской губ. близъ с. Лихачевки. При раскопкахъ были найдены разные предметы, — бронзовые браслеты, кольца, бусы, глиняные сосуды и особенно интересный колчанъ, украшенный тонкими золотыми пластинками съ изображеніями грифоновъ и горныхъ барановъ, скиѳскаго типа. Череповъ и костяковъ найдено не было, за исключеніемъ небольшаго количества обгорѣлыхъ костей.

— Некрологъ: «14-го декабря скончался бывшій ординарный профессоръ астрономіи харьковскаго университета, Иванъ Ивановичъ Федоренко. Воспитанникъ харьковскаго университета, Ив. Ив. по окончаніи курса со степенью кандидата, поступилъ на службу въ Пулковскую астрономическую обсерваторію на должность сверхштатнаго астронома. Въ концѣ 1853 года И. И. Федоренко былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ астрономіи въ кіевскій университетъ, а въ августѣ 1857 года переведенъ на ту же должность въ харьковскій университетъ, въ которомъ и оставался до выхода своего въ отставку во второй половинѣ 1879 года.

Важнѣйшимъ ученымъ трудомъ покойнаго профессора, доставившимъ ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, было изданное въ 1855 г. сочиненіе: «Positions moyennes pour 1790 des etoiles circompolaires de Lalande dans les Memoires de 1789 et 1790». Сверхъ того профес. Федоренко написалъ различныя ученыя сочиненія и статьи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ преимущественно по вопросамъ звѣздной астрономіи (собственное движеніе звѣздъ, двойныя звѣзды и пр.). Такъ какъ во все время службы Ив. Ив. въ харьковскомъ университетѣ, астрономическая обсерваторія университета имѣла помѣщеніе, неудобное для установки большихъ инструментовъ, то покойному профессору по необходимости пришлось ограничивать свою дѣятельность, какъ астронома-наблюдателя лишь наблюденіями на небольшихъ переносныхъ инструментахъ. Результатомъ этихъ наблюденій было, между прочимъ, точное опредѣленіе широты харьковской обсерваторіи.

Несмотря на невыгодность положенія прежней университетской обсерваторіи и крайнюю затруднительность, по временамъ даже невозможность, производить наблюденія на ней, покойный профессоръ сумѣлъ внушить нѣкоторымъ изъ своихъ слушателей любовь къ астрономическимъ наблюденіямъ и сдѣлать изъ нихъ столь искусныхъ астрономовъ, что они, поступая на другія, лучше обставленныя обсерваторіи, съ честью могли занимать тамъ должность астронома-наблюдателя.

Разстроенное здоровье рано заставило И. И. Федоренка прекратить свою ученую дѣятельность. До конца дней своихъ онъ сохранилъ однако интересъ къ избранной имъ наукѣ, слѣдя за ея развитіемъ, насколько позволяли силы,

по тѣмъ сочиненіямъ, которые присылались ему постоянно какъ русскими, такъ и иностранными учеными.

И. И. Федоренко скончался отъ рака желудка на 62 году жизни.

333. Сообщеніе о выходѣ въ свѣтъ 1 ч. Харьковскаго календаря на 1889 г., вторая часть котораго «Харьковскій Сборникъ» готовится къ печати.

— Такое же сообщеніе о выходѣ въ свѣтъ «Сельскохозяйственнаго календаря черноземной полосы на 1889 г.», издаваемаго трудами и средствами лохвицкаго общества сельскаго хозяйства.

338. Въ театр. хроникѣ—по поводу возобновившейся сценической дѣятельности г. Кропивницкаго и организаціи имъ новой малорусской труппы.

339. Андрей Николаевичъ Стояновъ (по поводу 35-лѣтней дѣятельности почтеннаго профессора юрид. факультета мѣстнаго университета, праздновавшейся 31 дек. 1888 г.).

— Выставка картинъ А. А. Сахарова—Н. Ѳ. Сумцова.

340. Перепечатка изъ «Русск. Курьера» о нѣкоторыхъ святочныхъ обычаяхъ въ Бѣлоруссіи.

„Въ смоленской губерніи есть игра въ лучъ. Молодежъ собирается въ избѣ, дѣвушки становятся въ кружокъ и подзываютъ котораго нибудь изъ находящихся тутъ же молодцовъ, берутъ у него что нибудь, послѣ чего онъ уходитъ. Въ это время одна изъ дѣвушекъ (по жребію) прячетъ вещь, принадлежащую парню, затѣмъ всѣ становятся въ кружокъ, зовутъ парня: онъ входитъ съ зажженной лучиной въ рукѣ и говоритъ на распѣвъ, послѣ чего передаетъ лучину дѣвушкѣ, у которой по его подозрѣнію находится взятый предметъ. Если онъ не ошибся, то беретъ вещь и цѣлуетъ дѣвушку, въ противномъ же случаѣ дѣвушка бьетъ его и выгоняетъ изъ круга. Парень снова уходитъ изъ избы, а дѣвушки, становясь въ кружокъ, опять призываютъ его и т. д., что продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не угадаетъ, какая изъ нихъ спрятала его вещь. Тогда выступаетъ на его мѣсто другой и т. д.

Въ могилевской губерніи играютъ въ «Ящеръ». Молодыя дѣвушки садятся на полъ въ кружокъ, въ срединѣ котораго помѣщается молодой парень. Онъ отбираетъ всѣ платки у нихъ и не отдаетъ ихъ, и вотъ идетъ обратное выпрашиваніе ихъ пѣснями. Играютъ еще въ «Чорта» и «Шило».

Для первой игры избираютъ одного изъ хлопцевъ, повыше ростомъ, даютъ ему въ ротъ палку, выгнутую на подобіе трубки, комкаютъ его шляпу— однимъ словомъ, дѣлаютъ изъ него смѣшную каррикатуру. Эта фигура носитъ названіе черта, и хлопцы подходятъ къ нему съ объясненіями. Кто засмѣется въ концѣ или среди этого разговора, того чортъ ставитъ по лѣвой сторонѣ отъ себя, кто не засмѣется, тотъ становится направо. Собравшуюся такимъ образомъ около черта молодежь онъ отдѣляетъ чертою: стоящихъ направо назы-

ваютъ праведными, а налѣво—грѣшниками. Далѣе чортъ даетъ имъ въ руки длинную палку концами, за которые каждая группа должна одна другую тянуть черезъ черту. Кто кого перетянетъ, тотъ выигралъ—и подвергаетъ побѣжденныхъ различнымъ штрафамъ, или заставляетъ возить кого либо на спинѣ по извѣстному пространству и т. п.

Игра въ «Шило» состоитъ въ томъ, что садятся на землю въ кружокъ, а ноги закрываютъ свитами, такъ чтобы можно было скрытно передавать шило. Скручиваютъ полотенце, платокъ, поясъ и т. п. коротко, что и получаетъ названіе шила. Одинъ садится на полъ въ кругъ, и каждый изъ играющихъ старается ударить его шиломъ, которое передается подъ накрытыми ногами. Сидящій же въ кругу старается поймать шило. У кого онъ его схватитъ, тотъ садится на его мѣсто. Затѣмъ игра начинается снова».

І. Въ передовой статьѣ, посвященной обзору прошлогодней жизни въ Харьковѣ, обозрѣватель между прочимъ отмѣтилъ:

Возникло нѣсколько новыхъ учрежденій: происходило освященіе бактеріологической станціи харьковскаго медицинскаго общества, открыта въ Харьковѣ больница к.-х.-азовской дороги, положено начало существованію харьковскаго общества пчеловодства и купянскаго общества сельскаго хозяйства. Въ Сумахъ открыто духовное училище, въ Харьковѣ почти окончена постройка зданія женскаго ремесленнаго училища. Съ большимъ сочувствіемъ встрѣчено мѣстнымъ обществомъ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о возобновленіи при гимназіяхъ приготовительныхъ классовъ, гдѣ въ этомъ настоитъ нужда. Измѣненъ уставъ харьковскаго земледѣльческаго училища, съ расширеніемъ на полгода курса обученія до $5^1/_2$ лѣтъ. Образовалось по почину кружка вольнопрактикующихъ врачей столь необходимое въ большомъ городѣ ночное дежурство врачей. Расширена дѣятельность харьковскаго земельнаго банка, включеніемъ въ кругъ его операцій города Севастополя. Возникъ проектъ учрежденія харьковскаго коммерческаго училища, для чего купечествомъ и другими лицами сдѣланы денежныя пожертвованія, а также проектъ самостоятельной школы рисованія при харьковскомъ художественно-промышленномъ музеѣ. Въ этомъ музеѣ устроена была фотографическая выставка, XVI передвижная художественная выставка, а подъ конецъ года выставка картинъ художника Сахарова. Приведенъ въ лучшій порядокъ и открытъ по воскресеньямъ для публики музей изящныхъ искусствъ при харьковскомъ университетѣ.

— Музыкальное и театральное обозрѣніе 1888 г. въ Харьковѣ.

— Въ хроникѣ рѣчь проф. Владимірова, сказанная на 35-лѣт. юбилеѣ проф. Стоянова. 31 дек. 1888 г.

3. Празднованіе 31 дек. 1888 г. юбилея проф. Стоянова и рѣчи, сказанныя по случаю сего.

— Состояніе и дѣятельность общества испытателей природы при Импер. харьк. университетѣ въ 1888 г.

8. Сообщеніе объ открытой въ Харьковѣ Клеменовской город. богадѣльнѣ.

Извѣстіе о передачѣ кн. Д. Ѳ. Голицынымъ въ архивъ историко-филологич. общества при харьков. у—тѣ цѣннаго собранія бумагъ и частной переписки его предковъ, состоявшихъ въ родствѣ съ Щербиниными, кн. Крапоткиными и Донцами—Захаржевскими. Бумаги эти разсматриваются проф. Д. И. Багалѣемъ.

10. Библіогр. отчетъ о вышедшей въ Харьковѣ книгѣ «Законы о евреяхъ». Изданіе кн. маг. Бирюковыхъ.

Южный Край 1888. № 2738—2751. 1889. № 2752—№ 2738, 2741. Странствующій учитель (деревен. быль)—М. С—кій. Разсказъ изъ народнаго быта юга Россіи.

2739. Некрологъ Ивана Христіановичъ Дрейсиха—актера, прослужившаго на сценѣ театровъ юга Россіи 75 лѣтъ.

— Некрологъ б. проф. харьк. университета И. И. Федоренка.

2740. Харьковскіе сценическіе дѣятели прошлаго времени. Н. Х. Рыбаковъ. (Оконч.) Н. С.

2744. Замѣтка о томъ, что слѣдующими новинками въ спектакляхъ играющей теперь въ Москвѣ малорусской труппы М. П. Старицкаго будутъ: «Свадьба Терпелыхы», служащая продолженіемъ пьесы «Наталка Полтавка», драма гг. Касиненка и Мансфельда «Не судылось» и комедія тѣхъ же авторовъ подъ названіемъ «Не кажы гопъ, покы не выскочышъ» и, наконецъ, народная пьеса, написанная артистомъ этой труппы Л. Я. Манькомъ «Краще свое латане, нижъ чуже хапане».

2745. Библіогр. извѣстіе о вышедшей на дняхъ книгѣ А. В. Гурова «Геологическое описаніе полтавской губерніи».

2747. Рождество Христово въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа.

2748. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ (изъ воспоминаній помощника военнаго прокурора). Эпизодъ изъ жизни его въ Харьковѣ.

2749. Харьковскіе сценическіе дѣятели прошлаго времени. К. Т. Солениkъ. Карпъ Трофимовичъ по происхожденію малороссъ-дворянинъ родился въ могилевской губерніи въ 1811 г. Въ 1829 г. онъ поступилъ въ виленскій университетъ студентомъ, котораго однакожъ вслѣдствіе его закрытія не окончилъ, а поступилъ въ труппу Штейна, игравшую тогда въ Курскѣ, сначала суфлеромъ, а съ 1832 г. въ Курскѣ же актеромъ на отвѣтственныхъ роляхъ въ труппѣ Млотковскаго. Со второй половины 1830-хъ годовъ онъ началъ пользоваться громкою извѣстностью на всемъ югѣ Россіи. Гоголь отъ игры его

приходилъ въ восторгъ, видя въ немъ рѣшительный комическій талантъ, и старался уговорить его поступить на сцену Импер. театровъ въ Спб.; это же ему предлагали высокопоставленныя лица изъ свиты Императора Николая I, видѣвшія игру его въ Вознесенскѣ на маневрахъ 1837 г.

Долго ли и когда именно игралъ Соленикъ въ Харьковѣ въ тридцатыхъ годахъ—не знаемъ. 1840-й годъ и часть 1841 года онъ провелъ въ Харьковѣ. Женившись на актрисѣ Протасовой весной 1841 года, онъ уѣхалъ съ нею въ Курскъ. За послѣдній годъ своей «службы» въ Харьковѣ Соленикъ получалъ 2,400 р. асс. и 3 бенефиса въ годъ,—окладъ, котораго не имѣлъ никто изъ всей труппы кромѣ него, значитъ, онъ считался ея украшеніемъ. На харьковскую сцену Соленикъ вернулся осенью 1843 г. и оставался на ней и въ 1844 году. Игралъ ли Соленикъ въ Харьковѣ въ 1845 и 1846 гг., не имѣемъ свѣдѣній, но надо думать, что игралъ. Кстати, въ отвѣтахъ редакціи «Репертуара» за 1846 годъ, мы нашли слѣдующую замѣтку, адресованную въ Харьковъ на имя какого то Г. С. С. (на эту замѣтку мы уже указывали въ нашихъ статьяхъ о Рыбаковѣ). «Мы бы съ удовольствіемъ приложили къ своему изданію портреты Соленика, Рыбакова и Млотковской, если бы могли имѣть ихъ схожіе портреты». Въ 1847, 1848 и 1849 годахъ Соленикъ, несомнѣнно, опять состоялъ въ харьковской труппѣ. То же, вѣроятно, было и въ 1850 г. Въ 1851 году онъ не надолго ѣздилъ въ Одессу, все же остальное время, вплоть до самой смерти, послѣдовавшей въ октябрѣ, Соленикъ принадлежалъ опять таки къ харьковской труппѣ. Онъ умеръ отъ чахотки на 40 году отъ рожденія. Его жена въ то время была въ Тулѣ.

Въ Харьковѣ,—какъ и вездѣ, впрочемъ,—Соленикъ былъ любимцемъ публики. Его называли здѣсь «харьковскимъ Мартыновымъ», «харьковскимъ Щепкинымъ» и гордились имъ. «Соленика любили всѣ, отъ райка до креселъ. Какъ бы ни была скучна пьеса, но если въ ней участвовалъ Соленикъ—она проходила весело. Какъ бы ни была мала и пошла роль, она дѣлалась у него замѣчательной. Бывало въ залѣ театра тихо и сонно, зрители дремлютъ, но вотъ за кулисами раздается бойкій говоръ Соленика,—и всѣ поднимаютъ головы, улыбка удовольствія озаряетъ всѣ лица и руки всѣхъ готовятся апплодировать. При столкновеніяхъ на сценѣ со столичными знаменитостями, при чемъ другіе, очень недурные, харьковскіе актеры какъ то уходили въ тѣнь,—Соленикъ всегда стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ». Харьковскіе театралы высоко цѣнили Соленика, они знали, что «онъ могъ бы служить украшеніемъ и столичной сцены», что «самъ Щепкинъ съ уваженіемъ отзывался о Соленикѣ», что «Соленикъ—талантъ первоклассный». Каждое появленіе Соленика на сценѣ харьковская публика встрѣчала, какъ видно изъ одной театральной замѣтки 1848 года, громкими и единодушными апплодисментами. Въ 1851 году, «когда Соленикъ вышелъ

впервые на сцену (по возвращеніи изъ Одессы, должно быть), рукоплесканія долго не давали ему говорить».

Похороны Соленика, благодаря его популярности, отличались торжественностью, не привычною для Харькова при погребеніи актеровъ и актрисъ. «Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали, за гробомъ шли пѣвчіе и играла погребальная музыка. На гробовой крышкѣ малиноваго цвѣта лежалъ зеленый вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта—украшеніе гроба дотолѣ въ Харьковѣ еще невиданное».

«Когда будете гулять по городскому кладбищу, писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный В. К. Пашковъ, зайдите на могилу Соленика и прочтите трогательную надпись на его крестѣ». Эта надпись была сдѣлана однимъ изъ почитателей артиста, замѣтившаго, что надъ его могилой нѣтъ креста.

...Но провинціальная публика особенно такихъ, съ часто мѣняющимся населеніемъ, городовъ, какъ Харьковъ, не долго помнитъ тѣхъ, кому она обязана была минутами высокаго наслажденія. «Давно ли, кажется, писалъ восемь лѣтъ тому назалъ покойный К. Щелковъ, у могилы К. Т. Соленика, на городскомъ кладбищѣ, были прекрасные стихи, а теперь они исчезли, ихъ и слѣда нѣтъ, самый крестъ подгнилъ и наклонился, могилка едва замѣтна, пройдетъ еще годъ—два и сравняется она съ землею, такъ что, пожалуй, и не найдешь».

Отмѣтивъ нѣсколько современныхъ отзывовъ объ игрѣ Соленика, авторъ его некролога г. Ч. заканчиваетъ его слѣдующ. словами: «Конечно, какъ мы уже не разъ говорили, игра Соленика, говоря вообще, была далека отъ совершенства, но у него были роли, въ которыхъ онъ буквально не имѣлъ соперниковъ, которыя онъ исполнялъ по истинѣ безподобно, влагая въ нихъ все свое дарованіе, всю свою наблюдательность, весь свой умъ. Къ числу такихъ ролей, въ которыхъ талантъ Соленика проявлялся во всемъ блескѣ, относились комическія роли малороссійскаго репертуара.

«Кто не знаетъ, какъ неимовѣрно хорошъ Соленикъ въ роли Чупруна («Москаль Чаривныкъ» Котляревскаго) и какъ мило и забавно поетъ онъ пѣсню: «Ой, чукъ, Тетяна»,—читаемъ въ одной театральной замѣткѣ первой половины сороковыхъ годовъ, въ которой сообщается, что Соленикъ и его жена пѣли въ антрактѣ куплеты:

Ой, хто иде?
Кумъ до кумы.

«Въ роли Чупруна Соленикъ былъ неподражаемъ»—сказано въ одной изъ театральныхъ рецензій 1851 года. Въ роли дурня Стецька въ «Сватанни на Гончаривци» Соленикъ въ 1848 г. «былъ забавенъ до нельзя». Въ этихъ двухъ роляхъ, а также въ роляхъ Шельменка («Шельменко Деньщыкъ»), Мако-

гоненка («Наталка Полтавка») и Чупруна Соленикъ былъ художественно хорошъ. Это общій отзывъ всѣхъ видѣвшихъ его въ этихъ роляхъ. «Въ роли Чупруна, говоритъ Барымовъ, Соленикъ былъ лучше Щепкина», а между тѣмъ эта роль была впервые создана Щепкинымъ и всегда считалась одною изъ лучшихъ въ его репертуарѣ. «Вполнѣ владѣя малороссійскимъ языкомъ, какъ и Щепкинъ, Соленикъ придавалъ этой роли не тотъ характеръ, съ какимъ она являлась у московскаго артиста. У послѣдняго—Чупрунъ простофиля, всему вѣрившій, у перваго онъ простакъ по наружности, все смекающій очень хорошо». По словамъ Мизка, Соленикъ рѣзко отличался отъ другихъ актеровъ тѣмъ, что личность украинца въ его игрѣ выходила не наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающаго свой умъ подъ маскою простоты. Въ этомъ отношеніи онъ точно былъ первый украинскій актеръ. Что Соленикъ дѣйствительно былъ «первый украинскій актеръ», что доказываетъ и отзывъ такого ужъ безспорнаго компетентнаго судьи, какъ Шевченко. Въ его «Дневникѣ», между прочимъ, упоминается о томъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ «геніальнаго» Соленика въ роли Чупруна въ Полтавѣ, въ 1845 году, на Ильинской ярмаркѣ. «Онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина». Въ недавно напечатанныхъ воспоминаніяхъ г. А. Щ. о Щепкинѣ, между прочимъ, сказано, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ «никто не могъ сравниться съ нимъ» въ «Наталкѣ Полтавкѣ» и «Москалѣ Чаривныкѣ», «исключая развѣ извѣстнаго тогда въ Харьковѣ актера Соленика, который приводилъ въ восхищеніе самого Щепкина». Если Соленикъ «приводилъ въ восхищеніе» въ малороссійскихъ піесахъ Шевченка и Щепкина, значитъ, что Соленикъ могъ бы многое и многое сдѣлать для русскаго сценическаго искусства, еслибъ его жизнь иначе сложилась,—еслибъ онъ могъ и хотѣлъ всецѣло посвятить себя искусству»...

2759. Изъ воспоминаній о харьковскомъ генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ.—С—ъ. Автору замѣтки «вспомнилось» на этотъ разъ три случая грандіозной порки, устроенной Кокошкинымъ харьковскимъ обывателямъ. Въ первый разъ, въ 1851 году, наказаны были на площади всѣ харьковскіе извозчики, одинъ изъ которыхъ, подавая стремительно экипажъ, проломилъ два ребра какой то полковницѣ. Такъ какъ виновникъ скрылся и остался неизвѣстнымъ, то всѣ собратья его по ремеслу подверглись наказанію въ 250 ударовъ каждому. Наказанію въ 500 ударовъ подвергнутъ былъ тѣмъ же администраторомъ фельдшеръ Сабуровской больницы, отказавшійся своевременно подать помощь вытащенному изъ колодца человѣку. Этотъ субъектъ, раздѣлилъ кару вмѣстѣ съ ординаторомъ той же больницы, удаленнымъ отъ должности и посаженнымъ на мѣсяцъ на гауптвахту. Самому энергическому воздѣйствію подвергнутъ былъ за самоуправство полицейскій унтеръ-офицеръ, полу-

чившій 600 ударовъ. Наказаніе выполнено было въ точности, несмотря на то, что виновный оказался георгіевскимъ кавалеромъ.—Таковы были рѣшительныя, хотя и односторонніе мѣры харьковскаго администратора 50-хъ годовъ, котораго харьковскимъ старожиламъ, не говоря ужъ о потерпѣвшихъ, по истинѣ есть чѣмъ вспомнить.

2762. Воспоминанія о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. Эти заимствованныя изъ «Новаго Времени», воспоминанія принадлежатъ перу одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа А. А. Скальковскаго и касаются времени пребыванія М. Т. въ Харьковѣ. Здѣсь приведены обстоятельства пріѣзда графа въ Харьковъ и первыя столкновенія его съ мѣстными властями, черты распорядительности и ума графа и сдѣланъ краткій очеркъ десятимѣсячнаго пребыванія гр. Лорисъ-Меликова въ Харьковѣ, которое онъ самъ считалъ лучшимъ временемъ своей административной дѣятельности.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости 1889. № 1. № 1. Общественное служеніе церкви въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи.—Д. Т.

I. Ѳ. И. Піуновскій—профессоръ семинаріи (некрологъ).

Донъ №№ 102—146 и I—4. № 139, 141, 146. *Литературное обозрѣніе.*

1, 2, 4. Старый 1888 годъ (бѣглое годичное обозрѣніе).

Донская Рѣчь №№ 122—128 и I—6. № 128. Замѣтка о проектѣ безопаснаго плаванія по днѣпровскимъ порогамъ.

2. Ф. Р. Браславскій, б. редакторъ «Таганрогскаго Вѣстника» (некрол.).

Одесскій Вѣстникъ №№ 1—14. 1. *Торговля Одессы въ 1888 г.* статья составлена по брошюрѣ Рафаловича и К° «Aperçu commercial du marché d'Odessa».

2. *Въ защиту одесской городской публичной библіотеки. Я.*—Статья написана по поводу напечатанной въ газетѣ «Одесскія Новости» за 1888 г. статьи «Одесская публичная библіотека».

3. *Перекопъ* (Очеркъ историческаго и современнаго состоянія). *Ал. Завадовскаго.*

Библіографія. Краткій отзывъ о книгѣ: «Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія», И. Я. Акинфіева. Изданіе екатеринославской городской думы 1889.

Библіографія. Бр. Отзывъ о книгѣ П. Феерчака: «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ». Одесса 1888.

5. *Какъ встрѣчали запорожскіе козаки новый годъ.* Заимствована изъ статьи *Эварницкаго*, помѣщенной въ новогоднемъ приложеніи къ газетѣ «Новости».

9. *Библіографія. Бр.* Отзывъ о первой книгѣ «Кіевской Старины» за 1889.

10. *Протоіерей Георгій Ивановичъ Попруженко* (некрологъ). Уроженецъ херсонской губ. и воспитанникъ кіевской духовной академіи, Попруженко въ теченіе болѣе 30 лѣтъ былъ преподавателемъ одесской духовной семинаріи и одесскимъ протоіереемъ. Въ то же время онъ состоялъ членомъ одесскаго общества исторіи и древностей и одесскаго статистическаго комитета. Въ духовной литературѣ Попруженко извѣстенъ, какъ авторъ многихъ проповѣдей, напечатанныхъ въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ»; ему же принадлежитъ краткій учебникъ закона Божія, выдержавшій около 10 изданій и переведенный на новогреческій языкъ.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4293—4305. 4294. *Библіографія*. Замѣтка о книгѣ П. Феерчака «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ».

4296. Некрологъ архимандрита Владиміра (Терлецкаго), д-ра богословія и медицины, бывшаго духовника одесской дух. семинаріи.

4298. Корреспонденція изъ Керчи о празднованіи 25-лѣтія здѣшней мужской гимназіи.

4299. *Письма съ Кавказа* III. Тквибульскія (г. Новосельскаго) каменноугольныя копи.

О вырождающихся типахъ семитовъ. Изложеніе сообщенія д-ра Пантюхова въ антропологич. общ. въ Спб. Наиболѣе чистый типъ представляютъ черноволосые и рыжіе съ черными глазами; они отличаются плохимъ здоровьемъ; въ Одессѣ такіе евреи составляютъ не болѣе 32%. Остальные, подъ вліяніемъ примѣси арійской крови, утратили чистый типъ; цвѣтъ ихъ волосъ и глазъ свѣтлѣе и тѣлосложеніе ихъ крѣпче.

Одесскій Листокъ №№ 1—15. 3. *Торговля Одессы въ 1888*. Передовая статья.

7. *Полезны ли въ нашемъ краѣ (Новороссійскомъ) поселившіеся нѣмцы. Василія Милашевскаго*.

14. *Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Одессѣ 1888 г.*

2, 4, 5 и 13. Статьи о спектакляхъ малорусской труппы г. Садовскаго въ Одессѣ

Южанинъ №№ 1—12. 3. Анекдотъ о гр. А. Е. Канкринѣ, помѣщикѣ александровскаго у. екатеринослав. губ., упорно не желавшемъ продавать свои степи нѣмцамъ, Перепечат. изъ «Нов. Времени».

5. Контръ-адміралъ Дмитрій Ивановичъ Чайковскій, уроженецъ херсонской губерніи (некрологъ).

— Извлеченіе изъ годов. отчетовъ николаевскаго реал. уч. за $1887/_8$ г. и николаевской женской прогимназіи за 1887—88 годъ.

Орловскій Вѣстникъ №№ 123—168, 1—7. 162, 168, Замѣтки о предстоящихъ въ 1889 г. столѣтнихъ юбилеяхъ уѣздныхъ училищъ въ Брянскѣ, Трубчевскѣ, Карачевѣ, Сѣвскѣ и Болховѣ.

Минскій Листокъ 1889 г. №№ 1—3. 1, 3. Историко-юридическій очеркъ городскихъ обществъ въ Западной Руси.—К—чъ.

2. 1888 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи.

Кубанскія Областныя Вѣдомости 1888. № 49—52. № 39—40. 49, 50. Путевыя замѣтки (продолженіе и оконч.) учителя К. Живило.

50, 52. Обзоръ Кубанской области за 1887. (продолж.).

51. Георгій Яковлевичъ Есауловъ (некрологъ)—изъ дворянъ куб. коз. войска, воспитанникъ московскаго университета, первый редакторъ (1862—1864) Кубанскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей и съ 1864 по день смерти (3 дек. 1888) много потрудившійся по дѣлу образованія своего роднаго края.

Сибирскій Вѣстникъ 1888.—80—85. 82. Фельетонъ: «Русская жизнь». Есть отношеніе и къ югу Россіи.

84. Передовая статья о пріобрѣтеніи библіотекаремъ сибирскаго университета С. К. Кузнецовымъ значительной коллекціи свитковъ и дѣлъ, много лѣтъ собиравшейся однимъ изъ томскихъ старожиловъ. Въ числѣ множества интересныхъ документовъ есть относящіеся и къ исторіи Малороссіи, какъ напр. грамота томскому воеводѣ о переводѣ изъ селенгинскаго острога въ Томскъ ссыльнаго гетмана Многогрѣшнаго съ семьей.

85. Передовая статья по переселенческому вопросу.

Червоная Русь 1888. 132—151. 132, 143—146, 148—151 *Археологическо библіографическая выставка ставропигійскаго института.*

133. *Библіографія.* Замѣтки о «Каталогѣ выставки ставропигійскаго института» и о IX—X вып. «Русской библіотеки».

136. *Памятникъ юбилея крещенія Руси.*

136, 139, 142, 147, 148, *Роздѣлъ Галичины* (окончаніе).

136. *Библіографія.* Замѣтка о № 10 «Науки».

138. *Отголоски кіевскихъ торжествъ.*

Отчеты о засѣданіяхъ «Галицко-Русской Матицы» и централ. выдѣла «Общества Качковскаго».

140. *Грохольскій и его политика.*

143. *Отчетъ о засѣданіи центр. выдѣла «Общества Качковскаго».*

145. *Краткій некрологъ А. И. Линниченка.*

147. *Библіографія.* Замѣтка о 7-мъ вып. «Галицко-русской библіографіи XIX ст.“ изд. Ив. Эм. Левицкимъ.

148. *Отчетъ о засѣданіи центр. выдѣла «Общества Качковскаго». Библіографія.* Замѣтка о № 11—12 «Русской Библіотеки».

150. *Библіогр.* Замѣтка о повѣсти г-жи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

151. *Библіографія.* Замѣтка о вышедшихъ №№ «Русской Библіотеки», «Науки», «Новаго Галичанина» и «Добрыхъ Радъ».

I. *Литература и искусство.* Краткая замѣтка о книгѣ «Уніатскіе церковные соборы».

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Виленскій календарь на 1889 годъ. Вильна 1888 годъ, 8 д., 320 стр.+1 табл.

Гамченко Сергѣй—Житомирскій могильникъ.—Археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ.—Съ атласомъ. Житомиръ 1888 г.

240-е засѣданіе Императорскаго общества исторіи и древностей. 31 окт. 1888 г. Одесса, 8 д., 3 стр.

Kolberg—Pokucie, tom III. Краковъ. 1888.

Кононенко М. Москаль, змій та царивна, казка въ двохъ частынахъ. Кіевъ. 1888 г., 16 д. 104 стр.

Купчинскій И. Чертовъ портретъ. Украинская легенда. Москва 1888 годъ, 12 д., 36 стр.

Rawita F. Na krasnym dworze. Powieść historyczna z czasów pobytu w Kijowie Boleslawa Smialogo. Варшава. 1888 г., 8 д., 291 стр.

Prochazka A.—Z przeszłości Brzozowa. Львовъ 1888 г.

Святая Почаевская Лавра. Съ картинкой. Спб. 8 д., 32 стр.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи, произведенныя въ бессарабской, екатеринославской, полтавской, таврической и херсонской губ., въ области войска донскаго, въ кубанской и терской областяхъ, въ 1888 году. Отчетъ *П. А. Забаринскаго*. VIII. Болѣзни хлѣбныхъ растеній. Одесса. 1888 г., 8 д., 32+2 стр.+6 табл.

Urbański.—Watażka, dramat w trzech aktach na tle dziejowem. Львовъ. 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1889 г.

ЮЖНОРУССКОЕ ЖИТІЕ СВ. ВЛАДИМІРА XVII В.

Въ только что вышедшей *второй* книгѣ „Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца“ помѣщено нѣсколько памятниковъ древнерусской литературы, посвященныхъ св. Владиміру. Въ числѣ этихъ памятниковъ находится интересное южнорусское житіе св. Владиміра, напечатанное А. И. Соболевскимъ по рукописи XVII в. московск. публичн. музея (Большак. № 23, л. 102 сл.), съ разночтеніями по рукописи XVII в. соловецкой библіотеки (Казанск. дух. акад. № 402).

О происхожденіи этого житія проф. Соболевскій высказываетъ слѣдующія предположенія: 1) южнорусское житіе написано въ концѣ XVI в., или, скорѣе, въ первой половинѣ XVII в.; 2) авторомъ его былъ одинъ изъ кіевскихъ ученыхъ; 3) оно составлено съ цѣлію показать католикамъ, что православная русская церковь имѣетъ своихъ святыхъ.

Южнорусское житіе св. Владиміра не лишено и значенія въ отношеніи къ исторіи древнерусской литературы: оно вошло, почти цѣликомъ, въ печатный кіевскій Синопсисъ (1 изд. 1674 г.) и, повидимому, было извѣстно составителю Густынской лѣтописи 1670 г. (II т. П. С. Р. Л.).

Проф. Соболевскому извѣстны были только два списка южнорусскаго житія св. Владиміра. Пересматривая рукописи, хранящіяся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго Собора, я нашелъ въ двухъ сборникахъ Житій св. еще новую редакцію южнорусскаго житія св. Владиміра. По своимъ интереснымъ особенностямъ и по отношенію къ напечатанному житію новая редакція заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Я принялъ въ основаніе рукопись № 129, сборникъ житій святыхъ на 6 мѣсяцевъ, отъ марта до конца августа, большая часть сборника писана на бумагѣ и рукою XVII вѣка, въ томъ числѣ и житіе св. Владиміра; дополненія рукою XVIII вѣка сдѣланы въ виду утраченныхъ начальныхъ статей. Затѣмъ я привожу разночтенія по рукописи № 130, имѣющей слѣдующее заглавіе: „Сія книга глемая житія стыхъ Іродиона Касяновича пресви(тера) сто. михаиловского“.... Рукопись подобная № 129, XVII в. Всѣ статьи на литературномъ языкѣ юго-западной Россіи XVII в.

П. Владиміровъ.

Іюліа 15 дня. Вто(и) же днь о крщенію всего народу руского і успение стго равного Апостоло(м) князя владимира мона(р)хи киевского и всеи руси нареченного въ святомъ кр(е)щнию василиа.

Понева(ж) чотыри повѣсти о крещению руси вкро(й)ника(х) а лѣтописца(х) естъ, и зна(й)мено и описано, розумѣю быть немен́шую потребу ото(м) якъ се много ра(з) русь крестила свѣту выра-зи(т). ве(д)лугъ кро(й)никаровъ наши(х) словенски(х) первястки кре-щениа своего о(т) андреа стго апостола руски(и) народ выводил. бо то(и) стый Апостолъ будучи вхерсонѣ для проповѣди евангел-скои хр(с)товои пустился былъ днепромъ вгору, ажъ до новагороду великого, где нѣшто люде(и) окрестивши моремъ инфлянтскимъ до рыму прижекглевалъ онем тежъ свѣтчать же коли днепромъ до новагороду дорогу отправовалъ, приехавши над гори киевские, оные блгословилъ и крестъ сты(и) на горѣ (подле которои тепер брама киевская [1]) стоит от полудня) поставилъ. Пророкуючи иж на то(и) горѣ и иныхъ при не(и) мѣло знаменитое и хвалою бжею наполне-ное мѣсто станут. придает стари(и) *) лѣтописца словенскии сты нестеръ; же и павел сты апостолъ словенскимъ проповѣдуючи на-родомъ многим руси до крщениа стго дорогу указовалъ. Апонемъ андроникъ сты. Але тое крщение стое немоглося розширит для княжатъ поганскихъ на тои часъ пануючих вруси. Повторе крстилъся

---

*) Въ скобкахъ поставлены буквы, надписанныя надъ строками. Далѣе мы внесли их въ строки.

рускии народ за Михаила цесара грецкого около року бж҃го ѡѯг (863): где фотии ознаимуетъ оруси жеся окр҃тила. Атое крщение такимся отправовало способом, яко свѣдчит стародавнии нашъ лѣтописца словенскии нестор и иные гисторикове: Княжата словенские святополкъ, ростиславъ и косель, посылали до цесара помененого Михаила просячи крещения ст҃го: цесар шпералъ кого бы мѣл выслать: адовѣдавшися у одного человѣка вселуню именемъ льва же мѣлъ двохъ сыновъ учоныхъ, зкоторых одному имя было мефодии а другому кирилъ. оным до себе казал приехат, и послалъ ихъ на проповѣдание евангелиа святого и крщение народовъ словенскихъ. которие щире втои прачи[2]) поступуючи, книгъ не мало з грецкого на словенскии языкъ преложыли. а втот часъ на столици патриаршества[3]) царгородского седѣлъ фотии стыи. Потрете крестилася русь от грековъ за цесара греческого[4]) василиа македона, котории для крещениа еи послалъ былъ епископа (которого имени кроиники не кладутъ) а тои епископъ коли доруси приѣхал, потребовали понемъ русь чудовъ: всякожъ онъ еѵглие вкинул вогонь, которое же намнѣи огнем не было нарушо, многое теды руси крестило. на тои час былъ тоиже фотии посмерти ігнатіа патриархою царегородским. вчетвертомъ разу крестилася русь от греков за олги жоны игора княжати руского бабки володимеровы бо тая ездила до царагорода за осмого константина цесара грецкого[5]), а за патриархи полиекта: и тамъ еи полиектъ патриархъ царягородскии окрестил и бл҃гословеною межи невѣстами рускими назвалъ. Наостаток крестилася русь от грековъ за володимера святославовича уже зуполне и доскенале ведлугъ наших диптихов року ҂а҃ (1000). Ато таким способом володимер былъ сынъ стославов, внукъ игора княжати руского и олъги княжны правнук рюриковъ, зосталъ паном всеи руси по смерти брати своеи, которим имя было олегъ и ярополкъ. мѣлъ столицу свою первеи в новѣгородѣ потом вкиевѣ. такъ великую широкость мѣлъ своего панства, же не толко всею русю всходнею, полуденною и полночною владнулъ, але землею болгарскою, сербскою, карвяцкою, семигродскою, выятицкою, вятвязкою, дулѣпскою, и тыи краины где тепер волохи, мултяне и татаре бобруиские, одною выправою до

послушенства своего привернул, и дан на них взложил. Абудучи володимеръ такъ великим монархою руси всеи: мѣл от кирила стого (о которомся вышеи поменило) инструкцию довѣри стои христианскои. бо коли до володимера розмаитыи нацыи присылали, абы ихъ вѣру принял, яко то жыдове, махометани, волохи, грекове, он всѣхъ вѣри собѣ не подобалъ, толко грецкая вѣра ему вмысль впала, за оздобнымъ выводом кирилла философа грецкого, которыи ему обшырные артыкулы вѣри стои проповѣдал: наостатокъ указал запону, на которои выгаптованый[7]) был судъ бжии, а привезлъ еи от цесаров грецкихъ и патриархи за упоминокъ володимерови. На тую запону володимер гледячи пытал философа: которіебы то были поправицы судіи, акоторыи полевици; философъ повѣдалъ: же которіи суть по правици выражени, сут христиане з добрими учынками: а полевици будутъ вси, которіеся не окрестили. володимер до сердца то взявши своего вздохнулъ и реклъ: блгословени тыи которыи на правици станут, а бѣда тым которие полевици. философъ зас рекъ: и ты будешъ на правици если ся[8]) окрестиш. и для того и для болшои вѣдомости вѣръ розныхъ, выслалъ пословъ своихъ володімер дорозных краинъ свѣта которие бы ся пригледали вѣри и церемониамъ. тые звѣдавши много земль жаднои собѣ вѣри и церемонии не подобали одно грецкую, которая им так ся велми подобала, а над то влиторгіи при которои были, повѣдали же учули такъ великую солодкость, ижъ якобы взахвыцене порвани болшеи при небеснои анижели земнои учте розумѣли ся быт. дѣялося то за костантина и василиа цесаров грецкихъ и сергиа патриархи цараградского. однакъ не будучи досконале еще угрунтованы в вѣре хр̑стианскои володимер для розширеня панства своего собравши новогорожан и кианъ пустился до тавріки которую теперъ перекопом зовутъ. тую опановавши и взявши внеи мѣсто херсонь, пословъ своихъ до цесаровъ грецких двохъ братии василіа и костантина сыновъ іоанна земиски цесара грецкого, зычачи собѣ сестру ихъ анну за малжонку, послалъ. Они отповедили володимерови если зостанешъ христианиномъ дамо тобѣ сестру нашу за малжонку. А володимер такую далъ отповѣдь[9]): жем я собѣ уподобалъ вѣру вашу еще

здавна, гдым пословъ моих высылал на вывѣдоване онои до вас. Пришлѣте теды епископа а я се окрещу. Вдячную новину услышавши цесарове, почали намовлят сестру, абы шла за володимера: которая любо дивне не хотѣла: уважаючи однакъ спасение такъ великого народу росиского[10]) и покои отчизны своеи, призволила. Потом ехала звеликим оршакомъ княжат грецкихъ дохерсоня, докоторого приехавши, коли была припроважона на палацъ замку херсонского[11]), володимер знагла ослѣпъ, и почал был уже вонтпить о крщению, розумѣючи иж его богове поганские скарали. Але цесаровна послала донего мовечи: окрестися одно а збудешъ слѣпоты: якъсе и стало: бо херсонскии епископъ коли на него руку положыл блгословячи ему абы принял дха стого, заразъ якъбы луска з очъю его спала и прозрѣлъ ясно, и далъ хвалу бгови мовечи: тепер есми познал правдивого бга. окрстившися теды володимеръ (взял имя на стомъ крещеніи василеи) повеселю ехалъ з цесаровною докиева взявши от патриархи царгородского сергиа, першого митрополита михаила. Априехавши докиева з великою радостю люду посполитого. Привезлъ тежъ з собою кости[12]) стого климента и фива ученика его: образы книги и иншое начине и Апараты церковные: сщеников діаконовъ, діаковъ и чернцовъ и розмаитых ремесниковъ для будованя церквеи гоиным юргелтомъ нанятыхъ з греціи зсобою докиева привезлъ. володимер приехавши докіева, казал обалят, ламат, из грунту вывертать балваны, терхаса, стриба и мокоша[13]). а волоса балвана (котории был мянованыи быдлячии и лесныи богъ) казал в выход посполитыи вкинуть и внечистостях утопит. Перуна теж преднѣишого бога, казал до конского хвоста увязати и волочи по буричовом потоку вдѣпръ: и (12) ві мужеи приставилъ, абы его киами били: а то чынил не якъ бы дерево тое чути могло: але абыся насмѣал бѣсови, которим прелщал люди. Аколи то такъ чынили, невѣръныи киане всюды вголосъ плакали. А оные приволокши его до берега вкинули вднѣпръ. досказалъ тежъ володимир абы оного перуна нигде доберега не припущали аж минет пороги. итамъ нижеи пороговъ выкинулъ его вѣтръ[14]) до однои гори великои, которая перунъ гора итепер зовется. Потомъ послалъ володимер по всем

мѣсте киеве волаючи [15]): если кто завтра не наидетъся на рецѣ почайнѣ такъ богатыи яко и убогии, неволникъ и волныи, старии и молодыи, то будет мнѣ противным. то люди чуючи мовили: если бы то речъ была не потребна, цар бы нашъ и бояре его не крстилися. Назавтреежъ зышолъ володимер зовсимъ грецким дховенством над рѣку почайню где уже было и стояло люду которому и личбы не было. Теды убравшися свщеникове и діаконове вризы свои стояли на лавках на то уготованых на рецѣ почайни, а люди громадами лѣзли вреку, одны попоесъ, адругие пошию, а свщеники даючи каждои громадѣ зособна имена: тимофеи, василеи, петръ, або симеонъ поливали их водою, и молитвы надними звыклые отправовали, икрестили всих мужеи и невѣстъ въ имя отца и сна и стого дха. Втоиже часъ от митрополита первого в россіи именем михаила, которого тежъ взял з херсони володимеръ вси дванадцат сынове володимеровы окрщени особливе, которих мѣлъ зколкимис жонами. имена их сут вышеслав, изяславъ, святополкъ, ярославъ, всеволод, мстиславъ, святослав, борисъ, глѣбъ, станиславъ, позвиздъ, судиславъ, и от того тую гору и студню над днепром где ся они крстили ипосес днь киане хрещатиком зовут. дал тежъ всих пречоных сыновъ своих, и при нихъ колко сотъ сновъ боярскихъ писма грецкого и азбучного которого тепер наша русь ужываетъ, и которое еще перед тым далеко з грецкого на языкъ словенскии переложоно учити. Преложил над ними діаки и млоденци цвичоныи. Потом володимер по всих панствахъ своихъ казалъ выкликать балваны, росказуючи абы ся вси въ вѣру христианскую крестили, а ден певны назначилъ, накотории быся хто не окрестилъ каране яко на непослусныхъ [16]) уставил. услышавши тои люд посполитыи бѣгли вси зрадостю до киева, а другие на иншие мѣстца назначоныи, покоторых были грецкие священики для крещения. казалъ змуровать церковъ вкиевѣ стого спаса з камени великого. Анатом мѣстцу где балван перунъ был перед тымъ хвален, цркОвъ стого василіа [17]), и иныхъ тежъ церквеи велми много, звлаще натыхъ мѣстцахъ где передтымъ розмаитыи балваны стояли росказалъ набудовать коштом великим одны з цеглы икамени, а другие з дерева. А доновагорода великого послал Архіе-

пископа Іоакима херсонянина [18]). Котории пришедши доновагорода здобринею, болваны вси поламалъ а перуна вкинулъ в волхов рѣку, которая посерд мѣста з илмера озера идетъ. А коли того балвана перуна бито почереву киами бо был дутыи, теды внем бѣсъ кричал: о бѣда мнѣ ижъ есми ся досталъ внемилостивые руки а плынул против воды. Потом володимер послалъ знову поремесники догреціи, и змуровалъ церковъ коштом великимъ престои богородицы вкиевѣ, которую книгами и образами тои мужъ стыи [19]) оздобивши преложилъ над ними анастасиа херсонина [20]) сщеника, опатривши еи великими десятинами з медов избожа всякого шпиталеи тежъ велми много для убозства и каликъ набудовалъ и надалъ гоине великим достаткомъ [21]). такъже тежъ вси руские бѣлои и чорнои, всходнеи, полночнои и полуденнои лежачои руси народы ввѣре христіанскои ведлугъ обрядовъ и церемонии грецкихъ под звирхностью патриархи константинополского стале и статечне посес ден трвают. для такъ теды великои справы же досконале за его поводомъ [22]) гдь бгъ такъ великии народ докрещениа стого привел: и для жывота тежъ его побожного и стобливого будучи в христіанствѣ до календара его церковъ стая принела и обходит днь его іюля єі (15) [23]), днь тои властиве которого господу богу дха отдалъ. поховань естъ в киевѣ в церкви прстои богородици десятиннои в гробѣ мармуровом.

Што если отцове стые о иныхъ стых которых дома не маемъ мощах то ест костях розумѣли, ровным вправдѣ способомъ почесть належыта естъ тымъ которих мощи дома у себе, то естъ в панствѣ своемъ [24]) маемъ. Затым я (авторъ мовитъ) смѣле рекну оно што амвросии стыи реклъ: радуися з щастья каждого мѣста люд, если одного толко мчника костями стыми естъ осмотреныи амы ото воиска (мчнков) стых и прпдбных отцов и великих чудотворцовъ маемъ. Нехаися радуетъ земля наша пѣстунка нбсныхъ жолнѣров [25]), итакъ великая родителка цнотъ плодная, тѣшъсяжъ и ты презацная земле киевская, же дочого другие сотницами мил кладут и шествуют. ты то на своем лонѣ пѣстуешъ: у тебе стыи митрополитове, побожные епископове, блгословенные архимандритове. у тебе мироточивые кости знаидуются ты ес родителка ангеловъ земныхъ: ты естес пѣстункою

воиновъ [26]): ты есь поле на котором [27]) ся родят лиліи чистости, рожи терпливости, иакинфы послушенства: з которих вѣнцы ся уплѣтают княжат росииских не увядаючие. радуися и тѣшъ [28]). земля римская з петра и павла: ассіа з іоанна бгослова египетская з марка, антиохиискаи з луки, греческая з андрея и костантина: а руская и киевская земля преславная з тебе княже владимере яко з господнего Апостола, котории освѣтилъ естъ вси конци и краины земли росиискои стымъ крещением. радуися блгословеныи княже владимере [29]) дѣлателю и насадителю христианскои вѣри искоренивыи [30]) прелестное идолскои слѣпоты тернье. радуйся княже стыи зоравшии рускую землю стым крещением и насѣявшии стого и божественного писма книгами, скоторих жнутъ сынове росиискиe ужиточные рукояти покаания, и от которих теж уживаютъ неоскудныи покармъ вцарствіи небесномъ. которого и насъ. хрсте бже рачъ доместити: тобѣ бо вѣмъ належитъ хвала и поклонъ з отцем и стымъ дхомъ, нн҃ѣ и завжды и на вѣки вѣкомъ Аминь.

Разночтенія.

[1]) мѣстска, [2]) працы, [3]) патриарховства, [4]) грецкого, [5]) царягородского, [6]) припудил (на полѣ: привелъ), [7]) выгафтованыи, [8]) колися, [9]) такии дал респонсъ, [10]) на полѣ: мудрост панны, [11]) корсунского або херсонского, [12]) моцн то ест кости, [13]) сверху строки приписано: «купала, ладо коляда», [14]) днѣпръ (на полѣ: «вѣтръ»), [15]) кличучи, [16]) непослушныхъ, [17]) на. имя свое которое ему было дано на стом крещению, [18]) корсунянина, [19]) нѣтъ, [20]) херсонянина, [21]) потом володимер взявши зсобою два епископи ходил всуздалскую землю и там всѣх крестилъ и збудовал замокъ и мѣсто великое отсвоего имене назвал его володимеромъ межи волгою и окою реками над клязмою рекою в украйне велми гоиной, итам столицу свою перенеслъ зкиева але всякого болше вкиеве мешкал. итам же теж того часу в володимери

стыи володимер церкви и шпиталеи велми много набудовал инадал; [22]) инстанцыею тоест поводом, [23]) лица [24]) нѣтъ, [25]) на полѣ: воинов [26]) христовых, [27]) сеплодяти [28]) радуется и тѣшит [29]) принявшии вѣнецъ невянучии зруки бога вседержителя радуися святая главо вожю и научителю наш радуися благословеныи княже владимере, [30]) котории выкоренил еси.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

· ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXIV. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ.**

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины" 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**— Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ. **П. С. Ефименка.** — Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**— Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**— Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.** — Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**— Памятникъ Б. Хмельницкому.— „Бунтъ" сквирскаго магистрата. **Н. О.**— Порченная (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченка.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго** — Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**— Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**— Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**— Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**— Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго.**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.**—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенка.**—Фатальная вдова. **П. К.** Половинщикъ (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ.**—Осада и взятіе Очакова **А. А. Русова.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., М. За-

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 27-го Февраля 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

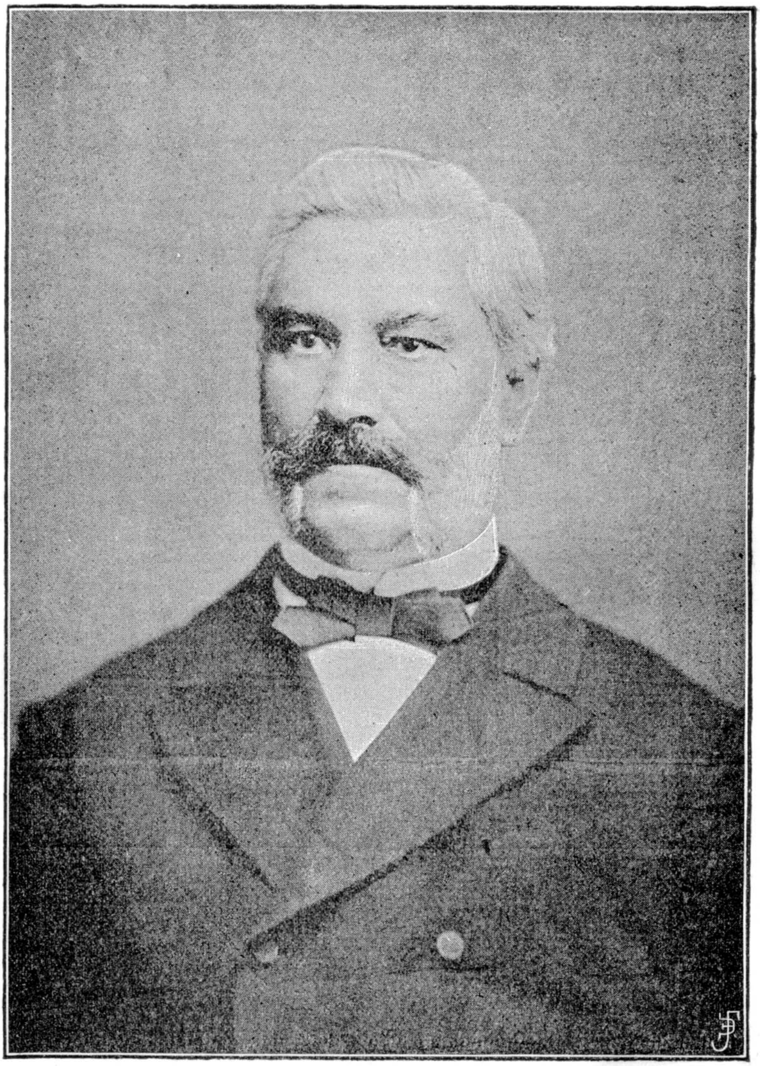
ТОМЪ XXIV.

МАРТЪ

1889 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 27-го Февраля 1889 г.



Ѳ. Г. Лебединцевъ.

ПАМЯТИ Ѳ. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА.

12 марта 1888 г., наканунѣ выхода 1-й книжки „Кіевской Старины“, скончался бывшій редакторъ ея Ѳ. Г. Лебединцевъ. Теперь редакція „Кіевской Старины“, желая почтить память основателя журнала въ годовщину его кончины, прилагаетъ къ этой книжкѣ его портретъ и краткій очеркъ его редакторской дѣятельности, написанный нашимъ постояннымъ сотрудникомъ профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ. *Ред.*

Отношеніе подписчиковъ къ газетамъ и журналамъ опредѣляется внутреннимъ ихъ содержаніемъ и литературнымъ ихъ характеромъ. Къ матеріальному положенію однихъ изданій подписчикъ относится вполнѣ равнодушно, основательно разсуждая, что здѣсь кромѣ редактора-издателя и ближайшихъ его сотрудниковъ, кормящихся отъ доходовъ, даваемыхъ изданіемъ, никто не заинтересованъ. Если закроется одна лавочка, торгующая разнородной беллетристикой и летучими новостями текущаго дня, останутся другія для удовлетворенія любопытства читателя, а, можетъ быть, гдѣ нибудь по близости откроется новая, которая будетъ отпускать матеріалъ для чтенія по дешевой цѣнѣ и въ лучшей оберточной бумагѣ. Сюда относится масса литературныхъ изданій, имѣющихъ характеръ торгово - промышленнаго предпріятія.

Но есть изданія особаго рода, единственныя и подчасъ незамѣнимыя, изданія, поставившія себѣ цѣлью удовлетворять выс-

шимъ научнымъ, художественнымъ или литературнымъ потребностямъ той или другой интеллигентной среды. Кто интересуется содержаніемъ спеціальнаго изданія, тотъ eo ipso заинтересованъ въ самомъ фактѣ его существованія, въ степени его распространенія и вліянія и несомнѣнно дорожитъ имъ, какъ болѣе или менѣе подходящей формой проявленія своего личнаго міросозерцанія и личныхъ нравственныхъ убѣжденій, наконецъ, какъ доступнымъ средствомъ духовнаго единенія съ людьми, выдающимися по знаніямъ и талантамъ въ томъ или другомъ отношеніи. Къ такимъ изданіямъ принадлежатъ многія спеціальныя, научныя и художественныя изданія, въ томъ числѣ и „Кіевская Старина“, представляющая въ настоящее время почти единственное средоточіе для работъ по мѣстной исторіи и этнографіи.

Для сотрудниковъ и читателей „Кіевской Старины“ не будетъ въ тягость прочитать нѣсколько страницъ о редакторскихъ заботахъ Ѳ. Г. Лебединцева, насколько я могъ опредѣлить ихъ по имѣющимся у меня его письмамъ (числомъ 36). Нужно замѣтить, что я знаю Ѳ. Г. только по письмамъ. Лично мнѣ не пришлось съ нимъ познакомиться. Въ письмахъ этихъ ярко отразилась просвѣщенная личность автора, его бойкій и живой слогъ, свидѣтельствующій о литературномъ дарованіи, и его любовь къ родному краю, выразившаяся, между прочимъ, въ живомъ интересѣ къ мѣстной исторіи и этнографіи. Кое что изъ писемъ Ѳ. Г. я выдѣлилъ для „Русской Старины“; въ сторону я отложилъ всѣ отзывы Ѳ. Г. о лицахъ ученаго и литературнаго міра, входившихъ въ соприкосновеніе съ „Кіевской Стариной“, по субъективному ихъ характеру, и теперь пускаю на страницы „Кіевской Старины“ лишь нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Ѳ. Г., касающихся его редакторской дѣятельности по тремъ, такъ сказать, рубрикамъ,—заботы Ѳ. Г. о привлеченіи къ „Кіевской Стар.“ сотрудниковъ изъ людей науки, сотрудниковъ-беллетристовъ и подписчиковъ. И въ тѣхъ, и въ другихъ и въ третьихъ „Кіевская Старина“ всегда нуждалась; Ѳ. Г. усердно ихъ разыскивалъ, собиралъ и сплачивалъ. Много силъ и труда затрачивалъ онъ на поддержаніе журнала, при равнодушіи на-

шего общества къ мѣстной старинѣ. „Низкое вообще у насъ положеніе того, что не газета“, писалъ однажды мнѣ Ѳ. Г., когда уже вполнѣ опредѣлилась степень распространенности „Кіевской Старины“.

Сотрудники изъ людей науки всегда составляли главную силу „Кіевской Старины“, и съ этой стороны журналъ этотъ всегда находилъ наиболѣе существенную поддержку. Однако, по временамъ и здѣсь чувствовалась слабость, въ смыслѣ отсутствія обработанныхъ научныхъ статей, замѣняемыхъ случайными и бѣглыми набросками или чаще сырымъ матеріаломъ. „У меня ровно ничего нѣтъ, кромѣ хлама“, писалъ мнѣ Ѳ. Г. въ концѣ 1885 года. „Мое уныніе, постоянное гореваніе вызывается тѣмъ, что рѣдко-рѣдко попадетъ что нибудь путное, а большею частью хламъ, съ которымъ возись до одурѣнія“. Въ недостаткѣ обработанныхъ научныхъ статей Ѳ. Г. отчасти винилъ себя, отчасти знакомыхъ ему ученыхъ, себя въ томъ смыслѣ, что не можетъ оплачивать хорошихъ статей достаточнымъ гонораромъ, другихъ въ „лѣночувствѣ“, т. е. въ малой научной продуктивности. „Не посѣявъ не пожнешь“, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ по поводу невозможности сдѣлать затраты на улучшеніе журнала, и прежде всего на уплату сотрудникамъ надлежащаго гонорара, „сухая ложка ротъ деретъ, и милостыней сытъ не будешь“. Чувствуя всю слабость общественной поддержки, Ѳ. Г. съ горечью замѣтилъ однажды, что „ничего путнаго создать мы не могли, ничего удержать на продолжительное время“. При всемъ томъ Ѳ. Г. насчитывалъ 50 сотрудниковъ, а изъ этого числа выдѣлялъ 15 такихъ, съ помощью которыхъ можно смѣло вести изданіе.

Сотрудники беллетристы почти вполнѣ отсутствовали, и Ѳ. Г. очень нуждался въ историческихъ повѣстяхъ и романахъ изъ южнорусской старины. Въ самомъ началѣ моего письменнаго знакомства съ Ѳ. Г., 4 февр. 1882 года Ѳ. Г. писалъ мнѣ: „Н. И. Костомаровъ, по поводу первой нашей книжки, возсылая ей похвалу и благодарность отъ имени науки, пишетъ мнѣ, между прочимъ: „слѣдовало бы беллетристику допустить“; я допустилъ бы, да гдѣ ее взять? Не найдется ли у Васъ въ Харьковѣ?“ Это обращеніе за исторической беллетристикой къ такому

совсѣмъ неисторическому и нелитературному городу, какъ Харьковъ, показываетъ безнадежное положеніе въ этомъ отношеніи „Кіевской Старины“ при прежнемъ ея матеріальномъ положеніи.

Число подписчиковъ „Кіевской Старины“, судя по письмамъ Ѳ. Г., не поднималось выше 800, а къ концу 1887 года даже уменьшилось, что объясняется стеченіемъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, большею частью не зависѣвшихъ отъ редакціи. Въ концѣ каждаго года Ѳ. Г. жаловался на слабый ходъ журнала въ публикѣ и побуждалъ лицъ, расположенныхъ въ пользу изданія, содѣйствовать большему его распространенію, при чемъ Ѳ. Г. особенно дорожилъ вниманіемъ и поддержкой духовенства. Повидимому, онъ и въ южнорусскомъ духовенствѣ надѣялся найти такой интересъ къ мѣстной старинѣ, какой обнаруживаетъ галицко-русское и отчасти холмское духовенство. Собиралъ онъ, между прочимъ, адрессы благочинныхъ харьковской епархіи. „Я пошлю имъ объявленія, писалъ онъ мнѣ по этому поводу; вѣдь срамъ сказать, ни одинъ іерей харьковской епархіи не выписываетъ „Кіевской Старины“. Расположеніемъ Ѳ. Г—ча къ духовенству объясняется его наклонность помѣщать въ журналѣ статьи по мѣстной церковной исторіи и систематическое устраненіе такихъ статей или матеріаловъ, которые не соотвѣтствуютъ православному религіозному благочестію, хотя бы вполнѣ позволительныхъ въ цензурномъ отношеніи. Такъ, изъ моихъ мелкихъ статей не была помѣщена замѣтка объ „Израильскомъ Зміѣ“ Г. С. Сковороды, повидимому, за указаніе на пантеистическій характеръ этого сочиненія. „Прислали мнѣ изъ Москвы, писалъ въ 1884 г. Ѳ. Г., чуть ли не полпуда неизданныхъ сочиненій Сковороды. Я только пересмотрѣлъ; но, увы! ничего въ нихъ народнаго. Все задавила школа и злосчастный пантеизмъ, который выступаетъ со всей яркостью“. А между тѣмъ пантеизмъ составляетъ характерную сторону міросозерцанія Сковороды, и любопытно было бы подробнѣе съ нимъ ознакомиться, тѣмъ болѣе, что при всей темнотѣ и суши сковородиныхъ твореній въ нихъ мѣстами пробивается глубокая мысль и свѣтлое поэтическое одушевленіе. Ѳ. Г. не любилъ ничего туманнаго и требовалъ ясно сознанной мысли и яснаго изложенія.

Ѳ. Г. несъ на себѣ всѣ труды по изданію и редактированію „Кіевской Старины". Въ письмѣ отъ 28 февраля 1886 года читаемъ: „На масляной въ субботу былъ на балу въ Дворянскомъ Собраніи. Боже! какъ мнѣ страшнымъ все казалось. Вѣдь шибнетъ же этакая охота! А на эту субботу говѣю, отъ грѣховъ хочу очиститься—редакторскихъ, издательскихъ, сотрудническихъ, корректорскихъ, конторщицкихъ и по части корресподенціи. Да, поневолѣ скажешь, грѣхи наши тяжкіе!" Въ этомъ длинномъ спискѣ грѣховъ былъ только одинъ, на который можно было сердиться, именно корректорскій; но и здѣсь въ извиненіе шли „старые глаза", и потому никто, кажется, не велъ счета опечаткамъ. Тяжелыя и хлопотливыя занятія по изданію и редактированію журнала были причиной глубокаго разстройства здоровья Ѳ. Г. Послѣднія письма Ѳ. Г. преисполнены жалобами на мучительныя нервныя боли, а когда въ результатѣ ихъ явилась пріостановка изданія, къ нимъ присоединилось жгучее опасеніе за ближайшее будущее и удручающій страхъ близкой кончины.

Масса чернаго труда по изданію и редактированію „Кіевской Старины", а въ послѣдніе годы тяжелый недугъ мѣшали Ѳ. Г. приготовить большое изслѣдованіе. Научно-литературная дѣятельность Ѳ. Г. въ „Кіевской Старинѣ" ограничивалась небольшими замѣтками, преимущественно въ библіографическомъ отдѣлѣ, подписанными разными псевдонимами. „Меня заѣдаютъ рецензіи", писалъ мнѣ Ѳ. Г. Дѣло въ томъ, что по южно-русской исторіи и этнографіи выходитъ мало книгъ; относящіяся сюда новости бываютъ притомъ часто такъ безцвѣтны и безсодержательны, что дѣйствительно возникаетъ на малое затрудненіе постоянно поддерживать библіографическій отдѣлъ на надлежащей высотѣ серьезной и дѣловой критики. Живымъ интересомъ отличались замѣтки Ѳ. Г. о старинномъ малорусскомъ бытѣ, объ обычаяхъ и нравахъ стараго времени. Здѣсь Ѳ. Г. говорилъ, очевидно, отъ полноты сердца, любящаго родную старину, и самый строй его рѣчи получаетъ колоритъ особенной задушевности, мѣстами пробивается юморъ наблюдательнаго и добродушнаго свойства, мѣстами обнаруживается живописная обрисовка деревенской жизни, несмотря на растлѣваю-

щія вліянія крѣпостнаго права. Такими свойствами отличается, напримѣръ, статья Ѳ. Г. о Шевченкѣ въ XI книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 года. Пріостановивъ изданіе „Кіевской Старины“, Ѳ. Г. писалъ мнѣ, что у него остался неоконченнымъ эскизъ „Малорусскіе дьячки“ и статья „Къ характеристикѣ кіевскаго митрополита Филарета“. Въ томъ же письмѣ (отъ 9 ноября 1887 г.) Ѳ. Г. замѣчаетъ:„ О, если бы я былъ свободенъ отъ редактированія, корректуры, корреспонденціи, конторы, сколько я одинъ могъ бы еще сдѣлать. Но, увы! согнулся хребетъ мой отъ работы, въ большинствѣ такой, для которой не нужно ни таланта, ни знанія; все то хотѣлось удержать „Старину“, да ба! Ввирвався басъ... Вы не повѣрите, какая грусть овладѣваетъ мною по мѣрѣ приближенія къ концу“...

Имя Ѳеофана Гавриловича Лебединцева будетъ въ обществѣ забыто съ потерей послѣдняго интереса къ южнорусской старинѣ, забыто лишь въ смыслѣ поучительнаго начала, какъ живая движущая къ добру сила; но оно всегда будетъ жить въ благодарныхъ лѣтописяхъ исторіи, какъ имя просвѣщеннаго и энергическаго труженика исторической науки, заботившагося о сохраненіи лучшихъ преданій народа въ связи съ уразумѣніемъ основныхъ началъ его прошлой жизни.

Н. Сумцовъ.

НА СЫРЪ-ДАРЬѢ У РОТНАГО КОМАНДИРА.

(ИЗЪ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ).

Посвящается друзьямъ: Бер—у, Жит—у и Цв—у.

Въ началѣ декабря 1883 года, по пути изъ Ташкента въ Оренбургъ, мнѣ довелось пробыть около четырехъ сутокъ въ г. Казалинскѣ и тамъ, нежданно, познакомиться съ бывшимъ ротнымъ командиромъ покойнаго Тараса Гр. Шевченка, Егоромъ Тимофѣевичемъ К—вымъ. Уроженецъ давно уже упраздненной степной крѣпостцы Татищевой, всю жизнь свою прожившій и прослужившій среди необъятныхъ и печальныхъ прикаспійско-аральскихъ пустынь, Егоръ Тимофѣевичъ, во время знакомства моего съ нимъ, кончалъ уже 48-й годъ своей службы и, въ чинѣ полковника, занималъ должность коменданта г. Казалинска, форта № 1 то-жъ. Нынѣ Егоръ Тимофѣевичъ находится уже въ отставкѣ, но гдѣ проживаетъ, да и здравствуетъ ли еще, того уже не знаю, ибо послѣднее письмо его, къ которому онъ, согласно обѣщанію, приложилъ „замѣтку“, составляющую почти дословное повтореніе того, что онъ мнѣ разсказывалъ про Шевченка, отправленное въ началѣ 1884 г., было, по причинѣ моихъ переѣздовъ, получено мною только въ 1886 г.; на мое же послѣ того писанное уже письмо къ нему и адресованное въ г. Казалинскъ отвѣта и до сихъ поръ мною отъ него не получено.

Большой ростъ, атлетическій складъ да и вся вообще фигура Егора Тимофѣевича, начиная съ нависшихъ бровей, не-

вольно заставляла на первый взглядъ предполагать въ немъ представителя того, нынѣ, слава Богу, уже исчезнувшаго типа стараго фронтовика-служаки, у котораго кромѣ сухой формалистики да шагистики, не осталось уже ничего за душой. Но стоило только послушать разсказы и отзывы о „своемъ старикѣ", какъ называли Егора Тимофѣевича его сослуживцы и подчиненные—до солдата включительно, да хотя немножко лично познакомиться съ нимъ, чтобы не только измѣнить первое предположеніе о немъ, но даже въ тайнѣ устыдиться, какъ оно могло найти мѣсто въ вашей душѣ?!... Предъ вами представлялся тогда Егоръ Тимофѣевичъ совсѣмъ въ иномъ видѣ и свѣтѣ, всецѣло напоминая собою симпатическій образъ лермонтовскаго Максима Максимовича: та же внѣшняя суровость манеръ и языка, подъ покровомъ которой билось самое незлобливое и дѣтски-чистое сердце; та же смѣсь здраваго смысла и наивнаго простодушія въ сужденіяхъ и оцѣнкѣ лицъ и событій; тѣ же любовь и привязчивость къ людямъ, съ которыми онъ жилъ, или правильнѣе—*служилъ*, ибо другихъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми служилъ, онъ мало даже видывалъ на своемъ вѣку; та же отзывчивость къ ихъ горю и радостямъ и та же, наконецъ, готовность подѣлиться съ ними послѣднимъ, а то и отвѣтствовать за нихъ не только своею карьерою, о которой Егоръ Тимофѣевичъ, подобно Максиму Максимовичу, никогда и не думалъ, но даже головою. Подъ самый конецъ службы Егора Тимофѣевича такая, было, бѣда надъ нимъ и стряслась...—„Да какъ же тутъ было быть то иначе?" спрашивалъ при разсказѣ о томъ добродушный старикъ, воскрешая въ вашей памяти того наивнаго малоросса, который, не умѣя плавать, бросился съ моста въ Днѣпръ спасать утопающаго, а затѣмъ, на замѣчаніе спасшихъ его самого отъ гибели, какъ же таки такъ онъ, неумѣющій плавать, рѣшился спасать другаго?—отвѣчалъ: „А то якъ же?—колы чоловикъ топе?"...

Во время моего пребыванія въ Казалинскѣ, разъ я былъ съ визитомъ да разъ обѣдалъ у Егора Тимофѣевича, отличавшагося, между прочимъ, несмотря на крайнюю ограниченность своихъ достатковъ, еще и самымъ задушевнымъ гостепріимствомъ, какъ, впрочемъ, и всѣ наши степняки-туркестанцы, безъ разли-

чія чиновъ и званій. Но у меня въ Казалинскѣ такъ было много дѣла и мало времени, что за два торопливыхъ этихъ посѣщенія я не имѣлъ возможности разговориться съ моимъ хозяиномъ, въ которомъ и не подозрѣвалъ бывшаго ротнаго командира Шевченка, да такъ, не узнавши того, вѣроятно, и уѣхалъ бы, если бы, сверхъ чаянія, мнѣ не довелось провести еще и цѣлый вечеръ у казалинскаго коменданта.

Покончивъ съ дѣлами и распрощавшись съ добряками-казалинцами, я въ тотъ же день вечеромъ порѣшилъ продолжать мой дальнѣйшій и нелегкій путь, сдѣлавъ къ тому безотлагательно всѣ обычныя закупки и подготовленія. Но не даромъ говорятъ: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!“

Морозъ, державшійся еще утромъ около 18°, вдругъ къ вечеру упалъ до 7°; ясное до сихъ поръ небо стало быстро заволакиваться тяжелыми тучами; задулъ сильный вѣтеръ и началъ перепархивать снѣгъ: всѣ предвѣстники близящейся „пурги“ [1]) были на лицо. Хозяинъ заѣзжаго дома, гдѣ квартировалъ я, и ямщики, приходившіе со станціи *подмазывать и упаковывать* мой тарантасъ, стали уговаривать меня отложить мой выѣздъ до утра. Но я не сдавался однако на ихъ уговоры и ревностно продолжалъ мою укладку, какъ вдругъ ко мнѣ входитъ Егоръ Тимофѣевичъ, отряхивая съ усовъ ледяныя сосульки и утирая отъ снѣжнаго заноса лицо. „Да неужели же,—удивленно спрашиваетъ онъ,—вы и въ самомъ дѣлѣ собираетесь сегодня выѣзжать? Это—по такой то темнотѣ, да еще въ пургу?!... Да въ такую непогодь и самъ киргизъ верхомъ на своемъ конѣ ни за что никуда не поѣдетъ, а куда же вамъ, въ тарантасѣ?! Это прямо идти на погибель, какъ тому и бывало уже не мало примѣровъ у насъ въ степи. Вотъ, ужо́, утромъ, повидите: затихнетъ, ну, и съ Богомъ! а нѣтъ, такъ лучше уже и завтра сидѣть на мѣстѣ по добру-здорову, чѣмъ пропадать въ степи! Послушайтесь совѣта нашего брата-степняка,—бросьте и думать о выѣздѣ сегодня!... А чтобы не оставаться у себя въ номерѣ въ одиночествѣ, такъ не пожалуете ли по просту ко мнѣ, на-

[1]) „Пурга“, по мѣстному выраженію,—мятель.

питься чайку?“ Я сдался на доводы Егора Тимофѣевича, чрезъ какіе нибудь полчаса сидѣлъ въ его квартирѣ за большимъ столомъ, уставленнымъ всякими неприхотливыми яствами, среди которыхъ привѣтливо шумѣлъ большущій самоваръ.

Всѣхъ насъ, гостей, собралось человѣкъ пять,—всѣ, кромѣ меня, все давніе туркестанцы. Бесѣда наша, сразу же принявшая самый непринужденный, искренній характеръ и вращавшаяся сначала, какъ говорится, на „злобахъ дня“ и на настоящемъ нашей средне-азіатской окраины, перешла затѣмъ къ разговорамъ о ея быломъ. Егоръ Тимофѣевичъ, къ которому, при этомъ, то и знай, что обращались бесѣдующіе то за справкой, то съ разспросомъ,—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе все оживлялся, постепенно и незамѣтно для самого себя переходя изъ роли собесѣдника въ роль живаго хроникера, разсказы котораго—простые, безъискусственные, по большей части даже отрывочные, но всегда правдивые, оттѣняемые то колоритомъ неподдѣльной грусти, то такого же юмора, невольно, наконецъ, овладѣли вниманіемъ всѣхъ насъ.

— Такъ, значитъ, вы не залетная птица въ здѣшнихъ палестинахъ, а заправскій здѣшній старожилъ? обратился я къ Егору Тимофѣевичу, чтобы прервать грустно-задумчивое молчаніе, воцарившееся въ нашей бесѣдѣ послѣ одного изъ разсказовъ его, по юмористическому своему началу возбуждавшаго даже не одинъ взрывъ общаго смѣха.

— Это я то? спросилъ Егоръ Тимофѣевичъ, съ удивленіемъ глядя на меня и отодвигая даже при этомъ въ сторону длинный чубукъ своей трубки, которой онъ оставался неизмѣнновѣрнымъ.—Да, вѣдь, я не только безвыѣздно служу въ здѣшнемъ краѣ съ 1835 года, я и родился то здѣсь! Слыхали про крѣпость Татищеву? ну, вотъ, тамъ!...—Все, что ни произошло здѣсь лѣтъ, этакъ, за пятьдесятъ семь, все это произошло, будто бы, вотъ, на моей ладони. Я отлично помню даже пріѣздъ Александра I Благословеннаго въ Оренбургъ, гдѣ я тогда учился, и его самого какъ сейчасъ вижу предъ собой!... Я ли не старожилъ здѣшнихъ мѣстъ, гдѣ, вѣрно, мнѣ и кости то свои придется сложить?!—вздыхая закончилъ онъ.

— А знаете ли, Егоръ Тимофѣевичъ, вѣдь вамъ грѣшно было бы не записать вашихъ воспоминаній, которыя, повѣрьте, охотно напечатали бы...—продолжалъ я.

— Да я со дня моего поступленія на службу велъ дневникъ, въ который аккуратно вносилъ все, что видывалъ и слыхалъ, и такимъ манеромъ написалъ цѣлыя двѣ большія тетради, вплоть до іюня 1856 года, когда, при слѣдованіи съ ротою изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія въ г. Уральскъ, у меня, на походѣ, вдругъ, похитили обѣ эти тетради...

— Какъ такъ похитили?—Ну, кто же это могъ?!...

— Да кто же?—свои же!... Все это, знаете, вѣдь, наши глупыя шуточки да смѣшки. Вотъ, изволите видѣть: такой то, видишь, пишетъ какой то дневникъ и никому его не показываетъ... а ну ка, посмотримъ, что онъ тамъ строчитъ?—*подшутимъ* ка надъ нимъ, стащимъ его строченье,—цѣна ему не велика, а за то смѣху то сколько?!

— Такъ вы и не разыскивали этого похитителя-шутника?...

— Какъ не разыскивать? — разыскивалъ, и даже прямо подозрѣвалъ одного поручика N, бывшаго со мной въ походѣ... упрашивалъ его даже перестать баловаться, отдать мнѣ тетради! такъ божился и клялся, что не онъ, хотя при этомъ и ухмылялся...—Ну, что же тутъ подѣлаешь?—такъ и бросилъ дѣло.

— Ну, а послѣ того, вы уже не вели дневника, Егоръ Тимофѣевичъ?.

— Послѣ, знаете, какъ то охота отпала. Ну, да Богъ меня памятью не обидѣлъ.—Дневникъ не дневникъ, а воспоминанія свои собираюсь таки *перевести на бумагу...* Раза два я даже, признаться, принимался за это, хотя, говоря по правдѣ, не мастеръ я писать то...

— А скажите, Егоръ Тимофѣевичъ,—вотъ, вы видали и знавали здѣсь столько лицъ; ну, а Шевченка вы не знавали?.

— Это — Тараса то Григорьевича? — Какъ не знать, помилуйте!—да, вѣдь, онъ у меня же, въ Ново-Петровскомъ въ ротѣ былъ....

Изъ пятерыхъ насъ, собесѣдующихъ,—будто бы нарочно!—четверо оказалось украинскихъ уроженцевъ; а потому понятно,

съ какимъ единодушіемъ обратились мы, послѣ этого заявленія нашего почтеннаго Амфитріона, съ просьбою разсказать, что онъ знаетъ и помнитъ про нашего „Кобзаря".

— Надо вамъ, гг., сказать, — началъ Егоръ Тимофѣевичъ, что я лично узналъ Шевченка не сразу послѣ его высылки изъ Петербурга, а уже по прошествіи почти трехъ лѣтъ его службы въ отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ,—въ 1850, значитъ, году, когда прибылъ на Мангишлакъ, въ Ново-Петровское укрѣпленіе, нынѣ, какъ сами знаете, уже упраздненное. Тамъ я съ нимъ впервые встрѣтился, и, затѣмъ, провелъ почти что семь лѣтъ,—вплоть до его амнистіи, послѣдовавшей въ 1857 году... За это время,—будь цѣлъ мой дневникъ,—я, конечно, могъ бы таки многое сообщить вамъ и о Тарасѣ, и о нашемъ вообще житьѣ-бытьѣ за Каспіемъ, въ пустынѣ; ну, а теперь не взыщите: хотя, какъ я уже докладывалъ вамъ,—памятью меня Богъ и не обидѣлъ, но все же таки многое въ ней и постерлось. Шутка сказать, а вѣдь 26 лѣтъ, болѣе, значитъ, четверти столѣтія съ тѣхъ поръ минуло!... А что до первыхъ лѣтъ службы Тараса въ нашемъ корпусѣ, то все, что могу разсказать вамъ, все это слышано мною или отъ него самого, или отъ служившихъ съ нимъ, или извлечено изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ при управленіи коменданта форта № 1, бывшаго Раимскаго укрѣпленія. Немногое, однако, даютъ эти дѣла, которыя я таки перерылъ всѣ... Разумѣется, въ дѣлахъ бывшаго штаба оренбургскаго корпуса можно было, покопавшись въ нихъ, найти—куда большее! Но гдѣ эти дѣла? и какъ до нихъ добраться?—да еще нашему то брату?!... А признаться, хотѣлось бы этого и самому, лично, да чтобы кстати исполнить и просьбу двухъ хорошихъ человѣчковъ, очень уже просившихъ меня о томъ же.

...Ну съ, какъ только привезли нашего Тараса въ Оренбургъ, такъ сейчасъ же, по распоряженію начальника края, генерала Обручева, его назначили на службу рядовымъ въ 4-й оренбургскій линейный баталіонъ, двѣ роты котораго, 1-я и 2-я занимали тогда степныя крѣпостцы, Оренбургскую и Уральскую, находившіяся на рр. Тургаѣ и Иргизѣ, а двѣ роты стояли съ баталіоннымъ штабомъ въ крѣпости Орскѣ. Изъ Оренбурга Шев-

ченка, разумѣется, препроводили туда, гдѣ находился баталіонный штабъ, т. е. въ Орскъ, гдѣ его и зачислили на службу во 2-ю роту, въ которой, по *ранжирному* списку, онъ значился 191 человѣкомъ, а ростомъ показанъ 2 аршина и 1/4 вершка. Хотите, такъ покажу даже вамъ эту вымѣтку, выписанную мною изъ дѣлъ?—обратился, вдругъ, къ намъ Егоръ Тимофѣевичъ, вставая и готовясь уже идти къ своему письменному столу за ней, для документальнаго подтвержденія своего разсказа.

— Не надо, не надо, лучше продолжайте вашъ разсказъ,—въ унисонъ начали мы просить его.

Егоръ Тимофѣевичъ откашлянулся, закурилъ трубку, сѣлъ и продолжалъ.—Ротой, куда попалъ Шевченко, командовалъ поручикъ Богомоловъ. Лично я его не знавалъ, да не помню, говорилъ ли мнѣ что про него Шевченко. Кажись, что ни чего, ни худаго, ни хорошаго..... Не могу съ точностью доложить вамъ, въ концѣ ли 1847, или въ началѣ 1848 года (кажись, что въ началѣ 1848-го), но только обѣ эти роты, а съ ними, понятно, и Шевченко, были переведены изъ Орска въ Уральское укрѣпленіе, откуда, почти сряду же, въ составѣ довольно значительнаго отряда, тысячи этакъ въ двѣ человѣкъ, въ число которыхъ вошли и козаки, и башкиры, и даже вольнонаемные рабочіе, онѣ были двинуты къ низовью Сыръ-Дарьи, гдѣ тогда утверждалась наша власть. А потому, какъ только прибылъ туда этотъ отрядъ, какъ сразу же и приступилъ сначала къ окончательному устройству Раимскаго укрѣпленія, которое за годъ передъ тѣмъ было заложено и въ которомъ флота лейтенантъ Бутаковъ съ прапорщикомъ штурмановъ Поспѣловымъ строилъ уже двѣ шкуны, названныя впослѣдствіи „Константинъ“ и „Михаилъ“, а затѣмъ къ постройкѣ небольшаго форта, названнаго „Коссъ-Аральскимъ“. Фортъ этотъ, находившійся неподалеку отъ Раимскаго укрѣпленія, предназначался для помѣщенія складовъ и людей нашей, тогда только что нарождавшейся сыръ-дарьинско-аральской флотиліи. Вскорѣ и суда флотиліи, и фортъ Коссъ-Аральскій, съ помѣщеніями для ея людей, были готовы; а такъ какъ именно людей то для службы на ней и не хватало, то, для исполненія матросскихъ обязанно-

стей, и была отправлена къ ней въ распоряженіе Бутакова отъ 1-й и 2-й ротъ 4-го оренбургскаго линейнаго баталіона команда въ числѣ 5 унтеръ-офицеровъ, 36 рядовыхъ и 1 фельдшера. Уже изъ какого сорта людей выбраны были эти импровизованные матросы—не умѣю вамъ сказать, но только въ числѣ ихъ находился и рядовой 2-й роты Тарасъ Шевченко.

— Такъ, вотъ, оно откуда, вотъ, когда писалось это прелестное стихотвореніе,—перебивая рѣчь Егора Тимофѣевича, воскликнулъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, горячій украинецъ, тутъ же наизустъ и превосходно прочитавшій;

Готово! Парусъ роспустылы,
Посунулы по сыній хвыли,
По мыжъ кугою, въ Сыръ-Дарью,
Байдару та баркасъ чымалый.
Прощай, убогый Косъ-Арале!
Нудьгу заклятую мою
Ты розважавъ такы два лита.
Спасыби, друже! Похвалысь,
Що люде и тебе знайшлы
И зналы, що зъ тебе зробыть...
Прощай же, друже! Ни хвалы,
А ни ганьбы я не сплитаю
Твоій пустыни, въ иншимъ краю,
Не знаю, може й нагадаю
Нудьгу колышнюю, колысь...

— Ну, какъ же однако Шевченко то попалъ въ матросы?! Не разсказывалъ онъ вамъ?—спрашивали мы Егора Тимофеевича.

— Разумѣется, какъ: Бутаковъ пожелалъ его взять къ себѣ; попросилъ начальство назначить, ну и назначили!... Хорошій былъ это, разумный и душевный человѣкъ, и покойный Тарасъ частенько таки его вспоминалъ, и всегда добрымъ словомъ. Тяжела была тогда, гг., наша степная служба, не въ примѣръ тяжелѣе нынѣшней, даже и для офицера то, а про солдата и говорить уже нечего! И шагистикой то, и ружейными пріемами занимайся, и походы ломай по жарѣ или холоду по этимъ безконечнымъ, безводнымъ степямъ—иногда даже на одномъ зачерствѣломъ сухарѣ, или чуть ли еще не хуже того! рой, бывало, да таскай на себѣ

землю для насыпки укрѣпленій, и это по цѣлымъ мѣсяцамъ, по жгучей жарѣ!... Конечно, не легко было служить и во флотѣ, но все же легче, чѣмъ въ строю, а уже особливо для Тараса. Первое и самое главное, какъ онъ самъ потомъ мнѣ разсказывалъ, не было этихъ ненавистныхъ для него шагистики и ружистики, второе, тамъ онъ уже не землю рылъ, а срисовывалъ берега, виды Сыра и Арала... ну съ, а затѣмъ и жилось ему то на шкунѣ, которою заправлялъ самъ Бутаковъ, куда уже лучше, чѣмъ на сушѣ, въ ротѣ...

Проплавалъ такимъ манеромъ нашъ Тарасъ два лѣта подрядъ по морю Аралу, берега, острова и воды котораго Бутаковъ обозрѣвалъ и описывалъ, оставаясь для этого на морѣ всякій разъ, безпрерывно, мѣсяцевъ по пяти... Не мало таки натерпѣлись при этомъ наши мореплаватели—и отъ штормовъ, и отъ лихорадокъ, и отъ непривычки къ жизни на водѣ, и даже отъ проклятыхъ комаровъ, которыхъ по берегамъ Арала носятся цѣлыя тучи... Впослѣдствіи всѣ нижніе чины, исполнявшіе обязанности матросовъ, а въ томъ числѣ и рядовой Тарасъ Шевченко, были даже удостоены за эти морскія компаніи 1848—1849 гг. Высочайше дарованной денежной награды, каждый въ размѣрѣ по 5 руб. сер.

Морскою компаніею 1849 г. окончилась однако и служба Шевченка на морѣ. Чтобы не оставлять его въ Ронмѣ безъ себя, а еще пуще для того, чтобы похлопотать объ облегченіи его участи,—такъ какъ Шевченко все время своей морской службы велъ себя безукоризненно, много и трудился, и рисовалъ, и чертилъ,—Бутаковъ, отправляясь въ октябрѣ въ Оренбургъ для представленія начальнику края отчета о своихъ работахъ, взялъ съ собою, въ числѣ другихъ лицъ, сопровождавшихъ его туда, а именно: Поспѣлова, двухъ топографовъ, унтеръ-офицера Вернера, фельдшера и деньщика, и—рядоваго Шевченка. Отчетомъ Бутакова остались въ Оренбургѣ очень довольны,—такъ, что не только его, но и Поспѣлова скоро даже произвели въ слѣдующіе чины; но хлопоты его о Шевченкѣ уважены не были, и все это дѣло кончилось лишь тѣмъ, что вернули нашего Тараса опять на сушу, но только перевели съ Сыръ-Дарьи, изъ преж-

няго 4-го, въ 1-й линейный баталіонъ, штабъ котораго съ двумя ротами стоялъ тогда въ г. Уральскѣ.—Послѣ Оренбурга стоянка въ Уральскѣ, конечно, считалась у насъ, да и была, лучшею... но Тарасу только и пришлось, что перезимовать тамъ, такъ какъ въ 1850 году, съ открытіемъ навигаціи, его сейчасъ же переслали сначала въ Гурьевъ городокъ, а оттуда—въ Ново-Петровскъ, гдѣ занимали гарнизонъ другія двѣ роты 1-го баталіона и куда по веснѣ онъ и приплылъ по Каспію на „почтовой“ лодкѣ.—Вотъ, съ этой то собственно поры и началось мое знакомство съ нимъ... Я тогда командовалъ 3-ю ротою, а 4-ю, куда зачислили Шевченка, командовалъ штабсъ-капитанъ П—въ, отъ котораго я принялъ роту уже только въ 1852 году, когда П—ва перевели въ Уфу, а мнѣ приказали принять для командованія 4-ю роту, взамѣнъ моей, которую перемѣстили въ Уральскъ, откуда на смѣну ей прислали въ Ново-Петровскъ 1-ю.—Роты, занимавшія гарнизонъ въ Ново-Петровскѣ, смѣнялись поочередно обыкновенно каждые два года; ну, а офицеровъ при этомъ, которые поопытнѣе да посолиднѣе, такъ тѣхъ иногда начальство оставляло тамъ безсмѣнно года по четыре, по пяти, чего, напр., былъ удостоенъ и я.—Разумѣется, нелюбо было никому оставаться въ этомъ заброшенномъ за Каспій и будто Богомъ забытомъ укрѣпленіи, въ которомъ, повѣрите ли?—даже воды то колодезной, кромѣ какъ солонцеватой, не было другой!... Да что же будешь дѣлать?—Нашъ братъ, *армїушъ*, служитъ, вѣдь, не тамъ, гдѣ хочетъ, а гдѣ Богъ приведетъ да начальство повелитъ. Сначала, т. е. какъ построили мы только Ново-Петровскъ,—а моя рота, надо вамъ сказать, производила даже разбивку и закладку его въ 1846 г.,—такъ и Господи не приведи, какъ тамъ уже тягостно и печально было жить!—Море, по которому сообщенія были вообще не очень то часты,—съ одной стороны, а пустыннѣйшая пустыня — съ другой: ни купить, ни достать чего тебѣ!—Пока построили казармы, такъ долгое время мы и жили то въ юртахъ, словно киргизы!...—Правда, не вольготно,—куда какъ не вольготно жилось и потомъ!—Ну, да вы, вѣдь, знаете, гг., что человѣкъ привыкаетъ ко всему.—Мало по малу попривыкли и мы къ нашему,—какъ вѣрно называли его сол-

датики—*сибирному* Ново-Петровску,—не тѣмъ онъ будь помянутъ!—Пообстроились, пообзавелись, поприладились кое какъ... Понаѣзжали туда кое какіе и купчики и пооткрыли лавочки съ разными товарами и—даже погребокъ съ иностранными винами... Стали мы получать, хоть и не очень то исправно, „Русскій Инвалидъ“, „Пчелку“ и даже тогдашніе журналы „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“,—въ складчину, разумѣется; а кто сталъ привозить съ собою и разныя другія кое какія книжки,—все же нѣтъ-нѣтъ, да отъ скуки и почитаешь что нибудь!.. Ну-съ, ко многимъ, женатымъ,—а ихъ было больше половины,—попріѣзжали, наконецъ, и ихъ семейства: не врознь же было жить небогатымъ людямъ?!—Составилось такимъ манеромъ кой какое общество,—небольшое, правда, человѣкъ этакъ въ сорокъ, много—пятьдесятъ, считая тутъ, разумѣется, не только всѣхъ офицеровъ, но и всѣхъ чиновниковъ и купцовъ, что были почище. Общество наше жило промежду собой довольно дружно: вѣдь жизнь въ такомъ захолустьѣ невольно сближаетъ людей!... Днемъ, бывало, дѣлаемъ ученья, совершенствуя шагистику и ружистику, производимъ фортовыя работы, а по вечерамъ—собираемся, больше по семейнымъ домамъ, играемъ въ шашки, лото, преферансъ или ералашъ,—этакъ по одной двухсотой или трехсотой копѣйки: народъ то, вѣдь, все былъ куда какъ не богатый!... Когда невыносимыя жары лѣтомъ и такіе же вѣтры осенью и зимой не отбивали всякое желаніе выйти за крѣпость, то ѣзжали иногда и на охоты. Пѣвали по праздникамъ и въ церкви на клиросѣ; а то, когда у насъ впослѣдствіи составились изъ офицеровъ и солдатъ два маленькіе оркестра, то случалось, что и танцовали, и даже устраивали любительскіе спектакли въ пустопорожней казармѣ: вѣдь, надо же было какъ нибудь коротать время!...

— Ну, а Тарасъ то какъ сталъ жить-поживать по прибытіи въ Ново-Петровскъ? — нетерпѣливо прерывая невеселыя воспоминанія почтеннаго разсказчика, спросилъ его тотъ самый изъ нашихъ собесѣдниковъ, который только что продекламировалъ намъ стихотвореніе „Кобзаря“.

— Да не особенно то легко и сладко попервоначалу, — надо сказать правду!.....—пуская густые клубы дыма изъ трубки и

сморщивая свои густыя брови, продолжалъ Егоръ Тимофѣевичъ нѣсколько пониженнымъ голосомъ. — Теперь, гг., разумѣется, нѣтъ мало мальски образованнаго человѣка, который не зналъ бы имени Шевченка; а въ тѣ поры, да еще у насъ, за Каспіемъ, такъ про него никто и не слыхивалъ!—*Письменныхъ* объ немъ свѣдѣній въ роту не было выслано никакихъ; въ двухъ же предписаніяхъ, данныхъ баталіоннымъ штабомъ и комендантомъ ротному командиру, только всего и было, что въ первомъ указывалось—считать рядоваго Шевченка записаннымъ въ солдаты за политическія преступленія, а во второмъ постановлялось— имѣть за нимъ особый надзоръ и не дозволять ему ни писать, ни рисовать, ни даже имѣть при себѣ какія либо письменныя или рисовальныя принадлежности. Конечно, послѣднее запрещеніе наводило на мысль, что онъ должно быть былъ изъ числа писателей или художниковъ; но что онъ такое писалъ или рисовалъ? Откуда? Кто онъ такой и за что угодилъ въ солдаты?— того никто изъ насъ первое время не зналъ да, по правдѣ сказать, никто тѣмъ особенно и не интересовался, такъ какъ высылка такого рода людей въ наши степные баталіоны была по тѣмъ временамъ намъ не въ особенную то рѣдкость!... Ну съ, помѣстили его въ казарму, приставили для надзора надъ нимъ особаго дядьку изъ солдатъ, стали водить на фортовыя работы, на *муштру*... Все это, понятно, не легко уже само по себѣ и для всякаго, даже простаго и грубаго человѣка, прямо отъ сохи попавшаго на службу, а для Шевченка, хоть онъ былъ не изъ нѣженокъ и не изъ баловней, было тѣмъ тяжелѣй, что, на бѣду свою, онъ попалъ подъ начальство то П—ва. Необразованный, несердечный да, при томъ,—что таить правду,—часто и неумѣстно грубый и строгій былъ это человѣкъ... Не любили его даже офицеры, а уже про роту и про Шевченка и говорить нечего: они просто его ненавидѣли! Донималъ П—въ Шевченка не тѣмъ, изволите видѣть, что не дѣлалъ для него исключеній или послабленій, о чемъ тотъ и не помышлялъ, зная, что П—въ и самъ только исполнитель приказаній свыше, а всякими мелочными да просто таки и ненужными придирками,—точно онъ, будто бы, надсмѣхался надъ человѣкомъ и безъ того уже тер-

пяцимъ. То, бывало, ни съ того ни съ другого, начнетъ у него выворачивать карманы, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли у него тамъ карандаша, либо чего писаннаго или рисованнаго. То станетъ издѣваться надъ нимъ за не совсѣмъ громкій и солдатскій отвѣтъ на вопросъ, или за опущенныя при этомъ внизъ глаза, и т. п. Но больше всего онъ изводилъ Тараса требованіемъ тонкой выправки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ, которые составляли тогда идеалъ солдатскаго образованія и которые Тарасу, при всемъ даже его стараніи, не давались никакъ!...—„Не постичь мнѣ этой *премудрости*,—хочь тутъ ложись да и помирай!“ съ отчаяніемъ говаривалъ, бывало, послѣ ученій, бѣдняга самъ неоднократно мнѣ.—Да и дѣйствительно, стоило только на ученьи взглянуть, бывало, на его фигуру подъ ружьемъ, чтобы васъ разобрали и смѣхъ, и горе!—ну, видимо, что человѣкъ совсѣмъ, какъ есть, неспособенъ къ тому!...—„Ну, развѣ ты самъ не видишь этого?“ случилось, говаривали мы иногда П—ву, желая усовѣстить и умѣрить его требованія къ несчастному. Такъ куда тутъ!—„А мнѣ, говоритъ,—потомъ отвѣчать за него на смотрахъ?!...—„А что братъ, Тарасъ,—разъ шутя, сказалъ ему одинъ молодой офицеръ послѣ ученья,—вѣдь лучше было бы, если бы тебя опять послали на морскую службу или назначили въ козаки?!...—Вѣдь служба на чайкѣ или на конѣ больше вамъ, запорожцамъ то, съ руки, чѣмъ въ пѣхотѣ!...“

— „А еще лучше было бы мнѣ—или совсѣмъ на свѣтъ не родиться, или умереть поскорѣй...“—отвѣчалъ на это, понуря голову, Тарасъ, и двѣ крупныя слезинки,—вотъ, какъ теперь, вижу,—такъ и скатились у него съ глазъ...—Да-съ, не легко, и даже очень не легко жилось ему, бѣдягѣ, въ Ново-Петровскѣ, а особенно по началу... Но потомъ, какъ водится, дѣло помаленьку обошлось. Тутъ же, кстати,—точно уже не помню, когда именно, но кажется, что въ іюнѣ 1852 г.—разрѣшено ему было и писать, и рисовать, хотя, впрочемъ, и подъ надзоромъ особаго офицера.—Ну, разузнали мы мало-помалу, и что за человѣкъ былъ Тарасъ, и за какіе такіе грѣхи попалъ подъ красную шапку... А какъ разузнали, то всѣ его полюбили и стали вездѣ его принимать, какъ своего, и въ холостыхъ и въ семейныхъ

домахъ, начиная съ коменданта, дѣтямъ котораго онъ началъ давать уроки.—Да и трудно, знаете, было его не полюбить, потому что онъ умѣлъ и держать то себя хорошо, да и былъ то мало того, что очень, очень разумный, но и совсѣмъ хорошій, какъ говорится, душевный человѣкъ, съ которымъ даже и не въ Ново-Петровскѣ, и не нашему брату, простому офицеру, было бы не только пріятно, но, можно сказать,—и пользительно побесѣдовать. Да-съ!..—Сближался онъ съ людьми какъ то съ опаскою, не скоро.—При встрѣчахъ съ малознакомыми, или съ такими, которыхъ онъ не подлюбливалъ, не добьешся, бывало, отъ него ни слова: сидитъ себѣ насупившись, точно воды въ ротъ набралъ! Случалось это, впрочемъ, съ нимъ и такъ, когда находилъ на него какъ будто какой худой стихъ?!—Тогда хоть и не зови его! Сидитъ себѣ, хмурый—хмурый, да молча рисуетъ или лѣпитъ что нибудь, а то, бывало, и просто такъ сидитъ, точно замершій, на мѣстѣ въ какомъ нибудь пустынномъ юру, да, пригорюнившись, глядитъ куда то вдаль... Но за то иногда, хотя и не часто, да уже какъ разойдется, разговорится, да начнетъ сыпать разныя свои поговорки да анекдоты,—а онъ ихъ зналъ тьму!—или же какъ начнетъ при этомъ изображать въ лицахъ купцовъ, поповъ, дьяковъ, старообрядцевъ,—а онъ и на это былъ мастеръ!—тогда веселья и хохоту, бывало, просто не бывало конца!...

Что онъ писалъ въ Ново-Петровскѣ—того доподлинно сказать не умѣю. А рисовалъ и лилъ изъ алебастра много,—разумѣется съ тѣхъ поръ, какъ ему это было разрѣшено. Такъ, онъ охотно рисовалъ портреты съ офицеровъ и дамъ, но не красками, а разноцвѣтными карандашами, и нѣкоторые изъ этихъ портретовъ, хотя впрочемъ не всѣ, отличались большимъ сходствомъ. Лучшими изъ нихъ считались у насъ портреты коменданта и мой...

— Гдѣ же онъ? покажите, пожалуйста,—единогласно воскликнули мы всѣ.

— Гм... гдѣ?!—да развѣ многое сбережешь, гг., при перекочевкѣ, при которой прошла большая часть моей службы?!—При переѣздѣ въ Корамахчи, на Сыръ-Дарью, затерялся какъ то, а

можетъ гдѣ и украли, мой сундучекъ, а съ нимъ и портретъ мой... А то вотъ, гг., разскажу вамъ любопытный случай.— Одинъ разъ, лѣтомъ, этакъ около 6 час. утра, съ южной стороны моря, появился великолѣпный и такъ долго державшійся миражъ, изображающій какой то неизвѣстный намъ городъ съ домами, башнями, и проч., что Шевченко успѣлъ даже отлично срисовать все это видѣніе. — Проходитъ довольно продолжительное время. Дивимся мы на картину и ума приложить не умѣемъ, что же бы это за городъ такой могъ такъ живо отразиться въ воздухѣ?! Только приходитъ въ Ново-Петровскъ пароходъ „Ленкорань“. Шевченко возьми да и покажи свою картину морскимъ офицерамъ. Представьте же себѣ наше общее удивленіе, когда тѣ въ одинъ голосъ воскликнули: „да это Астрабатъ!!...“ и тутъ же начали показывать и башни и дома: „вотъ,— говорятъ,—это такая то, а вотъ то такой то, и т. д...“

Изъ множества фигуръ и статуэтокъ, которые онъ выливалъ изъ алебастра, мнѣ особенно врѣзались въ памяти двѣ его группы. Одна изображала Христа, мучимаго іудеями: спереди предъ Христомъ, сидящимъ въ терновомъ вѣнкѣ, сидитъ на колѣняхъ жидъ, высунувшій языкъ и, видимо, дразнящій его, а позади стоитъ другой, стегающій плетью Спасителя по спинѣ. Другая группа изображала сцену изъ киргизской жизни: стоитъ кибитка съ поднятою отъ жары кошмою [1]). Въ глубинѣ кибитки сидитъ киргизъ въ кошемной, нѣсколько на бокъ, шляпѣ, съ довольною физіономіею и играетъ на домбрѣ (балалайкѣ).—Снаружи, у дверей, съ улыбкою на губахъ и съ головой, повернутой къ нему, стоитъ его жена и толчетъ просо. У ногъ ея двое маленькихъ, голыхъ киргизятокъ, играющихъ между собою. Съ правой стороны лежитъ привязанный къ кибиткѣ теленокъ, а съ лѣвой—двѣ козы. Превосходныя, знаете, были обѣ эти группы!— Послѣдняя была и у меня, да въ проклятомъ переѣздѣ чрезъ степь искрошилась на бѣду въ порошокъ.—Вѣдь, при нашихъ переѣздахъ и желѣзныя то вещи портятся дорогой, а гдѣ же тутъ сохранить алебастровыя?!... И портреты наши срисовывалъ, и

---

[1]) Кошма—войлокъ.

алебастровыя свои произведенія намъ раздавалъ Шевченко обыкновенно даромъ.—Но всѣ мы, зная крайне стѣсненное положеніе его, подъ всякими благовидными и необидными для него предлогами, всячески старались какъ либо отдариться за то, помочь ему и вообще не остаться въ долгу...

Я уже докладывалъ вамъ, гг., что съ 1852 г. Шевченко сталъ все больше и больше вхожъ въ наше маленькое общество, которое такъ, наконецъ, полюбило его, что безъ него не устраивало, бывало, уже ничего,—были то обѣдъ или ужинъ по какому либо случаю, любительскій спектакль, поѣздка на охоту, простое какое либо сборище холостяковъ, или пѣвческій хоръ.

Хоръ этотъ устраивали офицеры, и Шевченко, обладавшій хорошимъ и чистымъ теноромъ и знавшій много чудесныхъ украинскихъ пѣсенъ, былъ постояннымъ участникомъ этого хора, который, право же, очень и очень недурно пѣвалъ и русскія, и украинскія пѣсни, а по праздникамъ такъ и въ церкви, на клиросѣ.

Про обѣды да ужины, которые, случалось, оканчивались иногда и попойками, въ которыхъ участвовалъ и Тарасъ, любившій, къ сожалѣнію, иногда таки выпить, или какъ онъ самъ говаривалъ: „убить съ горя муху“, говорить не стоитъ: были они, какъ и всѣ подобные обѣды и ужины! Ну, а про тѣ спектакли, въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе, какъ актеръ и декораторъ, нельзя не вспомнить,—тѣмъ болѣе, что безъ него, при всемъ увлеченіи и стараніи, съ какими разучивали и играли свои роли прочіе актеры-любители, врядъ ли эта затѣя наша возбудила бы тотъ восторгъ, съ какимъ встрѣтила ее наша ново-петровская публика, которою всякій разъ буквально биткомъ наполнялась казарма, гдѣ шли спектакли.

На первыхъ двухъ спектакляхъ оба раза шла комедія Островскаго: „Свои люди,—сочтемся!“ повторенная по общему и единогласному желанію всей публики. Въ комедіи этой, кромѣ роли Рисположенскаго, которую взялъ на себя Шевченко, всѣ роли, даже женскія, играть въ которыхъ наши дамы не пожелали, исполнялись офицерами... Игралъ въ ней,—смѣхъ, ей-Богу, вспомнить!—и я роль Подхалюзина, въ костюмѣ же котораго,

въ антрактахъ, сходилъ еще и въ оркестръ, чтобы играть на скрипкѣ, безъ которой тотъ обойтись не могъ; ну, да, вѣдь, по пословицѣ: „охоту тѣшить — не бѣду платить!“...—Такъ какъ, надо вамъ сказать,—генеральной репетиціи у насъ не было, а на репетиціяхъ Шевченко никогда настояще не игралъ, то мы, понятно, и не знали, какой то выйдетъ изъ него Рисположенскій? Но когда, на первомъ представленіи, онъ появился на сценѣ закостюмированный да началъ уже играть, такъ не только публика, но даже мы, актеры, пришли въ изумленіе и восторгъ!... Ну,—повѣрите ли?—точно онъ преобразился?! ну, ничего въ немъ не осталось Тарасовскаго: ярыга, чистая ярыга того времени,— и по виду, и по голосу, и по ухваткамъ!...

Послѣ перваго спектакля, бывшій тогда комендантомъ нашимъ, превосходный и умница человѣкъ, подполковникъ Маевскій,—вѣчная ему память!—устроилъ для насъ, актеровъ, и другихъ офицеровъ и ихъ семействъ ужинъ, а затѣмъ танцы, продолжавшіеся до разсвѣта.—Такъ, вотъ, послѣ этого ужина Маевскій подошелъ къ Шевченку, чокнулся съ нимъ и правду сказалъ: „богато тебя, Тарасъ Григорьевичъ, одѣлилъ Богъ: и поэтъ то ты, и живописецъ, и скульпторъ да еще, какъ оказывается, и актеръ... Жаль, голубчикъ мой, одного,—что не одѣлилъ онъ тебя счастіемъ!...—Ну, да Богъ же не безъ милости, а козакъ не безъ счастія!“...

Третій спектакль заключался въ двухъ водевиляхъ, игранныхъ уже одними нижними чинами, которые, право же, весьма недурно исполнили свои роли. Шевченко, по мысли котораго и устроился этотъ спектакль, котораго онъ былъ и душею, самъ однако въ немъ не игралъ, но за то разутѣшилъ публику такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ, что она отъ восторга чуть не спятила съ ума!—Во время антракта вдругъ подымается занавѣсъ; музыка начинаетъ играть плясовой малороссійскій мотивъ, а на сценѣ появляются Тарасъ, переодѣтый въ малоросса, и молодой прапорщикъ Б., переодѣтый въ малороссіянку, да какъ „ушкварятъ“ украинскаго трепака, такъ просто отдай все, да и мало! — Отъ криковъ bis да аплодисментовъ едва казарма не развалилась: ей-Богу!... Надивилъ тогда Тарасъ насъ всѣхъ

своимъ искусствомъ въ пляскѣ!—Потомъ, какъ узнали за нимъ и этотъ секретъ, то по вечеринкамъ частенько таки упрашивали его проплясать своего трепака, и когда онъ бывалъ въ духѣ или немножко, какъ говорится,—„подъ шефе“, то бывало, и плясывалъ, и пѣвалъ...

— А Тарасъ то частенько бывалъ „подъ шефе“, какъ вы говорите, Егоръ Тимофѣевичъ?...

— Ну!... часто не часто, а бывалъ таки. Да „подъ шефе“, это что!—пустяки: тогда одни только пѣсни, пляски, остроумные разсказы.—А вотъ худо, когда, бывало, онъ хватитъ уже черезъ край. А и это, хотя, правда, рѣдко, а случалось съ нимъ послѣдніе, этакъ года два, три...—Разъ, знаете, лѣтомъ выхожу я часа въ три ночи вздохнуть свѣжаго воздуха. Только вдругъ слышу пѣніе.—Надѣлъ я шашку, взялъ съ собою дежурнаго, да и пошелъ по направленію къ офицерскому флигелю, откуда неслись голоса.—И что же, вы думаете, вижу? Четверо несутъ на плечахъ дверь, снятую съ петлей, на которой лежатъ два человѣка, покрытые шинелью, а остальные идутъ по сторонамъ и поютъ: „Святый Боже, Святый крѣпкій!“—точно хоронятъ кого.— „Что это вы, гг., дѣлаете?“—спрашиваю ихъ.—„Да, вотъ, говорятъ, гулянка у насъ была, на которой двое нашихъ, Тарасъ да поручикъ Б., легли костьми,—ну, вотъ, мы ихъ и разносимъ по домамъ“...—Само собою разумѣется, на другой день всѣхъ ихъ, рабовъ божіихъ, и тѣхъ, кто хоронилъ, и тѣхъ, кого хоронили, кого посадили на гауптвахту, кого нарядили на дежурство... А то другой разъ поѣхали мы какъ то большой компаніей на охоту, на Лбище. Это будетъ верстахъ, этакъ, въ 15-ти отъ крѣпости, на крутомъ берегу, откуда открываются великолѣпные виды на Каспій и на острова Каменный и Куломинскій и гдѣ, бывало, кишмя-кишатъ дупеля, куропатки, рябчики, утки. Взяли, разумѣется, съ собою и Тараса, который,—какъ теперь вижу его!—былъ еще тогда одѣтъ въ равендучномъ пальто, а на головѣ имѣлъ тростниковую шляпу съ широкими полями, имъ же самимъ сплетенную на Мангишлакѣ. Всей охотой заправлялъ комендантъ, страстный и хорошій охотникъ.—Ну-съ, пріѣхали мы часа въ 4 утра къ развалинамъ какой то старинной турк-

менской крѣпостцы; приказали здѣсь повару готовить намъ обѣдъ; повѣрили по комендантскимъ свои часы и разошлись въ разныя стороны охотиться, условившись къ 12 ч. дня собраться къ обѣду.—Шевченко пошелъ однако не на охоту, которой вообще не любилъ, а на берегъ, неподалеку отъ крѣпостцы, чтобы рисовать морскіе виды.—Къ условному часу собрались мы. Обѣдъ былъ уже готовъ.—„А ну-ка, гг.,—говоритъ комендантъ,—теперь можно кажется выпить и по чарочкѣ!... подай ка,—говоритъ козаку,—водку то!“—Приноситъ тотъ четыре бутылки, въ которыхъ была порученная ему водка, но только три изъ нихъ уже совсѣмъ пустыя, а въ четвертой, много-много, на донушкѣ рюмки съ двѣ, а самъ, разумѣется, и лыка не вяжетъ.—„А гдѣ же однако Шевченко, гг.?“—вспомнилъ кто то изъ охотниковъ.—Пошли искать его и находятъ на берегу: портфель съ наброваннымъ рисункомъ лежитъ подлѣ, а самъ онъ непробудно спитъ.—Оказалось, что онъ съ козакомъ выпили четыре бутылки водки!... Смѣху тутъ и шуткамъ не было конца; но мнѣ, знаете ли, было и больно, и досадно за него: ну, пусть бы еще козакъ то, простой,—необразованный человѣкъ... а онъ то?!... Такъ, знаете, на арбѣ [1]), въ безчувственномъ состояніи, привезли мы его и въ крѣпость.—На другой день, сгоряча, я нарядилъ его не въ очередь въ караулъ.—Сутокъ трое послѣ того не говорилъ даже съ нимъ; ну, а затѣмъ, призываю его къ себѣ:—„Бога,—говорю,—ты не боишься, Тарасъ Григорьевичъ! Хотя бы малость себя же поберегъ!—Вѣдь, предъ тобой еще цѣлая жизнь!“

— Да на что мнѣ эта жизнь? говоритъ,—кому она нужна?!... со свѣту бы поскорѣй!...

Ну-съ, вотъ, такимъ то манеромъ жили мы поживали да про крымскую войну читали, какъ, вдругъ, точно громъ съ неба!—получаемъ извѣстіе о смерти Императора Николая Павловича. Пригорюнились таки мы всѣ при этомъ, а очень, очень многіе таки и сплакнули съ... ну, а потомъ, мало по малу, ободрились: новый царь, новыя, значитъ, милости! Ободрился при этомъ и нашъ Тарасъ. Но проходитъ годъ, проходитъ коронація, полу-

[1]) Арба—двухколесная повозка.

чается и манифестъ, а про Тараса, какъ говорится, ни гугу! Запечалился онъ тогда, бѣдняга, такъ запечалился, что иногда, вѣрите ли, я побаивался, какъ бы онъ и руку на себя не наложилъ?! Вотъ, въ эту то пору онъ и сталъ особенно попивать горькую; а до того когда-когда, развѣ уже въ компаніи!... Часто въ эту пору я и уговаривалъ, и утѣшалъ его, что „Богъ де не безъ милости", такъ только, бывало, махнетъ рукой да скажетъ: „для всѣхъ, да только, видно не для меня!"

По поздней осени 1856 г. отправился я въ отпускъ, въ Уральскъ; женился тамъ; а по веснѣ 1857 г. опять вернулся въ Ново-Петровскъ, гдѣ засталъ Тараса въ добромъ здоровьѣ и какъ будто немножечко ставшаго пободрѣй. Получилъ онъ, изволите видѣть, нѣсколько писемъ отъ разныхъ друзей и отъ какой то даже графини, которые утѣшали его надеждою на скорый возвратъ до дому. Онъ самъ мнѣ и показывалъ эти письма... Тутъ опять произошла смѣна ротъ: 4-ю отправили въ Уральскъ, а мнѣ велѣли принять прибывшую на ея мѣсто, 2-ю, куда я и перевелъ Шевченка, чего и онъ да я и самъ хотѣлъ, чтобы уже, знаете, не разставаться намъ. Такъ и прожили мы съ нимъ до августа, когда, не помню уже какого числа, вдругъ получается распоряженіе: отправить рядоваго Шевченка въ г. Уральскъ, а оттуда уволить со службы, возвративъ въ первобытное состояніе. О радости его при этомъ не стану уже и говорить. Радовались за него многіе, а уже особенно я, хотя мнѣ было и очень грустно съ нимъ разставаться: вѣдь, столько лѣтъ прожили вмѣстѣ, дѣлили столько горя и радости... да и хорошій, сердечный, даровитый человѣкъ былъ Тарасъ, хотя, какъ вѣрно замѣтилъ Маевскій, судьба и одѣлила его всѣмъ, кромѣ счастія!... Крѣпко-крѣпко обнялся я на прощанье съ Тарасомъ, провожая его въ путь и усаживая на почтовую лодку, на которой онъ отправился въ Уральскъ. Больше мы уже съ нимъ, вѣчная ему память! не встрѣчались.

Ну, вотъ, гг., и все, что я могу сообщить вамъ о Шевченкѣ.

— Баснями соловья не кормятъ,—замѣтила Егору Тимофеевичу его почтенная супруга,—ты и забылъ, что уже 1-й часъ и пора попросить ихъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Около 2-хъ часовъ ночи мы разъѣхались съ квартиры нашего гостепріимнаго и, по истинѣ, милаго, симпатичнаго хозяина.

Пока мы слушали безъискусственные разсказы его и ужинали, погода, какъ это нерѣдко бываетъ въ степяхъ, опять уже измѣнилась. Вѣтеръ утихъ; морозъ опять усилился градусовъ до 15-ти, тучи исчезли и надъ нами высилось чистое, безоблачное, засыпанное сверкающими звѣздами небо. Въ 6 час. утра я уже покидалъ Казалинскъ, невольно, по пути, вспоминая Раимское укрѣпленіе, фортъ Косъ-Аральскій и стихи Шевченка, неотвязчиво преслѣдовавшіе меня всю дорогу:

«Прощай, убогый Косъ-Арале!»...

Н. Д. Н.

Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи.

(Курская губ. Итоги статистическаго изслѣдованія. Курскъ. 1887).

Въ работахъ земскихъ статистиковъ, помимо чисто практическихъ данныхъ, можно часто найти болѣе или менѣе интересные факты и обобщенія, имѣющіе широкій интересъ, любопытные не однимъ только спеціалистамъ. Еще большій интересъ имѣютъ этого характера работы, представляющія собой уже обобщеніе по такому громадному району, какъ губернія. „Итоги статистическаго изслѣдованія“ курской губерніи являются одной изъ первыхъ книгъ, суммирующихъ изслѣдованія по цѣлой губерніи; въ въ другихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ, въ черниговской, статистическія изслѣдованія хотя и закончены, но добытыя данныя сгруппированы въ поуѣздныхъ сборникахъ и еще не сведены въ одну книгу по цѣлой губерніи. Разсматриваемая нами книга, кромѣ общаго интереса, заслуживаетъ вниманія еще и потому, что, съ одной стороны, совѣтомъ московскаго университета удостоена самаринской преміи, а съ другой—мѣстнымъ земствомъ признана никуда негодной. Авторъ этой книги—статистикъ, руководившій изслѣдованіемъ курской губерніи,—г. Ип. Вернеръ.

Курская губернія лежитъ почти въ центрѣ Европейской Россіи; протяженіе ея съ сѣвера на югъ 225 верстъ, а съ В. на З.—310 вер. [1]).

[1]) Въ „Итогахъ“, благодаря спѣшности печатанія, есть много неисправленныхъ опечатокъ въ цифрахъ. Такъ, протяженіе губерніи по даннымъ центральнаго

Самая высокая точка надъ уровнемъ моря на этой площади 1016 ф. у. г. Тима [1]), средняя же абсолютная высота губерніи 776 ф. [2]).

„Общій характеръ растительнаго слоя курской губерніи—это черноземъ сѣровато-чернаго цвѣта глубиною отъ 4 верш. до 2 арш. и болѣе" („Итоги", стр. 36). „Употребляя общепринятую терминологію, почвы эти не особенно жирны, не холодны, не тяжелы, влагоёмки и достаточно дѣятельны. Онѣ требуютъ среднее количество органическихъ удобрительныхъ веществъ, которыя усваиваются не столь медленно, какъ въ песчаныхъ почвахъ, и въ то же время дѣйствуютъ несравненно дольше, чѣмъ въ послѣднихъ" (стр. 39). Въ частности почвы курской губ. можно подраздѣлить на: 1) глубокій суглинистый черноземъ (до 3 фут.) въ сѣверо-восточной части губерніи, 2) мелкій черноземъ—въ западной, 3) суглинокъ въ сѣверной, 4) супесокъ и песокъ по берегамъ рѣкъ (впрочемъ не вездѣ) Свапы, Псла, Оскола, Сѣвернаго Донца и Ворсклы, и 5) мѣловой и известковый черноземъ близь системы Сѣвернаго Донца, по преимуществу на югѣ бѣлгородскаго уѣзда. Эти почвы „на практикѣ различаются лишь тѣмъ, что требуютъ нѣсколько иной обработки, вознаграждаютъ же онѣ эту обработку почти одинаково" (стр. 41).

Говоря подробно о климатѣ курской губ., г. Вернеръ не приводитъ замѣчанія академика Веселовскаго, работами котораго онъ пользовался, что средняя температура въ южной части курской губ. на 0,6° выше, чѣмъ въ сѣверной [3]).

На описанной площади съ такими почвенными и климатическими условіями, современными уже болѣе или менѣе намъ, въ XVI вѣкѣ столкнулись въ своемъ массовомъ разселеніи малороссы, направлявшіеся съ юга, и великороссы, шедшіе съ сѣвера. Ко времени изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ (1883—1885 гг.) обѣ народности слились: „отъ близкаго соприкосновенія великорусскаго и малорусскаго населенія между ними почти изгладилась разница, и даже получился какой то особенный средній языкъ" (стр. 58).

Фактъ, указываемый г. Вернеромъ, не можетъ не поразить всякаго, сколько нибудь знакомаго съ этнографіей племенъ, населяю-

---

статистическаго комитета („Списокъ населенныхъ мѣстъ") слѣдующее: съ С. на Ю.—190 в. а съ В. на З.—273 вер.

[1]) Ibid.—1019 ф.

[2]) Ibid.—780 ф.

[3]) Средняя годовая температура для г. Курска $5{,}_{19}$, лѣто—$18{,}_{8}$, зима—$8{,}_{2}^{0}$ Среднее количество осадковъ въ году—$17{,}_{82}$ дюйма; на лѣтніе мѣсяцы приходится

щихъ Россію. Если бы мы, принявши сообщаемый г. Вернеромъ фактъ за несомнѣнный, попытались опредѣлить приблизительно время, когда могла произойти ассимиляція малорусской и великорусской народностей, то оказалось бы, что это грандіозное явленіе совершилось въ замѣчательно короткій промежутокъ времени—съ 1862 по 1883 годъ и при томъ только въ административныхъ границахъ курской губер. Въ сосѣднихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ, въ богодуховскомъ уѣздѣ харьковской губ., прилегающемъ къ грайворонскому уѣзду курской, малорусская народность по земско-статистическимъ изслѣдованіямъ оказывается еще не слившейся съ великорусской, а сохраняетъ свои особенности: въ говорѣ, численномъ составѣ семьи, обстановкѣ сельско-хозяйственной жизни и т. д. [1]). Мы говоримъ, что если вѣрить г. Вернеру о сліяніи малорусской и великорусской народности въ административныхъ границахъ курской губ., то это сліяніе произошло послѣ 1862 г., на слѣдующихъ основаніяхъ. По даннымъ, собраннымъ въ 1862 году, старшій редакторъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ г. Артемьевъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику малороссовъ и великороссовъ въ курской губ.: „Должно замѣтить, что въ курской губ. и великороссы во многомъ различаются отъ жителей другихъ губерній и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ собою какъ бы переходъ къ южноруссамъ. Особенно это замѣтно въ языкѣ курянъ, отличающемся какимъ то смягченіемъ въ произношеніи многихъ буквъ, что наиболѣе свойственно малорусскому нарѣчію; кромѣ того употребляется очень много словъ чисто малорусскихъ; но въ бытѣ и обычаяхъ великороссіяне значительно разнятся отъ малороссіянъ: они хотя и зовутъ свою „избу" по малороссійски „хатою", однако содержатъ ее не въ малороссійской чистотѣ и опрятности. Одна изъ рѣзко бросающихся особенностей во внѣшности курянина,—это употребленіе бѣлыхъ шляпъ въ формѣ колпака, валяныхъ изъ шерсти. Въ женскомъ нарядѣ великорусскихъ селеній также замѣчательны головные уборы и повязки, очень разно-

---

осадковъ 7,40 д., на весну 4,62 д., осень 4,30 д. и на зиму 1,50 д. Дней съ осадками 153,8; наибольше ихъ бываетъ въ іюнѣ (15) и декабрѣ, а также весной. Изъ вѣтровъ чаще другихъ дуетъ западный, а изъ восточныхъ наименѣе вредный—юго-восточный.

[1]) „Сборникъ статистико-экономическихъ и оцѣночныхъ свѣдѣній по богодуховскому уѣзду". Харьковъ. 1886 г. Матеріалъ собранъ и обработанъ А. С. Бориневичемъ при сотрудничествѣ К. Ф. Ухачъ-Охоровича и С. И. Лопачевскаго. На этотъ сборникъ прійдется намъ еще ссылаться.

образные. Эти бѣлые колпаки мужчинъ и своеобразные кокошники женщинъ (особенно въ с. Увеселительномъ, обоянскаго уѣзда) да и самую особенность курскаго говора едва ли не слѣдуетъ считать остатками далекой древности, указывающими на то, что коренные обитатели здѣшняго края, хотя были славяне, однако отличавшіеся отъ славянъ новгородскихъ и кіевскихъ,—именно сѣверяне, болѣе близкіе къ кривичамъ, древлянамъ, радимичамъ и вятичамъ. — Малороссіяне въ образѣ жизни, домоводствѣ, костюмѣ сохраняютъ гораздо больше единства съ поднѣпровскими своими собратьями" [1]). Кромѣ внѣшней обстановки жилищъ, говора и одежды малороссіяне въ курской губ. отличаются отъ великороссовъ и въ экономической обстановкѣ жизни, насколько это различіе можетъ происходить отъ употребленія того или инаго пользовательнаго и рабочаго скота, а само собой—и орудій обработки почвы: касаясь скотоводства въ курской губ., г. Артемьевъ, между прочимъ, говоритъ: „Лошади болѣе развиты въ сѣверныхъ и центральныхъ уѣздахъ; рогатаго скота и овецъ насчитывается больше въ уѣздахъ южныхъ: это объясняется тѣмъ, что въ сѣверныхъ уѣздахъ, гуще населенныхъ великороссами, для всѣхъ работъ по преимуществу употребляются лошади, тогда какъ между малороссіянами полевыя работы и перевозка тяжестей производятся больше волами" [2]). Вообще признаки отличавшіе малороссіянъ отъ великороссовъ, въ 1862 году были настолько ясны, что дали возможность исчислить эти народности. Процентное отношеніе малороссовъ по всему населенію въ уѣздахъ было слѣдующее: въ грайворонскомъ $57,_{34}$ %; новооскольскомъ $55,_{90}$; путивльскомъ $50,_{52}$, суджанскомъ $46,_{27}$; рыльскомъ $41,_{76}$; бѣлгородскомъ $34,_{29}$; корочанскомъ $26,_{41}$; старооскольскомъ $13,_{82}$; обоянскомъ $11,_{37}$; льговскомъ $9,_{58}$; дмитріевскомъ $2,_{49}$; тимскомъ $2,_{18}$; курскомъ $2,_{02}$ и фатежскомъ $0,_{12}$. Совершенно не было малороссіянъ только въ одномъ щигровскомъ уѣздѣ; въ общемъ же по губерніи эта народность составляла немного менѣе $1/4$ всего населенія (23 %) [3]). Что факты, представленные въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ" ц. ст. комитета, не вымышленны, убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что вслѣдъ за характеристикой малороссіянъ и великороссовъ говорится о «бѣлоруссахъ» (они же «горюны»), которыхъ въ курской губ. по матеріаламъ, бывшимъ

---

[1]) „Списокъ населенныхъ мѣстъ" стр. L и LI.

[2]) Ibid. стр. LVI.

[3]) Ibid. стр. L.

въ распоряженіи центр. ст. комитета, насчитывалось 23.000. Эти бѣлоруссы были для г. Артемьева загадкой и онъ говоритъ о нихъ условно. Но недавно появившаяся статья г. Добротворскаго «Саяны» [1]) разсѣеваетъ всякія сомнѣнія о существованіи въ курской губ. еще одной народности, кромѣ великороссіянъ и малороссіянъ, а тѣмъ самымъ потверждаетъ, что матеріалы, которыми располагалъ г. Артемьевъ для характеристики народностей въ курской губ., заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Слѣдовательно, малороссіяне въ 1862 г. еще были въ курской губ.; если же г. Вернеръ при своихъ изслѣдованіяхъ губерніи не могъ различить малороссіянъ отъ великороссовъ, то нужно признать одно изъ двухъ: либо эта народность ассимилировалась, какъ говоритъ г. Вернеръ, и именно съ 1862 по 1883 г., либо статистикъ былъ крайне невнимателенъ къ мѣстнымъ особенностямъ края. Мы, конечно, склоняемся ко второму предположенію, такъ какъ не можемъ допустить, помимо болѣе глубокихъ соображеній, чтобы саяны (они же бѣлоруссы, они же горюны) въ незначительномъ сравнительно количествѣ (23 тыс.) могли удержать свои національныя черты, а 400 тысячное населеніе малороссовъ въ то же время [2]) ассимилировалось настолько съ великороссами, что ихъ нельзя было отличить другъ отъ друга.

Заключеніе объ ассимиляціи малорусской и великорусской народностей могло, впрочемъ, произойти и отъ того, что руководители статистическими работами въ курской губ,, сначала В. И. Орловъ (подъ его руководствомъ описанъ только одинъ курскій уѣздъ), а затѣмъ Ип. Вернеръ не придавали никакого значенія этнографическимъ особенностямъ населенія изслѣдуемаго края. Программа, по которой изслѣдовалась курская губ., измѣнялась нѣсколько разъ, всё

---

[1]) Вѣстникъ Европы. Сентябрь. 1888 г. Саянъ г. Добротворскій характеризуетъ такъ: „что саяны составляютъ особую народность, совершенно отдѣльную „этнографическую вѣтвь“—это доказывается ихъ своеобразной одеждой, такъ рѣзко отличающеюся отъ одежды хохловъ и русскихъ, особенностями въ говорѣ, нравахъ, обычаяхъ, ихъ оригинальными сказками, пѣснями, и, наконецъ, самымъ ихъ названіемъ. Саяны изстари живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, и если ихъ этнографическій типъ сохранился до сихъ поръ, то этимъ они обязаны несомнѣнно тому обстоятельству, что они *составляютъ народность*, а не продуктъ одной только простой областной особенности“ (стр. 198 и 199).

[2]) Г. Добротворскій, авторъ статьи „Саяны“, кажется сотрудникъ г. Вернера по изслѣдованію курской губ. и наблюденія его, очевидно, относятся къ тому же времени, къ которому относятся наблюденія и г. Вернера.

больше и больше увеличиваясь въ числѣ вопросовъ, предлагавшихся статистиками каждому домохозяину отдѣльно и сходу крестьянъ. Но въ самомъ обширномъ своемъ объемѣ программа эта не заключаетъ въ себѣ вопроса о національности опрашиваемаго лица или цѣлой общины. Очевидно, гг. Орловымъ и Вернеромъ заблаговременно еще было усвоено, что вопросъ объ этнографическомъ составѣ населенія не нуженъ ни для практическихъ цѣлей земства, ни для науки. Не желая входить въ разсмотрѣніе этого вопроса по существу, укажемъ только, что многіе земскіе статистики, работы которыхъ намъ извѣстны, держатся инаго взгляда: изслѣдуя населеніе и его бытовыя и сельско-хозяйственныя условія жизни съ этнографической стороны, они получаютъ такія цифровыя указанія и выводы, какихъ нельзя получить, изучая населеніе только по экономическимъ группамъ[1]). Игнорированіе г. Вернеромъ мѣстныхъ условій края, и въ частности этнографическихъ особенностей населенія, очень вредно отразилось на результатахъ изслѣдованія, которые во многихъ случаяхъ представляются сомнительными, а иногда и прямо невѣроятными.

Слѣдя за изслѣдованіемъ курской губ. по «Итогамъ» г. Вернера, остановимся прежде всего на главѣ о народонаселеніи.

Сосчитать народонаселеніе въ уѣздѣ и цѣлой губерніи задача не такая легкая, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Когда у насъ были ревизскія переписи, имѣвшія фискальную цѣль, населеніе приписывалось къ извѣстному населенному мѣсту, не справляясь, живетъ ли данная семья въ моментъ переписи на мѣстѣ, или нѣтъ. Такое правило по крайней мѣрѣ практиковалось относительно громаднаго большинства населенія — всего податнаго и крѣпостнаго. При переписи городовъ регистрація производится въ теченіи одного дня и всѣ поправки пріурочиваются къ этому дню; численность населенія, бывшаго въ день переписи, принимается за населенность города. Послѣдній способъ переписи невозможенъ въ уѣздѣ, гдѣ регистрація производится нерѣдко по нѣсколько мѣсяцевъ. Да къ тому же земская статистика сельскаго населенія имѣетъ и другую цѣль: ей надо знать не только количество народонаселенія, но, и его экономическое положеніе, его сельско-хозяйственную дѣятельность. Руководиться фактомъ приписки даннаго лица (или двора) къ извѣстному обществу также

---

[1]) Труды г. Филиппонова по вятской губ., Бориневича — богодуховскій уѣздъ. К. Вернера — евпаторійскій и перекопскій уѣзды, „Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ.“, т. I, II и III и т. д.

неудобно, такъ какъ очень часто самый фактъ отсутствія приписаннаго къ обществу тѣмъ уже самымъ указываетъ на характеръ его экономической жизни (переселенцы, отхожіе на заработки). Затѣмъ, земская статистика имѣетъ цѣлью указать дѣйствительное положеніе вещей,—какъ люди разселились на данной территоріи для большихъ удобствъ жизни и своей дѣятельности [1]). Переформенная жизнь дастъ массу переселеній изъ мѣстъ приписки, и на нихъ отражаются условія экономической жизни населенія [2]).

При наличности такихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ задачъ земско-статистическаго изслѣдованія края, нельзя дать категорическую цифру населенія; или, по крайней мѣрѣ, представляя её, необходимо дать ключъ къ пониманію этой цифры. Г. Вернеръ въ своемъ обширномъ предисловіи, объясняя другія менѣе важныя вещи, ни словомъ не упоминаетъ, какъ считались рабочіе, ушедшіе изъ семьи, и какъ считались наемные рабочіе. Относительно послѣднихъ есть только указаніе (стр. 12), что они не считались въ семьѣ, но входятъ ли они въ счетъ народонаселенія даннаго населеннаго мѣста или нѣтъ—это неизвѣстно; судя же по результатамъ общаго подсчета народонаселенія, можно думать, что они вошли въ счетъ.

Вообще, судя по программѣ изслѣдованія и по построенію таблицъ сводки подворной переписи, можно думать, что г. Вернера не волновали никакія сомнѣнія въ вопросѣ о точности счисленія народонаселенія. При регистраціи на мѣстѣ въ курской губерніи записывалось въ подворный бланкъ все населеніе, приписанное къ данному обществу, было ли оно на мѣстѣ, или нѣтъ. Это видно изъ того, что разборка съ населеніемъ происходила уже во время под-

---

[1]) Данный крестьянскій дворъ, не имѣя возможности или нежелая обрабатывать свой надѣлъ, оставилъ общество и переселился въ сосѣднее село, гдѣ поступилъ рабочимъ въ экономію или занялся торговлей; гдѣ онъ долженъ быть зарегистрованъ: въ своемъ ли обществѣ, съ которымъ порвалъ всякія связи, кромѣ приписки, или въ томъ поселеніи, гдѣ его застала перепись?

[2]) Значительную трудность въ счетѣ населенія составляетъ та масса уходящихъ и приходящихъ на заработки одиночекъ, которые состоятъ и въ семьѣ, и какъ бы внѣ ея. Въ числѣ такихъ рабочихъ есть не мало потерявшихъ всякую связь съ семьей; о иныхъ семья не знаетъ даже, живъ ли онъ. Наконецъ, не маловажной трудности вопросъ состоитъ и въ томъ,—какъ считать одиночку ушедшаго или нанятаго на годъ: въ томъ ли мѣстѣ, гдѣ живетъ его семья, или тамъ, гдѣ нашла его перепись? Если посчитать его безусловно при семьѣ, то это не будетъ выражать дѣйствительности, да и нѣтъ гарантіи, что, прослуживши годъ или полгода въ другомъ селѣ, онъ воротится въ семью. Не записывать же на томъ мѣстѣ,

счета, первое правило котораго было слѣдующее: «1) Передъ началомъ подсчета изъ подворной переписи вычеркиваются: а) всѣ ушедшіе въ другую семью, какъ члены этой семьи («ушелъ въ зятья», «вышла замужъ», «малолѣтній, живетъ у родственниковъ» и т. п.), б) всѣ ушедшіе на «сходцы» безъ различія во времени ухода и в) переселившіеся съ семьей въ города съ промышленной цѣлью болѣе 5 лѣтъ тому назадъ» (стр. 17). Изъ этого правила подсчета слѣдуетъ, что существующими на мѣстѣ изслѣдованія считались: всѣ ушедшіе въ отхожій промыселъ одиночки и семьи, переселившіяся въ города менѣе 5 лѣтъ назадъ, порвавшія всякую связь съ общиной, и уже несомнѣнно продавшія хату, скотъ, инвентарь и все имущество и, наконецъ, семьи, живущія въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда [1]). Объ этой категоріи дворовъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь прочтемъ еще одно правило подсчета. «8. Далѣе заносятся постороннія для данной общины лица: дворяне, духовенство, купцы, крестьяне, приписанные къ другимъ общинамъ; дворовые никакимъ образомъ въ эти рубрики не входятъ, такъ какъ они не приписаны ни къ какому обществу и притомъ подсчитываются вмѣстѣ съ надѣльными» (стр. 18). Такимъ образомъ не только одиночки, ушедшіе на промыслы въ той же губерніи, считались дважды [2]) но и цѣлыя крестьянскія хозяйства: разъ оно считалось въ своей общинѣ, хотя тамъ и не жило [3]) а вторично въ качествѣ посторонняго тамъ, гдѣ его застала перепись. Дворовые, какъ не связанные съ землей и преимущественно всякаго рода ремесленники, послѣ освобожденія крестьянъ, надо предполагать, разселились по преимуществу въ промышленныхъ поселеніяхъ и, будучи посчитаны вмѣстѣ съ мѣстными надѣльными крестьянами, должны были дать въ этихъ поселеніяхъ несоразмѣрно высокій процентъ беззмельныхъ.

Указанныя правила регистраціи и подсчета необходимо должны были дать замѣтную ошибку какъ въ числѣ дворовъ, такъ и особенно въ цифрѣ народонаселенія.

гдѣ его застала перепись—тоже будетъ уклоненіе отъ дѣйствительности; такъ какъ есть цѣлыя мѣстности, только дающія отхожихъ рабочихъ, и другія мѣстности могутъ справиться съ работой только при помощи пришлыхъ рабочихъ. Если же посчитать отхожаго рабочаго и при семьѣ, и тамъ, гдѣ его застала перепись,—получится преувеличенное число населенія.

[1]) Относительно послѣдняго разряда домохозяевъ, кромѣ логическаго вывода изъ правила, есть и прямое указаніе, что они записывались. Итоги, стр. 10.

[2]) Разъ при семьѣ, а другой разъ тамъ, гдѣ ихъ заставала перепись.

[3]) Вычеркивались вѣдь изъ переписи только ушедшіе въ города болѣе 5 л. наз.

Переписью зарегистровано во всей губерніи безъ городовъ:

	мужчинъ.	женщинъ.
приписнаго населенія. .	962.029	935.750
постороннихъ [1]).	23.271	22.364
	985.300	958,114

всего обоего пола 1.943.414.

Изъ приведенныхъ цифръ, добытыхъ статистическимъ изслѣдованіемъ, видно, что мужчины преобладаютъ надъ женщинами: послѣднихъ приходится на 100 мужчинъ всего $97_{,2}$; между тѣмъ всѣ другія имѣющіяся данныя о населеніи курской губ. показываютъ, что въ ней женщины преобладаютъ надъ мужчинами [2]). Преобладаніе же мужчинъ надъ женщинами по даннымъ земско-статистическаго изслѣдованія могло произойти только отъ неправильнаго метода счисленія. Неправильность эта заключается въ томъ, что отхожіе рабочіе, всегда по преимуществу мужчины, внутри губерніи посчитаны дважды; дважды же посчитаны нѣкоторыя не живущія на мѣстѣ семьи, а въ тѣхъ изъ нихъ, которыя живутъ въ городахъ менѣе 5-ти лѣтъ, мужчины посчитаны болѣе точно и въ большемъ относительно количествѣ, чѣмъ женщины [3]).

Мы допускаемъ, что данныя центр. статист. комитета не даютъ абсолютно точной цифры (особенно за 1883, 1885 г. и не крестьян-

---

[1]) „Въ обоянскомъ уѣздѣ посторонніе сосчитаны съ кореннымъ населеніемъ". Примѣч. г. Вернера, стр. 65. Въ обоянскомъ уѣздѣ насчитано всего населенія 148.080 душъ об. пола и, какъ видно изъ сборника по обоянскому уѣзду, въ эту цифру вошли только *приписные* крестьяне, надѣльные и безземельные. Такимъ образомъ указаніе г. Вернера, что „посторонніе" въ обоянскомъ уѣздѣ посчитаны съ кореннымъ населеніемъ, есть чистой воды выдумка; повторяемъ: посторонніе въ обоянскомъ уѣздѣ нерегистрировались.

[2]) По даннымъ центральн. статист. комитета за 1862 г. (цифры близкія къ ревизскому исчисленію) считалось въ губерніи безъ городовъ мужч. 798.611 и женщинъ 840.372, т. е. на сто мужчинъ приходилось 105,2 женщ.; по даннымъ того же комитета за 1883 г. на 100 мужч. приходится 101,7 женщ. (Этихъ данныхъ у насъ нѣтъ подъ руками и потому мы ссылаемся на статью г. Фортунатова „Къ статистикѣ русскаго сельскаго населенія". Юридич. Вѣстникъ. 1887 г. № 3); по даннымъ за 1885 г. въ томъ же районѣ было 1.044.109 мужч. и 1.058.257 женщ. Въ частности, крестьянскаго населенія въ 1878 году считалось 877.249 мужч. и 881.150 женщ. Словомъ, всѣ данныя Центральн. статистическаго комитета въ одинъ голосъ говорятъ, что женщины въ курской губ. преобладаютъ надъ мужчинами.

[3]) Послѣднее могло произойти отъ того, что представителя семьи при регистраціи не было на мѣстѣ, мѣстные же крестьяне, дававшіе свѣдѣнія объ отсутствующей семьѣ, всегда больше помнятъ о мужчинахъ, чѣмъ о женщинахъ.

скаго населенія за 1878 г.), что здѣсь ошибка по губерніи можетъ быть на 10—15 тысячъ, можетъ быть даже и болѣе, но иное дѣло ошибка въ абсолютной цифрѣ, а иное—въ относительной. Согласное показаніе данныхъ центр. стат. комит., противъ вѣрности которыхъ г. Вернеръ нигдѣ ничего не возражаетъ въ своей книгѣ, о преобладаніи женщинъ надъ мужчинами даетъ намъ право утверждать, что въ цифрѣ народонаселенія, данной г. Вернеромъ ошибка, и вполнѣ понятная при томъ методѣ, который имъ практиковался. Ошибка эта выражается цифрой, равной по меньшей мѣрѣ цифрѣ, превышающей число мужчинъ надъ женщинами—т. е. тысячъ 25—30. Для абсолютной же поправки, чтобы получить цифру населенія дѣйствительно существовавшаго въ уѣздахъ, необходимо сверхъ того изъ показанной г. Вернеромъ цифры населенія вычесть населеніе всѣхъ тѣхъ семей, которыя не живутъ на мѣстѣ, а перешли на жительство либо въ другія поселенія, либо въ города менѣе 5-ти лѣтъ тому назадъ.

Нужно замѣтить, что въ счетъ сельскаго населенія не вошли помѣщики, живущіе въ своихъ усадьбахъ; «по свѣдѣніямъ центр. стат. комит. въ 1878 году было 7,750 такихъ помѣщиковъ. Принимая, что въ каждой такой усадьбѣ живетъ 10 человѣкъ, составляющихъ семью помѣщика и пришлыхъ слугъ (а сельско-хозяйственные рабочіе?), общее населеніе въ этихъ усадьбахъ будетъ равно приблизительно 77,000 душъ об. пола» (стр. 66)[1]).

Населеніе въ городахъ г. Вернеръ опредѣляетъ такъ: населеніе ихъ «въ 1862 году составляло 105,815 душъ об. пола (см. «Спис. насел. мѣстъ» Изданіе центр. стат. комитета). Если принять, что за 24 года населеніе этихъ городовъ возросло на 2%, то въ настоящее время оно равно приблизительно 127,000 душъ об. пола (стр. 66)[2]).

---

[1]) Является вопросъ: почему на усадьбу помѣщика надо считать 10 человѣкъ, а не 15—20? Намъ кажется, что г. Вернеръ дошелъ до этой цифры слѣдующимъ путемъ. Въ данныхъ центральнаго ст. ком. за 1878 г. ясно показана цифра не крестьянскаго населенія—113.844 д. об. пола. Если отсюда вычесть посчитанное г. Вернеромъ населеніе постороннихъ 45.635 душъ, то останется 67.209; накинувши сюда % на приростъ и число постороннихъ, не посчитанныхъ въ обоянскомъ уѣздѣ—тысячъ 10, получимъ искомое: по 10 душъ на помѣщичью усадьбу.

[2]) Мы посмотрѣли въ указываемую г. Вернеромъ книгу и тамъ увидѣли населеніе городовъ не въ 105.815 душъ об. п., а въ 116.171 душъ. Приводимая г. Вернеромъ цифра не опечатка: онъ почему то не желаетъ признавать существованія зашт. г. Хотмыжска (грайворон. уѣзда), а въ городахъ Богатомъ (обоянск. у.) и Мирапольѣ (суджанс. у.)—городскаго населенія и все населеніе этихъ двухъ городовъ зачисляетъ въ крестьянъ обоянскаго и суджанскаго у. (таблица на стр. 67

Такимъ образомъ все населеніе губерніи по счисленію г. Вернера состоитъ: въ уѣздахъ безъ городовъ—2,020,414 душъ об. пола и въ городахъ 127,000, а всего 2,147,414 душъ об. пола, или, какъ считаетъ г. Вернеръ ровно въ тысячахъ—2,148,000.

Если мы теперь взглянемъ на данныя центр. стат. комитета за 1885 г. т. е. на данныя, почти современныя изслѣдованію курской губ. земскими статистиками, то окажется всего населенія въ губерніи съ городами 2,266,573 д. об. пола [1]), т. е. больше противъ счисленія г. Вернера на 118,573 д., а въ уѣздахъ безъ городовъ—2,102,366, т. е. больше противъ того же счисленія на 81,952 души об. пола.

Какъ было уже замѣчено, мы не придаемъ большой цѣны абсолютнымъ цифрамъ народонаселенія центр. стат. комитета за 1885 г. и думаемъ, что онѣ въ уѣздахъ грѣшатъ въ сторону уменьшенія цифры, а не въ сторону преувеличенія [2]). Такъ что, исходя изъ цифръ центр. стат. ком. за 1885 г., можно предположить, что въ помѣщичьихъ усадьбахъ, а также и во всѣхъ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ живутъ не крестьяне, которые не были подворно описаны земскими статистиками, нужно считать народонаселенія не 77 тысячъ, какъ считаетъ г. Вернеръ, а по меньшей мѣрѣ вдвое. Впрочемъ, для насъ это не важно: на этой цифрѣ мы не думаемъ останавливаться, а потому готовы допустить, что въ «помѣщичьихъ усадьбахъ» проживаетъ 77 тыс.

„Итоги"). Поступая логически г. Вернеръ долженъ былъ бы и населеніе г. Грайворона зачислить въ крестьяне, т. к. и тамъ есть крестьянское общество.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что г. Вернеръ, обращаясь такъ безцеремонно съ цифрами источниковъ, не только не выясняетъ причинъ, почему онъ такъ или иначе ихъ перетасовываетъ, но не дѣлаетъ даже указаній, что онъ сдѣлалъ такъ то. Разгадывать содержаніе цифръ, приводимыхъ г. Вернеромъ, необходимо всегда съ первоисточниками и со счетами въ рукахъ.

[1]) Въ томъ числѣ находится не существующій для г. Вернера гор. Хотмыжскъ и въ немъ 915 душъ, а въ городахъ, причисленныхъ г. Вернеромъ къ крестьянскимъ поселеніямъ, городскаго населенія: въ Богатомъ 338 душъ и въ Мирополье 3.289 д. об. п. Чтобы кто не подумалъ, что это населеніе посчитано у г. Вернера въ качествѣ „посторонняго", проживающаго въ чертѣ крестьянской осѣдлости, мы приведемъ справку: въ обоянскомъ уѣздѣ посторонніе не считались вообще, а въ с. Богатомъ „безземельныхъ" показано 6 д. об. п.; въ суджанскомъ у. посторонніе хотя и считались, но во всей *миропольской волости* ихъ насчитано 532 д. обпола; слѣдовательно городское населеніе въ 3289 д. въ эту цифру не вошло, (см. Сборникъ по обоянскому уѣзду и „Итоги").

[2]) Такое мнѣніе подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что волости, сообщающія свѣдѣнія губернскимъ статистическимъ комитетамъ, компетентны только въ отношеніи крестьянскаго населенія, свѣдѣнія же, сообщаемыя волостями о лицахъ

населенія единица въ единицу. Для насъ болѣе интересны и поучительны, для пониманія дальнѣйшихъ выводовъ, операціи, производимыя г. Вернеромъ надъ добытыми имъ цифрами, и тѣ пріемы, которые при этомъ употребляются.

Для указанія прироста населенія г. Вернеръ беретъ два періода: съ 1862 г. по 1878 и съ этого года по 1883—85—время статистическаго изслѣдованія губерніи. При этомъ въ первомъ періодѣ берутся слѣдующія данныя: за 1862 г. *все* населеніе губерніи безъ городовъ по «Списку населенныхъ мѣстъ», съ присовокупленіемъ населенія въ городахъ Богатомъ и Мирополья, а за 1878 г. берется *только крестьянское* населеніе, хотя въ данныхъ центр. ст. комитета за этотъ годъ есть цифры и всего населенія. Разница между взятыми г. Вернеромъ цифрами даетъ приростъ *крестьянскаго* населенія за первый періодъ. А чтобы кто не усомнился въ логичности такого сравненія, г. Вернеръ эту сравнительную таблицу озаглавливаетъ «*Крестьянское населеніе*», желая тѣмъ увѣрить всѣхъ вообще и каждаго порознь, что въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ» центр. ст. ком. за 1862 г. посчитано въ губерніи только одно крестьянское населеніе. Допустимъ, что въ этомъ пунктѣ своего сравненія г. Вернеръ не зналъ (?) содержанія матеріала, которымъ распоряжался. Но сравненіе населенія за второй періодъ отличается точь въ точь такими же качествами. За 1878 г. взяты цифры только крестьянскаго населенія, и что это дѣйствительно только крестьянское населеніе, г. Вернеръ могъ убѣдиться изъ таблицъ центр. ст. комитета, въ которыхъ ясно раздѣлено населеніе «въ составѣ волостей» и «въ предѣлахъ волостной территоріи». Казалось бы ясно, что такое населеніе нужно сравнить съ крестьянскимъ же населеніемъ 1883—85 г., т. е. цифрами добытыми самимъ г. Вернеромъ. Но г. Вернеръ держится другой логики: онъ цифры крестьянскаго населенія 1878 года сравниваетъ съ своими же цифрами, обнимающими «приписное населеніе» и «постороннихъ», куда по пункту 8 правилъ подсчета вошли купцы, духовенство, дворяне и т. п. Значитъ, для г. Вернера не существуетъ даже аксіомы, что часть не есть цѣлое. Спрашивается: какой смыслъ могутъ имѣть выводы изъ такихъ сравненій и всѣ построенія, основанныя на такихъ логическихъ выводахъ? [1]).

не крестьянскаго сословія не могутъ быть полны: будутъ захватывать тѣхъ только лицъ, которыя извѣстны составителю статистическихъ свѣдѣній по волости.

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что и здѣсь г. Вернеръ не показываетъ ни причинъ, заставляющихъ его дѣлать такія сравненія, ни содержанія матеріала;

Также категорически, безъ всякихъ объясненій, г. Вернеръ поступаетъ и съ счисленіемъ населенныхъ мѣстъ. Мы даже недоумѣваемъ, для чего г. Вернеръ занимается этимъ вопросомъ: если потому только, что земство, заводя у себя статистику, желало имѣть свѣдѣнія «о числѣ и характерѣ населенныхъ мѣстъ» («Итоги» стр. 1), то свѣдѣнія, представляемыя г. Вернеромъ, не только никого не могутъ удовлетворить, а напротивъ вносятъ такой сумбуръ, что буквально дѣлается страшно. Представляемъ выписки изъ «Итоговъ», касающіяся этого вопроса.

„Селеній въ курской губ. въ настоящее время насчитано 2.920; въ этотъ счетъ не входятъ хутора въ 1—3 двора, которые причислены нами къ близь лежащимъ селеніямъ (для чего?). По „Списку населенныхъ мѣстъ", изданному центр. статист. комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, *всѣхъ* (курсивъ нашъ) населенныхъ мѣстъ въ 1862 г. числилось 3.188, а если исключить хутора въ 1—3 двора и 15 городовъ (почему не 18, какъ считается всѣми?)—2.935 поселеній: слѣдовательно, за послѣднее время *число поселеній нисколько не измѣнилось*" (курсивъ нашъ) (стр. 61).

Прежде всего здѣсь поражаетъ фактъ исчезновенія 15 населенныхъ мѣстъ; а если допустить, что въ курской губерніи поселенія ростутъ, и хуторъ, бывшій въ 1862 г. въ 3 двора, за 20 лѣтъ могъ вырости до 5—6 дворовъ, то исчезновеніе поселеній будетъ очень и очень большое. Что уничтоженія поселеній въ курской губ. были, объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго мѣста «Итоговъ».

„Ревизскіе сказки очень часто относятся къ селеніямъ *не существующимъ* уже въ настоящее время: селенія эти упразднены, тогда какъ населеніе ихъ приписано къ другимъ селеніямъ, а усадьбы или перенесены, или, при разростаніи селеній, слились съ усадьбами другаго селенія и получили одно общее наименованіе" стр. 66).

Изъ всего сказаннаго пока г. Вернеромъ можно было бы думать, что число не существующихъ уже поселеній равно приблизительно числу разросшихся за 20—25 лѣтъ изъ хуторовъ въ 1—3 двора. Для этого нужно только предположить, что населеніе курской губ. сидитъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, и что даже крестьянская реформа, давшая свободу крестьянину располагать своимъ мѣстожительствомъ съ наибольшимъ удобствомъ, не произвела никакихъ измѣненій въ разселеніи жителей. Оказывается, что такого предположенія нельзя сдѣлать.

„Въ настоящее время,—говоритъ г. Вернеръ—благодаря увеличенію населенія и частымъ раздѣламъ, подъ усадьбы заняты уже всѣ свободныя мѣста, а потому вновь образующіеся дворы принуждены строиться на полѣ, образуя выселки и

чтобы понять это, нужны первоисточники, счеты и долгое упражненіе на нихъ, пока поймешь, какія именно цифры беретъ г. Вернеръ.

хутора; послѣдніе стали возникать и въ томъ случаѣ, когда пахотное поле особенно удалено отъ усадьбъ. Какъ на примѣръ такихъ выселеній можно указать на непрерывную цѣпь хуторовъ между Тамаровкою и Бѣлгородомъ" (стр 62).

Сколько же такихъ новыхъ выселковъ и хуторовъ образовалось послѣ 1862 г., когда именно, какого достигли размѣра въ моментъ изслѣдованія губерніи (неужто не болѣе 1—3?). Неужели въ этихъ фактахъ разселенія крестьянъ не выражается жизнь? Неужто такъ таки они не интересны? Г. Вернеръ, кромѣ примѣра, не даетъ ни одной цифры, а сравненіемъ съ 1862 г. показываетъ, что число населенныхъ мѣстъ не только не увеличилось, а еще уменьшилось на 15.

Если теперь допустить, что хутора въ 3 двора съ 1862 г. разрослись до 5—6 дворовъ (а этого не допустить мы не можемъ), что, кромѣ того, возникли новые выселки и хутора, и при всемъ томъ число населенныхъ мѣстъ со времени 1862 г. нисколько не измѣнилось, какъ доказываетъ цифрами г. Вернеръ, то сколько же должно было исчезнуть существовавшихъ поселеній? Для человѣка, владѣющаго нѣкоторой долей воображенія, можетъ представиться разрушеніе не меньшее, чѣмъ отъ землетрясенія въ семирѣченской области. Но не надо пугаться. Очевидно, г. Вернеръ любитъ частенько таки попугать цифрами. Въ дѣйствительности происходитъ совсѣмъ не то, что рисуетъ г. Вернеръ своими объясненіями и цифрами. Число населенныхъ мѣстъ въ курской губ. со времени 1862 г. измѣнилось и измѣнилось сильно: вмѣсто 3,188 поселеній по счету центр. статист. ком. въ 1862 г., въ 1885 г. (время изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ) тотъ же комитетъ насчитываетъ 6,536 населенныхъ мѣстъ, т. е. больше, чѣмъ вдвое. Этой цифры или близкой къ ней, по даннымъ за 1878 г. г. Вернеръ не могъ не знать; но ему неудобно было сравнивать свою цифру—2,920 поселеній—съ цифрой цент. стат. комитета, большей почти въ два съ половиной раза, такъ какъ тогда ему пришлось бы обнаружить, что при изслѣдованіи губерніи имъ не описано около 3½ тысячъ населенныхъ мѣстъ. Можетъ быть поэтому онъ и сравниваетъ число своихъ населенныхъ мѣстъ съ данными цент. ст. комитета за 1862 г., а не съ болѣе близкими по времени къ его изслѣдованію—цифрами 1878 г.

Если даже допустить, что излишнее число населенія по даннымъ центр. ст. комитета противъ того, которое принимаетъ г. Вернеръ (3,616) представляетъ собой исключительно хутора въ 1—3 двора, присоединенные г. Вернеромъ къ сосѣднимъ поселеніямъ, то это настолько крупное мѣстное явленіе, что игнорировать его можно

только, задавшись тенденціозной мыслью скрыть все характерное, мѣстное. Но мы думаемъ, что въ счетѣ центр. стат. комитета населенныхъ мѣстъ за 1885 г. фигурируютъ не одни хутора въ 1—3 двора, а поселенія и покрупнѣе, на которыя г. Вернеръ не обратилъ вниманія, какъ и на многое еще другое.

Не посчитавши новыхъ поселеній, соединивши хутора съ сосѣдними селеніями и создавши, такимъ образомъ, завѣдомо ложное число населенныхъ мѣстъ, г. Вернеръ для чего то еще выводитъ среднюю величину населеннаго мѣста по каждому уѣзду. Въ такой манипуляціи мы не можемъ видѣть ничего другаго, кромѣ упражненія въ дѣленіи на заданныя числа [1]).

Въ этомъ же отдѣлѣ книги есть очень любопытный вопросъ, какъ по той важности, которую придаетъ ему г. Вернеръ и его рецензентъ, профессоръ Чупровъ, такъ и по тѣмъ коррективнымъ даннымъ, которыя заключаются въ формулировкѣ высказанныхъ положеній. Вопросъ этотъ: вліяніе размѣра поземельной общины на экономическое благосостояніе населенія.

„Ближайшая причина этого вліянія, по словамъ г. Вернера, прежде всего кроется въ той связи, которая существуетъ между размѣромъ поземельной общины и расположеніемъ надѣла; чѣмъ больше община, тѣмъ больше шансовъ, что надѣлъ будетъ разстянутъ на чрезвычайно далекое разстояніе отъ усадьбы, что онъ будетъ заключаться не въ одномъ особнякѣ, а въ нѣсколькихъ участкахъ; а такъ какъ отъ плана поземельнаго участка зависитъ успѣшность и выгодность сельскохозяйственныхъ работъ, то, понятно, что размѣръ общины можетъ оказать вліяніе на весь строй хозяйства, слѣдовательно, на экономическое благосостояніе. Затѣмъ въ мелкихъ поземельныхъ общинахъ, при незначительной площади надѣла, больше вѣ-

---

[1]) Такое же упражненіе, конечно, совершенно безполезное какъ для автора, такъ и для читателя, мы видимъ и въ выводѣ числа душъ и на квадратную милю въ каждомъ уѣздѣ—опредѣленіе густоты народонаселенія (стр. 70). Чтобы наше замѣчаніе относительно послѣдняго случая не показалось неосновательнымъ, мы укажемъ данныя, надъ которыми производитъ дѣйствія г. Вернеръ. Для опредѣленія густоты населенія въ уѣздахъ въ 1883—86 годахъ г. Вернеръ беретъ только то населеніе, которое зарегистрировано переписью и дѣлитъ его на все пространство уѣздовъ; даже тѣ 77 тысячъ, которыя онъ самъ считаетъ живущими въ помѣщичьихъ усадьбахъ, онъ не принимаетъ во вниманіе, не разноситъ по уѣздамъ, хотя бы по тому пріему, которымъ онъ опредѣлилъ это населеніе въ губерніи. Развѣ это не упражненіе въ дѣленіи на выдуманныя числа? Нужно замѣтить, что эту густоту населенія г. Вернеръ ставитъ параллельно густотѣ народонаселенія, бывшей въ 1862 г. (для сравненія?) при чемъ въ суджанскомъ и обоянскомъ уѣздахъ населеніе городовъ Богатаго и Мирополья не зачисляетъ уже въ сельское населеніе, а признаетъ его городскимъ.

роятія, что послѣдній будетъ болѣе или менѣе однороднымъ по качеству почвы, а потому при разверстаніи земли крестьянамъ не зачѣмъ дѣлить на нѣсколько разнокачественныхъ ярусовъ, слѣдовательно, отдѣльные хозяйства получатъ въ каждомъ клину свою долю въ одномъ мѣстѣ и не прійдется разбивать душевой надѣлъ на нѣсколько мелкихъ загоновъ, какъ это дѣлается въ большихъ общинахъ. Саморазверстаніе земли между отдѣльными домохозяевами совершается несравненно проще въ мелкихъ общинахъ, а потому оно можетъ быть уравнительнѣе. Кромѣ этихъ преимуществъ мелкихъ общинъ, есть множество и другихъ. Такъ напримѣръ:— 1) общественный строй мелкихъ общинъ гораздо устойчивѣе, въ нихъ шире проявляется взаимная помощь, ощутительнѣе потребность жить въ добромъ согласіи и необходимость уступокъ; 2) мелкія общины менѣе подвержены вредному вліянію городскихъ рабочихъ, пришлыхъ купцовъ и кабатчиковъ, которымъ нечего дѣлать здѣсь и труднѣе бороться со сплоченнымъ міромъ; 3) мелкія общины менѣе подвержены такимъ бѣдствіямъ, какъ эпидеміи, пожары и скотскіе падежи и т. п. Всѣ эти причины весьма ясно отразились на цифрахъ, выражающихъ экономическое благосостояніе населенія (слѣдуютъ цифры, а за тѣмъ заключеніе). Несмотря на то, что мелкія общины первой группы (въ среднемъ 35 дворовъ въ каждой общинѣ) получили въ надѣлѣ всего 6,4 десят. пахатной земли, экономическое положеніе ихъ несравненно лучше, чѣмъ въ остальныхъ группахъ, что можно объяснить только удобствомъ расположенія надѣла. Это удобство даетъ возможность лучше, съ меньшими затратами силъ и времени использовать свою землю и даже арендовать внѣнадѣльныя земли. При томъ же количествѣ земли на дворъ, въ крупныхъ общинахъ половина населенія бросили земледѣліе и лишь 6% всѣхъ домохозяевъ прибѣгаетъ къ арендѣ земель“ (стр. 63 и 64).

Прежде чѣмъ приводить цифровыя данныя, по мнѣнію г. Featured Вернера и профессора Чупрова, доказывающія эти положенія, сдѣлаемъ еще одну выписку, касающуюся въ сущности того же вопроса.

„Противъ устройства мелкихъ поселеній возможно привести еще нѣсколько аргументовъ: въ мелкихъ поселеніяхъ не могутъ быть устраиваемы тѣ общественныя учрежденія, которыя требуютъ участія большаго числа домохозяевъ—школы, ссудосберегательныя товарищества; въ *мелкихъ общинахъ* не можетъ образоваться торговопромышленный центръ съ рынкомъ для сбыта производимыхъ продуктовъ и покупки сырья, съ постоянной возможностью найти заработокъ, а потому въ *мелкихъ общинахъ* во время сельскохозяйственныхъ кризисовъ крестьянамъ остается только пойти въ отхожіе промыслы; несомнѣнно, что сельскохозяйственный промыселъ устойчивѣе другихъ, вѣрнѣе обезпечиваетъ крестьянина, а потому желательно, чтобы онъ всегда имѣлъ возможность остаться преимущественно земледѣльцемъ, но въ тоже время несомнѣнно и то, что временныя затрудненія въ сельскомъ хозяйствѣ легче переносятся тамъ, гдѣ есть широкая возможность заработать что либо въ какой нибудь другой отрасли труда и т. д. (стр. 117)[1]).

---

[1]) Мы нарочно въ этой выпискѣ подчеркнули выраженіе *мелкая община*, чтобы показать, что здѣсь рѣчь идетъ о поселеніи не какъ населенномъ мѣстѣ, представляющемъ совокупность нѣсколькихъ общинъ, а какъ о поселеніи одной крупной по землевладѣнію общины.

Сравнивши обѣ выписки, можно было бы и не приводить цифровыхъ данныхъ, доказывающихъ, что малый размѣръ общины способствуетъ благосостоянію населенія, такъ какъ самъ авторъ почти отрицаетъ прежде высказанное имъ положеніе. Но приводимыя г. Вернеромъ цифровыя выраженія крайне любопытны въ томъ отношеніи: какъ и что можно читать въ цифрахъ. Данныя эти приведены по двумъ уѣздамъ и характеризуютъ, между прочимъ, слѣдующее:

	Щигровскій у.		Ново-Оскольскій у.		
	Размѣръ общинъ.		Размѣръ общинъ.		
	крупн.	мелк.	до 100 дв.	отъ 100 до 500д.	болѣе 500 дворовъ.
Десятинъ надѣла на дворъ.	11,4	6	6,4	8,7	6,4
% безхозяйныхъ	8,9	1,6	19,4	22,2	52,5
% безлошадыхъ	23,7	5,6	20	22,9	51,7
% арендующихъ землю . .	23,1	48,3	41	21,3	6,8
% выселившихся	10,0	2,8	?	?	?
На 10 хозяйствъ головъ крупнаго скота	?	?	24	26	15
% семей, занимающихся промыслами	?	?	65	73	83
% семей съ грамотными .	?	?	27,6	32,7	53,7

По новооскольскому уѣзду приведено еще много графъ (9), содержанія которыхъ по щигровскому уѣзду не показано, точно такъ же какъ и въ послѣднихъ 3, представленныхъ въ таблицѣ. Если обратить вниманіе на цифры по новооскольскому уѣзду, то сейчасъ же видно, что большой процентъ безлошадыхъ и безхозяйныхъ въ общинахъ крупныхъ (болѣе 500 дворовъ) происходитъ просто оттого, что въ нихъ 83% семей занимаются промыслами и, по всей вѣроятности, такими, которые не требуютъ ни лошадей, ни земледѣльческаго хозяйства. Но что благосостояніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не хуже, чѣмъ у населенія мелкихъ общинъ, видно изъ того, что у нихъ 53% семей имѣютъ грамотныхъ; для того же, чтобы быть грамотнымъ нужно: 1) чтобы была близко школа и 2) благосостояніе семьи. Послѣднее положеніе доказываетъ самъ г. Вернеръ въ этой же книгѣ на стр. 208 и др. Категорія общинъ средняго размѣра (отъ 100 до 500 двор.), кромѣ показателей приведеннаго характера, имѣетъ еще одинъ, совершенно прямой показатель, что благосостояніе населенія въ этихъ общинахъ даже выше, чѣмъ въ мелкихъ: крупнаго скота у нихъ больше, чѣмъ у населенія мелкихъ общинъ.

Если согласиться съ г. Вернеромъ въ этомъ мѣстѣ его книги, что большій процентъ дворовъ арендующихъ землю и большее количество арендуемой земли указываетъ на благосостояніе населенія, то въ такомъ случаѣ нельзя согласиться съ нимъ: 1) что арендныя платы въ курской губер. чрезмѣрно высоки (о чемъ онъ говоритъ неоднократно въ своей книгѣ), ибо арендованныя земли даютъ большій доходъ, чѣмъ свои надѣльныя[1]) и 2) что длинноземелье, или—правильнѣе сказать—отдаленность обрабатываемаго участка не имѣетъ вліянія на благосостояніе населенія, ибо арендуемыя земли поднимаютъ благосостояніе населенія, а онѣ (арендуемыя земли), само собою разумѣется, не лежатъ же сейчасъ за крестьянскими усадьбами, а по меньшей мѣрѣ за межей надѣльной земли.

Мы еще ничего не сказали о данныхъ по щигровскому уѣзду, но привели ихъ совсѣмъ не для того, чтобы пройти молчаніемъ. Съ точки зрѣнія разсматриваемаго вопроса о нихъ ничего нельзя сказать, потому что нѣтъ другихъ показателей, съ которыми можно было бы ихъ координировать. Мы предлагаемъ обратить на нихъ вниманіе съ слѣдующей стороны: въ мелкихъ общинахъ новооскольскаго уѣзда безхозяйныхъ $19,_4$%, а въ такихъ же общинахъ щигровскаго уѣзда всего 1,6%; безлошадыхъ въ новооскольскомъ уѣздѣ у этихъ общинъ 20%, а въ щигровскомъ 5,6%. Что здѣсь больше бьетъ въ глаза: разница ли между 20 и $22,_9$ или между 5,6 и 20? разница ли между $19,_4$ и $22,_2$ или между 1,6 и $19,_4$? Намъ кажется, что прежде, чѣмъ строить новые и очень важные выводы о вліяніи мелкихъ общинъ на благосостояніе населенія, при томъ же на основаніяхъ, противорѣчащихъ дальнѣйшему изложенію, слѣдовало бы выяснить причину этихъ бьющихъ въ глаза цифръ: 1,6% безхозяйныхъ въ щигровскомъ уѣздѣ и при такихъ же условіяхъ $19,_4$% безхозяйныхъ въ новооскольскомъ уѣздѣ. Вопросъ этотъ болѣе важенъ и существенъ для «Итоговъ» статистическаго изслѣдованія губерніи[2]).

---

[1]) По новооскольскому уѣзду показано у г. Вернера въ мелкихъ общинахъ на надѣльный дворъ земли: надѣльной 6,4 дес. да арендуемой 1,9 десят., итого 8,3 дес. и онѣ болѣе поднимаютъ благосостояніе населенія, чѣмъ 8,7 дес. одной надѣльной земли у общинъ средняго размѣра.

[2]) Такое умѣніе читать свои цифры, какое показалъ г. Вернеръ въ разсмотрѣнномъ вопросѣ, онъ обнаруживаетъ нѣсколько разъ въ своей книгѣ. Такъ, напримѣръ, въ этомъ же отдѣлѣ есть замѣчаніе о четвертныхъ крестьянахъ слѣдующаго характера: „привилегированная кровь сказывается въ четвертныхъ крестьянахъ въ нѣкоторомъ иотсутствіи энергіи, стойкостьшей, въ мен способности и при-

Вопросъ о численномъ составѣ семьи очень занимаетъ г. Вернера; онъ находитъ, что запрещеніе семьямъ дѣлиться можетъ повести только «къ увеличенію преступленій (факты?), не улучшивъ благосостоянія» (стр. 78). Мы ничего не имѣемъ противъ обсужденія такого вопроса въ земско-статистическомъ сборникѣ, но думаемъ что какъ этотъ вопросъ, такъ и всякій другой затрогиваемый, необходимо обосновывать на цифровыхъ данныхъ, а не на голословныхъ увѣреніяхъ: «несомнѣнно, что съ теченіемъ времени средній составъ семьи значительно уменьшился», «проникающая въ деревню цивили-

---

вычкѣ къ тяжелому физическому труду, благодаря чему, при другихъ равныхъ условіяхъ, у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ хозяйство всегда ведется несравненно лучше" (стр. 56). На какихъ своихъ статистическихъ данныхъ опирается г. Вернеръ, дѣлая такую характеристику, мы совершенно недоумѣваемъ. Дѣйствительно, четвертные крестьяне даютъ изъ себя наименьшій процентъ арендаторовъ (25,6) сравнительно съ другими группами крестьянъ (стр. 166). Но вѣдь всякому, даже не статистику, извѣстно, что крестьяне земледѣльцы тѣмъ больше арендуютъ земли, чѣмъ меньше у нихъ есть собственной; обратное явленіе можетъ случиться только при какихъ либо исключительныхъ условіяхъ. Законъ этотъ извѣстенъ и г. Вернеру, поэтому онъ не можетъ основывать свою характеристику четвертниковъ на томъ основаніи, что они, имѣя по 12 дес. въ среднемъ на надѣльный дворъ—больше чѣмъ какой либо другой разрядъ крестьянъ—въ меньшемъ числѣ хозяевъ арендуютъ земли. Это явленіе происходитъ не отъ привилегированной крови, отсутствія энергіи и т. п., а есть вполнѣ естественное явленіе, вытекающее изъ обезпеченія хозяйствъ своей землей. Процентъ хозяйствъ сдающихъ свой надѣлъ (стр. 141) у четвертниковъ (7,7) дѣйствительно большій, чѣмъ у собственниковъ (бывш. владѣльческихъ) на 0,7, но несравненно меньшій, чѣмъ у государственныхъ душевыхъ (9,1) и дарственниковъ (9). Если въ процентѣ хозяевъ сдающихъ надѣлъ видѣть что нибудь другое, помимо экономическихъ условій, то это нѣчто нужно искать прежде всего у крестьянъ государственыхъ, душевыхъ и дарственниковъ. По обезпеченіи рабочимъ скотомъ четвертники стоятъ выше всѣхъ другихъ крестьянъ: у нихъ самый меньшій % безлошадныхъ и самый большій многолошадныхъ (стр. 145), при чемъ у четвертниковъ нерѣдко встрѣчаются лошади въ 100 и болѣе рублей тогда какъ цѣна обыкновеной крестьянской лошади 20—40 рублей (стр. 147). Процентъ семей (54,5) и работниковъ (46,2), занимающихся промыслами (стр. 179), у четвертниковъ большій, чѣмъ у крестьянъ государст. душевыхъ (52,2% семей и 44,6 раб.). Процентъ учащихся (1,67) и грамотныхъ (8,7) у четвертниковъ большій, чѣмъ у всѣхъ другихъ разрядовъ крестьянъ, исключая водворенныхъ на собственныхъ земляхъ (стр. 211). Мы, кажется, исчерпали всѣ показатели экономическаго благосостоянія и проявленія энергіи, гдѣ находили у г. Вернера сопоставленіе всѣхъ разрядовъ крестьянъ, и думаемъ, что въ нихъ можетъ найти подтвержденіе характеристики четвертниковъ, сдѣланной г. Вернеромъ, только тотъ, кто не понимаетъ значенія надѣла на дворъ: 12 д. у четвертниковъ, 10,3 дес. у государств. душевыхъ, 5 дес. у собственниковъ и т. д.

зація способствуетъ развитію индивидуализма» и т. п. Подъ руками у г. Вернера былъ громадный матеріалъ, на основаніи котораго онъ могъ бы доказать, что численный составъ семьи слагается подъ вліяніемъ такихъ причинъ, устранить которыя не могутъ никакія принудительныя мѣры. Для этого г. Вернеру слѣдовало бы только вывести средній составъ великорусской и малорусской семьи. Такое сравненіе было сдѣлано въ прилегающемъ къ курской губ. богодуховскомъ уѣздѣ и оказалось: на каждый великорусскій дворъ въ среднемъ приходится по $6,_4$ душъ об. пола, а на каждый малорусскій только $5,_6$ д об. пола [1]).

На отдѣлѣ о населеніи мы остановились очень долго: по этому вопросу у насъ было достаточно данныхъ для сравненія. Пользуясь ими, намъ, кажется, удалось довольно основательно показать: на сколько собранныя г. Вернеромъ свѣдѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности и какъ г. Вернеръ позволяетъ себѣ распоряжаться съ имѣющимся у него подъ рукой матеріаломъ. По другимъ отдѣламъ «Итоговъ» у насъ нѣтъ постороннихъ данныхъ, съ которыми можно было бы сравнивать данныя, представляемыя г. Вернеромъ; но на основаніи того, что мы успѣли уже подмѣтить въ работѣ г. Вернера, мы вправѣ относиться ко всѣмъ его цифрамъ и выводамъ подозрительно, хотя, быть можетъ, во многихъ случаяхъ эти цифры и выводы вѣрны.

Переходимъ къ землевладѣнію, земледѣлію и скотоводству.

Завести у себя статистику курское земство было вынуждено отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній по разнымъ отдѣламъ земскаго хозяйства. Первымъ между этими вопросами показанъ «О количествѣ облагаемыхъ земель» («Итоги» стр. 1), какъ говоритъ объ этомъ самъ г. Вернеръ. Насколько у курскаго замства неточно счисленіе земель, видно изъ того факта, что въ старооскольскомъ уѣздѣ мѣстное земство въ 1882 г. сдѣлало спеціальное измѣреніе и нашло почти 12 тыс. десятинъ лишнихъ, необлагавшихся. Кажется, такой фактъ довольно поучителенъ для того, чтобы статистики обратили на него вниманіе и постарались бы произвести елико возможно точное счисленіе подлежащихъ обложенію земель. Что это возможно сдѣлать, указываетъ примѣръ сосѣдняго богодуховскаго уѣзднаго земства харьковской губерніи и обоянскаго земства въ той же курской губерніи. Статистикъ обоянскаго уѣзда г. Тимофеевъ, изслѣдуя частное землевладѣніе, на-

---

[1]) Сборникъ по богодуховскому уѣзду, стр. 50.

шелъ что по окладнымъ книгамъ уѣздной управы числится меньше земли, чѣмъ ея есть въ дѣйствительности, и что записыванье въ окладные листы одной удобной земли существовало только de—jure въ дѣйствительности же, провѣривши владѣнія 369 лицъ, мы не встрѣтили осуществленія этого принципа» (обоянскій уѣздъ).

Несмотря на прямо выраженное желаніе курскаго земства учесть облагаемыя земли, ясныя доказательства, что въ земствѣ по этому вопросу данныя очень невѣрны, несомнѣнные факты, что провѣрка землевладѣнія вполнѣ возможна—г. Вернеръ нашелъ такую работу недостойною себя и отъ изслѣдованія землевладѣнія уклонился. Мы на этотъ фактъ не обратили бы вниманія, если бы г. Вернеръ не утверждалъ, что по вопросу о количествѣ облагаемыхъ земель всё обстоитъ благополучно. Онъ говоритъ:

„Такимъ образомъ данныя обоихъ источниковъ (окладныя книги земства и данныя центр стат. ком.) совпадаютъ, а потому нѣтъ никакого основанія предполагать, что земствомъ пропущены какія либо владѣнія, хотя, быть можетъ, спеціальная межевая провѣрка и обнаружила бы въ этихъ владѣніяхъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между владѣнными документами и дѣйствительнымъ размѣромъ владѣній какъ это было въ старо-оскольскомъ уѣздѣ“ (стр. 84).

Г. Вернеръ при этомъ умалчиваетъ, что несоотвѣтствіе между количествомъ облагаемыхъ и существующихъ въ дѣйствительности земель найдено было и въ обоянскомъ уѣздѣ статистикомъ Тимофеевымъ [1]). Нужно замѣтить, что г. Вернеръ, когда ему нужно, свѣдѣнія центр. стат. комитета считаетъ непогрѣшимыми и опирается на нихъ съ такою же твердостью, какъ на свои собственныя. Между тѣмъ данныя центр. ст. комитета по землевладѣнію заслуживаютъ меньшаго довѣрія, чѣмъ данныя о населеніи и о населенныхъ мѣстахъ [2]).

---

[1]) Г. Вернеръ нигдѣ не указываетъ, что обоянскій уѣздъ изслѣдованъ и описанъ г. Тимофеевымъ безъ всякаго его участія. Благодѣтельность неучастія его въ изслѣдованіи обоянскаго уѣзда отразилась довольно замѣтно, на что мы въ своемъ мѣстѣ укажемъ; здѣсь же замѣтимъ, что умалчивать о томъ, что обоянскій уѣздъ изслѣдованъ г. Тимофеевымъ, по меньшей мѣрѣ, неделикатно.

[2]) По однѣмъ и тѣмъ же даннымъ, собраннымъ въ 1878 г., центр. стат. комит. даетъ нѣсколько цифръ не сходныхъ между собою. Такъ, напримѣръ, въ „Распредѣленіи земель по угодіямъ“ („Статистическій Временникъ“ сер. III, выпускъ 4) общее количество земли въ курской губерніи показано 4,087,465 десят., въ „Статистическомъ Временникѣ“ сер. III. выпускъ 10, стоитъ 4,083,336 дес., г. Вернеръ же нашелъ для себя удобнымъ взять цифру изъ „Статистики поземельной собственности“, опредѣляющую пространство губерніи въ 3,993,890 дес. Если бы г. Вернеръ имѣлъ цѣлью уяснить этимъ вопросъ, то долженъ былъ бы привести всѣ цифры центр. стат. комитета, опредѣляющія пространство курской губерніи, и показать,

Касаясь своего спеціальнаго вопроса—крестьянскаго хозяйства, г. Вернеръ прежде всего останавливается на томъ, какое количество земли необходимо на одинъ надѣльный дворъ. Вопросъ въ высшей степени важный, но пріемъ, употребленный г. Вернеромъ для рѣшенія его, привелъ насъ въ совершенное недоумѣніе. Онъ выводитъ нормальный надѣлъ въ 9 дес.

„Эта средняя цифра—говоритъ г. Вернеръ—представляетъ ариѳметическое частное, полученное отъ дѣленія общаго количества надѣльной земли въ губерніи на общее число надѣльныхъ дворовъ".

И такимъ то путемъ получилось 9 дес.

„т. е. именно та норма, которую мы въ поуѣздныхъ сборникахъ и въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящаго сборника опредѣлили, какъ необходимую норму для прокормленія семьи средняго состава" (стр. 97).

До сихъ поръ мы думали, что норма надѣла, или—правильнѣе говоря—количество земли, необходимой для хозяйства, опредѣляется величиной его запашки, количествомъ скота въ связи съ производительностью выпасовъ и тому подобными реальными проявленіями сельскохозяйственной дѣятельности, которая стремится къ удовлетворенію нормальныхъ потребностей. Теперь узнаемъ отъ г. Вернера, что, изучая сельскохозяйственную жизнь крестьянина, совсѣмъ не нужно знать, какой величины запашку онъ дѣлаетъ: ни въ сводныхъ таблицахъ подворной переписи, ни въ текстѣ книги мы нигдѣ не находимъ указанія, сколько дѣйствительно засѣвается десятинъ крестьянами курской губерніи, какое количество выпаса необходимо для подножнаго корма крупной и мелкой скотины. Все это вѣдь вопросы, отвѣты на которые въ цифрахъ выразятъ собою совокупность мѣстныхъ условій сельскохозяйственной жизни; а г. Вернеръ, очевидно, поставилъ себѣ задачей въ своемъ статистико-экономическомъ изслѣдованіи не показать ни одной мѣстной черты жизни. Другое дѣло величина отрѣзаннаго крестьянамъ надѣла; въ этомъ фактѣ, хотя и отразилось изученіе края при освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ, но г. Вернеръ, само собой разумѣется, на этомъ не останавливаетъ вниманія читателя, а всю надѣльную землю всѣхъ разрядовъ крестьянъ сваливаетъ въ кучу, дѣлитъ ее на число надѣльныхъ дворовъ и получаетъ искомое. Такой пріемъ опредѣленія количества земли, необходимой для сельскохозяйственной жизни населенія, тѣмъ хорошъ,

---

что данныя о землевладѣніи, добытыя черезъ волостныя правленія, заслуживаютъ такого же довѣрія, какъ и данныя окладныхъ книгъ, недовѣріе къ которымъ земства и было важнѣйшей причиной, заставившей учредить у себя статистическое бюро.

что искомое получается весьма легко: двадцать лѣтъ назадъ, число надѣльныхъ дворовъ было, скажемъ, вдвое меньше— «та именно норма» была 18 дес., черезъ двадцать лѣтъ послѣ изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ будетъ надѣльныхъ дворовъ вдвое больше— «норма» для жизни крестьянскаго двора будетъ $4^1/_2$ дес. Это понятно: измѣняются времена, измѣняются люди и ихъ потребности. Если же потребуется вѣскими доказательствами подтвердить, что $4^1/_2$ дес. для крестьянскаго двора есть та необходимая норма, можно будетъ привести бюджетъ и его цифрами доказать высказанное положеніе. Величину дѣйствительной запашки, конечно, не нужно показывать, такъ какъ, съ одной стороны, это можетъ доказать воочію всю ложность построенія «нормы», а, съ другой, лишитъ необходимости дѣлать остроумныя соображенія, ссылки и тѣмъ обнаружить свою начитанность въ экономической литературѣ.

Платя дань выясненію мѣстныхъ особенностей, г. Вернеръ говоритъ:

„По среднимъ поуѣзднымъ цифрамъ количество земли, приходящейся на надѣльный дворъ, курская губ. дѣлится на двѣ половины—восточную многоземельную и западную малоземельную; въ первой въ среднемъ на надѣльный дворъ приходится 10,2 дес., во второй—7,4 дес. (къ западной половинѣ мы причисляемъ уѣзды: бѣлгородскій, грайворонскій, суджанскій, рыльскій, путивльскій, льговскій и дмитріевскій; къ восточной половинѣ—остальные уѣзды)". Примѣч. Вернера. (стр. 98).

Казалось бы, что при однокачественной производительности почвы, требующей только иной обработки, и при тожествѣ въ курской губ. всѣхъ другихъ условій, указываемыхъ г. Вернеромъ въ его книгѣ, наибольше нуждающимся въ землѣ должно бы быть населеніе малоземельной части курской губ. На дѣлѣ же оказывается обратное. Переселенія крестьянъ, показывающія, во всякомъ случаѣ, не изобиліе земли въ той мѣстности, откуда народъ выселяется, идутъ по преимуществу изъ восточной «многоземельной» части курской губерніи. Разсмотрѣвши процентное отношеніе переселенцевъ по уѣздамъ, авторъ главы о переселеніяхъ, г. Добротворскій говоритъ:

„Стало быть, наибольшій процентъ выселеній представляютъ уѣзды, расположенные на восточной половинѣ курской губ.—новооскольскій, старооскольскій, тимскій, щигровскій, фатежскій, корочанскій и бѣлгородскій; уѣзды же западные представляютъ сравнительно небольшую цифру выселенцевъ, исключая, впрочемъ, дмитріевскаго уѣзда, въ которомъ высокій % переселенцевъ обусловливается, несомнѣнно, сильнѣйшимъ развитіемъ отхожихъ промысловъ".

Дальше авторъ разсматриваетъ число переселенцевъ по отношенію къ наличному числу дворовъ въ уѣздѣ и замѣчаетъ:

„Такимъ образомъ, если взять количество переселенческихъ семей по отношенію къ наличному населенію, то и здѣсь выходитъ, что уѣзды восточные даютъ сравнительно большее число переселенцевъ, чѣмъ уѣзды западные,—послѣдніе опять таки за исключеніемъ дмитріевскаго, который благодаря своимъ почвеннымъ и культурнымъ особенностямъ становится въ данномъ случаѣ рядомъ съ восточными уѣзд." [1]).

Сопоставивши сказанное г. Добротворскимъ съ тѣмъ, что говоритъ г. Вернеръ, необходимо признать, что въ разныхъ мѣстностяхъ курской губ. существуетъ разница не въ одной только величинѣ надѣловъ, а и во многомъ другомъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, причина, что переселеніе идетъ изъ многоземельной части курской губ., въ чемъ состоитъ разница «почвенныхъ и культурныхъ особенностей» въ восточной половинѣ губерніи, на существованіе которой намекаетъ г. Добротворскій? Масса является вопросовъ, на которые въ «Итогахъ» г. Вернера нѣтъ ни отвѣта, ни тѣни указанія. Напротивъ, все является однороднымъ, чуть ли не тожественнымъ, созданнымъ по одной мѣркѣ. Если бы составители программы для описанія курской губ., гг. Орловъ и Вернеръ, не игнорировали вопроса о народности населенія, то, по всей вѣроятности, мы узнали бы отъ г. Добротворскаго, почему переселеніе идетъ изъ восточной, многоземельной части курской губ., населенной по преимуществу великороссами, а не изъ западной, малоземельной, въ которой значительный процентъ населенія составляютъ малороссы. Стало бы тогда намъ ясно и то, почему одни переселенцы направляются въ Новороссію съ Бессарабіей и въ губерніи Предкавказья, а другіе въ Заволожскій край, Донщину и т. д. Но для всего этого нужно быть статистикомъ, желающимъ знать дѣйствительность, какъ она есть, а не рѣшившимъ напередъ, какой она должна быть.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ вопросахъ полеваго хозяйства. Г. Вернеръ, сказавши въ характеристикѣ почвъ, что онѣ одинаково вознаграждаютъ трудъ, требуя лишь иной обработки (стр. 41), не считаетъ нужнымъ даже обмолвиться словомъ: гдѣ употребляется одноконная соха, гдѣ пароконная, гдѣ плугъ. Неужто же въ курской губерніи отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу вездѣ крестьянами употребляется одна соха, несмотря на требованіе со сто-

[1]) „Итоги"—глава о переселеніяхъ, стр. 2. Нужно замѣтить, что статья о переселеніяхъ написанная г. Добротворскимъ, имѣетъ свою нумерацію и какъ бы вклеена въ „Итоги". Переселенческое движеніе изъ курской губерніи такъ прекрасно и полно разсмотрѣно г. Добротворскимъ, что этой работѣ мы бы посвятили особенную статью, если бы непонятные теперь для насъ факты были освѣщены этнографическими указаніями.

роны почвы «иной обработки»? Въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ г. Вернеръ указываетъ на употребленіе типа, но употребляется ли онъ и у крестьянъ, кромѣ грайворонскаго уѣзда [1]), мы не знаемъ. Судить же о земледѣльческихъ орудіяхъ у крестьянъ по аналогіи съ экономіями мы не имѣемъ права, такъ какъ въ описаніи г. Вернера сельскохозяйственная обстановка экономіи и крестьянъ крайне различна: экономіи употребляютъ воловъ, а у крестьянъ, по категорическому заявленію г. Вернера, существуютъ для работы только однѣ лошади (стр. 143).

Вмѣсто того, чтобы цифрами показать, сколько и какихъ орудій употребляется въ той и другой мѣстности курской губерніи, г. Вернеръ нашелъ для себя болѣе важный вопросъ—объ унаваживаніи полей. Что экономіи мало унаваживаютъ своей земли—это для г. Вернера понятно [2]): отсутствіе энергіи и знанія агрономической науки; но что крестьяне не унаваживаютъ полей, даже имѣя къ тому возможность—это для г. Вернера въ концѣ концовъ такъ и остается непонятнымъ. Между тѣмъ изъ примѣра московской губ. и изъ агрономической науки г. Вернеру извѣстно, что унаваживаніе и вообще удобреніе полей—это conditio sine qua non сельскаго хозяйства. Не имѣя ничего возразить противъ важности и этого вопроса, мы все таки думаемъ, что онъ менѣе важенъ для курской губ., чѣмъ вопросъ объ орудіяхъ обработки почвы. Вѣдь самъ г. Вернеръ указываетъ, что черноземъ въ курской губ. залегаетъ отъ 4 вер. до 2 арш. и болѣе (стр. 36), плужная же обработка не бываетъ глубже $3^1/_2$ вер. а сохой всего на 2 вер. (стр. 135). Слѣдовательно, въ самомъ худомъ случаѣ, у населенія есть еще $^1/_2$ вер. свѣжаго чернозема. Значитъ вопросъ и объ унаваживаніи, такой важный по мнѣнію г. Вернера, нельзя рѣшить безъ связи съ орудіями обработки почвы.

По изслѣдованію г. Вернера частные владѣльцы курской губ. сами мало обработываютъ свою землю (по 4-мъ уѣздамъ [3]) $14{,}8^0/_0$

---

[1]) Объ этомъ фактѣ г. Вернеръ обмолвился совершенно случайно (стр. 131).

[2]) Взявши экономіи по 4 уѣздамъ: путивльск., грайвор., рыльск. и щигровскому, г. Вернеръ высчитываетъ, что на 100 дес. полевой земли удобряется всего 3,3: „а слѣдовательно, вся площадь удобряется въ 30 лѣтъ одинъ разъ" (стр. 134). Но при этомъ онъ забываетъ, или не желаетъ помнить, что тѣ же экономіи лично эксплоатируютъ только $14{,}8^0/_0$ всей своей полевой земли (стр. 122). Или, можетъ быть, владѣльцы удобряютъ землю и для арендаторовъ? Такой фактъ слѣдовало бы подчеркнуть.

[3]) Путивльскій, грайворонскій, рыльскій и щигровскій.

пахатной земли), а сдаютъ ее въ аренду или мелкимъ съемщикамъ (по 4-мъ другимъ уѣздамъ [1]) отъ $31,_6\%$ до $45,_7\%$ всей земли). Такое отношеніе частныхъ владѣльцевъ къ своей землѣ, въ связи съ малымъ количествомъ скота, рабочихъ, орудій, малымъ пространствомъ удобряемыхъ полей [2]) и т. д. не одобряется г. Вернеромъ съ точки зрѣнія агрономической науки. Слабую эксплоатацію земель частными владѣльцами онъ объясняетъ непомѣрно высокими арендными цѣнами (стр. 120). Такой тезисъ можно было бы поставить только въ такомъ случаѣ, если бы частные землевладѣльцы сами обрабатывали земли и отказались отъ такой эксплоатаціи ея, когда имъ предложили «непомѣрно высокую арендную цѣну»; но такого предшествующаго явленія, по заявленію самого г. Вернера, не было. Частные владѣльцы все время съ уничтоженія крѣпостнаго права сами мало обрабатываютъ земли. Мы въ этомъ явленіи видимъ весьма отрадный соціально-экономическій фактъ, хотя противорѣчащій требованіямъ агрономической науки. Если предположить, что всѣ землевладѣльцы станутъ сами обработывать свою землю и, согласно требованіямъ агрономической науки, не будутъ сдавать ни одной десятины, тогда дѣйствительно не будетъ чрезмѣрно высокихъ арендныхъ цѣнъ, т. к. не будетъ сдачи земли, но крестьяне очутятся въ безвыходномъ положеніи. Почему же, спрашивается, теперь, при сдачѣ такого громаднаго количества частно-владѣльческихъ земель, арендныя цѣны чрезмѣрно высоки? Вѣдь, казалось бы, что такое явленіе должно было бы служить въ обратную сторону: къ чрезмѣрному пониженію цѣнъ. Невольно является вопросъ: но чемъ основываетъ свое положеніе г. Вернеръ? Абсолютно высшая цифра 30 руб., а средняя по губерніи 20 р. за десятину подъ озимый посѣвъ, высшая 23 р. 90 к. и средняя 13 р. 10 к. за яровую десятину сами собой еще ничего не доказываютъ. Г. Вернеръ пишетъ:

„Мы можемъ засвидѣтельствовать, что послѣ изслѣдованія губерніи, начиная съ весны 1886 г. крестьяне въ значительной степени сократили аренду земель и это уже отразилось замѣтнымъ паденіемъ цѣнъ“ (стр. 171).

Если повѣрить этому заявленію г. Вернера, тогда не нужно вѣрить ни одной его цифрѣ: статистикъ собралъ милліоны цифръ, написалъ цѣлую книгу, въ которой на основаніи этихъ цифръ доказываетъ, что крестьянинъ въ курской губ. еле еле сводилъ концы съ концами, и вдругъ этотъ крестьянинъ въ 1886 г. ни съ сего ни

---

[1]) Дмитровскій, фатежскій, суджанскій и льговскій.

[2]) Какъ надо понимать этотъ выводъ г. Вернера, мы указали выше.

съ того сокращаетъ аренду, т. е. сокращаетъ запашку! Что же значитъ послѣ этого гора цифръ? Или выводы, основанные на цифрахъ, собранныхъ объективно, есть какая то пьяная кума, съ которой какъ хочешь, такъ и говори? Отбросивши это свидѣтельство г. Вернера, обратимся къ его цифровымъ даннымъ. Чрезмѣрность высокой арендной цѣны г. Вернеръ выводитъ изъ слѣдующаго разсчета:

„Стоимость обработки одной десятины обойдется:

	Ржи.	Овса.
Арендная плата	20 р.	13 р.
Сѣмена	5 р.	7 р.
Обработка	6 р.	6 р.
Остальные расходы	1 р.	1 р.
	32 р.	27 р.

„Слѣдовательно, при урожаѣ 7 чет. ржи и 8 чет. овса арендаторъ имѣетъ пользы отъ первой десятины 3 р., а отъ второй 1 р.“ (стр. 169).

Въ этомъ разсчетѣ невѣрность слѣдующая: урожайность взята на крестьянскихъ поляхъ, а не на арендуемыхъ (вопросъ еще и въ томъ: насколько заслуживаютъ довѣрія словесныя показанія крестьянъ объ урожайности на надѣльныхъ земляхъ). Затѣмъ, переводъ урожайности на деньги не обоснованъ ни на какихъ конкретныхъ данныхъ, а слѣдовательно неубѣдителенъ. Пользуясь такимъ методомъ, въ статистическихъ выводахъ можно вывести все, что угодно. Кромѣ того, г. Вернеръ нигдѣ не доказываетъ (да и не можетъ этого сдѣлать, если бы и хотѣлъ), что крестьяне курской губ. на арендуемыхъ земляхъ сѣютъ только рожь и овесъ. Изъ «Итоговъ» г. Вернера видно, что ему не безъизвѣстно, что въ курской губ. сѣютъ и пшеницу, и ячмень, и горохъ, и просо, и подсолнухи. Неужто таки крестьянинъ, заплативши аренды за десятину 20 р., посѣетъ на ней такой малоцѣнный хлѣбъ, какъ рожь, а не оз. пшеницу, или овесъ, а не яровую пшеницу, просо, ячмень и т. п. болѣе цѣнные хлѣба?

Чтобы показать, насколько можно вѣрить методу, употребляемому г. Вернеромъ, и его выводамъ, обратимся къ даннымъ по обоянскому уѣзду, описанному г. Тимофеевымъ. Въ матеріалахъ по этому уѣзду есть средняя урожайность на частно-владѣльческихъ земляхъ, выведенная за 6 лѣтъ (съ 1876 г.) изъ многочисленныхъ конкретныхъ записей, есть и мѣстныя цѣны на хлѣба, среднія за 8 лѣтъ (съ 1875 г.). На основаніи этихъ данныхъ и мѣстныхъ арендныхъ цѣнъ получимъ слѣдующій разсчетъ для одной десятины ржи: арендная плата (средняя въ уѣздѣ) 20 р., сѣмена (четверть въ 8 пуд.) 5 р. 75 к., обработка и остальные расходы (по г. Вернеру) 7 руб.,

итого затраты 32 р. 76 к. Доходъ: урожай 7 четвер. по 8 пуд. [1]) =56 пуд., что по среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ на мѣстѣ (72 к. пудъ) дастъ 40 р. 32 к., или чистой прибыли отъ десятины ржи—7 р. 56 коп., не считая соломы и мякины, стоимость которыхъ мы готовы отнести на обмолотъ, такъ какъ не знаемъ, посчитана ли эта работа г. Вернеромъ въ его 7 р. на обработку и остальные расходы. Уже и эта цифра нѣсколько выше показанной г. Вернеромъ (3 р.). Но мы предполагаемъ, что курскій крестьянинъ не такъ глупъ, какъ представляетъ его г. Вернеръ по отношенію къ арендѣ земли, и на снятой землѣ сѣетъ не одну рожь, а и пшеницу, допустимъ, хоть на половинѣ снятой земли подъ озимый посѣвъ. При посѣвѣ же пшеницы расходъ: максимальная въ уѣздѣ цѣна за снятую десятину 27 руб., сѣмена (1 четв.) 9 р. 81 к., обработка и остал. расходы—7 р., итого затраты 43 р. 81 к. Урожай пшеницы 8 четв. по 9 пуд.=72 пуда, что при среднихъ цѣнахъ на мѣстѣ (1 р. 9 к. пудъ) дастъ 78 руб. 38 коп., или чистой прибыли (безъ соломы и мякины) 34 руб. 57 коп. Эти выводы основаны на *среднихъ*, полученныхъ изъ *многолѣтнихъ конкретныхъ записей*, помѣщенныхъ въ сборникѣ по обоянскому уѣзду на стр. 105 и 111. Для корректива нашихъ выводовъ приведемъ учеты экономій въ томъ же уѣздѣ: Дмитровская экономія считаетъ валоваго прихода отъ 1 дес. пшеницы 100 р. при расходѣ въ 34 р. 82 к. [2]), но такъ какъ въ числѣ расхода не показана арендная плата, то присоединяя къ расходу еще 27 р., получимъ чистой прибыли 38 р. 18 к. Въ той же экономіи 1 дес. картофеля дастъ чистаго дохода 44 р. 86 к. [3]). Въ Ивинской экономіи чистый предпринимательный доходъ съ 1 дес. пшеницы, но безъ расхода на администрацію высчитанъ въ 49 р. 65 к. [4]). Всѣ эти и множество другихъ фактовъ были передъ глазами г. Вернера и однако не укротили его храбрости, не заставили задуматься надъ тѣмъ, что 30 р. за озимую десятину есть не чрезмѣрно высокая арендная цѣна, а продуктъ чрезмѣрно высокой производительности почвы курской губ. Въ такомъ отношеніи къ дѣлу нельзя не видѣть тенденціи:—не желать знать

---

[1]) У г. Тимофеева показаны цѣны на хлѣбъ за пудъ; вѣса четверти не показано; мы беремъ минимальный—8 пуд. для ржи и 9 пуд. для оз. пшеницы.

[2]) Обоянскіе уѣздъ, стр. 37 въ числѣ расхода показано: удобреніе 2 р. 80 коп., на администрацію 4 р. 60 к., % съ оборотнаго и постояннаго капитала 3 р.

[3]) Ibid. стр. 28. Въ числѣ расхода показано: на администрацію 7 р., % съ постояннаго и оборотнаго капитала 2 р. 50 к.

[4]) Ibid. стр. 39.

изслѣдуемаго края, а тѣ свѣдѣнія, которыя добыты другими, какъ, напримѣръ, по обоянскому уѣзду, совершенно игнорировать.

Переходимъ теперь къ скотоводству. Мы уже имѣли случай замѣтить, что по изслѣдованію г. Вернера, волы, употребляющіеся въ экономіяхъ, какъ рабочій скотъ, совершенно не употребляются крестьянами. Дословно это мѣсто книги г. Вернера читается такъ:

„Состояніе крестьянскаго хозяйства находится въ тѣсной зависимости отъ количества надѣльной земли, рабочей силы населенія и живаго инвентаря, т. е. для курской губ.—*количества рабочихъ лошадей*" (стр. 143).

Дѣйствительно, въ графахъ подворной переписи нѣтъ рубрики для показанія числа воловъ. Такимъ образомъ этотъ рабочій скотъ, употреблявшійся малороссами для перевозки тяжестей и полевыхъ работъ еще въ 1862 г.[1]), теперь не въ употребленіи. Насколько этому можно вѣрить? Если мы ассимиляцію малороссіянъ и великоросовъ, констатируемую г. Вернеромъ, могли себѣ объяснить тѣмъ, что руководители статистическимъ изслѣдованіемъ губерніи не считали важнымъ вопросъ о народности населенія и не включили его въ програму, то нельзя же этимъ объяснить и исчезновеніе воловъ: вѣдь это «живой инвентарь», въ зависимости отъ котораго находится состояніе крестьянскаго хозяйства. Хотя о несуществованіи воловъ у крестьянъ курской губ. г. Вернеръ заявляетъ категорически, но мы смѣемъ этому не вѣрить. Мы не можемъ себѣ вообразить, чтобы крестьянская бытовая обстановка сельскохозяйственной жизни такъ сильно рознилась отъ частно-владѣльческой, какъ это рисуетъ г. Вернеръ. Въ 4 хъ уѣздахъ, гдѣ было кое какъ изслѣдовано частно-владѣльческое хозяйство, мы видимъ употребленіе воловъ, при чемъ въ уѣздахъ путивльскомъ и грайворонскомъ воловъ у частныхъ владѣльцевъ больше, чѣмъ лошадей («Итоги» стр. 132), а у крестьянъ такъ таки ни одного вола. Это нѣчто невообразимое! Сомнѣніе въ вѣрности сообщаемыхъ г. Вернеромъ фактовъ еще больше усиливается, когда мы посмотримъ на бытъ населенія въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Въ богодуховскомъ уѣздѣ, прилегающемъ къ курской губ., оказывается рабочаго скота на одинъ крестьянскій дворъ: у великороссовъ—лошадей 2,₁, воловъ нѣтъ, у малороссовъ—лошадей 0,₇ и воловъ 1,₁. Въ кролевецкомъ уѣздѣ черниговской губ., прилегающемъ съ сѣверной стороны къ путивльскому у. курской губ., крестьянами также употребляются волы для работы, какъ то видно изъ таблицъ подворной переписи. Мы не имѣемъ подъ руками другихъ сосѣднихъ съ курской

[1]) „Списокъ насел. мѣстъ" стр. LVI.

губ. уѣздовъ, описанныхъ статистиками, не закрывавшими глазъ на мѣстныя условія сельскохозяйственной дѣятельности населенія; но думаемъ, что и въ нихъ нашли бы подтвержденіе, что сейчасъ же за межой курской губ. волы употребляются крестьянами. Но и двухъ приведенныхъ указаній объ употребленіи воловъ крестьянами съ западной стороны и южной отъ границы курской губ. достаточно, чтобы поставить такую диллему: или административная граница имѣетъ такое громадное вліяніе на сельскохозяйственную обстановку населенія, что заставляетъ, напримѣръ, крестьянъ мѣнять воловъ на лошадей, или что статистикъ Вернеръ, изслѣдуя крестьянское хозяйство въ курской губ., не хотѣлъ замѣтить у крестьянъ воловъ. Не сомнѣваемся, многіе согласятся съ нами, что послѣднее предположеніе вѣроятнѣе.

Есть еще одинъ вопросъ въ отдѣлѣ скотоводства, на который мы хотимъ обратить вниманіе.. Г. Тимофеевъ, изслѣдуя обоянскій уѣздъ, по своей инициативѣ или по указанію мѣстныхъ земскихъ дѣятелей сосчиталъ у крестьянъ число козъ (2423), но, къ сожалѣнію не указалъ ни причины уклоненія отъ московской составленной Орловымъ программы, ни значенія козъ въ экономической жизни крестьянскаго населенія обоянскаго уѣзда. Нужно думать, что и въ обоянскомъ уѣздѣ козы имѣютъ то же значеніе, что и въ черниговской губ. Статистиками же этой губерніи указано, что за дороговизною и отсутствіемъ выпасовъ коза у крестьянъ начинаетъ замѣнять корову и свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности населенія. Въ мглинскомъ уѣздѣ даже создалась поговорка: «бульба да коза про бѣднаго создана». Положимъ, въ обоянскомъ уѣздѣ оказывается на 100 коровъ всего 7, 6 козъ; но въ городницкомъ у. черниговской губеніи на сто коровъ было всего 2 козы, тѣмъ не менѣе тамошніе статистики не погнушались изслѣдовать хозяйства въ этомъ направленіи и въ кролевецкомъ уѣздѣ уже нашли 28 козъ на 100 коровъ. Очень можетъ быть, что нѣчто подобное могло бы обнаружиться и въ курской губ. Начало было положено [1]). Но задача курскихъ статистиковъ была не въ изученіи жизни населенія курской губ., какъ она есть, а въ наполненіи цифрами графъ, заранѣе составленныхъ въ Москвѣ. Поэтому то въ «Итогахъ» мы и встрѣчаемъ такое однообразіе жизни и условій быта, будто все нарочито создалось по одному заранѣе приготовленному шаблону.

Мы не считаемъ возможнымъ останавливаться на числѣ безземельныхъ, безлошадыхъ и т. п. производныхъ, выведенныхъ г. Вер-

[1]) Обоянскій уѣздъ описывался одновременно съ курскимъ.

неромъ изъ первоначальныхъ данныхъ, методъ полученія которыхъ нами разсмотрѣнъ, такъ какъ въ этихъ цифрахъ еще большая ошибка, чѣмъ въ основныхъ. Кромѣ того, въ вычисленіи всѣхъ производныхъ цифръ у г. Вернера вошли такія не существующія въ дѣйствительности семьи (дворы), какъ переселившіяся въ города около 5 лѣтъ назадъ, переселившіяся въ экономіи въ качествѣ рабочихъ и въ другія поселенія промышленники въ болѣе давнее время, наконецъ въ число «безлошадыхъ» въ южныхъ и западныхъ уѣздахъ вошли всѣ тѣ хозяева, которые къ моменту изслѣдованія уѣзда не успѣли перемѣнить воловъ на лошадей. По нашему мнѣнію всѣ выводы, основанные на такихъ вычисленіяхъ, не заслуживаютъ никакого вниманія.

Когда мы взялись за «Итоги статистичесткаго изслѣдованія курской губерніи», чтобы по нимъ ознакомить читателей съ главными условіями жизни населенія курской губ., мы совсѣмъ не имѣли въ виду тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришли. По первому началу намъ казалось, что прійдется подвергнуть сомнѣнію только указаніе г. Вернера на ассимиляцію народностей въ предѣлахъ курской губ., но углубившись въ цифровый матеріалъ и выводы, мы нашли то, чего совсѣмъ не подозрѣвали. Наша замѣтка касается только болѣе выдающихся погрѣшностей книги г. Вернера, масса же болѣе мелкихъ пройдена молчаніемъ. Мы будемъ считать свою цѣль достигнутой, если этнографъ или статистикъ прежде чѣмъ сослаться на факты и выводы въ «Итогахъ статистическаго изслѣдованія курской губерніи» внимательно прокритикуетъ дату, на которую желаетъ сослаться.

Декабрь. 1888 г.

Сф. Кр.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго[1]).

3. Первый классъ.
(1830—1833).

Педагогическій персоналъ.

Низшее отдѣленіе уѣзднаго училища—первѣйшій классъ, съ грознымъ Люциферомъ Ильею Семеновичемъ, по всей справедливости, носилъ у насъ прозвище „пекла", въ которомъ каждый бѣднякъ, за грѣхи своихъ родителей, долженъ былъ претерпѣть лютыя муки, для того чтобы попасть въ „Чистилище" (такъ мы называли первый классъ), откуда, прошедши еще одно мытарство—второй классъ,—ученикъ попадалъ въ „Рай" т. е. въ гимназію, гдѣ не было уже ни печали, ни воздыханія, ни паль, ни розогъ.

Хотя первый классъ, по преподаваемымъ въ немъ предметамъ, недалеко ушелъ отъ первѣйшаго, но разница между ними была громадная въ другомъ отношеніи. Происходила она главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ и характера самихъ преподавателей. Послѣ свирѣпаго и жестокаго Ильи Семеновича, удостоенный перевода въ первый классъ встрѣчалъ добродушныя физіономіи Якова Яковлевича и Ивана Андреевича—простыхъ и тихихъ смертныхъ, съ которыми, не боясь порки, можно было и пошутить, и подурачиться.

Яковъ Яковлевичъ преподавалъ: ариѳметику, нѣмецкій языкъ, рисованіе и чистописаніе, а Иванъ Андреевичъ—россійскую грам-

[1]) См. „Кіевск. Стар.", 1889 г., февраль.

матику, латинскій языкъ, географію, исторію и законъ Божій. Эти два труженика выносили на своихъ плечахъ, съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, преподаваніе всѣхъ означенныхъ предметовъ, имѣя ни болѣе, ни менѣе, какъ по 32 урока въ недѣлю: Яковъ Яковлевичъ 20 въ первомъ и 12 во второмъ, а Иванъ Андреевичъ, наоборотъ: 12 въ первомъ и 20 во второмъ. Четыре полутара-часовыхъ урока отбывались до обѣда и два послѣ обѣда, за исключеніемъ среды и субботы, когда послѣобѣденныхъ занятій не было вовсе.

Прибавивъ къ симъ главнымъ дѣятелямъ по части образованія юношества смотрителя училища Николая Осиповича Кампіони, мы получимъ полный персоналъ педагоговъ уѣзднаго училища. Главный начальникъ заведеній, директоръ, былъ для насъ, повѣтовцевъ, пока миѳомъ. Жилъ онъ гдѣ то за Десной, въ сорока верстахъ отъ города въ своей деревнѣ Турановкѣ, пріѣзжая два-три раза въ годъ, и потому рѣчь о немъ будетъ впереди.

Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, по прозванію *Бруль*, лейбъ гвардіи коннаго полка гофрейтъ-капрала сынъ, обучался въ новгородъ-сѣверскомъ главномъ училищѣ между 1800 и 1804 годами: „закону Божію, россійской, всеобщей и естественной исторіямъ, всеобщей, россійской и математической географіямъ, латинскому языку, ариѳметикѣ, геометріи, физикѣ, механикѣ, архитектурѣ, россійскому и нѣмецкому языкамъ и рисовальному искусству“. На службу вступилъ въ 1806 году, сперва учителемъ приготовительнаго класса, а потомъ въ 1812 году сдѣлался учителемъ математическихъ наукъ и рисованія въ первомъ и второмъ классѣ повѣтоваго училища. Жалованья получалъ 250 рубл. асс. да добавочныхъ за уроки чистописанія и рисованія 75 рубл. асс.; столько же получалъ и его собратъ Иванъ Андреевичъ. При существовавшей въ тѣ времена дешевизнѣ на всѣ жизненныя потребности[1]) и при господствовавшемъ въ доброе старое время обычаѣ пользоваться добровольными приношеніями учащихся, жалованья этого для Якова Яковлевича и его небольшаго семейства, состоявшаго изъ сестрицы Маѳуши и племянницы Мавруши, было весьма достаточно. Яковъ Яковлевичъ

[1]) Четверть ржи (7 п. 20 ф.) стоила 4 руб. асс. На содержаніе повѣтоваго училища отпускалось 1,757 р. асс. въ годъ, а на содержаніе гимназіи 7,720 р. асс.

ухищрялся даже такъ, что нетолько жилъ безбѣдно, но успѣлъ пріобрѣсть недвижимую собственность: небольшой домикъ и нѣсколько десятковъ десятинъ земли—пахатной и сѣнокосной. Что же касается хабаровъ, то надобно правду сказать, что въ тѣ патріархальныя времена ими не брезгали не только такіе бѣдняки, какъ повѣтовые учителя, но даже люди, поставленные въ несравненно лучшія условія. Давались эти хабары въ видѣ гостинцевъ, при поздравленіи съ праздниками. Бѣдняки, подобные мнѣ, несли булки, бублики, какой нибудь пряникъ; купеческіе сынки—чай, сахаръ, вино; помѣщичьи дѣтки—привозили изъ дому живую и битую птицу, масло, поросятъ, а иногда и цѣлаго кабана. Но любимѣйшимъ гостинцемъ для Якова Яковлевича была „мучица". Чай, сахаръ, вино и прочія сласти онъ обыкновенно сбывалъ мелкимъ торговцамъ и обращалъ все въ наличныя деньги, на которыя прикупалъ одну нивку за другою. Сослуживцы ославили почтеннаго нашего наставника по всему городу скаредомъ и скопидомомъ. Въ гости онъ никуда не ходилъ и у себя никого не принималъ. Весь міръ для него заключался въ училищѣ и въ домѣ. На одежду онъ почти ничего не издерживалъ, нося по 10 и болѣе лѣтъ одинъ и тотъ же сюртукъ; шляпа же у него была несносимая. Эту, по истинѣ археологическую, рѣдкость онъ старался сохранить отъ разрушенія всевозможными средствами: смазывалъ ее ваксой и чернилами, чтобъ она не рыжѣла, задѣлывалъ трещины чернымъ сургучемъ и т. п. Не менѣе замѣчательною древностію были и его ботфорты: отъ вліянія мокроты они сохранялись въ непогоду большущими калошами или проще сандаліями, прикрѣпляемыми бичевкой поверхъ ботфортовъ. Наши оборванцы школяры безжалостно издѣвались надъ костюмомъ своего учителя, забывая о томъ, какъ они сами были одѣты. Но что бы ни говорили о его скупости какъ ученые, такъ и уличные зоилы, и я все таки скажу, что ему до скареда Плюшкина, какъ до звѣзды небесной далеко. Онъ былъ бережливъ до скупости, но скрягой никогда не былъ. Жилъ онъ въ сторонкѣ отъ большой улицы, въ глухомъ переулкѣ, гдѣ тянулись одни заборы—между Глуховской и Козацкой. Домикъ его съ улицы почти былъ незамѣтенъ: онъ скрывался за высокимъ заборомъ, теряясь въ зелени окружавшихъ его деревьевъ. Домъ Якова Яковлевича былъ полная чаша: Маѳуша была отлич-

ная хозяйка, анбары—полнымъ полны „мучицей“, и ржаной, и крупичатой, и пшеничной; въ погребѣ—большіе запасы разныхъ соленій. заготовленныхъ впрокъ; по двору важно расхаживала красивая и тучная „коровушка“; на цѣпи—жирный и злой песъ, котораго хозяинъ, лаская, называлъ почему то „мушкатеромъ“; куръ цѣлое стадо. Дворъ всегда собственноручно выметенъ, хоть качайся; въ садикѣ необыкновенный порядокъ; въ огородинѣ—человѣкъ спрячется. Не пилъ Яковъ Яковлевичъ ни чаю, ни вина; не водилось у него за столомъ никакихъ пряностей—ни соусовъ, ни пирожныхъ; но онъ съ своими домочадцами обѣдалъ и ужиналъ простыми и сытными блюдами, ни въ чемъ себѣ не отказывая.

Устроивъ такимъ образомъ жизнь по своему идеалу, быть можетъ даже осуществивъ завѣтную мечту своего темнаго дѣтства и исполненной нужды и всяческихъ лишеній юности, Яковъ Яковлевичъ былъ счастливъ по своему, никогда не измѣняя своимъ спартанскимъ привычкамъ, усвоеннымъ еще при жизни родителя—гофрейтъ-капрала. Самъ онъ съ большой любовью занимался по хозяйству: отбывши уроки, сбрасывалъ служебный костюмъ, облачался въ старую солдатскую шинель, оставленную ему, вѣроятно, въ наслѣдство покойнымъ отцомъ, бралъ лопату или метлу и выходилъ на дворъ дѣлать порядокъ. Вставалъ онъ и ложился всегда по солнцу. На всѣ насмѣшки своихъ сослуживцевъ онъ снисходительно улыбался ему одному свойственной улыбкой: губы его, нарочито длинныя и толстыя, какъ то странно сжимались и языкъ начиналъ подпирать то одну щеку, то другую.

Въ 1830 году Якову Яковлевичу было съ небольшимъ 40 лѣтъ, но по волосамъ съ большою просѣдью онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ или, лучше сказать, каждый приходитъ въ сомнѣніе—былъ ли этотъ человѣкъ когда нибудь молодъ? Невозмутимый, вѣчно ровный самому себѣ характеръ; необыкновенная аккуратность и неизмѣнный способъ обращенія съ учениками, всегда одни и тѣ же пріемы, выраженія, слова, повторявшіяся ежедневно втеченіе долголѣтней его службы; безконечная доброта и снисходительность къ дѣтскимъ проказамъ, даже въ ущербъ собственному самолюбію: вотъ тѣ черты, которыя только теперь такъ рельефно представляются моему сознанію, но которыхъ, конечно, мы, дѣти, не умѣли подмѣ-

тить въ немъ, а тѣмъ болѣе оцѣнить по достоинству этого добряка. Пользуясь его добротой и, сравнительно говоря, слабостью, мы много огорчали нашего наставника и нерѣдко своими шалостями выводили его изъ терпѣнія до того, что и онъ, какъ другіе, тоже начиналъ драться. Да инаго средства и не было сладить съ буйною ватагой сорвиголовъ, густо наполнявшихъ классную комнату.

Дѣти въ школѣ народъ безжалостный: порознь—ангелы Божіе, а вмѣстѣ—сущіе чертенята!...

Въ 1872 году, блуждая по Троицкому кладбищу, я нечаянно наткнулся на могилу своего наставника и прочелъ на крестѣ надпись: „Крестъ Христовъ поставленъ у головы титулярнаго совѣтника Якова Яковлевича Игнатьева, который родился въ 1780 году, а скончался 1841 генваря 1 дня; всей жизни бяше 61 годъ".

„По лѣвую сторону Якова почиваетъ тѣло родной сестры его Марѳы, которая родилась 1778 года, а умерла 1848.

„По правую же сторону сей Марѳы погребено тѣло племянницы ихъ, жены губернскаго секретаря, Маріи, которая родилась 1812 г., а преставилась 1860. Поживе только 47 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.

„Глубиною мудрости вся строяй и полезная всѣмъ подаваяй, едине Создателю, упокой, Г҃ди, души рабъ твоихъ: Іакова, Марѳу и Марію" [1]).

Иванъ Андреевичъ Славатинскій, воспитанникъ черниговской гимназіи, пробывшій больше году въ харьковскомъ университетѣ, опредѣленъ учителемъ въ новгородъ-сѣверское уѣздное училище въ 1812 году. Въ противоположность Якову Яковлевичу, онъ не имѣлъ солидной и степенной его наружности, приличествующей педагогу: ни ростомъ, ни дородствомъ не вышелъ. Въ своемъ потертомъ и полинялымъ фрачишкѣ, съ короткими рукавами и въ кожаномъ картузѣ, онъ скорѣе походилъ на канцеляриста уѣзднаго суда, чѣмъ на учителя.

Иванъ Андреевичъ былъ страшно бѣденъ. Жилъ онъ на Заручьѣ, верстахъ въ трехъ отъ училища, противъ церкви Благовѣ-

---

[1]) Нѣкоторыя черты оригинальной личности Игнатьева довольно удачно схвачены авторомъ біографическаго очерка „Яковъ Яковлевичъ"; но, къ сожалѣнію, талантливый беллетристъ (П. А. Кулишъ) изобразилъ это дѣйствительно существовавшее лице исторически невѣрно, придавъ ему романическія поползновенія.

щенія, имѣлъ большое семейство, вѣчно нуждался и съ горя попивалъ. Страдая катарромъ желудка, онъ часто не бывалъ на урокахъ, къ великому огорченію Якова Яковлевича, который, не пропустивъ самъ ни одного урока во всю свою службу, долженъ былъ, за отсутствіемъ коллеги, слѣдить и за учениками сосѣдняго класса чрезъ растворенную дверь.

Скончался Иванъ Андреевичъ въ 1831 году. За годъ до смерти этотъ достойный учитель россійской грамматики такъ рапортовалъ смотрителю о причинѣ неявки своей на службу:

„По приключившейся боли у желудки не могу явится къ должности, а чемъ симъ вашему благородію имѣю донести къ нужному свѣдѣнію.“

До опредѣленія другаго преподавателя, предметы покойнаго, по распоряженію директора, распредѣлены между учениками высшаго класса гимназіи, оставленными на второй годъ въ томъ же классѣ: Петровскимъ. Куриловымъ и Сапѣгой.

Смотритель повѣтоваго училища *Николай Осиповичъ Кампіони* началъ свою службу аптекарскимъ ученикомъ, былъ потомъ гизелемъ и провизоромъ, пока наконецъ самъ не сдѣлался аптекаремъ. Въ 1825 году, оставаясь содержателемъ вольной аптеки, опредѣленъ смотрителемъ, съ жалованьемъ 300 рубл. асс., изъ коихъ половину онъ обязался жертвовать въ пользу училища и безплатно отпускать лѣкарства заболѣвшимъ воспитанникамъ, которые, впрочемъ, такимъ благодѣяніемъ вовсе не пользовались, пробавляясь домашними настоями и нашептываніями знахорокъ.

Смотритель былъ человѣкъ тучный съ манерами, изобличавшими въ немъ чистокровную нѣмецкую расу, чѣмъ онъ очень гордился, относясь къ русскимъ учителямъ съ явнымъ пренебреженіемъ. По жалобамъ нашихъ наставниковъ, Николай Осиповичъ иногда дѣлалъ намъ замѣчанія; но когда онъ обращался своимъ сиплымъ голосомъ къ одному ученику, то съ мѣста подымался другой, сидѣвшій въ противоположномъ концѣ скамьи, и пока смотритель не ткнетъ пальцемъ въ того, къ кому онъ адресовалъ свой выговоръ, тотъ никогда не догадается привстать. Такая странная шутка происходила отъ того, что нашъ аптекарь былъ косоглазый баринъ, отчего и не смотрѣлъ на того, съ кѣмъ намѣренъ былъ говорить. Съ Яковомъ

Яковлевичемъ онъ видимо былъ не въ ладахъ и при свиданіи съ нимъ подавалъ ему одинъ лишь палецъ, презрительно поглядывая то на его ботфорты, то на античную шляпу, стоявшую на столѣ. Особенно злился онъ и шипѣлъ, какъ гусакъ, когда заставалъ въ классѣ какую нибудь исторію. Наставники наши таки частенько получали отъ него нахлобучки не только на словахъ, но и на бумагѣ. Такъ, по поводу не оказавшихся въ запасѣ печатныхъ бланковъ для похвальныхъ листовъ, онъ разразился надъ смиреннымъ Игнатьевымъ строжайшимъ выговоромъ:

„О похвальныхъ листахъ дѣло было ваше заботиться имѣть лишніе два—три. Я уже много принялъ на себя, то что отъ васъ требовалось, дабы не нарушать вашего покоя. Не забудите терпѣніе прерывается и не сожалѣйте сами на себя, сами себя не жалѣли. Заботы ваши большія, но не къ цѣли и благу учащихся, а къ собственной. Постарайтесь, по крайней мѣрѣ, о благовидности, дабы имѣть порядочного губка грецкого изъ суммы, навербованной вами въ довольное число съ учениковъ 1 и 2 классовъ, не знаю, по какому вашему на то праву?“

Изъ сего документа явствуетъ, что смотритель былъ нѣмецъ, (а можетъ быть и нѣмецкій жидъ) скупой и завистливый Получая за свою службу чины и благодарности, не отпуская изъ своей аптеки никакихъ лѣкарствъ, а главное, ровно ничего не дѣлая, укоряетъ работающаго въ потѣ лица труженика въ нерадѣніи о благѣ учащихся. Доведши учителя своей нѣмецкой экономіей до необходимости прибѣгать къ косвеннымъ налогамъ на учениковъ для покупки „порядочного губка грецкого“, требуетъ, чтобы и бланки для похвальныхъ листовъ покупались на тѣ же незаконные поборы. А куда же шли полтораста рублей, которые онъ обязался вносить на нужды училища?...

Смотритель жилъ открыто. Домъ его считался чуть ли не первымъ въ городѣ по богатой обстановкѣ: вечера съ ужинами и танцами, экипажи, лошади, гувернанка—все это требовало не копѣечныхъ издержекъ, какими довольствовался плебей Я. Я—чъ и при всемъ томъ специальная сумма на содержаніе училища, находившаяся въ безотчетномъ распоряженіи смотрителя, пряталась въ собственный карманъ.

При дѣлахъ училища сохранилось письмо директора къ смотрителю, свидѣтельствующее объ отношеніяхъ аптекаря къ высшему городскому обществу, во главѣ коего стоялъ Тимковскій.

„Учреждаемый въ обученіи А. И. Кригера танцботъ для дѣвицъ, съ согласію вашего, Николай Осиповичъ, и общаго другихъ участниковъ, имѣетъ быть въ вашемъ домѣ по три раза въ недѣлю: во вторникъ и четвергъ отъ 2-хъ часовъ, а въ субботу отъ половины 5-го, съ положеніемъ правилами, которыя вамъ извѣстны. Съ сего числа въ танцботъ поступаютъ: Варвара Тимковская—моя дочь, Анастасія Петр. Левицкая, Любовь Григор. Македонская“.

Такъ, весьма обыкновенные танцовальные уроки возведены г. директоромъ на степень серьезнаго учрежденія—съ особенными правилами и положеніями.

Аборигены и новички.

Прійдя въ первый классъ, мы застали тамъ болѣе 30 учениковъ, оставленныхъ, кто на второй, кто на третій и даже на четвертый годъ; а потому неудивительно, что тутъ нашлись юноши по 16 и болѣе лѣтъ. Это—аборигены перваго класса. Самые дюжіе изъ нихъ заняли послѣднюю скамью не для того, чтобы передніе мальчуганы могли съ большимъ удобствомъ смотрѣть на доску, но для того, что тутъ имъ была вольная воля, „лахва“, какъ они выражались сами. Это отборное общество силачей и грубіяновъ давало тонъ всему классу и съ перваго же дня нашего пребыванія въ новомъ обществѣ приняло на себя обязанность посвятить насъ, новичковъ, во всѣ тайны созданнаго ими кодекса школьныхъ правилъ и порядковъ. Большинство аборигеновъ составляли дѣти мѣстныхъ мѣщанъ, которые, не гоняясь за большою мудростію, довольствовались простою грамотностію, или даже только тѣмъ, чтобы сыновья ихъ „не вѣшались зря“ по улицамъ. Они смотрѣли на школу, какъ на смирительный домъ, гдѣ укрощались буйные нравы непослушныхъ дѣтей. Общее число учениковъ перваго класса въ 1830 году состояло изъ 60 человѣкъ. Изъ нихъ дворянъ 30, мѣщанъ 15, купцовъ 4, козаковъ 1; затѣмъ остальные 8 человѣкъ принадлежали къ сословію разночинцевъ: это были незаконнорожденныя дѣти ближайшихъ къ городу помѣщи-

ковъ, которые путемъ ученія, выводили ихъ въ люди, для успокоенія своей барской совѣсти.

Каждый изъ учениковъ одѣвался сообразно состоянію и званію своихъ родителей, и потому масса учащихся представляла пеструю смѣсь „одеждъ и лицъ". Чисто и опрятно одѣтыхъ было весьма не много. Да и не любила классная камарилья задней скамьи такихъ выскочекъ, стараясь все ассимилировать, согласно своему демократическому строю. Такъ, въ первый же день моего пребыванія въ новомъ для меня обществѣ, батистовые воротнички генеральскихъ сынковъ Гетуновъ, по окончаніи урока, оказались запачканными въ чернила, а въ оставленныя ими въ сѣняхъ галоши накладено нечистотъ. Сюртуки у большинства учениковъ были нанковые, отличавшіеся особеннымъ покроемъ и цвѣтомъ: мѣщане придерживались больше самаго дешеваго желтаго цвѣта, разночинцы—голубаго; были сюртуки синіе, зеленые (обыкновенно перелицованные и перешитые изъ батьковскихъ бекешъ), на выростъ, по сіе время. Сапоги у большей части учениковъ были смазаны, отчего воздухъ въ классной комнатѣ, особенно зимой, былъ невыносимъ для дыханія. О какой бы тамъ ни было вентиляціи никому и въ голову не приходило, даже форточки нигдѣ не было.

Всѣ мы, новички, радовались, что Петръ Сидоровичъ, хотя и перешелъ въ первый классъ вмѣстѣ съ нами, но тутъ уже, безъ своего патрона Ильи Семеновича, не былъ для насъ страшенъ; при томъ же мы нашли въ первомъ классѣ подобныхъ ему богатырей цѣлый десятокъ.

По росписанію на первомъ урокѣ случилась ариѳметика. До звонка большая часть учениковъ бѣгала по двору, а нѣкоторые, боясь потасовки до прихода учителя, жались подъ стѣнами темнаго корридора. Но вотъ пришелъ и учитель.

Подойдя къ столу, онъ поставилъ на немъ прежде всего свою историческую шляпу и положилъ въ нее какой-то свертокъ; это былъ списокъ учениковъ и пресловутая синяя тетрадка, именуемая „Ариѳметичкой".

— Читайте молитву! Были первые слова, услышанныя нами изъ устъ Якова Яковлевича. Прочитали.

— Садитесь, молодцы! Сѣли.

Затѣмъ началась перекличка. Новички, названные по фамиліямъ, отвѣчали, приподнявшись съ мѣста: „здѣсь!“ голосомъ обыкновеннымъ, отзывавшимся нѣкоторою робостью, къ чему пріучилъ насъ Илья Семеновичъ; но аборигены вскакивали съ мѣстъ, какъ ужаленные, и слово „здѣсь“ разнообразили до безконечности, начиная съ самой низкой ноты до самой высокой, при чемъ Я. Я—чъ кротко замѣчалъ: „потише, молодцы!“ Но когда дошла очередь до Даніила Шедьки, сына бублейницы, то вмѣсто „здѣсь“, онъ выкрикнулъ *hier!*, мы, новички, не знали, что значитъ гиръ, а учитель хотя и зналъ, что оно значитъ то же, что и „здѣсь“, но отнесся къ Шедькѣ съ неудовольствіемъ.

— Вотъ я тебя гиркну! сказалъ онъ сердито, изъ чего мы заключили, что шутникъ дразнитъ наставника, какъ собаку: гирр...

Если кого нибудь при перекличкѣ не оказывалось на лицо, то нѣсколько голосовъ кричали разомъ „нѣтъ!“ другіе добавляли: „сапоговъ нѣтъ!“ но это только у Я. Я—ча, принимавшаго всегда въ резонъ это сапожное оправданіе, у Ивана же Андреевича отсутствіе ученика мотивировалось иначе, а именно; „животъ болитъ!“, такъ какъ учитель самъ постоянно страдалъ желудкомъ.

Окончивъ перекличку, Я. Я—чъ началъ спрашивать новичковъ, чтобъ узнать, насколько они сильны въ ариѳметикѣ, которая лежала тутъ же на столѣ, во образѣ тощенькой тетрадки, переписанной „чистѣйшимъ петербургскимъ почеркомъ“ и обернутой въ синюю сахарную бумагу. Курсъ ариѳметики, излагаемый Я. Я—чемъ, составленъ преподавателемъ гимназіи Ив. Матв. Сбитневымъ.

Отвѣты наши, какъ видно, не вполнѣ удовлетворили учителя. Чтобы показать намъ, новичкамъ, „какъ надлежитъ отвѣчать“, онъ вызвалъ однаго изъ второгодниковъ. Надиктовавъ ему слагаемыя числа, Я. Я-чъ спросилъ:

— Какъ нужно поступать при сложеніи?

Ученикъ, какъ вертенный Савочка, быстро повернулся лицомъ къ учителю, вытянулся въ струнку и, не переводя духу, выпалилъ:

„Слѣдующимъ образомъ: нужно подписать одно число подъ другое такъ, чтобы единицы стояли подъ единицами, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и т. д., потомъ подвесть черту и начинать сложеніе отъ правой руки къ лѣвой“.

— Хорошо, молодецъ! производи-ка самое дѣйствіе!

„Молодецъ“, не перемѣняя тона, началъ также поспѣшно складывать: ноль да ноль—ноль, 5 да 7—12 два пишу а одинъ къ слѣдующему ряду отношу и проч.

Учитель съ гордостію посматривалъ на учениковъ Ильи Семен., которые, однако жъ знали сложеніе непохуже отвѣчавшаго доки.

Въ продолженіе урока не случилось ничего особеннаго. По временамъ только слышались возгласы изъ заднихъ скамей,—въ родѣ слѣдующихъ:

— Яковъ Яковлевичъ! Здѣсь Кинда непристойное дѣлаетъ! или: здѣсь Кисель Загорянскій по матерному ругается!

Но учитель, повидимому, не придавалъ этимъ заявленіямъ никакого значенія, оставляя ихъ безъ всякого удовлетворенія. Скажетъ только иногда, не смотря на учениковъ:

— Вотъ я васъ! или Кинда, бестія, на колѣна пойдешь!

Разъ кто-то взвизгнулъ нечеловѣческимъ голосомъ, должно полагать, уколотый булавкой.

— Кто тамъ визжитъ? поросенокъ ты скверный! замѣтилъ сердито учитель.

Мы, новички, сразу почувствовали, какая громадная разница между свирѣпымъ Люциферомъ Ильею Семеновичемъ и благодушнымъ Яковомъ Яковлевичемъ, и какое блаженное мѣсто этотъ первый классъ! Здѣсь, значитъ, можно и пошалить, и полѣниться, не боясь порки, предвѣщаемой грознымъ приказомъ: „остаться послѣ класса!“

Подъ вліяніемъ такого впечатлѣнія, многіе изъ насъ порѣшили съ перваго же дня посидѣть здѣсь подольше, и рѣшительно перестали учиться, а ходили въ классъ ради одного развлеченія, такъ что иной „молодецъ“, взявши въ карманъ кусокъ сала или селедку, и обѣдать не ходилъ домой. Развеселое житье! Недаромъ нѣкоторые аборигены вошли во вкусъ такой жизни, оставаясь въ первомъ классѣ на четвертый годъ.

Долго было бы разсказывать обо всѣхъ замѣчательныхъ случаяхъ, приключеніяхъ, скандалахъ, которыхъ я былъ очевидцемъ втеченіе 3-хъ лѣтняго пребыванія въ первомъ классѣ. Ограничусь лишь немногими выдающимися курьезами, случавшимися на урокахъ Я. Я—ча.

Бьетъ первый звонокъ, ровно за часъ до урока. Благодаря прекрасному лѣтнему утру, на дворѣ уже собралось учениковъ довольно. Одни лежатъ на травѣ на брюхѣ, болтая въ воздухѣ ногами, другіе бѣгаютъ, третьи дерутся. Поодаль, какъ черногузы по болоту, важно расхаживаютъ воспитанники высшихъ классовъ гимназіи, въ бакенахъ, при часахъ на бисерной цѣпочкѣ, съ висящими сердоликовыми брелоками,—и презрительно поглядываютъ на повѣтовую шваль.

Бьетъ другой звонокъ. Цензоръ начинаетъ загонять въ классъ разбредшееся стадо. Малые идутъ, а большіе и ухомъ не ведутъ, оставаясь въ лежачемъ положеніи и показывая суетящемуся блюстителю благочинія языкъ. Но вотъ, за заборомъ, какъ тѣнь стараго Гамлета, показалась длинная фигура Я. Я—ча, который, для сокращенія пути, всегда ходилъ въ училище пустыремъ, тянувшимся на большое пространство за гимназическимъ дворомъ. Тогда только поднимутся аборигены и, стуча своими сапожищами, побѣгутъ въ классъ, передъ самымъ носомъ учителя, подпрыгивая, какъ козлы, по длинному корридору. Тутъ иногда случалась такая штука: для того, чтобы попасть въ первый классъ, нужно было пройти совершенно темный закоулокъ, и вотъ одинъ изъ богатырей незамѣтно ускользалъ отъ прочей компаніи минутой раньше и ложился въ темномъ проходѣ; другіе, не замѣтивъ лежащаго на полу проказника, съ разбѣгу спотыкаются и падаютъ одинъ на другаго, крича, что есть мочи: „мала куча! мала куча!“ Такимъ образомъ дѣйствительно образуется куча немалая, и проходъ въ классъ загораживали такой крѣпкой баррикадой, что наставникъ долженъ былъ брать свой классъ штурмомъ, да еще подъ часъ, въ общей свалкѣ, и самого опрокинуть въ кучу, а потомъ убѣгутъ и сядутъ по мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывали: ищи, молъ, виноватаго!

А то разъ весной случилась такая исторія.

Аборигены строго на строго запретили всѣмъ идти въ классъ не только предъ приходомъ учителя, но и послѣ онаго. Бьетъ одинъ звонокъ, другой, третій—мы всѣ лежимъ ничкомъ, растянувшись на травѣ. Учитель сосредоточенно проходитъ мимо насъ, своимъ обычнымъ размѣреннымъ шагомъ, не замѣтивъ никого изъ лежащихъ. Вошелъ въ классъ.

— Читайте, говоритъ, молитву!

Глядь, а тутъ и читать некому: сидятъ всего три барышни. Вотъ выходитъ учитель на крыльцо и зоветъ своихъ питомцевъ.

— Молодцы! ступайте въ классъ!

Но „молодцы" и ухомъ не ведутъ—лежатъ, какъ убитые, притворившись спящими. Никто не смѣлъ пошевелиться, потому богатыри объявили торжественно, что если кто осмѣлится приподняться до сигнала, тому грозитъ страшная потасовка. Я. Я—чъ, въ своемъ безпомощномъ положеніи, возвращается въ классъ, беретъ линейку и начинаетъ штурмовать своихъ учениковъ. Раздавая щедрою рукой удары на право и на лѣво, онъ очутился въ самой серединѣ толпы, — тогда по командѣ разночинца Александрова, вдругъ всѣ поднялись разомъ и, сбивъ съ ногъ учителя, побѣжали въ классъ.

За эту проказу всѣ безъ исключенія подверглись наказанію палями, которыя Я. Я—чъ всегда давалъ собственноручно. На сей разъ работы ему было ужъ черезчуръ много, ибо расправа тянулась все продолженіе перваго урока. Экзекуцію онъ началъ производить съ переднихъ рядовъ—съ малышей; съ ними онъ покончилъ живо: кому двѣ, кому три пали и довольно. Но когда добрался до аборигеновъ, то, зная, что отъ нихъ происходитъ все зло, сталъ щедрѣе на пали, такъ что количество ихъ доходило до десятка на брата. Когда же пришла наконецъ очередь до послѣдней скамьи, гдѣ, какъ я сказалъ, сидѣли самые отчаянные бестіи, пали посыпались безъ счету. Но съ этими молодцами не такъ то легко было сладить. У нихъ на такой случай были свои военныя хитрости, которыми они старались обмануть врага, наносившаго имъ удары. Одинъ, напр., сдѣлавъ прекислую рожу, прикинулся до крайности чувствительнымъ къ палямъ и начиналъ просить пардону: Яковъ Яковлевичъ! миленькій, голубчикъ, соколикъ! простите, ей Богу, никогда не буду!

— Держи, молодецъ, держи! отвѣчаетъ на эти любезности соколикъ, тыкая его въ плечо линейкой.

„Молодецъ", съ притворнымъ страхомъ, выставляетъ впередъ ладонь, но держитъ руку такъ близко къ корпусу, что учителю никоимъ образомъ нельзя размахнуться линейкой, и онъ начинаетъ, не въ счетъ абонимента, бить своимъ орудіемъ по пальцамъ снизу,

чтобы привесть руку въ надлежащее положеніе, и только послѣ долгихъ усилій достигаетъ цѣли и разсерженный даетъ прегорячую палю. Ученикъ взвизгнулъ неестественнымъ образомъ и, приложивъ къ губамъ руку, корчась, исчезаетъ подъ скамьей. Я. Я—чъ начинаетъ его добывать оттуда, давая ему тычки линойкой, тотъ поднимается и начинаетъ опять голосить и упрашивать: миленькій, родненькій, соколикъ.

Другой „молодецъ" Кисель Загорянскій поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно иначе: принявъ безстрашную позу, съ видомъ самоотверженія, быстро подставляетъ одну за другой свои ладони, да еще съ фигурнымъ вывертомъ. Такая покорность заслуженному наказанію не могла не понравиться учителю и онъ сократилъ число ударовъ.

Наконецъ, Василій Лосьевъ придумалъ способъ прекратить эту нарочито длинную операцію. Началъ онъ съ того, что сталъ увѣрять Я. Я—ча, что его небыло въ числѣ лежавшихъ на травѣ, что онъ въ это время „ходилъ на дворъ" и пр. Но учитель зналъ этого сорванца слишкомъ коротко, чтобъ ему повѣрить, и требовалъ его руку. Лосьевъ стоялъ на своемъ, что онъ ходилъ на дворъ, что у него и теперь животъ болитъ. Наконецъ, онъ какъ будто рѣшился понести наказаніе и протянулъ руку. Я. Я—чъ собралъ всѣ свои силы, замахнулся... Но въ это самое мгновеніе Лосьевъ отхватилъ руку, линейка ударила по скамьѣ и разлетѣлась на три части. Доломавъ оставшійся въ рукѣ кусокъ дерева на головѣ „молодца", обезоруженный наставникъ прекратилъ поневолѣ расправу и оставшихся не битыми аборигеновъ отправилъ на колѣни къ порогу, на весь этотъ день.

Аудиторы и цензоры.

Для лучшаго контроля успѣховъ учениковъ, каждый преподаватель назначалъ аудиторовъ, которыхъ въ первомъ классѣ было около десятка. При выборѣ аудиторовъ учитель руководился не столько ихъ познаніями, сколько возрастомъ; ибо аудиторы спрашивали уроки, держа передъ собой книгу, слѣдя только за тѣмъ, чтобы отвѣчающій не пропустилъ ни одного слова. Каждый аудиторъ, до начала урока, обязанъ былъ переспросить всѣхъ ввѣренныхъ ему

учениковъ и записать отмѣтки въ особо заведенную для того продолговатую тетрадку, въ осьмушку, разграфленную на цѣлый годъ. Удовлетворительный баллъ означался буквою *з* (знаетъ), неудовлетворительный буквою *н* (не знаетъ) или *вн* (вовсе не знаетъ). Аудиторы были большею частію взяточники. Каждый изъ ихъ учениковъ обязанъ былъ приносить какую нибудь подачку: кто яблоко, кто булку, кто конфектъ. Даже деньги брались иногда. Отъ поборовъ никто не избавлялся, учись хоть въ 5 разъ лучше самого аудитора, оттого что аудиторскія отмѣтки никогда не повѣрялись учителемъ и съ получившими *н* и *вн*—немедленно дѣлалась расправа. Тому, на кого сердитъ аудиторъ—бѣда: встрѣтитъ нарочно на порогѣ и не только не позволитъ повторить урокъ, но даже раздѣться не дастъ и тотчасъ требуетъ отвѣта: ну и поставитъ *вн*, если не пролепечешь ему слово въ слово заданные на урокъ параграфы— „отъ сихъ поръ и до сихъ".

Мнѣ попался аудиторъ препоганый человѣкъ, одинъ изъ старѣйшинъ класса—Петръ Базилевичъ. Квартировалъ онъ у сапожника Шушпаннаго на своихъ харчахъ и ничего не платилъ за квартиру, потому что столько доставлялъ своему хозяину провизіи, что ею продовольствовалась вся его семья; а провизію эту доставляли Базилевичу его ученики: муку, крупу, пшено, сало, соль, яйца, рыбу приносили ему на домъ въ изобиліи. Аудиторъ этотъ иногда подучивалъ мальчиковъ воровать у родителей, торговавшихъ разными продуктами. Сколько я переносилъ Базилевичу сала, сельдей, тарани и проч. съ вѣдома, впрочемъ, матери, которая ничего не жалѣла, лишь бы избавить меня отъ наказаній. Года черезъ два мой промышленный аудиторъ поступилъ писцомъ въ магистратъ и тамъ продолжалъ свои доблестные подвиги въ болѣе солидныхъ размѣрахъ.

Вѣдая одну учебную часть, аудиторы вовсе не касались классной дисциплины, которая всецѣло лежала на обязанности цензора. Чинъ сей, подобный тому, какимъ пожалованъ былъ отъ Каменскаго Петро Сидоровичъ, хотя и не въ такой степени, совмѣщалъ въ себѣ и обязанность палача: цензоръ имѣлъ при себѣ только линейку, а розгами завѣдывалъ старый инвалидъ Павло сторожъ. Послѣ втораго звонка цензоръ немедленно вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей: загонялъ въ классъ учениковъ, усаживалъ ихъ по

мѣстамъ, давалъ непослушнымъ затрещины, принималъ приносимые хабары, стиралъ доску и приготовлялъ для Я. Я—ча заостренные мѣлки, обертывая ихъ съ тупаго конца бумажкой. Съ приходомъ учителя, обязанности цензора не прекращались: во все продолженіе урока онъ долженъ былъ, не спуская глазъ съ учениковъ, замѣчать ихъ продѣлки; для этого онъ избиралъ самый удобный сторожевой пунктъ, а именно у стѣнки на первой скамьѣ. Садился онъ обыкновенно на верхнюю полку, или стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, до конца урока. У него былъ помощникъ, избираемый имъ самимъ изъ своихъ пріятелей: это, такъ называемый „запищикъ", сидѣвшій всегда подлѣ своего патрона и записывавшій по его приказанію шалуновъ.

Еще до прихода учителя, цензоръ начиналъ кричать: тише, господа! Въ то же время запищикъ бралъ лоскутокъ бумаги и писалъ на заголовкѣ: „которіе шумели" и затѣмъ, уткнувшись носомъ въ скамью, терпѣливо выжидалъ добычи. Цензоръ продолжаетъ выкрикивать: тише, господа! Но видя, что „господа" и ухомъ не ведутъ, а ревмя ревутъ, начинаетъ прилагать къ ихъ фамиліямъ весьма некрасивые эпитеты, не употребительные въ печати. Послѣ брани слѣдовало обыкновенно грозное: пиши его! или пиши его съ крестомъ или съ двумя крестами (количество поставленныхъ крестовъ означало усиленную степень шалости)! Но самое важное значеніе заключалось въ словѣ: „безпрестанно!" Его то больше всего и боялись шалуны, такъ какъ за это словцо больше всего доставалось отъ учителя.

Увлекшись веселой бесѣдой, а иногда и дракой, ученики мало обращали вниманія на предостереженія цензора, но съ приближеніемъ времени учительскаго прихода, шалуны вдругъ перемѣняли тактику и начали ублажать цензора, показывая ему издали знаками, что они ему дадутъ, если онъ вычеркнетъ ихъ фамиліи изъ числа тѣхъ, „которіе шумели"—булку, бубликъ или мѣдный пятакъ. Догадливый блюститель тишины сразу пойметъ, въ чемъ дѣло, и безъ зазрѣнія совѣсти велитъ запищику переписать вновь уже приготовленную къ подачѣ учителю записку. Не всѣ, однакожъ, попавшіе въ записку умилостивляли цензора заманчивыми посулами: богатыри задней скамьи показывали ему кулаки, такъ что въ концѣ концовъ,

онъ зачастую и вовсе не подавалъ записки, рапортуя учителю, что до его прихода все обстояло благополучно, хотя учитель по поднятой столбомъ пыли и по раскраснѣвшимся лицамъ ясно видѣлъ, что въ классѣ до его прихода творилось столпотвореніе вавилонское. Это было именно тогда, когда за что нибудь поссорятся первый классъ со вторымъ: тогда происходила такая свалка, что дѣло нерѣдко кончалось разбитіемъ носовъ и подбитіемъ глазъ. Впрочемъ, сравнительно говоря, случалось это не особенно часто. Повѣтовцы, какъ птенцы одного гнѣзда, жили между собой дружно. Иногда даже между ними заключался наступательный и оборонительный союзъ для совмѣстнаго похода на гимназію, что случалось обыкновенно зимой, во время оттепели, когда такъ знатно лѣпятся снѣжки. Полемъ сраженія избиралось всегда пустопорожнее мѣсто за гимназическимъ заборомъ. Выходили сначала застрѣльщики, малые ребята, и начинали перебрасываться снѣжками; затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ подходили все большіе и большіе; бой разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Снѣжки сыпались градомъ. Но вотъ повалила съ одной стороны вся гимназія, а съ другой—все повѣтовое училище. Снѣжки, при обоюдномъ ожесточеніи, переходили въ кулачки. Въ резервѣ стоятъ богатыри и смотрятъ на эту картину, не принимая участія въ сраженіи; наконецъ, увлеченные общимъ пыломъ битвы, они бросаются въ аттаку и рѣшаютъ побѣду. Въ подобныхъ схваткахъ повѣтовцы почти всегда оставались побѣдителями, несмотря на то, что въ гимназіи крупнаго люду было побольше. Но гимназисты, какъ „панычы", были менѣе искусны въ этого рода гимнастикѣ и въ мускульной силѣ во многомъ уступали такъ называемымъ заручейцамъ, которые играли не послѣднюю роль въ кулачныхъ бояхъ несравненно большихъ размѣровъ, когда выходило все Заручье (предмѣстье города, гдѣ живутъ исключительно одни хлѣбопашцы—спольщики горожанъ) противъ купцовъ и лабазниковъ. Тамъ дѣло нерѣдко кончалось увѣчьемъ и даже смертоубійствомъ.

Въ 1831 году такія примѣрныя сраженія происходили чаще обыкновеннаго. Въ этому году, какъ извѣстно, поляки затѣяли революцію и въ воздухѣ пахло войной. Хотя мы вовсе политикой не занимались и рѣшительно ничего не знали, что тамъ творилось за Вислой, но черезъ нашъ городъ проходили войска съ музыкой и

пѣснями, что невольно возбуждаетъ воинственный задоръ не только въ солдатахъ, но и въ мирныхъ гражданахъ. Учащаяся молодежъ проникалась общимъ настроеніемъ жителей, предпочитая военную службу всѣмъ другимъ карьерамъ. Нѣкоторые изъ насъ, прямо со скамьи, поступали въ полкъ, квартировавшій тогда въ Новгородкѣ.

Живымъ примѣромъ такого воинственнаго настроенія тогдашняго общества можетъ служить уцѣлѣвшее при дѣлахъ гимназіи прошеніе нѣкоего Оранскаго „объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности писца въ директорской канцеляріи“, для вступленія въ Армію, дабы я могъ (добавляетъ проситель) съ мечемъ въ рукахъ защищать Религію, Тронъ и существенныя выгоды отечества“.

Этотъ рьяный патріотъ, защитникъ религіи и трона, вмѣстѣ съ офицерами шлиссельбургскаго полка, незадолго до того вымазали дегтемъ ворота въ квартирѣ дочерей отставнаго прапорщика Марьи и Елены каковой поступокъ, едва ли согласуется съ рыцарскими наклонностями героевъ...

Уроки рисованія и чистописанія.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно, въ чемъ состояло преподаваніе Я. Я—ча. Ученики приходили въ классъ не для того, чтобы чему нибудь полезному научиться, а больше для того, чтобы провесть весело время среди разгульныхъ товарищей, неистощимыхъ на разныя выдумки. Каждый приносилъ изъ дому порядочный запасъ разныхъ анекдотовъ, подслушанной на улицѣ брани, нарисованныхъ или вырѣзанныхъ изъ бумаги съ особеннымъ механизмомъ фаллическихъ издѣлій, свидѣтельствовавшихъ о крайней степени развращенности той среды, въ коей прозябали питомцы Я. Я—ча. Ученики старались превзойти другъ друга не успѣхами въ наукахъ, а безнравственными или смѣшными выходками.

Школа тутъ не только не противодѣйствовала нравственной испорченности своихъ воспитанниковъ, а напротивъ, еще усиливала ее, такъ что удивляться слѣдуетъ не тому, что такъ мало вышло изъ нея порядочныхъ людей изъ огромной массы учащихся, но скорѣй тому, какъ могли уцѣлѣть и тѣ немногія личности, которымъ удалось выйти изъ заведенія, не утративъ чувства чести и человѣческаго достоинства.

Самые интересные, или лучше самые веселые, часы, назначенные по росписанію для классныхъ занятій, были уроки рисованія и чистописанія, приходившіеся всегда послѣ обѣда. Рисовали мы обыкновенно губы, носы, глаза, уши и т. п. Были между нами и такіе самородки артисты, которые, помимо уроковъ Я. Я—ча, собственнымъ умомъ достигли замѣчательнаго совершенства въ изображеніи на бумагѣ или на заборѣ весьма непристойныхъ сюжетовъ. Но попадались картины и болѣе скромнаго содержанія, съ претензіей на юморъ. Одна изъ такихъ картинъ хорошо сохранилась въ моей памяти, такъ какъ я самъ ее копировалъ. Представляла она невѣроятное событіе; свинья цѣликомъ проглотила жида, какъ надо полагать, въ отмёстку за то презрѣніе, какое питаетъ къ ней, со временъ Моисея, все израильское племя. По срединѣ большаго листа бумаги стоитъ это плотоядное. Изъ подъ закрученнаго верчикомъ хвоста выглядываетъ рыжая борода и голова Лейбы, съ длинными пейсами, въ синей ермолкѣ, а изъ пасти, между страшными клыками, торчатъ ноги въ однихъ чулкахъ, а патинки валяются тутъ же на травѣ. Передъ Лейбой, припавъ на одно колѣно, стоитъ другой жидокъ Сруль, держа въ одной рукѣ шкаликъ, а въ другой чарку,—изъ устъ его вылетаютъ слова:

Куку, Лейбо, куку, выпій водки рюмку!

Подъ картиной риѳмованной прозой изложена самая фабула событія „якъ свинння жида зъѣла“. Подробностей не помню; остались въ памяти лишь заключительныя слова, произносимыя Срулемъ: потерявъ надежду на освобожденіе своего пріятеля изъ неволи, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „Ой вэй миръ, провонявся! Сиди жъ ты тамъ, Лейбо, бо не въ такіе зубы попався!“

При началѣ урока рисованія, намъ раздавались т. н. оригиналы, наклеенные на картонѣ, и страшно засаленные. Рисовать отъ руки у насъ почти никто не умѣлъ, а переносили мы на бумагу предложенные намъ образцы или черезъ стекло, или посредствомъ пропитанной масломъ бумаги, что продѣлывали мы, съ географическими картами у другаго учителя. Въ продолженіе всего урока Я. Я—чъ занимался поправкой ученическихъ работъ. Не научивъ рисунку, преподаватель прямо требовалъ ретушевки, которую онъ называлъ „химовочкой“. Занятія живописью нисколько не мѣшали

намъ вести пріятную бесѣду и по временамъ выкидывать колѣнца, за что виновные тутъ же получали пали или отправлялись къ порогу на колѣна.

Порой на нашего наставника находилъ добрый стихъ; тогда онъ ограничивался одними замѣчаніями, не прибѣгая къ линейкѣ.

— Что вы тамъ жужжите, пчелы поганыя? Жужжатъ—жужжатъ, а меду не носятъ".

Тонкій намекъ на нѣкоторыхъ учениковъ, у родителей которыхъ были собственныя пасѣки.

— Мельницы вы вѣтряныя! мелютъ—мелютъ, а мучицы нѣтъ!

Опять намекъ. Отпуская подобные экивоки, Я. Я—чъ улыбался ему одному свойственною улыбкой, подпирая щеки языкомъ.

— Шотовъ, бестія! Что ты тамъ высматриваешь, какъ мышь изъ дрожжей?

— Поламаренко! бестія! вотъ я тебя! Матушка его пирожками кормитъ: Кузичка, Кузичка! а Кузичка козлище нечестивое!

Эти краткіе монологи иногда прерывались плаксивыми взвизгиваніями мальчугановъ, обижаемыхъ старшими.

Не менѣе занимательны были и уроки чистописанія, съ вѣчно неизмѣнными замаслянными прописями: „Богъ есть существо высочайшее" или „Воображеніе есть пружина, управляющая"... (далѣе рѣшительно не помню, кѣмъ и какъ управляла эта пружина).

Лишь только всѣ усядутся по мѣстамъ и учитель, что называется, заправитъ классъ, ученики начинаютъ подходить къ столу съ цѣлыми, неочиненными перьями. Я. Я—чъ вынимаетъ изъ кармана ножикъ и, поточивъ его о голенищу лѣваго ботфорта, приступаетъ къ очинкѣ перьевъ. Трудъ этотъ для него былъ столь утомителенъ, особенно лѣтомъ, при сильной жарѣ, располагающей, особенно послѣ сытнаго обѣда, ко сну, что иногда онъ за третьимъ или за четвертымъ перомъ начиналъ кунять за своей однообразной работой. Чтобы усыпить учителя окончательно, Павелъ Згутницкій прибѣгнулъ однажды къ дѣйствію чаръ и заговоровъ.

— Спи, очко, спи другое! Спи, очко, спи другое! произноситъ онъ вполголоса, и видя, что чары начинаютъ дѣйствовать и Я. Я—чъ дѣйствительно заснулъ такъ, что послышалось даже тихое храпѣнье,— проказникъ крикнулъ во всеуслышаніе: „Заснуло очко!!" Учитель просыпается и хлопаетъ глазами.

Разъ нашъ достойный наставникъ до того крѣпко заснулъ, что въ классѣ послышался носовой свистъ. Всѣ притаили дыханіе. Настала мертвая тишина.

Вдругъ, нежданно-негаданно, на послѣдней скамьѣ раздается концертъ на четырехъ импровизированныхъ инструментахъ. Шедька, вырѣзавъ въ скамьѣ углубленіе, натянулъ струны изъ тонкой проволоки, добытой изъ подтяжекъ, и соорудилъ такимъ способомъ цимбалы, Лосьевъ неподражаемо бралъ аккорды первой скрипки, Буланда неистово гудѣлъ на бубнѣ, а Маньковскій пѣлъ подъ музыку извѣстную кабацкую пѣсню: ахъ ты с.... сынъ, комаринскій мужикъ!—Въ то же время Аѳанасій Слищенко, подобравъ полы своего неизмѣримаго сюртука, пустился подъ музыку въ присядку черезъ головы учениковъ по скамьямъ, и потомъ мгновенно исчезъ за дверями.

Представьте себѣ пробужденіе нашего добраго наставника! Началась расправа, не ограничившаяся на сей разъ однѣми палями, дѣло дошло до сторожей. Пришли два старые инвалида: одноглазый Павло да хромоногій Парамонъ. Классъ привѣтствовалъ ихъ неистовымъ хохотомъ. Паромонъ окрысился. „Чаго ся вы зубы скалитя, жарабцы?“ Ученики въ свою очередь обозвали почтеннаго служиваго крупой.

И повели въ сторожку рабовъ божіихъ кимвалиста Данила, бубниста Якова, первую скрипку Василія и другаго Данила пѣснопѣвца; плясуна же Аѳанасія и слѣдъ простылъ.

Такъ, изо дня въ день, прошли два года моего пребыванія въ первомъ классѣ повѣтоваго училища. Второй годъ заключился нарочито торжественнымъ актомъ, на которомъ были произнесены двѣ „академическія рѣчи“ законоучителемъ Мануйловичемъ „о правилахъ христіанскаго воспитанія“ и нашимъ общимъ другомъ Игнатьевымъ о томъ, „какую пользу приносятъ въ обществѣ торжественные праздники?“ Послѣдняя орація, написанная отмѣнно изысканнымъ слогомъ, изобиловала историческими примѣрами изъ римской древности. Въ ней особенно прославлялись греческія игры и римскія зрѣлища въ циркахъ, гдѣ, какъ извѣстно, отличались столько же люди сколько и звѣри, соперничавшіе съ людьми въ кровожадности и свирѣпости. Поучительно!

Въ заключеніе спектакля, прочитали переводы въ высшій классъ, и я, повѣся носъ, поплелся домой съ прескверным̆ъ билетомъ, за который отецъ приковалъ меня желѣзною цѣпью къ столу и заставилъ просидѣть за книжкой половину каникулъ. Болѣе чувствительнаго наказанія для меня трудно было придумать: меня тянуло къ рѣкѣ, на лугъ—въ царство рыбъ и птицъ, а тутъ сиди. Напрасно подъ заборомъ ежедневно поджидалъ меня Ѳедоръ Красненькій, съ отлично снаряженными удочками, а тутъ, какъ бы для вящаго усиленія пытки, отецъ два раза ходилъ безъ меня на охоту. Я плакалъ горько, каялся и давалъ клятвенное обѣщаніе учиться и каждый годъ получать переводъ въ высшій классъ.

Помимо частой болѣзни, которая, безъ сомнѣнія, не мало препятствовала аккуратному посѣщенію уроковъ, я таки порядочно лѣнился и отлынивалъ. Но причины такого упорнаго уклоненія отъ занятій слѣдуетъ искать не въ одной лѣни: она коренилась въ инстинктивномъ отвращеніи отъ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ обществѣ школьныхъ товарищей. Грубыя и неприличныя шутки, скандальные анекдоты, безпрерывныя проказы, за которыя приходилось часто отвѣчать безвинно, несправедливыя придирки и притѣсненія цензора и аудиторовъ, а что всего важнѣе—моя смирная овечья натура, хилость и слабое здоровье, ставившее меня во всегдашнюю зависимость отъ произвола дюжихъ дикарей, чуждыхъ гуманности и безкорыстной дѣтской привязанности—вотъ что главнымъ образомъ отталкивало меня отъ ученія и заставило остаться на третій годъ въ одномъ и томъ же классѣ. Чтобы яснѣе показать, до какой степени сильно было у меня отвращеніе отъ училища, я приведу одинъ фактъ. Отправившись изъ дому въ обычное время, якобы въ классъ, я поворачивалъ на Замокъ и просиживалъ тамъ по четыре часа, выглядывая изъ-за сугроба снѣгу, какъ воръ, и подстерегая, когда ученики будутъ возвращаться изъ училища; затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выходилъ изъ засады, шелъ домой и на разспросы домашнихъ про уроки, отвѣчалъ безстыдною ложью, сочиняя небывалыя исторіи. То же нерасположеніе къ школьнымъ моимъ товарищамъ заставляло меня дорожить моими дѣтскими симпатіями къ уличнымъ своимъ друзьямъ; просвѣтившись четырехлѣтнимъ пребываніемъ въ училищѣ,

я не только не разлюбилъ ихъ, но еще болѣе сталъ дорожить ихъ первобытною, неподдѣльною, чисто дѣтскою привязанностію.

Любовь къ природѣ также не ослабѣвала во мнѣ по той же самой причинѣ, а росла въ душѣ по мѣрѣ удаленія отъ окружавшей меня среды. Стало быть, прозябаніе мое въ первомъ классѣ, не принесши мнѣ существенной пользы въ научномъ отношеніи, все таки, хотя отрицательнымъ путемъ, вліяло на мое развитіе и мою нравственность.

Знаменитый Гемфри Дэви считалъ для себя самымъ счастливымъ обстоятельствомъ то, что ему можно было такъ много наслаждаться праздностію въ училищѣ: „даже наиболѣе способнымъ дѣтямъ, говорилъ онъ, душно въ школѣ. Школа не только не удовлетворяетъ, но какъ то гнетъ ихъ“.

Третій годъ въ первомъ классѣ.

Итакъ, рѣшено: полно лѣниться, полно баловаться! Припрятавъ свои удочки „ажъ до вакацій“, я твердо рѣшился сдѣлаться совершенно инымъ человѣкомъ. Къ счастію, пришедши въ классъ, при началѣ новаго учебнаго года, я не нашелъ уже аборигентовъ прежнихъ двухъ лѣтъ: одни изъ нихъ „по великовозрастію“ или „въ надеждѣ успѣховъ“, speciali gratia, какъ выражался нашъ классикъ директоръ, переведены во второй классъ; другіе, убоясь бездны премудрости, оставили ученіе вовсе: дворяне поженились и зажили въ деревнѣ трудами крѣпостныхъ рукъ или засѣли въ судъ строчить ябеды, а кто былъ похрабрѣе, тотъ угодилъ подъ красную шапку; мѣщане пошли сидѣть въ лавку или принялись за батьковское ремесло. Насколько мнѣ удалось прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ шалопаевъ, почти ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался ни хорошимъ семьяниномъ, ни сколько нибудь полезнымъ обществу человѣкомъ.

Съ перваго дня новаго учебнаго года дѣло у меня наладилось. Аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщались уроки; книги и тетради хранились въ примѣрномъ порядкѣ, все заданное приготовлялось съ величайшей отчетливостью. Родители поспѣшили поощрить мои успѣхи тѣмъ, что сшили сюртукъ изъ дѣдовской бекеши несносимаго зеленаго цвѣта сукна. По прошествіи мѣсяца Я. Я—чъ сдѣлалъ меня аудиторомъ, а спустя еще мѣсяцъ, самъ смотритель Николай Оси-

повичъ, узнавъ стороной о злоупотребленіяхъ нашего цензора, сдѣлалъ ему публичный выговоръ, отрѣшилъ отъ должности и назначилъ меня на его мѣсто. Не чувствуя ни малѣйшаго призванія къ этой чисто полицейской должности, я никакъ не могъ угодить Я. Я—чу и получалъ отъ него частыя замѣчанія. Старику, конечно, было непріятно, что ему навязали такого смирнаго, слабосильнаго, нерасторопнаго помощника, не любившаго драться и ябедничать на своихъ товарищей.

На мѣсто умершаго „отъ боли у желудки“ Ивана Андреевича, назначили Егора Андреевича, человѣка молодаго, съ весьма красивыми бакенбардами и залихватскими манерами, хотя и семинариста. Это былъ страстный поклонникъ женскаго пола, горячихъ паль и язвительныхъ насмѣшекъ надъ учениками. Вызоветъ бывало Василія Кинду и начнетъ надъ нимъ глумиться:

— Какого рода Кинда?—Женскаго.—Почему женскаго?

— Потому что всѣ имена, кончающіяся на *а*, суть рода женскаго.

— Склоняй Кинду! и т. д.

Не мало также потѣшался Егоръ Андреевичъ и надъ Стугой-Самотугой, надъ Сугонякой и др. Ему казалось страннымъ встрѣчать такія самородныя малорусскія фамиліи, не похожія на Воздвиженскихъ, Воскресенскихъ, Златоустовскихъ и т. п., къ какимъ привыкъ слухъ его въ черниговской семинаріи.

Однажды на урокъ Егора Андреевича привели новичка, желавшаго поступить въ первый классъ, минуя приготовительный, по экзамену. Наружность мальчика заинтересовала какъ учителя, такъ и учениковъ: это былъ дѣтина, лѣтъ 13 на видъ, богатырскаго сложенія, съ густыми черными волосами, торчавшими щетиной на большой овальной головѣ, съ дикимъ взглядомъ, въ какой то невиданной нами черкескѣ со снурками и „кытыцямы“. Такого то звѣрька представилъ на испытаніе отецъ его лейтенантъ флота Осташковъ. Подозвалъ его Егоръ Андреевичъ къ доскѣ.

— Бери, говоритъ, мѣлъ и пиши: цѣль...

У мальчика какъ то дико сверкнули глаза, онъ схватилъ мѣлъ и написалъ цѣль, но не ту, какую желалъ видѣть учитель, а охотничью, т. е. кружокъ съ точкою въ центрѣ. Весь классъ такъ и покатился со смѣху. Евграша отъ того немало не смутился, стеръ

поспѣшно кружокъ и нарисовалъ два: одинъ большой, а другой вписалъ въ него поменьше, поставивъ въ центрѣ точку. Оказалось, какъ объяснилъ его родитель, что сей отрокъ былъ отмѣнный стрѣлокъ и выросъ въ лѣсу, гоняясь за зайцами. Насилу ему вдолбили, чего отъ него хотятъ; тогда только онъ безобразнѣйшими каракулями нацарапалъ:

„Цель существованія человецеского“.

Съ перваго же дня поступленія въ училище, Евграша сталъ героемъ класса. Силища была у него непомѣрная, хотя, увы! за выбытіемъ нашихъ богатырей не съ кѣмъ было ею помѣряться.

И допекалъ же его Егоръ Андреевичъ: онъ давалъ ему по 10, по 15 паль за всякую шалость, но ничѣмъ не могъ пронять его.

Увидитъ, бывало, Евграша у кого нибудь изъ товарищей орѣхи:

— Дай, говоритъ, и мнѣ хоть одинъ орѣхъ.

— Разбей его лбомъ и онъ будетъ твой!

И Евграша, не обинуясь, кладетъ на скамью волоскій орѣхъ и какъ долбней разбиваетъ его лбомъ, затѣмъ преспокойно начинаетъ кушать зернышко. „Давай, говоритъ, другой!“

Отъ такого Моки Кифовича преподаватели, конечно, не добились никакой науки и скоро его выжили. Да и опасно было держать между дѣтьми такого буйвола. Жалобъ на него была бездна: то жида на улицѣ искалѣчитъ, то пробой у дверей выворотитъ, то стулъ учительскій разломаетъ.

Просидѣвъ въ первомъ классѣ два года, онъ поступилъ въ военную службу—туда ему и дорога!

Былъ у насъ еще другой замѣчательный субъектъ—Павелъ Клочковъ, обладавшій необыкновенными ноздрями, какъ у арабской лошади и немалою способностію выкидывать колѣнца.

Поймалъ онъ однажды гдѣ то извѣстное насѣкомое и, поднесши учителю для поправки свой рисунокъ, сталъ сзади, якобы для лучшаго наблюденія за его работой, да и пустилъ на его лысину насѣкомое, а потомъ смиреннѣйшимъ голосомъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „позвольте, говоритъ, у васъ на головѣ „непристойное“ ползаетъ“... Страшно сконфуженный Я. Я—чъ сгорѣлъ отъ стыда и едва слышно проговорилъ: „Сбрось его, молодецъ, долой!“...

И въ этомъ году, какъ прежде, на урокахъ чистописанія мы старались писать тѣмъ же „столичнымъ, петербургскимъ почеркомъ", такъ же почтительно, гуськомъ, подходили къ г. учителю съ неочиненными перьями, такими же экивоками сопровождались замѣчанія Я. Я—ча—при хорошемъ расположеніи духа... Но, вообще, замѣтно было, что въ нравахъ и обычаяхъ школы многое перемѣнилось къ лучшему. Пали, правда, не выводились, но мы къ нимъ до того привыкли, что безъ нихъ, какъ кушанье безъ соли, урокъ казался немыслимымъ. У порога также кто нибудь торчалъ на колѣняхъ съ книжкою въ рукахъ; безъ обѣда оставлялись по прежнему, хотя это наказаніе для насъ рѣшительно ничего не значило: многіе изъ далекоживущихъ учениковъ въ дурную погоду оставались въ классѣ добровольно, взявши, разумѣется, порядочный запасъ провизіи. Обѣдая, они бросали объѣдки на печку, что дѣлалось не спроста, какъ мы тотчасъ увидимъ.

Надобно замѣтить, что гимназическое зданіе было очень ветхо; ремонту на него почти никакого не полагалось. Потолокъ, обтянутый холстомъ, выбѣленнымъ известкой, обвисъ и представлялъ волнообразную плоскость, а просачивающаяся черезъ дырявую деревянную крышу течь испещрила его разнообразнѣйшими рисунками, въ которыхъ мы находили подобіе то Африки, то Америки, опредѣляли мѣсто различныхъ острововъ, заливовъ и проливовъ, затверживаемыхъ изъ географіи, что, за отсутствіемъ картъ, не мало облегчало насъ при выдачѣ урока изъ географіи. Въ потолкѣ надъ печкой была небольшая дыра, продѣланная крысами, привлеченными запахомъ бросаемыхъ на печку объѣдковъ. Процессъ перетаскиванія крысами этихъ объѣдковъ на чердакъ совершался обыкновенно на урокахъ чистописанія и рисованія. Для этого мы сговаривались сидѣть какъ можно тише и устремляли глаза на упомянутую дыру. Учитель, по обыкновенію, дремалъ.

Вотъ показывается изъ отверстія сперва мышиная мордочка, нюхающая воздухъ. Но для того, чтобы добраться до лакомой приманки, крысѣ нужно было пройти по карнизу печки и обогнуть такимъ образомъ трубу. Вотъ она выскакиваетъ, перебѣгаетъ быстро карнизъ и исчезаетъ на печкѣ. Взявши тамъ какую нибудь голову чехони или обглоданную кость курицы, она поспѣшно тащитъ ее

въ свою нору по карнизу... но тутъ разомъ подымается такой гамъ полсотни голосовъ, что оторопѣлое животное бросаетъ свою добычу и скрывается. Рыбья голова летитъ на средину класса и восторгу нашему нѣтъ предѣловъ.

Я. Я—чъ велитъ тотчасъ позвать Павла не для того, чтобы арестовать крысу за произведенный ею безпорядокъ, а для того, чтобы убрать рыбью голову—и тишина снова возстановляется.

Такимъ образомъ безобѣдники не только сами обѣдали, но продовольствовали на свой счетъ и казенныхъ крысъ, которымъ по смѣтѣ на содержаніе училища ничего не полагалось.

Предъ концомъ урока, съ оставленныхъ безъ обѣда сторожъ снималъ сапоги и отбиралъ шапку; но такъ какъ было дознано, что ученики уходили домой обѣдать безъ шапокъ и босые, то учителя распорядились лишать ихъ и верхней одежды, отбирая у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и припрятанные запасы продовольствія въ пользу Павла или Парамона. Первый изъ инвалидовъ, по своей природной добротѣ, постоянно дѣлился съ безобѣдниками ихъ же собственнымъ обѣдомъ, а иногда и изъ своего пайка удѣлялъ голодающему краюху хлѣба, за что и пользовался у насъ всеобщею любовію. Не таковъ былъ Парамонъ. Этотъ не только ничего не дастъ, но еще выбранитъ... Да и доставалось же ему за это: другаго названія онъ не слышалъ отъ насъ, какъ „крупа", „гарнизонная крыса", „хромой чортъ" и т. п. Хотя, правду сказать, не изъ чего было этой крысѣ и разщедриться, при 1 р. 58 коп. асс. мѣсячнаго жалованья; но мы этого не хотѣли принимать въ соображеніе.

Впрочемъ, не все отобранное отъ учениковъ отдавалось сторожамъ: конфекты, пряники и др. лакомства оставались на учительскомъ столѣ до конца урока, къ великому соблазну сидѣвшихъ на первой скамьѣ; а послѣ молитвы уносились учителемъ домой вмѣстѣ съ неразлучною „Ариѳметичкой".

Самою рѣдкостною книгой между нашими учебниками считалось у насъ „Зрѣлище вселенной", сѣробумажное иллюстрованное изданіе. Книга эта употреблялась какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка. Занимавшія насъ, конечно больше нѣмецкаго языка, довольно аляповатыя картинки изъ трехъ царствъ природы и изъ исторіи человѣческой культуры, представляли предметы, названные по русски,

по нѣмецки и по латыни. Я сильно завидовалъ обладателямъ этой драгоцѣнности, и вотъ однажды мнѣ представился случай завладѣть ею. Извѣстный всей покровской парафіи мотъ и сорви-голова Андрей Кисель-Загорянскій—графъ Паскевичъ Эриванскій—Дибичъ Забалканскій (какъ величалъ онъ самъ себя), узнавъ о моемъ желаніи пріобрѣсть „Зрѣлище", зашелъ ко мнѣ въ домъ и предложилъ мѣну:

— Ты мнѣ дай, говоритъ, пару голубей, а я тебѣ „Зрѣлище".

Со слезами разстался я съ своими голубками—единственная, рѣдкая пара туркотовъ, какихъ ни у кого не было. Но, увы! Жертва просвѣщенію принесена напрасно; мечта обладать драгоцѣнной книжицей такъ и осталась мечтою. „Зрѣлище" оказалось украденнымъ и его на другой же день у меня отобрали, не возвративъ голубей.

За присвоеніе чужой собственности „графъ Эриванскій" былъ пребольно высѣченъ, но къ нему, какъ вода къ гусю, ничто не приставало. Въ тотъ же самый день, когда съ нимъ случилась эта маленькая непріятность, онъ вышелъ изъ училища весело и шутилъ больше обыкновеннаго. Въ виду солдатъ, гуськомъ маршировавшихъ по площади, подошелъ къ стаду индюковъ, и копируя дивизіоннаго генерала Маевскаго, сиплымъ голосомъ, какимъ обыкновенно тотъ командовалъ, крикнулъ:

— Здорово, ребята! А индюшки ему на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи въ отвѣтъ: Здравія желаемъ, В. С—во!

— Хорошо, ребята! А тѣ ему: рады стараться!

Вышелъ Загорянскій, кажется, изъ 3-го класса; поступилъ въ военную службу, попалъ на Кавказъ, тамъ скоро отличился и произведенъ въ офицеры; но еще скорѣе былъ разжалованъ въ рядовые; потомъ за отличіе опять произведенъ и умеръ въ госпиталѣ смертію Сашки Полежаева.

Въ январѣ 1833 года отецъ собрался съѣздить на лугъ, верстъ за 15, за сѣномъ. Я упросился поѣхать съ нимъ. По случаю мятели, мы заночевали у знакомаго крестьянина въ с. Биринѣ. Меня уложили спать на замасляномъ матрацѣ и укрыли кожушиной, такъ какъ я сильно прозябъ. Договоривъ подводы для перевозки сѣна, на другой день мы отправились въ обратный путь. По возвращеніи домой, я слегъ въ постель. Думали, что простуда прой-

детъ сама собой, но не тутъ то было. Оказалось, что я въ Биринѣ переночевалъ на томъ самомъ сѣнникѣ, на которомъ недавно валялся въ оспѣ мальчикъ. Чрезъ два дня у меня открылась сильнѣйшая горячка, съ весьма опасными симптомами: разъ я убѣжалъ ночью въ одной рубахѣ къ рѣкѣ и чуть не попалъ въ прорубь; другой разъ, обманувъ бдительность своего неизмѣннаго часоваго—матери, опять выскочилъ и меня нашли въ недостроенной хатѣ, по колѣни въ снѣгу. Меня привязали къ постели утиральниками. Въ бреду представлялось мнѣ, что по всему моему тѣлу ползаютъ всевозможныя насѣкомыя, какихъ только удавалось мнѣ поймать въ дѣтствѣ. На третій день къ вечеру я успокоился, перестадъ рваться и метаться, хотя бредъ еще продолжался. Мнѣ дали свободу. Я попросился къ окну и сталъ пристально смотрѣть на улицу. То, что я видѣлъ тогда, привело меня въ неописанный восторгъ. Я звалъ сестеръ, чтобы подѣлиться съ ними своимъ восхищеніемъ, и до слезъ сердился, что онѣ не хотѣли видѣть того, что представлялось лишь моему воспаленному воображенію. Одинъ дидусь не смѣялся надъ моими галлюцинаціями, а терпѣливо, съ серьезнымъ видомъ, выслушивалъ все, что я ему говорилъ.

Посадивъ меня къ себѣ на колѣни, онъ обнялъ меня лѣвой рукой, а правой по временамъ гладилъ по головѣ. Замѣчательно, что, пришедши въ сознаніе, я отлично помнилъ все видѣнное мною въ бреду и до сихъ поръ въ памяти моей отчетливо сохранились очаровательныя картины природы, никогда мною невиданныя въ дѣйствительности.

При ослѣпительномъ блескѣ лѣтняго солнца, на неизмѣримое пространство предо мною разстилались ярко-зеленые луга, испещренные безчисленными цвѣтами—розовыми, голубыми, бѣлыми, пурпуровыми; цвѣты безпрерывно мѣнялись, то, теряясь въ безпредѣльной дали, то снова сверкая предъ очарованными глазами яркостію своихъ красокъ. Въ воздухѣ носились миріады красивыхъ птичекъ и мотыльковъ; слуху моему чудилось пѣніе, свистъ, жужжаніе...

Безконечная равнина луговъ вся изрѣзана зеркально прозрачными ручьями и рѣчками; мнѣ слышалось упоительное журчаніе чистыхъ, какъ хрусталь, источниковъ и все это обиліе водъ сливалось въ одинъ громадный бассейнъ, въ одно широкое, никогда мною

до того не виданное озеро, по которому плавали раззолоченныя лодочки съ разноцвѣтнымы флагами и парусами....

И Боже мой! какъ мнѣ хотѣлось побѣжать туда—далеко, далеко отъ этихъ безобразныхъ мѣщанскихъ домомъ—сараевъ, отъ моихъ безпутныхъ товарищей и отъ Якова Яковлевича, съ его противною „ариѳметичкой".

Картина, во мгновеніе ока, смѣнялась другою. Чудилось мнѣ, что наша бѣдная деревянная приходская церковь Великомученицы Варвары преобразилась въ колоссальный храмъ изъ чистаго хрусталя; безчисленные переливы цвѣтовъ играли радугами на поверхности храма... Былъ, казалось, какой то великій праздникъ; многое множество народа въ парадныхъ одеждахъ наполняло внутренность храма; еще большая толпа стояла на паперти... И вдругъ, вверху, подъ самымъ куполомъ, послышалась ангельская пѣснь: Слава въ вышнихъ Богу.... и вся эта масса народу заколыхалась: изъ храма стали выходить люди съ зелеными вѣтками; между ними отдѣльною группой шествовали святые мужи и жены, въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, а впереди ихъ архангелъ Михаилъ, съ лучезарно бѣлокурой головой и съ огненными глазами, на золотомъ блюдѣ онъ несъ главу и проходя мимо упавшаго ницъ народа, вѣщалъ звучнымъ голосомъ: Се глава Іоанна Крестителя!

На слѣдующій за этимъ день бредъ прекратился. Начала выступать оспа, а черезъ три дня я сталъ, подобно Іову многострадальному, однимъ чудовищнымъ струпомъ: ни глазъ, ни рта, ни ушей... Родители отчаялись за мою жизнь. Дѣдъ жарко молился, мать служила молебны. Приглашенный со св. дарами от. Логвинъ съ великимъ трудомъ пріобщилъ меня. Всѣ ждали моей смерти. Но я не погибъ...

Говорятъ, нѣтъ худа безъ добра. Какъ оказалось впослѣдствіи, эта страшная оспа избавила меня на всю остальную жизнь отъ всевозможныхъ болѣзней, которымъ я былъ подверженъ въ дѣтствѣ, по причинѣ золотушнаго сложенія.

„Различные патологическіе факты, говоритъ Спенсеръ въ книгѣ своей „О воспитаніи", приводятъ къ заключенію, что когда организмъ ребенка выдѣляетъ посредствомъ прыщей оспенную матерію, то въ то же время стремится выдѣлить чрезъ эти прыщи, другія,

причиняющія болѣзни матеріи". Истина этихъ словъ вполнѣ оправдалась на мнѣ.

Выпустили меня на свѣтъ Божій въ апрѣлѣ, почти предъ началомъ экзаменовъ, но не столько пугалъ меня экзаменъ, сколько „Генеральный смотръ годовой исправности въ содержаніи книгъ, записокъ и всѣхъ учебныхъ трудовъ". Смотръ этотъ былъ для насъ то же самое, что для военныхъ, такъ называемый, инспекторскій.

Наканунѣ экзаменовъ назначался день, въ который каждый ученикъ какъ повѣтоваго училища, такъ и гимназіи обязанъ былъ представить всѣ свои книги, тетрадки какъ черновыя, такъ и набѣло переписанныя. Смотрѣлъ же все это самъ директоръ, въ присутствіи инспектора, смотрителя и всѣхъ учителей. Не представившіе всего, что требовалось по извѣстному классу, не допускались къ испытанію.

Чтобы дать приблизительное понятіе о томъ, сколько работы, и при томъ совершенно механической, а слѣдовательно и безполезной, задавало намъ начальство, я укажу здѣсь, какія тетради обязанъ былъ прислать на „генеральный смотръ" ученикъ перваго класса.

По чистописанію, по крайней мѣрѣ, восемь тетрадей, по рисованію—три, по письму „съ диктуры" двѣ, по правописанію четыре, по нѣмецкому языку двѣ, по ариѳметикѣ шесть, по грамматикѣ россійской двѣ, по латинскому языку четыре, по географіи двѣ тетради въ полулистъ, съ раскрашенными картами.

Этотъ пресловутый смотръ, по моему мнѣнію, только тогда достигалъ бы своей цѣли, если бы годичныя письменныя работы приносились учениками въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились къ концу года; но такія именно тетради, конечно, не совсѣмъ чистыя, директоромъ не принимались; нужно было все переписывать, даже „письмо съ диктуры" и чистописаніе.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы готовиться къ экзамену, ученики должны были упражняться цѣлый мѣсяцъ въ каллиграфіи.

Что касается учебниковъ, то не цѣлесообразнѣе ли было пересматривать ихъ въ началѣ года, чѣмъ въ концѣ?

Между разнымъ хламомъ, у меня сохранилась одна изъ тетрадей, побывавшая на смотру, именно „письмо съ диктуры", переписанная дважды, съ тѣми же ошибками, такъ и оставшимися никѣмъ не исправленными.

„Страсти суть ветри, помощею коихъ плаваетъ корабль нашъ, который своимъ кормчимъ имѣетъ расудокъ правещій склонностями“ и проч. въ томъ же безобразномъ видѣ.

„Генеральный смотръ“, какъ и годичные экзамены, окончился благополучно. Я наконецъ получилъ переводъ во второй классъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ первомъ классѣ—на пятомъ году своего ученія въ повѣтовомъ училищѣ:

Vivat academia! vivant professores!

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕЛЬСКІЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.[1])

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

(*Окончаніе*).

IV.

Прошло нѣсколько недѣль со времени послѣдняго памятнаго объясненія для мужиковъ съ лѣсничимъ. Межи и борозды, разграничивавшія участки кобылевскихъ крестьянъ, исчезли изъ глазъ, закрывшись высокимъ, волнистымъ хлѣбомъ. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка надъ полями ржи подымалось облако цвѣточной пыли. „Жыто красуе“, говорили крестьяне. Пыль эта, какъ плодотворное дыханье любви, облетала тощіе, пустые колосья и они съ каждымъ днемъ полнѣли—*наливались*; а ночью, склоня отягченныя головки и колыхаясь на тонкихъ стебелькахъ, соблазнительно шептались между собою. Иногда этотъ шепотъ сливался въ одно густое, теплое дыханье—предвѣстникъ будущаго урожая—и душистою волною проносилось надъ спящимъ селомъ. Жатва уже не за горами, сѣнокосъ же близится къ концу. Въ хатахъ остались только безсильные старики, больныя бабы, малыя дѣти да матери съ грудными дѣтьми. Всѣ же мало-мальски годные къ работѣ отъ понедѣльника до субботы спѣшили убрать сѣнокосъ на болотѣ, докашивая большое „гало“ Трестень, взятое ими у помѣщика „съ половины“.

Широко раскинулось „гало“—края его скрывались въ туманѣ. Весною все оно заливалось водою и сообщаться можно было

---

[1]) „Кіев. Старина“ 1889 г., январь.

только на лодкѣ; потомъ вода спадала, испаряясь отъ солнца, но никогда не высыхала вполнѣ, а, пропитавши губчатый пластъ торфа, застаивалась въ ямахъ, кочкахъ и рвахъ, давая пріютъ карасямъ, вьюнамъ и окунямъ. По верхушкамъ кочекъ шелестѣла жесткая рѣжущая трава, смѣшанная съ „черноголовомъ", колыхался тяжелый тростникъ, внизу же шумѣла трясина. Кое гдѣ на этой зеленой равнинѣ, окруженной лѣсами, росла кустами низкорослая сѣдая верба. Трестень находился довольно далеко отъ Кобылева и крестьяне, пользуясь сухою солнечною погодою, выѣзжали туда цѣлымъ таборомъ съ кухонною посудою и припасами на цѣлую недѣлю впередъ. Вмѣстѣ съ мужчинами отправлялись на сѣнокосъ всѣ здоровыя женщины, въ особенности дѣвушки, сгребать сѣно. Настаетъ послѣдній день косовицы и косятъ кобылевцы упорно, безостановочно, не глядя на то, что и солнце жжетъ ихъ немилосердно своими палящими лучами, отъ которыхъ у многихъ становится темно въ глазахъ. Кажется, все въ природѣ замираетъ отъ зноя, даже зелень травъ и лѣсовъ темнѣетъ и голубое небо мало по малу измѣняетъ свой цвѣтъ, а косари все идутъ впередъ по кочкамъ, иногда по колѣна вязнутъ въ болотѣ, но идутъ и идутъ все впередъ и впередъ, побуждаемые опасеніемъ въ теченіи зимы безкормицы для скота. Иногда поднявшійся вѣтеръ колыхнетъ прибрежныя ольхи, зашелеститъ скрипучею осиною и зловѣще зашепчетъ въ уши: принесу вамъ дождь! Крестьянамъ становится жутко и въ то же время пріятно; опасеніе порчи сѣна смягчается перспективою временной прохлады. Но вѣтеръ поднимается все сильнѣе и сильнѣе и къ его порывамъ примѣшиваеся пискливый голосъ ястреба.

— Пыщыть вже! пыщыть! съ неудовольствіемъ проворчалъ Илько, остривщій косу.—Пыты забажалось, щобъ ты заповитрыло!... Съ тревогою взглянулъ онъ на небо, прислушался со вниманіемъ къ густому шуму чернаго лѣса и снова слухъ его уловилъ протяжное „пи-ить" коршуна. Крестьянинъ почесалъ потный затылокъ.—Конче наклыче дощу, прошепталъ онъ съ тревогою. А хищникъ повисъ въ воздухѣ, чуть взмахивая крыльями, и напрягая зрѣніе, выглядывалъ добычу въ густой травѣ, и изъ груди его вырывался крикъ голода.

— Оксано! чого стала? крикнулъ ей отецъ.—Гребы швыдче! Не чуешъ, що вже й шуликъ крычыть, и витеръ віе! Вже хутко й лыне́, а сина ще яка сыла...

Дѣйствительно, на лугу лежало еще много и сухой, и въ свѣжихъ покосахъ чуть привялой травы.

Оксана въ теченіи нѣсколькихъ дней чувствовала себя нездоровой: ее постоянно тошнило и вся она чувствовала себя какъ бы разбитой. Всѣ дѣвушки гребли въ однѣхъ рубахахъ, изнемогая отъ зноя, а она по временамъ чувствовала ознобъ и одна работала въ андеракѣ, подобранномъ спереди за поясъ; остановившись перевести духъ, она, услыхавъ окрикъ отца, снова печально принялась ворочать сѣно.

— Оксано! а несы лышень тыкву! въ роти пересохло... позвалъ онъ ее опять.

Она поспѣшила поднесть ему круглый, выпуклый сосудъ съ водою; подъ глазами у нея были синіе круги, засохшія губы дрожали, грудь тяжело и не ровно колыхалась отъ прерывистаго дыханья.

— Тепла... На, визьмы!

Въ эту минуту раздавшійся на болотѣ подъ лѣсомъ выстрѣлъ спугнулъ пару утокъ, торопливо съ крикомъ пронесшихся надъ болотомъ, и кулика, спасавшагося неровнымъ полетомъ на покосы. Послѣдній, покидая обильное кормомъ убѣжище, раскричался на цѣлый лугъ: ото люде! и даже достигнувъ противуположнаго берега, все еще повторялъ не своимъ голосомъ: ото люде! Оксана вздрогнула и уронила тыкву на землю.

— Чого се ты? спросилъ отецъ.

— Хто то стрелывъ, тату?...

— Чого жъ ты, дурна, злякалась? Хыба первына! Мае буты Варакса оглядае лисъ, або може Стёба... Постановы тыкву пидъ копыцею, та швыдче до роботы!

Онъ поплевалъ въ ладони, взялъ косу и пошелъ дальше. Вѣтеръ гулялъ по болоту, заглушая или разсѣевая всѣ звуки и отголоски.

— Тату! що винъ каже? спросилъ Сидоръ, съ безпокойствомъ прислушиваясь въ сторону лѣса, гдѣ оставались возы съ лошадьми подъ надзоромъ подростковъ.

— Хто? витеръ?... Дощъ буде.

— Ни! онъ тамъ, по пидъ лисомъ щось гукае.

— Атъ! може диты гукають. Звычайно... сумно самымъ безъ старшыхъ въ лиси.

— Але жъ ни, тату! Онъ тамъ хтось зъ рушныцею...

На опушкѣ лѣса стоялъ Варакса и что то кричалъ косарямъ, протяжно, почти на распѣвъ выговаривая слова, какъ бываетъ при переправахъ, если паромщики находятся на противоположномъ берегу широкой рѣки. Вѣтеръ, дувшій прямо въ лице, уносилъ назадъ звуковыя волны, такъ что только ничтожные отрывки доходили до мѣста назначенія.

— А... почему... не... сторожите... лошадей!.. Заберу!..

— Надсажаеться, чого и що? скептически замѣтилъ Илько сыну.

— Хиба питы? спросилъ тотъ. Щось тамъ про коней каже...

— А хыба... Побижы, сыну, довидайся!..

Сидоръ схватилъ жбанъ и поднесъ къ сихимъ губамъ, но въ немъ оставалось всего нѣсколько глотковъ теплой и мутной воды; онъ взялъ сосудъ подъ мышку и отправился на развѣдки.

— Лошадей заберу! Слышите? повторилъ голосъ подъ лѣсомъ.

— Иду! крикнулъ Сидоръ въ отвѣтъ, приложивъ ко рту кулакъ, свернутый въ трубку. Приблизившись на столько, что можно уже было различить силки для птицъ, висѣвшія у сумки ловчаго, онъ спросилъ, въ чемъ дѣло?

— Развѣ можно такъ дѣлать? выговаривалъ Варакса.

— Або що?

— Какъ что? пускаете лошадей безъ присмотра, а тѣ идутъ прямо на „Безпалыя Ольхи". Ей Богу, прикажу Стёбѣ переловить!..

— Ба й не дыво, panычу-соколе!.. На мураву то кожна товарына поквапыться. То такъ само, якъ мухи до меду.

— Разсказывай, дуракъ! если только потравите мнѣ муравую траву, будетъ вамъ... Пойдете пѣшкомъ въ Кобылевъ и возы на себѣ повезете.

— Не бійтесь спашу, панычу! кони далеко не зайдуть, бо поплутаны. Часамы такы пруться на липшу пашу, але жъ хлопци коло ныхъ...

Говоря это, онъ задорно подмигнулъ ловчему и припалъ надъ „крыныцею“. Это было небольшое круглое углубленіе, наполненное болотною водою. Когда онъ наклонился зачерпнуть воды, двѣ зеленыя жабы плеснули въ темную глубь. Онъ не обратилъ на нихъ вниманія, равно какъ и на то, что кромѣ жабъ плавали въ колодцѣ какія то мелкія, проворныя, отталкивающаго вида насѣкомыя, и жадно глоталъ эту воду; затѣмъ повѣсилъ на дерево черпачекъ изъ березовой коры съ мыслью, что не ему такъ кому нибудь другому пригодится. При этомъ вспомнилось ему, какъ не за долго передъ тѣмъ онъ ударилъ въ животъ младшаго брата, Петра, такъ что тому совсѣмъ захватило духъ; и было за что: тотъ, напившись изъ колодца въ „Дидовымъ Острови“, не только забросилъ черпакъ на дерево, но еще и „запоганилъ“ воду. Вѣдь это обида усталому человѣку, который, не зная этого, захотѣлъ бы освѣжиться и промочить горло.

На лугу между тѣмъ продолжаютъ косить. Сверху печетъ, подъ ногами мокро и работать тяжело, а оставить нельзя, скоро можетъ разыграться гроза и, Боже сохрани, польетъ дождь. Иногда вдругъ становится одуряюще душно на болотѣ; то пластъ торфа—могила животно-растительныхъ организмовъ—выдѣляетъ продукты гніенія. А крестьяне все косятъ не переставая. Только и слышенъ плескъ трясины да мѣрный шелестъ косъ, или сухой звонъ ихъ подъ ударами лопатки.

— Чого винъ? спросилъ Илько сына, съ усиліемъ расправляя наболѣвшія кости.

— А ничого!... Кони идуть на траву. Грозыться, що займе...

— Бачъ, сучый сынъ! трясця его матери.

Оксана гребла сѣно и чувствовала, что руки и ноги отказываются ей служить, словно во снѣ, когда душитъ ее кошмаръ. Ей становилось дурно, въ глазахъ мутилось. Вдругъ она схватилась за животъ и со стономъ повалилась на землю.

— Ой, лышенько! ой, ратуйте! кричала она, катаясь отъ боли. Ой, умру!..

— Що тоби! спрашивали ее окружавшія подруги.

— Що тоби, моя дытыно? съ тревогою спрашивалъ отецъ.

— Ой, тату, ой!.. Такъ вхопыло за жывитъ...

Илько не зналъ, чѣмъ ей помочь.

— Ззила що, або може наврочено? допытывался онъ. Подошла пожилая женщина и остановила его:

— Дай ій спокій, старый; не турбуй головы. Воно й само пройде.

— Але мае буты щось влизло въ сердешну, не правдажъ, кумо?

— Влизло; то й вылизе! проворчала та въ отвѣтъ и, наклонившись къ дѣвушкѣ, спрашивала въ полголоса: Давно жъ то було, Оксано?

— Або я знаю? такъ заразъ по зеленыхъ святахъ... А вже пидступало разъ? Ой, пидступало, але не такъ... Теперъ гирше... Ой, не вытрымаю! покатилась она снова.

— Ничого, любко, ничого! скынешъ, то легше буде. И я колысь зкынула и одно, и друге... А вы чого поставалы? А до роботы! Дывиться якы! сорокы!

Дивчата разошлись къ своимъ граблямъ, но головы ихъ были заняты догадками и соображеніями. Иныя, можетъ быть руководимыя завистью, громко издѣвались надъ несчастьемъ Оксаны, другія, сами не вполнѣ увѣренныя въ себѣ, только соболѣзновали.

— Ну, наробыла соби... нема чого казаты!...

— Зъ кимъ бы то?

— А вже жъ не зъ кимъ, якъ зъ Омелькомъ!... Прыспишыла, сердешна. Якъ бы такъ въ осени, поки се да те... булабъ пишла въ друге село, та й годи... А теперъ що? на осень колыска!... Старша еи сестра, Настя, та була розумниша, краще соби порадыла. Що люде й не довидалысь, а вона вже пишла за Тымошука въ Избине.

— Катузи по заслузи! выкрикнула завистливая, рябая дочь старосты. И колы се вона упоралась?

— Хиба не памъятаешъ? дивилась другая все знающая подруга.—А проты Мыколы, якъ Омелько дрочывся зъ нею й перервавъ клоччя въ журавля.

— Такъ, такъ, памъятаю!

Тучи медленно заволакивали небо. Приближалась гроза. Нужно было искать или убѣжища въ лѣсу, или же спѣшить по

домамъ: изъ такихъ облаковъ если польетъ, то не скоро перестанетъ. Крестьяне съ сожалѣніемъ покидали гало, на которомъ, правда, довольно густо уже стояли стоги сѣна, но еще много лежало только что покошенныхъ покосовъ. Двѣ непреодолимыя силы заставляли ихъ воротиться домой: непогода и наступающій завтра праздникъ св. Иліи, приходившійся среди недѣли, какъ нельзя болѣе некстати. Иначе они не возвратились бы въ деревню раньше субботы.

Въ то время, какъ подъ сводомъ листвы проносились голоса кобылевцевъ, скликавшихъ лошадей, панъ Варакса выходилъ на полянку, гдѣ стояла хата полѣсовщика.

— Богъ помочь! обратился онъ черезъ плетень къ женщинѣ, наклонившейся съ серпомъ въ рукахъ. Она медленно выпрямилась и теперь можно было разсмотрѣть ея увядшія прежде времени черты.

— Спасыби вамъ, панычу!

— У васъ жито уродилось, я это вижу.

— А вродыло, панычу, хвалыты Бога. Звычайно на новыни...

— А гдѣ же твой Стёба?

— Надись вже вернувся зъ обходу... Артемъ! о, Артемъ! Чуешъ?

— А говъ! чого тамъ? отвѣчалъ изъ хаты суровый голосъ.

— Иды швыдче! панычъ клычуть...

— Не зови, Артемиха, я зайду въ хату.

Хата лѣсника, выстроенная по образцу сельскихъ хатъ той мѣстности, была и просторнѣе, и выше ихъ, съ болѣе высокими и широкими окнами и дверями. Въ темныхъ ея сѣняхъ складывались запасы, собранные заботливыми хозяевами. На колышкахъ висѣли безчисленныя пары лаптей, частью собственнаго издѣлія, частью отнятые у крестьянъ, сушоные грибы въ длинныхъ вязкахъ, сырое лыко пучками и готовое уже къ употребленію въ „верчикахъ". Сидя на тощемъ надѣлѣ, полѣсовщикъ не имѣлъ такого достатка, и наравнѣ съ прочими, тайкомъ, съ замираніемъ сердца, долженъ былъ воровать въ панскомъ лѣсу; теперь же онъ былъ грозою для своихъ собратій, и благодаря своему положенію, самъ пользовался дарами природы. Теперь онъ могъ смѣло косить въ дубровѣ, рубить въ лѣсу отборные,

сочные „осмолы“ для лучины. Полянка, нѣкогда занятая подъ майданъ и заваленная „шурами“ березовой коры, была воздѣлана имъ какъ огородъ, другія же засѣяны рожью, ячменемъ, просомъ и овсомъ. Сверхъ того онъ держалъ коня, а жена выкармливала желудями свиней; сначала было птица не велась вслѣдствіе нападеній ястребовъ и кобчиковъ, но мѣткіе выстрѣлы Стёбы устранили и это препятствіе. Доставляя дичь къ столу помѣщика, онъ не забывалъ оставить и для себя какую нибудь пару утокъ или тетерекъ; и теперь, когда сосны мало по малу очищались отъ крестьянскихъ ульевъ, онъ не заботится о своихъ: его пчелы останутся на прежнемъ мѣстѣ. Ничего этого онъ не имѣлъ бы, еслибы не рѣшился сдать землю въ аренду Климу Тетерѣ и отдаться всецѣло своей служебной карьерѣ. Много стоило ему труда примирить на службѣ помѣщику свои интересы съ его интересами, и правда, сначала въ немъ сказывалась старая связь съ деревней, выражавшаяся въ позволеніи многимъ изъ своихъ пріѣзжать ночью за строевымъ лѣсомъ. Пріѣзжали не только изъ Бобылева, но изъ болѣе отдаленныхъ селъ: Избина, Дубровицы, Рашева, Омельковщины и другихъ. Стёба продавалъ имъ дешевле, нежели контора, и безъ ея вѣдома; но такого рода послабленія онъ дѣлалъ только своимъ близкимъ людямъ: кумовьямъ, своимъ и жениным родственникамъ и своякамъ, но съ теченіемъ времени онъ однако прекратилъ этотъ промыселъ, какъ не вполнѣ безопасный. Предшественникъ Вараксы, человѣкъ рачительный, начиналъ догадываться. Ему казалось подозрительнымъ, что Климъ Тетеря, извѣстный бондарь, вдругъ началъ дѣлать ведра и даже бочки изъ дубовыхъ клепокъ, а Илько смастерилъ себѣ возокъ изъ ясеня, между тѣмъ какъ этого дерева не было ни на одномъ изъ крестьянскихъ надѣловъ. Стёба зналъ, что его начальникъ, при всемъ его усердіи, никогда не былъ въ милости ни у пана, ни у лѣсничаго, потому что не былъ достаточно почтителенъ и слылъ старымъ брюзгою. Полѣсовщикъ выжилъ его сплетнями, а самъ еще прочнѣе утвердился на мѣстѣ. Затѣмъ насталъ Тенжулькевичъ, человѣкъ дѣльный, съ новыми понятіями о сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ; онъ смѣстилъ всѣхъ подчиненныхъ,

одинъ Стёба остался и сдѣлался даже его приближеннымъ. Самъ Тенжулькевичъ не могъ бы сказать навѣрно, чѣмъ именно тотъ привлекалъ его, за то крестьяне хорошо знали чѣмъ—ловкою лестью и наговорами на другихъ. За это называли его то лисицею, то обманщикомъ, но чаще всего заимствованнымъ у дѣтей прозвищемъ „цюцьки“. „Иде вже цюцька! онъ де цюцька пишовъ!“ говорили, завидѣвъ его; иногда же, въ минуты сильнаго раздраженія, кричали посвистывая: „фью, фью! на, цюцько, на!“ Враждебное отношеніе къ нему крестьянъ еще болѣе усилилось съ того времени, какъ Тенжулькевичъ организовалъ лѣсную стражу по всѣмъ правиламъ образцоваго лѣсоводства. Пріохоченный извѣстною долею изъ взыскиваемыхъ съ крестьянъ штрафовъ, Стеба удвоилъ старанія и сдѣлался необыкновенно бдительнымъ. Около этого времени родился у него третій ребенокъ! къ двумъ дѣвочкамъ бывшимъ раньше, прибавился въ семьѣ давно желанный сынъ. Жить нужно! Могучая сила овладѣвала имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось вступать въ рукопашную съ упрямымъ лѣснымъ воромъ... Но между ними были и такіе, что не разъ, случалось, заносили топоръ надъ его головой а сохрани Богъ, какъ разгуляется топоръ въ крестьянскихъ рукахъ! Теперь приходится ему съ стѣсненнымъ сердцемъ проходить по селу; враждебные взгляды всѣхъ встрѣчныхъ смущаютъ его. На него нападалъ страхъ... И блиставшая на груди его бляха съ надписью: „лѣсной сторожъ“ перестаетъ его тѣшить съ тѣхъ поръ, какъ Тенжулькевичъ началъ особенно притѣснять кобылевцевъ. Что она поможетъ? Также точно блистала эта бляха на груди лѣсника графа Бѣлозора, а между тѣмъ... страшно подумать! Нѣтъ, и нѣтъ лѣсника, куда бы могъ онъ дѣваться! Обыскали, обшарили цѣлый лѣсъ, страшныя догадки высказывалъ слѣдователь, подозрѣвалъ Борсуки и дѣйствительно раскрылъ правду. Когда растаялъ снѣгъ, въ ямѣ подъ кучею хвороста найденъ былъ разлагающійся трупъ съ раскроеннымъ на двое черепомъ. Оказалось, что борсуковцы, будто защищая казенный лѣсъ... Разбойники! А кобылевцы? Тоже не лучше. Развѣ дѣдъ Тетерей не принадлежалъ къ шайкѣ Прыборы, не шатался по лѣсу, не нападалъ на помѣщичьи дворы? Да и не одинъ онъ. Сохрани

Богъ чего... и Стёба прижималъ къ груди головку своего сына при этихъ страшныхъ мысляхъ. Въ воздухѣ становилось парно, послышался отдаленный ударъ грома. Стёба, завидѣвъ лѣсника, всталъ съ мѣста.

— Здравствуй, Артемъ, сказалъ тотъ, входя въ хату.

— День добрый, панычу.

— Послушай, нужно сбѣгать на Безпалыя Ольхи.

— Да я вже бувъ тамъ, панычу...

— Вотъ именно потому, что былъ. А между тѣмъ кобылевцы, или другой кто, постоянно выкашиваютъ мураву по пути.

— А щобъ ихъ побыла лыха годына!.. Або хто ихъ встереже, панычу? Не тамъ, то тамъ, а завжде щось вскубнуть.

— Такъ вотъ нужно, чтобы не скубли. Безъ этого не держать же тебя. Пойдешь на Ольхи и будешь сторожить. Завтра праздникъ и гроза собирается, они навѣрно раньше отправятся по домамъ. Если остановятся и станутъ косить, самъ знаешь, что дѣлать.

Стёба пустилъ ребенка на полъ и, устремивъ въ окно мрачный взглядъ, медленно чесалъ затылокъ.

— Ну, о чемъ задумался?

— Хочъ бы пршнамній зъ кымъ у двохъ... А то, бороны Боже чого... А нужъ, панычу?

— Еще что выдумалъ? Мнѣ нужно идти въ „Княжее“ повѣрять клепки. Встрѣтишь Юрка, вдвоемъ можете справиться.

Изъ хаты они вышли вмѣстѣ, хотя тотчасъ же разошлись въ разныя стороны, и Стёба двинулся къ Безпалымъ Ольхамъ. Косари въ это же время поспѣшно возвращались изъ лѣса домой. Въ небѣ не разъ уже сталкивались туча съ тучею, гремѣлъ громъ, а возы, подпрыгивая, катились по дорогѣ, переплетенной цѣлою сѣтью древесныхъ корней. Привычные къ такой ѣздѣ крестьяне не обращали вниманія на сильную тряску. Въ верху становилось темно, лѣсъ грозно шумѣлъ. Безпалыя Ольхи были близко. Вотъ впереди засверкалъ длинный бродъ; лошади остановились и неохотно вошли въ воду, понуждаемыя ударами. По сторонамъ шумѣла трясина и ольхи стояли въ водѣ. Крестьяне съ тревогою прислушивались въ сторону гала; тамъ уже буше-

валъ ливень и сверкавшая часто молнія могла пожалуй зажечь ихъ стоги. Всѣ молчали, усталые, встревоженные. Плескъ воды прекратился, лошади громко перевели духъ, выйдя на твердую землю, встряхнулись и пошли дальше. Раздался трескучій ударъ грома; гдѣ то вдали послышался глухой шумъ падающаго дерева. Кругомъ листья зашумѣли подъ крупными каплями дождя. Дорога свернула изъ лѣсу на пустынный, влажный лугъ—это и были завѣтныя „Ольхи". Впереди разстилался роскошный, блестящій коверъ изъ мягкой муравы; проѣзжая по лугу, каждый изъ крестьянъ невольно вспомнилъ о запертыхъ дома на привязи телятахъ. Иные погнали лошадей и скрылись въ лѣсу, но Илько, ѣхавшій теперь впереди, не торопился и жадный взглядъ его упивался зеленью травъ. Лошадь раздѣляла чувства хозяина и, пользуясь медленною ѣздою, на ходу щипала траву, насколько то допускала незатѣйливая ея упряжь. Тетеря поглядѣлъ на лежавшую подъ нимъ вязку вялой сѣроватой и жосткой болотной травы; чрезвычайно жалкой показалась она ему теперь. Теленокъ и не понюхаетъ ее. „Треба злизты, подумалъ онъ, що буде, то буде, а такы трохы травыци нарижу телятамъ." Потянулъ возжи, лошадь остановилась и жадно наклонила голову къ травѣ, грозя перервать веревочную „оброть", продѣтую въ кольцо дуги. Путь былъ прегражденъ и возы, ѣхавшіе сзади, также принуждены были остановиться. Илько между тѣмъ косилъ, съ наслажденіемъ запуская косу въ мягкую, густую траву.

— Що то батько тамъ робыть? недоумѣвалъ Сидоръ, ѣхавшій на одномъ возу съ сестрою.

— Да ну жъ, Ильку, поганяй! Загородывъ людямъ дорогу...

— Дывиться, дывиться! косыть!

— Чы ты здуривъ? кричали сзади. Дощъ иде, буря отъ отъ надходыть, а винъ косыть...

— То дарма! отвѣчалъ Илько невозмутимо, а все жъ такы телята погрызуть трохы травы.

— Чы чуешъ, Кырыло, що винъ каже?

— А вжежъ. Добре, до ладу говорыть: для худобы. Злизаймо й мы!

— Эге! сказано—для худобы...

Черезъ минуту цѣлый лугъ пестрѣлъ людьми, словно праздновалось окончаніе сѣнокоса; всѣ мущины косили, женщины сгребали траву и складывали на возы. Староста послѣднимъ выѣхалъ на поляну и принужденъ былъ остановиться; съ тревожнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на эту картину и не зналъ, что дѣлать. Трава прекрасная, но ему непріятно красть вмѣстѣ съ прочими. Онъ поглядѣлъ на небо и закричалъ:

— А пустить мене! Чого поставалы таборомъ, мовъ цыгане!

Вмѣстѣ съ нимъ на возу сидѣла его дочь и надѣвала новые лапти; одна нога была уже обута и она вытаскивала ободъ изъ стараго лаптя въ ту минуту, когда староста, не дождавшись, чтобы ему очистили дорогу, ударилъ лошадь и пустился прямо по травѣ мимо возовъ. Поравнявшись съ Оксаною, онъ вырвалъ у нея изъ рукъ снопъ травы.

— Ряба! передразнила его дочку оскорбленная дѣвушка въ негодованіи; *старостывна* бросила ей въ лице старый лапоть.

— Ряба, ряба! повторила Оксана.

Вскорѣ и косари послѣдовали за старостою; у каждаго на возу была подстилка изъ мягкой травы—для телятъ. Ѣхали теперь быстро, спасаясь отъ дождя, капавшаго слегка все время, пока шла работа, теперь же полившаго, какъ изъ ведра. Еще издали, отъ самой опушки лѣса, можно было различить слѣды крестьянскихъ косъ, а подъ ольхами у самой дороги поджидалъ Стёба. Первый замѣтилъ его Илько.

— О, вже й цюцька прыйшовъ, бачыте?

— Фью, фью, фью, цюцько!

— На, на! цюцю, на! ходы сюды! такого дамо, що облыжессся...

Но тотъ не спѣшилъ къ нимъ на встрѣчу и ждалъ, пока они приблизятся. Илько ѣхалъ впереди и изо всѣхъ силъ гналъ коня, что, впрочемъ, не помѣшало Стёбѣ схватить его подъ уздцы; сильныя рука лѣсника сразу остановила возъ на мѣстѣ.

— Пусты! закричалъ Илько, стиснувъ зубы.

— Не пустю! отвѣчалъ тотъ также сквозь зубы.

— Собако!.. Докы ты ще волочытымесся по свити? А, ты гадюко!.. На, на!..

Кнутъ пересталъ стегать коня и обратился на лѣсника, но тотчасъ же очутился въ его рукѣ.

— Пусты, бо й голову тутъ зложышъ!..

— Не пустю, покы сина не оддасы.

— Пусты, бо тутъ тоби й смерть!.. И воронъ не закряче, и жадного слиду не лышыться.

— То дарма! въ мене рушныця... Злизай, кажу.

— Люде добри! чы чуете? кричалъ Илько, движимый чувствомъ самосохраненія.—Хоче до насъ стреляты!

Тѣмъ временемъ подъѣхали остальные возы, крестьяне сошли на землю и вокругъ двухъ противниковъ собралась цѣлая толпа.

— Що ты? що ты? схаменысь! тикай, покы жывъ!

И взрослые, и подростки—всѣ сбѣжались при видѣ нападающаго. На фонѣ лѣсной зелени и частыхъ, косыхъ потоковъ дождя выросъ цѣлый лѣсъ головъ надъ головою Стёбы. Глухіе удары кулака о человѣческое тѣло, проклятія и стоны сливались съ грохотомъ на небѣ. Подошелъ къ лѣснику сильный, мускулистый крестьянинъ и рознялъ его руки, но тотъ опять схватилъ за поводья въ ту самую минуту, какъ Илько погналъ лошадь; получивъ ударъ оглоблею въ грудь, онъ принужденъ былъ выпустить ихъ и зашатался отъ боли, но тотчасъ же, съ упрямствомъ собаки, повисъ на шеѣ лошади, волочась за нею по землѣ. Вдругъ въ глазахъ у него потемнѣло, онъ застоналъ: чей то кулакъ со всего размаху угодилъ ему въ животъ.

— Сыдоре, годи, Сыдоре! сдерживалъ племянника Климъ Тетеря. Тяжело ему было видѣть избитымъ свояка, которому онъ все таки былъ кое чѣмъ обязанъ. Вѣдь Стёба отдалъ ему въ аренду свой участокъ земли, хотя могъ бы уступить его старостѣ на болѣе выгодныхъ условіяхъ; затѣмъ было время, когда Стёба, помогалъ ему добывать изъ панскаго лѣса дубовое дерево для клепокъ. Онъ обратился къ разъяренным крестьянамъ съ примирительною рѣчью:

— Та годи вамъ, люде добри! Хыба винъ выненъ? То служба. Онъ що. А вы заразъ бытысь. Було по людськы заговорыты, то бъ пустывъ тай годи, а то зразу до пыску, зразу стосунамы...

Но никто его не слушалъ, а самъ Стёба меньше другихъ; взбѣшенный ударомъ онъ отвѣсилъ Сидору полновѣсную пощечину.

— А лыхо жъ твоій матери! завопилъ Илько и бросилъ возжи младшему сыну. Трымай!

Тутъ онъ соскочилъ на землю и вмѣшался въ толпу, которая изъ дѣйствующихъ лицъ тотчасъ превратилась въ зрителей, чуть только лѣсникъ вступилъ въ единоборство съ Сидоромъ. Когда парубокъ, ошеломленный ударомъ, стоялъ, выпучивъ глаза, толпа ободряла его восклицаніями:

— Сыдоре, ото дурный! Невже такъ и подаруешъ?

Но тотъ уже бросился въ догонку за Стёбою. Крестьяне слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ. Замѣтивъ на Ильковомъ возу одного подростка, лѣсникъ бросился къ нему.

— Ой, тату, бье!.. запищалъ мальчикъ.

Въ одинъ мигъ Петрусь „млынкомъ" вылетѣлъ изъ воза, на которомъ Стёба ускакалъ. Илько и Сидоръ приросли къ землѣ. Только что стояла телѣга съ лошадью и ужъ нѣтъ ея! Она въ рукахъ Стёбы, какъ залогъ штрафа и доказательства его усердія. Крестьяне молча стояли подъ деревьями, пораженные всѣмъ случившимся! Наконецъ Илько не выдержалъ.

— А трясця жъ твоій матери! Дывиться, поихавъ...

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Шукай витра въ поли! Вхопывъ, да й чкурнувъ.

— А щобъ его побыла лыха годына! сыпалъ проклятіями Тетеря. И поихавъ... зъ косою, зъ граблямы, зъ мазныцею—зо всимъ.

— И мазныцю забравъ? распрашивали его съ участіемъ.

— А то-жъ! Була на вози.

— Шукай теперъ!

— Ой, ой, ой! то й косу завизъ?

— А вже жъ!

— Ну, дожыдайся!

— Що-жъ ёго въ свити божому робыты? А бодай же ты одубивъ!

— Шукай, шукай! доганяй его. Що винъ справди конокрадомъ ставъ? подзадоривали Илька крестьяне. Ливень между тѣмъ утихъ и смѣнился мелкимъ дождемъ.

— Годи стояты въ болоти! Шкода коней.

Дѣйствительно, жаль было смотрѣть на лошадей: онѣ стояли измокшія, печальныя и медленно шевелили ушами. Надъ поляною повисла дождевая сѣтка, охватившая длинный рядъ возовъ; остававшіяся въ нихъ женщины закрылись свитами и передниками и сидѣли неподвижно. Но вскорѣ, когда на лугу остались только свѣжіе покосы да многочисленные слѣды колесъ на узкой дорогѣ, дождь полилъ съ прежнею силою и настойчивостью; его крупные потоки, казалось, упорно стремились въ глубь земли, пробивая траву по дорогѣ.

V.

Прошелъ годъ. Вдоль почтовой дороги, со стороны уѣзднаго города катилась бричка, въ ней сидѣлъ Тенжулькевичъ, напряженно вдыхая воздухъ, а сердце его усиленно билось.

— Что это за дымъ, Лука? спросилъ онъ кучера.

— А Богъ ёго знае. Повынно лисъ горыть...

— Погоняй скорѣе!...

По обѣ стороны дороги возвышался вѣковой боръ. Лѣсничій пытался проникнуть его взглядомъ, но не замѣчалъ огня— только мачтовыя сосны быстро мелькали передъ глазами. Но вотъ по мѣрѣ того, какъ бричка подвигалась впередъ, появлялись слѣды опустошенія; молодыя сосновыя заросли непремѣнно погибнутъ, если еще разъ пройдетъ по нимъ пожаръ. Эта печальная мысль въ минуту отравила лѣсничему всю радость побѣды, одержанной надъ крестьянами въ мировомъ судѣ. Если пламя лизнетъ полураспустившуюся листву молодаго березняка, у подножія вѣковыхъ деревьевъ останется только масса скелетовъ вмѣсто веселой зелени молодыхъ побѣговъ. Эта мрачная перспектива помѣшала ему наслаждаться прелестнымъ апрѣльскимъ вечеромъ; не тѣшило его ни щебетаніе коноплянокъ, ни унылая пѣсня дрозда. Когда бричка своротила съ большой дороги на „поворотку“, ведущую въ село, въ сторонѣ послышались тупые удары топора и вскорѣ на изумрудномъ фонѣ зелени обрисовался одинокій силуэтъ крестьянина, взмахивающаго топоромъ.

Онъ „копалъ“ лучину, крехтя при каждомъ ударѣ, обнажалъ заступомъ вѣтвистые корни стараго сосноваго пня и затѣмъ остріемъ „копаныци“ отдѣлялъ ихъ отъ земли. Бричка остановилась.

— Эй, послушай! издали окликнулъ лѣсничій. Гдѣ горитъ?

Крестьянинъ медленно выпрямился и обернулся на голосъ. Прежде чѣмъ отвѣтить онъ оглядѣлся вокругъ, нѣсколько разъ глубоко потянулъ въ себя воздухъ, переполненный гарью, словно стараясь опредѣлить по запаху породу горящаго дерева, затѣмъ отвѣчалъ:

— То, пане, по цій сторони—и указалъ ту часть лѣса, гдѣ находился самъ.

— Вотъ дуракъ! Будто я самъ не вижу, что здѣсь, а не тамъ...

— То, паночку, биля майдана почалось, де Стёба.

— „Почалось“, „почалось“—не въ томъ дѣло!... А теперь гдѣ?

— Теперъ, паночку, скризь: и въ Дидовымъ Острови, и въ Слепечищи, и на Красный Ригъ перескочыло.

— А въ Цецковщинѣ?

— Тамъ вже, кажуть, лисныки згасылы, але влизло въ болото.

— Ахъ черти! я васъ научу поджигать... А у тебя, Деркачъ, зачѣмъ это горитъ огонь? Да еще какъ разъ возлѣ лучины.

Деркачъ поглядѣлъ на тлѣвшія невдалекѣ головни, на синеватыя струйки дыма, подымавшіяся надъ ними; у огня стоялъ небольшой горшечекъ, въ золѣ пекся картофель. Старикъ пожалъ плечами и погладилъ свою сѣдую бороду.

— Якъ то, пане, на що? То вже не можна и кулишу соби наварыты, а ни спекты картопли?

— Да, вы всегда такъ! бросите огонь, а потомъ смотри—пожаръ...

— А Боже бороны, паночку.

Старикъ стоялъ сгорбившись, съ шапкою въ рукѣ. Позади и вокругъ него лежали высокія кучи лучины; все это онъ собственными руками добылъ изъ земли. Раздраженный взглядъ лѣсничаго примѣтилъ ихъ и утратилъ свое суровое выраженіе. Однако этотъ старикъ, несмотря на его лысую голову, еще очень силенъ и одинъ своимъ трудолюбіемъ заткнулъ за поясъ всѣхъ этихъ лежебоковъ кобылевцевъ.

— Деркачъ, дай ка огня, зажечь трубку.

Старикъ принесъ уголекъ на мозолистой ладони.

— Это все твоя лучина?

— А якъ же, пане, моя.

— А что жъ громадскій скотъ? Ты вѣдь прежде былъ пастухомъ?

— А такъ, пане, бувъ колысь; теперъ не впадае...

— Почему?

— Бо винъ, бачыте, пане, оженывъ сына зъ хозяйскою дочкою, объяснилъ кучеръ.

— И отдали за него дѣвушку?

— Далы, пане, мусилы даты... Хлопець завчасу спизнався зъ нею... ще до шлюбу прывела близнятъ. Илько не зтерпивъ бы такого сорому въ своій хати.

— Такъ это Илькова Оксана? дивился Тенжулькевичъ. Сердце его сжалось болѣзненнымъ чувствомъ и самому сдѣлалось какъ то холодно. Среди служебныхъ заботъ встала на мгновеніе въ памяти встрѣча съ этою дѣвушкою и тотъ тихій весенній вечеръ, пѣніе дрозда и громкое воркованіе горлицы въ лѣсу, согрѣтомъ ласковыми лучами заходящаго солнца. Но дымъ лѣснаго пожара прервалъ мечты Тенжулькевича и напомнилъ ему его одинокую бродячую жизнь; въ немъ проснулся главный охранитель лѣсовъ.

— Погоняй, Лука! обратился онъ къ возницѣ и поспѣшилъ въ Кобылевъ, чтобы побудить жителей гасить пожаръ.

И снова глухой звукъ топора раздавался среди рѣдѣющихъ зарослей. Деркачъ понатужился, почти вырвалъ пень изъ земли, но одинъ главный корень упрямо не поддавался; пробовалъ старикъ поднять его ломомъ, но какъ ни старался, всѣ усилія его были напрасны—нужно было сперва подкрѣпиться пищею и онъ принялся за полдникъ: горшечекъ пшеннаго *кулишу* съ картофелемъ, безъ масла, тотъ же картофель печеный и чорный хлѣбъ съ таранью,—старою, горько-соленою рыбою. Жажду онъ утолитъ водою изъ маленькаго импровизированнаго колодца, вырытаго въ ближайшемъ болотѣ нѣсколькими ударами *копаныци*. А пока оттуда доносилось кваканье лягушекъ и сливалось съ мѣрнымъ воркованіемъ лѣсныхъ голубей. Изъ за лѣса выкатился блѣдный кругъ мѣсяца. Деркачъ ни на что не обращалъ вни-

манія, занятый болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ наслажденіе лѣсными видами: онъ вычислялъ въ умѣ, сколько „*шурокъ*“ выйдетъ изъ раскинутыхъ по лѣсу кучъ лучины и сколько денегъ можетъ онъ выручить за нихъ Вдругъ „туркутъ“ прервалъ свою пѣсню и вдали послышался говоръ человѣческихъ голосовъ.— Эге! то кобыляне вертаються зъ повиту, подумалъ онъ. Дѣйствительно, вскорѣ показались на почтовой дорогѣ сгорбленныя фигуры съ бѣлыми „кайстрами“ [1]) за плечами, медленно ступавшія усталыми шагами. Восемь миль прошли они въ одинъ день.

— Гей, гей! а почекайте! окликнулъ старикъ, видя, что они проходятъ мимо.

— Щось гукае по пидъ лисомъ... Надысь свій. Да то-жъ Деркачъ?

— Почекай, свате! Якъ тамъ зъ судомъ?

— А що жъ? ничого.

— Якъ то ничого?

— Бреше винъ! вмѣшался кто то. Прысудылы панови заплатыты намъ. Якъ бы хто побачывъ...

— Да що ты верзешъ, дурню? або не второпавъ...

— Да чого жъ бо вы? сказано—курци просо сныться, оправдывался тотъ.

— Тожъ прысудылы намъ заплатыты штрафъ, або одробляты,— якъ схочемо...

— И якъ же буде?

— Одробымо, диду, одробымо—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Э, помылылысь, не вгадалысте, а я думавъ, що штрафъ... Нехай бы вже нашъ братъ безземельный, то, якъ той казавъ, и...

— Чи вы здурилы, диду? Одробокъ то наша кровъ: багато іи текло, нехай ще потече, абы одбуты, а штрафъ то якъ же? зъ чого? зъ худобы?

— Чому зъ худобы? Въ лиси теперъ ваньчосы [2]) та клепки тешуть... а зимою плыты въязаты—отъ вамъ и заробокъ ще липший, анижъ за лучыну.

---

[1]) Плетеныя изъ рогозы корзинки въ видѣ продолговатаго четырехъугольнаго ящика съ крышкою, которыя надѣваютъ черезъ плечо.

[2]) Ваньчосы—особой формы и размѣра брусья, весьма тщательно отесанные, изготовляемые спеціально для постройки кораблей и барокъ.

— Вже й я имъ казавъ те саме, замѣтилъ Илько.

Въ такихъ разговорахъ крестьяне незамѣтно приближались къ деревнѣ; съ каждымъ шагомъ запахъ гари усиливался.

— Тенжулькевычъ поихавъ зганяты нашыхъ на пожежу, сказалъ Деркачъ.

Въ отвѣтъ посыпались ругательства по адресу лѣсничаго. Ему не могли простить того, что онъ потащилъ ихъ въ судъ какъ разъ во время *оранки* и посѣвовъ; хотя и за дѣло—не отработали денегъ, взятыхъ впередъ за лучину. Но вѣдь не было времени! Нужно было платить подати, потому и взяли деньги; потомъ своя работа помѣшала выполнить обязательство, а не успѣли порядкомъ убрать хлѣбъ, какъ ужъ и зима наступила: земля замерзла—и ломомъ ее не возьмешь. А тутъ снова подати... Богатый продалъ хлѣбъ и заплатилъ, а бѣдный ждалъ благодѣтеля-наемщика. Подвернулся еврей, давалъ задатокъ за перевозку дровъ зимою; всѣ согласились, кто нуждался въ деньгахъ. Отсюда крикъ, „гармыдеръ" въ экономіи: „погодите вы, черти! придетъ сѣнокосъ, тогда запляшете". Они навѣрно отработали бы послѣ весенней запашки и яровыхъ посѣвовъ. Куда! и слушать не хотятъ: скоро наступитъ жатва, а тамъ снова озимые посѣвы, молотьба и, наконецъ, морозы... Нѣтъ, съ такими людьми только судомъ и можно! И потащили—въ самую рабочую пору на трехдневныя мытарства... А Боже жъ нашъ мылый! Ото напасть...

Потокъ жалобъ внезапно прекратился: вниманіе крестьянъ привлекъ общій видъ лѣса. Вечернія сумерки сгустились и сквозь рѣдкую сѣть молодой листвы пробивалось столбами зарево пожара; уже слышенъ былъ шумъ горящаго валежника и трескъ вѣтвей на деревѣ. Крестьянамъ и въ мысль не приходило тушить огонь; всѣ смотрѣли спокойно, даже съ нѣкоторымъ облегченіемъ въ сердцѣ на причиняемое имъ опустошеніе. Деркачъ одинъ былъ въ тревогѣ: по другую сторону дороги лежала кучами его лучина. Чѣмъ дальше въ лѣсъ—дорога становилась все уже, можно было опасаться, какъ бы пламя не перебралось на эту сторону. Черезъ дорогу ежеминутно перескакивали ужи, вытянувъ шеи, шипа отъ страху. За ними медленными

шагами ползла черепаха; заслышавъ человѣческіе шаги, она остановилась и спрятала голову и ноги подъ щитъ. Увидѣвъ, что животныя ищутъ спасенія на этой сторонѣ, старикъ нѣсколько успокоился, но шаговъ за сто дальше замѣтилъ поперекъ дороги чорную полосу перетлѣвшаго вереска и травы. Очевидно огонь перебрался уже черезъ дорогу и пошелъ въ направленіи смолянаго завода. Сердца крестьянъ снова забились тайною радостью, только Деркачъ призадумался и пошелъ назадъ, чтобы окопать свою лучину.

Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ пожаръ становился сильнѣе; слышался трескъ, шумъ, шипѣніе; воздухъ былъ переполненъ дымомъ. Приблизившись къ селу, крестьяне увидѣли громадное зарево; раздались голоса: дывиться! майданъ горыть!

— А нехай горыть, абы разомъ изъ Стёбою!

Между тѣмъ со стороны села долетали громкіе голоса—тамъ шелъ отчаянный споръ: Тенжулькевичъ и староста пререкались съ крестьянами, которые отказывались идти тушить пожаръ. Когда подошли люди, возвращавшіеся изъ города, споръ усилился. Долго еще на опушкѣ лѣса, куда мальчики отправились на ночь съ лошадьми, слышались долетавшіе изъ села три громкіе голоса—Тенжулькевича, старосты и Илька Тетери.

— Але жъ твій батько найдужче крычыть, говорили товарищи Петруку.

— Дыво! отвѣчалъ тотъ. Бо винъ, бачъ, скилькы улыкивъ мусывъ вперты на едну сосну.

Онъ указалъ на крестьянскій лѣсной участокъ; почти весь онъ былъ вырубленъ, только изрѣдка торчали приземистыя сосны; на каждой изъ нихъ стояло по пять, по шесть ульевъ, изгнанныхъ изъ помѣщичьяго лѣса.

К. М.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

7.

Повѣрье о цѣлебномъ значеніи змѣи.

Въ „Номоканонѣ сирѣчь законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ Кіевѣ въ 1624 году, находится любопытное извѣстіе, что украинскія знахарки прикладывали змѣиную кожу къ глазамъ или зубамъ, въ случаѣ нездоровья (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Подобнаго рода повѣрья и обычаи существуютъ и въ настоящее время въ Малороссіи. Такъ, я слышалъ въ Харьковѣ, что лучшее средство отъ лихорадки состоитъ въ подкуриваніи больнаго летучей мышью, ляновищемъ (т. е. сброшенной кожей) змѣи и ремезовымъ гнѣздомъ. Стоитъ хотя небольшими кусочками этихъ предметовъ подкурить больнаго, и болѣзнь какъ рукой сниметъ. Это сложное средство иногда значительно упрощается. Такъ. въ винницкомъ уѣзда больнаго лихорадкой подкуриваютъ засушенной лягушкой (*Чубинскій*, Труды I, 118); въ другихъ мѣстахъ засушенной змѣей.

Въ частности заслуживаетъ вниманія еще встрѣчающееся въ Малороссіи повѣрье объ особенно цѣлебномъ значеніи головки змѣи. Иногда держатъ въ домѣ какую нибудь косточку или раковинку, напоминающую по формѣ и величинѣ змѣиную головку, какъ предметъ, приносящій въ домъ здоровье.

Эти повѣрья не представляются исключительно южнорусскими; сходныя черты находятся въ сказкахъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ вели-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 2 февраль.

корусскихъ, словенскихъ, чешскихъ, болгарскихъ и сербскихъ. Въ былинѣ о Потокѣ, богатырь этотъ, находясь въ могилѣ вмѣстѣ съ своей женой чародѣйкой Авдотьей,

Убиваетъ змѣя лютаго
И сѣкаетъ ему голову
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати
Втѣпоры она еретица
Изъ мертвыхъ пробуждалася.

Въ народной русской сказкѣ мать видитъ въ лѣсу змѣйку надвое разрубленную, и приползла къ ней большая змѣя съ зеленымъ листкомъ во рту, приложила листокъ къ мертвой змѣйкѣ, и та вмигъ срослась и ожила. Тогда мать подняла этотъ листокъ, приложила къ кровавой ранѣ своего малютки, и ребенокъ въ ту же минуту встрепенулся и вмѣстѣ съ жизнью получилъ непомѣрную, богатырскую силу (*Аѳанасьевъ,* Поэт. воззр. II. 567).

У словенцовъ существуетъ повѣрье, что вываривъ въ молокѣ бѣлую змѣю и выпивъ это молоко, можно добыть необыкновенную силу. Въ Чехіи стараются убить 23 апрѣля на св. Георгія змѣю и содранную отъ нея шкуру носятъ на шеѣ отъ лихорадки (*Кирпичниковъ* св. Георгій 140). Здѣсь народное повѣрье о цѣлебномъ значеніи змѣи пріурочено къ 23 апрѣля очевидно подъ вліяніемъ художественныхъ и апокрифическихъ преданій о св. Георгіи.

Въ Болгаріи думаютъ, что змѣи весной обладаютъ цѣлебной силою. Въ это время цыгане ловятъ ихъ и продаютъ живыми на рынкѣ (*Народы Турціи* II, 147).

У Караджича и Березина находятся извѣстія о сербскихъ повѣрьяхъ этого рода. Березинъ въ статьѣ о религіозно-миѳическихъ вѣрованія южныхъ австрійскихъ славянъ сообщаетъ мало-вѣроятное извѣстіе, будто въ дубровническомъ округѣ сохранилось имя древнегреческаго бога врачеванія Эскулапа въ связи съ одной пещерой. Въ этой сталактитовой пещерѣ находится озеро, водой котораго пользуются противъ злокачественной лихорадки. По мнѣнію австрійскихъ сербовъ, змѣй научилъ людей врачеванію; змѣи обладаютъ знаніемъ цѣлебныхъ травъ (*Знаніе* 1877. IV, 80).

Нѣкоторымъ травамъ приписывается въ Малой и Великой Россіи цѣлебное значеніе по отношенію ихъ къ змѣѣ: гадючій просурень, змѣиная трава, змѣевыя головки.

Допуская существованіе у всѣхъ арійскихъ народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ, змѣинаго культа, повидимому, первое мѣсто въ развитіи этого культа прійдется отвести грекамъ. Древніе греки питали уваженіе къ ящерицамъ, змѣямъ, мышамъ и т. п. животнымъ, находящимся въ близкой связи съ землей, матерью всего живущаго. Существовало повѣрье, что земля родитъ гадовъ и червей, и потому змѣи считались дочерями земли, потомъ символами ея. Змѣй помѣщали въ храмахъ Аполлона и Асклепія. Въ эпоху упадка въ аполлоновомъ храмѣ въ Эпирѣ были вѣщія змѣи и предсказанія дѣлались на основаніи ихъ аппетита (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. I, 121). Асклепій изображался съ жезломъ, обвитымъ змѣею. Сынъ Аполлона, богъ врачества и цѣлитель болѣзней Эскулапъ обладалъ силою молодить старыхъ и воскрешать мертвыхъ. Такому искусству его научили змѣи. Однажды обвилась змѣя вокругъ его посоха. Асклепій убилъ ее; но выползла другая змѣя, держа во рту невѣдомую травку, прикосновеніемъ которой и воскресила убитую. Римляне приняли отъ грековъ вѣрованія въ Асклепія. Во время республики, чтобы отвратить моровую язву, римляне отправили въ Эпидавръ пословъ за изображеніемъ Эскулапа. Послы возвратились и привезли ужа, который самъ вползъ на ихъ корабль и въ которомъ римляне признали воплощеннаго бога. Тамъ, гдѣ привезенный ужъ вышелъ на берегъ, былъ построенъ храмъ Эскулапу. (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. II, 566).

Классическія представленія о цѣлебной змѣѣ, какъ воплощеніи Эскулапа, могли оказать вліяніе на славянскія повѣрья о змѣѣ, усилить ихъ новыми чертами и подробностями. Процессъ такого усиленія могъ совершаться частью посредствомъ устныхъ сказаній и преданій, преимущественно при посредствѣ литературнаго воздѣйствія лѣчебниковъ, травниковъ и зелейниковъ, въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчаются змѣиная шкура, змѣиная головка и змѣиныя травки, какъ лечебныя средства. Въ одномъ старинномъ лѣчебникѣ о травѣ попуткѣ говорится: „сказывалъ де виницеянинъ, торговый человѣкъ; лучилось ему дорогою ѣхати съ товары на возѣхъ тяжелыхъ, и змѣя де лежитъ на дорогѣ, и черезъ нее перешелъ возъ, и тутъ ее за-

терло, и она де умерла. И другая змія пришла и принесла во рту припутникъ да на ее возложила, и змія де ожила и поползла" (*Буслаевъ*, Ист. христ. 1351).

Зоологи полагаютъ, что бурый полозъ (Elaphis flavescens) изъ породы большихъ безвредныхъ ужей былъ посвященъ Асклепію и въ среднюю Европу занесенъ римлянами, при чемъ въ Европѣ змѣя эта оселилась вблизи купаленъ Эмса и Шлангенбада, въ мѣстностяхъ древнихъ римскихъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ Европы бурый полозъ встрѣчается рѣдко. (*Бремъ*, V. 219). Если римляне занесли въ среднюю Европу священныхъ змѣй Асклепія, то тѣмъ скорѣе и болѣе могли они занести и распространить сказанія объ ихъ цѣлебномъ значеніи, какія сказанія проникли впослѣдствіи въ эпическую поэзію, лѣчебники и повѣрья.

8.

Мелюзины

Въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи крестьяне вѣрятъ, что въ морѣ находятся странныя существа, полурыбы, полуженщины: голова, руки и брюхо женскія, а вмѣсто ногъ рыбій хвостъ. Называются они Мелюзины. Онѣ обладаютъ такимъ прекраснымъ голосомъ, что когда онѣ поютъ, море перестаетъ волноваться и человѣкъ можетъ заслушаться на вѣки (*Чубинскій* I. 209). Въ восточной Малороссіи также встрѣчаются подобнаго рода разсказы; только мнѣ не приходилось слышать, чтобы здѣсь, напр. въ харьк. губ., морскіе люди назывались Мелюзинами. Въ купянскомъ уѣздѣ ихъ называютъ фаляронами (*Харьк. Сб.* 1888, 90). очевидно, отъ слова фараонъ.

Въ народномъ сказаніи о Мелюзинахъ, какъ ни мало оно по величинѣ, слились два элемента—апокрифъ о переходѣ Моисея черезъ Чермное море и западно-европейская повѣсть о Мелюзинѣ.

Въ апокрифическомъ сказаніи о переходѣ Чермнаго моря: „люди фараоновы обратишася рыбами; у тѣхъ рыбъ главы человѣческія, а тулова нѣтъ; токмо едина глава; а зубы и носъ человѣчь; а гдѣ уши тутъ перье, а гдѣ потылица тутъ хвостъ, а не ястъ ихъ никтоже. И кони и оружія обратишася рыбами, а на конскихъ рыбахъ

шерсть конская, а кожа на нихъ толста на перстъ; ловятъ ихъ и кожи съ нихъ снимаютъ, а тѣло мечутъ; а въ кожахъ переды и подошвы шьютъ; воды тѣ кожи не терпятъ и въ сухо носко на годъ станутъ" (*Пыпинъ*, Памят. ст. р. лит. III. 50). Это апокрифическое сказаніе проникло въ южнорусскій народъ, должно быть, въ давнее еще время, и къ нему впослѣдствіе въ западной Малороссіи пристало кое что изъ европейскихъ сказаній и повѣстей о Мелюзинѣ и прежде всего самое названіе этой феи примкнуло къ апокрифу.

Романъ о Мелюзинѣ возникъ изъ французскихъ народныхъ повѣрій о феяхъ. Въ этомъ романѣ говорится, что волшебница Мелюзина вышла замужъ за графа Раймунда, съ условіемъ, чтобы онъ не искалъ ее по субботамъ, когда она совершала омовенія, во время которыхъ обращалась въ полуженщину полузмѣю. Сначала все шло превосходно, Мелюзина подарила Раймунду 10 сыновей и содѣйствовала построенію великолѣпныхъ замковъ (Лузиньянъ, Ларошель и др.) Братъ Раймунда поселилъ въ немъ подозрѣнія въ невѣрности жены, и однажды Раймундъ въ субботу вошелъ въ зданіе, гдѣ купалась Мелюзина. Съ крикомъ горести и отчаянія, она скрылась изъ его глазъ, а вмѣстѣ съ нею исчезли всѣ его удачи и прахомъ пошло все его богатство (*Simrok*, Die d. Volksbuch VI, 1—119). Первая редакція романа о Мелюзинѣ появилась во Франціи въ 1389 г.; въ нѣмецкой литературѣ романъ этотъ появился впервые въ 1474 г. и удержался до сихъ поръ въ числѣ народныхъ книгъ. Отъ нѣмцевъ романъ о Мелюзинѣ перешелъ въ литературу чешскую, польскую (въ 1569 г.) и русскую (въ 1677 г.) (см. *Пыпина*, Очеркъ лит. ист. 232). Въ западную Украину Мелюзина проникла м. б. изъ польскихъ а м. б. изъ нѣмецкихъ народныхъ пересказовъ романа.

У латышей курляндской губ. записана сказка о морскихъ людяхъ (см. *Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр. II. 44), построенная также на апокрифѣ о переходѣ евреевъ черезъ Чермное море, почти буквально сходная съ малорусскимъ сказаніемъ о фаляронахъ.

9.

Грабуванне.

Въ Русской Правдѣ „розграбежъ“ (разграбленіе) есть родъ взысканія съ имущества за преступленія, какъ разбой, поджогъ, сопряженныя съ имущественнымъ убыткомъ для пострадавшихъ (*Потебня*, Колядки, 497).

Въ Малороссіи этотъ древній обычай долгое время сохранялся; въ восточной Малороссіи сохранился до настоящаго времени, съ тѣмъ же самимъ терминомъ разграбежа или грабування. Въ „Основѣ“ 1862 г. былъ указанъ любопытный южнорусскій обычай грабування. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что „самъ кредиторъ беретъ во дворѣ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ его вещь и уноситъ ее въ себѣ. Въ началѣ XVIII вѣка этотъ способъ взысканія долговъ находилъ освященіе и со стороны мѣстной правительственной власти. Такъ, гетманъ Мазепа въ 1703 году предоставилъ одному лицу право грабувать своихъ неисправныхъ должниковъ и „грабежей не ворочать до выкупленія ихъ“. Въ одной волости въ Малороссіи еще нѣсколько лѣтъ назадъ существовалъ обычай грабить, т. е. забирать у неплательщика податей вещи и держать ихъ въ волостномъ управленіи до уплаты податей. За самовольное примѣненіе этого обычая къ частному долгу виновный наказанъ былъ розгами (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этногр. 260).

Донынѣ въ восточной Малороссіи „грабижъ“ есть названіе законнаго взысканія съ имущества, напр., взысканіе недоимокъ, если при этомъ описывается и продается имущество, такъ что напр. нѣтъ порицанія въ выраженіи: „на праву середу (преполовеніе) прыиздывъ становый грабыть“, т. е. по круговой порукѣ взыскивать съ исправныхъ плательщиковъ за неисправныхъ (*Потебня*, Колядки, 497).

Обычай „править“ и „грабувать“ за долги существуетъ въ настоящее время въ весьма первобытной формѣ, между прочимъ, въ Африкѣ на Золотомъ берегу. Для того, чтобы побудить должника изъ другаго племени къ уплатѣ долга, кредиторъ забираетъ у него насильно рабовъ, родственниковъ и все то, что можно добыть изъ его движимаго имущества. Такой образъ дѣйствія кредитора иногда приводитъ ко всеобщей войнѣ. Малорусскій обычай, разу-

мѣется, значительно мягче африканскаго, какъ слабый остатокъ древняго быта. Самовольное забираніе движимаго имущества должника въ видѣ залога до уплаты, такъ называемое Pfandnahme или просто Näma существовало и въ другихъ европейскихъ странахъ, между прочимъ, и въ средневѣковыхъ городахъ (*Кулишеръ*, 262).

10.

Продолжительность разговоровъ до совершенія торговыхъ сдѣлокъ.

Въ повѣсти „Добре робы, добре и буде“ Г. Ѳ. Квитка отмѣтилъ слѣдующую любопытную черту народныхъ нравовъ. „Вы паны, говоритъ главное дѣйствующее лицо въ этой повѣсти Тихонъ Брусъ правительственному коммиссару, и все хочете по паньски робыты. Вы якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси зналы, що вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы и день лишній живемо, и лишню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлестытысь, та хоть що небудь выторговаты; бо намъ своей трудовой копійки жалко“. Не подлежитъ сомнѣнію, что продолжительность разговоровъ при торговыхъ сдѣлкахъ въ значительной степени обусловливается ограниченностью денежныхъ средствъ крестьянъ, у которыхъ каждая копѣйка на счету; но въ этомъ обычаѣ кроется также характерное культурное переживаніе того древняго быта, при которомъ торговыя сдѣлки происходили исключительно между людьми различныхъ племенъ, незнакомыхъ другъ съ другомъ и даже болѣе того,—враждебныхъ. Нужно было при торговлѣ не только сторговаться въ цѣнѣ, но и ознакомиться съ личностью продавца или покупателя, откуда онъ явился и чѣмъ занимается. Въ торговлѣ русскихъ съ китайцами каждый изъ участвующихъ начинаетъ разговаривать о чемъ нибудь другомъ. Болтаютъ много, выкуриваютъ массу трубокъ, выпиваютъ много чаю и только время отъ времени случайно затрогиваютъ предметъ сдѣлки. Если китайцу приходится заключить сдѣлку съ европейцемъ, то онъ уклоняется отъ рѣшительнаго разговора или совершенно отвиливаетъ или тянетъ такъ долго, что европеецъ становится нетерпѣливымъ.

Одни русскіе, благодаря усвоеннымъ ими пріемамъ торговли, успѣли пріобрѣсть довѣріе китайцевъ; они братаются съ ними. Когда одинъ изъ шафеитовъ (сектанты суннитскаго толка) въ Дамаскѣ входитъ въ лавку другаго, то купецъ и продавецъ усаживаются другъ противъ друга; въ ближайшую кофейню посылаютъ за трубками и двумя чашками кофе; переговоры о дѣлѣ начинаются только со времени появленія трубокъ и кофе и длятся продолжительное время (*Кулишеръ,* Очерки сравн. этногр. 117).

11.

Два слова о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ.

Въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1880 года проф. А. Г. Зайкевичъ помѣстилъ рядъ статей о моральномъ и экономическомъ значеніи пчеловодства. Въ № 106 находится довольно большая статья „Черты изъ исторіи пчеловодства на югѣ Россіи". Здѣсь проф. Зайкевичъ говоритъ объ отношеніи пчеловодства къ церкви и бытовой жизни малороссовъ въ старинное время. Заимствуемъ изъ этой статьи любопытныя строки о старинныхъ украинскихъ церковныхъ пасѣкахъ, при чемъ повторяемъ также пожеланіе автора, чтобы обычай устраивать церковныя пасѣки возродился и укрѣпился въ нашей жизни.

Уже въ древности, въ до-монгольской Руси церкви и монастыри владѣли бортневыми угодьями и пасѣками. Князья, устраивая церкви, надѣляли ихъ поземельными участками, „съ бортники, бортневыми землями, съ озеры, и бобры и перевѣсищи". Обычай дарить въ церкви борти и пасѣки продолжался долго. Кромѣ князей дарили бояре, дѣдичи, паны, козацкіе старшины и простые люди. Такъ возникли церковныя пасѣки, находившіяся въ распоряженіи причта для его нуждъ и для церковныхъ потребностей. Пасѣки эти освобождались отъ налоговъ и даже ханы татарскіе освободили русское духовенство отъ всякихъ медовыхъ даней, чтобы никто не вступалъ въ ихъ угодья и борти. Церковные борти и пасѣки раздѣлили общую участь пчеловодства на югѣ Россіи: къ концу прошлаго столѣтія они начали мало по малу исчезать. Въ описаніяхъ церковныхъ имуществъ, относящихся къ этому времени,

упоминанія о церковныхъ пасѣкахъ рѣдки, или же при перечисленіи имуществъ говорится, что есть борти, но безъ пчелъ, что пчелы вымерли. Замѣчательно, что къ этому же времени относится и исчезновеніе церковныхъ пасѣкъ въ Помераніи, въ прежней землѣ Вендовъ, нынѣ совершенно онѣмеченнаго славянскаго племени, гдѣ также онѣ существовали и гдѣ существовала, какъ у насъ, десятина съ сырыхъ, необработанныхъ продуктовъ пчеловодства, получаемая церквями отъ князей и отъ населенія, сидѣвшаго на церковныхъ оброчныхъ земляхъ. Въ настоящее время еще существуютъ церковныя пасѣки въ с. Климашовкѣ и Зимѣховѣ, ямпольскаго уѣзда, подольской губерніи и с. Сокольникахъ, славяносербскаго уѣзда екатеринославской губерніи, но можно считать, что этотъ прекрасный обычай содержать при церквяхъ пасѣки исчезъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду постепеннаго возрожденія пчеловодства на новыхъ началахъ, не мѣшало бы нашимъ церковнымъ попечительствамъ вспомнить этотъ достойный подражанія обычай предковъ и, вмѣсто того, чтобы нуждаться въ средствахъ или взывать, подчасъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, о матеріальной помощи, возстановить церковныя пасѣки, которыя, будучи устроены на разумныхъ началахъ, могли бы приносить не только значительный доходъ для потребностей церковныхъ, для поддержки сельской школы, для различныхъ дѣлъ благотворительности и прочее, но и служить практической школой для обученія населенія пчеловодству, которое само по себѣ есть дѣло благотворительное и полезное".

Что въ половинѣ прошлаго столѣтія монастырскія начальства заботились о развитіи пчеловодства, видно изъ исторіи Лпиновской Троицкой пустыни бѣлогородской епархіи. Въ 1754 г. економу Лпиновской пустыни было предписано расширить пасѣку, „ульевъ побольше призапасить и пчелу расплодить" (*Лебедевъ*, Историч. разыск. III. 15). Въ Описной книгѣ зміевскаго Никольскаго Косицкаго монастыря 1702 г. значится, что монастырю принадлежало „въ лѣсу двѣ пасѣки и въ тѣхъ пасѣкахъ пчелки едной пасѣкѣ 150 ульевъ, на другой 100" (*Багалѣй*, Матеріалы, 177).

12.

Церковныя свѣчи домашняго приготовленія.

Продажа восковыхъ свѣчъ издавна составляла регалію церкви и причта. Иногда она служила, какъ средство благотворительности, и разрѣшалась высшимъ духовнымъ начальствомъ, какъ вспомоществованіе священникамъ, вдовамъ и сиротамъ. При церквяхъ, гдѣ существовали братства, свѣчной сборъ поступалъ въ пользу учителей братскихъ школъ. Съ 1808 года свѣчной сборъ былъ сосредоточенъ въ рукахъ центральной духовной власти, и на счетъ его стали содержаться духовныя училища и Святѣйшій Синодъ со всею администраціей духовнаго вѣдомства. Изъ остатковъ свѣчнаго сбора образовался огромный духовно-учебный капиталъ (*Харьк. Вѣд.* 1880 № 106).

Рядомъ съ заводскимъ производствомъ церковныхъ свѣчей издавна шло въ Малороссіи домашнее ихъ приготовленіе, очень скромное по размѣрамъ, но весьма поэтическое и задушевное по внѣшной обрядности и внутреннему религіозному одушевленію. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Галиціи пчелы разводятся легко и охотно. Большія пасѣки встрѣчаются только у зажиточныхъ крестьянъ; но пасѣкъ небольшихъ отъ 3 до 20 ульевъ громадное количество, и онѣ встрѣчаются у домохозяевъ съ среднимъ достаткомъ и даже бѣдныхъ. Не получая большихъ прибылей отъ маленькой пасѣки, крестьянинъ однако дорожитъ ею, потому что любитъ „божью муху“, потому что и маленькая пасѣка даетъ ему меду „на Спаса“ и воску на благодарственную свѣчу Богу. Крестьянинъ съ большимъ удовольствіемъ несетъ въ церковь свѣчу домашняго приготовленія, изъ чистаго желтаго воска домашнихъ пчелъ. Самое приготовленіе такихъ свѣчей совершается съ благоговѣніемъ. Когда сукаютъ свѣчи Богу, заботятся о чистотѣ работы и матеріала, работаютъ въ извѣстные дни и часы, съ молитвословіями, иногда съ возженнымъ свѣтильникомъ передъ иконой. Воскъ топятъ на припечкѣ или загнѣткѣ и облекаютъ имъ гнотъ; иногда въ воскъ примѣшиваютъ краску, и тогда получаются цвѣтныя свѣчи, или украшаютъ ихъ золотой бумагой. Такое приготовленіе я видѣлъ въ с. Бороилѣ ахтырскаго уѣзда; подобное же приготовленіе восковыхъ свѣчей существуетъ въ

г. Зміевѣ (см. *Южный Край* 1888 № 2580) и въ Галиціи (см. *Зорю* 1886 г. № 11). Вообще, обычай приготовлять церковныя свѣчи изъ домашняго воска исчезаетъ изъ народнаго быта, частью вслѣдствіе упадка пчеловодства, главнымъ образомъ потому, что сельское духовенство и церковные старосты преслѣдуютъ этотъ обычай, какъ убыточный для церковной кассы. Иногда крестьяне покупаютъ на сторонѣ дешевыя парафиновыя и церезиновыя свѣчи, отъ копоти которыхъ портятся церковныя украшенія. Не имѣя ни времени, ни возможности опредѣлять доброкачественность приносимыхъ въ церковь свѣчей, церковное начальство огуломъ ихъ преслѣдуетъ, иногда въ слишкомъ рѣзкой формѣ. Въ „Южномъ Краѣ" 1888 г. № 2580 было напечатано слѣдующее сѣтованіе какого то благочестиваго селянина: „Съ благоговѣніемъ входитъ христіанинъ въ домъ Божій, держа въ рукѣ свою свѣчку, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, поклоняется передъ образомъ и возжигаетъ свѣчу, радуясь въ простотѣ сердечной, что несетъ свою посильную лепту. Но вдругъ, не успѣлъ онъ отнять руки отъ зажженой свѣчи, какъ видитъ, что она изломана, исковеркана; жертва его отвергнута. И слышитъ онъ слова негодованія за то, что онъ дѣлаетъ съ благоговѣніемъ, — порицаніе того, что онъ считалъ священнымъ".

13.

Цвѣтные кафельные изразцы.

Въ старинное время въ Малороссіи процвѣтало кафельное художество. На изразцахъ воспроизводились сцены изъ окружающей или минувшей жизни. „Представьте себѣ, писалъ Ѳ. Г. Лебединцевъ въ „Кіев. Старинѣ" 1883 (I. 4), что въ какой нибудь свѣтлицѣ или горницѣ давняго времени, которыя равнозначущи были нашимъ заламъ и гостинымъ, выступала далеко отъ стѣны огромныхъ размѣровъ печь, а по ней всюду, сверху и до низу, съ фронта и съ боковъ сцены то близко знакомой боевой жизни и даже недавно оконченной компаніи, то будничной трудовой, то буколическая картинка желающей схватить гусенка „шулики", сычащей гусыни, сочувствующей и старающейся помочь ей собаченки, то иронія надъ

праздностью городской барышни или женщины, пускающей птицу изъ рукъ, то тяжелыя сцены мужа, цѣпомъ поучающаго свою жену, или борьбы человѣка съ сильными звѣрями и чудовищами, то самое чудовище невиданное и неслыханное, то видѣнныя когда то въ далекихъ краяхъ птицы и животныя, то легендарная Осавуръ--могила и печальная на ней кончина козака, не достигшаго родины, то забавныя сцены разгульной жизни, то противоположныя имъ сцены изъ св. исторіи,—и каждая изъ нихъ наводитъ на ту или другую мысль, пробуждаетъ то или иное воспоминаніе, возвышаетъ и оживляетъ духъ, или вторитъ настроенію данной минуты одиночнаго наблюдателя или цѣлой, весело либо грустно и набожно настроенной компаніи. Только сообразивъ все указанное, мы поймемъ, какое широкое жизненное значеніе имѣла эта кафельная книга, какъ много она отъ самихъ авторовъ ея требовала развитія, наблюдательности и сообразительности".

Трудно сказать, какъ рано появилось въ Малороссіи кафельное искусство. Въ XVII ст. оно уже находилось на высокой степени развитія. Павелъ Алеппскій, бывшій въ Кіевѣ въ 1653 г., говоритъ, что кельи монаховъ въ Печерскомъ монастырѣ отоплялись и каминами, сложенными изъ цвѣтныхъ изразцовъ (*Сборн.* матер. по историч. топогр. Кіева, 58). Еще недавно цвѣтныя изразцовыя печи часто встрѣчались въ домахъ дворянъ и мѣщанъ харьковской губерніи; но затѣмъ бѣлая заводская кафля мало по малу вытѣснила цвѣтную кафлю кустарнаго гончарнаго производства, и теперь цвѣтную изразцовую печь изрѣдка можно встрѣтить въ домахъ мелкопомѣстныхъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ и мѣщанъ. Чаще такого рода печи встрѣчаются въ Галиціи, гдѣ, по словамъ I. О—аго (въ *Кіев. Стар.* 1883, II. 473), гончарное искусство достигло высокой степени развитія относительно подбора красокъ, изящества поливы, правильности и оригинальности узоровъ.

14.

Къ исторіи южнорусской иконописи.

Въ то время, когда сѣвернорусскіе иконописные пріемы обстоятельно изучены, всѣ выдающіеся памятники иконописи московской,

владимірской, новгородской собраны и изслѣдованы, иконопись южнорусская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, не обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ малоизвѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или въ сельскихъ церквяхъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ, остатки южнорусской иконописи заслуживаютъ полнаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія, —этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась своеобразная струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда (*Аристовъ*, Промышл. др. Руси, 185), южнорусскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; но съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ „маткѣ своей Малой Россіи“ (*Сам. Величко*, Лѣтоп. 1, 98, 36), онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII ст. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно италіанскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ, южнорусскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти мало того, что удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты. Недавно, при передѣлкѣ ягеллонской каплицы въ Краковѣ на стѣнкѣ открыты были фрески, рисованныя русскимъ художникомъ, съ мотивами, совершенно чуждыми латинской церкви. Оказывается, что Ягелло, врагъ Руси и православія, украсилъ свою часовню восточнымъ орнаментомъ, произведеніемъ кисти русскаго художника. На фрескахъ изображены: Рождество, Христосъ въ саду, разговоръ Христа съ фарисеемъ, дорога на Голгофу, Христосъ передъ Пилатомъ, смерть Христа, Воскресеніе, Благовѣщеніе, Успеніе Дѣвы Маріи. Изображеніе Рождества Христова построено на апокрифическихъ мотивахъ: Христосъ лежитъ въ ясляхъ; на него дышутъ волъ и оселъ. Пр. Дѣва Марія лежитъ на постели; возлѣ Нея женщина. На другой фрескѣ Младенца Христа купаютъ. Успе-

ніе Богородицы, принятое въ западной иконописи до XV ст., а въ восточной иконописи сохранившееся до нынѣ, изображено такимъ образомъ: Пр. Дѣва Марія лежитъ, окруженная апостолами. Христосъ въ сонмѣ ангеловъ сходитъ съ неба и принимаетъ душу пречистой своей Матери, изображенную въ видѣ ребенка. Какой то невѣра хочетъ дотронуться до тѣла Богоматери; но архангелъ Михаилъ отрубываетъ ему руку. На заднемъ планѣ ангелы уносятъ апостоловъ, и между ними стоитъ Богородица. На землѣ множество народа, епископовъ, королей; внизу видъ города. По словамъ краковскихъ ученыхъ, „рисунокъ сильный и правильный; композиція смѣлая; лица изображены правильно и живо, что въ совокупности ставитъ эти фрески въ рядъ самыхъ знаменитыхъ памятниковъ искусства времени, предшествовавшаго художественной дѣятельности Массачіо во Флоренціи и братьевъ Ванъ-Эйковъ въ Бриггенѣ“ (*Зоря*, 1885, № 21).

Въ числѣ иконъ мѣстной южнорусской работы встрѣчались настолько художественныя, что вызывали похвалы со стороны образованныхъ грековъ, посѣщавшихъ Русь. Такъ, Павелъ Алеппскій, бывшій въ Малороссіи въ половинѣ семнадцатаго вѣка, проѣздомъ въ Москву, съ большой похвалой отзывается о живописи одной видѣнной имъ въ Малороссіи иконы (*Сборн.* матер. по ист. топогр. Кіева, 60).

На многихъ иконахъ отразились черты южнорусскаго быта. Такъ, на рогатинскомъ иконостасѣ, находившемся на археологической выставкѣ въ Львовѣ въ 1885 г., лица ветхозавѣтной исторіи изображены въ малорусскихъ костюмахъ XVII в. На иконѣ, изображающей пребываніе трехъ ангеловъ у Авраама, скатерти, посуда, кушанья и напитки взяты изъ жизни русскаго народа XVII вѣка. Рогатинскій иконостасъ рисованъ въ 1649 (*Зоря*, 1885, № 21). Въ особенности много національныхъ бытовыхъ чертъ на запорожскихъ иконахъ. Такъ, въ Никополѣ находится старинная запорожская икона Покрова Богоматери слѣдующаго содержанія: на липовой доскѣ въ три четверти длины и въ двѣ ширины изображены Богоматерь, Николай чудотворецъ и архистратигъ Михаилъ, а ниже ихъ представлены запорожцы въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами съ открытыми, гладко выбритыми головами. Они стоятъ внизу

иконы, на краяхъ, а въ серединѣ знамена и вся козацкая арматура. Отъ козака, стоящаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видѣ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: „Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла". Нѣсколько выше этой надписи сдѣлана другая: „Избавлю и покрыю люди моя". По преданію, эта икона изображаетъ кошеваго П. И. Калнишевскаго съ товариществомъ (*Эварницкій*, Запорожье, II, 51, съ рисункомъ иконы). Въ церкви села Покровскаго хранится икона Богоматери слѣдующаго содержанія: Богоматерь распростерла руки, а у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ на первомъ планѣ архіерей, а на второмъ—запорожцы, безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ виднѣются чубы (Ib. II, 193, съ рисункомъ).

Въ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ также находится икона съ запорожскими фигурами. На полотнѣ, вставленномъ въ деревянную раму, высоты 20, ширины 15 вершковъ, изображенъ Господь Вседержитель въ высокой тіарѣ на головѣ, въ пурпурной мантіи на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и державнымъ яблокомъ въ лѣвой. На немъ изображенъ лѣсъ и посреди лѣса озеро, изъ озера течетъ рѣчка; черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и на всемъ этомъ ландшафтѣ три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышѣ и цѣлится въ плавающихъ по рѣкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ кашу. Около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, а около рѣчки видна одномачтовая козацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, отчего и держитъ въ своемъ державномъ яблокѣ (Ibid. I, 87). Въ одномъ письмѣ ко мнѣ покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ писалъ о привезенной въ Кіевъ малорусской иконѣ начала прошлаго вѣка, на которой, между прочимъ, изображены въ числѣ молящихся нѣсколько козаковъ изъ старшины и жены ихъ, въ національныхъ костюмахъ того времени.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, между прочимъ, находится небольшая икона Богоматери,

на которой пресв. Дѣва Марія изображена въ видѣ красивой малорусской дѣвушки, въ малорусской одеждѣ и съ монистами на шеѣ. Своеобразныя произведенія южнорусской иконописи находятся еще въ христіанскомъ музеѣ академіи художествъ и въ коллекціяхъ Тарновскаго и Кибальчича (*Новое Время*, 1882, № 2445).

Особенно оригинальными подробностями отличаются южнорусскія изображенія страшнаго суда. Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи имѣетъ три любопытныхъ памятника этого рода церковной живописи. Первая картина на холстѣ, вышиною $3^3/_4$ аршина, шириною 4 арш., доставлена изъ черкасскаго уѣзда кіевской губерніи. Въ нижней части картины, въ аду, находятся, между прочими, ткачъ съ клубками нитокъ, лихварь съ веревкою черезъ плечо, на которой висятъ кошели съ деньгами, пьяница и вѣдьма. Другая икона на деревѣ XVII вѣка изъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря имѣетъ въ аду въ числѣ грѣшниковъ магометанъ въ навояхъ, ляховъ въ манжетахъ, евреевъ, вельможъ, монаховъ, архіереевъ. Но высшую степень оригинальности представляетъ третья картина суда на полотнѣ XVIII в. Въ ряду многочисленныхъ изображеній выдаются: женщина на постели подъ краснымъ одѣяломъ, а у ногъ ея стоитъ бѣсъ: это, какъ объясняетъ надпись, лѣнивцы до церкви; судья ѣдетъ въ адъ въ коляскѣ, въ которую впряжены два дьявола, третій дьяволъ исполняетъ роль кучера и четвертый — лакея позади коляски; вѣдьма съ деревянной шайкой, въ которой она приготовляла зелье; наложница съ змѣями на лицѣ и на груди; чаровникъ съ змѣемъ и стклянкою; колдунья, заламывающая жито; воръ, кравшій снопы; портной съ аршиномъ въ рукѣ, ножницами и кусками красной матеріи; сапожникъ съ сапогомъ въ рукахъ; ткачъ съ клубками нитокъ; мельникъ съ жерновомъ. Нѣсколько ниже изображена веселая забава: молодой мужчина танцуетъ съ женщиной; подлѣ нихъ музыкантъ, играющій на скрипкѣ, два бѣса поощряютъ эту забаву. Далѣе слѣдуетъ грѣшница дѣтоубійца, „та що дѣти тратила": демонъ показываетъ ей умерщвленнаго ребенка. Грѣшникъ пчелокрадъ—„пчоли краде": изображено дерево, съ ульемъ наверху; вокругъ него летаютъ испуганныя пчелы; воръ въ кафтанѣ и лаптяхъ вынимаетъ изъ улья медъ, а стоящій сзади дьяволъ ободряетъ его. Кумъ и кума пируютъ на тележкѣ, которую

везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка, у кумы рюмка. „Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Покровскій, эти вѣдьма и закрутка, лихварь въ образѣ еврея, портной, сапожникъ и мельникъ, представители промышленности, съ которыми чаще всего приходится имѣть дѣло простолюдину, явились здѣсь не случайно, но отразили въ себѣ недуги данной мѣстности. Въ этихъ подробностяхъ нельзя не видѣть свободнаго отношенія художника къ своей задачѣ, стремленія замѣнить условную схему живыми образцами, взятыми съ натуры, и съ этой стороны указанныя картины суда, помимо своего художественнаго значенія, представляютъ нѣкоторый интересъ этнографическихъ характеристикъ“ (*Покровскій*, Труды одес. археол. съѣзда III, 327).

По свидѣтельству Ѳ. Г. Лебединцева, въ правобережной Украинѣ еще недавно на картинахъ страшнаго суда можно было видѣть, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраной чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома или поссесора, съ бичемъ у черта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью choć do piekła, ale z fajką, или же на днѣ ада, въ образѣ сребролюбца Іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столоначальника духовнаго правленія (*Лебед.*, въ Кіев. Стар. 1883, I, 4).

Картина страшнаго суда встрѣчается въ настоящее время въ монастыряхъ, напримѣръ, въ Куряжскомъ монастырѣ, при входѣ въ монастырь подъ колокольней, на одной стѣнкѣ изображены праведники—все монахи, на другой грѣшники, въ огнѣ, охваченные большой змѣей, имѣющей на своихъ кольцахъ надписи грѣховъ, что обычно на картинахъ страшнаго суда, начиная съ XVI вѣка.

Картина страшнаго суда съ бытовыми подробностями въ послѣднее время стала весьма распространенной среди лубочныхъ изданій. Въ разсказѣ Павла Шулики „Де найшовъ—де загубывъ“ отмѣчена, между прочимъ, слѣдующая лубочная картина въ крестьянской избѣ: „На здоровому лысту намалеваный змій... Повывся той змій высоко, высоко, а по ему йдуть душы праведни до Господа мылосердного на вичну радисть, который у раи трапезуе зъ ангеламы. Унызу жъ превелыкого змія рознята пасть съ зубамы, а въ пасти палае велыке поломья, а въ тимъ поломьи сыдыть самъ батько всихъ грихивъ

сатана, а у ёго на колинахъ Юда зъ гаманцемъ, що продавъ Хрыста и привытае тихъ, що йдутъ у те полумья превелыкымъ ланцугомъ зачеплени души гришни по чынахъ, якъ и на симъ свити: попереду рушають архіереи, а тамъ попы, ченци, генералы, судди, купцы, шинкары, дали вже и наши братчыкы, и симъ то ланцюгомъ тягне цилый табунъ чортивъ, а позаду превелыкою ломакою намыряется буцимъ быты по потылыци, щобъ не зупынялысь" (*Основа* 1862, IV, 80).

Свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ иконахъ разбросаны въ историко-статистическихъ описаніяхъ епархій харьковской и черниговской преосв. Филарета и въ Ист.-стат. опис. екатеринославской епархіи преосв. Θеодосія, но свѣдѣнія скудныя, малочисленныя. Можетъ быть, почтенные архипастыри, собиравшіе свѣдѣнія отъ сельскихъ священниковъ, находили неудобнымъ упоминать о существованіи нѣкоторыхъ иконъ съ чертами свѣтскаго характера, съ мелкими бытовыми подробностями. Изъ свѣдѣній о памятникахъ русскаго искусства и древностей, доставленныхъ въ 1887 г. въ харьк. губ. статист. комитетъ священниками харьковской епархіи, видно, что въ с. Водяномъ зміев. у. имѣется деревянная церковь съ замѣчательнымъ иконостасомъ XVII ст. Въ с. Ольшанѣ харьк. у. сохранились древнія иконы Спасителя, Богородицы, св. Николая и св. Варвары, принесенныя первыми поселянцами изъ за Днѣпра въ 1650 г. Въ соборной церкви г. Лебедина хранится образъ св. Николая весьма художественной отдѣлки и ликъ Спасителя, едва замѣтный, древней живописи, весьма искусно выполненный въ византійскомъ вкусѣ (*Багалѣй*, Археол. замѣтки о харьк. губ. 13).

У частныхъ лицъ, полагаю, немало еще хранится старинныхъ малорусскихъ иконъ. Такъ, въ слободѣ Боромлѣ въ моемъ домѣ находится большая икона Mater dolorosa прошлаго столѣтія, работы какого то мѣстнаго художника. Богородица стоитъ съ сложенными на груди руками, и къ сердцу ея направляются стрѣлы; съ правой стороны—стоитъ ангелъ и съ лѣвой—ангелъ; они держатъ въ рукахъ свитки, на которыхъ начертаны изреченія изъ св. Писанія.

Иконописаніе сохранилось въ с. Борисовкѣ грайворонскаго уѣзда, въ смыслѣ кустарнаго промысла. Изготовляемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и проникаютъ въ Сербію и Болгарію.

Извѣстный въ исторіи живописи Боровиковскій учился живописи въ с. Борисовкѣ. Квитка-Основьяненко въ одной своей повѣсти замѣчаетъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ „найлучши богомазы, иконописцы и усяки маляры". Въ исторіи борисовской иконописи указываютъ еще на слѣдующее сѣвернорусское вліяніе: знаменитый сподвижникъ Петра Великаго Б. П. Шереметьевъ основалъ въ 1714 г. Борисовскій женскій монастырь и для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ вызвалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева, который и содѣйствовалъ обученію борисовскихъ жителей иконописному мастерству (*Добротв.*, Куст. пром. курск. губ.). Повидимому, трудъ Игнатьева упалъ на подготовленную уже почву, и успѣшное развитіе борисовскаго иконописанія обусловлено было художественными наклонностями мѣстнаго украинскаго населенія и существованіемъ среди него издавна искусныхъ маляровъ. И въ Харьковѣ еще недавно среди мѣстныхъ мѣщанъ малороссовъ встрѣчались искусные иконописцы, работавшіе дешево и хорошо, напримѣръ Басько.

Священникъ Никоновъ въ статьѣ о бытѣ и хозяйствѣ малороссовъ въ воронежской губерніи, напечатанной въ Трудахъ Вольно-Эконом. общества, говоритъ, что многіе малороссіяне въ воронеж. губ., начавъ малярствомъ, достигли потомъ значительныхъ успѣховъ въ живописи. Заѣзжіе и туземные иконописные мастера нерѣдко принимаютъ ихъ въ свои артели и даютъ хорошія цѣны; много есть также туземныхъ хорошихъ алфрейщиковъ; слобода Алексѣевка особенно богата такими художниками, какъ Бутурлиновка мастерами золотыхъ дѣлъ (стр. 330).

Живое религіозное чувство малоросса ищетъ выхода въ иконописи. По словамъ авторитетнаго въ данномъ случаѣ свидѣтеля свящ. Никонова: „малороссъ.... приверженъ ко всему священному и церковному; въ частности въ церквяхъ онъ любитъ видѣть какъ можно болѣе иконъ, особенно ярко написанныхъ, любитъ образное представленіе всей священной исторіи и евангельской нравственности; потому, чѣмъ болѣе стѣны церковныя (кромѣ иконописи) разукрашены всевозможными картинами, тѣмъ охотнѣе онъ входитъ въ такую церковь, тѣмъ теплѣе молится. Вслѣдствіе этого малороссъ—маляръ съ раннихъ поръ пускается въ живопись священно-историческую;

сначала копируетъ съ какихъ нибудь оригиналовъ, потомъ, желая пустить въ ходъ порожденія собственнаго воображенія, начинаетъ сочинять. Сперва онъ даритъ свои произведенія знакомымъ и жертвуетъ въ приходскую церковь; отъ дара и отъ жертвы, приносимой съ видимымъ усердіемъ, было бы грѣшно отказаться; а затѣмъ для этихъ самородныхъ произведеній находятся и покупатели"...

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУССКІЯ КОЛОНІИ ВЪ ДОБРУДЖѢ.[1]

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(*Окончаніе*).

III.

Общественная организація.—Громада.—Церковь.—Монастыри въ Чиликѣ,—Школа, грамотность, народная словесность. — Новая эмиграція изъ Россіи.—Заключеніе.

Общественная организація украинскихъ переселенцевъ въ Добруджѣ складывалась прежде всего, разумѣется, по типамъ, перенесеннымъ изъ Украины. Первые переселенцы—запорожцы основались въ Добруджѣ, какъ извѣстно, на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существовала и приднѣпровская Сѣчь, т. е. образовали собой группу совершенно самостоятельныхъ какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ рыболовныхъ общинъ, соединенныхъ вмѣстѣ на федеративныхъ, главнымъ образомъ военныхъ, основаніяхъ. Какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, каждый курень представлялъ собою отдѣльную самоуправлявшуюся общину съ своимъ отдѣльнымъ общественнымъ хозяйствомъ, заключавшимся главнымъ образомъ въ общинныхъ рыболовныхъ заводахъ, и съ самостоятельно избиравшимся хозяиномъ и администраторомъ этой общины, куреннымъ атаманомъ, въ военное время предводительствовавшимъ своимъ куренемъ и подчинявшимся кошевому атаману только въ военномъ отношеніи. Союзная, т. е. кошевая

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., февраль.

администрація, состоявшая изъ войсковой старшины, представляла собой всю Сѣчь во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ зависимости отъ этого завѣдывала землями, отведенными турецкимъ правительствомъ, деньгами и провіантомъ, получавшимися отъ него же, завѣдывала внутренними сѣчевыми распорядками, преимущественно военными, а также обще-сѣчевыми доходами (напр., питейнымъ) и расходами, и была, наконецъ, второй инстанціей войсковаго суда, первой инстанціей котораго былъ курень, а послѣдней, равно какъ носителемъ всей высшей власти, была сѣчевая рада, т. е. собраніе всѣхъ лицъ, составлявшихъ Сѣчь. Послѣдовавшіе затѣмъ за запорожцами переселенцы, образовавшіе вокругъ Сѣчи земледѣльческія поселенія, такъ наз. райю,— явились уже въ Добруджу съ задатками частнаго хозяйства и основались на общей землѣ въ видѣ земледѣльческихъ общинъ, каждый членъ которыхъ велъ свое отдѣльное хозяйство. Внутренняя организація райи намъ недостаточно извѣстна, но мы знаемъ все таки, что общественные распорядки въ ней устанавливались сходами всѣхъ членовъ. Запорожскому же кошу райя подчинялась только какъ учрежденію, посредствовавшему между нею и турецкимъ правительствомъ. Наконецъ, послѣ уничтоженія Сѣчи, новѣйшіе, уже почти исключительно занимавшіеся только земледѣліемъ, украинскіе колонисты образовали собой сельскія и городскія общины, организованныя на тѣхъ же началахъ общиннаго самоуправленія, какъ и прежняя райя, но сносившіяся уже непосредственно съ турецкимъ правительствомъ посредствомъ выборныхъ изъ своей среды лицъ — мухтаровъ или *чорбаджіевъ*. Такимъ образомъ во время турецкаго господства въ Добруджѣ, украинскія поселенія представляли собой, въ смыслѣ организаціи, сельскія и городскія общества, въ которыхъ главная административная власть принадлежала сельскому сходу, или *громадѣ*, исполнительная же—чорбаджи и его помощнику—*осавулу* или *кихайѣ*. Эти должностныя лица, особенно чорбаджи, должны были непремѣнно знать по-турецки и выбирались на полгода или на годъ. „А добрый онъ для васъ человѣкъ?“ спрашивалъ обыкновенно паша депутатовъ, представлявшихъ ему отъ имени громады новаго чорбаджи.—„Добрый!“ „Ну такъ пусть и бу-

детъ!“ Громада завѣдывала всѣми общественными распорядками, разборомъ поземельныхъ отношеній, пользованіемъ лѣсами и пастбищами, сѣнокосами, церковными—а въ Тульчѣ—и училищными дѣлами и кромѣ того и находившимся (существующимъ и до сихъ поръ) при церкви шпиталемъ и проч. Ей же принадлежала раскладка и сборъ податей и опредѣленіе десятины, для чего при чорбаджи состояло 5—6 выборныхъ стариковъ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ совѣта по части налоговъ и выбиравшихъ изъ своей среды сборщика податей. Собраніе чорбаджіевъ составляло такъ называв. *меджлисъ* или совѣтъ при пашѣ, жившемъ въ Тульчѣ, и занималось обсужденіемъ всѣхъ земскихъ дѣлъ, выходившихъ изъ компетенціи отдѣльныхъ общинъ, рѣшенія же меджлиса, одобренныя пашей, приводились въ исполненіе каждымъ изъ чорбаджіевъ въ границахъ его общины. Въ г. Тульчѣ, какъ и во всѣхъ городахъ восточныхъ, населеніе разныхъ національностей живетъ въ отдѣльныхъ частяхъ города, въ предмѣстьяхъ, называемыхъ *магалами* (такимъ образомъ въ Тульчѣ существуютъ: турецкая, жидовская, армянская, молоканская, двѣ руснацкихъ, болгарская, липованская и проч. магалы) и при туркахъ выборные отъ каждой магалы составляли городской совѣтъ—*билидіэ*,—нѣчто въ родѣ городской думы. Въ судебномъ отношеніи первой и почти всегда окончательной инстанціей былъ громадскій судъ, т. е. просто предъявленіе спорнаго дѣла громадѣ, въ воскресенье послѣ церковной службы. Только въ немногихъ болѣе важныхъ случаяхъ обращались къ турецкому суду. Въ настоящее время, послѣ присоединенія къ Румыніи, организація и самоуправленіе сельскихъ общинъ остаются болѣе или менѣе въ прежнемъ видѣ съ прибавкой новаго названія *нотаря*, т. е. писаря, который состоитъ при *примарѣ* (бывшемъ чорбаджи) и играетъ почти ту же роль, какъ волостные писаря при старшинахъ въ Россіи; что же касается меджлиса, то онъ теперь не существуетъ и замѣненъ казенной администраціей, во главѣ которой находится префектъ и администраторы для каждаго изъ округовъ. Въ городскомъ управленіи тоже уничтожилось представительство частей города (магалы) и замѣнилось городскимъ совѣтомъ, избираемымъ всѣми жителями города

вообще, и примаромъ, избираемымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ нѣсколькихъ представляемыхъ городомъ кандидатовъ. Такимъ образомъ при румынскомъ режимѣ, областное и отчасти городское самоуправленіе, а вслѣдствіе этого до извѣстной степени и сельское, оказываются уже нѣсколько урѣзанными, но въ замѣнъ этого съ конца 1880 г. въ Добруджѣ начала уже дѣйствовать румынская конституція, впрочемъ пока еще не вполнѣ,—а именно Добруджа не имѣетъ еще своихъ депутатовъ въ румынскомъ парламентѣ, но въ ней учреждено нѣчто въ родѣ областнаго сейма, состоящаго изъ депутатовъ отъ всей страны, обсуждающихъ ея потребности и представляющихъ свои заключенія въ видѣ петицій парламенту.

Одному изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Добруджу, приходилось разговаривать съ однимъ изъ этихъ депутатовъ—руснакомъ—человѣкомъ неграмотнымъ, и до своего выбора въ депутаты врядъ ли имѣвшимъ даже понятіе о своихъ конституціонныхъ правахъ, и мы должны сказать, что онъ удивилъ насъ какъ относительно изученія за сравнительно короткое время своихъ новыхъ правъ, такъ и тою сознательностью, съ которою онъ очень настойчиво велъ оживленную агитацію между своими товарищами-депутатами о необходимости солидарности между всѣми народностями Добруджи, для совмѣстнаго и дружнаго отстаиванья своихъ конституціонныхъ правъ и самоуправленія противъ бюрократическихъ попытокъ префектуры. Эта оппозиція противъ администраціи была поведена депутатами съ большимъ тактомъ и не только представленія ихъ парламенту увѣнчались успѣхомъ, но имъ удалось добиться смѣны тогдашняго префекта.

Церковныя дѣла украинскихъ поселеній въ Добруджѣ находились и въ настоящее время находятся въ полномъ вѣдѣніи самихъ общинъ, которыя для ближайшаго управленія этими дѣлами избираютъ изъ своей среды такъ называемую „эпитропію“ или церковное попечительство. Нѣкоторая вѣротерпимость, допущенная турецкимъ правительствомъ въ сѣверной части Балканскаго полуострова и особенно въ Добруджѣ, была дѣломъ простой необходимости, въ виду возможно болѣе успѣшнаго заселенія страны, которое въ свою очередь было для турецкаго пра-

вительства чрезвычайно важно въ финансовомъ отношеніи. По этому поводу мы позволимъ себѣ привести разсказъ, связанный съ исторіей постройки руснацкой церкви въ Тульчѣ. Церковь эта, разсказывалъ намъ Сидоръ изъ Катирлеза, была построена еще первыми переселенцами въ то время, когда они еще выкорчевывали пни на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ, и строили себѣ хаты. Старики выхлопотали фирманъ отъ паши, а *аянъ*, т. е. турецкій начальникъ полиціи указалъ и самое мѣсто постройки. Когда церковь была уже построена, пріѣхалъ паша, бывшій въ то время гдѣ то въ отлучкѣ, и когда увидѣлъ, что церковь стоитъ выше джаміи (мечети), очень разсердился и напалъ на аяна за то, что тотъ далъ разрѣшеніе: „какъ же ты позволилъ? вѣдь она выходитъ выше джаміи!“—„А такъ, отвѣчалъ аянъ, позволилъ... потому что, если бы не позволилъ, то и руснаки тутъ бы не жили, а теперь смотри, сколько народа идетъ и идетъ... какъ только ночь настанетъ, такъ и плывутъ съ русской стороны... Да пусть она себѣ хоть втрое будетъ выше—намъ что?.. Намъ лишь бы народа больше было!“ Въ настоящее время въ Тульчѣ существуютъ двѣ руснацкихъ церкви, въ Сулимнѣ тоже двѣ, кромѣ того есть еще церкви въ Кара-Орманѣ, Лети, Нижнемъ Дунавцѣ, Катирлезѣ, Муругилѣ, Приславѣ, Махмудіэ, Телицѣ и др., всѣхъ, какъ говорятъ, больше 20-ти церквей. Нѣкоторыя изъ этихъ церквей довольно велики и хорошо обставлены, особенно напр. церковь въ Муругилѣ, новая церковь въ Катирлезѣ и проч., нѣкоторыя же очень малы и бѣдны. Въ Нижнемъ Дунавцѣ, строго говоря, даже церкви нѣтъ, а есть часовня, представляющая собой обыкновенную хату, въ одномъ изъ угловъ которой прибитъ къ стѣнѣ старый изорванный иконостасъ какой то, вѣроятно походной, церкви, рисованный на полотнѣ, да на столикѣ на обыкновенномъ чайномъ подносѣ лежатъ: маленькая жестяная дарохранительница, крестъ, кадило и нѣсколько церковныхъ книгъ, частью церковно-славянскихъ, частью же даже румынскихъ, такъ что священникъ нѣкоторыя части богослуженія читаетъ по румынски. Духовенство украинскихъ церквей въ Добруджѣ избиралось до сихъ поръ и въ настоящее время пока избирается самими прихожанами. Такимъ образомъ въ добрудж-

ской украинѣ и теперь держится еще старинный народный обычай. Вмѣстѣ съ этимъ сохранилась и еще старинная черта, имѣющая связь съ предыдущимъ—это избраніе въ священники иногда и свѣтскихъ лицъ, не принадлежащихъ къ духовному сословію. Въ Катирлезѣ и въ настоящее время священствуетъ о. Василій, „запорожскаго роду"—бывшій катирлезскій рыбалка, самоучкой выучившійся грамотѣ, избранный громадою и постриженный за 2,000 левовъ какимъ то греческимъ архіереемъ. Священникъ Нижняго Дунавца тоже былъ до посвященія служащимъ въ какой то канцеляріи въ Бессарабіи, священникъ чиликскаго монастыря о. Филиппъ получилъ посвященіе на Аѳонѣ и т. д. Въ послѣднее время, впрочемъ, одинъ изъ тульчанскихъ священниковъ, сынъ катирлезскаго о. Василія, учился уже въ русской семинаріи и, конечно, этотъ щеголеватый молодой батюшка совсѣмъ уже не напоминаетъ собою облеченнаго въ какую то истрепанную хламиду изъ толстаго крестьянскаго сукна, нижнедунавецкаго панотця Стефана Крушталева, живущаго въ развалившейся татарской саклѣ и въ потѣ лица своего воздѣлывающаго хлѣбъ свой собственными мозолистыми руками. Вообще же все добруджское руснацкое духовенство, начиная съ захудалаго о. Стефана и кончая веселымъ о. Филимономъ, много напоминающимъ безсмертные типы Рабле, живетъ еще въ той примитивной простотѣ, въ которой жили назадъ тому лѣтъ 30—40 и наши деревенскіе батюшки. Вознагражденіе за свою службу, кромѣ случайной и добровольной платы за требы, руснацкое духовенство получаетъ отъ громады по взаимному договору, обусловленному формальнымъ контролемъ въ примаріи, деньгами или чаще натурой. Катирлезскій священникъ въ турецкое время получалъ 1500 левовъ въ годъ—теперь же получаетъ по 15 фр. въ мѣсяцъ отъ примаріи, т. е. отъ сельскаго общества, и по 10 фр. изъ церковныхъ суммъ—отъ эпитропіи; въ Телицѣ священникъ получаетъ содержаніе отъ каждаго двора по мѣркѣ пшеницы и по мѣркѣ ячменю; въ Нижнемъ Дунавцѣ содержаніе священнику тоже отпускается зерномъ.

Вообще нужно сказать, что церковныя дѣла занимаютъ если не первое, то во всякомъ случаѣ очень видное мѣсто въ

общественной жизни задунайскихъ руснаковъ и служатъ однимъ изъ самыхъ главныхъ связующихъ элементовъ ихъ „громады". Но отдавая такую значительную долю вниманія своимъ церковнымъ и вообще религіознымъ интересамъ, добруджскіе украинцы очень далеки отъ всякой нетерпимости и даже отъ извѣстнаго консерватизма религіозныхъ воззрѣній и культа. Они относятся къ церковнымъ дѣламъ, какъ къ одной изъ самыхъ важныхъ общественныхъ потребностей, и устраиваютъ ихъ такъ, какъ находятъ для себя удобнымъ, не стѣсняясь, какъ мы видѣли, заключать съ своими священниками формальные контракты относительно ихъ содержанія. И личная, и общественная жизнь руснаковъ далеко не до такой степени проникнута религіознымъ ритуаломъ и каноническими обычаями и соображеніямъ, какъ напр., жизнь липованъ, и въ этомъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе выработанная, очевидно, обстоятельствами и практикуемая въ довольно широкихъ размѣрахъ извѣстная свобода заключенія и особенно *расторженія* браковъ. Не говоря уже о томъ, что за Дунаемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Новороссіи (прозванной поэтому даже „невинчаною губерніею") распространено сожительство вовсе безъ церковнаго брака, хотя очень часто съ совершеніемъ (за Дунаемъ) брака гражданскаго въ примаріи и почти *всегда* съ соблюденіемъ „весилья" т. е. всѣхъ обычныхъ свадебныхъ обрядовъ[1]), не говоря уже объ этомъ, въ Добруджѣ и правильно совершенный церковный бракъ очень часто расторгается по желанію супруговъ, при чемъ обѣ разведшіяся стороны могутъ вступить совершенно свободно въ новый бракъ, даже церковный, не встрѣчая, сколько намъ извѣстно, почти никогда особенныхъ препятствій со стороны духовенства. Такимъ образомъ, и въ этой чертѣ мы видимъ продолженіе старыхъ традицій свободнаго развода, существовавшаго въ

---

[1]) Нужно замѣтить, что во всей Украинѣ санкціонирующимъ супружеское сожительство актомъ въ народномъ быту считается „весилья", такъ что въ случаяхъ, когда почему нибудь послѣ церковнаго вѣнчанія, „весилья" откладывается на нѣсколько дней или даже недѣль, сожительство супруговъ уже обвѣнчанныхъ въ церкви все таки не допускается, впредь до совершенія обычныхъ свадебныхъ церемоній.

югозападной Руси еще въ XVII ст., какъ это констатировано на основаніи актовъ въ любопытномъ изслѣдованіи г. Ореста Левицкаго [1]). Въ настоящее время въ Добруджѣ это расторженіе браковъ, впрочемъ, вполнѣ легально, такъ какъ по румынскимъ законамъ разводъ совершается безъ всякихъ затрудненій, по простому заявленію сторонъ или по признанному основательнымъ иску одной изъ нихъ. Очень нерѣдки также въ Добруджѣ примѣры супружескаго сожительства руснаковъ съ лицами другихъ вѣроисповѣданій и сектъ, разумѣется, также не освященнаго церковью. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда свадьбѣ подобныхъ лицъ желаютъ придать характеръ нѣкоторой религіозной церемоніи—чаще всего обращаются къ молоканскимъ „настоятелямъ" или просто къ кому нибудь изъ болѣе грамотныхъ молоканъ (хотя бы вступающіе въ супружество даже и не принадлежали къ этой сектѣ), которые и исполняютъ во время свадебнаго пира нѣсколько религіозныхъ „стиховъ", а иногда произносятъ и маленькую рѣчь. Послѣдняго рода случаи бываютъ, впрочемъ, главнымъ образомъ среди городскаго населенія, сельское же населеніе, замѣтно въ большей степени держится своихъ и этнографическихъ, и церковныхъ обычаевъ.

Кромѣ руснацкихъ церквей, въ Добруджѣ существуютъ еще два монастыря—мужской и женскій въ *Чиликѣ*, недалеко отъ *Телицы* (первый изъ нихъ, впрочемъ, переводится теперь на лиманъ *Сабунъ* между Исакчей и Сомовой), основанные украинскими переселенцами, изъ которыхъ и до сихъ поръ исключительно состоитъ вся ихъ братія. Монастыри эти, находящіеся въ разстояніи полу-версты другъ отъ друга, представляютъ собой чрезвычайно интересное явленіе. Основатель этихъ монастырей *Аѳанасій Лисовенко* принадлежалъ къ семьѣ бѣглыхъ крѣпостныхъ, жившей въ Бессарабіи въ г. Киліи. Еще въ ранней молодости онъ отличался особеннымъ религіозно-мистическимъ настроеніемъ, сравнивалъ положеніе крѣпостныхъ и бѣглыхъ съ участью первыхъ христіанъ, подвергавшихся гоненіями со стороны язычни-

---

[1]) О. Левицкій. Семейныя отношенія югозападной Руси. (Рус. Стар. Ноябрь, 1880-й годъ).

ковъ, и много говорилъ о благочестивомъ общеніи имуществъ древней церкви. Такому мистическому направленію его характера много содѣйствовало, говорятъ, большое душевное потрясеніе, испытанное имъ еще семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе неудачной любви къ одной дѣвушкѣ, вышедшей потомъ замужъ за его брата. Немедленно послѣ этого потрясенія, онъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ оставилъ Бессарабію и ушелъ на „Святу Гору“, т. е. Аѳонъ, гдѣ въ одномъ изъ монастырей постригся и потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ возведенъ въ архимандриты. Тутъ, по всей вѣроятности, у него произошла реакція противъ обыкновенной монастырской жизни и возникла идея объ основаніи религіозной общины на новыхъ, болѣе широкихъ основаніяхъ. Съ этой цѣлью 24-хъ лѣтъ и въ званіи архимандрита онъ появился въ Добруджѣ и вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ монахомъ Паисіемъ построилъ себѣ въ Чиликѣ, немного выше нынѣшняго женскаго монастыря, небольшую келійку и часовеньку. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, вслѣдствіе несогласій, происшедшихъ у него съ Паисіемъ, онъ оставилъ свой скитъ и удалился въ сосѣднюю деревню Телицу, бросивши, какъ говорятъ, на прощанье Паисію пророческое заклятіе: „щобъ воно оце усе тоби огнемъ узялося“. Дня черезъ два скитъ дѣйствительно сгорѣлъ и пораженный этимъ чудомъ Паисій явился къ Аѳанасію съ повинной. Между тѣмъ еще во время пребыванія своего въ скитѣ Аѳанасій успѣлъ склонить двухъ или трехъ женщинъ изъ Телицы къ монашеской жизни и потомъ, примирившись съ Паисіемъ, вмѣстѣ съ нимъ и этими тремя „черныцями“—Еленой, Таисіей и Апполинаріей, поселился опять во вновь выстроенномъ ими скитѣ, состоявшемъ тогда изъ одной перегороженной на двое хаты съ маленькой часовней. Мало по малу къ нимъ начали присоединяться и другія женщины и довольно скоро община сдѣлалась достаточно многочисленной. Но въ это время началась крымская война, появились русскіе лазутчики и заподозрѣнному въ сношеніяхъ съ ними Аѳанасію пришлось уходить въ Измаилъ, почти со всей своей братіей. Въ этомъ городѣ Лисовенко началъ вести очень дѣятельную проповѣдь жизни на новыхъ началахъ религіознаго общинно-жительства; къ нему начали собираться для слушанія

богослуженія и проповѣдей цѣлыя толпы народа, при чемъ многіе, особенно опять таки женщины, принимали его идеи и выражали готовность къ практическому ихъ осуществленію. Кромѣ того, Лисовенко устроилъ у себя нѣчто въ родѣ школы, въ которой обучалъ грамотѣ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Всѣ эти дѣйствія Аѳанасія, производя иногда семейныя несогласія, возбуждали противъ него многихъ изъ населенія, а кромѣ того и мѣстное духовенство относилось къ его проповѣди не особенно сочувственно; вслѣдствіе этого онъ, по прошествіи лѣтъ около десяти, рѣшился возвратиться опять въ Добруджу, отправился въ Константинополь и выхлопоталъ себѣ тамъ разрѣшеніе вернуться, перебрался со всей своей паствой опять въ Чиликъ, гдѣ и былъ построенъ новый, существующій и до сихъ поръ, монастырь. Сначала вся община, состоявшая тогда уже душъ изъ 200 (около 150 женщинъ и дѣвочекъ и 50 мужчинъ) занялась расчисткой лѣса, корчеваніемъ пней и т. п., затѣмъ былъ построенъ длинный „корпусъ“ (извѣстный теперь подъ именемъ стараго), состоящій изъ одной очень длинной избы, въ большей половинѣ которой, какъ говорятъ нынѣшнія монахини, помѣщались женщины, въ меньшей же мужчины. Между тѣмъ изъ Бессарабіи подходили постепенно новые переселенцы и въ непродолжительномъ времени численность общины достигла почти до 350 душъ. Вся эта масса народа, жившая, какъ говорятъ, по монастырскому уставу, хотя въ огромномъ большинствѣ и безъ постриженія, такъ какъ Аѳанасій постригалъ только людей совсѣмъ старыхъ, занималась главнымъ образомъ рубкой лѣса, расчисткой и обработкой полей, насажденіемъ огромныхъ садовъ и огородовъ, разведеніемъ виноградниковъ, регулированіемъ теченія ничтожной лѣтомъ, но грозящей большими наводненіями весной рѣченки Телицы и отведеніемъ ея въ сторону посредствомъ искусственнаго русла, такъ наз. *бента*, что тоже требовало многихъ земляныхъ работъ, устройствомъ мельницъ и т. п. И нужно сказать, что глядя на нынѣшнее нѣсколько уже запущенное состояніе монастырскаго хозяйства, его нельзя не признать образцовымъ, особенно, принимая во вниманіе, что почти все это сдѣлано женщинами и при томъ сравнительно въ очень

короткое время. Лисовенко, отличавшійся, кромѣ качествъ проповѣдника и организатора, большими техническими талантами, вездѣ и всегда лично руководилъ работами, будучи въ то же время и самъ неутомимымъ рабочимъ съ топоромъ или заступомъ въ рукахъ. Независимо отъ этого для всѣхъ бывшихъ въ общинѣ дѣтей, а частью и для взрослыхъ, онъ устроилъ школу, въ которой, особенно въ теченіи зимы, преподавалъ главнымъ образомъ самъ; по воскресеньямъ же и по праздникамъ, онъ собиралъ всю братію въ трапезѣ, занимался съ нею чтеніемъ и различными нравственно-религіозными и философскими бесѣдами. Любимыми его темами, кромѣ сюжетовъ чисто догматическихъ, которыхъ онъ касался очень рѣдко, были братская любовь къ ближнему, подчиненіе своей личности общимъ интересамъ, безусловное отреченіе отъ „своей воли", необходимость общности труда и имуществъ и т. п. Нужно замѣтить, что судя по всѣмъ разсказамъ о немъ, онъ былъ не только способнымъ оказывать величайшее нравственное вліяніе проповѣдникомъ, но и человѣкомъ съ большимъ развитіемъ и даже съ нѣкоторымъ довольно значительнымъ количествомъ познаній, о чемъ свидѣтельствуетъ сохраняющаяся и теперь его библіотека, въ которой кромѣ спеціально-духовной литературы, есть и сочиненія научнаго, преимущественно историческаго содержанія, между прочимъ и одно большое по исторіи Малороссіи. Сюжеты его проповѣдей нерѣдко касались прошлой жизни переселенцевъ; слова его вызывали большое воодушевленіе, а часто и общія слезы присутствовавшихъ; да и вообще, вспоминая о немъ, чиликскія монахини говорятъ и теперь, что онъ такъ хорошо „поучавъ", что не было никакой возможности не вѣрить ему и не подчиняться его вліянію. Въ практической жизни, кромѣ настойчивыхъ требованій, чтобы каждый непремѣнно и неустанно работалъ, онъ самымъ энергическимъ образомъ преслѣдовалъ малѣйшія попытки къ обзаведенію какою бы то ни было частною собственностью. Замѣтивши у кого нибудь лишнюю, по его мнѣнію, или сколько нибудь изысканную одежду или вообще какую нибудь вещь, онъ немедленно же отбиралъ ее и отправлялъ въ общинный складъ. Онъ настойчиво преслѣдовалъ даже выраженія въ родѣ *мой*, *мое*

и всегда, постукивая внушительно своей „патерицей“ повторялъ: „не кажы *мое*—кажы *наше!*“ Съ замѣчательнымъ постоянствомъ онъ преслѣдовалъ также всякое стремленіе говорить на чужомъ языкѣ, говорилъ всегда самъ и требовалъ, чтобы всѣ другіе говорили исключительно по руснацки. При этомъ онъ руководился не столько національными мотивами, сколько тѣмъ, что другіе языки въ его глазахъ были языками „паньскымы“. Вообще о панахъ и обо всемъ, что въ его представленіи связывалось съ понятіемъ о панствѣ, онъ никогда не могъ говорить равнодушно. Въ вопросахъ же религіозной догматики, въ соблюденіи монастырскихъ уставовъ и формальностей и т. п. онъ былъ не особенно строгъ, но, напротивъ, отличался значительною снисходительностью, такъ что религіознымъ фанатикомъ, судя по разсказамъ о немъ, онъ былъ, разумѣется, меньше всего. Онъ не особенно строго относился къ нарушеніямъ поста, къ непосѣщенію церкви, во время его управленія, рѣдко даже и по воскресеньямъ кто нибудь ходилъ въ монашескомъ платьѣ и т. п., и вообще можно думать, что монастырская форма общины была для него только *болѣе удобной* формой для осуществленія его религіозно-общиннаго идеала. Намъ неизвѣстно, какъ онъ относился вообще къ обѣтамъ монашескаго безбрачія и цѣломудрія. Неясные слухи, может быть продуктъ недоброжелательства и интригъ противниковъ Аѳанасія, бросаютъ нѣкоторую тѣнь въ этомъ отношеніи на его личность. Между прочимъ, разсказываютъ о производствѣ нѣсколькихъ ревизій въ монастырѣ, предпринимавшихся турецкимъ правительствомъ не только, какъ говорятъ обыкновенно сами монахини, по „навѣтамъ“ греческихъ архіереевъ, но и по иниціативѣ самихъ свѣтскихъ властей. Между прочимъ, по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ ревизій намъ случалось слышать, что однажды Аѳанасію пришлось сразу постричь очень большое количество женщинъ въ монахини, такъ какъ его обвиняли въ томъ, что и монастырь то его вовсе не монастырь, а собраніе большею частью свѣтскихъ людей; другой же разъ всѣ молодыя монахини должны были представляться пашѣ въ свѣтскихъ платьяхъ, въ качествѣ ученицъ монастырской школы, чтобы выгородить о. Аѳанасія отъ обвиненія въ томъ, что онъ

началъ постригать чуть ли не дѣтей. Эти и еще болѣе рѣшительныя обвиненія были на столько настойчивы, что несмотря на совершенное отдѣленіе мужескаго монастыря отъ женскаго (при чемъ о. Аѳанасій жилъ въ особой келіи) и на всѣ, повидимому, благополучно сходившія съ рукъ ревизіи, о. Аѳанасію пришлось путешествовать для принесенія оправданій въ Константинополь и даже пробыть тамъ нѣкоторое время въ „заточеніи“. Наконецъ, въ началѣ 1880 г. Лисовенко, передавши управленіе монастыремъ одной изъ наиболѣе приближенныхъ монахинь, умеръ и былъ похороненъ подъ плитою изъ бѣлаго мрамора въ новой монастырской церкви. Если многія изъ монахинь оплакиваютъ потерю его и до сихъ поръ, то другія нѣсколько утѣшились, вздохнувши, наконецъ, свободнѣе послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ, къ которымъ такъ энергически принуждалъ ихъ умершій архимандритъ. Вообще же Лисовенко оставилъ о себѣ память какъ о человѣкѣ во всякомъ случаѣ очень замѣчательномъ, и намъ кажется, что исторія его монастыря настолько оригинальна и характерна, что читатель врядъ ли поставитъ намъ въ вину это довольно длинное отступленіе. Въ настоящее время оба монастыря значительно уменьшились въ своемъ личномъ составѣ, такъ какъ еще при жизни Аѳанасія многія изъ монахинь начали удаляться изъ монастыря и выходить замужъ, а кромѣ того и внутренняя монастырская жизнь подверглась уже значительнымъ измѣненіямъ, главнымъ образомъ въ смыслѣ упадка братскаго общежитія. Причиною этого былъ подъ конецъ жизни отчасти и самъ Аѳанасій, какъ вслѣдствіе утраты прежней энергіи, такъ и потому, что онъ допустилъ выдѣленіе нѣкоторой части монахинь, особенно молодыхъ, составлявшихъ церковный хоръ, въ нѣсколько привилегированное положеніе, заключавшееся въ освобожденіи отъ полевыхъ работъ, въ болѣе комфортабельной и отдѣльной отъ прочей братіи обстановкѣ и т. п. Это повело къ образованію своего рода монастырской аристократіи, которая подъ конецъ начала обнаруживать чувствительное вліяніе и на самого настоятеля... но справедливость требуетъ, впрочемъ, при этомъ замѣтить, что эта аристократія монастыря составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе грамотную, развитую и способную

къ дальнѣйшему совершенствованію часть его нынѣшняго личнаго состава.

Выше было упомянуто объ устроенной въ Чиликскомъ монастырѣ школѣ. Школа эта существовала до тѣхъ поръ, пока въ монастырѣ были еще дѣти переселенцевъ, пришедшихъ изъ Бессарабіи и вступившихъ въ общину, и затѣмъ лѣтъ около 5--6 тому назадъ закрылась. Но это не была единственная руснацкая школа въ Добруджѣ, такъ какъ въ Тульчѣ еще съ самаго основанія тамъ церкви, при ней учреждена была школа, существующая съ небольшими перерывами и до настоящаго времени и составляющая и до сихъ поръ единственный источникъ грамотности для добруджскихъ руснаковъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, жители Катирлеза также рѣшили завести школу, для чего и отвели довольно большую хату, въ которой прежде помѣщалась церковь, но учитель для этой школы до сихъ поръ еще, кажется, не найденъ. Перерывы въ существованіи тульчанской школы происходили главнымъ образомъ тоже вслѣдствіе отсутствія учителей, такъ какъ духовенство не всегда соглашалось, а можетъ быть и не всегда было въ состояніи брать на себя веденіе школьнаго дѣла, а учителей и теперь найти не такъ то легко. Одно время учителемъ въ этой школѣ былъ кто то изъ русскихъ эмигрантовъ, который, по словамъ разсказчиковъ, „у Россіи щось прошпетивсь бувъ, та втикъ,—то тутъ у насъ за вчытеля бувъ, а якъ мавъ сюды москаль прыйты—то винъ и отруивсь“. Въ настоящее время школа эта также сильно страдаетъ отъ частой перемѣны, а то и полнаго отсутствія учителей, происходящаго отчасти отъ дѣйствительной трудности отыскать ихъ, отчасти отъ крайне небрежнаго отношенія къ дѣламъ школы самой громады, или лучше сказать—ея нынѣшнихъ воротилъ. Такъ, одинъ очень способный и образованный учитель, которымъ дорожило бы и всякое земство въ Россіи, долженъ былъ совершенно противъ своей воли оставить школу, только благодаря тому, что ему буквально каждый день приходилось ходить къ эпитропамъ за полученіемъ одного франка, чтобы пообѣдать; на требованіе же сколько нибудь большей суммы ему отвѣчали обыкновенно отказомъ. Съ другой стороны, положеніе порядоч-

наго учителя въ тульчанской школѣ много стѣсняется еще и требованіями родителей, желающихъ, чтобы ихъ дѣти учились непремѣнно по церковно-славянски, съ цѣлью какъ можно скорѣе читать въ церкви псалтырь, а иногда даже непремѣнно по принесенной ими книгѣ, оказывающейся часословомъ... Напрасно было бы, впрочемъ, относить все это школьное неустройство къ небрежности или неразвитію всей тульчанской громады; оно вытекаетъ, также точно какъ и другія, не менѣе непріятныя стороны общественной жизни тульчанскихъ руснаковъ, изъ того фальшиваго положенія дѣлъ, которое создано совершенно внѣшними, но довольно сильными обстоятельствами... До какой же степени велика потребность въ руснацкихъ школахъ, видно изъ того, что многіе отдавали своихъ дѣтей въ американскую школу, устроенную миссіонерами методистами для молоканъ, гдѣ преподаваніе велось по русски, и теперь отдаютъ и въ молоканскую школу, и въ болгарскую, и даже въ румынскія и въ нѣмецкія школы, зная очень хорошо въ послѣднемъ случаѣ всѣ трудности ученія въ нихъ на незнакомомъ дѣтямъ языкѣ. Интересно при этомъ замѣтить, что нѣкоторыя сдѣланныя здѣсь попытки обученія на руснацкомъ языкѣ имѣли очень большой успѣхъ, но до сихъ поръ прививаются туго, отчасти вслѣдствіе отсутствія учебниковъ и учителей, знакомыхъ съ новѣйшими методами преподаванія, отчасти же, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ трудностей положенія учителя, не имѣющаго своихъ собственныхъ средствъ къ жизни.

Несмотря, впрочемъ, на такое сравнительно очень плохое положеніе тульчанской школы и на отсутствіе до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, школъ въ другихъ поселеніяхъ, общій уровень грамотности среди добруджскихъ руснаковъ все таки довольно высокъ, особенно въ молодомъ поколѣніи, выросшемъ уже за Дунаемъ. Руснаки-ремесленники въ Тульчѣ почти всѣ грамотны, охотно посѣщаютъ чайныя и читаютъ получаемыя тамъ русскія газеты, нѣкоторые выписываютъ газеты даже сами;— такъ, мы знаемъ одного рабочаго-сапожника, получающаго не только „Вечернюю газету“, но и толстый журналъ „Наблюдатель“. Въ селахъ также довольно часто попадаются люди, умѣю-

щіе читать и писать и интересующіеся чтеніемъ. Матеріалъ для чтенія въ Добруджѣ, конечно, очень не великъ; на всю страну существуетъ одна-единственная книжная лавочка, содержимая какимъ то евреемъ-переплетчикомъ, да и та, впрочемъ, снабжаетъ больше нѣмецкими дешевыми изданіями да русскими лубочными книжонками, пѣсенниками и картинками, заносимыми и сюда великорусскими офенями. Книги на руснацкомъ языкѣ, особенно мелкія народныя изданія, попадающія сюда случайно, встрѣчаются здѣсь съ большимъ удовольствіемъ, а произведенія Шевченка, о которыхъ здѣсь до недавняго времени только слышали и многія стихотворенія котораго проникли сюда только устнымъ путемъ въ видѣ пѣсенъ, читаются теперь съ неменьшимъ увлеченіемъ и энтузіазмомъ, какъ и на Украинѣ. Путешественники находили небольшія коллекціи руснацкихъ книжекъ не только въ кельяхъ чиликскихъ монастырей и у нѣкоторыхъ священниковъ, но даже и у крестьянъ. Такъ, напр., въ Нижнемъ Дунавцѣ, въ хатѣ Тимоша Коломійченка, путешественникъ замѣтилъ нѣсколько народныхъ изданій и узналъ, что книги эти попали къ Тимошу черезъ мѣстнаго священника, который въ свою очередь получилъ ихъ изъ Сулины отъ живущаго тамъ своего родственника. Къ сожалѣнію, подобныя книги, несмотря на всю необходимость ихъ, составляютъ еще въ Добруджѣ большую рѣдкость и очевидно попадаютъ туда только совершенно случайно. За неимѣніемъ же письменной литературы, въ Добруджѣ сохраняется еще въ замѣчательной свѣжести народная устная литература сказокъ, пословицъ, легендъ и въ особенности пѣсенъ. Несмотря на полное отсутствіе спеціалистовъ пѣнія, въ родѣ кобзарей или лирниковъ, вѣроятно вовсе не попадавшихъ въ эмиграцію, а если и попадавшихъ когда нибудь, то уже давно вымершихъ, отъ жителей Добруджи намъ пришлось слышать очень хорошо сохранившіеся варіанты старинныхъ историческихъ пѣсенъ, извѣстныхъ теперь на Украинѣ только по давно составленнымъ сборникамъ и, развѣ въ видѣ очень большой рѣдкости, встрѣчающихся въ устахъ совершенно исчезающихъ уже кобзарей, въ родѣ Андрея Шута или Остапа Вересая. Ограничиваясь записываніемъ однихъ только историческихъ пѣсенъ, одинъ изъ

этнографовъ собралъ въ самое короткое время больше 80 варіантовъ пѣсенъ о разореніяхъ Сѣчи (1703—1775), о козакѣ Софронѣ, о Байдѣ, о Нечаѣ, Савѣ Чаломъ, „Канальской“ работѣ, Перебійносѣ, а также пѣсенъ запорожскихъ, гайдамацкихъ и черноморскихъ, легенды о Паліѣ и Мазепѣ, объ Екатеринѣ II и запорожцахъ, о запорожцахъ на Кубани и т. п.

Замѣчательно также хорошо и, разумѣется, больше всего, сохраняется у добруджскихъ руснаковъ ихъ главная этнографическая черта—родной языкъ. Среди смѣшенія различныхъ украинскихъ говоровъ, занесенныхъ въ Добруджу переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Украины, больше всего выдѣляется и преобладаетъ чистый и мягкій новороссійскій говоръ съ произношеніемъ просю—вмѣсто прошу, заплатю—вм. заплачу и т. п. Преобладаніе это совершенно понятно, въ виду всего сказаннаго нами о той роли, которую играли Новороссія и Бессарабія въ переселеніи бѣглыхъ за Дунай; насколько же значительно это преобладаніе, можно судить потому, что встрѣчаются бывшіе жители кіевской, подольской или черниговской губерній, прожившіе лѣтъ по 20 или 30 въ Добруджѣ и говорящіе уже совсѣмъ по новороссійски—до такой степени чисто, что развѣ только очень хорошему знатоку удалось бы уловить въ ихъ говорѣ слѣдъ ихъ происхожденія. Само собою разумѣется, что пребываніе руснаковъ среди прочихъ народностей Добруджи не обошлось безъ отраженія на ихъ языкѣ сосѣднихъ элементовъ, въ видѣ привнесенія извѣстнаго, не особенно впрочемъ большаго, количества иностранныхъ словъ, преимущественно турецкихъ, румынскихъ и болгарскихъ. Такъ, вмѣсто слова *гроши* или деньги добруджскіе украинцы обыкновенно употребляютъ турецкое слово *пари*, *парички*, вмѣсто водка или горилка—*ракй*, вм. деготь—катранъ, вм. красное вино—*черное*, вмѣсто печь—*сóба*, вмѣсто черепицы—*карамиды*, вмѣсто буря—*фортуна*, вмѣсто ботинки—*чепицы*, вм. газеты—*вѣстники*, вм. пароходъ—очень часто—вапоръ, для обозначенія домашней рухляди, безпорядка и т. п. употребляется турецкое слово *калабалыкъ*, разсолъ называется *саламуръ* и т. д. Изрѣдка у добруджскихъ руснаковъ можно замѣтить даже барбаризмы въ оборотахъ, въ родѣ того, напр.,

что вмѣсто „дайте мени ложку“—скажутъ: *дайте мени одну ложку*, или вмѣсто стакана воды—попросятъ стаканъ *съ водою* и т. п. Всѣ эти барбаризмы, впрочемъ, ничуть не портятъ чистоты языка и развѣ слегка только придаютъ ему нѣчто въ родѣ мѣстнаго колорита. Значительныхъ же измѣненій въ языкѣ ожидать трудно даже въ довольно далекомъ будущемъ, такъ какъ руснацкій языкъ пріобрѣлъ очень прочное право гражданства въ Добруджѣ, до такой даже степени, что, напр., во всей Тульчѣ очень трудно отыскать кого бы то ни было, за исключеніемъ развѣ недавно прибывшихъ румынъ, кто бы не говорилъ или, по крайней мѣрѣ, не понималъ по руснацки. Мы упоминали уже о служащихъ въ европейской дунайской коммиссіи и о знакомствѣ даже ихъ съ руснацкимъ языкомъ, благодаря постояннымъ ихъ сношеніямъ съ рабочими руснаками.

Вотъ какъ сложилась и идетъ жизнь украинскихъ колонистовъ въ Добруджѣ. Мы должны признаться, что во все время составленія этой статьи, насъ постоянно безпокоила мысль—будетъ ли это кому нибудь интересно и не найдетъ ли читающая публика, что ей очень мало дѣла до какого нибудь десятка тысячъ руснаковъ, живущихъ гдѣ то далеко за Дунаемъ? Но соображенія, высказанныя нами въ началѣ статьи, заставляли насъ продолжать свою работу и теперь, по окончаніи ея, налагаютъ на насъ обязанность взглянуть на тѣ выводы, къ какимъ приводятъ изложенные нами факты. По всей вѣроятности, читатель согласится съ тѣмъ, что украинскіе переселенцы, придя въ Добруджу, нашли въ ней очень благопріятныя для себя и экономимическія, и политическія условія жизни и воспользовались этими условіями, сколько у нихъ хватило умѣнія. Будучи свободны лично, они устроились въ новой странѣ приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ жили на своей родинѣ прежде; они создали себѣ извѣстный уровень матеріальнаго довольства, внесли въ свою жизнь извѣстныя бытовыя улучшенія, въ родѣ уменьшенія пьянства и т. п., организовались въ правильно устроенныя общины, съ своимъ собственнымъ общиннымъ судомъ и самоуправленіемъ, устроили свою церковь съ избирательнымъ отъ всей общины духовенствомъ, представляющимъ одну изъ

функцій общественной службы, устроили, какую съумѣли, школу, пользуются и чужими школами, начиная съ болгарскихъ и кончая,—въ единичныхъ, конечно, случаяхъ, даже извѣстнымъ американскимъ колледжемъ въ Константинополѣ, кое какъ выучили своихъ дѣтей грамотѣ, начинаютъ помаленьку приближаться къ общеевропейской культурѣ, къ пониманію своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ и концѣ концовъ, не имѣютъ причинъ жаловаться на свое положеніе, принимаютъ въ свою среду вновь прибывающихъ переселенцевъ. Но было бы однако величайшей ошибкой или тенденціозной натяжкой выводить изъ всего этого заключеніе, что достаточно, дескать, предоставить народъ самому себѣ, дать полный просторъ его „самобытному" развитію, уничтожить извѣстныя „средостѣнія" или даже поводы къ образованію этихъ „средостѣній",—и все пойдетъ какъ по маслу... Вполнѣ предоставленные самимъ себѣ, добруджскіе украинцы, несмотря на свой, сравнительно съ малороссійскими крестьянами, довольно высокій уровень и экономическаго благосостоянія, и умственнаго развитія, и даже грамотности, несмотря на всѣ преимущества своего положенія, обезпечивающаго полный просторъ ихъ самодѣятельности, оказываются все таки однимъ изъ самыхъ дезорганизованныхъ и наименѣе интеллигентныхъ народовъ Добруджи. Въ то время какъ живущіе рядомъ же съ ними и изъ Россіи же пришедшіе нѣмецкіе колонисты устраиваютъ общественный пивной заводъ, давно уже завели и очень хорошія школы, и разные штютцъ-и музикъ-ферейны, выписываютъ нѣсколько нѣмецкихъ газетъ, а скоро навѣрное заведутъ и свою собственную,—въ то время, какъ болгары имѣютъ у себя и библіотеку съ читальней, и потребительныя общества, торгово-промышленныя „дружества", и ссудо-сберегательную общественную кассу, и политическіе клубы, и многочисленныя школы, и газеты,—въ то время какъ подобныя же вещи есть и у грековъ и даже у румынъ;—въ то самое время и въ томъ же мѣстѣ наши руснаки живутъ себѣ въ полной разобщенности, безъ всякаго сознанія и проявленія своей національной солидарности и вытекающихъ изъ нея потребностей; сельскія ихъ громады, да и тульчанское городское общество, не видятъ ничего дальше своихъ деревенскихъ

насущныхъ интересовъ, тульчанской же кое какъ держащейся школѣ, разумѣется, далеко еще даже до тѣхъ требованій, какія ставились южно-русскимъ обществомъ для народнаго образованія не только въ началѣ XVIII, но даже въ концѣ XVI столѣтія и т. д.

Все это зависитъ, разумѣется, не отъ національнаго ихъ характера и не отъ какихъ нибудь особенныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а *единственно* только отъ того, что украинскіе переселенцы пришли въ Добруджу въ то время, когда болѣе интеллигентные люди ихъ страны не имѣли надобности эмигрировать и вслѣдствіе этого украинскія колоніи въ Добруджѣ составились изъ народа исключительно простаго, рѣдко даже полуграмотнаго, имѣвшаго и имѣющаго теперь связи только съ подобными же себѣ земляками въ Украинѣ и стоящаго совершенно внѣ всякаго воздѣйствія интеллигентныхъ силъ и стремленій своей родины. Сказанное нами о руснакахъ еще болѣе относится къ живущимъ рядомъ же съ ними великоруссамъ-липованамъ, а также и къ молоканамъ.

Таковы существующія и неизбѣжныя послѣдствія отсутствія культуры и интеллигенціи среди всего этого „самобытно“ развивающагося русскаго населенія Добруджи и таковы выводы, какіе можно сдѣлать, глядя на это населеніе, относительно роли интеллигенціи въ народномъ развитіи вообще.

Лупулеску.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край [1].)

III.

27 іюля ночью я прибылъ въ Гродно и весь слѣдующій день употребилъ на осмотръ города и его достопримѣчательностей. Спутникомъ и руководителемъ моимъ былъ мѣстный протоіерей Опоцкій.

Свѣдѣнія о Гродно и гродненской губерніи можно находить: въ Атласѣ Брауна 1576—1581 гг., гдѣ изданъ старинный планъ г. Гродна; въ Specimen ecclesiae Ruthenicae извѣстнаго уніатскаго писателя Игнатія Кульчинскаго, въ «Историко-статистическомъ описаніи гродненской губерніи» Бобровскаго, С.-Петербургъ, 1863 г.; въ «Памятныхъ книжкахъ гродненской губерніи» и въ изданіяхъ виленской археографической коммиссіи.

Судя по Вильнѣ, я думалъ, что чѣмъ дальше отъ нея на западъ, тѣмъ больше край ополяченъ. Но, къ удивленію и удовольствію моему, гродненская губернія оказалась гораздо менѣе ополяченною, чѣмъ виленская. Сельское населеніе гродненской губерніи по преимуществу бѣлорусское. Въ самомъ Гродно изъ 40,000 жителей евреевъ насчитывается до 28,000, православныхъ до 5,600 и около того же числа христіанъ другихъ исповѣданій; тогда какъ въ Вильнѣ изъ 96,000 населенія почти половина католиковъ. Въ XVI и XVII вв. въ Гродно насчитывалось до 5-ти православныхъ храмовъ; но изъ нихъ уцѣлѣли до настоящаго времени только развалины древнѣйшаго храма на Коложѣ, на берегу Нѣмана, тогда какъ теперешніе православные храмы—Софійскій соборъ, Александровская военная церковь и монастыри мужскій Борисоглѣбскій и женскій Рождественскій по-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1888 г., № 2 февраль.

мѣщаются въ зданіяхъ упраздненныхъ католическихъ и базиліанскихъ монастырей и костеловъ.

Самую замѣчательную древность и, можно сказать, святыню Гродна составляютъ остатки древней Борисоглѣбской церкви на Коложѣ, на углу, при впаденіи Городенки въ Нѣманъ. Это—несомнѣнно одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ въ западной Россіи, относящихся къ великокняжеской эпохѣ, и представлялъ изъ себя одну изъ самыхъ крайнихъ твердынь и оплотовъ православія и русской народности въ западной Россіи, а потому заслуживаетъ полнаго вниманія и сохраненія на будущее время. Изъ Гродно видна уже сосѣдняя сувалкская губернія, считающаяся польскою, хотя по картамъ въ Geographia Blaviana второй половины XVII вѣка западная граница великаго княжества литовскаго захватывала собою Сувалки и Ломжу. Въ настоящее время отъ Борисоглѣбской церкви на Коложѣ уцѣлѣли: среднее и сѣверо-восточное алтарныя полукружія, вся длина сѣверной стѣны и часть западной, двѣ колонны внутри храма и полъ изъ квадратныхъ тесаныхъ камней. Юго-восточное же алтарное полукружіе, южная стѣна и часть западной рухнули въ Нѣманъ вмѣстѣ съ обвалившимся кускомъ берега. Это случилось въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ Вильнѣ я слышалъ слѣдующій разсказъ о причинѣ обвала берега и разрушенія церкви. По лѣвую сторону Нѣмана, немного повыше развалинъ Коложанской церкви, и доселѣ находятся бани, содержимыя однимъ евреемъ. Бани эти постоянно подмывало быстрымъ теченіемъ Нѣмана. Тогда еврей, содержатель бань, укрѣпилъ лѣвый берегъ Нѣмана, около бань, фашинникомъ и земляною насыпью, образовавъ противъ бань нѣчто въ родѣ полуострова. Вслѣдствіе этого теченіе Нѣмана направилось на правый берегъ и было причиною подмыва его и разрушенія коложанской церкви. Въ настоящее время она имѣетъ 28 аршинъ ширины и 16 аршинъ уцѣлѣвшей высоты, со включеніемъ и уцѣлѣвшихъ позднѣйшихъ надстроекъ. Древнія части храма сложены изъ квадратныхъ красной глины кирпичей и такой же толщины цемента. Снаружи стѣнъ вдѣланы, между кирпичами, обтесанные и отшлифованные большіе камни сѣраго и краснаго гранита и большіе и малые кресты изъ ценины или изразцевъ зеленаго и желтаго цвѣта. Такія украшенія даютъ понять, что наружныя стѣны церкви не предполагалось оштукатуривать. Внутри церкви сѣверная и часть уцѣлѣвшей западной стѣны усѣяны выходящими во внутрь церкви горлышками голосниковъ (продольныхъ глиняныхъ кувшиновъ), вдѣланныхъ поперегъ стѣны. Изъ

алтаря вверхъ по стѣнѣ идетъ каменная лѣстница съ колоннами, прерывающаяся на половинѣ высоты сѣверной стѣны, къ тому мѣсту, гдѣ, повидимому, были хоры. Можетъ быть, эта лѣстница вела на хоры, а можетъ быть выходила и наружу черезъ дверь на хорахъ, заложенную позднѣйшимъ кирпичемъ. На сѣверной и западной стѣнахъ по древней штукатуркѣ видѣнъ только желтоватый фонъ, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ древней фресковой живописи. Была ли эта живопись въ алтарѣ,—неизвѣстно, такъ какъ изъ алтаря устроена въ 1873 году часовня во имя св. Бориса и Глѣба, внутри оштукатуренная.

По разрушеніи Коложанскаго храма, Борисоглѣбскій монастырь переведенъ былъ въ 1854 году съ Коложи въ зданія заштатнаго католическаго монастыря бернардинокъ, гдѣ находится и доселѣ. Изъ достопримѣчательностей монастыря обращаетъ на себя вниманіе древняя коложанская икона Богоматери, хорошо сохранившаяся, со слѣдами поновленія ея лика въ XVII вѣкѣ. Въ монастырѣ хранится также инвентарь Коложанскаго монастыря, составленный въ 1738 г. бывшимъ уніатскимъ настоятелемъ сего монастыря Игнатіемъ Кульчинскимъ. По мнѣнію Кульчинскаго, Коложанская церковь основана около 1200 года, чтó весьма правдоподобно, и будто бы по плану сходна съ полоцкимъ Софійскимъ соборомъ. Провѣрить послѣднее показаніе въ настоящее время невозможно, такъ какъ древній полоцкій Софійскій соборъ не сохранился до нашего времени. Но съ древними полоцкими церквами Спасскою Евфросиніевскою и Борисоглѣбскою, насколько можно судить о послѣдней по ея развалинамъ, Коложанская церковь имѣетъ нѣкоторое сходство. Изъ того же инвентаря Кульчинскаго видно, что еще въ 1738 году теченіемъ Нѣмана подмывало берегъ Коложи и грозило опасностью монастырю.

Затѣмъ, въ остальныхъ пунктахъ Гродно не представляетъ интереса въ историко-археологическомъ отношеніи. Можно отмѣтить развѣ то, что въ музеѣ при историко-статистическомъ комитетѣ хранятся кремневое долото и каменный топорикъ изъ окрестностей Другсениикъ и шлемъ и кольчуга. Въ городѣ до сихъ поръ видны мѣстами слѣды громаднаго пожара, истребившаго въ 1885 году до 630 домовъ.

Изъ Гродна я уѣзжалъ съ однимъ господиномъ, повидимому врачемъ, который пріѣзжалъ искать наслѣдства покойнаго брата своего, бывшаго гродненскаго городскаго головы. Этотъ русскій общественный дѣятель, стоя во главѣ городскаго управленія, женатъ былъ на полькѣ и своимъ авторитетомъ и вліяніемъ содѣйствовалъ проти-

возаконной покупкѣ поляками населенныхъ имѣній въ гродненской губерніи. Купчія обыкновенно совершались на имя городскаго головы, который дѣйствительнымъ покупщикамъ полякамъ выдавалъ векселя на сумму, равную стоимости имѣнія. Такимъ образомъ фиктивное имущество городскаго головы, заключавшееся въ помѣстьяхъ, возрасло до 500,000 р. и на такую же сумму выдано имъ векселей дѣйствительнымъ владѣльцамъ имѣній. При такихъ обстоятельствахъ, внезапно умираетъ отъ разрыва сердца городской голова, не устроивши своихъ дѣлъ. Надъ имѣніями его учреждена опека, которая требуетъ отъ жены покойнаго отчетности въ доходахъ по имѣніямъ, а между тѣмъ имѣніями этими завѣдываютъ дѣйствительные ихъ владѣльцы и мнимые кредиторы бывшаго головы. Вѣроятно, вдовѣ бывшаго головы придется поплатиться и собственнымъ имуществомъ ея мужа за обходъ имъ закона.

IV.

Почти весь день 29 іюля я употребилъ на переѣздъ изъ Гродна въ Ковно, особенно благодаря продолжительной остановкѣ въ Ландваровѣ. Мѣстность по пути—возвышенная, волнистая; почва плодороднѣе, чѣмъ въ минской губерніи.

Въ 7-ми верстахъ передъ Ковно находится, въ прекрасной, лѣсистой мѣстности, Пожайскій монастырь, основанный во второй половинѣ XVII вѣка извѣстнымъ канцлеромъ литовскимъ Пацемъ для католическихъ монаховъ камальдуловъ. Тутъ же, въ виду монастыря, мнѣ привелось услышать отъ одного ковенскаго старожила и преданіе объ основателѣ монастыря. Этотъ Пацъ,—говоритъ преданіе,—былъ весьма гордый человѣкъ и большой чудакъ. Ни одной дѣвицы въ мірѣ онъ не находилъ достойною своей руки и потому женился на родной своей сестрѣ, какъ равной ему по происхожденію. За такое кровосмѣшеніе папа наложилъ на него полное отлученіе, такъ что никто не долженъ былъ услуживать ему, ни подавать хлѣба, ни воды. Отлученный отъ человѣческаго сообщества, гордый вельможа долженъ былъ смириться передъ папою, испросилъ у него въ Римѣ прощеніе своему грѣху и построилъ Пожайскій камальдульскій кляшторъ, стоившій ему до 8 милліоновъ злотыхъ. Въ 1840 году церковь обращена въ православную. Нынѣ здѣсь, въ прежнихъ зданіяхъ католическаго монастыря, находятся православный мужской Успенскій монастырь и резиденція ковенскаго епископа, викарія литовской епархіи, который и управляетъ монастыремъ.

Городъ Ковно расположенъ въ углу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Нѣмана и Виліи, и со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, идущими по берегамъ этихъ рѣкъ. Желѣзная дорога подходитъ къ Ковно черезъ тоннель, длиною въ 600 саженъ для двухъ путей. Въ настоящее время производятся работы по укрѣпленію Ковно.

Источниками для исторіи Ковно и ковенской губерніи служатъ: «Описаніе ковенской губерніи» полковника Аѳанасьева, С.-Петербургъ, 1861 г.; брошюра о Сурдегскомъ монастырѣ, вилькомирскаго уѣзда; третій томъ «Живописной Россіи»; памятныя книжки ковенской губерніи съ 1862 года. Къ сожалѣнію, послѣднія за нѣкоторые годы представляютъ библіографическую рѣдкость. Въ нихъ, между прочимъ, помѣщены были слѣдующія статьи: «Краткій взглядъ на исторію той части Литвы, которая нынѣ составляетъ ковенскую губернію» И. Прекера, за 1862 г., и «Указатель матеріаловъ для изученія сѣверо-западнаго края» П. Черневскаго, за 1882 годъ. Кромѣ того, въ настоящемъ году, къ проѣзду великаго князя Владиміра Александровича, составлена и издана была историческая записка о ковенской губерніи.

Въ Ковно въ настоящее время считается жителей до 50,000 человѣкъ, изъ коихъ евреевъ считается до 25,000 человѣкъ. Населеніе губерніи состоитъ преимущественно изъ литвы и жмуди, и только въ видѣ оазисовъ, преимущественно въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ губерніи, попадаются древнія русскія поселенія, храмы и монастыри. Это—или отдаленные отпрыски русской колонизаціи, или же, вѣрнѣе, остатки древняго русскаго поселенія въ странѣ, оттѣсненнаго потомъ жмудью и литвою. Кромѣ Сурдегскаго монастыря, существующаго и доселѣ, въ ковенской губерніи были древніе русскіе православные монастыри и храмы въ Крони, Оникштахъ, Подубисѣ и др. Свѣдѣнія о нихъ, по словамъ протоіерея виленскаго Пречистенскаго собора І. Котовича, находятся въ архивѣ литовской духовной консисторіи. Въ самомъ Ковно въ XVII вѣкѣ упоминается одинъ православный храмъ. Въ настоящее время здѣсь три православныхъ храма, но всѣ они обращены изъ католическихъ костеловъ и кляшторовъ.

Изъ достопримѣчательностей Ковна первое мѣсто занимаютъ остатки древняго ковенскаго замка, вѣроятно построеннаго литовскими князьями для защиты отъ ливонскихъ рыцарей. Замокъ расположенъ на лѣвомъ берегу Виліи, недалеко отъ впаденія ея въ Нѣманъ. Въ настоящее время уцѣлѣла отъ него часть круглой башни, съ выѣздными воротами и амбразурами, и двѣ примыкающія къ ней стѣны. Башня и стѣны сложены изъ дикихъ камней и крупнаго краснаго

кирпича. Другія части уцѣлѣвшаго замка застроены еврейскими хатами. Фотографическій видъ башни и примыкающихъ къ ней стѣнъ можно получить въ мѣстной фотографіи В. Е. Заторскаго, на улицѣ «Новый Планъ». Слѣдовало бы издать этотъ видъ. Лѣтъ 10 или больше тому назадъ, по разсказу старожиловъ, одинъ солдатъ изъ Риги выпросилъ у начальства разрѣшеніе произвесть въ замкѣ раскопки, съ цѣлію отысканія клада, и открылъ подъ замкомъ обширныя галлереи съ желѣзными дверями, спускающіяся къ Виліи.

Есть въ Ковнѣ и другая древняя крѣпость, о которой, кажется, не знаютъ и сами жители Ковно. Она почти цѣликомъ вошла въ составъ нынѣшняго городскаго сада, на берегу Нѣмана, и считается у мѣстныхъ жителей за упраздненное городское кладбище, но боевыя башни и амбразуры въ стѣнахъ ясно указываетъ на первоначальное стратегическое ея значеніе.

Кромѣ остатковъ старыхъ укрѣпленій, я осмотрѣлъ въ Ковно нынѣшній театръ, передѣланный будто бы изъ храма Перкуна, бывшую городскую ратушу, или большой дворецъ, и римско-католическіе костелы — Петропавловскій каѳедральный, основанный, какъ полагаютъ, въ началѣ XV вѣка, костелъ католической семинаріи, кармелитскій кляшторъ съ недавно открытыми въ немъ фресками и старую еврейскую синагогу.

Особенность старинныхъ ковенскихъ построекъ та, что онѣ большею частію не покрыты штукатуркою и даютъ возможность наблюдать величину и кладку кирпича. Поэтому только въ Ковнѣ явилась у меня мысль дѣлать измѣренія величины кирпичей въ старинныхъ зданіяхъ, чтобы вывести отсюда какое либо заключеніе о сравнительной ихъ древности и времени постройки. До сихъ поръ только квадратный тонкій кирпичъ, съ толстыми слоями извести или цемента, считался характеристическимъ признакомъ древнихъ построекъ византійскаго типа по XII вѣкъ включительно. Но хронологія удлиненныхъ кирпичей западно-европейскаго типа доселѣ неустановлена или, по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстна. Одну изъ древнѣйшихъ построекъ въ этомъ родѣ, т. е. съ удлиненными кирпичами, представляетъ башня въ Каменцѣ-Литовскомъ XIII вѣка, сложенная изъ дикаго камня и кирпичей. Къ сожалѣнію, величина послѣднихъ въ этой башнѣ намъ неизвѣстна. Въ ковенскихъ же древнихъ постройкахъ величина кирпича слѣдующая. Въ остаткахъ древняго литовскаго замка при сляніи Виліи съ Нѣманомъ длина кирпича 5 вершковъ, а ширина и толщина около 2 вершковъ. Такой же приблизи-

тельно величины кирпичъ впослѣдствіи мы нашли въ витебской единовѣрческой Благовѣщенской церкви, основанной въ XIV вѣкѣ, но съ тѣмъ небольшимъ отличіемъ въ измѣреніи, что въ витебской церкви кирпичъ немного толще вершка. Поэтому постройку ковенскаго литовскаго замка при сліяніи Виліи съ Нѣманомъ приблизительно можно бы отнесть къ XIII—XIV вв. Нѣсколько меньше кирпичи въ другой ковенской крѣпости при Нѣманѣ и въ ковенскомъ каѳедральномъ римско-католическомъ костелѣ, именно длиною въ $4^1/_2$ вершка и толщиною около $1^1/_2$ вершка. А такъ какъ ковенскій каѳедральный римско-католическій костелъ относятъ къ началу XV столѣтія, то указанная величина его кирпича могла бы служить характеристическимъ признакомъ XV вѣка. Въ постройкахъ XVIII вѣка обыкновенно встрѣчается кирпичъ въ 4 вершка длиною и въ 1 вершокъ толщиною, какъ, напр., въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ половины XVIII вѣка. Такимъ образомъ общій, основной законъ постепеннаго видоизмѣненія формы удлиненныхъ кирпичей въ древнихъ зданіяхъ состоялъ бы въ постепенномъ уменьшеніи величины кирпичей, конечно, съ цѣлію сообщенія большей эластичности и легкости постройкамъ.

V.

Изъ Ковна я возвратился въ Вильну и, покончивъ здѣсь свои занятія, 1 августа отправился въ дальнѣйшій путь на Динабургъ. Здѣсь я не останавливался, но впослѣдствіи времени мнѣ привелось видѣть фотографическій видъ древняго динабургскаго нѣмецкаго замка, служившаго передовымъ постомъ въ наступательномъ движеніи нѣмецкихъ рыцарей на Русь и Литву. Изъ Динабурга—рукой подать до Риги, и мнѣ захотѣлось хоть однимъ глазкомъ взлянуть на страну нашихъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ. Почва въ курляндской губерніи, по дорогѣ въ Ригу, сама по себѣ не представляется плодородною и немного развѣ лучше почвы минской губерніи, но воздѣлывается несравненно лучше: часто попадаются канавки и каналы для осушенія низменной, мокрой почвы; удобреніе земли—хорошее, раціональное; проселочныя дороги—исправныя. Въ вагонахъ преобладающимъ населеніемъ все болѣе и болѣе становятся нѣмцы, среди которыхъ невольно чувствуешь себя какъ бы случайнымъ, нежеланнымъ ихъ гостемъ. Даже мѣстные евреи, по закону приспособленія, принимаютъ здѣсь нѣмецкій оттѣнокъ и говорятъ довольно чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, такъ что одну спутницу, цивилизованную еврейку, я при-

нялъ по ошибкѣ за нѣмку. Моя ошибка польстила спутницѣ и развязала у ней языкъ. Стоитъ объ этомъ разсказать.

Въ одномъ вагонѣ съ нами ѣхало трое пьяныхъ нѣмцевъ. Не смотря на безобразіе ихъ поведенія и приставанія къ другимъ пассажирамъ, пьяные нѣмцы все таки безпрепятственно доѣхали до мѣста своего назначенія, хотя на обратномъ пути изъ Риги, по просьбѣ пассажировъ, высаженъ былъ одинъ пьяненькій русскій мѣщанинъ на ближайшей станціи. На нелестное замѣчаніе моей спутницы о безобразіяхъ пьяныхъ нѣмцевъ, я отвѣтилъ ей, что, вѣдь, это—ея соотечественники. Но, къ удивленію моему, спутница отреклась отъ нѣмцевъ, какъ своихъ соотечественниковъ, и показала мнѣ выданный ей изъ полиціи видъ, въ которомъ значилось, что она—жена нѣмца протестанта, но сама *іудейскаго вѣроисповѣданія*. Первый мужъ ея былъ еврей, который далъ ей разводъ, послѣ чего она вышла замужъ за нѣмца провизора, удержавъ свое вѣроисповѣданіе, но обязавшись воспитывать дѣтей отъ новаго брака въ протестантскомъ исповѣданіи. Новый мужъ оказался ревнивцемъ, пьяницею и драчуномъ; а между тѣмъ прежній мужъ еврей снова приглашаетъ ее къ себѣ, обѣщая развестись съ наличной своей женой. Моя спутница, по ея собственному выраженію, думаетъ «возвратить прежнее свое счастіе», т. е. вернуться къ первому своему мужу, оставивъ втораго, и въ оправданіе свое ссылалась на то, что всякое животное, даже клопъ, хочетъ жить и не желаетъ умереть. «Попробуйте,—совѣтовала она мнѣ,—тронуть булавкою клопа: онъ непремѣнно побѣжитъ отъ булавки; слѣдовательно не хочетъ умирать, а хочетъ жить». Напрасно я старался увѣрить мою словоохотливую спутницу, что я лично не знакомъ съ клопами, такъ какъ въ моей квартирѣ ихъ нѣтъ: она не повѣрила мнѣ и настойчиво предлагала сдѣлать рекомендуемый ею опытъ.

Въ Ригѣ я съѣздилъ на взморье, осмотрѣлъ старый городъ съ его древнѣйшими постройками и хотѣлъ побывать въ мѣстномъ музеѣ; но онъ оказался закрытымъ, хотя я былъ въ положенное для осмотра музея время.

3-го августа изъ Риги я направился прямо въ Полоцкъ. Дорогою не представилось мнѣ ничего замѣчательнаго. Можно отмѣтить только разговоръ одного петербуржца съ полоцкимъ евреемъ по поводу мѣропріятій нижегородскаго биржеваго комитета къ ограниченію наплыва евреевъ на нижегородскую ярмарку. Прочитавъ газетную замѣтку объ этомъ, еврей грустно улыбнулся и замѣтилъ, что, хотя

между евреями дѣйствительно есть много нехорошихъ людей, но не всѣ же они—негодные люди, и что слѣдовало бы евреямъ дать извѣстныя права и возложность заработковъ. Если кошка стащитъ изъ горшка кусокъ мяса,—пояснилъ еврей,—то виновата въ томъ хозяйка, почему она не накормила кошки. На это петербуржецъ замѣтилъ, что бываютъ блудливыя кошки, которыхъ сколько ни корми, а не отучишь отъ блудливости.

День 4 августа я употребилъ на осмотръ Полоцка и его достопримѣчательностей. Въ Полоцкѣ два собора—Николаевскій изъ поіезуитскаго костела и приписной къ нему Софійскій, Богоявленскій мужской монастырь, женскій Спасскій Евфросиніевскій монастырь и приписной къ нему Борисоглѣбскій, и церкви Богословская на берегу Двины и единовѣрческая. Изъ учебныхъ заведеній въ городѣ находятся: кадетскій корпусъ, учительская семинарія и духовное училище. Всѣ они помѣщаются въ поіезуитскихъ зданіяхъ, составлявшихъ нѣкогда какъ бы особый городъ.

Отъ Николаевскаго поіезуитскаго собора не ожидалъ я никакихъ древностей и достопримѣчательностей и потому не былъ въ немъ. Впослѣдствіи времени я слышалъ, будто бы въ этомъ соборѣ сохранилось олицетворенное изображеніе Польши, благословляемой на мятежъ противъ Россіи. Трудно, впрочемъ, повѣрить, чтобы изображеніе было современно какому либо изъ польскихъ мятежей.

Софійскій полоцкій соборъ, находящійся въ верхнемъ замкѣ, при рѣкѣ, въ настоящемъ видѣ построенъ около половины XVIII в., и планъ его имѣетъ форму креста. Въ лѣвомъ отъ входа концѣ этого креста указываютъ мѣсто, гдѣ первоначально спасалась преп. Евфросинія Полоцкая. Говорятъ, что здѣсь сохранилась и вошла въ новую стѣну часть древней стѣны Софійскаго собора. Въ самомъ храмѣ обращаетъ на себя вниманіе только икона Богоматери съ Богомладенцемъ; но «лузги» въ глазахъ той и другаго показываютъ, что икона уже подновлена въ западно-европейскомъ стилѣ, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка. Живущій при этомъ соборѣ псаломщикъ передавалъ мнѣ, что въ ризницѣ собора хранится рукописная лѣтопись его и рукописное евангеліе.

Въ полоцкомъ Богоявленскомъ мужскомъ монастырѣ, откуда приглашенъ былъ въ Москву извѣстный ученый XVII вѣка Симеонъ Полоцкій, въ настоящее время тоже нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ иконы Богородицы, которая, по внѣшнему виду, можетъ быть отнесена къ концу XVI или къ началу XVII вѣка.

Важнѣйшую же достопримѣчательность и святыню Полоцка составляетъ Спасо-Евфросиніевскій женскій монастырь Въ этомъ монастырѣ доселѣ сохранилась древняя церковь XII вѣка, за исключеніемъ купола и сводовъ, построенная преподобною Евфросиніей Полоцкою. Стѣны храма сложены изъ квадратныхъ кирпичей, помостъ передъ дверьми храма сдѣланъ изъ квадратныхъ тесаныхъ камней, составлявшихъ нѣкогда полъ самой церкви. Церковь весьма мала и можетъ вмѣщать въ себѣ только до 50 богомольцевъ. Восточная часть ея состоитъ изъ трехъ абсидовъ, изъ коихъ въ среднемъ только находится престолъ; боковые же абсиды, отдѣленные отъ средняго капитальными стѣнами, весьма узки и служатъ только предалтаріями. Своды храма поддерживаются четырьмя массивными кирпичными колоннами. Въ западной стѣнѣ церкви устроена лѣстница, ведущая на хоры. По обѣимъ сторонамъ хоръ помѣщаются двѣ небольшія крестообразныя келіи, изъ коихъ въ одной подвизалась преподобная Евфросинія, а въ другой—сестра ея Евдокія. Въ келіи преп. Евфросиніи въ настоящее время хранится устроенный ею въ 1161 году драгоцѣнный крестъ, съ заключающимися въ немъ святынями изъ Константинополя и Іерусалима. Онъ имѣетъ шестиконечную форму. Длина его $11^3/_8$ вершка, верхній поперечникъ (титло) 3 вершка, нижній $4^5/_8$ вершка. Содержащіяся въ немъ святыни обозначены славянскими надписями. Весь крестъ обложенъ золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которыхъ находится множество украшеній и 20 маленькихъ медальоновъ съ изображеніями святыхъ, изъ коихъ одинъ утраченъ. На одной сторонѣ креста уцѣлѣли изображенія Іисуса Христа, Богоматери и Предтечи, архангеловъ Михаила и Гавріила, евангелистовъ Іоанна, Матѳея, Луки и Марка, св. Евфросиніи, великомученика Георгія и св. Софіи; на другой—Іоанна Хризостома, Василія (св. Григорія не сохранилось), апостоловъ Петра и Павла, первомученика Стефана, св. Димитрія и св. Пантелеимона. Въ боковой надписи, начертанной вокругъ всего креста на серебряныхъ вызолоченыхъ дощечкахъ, изображена воля св. Евфросиніи, чтобы крестъ сей, положенный ею въ монастырѣ въ церковь св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отъ ней отчуждаемъ подъ опасеніемъ подвергнуться проклятію. Весь крестъ по краямъ унизанъ былъ жемчугомъ, который въ теченіе вѣковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осыпался. На лицевой сторонѣ креста находится 8 большихъ дорогихъ камней и столько же меньшихъ, расположенныхъ по угламъ маленькихъ крестовъ, лежащихъ надъ частями чест-

наго древа. На оборотной сторонѣ креста, въ самомъ низу, подъ образомъ св. Пантелеимона и вокругъ части его мощей, вырѣзана еще слѣдующая надпись мелкими буквами: «Ги помози рабоу своему Лазорю нареченомоу Богъши съдѣлавшемоу крьстъ сии црькви стаго Спаса и Офросиньи».

Изъ печатныхъ описаній креста преп. Евфросиніи Полоцкой нельзя было опредѣлить способа производства сдѣланныхъ на немъ священныхъ изображеній въ медальонахъ. Но при взглядѣ на самый крестъ ясно открывается, что изображенія въ медальонахъ принадлежатъ къ такъ называемымъ византійскимъ перегородчатымъ эмалямъ. Сущность подобныхъ высокохудожественныхъ древневизантійскихъ издѣлій состояла въ томъ, что эскизъ изображаемаго святаго обозначался тонкими золотыми или серебряными перегородками или жилками, между которыми вставлялася стекловидная соотвѣтствующихъ цвѣтовъ композиція, замѣняющая краски. Крестъ преп. Евфросиніи несомнѣнно носитъ на себѣ печать XII вѣка и долженъ занять почетнѣйшее мѣсто между драгоцѣннѣйшими древневизантійскими перегородчатыми эмалями. Значеніе его еще болѣе возвышается отъ того, что онъ носитъ на себѣ всѣ признаки славяно-русскаго происхожденія своего и слѣдовательно служитъ свидѣтелемъ и показателемъ высоко-художественнаго развитія русскаго народа, какого онъ достигнулъ въ XII вѣкѣ подъ вліяніемъ Византіи. Что крестъ сдѣланъ русскимъ славяниномъ, это видно какъ изъ славянскихъ и неправильныхъ греческихъ надписаній надъ святынями и изображеніями его, такъ и изъ подписи мастера Лазаря Богши. По словамъ витебскаго ученаго А. Сапунова, фамилія Богши есть мѣстная бѣлорусская фамилія.

Кромѣ креста, въ полоцкой Спасо-Евфросиніевской церкви уцѣлѣли еще древнія фресковыя стѣнныя изображенія и сравнительно позднѣйшая икона преп. Евфросиніи Полоцкой. Къ сожалѣнію, фрески неумѣло реставрированы въ настоящемъ вѣкѣ. На западной стѣнѣ храма изображены отдѣльныя сцены страшнаго суда, а именно: Господь Вседержитель на престолѣ съ предстоящими Богоматерью и Предтечей, а по сторонамъ его—съ одной стороны родъ жидовскій съ Моисеемъ во главѣ, а съ другой—лики праведныхъ, предводимые, повидимому, апостоломъ Петромъ. На сводахъ противолежащихъ колоннъ видны трубящіе ангелы. Въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, изображенъ Господь Вседержитель, закрываемый отъ молящихся позднѣйшимъ иконостасомъ. Что же касается иконы преп. Евфросиніи

Полоцкой, то она, повидимому, тоже подновлена, и потому трудно судить о времени ея происхожденія. Внизу, на фонѣ иконы, какъ бы въ перспективномъ отдаленіи, изображенъ городъ Полоцкъ съ его древнѣйшими церквами, между которыми нужно предполагать Софійскій соборъ, Спасо-Евфросиніевскій и Борисоглѣбскій монастыри.

Въ полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ была еще одна замѣчательная святыня, это Ефессская икона Богоматери, по преданію писанная евангелистомъ Лукою и испрошенная преп. Евфросиніею у греческаго императора Мануила и константинопольскаго патріарха Луки Хрисоверга въ благословеніе своей полоцкой обители. Въ настоящее время икона эта находится въ г. Торопцѣ, псковской губерніи, въ соборной Воскресенской церкви, и извѣстна подъ именемъ Корсунской. Перенесена она изъ Спасо-Евфросиніевской обители въ Торопецъ въ 1239 году по случаю бракосочетанія благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ дочерью полоцкаго князя Брячислава.

Къ Спасо-Евфросиніевскому монастырю приписанъ Борисоглѣбскій полоцкій женскій монастырь. Въ оградѣ его и до сихъ поръ сохраняются остатки древней Борисоглѣбской церкви, основанной въ XII вѣкѣ полоцкимъ княземъ Борисомъ Всеславичемъ († 1128 г.). Кирпичи—квадратные. Храмъ былъ небольшой, съ четырьмя массивными колоннами внутри и съ однимъ алтарнымъ полукружіемъ.

Н. Петровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіевскихъ уніатовъ [1]).

По окончательномъ присоединеніи къ Россіи областей, входившихъ въ составъ бывшаго польскаго королевства, русское правительство начало принимать рядъ мѣръ для облегченія перехода уніатовъ въ православіе. Не прибѣгая къ рѣзкимъ мѣропріятіямъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ и не поднимая вопроса о массовомъ возсоединеніи уніатовъ, правительство на первыхъ порахъ заботилось лишь о томъ, чтобы поддержать добровольно переходящихъ въ православіе и оградить ихъ «отъ мести, притѣсненій и обидъ» католиковъ и уніатовъ. Очевидно, случаи «мести» уніатамъ, переходившимъ «въ благочестіе», были не рѣдки, иначе нельзя объяснить мотивовъ появленія двухъ

---

[1]) См. въ москов. архивѣ М—ва Юстиціи—*таращанскаго уѣзднаго суда* описи 6-й дѣло № 10.

Высочайшихъ именныхъ указовъ—отъ 22 апрѣля 1794 г. и 10 генваря 1795 г. Первый указъ предписываетъ помѣщикамъ, поссесорамъ и чиновникамъ «римскаго и уніатскаго закона не осмѣливаться дѣлать жителямъ ни малѣйшаго въ присоединеніи ихъ къ благочестію *препятствія*, а обращающимся—обидъ и *притѣсненія*, и что всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращаемое и означающее преслушаніе воли нашей, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее за собою *секвестръ* имѣнія»... «Подтвердительный» указъ отъ 10 генваря 1795 г. прямо говоритъ, что русскія власти обязаны «предавшихся въ объятія православной нашей церкви *оберегать отъ мести*, притѣсненій и обидъ, а обидчиковъ и *наглецовъ* не оставлять безъ наказанія»...

Этотъ указъ былъ разосланъ, между прочимъ, при «опредѣленіи» *брацлавскаго* намѣстническаго правленія, помѣщикамъ, управителямъ и поссесорамъ *пятигорскаго* уѣзда, которымъ предписывалось, чтобы они возсоединившимся изъ уніи *священникамъ* «обидъ и притѣсненій ни подъ какимъ предлогомъ дѣлать не отваживалися, а имѣнія тѣ, кои до присоединенія къ церквамъ принадлежали, оставались бы всѣ безъ изъятія при нихъ навсегда, опасаясь за невыполненіе сего строгаго и неизбѣжнаго по законамъ сужденія и взысканія взятіемъ въ секвестръ имѣнія».

Несмотря, однако, и на эти указы, случаи «мести» бывшимъ уніатскимъ священникамъ со стороны католиковъ продолжались по прежнему. Одинъ такой случай дошелъ и до суда, въ 1796—7 гг.

Въ концѣ XVIII в. въ селѣ *Галайкахъ* (пятигорскаго уѣзда), принадлежавшемъ къ «тетіевскому ключу» владѣній «надворнаго короннаго подскарбія» пана Томаша *Островскаго*, болѣе 20 лѣтъ священствовалъ о. Гавріилъ *Буйницкій*. «Во время существованія Польши» о. Гавріилъ былъ уніатскимъ священникомъ, а «по присоединеніи сего края подъ Всероссійскую державу присоедился къ греко-россійской церкви». До этого перехода онъ свободно пользовался всѣми пахатными и сѣнокосными землями, данными прежними помѣщиками «на собственность его и церкви во вѣчность». «Отъ першихъ же дней по присоединеніи» галаецкій «приказчикъ» Островскаго Янъ-Игнатій Бачинскій, *«въ отмщеніе»* за это присоединеніе, началъ дѣлать Буйницкому «несносныя обиды и притѣсненія». Такъ, въ 1796 г. онъ приказалъ «съорать» на помѣщика «грунтъ», данный священнику бывшею владѣлицею «тетіевскаго ключа» *кн. Сангушковою* (права Буйницкаго на эту землю были подтверждены и наслѣдницею кн. Сан-

гушка «воеводзиною» Черняховскою). Когда Буйницкій выслалъ работниковъ на «оранку» остальныхъ церковныхъ земель, Бачинскій прогналъ ихъ съ поля. Во время сѣнокоса прикащикъ предупредилъ священника—скосилъ и забралъ сѣно на участкѣ Буйницкаго.

Положеніе священника еще болѣе ухудшилось, когда Бачинскій «подъ страхомъ наказанія и увѣчія» запретилъ галаецкимъ крестьянамъ идти къ Буйницкому не только въ годичные и полугодичные работники, но и на «подневныя работы». Всѣхъ бывшихъ у священника работниковъ изъ крестьянъ Островскаго Бачинскій отобралъ, не вернувши даже бывшихъ на нихъ «одѣяній» Буйницкаго.

Однажды былъ такой случай: наймичка батюшки Марія Мавчурова шла съ «криницы» съ «водоносомъ» на плечахъ. Бачинскій выслалъ крестьянина Пантелеимона Пачосу и приказалъ ему схватить «дѣвку» на панскій дворъ, а ведра отдать «дяку» для передачи батюшкѣ. Пачоса такъ и сдѣлалъ.

Бачинскій преслѣдовалъ бывшаго уніата и въ мелочахъ жизни. Такъ, онъ лишилъ священника прежняго права на даровой помолъ въ галаецкой мельницѣ, запретилъ въѣздъ въ помѣщичій лѣсъ для рубки дровъ, сталъ требовать съ пасѣки Буйницкаго «пчельной десятины» и пр., тогда какъ, состоя въ уніи, Буйницкій около 20 лѣтъ пользовался пожалованными—галаецкой церкви «въ вѣчное, а на мою особу до жизни» правами, освобождавшими отъ дачи помѣщику помольной «мѣрки», «пчельной десятины» и пр. Когда Бачинскій сталъ требовать «мѣрки» за помолъ, священникъ сначала отказался, но потомъ согласился давать. Тогда Бачинскій рѣшительно запретилъ молоть священническій хлѣбъ на галаецкой мельницѣ, такъ что Буйницкому пришлось возить его на далекія мельницы.

Въ іюлѣ 1796 г. Буйницкій принесъ пятигорскому нижнему земскому суду жалобу на всѣ эти дѣйствія Бачинскаго. Для изслѣдованія дѣла судъ отправилъ въ Галайки дворянскаго засѣдателя Станислава Иванскаго и уѣзднаго стряпчаго Турчанинова. Слѣдователи признали, что отнятыя у Буйницкаго пахатныя и сѣнокосныя земли дѣйствительно принадлежали прежде галаецкой церкви. Находя поступки Бачинскаго неправыми, они приказали ему вернуть священнику «пооранныя земли» и 143 копны скошеннаго сѣна.

Пользуясь этимъ постановленіемъ, Буйницкій попробовалъ вступить въ свои права—началъ орать возвращенныя ему земли. Но Бачинскій, не обращая вниманія на рѣшеніе суда,—снова выслалъ сво-

ихъ работниковъ, прогналъ священническихъ наймитовъ и самъ «переоралъ и осѣменилъ» спорную землю.

Послѣ новой жалобы Буйницкаго, нижній земскій судъ отправилъ въ Галайки пятигорскаго земскаго исправника Чижевскаго и уѣзднаго стряпчаго Турчанинова. Бачинскій объяснилъ исправнику, что онъ дѣйствовалъ не самовольно, но по приказанію пана Мартына Суловскаго, «коммиссара» тетіевской экономіи помѣщика Островскаго. Суловскій не отвергалъ, что спорный «хуторъ», отобранный Бачинскимъ у Буйницкаго, дѣйствительно принадлежалъ послѣднему, но что права священника на эту землю очень сомнительны. Буйницкій получилъ хуторъ во временное пользованіе отъ бывшей владѣлицы Тетіева пани *Ледуховской*, которая не имѣла правъ настоящей «дѣдички» на Тетіевъ, а потому и не могла раздавать земли на вѣчное владѣніе. Послѣ же Ледуховской «правнымъ дѣдичемъ» тетіевскаго ключа сдѣлался панъ Островскій, имѣющій всѣ права на спорный хуторъ, поля и сѣнокосъ. Когда Островскій началъ «генеральное размежеваніе» своихъ владѣній, то спорныя земли пришлось отдать крестьянамъ, а галаецкой церкви были отведены другія земли, но Буйницкій де отказывается принимать ихъ и требуетъ возврата прежнихъ своихъ земель.

Представляя все это брацлавскому намѣстническому правленію, нижній земскій судъ находитъ, что Суловскій является явнымъ ослушникомъ Высочайшаго указа отъ 10 генваря 1795 г. Тетіевская экономія—одна изъ самыхъ крупныхъ въ пятигорскомъ уѣздѣ, отобрала земли не только у галаецкаго священника, но и у другихъ новоприсоединившихся отъ уніи священниковъ въ подчиненныхъ экономіи селеніяхъ. Суловскій всячески преслѣдуетъ возсоединившихся: беретъ съ ихъ пасѣкъ «пчельную десятину», запрещаетъ молоть хлѣбъ на владѣльческихъ мельницахъ, не отпускаетъ священникамъ дровъ, не позволяетъ крестьянамъ наниматься въ работники къ священникамъ и пр. и пр. Жалобы бывшихъ уніатовъ на такія преслѣдованія Суловскаго постоянно доходятъ до суда. Судъ удовлетворяетъ просьбы священниковъ, но Суловскій не обращаетъ никакого вниманія на предписанія суда—«дѣлаетъ пренебреженіе и суду ослушаніе». Примѣру Суловскаго слѣдуютъ *и другіе помѣщики* пятигорскаго уѣзда, притѣсняющіе священниковъ—бывшихъ уніатовъ....

Генеральное межеваніе тетіевскаго ключа, затѣянное не Островскимъ, а именно Суловскимъ и созидающее большія неудобства для населенія (напр. многія старыя дороги закрыты, а проложены новыя

и неудобныя и пр.), предпринято главнымъ образомъ съ цѣлью преслѣдованія бывшихъ уніатскихъ, а нынѣ православныхъ священниковъ. Именно, межеваніе имѣетъ цѣлью отобрать у нихъ лучшіе «грунты» и «обратить въ раздѣлъ крестьянамъ», а священникамъ *дать худшіе земли*.... Но даже съ надѣломъ этихъ послѣднихъ Суловскій не торопится и священники остаются безъ всякихъ земель!...

Свое донесеніе намѣстническому правленію нижній земскій судъ заканчиваетъ соображеніями о томъ, что Ледуховская имѣла право распоряжаться землями тетіевскаго ключа.

Въ февралѣ 1797 г. намѣстническое правленіе послало указъ пятигорскому уѣздному суду, въ которомъ, на основаніи вышеупомянутыхъ указовъ 1794 и 1795 гг., предписываетъ суду «подвергнуть законному сужденію» поступки коммиссара Суловскаго, а обиженнымъ имъ Буйницкому и другимъ православнымъ священникамъ, бывшимъ уніатамъ, доставить полное и «справедливое удовольствіе».

Уѣздный судъ, однако, почему то медлилъ исполнить этотъ указъ и только въ апрѣлѣ отправилъ къ Суловскому «повѣстку» о явкѣ въ судъ на 16 апрѣля. Повѣстку повезъ столоначальникъ нижняго земскаго суда (уѣздный судъ предписывалъ послать «человѣка вѣжливаго, трезваго и вѣдающаго обхожденія благородныя»)... Посланный не засталъ Суловскаго и вручилъ повѣстку тетіевскому «генеральному эконому».

Въ то же время уѣздный судъ получилъ отъ нижняго земскаго суда производившееся въ послѣднемъ «дѣло» по жалобамъ Буйницкаго на притѣсненія Суловскаго и Бачинскаго. Извлекаю отсюда новыя подробности о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ.

Въ одномъ изъ своихъ «отвѣтовъ» нижнему земскому суду Суловскій говоритъ между прочимъ, что «подъ державою ея величества всѣ попы грунтовъ пахальныхъ не имѣютъ...., а только *приходами церковными* довольствуются». Если же въ здѣшнемъ краѣ попы получили земли, то единственно вслѣдствіе того, что «въ началѣ поселеній малые имѣли приходы, но напротивъ въ нынѣшнія времена с. Галайки гораздо отличествуетъ отъ прежняго своего поселенія, ибо въ себѣ душъ мужескаго полу 576, а женскаго 537 заключаетъ, то и попа своего приходами церковными довольствовать можетъ». Однако Островскій хотя и отобралъ при межеваніи у Буйницкаго земли, но взамѣнъ ихъ отвелъ другія. Буйницкій не пошелъ на эту сдѣлку: уничтоживши («попсовалъ») межевые знаки, сталъ орать на прежнихъ своихъ земляхъ, уже распредѣленныхъ экономіей между крестьянами.

Подтвердилось ли послѣднее обвиненіе Суловскаго—изъ производства нижняго земскаго суда не видно. За то въ немъ сохранилось не мало данныхъ едва ли не о самомъ крупномъ изъ безчинствъ Бачинскаго надъ Буйницкимъ—о *«наѣздѣ»* перваго на хуторъ галаецкой церкви (принадлежавшій ей—по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—съ 1747 г.)... Вотъ подробности этого интереснаго эпизода.

Въ генварѣ 1797 г. Бачинскій приказалъ «побережнику» (объѣздчику) панскаго галаецкаго лѣса Василю Хлевненку строго слѣдить за хуторомъ Буйницкаго и, если кто станетъ вывозить оттуда лѣсъ или «форостъ», немедленно дать знать о томъ на панскій дворъ. Если Хлевненко прозѣваетъ такой случай, Бачинскій обѣщалъ «жестоко наказать» его. Хлевненко сталъ наблюдать за хуторомъ. Однажды, объѣзжая лѣсъ, онъ замѣтилъ, что съ хутора выѣхалъ на парѣ воловъ сторожъ Буйницкаго Дмитро Хуторный. На саняхъ у него было наложено срубленое на хуторѣ подсохшее вишневое дерево. Хлевненко немедленно полетѣлъ на панскій дворъ и далъ знать Бачинскому.

Подъѣзжая къ околицѣ Галаекъ, Хуторный увидѣлъ быстро шедшую къ нему на встрѣчу толпу панскихъ «козаковъ» (ихъ было 6 человѣкъ—Яковъ Еремичъ, Гнатъ Багрій, Лукьянъ Кирилюкъ и др.) Хуторный заподозрилъ что то недоброе и, бросивши воловъ, пустился бѣжать назадъ къ лѣсу. Но козаки его догнали и вмѣстѣ съ батюшкиною подводою представили на панскій дворъ, гдѣ Бачинскій велѣлъ Хуторнаго «забить въ колодки», а воловъ пустилъ въ господское стадо. На другой день Хуторнаго съ подводою отправили «за карауломъ» въ Тетіевъ, въ «главную экономію».

Въ ближайшее воскресенье Бачинскій отправилъ на хуторъ Хлевненка и еще 5 человѣкъ, на 3 подводахъ—забрать тамъ жену, дѣтей Хуторнаго и все его «имѣніе». Они пріѣхали на хуторъ незадолго передъ обѣдней. Жена Хуторнаго бросилась бѣжать въ Галайки, къ Буйницкому. Панская челядь пустилась догонять ее, но хорошо знакомая съ лѣсомъ, Хуторная ускользнула отъ нихъ и явилась прямо въ церковь. Буйницкій собирался уже приступить къ совершенію обѣдни, но во время остановленный, немедленно поѣхалъ на хуторъ. Здѣсь Хлевненко съ товарищами уже хозяйничали на полной волѣ—забирали все имущество Хуторныхъ и складывали на подводы. Но появленіе Буйницкаго остановило ихъ: онъ «не допустилъ чинить такова задору». Хлевненку ничего не оставалось дѣлать, какъ ни съ чѣмъ отъѣхать съ хутора.

Но Бачинскій поправился въ слѣдующее воскресенье. Когда шла обѣдня въ Галайкахъ и о. Буйницкій не могъ явиться на помощь къ семьѣ Хуторнаго, на хуторъ явилась посланная Бачинскимъ болѣе многочисленная партія—нѣсколько крестьянъ на 3 подводахъ и 5 верховыхъ (прикащикъ с. Черапина Пеньковскій, лѣсничій Яворскій и 3 «побережника»). Окруживши хуторъ, они схватили жену и дѣтей Хуторнаго, забрали всякую рухлядь, скотъ (4 тельныхъ коровы и 2 телятъ) и пр. Все это было отвезено въ Тетіевъ, гдѣ экономія отвела Хуторному хату и никуда не выпускала изъ села.

Бачинскій и Суловскій поступили такъ съ Хуторнымъ на томъ основаніи, будто онъ «подданный» Островскаго. На самомъ дѣлѣ этого не было. Дмитро Хуторный былъ родомъ изъ с. Замійцы (изъ подъ Кременца), имѣнія графа *Мнишка*. 12 лѣтъ тому назадъ онъ ушелъ оттуда съ женою и встрѣтилъ около Тетіева Буйницкаго, который и пригласилъ Дмитра поселиться у него на хуторѣ. Съ тѣхъ поръ онъ и проживалъ здѣсь «безотлучно». Буйницкій ежегодно платилъ за него «казенныя подати«.

Конечно, Буйницкій не оставилъ этого дѣла и немедленно обратился съ жалобою въ нижній земскій судъ, требуя отъ Бачинскаго возврата Хуторнаго, пары воловъ, стоившихъ 20 р., саней, и проч. Судъ предписалъ земскому исправнику Якову Чижевскому отобрать все у Бачинскаго и вернуть Буйницкому. Но исправникъ медлилъ даже послѣ того, какъ получилъ отъ брацлавскаго намѣстническаго правленія строгій выговоръ за то, что не оказываетъ Буйницкому должнаго по законамъ содѣйствія и потворствуетъ насиліямъ Бачинскаго. Правленіе предписало Чижевскому немедленно ѣхать въ Галайки, отобрать и вернуть Буйницкому все «заграбленное» на хуторѣ, произвести на мѣстѣ «изслѣдованіе», а виновныхъ «въ ограбленіи» («козаковъ» Островскаго и пр.) отослать въ судъ.

Этотъ указъ былъ данъ въ началѣ февраля 1797 г., но только въ мартѣ Чижевскій съѣздилъ на слѣдствіе въ Галайки (при депутатѣ съ духовной стороны) и затѣмъ донесъ намѣстническому правленію, что, несмотря на всѣ его «повелѣнія», тетіевская экономія не возвращаетъ Буйницкому «ограбленнаго», «для чего принужденъ я поставить той экономіи *экзекуцію* и, буде и за симъ» Суловскій не послушается, то исправникъ представитъ его «законному сужденію».

Испугала ли Суловскаго эта «экзекуція», или онъ понялъ, что въ своемъ преслѣдованіи Буйницкаго зашелъ такъ далеко, что вооружилъ противъ себя русскую администрацію, въ борьбѣ съ которою

мудрено было расчитывать на успѣхъ, но Суловскій сдѣлалъ крутой оборотъ и поспѣшилъ примириться съ Буйницкимъ. Однако и этимъ примиреніемъ онъ воспользовался, чтобы еще разъ хлеснуть ненавистнаго ему «схизматика» и ловкимъ маневромъ вывернуться изъ положенія обвиняемаго и стать въ положеніе обиженнаго...

Въ апрѣлѣ 1797 г. панъ Мартынъ, «по позыву пятигорскаго уѣзднаго суда являсь по дѣлу», объяснилъ присутствію суда нижеслѣдующее: панъ слагаетъ съ себя обвиненіе въ ослушаніи начальства, такъ какъ яко бы во все время производства дѣла онъ отсутствовалъ изъ Тетіева и при томъ нижній земскій судъ ни разу не вызывалъ его для объясненій. Никогда не думалъ онъ отнимать у Буйницкаго церковныхъ земель, но только вслѣдствіе общаго перемежеванія тетіевскаго ключа пришлось взять у священника для крестьянъ прежнія земли, а ему предложить другія. Буйницкій сначала было согласился на эту перемѣну, но потомъ отказался. Всѣ остальныя притѣсненія Буйницкому произведены Бачинскимъ, который дѣйствовалъ тутъ самостоятельно, безъ всякаго участія его, Суловскаго.

Въ заключеніе Суловскій торжественно заявилъ суду: «что все священникъ Буйницкій *на меня всклепалъ* невинно и напрасно, въ томъ засвидѣтельствуютъ прилагаемые у сего сочиненные между нами въ добровольномъ условіи *компликаціи!!*»...

Эти «компликаціи» (или «мировое прошеніе» Суловскаго и Буйницкаго, поданное суду 20 апрѣля 1797 г.) гласили слѣдующее: такъ какъ по дѣлу о земляхъ галаецкой церкви Буйницкій уже получилъ отъ Суловскаго *«удовлетвореніе»* (какое именно — не говорится), то донося о семъ суду, они просятъ «претензію» между ними «числить конченною миромъ», вслѣдствіе чего Буйницкій «получа единожды удовольствіе, никогда на Суловскаго и экономію тетіевскую искать не будетъ и предаетъ забвенію»...

Любопытно, что этотъ документъ подписанъ Буйницкимъ по польски, тогда какъ всѣ прежнія его бумаги въ судъ онъ подписывалъ по русски... Очевидно, что и въ этой мелочи онъ хотѣлъ сдѣлать любезность Суловскому...

22 апрѣля уѣздный судъ постановилъ свой приговоръ по дѣлу о. Буйницкаго. Прежде всего судъ дѣлаетъ «строжайшій выговоръ» нижнему земскому суду за то, что онъ, повѣривши показаніямъ Бачинскаго и Буйницкаго, привлекъ къ суду Суловскаго, ни разу не вызвавши его для личныхъ объясненій. Затѣмъ судъ дѣлаетъ внушеніе и Буйницкому: «яко самому изъявившему свою виновность (гдѣ

же?—этого нельзя найдти даже въ «мировомъ прошеніи»...) въ напрасномъ *оклеветаніи* Суловскаго—подтвердить, дабы не отваживался такъ на невинныхъ клеветъ наносить и дѣлать присутственнымъ мѣстамъ лишнія заботы и переписки»...

«Комисаръ» М. Суловскій освобожденъ судомъ отъ всякой отвѣтственности по дѣлу. Но и ему строго подтверждено, чтобы онъ во первыхъ «далъ всегдашній документъ» на земли галаецкой церкви, а затѣмъ чтобы онъ «отнюдь не покушался на отнятіе отъ церкви и священниковъ земель» и чтобы какъ Буйницкому, такъ и другимъ священникамъ тетіевскаго ключа «никакихъ обидъ не осмѣливался причинять подъ штрафомъ въ высочайшемъ именномъ указѣ отъ 22 апрѣля 1794 г. положеннымъ»...

Этимъ постановленіемъ дѣло и закончилось. Нельзя не пожалѣть, что уѣздный судъ не разъяснилъ—въ чемъ именно заключалось «удовлетвореніе», полученное Буйницкимъ отъ Суловскаго. Было ли это возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ, какіе существовали до перехода Буйницкаго въ православіе? или это былъ новый компромиссъ, на какой вынужденъ былъ пойти Буйницкій, не желавшій почему либо продолжать борьбу съ Суловскимъ?—Трудно отвѣчать здѣсь рѣшительно, но думается, что Буйницкій былъ удовлетворенъ именно въ томъ смыслѣ, какъ онъ добивался передъ судомъ. Только этимъ и можно объяснить фактъ очень быстраго согласія Буйницкаго на примиреніе съ Суловскимъ. Если бы Суловскій не далъ полнаго и желаемаго удовлетворенія Буйницкому, послѣдній, повидимому, человѣкъ энергичный—врядъ ли бы оставилъ такъ скоро борьбу свою съ нимъ, въ которой и законъ, и высшая администрація края оказывались на сторонѣ священника, а не пана.

Какъ бы тамъ ни было—получилъ ли Буйницкій отъ Суловскаго полное «удовлетвореніе», или нѣтъ,—но исторія ихъ борьбы несомнѣнно распространилась по всему краю и должна была произвести дурное впечатлѣніе на тѣхъ уніатскихъ священниковъ, которые собирались переходить въ православіе. Они поняли, что при всемъ сочувствіи къ ихъ дѣлу высшей русской администраціи и при всемъ содѣйствіи закона, и низшая полупольская администрація съ судами, и тѣмъ болѣе мѣстное чисто польское общество оказываются далеко не на ихъ сторонѣ и готовы всячески препятствовать ихъ стремленіямъ къ православію. Не всякій могъ рѣшиться—подобно о. Буйницкому—принять на себя подвигъ нелегкой борьбы съ всесильными панами. Мнѣ кажется, что именно эту цѣль запугиванія

нерѣшительныхъ и имѣлъ въ виду Суловскій, вступая въ борьбу съ Буйницкимъ. И только тогда, вѣроятно, онъ прекратилъ эту борьбу, когда цѣль была достигнута, когда колебавшіеся мѣстные уніаты ослабѣли въ своемъ стремленіи къ возсоединенію съ православіемъ...

Н. Оглоблинъ.

Личный составъ и аттестація духовенства алексадровскаго уѣзда екатеринославской губерніи по архивнымъ даннымъ 1814 и 1824 годовъ.

Покровскій соборъ г. Александровска, благодаря бережливости духовенства, обладаетъ весьма цѣннымъ архивомъ какъ собственнымъ, такъ и бывшихъ духовныхъ правленій павлоградскаго, маріупольскаго и александровскаго, ведущимъ свое начало съ 1772 года. Въ дѣлахъ есть документы о возникновеніи церквей въ бывшемъ *дикомъ полѣ* Запорожья, о числѣ душъ въ томъ или другомъ году въ каждой вновь заведенной вольной или помѣщичьей деревнѣ, о рожденіи, бракахъ и смертности населенія и проч. Этотъ архивъ, между прочимъ, даетъ намъ также много матеріаловъ о судебныхъ процессахъ духовенства, возникавшихъ—рѣдко по разслѣдованію высшаго духовнаго начальства и очень часто по доносамъ другъ на друга священниковъ и причетниковъ, представляетъ также данныя о тогдашнемъ составѣ духовенства, его умственномъ и нравственномъ уровнѣ. Въ послѣднемъ случаѣ лучшимъ источникомъ служатъ формулярныя вѣдомости всѣхъ церквей уѣзда. При составленіи настоящей краткой замѣтки мы пользовались такими вѣдомостями за 1814 и 1824 годы, изъ которыхъ извлекаемъ слѣдующія цифры.

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было	36	40
Составъ причта: Священниковъ	54	61
Діаконовъ	15	12
Дьячковъ	27	38
Пономарей	30	41

По образованію лица эти представляютъ слѣдующее дѣленіе:

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Священниковъ академиковъ (Кіевск.)	—	1
окончивш. дух. семинарію	2	2
не окончившихъ	9	11
не учившихся въ семинаріи	43	47
	54	61

		Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Діаконовъ:	не окончившихъ семинаріи	—	5
	не учивш. въ семинаріи	15	7
		15	12
Дьячковъ:	не окончивш. семинар.	2	10
	не учившихся въ семинар.	25	28
		27	38
Пономарей:	не окончивш. семинар.	3	6
	не учивш. въ семинар.	27	35
		30	41

Затѣмъ вѣдомости даютъ свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ каждаго лица, аттестуя словами «добраго» (поведенія), «хорошаго», «изряднаго», «нехудаго» или на оборотъ: «нехорошаго», «дурного», «зазорнаго». Въ послѣднемъ случаѣ приводятся качества или поступки, вызвавшіе дурные отзывы, размѣръ штрафа или мѣры взысканія, наказанія. Объ одобрительныхъ или неодобрительныхъ отзывахъ о каждомъ лицѣ лучше всего свидѣтельствуютъ цифры.

		Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Священниковъ:	одобрительн.	38	40
	неодобрит.	16	21
Діаконовъ:	одобрит.	12	9
	неодобрит.	3	3
Дьячковъ:	одобрит.	23	30
	неодобрит.	4	8
Пономар.:	одобрит.	29	35
	неодобрит.	1	6

Въ заключеніе считаемъ небезъинтереснымъ привесть здѣсь болѣе характерные *неодобрительные* отзывы духовнаго начальства.

1814 годъ.

1) *Село Благовѣщенское.* Священникъ Димитрій Васильевъ Крыжановскій, 36 лѣтъ, въ чтеніи и нотномъ пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. За пьянство и противузаконные поступки сосланъ былъ въ 1813 году въ Георгіевскій Бизюковъ монастырь на епитемію на одинъ годъ.

Указный дьячокъ Мануилъ Даниловъ сынъ Кавуновъ, 43 лѣтъ. Не худаго, но за невоздержанную жизнь въ 1809 году посылаемъ былъ въ Самарскій Николаевскій монастырь для употребленія и послушанія на 1 годъ.

Благочинный свящ. Карпъ Чернявскій.

2) *Село Большая Михайловка.* Священникъ Василій Самуиловъ Рушенковъ, 61 года, въ чтеніи и пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. Состоянія худаго и къ исправленію безнадеженъ, ослушенъ и былъ штрафованъ въ 1807 году за ссоры и драки посылкою въ Самарскій монастырь чрезъ 2 мѣсяца, съ запрещеніемъ священнослуженія и рукоблагословенія, на епитемію. 1810 года генваря 10

за отдачу сына своего въ свѣтское училище и неприставленіе въ семинарію—5-тью рублями. 28 того же генваря за обвѣнчаніе въ непозволенное время брака—10-ю рублями и употребленіемъ въ Александровскомъ Покровскомъ Соборѣ чрезъ 1 мѣсяцъ въ ежедневное служеніе и 1811 г. за обвѣнчаніе незаконнаго брака, посылкою въ Бизюковъ Григорьевскій монастырь на одинъ годъ для употребленія въ послушаніе. Да и нынѣ состоитъ подъ слѣдствіемъ за питье въ приходской своей церкви горячаго вина, перенесъ таковаго чрезъ святой алтарь.

Благочинный священникъ Іоаннъ Левитскій.

3) *С. Воскресенка.* Священникъ Андрей Матфеевъ Филоненковъ 49 лѣтъ, въ чтеніи и пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. Худаго (поведенія) и былъ штрафованъ въ 1807 году за худые поступки посылкою на годъ въ Самарскій монастырь въ чорную работу, а въ 1812 году за обвѣнчаніе брака не своего прихода употребленіемъ въ г. Александровскѣ 3 мѣсяца въ служеніи.

Благоч. свящ. Карпъ Чернявскій.

4) *С. Григорьевка,* графини Литто-Скавронской. Діаконъ Захарій Исаіевъ Голубовскій, 42 л. Состоянія хорошаго, но былъ штрафованъ 10-ю рублями за нерадѣніе въ ученіи сына своего.

Благочинный іерей Лука Голубницкій.

5) *С. Гавриловка.* 2-й священникъ Терентій Антоніевъ Харловъ 27 л., обучался въ екатеринославской семинаріи до поэзіи, которой слушалъ чрезъ годъ. Добраго, но за небытіе въ высокоторжественный день на всенощной и молебномъ пѣніи и за ослушности благочинному, штрафованъ былъ положеніемъ въ Николаевской (мѣстной) церкви до 200 земныхъ поклоновъ.

Благочинный свящ. Іоаннъ Левитскій.

6) *С. Гуляйполе.* Діаконъ Матѳей Григорьевъ Буряковъ 34 л. Добраго, но за обращеніе съ зазорною женщиною былъ штрафованъ посылкою въ Самарскій монастырь для употребленія въ послушаніи на 3 мѣсяца въ 1811 году.

Левитскій.

7) *С. Петриковка.* Священникъ Кирилъ Іоанновъ Срединскій, 41 г.; въ семинаріи не обучался. Добраго, но былъ штрафованъ за невоздержную жизнь лишеніемъ перваго прихода. Нынѣ ведетъ себя честно и отъ хмельныхъ напитковъ вовсе отсталъ.

Левитскій.

8) *С. Ивановка.* Стихарный дьячекъ Андрей Лукіановъ Чеховъ, 49 л. Дерзокъ, строптивъ и непослушенъ, но не штрафованъ.

Левитскій.

9) *С. Конскіе Раздоры.* 1-й священникъ Маркъ Гавріиловъ Андріевскій, 44 л.; въ семинаріи не обучался. Худаго и былъ штрафованъ въ 1812 году 1-е, за продажу женою его въ церковномъ притворѣ своихъ свѣчь—10 рублями, а 2-е, за захватываніе доходовъ безъ раздѣлу и произведеніе ссоръ—положеніемъ съ приходской иного благочинія церкви 400 поклоновъ.

10) *С. Преображенка.* Священникъ Пантелеймонъ Федоровъ Чернявскій 58 л., въ семинаріи не обучался. Поведенія нехудаго, но былъ штрафованъ въ 1811 году за обвѣнчаніе не правильнаго брака взысканіемъ на вдовъ и сиротъ священно и церковно служительскихъ 20-ю рублями, и за сдѣланный предъ архіереемъ обманъ касательно изученія сына своего грамотѣ,—положеніемъ въ Екате-

рининскомъ катедральномъ соборѣ чрезъ недѣлю ежедневно по 25 поклоновъ земныхъ. И сего 1814 года, за передержаніе сына своего Константина семинаріи риторики ученика—10 рублями.

11) *С. Пологи.* Священникъ Прокопій Филипьевъ сынъ Филипповъ 46 лѣтъ; въ семинаріи не обучался. Добраго, но штрафованъ въ 1807 году за заграбленіе у ново-московскаго мѣщанина Шабелкина золотарскихъ инструментовъ 300-ми поклоновъ. Въ 1808 г. за нерадѣніе о изученіи сына своего—5-ю рублями.

Благоч. Карпъ Чернявскій.

12) *С. Покровскаго.* Свящ. Іаковъ Антоніевъ Хроловъ, 33 л.; въ семинаріи не обучался. Не худаго, но за побои въ пьяномъ образѣ отставного солдата Сасина въ 1810 году, по указу консисторіи находился въ Самарскомъ монастырѣ на ектиніи чрезъ 3 мѣсяца.

Благоч. Іоаннъ Левитскій.

13) *С. Цареконстантиновки.* 2-й священникъ Іоаннъ Кирилловъ Брылевъ, 42 л.; въ семинаріи не обучался. Зараженъ пьянственною страстію и склоненъ къ ссорамъ и дракамъ и былъ штрафованъ за пьянство и нерадѣніе къ своей должности въ 1809 г. посылкою въ Самарскій монастырь, на полугодовую епитемію, который и нынѣ подъ слѣдствіемъ находится за противузаконные поступки.

Благоч. Карпъ Чернявскій.

1824 годъ.

14. *С. Павловка-Камышевска.* Свящ. Матѳей Савинъ Мацюшинъ 43 л.; въ семинаріи не обучался. Состоянія не худаго, но за драку съ евреиномъ штрафованъ былъ посылкою въ Самарскій монастырь на 3 мѣсяца въ ежедневное служеніе.

Благоч. свящ. Павелъ Цегельниковъ.

15) *С. Свистуново-Петровское.* Свящ. Антоній Стефановъ Щипченковъ 50 лѣтъ; въ сем. не обучался. Состоянія посредственнаго, но зараженъ пьянственною страстію и за несоблюденіе и исполненіе начальническихъ предписаній штрафованъ въ 1810 году 5 руб., въ 1819—5 рублями и въ 1823—на сиротъ и вдовъ 10 рублями и ссылкою на епитемію.

Стихарный пономарь Василій Стефановъ Веселовскій 39 л. Состоянія добраго, но за несоблюденіе своей должности по случаю сгорѣвшей Старокадацкой церкви (екатериносл. уѣзда, откуда переведенъ) былъ штрафованъ 400 поклоновъ.

16) *Посада бывшей крѣпости Петровской.* Свящ. Николай Андреевъ Соловьевъ 45 л.; обучался въ семинаріи до богословіи. Націи турецкой. По принятіи христіанскаго закона, находился на воспитаніи покойнаго преосвящ. архіеп. Амвросія. По умертвіи его на жалованный изъ кабинета блаженной памяти Императрицы Екатерины II-я съ 1793 года обучался въ екатеринославской семинаріи съ низжихъ классовъ по богословіи. Въ поведеніи не одобряется за склонность къ пьянству. 1819 году взятъ былъ для воздержанія въ соборную церковь (Александровскую) въ ежедневное служеніе, въ какое время и отъ благочиннической должности отставленъ: потомъ хотя и отпущенъ былъ на приходъ къ исправленію должности, но паки за тую же страсть и послѣдовавшую болѣзнь устраненъ былъ на малое время отъ священнослуженія и посланъ былъ въ Георгіевскій Бизюковъ монастырь на епитемію.

И. д. благоч. Кондратъ Кривоузовъ.

17) *С. Новоспасовка.* Свящ. Павелъ Антоновъ Черняевъ, 47 л.; обучался въ курской семинаріи до синтаксиса. Поведенія не хорошаго, былъ штрафованъ въ 1822 году за недоставленіе сына своего въ семинарію 10-ю руб., а въ 1823 году за пьянство, ссору, драку и другіе противузаконные и соблазнительные поступки посиланъ былъ на полгода въ Георгіевскій Бызюковъ монастырь въ послушаніе, да и нынѣ находится подъ судомъ за похищеніе якобы чужихъ вещей.

И. д. благоч. Кривоузовъ.

18) *С. Благовѣщенки.* Указный дьячокъ Романъ Мануиловъ Кавуновъ, 20 л. Въ поведеніи не одобряется и находится подъ судомъ гражданскаго правительства за воровство лошадей.

Онъ же.

19) *С. Федоровки.* Діаконъ Тимоѳей Семеновъ Чернявскій, 25 лѣтъ. Часто упражнялся въ пьянствѣ и обращеніи съ неблагонадежными людьми, подаетъ, по вдовству своемъ, въ поведеніи зазрѣніе, а притомъ строптивъ и непокоренъ. 1818 г. за разные шалости и неблаговидные поступки былъ штрафованъ опредѣленіемъ въ екатеринославскую семинарію на одинъ годъ сторожемъ.

20) *С. Пологъ.* Свящ. Прокофій Филиппьевъ Филипповъ, 56 л. (Изъ запорожскихъ козаковъ). См. 11. 1821 года за непредставленіе 2-хъ сыновъ своихъ въ семинарію штрафованъ посылкою въ архіерейскій загородній домъ на полгода, съ употребленіемъ 3-хъ мѣсяцевъ въ причетническую должность и 3-хъ въ священнослуженіе, а 1824 года за упущеніе въ приходскую его церковь принадлежащей ему собаки—6-ти недѣльнымъ священно-служеніемъ на собственномъ своемъ коштѣ.

И. д. благоч. тотъ же.

21) *С. Воскресенскаго.* Указный пономарь Федоръ Саввинъ Петровъ, 19 лѣтъ. Поведенія худаго и больше занимается бродяжничествомъ, нежели своею должностію.

И. д. благоч. свящ. Кривоузовъ.

22) *С. Захарьевки.* Свящ. Димитрій Васильевъ Дроковъ 40 л., въ семинаріи не обучался. Поведенія не худаго. За ссору и драку былъ штрафованъ въ 1818 г. употребленіемъ въ причетническую должность при екатеринославской святодуховской церкви, съ положеніемъ каждой недѣли въ два дни по 50 поклоновъ земнихъ, съ 1824 года по указу Святѣйшаго Синода за обвѣнчаніе указнаго пономаря Михаила Золотова въ несовершенныхъ лѣтахъ (16 лѣтъ) посылкою въ Григорьевскій Бизюковъ монастырь на 2 годы и 7 мѣсяцевъ и нынѣ находится въ монастырѣ.

Кривоузовъ.

Просматривая исповѣдныя росписи церквей конца семисотыхъ годовъ, на каждой изъ нихъ встрѣчаемъ однообразныя, но интересныя подписи, свидѣтельствующія о вѣрности. Приведемъ засвидѣтельствованіе, учиненное причтомъ «Славенской епархіи Павловскаго духовнаго правленія азовской губерніи, александровскаго уѣзда, помѣщичьей слободы Андреевки (Иваненко нынѣ), церкви Успѣнія Пресвятыя Богородицы» за 1784 годъ.

„Сверхъ вышеписаннаго в томъ моемъ святоуспенскомъ прыходѣ прописнихъ и утаенихъ ничиихъ дворовъ неимеется и воозначеннихъ дворахъ, кромѣ вышеписаннихъ никого тутошнихъ жителей і прышлихъ никакого чына и возраста

людей подъ укрывательствомъ необрѣтается і противящихся святой церквѣ раскольниковъ нынѣ, также которіе в сей росписѣ показани зисповѣдавшимися зпрычастывшимыся, тѣ всѣ подлынно исповѣдалысь и святыхъ таинъ причастилысь, неисповѣданних же и непрычастывшыхся никого, кроме малолѣтнихъ не было, буде же изъ оного моего показанія по какому доносу явится хотя мало что ложное или какая утайка і прикрытіе, зато повыненъ я неточію въ верженію своего чина, но и жестокому в гражданскомъ судѣ истязанію, въ чемъ и подписуюсь.

Священникъ *Петръ Хуркаловъ* подписался.

Діаконъ *Григорій Савинъ* подписался.

Рукоположенной дячекъ *Максимъ Жилоудовъ* подписался.

Александровскъ. **Я. П. Новицкій.**

Къ біографіи Т. Г. Шевченка.

Когда изъ автобіографіи, написанной Шевченкомъ въ 1859 г. по просьбѣ редактора одного изъ тогдашнихъ повременныхъ изданій, сдѣлалось общеизвѣстнымъ, что ближайшіе родные поэта, братья и сестра съ ихъ дѣтьми, оставались *крѣпостными* еще и въ пору появленія этой скорбной автобіографіи, то освобожденіе, *немедленное же* освобожденіе ихъ, — не дожидаясь даже исхода разработывавшагося тогда правительствомъ вопроса «объ улучшеніи быта крестьянъ», — можно безъ преувеличенія сказать, стало моментально не только предметомъ платоническихъ пожеланій, но и сердечныхъ мѣропріятій какъ со стороны большинства литературныхъ, такъ и вообще интеллигентныхъ кружковъ тогдашняго петербургскаго общества. Важнѣйшимъ изъ такихъ мѣропріятій, несомнѣнно, были переговоры, начатые комитетомъ «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», тогда только что возникшимъ, съ владѣльцемъ села Кириловки и его крѣпостныхъ душъ, въ числѣ которыхъ находились братья и сестра Шевченка. Въ переговорахъ этихъ пришлось, между прочимъ, по просьбѣ комитета, принять непосредственное участіе и пишущему эти строки... Привожу здѣсь въ подлинникѣ письмо, писанное ко мнѣ комитетомъ по этому поводу:

„Комитетъ
Общества для пособія.... и пр.
Мая 16 дня 1860 г.
№ 292.
С.-Петербургъ“.

Мил. Г.,
Н—й Д—чъ,

«Комитетъ, узнавъ, что вы отправляетесь на службу въ г. Елисаветградъ и что по дорогѣ можете заѣхать къ г. Фліорковскому, обращается къ вамъ съ слѣдующей покорнѣйшей просьбою:

1) Члены Комитета, письмомъ къ г. Фліорковскому, просили его увѣдомить, согласится ли онъ отпустить на волю родныхъ г. Шевченка, и если согласится, то на какихъ условіяхъ?—До сихъ поръ отвѣта на это письмо не послѣдовало; почему Комитетъ проситъ васъ м. г., узнать отъ г. Фліорковскаго:

2) можетъ ли онъ исполнить желаніе Комитета, и если можетъ, то

3) на какихъ условіяхъ думаетъ онъ предоставить волю роднымъ г. Шевченко: если съ вознагражденіемъ, то какую цѣну полагаетъ онъ за выкупъ каждой души?

4) наконецъ, при предполагаемомъ выкупѣ, въ какомъ количествѣ, на тягло или на душу, надѣлитъ онъ землею получившихъ свободу?

5) Не можете ли увидать самихъ родныхъ Шевченко и вообще объясниться съ ними, желаютъ ли они быть приписаны къ землѣ, выдѣленной г. Фліорковскимъ, и вообще какія предположенія имѣютъ относительно устройства своей участи?

Прося васъ покорнѣйше увѣдомить меня о послѣдствіяхъ переговоровъ вашихъ съ г. Фліорковскимъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ принять увѣреніе, и пр.

Ег. Ковалевскій».

(Предсѣдатель общества).

Отъѣздъ мой изъ Петербурга, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, послѣдовалъ однако не въ маѣ, когда было получено мною вышеприведенное письмо, лично врученное мнѣ тогдашнимъ секретаремъ «Общества», Ал. Дм. Галаховымъ, а лишь въ началѣ іюля. За это послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мнѣ особенно часто приходилось видаться съ Тарасомъ Григорьевичемъ, съ которымъ, впрочемъ, я и до того уже былъ хорошо знакомъ. Заходилъ онъ ко мнѣ, заходилъ и я къ нему, на его тѣсную-тѣсную квартирку, въ академіи художествъ, встрѣчались мы и въ обществѣ... и, о чемъ бы и съ кѣмъ бы у насъ ни шелъ разговоръ, всякій разъ, въ концѣ концовъ, Тар. Гр. сводилъ, бывало, рѣчь на предстоявшую мнѣ на Украину поѣздку, а при прощаньи, крѣпко пожимая мнѣ руки, говаривалъ: «голубчику! поусердствуй же, похлопочи за этихъ *несчастныхъ!*»...—Наканунѣ моего отъѣзда я пробылъ у него съ 3 ч. пополудни до полуночи, и о чемъ, о чемъ только мы не переговорили съ нимъ въ эти памятные для меня часы!—Тар. Гр. все время нашей бесѣды былъ въ какомъ то особенно возбужденномъ состояніи

и такимъ говорливымъ и экспансивнымъ, какимъ я его не видывалъ до сего разу никогда. Показывалъ онъ мнѣ и свои опыты гравированія à l'eau forte, и рисунки, и свой портретъ, сдѣланный имъ самимъ. Водилъ онъ меня и по академическимъ заламъ, говоря о художествѣ и по долгу останавливаясь надъ разными, болѣе или менѣе, извѣстными картинами, а особенно надъ знаменитою картиною Иванова: «Явленіе Христа народу» и Брюлловскою: «Осада Пскова». Первая его восхищала своими деталями, а особенно отдѣльными фигурами, но въ цѣломъ онъ ею былъ недоволенъ: «страшно вымолвить,—говорилъ онъ,—а въ цѣломъ... ну, точно гоббеленъ!»... — «Осаду Пскова» онъ находилъ незаконченною, во многомъ слабою, но все таки хвалилъ и съ любовью смотрѣлъ на нее, любовно вспоминая ея творца, своего учителя и друга.—«А погляди, каково это-то?» — говорилъ онъ, указывая на сцену, изображающую русскихъ и поляковъ, со святыми хоругвями и крестами, идущихъ на смертный другъ съ другомъ бой,—«вѣдь, сколько тутъ мысли то!... во имя Христа и во славу его и тѣ, и другіе идутъ истреблять другъ друга!... и страхъ, и ужасъ беретъ, какъ подумаешъ, сколько крови и слезъ людскихъ пролито, сколько золъ понадѣлано, и все это,—какъ думали, думаютъ да и теперь продолжаютъ увѣрять насъ,—во имя Христа!!... Боже жъ, ты мой, Боже!!»...—Читалъ мнѣ Тар. Гр. и нѣкоторыя изъ тѣхъ его произведеній, которыя тогда имъ только создавались и крайне неразборчиво набрасывались на лоскуткахъ бумаги, а то и прямо на стѣнахъ его квартиренки-кельи. «Это,—говорилъ онъ,—такъ себѣ... сижу, малюю да что въ голову взбредетъ, то, случается, и запишу... на чемъ попало»...—Разсказывалъ онъ мнѣ и про свое давно минувшее, и про свою службу, и про то, что переживалъ онъ, лишенный возможности даже писать и рисовать, и многое, многое еще... Но я никогда не забуду нашего прощанья,—оно было послѣднее, ибо болѣе я его уже въ жизни не встрѣчалъ,—когда Тарасъ, вновь повторяя свою просьбу похлопотать о его братьяхъ и сестрѣ, Оринѣ, съ судорожнымъ воплемъ: «о, Орина, Орина!»... упалъ на убогій диванчикъ, стоявшій въ углу его убогой квартиренки, и истерически, громко зарыдалъ, какъ ребенокъ...

По указанію и желанію самаго Шевченка, я, прежде чѣмъ видѣться и говорить съ г. Фліорковскимъ и его родными, долженъ былъ повидаться и поговорить въ Корсунѣ съ его нареченнымъ братомъ, Варѳоломеемъ Григорьевичемъ Шевченко, къ которому, вмѣстѣ съ чисто братскою привязанностью, поэтъ питалъ еще и безграничное

довѣріе, какъ къ человѣку честному, умному и практическому.—Какъ онъ желалъ, такъ все и было мною исполнено.

Желѣзныхъ дорогъ, кромѣ николаевской да кусочка петербургско-варшавской, отъ Петербурга до Пскова, по которой я и выѣхалъ, тогда еще не было. Тѣмъ не менѣе, на 7-й день пути я былъ уже въ Корсунѣ, у Варѳоломея Григорьевича, а на 8-й и въ Кириловкѣ.

Г. Фліорковскій, хотя и не изъ уваженія къ Т. Шевченку, за которымъ, по словамъ его, онъ никакого таланта не признавалъ, а изъ уваженія лишь къ комитету, изъявилъ мнѣ полную готовность свою—дать волю роднымъ Шевченка—даже безъ денежнаго вознагражденія, хоть сію же минуту, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы они немедленно же послѣ того уходили изъ Кириловки, куда имъ угодно!.. Что же касается до ихъ надѣла землею, то въ этомъ онъ самымъ категорическимъ образомъ отказывалъ, говоря, что не согласится на это *ни за какія деньги!* Мотивами такого отказа имъ приводились: съ одной стороны—нежеланіе дѣлать исключеніе для Шевченковъ, которое могло послужить соблазномъ для другихъ ихъ односельчанъ, а съ другой—нежеланіе предрѣшать вопроса объ освобожденіи крестьянъ, который, быть можетъ, будетъ рѣшенъ правительствомъ и иначе, т. е. безъ земельнаго надѣла...—На томъ наши разговоры и покончились. Такъ о томъ было тогда же мною написано какъ Ег. П. Ковалевскому, такъ и поэту.

Позже я однако узналъ, что г. Фліорковскій, освободивъ родныхъ поэта, принялъ даже на себя уплату 900 р. банковаго за нихъ долгу, за что ему была выражена и признательность «Общества». Но когда это именно случилось и при какихъ обстоятельствахъ, того уже я не знаю.

Н. Д. Н.

Замѣтка о малорусскихъ „семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ“.

Свѣдѣнія о малорусскихъ «семилѣтнихъ богатыряхъ», называемыхъ также «блызнятамы» или просто «семылиткамы» весьма скудны. Мы готовы объяснить это тѣмъ, что народъ не особенно податливъ на разсказы объ этихъ богатыряхъ, потому что они для него не сказки, не миѳы, въ которые онъ давно потерялъ вѣру, а нѣчто, хотя и чудесное, но реальное, чего нельзя обращать въ шутку, что не должно служить къ удовлетворенію празднаго любопытства.

Еще недавно въ 1878 или 1879 г., гласитъ молва, у крестьянина с. Богодуховки золотоношскаго уѣзда, по фамиліи Беця, былъ доморослый жеребенокъ *съ крыльями* и всѣ сосѣди были убѣждены, что тутъ же гдѣ нибудь растетъ и хозяинъ этого коня, семилѣтній богатырь, и что въ одно прекрасное утро и конь, и всадникъ исчезнутъ, выкинувъ предварительно какое нибудь колѣно.

А возвращающіеся съ заработковъ съ юга, какихъ только чудесъ не передаютъ они о чудномъ островѣ, на которомъ живутъ эти богатыри, и объ ихъ подвигахъ на благо человѣчества.

И народъ не смѣется надъ этими разсказами, потому что насмѣшка можетъ оскорбить быть можетъ тутъ же присутствующаго богатыря, потому что онъ, повторяемъ, вѣритъ въ правдивость передаваемыхъ ему чудесъ, между тѣмъ какъ «кобыляча голова» для него только сказка для забавы дѣтей или самое большее игривый миѳъ о происхожденіи *панивъ* и *цыганъ.*

Что же такое эти малорусскіе семилѣтніе богатыри? Приведенные здѣсь разсказы объ нихъ убѣдятъ, надѣемся, читателя, что это тѣ же западно-европейскіе эльфы, но только нѣсколько ближе стоящіе къ человѣку, менѣе эгоистичные сами по себѣ и болѣе входящіе въ нужды человѣчества. На ряду съ услужливостью нѣмецкихъ вихтельменнеровъ и бретонскихъ тейцовъ, вы не встрѣчаете въ нихъ придирчивости, непониманія и незнанія жизни человѣческой, эгоизма и мелкаго тщеславія Рюбецаля. Далѣе, если въ подвигахъ младшихъ малорусскихъ богатырей и сквозитъ нерѣдко характеръ каприза, то ужъ въ подвигахъ старшихъ богатырей проявленія стихійной силы уступаютъ передъ безкорыстнымъ служеніемъ ихъ человѣчеству.

Общими чертами западно-европейскихъ и малорусскихъ эльфовъ является то, что какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ не существуютъ время и пространство, отличительными же чертами семилѣтнихъ богатырей слѣдуетъ признать, во первыхъ, совершенное отсутствіе женскаго элемента, но вѣдь и наши историческіе богатыри запорожцы исключали всякое участіе женщинъ въ своей жизни, и, во вторыхъ, то, что у нашихъ и младшихъ, и старшихъ эльфовъ есть неизвѣстный товарищъ ихъ подвиговъ—конь, ровесникъ богатыря.

Воздерживаясь покамѣсть отъ дальнѣйшихъ замѣчаній и заключеній въ виду относительной бѣдности имѣющагося матеріала, приводимъ записанные нами разсказы.

I.

Прывизъ чоловикъ до себе въ городъ дви здоровыхъ каменюкы, отобъ то на млынъ чы що, на млынъ же винъ не зибрався, а камени такъ соби и зосталысь въ городи. Одначе якъ чоловикъ той бувъ дуже добрый и працёвытый хазяинъ, то и не забувавъ свого добра и инколы одвидувавъ и тіи каменюкы; колы разъ и ставъ прымичать, шо воны не мовъ бы то на друге мисце перекочени,—прыходыть у друге—тажъ прытча. Подывывся мій чоловикъ, подывывся, повивъ плечыма, тай думае соби: „И що воно такее значыть, що мое каминне зъ одного мисця на друге нечиста сыла носыть. Почекай же, вражый сыну, пидглежу жъ я тебе, якъ ты моимъ добромъ граешься!".

Тай вернувся до дому, а на думци у ёго все те каминне и хто ёго перекочуе. Тильки винъ ни жинци, ни дитямъ и никому объ тій чудасіи не промовывъ ни словечка и не порадывся зъ кымъ розумнишымъ, а якъ прыйшла ничъ, то зализъ соби у буръянъ биля тыхъ каменюкъ. тай сподиваеться, чы не прыйде той шо въ болоти. Оттакый то цикавый бувъ соби той чоловикъ, хочъ уже й немолоденькій.—Постривайте-жъ шо дальшъ буде!... Дывывся винъ, дывывся, ажъ обрыдло и очи позлыпалысь, а потимъ и зовсимъ заснувъ... Колы се прокынувся опивночы тай миркуе соби: „чого се я бисового батька у буръяни опынывся?" а дали й чуе, шо щось по земли гуркотыть и якись тоненькы голоски прымовляють: кить, кить, кить, кить; кить, кить, кить! А въ мого сиромахы и на души похололо. Пропавъ, думае соби, а дали опамьятовався, тай мыркуе, шо колы вже пропадать къ бисовому батьку, то хочъ подывлюсь, шо воно тамъ діеться. Отъ и подывывся, колы жъ бачыть, що двое чоловичкивъ, такихъ маленькыхъ, шо менчъ, чымъ наши диты, якъ вже зипнуться на ногы, сыдять соби доли кожный биля каменя и не мовъ бы сподиваються одынъ другого, шобъ почынать играшкы... А дали одынъ не диждавшысь товарыша, якъ ухопыть рученятамы каменюку, та геть, геть іи и покотыть, прымовляючы: „кить, кить, кить!..." А каменюка не мовъ мерзлый кизякъ по лёду ажъ пидскокуе та летыть. Колы се другый чоловичокъ простягъ ниженьку и зупынывъ каминь, та потимъ въ свою чергу якъ хвысне другу каминюку, такъ шо ажъ пирье зъ неи летыть, та ще й прымовляе: „кить, кить, кить!"... А товарышъ тильки ниженькою налучае, якъ бы не дать маху.—Дывывсь мій чоловикъ, та вже не сумно, а смишкы ёму стало, а дали й не вытерпивъ, та якъ схопыться: „Чого се вы, бисовы хлопьята, надъ моимъ каминнемъ глузуете? Ось я васъ, шобъ не дурилы!"—Не въ думци тее сиромаси, шо то не звычайни диты, бо й на дитей зовсимъ не схожи, а дуже кращи нашихъ дитей.—Отъ якъ почулы тіи чоловичкы людьскую мову, то немовъ змарнилы и рученьки опустылы, а облычче ихъ, неначе крейда, биле зробылось.—А у того чоловика якъ камень на серце налигъ, такъ ёму жалко, дуже жалко зробылось тыхъ хлопьятъ. А дали одынъ чоловичокъ и каже, та такъ гирко, ледве не плачучы: „Недобрый же ты, чоловиче, ворогъ ты нашъ лютый!... Нащо ты замовывъ зъ намы? Намъ ще тильки productsтры годы зоставалося жыть у вашому краи, а теперъ"... Та не домовывшы, якъ схопыть одно каминне та якъ улупыть объ друге, такъ тильки прахъ одъ тыхъ каменюкъ посыпався, немовъ зъ писку булы злиплени. Жахнувся мій чоловикъ и тило все ёму задрижало, хотивъ шось промовыть, ажъ тыхъ хлопьятъ уже слидъ простывъ, неначе въ воду попадалы, тильки каминне передъ нымъ прахомъ слалося. Оттака то пеня лучилась нашому сиромаси. Тильки

шожъ бы вы думалы! Передъ тымъ уси года бувъ дуже гарный урожай, а писля того мовъ одризано: ни сина, ни жыта, ни ярыны не вродыло. И все чрезъ тыхъ чоловичкивъ, що такъ воны обиждены зостались мовою людьскою.

От҄ъ козака Н. К.
Въ с. Богодуховкѣ.

II.

Поблызу одъ нашого села мабудь такъ шо въ Иржавци (лубеньского повиту) у одного чоловика було два сыны—блызнята. Отъ якъ зибравсь одынъ сусудъ на млынъ, то прывизъ два камени и звалывъ биля того мисця, де почавъ строиться. Колыжъ бачыть и разъ и въ друге, що тіи камени перекочени на друге мисце. „Постій же,—каже соби той чоловикъ,—пидглежужъ я, хто мои камени займае. Отъ винъ узявъ и засивъ у ночи. Ажъ ось опивночи бачыть, що тіи два хлопчыки одынъ блызче, а другый геть сажень на шистьдесятъ сыдять соби одынъ проты другого и и камени черезъ дирку на рученята понадивалы. А дали одынъ якъ шпурне свій каминь, другый же тилькы ниженькою налучае, тай соби зновъ кыда. Не втерпивъ чоловикъ та пиднявшысь и каже:

— Чого се вы туть пустуете?

— Такъ ты насъ оцце бачывъ?—пытають ти хлопчыкы.—„А вжежъ бачывъ!— Ну, такъ прощай же!—Тай зныклы.

Отъ крестьян. Порфирія
Ситника. Тамъ же.

III.

Семылиткы багатыры, або блызнята, до семы литъ жывуть у батька и матеры, а якъ прыходыть уже имъ часъ выряжаться на свій островъ, то воны перше що небудь таке подіють, або млынъ переверну́ть, або що. А потимъ воны уже ніякои шкоды не роблять. А разъ бувъ соби й такый багатырь, шо побачывшы у день якъ люды турбуються зъ тымъ млыномъ, шо винъ самъ у ночи перевернувъ, узявъ на другу ничь и налагодывъ ёго такъ, якъ винъ и перше бувъ. А налагодывшы, вже й пишовъ на свій островъ.

На острови тымъ усяки звиры и гады жывуть, а багатыры й стережуть ихъ, шобъ воны куды не выйшлы и не наробылы шкоды людямъ.

Кожный зъ ныхъ ма свою чергу,—заключилъ разскащикъ, крестьянинъ П. Ситникъ,—и за тѣмъ въ подтвержденіе своихъ словъ передалъ намъ слѣдующій разсказъ, слышанный имъ, по его словамъ, отъ крестьянина с. Деньги золотоношскаго уѣзда Софрона Р.

IV.

Ото разъ на заводи (се мени розсказувавъ денежскій Сахронъ) прыбигъ якійсь чоловикъ верхы. Скочывъ зъ коня, кынувъ поводъ на клячокъ и не прывьязувавъ, усыпавъ коню тры миры чистои пшеныци, а самъ війшовъ у хату и сивъ вечерять. А попоившы, зновъ на коня, та не пискомъ, а прямо на воду звернувъ. Тилькы й бачылы. Колы се черезъ тры дни вертаеться и везе языкъ шо одрубавъ змію. Се, значыть, змій зъ ихъ острова въ чергу сёго багатыря утикъ, такъ винъ наздогнавшы убывъ ёго, а своимъ языкъ повизъ, щобъ зналы, що винъ справди побидывъ того змія.

V.

А то ще Сахронъ такы мени розказувавъ, шо на заводахъ бувъ колысь такый чоловикъ, смырный, та тыхый—ныкого не зачепыть, а якъ ёму дадуть по потылыци, то винъ соби лильки одступыться, мовъ не его быто. Отъ разъ идуть люды на ричку до посуды, колы лежыть такый здоровый якоръ, пудивъ трыдцать. Якъ же взялысь ёго пиднымать, той трыдцять человикъ не зворохнулы. А той чоловикъ ишовъ соби ззаду, а дали, пидійшовшы, узявъ якоръ однымъ рукою, тай поставывъ ребромъ. Одійшлы ще трохы, винъ и каже: „Верниться жъ, та подвернить ёго такъ, якъ винъ перше лежавъ!" Отъ пьять чоловикъ вернулысь, та ледве ледве той якоръ повалылы.

Колы се въ ночи, якъ уже зибралысь люды на заводъ, у хату, блыснувъ огонь и летыть огненна колода. А дали щось почало гуркотить на двори и когось звать, кажучы: выходы! Такъ було тры дни зъ ряду, а на четвертый день той чоловикъ прызнався, що се за нымъ прыходыло, тай потребувавъ ращота.

Потымъ, прощаючись зъ усима, каже намъ: „Пидить лышень завтра на таке то мисце въ лисъ и якъ побачыте дохлу кошку, то погладьте мени дорогу, а якъ ничого не знайдете, то помьянить мене!" Казавъ винъ и то, що ему ще годъ зосталося ждать свого коня. Отъ на другый день мы пишли у лисъ тай нашлы справди дохлу кошку на тымъ самимъ мисци, шо винъ намъ наказувавъ.

VI.

На вопросъ, какъ народъ узнаетъ семилѣтнихъ богатырей, разсказчикъ отвѣчалъ:

А отъ якъ зныкне изъ села якый небудь хлопчыкъ, то вже й знають, що винъ семылитнимъ багатыремъ ставъ. Теперъ народъ не той, шо колысь давнишъ бувъ. Перше и у пьять литъ ставалы багатырямы, а теперъ и въ сёмому году не стане.

На тотъ же вопросъ другой крестьянинъ того же села далъ слѣдующее объясненіе:

Якъ родыться оттакый багатырь, то до семы литъ жыве у батька и матери, а тамъ и зныкне. Торикъ я чувъ одъ людей, що въ нашій такы слободи кобыла лоша зъ крыламы прывела, а хазяинъ, по прозвыщу Бецъ, узявъ тай прыкувавъ тее лоша въ комори на желизо, щобъ воно не полетило. Промижъ людьмы була на той случай така чутка, що мабудь тому лошаку и хазяинъ-багатырь десь росте.

А то я вамъ розкажу тожъ такы про багатыря.

VII.

Отто якъ ишовъ одынъ чоловикъ зъ заробиткивъ, вже не знаю зъ якои губерни, то и постричався ёму семылитній багатырь. Багатырь якъ роспытався, той и взнавъ, що воны обыдва зъ одного села. Отъ воны полягалы спаты, а якъ прокынувся у ранци той чоловикъ, той побачывъ, що винъ опынывся у своему сели.

Къ этимъ разсказамъ слѣдуетъ присовокупить тѣ свѣдѣнія о малорусскихъ богатыряхъ, которыя еще недавно сообщены намъ одной пожилой крестьянкой изъ той же мѣстности, отозвавшейся впрочемъ, что ею уже перезабыто все то, что она слышала о богатыряхъ отъ лицъ, возвращающихся отъ моря.

VIII.

Я чула такъ, що деякому багатырю росте и его кинь и змій, котрого винъ долже́нъ побидыть. И якъ часъ прыйде, то багатырь прыпалыть шерстынку и прыбижыть ёго кинь. Тоди воны выходятъ зъ зміемъ быться на якусь гору. Така у ныхъ гора есть и якъ богатырь не побидыть змія, то вже хочъ и останеться багатыремъ, та вже не такымъ, бо у багатыривъ такый духъ, що не тилькы простый чоловикъ, а и священныкъ не выдержыть того духу, якъ богатырь прыйде до прычастя,—хочъ винъ и вируе въ Бога.

Я не чула про те, щобъ мижъ багатырями булы жинкы, а хоча-бъ багатырь и одружывся, то диты въ ёго не будуть таки, якъ винъ, бо не одъ ёго иде плодъ. Жывуть багатыри на якихсь горахъ.

Бувъ колысь хлопчыкъ и рисъ винъ соби дурнемъ. Усяке ёго обиждало, усяке ёго было, а винъ и не одбывався. Разъ заперся винъ у своій хаты, сыдыть и дванадцять кожъ перемынае, а сусидъ и пидглядивъ у виконце, такъ винъ ихъ одразу такъ и перервавъ, а потимъ и самъ зныкъ. Бильше всёго обиждаються багатыри, якъ родытели побачуть ихъ дила. Якъ спасавъ той самый багатырь царевну одъ змія, то матиръ пишла на ёго подывыться, такъ винъ обидывся и заразъ зныкъ. Винъ не оженывся на тій царевни, то е друга казка,—въ котрій багатырь женыться, а цёго багатыря просылы тилькы, щобъ винъ спасъ ту царевну. А то ще одынъ багатырь, чы той самый, чы другый, зустривъ у поли чумакивъ. Чумакы варылы кашу, такъ винъ зъ ными, укутавъ цилисинькый казанъ и зъивъ велыкый хлибъ, а потимъ прыпалывъ шерстынку. Колы це де не взявся кинь и каже: Пане мій любый, пане мій мылый, чы тебе пидъ деревомъ, чы поверхъ дерева несты.— „Несы поверхъ дерева!" Тай бувъ такый.

Про жинокъ-багатыривъ я зроду не чула, а розказувалы мени, що въ Кыеви, и це не брехня, а правда, була така дивка, що важыла пятьнадцять пудивъ и була соби дуже, дуже багата, такъ ій шукалы чоловика. Усихъ склыкалы, хоча-бъ москаля якого небудь, та нихто не одважывся, а дуже усимъ хотилось побачыть якый одъ неи плодъ буде"...

Приведенный разсказъ убѣждаетъ, что наши богатыри живутъ не только на невѣдомомъ островѣ, но и на какихъ то горахъ. Это то обстоятельство и побудило насъ между прочимъ вывести то заключеніе, что есть, такъ сказать, два цикла, или два возраста богатырей. Мало того лѣтъ десять тому назадъ намъ пришлось слышать весьма туманный разсказъ о какихъ то богатыряхъ-старцахъ, живущихъ въ Кавказскихъ горахъ. Записать тогда же этотъ разсказъ было неудобно, а припоминать слышанное оказалось еще неудобнѣе, когда же разсказчику предложено было впослѣдствіи повторить разсказанное, то онъ не обнаружилъ никакой къ этому охоты. Вообще миѳы о богатыряхъ не могутъ быть записываемы такъ, какъ записываются сказки. Они должны быть схватываемы почти на лету въ тѣ минуты, когда

народъ разговорится по душѣ и въ вечерней, задушевной бесѣдѣ переносится въ міръ чудеснаго и таинственнаго, въ который онъ еще не пересталъ вѣрить.

г. Лубны.

Сообщилъ **А. Савичъ.**

Посылка гетмана Апостола въ Москву за лекарствами.

Въ апрѣлѣ (28-го) 1733 г. гетманъ Апостолъ освящалъ въ Глуховѣ свои «новые будинки» и по этому случаю задалъ банкетъ, на которомъ, какъ говоритъ Марковичъ въ своихъ Запискахъ, «самъ гетманъ больше всѣхъ пьянъ былъ и такъ ослабѣлъ, что понесли его до постели съ кресломъ»... «Послѣ увѣдомились», добавляетъ Марковичъ, что «параличъ заразилъ у гетмана лѣвую руку и ногу и ротъ немного искривило. Докторъ Бокъ еще въ ночи давалъ больному клестирь, кровь изъ ноги пускалъ»... При дальнѣйшемъ леченіи семидесятипятилѣтняго старца (род. 1658 г.) пришлось посылать въ Москву за «рецептами», какъ показываетъ помѣщаемое здѣсь письмо гетмана, писанное имъ къ ассесору коллегіи иностранныхъ дѣлъ Семену Ивановичу Иванову [1]).

Благородній и достопочтенній господинъ ассесоръ.

Прошлого априля 28 д. Божіимъ посѣщеніемъ приключилася мнѣ болѣзнь паралѣжная, отъ которой рука и нога лѣвія отняти, а понеже отъ болѣзни той и по сіе времіа мало что въ здоровьи моемъ ощущаю полегченіе, того ради отправленъ служитель двору нашего Гаврило Позніаковъ въ Москву къ доктору господину Бидлову для привозу оттоль къ болѣзни моей (какіе по искусству его господина доктора дани будутъ) рецептовъ. Которому служителю благоволи ваше благородіе приказать видать на почтовіе двѣ подводи за указніе прогони съ Москвы въ Глуховъ пашпортъ, чтобъ онъ служитель, сюда въ Глуховъ съ данними ему дліа кураціи означенной моей болѣзни рецепти, скоро моглъ прибыть, а оному служителю отъ насъ дани такъ въ Москву едучому якъ и оттоль сюда поворачаючомуся указніе прогонніе денги, а іа за сію вашего благородія благосклонную учинность вашему благородію возблагодарить и отслужить готовѣйшій. А впрочемъ пребываемъ вашему благородію вседоброжелательній Еіа Императорскаго Величества войска запорожскаго и обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ Даніилъ Апостолъ. По приказу ясневельможного на сей часъ болѣзьуючого вмѣсто власной его вельможности рейментарской руки подписалъ войсковой енералный писарь Михаилъ Турковскій. 1733 г., мая 27 д. Глуховъ.

---

[1]) За сообщеніе этого письма приносимъ нашу благодарность г. Неёлову.

Ред.

Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени.

Хмельницкій, подписывая въ 1649 г. «реестры» 16-ти малороссійскихъ полковъ обоихъ береговъ Днѣпра [1]), подписался гетманомъ «войска запорожского», называя такимъ образомъ все тогдашнее подвластное ему козачество какъ жившее за «порогами», такъ и въ «городахъ», одинаково — «войскомъ запорожскимъ». Гетманами «войска запорожского» писались и всѣ преемники Хмельницкаго до Разумовскаго включительно. Подражая гетманамъ, такъ писалась и полковая козацкая старшина. Въ подписяхъ послѣдней читаемъ: Демко Игнатовичъ, полковникъ войска запорожского чернѣговскій, ихъ царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго прилуцкій полковникъ Дмитрій Лазаровичъ Горленко, войска запорожскаго судія полковый и наказный полковникъ черниговскій Василій Томара» и т. д. и т. д.

Если гетманы называли малороссійскіе козачьи полки «войскомъ запорожскимъ», то естественно, что и старшина этихъ полковъ должна была именоваться старшиною «войска запорожского». Такъ оно и было, какъ видно изъ приведенныхъ подписей, пока Запорожье не вздумало заднимъ числомъ заявить претензію на такое якобы самозванство «городовыхъ» полковниковъ и пожаловалось въ 1751 г. только что поставленному гетману Разумовскому. Совѣтники послѣдняго нашли возможнымъ удовлетворить запоздалую жалобу Запорожья, не желавшаго уже, какъ видно, въ это время единенія съ народомъ, изъ котораго и составлялся запорожскій контингентъ... Разумовскимъ былъ выданъ слѣдующій универсалъ:

„Графъ Кирилъ Разумовскій гетманъ и кавалеръ.

Полковнику Переяславскому господину Сулимѣ.

Представлялъ намъ доношеніемъ Войска Запорожского Низового атаманъ кошовій Якимъ Ігнатовичъ, что многіе малороссійскихъ полковъ полковники называютъ себе и въ писмахъ разнихъ подписываются Войска Запорожского и малороссійского полковниками, что де Войску Запорожскому въ противность и обиду слѣдуетъ затѣмъ, что де они, малороссійскіе полковники, къ Войску Запорожскому не приключены и въ прежние, давние времена того не было и полковники де малороссійскіе Запорожского Войска не писались. И просилъ онъ, атаманъ кошовій, въ томъ онимъ малороссійскимъ полковникамъ запрещенія. Чего ради ежели подлѣнно такъ есть, то повелѣваемъ всѣмъ господамъ полковникамъ малороссийскихъ полковъ въ томъ числѣ

---

[1]) „Реестры всего войска запорожского“, изд. Бодянскаго. М. 1875.

и вамъ впредь Войска Запорожского низового полковниками не подъписиватся, а къ кошовому атаману Войска Запорожского низового изъ старшиною и товариствомъ о семъ за извѣстіе нашъ ордеръ посланъ. Данъ въ Глуховѣ. 1751 году, сентября 9 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій".

(*Съ подлинника*).

А. Л.

Пѣснь о свѣтѣ.

Подъ такимъ заглавіемъ находимъ въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, № 2189, интересную виршу, до сихъ поръ нигдѣ еще не напечатанную, но стоющую печати, какъ одинъ изъ малочисленныхъ образчиковъ литературной обработки нарѣчія галицко-русскихъ горцевъ въ половинѣ XVIII столѣтія. Сборникъ, въ которомъ въ числѣ другихъ статей помѣщается упомянутая вирша, принадлежалъ Ѳедору Поповичу, священнику горскаго села Тухли, и помѣченъ 20 авг. 1751 года. Была ли нижеслѣдующая вирша произведеніемъ самого Поповича, или какого нибудь другаго неизвѣстнаго намъ автора, судить объ этомъ нѣтъ никакого основанія. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что на самый сборникъ, въ которомъ записана эта вирша, еще въ 1881 г. обращено было вниманіе г. Макушевымъ въ «Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія», послѣ чего въ 1884 году д-ръ Калитовскій перепечаталъ значительную часть его содержанія, а именно апокрифическія сказанія въ «Библіотекѣ Зори», а «Книгу звѣздочетства» въ «Зорѣ». «Пѣснь о свѣтѣ» такъ и осталась неизданной, хотя и отличается отъ этихъ сказаній большимъ литературнымъ достоинствомъ и почти совсѣмъ чистымъ языкомъ народнымъ, съ незначительною примѣсью полонизмовъ и формъ церковныхъ. Многіе стихи этой вирши почти цѣликомъ взяты изъ пѣсенъ народныхъ, что главнымъ образомъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ вирши былъ человѣкъ близко знакомый съ жизнью народа, живущій вмѣстѣ съ народомъ, и хотя довольно для тѣхъ временъ грамотный, но все же далекій отъ свойственнаго тогдашнимъ грамотѣямъ презрительнаго отношенія къ простому народу. Искренняя грусть, которая сквозитъ во всѣхъ стихахъ его вирши и проявляется просто, естественно и безъ вычурныхъ фразъ, свойственныхъ напр. польской поэзіи того времени, указываетъ намъ въ авторѣ человѣка несчастнаго, обиженнаго судьбой, какимъ именно могъ быть бѣдный русскій священникъ въ далекомъ

горскомъ селѣ, «на овсяныхъ хлѣбахъ», чувствующій въ душѣ влеченіе къ высшей умственной жизни и не находящій въ своей средѣ никакой поддержки, а напротивъ, долженствующій тратить весь запасъ своей энергіи на мелочную борьбу за существованіе. Въ прилагаемомъ текстѣ этой интересной вирши соблюдаю правописаніе подлинника.

Миронъ.

Пѣснь о свѣтѣ.

А хтож на сем свѣтѣ без долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне як колом точился,
Лѣта плинут марне як бистрие рѣки,
Часи молодие як з дождджу потоки,
Все то марне минаетъ.
Луче бися било в свѣтѣ не родити,
Нѣжели на свѣтѣ бездолному жити,
Албо вродившися скоро в землю гнити,
Жеби не долго в свѣтѣ бездолному жити,
Нехай жалю не буде.
Ой доле моя, где ти втойчасъ била,
Коли моя мати мене породила,
Же мя тепер в свѣтѣ нѣ в чѣм не ратуеш,
А ти гуляеш, кому но ти служиш,
А я бѣдний на свѣтѣ.
Куди повернуся не маю радости,
Тилько во очах слези, а в серцу жалости;
Вийду межи люди, стану та думаю,
Що люде гуляют як риби в дунаю,
Ох тяжкий мой жалю.
Сам же я не знаю, що маю чинити,
Як мѣнѣ на свѣтѣ бездолному жити.
Коли би мнѣ крила орловие мати,
Полетѣлби я где своей долѣ шукати
А в чужие сторони.
Ахъ свѣте ж мой ти щастом (sic!) голдуеш,
Однаго минаеш другому даруеш;
Иніхъ людей садиш в дорогие шати,
А иніхъ садиш в пошерпанѣ лати,
Рани сердцу завдаешъ.
Нѣхто члвка в нещастю незнае,
Якъ на собѣ сукней богатих не мае,
Хотяй би й онъ билъ и чесного рода,
Як немаш в кишени, то певна незгода,
Хоч би бил намудрѣший.

Где ся члвку в нещастю подѣти,
До кого он мает главу приклоніти?
Хто собѣ панует а не поратует,
Не тилко чужина але и родина
В нещасной годинѣ.

Сут такии люде, що нендзи не знают,
Вродившися в щастю, в щасцю умирают,
А иншиі й зроду фортуни не маютъ,
Хоч найбольше жиют, роскошей незнают
Ажъ до смерти своеи.

Рожние люде мови о мѣзернѣмъ мают,
Которие они нендзи на свѣтѣ не знают.
Коли прийде убогий где меже богатѣ,
Зараз еден з другим почнут ся зглядати,
В кождом словѣ осуждати.

Пишов бим мѣзерний фортуни шукати,
А в якой она сторонѣ коли би ей знати.
Ачей же коли у мене фортуна буде,
Втой час мене знати всюгда будут люде,
Где тилко ся поверну.

Ах долеж моя доле чем мя ти минаеш,
А иніхъ людей в свѣтѣ спомагаеш,
Тилко мене мѣзерного в свѣтѣ не ратуеш,
Мѣсяца едногс не послужиш,
За вѣк би мѣнѣ стало.

Да вшиткож тое фортуна справует,
Кому она служит, той завше пануетъ;
Кто фортуну мает, в каждого бивает,
А на мѣзерного як звѣр поглядает,
В каждом словѣ осуждаетъ.

А szczoż za uticha w switi czelowiku,
Коли марне тратит лѣта сего свѣта.
Ачей же коли сам Богъ що ударует,
Же ся надомною коли измилуетъ
В нещасной годинѣ.

Ласка то все Бога усѣм тим керуе,
Же ся надо мною коли так змилуе,
Коли мѣнѣ схоче и сам Богъ що дати,
Не даст надо мною такъ барзо згаржати
В нещастливой годинѣ.

Смутне мое сердце нѣгди ся не втѣшит,
Тилко нѣби все жал тяжкий барзо зносит,
Немаш жадной хвилѣ жеби мнѣ послужило,
Жеби ся мое сердце хоч на часъ втѣшило,
За вѣк би мѣнѣ стало.

Кирвавие слези з очий моих текут,
Хоч би на еденъ часъ, [и] то не престанут;
Плачутъ мои очи сердцем моимъ тужу,
Же я нѣвѣдкого щирости не вижу,
Як мѣнѣ не тужити.
Едного немаш жеби бил мнѣ щирий,
Жеби мя потѣшил в нещасной годинѣ;
Сам же я не знаю що чинити маю,
Жаль свой износити, би мя могл втѣшити
В нещасливой годинѣ.
Змилуй ся Боже до тебе волаю,
Тилко в тобѣ едном всю надѣю маю.
Боже з високости недай...... жалости
Мѣнѣ мѣзерному в свѣтѣ нещасному,
На вѣкъ тя будем хвалити.
Амен.

Изъ школьнаго міра.

(*Нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ*).

При нѣкоторыхъ училищахъ югозападнаго края существуютъ общежитія, въ которыхъ въ теченіе учебнаго года помѣщаются на всемъ готовомъ дѣти изъ селеній, удаленныхъ отъ училища. Обыкновенно это бываетъ при училищахъ, устроенныхъ средствами цѣлой волости. Мы приведемъ въ примѣръ описаніе одного изъ такихъ общежитій, которое можно считать типическимъ.

Въ общежитіи при перерословскомъ училищѣ (острожскаго у.) содержится, по приговору сельскихъ обществъ, не болѣе 35 учащихся изъ поселянъ перерословской волости, участвующихъ въ содержаніи общежитій, для которыхъ отпускается ежегодно 350 р. Для закупки и доставки съѣстныхъ припасовъ и вообще для наблюденія за правильнымъ ходомъ хозяйства общежитія имѣется особый «попечитель», получающій за свои труды три руб. въ мѣсяцъ. При общежитіи имѣется отдѣльный отъ училища сторожъ и стряпуха. Пріобрѣтаемыя попечителемъ общежитія запасы, по надлежащемъ взвѣшиваніи и изслѣдованіи ихъ доброкачественности, вносятся въ присутствіи учителя, волостнаго старшины и очереднаго ученика въ кладовую, гдѣ и записываются въ приходную книгу.

Ежедневно при взвѣшиваніи и выдачѣ стряпухѣ припасовъ присутствуютъ очередные воспитанники старшаго отдѣленія. Пища выдается ежедневно трижды; обѣдъ состоитъ изъ двухъ блюдъ (обыкнов.

борща и каши), а утренняя и вечерняя ѣда изъ одного. Воспитанники живутъ въ общежитіи съ 21 сент. по 1 мая. Отчетность по расходамъ общежитія ведется мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ. Отпускаемыхъ на общежитіе денегъ—350 р., собственно говоря, хватаетъ только въ обрѣзъ, да и то потому лишь, что, наприм., вовсе не существуетъ, расхода на хлѣбъ; пекарни при общежитіи не имѣется, и хлѣбъ доставляется воспитанникамъ ихъ родителями изъ дому.

Кромѣ подобнаго, наиболѣе распространеннаго вида общежитій, бываютъ и другіе способы ихъ устройства. Такъ, состоящее при теслуговскомъ училищѣ дубенск. у. общежитіе, разсчитанное человѣкъ на 35, помѣщается въ зданіи мѣстнаго волостнаго правленія, гдѣ подъ общежитіе отведены двѣ большія комнаты и кухня; хозяйства общаго здѣсь уже нѣтъ, а воспитанники приносятъ каждый необходимые для приготовленія горячей пищи припасы изъ дому; отъ общества нанимается только стряпуха, которая и приготовляетъ изъ доставленныхъ ей припасовъ горячую пищу. Кромѣ содержанія стряпухи, общество отпускаетъ еще необходимыя деньги на ремонтъ общежитія, посуду, освѣщеніе, что вмѣстѣ составитъ рублей 50 въ годъ.

Вопросъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ югозападнаго края имѣетъ особенное, выдающееся значеніе. Дѣло въ томъ, что при немногочисленности училищъ въ этомъ краѣ, эти послѣднія нерѣдко являются единственными разсадниками просвѣщенія для цѣлой волости (о церковноприходскихъ школахъ мы пока умалчиваемъ въ виду кратковременности ихъ дѣятельнаго существованія и отсутствія данныхъ для сужденія). Вотъ почему къ училищу тяготѣетъ обыкновенно нѣсколько, а иногда даже и значительное количество селъ, болѣе или менѣе удаленныхъ; ясно, что школьныя общежитія, къ которымъ сама собою привела нашихъ селянъ практика жизни, являются на помощь весьма кстати, такъ какъ избавляютъ бѣдныхъ дѣтей отъ ежедневнаго далекаго двукратнаго странствованія или даже пропуска уроковъ по случаю холодовъ, распутицы и другихъ прелестей нашего климата. Изъ вышеприведеннаго примѣра видно, до какой степени дешевы эти учрежденія: каждый воспитанникъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ стоитъ только 10 р., т. е. столько же, сколько онъ, вѣроятно, стоилъ бы и дома, или немного болѣе, пожалуй. Правда, онъ, находясь дома, могъ бы быть въ хозяйствѣ извѣстнымъ подспорьемъ своимъ родителямъ; но, во первыхъ, зимою услуги дѣтей въ селахъ далеко не такъ важны въ хозяйствѣ и значительны, какъ лѣтомъ, а во вторыхъ, за то дѣти болѣе могутъ

успѣвать въ наукахъ, находясь постоянно въ школьной средѣ и не будучи отвлекаемы отъ ученія разными мелкими домашними послугами; кромѣ того, сберегается и то время, иногда довольно значительное, которое имъ пришлось бы употребить на двукратное ежедневное путешествіе. Наконецъ, нельзя не принять въ разсчетъ и тѣхъ выгодъ, которыя получаются для общества отъ чисто воспитательной стороны дѣла; дѣти, находясь въ болѣе высокой, съ духовной точки зрѣнія, средѣ, конечно, очень выиграютъ сравнительно съ тѣмъ, какъ если бы они оставались дома. Тутъ, въ общежитіи, возможны: болѣе или менѣе правильный надзоръ за ними, устройство внѣклассныхъ бесѣдъ, чтеній, разныхъ художественныхъ развлеченій, какъ хоровое пѣніе, рисованіе и пр., въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ существуютъ ремесленныя отдѣленія (столярное, сапожное и другія) воспитанники общежитій могли бы быстрѣе совершенствоваться въ ремеслѣ.

Вообще, по нашему мнѣнію, сельскія школьныя общежитія представляютъ столько выгодъ, что можно пожалѣть о сравнительно маломъ количествѣ ихъ и пожелать развитія и умноженія ихъ въ краѣ. Отъ гг. мировыхъ посредниковъ можно въ особенности желать дѣятельнаго содѣйствія въ данномъ случаѣ, такъ какъ они пользуются въ селѣ наибольшею долею вліянія и власти сравнительно съ прочими мѣстными дѣятелями. **А. С—чъ.**

Для справокъ.

Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). (*Окончаніе* [1]).

LVXIII. Черновая жалоба государямъ въ 7203 г. курченъ Луки и Акима Андр. д. Авдѣевыхъ на Андр. Федос. с. Молютина въ томъ, что онъ мѣшаетъ дѣлу межеванія ихъ помѣстья; см. выше № LXVII.

LXIX. Наказъ 7203 г. окт. 30 межевщикамъ объ исполненіи грамоты 7202 г. апрѣля т. е. объ отмежеваніи земли Каменева отъ земель его сосѣдей; см. выше №№ LXV и LXVI.

LXX. Донесеніе 7203 г. ноября 10 межевщиковъ, что приказаніе, означенное въ предыдущемъ номерѣ, ими не выполнено изъ за противодѣйствія сосѣднихъ помѣщиковъ

LXXI. Продажная запись, данная 1695 г. апр. 10 бывшимъ сотникамъ с. Высшей Сыроватки сумскаго уѣзда Степ. Гр. Вдовиченкомъ на проданную имъ грязнянскому сотнику Петру Ивановичу землю, на которой поселены крестьяне.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 2, февраль.

LXXII. Продажная запись 1695 г. мая 8, данная этимъ сотникомъ Петромъ Ивановичемъ, на означенную въ предыдущемъ номерѣ землю (купленную у Вдовиченка, отцовскую), на которой живутъ вольные гулящіе черкасы, стольн. и полк. сумск. Андрею Герасимовичу Кондратьеву. Петръ Ивановичъ купилъ землю за 40 талеровъ, продалъ за литовской личбы 200 злотыхъ. При продажѣ упоминается въ свидѣтеляхъ сумская старшина: обозный Василій Бакай и есаулы Грицко Даценко и Трофимъ Яковлевичъ. За Петра Ивановича подписался зять его сумскій писарь Гаврило Григорьевъ. За разныхъ сотниковъ подписался, какъ грамотный, сотникъ миропольскій Кондратъ Марковичъ.

LXXIII. Продажная запись, данная 1695 г. въ маѣ жителями с. Высшей Сыроватки Ив. Буткомъ да Погорѣленкомъ на земли, проданныя тому же Кондратьеву.

LXXIV. Продажная запись 1695 іюня 8, данная жителями села Высшей Сыроватки Павл. да Степаномъ Побочіенками на земли, проданныя тамошнему сотнику Максиму Неродѣ.

LXXV. Мѣновая запись 7204 г. дек. 1 курчен. Ив. Емел. с. Тураева и новгор. сѣв. Силы Кузьм. с. Арсеньева на помѣстья; при чемъ первый далъ земли въ рыльск. у. въ свапс. ст. въ с. Плотовѣ, второй въ томъ же уѣздѣ въ омонск. ст. на р. Воегощѣ.

LXXVI. Вводная во владѣніе по этой мѣнѣ 7204 г. декабря 8.

LXXVII. Продажная запись 7204 г. генваря 10, данная Федорою, вдовою, бывшаго сотника с. Нижней Сыроватки Афан. Гребельниченка съ сыномъ Михаиломъ на землю по р. Бобрику, продан. Андр. Гер. Кондратьеву.

LXXVIII. Выпись съ межевыхъ книгъ 7204 г. іюня 12 о земляхъ Андр. Гер. Кондратьева въ с. Высшей Сыроваткѣ по р. Бобрику вдоль Сагайдачнаго шляха.

LXXIX. Выпись съ отказа 7205 г. окт. 19 новг. сѣв. Кузьм. с. Арсеньеву на помѣстье въ рыльск. у., свапск. ст., въ косожск. вол., на р. Котлевѣ, что было Ив. Мелехова.

LXXX. Мѣновая запись 7205 г. ноября рылян. Мирона Вас. с. Тураева и нов. сѣв. Силы Кузьм. Арсеньева на помѣстья; при чемъ первый далъ землю въ рыльскомъ у., въ свапск. ст., въ косожск. вол., по р. Севенкѣ, о второй въ томъ же уѣздѣ въ подгородн. ст. по р. Омони.

LXXXI. Продажная запись 7205 г. февр. 27, данная дѣвкою Марьей, дочерью Ильи Игнатова, на помѣстье (отцовское) въ рыльск. у., въ свапск. ст., дер. Севенкѣ, проданное Силѣ Кузьм. Арсеньеву за 15 р., которыя она взяла на приданное.

LXXXII. Мѣновая запись 7205 года марта 8 новг. сѣв. С. К. Арсеньева да рылянъ Афан. и Ив. Михайл. д. Тураевыхъ на помѣстья; при чемъ первый далъ землю въ рыльск. у. въ подгородн. ст., въ пустоши Савкахъ, а второй въ томъ же у. въ свапск. ст. въ сницкой волости въ дер. Черемошкахъ.

LXXXIII. Вводная во владѣніе по этой мѣнѣ, 7205 марта 8.

LXXXIV. Вводная во владѣніе по мѣнѣ, обозначенной въ № LXXX, 7205 мая 8.

LXXXV. Выпись съ отказа 7205 г. мая 8 Арсеньеву на помѣстье Тураева согласно предшествующему номеру.

LXXXVI. Такая же 7205 г. мая 8 къ тому же Арсеньеву на вымѣнянное имъ помѣстье того же Тураева на р. Котлевѣ.

LXXXVII. Выпись съ отказа 7205 г. мая 20 рылян. Якиму Ив. с. Шустову

на помѣстье въ рыльск. у, въ свапск. ст. въ дер. Вабли, что было прежде имъ уступлено Афан. Распопову.

LXXXVIII. Духовное завѣщаніе 7205 г. мая 27 Петра Алексѣев. Большаго Исакова при отправленіи его въ походъ, на случай смерти. Очень подробное со многими бытовыми частностями. Видно, что жена Исакова Ксенія была дочь Петра Каменева и въ первомъ бракѣ была за Курасовымъ.

LXXXIX. Запись 7207 г. мая 6 Никиты Ив. Люшина на нѣсколько крестьянскихъ семействъ, отдаваемыхъ имъ курчен. Ив. Сем. с. Мальцеву взамѣнъ того, что у Люшина жили нѣсколько лѣтъ бѣглые крестьяне Мальцева (убѣжавшіе и отъ Люшина).

XC. Выпись съ отказа 7207 г. дек. 5 Андр. Гер. Кондратьеву на помѣстье въ недригайловск. у. на р. Сулѣ на Пещаномъ бродѣ.

Упоминается братъ Кондратьева Романъ, здѣшній же помѣщикъ.

XCI. Копія съ продажной записи 7207 г. генв. 20, данной П. Ал. Больш. Исаковымъ и женою его Ксеніей Федос. и Макс. Петр. д. Каменевымъ на имѣніе въ курск. у. въ обмяцк. и усожск. станахъ въ различныхъ деревняхъ. Дана для смертнаго часу.

XCII. Запись 7207 г. генв. 26. Фед. и Макс. Петр. Каменевыхъ П. Ал. Больш. Исакову и женѣ его Ксеніи о владѣніи ими, Исаковыми, своимъ проданнымъ по предшествующему номеру имѣніемъ до ихъ смерти.

XCIII. Грамота 7207 г. февраля 10 о согласіи на мѣну помѣстьями нов. сѣв. С. К. с. Арсеньева и рылян. Тимоф. Фотіева с. Воротынцова, изъ которыхъ первый далъ помѣстье въ рыльск. у., въ подгородн. ст. часть деревни Жтовича (?), а второй въ томъ же уѣздѣ, въ свапск. ст. косожск. вол., въ дер. Дремовой по р. Пруту.

XCIV. Грамота 7207 г. февр. 10 о согласіи на мѣну помѣстьями того же Арсеньева и рылян. Игн. Парфент. с. Якшина, изъ которыхъ первый далъ помѣстье въ рыльск. у., въ подгородн. ст., часть деревни Жтовича, а второй въ томъ же у., въ свапск. ст., косожск. вол., въ дер. Севенкахъ.

XCV. Сказка 7207 г. начала марта лицъ, мѣнявшихся помѣстьями подъ предъидущимъ номеромъ, о ихъ согласіи на мѣну эту.

XCVI. Выпись съ отказа 7207 г. марта 6 Арсеньеву на помѣстье Якшина согласно съ двумя предъидущими номерами.

XCVII. Отказъ на то же помѣстье, данный на мѣстѣ, 7207 г. марта 7.

XCVIII. Грамота 7207 г. марта 15 объ удовлетвореніи челобитья дочерей умершаго Сидора Петр. с. Каменева Авдотьи, жены Ак. Андр. с. Авдѣева, и Даріи, жены Гр. Матв. с. Онуфріева, опровергающихъ духовную своего отца, которою его вотчины и помѣстья оставлены по смерть его вдовѣ, а ихъ матери Иринѣ, а затѣмъ его роднымъ братьямъ Федос. и Макс. П. Каменевымъ. Имѣнія С. П. Каменева исчислены подробно.

XCIX. Запись 7207 г. марта 30 курч. Ос. Тимоф. с. Ескова о промѣнѣ имъ помѣстья въ курск. у., въ курицкомъ ст., въ дер. Сасковой Ак. Андр. с. Авдѣеву, давшему за то помѣстье въ томъ же у., въ подгородн. ст. на р. Боршнѣ и 20 руб.

С. Выпись съ отказа 7207 г. апр. 5 Серг. Макс. с. Каменеву на помѣстье въ курск. у., въ курецк. ст. въ дер. Дроняевой, вымѣнянное имъ у курч. Алфера Артем. с. Мишустина.

CI. Сказки 7207 г. начала мая лицъ, мѣнявшихся помѣстьями, указанными выше въ № XCII, о согласіи ихъ на мѣну.

CII. Отказъ 7207 г. мая 13 Арсеньеву помѣстья Воротыщева, указаннаго въ № XCII.

CIII. Такой же отказъ на помѣстье 7207 г. мая 13.

CIV. Копія (безъ начала) съ письма къ государю отъ 7207 г. іюля 8, бѣлогородскаго воеводы о рѣшеніи имъ спора за земли въ вольнинскомъ уѣздѣ въ с. Сидоровкѣ, населенныя черкасами, и въ дер. Добрынской, между вольновцемъ Троф. Куряновымъ (кажется уступившимъ эти земли ахтырскому полковнику Ив. Ив. с. Перекрестову) и вальновскимъ воеводою стольникомъ Федос. Петр. Каменевымъ въ пользу перваго изъ нихъ.

Интересенъ разсказъ, какъ Каменевъ различными неправыми путями добивался получить эти земли.

CV. Отпускная на волю 1700 г. февр. 4 бывшаго крѣпостнаго человѣка стольн. Ив. Андр. Пущина Сем. Макс. с. Шабанова съ семьею, согласно съ духовнымъ завѣщаніемъ Пущина.

CVI. Отказъ 1700 г. апрѣля 20 Силѣ Кузьм. Арсеньеву помѣстья Николая Шустова рыльск. у., въ свапск. ст., на устьи р. Вабли.

CVII. Сказка 1700 г. іюля 21 С. К. с. Арсеньева съ Ив. Ермол. с. Дуровымъ и Федор. Никит. с. Пушкаревымъ о согласіи ихъ на мѣну помѣстьями, причемъ Арсеньевъ даетъ имъ землю въ рыльск. у., подгородн. ст., въ пустоши Савкахъ; Ив. Дуровъ даетъ Арсеньеву помѣстье въ томъ же уѣздѣ въ свапск. ст. въ с. Плотавѣ, а Фед. Пушкаревъ въ томъ же уѣздѣ и тоже въ свапск. ст. въ дер. Черемошкахъ.

CVIII. Отказъ 1700 г. 18 окт. сумск. полковнику стольн. Андр. Герас. Кондратьеву на земли въ сумск. уѣздѣ, около с. Сыроватки, купленныя имъ у разныхъ лицъ, преимущественно у родственниковъ.

Упоминается бѣлгородскій воевода генер. маіоръ Христофоръ Андр. Ригимонъ (Ригельмонъ) и сумской судья Сем. Андр. с. Юнокъ.

CIX. Жалоба государю въ 1701 г., не раньше марта, крестьян. с. Курасова, владѣнія П. Ал. Больш. Исакова, Федьки Иванова на курчен. Павла Курасова, обвиняемаго Ивановымъ въ поджогѣ сарая.

CX. Отказъ 1702 г. іюня 6 новг. сѣв. Игн. Ив. с. Ушакову на помѣстье въ рыльск. у., въ свапск. ст., что было сухорученское помѣстье Комориџкого солдатскаго строя Константинова с. Смирного Гранкина.

CXI. Запись 1702 г. ноября 22 новг. сѣв. Март. Сем. с. Курасова на землю въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ дер. Севенкѣ, мѣняемую имъ нов. сѣв. С. К. с. Арсеньеву, дающему за то землю, въ рыльск. у., но болѣе точно необозначаемую.

CXII. Отказъ 1703 г. апр. 18 Арсеньеву на это помѣстье Курасова.

CXIII. Отказъ 1703 г. апрѣля Арсеньеву же на землю въ рыльск. у., въ свапск. ст., на р. Ваблѣ, вымѣнянную имъ у Ив. Яким. с. Меньшаго Чубарова.

CXIV. Кабальная запись 1703 г. мая 7, данная крестьян. Сем. Макс. с. Шабановымъ на себя Григ. Ив. с. Ушакову.

CXV. Сказка 1703 мая 7 того же крестьянина о согласіи поступить въ холопство.

CXVI. Запись 1703 г. авг. 2 рылян. Козьмы Федор. с. Елянского на помѣстье въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ дер. Черемошкахъ, промѣнянное имъ С. К.

с. Арсеньеву, взамѣнъ чего Арсеньевъ даетъ землю въ рыльск. у., необозначенную, и 20 рублей.

CXVII. Отказъ 1703 г. іюня 18 Арсеньеву на это имѣніе Елянскаго.

CXVIII. Отказъ 1704 дек. 7 Арсеньеву же на помѣстье въ рыльск. у. въ свапск. ст., въ косожск. вол., въ дер. Дремовой и Черемошкахъ, купленное имъ у Маріи, вдовы Констант. Дремова, за 25 рублей.

CXIX. Запись 1705 г. генв. 5 курчанъ Савелія и Любима Денис. д. да Вас. и Макс. Афон. д. Михайловыхъ на ихъ помѣстье въ курск. у., въ подгорск. ст., въ д. Дичкѣ, отданное С. К. Арсеньеву, давшему имъ за то землю въ томъ же уѣздѣ и стану по р. Реуту и 40 рублей.

CXX. Запись 1705 г. марта 24 новг. сѣв. Аввак. Алексѣева с. Ряженцева съ пасынками Михаил. и Григ. Алексѣев. д. Телѣгиными на уступку крестьянской семьи Гр. Ив. с. Ушакову взамѣнъ того, что у нихъ жила бѣглая крестьянская семья, принадлежавшая Ушакову.

CXXI. Сказка 1706 г. мая 5 Ирины, Дѣевой дочери, вдовы Фед. Филипп. с. Мишустина, и Макс. П. с. Каменева о ихъ согласіи на мѣну ихъ помѣстій; при чемъ первая даетъ помѣстье въ курск. у., въ курицк. ст., въ дер. Дроняевой, вторая въ томъ же у., въ подгородн. ст. на р. Реутѣ.

CXXII. Отказъ 1706 г. мая 8 на указанныя въ предыдущемъ номерѣ помѣстья.

CXXIII. Отписка государю 1706 г. мая 30 курскаго воеводы о согласіи на мѣну помѣстій со стороны лицъ, указанныхъ въ номерѣ CXXI.

CXXIV. Сказка 1706 г. Гликеріи Михайловой, вдовы Фед. Петр. с. Исакова, о принадлежности ей имѣнія, даннаго ея мужу въ 7191 г., въ курск. у., въ подгородн. ст., на р. Роцутинѣ, на которое притязаютъ разные рыльскіе помѣщики.

CXXV. Отказъ 1709 г. мая 20 С. К. с. Арсеньеву на имѣніе въ рыльск. у., свапск. ст., на р. Вабли, что было Ив. Ханина.

CXXVI. Отказъ 1709 г. мая 29 тому же Арсеньеву на мѣновное помѣстье Кузьмы Фед. с. Елянскаго въ рыльск. у., въ свапск. ст. въ дер. Черемошкахъ.

CXXVII. Запись 1710 г. декабря 30, данная курчен. Павл. Демент. с. Капустинымъ въ томъ, что жить ему у Ак. Андр. с. Авдѣева до уплаты денегъ за его крѣпостную дѣвку, на которой Капустинъ женился, и 20-ти рублей долга.

CXXVIII. Утвержденіе 1711 г. мая 15 поступки С. К. с. Арсеньевымъ части своихъ имѣній, по р. Котлевѣ и въ другихъ мѣстахъ, на церкви въ с. Тураевѣ и въ с. Верхнемъ Выдерцѣ.

CXXIX. Копія съ записи, данной 1714 г. іюля 24 курск. помѣщиками Макс. Петр. с., и Федор. и Прохор. Федос. д. Каменевыми П. Ал. Исакову и внуку его Ив. Фед. Исакову, которою уничтожается бывшая запись П. Ал. Исакова и жены его Ксеніи о переходѣ ихъ имѣнія с. Курасова послѣ ихъ смерти во владѣніе Макс. и Федос. П. д. Каменевымъ (см. выше №№ XCI и XCII), такъ какъ у П. Ал. Исакова родился внукъ Иванъ.

Изъ № LXXXVIII видно, что сынъ П. Ал. Исакова Фед. П. Исаковъ не ладилъ со своимъ отцомъ.

CXXX. Продажная запись 1716 г. іюля 28 курск. помѣщ. Андр. Мих. с. Авдѣева, данная на помѣстье въ курск. у., подгор. ст., въ дер. Каняевой, проданное имъ Ак. Андр. с. Авдѣеву.

CXXXI. Продажная запись 1719 г. жителя с. Грязнаго Михаила Мартынова, на лѣсъ, проданный имъ судженскому козаку Як. Роман. с. Подольскому.

CXXXII. Продажная запись 1722 жителя с. Грязнаго Ив. Карп. с. Попова на жилой дворъ въ этомъ селѣ, проданный тому же Подольскому.

CXXXIII. Продажная запись 1724 г. генваря жителя с. Грязнаго Исаи Семенова сына на грунтъ въ томъ же селѣ, проданный Подольскому же.

CXXXIV. Продажная запись 1724 г. генваря Фед. Григ. Храпченка на лѣсъ, проданный тому же Подольскому.

CXXXV. Продажная запись 1730 г. февр. 23 сумск. полка подпрапорнаго козака с. Грязнаго Ив. Петрова на лѣсъ, проданный подпрапорному козаку, тому же Подольскому.

А. Маркевичъ.

Библіографія.

Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Изслѣдованіе П. П. Сокальскаго. Харьковъ. 1888 г. 368. ц. 3 р.

Все чаще и чаще раздаются въ послѣднее время голоса, заявляющіе о настоятельной необходимости записывать и издавать въ свѣтъ остатки нашего народнаго пѣсеннаго творчества, съ такою поражающею быстротою исчезающаго на нашихъ глазахъ и замѣняемаго городскою или заводскою, либо солдатскою пѣснею весьма низкопробнаго культурнаго характера и вообще сомнительнаго достоинства. Явленіе это, конечно, вполнѣ естественно, объяснимо и неизбѣжно въ извѣстное время жизни народа, но важность сохраненія для потомства произведеній подлинной и свѣжей народной музы отъ этого нисколько не умаляется. Помнится, на страницахъ «Кіевской Старины» такое заявленіе было сдѣлано г. Ив. Новицкимъ, который особенно настаиваетъ на сбереженіи подлинно народныхъ украинскихъ напѣвовъ. Въ примѣненіи болѣе широкомъ, ко всѣмъ славянскимъ племенамъ, особенно южнымъ и восточнымъ, та же мысль была высказана и мною на страницахъ кіевскаго «Славянскаго Ежегодника» [1]) (стр. 228—246). Сколь многіе изъ насъ, думается мнѣ иногда, могли бы, усвоивъ себѣ немного чудныхъ образцовъ народнаго творчества, позаботиться объ обнародованіи этихъ сокровищъ, но... насъ одолѣваетъ доморощенная наша лѣнь, косность и отсутствіе спеціальныхъ знаній, сопровождаемое вообще умственною неподвижностью. Вотъ причина, отчего такъ мало является въ свѣтъ памятниковъ народ-

[1]) См. также брошюру: Кухачъ и его сборникъ южнославянскихъ пѣсенъ. Кіевъ. 1884 г.

наго пѣснетворчества, записанныхъ досужими и всякими иными любителями и цѣнителями подлинной народной пѣсни. Не хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, думать, что здѣсь кроется, можетъ быть, другая причина, лежащая въ равнодушіи нашего современнаго поколѣнія къ идеалу, въ неумѣньи и нежеланіи его пить изъ родника чистой, могучей, роскошной народной музыки и поэзіи. Не хотѣлось бы, повторяю, вѣрить этому; съ природною косностью, съ отсутствіемъ подходящихъ знаній, легче бороться, чѣмъ съ матеріалистическимъ настроеніемъ общества, граничащимъ съ презрѣніемъ ко всему, что не блеститъ бриллiантами, не разукрашено шелками и золотомъ...

А между тѣмъ народная муза зоветъ къ себѣ съ отчаяніемъ существа, обреченнаго на погибель; ею въ предсмертномъ трепетѣ извлекаются еще изъ глуби народной души чарующіе звуки не только старой козацкой и чумацкой пѣсни, но и пѣсни современной, на которой, очевидно, лежитъ еще рука недавняго, быть можетъ, даже вчерашняго творчества... Народное пѣснетворчество, хотя и замѣтно изсякаетъ, но по временамъ продолжаетъ еще обнаруживать признаки своей живучести и силы, проблески не совсѣмъ еще угасшаго генія. Этотъ геній либо видоизмѣняетъ плоды прежняго своего творчества сообразно новымъ потребностямъ и вкусамъ, либо усваиваетъ себѣ нѣкоторыя, вполнѣ подходящія къ его характеру произведенія книжной словесности (напримѣръ, Шевченка; его извѣстную пѣсню «На що мени кари очы» намъ неразъ случалось слышать въ подлинно народной средѣ; очевидно эта заносная пѣсня подверглась извѣстному процессуународненія), либо, наконецъ, даже творитъ и кое что новое. Вотъ почему, не взирая на огромное количество собраннаго уже и преданнаго тисненію достоянія нашего народнаго пѣснетворчества, еще очень далеко то время, когда можно будетъ подвести ему итоги.

Но одного желанія взяться за дѣло записыванія народныхъ пѣсенъ еще мало: необходимо умѣнье, чутье, основательное знакомство съ прежде исполненными работами, а при записываніи напѣвовъ нужны и спеціальныя познанія, музыкально-теоретическая подготовка. Для этой то послѣдней стороны дѣла и представляетъ чрезвычайную важность разсматриваемая нами книга, являющаяся послѣднимъ капитальнымъ трудомъ безвременно погибшаго даровитаго музыканта. Авторъ этой прекрасной книги, въ которой онъ свелъ итоги всѣмъ своимъ знаніямъ по народной музыкѣ, былъ человѣкъ весьма разносторонне образованный и откликавшійся на самые разнообразные запросы жизни; но особенно любовно относился онъ къ музыкальному

искусству, и въ этой области отъ него осталось нѣсколько какъ весьма дѣльныхъ теорическихъ работъ, такъ и съ несомнѣннымъ дарованіемъ исполненныхъ композиторскихъ произведеній. Будучи естествовѣдомъ по образованію (магистръ химіи), онъ вносилъ въ свои музыкальныя изслѣдованія точный аналитическій методъ, придающій имъ замѣчательную дѣльность и строгость въ исполненіи. Особенно это слѣдуетъ сказать о разсматриваемой нами книгѣ: множество основательныхъ и внимательныхъ разборовъ пѣсенъ со стороны ихъ напѣвовъ и вообще музыкальнаго построенія, масса пѣсенныхъ примѣровъ, которыми изслѣдователь обставляетъ и обосновываетъ свои мнѣнія, придаютъ его работѣ характеръ огромной лабораторіи, гдѣ изслѣдователь имѣетъ постоянно подъ руками богатый фактическій и опытный матеріалъ, подлежащій объясненію и объединенію [1]).

Предоставивъ спеціалистамъ критическое разсмотрѣніе подробностей книги и мнѣній автора съ чисто музыкальной точки зрѣнія (что, разумѣется, не можетъ входить въ задачу общаго историческаго изданія), мы остановимся только на нѣкоторыхъ мысляхъ изслѣдователя, которыя намъ кажутся особенно замѣчательными либо интересуютъ насъ съ точки зрѣнія мыслей, высказанныхъ нами въ началѣ настоящей замѣтки.

Изъ глубокаго и внимательнаго изученія русскихъ народныхъ пѣсенъ (въ широкомъ смыслѣ, т. е. великорусскихъ и малорусскихъ; бѣлорусская пѣсня, по ея малоизвѣстности, не вошла въ кругъ изслѣдованій автора) изслѣдователь вывелъ то заключеніе, что «русская народная музыка создалась внѣ всякаго вліянія эллиноримской цивилизаціи, легшей въ основу западноевропейской культуры высшихъ классовъ. Она—самостоятельный стволъ отъ общаго корня, колыбели человѣчества въ Азіи, отъ котораго другой стволъ пошелъ въ южную Европу (Грецію и Римъ)». Сдѣлавъ пересмотръ мнѣній всѣхъ прежнихъ изслѣдователей русской музыки (Сѣрова, положившаго начало научной разработкѣ русской народной пѣсни [2]), Арнольда, Вестфаля,

---

[1]) Таковы, напримѣръ, превосходные разборы пѣсенъ: „По-узъ мій двиръ воритечка голубка летила“ и однородной съ нею по мелодическому строенію, но отличной въ ритмическомъ отношеніи „Матушка, да и что жё во полѣ пыльно?“ (Стр. 137—142 и 324—326). См. также разсмотрѣнія пѣсенъ „Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ“, „Ой не пугай, пугаченьку“, „Червоная калынонька въ саду повылася“, „Максымъ козакъ Зализнякъ“ и мн. др.

[2]) Русская народная пѣсня, какъ предметъ науки. См. Музыкальный Сезонъ 1870 годъ.

Мельгунова и др.), нашъ авторъ вполнѣ остновательно и научно, на нашъ взглядъ, замѣчаетъ, что не о родствѣ русской народной музыки съ древнегреческою должна идти рѣчь, когда хотятъ опредѣлить характеръ ея, а о той либо другой степени развитія музыкальнаго искусства. Тогда окажется — и это замѣчаніе, по нашему мнѣнію, глубоко справедливо,—что русская народная музыка просто еще находится въ томъ историческомъ фазисѣ «развитія въ музыкѣ понятій объ интервалахъ и ихъ родствѣ между собою, о мелодіи и о роли ритма въ вокальной музыкѣ», въ какомъ находилась въ свое время и древнегреческая музыка, равно какъ и музыка многихъ другихъ арійскихъ народовъ, у которыхъ сплошь и рядомъ попадаются сходныя черты (такъ еще Сѣровъ указалъ на замѣчательное сходство русской пѣсни «Во полѣ березонька стояла» съ одною индусскою мелодіею, приведенною у Амброса [1]), а французъ Болье замѣтилъ много общаго въ одной индусской пѣснѣ съ напѣвомъ оды Пиндара).

Любопытно мнѣніе нашего изслѣдователя, съ которымъ приходится поневолѣ считаться нашимъ записывателямъ народныхъ напѣвовъ, о томъ, какъ слѣдовало бы укладывать эти напѣвы въ ноты; ему кажется, что «такъ какъ народный тактъ есть полустишіе, то самое правильное было бы укладывать пѣсню въ ноты и тактъ, отдѣляя *тактовыми черточками* одно полустишіе отъ другаго. Никогда не слѣдуетъ забывать, что, *внося въ русскую пѣсню и наши тактовыя черточки*, мы вносимъ въ народную пѣсню и наши чуждые ей акценты». Мнѣніе это подтверждено обстоятельнымъ разборомъ пѣсенъ, записанныхъ Прокунинымъ (ред. Чайковскаго) и Балакиревымъ, при чемъ приведены и опыты надлежащей записи этихъ же пѣсенъ (т. е. не по обычнымъ нашимъ тактовымъ дѣленіямъ, а по полустишіямъ). И это мнѣніе, хотя и не новое, кажется намъ глубоко вѣрнымъ и во всякомъ случаѣ заслуживающимъ вниманія.

Вообще тѣ своеобразныя, отмѣченныя глубокою древностію особенности, благодаря которымъ русская народная музыка представляетъ собою своеобразный и самостоятельный міръ, побудили автора настоятельно высказаться въ томъ смыслѣ, чтобы въ русскихъ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ «на ряду съ ученіями о гармоніи и контрапунктѣ устроены были и спеціальныя каѳедры «русской народной музыки». Это не только возбудило бы живой интересъ русскихъ музыкантовъ къ этому особому музыкальному стилю, про-

---

[1]) Geschichte der Musik. т. I. стр. 58.

дукту народнаго русскаго генія въ областяхъ языка, мелодіи и ритма, но и *подготовило бы лицъ для осмысленнаго, систематическаго и точнаго собиранія и записыванія* памятниковъ русской народной музыки, еще не исчезнувшихъ изъ устнаго оборота массы». И съ этимъ мнѣніемъ невозможно не согласиться, по его очевидной цѣлесообразности и разумности. Въ заключеніе мы должны сказать, что книга Сокальскаго является въ такой мѣрѣ выдающимся произведеніемъ русской научной мысли, что навѣрное составила бы украшеніе и всякой другой, болѣе богатой, чѣмъ наша, литературѣ. По отзывамъ знатоковъ, она представляетъ собою за послѣднее время единственное въ цѣлой европейской литературѣ явленіе, замѣчательное какъ по строгости метода, такъ и по основательной глубинѣ исполненія. Изданъ этотъ трудъ прекрасно, такъ что цѣна книги вовсе не можетъ быть названа высокою въ виду, во первыхъ, той роскоши, съ какою выпущена она въ свѣтъ, а во вторыхъ того множества нотныхъ примѣровъ, какимъ она просто изпещрена. Нельзя не отдать чести и харьковской типографіи Дарре, исполнившей почти безукоризненно такую сложную работу.

А. Степовичъ.

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1888 г. кн. I (144-я). Издана подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. Москва. 1888 г.

Недавно вышедшая 144-я книга «Чтеній» заключаетъ въ себѣ не мало матеріаловъ по южнорусской исторіи. Такъ, между прочимъ, третья часть ея удѣлена редакціей для весьма интереснаго изслѣдованія А. С. Архангельскаго: «*Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв.—Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII в. I—II*». Это сочиненіе задумано широко и выполняется тщательно; пока напечатаны двѣ первыя главы его, онѣ хотя и носятъ компилятивный характеръ, служа введеніемъ и поясненіямъ имѣющаго появиться позже изслѣдованія автора, но тѣмъ не менѣе представляютъ живую картину избраннаго авторомъ времени, времени перелома въ народной жизни, произведеннаго люблинской уніей 1569 года, которая имѣла послѣдствіемъ борьбу вошедшихъ въ соединеніе элементовъ. Авторъ и поставилъ себѣ задачей—изобразить наиболѣе интересный моментъ этой борьбы—ея начало и при томъ въ одной только сферѣ—

литературной; съ этою цѣлью, онъ останавливается на результатахъ люблинской уніи, на измѣненіяхъ, происходившихъ съ 1569 г. въ обычаяхъ и нравахъ русскаго общества, но изображаетъ ихъ лишь съ тѣми подробностями, которыя необходимы для дальнѣйшихъ главъ, заключающихъ самое изслѣдованіе. Г. Архангельскій слѣдитъ за этой борьбой въ сферѣ религіозной и, кстати сказать, слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе польскихъ королей на упадокъ нравственности православныхъ іерарховъ, разсматривая его безотносительно, безъ сравненія съ состояніемъ католическаго духовенства, низкій нравственный уровень котораго порождаетъ быстрое распространеніе протестантизма въ Польшѣ. Неправъ, намъ кажется, авторъ, когда говоритъ о дѣятельности іезуитовъ, призванныхъ будто бы исключительно и съ самаго начала для борьбы съ православіемъ, а не съ протестантствомъ и социніанствомъ. Изображая состояніе образованія и количество школъ у православнаго населенія, заботы церковныхъ братствъ о распространеніи просвѣщенія, дѣятельность на этомъ же поприщѣ многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, обладавшихъ для того достаточными средствами, авторъ безъ провѣрки принялъ извѣстныя въ южнорусской исторической наукѣ положенія объ отсутствіи въ этотъ періодъ школъ и типографій, тогда какъ многіе факты противорѣчатъ этимъ положеніямъ, въ особенности по отношенію къ Кіеву. Какъ не былъ Кіевъ и его земля въ запустѣніи въ періодъ литовскаго вліянія, такъ же точно и образованность не была здѣсь въ упадкѣ; школы не имѣли лишь повода заявлять о своемъ существованіи и потому остались въ неизвѣстности; о нихъ заговорили только тогда, когда они реформировались и приспособлялись для борьбы съ католичествомъ въ началѣ XVII в.

Во второй главѣ авторъ разсматриваетъ литературу XVI и XVII вв., возникшую подъ вліяніемъ религіозной борьбы и являющуюся потому исключительно духовной; наиболѣе обширный отдѣлъ ея составляли всякаго рода богослужебныя книги, потомъ книги свящ. писанія, составъ котораго въ это время окончательно опредѣляется, а текстъ тщательно исправляется; въ это же время дѣлаются попытки передачи св. писанія на мѣстномъ нарѣчіи; за книгами св. писанія и богослужебными шли переводы твореній отцевъ церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ было издано нѣсколько сочиненій обще-моральнаго содержанія, печатались также учебники для школъ; полемическія сочиненія были по преимуществу содержанія богословскаго, церковно-историческаго и обрядоваго; подъ вліяніемъ полемики быстро развивается строго науч-

ное, серьезное содержаніе книгъ; серьезность и эрудиція сказывалась и въ области катехизическаго богословія, церковной и гражданской исторіи и въ области канонической. Рядомъ съ этимъ развивается быстро и широко церковная проповѣдь; подъ покровомъ могилянской коллегіи возникаетъ и развивается драма; наконецъ, появляются изданія панегирическаго и риторическаго содержанія. Въ заключеніе авторъ отмѣчаетъ вліяніе южно-русской литературы и образованности на сѣверо-восточную; онъ видитъ въ этомъ вліяніи связующее звено между западно-европейской и московской образованностью и считаетъ его подготовкой къ послѣдовавшимъ за тѣмъ реформамъ.

Говоря о каждомъ родѣ печатныхъ или рукописныхъ книгъ, дошедшихъ до нашего времени, авторъ приводитъ въ примѣчаніяхъ ихъ полные списки, которые обнаруживаютъ въ немъ большое трудолюбіе и глубокую эрудицію; вмѣстѣ съ тѣмъ эти списки какъ бы противорѣчатъ положенію автора объ упадкѣ образованія въ южной Руси въ концѣ XVI в.; не слѣдуетъ забывать, что г. Архангельскій перечисляетъ только то, что сохранилось до нашего времени, а не то, что существовало въ дѣйствительности и что повѣркѣ не доступно, но широкіе размѣры чего мы тѣмъ не менѣе можемъ предполагать по сохранившимся весьма многочисленнымъ памятникамъ письменности.

Въ «*Приложеніи*» помѣщены переводы нѣкоторыхъ твореній отцевъ церкви, сдѣланные княземъ А. М. Курбскимъ: 1) «*Новый Маргаритъ*», подробно описывается авторомъ; изъ него сдѣлано извлеченіе житія св. Іоанна Златоустаго и переписки папы Иннокентія съ Іоанномъ, а также приведенъ каталогъ книгъ Іоанна; 2) «*Примѣчанія кн. Курбскаго къ переводу твореній Іоанна Дамаскина*», а равно многочисленныя толкованія или поясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій; 3) «*Діалектика Іоанна Дамаскина въ переводѣ князя Курбскаго*» также лишь описывается авторомъ. Таково содержаніе разсмотрѣнной нами части труда г. Архангельскаго; въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ обѣщаетъ перейти къ подробностямъ и частнымъ, спеціальнымъ изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ сторонъ указанной имъ литературы и въ особенности подробно поговорить о литературныхъ трудахъ князя А. М. Курбскаго; этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить и выборъ авторомъ приложеній.

Другой любопытной статьей въ настоящей книгѣ «Чтеній» является «*Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718 г.)*», сообщенное Н. Я. Токаревымъ. Прибыловичъ, уроженецъ г. Ярославля въ Галіціи, постригся въ монахи Кіево-Печерскаго монастыря; потомъ

преподавалъ философію въ московской академіи и даже былъ въ ней префектомъ; посвященный въ іеромонахи, онъ говорилъ проповѣди, «казання», и жилъ въ Москвѣ до 1711 г.; въ этомъ году опять возвратился въ Кіевъ и жилъ въ Лаврѣ; отсюда онъ былъ посланъ на игуменство въ приписной Кіево-Печерскій-Змѣевскій монастырь; въ 1716 г. онъ былъ обвиненъ змѣевскими монахами въ ереси и отрѣшенъ отъ игуменства; но вскорѣ его потребовали въ Петербургъ и это требованіе послужило поводомъ къ обвиненію его въ ереси. Ересь же Прибыловича состояла въ томъ, что онъ не считалъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова безгрѣшными, въ измѣненіи нѣкоторыхъ словъ въ акаѳистѣ Пр. Богородицы и проч.; за это Прибыловичъ былъ сосланъ «до указу» въ свирскій Александровъ монастырь, а потомъ переведенъ на житье въ Троицко-Невскій монастырь; въ ссылкѣ онъ пробылъ менѣе года. Свидѣтельскими показаніями установленъ фактъ сношенія Прибыловича въ 1714 г. съ извѣстнымъ еретикомъ Дмитріемъ Тверитиновымъ; ученіе послѣдняго въ сильной степени отразилось на ереси Прибыловича. Какъ писатель, Прибыловичъ извѣстенъ 5-ю сочиненіями богословскаго и философскаго характера; изъ нихъ два написаны на латинскомъ языкѣ.

Въ *«Замѣчаніяхъ на книгу: «Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.», историко-критич. изслѣдованіе В. Н. Латкина, ч. I»*. А. Н. Зерцаловъ сообщаетъ новыя данныя о малороссійской коммиссіи по сочиненію правъ (1728—1759 гг.); эти данныя кромѣ указанія на число ея членовъ, вообще рисуютъ ея внѣшнюю обстановку за послѣдній годъ пребыванія ея въ Москвѣ передъ переводомъ въ 1736 г. въ Глуховъ. Изъ приводимыхъ г. Зерцаловымъ документовъ видно, что малороссійская коммиссія въ 1735 году состояла изъ 27 духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, находилась въ Москвѣ въ особо отведенномъ для нея помѣщеніи Нижегородскаго подворья, канцелярскіе матеріалы и мебель, а также дрова и сторожа для топленія печей требовала отъ московской Сенатской конторы, а отпускались означенные матеріалы изъ штатсъ-конторы.

Наконецъ, любопытны также новыя данныя, извлеченныя г. А. А. Газдово-Голомбіевскимъ изъ сибирскихъ актовъ «о Демьянѣ Многогрѣшномъ и дикихъ людяхъ Чюлюгдеяхъ». Трактуется въ этихъ «сибирскихъ актахъ» о судьбѣ малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго и о какихъ то сибирскихъ инородцахъ; изъ этого видно, что ничего не имѣющіе сходнаго въ содержаніи документы соединены вмѣстѣ лишь потому, что лежали въ одномъ

мѣстѣ и сообщаются однимъ и тѣмъ же лицемъ,—связь, по нашему мнѣнію, слишкомъ недостаточная.

Къ тремъ документамъ «о пребываніи въ Сибири гетмана Д. Многогрѣшнаго» авторъ дѣлаетъ короткое предисловіе, излагающее сущность ихъ содержанія. Изъ нихъ мы узнаемъ, что жившій въ 1682 г. на свободѣ Многогрѣшный, по проискамъ гетмана Самойловича, былъ заключенъ въ Селенгинскую тюрьму въ 1684 году для предупрежденія побѣга, такъ какъ одинъ изъ сосланныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь, дѣйствительно бѣжалъ оттуда и «объявился въ Запорогахъ». Исключительно объ этомъ заключеніи Многогрѣшнаго и идетъ переписка въ трехъ документахъ.

Но сдѣлавши замѣтку о Многогрѣшномъ, авторъ не удостоилъ вниманія «дикихъ людей Чюлюгдеевъ», оставивъ имъ дикое заглавіе, а между тѣмъ они то и требовали поясненія, такъ какъ настоящій документъ свидѣтельствуетъ, что и въ 1685 году наши свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ мало разнились отъ тѣхъ, какія существовали въ эпоху Ермака Тимофѣевича, несмотря на то, что русскіе владѣли Сибирью уже болѣе столѣтія.

И. Каманинъ.

Русская Правда, текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленными кандидатомъ правъ А. Б. Гинцбургомъ. Спб. 1888 г.

«Русская Правда» издана здѣсь по тремъ спискамъ—Академическому, Синодальному и Мусина—Пушкина. Въ началѣ брошюрки помѣщено обращеніе издателя ad lectorem, затѣмъ введеніе, принадлежащее г. Гинцбургу, а въ самомъ концѣ приложенъ «Краткій объяснительный словарь», составленный также г. Гинцбургомъ. По нашему мнѣнію, самый текстъ «Русской Правды» изданъ вполнѣ удовлетворительно. Съ этой стороны, задача, поставленная издателемъ,—дать студентамъ-юристамъ доступное и удобное пособіе—достигнута. Но нельзя того же сказать о цѣломъ изданіи, во всемъ его объемѣ. У насъ нѣтъ изданій, подобныхъ тѣмъ, какія мы находимъ за границей, ad usum scholarum, и, конечно, они весьма желательны. При этомъ изданія могутъ быть двухъ родовъ: 1) или они будутъ заключать въ себѣ только одинъ текстъ памятника, или 2) сверхъ текста будутъ имѣть такія къ нему примѣчанія, которыя дадутъ возможность

учащемуся самостоятельно работать. Первый видъ изданій годенъ болѣе для учениковъ средне-учебныхъ заведеній, хотя не безполезенъ и для студента; второй — главнымъ образомъ имѣетъ значеніе для послѣдняго. Разсматривая изданіе г. Гаршина и примѣняя къ нему только что сказанное, должно сказать, что оно не соотвѣтствуетъ ни тому, ни другому виду подобныхъ изданій. «Въ настоящемъ изданіи, говорятъ издатели, «Русская Правда» впервые является съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ, что отличаетъ его отъ всѣхъ предшествующихъ изданій, независимо отъ ихъ высокихъ достоинствъ». Ясно, кажется, что издатели придаютъ особенное значеніе краткому объяснительному словарю. Но онъ то, къ сожалѣнію, и составляетъ слабую сторону изданія. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе объясненія, которыя говорятъ о томъ, что ясно изъ самаго текста памятника и не требуетъ никакихъ толкованій. Напр. въ уставѣ Ярослава «о мостѣхъ» стоитъ: «а пидьбляномъ (поплата) до *чюдинцевои улицѣ»*... Въ «Объяснительномъ словарѣ» стр. 48: «Чюдинцева улица въ Новгородѣ». Точно такъ же объяснены имена: Острая улица, Софьяне, Пидбляне и т. д. Мы не думаемъ, чтобы подобныя разъясненія имѣли какое нибудь важное значеніе. Гораздо проще было сдѣлать общее объясненіе, что такія то имена, находящіяся въ уставѣ Ярослава «о мостѣхъ», относятся къ Великому Новгороду и обозначаютъ его части или жителей этихъ частей. Нельзя, по нашему мнѣнію, считать необходимымъ и такое объясненіе, какъ на стр. 42: «Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій князь кіевскій», такъ какъ оно предполагаетъ у студента-юриста крупное невѣжество въ русской исторіи. Что касается объясненій терминовъ, встрѣчающихся въ «Русской Правдѣ», то и про нихъ, про нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, приходится сказать то же, что мы говорили раньше. Едва ли напр. надо было объяснять, что такое «конецъ», «пятина» и т. д. Не можемъ не указать также на невѣрность нѣкоторыхъ объясненій. Напр. на стр. 44 въ «Объяснительномъ словарѣ» стоитъ: «Конюшій—званіе, учрежденное Іоанномъ III...» Но если это такъ, то какимъ же образомъ оно попало въ «Русскую Правду?» Званіе конюшаго существовало еще и въ до татарскій періодъ. Такъ, Лаворъ былъ конюшимъ Игоря Святославича Новгородсѣверскаго. Лѣтопись знаетъ и конюховъ, и конюшихъ и не смѣшиваетъ этихъ званій. Нельзя также, по нашему мнѣнію, дѣлать объясненій въ такомъ категорическомъ тонѣ, какъ это мы находимъ въ «Объяснительномъ словарѣ». Не говоря о колбягахъ, которыхъ никоимъ образомъ нельзя пріурочивать къ области Колбен-

сици, даже вопросы о нашихъ мѣрахъ, должностныхъ лицахъ древней Руси и т. п., далеко еще не могутъ считаться рѣшенными въ русской исторической наукѣ. Поэтому при всякомъ объясненіи необходимо было бы тутъ же въ скобкахъ сдѣлать ссылку на автора, откуда берется данное объясненіе, а еще полезнѣе было бы указать главнѣйшія ученыя работы по тому или иному вопросу. Мы думаемъ, что это нисколько не увеличило бы объема «Объяснительнаго словаря», особенно съ изъятіемъ изъ него многихъ лишнихъ и ненужныхъ объясненій. Не можемъ не обратить вниманія еще на одно странное обстоятельство.

Мы указывали уже, что въ разбираемомъ изданіи находится цѣлый рядъ объясненій, относящихся къ уставу Ярослава «о мостѣхъ». Этотъ уставъ не есть неразрывная часть «Русской Правды», а представляетъ собою нѣчто совершенно самостоятельное. Такъ можно думать на основаніи отсутствія этого устава во многихъ спискахъ «Русской Правды» и содержанія его, имѣющаго чисто мѣстное значеніе. Извѣстно, что принадлежность этого устава Ярославу Мудрому оспаривалась въ русской наукѣ. Поэтому издатель не сдѣлалъ важнаго промаха, опустивъ совершенно этотъ памятникъ въ своемъ изданіи. Спрашивается: зачѣмъ же было объяснять то, чего нѣтъ въ самомъ изданіи? Такимъ образомъ, приходится выбросить изъ «Объяснительнаго словаря» еще значительную его часть, какъ къ дѣлу совершенно не относящуюся. Вообще, если бы издатели ограничились только напечатаніемъ текста «Русской Правды», то ихъ изданіе было бы еще дешевле, а, стало быть, и еще доступнѣе, чѣмъ теперь, и нисколько не потеряло бы въ качественномъ отношеніи, но несомнѣнно выиграло бы въ пользѣ.

П. Голубовскій.

Вторая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности... Отчетъ составилъ инспекторъ А. Н. Поповъ. Симферополь. 1888 г.

Въ послѣднее время русское общество все болѣе и болѣе сталъ занимать вопросъ о нецѣлесообразности нашего воспитанія, о томъ чрезмѣрномъ перевѣсѣ умственныхъ занятій въ ущербъ физическимъ, результатомъ котораго является переутомленіе учащихся. При отсутствіи физическаго воспитанія, поставленнаго на раціональныя начала

и долженствующаго идти параллельно съ образованіемъ умственнымъ, въ молодомъ организмѣ постепенно притупляется природная способность воспринятія, развиваются различныя спеціальныя болѣзни и, въ концѣ концовъ, молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь усталымъ, безъ всякихъ стремленій, энергіи и желанія дѣятельности. Статистическія изслѣдованія подтверждаютъ этотъ печальный фактъ. Не входя въ разборъ различныхъ мѣръ, которыя заполнили бы этотъ существенный пробѣлъ въ нашемъ образованіи, нужно сказать, что и при настоящихъ средствахъ, данныхъ учебной программой, можно многое сдѣлать въ этомъ направленіи; вся суть заключается только въ томъ, какъ смотрятъ на это лица, на которыхъ лежитъ обязанность руководить и слѣдить за воспитаніемъ. Поэтому нельзя не отнестись съ чувствомъ признательности къ директору симферопольской мужской гимназіи г. Тимошевскому, по иниціативѣ котораго были устроены экскурсіи для обозрѣнія памятниковъ старины и другихъ достопримѣчательностей Крыма. Такія экскурсіи имѣютъ еще и то значеніе, что знакомятъ юношей съ роднымъ краемъ, памятниками его старины, бытомъ его населенія, а это, при нашемъ почти поголовномъ незнакомствѣ со своей родиной, является очень и очень небезполезнымъ. Отчетъ о второй такой экскурсіи, совершенной воспитанниками VI, VII и VIII классовъ 27, 28, 29 и 30 апрѣля 1888 г., и составляетъ предметъ настоящей замѣтки. Экскурсіи такого рода, организованныя и обставленныя надлежащимъ образомъ, имѣютъ громадное воспитательное значеніе; онѣ, «служа и къ обогащенію познаній учениковъ, и къ возбужденію въ нихъ любознательности, служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ сближенію ихъ съ ихъ наставниками и къ укрѣпленію благотворнаго на нихъ нравственнаго вліянія сихъ послѣднихъ» (Отчетъ, стр. 2). Во время экскурсіи были осмотрѣны: Бахчисарай, Салачакъ, Успенскій скитъ, Чуфутъ-Кале, Тепе-Керменъ, Качи-Кальенъ, Эски-Керменъ, Черкесъ-Керменъ, Мангупъ-Кале и Сюрень. Преподавателями, сообразно съ осматриваемыми мѣстностями, были читаемы заранѣе составленныя сообщенія; приводимый одинъ перечень ихъ уже достаточно указываетъ на то, что прошлая и настоящая жизнь Крыма и его обитателей были вполнѣ очерчены и не было пропущено ничего, мало мальски заслуживавшаго вниманія. Сообщенія были слѣд.: 1) Д. И. Шебедева—«Исторія крымскаго ханства»; 2) Ѳ. Ѳ. Лашкова—а) «О законодательствѣ и судопроизводствѣ въ крымскомъ ханствѣ», б) «О пещерныхъ постройкахъ (городахъ) въ Крыму»; 3) Х. П. Ящуржинскаго—а) «Семейная жизнь; свадебные и погре-

бальные обряды татаръ», б) «Объясненіе надписей во дворцѣ и ханской усыпальницѣ», в) «Легенды, связанныя съ замѣчательнѣйшими мѣстами, которыя будутъ посѣщены въ время экскурсіи»; 4) А. О. Кашпара — «Объ архитектурномъ искусствѣ татаръ по остаткамъ въ ханскомъ дворцѣ и мечети»; 5) В. И. Жирнова — «Татарскія училища: мектебе и медрессе»; 6) протоіерея А. Е. Назарьевскаго — «Успенскій скитъ и его значеніе въ періодъ татарскаго владычества въ Крыму»; 7) А. И. Маркевича: «Чуфутъ-Кале (Кыркоръ) и караимы»; 8) М. А. Волошенко — «Геологическій очеркъ исторіи земнаго шара и происхожденіе крымскихъ горъ»; 9) Ф. Я. Ребеца — «Готы въ Крыму и Мангупъ»; 10) Н. А. Святскаго — «О цыганахъ въ Россіи и въ Крыму».

Оставляя въ сторонѣ разборъ каждаго изъ этихъ сообщеній, изъ которыхъ нѣкоторыя ограничивались болѣе общими положеніями, другія же разработали въ деталяхъ извѣстный отдѣлъ, проходя мимо нѣкоторыхъ промаховъ (напр. въ сообщеніи г. Лашкова «О пещерныхъ постройкахъ въ Крыму», гдѣ авторъ, дѣлая очеркъ доисторической жизни человѣка, говоритъ: «Переходя къ первоначальной исторіи пещерныхъ построекъ въ Крыму, приходится, за неимѣніемъ данныхъ, ограничиться лишь постановкою вопроса, по сравненію съ тѣмъ, что даетъ намъ доисторическая археологія другихъ странъ»... когда, напротивъ, еще въ 1879 г. г. Мережковскимъ открыты слѣды обитанія первобытнаго человѣка въ пещерахъ Крыма)[1]), все таки нельзя не признать, что онѣ оказались вполнѣ пригодными и удовлетворяющими своему назначенію. Отчетъ снабженъ многочисленными, недурно исполненными рисунками, изображающими различные виды и памятники старины; рисунки исполнены препод. А. А. Архиповымъ.

Въ заключеніе можно только пожелать, чтобы и другія учебныя заведенія послѣдовали благому примѣру симферопольской гимназіи.

Н. Б.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1888—89 г.

Въ настоящей книжкѣ редакція помѣщаетъ списокъ всѣхъ изданій, просматриваемыхъ ею для обозрѣнія; по мѣрѣ увеличенія числа изданій, названія ихъ будутъ приведены въ началѣ обозрѣнія.

1) Журн. Мин. Нар. Просв. 2) Вѣстн. Евр. 3) Рус. Мысль. 4) Правосл. Обозр. 5) Филолог. Зап. 6) Рус. Филол. Вѣстн. 7) Славян. Изв. 8) Сѣв. Вѣстникъ,

[1]) Гр. Уваровъ, Археологія Россіи, каменный періодъ, стр. 281 и слѣд.

9) Пантеонъ Лит. 10) Русск. Вѣстн. 11) Колосья. 12) Русск. Богатство. 13) Русск. Старина. 14) Русск. Архивъ. 15) Истор. Вѣст. 16) Юрид. Вѣст. 17) Журн. Гражд. и Угол. Права. 18) Природа и Охота. 19) Библіографъ. 20) Военный Сборникъ 21) Морск. Сб. 22) Восходъ и Нед. Хрон. Восхода. 23) Странникъ. 24) Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 25) Христ. Чт. 26) Труды кіев. дух. акад. 27) Кіев. Унив. Извѣстія. 28) Эконом. Журн. 29) Новь. 30) Правосл. Собесѣдн. 31) Kwart. Hist. 32) Ateneum. 33) Wisła. 34) Bibl. Warszaw. 35) Revue polit. et litter. 36) Недѣля. 37) Нива. 38) Сѣверъ. 39) Всемірная Иллюстр. 40) Живоп. Обозр. 41) Рус. Дѣло. 42) Рус. Судох. 43) Церк. Вѣст. 44) Рус. Лѣсопр. 45) Газета Гатцука. 46) Зоря. 47) Kłosy. 48) Kraj. 49) Przegl. Tygodn. 50) Gaz. Polska. 51) Кіевл. 52) Кіевск. Слово. 53) Кіевскія Еп. Вѣд. 54) Волынь. 55) Вол. Еп. Вѣд. 56) Вол. Губ. Вѣд. 57) Подол. Губ. Вѣд. 58) Подол. Еп. Вѣд. 59) Бессар. Губ. Вѣд. 60) Кишин. Еп. Вѣд. 61) Полт. Еп. Вѣд. 62) Черн. Губ. Вѣд. 63) Черн. Еп. Изв. 64) Сборникъ Черн. Земства. 65) Харьк. Губ. Вѣд. 66) Южн. Край. 67) Екатериносл. Губ. Вѣд. 68) Елисаветгр. Вѣстн. 69) Сборн. Херс. Земства. 70) Южанинъ. 71) Одес. Вѣст. 72) Одес. Лист. 73) Новор. Телегр. 74) Крымъ. 75) Тавр. Еп. Вѣд. 76) Тавр. Губ. Вѣд. 77) Воронежск. Еп Вѣд. 78) Донъ. 79) Донская Рѣчь. 80) Куб. Обл. Вѣд. 81) Варш. Дневн. 82) Литов. Еп. Вѣд. 83) Минск. Листокъ. 84) Курск. Листокъ. 85) Смол. Вѣстн. 86) Червоная Русь.

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1888 г. №№ 11—12; 1889 г. № 1. *Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Н. И. Карѣева* (№ 11, стр. 1—86; № 12, стр. 232—251; окончаніе). 7-ая глава этого обширнаго изслѣдованія знакомитъ съ новѣйшими польскими историческими трудами объ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой, а именно съ трудами Крашевскаго «Польша въ эпоху трехъ раздѣловъ», Валеріана Калинки и Корзана (№ 11). 8-ая и послѣдняя глава даетъ самые общіе выводы изъ изученія литературы по исторіи паденія Польши (№ 12).

Въ статьѣ А. Н. Веселовскаго «Нерѣшенные, нерѣшительные и безразличные Дантовскаго ада» помѣщено извлеченіе изъ старопечатныхъ Чудесъ Пресвятой Богородицы (17 вѣка) по дефектному экземпляру библіот. Кіево-Печерской Лавры: чудо о Виргиліи и чудо объ Овидіи (№ 11, стр. 93).

Въ «Отчетѣ о тридцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова» (№ 11, стр. 1—19) помѣщены разборы слѣдующихъ трудовъ, касающихся юга Россіи: 1) *С. Голубева* «Исторія Кіевской Духовной Академіи»; вып. 1-й—разборъ *И. Чистовича*. 2) *Д. Багалѣя* «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства», Т. I, и «Матеріалы для исторіи колонизаціи»—разборъ *Д. Корсакова*. 3) *А. Будиловича* «Русская православная старина въ Замостьѣ»—разборъ *Еф. Крыжановскаго*.

Вновь открытое сочиненіе Юрія Крижанича. Вл. Колосова (№ 12, стр. 179—207). Сочиненіе Крижанича носитъ заглавіе: «Обіасньеніе вяводно о писмѣ Словѣнскомъ»; сохранилось оно въ рукописи въ библіотекѣ тверской

духовной семинаріи. Авторъ статьи, доказавъ вначалѣ, что этотъ трудъ несомнѣнно принадлежитъ Крижаничу, знакомитъ далѣе съ содержаніемъ самого труда, состоящаго изъ 17 раздѣловъ, исчерпывающихъ вопросы славянской грамматики.

Литовская Русь при Ягеллонахъ. Д. Иловайскаго (1889 г. № 1, стр. 1—35). Статья эта представляетъ одинъ отдѣлъ изъ обширнаго труда автора по исторіи Россіи. Слѣдующіе тезисы, поставленные въ началѣ статьи, вполнѣ опредѣляютъ содержаніе ея: польское вліяніе на политическій строй литовской Руси; земскіе привилеи, общіе и мѣстные; господство вельможъ; низшіе слои населенія; водвореніе крѣпостнаго права; волочная система; введеніе магдебургіи; столкновенія городскаго самоуправленія съ королевскими намѣстниками; судебникъ Казиміра IV; первый литовскій статутъ и характеръ судоустройства; жалобы на неправосудіе; второй статутъ; уставъ о земской оборонѣ; страшные крымскіе полоны; черты шляхетскихъ нравовъ по Курбскому и Михалону.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ *П. Шейномъ.* Т. I, ч. 1-я; — рецензія *Ѳ. Истомина* (№ 11, стр. 132—147). 2) *П. Морозовъ* «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII стол.» — рецензія *Алексан. Веселовскаго* (№ 12, стр. 252—266). 3) *Aem. Kalužniacki* «Monumenta linguae palaeoslovenicae». Tom. I: Evangeliarum Putnanum (Путенское Евангеліе въ Буковинѣ конца XIII или начала XIV в. съ явными слѣдами малорусскаго нарѣчія)—рецензія *А. Петрова* (№ 12, стр. 280—283). 4) *В. Смирновъ* «Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка» — рецензія *Н. Веселовскаго* (№ 1, стр. 168—203).

Вѣстникъ Европы 1888 г. № 12; 1889 г. №№ 1—2. *Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ. Новые матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева—стат. В. Якушкина* (№ 12, стр. 581—596; окончаніе). Подобно тому, какъ и въ первой статьѣ (№ 11), здѣсь помѣщены матеріалы для опредѣленія характера творчества поэта въ произведеніяхъ изъ малорусскаго историческаго прошлаго, а именно: въ думѣ «Мазепа», въ набросках поэмы «Наливайко».

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) *М. Бобржинскій* «Очеркъ исторіи Польши». Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакц. *Н. Карѣева.* Т. I. (№ 12, стр. 868—873). 2) Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія), записанныя въ дятловицкой волости гомельскаго уѣзда *Зинаидой Радченко* (№ 12, стр. 877—879). 3) *Д. Эварницкій* «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа» —рецензія *А. П.* (№ 1, стр. 447—450).

Русская Мысль 1888 г. №№ 11—12; 1889 г. № 1. *Гетманъ (психологическій очеркъ). Н. Златовратскаго* (№ 11, стр. 39—59). Героемъ разсказа является студентъ Подопригора, малороссъ по происхожденію. Въ разговорахъ преобладающею является малорусская рѣчь.

Вольныя крестьянскія школы. А. Пругавина (№ 1, стр. 33—57). Вторая глава этой статьи посвящена вопросу о вольныхъ школахъ въ Малороссіи и о причинахъ исчезновенія ихъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е Шмурло* «Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни» (№ 11, стр. 526—528). 2) Богданъ Хмельницкій—историческая повѣсть для юношества *О. Роговой* (№ 12, стр. 600—601). 3) «Очеркъ исторіи Польши» *М. Бобржинскаго.* Переводъ подъ редакціей *Н. Карѣева* (№ 1, стр. 10—11).

Филологическія Записки 1888 г. вып. IV—VI. *Въ библіографическихъ замѣткахъ* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е. Барсовъ* «Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси» (вып. V, стр. 1—5). 2) *П. Владиміровъ* «Докторъ Францискъ Скорина. Его переводы, печатныя изданія и языкъ» (вып. V, стр. 10—13).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888 г. №№ 3—4. *А. Смирновъ «По поводу изданія Сборника 1076 г».* Статья эта написана въ видѣ возраженія на отвѣтъ критику г. Шимановскаго, издателя Сборника; научнаго интереса статья почти не имѣетъ, такъ какъ носитъ характеръ частной полемики (стр. 303—310).

Въ библіографическихъ замѣткахъ находится маленькая рецензія о книгѣ *Морозова* «Очерки изъ исторіи русской драмы» (стр. 311—312).

Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1888 г. №№ 9—12. *Угорская Русь. Ир. Пол—нъ* (№ 10, стр. 526—543). Статья представляетъ этнографическія, статистическія и нѣкоторыя историческія данныя о русскомъ населеніи въ Венгріи.

По поводу *письма польскаго священника епископу Штроссмайеру* редакція помѣщаетъ замѣтку, въ которой идетъ рѣчь о польско-русскихъ отношеніяхъ въ Галиціи и между прочимъ приводится выдержка изъ газеты «Дѣло» (№ 10, стр. 561—567).

Славянскія Извѣстія редак. В. В. Комаровъ. Спб. №№ 1—4. № 1, 2. Начало «Славянскихъ Извѣстій».

1, 2, 3, 4. Чехи на Волыни—В. И. Шемякина. Статья излагаетъ историческія данныя о поселеніи ихъ на Волыни.

1, 2. Въ отдѣлѣ «Заграничная Русь» Червонноруссы. «Состояніе перемышльскаго округа».

— Архимандритъ д-ръ Владиміръ Терлецкій.

— Угроруссы.—Языкъ угроруссовъ, книга Феерчака «Очеркъ литерат. движенія угорскихъ русскихъ» Об. и «Листокъ» единственное изданіе русскихъ, живущихъ въ Угорщинѣ на 1889 г. подъ изд. и ред. Евгенія Фенцако.—Аѳ. Васильева.

— Очерки народнаго быта изъ галицкой жизни—по сочиненіямъ прот. Наумовича.

— Отъ редакціи. «Славянскія Извѣстія», поставивъ себѣ задачею служить дѣлу взаимнаго ознакомленія всѣхъ славянъ между собою, обращаются съ искреннѣйшею просьбою къ своимъ почтеннымъ читателямъ помочь редакціи въ осуществленіи ея намѣренія доставленіями статей и всякаго рода свѣдѣній, касающихся настоящей и прошлой жизни славянскихъ странъ.—Авторы и издатели, желающіе имѣть о своихъ сочиненіяхъ отзывы и объявленія въ Слав. Изв., благоволятъ присылать въ редакцію по экземпляру ихъ книгъ.

3, 4. Извѣстіе, что собиратель ю.-р. древностей Г. П. Алексѣевъ приступаетъ въ текущемъ году къ изданію своей богатой коллекціи древностей, вмѣщающихъ въ себѣ: а) древности доисторическія, б) древности греческой культуры, в) древности скиѳскія и г) древности запорожскихъ и малорусскихъ козаковъ,—въ изданіи принимаетъ участіе Д. И. Эварницкій.

Православное Обозрѣніе 1888 г. №№ 11—12. *Въ извѣстіяхъ и замѣткахъ* приведена рѣчь прот. *І. Наумовича* въ торжественномъ собраніи с.-петербур. славянскаго благотворительнаго комитета (№ 12, стр. 797—804).

Сѣверный Вѣстникъ 1888 № 12, 1889 № 1. № 12. Ночью (очеркъ) Вл. Короленко. Дѣйствіе на югѣ Россіи.

12. Изъ исторія нашего общественнаго развитія. В. В. (В. И. Семевскій «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в.» Томъ I-й и II-й).

— Будущая сила, покоющаяся на берегахъ Донца. VI. Мѣстное промышленное примѣненіе донецкаго каменнаго угля.—проф. Д. Менделѣева.

— Замѣтки въ областномъ отдѣлѣ.

1. Сябры и сябряное землевладѣніе въ Малороссіи. Главы I, II и III.—Ив. Лучицкаго.

— Двадцатипятилѣтіе земскихъ учрежденій 1864—1889 г. Очеркъ изъ исторіи земскаго самоуправленія, И. Скалона. Замѣтки въ областномъ отдѣлѣ.—Деревенскія письма. Крестьянскія преступленія—Беренцѣева.

Пантеонъ Литературы №№ 12—1. № 12. Въ отд. «новыя книги» сообщенія о книгахъ а) І. Стенгеліуса, Владиміръ Великій, поэма въ 3 пѣсняхъ,

пер. Головина гитрогр. № 88, б) Гр. Θ. Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій 2 ч. в) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, томъ I-й.

10—1. Засѣданія общества романо-германской филологіи.

Русскій Вѣстникъ №№ 12—1. № 12. Историко-критическія замѣтки. (Интересная для исторіи юга Россіи замѣтка на книгу архим. Леонида «Откуда была родомъ св. княгиня. Ольга». Θ. И. Успенскій «Русь и Византія въ X в.» В. Г. Васильевскій «Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ». И. И. Малышевскій «Кириллъ и Меθодій, первоучители славянскіе)—Д. И. Иловайскаго.

12. Въ отд. новости литературы. Рецензіи: а) Воронежскіе акты, изд. вор. губ. ст. ком. т. I. б) Архивъ юз. Россія ч. 2. т. II, в) М. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. т. I.

1. Въ сообщеніяхъ и извѣстіяхъ: Акты о присоединеніи Бѣлоруссіи (XIV томъ Акт. ю. и з. Россіи—еще не вышедшій)—Н. Н. Иванова.

Русская Старина №№ 11—1. № 11—12 (8, 9, 10). Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки академика проф. А. В. Никитенка.—Чрезвычайно интересная автобіографическая записка, о которой мы надѣемся дать отчетъ нашимъ читателямъ въ отдѣльной статьѣ.

11, 12. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830. Сооб. В. Е. Якушкинъ. Въ числѣ писемъ есть относящіяся къ лицамъ и событіямъ въ ю. Россіи.

— Императоръ Александръ I на югѣ Россіи. Письма К. К. Гирсъ 1818—1825 гг.

— О. М. Бодянскій въ его дневникѣ 1849—50 г. Сооб. И. Ф.Павловскій.

— М. С. Щепкинъ.

— Д. Н. Бантышъ-Каменскій 1788 †1850—1886. (Съ портр.).

— Въ матер. и зап. Н. В. Гоголь.

12. Ученыя архивныя коммисіи въ 1887 г.—И. Е. Андреевскаго.

— Русская Старина въ 1888 г.

1. Проф. хирургіи Х. Я. Гюббенетъ и его воспоминанія объ оборонѣ Севастополя 1854—56. Сообщ. А. и О. Гюббенеты.

— Шенрокъ и Гатцукъ. Н. В. Гоголь. 12 писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ и обратно.

— Въ матеріалахъ. В. Н. Каразинъ. М. С. Щепкина.

Русскій Архивъ №№ 12—2. № 12. П. Х. Граббе. Изъ дневника и записной книжки (венгерскій походъ).

Историческій Вѣстникъ №№ 12—2. № 12. Сторія о Господѣ и о землѣ (къ воспоминаніямъ о Гоголѣ), Г. П. Данилевскаго.

12. Запорожское гнѣздо. П. П. (по поводу книги г. Эварницкаго «Запорожье») съ иллюстраціями.

— Въ критикѣ и библіографіи кратк. рецензія на книгу Теодоровича «Историко-статистическое описаніе церкв. и приход. волынской епархіи».

11—12. Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. V. Русскіе писатели, умершіе въ 1885 г. (въ приложеніи). Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о А. А. Котляревскомъ, Н. И. Пироговѣ, (добавоч. къ 1 вып.), М. Н. Александровичѣ, Н. Н. Аристовѣ, А. К. Делленѣ, А. П. Матвѣевѣ, А. І. Смирновой, М. А. Туловѣ (добавоч. ко 2 вып.), Н. В. Гербелѣ, Дмитріѣ (Муретовѣ), баронѣ Н. А. Корфѣ, А. В. Куницынѣ, Н. Н. Мурзакевичѣ, В. И. Нордовѣ (добавоч. къ 3 вып.); С. П. Алферьевѣ, О. М. Новицкомъ, С. Д. Полторацкомъ, М. Ѳ. Раевскомъ, Ф. А. Терновскомъ, гр. А. С. Уваровѣ, П. П. Чубинскомъ, Н. И. Щеголевѣ (добавоч. въ 4 вып.), кр. біографію съ указ. сочиненій *Аполосса* (Бѣляева) еписк. Вятскій—воспит. кіев. дух. академіи, И. М. Бобровницкомъ (воспит., а потомъ и проф. кіев. дух. академіи), *П. Е. Ваденюкѣ, П. А. Вышневскомъ, Г. П. Гельмефонѣ* (между трудами его есть нѣкоторые, относящіяся къ югу Россіи) *Н. Я. Данилевскомъ, П. П. Демидовѣ—князѣ Санъ-Донато, М. Ѳ. Де-Пуле. В. А. Догмерѣ, А. А. Евецкомъ, А. А. Зарудномъ, Н. К. Захаровѣ, К. Д. Кавелинѣ, Н. В. Калачовѣ, Е. П. Карновичѣ, А. Ѳ. Кистяковскомъ, Я. И. Костенецкомъ, Н. И. Костомаровѣ, Н. Ѳ. Левицкомъ, В. И. Мазараки, И. Д. Монсветовѣ, А. М. Матушинскомъ, Ю. И. Мацонѣ, К. А. Митюковѣ, І. Г. Мицкевичѣ, Еп. Порфиріѣ* (К. Успенскій), *С. П. Стеблинъ-Каминскомъ, Е. С. Струменскомъ, Н. А. Сѣверцевѣ, М. Б. Чистяковѣ, Ѳеодосіѣ* (А. Н. Мадоревскій).

1—2. А. Шенрокъ. Родители Гоголя, (нѣсколько новыхъ свѣдѣній о семьѣ Н. В.) съ портретомъ Н. В. Гоголя.

1. Въ критикѣ и библіографіи краткія рецензіи на книги Е. Шмурло «Митр. Евгвній», «Холмскій народ. календарь», «Историч. записка о ставропольской гимназіи».

Въ замѣткахъ К. Горбунова: По поводу «Сторіи о Господѣ и землѣ»..

2. Критика и библіографія. Кр. рецензія на книгу О. Роговой «Богданъ Хмельницкій».

— Нѣсколько замѣтокъ въ смѣси.

Природа и Охота №№ 1—12. № 1. Охота не по перу, не на звѣря. (Записки моего дѣда) Н. Туркина. Изъ быта донскихъ козаковъ конца XVIII в.

1. Н. И—ко. Воспоминанія охотника. Мѣстность разсказа—въ Полтавщинѣ подъ Кіевомъ лѣтъ 25—30 тому назадъ.

— Н. Дублянскій. Объ уженьи рыбы въ окрестностяхъ Харькова.

— С. Д—вичъ. Охота подъ Кишиневомъ.

— Д. П. Пронинъ. Изъ Таганрога.

4. А. Телятниковъ. Охота въ купянскомъ уѣздѣ (прежде и теперь).

— М. Суручанъ. Очерки охоты въ средней Бессарабіи.

7, 8. Поповъ. Мелкія воспоминанія мелкаго охотника въ Симферополѣ.

— Д. Велинскій. Изъ Семеновки (Семіоновки) черн. губ.

8. Александръ Гор. Охота вблизи Екатеринодара.

— Двѣ охоты на волковъ по р. Кубани. Козака.

1, 4. Дмитріевскій уѣздъ курской губ. (Охотничьи очерки) Н. Анофреевъ.

9. В. Шершеневичъ. Два мѣсяца въ деревнѣ (подъ Одессою).

— Г. Смаковскій. Въ наѣздку (охот. сцены орлов. губ. вблизи Болхова).

10. Н. А. Вербицкій. По Деснѣ

12. На волковъ съ поросенкомъ. (Изъ воспоминаній охотника) Г. Ползунова.

— Объ уженьѣ карповъ на р. Айдозѣ харьковской губ.—В. Гуткова.

Юридическій Вѣстникъ №№ 12—1. № 12. *Земскія начинанія въ области сельскаго кредита*. Евгенія Максимова. Авторъ касается и дѣятельности въ этомъ отношеніи земствъ южно-русскихъ губерній.

12. *Изъ исторіи экономическаго быта*. А. Евреиновой. Очеркъ экономическаго состоянія кролевецкаго у. черниг. губ., составленный по XV тому «Матеріаловъ для оцѣнки земел. угодій, собран. черниг. статист. отдѣл. при губ. земск. управѣ».

Библіографъ №№ 7—12. № 7—8. *Критика и библіографія*. Рецензіи на: «Письма гр. Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому». Е. Ш. «Русская правда», изд. А. Б. Гинцбурга. Д.

Замѣтки о № 5 извѣстій таврич. ученой архивн. коммиссіи и о музеѣ г. Поля въ Екатеринославѣ.

9—10. *Длугошъ, польскій историкъ XV ст.* Библіограф. замѣтка Ст. Пташицкаго.

Новый трудъ проф. В. С. Иконникова. Е. Шмурло. Изложеніе содержанія имѣющаго въ скоромъ времени выйти въ свѣтъ соч. В. С. Иконникова: «Опытъ русской исторіографіи».

По поводу рецензіи на книгу г. Багалѣя («Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства»). Письмо въ редакцію проф. Д. И. Багалѣя и отвѣтъ на это письмо г. Чечулина.

11. *Симеонъ Полоцкій о русскомъ иконописаніи* Л. Майкова.

Военный Сборникъ №№ 11—12. № 11, 12. Н. Красновъ. Донское войско, какъ главный членъ козачьей семьи (стр. 3).

Восходъ №№ 11—2. № 11—12. *П. М. Лакуба*. Къ исторіи евреевъ въ Россіи. По поводу втораго изданія изслѣдованія Градовскаго «Торговля

и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ».

11—12. *I. Берхинъ.* Древнѣйшія извѣстія о евреяхъ въ Кіевѣ (до XII в.).

Недѣльная Хроника Восхода №№ 46—52 17 № 48. Передовая статья по поводу закона 9 іюня 1886 г. о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ. Авторъ разбираетъ этотъ вопросъ по отношенію его къ еврейскому населенію означенныхъ губерній.

50. Некрологъ Р. И. Рабиновича, извѣстнаго въ ученомъ мірѣ спеціалиста-библіографа, который посвятилъ всю свою жизнь возстановленію первоначальнаго подлинника и полнаго текста Талмуда. По происхожденію—литовскій еврей; умеръ въ Кіевѣ.

51. Передовая статья по поводу отказа евреямъ (въ Кіевѣ и Одессѣ) въ пріемѣ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ при окружныхъ судахъ.

1—2. *С. А. Бершадскій.* Еврей король польскій Шауль Юдитъ-Валъ изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стеф. Баторія (истор. легенда) не оконч.

2. Станиславовка острожск. у (корресп.) объ образовавшейся здѣсь лѣтъ 12 тому назадъ еврейской аренцаторской земледѣльческой колоніи.

3. Библіогр. замѣтка о новой книгѣ Г. В. Фридмана (польско-еврейскій писатель, авторъ романа Piękna Zydowka) Zydziak. Skic psychologiczno-spoleczny. Lwów 1889, заключающей въ себѣ галиційско-еврейскіе типы въ связи съ тѣми бытовыми условіями, въ которыхъ они вырабатываются.

4. Корресп. изъ м. Семіоновки (черн. губ. новоз. уѣзда) о смерти и значеніи для всего населенія земскаго врача П. С. Евсѣенка.

Странникъ №№ 11—12. №№ 11—12. *Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.* Владиміръ христіанинъ. I. Крещеніе Руси, И. П. Матченка.

11—12. *Романъ Кузьмина.* Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Протоіерея И. Г. Наумовича.

11. *Новыя книги.* Творенія отцовъ церкви и апокрифы въ церковно-учительной литературѣ (А. С. Архангельскій. Отцы церкви въ древне-русской письменности. Спб. 1888.—Матеріалы и замѣтки по старинной литературѣ. Мат. Соколова. Вып. I. I—V. М. 1888.—Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. В. Мочульскаго. Варш. 1888.—Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ. 1887.—Разборъ апокрифическихъ сказаній о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныхъ въ древней Руси. Вл. Сахарова—въ «Христ. Чт.» 1888.). А. И. Пономарева.

Извѣстія и замѣтки. Ко дню празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.

11. *Церковная жизнь у славянъ.* Юбилейное праздненство у русскихъ галичанъ.

1. И. II. Матченко. Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.

— Никодимъ Милашъ архим. Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе (V. провинція пропаганды: греко-уніаты въ разныхъ странахъ свѣта и отношеніе къ нимъ римской пропаганды).

— И. Гр. Наумовича. Романъ Кузьмина. Разск. изъ гал.-рус. жизни.

Экономическій Журналъ №№ 10—12. № 10. *И. Тарасовъ.* Описаніе кустарныхъ отдѣловъ на екатеринбургской и харьковской выставкахъ 1887 г. съ указаніемъ на мѣры поддержанія и развитія кустарныхъ промысловъ вообще.

— *И. Золотницкій.* Ростовъ на Дону (Общая характеристика города. Его географическое положеніе. Исторія Ростова. Общій видъ города, его панорама, улицы, площади, сады, вода, пристань. Населенность Ростова и Нахичевани. Городское общественное хозяйство. Торговля и промышленность. Увеселительная часть. Летучія замѣтки объ общественной и частной жизни ростовцевъ.

— Результаты дѣятельности желѣзныхъ дорогъ за 1888 г.

— Замѣтки въ торгов. обозр. о торговлѣ хлѣбомъ, шерстью и пр.

11. И. Золотницкій. Лозово-севастопольская дорога (Нынѣшнѣе хозяйство дороги. Быстрое увеличеніе доходности при одновременномъ сокращеніи расходовъ. Причины этихъ отрадныхъ явленій. Состояніе пути и всего желѣзнодорожнаго инвентаря. Степень безопасности движенія. Конкурренція съ другими путями. Экскурсія по лозово-севастопольской линіи. Общіе выводы).

— И. Тарасовъ. Всероссійская сельско-хозяйственная выставка въ г. Харьковѣ въ 1887 г.

— Замѣтка въ хроникѣ.

12. М. Веллеръ. Промыслы полтавс. губ. Плетеніе «плахтъ» (лохвицкій у.).

— Замѣтки въ хроникѣ.

Новь №№ 1—6. №№ **1**, **2**, **3**. Ольгердъ и Свѣтозара (кіевское преданіе) поэма Александры Львовой.

2. Церковь въ Ливадіи (рисунокъ) съ фотографіи.

3. Ярмарка въ Малороссіи (рисунокъ)—картина Юмудзскаго.

— Видъ большаго каскада въ Софіевкѣ (Умань) рисунокъ съ гравюры прошл. столѣтія Шлоттербека.

Кіевскія Университетскія Извѣстія №№ 5—12. №№ 7—9. Исторія уставныхъ земскихъ грамотъ литовско-русскаго государства, М. Ясинскаго.

12. Вступительная лекція по исторіи древней русской литературы, проф. Владимірова.

Матеріалы для русской исторіи въ V т. Monumenta Polon. Hist., проф. Дашкевича.

Труды Кіевск. Духовной Академіи №№ 11—12, 1. № 11. Д. Протасовъ. Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ (прод.).

— Л. М. Къ матеріаламъ для исторіи кіев. дух. академіи.

— Извѣстія церковно-археол. общ. при кіевской дух. академіи (іюнь и іюль 1888.) Н. И. Петрова.

12. Письма кіев. митроп. Евгенію Болохвитинову.

— Извѣстія церковно-археолог. общества при кіев. дух. академіи (авг., сент. и окт. 1888 г.) Н. И. Петрова.

— Указатель статей, помѣщ. въ Тр. К. Д. А. за 1888 г.

1. Д. Протасовъ. Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ (прод.).

— В. З. Завитневичъ. Крестъ, которымъ преп. игуменъ Сергій благословилъ в. к. Дм. Ив. Донскаго на борьбу съ Мамаемъ.

— Н. И. Корольковъ. Отчетъ кіев. дух. ак. за 1887—88 учеб. годъ.

— Извѣстія церк.-арх. общества при кіев. дух. ак. (ноябрь 1888 г.) Н. И. Петрова.

Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія №№ 9—12. № 12. *Изъ неизданныхъ сочиненій святителя Димитрія Ростовскаго.* Сообщ. Амфилохіемъ, еп. угличскимъ. Память духовному отцу. Како у правити ставленика. Краесогласніи Пятеростročіи. Изъявленіе вопросовъ Богословскихъ.

Христіанское Чтеніе Январь, Декабрь 1888 г. Январь—Февраль. Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіепископа херсонскаго. Письма разныхъ лицъ къ преосвященному Иннокентію.

Май, Іюнь, Іюль, Августъ. Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси. По поводу предстоявшаго 900-лѣтняго юбилея.

Іюль, Августъ. Рецензія сочиненія Ив. Малышевскаго: «Святый Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе».

Ноябрь, Декабрь. Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіепископа херсонскаго. Письма разныхъ лицъ къ преосвященному (начало этой статьи см. въ кн. Январь—Февраль).

Kwartalnik historyczny 1880. № I. Помѣщены рецензіи на слѣдующія сочиненія: 1) *Szaraniewicz.* Die franciskaner Kirche in Halitch. 2) *Pzochazka*—Z przeszłości Brzozowa. 3) *Венгеровъ*—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ; вып. 1—10. 4) *Хойнацкій*—Православіе на зап. Россіи или Патерикъ волынско-почаевскій. 5) *Батюшковъ*—Волынь. 6) *Житецкій*—Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія.

Ateneum 1889 г. Январь. *Меть.*—Омаджариваніе славянъ.

Весьма живой и фактическій очеркъ мѣръ, предпринятыхъ венгерскимъ правительствомъ и обществомъ для насильственнаго обращенія славаковъ, закарпатскихъ русиновъ и другихъ венгерскихъ славянъ въ маджарскую народность. Указаны репрессивныя мѣры венгерскаго правительства, дѣйствія многочисленныхъ венгерскихъ обществъ, основанныхъ спеціально съ этою цѣлью, омаджариваніе школъ, духовенства и т д. Затѣмъ обращено вниманіе на постоянно усиливающееся выселеніе венгерскихъ славянъ въ Америку и указаны безплодныя усилія немногихъ венгерскихъ публицистовъ и государственныхъ людей (Деакъ, Сечени, Мочари), направленныя къ тому, чтобы удержать своихъ соотечественниковъ отъ національнаго насилія надъ славянами.

— Рецензія исторической драмы Урбанскаго «Watażka»,—содержаніе драмы заимствовано изъ исторіи гайдамачества.

Wisła 1888 г. Октябрь—Декабрь. *Янчукъ.*—Вертепъ въ Корницѣ (село константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи). Мальчики въ этомъ селѣ устраиваютъ вертепъ во время рождественскихъ праздниковъ и показываютъ его въ своемъ и въ сосѣднихъ селахъ. Описано устройство самаго вертепа, приведенъ текстъ мистеріи и присоединенъ разборъ его и сличеніе съ вертепомъ, устраиваемымъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Русскій Паломникъ №№ 47—52, 1—6. 47, 48. *Высокопр. Парѳеній, архіеп. иркутскій* (съ портр.), ученикъ кіевской дух. академіи, затѣмъ ректоръ харьковской и херсонской дух. семинарій.

47. *Важное открытіе.* Замѣтка о недавно открытой въ Кіевѣ, на Звѣринцѣ, пещерѣ.

48. *Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь.*

48—50. *Кіево-печерская Лавра.*

— *Святыни кіевскаго края.* XXVI. С. Хрещатый Яръ, м. Животовъ. XXVII. Г. Василковъ, м. Бѣлая-Церковь, с. Мытница. XXVIII. Г. Умань, с. Ягубецъ XXIX. М. Ружинъ, м. Паволочь.

51—52. *Поѣздка въ Почаевъ.* (Изъ воспоминаній холмскаго паломника).

1. Въ еженедѣльн лѣтописи сообщено, что въ Св. Синодѣ вырабатываются правила для реставрацій старинныхъ образовъ, чтобы положить конецъ тѣмъ варварскимъ искаженіямъ, которымъ они теперь нерѣдко подвергаются. Съ этою цѣлью предполагается всякое обновленіе древней иконописи производить не иначе, какъ подъ руководствомъ и строгимъ контролемъ знатоковъ церковн. палеографіи.

5. Преосвящ. Сергій, епископъ могилевскій—воспитанникъ кіев. дух. академіи (краткая біографія съ портретомъ его).

6. Дубенская икона Божіей матери съ изображеніемъ.

Недѣля 42—52, 1—6. 42. *Новыя книги.* Рецензія на «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII ст.» П. О. Морозова.

1. Передовая статья: «1864 — 1889 гг.» (О 25-лѣтнемъ юбилеѣ земскихъ учрежденій).

— «Земскій Юбилей».

— *Новыя книги.* Замѣтка о «Путеводителѣ по Одессѣ», издан. В. В. Скидана. Одесса. 1889 г.

2. «Школьные контрасты» (изъ жизни южной Руси).

— «Огромный сбытъ безъ пользы».

3. Въ отдѣлѣ «Замѣтки» весьма интересны воспоминанія о графѣ Лорисъ Меликовѣ.

6. Некрологъ Александра Ивановича Стронина, воспитанника кіевскаго университета. Ему принадлежатъ труды: 1) «Исторія и методъ» и 2) «Политика какъ наука».

Сѣверъ №№ 45—52. 50. Полѣсскія охоты (два рисунка).

51. Памятникъ Александру II въ Ростовѣ на Дону.

5. Гибель парохода «Диръ» на Черномъ морѣ 13 дек. 1888 г. ориг. рисун. Э. Магдесіанца.

6. Св. Владимріское братство въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.

Нива №№ 42—6. 1. Тризна воиновъ Святослава подъ стѣнами Доростола (Силистріи) картина г. Семирадскаго (въ московск. истор. музеѣ) грав. Голевинскій.

2. Іордань въ Малороссіи ориг. рис. Ижакевича.

Всемірная Иллюстрація №№ 1—5. 4. *Д. Н. Бантышъ-Каменскій* (съ портретомъ). *П. Б.* Краткій біографическій очеркъ автора «Исторіи Малороссіи».

6. *Р. Э. Траутфеттеръ.* Некрологъ (съ портретомъ). Траутфеттеръ былъ профессоромъ (1838—1850 г.) и ректоромъ (1847—1859 г.) университета св. Владиміра, а также вице-президентомъ коммиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа (съ 1850 г.). По его ходатайству состоялось основаніе ботаническаго сада въ Кіевѣ; онъ же былъ и первымъ устроителемъ этого сада.

Русское Дѣло 1889. №№ 1—4. 1. *Чего мы въ правѣ требовать отъ театра.* Авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что малорусскій театръ носитъ характеръ народности, котораго недостаетъ русскому театру вообще.

2, 4. *Съ нижняго Дуная. К. Красильникова.* I—II. Впечатлѣнія автора въ г. Рени и нѣсколько замѣчаній о нашемъ пароходствѣ и торговлѣ на нижнемъ Дунаѣ.

Русское Судоходство №№ 41—44. 44. Изъ Ростова на Дону.

Церковный Вѣстникъ №№ 43—52. 48. *Нѣсколько любопытныхъ особенностей въ современномъ штундизмѣ.* Очеркъ штундизма на югѣ Россіи.

49. *Корресп. изъ Кіева.* Пастырское посланіе кіевскаго митрополита Платона чехамъ и его отвѣтъ архіепископу кентерберійскому.

51. Къ вопросу о языкѣ преподаванія въ польскихъ гимназіяхъ.

3. О—ч—нъ, «Марьяновская секта».

4. Корресп. изъ Кіева между прочимъ о магистерскомъ коллоквіумѣ въ кіев. дух. акад. преподавателя вол. дух. сем. Г. Я. Крыжановскаго, представившаго на степень магистра сочиненіе „Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ“, причемъ оппонентами были проф. кіев. дух. акад. Н. И. Петровъ и В. Н. Малининъ.

Христіанское чтеніе 1, 2.

1, 2. Состояніе отечественной церкви по всеподданнѣйшему отчету оберъ прокурора св. Синода за 1886 г.

Зоря 22—2. 22—24. *Старосвѣтски батюшки и матушки.* Ив. Левицкаго.

22. *Ворогамъ*, стих. В. Чайченка.

22--23. *На досвѣткахъ*, водевиль З. Петруся.

Проти хвилѣ. оповѣдане З. Петруся.

22—2. *Исторія литературы рускои,* Омеляна Огоновскаго. 4) К. Устіяновичъ. 5) Михайло Старицкій. 6) Марко Кропивницкій. 7) Иванъ Тобилевичъ Карпенко-Карый.

23 *Зъ теки песимиста*, стих. О. Филяретова.

Мачоха й пасынокъ, байка В. Чайченка.

22—24. *Рускій театръ у Львовѣ.*

23. *Одповѣдь выдавництву «Правди»*.

1. *Соловьовый спѣвъ*, Олены Пчôлки.

Наука, стих. З. Петруся.

1—2. *До лиха да ще лихо*, опов. Олекс. Катренка.

Нови украиньски книжки, З. Петруся.

Збирныкъ драматичныхъ творивъ Г. М. Бораковскаго.

2. *Щасливый*, опов. И. Спôлки.

Зъ поезій Олексы Мотыля.

Такъ еи доля, Леси Украинки.

Завѣтане, ея же.

Покликъ, стих. К.

Листы про украиньскій театръ, Я. Клена.

Иванъ Гриневицкій (некр.) В. Коцовскаго.

Причинокъ до біографіѣ Тараса Шевченка.

Przegląd Tygodniowy №№ 1—6. 1. Корреспонденція изъ Умани. Сообщается, между прочимъ, что расходъ города на народное образованіе въ 1889 составляетъ 7035 руб. при общемъ расходѣ въ 56600 руб. т. е. около $^1/_8$ всего бюджета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ для поддержки мѣстной прогимназіи городомъ ассигновано единовременно около 30000 руб. Вообще % денегъ, расходуемыхъ Уманью на образованіе, сравнительно съ другими, очень великъ.

Въ библіографіи сообщается о выходѣ слѣд. книгъ: Карѣева «Паденіе Польши» и Луговаго «Богданъ Хмѣльницкій и неблагодарная исторія».

3 и 4. Статья посвященная оцѣнкѣ научной дѣятельности проф. А. Ковалевскаго—знаменитаго біолога, бывшаго профессора кіевскаго университета по случаю 25-ти лѣтняго юбилея.

5. Перепечатка изъ «Новаго Времени» о торжествѣ, происходившемъ у В. Комарова, новаго редактора журнала «Славянскія Извѣстія». Приводятся рѣчи, произнесенныя присутствовавшими тамъ представителями разныхъ славянскихъ народностей.

Сообщается, что въ 1889 г. будетъ праздноваться 50-лѣтній юбилей присоединенія уніятовъ въ западномъ краѣ къ православію и что къ этому времени предполагается открытіе въ Вильнѣ православной духовной академіи.

6. Въ библіографіи сообщается о выходѣ книги П. Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкѣ».

Gazeta Polska 262—296. 1888 г. 1—33. 264—265. Изъ Ростова на Дону въ Новороссійскъ. Авторъ описываетъ путешествіе по новооткрытой новороссійской жел. дорогѣ, указываетъ на ея значеніе для развитія торговли цѣлаго края и останавливается затѣмъ на описаніи города Новороссійска, который въ недалекомъ будущемъ, благодаря желѣзной дорогѣ и прекрасной гавани, обѣщаетъ сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ.

25. Рецензія на книгу Карѣева «Историческій очеркъ польскаго сейма». Указывая на нѣкоторые недостатки книги, рецензентъ признаетъ за авторомъ большое знакомство съ польской литературой и безпристрастное отношеніе къ излагаемымъ событіямъ, и считаетъ книгу весьма полезной популяризаціей.

27. Выдержка изъ «Новаго Времени», указывающая на важное значеніе новой правительственной мѣры—именно, назначенія предводителями дворянства въ западномъ краѣ исключительно лицъ русскаго происхожденія.

Газета А. Гатцука №№ 6—12. 1888 г. и 1—4 1889 г. № 6. Сергѣй Кр—въ. Памяти М. С. Щепкина.

(Засѣданіе общества любителей россійской словесности). Краткое описаніе засѣданія, бывшаго 6-го ноября въ актовой залѣ московскаго университета, по случаю столѣтней годовщины рожденія Мих. Сем. Щепкина. Между разнообразными сообщеніями, касавшимися продолжительной и плодотворной артистической

дѣятельности Мих. С. и характеризовавшими его, какъ общественнаго дѣятеля и симпатичнѣйшаго человѣка, г-мъ Якушкинымъ, между прочимъ, были сообщены интересныя и новыя свѣдѣнія о провинціальной артистической дѣятельности М. С., предшествовавшей его появленію на московской сценѣ. «Въ 1808 г. М. С. вступилъ на сцену курскаго театра, который содержался братьями Барсовыми. Прекрасная игра М. С. обратила на себя всеобщее вниманіе и у губернатора, князя Репнина, родилась мысль основать театръ въ Харьковѣ. Здѣсь мы видимъ М. С. въ 1816 году. Затѣмъ мы находимъ его въ Полтавѣ помощникомъ директора полтавскаго театра И. Е. Барсова, вмѣстѣ съ Городецкимъ. Полтавская труппа была немногочисленна: она состояла изъ 15 человѣкъ. Въ числѣ актеровъ здѣсь были—Павловъ и Угаровъ. Репертуаръ полт. труппы, какъ и всякаго провинціальнаго театра, долженъ былъ быть разнообразнымъ. У М. С. не было своего амплуа; ему приходилось играть все безъ разбору. Это было время подготовки. Въ это время по преимуществу сложился тотъ «Гарпагонъ», который былъ воплощенъ М. С. въ 1830 г. 31 янв. на московской сценѣ. Какъ до сихъ поръ на неизвѣстное, г. Якушкинъ указываетъ на то, что директоромъ полтавс. театра (можетъ быть и недолго) былъ Котляревскій, извѣстный авторъ «Наталки Полтавки» и «Москаля Чаривныка». Въ 1821 г. полтавская труппа разстроилась... Считаемъ не лишнимъ привести эпизодъ изъ театральной жизни Щепкина въ Полтавѣ. На театрѣ у нихъ съ большимъ успѣхомъ шла пьеса подъ заглавіемъ: «Жидовская корчма». Жида игралъ М. С. и игралъ неподражаемо. Въ Полтавѣ городскимъ головой былъ нѣкто Зеленскій—изъ евреевъ. М. С., играя жида, незамѣтно подражалъ ему; но выходило такъ похоже, что публика не могла удержаться, чтобы не воскликнуть: «Да вѣдь это нашъ Иванъ Васильевичъ (т. е. Зеленскій)». Зеленскій обязался платить артистамъ по 2000 р. въ годъ, только бы они не играли этой пьесы. И «Жид. корчма» была снята со сцены. Кн. Репнинъ, узнавъ причину, почему снята со сцены любимая публикою пьеса, приказалъ какъ можно чаще ее играть, и Зеленскій, чтобы не навлечь на себя губернаторскаго гнѣва, долженъ былъ присутствовать на представленіяхъ».

Проф. Тихонравовъ въ своемъ сообщеніи «Щепкинъ и Гоголь въ ихъ взаимномъ вліяніи другъ на друга» указалъ на ту связь, которая существовала между великимъ артистомъ, достигшимъ вполнѣ прочнаго положенія, и великимъ писателемъ, склоннымъ къ меланхоліи. Щепкинъ оказалъ нѣкоторое вліяніе на произведенія Гоголя, комедіи же послѣдняго оживили и возродили Щепкина.

Н. Стороженко. Щепкинъ и Шевченко (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи общ. любителей россійской слов. въ день столѣтней годовщины рожденія М. С. Щепкина). Прочувствованная рѣчь почтеннаго профессора даетъ намъ полную характеристику отношеній, существовавшихъ между

М. С. Щепкинымъ и Т. Шевченкомъ. Поставленный судьбой въ гораздо лучшія условія жизни, добродушный по природѣ, обладавшій спокойнымъ и ровнымъ характеромъ, Щепкинъ, во все время знакомства съ Шевченкомъ, служилъ ему надежной опорой въ жизненныхъ невзгодахъ и заботился о немъ, какъ о близкомъ человѣкѣ.

Знакомство и затѣмъ дружба между ними завязалась уже послѣ выхода въ свѣтъ «Кобзаря»;— «Щепкинъ былъ одинъ изъ первыхъ угадавшій въ молодомъ авторѣ Кобзаря великаго поэта. Онъ былъ до того очарованъ глубиною чувства и чудной мелодіей стиха Шевченка, что сразу и безповоротно сдѣлался его восторженнымъ поклонникомъ и глашатаемъ его славы». Съ другой стороны, «гораздо старшій лѣтами и болѣе богатый житейскимъ опытомъ, Щепкинъ сдерживаетъ пылъ своего друга, журитъ его за всякое уклоненіе съ истиннаго пути, убѣждаетъ его беречь себя для родины и поэзіи».

Десятилѣтняя томительная ссылка оторвала Шевченка отъ всего остальнаго міра, но и тутъ онъ не прерываетъ сношеній съ Щепкинымъ, который въ свою очередь даже помогаетъ ему въ матеріальномъ отношеніи. Наконецъ, желанная свобода наступила и Шевченко получилъ возможность видѣться съ своими друзьями. 25 декабря 1857 г. послѣдовала встрѣча Шевченка съ Щепкинымъ въ Нижнемъ Новгородѣ, т. к. Шевченку былъ запрещенъ въѣздъ въ столицы. Щепкинъ спеціально пріѣхалъ въ Нижній ради Шевченка, но тамъ же далъ нѣсколько спектаклей, такъ что расходы на поѣздку окупились. Интересно письмо Шевченка къ Н. О. Осипову по поводу этого пріѣзда; въ каждой строчкѣ его видно чувство неподдѣльной горячей любви къ великому артисту, уже старику, но сохранившему, по словамъ письма,—«всю юношескую свѣжесть нравственную». Такой же любовью и энтузіазмомъ проникнуто то мѣсто дневника Шевченка, гдѣ онъ пишетъ объ этомъ же пріѣздѣ Щепкина: «Я все еще не могу прійти въ нормальное состояніе отъ волшебнаго очаровательнаго видѣнія. У меня все еще стоятъ передъ глазами городничій, матросъ, Михайло Чупрунъ и Любимъ Торцовъ. Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста стоитъ великій человѣкъ, кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой, незабвенный М. С. Щепкинъ. Шесть дней, шесть дней полной радостно-торжественной жизни! И чѣмъ я заплачу тебѣ за это счастіе? За эти радостныя слезы? Любовью? Но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любитъ? Чѣмъ же? Кромѣ молитвы о тебѣ самой искренней, я ничего не имѣю».

Какъ примѣръ заботливости Щепкина, служитъ письмо его къ Шевченку, въ которомъ онъ упрекаетъ послѣдняго за невоздержанность, именно, за то что тотъ кутилъ послѣ его отъѣзда изъ Нижняго.

Забота Щепкина о томъ, чтобы Шевченко берегъ себя и свой талантъ, проявляется также и позже, во время пребыванія Шевченка въ Москвѣ, куда

ему былъ позволенъ доступъ въ 1858 г. благодаря ходатайству графа Ѳ. П. Толстаго, хлопотавшаго и о возвратѣ Шевченка изъ ссылки. Здѣсь, въ Москвѣ, Шевченко жилъ у Щепкина, который старался доставить другу все возможное; свелъ его съ хорошими людьми и, во время неопасной болѣзни Шевченка, заботился о немъ и развлекалъ его. Изъ Москвы Шевченко уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ въ первое время не занимался дѣломъ, тогда Щепкинъ шлетъ ему письмо, въ которомъ видна все та же дружеская и вмѣстѣ съ тѣмъ строгая заботливость о поэтѣ: «Теперь два слова старика: за дѣло и за дѣло! Не давай овладѣвать собою бездѣйствію! Поклонись отъ меня всѣмъ моимъ знакомымъ, которыхъ ты знаешь. Да еще разъ: за дѣло и за дѣло! Твой старый другъ Михайло Щепкинъ».

Письмо это есть послѣдній документъ, касающійся взаимныхъ отношеній Щепкина и Шевченка. «Но и то немногое, что издано, говоритъ проф. Стороженко, проливаетъ яркій свѣтъ на Щепкина, какъ человѣка, и на характеръ его отношеній къ украинскому поэту. Тайна взаимнаго притяженія Щепкина и Шевченка объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что эти избранныя поэтическія натуры во многомъ дополняли одна другую».

8. Въ отдѣлѣ «научныя и хозяйственныя замѣтки» помѣщены два извѣстія о раскопкахъ кургановъ въ кіев. губ. Первое—о сообщеніи въ моск. арх. общ. г. Оссовскаго, которымъ былъ раскопанъ курганъ въ звенигородскомъ у. возлѣ м. Рыжановки. Раскопка дала богатые результаты:—былъ найденъ скелетъ женщины съ массой различныхъ драгоцѣнныхъ украшеній греческой работы; тамъ же находилось много посуды и другой домашней утвари. Всѣ предметы поступили въ краковскій музей.

Другое извѣстіе — о раскопкахъ г. Хайновскаго, произведенныхъ возлѣ м. Ржищева. Были найдены два рыцаря (О послѣднихъ раскопкахъ см. статья г. Хайновскаго въ Кіевск. Словѣ №№ 505, 506 и 507 и замѣтку на нихъ въ Библіогр. Листкѣ «Кіевск. Стар.» 1888 г. м. Ноябрь, стр. 16).

1. А. Гатцукъ. Крещеніе Руси (историческій набросокъ). Посвященъ Ѳ. И. Буслаеву. Упоминая о бѣдности у насъ работъ, касающихся этого событія, авторъ рядомъ подобранныхъ фактовъ старается доказать, что христіанство имѣло большое распространеніе между жителями Кіева и до Владиміра и что этотъ послѣдній явился какъ бы выразителемъ идеи, жившей въ народѣ.

3. Извѣстіе о праздновaніи харьковск. университетомъ 85-й годовщины. Лестный отзывъ о январьской книжкѣ «Кіевской Старины».

Кіевлянинъ №№ 15—35. № 15. *Некрологъ* Рудольфа Эрнестовича Траутфеттера † 15 янв. 1889 г. въ Спб. Покойный род. въ 1809 г. Образованіе получилъ въ дерптскомъ у—тѣ. Съ 1838 г. состоялъ профессоромъ

ботаники въ унив. св. Владиміра и въ теченіи 12 лѣтъ былъ его ректоромъ до 1860 года.

О передѣлкахъ въ соборной церкви кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря.

Малороссы за Волгой. Извлеченіе изъ «Матеріаловъ по исторіи заселенія саратов. губ.» напечатанныхъ въ III вып. «Трудовъ саратов. архив. коммиссіи». Пока помѣщены свѣдѣнія только по 11 волостямъ балашевск. у. «4 волости въ южн. части уѣзда (песчанская, самойловская, красовская и словатская) заселились выходцами изъ малорусскихъ губ. въ концѣ прошлаго вѣка. Все это были бѣглецы отъ власти помѣщиковъ какъ польскихъ, такъ и русскихъ; сюда заходили и съ Украины, и съ Волыни, и, по словамъ одного старожила, изъ подъ Кіева и изъ губ. черниговск, харьков. и курской. Землями завладѣвали они по праву заимки, а съ зачисленіемъ ихъ въ 1795 году въ казенное вѣдомство, имъ было надѣлено по 15 дес на душу и по стольку же на пару воловъ. Такой пріемъ надѣла объясняется родомъ возложенной на бѣглецовъ единственной повинности: они обязаны были чумацкой службой — возить соль съ Эльтонскаго озера въ Саратовъ (по 13 к. мѣли съ пуда) и въ Камышинъ (по 7 к.). У кого воловъ не было, тѣ работали при добычѣ соли на озерѣ (по 3 к. за пудъ). Такой порядокъ вещей продолжался до 20-хъ годовъ, когда возка соли была прекращена, поселенцы уравнены съ прочими каз. крестьянами, а земли, на которыхъ стали селиться рядомъ и великороссы, приказано разверстать только по душамъ».

16. Перепечатка изъ помѣщенныхъ въ «Моск. Вѣд.» очерковъ привислянскаго края К. Случевскаго нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи возсоединенія уніатовъ и къ современному положенію возсоединенныхъ.

21. *Вотчинныя монополіи во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ.* Ив. Новицкаго.

Столѣтіе Одессы. Замѣтка.

22. Перепечатка изъ «Моск. Вѣд.» преданія объ основаніи Хаджи-Бея (нынѣ Одесса).

25. *Некрологъ Ю. Д. Сидоренка.* Покойный родился въ Нѣжинѣ въ 1832 г., образованіе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, кіевской 2-й гимназіи и университетѣ св. Владиміра. Въ 1858 г. получилъ степень магистра, а съ 1861 г. читалъ въ унив. св. Владиміра финансовое право, кромѣ того покойный принималъ участіе въ кіевскомъ городскомъ самоуправленіи.

Засѣданіе историческаго общества 29 января.

27. *Похороны Ю. Д. Сидоренка.*

35. *Художественныя работы во Владимірскомъ соборѣ.*

Некрологъ І. А. Самчевскаго, бывшаго инспектора новгородъ-сѣверской гимназіи, скончавшагося на 90 году отъ рожденія.

Кіевское Слово №№ 584—601. № 584. Корреспонденція изъ Харькова «На Основѣ, близь семинаріи, 17 янв. найденъ огромный, вдвое больше обыкновеннаго, человѣческій черепъ, наполненный старинными серебряными монетами».

589. Отчетъ о годичномъ собраніи кіевскаго общества естествоиспытателей.

589—590. О садоводствѣ въ г. Екатеринославѣ.

592. *Библіографія.* Акинфіевъ Ив. Як. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Н. В—цкаго.

593. *Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.*

Церковно-археологическое общество и музей въ 1888 г.

594. *Некрологъ проф. Г. Д. Сидоренка.*

595. Передовая статья, посвященная памяти Г. Д. Сидоренка.

Столѣтній юбилей гимназіи. Замѣтка о 100-лѣтіи основанія новгородъ-сѣверск. гимназіи.

Отчетъ о засѣданіи историч. общества Нестора-Лѣтописца 29 января.

Перепечатка изъ «Нов. Врем.» о соблюдаемомъ въ юго-зап. краѣ обычаѣ переводить невѣсту чрезъ огонь, прежде чѣмъ вести ее къ вѣнцу, что служитъ доказательствомъ ея цѣломудрія.

599. *Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.*

Волынь №№ 11—25. № 13. Изъ Овруча сообщаютъ о постепенномъ уничтоженіи двухъ памятниковъ нашей старины: стариннаго, княжеской эпохи, храма въ Овручѣ, и кургана, принимаемаго за могилу Игоря, у м. Искоростеня.

16. *Поляки—сарматы и русскіе—скиѳы.* Въ статейкѣ подъ такимъ заглавіемъ В. Бернацкій опровергаетъ ходячее среди поляковъ западнаго края воззрѣніе, что будто бы русскіе—потомки скиѳовъ-монголовъ, а поляки происходятъ отъ сарматовъ-аріевъ, и потому только они, поляки, чистые славяне. Авторъ приводитъ свидѣтельства, доказывающія, что сарматы есть часть скиѳовъ, и что скиѳы не монголы.

19. *Некрологъ архимандрита Владиміра Терлецкаго.*

20—23. Историческій разсказъ изъ прошлаго столѣтія д—ра Антонія (переводъ съ польскаго). Изображена несчастная судьба одного бѣлорусса, бѣжавшаго въ началѣ прошлаго столѣтія на обѣтованный югъ и нашедшаго себѣ смерть отъ руки палача въ Дубно.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости 1889. №№ 3—5. № 3—4. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (продолж.) с. Тапкуры, с. Хоровъ. 4 благоч. округа острожскаго у. с. Боложовка, с. Степановка, с. Борисовъ, с. Боровица, с. Бѣлашевъ, с. Гродовъ, с. Точи-

вики, с. Бѣльчинъ, с. Вилья, с. Гнойница, с. Добрынъ, м. Куневъ, с. Ляховъ, с. Новородчицы, м. Межиричь, с. Лючинъ.

4. П. П. Максимовичъ (некрологъ) перепеч. изъ «Нов. Врем.».

5. Архим. Владиміръ Терлецкій (некрол.) перепеч. изъ «Слав. Изв.».

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1889 №№ 1—3. № 1. Отъ прошедшаго къ будущему—обозрѣніе содержанія подольск. епархіальныхъ вѣдомостей за 1888 г.

2—3. Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. I Церковь—замокъ въ с. Сутковцахъ, летичевскаго уѣзда, Е. Сѣцинскаго.

Въ подольской землѣ очень мало древнихъ православныхъ церквей. Причины этому заключаются прежде всего въ томъ географическомъ положеніи, въ которомъ находилась страна: съ ней соприкасались многія враждовавшія между собой государства, затѣмъ, главная причина—господство въ искони русской православной землѣ поляковъ.

Оригинальностью и сравнительной древностью отличается церковь въ с. Сутковцахъ летич. у., расположенная по берегу р. Ушицы. По внѣшнему виду она похожа на замокъ: толстыя стѣны сложены изъ камня известняка, верхній карнизъ снабженъ прорѣзами, откуда производились выстрѣлы, многочисленныя амбразуры находятся какъ въ капитальныхъ стѣнахъ, такъ и въ верхнихъ частяхъ церкви, въ т. н. «маточникахъ». Планъ церкви—четвероконечный равносторонній крестъ, поперечная линія котораго внутри стѣнъ равна 8 саж.

Внутренность церкви мрачна—каменный столбъ поддерживаетъ низкіе, тяжелые своды; надъ сводами помѣщается второй этажъ туда сходились во время нападеній и оттуда защищались, пользуясь амбразурами. Надъ западной частью церкви устроена двухъ ярусная деревянная колокольня. Время основанія этой замѣчательной церкви точно неизвѣстно; данныя, служащія для его опредѣленія—это находящійся на колокольнѣ сутковской церкви небольшой колоколъ съ датой: «року Божія АУОS»—1476 г. и найденная въ церкви надгробная плита Ивана Сутковскаго 1593 г.

Въ статьѣ г. Е. Сѣцинскаго приведены также родословныя владѣльцевъ с. Сутковецъ, одинъ изъ которыхъ былъ строителемъ церкви.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 6—8. № 8. Актъ унив. св. Владиміра 8 января 1889 г.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости № 1. № 1. *Отчетъ о состояніи кишиневскаго епархіальнаго женскаго училища за 1887/8 учебный годъ.*

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости № 3. № 3. Мѣстечко Константиновъ (ромен. уѣзда) В. Е. Бучневича. Нѣсколько историческихъ данныхъ о прошломъ этого мѣстечка.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1889. №№ 6—11. № 6. Земскій врачъ новозыбковскаго у. *П. С. Евсѣенко* (некрологъ).

6. *Изъ мѣстной этнографіи.* Замѣтка г. Тищинскаго о колядкѣ, записанной имъ въ городницкомъ уѣздѣ.

8. *Къ исторіи края. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г.* (продолженіе). 27. Костенецкая Анна, 28. Костенецкая Марья, 29. Костенецкій Өедоръ, 30, Коропчевскій Емельянъ, 31. Кузюра Данило, 32. Кузюра Петръ, 33. Лащинскій Петръ, 34. Лазкевичъ Кириллъ, 35. Левченко Иванъ, 36. Лобода Андрей, 37. Макаренко Александръ, 38. Мартышко Иванъ, 39. Мисковскій Өедоръ, 40. Мовчанъ Яковъ, 41. Мацкевичъ Иванъ, 42. Нестеревичъ Аөанасій, 43. Нестеревичъ Григорій, 44. Овсѣйко Власъ, 45. Омеляненко Өедоръ, 46. Омеляненко Козьма, 47. Острожскій Өедоръ, 48. Парпура Леонтій, 49. Парпура Степанъ, 50. Парпура Яковъ.

9. Къ исторіи края. О полковникахъ: Носѣ, «Кгалакганѣ» и Жураковскомъ, Ст. Носа. Приведено письмо нѣж. полков. Жураковскаго къ гетм. Скоропадскому 24 іюня 1768 г. съ жалобою на прилуцк. полковника Галагана за захватъ земель.

11. Къ исторіи края. Сообщенъ г. Бахиромъ указъ 17 февр. 1743 г. полковой черпѣговской канцеляріи значковому товар. Зенкевичу быть готовымъ къ походу.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1889. №№ 14—41. № 16. *Торжественный актъ въ харьков. университетѣ 17 янв. 1889 г.*

17. *Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Извлеченіе изъ актовой рѣчи проф. Д. И. Багалѣя.* Указавъ на неразработанность исторіи открытія харьков. университета, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ, почему возникновеніе въ глухомъ городѣ степной полосы Россіи университета встрѣтило сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны мѣстныхъ жителей. Причины эти коренятся въ общемъ ходѣ культурнаго развитія мѣстнаго общества. Слободская Украина заселилась выходцами южноруссами изъ Польши и великоруссами съ сѣвера, принесшими съ собою извѣстные зачатки культуры. Но культурное развитіе края сильно тормозилось татарскими набѣгами, такъ что населеніе въ теченіе цѣлаго вѣка должно было затрачивать всѣ свои силы не на созиданіе культуры, а на защиту ея отъ кочевниковъ. Въ 1-й пол. XVII в. постояннаго населенія въ слоб. Украинѣ, кромѣ г. Чугуева, не было, только разъѣзжали сторожа и станичники, наблюдая за татарами; укрѣплена страна за москов. государствомъ была только осѣдлыми поселенцами. Прежде стали переселяться сюда малороссіяне (черкасы) изъ Польши, на помощь имъ для борьбы съ татарами центральное правительство присылало отряды служилыхъ людей

(однодворцевъ), образовавшихъ великорусскія селенія въ нын. харьков. губ. Энергія новыхъ поселенцевъ должна была уходить на защиту края отъ татаръ, для защиты отъ которыхъ была выстроена масса укрѣпленій. При такихъ условіяхъ матеріальное благосостояніе поселенцевъ не могло быть прочно. Въ 1-й пол. XVIII в. положеніе края измѣняется, а во 2-й пол. онъ совсѣмъ переходитъ на мирное положеніе; въ 1765 г. слоб. Украина получаетъ общее гражданское губернское устройство. Въ краѣ начинаютъ развиваться кустарно-ремесленныя занятія, а въ концѣ XVIII в. въ городахъ появляется значительное число великорусскихъ и иностранныхъ ремесленниковъ. Въ торговлѣ великоруссы играли главную роль, въ 1799 г. въ Харьковѣ малоруссы составляли только 25% купечества. Будучи матеріально обезпечено, мѣстное общество, даже низшій классъ его, обнаружило склонность къ просвѣщенію. Во главѣ просвѣщенія стояло духовенство, вынесшее любовь къ нему изъ заднѣпровской Украины. Оно заводило школы при церквахъ; въ 1723 г. такихъ школъ было 129, т. е. 1 школа на 2373 души (въ 1884 г. 1 школа на 4270 душъ). Главный элементъ среди учащихся составляли дѣти духовенства, но были также дѣти козаковъ и крестьянъ. Изъ этихъ школъ иные поступали въ харьковскій коллегіумъ, иные прямо въ учителя—дьячки, изъ послѣднихъ и выработался типъ мандрованнаго (странствующаго) дьячка-учителя. Высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ былъ харьковскій коллегіумъ, возникшій изъ духовной архіерейской школы. Онъ былъ доступенъ для всѣхъ классовъ общества и пользовался общимъ сочувствіемъ. Для приготовленія хорошихъ учителей молодые люди командировались за границу. Программа коллегіума съ теченіемъ времени все болѣе расширялась, увеличивалось и число учащихся (доходя иногда до 700—800 чел.). Въ коллегіумѣ учились не только люди достаточные, но и бѣдняки, которые потомъ въ качествѣ домашнихъ учителей разносили просвѣщеніе по краю. Изъ коллегіума вышли многіе замѣчательные дѣятели (напр. Гнѣдичъ и Каченовскій). Связь между общ. и школой была крѣпка. Крѣпка была и связь общества съ церковью. Міряне принимали участіе въ церковныхъ дѣлахъ, строили монастыри, обогащали ихъ пожертвованіями и нерѣдко сами поступали въ монашеское званіе. Міряне же устраивали братства и шпитали. Такимъ образомъ, матеріальное, умственное и нравственное состояніе харьковскаго общества къ концу XVIII и нач. XIX в. было выше, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

17. Извлеченіе изъ отчета харьковскаго университета, читаннаго на актѣ 17 января.

18. Замѣтки объ обществахъ историко-филологическомъ (предсѣд. А. А. Потебня, секретарь Н. Ѳ. Сумцовъ, завѣд. архивомъ Д. И. Багалѣй) и математическомъ (предсѣд. Андреевъ, секр. Грузинцевъ) при харьковскомъ у—тѣ.

19. Замѣтка объ обществѣ испытателей природы (предсѣд. И. Ф. Леваковскій, секр. В. А. Ярошевичъ) при харьковскомъ университетѣ, а также медицинской его секціи.

— Въ засѣданіи истор.-филол. общ. 11 янв. проф. Д. К. Овсянико-Куликовскій сдѣлалъ сообщеніе: «Къ вопросу о нѣкоторыхъ религіозно-космогоническихъ идеяхъ древности».

21. Библіографическая замѣтка о 1 кн. «Кіев. Стар.» за 1889 г.

22. Краткій отчетъ о защитѣ диссертаціи В. Мочульскимъ «Историко-литературный анализъ стиха о голубиной книгѣ» на степень магистра въ харьков. унив. 22 янв. 1889 г.

23. Замѣтка объ общемъ собраніи харьковскаго общества ядл пособія недостаточнымъ студентамъ.

25. Народныя чтенія въ Харьковѣ въ 1887—88 г.

26. Харьковское фармацевтическое общество.

27. Въ засѣданіи истор.-филолог. общ. 25 янв. М. Е. Халанскій сдѣлалъ сообщеніе «Къ вопросу объ отраженія сказанія о Бовѣ въ сербск. языкѣ», а Г. Ѳ. Шульцъ о печатаніи во II т. «Трудовъ и Матеріаловъ» указателя книгамъ музея изящныхъ искусствъ, что и принято.

23. Бюро харьковскаго общества сельскаго хозяйства.

29. Н. П. Петровъ (некрологъ).

— Русскій художникъ Николай Ипполитовичъ Семирадскій и его выставка картинъ въ императорской академіи художествъ. Изъ краткой біографіи мы узнаемъ, что Семирадскій родился вблизи Харькова, воспитывался во 2-ой харьковской гимназіи, гдѣ подъ вліяніемъ учителя рисованія, ученика Брюлова, Д. И. Безперчія развивался его талантъ къ живописи, и окончилъ курсъ наукъ въ харьков. университетѣ въ 1864 г. со степенью кандидата физ.-мат. факультета, послѣ чего онъ уже поступилъ въ академію художествъ въ Спб.

— Н. С. Стружкинъ (Кислочевскій) краткій некрологъ.

Южный Край № 2766. Передовая статья о 85-ти лѣтней годовщинѣ основанія харьковскаго университета, открытаго 17 января 1805 г. въ захолустномъ тогда Харьковѣ, насчитывавшемъ всего шесть тысячъ жителей. Открытіемъ своимъ университетъ обязанъ главнымъ образомъ усиліямъ одного человѣка В. Н. Каразина, посвятившаго на это дѣло значительную часть своей жизни. Память о такомъ человѣкѣ, казалось бы, должна быть священна для потомства, а между тѣмъ не только нѣтъ ни слуха ни духа о давно задуманной постановкѣ памятника ему въ Харьковѣ, но и самая могила его въ г. Николаевѣ близка къ разрушенію. Богатѣйшій, ворочающій милліонами Харьковъ не въ состояніи удѣлить нѣсколько сотень рублей на поддержку могилы Каразина.

2767. Въ хроникѣ сообщеніе о празднованіи торжественнымъ актомъ въ университетѣ восьмидесятипятилѣтія его основанія. На актѣ профессоромъ русской исторіи Д. И. Багалѣемъ прочитана рѣчь «О культурномъ развитіи Харькова и его нынѣшняго учебнаго округа въ XVII и XVIII столѣтіяхъ до открытія харьковскаго университета».

2768. Свѣдѣнія о состояніи императорскаго харьковскаго университета. Изъ числа ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ въ 1888 году историко-филологическое общество имѣло 37 членовъ; предсѣдателемъ состоялъ проф. Потебня. Въ теченіи года общество имѣло 5 засѣданій, въ которыхъ сдѣлано 7 сообщеній и собранъ матеріалъ для втораго тома издаваемаго сборника. При обществѣ состоитъ историческій архивъ. Въ истекшемъ году архивъ обогатился нѣкоторыми документами, пожертвованными многими лицами; кромѣ того, нѣкоторые изъ представителей старинныхъ мѣстныхъ родовъ, какъ князь Д. Ф. Голицынъ, П. П. Флота, Гр. Милорадовичъ отдали свои фамильные архивы.

2778. Сообщеніе о томъ, что предстоящею весною предположено открыть въ Полтавѣ естественно-историческій музей для мѣстныхъ коллекцій по почвовѣдѣнію, геологическому строенію почвъ и по произростающимъ на нихъ злакамъ. Починъ положенъ проф. с.-петербургскаго университета Докучаевымъ, и тѣ естественно-историческія коллекціи, которыя были собраны имъ въ полтавской губерніи лѣтомъ 1888 года, уже подарены будущему музею. Средства на это сооруженіе ассигнуетъ полтавское земство.

2789. Некрологъ Александра Ивановича Стронина, скончавшагося 29 января текущаго года въ Ялтѣ. Покойный, уроженецъ прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, былъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ учителемъ исторіи въ полтавской гимназіи и оставилъ въ своихъ ученикахъ незабываемую память. Онъ много способствовалъ возникновенію тогда въ Полтавѣ воскресныхъ школъ для народа. Позже онъ сталъ издавать популярныя книги подъ псевдонимомъ Александра Иванова и, наконецъ, издалъ послѣдовательно въ свѣтъ три большихъ труда: «Исторія и методъ», «Политика какъ наука» и «Исторія общественности», замѣтныхъ въ небогатой оригинальной русской литературѣ по философіи, исторіи и соціологіи.

Екатеринослав. Губ. Вѣдомости №№ 1—9, 1, 3, 4, 6, 8, 9. *Статистическое описаніе александровскаго уѣзда и маріупольскаго округа по архивнымъ даннымъ 1836 г. Я. П. Новицкаго.*

Описаніе составлено на основаніи оффиціальныхъ бумагъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, небезъинтересныя свѣдѣнія о тогдашнихъ путяхъ сообщенія.

2, 7. *Пѣсни козацкаго вѣка.* Подъ этимъ заглавіемъ мѣстный изслѣдователь Я. П. Новицкій началъ помѣщать болѣе или менѣе интересныя раз-

почтенія малороссійскихъ думъ и пѣсенъ. Напечатаны: 1) *Перебыйнисъ* (№ 2), 2) *Супрунъ* (№ 7).

3. *Собираніе мѣстныхъ разсказовъ.* По поводу замѣтки, напечатанной въ Екат. Губ. Вѣд. 1888 г. О «Могилахъ Близнюкахъ», высказывается желаніе о болѣе серьезномъ отношеніи къ собиранію и запискѣ разнаго рода мѣстныхъ преданій.

8, 9. И. М. Синельниковъ, первый екатеринославскій правитель, 1784—1788 г. Очеркъ Д. И. Эварницкаго, составленный на основаніи свѣдѣній о Синельниковѣ, записанныхъ шуриномъ послѣдняго Страховымъ и служащій дополненіемъ къ статьѣ о Синельниковѣ, напечатанной г. Эварницкимъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1887 г., № 6.

8. *Страничка изъ жизни екатеринослав. семинаристовъ сороковыхъ годовъ. Г. А. Соколова.* Коротенькая замѣтка о плохомъ отопленіи семинаріи, съ прибавленіемъ стиховъ одного изъ семинаристовъ того времени—«къ тулупу».

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 13—32. № 13. М. Л. Кропивницкій и его молодая труппа.—Яна. О новой труппѣ, съ которой Кропивницкій подвизается на сценѣ театра въ Александріи.

25. О новыхъ пожертвованіяхъ въ археологическую коллекцію при елисаветградскомъ земскомъ реальномъ училищѣ. Въ означенной коллекціи числится свыше 900 предметовъ древности: оружія, посуды, украшеній къ одеждѣ, каменныхъ бабъ, документовъ и т. п. Въ послѣднее время коллекція обогатилась новыми пожертвованіями Падалки, Маріановича и другихъ. Въ числѣ пожертвованій находятся предметы скиѳской эпохи, византійскіе и одинъ египетскій скарабеумъ—изваяніе жука съ іероглифами на нижней сторонѣ.

26, 28, 30, 31. *«Истощена ли наша почва?» А. Умисса.* Авторъ доказываетъ на основаніи личныхъ наблюденій и замѣтокъ другихъ землевладѣльцевъ елисаветградскаго уѣзда, что жалобы на истощеніе почвы въ этомъ уѣздѣ неосновательны — почва не истощена, а засорена разными сорными травами, привитыми на югѣ вмѣстѣ съ культурой степей. При этомъ г. Улиссъ отмѣчаетъ, что по наблюденіямъ уменьшилась урожайность только тѣхъ хлѣбовъ, которые не выдерживаютъ соперничества съ сорными травами, какъ то: пшеницы, овса, ячменя и др., урожаи же ржи увеличились. По его мнѣнію, естественные процессы, постоянно образующіе на поверхности почвы новыя питательныя вещества, благопріятный климатъ и богатый черноземъ избавляютъ пока югъ отъ необходимости химическихъ и всякихъ другихъ удобреній.

28. Елисаветградъ въ 1774 году. Переводъ съ нѣкоторыми сокращеніями изъ сочиненія І. А. Гильденштедта «Reisen durch Russland», изданнаго П. С. Палласомъ въ 1787 г. II т.

Сборникъ Херсон. Земства №№ 11—1. № 11. Бюллетень о состояніи сел. хоз. въ александр. у. за лѣтн. періодъ 1888 г.

Тоже по елисаветгр. уѣзду.

Тоже по одесскому уѣзду.

II—I. Статистическое описаніе херсонскаго уѣзда.

— Статистическое описаніе тираспольскаго уѣзда.

12. Бюллетени о состояніи сельск. хозяйства въ тираспольск. и херсонскомъ уѣздахъ за лѣтній періодъ 1888 г.

I. Прилож. къ бюллетеню о состояніи зем. раз. въ александрійскомъ у. за осенній періодъ 1888 г.

— Столѣтній юбилей взятія крѣпости Очакова (6 дек. 1788—1888 г. съ картою) А. Браунера.

— Экспортъ г. Одессы въ 1888 г.

Южанинъ №№ 13—39. №№ 13—14. Мѣщане-земледѣльцы. Разсматривается несчастное экономическое положеніе мѣщанъ-десятинщиковъ, составляющихъ значительный процентъ земледѣльческаго населенія херсон. и др. южныхъ губ. Они образовались изъ дворовыхъ крестьянъ и «бурлакъ», которые должны были приписаться къ мѣщанск. обществамъ разныхъ городовъ, не имѣютъ земли и чаще всего живутъ въ чужихъ хатахъ.

19. По поводу памятника В. Н. Каразина. Письмо въ редакцію о плачевномъ состояніи каплицы и надгробнаго памятника надъ прахомъ основателя харьковскаго университета Каразина, похороненнаго на городскомъ кладбищѣ въ г. Николаевѣ.

20. Корреспонденція изъ Екатеринослава о спектакляхъ малор. труппы М. Кропивницкаго, прибывшей изъ Харькова.

Одес. Вѣстникъ №№ 15—40. № 22. *О судостроеніи на югѣ Россіи.*

24. *Какъ возникла Одесса.* Записанный въ 1850 г. отъ 80 лѣтняго татарина разсказъ о возникновеніи деревушки Хаджибей. Заимствовано изъ статьи *Овцына,* напечатанной въ «Московск. Вѣдомостяхъ».

— *Памяти В. Н. Каразина* (основателя харьковскаго университета). Заимствовано изъ статьи *Бартенева,* напечатанной въ «Южанинѣ».

34. О сооруженіи желѣзно-дорожной линіи черезъ Вознесенскъ на Одессу.

36. Нужды одесскаго порта.

Одесскій Листокъ №№ 16—47. № 16. Корреспонденція изъ Елисаветграда съ описаніемъ празднованія 25-лѣтія земскихъ учрежденій и съ рѣчью председателя управы г. Марнеца

17. О труппѣ малорусской М. Кропивницкаго (перепечатка изъ «Елисаветградскаго Вѣстника»).

22. Стоимость производства хлѣба на югѣ Россіи.

24. Еще объ юбилеѣ Одессы.

25. О малорусскомъ спактаклѣ и постановкѣ пьесы «Безталанна» г. Караго.

28. Въ фельетонѣ отзывъ о «Кiевской Старинѣ» 1889 г. № 1.

31. О малорусской пьесѣ г. Старицкаго «Не такъ склалося, якъ жадалося», поставленной въ бенефисъ г-жи Заньковецкой.

45. Корреспонденцiя изъ Кишинева о переселенческомъ вопросѣ.

Новороссiйскiй Телеграфъ №№ 4305—4337. № 4305. *И. Потапенко*. Критическiй разборъ драмы г. Карпенка-Караго «*Безталанна*», по поводу постановки ея въ Одессѣ на сценѣ городскаго театра труппою г. Садовскаго.

4307. Стихотворенiе Ю. Доппельмайера, произнесенное имъ на обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ драматическимъ обществомъ малор. труппѣ г. Старицкаго.

4313. Корреспонденцiя изъ г. Александрiи, херс. губ. о малорусскихъ спектакляхъ, данныхъ здѣсь труппой М. Л. Крапивницкаго проѣздомъ въ Екатеринославъ.

Крымъ № 10. Приглашенiе высочайше утвержденной таврической архивной коммиссiи жертвовать рукописи, документы и вообще предметы древности въ симферопольскiй губернскiй музей.

13. Отчетъ о состоявшемся 26-го января очередномъ засѣданiи членовъ таврической ученой архивной коммиссiи: нѣкоторые изъ членовъ приняли на себя разработку нѣкоторыхъ спецiальныхъ вопросовъ имѣющихъ громадное мѣстное значенiе (о поземельныхъ отношенiяхъ татаръ, о крымскихъ боярахъ и друг.).

— Перепечатка изъ «Москов. Вѣд.» записаннаго г. Овцынымъ преданiя объ основанiи г. Одессы.

15. Перепечатка изъ декабрьской книги «Кiев. Старины» за 1888 г. документа, касающагося фамилiи Куликовскихъ въ Крыму.

Таврическiя Епархiальныя Вѣдомости № 1—2. № 1—2. Отчетъ о состоянiи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности въ таврической епархiи за 1887—88 г. 1. Число такихъ школъ (таблица съ подраздѣленiями: названiе и время открытiя школы, помѣщенiе, источники содержанiя, учителя въ ней, вознагражденiе ихъ, число учениковъ (м. д.), число окончившихъ изъ нихъ и продолжительность учеб. года). 2. Управленiе и наблюденiе за ними. 3. Попечители ихъ. 4. Составъ завѣдующихъ и учащихъ въ сихъ школахъ. 5. Количество учившихся въ нихъ и выпускные экзамены. 6. Источники ихъ содержанiя. 7. Помѣщенiя ихъ. 8. Вознагражденiе учителей. 9. Снабженiе школъ книгами. 10. Состоянiе обученiя и религiозно-нравственнаго воспитанiя въ нихъ. Списокъ школъ, получившихъ пособiе отъ земства и городскихъ думъ.

Таврическiя Губ. Вѣдомости № 1—17. **№ 1—17** *Учебная экскурсiя симферопольской гимназiи для обозрѣнiя достопримѣчательностей въ г. Севастополѣ и его окрестностяхъ* II. Второй день. Херсонесъ: исто-

рія его, частная и общественная жизнь, архитектура, храмъ св. Владиміра, военный музей въ Севастополѣ, топографія древняго Херсонеса, государственное устройство, религія древнихъ херсонесцевъ, погребальные обычаи и обряды древнихъ херсонесцевъ, гимнастическія игры, исторія монастыря Балажова, исторія генуэзцевъ въ Крыму, Георгіевскій монастырь, его исторія. «Ифигенія въ Тавридѣ».

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости № 1—9. № 2—3. Общественное служеніе церкви въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи.—Д. Т.

9. Извлеченіе изъ отчета воронежскаго епарх. учил. совѣта о состояніи церк.-приход. школъ ворон. епархіи за 1887—88 учеб. годъ (1) о школахъ, 2) о школахъ грамотности, 3) о числѣ учениковъ въ церк.-прих. школахъ и школахъ грамотности, 4) помѣщенія школъ, 5) составъ учащихъ въ школахъ, 6) объ обученіи въ церков.-приход. школахъ, 7) религіозно-нравственное состояніе ихъ, 8) матеріальное ихъ обезпеченіе, 9) о наблюдателяхъ, 10) епархіал. училищ. совѣтъ).

Кубанскія Областныя Вѣдомости 1889. № 1—5. № 1—5. Баталпашинскія горько-соленыя озера и закубанскія нефтяныя мѣсторожденія, изслѣдованіе горнаго инженера Коншина.

1, 3, 4, 5. Обзоръ кубанской области за 1888 г. (прод.). Промыслы городскаго и сельскаго населенія.

3. «Кубанское козачье войско» 1696—1888. Библіогр. зам. о книгѣ, изд. куб. обл. стат. ком. подъ редакц. Е. Д. Фелицына (цѣна съ перес. 5 р.), главный интересъ которой заключается въ статьѣ Щербины, обнимающей собою всѣ стороны жизни кубанскаго войска отъ его возникновенія до современнаго его положенія, и Фелицына, давшаго въ своихъ статьяхъ біографическія свѣдѣнія о кошевыхъ, войсковыхъ, наказныхъ атаманахъ этого войска. Къ сборнику приложено 42 фототипныхъ рисунка, между которыми нѣкоторые относятся къ Запорожью.

Варшавскій Дневникъ № 1—30. № 13. Корреспонденція изъ Люблина о большомъ успѣхѣ П. Н. Гордовскаго и его капеллы, давшихъ малорусскій концертъ, при чемъ хоръ, а равно и самъ г. Гордовскій были одѣты въ костюмы запорожскихъ козаковъ XVII и XVIII вв., произведшіе сильное впечатлѣніе на публику.

16. Выдержка изъ газеты «Кіев. Слово» наиболѣе интересныхъ подробностей объ актѣ 8 января, происходившемъ въ университетѣ св. Владиміра.

21. Объ успѣхахъ малорусскихъ концертовъ Гордовскаго въ Варшавѣ.

24. Отзывъ о картинѣ Н. К. Бодаревскаго: «Свадьба въ Малороссіи».

25. Извѣстіе о предполагающемся открытіи въ Полтавѣ на средства земства естественно-историческаго музея для мѣстныхъ коллекцій по почвовѣдѣнію, геологическому строенію и по произрастающимъ на нихъ злакамъ.

26. Отчетъ о диспутѣ Г. К. Ульянова, представившаго въ московскій университетъ диссертацію: «Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ» для полученія степени магистра сравнительнаго языкознанія.

Отзывъ о картинахъ XVI передвижной выставки, въ числѣ которыхъ находятся многіе, касающіеся фактовъ или мѣстностей южно-русскаго края.

29. Небольшая статья г. П. Исаевича «по поводу предстоящаго 25-лѣт. крестьянской реформы въ привислянскомъ краѣ» (19 февр. 1865 г.—19 февр. 1889) авторъ вспоминаетъ объ условіяхъ проведенія на дѣлѣ этой реформы.

30. Корреспонденція изъ волын. губ. о состояніи губерніи до поселенія въ ней нѣмцевъ 30 лѣтъ тому назадъ и теперь.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 51—53. 1—7. № 51. Польскій католицизмъ въ Литвѣ,—Теобалодъ (переп. изъ «Правды»).

53, 1—5, Противодѣйствіе базиліанскаго ордена. Стремленіе бѣлаго духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви.—П. І. Б.

1—3. Образованіе русскаго духовенства и такъ называемаго реколлекція въ Польшѣ не задолго до ея раздѣла (1751—1764) свящ. Л. Гаевскаго.

4—5. О. В. Шолковичъ († 30 дек. 1888) директоръ шавельвской гимназіи—б. воспитанникъ университета св. Владиміра (некрологъ).

Минскій Листокъ №№ 1—10 1. Корреспонденія изъ Вильны о начавшемся въ вилен. окружн. судѣ разборѣ дѣла о подлогахъ Адамковича и Равлушкевича въ древнихъ актовыхъ книгахъ вилен. централ. архива на милліонное имѣніе Хвалойно.

2. Въ «Библіографич. замѣткѣ» о «Памятной книжкѣ Минской губерніи на 1889 годъ» упоминается о помѣщенныхъ въ книжкѣ историч. статьяхъ: «Пребываніе вел. кн. Владиміра Александровича въ Минскѣ» «По поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православ. церковью» и «Осушенія Полѣсья».

3. Продолженіе «Историко-юридическаго очерка городскихъ общинъ въ Западной Руси»; въ этой части «очерка» авторъ, г. К—чъ, излогаетъ отношеніе шляхты и духовенства, имѣвшихъ собственность или жившихъ въ городахъ, къ мѣщанамъ и городской магдебургской юрисдикціи.

4. Продолженіе того же «Очерка»; въ этой части разсказываестя о взаимныхъ отношеніяхъ купечества, ремесленниковъ и еврейства въ городахъ.

5. Подробное изложеніе дѣла Адамковича и Равлушкевича.

Продолженіе «Очерка» по исторіи западно-русскихъ городовъ; авторъ разсматриваетъ мотивы пожалованія городамъ самоуправленія по магдебургскому праву.

6. Продолженіе «Очерка по исторіи западнорусскихъ городовъ»; авторъ разсматриваетъ церковное устройство и соціальное положеніе купечества.

7. Оконч. «Очерка» о городахъ; авторъ указываетъ напарализовавшее дѣятельность городовъ вліяніе старостинскаго суда, привилегированныхъ сословій и евреевъ.

Курскій Листокъ № № 1—17 *А. Н. Стояновъ.* По поводу 35-лѣтія его научной дѣятельности.

4. *Обозрѣніе 1888 года относительно курской губ.*

9. *Свѣчной промыселъ въ курской губ.*

10. *Городское хозяйство уѣздныхъ городовъ курской губ., П. Дворжецкаго.*

16. Число учебныхъ заведеній въ Курскѣ 30 лѣтъ назадъ и въ настоящее время.

16. Ростиславъ Марковъ. Съ какого времени и почему курская сторона такъ называется (истор. очеркъ).

Червоная Русь № № 3—96 3. *О выставкѣ древностей Ставропигійскаго Института.*

5. *Архимандритъ д—ръ Владиміръ Терлецкій.* О. Терлецкій происходилъ изъ дворянской уніатской семьи староконстантин. у. волын. г. Образованіе получилъ въ кременецкомъ лицеѣ и виленскомъ у—тѣ. Какъ участникъ польскаго мятежа 1831 г., Т—ій долженъ былъ уѣхать заграницу и изучалъ въ Краковѣ медицину, гдѣ получилъ степень д-ра медицины. Овдовѣвъ, Т. изучалъ медицину въ Монпелье и богословіе въ Римѣ, получилъ степень доктора богословія и отправился въ качествѣ миссіонера на Востокъ, а потомъ былъ посланъ въ Галицію и Венгрію. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ гг. Т. жилъ въ Парижѣ, гдѣ возобновилъ восточное общество, основанное имъ вмѣстѣ съ еп. Люке еще въ 1846 г. въ Римѣ. Въ 1885 г. Т. принялъ монашество въ Муначевскомъ м-рѣ въ Венгріи. Въ 1872 г. Т. возвратился въ Россію, принялъ православіе и вступилъ въ число братіи Кіево Михайлов. м-ря, исполняя въ то же время должность секретаря слав. благотворит. общества. Въ послѣдніе годы о. Владиміръ жилъ въ Одессѣ.

— Замѣтка о выставкѣ Ставропигійскаго Института.

6. Библіограф. замѣтка о брошюрѣ П. Феерчака «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ».

10. *Стефанъ Лабашъ* (некр), галицкій журналистъ и общественный дѣятель.

12 *Своеобразная статистика.* По поводу исчисленія населенія въ перемышльской епархіи въ 1888.

13. *Графъ Войтѣхъ Дѣдушицкій о русскомъ вопросѣ.*

14. *Monumenta lingae paleoslovenicae (Evangeliarium Putnanum), А. Петрова.* Замѣтка по поводу изд. проф. Э. Калужняцкого подъ такимъ же заглавіемъ.

Корреспонденція изъ Лемковщины, Лемка Дудича. О возвращеніи эмиргантовъ изъ Америки и о жизни ихъ на родинѣ.

15—20. Евреи въ южной Руси въ X—XII вв.

Литерат. прилож. къ Черв. Руси· № 1, 2, 3 Нѣсколько писемъ Я. Ѳ. Головацкаго къ редактору «Червоной Руси». *Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Червоной Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ, Я. Головацкаго.*

17. Корреспонденція изъ Устрикъ о журналѣ «Новый Галичанинъ».

20. *Некрологъ.* Іосифъ Барвинскій, галицкій писатель.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Адресъ—календарь г. Кіева на 1889-й годъ. Изд. *Э. Мазуркевичъ*. Кіевъ 1888 г., 8 д., 124+CXX+ненум. 10 стр.

Акинфіевъ И. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатеринославъ 1889 г., 8 д., 116+IV+238 стр. +2 рис.+3 плана+1 чертежъ.

Антипенко М. Молодой черноморецъ. Молороссійскія писни знаменитыхъ писателей Котляревскаго, Шевченка и др. Москва. 1889 г., 12 д. 128 стр.

Бершадскій С. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Великаго Княжества Литовскаго. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ. 1888 г., 8 д., 157 стр.

Бычковъ И. Замѣтки о нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгахъ. I—V. (Изъ отчета импер. публ. библіотеки за 1886 годъ) Спб. 1888 г., 8 д, 32 стр.

Волынскій календарь на 1889 г. Житомиръ 1889 г., 8 д., 132 стр.

Житецкій П. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ 17—18 в. Ч. 1-я. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ 1889 г., 8 д., II+102+1 стр.

Запольскій М. Гапонъ, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ В. Дунина-Марцинкевича. (Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской письменности). Москва 1889 г., 16 д. 40 стр.

Извѣковъ Н. Высокопреосвященный Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ литовскій и виленскій. Вильно 1888 г., 8 д., 236 стр.

Кіевскій семейный календарь на 1889 годъ. Редакторъ-издатель Г. Карантъ. Кіевъ. 1889 г. 8 д., 216 стр.

Котляревскій И. Москаль-Чаривныкъ. Малорос. водевиль. Одесса 1888 г., 16 д., 63 стр.

Котляревскій И. Наталка Полтавка. Украинская опера. Одесса 1888 г., 16 д., 64 стр.

Мищенко. Г. П. Галаганъ (некрологъ) (Отт. изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ 1888 г., 8 д., 22 стр.+1 портретъ.

Описаніе поѣздки въ гор. Кіевъ депутаціи отъ Высочайше утвержденнаго общества хоругвеносцевъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ—на празднованіе 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси 15 Іюня 1888 г., Москва. 8 д, 27 стр.

Памятная книжка виленской губерніи на 1889 г., 8 д. Ч. I. Адресъ-календарь. Вильна. 1889. X+III+36 нен. +15+352 стр.

Пономаревъ И. Живой товаръ (Изъ бердичевскихъ тайнъ). Романъ въ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1889 г., 8 д., 160 стр.

Русовъ А. Осада и взятіе Очакова (отт. изъ «Кіевской Старины.»). Кіевъ 1888 г., 8 д., 56 стр.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца за первую половину 1888 г., Кіевъ 1888 г. (Отт. изъ «Кіев. Стар.»). 8 д., 10 стр.

Склабовскій Д. Штунда. Подробный разборъ и опроверженія ученія штундистовъ. Изд. 2-е. Москва, 8 д., 55 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1889 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Тома XXIV 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

VII.

Выборы въ г. Погарѣ.

1) *Донесеніе о составленіи наказовъ.*

Сіятелнѣйшому Графу (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову

Нижайшій Рапортъ.

Вашему Графскому Сіятелству нижайше доношу, что предписано въ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества манѣфестѣ и обрадѣ о депутатѣ, то въ повитѣ Погарскомъ челобитьте и наказы выбранному въ повитѣ Погарскомъ депутату, Бунчуковому Товаришу Василію Губчицу сочиненны, и по колко дневныхъ слушаніяхъ и справленіяхъ окончены, и бывшимъ въ собраніи дворянствомъ повѣта Погарскаго сотень: Погарской, Бакланской, Шептаковской, Новгородской и Почеповской, сего априля 5 числа предписаны, а другіе, а паче сотень: Почеповскихъ и Новгородской сами собою завременно зъ Погару и протчіе за болѣзнми отлучились, и по призыву моемъ по нынѣ не явились и не являются.

Предводитель Дворянства повѣта Погарского, Бунчуковій Товаришъ *Стефанъ Косачъ.*

1767 году,
Априля 10 дня.
Стародубъ.

---

2) *Донесеніе о городскихъ выборахъ.*

Сиятелнѣйшому Графу, (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Репортъ.

Состоявшимся въ прошломъ 1766 году декабря 14 дня Высочаишимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества манѣфестомъ всемилостивѣйше повелѣно прислать отъ Ея Императорскаго Величества Висикоправителствующаго Сената и Святѣйшаго Сенода изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ протчихъ какъ коллегій, такъ и кан-

целярій, коимъ отъ Сената особо предписано, кроме губернскихъ и воеводскихъ, также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи въ первостоличный городъ Москву депутатовъ для сочиненія проэкта новаго уложенія въ полъ-года послѣ обнародованія въ каждомъ мѣстѣ имянного манѣфеста, выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, дастъ имъ отъ себя наставленіе и полномочіе, какъ во приложенныхъ обрядахъ выбора написано, и всѣмъ выбраннымъ въ сіе достоинство явится по пріѣздѣ ихъ въ Ея Императорскаго Величества Сенатъ. Въ силѣ которого Ея Императорскаго Величества имянного манѣфеста, въ присудствіи, по порученіи отъ Вашего Высокографского Сіятелства, начальника, судіи генералного, его велможности Иліи Василіевича господина Журмана, выбора въ городѣ Погарѣ головы жителми города Погару, выбранъ я головою на два года; и учиня здошнего города Погара жители полномочіе подписанное, представили мене началнику и поднесли оное, которое мнѣ съ печатнымъ манифестомъ и имяннымъ спискомъ вручено и оставлено далнѣишое распоряженіе. И я, слѣдуя положеннымъ въ обрядѣ повелѣніямъ, выбралъ по полномочію съ будущими наличными города Погара жителми депутата, райца магистрата Погарского Ивана Грабара, по окончаніи выбора депутатского, отрепортовалъ Его Вельможности судіи генералному Иліи Василіевичу Журману о выборѣ депутата, и на полномочіи депутатскомъ зъ подписавшимись наличными хозяевами, пять человѣкъ выбравъ городскихъ жителей къ сочиненію наказа, кои челобитную и наказъ о всѣхъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ подъ смотрѣніемъ моихъ сочиня, подписавъ всѣми наличными хозяевами, и мною врученъ депутату для поднесенія Ея Императорскому Величеству во освященнійшіи Высокомонаршіи руки; а копію челобитной и наказа отданно въ церковъ живоначалной Тройцы, первому священику Никифору Кибалчичу сего 767 года, іюня „ дня, о чемъ всемъ Вашему Сіятелству всенижайше репортую.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 6 дня.

3) *Жалоба Погарцевъ на дѣйствія своего головы.*

Сіятелнѣйшему Графу (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Нижайшое доношеніе.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ прошлого 1766 году, декабря 14 дня, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки состоявшимся и напечатаннымъ, по Высокоматернему Ея Величества попеченію о благосостояніи вѣрныхъ подданныхъ всего государства и о возстановленіи и утвержденіи правосудія, Всемилостивѣйше повелѣно: выбравъ по приложенному при ономъ обрядѣ въ городахъ отъ всего гражданства голову и депутата, прислать депутатовъ въ столичный городъ Москву въ коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, и чрезъ тѣхъ депутатовъ о общественныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, въ чемъ бы оныя ни состояли, кромѣ партикулярныхъ дѣлъ, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны,—Ея Императорскому Величеству принесть челобитныя и прошенія, наблюдая городскому головѣ порядокъ, въ обрядѣ предписанный, сохранить точно со всякою тихостію и безмолвіемъ, дабы Высочаишему Ея Императорского Величества соизволенію соотвѣтствовало общое согласіе. Однако города Погару голова Денисъ Привалъ, которой по болшой части мещанами самими простыми и неграмотными и силы выбора а паче дѣла, зависящаго отъ недостаточного къ тому головы, отнюдъ незнающими людми,—поступилъ и поступаетъ во всемъ оному Ея Императорскаго Величества высочайшему манифесту, обряду и своей присяжной должности противно: 1) Какъ скоро городской депутатъ выбранъ, не приступая онъ заразъ въ назначенные шесть дней вибрать сочинителей прошенія и забрать къ тому отъ гражданства подлежащія разсужденія, но оставя все то, уѣхалъ изъ города за своимъ партикуляритетомъ въ разные великороссійскіе города, гдѣ медлилъ болѣе мѣсяца, а возвратясь въ домъ 1 уже числа маія, самъ собою, безъ всякого сограждавъ знанія, принялся къ сочиненію наказовъ, въ чемъ ему нетолко отъ насъ, но и отъ мещан-

ства оспоривано и объявлено было, что онъ то делаетъ въ отменность обряда, и темъ наводить всѣмъ гражданамъ конфузію. 2) Какъ по его головы оповестки 22, 23, 24 и 25 чиселъ маія, шляхетство, жителствующіи въ городѣ, кои случились быть на лицо, приходили въ магистратъ къ собранію, где урядники, такъ и мещанства доволно было, онъ голова, не сохраняя благопристойности, напечатанной въ обряде, и не почитая въ магистратской конторѣ, въ коей онъ съ гражданствомъ имѣлъ собраніе, на столѣ предстоящаго зерцала, дѣлалъ многіе споры и разнымъ изъ насъ неучтивими словами приключилъ досады и изключилъ многихъ изъ насъ съ общества, и не принимая ни отъ кого подлежащихъ разсужденій, вибралъ сего уже маія 25 къ сочиненію изъ мещанства таковыхъ, которые и простого письма совершенно зделать не могуть, съ чего мы и другіе граждане въ немалой обиде и сумненіи находимся, дабы иногда онъ голова, къ произведенію такого великого дела вовся будучи недостаточенъ и безпорядоченъ, въ техъ своихъ сочиненіяхъ предосудителныхъ каковыхъ недѣлностей не повносилъ и тѣмъ гражданской общой прямой ползѣ вреда не приключилъ. Для того Вашего Высокографского Сіятелства всенижаише просимъ: прописанного голову Привала высокомилостиво повелѣть оставить, а на его место дозволить достойного изъ гражданства головою выбрать; дабы въ семъ обще гражданамъ ко исполненію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія благоспѣшествовать могло.

Подлинное подписали: Писарь земскій повета Погарского Иванъ Песоцкій, Сотникъ Погарскій Владимиръ Соболевскій, Войсковій Товарищъ Григорій Соболевскій, Войсковой Товарищъ Григорей Понасъ, Значковый Товарищъ Василей Лепунъ, Значковой Товарищъ Григорей Сорока, Атаманъ Сотенный Погарскій Филимонъ Джура, Писарь Сотенный Погарскій Максимъ Гетунъ, Хоружій Сотеный Погарскій Алексѣй Семека, Атаманъ куреня градского Максимъ Певликъ, а въместо ево неграмотного и самъ за себя козакъ Стефанъ Кошуба подписался, Козакъ Иванъ Пушкаревъ, Квартермистръ Сотенный Прокопъ Андріевскій, Козакъ Иванъ Гречановскій, Мещанинъ Игнатъ Стебленскій, Мещанинъ Данило Сильченокъ.

---

4) Отвѣтъ Погарскаго головы и доносъ на войта.

Сіятельнѣйшему Графу... (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшое доношеніе.

Состоявшимся 1766 году, декабря 14, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ для изготовленія проэкта на сочиненіе новаго уложенія повелѣно: по приложенному обряду прислать отъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи со всѣхъ мѣстъ депутатовъ; а для выбора депутатовъ—дворянамъ предводителей, а городскимъ жителемъ—выбрать головъ. По силѣ оного Высочайшого манифеста, поручено отъ Вашего Высокографского Сіятелства господину судіи генералному Иліи Василіевичу Журману по обряду въ городѣ Погарѣ шляхетству въ повѣтѣ предводителя, а городскимъ жителямъ отъ города голову (выбрать). Почему, въ присудствіи его велможности г. судіи, выбранъ отъ городскихъ жителей я нижайшій головою городскимъ; а по выборѣ, за учрежденіемъ подлежащаго порядка, далшое распоряженіе мнѣ отъ его велможности оставлено. Я же, по вступленіи моемъ въ должность, для устроенія распорядка по обряду написанному, первіе велѣлъ собратся всѣмъ въ назначенное мѣсто городскимъ жителямъ тѣмъ, кои по списку состоять; то и зъ воинского званія и многіе разночинцы въ означенное мною мѣсто и въ церковъ къ молебствію и присягѣ о выборѣ депутата и выбирать того тогда не пошли и полномочія не подписали, и ничего принадлежащого къ тому по обряду не исполня, здѣлались во всемъ противны, какъ бы сами сильны сдѣлать отъ себе напротивъ того что другое, послушать поупрямились. Когдажъ и къ слушанію челобитной и наказа призывано, то войтъ Погарскій, равно съ висшенаписаннимъ шляхетствомъ держа едино согласіе между собою, для обиды моей выслалъ мене зъ магистрата, не дая мнѣ по должности моей въ магистратѣ ни малѣйшаго производства повесть, отъколь я зъ пятю членами, сочинявшими наказъ, отойшолъ; а въ другое когда пошелъ при собраніи всего города мѣщанъ для прочоту наказа, то онъ войтъ Понасъ, не точію самъ не хотя слушать

наказу, но чтобъ и всѣ мѣщане порозошлись—замкнулъ магистратъ и въ оный мене и всего гражданства не пустилъ, и тѣмъ оказалъ явную высокому въ обрядѣ Ея Императорскаго Величества повелѣнію противность, а мнѣ нижайшему съ протчими крайне вторычно безчестіе. Зъ чего принужденъ я бурмистра послать къ нему войту впросится въ кантору, и оной вошедши, отворилъ мнѣ магистратскую кантору, зо всѣми собраними куда войшелъ я и протестовалъ о недопущеніи мене имъ войтомъ двома разы въ магистратъ. Когда жъ заслышалъ онъ войтъ, что и воинскимъ разного званія людемъ посланно отъ мене оповѣстить, чтобъ къ слушанію наказа прибыли въ магистратъ, то онъ Понасъ, не ожидая времени слушать наказъ, пошолъ зъ магистрата. Наказы жъ читанно наличнымъ хозяямъ два раза въ два дни, а какъ на третій день собрались еще единожды выслушать всего города жители; то онъ войтъ Понасъ, по звиклости своей во многихъ указныхъ дѣлахъ дѣлая свои толки, (кои Ваше Высокографское Сіятелство изъ сообщенного при семъ въ копіи писанного имъ къ г. Косачу письма—уговаривая новины не слушать ни къ оной не склонятся и не смотреть ни на какіе сторонніе страхи, сказуя, что новинѣ передъ старыною во многомъ стыдно и показатся: новина до того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и здержать не можетъ, и о прочемъ; зъ чего видно, что онъ Понасъ противъ нынѣ вънновъ состоявшагось высочайшаго манѣфеста о выборахъ депутатовъ и о дачи наказовъ для проэкта на сочиненіе новаго уложенія противорѣчить, свои толки неполезные отечеству Престола Всероссійскаго поставляя полезнѣйшими народу, усмотрѣть соблагоизволите) и наустилъ вышедшаго зъ подмѣщанства прежде бывшаго войта магистратового Погарского Климентія Пѣсоцкаго сына его Ивана Пѣсоцкаго, кой нынѣ писаремъ земскимъ, да войскового товариша Григорія Соболевскаго, умершаго священника Погарскаго Сороки сына Григорія Сороку, бывшаго мещанина Матвѣя Джури сыновъ и протчихъ чиновниковъ, бывшихъ прежде мещанами, и козаковъ урядниковъ и мѣщанъ учинить замешателство къ пресѣченію наказовъ, сочиненныхъ и оконченныхъ, къ врученію депутату въ тѣ порѣ принадлежащому, кои учинили великіе зъ его подустителства мнѣ

ругателства, и не почитая стоящаго на столѣ указного зерцала, произвели споры и противорѣчіе о пяточисленныхъ, хотя сами выбраны къ сочиненію наказа (не бывши при выборахъ депутата наличными) быть всѣ тѣ, кои мещанамъ всекрайнѣйшіи обиды, разоренія, утѣсненія отнятіемъ торговъ, шинковыхъ корыстей, ремеслъ разныхъ и чрезъ завладѣніе почти до послѣдняго дворами, огородами, пахатными землями мещанскими, покосами и всякого угодія отнятіемъ и противно-законными куплями; для прикрытія въ наказахъ нашихъ въ томъ нуждъ и утѣсненій сочинителми, белотированіемъ выбрать въ другое сочинителей довели, отъ чего и выбраны балотированіемъ— но не оны, но тѣжъ мещане, кои прежде были выбраны, да писарь сотенный абшитованный Іосифъ Турокъ. Когда жъ о сочиненіи наказа данно знать для слушанія и подписовъ всѣмъ гражданамъ, коимъ по обряду должно быть, то зъ военныхъ и войтъ Погарскій уже, кроме двохъ—Григорія Соболевского да возного повѣтового Белея, ни одинъ не пришолъ въ магистратъ слушать и на онихъ наказахъ подписатся, а обявили, что мы де послали куда надлежитъ прошеніе, прося, чтобъ голову было велено намъ выбрать, а мене оставить, и до полученія резолюціи не слушаемъ. То я, по отказѣ онихъ, подписавъ написанную къ поднесенію Ея Императорскому Величеству челобитную и наказъ, допустилъ всѣхъ на тѣхъ подписатся, и каковы наказы о нуждахъ, недостаткахъ и утѣсненіяхъ гражданскихъ сочинены и депутату вручены, оныхъ копію при семъ Вашему Высокографскому Сіятелству подъ высокое усмотрѣніе сообщаю, и зъ высше писаннымъ представляя, Вашего Высокографского Сіятелства всенижайше прошу: поданному отъ войта съ товарыщи доношенію не вѣрить, а за оказанное ими преслушаніе и мнѣ приключенное безчестіе, чтобъ впредь отъ нихъ никакихъ затѣй, противоуказныхъ повелѣній не могло происходить, поступить въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ, и о томъ учинить высокомилостивое благоразсмотрѣніе и опредѣленіе.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ*.

1767 года,
іюня 7 дня.

5) Донесеніе объ отпускѣ депутату прогонныхъ денегъ.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову.

Всенижайшее доношеніе.

Пущенное съ Чернѣгова отъ вашего Сіятелства циркулярно повелѣніе съ приложеніемъ высокоправителствующаго Сената копіи указа о выдачи выбранному отъ города Погару депутату на двѣ почтовіе лошадѣ прогонних денегъ въ щетъ опредѣленной суммы, мною апрѣля 11 дня получено; и во исполненіе оного вашего высокографского сіятелства повелѣнія къ дачи выбранному отъ здешнего города депутату денегъ хотя я съ наличного числа доходовъ магистратовыхъ отъ войта магистрата Погарского Григорія Понаса и требовалъ, точію онъ съ тѣхъ доходовъ ничего не видалъ, а расположить на гражданъ я безъ повелѣнія вышшей команды дерзосты не имѣя, принужденъ изъ собственныхъ своихъ денегъ потребное число выдать, но отъколь мнѣ возвращеніе онихъ получить, на то ожидаю особливѣйшаго въ резолюцію повелѣнія.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 6 дня.

VIII.

Выборы въ прилуцкомъ полку.

1) Донесеніе о городскихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшому Графу. (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Борисовского драгунского полку преміеръ-маіора Стремоухова.

Покорный Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, отъ 7 марта пущенный, мною сего числа полученъ, коимъ Ваше Сіятельство, въ чемъ мнѣ предосто-

рожность взять повелѣвать изволите, то самое, да еще и хуже, со мною уже и случилось: ибо, хотя я, по пріѣздѣ въ Прилуку сего марта 8 числа, представленной отъ городовой ратуши однѣмъ мѣщанамъ списокъ, призвавъ судью полкового, оной исправить и на основаніи пріобщенного къ манифесту подъ литерою Г. о выборѣ городскихъ головы и депутата обряда, исключа однихъ владѣльческихъ подсусѣдковъ, а впротчемъ всѣхъ и всякого званія, домы свои въ городѣ имѣющихъ, внесть и приказалъ, но получа оной отъ полковой канцеляріи, которая до того сочинять онаго и не начинала, уже 9 числа ввечеру, и по учиненіи о собраніи къ выбору головы повѣстки, отъ всего шляхетства, чиновниковъ и козаковъ — какъ въ поднесенной у сего съ списка копіи усмотрѣть изволите — въ отвѣтъ получилъ, что они къ выбору головы, разсуждая, что оной принадлежитъ до однихъ только гражданъ, не будутъ; и хотя я, приглася къ себѣ нѣсколькихъ изъ лутшаго въ городѣ пребывающаго шляхетства и присудствующихъ въ полковой канцеляріи старшинъ, какъ то, что въ манифестѣ и приономъ приложенномъ обрядѣ не однѣмъ мѣщанамъ, но всѣмъ въ городѣ жительствующимъ голову и депутата избрать повелѣно, при доказательствѣ о происходившемъ въ Санктъ-Петербургѣ, при таковомъ же выборѣ подъ предводительствомъ господина генералъ-полицеймейстера и кавалера Николая Ивановича Чечерина, порядкѣ, гдѣ между всякаго званія гражданами и знатныя особы находились, печатного при Санктпетербурскихъ Вѣдомостяхъ прибавленія, а притомъ и изъ собственныхъ устъ Вашего Сіятельства слышанного мною о томъ разсужденія всевозможно изъяснить старался, но они всего того уразумѣть или не хотѣли, или не могли, и только единогласно объявили, что безъ особливаго отъ Вашего Сіятельства о томъ повелѣнія къ выбору, вмѣстѣ съ протчими гражданами, головы и депутата не согласятся, о чемъ всемъ отъ меня и рапортъ къ Вашему Сіятельству былъ отправленъ. Между же тѣмъ продолжался выборъ, въ силу даннаго шляхетству отъ Вашего Сіятельства повелѣнія, съ каждого повѣту по одному предводителямъ, и выбраны: въ прилуцкомъ повѣтѣ городской судія господинъ Иванъ Александровичъ, а въ Ива-

ницкомъ подсудокъ земской господинъ Петръ Максимовичъ. Нынѣжъ, хотя о соединеніи къ выбору головы всякаго званія городскихъ жителей повелѣніе и получилъ; но, чтобъ не здѣлать въ выборѣ отъ шляхетства депутатовъ препятствія, принужденъ послать ко всѣмъ господамъ здѣшнимъ жителямъ съ прописаніемъ помянутого сегодня полученнаго отъ Вашего Сіятельства повелѣнія однѣ только объявленія, а выборы отложить сего мѣсяца на 17 число. Какой же впредь во всемъ успѣхъ происходить будетъ, о томъ покорнѣйше Вашему Сіятельству донести долженствую.

Премьеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 15 марта
1767 году,
Г. Прилуки.

2) Донесеніе о томъ же.

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Въ силѣ Вашего Сіятельства ордера всѣмъ гражданамъ города Прилуки, чтобъ они всѣ имѣющіе въ томъ городѣ домы свои собрались для выбора отъ того города, по силѣ Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, головы, я объявленія дѣлалъ; но не видѣлъ однакожъ по тому я ни одного при томъ собраніи изъ лутчихъ господъ, но всѣ они, отговорясь разными невозможностьми при томъ быть, прислали свои отзывы. Почему я съ одними только мѣщанами и нѣкоторыми самими нижними чиновниками долженъ былъ учинить выборъ городскаго головы, и по преимуществу голосовъ досталось быть онымъ Значковому Товарищу Михайлѣ Груднинѣ. О чемъ Вашему Сіятельству рапортую.

Премьеръ-Маіоръ *Михайло Стремоуховъ.*

Числа 10 априля
1767 году,
Село Парафѣевка.

3) Заявленіе капитана Терлецкаго объ отказѣ его высказать свое мнѣніе и о мотивахъ къ тому.

Полку Прилуцкого въ собранное шляхетство для выбору въ силѣ Высочайшого Ея Императорскаго Величества манифеста депутата и для отправленія онаго къ сочиненію новаго проэкта положенія

Сообщеніе.

Что Высочайшій Ея Императорскаго Величества манифестъ о учиненіи онаго новаго проэкта положенія соизволяетъ объявленный, хто какой-либо голосъ преподастъ о полезныхъ икъ Малороссіи потребностяхъ, то о томъ, какое отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшее на пользу той Малороссіи благоволеніе будетъ, того я всеподданнѣйше и просить долженъ; а иного чего, какъ въ челобитной, составленной полку Прилуцкого господъ Шляхты, во многихъ терминахъ показано, онаго просить и подписаться на ней не въ состояніи.

Капѣтанъ *Василій Терлецкій.*

1767 году,
апрѣля 16 дня.

---

4) Подобное же заявленіе отъ двухъ грузинъ.

Господамъ Шляхетству, избраннымъ къ сочиненію выбранному отъ Малороссійскаго Прилуцкаго полку въ коммисію сочиненія проэкта новаго уложенія депутату наказа.

Голосъ.

Какъ изъ публикованнаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества, декабря 14 числа 1766 года состоявшагося, манифеста ясно видно, сколь великіе и безпримѣрные труды и попеченіе Ея Императорское Величество о учиненіи вѣрноподданныхъ своихъ прямо счастливыми прилагать изволитъ; почему я на всѣ тѣ пункты, кои шляхетство отправляющомуся депутату въ наказѣ написало, согласиться и оные подписать не могу, а всеподданически предаюсь всему

тому, что милосердіе Ея Императорскаго Величества опредѣлить изволитъ. Числа 18 апрѣля, 1767 года.

Подлинные подписали:

По грузинску: Отставной Грузинского гусарского полку секундъ-маіоръ князь *Миръвельтумановъ*.

По русску:—Отставной Новосербскихъ гусарскихъ экскадроновъ капитанъ *Иванъ Бедауровъ*.

---

5) *Донесеніе о выбранныхъ депутатахъ.*

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Во исполненіе полученныхъ мною отъ 1 и 11-го числъ сего апрѣля отъ Вашего Сіятельства повелѣній: по первому — прежде избранные отъ обоихъ Прилуцкого полку повѣтовъ предводители наличнымъ всего полку шляхетствомъ перебалотированы, и по большинству голосовъ избранъ отъ всего полку предводителемъ подсудокъ земскій повѣту Иваницкого господинъ Петръ Максимовичъ, а депутатомъ господинъ асаулъ генеральной Скоропадской, а о наказѣ отъ господина предводителя мнѣ объявлено, что оной, какъ скоро сочиненіемъ окончится, то къ депутату и отправленъ быть имѣетъ; по второму—городской голова и депутатъ, какъ избраны не всѣми наличными города Прилуки жительми, дабы должность свою оставили и ни въ какое производство не вступались, а граждане о всѣхъ своихъ нуждахъ, какіе имѣютъ, чтобъ прямо къ Вашему Сіятельству отзывались, отъ меня объявлено. Изъ присланныхъ съ вѣрющими письмами по расположенію Прилуцкой полковой канцеляріи отъ каждой сотни по два, всего двадцати двухъ человѣкъ козаковъ, сотенныхъ повѣренныхъ, выбранъ большинствомъ одобрительныхъ шариковъ отъ полку депутатомъ Ичанской сотни козакъ и житель мѣ-

стечка Ични Петръ Романовичъ. О чемъ всемъ Вашему Сіятельству симъ покорнѣйше доношу.

Премьеръ-маіоръ *Михаилъ Стрѣмоуховъ.*

Числа 17 Апрѣля,
1767 году,
Городъ Прилуки.

---

6) Прошеніе мѣщанъ г. Прилуки по поводу дѣйствій Стремоухова при выборахъ.

Его Сіятельству... Графу Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшое прошеніе.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества манифесту обнародованному и по приложенному при ономъ обряду, въ знакъ нашего всеподданнѣйшого послушанія, при бытности отъ Вашего Высокографского Сіятельства опредѣленного начальника его высокоблагородія господина премієръ-маіора Михайла Андреевича Стремоухова, отъ жительствующихъ въ городѣ Прилукѣ шляхетства вобще зъ нами избранъ городскимъ головою значковый полку Прилуцкого Товаришъ Михайло Груднѣцкій, а отъ избранныхъ обществомъ ста человѣкъ повѣренныхъ подписанное полномочіе, а при томъ о всѣхъ въ городѣ жительствующихъ именной списокъ, також протчіихъ, кто при томъ выборѣ не моглъ быть, присланные голосы и тѣмъ повѣреннымъ данныя полномочія оному городскому головѣ отъ помянутого господина маіора Стремоухова поручены были, и тѣми повѣренными и протчими наличными гражданами, за учиненіемъ присяги по обряду, депутатомъ городовымъ писаръ полковый Иванъ Ягельнѣцкій выбранъ, и оному депутату полномочіе подписано. А нынѣ помянутый начальникъ господинъ маіоръ Стремоуховъ отъ городского головы тѣ полномочія, списокъ и присылаемые голоса отобралъ, а по высокому Вашего Высокографского Сіятельства ордеру объявилъ имъ, головѣ и депутату, оставаться при прежнихъ своихъ должностяхъ. Зъ чего мы сумнѣваемся, что нашихъ нуждъ и желаемыхъ по жительству нашему въ городѣ прежде обыкновенныхъ

свободностей въ Коммисіи о сочиненіи нового уложенія, въ первостоличномъ городѣ Москвѣ учрежденной, представить будетъ уже нѣкому. Для того Вашего Высокографского Сіятельства всенижайше просимъ: повелѣть онымъ чинамъ по выборамъ быть въ городѣ Прилукѣ со уравненіемъ противъ другихъ полковыхъ городовъ жителей.

О семъ просятъ Полкового города Прилуки:
Бурмистръ Прилуцкій *Филипъ Даценко.*
Бурмистръ Прилуцкій *Максимъ Гета.*

Мѣщане: Сава Яремовъ, Иванъ Фоменко, Федоръ Якимовъ, Иванъ Тарасовичъ, Кирило Маценко, Мусѣй Соломаха, Семенъ Хитринъ, Иванъ Глоба, Василь Губскій, Тимошъ Губскій, Федоръ Котляръ, Григорій Гета; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко руку приложилъ.

Цехмистры: Цеху кравецкого Олексѣй Онисимовъ, цеху шевского Василь Козинскій, цеху ковальского Юско Юрченко, цеху калачницкого Зѣнко Джигель, цеху рѣзницкого Сава Яременко, цеху ткацкого Семенъ Кривенко; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

Райцы: Алексѣй Колесникъ, Антонъ Нефедъ; а подписалъ ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко.

Мѣщане: Самойло Губскій, Иванъ Губскій, Федоръ Товстопятъ, Андрей Горощенко, Степанъ Лупшунъ, Иванъ Назаренко, Илько Власенко, Федоръ Терентенко, Антонъ Моренецъ, Харко Причина, Федоръ Чаленко, Максимъ Чуйко, Федоръ Мишура, Ничипоръ Котеленецъ, Григорій Рижный, Тарасъ Баско, Василь Палюха, Иванъ Куцъ, Федоръ Дроботко, Павло Шаповалъ, Ничипоръ Стороженко, Романъ Денисенко, Федоръ Денисенко, Сидоръ Нидинъ, Данило Бутенко, Петро Дудка, Грицко Хвененко, Иванъ Лепеха, Иванъ Косенко, Пилипъ Лодошный, Мусѣй Терентѣй, Грицко Лобода, Данило Музыка, Федоръ Векличъ, Денисъ Семко, Василь Вовкъ, Иванъ Семко, Лазаръ Бережненко, Иванъ Коржъ, Федоръ Моцѣпанъ, Иванъ Грона, Алексѣй Харченко, Сидоръ Балѣй, Антонъ Ярмакъ, Кирило

Охрѣменко, Павло Клеха, Лукянъ Ярмаченко, Артемъ Котеленецъ, Кузма Дудка, Грицко Дудка, Прокопъ Маценко, Якимъ Батло, Павло Опанасенко, Грицко Яременко, Игнатъ Мироненко, Илія Глоба, Іосифъ Глоба, Кирило Дроботко, Иванъ Чорноморецъ, Иванъ Цѣпакъ, Павло Коляденко, Григорій Коляденко, Авраамъ Васильевъ, Иванъ Грона, Миронъ Джигѣль, Сава Станько, Степанъ Вакуленко, Максимъ Тищенко, Грицко Тищенко, Никифоръ Тарасовичъ, Семенъ Шарко, Данило Шарко, Дмитро Струль, Гаврило Струленко, Лукянъ Горощенко, Артемъ Горощенко, Игнатъ Палюха, Процко Харченко, Демянъ Нефедъ, Грицко Нефедъ; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

1767 года,
апреля 20 дня.

---

7) Донесеніе о кассированіи городскихъ и козачьихъ выборовъ.

Малой Россіи въ Генералъ-губернаторскую Канцелярію Борисоглѣбовского драгунского полку Преміеръ-Маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе присланныхъ ко мнѣ отъ 15 и 26 числъ сего априля Его Сіятельства, высокопревосходительнаго господина генералъ-аншефа, Малой Россіи генералъ-губернатора, Малороссійской Коллегіи президента, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного командира и разныхъ орденовъ кавалера, графа Петра Александровича Румянцова, ордеровъ, выбранные не по обряду города Прилукъ голова и депутатъ, да отъ козаковъ Прилуцкого полку въ Коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія депутатъ же, уничтожены; учиненные жъ имъ полномочій 3, присягъ 2, присланныхъ отъ городскихъ жителей голосовъ 16, козачій наказъ и челобитная орегинально, да разныхъ къ балотированію списковъ 5 и вѣрющихъ отъ городскихъ жителей повѣренныхъ писемъ 4, при семъ въ генералъ-губернаторскую канцелярію представляются.

Преміеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 23 априля,
1767 году.

---

8) Списокъ избранныхъ жителями города Прилукъ повѣренныхъ для выбора городского головы и депутата и для сочиненія наказа депутату и челобитной о городскихъ нуждахъ и недостаткахъ.

№			Число шаровъ. избир.	неизб.
1.	Марта 20:	Значковый Товарищъ Никола Соломаха.	17.	92.
2.	—	Значковый Товарищъ Михайло Груднѣцкій	92.	17.
3.	—	Возный Яковъ Джевяга.	22.	87.
4.	—	Козакъ Василь Назаренко	20.	89.
5.	—	— Яковъ Чичикало.	23.	86.
6.	—	— Никита Денисенко	23.	86.
7.	—	— Тимофей Рожченко	22.	87.
8.	—	— Илья Цинбалистый	25.	84.
9.	—	Армашъ Григорій Холодъ	22.	87.
10.	—	Мѣщанинъ Кирило Маценко . . .	25.	84.
11.	—	— Иванъ Носенко	21.	88.
12.	—	— Федоръ Горленко . . .	20.	89.
13.	—	— Прохоръ Степуренко . .	26.	83.
14.	—	— Федоръ Гетинъ зять . .	20.	89.
15.	—	— Павелъ Галѣберъ . . .	22.	87.
16.	—	— Якимъ Слива	24.	85.
17.	—	— Прокофій Маценко . . .	23.	86.
18.	—	— Василь Шепелявый. . .	20.	89.
19.	—	— Иванъ Чорномурецъ. . .	22.	87.
20.	—	— Алексѣй Колесникъ. .	27.	82.
21.	—	— Павелъ Клеха	26.	83.
22.	—	— Федоръ Котляръ . . .	31.	78.
23.	—	— Григорій Дудка. . . .	28.	81.
24.	—	— Артемъ Горощенко . . .	24.	85.
25.	—	— Денисъ Тарабаненко . .	21.	88.
26.	Марта 21:	— Демянъ Божко	64.	26.
27.	—	— Алексѣй Харченко . ..	53.	37.

№				Число шаровъ избир.	неизб.
28.	Марта 21:	Мѣщанинъ	Сава Бринзоха	63.	27.
29.	—	—	Иванъ Грона	56.	34.
30.	—	—	Иванъ Грона.	56.	34.
31.	—	—	Павелъ Шаповалъ . . .	53.	37.
32.	—	—	Иванъ Губскій	50.	40.
33.	—	—	Тимофей Губскій. . . .	58.	32.
34.	—	—	Федоръ Якимовъ. . . .	50.	40.
35.	—	—	Степанъ Лапшукъ . . .	53.	37.
36.	—	—	Данило Бутейко. . . .	52.	38.
37.	—	—	Григорій Журавль . . .	52.	38.
38.	—	—	Григорій Гета	59.	31.
39.	—	—	Максимъ Гета	60.	30.
40.	—	—	Сава Станко.	51.	39.
41.	—	—	Семенъ Шарко	47.	43.
42.	—	—	Филипъ Даценко . . .	79.	11.
43.	—	—	Алексѣй Онисимовъ. . .	63.	27.
44.	—	—	Мойсѣй Соломаха . . .	53.	37.
45.	—	—	Аврамъ Музыка. . . .	54.	36.
46.	—	—	Иванъ Цѣпакъ	50.	40.
47.	—	—	Прокофій Харченко. . .	61.	29.
48.	—	—	Иванъ Тарасевичъ . . .	57.	33.
49.	—	—	Сава Яремовъ	77.	13.
50.	—	—	Самойло Губскій. . . .	60.	30.
51.	Марта 22:	—	Антонъ Нехведь. . . .	70.	15.
52.	—	—	Демянъ Нехведь . . .	59.	26.
53.	—	—	Григорій Нехведь . . .	60.	25.
54.	—	—	Иванъ Хоменко. . . .	70.	15.
55.	—	—	Иванъ Глоба.	56.	29.
56.	—	—	Григорій Рыжій. . . .	60.	25.
57.	—	—	Алексѣй Погорѣлый . .	64.	21.
58.	—	—	Григорій Черномурецъ. .	60.	25.
59.	—	—	Фома Власѣка	64.	21.

№				Число шаровъ. избир.	неизб.
60.	Марта 22:	Мѣщанинъ:	Тарасъ Баско	63.	26.
61.	—	—	Григорій Харченко. . .	57.	32.
62.	—	—	Иванъ Коржъ	63.	26.
63.	—	—	Федоръ Ярмакъ. . . .	64.	25.
64.	—	—	Федоръ Охрѣменко . . .	66.	23.
65.	—	—	Максимъ Чуйко. . . .	56.	33.
66.	—	—	Григорій Борщъ . . .	63.	26.
67.	—	—	Илья Власенко	56.	33.
68.	—	—	Артемъ Котеленецъ. . .	57.	32.
69.	—	—	Павло Онищенко . . .	59.	30.
70.	—	—	Федоръ Терентѣй . . .	60.	29.
71.	—	—	Денисъ Семко	58.	31.
72.	—	—	Лазарь Бережный . . .	60.	29.
73.	—	—	Кондратъ Приступенко. .	59.	30.
74.	—	Козакъ	Павло Лепецъ	55.	34.
75.	—	Канцеляристъ	Антонъ Сергіенко . . .	56.	33.
76.	Марта 23:	Мѣщанинъ	Андрей Нетребенко. . .	75.	23.
77.	—	—	Филипъ Одердоша . . .	76.	22.
78.	—	—	Давидъ Стороженко . .	68.	30
79.	—	—	Никифоръ Стороженко. .	68.	30.
80.	—	—	Григорій Павленко. . .	68.	30.
81.	—	—	Семенъ Хитрикъ . . .	75.	23.
82.	—	—	Григорій Вакуленко . .	68.	30.
83.	—	—	Семенъ Скиба	75.	23.
84.	—	—	Антонъ Безуглый . . .	79.	19.
85.	—	—	Дмитро Глинскій . . .	70.	28.
86.	—	—	Филипъ Рекало.	68.	30.
87.	—	—	Константинъ Шапочникъ .	70.	28.
88.	—	—	Иванъ Сучакъ	79.	19.
89.	—	—	Степанъ Меняйленко . .	71.	27.
90.	—	—	Иванъ Полешукъ . . .	73.	25.
91.	—	—	Николай Швецъ . . .	68.	30.

№				Число шаровъ. избир.	неизб.
92.	Марта 23:	Мѣщанинъ:	Сидоръ Куценко	69.	29.
93.	—	—	Кирило Кондратенко . .	69.	29.
94.	—	—	Павелъ Дудка	78.	20.
95.	—	—	Романъ Шиленко . . .	70.	28.
96.	—	—	Иванъ Демененко . . .	70.	28.
97.	—	—	Григорій Музыка . . .	72.	26.
98.	—	—	Осипъ Ничипоренко. . .	71.	27.
99.	—	—	Федоръ Оджа	77.	21.
100.	—	Козакъ	Кирило Коніовскій . . .	68.	30.

---

9) Донесеніе полковой прилуцкой канцеляріи съ представленіемъ вѣдомости о неявившихся на выборы.

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу.

От Полковой Прилуцкой Канцеляріи

Репортъ.

Высокимъ Вашего Высокографского Сіятельства ордеромъ, въ полковой прилуцкой канцеляріи полученнымъ, велѣно отъ всѣхъ таковыхъ, которые въ городѣ Прилукахъ имѣютъ домы, а сами при выборѣ городскомъ не присутствовали, взять отвѣты, почему то ими учинено, и прислать оные къ Вашему Высокографскому Сіятельству. И во исполненіе онаго Вашего Высокографского Сіятельства ордера, каковы въ небывшихъ при вышеписанномъ городскомъ выборѣ, по показанію господина примеръ-маіора Стремоухова, взяты отвѣты, оные при семъ къ Вашему Высокографскому Сіятельству подъ высокое благоразсмотрѣніе полковая прилуцкая канцелярія представляетъ; въ другихъ же не бывшихъ приономъ выборѣ еще отвѣтовъ не взято, за отлучкою ихъ съ домовъ въ нѣкоторые отдаленные мѣста и за другими обстоятельствами, о коихъ и за чѣмъ

16*

въ кого таковыхъ отвѣтовъ не взято, прилагается при семъ же вѣдомость.

Бунчуковый Товаришъ Петръ Горленко. Полковый Судія Иванъ Александровичъ. Полковый Писарь Иванъ Ягельнецкій. Полковый Хоружій Никита Умѣнь.

1767 года,
априля 25 дня.

---

10) Вѣдомость о неявившихся съ объясненіемъ причинъ неявки.

1) Выписка изъ поданныхъ отвѣтовъ живущихъ въ городѣ Прилукахъ чиновниковъ, за чѣмъ кто имянно въ собраніе для выбору отъ города головы и депутата, по сдѣланному отъ начальника примеръ-маіора Стремоухова объявленію, не пришелъ.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
1.	Бунчуковый Товарищъ Иванъ Галаганъ.	За состояніемъ, по протесту его на полкового писара Шнурчевского, а отъ того по таковому жъ на него, подъ слѣдствіемъ и за отъѣздомъ къ Малороссійскому Генералу-Губернатору.
2.	Полковый асаулъ Яковъ Книлъ (sic!).	За состояніемъ по протесту полкового писара Шнурчевского подъ слѣдствіемъ.
3.	Полковый хоружій Федоръ Марковскій.	
4.	Полковый асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко.	За приключившеюся въ то время болѣзнію.
5.	Полковый обозный Яковъ Огроновичъ.	За болѣзнію, въ то время приключившеюся.
6.	Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ.	За сочиненіемъ выбранному отъ Прилуцкого шляхетства депутату наказа.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
7.	Полковый писарь Иванъ Ягельнецкій.	За приключившеюся болѣзнію.
8.	Судья земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко.	За сочиненіемъ выбранному отъ шляхетства депутату наказа.
9.	Подсудокъ земскій Василій Огрaновичъ.	За разными его недосугами.
10.	Судья гродскій Иванъ Александровичъ.	За сочиненіемъ депутату, отъ шляхетства выбранному, наказа.
11.	Абшитованный полковый обозный Степанъ Лукомскій.	За сочиненіемъ наказа дворянскому депутату.
12.	Писарь земскій Семенъ Каневскій.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому съ объявленіемъ, что онъ выбранъ отъ шляхетства депутатомъ.
13.	Бунчуковый товарищъ Константинъ Маркевичъ.	За отлучкой изъ дому.
14.	Бунчуковый товарищъ Иванъ Марковичъ.	За отъѣздомъ для своихъ нуждъ въ Нѣжинъ.
15.	Бунчуковый товарищъ Петръ Горленко.	За отправленіемъ въ то время по умершемъ сынѣ его поминовенія.
16.	Бунчуковый товарищъ Григорій Горленко.	За отъѣздомъ для исправленія законныхъ нуждъ въ Глуховъ.
17.	Полковой артилеріи асаулъ Иванъ Пархомовъ.	За приключившеюся болѣзнію.
18.	Гродского суда писарь Степанъ Карпичъ.	За болѣзнію.
19.	Полковый канцеляр. Петръ Пятигорскій.	За болѣзнію.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
20.	Обозный повѣту Иваницкого Бакланъ.	За отъѣздомъ для законныхъ нуждъ въ Лубенскій полкъ.
21.	Значковый товаришъ Антонъ Соломаха.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому, съ объявленіемъ о выборѣ его въ депутаты.
22.	Абшитованный значковый товарищъ Корней Носовскій.	За болѣзнію.
23.	Абшитованный сотенный атаманъ Федоръ Стаховскій	
24.	Атаманъ городовой Тимофей Стаховскій.	
25.	Почмейстеръ, войсковый товарищъ Степанъ Прокоповичъ.	За отправленіемъ почты.
26.	Войсковый товарищъ Антонъ Юркевичъ.	За слабостію здоровья.
27.	Войсковый товарищъ Никита Шлякъ.	За отлучкою отъ дому.
28.	Отставной прапорщикъ Андрей Грекосъ.	За отъѣздомъ въ Кіевъ и Ахтирку по обѣщанію, для богомолья.
29.	Прапорщикъ Алексѣй Алексѣевъ.	
30.	Войсковый товарищъ Михайло Корсунъ.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.
31.	Значковый товарищъ Михайло Чернявскій.	За болѣзнію.
32.	Полковой артилеріи хоружій Петръ Бѣлоусъ.	За отъѣздомъ для промысловъ на ярмарку.
33.	Значковый товаришъ Меховецкій.	
34.	Войсковый канцеляр. Иванъ Гуленко.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.

2) Вѣдомость, въ кого именно за небытность при выборахъ городскихъ и зачѣмъ не взято отвѣтовъ.

У войскового товариша Михайла Корсуна за отлучкою въ Глуховъ.

Въ значкового товариша Михайла Чернявскаго, который нарочно посыланнымъ объявилъ, что при томъ выборѣ головы и депутата за болѣзнію быть не моглъ, за которою и письменного отвѣта дать не можетъ.

Въ хоружого полковой прилуцкой артилеріи Бѣлоуса за отлучкою съ Прилуки на ярмонки по промыслу его.

Въ значкового абшитованного товариша Лиховецкого за отлучкою по томужъ на ярмонки по промысламъ.

Въ войскового канцелярісты Ивана Гуленицкого за отлучкою въ Глуховъ.

Бунчуковый товаришъ Петръ Горленко. Полковый судія Иванъ Александровичъ. Полковый писарь Иванъ Ягельницкій. Полковый хоружій Никита Умѣнъ.

Справилъ полковый канцеляристъ Демянъ Бабичъ.

---

11) Списокъ присланнымъ отъ сотенъ Прилуцкого полку повѣреннымъ, имѣющимъ быть при выборѣ въ Коммисію сочиненія проэкта нового уложенія отъ Прилуцкого полку депутата.

Сочиненъ числа 5 апрѣля, 1767 года.

№			Число баловъ избир.	неизб.
1.	Сотни Иваницкой:	Куренный атаманъ Иванъ Лисенко	3.	18.
2.	Сребрянской:	Андрей Василенко	1.	20.
3.	—	Федоръ Харченко	3.	18.
4.	Второварвинской:	Иванъ Мошикъ	4.	17.
5.	—	Иванъ Потапенко	3.	18.
6.	Ичenской:	Петръ Романовичъ	17.	4.
7.	—	Иванъ Тарара	3.	18.

№			Число баловъ избир.	неизб.
8.	Полковой:	Алексѣй Козаковъ . .	11.	10.
9.	—	Матвѣй Петруша. . .	6.	15.
10.	Переволочанской:	Омельянъ Тернѣцкій. .	2.	19.
11.	—	Алексѣй Сорока . . .	2.	19.
12.	Монастырской:	Осипъ Головко . . .	5.	16.
13.	—	Василь Плиска . . .	6.	15.
14.	Варвинской:	Трофимъ Андрущенко .	8.	13.
15.	—	Иванъ Рубанъ . . .	13.	8.
16.	Журавской:	Климъ Дараганъ. . .	4.	17.
17.	—	Максимъ Якименко . .	1.	20.
18.	Иваницкой:	Осипъ Сакунъ. . . .	1.	20.
19.	Корыбутовской:	Григорій Спицкій. . .	4.	17.
20.	—	Лука Чернышевъ. . .	7.	14.
21.	Красноколядинской:	Мойсей Тетухъ . . .	7.	14.
22.	—	Стефанъ Ивановъ. . .	10.	11.

---

12) Донесеніе сотеннаго повѣреннаго Ив. Лисенка о противозаконной покупкѣ старшиною козачьихъ грунтовъ и угодій и о противодѣйствіи ея внесенію жалобы объ этомъ въ депутатскій наказъ.

Его Высокографскому Сіятельству... *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову.

Доношеніе.

По силѣ манифеста Е. И. Величества, выбранъ я въ числѣ протчихъ сотни Иваницкой отъ села Ступаковки погостнымъ повѣреннымъ, и за собраніемъ въ сотенное Иваницкое правленіе всѣхъ погостныхъ повѣренныхъ, выбрали мене въ сотенные повѣренные и съ козакомъ сотни Иваницкой Юскомъ Сакуномъ, и поручили мнѣ замѣтку о своихъ нуждахъ для сочиненія генеральнаго наказа, въ коей между протчимъ показали о скупленныхъ въ сотнѣ Иваницкой

козачихъ грунтахъ, при вѣрющемъ письмѣ. А когда, за собраніемъ всѣхъ сотенныхъ повѣренныхъ въ городъ Прилуку, въ силѣ обряда, по присягѣ, начали между собою согласіе чинить, то другихъ сотенъ повѣреные, товарищи мои, о скуплѣ козачихъ добръ разными чиновниками и владѣльцами, съ наущенія ли чіего, или сами отъ себе, въ наказѣ купли той поставить не похотѣли; но нѣкоторые изъ нихъ, повѣренныхъ, ходили просить къ полковому канцеляристѣ Петру Пятигорскому для учиненія генеральнаго наказа, которые, отъ него возвратясь, и мнѣ зъ своими товарищами къ нему для того итти велѣли. На что я съ товарищами своими къ показанному Пятигорскому и ходили просить, чтобъ учинилъ наказъ; но оной насъ послалъ просить выписки о состояніи дворянского наказа къ предводителю дворянскому, подсудку повѣту Иваницкого Петру Максимовичу, которой стоялъ въ домѣ судіи земского повѣту Прилуцкого Якова Величка. Но оной дать отказался; а вышедъ оный судія Величко, невѣдомо съ чего, объявилъ намъ, чтобъ просить о сочиненіи наказа означенного Пятигорского и для наставленія въ сочиненіи наказа его, Пятигорского, прислать къ нему. Но я для присылки къ нему жъ канцеляриста Пятигорского не ходилъ, а товарищи мои ходили ли, того, такъ и у судіи Величка жъ былъ ли онъ—не знаю; а только товарищи наши принесли въ собраніе сочиненной имъ, Пятигорскимъ, пропустя о скупленныхъ во всемъ полку Прилуцкомъ козацкихъ грунтахъ пунктъ, наказъ, который переписавши, и подписали всѣ въ томъ собраніи бывшіе повѣренные. И о всемъ вышеписанномъ я Вашему графскому Сіятельству въ разсмотрѣніе нижайше представляя, доношу:

Въ прошедшихъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свѣрскій, кой нынѣ въ повѣтъ Иваницкій земскимъ судіею выбранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Иваницкой не имѣющій. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Иваницкой жилище, многихъ козаковъ поскуплялъ грунта знатные, мельницы почти всиловне поскуплялъ же, сѣнокосы, пахатные поля, гаи и лѣсные угодія, а кромѣ того и многихъ въ подданство подъ видомъ скупли попривлекалъ. А когда онъ, бывшой сотникъ Свѣр-

ской и нынѣшній судія земскій, козачими грунтами чрезъ всю бытность своего сотничества, после запретительныхъ Высочайшихъ указовъ, удоволился, то дозволилъ тестю своему, бывшому сотнику Монастырискому, а нынѣшнему абшитованному судіи полковому, Ивану Романовичу, въ той же сотнѣ Иваницкой при селѣ Ступаковцѣ грунта искуплять первѣе почти всиловно, мельницы, зъ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатные поля, а иные пахатные поля и всиловно, подвергнувши первѣе козака подъ видомъ скупли въ подданство, деньги вбрасывалъ и себѣ оные поля позавдаривалъ. И хотя то козаки сотни Иваницкой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таскаясь за оными съ нимъ, Романовичемъ, по судамъ, яко то: до учрежденія еще въ Малой Россіи земскихъ судовъ, по полковой Прилуцкой Канцеляріи, а за учрежденіемъ земскихъ судовъ—по суду земскому Иваницкомъ и по генеральному суду, и по онымъ дѣламъ неоднократные отъ суда генерального въ судъ земской Иваницкой указы выправляли за свои по суду земскому волокиты, то не точію ничего того себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часъ отъ часу службы государевой нести въ несостояніи, но и пропитать себе заледво чимъ могутъ; и ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточію оныхъ не получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишимся. И ежели Вашему Графскому Сіятельству на моемъ одномъ показаніи увѣриться не возможно, то я изсылаюсь въ доказательство на сотенное Иваницкое Правленіе и на прошлогодніе ревизіи; и которыми именно какъ онъ, бывшій сотникъ Свѣрскій, такъ и тесть его, абшитованный судія полковый Романовичъ, козаками завладѣли, и нынѣ они во владѣніи ихъ находятся.

Того ради, Вашего Графского Сіятельства всенижайше прошу: въ вышеозначенныхъ скупляхъ какъ бывшимъ сотникомъ Иваницкимъ Свѣрскимъ, такъ и тестемъ его, нынѣшнимъ абшитованнымъ судіею полковымъ Романовичемъ, въ противность указовъ, какъ жи-

лыхъ дворовъ, такъ и разными случаями убылыхъ имѣній, учинить милостивую резолюцію.

Къ сему доношенію полку Прилуцкого сотнѣ Иваницкой куренный атаманъ Ступаковскій Иванъ Лисенко подписался.

1767 году,
априля 29 дня.

---

13) Донесеніе Стремоухова объ отправленіи козачьяго депутата отъ Ичанской сотни.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Борисоглѣбского драгунского полку премієръ-маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе полученного мною сего мая " дня Вашего Сіятельства циркулярного ордера, выбранной Прилуцкого полку съ козаковъ депутатъ козакъ сотни Ичанской, житель мѣстечка Ични, Петръ Романовичъ съ написанными отъ козаковъ прошеніями отъ мене отправленъ. Данное жъ ему отъ сотенныхъ повѣренныхъ полномочіе и балотированій списокъ и присяга повѣренныхъ еще минувшаго апрѣля 28 числа при рапортѣ моемъ въ канцелярію Вашего Сіятельства отправлены. О чемъ симъ покорнѣйше доношу.

Премієръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 17 Мая,
1767 году.

1767.

IX.

Выборы въ переяславскомъ полку.

1) Донесеніе предводителя шляхетства переяславскаго о выборѣ предводителей и головы.

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

Отъ 7 числа сего марта отпущенный Вашего Сіятельства ко мнѣ ордеръ, которымъ изволите предлагать подаваемые мнѣ о гражданахъ списки отъ городовъ, въ которыхъ повелѣно въ присудствіи моемъ выбрать по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста и приложенныхъ обрядовъ голову, разсматривать, дабы во оные вносимы были всѣ жителѣ тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ зъ протчими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ мѣсто,—получилъ я сего жъ марта 15 дня; а какъ я о семъ имѣлъ и словесное Вашего Сіятельства приказаніе, то и не упустилъ наблюсти того дѣйствительнымъ исполненіемъ, и уже въ городахъ Кіевского полку Козельцѣ и Острѣ въ присудствіи моемъ выборы окончены, и гражданскимъ головою въ Козельцѣ избранъ судія полковый Степанъ Барановскій, а депутатомъ писарь полковій Кіевскій Семенъ Катериничъ; въ Острѣ жъ головою—сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, отъ шляхетства Кіевского полку выбранъ предводителемъ подкоморій Козелецкого повѣта Александеръ Солонина, а депутатомъ подкоморій повѣта Остерского Андрей Миткевичъ. Сего жъ числа въ городѣ Переясловлѣ избранъ отъ живущихъ здѣсь шляхетства, козаковъ и мѣщанъ градскимъ головою войсковій канцеляристъ Иванъ Бахчевскій. По окончаніи жъ протчіихъ повелѣнныхъ выборовъ репортовать къ Вашему Сіятельству зъ приложеніемъ о всемъ журнала долженствую. *Василій Туманскій.*

767 году, марта 16,
Переясловъ.

2) Отказъ Андрея Безбородка отъ званія депутата переяславскаго шляхетства.

Высокоблагородный господинъ бунчуковый товарищъ и почтенный предводитель со всѣмъ благороднымъ дворянствомъ полку Переясловского,

Государь мой!

Увѣдомляяся изъ письма Вашего, что дворянство полку Переясловского избрало меня своимъ въ коммиссію о сочиненіи проэта новаго уложенія депутатомъ, симъ имѣю честь Вамъ отвѣтствовать: слабость крайняя здоровья моего, ежечастые припадки, а особливо тягостная и безпрерывно продолжающаяся въ ногѣ болѣзнь отъ ранъ, часто открывающихся, не позволяютъ мнѣ отважится на таковое важное и трудное дѣло, которое, требуя великихъ трудовъ и безпокойствъ, приведетъ меня до послѣдняго моего изнеможенія. Таковыя обстоятельства были причиною, что я и здѣсь при выборѣ отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, минованъ былъ отъ балатированія въ депутаты и съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя званіе дворянъ здѣшнихъ предводителя, которое, какъ вразсужденіи свободности жить въ домѣ и пользоватся Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ, такъ и меньшихъ трудовъ въ сравненіи должности депутатской, слабому здоровью моему сходнѣе кажется. Для того не сомнѣваяся, что благородное дворянство полку Переясловского, пріемля во уваженіе таковые неудобства, мнѣ отважится на такъ далекій и трудный путь и вступить въ званіе депутата ихъ вовся недозволяющія, предводительствуемые вамы не отрекутся сдѣлать мнѣ справедливость. Покорно Васъ, государя моего, прошу не упуская при нынѣшнѣмъ собраніи доставить, чтобъ я перемѣненъ былъ другимъ депутатомъ, которому къ лучшей пользѣ вашей и всего государства послужить силы дозволили бы.

Пребываю впротчемъ Вашего Высокоблагородія, государя моего покорный слуга *Андрей Безбородко.*

Зъ Чернигова,
въ 3 день априля, 1767 году.

3) Письмо А. Безбородка къ графу Румянцеву о причинахъ отказа.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

На другой день по отбытіи Вашего Сіятельства получилъ я отъ господина предводителя дворянства полку Переяславльскаго Томары предварительное увѣдомленіе, что выбрано меня депутатомъ въ коммиссію и вскорѣ намѣрены были прислать надлежащее полномочіе и наказъ. Я хотя и отвѣтствовалъ ему, какіе причины мѣшаютъ мнѣ вступить въ толь важное и многотрудное дѣло, но не ожидая, чтобъ онъ могъ здѣлать перемѣну по прозьбѣ моей безъ представленія Вашему Сіятельству, принимаю дерзновеніе утруждать и къ освобожденію меня отъ сего мнѣ неудобъ-сносимаго труда призывать Вашего Сіятельства милость. Слабость здоровья, ежечастыя припадки, людямъ лѣтъ моихъ свойственныя, а паче всего нестерпимая въ ногѣ болѣзнь, которую малѣйшее безпокойство раздражаетъ и приводитъ въ опасность, были причиною, что я при выборѣ въ Черниговѣ съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя такую должность, которая гораздо меньшія въ сравненіи депутатской труды и попеченія сопряженныя имѣетъ съ собою, и отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, обойденъ балатированіемъ въ депутаты. Не великое безпокойство, которое я имѣлъ при семъ послѣдномъ случаѣ, привело меня въ такое состояніе, что я, прежде нежели оправится могу, принужденнымъ себя нахожу сидѣть безъвиходно въ горницахъ; а что до ноги касается, то продолжающаяся въ ней болѣзнь мнѣ почти и ступить не дозволяетъ. Не сомнѣваюся, что Ваше Сіятельство не будете почитать, чтобъ другіе какіе виды понуждали уклонятся отъ сего благого дѣла меня, который знаетъ, что онъ всѣ силы свои услугамъ государственнымъ посвящать обязанъ; но когда крайнѣе изнеможеніе лишаѣтъ меня способовъ исправлять возлагаемыя на меня дѣла, то позвольте, Милостивый Государь, изобразить здесь нижайшое мое прошеніе, дабы Ваше Сіятельство объ уволне-

ніи меня отъ депутатской должности милостиво предложить соизволили, чтобъ я могъ остатокъ жизни моей пользоваться Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ. Заключаю чистосердечнымъ признаніемъ, что съ благодарнѣйшою преданностію и высокопочитаніемъ есмь, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всеодолженный и нижайшій слуга *Андрей Безбородко.*

Стольное,
апреля отъ 9 дня 1767.

---

4) Донесеніе предводителя переяславскаго шляхетства объ отказѣ Безбородка съ просьбою дать инструкціи на счетъ выбора новаго депутата.

Сіятельнѣйшому Графу *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

По силѣ Высочайшаго всеобнародованного манифеста, и Вашего Сіятельства по тому послѣдовавшаго распоряженія, шляхетство, помѣщики всего полку Переясловского, будучи въ собраніи въ городѣ Переясловлѣ, выбрали въ коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія отъ своего шляхетства депутата, господина генерального судю Андрея Яковлевича Безбородка, которому я по должности моей тогожъ времени о томъ письменно и далъ знать. Но сего априля въ 11 д. получилъ я отъ него письменный ко мнѣ и ко всему здешнему шляхетству отзывъ о его болѣзненныхъ припадкахъ и слабостяхъ, и что ему то крайне не дозволяетъ принять таковъ важный трудъ, для чего просить онъ, дабы на его мѣсто другой былъ выбранъ депутатъ, о чемъ Ваше Сіятельство съ представляемой при семъ того письма копіи соизволите усмотрѣть. А какъ въ обрядахъ выборовъ, въ такомъ случае шляхетству повторного выбору депутата дѣлать не предписано, и я къ такому повторному выбору оного зъ шляхетствомъ приступить не смѣлъ, что все милостивому Вашего Сіятельства рѣшенію представляя, имѣю долгъ ожы-

дать чрезъ сего нарочно посланного господина подсудка земского повѣту Золотоноского Якова Рустановича Вашего Сіятельства резолюціи.

Предводитель шляхетства Переясловского полку, бунчуковій товаришъ *Стефанъ Тамара.*

767 году,
априля 12 дня.

---

5) Донесеніе о выборѣ новаго депутата вмѣсто отказавшагося отъ званія депутата Безбородка.

Сіятельному Графу *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову

Нижайшій Рапортъ.

Въ силѣ полученного мною отъ Вашего Сіятельства сего априля 17 дня ордера, съ собравшимся уже до того здешнего полку шляхетствомъ приступилъ я къ новому избранію депутата другого, и выбрали на прежде избранного господина абшитованного судью генерального Андрея Безбородка мѣсто господина полковника компанѣйского Захарія Забѣлу. О чемъ Вашему Сіятельству нижайше рапортую.

Предводитель шляхетства Переясловского, бунчуковый товаришъ *Стефанъ Тамара.*

---

6) Донесеніе объ окончаніи выборовъ.

Его Сіятельству *(и проч.)* Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

По опредѣленію Вашего Высокографскаго Сіятельства, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, 766 году декабра 14 дня состоявшагось, и приложенныхъ обрядовъ при выборѣ отъ дворянства предводителя, а отъ городскихъ жителей головы, имѣлъ я присудствіе въ полкахъ Кіевскомъ и Переясловскомъ,

и кто именно тѣмъ, а особливо депутатами для отправленія въ Москву въ коммиссію къ сочиненію проэкта новаго уложенія выбранны, объ оныхъ при семъ регистеръ и подленные присяжные за подписомъ бывшихъ у присяги чиновъ листы съ особливымъ объ ономъ всемъ происходствѣ журналомъ у сего прилагаю.

Василій Туманскій.

1767 году,
априля 27 дня.

---

7) Регистръ, кто именно въ полкахъ Переясловскомъ и Кіевскомъ выбраны отъ дворянства предводителями, и отъ городскихъ жителей головою и депутатами.

Въ полку Кіевскомъ:

Отъ города Козельця головою выбранъ судія полковый Кіевскій Степанъ Барановскій.

Депутатомъ городскимъ: писарь полковый Кіевскій Семенъ Катериничъ.

Отъ шляхетства полку Кіевского предводителемъ: подкоморый повѣту Козелецкого Александръ Солонина.

Депутатомъ: подкоморый повѣту Остерского Андрей Митковичъ.

Отъ козаковъ полку Кіевского депутатомъ: козакъ выборный сотнѣ Носовской Павелъ Яковлевъ.

Тогожъ полку отъ города Остра городскимъ головою сотникъ Остерскій Иванъ Солонина.

Депутатомъ писарь сотенный Иванъ Пенскій.

Въ городѣ Переясловлѣ городскимъ головою войсковый канцеляристъ Иванъ Бахчевскій.

Депутатомъ городскимъ атаманъ значковыхъ товарищей Сергій Сезоновичъ.

Отъ шляхетства полку Переясловского: предводителемъ бунчуковый товарищъ Степанъ Томара.

Депутатомъ полковникъ компанѣйскій Захарій Забѣла.

Отъ козаковъ полку Переясловского депутатомъ выборный козакъ сотнѣ Ирклѣевской Дмитро Исаонко.

Присяжные листы здѣсь приложенные означены подъ слѣдующими нумерами:

№ 1. Присяжный листъ за подписомъ гражданства города Козельця.
2. Шляхетства полку Кіевского повѣтовъ Козелецкого и Остерского.
3. Гражданства города Остра.
4. Отъ козаковъ полку Кіевского выбранныхъ отъ сотень повѣренныхъ.
5. Гражданства города Переясловля
6. Шляхетства полку Переясловского повѣтовъ Переясловского и Золотоноского.
7. Козаковъ полку Переясловского отъ сотень выбранныхъ повѣренныхъ.

Василій Туманскій.

---

8) Журналъ, составленный В. Туманскимъ о томъ, какъ происходили выборы.

Журналъ о происходствѣ выборовъ въ полкахъ: Кіевскомъ и Переясловскомъ, да въ городѣ Острѣ, по силѣ Высочаишаго Е. И. В. манифеста и обрядовъ, отъ шляхетства предводителей, отъ городовъ городского головы, отъ козаковъ депутатовъ, въ присудствіи писара генерального и Малороссійской Коллегіи члена Василія Туманского, которой для того изъ Глухова отправился 1767 году, февраля 28 дня.

Марта 3 дня прибылъ въ Козелецъ поутру. Но какъ того дня повелѣнные списки о жителяхъ того города Козельця не совсѣмъ въ готовности были, то приказано оныя списки о жителяхъ городовыхъ всякого званія и чина отъ полковой канцеляріи, отъ магистрата и отъ сотеннаго правленія изготовить на основаніи повелѣнного въ приложенномъ при манифестѣ обряда, а собранію быть на другой день тогожъ марта 4 дня; которого въ приуготовленномъ для сего городскомъ Его Сіятельства господина генералъ-фельдмаршала и раз-

ныхъ орденовъ кавалера графа Алексѣя Григоріевича Разумовского домѣ собрались жительствующіе въ городѣ Козельцѣ шляхетство, земскіе и воинскіе чины, изъ рядовыхъ козаковъ выборные, магистратскіе урядники и лучшіе изъ мещанъ и ремеслениковъ, коихъ всѣхъ званій персонъ было въ собраніи семьдесятъ два человѣкъ.

Въ залѣ того дому, по назначеніи каждому по спискамъ мѣстъ къ засѣданію на поставленныхъ стульяхъ и скамяхъ, читанъ былъ чрезъ писаря полкового кіевского Семона Катеринича Высочайшій Е. И. В. манифестъ зъ приложеніями, который, стоя при своихъ мѣстахъ, слушали съ прилѣжнымъ вниманіемъ и чувствуемою особливою радостію о толикомъ Высочайшимъ Е И. В. матернемъ ко всѣмъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ попеченіи. Выслушавъ все и поклонясь къ партрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ же отъ начальника, что надлежить выбрать головою изъ присудствующихъ въ засѣданіи, начали по списку, какъ въ обрядѣ предписано, балатировать, что происходило зъ утра до дву часовъ по полудни; но какъ еще оставалось немалое число персонъ къ балатированію, то положено собратся тогожъ дни въ 4-мъ часу по полудни; за собраніемъ же такожъ нѣсколько персонъ балатировано, и по большинству шаровъ выбранъ въ городѣ Козельцѣ головою судія полковый кіевскій Степанъ Барановскій, и отъ всего того собранія поздравленъ; зачимъ онъ за такую къ нему отъ всего города довѣренность благодарилъ.

Марта 5 дня, по учиненной повѣсткѣ, собрались въ томъ же Его Сіятельства домѣ всѣ пріѣхавшіе въ городъ имѣющіе въ полку кіевскомъ свои деревнѣ и владѣнія и живущіе въ городѣ чиновные персоны, и по списку, какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, такъ по порядку и посажены, коихъ всѣхъ въ наличности было восѣмъдесятъ два человѣка.

При ономъ шляхетства собраніи читанъ чрезъ писаря земского повѣту Остерского Михайла Лусту Высочайшій Е. И. В. манифестъ съ приложеніями, которой всѣмъ собраніемъ зъ особливою тихостію и кротостію слушанъ, и по прочтеніи учиня подобающій къ портрету

Е. И. В. поклонъ, изъявляя тѣмъ всеусерднѣйшую благодарность, сѣли на опредѣленныхъ по спискамъ мѣстахъ.

Объявлено за тѣмъ отъ начальника, что надлежить выбрать изъ присудствующихъ въ предводителя дворянства, кого за достойна къ тому разсудятъ; для чего и приказано двумъ опредѣленнымъ разносить на дву тарѣлкахъ положенные шарики, одному по правую, а другому по лѣвую сторону сидящимъ; по роздачѣ всѣхъ шариковъ, читанъ изъ списка первонаписанный и сидящій въ первыхъ персона, на которого когда все собраніе порядочно, другъ за другомъ отъ своихъ мѣстъ приходя къ столу, гдѣ поставленъ былъ ящикъ, положили шарики, то начальникъ, винявъ изъ правой стороны ящика, и по щетѣ предъ собраніемъ числа шариковъ, сколько явилось, велѣлъ записать противъ того персоны, также и число изъ лѣвой стороны; и симъ порядкомъ и о другихъ персонахъ происходило; и по большинству шариковъ выбранъ въ дворянского предводителя подкоморый повѣту Остерского Андрей Миткевичъ, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; онъ же благодарилъ за оказаную къ нему довѣренность.

Марта 6 дня въ тотъ же домъ собрались гражданство для подпису на полномочіи градскому головѣ, которое тогожъ дня, за представленіемъ начальнику, и поручено отъ него головѣ суддѣ полковому Барановскому съ подлежащими списками.

Марта 7 дня голова, собравъ въ оной же домъ всѣхъ прежде бывшихъ жителей по повѣсткѣ, яко время въ церковъ, ишли во оную предписаннымъ въ обрядѣ порядкомъ, и при присудствіи начальника слушали въ соборной Преображенія Господня церквѣ литургію, молебно пѣніе и посвященіе воды, и по окропленіи всѣхъ читанъ манифестъ зъ приложеніями, и приведены къ присягѣ, и изъ церкви шли тѣмъ же порядкомъ возвратно въ предпомянутой домъ.

Марта 8 дня, по собраніи шляхетства въ ономъ же домѣ, поручено отъ начальника полномочіе зъ списками предводителю дворянскому вышеупомянутому подкоморому Миткевичу, которой, принявъ оное, говорилъ краткую рѣчъ, прославляя Е. И. В. премудрые устроенія и всемилостивѣйшое къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ ми-

лосердіе, шляхетству жъ благодаря за сію къ нему особую довѣренность.

Тогожъ дня поведены изъ оного дому предводителемъ въ предъвоспомяненную соборную церковъ, гдѣ отправляема была протопопомъ съ протчимъ духовенствомъ литургія зъ молебствіемъ и освященіемъ воды, по кропленіи которою читанъ манифестъ со всѣми приложеніями, и приведены къ присяги, и изъ церкви предводителемъ же поведены въ тотъ же домъ, гдѣ подписались на присяжной формѣ.

Марта 9 дня, по отбытіи начальника изъ Козельця въ городъ Остеръ, выбранъ въ Козельцѣ отъ шляхетства депутатъ, и выбранъ онъ же предводитель, подкоморій Митковичъ, депутатомъ, а на мѣсто его въ предводителя подкоморій повѣта козелецкого Александръ Солонина

Марта 10 дня въ томъ же городѣ Козельцѣ, въ присудствіи городского головы, выбранъ отъ города Козельця депутатомъ писарь полковый Кіевскій Семенъ Катериничъ, какъ о томъ письменно къ начальнику репортовано.

Тогожъ марта 10 дня въ городѣ Острѣ, по учиненіи списковъ всѣмъ жительствующимъ въ томъ городѣ воинскаго и магистратскаго званія чинамъ, козакамъ и мещанамъ, и по собраніи въ домѣ, гдѣ отправляются дѣла тамошнего земскаго суда, происходило избраніе городского головы, и выбранъ головою въ томъ городѣ сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, которому и подписанные всѣмъ тѣмъ собраніемъ полномочіе и списки тогожъ дня поручены.

Марта 11 дня въ соборную тамошную церковъ къ слушанію литургіи, молебного пѣнія и водоосвященія, приведены головою по спискамъ городскіе жители, гдѣ по окропленіи водою и по прочтеніи манифеста зъ приложеніями, учинили должную по формѣ присягу въ присудствіи начальника; выборъ же депутата городского оставленъ на распоряженіе головы по установленному обряду. И какъ отъ оного городского Остерского головы сотника Солонины къ начальнику письменно репортовано, выбранъ отъ города Остра депутатомъ писарь сотенный Остерскій Иванъ Пенскій.

Марта 15 дня вышъ отправленный начальникъ прибылъ въ Переяславль, и на другой день, то есть Марта 16 дня, по подан-

нымъ спискамъ отъ полковой переясловской канцеляріи и отъ магистрата о жителяхъ того города Переясловля, созваны оные граждане въ полковую Переяславскую канцелярію, коихъ всѣхъ жителей, какъ полковой старшины, такъ и другого разного званія чиновъ, выборныхъ козаковъ и мещанъ въ собраніи было восѣмъдесятъ два человѣкъ; гдѣ по онымъ спискамъ къ засѣданію назначены мѣста, и чтенъ былъ чрезъ значкового товариша Тимофѣева манифестъ зъ приложеніями; по прочтеніи котораго, учиня должной поклонъ къ портрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ и началось балатированіе; чрезъ которое выбранъ городскимъ головою войсковый канцеляристъ Иванъ Бахчевскій, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; а онъ благодарилъ за показанную къ нему въ томъ довѣренность, и тогожъ времени полномочіе подписали.

Марта 17 собрались въ полковую жъ канцелярію, и за приходомъ туда начальника, представили вышъ помянутое полномочіе, которое ему, градскому головѣ Бахчевскому, зъ списками отъ городскихъ жителей поручено. За учиненною жъ повѣсткою, яко время въ церковъ, поведены головою съ должнымъ порядкомъ къ церквѣ святого Николая, до которой дорога услана была пескомъ и зъ обоихъ сторонъ поставлены сосонки. По отправленіи литургіи, молебенного пѣнія и водоосвященія и за окропленіемъ священною водою, чтенъ былъ манифестъ зъ приложеніями и приведены къ присяги по указной формѣ, и изъ церкви поведены головою въ полковую канцелярію тѣмъ же порядкомъ, гдѣ на присяжномъ листѣ всѣ бывшіе у присяги подписались.

Марта 19 дня, поутру, въ 8-мъ часу собрались въ полковую переяславскую канцелярію все полку Переясловского съѣхавшоесь шляхетство, о которыхъ поданъ былъ начальнику имянной списокъ не по чинамъ, но какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, и о жительствующихъ въ городѣ Переясловлѣ чинахъ. Всѣхъ ихъ въ томъ собраніи было сто одинадцять персонъ; по которому списку онымъ шляхетству объявлены къ засѣданію мѣста, а потомъ чтенъ былъ чрезъ значкового товарыша Юзефовича манифестъ зъ приложеніями, который слушанъ былъ со всякою кротостію и молчаніемъ. По вы-

слушанiи оного и по учиненiю должного къ партрету Е. И. В. поклона, сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленiемъ отъ начальника, что надлежитъ въ силѣ Высочайшого повелѣнiя выбрать изъ присудствующихъ предводителя, кого къ тому за достойнѣйшаго разсуждаютъ, розданы были по предписанному порядку шарики, то по оному списку и началось балатированiе, между коимъ на бунчукового товарища Стефана Томару положено избираемыхъ шариковъ 102, якое число гораздо превышшало всѣхъ до него по списку балатированныхъ, а все оное собранiе объявили начальнику, яко они всѣ единогласно желаютъ быть предводителемъ ихъ ему, Томарѣ, и по такому общему желанiю и выбору онъ бунчуковый товарышъ Томара отъ начальника и всего собранiя поздравленъ; онъ же за такову ихъ всѣхъ къ нему особливую довѣренность благодарилъ.

Марта 20 дня происходилъ выборъ отъ жителей города Переяславля, въ присудствiи ихъ головы, депутата; и по большинству баловъ выбранъ депутатомъ атаманъ значковыхъ товарышей Сергiй Сезоновичъ.

Марта 21 дня предводителю дворянскому отъ начальника вручено подписанное всѣмъ собравшимся шляхетствомъ полномочiе при всемъ собранiи въ той же полковой канцелярiи, такъ же и списки шляхетству и присланные отъ разныхъ чиновъ письменные объявленiя, коими извѣряютъ избранiе предводителя и депутата на своихъ сотоварыщей.

Марта 24 дня собрались въ полковую канцелярiю и за повѣсткою шествовали въ соборную церковъ катедры Переясловской, подъ предводительствомъ вышписанного своего предводителя, по два человѣка въ рядъ, по списку, какъ и засѣдали; дорога къ той церквѣ по обѣ стороны уставлена была сосонками. По литургiи въ той соборной катедральной церквѣ отправляемо было преосвященнымъ переясловскимъ Гервасiемъ зъ духовнымъ соборомъ молебное ко Спасу пѣнiе и водоосьвященiе; по окропленiи водою читанъ манифестъ зъ приложенiями и приведены протопопомъ переясловскимъ Скрипчинскимъ къ присягѣ, и пошли изъ церквы тѣмъ же порядкомъ въ

полковую канцелярію, гдѣ на присяжномъ листу подписались и избрали депутата; и какъ объявлено начальнику отъ предводителя, что выбранъ тогожъ дни депутатомъ отъ всего собравшогось шляхетства хотя отсудствующій, но имѣющій въ полку Переясловскомъ во владѣніи своемъ деревнѣ, господинъ судія генеральный Андрей Безбородко.

Марта 26 дня собраны были прибывшіе отъ всѣхъ полку Переясловского сотень козаки выбранные повѣренными, коихъ было 31-нъ человѣкъ, и представили свои полномочія, и тогожъ дня въ церквѣ въ присудствіи начальника, по отслушаніи ими литургіи, молебного пѣнія и по окропленіи водою, читанъ манифестъ и приведены къ присягѣ, и изъ церкви въ полковую канцелярію приведены и посажены были порядкомъ тѣмъ, какъ въ спискѣ отмѣчены изъ прибытія ихъ въ городъ, и объявлено имъ отъ начальника, чтобъ они выбрали изъ между себя депутата; они согласились, чтобъ оной выборъ учиненъ изъ находящихся между ими надежнѣйшихъ грамотныхъ козаковъ, коихъ и имяновали согласно семи человѣкъ. Почему на тѣхъ шарикахъ и выборъ происходилъ, чрезъ которыхъ по большинству шаровъ избранъ козакъ выборный того полку сотнѣ Ирклѣевской Дмитро Исаенко, которому какъ полномочіе отъ оныхъ повѣреннымъ подписанное, такъ и данные отъ сотень полномочія жъ и наказы ему зъ особливымъ реестромъ поручены.

Симъ образомъ окончавъ въ Переясловлѣ, отправился паки оттуда въ Козелецъ, куды прибылъ марта 30 дня, гдѣ собраны были такъ же отъ всѣхъ Кіевского полку сотень выбранные повѣренными козаки, коихъ въ наличности было до девятидесять человѣкъ, и представили свои сотенные полномочія.

Марта 31 дня, по отслушаніи имы литургіи, молебного пѣнія и по окропленіи водою, такожъ по прочтеніи манифеста зъ касаючимся до нихъ обрядовъ, приведены къ присяги по узаконенной формѣ и отведены порядочно въ домъ Егожъ Сіятельства Графа Алексѣя Григоріевича Разумовского, гдѣ и прежнія собранія были, и къ выбору депутата изъ между себя приступили, требуя, чтобъ токмо грамотные, яко надеждпѣйшые къ сему дѣлу, были балатиро-

ваны; по которому отъ всѣхъ ихъ выбору по большинству шариковъ избранъ всего кіевского полку отъ стороны козаковъ депутатомъ выборный того полку сотнѣ Носовской козакъ Павелъ Яковлевъ. Полномочіе въ силѣ формы отъ всѣхъ повѣренныхъ и бывшіе отъ сотень наказы оному депутату вручены.

Во всѣхъ предпомянутыхъ мѣстахъ, при молебныхъ пѣніяхъ, играла полковая музыка на трубахъ и литаврахъ.

Априля 27 дня получено въ Глуховѣ отъ почтеннаго господина предводителя шляхетства полку Переясловского Томари письменное увѣдомленіе, яко выбранный депутатомъ господинъ судія генеральный Безбородко, по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ и отправляемой въ полку Черниговскомъ предводительской экспедиціи, ордеромъ Его Сіятельства господина генералъ-аншефа, Малороссійскаго генерала-губернатора, Малороссійской коллегіи президента, Украинскаго и Малороссійскаго корпусовъ главного командира и кавалера, графа Петра Александровича Румянцева уволенъ, и потому отъ оного шляхетства полку Переясловского избранъ депутатомъ полковникъ компанѣйскій Захарій Забѣла, къ которому де полномочіе, наказъ и челобитная отправлены, а копіи изъ того къ цѣлостному въ катедральной Переяславской церквѣ содержанія преосвященному епископу Переясловскому Гервасію сего априля 20 дня поручены.

Василій Туманскій.

1767.

X.

Выборы въ Лубенскомъ полку.

1) *Рапортъ подполковника Огарева по поводу выбора головы.*

Сіятельнѣйшему Графу.... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Староскольского пехотного полку отъ подполковника Огарева.

Покорнѣйшій рапортъ.

Ордеръ Вашего Высокографскаго Сиятельства, пущеной изъ Новъгорода сего Марта 7 числа, подъ № 5, о виборе городской

головы и депутата всѣмъ и всякого звания гражданамъ, виключая исъ того тѣ толко въ городе двори, въ которихъ живуть людо или крестьяне владельческія, я сегожъ марта 15-го полудни въ 5-мъ часу съ нарочно посланнымъ получилъ; на которой въ покорности моей доношу, што по прибытіи моемъ въ городъ Лубны отъ г. полковника Кулябки при промеморіи 9-го числа сего мѣсяца получилъ списокъ для выбору гражданами городской головы единственно объ однихъ только свободно посполитыхъ, о которыхъ по разсужденію съ нимъ г. полк. Кулябкою въ назначенное отъ В. В—гр. С—ства въ росписаніи числа въ выборъ вступили, которымъ до получения означеннаго ордера по разсужденію одними жителями города Лубенъ, то еесть свободно посполитыми, войсковой товарищъ и войтъ Петръ Назарскій, которому тѣ свободно посполитые въ досмотръ отъ Малороссійской Коллегіи поручены, градскою головою сего марта 10-го числа выбранъ, а какъ отъ неистолкования всего того зделано великия упущенія, то во исполнение манифеста и обряда, тожъ и подтвердительнаго отъ В. В—гр. С—ства ордера со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой выборъ той градской головы вступить имѣю и какое по оному зделается исполненіе, о томъ впредъ В. В—гр. С—ству покорно донести имею.

1767 г., Лубны. Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

---

2) Представленіе мѣщанъ г. Лубенъ подполк. Огареву по поводу выбора головы.

Высокородному и Высокопочтенному г. Подполковнику пехотного Старосколского Полку Николаю Гавриловичу Огареву

Покорнѣйшое доношеніе

Во исполненіе Височайшаго всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, под предводительствомъ Вашего Високородія и г. Полковника Лубенского Ивана Петровича Кулябки, въ силу высокого Его Сиятельства г. генералъ-аншефа... (*и проч.*) графа П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при виборѣ требуемого въ комисію о сочиненію проэкта новаго уложенія депутата, сего марта 10 числа

согласно вибрали мы нашего города головою войскового товариша Петра Назарского, которому поднесенное отъ насъ В. В—дію по приложенному при ономъ Височайшему манифестѣ обрядѣ образцу полномочіе при насъ вручено, и поздравленіе, какъ во ономъ же обрядѣ повелено, отъ В. В—дія и отъ всѣхъ насъ учинено, и уже отъ него, зъ согласіемъ В. В—дія, къ вибору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ. Но какъ въ назначенное число собрались ми для присяги и вибору депутата, то отъ него Назарского обявлено намъ, что В. В—діе намеренни в другой разъ чинить виборъ голови, и увѣдомились, что полученно съ полковой луб. канцеляріи, по промеморіи В. В—дія, извѣстіе съ требованіемъ обо всехъ и всякого званія гражданахъ, виключая тѣ толко двори въ городѣ, въ которихъ живутъ людо или крестьяне владѣлческіе, именного списка. А понеже доволно намъ извѣстно, что еще прежде вибору голови, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякаго званія города Лубенъ гражданахъ, кроме подсусѣдковъ и служителей, г. полковнику Лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ, въ силу указного велѣнія, отъ упоминаемого войскового товариша Назарского обстоятелній списокъ при репортѣ представливано а отъ ратуши Лубенской сегожъ марта 5-го числа чрезъ опредѣленнихъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка, многимъ разного званія гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣется бить городского голови виборъ, объявливано; Височайшій же манифестъ прежде того всѣмъ гражданамъ Лубенскимъ обнародованъ билъ, почему должни били всѣ протчіе граждане, такъ какъ и мы, къ выбору голови явится; то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о виборѣ голови обявливанно, ни другіе, хотя совершенно про тотъ виборъ зъ многихъ разныхъ обявленій ведать могли, къ вибору не явилися,—вибирать намъ другой разъ другого голову, чтобъ не учинить противности и и замедленія Высочайшому Е. И. В. указу и Его В—графского С—ва високому повелѣнію, не смѣемъ; ибо при виборѣ нашего города голови, какъ по Височайшему Е. И. В. манифесту, коимъ повелено

отсудственним из города, также и женщинамъ, не имѣть въ семъ выборѣ участія ни самимъ, ни чрезъ письма, а кто въ томъ городѣ находится и самъ бить не можеть, тому дозволенно писменно дать свой голосъ, такъ и Е. В—гр. С—ва високому ордеру: чтобъ всѣ козачіе и шляхетскіе доми въ списокъ поставлено, и въ засѣданіи мѣста занимали по обряду,—съ нашой сторони все сохраненно, чего явнимъ есть доказательствомъ представливанніи В. В—дію отъ войскового товариша Назарского о всѣхъ домахъ жителей здешнихъ списковъ, и недозволеніе В. В—дія тѣмъ, кои на самое начало вибора голови поспѣть не могли, имѣть въ виборѣ участія, хотя чрезъ все время вибора присудствовали. Да кромѣ того бить другому вибору и по сему не доводится, что вибраній нами головою войсковій товаришъ Назарскій есть отъ шляхетства, присвоеній нашему собратству только урядомъ, в разсужденіи другихъ здешнихъ обивателей не послѣдного достоинства, отъ многихъ съ предковъ своихъ давнѣйшій и знатнѣйшій сего мѣста патріотъ, лучче многихъ вѣдаючій здешного города нужды и недостатки, подъ поводомъ которого бить всѣмъ, повстидившимися съ нами чинить виборъ голови, при виборѣ городского депутата будетъ не постидно, и въ наказѣ депутата и составленіи челобитя о общихъ городовыхъ нуждахъ какъ шляхетству и козакамъ для ихъ съ нимъ сородства, такъ и намъ для порученного ему найпорядочнѣйшаго управленія надъ нами (которое онъ и отправляетъ), не зазорно; также, что ми уже о общихъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ для наказу депутата и составленія челобитя учинили приуготовленія, между которими нѣкоторіе простираются до началнѣишихъ сего города жителей, почему ежели кому из тѣхъ начальнѣйшихъ бить головою довелось би, то чтобъ онъ о учиненнихъ всѣмъ намъ чрезъ завладѣніе городовихъ земель и протчого, такожъ инимъ чрезъ лишеніе промисловъ и художествъ, а инимъ чрезъ насильства и порабощенія и другіе обиди, допустилъ въ наказъ и челобите внесть жалобу, особливо ведаючи маломочество и простоту нашу, отнюдъ не надежно; а ис того произойдетъ или отъ насъ (буди возможемъ) представленіе и чрезъ оное великому сему дѣлу замѣшателство и остановки, или принуж-

донни будетъ лишится милости нашей премилосердной Монархинѣ, изводящой насъ отъ бѣдъ, а остатся при нашихъ нуждахъ и подпасть горшому злу и разоренію. Для того В. В—дія покорнѣйше просимъ: выбраннаго нами въ силу Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста достойного по разуму, достоинству, смиренному, правдивому и милосердному нраву, вѣдущего всѣхъ какъ наши, такъ и другихъ здешнихъ обивателей нужди и недостатки, головою нашего города войскового товариша Петра Назарского, которому отъ В. В—дія съ нашего общаго согласія подписанное полномощіе въ силу Височайшаго указа уже порученно, бить головою нашего города не попрепятствовать, не отнимая отъ насъ пожалованной намъ отъ Е. И. В. къ представленію нашихъ нуждъ воли и не дѣлая намъ затрудненія и вожделѣнному дѣлу сему остановки; а депутата дозволить вибрать по обряду, при Височайшему манифестѣ сообщенному, подъ поводомъ вибранного уже голови, обще съ протчими всякого званія жителми Лубенскими, не принуждая жъ насъ и ихъ избирать того, о комъ сердца наши не благоволятъ. Буде же предъ В. В—діемъ сіе наше покорнѣйшое прошеніе не может имѣть мѣста, то понеже ми несумѣнную имѣемъ надежду что правосудній малороссійскій главній нашъ начальникъ Его Сиятельство... графъ П. А. Румянцовъ не оставить насъ безъ милостивого на наши бѣди призрѣнія, къ которому немедля времени нижайшое наше отправимъ представленіе, до послѣдованія високой резолюціи съ другимъ вибором нашему городу голови поудержатся, и сіе наше прошеніе къ Его жъ Високогр. С—тву не удержуя при своемъ представленіи отправить.

Бурмисторъ Иванъ Панко, Бурмистеръ Дмитро Постолникъ, Мѣщанинъ Лубенский Евтухъ Гринко, Мещане: Максимъ Дацѣй, Микита Мисанъ, Григорій Брижаха, Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко, Андрей Сущевскій, Василь Передеріенко, Карпъ Гончаръ, Савка Горкушенко, Петро Илченко, Хома Яковенко, Хома Яценко, Максимъ Хорошковатій, Карпъ Лѣнко, Иванъ Лисенко, Грицко Киряченко, Федоръ Ковнеръ, Грицко Зайченко, Ничипоръ Мисановъ зять, Зѣнецъ, Микола Енко, Савка Рябуха, Микита Горбъ, Харко

Ганнотенко, Василь Лазоренко, Грицко Пухирь, Дмитро Кириленко, Максимъ Холоднякъ, Кондратъ Гончаръ, Андрей Рудь, Хома Хведоренко, Грицко Рябуха; а во мѣсто ихъ неграмотнихъ, по ихъ прошенію, и за себе писаръ ратуши Лубенской Павло Холоднякъ подписался.

1767 году, марта 17.

---

3) Предложеніе подполк. Огарева о вторичновъ выборѣ головы.

Староскольского пехотного полку отъ подполковника Огарева г. войсковому товаришу и войту Лубенскому Назарскому

Предложеніе.

Сего марта 17 бурмистри ратуши Лубенской Иванъ Панко и Дмитро Постолникъ з свободно-посполитими поданнимъ мне доношеніемъ между протчимъ представили, что во исполненіе Высочайшаго Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, подъ предводительствомъ моимъ и г. полковника луб. Кулябки, въ силу высокого Е. Высогр. С—ва... П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при вибору требуемого въ коммиссію о сочиненіи проекта нового уложенія депутата, сего марта 10 числа согласно вибрали оны города Лубенъ головою Васъ, при чемъ поднесеное отъ нихъ по приложенному при ономъ Высочайшому манифесту обрядѣ образцу полномочие при ихъ вручено, и поздравленія, какъ въ ономъ же образцѣ повеленно, отъ мене и отъ всѣхъ ихъ учиненно, и ужо отъ васъ къ вибору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ; но какъ въ назначенное число собралися они для присяги и вибору депутата, то де отъ васъ обявленно имъ, что намѣренъ я въ другой разъ чинить виборъ голови, и увѣдомилися, что полученно отъ полковой Луб. канцеляріи по промеморіи моей извѣстие съ требованиемъ обо всѣхъ и всякого званія гражданахъ, виключая тѣ толко двори въ городѣ, въ которихъ живуть люде или крестяне владѣльческіе, именого списка; довольножъ де имъ известно, что еще прежде вибору голови, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякого званія города

Лубенъ гражданахъ, кроме подсуседковъ и служителей, г. полковнику луб. Кулябцѣ обстоятельной списокъ при репортѣ представленно отъ ратуши лубенской сего марта 5 числа чрезъ опредѣленнихъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка многимъ разного звания гражданомъ, для чего тотъ списокъ сочиняется, и какого числа имеетъ бить гродского голови выборъ, обявленно, Высочайшій же де манифестъ прежде того всѣхъ гражданамъ лубенскимъ обнародованъ билъ; почему должни били всѣ протчіе граждане, такъ какъ оны, къ вибору голови явится, то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно, и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о виборѣ головы обявливанно, ни другие, хотя совершенно про тотъ выборъ зъ многихъ разнихъ обявленій ведать могли, къ вибору не явилися, выбирать имъ другой разъ другого голову чтобъ не учинить притивности и замедлѣнія Высочайшому Е. И. В. указу и его В—графск. С—ва высокому повелѣнію, не смѣютъ. А какъ оной виборъ голови одними свободно посполитими г. Лубенъ учиненъ отъ единаго неистолкования Высочаишаго манифеста и обрядовъ, ибо въономъ обрядѣ по 5 пункту повелѣнно городамъ голову вибрать всякому хозяину, дѣйствително домъ или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ въ городѣ имѣющимъ, а къ тому и ордеромъ отъ Е. В—гр. С—ва, мною сего марта 15 дня полученнимъ, подтвержденно оную гродскую голову и депутата вибрать всемъ и всякаго звания гражданамъ, виключая ис того тѣ толко въ городѣ двори, въ которихъ живутъ люде или крестяне владелческие; для чего я, со всѣми благороднимъ шляхетствомъ и гражданами, приводя въ дѣйствительное Высочайшое Е. И. В. въ силѣ манифеста и обрядовъ повелѣние и Е. В—гр. С—ва ордеръ во исполнение, приступаю ьъ другой той городской голови выборъ, о чемъ отъ меня и къ Е. В—гр. С—ву сего Марта дня 16 репортомъ донесенно; для оногожъ городской голови вибору назначенъ отъ меня срокъ сего марта 21 числа въ 7-мъ часу по полуночи собратца въ томъ же доме, въ которомъ и прежде било; къ якому числу и ви со всѣми свободно посполитими явится должни. И хотя

я вишепрописанниимъ бурмистрамъ и свободно посполитимъ лубенскимъ при подачи отъ нихъ всіо то, что въ оныхъ Высочайшомъ манифестѣ и обрядахъ и Е. В—гр. С—ва ордерѣ предписанно, толковалъ, и они потому и обѣщались на више означенной срокъ для того городской голови вибору явится, но чтобъ они, в случай кривотолкованія имъ отъ ково нибудь того вибору, не могли задерживать въ томъ какого сумнѣния и темъ колми паче выбору той городской голови зделать остановки, для того я занужно нахожу, какъ въ полковую луб. канцелярию о учинении публикации о явки всемъ гражданамъ въ городѣ Лубнахъ живущимъ на тотъ срокъ для вибору городской голови сообщить промемориею, такъ и вамъ предложить симъ предложеніемъ, которымъ и предлагается, дабы ви, по получении сего, всѣмъ свободно посполитимъ города Лубенъ и тѣмъ, кои при первомъ городской голови въ виборе были, вышепрописанние Высочайшие манифестъ и обряды, тожъ и Е. В—гр. С—ва подтвердительный ордеръ, протолковали, такъ какъ вамъ отъ меня сего числа изъясненно, дабы оние свободно посполитие никакого сумнѣнія не имѣли; больше жъ того не имѣли бъ причини опасатца, што хотя бъ хто въградцькую голову вибранъ не билъ, то ихъ общественние прозби и челобите непременно принято и представленно въ учрежденную въ Москвѣ Комисію Нового уложенія будетъ, толкобъ оная соответствовала общественной нужди и сходственна была противъ предписанного въ 26-мъ пунктѣ повелѣнія. Чтожъ оние бурмистри и посполитие въ томъ своемъ доношеніи упоминають сие, что опредѣленіе отъ ратуша лубенского бурмистръ Панко и писаръ Холоднякъ при сочинении списка многимъ разнаго звания гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣетъ бить градской голови выборъ, обявливали, то сіе не можетъ бить справедливо, потому что они никакого права и должности не имѣли другимъ, не ихъ команди гражданамъ, обявлять; да оним же, по неистолкованию, какъ више прописано, Высочайшихъ манифеста и обрядовъ, и предложения для того вибору отъ меня не било, и единственно положенно било отъ однихъ посполитихъ, какъ и више значитъ, тотъ виборъ зделаты, и онымъ всемъ живущимъ здесь,

какъ дворянамъ, такъ и козакамъ, которие заровно съ протчими гражданами числится должни, никакого известия дано не било, почему оны къ тому выбору и явится резону не имели.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 17, 1767 году.

---

4) Рапоръ луб. войта Петра Назарскаго по поводу означеннаго предложенія.

Высокородному и высокопочтенному г. подполковнику Николаю Гавриловичу Огареву

Репортъ

По письменному предложенію и словесимъ приказамъ В. В—дія, чтобъ мѣщанамъ Лубенскимъ Височайшій Е. И. В. о виборѣ депутата въ коммисію проэкта новаго уложенія манѣфестъ такъ, какъ отъ В. В—дія 18 числа сего мѣсяца изяснено, истолковать, и чтобъ оніе никакого сомнѣнія не имѣли опасатся, что хотябъ хто въ городскую голову вибранъ ни билъ, то ихъ общественная полза и челобите непремѣнно принято будетъ,—я многимъ вообще и немалому числу всякому порознь силу манѣфеста, такъ такъ и прежде вибору первой разъ голови, доволно обяснялъ и толковалъ и сколко моглъ о виборѣ городского голови другой разъ совѣтовалъ; почему хотя многіе какъ для другихъ причинъ, въ поданномъ отъ нихъ В. В—дію доношеніи изображенныхъ, такъ найпаче для сего, что прежде вибору первой разъ голови тотъ же толкъ и изясненіе манѣфеста, что должно било всякого чина городскимъ обивателямъ бить при виборѣ, почему и списокъ о всѣхъ жителяхъ г. полковнику лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ представливанъ билъ, отъ мене слишали, и въ силу обряда жъ виборъ голови учинили, и что на поданное отъ нихъ В. В—дію доношеніе резолюціи себѣ въ ползу не получили, но иніе словами жестоко истязани, а всѣ, ежели не будутъ на виборъ другой разъ голови, под устрашеніемъ публичного бою заключени, такожъ что оное ихъ доношеніе къ Е. В—гр. С—ву П. А.

Румянцову не отослано, почему сумнительно имъ било, даби другой виборъ голови не билъ нарушеніемъ Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста, — тотъ мой толкъ и совѣтъ почитали за утѣсненіе и примѣтки; однакъ какъ на докладъ мой отъ В. В—дія приказано увѣдомится, являтся ль они къ вибору другой разъ голови, или не являтся, и сего числа отъ мене бурмистру Дмитру Постольнику писменно предложено, чтобъ онъ отъ всякаго съ нихъ порознь освѣдомился, являтся ль онѣ къ вибору другой разъ голови или неявлятся и для чего. То сего числа обявленній бурмистръ Постолникъ репортомъ представилъ, яко оніе мѣщане всѣ, которихъ въ домахъ засталъ, обявили, что дабы не подпасть имъ наказанію (какъ отъ В. В—дія предявлено) имѣютъ другой разъ къ вибору городского голови явится, о чемъ В. В—дію репортую.

Войсковій Товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, марта 20.

---

5) *Рапортъ Огарева о шляхетскихъ выборахъ.*

Сиятелнѣйшему Графу... (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Староcколского пехотного полку подполковника Огарева

Покорнѣйшій репортъ

По данному отъ В. В—граф. С—ва повелѣнію, въ силѣ Е. И. В. манифеста и приложенихъ при ономъ обрядовъ, отъ дворянства, въ Лубенскомъ полку жителствующаго, въ коммисію о сочиненіи проекта нового уложенія избраны отъ того шляхетства предводителемъ бунчуковый товаришъ Яковъ Кулябка, въ депутати жъ отъ того шляхетства брегадиръ и Гадяцкого Малороссійского полку г. полковникъ Крижановскый. А какъ оной предводитель сего марта 24 числа мне далъ знать, что все то, што по изображенному въ обряде образцу, полномочие и о общихъ нуждахъ наказъ и челобитье всеми бившими при техъ выборахъ шляхетствомъ подписано и

все къ тому подлежащее окончено и къ нему г. бригадиру отослано бить имѣеть, о чемъ Вашему Высокографскому С—ву симъ покорнѣйше доношу.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 27, 1767 г.
г. Лубны.

---

6) Рапортъ Огарева о выборѣ козачьяго депутата.

Сіятелнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣшшій репортъ.

Во исполненіе Высочайшого Е. И. В. манифеста, и Вашего В—гр. С—ва повелѣния, собравшиеся въ городъ Лубнѣ со всѣхъ полку Лубенского сотень козачие повѣренние, по учиненной имы присягѣ, выбрали зъ между себе въ коммисию о сочинении проекта нового уложенія депутатомъ козака полку Лубенского, сотнѣ Лукомской, села Мойсѣевки, Павла Мищенка; о чемъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу; и при томъ за нужное нахожу доложить, что въ приложенниxъ при ономъ Высочайшемъ манифестѣ обрядахъ повелено: когда выборъ депутатовъ окончится, то о томъ начальнику въ Сенатъ репортовать; я же на то особого повелѣнія отъ В. В—гр. С—ва не имѣю; а чтобъ не зделать мне какова либо упущенія, то для того за необходимое почитаю В. В—гр. С—ву представить: слѣдуетъ ли мнѣ, кромѣ персоны В. В—гр. С—ва, о таковомъ выборѣ депутатовъ въ Сенатъ репортовать, или какъ повелѣть соизволите. Да и показанного выбранного козачего депутата къ якому числу въ Глуховъ, или куда въ другое место, изволите приказать отправить,—о томъ имѣю ожидать отъ В. В—гр. С—ва повелѣнія.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 года, марта 31.

---

7) Рапортъ Огарева о выборѣ градского головы и депутата.

Сиятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣйшій репортъ

Предъ симъ на полученній мною отъ В. В—гр. С—ва о виборѣ всеми города Лубенъ жителями, кроме людей и крестянъ владѣльческихъ, гродского голови и депутата ордеръ, репортомъ моимъ, В. С—ву изшедшаго марта отъ 16-го пущеннимъ, донесено, что хотя до полученія оного В. В—гр. С—ва ордера отъ самихъ города Лубенъ свободнихъ посполитихъ вибранъ городскимъ головою войсковій товаришъ и войтъ Петръ Назарскій, однакъ, во исполненіе оного В. В—гр. С—ва повелѣнія, со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой виборъ той городской голови вступить имѣю. А нинѣ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу, что тогожъ марта 21 дня, за собраніемъ всего шляхетства и гражданъ, въ тотъ виборъ вступилъ и по тому онимъ шляхетствомъ и гражданами вибранъ гродскимъ головою отставной сотенной атаманъ Павелъ Самойловскій, а депутатомъ значковій товаришъ Григорий Иваненко; толко оному депутату отъ гражданъ о ихъ нуждахъ подлежащого челобитя и наказа еще не вручено; а когда вручено и мне о томъ знать дано будеть, то о томъ впредъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей донесть имѣю.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, апр. 7.

---

8) Отказъ гад. полковника Антона Крыжановскаго отъ званія дворянскаго депутата.

Сиятелнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Репортъ.

По силѣ публикованного Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, выбранъ я отъ шляхетства, въ полку Лубенскомъ вотчины и помѣстья имѣющихъ, депутатомъ въ комисію о

сочиненіи проекта новаго уложенія и на то сего априля въ 9 день получилъ полномочіе и наказъ. А какъ я нахожусь въ болѣзни, которая разновидными приключеніями въ крайнюю привела меня слабость; сверхъ того данные мнѣ отъ шляхетства Лубенского полку наказъ и приложенныя прошенія съ тѣмъ, что по Высочайшему манифесту требуется, совсѣмъ не согласны, и хотя бы болѣзнь моя не препятствовала, однако въ комисію явится мнѣ было бы нѣ съ чемъ, о чемъ я и къ г. предводителю, бунчуковому товарыщу Якову Кулябкѣ, тогожъ 9 числа отписалъ; а какова тотъ наказъ и прозьбы содержанія, Ваше Сіятелство увидѣть изволите изъ особого отъ шляхетства Лубенского полку поднесенного репорта. По тѣмъ причинамъ Ваше Сіятелство покорно прошу отъ сей наложенной на меня комисіи милостиво свободить, а для излеченія болѣзни нижайше прошу въ сихъ способнихъ мѣсяцахъ маи и іюнѣ и отъ дѣлъ уволить.

Бригадиръ, Гадяцкій полковникъ *Антонъ Крижановскій.*

1767 году, апр. 18.

По сему резолюція учинена: „уволнить по прошению“.

---

9) Рапортъ луб. войта Петра Назарскаго по поводу выборовъ гор. головы и депутата.

Високородному и високопочтенному г. подполковнику Н. Г. Огареву

Репортъ.

Во исполненіе предложенія В. В—дія, коимъ изволите предлагать, что Его Высокографское Сіятельство.. графъ П. А. Румянцовъ В. В—дію изволилъ високопредложить, что увѣдомился, что при выборе городского головы и депутата почти всѣ старшины и другіе чиновники, находясь точно въ домахъ своихъ и въ самомъ городѣ, сами не били, а прислали толко свои голоса; при сочиненіи же депутату наказа, мѣщане многіе вовся и допущены не были, а делали оній сами старшина; кто жъ именно изъ старшинъ и чиновниковъ или зъ мещанъ, въ Лубняхъ живущихъ и на лицо находящихся, подъ наказомъ

депутату не подписалися,—прислать репортъ, и чтобъ я о томъ вишеписанномъ какъ найскорие прислалъ къ В. В—дію репортъ и въ ономъ точно показалъ, били ль хто опредѣленни для сочиненія того даваемого наказа отъ мещанъ или нетъ, и буди не были, то для чего именно, и всѣ ли мещане, дѣйствительно на лицо состоящіе, при тѣхъ виборахъ били, а буди не были, то для чего; тожъ и подъ наказомъ всѣ ль оніе подписались?—Чрезъ сіе репортую, что для сочиненія наказа, какъ В. В—дію доволно извѣстно, отъ мещанъ нетолко многіе, но и никто допущенъ не былъ, а опредѣленно чиновниковъ, а именно: значкового товариша Ивана Запорожского, коморнѣка повѣту Роменского Константія Шулячевского, атамана второ-лубенского Григорія Онищенка, хорунжаго полковой луб. артилеріи Игната Щочку и писара протопопіи луб. Василя Котляревского—не для чего другого, какъ что оніе мѣщане о промислахъ и рукодѣліяхъ, козаками и чиновниками отправляемихъ, не отбувая гражданской повинности, такожъ о завладѣніи гражданской землѣ, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ неполезномъ, представленіе въ челобитну внесть намѣревали; а въ пятой день по виборѣ депутата, когда уже нетокмо наказъ кончился, но и челобитна составленна била, хотя одного, а именно Дмитра Постолника, по усилію моему, означенно, но ничего отъ него о общественныхъ нуждахъ въ наказъ представляемого не принято и къ составленію челобитной не допущенно; а что после того въ челобитну о градской землѣ жалоба внесена, то тое учиненно на требованіе нѣкоторихъ значковихъ товарищей и знатнѣйшихъ козаковъ Лубенскихъ. Мѣщане, дѣйствительно на лице состоящіе, при виборѣ голови не всѣ били и учинили то иніе для своихъ нуждъ, а иніежъ—что первій виборъ голови почитали, для сохраненихъ при немъ отъ ратуши лубенской всѣхъ указнихъ и обряда повеленіяхъ, за совершенное исполненіе указу и не смѣли безъ изволенія Е. В—гр. С—ства графа П. А. Румянцова, о чемъ доношеніе В. В—дію отъ нихъ поданно, въ другой виборъ вступать, почитая послѣдовавшое при подачи отъ нихъ того доношенія устрашеніе, и по присланному ко мнѣ отъ В. В—дія предложенію, какъ я и репортомъ тогда

представлялъ, мой уговоръ, за притѣсненіе. А при виборѣ депутата кто изъ тѣхъ мещанъ билъ—мнѣ не извѣстно, якожъ я и самъ бить не могъ за чинимими мнѣ разноличними наругательствами и притѣсненіями, почему и подъ наказомъ всѣ ли о иніе мещане подписался, и буди не подписалися, то кто именно,—не вѣдаю.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, априля 29.

---

10) Требованіе войта П. Назарскаго о сообщеніи Огаревымъ ордера графа Румянцева, коимъ разрѣшено луб. мѣщанамъ составить челобитную о своихъ нуждахъ.

Високородному... (*и проч*) подполковнику Н. Г. Огареву

Доношеніе.

Извѣстно мнѣ, что високимъ Его Сіятелства... графа П. А. Румянцова ордеромъ В. В—дію повелено мещанамъ Лубенскимъ дозволить о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ въ челобитя что хотя писать и прямо къ Е. В—гр. С—ству отправить, но того въ присланномъ ко мнѣ отъ В. В—дія ордерѣ не прописано; а нинѣ оніе мещане, будучи отъ мене о томъ Его Сіятелства къ нимъ благоволеніи увѣрени, челобитную уже написали; но многіи съ нихъ желаютъ, для болшого прославленія благодарности Его Сіятелству, видѣть и при урядѣ своемъ имѣть заключаючоесь о нихъ въ томъ ордерѣ Его Сіятелства милосердное попеченіе, и просили, чтобъ я о томъ просилъ В. В—дія. Для того покорнѣйше прошу съ оного Е. В—гр. С—ства високого ордера копію либо обстоятелную въ своемъ предложеніи прописку прислать.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, априля 30.

---

11) Рапортъ войта П. Назарскаго о томъ, почему нѣкоторые мѣщане не подписали наказа.

Високородному (*и проч.*) подполковнику Н. Г. Огареву.

Репортъ.

Въ силу предложенія В. В — дія, сего числа полученного, осталось мнѣ В. В—дію отрепортовать, для чего нѣкоторіе мѣщане Лубенскіе на наказѣ депутату не подписались; и хотя о всѣхъ неподписавшихся, кто они именно, вѣдать не могу, для обявленного въ отправленномъ отъ мене сего числа къ В. В—дію репортѣ резону, но понеже отъ нѣкоторихъ изъ тѣхъ неподписавшихся слихалъ я причину неподписанія такову, которая въ сумнителство мене приводить, что ежели В. В—дію представлю, то не учинилось бы того, что при подачи отъ нихъ В. В—дію доношенія о невыборѣ другой разъ голови. Для того о томъ имѣю нижайше доложить Е. В—граф. С—ству... П. А. Румянцову и по високой резолюціи учинить на предложеніе В. В—дія исполненіе, о чемъ покорнѣйше репортую.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, априля 30.

---

12) Адресъ лубенскихъ мѣщанъ графу Румянцеву съ просьбой о ходатайствѣ.

Сіятелнѣйшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Нижайшое доношеніе.

Всевисочайшое изволеніе Е. И. В. нашей всемилостивѣйшой Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской о содержаніи Вашему Високографскому Сіятелству власти и правителства нашего отечества чествуемъ мы за особливій промислъ всещедрого и всевѣдущого Бога ко избавленію насъ отъ порабощенія нестерпимихъ и неудобъ-сказаннихъ обидъ и утѣсненій, которіе мы со всекрайнѣйшимъ розореніемъ до опредѣленія отъ Вашего Високографского

Сіятелства къ управленію намъ войтомъ войскового товарища Петра Назарского претерпѣвали. Нинѣ сколь начинаемъ ползоватся високою В. В—гр. С—ства милостію, столь благонадежны пребиваемъ, что всѣ наши нужди и недостатки, о коихъ всеподданнѣйшое челобитіе Е. И. В—ву подносимъ, силою и предстательствомъ В. В—гр. С—ства, въ скорости скончаются, оное челобите, по милостивому В. В—гр. С—ства благоизволенію, къ В. В—гр. С—ству приносимъ и нижайше просимъ быть за насъ ходатаемъ, а мы о благоденствіи и здравіи Вашего Сіятелства въ молитвахъ предъ Богомъ, въ прославленіи же имени и добротъ предъ людми тщателни пребудемъ.

Бурмистръ Иванъ Панко, Бурмистръ Дмитро Постолникъ. Мещани: Кирило Рудъ, Евтихій Гриневичъ... (*слѣд. еще 35 подписей*).

---

13) *Рапортъ Огарева объ изготовленіи отдѣльныхъ прошеній отъ каждой сотни.*

Сиятелнѣйшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцеву

Покорнѣйшій рапортъ.

Я, приведя во исполненіе полученній мною сего мая 8 дня отъ В. В—гр. С—ства циркулярній ордеръ, которимъ изволили предлагать врученніе козачему депутату отъ сотеннихъ поверенних наказы отставить, а токмо съ прошеніями, какови отъ сотень дани повѣреннимъ, того депутата отправить, а при томъ ведая, что оному депутату отъ сотеннихъ повѣреннихъ болѣе никакихъ прошеній не вручено, кроме едного общего прошенія и наказа, почему посиланною отъ мене въ полковую Луб. канцелярію промемориею, зъ сообщеніемъ копии оного циркулярного ордера В. В—гр. С—ства, требовано, чтобъ отъ оной полковой канцеляріи во всѣ полку Лубенского сотенніе правленія чрезъ нарочнихъ предложенно, даби отъ онихъ правленій велено съ каждой сотнѣ порознь написать, въ силѣ третого обряда, челобитные или прошенія и оние прислано бъ при репортахъ въ полковую канцелярію съ однимъ каждой сотни повѣреннимъ сего мая на 13 число, и съ полковой канцеляріи тѣхъ

повѣренних изъ данними отъ ихъ сотень прошеніями прислано бъ ко мнѣ безъ замедленія въ разсужденіи томъ, что хотя оной козачей депутатъ зъ данним отъ мене къ В. В—гр. С—ству репортомъ отъ 18 априля отправленъ, но я надѣялся, что оной депутатъ обратно ко мне отъ В. В—гр. С—ства присланъ будетъ, для полученія тѣхъ прошеній, или испроситъ у В. В—гр. С—ства, чтобъ тѣ прошенія къ нему переслани били. А нинѣ зъ оной полковой Луб. канцелярии при промеморияхъ прислани ко мнѣ репорти, полученние въ оной полковой канцелярии зъ сотенних правленій, именно: зъ перво-Лубенского, Яблуновского, Курѣнского и Снѣтинского, да поданное въ онуюжъ полковую канцелярію отъ погостнихъ повѣренныхъ сотни перво-Лохвицкой доношение, въ которихъ репортахъ и доношеніи представлено, что тѣхъ сотень погостние повѣренніе обявили, яко они другихъ прошеній писать не могуть, а утверждаются во всемъ на общомъ прошеніи и наказѣ, которие вручени депутату. Зъ сотень же Городиской, перво-Сенчанской, второ-Сенчанской и Янишполской прислани въ оную полковую канцелярію а съ той канцелярии ко мнѣ вновь написанние прошенія, которие согласни во всемъ тому прошенію, которое отъ общества оному депутату вручено; о чемъ всемъ Вашему С—ству въ покорности моей доношу, и что повелѣть соизволите, имею ожидать резолюціи. Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, мая 19.

---

14) Донесеніе о выборѣ шлях. депутатомъ Гр. Полѣтики на мѣсто отказавшагося Крыжановскаго.

Сиятелнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Репортъ

Ордеромъ Вашего Сіятелства, мною прошедшаго 22 априля полученнимъ, велено мнѣ на мѣсто г. брегадира и полковника Гадяцкого Крижановского, по означеннимъ въономъ причинамъ отъ депутатства уволенного, созвавъ всѣхъ полку Лубенского шляхетство, другого выбрать депутата. Въ слѣдствіе которого подлежащій вы-

боръ повелѣнного депутата сого 8 мая такъ приезжимъ, яко наличнимъ шляхетствомъ полку Лубенского, по означенному въ Высочайшомъ Е. И. В. манифестѣ обряду, дѣйствително состоялся и депутатомъ выбранъ при нинѣшномъ балтированіи надворній совѣтникъ и морского шляхетного кадецкого корпуса надъ ученіями главній инспекторъ г-нъ Полѣтика. А яко нинѣ вновь выбранной депутатъ въ отсутствіи въ Санктъ-Петербургѣ при своей должности находится, Высочайшимъ же Е. И. В—ва манифестомъ въ обрадѣ выбора изъ дворянъ депутата къ сочиненію проекта новаго уложенія по 25 пункту повелено: къ заочно выбранному депутату дворянскому, предводителю полномочіе и наказъ отсилать,—для того все приезжое и наличное полку Лубенского шляхетство сами собою охотно согласились къ тому выбранному отъ себе депутату, для учиненія ему скорѣйшей явки въ комисіи, учрежденной къ сочиненію плана новаго уложенія, послать на собственному своему коштѣ нарочного, возного перволубенской сотнѣ Лва Кучара, чрезъ которого отправить долженствую къ нему полномочие и тѣ точно челобитніе и наказъ, кои прежде сего выбранному отъ общества депутату были посланы, по причинѣ сей, что какъ наличніе, такъ и отсудствующие шляхетство чрезъ присланіе голоса показанныхъ челобитнихъ быть безъ премѣны положили. Я Вашему Сіятелству о семъ въ покорности моей репортую и именемъ всего полку Лубенского шляхетства нижаише прошу повелѣть дать подорожнюю на проездъ въ С.-Петербургъ отправляемому отъсель нарочному на двѣ почтовие лошадѣ въ оба пути, и ту подорожнюю приказать ко мнѣ прислать, для отправленія оного нарочного. Предводитель, бунчуковій товаришъ *Яковъ Кулябка.*

1767 года, мая 15.

1767.

XI.

Выборы въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ.

1) Рапортъ Румянцеву генеральнаго обознаго С. Кочубея о невозможности произвести выборы въ Гадячѣ и Сорочинцахъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

За прибытіемъ моимъ въ назначенные отъ Вашего Сіятельства мѣста для приведенія въ исполненіе Всевысочайшаго Е. И. В. имяннаго указа и публикованного манѣфеста о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, первоначально какъ отъ Вашего Сіятельства сложенъ срокъ марта 4-е число для городскихъ жителей въ Гадячѣ, а после росписанны другимъ сроки, потребовалъ я отъ г. брегадира и полковника Гадяцкого Крыжановского вѣдомости о жителяхъ города Гадяча такихъ, которымъ по силѣ оного Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста и приложенныхъ при томъ положенія и обрядовъ должно выбирать депутата въ показанную учреждаемую въ Москвѣ коммисію; на что онъ г. брегадиръ и полковникъ подалъ мнѣ рапортъ: яко по опубликованіи въ г. Гадячѣ объ ономъ выборѣ депутата упомянутого манѣфеста, на сложенной отъ Вашего Сіятельства срокъ жительствующіе въ томъ городѣ разные чиновники, являсь, объявили, что въ публикованномъ при манѣфестѣ обрядѣ выбора жителямъ городскимъ депутатовъ, подъ литерою Г. по 10-му пункту, надлежитъ магистратамъ и ратушамъ или полиціямъ написать у городѣ имѣючимся домамъ списки; въ Гадяче же де ни ратуши, ни магистрата, ни къ таковымъ правленіямъ принадлежащихъ зъ жителей никакого мѣщанства ни купечества не имѣетца, а живутъ въ томъ городѣ посполитые, подданные замку Гадяцкого, владѣнія Его Сіятельства графа Кирила Григоріевича Разумовского, да разные, яко то: судовъ земскихъ и

подкоморскихъ чиновники, полковые старшины, сотники и другого войскового званія люде и козаки, съ которыхъ чиновники, то есть: шляхетство и рыцарство, вотчины и помѣстя меючіе, гражданство и земство, для выбору отъ нихъ депутата чрезъ разосланные отъ Вашего Сіятельства циркулярные листы, созывается на 15-е сего марта въ городъ Полтаву, и козакамъ 27 чиселъ сегожъ марта для собранія срокъ назначенъ, почему де отъ каждово и надлежащое виполненіе произойти можетъ; а выборъ отъ городскихъ жителей подъ магистратомъ и ратушами въ вѣдомствѣ быть долженъ, каковыхъ въ Гадячѣ нѣтъ, до ихъ де чиновниковъ и козаковъ, яко онѣ особо къ такому выбору отъ нихъ депутатовъ на назначенные сроки созываютца, не принадлежитъ; подданные жъ, яко то крестяне и слуги, въ городѣ домы имѣющіе, отъ сего выбора депутатовъ ордеромъ де Вашего Сіятельства, съ присылкою, гдѣ кому собраніе и на какіе сроки имѣть, расписанія, исключаютца, и за темъ де въ тамошнемъ городѣ для выбору отъ городскихъ жителей депутата никово не имѣетца. Въ равной силѣ и старшины полковые миргородскіе рапортуютъ: что въ городѣ Сорочинцахъ, кроме владелческихъ подданныхъ г. генералъ-маіора Гудовича, жительствуютъ токмо чиновники и козаки, которые на опредѣленные имъ сроки къ выборамъ депутатовъ имѣютъ быть собраны, другихъ же городскихъ жителей, которымъ бы виборъ дѣлать депутата отъ гражданства,—въ томъ городѣ Сорочинцахъ не имѣетца. И понеже расписанные къ выбору депутатовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ сроки прошли уже, а сближилися положенные отъ Вашего Сіятельства сроки къ выбору депутатовъ для обивателей Полтавскихъ, гдѣ дѣйствительное гражданское магистратское правленіе имѣетца, и для шляхетства повѣтовъ Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, такожъ для козаковъ полковъ: Полтавского, Гадяцкого и Миргородского, для того первоначально имѣю я привесть въ исполненіе все предписанное по изображенному Высочайшому указу въ выборѣ депутатовъ отъ гражданъ Полтавскихъ, такожъ отъ шляхетства и козаковъ предписанныхъ повѣтовъ и полковъ; выборъ же отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ депутатовъ можетъ послѣдовать,

за полученіемъ отъ Вашего Сіятельства резолюціи, после предписанныхъ выборовъ. И какъ Вашего Сіятельства въ разсужденіи прописанныхъ представленій повелѣнно будетъ поступить въ выборѣ депутатовъ отъ обывателей Гадяцкихъ и Сорочинскихъ,—покорно прошу резолюціи.

Генеральній Обозній *Семенъ Кочубей.*

Марта 8 дня, 1767 году.

---

2) Жалоба козаковъ сотень Кременчугской и Власовской объ устраненіи ихъ отъ выборовъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Нижайшое доношеніе.

Состоявшимся и во всей Россіи обнародованнымъ Всевысочайшимъ Е. И. В. указомъ, велѣно собрать въ будучую въ Москвѣ для сочиненія проекта нового уложенія предводителей и депутатовъ и о представленіи туда жъ всякова права людямъ своихъ нуждъ Всемилостивѣйше позволено; а чтобъ въ томъ никому никѣмъ и никакихъ примѣтокъ не чинено—накрѣпко запрещено; что сверхъ такова (какъ выше значитъ) обнародованія, и Ваше Высокографское Сіятельство, чрезъ присланіе въ полковую Миргородскую канцелярію предложенія, соизволили требовать съѣзду нашего въ Полтаву и о выборѣ нами нижайшими, въ числѣ съ полчанами Миргородскими, предводителя и депутата. Но командующій Кременчукомъ, ротмистръ Гавриловъ, и Власовкою—поручикъ Бабичъ, здѣлавъ промежъ собою, въ крайнюю намъ нижайшимъ обиду, проектъ, неусыпно старались, дабы, по требованію Вашего Высокографского Сіятельства и по единогласному общему нашему желанію, насъ нижайшихъ въ Полтаву съѣхатся не допустить,—созвали насъ нижайшихъ въ мѣстечко Кременчукъ и тамо вовся не дозволяли намъ составлять о своихъ нуждахъ къ Е. И. В. вышеписаннымъ указомъ прямо дозволенного прошенія и удержали насъ чрезъ двѣ неделѣ и не точію не по волѣ и желанію общему нашему, но и не допустя насъ нижайшихъ учинить указно для всѣхъ

дозволенной депутата выборъ, сами собою зъ другими еще имъ согласниками собрали депутатомъ маіора Козелского, а предводителемъ Гаврилова, и по едному своему хотѣнію написали къ Высочайшей подачи прошеніе; а насъ нижайшихъ, нибы и ненадобныхъ къ тому людей, прочъ съ Кременчука согнали и, не стыдясь, общему нашему собранію сказывали насмѣшно: что уже мы нижайшіе къ съѣзду полтавскому удобное время пропустили и за тѣмъ уже по своимъ желаніямъ вовся усьпѣть не можемъ. Но мы нижайшіе, яко многіе нужды представлять къ Е. И. В. имѣющіе, стараясь не упустить сего для точного нашего удовольства самого способнѣйшого случая, пріѣздили въ назначенной было для нашего съѣзду Вашимъ В—гр. Сіятельствомъ городъ Полтаву; но за ту насъ нижайшихъ ротмистромъ Гавриловимъ и порутчикомъ Бабичемъ удержку, тамо бывшихъ чиновниковъ и другого шляхетства застать не могли, а являлись—и то уже полку Миргородского въ мѣстечку Останьи—въ Его Пр—ства г. генералъ-маіора и кавалера Семена Василіевича Кочубея и просили, чтобъ позволено было и намъ нижайшимъ, о своихъ нуждахъ составивши челобитную, поручить депутату отъ полку Миргородского выбранному, яко тѣ Кременчукъ и Власовка оба мѣстечки съ ихъ округами издревле въ границахъ полку Миргородского состоять, да и мы нижайшіе по своему въ тѣхъ мѣстечкахъ жительству въ полковой тамошней канцеляріи судомъ и росправою и козачою Е. И. В. службою вѣдомы находились; точію онъ г. генералъ Кочубей безъ точного Вашего Высокографского Сіятельства повелѣнія, а паче причиною нашей въ Полтаву въ надобное время по обстоятельству вышеписанному неявки,—въ той нашей прозбѣ насъ нижайшихъ удовольствовать отказался. Вашежъ Высокографское Сіятельство, поелику имѣете отъ Е. И. В. надъ нами нижайшими, равно якъ и надъ всѣмъ народомъ Малороссійскимъ, особенную власть, и есть къ достиженію намъ нижайшимъ чрезъ тотъ Всевисочайшій указъ объявленной Высокомонаршей Е. И. В. милости истинной вождь,—для того Вашего Высокогр. Сіятельства нижайше просимъ: пріемля во уваженіе вышеписанное слѣдовавшое намъ отъ нашихъ командировъ препятствіе, за неявку нашу на требованной Вашимъ

Сіятельствомъ въ Полтаву срокъ, не лишить насъ нижайшихъ сего къ полученію въ своихъ нуждахъ отъ Е. И. В. желаемого удовольства самоудобнѣйшего времени, а дозволить намъ вобще на составленной и подписанной полчанами Миргородскими и Полтавскими къ Е. И. В. челобитной подписатся, яко въ оной и о нашихъ нуждахъ не упущено. А буди зачемъ того учинить неудобно, то велѣть съѣхаться въ полковую Миргородскую канцелярію, либо другое по узнанію Вашего Сіятельства таковое жъ для насъ способное мѣсто, и тамо по вышеписанному Всевисочайшему позволенію выбрать депутата, такожъ и составить о своихъ общихъ нуждахъ къ Е. И. В. челобитную, и того, кто отъ насъ будетъ депутатъ, причислить къ депутатамъ полку Миргородского. А чтобъ во всемъ томъ тѣжъ наши командиры и никто другой еще и во-вторые надъ тотъ Всевисочайшій намъ нижайшимъ дозволительной указъ не препятствовалъ, въ новоросійскую губернскую канцелярію особо приложить.

Къ сему доношенію подписались нижеписанныхъ сотень козаки: Кременчуцкіе (*слѣдуютъ подписи 123 чел.*), Власовскіе (119 чел.), свободные посполитые: Кременчуцкіе (15 чел.) и Власовскіе (11 ч.). А вмѣсто ихъ неграмотныхъ жителствующій тамъ же значковій товаришъ Иванъ Волошинъ по ихъ прошенію руку приложилъ.

1767 году, марта „ дня.

---

3) *Рапортъ С. Кочубея Румянцеву о городскихъ и козачьихъ выборахъ.*

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцеву.

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, въ резолюціи на представленіе мое состоявшійся, я получилъ; и хотя онымъ предложено, чтобъ когда, по расписанію Вашего Сіятельства, выбору головы и депутата отъ городовъ Гадяча и Сорочинецъ отъ мене здѣлано, то бы я тѣ мѣста оставивъ, доканчивалъ въ другихъ мнѣ порученное. Однакъ в разсужденіи сего, что отъ Вашего Сіятельства въ томъ же ордеры

изьснено, яко въ Сорочинцахъ, сверхъ пожалованныхъ тамо дворовъ г. генералъ-маіору Гудовичу, имѣютъ жительство и домы свои козаки и другіи чины, а въ Гадячѣ де неизвѣстно, чтобъ кому тамъ были отданы во владѣніе мѣщанскіе домы; къ тому жъ и въ ономъ городѣ есть козачіе и чиновническіе домы, которымъ, яко тѣхъ мѣстъ гражданамъ, осталось мнѣ, за исключеніемъ однихъ подданическихъ дворовъ, учинить выборъ головы и депутата. Для того, и что во всѣхъ порученныхъ мнѣ мѣстахъ повелѣнные выборы оконченны уже, послалъ я въ Гадячъ къ тамошнему г. полковнику Крыжановскому, а въ Сорочинцы—старшинѣ полковой миргородской предложенія: чтобы они, по обряду о выборѣ отъ гражданъ депутата, сочинили списки всѣмъ жителямъ (кромѣ владѣльческихъ подданыхъ), дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ имѣющимъ, и оные мнѣ подали найскорие; а притомъ заготовили домъ и все потребное къ повелѣнному отъ гражданъ выбору. Я таковы списки получа, подлежащіе отъ ихъ выборы головы и депутата произведу по силѣ обряда безъ укоснѣнія.

По отпускѣ же сего, по обрядамъ здѣланны выборы въ городѣ Полтавѣ, а именно: первѣе, марта отъ 12 числа, отъ гражданства головы и депутата; другое, марта отъ 16 числа,—предводителя и депутата отъ помѣщиковъ, дворянства и шляхетства повѣтовъ: Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, которые по содержанію сего, что Ваше Сіятельство имъ всѣмъ опредѣлили одинъ срокъ и одно мѣсто къ выбору,—согласились отъ всѣхъ ихъ выбрать одного предводителя и одного депутата; третіе, марта 28 числа, въ мѣстечку Опошнемъ депутата отъ повѣренныхъ выбранныхъ отъ сотень полку Гадяцкого, къ которымъ присовокупилъ я и повѣренныхъ козачихъ полку Полтавского, вразсужденіи, что явилось оныхъ (за отходомъ, по указу, оного полку другихъ сотень въ Екатерининскую провинцію) съ пяти сотень только десять человѣкъ; четвертое, апрѣля 1, въ мѣстечку Остапьи депутата жъ отъ повѣренныхъ, выбранныхъ зъ сотень полку Миргородского. О семъ, за окончаніемъ остальныхъ выборовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ, обстоятельный репортъ Вашему Сіятельству имѣтиму

честь подать, а между тѣмъ Вашему Сіятельству въ покорности моей доношу, что при выборѣ депутата отъ козаковъ полку Миргородского послѣдовали помѣшательства слѣдующіе: старшины полковые Миргородскіе представляли на сотника Сорочинского Гончаренка, по репорту тамошнего атамана Шимкова, яко козаки Сорочинскіе, по склонности своей къ сотнику, выбрали его своимъ повѣреннымъ, которой де выборъ послѣдовалъ въ отмѣну обряда, ибо де онъ сотникъ жены не имѣетъ, и какъ зъ дѣлъ въ полковой канцеляріи извѣстно, публично за непорядки наказыванъ кіями полковникомъ и бывшей генеральной Войсковой канеляріи членомъ Кишкинымъ, и въ другихъ подозрѣніяхъ бывалъ; почему отъ меня предложено было, какъ старшинѣ полковой, такъ и сотнику Гончаренку, чтобъ ежели подлѣно такъ есть, какъ представляютъ,—не дерзалъ онъ сотникъ быть повѣреннымъ отъ козаковъ; но велено бъ козакамъ при полковой канцеляріи выбрать повѣренныхъ такихъ, которые по тому обряду быть должны. Противу того означенный сотникъ присланнымъ рапортомъ извинялся, что онъ малѣйшою причиною не былъ тому, что его козаки выбрали своимъ повѣреннымъ, и отъ того трожды отказывался и трожды выбиранъ былъ; что же де касается наносимыхъ отъ старшинъ полковыхъ на него подозрѣній, то оные де суть измысленные по одной злобѣ, требуя, чтобъ они показали съ полковой канцеляріи указы или опредѣленія, по какимъ открывается, что будто онъ былъ за непорядки наказанъ полковникомъ Кишкинымъ и въ другихъ подозрѣніяхъ находится, изобличая ихъ, старшину, тѣмъ, что ежели бы онъ сотникъ оказался въ такихъ подозрѣніяхъ, то бы не былъ произведенъ сотникомъ, а после не былъ бы ими жъ самыми и прочими удостоенъ подкоморымъ и асауломъ полковымъ; такожъ не былъ бы выбранъ къ присудствію въ судъ Генеральный отъ полку Миргородского депутатомъ; хотяжъ жена въ него померла, однакъ имѣетъ домъ, дѣтей и свое помѣстье.—На послѣдокъ марта 27 дня, судія полковый Миргородскій Ляховичъ прислалъ рапортъ, что козаки сотнѣ Сорочинской къ выбору отъ ихъ повѣренного собраны были къ полковой канцеляріи; но они отвѣчали, что другова выбирать никого не будутъ, а уже

де выбрали сотника и слова своего не премѣнятъ. На увѣщанія жъ, чтобъ выбрали по обряду не подозрительного человѣка,—подняли въ канцеляріи превеликій и необычайный шумъ, будучи по большой части перепоены; а когда зачинщиковъ двухъ, козаковъ Ивана Мисюра и Ивана Дубовика велено задержать при полковой канцеляріи, то оные собранные козаки, закрычавъ, „не выдаймо!", насильно вшедъ въ кантору, зъ собою отобрали задержанныхъ и отошли зъ канцеляріи зъ шумомъ; сотникъ же Гончаренко отъ таковыхъ продерзостей козаковъ не воздержавъ а на то посланному съ канцеляріи полковой ничего отвѣчать не хотѣлъ, наводя подозрѣніе, что таковы продерзости произойшли по наговорамъ яко бы его, сотника. Не соблаговолите ль Ваше Сіятельство о семъ кому заблагопристойно приказать изслѣдовать, дабы причинившій помѣшательства и неустройства въ толь важномъ дѣлѣ, которое велено производить со всякою благопристойностію и тишиною,—безъ истязанія не остался.

Я же выборъ депутата отъ козаковъ полку Миргородского, какъ выше писано, кончилъ и безъ повѣренныхъ сотнѣ Сорочинской, которые на положенный для того срокъ не явились.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767 году, априля 6 дня.

---

4) Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ г. Полтавѣ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ получилъ я сего марта 17 дня, коимъ предостережено, чтобъ сочиненныи и мнѣ поданныи списки разсматривалъ я съ точностію: всѣ ли зъ всякого званія въ оныхъ граждане помѣщены? ибо тѣ только въ городѣ дворы виключить исъ того должно, въ которыхъ живуть люде или крестьяне владѣльческіе; и наблюдать, дабы въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ означенное себѣ мѣсто, чтобъ порядокъ предписанный для того въ обрядѣ исполненъ былъ во всемъ непремѣнно. На оное В. С—ству

въ покорности моей доношу: что до полученія прописанного В. С—ства ордера, при выборѣ городского головы и депутата поступилъ я во всемъ по обряду, и для того велѣлъ (хотя многимъ старшинамъ и шляхетству было сіе не угодно) писать въ списокъ гражданскій всѣхъ хозяевъ, не обходя никого, кто только дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ въ семъ городѣ имѣетъ, и при заниманіи мѣстъ досмотрѣлъ, чтобъ они садились такъ, какъ въ списки написаны, не по чинамъ или по богатствамъ, но по лѣтамъ, а именно: первые женатые, имѣющіе дѣтей, старики, а после молодые равнымъ образомъ женатые, но безъдѣтные, удовцы и холостые; въ чомъ для лучшого В. С—ства свидѣнія копію списка при семъ посылаю. О сю пору выборы отъ гражданъ головы окончены, и по большинству баловъ избранъ и уполномоченъ городскимъ головою братъ мой, подкоморій Павелъ Кочубей. При томъ же предусмотрено мною, что интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинского званія людемъ, и потому, уповательно, трудно согласится имъ будетъ здѣлать одинакіе депутату наказы.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767-го году, марта „ дня, Полтава.

---

5) Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ Полтавѣ, Опошнемъ, Остапьи, Сорочинцахъ и Гадячѣ.

Сіятелнѣйшому Графу.... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По росписанію Вашего Сіятелства, въ опредѣленныхъ мнѣ местахъ, по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, въ учреждаемую въ Москвѣ коммисію къ сочиненію проэкта новаго уложенія,—выборы депутатовъ въ присудствіи моемъ произведены, а именно; въ городѣ Полтавѣ, въ домѣ войскового товариша Ивана Богдановича, отъ гражданъ марта съ 13-го числа чрезъ три дни балотированіемъ выбранъ городскимъ головою

подкоморій повѣта полтавского Павелъ Кочубей. 17 числа вручилъ я ему подписанное оными гражданами полномочіе, списокъ и гражданскіе ко мнѣ отзывы; 22-го числа приведены они къ присягѣ въ соборной Успенія Богоматери церквѣ о безъпристрастномъ выборѣ депутата; а 16 априля оной выбранной голова прислалъ ко мнѣ рапортъ, что подъ предводительствомъ его, по обряду, въ томъ же Богдановича домѣ граждане выбрали депутатомъ писаря городового Григорія Рогулю, полномочіе ему подписали, наказы и челобитные о нуждахъ общественныхъ гражданскихъ сочинили выбранные пять человѣкъ чрезъ 3 дней, и что поручены оные тому депутату, а копіи отданы въ сохраненіе въ церковъ соборную, священнику тамошнему, протопопу Якиму Яновскому, въ коей церквѣ и присягали. Марта 16-го съѣхавшіесь въ Полтаву шляхетство повѣтовъ: Гадяцкого, Миргородского и Остаповского, собрався въ опредѣленной имъ для выбору, въ означенной войскового товарища Богдановича домъ, держали совѣтъ: выбрать ли предводителя и депутата порозь отъ каждого полку или повѣту, или всѣмъ вмѣстѣ одного? И что В. С—ство опредѣлили съѣхатся показанныхъ повѣтовъ шляхетству на одинъ срокъ и въ одинъ городъ, для того и они въ сходство того положили выбрать отъ всѣхъ ихъ одного предводителя и одного депутата; и 17 марта чрезъ балотированіе выбрали своимъ предводителемъ судію земского повѣта Зѣнковского Федора Войну; 20 врученно отъ меня ему подписанное отъ нихъ полномочіе, такожъ записку прибывшихъ шляхетства и отъ неприбывшихъ присланные отзывы. И по соглашенію ихъ, 21 числа приведены они въ соборной церквѣ къ присягѣ о безъпристрастномъ выборѣ депутата; а истекшаго марта 31-го оной предводитель, присланнымъ ко мнѣ рапортомъ, представилъ: что подъ его предводительствомъ съ 21-го числа тогожъ марта, чрезъ два дни предписанные, шляхетство балатированіемъ выбрали депутатомъ бунчукового товарища Василія Дунина Борковского, въ чемъ и полномочіе ему подписали, после чего выбранными пятьма человѣками сочиненные наказъ и прошенія, подписанны и отправлены онымъ предводителемъ къ депутату, яко отсутственному; а копіи де отданы въ ту жъ со-

борную церковь священнику, протопопу Яновскому. Марта 28-го въ мѣстечку Опошнемъ собрались съ полковъ Полтавского и Гадяцкого выбранные зъ сотенъ отъ козаковъ повѣренные, и какъ съ полку Полтавского, за отходомъ по указу протчихъ сотень подъ новороссійскую губернію, зъ остальныхъ пяти сотенъ прибыло повѣренныхъ только десять человѣкъ; то оные десять человѣкъ присовокупилъ я къ повѣреннымъ полку Гадяцкого; и потому всѣхъ тогожъ 28-го числа въ соборной тамошнѣй церквѣ привелъ до присяги о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ опредѣленномъ домѣ, протопопы Опошнянского, Якова Костенского, балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ козака сотнѣ Комишанской Степана Иванова; которому тогожъ числа подписали повѣренные полномочіе, которое отъ меня и вручено ему; а повѣренные отдали отъ себя наказы и прошенія свои; списки жъ съ того положены въ той же соборной церквѣ, подъ охраненіе священника тамошнего, протопопа Костенского.

Съ полку Миргородского выбранные зъ сотенъ отъ козаковъ повѣренные (кроме Сорочинскихъ, которые на срокъ не прибыли) собрались въ посредственное того полку мѣстечко Остапье, гдѣ априля 1-го привелъ я ихъ въ соборной Воздвиженія Честного креста церквѣ къ присягѣ о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ домѣ возного Григорія Андрузского балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ сотнѣ второй Миргородской возного Марка Тимофѣева, которому тогожъ числа полномочіе подписали, и я оное ему поручилъ, повѣренные жъ отдали отъ себя наказы и прошенія; списки жъ зъ того положены въ церквѣ соборной, въ соблюденіе священнику тамошнему Сильвестру. Въ городѣ Сорочинцахъ, еще до полученія послѣднего отъ В. С—ства предложенія, въ коемъ изволили между протчіимъ предписывать: въ Гадячѣ и Сорочинцахъ выборъ оставить, и объявить мѣщанамъ (буде оные тамъ есть), чтобы они о общихъ нуждахъ для представленія Е. И. В—ву прямо къ Вашему Сіятельству адресовались,—выборъ головы учиненъ; и хотя по большинству избирательныхъ голосовъ и удостоенъ былъ гражданами города Сорочинецъ головою сотникъ Сорочинскій Гончаренко, но за показуемими на него отъ полковой тамошней старшины пороками, по предписанному жителямъ городскимъ обряду,

пункту 4-му, допустить его къ тому было не можно, а объявленъ городскимъ головою увольненный судія полковый Федоръ Козачковскій, на которого по немъ, Гончаренку, больше всѣхъ протчихъ одобряющихъ голосовъ явилось. Оной голова сего апреля 23-го числа рапортомъ представилъ, что подъ его предводительствомъ такъ же выбранъ былъ означенный сотникъ Сорочинскій Гончаренко гражданами въ депутаты, однакъ де по вышеписаннымъ резонамъ быть ему онымъ было не можно; и что на его мѣсто удостоенъ городскимъ депутатомъ старшій полковый Миргородскій канцеляристъ Лука Пищимукъ. Въ городѣ жъ Гадячѣ выборъ головы и депутата, въ сходство вышеизображенного В. С—ства предложенія,—я оставилъ и требовалъ отъ тамошнего начальства, управляющого гражданскою полиціею, изъясненія о мѣщанствѣ того города; но иного въ отвѣтъ получить не моглъ, кромѣ того, что съ имѣючихся въ судѣ гродскомъ Гадяцкомъ книгъ древнихъ годовъ и въ нѣкоторыхъ тамошнихъ жильцовъ крѣпостей отъ 1694 до 1720 годовъ и далѣе того данныхъ, въ росправахъ на покупные и присуженные грунта, описаніе старшинъ, войтовъ и бурмистровъ Магистрату Гадяцкого, засѣдавшихъ съ полковою и сотенною старшиною въ ратушѣ Гадяцкой же, которой и печать при гродскомъ тамошнемъ судѣ имѣется съ тѣмъ изображеніемъ: *„1691 году вѣрного Царскому Пресвѣтлому Величеству города Гадяча Магистратовая печать,“* о чемъ съ оного рапорта В. С—ство усмотрѣть изволите. Какимъ же порядкомъ по предписаннымъ обрядамъ оные выборы мною произведены,—объ оныхъ обстоятельные записки со всѣми письменными производствы у меня имѣющіеся, кому В. С—ство повелите поручить,—предаю высокому В. С—ства размотрѣнію.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767 году, априля 30 дня.

6) Донесеніе полковника Станиславскаго, назначеннаго произвести слѣдствіе о безпорядкахъ въ м. Сорочинцахъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову.

Пермского Карабинерного полку отъ полковника Станиславского

Покорнейшій Репортъ.

Отъ Вашего Высокографского Сіятельства ордеръ, пущенной отъ 19 апреля, подъ № 131-мъ, о изслѣдованіи мнѣ по произшедшимъ въ полковой Миргородской канцеляріи, при случае выбора отъ Сорочинской сотни повѣренного отъ козаковъ, нѣкоторыхъ непорядковъ,—сего апреля 25 числа въ мѣсточкѣ Устивицѣ я получилъ, и во исполненіе оного ордера 26 числа въ мѣсточко Сорочинцы прибылъ и въ производство слѣдствія вступилъ.

Полковникъ *Сергей Станиславскій*

Ч. 30 апреля 1767 году, мѣсточко Сорочинцы.

---

7) Рапортъ С. Кочубея о козачьихъ челобитныхъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По ордеру Вашего Сіятельства, прошлого маія 4 дня мною полученному, въ посланныхъ отъ меня предложеніяхъ какъ къ г. полковнику Полтавскому Горленку, такъ полковой Гадяцкой и полковой Миргородской старшинѣ предписано: призвавъ выбранныхъ отъ полковъ, ихъ депутатовъ, освидѣтельствовать козацкія прошенія, въ сходство ль обряда и прописанного В. С—ства ордера оные сочинены? и ежели что явится въ противность предписанному ордеру, то въ поправленіи того и поступить по точности В. С—ства повелѣнія. Почему г. полковникъ Полтавскій сего іюля 16 мнѣ рапортовалъ, что по силѣ оного ордера В. С—тва врученая отъ козаковъ полку Полтавского выбранному отъ нихъ депутату челобитная въ полковой Полтавской канцеляріи свидѣтельствована, и по разсмотрѣнію оной канцеляріи явилось: первое, что она составлена вмѣстѣ отъ всего полку Полтавского сотень, и къ тому въ ней привнесены нѣкоторія пункты,

до козаковъ непринадлежащія; для того де посланными съ полковой канцеляріи въ сотнѣ полку тамошнего къ сотникамъ указами велено: дабы отъ сотенныхъ канцелярій объявлено было козакамъ, чтобъ они отъ всякой сотнѣ порознь сочинили прошенія о своихъ нуждахъ, токмо въ тѣ прошенія ничего лишняго отнюдъ не привносили бъ, что и сложено на сотниковъ тамошнихъ, дабы оныя прошенія сочинены были по силѣ обряда; по которымъ де предложеніямъ сочиненныя вновь челобитныя въ полковую канцелярію и присланы. Но и въ оныхъ челобитныхъ нетокмо ничего не виброшено, но еще въ нѣкоторыхъ и новые пункты прибавлены, а въ протчіихъ тожъ самое, что и въ первой; и потому посланными въ другой разъ съ полковой Полтавской канцеляріи ко сотникамъ указами велено козакамъ объявить: чтобъ они прошенія свои сочинили вновь, не примѣшивая отнюдъ ничего посторонного. Но какъ отъ сотнѣ второй полковой рапортомъ въ полковую канцелярію представлено, что оной сотнѣ козаки другихъ прошеній сочинять уже не захотѣли и въ томъ ослушались, отъ депутата жъ помянутого Иванова требуется скорой присилки показанныхъ къ нему прошеній, и для того де онъ г. полковникъ Полтавскій, не дожидаясь уже присылки другихъ сотень, какъ первую челобитную, составленную было вообще, такъ и вновь, уже порознь сочиненныя, при репортѣ своемъ подъ разсмотрѣніе представилъ. А отъ полковой Миргородской канцеляріи рапортовано, что по свидѣтельствованіи составленныхъ козаками о ихъ нуждахъ и недостаткахъ прошеній, явилось: что оные сочиненны въ сходство дозволенія, въ обрядѣ предписанного, и что оныя депутату козачому порученны, съ приложеніемъ при томъ рапортѣ, какого содержанія оныя козáчія прошенія, экстракта. О чемъ Вашему Сіятельству докладывая, какъ выше упомянутыя, прысланныя отъ полковника Полтавского козацкія челобитныя, такъ и съ полковой Миргородской канцеляріи сегожъ іюля 16 при репортѣ полученной мною экстрактъ, сочиненной съ прошеній козацкихъ полку Миргородского, подъ высокое В. С—ства благоразсмотрѣніе и резолюцію при семъ доношу. *Семенъ Кочубей.*

1767 году, іюля „ дня.

1767.

XII.

Выборы въ войскѣ Запорожскомъ.

Сіятелнѣйшому Графу Его Высокопревосходительству... (*и проч.*) П. А. Румянцову

Репортъ.

Вашего Высокографского Сіятельства высокій ордеръ о выборѣ, въ силу публикованного манифеста Е. И. В., декабря 14 числа 1766 года состоявшогось, въ учрежденную въ Москвѣ коммиссію сочиненія проекта нового Уложенія отъ войска Запорожского одного депутата, мы съ г. полковникомъ Милорадовичемъ сего теченія 21 числа получили, по которому съ нашимъ раболѣпнѣйшимъ усердіемъ жертвуя сему Всемилостивѣйше и Всевысочайше предпринимаемому учрежденію, по предписанному отъ Вашего Высокографского Сіятельства, чрезъ выбранныхъ и уполномоченныхъ отъ всякого куреня по пяти человѣкъ повѣренныхъ въ назначенный отъ оного г. полковника Милорадовича день и мѣстѣ, то есть сего теченія 27 дня, въ куренѣ Шкуринскомъ, въ присутствіе его г. Милорадовича, выбрали отъ войска Запорожского депутатомъ бывшого войскового судью Николая Тимофѣева Касапа, во всемъ по точности предписаній къ тому въ приложенномъ при манифестѣ обрядѣ; послѣ чего подлежащее въ войскѣ, по здѣшному обычаю, о нуждахъ и недостаткахъ здѣшнихъ общественно учиня совѣтъ и составивъ всеподданнѣйшія прозьбы, оного депутата въ Сенатъ отправленіемъ по всѣй возможности поспѣшать долженствуемъ. О чемъ Вашему Высокографскому Сіятельству покорнѣйше репортуемъ.

Правящій въ войскѣ Запорожзкомъ войсковий судия Павелъ Головатій. Старшини куренние, атамани і товариство.

1767 года, марта 27.
№ 871.

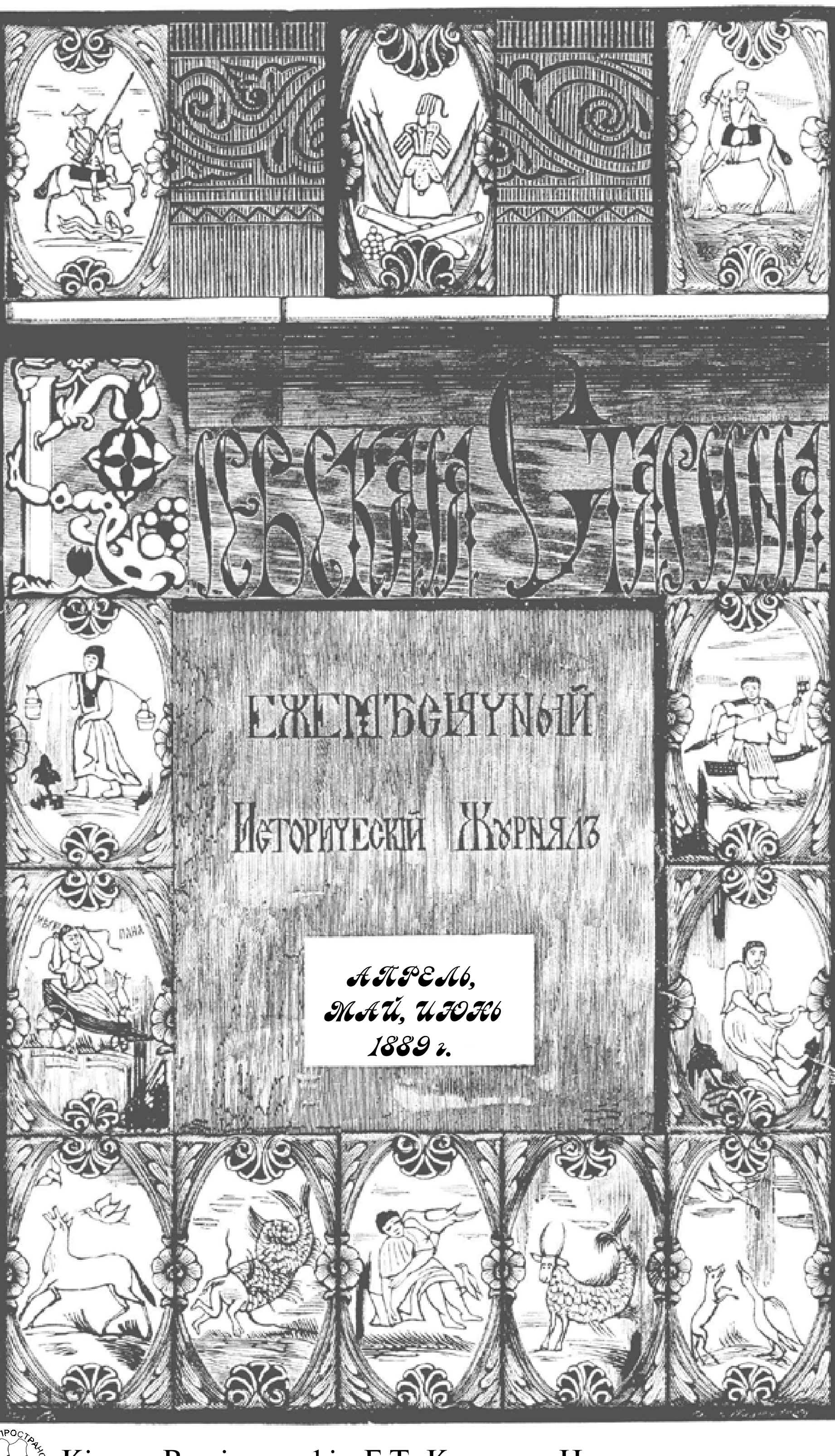
Отмѣтка: Полученъ априля 11 дня, 1767 году.

Оглавленіе.

Отд. IV: Представленія и прошенія малороссійскихъ депутатовъ.

страп.

Отд. V: Документы, относящіеся къ выборамъ депутатовъ.



Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Томъ XXV 1889 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

стр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

АПРѢЛЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го Марта 1889 г.

Очерки изъ исторiи кiевской духовной академiи за XVIII столѣтiе.[1]

I.

Жалоба префекта и учителей академiи на своего ректора Давида Нащинскаго и отвѣтное доношенiе послѣдняго по поводу этой жалобы.

Внутренняя, въ особенности же бытовая сторона жизни кiевской духовной академiи за XVIII столѣтiе (не говоримъ уже о XVII) остается до настоящаго времени еще мало освѣщенною. Излѣдователи, занимавшiеся изученiемъ судебъ нашей академiи, сосредоточивали свое вниманiе главнымъ образомъ на внѣшнемъ строѣ этого учрежденiя, вслѣдствiе чего ихъ труды по сему предмету имѣютъ характеръ какъ бы оффицiальныхъ пространныхъ отчетовъ. Они довольно обстоятельно говорятъ о кiевскихъ митрополитахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣнiемъ которыхъ находилась академiя; сообщаютъ краткiя бiографическiя свѣдѣнiя о ректорахъ академiи, префектахъ, преподавателяхъ, а иногда и о болѣе выдающихся воспитанникахъ ея; перечисляютъ учено-литературные труды профессоровъ; отмѣчаютъ науки, ими преподававшiяся; знакомятъ съ инструкцiями (хотя далеко не всѣми), даваемыми для руководства какъ учащимъ, такъ и учащимся; указываютъ на выдающiяся перемѣны во внѣшнемъ положенiи академiи, и т. п. Но относительно внутренняго ея быта, напримѣръ, частной жизни академическихъ профессоровъ, взаимныхъ ихъ отношенiй между собою, отношенiй къ начальствую-

[1]) Рефератъ, читанный въ Историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца.

ющимъ лицамъ, а равнымъ образомъ о внѣшкольной жизни студентовъ, какъ то: разнообразныхъ средствахъ къ добыванію себѣ насущнаго пропитанія, пріискиваніи, еще до окончанія курса, мѣстъ, сватовствѣ невѣстъ, перѣдкихъ столкновеніяхъ съ разными слоями кіевскаго общества, и т. п.--обо всемъ этомъ поименованные изслѣдователи говорятъ весьма мало,—почти вовсе ничего не говорятъ.

Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, почему занимавшіеся изученіемъ прошлаго кіевской академіи мало обращали вниманія на внутреннюю, бытовую сторону ея жизни,—замѣтимъ только, что на скудость данныхъ, необходимыхъ для этой цѣли, много жаловаться нельзя, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ настоящему и прошлому столѣтіямъ. Ознакомившись съ рукописнымъ отдѣломъ нашей академической библіотеки и нѣкоторыми изъ кіевскихъ архивовъ (лаврскимъ, кіево-выдубицкимъ, центральнымъ при университетѣ св. Владиміра, въ особенности же мѣстнымъ консисторскимъ), мы сравнительно въ небольшой промежутокъ времени имѣли возможность сдѣлать извлеченіе или снять копіи болѣе чѣмъ съ 200 документовъ, изъ коихъ каждый представляетъ не безъинтересныя данныя для характеристики бытовой жизни академіи за XVIII и первую четверть текущаго столѣтій.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду познакомить публику съ двумя изъ такихъ документовъ, представляющихъ матеріалъ для характеристики отношеній между ректорами и профессорами академіи,—отношеній, которыя, въ теченіи долговѣчнаго существованія нашей alma mater, не всегда отличались мирнымъ характеромъ, въ духѣ евангельской любви и кротости, но по временамъ рѣзко обострялись и даже переходили въ открытую вражду, вызывавшую вмѣшательство высшаго начальства. Упомянутые два документа, касающіеся такого рода враждебныхъ столкновеній, относятся ко времени ректуры въ академіи *Давида Нащинскаго;* это—1) жалоба, поданная кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому префектомъ и профессорами академіи на своего ректора Давида Нащинскаго, и 2) объяснительная записка послѣдняго по поводу означенной

жалобы. Документы эти были извѣстны еще В. И. Аскоченскому; но онъ въ своей Исторіи кіевской академіи упоминаетъ о нихъ глухо, въ двухъ-трехъ словахъ [1]). Правда, въ примѣчаніи Аскоченскій дѣлаетъ небольшую выдержку изъ одного упомянутаго нами документа [2]), но, независимо отъ своей краткости, выдержка эта, сдѣланная исключительно съ цѣлію показать, что „продовольствіе училищнаго начальства было отличное во всѣхъ отношеніяхъ", — не даетъ никакаго понятія о содержаніи, а тѣмъ болѣе о характерѣ документа.

Сообщимъ предварительно краткія біографическія свѣдѣнія объ упомянутомъ ректорѣ академіи, вызвавшемъ нерасположеніе къ себѣ со стороны подчиненныхъ ему сослуживцевъ.

Давидъ Нащинскій обучался въ кіевской академіи, гдѣ первоначально прошелъ только первые классы, а затѣмъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ, отправленъ былъ для продолженія образованія въ заграничные университеты (Галицію и Саксонію). По возвращеніи на родину, Нащинскій снова поступилъ въ академію и изучалъ здѣсь языки латинскій и нѣмецкій, поэзію, риторику и философію. Въ это время онъ принялъ монашество и по окончаніи курса (въ 1747 г.) оставленъ былъ при академіи профессоромъ; въ продолженіи 8 лѣтъ онъ послѣдовательно преподавалъ здѣсь грамматику, синтаксиму, нѣмецкій языкъ, поэзію, риторику и затѣмъ, уже въ званіи префекта, философію. Въ 1755 г. Нащинскій возведенъ былъ въ санъ архимандрита и сдѣланъ настоятелемъ слуцкаго Троицкаго монастыря, находившагося въ то время въ предѣлахъ Польши.

Съ 1758 года начинается вторичное служеніе Нащинскаго въ кіевской академіи. 2 іюля означеннаго года умеръ ректоръ академіи Манассія Максимовичъ. Немедленно, по предложенію тогдашняго митрополита Арсенія Могилянскаго, приступлено было къ избранію новаго ректора. Сохранились нѣкоторыя довольно интересныя подробности этого избранія. Въ немъ прини-

---

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею. Кіевъ. 1856 г., ч. II, стр. 157 и 223.

[2]) Ibid., стр. 520, 521.

мали участіе не только профессора академіи,—чтó въ то время было явленіемъ нерѣдкимъ,—но и члены кіевской духовной консисторіи. Голоса избирателей раздѣлились. Наставники академіи желали имѣть у себя ректоромъ тогдашняго своего префекта іеромонаха *Самуила Миславскаго*, мотивируя свое избраніе тѣмъ, что Миславскій „черезъ четыре года неотлучно отъ академіи со удовольствіемъ учениковъ въ преподаваніи разныхъ школъ и инструкціи малой и великой трудился". Другимъ кандидатомъ на ректуру (резолюціею митрополита требовалось избраніе „единого *или двухъ человѣкъ*") академическими наставниками избранъ былъ „митрополіи кіевской архидіаконъ Мелхисидекъ", какъ „имѣющій тоже довольную способность къ понесенію должностей", соединенныхъ съ званіемъ ректора (съ ректурою въ академіи соединялось преподаваніе богословія и настоятельство въ Кіево-братскомъ монастырѣ)[1]). Самъ же Самуилъ Миславскій, лично отъ себя, первымъ кандидатомъ въ ректора академіи намѣтилъ Давида Нащинскаго, хотя рекомендація, сдѣланная имъ этому кандидату, отзывалась похвалою весьма сомнительнаго качества, граничившею съ довольно злою ироніею. „Въ отправленіи означенныхъ (т. е. ректорской, преподавательской и настоятельской) должностей," — заявлялъ Миславскій, — „достаточенъ архимандритъ слуцкій Давидъ Нащинскій буди только далекое мѣста разстояніе къ порученію помянутому архимандриту оныхъ должностей не воспрепятствуетъ: *а притомъ буди оный архимандритъ прилежнѣе будетъ въ преподаваніи Богословія трудитися нежели въ показаніи философіи обращался*". Какъ на другаго кандидата, С. Миславскій указывалъ на того же архидіакона Мелхисидека, который намѣченъ былъ (также вторымъ кандидатомъ) всѣми остальными преподавателями академіи[1]).—Но кіевская консисторія почти единогласно избрала первымъ кандидатомъ въ ректора академіи „превелебнѣйшаго архимандрита заграничнаго благочестиваго слуцкаго монастыря Давида Нащинскаго", какъ ученаго, „который въ

---

[1]) Акты Кіево-братскаго монастыря и академіи (рук. библ. кіевск. академіи), т. II, № 5.

латинскомъ и другихъ къ преподаванію священной Богословіи потребныхъ языкахъ, какъ то—греческомъ и еврейскомъ превосходный успѣхъ имѣетъ и въ академіи кіевской отъ 1747 по конецъ 1755 годовъ въ ученіи школъ латинскихъ, Грамматики, Синтаксимы, Піитики, Риторики, Философіи такожъ другихъ между тѣмъ языковъ *довольно потрудился съ немалою пользою не точію своихъ учениковъ, но цѣлой академіи кіевской*". Вторымъ кандидатомъ на ректуру избранъ былъ отъ консисторіи игуменъ каѳедральнаго Кіево-софійскаго монастыря (онъ же и членъ консисторіи) *Досиѳей Галяховскій*, а третьимъ (на тотъ случай, если бы кандидатура Нащинскаго была признана неудобною „за какимъ либо препятствіемъ по отдаленности мѣста его служенія")—каѳедральный писарь *Петръ Артовскій* (тоже членъ консисторіи).

Члены кіевской консисторіи, сами намѣченные въ качествѣ вторыхъ кандидатовъ на ректуру, подали отдѣльныя мнѣнія.

Досиѳей Галяховскій въ своемъ заявленіи довольно подробно изображаетъ важное значеніе соединенныхъ съ ректурою обязанностей. „Въ таковое званіе"—пишетъ онъ—„какъ въ совершенномъ знаніи священной Богословіи искуснаго человѣка потребно, и таковаго, чтобъ отъ самосущо, и истинно, и искренно, и съ нужною пользою нашей церкви святой православной, съ доволнимъ наставленіемъ и разъясненіемъ ученикамъ своимъ оную тщательно и говорливо преподавалъ; такъ и хозяйство дознаніемъ только знающаго и въ случаи вотчинныхъ тяжебныхъ дѣлъ приказный порядокъ добрѣ вѣдущого, наипаче же къ исправленію монастырскому и во образъ братіи подвигомъ нелѣностнаго и житіемъ превосходно добродѣтельнаго необходимо надобно". По всей вѣроятности, Досиѳей Галяховскій и себя лично признавалъ не неспособнымъ къ выполненію столь высокихъ, соединенныхъ съ ректурою и настоятельствомъ, обязанностей, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ „въ таково званіе" *достаточнымъ*, въ качествѣ

---

[1]) Ibid.—Рекомендовался Миславскимъ Мелхиседекъ, „яко недавно отъ ученія удалившійся и въ академіи въ званіи учительскомъ обращавшійся, а притомъ и въ архидіаконской должности находясь, нѣсколько кратъ проповѣди сказывавшій".

перваго кандидата, и слуцкаго архимандрида *Давида Нащинскаго*, хотя объ его достоинствахъ спеціально имъ не сдѣлано было никакого упоминанія. Какъ на втораго кандидата Досиѳей указывалъ на выше упомянутаго нами каѳедральнаго писаря и члена консисторіи іеромонаха *Петра Артовскаго*.—Этотъ послѣдній въ своемъ мнѣніи первымъ кандидатомъ намѣтилъ *Давида Нащинскаго*, вторымъ—*Досиѳея Галяховскаго*, а третьимъ (на случай, еслибы кандидатура Нащинскаго митрополитомъ признана по указанному выше обстоятельству неудобною)—архидіакона *Мелхисидека Орловскаго*. Мелхисидекъ же Орловскій, какъ мы видѣли, единогласно избранный всею академическою корпораціею вторымъ кандидатомъ на ректуру,—*минуя Давида Нащинскаго*, указываетъ какъ на лицъ, способныхъ занять означенную должность, на *Досиѳея Галяховскаго* и *Петра Артовскаго*.—Наконецъ, одинъ членъ консисторіи, именно каѳедральный уставникъ, іеромонахъ Сиѳъ, не примкнулъ ни къ какой партіи. Выходя изъ того положенія, что „избраніе во архимандрита, ректора, а паче Богословіи учителя есть дѣло великаго наблюденія и обдержанія достойное" (по важности соединенныхъ съ сими званіями обязанностей) и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняясь указать на лице, способное съ подобающимъ достоинствомъ занимать означенныя должности, Сиѳъ „того ради приложилъ мнѣніе таково: имѣющимся какъ въ Катедрѣ, такъ и въ Академіи учителнимъ людемъ дать въ подлежащемъ и къ Богословіи касающимся дѣлѣ *публичную диспуту*" и послѣ оной избрать на ректуру оказавшагося достойнѣйшимъ [1]).

Изъ всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ выборъ митрополита палъ на архимандрита Давида Нащинскаго, какъ получившаго *большинство* избирательныхъ голосовъ и хорошо зарекомендовавшаго себя предшествовавшею педагогической дѣятельностію въ академіи. Резолюція преосвященнаго воспослѣдовала 25 іюля. Вскорѣ послѣ сего Нащинскій, вызванный изъ слуцкаго монастыря, прибылъ въ Кіевъ и опредѣленнымъ порядкомъ введенъ былъ въ управленіе академію и Братскимъ монастыремъ.

---

[1]) Всѣ указанныя мнѣнія находятся въ вышеупомянутой рукописи библ кіев. дух. академіи, подъ № 5.

Съ самаго начала между новымъ ректоромъ и профессорами академіи установились немиролюбивыя отношенія. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать. Нащинскій, какъ мы видѣли, не былъ желательнымъ начальникомъ для академической корпораціи, разсчитывавшей имѣть у себя ректоромъ своего префекта Самуила Миславскаго. Въ свою очередь и Давидъ Нащинскій не могъ не оскорбиться тою рекомендаціею, какую сдѣлалъ ему префектъ, мнѣніе котораго очевидно раздѣлялось и остальными профессорами. Спустя немного времени по пріѣздѣ въ Кіевъ, новый ректоръ подалъ митрополиту докладную записку, гдѣ, между прочимъ, просилъ у послѣдняго „архипастырской инструкціи, которою опредѣлены бы были точнѣе предѣлы *начальничеству ректорскому надъ учителями*, понеже безъ таковаго опредѣленія неравно можетъ послѣдовать (чего жъ когда не бывало?) въ гимназіи непорядокъ въ соблазнъ незлобивѣйшихъ".—Очевидно, ректоръ намѣревался вводить въ академіи по отношенію къ наставникамъ новые порядки и порядки эти для послѣднихъ были нежелательны. Въ средѣ академической корпораціи все болѣе и болѣе росло неудовольствіе противъ новаго ректора, которое вскорѣ принимаетъ, наконецъ, характеръ открытой вражды. Поводомъ къ этому послужилъ вопросъ о неудовлетворительномъ пропитаніи наставниковъ академіи. Нужно замѣтить, что въ разсматриваемое время академическіе наставники, какъ лица, въ большинствѣ случаевъ имѣвшія монашескій санъ, жили [1]) въ Кіево-братскомъ монастырѣ, гдѣ пользовались даровыми квартирами и столомъ отъ монастыря. Это было однимъ изъ главнѣйшихъ вознагражденій ихъ за труды, потому что денежное жалованье за профессуру было небольшое и крайне неопредѣленное (хотя оно въ нѣкоторой степени и восполнялось *добровольными приношеніями* болѣе состоятельныхъ родителей, имѣвшихъ своихъ сыновей въ академіи). Такъ какъ монастырь имѣлъ „свою братію", „свои нужды", то иногда и въ прежнее время возникали недоразумѣнія между монастырскою братіею и профессорами „изъ за пропитанія"; но недоразумѣнія эти не принимали остраго характера и почти всегда сглаживались на первыхъ

[1]) Исключенія изъ этого обыкновенія были очень рѣдки.

же порахъ, благодаря тому обстоятельству, что настоятельство въ монастырѣ и ректура, какъ мы сказали, соединялись въ одномъ и томъ же лицѣ. Но съ ректурою Нащинскаго, явно нерасположеннаго къ академической корпораціи, воспослѣдовала для послѣдней перемѣна къ худшему и относительно пропитанія. Начались по этому поводу пререканія. Наставники академіи довели объ ухудшеніи „порцій" до свѣдѣнія митрополита; обращено было на это вниманіе и самого ректора. Давидъ Нащинскій, вслѣдствіе таковыхъ заявленій и жалобъ, потребовалъ объясненій отъ намѣстника Кіево-братскаго монастыря. Послѣдній, послѣ совѣщанія съ монастырскою братіею, представилъ ректору обширное донесеніе, гдѣ заявлялъ, что „порціи" профессорамъ выдаются отъ монастыря обильныя и доброкачественныя, хотя въ настоящее время (вслѣдствіе отнятія нѣкоторыхъ доходныхъ статей) прибытки братскіе и небольшіе; что въ сущности слѣдуетъ не увеличивать порцій, а скорѣе уменьшить ихъ, такъ какъ наставники академіи получаютъ достаточно денегъ за *калифаторство* своихъ учениковъ и *консоляціи*, къ тому же обсылаются водкою и прочимъ напоемъ отъ отцовъ учениковъ; между тѣмъ они—наставники—становятся день ото дня притязательнѣе и своими требованіями просто разоряютъ монастырь: *то не хорошо*, *другое не ладно*. Сами же монастырю помощи не оказываютъ никакой. Въ прежнее время наставники помогали братіи хотя въ совершеніи богослуженія: служили по седмицамъ, становились на клиросы пѣть и читать, „не имѣючи въ томъ никакаго зазрѣнія", а теперь и отъ этого отказываются. „Того ради, респектомъ многонужнаго и всескуднаго времени", намѣстникъ и братія покорнѣйше просили своего настоятеля „яко отца и пастыря", чтобы сіе ихъ доношеніе „внушить и вознесть куда надлежитъ къ благоразсмотрѣнію, дабы повѣлено было требуемые учителми порціоны *сократить*... и довольствоваться тимъ имъ всѣмъ учителямъ, чимъ Братскій монастырь по состоянію нынѣшняго скуднаго времени довольствовать можетъ". Кромѣ того Братскій намѣстникъ просилъ, чтобы деньги, получаемые въ количествѣ 200 рублей изъ Глухова („з войскового скарбу"), были отдаваемы въ монастырскую казну, какъ это было прежде, а не шли въ подѣлъ между учи-

телями, какъ это дѣлается въ настоящее время „невѣдомо почему."—На этомъ доношеніи рукою Давида Нащинскаго начертано было слѣдующее опредѣленіе: „Смякая представленные въ семъ доношеніи резоны, должно бы Его Преосвященства просить намъ о облегченіе; только же смякая и требованіе господъ учителей справедливое и Его Преосвященство *волю въ томъ твердую*, не дерзаимъ трудить особы Его Святительства покамѣсть что покажется со временемъ".

Но время, и при томъ самое близкое, показало слѣдующее. Когда, безъ сомнѣнія по распоряженію Нащинскаго, объяснительное доношеніе кіево-братскаго намѣстника было прочитано предъ всѣми, нарочито собранными для этого, академическими наставниками, то оно вызвало въ средѣ ихъ цѣлую бурю. Они вмѣстѣ съ профектомъ „гнѣвно" обрушились на намѣстника и укоряли его самыми непочтительными словами; называли *плутомъ, мошенникомъ, воромъ*, заявляя при этомъ, что за невыдачу требуемаго ими—наставниками—продовольствія онъ можетъ и *кнута скушать*. Намѣстникъ, донося объ этомъ своему архимандриту Давиду Нащинскому, просилъ о своемъ увольненіи отъ занимаемой имъ намѣстнической должности, „дабы чрезъ неудовольствіе учителямъ въ ихъ излишнихъ требованіяхъ, ради скудости монастырской, отъ кого не подлежитъ неправедныхъ и напрасныхъ поклеповъ, также конфузій безвинно болѣе не претерпѣвать".—На это доношеніе Нащинскій отвѣтилъ намѣстнику (въ видѣ резолюціи на самомъ доношеніи) слѣдующее: „Всечестный Отецъ намѣстникъ Варлаамъ! Наше дѣло есть послушаніе дѣлать по волѣ властей нашихъ такъ, чтобъ мы въ послушаніи исправлялись и вѣрно и радѣтельно и сколько можемъ: опасаться жъ намъ языковъ чюжихъ нѣтъ чего; вольно всякому и мыслить и говорить, что хочется, а мы, естьли совѣсть наша не зазыраетъ намъ и не осуждаетъ насъ, напрасныя рѣчи другихъ благопріятно понести можемъ, яко человѣческія немощи. И такъ Вы, какъ доселѣ трудились въ послушаніи намѣстничемъ, такъ и далѣ еще трудитесь, а единаго Бога боясь, постраховъ человѣческихъ не ужасайтесь. Есть еще Той, Который лѣчитъ и считаетъ волосы наши!".

Всѣ эти пререканія происходили въ началѣ 1759 года (объяснительное доношеніе намѣстника помѣчено 16 генваря, а прошеніе объ увольненіи отъ должности 22 генваря). Очевидно, сочувствіе ректора академіи всецѣло было на сторонѣ монастырскаго намѣстника и братіи; даже безошибочно можно думать, что самая борьба монастыря съ профессорами не приняла бы столь остраго характера, если бы не вызвана была и не поддерживалась самимъ же ректоромъ, недружелюбно относившимся къ академической корпораціи.—Спустя полгода послѣ разсказанныхъ событій, непріязненныя отношенія между Нащинскимъ и профессорами еще болѣе увеличились. 28 августа 1759 года послѣдними подана была митрополиту слѣдующая коллективная жалоба на своего ректора: „Извѣстились мы нижайшіи отъ братіи Кіево-братскаго монастыря, что они съ Архимандритомъ Братскаго жъ монастыря Давидомъ Нащинскимъ подали Вашему ясне въ Богу Преосвященству доношеніе, съ прошеніемъ о нераздѣленіи на учитилей двухъ сотъ рублей денегъ, присланныхъ по Высокомонаршей грамотѣ изъ скарбу Войсковой Генеральной Канцеляріи: а . . . . оные деньги точію на содержаніе ректора съ учителми, какъ въ Высокомонаршей грамотѣ означается, жалованы, содержаніе же ректора и учителей не точію касается къ пропитанію, но и одѣянію оныхъ, почему ректоръ и учители чрезъ нѣсколько уже лѣтъ за тѣ денги себѣ одѣяніе нужное и книги, которыхъ въ библіотекѣ академической нѣтъ, а безъ нихъ обойтись нельзя, покупали; а препитаніе, *да еще не скудное* всегда имѣли изъ вотчинъ Кіево-братскаго монастыря, кои всѣ точію *наданы на содержаніе ректора и учителей*". Подтверждая послѣднюю мысль ссылками на универсалы гетмановъ Мазепы, Даніила Апостола и Ивана Скоропадскаго, изъ коихъ видно, что означенные гетманы и закрѣпляли за Братскимъ монастыремъ помѣстья и надѣляли его новыми угодьями потому только, что съ симъ монастыремъ неразрывно соединенъ *коллегіумъ*, просвѣщающій Малороссію науками къ „вящей оздобѣ и благолѣпію церкви Божіей", — профессора академіи заявляютъ: „а хотя бы протчіе вотчины, при Братскомъ монастырѣ имѣющіеся, и не наданы были на содержаніе, какъ къ препитанію,

такъ и одѣянію учителей касающееся, однакъ и зъ едной вотчины Стаіокъ, которая отъ Его Преосвященства митрополита кіевскаго Іосифа Тукальскаго *собственно на препитаніе учителей дана*, возможно бы было дѣйствительно учителей прокормить. Ибо оная вотчина между всѣми Братскаго монастыря вотчинами *есть первѣйшая*, и нигдѣ таковыхъ во всемъ угодій не имѣется, какъ при оной вотчинѣ. Толкожъ получаемые зъ оной вотчины ѣстніе знатніе припасы и денежные приходы невѣстимо куда употребляются. Да сверхъ онаго села Стаіокъ еще братія Кіевобратскаго монастыря по грамотѣ, жалованной отъ пресвѣтлѣйшихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича отъ созданія міра 7202 года генваря 11-го, ежегодно изъ губернской кіевской канцеляріи взимаютъ на содержаніе ректора и учителей денегъ 50 руб., да вмѣсто ржы московской мѣры пятидесяти четвертей 30 руб. Толкожъ и таковые деньги не на содержаніе учителей, но на иніе монастырскіе нужды издерживаются, а учители бѣдные въ препитаніи и одѣяніи, содержа себе во всемъ точію единою архипастырскою консоляціею, которой меншаго класса учителемъ въ круговой годъ не больше какъ 12 съ полтиною производится, крайнюю нужду претерпѣваютъ. Чтоже за блаженныя памяти Преосвященного Рафаила оные двѣсти рублей, изъ скарбу войсковаго ежегодно присылаеміе, никогда не раздѣлялись, но отдавани были въ монастырь Братской для еднаго точію прокормленія учителей, тому причина была та, что блаженныя памяти Преосвященный Рафаилъ ректора, префекта и учителей, кромѣ годовой опредѣленной по школамъ всякому консоляціи, *жаловалъ особливо на одѣяніе отъ себя деньгами, и при оныхъ деньгахъ, и платьемъ, и когда единъ разъ, а иногда и дважды.* Найпаче по измершихъ начальникахъ остававшимся; о чемъ всемъ могутъ совѣстно засвидѣтельствовать бывшіе при Преосвященномъ Рафаилу въ писарской должности. Таковій примѣръ нероздѣлки означенныхъ денегъ былъ единъ точію разъ и за Преосвященнаго Тимоѳея, нынѣшняго митрополита Московскаго, однако то потому учинилось, понеже тогда на одѣяніе учителямъ жало-

вана была вся консоляція[1]) казнодѣйская и экземинаторская, которая числомъ въ годъ всякому порознь учителю до 60 руб. считалась; а кромѣ того еще изъ катедры обыкновенный годовой подѣлъ всякому учителю по своему классу производился, да и изъ Братскаго монастыря префекту вмѣсто подѣлу въ годъ по 2 рубли, а прочимъ учителямъ по рублю давалось. На кушаніе же было ректоръ по всякъ день очередно учителей по два человѣка до себе зоветъ, а нынѣ все то до наименшаго отсѣчено. А хотя прошедшаго года, при приложеніи по указу мнѣнія, о произведеніи іерею Константину порціи послѣдовало въ духовную митрополіи Вашего ясне въ Богу Преосвященства консисторію отъ насъ нижайшихъ о крайно скудномъ и почти такомъ, коимъ, будучи въ учительскихъ трудахъ, вовсе не можно довольствоваться и безъ поврежденіи здоровья своего, а съ удовольствіемъ учениковъ, обойтись, прокормленіи представленіе, а по оному изъ духовной консисторіи къ архимандриту и ректору Братскаго монастыря (воспослѣдовалъ) указъ о произвожденіи учителямъ нескуднаго пропитанія: однакъ по тому не точію никакова исполненія не учинено, но еще и паче и день на день (кромѣ іерея Константина, учителя еврейскаго и французскаго языковъ) меншая порція начала производиться; почему учители принуждены уже стали единою архипастырскою консоляціею съ крайнею бѣдностію и кормиться и одѣваться". Вслѣдствіе этого, академическіе наставники „всенижайше просили митрополита, чтобы онъ приказалъ ректору Нащинскому, по давнему обыкновенію, раздѣлять между ними какъ 200 руб., присылаемыхъ ежегодно изъ скарбу войсковой канцеляріи, такъ и 80 р., получаемыхъ изъ губернской канцеляріи. „А дабы впредь въ пропитаніи учителей не слѣдовало никакого затрудненія и оскудѣнія" они просили „приказать архипастырскимъ указомъ, чтобъ про всѣ монастырскіе приходы и расходы вѣдалъ префектъ и учители и по третямъ года калкуловали[2]) бы учители всѣ мона-

---

[1]) Consolatio (по польски konsolacya) въ буквальномъ значеніи — *утѣха, утѣшеніе.*

[2]) Kalkulować—смѣчать, вычислять.

стырскіе записные книги, такожъ если какіе важніе земскіе спорные приключатся дѣла, по онымъ составляли бы какъ учители, такъ и братія письменныя приговоры, и оные бы представляли ректору съ префектомъ въ разсмотреніе и конфирмацію, а паче всего, чтобы ректоръ по едному своему мнѣнію, безъ согласія префекта и учителей, ничего не дѣйствовалъ".—Подъ означеннымъ прошеніемъ подписались: префектъ іеромонахъ *Самуилъ*, учитель риторики іеромонахъ *Викторъ*, учитель и проповѣдникъ катедральный іерей *Константинъ Павловичъ*, учитель синтаксимы іеромонахъ *Игнатій*, учитель грамматики іеромонахъ *Рувимъ*, учитель инфимы іеродіаконъ *Симеонъ* и магистеръ нѣмецкій *Ѳома Холчинскій*,—т. е. подписались всѣ наличные преподаватели академіи.

1-го сентября того же года на означенномъ прошеніи профессоровъ воспослѣдовала отъ митрополита слѣдующая собственноручная резолюція: „Взявъ у Ректора на все, такъ въ семъ, яко и въ прежнемъ ихъ учителей доношеніяхъ о томъ, что до прокормленія ихъ касается, отвѣтъ, и потребовавъ приходныхъ и расходныхъ всякаго званія книгъ Братскаго монастыря за прошлій 1758 и за сей 1759-й года, предложить намъ немедленно".

29-го сентября духовною консисторіею присланъ былъ ректору Нащинскому указъ съ прописаніемъ въ немъ означенной резолюціи митрополита, а 12 октября, въ исполненіе резолюціи, Нащинскій представилъ его преосвященству свое „всенижайшее отвѣтное доношеніе" по поводу жалобъ на него наставниковъ академіи. Это „доношеніе" (точнѣе объяснительная записка) представляетъ въ высшей степени любопытный документъ, яркими чертами характеризующій бытовую сторону жизни академической корпораціи за разсматриваемое время; поэтому мы находимъ не лишнимъ ознакомить читателей съ содержаніемъ упомянутаго „отвѣтнаго доношенія" по возможности въ полномъ видѣ.

Упомянувъ о жалобахъ профессоровъ академіи, поданныхъ митрополиту въ разное время (26 января 1758 и 1 сентября 1759 г.[1]), и указавъ вкратцѣ на ихъ содержаніе, ректоръ На-

[1]) Послѣдняя жалоба подана была учителями—какъ мы сказали—28 августа: но Нащинскій очевидно здѣсь смѣшиваетъ дату резолюціи (1 сент.) съ датою жалобы.

щинскій излагаетъ свой отвѣтъ по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

1) „Отецъ префектъ и отцы учители въ первомъ ихъ доношеніи .... представили, что де покойнымъ отцемъ ректоромъ Манассіемъ ему отцу префекту и отцамъ учителямъ порція чрезъ три уже года его ректорства убавлена, и толь малая отъ него опредѣлена, что де учители въ силу служителей своихъ (ибо де кромѣ двухъ порцій хлѣба на цѣлый день, одной порціи вялой и гнилой рыбы, вареной въ шарой фасолѣ, каши гречаной, а иногда галушокъ болѣе ничего не дается) оною прокормить могутъ, а сами де они отцы учители за консоляційскіи денги, жалованіе изъ казны Вашего Преосвященства, всегда зъ базару рыбу вялую или свѣжую, вариво, соль, олѣй, масло, и протчее нужное (должны) покупать.—На сіе ихъ отца префекта и отцевъ учителей представленіе мнѣ за покойнаго ректора Манассію отвѣщать не доводилось бы, яко до мене не касается, толкожъ и и за мертваго ректора я живій отвѣщаю, увѣренъ будучи постоянными братіи моей представленіями и утвержденіями, которіи твердятъ то, что де за покойнаго ректора Манассіи они отцы учители въ постніе дни завсегда кушаютъ было у отца ректора рыбное какъ изъ свѣжей рыбы, такъ и вялой, и при томъ кушаніи давалась имъ водка по три чарки, такъ же вино, пиво и медъ. А прописанная ими порція, то есть двѣ порціи на день, вялой рыбы, борщъ, каша или галушки, или фасоль, давалась изъ трапезы въ келіи учителскіи для хлопцовъ ихъ. Въ мясные же дни давалось имъ изъ палатъ въ келіи ихъ такое заготовленіе, какое изъ вотчинъ въ полату могло быть привозимо, и отцамъ учителямъ за доволно. Чтобъ же де когда они отцы учители покупали изъ базару соль, олѣй, вариво, масло, рыбу и протчее таковое, того де не бывало, развѣ де, когда кто изъ учителей пожелаетъ себѣ купить изъ базару то, что ему лучшее покажется до вкусу его, какъ то и прежде ихъ бывшіе учители любое для себе иногда изъ базару купуютъ бывало, и то за свои денги. Однакожъ все то уже, что было за покойнаго Манассію, миновало, и его Манассіи таковая клопота смертію его пресѣчена и они отцы учители роптать на него болше не должни, яко на мертвого, а всѣ живіи и жить имѣющіе ректори

(такъ точно какъ и всѣ началники въобще) ропоту подручныхъ себѣ подвержены были и будутъ, ибо въ мѣстѣ положилъ Богъ одномъ и томъ же началничество, и ненависть и роптаніе.

2) Онъ же отецъ префектъ и отцы учители въ поданномъ Вашему Преосвященству сего 1759 года сентября 1 дня доношеніи представили, что де отъ мене нижайшаго, яко ректора, не точію исполненія не чинится никакова оному указу изъ духовной Вашего Преосвященства консисторіи..., въ которомъ велѣно мнѣ, какъ отцу учителю іерею Константину производить изъ монастыря Братскаго опредѣленную въ консисторіи ему порцію, такъ и протчихъ отцевъ учителей неоскудно противъ прежняго трактаменту, котораго онъ отецъ префектъ и отцы учители реестръ Вашему Преосвященству представили, довольствовать; но еще де и паче день на день имъ отцу префекту и отцамъ учителямъ, кромѣ отца учителя іерея Константина, меншая начала производиться порція. То на сіе ихъ отца префекта и отцевъ учителей представленіе отвѣщаю такъ: Отцу префекту рыбы свѣжей дается по четири порціи завсегда, когда толко еи на базарѣ или въ маетностяхъ монастырскихъ достать можно, толко въ одной стравѣ, въ другой же стравѣ прежде мене еще перестали давать потому, что въ монастырѣ Кіево-братскомъ воспослѣдовали таковы убыли, каковы мнѣ отъ братіи доношеніемъ сего 1759 года генваря 16 дня представлени, которое ихъ доношеніе при семъ моемъ Вашему Преосвященству всенижайше представляю. Рыбы вялой дается ему отцу префекту такъ же четири порціи тогда, когда свѣжей нѣтъ. А кромѣ рыбнаго дается борщъ, каша или другія стравы, якіи въ трапезѣ соборной братіи представляются. Хлѣба дается два на день: одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другой братерскій въ 8 же фунтовъ; въ праздничные же и воскресныи дни кромѣ того хлѣба дается по четыре булки еще. Пива дается по семи квартъ на день, пива жъ дается въ ліодовню по двѣ куфы, въ которую и ліодъ навозится монастырскимъ коштомъ; хотя то и ліодовень не бывало у давнѣйшихъ префектовъ и довольствовались префекты пивомъ изъ общей ледовнѣ; ибо ледовня состроена отъ братіи для покойнаго префекта Козачинскаго, когда онъ съ Петербурга ѣхалъ въ Кіевъ, и думали бра-

тія, что онъ имъ будетъ архимандритомъ, и таковое то лукавство оказали ему. Олѣи дается въ среду полкварты, въ пятокъ полкварты; масла дается въ скоромныи дни по полфунта. Отъ Воскресенія до сентября мѣсяца дано на келію его отца префекта двѣ салѣ. Водки дается отцу префекту по фляшѣ гарцевой въ начатіи школъ, въ праздники Рождественскій и Воскресенскій, такъ же и при окончаніи школъ, да не возбраняется жъ и тогда, когда надобно бы было ему. Префектовская же фуниція такими лѣкворами обикновенно завсегда багата есть. Меду дается тогда по квартѣ, когда онъ въ трапезѣ поставляется. Прошлаго же году на медъ не было удачи, потому какъ въ братерской ліодовнѣ не было его, такъ и не давано отцу префекту. Свѣчъ дается пятьсотъ на годъ обыкновенно; соли дается отцу префекту по пяти гусокъ на тыждень; сира и яицъ когда надобно и когда то есть въ палатѣ. Варево дается всякое, когда востребуетъ онъ отецъ префектъ; дровъ дается столько, сколько надобно. Блюди и тарилки даются жъ, хотя и порча дѣлается и пропажа имъ. Коляска невозбрана никогда, также и лошади, и мимо вѣдомъ ректорскій, хотя такъ и недоводилось бы. Подчинка келейная дѣлается за коштъ монастырскій. Протчее, въ реестрѣ ихъ представленное, все дается жъ, кромѣ другой четверопорційной стравы и подѣлу братерскаго.—Риторическому учителю свѣжей рыбы по двѣ порціи дается, а когда свѣжой нѣтъ, то вялой по двѣ порціи, и другіи стравы, какіи въ трапезѣ представляются соборной братіи, даются жъ; хлѣбъ ситный соборный въ 8 фунтовъ дается на день, а въ праздничніи и воскресніи дни по двѣ булки, кромѣ хлѣба того. Пива дается по двѣ кварты, водки дается такъ, какъ и отцу префекту. Свѣчь дается 300 на годъ; сиръ и масло, и яйца, и варево, и сало, и дрова, и пшоно, и крупи, и мясо и протчее по востребованію выдается.—Протчіимъ учителямъ рыбы свѣжой по одной порціи дается вшарой, когда она есть въ монастырѣ, а когда нѣтъ, то вялой „о порціи вшарой же, и другіи стравы, якіи есть въ трапезѣ для соборной братіи. Хлѣба по двѣ порціи болшыхъ и по булкѣ въ праздничные дни. Такъ же сало, масло, сиръ, яйца, соль, пшоно, крупи и протчее таковое дается когда они требуютъ, и

когда все то есть въ монастырѣ. Коляска дается когда имъ надобно. Дровъ они не покупаютъ. Подчинка келейная съ монастыря дѣлается. На свѣчи имъ дается по давному установленію, именно отцу философійскому 300, піитическому 250, синтаксическому 200, граматическому и ему жъ греческому 300, инфѣмѣскому, фарискому, нѣмецкому по 150; учителю двухъ діалектовъ учащему противъ другихъ учителей двойная порція производится, хотя учитель двухъ діалектовъ учащій вдвое съисти и не можетъ противъ того, который одного діалекта учитъ.

3) Отецъ префектъ и отцы учители написали въ доношеніи своемъ, что де они только живущіе въ монастырѣ изобижены суть въ порціяхъ своихъ, а отецъ Константинъ ни въ чемъ неизобиженъ, хотя то и онъ на томъ же доношеніи подписался. На что отвѣщаю такъ: я отцу Константину не свойственникъ имѣюся, чтобы его не изобижать въ порціи, а протчіимъ отцамъ учителямъ не врагъ, чтобъ имъ порцію отнимать имѣлъ. А буди бы они отцы учители когда погрѣшностью каковою монастырскихъ послушниковъ неисправно свою порцію получили, то имъ отцамъ учителямъ надлежало бы о томъ донести ректору. Только жъ сего не бывало, кромѣ одного разу, что отцы учители донесли отцу префекту, что де изъ ледовни монастырской не весьма доброе пиво выдается имъ; когда же отецъ префектъ мнѣ о томъ напомнилъ, тогда приказано, чтобъ отцамъ учителямъ давано самое лучшее пиво, которое они частенько и изъ ректорской ледовни берутъ, а кромѣ пива и по медокъ присылаютъ и во здравіе кушаютъ.

4) Отецъ префектъ и отцы учители просятъ Вашего Преосвященства, дабы имъ не точію двѣстѣ рублей, изъ Войскового Скарбу ежегодно присылаемые въ монастырь Братскій, но и восемьдесятъ еще рублей, изъ кіевогубернской канцеляріи въ Братскій монастырь получаемые, велѣно было ежегодно на себе дѣлить, такъ же и изъ приходу монастырского и одѣяніе имъ производить, понеже по крѣпостямъ, на Братскій монастырь наданнымъ, слѣдуетъ ихъ отцевъ учителей съ монастыря Братскаго и одѣвать, а не точію кормить и поить.

На сіе отвѣтъ таковъ: бывшіи прежде насъ и за насъ и наши учители такой консеквенціи [illegible]мовать не умѣли и не

формовали; то откудужъ нынѣшніе отцы учители такой формаціи научились? Сверхъ сего бывшіи учители наши и мы сами одѣвались изъ консоляціи архіерейской, какая намъ давалась по пропорціи. Еже же изъ приносимой консоляціи паничевской и изъ калефакторства, которое отецъ префектъ за половину года со всѣхъ школъ взимаетъ, а за другую половину учители всякъ изъ своей школы, а изъ всякой школы за всякой разъ можно до 15 рублей, а найменше до 10 руб. взять; также изъ присылаемаго подѣлу отъ того монастыря, которого учитель пострыженцомъ есть. Да ктому жъ во всѣхъ кіевскихъ и заднѣпровскихъ монастыряхъ имѣются крѣпости на вотчины ихъ, толко жъ не видно и не слышно, чтобъ братія которого монастыря одѣяніе себѣ получали изъ вотчинного приходу денежного.

Наконецъ ежели и глуховскіе и губернскіе рубли на нихъ отцовъ учителей дѣлить, а изъ вотчинного приходу денежного и поить и кормить и одѣвать ихъ, то уже всѣ монастырскіе нужды отсѣчь развѣ? Толко жъ сему быть невозможно. Яко всѣ монастырскіе расходы какъ для нихъ отцовъ учителей, такъ для братіи, такъ для послушниковъ, такъ для работниковъ, такъ и для всего вообще монастыря служатъ.—Требованіе сіе отцовъ учителей, чтобъ и 200 руб. на нихъ дѣлить и 80 руб. имъ взимать, и изъ монастыря ихъ одѣвать, есть какъ никогда не бывалое, такъ самою отвагою своею весма дикое, и туды лишь склонялось, чтобъ учителямъ съ ректоромъ лукъ тянуть.

5) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де у ректора всякого дня бывало по два человѣка кушаютъ, а теперь то отсѣчено.

На то отвѣтъ: Ректоръ, смотря по недостаткамъ монастырскимъ, доволствуется порціею братерскою, которую съ братіею жъ въ трапезѣ и кушаетъ всякаго дня, котораго въ консисторіи не бываетъ.

Къ тому жъ ректоръ не обовязанъ по должности учителей кормить при столѣ своемъ, ибо всякій учитель имѣетъ свою порцію. Еще же отцы учители кушаютъ и у ректора тогда, когда время свободное есть или школная діспута бываетъ. Въ прибавку и сіе служить можетъ, не пригоже весма того требовать за

должность, что получаемъ мы отъ кого за одинъ гуманитетъ, какъ напримѣръ ректору и учителямъ непристойно требовать у своего владыки платья или денегъ экстраординарійныхъ, хотя бы сіе за особливое пастырское благословеніе и дано было кому когда.

6) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де изъ вотчины Стаекъ получаемые съѣстные припасы и денежные приходы невѣстимо куда дѣваются, да и получаемые де изъ кіевогубернской канцеляріи восемдесятъ рублей не на содержаніе де учителей, но на иныя монастырскія нужды издерживаются.

На то отвѣтъ такой: какъ изъ вотчины Стаекъ, такъ и изъ протчіихъ монастырскихъ вотчинъ приходамъ и расходамъ есть въ монастырѣ книги, и оныя являютъ, куда тѣ припасы и денги дѣваются. А восемдесятъ рублей на такія монастырскія нужды расходятся, безъ которыхъ отцамъ учителямъ и братіи всей и монастырю общему обойтись невозможно. И ежели бы они отцы учители шафарями монастырскими были, то и о расходѣ томъ вѣдали бы, но имъ однакожъ думается, что только въ монастырѣ и надобности, чтобъ имъ отцамъ учителямъ ѣсти да пити было что, и чимъ одѣть ихъ.

7) Отецъ профектъ и отцы учители написали, что де они бѣдные, въ пропитаніи и одѣяніи содержа себе во всемъ точію единою архипастырскою консоляціею, крайнюю нужду претерпѣваютъ.

На сіе отвѣтъ такой: они жъ отецъ профектъ и отцы учители тамъ же написали, что де меньшаго класса учителямъ не больше въ круговой годъ производится консоляціи архипастырской, какъ 12 рублей съ полтиною.

Но на что это похоже, 12 рублей съ полтиною въ круговой годъ получить и тѣми деньгами только одними и въ пропитаніи и въ одѣяніи содержать себе? на что это похоже? всякому видно; а имъ отцамъ учителямъ и писать сего срамно бы.

8) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де за худою экономіею и неучрежденіемъ пристойныхъ, гдѣ надлежитъ, порядковъ, лишаются они доволнаго пропитанія и доволнаго одѣянія въ Братскомъ монастырѣ.

На сіе отвѣтъ сей есть:

Во первыхъ, всякого почти человѣка природная то немощь есть, что онъ больше желаетъ, нежъ довольно съ него, и сколько растетъ доволство оное, столько у него множится недостатокъ, ибо пявица (то есть человѣческая прихоть) имѣетъ двѣ дщеры, которыя зовутся такъ: *принеси, принеси.*

Во-вторыхъ, экономію Кіево-братскаго монастыря совершенно и по надлежащему похвалить хотя и не можно, яко и экономіи въ протчіихъ монастыряхъ, потому что въ монастырь не охотники ходить совершенные экономы, и таковыи люди, которыи бы по совѣсти смотрѣли общаго монастырскаго добра, только жъ и Братскаго монастыря экономія, какъ и протчіихъ монастырей, присмотрѣніе и расположеніе свое имѣетъ отъ таковаго человѣка, котораго мы всѣ соборомъ за найспособнѣйшаго къ тому выбрать могли.

Ректоръ же самъ, яко начальникъ, ѣздить по вотчинамъ и порядковъ смотрѣть и учреждать времени не имѣетъ; потому что ему либо въ школу ходить, либо въ консисторію ѣздить завсегда треба есть, и неудобно ему совершенно просмотрѣть всѣ и вездѣ и всегда обстоятельства икономическія, яко въ семъ монастырѣ начальники не живутъ больше какъ три года, а четыре найбольше. А въ новомъ господарствѣ (и простаки говорятъ) надобно три года изжить, чтобъ господарство оно выразумѣть.

Въ третьихъ, и бывшіе нѣкоторые учители на бывшихъ же ректоровъ все тожъ плескали: худая въ братствѣ экономія, хотя они сами экономіи той и мало не знали.

Въ четвертыхъ, экономія Братскаго монастыря какъ прежде содержана была, такъ и теперь содержится.

Напослѣдокъ, хотя бы и аккуратная экономія устроена кѣмъ была и было бы въ монастырѣ доволство всякое съѣстныхъ и питейныхъ вещей, то однакожъ такое доволство недоволно будетъ отцамъ учителямъ, ежели такъ съѣстныя и питейныя вещи худо употреблять, какъ то понынѣ худо употребляются онѣ: то есть для отцовъ учителей, какъ и для всей братіи, на общей поварнѣ варится всякая страва, а въ тѣ стравы употребляется рыба, соль, цибуля, петрушка, бураки, капуста, масло,

олѣй, огурцы, пшено, крупа, мука и протчее таковое изъ монастыря; толко жъ, все сіе получая, отцы учители присылаютъ ежедневно въ палату, въ ліохъ или куда надлежитъ, то съ требованіемъ соли, олѣи, рыбы, крупъ, пшена, масла, сыра, яицъ, огурцовъ, капусты и протчего такого, почему больше всего сего идетъ въ напрасное расточеніе, нежели въ потребное употребленіе, такъ что въ припасныхъ мѣстахъ скоро можно видѣть пустошь, а учители по старому еще не сыты. На многія мѣста брошенная глиба едва ли упадетъ, гдѣ надобно, а гдѣ ненадобно ей, тамъ расточится безъ всякой надобности; такъ изъ одной припасной каморы пущенная живность въ разныя и руки, и мѣста, едва ли дойдетъ до котораго учителя, но все то по за пазухами слымацкими да бурсацкими садовится, а не рѣдко и подъ парканомъ и за парканомъ монастырскимъ кладовится. И того ради ежели бы отцы учители въ общемъ мѣстѣ всѣ ѣли и пили, то меньше бы было напраснаго расточенія и расходу въ монастырѣ, а они бы отцы учители десятью довольнѣйшіе быть могли. Ибо гдѣ для двухъ изготовано будетъ, тамъ третьему и четвертому поживитись можно. И можно бы удобно монастырю Братскому и дважды отцевъ учителей на день накормить и напоить, только бы сіе такъ дѣлалось, какъ дѣется у хозяевъ, то есть, когда бы они и обѣдать и вечерять изволили въ собраніи всѣхъ ихъ. А таковаго учрежденія пока не будетъ тутъ, поты отцы учители не будутъ сыты, монастырь не будетъ доволный, а начальникъ поты не будетъ безпечалный.

9) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де двѣсти рублей изъ скарбу войсковаго получаемыхъ за преосвященнаго Рафаила не дѣлено учителямъ потому, что де преосвященный Рафаилъ ректора, префекта и учителей, кромѣ годовой консоляціи, жаловалъ особливо деньгами и платьемъ разъ или два раза въ годъ.

На то отвѣтъ сей есть:

Прежде всегожъ понеже и Ваше Преосвященство, кромѣ консоляціи обыкновенной, изволили жаловать деньгами такъ ректора, какъ и префекта и учителей, того ради и за Вашего Преосвященства оныхъ двухъ сотъ рублей на нихъ учителей дѣлить не доводится. — Послѣ сего кто имъ отцу префекту и отцамъ

учителямъ ростолковалъ такъ нераздѣлки оной причину, за Преосвященнаго Рафаила бывшей?—Это собственное и домашнее ихъ таковое толкованіе, которое и въ мысль Преосвященному Рафаилу не приходило никогда. Преосвященный Рафаилъ вѣдалъ тѣ 200 руб. распредѣлить такъ, чтобъ изъ нихъ 35 руб. на церковь братскую, а 35 руб. на школы содержаны были, а остальныя 130 руб. въ казну монастырскую взимано было; а о раздѣлѣ ихъ на учителей не вѣдалъ ничего той пастырь и ежели бы когда помыслилъ онъ мужъ пустить въ раздѣлку учителямъ тѣ денги, то лучше бы Государевыми деньгами учителей доволствовать пожелалъ онъ, нежели своими собственными, которыя и въ катедрѣ его нужны были на всякіе всячины.

10) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де таковой примѣръ нераздѣлки означенныхъ двухъ сотъ рублевъ былъ одинъ точію разъ за Преосвященнаго Тимоѳея.

На сіе отвѣтствуется симъ:

Преосвященный Тимофтей вступилъ на престолъ свой митрополитанскій 1748 года, и изъ сего 1748 года не дѣлились оные двѣсти рублей до 1754 года, слѣдовательно не одинъ примѣръ былъ нераздѣлки той, но семь примѣровъ уже. А въ 1754 годѣ по дозволенію Преосвященнѣйшаго Тимофтея начали учители дѣлитись тѣми денгами и производили таковой роздѣлъ по прошедшій 1757 годъ, то есть чрезъ четыре года толко.

11) Отецъ префектъ и отцы учители написали, дабы де впредь въ пропитаніи учителей не слѣдовало никакого затрудненія и оскудѣнія, для того де приказать указомъ, чтобъ про всѣ монастырскіе приходы и расходы вѣдалъ префектъ и учители и по третямъ года калкуліовали бы учители всѣ монастырскіе записные книги.

На сей отца префекта и отцовъ учителей *просимъ*, я такъ говорю:

Когда онъ отецъ префектъ и отцы учители будутъ вѣдать приходы и расходы монастырскіе и будутъ калкуліовать приходовъ и росходовъ книги, то они и сами перестанутъ въ ту пору роптать на монастырь Братскій и его началниковъ, яко самовидцы и слуги всего того необходимаго расхода, и помощниками

учинятся они и ректору и братіи; а ежели бы изъ учителей и намѣстника учреждено было, какъ когдась сіе и бывало, то онъ намѣстникъ и вмѣстѣ учитель, служя учителямъ и братіи и цѣлому монастырю такъ точно, какъ надобно ректору и вмѣстѣ архимандриту дѣлать сіе, смякалъ бы, какъ удоволствіе возможное производить товарищамъ своимъ учителямъ, и какъ монастырскаго добра смотрѣть, чтобъ оно туне и по прихотямъ другихъ не шло въ пропажу и напрасное издержаніе. Да сверхъ того онъ намѣстникъ и вмѣстѣ учитель не могъ бы страдать таковыхъ отъ учителей чинимыхъ попреканій, презрѣній, руганій и конфузій, каковыми простачокъ (то есть неучащій мудрой лацѣны) намѣстникъ отъ нихъ обременяется, какъ то довелось и тому намѣстнику, который нынѣ въ Россіи скитается за монастырскими нуждами и за милостынею на монастырь просимою, о какой своей обидѣ онъ намѣстникъ мнѣ доношеніе подавалъ, которое при семъ и Вашему Преосвященству представляю.

12) Отецъ префектъ и отцы учители написали, ежели де какіе важные земскіе спорные прилучатся дѣла, то по онымъ де составляли бы учители и братія письменные приговоры и тѣ приговоры представляли бы ректору и префекту для разсмотрѣнія и конфѣрмаціи.

На сей *проситъ* ихъ такъ я говорю: учителямъ съ братіею составлять приговоры (буде сіе вмѣститъ могутъ учители съ своими школьными трудами) есть также пособлять братіи и ректору. Но въ конфѣрмацію тѣ приговоры отдавать ректору и префекту, есть отдавать не ректору и префекту, но двоимъ уже ректорамъ и двоимъ архимандритамъ. И доводитимется еще въ конфѣрмацію тѣ приговоры отдавать и архимандричему намѣстнику, ибо и намѣстникъ не простый есть братъ, какъ и отецъ префектъ, не простый учитель; и такъ три уже конфѣрматоры будутъ или четыре—ректоръ и префектъ, архимандритъ и намѣстникъ. Сіе же какой есть пристойности, вольно всякому судить; а люди разсуждаютъ такъ, что у ректора суть учители то, что у архимандрита братія, а префектъ у ректора то, что у архимандрита намѣстникъ. И потому какъ нигдѣ конфѣрматоромъ не есть намѣстникъ, такъ и отцу префекту конфѣрматоромъ быть

странное кажется, и новаго весьма примѣра, хоть то для меня, пока я ректоръ, хоть для иного кого, когда иному ректорство доведется. Ибо ректоръ такъ учителямъ всѣмъ долженъ быть начальникомъ, какъ архимандритъ есть начальникъ братіи всей. А гдѣ равныхъ начальниковъ много, тамъ не мало и конфузіи и непорядковъ, какъ то дѣется и въ Братскомъ монастырѣ, потому что всякъ учитель даже до меншаго такъ мыслитъ и дѣлаетъ, что ему ректоръ не указчикъ, ибо и онъ учитель по лацѣнѣ учился, и можетъ быть, яко ректоръ сегодня, такъ онъ завтра ректоромъ.

13) Отецъ префектъ и отцы учители написали: а паче де всего, дабы ректоръ по одному своему мнѣнію безъ согласія префекта и учителей ничего не дѣйствовалъ.

На сіе такъ отвѣщаю: Я по одному своему мнѣнію ничего не дѣйствую, но соборной братіи въ разсужденіе всякія дѣла отдаю и основательныя ихъ разсужденія подтверждаю, какъ и всѣ бывшіе прежде ректоры и архимандриты, и какъ то водится во всѣхъ протчіихъ монастыряхъ, а буди и они отцы учители въ соборную братію причтены будутъ, то и въ ихъ разсужденіе всякія монастырскія дѣла предавать должно будетъ. Только жъ Ваше Преосвященство, какъ въ протчіихъ, такъ и въ Братскомъ монастырѣ первенствующій и полномочный начальникъ архимандритъ, игуменъ, ректоръ и панъ, и потому тебѣ единому остается разстроенные наши голосы въ такой строй привесть, какой понравиться могъ бы оной госпожѣ, которая очи имѣетъ завязанныя, чтобъ на лица не взирать".

Неизвѣстно, какая воспослѣдовала резолюція митрополита на приведенномъ нами отвѣтномъ доношеніи ректора Нащинскаго; но во всякомъ случаѣ она была неблагопріятна для него. Митрополитъ, неоднократно „утруждаемый" кромѣ письменныхъ и личными жалобами профессоровъ академіи на своего „круто" съ ними обращавшагося, начальника, составилъ о Нащинскомъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ „не покойномъ", неуживчивомъ. Весьма вѣроятно, что при своихъ жалобахъ профессора не упускали случая набросить на Нащинскаго тѣнь не только какъ на начальника и администратора, но и какъ на преподавателя важнѣйшей

въ академіи науки — богословія. Извѣстное намъ ироническое замѣчаніе префекта С. Миславскаго, что онъ считаетъ достойнымъ Нащинскаго быть ректоромъ академіи, „буди онъ прилежнѣе будетъ въ преподаваніи богословія трудитися, нежели въ показаніи философіи обращался“,—думаемъ, не разъ поставляемо было профессорами на видъ митрополиту и теперь уже въ смыслѣ положительнаго утвержденія. Какъ бы то ни было, но 30 августа, слѣдовательно на третій день послѣ подачи профессорами академіи извѣстной намъ письменной жалобы на ректора Нащинскаго, послѣдній обратился къ митрополиту съ слѣдующимъ всенижайшимъ доношеніемъ: „Прошедшаго іюля 29, сего 1759 года, я нижайшій доносилъ Вашему ясно въ Бозѣ Преосвященству въ дворцѣ Кудрявскомъ устно о томъ, что изъ послушниковъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства *обрѣтаются люди нѣкоторыя, коимъ по щастію ихъ больше дарованій дарилъ всеподающій Господь нежели нижайшему мнѣ; по чему и способнѣйшими ихъ учинилъ къ познанію тоя должности, которая отъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства мнѣ наложена, чтобъ преподавать священную Богословію, нежели нижайшаго мене.* А се нынѣ и на письмѣ тоже самое доношеніе мое при ногахъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства полагаю“.

Митрополитъ уволилъ Нащинскаго отъ преподаванія богословія, при чемъ въ резолюціи по этому поводу заявилъ, что самъ архимандритъ Давидъ и словесно и письменно представилъ къ означенному преподаванію „*свое предъ другими недостачество*“. Профессоромъ богословія назначенъ былъ префектъ академіи Самуилъ Миславскій. Увольненіе ректора отъ преподаванія въ то время неразрывно соединеннаго съ ректурою предмета, было полнымъ пораженіемъ Нащинскаго. Очевидно, что положеніе его въ академіи оказывалось очень двусмысленнымъ и окончательный выходъ изъ нея былъ только вопросомъ времени. Дѣйствительно, спустя съ небольшимъ годъ, именно 16 генваря 1761 г., Давидъ Нащинскій, *безъ прошенія съ его стороны*, переведенъ былъ въ Гамалѣевскій монастырь и на его мѣсто ректоромъ назначенъ былъ давно желаемый на сію должность профессорами академіи префектъ Самуилъ Миславскій.

Дальнѣйшая судьба Д. Нащинскаго была слѣдующая: въ 1769 году изъ Гамалѣевскаго монастыря онъ переведенъ былъ въ Глуховскій, а отсюда въ 1772 году въ ставропигіальный Бизюковъ (въ Смоленскѣ), и наконецъ, уволенный за болѣзнію въ заштатъ, послѣдніе годы своей жизни, въ качествѣ пансіонера, провелъ въ Кіево-печерской лаврѣ. Скончался 5 мая 1793 г. [1]).

С. Голубевъ.

[1]) *Аскоченскій* Кіевъ съ его древ. училищемъ Академіею. 11. 129.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

И ПЕРВЫЯ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Любопытную и крайне своеобразную страницу въ общей исторіи русской колонизаціи представляетъ исторія колонизаціи Новороссійскаго края и по необычайной быстротѣ колонизаціоннаго процесса, и по разнообразію этнографическихъ элементовъ, привлеченныхъ къ этому процессу, и по блистательнымъ результатамъ, увѣнчавшимъ тяжелые труды первыхъ піонеровъ. Эта страница отчасти уже даже написана въ многочисленныхъ трудахъ ветерана-историка Новороссійскаго края А. А. Скальковскаго [1]); и всякій знакомый съ его историческими и статистическими работами, согласится съ тѣмъ, что онѣ для своего времени представляли въ высшей степени замѣчательное явленіе; можно сказать, что въ областной исторической литературѣ того времени онѣ занимали первое мѣсто; такъ на нихъ смотрѣла и Императорская академія наукъ, присуждавшая автору высшія награды (Демидовскую и Уваровскую премію). Да и теперь всякій изслѣдователь новороссійской старины долженъ будетъ обращаться къ трудамъ Скальковскаго, какъ къ богатѣйшей сокровищницѣ цѣнныхъ *матеріаловъ*, еще [redacted] не утрат ившихъ [redacted] своего значенія. Иное заключеніе мы должны высказать относительно критической обработки и группировки этого матеріала; требованія отъ историческаго изслѣдованія

---

1) „Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійск. края (1730—1823 г.)" 2 тома. Од. 1836 и 1838; „Исторія новой Сѣчи", 3 изданія (1842, 1846 и 1885 гг.); „Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края", 2 ч., 1850—1853 г.

за послѣднее время значительно увеличились, и имъ то не удовлетворяетъ «Хронологическое обозрѣніе исторіи Новорос. края», изложенное не въ прагматической, а въ лѣтописной формѣ. Къ трудамъ А. А. Скальковскаго, по своему характеру и направленію, примыкаютъ изслѣдованія преосв. Гавріила [1]). Затѣмъ въ болѣе позднее время стали появляться историко-статистическія описанія отдѣльныхъ губ., составленныя офицерами генеральнаго штаба, въ томъ числѣ херсонской и екатеринославской; въ описаніи первой мы встрѣчаемъ между прочимъ «Краткій историческій взглядъ на херсонскую губ.» [2]), заключающій въ себѣ общій очеркъ заселенія губ. съ нѣсколькими новыми фактическими данными, почерпнутыми изъ архивныхъ источниковъ. Вотъ и всѣ старые труды по исторіи Новороссійскаго края вообще и колонизаціи его въ частности на русскомъ языкѣ [3]).

Но раньше всѣхъ ихъ (въ 1820 г.) вышло въ Парижѣ на французскомъ языкѣ сочиненіе, спеціально посвященное историческому очерку Новороссіи, принадлежащее перу маркиза де Кастельно [4]). Оно могло дать иностранцамъ наглядное и довольно вѣрное представленіе о краѣ, сильно интересовавшемъ и привлекавшемъ ихъ своею торговлею и промышленностью, тѣмъ болѣе, что тогда во главѣ его стоялъ извѣстный французскій эмигрантъ дюкъ де Ришелье, желавшій привлечь сюда въ большомъ количествѣ французскихъ колонистовъ. Авторъ этой книги имѣлъ всѣ данныя, чтобы написать хорошее сочиненіе на избранную имъ тему: онъ долго жилъ въ Новороссіи, путешествовалъ по ней, дѣлалъ наблюденія надъ мѣстнымъ климатомъ, находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ дѣятелямъ

---

[1]) „Очеркъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ, изъ оригинальныхъ источниковъ почерпнутый“ (въ 3-мъ т. Зап. од. общ.) и „Продолженіе очерка о Новорос. краѣ“ (въ 5-мъ т. Зап. од. общ.); эти же статьи перепечатаны въ „Сочиненіяхъ“ преосвященнаго, изд. въ Москвѣ въ 1854 г.

[2]) А. Шмидта. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи. Херсонская губ. 2 части. Спб. 1863 г.; стр. 3—78.

[3]) Сюда еще нужно причислить М. Кирьякова „Историко-статистическое обозрѣніе херсонской губ.“ въ „Матеріалахъ для стат. рос. имп.“ Спб. 1839 г., стр. 163—189.

[4]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3 vol. P. 1820; въ 1-й и 2-й части излагается систематическая исторія новороссійскихъ степей, начиная со скиѳовъ и оканчивая крымскими татарами, запорожцами и русскими; въ концѣ 2-й части кромѣ того мы находимъ описаніе природы Новороссійскаго края и его колоній; въ третьей части помѣщены историческія и статистическія свѣдѣнія объ Одессѣ и отчетъ о путешествіи въ Крымъ.

и, что самое важное, получилъ отъ представителей мѣстной администраціи и устныя и письменныя извѣстія о недавнемъ прошломъ и современномъ состояніи края, если къ этому еще мы прибавимъ въ высшей степени доброжелательное отношеніе автора къ личности и дѣятельности имп. Александра I-го, выразившееся между прочимъ въ посвященіи ему книги, и желаніе *оцѣнивать* мѣропріятія разныхъ дѣятелей, то для насъ станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ трудомъ, интереснымъ не только для иностраннаго, но и для русскаго читателя. Такъ, во 2-й части мы найдемъ не мало интересныхъ данныхъ и соображеній по исторіи заселенія Новороссіи (таково описаніе мѣстной природы и свѣдѣнія о колоніяхъ); а 3-я часть, посвященная спеціально г. Одессѣ и ея торговлѣ, въ этомъ отношеніи еще интереснѣе. Конечно, современный читатель не удовлетворится книгой де Кастельно и найдетъ въ ней не мало промаховъ и пробѣловъ; его не заинтересуетъ описаніе древнѣйшихъ судебъ Новороссіи и онъ пожалѣетъ, что исторіи колонизаціи края во 2-й пол. XVIII в. и нач. XIX в. отведено такъ мало мѣста; въ характеристикѣ дѣятельности дюка де Ришелье онъ увидитъ не объективное воспроизведеніе заслугъ и недостатковъ этого дѣятеля, а исключительно одинъ панегирикъ; не разъ онъ пожалѣетъ также, что авторъ не обозначалъ болѣе точно своихъ источниковъ и т. п.. А. А. Скальковскій и др. изслѣдователи не были поставлены въ необходимость ссылаться на книгу де Кастельно, потому что сами имѣли въ своемъ распоряженіи множество новыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ и писали только на основаніи ихъ; но будущій историкъ новороссійской колонизаціи, намъ кажется, не обойдетъ ее и приметъ во вниманіе нѣкоторые взгляды маркиза де Кастельно.

Кромѣ этихъ общихъ сочиненій можно указать на нѣсколько монографій по отдѣльнымъ вопросамъ; таковы—А. А. Скальковскаго о болгарскихъ колоніяхъ, его же, Смольянинова и Орлова объ Одессѣ, Владимірова—объ Екатеринославѣ, Никитина—о евреяхъ-земледѣльцахъ, Клауса—объ иностранныхъ колоніяхъ, Щебальскаго и Брикнера о Потемкинѣ, Пейсоннеля—о черноморской торговлѣ и др. Но вопросъ о колонизаціи Новороссійскаго края поставленъ на настоящую почву только въ самое послѣднее время, въ издаваемыхъ херсонской земской управой «Матеріалахъ для оцѣнки земель». Нельзя не поблагодарить херсонское земство и статистиковъ, что они въ каждомъ изъ трехъ доселѣ изданныхъ томовъ «Матеріаловъ» помѣстили по краткому очерку заселенія описываемаго ими уѣзда, такъ что изъ

этихъ частичныхъ очерковъ составится впослѣдствіи полная картина заселенія херсонской губ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что колонизаціонный вопросъ находится въ тѣснѣйшей связи съ существующими нынѣ формами землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ въ самый моментъ заселенія края складывались и вырабатывались тѣ или иныя формы землевладѣнія, сословныхъ отношеній, мѣстнаго управленія и т. п. Къ сожалѣнію, статистики, стѣсненные рамками своей спеціальной задачи (современнаго хозяйственнаго и экономическаго изученія губ.), едва ли будутъ имѣть возможность достаточно подробно, какъ того требуетъ важность предмета, изложить исторію фактическаго заселенія Новороссійскаго края и условій, сопровождавшихъ это заселеніе. Очевидно, что это прямая задача спеціалиста-историка, и жаль, что до сихъ поръ никому изъ изслѣдователей не пришла на мысль такая благодарная тема;—по всей вѣроятности этому мѣшаетъ обширность задачи, обиліе и разнообразіе печатныхъ и архивныхъ данныхъ, но мы, само собою разумѣется, далеки отъ мысли принять на себя такую задачу—для этого понадобилось бы напечатать м. б. два большихъ тома;—наша настоящая статья представляетъ нѣкоторую переработку публичныхъ лекцій, читанныхъ весною 1888 г. въ г. Николаевѣ, и издается вслѣдствіе выраженнаго нѣкоторыми лицами желанія видѣть ихъ въ печати. Со времени выхода въ свѣтъ трудовъ А. А. Скальковскаго накопилось не мало новыхъ матеріаловъ; они то и послужили главнымъ источникомъ для моихъ статей; таковы разнообразные и цѣнные документы, помѣщенные въ 13-ти томахъ «Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей», въ нѣсколькихъ томахъ «Сборника Имп. рус. ист. общ.», въ журналѣ «Кіевская Старина», въ «Матеріалахъ для ист. стат. оп. екатеринославской епархіи» Ѳеодосія, въ «Матеріалахъ для исторіи южнорус. края» А. А. Андріевскаго, въ мемуарахъ нѣмецкаго врача Дримпельмана и Пишчевича. Кромѣ того нами найдено для себя кое что цѣнное и въ такихъ источникахъ 1-й руки, которые были изданы еще до выхода въ свѣтъ трудовъ г. Скальковскаго, но которыми ни онъ, ни другіе почти не пользовались; таковы путешествія и описанія академика Гюльденштедта, проф. Дюгурова, Измайлова, Неизвѣстнаго, Мейера. Наконецъ, нами не мало почерпнуто и изъ той сокровищницы матеріаловъ, изъ которой и черпали, и будутъ черпать всѣ изслѣдователи,—изъ Полнаго собранія законовъ. Не перечисляемъ мы здѣсь также и источниковъ, положенныхъ въ основу нашего топографиче-

скаго очерка новороссійскихъ степей, по ихъ общеизвѣстности (Эрихъ Лясота, Бопланъ, князь Мышецкій, Коржъ и др.).

На основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ и перечисленныхъ выше пособій постараемся прослѣдить въ общихъ чертахъ распространеніе русскаго государства и движеніе народонаселенія къ югу, къ завѣтному побережью Чернаго и Азовскаго морей; попытаемся опредѣлить виды и формы, размѣры и быстроту колонизаціи, роль въ ней государства и народа, русскаго племени и иноземцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаемъ краткій очеркъ зачатковъ мѣстной культуры, развивавшейся параллельно съ колонизаціей края и находившейся въ прямой, непосредственной связи съ этой послѣдней, можно сказать, всецѣло опредѣлявшейся ею. Но предварительно намъ необходимо будетъ сдѣлать характеристику мѣстной природы для того, чтобы опредѣлить тѣ условія, при которыхъ совершалось заселеніе края.

ГЛАВА 1-я.
Природа страны.

Природа страны.—Географическое положеніе степей.—Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами; Бугъ и Днѣстръ.—Флора.—Фауна.—Невзгоды степной жизни: зимнія стужи, лѣтнія жары и засухи; саранча; сосѣдство съ татарами.

Предметомъ нашего изученія будетъ мѣстность, обнимающая нынѣшнія херсонскую, екатеринославскую и таврическую губ. (исключая въ этой послѣдней Крыма) и извѣстная подъ именемъ Новороссіи или новороссійскихъ степей. Географическое положеніе и природа новороссійскихъ степей опредѣлили ихъ историческую судьбу: съ самыхъ отдаленныхъ временъ онѣ служили жилищемъ для номадовъ, постоянно приходившихъ въ Европу изъ Азіи черезъ Каспійскія ворота, вытѣснявшихъ другъ друга и уступавшихъ свое мѣсто новымъ пришельцамъ. Не перечисляя древнѣйшихъ обитателей ихъ, мы только напомнимъ о современникахъ древнихъ русичей—печенѣгахъ, черныхъ клобукахъ, половцахъ и татарахъ; одни кочевники надолго задерживались въ новороссійскихъ степяхъ; другіе только проходили черезъ этотъ великій путь изъ Азіи въ зап. Европу и тамъ уже проявляли свою разрушительную дѣятельность; новороссійскія степи на востокѣ сливаются мало по малу со степями Азіи; вотъ почему онѣ и сдѣлались торною дорогою для всѣхъ азіатскихъ кочевниковъ. Природа ихъ представляла гораздо большія удобства для бродячей, кочевой, чѣмъ для осѣдлой жизни. Здѣсь искони господствовала не лѣсная, а степная растительность—высокія густыя травы, столь за-

манчивыя для номадовъ; лѣса здѣсь если и попадались, то въ видѣ оазисовъ. Здѣсь былъ просторъ, столь необходимый для кочевниковъ, съ ихъ многочисленными стадами рогатаго скота и табунами лошадей; здѣсь почти нѣтъ лѣсовъ, препятствующихъ постояннымъ передвиженіямъ съ одного мѣста на другое; здѣсь мало и горъ: почти вся мѣстность отличается равниннымъ характеромъ; вездѣ, куда ни бросишь взоръ, увидишь одну безконечную равнину, то зеленую, то выжженную солнцемъ, отличительною чертою которой нужно признать почти полное отсутствіе разнообразія. Единственными предметами, на которыхъ останавливается взоръ, являются курганы,—это нѣмые свидѣтели отдаленнаго прошлаго; но и къ нимъ скоро привыкаетъ глазъ, можетъ быть потому, что и они похожи другъ на друга. «Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ, говоритъ о херсонскихъ степяхъ г. Шмидтъ, составляютъ какъ бы исключеніе въ херсонской губ. разнообразіемъ и живописностью многихъ своихъ мѣстъ. Окаймляя или разрѣзывая всю степную поверхность съ сѣвера на югъ, они поражаютъ своимъ исполинскимъ величіемъ и извиваются широкими, синими полосами среди обширныхъ зеленѣющихъ долинъ, лѣсовъ, садовъ, луговъ, камышей, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлѣющихся пространствъ наносныхъ песковъ [1])». Первое мѣсто между этими рѣками по праву принадлежитъ Днѣпру [2]), извѣстному подъ именемъ Борисѳена уже отцу исторіи Геродоту. Начинаясь въ предѣлахъ смоленской губ., изъ болотъ, расположенныхъ у подошвы валдайской плоской возвышенности, Днѣпръ впадаетъ лиманомъ въ море и, такимъ образомъ, соединяетъ отдаленный сѣверо-западный край съ Чернымъ моремъ; въ предѣлахъ Новороссійскаго края онъ течетъ на разстояніи болѣе 500 верстъ и на всемъ этомъ пространствѣ орошаетъ степи. Характеристическую черту Днѣпра въ предѣлахъ сѣверной части екат. губ. составляютъ *пороги* и заборы. Днѣпровскіе пороги издавна привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ и писателей; о нихъ сообщаютъ свѣдѣнія византійскій имп. Константинъ Багрянородный, Эрихъ Лясота, Бопланъ, неизвѣстный авторъ Книги большаго чертежа, составитель атласа р. Днѣпра XVIII в. и, наконецъ, авторъ статьи, помѣщенной въ 3-мъ томѣ «Зап. од. общ. ист. и др.», стр. 581—586; но число пороговъ

---

[1]) Мат. для геогр. и стат. Рос. Херс. губ., I, 96.

[2]) Въ „Зап. од. общ. истор. и др.“, III, 571—580, помѣщено замѣчательное „Описаніе р. Днѣпра отъ м. Переволочнаго до Чернаго моря“, 1697 г., содержащее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о рѣкахъ, рѣчкахъ, вѣткахъ и островахъ р. Днѣпра“.

въ этихъ источникахъ указывается неодинаковое (отъ 7 до 13); самыя названія ихъ съ X вѣка измѣнились; впрочемъ, имена ихъ у Константина Багрянороднаго переданы не точно. «Пороги, говоритъ нѣм. путешественникъ XVI в. Э. Лясота—это пучины (Strudl) или скалистыя мѣстности, гдѣ Днѣпръ во всю ширину свою запруженъ камнями и скалами, которые отчасти находятся подъ водою или на уровнѣ ея, отчасти же поднимаются высоко надъ водой, почему и дѣлаютъ плаваніе по этой рѣкѣ весьма опаснымъ, особенно во время мелководія» [1]); по словамъ Боплана, пороги составляютъ родъ плотины, которая запружаетъ рѣку: «Днѣпръ подымается и падаетъ съ высоты 5 или 6 ф., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 6 до 7 ф., смотря по обилію водъ его; весною, при таяніи снѣговъ, онъ покрываетъ всѣ пороги, исключая седьмаго—Ненасытицкаго, который только и препятствуетъ судоходству въ это время; лѣтомъ же и осенью, когда вода стоитъ на самой низкой точкѣ, водопады имѣютъ нерѣдко отъ 10 до 15 ф. въ вышину» [2]). Самый грозный изъ пороговъ Ненасытецкій, теперь называемый Дидомъ. «Страшный шумъ, говоритъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій, зачастую слышный еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда, какъ называютъ лоцманы Ненасытецъ, и вскорѣ вправо показываются огромные всплески волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между каменьями. Оба берега скалисты... Собственно порогъ состоитъ изъ 12 рядовъ камней, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ... Съ Монастырька, а лучше всего съ верху горы видъ на порогъ превосходный; Ненасытецъ представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ каменья...» [2]). Днѣпровскіе пороги, конечно, должны были служить значительнымъ препятствіемъ для судоходства; порожистое теченіе Днѣпра представляло изъ себя

---

[1]) Путевыя зап. Э. Ласоты, пер. и прим. Бруна, стр. 27.

[2]) Описаніе Украйны, стр. 22.

[3]) Поѣздка въ южную Россію, часть 1-я. Очерки Днѣпра, стр. 100—101 103, 104.

какъ бы естественную твердыню, которая преграждала путь и въ лежавшее за нею далѣе къ югу русло Днѣпра (уже за порогами). Эта часть Днѣпра отличается другимъ свойствомъ, характеризуется такъ называемыми *плавнями*.

Днѣпръ течетъ здѣсь въ широкой долинѣ, перерѣзанной рукавами, гирлами и заливами рѣки, образующими множество озеръ, затоновъ и острововъ; эти то низменныя долины, образуемыя днѣпровскимъ русломъ, и называются плавнями. „Онѣ состоятъ изъ песчаныхъ и иловатыхъ наносовъ рѣки, затопляемыхъ съ весенними разливами и за исключеніемъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстъ древняго образованія, въ періодъ большаго обилія водъ въ рѣкѣ, остаются въ теченіи всего года на горизонтѣ ея водъ. Низменности одѣваются болотною растительностью и густо растущимъ камышомъ, покрывающимъ сплошнымъ ковромъ цѣлые десятки квадратныхъ верстъ. Прочія низменности долины представляютъ луговыя пространства, одѣтыя иногда густою лѣсною растительностью, преимущественно вербою, или же представляютъ совершенно оголенные наносы песка, какъ бы мели, только что выдвинувшіяся на поверхность воды. За исключеніемъ этихъ песчаныхъ пространствъ, плавни составляютъ особое богатство страны, по скудности въ ней строительнаго матеріала, топлива, а иногда и сѣна. Не говоря о значеніи лѣса въ степномъ краѣ, но и камышъ, достигающій роста отъ 5 до 6 аршинъ и болѣе, употребляется на топливо и на постройку крышъ, изгородей и самыхъ домовъ (что имѣетъ немаловажное значеніе), а луга доставляютъ постоянный и обильный сѣнокосъ, несмотря на случающіеся неурожаи сѣна въ степяхъ. Иловатая почва долины, при низменномъ ея положеніи, весьма способна къ разведенію садовъ и огородовъ... Кромѣ того она представляетъ особенное удобство къ разведенію птицы и животныхъ» [1]). «Какая бы ни была засуха, говоритъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій, подъ вліяніемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ не ощутительна: здѣсь почва, напоенная обильнымъ разлитіемъ Днѣпра, сохраняя надолго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности и на этихъ поемныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди даже и въ то время, когда въ степи не бываетъ ихъ совершенно» [2]). Описанныя здѣсь плавни начинаются

---

[1]) Мат. для геогр. и ст. херс. губ., I, 168—169.

[2]) Поѣздка въ южную Россію. Часть 1-я. Очерки Днѣпра, стр. 154.

сейчасъ же за днѣпровскими порогами еще въ предѣлахъ екатерин. губ. (онѣ то были извѣстны у запорожцевъ подъ именемъ «Великого Лугу»); но затѣмъ тянутся и далѣе въ предѣлахъ херсонской губ. до самаго лимана.

Мы уже выше замѣтили, что Днѣпръ образуетъ въ плавняхъ множество острововъ; острова эти начинаются еще въ порожистой части Днѣпра, но больше всего мы находимъ ихъ за порогами въ плавняхъ. Уже Э. Ласота [1]) и Бопланъ [2]) обратили вниманіе на Днѣпровскіе острова, особенно много распространяется о нихъ послѣдній; впрочемъ, онъ самъ при этомъ заявляетъ, что спускался только до острова Хортицы, а объ островахъ за днѣпровскими порогами сообщаетъ по разсказамъ другихъ; онъ называетъ, между прочимъ, Великій островъ, Томаковку, Кагеръ, Носоковку, Тавань, самымъ значительнымъ изъ острововъ былъ Хортицкій. По словамъ Э. Ласоты, этотъ «прекрасный, высокій и пріютный» островъ имѣлъ въ длину 2 мили и раздѣлялъ Днѣпръ на 2 равныя части; Бопланъ къ этому присоединяетъ еще такія свѣдѣнія: онъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами, слѣдовательно безъ удобныхъ пристаней; въ ширину имѣетъ съ восточной стороны около полумили, но къ западу уже и ниже. Онъ не подверженъ наводненіямъ и покрытъ былъ густымъ лѣсомъ. Кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ острововъ была еще цѣлая масса небольшихъ островковъ, образуемыхъ руслами рѣки, озерами, затонами и т. п. «Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, говоритъ Бопланъ, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ, съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10000 островами (это, конечно, гипербола), которые разбросаны неправильно, безпорядочно; почву имѣютъ иные сухую, другіе болотистую, всѣ заросли камышемъ, возвышающимся подобно пикамъ и закрывающимъ протоки между островами».

Таковъ былъ Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами. Отчасти такими же свойствами отличался и Бугъ. Прорѣзываясь, подобно Днѣпру, черезъ каменную гряду—отроги Карпатъ, онъ также образуетъ пороги (между Ольвіополемъ и с. Александровкою); здѣсь каменными глыбами усѣяно все дно рѣки; всѣхъ пороговъ 18; кромѣ того еще не мало и заборъ; пороги дѣлаютъ эту часть Буга очень живописною, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неудобную для судоход-

---

[1]) Путевые записки, стр. 26—30, 52—53.

[2]) Опис. Украины, стр. 17—19, 22—29.

ства; ниже пороговъ (отъ Александровки до впаденія р. Куцаго Еланца) Бугъ течетъ въ долинѣ шириною отъ 1 до 5-ти верстъ и, подобно Днѣпру, образуетъ плавни [1]); плавни эти состоятъ то изъ луговъ, заливаемыхъ водою только во время половодья, то изъ топей, покрытыхъ камышемъ или мягкими лѣсными породами деревьевъ, то изъ совершенно обнаженныхъ песчаныхъ пространствъ. Въ нижнемъ теченіи Буга плавень почти вовсе не было; здѣсь онъ сильно расширяется и достигаетъ максимальной глубины [2]). Бопланъ указываетъ нѣсколько островов на Бугѣ (Андреевъ и Кременцовъ [3]).

На Днѣстрѣ мы видимъ пороги и отчасти тѣ же плавни и острова; только Днѣстръ образуетъ еще болѣе плодородную долину, нежели Днѣпръ и Бугъ; «долина днѣстровская составляетъ богатство края, преставляя самую плодороднѣйшую почву для садовъ, виноградниковъ и огородовъ, доставляя лѣсъ, камышъ и всегда обезпеченный сѣнокосъ [4])».

О притокахъ Буга и Днѣпра «Топогр. оп.» области, доставшейся намъ отъ турокъ въ 1774 г., говоритъ слѣдующее: «рѣчекъ по сей земли хотя по обширности ея и не весьма (много), однако довольно; но всѣ почти маловодны и къ вершинамъ совсѣмъ въ лѣтнее время воды не имѣютъ... По всѣмъ же, кромѣ Ингула и Ингульца, рѣчкамъ переѣзды въ бродъ вблизи самихъ устей есть; а которыя при томъ болотисты и у тѣхъ не долѣ отъ устья какъ до 7 в. и въ самое

---

[1]) Въ топ. описаніи земель, доставшихся Россіи по мирному трактату съ Турціей 1774 г., мы находимъ довольно подробное описаніе р. Буга; тамъ говорится, что Бугъ расширяется отъ впаденія въ него р. Мертвовода (у г. Вознесенска), а верстъ 15 ниже Мертвовода начинается плавня, заростающая камышами, и тянется на разстояніи 27 в. до Сухаго Еланца, только у Голой Пристани, верстъ на 6 выше Еланца, правый берегъ чистъ и не покрытъ камышемъ; на югъ отъ Сухаго Еланца на разстояніи 2-хъ верстъ опять идетъ плавня, съ обоихъ береговъ болотистая и заросшая камышемъ; далѣе къ югу Бугъ значительно расширяется (отъ 250 до 600 с.) и течетъ такъ на протяженіи 6 верстъ, при чемъ лѣвый берегъ его все таки покрытъ камышемъ, песчаными кучугурами и лугами; послѣ этого дѣлаетъ вдругъ поворотъ на востокъ и, разлившись на 600 с., течетъ такъ до самаго устья, имѣя глубину отъ 28 до 40 ф. (Зап. Од. общ. 7 томъ, стр. 180—181).

[2]) Матер. для геогр. и стат. херс. губ., 1, 188, 190; см. также опис. рѣки Буга у Мейера „Повѣств., землем. и естест. описаніе очак. земли.“ Спб. 1794 г., стр. 110—112.

[3]) Оп. Укр., стр. 31.

[4]) Мат. для геогр. и стат. херс. губ., 198.

разливающееся время рѣки Днѣпра переѣзжать можно... [1]) По Ингулу вверхъ суда съ рыбою ходятъ, отъ устья до 40 в., гдѣ уже болѣе 4 футъ глубины не имѣетъ» [2]).

Почва Новороссійскаго края должна быть названа въ общемъ очень плодородной: черноземъ преобладаетъ и въ херсонской, и въ екатеринославской губ. и толщина его колеблется между четырьмя вершками и $1^1/_2$ арш. Черноземъ этотъ покрываетъ не описанныя нами рѣчныя долины, а настоящія степи и при томъ слой его тѣмъ толще, чѣмъ выше эти степи приподняты надъ уровнемъ моря; но такъ какъ степи понижаются къ югу по мѣрѣ приближенія къ Черному и Азовскому морямъ, то наиболѣе тонкій слой чернозема оказывается у самаго побережья, возлѣ лимановъ. Очаковская область, т. е. часть Новор. края, лежавшая между Бугомъ и Днѣстромъ, по качеству почвы можетъ быть раздѣлена на 2 части—сѣверную и южную; первая отличается необыкновеннымъ плодородіемъ, а вторая, приморская производитъ только тощую растительность; западная часть степи—днѣстровская болѣе изобилуетъ водою, чѣмъ восточная (бугская); протекающія здѣсь рѣки могутъ быть раздѣлены на 3 группы: однѣ никогда не пересыхали, другія пересыхали только отчасти, а третьи совсѣмъ; кромѣ рѣчной воды жители пользовались еще колодцами и родниками [3]). Что касается рѣчныхъ долинъ, то тамъ почва наносная—преимущественно илисто-песчаная, а иногда илисто-песчано-черноземная (по теченію Днѣстра)—и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ довольно плодородная. Конечно, кромѣ черноземныхъ пространствъ, есть также и песчаныя и солончаковыя и болотистыя, совершенно неудобныя для культуры; такова, напр., Кинбурнская коса, или, какъ ее называли запорожцы, «прогнои», представляющая изъ себя настоящую Ливійскую пустыню и отличавшаяся такимъ

---

[1]) Подробнѣйшее перечисленіе днѣпровскихъ притоковъ см. въ соч. кн. Мышецкаго: Ист. о козакахъ запорожскихъ, стр. 59—73; гораздо менѣе удовлетворительны свѣдѣнія атласа р. Днѣпра конца прошлаго вѣка, см. Русова., Русскіе тракты., стр. 128—129.

[2]) Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. т. VII, стр. 183—184, 181.

[3]) Мейера., Повѣствевное, землемѣрное и естественное описаніе Очаковскія земли. Спб. 1794, стр. 100—103. Оно заключаетъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія о физико-геогр. свойствахъ очаковской области: „Нижняя или приморская часть на красной, ржавчатой и желѣзными частицами наполненной землѣ производитъ только тощія, солковатыя и всѣ вообще какъ бы дымчатыя растенія. Верхняя же или кодымская часть плодоносностію и изящностію своей земли превзойти можетъ всякую другую страну“.

же характеромъ и въ прежнія времена [1]), но существованіе безплоднаго пространства не нарушаетъ общаго вывода о плодородіи степей. Объ этомъ плодородіи свидѣтельствуютъ многіе очевидцы стараго времени, сообщающіе данныя о богатствѣ степной *флоры*. Послушаемъ, напр., что говоритъ объ этомъ Бопланъ: «По полямъ Замоканя (Самоткани), говоритъ онъ, особенно же по лощинамъ, встрѣчаются цѣлые лѣса вишневыхъ деревъ, небольшіе, но весьма частые, длиною иногда болѣе полумили, а шириною отъ 200 до 300 шаговъ; лѣтомъ видъ ихъ прелестенъ. Тамъ же растетъ множество дикихъ малорослыхъ миндальныхъ деревъ съ горькими плодами; но они не составляютъ лѣсочковъ, подобно вишнямъ, коихъ вкусные плоды не уступаютъ садовымъ» [2]). По теченію р. Самары (притока Днѣпра), по словамъ Боплана, было большое обиліе лѣса, который доставляли отсюда въ Кодакъ [3]); одинъ изъ острововъ у Стрѣльчаго порога былъ покрытъ дикимъ виноградомъ [4]); острова Хортица и Томаковка лѣсомъ [5]). Князь Мышецкій сообщаетъ намъ списокъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ, растущихъ при Днѣпрѣ: виноградъ, яблоки, груши, тернъ, барбарисъ, калина, вишни, ежевика; на днѣпровскихъ островахъ—дикій чай, шалфей и др. аптечныя травы, дубъ, осокорь или осина, ивнякъ, гордовое и таволжное дерево; но всѣ эти деревья для построекъ не годятся [6]). Авторъ «Топ. Оп.» говоритъ о части херсонскихъ степей, прилегающихъ къ Днѣпру и Бугу, такимъ образомъ: «Земля на семъ округѣ, выключая около рѣкъ песчаныя косы и кочугуры, каменные берега, вообще влажна сверху на два фута и болѣе, черна, а ниже глинистой, желтоватой грунтъ имѣетъ и вся къ плодородію способна; но на высокихъ горахъ отъ жаровъ и трава скоро высыхаетъ, слѣдственно хлѣбопашество тамъ производить нельзя, а только къ тому балки и отъ рѣкъ низменныя мѣста и пологость при балкахъ горъ способными остаются; да и траву, если на тѣхъ горахъ получать для покосу, то каждую осень выжигать неотмѣнно принуждено [7])». О флорѣ тотъ же авторъ говоритъ слѣдующее: «лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, а по балкамъ мѣстами растутъ яблони, груши,

---

[1]) Скальковскаго, Опытъ стат. оп. Новор. края, ч. 1-я, стр. 200—201.

[2]) Оп. Укр. стр. 16.

[3]) Ibidem стр. 18.

[4]) Ibidem стр. 23.

[5]) Ibidem стр. 25.

[6]) Ист. о каз. Зап. стр. 78.

[7]) Зап. Од. Общ., т. 7-й стр. 185.

а болѣе терновникъ, шиповникъ, хмель, виноградъ (весьма одичалъ, а потому весьма мелокъ, вкусъ кисловатый имѣетъ и растетъ не во множествѣ), вишни, ивнякъ, осокорь, боярыня, гордина, и всѣ изрѣдка; на островахъ, что въ гирлахъ, довольно ольхи, березы, лознику или вербы, терну, но все мелкіе; а по р. Аргамаклы или Громоклеи нѣсколько годнаго и въ строеніе лѣсу есть... Травы родятся разныя, а обще: въ балкахъ и около рѣкъ растетъ пырей, дягельникъ, чернобыльникъ, дикій лукъ, щавель, кропива, лебеда, цикорій, горчица; изъ цвѣтовъ: тюльпаны, васильки, ромашка, гвоздичка; по надъ берегомъ лимана капуста заячья, спаржа, и въ степяхъ: ковыль, катранъ, бурьянъ, шалфей, мята; по горамъ много богородицкой травы и полыню, морковка дикая какъ пусторнакъ, чеберъ, бедринецъ, а въ множествѣ около Гарду по Бугу между каменья артишокъ, а въ рѣкахъ, по Днѣпру водяные орѣхи, лапушникъ, изобильно тростнику и камышу, очеретъ называемаго... грибовъ никакихъ, кромѣ шемпіоновъ, не видно. Изъ ягодъ, кромѣ изрѣдка клубники и земляники, никакихъ нѣтъ[1])». А вотъ весьма характерный отрывокъ изъ донесенія правителя екатеринославскаго намѣстничества Каховскаго объ Очаковской области, пріобрѣтенной отъ турокъ: «въ проѣздъ мой осматривалъ я оба берега Березанскаго, Тилигульскаго и Куяльницкаго лимановъ. Обозрѣвъ нынѣ всѣ почитаемыя мною нужнѣйшими мѣста въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, пріемлю смѣлость всеподданѣйше донесть В. И. В., что нашелъ я по всему пространству земли отмѣнно тучныя и плодородныя: сіе доказывается остатками развалинъ многочисленныхъ бывшихъ повсюду селеній и различнаго рода лучшими травяными кормовыми растеніями, коими покрыты не только всѣ долины, но и плоскія мѣста, исключая береговъ и отлогостей по р. Днѣпру. Весьма мало попадались мнѣ солонцоватыя и песчаныя мѣста; болотистыхъ же не наѣзжалъ я, какъ только по берегамъ Буга и Днѣстра и по лиманамъ, кои покрыты камышемъ, пригоднымъ для употребленія вмѣсто дровъ[2])».

Не меньшимъ богатствомъ отличается фауна степей. Бопланъ описываетъ подробно водившихся здѣсь байбаковъ и сугаковъ, и говоритъ также объ оленяхъ, ланяхъ, сайгахъ, дикихъ кабанахъ не-

---

[1]) Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 186—187; Чернявскій въ своемъ „Описаніи Сѣчи“ перечисляетъ лѣса, принадлежавшіе запорожцамъ; см. „Ист. о каз. запор.“ стр. 83—84.

[2]) Сравнительный взглядъ на Очаковскую область, А. А. Скальковскаго (Зап. Од. Общ., I, 260—261).

обыкновенной величины и дикихъ лошадяхъ, ходившихъ табунами отъ 50 до 60 головъ[1]). Э. Ласота передаетъ, что на обратномъ пути изъ Сѣчи онъ и его товарищи встрѣтили медвѣдя и убили его (между рѣчками Самотканью и Домотканью)[2]). Кн. Мышецкій перечисляетъ звѣрей, которые встрѣчаются по обоимъ берегамъ р. Днѣпра и по островамъ; это были: олени, волки, лисицы, зайцы, барсуки, выдры, дикія козы, дикія кошки, дикіе кабаны, дикіе лошаки; на очаковской сторонѣ въ Черномъ лѣсу водились медвѣди и лоси[3]); авторъ «Топ. Оп.», извѣстія котораго относятся къ концу XVIII вѣка, когда количество дикихъ звѣрей уже уменьшилось, говоритъ слѣдующее: «звѣрей дикихъ прежде войны важивалось довольно, но нынѣ изрѣдка волки, лисицы, зайцы, козы, барсуки, хорьки, сурки или байбаки, а въ камышахъ дикія свиньи и кабаны. По лѣвую сторону Ингула есть множество дикихъ лошадей, а въ рѣкахъ довольно выдры. Были, сказываютъ, олени и сугаки, но нынѣ совсѣмъ не видно[4])». По сообщенію Пейсоннеля, сугаки (дикія овцы) въ Очаковской и Перекопской степи водились въ изобиліи еще и въ концѣ XVIII в.; Гюльденштедтъ упоминаетъ объ оленяхъ въ елисаветградской провинціи во 2-й половинѣ XVIII в.; дикія козы, куницы и барсуки были еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи[5]).

Царство пернатыхъ также было велико. Князь Мышецкій перечисляетъ слѣдующихъ птицъ, которыя водились на днѣпровскомъ побережьѣ и на островахъ: дикія гуси разнаго рода, лебеди, утки, колпицы, дрохвы, бакланы, журавли, бабы (пеликаны), аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы, ястребы[6]); авторъ «Топ. Оп.» присоединяетъ еще сюда стрепетовъ, чаекъ и нѣк. др. [7]).

Воды изобиловали рыбою. «Озеро (лиманъ) Тилигулъ, говоритъ Бопланъ, такъ обильно рыбою, что стоячая вода онаго получаетъ запахъ несносный... Озеро Куяльникъ столь же обильно рыбою, какъ и Тилигулъ. Ватаги рыбаковъ пріѣзжаютъ на сіи два озера далѣе

---

[1]) Опис. Украины, стр. 89—93.

[2]) Путевыя зап., стр. 54.

[3]) Ист. о каз. запор., стр. 77.

[4]) Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

[5]) Ист.-стат. обозр. херс. губ., Кирьякова (Мат. для стат. Рос. имп., стр. 181); о сугакахъ и дикихъ козахъ свидѣтельствуетъ и Мейеръ, стр. 192.

[6]) Ист. о каз. запор., стр. 77—78.

[7]) Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

нежели изъ за 50 миль и ловятъ карповъ и щукъ величины необыкновенной [1])». Пселъ и Ворскла—рыбныя рѣки; но обильнѣе всѣхъ рыбою притокъ Днѣпра Орель; р. Самара также весьма обильна рыбою [2]). Князь Мышецкій передаетъ, что запорожцы въ его время въ Днѣпрѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ ловили много осетровъ, севрюги, стерляди, сомовъ, сазановъ, линей, щукъ, карасей, бѣлизны, окуней, судаковъ, плотвы, сельдей, лящей [3]). Авторъ «Топ. Оп.» говоритъ, что въ лиманѣ, Бугѣ, Ингулахъ и Днѣпрѣ ловились стерлядь, севрюга, бѣлуга, осетры, сомы, лещи, скумбрія, тарань, камбала [4]) и т. п. Еще во времена Гюльденштедта рыба ловилась въ большомъ изобиліи и продавалась очень дешево; пудъ соленой бѣлужины по 70 к. [5]).

Итакъ, Новороссійскія степи изобиловали въ прежнія времена разнообразными естественными богатствами міра животнаго и растительнаго; кромѣ того неисчерпаемыя залежи минераловъ (гл. обр. каменнаго угля и желѣза) находились еще въ нѣдрахъ земли, но сдѣлались извѣстными и стали эксплуатироваться очень поздно. Почва, какъ мы видѣли, по большей части представляла прекрасный черноземъ, а въ рѣчныхъ долинахъ хотя и песчано-илистые, но все таки довольно плодородные наносы; безплодныхъ или малоплодородныхъ мѣстъ было немного—и они находились главнымъ образомъ въ южныхъ частяхъ степей, ближе къ морю. Климатъ здѣсь болѣе теплый, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Понятное дѣло, что всѣ эти благопріятныя условія должны были привлечь сюда русскихъ поселенцевъ.

Но намъ нужно показать и обратную сторону медали, для того чтобы понять причину медленнаго заселенія этого края въ XVI—XVII в. Жизнь въ степи была сопряжена со страшными лишеніями и неудобствами: приходилось вести настойчивую и упорную борьбу съ дикой степной природой. Страшна была безлюдная степь зимою, когда въ ней господствовали сильные морозы, вѣтры и вьюги, когда вся она представляла изъ себя безконечную бѣлоснѣжную пелену, на которой не видно было уже дорогъ, а бродили только голодные

---

[1]) Опис. Украйны, стр. 32—33.

[2]) Ibidem, стр. 15—16, 18.

[3]) Ист. о каз. запор., стр. 77.

[4]) Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

[5]) Зап. Од. Общ., XI, стр. 192—193.

волки и др. звѣри. Если теперь великая опасность угрожаетъ путнику, застигнутому здѣсь снѣжною мятелью и лютымъ морозомъ, то что же было прежде? Объ этомъ времени сообщаютъ намъ любопытныя свѣдѣнія очевидцы, сами на себѣ испытавшіе все это. Бопланъ очень картинно описываетъ зимніе холода. «Обыкновенно стужа обхватываетъ человѣка вдругъ, говоритъ онъ, и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро;—кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и при томъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало по малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпененіе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди самаго крѣпкаго тѣлосложенія... Въ 1646 г., когда польская армія вступила въ московскіе предѣлы, для пресѣченія возвратнаго пути татарамъ и возвращенія плѣненныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2,000, изъ коихъ многіе погибли описанною мною мучительною смертью, другіе же возвратились калѣками. Холодъ не пощадилъ даже лошадей [1])». Другой французскій писатель баронъ де-Тоттъ разсказываетъ, что во время зимняго похода татаръ на Новую Сербію въ 1769 г. (и онъ самъ здѣсь участвовалъ) погибло болѣе 30,000 лошадей [2]). Всѣмъ извѣстна также знаменитая очаковская зима [3]).

Недостаточное количество рѣчной воды и быстрое всасываніе испареній атмосферой въ связи съ сухими вѣтрами производили

---

[1]) Бопланъ, Опис. Укр. стр. 96—98.

[2]) Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares 1781 a. sec. partie, 153—154.

[3]) По описанію современника, очаковская зима отличалась чрезвычайною продолжительностью и суровостью; 13 окт. выпалъ уже большой снѣгъ, а 7 ноября началась настоящая зима съ заметами и мятелями, при чемъ замерзло множество деревьевъ въ садахъ и лѣсахъ; передъ 12 іюня ударилъ еще такой морозъ, что мѣстами замерзли огородныя овощи (Очаков. зима по современному описанію, В. Ястребова, въ Кіевск. Стар. 1884 г. авг., стр. 732).

очень частыя засухи. Мы упоминали уже, какъ мелководны были рѣчки, впадающія въ Днѣпръ и Бугъ; лѣтомъ онѣ почти совершенно пересыхали и не могли достаточно хорошо орошать и тѣ долины, въ которыхъ онѣ протекали. Атмосферные осадки (въ видѣ дождя, росы и т. д.) жадно поглощались сухою землею или же обращали жалкіе дотолѣ ручьи въ стремительные и полноводные потоки, вода которыхъ быстро уносилась въ большія рѣки и море, а въ степи земля трескалась отъ засухи; вся богатая растительность засыхала. Подобныя засухи были истиннымъ бичемъ для земледѣльческаго хозяйства и тогда уже, когда здѣсь поселились мирные колонисты. Климатъ былъ здѣсь континентальный, сухой; даже близость моря не умѣряла его; и это потому, что степи были совершенно открыты со всѣхъ четырехъ сторонъ дѣйствію вѣтровъ; и вотъ сѣверный вѣтеръ приносилъ съ собою холодъ, а восточный—страшную сухость и жару. Родники и колодцы въ юго-восточной части Новороссійскаго края находились только у береговъ рѣкъ, а въ степи на горѣ не было ни одного; потому то и дороги проложены были возлѣ рѣчекъ[1]).

Весна отличалась большою перемѣнчивостью погоды. Лѣтомъ вся трава въ степяхъ высыхала и выгорала и онѣ представляли изъ себя мертвую пустыню. Когда же не было засухи, могъ явиться другой врагъ и истребить не похуже ея всю растительность на громадной территоріи; это была саранча—истинный бичъ Божій въ южныхъ степяхъ. «Саранча, говоритъ Бопланъ, летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на 5 или 6 миль въ длину и на 2 или 3 мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкасіи, Бассіи и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія—тамъ черезъ 2 часа не остается ни былинки... Бѣдствія увеличиваются въ 300 разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени: ибо въ октябрѣ мѣсяцѣ она умираетъ, но прежде смерти каждое насѣкомое кладетъ въ землю до 300 яицъ, изъ коихъ въ слѣдующую сухую весну выводится бездна саранчи... Нѣтъ словъ для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ и помрачаетъ воздухъ... Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ[2])». Если

---

[1]) Зап. Од. Общ. VII, стр. 183.

[2]) Опис. Укр., стр. 85—87.

саранча была истиннымъ бичемъ для растительности, то мошки были такимъ же бичемъ для людей и скота. «Берега днѣпровскіе, говоритъ Бопланъ, замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною въ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала чрезъ 3 дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть; страшно было взглянуть на меня» [1]). Вѣроятно, заноснымъ путемъ распространялась также въ степяхъ страшная гостья чума, противъ которой не было никакихъ средствъ [2]). Наконецъ, прежде чѣмъ поселиться въ степяхъ, необходимо было, такъ сказать, отвоевать ихъ отъ татаръ. Татары, явившись сюда въ XIII в., были какъ нельзя болѣе довольны новыми мѣстами своего жительства— этимъ моремъ травъ, служившихъ подножнымъ кормомъ для ихъ стадъ даже зимою (по крайней мѣрѣ въ самыхъ южныхъ приморскихъ степяхъ). Опорнымъ пунктомъ, неприступнымъ гнѣздомъ для нихъ былъ Крымъ, завоеваніе котораго сдѣлалось исторической задачей для русскаго государства, ничиная съ XVI в.; но эта задача была рѣшена только въ 1783 г. Въ XIII—XVI в. Новороссійскія степи принадлежали татарамъ, кочевья которыхъ простирались еще далѣе на сѣверъ и переходили даже въ нынѣшнюю харьковскую и полтавскую губ., которыя также представляли изъ себя дикое поле. Завоевать Крымъ въ XVI в. и ввести его въ составъ своихъ государственныхъ границъ Москвѣ не удалось: онъ былъ защищенъ степями, отдѣлявшими его отъ московскаго государства. Правда, черезъ эти степи протекали 3 громадныя рѣки (Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ), которыя несли свои воды въ самое море, но къ несчастью на всѣхъ этихъ трехъ рѣкахъ, какъ мы знаемъ, находились пороги, которые страшно затрудняли судоходство или, правильнѣе говоря, дѣлали его

---

[1]) Оп. Укр. стр. 84; см. также Аѳанасьева-Чужбинскаго, Поѣздка въ южную Россію. Очерки Днѣпра.

[2]) Любопытныя подробности о чумѣ въ херс. губ. находятся въ замѣткахъ А. С. Пишчевича; особенно интересно его описаніе Крюковскаго карантина г. Кременчуга, см. Кіевск. Стар. 1885 г. май, стр. 155—163.

возможнымъ только за порогами; при томъ Днѣстръ отличался быстротою теченія, а Бугъ вовсе не былъ судоходенъ въ верховьяхъ. Туда вели только татарскіе «извѣчные» шляхи—Черный, Кучманскій и Волошскій на правомъ берегу Днѣпра, Муравскій, Изюмскій и Калміусскій на лѣвомъ. Проходить спокойно по степямъ то пространство, которое отдѣляло Крымъ отъ московскаго государства, могли только татары, выросшіе въ степи; русскія рати, какъ показываетъ исторія Голицынскихъ и Миниховскихъ походовъ, должны были терпѣть при этихъ степныхъ переходахъ страшныя лишенія, несмотря на всѣ тѣ мѣры, какія предпринимались главнокомандующими. Степные пожары являлись ужаснымъ оружіемъ въ рукахъ степняковъ: воздухъ въ степи отъ пожара сильно накалялся; къ страшной сухости и жарѣ присоединялся еще удушливый дымъ, который выѣдалъ глаза и не позволялъ дышать; лошади и люди чувствовали себя какъ бы въ раскаленной печи. Но главное что такой пожаръ захватывалъ громадныя пространства и уничтожалъ весь кормъ для лошадей; а въ какомъ положеніи должны были очутиться всадники, потерявшіе своихъ коней?! Они неминуемо должны были погибнуть если не отъ жажды и страшнаго утомленія, то отъ татарскихъ выстрѣловъ, ибо татары ни на одну минуту не оставляли въ покоѣ утомленнаго войска, а наблюдали все время за нимъ, окружали его, какъ вороны свою добычу. Почти въ такомъ положеніи очутилась, напримѣръ, рать кн. Голицына. Во всей степи не было ни городовъ, ни деревень, вообще никакихъ постоянныхъ жилищъ, гдѣ бы можно было найти временный пріютъ и пристанище. Минихъ, какъ извѣстно, долженъ былъ построить по всему пути редуты и ретраншаменты, чтобы поддерживать сообщеніе съ Украиной. Мало того,—отъ р. Самары прекращались и лѣса,—эти естественныя крѣпости для осѣдлаго населенія; попадались они послѣ этого только въ плавняхъ. «Можно пройти, говоритъ Манштейнъ, 15 и 20 верстъ и не встрѣтить ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности—найдутся ли они на новомъ мѣстѣ». Такія опасности и затрудненія угрожали въ степяхъ большому войску, снабженному фуражемъ и всѣмъ необходимымъ. Но чрезвычайно затруднительно было также положеніе и небольшаго отряда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что испытали наши посланники Тяпкинъ и Зотовъ, отправленные въ Крымъ для заключенія мирнаго трактата въ 1681 г.; несмотря на то, что ихъ должно было ограждать званіе

пословъ, несмотря на то, что ихъ сопровождалъ отрядъ рейтаръ и козаковъ, они всю дорогу пробыли въ величайшемъ страхѣ, терпѣли отъ безкормицы, безводія, копоти и дыма и вздохнули свободно, пришедши въ самый Крымъ, воздавши благодареніе избавителю Богу, Пречистой Богоматери, что «препроводилъ ихъ такимъ страшнымъ путемъ здоровыхъ и не попустилъ на нихъ враговъ». Спрашивается, каково же могло быть положеніе тѣхъ людей, которые бы рѣшились поселиться навсегда въ степи, въ качествѣ осѣдлыхъ колонистовъ? Имъ нужно было бы вести постоянную борьбу и съ татарами, считавшими эти степи своею собственностью, и съ природой. О мирной колонизаціи края нечего было, конечно, и думать до второй пол. XVIII в. Первые колонисты должны были затрачивать почти всю свою энергію на войну съ татарами—какъ оборонительную, такъ и наступательную; имъ трудно было обратить свою заботливость на созиданіе культуры, потому что для этого нужно было такое спокойствіе въ краѣ, какимъ онъ не пользовался очень долго. Они должны были поселиться въ наиболѣе безопасномъ мѣстѣ, а такимъ мѣстомъ были острова за днѣпровскими порогами; въ открытой степи ихъ уничтожила бы первая татарская рать. А тамъ, въ этихъ плавняхъ, они могли бы найти все необходимое для своей полукочевой, полуосѣдлой жизни, ибо только такую жизнь и можно было бы вести самымъ раннимъ колонистамъ.

ГЛАВА 2-я.

Первые поселенцы.

Первые колонисты—запорожскіе козаки.—Вліяніе мѣстныхъ условій на внутреннюю организацію ихъ общины.—Боевое значеніе Запорожья.—Заселеніе ими степей: пространство, занятое Запорожьемъ въ XVIII в.; виды запорожскихъ поселковъ; статистика населенія.

Первыми поселенцами Новороссійскихъ степей были запорожскіе козаки, основавшіе свою сѣчь за днѣпровскими порогами на островѣ Хортицѣ въ самомъ началѣ 2 й пол. XVI в. (при извѣстномъ кн. Дм. Вишневецкомъ)[1]. Съ этого времени мѣста сѣчи мѣ-

---

[1]) О происхожденіи зап. козачества см. статью г. П-ки (Кіев. Стар. 1884 г. авг. и сент., стр. 580—613, 27—52): основная мысль—одинаковость факторовъ, вызвавшихъ къ жизни укр. и запор. козачество—уяснена авторомъ обстоятельно и при томъ на основанін точныхъ фактическихъ данныхъ и потому можетъ быть при

нялись—то мы видимъ ее на островѣ Томаковкѣ, то на Микитиномъ Рогѣ, то на Чертомлыцкомъ Рѣчищѣ, то на р. Каменкѣ, то въ урочищѣ Олешкахъ, то надъ рѣчкою Подпольной[1]). Переселеніе ея съ одного мѣста на другое обусловливалось не одною, а многими и разнообразными причинами, при чемъ большую роль играли естественныя условія[2]). Скажемъ болѣе того: природа мѣстности, столь подробно описанная нами раньше, оказала рѣшительное вліяніе на внутреннее устройство Сѣчи и ея бытъ. Что изъ себя представляла запорожская сѣчь въ первое время своего историческаго существованія (напр. въ XVI и даже въ XVII в.)? Военное братство, скрывавшееся отъ татаръ на днѣпровскихъ островахъ среди плавней, отказавшееся по необходимости отъ многихъ формъ правильной гражданской жизни—отъ семьи, личной собственности, земледѣлія и др. культурныхъ занятій. И могло ли быть иначе? Смѣлая горсть русичей только и могла поселяться на днѣпровскихъ островахъ; поселись она въ открытой степи, она была бы немедленно раздавлена татарами; а тутъ на Днѣпрѣ иное дѣло—плавни представляли изъ себя цѣлый лабиринтъ заливовъ, островов, гдѣ, по словамъ Боплана, однажды запутались и откуда не могли выйти турецкія суда, рѣшившіяся было погнаться за козацкими; здѣсь же большая часть ихъ и погибла и турки послѣ этого не осмѣливались уже подниматься далеко вверхъ по Днѣпру. Правда, рѣчныя долины Днѣпра и Буга не были покрыты такимъ густымъ слоемъ чернозема, какъ болѣе возвышенныя степи; но запорожцы не нуждались въ этихъ черноземныхъ поляхъ, потому что не занимались на первыхъ порахъ земледѣліемъ; всякая попытка ихъ въ этомъ смыслѣ была бы немедленно уничтожена татарскимъ отрядомъ. Понятно, слѣдовательно, почему заселеніе степей началось съ рѣчной долины: здѣсь запорожцы имѣли, какъ мы видѣли, въ изобиліи рыбу, дикихъ звѣрей и птицъ; понятно, почему главными занятіями у нихъ были рыболовство и звѣроловство; здѣсь

нята какъ доказанная; слабѣе оттѣнена разница между тѣмъ и другимъ въ составѣ, занятіяхъ, внутренней организаціи; авторъ съ полнымъ основаніемъ приписываетъ громадное значеніе сосѣдству съ татарами съ одной стороны, польскому государственному обществ. строю съ другой; въ запорожскомъ козачествѣ онъ видитъ своеобразную полукочевую, полуосѣдлую колонизацію.

[1]) Д. И. Эварницкаго. Число и порядокъ запорожскихъ сѣчей, стр. 4—15; всѣ эти мѣстности можно легко найти на атласѣ р. Днѣпра к. XVIII в. (см. Русова, Русскіе тракты).

[2]) Д. И. Эварницкаго. Число и порядокъ запор. сѣчей, стр. 15—19.

же были весьма благопріятныя условія для развитія скотоводства, которое дѣйствительно скоро тутъ получило широкое распространеніе. «Велыкый Лугъ»—эта громадная плавня—сдѣлался ихъ «батькомъ», а Сѣчь—матерью. Живя на Днѣпрѣ, они не могли не узнать всѣхъ его извилинъ, заворотовъ, острововъ; по немъ они спускались на своихъ легкихъ челнахъ—чайкахъ громить приморскіе турецкіе и татарскіе города и селенія, слѣдовательно, Днѣпръ, по которому они спускались въ море, сдѣлалъ ихъ моряками. Въ такой суровой жизни, исполненной всевозможными лишеніями, нельзя не видѣть прямаго, непосредственнаго вліянія дикой степной природы. Запорожцы жили непосредственною натуральною жизнью, и природа была для нихъ иногда родною матерью, а иногда мачихой. Понятное дѣло, что не могли они въ свое братство, преданное исключительно военнымъ интересамъ, ввести семейнаго начала, ибо во 1-хъ оно едва ли было возможно при той бурной, исполненной безпрерывныхъ опасностей, жизни, какую вели запорожцы, во 2-хъ оно бы разлагающимъ образомъ дѣйствовало на складъ ихъ жизни (главнымъ образомъ на идею братства), въ третьихъ, наконецъ, запорожскому рыцарству и трудно было бы добывать себѣ женъ. Какъ бы то ни было, Запорожье, въ первое время своего историческаго существованія, несмотря на сравнительно небольшое число братчиковъ, представляло изъ себя такую военную силу, которую чрезвычайно высоко цѣнили сосѣди. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напримѣръ, вспомнить, что въ XVI ст. (въ 1594 г.) австрійскій императоръ Рудольфъ II посылалъ къ запорожцамъ спеціальнаго посла Э. Ласоту, чтобы побудить ихъ черезъ Валахію вторгнуться въ Турцію; по словамъ самихъ запорожцевъ, они въ это время могли выставить «6,000 человѣкъ старыхъ козаковъ, людей отборныхъ, не считая хуторянъ (Landfölk), живущихъ на границахъ». Московское государство также цѣнило военное могущество запорожскаго войска. Извѣстно, какъ оно уважало основателя запорожской хортицкой Сѣчи кн. Дм. Вишневецкаго и даже пригласило его къ себѣ на службу[1]). Польша испытала на себѣ силу Запорожья въ XVII в. Крымъ также трепеталъ нерѣдко передъ грозными обитателями днѣпровскихъ острововъ, выставлявшими такихъ героевъ-удальцевъ, какъ, напримѣръ, знаменитый Ив. Сѣрко, который былъ грозою для татаръ; очень характерныя данныя о его сухопутномъ нападеніи на Крымъ сообщаетъ лѣтопись Величка. Наконецъ,

---

[1]) См. подробности въ Ник. Лѣт. ч. VII и Лѣт. изд. Н. Львовымъ ч. V.

и Турція видѣла подъ стѣнами своихъ приморскихъ городовъ запорожскій флотъ, который грабилъ, сожигалъ Каѳу (нынѣшнюю Ѳеодосію), Трапезондъ, Синопъ и освобождалъ христіанскихъ плѣнниковъ. Эти морскіе набѣги и создали имъ славу неустрашимыхъ воиновъ. Но кромѣ этихъ обширныхъ сухопутныхъ и морскихъ нападеній, запорожцы вели также въ степяхъ постоянную партизанскую войну, въ которой они усвоили себѣ многіе обычаи татаръ и въ которой ихъ замѣнить уже не могъ никто другой. Степь, которая окружала ихъ и которую они стали мало по малу отвоевывать отъ татаръ, научила ихъ вести степную войну, приспособиться къ ней, усвоить себѣ тѣ пріемы, которые были выработаны раньше истинными сынами пустыни—крымцами и ногайцами. Вотъ весьма характерный лѣтописный отрывокъ, ярко рисующій намъ образъ жизни запорожскихъ удальцовъ, ведшихъ степную войну съ татарами. Въ 1690 г. образовалось въ степяхъ множество ватагъ для борьбы противъ бусурманъ. «Ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степахъ, иногда звѣринымъ мясомъ кормилися, а иногда толокна только да сухарей толченыхъ въ сутки разъ вкушали, съ великимъ отъ татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда и конямъ ржати не допущая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комишахъ кормилися и пути свои, порознившися, теряли, но паки познавая оніе въ день по слонцу и кряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако висмотрѣвши татаръ, нечаянно малимъ людомъ великія ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Полшу (кому куда способнѣе) отвозили, получая за то милость монаршую» [1]).

Таково было военное значеніе запорожскаго «товарыства». Но рядомъ съ чисто военными цѣлями—самообороны и наступленія—Запорожье преслѣдовало и другую задачу—колонизацію дотолѣ пустыннаго края; въ первый моментъ всецѣло, можно сказать, господствовала первая цѣль, но потомъ все большее и большее значеніе получаетъ вторая. Мы не будемъ касаться подробностей, а постараемся только напомнить существенные моменты въ этомъ дѣлѣ. Предѣлы Запорожья съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе распространялись на счетъ «Дикаго поля», татарской степи. Въ самомъ концѣ своей исторической жизни Сѣчь (послѣдняя, Новая) заключала уже

---

[1]) Лѣт. Самовидца. Изд. 1878 г., стр. 289—290; собственно этотъ отрывокъ помѣщенъ въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“.

въ себѣ громадную территорію, въ большей или меньшей степени заселенную. Всѣ запорожскія владѣнія или «вольности» состояли въ это время изъ Сѣчи (въ собственномъ смыслѣ этого слова), 8 паланокъ и, наконецъ, зимовниковъ. «Запорожская Сѣчь, по словамъ кн. Мышецкаго, есть небольшой полисадникомъ огражденный городъ, заключающій въ себѣ одну церковь, 38 такъ называемыхъ куреней и до 500 куренныхъ козачьихъ, торговыхъ и мастеровыхъ домовъ» [1]). Въ куреняхъ жили члены «товарыства», т. е. неженатые сѣчевики. «Всѣ курени, по словамъ Коржа, были выстроены въ Сѣчи, въ одномъ мѣстѣ, хотя и не такъ, какъ обыкновенный куринь, или шалашъ пастушій строится просто, но были рубленыя и изъ рѣзанаго лѣса, ибо «Велыкый лугъ» на лѣсъ былъ достаточенъ; а при томъ столь обширны были палаты, что по 600 козаковъ и болѣе могли вмѣщаться въ каждомъ куринѣ, во время обѣда» [2]). Это была, такъ сказать, столица войска, въ 1775 г. разрушенная Текеліемъ и представлявшая изъ себя нѣчто совершенно своеобразное, не то городъ, не то крѣпость съ казармами. Здѣсь жило и высшее начальство (выборное), которое завѣдывало всѣми запорожскими владѣніями. Эти послѣднія состояли (кромѣ Сѣчи) изъ паланокъ и зимовниковъ. Запорожскія земли занимали нын. екатеринославскую и херсонскую губ., исключая въ этой послѣдней очаковской области, т. е. мѣстности, лежавшей между Бугомъ и Днѣстромъ (нын. одесскаго, тираспольскаго и ананьевскаго уѣздовъ). Онѣ тянулись глав. образомъ по р. Днѣпру; на правой сторонѣ Днѣпра, по словамъ кн. Мышецкаго, они начинались у устья р. Самоткани, откуда граница шла на западъ до Буга, а оканчивались при впаденіи р. Камянки, откуда пограничная линія направлялась на сѣверо-западъ и, пересѣкая рр. Ингулецъ и Ингулъ, доходила до Буга; на лѣвомъ берегу Днѣпра запорож. владѣнія ограничивались на сѣверѣ р. Самарью, на югѣ—Конскими Водами, а на востокѣ—Калміусомъ [3]). Впослѣдствіи селенія запорожцевъ подвинулись нѣсколько къ сѣверу и заняли также теченіе р. Орши. «Выше показанная по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра земля, которая большею частью состоитъ изъ пустой и дикой степи, говоритъ кн. Мышецкій, и которая въ окружность простирается около 1700 в.

---

[1]) Ист. о коз. запор., стр. 79.

[2]) Устное повѣст. Н. Л. Коржа стр. 36, см. также Эварницкаго „Сборникъ мат. для ист. запор. козаковъ“ стр. 147—148.

[3]) Ист. о коз. запор., стр. 80—81.

раздѣлена на 5 такъ наз. паланокъ... Первая паланка на Ингульцѣ, 2-я у р. Буга, гдѣ Гардъ (рыболовля), 3-я въ Кодакахъ, 4-я при р. Самарѣ, а 5-а у Калміуса» [1]). Впослѣдствіи къ этимъ пяти присоединились еще 3—Прогноинская (на Кинбурнскомъ полѣ), Орельская (по р. Орели), Протовчанская (между устьями рр. Орели и Самары [2]). Изъ этихъ 8 паланокъ 4 сѣверныя, прилегавшія къ заселеннымъ мѣстностямъ (Кодацкая, Орельская, Самарская и Протовчанская) имѣли села, деревни и хутора, «въ коихъ жили козацкія команды, женатые козаки и посполъство»; остальныя, болѣе южныя «ни селъ, ни даже постоянныхъ мѣстопребываній не имѣли, а учреждались ежегодно съ весны на все лѣтнее и осеннее время, для рыболовства, звѣриной и соляной добычи, а на зиму преходили къ зимовникамъ неженатыхъ или сѣчевыхъ козаковъ для наблюденія за ними» [3]). Для охраненія этихъ промысловъ и порядка здѣсь находились полковники съ командами. Очевидно, онѣ соотвѣтствовали такъ называемымъ козацкимъ уходамъ, или ухожаямъ, которые представляютъ изъ себя первичную форму поселковъ въ южнорусскихъ степяхъ. Нерѣдко, впрочемъ, такія временныя поселенія запорожцевъ обращались въ постоянныя; такъ было, напр., при основаніи слободы Николаевки (въ 12 верстахъ отъ Таганрога); въ 1769 г. весною туда явилось 500 чел. семейнаго запорожскаго козачества для рыбной ловли; но уже лѣтомъ значительная часть ихъ построила себѣ здѣсь шалаши, мазанки, землянки и зимовники; въ августѣ по распоряженію коша, который хотѣлъ свою «землю превеликую, страну пребольшущую заселить своими подданными», явилась новая партія козаковъ и въ сентябрѣ основала 3 слободы (Николаевскую, Троицкую и Покровскую) [4]).

Наконецъ, послѣднею типическою формою запорожскихъ поселковъ были зимовники, расположенные главн. обр. по берегамъ Днѣпра и впадающихъ въ него рѣчекъ, а также на островахъ, «при коихъ, говоритъ князь Мышецкій, содержатъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ; имѣютъ пасѣки для расположенія пчелъ и ведутъ экономію по свойству и качеству земли; заводятъ сады, запасаются сѣномъ для прокормленія скота и засѣваютъ поля разнымъ хлѣбомъ; упражняются ловлею въ степяхъ и лѣсахъ звѣрей, а въ рѣкахъ рыбъ, отъ чего

---

[1]) Ibidem, стр. 81.

[2]) Скальковскаго, Ист. Нов. Сѣчи, 3-е изд., I, стр. 36—37.

[3]) Ibidem, стр. 33—37.

[4]) Θеодосія, Матеріалы для ист. стаг. опис. Екат. епархіи, вып. II, стр. 215.

довольную прибыль получаютъ» [1]) «Зимовниками, говоритъ авторъ «Топогр. опис.», называютъ тѣ строенія, при которыхъ жители имѣютъ скотъ и проживаютъ съ нимъ всегда, но при нѣкоторыхъ и рыбную ловлю содержатъ и людей или хозяевъ въ такихъ зимовникахъ бываетъ мало, однако случается, что человѣка 3 или 4 согласясь построить вмѣстѣ и заведутъ скотъ, а рѣдко чтобъ одинъ хозяинъ былъ. Въ работное время да и въ зиму приходятъ къ нимъ и по многому числу для работы и на прокормъ пришедши, проживаютъ недѣлю или болѣе и пойдетъ въ другой зимовникъ. Избы выстроены изъ лѣсу, а иныя стѣны плетены и обмазаны глиной, а заборы при дворахъ все изъ плетней». Такихъ зимовниковъ въ началѣ 70-хъ годовъ было по Ингулу—17, по Ингульцу—11, по Аргамаклѣ—11 по Днѣпру—14, по Бугу—7, на Куцомъ и Сухомъ Еланцѣ по 1; тутъ же было 5 загоновъ для скота и значительное число рыбныхъ заводовъ, при которыхъ для зимняго времени устроены были землянки, а для лѣтняго камышевые шалаши; и вотъ въ гирлахъ и у лимана землянокъ было 17, шалашей—15, по Бугу землянокъ 11, шалашей—39, по Ингулу—2 и 4, по Ингульцу—4 и 1; такія же землянки и шалаши были выстроены и для пограничныхъ запорожскихъ военныхъ командъ (напримѣръ, при Гардѣ, Александровскомъ шанцѣ и др. мѣстахъ); рыбныя ловли содержались не однимъ, а нѣсколькими лицами, называвшимися односумами; обыкновенно во время лова сюда приходило по 15, 20 чел. постороннихъ лицъ, которыя оставались тутъ до зимы; нѣкоторые, впрочемъ, оставались и на зиму, хотя безъ работы [2]). Изъ этихъ данныхъ видно, что зимовники представляли изъ себя своего рода хутора, устраивавшіеся главнымъ образомъ для скотоводства, отчасти для рыболовства, пчеловодства, земледѣлія и др. промысловъ, смотря по свойствамъ мѣстности и вкусамъ владѣльца. Значительная часть зимовниковъ обратилась впослѣдствіи времени (послѣ разрушенія Сѣчи) въ села и деревни; но съ нѣкоторыми изъ нихъ такое превращеніе произошло еще во время самостоятельнаго существованія Запорожья. Любопытный примѣръ обращенія зимовника въ селеніе представляетъ слобода Николаевка—Рудева (павлоградскаго уѣзда екат. губ.). Въ 1-й пол. XVIII в. здѣсь жилъ зимовникомъ старшина Рудь, который «ходилъ отсюда на старо-крымскій шляхъ со своими хлопцами—малюками, нападалъ

[1]) Ист. о коз. запор., стр. 81—82.

[2]) Зап. Од. Общ., VII, 182—183.

тамъ на турокъ, татаръ и ногайцевъ, возвращавшихся изъ Малороссіи съ ясыремъ—со взятыми въ плѣнъ христіанами,—отбивалъ злосчастный ясыръ и освобожденныхъ христіанъ приводилъ на свой зимовникъ; здѣсь покоилъ, питалъ, и довольствовалъ ихъ; съ невеликимъ ватажкомъ своихъ хлопцевъ—малюковъ Рудь не разъ ходилъ для той же цѣли даже на знаменитый Муравскій шляхъ и всегда возвращался на свой зимовникъ со множествомъ освобожденныхъ плѣнниковъ. Въ сентябрѣ 1739 г. на зимовникѣ войсковаго старшины Рудя освобожденнаго ясыру было 426 д. обоего пола»... Кошъ подарилъ Рудю пространство, занятое его зимовникомъ, и тотъ здѣсь основалъ цѣлую слободу Николаевку, «населилъ ее народомъ семейнымъ и осѣдлымъ, самъ пригласивъ въ свою слободу изъ подъ Конотопа черниговской губ. своихъ родныхъ и знакомыхъ, и дозволилъ *своимъ хлопцамъ* вызвать также къ себѣ своихъ кровныхъ и близкихъ»; въ 1752 г. здѣсь числилось уже 315 д. мужска и 196 д. женска пола, а въ 1754 г. устроена церковь [1]). Вотъ при какихъ условіяхъ происходило заселеніе новороссійскаго края запорожцами: еще и въ пол. XVIII в. имъ приходилось вести упорную борьбу съ татарами и одновременно съ этимъ заботиться объ устройствѣ поселковъ. Какъ видно изъ настоящаго примѣра, значительный контингентъ для новыхъ слободъ доставляла Гетманщина, гдѣ оставались родственники и свойственники тѣхъ лицъ, которыя раньше ушли въ Запорожье; поводомъ же къ выселенію оттуда жителей являлись распоряженія, ограничивавшія право вольнаго перехода [2]).

Запорожскіе поселки (селенія, зимовники и т. п.) были разбросаны, какъ мы видѣли, на громадномъ пространствѣ земель нынѣшнихъ двухъ южныхъ нашихъ губерній—екатериносл. и херсон.). Число этихъ поселковъ все болѣе и болѣе возрастало, а параллельно съ этимъ увеличивалось и число жителей. Къ сожалѣнію, привести точныя статистическія данныя о количествѣ селеній и о числѣ жителей въ нихъ довольно трудно. До разрушенія Сѣчи, по словамъ Н. Л. Коржа, было 17 селеній, возникшихъ по большей части изъ зимовниковъ [3]). Гюльденштедтъ только въ Поднѣпровьѣ называетъ 30 селеній женатыхъ козаковъ (12 на правомъ и 18 на лѣвомъ берегу) [4]).

---

[1]) Ѳеодосія, Мат. для ист.—ст. оп. екат. еп., I, 522—523, 397.

[2]) Ѳеодосія, Мат. для ист.—ст. опис. екат. еп., I, 191, 221.

[3]) Устное повѣствованіе, стр. 84—94.

[4]) Reisen durch Russland, II, стр. 110—111.

Но на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо болѣе. А. А. Скальковскій, на основаніи подлинныхъ документовъ сѣчеваго архива, насчитываетъ ихъ въ 4-хъ паланкахъ 64 и говоритъ, что въ нихъ было 3415 хатъ, или 12250 д. женатыхъ козаковъ и поспольства обоего пола [1]). По оффиціальной вѣдомости, составленной Текеліемъ въ моментъ уничтоженія запорожской Сѣчи, въ ней было (кромѣ Сѣчи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) 45 деревень и 1601 зимовникъ; всѣхъ жителей было 59637 д. обоего пола, большую часть ихъ составляло поспольство, т. е. женатые поселяне (именно 35891 чел.); впрочемъ, и большая часть козаковъ жила не въ Сѣчи, а въ деревняхъ и зимовникахъ, гдѣ занималась скотоводствомъ, земледѣліемъ и другими мирными промыслами; часть козаковъ, какъ извѣстно, имѣла семьи [2]). Нужно полагать, что цифры этой оффиціальной вѣдомости значительно меньше дѣйствительныхъ; намъ будетъ совершенно непонятно, какъ это въ болѣе раннее время (о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія А. А. Скальковскій) было больше селеній, чѣмъ въ 1775 году (къ которому относится оффиціальная вѣдомость). Да и какъ могъ Текелій точно сосчитать, напр., число запорожскихъ зимовниковъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ въ разныхъ уединенныхъ мѣстахъ? Не удивительно поэтому, что его показанія расходятся съ показаніями кн. Мышецкаго, который насчитываетъ всего около 4000 зимовниковъ [3]); есть извѣстія, что запорожцы основывали иногда зимовники за границею своихъ владѣній на чужой землѣ; таковы, напримѣръ, были хутора, устроенные ими въ турецкихъ предѣлахъ въ виду Очаковской крѣпости [4]); такіе населенные пункты не могли, конечно, войти въ оффиціальную вѣдомость, если мы приведемъ себѣ на память также нерасположеніе запорожцевъ ко всякимъ оффиціальнымъ статистическимъ запросамъ, которое должно было еще болѣе усилиться въ моментъ уничтоженія Сѣчи, то б. м. окончательно убѣдимся въ томъ, что на самомъ дѣлѣ въ Запорожьѣ было не 59637 д., а гораздо больше; по всей вѣроятности, ближе всего къ истинѣ будетъ цифра, приводимая А. А. Скальковскимъ—100,000 обоего пола козаковъ и поспольства. Во всякомъ случаѣ для насъ интереснѣе всего тотъ фактъ, что большинство населенія запорожской Сѣчи въ

---

[1]) Исторія новой Сѣчи, I, 33—37.

[2]) Сборникъ антроп. и этногр. ст., изд. Дашковымъ, I, прил. 1-е.

[3]) Ист. о коз. запор., стр. 81—82.

[4]) А. А. Андріевскаго. Мат. для ист. южнор. края. Од. 1886, стр. 117.

годъ ея уничтоженія составляли женатые козаки и посполитые, преданные почти исключительно мирнымъ культурнымъ занятіямъ; правда, среди нихъ были и такія лица, (скотари, табунщики, чабаны), которыя вели полукочевой образъ жизни—защищались отъ непогоды въ такъ называемыхъ кошахъ съ очагомъ для разведенія огня (кабыцей) или котигахъ, т. е. палаткахъ на 2-хъ или 4-хъ колесныхъ арбахъ, совершенно напоминающихъ ногайскія [1])—но въ общемъ о населеніи запорожья слѣдуетъ сказать, что оно въ послѣдніе годы своего историческаго существованія рѣшительно стало переходить на мирное положеніе и показывало склонность къ культурнымъ занятіямъ. Впослѣдствіи мы сдѣлаемъ болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ запорожской культуры; теперь же только замѣтимъ, что первыми зачатками своей матеріальной культуры Новороссійскій край обязанъ Запорожью. Такимъ образомъ Запорожье, съ одной стороны являясь оплотомъ русскаго міра отъ мусульманскаго, не мало потрудилось для *отстаиванія* русской культуры, а съ другой внесло свою лепту и въ общую творческую дѣятельность русскаго народа, направленную къ *созиданію* культуры. Чрезвычайно вѣрно и метко опредѣлилъ роль Запорожья въ исторіи колонизаціи Новороссійскаго края г. Надхинъ; мы позволимъ себѣ привести здѣсь его образное сравненіе: «въ степяхъ Новороссійскихъ, говоритъ онъ, есть цѣлыя кучугуры сыпучихъ песковъ; на нихъ долго не могло укрѣпиться ни одно растеніе: всякую былинку, кустъ, деревцо изъ рыхлой почвы вырывалъ вѣтеръ; но вотъ началъ здѣсь рости шелюгъ (родъ красной ивы)—и онъ цѣпкими своими корнями укрѣпился на этомъ грунтѣ и укрѣпилъ его до того, что вслѣдъ за нимъ начали рости и другіе деревца и кустарники. Запорожье было для южной Россіи такимъ шелюгомъ: оно первое тутъ успѣло укорениться на непрочной почвѣ, первое укрѣпило ее подъ собою для жизненныхъ посѣвовъ и такимъ образомъ первое дало возможность для постояннаго на ней заселенія и гражданскаго развитія» [2]).

Д. И. Багалѣй.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Описанія ихъ см. у Н. Л. Коржа.

[2]) Память о Запорожьѣ, ср. 68—69.

Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе.

Низменный мысъ на берегу Чернаго моря, въ 2 верстахъ пути отъ г. Севастополя, называется «Херсонесомъ». Здѣсь въ древности былъ греческій городъ того же имени, извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ «Корсуня», гдѣ въ 988 году крестился и вступилъ въ бракъ съ греческой царевной Анной князь Владиміръ Святославичъ, просвѣтившій христіанскою вѣрою всю Россію. Окружность площади этого города, наполненная теперь развалинами, простиралась до 1350 саженей, отдѣляясь съ юго-восточной стороны Карантинной бухтой, съ сѣверо-восточной—Чернымъ моремъ, съ сѣверо-западной и съ юго-западной сухопутной стороны—перешейкомъ въ 570 саж. между вершинами двухъ названныхъ заливовъ, или бухтъ, возвышающимся на 46 саженей надъ уровнемъ моря.

Хотя Крымъ присоединенъ къ Россіи въ 1783 году, но открытіе остатковъ древнихъ церквей Херсонеса началось лишь съ 1827 года. Въ «Исторіи Ираклійскаго полуострова» генералъ-маіора морской службы Захарія Аркаса [1]) мы читаемъ:

Въ 1827 году разрывали нѣкоторую часть мѣстности Херсонеса и нашли нижнія стѣны 3-хъ каменныхъ церквей, сложенныхъ на извести, съ полукруглыми алтарями, а по бокамъ, у стѣнъ, гробницы, покрытыя мраморными плитами съ изображеніями креста и въ нихъ человѣческіе остовы, мѣдныя монеты и стеклянныя кисти или запястья, по одному и по два вмѣстѣ, багроваго и чернаго цвѣтовъ. Одна изъ этихъ церквей, на срединѣ Херсонеса, сохранилась лучше; другія же двѣ, означенныя на приложенномъ планѣ буквами *G* и *E*, разорены и камни ихъ

[1]) Исторія Ираклійскаго полуострова и его древности З. Аркаса въ Запискахъ Одес. общества исторіи и древностей, т. II., стр. 245—271 и отдѣльной книгой—Николаевъ 1879 г. съ картами и планами. Составлена въ 1840 году.

снесены. Ближайшая съ южной стороны церковь, находилась около насыпи земляной, которая можетъ быть остаткомъ той насыпи, которую сдѣлали жители Херсонеса во время осады этого города Владиміромъ, унося землю, наваливаемую осаждавшими, въ крѣпостной ровъ. Первая изъ церквей, сохранившаяся въ лучшемъ видѣ среди города, имѣла въ длину 18 аршинъ и столько же въ ширину, 50 футовъ въ окружности и до 27 футовъ высоты. Форма ея крестообразная, полукруглый алтарь раздѣлялся на три части, полъ изъ мозаики и на полу лежали разбитыя мраморныя колонны съ широкими концами и съ изображеніемъ на нихъ выпуклаго креста. По близости этой церкви находится незастроенная пятиугольная площадь въ 2200 квадратныхъ саженей. Вблизи каждой изъ трехъ вышеупомянутыхъ церквей были цистерны: цистерна, сложенная на цементѣ съ 2 водопроводными трубами— при церкви, что вблизи насыпи; двѣ цистерны при второй церкви, которая среди города и которая сохранилась лучше другихъ, и цистерна малаго размѣра при 3-й церкви. Всѣ эти цистерны сложены на цементѣ, а есть, сверхъ того, нѣсколько меньшихъ цистернъ, выдолбленныхъ въ цѣльномъ камнѣ.“

Въ 1836 году посѣтилъ Херсонесъ Н. Н. Мурзакевичъ сначала членъ, а впослѣдствіи предсѣдатель Одесскаго Общества исторіи и древностей, и въ описаніи своей «Поѣздки въ Крымъ» [1]) передалъ слѣдующее:

„Въ 3 верстахъ отъ Севастополя, за бухтою, называемою Карантинною, находятся для всякаго русскаго драгоцѣнныя развалины Херсона, въ которомъ кіевскій князь Владиміръ I-й Святославичъ (sic) воспріялъ христіанскую вѣру. Отъ Херсона, нѣкогда многолюднаго и богатаго, теперь остались едва остатки городскихъ стѣнъ. Мелкія потребности жителей Севастополя скоро разрушатъ и настоящіе скудные остатки, если не будетъ строгаго присмотра за охраненіемъ ихъ. Изъ всего построеннаго византійцами уцѣлѣлъ фундаментъ церкви, лежащей ближе къ карантину и его бухтѣ. Храмъ, почти одинаковой постройки съ городской стѣной, имѣетъ расположеніе совершенно византійское—крестообразное, въ алтарной части тройное полукружіе: среднее для престола, правое для діаконника (ризницы) и лѣвое для жертвенника. Въ длину церковь 75 футовъ и столько же въ ширину, стѣны толщиною въ 42 дюйма. По угламъ церкви замѣтны вдѣланные въ стѣны отрѣзки известковыхъ колоннъ іоническаго ордена (въ діаметрѣ 25 дюймовъ). Не положены ли они суевѣрными созидателями храма изъ какого либо древнѣйшаго храма во главу угла? А можетъ быть не остатки ли это древнѣйшаго Діанина храма? Близь церкви попадается много мраморныхъ обломанныхъ капителей коринескаго ордена, колоннъ съ продолговатыми византійскими крестами и мраморныхъ досокъ съ разными украшеніями. Сказываютъ, что въ этой церкви былъ открытъ и мозаическій полъ, расхищенный любопытными. Не въ этомъ ли храмѣ равноапостольный князь Владиміръ принялъ св. крещеніе? Въ нѣсколькихъ шагахъ находится открытая, выштукатуренная яма; судя по множеству лежащихъ въ ней костей, она должна была служить кладбищнымъ погребомъ. Далѣе на востокъ, къ самой бухтѣ, у развалинъ береговой стѣны, примѣтны, какъ кажется, слѣды другой церкви. Въ нѣсколькихъ шагахъ на

[1]) Журналъ Минист. Народ. Просвѣщенія за 1837 годъ, кн. XIII. Поѣздка въ Крымъ въ 1836 году Н. Мурзакевича.

западъ отъ перваго храма видна круглая яма съ узкимъ въ нее отверстіемъ и на поверхности ея лежатъ разбитыя мраморныя колонны съ крестами, подобными тѣмъ, кои изсѣчены на гробницѣ Ярослава І-го Владиміровича, что въ кіевскомъ Софіевскомъ соборѣ. Изъ всѣхъ колоннъ двѣ менѣе другихъ повреждены. Кто знаетъ, легко случится, что и онѣ разобьются для перезженія на известь! Недалеко отсюда находится большая насыпь изъ битаго камня и черепицъ. Трудно отгадать назначеніе ея. Не та ли это земля, которую при осадѣ города Владиміромъ, дѣлавшемъ у стѣны „присыпы", жители Херсона сквозь земное отверстіе уносили и сыпали здѣсь? [1]).

Лѣтомъ 1853 года по Высочайшему повелѣнію командированъ былъ въ Крымъ для археологическихъ разысканій состоявшій при кабинетѣ Его Величества надворный совѣтникъ графъ А. С. Уваровъ. Это назначеніе послѣдовало въ то время, когда развалины Херсонеса по Высочайшей волѣ переданы были изъ военно-морскаго вѣдомства въ вѣдѣніе херсонскаго епархіальнаго начальства. Преосвященный Иннокентій далъ и графу разрѣшеніе производить археологическія розысканія въ этой мѣстности. По прибытіи въ Херсонесъ, графъ занялся расчисткою остатковъ обширной церкви, стоявшей на краю Херсонскаго мыса, на самомъ берегу моря. Результатъ своихъ раскопокъ въ этой церкви изложенъ графомъ въ всеподданѣйшемъ отчетѣ и въ его статьѣ подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ объ археологическихъ розысканіяхъ близь Симферополя и Севастополя,» помѣщенной въ Пропилеяхъ. [2]) Графъ писалъ:

„церковь, разрытая мною въ прошлое лѣто, лежитъ на сѣверѣ города, такъ близко къ морскому берегу, что обрушившаяся часть его увлекла за собою цѣлый уголъ этого строенія. Выстроенная по плану древнихъ базиликъ, церковь имѣетъ въ длину до внутренняго притвора 16 саж. $2^1/_4$ аршина и въ ширину 10 саж. $1^1/_2$ аршина. Два ряда колоннъ въ одинадцать колоннъ каждый (a. d. b. c.), идутъ во всю длину храма и раздѣляютъ его на три продольныя части: на среднюю часть, или собственно храмъ, и на боковыя галлереи. На колоннахъ написаны имена гражданъ, пожертвовавшихъ деньги на устройство ихъ. Колонны сіи и надписи принадлежатъ IV столѣтію. Нѣкоторыя капители сдѣланы въ видѣ опрокинутыхъ трапецій съ крестами или монограммой Христа. Но подъ византійскою трапеціей сохранились еще остатки прежней греческой архитектуры. Алтарная часть оканчивалась полукруг-

---

[1]) Таже догадка и у Аркаса, какъ упомянуто выше. Но, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, на этой насыпи была построена сторожевая башня, которая стояла здѣсь еще до осады Херсона Владиміромъ и, значитъ, имѣла другое назначеніе, чѣмъ усвояемое ей нашею лѣтописью. (Исторія Херсонеса—сочин. императора Константина Порфиророднаго—въ Зап. Одес. общества исторіи. Т. II. стр. 118).

[2]) Пропилеи, сборникъ статей по классической древности. Кн. IV стр. 433—537.

лымъ выступомъ (ἀψίς, absíde). Каменная стѣна (1) позднѣйшаго устройства служила горнимъ мѣстомъ. Стѣны сохранились здѣсь выше и лучше, чѣмъ въ прочихъ частяхъ храма. Алтарный помостъ сдѣланъ былъ изъ бѣломраморныхъ плитъ и кончался красивою солеею въ одну ступень (h. i). Четыреугольная плита (e) обозначаетъ мѣсто престола. Подъ плитою была маленькая яма, выдолбленная въ скалѣ; въ ней нашли 22 мѣдныя монеты, изъ которыхъ 19 принадлежатъ къ царствованію Романа I-го (920—944), 2—неясны и 1—восточная. Предъ солеею возвышался мраморный амвонъ, обнесенный 6-ю мраморными столбами, съ мраморными между ними плитами (9). На срединѣ каждой плиты византійскій крестъ. Совершенно подобныя плиты составляли иконостасъ; только колонны, находившіяся между ними, бóльшаго размѣра, чѣмъ колонны амвона. На срединѣ царскія двери; по бокамъ ихъ иконостасъ, который совершенно закрытъ былъ вышеописанными плитами до высоты двухъ аршинъ, а далѣе промежутки между колоннами закрывались занавѣсками. Подобные иконостасы доселѣ еще видны въ нѣкоторыхъ церквахъ Греціи и до царствованія императора Юстиніана были употребляемы во всемъ восточномъ мірѣ. Южныя и сѣверныя двери устроены по бокамъ алтаря (h. f. i f.), кромѣ того на южной сторонѣ былъ устроенъ клиросъ. Средняя часть церкви, или собственно храмъ (nef) вымощенъ былъ мраморомъ. У среднихъ колоннъ, по обѣимъ сторонамъ нефа, базы и самыя колонны задѣланы кирпичами почти до трехъ аршинъ вышины. Тутъ устроены гробницы (k. k. k.); остовы, въ нихъ лежавшіе, не носили никакихъ признаковъ для опредѣленія времени и почти совершенно истлѣли. Подобные склепы часто устраивались въ церквахъ и большею частію подъ церковнымъ помостомъ. Многочисленные примѣры доселѣ существуютъ въ Греціи, гдѣ носятъ они названіе *кимитирій*. Боковыя галлереи, вмѣсто мраморнаго пола, были украшены мозаиками. Въ южной галлереѣ сохранилась мозаика въ 7 аршинъ длины; черные кресты съ краснымъ полемъ между ихъ вѣтвями украшаютъ средину бѣлаго осьмиугольника. За этимъ рисункомъ слѣдуетъ богатый разноцвѣтный узоръ на срединѣ квадрата въ 5 аршинъ, 6 вершковъ. Подобные же остатки половой мозаики находятся въ пристройкахъ (*l. l.*) къ южной сторонѣ. Мозаика по всей церкви сдѣлана большею частію изъ какого то состава. Онъ тверже стекла и сохраняетъ весь блескъ красокъ. Храмъ и обѣ галлереи соединяются съ внутреннимъ притворомъ посредствомъ трехъ дверей. Притворъ имѣетъ въ длину 4 сажени 8 вершковъ и раздѣляется на три части, отдѣленныя между собою колонною (m. m.) Трое дверей ведутъ изъ внутренняго притвора къ внѣшнему. У сѣверной двери найденъ карнизъ съ трехстрочною греческою надписью, изъ которой видно, что первобытный храмъ былъ посвященъ „Афродитѣ.“ Форма базилики, данная этому храму, показываетъ, что постройка ея должна быть отнесена въ царствованіе Константина Великаго. При разрытіяхъ въ разныхъ мѣстахъ найдены монеты Валентіана, Граціана, Өеодосія Великаго, Аркадія, Өеодосія Младшаго, Василія и Романа, т. е. монеты 4, 5, 9 и 10 вѣковъ. Колонны почернѣли отъ огня, уничтожившаго этотъ храмъ въ X столѣтіи, т. е. во время одной изъ осадъ Корсуня. Изслѣдованіе показало намъ планъ византійской церкви со всѣми ея подробностями.“

Открытый въ этой церкви графомъ Уваровымъ мозаичный полъ вынутъ и вмѣстѣ съ мраморною колонною, украшенною барельефомъ, отправленъ въ Императоркій Эрмитажъ, на что употреблено 3364

рубля, какъ значится въ дѣлѣ канцеляріи тавр. губ. № 2404 и 5512 1854 года [1]).

Имъ же, графомъ Уваровымъ, изслѣдованы пещерные склепы, окружающіе Херсонесъ съ юго-восточной стороны. Къ статьѣ графа объ этой базиликѣ, помѣщенной въ Пропилеяхъ, приложенъ и планъ.

Объ остаткахъ другихъ херсонескихъ церквей графъ Уваровъ не упоминаетъ ни въ своей статьѣ, ни въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, и при посѣщеніи членами Одесскаго Археологическаго съѣзда въ 1886 г. Севастополя и развалинъ Херсонеса говорилъ, что въ открытіи крестообразной церкви и въ опредѣленіи ея отношенія къ крещенію св. Владиміра онъ не принималъ никакого участія. Впрочемъ бывшій при графѣ Уваровѣ въ 1853 г. архитекторъ Медвѣдевъ снялъ планъ фундаментовъ крестообразной церкви, (который еще въ 1840 г. снятъ былъ г. Аркасомъ и приложенъ при его описаніи Херсонеса). Составленный Медвѣдевымъ планъ этой церкви точнѣе описанъ архитекторомъ Авдѣевымъ, назвавшимъ ее церковью св. Василія, и помѣщенъ въ Архитектурномъ Вѣстникѣ за 1859 годъ съ показаніемъ на рисункѣ нетушеванными и пунктирными линіями остатковъ стѣнъ и могилъ, означенныхъ на планѣ Н. И. Медвѣдева, которыхъ теперь уже не существуетъ [2]). По сему плану, копію котораго прилагаемъ здѣсь, церковь эта имѣетъ форму равноконечнаго креста въ 9 саж. длины и въ 8 сажен. ширины внутри стѣнъ; три вѣтви креста имѣютъ каждая 3 сажен. дл. и 2 с. 1 арш. ширины [3]). По бокамъ алтарной вѣтви креста, которая короче прочихъ, двѣ камеры, имѣвшія назначеніе—одна быть жертвенникомъ, а другая діаконникомъ. Алтарная стѣна имѣетъ закругленіе съ восточной стороны, восточная сторона жертвенника—прямолинейникъ, а таковая же стѣна діаконника закруглена. Жертвенникъ имѣетъ внутри квадратную форму, діаконникъ—овальную и два выхода—въ алтарь и въ среднюю часть храма. Авдѣевъ полагалъ, что этотъ діаконникъ былъ *крещальнею*. Высота уцѣлѣвшихъ стѣнъ церкви—2 аршина выше пола; обрѣзъ стѣны въ 4 вершка. Предъ алтарною частію, нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, *могила*, обдѣланная камнемъ въ 3 аршина длины и

---

[1]) Извѣстія Тавр. учен. Арх. Ком. стр. 113.—Авдѣевъ въ Архит. Вѣстникѣ сообщалъ, что туда же, въ Императорскій Эрмитажъ, отправлены и архитектурные фрагменты алтарной преграды. (Архитектурн. Вѣст. 1859 г. стр. 210).

[2]) Архитект. Вѣстникъ 1859 г. № 5.

[3]) Размѣръ этой церкви, сдѣланный г. Авдѣевымъ, нужно считать наиболѣе вѣрнымъ съ дѣйствительностію.

2 ширины. Предъ діаконникомъ, у южной стѣны, другая *могила* меньшей ширины. Такого же размѣра двѣ *могилы* у наружныхъ стѣнъ первой вѣтви креста—одна у входа въ церковь, другая подлѣ южной стѣны. На томъ же рисункѣ нетушованными и пунктирными линіями означены подъ буквами *В. С. Д.* нанесенные на планъ архитекторомъ Медвѣдевымъ остатки стѣнъ, которыя исчезли во время войны.

Въ 1861 году при расчищеніи мѣстности подъ постройку Владимірскаго собора по проекту профессора Гримма, открыты подлѣ крестообразной херсонеской церкви фундаменты еще трехъ церквей и жилыхъ при нихъ зданій. Планъ этой мѣстности, съ означеніемъ всѣхъ оказавшихся церквей и жилыхъ зданій, сообщенъ тогда бывшимъ настоятелемъ херсонскаго монастыря, игуменомъ Евгеніемъ, въ Одесское общество исторіи и древностей и изданъ при томѣ V Записокъ этого общества. На планѣ этомъ фундаменты двухъ вновь открытыхъ церквей находятся въ 5 саженяхъ отъ описанной выше крестообразной церкви, нынѣ называемой *Богородичною*; онѣ разныхъ размѣровъ и неодинаковой формы, но гораздо вмѣстительнѣе фундаментовъ церкви такъ называемой Богородичной.

Большая церковь имѣетъ форму трехчастной базилики, въ длину 11 саж. и въ ширину 7 саж. внутри стѣнъ. Къ сѣверной ея стѣнѣ, въ концѣ ея, не доходя алтаря, пристройка въ 10 аршинъ длины и 6 ширины съ закругленіемъ въ передней части. Пристройку эту можно считать крещальнею. Въ западной части базилики, при входѣ въ нее, по двѣ могилы при среднихъ стѣнахъ; въ паперти, у сѣверной и южной стѣны, также двѣ могилы, всего внутри базилики 6 могилъ, въ которыхъ положены останки усопшихъ. Впереди базилики, въ 4 аршинахъ отъ нея, фундаменты другой меньшей церкви, которая, начинаясь на линіи алтаря церкви крестообразной, имѣетъ въ длину 7 саж. и столько же въ ширину. Форма ея—квадратный прямоугольникъ съ закругленіемъ въ алтарной части, но алтарь ея не на средней линіи храма, а ближе къ сѣверной стѣнѣ, что встрѣчается иногда въ монастырскихъ трапезахъ. По бокамъ алтаря—отдѣленія для жертвенника и діаконника, или ризницы. Въ западной части двѣ могилы—одна при южной, другая при сѣверной стѣнѣ. За алтаремъ этой церкви, въ разстояніи 2 саженей отъ него, фундаменты жилаго строенія, заключавшаго въ себѣ длинный корридоръ, большой залъ и 4 комнаты меньшаго размѣра. Влѣво отъ нихъ, въ 4 саженяхъ, противъ алтаря крестообразной церкви, фундаменты другаго жилаго строенія, состоявшаго изъ нѣсколькихъ комнатъ разнаго размѣра, при

которыхъ обозначились мѣста печей и бани; здѣсь же найденъ остатокъ мраморной большой вазы, или ванны, имѣвшей форму котла. Такимъ образомъ жилое зданіе, которое могло быть квартирой греческой царевны Анны, оказывается за алтаремъ не крестообразной, а другой церкви, находившейся вправо отъ нея. Впереди крестообразной церкви, въ 4 саженяхъ отъ фундаментовъ ея галлереи или ограды, открыты фундаменты еще одной малой, трехчастной базилики, имѣвшей съ алтарнымъ закругленіемъ въ длину 5 саж. и въ ширину $4^1/_2$ сажени. Подъ этой базиличкой проходитъ каналъ, которымъ была проведена вода въ цистерну, находившуюся предъ входомъ въ крестообразную церковь, но не дальше.

И такъ въ Херсонесѣ, предъ закладкой въ немъ Владимірскаго собора по проекту г. Гримма, стали извѣстными фундаменты 6-ти древнихъ церквей, изъ коихъ три открыты предъ самой закладкой въ 1861 году. Послѣднія три церкви и церковь крестообразная, остатки которой теперь сохраняются въ нижнемъ этажѣ Владимірскаго собора, занимали средину Херсонеса и составляли одну группу церквей, встрѣчаемую только въ монастыряхъ. Церковь у насыпи и базилика, раскрытая и обслѣдованная графомъ Уваровымъ, находились на крайнихъ противоположныхъ пунктахъ Херсонеса—одна съ суши, другая съ моря.

Хотя на развалины Херсонеса вначалѣ, по присоединеніи Крыма къ Россіи, смотрѣли только какъ на мѣстность, изъ которой можно было доставать безплатно матеріалъ для постройки домовъ въ сосѣднемъ Севастополѣ, и Херсонесъ долгое время представлялъ собою ничѣмъ неогражденный пустырь, но въ началѣ этого столѣтія уже вполнѣ сознавали потребность увѣковѣчить какимъ либо памятникомъ то мѣсто, на которомъ совершилось одно изъ важнѣйшихъ для нашего отечества событій—крещеніе просвѣтителя Россіи, кіевскаго князя Владиміра.

Первоначально, въ 1805 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ огражденіи отъ разрушенія и расхищенія памятниковъ древности въ Крыму; затѣмъ, въ 1822 году сдѣлано распоряженіе о порученіи непосредственному надзору таврическаго губернатора сохраненія и оберeганія развалинъ Херсонеса, находившихся до сего времени въ вѣдѣніи севастопольскаго военнаго карантина, выстроеннаго изъ матеріала тѣхъ же развалинъ. Въ 1825 году адмиралъ Грейгъ подалъ Императору Александру 1-му въ Севастополѣ записку о сооруженіи памятника въ Херсонесѣ, на мѣстѣ крещенія св. Владиміра.

По этому проекту предполагалось «соорудить въ Херсонесѣ небольшую, изящной архитектуры церковь и при ней богадѣльню для 30 человѣкъ дряхлыхъ и неимущихъ, которые, прославляя имя Божіе, имѣли бы надзоръ какъ за храмомъ, такъ и за сохраненіемъ развалинъ». Записка удостоена была Высочайшаго одобренія, проектъ же храма былъ переданъ въ академію художествъ для разсмотрѣнія. Академія составила новые проекты, которые уже были ею представлены на Высочайшее усмотрѣніе въ 1829 г. Императору Николаю Павловичу и по разсмотрѣніи которыхъ Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы на первый случай былъ устроенъ обелискъ по одному изъ чертежей академика Беретти и чтобъ была открыта повсемѣстная подписка на сооруженіе его. Въ 1843 году мысль о сооруженіи храма въ Херсонесѣ вовсе оставлена такъ какъ Императоръ Николай, посѣтивъ въ семъ году Севастополь, повелѣлъ, чтобы храмъ во имя св. Владиміра построенъ былъ, вмѣсто Херсонеса въ Севастополѣ, при чемъ онъ самъ изволилъ указать мѣсто для него, и для сбора пожертвованій на этотъ предметъ открыта въ 1848 г. подписка по всей Россіи, и вмѣстѣ съ этимъ учрежденъ строительный комитетъ [1]). Закладка храма послѣдовала 15 іюня 1854 г. въ виду соединеннаго англо-французскаго флота, появившагося предъ Севастополемъ наканунѣ этого дня. Преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій, въ прекрасной своей рѣчи предъ этой закладкой говорилъ: «Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи? А мы въ это самое время, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, полагаемъ здѣсь основаніе храму во имя св. Владиміра... Здѣсь купѣль нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего страну кому бы то ни было значило бы для Россіи отказаться отъ купѣли своего крещенія, измѣнить памяти св. Владиміра. Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камнѣ, нежели луна заступитъ здѣсь мѣсто креста Христова!.. Не унывай, богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, памятуя, что ты преемникъ и наслѣдникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсона Таврическаго. Что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто». Храмъ этотъ, сооруженный по

---

[1]) Извѣстія Тавр. учен. Архив. Ком. № 5., стр. 6—8.

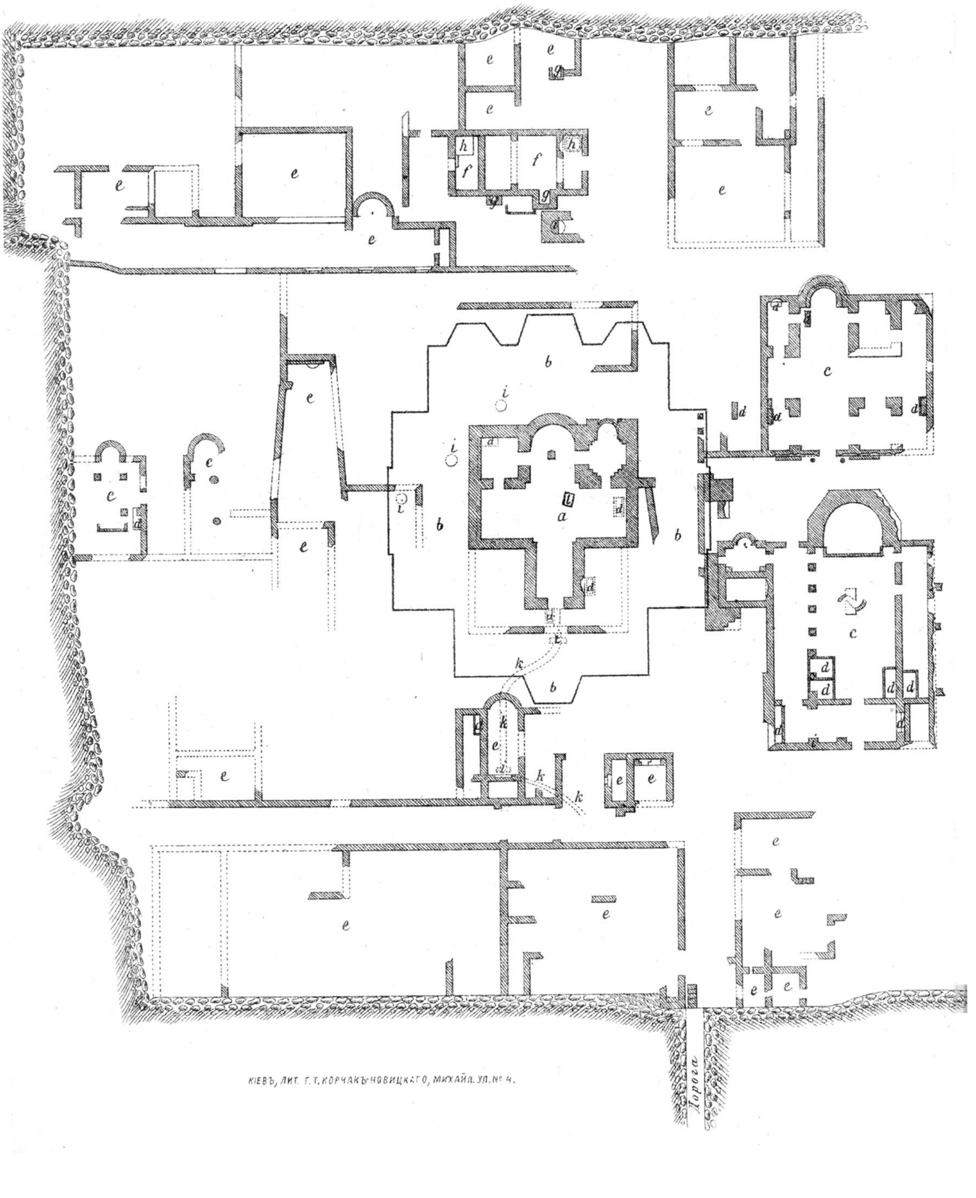
проекту архитектора Авдѣева, оконченъ въ минувшемъ 1888 году, т. е. спустя 34 года послѣ его заложенія, и освященъ 5 октября,—храмъ небольшой, но чудный и по архитектурѣ и по внутренней отдѣлкѣ и по очаровательной своей мѣстности, которая господствуетъ и надъ сушею, и надъ моремъ съ его заливами. Въ нижней церкви, подъ мраморными плитами пола, могилы адмираловъ Корнилова, Нахимова, Истомина — славныхъ героевъ-защитниковъ Севастополя, тутъ же и могила виновника этого храма̀, адмирала Лазарева, создателя черноморскаго флота.

Духовное вѣдомство до 1848 года стояло какъ бы въ сторонѣ отъ всѣхъ проектовъ объ увѣковѣченіи священнымъ памятникомъ мѣста крещенія св. Владиміра и не принимало въ этомъ дѣлѣ участія, такъ какъ Севастополь и Херсонесъ подлежали военно-морскому, отдѣльному отъ епархіальнаго, вѣдомству. Но въ такомъ отношеніи къ сему дѣлу не могъ быть знаменитый архипастырь, преосвященный Иннокентій, прибывшій на новую свою херсонскую и таврическую паству въ 1848 году. Обозрѣвъ Крымъ въ томъ же году, онъ тогда же возымѣлъ мысль учредить киновіи въ запустѣлыхъ 9-ти священныхъ мѣстахъ Крымскихъ горъ отъ Инкермана до г. Керчи и, возстановивъ центральный скитъ въ Бакчисарайской скалѣ, создать въ Крыму нѣчто похожее на св. Аѳонскую гору—русскій Аѳонъ. Сочувствіе своей идеѣ, при ближайшемъ ея соприкосновеніи съ жизнью, онъ нашелъ въ жителяхъ г. Симферополя, Бакчисарая, Алушты и друг. крымскихъ городовъ и селеній, подавшихъ ему въ январѣ 1849 года прошеніе, въ которомъ они обѣщали содѣйствовать посильными пожертвованіями возстановленію древнихъ христіанскихъ святынь, уважаемыхъ и многими изъ крымскихъ татаръ. Заручившись согласіемъ на такое возстановленіе святыни и со стороны князя М. С. Воронцова, главноначальствовавшаго въ Новороссійскомъ краю и на Кавказѣ, преосвященный Иннокентій представилъ святѣйшему Синоду прошеніе жителей Крыма при составленной имъ обширной запискѣ, въ которой развилъ подробности и основанія своего проекта о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ на горахъ Крымскихъ. Въ этой запискѣ онъ, не касаясь причинъ, по которымъ Севастополь избранъ мѣстомъ для церкви во имя св. Владиміра, указывалъ на основанія четырехъ церквей на развалинахъ Херсонеса—трехъ меньшихъ и одной большой, которую, по его словамъ, не безъ причины признаютъ за соборную, въ коей крестился св. князь Владиміръ, и предполагалъ возстановить ее въ томъ древнемъ видѣ, какъ она была

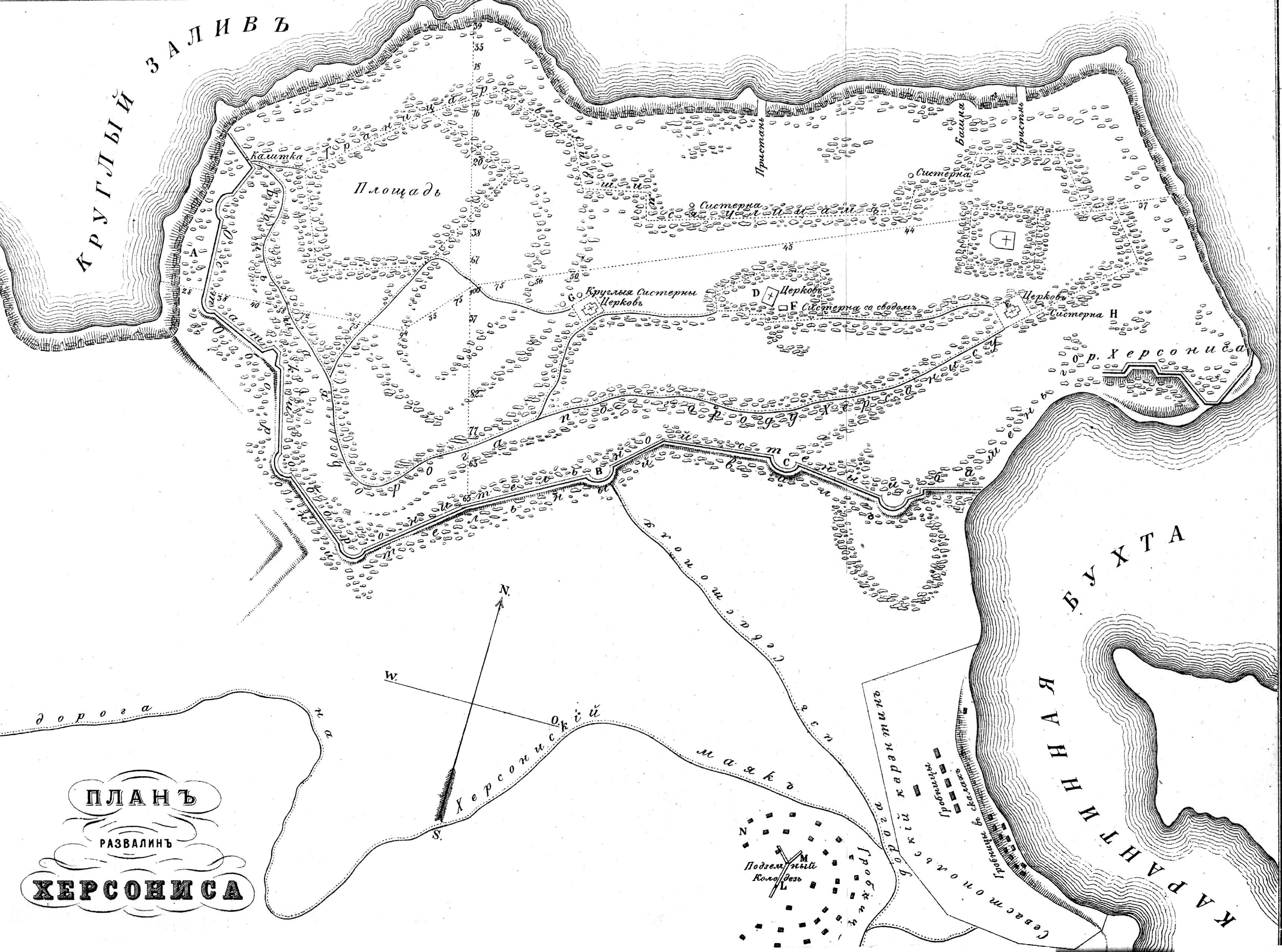
Планъ мѣстности расчищенной подъ площадь сооружаемаго храма Св. Равноап. Князя Владиміра въ Херсонесѣ, съ показ. старыхъ частей прежде сущ. зданій.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

a. Древній храмъ.
b. Сооруж. храмъ Св. Рав. Кн. Владиміра.
c. Нынѣ открытыя церкви.
d. Могилы.
e. Открытыя строенія
f. Открытая баня.
g. Мѣста гдѣ были печи.
h. Часть мраморнаго котла.(ванны)
i. Систерны.
k. Водосточный каналъ.
l. Могила обдѣланная камен. плитами.



КІЕВЪ, ЛИТ. Г. Т. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО, МИХАЙЛ. УЛ. № 4.



ПЛАНЪ
РАЗВАЛИНЪ
ХЕРСОНИСА
КРУГЛЫЙ ЗАЛИВЪ
КАРАНТИННАЯ БУХТА
Площадь
Калитка
Пристань
Башня
Пристань
Систерна
Систерна
Круглыя Систерны
Церковь
Церковь
Систерна со сводомъ
Церковь
Систерна H
р. Херсониса
дорога на Херсонискій маякъ
Гробницы
Гробницы въ скалахъ
Подземный Колодезь
N.
W.
S.

при св. Владимірѣ, «что и составитъ, по его выраженію, самый приличный памятникъ на мѣстѣ его крещенія». Преосвященному думалось, что и сохранившаяся въ музеѣ Одесскаго общества исторіи и древностей мраморная напрестольная доска, отысканная въ 1845 году княземъ Барятинскимъ близъ Херсонеса, но не въ самомъ Херсонесѣ[1]), принадлежала престолу именно этой церкви, и онъ выражалъ въ своей запискѣ желаніе, чтобы она легла опять на престолѣ той же церкви. Кромѣ сего онъ предполагалъ устроить помѣщеніе служащимъ съ особою комнатою для посѣтителей, возобновить древнюю при церкви цистерну и насадить вокругъ церкви садъ. По его порученію епархіальнымъ архитекторомъ Отто, вмѣстѣ съ г. Мурзакевичемъ, составленъ былъ въ 1852 году проектъ предположеннаго имъ храма. Преосвященный въ донесеніи св. Синоду писалъ, что на устройство всего этого на свой коштъ уже нашелся одинъ человѣкъ въ Одессѣ, а мѣсто, какъ впустѣ и безъ употребленія лежащее, съ охотою уступается г. адмираломъ Лазаревымъ[2]). Св. Синодъ, одобривъ предположенія преосвященнаго Иннокентія въ общемъ и испросивъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе скитскаго пустынножительства въ Успенской скалѣ, близъ Бакчисарая, и въ четырехъ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и «на развалинахъ *церквей* въ Херсонесѣ», далъ о семъ знать указомъ 4 мая 1850 г.[3]). Адмиралъ Лазаревъ не замедлилъ послѣ сего передать въ епархіальное изъ военноморскаго вѣдомства Херсонесскій мысъ съ его развалинами, и мѣстность эта на первый разъ была поручена вѣдѣнію и наблюденію протоіерея севастопольской Петропавловской церкви А. Лебединцева[4]), состоявшаго благочиннымъ крымскихъ церквей, который съ помощію флотскихъ командъ, при благосклонномъ къ нему расположеніи властей, отгородилъ Херсонесъ съ сухопутной стороны, задѣлавъ бреши древней городской стѣны. Устройствомъ киновіи занялся прибывшій потомъ съ Аѳона іеромонахъ *Василій* Юдинъ, бывшій офицеръ Донскаго войска, лишившійся до поступленія въ монашество своей семьи. По благословенію преосвященнаго Иннокентія и при содѣйствіи окрестныхъ жителей, устроивъ въ Херсонесѣ три

---

[1]) Записки Одес. Общ. исторіи и древностей, т. V.

[2]) Извѣстія Тавр. уч. арх. ком. № 5, стр. 91.

[3]) Ibid. стр. 85—86.

[4]) О. Арсеній Лебединцевъ, нынѣ протоіерей каѳедральнаго собора въ Одессѣ.

келліи, онъ успѣлъ соорудить здѣсь и небольшой храмъ [1]) во имя св. княгини *Ольги*, въ память своей покойной дочери; храмъ освященъ 28 марта 1853 года настоятелемъ Бакчисарайскаго скита, архимандритомъ Поликарпомъ (впослѣдствіи епископомъ орловскимъ) [2]). Киновія эта просуществовала, по освященіи храма, всего $1^1/_2$ года. Во время наступившей въ 1854 году осады Севастополя, когда Херсонесъ былъ занятъ французскими войсками, киновія разрушена до основанія вмѣстѣ съ храмомъ; тогда же здѣсь были устроены батареи и мѣстность прорѣзана траншеями.

Преосвященный Иннокентій не покинулъ однако своей заботы о Херсонесѣ. По заключеніи мира, коль скоро удалились изъ Крыма непріятели, имъ сдѣланы уже распоряженія о возстановленіи киновіи херсонесской. На первый разъ устроенъ изъ деревяннаго барака небольшой храмъ севастопольскими купцами Петромъ и Михаиломъ Телятниковыми. Настоятелемъ киновіи, 19 апрѣля 1857 года, назначенъ произведенный изъ іеромонаховъ архіерейскаго дома въ игумены *Евгеній* (Отмарштейнъ), а 30 апрѣля освященъ новый херсонесскій храмъ. Смерть преосвященнаго Иннокентія, послѣдовавшая 26 мая того же 1857 года, повидимому, должна была положить конецъ его предначертаніямъ къ прославленію имени св. Владиміра на развалинахъ Херсонеса. Но печальная участь Севастополя, оказавшагося тоже въ развалинахъ, и неизвѣстность будущности его при существованіи извѣстной статьи Парижскаго трактата, которою воспрещалось возобновленіе черноморскаго флота, въ то же время дѣлали безцѣльнымъ и сооруженіе въ Севастополѣ Владимірскаго храма, заложеннаго предъ войною. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовалось херсонское епархіальное начальство, чтобы возобновить ходатайство о возстановленіи въ Херсонесѣ на древнихъ фундаментахъ того крестообразнаго храма, въ которомъ, по предположенію преосвященнаго Иннокентія, совершилось крещеніе св. Владиміра, и обращеніи на

---

[1]) Каменный храмъ св. Ольги устроенъ былъ на томъ видномъ пунктѣ, гдѣ теперь обширный 2 этажный домъ настоятеля монастыря. Помѣщеніе для начальника киновіи и братіи было пристроено къ городской стѣнѣ, у воротъ. Устройству киновіи содѣйствовали: бессарабскій генералъ-губернаторъ Федоровъ, военные губернаторы г. Севастополя—Хрущовъ и Станюковичъ, контръ-адміралъ Вукотичъ и протоіерей севастопольской Петропавловс. церкви Арсеній Лебединцевъ, какъ значится въ истор. запискѣ Тавр. арх. коммиссіи.

[2]) Іеромонахъ Василій Юдинъ утонулъ въ р. Еланчикѣ 17 іюля 1856 года, не дождавшись окончанія Крымской войны.

эту постройку суммы, собранной прежде на сооруженіе храма во имя св. Владиміра въ Херсонесѣ, но впослѣдствіи, по представленію адмирала Лазарева, назначенной на храмъ того же имени въ самомъ Севастополѣ. Ходатайство это имѣло полный успѣхъ и 10 февраля 1858 года Высочайше повелѣно—въ ознаменованіе мѣста крещенія св. Владиміра, построить храмъ его имени на развалинахъ Херсонеса; а 28 августа 1859 г., по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго морскимъ министерствомъ Высочайше повелѣно: 1) учрежденный въ 11 день августа 1845 года комитетъ для построенія храма въ Севастополѣ упразднить; 2) сумму, собранную отъ добровольныхъ пожертвованій на построеніе храма св. Владиміра въ Херсонесѣ, раздѣлить по день состоянія того Высочайшаго повелѣнія на двѣ равныя части: одну обратить на построеніе инвалиднаго дома съ домовою церковью въ Севастополѣ, а другую предоставить херсонесскому храму, съ тѣмъ, чтобы подписка и добровольныя приношенія поступали уже въ пользу сего послѣдняго сооруженія; и 3) производство работъ по возведенію храма въ Херсонесѣ, согласно удостоенному во 2-й день іюня сего года Высочайшаго одобренія проекту, предоставить, по изъявленному на то св. Синодомъ согласію, въ завѣдываніе мѣстнаго епархіальнаго и гражданскаго начальствъ съ тѣмъ, чтобы для распоряженія работами составленъ былъ комитетъ изъ духовныхъ лицъ по выбору преосвященнаго, а изъ гражданскихъ—по назначенію начальства; 4) независимо отъ суммы, выше сего упомянутой, предоставить въ пользу херсонесскаго храма писанные для церкви въ г. Севастополѣ образа и картины, а также всѣ заготовленные для того храма предметы, для удешевленія же работъ употребить гранитъ и другіе камни отъ севастопольскихъ сооруженій, сколько это окажется возможнымъ. Проектъ реставраціи крестообразной церкви былъ оставленъ еще прежде, а вмѣсто онаго составленъ былъ архитекторомъ Елингеромъ проектъ болѣе обширнаго храма, который обхватывалъ и заключалъ въ подвальномъ своемъ этажѣ развалины древней церкви. Но этотъ проектъ храма съ 5-ю луковичными куполами не одобренъ, а взамѣнъ его поручено извѣстному архитектору, академику Гримму, составить новый проектъ съ сохраненіемъ нетронутыми остатковъ древней церкви, который, по утвержденіи Государемъ Императоромъ 2 іюня 1859 года, переданъ въ комитетъ для исполненія[1]). Въ продолженіе 1860 и 1861 года комите-

[1]) Предсѣдателемъ этого комитета первоначально, короткое время, былъ настоятель Балаклавскаго монастыря архимандритъ *Геронтій*, а вскорѣ послѣ него,

томъ производились работы по расчисткѣ мѣста подъ постройку храма, а 23 августа 1861 года Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, прибывъ въ Херсонесъ съ Августѣйшею супругой, положилъ первый камень въ основаніе храма въ присутствіи Е. И. В. великой княгини Маріи Александровны и Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича. Въ теченіи 1862 г. выведены фундаменты. Хотя въ распоряженіи комитета было въ началѣ 117,981 р. и строительныхъ матеріаловъ на 40 тысячъ, но комитетъ находилъ эти средства далеко недостаточными для выполненія проекта храма. Пріостановивъ поэтому работы на три года въ ожиданіи новаго поступленія пожертвованій, комитетъ приступилъ къ работамъ только въ маѣ 1865 года и къ 15 ноября 1867 года окончилъ нижній этажъ церкви; затѣмъ работы опять пріостановлены на три года, такъ какъ вся бывшая въ комитетѣ сумма оказалась уже израсходованною, именно—израсходовано на планировку мѣста и возведеніе фундаментовъ съ постройкой дома для присутствія комитета 69,787 рублей и на постройку нижней церкви храма—70,535 руб., всего 140,323 руб. [1]). Наконецъ, постройка храма вчернѣ предложена въ 1873 году г. оберъ-прокуроромъ св. Синода, графомъ Д. А. Толстымъ, строителю севастопольской желѣзной дороги Губонину, который принялъ на себя эту работу за 236,476 руб. и согласно обязательству окончилъ ее въ самомъ лучшемъ видѣ осенью 1876 года [2]). Въ такомъ черновомъ видѣ остается и нынѣ этотъ величественный храмъ. Есть вѣрная надежда и на совершенное его окончаніе такъ какъ на основаніи состоявшагося 18 января 1888 г. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, на внутреннюю отдѣлку его назначено по смѣтѣ св. Синода 300 тысячъ рублей съ ассигнованіемъ въ теченіи 3 лѣтъ. Хотя къ работамъ еще не приступлено, но во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что не дальше, какъ чрезъ три года вну-

---

съ 1860 г., игуменъ *Евгеній* (Отмарштейнъ), которому преосвященный Гермогенъ, бывшій епископъ таврическій, приписываетъ мысль построить храмъ въ два этажа, съ тѣмъ, чтобы въ нижнемъ этажѣ сохранить фундаментъ и остатки древней церкви. (Опис. тавр. епарх. стр. 466).

[1]) Существовавшій съ 1859 г. комитетъ по сооруженію въ Херсонесѣ храма, во имя св. Владиміра упраздненъ 18 августа 1872 года; 15 ноября 1874 г. уволенъ, по прошенію, настоятель и бывшій предсѣдатель комитета, архимандритъ Евгеній.

[2]) Такимъ образомъ черновая постройка этого храма, опредѣленная по утвержденной смѣтѣ въ суммѣ 183,419 руб., обошлась въ 440,322 рубля.

тренняя отдѣлка Владимірскаго собора въ Херсонесѣ будетъ окончена, и память о крещеніи св. Владиміра будетъ увѣковѣчена на самомъ мѣстѣ этого событія.

Такова̀ исторія храма во имя св. Владиміра на развалинахъ Херсонеса, мысль о сооруженіи котораго возникла еще за 70 лѣтъ предъ симъ. Отрадно вѣрующему сердцу быть въ томъ храмѣ, въ которомъ сохраняются остатки церкви, послужившей мѣстомъ крещенія просвѣтителя русской земли; но кто прослѣдилъ внимательно начальную исторію этого храма и ознакомился съ первоначальнымъ состояніемъ остатковъ древнихъ церквей среди развалинъ Херсонеса, въ душѣ того невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли намъ извѣстны фундаменты того храма, въ которомъ крестился св. Владиміръ?

Повидимому, этотъ вопросъ совершенно праздный. Готовый на него отвѣтъ имѣется въ „Описаніи таврической епархіи“ преосвященнаго Гермогена, епископа псковскаго, бывшаго таврическаго, въ „Извѣстіяхъ таврической архивной коммиссіи“ и въ „Извлеченіи изъ записки, составленной по архивнымъ дѣламъ св. Синода, канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода и хозяйственнаго управленія при св. Синодѣ“. Въ нихъ указываются не только фундаменты церкви, въ которой совершилось крещеніе св. Владиміра въ Херсонесѣ, но и самая купѣль, въ которой оно совершено, уцѣлѣвшая въ развалинахъ сей церкви. Такъ, въ названной книгѣ преосвященнаго Гермогена на стр. 166-й сказано:

„мѣсто, гдѣ принялъ крещеніе св. Владиміръ, благодаря живому и дѣятельному участію и заботамъ и трудамъ извѣстнаго ученаго археолога, графа Алексѣя Сергѣича Уварова, производившаго въ Херсонесѣ раскопки, не только было найдено, но и открыто самое основаніе храма, имѣющее 17 с. длины и $10^1/_2$ с. ширины, въ формѣ базилики: это былъ соборный храмъ *Рождества Богородицы*, о которомъ писалъ лѣтописецъ Несторъ. По расчисткѣ полу, открыта въ полу купѣль въ видѣ продолговатаго ящика въ $2^1/_2$ арш. длины и $1^1/_2$ аршина ширины, устроеннаго изъ большихъ песчаныхъ плитъ. Она углублена нѣсколько ниже основанія пола, нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, въ разстояніи 3 аршинъ отъ солеи“.

Въ исторической запискѣ г. Лашкова о сооруженіи въ Херсонесѣ храма во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра, помѣщенной въ Извѣстіяхъ таврической архивной коммиссіи (№ 5, 1888 года) на стр. 9—10 говорится:

„благодаря раскопкамъ извѣстнаго археолога графа А. С. Уварова, открыто основаніе соборнаго храма *Рождества Божіей Матери*, о которомъ писалъ лѣтописецъ Несторъ; тамъ же по всѣмъ даннымъ была найдена купѣль св. Владиміра.“

Въ «Очеркѣ археологическихъ развѣдокъ и изслѣдованій въ области Херсонеса Таврическаго», приложенномъ къ № 5-му Извѣстій той же ученой коммиссіи, говорится:

„графъ Уваровъ, встрѣтивши въ Херсонесѣ преосвященнаго Иннокентія, на городской площади Херсонеса открыли нѣсколько церквей, и одну изъ нихъ, въ которой была крещальня, признали за церковь Рождества Пресвятой Богородицы, въ которой, по сказанію лѣтописи, крестился св. Владиміръ."

Въ извлеченіи изъ особой записки, составленной по архивнымъ дѣламъ св. Синода и помѣщенной въ № 22 Церковныхъ Вѣдомостей за 1888 годъ, на стр. 777-й, читаемъ:

„благодаря трудамъ извѣстнаго ученаго археолога, графа Уварова, производившаго раскопки въ Крыму, среди развалинъ Херсонеса были найдены не только слѣды многихъ христіанскихъ храмовъ, но и открыто основаніе соборнаго храма *Рождества Божіей Матери*, въ которомъ, по преданію, крестился великій князь Владиміръ, а въ полу сего храма, по расчисткѣ фундамента, открыта и самая купѣль, въ которой совершалось крещеніе. Основаніе древняго храма имѣетъ около 17 сажен. длины и 10 саж. ширины. [1]) На разстояніи аршинъ 3 отъ солеи нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, находится въ полу самое святилище купѣли, въ которой воспріялъ св. крещеніе св. равноапостольный князь Владиміръ. Купѣль эта углублена ниже основанія пола и устроена изъ тесаныхъ плитъ въ видѣ продолговатаго ящика—аршина въ 2½ длины и аршина 1½ ширины."

Справимся, что говоритъ лѣтопись преподоб. Нестора о мѣстѣ крещенія св. Владиміра, и что писали о семъ графъ А. С. Уваровъ и преосвященный Иннокентій.

Въ лѣтописи по Кенигсбергскому списку говорится, что св. князь Владиміръ крестился въ церкви *Богородицы*; въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку: крестился въ церкви *св. Василія*; въ лѣтописи по Ипатскому списку: крестился въ церкви *св. Софьи*. Изъ этого видно, что въ Херсонесѣ было нѣсколько церквей, и что одна изъ нихъ называлась именемъ св. Богородицы, другая была во имя св. Василія, третья во имя св. Софьи [2]). Но при всемъ разногласіи въ названіи церкви, въ которой совершено крещеніе св. Владиміра, списки древней нашей лѣтописи согласно передаютъ, что церковь эта стояла «въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣютъ Корсуняне», что «палата Владиміра вскрай церкви стоитъ и до сего дни, а царицына палата за алтаремъ».

---

[1]) Этотъ размѣръ церкви не согласенъ съ дѣйствительностію; также невѣрно указаны размѣры ея у Мурзакевича и въ книгѣ преосвящ. Гермогена. Вѣрнымъ нужно считать размѣръ, сдѣланный архитекторомъ Авдѣевымъ.

[2]) Во имя Софіи, по примѣру Константинополя, была церковь въ древности и въ крымской Сугдеѣ или Судакѣ. Церковь св. Софіи—Премудрости Божіей—вѣроятно, была главною или епископскою и въ Херсонесѣ.

Графъ А. С. Уваровъ прибылъ въ 1853 году въ Севастополь безъ преосвященнаго Иннокентія, но съ письмомъ отъ него къ настоятелю севастопольской Петропавловской церкви, протоіерею А. Лебединцеву, въ вѣдѣніи коего, по званію благочиннаго крымскихъ церквей южнаго берега, состояли тогда развалины Херсонеса. Письмо состояло изъ увѣдомленія о разрѣшеніи графу производить археологическія изслѣдованія въ Херсонесѣ, поступившемъ тогда уже изъ военноморскаго въ епархіальное вѣдомство. Графъ Уваровъ производилъ раскопки 3 мѣсяца до наступленія холода и появленія снѣга. Во все это время бытности графа А. С. Уварова въ Херсонесѣ преосвященный Иннокентій въ Крыму не былъ, какъ удостовѣряютъ о семъ протоіерей А. Лебединцевъ и супруга покойнаго графа, графиня Параскева Сергѣевна Уварова въ письмѣ отъ 16 декабря 1888 г. Что открытія той церкви, въ которой крестился св. Владиміръ, графъ А. С. Уваровъ себѣ не усвоилъ, это видно и изъ донесенія его г. министру удѣловъ, въ которомъ онъ упоминаетъ только, что преосвященный Иннокентій *«отыскиваетъ* тамъ (въ Херсонесѣ) дворецъ и храмъ, гдѣ, по сказанію лѣтописца Нестора, крестился великій князь Владиміръ.» [1]) Въ чемъ состояло это отыскиваніе, намъ неизвѣстно, но извѣстно, что оно начато преосвященнымъ Иннокентіемъ со времени прибытія на херсонскую паству, въ 1848 году, извѣстно также и то, что остатки крестообразной церкви, находящейся теперь въ нижней церкви Владимірскаго храма, какъ показано выше, были открыты гораздо раньше 1848 года, именно въ 1827 году и описаны г. Аркасомъ въ 1840 году, а Мурзакевичемъ въ 1836 году. Графъ Уваровъ въ своей статьѣ «Разысканія близъ Севастополя» [2]) писалъ слѣдующее о церквахъ, бывшихъ нѣкогда въ Херсонесѣ:

„при молчаніи византійскихъ лѣтописей единственныя свѣдѣнія о церквахъ Херсонеса мы имѣемъ въ лѣтописи Нестора и въ рукописныхъ сказаніяхъ о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуна, гдѣ упоминается о 4 церквахъ. Одна церковь выстроена между 320 и 323 годами епископомъ Еферіемъ I. Другая церковь св. Василія, въ которой крестился св. Владиміръ и которая стояла въ самой серединѣ города, а *открытая мною* (графомъ) церковь выстроена *на краю города*, на сѣверѣ, у самаго берега морскаго. Третья церковь была построена св. Владиміромъ и четвертая св. Апостола упоминается въ житіи св. Климента.“

---

[1]) Отношеніе г. министра удѣловъ къ г. оберъ-прокурору св. Синода за № 1857 въ Извѣстіяхъ таврической учен. арх. коммиссіи.

[2]) Пропилеи, т. IV.

Ясно, что здѣсь говорится о церквахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, а не объ остаткахъ церквей Херсонеса, и что графъ, отличая открытую имъ церковь отъ упоминаемой въ лѣтописи церкви св. Василія, тѣмъ самымъ отстраняетъ всякую мысль объ открытіи имъ той церкви, въ которой, по лѣтописи, крестился св. Владиміръ. Къ этому добавимъ, что графъ А. С. Уваровъ, бывши въ послѣдній разъ въ Херсонесѣ съ членами Одесскаго археологическаго съѣзда, прямо говоритъ, что онъ не причастенъ ни къ ея открытію, ни къ признанію ея за ту церковь, въ которой крестился св. Владиміръ.

Преосвященный Иннокентій въ запискѣ своей «О возстановленіи древнихъ св. мѣстъ по горамъ Крымскимъ», представленной св. Синоду въ 1849 году, писалъ:

„между развалинами Херсонеса доселѣ примѣтны основанія четырехъ церквей—трехъ меньшихъ и одной большей, которую *не безъ причины признаютъ* за соборную, въ которой крестился св. Владиміръ“.

Кто признаетъ, не сказано, а признавать не безъ причины, не значитъ еще признавать по достаточнымъ причинамъ.

Итакъ изъ представленнаго нами обозрѣнія постепеннаго открытія, осмотра и изслѣдованія остатковъ древнихъ церквей Херсонеса видно:

1) что графъ А. С. Уваровъ не открывалъ остатковъ крестообразной церкви, сохранившихся въ нижней церкви херсонесскаго Владимірскаго храма, и не принималъ никакого участія въ признаніи ихъ за остатки той церкви, въ которой крестился св. Владиміръ; *предположеніе* о крещеніи въ ней св. Владиміра принадлежитъ одному Иннокентію. Мурзакевичъ, обозрѣвъ эту церковь въ 1836 году, оставилъ только вопросъ: «не въ этой ли церкви крестился св. Владиміръ?» Пока въ срединѣ Херсонеса извѣстны были остатки только одной крестообразной церкви, можно было предполагать, что въ этой церкви совершено крещеніе св. Владиміра, но когда рядомъ съ нею, послѣ Крымской войны, открыты остатки еще двухъ другихъ церквей, изъ коихъ каждая гораздо обширнѣе крестообразной церкви и каждая имѣетъ при себѣ пристройку близь алтарной части съ явными признаками крещальни, то съ равнымъ правомъ и о каждой изъ этихъ церквей можно спросить: не въ ней ли крестился св. Владиміръ? Предположеніе о крещеніи св. Владиміра въ крестообразной церкви можно считать потому только вѣроятнымъ, что предалтарная яма среди остатковъ крестообразной церкви, называемая нынѣ купѣлью св. Владиміра, стала извѣстной подъ именемъ купѣли св. Владиміра

уже послѣ войны Крымской и по смерти преосвященнаго Иннокентія [1]) За крещальную купѣль она могла быть принята лишь по недоразумѣнію, такъ какъ извѣстно, что крещальни въ древности устроялись или въ особыхъ зданіяхъ, или въ особыхъ отдѣленіяхъ храма—придѣлахъ и папертяхъ, которыя назывались «βαπτηστερίον»; потому и купѣль крещальная не могла имѣть мѣста въ предалтарной или средней части храма. Купѣли эти обыкновенно имѣли форму овальную или круглую, въ видѣ чаши, дѣлались изъ цѣльнаго камня или мрамора, а предалтарное углубленіе крестообразной церкви имѣетъ форму удлиненнаго прямоугольника и размѣръ обыкновенной могилы въ 3 аршина длины и 2 ширины по измѣренію архитектора Авдѣева; выложена эта яма каменными досками изъ тесаныхъ плитъ и, слѣдовательно, не приспособлена къ наполненію водою, а потому и къ крещенію въ ней [2]); до войны Крымской, по свидѣтельству очевидцевъ, она наполнена была человѣческими костями, приваленными всякимъ мусоромъ и щебнемъ. По всей вѣроятности, это не болѣе, какъ одна изъ трехъ открытыхъ въ семъ храмѣ могилъ для покойниковъ. Можетъ быть въ ней покоились бренные остатки создателя крестообразнаго храма, подобно тому, какъ гробницы св. князя Владиміра и его бабки св. благовѣрной княгини Ольги находились опущенными въ склепы, устроенные въ предалтарной части Кіево-Десятинной церкви, созданной св. Владиміромъ послѣ своего крещенія во имя Пресвятой Богородицы. Остается желать, чтобы могильная яма, находящаяся предъ солеей нижней церкви херсонскаго Владимірскаго собора, какъ неимѣющая никакого отношенія къ крещенію св. Владиміра, была закрыта. Безъ особенной потери для исторіи можно бы снять и остатки стѣнъ древней крестообразной церкви, означивъ ихъ фундаменты плитами особаго цвѣта на полу обхватывающей ихъ нижней церкви.

П. Л.

---

[1]) Преосв. Иннокентій подъ купѣлью св. Владиміра въ своей запискѣ разумѣетъ то мѣстность Херсонеса, то храмъ, въ которомъ онъ крестился, но объ углубленіи предалтарномъ нигдѣ не упоминаетъ.

[2]) Устройство здѣсь крещальной купѣли изъ тесаныхъ плитъ тѣмъ болѣе невѣроятно, что въ Херсонесѣ, какъ сказано выше, оказались даже цистерны изъ цѣльнаго камня.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

4. Гимназія.

(посвящается памяти П. А. Антоновича).

(1833—1840)

Историческій очеркъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, до учрежденія въ Малороссіи намѣстничествъ, въ черниговскомъ и нѣжинскомъ полкахъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ нынѣшней черниговской губерніи, по свидѣтельству Сухомлинова, было 370 школъ, возникшихъ безъ всякаго вліянія извнѣ, а по дѣйствительной потребности мѣстнаго населенія.

Затѣмъ въ 1786 году въ Россійской имперіи учреждены „народныя училища—въ уѣздныхъ городахъ т. н. *малыя* училища, состоявшія мѣстами изъ двухъ, мѣстами изъ трехъ классовъ, а въ губернскихъ городахъ *главныя* народныя училища. Но эти правительственныя училища назывались „народными“ только по имени, а отнюдь не по сочувствію къ нимъ жителей: явное нерасположеніе къ нимъ народа видно изъ многихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ открытіе и дальнѣйшее существованіе [2]).

На такомъ, общемъ для всей имперіи основаніи, въ 1789 году, въ Новгородъ-Сѣверскѣ, тогда главномъ городѣ сѣверскаго намѣстничества, учреждено главное народное училище, при намѣстникѣ Ильѣ Богдановичѣ Бибиковѣ и генералъ-губернаторѣ гр. Румянцевѣ-Задунайскомъ; а въ Стародубѣ и Глуховѣ въ 1790 г. открыты малыя училища. Директоромъ всѣхъ этихъ училищъ назначенъ прокуроръ верхняго земскаго суда Иванъ Ивановичъ Халанскій.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 3, мартъ.

[2]) Въ городѣ, напр., Нѣжинѣ дѣти, взятые отъ дьячковъ и приведенные въ училище пробыли тамъ лишь одинъ день и только черезъ мѣсяцъ, и то съ помощію полиціи водворены въ немъ (см. Рус. Мысль, 1889, № 1. ст. Пругавина.

По упраздненіи намѣстничествъ, въ 1797 г., Новгородъ-Сѣверскъ разжалованъ въ повѣтовый городъ и малыя училища подчинились черниговской дирекціи, а главное новгородъ-сѣверское, на общемъ основаніи, подлежало закрытію. Но, благодаря ходатайству Халанскаго, оно оставлено съ прежнимъ своимъ названіемъ и значеніемъ, получивъ въ собственность бывшій губернаторскій домъ, который, впрочемъ, и построенъ былъ для училища.

По учрежденіи главнаго правленія училищъ въ 1803 году, имперія раздѣлена на 6 учебныхъ округовъ, въ губернскихъ городахъ повелѣно учредить гимназіи, а въ уѣздныхъ уѣздныя училища. Черниговская губернія вошла въ составъ харьковскаго учебнаго округа, а съ нею и главное новгородъ-сѣверское училище. Въ другой разъ ему грозила опасность быть закрытымъ, но и на сей разъ оно уцѣлѣло, благодаря стеченію благопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ.

Попечитель харьковскаго учебнаго округа Северинъ Осиповичъ Потоцкій, прежде чѣмъ приступить къ правительственной реформѣ, въ томъ же 1803 году командировалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, въ качествѣ генеральнаго визитатора, профессора харьковскаго университета Илью Ѳедоровича Тимковскаго. Прибывъ на мѣсто, визитаторъ нашелъ „въ главномъ училищѣ значительное число учениковъ и ученіе, достойное справедливаго одобренія, при томъ положеніи самаго училища, по разстояніямъ въ обширной губерніи выгоднымъ для образованія юношества“. Въ 1804 году училище посѣтилъ и самъ попечитель Потоцкій.

Въ 1805 году, проѣздомъ черезъ Новгородъ-Сѣверскъ, училище осматривалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и на докладъ визитатора Тимковскаго далъ попечителю предложеніе „преобразованіе новгородъ-сѣверскаго гл. училища пріостановить впредь до особаго распоряженія“. Вслѣдъ за тѣмъ 5 ноября 1805 года Высочайше повелѣно въ Новгородъ-Сѣверскѣ учредить гимназію. Замѣчательно, что это достопамятное для города событіе совершилось уже послѣ того, когда предложено было учредить въ Нѣжинѣ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородка, въ 150 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска.

Въ 1806 году директоръ Халанскій занялся перестройкой надворныхъ строеній гимназіи, остававшихся безъ употребленія со дня упраздненія намѣстничества, и „къ лучшему спѣху сего дѣла“ оффиціальнымъ письмомъ отъ 30 апрѣля 1806 года, пригласилъ моего дѣда Алексѣя Ивановича Чалаго, „какъ такого человѣка, котораго съ лишнимъ 20 лѣтъ зналъ онъ съ самой лучшей стороны, обществомъ всегда уважаемаго почтительностію и отличаемаго выборами въ публичное званіе и довольно свѣдущаго въ прочности нужнаго къ строенію лѣса и другихъ матеріаловъ, въ покупкѣ оного по сходнымъ цѣнамъ“, и просилъ его, тѣмъ же письмомъ, „приложить свое стараніе о выгодномъ для казны приготовленіи строительнаго матеріала“. „Такая услуга ваша, (заключаетъ свое письмо Халанскій) на общую пользу простираемая, пріятна для меня и не будетъ оставлена безъ вниманія высшимъ начальствомъ. Я надѣюсь, что сей трудъ тѣмъ съ большею охотою на себя примите, что и сынъ вашъ, обучаясь въ настоящемъ училищѣ, будетъ также воспитываться въ гимназіи“. (Подлинное письмо директора Халанскаго)

Довольно значительное количество матеріаловъ, исчисленныхъ въ томъ же письмѣ, Халанскій поручилъ дѣду моему пріобрѣсть покупкою частнымъ образомъ, обходя всѣ формальности, неизбѣжныя въ настоящее время при самыхъ незначительныхъ казенныхъ постройкахъ, и при томъ безъ всякого возмездія за труды. Сынъ Алексѣя Ивановича, Корнилій, правда, поступилъ въ гимназію, но онъ могъ вступить туда безъ всякой протекціи.

Въ 1807 году Тимковскій вторично пріѣзжалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ для соображеній на мѣстѣ объ открытіи гимназіи, которое и послѣдовало въ 1808 году. Тогда же при гимназіи учреждено и уѣздное училище.

Въ день открытія гимназіи состоялось первое пожертвованіе въ 500 рублей асс. Въ томъ же году, помѣщица с. Ображеевки, вдова бунчуковаго товарища Марѳа Матвѣевна Полуботко представила чрезъ визитатора въ даръ заведенію для вспоможенія бѣднымъ воспитанникамъ двѣ тысячи руб. асс.

Въ 1808 году гимназію посѣтилъ Аракчеевъ и самолично выбралъ 12 воспитанниковъ для службы въ артиллеріи, а въ 1817 году, проѣздомъ изъ Гомеля, гимназію удостоилъ посѣщенія гр.

Николай Петровичъ Румянцевъ. Онъ предложилъ учителямъ вызовъ на сочиненіе исторіи Сѣверскаго княжества и когда они отговаривались неимѣніемъ нужныхъ для такого труда источниковъ, по причинѣ скудости библіотеки, то графъ пожертвовалъ гимназіи нѣсколько весьма цѣнныхъ сочиненій. Преподаватель словесности и философіи Григорій Прокофьичъ Македонскій преподнесъ именитому гостю написанное имъ для торжественнаго акта похвальное слово его отцу малороссійскому генералъ-губернатору гр. Румянцеву-Задунайскому, за что и получилъ въ подарокъ золотые часы.

По причинѣ ветхости гимназическаго зданія и большого неудобства въ размѣщеніи классовъ, при возрастающемъ количествѣ учениковъ, директоръ Халанскій въ 1824 году представилъ проектъ о постройкѣ новаго каменнаго дома; но ему не суждено было осуществить своего намѣренія: этотъ полезный дѣятель и превосходныхъ качествъ человѣкъ, прослужившій въ директорской должности 35 лѣтъ, скончался на 80 году своей жизни, въ 1825 году.

По смерти Халанскаго директоромъ гимназіи назначенъ зять его, извѣстный уже намъ генеральный визитаторъ харьковскаго учебнаго округа, профессоръ университета, докторъ правъ и философіи, великобританскаго и геттингенскаго ученыхъ обществъ членъ, Илья Ѳедоровичъ Тимковскій. По увольненіи въ 1812 году отъ должности профессора правовѣдѣнія и судопроизводства, онъ занималъ, по выборамъ отъ глуховскаго дворянства, должность уѣзднаго судьи, а потомъ черниговскаго губернскаго суда перваго департамента. Обогащенный глубокими свѣдѣніями, руководимый любовію къ гимназіи онъ много способствовалъ ея успѣхамъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Въ 1826 году помѣщикъ харьковской губерніи, уроженецъ города Конотопа М. О. Парпура, завѣщавшій харьковскому университету и конотопскому уѣздному училищу по 16 тыс. рублей асс., такую же сумму пожертвовалъ и новгородсѣверской гимназіи, для содержанія изъ процентовъ четырехъ воспитанниковъ.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ на представленный покойнымъ Халанскимъ проектъ постройки новаго зданія для гимназіи, преемникъ его И. Ѳ. Тимковскій занялся составленіемъ новыхъ смѣтъ и плановъ. А между тѣмъ, пока изготов-

лялись эти смѣты и планы, при неизмѣнномъ правилѣ директора *festina lente*, въ 1828 году обнародованъ новый уставъ семиклассныхъ гимназій, вслѣдствіе чего нужно было заняться изготовленіемъ опять новыхъ плановъ. Такимъ образомъ дѣло о постройкѣ каменнаго зданія тянулось слишкомъ 17 лѣтъ, такъ что только въ 1841 году приступлено было къ возведенію теперешняго двухэтажнаго зданія, оконченнаго въ 1844 г. при директорѣ Батаровскомъ.

Введеніе устава 1828 года и второй классъ.

Послѣ обнародованія Высочайше утвержденнаго устава, новгородсѣверская гимназія, по недостатку средствъ, просуществовала при прежнемъ своемъ четырехклассномъ составѣ еще пять лѣтъ. Наконецъ и до нея дошла очередь. Преобразованіе ея въ семиклассную совпало съ переходомъ моимъ во второй классъ уѣзднаго училища.

8 октября 1833 года позвали насъ въ залу. Директоръ произнесъ намъ длинную рѣчь, послѣ которой изъ сонма преподавателей выступилъ инспекторъ Герасимъ Ивановичъ Ивановскій и прочелъ что то такое мудреное, чего не могли понять даже ученики высшихъ классовъ гимназіи.

„Утвержденное начальствомъ распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіи дано для нее основаніемъ, правиломъ и мѣрою преподаваній въ каждомъ ея классѣ и въ каждомъ предметѣ. Симъ оно твердо, ясно и рѣшительно опредѣлило, какіе ученики и въ какой классъ, по готовой для него способности, поступить должны, за опредѣленною въ успѣхъ ихъ по означеннымъ предметамъ отвѣтственностію учителей, если будетъ неуспѣвшихъ болѣе одного изъ десяти. Сличеніемъ распредѣленія предметовъ съ нынѣшнимъ состояніемъ классовъ произведено раздѣленіе учениковъ“.

За симъ „ученымъ“ вступленіемъ, написаннымъ самимъ директоромъ, послѣдовало чтеніе списка учениковъ, „поступившихъ въ раздѣленіе на 7 классовъ“. Какъ рѣшилось гимназическое начальство совершить такой смѣлый coup d' état, какимъ образомъ умудрилось оно мизернѣйшій курсъ уѣзднаго училища вколотить въ рамки семиклассной гимназіи, съ разными высшими науками четырехклассной

гимназіи и приступить къ преподаванію предметовъ по новой программѣ, почти въ рединѣ учебнаго года?—Не намъ, конечно, было тогда судить объ этомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а изъ 6 разношерстныхъ классовъ гимназіи и уѣзднаго училища образовалось семь новыхъ классовъ—да будетъ едино стадо и единъ пастырь!

Такимъ образомъ 1 классъ новой семиклассной гимназіи составился изъ оставленныхъ на второй годъ въ первомъ классѣ уѣзднаго училища и изъ вновь переведенныхъ изъ приготовительнаго. II-й частію изъ оставшихся во 2-мъ классѣ уѣзд. училища, частію изъ переведенныхъ изъ перваго. III классъ изъ оставшихся на другой годъ въ 1-мъ классѣ четырехклассной гимназіи и изъ вновь переведенныхъ изъ 2-го кл. уѣзднаго училища. IV классъ сформированъ изъ переведенныхъ изъ 1-го класса четырехклас. гимназіи и изъ оставленныхъ на другой годъ во 2-мъ.

V классъ составился исключительно изъ переведенныхъ изъ втораго класса. VI классъ—частію изъ оставшихся на 2-й годъ въ прежнемъ третьемъ классѣ, частію изъ лучшихъ учениковъ 2-го класса. VII—изъ оставленныхъ на 2-й годъ въ прежнемъ четвертомъ и изъ переведенныхъ изъ третьяго.

Изъ такого распредѣленія учениковъ „поступившихъ въ раздѣленіе по классамъ", явствуетъ, что оно было совершенно произвольное, и что VI-й напр. классъ семиклассной гимназіи возникъ какъ deus ex machina, ибо половина бывшаго 2-го класса водворена въ V-мъ, а другая черезъ V-й шагнула въ VI-й.

Вслѣдствіе такого нераціональнаго раздѣленія учениковъ по классамъ, возникли непреодолимыя затрудненія какъ для преподавателей, такъ и для учениковъ. Въ научныхъ свѣдѣніяхъ учащихся обнаружились впослѣдствіи огромные пробѣлы, которые во все продолженіе курса служили помѣхою къ основательному усвоенію преподаваемыхъ предметовъ. Благодаря тому же раздѣленію, я нежданно-негаданно очутился во второмъ классѣ гимназіи и облачился въ форменный сюртукъ съ широчайшимъ краснымъ воротникомъ, твердымъ какъ лубокъ, и металлическими бѣлыми пуговицами. Для уѣзднаго училища нанято особое помѣщеніе и Яковъ Яковлевичъ долженъ

былъ оставить насиженное мѣстечко навсегда. Намъ наслали новыхъ учителей—поляковъ.

По усмиреніи польскаго мятежа и послѣдовавшаго затѣмъ въ 1832 году учрежденія кіевскаго учебнаго округа, правительство зорко стало слѣдить за направленіемъ воспитанія юношества въ юго-западномъ краѣ, гдѣ до того времени учебно-воспитательныя заведенія, по инициіативѣ извѣстнаго польскаго патріота Ѳаддея Чацкаго, обратились въ разсадники пропаганды. Для пресѣченія такого зла, успѣвшаго въ короткое время глубоко пустить свои корни, ко вреду русскаго населенія, были закрыты виленскій университетъ и кременецкій лицей и множество школъ, содержавшихся на счетъ разныхъ фундушей. Въ Кіевѣ открытъ университетъ св. Владиміра и нѣсколько средне-учебныхъ заведеній, съ общимъ для всей имперіи устройствомъ [1]). Вслѣдствіе такихъ преобразованій, для гимназій юго-западнаго края потребовалось значительное количество опытныхъ и благонадежныхъ учителей изъ коренныхъ русскихъ, которыхъ, къ великому ущербу просвѣщенія по сю сторону Днѣпра, стали высылать въ юго-западныя губерніи, такъ что въ 1833 году въ преобразованной гимназіи нашей не осталось почти никого изъ прежнихъ, истинно достойныхъ наставниковъ—Капли, Левицкаго, Македонскаго, Сбитнева. На ихъ мѣсто присланы другіе, которые, къ сожалѣнію, „смѣнивъ, не замѣнили ихъ“. Допуская прогрессивное движеніе впередъ въ общемъ ходѣ образованія, я не смѣю оспаривать преимущества отжившаго поколѣнія педагоговъ предъ новыми; но не могу умолчать объ одной особенности людей прежняго закала, при всей кажущейся ихъ несостоятельности, въ сравненіи съ ихъ преемниками: это разносторонность научныхъ знаній и необыкновенная тягучесть и выносливость въ трудѣ, за самое скудное, сравнительно съ теперешнимъ, вознагражденіе [2]).

---

[1]) Открыто 7 гимназій, 11 *дворянскихъ* училищъ, а на *народныя* школы не обращено ни малѣйшаго вниманія, трехмилліонное коренное русское населеніе осталось по старому во тьмѣ, а въ немъ то вся сила! Переустройство учебной части начато не съ фундамента, а съ крыши.

[2]) *Кириллъ Захарьевичъ Капля* обучался въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ с.-петербургской учительской семинаріи. Вступилъ въ службу въ 1792 году преподавателемъ математики, историческихъ наукъ и рисованія въ Введенскомъ училищѣ. Въ 1795 году перемѣщенъ въ малороссійское главное черниговское учи-

При безпрерывной перетасовкѣ преподавателей, которая такъ нравилась первому попечителю кіевскаго учебнаго округа, фонъ Брадке, къ намъ пріѣзжали всякіе—и плохіе, и хорошіе. Не говоря уже о томъ, что частыя перемѣны въ учительскомъ персоналѣ, по какимъ бы высшимъ соображеніямъ онѣ ни дѣлались, весьма вредно вліяли на наше ученіе, успѣхи учащихся не меньше страдали и отъ того, что въ числѣ новыхъ учителей было много поляковъ, плохо говорившихъ по русски и враждебно относившихся къ русскому юношеству.

Но какъ бы тамъ ни было, а мы, повѣтовцы, очутились, по щучьему велѣнью, по директорскому соизволенью, въ гимназіи и нашли тамъ совершенно иные порядки.

Не стало почтеннаго педагога Игнатьева, съ его любезной „ариѳметичкой", представлявшейся намъ не иначе, какъ во образѣ синей тетрадки, въ которой намъ досконально были извѣстны всѣ задачи, со всѣми ихъ нехитрыми рѣшеніями. Мы отлично понимали, какъ „въ одинъ высокоторжественный день выстрѣлено было изъ пушекъ 101 разъ", и сколько пороху на эти выстрѣлы потрачено;

лище преподавателемъ математики, физики, латинскаго языка и русской словесности. Въ 1805 году переведенъ въ главное новгородсѣверское училище преподавателемъ тѣхъ же предметовъ съ прибавкою архитектуры и рисованія, а съ 1812 года греческаго языка и нѣмецкаго. Прослужилъ Капля 37 лѣтъ.

Григорій Прокофьевичъ Македонскій первоначальное образованіе получилъ въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ (1799—1816), затѣмъ вступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ обучался въ двухъ отдѣленіяхъ: словесномъ и нравственно-политическомъ. Опредѣленъ сперва учителемъ философіи, естественнаго права и политической экономіи въ харьковскую гимназію, а оттуда перемѣщенъ въ новгородсѣверскую преподавателемъ, кромѣ означенныхъ предметовъ, этики и русской словесности. Сверхъ того разновременно преподавать латинскій языкъ, французскій и нѣмецкій, всеобщую и россійскую исторію. Спустя 22 года, въ 1832 году перемѣщенъ въ гимназію волынскую учителемъ логики и россійской словесности и окончилъ службу свою въ 1846 году въ должности инспектора лицея кн. Безбородка.

Петръ Степановичъ Левицкій духовнаго званія изъ дворянъ съ весьма скуднымъ запасомъ домашняго воспитанія поступилъ въ кіевскую духовную академію въ 1778 году, гдѣ обучался 7 лѣтъ латинскому языку, риторикѣ и поэзіи; потомъ около года въ черниговской семинаріи философіи; откуда поступилъ въ петербургскую учительскую семинарію, гдѣ обучался латинскому, греческому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, естественной исторіи, физикѣ, педагогіи и рисованію втеченіе двухъ лѣтъ.

Въ 1789 году опредѣленъ въ новгородсѣверское главное народное училище учителемъ исторіи, географіи и естеств. исторіи, гдѣ прослужилъ 42 года. Затѣмъ въ 1831 году назначенъ директоромъ училищъ черниговской губерніи, вышелъ въ отставку въ 1836 году; всей службы его 47 лѣтъ.

ка̀къ катилось колесо и сколько разъ оборотилось оно въ минуту? Мы твердо знали: „въ какомъ году, въ какомъ мѣсяцѣ, какого числа и въ которомъ часу родился *Нѣкто?* Сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, минутъ и даже секундъ прожилъ на свѣтѣ этотъ Нѣкто“. Задачи эти много лѣтъ повторялись, слово въ слово, такъ что не знать ихъ рѣшенія могъ только самый несообразительный человѣкъ, въ родѣ Василія Кинды, или уже совершенная деревяшка, въ родѣ Евграши Головотяпа.

И вотъ... приходимъ въ классъ и вмѣсто Якова Яковлевича застаемъ на учительскомъ стулѣ Матвѣя Альбертовича, сгорбленнаго, въ очкахъ съ заостреннымъ носомъ и съ табакеркой въ рукахъ вмѣсто синей тетрадки. Началась перекличка и мы сразу убѣдились, что нашъ новый наставникъ плохо разбираетъ русское письмо, исковеркавъ наши фамиліи такъ, что нѣкоторые и самихъ себя не узнали. Ради перваго знакомства, мы, хотя съ большимъ трудомъ, отъ смѣху удержались. Ждемъ, что будетъ дальше. Вдругъ учитель нашъ мгновенно схватывается со стула, переваливаясь съ ноги на ногу, идетъ къ доскѣ, беретъ мѣлъ—и руки трясутся—оборачивается къ намъ и глядя, поверхъ очковъ, зычнымъ голосомъ выкрикиваетъ: Задача!! Лисица, преслѣдуемая су́бакой, дѣла́етъ пьятьдесять ска́чковъ впе́реди.... Тутъ ужъ мы рѣшительно не могли удержаться отъ смѣха. Подойдя къ скамьѣ и указавъ на сидѣвшаго съ краю ученика, учитель разразился бранью.

— А ну, ты зви́нния! Чего ты смѣешь! По́ди вонъ! Поставь себѣ на колѣна!

Распорядившись такимъ манеромъ, учитель снова принялся за свою лисицу, которая тѣмъ временемъ, безъ сомнѣнія, успѣла убѣжать еще дальше отъ собаки.

— А девять ска́чковъ лисицы равняются семи ска́чкамъ суба́ки: то-то слѣду́етъ опредѣлить время, когда субака догонитъ лисицу?—

Окончивъ задачу, Матвѣй Албертовичъ заставилъ повторить ее Ваську Глотова, и къ счастію попалъ на самаго бойкаго математика. Отвѣтомъ его учитель остался, повидимому, доволенъ, хотя и не понравились ему нѣкоторые усвоенные прежде пріемы, отъ которыхъ Яковъ Яковлевичъ приходилъ въ умиленіе. Главное, на что обращалъ вниманіе его преемникъ, не быстрота, не фразы въ родѣ

„слѣдующимъ образомъ“, а основательное пониманіе условій задачи, логически вытекающій выводъ слѣдствія изъ причины. Такія требованія новаго учителя выразились въ часто повторяемомъ имъ возгласѣ: „а разсуждай!!“

Эге, подумали мы, этого не проведешь, не скроешь своего невѣжества разными чисто механическими фокусами; тутъ зубреніе не поможетъ — тутъ нужно разсуждать, къ чему насъ вовсе не пріучали въ повѣтовомъ училищѣ. Знай Матвѣй Албертовичъ по русски, да не будь чудоковатъ, отъ него многому можно было бы научиться; но къ несчастію, какъ его, такъ и нашему, всѣ его достоинства остались незамѣченными не только нами, дѣтьми, но и его сослуживцами; и они только трунили надъ нимъ, да предразнивали.

Иногда, совсѣмъ выбившись изъ силъ отъ возни съ мальчуганами, Матвѣй Албертовичъ прибѣгалъ къ содѣйствію инспектора.

— Герасымъ Ивановичъ! а ей Богу, не можно: то не естъ классъ, але кóрчма: смéрдятъ, вóнятъ, гвиздáютъ, жаловался онъ инспектору. Тотъ, конечно, принималъ энергическія мѣры, и спокойствіе въ классѣ возстановлялось, но лишь до слѣдующаго урока.

Въ томъ же 1833 году гимназію нашу ревизовалъ фонъ Брадке. Пришелъ онъ къ намъ на урокъ ариѳметики. Ученикъ, рѣшая задачу, оробѣлъ и запнулся.

— А разсуждай! крикнулъ Матвѣй Албертовичъ зычнымъ голосомъ, стоя позади попечителя, надъ самымъ его ухомъ. Тотъ вздрогнулъ и вопросительно взглянулъ на директора, который приказалъ стоять учителю смирно и не мѣшаться. Матвѣй нашъ отошолъ въ сторону, оперся обоими локтями на скамью и, выпятивъ впередъ животъ, иронически сталъ смотрѣть на доску. Отъ нечего дѣлать ему захотѣлось понюхать. Какъ скрипнетъ онъ крышкой своей табакерки, съ портретомъ Костюшки — нервный нашъ попечитель опять вздрогнулъ и посмотрѣлъ на инспектора, который почтительно-выразительной миной показалъ Е. П—ву, что съ этимъ чудакомъ ничего не подѣлаешь.

Матвѣй Албертовичъ не любилъ пѣтуховъ вообще, а пѣнія ихъ въ особенности. Разстроенные разными превратностями судьбы, нервы его не выносили близкаго сосѣдства съ этой безпокойной птицей. Нанимая квартиру, нашъ наставникъ прежде всего предлагалъ хозяйкѣ вопросъ: а пѣтухъ у тебя есть?

— А якже, отвѣчаетъ хозяйка: чи можна жъ въ хазяйствѣ обойтись безъ пѣтуха?

— Ну, то я у тебя жить не хбчу!

Подмѣтивши такую странность въ учителѣ, мы постоянно школьничали: идетъ бывало онъ по троттуару, закутавшись въ плащъ, а тутъ изъ-за забора надъ головой: кукареку! Разъ какой то шалунъ вбросилъ ему пѣтуха въ открытое окно его квартиры, и онъ безжалостно убилъ его линейкой и выбросилъ на улицу.

На урокъ нѣмецкаго языка пришелъ не Я. Я—чъ съ своимъ „Зрѣлищемъ“, а настоящій нѣмецъ изъ Дерпта—Эдуардъ Андреевичъ Штранге и принесъ съ собой какія то таблицы, съ нарисованными на нихъ цвѣтами. Повѣсивъ одну изъ нихъ на доскѣ, учитель взялъ прутикъ и, указывая на бутонъ розы, спросилъ:

— Was ist das? А мы должны были отвѣчать ему всѣ разомъ, словно хоръ въ оперѣ, на распѣвъ, отбивая тактъ дружнымъ топаньемъ: das ist! eine! Rosen! Knospe!

Какъ цвѣты, такъ и пѣніе съ перваго разу намъ очень понравились, но впослѣдствіи, когда, дирижируя хоромъ, нашъ остзеецъ началъ хлестать тѣмъ же прутикомъ по ушамъ, тогда мы запѣли другимъ голосомъ.

Учитель русскаго языка остался тотъ же весельчакъ Егоръ Андреевичъ Носачевскій; но и въ гимназію перенесъ онъ свою накостную привычку за всякіе пустяки „драть“ учениковъ линейкой.

Быть можетъ, такому ожесточенію была причиной нѣкая скандальная исторія, о коей и до насъ дошли слухи. Дѣло въ томъ, что „подъ вечеръ осени ненастной“, къ господину директору явилась съ жалобой на нашего наставника дѣвица духовнаго званія.

И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ....

Латинскій языкъ отъ Егора Андреевича перешелъ къ Казиміру Петровичу Климовскому. Какъ теперь вижу эту іезуитскую физіогномію, на которой рисовалось нескрываемое отвращеніе отъ всего, что только носило имя русскаго. Къ ученикамъ онъ относился такъ, какъ будто они были личными его врагами. Потребуетъ, напр., книгу для переводовъ, ему поднесутъ; но Казиміръ не сразу возьметъ ее, а сперва осмотритъ руки поднесшаго книгу, поцѣживая сквозь зубы;

„чи чисты руки?“—Если книга оказывалась сильно подержанною, онъ бралъ ее за край листка и, держа въ воздухѣ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ, приговаривая: ммм... чи чисты руки? чи чисты руки?... и затѣмъ швырялъ ее на средину класса съ видомъ глубочайшаго омерзѣнія, какъ будто онъ взялъ въ руки лягушку.

Къ счастію, Казиміръ былъ у насъ недолго; его смѣнилъ Иванъ Даниловичъ Юскевичъ-Красковскій, за которымъ послѣдовалъ Карлъ Ивановичъ Микульскій, прибывшій въ Новгородъ-Сѣверскъ изъ Каменца-Подольскаго съ другомъ своимъ Осичковскимъ, прозваннымъ Бореемъ, за его взъерошенные сѣдые волосы, на основаніи стиха Державина: „Съ бѣлыми Борей власами“.... Но у Карла Ивановича, кромѣ Борея, было другое близкое существо — небольшой пуделекъ *Amicus*, сопровождавшій его въ гимназію и на прогулки.

Карлъ Ивановичъ и Осичковскій, чрезвычайно живые, бодрые старички, начиная съ мая, не взирая ни на какую погоду, ежедневно въ 5 часовъ утра совершали прогулку на Заручье пить изъ криницы воду, приписывая ей цѣлебныя свойства. Выпивши съ роздыхомъ отъ 5 до 8 стакановъ холодной ключевой водицы, они весело возвращались домой, въ сопровожденіи Amicus'а, пили молоко и въ 8 часовъ всегда первыми являлись на службу.

Карлъ Ивановичъ былъ большой любимецъ дѣтей. Преподаваніе скучной латыни онъ старался оживить разными анекдотцами, вдаваясь иногда въ такія комментаріи, которыя вовсе не относились ни къ этимологіи, ни къ синтаксису. Такъ, переводя изъ Корнелія Непота жизнеописаніе Датама, Карлъ Ивановичъ оставлялъ книгу и начиналъ фантазировать:

— „Выобрáзьте себѣ, господа, какъ этотъ воинственный мужъ скачетъ на конѣ передъ строемъ всадниковъ, кáкъ блестѣлъ на солньцѣ его шлемъ, кáкъ онъ красиво сидѣлъ на сѣдлѣ“.

Замѣтивъ, что учитель въ ударѣ, ученики начинали школьничать:

— Карлъ Ивановичъ! А какой масти у Датамиса была лошадь?

— Ну, можетъ быть бѣлая, можетъ быть вороная.

— Карлъ Ивановичъ! А какъ ѣхалъ Датамъ, рысью или галопомъ?

— Ну, можетъ быть галопомъ, можетъ быть рысью.

— Карлъ Ивановичъ! отзывается третій: чѣмъ кормилъ Датамисъ своего коня, овсомъ или сѣномъ?

Замѣтивъ, наконецъ, что надъ нимъ начинаютъ подтрунивать, учитель начиналъ сердиться. Ты же, мужикъ, молчи! ты же дуракъ!

Не выучившему урока Карлъ Ивановичъ давалъ такого рода совѣтъ:

— Ты же оселъ, не умѣешь учиться: ты иди въ сарай, да сядь тамъ съ книгой, да читай громко, плавно, выразно!...

Француза пока не пріискали.

На любимѣйшій нашъ урокъ рисованія пришелъ Степанъ Кирилловичъ Кириловъ, по прозванію Шатá. Обучался онъ сему искусству, какъ гласитъ его дипломъ, въ с.-петербургской академіи „въ живописномъ миніатюрномъ художествѣ и за хорошіе успѣхи, а особливо за признанное въ немъ добронравіе и лестное и похвальное поведеніе, возведенъ въ 1812 году въ званіе художника и награжденъ шпагой".

Произведеніями, если не кисти, то карандаша этого „миніатюрнаго художника" увѣшаны были всѣ стѣны гимназической залы. Онъ, какъ всѣ художники, проникнутъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства и высоко ставилъ свое искусство, особенно когда немножко былъ подшефэ!

— Ты, твердилъ онъ безпрестанно, обращаясь съ выговоромъ къ ученику, ты хоть и хорошъ по другимъ предметамъ, но я могу тебѣ все испортить своею отмѣткой, если не будешь у меня учиться.

— Говори! думалъ про себя ученикъ, выслушивая выговоръ: какъ будто я не знаю, что твои единицы ничего не значатъ при переводахъ.

По старой привычкѣ, мы постоянно подносили ему для исправленія свое маранье, которое онъ, по своей забывчивости, уже нѣсколько разъ поправлялъ, при чемъ любилъ вдаваться въ теорію искусства, самаго, впрочемъ, незатѣйливаго свойства. Какъ обезьяна, чѣмъ больше въ ней видимаго сходства съ человѣкомъ, тѣмъ она смѣшнѣе, такъ и нашъ Шатá—тѣмъ казался глупѣе, чѣмъ болѣе старался походить на умнаго. До обѣда онъ былъ еще ничего себѣ, довольно приличный съ виду господинъ, но на послѣобѣденныхъ урокахъ къ нему нельзя было подойти близко—отъ него несло сивухой, какъ изъ бочки. Его лицо и волосы, и безъ того всегда красные, становились какъ бы огненными. Въ такомъ возбужденномъ состояніи

онъ любилъ читать мораль, начиная каждый разъ свою предику любимымъ словцомъ: „безсовѣстный! Гдѣ твоя совѣсть?".

Иногда, на самомъ патетическомъ мѣстѣ его рѣчи, ученикъ VI класса Николай Кабановъ, проходя по корридору, во всю мочь крикнетъ въ замочную скважину: „Шата́!" на что нашъ наставникъ качалъ головою и говорилъ только: „безсовѣстный!" Жившіе у него пансіонеры передавали, что самое вещество, зеленаго цвѣта, вдохновлявшее его геній и стоявшее въ шкафикѣ въ его мастерской въ графинѣ, онъ тоже называлъ совѣстью, по крайней мѣрѣ, когда однажды онъ сталъ бранить сынишку своего Мишу за шалость и сказалъ: „безсовѣстный! гдѣ твоя совѣсть"? то онъ безъ запинки отвѣтилъ ему: „въ скафѣ, папоцка, на полоцкѣ стоитъ".

Смотрителя-аптекаря замѣнилъ директоръ, или, лучше сказать, инспекторъ, который безотлучно сидѣлъ въ гимназіи, тогда какъ директоръ бывалъ въ гимназіи только въ извѣстное время года: на рождественскіе праздники, во время говѣнья на первой недѣлѣ поста и во время годичныхъ экзаменовъ. Около 8 мѣсяцевъ въ году жилъ онъ въ 40 верстахъ отъ города, въ своемъ имѣніи. Туда отсылались и всѣ получаемыя имъ изъ округа бумаги. Уѣзжая въ свою милую Турановку на каникулярное время, Илья Ѳедоровичъ оставался тамъ до конца октября, procul negotiis, наслаждаясь, по примѣру любимца своего Горація Флакка, прелестями сельской природы, sub tegmine fagi membra stratus. Хотя у него при дѣтяхъ находился домашній учитель изъ гимназистовъ высшихъ классовъ, но большую часть предметовъ директоръ читалъ самъ: за чаемъ обыкновенно шли языки, во время и послѣ обѣда исторія. Порядокъ этотъ соблюдался ежедневно съ необыкновенною точностію. Илья Ѳедоровичъ былъ деспотъ въ семействѣ. Гостей у него никогда не бывало и самъ онъ нигдѣ не бывалъ, предпочитая провинціальному обществу бесѣду съ неразлучными своими друзьями—римскими классиками.

Съ конца октября до конца декабря директоръ жилъ въ городскомъ своемъ домѣ, на Козацкой улицѣ, но гимназіи не посѣщалъ. Пріѣзжая во время роспуска 20 декабря, собиралъ всю гимназію въ залу, говорилъ, viva voce, рѣчь и надобно знать, что эти рѣчи—импровизаціи были лучшими его произведеніями: онъ говорилъ увле-

[1]) Разновременно у него жили: П. А. Антоновичъ, Нагула и Левдикъ.

кательно, убѣдительно и просто; напротивъ, все написанное имъ выходило изъ рукъ вонъ плохо, въ родѣ вышеприведеннаго отрывка, прочитаннаго инспекторомъ при преобразованіи гимназіи: темно и непонятно. Темами для такихъ рѣчей Илья Ѳедоровичъ обыкновенно избиралъ какой нибудь афоризмъ или изреченіе знаменитаго мужа, въ родѣ напр. слѣдующаго: „Императоръ Титъ, недовольный проведеннымъ днемъ, говорилъ друзьямъ своимъ: amici! hodie diem perdidi!“ За темой слѣдовало развитіе главной мысли, примѣнительно къ жизни ученика. По окончаніи рѣчи, онъ давалъ воспитанникамъ трехъ высшихъ классовъ нѣсколько темъ на праздники и уѣзжалъ въ свою Турановку до поста.

Говѣли мы обыкновенно на первой недѣлѣ. Всѣ учащіе и учащіеся обязаны были два раза въ день сходиться въ гимназію, начиная съ понедѣльника, къ заутрени и на поклоны. Въ залѣ въ это время ставили большой столъ; на столѣ крестъ, евангеліе и всѣ принадлежности великопостнаго служенія. Какъ псалтирь, такъ и канонъ на поклонахъ Илья Ѳедоровичъ читалъ всегда самъ. Стройное пѣніе гимназическаго хора, подъ управленіемъ страстнаго любителя и знатока сего искусства Осипа Акимовича Самчевскаго, выразительное чтеніе директора и теплая комната весьма благопріятно вліяли на наше религіозное настроеніе, пробуждая въ душѣ уваженіе и благоговѣніе къ святости великаго таинства, къ которому мы готовились. Никому изъ учениковъ не дозволялось говѣть даже въ своей приходской церкви, потому что тамъ ничего подобнаго не было: однообразное бормотанье дьячка и его негармоническое solo, при длиннотѣ великопостнаго служенія, въ холодной, съ желѣзнымъ (какъ въ соборѣ) поломъ, могли поселить въ душѣ чувство противоположное благоговѣнію, какое приличествуетъ и святости мѣста, и самой цѣли установленныхъ для говѣнья молитвъ, пѣснопѣній и славословій.

Въ среду и пятницу послѣ заутрени мы по парно шли въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ тоже пѣли наши пѣвчіе, а воспитанники 7-го класса читали, изъ „собранія поученій“, проповѣди, по выбору самаго директора, стоявшаго всегда на лѣвомъ клиросѣ, не смѣшиваясь съ толпой.

Въ пятницу послѣ обѣда мы сходились въ гимназію исповѣдываться во грѣхахъ своихъ. Порядокъ, при которомъ совершалось

великое таинство покаянія,—установленный, конечно, не церковію и даже не начальствомъ, а мѣстнымъ обычаемъ, который сильнѣе всякого начальства,—совершенно не гармонировалъ съ ходомъ и характеромъ нашего продолжительнаго говѣнія.

Въ маленькой комнатѣ VII класса садился за столъ нашъ протопопъ от. Стефанъ, а у дверей отъ залы становился пономарь Адріанъ. Чтобы попасть въ исповѣдальню къ батюшкѣ, или, какъ выражаются наши мѣщане, „чтобъ повозить попа въ рѣшетѣ", нужно было дать прежде нѣсколько грошей „входного" привратнику, а потомъ положить на столъ подлѣ самаго евангелія втрое противъ того, въ пользу протоіерея, ему же дана власть вязать и рѣшить. Учениковъ первыхъ двухъ классовъ впускали по пяти, по шести разомъ, а начиная съ четвертаго по два и по три; по одному же входили самые большіе, за что и платили больше другихъ.

Въ то время, когда такимъ манеромъ совершалось таинство покаянія, на гимназическій дворъ сходились со всего города торговки съ бубликами, стовпчиками, мочеными кисличками и др. ласощами. Откупившись отъ грѣховъ, школяры накидывались, какъ голодные псы, на всю эту благодать и начинали истреблять громадное количество бубликовъ, словно они дня два ничего не ѣли. Объѣдалась вся эта орда до тошноты именно потому, что послѣ пассіи уже не дозволялось ѣсть до самаго причастья. Нѣкоторые ѣдоки даже бились объ закладъ, кто больше сокрушитъ бубликовъ.

Такое явленіе можно объяснить отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что впродолженіе цѣлой недѣли у насъ соблюдался строжайшій постъ. Рѣдко бывало и варятъ что нибудь дома. Дадутъ тебѣ сырой капусты, приправленной цыбулей и олеею, или сухарь, размоченный въ водѣ, или варенаго гороху съ сытой—больше ничего не смѣй и спрашивать, потому: не все коту масляница—пришелъ и великій постъ.

Ученикъ III класса Петръ Воденъ признался попу на духу, что онъ, говѣючи, ѣлъ селедку. Что жъ изъ этого вышло? А то, что, не дожидавшись за содѣянный грѣхъ суда Божія, начальство покарало его на семъ свѣтѣ, а именно: въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, когда ученики сидѣли уже на урокахъ, по приказанію директора, бѣднягѣ нацѣпили на шею аршиннаго оселедца и повели, какъ медвѣдя, на показъ по всѣмъ классамъ: смотрите, молъ, такъ

и вамъ будетъ, только попробуйте, говѣючи, покушать селедки! Во все продолженіе великаго поста, директоръ пріѣзжалъ въ гимназію только одинъ разъ—на Андреево стояніе, а потомъ уѣзжалъ изъ города встрѣчать въ деревнѣ весну и возвращался въ концѣ мая, передъ самыми экзаменами, на которыхъ онъ просиживалъ ежедневно по 10 часовъ.

Въ этомъ году во второмъ классѣ пройдено было очень мало, да отъ преподавателей и требовать было несправедливо невозможнаго: произведши путаницу въ преподаваніи „раздѣленіемъ учениковъ на семь классовъ", само начальство было причиной неуспѣшности.

Экзамены мои шли довольно удовлетворительно и все, казалось, должно было кончиться благополучно; но надо мной неожиданно стряслась бѣда. Вслѣдствіе часто повторявшихся несчастныхъ случаевъ на Деснѣ, намъ строжайше воспрещено было купаться не въ урочное время. Около пяти часовъ, насъ, какъ барановъ, надзиратели вели къ рѣкѣ и мы подъ ихъ наблюденіемъ купались. Но представьте себѣ положеніе мальчика, живущаго въ 20 шагахъ отъ воды въ жаркіе дни. И вотъ, трое изъ учениковъ, на зло запрещенію, желая выкупаться вволюшку на свободѣ, отправились въ праздничный день къ Щуровкѣ и тамъ стали купаться на совершенно незнакомомъ мѣстѣ. Одинъ изъ нихъ началъ тонуть, другой хотѣлъ спасти его и оба пошли ко дну. Третій прибѣжалъ домой, чтобы сказать о случившемся хозяевамъ. Объ этомъ „чрезвычайномъ происшествіи" директоръ отправилъ въ округъ донесеніе, въ которомъ старался оправдать самый фактъ несчастія незрѣлостію лѣтъ утопленниковъ, жаркимъ лѣтомъ, красотами новгородъ-сѣверскихъ окрестностей, соблазнившихъ учениковъ и т. д. Но что отвѣтилъ онъ осиротѣвшимъ родителямъ, довѣрившимъ заведенію дѣтей—объ этомъ исторія умалчиваетъ: тутъ, я думаю, не помогло никакое краснорѣчіе.

Послѣ такого событія, строгость мѣръ противъ купанья не только не уменьшилась, но еще увеличилась, Не взирая на сіе, для меня, водяного звѣрька, жившаго у самой рѣки, искушеніе было слишкомъ велико, чтобы не соблазниться, и я, махнувъ рукой на всякія запрещенія, пошелъ купаться вмѣстѣ съ двумя товарищами.

Только что мы вошли въ воду—глядь, а на Замкѣ стоитъ, растопыривъ ноги, словно колоссъ родосскій, инспекторъ и смотритъ

на насъ въ „подозрительную трубку". Выскочивъ на берегъ, мы схватили свои рубашонки да драла, такъ что одѣлись уже на бѣгу. Но это намъ не помогло. Мы были узнаны.

Приходимъ на другой день на экзаменъ—бѣда! О нашемъ проступкѣ доложено директору. Что то будетъ? что то будетъ съ нами? Илья Ѳедоровичъ, не терпѣвшій тѣлесныхъ наказаній, придумалъ для насъ такую кару: велѣлъ позвать Павла́ и приказалъ ему раздѣть насъ до рубашки, да такъ и оставилъ сидѣть между учениками до конца экзамена. Не довольствуясь и этимъ позорнымъ наказаніемъ, онъ порѣшилъ было оставить насъ въ томъ же классѣ на 2-й годъ, не допустивъ къ экзамену; но я такъ усердно плакалъ цѣлыхъ четыре часа, что надо мной сжалились и подозвали къ столу. Удовлетворившись моимъ отвѣтомъ, Илья Ѳедоровичъ позволилъ мнѣ одѣться и отпустилъ домой съ миромъ.

На другой день въ 9 часовъ меня потребовали къ директору на домъ, гдѣ я долженъ былъ выслушать отеческое увѣщаніе, подѣйствовавшее на меня больше всяческихъ наказаній: отъ души сказанное слово глубоко западаетъ въ душу.

Экзамены кончились. Съ какимъ восторгомъ прибѣжалъ я домой послѣ акта! Билетъ, гдѣ прописанъ былъ мой переводъ въ III классъ, я держалъ чуть не надъ головой, какъ трофей побѣды надъ школьною премудростію. Отецъ былъ очень обрадованъ моими успѣхами, позволилъ мнѣ во все время каникулъ всѣ мои любимыя развлеченія и даже (о восторгъ!) подарилъ мнѣ свое маленькое одноствольное ружьецо.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки стариннаго быта Волыни и Украины.

1. Пасквиль и судъ.*)

I.

Дѣло происходило въ маѣ 1575 года.

Теплая весенняя ночь спустилась умиротворяющимъ покровомъ надъ г. Луцкомъ, призывая его неугомонное населеніе къ покою и отдыху. Несмотря на громкій титулъ „столечного мѣста земли Волынской“, Луцкъ жилъ въ то время патріархальною жизнью. Часъ спустя по заходѣ солнца, запирались городскія ворота, и городъ постепенно замиралъ, чтобы съ восходомъ солнца начать снова свою муравьиную сутолоку. Дольше всего гамъ и галдѣніе доносились съ „Жидовской“ улицы, одной изъ самыхъ многолюдныхъ. Но вотъ изъ-за угла сосѣдней, „Троецкой“ улицы показалась группа людей съ длинными палками и „походнями“ (фонарями) въ рукахъ: то были „панове бурмистры“, въ сопровожденіи городской стражи совершавшіе свой урочный обходъ для надзора за исполненіемъ магистратскаго распоряженія—тушить огни въ домахъ въ ночное время. Гдѣ только виднѣлось хоть слабое мерцаніе свѣчи или лучины, туда подходилъ бурмистръ, безмолвно стучалъ палкой въ окно—и свѣтъ исчезалъ моментально, а вмѣстѣ съ нимъ какъ бы все замирало въ домѣ.

---

*) Составлено на основаніи архивныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ луцкаго и владимірскаго судовъ.

Лишь въ немногихъ домахъ огонь продолжалъ мерцать и послѣ стука въ окно бурмистровской палки: то загулявшіеся шляхтичи были безсильны разстаться съ гостепріимными шинкарками и не спѣшили допивать послѣднія „коновочки“ пива или меду. Сегодня, впрочемъ, по случаю кануна праздника св. Николая, самые завзятые гуляки раньше обыкновеннаго прекратили бражничанье и безъ шуму и обычныхъ „галасовъ“ расходились по домамъ. Скоро весь городъ потонулъ во мракѣ, и только темные силуэты замковыхъ башенъ и церквей чуть примѣтно рисовались на звѣздномъ небѣ.

На главной башнѣ замка часы пробили шесть, что по тогдашнему суточному счету означало полночь. Серебристый звонъ колокола гулко прозвучалъ надъ спящимъ городомъ—и замеръ мягкими, вибрирующими отзвуками, какъ бы смущаясь, что нарушилъ ночное безмолвіе. И снова все тихо; лишь издали, съ предмѣстьевъ, едва доносится лай собакъ и соловьиныя трели.

— „Вартуй! вартуй!“ раздается вдругъ протяжный окликъ изъ „вышняго“ замка, или дѣтинца.

— „Вартуй! вартуй!“ черезъ минуту доносится такой же окликъ изъ „окольнаго“ замка, отъ Глушецкой брамы.

— „Вартуй!..“ слабо отзывается гдѣ-то съ противоположнаго конца города.

То „сторо́жа“ замковая „*кличетъ*“ на стѣнахъ замка, давая знать жителямъ, что они могутъ спокойно предаваться сну, что есть на замкѣ недремлющія очи, которыя не допустятъ ни злого татарина, ни другого непріятеля воспользоваться ночною темнотою и напасть въ расплохъ на спящій городъ. Впрочемъ, нынѣшнею ночью стражники очень уже лѣниво „кличутъ“, точно знаютъ, что сегодня некому наблюдать за ихъ бдительностью, такъ какъ панъ городничій Александръ Жоравницкій весь день прогулялъ на храмовомъ праздникѣ у своего тестя, владыки луцкаго Іоны Борзобогатаго, гдѣ поссорился съ братомъ своимъ Яномъ, и теперь спитъ словно мертвымъ сномъ; да и сами они, какъ добрые христіане, изрядно отпраздновавши „храмъ“, т. е. престольный праздникъ замковой церкви св. Іоанна Богослова, никакъ не могутъ противостоять искушеніямъ сна, возложивъ надежду на то,

что св. Николай никакъ не допуститъ въ канунъ своего праздника „поганыхъ" татаръ напасть на христіанскій городъ. И по мѣрѣ того, какъ все погружается въ сонъ, перекликанія на замковыхъ стѣнахъ становятся все рѣже и рѣже, а далѣе и совсѣмъ умолкли, такъ что случись на ту пору непріятель, онъ развѣ лишь по громкому храпу, доносившемуся съ городскихъ стѣнъ, могъ бы заключить, что замковая „сторо̀жа" находится на своихъ постахъ.

Время уже близилось къ разсвѣту, когда черезъ базарную площадь промелькнули двѣ фигуры, осторожно прокрадывавшіяся по направленію къ Глушецкой „брамѣ" (воротамъ). Здѣсь онѣ остановились на минуту, прислушиваясь къ мѣрному сопѣнію находившагося тамъ сторожа. Убѣдившись, что онъ мирно почиваетъ, прислонясь спиною къ стѣнѣ, таинственные незнакомцы осторожно приблизились и прикрѣпили къ воротамъ какой то бумажный листокъ. То же самое сдѣлали они у выѣздныхъ воротъ, ведущихъ къ Жидичину, у ратуши и въ другихъ мѣстахъ. У въѣздной брамы внутренняго замка они чуть было не попали въ бѣду: въ темнотѣ кто-то изъ нихъ неосторожно наступилъ на ногу спавшему у воротъ сторожу. Тотъ опрометью схватился и, полагая, что панъ городничій обходитъ сторожевые посты, съ просонковъ закричалъ: „Вартуй, вартуй!" Убѣдившись, однако, что городничаго нѣтъ и въ поминѣ, и видя, что на его „кликанье" не послѣдовало ни откуда отзыва, сторожъ перекрестился, выбранилъ въ слухъ „нечистого" за его дурную привычку тревожить сонъ добрыхъ людей и, улегшись поудобнѣе, снова заснулъ крѣпче прежняго. А надъ его головой, на темномъ фонѣ крѣпостной стѣны, при слабомъ отблескѣ занимавшейся зари, едва обозначался какой то бумажный листокъ.

II.

Было чудное майское утро. Въ церквяхъ начался праздничный перезвонъ, и городскія улицы стали наполняться народомъ.

Вышелъ изъ своего дома престарѣлый владыка луцкій Іона Борзобогатый и, сопровождаемый немалой свитой, направился къ каѳедральной замковой церкви. Это былъ крупнаго сложенія

и высокаго роста старикъ, достаточно еще свѣжій и бодрый для своихъ 80 лѣтъ. На немъ была коричневая „чамлетовая референда“ [1]), на головѣ круглая, отороченная дорогимъ мѣхомъ, бархатная шапка, какія носили тогда всѣ пожилые люди, духовные и свѣтскіе, и только золотой крестъ на груди, украшенный драгоцѣнными камнями, давалъ знать, что это не простой „презвитеръ“ или „протопопъ“, а самъ „его милость отецъ владыка“. Клобука Іона не любилъ носить, и когда ему напоминали о томъ, отвѣчалъ обыкновенно: „Я не чернець и не повиненъ мѣти на головѣ тое страшилище—каптуръ“. Опираясь на высокую трость въ серебряной оправѣ, медленно выступалъ владыка, останавливаясь поминутно, чтобы дать благословеніе встрѣчавшимся мѣщанамъ и перекинуться съ ними нѣсколькими словами. Владыка былъ простъ въ обращеніи и необыкновенно словоохотливъ. Кто только ни встрѣчался ему на пути—шляхтичъ ли, мѣщанинъ, или даже еврей, — онъ каждаго окликалъ по имени и находилъ, чт̀о сказать ему, такъ какъ зналъ въ лицо едва ли не всѣхъ жителей Луцка и окрестностей, чт́о было естественнымъ послѣдствіемъ долголѣтней дѣятельности его въ этомъ краѣ и при томъ на различныхъ поприщахъ. Когда-то, въ молодыхъ лѣтахъ, бывши еще красноставскимъ мѣщаниномъ, Борзобогатый по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ по Волыни; потомъ онъ былъ „целникомъ“ волынскимъ, т. е. арендымъ сборщикомъ торговыхъ пошлинъ, затѣмъ долгое время былъ войтомъ луцкимъ, а теперь въ старости довелось ему здѣсь же архипастырствовать. Большую сумму заплатилъ онъ королю и членамъ его „рады“ за этотъ почетный санъ; за то теперь старался вознаградить себя сторицею за потерянныя траты и грабилъ церкви и духовенство безъ всякаго милосердія.

Поровнявшись съ церковью св. Димитрія, построенною, по преданію, княземъ Мстиславомъ, сыномъ Мономаха, владыка остановился и гнѣвно оглядѣлъ группу мѣщанъ, стоявшихъ въ нѣмомъ недоумѣніи и съ печальными лицами у запертаго храма.

---

[1]) *Референда*—родъ нынѣшней рясы. *Чамлетъ*, съ итал. comelotto (камлотъ), шерстяная матерія, очень прочная и въ то время очень дорогая, такъ какъ первоначально она выдѣлывалась исключительно изъ шерсти особой породы азіатской козы.

Завидѣвъ остановившагося владыку, многіе изъ толпы, неохотно обнаживъ головы, стали подходить подъ его благословеніе.

— „А для которои то причины, панове парохіяне, попъ вашъ не правитъ службы Божои въ такъ великое свято християнское?“ какъ-то загадочно спросилъ Борзобогатый.

— Для того, отче владыко, ижъ (что) ваша милость невѣдомо для якои потребы казалисте церкву нашу запечатати“,—сумрачно отвѣтили мѣщане.

— „Правда есть, ижъ я казалъ былъ ее запечатати и не только вашу, але и иншие вси церкви въ Луцку, яко то: троецкую, миколинскую, покровскую, панасовскую, рожественскую и михайловскую. Але иншие вси попове давно упокорилися и учинили ми досыть, и я имъ заразъ позволилъ службу Божую служити; а вашъ попъ и до сего часу смѣетъ и важится противенъ быти владзѣ моей пастырской“.

— „Нашъ презвитеръ есть чоловѣкъ вельми убогій и не можетъ такои подачки знести, якую ваша милость на немъ вытягти хочете, то есть десять копъ грошей“.

— „Ну, то вы, парохіяне, тое за него знесите“.

— „Мы тежъ, отче владыко, люде убогие и такого тягару неправного знести не можемо“.

— „То оставайтесь же и напредъ безъ хвалы Божои, якъ тые поганцы (язычники)!“ заключилъ владыка сердитымъ голосомъ.

Послѣ этого онъ подошелъ къ дверямъ церковнымъ, внимательно осмотрѣлъ ихъ и, убѣдившись, что снурки съ краснымъ воскомъ цѣлы и его именная печать съ гербомъ не повреждена, съ довольнымъ видомъ продолжалъ свое шествіе въ соборъ.

Приблизившись къ воротной башнѣ замка, владыка примѣтилъ прибитый къ стѣнѣ бумажный листъ. „Ужъ не новая ли это инфамія?“ подумалъ старецъ не безъ тревоги, вспомнивъ, что еще недавно на этомъ самомъ мѣстѣ красовался прибитый вознымъ королевскій универсалъ, оповѣщавшій всѣхъ и каждаго о томъ, что луцкій владыка приговоренъ къ лишенію чести (infamia) за наѣздъ на имѣніе сосѣда, сопровождавшійся грабежомъ и пролитіемъ крови. Вспомнивъ это, Іона остановился,

силясь старческими глазами прочесть, что было написано на заинтересовавшемъ его листкѣ.

— „То суть якіесь вирши, отче владыко!“ доложилъ архіерейскій слуга.

У владыки отлегло отъ сердца.

— „Вирши? А ну, подай мнѣ тые вирши“, приказалъ онъ, совсѣмъ успокоенный.

Листокъ былъ сорванъ и поданъ ему. При бѣгломъ взглядѣ на первыя строки этого листка, лицо владыки вдругъ побагровѣло и затряслись руки.

— „То якійсь нецнота, кламца и потварникъ [1]) написалъ той пашквиль!.. Урветъ ему катъ языкъ шкаредный зъ горла!“ прогремѣлъ старый владыка, стуча посохомъ о каменныя плиты. „Добре наложу на тое—и або збудусь владыцтва, або позбавлю горла того потварника, що смѣетъ и важится наступовати на добрую славу и почтивость дому моего!“

Страшныя проклятія и угрозы лились рѣкой изъ устъ раздраженнаго старца по адресу неизвѣстнаго обидчика. Толпы прохожихъ останавливались и съ изумленіемъ глядѣли на эту странную сцену; но Іона не обращалъ ни на что вниманія. Казалось, гнѣву владыки не будетъ конца. Но въ эту минуту съ колокольни соборной церкви замѣтили приближеніе Борзобогатаго и подняли такой трезвонъ, что нельзя уже было разслышать его словъ; и старецъ, погрозивъ кому то рукой, отправился въ церковь, откуда для встрѣчи его вышло соборное духовенство въ облаченіяхъ, сорванный же листокъ онъ приказалъ отнести къ зятю и вручить ему „въ власные руки“.

Въ то же самое время у городскихъ воротъ, у ратуши и въ другихъ мѣстахъ Луцка останавливались толпы мѣщанъ и пріѣзжихъ шляхтичей, чтобы узнать, что заключаютъ въ себѣ неизвѣстно откуда появившіеся листки, расклеенные повсюду и въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ обыкновенно прибивались для всеобщаго свѣдѣнія королевскіе универсалы, магистратскія и воеводскія распоряженія и другіе подобные документы. Толпы любопыт-

---

[1]) *Нецнота*—безчестный человѣкъ; *кламца*—лжецъ; *потварникъ*—клеветникъ.

ныхъ еще болѣе стали увеличиваться, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что это—не указъ о новыхъ пошлинахъ или налогахъ, не призывъ къ посполитому рушенію, а „*пашквиль*" на жену мало популярнаго ключника и городничаго, дочь позорящаго своими дѣяніями православную церковь владыки-грабителя—и притомъ на женщину, не пользовавшуюся хорошей репутаціей въ городѣ.

Вотъ что было написано въ расклеенныхъ листкахъ:

Хто йдешъ мимо, стань годину,
Прочитай сюю новину.
Чи есть въ Луцку бѣлоглова, [1])
Якъ та пани ключникова?
Хочай вѣкъ подойшлый [2]) мае,
А розпусты [3]) не встыдае;
Убирается въ форботы [4]),
Лечъ не дбае про честноты [5])
На що модлы ей, офѣры? [6])
Абы були кавалѣры!
Лишъ малженокъ [7]) ѣдеть з двора—
Внетъ [8]) тутъ молодыковъ чвора!
Зъ ними учты и беседы [9])—
Не вертайся, мужу, теды!
Ой ты, мужу необачный!
Зроби жонѣ бенкетъ смачный:
Змажъ ю лоемъ зъ дхлого хорта, [10])
Ачей [11]) зженешъ з шкуры чорта;
Смаруй кіемъ надъ статечность,
Нехъ забуде про вшетечность [12])

Часъ спустя, слуги городничаго и Борзобогатаго бѣгали по городу и срывали расклеенные листки; но было уже поздно: сотни людей успѣли не только прочесть, но и выучить вирши наизусть; нашлись и такіе, что списали ихъ для памяти, и въ нѣсколько дней пасквиль во множествѣ экземпляровъ разошелся по всей Волыни.

---

[1]) Женщина. [2]) преклонный. [3]) распутство. [4]) кружева. [5]) добродѣтели. [6]) молитвы и жертвы. [7]) супругъ. [8]) тотчасъ. [9]) пирушки. [10]) дохлой собаки. [11]) авось [12]) развратъ.

III.

Печальный и задумчивый сидѣлъ въ своей свѣтлицѣ панъ ключникъ и городничій луцкій Александръ Марковичъ Жоравницкій. Живетъ онъ на свѣтѣ шестой десятокъ лѣтъ, а никогда еще не приходилось ему встрѣчать „роковое свято" въ такомъ печальномъ настроеніи, какъ сегодня. Начать съ того, что онъ поздно проснулся послѣ вчерашняго „храмованья" и проспалъ заутреню, а такой грѣхъ съ нимъ рѣдко случался. Всѣ въ Луцкѣ знали пана городничаго, какъ человѣка набожнаго, не пропускавшаго ни одной церковной службы,—не даромъ вѣдь онъ и самъ былъ архіерейскимъ сыномъ и женился на архіерейской дочери. Далѣе, припомнилась ему вчерашняя ссора съ братомъ Яномъ на обѣдѣ у тестя. Хотя и былъ онъ вчера въ „подпиломъ" состояніи, а помнитъ до мельчайшихъ подробностей эту неприличную сцену, когда предъ лицомъ архіереевъ, игуменовъ и цѣлаго сонма духовныхъ отцовъ, въ присутствіи престарѣлаго князя Богуша Корецкаго, воеводы волынскаго, и другихъ знатныхъ пановъ поносилъ онъ непристойными словами родного своего брата и даже бросался на него съ „добытою шаблею"... Хорошо, что князь-воевода взялъ его за руку и, уговаривая „лагодными" словами, отвелъ въ другую комнату,—не то, согрѣшилъ бы онъ, и смертельно.... Сколько разъ онъ давалъ себѣ слово не слушаться жены: пусть себѣ сколько хочетъ грызется съ „ятровкой", а ему съ братомъ не дѣло вмѣшиваться въ бабьи ссоры, а жить бы въ мирѣ да любви, памятуя слова, которыя такъ часто повторялъ „небожчикъ" отецъ ихъ, владыка Марко:

„Тому роду не буде переводу,
Въ которомъ братья милуютъ згоду".

Покойникъ хотя и не былъ настоящимъ владыкою, а только „нареченнымъ", потому что не хотѣлъ принимать посвященія, но правилъ епархіей какъ настоящій архіерей, былъ свѣдущъ въ писаніи и всегда внушалъ своимъ сыновьямъ благочестивыя правила. Старшаго брата своего Михайла, а ихъ дядю, что служилъ писаремъ у короля Сигизмунда Стараго, почиталъ онъ всегда какъ отца. Тотъ для него и „владычество" выхлопоталъ и.

умирая, завѣщалъ часть своего состоянія. Вотъ какъ жили братья въ старину! А у нихъ съ Яномъ безпрестанныя „сварки" и „незгода", и стало это повторяться все чаще съ тѣхъ поръ, какъ Янъ женился на Оленѣ Коптевнѣ. Правда, у него съ малыхъ лѣтъ обнаруживался уже злой и мстительный характеръ. Когда Янъ, будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, учился грамотѣ у покойнаго архимандрита жидичинскаго, и тотъ за что то велѣлъ постегать его „прутьями", взбѣшенный этимъ „хлопецъ" два дня пропадалъ въ монастырскомъ лѣсу, а на третій, ночью, поджегъ келью отца архимандрита, и только по особому, видно, покровительству угодника Николая случилось такъ, что св. обитель не сдѣлалась жертвою пламени. Въ другой же разъ—тогда Янъ занимался уже въ гродской канцеляріи,—разсердившись за что то на одного изъ подканцеляристовъ, онъ хватилъ его ножемъ въ животъ—да такъ, что тотъ на вторыя сутки и Богу душу отдалъ! Сколькихъ хлопотъ и денегъ стоилъ этотъ случай покойному отцу ихъ владыкѣ Марку! Но, все таки, не будь этой Коптевны, съ Яномъ можно было бы какъ нибудь ладить. Она—всему злу причина! Не даромъ ее не можетъ переносить пани городничая! Какъ только Олена прійдетъ къ нимъ въ домъ, то пани Ганна тотчасъ начнетъ морщиться и вдругъ обратится къ челяди: „Що то есть за причина, же в насъ на покояхъ *копотью* смердитъ? Чи не зъ пекарни занесло?" Олена тотчасъ вспыхнетъ, какъ порохъ, и соберется уходить, а пани Ганна еще и припрашиваетъ: „посидь, пани-братóва, за гостя будешъ!" Олена, конечно, въ домѣ не посмѣетъ браниться, но лишь выбѣжитъ за ворота, остановится и подниметъ такую брань, что приходится спускать съ цѣпи собакъ, чтобы прогнать ее отъ воротъ. Конечно, и Ганнѣ не слѣдовало бы понапрасну дразнить эту осу; иначе та расплачется передъ мужемъ, настроитъ его, какъ захочетъ,—а тотъ прибѣжитъ, набросится звѣремъ на нихъ и начнетъ поносить невѣстку. Ужъ какъ они ее „на доброй славѣ шкалюютъ", какіе позорныя про нее слухи распускаютъ!

И вся эта злоба не отъ чего другого, а отъ зависти. Имъ завидно, что старшій братъ, какъ только сталъ зятемъ владыки, тотчасъ получилъ урядъ ключника луцкаго, черезъ два года сдѣ-

ланъ былъ городничимъ, а со временемъ, если Богъ продлитъ вѣкъ владыкѣ, можетъ быть, получитъ и староство или каштелянство; тогда какъ Янъ хотя и хвалится тѣмъ, что его „швагеръ"— королевскій писарь, но до сихъ поръ не получилъ никакого уряда. Правда, и то еще ихъ досадуетъ, что пани Ганна принесла мужу богатый „пósагъ" [1]): кромѣ значительныхъ денежныхъ суммъ, отецъ владыка далъ за дочерью церковное имѣніе м. Жабче съ укрѣпленнымъ замкомъ и нѣсколько деревень, да сверхъ того Ганна имѣла богатое „вѣно", записанное ей первымъ мужемъ Янушемъ Гулевичемъ, сыномъ луцкаго епископа Ѳеодосія Гулевича; тогда какъ Янъ взялъ за женою только 700 копъ грошей. Но кто же тутъ виноватъ? Было бы ему не „квапиться" на красу молодой Коптевны, а искать себѣ въ жены богатую вдову.

Правда, Янъ претендуетъ, будто не получилъ сполна своей доли въ отцовскихъ имѣніяхъ и что ему не уплаченъ какой то старый долгъ. Пусть и такъ; но развѣ нельзя было бы уладить этого дѣла „лагоднымъ обычаемъ", по родственному? Слава Богу, у тестя владыки есть чѣмъ надѣлить не только родныхъ дѣтей, но и дальнихъ родственниковъ: сколько имѣній въ одной епископіи, пожалованныхъ князьями Свидригайломъ, Любартомъ и еще до Любарта бывшими князьями луцкими! А сколько сверхъ того маетностей, принадлежащихъ Жидичинскому монастырю, который отецъ владыка выпросилъ себѣ у короля! Поклонись ему Янъ да не обижай его дочери — и навѣрное отецъ владыка согласился бы записать ему на извѣстный срокъ любую церковную маетность подъ видомъ „заставы" или аренды. Развѣ онъ раньше не пользовался благодѣяніями владыки, пока былъ почтителенъ и не ссорился съ невѣсткою? Когда Янъ женился и на другой день свадьбы, „по доброй ночи", захотѣлъ сдѣлать приличный подарокъ молодой женѣ, то кто, какъ не владыка, далъ ему для этой цѣли золотой „крыжикъ" старинной работы, съ „діаментами", даръ какого то древняго князя чудотворному образу Пречистой Богородицы, чтó въ соборной церкви! Вотъ и на вчерашнемъ „храму" Олена „красовалась" съ этимъ „кры-

[1]) Приданное.

жикомъ“ на шеѣ,—да изъ за него же и „бурда“ приключилась...

Пришли они съ Яномъ, незванные, въ домъ къ отцу владыкѣ,—не выгонять же ихъ было, да еще при такихъ гостяхъ! Олена сухо поздравила владыку съ „храмомъ“ и „святомъ“—и сразу же начала:

— „Бенкетуете, отче, зъ чужими, а про своихъ кревныхъ и забули есте!“

Владыка, занятый бесѣдою съ княземъ-воеводою, пропустилъ мимо ушей эту колкость. Сѣли за столъ. Все шло благополучно, только Олена глядѣла „фуріею“, красная, какъ „червець“, и мало ѣла; подъ конецъ же обѣда „всчалася бурда“. Начала то ее, впрочемъ, не Олена, а пани Ганна: напомнила ей про „крыжикъ“, какъ достался онъ ей, да и прибавила къ тому, что, молъ, кто не имѣетъ средствъ одѣваться въ дорогія „шаты“, тому не пристало носить такой „коштовный клейнотъ“ (драгоцѣнность), а лучше бы „офировать“ его „на хвалу Божую, до образу Пречистои“, откуда онъ и былъ взятъ „на якийсь только часъ, але не довѣчно“. Оленѣ, какъ младшей „братòвой,“ слѣдовало бы смолчать на то, что сказала старшая и при томъ хозяйка дома. А она въ отвѣтъ:

— „Правда есть, пани братòва, моихъ статковъ не выстачитъ на тое, ижбы (чтобы) я мѣла убиратися въ тые саяны коштовные, злотоглавы, брамки перловые, форботы венацкие, манели [1]), якъ твоя милость чинишъ, не памъятаючи на свои лѣта подойшлые,—бо мнѣ золотари не куютъ фальшивыхъ талярей, якъ тобѣ! Певно, памъятаешъ добре Яна золотаря, которого ты часъ не малый у себе ховала, въ Блудовѣ, въ свѣтлицѣ малой, въ саду, а онъ тобѣ гроши ковалъ, о чомъ была справа у суду? Тая справа еще не есть скончена, и не вѣдаешъ, може и тебе катъ потягнетъ на драбину!“

Конечно, Ганна не могла снести такую „неслыханную, бридкую обмову“ при столькихъ свидѣтеляхъ! Она схватилась съ

---

[1]) *Саянъ*—верхнее женское платье; *злотоглавъ*—дорогая матерія въ родѣ парчи; *брамка перловая*—лента или тесьма на платьѣ, вышитая жемчугомъ; *форботы венацкие*—кружева венеціанскія; *манели*—браслеты.

мѣста и дала обидчицѣ звонкую пощечину... Олена вцѣпилась ей въ волосы. Вмѣшался въ свалку Янъ... И вотъ тутъ то и произошла та сцена, о которой такъ непріятно теперь вспоминать пану городничему. Вѣрно объ этомъ знаетъ уже весь Луцкъ. Какъ теперь показаться и въ храмъ Божій!..

Среди этихъ непріятныхъ воспоминаній, волновавшихъ пана городничаго, въ свѣтлицу вошла его жена. Ганна Ивановна была немолодая брюнетка, лѣтъ за сорокъ, высокаго роста, съ рѣзкими, но правильными, чертами лица, сохранившаго едва примѣтные слѣды былой красоты. Несмотря на толстый слой бѣлилъ, покрывавшій ея морщины, внимательный взглядъ легко могъ бы подмѣтить на ея суровомъ лицѣ нѣкоторыя подозрительныя пятна— слѣды вчерашней ссоры, какъ ни старалась она замаскировать ихъ при помощи всевозможныхъ натираній. Очевидно, она собралась идти въ церковь, потому что нарядилась, какъ княгиня. Поверхъ бархатнаго платья гранатоваго цвѣта съ серебрянымъ шитьемъ надѣтъ былъ атласный „саянъ", подолъ котораго былъ отдѣланъ „брамами (тесьмой) злотоглавовыми" въ три ряда, а обшлага расшиты золотомъ и жемчугомъ. На груди, изъ подъ широкаго вырѣза въ платьѣ, блистала „кошулька перловая", украшенная крупнымъ жемчугомъ и золотыми блестками, а поверхъ нея повѣшено драгоцѣнное ожерелье („завѣшенье"). На головѣ „чепецъ" изъ венеціанскихъ кружевъ („форботъ венацкихъ"), съ цвѣтными лентами, прикрытый не „намиткою" (пани городничая не особенно уважала старосвѣтскую моду), а новомоднымъ въ то время „беретомъ" изъ фіолетоваго бархата, съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, прикрѣпленнымъ драгоцѣнною, сверкавшею алмазами, запонкою. Пани городничая на весь Луцкъ славилась нарядами и слѣдила за модой. Завистливыя „паніи" на всѣ лады пересуживали ее за это пристрастіе къ щегольству въ ея далеко немолодомъ уже возрастѣ; но она не обращала на эти толки никакого вниманія и, какъ на зло, носила самыя яркія и дорогія матеріи и еще больше навѣшивала на себя драгоцѣнностей.

Супруги Жоравницкіе выходили со двора, когда въ воротахъ встрѣтилъ ихъ слуга съ какимъ то листкомъ въ рукахъ. Увидѣвъ городничую, онъ смутился и хотѣлъ было спрятать бу-

магу за пазуху; но пани это замѣтила и потребовала ее.

— „Отецъ владыка казали отдати тую цыдулу его милости пану городничому въ власные руки“, успѣлъ заявить только смущенный слуга.

Жоравницкій протянулъ за листкомъ руку, чтобы взять его, но Ганна поспѣшила вырвать его изъ рукъ оторопѣлаго слуги и тутъ же начала читать... Боже! какъ жестоко была наказана она за свое любопытство! Въ одну минуту на лицѣ ея, преобразившемся отъ злобы, сквозь слой бѣлилъ выступили багровыя пятна—и она здѣсь же, среди двора, на виду у сбѣжавшейся челяди, разразилась страшными проклятіями по адресу всѣхъ и каждаго, а болѣе всего по адресу оторопѣлаго мужа, не понимавшаго причины того, что предъ нимъ происходило.

IV.

Въ домѣ владыки шли совѣщанія. Собралась вся его семья: сынъ Василій съ невѣсткою, младшая дочь Марья Рогозинская съ мужемъ; судили-рядили и ни къ чему не пришли въ вопросѣ, какъ отомстить за честь фамиліи, опозоренной дерзкимъ пасквилянтомъ. Пани городничая слегла въ постель и поклялась не вкушать пищи, пока нанесенная ей обида не будетъ смыта кровью обидчика. Слабохарактерный супругъ ея совсѣмъ потерялъ голову: ему ли выступать въ роли рыцаря-мстителя? Пусть бы еще противъ чужого, но какъ поднять руку на родного брата!.. Да, вся семья Борзобогатыхъ была убѣждена въ томъ, что „пашквиль“— дѣло рукъ Яна и Олены Жоравницкихъ. Они едва ли не первые познакомили волынцевъ съ этой „пакостной“ литературой. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда Борзобогатые вели жестокую войну съ волынскимъ каштеляномъ Мышкою-Варковскимъ и изо дня въ день ломали голову надъ тѣмъ, какую бы учинить ему новую непріятность,—молодая невѣстка ихъ Олена, часто проживавшая до замужества въ Вильнѣ, какъ то разсказала имъ, что дядя ея Василій Копоть, враждуя съ какимъ то паномъ, сочинилъ про него „пашквилюсъ“ до того остроумный, что всѣ

придворные и самъ король не могли читать его безъ смѣха. Олена даже знала его наизусть и когда прочла, то Борзобогатые въ одинъ голосъ выразили сожалѣніе, что некому сочинить такую „пакость“ и на ихъ „вòрога“. За эту мысль схватился именно Янъ и съ помощью Олены сложилъ „вирши“ до того злыя и „уразливыя“, что когда Борзобогатые распространили ихъ по городу, то пани Варковская готова была грызть себѣ руки отъ злости. И съ тѣхъ поръ, лишь только поссорится съ кѣмъ Янъ, того и гляди—появится пасквиль. Наконецъ, у Борзобогатыхъ имѣлось и болѣе положительное доказательство того, что авторъ пасквиля—Янъ: на улицѣ схваченъ былъ одинъ изъ его слугъ, и когда его хорошенько допросили, то подъ „кіями“ онъ выдалъ своего пана.

Но этихъ данныхъ не было достаточно для того, чтобы начать судебный процессъ, и Борзобогатые, привыкшіе за свой вѣкъ къ тяжбамъ, знали это не хуже всякаго юриста. Судъ потребуетъ положительныхъ уликъ противъ обвиняемаго—а ихъ и нѣтъ на лицо. Не могли же Борзобогатые сдѣлать на судѣ признаніе, что Янъ, по ихъ порученію, сочинялъ пасквили на счетъ Варковскихъ! Показаніе слуги на судѣ не будетъ имѣть никакой цѣны, такъ какъ, по статуту, слуги не могли быть свидѣтелями противъ своихъ пановъ; притомъ же, слуга на судѣ навѣрно откажется отъ своего показанія, объяснивъ, что оно вынуждено пыткой.

Но такъ или иначе, дѣло требовало исхода! Не оставлять же безнаказаннымъ такой вопіющій проступокъ, какъ „обрáза“ благородной женщины, а въ ея лицѣ и цѣлой фамиліи! Мщенія требовали не одни только обиженные, но и ихъ совѣтники, и каждый изъ нихъ спѣшилъ предложить свой проектъ. Отецъ владыка отъ себя предложилъ, что онъ позоветъ Яна къ своему духовному суду и торжественно предастъ его церковному проклятію, съ „гашеніемъ“ свѣчей и похороннымъ звономъ. Въ первую минуту мысль эта пришлась всѣмъ по душѣ, но потомъ взяло всѣхъ раздумье: приведетъ ли эта мѣра къ чему нибудь существенному? Было время, когда отлученіе отъ церкви служило въ рукахъ польскаго духовенства страшнымъ оружіемъ противъ непокорныхъ шляхтичей, когда имѣнія отлученнаго, если

онъ въ теченіе извѣстнаго срока не успѣвалъ примириться съ церковью, подвергались конфискаціи и самъ онъ объявлялся лишеннымъ всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ; но время это давно миновало. Съ Петроковскаго уже сейма 1562—63 гг. церковное проклятіе не влекло за собою никакихъ юридическихъ послѣдствій и потеряло всякое иное значеніе, кромѣ религіознаго. Янъ же не принадлежалъ къ числу тѣхъ особенно набожныхъ людей, которые боятся „проклятія,“ тѣмъ болѣе еще, что трудно было бы его обвинить въ нарушеніи церковныхъ каноновъ, влекущемъ за собою такую мѣру. Болѣе дѣйствительнымъ казался совѣтъ, предложенный невѣсткою владыки, княжною Ганною Сокольскою, прославившеюся впослѣдствіи тѣмъ, что, лично предводительствуя отрядами конницы и артиллеріи, она мужественно отразила шляхетское ополченіе цѣлаго воеводства, явившееся по королевскому приказу для взысканія съ ея мужа денежной суммы въ пользу князя Андрея Курбскаго [1]). Эта воинственная дама, въ то время еще молодая женщина, предложила собрать побольше людей, напасть ночью на домъ Яна, взять его вмѣстѣ съ женою, заковать въ цѣпи и морить въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока они публично не испросятъ прощенія у пани городничей. Но воинственной дамѣ мужъ ея, королевскій секретарь, опытный юристъ, не замедлилъ объяснить, что за подобное насиліе, учиненное въ большомъ городѣ и при томъ—во время междуцарствія, въ періодъ дѣйствія чрезвычайныхъ законовъ и „каптуровыхъ“ судовъ, можно поплатиться если не головой, то по меньшей мѣрѣ изгнаніемъ изъ отечества („банниціей“); и что, напротивъ, желательно было бы подвинуть на подобное дѣло самого Яна, чтобы затѣмъ подвести его подъ „банницію“ и принудить его, къ чему имъ будетъ угодно. Этотъ практически-мудрый совѣтъ менѣе всего могъ быть одобренъ панею городничею, которой въ такомъ случаѣ предстояло бы послужить главнымъ объектомъ насильственныхъ дѣйствій со стороны Яна, и потому она по прежнему настаивала, чтобы мужъ ея вызвалъ

---

[1]) Объ этомъ подвигѣ княжны Сокольской см. „Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. II, стр. 77.“

брата на поединокъ и перевѣдался бы съ нимъ за честь жены, „якъ то люди шляхетского народу обычаемъ рыцерскимъ чинити звыкли;“ панъ же городничій робко возражалъ противъ этого требованія, ссылаясь на то, что отъ него, стараго человѣка, требуютъ невозможнаго—рѣшимости на братоубійство. Шумѣли, спорили, но ни къ какому опредѣленному рѣшенію не пришли.

За то противная сторона оказалась болѣе рѣшительною. Два дня спустя къ городничему явился возный съ двумя шляхтичами и заявилъ, что имѣетъ вручить его женѣ какой-то „листъ“. Когда вышла пани Ганна въ сопровожденіи родственниковъ, возный подалъ ей листъ, говоря:

— „То есть цыдула отповѣдная вашей милости отъ пана Яна Жоравницкаго.“

Всѣ присутствовавшіе такъ и ахнули отъ изумленія. Какова, въ самомъ дѣлѣ, дерзость этого человѣка: публично оскорбить женщину—и ей же присылать еще угрожающія письма! Вотъ что стояло въ „цыдулѣ“:

„Пани Жоравницкая! Добре наслухалися уши мои одъ многихъ зацныхъ людей, ижъ ты, запомнивши боязни Божои и повинности хрестиянскои, зъ природнои злости своеи, мене на учтивости моей кривдишъ и тое задаешъ, чого на мене, чоловѣка учтивого, николи довести не можешъ; а не маючи на тому досыть, служебниковъ моихъ ловити кажешъ, битьемъ и вязеньемъ [1]) ихъ мордуешъ, на здоровье мое стоишъ и мужа своего до того примушаешъ, хотячи мене позбавити горла, чого вамъ Богъ справедливый николи не допоможе. Проте отповѣдаю тобѣ, ижъ я за тую кривду и зелживость ни на чомъ иншомъ, одно на горлѣ твоемъ шукати и мститися буду. Вѣдай о томъ и не презпечайся ни въ дому, ни въ дорозѣ, ни въ церкви, ни на беседѣ; зори не досыпай, бо не вѣдаешъ, отколь тебе злое споткаетъ! За тымъ ся Пану Богу поручаю. Янъ Жоравницкий рука власна“.

Это была обычная въ то время форма объявленія вражды. Если кто считалъ себя обиженнымъ кѣмъ-либо и не хотѣлъ искать удовлетворенія судомъ, то посылалъ противнику угрожаю-

---

[1]) *Вязенье*—заключеніе.

щее письмо („цыдулу отповѣдную)“, объявляя о своемъ намѣреніи мстить ему всякими способами до лишенія жизни включительно. То была черта древняго славянскаго права, остатокъ отдаленной эпохи кровавой мести, удержавшійся въ южной Руси до XVII ст., несмотря на свое рѣшительное противорѣчіе основнымъ положеніямъ дѣйствовавшаго тогда права. Литовскій статутъ строго воспрещалъ всякаго рода „похвалки“ и „отповѣди“ (угрозы); „отповѣдь“ же „на горло“ (на смерть) разсматривалась статутомъ, какъ уголовный проступокъ, виновный въ которомъ, въ видахъ пресѣченія ему возможности привести угрозу въ исполненіе, немедленно отдавался на поруки, а если не находилъ за себя поручителей, то подвергался тюремному заключенію впредь до полнаго примиренія съ тѣмъ лицомъ, противъ котораго направлена была угроза [1]). Это предписаніе закона на практикѣ весьма рѣдко исполнялось. Мало того, не въ рѣдкость было, что угрожающій лично являлся въ урядъ, заявлялъ о своемъ намѣреніи объявить извѣстному лицу вражду, при чемъ просилъ еще дать ему вознаго для врученія противной сторонѣ формальнымъ порядкомъ грозительнаго письма. И урядъ, вопреки статуту, спокойно принималъ подобное заявленіе, отряжалъ вознаго и вносилъ „цыдулу“ въ актовыя книги. Такъ велика еще была тогда сила стариннаго обычая! Тотъ, кто получалъ „отповѣдную цыдулу“, отправлялъ ее, вмѣстѣ съ жалобой, въ судъ, а самъ обыкновенно запирался въ домѣ и не рѣшался ни выходить, ни выѣзжать никуда—до тѣхъ поръ, пока родственники и пріятели или помирятъ его съ противникомъ, или испросятъ для него у короля (а иногда у мѣстнаго воеводы или старосты) такъ называемый „заручный листъ“, который затѣмъ формально, черезъ вознаго, вручатъ противнику. Въ этихъ листахъ грозителю обыкновенно строго внушалось не прибѣгать къ самоуправству и сверхъ того на него налагалась денежная „зарука“ отъ 500 до 2000 копъ грошей, которая взыскивалась съ него въ королевскую казну въ случаѣ допущенія имъ какого либо насилія по отношенію къ противнику или его семейству и домочадцамъ,—помимо уголов-

---

[1]) Лит. Статутъ, 2-й ред., раздѣлъ 11-й, арт. 11-й.

ной отвѣтственности за самый проступокъ. Такъ какъ между братьями Жоравницкими и раньше случались ссоры, при чемъ дѣло не обходилось безъ „похвалокъ“ и „отповѣдей“, то у пана городничаго имѣлся уже наготовѣ „заручный листъ“ противъ брата. Правда, листъ этотъ выданъ былъ еще королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, умершимъ незадолго предъ тѣмъ; но отъ этого онъ не потерялъ своей силы. Да въ ту пору и не у кого было испрашивать свѣжихъ листовъ: король Генрихъ сбѣжалъ съ королевства, а новаго короля еще не выбрали.

На другой день возный, въ сопровожденіи шляхтичей, отправился къ Яну Жоравницкому и нашелъ его среди двора, возлѣ плотниковъ, тесавшихъ колоды. Возный объяснилъ ему, съ какимъ онъ порученіемъ явился, и подалъ „заручный листъ“. Янъ молча пробѣжалъ его, посмотрѣлъ насмѣшливо на match вознаго и понятыхъ и, поднявъ съ земли щепу, произнесъ:—„Повѣдай отъ мене пану городничому: пожиточнѣйшая ми есть тая трѣска, а нижли тотъ листъ королевскій. Уже той король умеръ, що листъ далъ, а зъ нимъ и его право умерло. А тая вшетечница [1]) нехай ся мене добре стережетъ, бо мовлю ей певне, ижъ моихъ рукъ не втечетъ!“

Возвратившійся возный буквально передалъ сказанное ему Яномъ, и пани городничая, хорошо знавшая характеръ своего родственника, сочла болѣе благоразумнымъ запереться на нѣкоторое время въ домѣ и не показываться иначе на улицу, какъ подъ охраной цѣлой толпы слугъ.

V.

Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Наступилъ іюнь—время сбора *червца* [2]), начало полевыхъ работъ. Въ такую пору какая же добрая „господарка“ могла

---

[1]) *Вшетечница*—развратница. Рѣчь идетъ о Ганнѣ Жоравницкой.

[2]) *Червецъ*—coccus polonicus, особый родъ насѣкомаго, изъ котораго добывалось красящее вещество „кармазиноваго“ цвѣта, употреблявшееся для окрашиванія суконъ и др. матерій. Въ XVI ст. червецъ былъ въ большомъ употребленіи на Волыни и даже служилъ предметомъ вывозной торговли. Впослѣдствіи онъ былъ вытѣсненъ въ мануфактурномъ производствѣ американской кошенилью.

оставаться въ городѣ! Не выдержала домашняго заключенія въ городѣ и Ганна Жоравницкая и переѣхала со всѣмъ домомъ въ Жоравники [1]), родовое имѣніе мужа—то самое, изъ-за котораго Янъ велъ тяжбу съ братомъ. Скоро по переѣздѣ туда пришло извѣстіе о банкротствѣ гданскаго купца Гануса Копфа, которому Александръ Жоравницкій и владыка Борзобогатый ежегодно поставляли въ кредитъ значительное количество хлѣба и лѣсныхъ товаровъ, сплавляя ихъ, весеннимъ половодьемъ, на собственныхъ „комягахъ" по Бугу и Нѣману. Такъ какъ за Копфомъ оставались значительные долги, то для обезпеченія уплаты ихъ Александръ Жоравницкій, посовѣтовавшись съ тестемъ, рѣшился отправиться въ Гданскъ [2]), наказавъ женѣ не засиживаться въ деревнѣ и поскорѣе возвращаться въ городъ. Какъ ни торопилась Ганна съ своимъ отъѣздомъ, но не успѣла и въ Жоравники нагрянулъ таки Янъ съ отрядомъ своихъ слугъ и съ наемной ротой польскихъ жолнеровъ. У Ганны же вся охрана состояла изъ десяти человѣкъ слугъ, не считая дворовой „челяди". Съ такими силами нельзя было отразить нападеніе, тѣмъ болѣе что панская усадьба въ Жоравникахъ обнесена была лишь „дылеваньемъ" (досчатымъ заборомъ) и при ней не существовало никакого укрѣпленія. Не прошло и часа, какъ Ганна и ея дочь отъ перваго брака Настасья Гулевичевна, избитыя и окровавленныя, сидѣли въ „коморѣ" подъ стражей, а домъ со всѣмъ имуществомъ подвергся грабежу. Впрочемъ, мстительность Яна этимъ лишь и ограничилась; на другой день онъ велѣлъ вывести плѣнную невѣстку, вмѣстѣ съ ея дочерью и челядью, за село и отпустить на всѣ четыре стороны, а имѣніе Жоравники съ приселками Ржищовымъ и Волицею удержалъ въ своихъ рукахъ.

Когда узналъ объ этомъ владыка Борзобогатый, то повелѣлъ собирать большое ополченіе, думалъ было даже взять пушки съ епископской башни въ луцкомъ замкѣ съ тѣмъ, чтобы идти наказать дерзкаго „кгвалтовника". Съ большимъ трудомъ успѣлъ отклонить его отъ этого намѣренія сынъ его Василій, убѣдивъ

---

[1]) Находилось въ юго-зап. углу нынѣшняго владиміръ-вол. у. близъ границъ Галиціи, къ З. или СЗ. отъ м. Дружкополя. Нынѣ не существуетъ.

[2]) Нынѣшній Данцигъ.

его въ томъ, что теперь Янъ—въ ихъ рукамъ, и что его легко будетъ заставить не только возвратить захваченныя имѣнія, но и дать, какое потребуютъ отъ него, удовлетвореніе за пасквиль и за всѣ прежніе „деспекты“, если только не горячась и съ умѣніемъ повести противъ него дѣло. Не ожидая возвращенія зятя, молодой Борзобогатый быстро исполнилъ всѣ формальности, необходимыя для начатія процесса: занесъ жалобы, истребовалъ возныхъ для дознанія, подыскалъ свидѣтелей и т. под.

Насталъ день суда. Когда возный, по обычаю, троекратно сталъ „кликать“ отвѣтчика, то вмѣсто Яна выступилъ его слуга съ письмомъ, въ которомъ Янъ объяснялъ суду, что имѣніе Жоравники имъ отобрано, какъ своя отчина, незаконно присвоенная братомъ, и что онъ считаетъ себя въ правѣ не являться на судъ, такъ какъ въ врученномъ ему позвѣ невѣрно прописанъ титулъ старосты: вмѣсто „князь Богушъ Корецкій, староста Луцкій и *Вѣницкій*“ (т. е. Винницкій), написано: „*Венацкий*“ (т. е. Венеціанскій). Судъ не призналъ, однако, основательной эту казуистическую отговорку и постановилъ декретъ, которымъ обязалъ Яна: немедленно возвратить отнятыя имъ имѣнія, заплатить истцу 2800 копъ грошей за „кгвалтъ (насиліе), бои и раны“ и вознаградить понесенные имъ убытки; а за то, что Янъ осмѣлился не явиться на позовъ и „учинилъ ся праву посполитому непослушнымъ“, судъ, согласно статуту, постановилъ донести о томъ королю для „выволанья“ ослушника „зъ панствъ“, т. е. изгнанія его изъ предѣловъ государства. Къ несчастію, приговоръ этотъ не могъ быть скоро приведенъ въ исполненіе: въ ту пору не было въ Польшѣ короля, который одинъ имѣлъ право подвергать виновныхъ „выволанью“; поэтому Янъ и подобные ему своевольные паны при безкоролевьи дѣлали, что хотѣли, сознавая вполнѣ свою безнаказанность до поры—до времени. Имѣя это въ виду, судъ сдѣлалъ слѣдующее дополненіе къ своему декрету: „А бачачи тое, ижъ на сесь часъ въ себе короля не маемо, и вѣдаетъ то одинъ Панъ Богъ, якъ скоро его мѣти будемъ; а уважаючи, ижъ въ такихъ справахъ великое въ справедливости людской омешканье дѣется: укривженый плачетъ, а кривду чинячий веселится,—прото, забѣгаючи тому, абы ся впе-

редъ такъ не дѣяло, а справедливость святая скоро укривженыхъ доходила, такъ собѣ вси одностайне, одномыслне и зголливе, которые справедливость святую милуемъ, тотъ артыкулъ поправляемъ, а пришлый (будущій) король, тотъ артыкулъ въ статутъ нашъ вписати росказавши, подтвердити его намъ будетъ повиненъ", чтобы въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, самому суду гродскому предоставлено было право произносить и приводитъ въ исполненіе декретъ о „выволаньи". А пока, все таки Яна Жоравницкаго представить будущему королю „къ выволанью, яко кгвалтовника и розливцу крови."

Недолго, однако жъ, продолжалъ „веселиться кривду чинячій". Въ декабрѣ 1575 г. прекратилось наконецъ всѣмъ надоѣвшее interregnum, и королемъ былъ избранъ знаменитый Стефанъ Баторій. Еще новый король не успѣлъ короноваться, а уже Александръ Жоравницкій поѣхалъ въ Варшаву хлопотать о приведеніи въ исполненіе судебнаго декрета по дѣлу съ братомъ.

И точно, спустя нѣсколько недѣль, въ Луцкѣ, въ одинъ изъ базарныхъ дней, старостинскіе слуги прибивали къ дверямъ соборной церкви, къ воротамъ замка, къ стѣнамъ ратуши копіи королевскаго универсала, а возный, держа надъ головой подлиникъ того же универсала, разъѣзжалъ по городу и, останавливаясь въ наиболѣе многолюдныхъ мѣстахъ, громко возглашалъ:

— „Панове! То есть листъ его королевскои милости, пана нашого милостивого, до вѣдомости всихъ належачий и вельми потребный."

Всѣ останавливались и съ почтеніемъ слушали то, что во всеобщее свѣдѣніе читалъ возный.

„Стефанъ, Божою милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Киевский Волынский, Подляский, Инфлянтский, панъ и княжа Седмигродский. Всимъ вобецъ (вообще) и кождому зъ-особна, всякого вряду, достоинства и стану людемъ, обывателемъ панствъ нашихъ, ознаймуемъ, ижъ мы, господарь, выконываючи дальший поступокъ строгости права посполитого и забѣгаючи тому, абы ся жадная свовольность и непослушенство вряду въ панствахъ нашихъ не дѣяла, шляхетного Яна Жоравницкого, яко кгвалтов-

ника и розливцу крови а вряду нашого непослушного, зо всихъ земль панствъ нашихъ выволати есмо велѣли, якожъ и симъ листомъ нашимъ его выволанцемъ чинимъ, отъ сполку и обцованья людей учтивыхъ вылучаемъ; о чомъ до всихъ вѣдомости приводячи, росказуемъ, абы вже одъ того часу нихто помененого Яна Жоравницкого въ себе въ домахъ не переховывалъ, товариства зъ нимъ никоторого вести не важился, помочью, радою (совѣтомъ) а ни хутью ему помоченъ ни въ чомъ не былъ, и во всемъ зъ нимъ, яко зъ выволанцомъ, ся заховалъ, для ласки нашои королевскои и подъ винами, въ правѣ посполитомъ описанными, иначей не чинячи. Данъ..... (и проч.). Stephanus Rex.“

Такая же точно публикація производилась потомъ по всѣмъ окрестнымъ городамъ и мѣстечкамъ и кромѣ того могла быть произведена всюду, гдѣ признавалъ то нужнымъ обвинитель. Послѣ того „выволанцу“ (иначе „банниту“) предоставлялся льготный 12-ти недѣльный срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ былъ или вступить въ миролюбивое соглашеніе съ противникомъ, или судебнымъ порядкомъ доказать, что банниція исходатайствована неправильно; въ противномъ случаѣ, если онъ не хотѣлъ покидать родины, его постигала горькая участь. Имѣнія баннита отбирались въ казну или же поступали въ удовлетвореніе иска противной стороны. Самъ онъ становился внѣ покровительства закона, долженъ былъ оставить домъ, семью и вести жизнь скитальца, безпрестанно преслѣдуемаго грознымъ мстителемъ. Всѣ сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго, такъ какъ за малѣйшую услугу, оказанную банниту, легко было подвергнуться обвиненію въ укрывательствѣ и за то поплатиться банниціей, а въ иныхъ случаяхъ даже головой [1]). Эта угроза одинаково относилась къ друзьямъ, родственникамъ баннита и даже къ членамъ его семьи—къ женѣ и дѣтямъ. За „выволанцемъ“ не признавалось болѣе никакихъ гражданскихъ или человѣческихъ правъ: всякій и вездѣ могъ схватить его, заключить подъ стражу и вообще поступить съ нимъ во всемъ по своему желанію, не опасаясь за то никакой отвѣтственности; даже въ случаѣ убійства

---

[1]) Лит. Статутъ 1566 г., розд. II, арт. 5.

баннита родственники его не могли преслѣдовать убійцу судомъ [2]). Конечно, на практикѣ всѣ эти лишенія значительно смягчались, а люди знатные и богатые, находясь и подъ „банниціей", жили припѣваючи. Янъ Жоравницкій не принадлежалъ къ числу магнатовъ, и ему необходимо было позаботиться о томъ, чтобы избѣжать печальной участи „выволанца." Въ прежнее время, въ особенности при королѣ Генрихѣ, можно было дешевымъ способомъ добыть изъ королевской канцеляріи „поднесенье выволанья" (sublevatio bannitionis), т. е. королевскій листъ объ отсрочкѣ исполненія банниціи на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, по истеченіи котораго выпрашивалась новая „сублевація." Съ этимъ намѣреніемъ Янъ Жоравницкій отправился въ Варшаву и обратился за содѣйствіемъ къ своему родственнику Станиславу Жолковскому [3]), пользовавшемуся расположеніемъ вліятельнаго уже въ то время короннаго подканцлера Яна Замойскаго. Но Жолковскій объяснилъ Яну, что теперь въ королевской канцеляріи не тѣ уже порядки, что были за Генриха, что новый король неумолимъ въ преслѣдованіи ослушниковъ „права посполитого", и потому на „поднесенье" нечего надѣяться, а слѣдуетъ какъ можно скорѣе иначе покончить съ братомъ, т. е. примириться съ нимъ. Нечего было дѣлать: поклонился Янъ Жолковскому и сталъ просить его быть посредникомъ въ дѣлѣ примиренія. Тотъ не отказался и въ скоромъ времени лично прибылъ на Волынь мирить родичей.

Надо замѣтить, что по литовскому статуту порядокъ судебнаго преслѣдованія былъ общій для дѣлъ гражданскихъ, какъ и для уголовныхъ; и тѣ и другія разсматривались, какъ частныя правонарушенія. Поэтому всякое уголовное дѣло могло быть въ каждую минуту пріостановлено или даже вовсе прекращено, если только обвиняемый заключалъ мировую сдѣлку съ потерпѣвшимъ или его наслѣдниками. Тогда всѣ декреты, въ томъ числѣ и королевскіе, хотя бы въ нихъ заключался смертный приговоръ пре-

---

[2]) Тамъ же, роздѣлъ 11, арт. 4.

[3]) Младшій братъ Яна, Михайло Марковичъ Жоравницкій былъ женатъ на родной сестрѣ знаменитаго впослѣдствіи гетмана, Ганнѣ Жолковской. Кн. Кіевск. Центр. Архива. № 963, л. 863.

ступнику, тотчасъ теряли силу и были отмѣняемы. Такимъ образомъ и въ настоящемъ случаѣ судьба Яна вполнѣ зависѣла отъ великодушія брата и невѣстки. Сверхъ ожиданія, Борзобогатые, повидимому, благосклонно отнеслись къ предложенію Яна и велѣли ему передать, что они не отказываются отъ примиренія, если онъ „учинитъ покóру.“ Ободренный этимъ и разсчитывая на посредничество Жолковскаго, Янъ рѣшился лично отправиться къ брату и невѣсткѣ и, съ видомъ кающагося грѣшника, униженно сталъ просить у нихъ извиненія не только за наѣздъ и побои, но и за „пашквиль“... Это только и нужно было Борзобогатымъ. Теперь они категорически объявили, что согласны прекратить дѣло только тогда, когда получатъ отъ Яна и его жены „слушное“ удовлетвореніе не только за наѣздъ и побои, но и за „деспектъ и образу“, т. е. за пасквиль, а въ какой формѣ должно быть дано это удовлетвореніе—о томъ пусть разсудятъ полюбовные судьи, избранные изъ числа пріятелей той и другой стороны. Тутъ только сообразилъ Янъ, что попалъ въ ловушку, да ужъ поздно было отрекаться отъ признанія, сдѣланнаго въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей. Онъ вынужденъ былъ согласиться на требованіе Борзобогатыхъ, разсчитывая на то, что авось полюбовные судьи хоть немного усладятъ горькую чашу, какую—онъ это предчувствовалъ—прійдется выпить ему, чтобы удовлетворить жажду мести противниковъ.

Въ условленный срокъ въ с. Милятинѣ, въ домѣ луцкаго земскаго судьи Гаврила Бокія, съѣхались въ числѣ восьми человѣкъ полюбовные судьи, по четыре съ каждой стороны. То были все знатные люди: брацлавскій каштелянъ Василій Загоровскій, королевскій писарь Василій Древинскій, владимірскій подкоморій Александръ Семашко, Станиславъ Жолковскій, панъ Бокій и др. Тутъ же находились и обѣ стороны—истецъ и отвѣтчикъ съ родственниками, но, согласно обычаю, въ совѣщаніяхъ они не принимали личнаго участія, а свои заявленій дѣлали чрезъ посредство судей—пріятелей. Первый пунктъ „еднанья“ былъ выработанъ и принятъ безъ затрудненія: Янъ Жоравницкій обязывался немедленно возвратить отнятыя имѣнія и заплатить всѣ убытки „на голое реченіе слова“ противной стороны, т. е. сколько

ими будетъ назначено. Зато не мало споровъ вызвало требованіе истцовъ, чтобы Яна подвергнуть „вязенью", т. е. заключенію въ замкѣ. Собственно говоря, сами уполномоченные отвѣтчика не отвергали этого требованія, а споръ шелъ лишь о томъ: сидѣть ли Яну въ „вежѣ" (башнѣ) „на кганку", т. е. верхнемъ помѣщеніи башни, куда обыкновенно сажали шляхтичей, или въ подземельи (in profundo), гдѣ терпѣли заключеніе узники „простого стану, а изъ привилегированныхъ только тяжкіе преступники, и какой именно срокъ должно продолжаться его заключеніе. Послѣ долгихъ дебатовъ этотъ вопросъ былъ улаженъ: Янъ Жоравницкій долженъ „седѣти на мѣстцу звыкломъ—на кганку" всего лишь—„три *годины*": „а по тыхъ трехъ годинахъ" панъ городничій и его жена, по просьбѣ пріятелей заключеннаго, „маютъ его с того вязенья вызволити [1]); а Янъ съ женою, не сходячи зъ замку, маютъ перепросити ихъ" [2]). Но какъ „перепросити?" „*Съ карты*," т. е. по формулѣ, выработанной пріятельскимъ судомъ. Составленіе текста этой формулы вызвало самыя ожесточенныя пренія. Ганна Жоравницкая упорно настаивала, чтобы Янъ не только публично „одмовилъ" (т. е. взялъ назадъ) то, что написано про нее въ пасквилѣ, но чтобы „одмова" эта учинена была по формулѣ, установленной на подобный случай въ статутѣ: „што есми менилъ на тебе" то-то и то-то, „въ томъ на тебе *брехалъ якъ песъ*," [3]) и чтобы все это—и сидѣнье въ „вежѣ", и публичное извиненіе происходило въ Луцкѣ въ ближайшую судебную сессію, во время съѣзда шляхты со всего повѣта.—Два дня шли споры изъ-за этого требованія. Самъ панъ городничій находилъ его чрезмѣрнымъ. Напрасно пріятели Яна

---

[1]) Освободить изъ того заключенія.

[2]) Просить извиненія.

[3]) Впослѣдствіи въ судебной практикѣ на Литвѣ и въ южной Руси обрядъ извиненія за клевету былъ осложненъ еще болѣе унизительною для виновнаго подробностью. Въ XVII—XVIII ст. обычай требовалъ, чтобы обвиненный въ присутствіи суда ползкомъ подлѣзъ подъ лавку и оттуда произнесъ извинительную рѣчь, закончивъ ее формулой: „брехалъ якъ песъ"—и вслѣдъ за тѣмъ онъ долженъ былъ оттуда же, изъ подъ лавки, *трижды пролаять пособачьи*. Это называлось на судебномъ языкѣ: „одмавять и щекать." Объ этомъ обрядѣ см., напр., Акты Виленск. Коммиссіи т. XV, № 83.

упрашивали Ганну освободить брата своего мужа отъ такого неслыханнаго униженія: она была неумолима, и лишь благодаря настояніямъ Жолковскаго согласилась на то, чтобы выраженіе „брехалъ якъ песъ“ было замѣнено другимъ, не столь рѣзкимъ.

Что оставалось дѣлать Яну? Льготный срокъ былъ на исходѣ; на отсрочку банниціи не было никакой надежды; поэтому, скрѣпя сердце, онъ подписалъ постановленіе пріятельскаго суда и обязался за себя и за жену исполнить его во всей точности.

VI.

Черезъ двѣ недѣли наступили „рочки“ (сессія) луцкаго гродскаго суда и одновременно съ ними открылись засѣданія сеймика, въ которомъ должны были принять участіе дворяне всѣхъ трехъ повѣтовъ волынскаго воеводства: луцкаго, владимірскаго и кременецкаго. По этому случаю въ Луцкъ съѣхалось такое множество народа, какое собиралось здѣсь лишь во время главной ярмарки „на св. Семена“ или въ тревожные дни татарскихъ набѣговъ.

Обыкновенно сеймиковыя засѣданія происходили въ каѳедральномъ костелѣ, потому что это было самое помѣстительное зданіе въ городѣ. Но такъ какъ во время предыдущаго сеймика споры приняли настолько страстный характеръ, что совѣщаніе окончилось генеральнымъ побоищемъ, при чемъ скамьи были сломаны и храмъ оскверненъ пролитіемъ въ немъ крови, то луцкій бискупъ Янъ Андрушевичъ объявилъ шляхтѣ, что не позволитъ ей болѣе засѣдать въ костелѣ, и потому въ этотъ разъ сеймикъ происходилъ въ „судовомъ“ домѣ, находившемся въ замкѣ, а судъ открылъ свои засѣданія въ притворѣ замковой церкви св. Іоанна Богослова, какъ то обыкновенно дѣлалось въ лѣтнее время. Поэтому въ замкѣ съ утра до вечера толпились шляхтичи, переходя изъ сеймиковой залы къ мѣсту засѣданія суда и обратно, смотря по тому, гдѣ представлялось больше интереса. Въ эту сессію, какъ нарочно, не случилось ни одного громкаго процесса;

поэтому всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали видѣть сцену публичнаго примиренія братьевъ Жоравницкихъ. Какъ ни часты бывали подобныя сцены, онѣ всегда привлекали зрителей, какъ забавное представленіе; въ данномъ же случаѣ интересъ увеличивался еще и тѣмъ, что дѣло касалось семьи Іоны Борзобогатаго, о которой всюду ходила недобрая молва, и что въ дѣлѣ этомъ заключалось немало комическаго элемента. Пасквиль Яна все еще ходилъ по рукамъ; иные изъ пріѣзжихъ только теперь узнавали о немъ, съ любопытствомъ выслушивали пересуды, касавшіеся старой щеголихи Ганны Жоравницкой, и старались не упустить случая посмотрѣть финальный актъ „пашквильной“ драмы. Между тѣмъ и „рочки“ приходили уже къ концу, а ожидаемое развлеченіе все откладывалось. Ходили слухи, будто Яну никакъ не удавалось побѣдить упорство жены, предпочитавшей подвергнуть его всѣмъ лишеніямъ банниціи, нежели самой перенести публичное униженіе предъ лицемъ торжествующей соперницы.

Насталъ, наконецъ, послѣдній день „рочковъ.“ Судья собирался уже объявить закрытіе ихъ, когда къ мѣсту засѣданія подошелъ Іона Борзобогатый въ сопровожденіи многочисленной родни, пріятелей и изряднаго числа слугъ. Владыкѣ дали почетное мѣсто за судейскимъ столомъ; рядомъ съ нимъ сѣла пани городничая, вся въ шелкахъ да въ златоглавахъ, обвѣшанная драгоцѣнностями, съ выраженіемъ удовлетвореннаго достоинства на гордомъ лицѣ. За нею помѣстился панъ городничій, угнетенный видъ котораго мало гармонировалъ съ величавой осанкой его супруги. Владыка, видимо находившійся въ отличномъ расположеніи духа, немедленно затѣялъ оживленную, шутливую бесѣду съ присутствовавшими, и его громкій смѣхъ звучно отдавался въ крытой колоннадѣ церковнаго притвора.

Спустя нѣсколько времени, сюда же подошелъ Янъ Жоравницкій съ женою и съ пріятелями, бывшими полюбовными судьями. Онъ старался казаться спокойнымъ и, взойдя на крыльцо храма, развязно поздоровался съ присутствующими, даже пошутилъ съ владыкой. За то пани Олена имѣла видъ жертвы, приведенной на закланіе; едва кивнувъ головою на обращенныя къ ней при-

вѣтствія, она молча сѣла на предложенное мѣсто, не взглянувъ даже въ ту сторону, гдѣ торжественно возсѣдала ея противница пани городничая. Пора была приступить къ дѣлу. Панъ Жолковскій, какъ близкій родственникъ обѣихъ сторонъ и главный посредникъ между ними, поднялся съ мѣста и обратился къ суду съ рѣчью: „Милостивый пане вряде! Сталася угода и постановеніе межъ его милостью паномъ Александромъ Жоравницкимъ, ключникомъ и городничимъ луцкимъ, и малжонкою его милости панею Ганною Борзобогатовною, съ паномъ Яномъ Жоравницкимъ, за ихъ добровольнымъ позволеньемъ, черезъ насъ, пріятелей ихъ обопольныхъ."

Изложивъ затѣмъ сущность дѣла, Жолковскій объявилъ, что Янъ Жоравницкій и его жена готовы немедленно „во всемъ досыть учинити" постановленію полюбовнаго суда. Съ этими словами онъ подалъ Яну листъ, по которому тотъ долженъ былъ „перепрошенье учинити" за наѣздъ и побои. Янъ поднялся съ мѣста и, ставъ передъ братомъ и невѣсткою, прочелъ въ слухъ слѣдующее:

„Милостивый пане ключнику, пане а брате мой милый, и милостивая пани ключниковая! Знаю, ижъ я, наѣхавши на домъ вашей милости, панюю малжонку вашей милости и дочку ея, также и слугъ вашихъ збилъ и поранилъ, въ чомъ противъ вашихъ милостей глупо, спросне, никчемне и небачне поступилъ и за то, ведлугъ права [1]), значное а великое каранье заслужилъ. Але, бачачи вашу милость быти христіанскими, цнотливыми а милосердными людьми, во всемъ томъ плохомъ а никъчемномъ поступку моемъ виннымъ ся даю подъ каранье вашей милости, въ вязенье, якое похочете, только зъ милосердиемъ, поддаваючи; а зъ великою покорою, до ногъ упадаючи вашей милости обудву, о милосердье и отпущенье того выступу моего прошу, абы-сте ваша милость, то пробачивши и оный выступокъ мой изъ сердца своего опустивши, въ первую ласку и милость приняти мене рачили. А васъ, панове пріятели (тутъ Янъ обра-

---

[1]) Т. е. по закону.

тился къ своимъ третейскимъ судьямъ), о ласкавую въ томъ ку ихъ милости причину [1]) покорне прошу."

Снова поднялся Жолковскій и отъ имени своихъ товарищей—судей сталъ просить городничаго и его жену, чтобы они, видя покорность и раскаяніе Яна, освободили его отъ заключенія. Александръ Жоравницкій видимо былъ склоненъ удовлетворить это ходатайство, но Ганна остановила его взглядомъ и проговорила тономъ, не допускавшимъ возраженій:

— „Панъ Янъ повиненъ во всемъ учинити досыть угодѣ и постановенью пріятельскому."

— „Такъ, такъ!" вмѣшался отецъ владыка: „бо и письмо святое учить, ижъ тылько той, хто до конца утерпить, спасеный будеть"—и владыка громко разсмѣялся собственной остротѣ.

Это означало, что Яну надлежало отправляться въ „вежу."

По тогдашнему обычаю, обвиненный могъ быть отведенъ въ заключеніе только истцемъ, и еслибы послѣдній не явился для исполненія этой церемоніи, то его ни въ какомъ случаѣ не могло замѣнить другое лице, не имѣвшее на то формальнаго полномочія, и отвѣтчикъ освобождался отъ ареста. Въ настоящемъ случаѣ возникло минутное недоумѣніе по другому вопросу: кто изъ супруговъ Жоравницкихъ долженъ былъ исполнить эту роль, въ виду того, что искъ велся отъ имени ихъ обоихъ? Пани городничая и въ этомъ не уступила мужу и потребовала, чтобы ей предоставлено было „всадити" Яна въ заключеніе, такъ какъ она, а не панъ городничій, терпѣла отъ него „бои и деспекты". Съ этимъ доводомъ согласились и судьи.

И вотъ открылось забавное шествіе. Впереди шелъ старостинскій слуга, звеня связкою ключей отъ замковыхъ казематовъ, а за нимъ, съ видомъ Немезиды, торжественно выступала пани городничая, ведя за руку сконфуженнаго Яна. Часть публики съ громкимъ смѣхомъ присоединилась къ шествію и сопровождала его до угловой замковой башни, куда пани Ганна увлекла свою жертву. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла оттуда одна и вернулась на прежнее мѣсто, а въ окнѣ верхняго этажа башни

---

[1]) Т. е. о ходатайствѣ.

показалась фигура узника и была привѣтствована громкимъ смѣхомъ и веселыми восклицаніями толпы.

Прошло болѣе часа. Судъ разсмотрѣлъ послѣднія очередныя дѣла, писарь составилъ протоколъ о „лимитаціи рочковъ“ [1]), и возные провозгласили закрытіе сессіи. Публика, однако, не расходилась, ожидая конца занимавшаго ее фарса. Жолковскій и его товарищи напомнили Жоравницкимъ, что пора уже „вызволити“ заключеннаго. Ганна хотѣла было возражать, что еще не прошли условленные „три годины;“ но тутъ среди публики, видимо начинавшей тяготиться ожиданіемъ, поднялись такіе внушительные крики недовольства, что Ганна не посмѣла упорствовать, но за то отказалась лично идти „вызволять“ Яна, предоставивъ это мужу. Тотъ охотно исполнилъ это порученіе—и черезъ нѣсколько минутъ, при оживленныхъ возгласахъ толпы, вывелъ на свѣтъ Божій улыбающагося узника, видимо уже освоившагося съ своей забавной ролью, и поставилъ его передъ урядомъ.

Оставалось исполнить послѣдній актъ „покоры“: Янъ съ женою должны были испросить извиненіе за пасквиль.

Волнуемая чувствомъ обиды и униженія, съ пылающимъ лицомъ и опущеннымъ взоромъ, выступила пани Олена Жоравницкая и, взявъ поданный ей листокъ, едва слышнымъ голосомъ стала повторять за мужемъ слѣдующее „прошеніе“: Милостивый пане ключнику и милостивая пани ключниковая! Што есмо написали и у Луцку на розныхъ местцахъ прибити велѣли пашквилюсъ, або цыдулу, образливую доброй славѣ вашей милости, милостивая пани ключниковая, и дому вашей милости почтивому, милостивый пане ключнику, ино ижъ есмо тую цыдулу, або пашквилюсъ, непристойне, зъ злого своего умыслу противъ вашей милости, въ невинности вашей милости написали, въ чомъ всемъ, яко въ томъ пашквилюсѣ есть написано, ваша милость, милостивая пани ключниковая, не есть винна, бо николи ваша милость того ничого, што въ томъ пашквилюсѣ написано, не чинила, одно такъ ся завжды заховала, якъ цнотливой панеи належитъ; а такъ, ижъ есмо въ томъ противъ вашей милости

---

[1]) *Лимитація* (лат. limitatio) *рочковъ*—закрытіе судебной сессіи.

выступили, сердечне того жалуемо и покорне просимо, абы то ваша милость христіянскимъ обычаемъ намъ отпустити рачила, а мы о вашей милости яко о почтивои и статечнои панеи розумѣемъ и за такую вашу милость маемъ."

При этихъ словахъ въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ; но пани городничая не обратила на него вниманія. Ея лице сіяло торжествомъ: она заградила уста клеветникамъ и принудила ихъ публично признать ее „почтивою и статечною панею." Изъ-за этого стоило перенести даже побои! Но еслибы Ганна видѣла, какимъ взглядомъ подарила ее въ эту минуту пани Олена: сколько нѣмой злобы и непримиримой ненависти крылось въ этомъ взглядѣ, украдкой брошенномъ на торжествующую соперницу!...

Тѣмъ не менѣе всѣ условія мировой въ точности были выполнены отвѣтчиками. Очередь оставалась за истцами. Александръ Жоравницкій обратился къ уряду съ просьбой внести въ судебныя книги заявленіе, что онъ и его жена „выпускаютъ и вызволяютъ отвѣтчиковъ зо всего переводу правного и вольными чинятъ на вѣчные часы и вси листы и декреты правные уморяютъ и касуютъ." И въ подтвержденіе своихъ словъ, панъ городничій здѣсь же, передъ урядомъ, вручилъ брату всѣ документы, относящіеся къ прекращенному процессу, въ томъ числѣ и королевскій листъ о „выволаньи."

Послѣ всего этого братья подали другъ другу руки и троекратно расцѣловались. Отнынѣ они—не противники, и завѣтъ отца ихъ, владыки Марка, о „братерской згодѣ" вступалъ въ прежнюю силу.

— „Се что добро или что красно, еже жити братіи въ згодѣ!" заключилъ владыка Іона, поднимаясь съ мѣста; затѣмъ, обращаясь къ судьямъ—урядовымъ и третейскимъ, прибавилъ:

— „Прошу васъ, милостивые панове, до мене хлѣба ѣсти!"

Янъ и Олена Жоравницкіе также оказались въ числѣ лицъ, приглашенныхъ къ владыкѣ на обѣдъ.

Такъ окончилась „пашквильная" исторія. Досказать ли конечную судьбу ея участниковъ?

Александръ Жоравницкій въ томъ же году былъ назначенъ старостою луцкимъ, но женѣ пришлось не долго тѣшиться осуще-

ствленіемъ честолюбивыхъ желаній: въ 1581 году его не было уже въ живыхъ, а скоро за нимъ послѣдовала и пани городничая. Владыка Іона на пять лѣтъ пережилъ зятя и подъ конецъ жизни не мало перенесъ непріятностей отъ новаго старосты луцкаго, князя Пронскаго и умеръ „баннитомъ.“ Но всѣхъ печальнѣе кончилъ Янъ. Нѣсколько лѣтъ онъ велъ войну съ королевскимъ секретаремъ Балтазаромъ Гнѣвошемъ за родовыя имѣнія—м. Свинюхи съ волостью,—наконецъ наскучили ему мелкія стычки, и задумалъ онъ покончить дѣло однимъ ударомъ: взялъ штурмомъ замокъ противника, захватилъ его самого, подвергъ изысканной казни и велѣлъ бросить трупъ его въ прудъ. Этотъ подвигъ, однако, не остался безъ соотвѣтственнаго возмездія: Янъ позванъ былъ на судъ къ королю и въ 1589 г. сложилъ на плахѣ свою буйную голову.

О. Левицкій.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

15.

Садоводство у крестьянъ

въ лѣвобережной Малороссіи, въ особенности въ харьковской губерніи вымираетъ на нашихъ глазахъ. Одновременно съ паденіемъ крестьянскаго садоводства пало садоводство мелкопомѣстнаго дворянства. Въ харьковской губерніи сады удерживаются и развиваются только въ большихъ экономіяхъ.

Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ малорусскимъ селомъ, чтобы убѣдиться въ живой любви малоросса къ растенію. Этнографы, путешественники, беллетристы многократно говорили объ этой симпатичной чертѣ народнаго характера. Въ народныхъ пѣсняхъ постоянно упоминаются душистый василекъ, зеленый барвинокъ, тонкій тополь, бѣлая береза, зеленый яворъ, лилія, розмаринъ, тернъ и калина. Рѣдкій дворикъ простолюдина не имѣетъ нѣсколько деревцовъ или кустовъ, и весело крестьянину отдохнуть въ жаркій лѣтній денекъ подъ тѣнистымъ деревомъ, посмотрѣть на привѣтливую его зелень и послушать шепотъ его листьевъ. Сажаютъ, что идетъ къ почвѣ, чаще всего вербу, которая ростетъ на всякой землѣ, даже на пескѣ, затѣмъ любятъ серебристую тополь, листья которой, съ бѣлой подкладкой, ярко блестятъ на солнцѣ, и и особенности любятъ рябину, красныя кисти которой въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ украшаютъ дворъ. Рябину сажаютъ передъ

---

[1]) См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 3, мартъ.

окнами и въ церковныхъ оградахъ. Если въ домѣ есть дѣвушка, на порѣ выхода замужъ, то за тыномъ появляются синія и лиловыя чашечки крученыхъ паничей, ярко красные цвѣточки королеваго цвиту, желтоцвѣтная красолька, высокій макъ. Разведеніе сада обусловлено мѣстоположеніемъ двора, и нѣтъ такого хозяина, который не насадилъ бы яблонь, грушевыхъ или вишневыхъ деревьевъ, имѣя хотя клочекъ свободной земли во дворѣ или на огородѣ. Въ старое время много садовъ было разбросано по лѣсамъ.

По любви къ садоводству старинное харьковское дворянство, крупное и мелкопомѣстное, не отличалось отъ мѣстнаго крестьянства. Въ усадьбахъ и въ лѣсахъ помѣщиковъ были сады, въ усадьбахъ преимущественно вишняки и сливняки, а въ лѣсахъ— изъ яблоновыхъ и грушевыхъ деревьевъ. У богатыхъ помѣщиковъ были роскошные сады, съ разными украшеніями, на подобіе западно-европейскихъ садовъ, съ статуями, гротами, живописными мостиками, подъемными лѣстницами и сидѣніями на высокихъ дубахъ. Добродушные Афанасіи Ивановичи подрѣзывали, подчищали, щепили, колировали; столь же добродушныя Пульхеріи Ивановны, въ лучшихъ семействахъ стараго времени, варили варенья изъ домашнихъ фруктовъ и приготовляли разныя настойки, квасы, соленья, пастилу, павидло. Кое-что шло въ подарокъ роднымъ, добрымъ сосѣдямъ и знакомымъ; кое что отъ избытка шло и въ продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Въ топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, составленномъ сто лѣтъ назадъ, говорится, что „здѣшнихъ рукъ труды услаждаютъ многихъ странъ вкусы садовыми яблоками, бергамотами, дулями, гливами, вишнями, сливами и черносливомъ“...

Лѣтъ двѣсти назадъ входящія нынѣ въ составъ города Харькова густо-заселенныя Холодная и Лысая горы были покрыты густымъ лѣсомъ, служившимъ убѣжищемъ для татарскихъ наѣздниковъ и запорожскихъ разбойниковъ харцызовъ, во время появленія ихъ подъ стѣнами городка въ поискахъ за добычей. Мирный городской обыватель, подвигаясь отъ крѣпостныхъ стѣнъ къ этимъ лѣсамъ, мало по малу овладѣлъ ими. Забывъ о злыхъ временахъ татарщины и разбойничества, онъ поставилъ въ лѣсу хаты и пасѣки, насадилъ плодовыя деревья и обратилъ лѣса въ роскошные, тѣнистые и душистые са-

ды. Эти сады непрерывной цѣпью тянулись отъ Ивановки до Основы; остаткомъ ихъ на одной сторонѣ являются сады Кузинскій и Шато-де-Флеръ, на другой Карповскій, нынѣ городской садъ. Нѣкоторые обширные сады исчезли безъ слѣда, напримѣръ, садъ Верховскаго, раскопанный подъ мѣста для зданій харьк.-никол. жел. дороги; садъ Ляхова, также раскопанный подъ желѣзную дорогу; отъ другихъ остались лишь обрѣзки, напримѣръ, отъ садовъ Булгакова, Кнепфера, Карповыхъ. Желѣзныя дороги глубоко изрѣзали почву и высушили ее. Вмѣсто запаха цвѣтущихъ липъ въ воздухѣ повисли тяжелые клубы каменно-угольнаго дыма.

Уничтоженіе общественныхъ лѣсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе садоводства началось еще въ прошломъ столѣтіи, во время существованія свободнаго винокуренія. Составитель Топографич. описанія харьк. намѣстничества (1788 г.) замѣчаетъ:

„Несчастны тѣ лѣса, которые принадлежатъ цѣлымъ селеніямъ въ общественный въѣздъ. Въ такихъ лѣсахъ кромѣ суковатыхъ и горбатыхъ бревенъ, кромѣ дровъ и хворосту, немного попадается годныхъ къ строенію и другимъ надобностямъ растеній. Правда, и сіи лѣса предохраняются и отращиваются положенною на урочные годы заповѣдью; однако рѣдкая на свѣтѣ рѣдкость такіе умы, которые къ общественному добру и частному въ собственности владѣнію имѣли бы равное расположеніе и одинаковое вниманіе.... Несравненно большее несчастье постигло тѣ лѣсныя угодья, которыя достались въ руки владѣльческимъ подданнымъ. Отсутственныя боярскія отчины подданными черкасами заселенныя прежде всѣхъ опустошили своими винокурнями лѣса какъ причитавшіеся ихъ помѣщикамъ, такъ принадлежавшіе по смежности частнымъ владѣльцамъ и казеннымъ селеніямъ. Сія всегубительная лѣсовъ язва пожирала въ одинъ годъ безцѣнный натуры даръ, плоды цѣлыхъ вѣковъ.... Слѣды подданническихъ винокурень черезъ цѣлый вѣкъ едва ли могутъ загладиться въ пространныхъ лѣсныхъ полосахъ, прилежащихъ къ рѣкамъ Осколу, Донцу и Ворсклу, гдѣ винокурни во многихъ отсутственныхъ слободахъ боярскихъ умножились и ужасно выгубили пространнѣйшіе драгоцѣнные лѣса. Сіи слѣды и остатки винокуренъ видны тамъ такъ, какъ путь саранчи, пожирающей на поляхъ растенія. Въ истребленныхъ сихъ лѣсахъ видно нынѣ множество дубовыхъ пней, имѣющихъ въ діаметрѣ до трехъ аршинъ. Подданные винокуры, не предрасполагающіе о своемъ потомствѣ, не утверждающіеся коренно на жилищѣ и имѣющіе главной цѣлью пропитанія и обогащенія винокуреніе, не имѣли нужды думать о формѣ отращенія и употребленія лѣсовъ; рубили самыя лучшія деревья на выборъ. Одинъ такой винокуръ сжигалъ на винокурнѣ въ одинъ день два дорогіе дуба, изъ которыхъ слободской казенный обыватель получилъ бы нѣсколько хорошихъ брусьевъ и пильныхъ досокъ или бы вырѣзалъ нѣсколько гонту.“ (Харьк. сб. 1888, 31-32).

Эта картина лѣсоистребленія повторилась въ громадныхъ размѣрахъ въ половинѣ текущаго столѣтія, съ развитіемъ сахарныхъ заводовъ и постройкой желѣзныхъ дорогъ. Каменный уголь лишь недавно пошелъ по сумской ж. дор. на отопленіе многочисленныхъ

сахарныхъ заводовъ, находящихся въ сумскомъ, ахтырскомъ и лебединскомъ уѣздахъ харьк. губ. послѣ того какъ древесное топливо было все исчерпано и обширный край по теченію р. Ворсклы и р. Псла совсѣмъ лишенъ былъ лѣснаго покрова.

Курско-Азовская желѣзная дорога прошла по харьковскому краю на подобіе чудовищнаго, прожорливаго дракона одного стихотворенія графа А. К. Толстаго:

Мохъ, травы, корни лозъ,
Все, что сростись съ корой успѣло змѣя,
Все выдернувъ съ собою онъ унесъ.....
Гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти
Мгновенно сохли травы и коронья,
И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ.

Цыфровыя доказательства отмѣчены въ „Мнѣніи" харьк. губерн. земской управы 1878 г. о перевозкѣ каменнаго угля: въ 1863 г. въ харьковскомъ уѣздѣ было 64 тысячи десятинъ лѣса, въ 1878 г. осталось четыре тысячи десятинъ; во всей губерніи въ 1863 году 601,000 дес., въ 1878 году 1/10, а нынѣ и того не осталось.

Съ истребленіемъ лѣсовъ мало по малу погибли разсѣянныя въ нихъ маяками фруктовыя деревья; погибли затѣмъ скрывавшіеся въ въ лѣсахъ фруктовые сады крестьянъ и мелкономѣстныхъ дворянъ. Они засохли безъ лѣсной влаги и защиты, безъ посадки новыхъ деревьевъ, со всѣхъ сторонъ открытые для воровства и холодныхъ вѣтровъ.

Упадокъ садоводства оказалъ дурное вліяніе на народную нравственность, сколько я могъ замѣтить на крестьянахъ одной хорошо мнѣ знакомой мѣстности харьковской губерніи. При порубкѣ общественныхъ лѣсовъ не трогали дико растущихъ грушевыхъ и яблоневыхъ деревьевъ, дававшихъ въ старину въ изобиліи груши и кислицы на квасы, узвары, кисели и т. п. Но затѣмъ кое что годное на подѣлку было украдено и многое засохло частью отъ старости, частью отъ поломки. Осталось очень немного фруктовыхъ деревьевъ, и вмѣсто заботливости объ ихъ сохраненіи обнаруживается самое хищническое и безпощадное къ нимъ отношеніе. Въ первыхъ числахъ іюля, когда плоды еще совсѣмъ зелены, дѣти идутъ за ними въ лѣсъ съ торбами, взрослые ѣдутъ съ возомъ, и рвутъ ихъ

въ такомъ неспѣломъ видѣ, что они оказываются негодными для пищи людей, выбрасываются на кормъ свиньямъ, но и послѣднія иногда брезгаютъ ими. Спѣшатъ урвать, чтобы другой не захватилъ, при чемъ плоды сбиваютъ палками и ломаютъ вѣтви. Крестьяне сознаютъ, что наносятъ вредъ деревьямъ. Волостное начальство приказываетъ отнимать торбы и выбрасывать кислицы и груши, собранныя неспѣлыми; но все это не имѣетъ серьезнаго значенія. Никто не заботится объ общественномъ достояніи съ надлежащимъ умѣніемъ и настойчивостью. Всякій готовъ выбранить другихъ проклятыми или чортовыми людьми, и при этомъ забываетъ, что и онъ одинъ изъ числа небрежно относящихся къ общественному достоянію.

16.

Вольное винокуреніе

сохранилось только въ воспоминаніяхъ, въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Въ южной Руси въ древности всякій могъ курить и продавать вино, уплативъ небольшую подать съ солода, про которую упоминаетъ уже Русская Правда (XI в.). Такъ, по старинѣ, въ сѣверной Руси винокуреніе шло до половины XVI в., въ южной до половины XVIII в.; свободно варили питья и платили за это лишь брашную пошлину, съ солода, съ хмѣля и меда и, спокойно распивали ихъ дома, среди семьи, или на братчинахъ и на общественныхъ попойкахъ въ корчмахъ. Въ XVI ст. польскіе короли давали южнорусскимъ братствамъ грамоты на приготовленіе меда и торговлю имъ въ опредѣленные праздничные дни. Цеховые мѣщане получали также разрѣшительныя грамоты на куреніе и продажу вина, въ кругу своего общества, не на сторону. Пользуясь вообще правомъ свободнаго винокуренія, малороссіяне вносили только за то плату въ королевскую казну „подля давнято звычаю". По магдебургскому праву королевскіе чиновники не могли вмѣшиваться въ торговлю напитками. Въ XVI и XVII ст. польское правительство начало стѣснять свободную продажу напитковъ мѣщанами и братствами и ставить города въ зависимость отъ жидовъ арендаторовъ. Слободскіе полки сначала пользовались полной свободой

винокуренія, и хотя по бѣлгородскому окладу 1665 г. на жителей была наложена подать съ виннаго котла по рублю, съ пивнаго по четыре; но въ 1670 г. Алексѣй Михайловичъ далъ грамоту полкамъ сумскому, харьковскому и ахтырскому „за осадное сидѣнье велѣть имъ вмѣсто своего государева годоваго жалованья отдати оброки, которые на нихъ довелось взять съ промысловъ и съ шинковъ по бѣлгородскому окладу, и впредь такими промыслами промышлять безоброчно и безпошлинно“. Въ 1669 г. городамъ острогожскаго полка дано право безоброчнаго и безъявочнаго шинкованія виномъ, пивомъ и медомъ, что затѣмъ подтверждалось жалованными грамотами 1672, 1678, 1700 и 1716 годовъ. Въ 1684 г. разрѣшено козакамъ въ г. Харьковѣ торговать безпошлинно и изъ другихъ полковъ вина къ нимъ не ввозить. Петръ В. въ 1700 далъ харьковцамъ грамоту „шинки держать безоброчно, вино курить безпошлинно по ихъ черкасскому обыкновенію“. Елизавета Петровна въ 1743 г. въ грамотахъ всѣмъ полкамъ подтвердила „шинки держать, вино курить и шинковать безпошлинно“ (*Прыжовъ* Ист. кабак. въ Россіи, 18—25, 149—227).

Съ половины XVIII ст. начинается рядъ ограничительныхъ мѣръ относительно всесословнаго и безпошлиннаго винокуренія. Въ 1751 г. въ Кіевѣ всѣмъ людямъ мірскимъ и духовнымъ и козакамъ шинковать запрещено, исключая кіевскаго Михайловскаго монастыря, и съ тѣхъ поръ это запрещеніе не переставало повторяться. Сначала за мѣщанами оставлено было еще право имѣть винокуренные заводы; но въ 1787 г. вся винная продажа въ Кіевѣ передана городу, а потомъ право винокуренія стало принадлежностью однихъ лишь польскихъ и ополяченныхъ украинскихъ пановъ (ib. 171). Въ Слободской Украинѣ въ 1764 г. введенъ былъ подушный окладъ съ пользовавшихся правомъ свободнаго винокуренія по 95 коп., непользовавшихся имъ 85 к.; въ 1783 г. первые должны были платить уже 1 р. 20 к. съ души, а въ 1791 г. право винокуренія утверждено за дворянами въ ихъ помѣстьяхъ, а за козаками право одной только продажи въ ихъ домахъ, состоящихъ въ селеніяхъ; мѣщанамъ запрещено курить и продавать вино. Эти послѣднія козацкія права были отмѣнены въ 1817 г., при введеніи устава о питейныхъ сборахъ (ib. 225).

Свободное винокуреніе давало крестьянамъ хорошій доходъ. Оставшійся отъ годоваго употребленія излишекъ хлѣба перегонялся въ водку и въ такомъ видѣ продуктъ достигалъ рынка. Сильнымъ развитіемъ винокуренія обусловлено было процвѣтаніе бондарства. „Время вольнаго винокуренія, замѣчаетъ г. Добротворскій, было золотымъ вѣкомъ для Борисовки, Ольшанки, Мирополья и другихъ слободъ южныхъ уѣздовъ, входящихъ нынѣ въ составъ курской губерніи. Здѣшніе крестьяне до сихъ поръ не забыли его и, вынимая изъ скрынь по праздничнымъ днямъ для своихъ скромныхъ пирушекъ старинные серебряные и золотые стаканы и чарки, вспоминаютъ о томъ, какъ хорошо жилось во время оно ихъ дѣдамъ, пользовавшимся правомъ безпошлинно курить горилку“ (Куст. пром. курск. губ., 56).

Нельзя сказать, чтобы свободное винокуреніе развило пьянство. Судя по преданіямъ, вино часто было очень слабое и пили его много, не упиваясь, не теряя сознанія. Въ Топографич. опис. харьк. намѣстничества 1788 г. читаемъ: „простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства; но въ винѣ предполагается образъ дружескаго ихъ обхожденія и угощенія, а не единственное намѣреніе пьянства. Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъ-осьмухи вина; они пьютъ медленно и малыми мѣрами; больше разговариваютъ. Однако и тогда, когда до пьяна напиваются, буянскаго шуму и вздорнаго крику мало между ними случается и до драки въ то время рѣдко доходитъ“ (*Харьк. Сборн.* 1888, 43).

Въ думахъ выраженіе „пить горѣлку“ представляется общимъ мѣстомъ, эпическимъ *locus communis*, равно какъ и въ былинахъ „пить чару вина въ полтора ведра“—общее мѣсто. Независимо однако отъ внѣшняго формальнаго распространенія этого эпическаго мотива, питье горѣлки, даже чрезмѣрное питье было обычнымъ бытовымъ явленіемъ стариннаго малорусскаго козачества. Дешевизна хлѣба и свобода винокуренія въ сильной степени тому содѣйствовали. Дума о Байдѣ начинается словами: „въ Цариградѣ на рыночку та пье Байда медъ, горилочку“ (*Голов.*, т. I, стр. 1). Козубай, отправляясь воевать съ ляхами, беретъ „фляшку съ горилкою“ (*Гол.*, т. I, стр. 7). Коновченко „рано ранесенько горѣвки ся напивае“ и народное благоразуміе устами гетмана даетъ ему совѣтъ сначала умыться, потомъ Богу помолиться и не пить водки, особенно передъ битвой, чтобы сонъ не похилилъ козацкой головы и турки ее не срубили (*Гол.*, т. I, стр. 11). Вообще, по дан-

нымъ старинныхъ думъ, народная мысль снисходительно относилась къ питью водки козакомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда козакъ пилъ водку въ родной семьѣ, раздѣляя общую семейную радость, какъ пилъ, напримѣръ, Савва Чалый по случаю рожденія сына (*Гол.*, т. I, стр. 19), или когда питье водки слѣдовало за военной удачей, какъ пировалъ, напримѣръ, Самійло Кишка въ очеретахъ съ своими товарищами послѣ освобожденія изъ турецкаго плѣна и захвата галеры (*Ант. и Драг.*, Истор. пѣс. мал. нар., т. I, стр. 219).

17.

Корчма, какъ общественное учрежденіе.

Слово корчма встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 260), что указываетъ на его древность. Такъ называлось у древнихъ славянъ мѣсто, куда народъ сходился для питья и ѣды, для бесѣдъ и попоекъ съ пѣснями и музыкой. У западныхъ славянъ въ корчмахъ приставы передавали народу постановленія властей; судьи творили судъ; разбирались дѣла между пріѣзжими людьми, и корчмы долго замѣняли ратуши и гостиные дворы (*Прыжовъ*, Ист. кабак. 29). Въ Богеміи, Польшѣ, Помераніи корчмы сначала были вольными учрежденіями, потомъ дѣлались княжескими, казенными или переходили къ духовенству, къ монастырямъ, и тогда народъ начиналъ заводить свои тайныя корчмы. Въ корчму, наравнѣ съ простолюдинами, шли и лучшіе люди въ родѣ того, какъ древне-греческія капилеи были посѣщаемы Сократомъ, древне-римскія кавпоны — Овидіемъ, Гораціемъ, Цицерономъ.

Въ юго-западной Россіи и въ Бѣлоруссіи удержалась древнеславянская корчма, съ характеромъ общественнаго учрежденія. Дворъ корчмы служитъ мѣстомъ собранія парней и дѣвушекъ для пѣнія и пляски. „Въ корчмѣ и въ банѣ уси ровные дворяне“ (ib. 33). „Корчма—это народный клубъ, говоритъ П. П. Чубинскій; сюда сходятся въ часы досуга мужчины и женщины и заводятъ дружескую бесѣду съ знакомыми и пріятелями, которые приходятъ въ

корчму не съ тою цѣлью, чтобы напиться, но больше являются съ намѣреніемъ людей посмотрѣть и себя показать.... Собирается извѣстная компанія, садится за столъ, а лѣтомъ на дворѣ въ тѣни гдѣ либо вблизи корчмы. Посрединѣ постилается платокъ, на который кладется разломанная на куски паляница и рыба, „чехоня або оселедци“, тутъ же въ корчмѣ пріобрѣтенная. Кто угощаетъ водкою, тотъ обязанъ подносить каждому по очереди; но первая рюмка всегда принадлежитъ угощающему. Когда разопьютъ взятую водку, другой членъ кружка покупаетъ и подноситъ такимъ же образомъ; затѣмъ третій и т. д. Во время этой попойки идетъ общая дружеская бесѣда о житьѣ—бытьѣ вообще.... Въ корчму приходятъ музыканты, собираются парни и дѣвушки и пляшутъ подъ звуки музыки“... (Труды Э. С. Экспед. VII, 450).

Корчма подъ вляніемъ разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій экономической и нравственной жизни народа въ однихъ мѣстахъ выродилась подъ польско-нѣмецкимъ вліяніемъ въ шинокъ, въ другихъ подъ московскимъ вліяніемъ въ кабакъ, т. е. въ темное и одностороннее учрежденіе, въ такое мѣсто, гдѣ только пьютъ, при чемъ въ интересъ шинкаря, большею частью жида, входитъ напоить посѣтителя корчмы—кабака до потери сознанія, чтобы онъ пилъ, лилъ, закладывалъ имущество, терялъ деньги и голову. Юрій Крижаничъ, бывшій въ Малороссіи лишь короткое время, замѣтилъ, что „вездѣ откупщики жиды сидятъ или бояринъ самъ смердящее пиво роздаетъ хлопамъ, которое они на гной виливаютъ, заплативъ за него деньги“. Вольная славянская корчма обращалась въ жидовскую корчму, или шинокъ, принадлежавшія панамъ и даже паньямъ. (Ист. каб. 179). Кабаки появились въ Малороссіи въ началѣ XVIII ст., въ Слободской Украинѣ въ XVII ст., при чемъ укрѣпились вполнѣ лишь въ лѣвобережной Украинѣ. Молодежь здѣсь сторонится отъ кабака, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ въ нравственномъ отношеніи селахъ, не испорченныхъ заводскимъ пьянствомъ и развратомъ. Уже Крижаничъ называлъ кабаки „проклятыми“, потому что „на нихъ ни отъ рода нѣсть толико вина, колико ся есть для ради нихъ крови проліяло“. И простой народъ раздѣляетъ это мнѣніе наблюдательнаго хорвата: „горилка проклятая“ „горилка зрадливая“—таковы возгласы женщинъ въ

пьяницкихъ пѣсняхъ. Къ жидовской корчмѣ относятся обличительныя и ироническія народныя пѣсни, напримѣръ, галицкія:

Стоить корчма надъ болотомъ,
Не пошита околотомъ:
„Ты, корчмонько, судотыне!
Въ тобѣ то вся праця гине:
Та вже бы'мъ тя злотомъ побивъ,
Тилько'мъ праци въ тоби пропивъ!
(*Голов.* III. 522).

Мы мусѣли бѣдовати,
Голодомъ терпѣти,
А все то-то черезъ жиды,
Та черезъ ихъ дѣти.
Изъѣшь дѣдьки, песій сыну,
Пархо бородатый,
Бо не пиду по горѣвку
Та до твоей хаты!
А мы будемъ працёвати,
Жинки будуть прясти,
Жиды будуть, песи сыны,
Своимъ дрантьемъ трясти.
(*Голов.*, т. II, стр. 465).

Слободско-украинскій кабакъ, замѣнившій корчму, хорошо обрисованъ въ „Салдацкомъ патретѣ" Квитки, съ выработанными пріемами спаиванія и обмана, съ новымъ сословіемъ мѣстныхъ кабатчиковъ изъ малороссовъ, которые вели кабацкое дѣло „якъ той Юда", т. е. обманно и для народа разорительно.

18.

Харьковскія коцарки.

Между кустарными промыслами г. Харькова осебенно любопытнымъ въ историко-культурномъ отношеніи представляется коцарскій промыселъ, состоящій въ выдѣлкѣ ковровъ и попонъ. Извѣстія о немъ идутъ съ половины прошлаго вѣка. Какое то лицо доставило въ 1740 г. въ Петербургъ образчики слободско-украинскихъ попонъ, и придворное конюшенное вѣдомство заказало харьковскимъ коцаркамъ 500 попонъ; но коцарки не пошли на предложенную имъ цѣну по 2 р. 50 к. за попону и не взяли заказа (подробности см. въ *Кіев. Стар.* 1886, VI, 365).

„Работа женскаго пола, замѣчаетъ авторъ „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества" 1788 года, заключается въ дѣланіи ковровъ разной мѣры и цѣны. Ковры сіи называются коци, а мастерицы коцарки, которыя сами собираютъ изъ минераловъ и растеній, здѣсь собираемыхъ, разныхъ цвѣтовъ краски, коими приготовленную шерстяную пряжу красятъ, и тогда ткутъ

ковры и пристригаютъ наподобіе трипу. Торгъ харьковскими коврами пространенъ; кромѣ употребленія внутрь всей Украины многія тысячи оныхъ вывозятъ торговцы въ великороссійскія селенія и заграницу“ (*Харьк. Сборникъ* 1888, 57). По свѣдѣніямъ, собраннымъ землемѣрами 1814 г., въ Харьковѣ изготовлялось въ то время до 26,000 коцовъ (*Статист. Листокъ* 1883, с. 134). Въ 1838 г. Г. Ѳ. Квитка писалъ, что въ тридцатыхъ годахъ коцарскимъ промысломъ занимались исключительно женщины. „Онѣ составляли изъ мѣстныхъ полевыхъ цвѣтовъ краски и окрашивали ими получаемую отъ домашнихъ овецъ шерсть, изъ которой потомъ и ткали ковры фантастическими узорами. Знаніе узоровъ переходило отъ матерей къ дочерямъ, изъ рода въ родъ. Цвѣта шерсти были прочны и ярки. Ковры по добротности, красотѣ и дешевизнѣ пользовались славой. Кромѣ мѣстнаго сбыта, они шли тысячами въ великороссійскія губерніи и заграницу. Выдѣлкой коцовъ занято было много рукъ. Въ Харьковѣ одна изъ большихъ улицъ получила названіе Коцарской“. (*Харьк. Губ. Вѣдом.* 1838, № 4).

Происхожденіе коцарскаго промысла неизвѣстно. Вѣроятно, онъ восходитъ въ старину глубокую, и въ Слободской Украинѣ появился съ первыми переселенцами изъ—за Днѣпра. Еще въ до-монгольской Руси употреблялись ковры. Когда умеръ в. кн. Владиміръ, тѣло его „обертѣвше въ коверъ и ужи свѣсиша на землю“; при ослѣпленіи Василька 1097 г. упоминается коверъ (*Аристовъ*, Промышл. др. Руси 165). Русскіе любили ковры багрянаго цвѣта и добывали ихъ отъ грековъ; но на ряду съ роскошными греческими коврами могли существовать болѣе простые домашняго производства, при чемъ узоры греческихъ ковровъ могли оказать вліяніе на подборъ красокъ для украинскихъ коцовъ.

На развитіе коцарскаго промысла въ харьковской губерніи вліяли обиліе шерсти и дешевизна красокъ. Въ „Воспоминаніяхъ Топчіева“ о производствѣ ковровъ въ Харьковѣ въ началѣ столѣтія (до 1809 года) говорится: „Испанскія овцы едва только начали разводить для опыта въ нѣкоторыхъ (немногихъ) помѣщичьихъ имѣніяхъ; за то было много простыхъ овецъ, какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ харьковской губерніи. По недостатку стороннихъ покупателей, большая часть шерсти потреблялась внутри

губерніи, на выдѣлку крестьянской одежды и простыхъ ковровъ". (*Стат. Листокъ* 1883, 147).

Въ старинное время Малороссія была въ лѣтнее время покрыта роскошнымъ ковромъ травъ и цвѣтовъ. По словамъ Мѣховскаго, въ Подоліи травы произростали такъ быстро и въ такомъ обиліи, что перерастали шестъ и покрывали его въ три дня и тоже бывало съ плугомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Въ Малороссіи произростали травы, по словамъ Мѣховскаго, ей только свойственныя (alibi non visis). Во всѣхъ частяхъ ея произростали въ изобиліи сѣмена красильныхъ растеній, которыя нѣкогда были вывозимы въ Іену и Флоренцію. Во время Мѣховскаго растенія эти собирались уже въ незначительномъ количествѣ (*Замысловскій*, Герберштейн. 253). Слободская Украина XVII и XVIII ст. отличалась такимъ же изобиліемъ красильныхъ растеній, какъ Подолія въ болѣе древнее время, до распашки обширныхъ полей—облоговъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Слободской Украинѣ еще господствовала переложная система сельскаго хозяйства. Въ безлѣсныхъ и малолюднѣе населенныхъ степяхъ ежегодно распахивали плугомъ „цѣльныя степи" или долговременно неоранные перелоги, засѣвали ихъ три лѣта и затѣмъ оставляли ихъ на нѣсколько лѣтъ на перелогъ (*Харьк. Сборн.* 1888, 34). На такихъ цѣлинахъ и перелогахъ шли густыя травы и красильныя растенія.

Паденіе коцарскаго промысла замѣтно уже было въ пятидесятыхъ годахъ. Въ Харьковѣ выдѣлывалось тогда около 12,000 ковровъ ежегодно. Въ настоящее время совершается полное паденіе коцарства. Ослабѣла энергія промысла; уменьшилось число коцарокъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ В. В. Ивановымъ въ 1879 году, кустарный промыселъ за послѣдніе 25 лѣтъ упалъ на 600%. Конкурренція ковровъ фабричнаго производства, вздорожаніе матеріала, монополія торговли представляются главными причинами такого явленія. Прежде коцы постоянно встрѣчались въ богатыхъ домахъ; теперь ихъ вытѣснили болѣе изящные, хотя и менѣе прочные, ковры московской фабрикаціи. Цѣна, платимая коцаркамъ, была увеличена на $8^1/_2$% на самомъ распространенномъ коврѣ; цѣна же матеріала поднялась такъ, что на одномъ валѣ стоимость коцы увеличилась на 11%. Въ настоящее время въ селахъ коцарокъ уже не встрѣчает-

ся, между тѣмъ какъ въ старину много коцарокъ жило по уѣздамъ харьковской губерніи. Коцарскій промыселъ локализируется на окраинахъ города. Въ 1879 г. коцами занималось только 75 горожанокъ; изъ нихъ только 25 постоянно; остальныя временно, зимой. Онѣ изготовляли около 4000 ковровъ въ годъ, на 12,000 руб. (*Стат. Лист.* 1883, 135).

Въ настоящее время болгарскій ковровый промыселъ во многомъ напоминаетъ украинскій коцарскій. Въ Болгаріи цѣлые округи живутъ выдѣлкой ковровъ; работаютъ исключительно женщины, изъ красокъ мѣстныхъ цвѣтовъ. Болгарскіе ковры носятъ разныя названія, чаще всего называются килимами, турецкимъ словомъ, извѣстнымъ и въ Малороссіи въ приложеніи къ коврамъ.

Коцарскій промыселъ въ старинное время существовалъ, повидимому, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Малороссіи, напр., въ с. Быковѣ черниг. губ. (см. *Филарета*, Ист. ст. опис. черниг. еп. V, 256), а въ Галиціи, въ гористомъ Покутьѣ удержался до настоящаго времени (*Kolberg*, I. 69). Здѣсь коцами называютъ шерстяные съ цвѣтами ковры въ $2^1/_2$ метра длиной и въ $1^1/_2$ метра шириной.

19.

Слободско-украинское чеботарство.

Кожевенно-сапожное производство въ харьковской губерніи и въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи по исторіи своего развитія и упадка напоминаетъ коцарскій промыселъ. И оно въ настоящее время сократилось, вслѣдствіе измѣнившихся культурныхъ условій. Слово чоботъ, встрѣчающееся въ польскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, вѣроятно, восточнаго происхожденія, что видно изъ сравненія съ персидск. чабаганъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 259). Слово это должно быть вытѣснило въ южной Руси другое славянское слово, обозначавшее обувь, въ силу бытовыхъ связей съ восточными народами. Малороссіяне издавна занимались чеботарствомъ; между прочимъ, занимались имъ и запорожцы, когда

не было войны. Успѣшному развитію кожевенно-сапожнаго производства содѣйствовало обиліе рогатаго скота, коней и овецъ и затѣмъ привычка украинскаго населенія къ кожаной обуви. Въ харьковскомъ намѣстничествѣ въ концѣ прошлаго вѣка чеботарство процвѣтало. Дѣлали, между прочимъ, крашенныя кожи, на подобіе сафьяновъ, для женскихъ сапогъ и черевиковъ. Въ городахъ и селахъ въ торговые дни открывался сапожный рядъ, гдѣ продавали сапоги и башмаки; тутъ же на площади собирались кузнецы съ готовыми подковами, гвоздями и инструментами, къ которымъ купившій обувь приносилъ ее для подковки (*Харьк. Сборн.* 1888, 56). Когда право свободнаго винокуренія было потеряно, т. е. съ 1772 г., винокуры и бондари стали учиться кожевенному и сапожному производствамъ. Благодаря обилію сыраго матеріала и большому спросу на сапожныя издѣлія на всѣхъ рынкахъ Украины кожевенно—сапожное производство стало быстро развиваться, особенно въ грайворонскомъ уѣздѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ украинскія ярмарки были завалены сапогами здѣшняго издѣлія (*Добротворскій*, Кустарн. пром. курск. губ. 86). Большую услугу чеботарямъ оказали чумаки, развозившіе сапоги по всей Украинѣ. По словамъ одного ахтырскаго старожила: „Тоди було и геть—то краще. Нашъ товаръ развозывся чумаками по разныхъ мистахъ. Мы сами инколи издылы и по полтавській и по екатерынославській губерніяхъ. Товаръ або за грошы продавалы, або минялы на шкапы (негодныя къ работѣ лошади), та на шкуры“ (*Твердохлѣбовъ*, Труды коммис. по изслѣд. кустар. пром. харьк. губ. III, 55).

Въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ обнаруживается быстрый упадокъ кожевенно-сапожнаго производства, въ мѣстностяхъ гдѣ оно процвѣтало въ 50-хъ годахъ. Причинъ тому много: основы старыхъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ расшатались совсѣмъ, замѣчаетъ г. Твердохлѣбовъ; вновь вводимые порядки не окрѣпли. Громадная площадь степной полосы отошла подъ свеклосахарныя плантаціи, вошла въ черту экономическихъ хозяйствъ, не имѣющихъ почти ничего общаго съ мелкими хозяйствами остальнаго населенія, и потому для послѣдняго заповѣдную. Число водопоевъ значительно уменьшилось; кромѣ того большинство ихъ попорчено. Рѣки во многихъ мѣстахъ портятся нечистотами, выпускаемы-

ми изъ сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ. Опустошительныя эпизоотіи все болѣе и болѣе стали учащаться. Г. Добротворскій указываетъ еще на то, что курско-харьковская и курско-кіевская желѣзныя дороги нанесли тяжелый ударъ чеботарству грайворонскаго уѣзда. Вмѣстѣ съ разными ситцами, сукнами, кушаками и другими издѣліями московскихъ и владимірскихъ мануфактуръ, желѣзныя дороги внесли въ степныя окраинныя губерніи кимрскій и московскій сапоги, которые по своей добротности и дешевизнѣ сразу заняли видное мѣсто на всѣхъ южныхъ рынкахъ.

20.

Остатки чумачества

встрѣчаются въ настоящее время въ немногихъ мѣстахъ Украины. Отсылая читателя къ сочиненію И. Я. Рудченка о чумацкихъ народныхъ пѣсняхъ, въ которомъ находится и краткій историческій очеркъ чумачества (стр. 1—24), мы остановимся здѣсь только на нѣсколькихъ проявленіяхъ его въ настоящее время, какъ культурныхъ переживаніяхъ. И нынѣ есть на Украинѣ села, гдѣ держится чумачество въ старинныхъ бытовыхъ формахъ, въ видѣ хожденія „у Крымъ по силь“ и на Донъ „по рыбу“. Оскудѣвшее чумачество держится теперь въ средѣ менѣе „заможныхъ“ крестьянъ, чѣмъ въ старину. Теперь считается виднымъ чумакомъ тотъ, кто посылаетъ въ дорогу 3 или 4 паровицы, тогда какъ въ старину у хорошихъ хозяевъ шло въ дорогу по 20, 30, 50 и даже 70 паровицъ. Приспособляясь къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, къ новымъ условіямъ быта, чумаки расширили ассортиментъ привоза на югъ. Въ настоящее время чумачество въ незначительныхъ размѣрахъ существуетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣстахъ полтавской губ.: „по зѣньковскому уѣзду въ опошнянской волости преимущественно на лошадяхъ, въ раннюю осень, зимою и по установленіи весны транспортируютъ въ Ростовъ-на-Дону, Таганрогъ и др. мѣста гончарныя издѣлія опошнянскаго раіона главнымъ образомъ, поливяную посуду и оттуда набираютъ грузъ соленой рыбы. По груньской вол. значительное число чумаковъ циркулируетъ въ ека-

теринославской, херсонской и таврической губ. съ колесами и телегами груньскаго раіона, и многіе изъ нихъ возвращаются также съ рыбой. По лубенскому уѣзду, изъ тишковской вол. ежегодно весной отправляются гужемъ, главнымъ образомъ въ Каховку (тавр. губ.), транспорты косарскихъ ложекъ туземнаго издѣлія, а обратно чумаки набираютъ рыбы или соли. До изданія правилъ по табаководству, изъ м. Рашевки (гадяч. уѣз.) каждую осень ходили въ Каховку и др. мѣста многія сотни чумаковъ съ простымъ табакомъ, а раньше (до распространенія джутовыхъ мѣшковъ) съ громадною массой рядовины для мѣшковъ, туземнымъ холстомъ и т. п., и привозили обратно овечью шерсть, рыбу и соль. Теперь чумакованье сократилось въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Въ золотоношскомъ уѣздѣ представителемъ чумаковъ-солевозовъ отъ крымскихъ озеръ является еремѣевская и отчасти васютинская вол. (Въ одномъ м. Еремѣевкѣ ходятъ ежегодно до 150 чумаковъ „по сіль“). Чумачество рыбой распространено между населеніемъ ирклѣевской, мойсенской, васютинской и отчасти золотоношской вол. При чемъ первая группа чумаковъ приняла при сношеніяхъ съ селянами на ярмаркахъ наименованіе еремѣевцевъ, а послѣдняя группа ирклѣевцевъ—въ собирательномъ смыслѣ. (*Василенко,* въ Харьк. Губ. Вѣд. 1885, № 286).

Въ печати было еще указано на слабые остатки стариннаго чумачества въ подольской и харьковской губерніяхъ. Но, вообще, чумацкій промыселъ можно считать почти вполнѣ вымершимъ явленіемъ народной жизни. Въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ харьковской губерніи, гдѣ нѣкогда, лѣтъ 30, 40 назадъ, чумачество процвѣтало, напр. Боромлѣ, теперь сохранилось о немъ лишь воспоминаніе. Въ Кіев. Стар. 1884 г. № 3 я сдѣлалъ сообщеніе о воспоминаніяхъ боромлянскихъ старожиловъ о мѣстномъ чумачествѣ. И тамъ, гдѣ еще держится чумачество, въ Полтавщинѣ, чумакъ, не прельщаемый уже былыми выгодами, идетъ въ путь—дорогу съ грустнымъ настроеніемъ, что видно между прочимъ, изъ слѣдующей чумацкой пѣсни, записанной г. В. Василенкомъ въ с. Еремѣевкѣ золотоношскаго уѣзда въ 1885 году:

„Ой норисъ норисъ, роменъ по дорози,
А травыця по облози,
Ой нема правды та теперъ ни въ кому,
Тилько въ едыному Бози.

———

Та наситеся, сири волы,
Не будете воды пыты,
Ой лучше бъ мыни та господарюваты,
Нижъ по дорогахъ ходыты.

———

Та й що хто дома та господарюе—
На билому спаты лягае,
А хто ходыть по бытыхъ дорогахъ—
Нуждоньки-горя приймае.

———

Та стеле постиль пидъ билы боки
А зелену травыцю,
А въ голивоньку, замисць подушечки—
Та клынчасту важныцю."

(Харьк. Губ. Вѣд. 1885, № 286).

Чумачество—торгашество почти повсемѣстно замѣнилось чумачествомъ—извозничествомъ; при чемъ самое слово чумакъ стало выходить изъ употребленія и въ замѣнъ его явилось другое слово—хурщики, болѣе удачно обозначающее современное чумачество.

Курско-харьково-азовская желѣзная дорога сначала установила малый тарифъ и, послѣ того какъ чумачество было подорвано, произвольно стала возвышать тарифъ. Харьковское земство вспомнило тогда объ упавшемъ чумачествѣ и заявленія сожалѣнія о томъ находятся во многихъ журналахъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній харьковской губерніи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ІОАННЪ ВИШЕНСКІЙ.

(Новыя данныя для оцѣнки его литературной и общественной дѣятельности).

Іоаннъ Вишенскій принадлежитъ, безспорно, къ самымъ оригинальнымъ явленіямъ южно-русской литературы. Приверженецъ консервативныхъ и аскетическихъ воззрѣній въ дѣлахъ религіи и общественности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является въ литературѣ самымъ яркимъ представителемъ эпохи возрожденія со стороны языка, формы и духа своихъ сочиненій. Строгій аскетъ, „святъ мужъ и зело любяй безсловіе“ [1]), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является горячимъ пропагандистомъ въ родѣ какого нибудь Гуттена, бросаетъ въ народъ свои пламенныя посланія, обращаясь къ грамотной и неграмотной массѣ на языкѣ для нея почти совсѣмъ понятномъ, сильномъ и энергическомъ. Заклятый ворогъ всякихъ „хитрыхъ діалектическихъ силлоизмъ“ и всей мірской премудрости, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень искусно пользуется всѣми уловками риторическаго искусства и создаетъ стиль настолько богатый, разнообразный и цвѣтистый, что въ нашей древней литературѣ онъ уступаетъ развѣ одному „Слову о полку Игоревѣ“ по пластичности и индивидуальной выразительности. Едва ли не первый въ южнорусской литературѣ онъ пускаетъ въ ходъ обоюдоострое оружіе юмора и ироніи и пользуется имъ съ замѣчательной ловкостью. Строгій порицатель мірской жизни и соблазновъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень тонко знаетъ эту жизнь до ма-

[1]) Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860, Львовъ, стр. 234.

лѣйшихъ ея изгибовъ, знаетъ не по слухамъ и не по книгамъ, но очевидно по собственному опыту, ибо не даромъ же онъ называетъ себя „голякомъ—странникомъ извлекшимся съ хитро сплетенныхъ сѣтей діавола", не даромъ объявляетъ въ „кратко-словномъ отвѣтѣ": „и я нѣкогда въ той пробѣ былъ." [1]) Строгій поклонникъ древне-іерархическаго устройства общественной жизни, не видящій спасенія внѣ церкви и мудрости внѣ священнаго писанія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ въ своихъ посланіяхъ призывать въ помощь простой народъ, „хлоповъ, простыхъ шевцовъ, седелниковъ и кожемяковъ" противъ поповъ, епископовъ и митрополитовъ для поддержанія православной церкви, значитъ долженъ былъ подымать пасомыхъ противъ пастырей, искать опоры въ такой организаціи, какой были церковныя братства, организаціи, пропитанной западно-европейскимъ реформаціоннымъ духомъ.

Жизнь поставила его на рубежѣ двухъ міровъ, двухъ историческихъ теченій, въ самый центръ возгорающейся между ними борьбы. Съ одной стороны православіе, тѣсно сплоченное съ византійскимъ міровоззрѣніемъ, византійскою косностью и неподвижностью, съ другой стороны врывающіяся съ запада струи гуманизма, подтачивающаго весь древній строй жизни и расшатывающаго древнія вѣрованія. Что борьба этихъ міровыхъ теченій должна была отразиться въ душѣ самаго Іоанна Вишенскаго, человѣка горячаго, энергическаго, честнаго и неустрашимаго, прежде чѣмъ онъ рѣшился безповоротно идти въ томъ или другомъ направленіи, это было бы само собой понятно, даже ежели бы мы не имѣли въ его собственныхъ прямыхъ словахъ указаній на такой душевный переломъ. Страстно любя свой народъ и съ ужасомъ замѣчая, какъ новое, западное теченіе отчуждаетъ цѣлыя семьи, цѣлые слои отъ русскаго народа, онъ порѣшилъ, что для Руси только одно спасеніе—совершенно замкнуться отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, отказаться отъ мірскихъ наукъ, просвѣщенія, литературы, культуры, и углубиться въ одно только священное писаніе, да въ чтеніе и изученіе книгъ церковныхъ. Конечно,

---

[1]) С. Голубевъ, Петръ Могила, т. I, стр. 114.

сдѣлать это было невозможно, какъ невозможно повернуть вспять колеса исторіи—и Іоаннъ Вишенскій былъ смятъ и забытъ въ послѣдующее затѣмъ бурное время. То, противъ чего онъ такъ ревностно ратовалъ,—западная премудрость, риторика и діалектика съ Платонами и Аристотелями, положено было впослѣдствіи во главу новаго православнаго просвѣщенія. То, что онъ считалъ наиболѣе враждебнымъ Руси и православію, употреблено было Могилой, Барановичемъ, Голятовскимъ и другими, какъ мощное оружіе въ защиту православія, создало цѣлую русскую литературу, отражавшую въ себѣ кровные интересы южнорусскаго населенія и поддерживавшую въ этомъ населеніи духъ прогресса и развитія. Идеалъ Іоанна Вишенскаго былъ забытъ и заброшенъ, но методъ его дѣйствія былъ принятъ и развивался съ большей или меньшей послѣдовательностью. Южнорусскіе писатели XVII стол. всѣ обращаются къ массамъ, ищутъ опоры въ братствахъ, стараются писать языкомъ тѣхъ круговъ, къ которымъ говорятъ, а именно языкомъ славянскимъ, перемѣшаннымъ съ малорусскимъ и польскимъ, когда обращаются къ духовенству или начитанному въ книгахъ церковныхъ мѣщанству, языкомъ почти чисто малорусскимъ, когда говорятъ къ простому народу, и языкомъ польскимъ, когда говорятъ къ ополяченной шляхтѣ. Іоаннъ Вишенскій былъ великъ и плодотворенъ не въ силу своихъ аскетическихъ и византійскихъ идеаловъ, но въ силу формы своихъ сочиненій и метода религіозной пропаганды.

Вотъ почему мнѣ кажется совсѣмъ не удивительнымъ, что имя его было уже во второй половинѣ XVII стол. почти совершенно забыто, что сочиненія его не печатались, и разбросанныя пролежали подъ спудомъ въ пыли монастырскихъ библіотекъ даже до нашихъ дней, или даже совсѣмъ пропали. Это были пламенные полемическіе памфлеты, разсчитанные на непосредственное дѣйствіе. Аргументы, выдвинутые имъ въ защиту православія, не отличались ни новизной, ни глубиной; иногда онъ даже и не трудился надъ изысканіемъ надлежащихъ аргументовъ, но вмѣсто того бросалъ въ народъ мѣткое слово, кличку, пластическую шутку или параболу, хорошо зная, что такое оружіе на простые умы почти всегда дѣйствуетъ сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ са-

мые тонкіе богословскіе резоны. Все это для послѣдующихъ поколѣній было недостаточнымъ; съ точки зрѣнія схоластической учености посланія Іоанна Вишенскаго были не болѣе, какъ блестящія импровизаціи, но не ученые трактаты, какіе были нужны. Вотъ почему сочиненія эти не цитировались и авторъ ихъ былъ забытъ.

Въ добавокъ нужно замѣтить, что и самъ Іоаннъ Вишенскій почти ничего не сдѣлалъ для упроченія за своими сочиненіями того мѣста въ литературѣ, какое имъ принадлежало. Отправивъ какое нибудь изъ своихъ посланій на Русь, онъ, кажется, болѣе не заботился объ его судьбѣ. Рукопись, изъ которой я извлекъ нижеслѣдующее его сочиненіе, есть единственное свидѣтельство того, что одно время онъ думалъ о собраніи своихъ сочиненій въ одну книжку, не заботясь однако объ ея напечатаніи, и разсчитывая только на ея рукописное распространеніе. Изъ интересной монографіи проф. Сумцова объ Іоаннѣ Вишенскомъ (К. Стар. 1885, апрѣль) читатели могли убѣдиться, какъ мало собственно мы знаемъ о жизни и личности знаменитаго полемиста. Мы не знаемъ даже его мірскаго имени и фамиліи, такъ какъ имя Іоаннъ было очевидно его монашескимъ именемъ, а фамиліи своей онъ никогда не называлъ. Изъ того, что онъ подписывался „Мнихъ Іоаннъ изъ Вишни“, мы можемъ развѣ догадываться, что мѣстомъ его рожденія былъ городокъ Судова Вишня, лежащій въ Галиціи близь Львова. Городокъ этотъ былъ обыкновеннымъ сборнымъ пунктомъ для сеймиковъ воеводства русскаго. Весь фактическій матеріалъ о его жизни и значеніи исчерпывается двумя бѣглыми замѣчаніями Игнатія изъ Люборова въ составленной имъ біографіи Іова Княгиницкаго о двукратномъ пребываніи Іоанна въ нынѣшней Галиціи, на Покутьи (коломійскій округъ), да постановленіемъ собора кіевскаго 1622 года, который опредѣлилъ: „послать на Аѳонскую гору, вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ“. Изъ этого постановленія видно развѣ то одно, что Іоаннъ Вишенскій въ этомъ году былъ еще въ живыхъ. Кромѣ этой един-

ственной хронологической даты проф. Сумцовъ даже не пытался хронологически опредѣлять какія либо другія подробности.

Изъ сочиненій Іоанна Вишенскаго до появленія монографіи проф. Сумцова извѣстныхъ было только четыре „Посланія", напечатанныхъ въ 1865 г. во второмъ томѣ „Актовъ, относящихся къ южной и западной Россіи". Проф. Сумцову принадлежитъ заслуга, что онъ отстоялъ для Іоанна Вишенскаго также „Зачапку мудраго латинника съ глупымъ русиномъ", напечатанную въ приложеніи къ первому тому монографіи С. Голубева „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники". Какую нибудь хронологическую послѣдовательность въ этихъ сочиненіяхъ проф. Сумцовъ не пытался установить. Кромѣ того онъ привелъ свидѣтельство архіепископа Филарета о двухъ до сихъ поръ ненапечатанныхъ сочиненіяхъ Вишенскаго, а именно: 1) Наставленіе въ благочестіи старицѣ Доминикіи и 2) Позорище мысленное. Кромѣ того въ концѣ предисловія къ „Зачапкѣ" Вишенскій упоминаетъ еще о трехъ своихъ сочиненіяхъ, посланныхъ имъ съ Аѳонской горы на Русь, а именно: 3) Древо, зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла, 4) Церковца, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть и 5) Маленькая пѣсенька церковная.

Мнѣ посчастливилось найти на выставкѣ, устроенной львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ въ воспоминаніе 900-лѣтней годовщины крещенія Руси и только на дняхъ закрытой,—значительный отрывокъ рукописнаго собранія сочиненій Іоанна Вишенскаго. Отрывокъ этотъ содержитъ: 1) краткое предисловіе, которое оканчивается стихотвореніемъ, 2) оглавленіе всего, что содержалъ въ себѣ сборникъ, а именно перечень десяти сочиненій, изъ коихъ пять (или шесть) были до сихъ поръ извѣстны, одно печатается мною въ приложеніи къ этой статьѣ, а три остаются пока неизвѣстными, и, быть можетъ, совсѣмъ затерялись. Въ самомъ сборникѣ мы находимъ дальше: 3) „О чину прочитанія сего писанія", небольшую, но крайне интересную статейку. Она интересна по своему содержанію, а также и потому, что почти буквально (кромѣ ошибокъ въ переписываніи и прочтеніи)

находится, какъ послѣсловіе къ второму полемическому сочиненію, „Краткословный отвѣтъ Феодула, въ святѣй афонстѣй горѣ скитствующаго“ и проч., извлеченному С. Голубевымъ вмѣстѣ съ „Зачапкой“ изъ одного рукописнаго сборника и напечатанному въ приложеніяхъ къ первому тому его монографіи о Петрѣ Могилѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, что „Краткословный отвѣтъ Феодула“ принадлежитъ Іоанну Вишенскому. Дальше слѣдуетъ маленькая статейка: 4) „Ко прочитателю на еднѣ сего писаня“, послѣ которой идутъ поименованныя въ оглавленіи сочиненія, а именно: 5) „Обличеніе діавола миродержца“; 6) „Писаніе до князя Василія Острожскаго“, напечатанное въ „Актахъ ю. и з. Россіи“ вмѣстѣ съ поименованной въ нашемъ оглавленіи подъ г҃ „Порадой“; въ нашемъ сборникѣ оба эти сочиненія составляютъ какъ будто одно цѣлое; 7) „Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ“, напечатанное въ „Актахъ ю. и з. Россіи“, и 8) значительный отрывокъ „Писанія къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ“. Ежели мы названное въ нашемъ оглавленіи подъ и҃ сочиненіе „Загадка философомъ латинскимъ“ отождествимъ съ „Зачапкой“, которую и самъ авторъ въ заглавіи называетъ тоже „гаданіемъ или бесѣдой“, въ текстѣ же (стр. 79) прямо называетъ загадкой („Конецъ загадцѣ и отвѣта мудраго съ глупымъ“), то останутся еще три тамъ поименованныя, и до сихъ поръ неизвѣстныя сочиненія нашего автора, а именно: 9) О еретикахъ, 10) Слѣдъ краткій и 11) Новина. Ежели присовокупить къ этому списку еще пять выше поименованныхъ, и до сихъ поръ неизвѣстныхъ сочиненій, то увидимъ, что число всѣхъ сочиненій, написанныхъ нашимъ авторомъ, о которыхъ мы имѣемъ извѣстія, простирается до шестнадцати, изъ коихъ ровно половина до сихъ поръ приведена въ общественную извѣстность.

На основаніи этихъ сочиненій мы можемъ съ приблизительной точностью опредѣлить еще нѣсколько моментовъ изъ жизни Іоанна Вишенскаго.

Прежде всего „Краткословный отвѣтъ“ даетъ намъ одну цѣнную автобіографическую подробность. Говоря о лжи и прелести латинянъ, авторъ разсказываетъ: „и я нѣкогда въ той пробѣ

былъ, и самъ своимъ слухомъ латинскаго оратора свѣдчилъ... Латинскій ораторъ, достоинствомъ сана мистръ, имѣлъ дружбу со мною въ Луцку, и не утаилъ тѣлесное пожадливости предо мною, которого звитяжецъ былъ, ато, какъ блуда отъ цнотливые девицы прагнулъ, и не могъ повабками того себѣ зъеднати.... рѣчьми сладкими и бесѣдами прельстилъ дѣвицу и тѣмъ словеснымъ похлебствомъ цноту дѣвицы укралъ" (Голубевъ. Приложенія, 114—115). Здѣсь мы имѣемъ прямое указаніе на то, что Іоаннъ Вишенскій до написанія этого сочиненія долгое время жилъ въ Луцкѣ, гдѣ пользовался дружбою и очень короткимъ знакомствомъ какого то знатнаго лица изъ числа латинскаго духовенства. Можно сомнѣваться, чтобы это могло случиться послѣ его постриженія вь монахи, и послѣ того, какъ мысль его приняла извѣстное, рѣшительно аскетическое и латинству враждебное направленіе. По всей вѣроятности мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, происшедшимъ еще въ то время, когда писатель нашъ былъ мірскимъ человѣкомъ и молодымъ. Какъ нужно понимать слова: „и я нѣкогда въ той пробѣ былъ",—говоритъ ли здѣсь Іоаннъ Вишенскій объ искушеніяхъ, какія представляла ему похоть людская (что менѣе вѣроятно), или же о тѣхъ искушеніяхъ, въ какія вводили его краснорѣчивые и льстивые латинскіе ораторы—этого рѣшить не берусь. Быть можетъ даже, что фактъ обезчещенія дѣвушки знатнымъ латинскимъ ксендзомъ и его другомъ произвелъ на нашего писателя сильное впечатлѣніе и далъ его мыслямъ рѣшительный толчокъ въ направленіи къ аскетизму.

О пребываніи Іоанна Вишенскаго въ Луцкѣ мы имѣемъ еще другія свидѣтельства въ его сочиненіяхъ. Такъ, въ своемъ „Писаніи къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ" онъ обращается къ Кириллу Терлецкому, епископу луцкому, съ слѣдующими словами: „Пощупайся толко въ *лысую* головку, ксенже бискупе луцкій, колко еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу послалъ, однихъ сѣканою, другихъ водотопленою, третихъ огнепалною смертію отъ сея жизни изгналъ?..... *Вспоняни и Филипа маляра* многопѣняжного. Камо тые румяные золотые по его неволномъ отходѣ осталися, и въ чіемъ нынѣ везеню сидятъ?" (Арх. ю. и з. Россіи, стр. 320). Какъ видимъ

изъ этого обращенія, „мнихъ аѳонскій“ хорошо зналъ Терлецкаго и всю его подноготную. Не менѣе хорошо онъ зналъ и втораго коновода Берестейской уніи Діонисія Збируйскаго, епископа холмскаго, о которомъ въ томъ же посланіи говоритъ: „Также холмскій, *коли въ Луцку жилъ*, Сексономъ и Майдебурскимъ правомъ свое черево кормилъ“ (Акты, стр. 231). Значитъ, Іоаннъ Вишенскій зналъ Збируйскаго тоже въ Луцкѣ, когда тотъ занимался въ томъ городѣ судебной практикой.

Въ посланіи къ князю Василію К. Острожскому мы имѣемъ намеки на то, что Іоаннъ Вишенскій бывалъ въ Острогѣ (что очень естественно въ виду его долгаго пребыванія въ недалекомъ Луцкѣ), Жидичинѣ и др. мѣстахъ Волыни и Подоліи. Въ Острогѣ онъ видалъ народный обычай—класть пироги и яйца на гробахъ покойниковъ, въ Жидичинѣ же его возмутили праздничныя ярмарки (Акты, стр. 223). Что авторъ нашъ имѣлъ обыкновеніе въ посланіяхъ своихъ спеціально упоминать мѣста, въ которыхъ самъ побывалъ, на это мы имѣемъ доказательство въ предисловіи „Зачапки“, которую онъ адресуетъ „Благочестивымъ и православнымъ христіаномъ малое Росіи, братству лвовскому и виленскому, *таже всьмъ подгорскимъ обывателемъ*, гражданомъ и началствующимъ въ своихъ державахъ рода шляхецкого и повсюду обще, *по Куту и Волыню* и проч.“ (Голубевъ, Приложеніе, стр. 67). Какъ увидимъ ниже, „Зачапка“ писана была послѣ пребыванія автора въ галицкомъ Подгорьи и Покутьи, о которомъ онъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ не упоминалъ.

Изъ его монашеской жизни мы можемъ хронологически опредѣлить одну дату. Въ житіи Іова Княгиницкаго (Зоря Гал., стр. 233) читаемъ, что князь Василій Острожскій запросилъ Іова въ Дермань и поручилъ ему устройство дерманскаго монастыря и типографіи. „И многимъ тамо (Іовъ) на успѣхъ бысть, труждахся, помогая въ духовныхъ же и телесныхъ и въ друкарни; *тогда охтаи друковаху*. По семъ возвратися въ свою обитель до Угорникъ и въ той часъ отецъ Іоанъ Вишенскій другъ его отъ святыя горы прійде и поживъ съ ними нѣколико время“. Октоихъ дерманскій изданъ былъ въ 1604 году, поэтому можно

полагать, что путешествіе Іоанна съ Аѳонской горы въ Угорники случилось около 1605 года.

Въ Угорникахъ (теперь небольшая деревня близь мѣстечка Отыніи, коломыйскаго округа), Іоаннъ пробылъ въ первый разъ недолго—„нѣколико время“. Куда направился онъ изъ Угорникъ житіе не говоритъ, упоминаетъ только о совѣщаніи Іоанна съ Іовомъ Княгиницкимъ о пустынножительствѣ („потомъ оба совѣщавшися, жесточайшаго, безмольвнаго житія желающе“) и объ удаленіи Іова въ горы. Кажется, что Іоаннъ остался еще нѣкоторое время въ Угорникахъ, на то намекаетъ извѣстіе того же житія, что Іовъ,удаляясь въ пустыню, вручилъ Іоанну „сыновца своего Дмитра“, съ которымъ Іоаннъ впослѣдствіи отправился въ горы въ окрестности Краснополя (теперь городокъ Юлотвина), гдѣ Іовъ жилъ отшельникомъ въ лѣсахъ недалеко отъ села Жарковы надъ рѣчкой Манявкой[1]) „Потомъ же Іоаннъ Вышенскій взявши отрока сыновьца его (Іова) Дмитра, иже бѣ вручилъ ему старецъ, пріиде, и пребыть и той съ нимъ время не мало“—говоритъ авторъ житія („Зоря Гал.“ 234). Какъ долго пробылъ въ томъ безлюдномъ мѣстѣ нашъ писатель, объ этомъ мы можемъ составить себѣ хотя и приблизительное, но все таки довольно опредѣленное понятіе. Вотъ что мы далѣе читаемъ въ житіи: „Іоаннъ же Вышенскій поживши зде, паки отходитъ въ святую гору, оставлъ при немъ (Іовѣ) отрока его, старцу же совѣтоваше и моляше й не отлучатися отъ горъ сихъ и пустиня, ибо есть, рече, прилично мѣсто спастися хотящимъ, еже и собысться... И въ то время преставися Ексарха великаго ѳрону константинопольскаго, Гедіонъ Балабанъ, епископъ львовскій“. (З. Гал. стр. 234, 235). А такъ какъ Гедеонъ Балабанъ умеръ въ 1607 году, то ясно отсюда, что пребываніе Іоанна Вишенскаго въ покутской Руси длилось безъ малаго два года (1605—1607). Вотъ и все, что мы можемъ болѣе или менѣе достовѣрнаго сказать о жизни знаменитаго полемиста.

Попытаемся теперь коснуться вопроса о хронологической последовательности сочиненій Іоанна Вишенскаго. Нѣтъ сомнѣнія,

[1]) Смотри „Исторія Скиту Манявского“, написавъ и уложивъ д-ръ Юліанъ Целевичъ у Львовѣ 1887, стр. 12.

что особеннаго интереса опредѣленіе это пока не составляетъ. Іоаннъ Вишенскій, повидимому, началъ писать уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда его міровоззрѣніе и его понятія уже совершенно сложились и кристаллизировались, а поэтому въ его сочиненіяхъ мы не замѣчаемъ почти никакихъ признаковъ индивидуальнаго развитія. Тѣмъ не менѣе однакожъ опредѣленіе хронологической послѣдовательности сочиненій можетъ быть не безъ пользы для историка южнорусской литературы того времени, какъ и для оцѣнки современнаго религіознаго и общественнаго движенія.

Едва ли не первое по времени изъ извѣстныхъ намъ сочиненій Іоанна Вишенскаго есть его посланіе къ князю Острожскому. Посланіе это былъ отвѣтомъ на изданную православными въ 1597 г. книжку Ekthesis albo krótkie zebranie spraw ktore się działy na partykularnym to jest pomiestnym synodzie w Brześciu Litewskim", изображавшую незаконныя дѣйствія митрополита Михаила Рогозы и епископовъ, принявшихъ унію, равно какъ и на книгу, защищавшую этотъ соборъ. Почти одновременно съ этимъ посланіемъ должно было быть написано и „Писаніе къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ". Изъ заглавія этого писанія видно, что оно составлено еще при жизни митрополита Михаила Рогозы, умершаго въ 1600 году. Значитъ, оба эти сочиненія должны быть отнесены къ послѣднимъ годамъ XVI стол., а именно 1596—1600.

Что касается опредѣленія времени составленія двухъ другихъ сочиненій Іоанна Вишенскаго, а именно „Зачапки" и „Краткословнаго отвѣта", то для этого мы имѣемъ нѣкоторыя данныя въ самихъ этихъ сочиненіяхъ. „Краткословный отвѣтъ" есть опровержeніе втораго изданія сочиненія Скарги „O jedności kosciela Bożego". Изданіе это вышло въ 1590 году въ Краковѣ, и прислано было нашему автору патріархомъ александрійскимъ Мелетіемъ Пигасомъ „для изъявленія лжи" этого іезуитскаго сочиненія. Такъ какъ Мелетій Пигасъ умеръ въ 1601 году, а въ „Краткословномъ отвѣтѣ" о немъ говорится, какъ о живомъ, то сочиненіе это должно было быть составлено въ періодъ 1590—1601, скорѣе всего во второй половинѣ послѣдняго десятилѣтія XVI в. или въ первомъ году XVII в.

„Зачапка" написана нѣсколькими годами позже. Не только Мелетій Пигасъ, но и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ упоминаются въ ней, какъ покойные,—значитъ, сочиненіе это написано уже послѣ 1607 года, по возвращеніи Іоанна Вишенскаго изъ Покутья.

Такъ какъ въ прилагаемомъ ниже оглавленіи „Зачапка" или „загадка" упоминается, то несомнѣнно и эта попытка собранія всѣхъ сочиненій Іоанна Вишенскаго принадлежитъ времени позднѣйшему, послѣ 1607 года. Когда появились прочія извѣстныя намъ сочиненія нашего автора—объ этомъ судить мы не имѣетъ никакихъ данныхъ.

Миронъ.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

ПОВѢСТЬ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1].

I.

Какъ все ожило въ селѣ въ тотъ день! Передъ каждою стодолою суетились мужчины, женщины и дѣти, разстилали по землѣ мокрое сѣно, разставляли на солнцѣ снопы жита и овса; всѣ двигались проворно, схватывали одно, бѣжали за другимъ, какъ бы желая сразу сдѣлать десять дѣлъ. Женщины торопливо, дрожащими отъ поспѣшности руками развѣшивали на плетняхъ только что вымытое бѣлье, длинные куски полотна, мокрые кожухи и свиты; затѣмъ опрометью бросались въ хату, выносили оттуда пучки укропу, льна и конопли и также разставляли ихъ между колышками плетня; наиболѣе заботливыя даже дѣтей въ колыбелькахъ выносили изъ душныхъ хатъ на солнце, клали ихъ на самомъ припекѣ, гдѣ не было для тѣни даже и стебелька травы. Въ поле выгнали весь скотъ крупный и мелкій; изъ хатъ выползали дряхлые и больные старики и пригрѣвшись на солнышкѣ, съ наслажденіемъ вдыхали изсохшею грудью теплый, живительный воздухъ. Въ огородѣ у Якова среди желтыхъ гвоздикъ и георгинъ, прибитыхъ къ землѣ продолжительными дождями и первыми замо-

[1]) Повѣсть г-жи Ostoja, помѣщенная въ журналѣ Ateneum за 1888 г., подъ заглавіемъ „Zły duch“.

розками, стоялъ больной мальчикъ подростокъ, босой, въ отцовскомъ кожухѣ на плечахъ. Наканунѣ ему уже давали въ руки страстную свѣчку, но теперь и онъ выползъ на воздухъ, видно всеобщее оживленіе, сообщилось и ему, придавъ новыя силы. Онъ стоялъ, прислонившись въ плетню, стуча зубами, глядя угасшими глазами на залитыя солнцемъ крыши, жадно ловилъ воздухъ, но при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, задыхаясь кашлялъ и изо всѣхъ силъ хватался за плетень, какъ бы изъ боязни, чтобы вѣтеръ не унесъ его, не загналъ обратно въ избу, гдѣ смерть подстерегала его изъ всѣхъ темныхъ, закоптѣлыхъ угловъ. Кажется, если бы покойникъ всталъ изъ могилы и прошелся по улицамъ, никто не обратилъ бы на него вниманія,—такъ сильно страшилъ всѣхъ призракъ голода, притаившійся за снопами проросшаго хлѣба, выглядывавшій изъ-за кучъ на половину гнилаго картофеля.

Проливные дожди чуть не затопили деревни, подмыли старыя хаты, залили дырявыя *оборы*; въ теченіи нѣсколькихъ недѣль скотъ стоялъ по колѣни въ водѣ, а людей сушила тоска, страхъ и надрывающее душу сознаніе своего безсилія. Песчаный берегъ Нѣмана, размякшій отъ дождя, обрушивался мало по малу, унося съ собою часть плетней и огородныхъ овощей вмѣстѣ съ землею, а люди въ страхѣ ожидали, что скоро наступитъ очередь и ихъ хатъ, протянувшихся длиннымъ рядомъ вдоль берега; иные опасались даже свѣтопреставленія. Что было дѣлать? Почти всѣ, и старые, и молодые, спали по цѣлымъ днямъ, а проснувшись выходили на улицу, чтобы еще разъ взглянуть на свинцовое небо, на мокрую землю, на потемнѣвшія отъ дождя изгороди и постройки, наконецъ, на сосѣда, также стоящаго за воротами, съ тѣми же заспанными глазами глядящаго на мокрый міръ. Самые старые за весь свой долгій вѣкъ не спали такъ много, какъ въ то несчастное лѣто. Въ избахъ было душно, какъ въ ковчегѣ во время потопа, такъ какъ въ нихъ, кромѣ спящихъ людей, пребывали во время ливня всѣ куры, поросята, козы, а на ночь загонялись туда же овцы и коровы; все это вялое и осовѣлое, подобно ихъ владѣльцамъ, ѣло и дремало въ ожиданіи лучшей погоды. Наконецъ ливень превратился въ обыкновенный дождь съ вѣтромъ; страшный вихрь подбрасывалъ пѣнистыя волны рѣки

на высокій берегъ, срывалъ промокшія крыши, выворачивалъ изъ земли легкія изгороди, разрушалъ все на своемъ пути—однѣ только избы уцѣлѣли какимъ то чудомъ. Люди спали уже только до полудня, затѣмъ выглядывали то въ окна, то въ двери, прислушивались, соображали, пока наконецъ не дождались осенней погоды сухой и свѣжей; всѣ ободрились, словно ожили, даже тѣ, чьи глаза совсѣмъ запухли отъ сна, и тѣ веселѣе глядѣли на ясный свѣтъ.

Въ селѣ люди загудѣли, какъ пчелы въ ульѣ: закипѣла вездѣ неоконченная работа. Всюду, гдѣ спала вода, на лугахъ, на поляхъ, гдѣ чернѣлъ еще неубранный картофель, сновали люди, какъ муравьи, отогрѣтые весеннимъ солнцемъ. Къ полудню подошли туда же и старики, чтобы еще разъ собственными глазами посмотрѣть на вымокшее сѣно, на гнилой картофель, сравнить убытки этого года съ прежними, еще разъ припомнить свои лучшія времена и погоревать о настоящемъ. Вскорѣ деревня совсѣмъ опустѣла. Каждый, миновавшій послѣднюю избу надъ рѣкою, съ удивленіемъ замѣчалъ, что даже старый Чмель на этотъ разъ выползъ изъ хаты, усѣлся на *прызьбѣ* противъ солнца и, обводя взглядомъ пустое подворье, то обращалъ потухшіе глаза къ воротамъ, то поворачивалъ голову во всѣ стороны, точно впервые ему пришлось видѣть свѣтъ Божій. Худощавый старикъ, лысый, съ сѣдою бородою, съ впалыми висками напоминалъ собою лики святыхъ на иконахъ, только наброшенная на плечи свита, вся въ заплатахъ, нарушала сходство; подлѣ него стояла на завалинкѣ деревянная коновка съ водою и кусокъ хлѣба съ солью, чтобы онъ не голодалъ въ одиночествѣ, пока сыновья съ женами воротятся съ поля.

—Ого! видно и Евку погнали на работу! замѣчали бабы, поглядывая на опустѣлое подворье и на дверь хаты, заложенную колышкомъ.

Всѣмъ было некогда, всѣ торопились, но передъ этою хатою каждый останавливался на минуту и, отходя, все еще оглядывался на нее съ любопытствомъ и даже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ; одна баба вскочила даже во дворъ, заглянула въ око-

шечко, въ *обору*, въ огородъ. Нигдѣ—никого.—Ни души живой, крикнула она и бросилась догонять сосѣдокъ.

Старикъ проводилъ ее взглядомъ и пожалъ плечами, какъ бы удивляясь тому, что баба скачетъ, какъ коза, между тѣмъ какъ онъ едва можетъ выйти изъ хаты опираясь на палку; совсѣмъ нѣтъ силы въ ногахъ—прохворалъ цѣлое лѣто, а здоровье и силы все какъ то не возвращаются. За то сегодня онъ чувствуетъ себя значительно крѣпче, легче.... какъ то даже необыкновенно легко. Если бы хоть немного силы, пошелъ бы и онъ съ другими въ поле, на лугъ... съ палкою, съ угрозою, какъ прежде. Безъ его надзора вѣдь все идетъ изъ рукъ вонъ плохо!... Эхъ! и думать не стоитъ о томъ, что онъ пережилъ, и что видѣлъ въ послѣдніе годы. Богъ имъ судья!... Можетъ быть выгнали бы изъ хаты, пустили бы по міру, если бы не деньги—небольшія сбереженія, собранныя еще въ лучшія времена, когда онъ самъ всю семью держалъ въ рукахъ. Еще и теперь, при одномъ воспоминаніи объ этомъ, окостенѣвшіе пальцы невольно сжимаются въ кулакъ. Деньги эти онъ тщательно скрываетъ... Какъ ни разнюхиваютъ домашніе, какъ ни ищутъ, ни выслѣживаютъ, но не найти имъ ихъ!... Можетъ быть они разсчитываютъ на сотни, на тысячи... Пусть ихъ разсчитываютъ, отъ того не прибудетъ и не убудетъ! Пускай себѣ люди разсказываютъ небылицы о его богатствѣ,—онъ одинъ знаетъ правду, знаетъ также и то, что ни одна рука человѣческая не можетъ обокрасть его. Вмѣстѣ съ своимъ сокровищемъ онъ прячетъ старинный грошикъ, тоненькій, потемнѣвшій, полученный имъ отъ нищаго за пару кислыхъ огурцовъ. Нищему онъ достался послѣ знаменитаго вора, не разъ обкрадывавшаго и панскіе дворы, и костелы и всегда счастливо уходившаго отъ преслѣдованія, пока наконецъ онъ, купаясь, не оставилъ на берегу этой монетки вмѣстѣ съ одеждою: его поймали въ то время и нагишомъ повели въ „холодну“. Многіе старались тогда добыть этотъ грошикъ—и паны, и священники, и евреи, но нищій ни за что не соглашался уступить его, не разставался съ нимъ ни на минуту и, хотя онъ и днемъ, и ночью одинъ ходилъ по лѣсамъ и оврагамъ, никогда его никто не ограбилъ, даже въ такіе дни, когда у него, кромѣ палки и дырявой сермяги, бы-

валъ въ сумѣ и мягкій хлѣбъ, и горсть соли, а въ пазухѣ нѣсколько мѣдныхъ грошей и полная тавлинка табаку. Съ тѣхъ поръ, какъ старый Чмель обладалъ этимъ талисманомъ, онъ еще заботливѣе пряталъ капшуки съ деньгами. Раньше бывало сыновья видали иногда этотъ дорогой капшукъ, когда ему приходилось доставать деньги на уплату податей или на другіе расходы; теперь же онъ и самъ забывалъ по временамъ, куда спряталъ его. Подъ конецъ однако старикъ отыскалъ для своего сокровища одно укромное мѣстечко и когда сосѣди говорили шутя, будто онъ закапываетъ деньги въ землю, старикъ не возражалъ, чтобы не давать повода къ излишнимъ распросамъ и догадкамъ. Въ теченіи своей болѣзни онъ уже нѣсколько разъ собирался отдать все старшему сыну, но какъ только начиналъ думать объ этомъ, силы какъ то возвращались снова, онъ понемногу поправлялся и чувствовалъ, что еще проживетъ годъ—другой, а можетъ быть и больше. А между тѣмъ, разъ упустивши казну изъ рукъ, онъ неизбѣжно утратитъ свой почетъ и значеніе въ домѣ. Теперь его по временамъ поятъ чаемъ съ перцемъ, который варятъ исключительно для него, хоть и въ пропитанномъ жиромъ горшечкѣ, пищу исправно подаютъ ему на печь. А тогда, почемъ знать, можетъ быть, пришлось бы умереть отъ голода... Пускай себѣ думаютъ, что получатъ въ наслѣдство сотни серебряныхъ рублей. Эхъ! Будь у него столько денегъ, какъ говорятъ, онъ давно бы уже купилъ хату и землю для Петра, самаго младшаго своего сына. Максимъ и Ѳедоръ унаслѣдуютъ материнскую землю и усадьбу, а тотъ бѣдняга останется ни съ чѣмъ, одинъ, какъ перстъ въ цѣломъ свѣтѣ. Родился онъ отъ бѣдной работницы, до самой смерти остававшейся въ услуженіи у Чмеля; то была сильная, мускулистая дѣвушка и до послѣдняго дня жизни трудилась, какъ волъ.... Скончалась она въ самый полдень весною, въ такой же ясный, тихій день, какъ и сегодня. Старикъ никогда не слышалъ отъ нея ни одного укора, развѣ только изрѣдка приговаривала она курамъ или коровамъ... а передъ смертью какъ то вдругъ разговорилась...

— Не обижай Петра, пожалѣй сироту! хотѣла еще что то сказать, да не стало голосу или, можетъ быть, словъ; она поцѣло-

вала его руку, словно благодарила за свою горькую участь. Онъ самъ отеръ съ ея лица послѣднія двѣ слезы, какія выплакала она на этомъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ Чмель не могъ уже найти такой тихой, работящей служанки. Онъ схоронилъ ее, поставилъ на могилѣ большой черный крестъ между двумя соснами; а деревенскій столяръ написалъ на немъ: „Маріе Дѣво, молись за насъ, тяжкихъ грѣшниковъ." Напрасно доказывали ему сосѣди, что покойница называлась Гапка и не была дѣвою; столяръ въ концѣ концовъ успѣлъ убѣдить ихъ въ томъ, что всѣ имена равны передъ Богомъ, а на томъ свѣтѣ никто не отличитъ дѣвушки отъ замужней женщины. Надпись осталась на своемъ мѣстѣ, а Чмель, проходя мимо кладбища, всегда смотрѣлъ въ ту сторону. Тамъ гдѣ то была могила и настоящей его жены, но та умерла такъ давно, что онъ забылъ даже и мѣсто, гдѣ она похоронена. Да и сыномъ Гапки онъ занимался больше, чѣмъ старшими дѣтьми! иногда большаго уже мальчика бралъ онъ на руки, если, возвращаясь съ поля, встрѣчалъ его гдѣ нибудь на улицѣ подъ заборомъ. Не давалъ его въ обиду, кормилъ, какъ могъ, и радовался въ душѣ, что мальчикъ выросталъ сильный, здоровый, румяный, хотя немного туповатый. Замѣтивъ гдѣ нибудь по пути хорошую хату съ огородомъ, съ участкомъ земли, Чмель всегда думалъ, что такую же точно купитъ онъ и для Петра. Раза два освѣдомлялся, прицѣнивался, торговалъ даже, но когда дѣло приходило къ расплатѣ,—какъ то откладывалъ, разсчитывалъ еще.... Приносилъ ему съ поля молодыхъ зайчиковъ, птичекъ или хорошую палку, которую мальчикъ тотчасъ обращалъ въ коня; отправляясь за добычею въ чужой садъ или огородъ, Петрусь всегда оставлялъ своего коня у забора и шелъ воровать безъ всякаго опасенія, увѣренный въ помощи отца, который всегда во время являлся на выручку. Сосѣди предсказывали, что хлопецъ выростетъ воромъ; онъ дѣйствительно выросъ и сдѣлался сильнымъ, плечистымъ парубкомъ, молчаливымъ и работящимъ, какъ нѣкогда мать его.

Жена старшаго брата Максима, замѣнившая хозяйку въ домѣ, съ каждымъ годомъ шила ему рубахи все шире и шире; онъ былъ выше всѣхъ въ цѣломъ селѣ, сгорбился прежде вре-

мени и постоянно смотрѣлъ въ землю; только оставшись одинъ на одинъ съ отцомъ, молодой человѣкъ подымалъ голову и устремлялъ на него ясные, робкіе глаза, словно съ нѣмымъ вопросомъ: что со мною будетъ, татуню? Старикъ хмурился, иной разъ выходилъ даже изъ хаты недовольный, въ раздумьи почесывая затылокъ и самъ не зная, какъ тутъ быть. Деньги какъ будто были... да впрочемъ, что это за деньги! Такая малость, а вѣдь это кровавый потъ, тяжелая работа всей его жизни съ цѣлой семьей... При одной мысли о томъ, что придется отдать ихъ, сердце старика болѣзненно сжималось, имъ овладѣвалъ гнѣвъ, онъ шелъ въ поле или брался за какую нибудь работу, чтобы отогнать недобрыя мысли. То вдругъ онъ дарилъ Петру свой старый кожухъ, обѣщалъ слѣпую кобылу, но тотъ словно и не слыхалъ, забывалъ даже поблагодарить отца и только все чаще и чаще останавливалъ на немъ боязливый взглядъ.

— Не бойся, далъ Богъ кровъ, дастъ и пищу—ободрялъ его старикъ.

Петръ молчалъ, громко сопя и поглядывая изъ подлобья то вправо, то влѣво.

— Послѣ можетъ быть... гдѣ нибудь... нужно будетъ... какъ нибудь... вотъ, такъ... эхъ, воля Божья во всемъ... Молодой человѣкъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, выжидая болѣе ласковаго слова, но старикъ останавливался, вздыхалъ и уходилъ, махнувъ рукою, не желая давать преждевременныхъ обѣщаній; онъ самъ себя обманывалъ, и хотѣлъ сдѣлать что нибудь, и боялся рѣшиться, откладывалъ изъ года въ годъ, пока наконецъ не заболѣлъ. Только тогда вспомнилъ онъ, что въ случаѣ его смерти парубокъ останется ни съ чѣмъ, безъ всякихъ правъ на наслѣдство; въ тяжкой болѣзни мысль эта преслѣдовала его постоянно, онъ хотѣлъ было даже потолковать съ сосѣдями,—все какъ то не приходилось къ слову. Пришлось бы вынуть деньги изъ тайника, показать, отдѣлить часть—но... лучше обождать еще немного; а тутъ подошли теплые дни, больной какъ то вдругъ ожилъ.... теперь онъ совсѣмъ здоровъ, не чувствуетъ ни какой боли, только временами какъ будто нѣкоторая еще слабость и сонливость.

— Будущею весною, если дастъ Богъ дожить, куплю ужъ непремѣнно... что будетъ, то будетъ; пусть хоть говорятъ, хоть не говорятъ, а я куплю хату... землю... повторялъ онъ какъ бы сквозь сонъ.

Солнце стояло высоко, надъ самою хатою и давно уже согрѣвало старика съ ногъ до головы жгучими лучами. Онъ спустилъ съ плечъ кожухъ, протянулъ ноги и медленно расправилъ старыя, наболѣвшія кости; сонъ одолѣвалъ все сильнѣе и сильнѣе, онъ закрылъ глаза и вдругъ ему почудилось, будто его подымаетъ какая то невидимая сила и уноситъ въ безграничное воздушное пространство... Село съ его околицею было передъ нимъ какъ на ладони... поля, залитыя солнцемъ, синій Нѣманъ среди песчаныхъ, размытыхъ береговъ, поросшихъ темнымъ лѣсомъ.... Никогда въ жизни глаза его не видѣли такъ ясно, какъ въ эту минуту: каждый стебелекъ травы на пожелтѣлой *стернѣ* совершенно отчетливо выдѣлялся передъ его глазами. Всѣ луга, лѣса, поля, какіе когда либо случалось видѣть въ жизни, теперь проходили передъ нимъ, смѣняясь одни другими и протянувшись длинными полосами туда далеко, гдѣ небо сходится съ землею. Старикъ смотрѣлъ и не могъ наглядѣться, съ наслажденіемъ вдыхалъ теплый воздухъ, а въ ушахъ раздавался какой то необычайный шумъ: жужжаніе пчелъ, отдаленный шелестъ деревьевъ, плескъ рѣчныхъ волнъ оглушали, одуряли его; казалось, всѣ звуки, нѣкогда слышанные имъ отдѣльно, теперь повторялись всѣ вмѣстѣ, только несравненно сильнѣе, отчетливѣе, словно въ цѣломъ мірѣ онъ одинъ видѣлъ и слышалъ за всѣхъ.

— Ой, Боже жъ мій мылый! вздохнулъ старикъ и раскрылъ глаза. Становилось свѣжо. Подулъ вѣтеръ съ поля, солнце спускалось за крышу и тѣнь отъ хаты ровною полосою протянулась на половину двора; у старика окоченѣли ноги; холодъ, охватившій колѣна, подымался все выше по всему тѣлу, пронизывалъ его насквозь, отяжелѣвшія вѣки спускались сами собою и какая то бѣловатая дымка разстилалась передъ глазами, село и поля виднѣлись какъ бы въ туманѣ... А холодъ пронизывалъ его все сильнѣе; старикъ совсѣмъ окоченѣлъ и какъ то особенно вытянулся и выпрямился; въ груди чувствовалъ жаръ, а въ глазахъ

словно застывали стекловидныя слезы... онъ видѣлъ свою хату, стоящую на окраинѣ надъ самымъ обрывомъ, низкую, почернѣлую, съ поросшею мхомъ крышею; песчаный берегъ мало по малу осыпался у самаго ея основанія и комья песку медленно скатывались внизъ въ рѣку.

Старый Чмель закрылъ глаза; что то клонило его къ землѣ; онъ видѣлъ какъ на яву свою полянку близъ лѣса, тщательно вспаханную и забороненную, окаймленную зеленѣющею межою, и медленно склонялся къ ней, безъ опасенія, съ довѣрчивою улыбкою. Сколько разъ случалось ему лежать на этой межѣ въ полдень, отдыхая въ ожиданіи, пока выкормятся усталые отъ работы волы.

Солнце совсѣмъ зашло, сумерки спускались на землю, только крыши да верхушки деревьевъ блестѣли еще, залитыя красноватымъ свѣтомъ. У воротъ проходили люди съ граблями черезъ плечо, бабы съ пустою посудою, за ними мелкими шажками бѣжали дѣти, иные верхомъ на палкѣ, другіе просто пѣшіе. Каждый проходящій оглядывался на пустынный дворъ, на сидѣвшаго на *прызьбѣ* старика, и произносилъ обычное привѣтствіе, пастухъ крикнулъ ему, чтобы отворилъ ворота и впустилъ скотъ, но тотъ и не пошевельнулся, оставаясь сидѣть по прежнему, прислонившись къ стѣнѣ, опустивъ голову и сложа руки на колѣняхъ,—задремалъ ли онъ, или уснулъ на вѣки! Коровы постояли немного на улицѣ, потомъ сами, то съ помощью роговъ, то бокомъ, кое какъ открыли ворота, прошли одна за другой, оглянулись на хозяина и стали передъ запертою *оборою*; вслѣдъ вбѣжала кучка овецъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ, столпилась около хаты, поталкивала его окоченѣлыя колѣни,—онъ сидѣлъ, ничего не замѣчая. Движеніе и жизнь охватили деревню, вслѣдъ за стадомъ возвращались и люди. Вотъ Максимъ съ Ѳедоромъ прошли черезъ дворъ, одинъ въ хату, другой въ стодолу; женщины начали загонять по хлѣвамъ овецъ и свиней, никто не обратилъ вниманія на старика. Только усѣвшись съ подойникомъ подлѣ коровы, старшая невѣстка обернулась къ нему черезъ плечо.

— Идите уже въ хату, а то васъ опять схватитъ лихорадка.

— И душу вытрясетъ, подхватила младшая, Евка, подсаживаясь къ другой коровѣ.

Затѣмъ обѣ отвернулись и занялись своимъ дѣломъ. Въ это время Петръ съ граблями и вилами въ рукахъ входилъ во дворъ; онъ еще издали началъ приглядываться къ отцу, остановился передъ нимъ, вытянувъ шею, притаивъ дыханіе и долго не могъ рѣшить, спитъ ли онъ, или можетъ быть... Страшная мысль промелькнула въ умѣ парубка. Старикъ сидѣлъ, какъ живой, только лицо его, заросшее сѣдыми волосами, трудно было разсмотрѣть въ сумеркахъ. Петръ и не смотрѣлъ въ лицо, онъ только прислушивался и слышалъ, какъ его собственное сердце стучало въ груди, а кровь ударяла въ виски; сколько ни напрягалъ онъ зрѣнія, онъ не могъ уловить и малѣйшаго движенія. Медленно оглянувшись на обѣихъ женщинъ, онъ упорно опять смотрѣлъ на старика. Минуты бѣжали за минутами, холодная роса пахнула въ воздухѣ; въ дворикѣ окруженномъ хозяйственными постройками, было почти совсѣмъ темно—Петръ простоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ, осторожно ступая, пошелъ въ хату. Теперь онъ уже все зналъ, но еще самъ себѣ не вѣрилъ. Въ сѣняхъ еще разъ обернулся, поставилъ въ уголъ грабли, опустилъ руки, прислонился къ стѣнѣ и стоялъ, весь подавленный горемъ и тревогою. Онъ не рѣшался, не въ силахъ былъ первый объявить о случившемся; ему казалось, что все могло бы еще измѣниться, если онъ промолчитъ,—и стоялъ, притаившись въ темномъ углу; колѣна его дрожали, подгибались и слеза за слезою катилась по лицу. Онъ слышалъ, какъ Максимъ звалъ его изъ стодолы, зналъ, что еще до ночи нужно было убрать снопы на току и очистить мѣсто для сѣна, но не могъ двинуться изъ своего угла, не могъ поднять головы и ждалъ, опустивъ глаза въ землю... Изъ хаты долеталъ запахъ кипящаго картофеля... Петру припомнилось вдругъ, какъ днемъ на лугу, когда онъ немного замѣшкался за ѣдою, Евка назвала его „воломъ", „сучимъ сыномъ" толкнула ногою въ горшокъ съ молокомъ, бросила хлѣбъ собакѣ и полетѣла какъ бѣшеная, вѣдьма—проклятая!... Онъ ее когда нибудь научитъ... Когда нибудь!..по чемъ знать, что будетъ теперь съ нимъ самимъ... Теперь они здѣсь господа... полновластные хозяева...

Вошли женщины съ подойниками и во всю ширину открыли дверь въ хату; огонь въ печи освѣтилъ сѣни и босыя ноги стоявшаго въ темномъ углу парубка; онъ будто прилаживалъ что то обматывалъ тряпкою рукоять косы, а у самого дрожали руки, сжималось горло, его трясло какъ въ лихорадкѣ отъ одной мысли,— а что, если не правда? но пойти удостовѣриться онъ не рѣшался... онъ зарыдалъ-бы тамъ отъ отчаянія... Нѣтъ, пусть лучше они сами!... они здѣсь хозяева, а онъ только сынъ... и то... какой тамъ еще сынъ! Максимъ и Ѳедоръ вмѣстѣ вошли въ хату, вслѣдъ за ними съ шумомъ вбѣжали дѣти, изъ хаты пахнуло горячимъ паромъ отъ картофеля и кулиша, „хозяева“ усѣлись за столъ.

— А гдѣ-же *старый*? Стецко! бѣги, проси дѣда! а что же это вы, шельмы, сами прежде всѣхъ взялись за ложки? прикрикнулъ Максимъ на дѣтей и толкнулъ старшаго къ дверямъ. Петръ такъ и присѣлъ къ землѣ, въ ушахъ у него зазвенѣло. Онъ слышалъ испуганный крикъ Стецка; видѣлъ, какъ всѣ одинъ за другимъ выбѣжали во дворъ, какъ *Максимыха* отъ испуга или второпяхъ выскочила изъ хаты съ горящею лучиною... Слышалъ отрывистые возгласы испуга, удивленія, пискливый плачъ дѣтей, но самъ не могъ двинуться съ мѣста; что то сдавливало ему горло, онъ сидѣлъ, скорчившись вдвое, и пряталъ въ рукахъ голову.

— Боже мылый!... Боже-жъ мій мылый, шепталъ онъ, закрывъ глаза; его даже не разбирало любопытство пойти взглянуть въ мертвое лицо отца, посмотрѣть, похожъ ли онъ еще на себя, или нѣтъ?... Онъ совсѣмъ ослабѣлъ.... Высокій плечистый крестьянинъ, румяный, съ огромными усами, вдругъ обезсилѣлъ, какъ ребенокъ, сидѣлъ, прислонивъ голову къ стѣнѣ, а изъ глазъ катились час-тыя дѣтскія слезы.

Наконецъ, все въ хатѣ успокоилось и пришло въ порядокъ; старика уложили на постель и Максимъ разъ—другой выходилъ въ сѣни, оглядываясь во всѣ углы, нѣсколько встревоженный.

— Иди въ хату, шепнулъ онъ, замѣтивъ Петра; взялъ его за руку, постоялъ немного, желая еще что то сказать и не находя словъ.—Ну, иди, чего тамъ, вотъ извѣстно... каждому такъ будетъ... Онъ отворотился и умолкъ. Петръ, самъ не зная зачѣмъ, поцѣ-

ловалъ его руку.—Иди! повторилъ Максимъ и провелъ рукавомъ по глазамъ; оба вошли вмѣстѣ въ избу и присѣли къ столу; Максимъ пододвинулъ къ нему миску съ кушаньемъ, отрѣзалъ краюху хлѣба, а самъ облокотился на столъ, закрылъ руками лицо и сидѣлъ молча. Петръ началъ ѣсть; отъ теплой пищи теплѣе становилось въ груди и въ желудкѣ, отъ ласковыхъ словъ Максима какъ то вдругъ легко сдѣлалось ему на сердцѣ. Слезы все еще падали въ миску, смѣшивались съ крупникомъ, но шумъ въ головѣ уже прекратился, возвратились и сила, и надежда—теперь онъ готовъ былъ пойти въ огонь для Максима, работать для него съ утра до ночи, такъ просто за кусокъ хлѣба; оберегать его имущество, можетъ быть онъ готовъ бы даже красть для него.... а что-жь? и укралъ бы, еслибъ нужно было! Онъ всегда любилъ и слушалъ Максима, а теперь.... Теперь у него не доставало и мысли для выраженія неудержимыхъ порывовъ благодарности, возбужденной горемъ, сознаніемъ потери и тревожной неизвѣстности. По мѣрѣ ѣды Петръ поглядывалъ на него украдкою, глоталъ ложку за ложкою, очистилъ миску до дна, весь отрѣзанный хлѣбъ съѣлъ безъ остатка, выказывая этимъ свою покорность и готовность къ услугамъ, вспотѣлъ даже отъ усердія и еще больше раскраснѣлся.... Онъ чувствовалъ, что въ темномъ углу за спиною лежитъ на кровати старикъ, прикрытый бѣлымъ полотномъ, онъ замѣтилъ его, когда входилъ въ избу, и теперь не переставалъ ощущать его близость... онъ еще сожалѣлъ объ отцѣ, еще не рѣшался взглянуть ему въ лицо, но мысль его уже больше была занята Максимомъ.

Между тѣмъ хата опустѣла. Ѳедоръ отправился готовить доски для гроба, дѣти спали на печи, одна *Максимыха* хлопотала о чистой одеждѣ для покойника, вынимала изъ скрыни бѣлье и свиту и поминутно утирала носъ угломъ фартуха.

— Пойдемъ, онъ одинъ не справится тамъ, сказалъ Максимъ, медленно подымаясь; Петръ послѣдовалъ за нимъ, съ порога оба еще разъ оглянулись на постель и въ сѣняхъ столкнулись съ Евкою. Цѣлый вечеръ она летала сама не своя, то въ хату, то изъ хаты, то лазила на крышу, то сновала по двору, вся разгорѣвшаяся, какъ въ лихорадкѣ. Шесть лѣтъ уже, какъ она была замужемъ, а

выглядѣла какъ дѣвушка, худощавая, смуглая брюнетка съ большими сѣрыми глазами, съ мелкими чертами лица и ослѣпительно бѣлыми зубами. Она нетерпѣливо кусала губы, а глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны; въ красной юбкѣ, въ бѣлой рубахѣ, съ голубыми бусами на шеѣ, ея легкая фигура особенно рельефно выступала на фонѣ закоптѣлыхъ стѣнъ.

— Что вы такъ цѣлую ночь будете топтаться? спросила она запыхавшись, перебѣгая взглядомъ отъ невѣстки къ покойнику, къ *скрынѣ* и узелкамъ, ее жгло въ груди, въ рукахъ и ногахъ чувствовался зудъ какой то, она нетерпѣливо подергивала плечами.

— Я посижу возлѣ него... вотъ только сбѣгаю къ сосѣдкѣ.... ложитесь спать!

Максимыха, не оставляя сундука, поглядѣла на нее черезъ плечо.

— Берегла я его при жизни, поберегу и по смерти, медленно проговорила она.

Евка присѣла на лавку и дрожащими пальцами дергала уголъ передника.

— Такъ я посижу съ вами! прошипѣла она сквозь зубы. Ей не сидѣлось на мѣстѣ, босыя ноги ерзали по полу; наконецъ она схватила ведро и жадно глотала воду, потомъ оставила на минуту и снова принималась пить, какъ измученная лошадь, не спуская глазъ съ невѣстки. Вдругъ она отставила ведро на полъ и схватила дымящуюся лампочку.

— Я вамъ посвѣчу, а то пожалуй въ потьмахъ еще надѣнете на старика свою юбку! она засмѣялась и открыла свои бѣлыя зубы. Максимыха отплюнулась, пожала плечами и съ безпокойствомъ взглянула на бѣлое полотно, изъ подъ котораго въ одномъ концѣ виднѣлся высокій лобъ, окруженный сѣдыми волосами, въ другомъ выступали окостенѣлыя босыя ступни ногъ.

На слѣдующее утро старикъ былъ уже на кладбищѣ. Сосѣди прямо съ похоронъ отправились въ поле на работы, а Максимъ съ братьями тѣмъ же самымъ возомъ, на которомъ привезли гробъ, поѣхали за нѣсколько верстъ на лугъ за сѣномъ. Петръ правилъ лошадью, братья сидѣли, свѣсивъ ноги, спиною другъ къ другу. Ѣхали вдоль берега рѣки, солнце пригрѣвало, какъ лѣ-

ромъ, на выжатыхъ поляхъ кое гдѣ блистали еще капли ночной росы. Въѣзжая на песчаный пригорокъ, Петръ пустилъ лошадь шагомъ и оглянулся назадъ; на опушкѣ сосноваго лѣса какъ на ладони видно было кладбище—нѣсколько десятковъ могилъ, поросшихъ рѣдкою травою, съ кривыми крестами среди рѣдкихъ сосенъ. Солнечные лучи, проникавшіе между вѣтвями и высокими прямыми стволами, освѣщали новую могилу, высыпанную желтымъ пескомъ.

— Вонъ гдѣ лежитъ старый! подумалъ Петръ, глядя черезъ плечо въ ту сторону, пока лошади медленно подымались на гору. Максимъ еще вчера сказалъ ему, что онъ получитъ третью часть денегъ, что его не обидятъ, отдадутъ ему даже старую свиту, шапку и тавлинку, о сапогахъ только не вспомнилъ, не сказалъ также, сколько осталось денегъ, потому что и самъ не зналъ. Петръ былъ увѣренъ, что на долю его достанется сто, а можетъ быть и двѣсти рублей. Онъ успокоился, повеселѣлъ и, поглядѣвши еще разъ съ горы на лѣсъ, протянувшійся длинною полосою вдоль берега, и на песчаные холмики между сосенъ, повторилъ съ полною покорностью судьбѣ:

— Вонъ гдѣ лежитъ старый....

У корчмы остановились на минуту; чисто выбѣленный и оштукатуренный домикъ, обращенный фасадомъ къ рѣкѣ, похожъ былъ скорѣе на домъ шляхтича или священника; *ганокъ* съ четырьмя деревянными колоннами; на той половинѣ, гдѣ было помѣщеніе хозяина, въ окнахъ виднѣлись вязаныя занавѣски, фуксіи и герань въ вазонахъ; самъ Шмуль стоялъ на *ганкѣ* въ разстегнутомъ кафтанѣ и гарусныхъ туфляхъ на босую ногу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выдалъ замужъ трехъ дочерей и самъ женился вторично на молодой красивой дѣвушкѣ, онъ началъ важничать, держался какъ то солиднѣе, пересталъ бесѣдовать съ крестьянами, рѣдко даже заглядывалъ въ шинокъ—всѣми дѣлами завѣдывала жена, а онъ только выказывалъ особое вниманіе къ извѣстнымъ торжественнымъ событіямъ, связаннымъ съ религіозными обрядами. Если кумовья, возвращаясь съ крестинъ, заходили въ корчму, онъ каждому давалъ даромъ по стаканчику водки, угощая и крестника нѣсколькими каплями для того, что-

бы тотъ съ первыхъ дней позналъ, что есть добраго на свѣтѣ. Такую же точно честь оказывалъ онъ и новобрачнымъ, а возвращавшихся съ похоронъ угощалъ такою водкою, что тѣ послѣ второй рюмки не могли отличить погребенія отъ свадьбы. Вотъ почему въ подобныхъ случаяхъ приходили къ нему не только изъ своего села, но пріѣзжали и изъ другихъ приходовъ, дѣлали зачастую нѣсколько верстъ въ сторону, лишь бы показать Шмулю крестника, получить угощеніе и безплатно напоить ребенка хорошею водкою. Свадебныя процессіи всегда останавливались здѣсь хоть на минутку, а нерѣдко оставались до самой ночи, а иногда и до утра; Шмуль охотно давалъ въ кредитъ, а такъ какъ онъ обыкновенно при разсчетѣ уступалъ нѣсколько копѣекъ, то всѣ предпочитали пить у него въ долгъ, нежели у другаго за деньги.

— Глупые мужики, говаривалъ онъ съ небрежною улыбкою при всякихъ денежныхъ спорахъ, развѣ мнѣ нуженъ вашъ грошъ, развѣ я наживаюсь отъ васъ? Вотъ большая выгода! Съ мужика, какъ съ козла, ни молока, ни мяса! Что за барыши отъ корчмы? Если бы я имѣлъ столько, сколько затрачиваю на нее, давно бы уже ходилъ въ золотѣ. Ну, что тамъ разговаривать! я васъ не хочу обижать!

Крестьяне недовѣрчиво качали головою, слушая такія рѣчи иногда тотъ или другой называлъ его „Іудою“, но вообще чувствовали нѣкоторое уваженіе къ его атласному халату и серебрянымъ часамъ, къ тому же и флегматичное спокойствіе хозяина нѣсколько импонировало имъ. Разъ только извѣстный пьяница Гаврилко укралъ у него жестяную *кварту*, спряталъ ее на возу и, возвращаясь домой, во всю дорогу повторялъ пьянымъ голосомъ, для успокоенія совѣсти:

— Вотъ бестія! Христа распялъ... и живъ... невира проклятый... а! какъ его земля носитъ и смерти на него нѣтъ!

Онъ обронилъ кружку по дорогѣ и послѣ того цѣлый мѣсяцъ не смѣлъ глазъ показать въ корчму, а когда, наконецъ, воротился, Шмуль принялъ блуднаго сына съ библейскою кротостью и угостилъ настоянною на махоркѣ водкою, отъ которой того зажгло, какъ огнемъ; пилъ онъ безъ просыпу четверо сутокъ, пока не пришлось выгнать его изъ корчмы.

— Какой изъ тебя хозяинъ, усовѣщевалъ его Шмуль на пятый день, пропилъ и сапоги, и свиту? Стыдись! даже мнѣ стыдно, что такіе хозяева пьютъ въ моей корчмѣ. Заплати только за водку, а сапоги и свиту я и даромъ отдамъ—мнѣ они не нужны! я, слава Богу, мужицкой одежды не носилъ и носить не буду.

Говоря онъ прохаживался медленными шагами, заложа руки за спину, иногда бралъ понюхать табаку у болѣе зажиточныхъ изъ посѣтителей, бесѣдовалъ съ ними, но не допускалъ до фамильярности и даже самыхъ богатыхъ нерѣдко въ глаза называлъ „мужиками", если тѣ, потолковавши о томъ, о семъ, выходили трезвые изъ корчмы послѣ первой „кватырки". У Максима были съ нимъ давніе, чрезвычайно запутанные счеты; при мысли о нихъ крестьянинъ чувствовалъ, какъ что то сосало ему сердце, онъ какъ то весь ослабѣвалъ, словно терялъ сразу всю свою кровь; избѣгалъ своего кредитора и въ послѣдніе мѣсяцы совсѣмъ не заглядывалъ въ корчму; Шмуль только у сосѣдей наводилъ справки объ этомъ „ворѣ" и „паскудникѣ", грозилъ ему и напоминалъ, что своего не подаритъ.

— Я уже о тѣхъ деньгахъ и не думаю, пусть онъ только вознаградитъ мои убытки на доктора!... Но мнѣ больно, что теперь и сыновьямъ хорошихъ хозяевъ нельзя довѣрять! Ну я уже себѣ такъ думаю, что это я бѣднымъ роздалъ!

Максимъ изъ себя выходилъ, слушая такія рѣчи, глаза его горѣли, онъ уже десятки разъ готовъ былъ задушить еврея, но всегда откладывалъ до слѣдующаго раза и долговъ все таки не платилъ. При встрѣчѣ онъ опускалъ голову, крался, какъ воръ, не смѣя поднять глазъ, а въ душѣ проклиналъ еврея и дивился, какъ его до сихъ поръ черти не возьмутъ. Ему легче было бы выносить всевозможныя безпокойства, самыя настойчивыя напоминанія и требованія денегъ, нежели эту унизительную снисходительность, за которую придется со временемъ уплатить все сполна и съ процентами.

Теперь, подъѣзжая къ корчмѣ и еще издали замѣтивъ ея хозяина, Максимъ отплюнулся и съ пренебрежительнымъ видомъ продолжалъ курить трубку, а у самого голосъ замиралъ отъ радости,

что вотъ, наконецъ, онъ въ состояніи бросить деньги этой собакѣ. Сидя на возу спиною къ еврею, онъ крикнулъ черезъ плечо.

-- Эй ты плутъ! сколько тамъ насчиталъ на меня? Призови чорта, пусть поможетъ тебѣ сосчитать, потому что я завтра заплачу; довольно уже держалъ меня въ своихъ лапахъ! Чтобъ тебѣ провалиться, проворчалъ онъ сквозь зубы и потянулъ трубку.

Шмуль стоялъ невозмутимо, словно и не слыхалъ, и, заложа руки въ карманы, смотрѣлъ на рѣку, сверкавшую на солнцѣ. Онъ давно привыкъ къ ругательствамъ и угрозамъ, не разъ даже самъ вызывалъ ихъ довольно искусно—брань на вороту не виснетъ, а между тѣмъ легче приводитъ дѣло къ желанному концу; случалось зачастую, что крестьянинъ, выругавшись всласть, отдавалъ спорный пятакъ или даже гривенникъ, Шмуль пряталъ придачу съ олимпійскимъ спокойствіемъ и думалъ:

— Ну, этотъ по крайней мѣрѣ понимаетъ приличіе.

Такое равнодушіе раздражало Максима, онъ хотѣлъ было еще разъ назвать еврея плутомъ, но рѣшилъ, что не стоитъ, молча плюнулъ и сидѣлъ нахмурившись въ ожиданіи жены, которая съ кладбища зашла домой взять хлѣбъ и молоко и должна была кратчайшимъ путемъ, черезъ поля, догнать ихъ у корчмы.

— Когда принесете деньги, тогда и счетъ сведемъ; при чемъ тутъ чортъ? отвѣчалъ шинкарь съ шутливою важностью. А нѣтъ ли у васъ тамъ какого парубка? Вотъ купецъ присталъ съ баркою, не можетъ плыть дальше, заболѣлъ человѣкъ; пораспросите, не пойдетъ ли кто? Онъ настоящій купецъ, хорошо платитъ и вамъ дастъ на водку!

— А пускай самъ зубами тянетъ! проворчалъ Максимъ, какъ то особенно враждебно настроенный противъ евреевъ.

У противоположнаго берега рѣки стояла большая темная барка; кусокъ сѣраго холста, замѣнявшій собою парусъ, болтался на высокой мачтѣ, къ которой привязаны были нѣсколько толстыхъ канатовъ, съ широкою тесьмою на концахъ. Низкая и широкая, плотно обшитая дранью, барка напоминала собою громадныхъ размѣровъ черепаху, чуть колыхавшуюся на синеватыхъ волнахъ; сверху на палубѣ лежали свертки канатовъ, доски, обручи, клепки, пустые мѣшки съ черными надписями, сложенены

въ кучу, нѣсколько полушубковъ, вывороченыхъ шерстью вверхъ; на бортахъ сушилась противъ солнца вымытая рубаха и холщевые шаровары. У кормы чуть замѣтно колыхалась новенькая лодочка, раскрашенная бѣлою и голубою краскою. На берегу у песчанаго обрыва грѣлись на солнцѣ нѣсколько человѣкъ, лежа на животѣ и поднявъ голову о чемъ то разговаривали между собою, а глухое эхо приносило къ корчмѣ отрывистые отголоски ихъ словъ.

Ѳедоръ стоялъ на берегу и смотрѣлъ, прикрывъ глаза рукою, то на осмоленную барку, то на легкую, красивую лодку и сложенныя на днѣ ея новыя весла. Пріятно было бы имѣть такой челнокъ! онъ покрутилъ головою въ нѣмомъ восторгѣ.

— А гдѣ же тотъ больной? спросилъ онъ еврея, воротясь къ своему возу.

Шмуль кивнулъ головою на заросли около дома.

— Лыхо его знае, що зъ нымъ сталось! парубокъ сильный, здоровый, присталъ въ дорогѣ, не хочетъ идти дальше.

На травѣ, подъ кустами можжевельника, сидѣлъ молодой крестьянинъ, босой, въ одномъ бѣльѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ; онъ сидѣлъ, обнявъ руками колѣни, опустивъ на нихъ рыжую голову, и смотрѣлъ впередъ безучастными глазами. Около него стояла заржавленная жестяная кружка, лежали на землѣ двѣ цыбули.

— Онъ отъ твоей водки до утра отправится, сказалъ Ѳедоръ, чужой человѣкъ, не знаетъ еще, что ты людей травишь.

— Ой, какой Ѳедоръ умный! Ну, почему же васъ отпустили изъ войска солдатомъ, если у васъ умъ генеральскій?

— А гдѣ же, ты, жыде, видѣлъ такихъ молодыхъ генераловъ? Ума своего я у тебя не пропью! Не бойся! не дождешься! Ей Богу, отравилъ! повторилъ онъ, присматриваясь къ неподвижной фигурѣ крестьянина, и направился къ нему медленными шагами; еврей проводилъ его насмѣшливымъ взглядомъ.

Тѣмъ временемъ Максимыха торопливо пробиралась черезъ поля къ корчмѣ, съ закрытыми горшками въ обѣихъ рукахъ; времени оставалось немного. Ѳедоръ остановился передъ незнакомцемъ и смѣрилъ его пристальнымъ взглядомъ. Несмотря на

сильный загаръ и веснушки, покрывавшія лицо, крестьнинъ былъ блѣденъ, голубые глаза его глядѣли утомленно изъ подъ отяжелѣлыхъ вѣкъ; опершись подбородкомъ въ колѣни, онъ смотрѣлъ на противоположный берегъ.

— Издалека? спросилъ Ѳедоръ.

Больной поднялъ только рыжія брови и молчалъ; его загорѣлыя ноги были покрыты засохшею грязью, а на мѣсто ногтей на пальцахъ виднѣлись пятна запекшейся крови, смѣшанной съ пескомъ. У Ѳедора мучительно сжалось сердце при видѣ этихъ израненныхъ ногъ. На травѣ подлѣ больнаго лежитъ синяя куртка съ блестящими пуговицами, разрисованная фаянсовая трубка и небольшой узелокъ въ красномъ платкѣ, изъ котораго выглядывали стекляныя голубыя бусы.

— Долго тащили? снова спросилъ Ѳедоръ, указывая на рѣку. Больной вмѣсто отвѣта сдѣлалъ какое то неопредѣленное движеніе головою, словно отгонялъ мухъ, поглядѣлъ искоса на пыльные сапоги Ѳедора, нахмурилъ брови, какъ то весь насупился и молчалъ.

— Должно быть не здѣшній, подумалъ Ѳедоръ, можетъ быть нѣмецъ? А такъ какъ въ бытность свою въ военный службѣ онъ научился многому, между прочимъ выучилъ и нѣсколько нѣмецкихъ словъ, то теперь представлялся какъ нельзя болѣе удобный случай пустить въ ходъ свои познанія. Онъ заложилъ руки въ карманы, улыбнулся и, моргнувъ самъ про себя глазомъ, спросилъ незнакомца:

— Ферфлюхтеръ, а бродъ, а вассеръ? По его мнѣнію эта фраза должна была означать: „что нѣмецъ? ты голоденъ?

Но больной хранилъ угрюмое молчаніе. Ѳедоръ пожалъ плечами и воротился къ повозкѣ; Максимыха разставила уже горшки и усѣлась рядомъ съ мужемъ.

Больной проводилъ его глазами, окинулъ взглядомъ всю группу пріѣзжихъ, возъ, истощенныхъ трудомъ лошадей, и, замѣтивъ, что Петръ хлеснулъ ихъ кнутомъ, дернулъ возжи и повернулъ въ глубокій песокъ, онъ проворчалъ: „дураки хлопы“! плюнулъ и смотрѣлъ, какъ слюна его, смѣшанная съ кровью, медленно впитывалась въ песокъ.

Евка одна оставалась дома; она подоткнула подолъ юбки за поясъ, засучила по локоть рукава рубахи, крѣпче подвязала красный платокъ на головѣ и съ озабоченнымъ видомъ сновала по хатѣ, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія. Она вынесла на дворъ постель покойнаго, сѣнникъ, одѣяло, развѣсила на заборѣ бѣлье и платье, внимательно осмотрѣвши напередъ каждую штуку; вытрясла сѣнникъ и долго перебирала солому, пересматривая каждую горсть стебелекъ за стебелькомъ; опрокинула вверхъ дномъ стоявшую подъ кроватью кубышку, откуда кромѣ стараго жилета и шерстяныхъ вязаныхъ рукавицъ выпало множество всевозможныхъ мелочей: обрывки шнурковъ и веревочекъ разной толщины, ремешки, пуговицы, высохшія зерна бобовъ и фасоли, лежащія тамъ съ незапамятныхъ временъ, старые колосья пшеницы, красный чепчикъ съ набивными желтыми цвѣтами, отдѣланный тюлемъ—память отъ первой жены. Евка все рвала, давила, отбрасывала въ сторону каждую вещь и снова хватала, ощупывала, осматривала со всѣхъ сторонъ, наклонившись къ землѣ перебирала дрожащими руками каждый лоскутъ; кровь приливала къ головѣ, жилы на шеѣ надулись, наконецъ, она выпрямилась, чтобы отдохнуть, и мрачно поглядѣла вокругъ; у порога въ открытыхъ дверяхъ сидѣла черная кошка, подогнувъ хвостъ, и смотрѣла на нее желтыми глазами. Евка стиснула зубы и поспѣшно наклонилась поднять полѣно, кошка исчезла и полѣно полетѣло ей вслѣдъ въ пустыя сѣни.

— Згынь! пропады, нечыстая сыла! Нѣсколько минутъ Евка стояла ошеломленная. Неизвѣстный черный котъ въ пустой хатѣ въ то самое время, какъ она съ такимъ вниманіемъ пересматривала вещи покойника,—здѣсь было чѣмъ смутиться; она отплюнулась разъ—другой, а сердце, какъ молотъ, стучало въ груди Успокоившись немного, Евка снова съ лихорадочною поспѣшностью принялась за дѣло: отставила столъ и скамьи, тапчанъ съ постелью, почти вросшій въ землю, также сдвинула съ мѣста и сновала вокругъ комнаты, какъ помѣшанная, щупая босыми ногами, не попадетъ ли гдѣ нибудь на мягкую глину, на слѣдъ ямы или норы, ощупывала стѣны, лазила подъ печь, заглядывала, даже въ трубу, царапала каждый кирпичъ на печи, пробуя

не вынется ли который, потомъ соскочила на землю и снова набросилась на вещи. Вытащила изъ подъ тапчана боченокъ съ дегтемъ, заткнутый соломою, мѣшки, лапти, горшки, наполненные перьями—и все это торопливо сносила на середину комнаты. Въ ушахъ звенѣло, она поминутно прерывала работу и прислушивалась... Вотъ кто то прошелъ мимо хаты, вѣтеръ распахнулъ дверь въ сѣняхъ, что то зашелестѣло подъ печкою... и снова все стихло—свѣтъ полосами стлался по землѣ, сверчокъ трещалъ въ кучѣ сора около порога. Евка не переставала искать. Уже въ десятый разъ пересматривала она и ощупывала каждый лоскутъ, не зная за что хвататься, гдѣ еще искать и шарить. Запыхавшись, наконецъ, она присѣла на тапчанъ среди старойрух ляди и спустила руки; сорочка прилипла къ потному тѣлу, капли пота блестѣли на лбу... она тяжело и громко дышала, съ трудомъ втягивая переполненный пылью воздухъ. Цѣлый день еще впереди. Они возвратятся не раньше вечера... Оставалось еще осмотрѣть крышу, чердакъ и комору,—хотя бы ногтями пришлось царапать землю, она должна найти! Всѣ знали, что старикъ гдѣ то пряталъ деньги и Евка цѣлыхъ шесть лѣтъ выслѣживала его. Онъ понималъ это, или скорѣе догадывался и больше всего сторожилъ хату, какъ старый волкъ сторожитъ логовище, гдѣ спряталъ нѣсколько костей про запасъ. Она была увѣрена, что деньги спрятаны гдѣ то въ хатѣ, но гдѣ? Старыя, гнилыя стѣны, покрытыя внизу бѣлою плесенью, закоптѣлый потолокъ, дымовую трубу, глиняный полъ—она все осмотрѣла, ощупала, обнюхала, обшарила всѣ углы, щели, всюду скребла, прислушивалась... Нигдѣ—ничего!.. Оставалась еще старая крыша, поросшая мхомъ, тамъ за каждою балкою могъ скрываться тайничекъ... Взглянувъ на скрыню въ углу за печкою, она сдѣлала презрительную гримасу: старикъ былъ слишкомъ хитеръ, онъ умѣлъ прятать! Сундукъ былъ запертъ большимъ висячимъ замкомъ, она могла бы открыть его однимъ ударомъ топора... Евка презрительно передернула плечами при одной мысли о подобной *„схованкѣ“*. Еще вчера, пока она свѣтила Максимыхѣ, ея острый взглядъ не пропустилъ ни одной мелочи. Не стоитъ и трогать замка! пусть остается для тѣхъ воловъ! Она поищетъ въ другомъ мѣстѣ... А что, если и

она ничего не найдетъ?... Она оцѣпенѣла при одной мысли о возможности такой неудачи и сидѣла безъ движенія, почти безъ дыханья. Непремѣнно убѣжитъ или утопится, но дольше не останется въ этой проклятой хатѣ. Шесть лѣтъ прожила она здѣсь какъ на привязи: дольше такъ нельзя жить! Евка вскочила, сотый разъ схватила подушку, рванула швъ—перья разлетѣлись по хатѣ и покрыли собою разбросанную на полу ветошь.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край [1]).

VI.

4-го августа ночью я былъ уже въ Витебскѣ, а на другой день утромъ зашелъ въ мѣстный статистическій комитетъ и затѣмъ представился витебскому губернатору кн. Долгорукову, который принялъ меня весьма любезно, сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ мнѣ XVII выпусковъ «Историко-юридическихъ матеріаловъ изъ актовыхъ книгъ витебской и могилевской губерній», нѣсколькихъ памятныхъ книжекъ витебской губерніи на разные годы, «Памятной книжки виленскаго генералъ-губернаторства» Сементовскаго 1869 года и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ изданій, и предоставилъ мнѣ всѣ средства къ обозрѣнію Витебска и его достопримѣчательностей. Непосредственнымъ руководителемъ моимъ при обозрѣніи Витебска былъ редакторъ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Сафоновъ, вмѣстѣ съ которымъ мы осмотрѣли Успенскій и Николаевскій соборы, единовѣрческую Благовѣщенскую церковь, бывшій фарный костелъ, въ которомъ помѣщается теперь центральный архивъ древнихъ актовъ витебской и могилевской губерній, задвинскую Ильинскую церковь на урочищѣ «Русь» и загородный Марковъ монастырь.

Въ обоихъ витебскихъ соборахъ я не нашелъ ничего замѣчательнаго. Говорятъ, что въ витебскомъ Николаевскомъ соборѣ хранилась рука Іосафата Кунцевича, перенесенная сюда изъ Николаевскаго полоцкаго собора, и его архіерейскій жезлъ. Теперь ихъ нѣтъ въ этомъ соборѣ или, по крайней мѣрѣ, ихъ не показываютъ.

---

1) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 3, мартъ.

Самою древнею церковью въ Витебскѣ считается единовѣрческая Благовѣщенская, основанная въ XIV вѣка. Кирпичъ въ ней длиною въ пять вершковъ, а толщиною въ 1 вершокъ съ небольшимъ. Помостъ предъ дверьми храма состоитъ изъ шиферныхъ камней. Алтаремъ она обращена на востокъ; въ храмѣ—четыре кирпичныя колонны, поддерживающія сводъ храма и куполъ. Иконы большею частію сѣвернорусскихъ писемъ, но на хорахъ, между бракованными иконами, есть иконы мѣстнаго письма вѣка XVII.

Упраздненный фарный Троицкій костелъ былъ самымъ древнимъ римско-католическимъ костеломъ въ Витебскѣ. Уже въ 1503 году король Александръ подтверждалъ привилегіи этому костелу, основанному и обезпеченному его предками, великими князьями литовскими, какъ это видно изъ документовъ этого костела, хранящихся въ библіотекѣ барона Шодуара, въ мѣстечкѣ Ивницѣ, житомирскаго уѣзда. Когда собственно построено сохранившееся доселѣ зданіе костела, намъ не извѣстно. Кирпичи длиною въ $4^1/_2$ вершка, а толщиною въ 1 вершокъ.

Доселѣ существующая въ Витебскѣ деревянная Ильинская задвинская церковь на урочищѣ «Русь» построена въ 1643 году Запольскимъ. Кромѣ главнаго алтаря, она имѣетъ два боковые. Въ иконостасахъ сохранилось много иконъ, современныхъ построенію храма или, по крайней мѣрѣ, относящихся къ XVII вѣку; но есть иконы и позднѣйшаго времени, напримѣръ двѣ намѣстныя иконы въ главномъ иконостасѣ, относящіяся приблизительно къ 1777 году. Изъ другихъ иконъ замѣчательны: икона покрова пресв. Богородицы, съ изображеніемъ внизу папъ, польскихъ королей и вельможъ, въ лѣвомъ отъ входа придѣлѣ, и Іосафата Кунцевича съ вонзенной въ голову сѣкирой—въ правомъ придѣлѣ. Нужно замѣтить, что эта церковь построена уже уніатами и для уніатскихъ прихожанъ церкви. Фундаментъ и подвалы подъ церковью сдѣланы изъ кирпича, который длиною въ $4^1/_2$ вершка и толщиною въ 1 вершокъ съ небольшимъ.

Загородный Марковъ монастырь былъ въ XVII и XVIII вѣкахъ одною изъ сильнѣйшихъ твердынь православія для Витебска и окрестныхъ жителей. Старѣйшая монастырская деревянная церковь построена Огинскимъ въ 1690 году и почти неизмѣнно сохранилась въ томъ видѣ, въ какомъ была построена. Иконы въ иконостасѣ и стѣнная живопись современны построенію самаго храма. На стѣнахъ внизу изображены событія изъ евангельской исторіи, а вверху—апокалипсическіе предметы, но тѣ и другіе—въ православномъ духѣ.

Послѣднюю оговорку дѣлаемъ въ виду высказаннаго теперешнимъ настоятелемъ монастыря мнѣнія, будто бы стѣнопись этой церкви—католическая и требуетъ передѣлки въ православномъ духѣ и вкусѣ. Въ церкви есть проповѣдническій амбонъ и въ алтарѣ—киворій, или сѣнь надъ престоломъ. Какъ амбонъ, такъ и киворій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ составляли принадлежность древнихъ византійскихъ и русскихъ церквей и потому тоже не могутъ быть признаны характеристическими особенностями католическихъ и уніатскихъ храмовъ. Къ счастію мѣстная администрація, духовная и свѣтская, хорошо понимаетъ значеніе мѣстныхъ православныхъ святынь и, какъ я имѣю основаніе думать, не допуститъ существеннаго измѣненія въ устройствѣ и стѣнописи древняго храма Маркова монастыря. Въ дополненіе къ сказанному о семъ монастырѣ нужно прибавить еще, что въ немъ находится казанская икона Богоматери,—даръ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона.

Въ витебской духовной семинаріи достопочтенный ректоръ ея протоіерей I. Пичета показывалъ мнѣ портретную галлерею, въ которой находятся портреты слѣдующихъ уніатскихъ и католическихъ епископовъ: 1) Терлецкаго Меѳодія; 2) Левицкаго; 3) Стефана Левинскаго; 4) Смогоржевскаго; 5) Бѣлянскаго; 6) Цецишевскаго; 7) Скородынскаго; 8) Лисовскаго; 9) Ангелловича; 10) Кохановича; 11) Василія Лужинскаго, и нѣсколькихъ архимандритовъ, ректоровъ витебской семинаріи.

6 августа, пользуясь праздничнымъ днемъ, я обошелъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ изслѣдователемъ г. Сементовскимъ, нѣсколько православныхъ храмовъ и католическихъ костеловъ и видѣлъ нѣчто противоположное тому, что̀ наблюдалъ въ Вильнѣ. Витебскія православныя церкви полны были молящихся, между тѣмъ какъ въ польско-католическихъ костелахъ видны были только небольшія группы богомольцевъ.

Говоря о Витебскѣ, нельзя не упомянуть о мѣстныхъ тружениках по собиранію матеріала и разработкѣ мѣстной исторіи. Почетною извѣстностію въ этомъ отношеніи пользовался въ свое время г. Сементовскій, авторъ «Памятной книжки виленскаго генералъ-губернаторства», 1869 года, и нѣсколькихъ статей по мѣстной исторіи. Въ настоящее время онъ живетъ большею частію въ своемъ имѣніи. На смѣну ему выдвигается другой, молодой еще и энергичный дѣятель, преподаватель витебской женскій гимназіи А. Сапуновъ. Онъ уже издалъ I и IV томы «Витебской Старины» и совершенно

приготовилъ къ изданію и почти напечаталъ V-й томъ этого сборника. Это изданіе представляетъ собою незамѣнимое пособіе для изученія исторіи города и края. Можно упомянуть еще редактора Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Сафонова, который, по самой своей должности имѣя соприкосновеніе съ мѣстной исторіей, владѣетъ небольшой коллекціей недревнихъ иконъ, между которыми обращаетъ на себя особенное вниманіе портретъ св. Димитрія Ростовскаго, писанный на холстѣ масляными красками. Это едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ портретовъ св. Димитрія и можетъ быть признанъ современнымъ самому святителю Ростовскому.

VII.

7-го августа, въ воскресенье, я былъ уже въ Смоленскѣ. Смоленскъ—сравнительно небольшой городъ, имѣющій около 35,000 жителей обоего пола, но разбросанъ на холмахъ и пригоркахъ. Поэтому нигдѣ я не встрѣчалъ такой дороговизны извощиковъ, какъ въ Смоленскѣ. Но за то гористое положеніе Смоленска сообщаетъ городу красивый видъ.

Исторію Смоленска писали Мурзакевичъ и Никитинъ. Извѣстны также: «Историко-статистическое описаніе смоленской губерніи» Цебрикова, «Историко-статистическое описаніе смоленской епархіи» Трофимовскаго, справочныя и памятныя книжки смоленской губерніи за разные годы и проч. Кромѣ того, въ настоящемъ году къ проѣзду Великаго Князя Владиміра Александровича черезъ Смоленскъ, изданъ былъ смоленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ «Краткій хронологическій очеркъ исторіи города Смоленска, его достопримѣчательности» и пр. Очеркъ составленъ преподавателемъ смоленской мужской гимназіи С. П. Писаревымъ, любителемъ и знатокомъ мѣстной исторіи.

По стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, я предоставленъ былъ, при обозрѣніи Смоленска, самому себѣ и потому осмотрѣлъ только немного, что казалось мнѣ наиболѣе интереснымъ. Конечно, не преминулъ я быть въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ, отличающемся величественностію и красотою, и приложиться къ чудотворной иконѣ Богоматери, именуемой Смоленскою. Но, независимо отъ чувства благоговѣнія, икона эта оставляетъ въ наблюдателѣ-археологѣ и нѣкоторое чувство неудовлетворенности, какъ и большая часть древнихъ иконъ въ нашемъ отечествѣ. Несмотря на глубо-

чайшую древность, приписываемую сей св. иконѣ преданіемъ и возводимую къ св. евангелисту Лукѣ, икона эта не производитъ впечатлѣнія глубочайшей древности, потому что, вопервыхъ, поновлена въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, во вторыхъ закрыта, кромѣ ликовъ Богоматери и Богомладенца, ризою. Ризница собора была недоступна моему наблюденію. Въ самомъ храмѣ обращаютъ на себя вниманіе: царскія врата затѣйливой рѣзьбы и желѣзный имшакъ и обувь св. Меркурія Смоленскаго, спасшаго городъ Смоленскъ отъ татаръ въ 1239 году. Въ соборной архіерейской усыпальницѣ хранится древняя икона св. смоленскаго князя Θеодора Ростиславича Чермнаго и сыновей его Давида и Константина, которую можно отнести къ XVI—XVIIв., и портреты мѣстныхъ преосвященныхъ; Гедеона Вишневскаго, Парθенія, Димитрія Устимовича и Іоанна.

Спасо-Авраамiевскій мужской монастырь былъ осмотрѣнъ мною только снаружи. По словамъ мѣстныхъ историковъ, онъ основанъ еще въ началѣ XII вѣка при смоленскомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ; но отъ древнихъ построекъ монастыря едва ли что уцѣлѣло. На видъ всѣ зданія монастыря относятся уже къ XVIII вѣку и носятъ печать руинъ. Въ Спасо-Авраамiевскомъ же монастырѣ помѣщается и часть семинарскихъ зданій, на видъ весьма ветхихъ, вмѣсто которыхъ, впрочемъ, строится въ настоящее время обширный каменный корпусъ въ городѣ, недалеко отъ монастыря.

Архангело-Михайловская или Свирская Смоленская церковь находится вдали отъ центра города. Она построенна около 1180 года смоленскимъ княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, была придворною церковью смоленскихъ князей и, несмотря на различныя пристройки и поновленія, говорятъ, — сохранила свой древній фасадъ. Кромѣ древней иконы Богоматери, въ этой церкви находится еще гробница умершаго въ 1197 году смоленскаго князя Давида Ростиславича, вытесанная изъ цѣльнаго бѣлаго известняка, безъ всякихъ украшеній. Гробница эта найдена въ 1833 году въ развалинахъ смоленскаго Борисоглѣбскаго монастыря на рѣчкѣ *Смядынкѣ*, при которой убитъ св. князь Глѣбъ, сынъ св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Смоленскъ въ разныхъ мѣстахъ пересѣкается старинною кирпичною крѣпостію, построенною московскимъ правительствомъ въ самомъ концѣ XVI столѣтія. Въ одномъ мѣстѣ я измѣрялъ величину ея кирпича, который оказался длиною въ 5 вершковъ, а толщиною въ 1½ вершка. Но это—единственное видѣнное мною во

время путешествія московское сооруженіе, въ которомъ я измѣрялъ кирпичъ, и едва ли можетъ быть сравниваемо съ соотвѣтствующими литовско-русскими и польскими постройками, осмотрѣнными мною въ сѣверо-западномъ краѣ.

Есть въ Смоленскѣ и городской историко-археологическій музей, помѣщающійся въ новомъ зданіи смоленской городской думы; но о немъ рѣдко кто знаетъ. Мнѣ сначала указали на какой то балаганъ съ восковыми фигурами, носящій однако названіе музея, и я не безъ нѣкоторыхъ усилій отыскалъ помѣщеніе городскаго музея, но проникнуть въ него все таки не могъ, хотя и былъ въ положенное для открытія музея время. По печатному объявленію, музей открывается по воскресеньямъ, съ 11-ти до 2-хъ часовъ.

VIII.

8 августа, по утру, я прибылъ въ Оршу, уѣздный городъ могилевской губерніи. Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра и рѣчки Оршицы, впадающей въ Днѣпръ въ самомъ городѣ. Жителей въ городѣ къ 1880 году было свыше 5,000 обоего пола. Орша становится извѣстною предположительно въ XI и несомнѣнно въ XII вѣкахъ. Отъ древнихъ временъ сохранился доселѣ огромный земляной валъ при впаденіи р. Оршицы въ Днѣпръ, гдѣ поэтическое воображеніе Лермонтова поселило прославленнаго имъ боярина Оршу. Но кромѣ этого вала, въ Оршѣ нѣтъ ничего, относящагося къ глубокой древности. Въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи, лѣтъ 15-ть тому назадъ, пожертвовано помѣщикомъ Меленевскимъ рукописное пергаменное евангеліе XIV вѣка, выброшенное будто бы французами въ 1812 году изъ одного изъ оршанскихъ монастырей, но изъ какого именно—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, теперь нѣтъ въ Оршѣ даже и преданія о мѣстныхъ монастыряхъ и церквяхъ, восходящихъ къ XIV вѣку. Древнѣйшая изъ оршанскихъ церквей есть Ильинская деревянная. По преданію, она построена княгинею Софьею Юрьевною въ 1505 году на мѣстѣ сгорѣвшей церкви, основанной около 1460 года польскимъ королемъ Казимиромъ I въ память спасенія супруги его Елизаветы, которая, купаясь 20 іюля, въ день пророка Иліи, едва не утонула. Въ этой церкви хранится королевская грамота съ привилегіей на перевозъ черезъ Днѣпръ. Другая церковь, Рождество-Богородичная, существовала уже въ XVII вѣкѣ, и при ней въ 1661

году было православное братство, какъ это можно видѣть изъ церковныхъ документовъ. Есть еще въ Оршѣ православные соборъ и Покровскій монастырь съ духовнымъ училищемъ; но первый передѣланъ изъ тринитарскаго костела, а послѣдній, съ училищемъ, помѣщается въ зданіяхъ бывшаго базиліанскаго женскаго монастыря, основаннаго уніатскимъ митрополитомъ Антоніемъ Селявою въ 1642 г.

Въ настоящее время самую важную достопримѣчательность Орши составляютъ два загородные православные монастыря, мужской и женской, основанные въ первой половинѣ XVII вѣка. Извѣстный ревнитель православія Стеткевичъ вмѣстѣ съ женою своею, урожденною княжною Соломерецкою, основалъ въ 1623 году Богоявленскій мужской монастырь, а въ 1631 году имъ и матерью его Анною, урожденною княжною Огинскою, основанъ женскій Успенскій монастырь. Монастыри эти находятся въ полверстѣ одинъ отъ другаго за городомъ, въ направленіи къ Могилеву, на впадающей въ Днѣпръ рѣчкѣ Кутеинкѣ, отчего и носятъ названіе Кутеинскихъ.

Кутеинскій Богоявленскій мужской монастырь въ началѣ своего существованія былъ ставропигіальнымъ, именовался лаврою, имѣлъ многочисленное братство и, по свидѣтельству патріарха Никона, служилъ разсадникомъ общежитія во всей Бѣлоруссіи и Литвѣ. При монастырѣ была православная школа и типографія для печатанія книгъ. Когда въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ началъ войну съ Польшею и взялъ Оршу, патріархъ Никонъ, только—что устроившій Иверскій монастырь, съ разрѣшенія царя взялъ изъ оршанской Богоявленской лавры настоятеля ея іеромонаха Іоиля Труцевича съ нѣкоторымъ числомъ братіи, чтобы устроить, при помощи ихъ, общежитіе и въ Иверскомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переведена была въ Иверскій монастырь и типографія Богоявленской лавры. Построенный же Стеткевичемъ храмъ существуетъ и доселѣ. Въ этомъ храмѣ заслуживаютъ вниманія иконостасъ и стѣнная живопись XVII вѣка, и галлерея снаружи возлѣ притвора при входныхъ дверяхъ, называемая «бабинецъ», съ узкою застекленною скважиною во всю длину западной стѣны храма. Фундаментъ церкви и подвалы—каменные. Кирпичъ въ нихъ длиною въ 4½ вершка, а толщиною въ 1 вершокъ. Въ настоятельскихъ келліяхъ хранится портретъ основателя монастыря Стеткевича. Въ настоящее время этотъ бѣдный монастырь получаетъ нѣкоторое пособіе (около 1500 р. въ годъ) отъ отдачи въ аренду монастырской земли для добыванія и выдѣлки извести.

Въ женскомъ Кутеинскомъ монастырѣ первоначально построена была деревянная церковь во имя Успенія пресв. Богородицы; но она вскорѣ сгорѣла, и вмѣсто нея выстроена каменная церковь съ главнымъ престоломъ во имя сошествія св. Духа. Церковь эта освящена была въ 1635 году кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, какъ гласитъ надпись, вдѣланная въ стѣну внутри церкви. Изъ достопримѣчательностей ея слѣдуетъ упомянуть: 1) Казанскую икону Богоматери XVII вѣка; 2) большой колоколъ—даръ царевны Наталіи Алексѣевны; 3) золотую гривну на мѣстной иконѣ Спасителя, украшенную камнями, — даръ царя Алексѣя Михайловича и 4) серебряныя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Богоматери, прекрасно исполненныя могилевскимъ мастеромъ Аѳанасіемъ Вовчкомъ въ 1763 и 1767 годахъ. Въ монастырѣ есть также портретъ основателя его Стеткевича.

IX.

Изъ Орши я отправился въ Могилевъ по Днѣпру на пароходѣ общества пароходства по Днѣпру и его притокамъ. Но, вслѣдствіе обмелѣнія Днѣпра, пароходъ дважды садился на мель, одинъ разъ передъ Шкловомъ, а другой—не доѣзжая верстъ трехъ до Могилева. Оба раза публика третьяго класса должна была высаживаться на берегъ, чтобы дать пароходу возможность сойти съ мели. Вслѣдствіе невольныхъ остановокъ на меляхъ, пароходу пришлось запоздать противъ назначеннаго срока часовъ на пять и придти въ Могилевъ далеко за полночь. Извощиковъ на пристани не оказалось,—и многимъ пассажирамъ пришлось или дожидаться извощиковъ, или пѣшкомъ тащиться въ городъ съ багажемъ.

Нашъ пароходъ, по пути изъ Орши къ Могилеву, проѣзжалъ мимо Копыся и Шклова. Первый — заштатный городъ горецкаго уѣзда; лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Копысь упоминается уже въ XI столѣтіи. Здѣсь умеръ въ 1059 году, возвращаясь изъ Кіева, новгородскій архіепископъ Лука Жидята. Съ парохода видны: остатки древняго землянаго вала на самомъ берегу Днѣпра; домикъ, въ которомъ жилъ императоръ Петръ I въ сѣверную войну съ Карломъ XII; деревянная евангелико-реформатская церковь, построенная, по словамъ мѣстнаго священника, Радзивиллами, вѣроятно XVI в.; римско-католическій упраздненный деревянный костелъ вѣка XVII и двѣ деревянныя церкви, изъ коихъ одна по внѣшнему виду можетъ

быть отнесена тоже къ XVII вѣку. Въ Шкловѣ же съ парохода видѣнъ только римско-католическій каменный костелъ.

Въ Могилевъ я прибылъ ночью съ 9-го на 10-е августа и пробылъ въ немъ $1\frac{1}{2}$ сутки. Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ Днѣпра и рѣчки Дубровенки, при впаденіи послѣдней въ Днѣпръ, на холмистомъ волнообразномъ мѣстоположеніи. Жителей къ 1880 году было свыше 40,000 обоего пола,

По исторіи Могилева и могилевской губерніи извѣстны: «Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнихъ временъ» О. Турчиновича, С.-Петербургъ, 1857 г.; 2) «Историко-статистическое описаніе могилевской губерніи»,Безъ-Корниловича; 3) «Опытъ описанія могилевской губерніи», подъ редакціей мѣстнаго губернатора А. С. Дембовецкаго, въ трехъ большихъ томахъ. Могилевъ, 1882 и 1884 гг. Кромѣ того, въ настоящее время, по распоряженію преосвященнаго могилевскаго Сергія, собираются историко-статистическія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквяхъ могилевской епархіи и разрабатываются преподавателемъ могилевской дух. семинаріи Пятницкимъ. Въ городѣ есть центральный архивъ судебныхъ мѣстъ, губернскій архивъ, публичная библіотека и музей. Въ послѣднемъ, кромѣ выставки сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ произведеній губерніи, находятся: сани Наполеона I, покинутыя имъ во время бѣгства изъ Москвы въ 1812 году; деревянная балка изъ домика Петра I въ городѣ Копыси, со слѣдующею вырѣзною надписью—«Благослови Господи домъ сей и всѣхъ живущихъ въ немъ, 1696»; императорское рѣзное золоченное кресло съ вензелемъ Екатерины II; грамота Сигизмунда III черейскому Михайло-Архангельскому костелу, 1606 г., построенному Львомъ Сапѣгою, и др.

По изслѣдованіямъ мѣстныхъ историковъ, Могилевъ на Днѣпрѣ былъ срубленъ Львомъ Юрьевичемъ, правнукомъ Даніила Романовича Галицкаго, около 1319 года, и укрѣпленъ Ягелломъ. Но изъ древнѣйшихъ временъ существованія этого города въ немъ ничего не сохранилось до настоящаго времени. Всѣ сохранившіяся старѣйшія постройки въ городѣ относятся къ XVII и XVIII вѣкамъ. Близъ самаго Могилева существовалъ Печерскій монастырь, упоминаемый подъ 1532 годомъ. Но отъ него не осталось ничего до настоящаго времени. Теперь тамъ находится архіерейскій загородный домъ съ домовою церковію.Въ самомъ Могилевѣ однимъ изъ древнѣйшихъ монастырей нужно признать Спасскій монастырь, при которомъ въ концѣ XVI вѣка существовало братство и школа языковъ: латинскаго, польскаго

и русскаго. Спасскій монастырь существуетъ и до настоящаго времени, и въ немъ находятся спасская церковь, архіерейскій домъ, консисторія и семинарія; но всѣ эти зданія построены въ XVIII в., преимущественно при преосвященномъ Георгіѣ Конисскомъ. Въ церкви находится древняя, хорошо сохранившаяся икона Богоматери, вѣроятно начала XVII вѣка, а въ ризницѣ—нѣсколько старыхъ антиминсовъ и между ними два антиминса временъ Михаила Ѳеодоровича. Въ семинарской библіотекѣ есть нѣсколько книгъ и рукописей изъ библіотеки преосвященнаго Георгія Конисскаго. Изъ рукописей можно отмѣтить слѣдующія: копіи документовъ города Могилева, начиная съ 1561 года; «Сказаніе животовъ святыхъ»,—рукопись XVII вѣка, представляющая южно-русскій переводъ «Źywotow swiętych» іезуита Петра Скарги, сдѣланный Іоанникіемъ Галятовскимъ; нѣсколько латинскихъ учебниковъ и историко-юридическихъ документовъ, переписанныхъ рукою самого Георгія Конисскаго. Кромѣ того, въ семинарской библіотекѣ была какая то рукописная лѣтопись, которая передана на время Е. В. Барсову и въ настоящее время приготовляется къ напечатанію въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ».

Другой замѣчательный монастырь въ Могилевѣ—Богоявленскій братскій. Онъ основанъ въ 1620 году могилевскимъ православнымъ крестоноснымъ братствомъ на землѣ, подаренной въ 1619 году православнымъ княземъ Огинскимъ. Главный храмъ Богоявленія, начатый постройкою въ 1633 году, по окончаніи былъ торжественно освященъ въ 1636 году могилевскимъ епископомъ Сильвестромъ Коссовымъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ построена, иждивеніемъ братства, теплая каменная церковь во имя Іоанна Богослова, при которой въ 1669 году учреждено было особое младшее братство. При входѣ въ Богоявленскую церковь вдѣлана въ стѣну металлическая доска надъ гробомъ инока Арсенія Азаровича, умершаго въ 1652 году, съ перечисленіемъ его услугъ для храма. На лѣвой передней колоннѣ храма помѣщается чудотворная икона Богоматери, первой половины XVII вѣка, повидимому, нѣсколько подновленная. При Богоявленскомъ братствѣ была нѣкоторое время славянорусская типографія.

Изъ остальныхъ достопримѣчательностей Могилева можно упомянуть развѣ Іосифовскій каѳедральный соборъ, заложенный собственноручно императрицей Екатериной II и австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II въ память свиданія ихъ здѣсь, въ Могилевѣ, въ 1780 году, замѣчательный живописью иконостаса.

Могилевъ былъ послѣнимъ пунктомъ остановки въ моемъ путешествіи. Мнѣ нужно было спѣшить въ Кіевъ, такъ какъ оканчивался срокъ моего отпуска. Не довѣряя аккуратности пароходнаго сообщенія по Днѣпру, я избралъ кратчайшій сухопутный путь до ближайшаго пункта желѣзной дороги Бобруйска и оттуда направился въ Кіевъ черезъ Бахмачъ.

Н. Петровъ.

Іюль—августъ 1888 г.

Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви.

Кто въ Малороссіи бывалъ въ деревенской церкви въ великій постъ, особенно въ страстной четвергъ, *на проводы, на Спаса* (6-го авг.), въ Дмитріеву субботу, тотъ поражаемъ былъ обиліемъ всякаго рода приношеній, которыя вообще называются *мысочками.* Названіе это произошло отъ того, что *паляныци*, *кныши*, рыба, куры, колбасы приносятся въ церковь въ мискахъ и часто остаются въ нихъ до конца богослуженія.—Обычай совершать приношенія въ храмъ освященъ нашей православной церковью, хотя онъ вытекаетъ совершенно изъ другаго порядка понятій и восходитъ къ славянской старинѣ. Интересно собрать свѣдѣнія о всякаго рода приношеніяхъ, такъ какъ по мѣстамъ они уже выводятся или же измѣняются согласно послѣдней модѣ. Такъ, напр., я знаю случай, когда священнику не нравилось приношеніе паляныць съ *чехоней* наверху (вслѣдствіе ея сильнаго запаха), и онъ велѣлъ замѣнить чехоню фунтомъ сахару (уманск. уѣздъ).

Мисочки въ великій постъ, обыкновенно по субботамъ на обѣднѣ, а иногда и по пятницамъ, состоятъ изъ трехъ постныхъ паляныць, 3-хъ калачей, 3-хъ кнышей; иногда миска бываетъ наполнена пирогами съ капустой, или *горохляныками.* Сверху на мисочкѣ въ постъ часто кладутся сельди простыя, чехоня, бублики, пряники (медывныкы—коныкы). Съ первой же седьмицы великаго поста несутъ въ церковь кухлычки (кувшинчики и банки) съ медомъ; надъ этими кухлычками происходитъ поминовеніе усопшихъ, чтеніе поминальныхъ грамотокъ. Кухлычки остаются до четверга страстной недѣли, а въ четвергъ они дѣлятся между причтомъ. Въ Бессарабіи въ эти кухлычки сыплютъ крупу, пшено, муку, въ особенности кукурузную.

На *проводы* („радоницу"), понедѣльникъ и вторникъ ѳоминой недѣли, когда бываетъ поминовеніе усопшихъ, въ церковь приносятъ *паски*, кныши скоромные; на мисочку также кладутся куры (вареныя или жареныя), сало, колбасы, вареники съ сыромъ и въ сметанѣ, крашанки или бѣлыя яйца. Надъ всѣми этими мисочками обыкновенно въ церкви служится великая панихида, или парастасъ. Затѣмъ священникъ съ причтомъ идетъ на кладбище, гдѣ на каждомъ гробѣ еще находятся мисочки съ калачами, курами и крашанками. Надъ мисочками служатся панихиды, послѣ чего мисочки эти поступаютъ въ доходъ причта. Кромѣ этого на гробы приносятся всякія пасхальныя яства и напитки, которые предлагаются родственникамъ, бѣднымъ, нищимъ и вообще всѣмъ проходящимъ; для угощенія же мертвецовъ имъ во гробъ зарываютъ крашанки и часто на гробъ совершаютъ возліянія отъ напитковъ. Къ вечеру обыкновенно на гробахъ бываетъ уже не поминовеніе покойниковъ, а веселое пиршество, напоминающее отчасти древне-русскую тризну. Въ особенности такимъ веселымъ характеромъ отличаются поминовенія въ Кіевѣ на Щекавикѣ, на Байковомъ кладбищѣ и въ Одессѣ на городскомъ кладбищѣ.—Изъ приношеній еще надо упомянуть о хлѣбѣ и соли, которыя кладутся на мертвеца. Этой соли придается значеніе цѣлебнаго свойства противъ такъ называемой *мертвой кости*. На югѣ, подлѣ Чернаго моря, въ постъ этотъ хлѣбъ часто смазываютъ рыбьимъ жиромъ, противъ чего возстаютъ мѣстные священники, такъ какъ не терпятъ непріятнаго рыбьяго запаха.

Всѣ разсмотрѣнныя приношенія, какъ то: хлѣбъ, рыба, куры, крашанки, а въ особенности медъ и зерна, имѣютъ значеніе поминовенія по умершимъ [1]). Всѣ эти приношенія чисто народнаго происхожденія и допущены только нашею церковью; въ дѣйствительности же правилами апостольскими и правилами соборовъ они запрещаются. 3-е правило св. апостолъ такъ объ этомъ говоритъ: „Аще кто Епископъ, или пресвитеръ, вопреки учрежденію Господню о жертвѣ, принесетъ къ олтарю иныя нѣкоторыя вещи, или медъ, или млеко, или вмѣсто вина, приготовленный изъ чего либо другаго напитокъ, или птицы, или нѣкоторыя животныя, или овощи, вопреки учрежденію, кромѣ новыхъ класовъ, или винограда, въ надлежащее время: да будетъ изверженъ отъ священнаго чина". То же самое подтвер-

---

1) „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ"—Сумцова. Стр. 66—68.

ждено кареагенскимъ соборомъ, пр. 46 и VI вселенскимъ соборомъ пр. 57 и 99.

Какое значеніе имѣютъ всякаго рода хлѣбы, куры, яйца, теперь трудно указать; несомнѣнно, что коливо, медъ, зерна, въ Великороссіи блины составляютъ остатокъ славянскаго жертвоприношенія по умершимъ; колбасы же, сало, угощеніе (обильное) свининой и напитками во время поминальныхъ осеннихъ *обидовъ*,—все это носитъ характеръ древне-русской тризны. Поминовенія на дому и въ особенности *обиды* носятъ характеръ торжества, гдѣ печали почти никакого мѣста не удѣляется. При этомъ очень часто практикуется обрядность чисто языческаго происхожденія. Обыкновенно, изъ рюмки немного водки проливаютъ на столъ, въ честь умершихъ, приговаривая: „*дай, Боже, намъ жыты, а помершымъ душамъ царство небесное, нехай имъ легенько икнетця на тимъ свити, нехай имъ земля перомъ*“, что уже восходитъ къ древне-римскому пожеланію: sit tibi terra levis!

Кромѣ приношеній въ церковь, священники и причетники собираютъ еще приношенія на дому, когда ходятъ съ молитвой, съ крестомъ и кропиломѣ. Тутъ уже собираютъ калачи, хлѣбъ зерновой, яйца, пеньку и всякую живность. Священникъ, что видитъ, то и проситъ: „а ты бъ, говоритъ къ хозяину, давъ вивса для коней, а ты бъ, хозяйка, дала матушци лену, прядыва!“ Здѣсь въ полной силѣ осуществляется народное изреченіе: „попивски очы завидущи, рукы загребущи“.

Бываютъ приношенія и на домъ къ священнику. Здѣсь прежде всего надо поставить интересный обычай, который состоитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ вновь поставленному священнику сходятся всѣ поселяне и приносятъ ему хлѣбъ зерновой, полотно, иногда даже дарятъ скотъ на первое обзаведеніе. Когда на свадьбу проситъ невѣста, то приноситъ священнику шишки; за молитвой баба—повитуха идетъ и несетъ священнику паляницу, курицу и водку; въ волынской губерніи идутъ (въ рождественскій постъ) за молитвой и несутъ миску зерна, и надъ этой миской священникъ читаетъ молитву.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на храмовой праздникъ, когда бываетъ добровольная складчина подлѣ церкви натурой и приготовляется обѣдъ. До недавняго времени къ храмовымъ праздникамъ медъ сытили и пиво варили; въ послѣднее время, кажется съ акцизными цѣлями, здѣсь запрещенъ этотъ исконный, древне-русскій обычай.

Хр. Ящуржинскій.

Императоръ Александръ I въ Бѣлой-Церкви у графини Браницкой.

«Cesarz Alexander Pierwszy często zajeździał do Białej Cerkwi do starej hetmanowej i nie inaczej ją nazywał, jak kuzynką». (Царь Александръ I часто заѣзжалъ къ старой гетманшѣ и называлъ её не иначе, какъ кузиной). Такъ говорилъ мнѣ старый панъ, заброшенный судьбою со своей родины, поднѣпровской Украины, въ придонскія степи, гдѣ онъ, совсѣмъ уже дряхлымъ старикомъ, доживаетъ вѣкъ у родственника, начальника одной изъ глухихъ станцій ......ской ж. д. Рѣчь шла про Бѣлоцерковщину—имѣніе графовъ Браницкихъ, въ кіевской губ., гдѣ мой собесѣдникъ провелъ свои молодые годы.

Его разсказъ вызвалъ и у меня воспоминанія о той же Бѣлой Церкви, гдѣ я учился въ гимназіи. Самый тонъ рѣчи старика живо припомнилъ мнѣ Бѣлую Церковь съ ея оффиціалистами, съ ея средоточіемъ интересовъ всего населенія на семьѣ графовъ Браницкихъ, съ ихъ дворцомъ, паркомъ Александріей и всею обстановкою той магнатской жизни, какую я видѣлъ въ моемъ дѣтствѣ еще при крѣпостномъ правѣ и которая такъ мало рознилась въ ея проявленіяхъ отъ извѣстнаго мнѣ по описаніямъ польскаго магнатства. Мой собесѣдникъ также говорилъ о графахъ Браницкихъ, не называя ихъ по фамиліи, а только по имени—«hrabia Władysław, hrabina Konstantowa» [1])—также согласно этикету шляхетско—польскому называлъ по чину «stary hetman, hetmanowa, senatorowa» —разныхъ членовъ семьи графовъ Браницкихъ, какъ это я слыхалъ въ самой Бѣлой Церкви, гдѣ разумѣется, страннымъ бы показалось всякому непониманіе, о комъ идетъ рѣчь.

Все это припомнило мнѣ, что у меня въ бумагахъ имѣется лѣтъ 25 тому назадъ написанное описаніе Бѣлоцерковщины, что описаніе это могло бы быть не безъинтересно для читателей «Кіевской Старины» и что мнѣ слѣдовало бы добыть это описаніе изъ подъ спуда, просмотрѣть и отдать для напечатанія.

Но пока то я соберусь это сдѣлать, позволяю себѣ передать читателямъ разсказанный мнѣ моимъ собесѣдникомъ случай.

Императоръ Александръ I во время устройства Аракчеевымъ военныхъ поселеній бывалъ на югѣ и проѣздомъ дѣйствительно

---

[1]) Графъ Владиславъ, графиня Константинова.

удостоивалъ посѣщеніемъ жившую еще тогда вдову Ксаверія Браницкаго, носившаго титулъ короннаго гетмана, несмотря на окончательное присоединеніе Кіевщины къ Россіи, старую гетманшу, урожденную Энгельгардтъ, племянницу Потемкина. Память послѣдняго, а можетъ быть и единственнаго такого посѣщенія осталась и до настоящаго времени. Въ одномъ изъ павильоновъ лѣтней резиденціи гр. Браницкихъ въ паркѣ Александріи я видѣлъ комнату, гдѣ ночевалъ Александръ Благословенный. Тамъ сохранилась его постель и не догорѣвшія восковыя свѣчи. Павильонъ этотъ, я помню, назывался царскимъ и въ немъ въ 1860 году останавливался покойный государь Александръ Николаевичъ, пріѣзжавшій на охоту къ графамъ Браницкимъ. Въ паркѣ Александрія имѣется особый садикъ, гдѣ тщательно сохраняются деревца, посаженныя разными лицами царствующаго дома и въ томъ числѣ Александромъ Благословеннымъ, Николаемъ Павловичемъ и Александромъ Николаевичемъ. Каждое такое дерево обставлено чугунною рѣшоткою, на которой бронзированныя таблички съ рѣзною надписью о томъ, кѣмъ и когда это дерево посажено.

«Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ къ гетмановой,—разсказывалъ мнѣ старый панъ,—Государь велѣлъ кучеру ѣхать не прямо по дорогѣ въ Александрію, по которой проѣхали другіе экипажи его поѣзда, а своротить отъ русскаго кладбища въ мѣстечко, и поѣхалъ по улицѣ, гдѣ теперь коммиссарія (домъ управляющаго имѣніемъ и экономическая контора).—Не доѣзжая до Александріи, Государь захотѣлъ переодѣться и, велѣвъ остановить лошадей, зашелъ въ одну изъ хатокъ, выстроенныхъ тогда вновь вдоль по-надъ дорогою для садовниковъ—*нѣмцевъ*, откуда то привезенныхъ графинею.

Въ хаткѣ Государь засталъ молодую женщину, плачущую горькими слезами, такъ что даже приходъ незнакомаго ей военнаго не унялъ ея рыданій. Государь сталъ участливо распрашивать её, о чемъ она плачетъ, и она, кое какъ успокоившись, разсказала, что мужъ ея, нѣмецъ садовникъ, пошелъ въ Александрію (паркъ)—гдѣ всѣ ожидаютъ Государя, а её побилъ и запретилъ ей выходить изъ дому и что она такимъ образомъ не увидитъ Царя. Императоръ Александръ успокоилъ плакавшую, попросилъ позволенія переодѣться у нея въ хаткѣ и сказалъ, шутя: «ну, если онъ такой недобрый, то я сдѣлаю такъ, что мужъ твой не увидитъ Царя, а ты увидишь» и сейчасъ распорядился арестовать этого *нѣмца* садовника и не выпускать его до тѣхъ поръ, пока онъ, Государь, будетъ пребывать въ Александріи. Переодѣвшись, Государь сказалъ женщинѣ кто онъ, въ чемъ она убѣ-

дилась, увидавъ подоспѣвшую къ ея хаткѣ многочисленную свиту Государя, и щедро вознаградивъ её, отъѣхалъ. А мужъ на самомъ дѣлѣ просидѣлъ подъ арестомъ все время пребыванія Государя и не видѣлъ его.

По дорогѣ отъ мѣстечка Бѣлой Церкви къ парку Александріи, я помню, стояла простая хата, (это было въ концѣ 50-ти годовъ), передъ которой имѣлся довольно обширный палисадникъ, огороженный шалевочнымъ старымъ заборчикомъ и обсаженный высокими осокорами. Я тогда еще зналъ, что эта выдающаяся огорожа и старые высокіе осокоры означаютъ мѣсто, гдѣ останавливался Александръ Благословенный. Зналъ я, что хозяева этой хаты были избавлены отъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, графовъ Браницкихъ, и отъ подушнаго оклада и военной повинности государству. Послѣднее я зналъ вотъ почему:

Во время Крымской войны, были усиленные рекрутскіе наборы. Въ Бѣлой Церкви сельская громада и при крѣпостномъ правѣ сохранила въ своихъ дѣлахъ извѣстнаго рода автономность и сама распоряжалась сдачею рекрутъ. Въ одинъ изъ такихъ наборовъ, — не помню года, а знаю только, что дѣло было осенью, — во дворѣ моего дяди, служившаго придворнымъ врачемъ у графовъ Браницкихъ, произошло слѣдующее: играя около крыльца, я увидалъ двухъ мужиковъ, которые, отбиваясь «ципками» отъ злаго рябка, прошли въ нашу конюшню. Немного погодя они вышли изъ конюшни и передъ ними шелъ со связанными у локтей руками, дядинъ кучеръ Дорошъ. Я испугался и закричалъ; на мой крикъ изъ большаго дома выбѣжалъ лакей Михайло, а изъ флигеля кухарка Хотина и двѣ или три дѣвки (во флигелѣ шла тогда стирка бѣлья). Михайло какъ то ахнулъ и спрятался въ сѣни, а Хотина и дивчата съ воплемъ кинулись къ Дорошу и сопровождавшимъ его мужикамъ. Произошла какая то не совсѣмъ понятая мною суета. Дивчата плакали, голосили, цѣловали руки одного изъ мужиковъ, кланялись ему въ ноги, хватали его за колѣна (это, очевидно, было сельское начальство). — Послѣ я увидѣлъ Хотину моментально перескочившею плетень, у котораго стѣснились Дорошъ съ проводникомъ и другой мужикъ съ обхватившими его дивчатами. Затѣмъ послышалось: «тикай, тикай, Дороше!» Я помню, какъ блѣдный, какой то одеревенѣлый Дорошъ вдругъ рванулся, выпросталъ сперва одну, послѣ другую руку изъ рукавовъ полушубка и, освободившись такимъ образомъ, въ нѣсколько прыжковъ достигъ плетня сада, перескочилъ черезъ него и былъ таковъ. Затѣмъ уже мое вниманіе было привлечено руганьемъ этихъ двухъ чужихъ му-

жиковъ, изъ коихъ одинъ отвязывалъ другаго отъ плетня. Я услышалъ слова уходящаго изъ сѣней въ переднюю Михайла: «молодецъ баба! теперь ищи!» Послѣ уже для меня все выяснилось изъ разговоровъ: Михайло, какъ мужчина, обязанный оказывать помощь при взятіи рекрута, спрятался въ сѣни; дѣвки облѣпили отамана, а Хотина перескочила черезъ плетень и своимъ поясомъ сумѣла привязать прижатаго къ плетню десятника. Дорошъ же, руки которого были у локтей прихвачены его же поясомъ поверхъ полушубка, разстегнутаго спереди, высвободился изъ полушубка и удралъ. Поимщики остались въ дуракахъ, ибо съ бабъ нечего было взять. «Ихъ дило жиноцьке! Хоть бы й якъ одбили некрута—имъ можна». Вернувшійся домой отсутствовавшій во время этого происшествія дядя разыскалъ Дороша и услалъ его съ письмомъ на время къ нашимъ родичамъ въ с. Перегоновку, а послѣ успѣлъ отстоять его отъ рекрутчины на томъ основаніи, что Дорошъ внукъ той женщины, которую посѣтилъ при выше разсказанныхъ обстоятельствахъ Александръ Благословенный.

И дѣйствительно, я съ того времени зналъ, что въ той особенной, описанной выше хатѣ жила мать Дороша съ его старшимъ женатымъ братомъ. Разсказывали тогда, что мать Дороша была маленькою дѣвочкою въ то время, когда ихъ посѣтилъ Императоръ Александръ I. Я помню эту старуху: высокая, бѣлобрысая, всегда строгоя. Вся семья Дороша называлась Ягусты, Ягустенки—*г* произносилось, какъ латинское *g*.

Не есть ли это исковерканные Августъ, Августенки?

Разсказъ стараго пана, называющій владѣльца посѣщенной Александромъ Благословеннымъ хатки *нѣмцемъ*, даетъ намъ право съ большею увѣренностію сдѣлать эту догадку.

Борисъ Познанскій.

19 декабря 1889 года
Павловскъ.

Къ замѣткѣ Н. Д. Н. „Къ біографіи Т. Г. Шевченка“.

Въ мартовской книгѣ «Кіевской Старины» за этотъ годъ г. Н. Д. Н. сообщилъ очень интересныя подробности о своихъ переговорахъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ литературнаго фонда, по дѣлу освобожденія изъ крѣпостной зависимости бывшимъ владѣльцемъ с. Кириловки и ея крѣпостнаго населенія г. Фліорковскимъ

братьевъ и сестры Т. Г. Шевченка съ ихъ семействами.—Изъ этой замѣтки мы узнаемъ, что г. Фліорковскій положительно отказалъ въ лицѣ Н. Д. Н. литературному фонду, при выдачѣ вольной семьѣ поэта, даже за деньги надѣлить ее землею, мотивируя свой отказъ, помимо чисто личныхъ взглядовъ и отношеній къ Т. Г. и его семьѣ, еще соображеніями, вытекавшими изъ циркулировавшихъ тогда во многихъ помѣщичьихъ кружкахъ слуховъ, что въ видахъ и цѣляхъ правительства при приближавшемся разрѣшеніи крестьянскаго вопроса дать крестьянамъ личную свободу безъ надѣла ихъ землею.— Переговоры г. Н. Д. Н. съ г. Фліорковскимъ на этомъ и окончились и только впослѣдствіи изъ отчета общества литературнаго фонда г. Н. Д. Н. узналъ, что г. Фліорковскому принесена была благодарность обществомъ за взносъ 900 р. въ кредитныя учрежденія при выдачѣ вольной семьѣ Т. Г.

Переговоры литературнаго фонда съ г. Фліорковскимъ велись Н. Д. Н. въ августѣ 1860 г.—19 февраля 1861 года состоялся великій актъ освобожденія крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею изъ крѣпостной зависимости, слѣдовательно личное освобожденіе семьи Т. Г., со взносомъ за ихъ крѣпостныя души 900 р. въ кредитныя учрежденія, совершено было ихъ владѣльцемъ въ теченіи четырехъ, пяти мѣсяцевъ... и теперь не безъинтересно будетъ разсказать, какъ совершилась эта вольная, вызвавшая благодарность литературнаго фонда.

При повѣркѣ уставныхъ грамотъ и обращеніи ихъ въ выкупныя акты въ кіевской губерніи, согласно Высочайшему указу 30 іюля 1863 г., въ звенигородскомъ уѣздѣ въ 1865 г. было учреждено повѣрочное отдѣленіе при мировомъ съѣздѣ, въ составъ котораго въ числѣ другихъ селъ 2-го и 4-го мировыхъ участковъ вошло и с. Кириковка владѣнія г. Фліорковскаго.

Мнѣ, какъ предсѣдателю повѣрочнаго отдѣленія, мировому посреднику Е. Я. Соколовскому и кандидату мировыхъ посредниковъ Н. И. Баковецкому пришлось открыть засѣданіе на мѣстѣ, въ с. Кириловкѣ, и произвести тамъ повѣрку грамоты, послѣ чего составить и выкупной актъ согласно правиламъ 19 февраля 1861 г. и позднѣйшимъ добавочнымъ узаконеніямъ и разъясненіямъ. Назначивъ срокъ нашего съѣзда туда въ среднихъ числахъ іюля 1865 г., мы по полученіи обратныхъ повѣстокъ отъ г. Фліорковскаго и крестьянъ,—послѣднихъ съ приговоромъ объ избраніи ими уполномоченныхъ,—прибыли въ с. Кириловку и начали тамъ дѣло повѣрки. Г. Фліорковскій въ

наше засѣданіе не прибылъ (онъ жилъ тогда въ другомъ своемъ имѣніи, кажется, въ черкасскомъ уѣздѣ), а выдалъ довѣренность женѣ своей, жившей тогда въ Кириловкѣ, для веденія дѣлъ по мировымъ крестьянскимъ учрежденіямъ въ звенигородскомъ уѣздѣ. Отозвавшись незнаніемъ дѣлъ, она въ засѣданія повѣрочнаго отдѣленія не являлась, а просила, по окончаніи повѣрки, объявленія ей протоколовъ и актовъ, съ правомъ обжалованія ихъ въ узаконенный для того срокъ; за происходившимъ же въ публичныхъ засѣданіяхъ повѣрочнаго отдѣленія она слѣдила, отрядивъ изъ служащихъ при экономіи лицъ одного или двухъ оффиціалистовъ, прислушивавшихся внимательно къ крестьянскимъ заявленіямъ и сопровождавшихъ насъ во всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ осмотрахъ усадебнаго и полеваго крестьянскаго надѣла, въ которыхъ являлась надобность.

Согласно выработанной извѣстнымъ дѣятелемъ крестьянской реформы въ юго-западномъ краѣ Г. П. Галаганомъ инструкціи, повѣрка уставной грамоты въ Кириловкѣ началась обычнымъ объясненіемъ правъ крестьянъ на выкупъ отведенной имъ въ надѣлъ еще при инвентаряхъ земли, при чемъ разъяснялось, что Высочайшая воля дважды высказалась относительно правъ крестьянъ на эти земли,—въ первый разъ при составленіи и введеніи въ дѣйствіе инвентарей, когда земля эта объявлена была неприкосновенною и неизмѣняемою въ своемъ назначеніи крестьянскаго пользованія, и во второй разъ въ мѣстномъ положеніи 19 февраля 1861 г., подтверждавшимъ не только неприкосновенность и неизмѣняемость инвентарныхъ земель, но и распространявшимъ на нихъ право выкупа со стороны крестьянъ, послѣ чего и приступлено было къ повѣркѣ уставной грамоты по пунктамъ. Приступивъ затѣмъ къ опредѣленію состава крестьянскаго общества, имѣющаго право на выкупъ инвентарныхъ надѣловъ, мы выслушали заявленія уполномоченныхъ отъ крестьянъ и семьи Т. Г. о правахъ послѣдней на надѣлъ. По разсмотрѣніи документовъ, представленныхъ къ заявленію, оказалось, что г. Фліорковскій выдалъ вольную Шевченкамъ въ самомъ концѣ 1860 г., отложивъ выполненіе всякихъ формальностей по утвержденію ея въ долгій ящикъ и не выдавая ея на руки освобожденнымъ. Въ первыхъ числахъ марта 1861 г. былъ объявленъ, какъ извѣстно, манифестъ 19 февраля 1861 г., и г. Фліорковскій поспѣшилъ тогда устроить всѣ формальности и выдалъ имъ на руки вольную. Освобожденные Шевченки отъ принятія ее отказывались, высказываясь: «на що намъ однимъ тая паньска воля та ще тоди, якъ люде диждалысь цар-

скоп—то звисно воля такъ воля зъ землею: якъ бувъ цилый викъ хлиборобомъ, такъ и зоставайся имъ, а ця—паньска, кидай землю, батькивщыну, худобу та и текай геть, геть зъ села, та й кажуть ще записуйся въ мищане, а яки зъ насъ ще будуть мищане...» Г. Фліорковскій на ихъ возраженія не обращалъ вниманія, а требовалъ, чтобы они очистили въ его пользу землю и усадьбы, увольнились изъ общества и приписались гдѣ нибудь. Наступило время составленія и утвержденія уставныхъ грамотъ,—при составленіи грамоты на Кириловку г. Фліорковскій показалъ Шевченковъ выбывшими за полученіемъ вольной изъ состава крестьянскаго общества, а надѣлы, оставшіеся отъ ихъ выбытія вакансами, поступающими къ нему,—въ такомъ видѣ грамота тогда была утверждена крестьянскими учрежденіями, дѣйствовавшимъ до указа 30 іюля 1863 г. На дѣлѣ Шевченки изъ общества не увольнялись и продолжали, несмотря на нѣкоторыя настоянія г. Фліорковскаго, значительно впрочемъ ослабѣвшія послѣ событій 1863 г., владѣть какъ своими усадьбами, такъ и надѣлами. Заявляя обо всемъ этомъ повѣрочному отдѣленію, и уполномоченные отъ крестьянъ, и семья Шевченковъ просили избавить послѣднихъ отъ этого проявленія «паньскои воли», а предоставить имъ право наравнѣ со всѣми прочими селянами воспользоваться «царською волею».—Права же Шевченковъ на включеніе ихъ съ ихъ усадьбами и надѣлами въ уставную грамоту, послѣ всего вышесказаннаго, были настолько доказательны, что тогда же мы и включили ихъ въ число лицъ, на коихъ распространялся обязательный выкупъ,—противъ чего, насколько намъ извѣстно, г. Фліорковскій и не спорилъ.— Остается однако же послѣ всего этого вопросъ, за что благодарилъ литературный фондъ г. Фліорковскаго,—внесенныя имъ за личную свободу семьи Т. Г. деньги пошли въ уплату его же долга кредитнымъ учрежденіямъ,—личную свободу онъ силился доставить имъ безъ земли, въ ущербъ Высочайше дарованной тогда же воли крестьянамъ съ правомъ выкупа ихъ земель, и только повѣрка утвержденныхъ и введенныхъ въ дѣйствіе грамотъ возвратила имъ и землю, и тѣ права, которыхъ никто не рѣшался отнять отъ ихъ односельцевъ.

А. С. Л.

5 марта 1889 г.
г. Кіевъ.

Къ реформѣ Сперанскаго.

Высочайшій указъ 9 авг. 1808 г., проектированный Сперанскимъ, вызвалъ въ современномъ ему обществѣ чуть ли не всеобщее неудовольствіе; сущность его состояла въ томъ, чтобы даже и по выслугѣ узаконенныхъ къ тому лѣтъ никого не производить впередъ въ чинъ коллежскаго ассесора безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ о томъ, что представляемый къ производству успѣшно окончилъ въ немъ курсъ или, явясь на испытаніе, заслужилъ одобреніе въ своихъ знаніяхъ; это же университетское свидѣтельство требовалось и для производства въ статскіе совѣтники, но еще подъ условіемъ нахожденія при томъ не менѣе 10 лѣтъ на службѣ, въ числѣ коихъ два года нужно было прослужить въ одной изъ поименованныхъ въ указѣ должностей. По программѣ, приложенной къ указу, при испытаніи въ университетѣ требовалось: «грамматическое знаніе русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе; знаніе по крайней мѣрѣ одного языка иностраннаго и удобность перелагать изъ него на русскій; основательное знаніе правъ естественнаго, римскаго и частнаго гражданскаго съ приложеніемъ послѣдняго къ русскому законодательству и свѣдѣнія въ государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторія всеобщая съ географіею и хронологіею; первоначальныя основанія статистики, особенно русскаго государства; наконецъ, знаніе по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ главныхъ частяхъ физики».

Неудовольствіе общества и его представителей, помимо извѣстной записки Карамзина, выразилось въ массѣ стихотвореній и памфлетовъ, направленныхъ противъ Сперанскаго и его реформы, которые жадно читались и переписывались публикою.—Съ тремя изъ этихъ образчиковъ рукописной литературы начала XIX в., заимствованными нами изъ большаго рукописнаго сборника того времени, мы и знакомимъ нашихъ читателей.

Мысли унылаго дворянина.

От Рюрика по днесь дворянъ не утесняли
За то Россію всѣ владычицей щитали.
Коль грамотѣ кто зналъ, доволенъ былъ и тѣмъ,
Но правда и законъ былъ общій всѣмъ.
Геройство, подвигъ, трудъ—трофеи созидали
И въ общемъ щастьи всѣ свое тогда считали,

А стать по небѣсамъ и въ глубь морей ходить
Законъ учителямъ чтить, дѣла умомъ дѣлить
Гдѣ Вѣна, гдѣ Парижъ—хотя того не знали,
Но быть подпорой всѣ отечества желали
Великія во дняхъ владычествуя Имъ
Почтеннымъ правами дѣлилися своимъ.
А сынъ поповскій днесь, какъ мыльной шаръ летая
У счастья подъ рукой, цѣны трудамъ не зная,
Науки вводитъ онъ, невежей бывши самъ.
Гдѣ гибель общая онъ ищетъ щастья тамъ,
Искуственнымъ мечемъ Россію поражая,
Худой политекъ бывъ и дѣлъ совсѣмъ не зная,
Невѣденія завѣсъ у всѣхъ онъ хочетъ снять;
Но какъ же онъ тогда умы можетъ унять,
Чтобъ выучась всему, дѣлъ дворянскихъ невидали
И мыслей тайныхъ всѣхъ тогда же не угадали.
И съ тѣмъ упала бъ въ васъ личина предъ людьми,
Чтожъ стали вы тогда? Какъ куклы предъ дѣтьми...
Безумецъ! Разсмотри, что хочешь ты затѣять
Остатню вырвавъ вѣтвь,—вражду межъ всѣхъ посѣять!
Какая польза въ томъ, хотя бъ въ Россіи всякъ
Въ профессорство пошелъ
Сказали бъ тогда такъ } пустое намъ въ дѣлахъ.
И день и ночь трудится
Пойдемъ мы для чиновъ наукамъ всѣмъ учиться
И въ судъ ужъ не судья, а школьникъ бы пришолъ
На то, чтобъ побывать—и тотчасъ бы ушолъ
Наука съ деньгами гдѣ вѣситъ тогда будутъ
Профессора тогда себя не позабудутъ.
И такъ ученыхъ тьма явилась бы намъ
И цѣну бы себѣ всякъ видѣлъ тогда самъ,
Пошелъ ли бы тогда на смерть умнякъ спокойно?
Онъ тотчасъ бы сказалъ воломъ быть непристойно:
Въ природѣ правы всѣ равно принадлежатъ
Всѣмъ смертнымъ на землѣ; мнѣ всякой въ мірѣ братъ,
Безъ личныхъ своихъ пользъ лить кровь другій не въ силахъ,
Для глупыхъ лишь однихъ пусть счастіе въ могилахъ.
Иной, судьею ставъ, и дастъ намъ приговоръ
Изъ многихъ—силогизмъ ученой метофоръ.

Причины слѣдствія покажетъ плодовито,
Ораторскимъ перомъ и пышностью набито.
Но что за польза въ томъ, что только для наукъ;
Но правдѣ не даетъ къ защитѣ бѣдныхъ рукъ,
Велитъ учиться всѣмъ, чтобъ знали по французски.
На что подъячему? Когда онъ и по русски
Безъ нужды правитъ всѣмъ, законъ царевъ блюдетъ,
Порядокъ дѣлъ отъ всѣхъ, по навыку вѣдетъ,
Котораго, какъ онъ, не будетъ знать ученой
Безъ опыта весь вѣкъ... но съ той только отмѣной:
Кто тридцать лѣтъ трудясь, ставъ всѣмъ необходимъ
Безуміемъ твоимъ за то, что онъ не выучилъ французской
Не выучилъ языкъ. А съ грамотою русской
Будь сынъ полезной и закону и царю,
Остался безъ чиновъ! я мщеніемъ горю!...
О Богъ! дай разумъ мнѣ! съ вопросомъ ужъ дерзаю:
Въ хаосѣ смутномъ семъ въ себѣ себя не знаю:
Ужель всевѣдущихъ -- намъ чуждыхъ языковъ
Не можетъ никогда быть сущихъ дураковъ.
Но что я вопрошаю? Я вижу то глазами;
Сей вѣкъ для таковыхъ... инъ хлопъ теперь зубами.

ЕПИГРАМА

Велики чудеса Сперанскій намъ явилъ,
Науками онъ вдругъ, дворянъ всѣхъ задавилъ.

СТИШКИ

Сперанскій выдумалъ учить ужъ стариковъ
И хочетъ дѣлать онъ изъ мухи пауковъ.
Великъ онъ сталъ теперь, хотя и сынъ поповскій;
Но къ сожалѣнію, въ немъ разумъ не отцовскій
Громаду свѣта жь онъ желаетъ перемѣнить
И чтобъ въ хаосѣ томъ на вѣкъ себя затмить.

Народный разсказъ „про щасте“.

Печатаемый ниже разсказъ записанъ въ м. Веркіевкѣ нѣжинскаго уѣзда, черниг. губ. отъ крестьянина П. М. Середки. Разсказъ этотъ былъ вызванъ чтеніемъ разсказа гр. Л. Н. Толстаго «Счастье», которое дало поводъ слушателямъ къ различнымъ сужде-

ніямъ. Убѣжденный тонъ разсказчика доказывалъ, что онъ смотрѣлъ на свой разсказъ не какъ на сказку, а искренне вѣрилъ въ его правдивость.

«Ось постійте жъ лышъ, и я вамъ роскажу про щастя. Ото бувъ соби такый чоловикъ, що знавъ, хто вродывся щаслывый, а хто безщасный. Якъ тыльки гляне чы на людыну, чы на скотыну, такъ и бачыть: ото жъ щаслыве, а то ни. И було въ того чоловика скилько тамъ дитей,—уси щаслывы, тылько одынъ сынъ-парубокъ нещаслывый. Прышло уремя женыть того сына, а въ его вже и дивка на прымети е. Росказавъ винъ батькови, чыя дивка, побачывъ іи батько и заразъ узнавъ, що й вона нещаслыва. Отъ винъ и каже сынови: знаешъ шо, сыну: не беры сіеи, беры онъ таку то й таку! (А то щаслива).—Ни вже, каже сынъ, якъ не тую, такъ зовсимъ не хочу женытьця. Якъ уже батько не вговорявъ ёго,—винъ усе свое. «Выдно, така вже его доля", подумавъ батько и оженывъ его, якъ той хотивъ. Пожылы воны трохы, батько и каже молодымъ: «гледить же, диты, жывить теперъ у мене, а якъ помру я, то не одризняйтесь одъ старшого брата, бо вы обое нещаслывы.» Якъ почулы се молоди и давай радытьця: колы мы нещаслыви, то ходимъ одъ ихъ зовсимъ,—може мы свое щастя найдемъ. Прыйшлы до батька. «Такъ и такъ», кажуть, «пустить, тату, насъ шукать щастя; пійдемъ мы одъ васъ, щобъ и не жыть передъ вашымы очыма нещаслывымъ». Чого вже батько не робывъ, якъ не благавъ ихъ—ни: «пустить», та й годи. Отъ батько благословывъ —«идить, диты, куды знаете: така вже мабуть Божа воля» оддилывъ имъ, що знавъ, запряглы воны кыбыточку, поихалы. Идуть день и другый, може воны тамъ и зъ тыждень, обо й зъ мысяць издылы и бачять разъ на дорози, на вынзди зъ села, лазыть двое щенятъ—выдно хтось выкынувъ лышнихъ. Жинка й каже: «возмимъ, чоловиче, одно лучченьке, може якъ небудь выгодуемъ, воно здастця.» Узялы. Чы скоро, чы не скоро обибралы воны соби мисто, купылы земелькы, грунтыкъ, волыкивъ, овечечокъ за ты грошы, що давъ имъ батько, и сталы жыть. И собачя тее изъ маленького стало добрымъ собакою—выгодувалы его то молочкомъ, то хлибцемъ. Ставъ той собака доглядать худобы. И що жъ бы вы думалы: за що воны не возьмутьця—въ усему имъ удача: хлибъ родыть добре, скотынка здорова, овечкы, свыни, куре—все плодытьця добре, а росте—якъ зъ воды йде. Отъ годивъ черезъ шисть у ихъ стало таке хазяйство, якого и въ батька не було. Згадалы воны разъ батька да й кажуть: «отъ же батько й не знае, що намъ тутъ такъ добре;—напышимъ до его пысьмо, нехай

прыиде перевидаетця, порадуетця на наше жыття». Порадылысь, послалы. «Такъ и такъ, тату: жывемо мы, слава Богу, у достаткахъ— прыизджайте перевидатьця, отъ вамъ и грошы на дорогу». Дывуетьця старый, не вирыть. «Треба», думае, «поихать, побачыть». Прыизджае. Бачыть по хазяйству, що всего вволю, и не може додуматьця, що воно за знакъ: вже й на дитей дывывся, и на птыцю, и на скотынку, що дома була—не выдно щаслывого! Дывуетьця старый, не знае, що й подумать. У вечери сивъ на порози, выглядае скотыну зъ поля. Пройшлы свыни зъ овчара, пройшлы телята, пройшлы коровы зъ череды—не ма щаслывого; колы се пастухы женуть отару овець, а за нымы й собака у двиръ; тыльки глянувъ старый—«ага, ось де щастя»! Повечералы, батько й каже: «знаешъ що, сыну: звелы, щобъ убылы отого собаку.»— «На що, каже сынъ: винъ у мене дуже добрый собака, жалько, мы его зъ жынкою маленькымъ найшлы да выгодовалы, служывъ винъ намъ скилько годъ—за що его убыватьи?—Ось убый, я тоби кажу,— вамъ лучче буде». Що ты будешъ казать? треба батька послухать. Прыйшлы пастухы на другый день, хазяинъ и каже: «убыйте заразъ собаку». А пастухы «ни за що, кажуть, не вбьемо, лучче вы насъ расчытайте. Вы думаете, що се мы бережемо овецъ? Се все собака». Такъ и не захотилы. Нанявъ винъ другыхъ, попаслы воны день чы два— «убыйте собаку».-- «На що мы будемъ таку розумну тваръ убывать? Не за-для того наймалысь». И покынулы. Отъ же найшовся такый, що не пожаливъ: якъ убыть, такъ и убыть,—убывъ и покынувъ у городи (такъ звеливъ старый). Хазяйка ажъ заплакала за собакою; а батько сивъ у двори и дывытьця въ городъ. Колы се бижать куре, одынъ пивень пидбигъ до того собакы да й клюнувъ его и разъ и два. «Ну, каже старый, добре. «Уходыть у хату да й каже до невистки. «Отъ що, доню,—завтра, прыйшовшы зъ церквы, поиду я до дому, дакъ зарижъ мини на дорогу оттого пивня. Да гледы, не пробуй и никому не давай его пробувать; що негодытьця, те закопай, а що годытьця, те для мене зжаръ». На другый день пошовъ хазяинъ зъ батькомъ до церквы, а хазяйка зарізала пивня и жарыть. Диты й давай просыть: «дай, мамо, покоштувать того пивныка що дидови зарізала».— «Не можна, каже маты, дидъ не веливъ». Старшенькый же одыйшовъ, а меньшый, годивъ чотыры хлопчыкъ, просыть да й просыть; вона его й ударыла, а винъ усе свое просыть, плачучы. Колы се входыть сусидка. «Чого се у васъ, сусидочко, плачъ рады празныка»?—Такъ и такъ, свекоръ не веливъ коштувать пивня, а воно лизе, якъ сліота,—я й ударыла». «Э, голубонько, свекоръ сегодни тутъ, а завтра й поихавъ, а диты

повсегда зъ тобою: дай ему трошкы, одщыпны тамъ чого небудь— воно й не выдно буде». Вона такъ и зробыла. Повернулы люде зъ церквы, входыть и хазяинъ зъ батькомъ; тылько глянувъ старый на дитей, такъ и вбачывъ, що ему треба. Силы обидать: «Давай же, дочко й пивня».—«А вы жъ казалы: на дорогу».—«Эге, то такъ треба було казать; а теперъ можна исты, бо вже е у васъ щаслывый», да й указавъ на того хлопчыка, що пивня покоштувавъ. Да й росказавъ имъ усе. «Ото черезъ те у васъ такъ добре хазяйство велось, що бувъ у васъ щаслывый собака; а якъ бы собака въ поли здохъ, то й щастя тамъ бы осталось, и звелось бы ваше хазяйство. А якъ клюнувъ пивень собаку, дакъ щастя перейшло въ пивня, а теперъ у хлопчыка. Живыть теперъ да Бога хвалить,—усе ваше пры васъ буде".

Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ.

Въ 1778 г., черниговскій житель Никита Зогій жаловался въ генеральный судъ, на архимандрита Троицкаго Ильинскаго монастыря Паисія за «привлеченіе въ подданство», при чемъ о предшествующихъ своихъ отношеніяхъ къ монастырю, разсказалъ слѣдующее:

«Дѣдъ мой Лаврентій зъ отцемъ моимъ Андреемъ и братами его, зайшли зъ Полши въ г. Черниговъ на жилье, искупили грунты и жили въ мѣщанскомъ званіи и козачомъ. По смерти жъ отца моего, оставшомуся мнѣ малолѣтнему, обучился грамоты и обучался въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ переплетческого ремесла, и возросши по такомъ обученіи, съ начала вступилъ я въ партикулярную службу отъ 1760 года по желанію моему, при монастырѣ Троицкомъ Ильинскомъ, перво, послушникомъ зъ годъ и продавалъ книги печати того Троицкаго монастыря и типографщикомъ въ переплетѣ випечатованыхъ книгъ, а за тѣмъ, и книгъ продавщикомъ, всего въ продолженіи времени чрезъ шесть лѣтъ, по договору въ годъ по 90-ти рублей платежа; а напослѣдокъ того, и на своемъ коштѣ отъ того монастыря продавалъ книги: за сколко-бъ денегъ книгъ ни продалъ, получалъ по договору десятину денегъ. А когда тотъ монастырь Троицкій началъ меня утѣснять, затѣмъ я началъ удалятся отъ нихъ, то оного монастыря архимандритъ и чернецы не отпуская отъ того монастыря и притѣсняя, ограбили мое имущество, привязываясь ко мнѣ тѣмъ по долговременной моей службѣ, что якобы я сталъ родовитой подданной»....

Въ доказательство того, что онъ не монастырскій подданный, Зогій къ своей жалобѣ приложилъ выдданные ему отъ монастырскаго начальства три «пашпорта», съ которыми онъ ѣздилъ торговать изданіями Ильинской типографіи въ Харьковъ, Роменъ, Сумы, Борзну и наконецъ даже въ Кіевъ. Приводя здѣсь эти паспорты, указывающіе, какъ далеко шла торговля книгами черниговской печати, замѣтимъ, что Ильинская типографія въ к. XVIII в. работала чрезвычайно успѣшно: поступившій въ 1766 г. въ Ильинскій монастырь настоятелемъ архимандритъ Евстафій нашелъ въ немъ черниговскаго изданія «книгъ разнаго содержанія въ переплетѣ, тетрадяхъ и листахъ 11304 экземпляра, на сумму 46804 р. 65 к.» [1]).

1) Обявитель сего послушникъ обители свято Троецкия Илѣнския Чернѣговския Никита Андреевъ Зогій отправленъ съ оныя обители въ малороссійские города Суми и Борзну, двума санми, едними пароконними, а другими единоконними, для продажи книгъ, которому по указанію ея императорскаго величества, чинить какъ въ показание мѣста едучому, такъ и обратно въ обитель возвращающемусь, свободный пропускъ, чего во вѣрность и сей отъ меня за подписомъ руки моей и съ притисненіемъ монастирской печати, ему Никитѣ Андрееву, пашпортъ данъ. 1760 года, февраля 2 дня. Михайловского Переясловского монастира игуменъ я и управитель свято Троецкой Илинской Чернѣговской обители Германъ съ братіею."

2) „Обявитель сего свято Троецкой Ілинской Чернѣговской обители книгопродавецъ Никита Зогій слѣдуетъ въ ярмарки въ Роменъ и Харковъ городи, для продажи книгъ ему зъ монастыра оного жъ Троецкого даннихъ, троелошадеинимъ возомъ и съ человѣкомъ, которому за силу ея императорскаго величества указовъ, даби вездѣ на учрежденныхъ караулахъ, свободній какъ туда, яко и обратно чинимъ бы былъ пропускъ, лучшаго же ради вѣроятія данъ сей за подписомъ руки моей и при обикновенной монастирской печати пашепортъ. 1760 года, іюля. Михайловского Переясловского монастира игуменъ и управитель свято Троецкой Ілинской Чернѣговской обители Германъ съ братіею".

3) „Обявитель сего Троицкого Илинского Чернѣговского монастыря книгопродавъ (sic) Никита Зогій отправленъ зъ оного монастыря троеконною повозкою, съ еднимъ работникомъ, въ городъ Кіевъ, для продажи тамо казенныхъ монастырскихъ печатныхъ разныхъ въ листахъ книгъ, которому дабы туда слѣдуючему и обратно въ Черниговъ возвращающемуся, чиненъ былъ по указамъ свободной пропускъ, сей ему Никитѣ Зогому зъ вишеписанного Троицкого монастыря пашпортъ за подписомъ и печатью монастырскою, данъ. 1778 года марта 22 дня. Архимандритъ Троецкій Паисій. Писаръ Иванъ Романовскій".

А. Л.

---

[1]) Описаніе Черниг. Епархіи II, 19.

Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.

(Свидѣтельство гетмана Разумовскаго).

Помѣщаемое здѣсь прошеніе бывшаго гетмана Разумовскаго, поданное на имя императрицы Екатерины II [1]), заключаетъ въ себѣ въ высшей степени интересное свидѣтельство современника о томъ, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII в. въ Малороссіи— «многимъ числомъ деревни и угодія были раскрадены грабителями мужиками, которые себѣ чины за деньги достали»... Это прошеніе служитъ отчасти дополненіемъ къ извѣстному доносу яготинскаго сотника Купчинскаго на генер. писаря Безбородка, между прочимъ и за то, что послѣдній «мужикамъ чины за деньги доставалъ».... [2]) Тогда же, въ «междогетманство», когда Безбородко былъ правою рукою у правителей Малороссіи, особенно процвѣла и «скупя грунтовъ», подъ видомъ которой и совершалась «кража земель и угодій». Любопытно, что слѣдствіе по доносу Купчискаго было повернуто (въ 1751 г.) къ оправданію Безбородка распоряженіемъ этого же самаго Разумовскаго [3]), впрочемъ въ то время только что пріѣхавшаго въ Малороссію на гетманство, и еще не знавшаго «малороссійскихъ дѣлъ».

Всемилостивѣйшая Государиня

Вашему Императорскому Величеству известно, что я не имелъ за собою никакихъ деревень, а жилъ толко недвижимымъ именіемъ жены моей великороссійскимъ, и что въ 1759-мъ году, ея величество въ Бозѣ усопшая государиня императрица Елисаветъ Петровна содержа нашу фамилію въ особливомъ покровительствѣ, въ разсужденіи моей многочисленной фамиліи, пожаловала мне въ вечное и потомственное владѣние нѣкоторые неболшие маетности въ Малой Россіи, яко то городи, или лутче сказать мѣстечки, Батуринъ и Роченъ съ ихъ малыми уездами, Бакланскую и Шептаковскую волости; сіи двѣ деревнѣ бывшие долговременно между гетманствомъ въ крайнемъ несмотрѣніи, разными чинами, (или лутче сказать мужиками), которые себѣ чины за денги достали, такъ раскрадены въ земляхъ и угодіяхъ и отказанныхъ деревняхъ при отдачи мнѣ нашлись, что я принужденъ былъ тогда просить Правителствующаго Сената, чтобъ нарочно знающие люде изъ великороссійскихъ чиновъ определены были для разобрания—что кому и по какимъ крепостямъ принадлежатъ.... темъ,

[1]) Прошеніе Разумовскаго получено нами въ копіи XVIII в., вмѣстѣ съ другими того времени бумагами, отъ Б. Пл. Антоновича, изъ Керчи. Къ сожалѣнію, средина прошенія Разумовскаго выгрызена мышами; эти мѣста обозначены точками.

[2]) Русск. Арх. 1875, I, „Безбородки".

[3]) Записки Як. Марковича II, 297.

кто въ сихъ мне пожалованныхъ деревняхъ поселился, и землями и угодіями старинными къ тѣмъ (?) землямъ принадлежащими завладѣ....... И определены были статскій советникъ Шишкинъ и полковникъ Семеновъ, какъ знающіе и безпристрастные люде,........ сіе въ самую истину разсмотрѣли, и наконецъ нашли......... вымишленіями и подложными крепостми, купчими издѣлками часть тѣхъ деревень до отдачи мне разграблено, а инные и разными малороссійскими пристрастниками по лихоимству и обманивая многократно Правителствующій Сенатъ и коллегию иностранныхъ делъ (которая тогда ведала маллороссіиские дѣла) и укрѣплени въ противность всѣмъ правамъ малороссійскимъ и статямъ Богдана Хмелницкаго, на которыхъ онъ подъ державу Всероссійскую приступилъ, и указамъ имяннымъ высочайшимъ предковъ Вашего Императорскаго Величества. И когда помянутые отдатчики Шишкинъ и Семеновъ откривъ то все воровство, отобрали въ силѣ имянного указа, которымъ мне и потомству моему сіи деревнѣ пожалованы и отданы къ моему владѣнію, то и помѣщики неправилно били челомъ о томъ въ Правителствующій Сенатъ, прописавъ многие на меня зъ согласиемъ многихъ клеветниковъ мужиковъ, лжи, якобы тое я силою зделалъ и лишилъ ихъ последнего препитания; почему сіе дело нѣсколко (лѣтъ?) было въ Сенатѣ безъ изслѣдования, а напослѣдокъ по всемилостивѣйшему Вашого Императорскаго Величества повелѣнію, определена нарочная комисия, въ которой генералъ поручикъ Костюринъ да статскій дѣйствителный советникъ Еммей, колежской советникъ Курбатовъ дѣло сие производятъ въ Санктпѣтербурге. А нынѣ получаю извѣстие, что помянутые члены той комисіи не сведомы будучи о многихъ обстоятелствахъ ябедническихъ малороссійскихъ, вѣру подали тѣмъ ябедникамъ, которые возползовавшись моимъ теперь отдаленіемъ и членовъ незнаніемъ многихъ обстоятелствъ по сему дѣлу надобныхъ, дѣло свое умишленно наклоняютъ на крайнюю мнѣ и дому моему обиду, и ежели по ихъ докладу и резолюція Вашего Императорскаго Величества воспослѣдуетъ, то исъ того родится и во всей Малой Россіи таковымъ же образомъ и многимъ числомъ землѣ государевы, деревнѣ и угодія раскрадени всѣми грабителями мужиками, примѣрнымъ образомъ надобно будетъ утвердить, тѣ которые по самой справедливости и по всѣмъ законамъ отобрать у нихъ должно, въ чемъ мне, яко знающему малороссійские дела, по долговремянной моей практикѣ, паче всѣхъ известно.

Всемилостивѣйшая государиня! великому императорскому вели-

честву уповаю извѣстенъ мой характеръ безкористенъ, и что я никому не желаю ни наималѣйшей обиды здѣлать и темъ менше присвоить, но долженствую признатся, что чувствительно и того лишаюсь, что милостивѣйше мне и роду моему пожалованно и что малороссійскіе мужики и протчие козаки самоволно и безъ ведома государевой власти, и.,.... тѣмъ же похищеніемъ и достаткомъ чины себе н....., а по тѣмъ чинамъ шляхетское на себе право...... безъ заслуги и безъ всякого достоинства, по которому..... выклопотали въ отдаленномъ краю, такія маетности, которые смело могу признаться, всемилостивѣйшая государиня, ни почему къ нимъ не принадлежатъ, но еще иныхъ надлежало бъ по указамъ оштрафовать.

Не разпространяя я здесь о доказателствѣ, дабы не трудить тѣмъ Ваше Императорское Величество, на всеподданнѣйше толко прошу для безпристрастного ізслѣдованія повелѣть къ той комисіи въ Москвѣ двоихъ членовъ опредѣлить, между которыми былъ бы хотя одинъ прямо знающій все хитрости и обманы ябедниковъ малороссіянъ, изъ чего токмо найдется на мою сторону правосудие, но и ваше императорское величество сколко много такимъ же непозволителнымъ образомъ деревень и земель вашего императорскаго величества въ Малой Россіи роскрадени, почему и въ комисию надобно такихъ секретарей и служителей опредѣлить, которые прежнимъ неправымъ резолюціямъ малороссійскимъ дѣламъ, яко поврежденнымъ, не были (бы?) послѣдователными. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Разумовскій.

Резолюція. По сему доложить, а въ Сенатъ послать указъ для опредѣленія членовъ въ коммисію о раскраденныхъ земляхъ; той же коммисіи изслѣдовать и о недоволствѣ въ обстоятелствѣ доложить.

А. Л.

Выставка картинъ Кіевскихъ художниковъ.

Было время, и время очень недавнее,—когда представителями искуства живописи въ Кіевѣ была едва ли не одна лаврская школа иконописи да учителя рисованья мѣстныхъ гимназій. Нѣсколько позднѣе мѣстное живописное искусство олицетворялось долго въ единственномъ лицѣ почтеннаго г. Рокачевскаго, снискавшаго почетную репутацію своими портретами. Но въ тѣ послѣдніе 15—20 лѣтъ, когда Кіевъ изъ губернскаго города превратился въ центръ извѣстнаго района (не достигши, впрочемъ, значенія большого города), дѣло измѣнилось. Завелась рисовальная школа, которая изъ маленького начинанія превратилась въ довольно правильно организованное

заведеніе съ правительственной поддержкой. Воспитанники школы, доканчивая курсъ въ петербургской академіи, стали выступать на дорогу настоящихъ художниковъ и два—три человѣка изъ нихъ пріобрѣли нѣкоторую извѣстность. Передвижныя выставки, начавъ странствовать по Россіи, съ самаго перваго же года нашли въ Кіевѣ радушный пріемъ, нашли покупателей и сдѣлались необходимостью для кіевлянъ. Художники изъ мѣстныхъ уроженцевъ пришли къ мысли, что для творческой производительности нѣтъ надобности жить на задворкахъ васильеостровской академіи и что не петербургская жизнь и природа дадутъ силу ихъ краскамъ и замысламъ; вмѣстѣ съ нѣсколькими иногородными художниками, они избрали Кіевъ мѣстомъ своего постояннаго пребыванія. Большія живописныя работы, предпринятыя въ строющемся Владимірскомъ соборѣ, привлекли въ Кіевъ извѣстныхъ мастеровъ (давъ возможность и случай обнаружиться и развиться замѣчательному дарованью г. Васнецова). Короче, Кіевъ сталъ городомъ далеко не чуждымъ искусству и доказалъ, что почва для процвѣтанья искуства въ немъ хорошая и что недостаетъ только для этого вниманія, усилій и пособій, самымъ первымъ и самымъ главнымъ изъ которыхъ долженъ бы быть историческій и художественный музей. За послѣдніе два года къ художественному активу Кіева прибавилось очень симпатичное начинаніе: выставки картинъ мѣстныхъ художниковъ. Устроенная въ прошломъ году робко, наполовину изъ картинъ частныхъ коллекцій, въ нынѣшнемъ году такая выставка состоитъ уже на двѣ трети изъ произведеній художниковъ—кіевлянъ. Явленіе это во всякомъ случаѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Преобладающимъ родомъ живописи на выставкѣ является пейзажъ; выставка, можно сказать, почти вся состоитъ изъ пейзажей, такъ какъ и большинство картинъ частныхъ владѣльцевъ принадлежитъ также къ этому роду. Что жъ, пейзажъ—такъ пейзажъ. Въ искусствѣ, по словамъ Вольтера, всѣ роды хороши кромѣ — скучнаго. Но кіевскіе пейзажисты немного погрѣшили передъ мѣстной публикой, предложивши ей будничное меню своихъ мастерскихъ и отправивъ лучшія вещи на весеннія петербургскія выставки, теперь какъ разъ открывающіяся. До тѣхъ поръ, пока репутацію, имя и извѣстность даютъ столицы, обвинять ихъ за это строго, конечно, нельзя. Но кажется, дѣло могло бы уладиться на будущее время назначеніемъ болѣе ранняго срока кіевскихъ выставокъ, гдѣ лучшія мѣстныя произведенія могли бы показаться прежде, чѣмъ ѣхать на сѣверъ. Въ выигрышѣ отъ этого были бы прежде всего сами художники, о раз-

мѣрахъ дарованій которыхъ получалось бы правильное понятіе. Наиболѣе даровитаго, напримѣръ, изъ пейзажистовъ—кіевлянъ г. Свѣтославскаго трудно признать по картинкамъ и этюдамъ этой выставки за автора «Весны» и «Тополей», входившихъ въ выставку передвижную. Этого симпатичнаго и прогрессирующаго художника, съ своеобразной и независимой ноткой, напоминаетъ только большая картина «Днѣпровскіе пороги», взятая изъ частной коллекціи. Другіе изъ экспонентовъ—художниковъ выставили вещицы большею частью этюднаго характера. Въ самомъ дѣлѣ что такое какъ не этюды эти «Мельницы», «Зимы», «Вербы», «Гребли» и другія картинки г.г. Вжеща, Станиславскаго, Менка, Галимскаго и другихъ? Это изображенья отдѣльныхъ, случайно взятыхъ уголковъ природы, болѣе или менѣе удачно написанныя, но въ сущности недалеко удаляющіеся отъ фотографіи, которая тоже вѣрно передаетъ отдѣльные предметы, но лишена лишь способности чувствовать и думать.

Въ пейзажѣ, какъ и въ другихъ родахъ искусства, долженъ быть угаданъ и найденъ типъ, который передавалъ бы высшую точку момента или предмета или былъ бы характернымъ выраженьемъ извѣстнаго края, небесъ, момента времени, мѣстности. Отъ такого творческаго пейзажа вѣстъ поэзіей, съ появленьемъ которой только и начинается высокое искусство. Все это относится, конечно, не къ нашимъ только пейзажистамъ, но ко всей почти русской школѣ, гдѣ образцы творческаго пейзажа дали только Воробьевъ, Айвазовскій, а изъ новѣйшихъ рано погибшій Васильевъ и отчасти Куинджи.

Помимо пейзажа есть громадныя области искусства, куда и не заглядываютъ наши южнорусскіе художники. Немногія изъ картинъ, типично и образно передававшихъ Малороссію, принадлежатъ не южно руссамъ. Неужели нечего изобразить изъ жизни этого края и этого народа, имѣющаго столь своеобразный складъ и характеръ, въ высшей степени характерный творческій міръ, замѣчательное по судьбамъ прошедшее? Южнорусское искусство ждетъ еще своихъ дѣятелей а наличныя силы или уходятъ отъ его задачъ, или вовсе не интересуются ими. Почти нѣтъ даже попытокъ работать въ этомъ направленіи, нѣтъ ихъ и на настоящей кіевской выставкѣ.

Все это не мѣшаетъ намъ видѣть въ ней прекрасное начинаніе и отдавать должное усиліямъ почтенныхъ устроителей. Общій уровень выставленныхъ работъ чрезвычайно приличенъ. А дальнѣйшее существованіе мѣстныхъ выставокъ облегчитъ и, можетъ быть, посодѣйствуетъ проявленью новыхъ и свѣжихъ художественныхъ силъ. W.

СЪ ДОРОГИ.

За Лохвицей, въ средней Полтавщинѣ, гдѣ равнины чередуются съ песчаными низменностями днѣпровскихъ притоковъ, начинается простодушная, во многомъ еще старосвѣтская сторона, гдѣ, въ многочисленной тамъ козацкой средѣ, еще держится старый типъ и стародавнія формы жизни. Почтовую дорогу, идущую на Миргородъ, я покидаю возлѣ Сѣнчи, сворачивая на проселки. Этотъ старый трактъ доживаетъ послѣдніе дни. Роменско-кременчугская желѣзная дорога, изъ угла въ уголъ пересѣкшая полтавскую губернію, дѣлаетъ его ненужнымъ. Степныя почтовыя станціи: Андріяшевская, Кирстовская, Бузковская, съ ихъ маленькими, выбѣленными комнатами, громадными, однообразными кожанными креслами, никогда не идущими, круглыми часами и простодушными писарями въ чемаркахъ, эти станціи, гдѣ славно отдыхалось въ лѣтній зной и зимнюю вьюгу, будутъ закрыты и отойдутъ въ область преданій. Ихъ убогій, трогательный, „комфортъ" смѣнится безличной пошлостью вокзальчиковъ съ трехминутной остановкой; усохнутъ и вырубятся старыя вербы почтовыхъ дорогъ. Все это прежнее, со множествомъ другаго, отойдетъ на нашихъ глазахъ, смѣняясь не опредѣлившимся новымъ, еще лишеннымъ внутренней жизни и колорита. Кто любилъ эту милую наивную глушь, того тянетъ взглянуть на нее передъ ея смертью въ послѣдній разъ...

Я дѣлаю привалъ въ степномъ хуторѣ. Пять-шесть хатъ, раскинутыхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, группа могилъ въ сторонѣ — и поле, поле безъ конца, теперь колосящееся рожью. Возлѣ бóльшей хаты множество надворныхъ построекъ: коморъ, хлиновъ, сажей, сараевъ,—длинный, низенькій вишневый садъ и высокій журавль надъ колодцемъ. Хозяинъ—богатый пожилой козакъ. Онъ женатъ вторично на дочери священника сосѣдняго села, предпочевшей зажиточную жизнь хозяйки—козачки невѣрной и часто печальной долѣ подруги жизни служителя алтаря. Во главѣ отряда наймичекъ и зажинщиковъ, она отправилась теперь въ поле зажинать жито. Во дворѣ

остался одинъ старикъ работникъ. Я дожидаюсь хозяевъ, растянувшись въ полутемной отъ прикрытыхъ ставень хижѣ, гдѣ глиняный полъ густо посыпанъ осокой, любисткомъ и мятой. Субботній день близится къ вечеру. Возвращаются съ поля хозяйка, рабочіе. Одинъ изъ нихъ «запрягае воза» и везетъ миня въ сосѣднее село Хитцы.

Сула, перерѣзавъ почтовую дорогу возлѣ Сѣнчи, уходитъ въ сторону и течетъ межъ низинъ и лѣсовъ, окаймляясь справа холмами. Отъ степнаго хутора до рѣки верстъ шесть. Въ маленькомъ прибрежномъ селѣ Ломакахъ мы оставляемъ коня и тотъ же возница, недавній жнецъ, сопровождаетъ меня на «човенъ», гдѣ обнаруживаетъ искусство опытнаго гребца.

Хитцы стоятъ въ совершенной глуши на гористомъ берегу Сулы. Ближайшій путь къ нимъ ведетъ водою. Часовъ въ семь вечера дѣти въ Ломакахъ оттолкнули отъ берега нашъ човенъ, крича намъ вслѣдъ: «Дядьки! нарвить намъ гусокъ та бабокъ!.»

Въ этомъ мѣстѣ Сула узка, чиста и прозрачна. Съ обѣихъ сторонъ воды—стѣны зелени, перевитой водорослями. По рѣчнымъ ольхамъ и ивамъ змѣятся тонкія вѣточки «крученыхъ панычей» и, головками внизъ, висятъ ихъ цвѣтки. Аиръ и чаполоть, водяной макъ и желтые «глечики» тянутся со дна рѣки къ свѣту. Широкіе, круглые листья латаття пластами лежатъ на водѣ и, на цѣпкихъ корняхъ — «товстунахъ», купаются въ прозрачной влагѣ ихъ бѣлые цвѣты. Молодой очеретъ тихо шумитъ, легкая лодка скользитъ по водѣ какъ щепка. Послѣ жаркаго дня, къ вечеру, отъ теплой воды тянется легкій паръ.

Ѣхать водою пять верстъ. Въ чистотѣ и свѣжести вечера донесся звонъ колокола изъ Хитцовъ. Изъ за деревьевъ высунулась гора— «Бабичиха». Здѣсь свѣтятся огни надъ зарытымъ кладомъ. Лодочникъ Ѳедоръ Кугукало—самъ видѣлъ ихъ, сколько разъ! Показалась церковь низенькая, старая, колокольня «съ опасанью». Село расположено подъ горою, хаты спускаются къ самому берегу. Это козачье поселенье, пановъ тутъ никогда не было. Жители—земледѣльцы и рыбаки.

Вхожу въ церковь. Почти такою же была она въ то время, когда только что выстроилъ ее основатель села запорожецъ Хитько. Это мѣдное паникадило, въ цвѣтахъ и листьяхъ, куплено имъ. На престолѣ «гробница» съ надписью жертвователя—запорожца. Священникъ показываетъ старинныя вѣнцы — простые деревянные обручики, разрисованные краской. Тѣмъ любящимъ парамъ, которыя «стоялы на рушныку» окруженныя веселыми боярами и дружками, они казались верхомъ

великолѣпія! Въ архивѣ церкви, среди груды бумагъ, «Петербургскія Вѣдомости» временъ Анны Іоановны — *неразрѣзанныя*. Я первый читаю свѣжую новость о побѣдѣ фельдмаршала Миниха надъ турками. Причетникъ на клиросѣ, въ свиткѣ и босой, бойко читающій, искусно поющій, совсѣмъ переноситъ меня во времена выборнаго духовенства и тѣснаго общенія служителей церкви и міра. «Свѣте тихій!» поетъ онъ гимнъ Дамаскина. «Іисусе Христе, пришедшій на западъ солнца!...» Послѣдніе лучи заходящаго солнца золотятъ маленькую, старую церковь, съ ея потемнѣвшей позолотой и живописью, отражаются въ столбахъ ладана, спускающихся отъ верхнихъ оконъ къ низу. Въ открытыя двери глядитъ лѣтній вечеръ, зеленѣютъ трава и деревья, видны люди, идущіе съ косами и граблями съ поля, слышится топотъ и ревъ возвращающейся въ село «череды». И какъ тогда, въ первые вѣка христіанства, на далекомъ востокѣ, среди этой простоты и природы, понятны становятся эти обращенья дѣтей къ отцу въ словахъ продолжающейся молитвы: «видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца»...

Въ крошечномъ притворѣ, въ двухъ окованныхъ скрыняхъ, сложены церковныя бумаги Слишкомъ пышно названье архива для этихъ скрынекъ, но въ нихъ, въ этихъ старыхъ бумагахъ, запечатлѣлось давно былое, здѣсь—отошедшія и угаснувшія черты когда то тутъ протекавшей жизни. При свѣтѣ копѣечныхъ желтыхъ свѣчекъ, мы разбираемъ съ священникомъ старыя рукописи и въ стѣнахъ этой маленькой коморки появляется предъ нами исчезнувшій міръ. Намъ видятся пращуры тѣхъ скромныхъ гречкосѣевъ, что только что вышли изъ церкви. Бритыя головы, загорѣлыя энергическія лица, могучія «постати», еще не пришибленныя ни нуждой, ни неволей... Предъ нами козачья громада села Хитцовъ въ 1762 году, съ отаманомъ Иваномъ Хиленкомъ во главѣ. Она представляетъ кіевскому митрополиту Гавріилу избраннаго ею въ чинъ священства «уроженца города Миргорода, званія посполитого, обучавшагося въ Академіи Кіевской, школы философіи, Іакова Дмитріева сина Афаназіевича». Этого человѣка, «честнаго, постояннаго и невчѣмъ не подозрительнаго, въ чтеніи книгъ и въ церковномъ пѣніи искуснаго», громада желаетъ имѣть до смерти стараго и слабаго настоящаго священника за «половиннаго», а послѣ смерти іерея Петра и за «цѣлопарахіальнаго» своего настоятеля.

Въ томъ высокомъ санѣ, который готовится принять на себя приглашаемый недолжно быть ничего, что омрачило бы взаимное уваженье и

довѣріе. Приглашая его къ себѣ, громада точно опредѣляетъ взаимныя отношенія его и прихожанъ. Въ жизни его не должно быть мѣста корысти. Обезпечивая его землей, громада говоритъ напередъ о томъ вознагражденіи, на которое имѣетъ право приглашаемый въ тѣхъ исключительныхъ и торжественныхъ моментахъ жизни прихожанъ, когда требуется благословеніе и присутствіе священника, какъ представителя высшей силы. Самъ «посполитый», приглашаемый пастырь не долженъ отличаться въ образѣ жизни отъ пасомаго стада и ихъ жизнь должна стать его жизнью. Все въ этомъ уговорѣ сообразно условіямъ и строю жизни самыхъ земледѣльцевъ—прихожанъ.

«Для пропитанія его одолжаемся мы давать ему доходы таковые: за нареченіе новорожденному младенцу имени одну копѣйку и хлѣбъ, за крещеніе младенца четыре копѣйки, за вѣнчаня зъ своихъ прихожанъ первобрачныхь по десяти копѣекъ, за второбрачныхъ двадцать пять копѣекъ, за третобрачныхъ по шестидесятъ копѣекъ, изъ стороннихъ прихожанъ смотря по имѣнію людей, на чемъ уговорится, толко жъ безъ изълишества, за погребеніе младенцевъ по пяти, а за возрастныхъ и старыхъ по десяти копѣекъ, за сорокоустное помяновеніе четырѣ рубли и четверикъ пшеницѣ, за обѣдъ поминательный десять, а за здоровный пятнадцать копѣекъ, за освященіе дому двадцать копѣекъ, роковщины въ годъ хлѣба отъ всякого рабочаго вола по одной коробци, отъ пѣшого человѣка три копѣйки; а сверхъ того пахатного поля имѣетъ для владѣнія ему, пока будетъ священникомъ во всѣ три руки опредѣлить по два дни»...

Изъ церковныхъ дѣлъ видно, что Афаназіевичъ поступилъ на приходъ въ Хитцы и пробылъ тамъ очень долго. Посвятивъ всю свою жизнь на служеніе хитцовской громадѣ, онъ только исполнилъ обѣщаніе, данное имъ въ молодости на томъ же «уговорѣ»: «Вышеписанными отъ прихожанъ хитцевскихъ опредѣленними священническими доходами я, по полученіи священства, довольствоватися имѣю и отъ той хитцевской церкви за силу Духовнаго Регламента по смерть мою отлучатися не буду»...

Въ кипахъ бумагъ и указовъ мы находимъ церковную книгу 1736-62 годовъ, съ описаньемъ инвентаря церкви, приходовъ, расходовъ, спискомъ церковныхъ книгъ и особой приковывающей вниманіе главой расходовъ на школу. Все характерно въ этой описи, все даетъ образъ и цвѣтъ этой далекой жизни, все обще съ нею. Однѣ и тѣ же матеріи одѣваютъ служителей алтаря и мірянъ. «Фелонь лудановый» напоминаетъ одежду одного изъ «азовскихъ братьевъ», кото-

рый въ думѣ этого имени, «зъ пидъ лудану червону китайку выдырае»; «карунокъ острозолотый» конечно таковъ же, какимъ, въ «Запискахъ Марковича», отецъ даритъ своего сына—мемуариста (т. 1.—221.); полотняные, расшитые діаконскіе стихари, для мытья которыхъ покупается «брусокъ мыла»,—ужъ чисто мѣстное произведенье, роскошные шолковые пояса, жертвуемые запорожцами, идутъ на священническое облаченіе... Всѣ богослужебныя и церковныя книги до 1734 года—южнорусскихъ типографій: кіево-печерской, львовской, черниговской. Въ тѣхъ медвѣжьихъ углахъ, которые мы привыкли считать въ ту пору глухими и которые дѣйствительно заглохли впослѣдствіи, мы встрѣчаемъ вещи, какъ бы удовлетворяющія потребностямъ культурной жизни: «интелѣgаторовъ» (переплетчиковъ), лавки письменныхъ принадлежностей въ Ромнѣ и Глинскѣ и т. п..

Расходы на школу съ перваго раза поражаютъ своей незначительностью и скромностью цифръ. Но церковные счетчики записали въ этой старой книгѣ только тѣ экстренные расходы, которые принимала на себя въ этомъ дѣлѣ церковь. Обыкновенный, нормальный обиходъ школы обезпечивался самой громадой, выдаваясь большею частью натурой, также какъ и жалованье учителю. Эта старая школа, крытая очеретомъ, вымазанная глиной, стояла гдѣ нибудь тутъ же, близь церкви. Училъ въ ней дьякъ, чающій священническаго мѣста, или успокоившійся на своемъ учительствѣ, дьякъ, о которомъ поется въ пѣснѣ:

Дячку, дячку вывченый,
На вси школы выбранный!..

Этотъ осмѣянный въ послѣдствіи дьякъ преподавалъ не Богъ знаетъ какую мудрость: азъ-буки-вѣди по кіевскому букварю, за азбукой—псалтырь, изученье шестопсалмія, часословъ, ирмолой; потомъ россійское чтеніе гражданской и церковной печати, письмо. По той несложной жизни для деревенскаго обихода больше и не требовалось. Но создана была эта старая школа самимъ народомъ, по собственному, непринужденному почину, и свидѣтельствуетъ она о драгоцѣнной чертѣ, издавна существовавшей въ нашемъ народѣ: сознаніи своей обязанности давать дѣтямъ хоть первый ключъ къ наукѣ. Что сознанье это было твердо, доказываетъ количество такихъ школъ, на поддержку которыхъ отпускались и деньги изъ полковыхъ суммъ. Есть свѣдѣнія объ этомъ за сороковые годы прошлаго вѣка по семи полкамъ изъ девяти лѣвобережныхъ. Въ семи полкахъ всѣхъ школъ было 866. На 202 поселенья нѣжинскаго полка ихъ было 217, на

247 лубенскаго—172, на 172 переяславскаго—119 и т. д. («Основа» 62. 5.) Въ гадячскомъ полку въ 1781 году изъ 91 души школьнаго возраста во второй сотнѣ учились грамотѣ 42, отъ 8 до 16 лѣтъ, письму отъ 11 до 19 («Осн.» 62. 8.) Дальше грамотности да церковнаго чтенія школы эти не шли, но учились то въ нихъ будущіе земледѣльцы, по образу жизни которыхъ и изученье грамоты могло считаться лишь исполненіемъ нравственнаго долга.

Въ дѣловыхъ церковныхъ записяхъ выразились наивныя подробности жизни старой школы. Записи ведены съ 1740 по 62 годъ. Судя по нимъ, за нѣкоторые годы церковь совсѣмъ ничего не расходовала на училище. Въ другіе годы вписано два—три предмета расхода и наиболѣе въ 48 году, когда, очевидно, происходилъ ремонтъ школы. Записываются расходы въ такомъ родѣ:

1740 г. Ковалю что пасталилъ сокѣру до школы уплатилъ	2 коп.
— Ему же за „внутреную защипку до школы"	7 коп.
1741 г. Августа 26 дня. Майстру что до школы двери поправилъ .	6 коп.
— Сентября 12. За обмазку школы мазалніцямъ	8 коп.
1747. Іюля 28. Скляру за оправку оболонки школной.	4 коп.
1748. Сентября 13. Ремесникамъ котории школу подъ земель подробили	20 к.
— 15. Человѣку дано что висипавъ школу	4 коп.
— Куплено горѣлки гончарамъ что въ школѣ пѣчъ поставили. .	4 коп.
— Октября 15. Дано тремъ мазалницямъ за обмазку школи. . .	6 коп.
— За вихутрованя груби дано гончару	2 коп.
— За осипку присби школной дано кузнецу.	4 коп.
1750. Что въ школѣ сѣнцѣ построэно дано	10 к.
— Тіежъ сѣнцѣ укрылъ и хворосту привезъ на пивъ зими дано.	8 коп.
1757. Васки за омазѣня школы дано	6 коп.

Все въ этихъ подробностяхъ дышетъ обстановкой сельскаго, хлиборобскаго быта. Эти періодическія мазанья школы, эти «оболонки», вставляемыя заѣзжимъ «скляромъ», однимъ изъ тѣхъ дегтярей —«литвиновъ», которые странствуютъ по тѣмъ мѣстамъ и теперь, исполняя роль стекольщиковъ, эти гончари, набивающіе печь за угощенье горѣлкой, которыхъ иначе, можетъ быть, нельзя было бы оторвать отъ своей работы, эта невѣдомая Васка, исполняющая должность сельскаго штукатура,—все это даетъ физіономію глухой, далекой старой школки. Была она не мудра и дешева, но уже въ XVIII вѣкѣ составляла почти необходимую принадлежность всякаго малороссійскаго поселенія. На страницахъ нашей старой исторіи эта убогая, козацкая школа должна занять почетное мѣсто. Такъ занимаетъ въ свѣтскомъ обществѣ невольно уступаемое ему мѣсто человѣкъ, извѣстный высокими силами души. Утраченное позже съ измѣнившимися условіями

жизни стремленье къ просвѣщенію есть одна изъ лучшихъ надеждъ нашего народа. Въ разнообразныхъ формахъ, въ этомъ даровитомъ, пытливомъ народѣ, оно возрождается въ наши дни.

Совсѣмъ поздно мы сидѣли съ старикомъ—священникомъ на крылечкѣ его дома и онъ разсказывалъ о запорожцѣ Хитькѣ, по преданью основателѣ села, о давнихъ временахъ и о тѣхъ странныхъ дидахъ, которыхъ ему случалось встрѣчать въ своемъ дѣтствѣ и на которыхъ вѣрно былъ похожъ и самъ легендарный Хитько. То были разбѣжавшіеся по роднымъ захолустьямъ послѣ розгрома Сѣчи братчики, доживавшіе свой долгій старосвѣтскій вѣкъ, окружаясь какою то таинственностью и сосредоточивъ свои помыслы на далекомъ днѣпровскомъ островѣ и на времени, отошедшемъ въ вѣчность. Въ долгія зимы они сиживали на печкахъ, поджавши ноги по турецки и увлекая молодежь разсказами. Въ тѣ времена здѣсь было еще привольно. Дичи, рыбы въ Сулѣ было изобиліе. Теперь народъ намножился, на все стало скупо.

—Така стала бисова тиснóта, заключилъ батюшка, що зъ своеи стрихи на чуже кáпле! Большинство молодежи изъ села уходитъ лѣтомъ на заработки «на Донъ», т. е. въ Новороссію, возвращаясь только осенью. Этимъ обстоятельствомъ объяснилъ я себѣ и заунывные напѣвы дивчатъ, звонко доносившіеся въ ночной тишинѣ съ горы, съ «улыци»,

Луна заливала окрестность своимъ страннымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ. Бѣлыя хаты старосвѣтскаго села, тыны, подсолнечники, деревья, освѣщенныя ею, бросали отъ себя длинныя тѣни. Внизу горы Сула тихо струилась подъ ея лучами. Сойдя къ берегу, я слышалъ, какъ струя воды бурлила гдѣ то поблизу, задержанная камнемъ, какъ, иногда, противъ мѣсяца, выплескивалась рыба. Съ улицы, на время замолкнувшей, опять донеслась пѣсня. Это была знакомая пѣсня, распѣваемая у насъ на всемъ Лѣвобережьи:

Горе, горе велыкее!
Одъ горя пижкы не носять,
Одъ роскошы кудры вьются,—
Одъ горя ручкы дилечка не роблять!

Неужели жизнь здѣсь такъ горька, что эта молодежь, сойдясь на улицѣ, поетъ о безпощадности жизни и ея тяготѣ? Нѣтъ, она поетъ теперь о своемъ молодомъ горѣ. Отъ такой тяготы и отъ того утомленья жизнью, которыя наступятъ потомъ, не будетъ пѣться,

а руки, обреченныя на вѣчный трудъ, будутъ все таки дѣлать его безъ конца. Съ обычными уподобленьями, съ цвѣтистыми сравненьями—дивчины съ калиной, а парубка съ молодымъ дубомъ, пѣсня повѣтсвуетъ о разлукѣ.

Шырокый лыстъ на калыни,
А ще ширшый на дубочку,
Клыче голубъ голубочку,
Хочъ не свою—такъ чужую:
„Прыйды, серце, поцилую.
Бо я завтра помандрую!"

—Ой якъ будешъ мандруваты,
Пыши пысьма, давай знаты—
Видкиль тебе выглядаты:
Чы зъ дороги, изъ Лохвыци,
А чы зъ поля зъ косовыци?

Это дивчата распѣваютъ о своихъ «заробитчанахъ», ушедшихъ на невѣдомый для нихъ Донъ и въ дѣйствительности махающихъ теперь косами на нивахъ Новороссіи, въ громадныхъ тамошнихъ «экономіяхъ» или на нѣмецкихъ фермахъ. Народная пѣсня въ сжатой формѣ передаетъ эту любовь и разлуку рабочаго люда. Вамъ видится косарь, шагающій по большой дорогѣ, съ сложенной за плечами косою, опаленный солнцемъ, усталый, съ помертвѣлыми ногами, но бодро прямующій къ родному селу. Не напрасно вымучился онъ лѣто, тамъ ждетъ его кто то и бодро звучитъ радостное, какъ бы хвастливое заключенье пѣсни:

Ишовъ парень съ косовыци
Пытается красавыци:
Гей, чы жыва, чы здорова
Красавыця чорноброва?

Такъ ужъ устроенъ нашъ сельскій человѣкъ, что для него настоящая, заправская жизнь начинается только въ родномъ селѣ. Пока онъ не вышелъ изъ колеи, онъ дышетъ этимъ выработаннымъ долгими годами сельскимъ духомъ. Село—это обособленный міръ, съ своей внутренней жизнью, вѣрованьями, взглядами, отношеньями, привычками. Выработавши эту жизнь, ко всему извнѣ приходящему нашъ селянинъ относится, какъ къ постороннему, и тотъ строй жизни, въ который онъ поставленъ, и та гражданственность, къ которой онъ какъ будто примыкаетъ, есть для него во многихъ отношеніяхъ тѣ же неразрѣзанныя «Вѣдомости» временъ Анны Іоанновны, которыя я видѣлъ только что въ посѣщенной мною старой церкви этой захолустной деревушки...

Г.

Для справокъ.

—— **Печать на югѣ Россіи.** Въ настоящемъ году на югѣ возникло нѣсколько новыхъ періодич. изданій. Такъ, учителю одесск. город. училища г. Гусаренку и г-жѣ Гонзаль разрѣшено издавать въ г. Одессѣ еженедѣльный журналъ „Школьное Обозрѣніе“; г-ну Туганъ-Мирза-Барановскому въ Одессѣ же ежедневный „Одесскій Листокъ Объявленій“; г-жѣ Соколовой въ Кишиневѣ—газ. „Бессарабскій Вѣстникъ“ (ежедневно); г-ну Филимовичу въ Керчи „Русскій Сезонный Листокъ“ (разъ въ недѣлю съ 15 апр. по 1 сент.); г. Мурье въ Тифлисѣ „Le Caucase Illustré (2 раза въ мѣсяцъ, на франц. яз.). Признаны прекратившимися: журналъ „Донъ“ (въ Новочеркасскѣ), „Ялтинскій Справочный Листокъ“ и „Кавказское Обозрѣніе“.

—— Въ г. Черниговѣ предпринята реставрація древняго Спасскаго собора. Церковный староста собора черниг. губернаторъ г. Анастасьевъ обращается съ просьбой о пожертвованіяхъ на это дѣло. Пожертвованія могутъ быть присылаемы на его имя.

—— Въ субботу, 11-го февраля состоялся въ ресторанѣ „Малый Ярославецъ“ обѣдъ находящихся въ Петербургѣ бывшихъ новгородсѣверскихъ гимназистовъ, по поводу исполнившагося въ этотъ день столѣтія существованія ихъ гимназіи. Предсѣдательское мѣсто занялъ старѣйшій изъ воспитанниковъ выпуска 1824 г. тайный совѣтникъ Бардаковъ. За нимъ заняли мѣста: ст. сов. Довголевскій—выпуска 1825 г., д. с. с. Короткевичъ-Ночевный—1830 г.; остальные 42 человѣка размѣстились по выпускамъ: профессоръ Карпинскій, д с. с. Н. П. Забугинъ, д. с. с. Губарь, профессора: Вереха, Богуславскій, Рудзскій, магистръ Лыщинскій и проч. бывшіе воспитанники. Первый тостъ провозглашенъ былъ предсѣдателемъ за здравіе и благоденствіе Государя Императора. Тостъ этотъ встрѣченъ громкимъ и продолжительнымъ „ура“. Затѣмъ слѣдовали тосты за Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича и весь Царствующій Домъ. Ученикъ шестидесятыхъ годовъ И. И. Коробка обрисовалъ время, предшествовавшее 1789 г. и коснулся причинъ, вызвавшихъ открытіе учебнаго заведенія въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Затѣмъ говорилъ профессоръ П. Н. Вереха и магистръ Лыщинскій, бывшій преподаватель конца сороковыхъ годовъ. Д. П. Гавриленко прочиталъ стихотвореніе своего сочиненія. Н. П. Забугинъ напомнилъ о большомъ воспитательномъ значеніи умершаго учителя Ѳедора Лукьяновича Метлинскаго. Присутствовавшіе почтили вставаніемъ память какъ Ѳ. Л. Метлинскаго, такъ и бывшихъ: инспектора сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ Іос. Ак. Самчевскаго (скончавшагося 4 февраля нынѣшняго года), директоровъ: Халанскаго, Тимковскаго, Науменка и учениковъ: извѣстнаго педагога Ушинскаго, перваго ректора университета св. Владиміра—Максимовича, П. А. Антоновича и друг. По предложенію гг. Забугина и Губаря послана была телеграмма бывшему ученику, члену кіевской судебной палаты Н. В. Шугурову, какъ инициатору настоящаго празднества. Прочитаны были привѣтственныя телеграммы отъ гимназіи и отъ новгородсѣверскаго предводителя дворянства. Одинъ изъ братьевъ Вереха предложилъ учредить въ честь старушки almae-matris, кромѣ существующаго съ 19 сентября 1881 г. Общества вспомоществованія новгородсѣверскимъ гимназистамъ, Общество для вспомоществованія окончившимъ новгородсѣверскую гимназію. Для разработки этого проекта избраны: предсѣдателемъ И. Г. Карпинскій, членами: г. Забугинъ, П. Н. Вереха, г. Богуславскій, г. Губарь и секретаремъ г. Гавриленко. Послѣ

обѣда, меню котораго состояло изъ малороссійскихъ блюдъ, зажгли жжевку (варенуха-спотыкачъ), танцовали „козачка" и закончили празднество хоровыми южно-русскими пѣснями и студенческою пѣснью „Gaudeamus". На будущее время принято, чтобы 11-го февраля собираться на такой же товарищескій обѣдъ ежегодно. „Нов. Вр."

—— **Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1,500 и 500 р.** Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что въ торжественномъ собраніи гг. членовъ, состоявшемся 13 мая 1885 г., по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями, одной—въ 1,500 р. и другой—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка: у словаковъ, у поляковъ, —польскаго въ западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появлявшіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, неисчезнувшей и непрерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Прежній срокъ представленія сочиненій на вышеизложенную тему нынѣ продолженъ до 11 мая 1890 г. при чемъ сочиненія должны быть доставлены въ Совѣтъ Славянскаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7) безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ торжественныхъ общихъ собраній.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 р., за второе же, по достоинству, 500 р.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и нерусскій.

При присужденіи преміи имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

—— **Конкурсъ на соисканіе преміи имени А. Ѳ. Гильфердинга въ 1,000 р.** Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, причемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византійской и славянской старины за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ.

Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпиграфъ рукописи.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1,000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р. Авторы сочиненій, неудовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются преміею въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р.,—смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество оставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

Библіографія.

Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. Tom XII. Kraków 1888[1]).

Краковская академія наукъ, по заведенному ею издавна обычаю, выпускаетъ ежегодно одинъ томъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Въ 12-мъ томѣ, вышедшемъ въ теченіи истекшаго года, мы встрѣчаемъ также три отдѣла: археологію, антропологію въ полномъ смыслѣ и этнографію, на которые распадались и предъидущіе томы. По содержанію помѣщенныхъ статей, томъ этотъ представляетъ для насъ особенно живой интересъ потому, что изъ числа 13 статей, помѣщенныхъ въ томѣ, 9 относятся къ южной Руси. (Изъ остальныхъ 4—3 посвящены матеріаламъ польскимъ и одна представляетъ сборникъ легендъ и сказокъ литовскихъ).

Въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ археологіи, помѣщены двѣ статьи г. Годфрида Оссовскаго, носящія общее заглавіе: «Матеріалы для палеэтнологіи украинскихъ кургановъ». Подъ этимъ, нѣсколько замысловатымъ, заглавіемъ г. Оссовскій представилъ отчетъ о совершенныхъ имъ самимъ въ 1887 году раскопкахъ кургановъ въ звенигородскомъ уѣздѣ кіевской губерніи у мѣстечка Рыжановки и села Кобрыновой, а также о раскопкѣ кургана у с. Резыны уманскаго уѣзда, предпринятой въ 1878 году докторомъ Гринцевичемъ.—Г. Оссовскій опытный и ученый археологъ, извѣстный прекрасными изслѣдованіями о древностяхъ западной части собственной Пруссіи[2]) и о скальныхъ пещерахъ на сѣверномъ склонѣ Карпатъ. Раскопки сдѣланы имъ по всѣмъ правиламъ науки, предметы распредѣлены и

---

[1]) Рефератъ, читанный въ Обществѣ Нестора-Лѣтописца 26 февраля 1889 г.

[2]) Zabytki przedhistoryczne ziem polskich - Prusy krolewskie I—IV. Краковъ 1879—1888 гг.

описаны научно и выводы и замѣчанія сдѣланы крайне осторожно и осмотрительно.—Матеріалъ, найденный и разработанный г. Оссовскимъ, весьма богатъ; особенно выдается богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ большой курганъ, раскопанный имъ у м. Рыжановки. Здѣсь г. Оссовскій встрѣтилъ ранѣе начатую и не доконченную раскопку и довелъ ее до конца весьма успѣшно. Въ результатѣ раскопки оказалось, что отъ центра кургана въ его насыпи углублялся проходъ, который оканчивался корридоромъ, высѣченнымъ въ подпочвѣ на протяженіи 6 метровъ; корридоръ этотъ приводилъ въ четырехугольную съ сводообразнымъ потолкомъ камеру, высѣченную также въ подпочвѣ; въ камерѣ этой у входа стояли сосуды и лежало бронзовое зеркало, въ глубинѣ же лежалъ женскій скелетъ, покрытый большимъ количествомъ золотыхъ украшеній; на головѣ находилась діадема, выкованная изъ золота, двѣ серги, изображающія грифоновъ и украшенныя подвѣсками; на шеѣ найдены 2 прекрасныя золотыя ожерелья; поясъ и все платье были украшены золотыми бляшками (болѣе 400), оттиснутыми въ видѣ розетокъ, трехъугольниковъ и пирамидокъ; наконецъ на рукахъ найдены браслеты и 8 перстней, въ двухъ изъ которыхъ вмѣсто камней оправлены золотыя пантикапейскія монеты. Сверхъ того, у головы скелета найдено нѣсколько металлическихъ и терракотовыхъ сосудовъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны: бронзовое ведро съ рыльцемъ, отдѣланнымъ весьма изящно въ видѣ львиной головки, и прекрасная электровая ваза съ рѣзьбою, изображающею бѣгущихъ собакъ. Вообще рыжановскій курганъ по устройству своему и по характеру найденныхъ предметовъ принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ и типическихъ такъ называемыхъ скиѳскихъ кургановъ. Такой же характеръ носилъ курганъ, разрытый у села Резины, хотя и по количеству предметовъ, и по ихъ качеству онъ былъ гораздо бѣднѣе; въ немъ найдена также обширная камера, прикрытая сверху досками, и на днѣ ея нѣсколько истлѣвшихъ скелетовъ; при нихъ лежали удила, украшенія конской сбруи, желѣзныя копья, 40 трехгранныхъ наконечниковъ бронзовыхъ стрѣлъ и бронзовая рукоятка въ видѣ орлиной головы.

Совершенно другимъ характеромъ отличался курганъ, разрытый у села Кобрыновой; здѣсь на днѣ кургана устроено было 12 могилъ; судя по тому, что большинство скелетовъ лежало въ согнутомъ положеніи и что въ могилахъ не было вовсе металлическихъ предметовъ, курганъ этотъ можно отнести къ весьма отдаленной эпохѣ, вѣроятно къ концу неолитическаго періода, во всякомъ случаѣ къ

эпохѣ болѣе древней, чѣмъ курганы у Рыжановки; изъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ курганѣ, особенно обращають на себя вниманіе два костяныя острія, законченныя головками въ видѣ молотковъ и привѣшенныя на весьма сложныхъ костяныхъ цѣпочкахъ; затѣмъ черепки первобытной посуды, нѣсколько просверленыхъ зубовъ, каменный толкачъ и глиняная пряслица.

На ряду съ изслѣдованіемъ г. Оссовскаго въ томъ же отдѣлѣ тома помѣщенъ краткій отчетъ г. Брезы о раскопкѣ имъ кургана у села Кузминчика въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи; г. Бреза нашелъ здѣсь могилу, обложенную плоскими камнями, и въ ней скелетъ, у котораго лежалъ кремневый полированный топоръ.

Въ отдѣлѣ антропологіи помѣщена статья г. Талько-Гринцевича «О продолжительности жизни въ звенигородскомъ уѣздѣ». При составленіи статьи авторъ пользовался матеріаломъ, извлеченнымъ изъ метрическихъ книгъ всѣхъ приходовъ уѣзда (106 православныхъ, 2 католическихъ и одна община еврейская) за 25 лѣтъ (1860—1885). Такимъ путемъ онъ собралъ данныя о возрастѣ 156,685 умершихъ лицъ и на ихъ основаніи пришелъ къ нѣкоторымъ статистическимъ выводамъ. Средняя абсолютная цифра, опредѣляющая продолжительность жизни народонаселенія въ звенигородскомъ уѣздѣ=18 лѣтъ 7 мѣсяцевъ; но если принять во вниманіе большую смертность, господствующую среди дѣтей, и если послѣднихъ исключить изъ таблицъ до 5 лѣтняго возраста, то средняя продолжительность жизни опредѣляется возрастомъ отъ 36—37 лѣтъ. Дѣйствительно, пересматривая таблицы г. Гринцевича, мы находимъ что $^1/_5$ часть умершихъ это новорожденныя дѣти, вообще же $^2/_3$ населенія умираетъ до истеченія 10 лѣтъ жизни. Сравнивая полученные имъ результаты съ цифрами продолжительности жизни, добытыми статистикою въ другихъ странахъ, г. Гринцевичъ находитъ, что ближайшая къ его выводамъ цифра встрѣтилась ему въ Германіи, гдѣ средняя долговѣчность опредѣлена въ 19 лѣтъ, и самая далекая въ Англіи—27 лѣтъ.

Третій отдѣлъ тома, посвященный этнографіи, заключаетъ 8 статей, изъ которыхъ 5 представляютъ довольно обширные сборники этнографическаго матеріала, записаннаго въ южной Руси. Три изъ нихъ посвящены описанію «весилля» т. е. свадебныхъ обрядовъ, при чемъ приложены тексты свадебныхъ пѣсенъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ поются при совершеніи свадебнаго ритуала. Такія описанія свадьбы мы встрѣчаемъ въ статьяхъ: г. Томашевской „Свадебные обряды русскаго народонаселенія въ селѣ Винникахъ дрогобыцкаго

уѣзда»; г. Стадницкой «Свадебныя пѣсни и обряды русскаго народа въ окрестности м. Немирова, подольской губерніи» и г. Брыкчинскаго «Этнографическія записки изъ волынскаго Полѣсья»; въ послѣдней статьѣ, кромѣ свадьбы, описаны также обычаи, соблюдаемые крестьянами въ волынскомъ Полѣсьи при крестинахъ и похоронахъ, празднованіе «Купала» и суевѣрія, соединенныя съ такъ называемыми «закрутками» (т. е. узлами, завязанными на созрѣвшемъ хлѣбѣ до жатвы). Въ концѣ приложенъ небольшой сборникъ пѣсенъ (11), записанныхъ въ данной мѣстности.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ статью г. Зембы «О похоронныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ подольской губерніи, въ окрестности Ушицы» и сборникъ пѣсенъ, записанныхъ извѣстнымъ польскимъ этнографомъ Кольбергомъ въ западной части подольской губерніи. Сборникъ этотъ не великъ, онъ заключаетъ только 40 номеровъ, весьма впрочемъ разнообразныхъ по содержанію пѣсенъ; это гаивки, веснянки, баллады, пѣсни любовныя и бытовыя. Главное достоинство сборника состоитъ въ томъ, что при каждой изъ нихъ записанъ ея мотивъ, такъ что сборникъ г. Кольберга представляетъ довольно значительный матеріалъ для изученія народной музыки.

В. А.

Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія.—Ив. Як. Акинфіева, дѣйствительнаго члена Обществъ: „Естествоиспытателей при Импер. новор. университетѣ“ и «Испытателей природы при Импер. харьков. университетѣ“. Изданіе екатеринославской городской думы. Екатеринославъ. Тип. Н. Я. Павловскаго. 1889 г.

Подъ такимъ названіемъ вышелъ на дняхъ изъ печати весьма почтенный трудъ учителя екатеринославскаго реальнаго училища И. Я. Акинфіева, давно уже подвизающагося на поприщѣ изученія флоры г. Екатеринослава и его окрестностей и подарившаго насъ не одною работою по этому предмету. Хотя настоящій его трудъ и представляется строго-спеціальнымъ, касающимся лишь области естествовѣдѣнія, но, намъ кажется, упоминаніе о немъ совершенно умѣстно и на страницахъ историческаго журнала, какимъ является «Кіевская Старина», тѣмъ болѣе, что онъ касается и дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ прежней мѣстной администраціи, а также историческихъ свѣдѣній о прежней растительной физіономіи нашего края, во времена слишкомъ отдаленныя.

Книга г. Акинфіева распадается на двѣ части, совершенно самостоятельныхъ. Въ *первой* части имѣется пять главъ, а именно: 1) свѣдѣнія топографическія, геологическія и почвенныя; 2) историческія свѣдѣнія о садахъ города; 3) современные сады города; 4) некультурныя растенія; 5) зависимость растительности отъ климатическихъ условій. Во *второй* части данъ «списокъ сосудистыхъ растеній г. Екатеринослава и его окрестностей», съ «заключеніемъ и добавленіемъ». Вотъ все содержаніе ея, въ общемъ перечнѣ. Подобнаго изданія мы не встрѣчали въ русской печати; въ отношеніи же Екатеринослава это—первая и единственная въ своемъ родѣ книга. Очертивъ топографію и геологическое сложеніе мѣстности, занимаемой нынѣ Екатеринославомъ, составъ почвы, ширину, глубину и измѣненіе въ теченіяхъ р. Днѣпра, авторъ переходитъ къ изложенію историческихъ свѣдѣній о растительности, нѣкогда роскошно покрывавшей все пространство, обитаемое теперь екатеринославцами, и указываетъ на живыхъ свидѣтелей былаго—гигантскіе тополи и «столѣтній» дубъ, которому, по его вычисленію, будетъ нынѣ около 300 лѣтъ. Эти нѣмые свидѣтели и нынѣ живутъ во всей своей красѣ въ городскомъ саду, вблизи памятника запорожцу Глобѣ, впервые насадившему здѣсь садъ, вмѣстѣ съ не менѣе извѣстнымъ здѣсь устнымъ повѣствователемъ старины, запорожцемъ Коржомъ, проживавшимъ въ этихъ мѣстахъ во времена кн. Потемкина, основателя гор. Екатеринослава. Къ книгѣ приложены два рисунка, изображающихъ «столѣтній» дубъ и «дуплистый тополь». Кн. Потемкинъ весьма озабоченъ былъ не только основаніемъ во вновь пріобрѣтенномъ краѣ фабричнаго и заводскаго производства, но и развитіемъ садоводства. Съ послѣдней цѣлью онъ пріобрѣлъ у Глобы садъ за 3000 рублей,—огромную по тому времени цѣну, выписалъ для него изъ Молдавіи и Малороссіи (т. е. полтавской и черниговской губерній) множество фруктовыхъ деревьевъ и развелъ большой фруктовый садъ, съ оранжереею при немъ. Однѣхъ виноградныхъ лозъ выписалъ князь двѣнадцать фуръ, вмѣстѣ съ искусными виноградарями — болгарами; и еслибы дѣло его было поддержано впослѣдствіи, то мы имѣли бы, по всей вѣроятности, въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской губерніи обширныя и роскошныя виноградныя плантаціи, вполнѣ допускаемыя, какъ оказывается, климатическими условіями края. Кн. Потемкинъ, очевидно, хорошо сознавалъ эти благопріятныя условія мѣстности, прозорливо предвидя необходимость этой отрасли сельскаго хозяйства въ краѣ съ такимъ жаркимъ лѣтомъ и знойною весною, какія бываютъ нерѣдко

въ этомъ краѣ и губятъ подъ часъ всякіе хлѣбные посѣвы. Поддерживая лѣса и насаждая сады, онъ хотѣлъ дать краю какъ можно больше растительности и сопряженной съ нею влаги, т. е. именно того, въ чемъ край такъ нуждается для своего благоденствія и о чемъ такъ много стали помышлять нынѣ его потомки. Но благимъ начинаніямъ князя въ этомъ отношеніи скоро положенъ былъ конецъ: послѣ его смерти оранжерея продана была съ торговъ за 1039 р. и о развитіи садоводства не стали заботиться; и только съ 1817 г.—со времени учрежденія особаго «помологическаго комитета», по настоянію управляющаго нѣмецкими колоніями дѣйств. ст. сов. Контеніуса, вновь обратились къ мысли Потемкина о развитіи въ Новороссійскомъ краѣ садоводства. Въ послѣдовательномъ разсказѣ авторъ сообщаетъ далѣе судьбы мѣстнаго садоводства и затѣмъ перечисляетъ въ особой главѣ современныя насажденія города Екатеринослава, по разнымъ частямъ его и предмѣстьямъ, раскинувшіяся, въ общей цифрѣ, почти на 202 десятинахъ земли, что при общемъ пространствѣ, занятомъ городскими кварталами (собственно строеніями?)—474 десятинахъ, составляетъ почти половину протяженія города; иначе говоря, городъ Екатеринославъ почти на половину занятъ садами и садиками.

Сообщивъ всѣ такія свѣдѣнія по историческимъ матеріаламъ, тщательно просмотрѣннымъ и сгруппированнымъ въ живомъ и интересномъ разсказѣ, авторъ затѣмъ даетъ намъ замѣчательные результаты непосредственныхъ своихъ наблюденій по вопросамъ мѣстной растительной вегетаціи. Помѣщенныя въ его книгѣ статьи: «Цвѣточный календарь», «Таблицы весеннихъ дней» и «Періодъ вегетаціи деревьевъ и кустарниковъ Екатеринослава» представляютъ много весьма важныхъ данныхъ для изученія края и указываютъ практическій путь къ такому изученію. Приложенный къ книгѣ «чертежъ изображенія кривыми ежедневнаго наростанія температуры и числа расцвѣтшихъ растеній» можетъ послужить нагляднымъ тому примѣромъ. Вообще книга г. Акинфіева заслуживаетъ глубокаго вниманія и благодарности, въ особенности со стороны всякого екатеринославца, которому дорогъ его родной уголокъ, а равно и знаніе условій, споспѣшествовавшихъ его развитію. Говоря объ этихъ условіяхъ довольно подробно, авторъ не забываетъ привесть и имена лицъ, противодѣйствовавшихъ въ этомъ отношеніи развитію края. Имя г. Компанейщикова, бывшаго управляющаго екатеринославскою палатою госуд. имуществъ, желавшаго «упраздненія» мѣстнаго училища садоводства, должно быть поставлено на первомъ планѣ. Это имя, а равно и

самая личность, его носившая, слишкомъ памятны еще многимъ въ Екатеринославѣ по своей суровости и непреклонности характера.

Заканчивая нашу бѣглую замѣтку, мы не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что авторъ не приложилъ къ своей книгѣ «плана Екатеринослава», относящагося къ 1786 г. и принадлежащаго нынѣшнему екатеринославскому губернскому предводителю дворянства А. П. Струкову. Вскользь упоминая объ этомъ планѣ на стр. 25-ой, авторъ говоритъ, что на немъ обозначены «дворы деревни Половицы, расположенной на берегу р. Днѣпра» и уступившей свое мѣсто нынѣшнему Екатеринославу. Сколько намъ извѣстно, это—самый древній и, быть можетъ, единственный даже планъ заселенія мѣстности, занятой Екатеринославомъ, и имѣть его въ доступномъ для всѣхъ печатномъ оттискѣ было бы весьма желательно въ интересахъ историческаго изученія края. Вѣроятно, не желая удорожить изданіе, авторъ не приложилъ этого плана; но въ такомъ случаѣ екатеринославская городская дума, затратившая на это изданіе деньги въ воспоминаніе юбилея основанія г. Екатеринослава, праздновавшагося 9 мая 1887 г., должна позаботиться и объ изданіи этого плана, съ подробнымъ описаніемъ его, отдѣльною книжкой.

Что особенно важно въ этомъ планѣ—это изображеніе на немъ «рѣчки Половицы», которую образовывали два ручья:—одинъ вытекалъ изъ балокъ Жандармской и Монастырской (*нынѣ* такъ называемыхъ, по позднѣйшему расположенію на нихъ «жандармской конюшни» и женскаго монастыря; *прежде* же, до основанія Екатеринослава, балки эти такихъ названій, разумѣется, не носили); другой изъ озера, бывшаго на нынѣшней «Озерной площади», застроенной отчасти базарными лавочками и зданіями вокзала екатерининской дороги, частью же пребывающей впустѣ, въ видѣ болота, ежегодно наполняющагося водою отъ весенняго таянія снѣговъ и дождей. Въ давнее время это болото было, нужно думать, довольно глубоко, постоянно изобиловало водою и давало истокъ рѣченкѣ или потоку, послужившему къ образованію «рѣчки Половицы», лѣвый берегъ которой (по географическому положенію, западный) покрытъ былъ обильной растительностью. Судя по такому изображенію рѣчки этой на планѣ г. Струкова, остатокъ ея существуетъ и нынѣ въ видѣ довольно глубокой и широкой канавы, въ нижней части своей проходившей черезъ старый гимназическій дворъ, нынѣ принадлежащій купцу Хрѣнникову, и постоянно наполненной водою. Въ устьѣ ея и теперь останавливаются иногда груженныя берлины, приходящія по Днѣпру,

а это свидѣтельствуетъ о значительной глубинѣ балки. Лѣвый берегъ ея дѣйствительно поросъ дикими деревьями, извѣстными въ недавніе годы подъ именемъ «Раскольничьяго сада». Въ доисторическое время балка эта могла представлять собою и весьма замѣтную рѣчку, такъ какъ балки Жандармская и Монастырская, служившія ея образованію своими ручьями, тянутся довольно далеко внутрь екатеринославскаго уѣзда и послѣдняя изъ нихъ, сверхъ того, не лишена и нынѣ лѣсной растительности. Тутъ могли быть нѣкогда цѣлые обширные лѣса, дававшіе убѣжище кочевнику, съ его стадами, напр. изъ обитавшихъ здѣсь нѣкогда половцевъ. По обитанію здѣсь этого народа, могла получить названіе и «рѣчка Половица», на правомъ (восточномъ) берегу которой и стояла въ позднѣйшее время, даже при основаніи гор. Екатеринослава, деревня Половица. Дворы этой деревни на томъ же планѣ Струкова изображены по возвышенному побережью р. Днѣпра, начиная отъ теперешнихъ «Каменьевъ», составляющихъ нынѣ 1-ю часть (полицейскую) г. Екатеринослава. Авторъ плана наносилъ здѣсь на карту то положеніе топографическихъ особенностей мѣста и населенныхъ на немъ пунктовъ, какіе были въ дѣйствительности, обозначая ихъ и жившими въ то время въ памяти народной названіями, а это весьма важно при розыскахъ о прежней населенности края. Кажется, планомъ Струкова твердо устанавливаются два положенія: во 1-хъ) существованіе, съ постоянной водой на мѣстѣ нынѣшняго Екатеринослава, рѣчки, и давняго заселенія праваго берега ея поселкомъ, или деревней; а во 2-хъ) давнее названіе и рѣчки, и этого поселка именами «Половицы». Положенія эти указываютъ, въ свою очередь, на обитаніе въ этихъ мѣстахъ народа, давшаго и рѣчкѣ, и поселку свое имя, и искать иное объясненіе происхожденію этихъ именъ нѣтъ надобности.

Въ «Юбилейномъ Листкѣ», выходившемъ въ Екатеринославѣ въ теченіе апрѣля и мая 1887 г., помѣщено было нѣсколько замѣтокъ о происхожденіи названія «Половица», болѣе или менѣе остроумныхъ. Въ томъ же году появилась здѣсь даже зубоскальнаго свойства брошюрка подъ названіемъ «О происхожденія гор. Телятинска», сочиненія нѣкого «подпоручика Забейбаки» (псевдонимъ), въ которой, съ потугами на юморъ, въ скудной стихотворной формѣ, авторъ стремится осмѣять представленныя въ тѣхъ замѣткахъ объясненія историческаго названія «Половица», и предлагаетъ свое, вполнѣ «зубоскальное», давъ Екатеринославу псевдонимъ «Телятинска». Такъ сильно интересуетъ многихъ екатеринославцевъ разъясненіе прежнихъ судебъ

мѣстности, нынѣ занятой городомъ Екатеринославомъ, ея топографическихъ особенностей, названія пунктовъ и бывшаго на его мѣстѣ заселенія. Планъ г. Струкова служилъ бы поэтому важнымъ историческимъ памятникомъ прошлаго.

Г. З.

Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе В. Г. Дружинина. С.-Петерб. 1889 г.

Исторія славнаго войска донскаго извѣстна весьма мало, несмотря на то, что она представляетъ многообразный интересъ. Донъ—обширный край, съ своеобразною и мѣстною жизнью и исторіей, и въ то же время козаки донскіе играли не малую роль съ XVI вѣка и въ общей исторіи русскаго народа; мало этого, долгое отсутствіе государственности на Дону позволило развиться здѣсь такому строю, который въ существенныхъ чертахъ можетъ быть признаваемъ не только древне—славянскимъ, но едва ли даже не древне-арійскимъ.

И историкъ южной Руси не можетъ игнорировать исторіи Дона, какъ въ виду чрезвычайно тѣсныхъ отношеній его славныхъ молодцовъ-козаковъ къ запорожскимъ рыцарямъ, такъ и въ виду сходства въ устройствѣ самаго войска донскаго съ запорожскимъ, устройствомъ, явившимся вслѣдствіе одинаковости условій—долгаго отсутствія здѣсь государственныхъ началъ.

Донъ имѣетъ своихъ историковъ (Сухорукова, Савельева и др.), но труды ихъ слабы въ строго научномъ отношеніи; исторія здѣсь перемѣшана съ мѣстными патріотическими легендами, а для XIX в. замѣнена чѣмъ то въ родѣ оффиціальнаго лѣтописнаго изложенія. Правда, исторія Дона въ XIX в. еще несовершенно и возможна.

Сочиненіе, заглавіе котораго выписали мы въ началѣ рецензіи, по справедливости должно быть признано первымъ вполнѣ научнымъ трудомъ по исторіи Дона. Авторъ большой знатокъ не только печатнаго, но и архивнаго матеріала, безъ котораго теперь писать по исторіи Дона немыслимо; онъ вполнѣ владѣетъ исторической критикою, прекрасно группируетъ матеріалъ, ему необходимый; словомъ изслѣдованіе обличаетъ мастера хорошей школы. Но при всемъ томъ изслѣдованіе это насъ не совсѣмъ удовлетворило.

Значеніе раскола на Дону очень велико, и не совсѣмъ знакомые съ ходомъ его распространенія здѣсь, мы предполагали, что авторъ

именно и хочетъ выяснить это значеніе; оказалось, что наши надежды были преждевременны; въ доказательство изложимъ въ общихъ чертахъ содержаніе труда автора, тѣмъ болѣе, что собственно изслѣдованіе не особенно и велико.

Двѣ начальныя главы составляютъ введеніе въ сочиненіе; онѣ посвящены: первая изображенію Донской земли во второй половинѣ XVII в., вторая—отношеніямъ между Москвою и донскими козаками. Нечего и говорить, что одна научная разработка вопроса, означеннаго въ первой главѣ, представила бы величайшую важность. Авторъ, конечно, отнесся къ дѣлу вполнѣ научно, но, если можно такъ выразиться, нѣсколько элементарно: оно рисуетъ Донъ самыми общими чертами, ссылаясь для доказательства своихъ положеній на какой либо одинъ или два факта, да и то не воспроизводя ихъ хотя бы въ примѣчаніи, а ссылаясь, напр., на рукопись въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Увѣренъ, что ссылка правильна, но самый вопросъ очень интересенъ и открываетъ цѣлую историческую перспективу, а авторъ спокойно идетъ мимо него, махнувши рукою, дескать, это къ исторіи раскола на Дону въ концѣ XVII в. не относится Уже на 3 страницѣ авторомъ затронутъ очень интересный вопросъ о невыдачѣ бѣглыхъ съ Дона, а въ примѣчаніи сообщены только выдержки изъ архивнаго дѣла о присылкѣ на Москву вора Буянки и изъ другихъ актовъ, при томъ до того характеристичныя, что хотѣлось бы видѣть ихъ въ полномъ контекстѣ, да и самое дѣло Буянки, сослужившее автору добрую службу, остается все таки не выясненнымъ читателю. Далѣе, на стр. 4 говорится о составѣ донскаго населенія, что здѣсь были и татары, и греки, и тумы (отъ брака русскихъ съ турчанками); а въ доказательство ровно по одному факту, вѣрнѣе по одной выдержкѣ изъ архивныхъ источниковъ. На стр. 5 авторъ говоритъ о донскихъ городкахъ, приводитъ ихъ число, въ приложеніи помѣщаетъ и маленькое изслѣдованіе о нихъ, даже на основаніи архивныхъ источниковъ, и одного только не сообщаетъ—названія самыхъ городковъ! Такъ что, если кому пришлось бы заняться этимъ вопросомъ хотя бы и не спеціально, онъ долженъ повторить всю работу автора, только потому, что автору жаль было напечатать лишнихъ полстранички! И такая экономія идетъ черезъ всю книгу. Особенно намъ досадно встрѣтить ее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Дона и Запорожья, о появленіи на Дону черкасъ и т. п. Только и узнаешь, что отношенія были и черкасы появлялись, и въ доказатель-

ство приведено по какому либо одному, правда очень рельефному, но не вполнѣ ясному архивному факту (см. стр. 8, 19, 33, 34).

Предвидимъ возраженіе, что авторъ и не задавался спеціально задачею—изобразить Донъ въ половинѣ XVII в., и ему важно было лишь дать свѣдѣнія, необходимыя для пониманія исторіи раскола на Дону въ концѣ XVII вѣкѣ. Пусть такъ; пойдемъ за авторомъ далѣе.

Вторая глава—отношенія между Москвою и козаками въ концѣ XVII в. имѣетъ тотъ же самый характеръ изложенія, такъ что останавливаться здѣсь нечего. Укажемъ развѣ, что авторъ не коснулся даже Разиновскаго бунта, хотя бунтъ этотъ имѣлъ и религіозную окраску, и въ то же время, какъ это видно у автора, память о Разинѣ была жива на Дону въ концѣ XVII в. и именно у козаковъ раскольниковъ.

Съ третьей главы начинается собственно изслѣдованіе. Здѣсь идетъ рѣчь о зарожденіи раскола среди донскихъ козаковъ. Конечно о самомъ расколѣ авторъ говоритъ кратко, на двухъ страницахъ, и прямо переходитъ къ подробному изложенію дѣятельности донскихъ расколоучителей, коими основанъ центръ донскаго раскола—обитель на р. Чирѣ. Глава очень интересная; не менѣе интересно и сообщенное авторомъ въ приложеніи къ ней слово о нѣкоемъ мужѣ, написанное на Чирѣ, эсхатологическаго характера; при чемъ въ аду помѣщены донскіе воротилы, напр. знаменитый Корнило Яковлевъ, Михайло Самаринъ, а въ раю расколоучители, и въ томъ числѣ донскіе. Въ этой главѣ сообщены и столь же подробныя, но за недостаткомъ матеріаловъ все же отрывочныя, свѣдѣнія еще о нѣкоторыхъ расколоучителяхъ, разсѣявшихся по Донской землѣ [1]), при чемъ значеніе ихъ въ дѣлѣ распространенія раскола остается вовсе не выясненнымъ, несмотря на увѣреніе автора, что онъ указалъ главные центры раскола на Дону. Кстати сказать, очень жаль, что къ книжкѣ не приложена подробная карта Дона: упоминаются такія урочища, которыя совершенно неизвѣстны, и слѣдить за авторомъ въ его изложеніи событій, связанныхъ съ какими либо мѣстами, иногда невозможно. Впрочемъ, сознаемся, что это уже слишкомъ большое требованіе. Конецъ третьей главы посвященъ бѣгству на Донъ раскольниковъ мірянъ. Но и въ этой главѣ опять примѣчанія говорятъ о гораздо большемъ, чѣмъ внесъ авторъ въ свое изложеніе, но говорятъ отрывочно, неясно.

---

[1]) На стр. 92 указаны еще попы, на свое мѣсто не попавшіе.

Упоминаемый на стр. 96 думный дворянинъ Петръ Аврамовъ, и въ указателѣ названный Аврамовымъ, конечно, Петръ Аврамовичъ Лопухинъ.

Четвертая глава посвящена раскольничьей пропагандѣ на Дону. И здѣсь о самой пропагандѣ говорится очень бѣгло, и авторъ торопится перейти къ изложенію мелкихъ фактовъ изъ исторіи столкновеній въ 1680-хъ годахъ на Дону козаковъ раскольниковъ съ козаками православными. Конечно, авторъ излагаетъ мелкіе факты потому, что крупныхъ еще не было. Но, какъ ни какъ, а насколько сильно былъ распространъ расколъ на Дону, это все же остается не выясненнымъ, и рядъ позднѣйшихъ безпорядковъ изъ за старой вѣры падаетъ вдругъ на читателя, слабо къ тому подготовленнаго. Очень жаль еще, что авторъ не попытался охарактеризовать единственнаго крупнаго дѣятеля раскольничьей партіи на Дону атамана Самойла Лаврентьева, для чего у него было достаточно данныхъ; но авторъ избѣгаетъ всякихъ характеристикъ и какъ здѣсь Лаврентьевъ, такъ далѣе знаменитый Фролъ Минаевъ представляются лишь собственными именами.

Пятая глава, самая длинная,—господство козаковъ раскольниковъ на Дону—опять излагаетъ съ мельчайшими подробностями борьбу за вѣру среди козацкой старшины въ Черкаскѣ, при чемъ, если автору нуженъ былъ посторонній фактъ, онъ его касается вскользь, напр. на стр. 134 говорится, что донцамъ предстояло склонить Чагана тайшу съ его калмыками къ миру. Кто такой Чаганъ и гдѣ онъ жилъ, и почему это предстояло—авторъ не объясняетъ [1]).

Но, какъ ни обширна эта глава, все же авторъ не выяснилъ смысла разыгравшейся на Дону драмы, и именно потому, что свелъ борьбу только на религіозную почву. Между тѣмъ въ этой борьбѣ, что прекрасно извѣстно и самому автору [2]), главное мѣсто занимали экономическіе и политическіе вопросы. Для знакомаго съ исторіей южной Руси дѣятельность главарей московской партіи на Дону—Фрола Минаева, Ивана Семенова и т. д. является совершенно идентичною съ дѣятельностью Рославцевъ да Филимоновыхъ, не мало

---

[1]) Еще примѣръ экономіи: на стр. 132, примѣч. 6 авторъ говоритъ, что въ Допол. къ Акт. Истор. т. XII № 17, стр. 137—138 перепутаны листки. Перепутаны? Ну, было и указать, въ какомъ порядкѣ имъ слѣдовало быть; ср. то же на стр 138 указаніе, что въ одномъ изъ напечатанныхъ актовъ пропущенъ пунктъ, а не сообщено о чемъ.

[2]) См. его заключеніе на стр. 215 и д.

повинныхъ въ лишнихъ страданіяхъ края. И въ Запорожьи въ XVIII в. засѣли политиканы, съ успѣхомъ рывшіе могилу Запорожью. Безъ сомнѣнія, всѣмъ этимъ козацкимъ землямъ трудно было противъ рожна прати, и причина гибели ихъ строя достаточно объясняется принципомъ, что сила солому ломитъ; но все же отдѣльныхъ лицъ можно судить и на основаніи извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ; Минаевы да Семеновы не ломали честно извѣстный строй войска, находя его устарѣлымъ, не соотвѣтствующимъ новымъ задачамъ дѣятельности русскаго народа. И задачъ они не понимали, и о ломкѣ строя вѣроятно сознательно не думали, а просто изъ за угла, въ тихомолку строили каверзы врагамъ своимъ (см. стр. 181), добиваясь личныхъ выгодъ. Можетъ быть, Минаевъ былъ большой честолюбецъ, который былъ убѣжденъ, что его интересы—интересы всего войска, но Семеновъ и его компанія даже въ этомъ не повинны. Между тѣмъ сведя всю борьбу къ одному расколу, авторъ обнаруживаетъ симпатію къ минаевской партіи, а названіе его козаковъ—«добрыми» козаками отнюдь не означаетъ ироніи.

Мелкая борьба на Дону изъ раскола привела и къ мелкимъ безпорядкамъ въ 7196 г., разсказу о которыхъ посвящена послѣдняя глава; при чемъ авторъ говоритъ объ этихъ безпорядкахъ, какъ о какомъ то огромномъ «грозномъ» мятежѣ. Между тѣмъ это была только кровавая расправа Минаева и его партіи съ врагами, почти не оказывавшими сопротивленія, и только много болтавшими. Правда, Заполянскій городокъ держался долго, но это былъ маленькій городъ; осаду его вели плохо и не регулярно. Любопытно, что уже въ XVII в., для расправъ съ неблагонадежными русскими элементами употребляемы были иностранцы, напр. на Дону дѣйствовалъ противъ раскола московскій маіоръ Куннигамъ; да, вѣроятно, и полуполковникъ Таболевскій былъ не изъ русскихъ. Для исторіи Новороссіи важнымъ эпизодомъ представляется поселеніе части козаковъ послѣ скитаній на р. р. Кумѣ и Терекѣ, гдѣ ихъ добыли московскія власти, между р. Кубанью и Илобаненчикомъ на берегу Чернаго моря, подъ властью крымскаго хана, который велѣлъ имъ построить тамъ деревянный городокъ (стр. 212—по архивнымъ источникамъ).

Мы довольно подробно изложили сюжетъ разбираемаго изслѣдованія и въ результатѣ, кажется, имѣемъ право утверждать, что центръ его состоитъ въ разсказѣ о безпорядкахъ на Дону изъ за раскола въ 80-хъ одахъ XVII в., и въ то же время, что безпорядки эти вовсе не за-

служивали той чести, которую придалъ имъ авторъ, приспособивъ къ нимъ всю предшествующую исторію Дона. Или на Дону не было болѣе важныхъ историческихъ моментовъ? Вовсе нѣтъ; авторъ просто располагалъ обильными архивными матеріалами для даннаго историческаго момента [1]). Прекратился ли расколъ на Дону послѣ этого? Не прекратился, и донынѣ существуетъ. Правительство перестало обращать вниманіе на донскихъ раскольниковъ; авторъ полагаетъ, что именно въ виду изображеннаго имъ погрома; ужъ скорѣе въ виду сложившагося въ Москвѣ на основаніи этихъ событій мнѣнія о слабости самаго Дона; а вѣрнѣе потому, что наступило время, когда правительство не особенно преслѣдовало раскольниковъ.

Болѣе всего намъ жаль, что авторъ остановился у порога самыхъ интересныхъ событій въ исторіи Дона. Допустимъ, что дальнѣйшая дѣятельность Фрола Минаева не заинтересовала автора, такъ какъ Минаевъ не раскольникъ; но Булавинскій бунтъ есть важнѣйшее событіе изъ исторіи Дона, и на авторѣ, какъ на серьезномъ спеціалистѣ, лежитъ обязанность не отступать предъ тѣми трудностями, которыя представляетъ исторія этого вопроса: событія на Дону въ концѣ XVII в. есть только прелюдія къ Булавинскому бунту.

Если авторъ устрашится рекомендуемой ему его же собственнымъ трудомъ задачи, то онъ можетъ оказать услугу русской исторической наукѣ и инымъ способомъ: превративши въ отдѣльное сочиненіе двѣ первыхъ главы своего настоящаго изслѣдованія. При научной подготовкѣ и дарованіяхъ автора эта задача будетъ для него очень не трудною и мы не знаемъ въ настоящее время изслѣдователя, который съ большими правами, чѣмъ В. Г. Дружининъ, могъ бы взяться за изображеніе исторіи донскаго козачества. А взяться стоитъ.

А. М.

М. П. Федоровъ.—*Хлѣбная торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и въ Кенигсбергѣ. Масква. 1888.*

Эта книга является результатомъ изученія положенія отпускной хлѣбной торговли въ русскихъ портахъ Балтійскаго и Чернаго съ Азовскимъ морей, произведеннаго по порученіи съѣзда желѣзныхъ дорогъ II группы, состоявшагося въ 1885 году. Богатый цифровой матеріалъ, собранный авторомъ и тщательно разработанный, знакомитъ

---

[1]) Они сообщены въ приложеніи къ изслѣдованію.

читателя вполнѣ съ развитіемъ нашей отпускной хлѣбной торговли за послѣдніе 15 лѣтъ. Въ отдѣльныхъ главахъ труда этого описаны порты Балтійскаго моря и южные, способы отправки хлѣба и полученія его по желѣзнымъ дорогамъ, водяными путями и гужемъ; кромѣ цифръ въ этихъ описаніяхъ встрѣчается много бытовыхъ подробностей, характеризующихъ больное мѣсто нашей заграничной торговли стремленіе къ надувательству, которое и привело уже къ полному недовѣрію заграничныхъ покупателей по отношенію къ нашимъ экспортерамъ, особенно изъ южныхъ портовъ. Цифры, приводимыя въ таблицахъ, служатъ лучшимъ матеріаломъ для исторіи южно-русскихъ городовъ на побережьи Чернаго и Азовскаго морей. Изъ нихъ мы видимъ, напр., что Маріуполь въ непосильной борьбѣ съ естественными условіями, въ которыя поставленъ, является уже захудалымъ городомъ, тогда какъ Севастополь быстро растетъ, благодаря прекрасному своему порту и желѣзной дорогѣ, соединившей его съ южными и центральными частями Россіи. Еще въ пятилѣтіе съ 1872 по 1876 годъ городъ этотъ отправлялъ въ среднемъ въ годъ только 13 тысячъ четвертей, а въ 1887 году—уже 1.587 тысячъ четвертей хлѣба, т. е. уже болѣе, чѣмъ, напр., Таганрогъ. Ростовъ и Николаевъ, отправляя теперь болѣе чѣмъ по 3 милліона четвертей, утроили вывозъ хлѣба по сравненію съ отпускомъ изъ нихъ 15 лѣтъ тому назадъ. Первое же мѣсто не только между черноморскими, но и вообще всѣми русскими портами занимаетъ Одесса, отпустившая въ 1887 году до 10 милліоновъ четвертей хлѣба, тогда какъ Петербургъ въ томъ же году отправилъ только 6 милліоновъ, а Либава 4 милліона четвертей.

Таблица цифръ количества отправки хлѣба изъ Одессы болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ, вмѣстѣ съ цѣнами на разные хлѣба и съ курсомъ нашего рубля, выраженномъ во франкахъ, представляетъ полную исторію нашихъ экономическихъ невзгодъ за весь этотъ періодъ. Довольно будетъ отмѣтитъ тотъ фактъ, что въ первый годъ по введеніи нашей валюты на серебро вмѣсто старыхъ ассигнацій (1840) за новый русскій рубль давали $4_{,23}$ франка; самая высшая цѣна его ($4_{,45}$ фр.) были въ 1847 году, а съ тѣхъ поръ, постепенно понижаясь, она дошла въ 1887 году до $2_{,20}$ франковъ.

Въ общемъ книга эта, хотя написана съ спеціальной цѣлью указать на мѣры, какія должны быть предприняты для упорядоченія нашей хлѣбной торговли, но можетъ служить для разныхъ справокъ занимающимся исторіею южнаго края въ текущемъ столѣтіи.

А. Р.

Высокопреосвященный Іосифъ (Сѣмашко), митрополитъ литовскій и виленскій. Сочиненіе свящ. Николая Извѣкова. Вильна 1889 г.

Многотрудная и полезная дѣятельность митрополита литовскаго Іосифа составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи русской церкви; имя его неразрывно связывается съ дѣломъ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пробужденія русскаго національнаго самосознанія въ западномъ краѣ; жизнь его такимъ образомъ слилась съ исторіей; для изученія той и другой единственнымъ матеріаломъ служатъ «Записки» самого іерарха, изданныя по завѣщанію автора въ трехъ томахъ въ 1883; очень дорогое по цѣнѣ (12 руб.), это изданіе было недоступно для читателей, а между тѣмъ потребность въ популяризаціи этихъ записокъ въ западномъ краѣ, на мѣстѣ, гдѣ происходила дѣятельность митрополита Іосифа, гдѣ тайное броженіе, тайная борьба противъ провославія не прекращается и до сихъ поръ, гдѣ и до сихъ поръ ходятъ толки о дѣятельности іерарха, потребность въ популяризаціи, повторяемъ, была неотложна, необходима. Отсюда нѣтъ надобности доказывать, какъ своевременно, какъ кстати появляется названное сочиненіе. Самъ покойный митрополитъ сознавалъ необходимость распространенія точныхъ свѣдѣній о своихъ важныхъ трудахъ, когда писалъ: «я вполнѣ увѣренъ, что мнѣ отдадутъ полную справедливость, но къ сему могутъ способствовать и бумаги, собственно мнѣ принадлежащія». Оставляя капиталъ на изданіе своихъ бумагъ, митрополитъ Іосифъ, конечно, имѣлъ въ виду сдѣлать это изданіе насколько возможно болѣе доступнымъ по цѣнѣ ради большаго распространенія его, но, какъ видно, издержки печатанія послужили препятствіемъ для осуществленія этой цѣли митрополита. Названная книга и въ этомъ отношеніи устраняетъ препятствіе распространенію; но и объявленная авторомъ цѣна намъ кажется слишкомъ высокой (1 р. 30 коп.); она должна бы ради интересовъ распространенія быть понижена еще болѣе, потому что книга должна служить теперь и еще надолго для мѣстной русской интеллигенціи. Она необходима также и потому, что въ краткомъ очеркѣ излагаетъ содержаніе напечатанныхъ трехъ—томныхъ «Записокъ», неудобныхъ уже по своему объему для скорыхъ справокъ. Въ виду всего сказаннаго мы не можемъ не привѣтствовать появленія книги свящ. Извѣкова и не пожелать ей полнаго успѣха. Авторъ въ своемъ сочиненіи разсматриваетъ дѣтство и воспитаніе митрополита Іосифа, который близокъ намъ и какъ уроженецъ кіевской губерніи, и, впослѣдствіи, какъ

почетный членъ конференціи кіевской духовной академіи, какъ человѣкъ, воспитанный русской народной церковью, преданіями народной мѣстной старины и народными пѣснями и подъ вліяніемъ этого воспитанія совершившій то великое дѣло, о которомъ трактуетъ разсматриваемая нами книга. Далѣе авторъ излагаетъ разсказъ о дѣятельности просв. Іосифа, направленной къ возсоединенію уніатовъ съ православною церковью и, наконецъ, дѣятельности, направленной къ утвержденію и распространенію акта возсоединенія и сознанія его необходимости. Въ заключеніи очерченъ наружный видъ преосвященнаго Іосифа, его твердый и рѣшительный характеръ и частная жизнь, полная неутомимыхъ трудовъ, приводящая къ убѣжденію, что этотъ дѣятель одинъ на своихъ плечахъ вынесъ дѣло возсоединенія среди преградъ, которыя ставились ему на пути. Такова по содержанію книга священ. Н. Извѣкова. По нашему мнѣнію, въ ней недостаетъ очень немногаго: надо было бы предпослать краткій очеркъ возникновенія уніи; онъ показалъ бы еще болѣе величіе дѣла, совершеннаго митрополитомъ Іосифомъ, правоту и необходимость этого дѣла; онъ показалъ бы, чѣмъ была Русь до уніи и къ чему привела ее дѣятельность митрополита; значеніе дѣятельности не надо было бы доказывать, ибо факты говорили бы сами за себя. Необходимо было также приложить къ книгѣ и одинъ изъ тѣхъ трехъ портретовъ митрополита, о которыхъ упоминаетъ авторъ, вмѣсто слишкомъ блѣдной и неполной обрисовки наружнаго вида преосвященнаго Іосифа, сдѣланной въ книгѣ.

И. Каманинъ.

Можетъ ли не подлежать сомнѣнію, что открытое въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра.

(Замѣтка на статью Н. И. Петрова о древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра, помѣщенную въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи» 1888 г. № 7).

Литографическій оттискъ съ изображенія какого то князя, открытаго на алтарномъ столбѣ древняго Успенскаго собора въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ (сооруженнаго въ 1158 году вел. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ), приложенный къ изданной П. Н. Батюшковымъ книгѣ «Холмская Русь», вызвалъ въ «Кіевской Старинѣ» (ноябрь 1887 г.) нѣсколько замѣчаній противъ подписи, въ которой это

изображеніе приписано св. равноапостольному князю Владиміру, просвѣтителю Россіи. Н. И. Петровъ, принимавшій участіе въ составленіи книги «Холмская Русь», пожелалъ опровергнуть эти возраженія и доказать, что открытое въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе неизвѣстнаго князя наиболѣе подходитъ къ общему типу изображеній св. Владиміра, и что оно сохранилось лучше и отчетливѣе другихъ его изображеній. Къ этому направлена статья его «О древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра», помѣщенная въ іюльской книгѣ «Трудовъ кіевской духов. Академіи» за 1888 годъ. Сдѣлавши перечень возраженій противъ принадлежности св. Владиміру открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, не подписаннаго изображенія какого-то князя, г. Петровъ говоритъ: 1. Огненныя и другія бѣдствія и перестройки, какимъ подвергался Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, знакомы и кіевскимъ храмамъ—Софіевскому, Михайловскому, и Кирилловскому, въ которыхъ однако же сохранились фрески. 2. Что именно это фреска, а не масляная живопись, въ этомъ мы скорѣе вѣримъ московскому археологическому обществу, принимавшему на мѣстѣ участіе въ возобновленіи живописи этого собора. 3. Совершенно невѣрно, будто бы восьмиконечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI вѣка, подтвержденіемъ чему служитъ осьмиконечный крестъ изъ животворящаго древа, присланный въ началѣ XII вѣка вел. князю Владиміру Мономаху изъ Константинополя, донынѣ хранящійся въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. 4. Хотя полная канонизація Владиміра, какъ святаго, могла послѣдовать и дѣйствительно послѣдовала не раньше 1240 года, однако есть основаніе полагать, что фреска Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ могла изображать и не *святаго*, а пока еще только *блаженнаго* князя Владиміра. 5. А что это не князь Андрей Боголюбскій, это можно видѣть уже изъ описанія св. Андрея Боголюбскаго въ иконописныхъ подлинникахъ.

Вотъ главнѣйшіе отвѣты г. Петрова. Но при всемъ уваженіи къ г. Петрову, нельзя признать его отвѣты достаточно убѣдительными.

1. Ни откуда не извѣстно, чтобы древніе кіевскіе храмы—Софійскій, Михайловскій и Кирилловскій, въ которыхъ сохранились фресковыя изображенія XI и XII вѣка, когда нибудь подвергались внутреннимъ пожарамъ, подобно владимірскому Успенскому, двукратно выгорѣвшему внутри—въ 1185 и 1238 гг., а въ послѣднемъ году даже нарочито выжженному татарами. Въ частности, если бы Кіево-

Софійскій соборъ горѣлъ когда либо внутри, то алтарныя его мозаики ни въ какомъ случаѣ не могли бы уцѣлѣть. 2. Московское археологическое общество доселѣ не сказало еще своего слова ни о принадлежности св. Владиміру изображенія, открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, ни о древности этого изображенія, ни о томъ, что оно фресковое, а не масляное. Самъ г. Петровъ въ своей статьѣ признаетъ, что во всемъ этомъ изображеніи какъ будто замѣтенъ сѣверно-русскій, сѣверный пошибъ иконописи. 3. Восьмиконечный крестъ изъ животворящаго древа, хранящійся въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, присланный яко бы изъ Константинополя великому князю кіевскому Владиміру Мономаху императоромъ Константиномъ Мономахомъ вмѣстѣ съ шапкой, діадемой и сердоликовой чаркой «изъ нея же веселися Кесарь Августъ Римскій», какъ значится въ русской подписи на семъ крестѣ, составляетъ весьма слабое доказательство существованія у насъ восьмиконечныхъ крестовъ въ XIII вѣкѣ. Происхожденіе его еще болѣе сомнительно, чѣмъ принадлежность Владиміру Мономаху шапки и бармъ, когда то, дѣйствительно, слывшихъ подъ именемъ мономаховыхъ. Г. Петровъ, вѣроятно, и не сталъ бы утверждать этого, если бы принялъ въ соображеніе, что Владиміръ Мономахъ при жизни Константина Мономаха былъ не великимъ княземъ, а всего двухлѣтнимъ ребенкомъ, когда даже и отецъ его Всеволодъ Ярославичъ не могъ еще думать о кіевскомъ великокняжескомъ столѣ, и что умершій въ 1056 году императоръ Константинъ Мономахъ не могъ ни обмѣниваться подарками съ княземъ, родившимся за 4 года предъ тѣмъ въ Переяславѣ, ни угадать, чѣмъ онъ станетъ въ 1113 году. 4. Нельзя также допустить, чтобы могли у насъ изобразить въ церкви, на самомъ видномъ и поклонномъ мѣстѣ—вправо отъ царскихъ вратъ, князя, еще не признаннаго святымъ. 5. Описанія внѣшняго вида святыхъ въ нашихъ иконописныхъ подлинникахъ никакъ нельзя считать копировкой ихъ портретовъ или подлинными ихъ изображеніями; многія изъ нихъ не болѣе, какъ догадки иконописцевъ; потому, основываясь на нашихъ иконописныхъ подлинникахъ, нельзя утверждать, что открытое въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя не есть портретъ в. князя владимірскаго св. князя Андрея Боголюбскаго. Мы впрочемъ и не стоимъ за то, что это было его изображеніе. Но то несомнѣнно, что оно переписано кистью суздальскаго иконописца и что ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть признано изображеніемъ св. Владиміра, и при томъ древнѣйшимъ, потому что на всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ из-

ображеніяхъ св. Владиміръ представленъ съ четвероконечнымъ крестомъ, а не съ осьмиконечнымъ. Такъ, съ четвероконечнымъ крестомъ онъ изображенъ на своихъ монетахъ, на стѣнѣ новгородской Θеодоровской церкви 1369 г. и въ спискѣ сказанія XIV вѣка о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ. Говоря обо всѣхъ этихъ изображеніяхъ, г. Петровъ упоминаетъ и даже перечисляетъ всѣ ихъ детали, но тщательно умалчиваетъ, какой на нихъ формы крестъ у св. Владиміра и у представленныхъ съ нимъ сыновей его Бориса и Глѣба, тогда какъ не забываетъ сказать, что на иконѣ (неизвѣстнаго времени) изъ филаретовской коллекціи въ музеѣ кіевс. дух. академіи св. Борисъ, а въ иконописныхъ святцахъ XVII вѣка св. Владиміръ изображены съ осьмиконечнымъ крестомъ. Такимъ способомъ не слѣдовало бы убѣждать читателя въ древности осьмиконечнаго креста, а затѣмъ и въ древности изображенія св. Владиміра, открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ съ осьмиконечнымъ крестомъ въ рукѣ.

Не мѣшало-бы помнить при семъ, что кресты въ рукахъ мучениковъ на окладѣ Мстиславова Евангелія и хранящіеся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ корсунскіе кресты четвероконечные, что таковы же мозаическіе кресты въ алтарѣ Кіево-Софійскаго собора и по стѣнамъ сего собора въ рукахъ мучениковъ и мученицъ, на фресковыхъ изображеніяхъ, а эти св. изображенія сдѣланы спустя лишь 50 лѣтъ отъ крещенія кіевлянъ при св. Владимірѣ и спустя 22 года послѣ его кончины. Вспомнивши это, не трудно бы догадаться, какой крестъ, четвероконечный или осьмиконечный, долженъ быть въ рукѣ св. Владиміра на подлинномъ его изображеніи, и отсюда заключить, насколько можетъ быть древнимъ промытое на алтарномъ столбѣ владимірскаго Успенскаго собора изображеніе неизвѣстнаго князя.

Кто этотъ князь, трудно рѣшить по недостатку опредѣленныхъ данныхъ. Но мечъ при его бедрѣ, весьма сходный по своей отдѣлкѣ съ мечемъ литовскаго князя св. Довмонта, сохраняющимся донынѣ въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ надъ его гробницею, даетъ основаніе предполагать, что это изображеніе св. князя *Довмонта*, написанное во время возобновленія владимірскаго Успенскаго собора въ 1408 году, при в. князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, который былъ женатъ на литовской княжнѣ Софьѣ Витовтовнѣ.—

П. Л.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 36—59. № 36. Отчетъ о дѣятельности общества ночныхъ врачебныхъ дежурствъ въ Кіевѣ.

— Кор. изъ Бердичева о дѣятельности мѣстной общественной библіотеки (сущ. съ 1864 г.).

37. Кр. отчетъ по хирург. отд. кіев. гор. больницы Цесаревича Александра за 1888 г.

— Сообщеніе объ учрежденіи въ семъ году въ г. Полтавѣ естественно-историческаго музея.

— Замѣтка о числѣ выходящихъ въ Кіевѣ періодическихъ изданій.

39. Замѣтка объ обѣдѣ 11 фев., въ Спб. б. новгородсѣверскихъ гимназистовъ въ память 100 лѣт. юбилея гимназіи.

39, 41, 45, 48, 49, 50. Между черноземомъ и полѣсьемъ въ юго-зап. краѣ.

43. Замѣтка о библіотекѣ Крашевскаго.

44. О присужденіи наградъ на сѣменной сельско-хозяйств. выставкѣ въ Кіевѣ въ февралѣ 1889 г.

45. Библ. замѣтка о галицкомъ журналѣ «Наука».

— Кор. изъ бердичевскаго у. объ обычаѣ «справлять колодку» на масляницѣ.

47. Библ. зам. о вышедшемъ II т. «Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца».

49. Замѣтка о засѣданіи 26 фев. въ истор. общ. Нестора.

Кіевское Слово №№ 602—628. 602. Два диспута. Замѣтка о двухъ диспутахъ въ спб. университетѣ кіевлянъ В. В. Ефимова на степень доктора: правъ и В. Н. Великаго—доктора зоологіи.

603. Иннок. Никол. Игнатовичъ—протоіерей въ Таращѣ (некр.).

606. Иноземная колонизація въ юго-зап. краѣ (замѣтка).

— Корресп. изъ м. Спичинцы бердич. уѣзда,—нѣкоторыя данныя объ этой населенной мѣстности.

610. Штунда (замѣтка, заимствованная изъ отч. об. прок. свят. синода. К. П. Побѣдоносцева).

612. Кор. изъ васильковскаго уѣзда о лѣсахъ гр. Браницкаго.

613. Разъясненіе б. ред.-изд. «Одеск. Вѣст.» П. А. Зеленаго, что деньги, собранныя имъ на школу имени Т. Г. Шевченка въ количествѣ 1907 р. переданы В. Г. Шевченку, съ письмомъ послѣдняго о полученіи и употребленіи этихъ денегъ.

616. Замѣтка о засѣданіи 26 февраля въ историческомъ общ. Нестора, гдѣ прочитаны были рефераты: *П. В. Дмитревскимъ* «Критско-Синайская

школа иконописи», *В. Г. Ляскоронскимъ* «*Паволоцкій полковникъ Поповичъ*», и *В. Б. Антоновичемъ* «О новыхъ раскопкахъ въ кіев. губерніи».

624. Выдержка изъ помѣщенной въ № 3 «Кіев. Ст.» замѣтки Н. Д. Н. «Къ біографіи Т. Г. Шевченка».

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—7, 6, 7. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. С. Новомалинъ, с. Перерослы, с. Великая-Радогоща, с. Плужное, с. Хорошовъ, с. Малые-Калетинцы, с. Юськовцы, с. Загорцы; 5 благоч. округъ острожскаго у.: с. Бережинцы, с. Бѣсовка, с. Гуліовцы, с. Жизниковцы.

6. Памяти о. Даніила Левицкаго, кр. некрологъ скончавшагося въ декабрѣ 1888 г. настоятеля Владиміро-Васильевской церкви въ Владимірѣ-Волынскѣ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6–9. 6, 7, 9. Движеніе уніатовъ къ православію въ Браславщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіѣ и Іовѣ (1757—1776).

7. «Набожныя» пѣсни въ честь тывровской иконы Божіей Матери.— Евф. С. Указавъ на необходимость собиранія и изданія лирницкихъ пѣсенъ, авторъ останавливается на пѣсняхъ въ честь тывровской иконы Божіей Матери, находящейся въ Николаевской церкви м. Тыврова, винниц. у. под. губ., куда въ день Сошествія св. Духа стекается много народа изъ кіев., волын. и под. губ. Икона эта привезена владѣльцемъ Тыврова Калитинскимъ изъ Ченстохова въ 1739 г. (подробности см. въ «Подол. Еп. Вѣд.» 1873 г. № 23, гдѣ приведена и народная пѣсня въ честь этой иконы, другая подобная приведена въ книгѣ г. Лонгинова «Червенскіе города» стр. 364—5). Авторъ приводитъ и пѣсню, записанную имъ отъ лирника Федька Хоптоваго изъ Остапковецъ, проскуровскаго уѣзда:

Прычыстая Диво, Маты словесна въ раю!
Явылась въ мисти Тыврови, въ краивскомъ краю.
Ой тамъ стала, цуда показала,
А въ палатахъ плакаты стала Пани ласкава.

—

Ой игомость панъ Калитынскій того дознае,
Прыходящы до своихъ палацивъ, главу склоняе...
Ой тамъ стала, чуда показала,
А въ палатахъ плакаты стала Пани Ласкава!

—

Казавъ же винъ священныкивъ въ свой домъ прызываты,
Жебъ тей вобразъ—Прычыстую Диву до церквы взяты

На престоли возсыяла,
Темныхъ—храмыхъ вона очыщала, Пани чыстая.

—

На престоли най сыяе храму святому,
Мыколаю Чудотворцу Меркыньскому.
Ой тамъ люды строны прохождають,
Здравія пытають въ потребахъ его (?)

—

Во превосвященна, во превоблажена Диво Маріе!
Ублагай Суса Христа и Сына своего,
Жебъ намъ рачывъ жывотъ даруваты
Лыце въ неби ему оглядаты
Іой, на вики виковъ.

Другая пѣсня, записанная авторомъ въ с. Мытникѣ, литинскаго у., представляетъ варіантъ пѣсни, напечатанной въ почаевскомъ Богогласникѣ 1805 г. № 129.

8. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ подольской епархіи за 1887—88 уч. годъ.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 14—21. 14, 17, 20, 21. Къ исторіи края, А. Л—ій. Списокъ дворянъ конотопскаго у. черн. губ. 51. Парпура Максимъ Осип. 52. Парпура Максимъ Лукинъ. 53. Пріймаковъ. 54. Проскуровъ. 55. Савойско. 56. Сененко. 57. Символскій. 58. Симоновскій. 59. Скаловскій. 60. Соколовскій. 61. Столповскій. 62. Столповскій Семенъ. 63. Столповскій Андрей. 64. Тишаниновъ. 65. Торанскій, 66. Трубицкій. 67. Харевичъ. 68. Халкидонскій. 69. Шкляревичъ. 70. Шклaревичъ Петръ. Въ примѣчаніяхъ къ этому списку авторъ даетъ очень интересныя данныя, относящіяся къ родамъ Парпуръ, Кандибы, Лободы, Драгомирова (Мацкевича), Колпака; изъ нихъ наиболѣе интересны свѣдѣнія о Парпурѣ Максимѣ Осиповичѣ, неизвѣстно гдѣ учившемся, но несомнѣнно человѣкѣ образованномъ, и человѣкѣ интересовавшимся литературою, и занимавшемся ею: въ 1797 г. онъ перевелъ съ нѣмецкаго «Фармакологію», а въ 1800 г. «Врачебную химію», тогда же онъ издалъ переводъ съ нѣмецкаго Антига «Жизнь Суворова»; на его средства въ 1798 г. въ первый разъ издана И. П. Котляревскаго «Энеида». Сынъ его Константинъ тоже занимался литературою, имъ напечатаны три книги: а) въ Харьковѣ въ 1811 г. похвальное слово Александру Невскому, б) въ 1812 г. ода на смерть П. В. Завадовскаго и в) Благополучіе человѣка, мечта. Писалъ онъ эти сочиненія, будучи студентомъ харьковскаго университета.—Изъ духовнаго завѣщанія М. О. Парпуры оказывается, что онъ сдѣлалъ значительныя пожертвованія на учебныя и благотворительныя заведенія роднаго края, имъ

отказано было: а) на конотопское повѣтовое (уѣздное) училище 16,000 руб., б) на черниговскую или новгородсѣверскую гимназію 16,000 р., в) харьковскому университету 16,000 р., и г) на конотопскую богадѣльню 30,000 руб. въ дополненіе къ 10,000 руб., завѣщанныхъ туда же его матерью.

II. *Коропскій уѣздъ*: 1. Андрѣевскій Никита. 2. Антоновскій. 3. Андрѣевскій Петръ. 4. Барановскій. 5. Башуцкій Дмитрій. 6. Башуцкій Яковъ. 7. Бойченковъ. 8. Бѣлоровскій Дмитрій. 9. Бѣлоцерковскій. 10. Бѣлый Созенко. 11. Василенко. 12. Вешняковъ. 13. Величковскій.

15. Преданіе «Солодка крыныця».

16. Библіографическая замѣтка о «Кіевской Старинѣ» за январь и февраль 1884 г.

19. Библіогр. замѣтка о книгѣ Лазаревскаго, Описаніе старой Малороссіи Полкъ Стародубскій вып. 2. Т. I. и о книгѣ Филимонова, Румянцевская опись суражскаго уѣзда 1767 г.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія №№ 3—4. 3. Древній Любечъ (историч. записка).

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 4—5. 4 Матеріалы для исторіи переяславско-полтавской семинаріи, извлеченные изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ полтавской духовной консисторіи и семинаріи за время отъ 1818—1862 г.

5. Списокъ церк.-приход. школъ полтавской епархіи за 1877—78 г.

— Св. I. Костенко.—Прошлое и настоящее Старомлинской слободки или Велико-Будищскій общежительный Свято-Троицкій женскій монастырь.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 42—66. 43. И. А. Щепинскій. Слобода Алешня (истор. оч.). Бывшій городъ и военная крѣпость (лебед. у. хер. губ.) Алешки, нынѣ слобода, основана около 1630 г. Рѣчью Посполитою, устроившею здѣсь крѣпость и заселившею ее черкасами. Въ 1645 г. здѣсь было сраженіе литвы съ татарами. Въ томъ же году кн. Iерем. Вишневецкій здѣсь собралъ свое войско для нападенія на Путивль. Въ 1647 г. ц. Алексѣй М. присоединилъ его къ Россіи и заселилъ москвичами, надѣливъ ихъ землями и др. угодіями. Новое населеніе въ виду эмиграціи изъ Украины удалилось отсюда, распродавъ эмигрантамъ земли. Въ 1709 году здѣсь былъ бой со шведами, послѣдствіемъ чего было разрушеніе крѣпости и города. Съ 1709 г. это бѣдная слобода.

45. О развитіи шелководства въ харьковскомъ уѣздѣ.

46. Замѣтка о засѣданіи истор.-фил. общества при харьк. унив. 16 февраля. Читали: *М. М. Плохинскій* о грузинахъ въ Малороссіи въ XVIII в. (по архив. документамъ). *Н. Ѳ. Сумцовъ* сдѣлалъ сообщеніе о сказаніяхъ объ искуссномъ стрѣлкѣ. По предложенію секретаря общества, оно рѣшило напечатать программу для собиранія историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, а

также по предложенію Д. И. Багалѣя рѣшило пріобрѣсти «Экстрактъ о слободскихъ полкахъ», считавшійся до сего утеряннымъ.

50. Б. К. Причины упадка садоводства.

55. С. Бубы (хар. губ.) кор. о посудной фабрикѣ здѣсь бр. Кузнецовыхъ.

62. Черниговскія святыни—вкратцѣ сообщено воззваніе черн. губ. А. К. Анастасьева о пожертвованіяхъ на реставрацію черниговскаго каѳед. собора.

Южный Край №№ 2790—2818. 2801. Штундизмъ иштундисты (по даннымъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1886 г.).

2810, 2815. (Фельетоны) Козачья колонизація въ XIX столѣтіи—А. А. Разборъ и компиляція книги «Кубанское козачье войско 1696—1888 г.», вышедшей недавно въ Воронежѣ подъ редакціей г. Фелицына.

2818. Обзоръ дѣятельности провинціальныхъ театровъ и матеріальныхъ результатовъ. По словамъ газеты, наибольшіе сборы дѣлали въ провинціи драматическіе театры саратовскій и нижегородскіе, но общество артистовъ, игравшихъ эту зиму въ Харьковѣ, имѣло сборъ почти вдвое больше саратовскаго и въ четыре раза больше нижегородскаго.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 33—61. № 34, 36 и 37. Перепечатка изъ Кіевской Старины (1889 г. № 2) воспоминаній Усковой о Шевченкѣ.

35. Елисаветградская провинція. Это сокращенный переводъ изъ II тома сочиненія академика Гильденштедта «Reisen durch Russland», изданнаго въ 1787 г.

38, 41, 42, 44, 49, 51, 53 и 60. Путешествіе Г. А. Гильденштедта по елисаветградской провинціи.

Переводъ оттуда же.

39. Статья въ видѣ рецензіи «Кіевской Старины».

45. Статья, посвященная памяти Т. Г. Шевченка въ 28-ю годовщину со дня смерти поэта.

47. Разъясненіе о деньгахъ, собранныхъ бывшимъ редакторомъ Од. Вѣстн. О. А. Зеленымъ на школу имени Шевченка.

48. Статья по вопросу объ открытіи въ Елисаветградѣ публичной библіотеки.

55. Народное сказаніе о могилахъ и каменныхъ бабахъ (въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, екатер. губ.)

59. Кое-что изъ сравнительной антропологіи. Здѣсь выясняются антропологическія черты трехъ національностей: великорусской, малорусской и польской.

60. Перепечатано изъ «Рус. Кур.» неизданное стихотвореніе приписываемое Шевченку, относящееся къ началу крымской войны, когда формировались конно-ко-

зачьи полки. Въ составѣ конно-козачьяго № 2 полка былъ тогда покойный отецъ (такъ пишетъ какой-то украинецъ), и Шевченко подарилъ ему эти стихи, писанные собственноручно:

И драгуны, и пихота
На Дунай идуть;
Буде добра имъ робота,
Такъ счастлывый путь!

—

И Черныгивъ, и Полтава
Вышлють козакивъ...
Нехай буде й наша слава
Межъ царськихъ полкивъ.

—

То не хмара сонце вкрыла,
То не гримъ гуде;
То козацька наша сыла
Въ Петербургъ иде!

—

Витеръ буйный повивае,
Діуброва шумыть,
То козацьтво выступае
Басурманивъ быть.

Одесскій Вѣстникъ №№ 41—64. 46. *Находка древностей.* Вблизи Мелитополя, какъ сообщается въ этой замѣткѣ, есть могила, за раскопку которой принялся одинъ помѣщикъ, причемъ на первыхъ же порахъ натолкнулся на множество зарытыхъ тамъ древнихъ предметовъ; между ними были каменныя изваянія крокодиловъ и другихъ животныхъ, нѣсколько кувшиновъ съ монетами разныхъ странъ, одинъ—съ русскими деньгами временъ Іоанна Грознаго и проч. Дальнѣйшая раскопка была пріостановлена распоряженіемъ мѣстной административной власти, такъ какъ курганъ находится на казенной землѣ. Затѣмъ секретаремъ одесскаго общества исторіи и древностей Н. А. Яковлевымъ было получено отъ упомянутаго помѣщика письмо, въ которомъ онъ проситъ общество обставить дѣло законнымъ образомъ, вслѣдствіе чего г. Яковлевъ приготовляетъ къ ближайшему засѣданію общества докладъ по этому вопросу.

51 и **62**. *Библіографія. Бр.* Отзывъ о второй и третьей книгахъ «Кіев. Старины» за 1889 г.

54. *Къ исторіи періодической печати въ Одессѣ.* Замѣтка о періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ Одессѣ до 1827 года.

— *Поэтъ и народъ.* (Памяти Т. Г. Шевченка). *Е. Ч—аго.* Разборъ стихотворенія «Перебендя», написанный по поводу статьи Ив. Франка, сопровождающей изданное имъ отдѣльной книжкой упомянутое стихотвореніе (Львовъ, 1889).

55. *Историческіе мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка. С. Е.* Разобравъ стихотворенія: Гамалія, Невольныкъ, Гайдамакы, Тарасова ничъ, Чернець, Иванъ Пидкова, Иржавець и еще нѣсколько мелкихъ стихотвореній, авторъ приходитъ къ такому выводу, что во всѣхъ своихъ историческихъ стихотвореніяхъ Шевченко стоитъ на твердой почвѣ народныхъ интересовъ и, какъ человѣкъ изъ народа, всѣмъ существомъ своимъ понимаетъ его стремленія, его идеалы, радуется его радостью, скорбитъ его горемъ, любитъ и ненавидитъ вмѣстѣ съ народомъ. Шевченко въ полномъ смыслѣ слова народный пѣвецъ — «Кобзарь». И какъ пѣсни кобзарей пробуждали въ народѣ самосознаніе и внушали бодрость и недежду въ трудныя эпохи исторической жизни, такъ и пѣсни интеллигентнаго кобзаря Шевченка будятъ мысли и оживляютъ чувства не только у тѣхъ, въ комъ не угасла любовь къ родному краю, но и у всѣхъ, для кого гуманность, справедливость--не пустыя слова.

56. *Памяти А. И. Стронина. С. Кулябки.* Воспитанникъ кіевскаго университета, Ал. Ив. Стронинъ (авторъ сочиненій: «Исторія общественности» «Политика какъ наука», «Исторія и методъ» и нѣсколькихъ книгъ для народа) былъ учителемъ сначала въ новгородсѣверской, а потомъ въ полтавской гимназіи. Настоящая статья даетъ воспоминанія о дѣятельности Стронина, какъ учителя полтавской гимназіи.

57. *Библіографія Z.*—Отзывъ о книгахъ: 1) «Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи», томы VII и VII, и 2) «Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губерніи за 1888 годъ».

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4338—4361 4353. Перепечатка отзыва «Кіевск. Старина» о книгѣ П. Сокальскаго «О русской народной музыкѣ».

4354. Корреспонденція изъ Екатеринослава. По поводу выставки женскихъ рукодѣлій, авторъ замѣчаетъ: «Рукодѣлье у насъ падаетъ съ каждымъ годомъ. Было время, когда малороссійская выставка считалась «внѣ всякаго конкурса», когда, глядя на затѣйливые узоры, не вѣрилось, что передъ вами не произведенія художественной кисти, а издѣлія ловкой иглы. Но тѣ времена прошли. Малороссійскія вышивки, мережки и прошвы смѣнились дешевыми набивными ситцами, воспроизводящими узоры вышивокъ. Теперь даже рѣдкая «дивчина» вышиваетъ своему возлюбленному традиціонную сорочку въ знакъ любви и вѣрности (въ этой сорочкѣ идутъ подъ вѣнецъ), но предпочитаетъ купить вышитый ситецъ. Словомъ, и здѣсь идетъ своего рода фальсификація обычаевъ».

4359. Корреспондентъ изъ Симферополя сообщаетъ между прочимъ: «Недавно скоропостижно умеръ симферопольскій цыганскій король Бабай XII и на престолъ вступилъ Бабай XIII. Не подумайте, что это шутка: еще со временъ татарскаго владычества во главѣ мѣстной цыганской общины стоитъ фамилія Бабаевъ, довольствующаяся нынѣ скромнымъ, хотя и преемственнымъ титуломъ старосты, но за то управляющая своими соплеменниками совершенно неограниченно».

Это сообщеніе интересно въ томъ отношеніи, что «цыганскіе короли» во время польскаго владычества существовали и въ южной Руси. Званіе это было предоставляемо заслуженнымъ шляхтичамъ. Въ актовыхъ книгахъ нерѣдко можно найти корол. жалованныя грамоты на должность «цыганскаго короля».

Одесскій Листокъ №№ 48—74. 49. О послѣднемъ представленіи малорусской труппы г. Садовскаго въ Одессѣ.

56, 57. Иванъ Максимовичъ Синельниковъ (первый екатеринославскій правитель 1784—1788 года). Статья Д. Эварницкаго.

57. Дочь бывшаго попечителя одесскаго учебнаго округа и учредителя общества исторіи и древностей—Княжевича—внесла этому обществу капиталъ въ 2 т. р., съ тѣмъ чтобы изъ процентовъ этихъ денегъ назначалась премія по имени покойнаго ея отца, которая будетъ выдаваться за лучшее археологическое сочиненіе.

69. Чѣмъ ознаменовать столѣтній юбилей Одессы? Статья, въ которой говорится о необходимости составить исторію города.

— Углубленіе днѣпровскихъ гирлъ. Статья, въ которой прослѣжена исторія очистки гирлъ, начиная съ 1774 г.

71. Къ столѣтнему юбилею г. Одессы. Статья, въ которой говорится о томъ, что слѣдовало бы городу сдѣлать къ предстоящему празднеству.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 17.—20. Г. Н. Семирадскій и его новыя картины—перепеч. изъ Н. В.

— Замѣтка о 100 лѣт. юбилеѣ новгородсѣверской гимназіи.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 11—21. 11. *Страничка изъ исторіи Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.*

— Описаніе первыхъ №№ Губ. Вѣд., изданіе которыхъ началось 7 января 1838 г.

— *И. М. Синельниковъ.* Окончаніе статьи, начатой печататься въ №№ 8 и 9.

14. *Преданіе о разореніи Запорожской Сѣчи.* Записано г. Новицкимъ со словъ старика жителя о-ва Хортицы.

16. *Преданіе о заселеніи запорожскихъ земель великороссами.* Изъ сборника г. Новицкаго.

17 и **21**. *Пѣсни козацкаго вѣка. Морозенко.—Орда и Ляхи.* Обѣ пѣсни представляютъ лишь разночтенiя къ напечатаннымъ уже раньше въ сборникахъ Максимовича и друг.

Таврическiя Губернскiя Вѣдомости №№ 18—25. 18—23. А. Поповъ.—Учебная экскурсiя симферопольской гимназiи для обозрѣнiя достопримѣчательностей въ г. Севастополѣ и его окрестностяхъ. III. Третiй день. Балаклава. Исторiя генуэзцевъ въ Крыму. Георгiевскiй монастырь, его исторiя. Ифигенiя въ Тавридѣ. I Тавры. II. О почитанiи Артемиды въ Крыму. III. Миѳъ о Танталѣ и Танталидахъ и связь его съ трагедiей Еврипида «Ифигенiя». Севастополь: памятникъ Лазарева, исторiя черноморскаго флота; Малаховъ курганъ, осада Севастополя; храмъ адмираловъ; братское кладбище.

Таврическiя Епархiальныя Вѣдомости №№ 3—4. 3. Построенiе православнаго храма въ нѣмецкомъ менонитскомъ селенiи Гальбштадтѣ, бердянскаго уѣзда, и освященiе его.

Крымъ №№ 20—31. 21. Сочувственный отзывъ о малорусской труппѣ Кропивницкаго.

24. Перепечатка изъ «Рус. Кур.» воспоминанiй о харьковскомъ генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ.

26. Сочувственный отзывъ о книгѣ И. Я. Акинфiева: «Растительность г. Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтiя его существованiя» (Екатеринославъ. 1889 г.).

30. Протестъ газеты противъ помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Кiев. Старины» замѣтки объ отчетѣ г. Попова по второй экскурсiи симферопольской мужской гимназiи, которая подписана инициалами *Н. Б.*

— Замѣтка о борьбѣ русскаго населенiя съ татарскимъ въ области самоуправленiя и образованiя.

— Перепечатка изъ «Рус. Кур.» нелѣпой замѣтки о могилѣ Т. Г. Шевченка *близь Корсуня.*

31. Земледѣлiе и скотоводство въ Новороссiи въ началѣ столѣтiя и теперь.

— Отчетъ о школѣ г-жи Алчевской въ Харьковѣ.

Воронежскiя Епархiальныя Вѣдомости №№ 4—5. 4, 5. Отчетъ воронежскаго братства свв. Митрофана и Тихона за 1888 г.

4. Митрополитъ Евгенiй, какъ ученый (прод.) Ст. Звѣревъ.

Кубанскiя Областныя Вѣдомости №№ 6—9. 6. П. П. Короленко. Гдѣ были рыболовныя ловли кн. Потемкина-Таврическаго, подаренныя имъ черноморскому козачьему войску ордеромъ 19 апрѣля 1790 г. № 496.

7. Обзоръ Кубанской области за 1887 г. (прод.). Нефтепромышленность.

8, 9. *В. А. Щербина.* Состояніе народнаго образованія въ землѣ черноморскаго козачьяго войска въ первые годы его существованія.

Курскій Листокъ №№ 18—29. 18. 25. 26. 27. *Ростиславъ Марковъ.* Съ какого времени и почему курская сторона такъ-называется «Курская Сторона», по древн. актамъ и по разсказамъ старыхъ людей.

19. 21. Состояніе церк.-приход. школъ и школъ грамотности въ курской епархіи за 1887—88 учеб. годы.

23. Какъ возникла общественная библіотека въ Харьковѣ.

24. Курско-Знаменскій манастырь (по поводу 240 лѣт. годовщины его существованія)—кр. ист. очеркъ.

— Дѣятельность курскаго оощества вспомоществованія учащимся въ 1888 г.

Минскій Листокъ №№ 12—19. 14. Извлеченіе изъ очерковъ К. Случевскаго, печатавшихся въ «Москов. Вѣдом.», путешествія вел. князя Владиміра Александровича и вел. княгини Маріи Павловны: описаніе Полѣсья, его болотъ и осушенія ихъ.

15, 16. Историческое описаніе г. Несвижа, исторія рода князей Радзивиловъ въ связи съ исторіей польскаго государства (исторія протестантства въ Польшѣ).

19. Благосклонный отзывъ о спектакляхъ малороссійской труппы М. П. Старицкаго въ Минскѣ.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 8—11. 8. 9. 11. Пятидесятилѣтіе возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ (1839—1889), историческій очеркъ.

9, 11. Положеніе русскихъ жителей города Львова во время Польши.

12. Опасность, которой подверглась холмская унія въ 1862 году.— Теобальда.

Варшавскій Дневникъ №№ 40—59. Извѣстіе, заимствованное изъ «Новостей», объ изготовленномъ на бронзо-литейномъ заводѣ Марана въ С.-Петербургѣ для постановки въ Симферополѣ колоссальнаго памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ память присоединенія Крыма, по модели художника Н. А. Лаверецкаго.

— Подробный судеб. отчетъ по дѣлу о подлогахъ въ актахъ вилен. централ. архива Адамковича и Равлушкевича документовъ на имѣніе Хвалойно, принадлежавшее казнѣ.

44. Итоги крестьянской реформы, статья Н. С. и извлеченіе о томъ выводовъ изъ статьи А. Окольскаго, помѣщенной въ Gazet'ѣ Warszawsk'ой

44—46 и 48. Статья г. Плакидова: «Судебное законодательство и евреи», на основаніи статистическихъ данныхъ устанавливаетъ фактъ большой преступности и судимости евреевъ.

46. Некрологъ архипресвитера Іосифа Семеновича Войцицкаго, виднаго дѣятеля Холмской Руси въ 60-хъ годахъ по возстановленію православія и пробужденію русскаго національнаго самосознанія.

50. Празднованіе дня 25-лѣтія крестьянской реформы въ Сѣдлецѣ (древнемъ Забужьи).

53, **55** и **58**. Г. А. Маркграфскій въ статьѣ, начатой печатаніемъ еще въ 1888 г.: «По поводу мамуаровъ князя Адама Чарторійскаго» излагаетъ исторію польскаго вопроса въ царствованіе императора Александра I, или, точнѣе, дѣятельное участіе въ немъ Адама Чарторійскаго въ интересахъ своей національности.

57. Краткое содержаніе двухъ лекцій проф. Д. Я. Самоквасова по южно-русской археологіи, читанныхъ имъ въ пользу кассы «Общества любителей сценическаго искусства».

Новости и Биржевая Газета 25—66. **53**. *Мотыльки. Д. Мордовцева*. — Отзывъ объ изданныхъ Гомолинскимъ малорусскихъ книгахъ: 1) «Гласный» П. Козловскаго, 2) «Черепьяни гроши» Ѳ. Устенка-Гормаша, 3) «Надъ кручею» В. Потапенка, 4) «Вечиръ на хутори» К. Ванченка, 5) «Москаль, змій та царивна» М. Кононенка и 6) «Веселый оповидачъ».

66. *Нѣчто для г. ученыхъ. Д. Мордовцева*. По поводу сообщенной академикомъ А. Н. Веселовскимъ, въ засѣданіи общества романо-германской филологіи, сербской легенды о Константинѣ Великомъ, г. Мордовцевъ приводитъ малорусскій варіантъ этой легенды, только пріуроченный не къ Константину Великому, а къ украинскому герою Семену Палію.

Вотъ содержаніе легенды. Одинъ «чоловикъ» пахалъ въ полѣ. Вдругъ подъ плугомъ что то хрустнуло. Смотритъ «чоловикъ» —мертвая голова (черепъ), да такая огромная, какъ «казанъ» (котелъ). Человѣкъ и думаетъ: «видно, это была голова великаго богатыря—лыцаря: возьму ее, попрошу батюшку окропить ее святою водой, прочитать надъ нею молитву, и тогда похороню по христіански». Вотъ онъ привезъ голову домой, положилъ на лавку, а самъ сѣлъ ужинать. Жена его, глядя на мертвую голову, и говоритъ: «а много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба попоѣла». А голова вдругъ и говоритъ: «и еще много попоѣмъ». «Жинка», конечно, «злякалась», и бросила голову въ горящую печь. Осталась отъ богатырской головы одна зола. «Жинка» выгребла изъ печки золу и всыпала въ горшокъ: «продамъ москалямъ на поташъ»,—думаетъ. А дочь ея, тоже взрослая, какъ и мать Константина Великаго, не зная ничего этого (до поздней ночи съ парубками на улицѣ гуляла и пѣсни «веснянки» пѣла, какъ подобаетъ украинкѣ), увидавъ утромъ золу и думая, что это соль, посолила себѣ «шматокъ» хлѣба и съѣла. Отъ этого она и забеременѣла (а не

отъ того, что гуляла съ парубками на улицѣ), и родила сына, котораго и назвала Семеномъ. Изъ этого Семена и вышелъ богатырь и даже «характерникъ». Отправляясь на Запорожье, Семенъ-богатырь встрѣтилъ чорта и «спалилъ» его: отъ того запорожцы и прозвали его «Паліемъ»—самого чорта спалилъ. А настоящая его фамилія была—Гурко, и отъ этого Гурко-Палія, говорятъ, происходитъ, по прямой линіи, балканскій герой и нынѣшній варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко.

Русскій Паломникъ №№ 7—8. 7. Смерть за вѣру съ рисун. Смерть св. мученика Михаила кн. черниговскаго и боярина его Θеодора (съ картин. Н. Ланскаго).

8. Замѣтка о кіевскомъ церк.-археологическомъ обществѣ.

Червоная Русь №№ 27—52. 29. *Изъ статистики галицкихъ городовъ.* По даннымъ 1888 г. считалось: въ Львовѣ 120,868 жителей, Краковѣ—74,084, Тернополѣ—29,179, Коломыѣ—26,401, Тарновѣ—25,775, Станиславовѣ—21,041, Бродахъ—20,543, Дрогобычѣ—19,140 д. Столица Буковины—Черновцы имѣетъ 52,905 жителей.

30. *Иноземная колонизація въ юго-зап. Россіи.*

31—35. *Научное значеніе западно-русской исторіи.* (Вступ. лекціи И. А.Линниченка въ москов. у—тѣ 21 сент. 1888 г.) Перепечатано изъ № 1 «Кіев. Старины» 1889 г., безъ означенія источника и безъ согласія автора.

35. *Литература и искуство.* Замѣтка о II вып. «Русской Библіотеки», заключающее начало повѣсти Г. А. Мачтета «Блудный сынъ».

43. *Изъ исторіи угорской Руси.*

48. Празднованіе годовщины смерти Т. Г. Шевченка обществомъ «Сичъ» въ Вѣнѣ.

49. *Галицко-русское духовенство въ іезуитской беллетристицѣ.*

Литературное приложеніе къ «Черв. Руси» №№ 4, 5, 6. Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Черв. Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ. Я. Θ. Головацкаго (продолженіе).

5, 6. Цареградъ въ X в. и посѣщеніе его св. Ольгою. (Ист. разск.).

Зоря №№ 3—5 № 3, 4. Н. Спилка. Козача помста (оповиданне).

4. До лиха та ще лихо (оповид.) Θ. Катренка.

3. Якъ стрѣчали Запорожцы новый рикъ. За Д. Эварницкимъ подавъ В. Сѣчевикъ.

3, 4. Историія литературы руськои. Ом. Огоновскаго Карпенко-Карый, 8 Григорій Цеглиньскій.

3, 4. Замѣтки критични: **А. Б.** Набожни казки болгарски. Хтò жъ справді виненъ и де наша робота.

3. Де яки людови взрованіе про чернокнижникивъ Д. Лейкаго.

4. Листи з Украины. Перши роковини смерти буковинского кобзаря Юрія Федьковича.

4, 5. Библіографія: Гава—Ив. Франко. Цезарь и король Францъ-Іосифъ І. О. Барвѣнскаго и Библіотека музикальна вып. XIII. Про п. К. Лучаковскаго перекладъ Несторовои лѣтописи. «Кіевская Старина» № 1. 1889 г. «Пропащи» пов. Нечуя. «O gòralech ruskich w Galicyi» Д-ра Коперницкаго. «Правда» 1889 г. № 2. «Новый Галичанинъ» 1889 г. ч. І. «Кобзарь» Т. Шевченка. Литературно-наукова Библіотека к. 2. «Исторична Библіотека» Барвѣньского І. XI (Богд. Хмѣльн. І. III.).

5. Листъ про украин. театръ М. Старицкаго въ Москвѣ.

— О археольогично-библіографичній выставцѣ Ставропигійного Института—И. Скобельскаго.

— М. Обачний, У великодну ніч (перев. Короленка).

— Олена Пчилка. Маскарадъ (Зимова новела).

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Akta grodzkie i ziemskie z archiwum t. z. Bernardyńskiego we Lwowe, tom XIII. Lwów 1888.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XV. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильно 1888 г., 4 д. 552 стр.

Акты, относящіеся до исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической коммиссіей. Т. XIV (Дополненіе къ III-му тому). СПБ. 1889 г., 4 д., V+18+896+39 стр.

Алексѣевъ Ѳ. К. О лѣченіи бѣшенства нѣкоторыми народными средствами украинской флоры. Харьковъ 1889 г. 8 д., 36+1 стр.

Банахъ. Великій грошъ зъ малого заходу. Львовъ 1888.

Барвинскій Ол. Цисарь и король Францъ-Іосифъ І, картыны зъ его жытія и володинія для руского народа и молодижи. Львовъ 1888.

Breiter. Władysław, xiąże Opolski, pan na Wieluniu, Dobrzyniu i Kujawach, palatyn Węgierski i wielkorządca Polski i Rusi, zarys biograficzny. Львовъ 1889.

Brunicki. Ptaki spostrzegane w okolicy Stryja. Краковъ 1888.

Данилевскій Г. П. Украинскія сказки. Изд. 7-ое (Дешевая библіотека), СПБ. 1889 г., 12 д., 80+1+8 ненум. стр.

Два—три возраженія г. Черневу на его замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. *Н. Л.* Кіевъ. 1889. 8 д. 15 стр.

241 засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 15 дек. 1888 г. Одесса, 8 д., 5 стр.

Die Südrussischen Kurgane und Balka въ журналѣ «Das Ausland» 1889 № 4 и 5. Stuttgard.

Докучаевъ В. В. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи. СПБ. 1889 г., 8 д., 38 стр.+1 карта.

Загайкевичъ. Чаровникъ—повистка для народа—Львовъ 1889.

Извольскій С. Иванъ Мазепа, гетманъ Малороссіи. Москва 1888 г., 12 д., 71 стр.

К. И. А.—Якъ кумъ Бандура чортяку піймавъ, та не вдержавъ. Москва 1888.

Komorowski—Kniaziowe Różyńscy, powieść poetycka na tle XVI stulecia. Львовъ 1889.

Kopernicki. O góralach ruskich w Galicji, zarys etnograficzny wedlug spostrzeżeń w podróży, odbytej w końcu lata 1888 г. Краковъ 1889.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка, украинская опера, Москва, 1889 г., 8 д., 95 стр.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій (вып. 2-ой и послѣдній). Кіевъ 1889 г. 8 д., съ 289 по 470+XXX+2 ненум. стр.

Левицкій Иванъ. Галицко-русская библіографія XIX столитія зъ увзгляднениемъ изданій, появившихся въ Угорщини и Буковини 1801—1886. Выпускъ 4—6 (1852—1860) Львовъ 1888.

Левицкій Кость. Нашъ законъ громадскій, або яки мы маемъ права и повинности въ громади. Львовъ 1889.

Листопадъ Я. Г. Значеніе Кіева въ исторіи Россіи. Рѣчь, составл. для торжеств. акта кіевской 3-ей гимн. Кіевъ 1889 г., 8 д. 23 стр.

Майковъ Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889. 8 д., VII+1+434 стр.

Меліоранскій П. Д. О русской гродненской старинѣ въ память о св. равноап. князѣ Владимірѣ. Рѣчь, произнес. въ собраніи учениковъ народныхъ училищъ и церк.-прих. школъ въ гродненскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ 15 іюля 1888 г. Вильно 1888. 8 д., 9 стр.

Миллеръ В. Ѳ. Археологическія развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ въ 1886 г. (Изъ XII тома «Древностей») Москва 1889 г 4 д., 23 стр.

Нечуй Иванъ Пропащи—повисть. Львовъ 1889.

Олесьницкій. Право пропинаціи въ Галиччини. Львовъ 1889.

Оржешко Низини, повисть, перекладъ Олесьницького. Львовъ 1888.

О собираніи памятниковъ народнаго творчества для издаваемаго академіею наукъ бѣлорусскаго сборника г. Шейна. Спб. 1889 г., 8 д., VIII стр.

Памятная книжка виленской губ. на 1889 г. Часть 2-ая. Справочно-статистическія свѣдѣнія. Вильно 1889 г., 8 д., 192 стр.

Памятная книжжа и адресъ-календарь кіевской губ. на 1889 годъ. Подъ редак. В. Г. Мозговаго. Кіевъ 1889 г., 8 д., 2 ненум.+86+149 стр.

Петрушевичъ. Каталогъ церковно-славянскихъ рукописей и старопечатаныхъ книгъ кирилловскаго письма, находящихся на археологическо-библіографической выставці въ ставропигійскомъ заведеніи. Львовъ 1888.

Prellmann. Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. Munchen—Oldenburg 1888.

Поповичъ. Нашъ цисаръ, памятна книжочка для рускои молодижи. Черниввци 1888.

Поповичъ. Буковинский иллюстрованный календарь на звычайный рикъ 1889. Черниввци 1888.

Rawita. Na krasnym dworze,—powieść historyczna z czasów pobytu w Kijowie Bolesława Śmiałego. Варшава 1889.

Родословная дворянской, княжеской и графской фамиліи Милорадовичъ. Черниговъ 1889 г. 16 д., 11 стр.

Семеновъ Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности коммиссій по крестьянскому дѣлу. Т. I. Первый періодъ занятій. Съ портретомъ Имп. Александра II и изображеніями 10 членовъ коммиссіи. Спб. 1889 г., 8 д., XIX+848 стр.

Sprawozdanie z czynności zakładu imienia Ossolińskich z rok 1888. Львовъ 1888 г.

Сухомлиновъ М. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. II. Спб. 1889 г., 8 д., 516 стр.

Tomaschek Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden. Wien 1888.

Труды XIII съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, бывшаго въ г. Харьковѣ съ 20-го ноября по 4-ое декабря 1888 г. Часть I. Протоколы и доклады. Харьковъ 1889 г. 8 д., 8 нен., 376 стр.

Филимоновъ Е. С. Румянцевская генеральная опись суражскаго уѣзда 1767 г. Вятка. 1888 г. 4 д., 2 нен.+32 стр.

Франко Ив. Гава, образокъ зъ жытія пидкарпатского народа. Львовъ 1888.

Франко. Шевченко—Перебендя зъ переднимъ словомъ Ив. Франка Львовъ 1889.

Franzos. Aus Halb-Asien, Culturbilden aus Galizien, der Buko-

wina, Südrussland und Rumänien, 3-te umgea eltete und vermehrte Auflage. Zwei Bände. Stuttgard. 1889.

Chlebowski, B. i Walewski, W. Slownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajow slowiańskich. Według planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 109. Tom. X. Варшава 1889 г., 4 д., съ 1 по 80 стр.

Zieglauer. Der Zustand der Bukowina zur Zeit der Osterreichischen Occupation, dargestellt im Spiegel der ersten Denkschrift des kommandirenden Generals Freiherr von Spleny. Черновци 1888.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга II. Изд. подъ ред. Н.П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ 1888. 8 д., XII+285+128+1 стр.

Чугуевецъ П. Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціальнаго захолустья. Харьковъ 1889, 12 д., 80 стр.

Шараневичъ — Каталогъ археологическо-библіографической выставки ставропигійского института въ Львови, открытой дня 10 октобрія 1888, а имѣющой быти закрытою дня 12 януарія 1889. Львовъ 1888.

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Кіевъ 1889 г., 8 д., 7 ненум.+553+6 стр.

Szematyzm królewstwa Galicji i Lodomerji z wielkim xięstwem Krakowskim na rok 1889. Львовъ 1888.

Шиматизмъ всего клыра русско-католического епархій соединенныхъ перемыскои, самборскои и сяноцкои на рикъ отъ рожденія Христа 1889. Перемышль. 1889.

Schlichting. Ein Hirtenschreiben des griechisch—katholischen Metropoliten Sylvester Sembratowicz von Lemberg vom 8 September 1888 anlässlich der neuten Säcularfeier der Bekehrung der Russen zum Christenthume in's Deutsche übersetzt und mitgetheilt von... Mainz 1889.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1889 г.

СОЧИНЕНІЕ ІОАННА ВИШЕНСКАГО.

Печатаемое ниже сочиненіе Іоанна Вишенскаго извлечено мною изъ роскошнаго сборника, составляющаго собственность василіанскаго монастыря въ Подгорцахъ близь города Броды въ Галиціи и находившагося временно на выставкѣ, устроенной львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Сборникъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій, переплетенныхъ вмѣстѣ. Начало его составляетъ слѣдующая интересная рукопись: „*Книга души, нарицаемая злото, помазная* (*sic!*) *о наслѣдованю Господа Бога і Спаса нашего Ісуса Христа і о пріймованю Божественных таин особомъ духовным и свѣцким, на двѣ части роздѣлена, до читаня и забавы для пожитку душеполезнаго збудованя. Трудолюбіемъ Петра Могилы, воеводича землѣ Молдавской, милостіею Божіею Архимандрита св. вел. Лавры Печерскія В Киевѣ року Божого 1623 выдана.*“ Такъ какъ въ извѣстныхъ мнѣ перечняхъ могиловскихъ изданій книги этой вовсе нѣтъ, то я обращаю на нее вниманіе изслѣдователей и прилагаю здѣсь краткое описаніе этой рукописи, сохранившейся вполнѣ и совсѣмъ хорошо. Она писана мелкимъ полууставомъ въ малую осьмушку. Въ началѣ 9 листовъ ненумерованныхъ. На оборотѣ заглавнаго листа „Предословіе“, которое оканчивается на оборотѣ втораго листа. Въ этомъ „Предословіи“ о Могилѣ говорится въ 3-мъ листѣ. На оборотѣ 3 л. слѣдуетъ „О кролевской дорогѣ свѣта креста святого“; статья эта оканчива-

ется на первой страницѣ 8 листа. Оборотъ 8 и 9 листа не записанные. Затѣмъ слѣдуетъ самое сочиненіе „О наслѣдованю Господа нашего Ісуса Христа. О взгорженю вшелякихъ марностей свѣта" на 58 нумерованныхъ листахъ, въ двухъ частяхъ, изъ коихъ каждая состоитъ изъ 20 главъ. На оборотѣ 58 листа читаемъ: „конецъ книги духовной священической. О любимици мои Братіе і сослужители престолу Господню! Чтѣте, внимайте, уважайте, суетія мира святобливе исправляйте, але ли где обрящате омылку, погрѣших ли, погрубих, молю вас, не кленѣте, разумом своим исправляйте, мене многогрѣшнаго раба прощенія сподобляйте. Писалъ многогрѣшный и недостойный рабъ іеромонахъ Климентій Канчузкій, въ обители святаго Спаса, роки Божія 1661, мѣсяца марта, дня 6 соверши." По семъ на 59—71 листахъ слѣдуетъ статья „О тайнѣ покаянія", на 72—81 л. „Григорія Ниссійскаго о исповѣдающихся", на 82—130 л. „Чинъ Ісповѣданія". Всѣхъ листовъ нумерованныхъ 130. Дальше на 58 ненумерованныхъ листахъ слѣдуютъ мелкія статьи, преимущественно духовнаго и обряднаго содержанія: „Чинъ бываемый на одѣяніе рясы", „Имена калугеромъ" и „Имена инокинямъ", „Послѣдованіе малаго образа, еже есть мантія", „Блаженнаго Афанасія архіепископа Александрійскаго ко Антіопу князю о многихъ взысканіяхъ иже во освященныхъ писаніяхъ недоумѣнныхъ и должныхъ всѣми христіаны вѣдомо быти вопросы", „От слова втораго Ісаака Сиріанина", „Ісаака Сиріанина о храненіи и о блюденіи еже о слабыхъ и лѣнивыхъ." Это послѣднее не окончено. За симъ на 75 ненумерованныхъ листахъ слѣдуетъ „Книжка Іоанна мниха Вишенскаго", которой одна часть писана такимъ же полууставомъ, какъ и всѣ прежнія статьи, вторая же часть, а именно „Писаніе къ утекшимъ епископомъ" (которому не достаетъ конца) писана скорописью.

Дальше приплетенъкъ этой книжкѣ, очевидно позднѣйшій, списокъ извѣстнаго катехизиса еп. Шептицкаго п. з. „Собраніе вкратце артікуловъ вѣры" и проч., печатаннаго въ Угорцяхъ (селѣ самборскаго повѣта) 1699 г. Тѣмъ же сравнительно болѣе новымъ почеркомъ (первой половины XVIII стол.) прибавлена была къ „Собранію" еще какая то статья, которой начальные два листа вырваны. Къ

этимъ рукописямъ приплетены какіе то „чины богослужебные“, неизвѣстно гдѣ и когда печатанные.

На поляхъ начальной рукописи „Книги души“ мы находимъ на первыхъ нумерованныхъ листахъ внизу слѣдующую надпись крупной скорописью: „Сія книжка монастира Подгорецкаго, словемого Плѣсницкаго, храму Преображенія Господня, записанно естъ року 1795 за игуменства всп. Парфенія Ломиковскаго“. Надпись эта не означаетъ однакожъ, что рукопись эта только въ названномъ году поступила въ собственность Подгорецкаго монастырскаго имущества изъ 1731, 1720 и даже 1699 годовъ. Въ реестрѣ 1731 года значится: „книжка Злото нарицаемая злото, писанная ѣнъ октаво, а на концѣ друкована“. Очевидно, къ рукописи уже и тогда приплетены были печатные листы. Интересно однакоже, что сборникъ сочиненій Іоанна Вишенскаго еще въ 1731 году, равно какъ и въ 1699 составлялъ особое цѣлое и значится въ реестрѣ нѣсколько ниже: „Книжка писанная ѣнъ октаво о исправленіи церковномъ и обличеніи Діавола“. Авторъ не названъ, равно какъ и ничего не сказано о томъ, кто писалъ книжку и какимъ путемъ она попала въ монастырь. Кстати замѣтить, что и житіе Іова Княгиницкаго почти единственный источникъ, дающій нѣсколько подробностей о жизни Іоанна Вишенскаго, извлечено изъ рукописей того же Подгорецкаго монастыря, а именно изъ сборника, который въ реестрѣ 1731 года значится „Патерикъ скитскій ѣнъ кварто писанный“. Сохранилась ли эта рукопись до сихъ поръ—намъ неизвѣстно.

Что касается до „Книжки“ Іоанна Вишенскаго, замѣчу еще, что она наиболѣе потертая, замасленная и зачитанная изъ всѣхъ частей нашего сборника. Начальные листы значительно истрепаны и подклеены, такъ что нѣсколькихъ словъ недостаетъ. Очевидно, книга составляла любимое чтеніе монастырской братіи. Заглавный листъ, кажется, уже 1699 года былъ оторванъ. Только послѣ переплетенія вмѣстѣ „Книги души“ и оставшагося отрывка изъ книги сочиненій Іоанна Вишенскаго написано было приводимое ниже заглавіе этой послѣдней, почеркомъ второй половины XVIII в. на оборотѣ послѣдняго листа „Книги души“.

Списывая текстъ произведеній Іоанна Вишенскаго, я строго слѣдовалъ оригиналу, исправляя развѣ знаки препинанія. Что касается твердыхъ и мягкихъ знаковъ, я ставилъ ихъ только тамъ, гдѣ были они написаны или обозначены надстрочными знаками въ оригиналѣ. Титлы я развязывалъ; надстрочныя буквы сносилъ въ строку; гдѣ слово оканчивалось согласной, вынесенной надъ строку, тамъ я послѣ этой согласный твердаго или мягкаго знака не ставилъ. Впрочемъ замѣчу, что послѣ частицъ „въ", „съ" въ оригиналѣ обыкновенно ни въ строкѣ ни надъ строкой твердаго знака нѣтъ.

Нашъ списокъ сочиненій Іоанна Вишенскаго, составленный несомнѣнно въ Галичинѣ, быть можетъ даже въ той самой обители скита Манявскаго, въ основаніи котораго и самъ Іоаннъ принималъ нѣкоторое участіе. Этимъ и отличается нашъ списокъ отъ тѣхъ, по которымъ напечатаны прочія сочиненія нашего автора и которые писаны великороссами (см. Голубевъ, Приложенія, стр. 154).

Особенности малорусскія въ нашемъ спискѣ выступаютъ явственнѣе, особенности галицко-русскаго говора не затерты. Итакъ, читаемъ въ нашемъ спискѣ почти вездѣ: *где* вм. печатаннаго (Акты Ю. и З. Россіи) *гдѣ*, *ее* (родит. падежъ отъ она) вм. *ея, малое* вм. *малыя, нижли* vel *нѣжли* вм. *нежели*, *знайшол* вм. *знашолъ*, *не перемогли* вм. *не премогли, всѣгды* вм. *всегда, едным* вм. *однымъ, нѣколко* вм. *нѣколико*, *посоромочаются* вм. *посрамляются, попелом* вм. *пепломъ*, *ци можеш* вм. *чи можешъ*, *брате* (зват.) вм. *братъ* и проч. Хотя списокъ нашъ нельзя назвать вполнѣ исправнымъ и безошибочнымъ, хотя въ немъ встрѣчаются пропущенныя слова и цѣлыя строки, но все таки сравненіе рукописнаго текста посланія къ князю Василію Острожскому съ текстомъ, напечатаннымъ въ Актахъ южной и западной Россіи, обнаружило нѣсколько интересныхъ варіантовъ, пополняющихъ печатный текстъ или исправляющихъ его ошибки. Для будущихъ изслѣдователей приведу здѣсь нѣсколько болѣе важныхъ варіантовъ:

Акты, стр. 206, столбецъ 1, строка 6 снизу „если бысе былъ" рукоп. „если бы есь был".

Акты,	стр.	206	столбецъ	1,	строка	3	сверху	„уничижены“ „униженый“
„	„	„	„	„	„	6	„	„лѣпшимъ, зацнѣйшим“, рукоп. „лѣпшим, годнѣишим, зацнѣйшим“.
„	„	„	„	„	„	12	„	„Але што чуднѣйшее“, рукоп. „ато чуднѣйшее“.
„	„	„	„	„	„	19	„	„видѣлем ту Іисусоругателя“, рукоп. „видѣлем Езуиту Іисусоругателя“.
„	„	207	„	1	„	1	„	„да премудрыхъ посрамлю“, рукоп. „да моцныхъ посрамлю“.
„	„	„	„	2	„	13	снизу	„отожъ тобѣ слава свѣта сего“, рукоп. „отож тобѣ слава свѣта сего“.
„	„	208	„	2	„	6	сверху	„мыслю“, рукопись „мысльно“.
„	„	209	„	2	„	6	„	„совѣтъ истиненъ“, рукоп. „совѣт вам истинен“.
„	„	210	„	2	„	6	„	„Милъ ся видитъ“, рук. „Мнѣ ся видит“.
„	„	211	„	1	„	8	„	„все тое вамъ чудотворне“, рукоп. „все тое вам Бог чудотверне“.
„	„	„	„	1	„	12	„	„милостивный“, рукоп. „молитвенный“.

Акты, стр. 211, столбецъ 1, строка 26 сверху	„въ благочести ненарушеномъ были“, рукоп. послѣ этихъ словъ имѣетъ еще „и милость Божію при собѣ близко мѣли“,
„ „ „ „ „ „ 28 „	„помудрѣли“, рукоп. „попремудрѣли“.
„ „ „ „ „ „ 38 „	„еда Богъ на тя и на твое трапезу“, рукоп. „еда Бог на тя и на твою пыху многослужную и на твою трапезу“.
„ „ „ „ 2 „ 14 „	„што некшталтовне“. рукоп. „шито некш.“

Кстати позволю себѣ здѣсь исправить нѣсколько ошибокъ, допущенныхъ пр. Сумцовымъ въ его интересной статьѣ объ Іоаннѣ Вишенскомъ, а именно въ объясненіи словъ галицко-русскаго нарѣчія. Нарѣчіе это нужно непремѣнно имѣть въ виду при объясненіи лексикона и синтаксиса нашего писателя. Итакъ, проф. Сумцовъ неправильно объясняетъ слово „фруярникъ“ польскимъ словомъ fryjer—волокита. Такого польскаго слова съ такимъ значеніемъ совсѣмъ нѣтъ, а есть у словаковъ, польскихъ горалевъ и малорусскихъ лемковъ слово „фраиръ“, взятое съ нѣмецкаго „Freir“—женихъ, любовникъ, вообще парень. Съ этимъ словомъ „фруярникъ“ не имѣетъ никакой связи; происходитъ оно отъ малорусскаго (перешедшаго и въ польскій) фуяра или флояра—родъ флейты, свирѣль. „Блазны“ не значитъ шутки, а только шутники, скоморохи. „Фюлкговати“ (отъ нѣмецкаго „folgen“—слѣдовать) не значитъ содѣйствовать, а потворствовать, дѣлать послабленіе. „Обороги“ (ошибочно „абороги“) не значитъ рогатый скотъ, но своеобразныя сельскохозяйственныя постройки, употребляемыя галицкими русинами для кладки сѣна и сноповъ. „Паздѣря“ не есть то самое, что паутина, а означаетъ древесныя хрупкія части коноплей и льна, которыя остаются послѣ отдѣленія

волокна. „Барва“ не значитъ родъ ливрей, но ливрея вообще. „Кучка„, „куча“ употребляется въ галицко-русскомъ нарѣчіи до сихъ поръ въ значеніи хлѣва, свинюшника и въ такомъ же значеніи (иронически) употребляетъ это слово Іоаннъ Вишенскій. „Дигнитарство“ и „преложонство“ — понятія тождественныя, какъ русскія „достоинство“ и „настоятельство“. „Кермашъ“ слово не польское, а нѣмецкое „Kirchmann“. „Kirman“.

Слова: „сакъ“ (нѣм. Sack—мѣшокъ), „статечность“ (теперь „статочнисть“), „змаза“, „стлумити“, „валахъ“, „встеклый“, „обора“ для современнаго галицкаго русина совсѣмъ не темныя, а общеупотребительныя. Относить эти слова, равно какъ и „наздирье“ (ч. ед. наздеро́) къ числу польскихъ нѣтъ никакого основанія. Окгаръ не значитъ жеребецъ и не есть тождественно съ ogier, а только значитъ „борзая собака“. Лягавый щенокъ называется не „выжла“, а „выжелъ“; „злюзнить“ очевидно ошибка вмѣсто „блюзнить“ хулить, слово употребительное и въ галицко-русскомъ нарѣчіи, чаще въ формѣ „блюзкати“ „блюзнути кому въ очи“.

Въ концѣ считаю пріятнымъ долгомъ принести здѣсь искреннюю благодарность доктору Исидору Шараневичу, профессору львовскаго университета, сеніору института ставропигійскаго и главному виновнику устроенія выставки, за ту готовность и предупредительность, съ какой онъ позволилъ мнѣ воспользоваться рукописными сокровищами, собранными на выставкѣ.

Миронъ.

Книжка Іоанна мнїха вишенского, от святыя аѳѡнскія горы в напоминанїе всѣхъ православныхъ христіанъ. Братствам, и всѣмъ благочестивым в Малой Россіи, в Коронѣ Полской жителствующим Иноческаго чина общежителем, Архимандритом и священнойноком и честным монахом и Інокиням, всѣм сестрам нашим, и прочїим тщателемъ церковным, благодать Господа нашего Ісуса Христа и любы Бога Отца и причастіе Святого Духа будй со всѣми вами. Аминь.

Посылаю вам термину о лжи, которая над истинною у вашей земли царствует, а Бог от всѣх сторон и частій христіанства хулится,

духи ж лукавіи поднебесніи (к ним же нам брань по Павлу) в христіянствѣ нашем владѣют, отнюду же за невѣріе и бесплодіе наше попущени есмо в запустѣнія з нашею правъславною вѣрою. И еслися не почуете и несправите, знаючи да знаете, яко и в конец благочестіе наше запустѣет, оставшіи же в безвѣріи всѝ погибнут. Уготбванъ бо сосуд гнѣва божія на вашу землю пролитися, чому забѣгайте покаяніем и исправленіем вашим, яже ко Богу, скоро, понеже нѣсть незбожнѣйшее, хулнѣйшее, и несправедлившее, и нечистъшее землѣ ни в поганьствѣ, якже ваша земля. Про то молю вас, покайтеся образом Лота, избѣгша из Содомы во Сигорѣ; Сигоръ же есть покаяніе и очищеніе от грѣха, сицевым образом яко ту по.... дно о очищеніи церкви реклося найдете. А егда сіе исправите, чаю на милость Божію, яко призрит на нас паки милосердным оком и благочестіе наше въздвигнет и всѣх в нем благочестно живущих спасет, и царства небесного наслѣдниками быти сподобитъ, еже нам всѣм получити Господи даждъ. Аминь.

Сію же термину на чисто преведши і иншим всѣм знати о том дайте, понеже не о лычко і анѣ о ременец идет, але о цѣлую кожу, се ест о спасеніе душъ наших, и да не погибнем и дочасне и вѣчне отъ Бога жива.

Въ грѣшницех от въсѣх перъвѣшій,
Во злобѣ от въсѣх прелукавѣйшій,
Въ страстех от въсѣх безчестнѣйшій,
Въ злонравіи от въсѣх богатшій,
Въ вѣрѣ же от въсѣхъ не менъшій,
И въ покаяніи не послѣднѣшій,
Спасенія вашаго вам истинный желатель,

Иоанъ інок з Вишнѣ, от святое аѳонское горы, сіе писаніе посилает, рукою власною писал.

Оглавленіе написаного в Книжъце сей Краткословіе.

а҃. Обличеніе діявола миродержца и прелестный ловъ его вѣка сего настоящаго.

в҃. Писаніе до Князя Василія и всѣх православных христіян, ознаймуючи, як восточное вѣры вѣрніи на опоцѣ или на камени

вѣры Петровы неподвижно и непрелестно стоят, и врата адова их одолѣти никакоже не могут, прочіи ж вси отпали въ прелесть, заблудили и въ ад адовыми враты затворени суть; в нем же и погреб невѣрію папы рымскаго и ему послѣдующих.

г҃. Порада, како да ся очистит церков Христова, заплюгавленная лживыми пастыры и нечестным житіем оных и всѣх им послѣдующих, и которій смрад поганскій въ злонравствѣ ся въ христіянех...., зеднож о поруганію иноческаго чина от свѣтских и мирскаго житія человѣкъ, и что есть таинство иноческого образа.... лѣпоутварія и проча.

д҃. Писаніе до всѣх обще въ лядской земли живящих, да ся покают къ Богу, показуючи каковы плоды лядское земли жителей.

є҃. Писаніе къ утекшим от православное вѣры епископом, о имени згоды в Книжках от них выданое, показуючи, яко тая згода не таковыми якож они безплодными в вѣрѣ и житіи чинена и еднана быти мает, но святими и духовнаго разума достигъшими, и на прочая хулы, лож и клевету от них на благочестіе і ему послѣдующих рыгненую отповѣд и і обліченіе, откуду сію мудрость и разум постигли, которым так безбожне мудръствовати ся отрули.

ѕ҃. Извѣщеніе краткое о латинской прелести, заблужденіи от пути истиннаго, лжи и хоробѣ смертоноснаго и погибелію вѣчною смръдящаго мудрованія еже о вѣрѣ, о цръкви, о началствѣ, о ложном чистцу и прочая.

з҃. О еретиких, что есть имя ересь, и что благочестіе.

и҃. Загадка философом латинским.

ѳ҃. Слѣдъ краткій привъдящій къ постыженію и изъученію художества привъдящаго къ царствующей безсмрътной и вѣчной правдѣ.

і҃. Новина или вѣстъ о обрѣтеніи тѣла Варлаама архиепископа охридскаго града, въ градѣ Велисъ убитаго и в рѣку Варъдаръ връженнаго.

О чину прочитанія сего писанія.

Пръвъе убо да будет прочитател искусен, въ чтеніи бѣглый и быстрый в зраку, не повтаряючи и не запинаючи ся на одной

рѣчи двакрот или три, але в мѣру ровно словом по пути реченій изъображенных да ступает, на запятых мало застановляется, а на точках прошедше двѣ три, или колко может въмѣстити точокъ, паче же где бы ся реченіе разумѣнія кончило, там духови да отпочивает, отдыхает, и постоювает, а то для того, абы и простым, безкнижным слухачом разум реченныхъ явленъ и вмѣстен был.

Второе съборно съзвавши братію православных в школу рано по проспаніи нощном, доколя еще молва мирская смущеніе и попеченіе на мысль бодрую и здравую не възыдет и не оболѣет промыслом земным, и доколя еще чрево не наладовано гноем снѣдных, тогда ся читает.

Третіе, не обременяти слухи немощных многочтеніем, но власне тридесят или болше листков прочитати, таже кончати, и закладку заложивши, на другій поранок, слухачов на таковыйже пир и честь духовную проси, и так поранок, поранками проходячи, дондеже съвръшит пир книжъного реченія, събрание умолити, яко да начнеши и съвершат слуханіем здравое и трезвое мысли, что же при обрящут отсюду, мню, сами искусом увѣдят, если добре выслухають.

Тобѣ же, прочитателю, трудолюбія ради от владики Христа будетъ мзда болшая стокрот, нежели твой труд. И тобѣ, священниче, за събраніе събора вторая равно постигнет. Аще ли же сам поревнуеши и пръвую въсхитити, сам собою потрудити ся, се ест и прочитати и братию събирати, не зазрим ти сего приобрѣтення талантоплоднаго. Господь дати поспѣшит и помилуетъ. Аминь.

Еже вездѣ по соборах братских такоже да ся исправляет, идеже сие писаніе дойдетъ, яко да познают христіяне, что естъ наша простая восточных вѣра, и что других отщепенцов хитрое безвѣріе.

Ко прочитателю на еднѣ сего писаня.

Напред тебе от тое прелести остерегаю, любимый прочитателю, да не ищеши зде хитростей слоговъ сплетенорѣчных наказанія еллинскаго, але слѣдъ существа правды, в ней же животъ вѣчный затворенъ ест, да щупаеши, да знаеши. Не минай скорогонцем яко пустое коло вѣтръное очима пробѣгаючи от мѣста на мѣсто вперописаного, але застановляйся на ступенехъ о лъжи і истиннѣ рѣченых

судом мысльным, и увидѣвши яко истинна от лжи попирается погибелными сынами, жалуй, проплач, и Богу ся помоли, яко да дастъ всѣм заблуждъшим на путъ спасеный возъвратитися и во разум истинный пріити.

А о собѣ аз и сам свѣдителство вам даю, яко грамматичного дробязку не изучих, риторичное игрушки не видах, философъского высокомечтателного не слыхах. Мой ест даскал простак, але от всѣх мудрѣишій, который безкнижных упремудряет; мой даскал простак, которій рыболовци въ чоловѣколовци претворяет; мой даскал, которій простотою философы посмѣваетъ; мой даскалъ, которій смиреніемъ гръдость потлумляет. Тѣмъ же если хочеш на путь збавенный улучити, послухай; и если хощеши царство небесное обрѣсти, моцне дуфай. А если тя духъ тщеславія наказанія латинъского преборет, и сей простотѣ моей не увѣруеши, вѣдаючи запевне вѣдай, яко живота вѣчнаго не наслѣдуешъ.

Обличеніе діавола миродержца и прелестный ловъ его вѣка сего скоро погибающаго от совлекшагося с хитроуплетеных сѣтей его Голяка странника, ко другому будущому вѣку грядущаго учиненое.

> Евангеліе от Матѳея, глава д҃. I поя его діяволъ на гору высоку зѣло, показа ему вся царствія мира и славу их, и глагола ему: сія вся тебѣ дам, аще пад поклониши ми ся. Тогда глагола ему Ісус: «Иди зо мною, сатана! Писано бо естъ: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши!»

Вопросъ. Тут теды коли ся звитязство над прелестію твоею, сыну геенскій, от Христа избавителя стало, и смертію конечно царство твое лукавое мира сего обнажено и показано (через вѣру и крещеніе во имя Отца и Сына и святаго Духа) всему свѣту естъ, пытаю тя, як будешъ зас тое гнѣздо миролюбія въ вѣрных и крещеных вити, и основаніе невѣрія языческаго фунъдовати?

Отповѣд прелестника миродержца. Стало ся звитязство от Христа над царством моим, признаваю, але от облаченых въ

имя его зовемых христіанъ мало и велми мало, и то еще от свѣжей памяти по вознесеніи его на небеса его чясть нѣкая тою теплотою вѣры разжженная, нѣгде нѣгде от рода христіанского на звитяжство моего царства обралася. А нинѣшнего вѣку зась в клюбу [1]) невѣрія пръваго зовемое христіанство впало, и одным способом с поганци некрещеными миръ любят и царства и роскоши его насититися прагнутъ, и еще болше нежели погане похоти телесные своволного и нечистого житія своим злым житіем исполняют. А што пытаешъ, якъ бы по Христовѣ звитяжствѣ миролюбіем вшурубовати ся есми мѣлъ, о тое пытати не треба. Таковою ж хитростію, прелестію, мечтаніем и усоложеніем блеску и красоты свѣта того, яко же и прежде пришествія Христова. Ибо Христос образ толко побѣждати хотящим мира дал, показал и научил, и сам собою изъобразил, прелести же моего лживого царства мнѣ не отнял и не погубил, абы самое власти человѣческое в том искусѣ, борбѣ и пробѣ вѣка того настоящаго досвѣдчалося, очищало и на живот вѣчный исполеровало [2]). Але вижу, мало ся ихъ обирает и знаходит на той тѣсный гостинецъ хотячих и любячих ходити. Всѣ пали и поклонилися славѣ, царству, красотѣ и любви вѣка того настоящаго, мною владомого. От началныхъ и до послѣдних, от духовно зовемых и до простых, от властей и до подручных всѣ полюбили тот меч, блескъ и пестроту красоты царства моего мирскаго, которую еси на горѣ Христови обнажил и показал, и всѣ нинѣшнего вѣка до того моего царства розум, мысль, любов сердечную и всю крѣпость телесную привязали, прилѣпили и приспоили сут так моцно, иж их только смертъ от Бога посланная от любве моего царства розлучити может, а другое ничтоже. И зась тоеж мовлю и показую, што при Христѣ мовилем и показовал: хто чого ищешъ у мене миродержъца, аще пад поклониши ми ся, вся тебѣ дам.

Вопросъ. Штож ми даешъ, діаволе, именуй, да знаю наперед?

---

[1]) Клюба, въ польскомъ plurale tantum kluby—тиски, кажется отъ нѣмецкаго klauben, Klobe.

[2]) Полеровати, польск. polerować, нѣм. poliren—шлифовать, дѣлать блестящимъ

Отповѣдь. Дам ти нинѣшнего вѣка славу, роскош и богатъство. Если хочеш быти преложоным духовно зовомымъ, от мене ищи и мнѣ угоди, а Бога занедбай, бо от того не леда як таковые достоинства дарованы бывают, а я скоро тобѣ дам. Если хочеш бискупом быти, пад поклони ми ся. Если хочеш арцибискупом быти пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш кардиналом быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш папѣжем быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. И другим всѣмъ менъшим преложенствам, пробощствамь и поповствам в приходѣхъ и наданяхъ не так гойныхъ и богатыхъ прагнучіи падши поклонѣте ми ся, я вам дамъ. И до вас мирское власти и титулу земного моего царства прагнучих тоеж мовлю: аще падши поклоните ми ся, я вам вся сія прагненная вами подам. Если хочеш войским, подкоморим, или судіею быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш кашталяном быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш старостою быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дамъ. Если хочеш воеводою быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш гетманом или канцлѣром быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам,—буди досконалый угодник мой, я тобѣ дам. Если хочеш королем быти, обѣщайся мнѣ на офѣру в геенну вѣчную, я тобѣ и королевство дам. И другим всѣм меншим дикгнитарствам и приложеньствам тоеж мовлю: аще пад поклоните ми ся, и чого попрагнете от земних и дочасныхъ, дам вам. Також и до вас простых и неславныхъ во моемъ царствѣ мовлю, аще падши поклоните ми ся, знайду я по вашей мѣрѣ и простотѣ чим вас обогачу и в прелест моего вѣка уплутаю. Если хочеш идолопоклонником, сребролюбцем и лихоимцемъ быти, я тебе мытником, купцем, и карчмарем учиню, там твою волю и прагненя забавлятися доколя здохнеш привяжу и моцно до самого исхода, не мылячися с помыслом от лихоимства отодрати, прикую. Если хочеш хитръцем, майстром, ремесником рукодѣлным быти и другихъ вымыслом превозыйти, чим бы еси и от сусѣдъ прославитися и грошики собрати моглъ, пад поклони ми ся, я тебе упремудрю, научу, наставлю и в досконалост твоего прагненя мысль твою приведу. Если хочеш похоти телесное насытитися и господарем дому, древа и землѣ шмата наз-

ватися, пад поклони ми ся, я твою волю исполню, я тобѣ жену приведу, хату дам, землю дарую, тое ярмо на твою шію повѣшу и твою мысль в бѣдѣ, неволи, скорби, мятежи попеченій, фрасунку и уставичном промыслѣ погребу. я тебе стражу, слугу, неволника и вязня женѣ учиню, я тобѣ всю мысль у жоны похотное студнѣ привяжу, толко поищи, попрагни, и мнѣ ся поклони, вся сія аз тобѣ дам.

Отвѣт странника от лица всѣх прелщаемых от діавола.

Вѣмъ, діаволе, як ты все тое реченное даси, если ся тобѣ поклоню. Але пойду искати и в зерцалѣ ученія Христова глядѣти, тая твоя данина на пожитокъ ли, или на погибел вѣчную будетъ, на славу ли или на безчестіе вѣчное ся превратит, на долго ли или на малый час ся в руках попѣстует, а потом з дароносцем поспол у знагла погибает и ищезает?

Даси ми, діяволе, быти папѣжем, кардиналом, арцибіскупом, и другим нѣкоторым духовного стану имяноносцем, але што за пожитокъ с того дарованя, коли от тебе діавола за гордост с небесе на дол зверженого тое достоенство пріиму, а не от небесного Бога, которій велми заслужоным и от духа святого посвященным таковые преложенства стану духовного даровати звыклъ, а не тым, которые як пси встеклые бѣгают, ищут, да стан духовный или имѣніе оного угонят и поимают. Што за пожиток с того дару, коли я сам и от тебе діавола того попрагнул и поимал, а не Бог небесный мене на тое достоинство везвал і избрал. Штож за пожиток с того духовенства, коли я горъшей поганъца злое и нечестное житіе прохожу и в калу чревное похоти и сластолюбія ся валяю. Штож за пожиток с того священства, коли я имени святости не знаю и съ иновѣрци ровно мудростію, образом и житіем ся знахожу. Штож за пожиток с тое власти пастырское, коя раб, неволник и вязень вѣчный грѣховие есми, за которыи в геену вѣчную отиду. Штож за пожиток с тое дочасное славици, коли я вѣчне посоромочонъ буду. Штож ми за пожиток съ тое малое роскоши, коли я во вѣки в огни печи и скважитися буду. Штож ми за пожитокъ з тых селъ и имѣней и богатства великого, коли я нагъ и гол без всего того в пеклѣ седѣти буду. Про то вѣдай о том діаволе, иж я поповского

преложенства и стану от вышняго и до послѣднего стопня от тебе дарованного не прагну и тобѣ ся поклонити не хочу. Господу Богу ся единому поклоню и тому единому послужу. Иди за мною сатана!

Даси ми зась, діаволе, быти кролем, канцлером, гетманом, воеводою, старостою, кашталяном и другим нѣкоторым дикнитаром и преложоным власти мирское твоего діяволского царства, штож за пожиток с того твоего дарованого поганского начално, коли я христіанство страчу и живота вѣчнаго отпаду. Штож ми за пожиток с того твоего мирского тытулу, коли я царства небесного тытул погублю. Штож ми за пожиток с того голоса кролевства, канцлерства, албо воеводства, коли я сиfeedновство божіе страчу, безсмертный титулъ. Штож ми за пожиток е твоее малое славицы временное тытулку і гнилых и суетных уст хваленія, коли я от божое вѣчное славы отверъжен буду, титул помазаньства божія погублю и похвалы ангельских устъ отпаду. Я теды, діаволе, таковое власти и титулу от тебе не ищу, тобѣ ся поклонити не хочу. Господу Богу единому ся поклоню и тому единому послужу. Иди за мною сатана!

Дашъ ми зась, діяволе, купцем, лихоимцем, мытником и карчмарем быти, да тым лихоимством и упражненіем розум свой погребу и ослѣплю. Штож за пожиток с того твоего дару, коли свѣта истинны науки слова Божія видѣти не могу и вкусити сладости его ся не сподоблю. Прето да знаеши, діяволе, як я от тебе того ідолопоклонного тытулу и забавы житія моего в нем не требую, тобѣ ся не поклоню. Господу Богу единому поклонюся и тому самому послужу. Иди за мною сатана!

Даш ми зась, діаволе, ремесльником хитрым и славным быти, да межи сосѣды славнѣйшим, годнѣйшим и честнѣйшим быти (буду?), грошики собѣ зберу, фолварки покуплю, домок приоздоблю. Штож за пожиток съ того всего твоего дарохитръства, коль я простоты Ісусовы навыкнути не могу. Штож ми за пожиток з славы и чести сусѣдское, коль я в лику пророкъ, патріархъ, апостолъ, мученикъ и добре Богу угодивших славитися не буду. Штож ми за пожиток з многих фолварков и оздоб домку, коли я красных дворов горняго Іерусалима не узрю і ни во едином кутику въ оном посидѣти

не сподоблюся. Прето я от тебе, діяволе, тое майсторіѣ и славы и чести не требую, грошиков збирати, фолварков и домков куповати не хочу, тобѣ ся не поклоню. Господу Богу единому поклонюся и тому самому послужу. Иди за мною сатана!

Даш ми зась, діаволе, убогому и неславному человѣку утѣху и похот телесную, жону, даш ми домок и землицю, даш ми смуток и бѣду, да свой розум в той забавѣ фрасунку и староня домового, земленного и женского погребу. Штож за пожиток с тое утѣхи и похоти телесное, коли я утѣшителя Духа святого витати во своем кгмаху сердечном николи ся не сподоблю. Штож ми за пожиток с тое жоны, коли я Христа жениха своей ложници сердечной пришедшаго упокоитися и спочинути видѣти не могу. Штож ми за пожиток с того домку, коли я в палацу небесного мѣста Іерусалима седѣти не буду. Што за пожиток с тое малое землици и кгрунтику, коли сторичное заплаты реченное Христомъ в царствіи небесном за оставленіе сихъ не пріиму, и живота вѣчного наслѣдником и дѣдичем быти не могу. Прето да знаеш, діаволе, як я от тебе жоны, дому, земли до часное не прагну, тобѣ поклонитися не хочу. Господу Богу во Тройци славимому поклонюся и тому единому послужу нинѣ, все время житіа моего и во вѣки вѣком аминь. Иди за мною сатана, изъчезни и пропади сам и з царством своим прелестным! Аминь.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛѢТОПИСИ МГАРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(1682—1775)

Церковная старина Полтавской губерніи обслѣдована до сихъ поръ очень скудно. Отрывочныя свѣдѣнія по исторіи Полтавской епархіи разбросаны въ двадцати шести книжкахъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей (1862—1888), но и тутъ цѣннаго матеріала очень немного. Да откуда и взяться цѣннымъ свѣдѣніямъ при той скудности историческаго матеріала для церковной старины, съ которой встрѣчается изслѣдователь... Наибольшей сохранности письменныхъ памятниковъ можно было бы ожидать отъ монастырей, но оказывается, что монастырскихъ архивовъ не существуетъ... Архивы закрытыхъ въ концѣ прошлаго вѣка монастырей еще можетъ быть сохраняются въ мѣстной казенной палатѣ, если только не погибли отъ времени, но въ монастыряхъ существующихъ—повидимому, ничего не сохранилось.—Есть въ Полтавской губерніи, недалеко отъ Лубенъ, Мгарскій монастырь, очень извѣстный въ народѣ по нахожденію тамъ мощей святителя Афанасія «сидящаго». Монастырь этотъ основанъ въ первой четверти XVII в., одновременно съ Густынскимъ и Ладинскимъ, Исаіей Копинскимъ, на земляхъ, подаренныхъ извѣстною Раиною «Могилянкою». Недавно одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей напечаталъ въ «Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» (1886 г., №№ 17—19) монографію объ этомъ монастырѣ и, какъ видно, потрудился надъ этимъ дѣломъ. И что же мы видимъ въ этой монографіи?—Исчерпавъ напечатанную Бодянскимъ лѣтопись Густынскаго монастыря, для разсказа о возникновеніи Мгарскаго монастыря, авторъ приводитъ затѣмъ лишь списокъ его игуменовъ, съ коротенькими о нихъ и при томъ общеизвѣстными, свѣдѣніями, взятыми преимущественно изъ книги Аско-

ченскаго.—«Архивомъ монастыря», говоритъ авторъ, «мы не пользовались, такъ какъ его при монастырѣ нѣтъ». Да и нигдѣ его нѣтъ, слѣдуетъ прибавить. Мгарскій монастырь даже не сохранилъ списка бывшихъ своихъ игуменовъ, такъ какъ авторъ указываемой монографіи извѣстнаго мгарскаго игумена Макарія Русиновича называетъ—то Засѣновичемъ, то Засѣковичемъ.... А между тѣмъ въ Мгарскомъ монастырѣ былъ не только архивъ, но была и своя лѣтопись, подобная лѣтописи Густынскаго монастыря. Но все это отъ небреженія, монастыремъ потеряно... Слѣды лѣтописи Мгарскаго монастыря найдены недавно въ яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина. Нашелъ тамъ В. П. Горленко и передалъ намъ—тетрадь, писанную на 16-ти листахъ бумаги, почеркомъ к. XVIII в., озаглавленную такъ: «О построеніи каменной церкви Преображенія Господня въ Мгарскомъ монастырѣ». Тетрадь эту приводимъ здѣсь, какъ заключающую въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія для исторіи Мгарскаго монастыря вообще и особенно—для мѣстной археологіи. Здѣсь мы находимъ подробныя свѣдѣнія о постройкѣ въ Малороссіи каменныхъ храмовъ въ XVII в. Кромѣ драгоцѣнныхъ свѣдѣній о техникѣ постройки, историкъ тутъ же найдетъ любопытныя черты живаго участія тогдашняго общества въ созиданіи и украшеніи монастырей, бывшихъ твердыми хранителями вѣры отцовъ.

Мы думаемъ, что найденная въ яготинскомъ архивѣ тетрадь заключаетъ въ себѣ лишь отрывки того подлинника, съ котораго она списана. На это указываетъ отсутствіе хронологической послѣдовательности событій, излагающихъ постройку Преображенскаго храма: видно, что какъ будто переписчикъ выбиралъ изъ подлинника статьи его интересовавшія, и затѣмъ, дополнялъ ихъ другими, взятыми изъ того же источника.—На это же указываетъ и списокъ мгарскихъ игуменовъ «прежде бывшихъ», помѣщенный въ концѣ и доведенный только до Іоасафа Горленка, между тѣмъ какъ тетрадь сохранила описаніе монастырскаго пожара, бывшаго въ 1775 г. при игуменѣ Паисіи Яновскомъ.—Здѣсь переписчикъ остановился и оставивъ половину листа чистаго, началъ списывать «житіе иже во святыхъ отца нашего Афанасія, патріарха цареградскаго, чудотворца мгарскаго». Житіе это тоже переписчикомъ не окончено. Однимъ словомъ видно, что яготинская рукопись заключаетъ въ себѣ лишь отрывки, а не полный списокъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, который быть можетъ и не погибъ.

Ал. Лазаревскій.

Постановленіе ясневелможного его милости пана Ивана Самойловича, гетмана войска ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожского, на муроване церкви въ монастиру нашомъ Мгарскомъ, такъ ся въ себѣ маетъ:

Іоанъ Самойловичъ, гетманъ з войскомъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожскимъ. Вамъ, пану Якову Баптистѣ, майстровѣ дѣла нашого муревого, Мартиновѣ Томашевскому подмайстерому, зъ всѣмъ вашимъ товариствомъ, доброго отъ Господа Бога здоровья зичимъ. Дошлося намъ вѣдати, ижъ ви и товариство ваше на работѣ церкви мгарское зостаючіе, зостали бы были сіи заими (sic), ижъ би подлугъ реестру вашего презъ сина нашего, пана полковника стародубовского, намъ принесенного, мы дарованіе борошна и товариству тижневую заплату вамъ постановили, домовляючися, ижъ будто болшъ вамъ (слѣдовало?) а нѣжли в реестру пана полковника черниговского к намъ отъ васъ присланого, списаного въ Черниговѣ, доходило. Теди люди знамся (sic) тое, же панъ полковникъ черниговскій будучи статечнымъ ирозумнимъ особою. ничого непевного, измишленого до насъ писати не моглъ би и ми надъ черниговское на такое роботѣ у звичае (sic) нѣчого болшъ поступовати вамъ были не повинни; однакъ едно до особливой ласки нашей, которою кождому годному оказатись хочемъ, другое маючи презъ висланнихъ нашихъ пана Ивана Ломиковского и пана Ивана Павловского, залеценне о прилѣжной около роботи дбалости вашой, же чините такъ, якъ Богу угодно и людямъ мило, а до того васъ скурацкій (sic) бачачи ваше майстра и подмастерего, усердіе, ижъ тое дѣло съ пилностю достатечне совершити прагнете и на томъ записалистеся въ судѣ, даемъ вамъ за вашу (роботу?) такую нагороду, якую сами вы себѣ написали и презъ помененного сына нашего, пана полковника стародубовского, намъ осьѣдчили, малось що тилко для лѣпшой слушности въ борошнѣ чили в лигоминахъ от-

мѣну учинивши: майстровѣ Яновѣ Баптистѣ, при певной грошовой заплатѣ, якая ему на кождій робочій тиждень, по осмъ зол. доходитиметъ, постановляемъ борошна на все лѣто: муки житной—осмачокъ пять, пшенишной—двѣ осмачки, пшона—двѣ осмачки, гречаной муки—двѣ осмачки, гороху—осмачка, соли—сѣмъ сотъ гусокъ, сала—два пуда, полтий—два, барановъ—шесть, двѣ дѣжички масла, двѣ—сира, пива—бочокъ три, горѣлки—квартъ сто, олѣю—квартъ придцять, яловицу и кабана.

Подмайстерому Мартиновѣ Томашевскому при умовленой грошовой нагородѣ, якая жъ ему такожъ на кождій тиждень роботи по шесть зол. доходить будетъ, житной муки—осмачокъ чотири пшеничной—двѣ осмачки, пшона—двѣ, гречаной муки—двѣ осмачки, соли—гусокъ пять сотъ, сала—два пуди, барановъ чотири, рибъ вялыхъ—голова, горѣлки—квартъ сто, пива бочокъ двѣ, яловица, одна дѣжечка масла, дѣжка сира, два полтѣ солонѣни, олѣю квартъ тридцять.

Челеди, чили товариству, грошовой заплати таковое чинимъ постановленіе: Ивановѣ Рудановѣ на каждій диждень робочій зол. три; Василевѣ Савицкому по зол. три; Петровѣ Бѣлецкому зол. три; Троцѣковѣ—полтретя зол.; Андрѣевѣ полтретя зол.; Романовѣ полтретя зол.; Трохимовѣ полтретя зол.; Ивановѣ Рубаненковѣ полтретя зол.; Яцковѣ зол. два; Гавриловѣ полтора зол.; Матвѣевѣ зол. два; Андрушковѣ зол. два; Василевѣ Гадяцкому тринадцять шаговъ; Семеновѣ Зимоpавенковѣ тринадцять шаговъ; Костѣ Петрѣковѣ тринадцять шаговъ; Лесковѣ Олейниковѣ тринадцять шаговъ; Лукяновѣ Уманскому тринадцять шаговъ; Хвесковѣ Пилипенковѣ полталяра; Висилевѣ Иваненковѣ полталяра; Грицковѣ Долматовѣ полталяра; Мартиновѣ Обмочовскому копу; Романовѣ копу; Яковѣ Мазуровѣ копу; Петровѣ копу; Грицковѣ Мартиновому зятю копу. А борошна или боми (sic) кождому знихъ зособна на все лѣто, такъ много дойти отъ насъ маетъ:

Житной муки—по чотири осмачки, пшеничной—по осмачцѣ, гречаной—по осмачцѣ, пшона—по осмачцѣ, гороху—по полъ осмачки, сала—по два камнѣ, риби вялой на каждого—по чотири

сотцѣ, олѣю по десять квартъ, соли чотириста гусокъ, горѣлки по три кварти на тиждень на всѣхъ, на все лѣто, барановъ пять, яловица и пива бочокъ десять. А райцарамъ, що вапну до муру готують, двомъ, доходить будетъ грошми по полталяра на тиждень, муки житной—по двѣ осмачки на лѣто, полъ осмачки пшеничной, гречаной по осмачцѣ, два камнѣ сала на двохъ, шесть сотъ соли на двохъ, риби шесть сотъ двомъ, и голнѣ (sic) олѣю квартъ двадцеть двомъ, по квартѣ горѣлки на тиждень одному, яко теди все тое доходить васъ будетъ, такъ сее писане наше для памяти лучшое з подписомъ руки нашей и притисненіемъ печати стверженое, вамъ даючи, жадаемъ, абисте якъ зпочатку взяли предся около того святобливого дѣла пилность, такъ и въпредъ втомъ неубавляя, заслугуючися натое, жебисте ласкою нашою одержали собѣ уконтентоване. Зичимъ притомъ и повторѣ доброго всѣмъ вамъ здоровя. З Батурина, маія 23, 1684.

Звишъминованный гетманъ рука власная.

Муровавая церковъ въсерединѣ, въ муру пятдесятъ и сѣмъ локтей вдовжъ, а вширъ тридцять и сѣмъ локтей, що чинитъ девятнадцять сажней вдовжъ, а вширъ дванадцять сажней и локоть. А высота церкви шестьдесятъ локтей и три, то есть сажней двадцять и единъ, кромъ креста.

Исписаніе вократцѣ о початкѣ заложеня церкве мурованой въ монастиру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, отъ року Божія 1682.

Изволеніемъ божіимъ и содѣйствіемъ пресвятаго и животворящаго Духа, за щасливаго владѣнія рейментарского ясневелможного его милости пана Иоанна Самуйловича, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозского, превелебный въ Богу отецъ Макарій Русѣновичъ, игуменъ и велій строитель на тотъ часъ монастира сего Мгарскаго, видячи церковъ всемилостиваго Спаса старую древяную велми зветшалую, совѣтъ сотвори со соборними отцами—какобы новую мурованую впохвалу всемилостивому Спасу соорудити церковъ; и самъ въ Батуринъ поехалъ до его милости пана

гетмана, просячи бы за спасеніе свое, змуровалъ намъ въ монастири, церковъ; и воліею Божіею обрѣте превелебный игуменъ прозбою своею на сіе богоугодное дѣло милостивого гетмана преклоненна, яже обѣща своимъ коштомъ и накладомъ церковъ мурованую соорудити и иконами украсити. И тако начаша цеглу до мурованя коштомъ милостивого гетмана, презъ двѣ лѣтѣ, въ монастиру робити. Року же божія 1684, мѣсяца априля 23 дня, въ день святаго великомученика Христова Георгія, со молебними пѣніями и сокрушеннымъ сердцемъ, начаша фундамента копати вишше трохи старія древяныя церквѣ и основаніе, то есть закладанія мурованія церкве чинити, на которихъ закладинахъ у особѣ его милости пана гетмана понеже самъ не бѣ, бяху сынове его, велможни его милости панъ Семіонъ Ивановичъ гетманичъ, полковникъ на тотъ часъ стародубовскій, велможни его милости панъ Ияковъ Ивановичъ гетманичъ, зъ преложоними людми своими и зъ немалою дворнею самаго его милости пана гетмана, отъ нихъ же бяху начални̂е: панъ Иоанъ Павловски и панъ Захарія Щербина, сіе доглядовали и мураровъ въ мурованю церквѣ, панъ Максимъ Иляшенко, полковникъ на тотъ часъ лубенски, панъ Андрей Гамалѣя на тотъ часъ сотъникъ лохвицкій, панъ Анъдрей Ияковоличъ, обозній лубенскій, панъ Романъ Радченко, сотникъ лубенскій, панъ Матіяшъ Папкевичъ, судя лубенскій, панъ Леонтій Адамовичъ, атаманъ городовый лубенскій, панъ Иоанъ Кулябка и иныхъ людей приложонихъ и посполитихъ множество было великое. А зъ духовного чину были три особы: превелебный отецъ Макарій Русѣновичъ, игуменъ святія обители сея Мгарскія, который и основаніе тоея церквѣ мурованія въ одеждѣ иерейской закладавъ и зъ велможними гетманичами, ктиторомъ зостаючи, камень зъ мощами святыми подъ фундаментъ покладъ превелъ, отецъ Инокентій Монастирскій, игуменъ святокирилскій киевскій, тотъ мѣлъ казаня на томъ заложеню, велебный отецъ Ипатій Горбачевскій, намѣсникъ и велій труждатель сего монастира Мгарского, тотъ и мощи святія въ камень основателній вложи; бѣхуже и честные иеромонахи: отецъ Исихій маляръ, отецъ Иларіонъ Сіомашко, отецъ Иона Вацовскій, отецъ Феофилъ уставникъ, отецъ Акакій, отецъ Па-

ладій Крутий, отецъ Евагри (sic), отецъ Варлаамъ паламаръ, отецъ Порфирій, отецъ Гервасій и прочія священоиеромонахи и иеродіякони бяху сія: Иоаникій, Иоасафъ, Евгеній, Софоній, Пафнутій, схимонахъ Иоанъ; монахи: Генадій, Иосифъ, Силвестеръ, Мордарій економъ хуторній, Коръ (sic) економъ монастирскій, Ипъполитъ виноградный, Власій, Тихонъ, Севастіанъ Аяхъ воротній и прочая вся братія бяше монастирская. Бяху же и отецъ Иоанъ Стефановичъ, протопопа лохвицкій, и отецъ Яковъ Иліевичъ Орѣховскій, протопопа лубенскій, и прочая священноиереи и всякаго чину бѣ люде множество. И въ томъ основаніи подъ самимъ фундаментомъ, у олътори, въ земли подъ стѣною, гдѣ горное сѣдалище, положенъ есть камень выбиты и внемъ положеніе мощи святыхъ и хартія на паргаменѣ писаная, которую въ томъ камени вибитомъ зъ мощами святыхъ прикрывше бляхою мѣдяною, засмолиша воскомъ и запечатлѣша. Покладаше же сей камень въ основаніе превелебный отецъ игуменъ Макарій Русѣневичъ зъ велможними гетманичами вишъ менованими Семіономъ и Ияковомъ, а харътія на паргаменѣ въ томъ каменѣ въ тые слова зостаетъ написана: Во имя Отца и Сына и святаго Духа, основася сія церковъ въ монастиру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, во славу великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа, а въ честь имени его святого, во храмѣ же боголѣпного Преображенія его, при державѣ великихъ государей царей нашихъ и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцовъ, при святителствѣ и благословеніи преосвященного господина отца Лазаря Барановича, аръхиепископа черниговскаго, новгородского и всего сѣвера, а при щасливомъ владѣніи благородного и христолюбивого раба божія Иоанна Самуйловича, гетмана войска ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожскаго, ктитора святыя обители сея, егоже кошътомъ и накладомъ сія церковъ зъ фундаменту заложена бысть. Суть же здѣ и мощи святыхъ святого апостола Анъдрѣя Первозваннаго, святого Иоанна Златоустого, святого мученика Меръкурія, святого великомученика Феодора Стратилата, святого Марка печерского. Писано въ лѣто отъ рождества Христова 1684, мѣсяца априля дня двад-

цять третаго. Сего ради и харътія сія въ семъ фундаментѣ покладается въ вѣчное знаменіе и время. Аминь.

И по основаніи бысть литургія святая и веліе учрежденіе того дня. На утри, яже сіе есть априля 24, почали фундаментъ муровати майстеръ мурарски бысть нѣмецъ, зъ Вилня, завомій Иоаннъ Баптиста. Того жъ часу и келіи старіе роскидали, и валъ старый засипали и за тимъ старимъ засипанимъ валомъ, келіи новые поставили, и новымъ валомъ тогожъ лѣта до кола весь монастиръ обвели. И тако помощію божіею весь монастиръ обновленіемъ тщаливно (sic) созиждашеся: келіи всѣ рядовые, и пекарня, и болница, и за воротами то есть за брамою, гостинница великая, стайня и конецъ стайнѣ—будинки, презъ двѣ лѣтѣ будовалися, на которіе тіе будники такъ въ монастиру и за брамою, війшло готовыхъ грошей двѣ тисячи золотихъ и сто золотихъ, опрочъ борошна и инъшихъ леgоминъ.

Въ року зась правѣ нещасливомъ 1687-мъ, подчасъ докончення церквѣ мурованой, которую южъ тинковали, потуга вся войсковая ихъ царского пресвѣтлого величества и его милости панъ гетманъ зо всѣмъ православнымъ воинствомъ пошли на поганина креста святаго, Кримъ воевати и по указу пана гетмана и нашъ отецъ игуменъ Макарій Русѣновичъ зъ немалымъ коштомъ набравши борошна и леgоминъ розмайтихъ, законной братіи десять и челяди немало набравши зъ собою, до того жъ войска до боку пана гетмана зъ монастиря выехалъ въ понедилокъ числомъ маія 2, въ которомъ походѣ военномъ зъ допущеня божого знать за грѣхи наши, войска такъ потужные и Запорожа, не дойшовши, назадъ верънули для спаленя трави въ стопу, и надъ Самарою стали. Отецъ игуменъ за упрошенемся у пана гетмана, верънулъся до монастиря. Забавился въ той дорозѣ войсковей недель десять, а приехалъ въ пятокъ юля 8 и засталъ, жеся церковъ въ серединѣ дотинковована. И стараня чинячи о докончене церкве, выправилъ брата Порфирія иеромонаха и иеродиякона Ферапонта, двома возами, придавши имъ послушника и хлопца, за Гадячое, до гути, по шкло до церквѣ мурованой, до оболоны, юля 14, въ четверъ. Но увы, яко ужасно и воспомянути— время лютое, яко велія отмѣна стала у войску, которое повернувши

отъ Самари, стало за Полтавою, надъ Коломакомъ и 25 юля, въ суботу, рано пана гетмана взято Иоанна Самойловича до войска московского и зъ синами Григоріемъ и Ияковомъ. И стало веліе замѣшаня у войску козацкомъ: почали старшину забивати по городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, рабованя и забойство веліе повстало. *) Тогдижъ и нашего брата Порфирія зъ дякономъ послушникомъ и хлопцемъ, южъ назадъ поворочаючого зъ гути, двѣ мили отъ Гадячого, 27 юля, подъ Русанувкою селомъ, тогожъ села чотири человѣки тиранско на смерть позабивали и на купу тѣла ихъ зложивши, дегтемъ полили, сѣномъ накидали и вози наверхъ склавши, тѣла ихъ попалили.—Лечъ воскорѣ тиежъ забойци полапаные ставши, всѣ чотири въ Гадячомъ також смертію тиранскою презъ судъ пострадали. И бѣ мятежъ и смущеніе веліе того часу, по всей Украинѣ. 25 юля наставили на гетманство его милость пана Иоанна Мазепу. Ся церковъ въ роботѣ своей не уставала, которого отецъ игуменъ въ Гадячомъ витаючи и поздоровляючи, повернулъ до монастира. И августа 23 знову до Батурина, до пана гетмана, поѣхалъ и вернувшися зъ Батурина, приѣхалъ до монастира въ понеделокъ 5 сентеврія, южъ хорій будучи, а въ дому еще горше захорѣвши, септеврія 15 дня 1687 року, въ четвертокъ, по вечерни Богу духа отдалъ; еднакъ оглядалъ очима своима баню середнюю на церквѣ мурованой, то есть матицю шаліованямъ покрытую и пулъбанокъ на верху тоей матицы бѣлымъ желѣзомъ покрытый оглядалъ. По котораго умертвіи, радѣніе мѣючи монастира всего отецъ Ипатій Горбачевскій намѣсникъ стародавній мѣсца сего, велебный и честный старецъ, во строеніи посполу со небощикомъ отцемъ игуменомъ труждающійся, сей сотвори совѣтъ со отцы соборными и братіею и послаша до ясноосвецоного княжате преосвященного его милости отца метрополиты Гедеона Святополка Четвертенского и до ясневелможного его милости пана Иоанна Мазепи, гетмана войска Запорозскаго, съ писаніями, просячи о волную елекцію на обраня нового игу-

*) См. Сборникъ Лѣтописей Южн. и Зап. Руси, стр. 34,—„тогда чернь и мужики пановъ своихъ паче арендаровъ, грабовали, а иныхъ мучили, въ смерть забивали.“

мена. И его милость панъ гетманъ склонившися ласкаве ку прозбѣ и писанію отца намѣсника и братіи, поважное писаніе свое панское, любосмо его о тое и не просили, даде до его милости отца митрополиты, абы намъ насиліемъ не насилавъ нѣкого на игуменство, але змежду себе жебы братія обобрали; на которое писаня склонившися а любо трохи и прискорбно, преосвященій пастиръ писаня свое видалъ до отца намѣсника и братіи, абы тѣло небощика отца игумена Макарія Русѣновича, земли предавши, по похоронѣ, елекцію себѣ мѣли и кого хотѣли змежду себе за игумена себѣ обрали. И такъ по святой Покровѣ, октоврія дня третяго, въ понедѣлокъ, въ церквѣ мурованой соборомъ службу божію отецъ намѣсникъ надъ тѣломъ отца игумена мѣючи, за правимъ крилосомъ межи филярами, подъ стѣною у фундаментъ, якъ першого фундатора тоей церквѣ, честно въ склепи зложили и замуровали; и бяху всѣ во скорби въ тотъ понедѣлокъ и вовторокъ. Въ среду застуетъ (sic) 5-го октоврія, соборъ сотворше, отецъ намѣсникъ зъ отцы соборными и братіею всѣ обще во трапезѣ совокупившеся, молебное пѣніе съ сокрушеннимъ сердцемъ ку Творцу и строителю всѣхъ речей Богу въ помощь взявши молитвы пресвятыя Богородицы, единогласно въ обираню богодухновенной особы—кого бы за отца и предводителя къ устроенію монастира и себѣ обобрати совѣтовали. А такъ за натхненямъ Духа Святаго прозрѣнія за вишшаго Бога, всѣ единогласно никому же прекословящу, на мѣсце въ Богу зошлого отца Макарія, избрахомъ себѣ за отца предводителя и игумена, а мѣсцу святому за строителя, мужа честна отъ юности въ монастиру во всѣхъ послушаніяхъ Господеви работающа, велебного господина отца Ипатія Горбачевскаго намѣсника тогожде монастира, которій на намѣсництвѣ былъ осмнадцать (лѣтъ?) и единокупно съ небощикомъ отцемъ игуменомъ Макаріемъ Русѣновичомъ, церковъ сію мурованую, и монастиръ весь зъ грунту фундовали и реставровали; которій превелебній отецъ Ипатій Горбачевскій приемши игуменство, а и не хотящу ему, и чинъ монастира строенія, распорядивши ремесниковъ, абы церковъ въ своей роботѣ не уставала и братію любовію утвердивши, октоврія дня 11, въ Батуринъ, до ясневелможного южъ вто-

рого ктитора, его милости пана Иоанна Мазепи, гетмана войска Запорозскаго, зъ братіею де нѣкоторою, поѣхалъ и станувши въ Батуринѣ дня 14 октоврія, то есть въ пятокъ на нощь, вдячне былъ принятый отъ добродѣя пана гетмана и отъ всего войскового енаралу. И тамъ забавивши дней чотири, октоврія дня 18 на обѣдѣ власневелможного пана гетмана отецъ игуменъ бувши, со любовіею веліею отправу одержалъ и писаніе за собою причинное до его пастирской милости, абы конечно было отъ пастира на игуменство потверженій отобравши, поѣхалъ зъ Батурина въ Киевъ, где ставувши 23 октоврія въ неделю, рано пана и пастира тогожъ дня зъ литургіи святой идучи, заразъ привиталъ, отъ котораго преосвященного пана и пастира миле былъ яко знакомій ему, будучи принятій и по розмовѣ пастирей три дни забавивши, октоврія 26 на святаго великомученика Димитрія безъ взякой перепони, любо чинилъ велію турбацію отецъ Полиевктъ Русѣновичъ, у пастири садячися на игуменство безъ воли отцевъ и братіи и безъ воли ктитора его милости пана гетмана, отрималъ зъ рукъ пастирскихъ консенсъ на игуменство и устную о радѣніи монастира и братіи науку и со любовію архипастиръскою и благословеніемъ, отпущенъ до монастира зосталъ. И помощію Божіею октоврія 31 дня въ монастири станувши, щасливо владѣніе игуменства зачалъ, будучи отъ братіи зъ благословеніемъ архипастиръскимъ вдячно принятій. Мѣсяца октоврія 27 дня церковъ мурованая домуровалася и дотинковалася и посадку въ ней положили, и баня деревяная на олтари станула, и верхи пошаліовали и пулъбанъки веръхніе бѣлымъ желѣзомъ побили; прочее зимою року 1687 мирно препроводихомъ.

Со Богомъ начахомъ рокъ 1688.

Року 1688, марта 15, отецъ игуменъ ѣздилъ въ Батуринъ, до ясневелможного его милости пана гетмана Иоана Мазепи и привезъ на побитя церкве, желѣза бѣлого бляхъ двадцать фасъ. На веснѣ, мѣсяца априля 24 дня, почали тесли третюю баню великую на церквѣ, на папертѣ, робити. Мѣсяца априля 28, прислано зъ Батурина Ивана бляхнѣра, жителя глуховского, до монастира для побитя

бляхою церкве мурованой; а отъ вибитя кождой фасы желѣза, такъ отъ великой, яко отъ малой, постановеня зъ нимъ учинили платити грошми по десять золотихъ, опрочъ борошна, которій почалъ заразъ банѣ побивати. Тоежъ весни его милость панъ гетманъ Иоанъ Мазепа зъ войсками ихъ царского пресвѣтлого величества московскими и козацкими, пошли на Самаръ и тамъ черезъ лѣто городъ Новобогородиченъ збудовали и угрунтовали; и отъ того часу тотъ городъ станулъ на Самарѣ. Того жъ лѣта, о святой Троици, превелебный отецъ игуменъ Ипатій Горбачевскій совѣтъ сотвори зъ отцы соборными, о брамѣ мурованой ко церквѣ на ней святому архистратигу Михаилу да во мѣсто старія древяныя брамы, новую мурованую браму и церковъ на ней новую древяную соружать; и тако изволеніемъ Божіимъ и совѣтомъ отца игумена и отцевъ соборныхъ, усмотривше мѣсце и поступивше далѣе и вышше старыя брамы, идѣже нынѣ стоитъ брама мурованая, и церковъ на ней, и призиваніемъ помощи божія и святаго архистратига Христова Михаила, по запустахъ петровихъ, числомъ юня 11 дня, въ понеделокъ, начаша фундамента копати и браму муровати; и бѣ тщаніе и трудъ со прилѣжаніемъ, яко и братія нѣкоторіе помагали на мурѣ тоядже брами муровати.

Того жъ лѣта, юня мѣсяца, пославъ отецъ игуменъ въ таборъ къ Самарѣ до ясневелможного пана гетмана, просячи еще бляхи на побитя церквѣ, бо еще много не ставало, которій зъ милосердія своего, велѣлъ еще зъ Батурина дати бѣлого желѣза фасъ пятнадцать; и тое желѣзо зъ Батурина юля мѣсяца привезено. Августа дня 15, крести всѣ желѣзные, которые стоятъ на церквѣ мурованой, до монастиря привезено зъ Батурина, а тые кресты по указу ясневелможного добродѣя пана гетмана у Глуховѣ роблено; и заразъ почали ихъ направляти—и золотити и маліовати. Септеврія мѣсяца, всѣ крести поставлено на церквѣ; тесля Игнатъ, майстеръ теселскій, ихъ становилъ. Того жъ часу и банѣ всѣ бѣлымъ желѣзомъ добито, и браму мурованую докончили и въ серединѣ витинковали, и на зиму снопками накрили. Прочая часы зимою мирно проидохомъ, съ Богомъ почахомъ року 1689.

Копія листу до пана Иванна Самуйловича, гетмана, отъ синовъ его пана Семеона полковника стародубовскаго и пана Якова гетманичовъ, въ заложеню церкви мурованой въ монастиру Мгарскомъ писаного, которого есть такихъ текстъ: Ясневелможный мосцѣ пане гетмане войскъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожскихъ, нашъ велце милостивый родичу и добродѣю. Подлугъ намѣренной волѣ и мисли вашой родителской милости, ставувши въ монастиру Мгарскомъ 21 априля, злѣценое мнѣ отъ ясневел. вашой благоугодное дѣло ведлугъ пристойности расположеню мѣстца и розмѣряня церковной махины, тогожъ дня зачалемъ, и любо превелебный отецъ игуменъ мгарскій старой церкви мѣстца не хотячи оставити, замислъ свой ку фундаменту и заложеню на томъ же власномъ мѣстцу, склонялъ, лечъ мы, ижъ близкость трапезы спаціумъ барзо щуплое маючи имѣть монастырскій передъ трапезою тожъ зостаючій, къ тому и склепъ въ старой церквѣ будучій въ которомъ тѣла мертвіе опочиваютъ, не малою перепоною и трудностію на томъ старомъ власномъ мѣсцу зоставали, уважаючи въ потомный вѣкъ бы тое намѣреное и зачатое такъ велце побожное дѣло, въ коштѣ и накладѣ ясне вел. вашой долговѣчне трвало, пристойное усмотрѣвши мѣсце трохи вышше къ келіямъ мѣсца подналемъ, ижъ гдѣ стѣна ишла въ старой церквѣ лѣвого боку, то въ мурованой пойдетъ правого боку и въ долготу для окрасы и моцности, такъ же трохи помъкнутися мусѣло; тая тежъ церковная махина въ долготу пятьдесятъ пять локтей, а въ широту тридцять шесть локтей будетъ въ собѣ мѣти; а для выдоржаня и моцности тоей махины фундаментъ добрый въ пять локтей добрыхъ учинивши, въ день святого великомученика Георгія всеношное и молебная пѣнія къ Творцу Зиждителю и Богу, яко къ початку и концу всѣхъ дѣлъ учинивши, въ помощь взявши молитвы пресвятія Богородицы благословеніемъ чину духовного и за благословеніемъ родителскимъ ясне велм. вашей, нашого милостивого пана и добродѣя, сыновскимъ послушаніемъ и сокрушеннымъ сердцемъ, во честь всемилостивому Спасу фундаментъ при згромаженю множства народу, цале залоложилисми, просячи, абы тотъ же монарха нынѣ, которій сподобилъ начати щасливо далъ и со-

вершати, о чомъ всемъ за прибытемъ нашимъ до боку родительского ясне велм. вашой прибувши, готовисми обширнѣ справу дати, а на сей часъ ласцѣ родителской ясневелм. вашой покорно вручаемся. Ясно велм. вашой нашого милостивого родича и добродѣя во всемъ зичливые и нижайшие слуги Семеонъ Ивановичъ гетманичъ, полковникъ старадубовскій и Ияковъ Ивановичъ гетманичъ. З монастира Мгарского Лубенского. Року 1684.

Постановеня зъ шкляромъ на робленя оболонъ до церквѣ мурованой Мгарской Лубенской, именно зъ Федоромъ Иваненкомъ, року 1687.—За кождую оболону, за великую и малую, по полталяра грошовой плати, борошна житного—осмачокъ десять, пшеничного—осмачокъ двѣ, гречаного—осмачокъ три, пшона—осмачокъ двѣ, соли—пятьсотъ гусокъ, лою—пять пудовъ, солонины—полтей три, сала—пудовъ три, горѣлки простой—квартъ полтораста, рыбы голову одну иголнѣ; олѣю—пятдесятъ квартъ, шиптуху локоть сѣмъ на жупанъ ему. Шкло, олово и цѣнь панское маетъ быти. Оболонь въ церквѣ пятьдесятъ пять.

По власномъ панскомъ ясне велможнаго его милости пана гетмана добродѣя расказаню писано въ Батуринѣ, въ войсковой канцеляріи.

Року 1685, мѣсяца юля 25 дня. Постановлене зъ снѣцаромъ на роботу до церкви мурованой въ монастиру Мгарскомъ. Къ хвалѣ и славѣ всемогущого Бога въ Троицѣ единого къ оздобѣ божественного храма Преображенія Господня церкви великой монастира Мгарскаго, на виставлене деисуса рѣзаня снѣцарского такого великостю, якого церковъ тая потребуетъ, уедналъ ясневелможный его мил. панъ Иоанъ Самойловичъ, гетманъ войскъ ихъ царского пресвѣтлаго величества Запорожскихъ, майстра Стефана Мутяницу, которій маючи въ своемъ ремеслѣ залецене, обѣцуетъ мѣти дбалость около выготованя въ совершенной оздобѣ того хвалебного дѣла, за що его мил. прирекаетъ ему, майстровѣ, по его самого прошеню, такъ на виживлене зъ челядю лигоминами всякими, яко и въ ногороду праци, готовими грошми певное дати уконтентоване, а меновите: готовихъ грошей тисячи двѣ, фалендишу на пару сукенъ, и постовъ шиптуху, жит-

ной муки—осмачокъ сто, пшеничной муки—мѣрокъ пять, гречаной—мѣрокъ пять, пшона—полтретѣ мѣрки, крупъ гречанихъ—осмачокъ десять, гороху—мѣрку, соли—кулей чотири, рибъ вялихъ иголнѣ и крошени—осмъ головъ, просолной рибы—бочекъ чотири, олѣю—квартъ пятьсотъ, маку—осмачку, сѣмя конопляного—осмачокъ пять, яловицъ—пятнадцеть, борановъ—шестьдесятъ, кабановъ годованыхъ—двадцеть, сала—пудовъ двадцеть, масла—фасокъ пять, сира—осмачокъ три, солоду пивного—осмачокъ пятьдесятъ, проса—осмачокъ пять и хмелю—осмачокъ пять, горѣлки простой—квартъ полтори тисячи, меду присного—пудовъ пять, лою на свѣчки—камней дванадцеть, папѣру—резуенду (sic.), стали—прутовъ два, желѣза—шинъ пятнацеть, каруку—камней пять, обрѣзковъ—чотири осмачки; на рокъ ярины: капусти—кадолбовъ три, бураковъ—кадолбовъ два, огурковъ—кадолбовъ три, рѣпи—осмачокъ чотири, цебулѣ—венковъ тридцеть, чоснику—вѣнковъ тридцеть, дрова зъ лѣсовъ тихъ, которіи для паленя цегли куплени, ку потребѣ выстатчати оному. Яко теди все тое не отмѣнно майстра дойдетъ, такъ майстеръ повиненъ мѣти въ своей пилности, абы тое деисусовое дѣло скоримъ поспѣхомъ досконалою хорошостю и оздобою, было спораженно подлугъ позорного абрису, такъ якобы кождого уподобалося, о чомъ для памяти теди незабитной, записалося тое постановлене въ Батуринѣ, июля 25, року 1685. Звишменованный гетманъ рука власная.

В року 1687, мѣсяца февруарія четвертогонадцеть дня, привѣзъ Евгеній отъ ясневелможного его мил. пана гетмана, зол. пятдесятъ грошей, которіи его мил. отецъ игуменъ отдалъ мнѣ, Ипатію намѣснику, абымъ роздалъ мураромъ, которіи въ Лубнахъ зимовали; тоди по росказаню его мил. роздалемъ семомъ человѣкамъ тутъ написаннымъ, мѣсяца февруарія 16 дня: Василію Савицкому далъ десять зол.,—Роману Янченку далъ копъ три,—Трохиму Бобровичу далъ копъ три, Миколаю муравци, далъ копъ три, Андрѣю Валченку далъ полсема золотого, Михайлу Грухоновичу далъ зол. шесть,—Андрѣю Курилченку далъ зол. пять. Тоей сумы чинитъ золотихъ пятъдесятъ.

Реестръ пана Щеръбины, въ року 1687. Я, Захарій Щербина, бралемъ грошѣ отъ превелебного отца Макарія Русѣновича, игумена мгарского, на заплату всякому роботнику около церкве мурованой робячимъ. Напродъ, мѣсяца юня дня 5, взялемъ у отца игумена зол. сто, мѣсяца юня дня 15, отобралемъ на роботника другое зол. сто; августа 4, отобралемъ у отца игумена зол. полтораста; знову августа 5 дня, взялемъ золотихъ пятъ десятъ; августа 28, взялемъ у отца игумена золотихъ сто; септеврія 18 дня, взялемъ у отца игумена золотихъ сто; того жъ септеврія 20, взялемъ у отца игумена золотихъ сто.

Съ тихъ грошей росходъ ниже описанный. Напродъ, теслямъ, почавши отъ мѣсяца юня дня, презъ все лѣто, заплатилемъ: майстру теселскому Демяну Воронѣ, за лѣто, далемъ талярой четирнадцять; старому Воронѣ далемъ золотихъ десять; Федоровѣ Жижцѣ далемъ золотихъ чотири, Семену Стародубу далемъ золотихъ десять, Науму Кондратенку далемъ золотихъ сѣмнад. Люде покрувцѣ. Людемъ нанятимъ для помочи мураромъ, отъ юня 18 ажъ до святой Покрови, тилко грошей давалемъ: напродъ, Хвилону Сендецкому, атаману, далемъ талярей три, Семену Андрушченку далемъ талярей три, Юску Лацѣ далемъ талерей три, Гринку Дейнецѣ талярей три, Ювхиму Литовченку таляри три, Кондрату Василенку таляри три, Моисею Козинцю далемъ таляри три, Миколаю Литвину таляри три, Стефану Лысому таляри три; Ивану Кунченку далемъ таляри три, Лаврину Марелѣ таляри три, Ивану Савченку, таляри три, Яцку Заваденку таляри три, Савцѣ Лугиненку далемъ таляри три; Якову Юсченку таляри три, Тишку Лазаренку таляри три, Ивану Кузменку таляри три, Хвеску Будниченку таляри три. Тымъ людямъ покрувцямъ, выйшло грошей сто золотихъ пятъдесятъ золотихъ и шесть золотихъ.

Майстру шкляръскому видатокъ: Федору майстру шкляръскому, юня 18, далемъ копъ три; юля 1, далемъ полталяра, якъ въ Батуринъ ехалъ, далемъ золотій одинъ. Септеврія 18, якъ ѣхавъ до дому, далемъ зол. десять.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

МАЙ и ІЮНЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Мая 1889 г.

М. С. Щепкинъ

въ ролѣ Чупруна (Москаль-Чаровникъ)

съ современной гравюры.

Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.

Несмотря на свою завлекательность и давно признанную важность въ русской исторической наукѣ, вопросъ о византійскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря продолжаетъ оставаться очень темнымъ даже для спеціалистовъ. Легко перечесть немногочисленныя упоминанія византійскихъ писателей о Херсонѣ или Корсуни и о Климатахъ, но по этимъ сухимъ замѣткамъ историкъ почти лишенъ возможности составить себѣ понятіе какъ о характерѣ отношеній византійскаго правительства къ своимъ черноморскимъ владѣніямъ, такъ и о судьбахъ самыхъ этихъ владѣній. Нѣтъ ничего удивительнаго, если наши знанія по этому вопросу весьма поверхностны и если даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, касающихся сѣвернаго берега Чернаго моря, или повторяются общія мѣста, или высказываются неосновательныя, хотя и оригинальныя сужденія.

Наступало временами оживленіе вниманія и пробуждался особенный интересъ къ исторіи Крыма. Это бывало по случаю открытія новыхъ матеріаловъ, въ которыхъ ожидали найти важныя откровенія. Такъ было съ бесѣдами Фотія, съ Сурожской легендой, такъ было съ отрывками, напечатанными византинистомъ Газе, то есть съ такъ называемой Запиской греческаго или готскаго топарха. Но и эти открытія, сулившія въ началѣ привнести вкладъ въ исторію сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, если не совершенно обманули, то по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не оправдали ожиданій. «Записку готскаго топарха», говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, «несмотря на ея краткость, слѣдуетъ отнести къ числу первостепенныхъ источниковъ не только для исторіи Крыма, но и вообще для древней исторіи Россіи». Если однако этотъ «первостепенный источникъ» черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ

его опубликованія [1]) не успѣлъ еще оживить ни одной полустранички древней русской исторіи, и если покойный Соловьевъ не только не далъ ему права гражданства въ своей исторіи, но даже совсѣмъ обошелъ его молчаніемъ, то невольно возникаютъ сомнѣнія относительно качественности этого источника. Впрочемъ тотъ же ученый, у котораго взяты приведенныя выше слова, приглашаетъ «viribus unitis» приступить къ подробному изслѣдованію и разъясненію памятника, такъ какъ изъ него «дѣлались самые разнообразные и самые мудреные выводы».

Недостаточность нашихъ свѣдѣній о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря подъ византійскимъ господствомъ столько же объясняется скудостью источниковъ, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что отрывки Газе до 1874 года, когда появилось изслѣдованіе академика А. А. Куника [2]), были преметомъ самыхъ мудреныхъ выводовъ. Въ 1876 году, частію какъ отзывъ на статью академика Куника, появилось сочиненіе по тому же вопросу профессора В. Г. Васильевскаго [3]), который съ свойственнымъ ему остроуміемъ, широкой начитанностью въ литературѣ и рѣдкимъ знаніемъ «византійско-русскихъ» отношеній наложилъ на занимающій насъ памятникъ авторитетное veto, показавъ, что онъ трактуетъ не о крымскихъ отношеніяхъ, а о болгарскихъ и что описываемыя въ немъ дѣйствія происходятъ на Дунаѣ. Съ тѣхъ поръ, конечно, трудно было обращаться къ отрывкамъ Газе, какъ къ источнику для исторіи сѣверныхъ береговъ Чернаго моря.

Авторъ предлагаемаго изслѣдованія пришелъ къ мысли вновь поднять вопросъ о памятникѣ, уже хорошо изученномъ и объясненномъ, довольно косвеннымъ путемъ. Изучая дѣятельность одного лица для совершеннно чуждыхъ русской исторіи цѣлей, я нашелъ слѣды его пребыванія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Это побудило меня вновь пересмотрѣть византійскія извѣстія, относящіяся къ Крыму, при чемъ естественно было напасть на нѣкоторые, какъ мнѣ кажется, новые запросы и по отношенію къ критикѣ источниковъ и дѣлаемыхъ на основаніи этихъ послѣднихъ выводовъ. Отрывки Газе привлечены были въ качествѣ матеріала лишь для полноты изученія вопроса.

---

[1]) Отрывки Газе напечатаны въ 1818 году въ боннскомъ изданіи Льва Діакона.

[2]) *Куникъ*, О запискѣ готскаго топарха. Спб. 1874.

[3]) Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", часть 185, отд. 2.

I.

Протоспаѳарій Петрона и строеніе Саркела.

Въ числѣ дѣятелей IX и X в. византійская лѣтопись упоминаетъ, между прочимъ, о Петронѣ, прилагая къ этому имени различные титулы служебной іерархіи отъ низшаго и до самаго высшаго. Было бы трудно безъ тщательнаго изслѣдованія вывести заключеніе, одно ли и то же лицо разумѣется подъ этимъ именемъ, или два и даже три. Какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующаго, точное распредѣленіе извѣстій о лицѣ, носящемъ имя Петроны, не безразлично для русской исторіи, ибо дѣятельность Петроны связана съ исторіей народовъ, жившихъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря.

Одна часть лѣтописныхъ и агіографическихъ извѣстій безспорно разумѣетъ подъ этимъ именемъ брата царицы Ѳеодоры, возстановившей православіе въ 842 году. Слѣдовательно, мы можемъ оставить въ сторонѣ всѣ мѣста, гдѣ при упоминаніи о Петронѣ замѣчено, что это былъ братъ царицы или дядя царя Михаила III. Тамъ же, гдѣ не встрѣчается этой прибавки, раждаются сомнѣнія, требующія нѣкоторой критической работы.

Прежде всего выдѣляются свѣдѣнія о Петронѣ, какъ строителѣ Саркела на Дону и первомъ стратигѣ Херсона таврическаго. О миссіи Петроны въ сѣверныя страны отъ Чернаго моря, очевидно, былъ составленъ особый докладъ, который былъ извѣстенъ далеко не всѣмъ лѣтописцамъ. Онъ не былъ извѣстенъ продолжателю лѣтописи Георгія Амартола, почему не находимъ извѣстія о построеніи Саркела въ русскомъ сводѣ; на него не обратили вниманія такіе лѣтописцы, которые завѣдомо пользовались одними и тѣми же источниками, что̀ продолжатель Ѳеофана и даже тѣ, которые пользовались лѣтописью этого послѣдняго. Докладъ о миссіи Петроны пущенъ былъ въ оборотъ, по всей вѣроятности, уже Константиномъ Порфиророднымъ, изъ сочиненія котораго и вошелъ въ лѣтопись продолжателя Ѳеофана. Литературная переработка этого доклада шла такимъ образомъ: Константинъ первый сдѣлалъ изъ него извлеченіе въ сочиненіи De administrando imperio, продолжатель Ѳеофана внесъ это извлеченіе въ свою лѣтопись, Скилица-Кедринъ только сократилъ лѣтописное изложеніе [1]). Такимъ образомъ, у Константина нужно видѣть первую

---

[1]) *De administr. imperio.* c. 42; *Continuator Theophanis* III. 28; *Cedrenus* II. 130.

литературную обработку свѣдѣній о миссіи Петроны, которыя могли находиться въ византійскомъ государственномъ архивѣ къ половинѣ X вѣка. Предполагается, что въ основаніе этой главы положено географическое сочиненіе, авторъ котораго зналъ, между прочимъ, о миссіи Петроны [1]). Но въ какомъ духѣ сдѣлана первая литературная обработка доклада Петроны, объ этомъ можно только высказывать болѣе или менѣе вѣроятныя гаданія, такъ какъ самаго доклада до сихъ поръ не отыскано.

И Константинъ, и продолжатель Θеофана относятъ миссію Петроны на сѣверъ и постройку Саркела ко времени царя Θеофила (829—842); тотъ и другой результатомъ дѣятельности Петроны полагаютъ отмѣну привилегій Херсона, о значеніи же постройки Саркела не дѣлаютъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, какъ будто это было весьма обыкновенное дѣло. Изъ сопоставленія текста Константина и продолжателя Θеофана получается слѣдующій разсказъ.

Каганъ хазарскій и бегъ обратились къ царю Θеофилу съ просьбой, чтобы онъ построилъ имъ укрѣпленіе на Дону. Цѣль этого укрѣпленія заключалась въ томъ, чтобы защищать хазарскую область отъ нападеній печенѣговъ, которые занимали южнорусскія степи отъ нижняго теченія Дуная до Дона. Въ Саркелѣ хазары должны были содержать постоянный гарнизонъ изъ 300 человѣкъ, періодически смѣняемый. Царь Θеофилъ согласился удовлетворить просьбу кагана и отправилъ на царскихъ судахъ отрядъ людей подъ предводительствомъ спаθарокандидата Петроны, присоединивъ къ нему морскую эскадру катапана Пафлагоніи. Однако въ Херсонѣ пришлось оставить большія морскія суда и пересадить экипажъ на грузовыя круглыя суда, которыя могли ходить по рѣкѣ. Прибывъ по Дону къ мѣсту, гдѣ нужно было строить укрѣпленіе, Петрона приступилъ къ дѣлу. Но какъ въ этой мѣстности не оказалось камня, годнаго для строенія, то онъ приказалъ копать глину и устроить печи и сталъ выжигать кирпичъ, известку же нашелъ возможнымъ добывать изъ мелкаго рѣчнаго камня. Съ большими затрудненіями Петрона привелъ къ концу дѣло и окончилъ укрѣпленіе.

Возвратившись въ Константинополь, онъ сдѣлалъ царю докладъ высокой политической важности, касающійся обезпеченія власти Византіи въ Херсонѣ. По его мнѣнію, основанному на знаніи людей и мѣстъ, необходимо было усилить въ Херсонѣ центральную власть.

---

[1]) *De administr. imp.* p. 177 со словъ ἀπὸ δὲ κάτωθεν до p. 179. 10.

иначе страна можетъ освободиться изъ подъ византійскаго вліянія. Для этого нужно было измѣнить администрацію этой области, отмѣнить привилегіи Херсона, который жилъ по городовому праву и управлялся протевономъ и совѣтомъ старшинъ. Согласно представленію Петроны, съ тѣхъ поръ отмѣнены были привилегіи въ устройствѣ Херсона, и этотъ городъ получилъ въ лицѣ назначаемаго изъ Византіи стратига верховнаго блюстителя и воеводу, которому подчиненъ протевонъ и совѣтъ старшинъ (городской голова и дума). Стратигомъ назначенъ Петрона съ возведеніемъ въ чинъ протоспаѳарія. Съ этихъ поръ, продолжаютъ наши тексты, установился обычай назначенія стратиговъ въ Херсонъ изъ Константинополя. Такъ - то произошло построеніе Саркела, заканчиваетъ Константинъ; продолжатель же Ѳеофана, замѣтивъ, что подобное заключеніе не совсѣмъ вяжется съ предыдущимъ, сдѣлалъ необходимую добавку: «вотъ какъ было строеніе Саркела и назначеніе стратиговъ въ Херсонъ».

Легко понять, что въ приведенномъ изложеніи сохранилось указаніе на два факта, причинная и хронологическая связь между которыми не такъ необходима, чтобы можно было съ увѣренностью утверждать слѣдующее положеніе: построеніе Саркела влекло за собой перемѣну въ администраціи Херсона, или наоборотъ. Въ изложеніи Константина отмѣченная выше послѣдняя фраза даетъ чувствовать свою неумѣстность; въ источникѣ, на основаніи котораго она составлена, могли быть нѣкоторыя дополненія, выпущенныя Константиномъ. Но конечно, трудно дѣлать гаданія на счетъ этихъ дополнительныхъ свѣдѣній.

Представляется однако возможнымъ подвергнуть критикѣ приведенный разсказъ съ точки зрѣнія его исторической несостоятельности.

Византійское правительство отличалось особенно ревнивымъ охраненіемъ тайнъ своего военнаго искусства отъ варваровъ. Бывали случаи, что императоры предпочитали стоять въ бездѣйствіи передъ лагеремъ или варварскимъ укрѣпленіемъ, выжидая, когда голодъ принудитъ сдаться осажденнаго непріятеля, но не рискуя показать ему дѣйствіе своихъ машинъ. Строительное искусство принадлежало также къ преимуществамъ византійской культуры передъ варварами. Какъ же допустить, чтобы византійскій императоръ рѣшился послать своего инженера и снарядить цѣлую экспедицію для строенія крѣпости въ варварской землѣ? Могъ ли какой бы то ни было императоръ согласиться на просьбу своихъ политическихъ враговъ, да еще варваровъ, строить для нихъ крѣпость въ ихъ землѣ своими людьми?—Крѣ-

ность Саркелъ дѣйствительно была построена византійцами, но построена съ цѣлью укрѣпленія своего вліянія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и, конечно, не по просьбѣ хазарскаго кагана. Византійскій императоръ строилъ укрѣпленіе не для хазаръ, а для себя: въ X вѣкѣ Саркелъ принадлежалъ грекамъ, а не хазарамъ, и въ этомъ заключается любопытнѣйшая сторона изучаемаго нами вопроса.

У того же Константина есть доказательство этой мысли. Если бы, говоритъ онъ [1]), властитель Аланіи не находился въ мирѣ съ хазарами, но предпочиталъ дружбу царя ромэйскаго, хазары же не пожелали бы соблюдать дружбу и миръ съ царемъ, въ такомъ случаѣ властитель аланъ можетъ сильно вредить имъ, занимая пути и дѣлая на нихъ неожиданныя нападенія во время ихъ движенія къ Саркелу, Климатамъ и Херсону. И если означенный властитель приложитъ стараніе и будетъ отвлекать ихъ, то Херсонъ и Климаты могутъ пользоваться глубокимъ и совершеннымъ миромъ.—Не требуется никакихъ толкованій къ этому мѣсту, чтобы установить его смыслъ. Ясно, что предполагаемая вражда аланъ къ хазарамъ должна препятствовать послѣднимъ дѣлать враждебныя нападенія на греческія владѣнія; такимъ образомъ поименованныя мѣста: Саркелъ, Климаты и Херсонъ, въ періодъ происхожденія сочиненія De administrando imperio, будучи одинаково защищены отъ хазаръ грозою со стороны аланъ, оказываются греческими владѣніями. Въ сущности это единственное прямое мѣсто, раскрывающее дальновидную политику византійскаго правительства на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, но и оно оставалось какъ-то незамѣченнымъ.

Но если Саркелъ въ половинѣ X в. былъ византійскимъ городомъ, то это даетъ уже намъ весьма реальныя основанія подвергнуть сомнѣнію разсказъ о томъ, что Саркелъ построенъ по просьбѣ хазарскаго кагана.

Возникаютъ, далѣе, значительныя хронологическія недоразумѣнія. И Константинъ, и продолжатель Ѳеофана относятъ постройку Саркела ко времени царя Ѳеофила. Въ лѣтописи продолжателя Ѳеофана разсказъ о миссіи Петроны помѣщенъ послѣ изложенія похода Ѳеофила на востокъ, окончившагося завоеваніемъ Самосата и Созопетры. При помощи арабскихъ лѣтописей [2]) хронологія этого похода устанавливается довольно точно (837 г.), для построенія Саркела

---

[1]) *De administr. imperio* c. 11.

[2]) *Weil*, Geschichte der Chalifen II. s. 309—310 (Mannheim 1848).

также пріобрѣтается этимъ приблизительная дата. Но если принять во вниманіе то обстоятельство, что во время строенія Саркела печенѣги занимаютъ уже всю южную Россію отъ Дона до нижняго Дуная и что угры находятся уже на мѣстахъ нынѣшняго ихъ обитанія, что, наконецъ, мотивомъ построеніи Саркела выставляется именно борьба хазаръ съ печенѣгами, то время царствованія Ѳеофила рѣшительно не можетъ подходить сюда. Хронологическая разница между временемъ Ѳеофила и періодомъ утвержденія печенѣговъ въ южной Россіи весьма значительна, послѣднее относится къ X вѣку.

Наконецъ, самое важное затрудненіе относится къ имени строителя Саркела. Было бы весьма натурально, особенно когда идетъ рѣчь о времени царя Ѳеофила, предполагать въ строителѣ Саркела хорошо извѣстнаго Петрону, шурина Ѳеофила, брата его супруги Ѳеодоры. Но не говоря уже о томъ, что этотъ Петрона, при родственныхъ отношеніяхъ къ царю, игралъ болѣе выдающіяся роли и носилъ высшіе чины, онъ едва ли обладалъ необходимой подготовкой для исполненіи того порученія, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Можетъ быть, окажется возможнымъ отыскать такого Петрону, который бы и по своему положенію, и по спеціальнымъ знаніямъ, заявленнымъ въ другихъ случаяхъ, болѣе подходилъ къ строителю Саркела.

Съ такимъ именно Петроной знакомитъ насъ Іоаннъ Каменіата, описавшій на основаніи собственныхъ наблюденій, завоеваніе арабами Солуни въ 904 году[1]). Такъ какъ извѣстіе, читаемое у І. Каменіата, имѣетъ важное значеніе для нашихъ цѣлей, то и приведемъ его вполнѣ.

«Когда мы малодушествовали, прибылъ къ намъ быстроходный вѣстникъ отъ Льва благочестиваго царя, предупреждающій о походѣ варваровъ, то есть противныхъ агарянъ, и повелѣвающій со всею поспѣшностью вооружаться. Отъ него мы узнали, что къ царю явились перебѣжчики изъ самихъ варваровъ и выдали намѣренія вождей ихъ. Планъ непріятелей былъ ударить всей силой на Солунь, такъ какъ ихъ увѣряли многіе захваченные въ плѣнъ греки, что Солунь не защищена стѣной со стороны моря и легко можетъ быть взята съ кораблей. По полученіи этой ужасной вѣсти, во всемъ городѣ началось смятеніе, всѣхъ объялъ страхъ и смущеніе; стали совѣщаться, что предпринять для собственной безопасности, какъ приготовиться къ защитѣ противъ враговъ и выступить противъ

---

[1]) *De Excidio Thessalonicae*, ap. *Migne*, Patrologia Graeca t. 109, cap. 16, 17, 18.

нихъ. Но мы никакъ не попадали на хорошую мысль, такъ какъ не имѣли военной опытности и не знали, съ чего начать. Умы всѣхъ главнымъ образомъ смущало то обстоятельство, что была негодна стѣна, на которую ожидалось нападеніе непріятеля. Итакъ совѣщались ѳ принятіи мѣръ къ обезопашенію стѣны и приведенію ея въ лучшее состояніе. Но это рѣшеніе не одобрилъ тотъ, кто принесъ отъ царя печальное извѣстіе. *Онъ назывался Петроной и носилъ чинъ*[1]) *протоспаѳарія.* Ему приказано было остаться нѣсколько времени въ городѣ, чтобы подать необходимое содѣйствіе и помощь въ дѣлахъ. Онъ присовѣтовалъ другой очень разумный, рѣшительный и спасительный планъ, но его разстроили наши грѣхи, уготовлявшіе намъ гибель. Ученый этотъ мужъ и пріобрѣвшій большой опытъ въ дѣлахъ, сообразивъ, что если бы онъ озаботился постройкой стѣны, то доставилъ бы только много труда гражданамъ, а пользы ни мало не принесъ этимъ, придумалъ другой способъ защиты—и смотри какой остроумный и пригодный.

«Видя, что южная часть города вся окружена морскими водами и что въ случаѣ нападенія непріятелей съ этой стороны они легко достигнутъ желаемаго, такъ какъ никакого сопротивленія не будетъ имъ оказано со стороны стѣны, въ силу ея незначительной высоты, непріятели же съ кормы кораблей могутъ какъ съ возвышенности поражать тѣхъ, которые находились бы на бойницахъ, Петрона придумалъ слѣдующее. Онъ совѣтовалъ устроить загражденіе и нѣкоторую искусственную засаду, которая бы была прикрыта водой, это загражденіе въ одно и то же время служило бы защитой для города и препятствіемъ непріятелю. Съ восточной и западной стороны города было много вытесанныхъ изъ одного камня погребальныхъ памятниковъ—это было старое кладбище жившихъ здѣсь эллиновъ; свозя ихъ и погружая въ море особеннымъ способомъ, *который самимъ имъ былъ изобрѣтенъ,* располагая ихъ въ водѣ въ извѣстномъ порядкѣ въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго, создалъ этимъ морское небывалое укрѣпленіе, по истинѣ болѣе крѣпкое и надежное, чѣмъ высокая стѣна, выстроенная на сушѣ. И если бы осуществлено было это предпріятіе, оно доставило бы городу всю безопасность, такъ какъ корабли не могли бы ни въ какомъ случаѣ приблизиться и нанести вредъ, но по нашему нерадѣнію проектъ этотъ затормозился и не былъ приведенъ въ исполненіе.

---

[1]) C. 17. Πετρωνᾶς δὲ οὗτος ἐκαλεῖτο, τῷ καταλόγῳ τῶν πρωτοσπαθαρίων ἐναριθμούμενος.

«Ибо, когда это подводное загражденіе доведено было уже до середины опаснаго мѣста, и мы начинали успокоиваться и отбросили страхъ, прибылъ нѣкто другой, также посланный царемъ, устранившій сейчасъ же Петрону и принявшій на себя все попеченіе о городѣ. Это былъ Левъ, назначенный стратигомъ всей области и получившій въ свои руки военную власть. Онъ за лучшее разсудилъ оставить начатое дѣло и приступилъ къ возведенію стѣны. Поэтому тотчасъ же по прибытіи далъ людямъ изъ городскаго дима, наряженнымъ на работы по загражденію, другое назначеніе, приказавъ имъ сносить необходимый матеріалъ для строителей и такимъ образомъ многочисленностью рабочихъ рукъ и обильной доставкой матеріала заботился осуществить задуманное предпріятіе. Постройка стѣны пошла съ значительнымъ успѣхомъ. Но чѣмъ больше поднималась стѣна до той высоты, какая казалась необходимой, чтобы противостоять замысламъ враговъ, тѣмъ сильнѣйшія опасенія мы, граждане, питали на счетъ недоконченной части ея. Ибо никоимъ образомъ нельзя было успѣть вывести стѣну на всемъ протяженіи, которое нужно было защищать, наступленіе же варваровъ ожидалось со дня на день, а наша постройка не дошла еще до середины опаснаго мѣста, съ котораго можно было нанести вредъ.—Къ несчастію Левъ не могъ окончить предпріятія, такъ какъ вслѣдствіе паденія съ лошади впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая воспрепятствовала ему слѣдить за работами. Смѣнившій его стратигъ Никита обратился къ исполненію новыхъ проектовъ для защиты города».

Описанныя здѣсь приготовленія происходили лѣтомъ 904 года. Посланный царемъ въ Солунь опытный инженеръ протоспаѳарій Петрона, придумавшій систему подводныхъ загражденій и механическихъ приспособленій къ погруженію въ воду надгробныхъ памятниковъ, и своимъ именемъ, и титуломъ, и—что особенно важно—спеціальностью не можетъ не напоминать намъ того Петрону, который посланъ былъ для постройки Саркела и который былъ стратигомъ Херсона. Но если сообщенныя І. Каменіатой данныя очень подкупаютъ въ пользу предположенія, что такой именно Петрона могъ быть назначенъ для строенія Саркела, то хронологія описываемаго событія, на семьдесятъ слишкомъ лѣтъ разнящаяся отъ предполагаемаго 837 года постройки Саркела, не можетъ допустить мысли, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же Петрона. Соображая и прочія, вышеуказанныя несообразности, мы безъ всякаго колебанія принимаемъ дату завоеванія Солуни арабами за

точку отправленія въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи о *времени жизни и дѣятельности протоспаварія Петроны* и, слѣдовательно, о *построеніи Саркела.*

Если же построеніе Саркела отодвигается къ X вѣку, то возбуждается очень деликатный вопросъ на счетъ *достовѣрности данныхъ, сообщаемыхъ Константиномъ Порфиророднымъ.* Хотя въ русской исторической наукѣ Константинъ представляетъ собой крупный авторитетъ, котораго нельзя касаться безъ должной осторожности, тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ утверждать здѣсь, что сообщаемыя въ 42 гл. «De administrando imperio» данныя находятся въ противорѣчіи съ обычной политикой византійскаго правительства по отношенію къ варварамъ и съ хронологіей нѣкоторыхъ довольно точно извѣстныхъ фактовъ и отношеній, а потому оказываются подозрительными. Само собой разумѣется, было бы недостаточно отмѣтить этотъ фактъ, не предложивъ попытки объясненія его. Отмѣчаемыя въ лѣтописныхъ изложеніяхъ ошибки имѣютъ различныя объясненія: лѣтописецъ могъ неумышленно впасть въ ошибку, принявъ безъ должной провѣрки чужое мнѣніе—письменное или переданное ему словесно,—такъ объясняется ошибка продолжателя Ѳеофана, воспользовавшагося данными, полученными отъ Константина. Но могутъ быть тенденціозныя уклоненія отъ истины, намѣренныя искаженія фактовъ; съ этими послѣдними критикѣ предстоитъ больше затрудненій, чѣмъ съ первыми, ибо въ этомъ случаѣ мало констатировать ошибку, надобно еще показать, кому она была нужна и съ какой цѣлью пущена въ ходъ.

Изъ чтенія произведеній, носящихъ имя Константина, легко можно убѣдиться, что онѣ составляютъ сводъ археологическихъ и историческихъ знаній, какія можно было собрать въ X вѣкѣ. Есть большая вѣроятность, что мы имѣемъ здѣсь собранные по приказанію императора матеріалы, оставшіеся не провѣренными, не сличенными между собой, вообще имѣемъ сырой археологическій и историческій матеріалъ. Ни личной композиціи, ни самостоятельной обработки, ни творчества нельзя искать ни въ «De ceremoniis», ни въ «De administr. imperio». Каждая отдѣльная глава представляетъ собой или отдѣльное донесеніе, или особый документъ, хранившійся въ архивахъ, или отдѣльную работу, сдѣланную по спеціальному заказу. Сорокъ вторая глава «De admin. imperio» не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Основнымъ матеріаломъ къ построенію этой главы послужило безъ сомнѣнія сочиненіе, носившее именно

такое заглавіе, какъ надписывается гл. 42, то есть Γεωγραφία ἀπὸ Θεσσαλονίκης μέχρι τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ. Едва ли это сочиненіе подверглось какимъ перемѣнамъ въ той редакціи, въ какой оно сохранилось; по всей вѣроятности оно принято цѣликомъ въ сборникъ, носящій имя Константина. Всматриваясь въ содержаніе произведенія, мы замѣчаемъ въ немъ очень опредѣленныя указанія на эпоху, ранѣе которой оно не могло быть составлено. Важнѣйшимъ изъ такихъ указаній служитъ этнографическій переворотъ, произведенный на Балканскомъ полуостровѣ вторженіемъ угровъ. Разрушивъ моравское царство, угры съ 894 г. ступаютъ твердой ногой въ Паннонію, ранѣе 900 года едва ли можно было допустить такое выраженіе о Моравіи, какое находимъ въ 42 главѣ: «и обитаютъ угры моравскую землю по ту сторону Дуная и по сю сторону между Дунаемъ и Савой». Другая черта, опредѣляющая хронологію произведенія, дана тѣмъ извѣстіемъ, что область по ту сторону нижняго теченія Дуная, противъ города Силистріи, до самаго Саркела, занята печенѣгами. Указанные этнографическіе факты свидѣтельствуютъ, что оригиналъ, на основаніи котораго построена 42 глава, не могъ быть составленъ ранѣе начала X вѣка. Но и предыдущія разысканія относительно жизни и дѣятельности Петроны также привели насъ къ X вѣку. Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о невольной ошибкѣ, такъ какъ для Константина и его современниковъ это были живые и памятные еще факты.

Формально невѣрности въ сообщеніи Константина выражаются въ трехъ пунктахъ: 1) построеніе Саркела отодвинуто ко времени царя Θеофила; 2) миссія Петроны мотивирована просьбой хазарскаго кагана; 3) съ экспедиціей на сѣверъ связана реформа администраціи Херсона, а не всего края, на который простирались теперь виды византійскаго правительства, какъ бы этого слѣдовало ожидать. Прежде чѣмъ входить въ разсмотрѣніе византійской политики на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой половинѣ X в., укажемъ здѣсь кратко, какими формальными мотивами могутъ до нѣкоторой степени объясняться указанныя невѣрности. Собственное имя Θеофила могло явиться изъ эпитета τὸν θεόφιλον или θεοφιλῆ; царь Θеофилъ очень хорошо могъ стоять рядомъ съ Петроной, ибо извѣстенъ былъ родственникъ его по женѣ, носившій это имя. Просьба хазарскаго кагана есть благовидный предлогъ, оправдывающій движеніе византійскаго оружія въ чужую землю: могли быть причины, побуждавшія сослаться на такой предлогъ для оправданія совершившагося факта. Наконецъ,

что касается реформы въ управленіи Херсономъ, здѣсь допущено лишь маленькое умолчаніе. Послѣ экспедиціи на сѣверъ Петрона дѣйствительно былъ назначенъ первымъ стратигомъ, только не одного Херсона, а всей области, со включеніемъ Климатовъ и Саркела. Умолчаніе это имѣетъ тѣмъ больше благовидности, что дѣйствительно незадолго передъ тѣмъ въ Херсонѣ мы встрѣчаемъ стратиговъ, которыхъ прежде не было, и что дѣйствительно въ росписи чиновъ у Константина Порфиророднаго находимъ новую херсонскую ѳему. Но собственно ограниченіе привилегій Херсона произошло раньше движенія къ Саркелу. Въ первый разъ стратигъ херсонскій [1]) упоминается при Львѣ Мудромъ (886—912) и упоминается при довольно необычныхъ обстоятельствахъ: херсонскій стратигъ былъ тогда убитъ жителями города. Не въ этомъ ли слѣдуетъ искать причину посылки экспедиціи на сѣверъ?—На поставленные здѣсь вопросы попытаемся отвѣчать въ слѣдующей главѣ.

II.

Отрывки Газе, или Записка греческаго топарха.

Записка греческаго или готскаго топарха, какъ открытые византинистомъ Газе отрывки названы русскими учеными, остается до сихъ поръ весьма загадочной и по своему происхожденію, и по содержанію. Правда, существуетъ нѣсколько и весьма авторитетными лицами выраженныхъ мнѣній объ ея происхожденіи и историческомъ значеніи, но въ памятникѣ есть столько неопредѣленностей, намековъ, допускающихъ различныя толкованія, и—что всего хуже—пропусковъ, что споры о немъ никакъ не могутъ считаться закрытыми даже послѣ самой новой по времени работы, принадлежащей профессору В. Г. Васильевскому. Кто знакомъ съ трудами этого почтеннаго византиниста, тотъ знаетъ также, какъ не любитъ онъ оставлять въ изучаемыхъ имъ вопросахъ пробѣловъ: общепризнанныя достоинства его изслѣдованій суть широкое знакомство съ источниками и литературой, глубина изученія и точность выводовъ. Легко поэтому понять,

---

[1]) *Continuatio Theophanis*, De Leone c. 10 ἐπὶ τούτου καὶ οἱ τῆς Χερσῶνος οἰκήτορες τὸν αὐτῶν ἀπέκτειναν στρατηγὸν Συμεὼν τὸν τοῦ Ἰωνᾶ; *Георгій Амартолъ* сообщаетъ о томъ же подъ 892 годомъ (изд. Муральта стр. 774), при чемъ въ изданіи *Миня* Patrologia graeca t. 109 p. 916 этотъ Симеонъ названъ сыномъ Іоанна.

почему мало найдется охотниковъ подвергать пересмотру тѣ вопросы, которыми занимался г. Васильевскій. Онъ первый сдѣлалъ прекрасный русскій переводъ отрывковъ, присоединивъ къ тексту достаточно исчерпывающій предметъ комментарій, чѣмъ далъ возможность пользоваться любопытнымъ памятникомъ и не спеціалистамъ. Его объясненія и выводы, въ достаточной мѣрѣ удовлетворяя основнымъ научнымъ требованіямъ, можно сказать, закрывали дебаты по поводу «Записки греческаго топарха» и во всякомъ случаѣ отбивали охоту придумывать новыя теоріи къ объясненію ея содержанія. Съ 1876 года по этому вопросу наступило полное затишье.

Затрогивая вновь отрывки Газе, я нахожу возможнымъ не передавать здѣсь всего ихъ содержанія. Чтобы обозначить свою точку отправленія, мнѣ достаточно будетъ сказать, что въ нынѣшнемъ состояніи вопроса объ отрывкахъ различаются двѣ стороны: во первыхъ, пониманіе реальнаго смысла ихъ, то есть переводъ и комментарій къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, во вторыхъ, историческія объясненія, то есть попытка пріуроченія отрывка къ опредѣленному времени и отношеніямъ. Мнѣ кажется, что В. Г. Васильевскій, давъ безспорно полное и удовлетворительное объясненіе отрывкамъ, увлекся въ заключеніяхъ объ нихъ нѣсколькими фразами греческаго текста и допустилъ натяжки въ историческихъ объясненіяхъ. Такъ какъ я оставляю во всей силѣ переводъ его и комментарій, то постараюсь со всей краткостью указать два—три мѣста, въ толкованіи которыхъ не могу съ нимъ согласиться, и которыя, по моему мнѣнію, важны съ точки зрѣнія общей оцѣнки историческаго значенія отрывковъ.

Какъ извѣстно, отрывки Газе обратили на себя вниманіе тѣмъ, что имѣютъ отношеніе къ русской исторіи. Такъ, въ нихъ описывается переправа черезъ Днѣпръ, говорится о Климатахъ, въ которыхъ видѣли крымскіе Климаты, о борьбѣ греческаго топарха съ варварами, нападавшими на его область, наконецъ, о сильномъ и воинственномъ государѣ на сѣверъ отъ Дуная, въ которомъ также усматривали русскаго князя. Понятенъ отсюда интересъ къ отрывкамъ. Самъ Газе отнесъ эти отрывки къ исторіи Крыма и пріурочилъ описываемыя въ нихъ событія ко времени завоеванія Херсона Владиміромъ въ 988 г. Но послѣдующіе толкователи отрывковъ по второму пункту высказали сомнѣнія и разногласія [1]). Первый заподозрилъ принадлежность отрыв-

---

[1]) Литературныя указанія въ статьѣ проф. *Васильевскаго*: Записка греческаго топарха въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1876 г. часть 185, отд. 2.

ковъ ко времени Владиміра Кёне въ 1848 г.; С. А. Гедеоновъ относилъ ихъ ко времени Святослава; А. А. Куникъ высказалъ взглядъ, что отрывки трактуютъ не о русскихъ нападеніяхъ на Крымъ и что подъ варварами здѣсь всего естественнѣе понимать хазаръ; Н. П. Ламбинъ относилъ разсказываемыя въ отрывкахъ событія ко времени Олега; Д. И. Иловайскій ко времени Игоря. Итакъ, всѣ изслѣдователи видѣли въ Климатахъ Крымъ, и ставили разсказываемыя въ отрывкахъ событія въ связь съ русской исторіей: одни времени Игоря и Олега, другіе Святослава и Владиміра. Вообще же, въ смыслѣ опредѣленія хронологіи, встрѣчаемъ колебанія на сто лѣтъ, отъ конца IX до конца X в. Выводъ В. Г. Васильевскаго оригиналенъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ онъ перенесъ мѣсто дѣйствія изъ Крыма на Дунай, во вторыхъ далъ совершенно иное толкованіе историческому содержанію отрывковъ, поставивъ ихъ въ связь съ исторіей войнъ Святослава въ Болгаріи. Такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія исторической и литературной критики отрывковъ.

В. Г. Васильевскій, между прочимъ, приведенъ былъ къ своему, указанному выше, выводу палеографическими наблюденіями, сдѣланными самимъ издателемъ отрывковъ византинистомъ Газе. Едва ли, однако, можно серьезно настаивать на палеографическихъ наблюденіяхъ до такой степени, чтобы отличать почерки по двадцатилѣтіямъ. Не говоря уже о томъ, что палеографы рѣшаются съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ говорить только о вѣкахъ рукописей, а не о десятилѣтіяхъ, да и въ опредѣленіи вѣковъ не всегда бываютъ согласны, самый вопросъ о палеографическихъ наблюденіяхъ Газе имѣетъ въ нашемъ случаѣ слишкомъ относительное значеніе. Газе говоритъ, что рукопись, въ которой имъ прочитанъ былъ отрывокъ, писана въ исходѣ X вѣка, и что отрывки писаны другой рукой, немного младшей, чѣмъ сама рукопись. Вѣдь ужъ если строго держаться означенныхъ наблюденій, то нужно отрывокъ отнести къ XI в., и тогда весь вопросъ объ историческомъ пріуроченіи его получаетъ другую форму. Если сама рукопись писана въ исходѣ X в., то «младшая» рука уже никакъ не можетъ быть относима къ тому же концу X в., иначе бы она не была младшая.

Далѣе, ничѣмъ по нашему мнѣнію не оправдывается ни наблюденіе Газе, ни отстаиваемое В. Г. Васильевскимъ положеніе, что авторъ отрывковъ былъ владѣлецъ рукописи, которую онъ имѣлъ при себѣ во время путешествія, описываемаго въ отрывкахъ. Позволю себѣ обратить вниманіе на заключеніе третьяго отрывка, къ которому

я имѣю обратиться ниже и который во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что отрывки не составлены во время описываемыхъ въ нихъ событій, ибо передаютъ факты не въ формѣ ежедневной записи, а въ видѣ исторической записки о прошедшихъ событіяхъ. Слѣдовательно, ничто не препятствуетъ видѣть въ нашихъ отрывкахъ записки участника и очевидца, составленныя однако уже послѣ событій. Но при этомъ остается открытымъ вопросъ о томъ, принадлежитъ ли видѣнный Газе отрывокъ собственной рукѣ топарха, или представляетъ собой копію. Только при такой постановкѣ вопроса возможны были историческія разысканія, сдѣланныя В. Г. Васильевскимъ. Ибо ясно, если отрывокъ приписывать самому топарху, писавшему его во время описываемыхъ въ отрывкѣ событій, то нужно перенестись изъ X въ XI столѣтіе для освѣщенія историческаго содержанія отрывка. Но на эту дорогу не вступалъ ни одинъ изслѣдователь.

Чтобы выяснить дальнѣйшія положенія, сдѣлаю нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній.

Въ первомъ отрывкѣ несомнѣнно нужно видѣть возвращеніе изъ военной экспедиціи. Авторъ отрывка военный, стоящій во главѣ отряда, снабженнаго значительнымъ обозомъ [1]). Весьма можетъ быть, что второй и третій отрывокъ представляютъ собой именно повѣствованіе объ этой экспедиціи, въ которой строеніе крѣпости играло важнѣйшее значеніе. Военный характеръ движенія, о которомъ идетъ рѣчь въ первомъ отрывкѣ, усматривается изъ того, что отрядъ идетъ по *системѣ военнаго похода*: онъ имѣетъ ἀκόλουθοι и πρόσκοποι, необходимыя составныя части во всякомъ отрядѣ, какъ показываютъ военныя сочиненія. Ἀκόλουθοι брались изъ мѣстныхъ жителей, почему и находимъ въ отрывкѣ объясненіе, что они разошлись по домамъ. *Сны и сновидѣнія* несомнѣнно также обличаютъ военный характеръ отряда, ибо выраженіе: «одни завидовали участи умершихъ, какъ освободившихся отъ заботъ и трудовъ, другіе оплакивали будущую судьбу, какая страшная доля ожидаетъ ихъ» —указываетъ на потерянныхъ въ экспедиціи товарищей по оружію и на тяжкое положеніе, въ которомъ находился отрядъ. Наконецъ, и заключеніе отрывка, что отрядъ шелъ по непріятельской землѣ, не позволяетъ иначе представлять его какъ отрядъ военный.

---

[1]) Отрядъ, съ которымъ онъ боролся противъ варваровъ и строилъ крѣпость, доходилъ до 400 человѣкъ. По всей вѣроятности, возвращался онъ не со всѣмъ отрядомъ, оставивъ часть его въ крѣпости.

Пока мы не знаемъ, что̀ это была за экспедиція и какая ея цѣль. Но ясно, что отрядъ былъ на возвратномъ пути изъ чужой земли въ отечественную. Не можетъ быть сомнѣнія, что это былъ греческій отрядъ, дѣйствовавшій на сѣверъ отъ Крыма и возвращавшійся сухимъ путемъ въ глухую осень. Послѣ перехода черезъ Днѣпръ онъ направился къ югу и имѣлъ въ виду возвращеніе во свояси (πρὸς τὰ οἰχεῖα), то есть въ одну изъ областей византійской имперіи.

Во второмъ отрывкѣ обращаемъ вниманіе на слѣдующія подробности. Зачеркнутая фраза «Καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἴστρου», имѣвшая вліяніе на пріуроченіе всѣхъ отрывковъ В. Г. Васильевскимъ къ болгарской войнѣ Святослава, по нашему мнѣнію важна не въ томъ отношеніи, чтобы указывала на мѣсто, гдѣ совершаются событія, непосредственно затѣмъ описываемыя, а тѣмъ, что въ ней можно видѣть доказательство, что наши отрывки составляютъ копію, а не оригиналъ. Зачеркнутая фраза не есть неудачный оборотъ мысли, развиваемой во 2 отрывкѣ, напротивъ, она совершенно чужда содержанію этого отрывка. Мы думаемъ, что зачеркнутая фраза обозначаетъ только, что переписчикъ здѣсь началъ было писать то, что слѣдуетъ въ 3 отрывкѣ относительно царствующаго въ сѣверной части Дуная: κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἴστρου, но потомъ увидѣлъ ошибку и зачеркнулъ написанное. Во всякомъ же случаѣ фразѣ нельзя приписывать того значенія, которое придано ей В. Г. Васильевскимъ.

Далѣе, во 2 отрывкѣ слѣдуетъ характеристика варваровъ, правильная оцѣнка которой представляетъ существенныя затрудненія. Прежде всего нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что территорія, на которой происходятъ событія, не составляетъ исконной греческой области. Она византійская только потому, что на ней построена византійская крѣпость и находится византійскій гарнизонъ, но она не принадлежитъ грекамъ, отсюда постоянныя колебанія у писателя: «ихъ земля», «наша земля». Отсюда необходимо предположить, что дѣло происходитъ не въ Херсонѣ, не въ Крыму, а нѣсколько сѣвернѣе. Достаточно сослаться на то, что еслибы событія происходили въ Крыму, то не было бы нужды предводителю отряда дѣлать такое движеніе по южнорусскимъ степямъ, которое описывается въ 1 отрывкѣ. Итакъ, отъ Крыма приходится отказаться въ пользу области на сѣверъ отъ Крыма и именно въ пользу хазарской области на Дону.

Характеристика варваровъ, съ которыми ведетъ дѣло греческій предводитель, возбуждаетъ много спорныхъ мнѣній. «Имъ, читаемъ

во 2 отрывкѣ, не была доступна какая либо пощада даже въ отношеніи къ *самымъ близкимъ*, и они не считали нужнымъ совершать убійство съ какимъ либо разборомъ или вниманіемъ къ справедливости; напротивъ, злымъ и безполезнымъ образомъ задумали они сдѣлать изъ (*нашей*) *ихъ земли*, какъ говорится, добычу мисянъ. Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность,—тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того сами они достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ. А теперь, какъ будто наоборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправіе въ отношеніи къ подданнымъ. Вмѣсто того, что бы заботиться о благѣ подвластныхъ народовъ и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ... Похоже было на то, какъ будто разразился какой злой порывъ, такъ что для человѣчества, казалось, наступилъ потопъ и грозило самое страшное разрушеніе, какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой бездны. *Болѣе десяти городовъ* лишились своего населенія, не менѣе *пятисотъ селеній* превратились въ пустыню: словомъ *вся сосѣдственная и близкая*[1]) къ намъ область, какъ будто послѣ бури, лежала въ развалинахъ»... Изслѣдователи находятъ невозможнымъ приложить приведенную характеристику къ кочевому народу, каковы печенѣги, и предпочитаютъ усматривать здѣсь характеристику или Руси, или по крайней мѣрѣ хазаръ.

По общимъ характеристикамъ всегда бываетъ весьма трудно придти къ заключенію о народѣ и въ особенности прямо назвать этотъ народъ, если отсутствуютъ всякія постороннія указанія. Многое въ подобныхъ характеристикахъ составляетъ общее риторическое мѣсто, почти неизмѣнно прилагавшееся къ варварамъ, находившимся въ данный моментъ во враждѣ съ имперіей. Теперь уже никто не придаетъ особеннаго реальнаго значенія даже характеристикѣ Руси у патріарха Фотія, такъ какъ и въ ней оказывается слишкомъ много общихъ мѣстъ. Какъ въ сущности ненадежна и даваемая въ приведенномъ отрывкѣ характеристика варварскаго народа и какъ рискованно дѣлать по ней одной заключенія о томъ, имѣются ли здѣсь въ виду хазары, печенѣги, русскіе или даже другой какой народъ, считаю умѣстнымъ привести для параллели другую характеристику, относительно примѣненія которой уже не можетъ быть разногласій. Въ приводимой ниже характеристикѣ печенѣговъ не только находимъ

---

[1]) Всѣ подчеркнутыя мѣста подчеркнуты въ переводѣ В. Г. Васильевскаго.

«почетный» и даже «лестный» отзывъ объ этихъ варварахъ, но даже ею подрывается такое, повидимому, твердое положеніе, что византійскій писатель никогда не употребляетъ выраженіе «царь» или «царствующій» примѣнительно къ какому нибудь вождю кочевой орды.

Приводимъ изъ церковнаго слова XI вѣка, сказаннаго митрополитомъ евхаитскимъ Іоанномъ [1]), мѣсто, которое вполнѣ можно поставить рядомъ съ словомъ патріарха Фотія «на нашествіе Руси».

«Многократны были попытки варваровъ дѣлать разбойническія нападенія на западныя страны, но они или сопровождались маловажными послѣдствіями, или влекли за собой подчиненіе по договору и рабство, вмѣстѣ съ познаніемъ высочайшаго существа и открытымъ признаніемъ, что противники владычества и царства его имѣютъ противъ себя Бога. Вслѣдствіе того, спѣшатъ стопы благовѣствующихъ и *цари народовъ* [2]) многократно приводятся плѣнные, нѣкоторые же приходятъ и добровольно, сдавая цѣлыя страны и поступаясь городами и доходами и податями, присоединяя свои земли къ вседержавной ромэйской имперіи, подобно рѣкамъ, вливающимся въ море.

«Чтобы не говорить о прочемъ, я приведу изъ всѣхъ чудеснѣйшее и новое Божіе чудо. Кто они и откуда эти иноплеменники съ страннымъ именемъ? Кто такъ дивно укротилъ эти дикія лица и звѣрскія души и нелѣпыя тѣлодвиженія и быстро перемѣнилъ ихъ въ человѣчныя? Кто привелъ къ Господу народъ, котораго онъ не зналъ? Кто ввелъ въ городъ и въ самую церковь враговъ Божіихъ и царскихъ? Это было племя невѣрное, какъ всѣ знаете, нечестивое и беззаконное, скиѳы по происхожденію, номады по жизни, отвратительные и нечистые по своему быту, и въ другихъ отношеніяхъ ничтожные, не знающіе ни образованности, ни закона, ни вѣры, не подходящіе ни подъ какой родъ государственнаго устройства, не соединенные никакимъ союзомъ единства, въ одномъ только всѣхъ превосходящіе и отличающіеся, въ искусствѣ дѣлать злодѣйскія нападенія и совершать неожиданные грабежи и брать въ добычу все встрѣчающееся. При посредствѣ такого искусства, они разбойнически завладѣли и тою землей, которою доселѣ владѣли, из-

---

[1]) *De Lagarde*, Johannis Euchaitensis quae supersunt (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaf der Wissenschaften zu Göttingen, B. 28, S. 142).

[2]) P. 144 διὰ τοῦτο κἀντεῦθεν εὐαγγελιζομένων πόδες ταχύνουσι καὶ βασιλεῖς ἐθνῶν ἄγονται πολλαχόθεν αἰχμάλωται.

гнавъ прежнихъ жителей какъ болѣе ихъ слабыхъ. Не мало причиняли они безпокойства прежнимъ царямъ, но война съ ними была всегда безполезна и неудобна, такъ какъ они воровали удобное время для своихъ разбойническихъ набѣговъ и находили всѣ удобства къ поспѣшному бѣгству и возвращенію во свояси, и легко прятались какъ лягушки по болотамъ, оврагамъ и въ стоячей водѣ.

«И нынѣ часто они пытались переправляться чрезъ Дунай, на противоположной сторонѣ котораго расположились, чтобы опустошать нашу землю. Ибо какъ было знать этимъ людямъ, звѣрямъ больше, чѣмъ людямъ, что здѣсь владѣетъ не человѣческая сила, а божественная, непричастная страданій? Итакъ другія ихъ нападенія, сопровождавшіяся ничтожнымъ или совершенно малымъ зломъ, царское промышленіе, вспомоществуемое свыше, быстро пресѣкало и останавливало; что же касается до этого послѣдняго набѣга, или лучше бѣгства, то я не знаю какъ это назвать: несправедливостью ли ихъ къ другимъ, или лучше выгодой для другихъ, устроенной по волѣ судьбы? Или, можетъ быть, лучше усматривать въ томъ прекрасное дѣло божественнаго домостроительства, которое мудро руководитъ и управляетъ человѣческія дѣла, сплетая разнообразныя положенія и часто достигая противоположныхъ результатовъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ, явно совершая чудесное. Ибо они наступили во всемъ множествѣ, толпами перешли рѣку, покрытую льдомъ и, по своему обычаю, сдѣлавъ воровское нападеніе, опустошили прибрежную область. Царское же промышленіе не дремало и на сей разъ: ромэйскія войска стояли готовыя въ оружіи, полныя отваги и презрѣнія къ варварамъ. Когда же подошли они на близкое разстояніе къ непріятелю и бросили взглядъ на неожиданно открывшійся станъ, то ужасъ и страхъ объялъ ихъ при видѣ представившагося зрѣлища. На необозримомъ для глазъ пространствѣ покрывало берега неисчислимое войско, растянувшееся на необъятную ширину и длину, какъ песокъ, оставленный рѣкой. Была страшная опасность для войска не только потому, что небольшому отряду нужно было сражаться съ превосходящими во много разъ силами, но еще съ такими отчаянными врагами, которые, покинувъ мысль возвращенія въ свою землю, всю надежду возлагали на предстоящее дѣло, рѣшившись или купить побѣдою право на поселеніе въ этой странѣ, или нанести какое нибудь большое зло, несмотря ни на какія опасности. Ибо развѣ есть страхъ передъ смертію у дикихъ варваровъ, у которыхъ убійство самое легкое и обычное дѣло. Итакъ, они были въ такихъ рас-

положеніяхъ, а царь приготовилъ другой вспомогательный отрядъ, такъ какъ ряды его порѣдѣли въ сшибкахъ со врагомъ, ибо уже происходили то перестрѣлки, то ручныя схватки, которыя кончались къ выгодѣ враговъ и поселили малодушіе въ его войскѣ. Но тотъ, кто приготовилъ путь по непроходимымъ мѣстамъ, кто вечерній плачъ утромъ обратилъ въ радость, сей явился помощникомъ на призывъ царя. Наше войско стремительно наступаетъ на враговъ и тутъ обнаруживается божественная симмахія. Началось жестокое сраженіе и отчаянный бой, и одерживаетъ полную побѣду крестъ Христовъ, дивно изображенный въ воздухѣ, какъ это было прежде при первомъ христіанскомъ царѣ, такъ и *при нынѣ царствующемъ по волѣ Божіей и напоминающемъ того перваго именемъ и благочестіемъ*. Начинается великое избіеніе варваровъ и овладѣваетъ ими страхъ и ужасъ, ужасъ приводитъ въ чувство безчувственныхъ и нужда учитъ ихъ полезному. Какъ бы пораженные ударомъ молота, они потеряли мужество и побросали далеко отъ себя оружіе, простирали руки впередъ и варварскими грубыми голосами просили царскаго милосердія, которое послѣдовало такъ скоро и такъ было для нихъ неожиданно, что они на удивленіе видящихъ встали вмѣстѣ съ нами, *преобразовавшись изъ дикихъ какъ бы звѣрей въ смирныхъ людей, перемѣнившись изъ прежняго безобразія и отвратительности въ нынѣшній кроткій и пріятный видъ*, а что всего блистательнѣй и поразительнѣй—*изъ нечестивыхъ и невѣрныхъ сдѣлались благочестивыми и вѣрными*, сподобившись купѣли нетлѣнія по царской милости и божественному человѣколюбію, отъ котораго получили свѣтъ благодати и это преобразованіе чрезъ чудодѣйственную силу духа. И вотъ беззаконное племя *стало святымъ племенемъ, древній нечестіемъ народъ новымъ народомъ божіимъ*, опять имя язычниковъ становится важнымъ, опять вѣра пріобрѣла дивное приложеніе и въ предѣлахъ земли возобладало евангеліе».

Событіе, по случаю котораго сказано это слово, имѣло мѣсто въ царствованіе Константина Мономаха, въ зиму 1048 года. Печенѣжская орда въ числѣ 800.000 человѣкъ, какъ говорятъ византійскіе историки [1]), перешедши Дунай, покрытый толстымъ слоемъ льда, начала страшныя опустошенія въ Болгаріи. Дѣйствительно, печенѣги были побѣждены, но не столько оружіемъ, сколько открывшимися между ними болѣзнями. Предводитель печенѣговъ Тирахъ съ 140 то-

[1]) *Cedrenus* II. 585—587.

варищами взятъ въ плѣнъ, отведенъ въ столицу и здѣсь обращенъ въ христіанство[1]). Но ораторъ изъ этихъ несложныхъ фактовъ создалъ весьма замысловатое произведеніе, въ которомъ находятся въ сущности только двѣ черты, дающія возможность указать его время и историческое значеніе: намекъ на имя Константина и переходъ по покрывшемуся льдомъ Дунаю. Если бы сгладить въ этомъ словѣ указанныя черты, то было бы возможно отнести его къ какимъ угодно варварамъ, находившимся съ Византіей во враждѣ и обращеннымъ въ христіанство. Даже уподобленіе лягушкамъ, прячущимся по болотамъ, и это не привилегія по отношенію къ печенѣгамъ, ибо то же сравненіе примѣняется къ славянамъ. Словомъ, по нашему мнѣнію, общая характеристика варваровъ, при отсутствіи какихъ-нибудь поясняющихъ образовъ или даже намековъ, не даетъ изслѣдователю твердыхъ основаній утверждать, что такъ можетъ характеризоваться тотъ народъ, а не другой.

Итакъ, возвращаясь къ характеристикѣ варваровъ во второмъ отрывкѣ Газе, мы не находимъ въ ней самой такихъ чертъ, которыя бы мѣшали отнести ее какъ къ печенѣгамъ, такъ и къ русскимъ. Но помимо характеристики, въ этомъ отрывкѣ есть мѣста и выраженія, которыя не допускаютъ обоюднаго толкованія. Такъ уже болѣе реальнаго смысла въ объясненіи причинъ движенія варваровъ противъ тѣхъ городовъ и деревень, по близости которыхъ желали, по видимому, утвердиться греки. Сюда относятся слѣдующія мѣста и выраженія: 1) *люди ни въ чемъ неповинные подъ предлогомъ нарушенной клятвы сдѣлались добычей насилія и меча*; 2) греческій топархъ, зная о разореніи варварами сосѣдней страны, *заранѣе принималъ мѣры предосторожности* и, по всей вѣроятности, этими мѣрами накликалъ на себя бѣду. Цѣль вторженія варваровъ въ занимаемую топархомъ область, равно какъ очень реальная цѣль, которую преслѣдуетъ топархъ, ясно указана въ отрывкѣ: *топархъ строитъ стѣну, а варвары всячески желаютъ воспрепятствовать ему въ томъ* [2]).

---

[1]) *Ibidem* p. 587. 16 ὁ δὲ Τυρὰχ καὶ σὺν αὐτῷ ἄνδρες ἑκατὸν καὶ τεσσαράκοντα ἄγονται εἰς τὸν βασιλέα· οὓς φιλοφρόνως οὗτος ἀποδεξάμενος καὶ βαπτίσας... Весьма любопытныя и въ другихъ отношеніяхъ событія этого времени на Дунаѣ были предметомъ изслѣдованія *В. Г. Васильевскаго*, Византія и Печенѣги, въ журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія, ноябрь 1872 года.

[2]) οἱ μὲν βάρβαροι.. ἐσέβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν νομίσαντες ὡς ἅμα βοῇ παραλήψεσθαι ἡμᾶς, τῇ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ, τῇ τε ἡμῶν ὀῤῥωδίᾳ. Въ русскомъ переводѣ В. Г. Васильевскаго вкралась опечатка, вмѣсто „разсчитывая на слабость нашей страны“ нужно читать „стѣны“.

На конецъ, въ 3-хъ, топархъ рѣшился въ концѣ концовъ *утвердиться въ этой кругомъ опустошенной землѣ* и это мы считаемъ очень важнымъ обстоятельствомъ, получаемымъ изъ разсмотрѣнія втораго отрывка. Самый конецъ его даетъ еще очень любопытную черту, значеніе которой читатель оцѣнитъ ниже: *топархъ всѣ заботы устремляетъ на построеніе крѣпости*, ибо онъ видѣлъ въ этомъ лучшее средство къ защитѣ страны отъ набѣговъ варваровъ и къ заселенію полуразрушеннаго и опустошеннаго города. И конечно, не о чужихъ интересахъ онъ заботился: *тогда я первый пришелъ къ мысли снова поселиться въ Климатахъ* [1]).

Въ 3-мъ отрывкѣ описывается строеніе крѣпости, которую окончить мѣшали раньше варвары. Здѣсь же заключаются основныя положенія для выводовъ В. Г. Васильевскаго, какъ относительно мѣстности, на которой происходили событія, описываемыя въ отрывкахъ, такъ и по отношенію къ историческому пріуроченію всѣхъ трехъ отрывковъ. Тутъ обращаютъ на себя вниманіе собственно два обстоятельства и дѣйствительно обстоятельства рѣшающаго характера. Во первыхъ, переговоры греческаго топарха съ окрестными жителями, державшимися византійской стороны; во вторыхъ, его личное рѣшеніе, принятое вслѣдствіе этихъ переговоровъ, лично донести обо всемъ (кому?—текстъ представляетъ въ этомъ мѣстѣ затрудненія). Результатомъ его переговоровъ съ властью, отъ которой зависѣло высшее распоряженіе тѣми областями, было пожалованіе нашему топарху власти въ Климатахъ. Собственно на этихъ двухъ положеніяхъ 3-го отрывка сосредоточивается центръ тяжести въ рѣшеніи историческихъ и географическихъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ отрывками Газе.

В. Г. Васильевскій сдѣлалъ прекрасный анализъ подразумѣваемаго мѣста и извлекъ изъ намековъ топарха два весьма убѣдительныя положенія. Топархъ представлялъ византійскую сторону и убѣждалъ собравшихся жителей вступить въ подданство императора. Замѣтимъ, что это весьма деликатная сторона въ отрывкахъ, ибо греческій чиновникъ поставленъ здѣсь въ весьма критическое положеніе: онъ дѣйствуетъ среди населенія, которое можетъ выбирать себѣ верховную власть. Онъ указываетъ на выгоды политической власти императора, какъ и необходимо было дѣйствовать представителю византійской военной власти. Между тѣмъ представители мѣстнаго населенія не чувство-

[1]) Это мѣсто καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλίματα διανοησαμένου — требовало бы легкаго измѣненія въ переводѣ.

вали себя настолько связанными съ императоромъ, чтобы понимать всѣ выгоды рѣчи топарха и указывали ему другую перспективу, политическую власть *царствовавшаго на сѣверъ отъ Дуная.* Для греческаго топарха при такомъ оборотѣ дѣла шелъ вопросъ не болѣе не менѣе какъ о бунтѣ, о возстаніи противъ законной власти, объ измѣнѣ своему правительству. Общее рѣшеніе собравшихся заключалось въ томъ, чтобы и топархъ вмѣстѣ съ окрестнымъ населеніемъ вступилъ въ подданство властителя на сѣверъ отъ Дуная.

И что́ же? Ужели византійскій чиновникъ не принялъ мѣръ, командуя военнымъ отрядомъ больше 400 человѣкъ, къ сохраненію власти своего государя? Ужели онъ не только измѣнилъ, но и смѣлъ совершенно наивно записать объ этомъ: «дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему». Къ кому? Къ врагу императора? Съ указанной стороны послѣдняя часть записки греческаго топарха не подвергалась еще изслѣдованію, а потому считаю необходимымъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Собранные на совѣщаніе окрестные жители, придерживавшіеся византійской партіи, не соглашались на убѣжденія топарха по слѣдующимъ основаніямъ: 1) они не видѣли для себя въ этомъ никакой пользы. Мѣсто слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что за дальностію власти императора обитатели тѣхъ мѣстъ не могли воспользоваться благами, проистекающими изъ принадлежности къ великому христіанскому государству. Будучи подданными императора, они не свободны были отъ покушеній со стороны другихъ народовъ привлечь ихъ подъ свою власть. Можно догадываться, что рѣчь идетъ о населеніи области или недавно присоединенной къ имперіи, или такой, которую Византія желала присоединить.

Во вторыхъ, они нисколько не желаютъ позаимствоваться византійскими административными учрежденіями, стремясь прежде всего къ самостоятельности. Это мѣсто отрывковъ объяснено у В. Г. Васильевскаго совершенно правильно съ точки зрѣнія значенія слова ἕλλην въ средневѣковой литературѣ, но при объясненіи здѣсь нужно имѣть въ виду сопоставленіе «ἑλληνικώτεροι τρόποι» и «αὐτόνομα ἔργα». Здѣсь именно выставлена бросающаяся въ глаза разность между обширнымъ государствомъ съ строгой централизаціей власти, каково было византійское государство и небольшими сельскими общинами, племенами или кланами, изъ которыхъ каждое управляется своею родовою или племенной властью. Это наблюденіе сдѣлано еще Прокопіемъ и Львомъ Мудрымъ, которые противопоставляли такимъ образомъ славянское

устройство византійскому. Хотя этимъ не рѣшается вопросъ о національности подразумѣваемыхъ приверженцевъ топарха, но дается понять, что это были не греки, не болгаре, вообще не народъ съ развитою центральной властью, — это были полузависимыя племена, не вошедшія еще ни въ какую государственную систему,—такими могли быть одинаково какъ славяне, такъ и хазары. Наконецъ, въ 3-хъ потому, что они слишкомъ много приписывали силы и значенія тому, кто царствуетъ въ сѣверныхъ странахъ Дуная. Находясь съ нимъ въ сосѣдствѣ и не отличаясь обычаями отъ тамошнихъ жителей, они предпочитаютъ войти съ ними въ соглашеніе и подчиниться ему.— Приведя эти слова, В. Г. Васильевскій говоритъ: «итакъ дѣйствіе происходитъ въ странѣ сосѣдственной съ Дунаемъ,—вотъ прямой и необходимый выводъ изъ приведенныхъ словъ, какъ бы ихъ мы не объясняли». Но съ этимъ выводомъ нельзя согласиться. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе *сосѣдство* занимающаго насъ маленькаго племени или общины съ царствующимъ на сѣверъ отъ Дуная. Сосѣдство сосѣдству рознь. Вездѣ, куда простирается въ Азіи авторитетъ русскаго имени и страхъ русскаго оружія, вмѣстѣ съ тѣмъ проникаетъ и молва о близости, о сосѣдствѣ власти бѣлаго царя. Маленькое племя, находящееся въ сферѣ вліянія русской политики, можетъ говорить о сосѣдствѣ русской власти, хотя бы оно было отдѣлено тысячей верстъ отъ самаго крайняго русскаго укрѣпленія. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ выраженіе ὅμοροι—сосѣди точно также не предполагаетъ необходимаго вывода, что дѣйствіе происходитъ въ сосѣдствѣ съ Дунаемъ. Само собой разумѣется, если бы другія данныя отрывковъ приводили насъ къ Дунаю, то не было бы и рѣчи о толкованіи слова сосѣдство. Но если, напротивъ, другія данныя скорѣй переносятъ дѣйствіе къ Крыму, а мысль о Дунаѣ рождается только по случаю упоминанія о властителѣ въ сѣверныхъ частяхъ Дуная, то считаемъ неправильнымъ описываемыя въ отрывкахъ событія пріурочивать къ Дунаю. Въ концѣ концовъ вѣдь остаются Климаты и власть въ нихъ греческаго топарха.

Разсужденіе академика Куника и профессора Васильевскаго о томъ, кого разумѣть подъ этимъ сосѣдомъ нашего народа, упоминаемаго въ отрывкахъ, русскаго князя (Святослава или Владиміра), или хана печенѣжскаго, или хазарскаго кагана, и какъ тогда понимать слова—царствуетъ на сѣверъ отъ Дуная,—по отношенію къ жителю Крыма, представляются намъ весьма искусственными. Слѣдуетъ разсуждать здѣсь не о фактическомъ сосѣдствѣ съ царствующимъ на Дунаѣ,

а о сферѣ политическаго вліянія того, кто царствуетъ на Дунаѣ. Словомъ, слѣдовало перенести вопросъ въ сферу изученія политической борьбы въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря.

Конечно, скудость данныхъ объ исторіи Крыма и прилежащихъ къ нему областей достаточно объясняетъ то обстоятельство, что никто изъ изучавшихъ отрывки Газе не пришелъ къ мысли видѣть въ этихъ отрывкахъ документъ, констатирующій стремленія византійскаго правительства расширить изъ Крыма область своегополитическаго вліянія на сѣверные берега Чернаго моря. Точно также, вслѣдствіи той же скудости данныхъ, трудно было предположить, чтобы Византія когда нибудь встрѣтила здѣсь соперничество со стороны болгарскаго политическаго вліянія. У насъ въ отрывкахъ Газе по преимуществу старались видѣть «первостепенный источникъ не только для исторіи Крыма, но и вообще для древней исторіи Россіи», а потому естественно было недоглядѣть въ немъ того, что онъ дѣйствительно представляетъ. До X вѣка Византія не могла похвалиться твердымъ положеніемъ въ Крыму. Выше мы видѣли, что въ концѣ IX в. въ Херсонѣ убитъ былъ стратигъ, представитель военной и гражданской власти византійскаго царя. Такія явленія случались или въ областяхъ отторгающихся отъ связи съ Византіей, или насильственно вводимыхъ въ такую связь. Въ VIII в. преобладающая роль въ Крыму принадлежала хазарскому кагану, что особенно видно изъ исторіи Юстиніана II [1]). Важное значеніе хазаръ въ исторіи сѣвернаго берега Чернаго моря продолжается до того времени, какъ Святославъ нанесъ имъ нѣсколько пораженій и захватилъ главные города ихъ. Но этому предшествовалъ періодъ, въ свѣдѣніяхъ о которомъ у насъ былъ пробѣлъ, восполняемый особымъ источникомъ, не вполнѣ изученнымъ. Мы обратимся къ нему вслѣдъ за анализомъ отрывковъ Газе.

Переходя теперь къ заключительной части 3-го отрывка, напомнимъ, что собраніе придерживающихся византійской партіи, не согласившись на убѣжденія топарха, постановило передаться подъ власть того, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная. Что же предпринимаетъ въ такомъ критическомъ положеніи топархъ?—Изслѣдователи говорятъ, что онъ пошелъ къ властителю сѣверныхъ частей Дуная и отдался

---

[1]) *De Boor*, Theophanis Chronographia (Lipsiae 1885) p. 369 и слѣд. Въ статьяхъ гг. *Куника и Васильевскаго* о запискѣ топарха приведены данныя для исторіи Крыма; см. еще проф. *Васильевскаго*, Житіе Іоанна Готскаго, въ Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія за 1877 г., часть 195 отд. 2.

подъ власть его, то есть, говоря прямо, спокойно и сознательно измѣнилъ своему правительству.

Но тутъ допущено странное недоразумѣніе. Противъ перевода этого мѣста у В. Г. Васильевскаго ничего нельзя возразить, но понимать мѣсто нужно иначе. «Итакъ, дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему и былъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ, какъ только всякій могъ для себя пожелать. По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ; и онъ счелъ это дѣло болѣе всего важнымъ, охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами и присоединилъ къ этому цѣлую сатрапію, а сверхъ того подарилъ въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы».

Почему выраженія: *καὶ ἀπῄειν ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι, καὶ ἐνέτυχον αὐτῷ*—понимаются въ смыслѣ путешествія топарха къ русскому великому князю или къ тому, кто царствуетъ въ сѣверныхъ частяхъ Дуная, а не къ византійскому императору?—Можно догадываться, что изслѣдователей подкупило выраженіе «*προσέθηκε καὶ σατράπειαν ὅλην*" и *ἐν τε γῇ τῇ αὐτοῦ*», но и въ этомъ случаѣ ссылаемся на комментарій В. Г. Васильевскаго, изъ котораго усматривается, что терминъ сатрапія не былъ совершенно чуждъ греческому оффиціальному языку, и въ данномъ случаѣ обозначаетъ только область, не имѣющую настоящаго греческаго устройства. Мѣсто обозначаетъ ту мысль, что нашему топарху дана была власть въ той области, въ которой онъ дѣйствовалъ со своимъ отрядомъ, въ которой была имъ построена крѣпость и наконецъ населеніе которой частію тянуло къ византійской партіи, хотя и поколебалось въ своихъ расположеніяхъ подъ дѣйствіемъ чуждыхъ византійскому правительству вліяній.

Но если въ текстѣ есть выраженія, которыя могли подкупить изслѣдователей въ пользу пониманія этого мѣста въ смыслѣ измѣны и бунта топарха, то наоборотъ есть и такія выраженія, которыя должны бы предостеречь противъ этого толкованія. Что такое въ самомъ дѣлѣ *ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι*? Чьи интересы имѣлъ въ виду топархъ?

Знакомство съ письмами патріарха *Николая Мистика* не оставляетъ болѣе сомнѣнія, что враги топарха и населенія его области были печенѣги. Набѣгъ печенѣговъ въ томъ и имѣетъ для себѣ объясненіе, что они желали побудить мѣстное населеніе пристать къ болгарской партіи и воспрепятствовать грекамъ утвердиться въ новой области, владѣніе которой прикрывало бы Крымъ и греческіе города,

въ немъ находившіеся. Такимъ образомъ, рѣшеніе топарха искать покровительства болгарскаго царя не обозначало бы «охранить наши интересы», то есть какъ византійскія, такъ и населенія той области, а обозначало бы пожертвовать греческими интересами въ пользу болгарскихъ, или дѣйствовать согласно рѣшенію народнаго собранія. Но повторяемъ, такъ не могъ дѣйствовать чиновникъ, стоящій во главѣ значительнаго отряда. На самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствительно заботится о сохраненіи византійскихъ политическихъ видовъ и отправляется съ докладомъ въ Константинополь.

Противъ общепринятого толкованія этого мѣста могло бы предостеречь и слѣдующее обстоятельство. Тотъ властитель, которому топархъ сдѣлалъ докладъ о положеніи дѣла «ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὖθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο», то есть охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами. Ясное дѣло, что снова давать власть могъ только тотъ, кто прежде далъ ее, а именно византійскій императоръ. Что касается, наконецъ, ежегодныхъ доходовъ, данныхъ топарху въ землѣ самого государя, то это можетъ обозначать или пожалованіе земельными угодьями въ смыслѣ проніи, или соединеніе подъ его властію другой области, составлявшей уже собственную, а не спорную область Византіи. Въ данномъ случаѣ топархъ, поставленный стратигомъ въ хазарской области, могъ быть сдѣланъ въ то же самое время корсунскимъ стратигомъ, иначе говоря, Крымъ и новыя владѣнія на сѣверъ отъ Чернаго моря соединялись подъ одною военною властью, носителемъ которой былъ нашъ топархъ.

Результатомъ нашего изслѣдованія можно считать слѣдующее. Отрывки Газе свидѣтельствуютъ о предпринятой византійскимъ правительствомъ военной экспедиціи въ населенную хазарами область. Цѣль экспедиціи состояла въ томъ, чтобы утвердить политическое вліяніе Византіи на сѣверъ отъ Крыма, гдѣ угрожала въ то время завоевательная политика другаго государя, дѣйствовавшаго посредствомъ своихъ эмиссаровъ на печенѣжскія орды и подстрекавшаго печенѣговъ дѣлать вторженія въ Крымъ. Византійскій предводитель почелъ за нужное обезопасить греческую власть постройкой крѣпости, подъ защитой которой должны были найти безопасность сочувствующіе византійской партіи хазары. Онъ дѣятельно и энергично исполнилъ свое дѣло, борясь съ значительными затрудненіями, которыя встрѣчалъ какъ въ набѣгахъ печенѣговъ, такъ и въ малодушіи и недовѣріи мѣстнаго населенія. Когда онъ окончилъ строеніе крѣпости, нашелъ отрѣзаннымъ отступленіе въ Крымъ и долженъ былъ съ величайшими

затрудненіями въ позднюю осень пробираться съ своимъ отрядомъ по южной Россіи къ одному изъ черноморскихъ пунктовъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что отрывки Газе, или такъ называемая Записка греческаго топарха имѣетъ историческое значеніе совсѣмъ не въ той сферѣ, въ какой оцѣнивали ея важность до сихъ поръ. Оказывается, что описываемыя въ ней дѣйствія происходятъ и не въ Крыму, и не на Дунаѣ, а по всей вѣроятности на Дону, а главное, что она совсѣмъ не имѣетъ прямаго отношенія къ русской исторіи. Но не думаемъ, чтобы вслѣдствіе новой постановки ея историческаго значенія она потеряла всю свою привлекательность для русскихъ изслѣдователей. Въ ней остается матеріалъ для прекрасной странички о культурной исторіи Византіи въ сѣверныхъ областяхъ Чернаго моря, и кто знаетъ, можетъ быть дальнѣйшія въ этомъ направленіи изслѣдованія приведутъ къ новымъ выводамъ къ культурной исторіи Россіи.

Для оцѣнки выводовъ, получаемыхъ изъ отрывковъ Газе въ связи съ дѣятельностью протоспаѳарія Петроны, намъ необходимо обратиться за справками къ другимъ источникамъ.

III.

Попытка Византіи обезопасить свои владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой четверти X в. Письма Н. Мистика.

Громадная борьба, завязавшаяся между Болгаріей и Византіей въ первой четверти X вѣка, не исчерпывается кровавыми столкновеніями между византійскими и болгарскими войсками и не ограничивается побоищами на Балканскомъ полуостровѣ. Эта борьба, по выраженію одного византійскаго оратора, отозвалась за Геркулесовыми столбами, въ нее вовлечены были разнообразные этнографическіе элементы отъ Дуная до Дона. Царь Симеонъ искалъ слабыхъ мѣстъ Византіи не только со стороны Балканскаго полуострова, но еще въ Малой Азіи (высадка въ Лампсакѣ) и въ Крыму. Въ общемъ значеніе этой борьбы оцѣнено и въ извѣстной исторіи Болгаріи Константина Иречка, и въ особенности въ спеціальной монографіи профессора М. С. Дринова [1]). Но мнѣ кажется, что интереснѣйшій источникъ

---

[1]) *Иречекъ*, Исторія Болгаръ. Русскій переводъ Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова; *Дриновъ*, Южные славяне и Византія въ X в. Напечатано въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1875 г. кн. третья.

для этой борьбы, именно «Письма патріарха Николая Мистика», можетъ быть съ пользой вновь изучаемъ для выясненія нѣкоторыхъ новыхъ подробностей этой любопытной эпохи. Широкая сфера дипломатическихъ вліяній, направляющихся изъ Византіи и Болгаріи, а равно борьба политическихъ интересовъ на отдаленныхъ окраинахъ славянскаго и греческаго міра осталась мало выясненною и слабо намѣченною въ указанныхъ сочиненіяхъ. Что въ особенности любопытно, въ письмахъ Н. Мистика есть матеріалъ для политической и культурной исторіи Византіи на сѣверномъ берегу Чернаго моря, слѣдовательно, матеріалъ, прямо дополняющій то, что въ намекахъ находимъ въ отрывкахъ Газе. Особенную цѣнность эти данныя пріобрѣтаютъ въ нашей темѣ, для рѣшенія которой недостаетъ хронологическихъ данныхъ: въ письмахъ же Н. Мистика имѣемъ дѣло съ опредѣленной эпохой.

Политическіе виды Симеона на сѣверные берега Чернаго моря опредѣленно рисуются въ девятомъ письмѣ патріарха Н. Мистика [1]). Стратиги Македоніи и Ѳракіи, пишетъ патріархъ царю Симеону, извѣщаютъ и письмами, и чрезъ своихъ пословъ, что болгаре преслѣдуютъ одну цѣль, грабить и опустошать нашу страну. Къ этому присоединяютъ, что ты не оставляешь въ покоѣ и *Богу* херсонскаго стратига. И этотъ стратигъ постоянно дѣлаетъ донесенія, что болгаре все стараніе прилагаютъ *привлечь на свою сторону и печенѣговъ и другія племена, живущія въ этихъ мѣстахъ*, въ походъ и на войну съ ромэями. И не изрѣдка и не черезъ продолжительные промежутки времени, но чуть не ежедневно онъ надоѣдаетъ намъ таковыми письмами и донесеніями. Объ этомъ же доводятъ до свѣдѣнія и 16 человѣкъ печенѣжскаго посольства, явившихся сюда, *что изъ Болгаріи приходятъ къ печенѣгамъ послы*, и не одинъ разъ, а часто, и что эти послы предлагаютъ вступить съ ними въ союзъ, и что болгаре такъ озабочены устройствомъ этого союза, что соединяютъ своихъ сыновъ браками съ печенѣжскими дѣвицами, дабы приготовить этимъ военное сотоварищество болгаръ и печенѣговъ.—*Ради этого у насъ былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю* [2]). Но это не ради военныхъ дѣйствій и не для того, чтобы возбудить убійство твоего народа, но частію для того, чтобы позаботиться о

---

[1]) Привожу по изданію *Migne*, Patrologia Graeca, t. 111.

[2]) Τούτου ἕνεκεν ἡ τοῦ στρατοῦ γέγονεν συλλογὴ καὶ συγκίνησις καὶ ἡ πρὸς Πατζηνακίτας διάπεμψις.

собственной безопасности, *частію же чтобы пресѣчь и остановить ваше стремленіе и воспрепятствовать набѣгамъ на ромэйскую землю*, какъ въ томъ за вѣрное извѣстились мы и чрезъ Вогу [1]), и чрезъ пословъ печенѣжскихъ, и чрезъ донесенія другихъ стратиговъ.

По нашему мнѣнію, это письмо достаточно объясняетъ и появленіе византійскаго отряда въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря, и сосѣдство этихъ областей съ Симеономъ Болгарскимъ и предпочтеніе, оказываемое племенными старшинами болгарскому царю противъ византійскаго императора. Не рѣшается, конечно, вопросъ о томъ, были ли приглашенные топархомъ на совѣщаніе печенѣги, или хазары, или славяне, но во всякомъ случаѣ эти племена находились подъ прямымъ воздѣйствіемъ болгарской политики. Въ частности, что касается упоминаемаго въ письмѣ стратига Воги, отъ котораго получались въ Константинополѣ донесенія на счетъ печенѣговъ, византійская лѣтопись, хотя и не знаетъ стратига этого имени, но сообщаетъ свѣдѣнія о политической миссіи Іоанна Воги къ печенѣгамъ [2]). Гораздо любопытнѣй то мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь о посылкѣ военнаго отряда въ печенѣжскую землю. Но разумѣется ли здѣсь особая военная экспедиція или та же миссія Іоанна Воги, это трудно возстановить на основаніи имѣющихся данныхъ.—Письмо имѣетъ въ виду факты, имѣвшіе мѣсто до Ахелойскаго сраженія (20 августа 917 года).

Какой широкій размахъ имѣла въ то время византійская и болгарская политика, видимъ изъ *письма 23*: «страшное движеніе подготовляется. или скоро приготовится царскимъ стараніемъ противъ вашей власти и вашего рода (то есть, противъ болгаръ). Русскіе, печенѣги, аланы, угры—всѣ договорены и поднимутся на войну.—Не лишено, конечно, значенія то обстоятельство, что между имѣющими подняться народами не упомянуты хазары, хотя въ лѣтописи находимъ доказательства, что они служили въ войскахъ императора [3]). Но Симеонъ мало боялся этихъ угрозъ, потому что его эмиссары съ не меньшей энергіей и навѣрное съ большимъ успѣхомъ вербовали у тѣхъ же народовъ приверженцевъ и союзниковъ Болгаріи. Мало того, въ 920 году онъ сдѣлалъ совершенно неожиданный и опасный для Византіи шагъ. Высадкой въ Лампсакѣ, въ Дарданельскомъ проливѣ,

---

[1]) См. письмо 80.

[2]) *Theophanis Continuati*. VI. Cap. 7 и 9.

[3]) Theophanis Cont. VI. c. 9. ἐπεὶ δὲ καὶ Χαζάρους κατέσχεν ὁ Συμεὼν τῶν ἐκ τῆς ἑταιρείας τοῦ βασιλέως Λέοντος, τὰς αὐτῶν ῥῖνας ἀποτεμών.

онъ не только заперъ Константинополь, но и угрожалъ поднять противъ Византіи славянскія поселенія въ Малой Азіи [1]). Изъ письма 162 узнаемъ, что движеніе не ограничивалось даже печенѣгами и хазарами, а простиралась до Кавказа.

Не менѣе цѣнны въ письмахъ Николая Мистика нѣкоторыя детальныя указанія на херсонскія отношенія. Такъ, въ 68 письмѣ, высказавъ удовольствіе по поводу того, что лицо, къ которому обращено письмо, и въ которомъ мы съ полнымъ основаніемъ можемъ видѣть вышеупомянутаго Вогу, избѣжало страшныхъ опасностей и спаслось въ Херсонѣ, патріархъ пишетъ объ очень интересномъ для насъ предметѣ. Относительно, говоритъ онъ, *прибывшаго сюда хазарскаго посольства*, которое проситъ назначить имъ епископа, чтобы онъ рукополагалъ священниковъ, мы поручили назначенному на херсонскую каѳедру архіепископу отправиться съ Божіей помощію въ Хазарію и исправить тамъ необходимыя требы и затѣмъ возвратиться къ своей херсонской каѳедрѣ. Въ заключеніе проситъ оказать содѣйствіе архіепископу какъ въ его миссіи въ хазарской землѣ, такъ и при вступленіи на свою каѳедру. Послѣднее обстоятельство и даетъ намъ право видѣть въ корреспондентѣ патріарха херсонскаго стратига.

Очень также любопытны свѣдѣнія въ 106 письмѣ, адресованномъ къ архіепископу Херсона. Высказавъ сожалѣніе, что архіепископъ не явился въ Константиноноль, чтобы насладиться вмѣстѣ радостію по случаю «единенія» и освобожденія отъ бывшей розни, патріархъ продолжаетъ. Мы въ особенности очень порадованы твоими стараніями въ пользу того народа, который *чуть не былъ обманутъ злымъ демономъ и не похищенъ изъ нѣдръ благочестія*. Просимъ тебя употребить все стараніе и показать всю заботу и попеченіе о спасеніи этого народа, дабы всецѣло сохранилось для Христа Бога нашего селеніе ихъ въ сохранности противъ всякой бѣды и несчастія. Твое благоразуміе пойметъ, какая твоя заслуга, что ты такое множество возвелъ изъ недостойнаго состоянія въ достойное. Возлагаемъ на тебя попеченіе согласиться съ ними относительно имѣющаго быть поставленнымъ имъ архіерея. Умудреннымъ разсмотрѣніемъ избери достойнаго на такое дѣло и пошли его къ намъ, дабы мы рукоположили его во всесвятомъ духѣ въ санъ епископа и поставили пастыремъ стаду, которое доселѣ лишено было пасущаго.

---

[1]) 95 письмо патріарха Николая.

Не нужно входить въ особыя объясненія, чтобы видѣть въ этомъ новомъ епископѣ перваго епископа хазарской церкви: это видно изъ вышеприведеннаго письма къ стратигу Херсона.

Нѣсколько объяснительныхъ чертъ къ исторіи новообразованной епископской каѳедры у хазаръ имѣемъ въ письмахъ 133 и 135. Они адресованы Петру, архіепископу Аланіи, и о содержаніи ихъ, очевидно, нужно судить по связи съ письмомъ къ херсонскому архіепископу. Похваливъ архіепископа Петра за труды и попеченія «о новопризванномъ къ благочестію народѣ», патріархъ отстраняетъ какія то притязанія этого архіепископа указаніемъ на примѣръ апостоловъ. Совѣтуетъ примириться съ епископомъ *Евѳиміемъ*, который прежде нъего былъ «проповѣдникомъ благочестія этому народу» и теперь послан на помощь архіепископу, дабы облегчить бремя его тяжестей.—Весьма вѣроятно, что въ этомъ Евѳиміи нужно видѣть перваго хазарскаго епископа, назначеніемъ котораго затрогивались епархіальныя права архіепископа Аланіи.

Сдѣланныя выдержки изъ писемъ патріарха Николая Мистика указываютъ намъ время и обстоятельства, при которыхъ византійское правительство поставлено было въ необходимость принять мѣры къ утвержденію своей власти и вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы патріархъ въ письмѣ къ болгарскому царю не старался придать этой мѣрѣ благовидный предлогъ и не ослабилъ ея дѣйствительное значеніе. Слѣдовательно, выраженіемъ «былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю» подтверждается фактъ, котораго уже нельзя было скрыть, но далеко не оцѣниваются византійскія мѣропріятія, что было несогласно съ назначеніемъ письма. Такъ, въ числѣ этихъ мѣропріятій была и духовная миссія изъ херсонской и аланской архіепископіи, о которой тоже не слѣдъ было заявлять болгарамъ. Дѣятельность восточной церкви, идущей объ руку съ цѣлями свѣтскаго правительства, рисуется въ этихъ письмахъ въ привлекательномъ свѣтѣ. Вообще же изъ разсмотрѣнія писемъ получается выводъ, что въ первой четверти X в. въ сѣверныхъ областяхъ отъ Крыма многообразно сталкивались политическія вліянія болгаръ и грековъ, что сюда направлялись греческіе и болгарскіе эмиссары съ цѣлью вербовать себѣ союзниковъ и что, наконецъ, для Византіи тогда былъ жизненный интересъ прикрыть свои крымскія владѣнія церковными насажденія и военными колоніями въ хазарской землѣ.

Итакъ, мы имѣемъ извѣстіе Константина Порфиророднаго о построеніи Петроной укрѣпленія Саркелъ, въ отрывкахъ Газе знакомимся частію съ военными операціями, частію съ мѣрами къ утвержденію византійскаго вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря посредствомъ построенія крѣпости неизвѣстнымъ византійскимъ вождемъ, наконецъ, въ письмахъ Н. Мистика видимъ энергическую борьбу изъ за вліянія между болгарами и греками въ первой четверти X вѣка въ областяхъ, населенныхъ печенѣгами и хазарами, при чемъ побѣда оказывается на сторонѣ византійской партіи, нашедшей благовременную помощь въ проповѣднической дѣятельности духовенства. Каждый изъ разсмотрѣнныхъ источниковъ самъ по себѣ, предъ судомъ критики, обнаруживаетъ болѣе или менѣе важные недостатки, каждый требуетъ пополненій и нуждается въ объясненіяхъ. Хронологія перваго подозрительна, выводы къ хронологіи втораго колеблются на сто лѣтъ. Общее въ нихъ только то, что всѣ они относятся къ исторіи сѣвернаго берега Чернаго моря. И между тѣмъ, автору настоящей статьи, сведшему эти источники, необходимо формулировать выводы изъ разсмотрѣнія ихъ, а чтобы эти послѣдніе имѣли научный характеръ, необходимо доказать законность сопоставленія самыхъ источниковъ.

IV.

Выводы изъ разсмотрѣнія источниковъ и общія заключенія.

Если читатель имѣлъ достаточно внимательности къ частнымъ положеніямъ, выведеннымъ въ предъидущихъ главахъ, то онъ согласится со мной по крайней мѣрѣ въ томъ, что есть много соблазнительныхъ точекъ соприкосновенія въ нѣкоторыхъ частяхъ разсмотрѣнныхъ извѣстій. Не говоря уже про общее всѣмъ имъ внутреннее содержаніе, извѣстія соприкасаются между собою въ особенности въ томъ, что каждое имѣетъ въ двухъ другихъ пополненіе какой нибудь недостающей въ немъ подробности, каждое заимствуетъ у другаго какую либо утраченную часть своего состава. Приведенные во взаимную связь, источники даютъ историческую картину, разсматриваемые же порознь, представляютъ собой или мало говорящіе уму эскизы, или просто обрывки какой то и кѣмъ то составленной живописи. Надѣюсь, что читатель согласится и съ тѣмъ, что ни одинъ источникъ не представляется ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ въ противорѣчіи съ

другимъ, или, продолжая сейчасъ сдѣланное сравненіе, отдѣльные эскизы какъ по тону, такъ и по характеру своему не нарушаютъ общей композиціи картины, напротивъ сообщаютъ ей желаемое выраженіе. Всѣ ли обломки извѣстій о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря приняты нами въ соображеніе, этого утверждать не беремся, памятуя слова стараго византиниста, который по мѣрѣ изученія греческихъ писателей приходилъ къ сознанію, что остается еще безграничное количество такихъ, которыхъ онъ не изучалъ [1]).

Отрывки Газе, за устраненіемъ изъ нихъ тѣхъ элементовъ, которые привнесены были изслѣдователями, желавшими во что бы то ни стало поставить ихъ въ связь съ походами на югъ древнихъ русскихъ князей, по нашему мнѣнію, могутъ нуждаться въ дополненіяхъ по слѣдующимъ вопросамъ. Относительно перваго отрывка, повѣствующаго объ отступленіи греческаго отряда съ востока на югозападъ и описывающаго слѣдовательно возвращеніе греческаго вождя, по исполненіи возложеннаго на него порученія, мы можемъ ограничиться вопросомъ: представляетъ ли византійская исторіографія въ періодъ IX и X вѣка какіе нибудь слѣды движенія византійскаго оружія въ области на сѣверъ отъ Чернаго моря? Такъ какъ далѣе византійскій вождь переходилъ Днѣпръ, возвращаясь изъ экспедиціи, то устраняется всякая мысль о томъ, что и эта экспедиція была предпринята въ Крымъ. Слѣдовательно, вопросъ сводится прямо къ движенію въ область на сѣверъ отъ Крыма, какъ о томъ свидѣтельствуютъ заключительныя слова: «мы шли по непріятельской землѣ».

По отношенію ко второму отрывку, который долженъ занимать первое мѣсто, можно желать подтвержденія византійской лѣтописью слѣдующаго положенія: не было ли когда попытки у византійскаго правительства, съ цѣлью обезпеченія своей власти на сѣверъ отъ Крыма, построить тамъ крѣпость и основать городъ? Какъ можно видѣть изъ изложенія дѣла во 2 отрывкѣ, греческій вождь экспедиціи вздумалъ построить укрѣпленіе на мѣстѣ прежняго города, разрушеннаго тѣми же самыми варварами во время прежнихъ набѣговъ. Для большей точности слѣдуетъ присоединить, что городъ, о которомъ идетъ рѣчь, выстроенъ съ цѣлью заселить область Климаты, что и византійскій вождь приписываетъ себѣ первому идею построить здѣсь греческое укрѣпленіе (ибо не греческое было и прежде).

---

[1]) *Migne*, Patrologia Graeca t. 114, col. 139 (Simon Wagnereckius въ письмѣ къ Льву Аллацію).

Относительно 3 отрывка, вопросъ, подлежащій изслѣдованію на основаніи византійской лѣтописи, сводится къ слѣдующему простому положенію: нѣтъ ли такого извѣстія, которое бы гласило, что греческій военачальникъ, предпринимавшій экспедицію на сѣверъ и построившій тамъ крѣпость, по возвращеніи въ столицу получилъ бы одобреніе за свое дѣло и назначеніе военачальникомъ въ ту область, которая впервые имъ была изучена и важность занятія которой онъ успѣлъ показать правительству. Относительно наименованія области отрывки сообщаютъ только слѣдующіе термины: «τά Κλήματα» и «τήν τῶν Κλημάτων ἀρχήν».

Но всѣ указанные вопросы сводятся къ одному: была ли когда у византійскаго правительства попытка обезпечить свои крымскія владѣнія отъ вторженія сѣверныхъ варваровъ союзами съ этими варварами и выставленіемъ гарнизоновъ въ областяхъ на сѣверъ отъ Чернаго моря? Дальнѣйшее наше изслѣдованіе въ объясненіе поставленнаго вопроса распадается на двѣ части: во первыхъ, нужно подвергнуть критическому анализу главу 42 De administr. imperio, во 2-хъ, показать, въ какихъ отношеніяхъ стояла Византія къ Крыму и имѣла ли она интересъ заботиться объ обезпеченіи своихъ здѣсь владѣній.

Читатель не долженъ находить для себя неожиданнымъ нашъ переходъ къ строителю Саркела Петронѣ, ибо во всей извѣстной литературѣ это есть единственный случай, которымъ засвидѣтельствованъ фактъ, какого намъ слѣдуетъ искать. Но при первомъ вниманіи обнаруживаются въ сказаніи о Петронѣ такія обстоятельства, которыя слишкомъ трудно примирить съ событіями, изложенными въ отрывкахъ Газе. Правда, хронологическія затрудненія значительно подрываются уже ранѣе приведеннымъ извѣстіемъ о Петронѣ, завѣдывавшемъ устройствомъ загражденій въ Солуни лѣтомъ 904 года. Ибо легко понять, что строитель Саркела при Ѳеофилѣ въ 835—7 году и инженеръ, дѣлавшій подводныя загражденія въ Солуни, едва ли то же самое лицо. По другимъ, хотя и недостаточно опредѣленнымъ [1]), извѣстіямъ, дѣятельность Петроны на другихъ поприщахъ государственной службы падаетъ на X, но не на IX столѣтіе. Итакъ, которыми данными пожертвовать и въ которыхъ предполагать ошибку?

Въ 42 гл. De adm. imperio нужно отдѣлять рядъ географическихъ данныхъ отъ политическихъ. Первыя, конечно, составлены на

---

[1]) Имѣемъ въ виду *Constantini*, De administr. imperio p. 204; *Contin. Theophanis*, Roman. Lecap. c. II; *Hamartoli*, p. 822.

основаніи географическихъ данныхъ, источникомъ для нихъ послужило путешествіе, и во всей вѣроятности, путешествіе, сдѣланное въ X вѣкѣ, послѣ того какъ произошелъ угорскій погромъ и началось движеніе печенѣговъ къ Дунаю. Среди этого произведенія X вѣка включены данныя не географическія, относящіяся къ IX в., данныя важнаго политическаго характера. Эти послѣднія могли находиться, конечно, и въ томъ географическомъ сочиненіи, которое послужило источникомъ для 42 главы, но и могли быть вставлены въ эпоху происхожденія всего сочиненія De adm. imper. Въ первомъ случаѣ извѣстіе о строеніи Саркела могло быть получено отъ мѣстныхъ жителей, и слѣдовательно, не имѣетъ документальнаго характера, во второмъ оно должно быть обязано своимъ происхожденіемъ архивнымъ матеріаламъ, найденнымъ въ Константинополѣ.

Мы склонны думать, что вставка о строеніи Саркела сдѣлана на основаніи данныхъ, хранящихся въ Константинополѣ, но сдѣлана умышленно и искажена. Хазарскій каганъ не могъ просить византійское правительство послать въ его страну военный отрядъ для строенія крѣпости; при извѣстныхъ же отношеніяхъ хазаръ къ грекамъ, отношеніяхъ недовѣрчивыхъ и ревнивыхъ, византійское правительство не могло отправить экспедицію на сѣверъ и приказать построить крѣпость безъ другаго распоряженія—оставить въ этой крѣпости свой гарнизонъ. Такова по крайней мѣрѣ обычная политика Византіи на восточныхъ окраинахъ, гдѣ она пріобрѣтала новыя области и города посредствомъ военныхъ колоній.— Во вторыхъ, въ занимающей насъ главѣ есть смѣшеніе двухъ вещей: постройка Саркела и реорганизація по управленію Корсунемъ. Мы считаемъ это недоразумѣніемъ, показывающимъ, что авторъ былъ не особенно сильный знатокъ въ томъ, о чемъ онъ писалъ. Посылка стратига въ Корсунь могла вызываться необходимостью усилить административный элементъ въ Крыму, а равно недовѣріемъ къ херсонскому сенату и городскому головѣ. Построеніе же Саркела вызывало созданіе новой административной должности въ хазарской землѣ и слѣдовательно назначеніе стратига для Саркела или для Климатовъ. Весьма вѣроятно, что въ документѣ, которымъ пользовался авторъ, и было слово Климаты, но онъ принялъ его въ смыслѣ крымскихъ Климатовъ. Теперь, что касается назначенія стратига въ Корсунь, то первое упоминаніе о корсунскомъ стратигѣ имѣется отъ конца IX вѣка, именно подъ 892 годомъ лѣтопись отмѣтила, что

херсонцы убили своего стратига Симеона, сына Іона или Іоанна [1]). Имя царя Ѳеофила, при которомъ происходили будто бы эти событія, поставлено или по ошибкѣ, или умышленно. Умышленность имѣетъ для себя объясненіе въ довольно деликатномъ съ политической точки зрѣнія положеніи дѣла. Византійскій императоръ посылкой экспедиціи на сѣверъ затрогивалъ интересы другихъ политическихъ европейскихъ силъ, которыя не желали допустить грековъ въ нынѣшнюю южную Россію.

Второй вопросъ — имѣла ли Византія политическій интересъ стараться утвердить свое вліяніе и далѣе Крыма — требуетъ разсмотрѣнія отношеній Византіи къ ея черноморскимъ владѣніямъ. Насколько вообще скудны наши свѣдѣнія по этому вопросу, и какъ господствующія мнѣнія произвольны и безосновательны, можно это видѣть изъ словъ едва ли не лучшаго у насъ знатока подобныхъ вопросовъ, академика Куника. Онъ говоритъ [2]): «До тридцатыхъ годовъ IX столѣтія корсунская область управлялась самостоятельно, съ этого же времени императоры стали присылать воеводу или губернатора (στρατηγός) который былъ однако слишкомъ безсиленъ въ военномъ отношеніи для того, чтобы ему оказывать дѣйствительное вліяніе на внутреннія или внѣшнія дѣла республики. Императоръ Константинъ около 950 г. называетъ правда корсунскую область 12 провинціею (θέμα) имперіи; однако до сихъ поръ не имѣется ни одной надежной данной, которая позволяла бы допустить предположеніе, что императорскій воевода въ Корсуни пользовался какимъ либо военнымъ или нравственнымъ вліяніемъ на южномъ берегу Крыма».

Это сказано по меньшей мѣрѣ неосторожно. Вѣрно лишь то, что мало мы знаемъ о дѣятельности представителей свѣтской и духовной власти въ Крыму, а что она оказывала вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла и имѣла особенно военное значеніе, это доказывается тѣмъ, что много было охотниковъ съ III по X столѣтіе завладѣть Крымомъ, но Византія однако не поступилась имъ ни въ чью пользу. А. А. Куникъ въ своей статьѣ о Запискѣ готскаго топарха привелъ литературу о Херсонѣ и о Климатахъ, такъ что мы можемъ не вдаваться здѣсь въ спеціальныя разысканія. Какъ извѣстно, у главнаго нашего руководителя по части занимающихъ насъ вопросовъ—у Константина Порфиророднаго, въ первыхъ главахъ его сочиненія De administr.

---

[1]) *Hamartoli*, p. 775, разночтеніе читается въ изд. *Миня.*

[2]) *О запискѣ готскаго топарха*, 71.

imperio упоминаются—и большею частію рядомъ--Херсонъ и Климаты, какъ мѣстности, которымъ могутъ угрожать печенѣги, хазары и другіе сѣверные варвары. По почину Ф. К. Бруна и академика Куника стали у насъ понимать подъ этими Климатами если не исключительно, то главнѣйше города по южному берегу Крымскаго полуострова, отождествляя иногда Климаты съ «Готіей» и даже представляя населеніе южнаго берега готскимъ народомъ. Мнѣ кажется, что болѣе внимательное наблюденіе за употребленіемъ слова Климаты у Константина должно было бы заставить изслѣдователей выступить изъ предѣловъ Крымскаго полуострова для опредѣленія точнаго смысла этого термина. Такъ, напримѣръ, во 2 главѣ область политической власти и вліянія Византіи рѣшительно выступаетъ далѣе Крыма.

Изслѣдователи не обратили вниманія до сихъ поръ на то обстоятельство, что предполагаемая вражда аланъ къ хазарамъ препятствуетъ послѣднимъ дѣлать нападенія не только на Херсонъ и Климаты (пусть это будетъ Готія), но еще на Саркелъ. Въ періодъ происхожденія De administr. imperio дипломатическая заботливость императора обнимала сѣверныя страны отъ Крыма, мало того, Саркелъ представляется греческимъ городомъ, на который могутъ нападать хазары и который защищенъ враждой аланъ къ хазарамъ. Это въ сущности единственное мѣсто, раскрывающее виды византійской политики на сѣверные берега Чернаго моря, но и оно до сихъ поръ оставалось непонятымъ. Я иду далѣе, и думаю, что Климаты здѣсь обозначаютъ не *крымскія* владѣнія, а *закрымскія*, именно ту область, гдѣ былъ Саркелъ [1]).

Саркелъ несомнѣнно былъ сначала въ хазарской странѣ, укрѣпленіе византійцевъ въ этой области было съ ихъ стороны значительнымъ военнымъ и политическимъ успѣхомъ, приготовившимъ въ свою очередь успѣхи русскому оружію надъ хазарами. Но что всего любопытнѣй по отношенію къ византійской фразеологіи, Климатами именно называетъ Константинъ хазарскія владѣнія, Хазарія раздѣляется у него на IX климатовъ. Ясно, что возникаетъ серьезное сомнѣніе въ правильности пониманія русскими изслѣдователями слова Климаты, когда они относятъ это выраженіе исключительно къ Крыму.

Итакъ, въ X вѣкѣ византійскія владѣнія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря не ограничивались Крымомъ, а простирались на

[1]) De adm. imp. c. II. ἐν τῷ διέρχεσθαι πρός τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα, и ниже τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς κλίμασιν, т. е. неупомянутый во 2 случаѣ Саркелъ подразумѣвается въ выраженіи Климаты.

хазарскія Климаты и утверждались военнымъ положеніемъ въ Саркелѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Византія хорошо понимала свои выгоды въ этихъ странахъ и имѣла интересъ, несмотря на крайнія затрудненія, твердо отстаивать свои права.

Мы частію видѣли выше, какъ пользовалась Византія своимъ вліяніемъ въ сѣверныхъ областяхъ для обращенія хазаръ къ христіанству и для ослабленія враждебныхъ ей политическихъ тенденцій, исходящихъ изъ Болгаріи. Въ заключеніе позволимъ себѣ отмѣтить, что здѣсь могли быть ея торговыя и экономическія выгоды.

Въ главѣ 6 названнаго выше сочиненія Константина перечисляются предметы, которыми херсонцы уплачиваютъ печенѣгамъ за ихъ услуги. Это все предметы восточныхъ мануфактуръ: шелковыя ткани, пряности и т. п.—Въ глухую эпоху IX и X столѣтія можетъ быть здѣсь продолжались еще тѣ торговыя сношенія, которыя въ болѣе раннее время, равно какъ и въ позднѣйшее, со времени утвержденія здѣсь итальянскихъ факторій, дѣлали изъ Босфора и Херсона, Таны и Кафы складочныя мѣста товаровъ, направляемыхъ изъ внутренней Азіи на западъ. Прекрасное изслѣдованіе по этимъ вопросамъ Гейда [1]) для византійской эпохи изучаемаго нами періода не даетъ положительныхъ на этотъ счетъ выводовъ (см. I. p. 11). Но переходя къ характеристикѣ народовъ, населявшихъ южную Россію въ IX и X в., Гейдъ даетъ любопытныя для насъ данныя объ ихъ торговыхъ отношеніяхъ. Хазары (I. 47—48) являются организаторами правильной жизни, они предоставили право свободнаго поселенія въ своей землѣ евреямъ, христіанамъ и мусульманамъ, обезпечивъ имъ свободу вѣроисповѣданія и внутренняго самоуправленія. Вслѣдствіе того арабскіе купцы могли завязать правильныя торговыя сношенія съ прикаспійскими странами и съ столицей хазарскаго царства. Весьма интересно знать, не существовало ли кромѣ большой артеріи, образуемой Волгой, уже въ то время и той питательной вѣтви, которая имѣла большое значеніе въ средніе вѣка и которая шла отъ Волги къ Дону и отсюда къ Черному или Азовскому морю. Такъ какъ западныя владѣнія хазаръ простирались до Дона и Азовскаго моря, то они въ качествѣ посредниковъ между арабскими купцами могли доставлять восточные товары непосредственно въ Константинополь. И въ самомъ дѣлѣ, они поддерживали съ греками частыя сношенія, и можно находить слѣды

---

[1]) *Heyd*, во франц. переводѣ Histoir du commerce de Levant, I. II. Leipzig 1885—1886.

торговыхъ связей между ними. Въ X в. греческіе послы разсказывали при дворѣ кордовскаго калифа, что хазарскіе корабли отъ времени до времени привозятъ въ Константинополь рыбу, пушной товаръ и пр., изъ Византіи же вывозили разныя матеріи для платья.—Что касается участія Херсона въ этой торговлѣ съ Средней Азіей, Гейдъ высказывается на этотъ счетъ отрицательно [1]). Но любопытно, что, ссылаясь далѣе на 6 главу Константина, онъ толкуетъ ее въ томъ смыслѣ, что если бы херсонцы получали восточные товары путемъ каспійскимъ, то имъ не было бы нужды снабжать печенѣговъ этими товарами. Аргументація очень не искусная, ибо херсонцы платили этими товарами проводникамъ, сопровождавшимъ караваны [2]), а не передавали печенѣгамъ товары, привозимые другимъ путемъ.

Во всякомъ случаѣ, если торговые интересы не имѣли важной роли въ стараніяхъ византійскаго правительства держаться во что бы то ни стало въ сѣверныхъ странахъ отъ Крыма, то остается въ полной силѣ политическій интересъ и національный. Для защиты своихъ крымскихъ владѣній и съ цѣлію военнаго и нравственнаго вліянія между варварскими народами, Византія сочла за нужное укрѣпиться на Дону посредствомъ построенія крѣпости въ хазарскихъ владѣніяхъ. Византійская церковь здѣсь пріобрѣла новое поприще для христіанской миссіи, и ея усилія сопровождались важными результатами. При патріархѣ Николаѣ Мистикѣ въ хазарскихъ Климатахъ устроена была епископская каѳедра. Завоеванія Святослава въ землѣ хазаръ и ясовъ и касоговъ были первыми пріобрѣтеніями для Руси христіанскихъ земель, въ которыхъ были свои епископіи. Въ этомъ и полагаемъ основной выводъ предыдущаго изслѣдованія.

Записка готскаго или греческаго топарха, по нашему мнѣнію, не имѣетъ значенія въ той области историческихъ отношеній, въ которой полагали ея важность. Она, повидимому, теряетъ характеръ таинственной привлекательности, которая приковывала къ ней вниманіе, хотя взамѣнъ того даетъ прекрасную страничку для культурной исторіи Византіи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

Въ заключеніе нѣсколько словъ къ хронологіи.

Въ первомъ отрывкѣ, изданномъ Газе, есть одно любопытное мѣсто, котораго мы не касались въ нашемъ изслѣдованіи. Это очень

---

[1]) *Heyd*, I. p. 48. La chose est douteuse, et le degré peu avancé de la civilisation des Petchénègues n'est pas le seul motif de notre doute.

[2]) Сравнить 1, 53, гдѣ Херсону приписывается участіе въ торговлѣ съ востокомъ.

тонкое астрономическое наблюденіе, говоримъ тонкое, потому что его могъ сдѣлать далеко не всякій. Когда авторъ отрывковъ, по переходѣ черезъ Днѣпръ, покрывшійся льдомъ, дѣлаетъ наблюденіе *о прохожденіи Сатурна въ созвѣздіи Водолея* и при томъ опредѣляетъ *начальную фазу прохожденія*, то ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ наблюденіемъ довольно опытнаго въ астрономіи человѣка: обыкновенный наблюдатель не замѣтилъ бы этой тонкости, тѣмъ болѣе, что Сатурнъ проходитъ чрезъ созвѣздіе Водолея въ значительные промежутки времени. Этимъ указаніемъ отрывковъ воспользовался В. Г. Васильевскій, сдѣлавъ изъ него слѣдующіе выводы.

«Такъ какъ Сатурнъ совершаетъ свое обращеніе между созвѣздіями въ періодъ 29 лѣтъ и 174 дней и слѣдовательно въ одномъ и томъ же созвѣздіи видимъ бываетъ въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ то мы будемъ имѣть только два или три такіе періода (для второй половины X и начала XI в.), которые могутъ быть приняты въ разсчетъ».—Такимъ образомъ, профессоръ Васильевскій указываетъ два періода изъ конца X вѣка, въ которые Сатурнъ могъ быть наблюдаемъ въ знакѣ Водолея: 964—967 и 993—996 годы. Сближая описываемые въ отрывкахъ факты съ временемъ похода Святослава въ Болгарію, онъ естественно долженъ былъ отдать предпочтеніе первому періоду, то есть отнести отмѣченное въ отрывкахъ положеніе Сатурна въ знакѣ Водолея къ 964—967 годамъ. Но читатель легко можетъ видѣть, что такимъ путемъ пріобрѣтается лишь приблизительная дата, которая на протяженіи X вѣка можетъ измѣниться четыре раза, сообразно съ тѣмъ, къ началу или къ концу этого вѣка повлекутъ изслѣдователя другія данныя и соображенія, принятыя имъ во вниманіе при изученіи отрывковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ X вѣкѣ Сатурнъ могъ быть наблюдаемъ въ знакѣ Водолея въ 904, 933, 964 и 993 годахъ, и при томъ каждый разъ два года съ половиной. Которому изъ этихъ періодовъ дать предпочтеніе, это зависитъ, во 1-хъ, отъ времени дѣятельности Петроны, во 2-хъ отъ тѣхъ указаній, которыя нами найдены въ письмахъ Н. Мистика. Что касается перваго, то неподлежащія сомнѣнію извѣстія Іоанна Каменіаты даютъ для протоспаѳарія Петроны весьма опредѣленную дату (904 г.), что касается втораго, то византійскіе и болгарскіе интересы могли столкнуться на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой четверти X вѣка. Такимъ образомъ, естественно, для описываемыхъ въ отрывкахъ событій мы удерживаемъ дату перваго періода прохожденія Сатурна въ созвѣздіи Водолея въ X в. Здѣсь умѣстно сдѣлать одно

детальное замѣчаніе. Въ 42 гл. Константина указано, что строптелемъ Саркела былъ спаѳарокандидатъ Петрона, возведенный въ высшій чинъ протоспаѳарія послѣ исполненія возложеннаго на него порученія.

Въ исторіи I. Каменіаты прибывшій лѣтомъ 904 года въ Солунь инженеръ Петрона названъ въ чинѣ протоспаѳарія. Такимъ образомъ, еслибы оказалось, что въ глубокую осень или въ началѣ зимы 903 года Сатурнъ уже *началъ* свой путь черезъ созвѣздіе Водолея, то мы получили бы въ этомъ довольно точныя основанія для пріуроченія занимающихъ насъ событій къ концу 903 или началу 904 года.

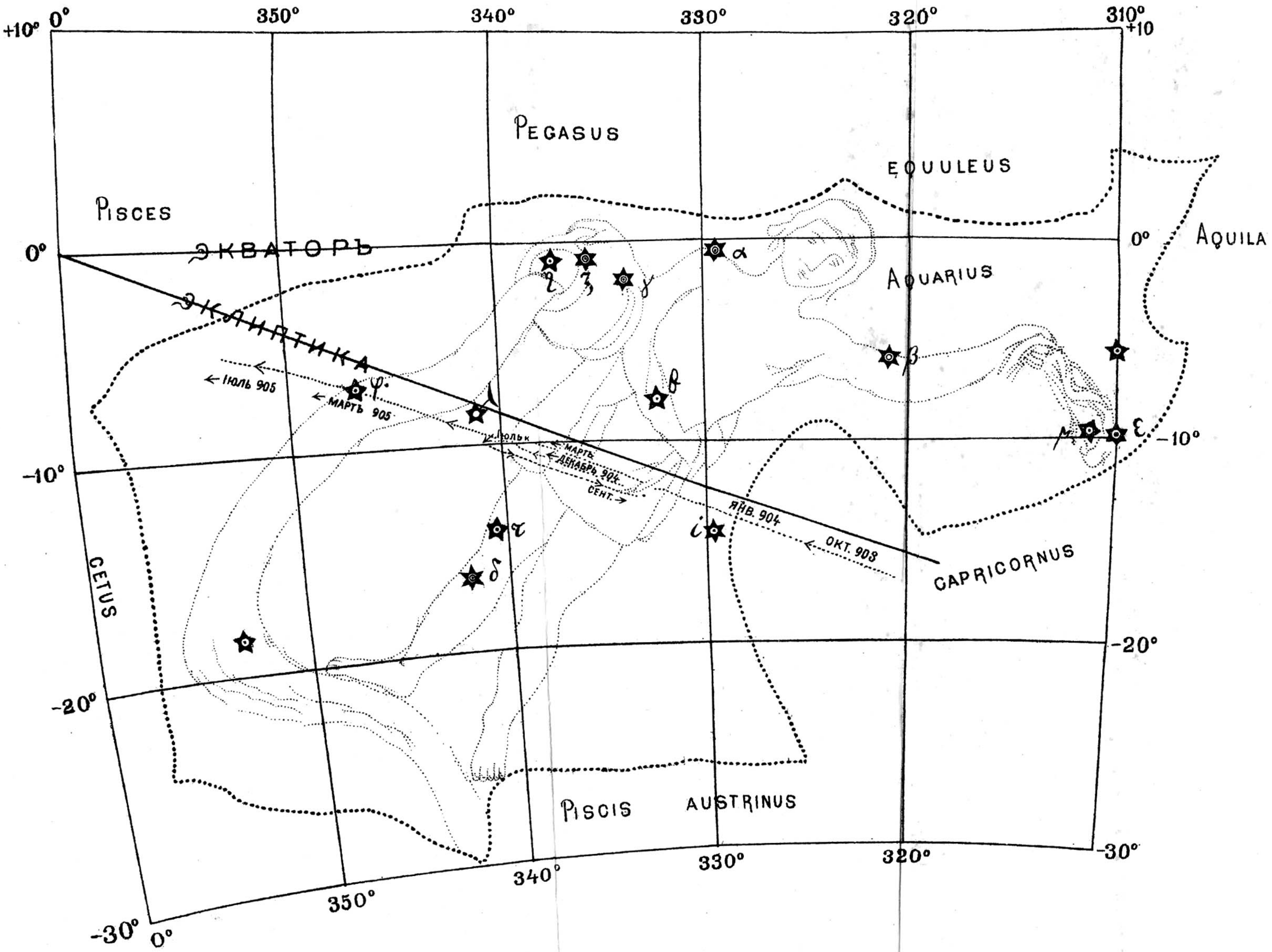
Съ цѣлью обосновать свои положенія съ точки зрѣнія астрономіи, мы обратились къ спеціальнымъ свѣдѣніямъ въ этой области почтеннаго товарища нашего по университету профессора А. К. Кононовича, который съ любезною готовностью вычислилъ первый періодъ прохожденія Сатурна въ созвѣздіи Водолея въ началѣ X вѣка. По этимъ вычисленіямъ оказывается, что *въ концѣ 903 года Сатурнъ уже могъ быть наблюдаемъ въ созвѣздіи Водолея,* въ которомъ онъ оставался въ 904 и 905 годахъ.

Для наглядности присоединяемъ рисунокъ, изображающій путь Сатурна въ означенномъ созвѣздіи.

Ѳ. Успенскій.

Положеніе Сатурна между звѣздами (въ созвѣздіи Водолея) въ 903—905 годахъ.

Снимокъ съ атласа Heiss'a—Atlas coelestis novus. Tabula XII.



звѣзда 3-й величины

звѣзда 4-й величины

граница созвѣздія Водолея

путь и направленіе движенія Сатурна между звѣздами

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго [1]).

Третій классъ.

> Въ жизни почти каждаго изъ насъ въ молодости приходитъ пора, когда умъ нашъ внезапно пробуждается, когда потокъ нашей внутренней жизни измѣняетъ свое русло и мы вступаемъ въ новый фазисъ жизни. *Линъ-Линтонъ.*

Человѣку свойственно искать причины своихъ житейскихъ неудачъ внѣ себя, между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ самъ онъ кругомъ виноватъ. Мы всегда готовы, подтасовавъ факты, подыскать тысячу смягчающихъ вину обстоятельствъ, чтобы оправдать свой проступокъ, свою лѣнь, заглушая въ себѣ немолчный голосъ собственной совѣсти. Желаніе увернуться отъ этого неумытнаго судіи до того сильно, что если мы вокругъ себя не находимъ такъ называемыхъ вещественныхъ доказательствъ, которыя помогли бы намъ софистически опровергнуть безпощадную логику фактовъ, мы переносимся въ область отвлеченностей, дѣлаемся фаталистами: „такое мое счастье! такая моя судьба! такъ мнѣ на роду написано!" твердимъ мы обыкновенно въ свое оправданіе.

Но „судьба, счастье, обстоятельства, говоритъ испанскій сатирикъ Ларра, слова, лишенныя смысла, которыми мы пользуемся, чтобы свалить на не существующія причины отвѣтственность за свои неудачи". Я далекъ отъ той мысли, чтобы вовсе не допускать въ

[1]) См. „Кіевск. Стар.", 1889 г.. № 4, апрѣль.

жизни человѣка различныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ иногда зависитъ такой или иной исходъ нашихъ желаній и предположеній, такое или иное положеніе въ обществѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ уступаетъ силѣ этихъ обстоятельствъ не иначе, какъ послѣ долгой борьбы. Я всегда готовъ преклониться предъ неодолимымъ „закономъ необходимости", котораго никто не въ силахъ избѣгнуть и предъ которымъ, по сказанію греческихъ поэтовъ, преклонялись и всемогущіе боги. Тутъ не поможетъ ни сильная воля, ни желѣзное терпѣніе—и самая сильная человѣческая воля имѣетъ свои границы. Но дѣло въ томъ, что, благодаря нашему неразумному воспитанію, мы не вырабатываемъ въ себѣ характера, не пріобрѣтаемъ той упругости, той устойчивости и выносливости, при столкновеніи съ житейскими неудачами, которыми отличаются другія націи и безъ которыхъ человѣкъ становится ничтожнѣйшимъ существомъ, жалкимъ трусомъ, готовымъ бѣжать съ поля битвы, не испробовавъ своихъ силъ въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами. Въ правѣ ли такой человѣкъ жаловаться на судьбу свою?

Между тѣмъ всѣ наши, такъ называемые, неудачники, какъ не получившіе перевода школьники, вѣчно проклинаютъ свою судьбу или сваливаютъ вину своихъ неудачъ на разныя препятствія, не испробовавъ своихъ силъ въ борьбѣ съ этими препятствіями. Собственную глупость и нерадѣніе они превращаютъ въ обстоятельства, яко бы приведшія ихъ къ тому, что они есть.

Правда, въ нашей русской жизни такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ встрѣчается болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь: несостоятельность нашего научнаго образованія и происходящая отъ того наша умственная немощь и шаткость убѣжденій, непрочность подгнившихъ уже основъ общественной жизни, лишающая многихъ полезныхъ дѣятелей твердой почвы, дикость семейныхъ нравовъ, безнравственность и сословные предразсудки однихъ, темнота и закоренѣлое суевѣріе другихъ: вотъ та среда, въ которой растетъ и формируется будущій гражданинъ земли русской! Но все таки препятствій этихъ не слѣдуетъ считать непреодолимыми. По крайней мѣрѣ, долгъ каждаго честнаго человѣка стремиться къ тому, чтобы ихъ у насъ было меньше, иначе немыслимъ никакой прогрессъ общества.

Переносясь мыслію въ свое прошлое и перебирая въ памяти тѣ безчисленныя затрудненія, какія встрѣтились мнѣ при самомъ началѣ училищной карьеры, я, не безъ чувства нѣкоторой гордости, могу сказать, что у меня на жизненномъ пути такихъ препятствій было больше, чѣмъ у многихъ изъ моихъ сверстниковъ. Я сталъ бороться съ ними съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія— съ поступленія въ училище. Отъ первѣйшаго до послѣдняго класса, при всей неудовлетворительности тогдашняго преподаванія, опиравшагося на одно чисто механическое заучиванье, я не зналъ никакого репетитора, и всѣмъ, что зналъ и что успѣлъ уже перезабыть, обязанъ самому себѣ. Но объ этомъ поговоримъ впослѣдствіи, а пока и хвалиться то нечѣмъ: въ семь лѣтъ едва долѣзъ до третьяго класса, а все таки долѣзъ и не бросилъ ученія, подобно другимъ, хотя корень этого ученія былъ горекъ до отвращенія.

Еще до каникулъ, по полученіи отъ меня билета, отецъ началъ хлопотать о моемъ увольненіи отъ общества мѣщанъ. Препятствій къ тому не должно бы, казалось, встрѣтиться: во первыхъ, я былъ единственный у родителей сынъ и, слѣдовательно, рекрутской повинности на нашей семьѣ не лежало; во вторыхъ, отецъ мой, а еще болѣе дѣдъ, сослужили немалую службу самому обществу, проходя разныя общественныя должности. Дѣдъ мой, Алексѣй Ивановичъ, втеченіе своей столѣтней жизни, по нѣсколько трехлѣтій сряду, безвозмездно служилъ по выборамъ и ратманомъ, и бургомистромъ, и засѣдателемъ совѣстнаго суда, и засѣдателемъ приказа общественнаго призрѣнія (пять трехлѣтій) и не разъ исполнялъ обязанности городскаго головы, никогда не отказываясь отъ служенія на пользу общества, въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ. Цѣня такія заслуги высокочтимаго старца, нѣкоторые изъ порядочныхъ обывателей еще прежде сами предлагали отцу свои услуги по дѣлу моего увольненія, чтобы чѣмъ нибудь вознаградить его за понесенные имъ труды; но, такъ называемые, цеховые — шевцы, кравцы и шаповалы подняли гвалтъ.

— На що намъ тые паны? ихъ и такъ до чорта! Повыпускаемъ усихъ, а сами будемъ подушное платить. Не треба намъ сёго—мы не согласны.

Такъ орали на сходкѣ „братчики", размахивая своими мозолистыми руками. Никакіе резоны противной стороны, болѣе интеллигентныхъ мѣщанъ торговаго сословія, на нихъ не дѣйствовали— не согласны да и шабашъ! Но когда отецъ предложилъ имъ магарычъ, они стали податливѣе. Увольнительное свидѣтельство подписано и угощеніемъ цеховые остались довольны.

Осенью 1834 года я испыталъ первую въ жизни, но весьма чувствительную потерю: мой пестунъ, ангелъ-хранитель моего дѣтства, дидусь, скончался на сотсмъ году своей жизни. Сохранивъ до послѣднихъ дней присутствіе всѣхъ умственныхъ способностей, онъ умеръ, какъ жилъ—тихою смертью праведника: побесѣдовавъ съ дѣтьми и перекрестивъ, по своему обыкновенію, на сонъ грядущихъ внучатъ—меня и двухъ сестеръ моихъ, онъ заснулъ на вѣки. Миръ праху твоему, добрый дидусь!

Кончина дѣда повлекла за собой неисчислимыя бѣдствія, обрушившіяся на наше семейство. Хотя онъ давно уже не принималъ никакого участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ нашихъ, но въ домѣ все еще чувствовалось присутствіе великой нравственной силы, сдерживавшей порочные инстинкты молодаго хозяина, загубившаго свою жизнь, оставивъ такъ хорошо начатое ученіе и попавъ въ грубую среду, какъ гнилое болото засосавшее человѣка, которому директоръ Халанскій и наставники Левицкій и Капля пророчили блестящую карьеру. Сидя на своей лежанкѣ, этотъ слѣпой и немощный старецъ не переставалъ быть главою дома, живымъ укоромъ всякаго безобразія. Зналъ онъ, что съ каждымъ годомъ достатки наши все уменьшаются: то нивку возьмутъ за долги, то сѣнокосъ отнимутъ. Торговля же не только не давала средствъ къ существованію, но истощала послѣднее достояніе. Товаръ покупался въ долгъ, а выручка со всѣми барышами шла не на уплату кредиторамъ, а совсѣмъ въ другое мѣсто. Все, что было въ домѣ по цѣннѣе, находилось въ залогѣ. Многое, конечно, тщательно скрывалось отъ него, но онъ все зналъ и предвидѣлъ печальную будущность семьи.

По смерти дѣда, предъ нами раскрылась бездна ужасающей нищеты. Тяжело, невыносимо тяжело переживать даже въ воспоминаніяхъ эти годы.

Ne ssun maggior dolore
Che recordarsi del tempo felice
Nella miseria.

сказалъ устами Франчески великій страдалецъ Данте, но не легко воспроизводить въ душѣ и прошлое горе въ счастливую пору жизни. Съ переходомъ въ 3-й классъ я очутился въ страшной крайности: ни одежи, ни книгъ, ни спокойнаго угла въ домѣ. Поставленный въ такія условія, я кромѣ того чувствовалъ совершенную несостоятельность въ усвоеніи положенныхъ по программѣ предметовъ, благодаря безтолковому распредѣленію учениковъ по классамъ и потому бился, бился какъ рыба объ ледъ, да и бросилъ учиться вовсе. А тутъ, какъ нарочно, подвернулись два двоюродные братца, уже успѣвшіе уволиться изъ гимназіи, и стали меня подговаривать послѣдовать ихъ примѣру. Въ то же время одинъ богатый купецъ, съ видомъ покровительства, предложилъ мнѣ мѣсто прикащика въ своей лавкѣ. Ученію моему грозила серьезная опасность. Я пересталъ было ходить въ гимназію, шлялся по цѣлымъ ндямъ то въ полковницкомъ гаю, то въ подмонастырской слободкѣ, въ сообществѣ тѣхъ же шалопаевъ-искусителей, которые кормили меня пряниками и леденцами, купленными на украденныя у родителей деньги.

Взялся было за мое исправленіе инспекторъ, товарищъ моего отца по гимназіи, но не сумѣлъ толково повесть дѣло, обращался со мной грубо и презрительно, все больше напирая на мое происхожденіе и забывая о своемъ собственномъ. Самолюбіе мое было уязвлено и я сталъ поступать наперекоръ своему непрошенному благодѣтелю. Во второй половинѣ учебнаго года меня перевели назадъ—во второй классъ. Просидѣвъ тамъ около мѣсяца, я еще больше отсталъ отъ уроковъ и окончательно опустился.

Матвѣй Албертовичъ почти полгода возился съ двумя „курьерами", изъ которыхъ одинъ выѣхалъ изъ Одессы, а другой изъ Петербурга. Гдѣ жъ мнѣ было догнать ихъ, когда я не зналъ ни бельмеса изъ пройденнаго на курьерскихъ во второмъ классѣ?

— Имѣй сѣбѣ выраженѣ на упражнѣнѣ: $a + b - c$, а другое сѣбѣ такое!—задавалъ учитель задачи для домашнихъ работъ. А мнѣ рѣшительно негдѣ было заняться ихъ рѣшеніемъ.

И вотъ, окончился годъ. Мнѣ дали отвратительный билетъ, который я, идучи домой, изорвалъ зубами на самые мелкіе куски, даже съѣлъ клочекъ бумаги. Мнѣ стукнуло 15 лѣтъ. Улучивъ добрую минуту, я сталъ просить отца объ увольненіи меня изъ гимназіи; но ременный шитикъ (пасъ), свернутый вдвое, отбилъ у меня охоту мечтать о глупой свободѣ. Я совершенно растерялся, упалъ духомъ и неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не одинъ счастливый случай, который сообщилъ мнѣ толчокъ и направилъ на путь истинный.

Однажды, шатаясь по городу, противъ церкви Воскресенія я встрѣтился съ дальнимъ родственникомъ Романомъ Титовичемъ Сазоновымъ. Это былъ замѣчательно умный человѣкъ, хотя по наружности и казался простоватымъ. У него былъ младшій братъ Трофимъ, самоучка-архитекторъ, бравшій большіе подряды на постройку церквей, заводовъ и другихъ капитальныхъ зданій. Братья жили вмѣстѣ съ матерью въ большомъ каменномъ домѣ, вели тысячныя дѣла съ большими экономіями нѣсколькихъ уѣздовъ, ѣли и пили хорошо, хотя ихъ и считали въ городѣ скупцами. При всеобщей распущенности нравовъ, они не могли не казаться такими нашему купечеству, которое умѣло лишь проживать нажитое отцами добро; между тѣмъ какъ эти два брата, получивъ отъ отца ограниченное состояніе, собственными трудами нажили себѣ значительные капиталы и потому дорожили пріобрѣтеннымъ, живя особнякомъ отъ городскихъ самодуровъ и поддерживая знакомство только съ управляющими богатыхъ имѣній, съ которыми у нихъ были дѣла по подрядамъ и поставкамъ на фабрики и заводы.

Съ однимъ то изъ этихъ дѣльныхъ людей я встрѣтился. Хорошо знакомый съ нашими семейными обстоятельствами и узнавъ отъ матери о томъ, что я не желаю продолжать ученія, Романъ Титовичъ взялся поучить меня уму разуму, и такъ ласково, такъ убѣдительно сталъ говорить со мной, что моя природная застѣнчивость и „вовковатость“ на сей разъ совершенно стушевались. Съ полною откровенностію разсказалъ я ему все, что тяжелымъ камнемъ лежало у меня на душѣ. Выслушавъ мою сердечную исповѣдь, Романъ Титовичъ началъ уговаривать меня и ободрять; живо нарисовалъ онъ мнѣ мою печальную будущность, если я не опомнюсь и

не сдѣлаюсь инымъ человѣкомъ; увѣрилъ меня въ томъ, что все можно еще поправить, а главное, навелъ меня на ту безподобную мысль, что человѣкъ въ самомъ себѣ долженъ искать помощи, надѣяться только на свои силы, на свой трудъ; что единственный путь къ благополучію—ученіе, что наконецъ на мнѣ, какъ старшемъ въ семействѣ, лежитъ святая обязанность помочь матери и сестрамъ, что погубивъ себя, я сдѣлаюсь причиной гибели всей семьи. Однимъ словомъ, достойнѣйшій Романъ Титовичъ говорилъ со мною такъ, какъ только умѣетъ говорить добрый и умный человѣкъ, убѣжденный собственнымъ опытомъ, что̀ значитъ добрая воля, трудъ, терпѣніе, характеръ, предъ которыми преклоняются самыя непреодолимыя, повидимому, препятствія. Напоивъ чаемъ, онъ отпустилъ меня уже въ сумерки.

Послѣ такой бесѣды, меня озарило свѣтомъ. Я впервые созналъ себя, впервые замѣтилъ передъ собой ту страшную бездну, куда влекла меня какая то темная сила; я стоялъ на краю этой пропасти, готовый упасть въ нее, увлекая за собой и страстно мною любимыхъ мать и сестеръ—и я отшатнулся отъ нея мгновенно. Не смотря на позднее время, я не пошелъ домой, а взобрался на Замокъ и тамъ, на просторѣ, далъ волю слезамъ, горько сожалѣя объ утраченныхъ годахъ. „Да, размышлялъ я, сходя съ горы, нечего плакать и причитать подобно старой бабѣ: что прошло, того не воротишь, не вернусь же и я къ своему прошлому“!

Мнѣ очень дурно спалось въ эту ночь. Тревожная работа пробужденной мысли отгоняла отъ очей безпечный сонъ моего недумающаго дѣтства. Въ эту памятную ночь я сталъ цѣлыми пятью годами старше своего возраста Стало свѣтать. Прежде всѣхъ проснулся въ домѣ мой любимецъ шпакъ, привѣтствуя меня громкимъ крикомъ „дурракъ!“ Самъ я послѣ долгихъ усилій и научилъ его произносить это слово, которое на сей разъ я почему то принялъ на свой счетъ. Потомъ какъ то ядовито-насмѣшливо засвистѣлъ другой мой пенатъ—снегирь и его пѣсня тоже мнѣ не понравилась. Лежа въ постели, я сталъ разглядывать все, что было въ комнатѣ, и во всемъ, что ни попадалось на глаза, находилъ какой то особенный смыслъ. Въ висѣвшихъ по стѣнамъ картинахъ, далеко не художественнаго стиля, къ которымъ такъ пригладѣлись глаза,

что на нихъ никто не обращалъ вниманія, я сталъ замѣчать нѣчто знаменательное.

Одна изъ литографій представляла женщину съ малюткой на колѣняхъ; она поитъ дитя изъ блюдечка молокомъ, а внизу подпись: „жизнь человѣческая“. Какая нелѣпость! Неужели, думалъ я, въ этомъ процессѣ питанія состоитъ въ самомъ дѣлѣ жизнь человѣческая? Ужели матери и отцы обязаны всю жизнь поить и кормить своихъ дѣтей? Ужели человѣкъ имѣетъ право во всю жизнь разсчитывать на чужую помощь? Ложь! Это унижаетъ человѣческое достоинство.

Другая картина, или, вѣрнѣе, цѣлая исторія въ картинахъ, съ французскими подписями внизу, изображала евангельскую притчу о блудномъ сынѣ. Страшно поразилъ меня этотъ погибшій юноша, пасущій свиное стадо и питающійся „отъ рожецъ“. Тутъ припомнились мнѣ отцовскія нравоученія, оканчивавшіяся всегда зловѣщимъ предсказаніемъ: „будешь свиней пасти, коли не станешь учиться“! Нѣтъ же, подумалъ я, не сбудется это ужасное пророчество!

Вотъ и еще картина: Ной, благословляющій дѣтей. Почернѣвшій, какъ надо полагать, отъ родительскаго проклятія Хамъ стоитъ поодаль, убитый, отверженный, а два почтительные и благонравные сына, стоя на колѣняхъ, благоговѣйно принимаютъ родительское благословеніе, навѣки нерушимое. Отъ губъ Ноя до ушей дѣтей его какъ бы излетаютъ красныя словеса: „Блгвнъ Гдь Бгъ Симовъ и Афетовъ и да будетъ Ханаанъ отрокъ рабъ имъ“!

Вотъ и бѣдная палатинская принцесса Женевьева въ лѣсу, вся нагая, цѣломудренно прикрытая только длинными волосами и заставляющая сострадательную лань кормить ея ребенка. Все это наводило на размышленіе и поселяло въ душѣ увѣренность въ своихъ силахъ, рѣшимость на борьбу съ лишеніями и горемъ.

Вотъ и еще картина: молодой юноша, почти дитя, держитъ за хохолъ огромной величины голову, съ висящими до земли усами—это художественное произведеніе,—написанное, какъ и Ной, масляными красками маляромъ Конюховымъ,—отличалось не менѣе художественной надписью:

Гордился Голіаѳъ своею величиною;
Но палъ мертвъ, безчувственъ подъ малою рукою.

Того, котораго народъ страшился вида,
Трепещетъ днесь глава въ рукахъ Давида!

Это, само по себѣ безграмотное, четверостишіе въ просвѣтленномъ умѣ моемъ возъимѣло глубокій смыслъ; значитъ, размышлялъ я: не физическая сила даетъ человѣку превосходство передъ другими, а великая сила нравственная—сила духа, сила разума, обогащеннаго наукой, знаніемъ, талантомъ; что всѣ наши Голіафы—Сидоровичи, Шедьки, Александровы, Борщовы, похваляющіеся крѣпостію своихъ мышцъ, способны лишь разбивать носы, ворочать камни и работать десятифунтовымъ молотомъ, да и тутъ одною физическою силой ничего не подѣлаешь.

Каникулы близились къ концу. Нечего долго думать, пора приниматься за дѣло. Пересмотрѣвъ всѣ свои книги и тетради, я нашелъ, что у меня многаго недостаетъ. Просить у матери денегъ на покупку учебниковъ у меня не хватило смѣлости. Я отправился искать по городу такихъ учениковъ, у которыхъ были всѣ нужныя книги и записки, выпросилъ на время все, что мнѣ было нужно, и засѣлъ переписывать, чтобы было изъ чего учить уроки, какъ только начнется ученіе. Сидѣлъ я за этой работой двѣ недѣли, не разгибая спины; раньше всѣхъ вставалъ, позже всѣхъ ложился въ постель. Заходили за мной милые братцы, отправляясь куда то за городъ бить баклуши, но я отказался на отрѣзъ и просилъ оставить меня въ покоѣ и идти своей дорогой, а я пойду своей. Смотрятъ на меня домашніе—и глазамъ не вѣрятъ: что за превращеніе такое случилось съ хлопцемъ?

Началось ученіе. Въ классѣ я нашелъ нѣсколько незнакомыхъ личностей, частію переведенныхъ изъ втораго класса, частію поступившихъ изъ домашняго воспитанія и изъ уѣздныхъ училищъ другихъ ближайшихъ городовъ. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе мое привлекли: Яша Гребенниковъ, Миша Горлиловъ, уроженцы г. Мглина, Зибаровъ, Дворецкій, а также миловидный мальчикъ лѣтъ 12—Костя Ушинскій. Съ ними то я и старался сблизиться. Осталось отъ прошлаго года довольно и большихъ болвановъ, лѣтъ подъ 20, но я отъ нихъ сторонился подальше.

Направленіе и духъ школы, сравнительно съ прежними годами, значительно измѣнились, но увы! едва ли къ лучшему. Клас-

сная дисциплина, благодаря вліянію нѣсколькихъ молодыхъ преподавателей, дѣйствительно улучшилась, за то внѣ стѣнъ заведенія, по нѣкоторымъ квартирамъ, совершались великія безобразія. Особенно дурною репутаціей пользовались квартиры воскресенскаго діакона Фотіева, Хлопотыхи и Парфиля Мулюхи: это были шумные притоны разврата и пьянства; тамъ жили самые отчаянные повѣсы. Образовалась цѣлая шайка бандитовъ, разбойничавшихъ по ночамъ въ отдаленныхъ захолустьяхъ города. Одно изъ похожденій въ подмонастырскую слободку окончилось даже убійствомъ: гимназисты, подъ предводительствомъ Данила Борщова, вступили въ рукопашную съ другой шайкой, предводимой уличными буянами, братьями Вязовиками, незаконными дѣтьми мѣстнаго гомеопата. Свалка кончилась тѣмъ, что ученикъ Капчинскій черезъ два дня отдалъ Богу душу. Инспекторъ нашъ, надобно отдать ему справедливость, былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Онъ безпрерывно шнырялъ по квартирамъ и энергически преслѣдовалъ всякіе дебоши. О какомъ бы то ни было нравственномъ вліяніи не могло быть и рѣчи: ученики преклонялись только предъ физической силой и просто боялись попасться подъ тяжелую десницу Герасима Ивановича, который расправлялся всегда собственноручно на мѣстѣ преступленія. Ходилъ онъ ночью по городу одинъ, подслушивалъ подъ окнами, являлся совершенно неожиданно, въ самый разгаръ пирушки, да тутъ и чинилъ судъ и расправу своею суковатою палкой. Такъ, однажды зимой, во время сильной мятели, въ отдаленной части города собралась большая компанія праздновать именины товарища. Никто, конечно, не ожидалъ въ такую непогодь незваннаго гостя. Между тѣмъ инспекторъ, какъ снѣгъ на голову. Едва онъ вошелъ въ комнату, какъ въ ставню постучался одинъ изъ запоздавшихъ гостей, герой ночныхъ оргій Петръ Борщовъ.

— Хозяинъ дома? вопрошаетъ онъ басомъ. Инспекторъ велитъ хозяину отвѣчать: дома; а самъ прячется за двери и ждетъ дорогаго гостя. — А водка есть? продолжаетъ Борщовъ. — Есть! отвѣчаетъ хозяинъ. —Ну, ладно!

Едва Борщовъ успѣлъ переступить порогъ, какъ Герасимъ Ивановичъ хвать его за чуба—и пошла ходить по спинѣ суковатая палка.

Герасимъ Ивановичъ былъ человѣкъ не только всевѣдущій, но и всевидящій. Недаромъ у дѣтей первыхъ двухъ классовъ вкоренилось убѣжденіе, что онъ видитъ позади себя такъ же хорошо, какъ и передъ собой, что у него, поэтому, непремѣнно гдѣ то въ затылкѣ скрыто засѣлъ глазъ, такъ какъ мальчуганъ, идучи позади его, попробовалъ сдѣлать ему гримасу и что жъ? пойманъ на мѣстѣ преступленія и пребольно высѣченъ.

Въ то самое время, какъ нашъ неутомимый инспекторъ такъ дѣятельно подвизался на пользу молодаго поколѣнія, г. директоръ, сидя у себя въ Турановкѣ, восторгался красотами классическихъ произведеній. Герасимъ Ивановичъ, будучи ему многимъ обязанъ, принявъ въ свое полное распоряженіе гимназію, дорожа довѣріемъ своего благодѣтеля, многое старался скрыть отъ него, чтобы докучливыми докладами не возмущать олимпійскаго спокойствія любимца музъ. Пріѣдетъ въ гимназію, соберетъ въ залу учениковъ, скажетъ имъ длинную орацію, да опять надолго исчезнетъ. Онъ сердился, даже заставая въ классѣ стоящаго на колѣнахъ ученика, его возмущало и такое ничтожное наказаніе, какъ же послѣ этого докладывать ему хоть бы, напр., о расправѣ съ Борщовымъ на именинахъ?

Разъ, впрочемъ, инспекторъ, выбившись изъ силъ отъ нескончаемой возни съ негодяями, представилъ ученика Трипольскаго къ исключенію, какъ совершенно неисправимаго и вреднаго для заведенія субъекта. Директоръ пріѣхалъ въ гимназію и тотчасъ велѣлъ собрать въ залу всѣ классы; сказалъ трогательную рѣчь объ испорченности молодаго поколѣнія, привелъ цитаты изъ Саллюстія и Тацита; наконецъ вызвалъ на средину Трипольскаго и голосомъ, полнымъ негодованія, сопровождая слова выразительными жестами, сказалъ:

— Иди отъ насъ! не оскверняй своимъ дыханіемъ святилище науки и доброй нравственности!

У порога стоялъ Парамонъ съ грязною метлой, которою и выметенъ за гимназическія ворота негодный соръ.

По поводу этого событія, мнѣ передали старшіе воспитанники гимназіи, что въ 1828 году между учениками уѣзднаго училища былъ открытъ „заговоръ“, состоявшій въ томъ, что кто то изъ

аборигеновъ привезъ изъ дому брошюру „Донесеніе слѣдственной коммиссіи“, наряженной въ 1825 году надъ декабристами. Директоръ этой простой случайности придалъ чрезвычайно важное значеніе. Въ подражаніе Цицерону, изобличившему Катилину, онъ началъ свою рѣчь ex abrupto, обратившись прямо къ личности „преступника“. Осужденный стоялъ у порога залы, рядомъ съ хромоногимъ Парамономъ, вооруженнымъ на сей разъ не метлой, а дубиной, съ которой и проводилъ онъ „заговорщика“ до самыхъ воротъ: тамъ стояла готовая почтовая тройка, умчавшая юнаго Катилину къ родителямъ въ деревню гоняться съ борзыми за лисицами.

Нашъ третій классъ помѣщался въ прежней гимназической залѣ. Во всю длину ея подъ окнами стояли скамьи по двѣ въ рядъ. Учитель сидѣлъ въ одномъ концѣ залы, подъ портретомъ кн. Репнина, а нѣкоторымъ ученикамъ приходилось сидѣть въ другомъ; очевидно, они ничего не могли слышать изъ учительскихъ объясненій. Да они нисколько и не интересовались ими. Тутъ обыкновенно помѣщались самые отпѣтые лѣнтяи, на которыхъ никто не обращалъ вниманія, лишь бы они не мѣшали заниматься другимъ, сидѣвшимъ ближе къ учителю. Стало быть, обѣ стороны, и учитель и ученики, были совершенно довольны другъ другомъ; ученики не мѣшали учителю задавать и спрашивать, а учитель не мѣшалъ имъ заниматься своими дѣлами, совершенно посторонними: одинъ вырѣзывалъ изъ березоваго нароста трубку или собачку, другой, не обладая кустарнымъ производствомъ, просто долбилъ ножикомъ скамью; третій, положивъ свою думную головушку на скамью, спалъ—это будущій помѣщикъ; нѣкоторые играли въ карты или въ скубки—будущіе господа офицеры.

Для того, чтобы попасть въ сборную учительскую комнату, гдѣ помѣщалась и библіотека, нужно было пройти черезъ нашъ классъ и каждый разъ, въ знакъ особаго уваженія къ гг. учителямъ, мы обязаны были привставать съ мѣста, что чрезвычайно мѣшало занятіямъ. При входѣ и выходѣ нѣкоторыхъ наставниковъ, напр., Шаты, или француза Тереха, весь классъ, какъ одинъ человѣкъ, вскакивалъ—и начиналось продолжительное шарканье и топанье ногами, что приводило всегда въ смущеніе этихъ достойныхъ педагоговъ. Такое, отчасти лошадиное выраженіе восторга, нашъ „миніа-

тюрный художникъ" долго принималъ за чистую монету, сіяя довольствомъ, пока кто то не надоумилъ его, что мы просто издѣваемся надъ его рыжей особой. Обозвавши всѣхъ насъ „безсовѣстными", онъ нажаловался инспектору, который и прекратилъ наши неумѣстныя выходки.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ какъ относительно неудобствъ класснаго помѣщенія, такъ и со стороны моей домашней обстановки, я, однако жъ, успѣлъ сдѣлать довольно. Какъ вновь пройденное, такъ и непройденное вовсе во второмъ классѣ къ концу года я зналъ основательно, а главное безъ всякой посторонней помощи. При переходѣ въ слѣдующій классъ, я получилъ № 1-й—Ура! Labor omnia vincit[1]).

И какъ пріятно было отдохнуть послѣ годичныхъ трудовъ! Какъ радостно привѣтствовали меня давно невиданныя мѣста, живописно разбросанныя въ окрестностяхъ города! Казалось мнѣ, что сама природа радовалась моему возрожденію. Въ домѣ я получилъ право гражданства; никто меня не спрашивалъ, куда иду и зачѣмъ? Я по цѣлымъ днямъ исчезалъ на лугу, посвятивъ свои досуги двойному удовольствію: уженью и охотѣ. Это для меня было высшею наградой „за благонравіе и прилежаніе".

„Спокойствіе, говоритъ Берне, есть счастіе, когда оно—отдохновеніе". Но въ юныхъ лѣтахъ спокойствіе нельзя назвать счастіемъ, если оно, это счастіе, состоитъ въ неподвижности, въ физической инерціи. Что бы было за счастіе просидѣть цѣлый мѣсяцъ безъ движенія? Я далъ отдыхъ умственнымъ силамъ, находившимся круглый годъ въ напряженіи, не давая въ то же время отдыха своему тѣлу: въ движеніи, а не въ покоѣ я находилъ отдохновеніе.

„Человѣческое счастіе, говоритъ Матью, не состоитъ въ воображаемомъ спокойствіи, котораго люди стараются достигнуть и для достиженія котораго они только и работаютъ, сами того не понимая, что такого рода спокойствіе несноснѣе, скучнѣе, невыносимѣе трудовъ дѣятельной жизни".

Никогда я не чувствовалъ себя столько способнымъ къ труду, какъ послѣ дѣятельнаго движенія или послѣ мускульной работы.

---

[1]) Къ № 1-му принадлежали отличные ученики по поведенію и по успѣхамъ.

Занятія умственныя необходимо слѣдуетъ перемѣшивать съ занятіями чисто механическими, особенно такими, которыя требуютъ движенія, напряженности физической.

Наши педагоги весьма мало обращаютъ на это вниманія. А между тѣмъ, при такихъ только условіяхъ, умственная работа не покажется утомительной, не будетъ имѣть разрушительнаго дѣйствія на здоровье; а съ другой стороны, дѣятельность мозга не только не ослабѣваетъ отъ утомленія физическаго, но, напротивъ, пріобрѣтаетъ болѣе энергіи, крѣпости, становится быстрѣе и производительнѣе. Но...

Впередъ! впередъ моя исторія!

Четвертый классъ.

Дружба моя съ учениками, перешедшими со мной изъ третьяго класса, стала тѣснѣе. Я начиналъ входить во вкусъ чисто научныхъ занятій, стараясь, по возможности, чтеніемъ книгъ пополнить неудовлетворительность класснаго преподаванія. О заведеніи особенной ученической библіотеки въ оное время начальству и въ голову не приходило. Единственная книга, изъ которой мы знакомились съ образцами русской словесности „Опытный способъ къ философическому познанію русскаго языка" нашего директора Тимковскаго, представляла отрывки изъ поэмъ Хераскова, оды Ломоносова и Державина, басни Хемницера и Дмитріева. Мы заучивали, по приказанію директора, цѣлыя тирады изъ „Кадма и Гармоніи", длиннѣйшія оды Державина и произносили ихъ по всѣмъ правиламъ ораторской декламаціи: это былъ распѣвъ, завѣщанный французской декламаціей. Предъ торжественнымъ актомъ насъ учили декламировать, выбирая для того самые вычурные отрывки изъ поэмъ и одъ. Даже въ басняхъ не допускался разговорный тонъ рѣчи и сюда привносили напыщенность и кривлянье.

Дрессировку учениковъ для акта директоръ обыкновенно поручалъ сихъ дѣлъ мастеру учителю словесности Смоленскому. Живо помню я, съ какими вычурами сей риторъ декламировалъ намъ, тогда еще новѣтовцамъ, басню Дмитріева, „Чижъ и Горлица".

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и, сидя въ немъ, поетъ:
Ахъ! скоро ль солнышко взойдетъ?
Но вотъ ужъ и взошло и проч.

Пѣніе чижа передано было необыкновенно нѣжнымъ, ласкающимъ слухъ голосомъ, даже въ выраженіи лица лектора замѣчалось какъ будто что то птичье. Но не успѣлъ чижикъ окончить своего панегирика лѣтнему утру—смотримъ, нашъ риторъ нахмурился и замолкъ. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что собирается гроза, предъ которой все умолкаетъ въ природѣ... затѣмъ, желая оттѣнить чириканье птички отъ человѣческаго голоса, густымъ басомъ затянулъ:

Но солнце вдругъ сокрылось...
И небо тучами повсюду обложилось...

Мрачнѣе тучи сталъ нашъ декламаторъ и выразилъ своею физіономіею, какъ скрывается за тучами солнце...

Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ,
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.

Ревъ быка и ржаніе коня передано „звукоподражательно" и неподражаемо, при чемъ мимическимъ жестомъ изображено и подыманіе конемъ хвоста...

Намъ, конечно, оставалось только удивляться великому искусству словесника, но подражать ему, во время самаго акта, при многочисленной публикѣ, ни у кого не достало смѣлости, хотя нѣкоторые комики отлично умѣли передразнивать „рыжаго ритора" въ товарищескомъ кругу, потѣхи ради.

Директоръ Тимковскій, при всей его глубокой учености, былъ классикъ и риторъ до мозга костей, поклонникъ славяно-русскаго слога, отстаиваемаго Шишковымъ въ борьбѣ его съ карамзинистами; по этому не только Жуковскій и Пушкинъ, но даже Карамзинъ не считались въ числѣ образцовыхъ писателей. Одна только „Мароа Посадница" удостоилась его одобренія. Въ силу господствовавшаго тогда убѣжденія, что литература должна учить нравственности, всѣ новѣйшія произведенія, не отличавшіяся цѣломудріемъ „Телемака", по образцу коего фабриковались наши нравоучительныя повѣсти—„временъ Очакова и покоренья Крыма",—подвергались остракизму. Вслѣдствіе такого своеобразнаго взгляда на значеніе словеснаго искусства, все, что было въ литературѣ нашей живаго и свѣжаго, находилось подъ строжайшимъ запретомъ; но, какъ всякій запретный плодъ, насъ сильно соблазняли произведенія поэтовъ Пушкин-

ской школы. У насъ образовалась цѣлая рукописная библіотека „стиховъ", между которыми попадались стихотворенія весьма сомнительнаго достоинства, хотя всѣ они были у насъ извѣстны подъ именемъ „стиховъ Пушкина". Борзописецъ Барлуй, славившійся размашистымъ, писарскимъ почеркомъ, денно и нощно работалъ надъ переписываніемъ стиховъ, продавая потомъ толстыми тетрадищами своимъ товарищамъ „дары поэзіи святой" по гривеннику за листъ. Не одни краткія лирическія стихотворенія, но и цѣлыя поэмы заучивались наизусть. Почти у каждаго изъ насъ была своя заповѣдная тетрадь, куда вносилось все, что попадалось. Но, къ сожалѣнію, были и такіе аматеры, у которыхъ въ сокровенныхъ мѣстахъ хранились груды сочиненій Баркова[1]).

Книгъ для чтенія сколько нибудь путныхъ рѣшительно негдѣ было достать. Первая изъ попавшихся мнѣ, такъ называемыхъ, „прочетныхъ книгъ" еще въ третьемъ классѣ, была какая то средневѣковая повѣсть до приторности сантиментальная, потомъ „Бусурманъ" Лажечникова. Надъ ними много пролито слезъ. Затѣмъ на сцену выступилъ Марлинскій, съ блестящимъ сонмомъ влюбленныхъ героевъ и героинь, страстныхъ и пламенныхъ, какъ вулканъ.

Въ 1836 году, на мѣсто ритора Смоленскаго, къ намъ перешелъ изъ Чернигова Каконко, въ которомъ мы надѣялись встрѣтить человѣка вполнѣ современнаго, думая, что онъ, какъ человѣкъ молодой, станетъ больше подчиняться требованіямъ времени, чѣмъ внушеніямъ свыше, отнесется болѣе сочувственно къ новому направленію русской литературы, познакомивъ насъ съ лучшими ея образцами научнымъ путемъ; но увы! мы скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ. Учитель ровно ничего не читалъ, а только задавалъ и спрашивалъ, требуя, чтобы заданное мы отвѣчали ему слово въ слово—и зубрили разную дребедень изъ общей и частной реторики Кошанскаго. Въ VII классѣ нашъ Коконко встрѣтилъ сильный отпоръ такимъ нелѣпымъ требованіямъ. Задано было повтореніе той же пресловутой реторики. Входитъ учитель и, по своему обыкновенію, положивъ передъ собою учебникъ, начинаетъ спрашивать. Всталъ Лузгановъ. Не сморгнувъ ни однимъ глазомъ, съ

---

[1]) Впервые съ ними познакомилъ новгородъ-сѣверскую гимназію перешедшій къ намъ изъ черниговской семинаріи сынъ законоучителя Мануйловичъ.

комическою важностію, онъ началъ: „Любезные друзья! [1]) до сихъ поръ мы говорили объ описаніи, теперь перейдемъ къ повѣствованію“.

— Дуракъ! прерываетъ отвѣчающаго учитель, слѣдующій!

Но и „слѣдующій“, кажется, бакенбардистъ Солошка, цѣлой головой превышавшій своего наставника, говоритъ то же, что и первый.—Дуракъ! прерываетъ его учитель: слѣдующій!

Но и этотъ начинаетъ съ „любезныхъ друзей“.

Взбѣшенный Коконко хватаетъ журналъ и бѣжитъ вонъ изъ класса. Приходитъ инспекторъ на расправу. Ему, въ свое оправданіе, доложили, что отвѣты были съ подлиннымъ вѣрны, что никто не чувствуетъ себя виноватымъ, такъ какъ каждый въ точности старался исполнить требованіе преподавателя, отвѣчая слово въ слово.

Помимо небрежнаго преподаванія, педагога сего мы не взлюбили за его высокомѣрное съ нами обращеніе, за его мстительность и несправедливость. Мы готовы нашимъ наставникамъ простить все: неспособность, лѣнь, даже строгость; но несправедливости не забудемъ до конца дней нашихъ.

И неказистъ на видъ былъ этотъ маленькій человѣчекъ, съ черными, блестящими мышиными глазками, старательно прилизаннымъ хохолкомъ, но преядовитый! А что всего хуже, нападалъ онъ преимущественно на бѣдняковъ-плебеевъ: вопьется, какъ піявка, и сосетъ до тѣхъ поръ свою жертву, пока не выживетъ изъ гимназіи. Нѣмецъ Штранге былъ строгъ и солоно иногда намъ приходился; но какая между ними разница! Это былъ человѣкъ только вспыльчивый, но не мстительный и не злопамятный. Нашумѣвши на ученика и выкричавшись вволюшку, онъ послѣ старался загладить свою горячность ласковымъ обращеніемъ къ обиженному. За то мы его и уважали и учились у него прекрасно, успѣвши въ нѣмецкомъ языкѣ больше, чѣмъ во французскомъ.

А французъ нашъ Антонъ Антоновичъ Терехъ никуда не годился. Бездарнѣйшее существо, какое только вообразить себѣ можно. Всѣ переводы съ русскаго на французскій дѣлала, говорятъ, ему

---

[1]) Такимъ воззваніемъ начинается каждый отдѣлъ реторики Кошанскаго.

жена, тетрадки исправляла она же. А казалось бы, что по широкому, лоснящемуся челу Антона Антоновича можно заподозрить въ большихъ интеллектуальныхъ способностяхъ, но какъ видно, пословица недаромъ молвитъ, что „большая лысина—не мудрость". Пользуясь тѣмъ, что учитель не зналъ большой части учениковъ по фамиліямъ, ему отвѣчали не тѣ, кого онъ вызывалъ, а тѣ, которые лучше знали урокъ. Однажды спрошенъ былъ одинъ изъ старѣйшинъ класса, мой дядюшка Никифоръ Ходикъ, который никогда не зналъ урока, а пробавлялся одними подсказываньями товарищей и ему это всегда сходило съ рукъ благополучно; но на сей разъ обязанность суфлера взялъ на себя извѣстный проказникъ Егоръ Шрамченко и невѣжество моего дядюшки обнаружилось во всей красѣ своей. Для перевода съ французскаго на русскій намъ былъ заданъ историческій отрывокъ изъ христоматіи. Содержаніе этого отрывка заключалось въ слѣдующемъ: во время Гвельфо-гибелинской войны императоръ Конрадъ осадилъ замокъ Виннисбергъ и дозволилъ выйти изъ крѣпости только женщинамъ, взявъ съ собою все, что было для нихъ драгоцѣнно. Одна изъ женщинъ взяла на плечи своего мужа, за ней послѣдовали и другія. „Осадивъ замокъ Свинюсбергъ" диктуетъ суфлеръ Ходику. „Осадивъ замокъ Свинюсбергъ" повторяетъ за нимъ дядюшка. „Сапожникъ Кондратъ", продолжаетъ суфлеръ.—„Сапожникъ Кондратъ", повторяетъ тотъ.— „Ты самъ сапожникъ!" поправляетъ учитель: „не сапожникъ, а императоръ; не Кондратъ, а Конрадъ". „Императоръ Конрадъ, повторяетъ Ходикъ, дозволилъ женщинамъ выйти изъ замка".

„Одна изъ нихъ, подсказываетъ Шрамченко, сѣла на плечи мужа. „Сѣла на плечи мужа"... повторяетъ Никифоръ. „И ударила его по головѣ", подсказываетъ суфлеръ. „И ударила его по головѣ!" повторяетъ за нимъ Ходикъ. Антонъ Антоновичъ вытаращилъ глаза, а мы всѣ покатились со смѣху. Почтеннаго дядюшку обозвали болваномъ и заставили, какъ истукана, простоять за скамьей до конца урока. На перемѣнѣ онъ сорвалъ злобу, давши Шрамченку затрещину.

Разъ мы до того взбѣсили Tepexa, что онъ весь позеленѣлъ и задыхающимъ голосомъ выпалилъ: „Вы вси с.... сыны!"

Джентельмены вломились въ амбицію и замѣтили французу, что въ классѣ есть ученики „сыны благородныхъ родителей“, на что Антонъ, въ видѣ оправданія, присовокупилъ: „всѣ кромѣ благородныхъ с... сыновъ!“

— Въ другой разъ мы не позволимъ ругаться площадными словами, отозвался съ задней скамьи Легкобитовъ.

— Я тебѣ какъ дамъ разъ, то ты будешь помнить во вѣкъ, разъ, навсегда, однажды! пригрозилъ учитель „благородному сыну“.

Законоучитель, онъ же и духовникъ, былъ старикъ предобрый. Пользуясь его добротой, мы позволяли себѣ шутить съ нимъ разныя шутки. Нюхалъ онъ прекрѣпкій табакъ и табакерку свою, съ изображеніемъ Екатерины II, ставилъ всегда на столъ, при началѣ урока. Но какъ только было зазѣвается нашъ протопопъ, тотчасъ Клочковъ и запуститъ въ табакерку свои пальцы, захвативъ ими столько табаку, что имъ обдѣлялъ всю братію—и начиналось повальное чиханье всего класса. Догадавшись въ чемъ дѣло, от. Стефанъ пряталъ въ карманъ табакерку и начиналъ браниться:

— Бачь, скурвые сыны, табаки не купятъ, а на чужую ласы!

Послѣ такого недвусмысленнаго намека, выискивался охотникъ и покупалъ для о. протоіерея цѣлый фунтъ настоящаго рапэ, что давало намъ полное право безвозбранно нюхать и чихать на урокѣ Закона Божія сколько угодно.

Передъ новымъ 1836 годомъ мы сговорились поздравить о. Стефана, съ приличнымъ приношеніемъ. Тому же Павлушѣ Клочкову поручено было купить у Цапеницкаго 10 бутылокъ вымороз-ковъ, т. е. шипучаго донскаго вина, и отъ лица всего IV класса презентовать ему въ день новаго года.

До самаго поста законоучитель нашъ былъ какъ шолковый; потомъ вдругъ на Ѳоминой недѣлѣ, ни съ того, ни съ сего, круто перемѣнилъ свое обращеніе съ нами. Приходитъ въ классъ всегда такой сердитый, ни на кого не смотритъ и все сопитъ. Подходитъ къ нему нашъ дипломатъ Клочковъ и вкрадчивымъ голосомъ спрашиваетъ о причинѣ немилости.

— Пошовъ вонъ, я съ тобой и говорить не хочу. Какого вина ты мнѣ принесъ? а? Половина бутылокъ съ квасомъ?..

По справкамъ оказалось, что нашъ повѣренный дѣйствительно на складочныя деньги купилъ 10 бутылокъ донскаго, но соблазнился и половину выпилъ съ пріятелемъ да и поналивалъ пустыя бутылки квасомъ—и пробки засмолилъ и проволокой перевязалъ—этакій мошенникъ! Вино, преподнесенное о. протоіерею, долго стояло въ погребѣ, пока не дошла до него очередь на масляной: тутъ то и открылся подлогъ. Для возстановленія добрыхъ отношеній къ наставнику, мы заставили Клочкова купить другія 10 бутылокъ на его счетъ, которыя и были доставлены по принадлежности уже болѣе надежнымъ человѣкомъ.

Патріархальныя времена! Ученикъ проситъ батюшку разрѣшить его надоумѣніе, какъ правильнѣе сказать по русски: затрубили въ трубы или затрубили на трубахъ? (при взятіи Іерихона).

— Батько твой затрубилъ на трубахъ! отвѣтилъ о. Стефанъ.

Протоіерей нашъ приходился тестемъ учителю латинскаго языка Осипу Акимовичу Самчевскому, сыновья котораго Ваня и Миша [1]) были большими любимцами и баловниками дѣдушки: онъ въ нихъ души не чаялъ. Не разъ заставали старика лежащимъ по домашнему совершенно раздѣтымъ, а внуки лазили по немъ какъ лилипуты по великану, теребя его за бороду. Разревется бывало старшій изъ нихъ Ваня —давай ему среди ночи вертепъ, ну и посылаетъ дѣдушка за Аѳанасіемъ. Когда, по ходу представленія, дошла очередь до попа, антрепренеръ спрашиваетъ:

— Ваше высокопреподобіе! А чы пускать попа?

— Пускай его сякого такого! Нехай запорожець поучить ёго добре! отвѣчаетъ о. протоіерей... а когда запорожецъ начиналъ булавой выплачивать своему духовнику за исповѣдь—протопопъ былъ въ восторгѣ:

— Хорошенько его, хорошенько! Такъ ему й треба! приговаривалъ онъ, топая ногами.

Въ томъ же 1836 году, осенью, къ великому сожалѣнію всѣхъ прихожанъ, сослуживцевъ и воспитанниковъ, этотъ достойный пастырь и отличный человѣкъ скончался. Нашъ словесникъ Ко-

---

[1]) Ив. О. Самчевскій былъ въ 60-хъ годахъ инспекторомъ 2 й кіев. гимназіи, а М. О. Самчевскій учителемъ: оба покойники.

конко сказалъ надъ нимъ надгробную рѣчь, изъ которой въ памяти моей сохранилось обращеніе оратора къ воспитанникамъ:

„Давно ли, внимая съ родительскою, ему свойственною, къ вамъ ласкою, ваша любознательность удовлетворяема была отвѣтами, насаждающими въ юномъ вертоградѣ вашемъ высокія истины религіи? И нѣтъ вертоградаря!" (Не разумѣлъ ли въ числѣ этихъ „отвѣтовъ, насаждающихъ истины религіи", нашъ краснорѣчивый панегиристъ „трубнаго вопроса?").

За о. протоіереемъ вскорѣ послѣдовалъ и его дьячокъ Приходько, очень древній человѣкъ, любившій своего настоятеля до обожанія и не могшій пережить его отъ горя. Прихожане втеченіе полустолѣтія такъ привыкли слышать его дребезжащій, какъ разбитая сковорода, гласъ, что имъ не хотѣлось вѣрить, чтобы этотъ безсмертный кощей могъ когда нибудь умереть. Въ городѣ разнесся слухъ, что мертвецъ Приходько посѣщаетъ по ночамъ свою вдову, что нѣкоторые суевѣры „на собственныя очи" видѣли, какъ высокая костлявая фигура дьячка двигалась по улицѣ, со стороны кладбища, по направленію къ домику дьячихи на Кляшторѣ.

Воспользовавшись всеобщей паникой трусливыхъ горожанъ, проказники гимназисты вздумали пугать по вечерамъ запоздавшихъ прохожихъ. Привидѣніе начало появляться все чаще и чаще, все на одной и той же улицѣ, недалеко отъ дома Налегачихи, гдѣ квартировали ученики. Разсказы о появленіи мертвеца дошли до ушей инспектора, который не боялся никакой чортовщины, уповая на свою суковатую палку. Подстерегши однажды привидѣніе, въ полтора раза выше его исполинскаго роста, во всемъ бѣломъ, онъ погнался за нимъ. Случилось чудо: изъ одного мертвеца сдѣлалось два: одинъ большой, а другой маленькій; оказалось, что маленькій стоялъ на плечахъ большаго и оба побѣжали во всѣ лопатки, оставивъ среди улицы двѣ сшитыя вмѣстѣ простыни.

Теперь о своихъ домашнихъ дѣлахъ.

До сихъ поръ, благодаря заботливости обо мнѣ матери, я пробавлялся, пополамъ съ горемъ, кой какими крохами оскудѣвшихъ нашихъ средствъ къ жизни; закладывались вещи и на добытыя такимъ способомъ деньги шилось мнѣ форменное платье, покупа-

лись учебники, которые, какъ на зло, мѣнялись съ каждымъ годомъ. Не легко мнѣ было пользоваться такими жертвами!

Узнавъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ нашего семейства, къ услугамъ моимъ подвернулся непрошенный благодѣтель Герасимъ Ивановичъ. Въ тѣ патріархальныя времена у насъ существовалъ обычай, для поправленія обстоятельствъ, отправляться на кондицію, на выѣздъ въ деревню. Нашъ инспекторъ, желая поддержать добрыя отношенія съ окрестными панами, взялъ на себя роль поставщика домашнихъ учителей, изъ бѣднѣйшихъ гимназистовъ, получая, конечно, за коммиссію больше, чѣмъ получали за свои труды рекомендуемые имъ ученики. Съ перваго взгляда, такое вниманіе заботливаго начальства къ нуждамъ воспитанниковъ представляется весьма выгоднымъ для бѣдняковъ, получавшихъ чрезъ то возможность заработать кусокъ хлѣба и подѣлиться имъ съ родителями; но какъ много даровитыхъ юношей испортили себѣ карьеру именно этими кондиціями! Просидѣвъ годъ въ деревнѣ на панскомъ столѣ и лишенные возможности слѣдить за класснымъ преподаваніемъ, наши скороспѣлые педагоги, по большей части, уже не возвращались въ гимназію, заканчивая свое образованіе четвертымъ или пятымъ классомъ и поступая въ приходскіе учителя на 90 рублей жалованья, а нѣкоторые и того не достигали, оставаясь на всю жизнь панскими прихлебателями и паразитами, какихъ во время крѣпостного права у нашихъ душевладѣльцевъ всегда было довольно.

Съ такимъ то заманчивымъ предложеніемъ подъѣхалъ и ко мнѣ г. инспекторъ, дѣйствуя сперва черезъ Шату, который и родителей моихъ началъ было убѣждать въ несомнѣнной пользѣ кондиціи. Но я не поддался искушенію рыжаго бѣса, сознавая всю нелѣпость оставленія гимназіи на половинѣ дороги къ окончанію полнаго курса. Меня оставили въ покоѣ. А все таки я не избѣжалъ кондиціи, хотя и не столь продолжительной и зловредной. Предъ каникулами въ Новгородокъ пріѣхалъ за дѣтьми курскій помѣщикъ Б. и обратился къ инспектору съ просьбой порекомендовать ему какого-нибудь гимназиста на вакаціонное время, для компаніи его дѣтямъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной сынъ, хотя и рожденный крѣпостною дѣвицей, а другой—опекаемый имъ племянникъ. Инспекторъ указалъ на меня. Пришелъ я къ помѣщику, а онъ, не сдѣ-

лавъ со мной никакого условія, посадилъ меня въ свою коляску да и повезъ въ рыльскій уѣздъ.

Это былъ мой первый выѣздъ изъ города и мое первое знакомство съ совершенно новой для меня средой, діаметрально-противоположной той низменной средѣ, въ которой вращался я до того времени.

И какъ тамъ не похоже все на то, что я привыкъ видѣть и слышать въ своемъ ограниченномъ кругу! И какимъ смѣшнымъ дикаремъ показался я не только благовоспитаннымъ членамъ семейства курскаго барина, но и его многочисленной дворнѣ! Я не умѣлъ ни ступить, ни повернуться; не зналъ, какъ сѣсть и что отвѣчать, когда заговаривали со мной во время обѣда. Семейство помѣщика состояло изъ сестры его—старой дѣвы, маленькой рыжеволосой племянницы, дальней родственницы старушки, двухъ гимназистовъ, моихъ учениковъ, и еще одной, съ виду скромной личности, въ усахъ: это былъ пролетарій—паразитъ изъ отставныхъ военныхъ, котораго пріютилъ баринъ за искусную игру его на гитарѣ. И дѣйствительно, сколько я ни наблюдалъ за нимъ, онъ больше ничего не дѣлалъ, какъ только игралъ на гитарѣ, да подобострастно слушалъ болтовню своего патрона о похожденіяхъ его въ молодые годы по трактирамъ и ярмаркамъ. Всѣ означенныя лица были со мной снисходительно-ласковы и старались показать видъ, что они вовсе не замѣчаютъ моей неловкости. Да и чего бы, казалось, бояться этихъ добрыхъ людей? А между тѣмъ въ ихъ обществѣ на меня находилъ такой столбнякъ, что я слова не могъ вымолвить безъ того, чтобы не покраснѣть до ушей. Застѣнчивость моя и робость—я это сознавалъ—дѣлали меня до крайности смѣшнымъ и жалкимъ; я ни на кого не смотрѣлъ за обѣдомъ, но зналъ, что на меня обращены глаза всѣхъ, не только господъ, но и прислуги, что приводило меня въ крайнее смущеніе. Я не зналъ, какъ мнѣ управиться съ вилкой, какъ держать серебряную ложку, какою я съ роду не ѣдалъ, что, наконецъ, нужно ѣсть ложкой и что вилкой? Попадались такія кушанья, съ которыми я не зналъ рѣшительно, что дѣлать, такъ что, если бы изъ подлобья не наблюдалъ я за сидѣвшимъ подлѣ меня гитаристомъ, расправлявшимся съ даровыми блюдами съ ловкостію военнаго человѣка,—я бы, кажется, не отважился ихъ и попробовать.

Словомъ, представьте себѣ жителя поднебесной имперіи, случайно попавшаго на обѣдъ къ цивилизованному европейцу—и вы поймете мое положеніе. Кажись, и говорятъ всѣ о такихъ обыкновенныхъ вещахъ, и судятъ обо всемъ такъ просто, что я бы могъ о томъ же самомъ разсуждать гораздо толковѣе, но языкъ меня не слушался, словно въ болото завязъ, и я, во все продолженіе обѣда, оставался нѣмъ, какъ рыба. Особенно стѣсняло меня присутствіе женщинъ, на которыхъ я боялся и взглянуть, сколько онѣ ни старались приручить сѣверскаго медвѣдя.

Меня съ барчуками помѣстили во флигелѣ, окнами выходившемъ въ садъ. Звали насъ въ барскія хоромы только къ чаю, обѣду и ужину. Занятій у меня втеченіе мѣсяца съ моими учениками вовсе не было, да и встрѣчался я съ ними только за столомъ. Пользуясь досугомъ, я по временамъ читалъ подвернувшіяся подъ руку книги, да прогуливался въ саду. Стало быть, у меня было довольно времени, чтобъ присмотрѣться къ образу жизни этихъ антиподовъ нашего мѣщанства.

Помѣщикъ жилъ нельзя сказать, чтобы очень открыто и роскошно, но чрезвычайно широко. Барская усадьба занимала громадное пространство, со множествомъ безобразнѣйшихъ построекъ для дворни: это были, такъ называемыя, клѣти, въ родѣ шалашей или солдатскихъ бараковъ, съ маленькими окнами и дверями, въ которыя съ трудомъ пролѣзали рослые, хотя и тощіе на видъ мужики и безобразно подтыканныя бабы, съ перетянутыми грудями. Подлѣ самаго дома, поближе къ спальной барина, находилась дѣвичья съ разными Таньками, Грушками, Польками и т. п. На дворѣ, во всякое время дня, копошились, бѣгали и суетились, въ сущности ничѣмъ особеннымъ незанятые, дворовые. Надъ этой жалкой толпою рабовъ поставленъ былъ „старшой“, такой же рабъ, но взысканный милостію своего господина и потому имѣвшій власть надъ своими собратами и угнетавшій ихъ безграничнымъ произволомъ.

Чѣмъ же эта грустная картина отличается отъ тѣхъ потрясающихъ душу картинъ, которыми такъ богата „Хижина дяди Тома“, на вѣки заклеймившая позоромъ жестокихъ американскихъ плантаторовъ? Новый свѣтъ, по крайней мѣрѣ, оправдывалъ невольничество цвѣтомъ кожи своихъ рабовъ, превосход-

ствомъ интеллектуальныхъ способностей бѣлой расы предъ черной. Тутъ впервые узналъ я не изъ книгъ, а изъ самой жизни, что такое наше крѣпостное право. Такъ вотъ онъ тотъ добрый русскій баринъ, отецъ посреди дѣтей, какимъ его старались изобразить наши славянофилы!..

Не мало возмутительныхъ легендъ сохранилось въ семьяхъ дворовыхъ людей о подвигахъ ихъ кормильцевъ помѣщиковъ: взять въ свой гаремъ красавицу-дочь у родителей и, поигравшись съ ней, выдать за двороваго, лакея пьяницу или подарить пріятелю, промѣнять на свору гончихъ; забрить лобъ мужу и взять во дворъ его жену—явленія не разъ бывавшія.

При мнѣ случился такой анекдотъ: изъ столовой пропала серебряная ложка и такъ какъ это случилось не въ первый разъ, то баринъ разсвирѣпѣлъ страшно. Подозрѣніе пало на лакея Мишку, мальчика лѣтъ 15-ти. Бѣднягу потащили на конюшню, долго истязали, но онъ не сознавался. Что же съ нимъ дѣлать? Въ солдаты еще рано и вотъ его посадили куда то въ овечій хлѣвъ и стали морить голодомъ.

У барина былъ ручной воронъ, которому насчитывали болѣе 50 лѣтъ отъ роду. Онъ леталъ за своимъ господиномъ во время частыхъ его поѣздокъ въ Рыльскъ, сопровождалъ на прогулку, влеталъ въ комнаты во время обѣда, хозяйничалъ на кухнѣ, хватая изъ рукъ повара лучшіе куски говядины—словомъ, преумная и презабавная птица. Сижу я однажды въ саду подлѣ недостроеннаго дома и читаю книгу. Вижу: по аллеѣ летитъ воронъ и какъ будто что то держитъ въ клювѣ. Я прослѣдилъ его, куда онъ полетитъ. Вижу—онъ гдѣ то скрылся на постройкѣ. Я за нимъ; присматриваюсь, прислушиваюсь—мой воронъ копошится подъ досками; потомъ, выбравшись оттуда, улетѣлъ. Меня взяло любопытство: что онъ принесъ и куда спряталъ? Раскидавъ доски, съ помощію садовника, я нашелъ подъ ними цѣлую кучу разныхъ вещей. Тамъ были: столовые ножи, носовые платки, ложки, перчатки, кусокъ какой то матеріи и т. п. Такъ какъ домъ давно уже стоялъ недостроеннымъ и заготовленный лѣсъ лежалъ на постройкѣ очень долго,

то сей пернатый воръ, вѣроятно, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пряталъ тамъ украденныя вещи, а лакеи и горничныя отдувались за его проказы собственной кожей. Сдѣлавъ такое необычайное открытіе, я пригласилъ, въ качествѣ понятыхъ, управляющаго и гитариста на постройку и тутъ же негодный воръ былъ уличенъ съ поличнымъ. Самъ баринъ, старая барыня и барчуки долго смѣялись надъ остроумной выходкой проказника, который, какъ вольная птица, не будучи крѣпостнымъ, не подлежалъ тѣлесному наказанію. За что же наказаны Ваньки съ Таньками? О нихъ никто не догадался пожалѣть, какъ будто барской душѣ не полагается имѣть ни угрызенія совѣсти, ни даже простаго сожалѣнія о содѣянной несправедливости.

Насмотрѣвшись на безобразную жизнь нашего мѣщанства, я думалъ, что хуже этой жизни и на свѣтѣ нѣтъ; но приглядѣвшись къ нравамъ и обычаямъ дворянъ, примирился со многими недостатками своего роднаго болота.

Основной принципъ мѣщанской морали: quod licet Jovi, non licet bovi, котораго придерживаются мѣщане-отцы при воспитаніи дѣтей, обуздывая въ нихъ преждевременныя проявленія порочныхъ наклонностей, этотъ принципъ для привилегированнаго сословія не существуетъ. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться, наблюдая, втеченіе мѣсяца, за поведеніемъ своихъ учениковъ, мальчиковъ 14—15 лѣтъ.

Къ барину пріѣхалъ въ гости какой то родственникъ, здоровякъ лѣтъ 40, отецъ нѣсколькихъ подростковъ дочерей. Ему отвели помѣщеніе вмѣстѣ съ нами во флигелѣ. Пріѣзжій господинъ, съ помощію лакея Яшки, пригналъ во флигель цѣлый табунъ дѣвокъ. Я пришелъ въ ужасъ отъ такого безобразія, ушелъ черезъ окно въ садъ и провелъ всю ночь на постройкѣ, за что на другой день подвергнулся язвительнымъ насмѣшкамъ не только со стороны пріѣзжаго барина, но и со стороны своихъ учениковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ ночной оргіи, продолжавшейся до бѣла дня.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ помѣщичьей усадьбы чернѣлся лѣсъ. Тамъ еще недавно укрывалась шайка разбойниковъ, атаманомъ которой былъ помѣщикъ Воропановъ. О его подвигахъ мнѣ много разсказывали крестьяне, да гдѣ то я и читалъ о немъ.

„Орелъ да Кромы — первые воры“, говоритъ народное присловье. Но и куряне едва ли уступятъ орловцамъ въ этомъ отношеніи. Не даромъ ихъ въ Малороссіи называютъ „душегубами, що за цыбульку зариже“.

„А мои ти куряне—свѣдоми кмети: пути имъ вѣдоми, яруги знаеми“, говорилъ о нихъ Всеволодъ своему брату Игорю Новгородсѣверскому еще въ XII столѣтіи. Но и современнымъ курянамъ небезъизвѣстны пути и яруги, гдѣ можно подстеречь запоздалаго путника. Каникулы кончились. Я съ радостію оставилъ гостепріимный домъ помѣщика и вернулся во своясн подъ батьковскую стрѣху.

Пятый классъ.

Четвертый классъ былъ для меня классическимъ Рубикономъ. Съ переходомъ въ V, мои занятія пошли правильнымъ путемъ къ опредѣлившейся уже цѣли неуклонно. Самостоятельный трудъ, помимо классныхъ уроковъ, благодѣтельно повліялъ на мое развитіе. Конечная цѣль моего ученія стала для меня яснѣе и сознательнѣе: тамъ, вдали, сквозь непроглядный мракъ моего безпомощнаго положенія, возбужденному воображенію рисовалось высшее святилище науки, озаренное лучами свѣта и истины: въ университетъ рвалась душа моя! Будущность не пугала меня: я выбрался на торную дорогу, сталъ жить своими трудами.

Въ началѣ года мнѣ предложено было нѣсколько кондицій, на довольно выгодныхъ условіяхъ; но я избѣгалъ знакомства и сближенія съ помѣщиками, дичился ихъ общества и даже боялся. Выбралъ я самую невыгодную въ матеріальномъ отношеніи именно потому, что пригласившій меня господинъ былъ не помѣщикъ, а выслужившійся изъ мѣщанъ чиновникъ и при томъ дальній мой родственникъ. Уѣзжая на должность въ остерскій уѣздъ безъ семейства, онъ поручилъ мнѣ старшаго сына, который былъ лишь однимъ годомъ моложе меня, да двухъ мальчиковъ, будущихъ гимназистовъ. Я такъ надѣялся на наши родственныя отношенія, что принялъ мѣсто, не заключивъ предварительно никакихъ условій; между тѣмъ, пользуясь моею неопытностію, со мной поступили совсѣмъ не по родственному. Дали мнѣ, во первыхъ, помѣ-

щеніе совершенно неудобное для занятій: въ комнату мою вели трое дверей и мнѣ постоянно мѣшали; во вторыхъ, кормили отвратительно: хозяйка оказалась до крайности скупой, морила всѣхъ голодомъ, въ комнатѣ никогда не прибирали, завелась гадость и нечистота. Треногая кровать, ничѣмъ непокрытый соломенный тюфякъ да рваное одѣяло: вотъ всѣ мои спальныя принадлежности. Мнѣ было во сто разъ хуже, чѣмъ дома, при всей нашей бѣдности. Я былъ нищенски одѣтъ; самолюбіе мое страдало страшно. За полгода занятій съ дѣтьми мнѣ сшили самаго дешеваго сукна шинель—вотъ и весь гонораръ мой. Плохіе жъ мои заработки, подумалъ я, на нихъ далеко не уѣдешь. Правда, если занятія мои, сопряженныя съ потерею времени, оцѣнивать успѣхами моихъ учениковъ, то можетъ быть я и шинели не стоилъ; но все же я работалъ много, а лишеній терпѣлъ еще больше. Но виноватъ ли я, что мнѣ попались балованыя дѣти? Въ уваженіе къ моимъ лишеніямъ и трудамъ, слѣдовало бы хоть пару сапогъ прибавить, чтобы домашній учитель не ходилъ въ гимназію, за полторы версты, на собственной подошвѣ.

Дождавшись рождественскихъ праздниковъ, я сталъ помышлять уже о томъ, какъ бы бросить свою кондицію и вернуться домой, гдѣ мнѣ, по крайней мѣрѣ, не дадутъ пропасть съ голоду и гдѣ я буду трудиться для собственной пользы, какъ развязка воспослѣдовала сама собою.

Ученикъ, мой, страшный тупица и лѣнтяй, да вдобавокъ совершенно испорченной нравственности, съ пріятелемъ своимъ Свистухой, отправились однажды на охоту. Преслѣдуя зайца, они забрались въ чужую пасѣку и, словно медвѣди, стали лакомиться медомъ; ихъ поймали и отдали подъ судъ. Тутъ пока и конецъ моей педагогической дѣятельности. Я переселился домой и энергически принялся за работу, стараясь вознаградить задаромъ потерянное время. Въ это полугодіе я очень много сдѣлалъ, занимаясь преимущественно языками; но еще и больше успѣлъ бы сдѣлать, если бы ко мнѣ не пристала эпидемическая, прилипчивая болѣзнь нашего времени, которая бываетъ иногда опаснѣе оспы: это опасная страсть къ стихотворству — риѳоманія. Зараждаясь въ душѣ вмѣстѣ съ первымъ пробужденіемъ юношескаго чувства любви, эта губительная страсть

испортила жизнь не одному непризнанному стихоплету. Она не покидала меня до окончанія гимназіи, прошла черезъ весь почти университетскій курсъ и оставила меня въ покоѣ только на службѣ, когда я попалъ въ желѣзныя лапы извѣстнаго гасителя поэтическаго огня для пользы службы—Зимовскаго.

Насколько могу припомнить, я впервые сталъ пробовать аккорды своей лиры въ то время, когда у насъ начали проходить теорію стихосложенія и латинскую просодію. Время это какъ нарочно совпало со временемъ моей разлуки съ сестрой моего ученика, такъ не кстати полакомившагося медомъ. Заронившееся въ душу чувство заставило меня стоически переносить всѣ невзгоды моей несчастной кондиціи; голодъ, холодъ, нужу... Поводомъ къ нашему сближенію послужило чтеніе по вечерамъ чувствительныхъ повѣстей Марлинскаго. Признался я въ любви не прямо, а косвенно—трескучими фразами влюбленнаго героя, а герои „того погибельнаго Кавказа“, какъ извѣстно, говорятъ такимъ вычурнымъ языкомъ, какимъ никогда не выражаются въ дѣйствительности. Но какъ бы тамъ ни было, а мы хорошо поняли, что любимъ другъ друга. Романъ нашъ прервался на первой главѣ — продолженіе впредь... Да и отлично сдѣлала она, что во время уѣхала, мнѣ было совсѣмъ не до нея.

Ознакомившись съ структурой стиха, я скоро уловилъ тайну сочетанія звуковъ и началъ слагать не только ямбы и хореи, мнѣ и гекзаметры были ни почемъ: этимъ классическимъ размѣромъ я переложилъ не хуже Третьяковскаго цѣлую рыцарскую повѣсть, написанную старинной прозой. Непостижимая страсть! Бывало ждешь не дождешься, пока улягутся всѣ въ домѣ и настанетъ мертвая тишина, нарушаемая лишь однообразнымъ стрекотаньемъ запечнаго сверчка—и тутъ, при тускломъ мерцаніи каганца, испещришь бывало цѣлый листъ мѣрными коротенькими строчками. Удачно прибранная риѳма доставляла душѣ невыразимое удовольствіе.

— Отчего ты не спишь, дитя мое? спроситъ бывало, проснувшись, мать.

— Сейчасъ, не мѣшайте! отвѣтишь ей рѣзко, не отрывая глазъ отъ завѣтной тетрадки.

Повѣреннымъ по части стиховъ былъ у меня Яша Гребенниковъ, страдавшій тою же болѣзнію. Что ни говори, а воспоминаніе о тѣхъ незабвенныхъ вечерахъ, когда мы читали другъ другу „свои незрѣлыя

творенья*, вызываетъ на уста добрую улыбку, пробуждая въ душѣ отрадное чувство любви и уваженія къ своей юности. Находя въ подобныхъ, въ сущности невинныхъ, занятіяхъ удовольствіе, мы не искали тѣхъ растлѣвающихъ душу наслажденій, къ которымъ безъ удержу тянулись дѣти богатыхъ родителей: не въ стихахъ находили они поэзію, а скорѣе въ ночныхъ оргіяхъ, подобныхъ видѣнной мною у курскаго помѣщика. И надобно замѣтить, что любовь къ словесности и поэзіи питаемая и поддерживаемая въ насъ не столько риторическими образцами, предлагаемыми намъ директоромъ, сколько заповѣдными тетрадками, развилась въ насъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Нашъ словесникъ Коконко своею несимпатичною особой скорѣе могъ поселить въ душѣ отвращеніе къ своему предмету, чѣмъ привязанность. Зубреніе риторики Кошанскаго да логики Кизиветтера немного давало пищи нашей любознательности и нашему эстетическому развитію. Учитель усвоилъ себѣ отвратительную привычку задавать отъ сихъ поръ и до сихъ, никогда не объясняя заданнаго. Развѣ можно такимъ образомъ преподавать науку о словѣ, а тѣмъ болѣе науку о человѣческомъ мышленіи?

„Въ обширномъ курсѣ моего воспитанія, говоритъ знаменитый англійскій мыслитель Милль о преподаваніи логики, нѣтъ ни однаго предмета, которому я былъ бы столько обязанъ за развитіе способности правильно мыслить“.

Чѣмъ же мы обязаны преподавателю этой важной науки, зазубривая безтолковый учебникъ Кизиветтера? Но и это еще бы ничего, еслибы недостатки нашего словесника ограничились одною лишь педагогическою несостоятельностію: мы къ этому привыкли. Но у него была отвратительная манера преслѣдовать и давить нелюбимыхъ имъ почему нибудь учениковъ, преимущественно же бѣдняковъ—плебеевъ, подобныхъ мнѣ грѣшному. Въ V классѣ онъ сталъ какъ то систематически тѣснить меня, и за что? я и до сихъ поръ не знаю. Какъ только войдетъ въ классъ, сейчасъ и за меня:

— Чалый, читай молитву, Чалый, говори урокъ!

Затѣмъ станетъ подлѣ первой скамьи, заложитъ руки въ карманы, раскрывъ передъ собой учебникъ, и едва начнешь ему доказывать великую истину, что „Кай смертенъ“.

— Не такъ, рычитъ учитель, пожирая меня глазами.

Начнешь опять сначала—не такъ! да и полно, а какъ именно слѣдуетъ отвѣчать, не говоритъ.

Ясно, что этотъ ядовитый человѣкъ хотѣлъ вызвать меня на дерзость, но я не поддавался на удочку. Замолчу и стою, какъ статуя безмолвія.

— Ну же, продолжай, что молчишь? ворчитъ мой гонитель; попробую еще разъ продолжать—но такъ! останавливаетъ меня снова и я замолчу окончательно.—И стоимъ мы оба цѣлый часъ, смотря другъ другу въ глаза, какъ влюбленные, до тѣхъ поръ, пока звонокъ не прерветъ этого тягостнаго tête à tete.

А чего мнѣ стоило перенести такое нелѣпое преслѣдованіе! Но я выдержалъ себя до конца, не сдѣлавъ ему никакой дерзости, чего онъ, повидимому, сильно добивался. Во второмъ полугодіи мой пріятель ударился въ другую крайность: вовсе пересталъ меня спрашивать, какъ будто меня вовсе не было въ классѣ.

Для полной характеристики нашего словесника, не мѣшаетъ коснуться его домашней обстановки. Коконко, человѣкъ чрезвычайно живой, ловкій танцоръ и каламбуристъ въ обществѣ, въ классѣ становился совершенно инымъ: никогда не шутилъ, не смѣялся и обходился съ учениками крайне оскорбительно.

Въ немъ проглядывало какое то озлобленіе на молодое поколѣніе, хотя самъ онъ былъ человѣкъ еще очень молодой. Такое, совершенно несвойственное истинному педагогу настроеніе духа, стало для насъ понятно только тогда, когда пансіонеръ его Шрамченко познакомилъ насъ поближе съ его домашними дѣлами. Женился онъ очень рано въ Черниговѣ, на богатой купчихѣ, соблазнившись ея капиталами, которые, впрочемъ, до поры до времени хранились въ сундукѣ тещи, жившей при дочери. Эта то теща, какъ мы узнали, и портила расположеніе духа нашего наставника. Видя ежегодное приращеніе семейства, разсчетливая старуха домашними мѣрами развела мужа съ женою и не позволяла имъ бывать вмѣстѣ. Частенько нарушавшій такое запрещеніе словесникъ былъ изгоняемъ клюкой изъ жениной спальни, а иногда и изъ дому, такъ что ему нерѣдко приходилось среди ночи искать убѣжища у своихъ холостыхъ сослуживцевъ. Понятно, какія чувства питалъ изгнанникъ къ своей тещѣ; а прогнать ее самое боялся все изъ за того же фиктивнаго

капитала, который хранился въ кованомъ сундукѣ ненавистной старухи.

Да мы то за что терпѣли напраслину? Такъ, здорово живешь.

Латинскій языкъ шелъ у насъ очень успѣшно. Осипъ Акимовичъ не придерживался нѣмецкой методы, лишающей ученика самодѣятельности, то есть, никогда не задавалъ урока, не диктовалъ словъ, не дѣлалъ предварительнс анализа, какъ это дѣлаютъ нынѣшніе учителя классическихъ языковъ, разные братушки, а заставлялъ насъ самихъ добиваться смыслу, копаться въ грамматикѣ, пріискивать слова въ лексиконѣ. Такого именно преподаванія требовалъ отъ учителя Илья Ѳедоровичъ, великій знатокъ латыни. На экзаменъ директоръ привозилъ цѣлую гору классиковъ и заставлялъ насъ всегда переводить мѣста незнакомыя, продерживая ученика подлѣ стола больше часу.

Мы очень любили и уважали почтеннаго Осипа Акимовича и онъ нами, въ свою очередь, былъ всегда доволенъ. Разъ только, помню, онъ на насъ немножко подулся, и то не надолго. Пришелъ онъ на урокъ послѣ имениннаго обѣда у почетнаго попечителя Ладомірскаго, нѣсколько зарумянившись. Мы значительно переглянулись, что не ускользнуло отъ вниманія нашего наставника. Промолчавъ минутъ пять, О. А—чъ, ни на кого не смотря, ни къ кому лично не обращаясь, началъ свою лекцію такою многозначительною притчею: „Видите ли вы эту вещь?“ спросилъ онъ насъ, показывая табакерку. Мы молчимъ. „Возьмите вы сиволапаго мужлана и закажите ему сдѣлать ее—онъ будетъ дѣлать часъ, два, недѣлю, годъ, и не сдѣлаетъ. Отдайте жъ вы этого самого мужлана въ науку, на фабрику, пусть онъ тамъ поучится годъ—и этотъ самый сиволапъ сдѣлаетъ вамъ табакерку въ часъ. Поняли?“ (Продолжительная пауза). „Что вы были до поступленія въ гимназію? Неотесанные чурбаны, больше ничего. Васъ оболванили, отшлифовали, выучили, а кто? Ваши наставники, а вы надъ ними смѣетесь!“...

Аллегорія сильно на насъ подѣйствовала и мы немедленно извинились, приподнявшись съ мѣстъ цѣлымъ классомъ, и урокъ пошелъ своимъ обычнымъ порядкомъ.

Въ другихъ классахъ, по случаю того же обѣда, урокъ окончился не такъ миролюбиво. Въ сосѣднемъ, четвертомъ классѣ,

французъ Терехъ до того расхрабрился, что вздумалъ силой поставить на колѣна 20-ти-лѣтняго молодца, не пожелавшаго этого сдѣлать. На бѣду сего упрямца, въ третьемъ классѣ былъ въ это время Эдуардъ Андреевичъ — гроза всѣхъ шалуновъ, — который и поспѣшилъ на помощь своему коллегѣ, выбросивъ за двери непокорнаго юношу.

Въ VII классѣ словесникъ, разгоряченный виномъ, читалъ самыя пикантныя мѣста изъ „Душеньки“ Богдановича, а слушатели его, не стѣсняясь сосѣдствомъ инспекторской комнаты, „смѣхъ несказанный воздвигли“.

Егоръ Андреевичъ во 2-мъ классѣ весь урокъ отпускалъ экивоки и смѣшилъ мальчугановъ до слезъ. Шата̀, во избѣжаніе великаго шкандала, заблагоразсудилъ вовсе не явиться въ гимназію, да едва ли онъ и былъ въ состояніи добраться до нея.

Такъ весело прошелъ памятный день ангела г. почетнаго попечителя каммергера Ладомірскаго.

Оставивъ еще зимой свою жалкую кондицію, я переселился подъ родительскій кровъ, гдѣ, до наступленія весны, претерпѣвалъ большія неудобства. Старинный дѣдовскій домъ нашъ приходилъ въ ветхость, печи не держали тепла, вслѣдствіе чего вся семья ютилась въ „пекарнѣ“, во все продолженіе жестокой зимы. Весной я отвоевалъ себѣ „свѣтлицу“, предназначенную для гостей, которыхъ у насъ давно не бывало. Здѣсь мнѣ было очень удобно заниматься. Жаль только, что я большею частію занимался не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало, предпочевъ пріятное полезному, вопреки латинской поговоркѣ *utile dulci*; несчастная страсть къ стихотворству поглощала всѣ мои досуги; я засиживался за полночь за своими твореніями. Пріисканіе риѳмъ лишало меня сна и аппетита; воображеніе было разстроено; я не въ шутку сталъ бредить славой поэта...

Въ „келію“ мою, обращенную окнами въ садъ, сквозь свѣжую зелень распустившихся деревьевъ, проглянуло солнышко. Я вставалъ съ зарею, наслаждаясь прелестію майскаго утра. Близились экзамены. Оставивъ на время свои поэтическія упражненія, я шибко принялся за работу.

„Директоръ ѣдетъ! директоръ ѣдетъ!“ раздалось по классамъ восклицаніе—и все забѣгало и засуетилось. Одинъ онъ, всегда ров-

ный и величаво спокойный, сохранялъ олимпійскую невозмутимость. Прослушали, по обыкновенію, рѣчь, которая на сей разъ произвела необыкновенный эффектъ, такъ что даже Михаилъ Гавриловичъ, учитель исторіи, человѣкъ замѣчательно умный и начитанный, котораго трудно было удивить краснорѣчіемъ, и тотъ отозвался о ней съ одобреніемъ. Къ рѣдкому дару слова Ильи Өедоровича можно безъ всякой натяжки примѣнить двустишіе Пушкина, относящееся къ Овидію:

Имѣлъ онъ рѣчи чудный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.

Экзамены наши производились при самой торжественной обстановкѣ. Посреди залы ставился длинный, покрытый краснымъ сукномъ столъ и какое то необыкновенное кресло для г. директора, напоминавшее тронъ великихъ князей московскихъ; на столѣ лежала цѣлая куча книгъ, въ красивыхъ, заграничныхъ переплетахъ—рѣдкія изданія римскихъ классиковъ, изъ которыхъ мы должны были переводить à livre ouvert, начиная съ V класса. Любимѣйшими предметами Ильи Өедоровича были латынь и русская словесность.

Экзамены по этимъ предметамъ тянулись иногда съ утра и до полуночи. Ученики переводили выбранные имъ самимъ отрывки изъ прозаиковъ и поэтовъ. Уже между учениками V-го класса были такіе бойкіе латинисты, которые довольно свободно переводили Георгики Виргилія, элегіи Овидія и даже нѣкоторыя изъ рѣчей Цицерона. Напавши на такого доку, директоръ оживлялся и долго не отпускалъ его отъ стола, наслаждаясь красотами выраженій и успѣхами испытуемаго. Но не на однихъ отличныхъ останавливалъ свое вниманіе нашъ директоръ, и посредственные ученики не скоро отъ него отдѣлывались. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и весьма искусными пріемами старался навести его на дорогу, помогая дѣлать анализъ и конструкцію словъ и заставляя усиленно работать мозгами, и только тогда оставлялъ его въ покоѣ, когда убѣждался вполнѣ въ его неспособности.

Такимъ пріемомъ директоръ желалъ убѣдить преподавателей, что, при извѣстной дозѣ терпѣнія и настойчивости, можно кое чему научить и самаго плохаго ученика. Если послѣ долгой возни съ

подобнымъ субъектомъ, ему удавалось уловить хоть малѣйшій проблескъ мыслительнаго аппарата и пониманія, то онъ начиналъ ободрять его разными поощрительными словами: „Ну, ну! продолжай! шевелится голова, шевелится“.

Въ такомъ то именно способѣ испытанія и заключается настоящая „гимнастика мысли“, пріуроченная нашими классиками—педагогами къ изученію древнихъ языковъ. Жаль только, что между теперешними нашими „гимнастами“—преподавателями едва ли найдется и одинъ изъ сотни, включая сюда и братьевъ—славянъ, который бы *такъ* понималъ преподаваніе классическихъ языковъ, какъ понималъ его нашъ неоцѣненный директоръ Илья Ѳедоровичъ Тимковскій.

Испытаніе по русской словесности главнымъ образомъ состояло въ писаніи сочиненій на заданную самимъ директоромъ тэму. По мѣрѣ окончанія сочиненій, авторы подходили къ столу и читали свои произведенія, при чемъ не мало встрѣчалось курьезовъ, потѣшавшихъ публику. На этотъ разъ намъ была предложена тэма „Израненный грекъ по возвращеніи изъ подъ Трои“. Авторъ одного сочиненія, конечно, для красоты слога, заставилъ эллиновъ стрѣлять изъ пушекъ: „Загремѣли, говоритъ, пушки подъ стѣнами священнаго Иліона“...

Какъ ни серьезенъ былъ Илья Ѳедоровичъ, но и онъ покатился со смѣху. Автору другаго сочиненія, двѣ трети коего составлялъ одинъ приступъ, директоръ разсказалъ анекдотъ про Діогена, который, странствуя по Мидіи, подошелъ къ одному маленькому городку съ большими воротами и обратился къ жителямъ съ такимъ остроумнымъ совѣтомъ:

— Граждане! затворите ворота, а то городъ вашъ уйдетъ.

Почти одновременно подошли къ столу и мы съ Костей Ушинскимъ, который сталъ читать прежде меня. Сочиненіе было написано весьма толково и обстоятельно со стороны содержанія, но не встрѣтило отъ директора особенно лестнаго отзыва, потому что онъ, какъ риторъ, обращалъ преимущественное вниманіе не на содержаніе, а на форму: forma dat esse rei.—За Костей выступилъ и я съ своимъ твореніемъ; начиналось оно, помнится мнѣ, фигурой вопрошенія:

„Что предвѣщаетъ этотъ шумъ, наполняющій священную Элладу? Куда бѣгутъ эти бурныя волны населяющихъ ее народовъ?“ и проч. и проч.

— Прекрасно! воскликнулъ директоръ, не допустивъ меня дочитать сочиненія до конца, и велѣлъ тутъ же преподавателю зачислить его къ произнесенію на актѣ. Такое распоряженія директора пріятелю моему Коконко больно было не по нутру; но я, не прибѣгая къ его помощи, на зло ему, просидѣлъ за обработкой своего дѣтища цѣлыхъ три дня и прочелъ его на актѣ такъ хорошо, что удостоился даже похвалы отъ самаго преосвященнаго Павла, присутствовавшаго на нашемъ торжествѣ, при проѣздѣ по епархіи.

Поработавъ усердно во время экзаменовъ и закончивъ такъ блистательно учебный годъ, я чувствовалъ сильную потребность въ вольномъ воздухѣ и въ движеніи. Маленькое мое ружьецо, эта красивая игрушка, на которую я, отрывая по временамъ глаза отъ книги, посматривалъ съ замираніемъ сердца—чувство, понятное только настоящему охотнику—доставило мнѣ невыразимое удовольствіе. Впродолженіе каникулъ не было дня, въ который бы я не ходилъ на охоту, при чемъ не забывались и удочки. И, повторяю, какъ освѣжительно дѣйствовали всегда на мой слабый организмъ эти, повидимому, вульгарныя развлеченія, недостойныя не только мыслящаго человѣка, но и сколько нибудь благовоспитаннаго юноши. Такъ, дѣйствительно, третирують ихъ кабинетные ученые. Оторвавшись съ ранняго дѣтства отъ материнскаго лона природы, они создали себѣ искусственный мірокъ, изъ котораго, какъ изъ заколдованнаго круга, не выходятъ иногда во всю свою жизнь. Но не завидую я мудрости всеобъемлющаго Канта, облетѣвшаго мыслію вселенную, не выходя ни разу за городскую черту роднаго Кенигсберга. Такое отреченіе отъ всего живаго, во имя отвлеченностей, мнѣ кажется самоубійствомъ.

Не такова была жизнь другаго великаго нѣмца — реалиста Гумбольдта. Какія высокія наслажденія должна была испытывать душа его, созерцая безконечно разнообразныя проявленія творящей силы природы!...

Погружаясь въ пучину трансцендентальностей Канта, испытываешь чувство путника, блуждающаго въ непроходимыхъ дебряхъ, куда не проникають солнечные лучи. Совершенно иное впечатлѣніе производитъ на душу читателя „Космосъ" Гумбольдта. Читая это великое твореніе, ощущаешь чувство довольства, душевной полноты; самъ испытываешь тѣ высокія наслажденія, которыя были присущи

душѣ геніальнаго натуралиста, когда онъ, стоя лицомъ къ лицу съ природой, озаренный лучами тропическаго солнца, въ безмолвномъ упоеніи, созерцалъ величавыя ея красоты, ощущая какъ бы біеніе ея пульса...

„Jndividua omnia, quamvis diversis gradubus, animata tamen sunt" говоритъ пантеистъ Спиноза. А нашъ даровитый поэтъ Тютчевъ, какъ бы поясняетъ мысль философа:

Не то, что̀ мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть языкъ,
Въ ней есть любовь, въ ней есть свобода....

М. К. Чалый

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 году.

I.

Полоса земли отъ Синюхи до Днѣпра по надъ Высью, Ирклейцемъ и Тясминомъ послѣ турецкой войны, съ 1740 г., причисленная къ малороссійскому миргородскому полку, еще раньше того, во время пребыванія запорожской Сѣчи въ Алешкахъ, въ приднѣпровской своей части заселилась выходцами изъ обѣихъ Украинъ—правобережной и лѣвобережной,—такъ что еще въ первой четверти XVIII ст. здѣсь возникли хутора и села: Омельникъ, Каменка—Потоцкая, Крюковъ, Цыбулевъ, Усовка, а съ 1740 г. основаны были: Петроостровскій форпостъ на Выси, Архангелогородъ на Синюхѣ и Орловскій шанецъ (нынѣ Ольвіополь) у устья Синюхи на границѣ съ Оттоманской Портой; впослѣдствіи, въ 1753 г., на Ингулѣ, въ 40 в. отъ его истоковъ, положено было основаніе крѣпости св. Елисаветы (нынѣ Елисаветградъ).

Полоса эта—нынѣ сѣв. часть елисаветградскаго и александрійскаго уѣздовъ херсонской губерніи—лежала на пути изъ Крыма и запорожской Сѣчи въ Гетмащину, въ кіевское и брацлавское воеводства и Кіевъ; правда, былъ еще и другой путь изъ Крыма въ Кіевъ—чрезъ Очаковъ, Бендеры и Подолію, но онъ былъ весьма длиненъ и по немъ слѣдовали лишь въ крайности; отсюда много *шляховъ* пролегало тогда по этой полосѣ, изъ которыхъ одни были въ западной ея части, другіе—въ восточной. Отъ Никитина—Перевоза и Переволочны шляхи направлялись вдоль Днѣпра къ р. Омельнику; отъ Омельника вблизи теперешн-

няго села Павлыша расходились на нѣсколько изъ коихъ одинъ шляхъ велъ къ Кременчугу, другой же, мимо хутора Зѣнцова, къ Чигирину, третій мимо вершинъ Ингульца и Ингула—къ Петроострову, четвертый чрезъ Шведскую балку и р. Ингулецъ между селомъ Звенигородкою и гор. Александріей къ Очакову. Въ западной части этой полосы одни шляхи шли къ Выси, другіе—къ Синюхѣ [1]).

Край этотъ—отъ Синюхи до Днѣпра—не менѣе важенъ былъ и въ стратегическомъ отношеніи: здѣсь Россійская имперія стояла лицомъ къ лицу съ Рѣчью Посполитою и Оттоманскою Портой, съ которыми предстояло свести свои исконные, традиціонные счеты.

Край этотъ былъ приманкой и для гайдамаковъ; здѣсь по многимъ шляхамъ проѣзжали торговые люди, отсюда открывался широкій путь въ Польшу, и къ волохамъ, и въ область турецкую; многочисленные балки до овраги, въ то время поросшіе терномъ или камышемъ, и дремучіе лѣса всегда были для нихъ надежнымъ убѣжищемъ [2]).

---

[1]) Осадчій городка Архангелогорода, козакъ миргородскаго полка Давидъ. Звенигородскій, въ 1743 г. такъ докладывалъ миргородскому полковнику Капнисту о значеніи этого городка и его окрестностей: „Тутъ проѣздъ чрезъ границу и дороги лежать въ четырехъ мѣстахъ,—первая при городкѣ Архангелогородѣ и чрезъ Синюху перевозъ паромами, который перевозъ содержатъ отъ польскаго мѣстечка Тарговицы, (Тарговица на правомъ берегу Синюхи противъ Архангелогорода—нынѣшняго Ново-Архангельска), вторая по правую сторону городка въ 20 в. чрезъ Высь, гдѣ и мостъ есть; третья отъ того мосту вверхъ по Выси въ 40 в. при впаденіи въ оную Туреи, тутъ—бродъ; четвертая—по лѣвую сторону городка внизъ по Синюхѣ въ 70 в. „Уманская", (это *Шпаковъ шляхъ*, который шелъ на Умань, названный такъ потому, что по немъ въ началѣ XVIII в. хаживалъ Ѳедоръ Шпакъ—подручникъ Палѣя, одинъ изъ предводителей народнаго возстанія въ Подоліи, промышлявшій, между прочимъ, и грабежемъ), гдѣ чрезъ Синюху бродъ Костенской; и по означеннымъ дорогамъ проѣзжаютъ купецкіе всякіе люди, изъ польской области жиды и польскіе обыватели въ турецкую область, въ Крымъ, и Бѣлгородъ, и Очаковъ, и въ Запорожскую Сѣчь, и съ юга греки, армяне и волохи въ Польшу со съѣстными припасами, виноградными винами, сукнами и прочими разными товарами". Зап. Импер. Одес. Общ. Ист. и Др. т. 14-й, 1886 г., стр. 336).

[2]) Таковыми были: Черный лѣсъ, Чута (оба эти лѣса и теперь занимаютъ нѣсколько тысячъ десятинъ земли и находятся въ сѣв.—вост. углу александрійскаго уѣзда, начиная отъ Знаменки къ Цыбулеву и далѣе), крутыя и глубокія балки по рѣкамъ Омельнику, Ингульцу, Ингулу, Сугаклею и Добрянкѣ возлѣ Синюхи; а

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы разскажемъ о томъ, какъ дѣйствовали гайдамаки на пространствѣ между Бугомъ, Синюхою и Днѣпромъ въ 1750 г., какой имѣли успѣхъ въ погонѣ за ними сыскныя команды, какъ подвизались слѣдственныя о гайдамацкихъ дѣяніяхъ коммиссіи, какъ миргородская полковая, генеральная войсковая и кіевская генералъ-губернаторская канцеляріи относились къ ихъ продерзостямъ.

II.

Въ 1749 г. въ Крыму свирѣпствовала *опасная болѣзнь*— чума или холера; тогда „въ осторожность отъ опасной болѣзни за силу указовъ е. и. в. Елисаветы Петровны" учреждены были караулы и карантины на южной границѣ Малороссіи по обѣ стороны отъ Днѣпра. Карантинныя заставы на право отъ Днѣпра находились: возлѣ теперешняго села Павлыша въ урочищѣ „Ягодная долина" у рѣчки Омельничка [1]), въ селахъ Крюковѣ, Крыловѣ и въ 40 в. отъ Кіева—въ Васильковѣ; у Синюхина Брода и въ бугогардовой паланкѣ [2]) устроены были карантинные дома. Степные же караулы были расположены: по р. Омельнику отъ Омельника до Ингульца, вверхъ по Ингульцу, при вершинахъ Ингула и Выси. Сторожевую службу въ упомянутыхъ карантинахъ и

если сыскныя команды были уже очень дѣятельны и почему либо не давали гайдамакамъ въ ихъ убѣжищѣ покоя, то они находили себѣ болѣе надежный пріютъ въ запорожскихъ владѣніяхъ вблизи устья Синюхи, на скалистомъ со многими пещерами Мигейскомъ островѣ на р. Бугѣ—исконномъ сборномъ мѣстѣ гайдамацкихъ скопищъ; здѣсь была своего рода гайдамацкая сѣчь—съ атаманами (ватажками), пушками и засѣками; сюда въ первой половинѣ XVIII в. не отваживались добираться сыскныя козачьи команды.

[1]) Рѣка Омельникъ впадаетъ въ Днѣпръ между м. Мишуринъ—Рогъ и сел. Калужино; рѣчка Сухой Омельникъ впадаетъ туда же между сел. Успенскимъ и Деріевкою; ручей Омельничекъ впадаетъ въ Сухой Омельникъ у самой Онуфріевки. Балка *Ягодна* идетъ въ Сухой Омельникъ съ лѣвой стороны возлѣ сел. Павлыша, которое находится въ 10 в. отъ Потоцкой—Каменки и Крюкова.

[2]) Буго-гардовая паланка—запорожскія земли на лѣвомъ берегу Буга (правый принадлежалъ татарамъ); тамъ гдѣ теперь с. Богдановка ананьевскаго уѣзда херсон. губ., былъ запорожскій гардъ, въ коемъ жило начальство, вѣдавшее эти земли: полковникъ, асаулъ, и писарь.

степныхъ караулахъ несли козаки малороссійскаго миргородскаго полка сотенъ: потоцкой, кременчугской и власовской; а ближайшими командирами этихъ карантиновъ и карауловъ были состоявшіе подъ вѣдѣніемъ сотниковъ сотенные атаманы [1]).

Въ февралѣ 1850 г. въ одной изъ упомянутыхъ карантинныхъ заставъ, что были на р. Омельникѣ, произошелъ отмѣнный казусъ; учинившіе казусъ—гайдамаки; потерпѣвшіе же—крымскіе татары и партія запорожцевъ.

Перекопскаго гарнизона Мухамедъ—Джанъ Ага и съ нимъ шесть его товарищей „съ купеческимъ промысломъ" ѣхали въ Россійскую имперію, или иначе везли на продажу бугасовые (бугасъ—это шерстяная матерія чернаго цвѣта, чрезвычайно плотная) кафтаны и крымскіе смушки. Когда же они доѣхали до р. Омельника, то здѣсь ихъ задержалъ степной караулъ и атаманъ села Потоцкой Каменки Иванъ Сандулъ заключилъ ихъ 4 февраля 1750 г. „въ указный карантинъ", находившійся на р. Омельникѣ, между теперешними селами Онуфріевкой и Павлышемъ, въ урочищѣ Ягодной долинѣ.

Чрезъ два или три дня въ компанію къ Агѣ присоединилась другая партія, состоявшая изъ запорожцевъ—козаковъ куреня ирклѣевскаго: Мусія Караго, Петра Малаго, Павла Цыгана, Аврама Нагайца, Романа Луни, Михайла Заволоки, Миколы Крочака, Якима Мѣдика съ товаромъ—„съ рыбою осетрами во восьми возахъ", да незамайковскаго куреня Наума Носа съ товариствомъ—„съ солью въ пяти возахъ". Каждую фуру съ осетрами везла тройка лошадей, а у Наума Носа съ товариствомъ было десять лошадей; запорожцы направлялись въ Миргородъ на ярмарку, бывшую тамъ въ послѣднихъ числахъ марта, предполагая тамъ сбыть и рыбу, и соль. Но какъ Агѣ не суждено было перешагнуть Ягодной долины, такъ и запорожскимъ осетрамъ не удалось побывать въ Миргородѣ, потому что когда запорожцы, слѣдуя по „великому шляху", пріѣхали въ урочище „Ягодную долину", тотчасъ Иванъ Сандулъ остановилъ ихъ и

[1]) Малорос. полкъ дѣлился на нѣсколько сотенъ; сотня, какъ земельная единица, состояла изъ нѣсколькихъ селъ, хуторовъ и мѣстечекъ; сотнею завѣдывалъ сотникъ.

предложилъ остаться въ указномъ карантинѣ. Козаки открещивались отъ карантина и говорили, что они ѣдутъ изъ мѣста благополучнаго—прямо изъ Сѣчи, въ доказательство чего предъявили свои паспорты.

Но атаманъ Сандулъ твердо исполнялъ свою карантинную службу: разъ получилъ онъ изъ полковой канцеляріи такую инструкцію, чтобы не пропускать ни коннаго, ни пѣшаго, слѣдующихъ со стороны Крыма,—то онъ не полагалъ никакихъ исключеній, даже и для своего брата—козака, и сколько ни просили запорожцы о пропускѣ ихъ чрезъ карантинную заставу, сотникъ оставался глухъ и нѣмъ: паспорты отъ запорожцевъ отобралъ и засадилъ ихъ въ указный карантинъ.

Такимъ образомъ, запорожцы остались въ карантинѣ и, вмѣстѣ съ татарами, вынуждены были коротать свое время. У запорожцевъ кстати имѣлся изрядный запасъ „тютюну и горилки", почему они смалили *люльки* и тянули *горилку*, да иногда тараторили съ толмачемъ, находившимся при татарахъ; съ татарами же особенно не сообщались, такъ какъ они—*бусурмены* и рѣчи козацкой не понимали, знай себѣ пьютъ мерзкое кобылье молоко и ѣдять *лошатину*; впрочемъ, Ага иногда развлекалъ Караго, Носа и прочихъ,—показывая имъ свое добро: кафтаны бугасовые, смушки крымскіе, сабли турецкія, ружья, пистолеты и сѣдла. Запорожцы кое чѣмъ соблазнились: купили пять сѣделъ, нѣсколько смушковъ, сабель и ружей.

Такъ проходили дни за днями. Наумъ Носъ не безпокоился за соль, а Мусій Карый безпокоился,—онъ съ товариствомъ частенько поглядывалъ на своихъ осетровъ.

— Колыбъ не зпаскудыло.... говорилъ Мусій, оглядывая возы съ рыбой.

— Эге, якъ подме нызовый!.... Гляды, видкиля и визмецця!.... говорило товариство.

Но *низовый* не дулъ и осетры пока не портились.

— Де—що продамо по дорози и у Кременчузи, а то вже у Мыргороди всихъ роскуплять! Та ще времня таке пидходяще—пистъ! Хапатымуцця та ще онъ якъ за таку добру рыбу!...

Днивъ ще мабуть зо тры, та вже и сидинню тому буде кинець!...

Такъ думали и гадали чубатые запорожцы; но случилось иное—въ одну роковую ночь всѣ планы ихъ были разрушены.

III.

Въ ночь съ 27 на 28 февраля Микола Крочакъ, Якимъ Мѣдикъ, Михайло Заволока и двое товарищей Наума Носа находились въ с. Потоцкой Каменкѣ; а въ карантинѣ при возахъ оставались шесть „старыхъ" запорожцевъ съ двумя хлопцами. Вблизи запорожскихъ возовъ—саженяхъ въ 30—стояли татарскія кибитки; нѣсколько поодаль отъ товара помѣщались совмѣстно татарскія и запорожскія лошади и ихъ оберегалъ только одинъ татаринъ. Недалеко отъ табора—„не далѣе какъ въ полторы гонъ"—возлѣ стрѣлецкаго мостка стояли на стражѣ пять человѣкъ козаковъ: четыре пѣшихъ и одинъ конный.—Это былъ караулъ, „учрежденный и поставленный атаманомъ Сандуломъ *для береженія* запорожцевъ и татаръ".

Уже давно погасъ сумрачный февральскій день; кругомъ была гробовая тишина и такъ темно, что хоть глазъ выколи.

Татары усѣлись въ кружокъ, жарили да ѣли шашлыкъ, запивая его кумысомъ, одному только Агѣ что то не ѣлось и не пилось; онъ говорилъ, что на него напалъ какой то страхъ, что онъ среди всей этой обстановки чувствуетъ себя какъ бы подъ гробовой крышкой. Слушая такія рѣчи, товарищи перекинулись однимъ—другимъ словомъ и замолчали; умолкъ и Ага, погрузясь въ какую то думу. Остальные татары тоже чего то насупились, повѣсили носы и учащенно дымили изъ трубокъ. Взгрустнулось и юркому говорливому толмачу. Онъ то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ заговаривалъ, но бесѣда что то не клеилась. Чтобы размыкать напавшую на всѣхъ неопредѣленную тоску, отправился толмачъ къ запорожскимъ возамъ. Здѣсь было не то,—здѣсь рѣчи рѣкой лились и компанія хохотала до упаду: сидя возлѣ костра за вечерей, запорожцы прохаживались на счетъ Романа Луни,—поймавшаго сегодня въ Каменкѣ *ббнызня*

отъ молодой бабы. Когда къ веселой компаніи подошелъ толмачъ, тутъ сейчасъ и надъ нимъ подтрунили, предложивъ ему „кулиша зъ саломъ“. Юркій и находчивый татаринъ не потерялся,—отпустилъ нѣсколько прибаутокъ и вступилъ въ разговоры. Разговоры эти были, должно быть, очень интересны, ибо запорожцы довольно долго балагурили съ нимъ. Когда же татаринъ—толмачъ пошелъ къ своей будкѣ, запорожцы тотчасъ же легли спать.

Толмачъ, пришедши въ будку, перекинулся нѣсколькими фразами со своими товарищами, завернулся въ халатъ и захрапѣлъ; захрапѣли скоро и остальные татары, кромѣ Аги,—этому не спалось: въ головѣ у него стучало, въ ушахъ звенѣло, дышалось тяжело, къ тому же мрачныя мысли одна за другой такъ и лѣзли ему въ голову; его тяготило какое то мрачное предчувствіе—и лишь по временамъ онъ впадалъ въ полузабытье.

А въ это время на вершинѣ Ягодной долины уже были степные украинскіе львы—страшные гайдамаки; ихъ собралось 12 человѣкъ, теперь они ползли къ татарскимъ будкамъ—и съ быстротой молніи нагрянули на спящихъ татаръ.

Прежде всего досталось несчастному Агѣ. Еще когда подкрадывались къ шатру гайдамаки, ему послышался какой то подозрительный звукъ,—онъ сталъ прислушиваться,—кругомъ все было тихо, но гдѣ то за будкой опять послышался тотъ же подозрительный звукъ. Ага навострилъ уши—опять тихо; наконецъ, слышитъ онъ у самой будки шорохъ и шепотъ, схватывается, и съ кинжаломъ въ рукѣ, въ одной рубашкѣ выскакиваетъ изъ будки; но едва онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ чья то рука всадила ему списъ въ лѣвое плечо; Ага замахнулся кинжаломъ, но другая рука вонзила ему списъ въ правое плечо; завязалась отчаянная борьба; отмахиваясь кинжаломъ, Ага вырвался изъ среды убійцъ и весь окровавленный пустился бѣжать къ запорожскимъ возамъ, за нимъ по пятамъ гнался гайдамакъ.

Когда Ага сражался возлѣ будки, толмачъ, заслышавъ шумъ, вскочилъ, чтобы бѣжать, но едва онъ успѣлъ сдѣлать шагъ, какъ нѣсколько гайдамаковъ проникли въ самую будку, гдѣ наткнулись сейчасъ же на толмача и нанесли ему нѣсколько ранъ; но послѣдній какъ то изловчился и, вырвавшись вонъ изъ

будки, оставилъ въ ихъ рукахъ свой халатъ; метнувшійся вслѣдъ за нимъ гайдамакъ успѣлъ лишь схватить его за рубаху, но ловкій татаринъ вынырнулъ изъ рубахи — и голый полетѣлъ стремглавъ тоже къ запорожскимъ возамъ; схватившій рубашку гайдамакъ побѣжалъ за нимъ; толмачъ это слышалъ и кричалъ о помощи.

— Го-ой!... Алла!... Атаманъ!... козаки!... ратуйте! Харцизъ рѣжетъ!...

Заслышавъ крикъ, Мусій Карый вскочилъ на ноги, какъ ошпаренный, и видитъ сцену: мимо запорожскихъ возовъ бѣгутъ два татарина—одинъ весь въ крови, другой совсѣмъ голый; слѣдомъ за ними гонятся два человѣка, всѣ они бѣгутъ мимо него—Мусія.

— Хто такый? окликалъ Мусій.

— Цыть, вражый сыну! И васъ выриживмъ! сердито гаркнули преслѣдовавшіе. Услышавъ такую рѣчь, Мусій оробѣлъ, моментально приникъ къ землѣ, поползъ къ возамъ Наума Носа; возы Наума стояли далеко—возлѣ шляху. Добравшись ползкомъ до Наума, Мусій разбудилъ его, сообщивъ ему на ухо ужасную вѣсть. Испугался и Наумъ и не рѣшился идти къ возамъ Мусія. Находясь вдвоемъ возлѣ шляху, Мусій и Наумъ не видѣли, что творилось около возовъ. А тамъ происходило вотъ что: толмачъ юркнулъ въ первый попавшійся промежутокъ между возами и притаился тамъ; Магметъ Ага ворвался въ запорожскую будку, гдѣ спали два хлопца, и обезсиленный, истекающій кровью шлепнулся прямо на одного изъ нихъ; хлопецъ перепугался съ просонку, почувствовавъ на себѣ тяжесть навалившагося тѣла, и, выбравшись изъ-подъ него, съ ужасомъ увидѣлъ окровавленнаго татарина. Разбудивши своего товарища, хлопецъ во всѣ лопатки пустился съ нимъ въ Каменку, „вѣдомости даваты“.

IV.

Пока ночью два вѣстника спѣшили въ село Каменку, находившуюся въ 10 верстахъ, то скорымъ шагомъ, то *пидбигцемъ*, въ карантинѣ гайдамаки на чисто управились съ татарами и ихъ

добромъ. Сначала они принялись за татарскія буды: одни изъ гайдамаковъ повязали татаръ и стояли съ ножами надъ ихъ головами, другіе таскали все, что было въ будкахъ; и какъ повытаскали всѣ татарскіе пожитки, то пошли къ ихъ лошадямъ. Бывшій здѣсь сторожъ татаринъ спалъ, гайдамаки разбудили его,—имъ нужно было вывѣдать, какіе изъ коней татарскіе и сколько ихъ. Пробужденный татаринъ сразу узналъ, что это харцизы, и надѣлалъ крику; его ткнули списомъ въ руку,—татаринъ вторично закричалъ; тогда, приставивъ ножъ къ самому горлу, гайдамаки обратились къ нему: „Якъ ты, собача твоя харя, ще крычатымешъ, такъ ось тоби.... такъ и покотыться погана твоя башка!“ Татаринъ онѣмѣлъ. Надъ нимъ сейчасъ подсмѣялись: „Эге, заципыло! Якъ воды у ротъ набрала, погана вира!... Вже бильшъ не будешъ крычаты!“ И стали допрашивать *погану виру*: „Де твои кони? Покажы! Та гляды—не збрешы, бо мы бачылы вашыхъ коней!“ Татаринъ съ полною покорностію показалъ всѣхъ семь коней. Моментально кони были взяты, а татаринъ связанъ.

Забравши лошадей, нагруженные татарскимъ добромъ гайдамаки, какъ вихрь, умчались и исчезли благодаря ночной тьмѣ. Тѣмъ временемъ караулъ, поставленный атаманомъ Сандуломъ для береженія козаковъ и татаръ, сладко дремалъ на своемъ посту; не проснулся онъ и при гайдамацкой расправѣ,—не слыхалъ онъ и *гука*, происходившаго въ таборѣ; и только тогда караульные очнулись отъ сна, когда гайдамаки съ добычей уносились въ степь [1]).

Такимъ образомъ караульные, прозѣвавъ гайдамацкій набѣгъ, поспѣшили въ таборъ, гдѣ какъ только все успокоилось и *„гукъ“* утихъ, татары поприходили къ запорожскимъ возамъ „вязаные“;

---

[1]) Атаманъ Иванъ Сандулъ потòмъ такъ описывалъ поведеніе своего караула: „Оніе караульніе чинимаго разграбленія надъ татарами не слыхали; но какъ уже з забратими татарскими пожитки гайдамаки ѣхали прямо к стрелецкому мостку, то оніе караульніе 4 человѣка—какъ скоро послихали здалека—окликали: що за люде? а оніе гайдамаки, которихъ немалимъ числомъ било, какъ скоро возможность допустить бегучи, проѣхали насилно караулъ, сказивая всторону: дьяволови сыны! и уехали сѣчовымъ шляхомъ въ степъ; козакъ, который стоялъ на караулѣ влѣво къ греблѣ стрелецкой, объявилъ, что онъ окликалъ тѣхъ гайдамакъ: кто идетъ? и ему говорили: свои! и на сѣчевой шляхъ прямо въ степъ отъѣхали“.

Мусій Карый развязалъ ихъ и сталъ распрашивать „пытать“: „сколько гайдамаковъ было и гдѣ вашъ старшій Магметъ Ага?“ Татары говорили, что „харцизъ було з двадцять человѣкъ, а за Магмета не вѣдаемъ,—чы не мае межи вашими возами“. Начали искать Агу; нашли его въ запорожской будкѣ. Нашедши Агу, татары стали „кликать“ его; онъ былъ еще живъ и сказалъ: „не пойду отсель, вкрыйте мене здѣсь!“ Агу укрыли. Затѣмъ вся громада—запорожцы и татары—пошли къ татарскимъ будкамъ, гдѣ и застали полное опустошеніе: изъ повозокъ повытаскано было почти все, кое что было разбросано и валялось на землѣ. Пошли къ лошадямъ: ни одной татарской „коняки“ нѣтъ—всѣ забраны, а запорожскіе на лицо всѣ до одной и стоятъ на своихъ мѣстахъ.

Но вотъ снова послышался глухой гулъ; запорожцы и татары бросились къ возамъ, вооружились—кто ружьемъ, кто обухомъ, кто списомъ; караульные наладились палить; ждутъ; гулъ все ближе и ближе, всѣ думаютъ, что гайдамакъ скачетъ, но это прибѣжала татарская осѣдланная лошадь, вырвавшаяся изъ рукъ грабителей.

Одновременно съ этимъ и хлопцы прибыли въ Каменку, гдѣ сначала бросились къ атаману Ивану Сандулу и извѣстили его о случившемся съ ними въ будкѣ: что туда къ нимъ вскочилъ весь въ крови татаринъ, упалъ на одного изъ нихъ и еле еле проговорилъ: „харцизъ рѣжетъ!“ Съ этимъ же извѣстіемъ они поспѣшили къ Якиму Мѣдику и прочимъ его товарищамъ, ночевавшимъ въ Каменкѣ.

V.

Получивъ отъ хлопцевъ извѣстіе, атаманъ Сандулъ взялъ козака и поскакалъ съ нимъ къ Ягодной долинѣ. Вслѣдъ за нимъ помчались туда же Якимъ Мѣдикъ съ товарищами. Было далеко за полночь. Сандулъ, прибѣжавъ къ табору, спросилъ: гдѣ Магметъ? Атаману сказали, что Магметъ раненъ и находится въ козацкой будкѣ.

— Що тутечки подіялось таке? спросилъ атаманъ.

Ему разсказали о случившемся. Мусій Карый говорилъ, какъ его настращали гайдамаки обѣщаніемъ: „и васъ выриже́мъ!" какъ онъ поползъ тогда къ Науму Носу. Наумъ Носъ говорилъ, что онъ и Карый не рѣшились вдвоемъ идти къ татарскимъ будкамъ, такъ какъ замѣтно было, что возлѣ запорожскихъ возовъ стояли на стражѣ гайдамаки. Остальные четыре запорожца заявили, что они ничего не видѣли и не слышали, ибо крѣпко спали въ своей будкѣ, а были разбужены Мусіемъ, когда никакого *гуку* и гайдамаковъ уже не было. Татары же пристали тутъ къ атаману, единогласно обвиняя запорожцевъ въ томъ, что будто бы запорожскіе козаки имъ „спомоществованія дать и мало не похотѣли, да и лошадѣ ихъ, на пастьбѣ ходячіе купно з запорожскими, вылуча, угнато, а запорожскихъ ни едного не взято".

Запорожцы сердито замѣтили татарамъ, что хотя бъ они, запорожцы, и не спали, все таки помощи не могли бы дать, ибо гайдамаковъ было много, и темною ночью пускаться пяти—шести человѣкамъ „на ратуванье" было опасно.

— Та воно такъ! замѣтилъ Сандулъ.

— Та щожъ караулни?... Якъ же це воны?... Дежъ вони булы?... восклицалъ онъ.

— Ось—осьдечки! отозвались караульные и повѣдали своему атаману, что они стояли каждый на своемъ посту, а того „*гуку*", того разбойства никто изъ нихъ не слыхалъ и не видалъ, въ таборѣ было тихо; только когда уже верховые бѣжали къ стрѣлецкому мостку, то они—караульные—„окликáли" бѣжавшихъ, и тѣ бѣжавшіе, ругаючись, ускакали сѣчовымъ шляхомъ въ степь.

— Отто караулни!... и не чулы.... бодай бы вамъ позакладало!... замѣтилъ атаманъ, выслушавъ рѣчи своихъ караульныхъ.

— Неначе оттутъ якъ обійшовъ хтось.... якъ наворожило щось!... оправдывались караульные.

— Бува!... Чого не бува на свити божому!... глубокомысленно замѣтилъ Романъ Луня.

Тѣмъ временемъ, когда атаманъ Сандулъ „извѣщался о случившемся", подоспѣлъ къ табору и Якимъ Мѣдикъ. Онъ сейчасъ полѣзъ въ запорожскую будку и сталъ „ворушыть" лежавшее здѣсь тѣло; тѣло было холодное и не издавало ни единаго звука.

— Отъ тоби й на!... вже Магметъ дуба давъ.... нежывый! сказалъ Якимъ подошедшему атаману.

— Що?... Якъ?... спросилъ атаманъ.

— Кажу жъ, що ворушывъ—ворушывъ Магмета, а винъ и не озывается!... Нежывый!... повторилъ Якимъ.

— Та то мабуть винъ такъ злякавсь, що не озывается! замѣтилъ атаманъ.

— А ну, мерщій, розведить вогню! Побачымо по видному, що воне таке и якъ воно!... приказалъ онъ.

Возлѣ возовъ развели огонь. Запылалъ костеръ—и ужасную картину освѣтилъ онъ предъ атаманомъ и запорожцами! Въ лужѣ крови лежалъ Магметъ Ага, вѣки у него были полуоткрыты, далѣе видѣнъ былъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, рука со скорченными пальцами нѣсколько приподнята....

— Я жъ казавъ, що винъ нежывый... одубивъ... раздался голосъ Якима среди общаго безмолвія.

— Эге, отъ воно що!... воскликнули нѣкоторые.

Зарыдали татары, увидѣвъ мертвымъ своего несчастнаго товарища. Перекрестились козаки.

— Такъ, мабуть, на роду ёму бидному напысано! замѣтилъ кто то изъ нихъ.

— Оце!... Оце!... Ачъ якъ!... И каравульныхъ поставывъ... а воно бачъ воно що!... Оце на лыху годыну!... восклицалъ въ недоумѣніи Сандулъ.

— Бува... ще й не те бува!... замѣтилъ преспокойно Романъ Луня.

— Треба жъ хочъ роздывытця, що воно ёму тамъ зроблено! сказалъ Сандулъ.

Вытащили мертвеца изъ будки, положили его предъ огнемъ и стали „роздывлятця“: между плечъ зіяли двѣ глубокія раны.

Только что окончили осмотръ Магмета, какъ вдали послышался вой волковъ. Чубатые запорожцы сняли „капелюхы“ свои и перекрестились; имъ не разъ приходилось слышать этотъ степной концертъ, но теперь онъ казался имъ болѣе дикимъ, страшнымъ.

— Отто на лыху годыну! ще цёго не доставало! Це жъ вона, бисова звирюка, теперечкы тичками бига! Колыбъ коняку яку

не вхопыла! говорили они между собой, и для безопасности разложили костеръ возлѣ лошадей.

Не прошло и получаса, какъ раздался далеко крикъ „ау!“ Крикъ повторился нѣсколько разъ и замеръ въ дали степной.

— А це ще шо таке?... Це неначе видтыля, де караулни стоять—по той бикъ яру! сказали нѣкоторые.

— Та неначе видтыля! Мабуть тамечкы щось е?... Замѣтили другіе.—Хыба вовкы пóраються!...

— А вжежъ на-óхляпъ не крычатыме! сказалъ Сандулъ и послалъ двухъ козаковъ на развѣдки.

Скоро посланные явились съ третьимъ верховымъ, который былъ изъ караула, находящагося въ 7 верстахъ отъ карантина вверхъ по Омельничку.

— Мабуть чоловикъ з пятнадцятеро, а може й бильшъ, выскочыло з яру, та набигло на будку, та увесь харчъ забралы, якъ есть усе, що у будци було! объяснилъ козакъ атаману Сандулу.

— Та хто жъ гукавъ? Ты такы? спросилъ Сандулъ.

— Эге, я жъ такы! Мы жъ такы—каравулни! Насъ тры чоловыки выихало у степъ слидомъ за харцызамы, та якъ уздрилы огныще, тай гукнулы,—сказалъ козакъ.

— Та де жъ воны?... Якъ же це воны?... сталъ допытываться Сандулъ.

— Хто такий?.. каравулни?.. въ свою очередь спрашивалъ козакъ.

— Та ни! Люде жъ таки ты, що харчъ забралы... харцызы?... пояснилъ атаманъ.

— Забралы жъ харчъ, кажу жъ, увесь; кульбакъ зо тры, дви буркы, пару чобитъ, ряднину забралы, казанокъ бывъ щербатый—и той узялы, та у степъ ударылысь сичовымъ шляхомъ!... вторично доложилъ казакъ.

— Оце лыха годына! Котрый оце рикъ те гайдамацтво гарцюе?!... то було купцивъ та татарву обдыраютъ, ляхивъ руйнуютъ, а це вже й на самў сторóжу накыдàются...

— Тай не въ дывовыжу, що татарву тутечкы полапалы!... перебилъ Сандула Мѣдикъ.

— Сказано, темна ничъ! На лыхого чоловика—воно якъ разъ на руку! прибавилъ Романъ Луня.

— Що тамъ ничъ!... Ось у день воны шпурхають по степахъ, якъ вовкы,—оце гледы видкыля и визьмытся верховець або двое! Сёгодни два чоловикы занялы нашу коняку; насъ четверо вдарылось за имы, гнались верстовъ зъ десятокъ; якъ ускочылы воны у яръ биля Ингульця, такъ якъ кризь землю провалылысь! Цилисенькій день издылы мы жъ такы по-надъ яромъ—нема тай годи! сказалъ козакъ.

— Эге, це жъ воны вамъ и оддячылы за те, що вы гналысь за имы, та назырцемъ издыли по-надъ яромъ, — мабуть имъ нудно було сыдиты увесь день у яру!... разсуждалъ Мусій Карый. Съ его мнѣніемъ согласились остальные и рѣшили, что ограбившіе караульныхъ были тѣ самые гайдамаки, которые управились и здѣсь съ татарами.

VI

Дождавшись разсвѣта, атаманъ Сандулъ послалъ гонцовъ въ разныя стороны для сысканія „разбойнаго слѣду", и самъ съ нѣсколькими козаками пустился на поиски ночныхъ забіякъ, ограбившихъ татаръ и караульныхъ.

Начало было удачное: Сандулъ вывелъ слѣдъ на хуторъ Зѣнцовъ. Потрусили (обыскали) хуторъ,—обшарили въ немъ всѣ закоулки и не нашли нигдѣ ничего подозрительнаго. Отъ хутора разбойничій слѣдъ потянулся влѣво къ греблѣ стрѣлецкой, гдѣ въ ночь на 28 февраля на караулѣ стоялъ козакъ. Отсюда слѣдъ выбѣжалъ на сѣчевой шляхъ—и на шляху исчезъ.

Разумѣется, за вѣтромъ въ полѣ ничего было гоняться,—и Сандулъ поспѣшилъ въ Каменку, чтобы увѣдомить поскорѣе о случившемся потоцкую сотенную канцелярію.

Сотникъ потоцкій Юрій Сахатовъ, получивъ 1 марта это извѣстіе, того же дня поспѣшно прибылъ въ Ягодную долину и здѣсь лично разузналъ о подробностяхъ разбоя и пробылъ до вечера, поджидая козаковъ, посланныхъ Сандуломъ на развѣдки. Разсыльные, проѣздивъ цѣлый день, воротились ни съ чѣмъ: подозрительныхъ людей они не видѣли; разъѣздныя команды, какія попадались имъ, гайдамаковъ не встрѣчали; по балкамъ, лѣс-

камъ и очеретамъ пусто. Выслушавъ такія вѣсти, Сахатовъ не оставался болѣе въ карантинѣ,—постарался поскорѣе отъѣхать домой, такъ какъ и татары, и запорожцы надоѣли ему своими жалобами.

— Колы вже кинець буде тому сидинню! говорили запорожцы. Мы жъ таки люды не абы якы: и пашпорты маемо, и хуры маемо—та ще не прости, а зъ рыбою, та ще онъ зъ якою! И коней бильшъ якъ тритцятеро маемо! Це жъ такы не шкуры яки, абò медъ, а рыба! Якъ вона лежатыме, такъ ни на вищо переведеться, пропаде, якъ собака у ярмарку! Тай худоба стоить такечкы безъ ніякого дила! печаловались запорожцы.

Сотникъ Сахатовъ кое какъ отдѣлывался отъ тѣхъ и другихъ: татаръ онъ утѣшалъ тѣмъ, что „харцызы" всенепремѣнно будутъ сысканы и примѣрно наказаны, что заграбленное ихъ имущество будетъ найдено, и жалоба на запорожцевъ и козаковъ будетъ разсмотрѣна; запорожцамъ обѣщалъ скорый отпускъ,—говорилъ, что хотя они люди честные и извѣстные, но какъ свидѣтели разбоя—сейчасъ не могутъ быть отпущены, безъ разрѣшенія полковой миргородской канцеляріи.

— Та вже жъ оцè мы и йидемо у Мыргородъ, треба жъ на ярмарокъ поспишаты! А якъ пійде те пысання, той кинця ёму не буде! Це вже мы добре знаемо, яке те скоре пысання бувà! Мы жъ якъ бы оцè прыихалы у Мыргородъ, тамечкы жъ такы прямисинько самому полковныкови усе бъ и розказалы, що и якъ подіялось тутечкы зъ татарамы! Такъ воно дило скоришъ буде: значыться, и рыбу продамо, и допросьни речи виддамò!

Возраженія запорожцевъ не убѣждали ни сотника, ни атамана, указывавшихъ имъ, что, быть можетъ, имъ, запорожцамъ, не придется побывать въ Миргородѣ, они могутъ продать рыбу и не доѣзжая до Миргорода; а выѣхавъ изъ карантина, они тѣмъ самымъ навлекутъ на себя подозрѣніе: высшія власти подумаютъ, что и они, запорожцы, были въ стачкѣ съ грабителями; вотъ уже и теперь татары жалуются, что запорожцы помощи дать не похотѣли, и въ доказательство этой жалобы будутъ ссылаться на немедленный отъѣздъ ихъ изъ карантина; на сотника и атамана будутъ жаловаться татары, что запорожцы намѣренно

были выпущены, чтобы скрыть слѣды преступленія, сдѣланнаго гайдамаками, и совѣтовали кому либо изъ нихъ отправиться за Днѣпръ и тамъ пріискать купцовъ на рыбу. „И сино буде циле, и козы будуть сыти: и рыбу продасте, и въ сумнѣніи (въ подозрѣніи) не будете!“-- говорили сотникъ и атаманъ.

— А бодай того сина никòму не исты!... Оце, на лыху годыну!.... И де вона узялася оця татарва, щобъ ій добра не було!... Хто варывъ, а кому хлыстаты!... говорили запорожцы, хватаясь за свои оселедцы (чубы).

— Пидождемо ще трохы! Побачымо, що воно зъ тòго выйде!... покы на погоди стоить, воно щебъ то й ничòго!... рѣшили они, и стали дожидаться изъ миргородской полковой канцеляріи резолюціи.

VII.

Прибывъ домой, сотникъ Юрій Сахатовъ, 2-го марта, послалъ въ миргородскую полковую канцелярію доношеніе, въ которомъ подробно описалъ происшедшее въ Ягодной долинѣ въ ночь съ 27 на 28 февраля 1750 года. Въ концѣ онъ спрашивалъ: „и запорожцевъ тѣхъ содержать ли подъ карауломъ, или отпустить ихъ съ товарами, якіе въ нихъ имѣются“.

Получивъ упомянутое донесеніе, полковая канцелярія 5-го марта представила его „въ высокое разсмотрѣніе“ господину генералъ-аншефъ кавалеру и кіевской губерніи генералъ-губернатору Михаилу Ивановичу Леонтьеву, увѣдомила о томъ и генеральную войсковую канцелярію, а потоцкому сотнику на его доношеніе „въ резолюцію“ послала указъ, и тѣмъ указомъ „велѣно“ учинить справку и по оной рапортовать, въ какомъ урочищѣ тѣ татары заключены были въ карантинъ, въ одномъ ли мѣстѣ съ ними были запорожцы, какихъ они куреней и сколько ихъ числомъ, и караулъ въ какомъ числѣ людей учрежденъ, и для чего разграбленіе допущено караульными? Потоцкій сотникъ Сахатовъ, получивъ указъ, препроводилъ его каменскому атаману Ивану Сандулу и послалъ ему ордеръ съ предложеніемъ „прислать *праведный отвѣтъ* о нападеніи на заключенныхъ въ

карантинѣ татаръ и о протчемъ". Такимъ образомъ началось канцелярское бумагомараніе, на какое ушло чуть ли не три недѣли.

Татары, предчувствуя, что дѣло затянется, давно убрались домой, чтобы искать черезъ хана удовлетворенія за свои обиды.

Запорожцы, несмотря на карантинную скуку, имѣли терпѣніе выжидать резолюціи относительно своего отпуска на миргородскую ярмарку. Правда, не разъ во время этого карантиннаго сидѣнья, ѣздили запорожцы въ Каменку и здѣсь приступали къ Сандулу съ требованіемъ отдать имъ паспорты и отпустить ихъ; но всякій разъ безуспѣшно возвращались въ ненавистный карантинъ: Сандулъ паспортовъ не давалъ, а указывая на необходимость дождаться „резолюціи", совѣтовалъ, чтобы двое или трое изъ нихъ, взявъ у него билетъ, отправились за Днѣпръ да пріискали бы тамъ купцовъ на свои товары—рыбу и соль.

Совѣтовъ Сандула запорожцы не слушали, ибо свободолюбивые „лыцари" всякій арестъ считали для себя тяжкимъ оскорбленіемъ, тѣмъ болѣе, что въ паспортахъ прописано было: „чинить имъ свободный пропускъ".

Безпокойство ихъ возрастало съ каждымъ днемъ; погода становилась все теплѣе и теплѣе и миргородская ярмарка была что называется „уже на носу". Запорожцы намѣревались предпринять что либо рѣшительное и уже стали готовиться къ выѣзду изъ карантина,—какъ 16 марта раненько утромъ явился туда атаманъ Сандулъ. Обрадовались запорожцы, когда увидѣли его—думали, что атаманъ пришелъ объявить имъ отпускъ; но онъ сообщилъ запорожцамъ не веселую вѣсть: ему ордеромъ велѣно, дать праведный отвѣтъ о разбоѣ, бывшемъ 27 февраля; а для сего ему необходимо снять „сказку" съ нихъ, яко свидѣтелей того разбоя; сію сказку потоцкій сотникъ сегодня отправитъ въ миргородскую канцелярію, которая съ полученіемъ „сказки" разрѣшитъ имъ отпускъ. Запорожцы подумали, что и въ самомъ дѣлѣ это такъ будетъ, и успокоились. Допросъ былъ снятъ,—собственно показаніе далъ только Мусій Карый, какъ самый почтенный изъ нихъ и болѣе знакомый съ обстоятельствами разбоя [1]).

---

[1]) Вотъ текстъ этой сказки:

„1750 г. марта 16, я нижеподписавшійся козакъ Сѣчи запорожской ирклѣев-

Снявъ допросъ, Сандулъ сейчасъ метнулся въ Каменку, написалъ репортъ, въ коемъ изъяснилъ о поведеніи своего караула [1]), въ какомъ урочищѣ были заключены татары и запорожскіе козаки, и ходатайствуя о послѣднихъ, писалъ, что затруднительно задерживать ихъ долѣе, ибо у нихъ „товаръ таковый—рыба осятры", что при настоящей теплой погодѣ можетъ „прійтить въ порчу". Къ репорту Сандулъ присовокупилъ копію до-

скаго куреня Мусѣй Карый сказкою показалъ",—такъ начинается показаніе,—и показалъ Карый слѣдующее: „будучи в карантини посаженій в урочищѣ Ягодной долини з рыбою в восми возахъ, да незамаивского куреня Наумъ Носъ з солю з товариствомъ в пяти возахъ, прошлаго февраля 27 противъ 28 отъ вишеписаныхъ возов ночовали в селѣ Камянцѣ пять человѣка ихъ товариства, а при возахъ точію било 6, старихъ хлопцовъ 2; якого вечера отъ татарскихъ будокъ толмачъ, пришовши к возамъ запорожскимъ, сидѣлъ долгое время; отшедши к своей будки—точію поснули; и наехали к нимъ гайдамаки, напали на сонныхъ; и какъ вырвался з ихъ рукъ Магметъ в едной рубашки ввесь въ кривѣ, и другій за немъ нагий—закричалъ: „атаманъ и козаки ратуйте, харцизъ рѣжетъ!" имимо вози запорожскіе прибежали, за которими оніе гайдамаки слѣдомъ два человѣка бежало; и какъ отъ возовъ Мусій Карий окликавъ: хто таковъ? оніе гайдамаки сказали: цить, вражій сыну! и васъ вирѣжемъ! который, улякшись, впавши на землю, полѣзъ къ возамъ Наума Носа; и оттоль з зашляху не видѣли оніе, какъ Магметъ межи вози вбежавши в будку—тамо сонного хлопця напавъ, который хлопецъ сподъ его вилѣзши, побежали в двохъ въ село Камянку ведомости давать; и какъ забрали всѣ пожитки ихъ, пошли къ конѣмъ татарскимъ тѣ гайдамаки, гдѣ будучого сторожа въ коней татарина вдаривши списомъ в руку, то оной крикнулъ двѣчи татаринъ, которому гайдамаки говорили, что не будешь вже болѣе кричать, и питали его татарина: сколько коней? и онойи показалъ имъ вси семь; якіе забравши тѣ лошади и имущество ихъ, отехали отъ онихъ; и изъ тихже татарских лошадей една въ сѣдлѣ без уздечки вскорости прибежала; и какъ той гукъ перестalъ, поприходивши оніе татаре къ возамъ вязани, которыхъ Мусѣй Карий, порозвязовавши, сталъ питать: сколько гайдамакъ било и гдѣ вашъ старшій Магметъ? но оніе говорили, что харцизъ було з двадцять человѣкъ, а за Магмета не вѣдаемъ,—чи немае межи вашими возами? и в будки запорожской знайшедши, стали оніе татаре кликать къ себѣ, который еще живъ будучи сказалъ, что не пойду отсель, вкрійте мене здесь! и какъ вже атаманъ камянскій по извѣщенію вишеписаними хлопцями з козакомъ еднимъ къ табуру прибежалъ и питалъ: гдѣ Магметъ? кой сказалъ: въ будкѣ козацкой; и приехавши з Камянки Якимъ Мѣдикъ, полѣзши в будку, сталъ ворушить и повидѣвъ, что вже дубелъ, говорилъ: вже надежно Мегметъ неживъ! а отаманъ Якиму Мѣдику говорилъ: то, знать, онъ улякшись не озивается! и наклавши край возовъ огонь ввидѣли, что онъ неживъ сталъ; и видно на немъ било, что его списомъ вдарито в плечи; что в самую истину сознавши—на томъ и подписался, не умѣючи писания, крестомъ".

[1]) „Караульные—числомъ 5 человѣкъ—чинимаго разграбленія не слыхали и окликали гайдамакъ уже тогда, когда они бѣжали съ добычею мимо караульныхъ".

проса, взятаго съ козака Мусія Караго, а также и подлинные паспорты Наума Носа и Караго.

„Праведный отвѣтъ“ атамана Сандула, копію показанія Караго и упомянутые паспорты потоцкій сотникъ Юрій Сахатовъ того же дня, 16 марта, представилъ въ полковую миргородскую канцелярію; при чемъ онъ „нижайшій особливо покорнѣйше“ просилъ: „объявленнихъ козаковъ запорожскихъ 13 человѣкъ содержать ли подъ карауломъ ихъ самихъ такожъ и товары ихъ,—яко по представленію атамана Сандула имѣется в нихъ рыба осятри, которие отъ нинѣшнаго теплаго воздуха въ порчу приходятъ,—или какъ соизволено будетъ, въ резолюцію имею указу“—велерѣчиво заключилъ г. сотникъ. Но не удалось ему дождаться указа,—запорожцы не затруднились поступить съ собою, съ товарами и худобою по своему усмотрѣнію.

VIII.

Уже 16 марта значительно потеплѣло, подулъ „низовый“; 17-го полилъ сильный дождь, 18-го днемъ и ночью стоялъ такой туманъ, что на разстояніи трехъ шаговъ нельзя было видѣть человѣка; осетровъ совершенно „спаскудыло“; время миргородской ярмарки проходило,—терпѣнью запорожцевъ насталъ конецъ.

— Отъ тоби й те ждання!.. Отъ тоби й зпаскудыло товаръ не нащо!.. Щобъ имъ добра не було!.. Годи вже цему сидинню! И ярмарокъ вже пропавъ, мынувся!.. заорали они, глядя на погоду и на своихъ поблекшихъ осетровъ.

Теперь запорожцы отправились къ атаману Сандулу съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выканючить у него хотя свои паспорты. Явились чубатые запорожцы въ Каменку и приступили къ Сандулу.

— Докы вже це сидиння та ждання буде? Чого ще ждаты, чого жъ це усе сидиты?.. Сказку взявъ... товаръ пропавъ... ярмарокъ мынувсь!.. Зроблено усе, чого хотилось! Давай намъ заразъ пашпорты, тай годи!—орали запорожцы.

— Та чого бо мурдуватысь?... Бильше ждалъ! Ще трохы пидождить,—може й завтра резолюція прійде! А тымъ часомъ

котри зъ васъ поѣхалы бъ на той бикъ, тай знайшлы бъ тамечкы купцивъ на товаръ!.. А резолюцію, кажуть, тымъ часомъ будете мать,—отъ якъ невыдно вона прійде! Такіе совѣты преподносилъ Сандулъ своимъ плѣнникамъ и паспортовъ имъ все-таки не давалъ, такъ какъ ихъ у него и не было: они, какъ мы знаемъ, отправлены были въ Миргородъ.

— Якои резолюціи ждаты? На вищо іи у биса ждаты? Хиба мы харцызякы яки, чы що?.. Годи вже ждаты!.. Мынулось те ждання! Якыхъ у чорта купцивъ шукаты, тай на вищо? Хыба хто здыхлятыну куповатыме?..—горячились запорожцы.

— Подаруймо ёму, братци, осятривъ... на сниданокъ!.. Хай подавицця имы!..—возопилъ Михайло Заволока.

И братцы метнулись въ карантинъ. Они запрягли фуры; трое пошли за фурами, а остальные десять сѣли на лошадей и направились къ селу Каменкѣ.

Иванъ Сандулъ, замѣтивъ издали процессію, велѣлъ запереть „царину“ [1]) и поставилъ возлѣ нея стражу для недопущенія запорожцевъ въ село.

Когда запорожцы подъѣхали къ station царинѣ, то объявили караульнымъ, что они и село разнесутъ, если только караульные будутъ имъ сопротивляться. „Сторожа“ оставила свой постъ,— и запорожцы торжественно всѣ вмѣстѣ въѣхали въ Каменку. Медленно шествуя, прибыли они во дворъ каменскаго атамана Ивана Сандула и здѣсь оставили свои фуры и двадцать лошадей, а сами на остальныхъ „верхы майнулы“ во свояси—въ Сѣчь. Иванъ Сандулъ только руками разводилъ, глядя на всю процедуру въѣзда и выѣзда запорожцевъ. Того же числа, т. е. 19-го марта, атаманъ Сандулъ отрапортовалъ объ отъѣздѣ запорожцевъ потоцкому сотнику Сахатову, при чемъ испрашивалъ отъ

[1]) *Царина*—это ворота при главномъ въѣздѣ въ село; на ночь царина запиралась и возлѣ нея находился караулъ; да и днемъ при ней стоялъ сторожъ и спрашивалъ незнакомцевъ, кто они и зачѣмъ ѣдутъ. Царинъ въ селѣ было двѣ или три, смотря по количеству главныхъ въѣздовъ въ село. И теперь въ Малороссіи во многихъ селахъ есть царины; при нихъ лѣтомъ устраивается будка изъ хвороста или „очерета“; въ будкѣ находится старикъ-сторожъ, который для общественнаго амбара отбираетъ опредѣленное количество сноповъ отъ селянъ, везущихъ съ поля хлѣбъ.

него резолюціи: что дѣлать „съ тѣми товарами и лошадьми?“ Вмѣсто разрѣшенія на рапортъ Сахатовъ 22 марта послалъ о случившемся „нижайшее доношеніе“ въ полковую миргородскую канцелярію. „Сего марта 22“, писалъ Сахатовъ, „сотнѣ моей потоцкой камянской атаманъ Иванъ Сандулъ присланимъ въ сотенную потоцкую канцелярію доношеніемъ представилъ, что содержиміе тамо до резолюціи з полковой миргородской канцеляріи запорожскіе козаки, якие стояли купно въ карантинѣ з татарами, тогожъ 19 марта оные запорозци вси до единого ввезши насильно въ село Камянку вози свои з товари—бросили; коихъ возовъ имеется съ рибою осятрами 7 [1]), а из соллю 5, такожъ лошадей 20; а подъ себе взяли по едной лошади верхи и отъехали въ Запорожскую Сечь; хотя же атаманъ Сандулъ и многажды приказовалъ имъ запорожцамъ, чтоби съ нихъ 2 или 3 человѣкъ въ заднепрскіе места за его,—атамана, билетомъ отъехали для пріисканія купцовъ на имеющіе в нихъ товари,—токмо оние притомъ ему, атаману, обявили: *яко де не точію съ насъ 2 или 3, но хотя де и всемъ прикажи и на сию сторону Днепра со всеми возами ити, то де не желаемъ за тимъ, яко уже осятровъ много в порчъ сойшло, а другое—за миновеніемъ ярманку миргородского*; и требовалъ атаманъ Сандулъ темъ своимъ доношеніемъ резолюціи; того ради я нижайшій о предписанномъ полковой миргородской канцеляріи въ високое разсмотреніе представляю, и какъ о томъ будетъ соизволено—въ резолюцію ожидать мею указу“. Такимъ образомъ, Сахатовъ, не давъ атаману Сандулу резолюціи, сталъ дожидаться таковой изъ Миргорода. Это тѣмъ болѣе огорчило Сандула, что ему приходилось теперь няньчиться съ чужимъ добромъ: съ осетрами, солью и конями. Долго упорный атаманъ не разставался съ осетрами, пока они не обратились въ гниль, отъ которой несло на десятую улицу. Тогда Сандулъ собралъ громаду и церемоніально—при свидѣтеляхъ—выкинулъ осетровъ туда, откуда они были взяты—въ днѣпровскія воды.

[1]) Одинъ возъ осетровъ запорожцы распродали, бывши въ карантинѣ: сюда за осетрами пріѣжали изъ Кременчуга.

Такъ то пришлось распрощаться съ драгоцѣнною рыбою. Миргородцамъ не удалось покушать запорожскихъ осетровъ, кіевлянамъ же не довелось и понюхать ихъ, такъ какъ дождись запорожцы резолюціи, пришлось бы тащить ихъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ солью, по распоряженію миргородской полковой канцеляріи, которая постановила такое рѣшеніе: „имѣя сумнѣніе объ вышеозначенныхъ запорожцахъ, не изъ согласія-ль ихъ то нападеніе учинено,—отправить запорожцевъ *со всьми пожитками* для надлежащаго опредѣленія къ генералу-аншефу Леонтьеву, яко запорожскіе козаки въ главной командѣ его находятся". Полковая канцелярія уже изготовила Сахатову ордеръ, чтобы онъ препроводилъ запорожцевъ съ осетрами въ Кіевъ къ Леонтьеву, какъ вдругъ 26 марта получается отъ Сахатова новое донесеніе, что запорожцы, оставивъ свои товары и лошадей въ Каменкѣ, „самоизвольно" отъѣхали въ Сѣчь. Тогда миргородская полковая канцелярія потоцкому сотнику „резолюціи" никакой не дала, и переписку о разграбленіи татаръ въ Ягодной долинѣ перенесла въ другую сферу.

IX.

Въ концѣ марта, когда въ Каменкѣ не знали, что дѣлать съ запорожскими осетрами и, наконецъ, ввергли ихъ въ Днѣпръ, явился въ м. Потокъ кременчугскій комендантъ—кіевскаго гарнизона премьеръ-маіоръ—Нѣмцовъ, предъявившій потоцкому сотнику Сахатову указъ. Указъ этотъ полученъ былъ Нѣмцовымъ изъ кіевской генералъ-губернаторской канцеляріи и въ немъ значилось: „по полученному изъ миргородской полковой канцеляріи донесенію вѣдомо стало, что за Днѣпромъ сотни потоцкой въ карантинѣ ночнымъ временемъ противъ 28 февраля сего года нѣсколько человѣкъ гайдамакъ, напавъ на крымскихъ татаръ, одного татарина въ смерть закололи, а двоихъ ранили и все имѣющееся у нихъ имущество забрали; и ему, Нѣмцову, велѣно тѣмъ указомъ самоточнѣйше произвести о томъ слѣдствіе на мѣстѣ".

Нѣмцовъ и Сахатовъ, кое какъ переправившись черезъ Днѣпръ, прибыли въ Каменку. Здѣсь, во дворѣ атамана Сандула Нѣмцовъ осмотрѣлъ пустые возы, на коихъ были нѣкогда осетры, поглядѣлъ на запорожскихъ коней и отправился къ мѣсту печальнаго событія—въ опустѣвшій карантинъ при Ягодной долинѣ. Нѣмцову показали мѣста, гдѣ находились тогда татарскія будки, гдѣ стояли запорожскіе возы, гдѣ паслись кони, показали ему и урочище, гдѣ былъ караулъ въ ночь на 28 февраля; посѣтилъ онъ хуторъ Зѣнцовъ; проѣхался по сѣчевому шляху. Завывалъ вѣтеръ въ степи, шумѣли вербы въ яру—нѣмые свидѣтели бывшаго разбоя; живыхъ свидѣтелей—запорожцевъ не было; о гайдамакахъ, совершившихъ грабежъ и убійство, и слухъ пропалъ,—они какъ въ воду канули. Повертѣлся—повертѣлся премьеръ-маіоръ въ Ягодной долинѣ, поразспросилъ караульныхъ, такъ искусно сторожившихъ 27 фев. татаръ и запорожцевъ, поговорилъ съ Сандуломъ, затребовалъ изъ потоцкой канцеляріи копію показанія Караго, получилъ отсюда же „праведный отвѣтъ“ Сандула „о содержаніи оныхъ татаръ въ карантинѣ“ и „инструкцію, какова атаману Ивану Сандулу о имѣніи отъ опасной болѣзни предосторожности съ полковой миргородской канцеляріи дана“,—и затѣмъ отправился въ Кременчугъ.

О результатѣ своей поѣздки въ Ягодную долину Нѣмцовъ немедленно отрапортовалъ кіевскому генералъ-губернатору,—сообщивъ ему не болѣе того, что писали прежде него въ миргородскую канцелярію Сандулъ и Сахатовъ.

Въ генералъ-губернаторской канцеляріи втеченіе апрѣля ничего не предпринимали по дѣлу о разграбленіи татаръ въ Ягодной долинѣ,—отложивъ его до поры—до времени. За то по этому предмету работали въ канцеляріяхъ полковой миргородской и генеральной войсковой.

Полковая миргородская канцелярія, получивъ донесеніе потоцкаго сотника объ отъѣздѣ Караго и Носа съ товариствомъ въ Сѣчь, припрятала ордеръ, касательно отправки упомянутыхъ запорожцевъ къ Леонтьеву, и 31 марта послала доношеніе въ генеральную войсковую канцелярію, въ которомъ, объяснивъ пер-

воначальный ходъ дѣла, писала: „имѣя сумнѣніе о сихъ запорожцахъ, не изъ согласія ль ихъ то нападеніе учинено, хотя миргородская полковая канцелярія опредѣлила была отправить запорожцевъ со всѣми пожитками для надлежащаго опредѣленія къ генералу-аншефу Леонтьеву; однакъ сего жъ марта 26 сотникъ Сахатовъ присланымъ въ полковую миргородскую канцелярію доношеніемъ—по доношенію къ нему атамана камянскаго Ивана Сандула—представилъ, что тѣ запорожскіе козаки, сего жъ 19 марта вси до единаго, возы свои съ товары, ввезши насильно въ село Камянку, такожъ и лошадей 20, бросили и отъѣхали въ запорожскую Сѣчь; того ради съ прописанныхъ его, сотника, доношеній, такожъ изъ допросу козака запорожскаго Карого и изъ данныхъ имъ—запорожцамъ—изъ Сѣчи пашпортовъ копіи при семъ для разсмотрѣнія представляя, объ ономъ полковая миргородская канцелярія въ генеральную войсковую канцелярію покорно доноситъ".

Донесеніе это было получено въ Глуховѣ 9 апрѣля. Но еще до этого генеральная канцелярія вознамѣрилась докопаться свѣдѣній о разбоѣ, совершенномъ гайдамаками въ Ягодной долинѣ. Въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію послана была промеморія, въ которой требовалось доставить тѣ самыя свѣдѣнія, какихъ прежде добивалась миргородская канцелярія отъ потоцкаго сотника, и сверхъ того данъ былъ указъ миргородской канцеляріи, коимъ велѣно: „ежели востребовано-бъ было для слѣдствія о томъ кого изъ малороссійскихъ старшинъ, такожъ команды для сыску тѣхъ гайдамакъ, все то скоро за полученіемъ изъ кіевской генерал-губернаторской канцеляріи указа исполнять въ самой скорости; а до полученія того *стараться сыскивать тѣхъ гайдамакъ всемѣрными образы*".

Получивъ сей указъ, миргородская полковая канцелярія вторично сообщаетъ генеральной канцеляріи данныя о разграбленіи татаръ въ Ягодной долинѣ, и только теперь—въ апрѣлѣ—озабочивается „объ искорененіи и поимкѣ тѣхъ гайдамакъ, кои татаръ разбили". Для этой цѣли она снарядила команду изъ 400 козаковъ, начальниками которой назначила сотниковъ—городисскаго Кодинца и крыловскаго Рудя. Командирамъ—Кодин-

цу и Рудю—дана была надлежащая инструкція: „велено имъ, Кодинцю и Рудю, съ тою командою слѣдовать въ степніе мѣста и тѣхъ шатаючихся по степу гайдамакъ стараться всякими удобовозможными образы ловить, и въ случае безсилія для вспомоществованія давать знать состоящимъ въ заднѣпровскихъ мѣстахъ лантмилицкой и по фарпостамъ резервной командамъ; и ежели тѣ воры могли быть гдѣ пойманни, забивъ в ручніе и ножніе колодки, не отдавая ихъ никому, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать въ полковую миргородскую канцелярію для надлежащаго объ нихъ по указамъ разсмотренія и опредѣленія; а честнимъ запорожскимъ козакамъ и по зѣмовникамъ жителствующимъ, кои къ воровствамъ и разбоямъ не косни, обидъ и разореній не чинить; и за границу, въ польскую и турецкую области, имъ сотникамъ и командѣ ни подъ какимъ видомъ не ѣздить и заграничнымъ людямъ обидъ никакихъ не оказывать—подъ жесточайшимъ по силѣ указовъ штрафомъ".

Объ этомъ своемъ распоряженіи миргородская полковая канцелярія не преминула покорно рапортовать, куда надлежитъ.

Такимъ образомъ, только съ половины апрѣля миргородскіе козаки начали гоняться по степямъ за гайдамаками. На нихъ собиралась гроза и съ другой стороны—со стороны Крыма, откуда крымскій ханъ усиленно требовалъ удовлетворенія за убійство и грабежъ, содѣянные 27 февраля въ Ягодной долинѣ.

X.

Татары, оплакавъ и похоронивъ Магмета Агу въ Ягодной долинѣ, отправились во свояси—въ Крымъ. Они ѣхали сюда добрыхъ 10 дней. Добравшись кое какъ домой при неблагопріятной погодѣ, они поспѣшили въ Бахчисарай и обратились съ жалобой къ хану. Они разсказали, какъ въ карантинѣ ночью напали на нихъ харцизы, Магмета Агу на смерть убили, двоихъ ранили, всѣ товары ихъ, деньги и коней забрали. При этомъ татары обвиняли атамана Сандула, караульныхъ и запорожцевъ—Мусія Караго съ товариствомъ; по ихъ словамъ, Сан-

дулъ умыслилъ ихъ обобрать и съ этою цѣлію задержалъ въ карантинѣ, а запорожскіе козаки, бывшіе въ томъ же карантинѣ, и стоявшіе на караулѣ люди были сообщниками харцизовъ.

Крымскій ханъ, Арсланъ Гирей, вполнѣ повѣрилъ жалобамъ своихъ подданныхъ и немедленно послалъ письмо генералъ-губернатору кіевской губерніи Михаилу Ив. Леонтьеву. Письмо было написано на татарскомъ языкѣ, а переведено на русскій уже въ канцеляріи Леонтьева.

„Въ месійской націи, пишетъ ханъ, между знатными избранный и въ Ісуса вѣрующемъ народѣ между великими господами славный, нынѣ кіевскій генералъ, истинный и высокопочтеннѣйшій пріятель нашъ, Михайла Івановичъ Леонтьевъ, жизнь вашу да окончаетъ Богъ благостію; отдавъ вашему превосходительству пристойно дружеское поздравленіе, чрезъ сіе пріятельски увѣдомляется".

„Перекопскаго гварнизона Мухамедъ-джанъ-Ага съ шестью человѣками товарищей ѣдучи въ россійскую имперію съ купеческимъ промысломъ къ Кременчуку, и какъ доѣхавъ до урочища Эменлыкъ, называемого Каменкой, командиръ Сандулъ злымъ своимъ вымысломъ подъ протестомъ 35 дней безъ выдержанія карантины пропустить не хотѣлъ; и какъ стояли они въ томъ карантинѣ, сего мѣсяца ребуль ахыра па третей недѣли въ среду, ночною порою 20 человѣкъ вооруженныхъ козаковъ на сонныхъ напавъ, помянутаго Агу до смерти убили да одного ранили, протчихъ же 5 человѣкъ товарищей ево перевязали, и притомъ пограбили 35 мешковъ крымскихъ денегъ (десять тысячъ пять сотъ рублей), шесть лошадей, три ружья, одну пару пистолетъ, три сандака, четыре сабли, сѣдло, такожъ все платье и вещи, что у нихъ имелося, пограбя, увезли; а по отъѣздѣ тѣхъ разбойниковъ, въ томъ же мѣстѣ состоящіе при карантинѣ архулупскаго куреня восемь человѣкъ запорожскихъ козаковъ да менскаго куреня пять, пришедъ, вышеозначенныхъ нашихъ людей, развязавъ руки, отпустили; сіи козаки, хотя будто не вѣдаючи о семъ дѣлѣ пришли, но въ самомъ дѣлѣ, какъ видно, сообщася съ тѣми козаками, которые пожитки увезли, внуше-

ніемъ вышеупомянутого ихъ командира они разбивали; такожъ и на караулѣ стоящіе люди всѣ были притомъ сообщники; и тако будучи имъ такимъ тиранствомъ ограбленнымъ пришедъ къ намъ, обо всемъ обявили. Чего ради, убитаго Аги брата ево Каплана да пограбленнымъ вещамъ хозяевъ—Ахмеда, Мустафу и Хусеина—о взысканіи того человѣка кровавой цѣны[1]) и о требованіи пограбленныхъ имѣній и вещей къ вамъ отправили; во охраненіе между обоими имперіями заключеннаго трактата кондицеи, такожъ и во знакъ содержащейся между нами дружбы и пріятнаго сосѣдства, уповаемъ, что опредѣля къ нимъ нарочныхъ своихъ людей, отъ упомянутого ли командира или отъ казаковъ или отъ караульныхъ людей цѣну крови убитого человѣка и толикое число мѣшковъ денегъ и прочія именіи и пожитки взыскавъ, и все сполна имъ (татарамъ) отдать и по удоволствованію ихъ паки сохранно къ намъ возвратить стараніе приложить свое не оставите".

„Якоже мы козакамъ вашимъ по единому точію слѣду, когда скажутъ—въ такомъ-то мѣстѣ было и въ такое-то урочище слѣдъ палъ, во охраненіе вѣчнаго мира и добраго сосѣдства, хотябъ сіе въ самомъ дѣйствіи было или не было, завсегда всячину возвращаемъ; а сіе дѣло весьма явно и видно, что какъ вышеозначенный командиръ, такъ и состоящіе при карантинѣ караульные люди, такожъ и казаки всѣ во общемъ согласіи были и такое тиранство учинили согласно; и по толикому числу именія и вещамъ, такожъ и крови человѣческой, по силѣ вѣчного трактата кондицеи и доброй дружбы, всуе пропасть весьма неприлично; такожъ и впредь о нечиненіи такихъ продерзостей заказать, и все, что благое во утвержденіе и непоколебимости постановленного между обоими сторонами вѣчного мирнаго трактата касаться имѣетъ, обо всемъ къ лутчему рачителное свое стараніе прилагать не оставите, чѣмъ мы довольны пребудемъ".

Письмо это, посланное 25 марта, было получено въ Кіевѣ 7-го мая; его везли четыре татарина—хозяева пограбленныхъ

[1]) Примѣчаніе переводчика: „сіе на ихъ языкѣ еще значитъ кровь за кровь".

вещей: Капланъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусеинъ. Сѣчевымъ шляхомъ—на Кременчугъ—они не рискнули ѣхать, а отправились въ Кіевъ окольнымъ путемъ: на Очаковъ, Бендеры и „чрезъ польскія мѣста". У васильковскаго форпоста татаръ задержали и посадили въ карантинъ, ханское же письмо съ разными предосторожностями было отправлено къ Леонтьеву.

Въ Васильковѣ Капланъ Ага и его товарищи должны были дожидаться распоряженій отъ Леонтьева, не замедлившаго 8-го мая послать указъ премьеръ-маіору Нѣмцову, съ предписаніемъ: „присланнымъ отъ хана татарамъ ѣхать изъ васильковского карантинного дому польскою стороною до кременчуцкаго форпоста; и пока опредѣленіе отъ генеральной войсковой канцеляріи къ нему, Нѣмцову, прибудетъ, велѣть тѣмъ татарамъ за кременчуцкимъ форпостомъ, на польской сторонѣ, быть въ карантинѣ"; при чемъ Леонтьевъ предупреждалъ Нѣмцова, дабы онъ обошелся съ татарами повѣжливѣе и помягче: „и о томъ (о сидѣньи въ карантинѣ) съ учтивостію имъ объявить"—сказано въ указѣ; „а когда отъ генеральной войсковой канцеляріи къ нему, примьеръ-маіору, опредѣленіе прибудетъ, то съ тѣми татарами, ежели они явятся во всемъ здорови, сообщеніе имѣть и оное слѣдствіе производить тамо, гдѣ запристойно будетъ; кто же изъ запорожскихъ козаковъ къ тому слѣдствію потребны будутъ, о томъ въ кіевскую генерал-губернаторскую канцелярію репортовать, а подлежащихъ къ оному слѣдствію миргородскаго полку разныхъ чиновъ людей требовать отъ полковой канцеляріи или отъ полковника миргородскаго полка Капниста".

Къ указу была приложена и точная копія съ ханскаго письма.

Капланъ Ага и его товарищи *снабдены были* паспортомъ, съ коимъ надлежало имъ ѣхать „отъ васильковского карантинного дому польскою стороною до кременчуцкого форпосту".

Того же 8-го мая изъ кіевской генералъ-губернаторской канцеляріи послана была промеморія въ генеральную войсковую канцелярію. Въ промеморіи изъяснялось, что премьеръ-маіоромъ Нѣмцовымъ произведено было слѣдствіе о разграбленіи татаръ гайдамаками въ Ягодной долинѣ, и оное слѣдствіе было безъ

тѣхъ татаръ; сего же мая 7-го „ханъ крымской писалъ ему, Леонтьеву, принося кромѣ смертного убійства великую претензію съ требованіемъ удоволствія, и для того прислалъ съ тѣмъ письмомъ 4-хъ человѣкъ татаръ, хозяевъ, кои въ карантинѣ были ограблены гайдамаками; по сему надлежитъ быть при тѣхъ татарахъ вновь слѣдствію, и при томъ слѣдствіи опредѣлено быть Нѣмцову; того ради, кіевская генерал-губернаторская канцелярія требуетъ, дабы генеральная войсковая канцелярія соблаговолила опредѣлить кого надлежитъ и отправить того на кременчуцкій форпостъ къ примьеръ-маіору Нѣмцову немедленно, ибо оное слѣдствіе надлежитъ вскорости произвести, дабы татаръ не задержать и на ханское письмо отвѣтствовать и въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ репортовать; и что учинено будетъ, кіевскую генерал-губернаторскую канцелярію увѣдомить". Въ этой промеморіи изложены были и тѣ свѣдѣнія, о которыхъ запрашивала генеральная войсковая канцелярія еще въ началѣ апрѣля.

Такъ распорядился М. И. Леонтьевъ по поводу ханскаго письма. „Скоро сказка кажется, да не скоро дѣло дѣлается",— такъ было и съ этимъ слѣдствіемъ: оно не такъ то скоро совершилось, какъ того хотѣлъ кіевскій генералъ-губернаторъ; татарамъ пришлось долго промаяться на Руси.

XI.

Капланъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусеинъ, снабженные паспортомъ, направили стопы свои на югъ. 12-го мая добрались они польскою стороною до Крюкова. Здѣсь, у крюковской заставы, встрѣтилъ ихъ премьеръ-маіоръ Нѣмцовъ; „съ учтивостію" объявилъ имъ, что они должны находиться въ крыловскомъ карантинѣ, ибо прибыли изъ Крыма—мѣстности, зараженной „опасною болѣзнію"; и какъ только изъ генеральной войсковой канцеляріи прибудетъ лицо, назначенное для слѣдствія, то оное слѣдствіе тотчасъ и начнется.

Отправились татары въ Крыловъ и снова, въ ожиданіи слѣдствія, потянулась ихъ жизнь въ скучномъ карантинѣ. А

тѣмъ временемъ въ генеральной и полковой миргородской канцеляріяхъ дѣйствовали. Изъ первой по полученіи отъ Леонтьева промеморіи, немедленно посланъ былъ указъ во вторую, которымъ предписывалось полковому обозному миргородскому Ѳедору Москову, обще съ премьеръ-маіоромъ Нѣмцовымъ, произвесть слѣдствіе объ учиненіи нападенія на семь человѣкъ крымскихъ татаръ, заключенныхъ въ карантинѣ близь села Каменки въ урочищѣ Ягодной долинѣ 27 февр. сего года въ ночное время; при присутствіи присылаемыхъ отъ хана татаръ въ самую сущую правду изслѣдовать, и что по изслѣдованію явится—отрапортовать въ генеральную войсковую и миргородскую полковую канцеляріи. Поэтому миргородская полковая канцелярія отъ себя вручила этотъ указъ Ѳедору Москову, который немедленно то отъѣхалъ въ Кременчугъ къ Нѣмцову, гдѣ ими прежде всего былъ поставленъ вопросъ: въ какомъ мѣстѣ производить слѣдствіе? Такъ какъ выборъ его былъ предоставленъ имъ самимъ, то они избрали его въ селѣ Крюковѣ[1]), какъ наиболѣе удобномъ для нихъ, потому что въ свободные часы имъ хотѣлось проживать въ безопасномъ форпостѣ Кременчугѣ.

Порѣшивъ съ мѣстомъ, слѣдователи навели справки о благосостояніи татаръ, пребывавшихъ въ крыловскомъ карантинѣ. Хотя тѣ татары оказались и благополучны, все же срокъ двойнаго карантина для нихъ не окончился, и слѣдователи побоялись возымѣть теперь съ ними сообщеніе,—а донесли кіевскому генералъ-губернатору, что выбрали для производства слѣдствія село Крюковъ, Капланъ Ага и его товарищи благополучны, но какъ срокъ „двойной карантины“ имъ еще не истекъ, то возможно ли съ ними здѣсь, въ Крюковѣ, имѣть сообщеніе? Пославъ запросъ Леонтьеву, Нѣмцовъ и Московъ стали выжидать отвѣта—это была первая задержка татарамъ: наступилъ іюнь, а слѣдствіе не начиналось.

Мая 31 Московъ отрапортовалъ то же самое и въ генеральную войсковую канцелярію, послѣ чего уѣхалъ домой, гдѣ и пребывалъ до полученія отвѣта изъ Кіева. Отвѣтъ былъ данъ

[1]) Село Крюковъ, нынѣ посадъ, находится на правомъ берегу Днѣпра въ верстѣ отъ Кременчуга.

Нѣмцову 10-го іюня, а 11-го іюня Московъ получилъ отъ Нѣмцова письмо: „на посланное нами въ кіевскую г.-губ. канцелярію представленіе указомъ повелѣно тое слѣдствіе отъ р. Днѣпра разстояніемъ въ верстѣ, въ селѣ Крюковѣ производить и татаръ съ карантина выпустить; только во всю слѣдствія бытность намъ, слѣдователямъ, и будучимъ при насъ отнюдь исъ того села Крюкова въ Кременчукъ не ѣздить и никакова ни съ кимъ въ Кременчукѣ сообщенія не имѣть, подъ опасеніемъ за небреженіе смертной казни; да и по окончаніи того слѣдствія—намъ и будучимъ при насъ въ Кременчукъ не ѣздить же, но держать при томъ кременчуцкомъ форпостѣ указную двойную карантину непремѣнно".

Такое распоряженіе Леонтьева шло въ разрѣзъ съ намѣреніемъ слѣдователей—проживать во время слѣдствія въ Кременчугѣ.

Получивъ письмо, смущенный Московъ прибылъ въ Кременчугъ. Здѣсь онъ объявилъ Нѣмцову, что „самоизвольно—безъ вѣдома генеральной войсковой канцеляріи—ѣхать въ карантинъ онъ не смѣетъ"; и жить то тамъ, въ крюковскомъ карантинѣ, опасно: гайдамаки наскочатъ и предадутъ его смерти. Нѣмцову тоже не нравилась крюковская тюрьма,—ужъ если и держать карантинъ, такъ въ другомъ какомъ либо болѣе безопасномъ мѣстѣ. Недолго думая, Московъ и Нѣмцовъ согласились какъ нибудь затормозить указъ отъ 10 іюня, а татары все еще сидѣли въ крыловскомъ карантинѣ и ждали у моря погоды.

Господа слѣдователи затормозили указъ такъ: Нѣмцовъ отписалъ Леонтьеву, что полковый обозный Московъ самоизвольно, безъ вѣдома генеральной войсковой канцеляріи, заключаться въ карантинѣ не смѣетъ, и опредѣленія о томъ требуетъ отъ своего начальства; а Московъ 18-го іюня послалъ нижайшее доношеніе въ генеральную войсковую канцелярію. Въ доношеніи онъ „нижайшій" выписалъ указъ Леонтьева отъ 10 іюня „о двойной указной карантинѣ", затѣмъ изъяснялся и печаловался въ такихъ выраженіяхъ: „по письму примьеръ-маіора Нѣмцова я въ мѣстечко Кременчукъ въ другой разъ прибылъ, только за силу означеннаго указа самоизвольно, безъ вѣдома генеральной

войсковой канцеляріи, ѣхать въ карантинъ не смѣю; ибо по прежнему указу, упомянутому въ репортѣ моемъ 31 мая, надлежитъ только тѣхъ татаръ освидѣтельствовать, и ежели здорови явлются, то начать слѣдствіе тамо, гдѣ заспособно по нашему усмотрѣнію будетъ; оные же татары здѣсь въ крыловскомъ карантинѣ обрѣтаются благополучно; такожъ по благости божіей въ россійской границѣ отъ опасной болезни по подлиннымъ извѣстіямъ вездѣ состоитъ благополучно; а сверхъ всего, яко великое число гайдамакъ шатаются и нападенія дѣлаютъ, между коими уповаю могутъ быть дѣйствительно такови, которіе, подъ судомъ полковой миргородской канцеляріи обрѣтаясь, были приговорены къ смертной казни и бѣжали; чтобъ сіи умышлено нападенія не учинили и надо мною не помстились и не причинили бъ преждевременно смерти, и по всѣмъ вишеписанимъ праведнымъ обстоятельствамъ—живучи мнѣ зъ маёромъ Нѣмцовымъ долговременно въ карантинѣ и не имѣя нѣ съ кимъ сообщенія, слѣдствіе производить и туда ехать я опасенъ; того рады, войсковой генеральной канцеляріи покорнѣйше прошу зъ оной енералной канцеляріи повелеть указомъ производить следствіе на основаніи вищеписанного прежнего къ Нѣмцову отъ генералгубернаторской канцеляріи указа, или особливою снабдить мене инструкціею; въ дополненіе жъ о присылки для осмотру должно ли подлежатиметь лѣкара—предложить; и о томъ всемъ милостивое разсмотреніе и опредѣленіе учинить; о чемъ я зъ нижайщею моею покорностію ожидать буду въ резолюцію повелителного указу".

Въ этомъ доношеніи Московъ не безъ основанія указывалъ на ту опасность, какая предвидѣлась для него въ Крюковѣ: въ окрестностяхъ Крюкова и Крылова гайдамаки изрядно пошаливали,—„обдирали ватажанъ, слѣдующихъ въ Крымъ, въ Сѣчь и обратно;" недавно изъ крыловской тюрьмы бѣжало нѣсколько гайдамакъ, надъ которыми Московъ производилъ слѣдствіе [1]).

Дѣло татаръ все болѣе и болѣе запутывалось въ канцелярскомъ колесѣ! Прошелъ май, три недѣли іюня, а дѣло не дви-

---

[1]) Архивъ ю.-з. Р., т. 3-й, ч. III 1876 г., CCXC, стр. 606, п. 2.

галось и только 23 іюня Θедоръ Московъ получилъ указъ изъ войсковой генеральной канцеляріи, въ коемъ писалось, чтобы во всей точности соблюдать „двойную указную карантину", предписанную генерал-губернаторомъ Леонтьевымъ; а оное слѣдствіе производить не въ селѣ Крюковѣ, но „отдалѣ отъ оного"—на островѣ днѣпровскомъ, „тамо учинить и держать строжайшій карантинъ". Впрочемъ, слѣдователямъ дозволялось пріѣзжать въ Кременчугъ во время слѣдствія, но лишь въ томъ случаѣ, если они не будутъ имѣть соприкосновенія съ татарами и тѣми людьми, которые будутъ сторожить тѣхъ.

XII.

Получивъ указъ изъ генеральной войсковой канцеляріи, слѣдователи—Нѣмцовъ и Московъ—сдѣлали предварительныя распоряженія: во всѣ концы послали солдатъ и козаковъ, чтобы они сыскивали людей, что либо знающихъ о гайдамакахъ, ограбившихъ татаръ въ Ягодной долинѣ 27 февраля; Каплана Агу и его товарищей велѣли препроводить къ мѣсту слѣдствія, на днѣпровскій островъ въ пяти верстахъ отъ Кременчуга; сюда же потребовали каменскаго атамана Ивана Сандула и караульныхъ, бывшихъ на стражѣ въ ночь, столь роковую для Магмета Аги; сами же Нѣмцовъ и Московъ 24 іюня выѣхали на островъ и 25 іюня начали слѣдствіе.

Въ самомъ началѣ слѣдственной работы выплылъ наружу нѣкій поручикъ Иванъ Бурѣевъ, по всей вѣроятности или начальникъ крыловскаго карантина, или завѣдывающій здѣсь караулами—помощникъ начальника; обезпокоили поручика татары. Капланъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусеинъ, допрошенные первыми, разсказали: бывши въ крыловскомъ карантинѣ, они—татары—пограбленную у нихъ гайдамаками лошадь опознали въ Крыловѣ у одного малороссійскаго человѣка; онаго человѣка съ тою лошадью приводили они къ поручику Ивану Бурѣеву „въ квартеру"; поручикъ опознанную лошадь велѣлъ отдать имъ, татарамъ. а того человѣка отпустилъ; куда и почему этотъ человѣкъ отпущенъ, они не знаютъ; ту лошадь свидѣтельствовалъ камен-

скій атаманъ Сандулъ и призналъ, что она ихняя—татарская. Выступилъ на сцену Сандулъ. При словесномъ допросѣ 25-го іюня онъ „добровольно" показалъ, что „въ реченнаго порутчика въ квартирѣ для развѣдованія объ опознанной татарами лошади былъ и про означенную лошадь—у кого она опознана—спрашивалъ, точію на оное ему, атаману, онъ, порутчикъ, объявилъ, что ту лошадь опознанную отдали татарамъ, а того человѣка, у котораго они, татаре, опознали, *чертъ ево знаетъ*; съ чѣмъ онъ, атаманъ, отъ него и возвратился обратно.

Тоже самое сказали слѣдователямъ и нѣкоторые изъ крыловскихъ обывателей: видѣли, молъ, малороссійскаго человѣка съ опознанною лошадью, а кто онъ—неизвѣстно, куда онъ дѣвался—Богъ его вѣсть. Словомъ, интересный „малороссійскій человѣкъ", обладавшій татарскою лошадью, для слѣдственной коммиссіи исчезъ безслѣдно. Тогда коммиссія послала поручику Ивану Бурѣеву предложеніе, дабы онъ „для отвѣту" прислалъ малороссійскаго человѣка, у котораго татары опознали заграбленную у нихъ гайдамаками лошадь, также и самъ онъ, поручикъ, прибылъ бы въ слѣдственную о татарахъ коммиссію для отвѣтовъ. Но поручикъ Бурѣевъ слѣдователей не послушался: и самъ не явился къ слѣдователямъ, и человѣка того къ нимъ не прислалъ. Пошла возня съ упорнымъ поручикомъ: вторично предложили ему прибыть въ слѣдственную о татарахъ коммиссію; поручикъ, не обратилъ вниманія и на это предложеніе; въ третій разъ послали Бурѣеву предложеніе о томъ же, Бурѣевъ не прибылъ къ слѣдователямъ, а былъ настолько благосклоненъ, что „отвѣтомъ объявилъ" имъ, что онъ, поручикъ Иванъ Бурѣевъ, являться не намѣренъ, „во 1-хъ потому, что въ предложеніяхъ изъ коммиссіи не изображено, для какого отвѣта его требуютъ; во 2-хъ, подъ оною коммиссіею онъ не состоитъ и подчиняться ей не обязанъ; а касательно присылки того человѣка, у котораго татары опознали свою лошадь, то онъ того человѣка не знаетъ, въ присланныхъ же къ нему и коммиссіи ордерахъ не обявлено, кто онъ именно, и затѣмъ вскорости сискать ево невозможно." Нѣмцовъ и Московъ симъ отвѣтомъ не удовлетворились и рѣшились прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: послали за

онымъ поручикомъ „унтеръ-афицера Анисима Сахарова съ пристойнымъ числомъ салдатъ и козаковъ", при чемъ дали ему инструкцію, какъ вести себя предъ поручикомъ Бурѣевымъ и какъ его требовать въ слѣдственную о татарахъ коммиссію.

Унтеръ-офицеръ Сахаровъ съ вооруженной силой явился къ Бурѣеву въ квартиру и вручилъ ему ордеръ. Въ ордерѣ Нѣмцовъ и Московъ писали, чтобы Бурѣевъ немедленно явился къ нимъ „для отвѣту." Повелительный тонъ ордера, назойливость, съ какою уже четвертый разъ его безпокоятъ, присылка вооруженной команды,—все это взбѣсило надменнаго поручика; а тутъ еще Сахаровъ словесно „съ почтеніемъ" изъясняетъ, зачѣмъ онъ явился.

— Безъ указу генералъ-губернатора кіевскаго не хочу ѣхать, да и впредь не поѣду, не поѣду! закричалъ взволнованный Бурѣевъ.

Не взирая на это, унтеръ-офицеръ Сахаровъ имѣлъ смѣлость приступить поближе къ поручику съ требованіемъ ѣхать.

— Оселъ.... болванъ!... Какъ?!... Вонъ!.. Прочь!... Заревѣлъ поручикъ и выгналъ оторопѣвшаго унтеръ-офицера съ его командой, при чемъ намѣревался бить его.

Выгнанный Бурѣевымъ Сахаровъ поспѣшно явился къ слѣдователямъ и „сказкою показалъ", что „онъ, поручикъ, безъ указу кіевскаго генералъ-губернатора ѣхать въ слѣдственную о татарахъ коммиссію не хочетъ; хотя же онъ, салдатъ, къ тому отвѣту о прибытіи съ нимъ, салдатомъ, какъ ему, салдату, приказано было, ево, порутчика, неотступно требовалъ, точію онъ на оное обявилъ, что *я тебя бить буду*". Разумѣется, слѣдователямъ теперь нечего было соваться къ Бурѣеву со своими предложеніями; нужно было писать Леонтьеву, что они и сдѣлали [1]).

---

[1]) Они писали: „Порутчику Ивану Бурѣеву четверократно предлагаемо было, яко онъ же порутчикъ Бурѣевъ, какъ уже по татарской сказкѣ явствуя, что онъ винностію не мало состоитъ,—потому что, опознавши татары свою лошадь, малороссійского человѣка съ тою лошадью приводили къ нему, порутчику, въ квартеру; а куда онъ ево отпусилъ и для чего—неизвестно: к томуже онъ, поручикъ, по командѣ о томъ до г. маёра Нѣмцова не репортовалъ; почему реченный порутчикъ Бурѣевъ неотмѣнно къ слѣдствію подлежитъ; зачѣмъ нынѣ о томъ слѣдствіи и остановка учинина; и того ради, мы—примьеръ-маёръ Василій Нѣмцовъ и полковый обозный

Отправивъ бумагу въ Кіевъ, 27 іюня, Московъ и Нѣмцовъ въ тотъ же день уѣхали въ Кременчугъ. О пріостановкѣ начатаго слѣдствія и о своемъ отъѣздѣ въ Кременчугъ Московъ счелъ долгомъ увѣдомить генеральную войсковую канцелярію [1].

Опять татарамъ не повезло; ничего особеннаго слѣдователи еще не добыли, а уже принуждены были пріостановить слѣдствіе. Во время остановки слѣдствія получались однѣ и тѣ же вѣсти: разсыльные, козаки и солдаты, возвращаясь изъ разныхъ концовъ, докладывали, что никто нигдѣ не видѣлъ гайдамаковъ съ татарскимъ добромъ; Рудь и Кодинецъ тоже не имѣли успѣха въ погонѣ за этими степными коршунами.

Такъ дѣла обстояли до 8-го іюля, когда получена была повелительная резолюція отъ кіевскаго генералъ-губернатора: поручику Ивану Бурѣеву приказано немедленно явиться въ слѣдственную о татарахъ коммиссію, а слѣдователямъ Нѣмцову и Москову —подтверждалось, дабы они „надобныхъ разныхъ чиновъ людей требовали всемѣрными образами“,—посылали бы къ нимъ умноженныя команды и брали ихъ насильно, ежели добровольно они „не явятся“ въ слѣдственную о татарахъ коммиссію.

Но слѣдственной коммиссіи не пришлось прибѣгать къ такимъ дѣйствамъ, ибо и теперь и потомъ некого было требовать, кромѣ Бурѣева, да и тотъ явился въ коммиссію самъ.

Сверхъ того, что Бурѣевъ писалъ въ отвѣтѣ своемъ, теперь онъ выяснилъ немногое,—онъ лишь разсказалъ слѣдователямъ, какъ и почему скрылся неизвѣстный малороссійскій человѣкъ. Были уже сумерки, когда татары привели къ нему во дворъ человѣка съ лошадью; вслѣдъ за татарами прибѣжало нѣсколько

Ѳедоръ Московъ—въ кіевскую генерал-губорнаторскую канцелярію представляемъ съ прошеніемъ о прибытіи ему, порутчику, въ реченную комисію для отвѣту и о послушаніи во всемъ; такожъ и которые потребны и въ допросахъ запираться будутъ, какъ повелѣно будетъ съ ними поступать, повелителной резолюціи просимъ“.

[1]) „Я, обще зъ примьеръ-маёромъ Нѣмцовымъ, какъ съ татарами такъ зъ салдатами и казаками, такожъ и крюковскими обивателями сообщенія не имѣли никакого, но поступали съ ними, какъ укази повелѣваютъ,—и для того до воспоследованія резолюціи о поручикѣ Бурѣевѣ, кой въ комисію не хочетъ явиться, отъѣхалъ въ Кременчукъ; а когда резолюцію получу и въ слѣдствіе вступлю, въ генеральную войсковую канцелярію репортовать буду.“

обывателей м. Крылова; образовалась во дворѣ толпа; татары съ азартомъ орали во всю мочь, толкали того человѣка и что то показывали знаками; онъ, Бурѣевъ, сколько ни старался, не могъ остановить ни толкотни, ни крика татарскаго, не могъ понять въ чемъ дѣло; тогда онъ вошелъ въ квартиру, чтобы сыскать вѣстоваго и послать его за командой, но въ этотъ моментъ татары заревѣли пуще прежняго; онъ выскочилъ къ нимъ, оказалось, что тотъ человѣкъ вырвался изъ рукъ татаръ, ударивъ двоихъ такъ, что тѣ повалились на землю, и побѣжалъ въ степь; Бурѣевъ посылалъ команду сыскивать того человѣка, но его не нашли. Нѣкоторые изъ крыловскихъ обывателей подтвердили разсказъ Бурѣева. Татары, такимъ образомъ, оказались весьма пристрастными и недобросовѣстными свидѣтелями: они и запорожцевъ обвинили въ соучастіи съ гайдамаками, предъ ханомъ они оклеветали не только караульныхъ, но и самого атамана Сандула; а теперь на удочку имъ попался поручикъ Бурѣевъ.

Когда было установлено, что Бурѣевъ не отпускалъ человѣка, приведеннаго къ нему татарами, и въ побѣгѣ его неповиненъ,—то у слѣдователей болѣе не оказалось данныхъ для продолженія слѣдствія; Бурѣевъ былъ отпущенъ домой, а Нѣмцовъ и Московъ снова уѣхали въ Кременчугъ и стали поджидать „матеріи“ для дальнѣйшей слѣдственной работы. Матерія эта вскорѣ представилась.

XIII.

Въ то время, когда Нѣмцовъ и Московъ возились съ Бурѣевымъ и ничего не добились о неизвѣстномъ малороссійскомъ человѣкѣ, въ походной полковой миргородской канцеляріи фигурировала важная птица: то былъ *гайдамака* Яцко Ѳедоровъ сынъ Чабанъ. Онъ былъ схваченъ при деревнѣ Бѣлоцерковкѣ, состоявшей въ кременчугской сотнѣ миргородскаго полка. Въ походной миргородской канцеляріи Яцко Чабанъ былъ *допрашиванъ* и далъ весьма интересное показаніе.

Не сразу Яцко заговорилъ о дѣлѣ въ Ягодной долинѣ. Къ разбою, учиненному здѣсь, онъ подходилъ постепенно; онъ

разсказалъ сначала о своей предыдущей жизни и тѣхъ обстоятельствахъ, которыя привели его къ расправѣ съ татарами.

Яцко Чабанъ былъ родомъ изъ м. Омельника, миргородскаго полка; лѣтъ ему отъ роду до 30. Въ томъ мѣстечкѣ пять лѣтъ Яцко жилъ безотлучно при отцѣ своемъ Ѳедорѣ Деребенцѣ и матери Еленѣ. По смерти матери своей, Яцко Чабанъ пошелъ съ отцомъ изъ Омельника въ м. Келебурду, полтавскаго полка; здѣсь Яцко жилъ при отцѣ 5 лѣтъ; на 11-мъ году мальчугана постигло горе: онъ лишился отца. Ставъ круглымъ сиротой, одинадцатилѣтній бобыль—мальчикъ поступилъ въ услуженіе къ козаку Ѳедору Гузѣенку, жившему въ Келебурдѣ. У Гузѣенка малолѣтній бобыль служилъ безотлучно пять лѣтъ. Яцку стукнуло 15 лѣтъ; а онъ только и видѣлъ свѣта, что въ Келебурдѣ, только и зналъ одинъ уголъ, что у козака Гузѣенка. Омельникъ ему мерещился, какъ во снѣ, — ему захотѣлось „майнуть" куда нибудь за Келебурду, а, быть можетъ, его притѣсняли у Гузѣенка и обременяли работой. Какъ бы то ни было, но прослуживъ у Гузѣенка 5 лѣтъ, Яцко долѣе не захотѣлъ у него оставаться, взялъ разсчетъ и „добровольно" пошелъ въ м. Кременчугъ, миргородскаго полка. Въ Кременчугѣ сирота Яцко недѣлю другую шатался безъ дѣла, пока звенѣли „въ кишени" деньжонки; питался, чѣмъ Богъ послалъ, спалъ подъ открытымъ небомъ,— благо была лѣтняя пора. Когда же послѣдній грошъ былъ потраченъ, Яцко поступилъ въ услуженіе къ тамошнему козаку Павлу Макаренку, у котораго жилъ въ наймахъ два года.

Живя въ Кременчугѣ, Яцко часто встрѣчался съ запорожцами и наслышался отъ нихъ заманчивыхъ рѣчей о Сѣчи запорожской и ея воинственныхъ обитателяхъ; слышалъ онъ, какъ запорожцы не разъ турка били, татарвы много поистребили,— только и осталось ее, что въ Крыму да за Бугомъ, да и той скоро не сдобровать; ляхамъ задавали *доброй прочуханки*; тамъ, въ Сѣчи, жизнь привольная, широкая: куда захотѣлъ, туда и идешь, что захотѣлъ, то и дѣлаешь, живешь вольной птицей. И вотъ, проживъ два года „въ наймитахъ" у Макаренка, Яцко Чабанъ пожелалъ извѣдать привольной жизни и пустился въ Сѣчь, куда въ ту пору устремлялись всѣ подобные ему горемыки.

Оставивъ Кременчугъ, Яцко самъ пѣшкомъ прибылъ въ Сѣчь запорожскую; но не такъ то приняли его въ Сѣчи, какъ расписывали ему въ рѣчахъ,—здѣсь тоже были свои законы, правда не писанные, но установленные обычаемъ; прежде чѣмъ стать полноправнымъ и свободнымъ „лыцаремъ", прежде чѣмъ получить право гражданства въ этой своеобразной, воинственной общинѣ, нужно было подвергнуться испытанію и быть неженатымъ,—нужно было на нѣкоторое время сдѣлаться рабомъ—послушникомъ у какого нибудь опытнаго запорожца; это было нѣчто въ родѣ монастырскаго послушничества и іезуитскаго искуса. Такъ было и съ Яцкомъ. Добравшись до Сѣчи, онъ пристроился здѣсь въ пластуновскомъ куренѣ въ качествѣ наймита у козака Каленика Криваго, у котораго жилъ въ услуженіи цѣлыхъ три года. По истеченіи трехъ лѣтъ, съ 1745 года, Яцко Чабанъ жилъ въ томъ же куренѣ свободнымъ козакомъ и промышлялъ продажею рыбы и соли. Цѣлыхъ пять лѣтъ Яцко имѣлъ терпѣніе возиться съ рыбою да солью; наконецъ, надоѣла ему эта мирная и однообразная жизнь торговца,—ему захотѣлось извѣдать той тревожной и прибыльной жизни, какую многіе изъ его товарищей вели въ польскихъ и татарскихъ областяхъ, откуда возвращались съ богатой добычей—съ лошадьми и волами, червонцами и злотыми, съ дорогой сбруей и оружіемъ. А тутъ Яцку, мечтавшему о добычѣ, подвернулся и добрый товарищъ,—то былъ Грицко Таранъ, побывавшій въ гайдамацкихъ заѣздахъ; онъ расписывалъ Яцку о прелестяхъ гайдамачества и подбивалъ его попробовать этой беззаботной жизни. И вотъ, въ великій постъ 1750 года, пошелъ Яцко Чабанъ съ товарищемъ своимъ Грицкомъ Тараномъ въ путь—дороженьку. Они ушли изъ Сѣчи не тайкомъ, а съ вѣдома атамана пластуновскаго куреня Грицка Вѣрменка. Пошли они пѣшкомъ, захвативъ съ собою лишь по ружью. Искатели приключеній намѣревались идти на Великій Ингулъ. Но имъ не суждено было дойти туда; въ Маломъ Ингулѣ, въ одной балкѣ, *сошлись* они съ Харькомъ Балченкомъ, запорожцемъ мишастовскаго куреня. Харько былъ здѣсь не самъ, а съ „орленятами"—то были десять добрыхъ молодцевъ: Панаща—запорожецъ щерба-

новскаго куреня, Антонъ Шевчикъ—корсунскаго, Валашокъ—кущовскаго, Гаврило—донскаго и еще шестеро, имена и прозванія коихъ Яцко забылъ.

Въ балкѣ у Малаго Ингула Харько и молодцы его имѣли совѣщаніе съ Чабаномъ и Тараномъ, соображали, куда бы направиться за добычей; добыча эта была возлѣ рѣчки Омельничка въ Ягодной долинѣ. И „согласяся", всѣ они—Харько, Чабанъ, Таранъ и прочіе пошли подъ м. Каменку „къ состоящимъ" въ ту пору въ карантинѣ татарамъ. Нужно сказать, что Харько и шестеро его товарищей ѣхали „верхи", а остальные шли пѣшкомъ до Ягодной долины. Наѣхавъ на татаръ ночною порою, „едного" татарина „скололь" Панаща, а „единъ" татаринъ бѣжалъ; прочихъ же повязавъ, взяли у нихъ „червонцевъ двѣстѣ" да тысячу рублей, между коими было левовъ сто; кромѣ того взяли: „бугасовыхъ кафтановъ два, байбаракъ крымскихъ смушковъ, бугасомъ покрытый, „шабель" турецкихъ три, изъ которыхъ одна была подъ серебромъ, янычарокъ три, вязню съ рогомъ и шабалтасомъ, подъ серебро оправленную, часы серебряные одни, пару сафьяновыхъ чоботъ, шапокъ двѣ, лошадей шестеро". Забравъ все это, гайдамаки пошли тѣмъ же путемъ къ рѣчкѣ Зеленой, гдѣ подѣлились, деньгами, вещами и лошадьми, при чемъ Чабану досталось: „байбаракъ, кафтановъ 2 бугасовыхъ, червонцевъ 17 да рублей битыхъ 46". За эти деньги онъ купилъ двое лошадей за 50 р.; эти лошади весною при урочищѣ рѣчки Вербовки у Малаго Ингула были забраны сѣчевою объѣздною командою; остальные деньги—30 р. Чабанъ далъ на сохраненіе Грицку Понискому, жившему въ запорожскомъ селѣ Романковомъ и его куренному товарищу Ивану Кривому. По раздѣлѣ вещей и денегъ ватагою, Балченко съ товарищемъ Гаврилкомъ отправился въ Сѣчь и здѣсь преподнесъ кошевому атаману Василію Сычу серебряные часы и 10 червонцевъ; при чемъ объявилъ кошевому, что „онъ, Балченко, съ другими товарищами подъ Камянкою татаръ разбилъ", а кошевой Сычъ „Балченку приказалъ такъ *стерегтись крѣпко*, чтобъ о томъ знать никто не могъ".

Харько Балченко, возвратившись къ своимъ товарищамъ, бывшимъ у р. Зеленой, объявилъ о свиданіи съ кошевымъ, о вру-

ченіи кошевому серебряныхъ часовъ и червонцевъ и о приказѣ его „стерегтись крѣпко“.

Выслушавъ наказъ батька кошеваго, гайдамаки отъ р. Зеленой „разошлись по разнымъ мѣстамъ, куда кто пожелалъ“. Яцко Чабанъ пришелъ въ зимовникъ запорожскаго козака Ѳедора Камянецкаго и жилъ здѣсь, но недолго; чрезъ 2 недѣли Чабанъ пошелъ съ козаками пластуновскаго куреня Петромъ Гамадою и Василемъ Стрѣляйбабою, жившими въ упомянутомъ зимовникѣ, въ Ингулъ „на лясы“ для ловли рыбы. „Въ той ловлѣ они обрѣтались“ до праздника св. Николая. Послѣ сего праздника, въ маѣ, пошли они къ р. Мертоводу „для выпасу лошадей“; но ихъ влекло сюда и иное обстоятельство: прослышали они, что тамъ уже собираются великія гайдамацкія чаты. Дѣйствительно, у Мертоводъ они застали эти чаты, „въ коихъ имѣлось 324 человѣка“.

У Мертовода гайдамацкія чаты стояли цѣлый іюнь мѣсяцъ; поджидались еще охотники, забирались справки, куда бы отправиться на обильную добычу. И вотъ, послѣ Петрова поста, великая гайдамацкая чата на коняхъ выступила въ походъ; ею предводительствовалъ ватагъ Михайло Сухый, запорожскій козакъ конеловскаго куреня. Подъ его предводительствомъ гайдамаки направились въ польскую область и шествовали прямо шляхомъ мимо петроостровскаго форпоста въ полуверстѣ отъ него. Караульные этого форпоста,—солдаты и козаки, видѣли ихъ походъ и „никакого воспрещенія имъ не чинили“. Перебравшись свободно черезъ р. Высь, гайдамаки ступили на польскую землю и пришли подъ село Ерки „смѣлянской губерніи“. И какъ пришли подъ это село, то онъ, Чабанъ, оставленъ былъ „при батовой“ [1]).

Яцко Чабанъ, вмѣстѣ съ другими, сторожилъ батовую, а остальные товарищи имѣли баталію съ поляками возлѣ Ерковъ, и „съ той баталіи полегло сорокъ головъ польскихъ“. Послѣ сраженія гайдамаки захватили немалую добычу; „но сколько чего съ пожитковъ достали--онъ, Яцко, знать не можетъ, и съ оныхъ пожитковъ ему ничего не дано“.

---

[1] „Батовая“—это лошади, навьюченныя добычей.

Нагруженная добычей гайдамацкая чата от Ерковъ поворотила назадъ; во время этого марша, „идучи до Мертоводъ, подъ селомъ Капустинымъ [1]), гайдамаки заняли 30 воловъ, и тѣхъ воловъ въ Мертоводѣ въ пищу употребили".

Совершивъ удачный походъ въ польскую область подъ с. Ерки, насытившись въ Мертоводѣ воловьимъ мясцемъ, „будучіе въ той чатѣ всѣ гайдамаки разошлись по разнымъ мѣстамъ и запорожскимъ зимовникамъ. Зимовники не привлекали къ себѣ Яцка; отлучившись изъ чаты, онъ съ Яковомъ Горкушею ударился въ степь широкую—привольную; авось, думалось имъ, выпадетъ случай—можно будетъ хватить гдѣ нибудь „здобычь"; такой случай скоро подвернулся: „ѣдучи степомъ, въ урочищѣ надъ рѣчкою Жовтенькою", оба искателя приключеній *пристали* къ ватажку Роману Вербѣ. Романъ Верба уже имѣлъ у себя девять товарищей и только поджидалъ новыхъ охотниковъ; когда таковые „въ лицѣ Чабана и Горкуши, явились, шайка двинулась въ походъ. Двѣнадцать молодцовъ „поѣхали подъ село Глинское" [2])—миргородскаго полка, крыловской сотни; и тамъ съ хутора Назара Устимовича *своровали* восемь лошадей. Затѣмъ, „по наущенію ватажка Романа Вербы и товарища его Карпа Кравця", товарищи отправились въ хуторъ Свинарной. Вѣроятно, Верба и Кравець имѣли съ этимъ хуторомъ какіе нибудь счеты которые теперь нужно было свести. Къ заѣзду въ хуторъ подготовились: забравшись „въ шинкъ, неподалечѐ отъ того хутора Свинарнаго стоящій, гайдамаки горѣлки *довольно* напились". Находясь въ изрядномъ куражѣ, Верба и сподвижники его нагрянули на хуторъ; управились ловко: „тамошняго старосту Еврашенка розграбовали, и дворъ, гдѣ онъ, староста, жительствуетъ, разорили и взяли немалое число пожитковъ;" но этого мало: Романъ Верба, Савка Таранъ, Павло Капуста и Яцко Горкуша „съ женщинами тамошними насильно блудничали",—эту вынужденную дань должны были удѣлить степнымъ забіякамъ старостиха, овчарка и войтиха. Яцко Чабанъ, засѣвъ въ шинкѣ, прозѣвалъ и разгромъ хутора, и блудничанье съ бабами.

[1]) Ерки и Капустино—нынѣ села кіевской губ., звенигородскаго уѣзда.

[2]) С. Глинское на р. Цыбульникѣ въ александрійск. уѣздѣ херсон. губ.

Полюбезничавъ вдоволь съ женщинами въ Свинарномъ, нагруженные добычей гайдамаки умчались въ степь; здѣсь гдѣ то въ глухой балкѣ они подѣлили между собой добычу и разлетѣлись въ разныя стороны.

Яцко Чабанъ, оставленный своими товарищами въ шинкѣ возлѣ Свинарнаго, задумалъ побывать въ Гетманщинѣ,—ему захотѣлось понавѣдаться въ родныя мѣста: въ Кременчугъ, Келебурду, Омельникъ [1]). Понавѣдался, но не пришлось „сиромахѣ" вернуться изъ Гетмащины въ Сѣчь или въ степи ингульскія. Шатаясь по разнымъ мѣстамъ своей родины, добрался Яцко до м. Бѣлоцерковки [2]); здѣсь его схватили, вѣроятно, проболтавшагося въ шинкѣ подъ пьяную руку.

„Чрезъ всю же его съ товарищи бытность", добавляетъ Яцко, „кормилися они по зимовникамъ и отнимали харчъ въ купеческихъ ватажанъ, слѣдующихъ до Сѣчи и обратно въ домы своя; а въ здѣшнихъ обывателей [3]) на воровскіе пожитки ни отъ кого ничего не замѣнивали, и къ нимъ никогда не пріѣздили и ничего у нихъ съ харчей не брали, такожъ и воровскихъ пожитковъ имъ не продавували и даровизною не давали; только какъ они, гайдамаки, съ польской стороны обратно слѣдовали мимо петроостровскаго фарпоста,—то было 1-го или 5-го чиселъ минувшаго іюля,—такъ къ нимъ съ того фарпоста *еденъ афицеръ* выѣзжалъ, а въ какомъ онъ чину и какъ ево зовуть и прозываютъ—онъ, Чабанъ, не знаетъ; и выѣзжалъ къ нимъ тотъ афицеръ съ шестью или большимъ числомъ драгунъ и сказывалъ: Богъ вамъ въ помощь! Которому они, гайдамаки, отвѣтствовали: Спасиби! и дали ему съ заграбленнаго скота вола полового; а болѣе ли дали что—не знаетъ же; а съ прошенія ихъ тотъ афицеръ далъ имъ возокъ для возки раненыхъ ихъ двоихъ гайдамакъ". Значитъ, въ сраженіи подъ Ерками и въ гайдамацкихъ рядахъ было не безъ убыли.

---

[1]) Келеберда—мѣстечко полтав. губ. на Днѣпрѣ, въ 10 в. отъ Кременчуга, Омельникъ—мѣстечко той же губ., на р. Пселѣ, въ 10 в. отъ Кременчуга.

[2]) Бѣлоцерковка—мѣстечко полтавской губ., хорольскаго уѣзда, на р. Пселѣ, въ 60 в. отъ Кременчуга.

[3]) Т. е. у жителей лѣвобережной Украины.

„Болѣе вышеписаннаго въ разбояхъ и грабительствахъ онъ, Чабанъ, нигдѣ не бывалъ, никого не умертвилъ и про воровъ и разбойниковъ не вѣдаетъ; и сіе показалъ въ самую сущую правду“.

По окончаніи допроса Яцко Чабанъ былъ отправленъ къ Нѣмцову и Москову. Предъ лицомъ слѣдователей Яцко повторилъ то же самое, что „сказывалъ“ и въ походной миргородской канцеляріи; безхитростно онъ винился въ разбояхъ и грабежахъ,

---

XIV.

Слѣдователи, Нѣмцовъ и Московъ, должны были привлечь къ допросу петроостровскаго офицера и выяснить: зачѣмъ онъ привѣтствовалъ гайдамаковъ, принималъ отъ нихъ подарки и отдалъ имъ возокъ? Къ сожалѣнію, документовъ о дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія нѣтъ; но несомнѣнно, что Яцко Чабанъ говорилъ сущую правду объ этомъ офицерѣ, какъ и вообще онъ прямодушно,—безъ всякихъ запирательствъ и противорѣчій,—говорилъ правду о всей своей жизни, начавъ отъ первыхъ отроческихъ лѣтъ. Показаніе Яцка именно отличается тономъ спокойнымъ и правдивымъ; онъ ни единымъ словомъ не старается выгораживать себя изъ разбоевъ и грабительствъ, не старается утаивать и товарищей своихъ,—съ кѣмъ изъ нихъ онъ былъ болѣе близокъ и которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ грабежахъ, тѣхъ онъ называетъ по именамъ и „прозвищамъ“, говоритъ, какихъ они куреней. По порядку Яцко разсказываетъ все, что было съ нимъ въ жизни; съ объявленіемъ объ *офицерѣ* онъ не только не торопится, а даже забываетъ сказать о немъ,—и говоритъ тогда, когда къ слову пришлось; а къ слову пришлось потому, что встрѣча съ этимъ офицеромъ была фактомъ исключительнымъ въ похожденіяхъ Яцка его и товарищей: „они, гайдамаки, у россійскихъ обывателей ничего не мѣняли на воровскіе пожитки, а мѣна произошла только съ офицеромъ петроостровскаго форпоста“.

Выслушавъ Яцка Чабана, слѣдователи засадили его въ тюрьму до будущаго свиданія съ товарищами; а свиданіе это, по мнѣнію

слѣдователей, скоро должно было состояться, ибо полковая миргородская канцелярія послала во всѣ полки предложенія, а полковыя канцеляріи во всѣ сотни разослали ордеры, дабы „сыскивать“ гайдамаковъ, оговоренныхъ Яцкомъ Чабаномъ; наконецъ, Кодинецъ и Рудь рыщутъ со своими командами по степямъ за гайдамаками; въ Сѣчь написано сыскивать гайдамаковъ. Но надежды слѣдователей не оправдались: изъ товарищей Яцка ни единый не былъ пойманъ. Яцко, если и поймался, то потому, что отлучился отъ товарищей на родину; остальные же были по практичнѣе: они шатались въ польской области, рыскали по степямъ между Днѣпромъ и Бугомъ и улетучивались въ мѣста, недосягаемыя для сыскныхъ командъ: на рѣчные острова, въ лѣсныя чащи, въ глубокіе овраги, поросшіе терномъ и колючкой, въ густые камыши, окаймленные болотами и трясинами; а то и по зимовникамъ между Бугомъ и Днѣпромъ гайдамаки находили себѣ пріютъ,—козаки тщательно скрывали здѣсь своихъ. Въ запорожскомъ Гардѣ гардовая старшина „за подарунки“ потакала гайдамакамъ, пропускала ихъ направо и налѣво, смотрѣла сквозь пальцы на то, какъ гайдамаки собирались въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ у Мертовода—всего въ 30 верстахъ отъ Гарда; въ Сѣчи гайдамаки находили убѣжище и даже поощреніе,—иначе Харько Балченко не рискнулъ бы явиться къ кошевому съ подаркомъ и кошевой не отпустилъ бы его съ наказомъ „крѣпко стерегтись“. Петроостровскій господинъ офицеръ не любилъ преслѣдовать гайдамакъ,—открывалъ имъ широкій путь куда угодно: и въ Польшу, и въ степи на югъ отъ Выси.

Даже если бы Харько и товарищи его были сысканы, то татары все таки не получили бы надлежащаго удовлетворенія: гайдамаки какъ обрѣтали добро, такъ легко и скоро спускали его; они жизнь свою мало цѣнили и еще меньше дорожили имуществомъ! Оружіе и лошади тоже были проданы или промѣнены—попали въ невѣдомыя мѣста, въ невѣдомыя руки. Вѣдь у Яцка Чабана никакого татарскаго пожитка не нашли; Грицко Пониській, получившій на сохраненіе 30 татарскихъ рублей, исчезъ „безвѣстно“; кошевой атаманъ Сычъ не былъ такимъ простакамъ, чтобы признавать показаніе Яцка фактомъ доказаннымъ:

онъ, кошевой, отрекался и отъ часовъ, и отъ Харька Балченка, говорилъ, что такого запорожца нѣтъ и не было въ Сѣчи уже болѣе года.

Словомъ, татары ни въ какомъ случаѣ не могли получить пограбленныхъ пожитковъ; цѣна же крови заколотаго Аги могла быть взыскана; для сего имѣлась на лицо собственная персона Яцка Чабана.

Татары пытались было поживиться на счетъ каменскаго атамана Ивана Сандула, караульныхъ и тѣхъ запорожцевъ, что стояли съ ними въ карантинѣ; но и тутъ послѣдовала осѣчка. Было выяснено и удостовѣрено, что эти запорожцы не имѣли никакого сообщенія съ грабителями. Харько Балченко болѣе года пропадаетъ невѣдомо гдѣ, Яцко Чабанъ вышелъ изъ Сѣчи въ то время, когда Мусій Карый и Наумъ Носъ уже посажены были въ карантинѣ; въ тотъ карантинъ къ запорожцамъ не приходили никакіе невѣдомые люди, да и запорожцы никуда не отлучались, развѣ иногда приходили въ Каменку и то съ вѣдома атамана. Что же касается караульныхъ, то они, находясь на своемъ посту, почти въ верстѣ отъ табора, дѣйствительно могли не слыхать чинимаго разбоя, тѣмъ болѣе, что онъ совершенъ былъ безъ особаго шума и необычайно быстро.

Когда Яцко былъ спрошенъ, какъ гайдамаки пробрались въ карантинъ, то онъ прямо сказалъ, что они зашли съ той стороны, гдѣ караула не было, а потомъ на проломъ промчались мимо караульныхъ и караульные „гукали“ на нихъ, но они только посмѣялись надъ тѣмъ гуканьемъ.

На счетъ атамана Ивана Сандула и сомнѣній не могло быть никакихъ: это былъ козакъ богатый и извѣстный всей сотнѣ своею честностью,—это былъ строгій исполнитель всякихъ приказовъ, исходившихъ отъ начальства; онъ усердно сторожилъ свой участокъ отъ гайдамаковъ и нѣкоторыхъ даже лавливалъ въ предыдущемъ году.

Слѣдователи—Нѣмцовъ и Московъ—не нашли возможнымъ удовлетворить татаръ на счетъ атамана Сандула, караульныхъ и запорожцевъ. Такъ татары, помаявшись до сентября на днѣпровскомъ островѣ, отправились во свояси съ одною опознанною ими

лошадью; слѣдственная коммиссія утѣшила ихъ лишь тѣмъ, что мѣры „къ переловленію“ остальныхъ товарищей Яцка приняты; „по поимкѣ воровъ и разбойниковъ“, они, татары, будутъ позваны и изъ пограбленныхъ пожитковъ получатъ „и больше того“. Но татары позваны не были и удовлетворенія не получили. Перекопскій каймаканъ такъ жаловался въ 1755 г. секундъ-маіору Миронову—послу кіевскаго вице-губернатора Костюрина, управлявшаго тогда кіевскою губерніей и пограничными дѣлами: „У насъ бы все хорошо было и промежъ обоими высочайшими имперіями, россійскою и турецкою, дружба происходила, токмо мѣшаютъ сосѣдственную дружбу запорожскіе козаки: сколько ни было коммиссій, то никакого удовольствія обидящіе не получили“. Крымскій ханъ Арсланъ-Гирей тому же Миронову во время аудіенціи отвѣтствовалъ: „сколько коммиссій ни было, а обидящимъ моимъ подданнымъ отъ запорожскихъ козаковъ въ разныя времена разныхъ вещей и скота пограбленнаго ничего не возвращено; скажи своему генералу объономъ или гдѣ у васъ надлежитъ и выше донеси: долго ли мнѣ будетъ терпѣть?“ [1]).

XV.

Запорожцамъ—Мусію Карому и Науму Носу тоже не повезло: и они не получили удовлетворенія за безвременно погибшихъ осетровъ. При содѣйствіи кошеваго атамана, занесли они жалобу на каменскаго атамана Ивана Сандула въ миргородскую полковую канцелярію. Запорожцы печаловались, что они „безъ жадного резону и винности напрасно посажены были въ карантину камянскимъ атаманомъ Иваномъ Сандуломъ, и чрезъ него, атамана, они, нижайшіе, потерпѣли немалый на нѣсколько сотъ рублей убытокъ на товарахъ своихъ, везенныхъ при пашпортахъ на миргородскую ярмарку, особливо же рыба, осятри, вся въ порчь пришла; и чрезъ то они, запорожцы, принуждены были, оставивъ въ Камянкѣ товары свои и лошадей 20, возвратиться въ Сѣчь“,

[1]) „Кіев. Стар.“ 1885 г., т. XI, февраль. Къ исторіи пограничныхъ нашихъ сношеній съ крымскимъ ханствомъ, А. Андр.; стр. 345, 351.

и просили, чтобы съ атамана Ивана Сандула былъ взысканъ тотъ убытокъ, какой они понесли на товарахъ своихъ.

Миргородская полковая канцелярія долго думала надъ этой жалобой и потомъ учинила такую „сатисфакцію“: „Хотя де они, запорожцы, яко то явилось по слѣдствію, и не принимали участія въ разграбленіи татаръ въ Ягодной долинѣ; однако они—Мусій Карый, Наумъ Носъ и прочіе съ ними—яко свидѣтели того разбоя, должны были оставаться въ карантинѣ, по приказу атамана Сандула, до резолюціи изъ оной полковой миргородской канцеляріи; съ товарами же своими они должны были поступить такъ, какъ было имъ предлагаемо отъ того же атамана; и какъ товары свои и лошадей они, запорожцы, бросили въ Камянкѣ не по принужденію камянскаго атамана, а самоизвольно, то по всему сему жалобѣ ихъ полковая миргородская канцелярія не можетъ дать удовлетворенія“.

Мусій Карый и Наумъ Носъ съ товариствомъ выслушали рѣшеніе миргородской полковой канцеляріи, понуривъ чубатыя головы, и поспѣшили въ Каменку, дабы оставленная тамъ „худоба не загинула“. Здѣсь Наумъ Носъ взялъ свою соль, а Карый и товарищи его своихъ лошадей. Такъ кончилась печальная исторія съ осетрами, начало которой восходитъ къ 27 февраля.

Иванъ Сандулъ трижды перекрестился, когда запорожцы, забравъ свою худобу, убрались въ Сѣчь. Онъ съ нихъ ничего не взялъ за прокормленіе лошадей,—онъ радъ былъ, что и такъ раздѣлался съ запорожцами и дѣло кончилось мирно.

А. Полницкій.

Кіевское городское управленіе въ 1786 г.

(по протоколамъ засѣданій городской думы).

Съ 1786 года начинается правильная дѣятельность кіевскаго городскаго управленія, организованнаго на основаніи екатерининской «грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи». Новое городовое положеніе 1785 года, какъ извѣстно, вводило весьма существенныя перемѣны въ оффиціальной группировкѣ различныхъ классовъ городскаго населенія, установило довольно запутанную и неопредѣленную систему всесословнаго городскаго представительства и исполнительные органы послѣдняго безусловно подчинило мѣстной администраціи; бывшіе городовые магистраты теперь окончательно превращены въ чисто судебныя учрежденія сословнаго характера. Для Кіева, издавна привыкшаго въ своихъ городскихъ дѣлахъ руководствоваться нормами магдебургскаго права и спеціальными привилегіями польскихъ королей, городовое положеніе 1785 г. имѣло значеніе еще недостаточно изслѣдованное и оцѣненное историками этого города. Намъ казалось поэтому небезполезнымъ представить здѣсь нѣкоторыя данныя изъ дѣятельности кіевскаго городскаго представительства при самомъ началѣ его новой организаціи, тѣмъ болѣе, что для XVIII вѣка 1786 годъ—единственный, отъ котораго сохранились оффиціальные протоколы засѣданій кіевской городской думы; остальныхъ книгъ XVIII в. нѣтъ въ думскомъ архивѣ,—онѣ вѣроятно погибли вмѣстѣ съ зданіемъ магистрата въ страшный пожаръ 9 іюля 1811 года. Случайно уцѣлѣвшіе протоколы 1786 года представляютъ рукописный фоліантъ въ 300 слишкомъ листовъ, переплетенныхъ въ нѣкоторомъ безпорядкѣ; нѣсколькихъ, правда немногихъ, листовъ недостаетъ. Протокольныя записи велись изо дня въ день; всѣ получаемыя бумаги или словесныя предложенія и запросы вкратцѣ излагаются въ прото-

колахъ, затѣмъ непосредственно слѣдуютъ отдѣльныя постановленія по каждому вопросу, за подписью состава собранія; пренія гласныхъ или отдѣльныя мнѣнія въ протоколы не вносились.

Кромѣ данныхъ для исторіи собственно городскаго управленія, здѣсь находимъ не мало современныхъ указаній и на другія стороны городской жизни, указаній, впрочемъ, отрывочныхъ и случайныхъ, по самому свойству своего источника, но все же не лишенныхъ значенія для детальной разработки мѣстной исторіи. Въ этомъ отношеніи утрата остальныхъ протоколовъ составитъ довольно чувствительный пробѣлъ для будущихъ изслѣдователей кіевской городской жизни XVIII в., и пополненіе недостающаго матеріала потребуетъ не мало лишняго труда и времени.

Возможностью пользоваться сборникомъ неизданныхъ протоколовъ 1786 года мы обязаны покойному городскому головѣ И. А. Толли. Въ настоящее время подлинный сборникъ долженъ, по всей вѣроятности, храниться при архивѣ кіевской городской думы.

I.

Общая городская и шестигласная дума.—Отношенія думы къ городовому магистрату, губернатору и намѣстническому правленію.—Приготовленія думы къ встрѣчѣ имп. Екатерины II.

Городовое положеніе 1785 г. дѣлило всѣхъ городскихъ обывателей по роду занятій на шесть различныхъ классовъ: т. наз. настоящихъ городскихъ обывателей, владѣвшихъ въ городѣ недвижимою собственностью, купцовъ трехъ гильдій, цеховыхъ или управныхъ ремесленниковъ, иногороднихъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ граждан и посадскихъ людей. Всѣ эти обыватели, если имѣли каждый не менѣе 50 руб. годоваго дохода, пользовались правомъ собираться для выбора городскаго головы, членовъ депутатскаго собранія по составленію обывательскихъ книгъ, бургомистровъ, ратмановъ и засѣдателей магистрата, судей совѣстнаго суда и гласныхъ какъ общей, такъ и шестигласной думы. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи русскихъ городовъ, И. Дитятинъ, послѣ разбора грамоты 1785 г. пришелъ къ заключенію, что роль общихъ собраній горожанъ ограничивалась однимъ днемъ въ теченіе трехъ лѣтъ и «что общая городская дума 1785 г. едва ли имѣла какое либо значеніе по отношенію къ городскому управленію, кромѣ того, что она служила второю избирательною инстанціею гласныхъ въ шестигласную

думу» и слѣдовательно функціонировала тоже лишь одинъ разъ въ три года (Дитятинъ, *Устройство и управленіе* городовъ Россіи, I, 441 сл.). Сколько можно судить по даннымъ 1786 г., такое заключеніе не вполнѣ примѣнимо къ Кіеву.

Послѣ введенія новаго положенія въ Кіевѣ во второй половинѣ 1785 г. и по февраль 1786 г. текущими дѣлами города завѣдывала кіевская городская дума, но такой порядокъ оказался неудобнымъ на практикѣ,—дѣла лежали безъ движенія. 27 января 1786 г. общая городская дума рѣшила «повѣрить городскому главѣ Ефиму Митюку и выбраннымъ съ гласныхъ общей думы, для всегдашнаго направленія дѣлъ, въ шестигласную думу гласнымъ Григорію Радзицкому, Семену Балабухѣ, Ѳедору Донцу, Ивану Могиліовцу, Василію Стефановичу и Трофыму Козачынскому... всѣ письменніе дѣла, впредь кромѣ важнѣйшихъ, касающихся къ цѣлому городу дѣлъ, отправлять и по онымъ какъ опредѣленія, такъ распоряженія и рѣшенія дѣлать». Хотя положеніе 1785 г. и не разграничиваетъ сферы дѣятельности общей и шестигласной думы, но въ Кіевѣ 1786 года общая городская дума созывалась при всякомъ сколько нибудь выдающемся вопросѣ, какъ напр. о пріобрѣтеніи городомъ домовъ или лавокъ у частныхъ лицъ, объ устройствѣ временныхъ лавокъ во время ярмарки, о назначеніи годоваго жалованья городовому архитектору, о заключеніи контракта по поставкѣ пожарныхъ инструментовъ, о займѣ городскихъ денегъ частнымъ лицамъ, о сдачѣ въ аренду городскаго погреба, о возобновленіи контракта по винному откупу, объ обмѣнѣ городскихъ грунтовъ на частные, о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ императрицы, о порядкѣ собраній гласныхъ думы и т. п. Судя по сохранившимся протоколамъ, кіевская общая городская дума созывалась въ 1786 году не менѣе двадцати разъ. Составъ ея на практикѣ еще не былъ точно опредѣленъ. Въ общую думу приглашались, смотря по важности подлежащихъ обсужденію вопросовъ, или только гласные, или и члены городоваго магистрата, или, наконецъ, и все «почетнѣйшее общество» вмѣстѣ съ цеховыми старшинами[1]). Выборъ того или инаго состава

[1]) Прот. 20 февр.: „для того сія дума, пригласивъ всѣхъ общей думы гласныхъ вмѣстѣ съ городскаго магистрата членами“ и пр. 25 апр.: кіевская городская дума „обще съ присутствующими въ кіевскомъ городовомъ магистратѣ, также Общею Думою и всѣмъ гражданствомъ“. 7 мая: „созвать Общую Думу, магистратъ и почетнѣйшее гражданство и общественно потрактовать“. 20 авг.: „созвать Общую Думу, магистратъ, всѣхъ почетнѣйшихъ мѣщанъ и цеховыхъ старшинъ“.

собранія зависѣлъ, повидимому, исключительно отъ усмотрѣнія шестигласной думы, такъ какъ положеніе 1785 года не давало точныхъ нормъ для этого случая, а въ протоколахъ нѣтъ указаній на вмѣшательство здѣсь администраціи. Представляется однако не вполнѣ яснымъ, почему шестигласная дума находила иногда нужнымъ приглашать въ собраніе только членовъ магистрата или почему цеховые старшины не всегда включаются въ составъ «почетнѣйшаго общества», призваннаго «общественно потрактовать» о важныхъ вопросахъ. Самое выраженіе: общая городская дума «въ собраніи всего здѣшнего общества», дума, «будучи въ полномъ собраніи» оказывается довольно неопредѣленнымъ въ дѣйствительности: протоколъ думы «въ полномъ собраніи» отъ 27 января подписанъ 13 гласными, тогда какъ протоколъ 30 марта имѣетъ уже 21 подпись, 18 апрѣля—19 подписей, 4 декабря—29 подписей; нужно думать также, что далеко не всѣ полноправные кіевскіе граждане приглашались въ общія собранія, если протоколы послѣднихъ имѣютъ maximum 63 подписи, обыкновенно же 35—45 подписей; такъ какъ за неграмотныхъ членовъ собранія подписывались грамотные товарищи, то малочисленность состава собраній нельзя объяснять пропускомъ подписей, и участіе массы гражданства въ обсужденіи важнѣйшихъ городскихъ дѣлъ приходится считать мнимымъ, несмотря на заголовки протоколовъ. Мало того: цеховые старшины въ 1786 году лишь два раза подписались подъ протоколами, хотя по 160 ст. городоваго положенія каждый цехъ посылалъ своего представителя въ общую городскую думу; слѣдовательно, цехи на практикѣ не пользовались правомъ, предоставленнымъ имъ по закону. Едва ли, однако, всѣ эти неровности въ примѣненіи новаго положенія должны быть приписаны произволу шестигласной думы 1786 года: гласные общей думы, какъ видно, тяготились своими обязанностями и являлись въ собранія крайне неаккуратно, такъ что общая дума составила 25 сентября такое любопытное опредѣленіе: «Какъ по обширности сего города ежечасно важные случаются городскіе дѣла, которые по 175 ст. Высоч. о гор. положенія узаконенію разсматриваемы быть должны общественно, нерѣдко же случается, что за оповѣщеніемъ отъ господина городскаго главы по таковымъ дѣламъ не точію на назначенной въ оповѣсткѣ срокъ не приходятъ, но вовся въ собраніи не бываютъ; для того: сочинивъ именной реестръ, кто долженъ въ общемъ собраніи бывать всякую субботу неотмѣнно, въ началѣ десятаго часа, а по повѣсткамъ на срокъ въ оныхъ написанной, развѣ бы кто либо съ таковыхъ, имѣя необходи-

мыя надобности и немогутства быть, далъ о себѣ запискою знать или бы былъ въ отлучкѣ, прочетъ оный для знанія въ полномъ собраніи, безъ сего же, не пріемля никакихъ отговорокъ, должны будуть, яко непослушные, поздо въ собраніе приходящіе по пятидесяти копѣекъ, а вовся небывшіе по рублю на кладбищенскую гродсбую церковь безъ послабно уплачивать.»

Хотя уже по учрежденію о губерніяхъ 1775 г. городовые магистраты получили преимущественно сословно-судебное значеніе, а съ изданіемъ грамоты 1785 г. этотъ характеръ ихъ выраженъ былъ еще опредѣленнѣе и яснѣе, но въ Кіевѣ 1786 года городовой магистратъ, состоявшій изъ членовъ отъ купечества и мѣщанства, еще не лишенъ былъ всякаго участія во хозяйственныхъ дѣлахъ города. Такъ напр., вся операція по винному откупу сосредоточена была въ магистратѣ, совмѣстно съ казенной палатой, магистратъ отсылалъ откупныя деньги въ городскую шестигласную думу. Какъ видно, магистратъ считалъ мѣщанъ подчиненными ему не въ однихъ лишь судебныхъ дѣлахъ и какъ учрежденіе въ сущности правительственное, а не городское, относился къ шестигласной думѣ нѣсколько свысока. Но и шестигласная дума склонна была считать себя учрежденіемъ правительственнымъ, а не выборно городскимъ. Еще 13 февраля 1786 г. она постановила писать свои опредѣленія «По указу Его Императорскаго Величества», имѣть на столѣ сукно и зерцало,—хотя за разрѣшеніемъ пріобрѣсть эти вещи и пришлось обратиться къ губернатору Ширкову. Такъ какъ положеніе 1785 г. отдавало заботы о городскомъ хозяйствѣ въ руки общей и шестигласной думъ, то послѣднія получали право контроля по отношенію къ бывшимъ магистратамъ, за которыми числилось еще не мало дѣлъ, особенно финансовыхъ, не приведенныхъ въ ясность. Вслѣдствіе этого и въ Кіевѣ 1786 г. отношенія между шестигласною думою и городовымъ магистратомъ установились довольно непріязненныя, такъ какъ въ этомъ году бургомистромъ въ губернскомъ магистратѣ былъ Яковъ Гудимъ, бывшій лавникъ, а однимъ изъ ратмановъ Павелъ Лобко, бывшій инстигаторъ. Судя по тону протоколовъ, шестигласная дума нашла, что эти лица присвоили часть городскихъ доходовъ, проходившихъ ранѣе черезъ ихъ руки, и уже 30 января потребовала отъ нихъ объясненіе черезъ магистратъ. Отвѣта не получалось. Дума шлетъ новый запросъ о томъ, куда исчезъ капиталъ покойнаго лекаря Некиша въ 1500 слишкомъ рублей, принадлежавшій городу по выморочному праву. Чтобы затянуть дѣло, магистратъ въ свою очередь

запросилъ думу, для чего понадобилось ей это свѣдѣніе. Дума увѣдомила, но многозначительно указала при этомъ, что она «ни по какимъ законамъ необовязана точностію извѣщать, для чего оная требуетъ о имѣвшихся въ ономъ магистратѣ деньгахъ свѣдѣнія», и что отвѣчаетъ «единственно снисходя, а болѣе избѣгая излишнихъ и вовсе недѣльныхъ переписокъ и затрудненіевъ». Волей неволей магистратъ долженъ былъ дать отчетъ, и капиталъ Некиша, хотя съ трудомъ, но былъ возвращенъ городу. Въ ноябрѣ новое пререканіе: для закупки хлѣба въ городской магазинъ дума отрядила въ Польшу мѣщ. Дунаевскаго, который оказался нужнымъ магистрату по возникшему въ его отсутствіе дѣлу. Въ магистратѣ постановлено было потребовать отъ думы, чтобы она на будущее время не командировала мѣщанъ изъ города безъ вѣдома магистрата, такъ какъ «всѣ живущіе въ городѣ купцы и мѣщане по Высочайшему о губерніяхъ учрежденію и городовому положенію однимъ магистратамъ подвѣдомы». Дума не безъ достоинства отвѣчала на это, что хозяйственныя дѣла города проволочекъ не терцятъ, а между тѣмъ переписка съ магистратомъ затягивается,—чтобы получить отвѣтъ, нужно писать два-три раза; при такихъ условіяхъ городъ потерпитъ немалые ущербы «чрезъ малое городовымъ магистратомъ уваженіе» городскихъ нуждъ и медлительность въ отпискѣ; «поелику же городовой магистратъ недѣльно, и совсѣмъ невсходство изданныхъ на сей случай узаконеній подчиняя себѣ городскую думу, требуетъ, дабы оная въ наряженіи отъ нее по економическимъ дѣламъ здѣшнихъ купцовъ и мѣщанъ въ должности давала ему знать увѣдомленіемъ, для того въ городовой кіевскій магистратъ сообща требовать, дабы оной впередъ таковыми безъисправочными и изъ законами несходствующими требованіями въ теченіи дѣлъ, до сей думы касающихся, не дѣлалъ помѣшательства и остановки».

Въ отношеніи къ губернатору какъ шестигласная, такъ и общая городская дума стояли въ безусловной зависимости и подчиненности. Если не всѣ засѣданія обѣихъ думъ состояли въ выслушиваніи предложеній губернатора и безпрекословномъ принятіи ихъ къ исполненію, то о всѣхъ предположенныхъ мѣрахъ по городскому хозяйству предварительно представлялось такъ сказать по начальству, т. е. тому же губернатору. Такой порядокъ соблюдался не только въ дѣлахъ относительной важности для городскаго населенія, но въ такихъ мелочахъ, какъ, напр., вопросъ о прибавкѣ 10 р. въ годъ къ жалованью думскаго писца, о покупкѣ лошади для почтоваго двора, о

починкѣ печей въ магистратѣ, о вырытіи новаго колодца и т. п. Губернаторъ Ширковъ не ограничивался наблюденіемъ за правильностью распоряженій думы,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ принималъ непосредственное участіе въ городскомъ хозяйствѣ, и нецѣлесообразность такихъ отношеній администраціи къ городской общинѣ, хотя и чувствовалась думою, но не вызывала пререканій, благодаря неопредѣленной редакціи относящихся сюда статей городоваго положенія 1785 года. Изъ думскихъ протоколовъ 1786 года видно, что Ширковъ безъ участія и согласія думы заключилъ контрактъ съ евреемъ Зовелемъ Гершковичемъ на поставку городу пожарныхъ инструментовъ, съ острожскимъ мастеромъ Прумпаромъ о ремонтѣ Андреевской церкви, предписывалъ думѣ выдавать взаймы городскія деньги разнымъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ мѣстному обществу, большею частью чиновнымъ людямъ и при томъ такимъ, которымъ дума не довѣряла. Въ этомъ отношеніи дѣло о пожарныхъ инструментахъ не лишено значительнаго интереса.

Предложивъ думѣ озаботиться устройствомъ «пожарныхъ заливныхъ трубъ» [1]), Ширковъ вмѣстѣ съ тѣмъ «рекомендовалъ» ей могилевскаго жителя Зовеля Григорьева сына Гершковича, какъ человѣка опытнаго въ этомъ дѣлѣ, да кстати и какъ эксперта по части береговыхъ обваловъ Днѣпра, причинявшихъ городу немало затрудненій. Дума 27 марта согласилась осмотрѣть берегъ вмѣстѣ съ Гершковичемъ, отложивъ обсужденіе вопроса о пожарныхъ инструментахъ до представленія подрядчикомъ проектовъ и рисунковъ. 30 марта дума, въ общемъ собраніи, отказалась вступить съ Гершковичемъ въ договоръ, такъ какъ онъ предложилъ чрезмѣрно высокія цѣны, и постановила поручить устройство трубъ московскому мастеру Иванову, о чемъ и донести губернатору Ширкову. Хотя до десяти мѣстныхъ мастеровъ также не прочь были взять подрядъ гораздо дешевле Гершковича, но Ширковъ своею властью заключилъ контрактъ съ послѣднимъ и 11 апрѣля предписалъ думѣ выдать ему 600 руб.

---

[1]) Предписаніе организовать пожарную команду сдѣлано было еще въ октябрѣ 1785 г. генералъ-губернаторомъ Румянцевымъ—Задунайскимъ (прот. 15 іюня), но, какъ видно изъ донесенія брандмейстера (прот. 27 марта), пожарныя трубы при полицейскихъ частяхъ были въ самомъ жалкомъ состояніи. Между тѣмъ базарный смотритель 27 марта донесъ думѣ, что подлѣ лавки предсѣдателя губернскаго магистрата кол. ас. Гудимы усмотрѣны въ тряпицѣ сосновыя спички, положенныя туда неизвѣстными людьми съ цѣлью поджога. Дума тогда же постановила созвать все городское общество и „объявить, чтобы розузнали злоумышленниковъ". Этотъ же случай далъ Ширкову поводъ рекомендовать вниманію думы еврея Гершковича.

впередъ въ счетъ договорной платы. Въ маѣ мѣсяцѣ мѣстные мастера Званинъ, Шведенко и Синявскій горько жаловались думѣ, что подрядчикъ Зовель Гершковичъ «неоднократно имъ сказывалъ, не умѣете де вы хлѣба ѣсть, а между тѣмъ просилъ ихъ, чтобъ отъ онаго подряда отстали,—онъ имъ дастъ 50 руб. или они пусть уплатятъ, а какъ де онъ, Гершковичъ, взялъ съ городской думы 600 р., то предъ ными говорилъ такіе рѣчи: дорого де было мнѣ запрягты, а поганять легко, а наконецъ, еще укорялъ ихъ такъ: васъ де было десять человѣкъ, да я де всѣхъ перемоглъ». Дума постановила: «записавъ, сообщить къ дѣлу и при ономъ содержать цѣлостно». Между тѣмъ Зовель Гершковичъ, получивъ деньги впередъ, трубъ заливныхъ не изготовилъ къ сроку, почему дума просила Ширкова сдать подрядъ мѣстнымъ мастерамъ, а съ Гершковича взыскать 600 руб. сер. съ процентами. Изъ протоколовъ видно, что, по крайней мѣрѣ въ въ 1786 г., деньги эти съ Гершковича взысканы не были. Если взять во вниманіе, что въ 1786 году цѣлый дворъ на Куреневщинѣ можно было пріобрѣсть за 25 руб. (прот. 6 мая), арендная плата за новую каменную городскую лавку не превышала 5 руб. въ годъ (прот. 29 апрѣля), а годовое жалованье копіисту городской думы равнялось 6 руб. (прот. 21 дек.), то потеря города должна быть признана весьма значительною [1]).

Съ кіевскимъ намѣстническимъ правленіемъ городская дума въ непосредственныя сношенія въ 1786 году не входила, исключая, впрочемъ, вопроса о приготовленіяхъ къ пріѣзду импер. Екатерины II. Приготовленія эти начались еще съ мая мѣсяца. 15 мая общая городская дума, вслѣдствіе предписанія намѣстническаго правленія, постановила: ремонтировать стоявшія на Крещатикѣ тріумфальныя ворота и украсить ихъ вновь картинами, «сему всерадостнѣйшему случаю приличествуемыми» [2]); ремонтировать скарбовую палату въ магистратѣ и «вымазать» ее алебастровыми красками и золотомъ, гдѣ оказалась порча, «а буди Ея Имп. Вел. Всемилостивѣйше удостоить изволитъ оную палату своего Всевысочайшаго посѣщенія и соблаговолить имѣть

[1]) Съ другой стороны, когда дума въ засѣданіи 30 марта отказалась измѣнить контрактъ съ подрядчикомъ по поставкѣ лѣса для города, то рѣшено было донести объ этомъ Ширкову, „въ такыхъ обстоятельствахъ, дабы паче чаянія неподнасть каковому либо ответу и взысканію“. Между тѣмъ предложеніе измѣнить контрактъ было сдѣлано лично подрядчикомъ и требовало ничѣмъ не мотивированнаго и явно убыточнаго для города возвышенія договорныхъ цѣнъ лѣса.

[2]) Изъ протоколовъ видно, что въ октябрѣ мѣсяцѣ тріумфальныя ворота были сильно повреждены неизвѣстными лицами.

въ оной палатѣ обѣденной столъ, то одному изъ гражданъ проговорить самократчайшую благодарственную рѣчь»; иллюминовать магистратъ и магистратскую башню плошками разныхъ цвѣтовъ; при въѣздѣ поднести хлѣбъ отъ всего гражданства, а городскому головѣ произнести «самократчайшую поздравительную рѣчь»: «встрѣчу здѣлать, кромѣ тѣхъ почотнѣйшихъ гражданъ, кои должны будуть быть вмѣстѣ съ городскимъ головою пѣшо, и еще на площадяхъ сто человѣкамъ на собственный ихъ коштъ одѣтымъ въ одноцвѣтное зеленое платье съ хорошымъ лошадей уборомъ и изъ городскою музыкою, цехамъ же здешнымъ быть на встрѣчи съ ихъ знаменамы и стоять по обое стороны дороги по порядку». 4 декабря по тому же поводу въ общей городской думѣ состоялось новое постановленіе: выбраннымъ съ согласія всего общества для встрѣчи императрицы повелѣть, «дабы они неотмѣнно исправыли каждой съ нихъ на собственной коштъ одноцветное зеленое съ краснымы кафтанамы платье, шапки сѣрыя, зъ вершкомъ краснымъ и китицею бѣлою, ладунки и сабли, а такъ же лошади хорошіе и съ уборомъ оныхъ изряднымъ и пры въѣздѣ ея имп. вел. въ городъ Кіевъ (кромѣ почотнѣйшихъ гражданъ, кои къ тому опредѣлени будутъ вмѣстѣ съ городскимъ главою пѣшо) встрѣчу здѣлать нимъ на лошадяхъ сколь возможно въ лутшемѣ порядкѣ. А буди бы кто съ оныхъ значущихся у вѣдомосты въ семъ случаѣ ослушнымъ оказался и положенного обществомъ не выполнилъ, то не прыемля никакихъ извиненій или отговорокъ, неминуемо съ такого взыскать штрафу пятьдесять рублей, и сіи денги роздать всѣмъ тѣмъ, кои сіе положеніе общее выполнятъ, на кормъ ихъ лошадей; о чемъ къ непремѣнному исполненію каждому съ ныхъ предписать прыказалы, съ тѣмъ чтобы они, получа сіи прыказы, ни подъ какимъ видомъ никуда съ Кіева неотлучивались, а исполнили бы выше сего изъясненное».

Изъ протоколовъ видно, что къ пріѣзду императрицы думою приняты были еще слѣдующія мѣры: къ 40 почтовымъ лошадямъ прикуплено еще 20; устроенъ деревянный мостъ на льду противъ Неводницкой пристани; ремонтировано царское мѣсто въ Андреевской церкви и магистратская башня съ расходомъ на это болѣе 1400 руб. сер.; заготовлено 15 смоляныхъ бочекъ, кои «будутъ замѣною вмѣсто дровяныхъ кучекъ, которіе нужно поставить по путы поближе къ Кіеву на случая естлибы ея имп. вел. сюда въ Кіевъ ехать въ ночное время соизволили»; собирались свѣдѣнія и готовились вѣдомости о городскихъ доходахъ, объ устройствѣ думы, ея собраніяхъ, о членахъ думы и ея канцелярскихъ чиновникахъ, также историческія справки о Кіевѣ

и о дарованныхъ ему ранѣе привилегіяхъ, которыя, какъ видно изъ протокола 25 февр., тщательно сохранялись думою въ особомъ сундукѣ [1]); устроенъ былъ живорыбный садокъ, а рыбальской управѣ предписано озаботиться, чтобы въ свое время рыба была готова въ надлежащемъ количествѣ, а мясницкой управѣ подтверждено имѣть достаточно мяса. Такъ какъ губернаторъ Ширковъ требовалъ, чтобы городъ запасался жизненными припасами ко дню пріѣзда царицы, то дума подъ угрозой конфискаціи воспретила прасоламъ продавать хлѣбъ винокурамъ, по винѣ которыхъ будто бы ощущался въ городѣ недостатокъ и дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Само собою разумѣется, что распоряженіе это практическихъ результатовъ не имѣло. (О встрѣчѣ Екатерины II Кіевомъ 29 января 1787 г. см. у Н. Закревскаго, Описаніе Кіева, изд. 1868 г., т. I, стр. 101, сл.). Объ удаленіи изъ города людей «воспою и корью, лопухою или другою какою сыпью одержимыхъ», какъ это было въ 1744 г. въ ожиданіи пріѣзда имп. Елисаветы (см. у Ал. Андріевскаго, Истор. мат. изъ архива кіев. губ. правл., Кіевъ, 1883, вып. 5, стр. 162—168), на сей разъ не слышимъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ думскихъ протоколахъ 1786 года.

II.

Финансовое хозяйство г. Кіева въ 1786 году.—Главные источники городскаго дохода.—Питейный откупъ.—Поземельные сборы.—Торговые и др. сборы.—Недоимки.—Ссудная операція городской думы въ 1786 г.—Вопросъ о займѣ городу 200,000 рублей.

Со введеніемъ намѣстничества къ кіевскому городскому управленію были предъявлены требованія, которыя казались мѣщанамъ отяготительными, а связанное съ этимъ вмѣшательство высшей администраціи въ хозяйственную жизнь города возбуждало среди представителей мѣщанства нѣкоторое неудовольствіе и нареканія. Такъ какъ городъ лишенъ былъ права самостоятельнаго распоряженія своими финансами и другими отраслями своего хозяйства, то ему оставалось лишь дѣлать о своихъ потеряхъ и нуждахъ представленія по началь-

---

[1]) Какъ извѣстно, значительное число привилегій и др. грамотъ, принадлежавшихъ Кіеву, погибли въ генеральной войсковой канцеляріи въ Глуховѣ, куда онѣ были затребованы гр. Разумовскимъ еще въ 1763 г. см. А. Андріевскій, Кіевскіе смуты средины прошлаго столѣтія. „Кіев. Старина“, 1886 г., декабрь, стр. 679.

ству. Такъ это и было въ дѣйствительности. Представленія думы нерѣдко имѣли цѣлью исходатайствовать пособіе городу отъ казны въ виду того, что Кіевъ несъ повинности, имѣвшія общегосударственное значеніе, а между тѣмъ значительная часть городскихъ доходовъ со введеніемъ намѣстничества была отобрана отъ города и обращена въ казенную палату. Особенныя заботы думы какъ общей городской, такъ и шестигласной, посвящены были питейному дѣлу, такъ какъ все городское хозяйство держалось главнымъ образомъ питейными доходами. Извѣстна ожесточенная борьба кіевскаго мѣщанства и магистрата съ козацкой старшиной изъ за права винокуренія, которая велась въ Кіевѣ прошлаго вѣка. Со введеніемъ намѣстничества, въ 1782 году, борьба прекратилась, но потому, что возбуждавшее споры право было отнято и у мѣщанъ. По договору бывшаго кіевскаго магистрата съ казенной палатой, городъ имѣлъ въ 1786 году право на полученіе изъ питейной откупной суммы 22,750 руб.,—эта была главная статья городскаго годоваго бюджета. Деньги эти выручались отъ продажи хлѣбнаго вина собственно на Подолѣ, гдѣ были принадлежавшіе городу, сдаваемые въ аренду мѣщанамъ шинки; на Печерскѣ и въ Старомъ городѣ винная торговля производилась почти исключительно отъ казны и въ городской доходъ поступалъ лишь 1% казенной питейной выручки [1]). Такъ какъ по разсчету казенной палаты городской доходъ Кіева въ 1786 году долженъ былъ не превышать суммы въ 27,464 руб. съ копѣйками, то легко понять интересъ думы къ питейной операціи. Эта послѣдняя собственно стояла внѣ вѣдѣнія думы и назначенный по росписанію доходъ лишь передавался въ городскую казну отъ смотрителей питейной экономіи Барскаго, Яруцкаго и Атанасевича, подчиненныхъ казенной палатѣ и городовому магистрату. Но, вслѣдствіе наступившей въ 1786 г. сравнительной дороговизны хлѣба, выручка городскаго питейнаго дохода встрѣчала немало затрудненій, тѣмъ болѣе, что городъ не держалъ винокуренъ и пріобрѣталъ вино по вольной цѣнѣ отъ мѣстныхъ винокуровъ. Поэтому шестигласная дума считала себя вправѣ ходатайствовать предъ губернаторомъ о принятіи мѣръ противъ вздорожанія хлѣба, о нестѣсненіи

---

[1]) На Печерскѣ еще въ 1786 г. было нѣсколько шинковъ, принадлежавшихъ монастырямъ. 15 іюня дума ходатайствовала о передачѣ этихъ шинковъ городу, который по указу 3 мая 1783 г. долженъ „очищаться отъ всего несвойственнаго“, или по крайней мѣрѣ объ отчисленіи 1% дохода въ городскую казну. Отвѣта отъ Ширкова не послѣдовало.—Съ казенныхъ шинковъ въ Печерскѣ и Старомъ Кіевѣ поступило за апрѣльскую треть 1786 г. въ городской доходъ всего 15 р. 90 к.

вольнаго мѣщанскаго винокуренія и, наконецъ, о разрѣшеніи продавать въ городскихъ шинкахъ вино по 14 коп. за кварту вмѣсто прежнихъ 12 коп., но въ то же время дума просила обязать мѣщанъ сбывать выкуренное вино только въ городской магазинъ. Такимъ образомъ, въ заботахъ думы главную роль игралъ фискальный моментъ, потому что городская монополія въ дѣлѣ купли вина отъ винокуровъ могла быть лишь невыгодна для этихъ послѣднихъ. Для думы имѣло значеніе и то, что съ земель подъ мѣщанскими винокурнями городъ получалъ до 500 руб. сер. ежегодно т. наз. покуничнаго сбора, пока вольное винокуреніе не было воспрещено,—сумма по тому времени весьма значительная. Изъ протоколовъ видно, что казенная палата согласилась только на просимое возвышеніе продажной цѣны вина, отпускаемаго изъ городскихъ шинковъ, «ибо такова прибавка никому въ тягость быть не можетъ, потому что всякъ, имѣя собственную свою волю покупать оное по тѣмъ цѣнамъ, а естли не пожелаетъ, будетъ въ томъ безъ малѣйшаго принужденія» (прот. 5 февр.). Хотя дума и представляла Ширкову, что, вслѣдствіе запрета вольнаго винокуренія, граждане впадутъ въ нищенство и разореніе и не станутъ вносить податей и налоговъ, но на это даже отвѣта не послѣдовало (прот. 9 сент.). Не были удачнѣе и ходатайства думы о прекращеніи буйствъ солдатъ по городскимъ шинкамъ. Въ маѣ дума жалуется, что солдаты днѣпровскаго пѣхотнаго полка, «ходя въ питейные домы, приходящихъ за покупкою горячого вына людей бьютъ безвынно и разные обиды и азарты дѣлаютъ, както не платятъ выпивши за выно денегъ, разбиваютъ бутылки, стаканы и чарки, а чрезъ то городской суммѣ дѣлаютъ немалый убытокъ». Дума избѣгала возбуждать по этому поводу оффиціальную переписку, опасаясь отсюда большихъ для себя хлопотъ и непріятностей, и вступила въ частныя словесныя сношенія «черезъ нарочнаго» съ военными властями объ удовлетвореніи обиженныхъ. Въ октябрѣ въ протоколахъ встрѣчаемъ новыя жалобы на то, что солдаты занимаются воинскимъ артикуломъ въ городскихъ шинкахъ и «подъ видомъ ученія» не пропускаютъ туда посѣтителей, чиня при этомъ различныя буйства и своеволія [1]). Жаловалась дума и на тайную торговлю какъ хлѣбнымъ, такъ и виноградномъ виномъ, въ ущербъ городскимъ доходамъ и мѣщанству, производимую купцами

---

[1]) На городской почтовой станціи Ширковъ, вслѣдствіе просьбы думы, распорядился поставить оберъ-офицера, въ виду „азартничества" проѣзжающихъ курьеровъ (прот. 28 сент.).

Павловымъ, Загоровскимъ, Масловскимъ, Лакердою, бунчуковымъ товарищемъ Гудимою, Братскимъ монастыремъ и др. Но жалобы эти встрѣчаются въ протоколахъ думы довольно рѣдко, и тѣмъ болѣе, что 10 іюня Ширковъ, впредь до особаго указа сената, воспретилъ городу взимать въ свою пользу по 10 р. съ буты винограднаго вина, продаваемаго во всѣхъ частяхъ города,—по этому сбору за мѣстными торговцами Радзицкимъ, Рыбальскимъ, Лакердою, Иванскимъ и Маркевичемъ накопилась немалая недоимка еще съ 1783 г., которую Ширковъ въ январѣ 1786 г. распорядился было взыскать, но затѣмъ по неизвѣстной причинѣ измѣнилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ.

Послѣ питейнаго, самый крупный доходъ получался съ поземельныхъ сборовъ разнаго рода. Въ 1785 г. съ 929 дворовъ на Подолѣ и съ купеческихъ и мѣщанскихъ дворовъ въ предмѣстьяхъ въ пользу города взималось *покуничнаго* по полушкѣ, съ квадратнаго аршина земли и *поворотнаго* по двѣ коп. съ каждаго двора. Земли, на которыхъ стояли различныя промышленныя заведенія, особенно винокурни, обложены были значительно высшею платою. Въ январѣ 1786 г. и этотъ доходъ города былъ значительно уменьшенъ, вслѣдствіе распоряженія губернатора Ширкова: прежній покуничный и поворотный сборъ, взимавшійся со всѣхъ обывателей безразлично, былъ отмѣненъ; съ купцовъ и мѣщанъ, имѣвшихъ дома внутри города или хутора въ предмѣстьяхъ, разрѣшено было взимать отнынѣ лишь по полушкѣ съ аршина земли, но не болѣе, и поворотнаго брать не велѣно, «по причинѣ что оны будучи здѣшніе купцы и мѣщане платятъ указные податы и отбуваютъ городскую службу»; съ разночинцевъ всякаго чина и званія, владѣвшихъ домами въ городѣ или хуторами въ предмѣстьяхъ, разрѣшено было взимать покуничные: за землю подъ дворомъ, въ городѣ съ квадр. саж. по копейкѣ, за землю въ хуторахъ удобную, подъ дворомъ, винокурнею, мельницею или плотиною, съ кв. сажени по денежкѣ, а подъ садомъ, огородомъ, пастовникомъ или сѣнокосомъ—по полушкѣ (напр. за 720 саж.—3 р. 60 к., за 3 дес. 638 саж. по полушкѣ—19 р. 59 к. съ денежкою). За земли подъ лѣсами, прудами и ручьями воспрещено было взимать какіе либо сборы въ пользу города, а съ кузницъ разрѣшено брать по 20 коп. поворотнаго. Распоряженіе это, очевидно, имѣло цѣлью облегчить лицъ, владѣвшихъ въ Кіевѣ недвижимою собственностью, но не принадлежащихъ къ мѣстному обществу, гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, пріобрѣвшимъ здѣсь осѣдлость, жившимъ въ Кіевѣ козакамъ и вообще всѣмъ тѣмъ, кто не входилъ въ составъ одного изъ шести городскихъ сословій. Та-

кихъ лицъ въ современномъ Кіевѣ было не мало; условія, на которыхъ они владѣли своими грунтами, были самыя разнообразныя и запутанныя; почти всѣ разночинцы относились враждебно къ мѣстному мѣщанству и купечеству, правами котораго, нѣкогда весьма обширными, не могли пользоваться. Поэтому къ концу года оказалось, что только одинъ разночинецъ внесъ покуничный сборъ, остальные же отказались наотрѣзъ, объявивъ, «что требуемыхъ городскою думою денегъ не уплатятъ, а будутъ о семъ просить высшей власти». Думѣ оставалось лишь просить содѣйствія Ширкова, что она и сдѣлала, съ обычнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, мѣщане и купцы также весьма неохотно платили покуничное и накапливали безнадежныя недоимки. Несмотря на всѣ усилія думскихъ уполномоченныхъ, къ 9 сентября покуничнаго сбора удалось взыскать лишь 27 р. 5 к. сер.

Хотя казенная палата въ росписаніи своемъ отъ 25 ноября 1785 г., разсчитала годовой доходъ Кіева въ суммѣ 27,464 р. 25¼ коп., но разсчетъ этотъ оказывается весьма проблематичнымъ при провѣркѣ его по думскимъ протоколамъ. Провѣрка эта не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ о поступленіи въ городской доходъ даже нѣсколько десятковъ коп. немедленно докладывалось шестигласной думѣ, которая составляла каждый разъ особое опредѣленіе о передачѣ денегъ городскимъ казначеямъ. Изъ этихъ подробныхъ протокольныхъ записей видно, что, кромѣ указанныхъ выше, городскіе доходы Кіева слагались въ 1786 году изъ слѣдующихъ статей: аренда 107 городскихъ лавокъ принесла 670 руб.; за отведенныя иногороднимъ купцамъ мѣста на успенской ярмаркѣ выручено 312 р. 41¼ к., за тѣ же мѣста передъ городскими лавками съ мѣстныхъ купцовъ взыскано 175 р. 87 к.; откупныхъ денегъ по продажѣ збитня и ячнаго кваса получено 200 руб. сер., и на слѣдующій годъ статья эта сдана на откупъ уже за 630 руб.; аренда полочекъ въ гостинномъ дворѣ дала 252 р. 38 к., аренда городской мельницы на р. Помойникѣ—33 р. 34 к., сборъ съ торговцевъ прѣсною брагою—28 р. 40 к., съ содержателя торговыхъ бань—20 р., съ торговцевъ прѣснымъ медомъ и вяленою рыбою—10 р. 10 к., 1% съ казеннаго питейнаго дохода по Печерску и Ст. Кіеву—15 р. 90 коп., за апрѣльскую треть, аренда городскаго погреба и ледника—60 руб., ярмарочной пошлины съ Печерска 3 руб. Почтовый дворъ приносилъ городу ежемѣсячно отъ 48 до 100 руб. дохода, но расходы въ нѣсколько разъ превосходили доходъ: содержаніе почты лежало на обязанности города. Штрафовъ съ цеховыхъ и купцовъ за нарушеніе уставовъ въ 1786 году поступило 27 руб-

лей[1]). Нельзя причислять къ постояннымъ городскимъ доходамъ такія поступленія, какъ 18 р. за проданную городскую лошадь, 1809 руб. за проданный изъ запаснаго магазина хлѣбъ, вмѣсто котораго пришлось тогда же купить новый по высшей цѣнѣ, и, наконецъ, выморочный капиталъ лекаря Некиша въ 1514 руб. съ копѣйками, не безъ труда истребованный отъ магистрата. Такимъ образомъ, доходные источники Кіева въ 1786 г. оказываются достаточно ничтожными, исключая питейнаго дохода, и совершенно очевидно, что уступка этого дохода Кіеву была въ то время дѣломъ неизбѣжнымъ, такъ какъ иначе городъ лишенъ былъ бы возможности удовлетворить своимъ насущнымъ нуждамъ и выполнять возложенныя на него обязательныя повинности. Такъ какъ инициатива въ хозяйственныхъ дѣлахъ города находилась въ рукахъ губернатора, то въ протоколахъ встрѣчаемъ лишь рѣдкія и маловажныя указанія на тѣ мѣры, которыя дума считала съ своей стороны необходимыми для поднятія городскаго хозяйства и увеличенія городскихъ доходовъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ просьбы о ссудѣ городу 200,000 рублей, можно указать лишь на ходатайство о передачѣ городу монастырскихъ лавокъ и шинковъ и о разрѣшеніи ему устроить перевозъ черезъ Днѣпръ со взиманіемъ платы въ свою пользу, а не въ доходъ казны.

Но судьба этихъ ходатайствъ неизвѣстна,—вѣроятно Ширковъ не обратилъ на нихъ вниманія, такъ какъ отвѣтъ его неизбѣжно былъ бы упомянутъ въ протоколахъ думскихъ засѣданій. Не болѣе простора имѣла городская дума и для экономіи въ расходахъ, такъ какъ размѣръ и назначеніе послѣднихъ исключительно зависѣли отъ распоряженій губернатора и казенной палаты. Выше упомянуто уже о нѣкоторыхъ случаяхъ непосредственнаго вмѣшательства Ширкова въ хозяйственыя дѣла города. Немалое неудовольствіе среди гласныхъ думы возбудило распоряженіе казенной палаты объ уплатѣ изъ дохо-

[1]) Городскіе лѣса и сѣнокосы денежнаго дохода почти не приносили. Рубить дерево въ лѣсахъ разрѣшалось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. по случаю проѣзда бывшаго крымскаго хана Шагинъ Гирея (прот. 8 окт. и 11 ноября 1786 г.) и замощенія фашинникомъ нѣкоторыхъ городскихъ улицъ. Сѣнокосы городскіе на Трухановомъ островѣ сданы были на шесть лѣтъ нѣсколькимъ мѣщанамъ безъ платы, для расчистки отъ лозы, но расчистка производилась медленно и неохотно. Городской сѣнокосъ Убедь возлѣ Кирилловскаго монастыря всегда оставался „для выгоды обществеиой здѣшнихъ гражданъ какъ для свободнаго укошенія травы“, но въ іюлѣ 1785 г. этотъ „громадскій сѣнокосъ“ самоуправно выкошенъ городничимъ Кругловымъ. Думѣ оставалось лишь записать объ этомъ въ протоколъ и „пріобщивъ къ дѣлу, при ономъ содержать цѣлостно“,—обычная формула въ подобныхъ случаяхъ.

довъ Кіева 13,800 р. 48 к. графу Апраксину за купленное у него для г. Козельца имѣніе; по контракту съ палатою Козелецъ обязался выплачивать свой долгъ частями—по 200 руб. въ годъ. Когда совѣтникъ намѣстническаго правленія Иванъ Корбе предложилъ помѣнять свою усадьбу на городской грунтъ на Преоркѣ, то общая городская дума, единогласно отказавшись отъ этой сдѣлки, какъ явно убыточной для города, не безъ горечи напомнила, что и для Козельца пріобрѣтена у Апраксина земля, но деньги уплачены изъ доходовъ города Кіева, «почему и можетъ Козелецъ, купивъ за денги другого города то имѣніе, пріобрѣтеніе назвать для себе полезнымъ»,—сдѣлка же съ Корбе пользы Кіеву не обѣщаетъ.

Какъ ни малочисленны и скудны были источники городскихъ доходовъ, но взиманіе городскихъ сборовъ встрѣчало много затрудненій и поставлено было достаточно неудовлетворительно. Недоимки накоплялись изъ года въ годъ, дума составляла списки недоимщиковъ и отсылала къ городничему или въ управу благочинія, откуда получался обычный отвѣтъ, что недоимщики «упорствуютъ». Особенно много хлопотъ въ этомъ случаѣ имѣла дума съ т. наз. разночинцами, которые, живя на городской землѣ и занимаясь нерѣдко торговлею и промыслами, не считали себя членами городской общины и сильно тяготились необходимостью выплачивать городскіе сборы разнаго рода [1]); немало числилось недоимки и за посполитыми, жившими на оброкѣ на городскихъ земляхъ. Городничій и управа благочинія при взиманіи недоимки обращались даже къ содѣйствію военной команды. О сложеніи недоимокъ въ 1786 г. не слышимъ, а только въ ноябрѣ этого года губернаторъ Ширковъ предложилъ думѣ произвести раскладку подушнаго оклада бѣднѣйшихъ мѣщанъ на все общество «послѣ тончайшей выправки о бѣдности», но эта мѣра имѣла въ виду оградить казенный интересъ и не касалась собственно городскаго финансоваго хозяйства.

Сколько можно судить по протоколамъ, кіевская городская дума не имѣла точныхъ свѣдѣній о доходности городскаго имущества и различныхъ оброчныхъ статей,—доходы поступали по заведенному порядку, а расходовались большею частью по указаніямъ губернатора, и въ составленіи подробной и провѣренной практикою прежнихъ лѣтъ смѣты городскихъ доходовъ дума не видѣла особенной нужды.

---

[1]) Въ протоколахъ 13 окт. записанъ докладъ о томъ, что разночинцы упорно торгуютъ на Печерскѣ, сборовъ не платятъ, а ярмарочнаго смотрителя грозятъ бить и бороду вырвать.

Тѣмъ менѣе ощущалась эта нужда въ 1786 году, что новая городская дума получила черезъ казенную палату отъ бывшаго городскаго магистрата значительную по тому времени сумму наличными деньгами— 46,508 р. 20 к. и кромѣ того наводилась справка о 55,588 р. 78 к., которые хотя еще не поступили въ распоряженіе думы, но числились по счетамъ казенной палаты и бывшаго магистрата и также принадлежали городу. Такимъ образомъ въ распоряженіи городской думы въ 1786 году находится значительный денежный капиталъ, не имѣвшій опредѣленнаго смѣтнаго назначенія и увеличивавшійся новыми поступленіями, особенно съ питейнаго откупа. Какъ увидимъ ниже, расходы Кіева по разнымъ статьямъ городскаго хозяйства были весьма значительны и при обыкновенныхъ условіяхъ городской доходъ скоро истощился бы; вотъ почему дума, предвидя дефициты, нѣсколько разъ ходатайствуетъ о продолженіи прежнихъ казенныхъ пособій, которыя были прекращены со введеніемъ намѣстничества и устройствомъ казенной палаты. Эта послѣдняя находила, что доходы города вполнѣ достаточны для покрытія обязательныхъ расходовъ, и какъ дума не доказывала ошибочность такого взгляда, ссылаясь на отобраніе многихъ доходныхъ статей въ казну и чрезмѣрное возрастаніе городскихъ повинностей, представленія ея имѣли самый незначительный успѣхъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. До поры, до времени, если не доходы, то имѣвшіеся на лицо городскіе капиталы дѣйствительно съ избыткомъ покрывали городской обязательный расходъ, такъ что дума имѣла возможность даже заниматься ссудой денегъ частнымъ лицамъ. Операція эта заслуживаетъ вниманія по своей оригинальности и какъ первый опытъ примѣненія въ Кіевѣ городскаго дешеваго кредита.

Хранившіеся въ кассѣ думы капиталы, въ виду отсутствія правильной смѣты доходовъ и расходовъ, не имѣли спеціальнаго назначенія и потому для городскихъ кредитныхъ сдѣлокъ особаго капитала назначено не было ни въ 1785, ни въ 1786 годахъ. Частныя лица, нуждавшіяся въ деньгахъ, обращались съ просьбой о займѣ или непосредственно въ городскую думу какъ общую, такъ и шестигласную, или къ губернатору Ширкову. При крупныхъ займахъ шестигласная дума обыкновенно созывала думу общую, которая, обсудивъ вопросъ о выгодности займа и вѣрности обезпеченія, ходатайствовала передъ Ширковымъ о разрѣшеніи выдать нужную сумму изъ городскихъ средствъ. Такой порядокъ соблюдался, если просители обращались въ думу. Но очень нерѣдко случалось, что Ширковъ попросту

предлагалъ думѣ выдать извѣстную сумму указанному лицу, и тогда дума безпрекословно исполняла приказъ, ограничиваясь занесеніемъ въ протоколъ, что это дѣлается именно по распоряженію губернатора. Изъ протоколовъ видно, что ссуды выдавались изъ указныхъ шести процентовъ, при чемъ проценты высчитывались изъ ссуды впередъ, такъ что при займѣ на полгода 8,000 р. совѣтнику кіевскаго губернскаго правленія Энгельгардту вычтено впередъ 240 р. и выдано всего 7,760 р. Ссуды выдавались подъ векселя, поручительство частныхъ лицъ и залогъ движимостей, наприм. серебряныхъ вещей разнаго рода; при этомъ одинъ видъ обезпеченія не исключалъ возможности примѣненія и другаго, такъ что иногда ссуды выдаваемы были подъ вексель, поручительство и залогъ вещей разомъ. Охотнѣе всего дума ссужала мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ, и въ протоколахъ не встрѣчаемъ ни разу отказа въ ходатайствахъ этихъ лицъ о ссудѣ изъ городской казны. Мѣстнымъ обывателямъ изъ купцовъ и мѣщанъ ссуды выдавались большею частью подъ поручительство на векселѣ, такъ какъ аккуратная выплата долга представлялась думѣ въ этомъ случаѣ «несумнительною». Должно замѣтить однако, что бѣдные обыватели почти не пользовались услугами городскаго кредита, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ ссуды мѣщанамъ и купцамъ въ 100, 300, 400 и 500 рублей; крупнѣйшимъ купцамъ выдавались ссуды въ 1000 и 2000 рублей; наконецъ, всѣмъ гражданамъ, участвовавшимъ въ питейномъ откупѣ, выдано было въ ссуду 10,000 руб. сер. подъ залогъ хлѣбнаго вина, имѣвшагося на лицо въ городскомъ винномъ магазинѣ,—ссуда выдана была именно для уплаты за это вино. Затѣмъ крупнѣйшія ссуды выдавались по прямому приказанію губернатора Ширкова и при томъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ числу кіевскихъ гражданъ. Неизвѣстно, было ли это такъ при ссудѣ коронному польскому гетману Браницкому 15,000 руб. сер. въ 1785 году подъ поручительство упомянутаго выше Энгельгардта, такъ какъ протоколовъ 1785 года не сохранилось, но самъ Энгельгардтъ въ 1786 году получилъ изъ думы ссуду въ 8,000 р. на полгода и затѣмъ 4,000 руб. на годъ, оба раза по предписанію Ширкова, такъ какъ дума своею властью не выдавала денегъ и, какъ видно, не довѣряла Энгельгардту; не желала дума ссудить 3,000 руб. сер. кіевскому дворянству, которое обратилось было сперва съ просьбою объ этомъ къ думѣ, но Ширковъ распорядился выдать 2,000 руб. на три мѣсяца; по предписаніямъ Ширкова выданы ссуды: въ 2,000 рублей кіевскаго 6-го батальона «примеръ-маіору» Мартьянову, плацъ-маіору

Яхонтову и капитану Червинскому, 3000 и 1000 р. кіевскому губернскому почтмейстеру Волховскому, 3000 р. владимірской старостинѣ Натальѣ Ледоховской, неизвѣстнаго размѣра ссуда протоколисту дворянской опеки Степану Терновскому, 1,000 руб. кіевскому вице-губернатору Башилову. Распоряженіе о займѣ старостинѣ Ледоховской сдѣлано было вопреки ясно выраженному общею городскою думою недовѣрію къ этой дамѣ, какъ жившей въ другомъ государствѣ и дѣлавшей заемъ безъ согласія своего мужа; не съ большею охотою выдала дума и ссуду кіевскому дворянству, какъ можно догадываться по тону думскаго протокола. Лишь въ отказѣ ссудить 2000 р. женѣ коронноповѣреннаго кіевскихъ питейныхъ сборовъ Ростовцевой, мужъ которой былъ признанъ банкротомъ, Ширковъ присоединился къ мнѣнію думы. Въ результатѣ всей кредитной операціи за 1786 годъ оказывается, что мѣстнымъ купцамъ выдано было разновременно въ ссуду около 6,000 рублей, мѣстнымъ мѣщанамъ—около 4,400 рублей, 10,000 рублей ссужено смотрителямъ питейной экономіи для уплаты за пріобрѣтенное откупщиками хлѣбное вино и около 25,000 рублей выдано въ ссуду разнымъ, большею частью чиновнымъ, лицамъ, не принадлежавшимъ къ составу городской общины и не несшимъ городскихъ налоговъ и повинностей. При наличныхъ городскихъ средствахъ обрисованная вкратцѣ выше кредитная операція не могла быть расширена сколько нибудь значительно, между тѣмъ дума и гражданство считали ее не безвыгодною для города и отвѣчавшею потребности горожанъ. Уже 12 сентября городская дума разсуждала, что слѣдуетъ обратиться къ гр. Румянцеву съ просьбой объ исходатайствованіи для Кіева ссуды въ 200,000 рублей изъ заемнаго банка для отдачи этихъ денегъ заимообразно мѣстнымъ промышленникамъ разнаго рода подъ соотвѣтственные залоги, при чемъ постановлено было также донести о размѣрѣ и видахъ городской торговли и промысловъ. Въ донесеніи этомъ встрѣчаемъ, впрочемъ самыя общія, указанія на незначительность и упадокъ промышленной жизни Кіева, точныхъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу у самой думы не было; между прочимъ здѣсь указано на то, что мѣстные граждане не имѣютъ фабрикъ, «а имѣть оніе по способносты мѣста желаютъ», и что, благодаря недостатку свободныхъ капиталовъ, торговля города стѣснена, такъ какъ мѣстное купечество не пользуется кред..томъ заграницею и получаетъ оттуда товары частью мѣною, частью на выручаемыя отъ продажи мѣстныхъ произведеній деньги. Мѣсяцъ спустя вопросъ о ссудѣ городу обсуждался уже общею городскою

думою вмѣстѣ съ членами городскаго магистрата и мнѣніе шестигласной думы было одобрено, какъ совершенно правильное и соотвѣтствующее интересамъ города. Само собою разумѣется, что въ 1786 г. вопросъ этотъ еще разрѣшенъ не былъ, и изъ протоколовъ видно, что въ этомъ году намѣстническое правленіе не прислало отвѣта на ходатайство города.

Н. Молчановскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЧУМА.

I.

Пріоръ іезуитскаго монастыря въ Тернополѣ, возвратясь изъ общей монастырской столовой, слегка зѣвая, готовился прилечь и отдохнуть послѣ хорошаго обѣда, для чего по случаю жаркой лѣтней погоды снялъ сапоги и рясу, какъ вдругъ въ дверь его кельи раздался стукъ. Наморщивъ лобъ и сдѣлавъ непріятную гримасу, пріоръ помолчалъ съ минуту, и только послѣ второго стука сказалъ.

— Войдите!

Съ низкимъ, утрированно смиреннымъ поклономъ вошелъ членъ конвента, патеръ Гаудентій.

— Вамъ что нужно, frater?—строго спросилъ его пріоръ.

— Я хотѣлъ просить васъ, clarissime,—началъ патеръ, останавливаясь у порога,—чтобъ вы выслушали меня. Я хотѣлъ бы сообщить вамъ кое что....

— Что нибудь важное случилось?—отрывисто спросилъ пріоръ.

— Н-нѣтъ,—замялся патеръ,—случиться не случилось ничего особеннаго. Но я хотѣлъ просить васъ выслушать нѣкоторыя мои мысли и соображенія....

— А, такъ, ваши мысли!—сказалъ съ нѣкоторымъ ироническимъ оттѣнкомъ въ голосѣ пріоръ.—Но нельзя ли эти мысли и соображенія отложить до болѣе удобнаго времени?

— Конечно, конечно, можно,—поспѣшилъ согласиться патеръ.—Однако извините, clarissime, я думалъ, что время теперь самое подходящее: школьныхъ занятій нѣтъ, да къ тому же еще при-

ближается срокъ высылки нашему преосвященному отцу провинціалу обычнаго ежемѣсячнаго рапорта.

— Рапорта!—почти вскрикнулъ пріоръ и совершенно очнулся отъ той полудремоты, въ которую начала его было погружать мѣрная и монотонная рѣчь патера, сопровождаемая жужжаньемъ большихъ мухъ въ рѣшетчатомъ окнѣ кельи, да чириканьемъ воробьевъ среди вѣтвей густыхъ вишень, нависшихъ къ самому окну.—Рапорта!—повторилъ онъ еще разъ и изъ подлобья взглянулъ на патера.

— А вамъ какое дѣло до рапорта?

— Сохрани Богъ,—поспѣшилъ извиниться патеръ Гаудентій.— Я отлично знаю, clarissime, что рапортъ—ваше дѣло, и потому именно осмѣливаюсь утруждать васъ моей просьбой, чтобъ вы могли изложить мои мысли и соображенія и представить ихъ въ своемъ рапортѣ отцу провинціалу, конечно, ежели онѣ вамъ покажутся того достойными и подходящими.

Но пріоръ, хотя и не сводилъ пристальнаго взгляда съ патера Гаудентія, не слушалъ его вкрадчивой, нѣсколько водянистой и монотонной рѣчи. Его занимала новая, внезапно поразившая его мысль. Онъ зналъ, что всякій изъ патеровъ имѣетъ право секретно обращаться къ провинціалу съ „рефератами“, т. е. съ доносами на прочую братію и въ томъ числѣ на него самого, пріора. Но до сихъ поръ дѣла какъ то такъ складывались въ монастырѣ, что тернопольскій конвентъ жилъ, какъ одна семья, и никто изъ-за взаимныхъ доносовъ не имѣлъ никакихъ непріятностей. Въ настоящемъ же году дѣла вдругъ измѣнились къ худшему. Ни съ того ни съ сего двухъ патеровъ перевели изъ Тернополя въ какой то горный монастырь въ Тиролѣ, считающійся мѣстомъ заточенья, и вмѣсто нихъ прислали двухъ новыхъ. Съ тѣхъ поръ какъ будто мѣшокъ развязался со всякими выговорами, реколлекціями и прочими непріятностями, которыя такъ и сыпались изъ Кракова на несчастный тернопольскій конвентъ. Пріоръ и всѣ патеры недоумѣвали, кто это такъ имъ прислуживается. Подозрѣніе падало то на того, то на другаго изъ патеровъ, тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали себя виноватыми во

многихъ послабленіяхъ и упущеніяхъ противъ монастырской дисциплины.

Патера Гаудентія какъ то всего менѣе подозрѣвали въ этихъ „пакостяхъ“. Во первыхъ, съ его прибытія въ конвентъ прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ, и первые годы его пребыванія среди тернопольскихъ іезуитовъ были самые благополучные. Во вторыхъ, патеръ Гаудентій пользовался у прочей братіи репутаціей Якима-Простоты или даже, пожалуй, какого то юродиваго. Репутація эта, повидимому, очень огорчавшая патера, но которую онъ тѣмъ не менѣе всегда поддерживалъ разными незамысловатыми выходками, составилась главнымъ образомъ вслѣдствіе его знаменитаго „миссіонерскаго похода въ одиночку“ въ люблинскую губернію, для католической пропаганды среди тамошнихъ уніатовъ. Походъ этотъ кончился самымъ постыднымъ бѣгствомъ патера изъ предѣловъ Россіи, гдѣ онъ, подобно древнему пророку Іонѣ, пробылъ всего три дня, и откуда возвратился безъ памяти отъ страха и отъ удара, полученнаго имъ ночью прикладомъ ружья отъ мощной руки пограничнаго объѣздчика. Съ истинно комическимъ прискорбіемъ разсказывалъ патеръ объ этомъ своемъ подвигѣ, и разсказъ его всегда доводилъ всю братію до взрывовъ неудержимаго хохота. Самъ же патеръ Гаудентій, какъ будто не замѣчая этого впечатлѣнія, строилъ при этомъ казанскую сироту и, увлекаясь разсказомъ, то блѣднѣлъ, то дрожалъ, то плакалъ, что конечно еще болѣе заставляло смѣяться его слушателей. Притомъ же патеръ казался такимъ простымъ, прямодушнымъ и незлобнымъ, что трудно было даже представить себѣ его пишущимъ доносы на своихъ собратій.

А все таки, по какому то неясному внушенію, именно эта мысль и промелькнула въ головѣ пріора въ тотъ моментъ, когда патеръ упомянулъ о ежемѣсячномъ рапортѣ. Онъ вспомнилъ все, что зналъ о прошломъ патера Гаудентія. Сынъ убогаго мазурскаго крестьянина, онъ былъ когда то взятъ тарновскимъ епископомъ Войтаровичемъ на воспитаніе и по смерти его поступилъ въ ученіе къ іезуитамъ въ Краковѣ, окончивъ образованіе въ Римѣ, гдѣ и принялъ монашество и поступилъ въ орденъ „имени Іисусова“. Пріору неизвѣстна была репутація,

какою пользовался Гаудентій въ Римѣ. Онъ зналъ только, что нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ посланъ самимъ генераломъ ордена Бекксомъ „миссіонеромъ“ въ люблинскую губернію, гдѣ и провалился самымъ блистательнымъ образомъ. Теперь только, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, пріоръ мгновенно пришелъ къ убѣжденію, что, въ виду чрезвычайной важности „позиціи“ католицизма въ люблинской губерніи и вообще въ Россіи, римскіе верховоды должны же были хорошенько обдумать, кому ввѣрять такое дѣло, какъ миссія, и вслѣдствіе этого должно быть въ молодомъ патерѣ усмотрѣли какую нибудь гарантію ея успѣшнаго исхода. Отсюда патеръ Гаудентій долженъ же быть не такимъ ужъ простофилей и дуракомъ, за какого себя выдавалъ до сихъ поръ. А въ такомъ случаѣ пріору сразу все становилось яснымъ и патеръ Гаудентій, можетъ быть самъ того не вѣдая, мгновенно выросъ въ его глазахъ. Весь образъ дѣйствій этого юродиваго патера сразу получалъ совсѣмъ другое значеніе, значеніе очень ловко придуманной и искусно исполненной, чисто іезуитской интриги; къ тому уже давно догадывался пріоръ, что въ Римѣ недовольны образомъ дѣйствій тернопольскаго конвента, что отъ него, какъ отъ крайней твердыни на востокѣ, ожидаютъ бóльшаго; инстиктивно чувствовалъ онъ приближеніе чего то роковаго. И вглядываясь пристально, исподлобья въ патера Гаудентія, онъ не безъ основанія предполагалъ въ немъ провозвѣстника или даже авангардъ этого новаго направленія въ ихъ дѣятельности, которая должна была смести его, какъ смела отосланныхъ въ Тироль фратеровъ.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и соображеній, промелькнувшихъ въ головѣ пріора, лицо его приняло какой то озабоченный видъ, и онъ, помолчавъ съ минуту, какъ то поспѣшно и отрывисто проговорилъ:—Гмъ, вотъ какъ! Мысли и соображенія..... Что жъ, это хорошо! конечно, конечно обсудимъ и изложимъ... Садитесь, reverendissime, садитесь пожалуйста здѣсь! Я къ вашимъ услугамъ.

Тонкая ироническая улыбка пробѣжала по лицу патера, покуда онъ, униженно раскланиваясь, занялъ мѣсто на простомъ деревянномъ стулѣ у стола, за которымъ возсѣлъ пріоръ.

— Ну-съ, reverendissime, произнесъ пріоръ, когда они оба усѣлись другъ противъ друга. На счетъ чего хотите вы предложить свои мысли?

— Одна только у меня забота, clarissime, всѣмъ намъ общая: благо и преуспѣяніе нашей святой, католической церкви, отвѣтилъ патеръ Гаудентій.—Вамъ, clarissime, конечно, лучше меня извѣстно положеніе нашей церкви въ здѣшнемъ краѣ, особенно же положеніе нашего конвента здѣсь, на самомъ восточномъ аванпостѣ католицизма, на самомъ, такъ сказать, виду могучаго и грознаго противника—православія.

— А, значитъ, я не ошибся!—подумалъ пріоръ, это онъ, провозвѣстникъ реформы, подосланный къ намъ въ соглядатаи! Это онъ—авторъ доносовъ! Ну, хорошо, теперь по крайней мѣрѣ я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

И затѣмъ, обращаясь къ патеру, какъ бы недоумѣвая, спросилъ.

— Позвольте однако, reverendissime, но я не совсѣмъ ясно понимаю къ чему это вступленіе?

— Сейчасъ буду имѣть честь объяснить вамъ все,—поспѣшно произнесъ патеръ,—смиренно прося вниманія съ моимъ словамъ. Я хотѣлъ только предупредить васъ, что я не позволилъ себѣ ни на минуточку сомнѣваться никогда въ вашей глубокой мудрости и въ вѣрномъ знаніи и пониманіи окружающихъ насъ обстоятельствъ, и если позволилъ себѣ по своему собственному побужденію собратъ кое какія свѣдѣнія, касающіяся настоящаго положенія вещей, и формулировать кой какіе выводы, то никакъ не изъ недовѣрія къ вашему руководительству, но скорѣе изъ горячаго усердія къ нашему общему святому дѣлу.

Недоумѣніе пріора смѣнилось нетерпѣніемъ. Онъ почувствовалъ какое то отвращеніе и ненависть къ сидящему предъ нимъ приниженному лицемѣру и доносчику, сознавая въ то же время, что тотъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ совсѣмъ въ духѣ правилъ іезуитскаго ордена. Дѣло касалось пріора лично, и потому въ немъ человѣкъ взялъ верхъ надъ іезуитомъ. Сообразивъ, что передъ нимъ сидитъ его тайный врагъ и соглядатай, онъ и рѣшился говорить съ нимъ прямо, безъ лишняго фарисейства.

„Покуда я еще здѣсь старшій, думалъ онъ,—и нужно дать ему это почувствовать, а тамъ будь что будетъ“.

— Знаете, reverendissime—произнесъ онъ какимъ то жесткимъ и брезгливымъ тономъ,—говорите со мной просто и открыто. Я въ Римѣ не бывалъ, дипломатіи никогда не обучался, и всегда думалъ, что за ней скрывается порядочная доля неискренности. Къ тому же я думаю, что мы свои люди, такъ будемъ же говорить безъ лишнихъ обиняковъ.

Патеръ опять улыбнулся иронически, какъ будто чувствовалъ удовольствіе въ томъ, что такъ скоро вывелъ старика изъ терпѣнія и заставилъ его такъ открыто высказаться.

— Что жъ, воля ваша, clarissime,—сказалъ онъ, все тѣмъ же утрированно смиреннымъ голосомъ.—Моя душа чиста отъ порока неискренности, особенно же предъ лицомъ моего настоятеля, который долженъ быть для меня первымъ послѣ Бога.

— Къ дѣлу, reverendissime, къ дѣлу!—перебилъ его пріоръ.

— Дѣло мое вотъ въ чемъ,—говорилъ нимало не смущаясь, патеръ Гаудентій.—Извѣстно вамъ, clarissime, какія цѣли, какія задачи преслѣдуетъ въ здѣшнемъ краѣ нашъ святой орденъ. Завѣтное слово, произнесенное святѣйшимъ папой Урбаномъ, „orientem esse convertendum“ заключаетъ въ себѣ всю нашу программу, и путь къ ея исполненію долженъ быть вездѣ предметомъ нашего постояннаго и самаго тщательнаго вниманія.

— Между тѣмъ, вы находите, что мы съ недостаточнымъ вниманіемъ относимся къ этой нашей задачѣ? возразилъ пріоръ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ.

— Боже сохрани, clarissime, Боже сохрани! Никогда я этого не думалъ! Да къ тому же кто такой эти „мы“? Вѣдь я же часть ихъ! значитъ... Нѣтъ, нѣтъ, не къ тому клонится моя рѣчь. А вотъ послушайте! Не безъизвѣстно вамъ тоже (въ голосѣ его прозвучала при этихъ словахъ ироническая нотка), что въ восточной части этого края живетъ народъ, считающій себя единоплеменнымъ съ народомъ, живущимъ по ту сторону Збруча. Но не въ томъ суть, а вотъ въ чемъ. Народъ этотъ принадлежитъ какъ будто къ католической церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ себя членомъ греческой, значитъ православной, церкви.

Эта... эта двойственность религіознаго сознанія между двумя воинствующими лагерями—какъ вы полагаете, clarissime, не должна ли она возбуждать нѣкотораго сомнѣнія и опасенія?

— Вотъ что!—почти вскрикнулъ пріоръ,—вы считаете положеніе уніатской церкви двойственнымъ, значитъ двусмысленнымъ?

— Да, clarissime!—твердо отвѣчалъ патеръ Гаудентій.—Болѣе того, я полагаю, что именно существованіе этой двойственной нейтральной почвы здѣсь, на рубежѣ, составляетъ одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій къ расширенію нашего вліянія по ту сторону пограничной черты.

— Это во всякомъ случаѣ интересное мнѣніе,—холодно и полупрезрительно сказалъ пріоръ,—и я очень хотѣлъ бы знать доказательства и факты, склонившіе васъ къ такому выводу.

— О, на этотъ счетъ, clarissime, за мной остановки не будетъ. Возьмите хотя бы ихъ священниковъ! Какая польза намъ, что они считаютъ себя католическими священниками, когда живутъ съ женами? Тамъ гдѣ бы нужно было работать для католицизма, отдать себя нераздѣльно и безусловно его интересамъ, они слушаются своихъ женъ, дѣйствуютъ сообразно своимъ семейнымъ отношеніямъ!

— Все это и вѣрно до васъ неоднократно подвергалось обсужденію,—желчно замѣтилъ пріоръ,—но вѣдь перемѣнить это не въ нашей власти. Дѣло это утверждено синодами и апостольскимъ престоломъ.

— Объ этомъ еще рѣчь впереди,—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ патеръ, но вотъ еще и другое обстоятельство. Развѣ вы не считаете нелѣпостью такое воспитаніе юной генераціи священниковъ, какое въ ходу у этихъ греко-католиковъ? Какой же священникъ выйдетъ изъ молодаго человѣка, который наканунѣ своего рукоположенія въ іереи, наканунѣ, повторяю, принятія самаго высокаго таинства церковнаго, по праздникамъ выдѣлываетъ „козачка", да „коломыйкы", кружитъ головы поповнамъ и о томъ только и думаетъ, какъ бы найти невѣсту съ хорошимъ приданымъ и избавиться отъ долговъ, надѣланныхъ въ духовной семинаріи!?

Патеръ очевидно начиналъ входить въ азартъ, увлекаясь теченіемъ своихъ мыслей. Рѣчь его, въ началѣ вялая и подслащенная, дѣлалась страстной и живой, и пріоръ начиналъ слушать его съ большимъ вниманіемъ.

— Дѣйствительно, это дѣло неподходящее,—отвѣтилъ онъ,—но и этого, кажется, мы не въ состояніи передѣлать.

— Только словъ Христовыхъ да догматовъ святой католической церкви никто не въ правѣ измѣнить,—съ жаромъ произнесъ патеръ.—Все остальное не болѣе, какъ человѣческія узаконенія, установленныя во времени и для временныхъ нуждъ. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, мѣняются и нужды или замѣняются другими, поэтому и узаконенія должны измѣниться сообразно новымъ нуждамъ и обстоятельствамъ. Вы, clarissime, упомянули о прежнихъ буллахъ и синодахъ, нормирующихъ положеніе уніатской церкви. Не забывайте, что все это было два или три столѣтія назадъ, когда здѣсь существовало могучее католическое польское государство, когда православіе было въ упадкѣ и когда католическая церковь могла, не роняя своего могущества и авторитета, дѣлать уступки мѣстнымъ традиціямъ. Теперь обстоятельства измѣнились, теперь всякое послабленіе со стороны католицизма враги и друзья его готовы считать доказательствомъ его дѣйствительной слабости. Теперь, clarissime, когда мы дѣйствительно стали слабѣе, намъ нужно по крайней мѣрѣ казаться сильными, во что бы то ни стало сильными!

Пріоръ слушалъ эту восторженную тираду, широко раскрывъ глаза. Такой страсти, такого широкаго взгляда на вещи онъ не ожидалъ у обыкновеннаго патера. Не оставалось никакого сомнѣнія, здѣсь онъ имѣлъ дѣло съ агентомъ довольно крупнаго разбора.

— Ну, положимъ, что это такъ,—согласился онъ,—что все это можно измѣнить. Но все таки интересно было бы знать, что и какъ вы хотите сдѣлать?

— О, для этого достаточно только хорошо знать, какъ стоятъ дѣла въ настоящее время, а образъ нашихъ дѣйствій самъ собою опредѣлится. Нужно твердо убѣдиться, что положеніе этой такъ называемой уніи совершено несостоятельно, что въ настоящее

время она растеніе безъ корней: отъ православія отстала, а къ католицизму не пристала. Ну, скажите, что можетъ быть нелѣпѣе этого требованія какой то автономіи, какой то народной церкви со стороны уніатовъ? Вѣдь католическая церковь тѣмъ только и сильна, что одна и централизована, что всегда держится этого принципа: кто не со мной, тотъ противъ меня. Автономія, нейтральность во время борьбы, это вѣдь равносильно предательству. Вотъ почему мы должны прежде всего искоренить здѣсь всѣ эти автономическія поползнованія, водворить католицизмъ sans phrase и только тогда будемъ имѣть въ рукахъ могучій рычагъ для дальнѣйшей борьбы съ востокомъ.

Патеръ Гаудентій остановился, чтобы перевести духъ. Лобъ его покрылся каплями пота, и въ углахъ рта образовались клочки бѣлой пѣны. Пріоръ сидѣлъ молча, съ выраженіемъ раздумья на полномъ, лоснящемся лицѣ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Что жъ, reverendissime, мысли ваши очень интересны и я, конечно, постараюсь сообщить о нихъ, куда слѣдуетъ. Я думаю даже, что дѣло это въ самомъ народѣ не встрѣтитъ никакого препятствія. Я знаю довольно близко уніатское населенія здѣшняго города и вижу, что оно очень охотно ходитъ въ костелы на латинское богослуженіе. Бывалъ я тоже на католическихъ „отпустахъ" въ Милятинѣ, Кальваріи, Кохавинѣ и собственными глазами видѣлъ, какія массы уніатскаго народа стекаются на эти празднества. Это и приводитъ меня къ заключенію, что самъ народъ симпатизируетъ латинскому обряду, быть можетъ, даже больше греческаго и не будетъ противодѣйствовать такимъ реформамъ, какія вы, очевидно, имѣете въ виду.

— Факты, приведенные вами, clarissime, очень цѣнны и интересны сами по себѣ,—отвѣчалъ патеръ,—но къ сожалѣнію, это только одна сторона медали. Вы указываете на латинскіе „отпусты" въ Кальваріи и Милятинѣ. Я вамъ укажу на уніатскіе „отпусты" въ Гошевѣ и Зарваницѣ, посѣщаемыя ежегодно почти такимъ же множествомъ народа, какъ и указанные вами. Но это не все! Я вамъ укажу еще на одинъ фактъ. Въ православный Почаевъ, хотя онъ и за границей, путешествуютъ ежегодно тысячи этихъ уніатовъ, между тѣмъ какъ католическіе „отпусты"

патеровъ доминиканцевъ въ сосѣднемъ, по сю сторону границы лежащемъ, Подкаменѣ никакъ не могутъ добиться успѣха. Вотъ вамъ факты, о которыхъ стоитъ подумать!

— Но позвольте, reverendissime какъ же это объяснить?— спросилъ озадаченный пріоръ.

— Вотъ то то и грустно, что объясненіе этого факта почти невозможно безъ предположенія о томъ, что унія не только сама по себѣ двусмысленна, не только недопускаема въ настоящее время по политическимъ соображеніямъ, но оказалась совсѣмъ непригодной для религіознаго воспитанія массъ народныхъ, поселяя въ нихъ равнодушіе къ самымъ существеннымъ истинамъ религіознымъ, двоевѣріе или даже полное отсутствіе всякаго религіознаго убѣжденія.

— Однако, позвольте... пробовалъ было возражать пріоръ.

— Нѣтъ, clarissime,—перебилъ его патеръ Гаудентій, забывая всякое почтеніе къ настоятелю.—Прежде выслушайте меня, а потомъ уже судите. На дняхъ, возвращаясь изъ Подкаменя, нагналъ я близъ деревни Товстохлоповъ кучку богомольцевъ и вступилъ съ ними въ разговоръ.

— А видкыля Богъ провадыть?—спрашиваю ихъ.

— Та зъ прощи—отвѣчаетъ мнѣ какой то мужикъ, шедшій во главѣ богомольцевъ.

— А куды ходылы на прощу?—продолжаю спрашивать.

— Та въ Почаивъ.

— Въ Почаивъ? Ну, и якъ же вамъ тамъ сподобалось?

— Та якъ же бо, добре—простодушно отвѣтилъ мужикъ.

— Добре? Бійтеся Бога!—не могъ я воздержаться, чтобы не вскрикнуть.—Що жъ тамъ такого доброго? Хыба жъ вы не знаете, що тамъ шызматыцька видправа?

— Та Богъ ёго знае,—отвѣчалъ мужикъ, почесывая затылокъ,— чи шызматыцька, чи не шызматыцька. Не наша ричъ о тимъ судыты. Намъ досыть знаты, що й тамъ Бога хвалять. Тай ще одно знаемо,—прибавилъ онъ и окинулъ меня какимъ то насмѣшливымъ взглядомъ,—що тамъ за сповидь менче беруть, нижъ у Пидкамени, а до того ще зимою въ церкви топлять.

Послѣ это разсказа патеръ Гаудентій сдѣлалъ эффектную паузу и оставался нѣсколько мгновеній съ распростертыми руками, съ полураскрытымъ ртомъ и вытаращенными глазами, какъ бы пораженный ужасомъ и негодованіемъ.

— Какъ же на вашъ взглядъ, clarissime,—спросилъ онъ, прерывая молчаніе,—это ли не блестящее доказательство полнаго упадка религіознаго чувства среди массы уніатскаго народа? Вѣдь можно подумать, что ихъ не коснулся до сихъ поръ свѣтъ вѣры Христовой?

— Да, это вѣрно,—грустно подтвердилъ пріоръ.—Фактъ этотъ нельзя такъ оставить. А не знаете ли, откуда были эти люди?

— Изъ Товстохлопъ, я это сейчасъ же узналъ.

— И кто тамъ у нихъ священникомъ?

— Чимчикевичъ.

— Кто такой? Чимчикевичъ? Я что то до сихъ поръ не слыхалъ такой фамиліи.

— И неудивительно, потому что попъ онъ по истинѣ ископаемый. Старикъ древній, и вотъ уже тридцать лѣтъ никуда не выѣзжаетъ изъ своей деревни. Курьезъ, а не попъ. Я какъ то годъ тому назадъ познакомился съ нимъ.

— Ну, хорошо, объ этомъ послѣ,—перебилъ его пріоръ.—А теперь скажите же, къ какимъ собственно заключеніямъ вы пришли и какія вы предлагали бы средства для выполненія вашихъ предположеній?

— Я осмѣливаюсь предложить на разсмотрѣніе высшихъ властей вотъ какія предположенія. Во первыхъ, вліять на простой народъ по селамъ и мѣстечкамъ, искоренять среди него язву двоевѣрія и систематически воспитывать въ немъ религіозный католическій духъ.

— Хорошо, но какими средствами?—спросилъ пріоръ.

— Средства обыкновенныя. Нужно устраивать по селамъ и мѣстечкамъ, наипаче же возлѣ границы, систематически процессіи и миссіи съ возможно большимъ торжествомъ и соотвѣтственными проповѣдями. На грамотныхъ же въ городахъ, а также и въ селахъ можно вліять посредствомъ соотвѣтственныхъ къ тому нашихъ изданій, какъ это съ такимъ успѣхомъ практикуется уже нами въ западной части Галичины.

— Вполнѣ съ вами согласенъ, reverendissime,—сказалъ пріоръ и пожалъ руку ненавистному патеру.—Все это вѣрно придумано, и мнѣ кажется, что предположенія ваши должны встрѣтить полное одобреніе властей.

— Non mihi, clarissime,—смиренно отвѣчалъ патеръ,—sed ad majorem gloriam nominis Iesu. Что же касается уніатскаго духовенства, то намъ нужно раздѣлить его на двѣ категоріи. Есть между ними хитрецы, которые устами исповѣдуютъ унію съ Римомъ, душой же принадлежатъ православію и стараются подъ видомъ „очищенія обряда“ подогнать его къ православнымъ формамъ, отдаляясь все болѣе и болѣе отъ святой римской церкви. Такихъ нужно считать нашими прямыми врагами и поступать съ ними такъ, какъ съ врагами на войнѣ. Ихъ нужно держать подъ непрестаннымъ надзоромъ и, ежели только они подадутъ какой нибудь поводъ, компрометировать ихъ передъ властями и ихъ собственной паствой. Другая категорія — это допотопные, нищіе духомъ и добродушно наивные. Этихъ, конечно, большинство, и ихъ нужно ласкать, всячески обходить ихъ мирнымъ путемъ и медленно превращать ихъ въ наши орудія... Одновременно съ этимъ нужно обратить главное вниманіе на подборъ іерархіи изъ сторонниковъ нашего направленія и на воспитаніе молодежи въ нашемъ духѣ, особенно же стараться, чтобы молодые люди иначе не рукополагались бы въ іереи, какъ въ безбрачіи. При всемъ этомъ само собой разумѣется, что хожденіе на православные „отпусты“ въ Почаевъ или даже въ Кіевъ должно быть уніатамъ строго запрещено.

Пріоръ былъ дѣйствительно увлеченъ и растроганъ простотою, логичностью и грандіозностью плана, предложеннаго патеромъ Гаудентіемъ. Іезуитъ проснулся въ немъ и онъ порывисто бросился обнимать патера.

— Ахъ, reverendissime! Выслушавъ вашъ планъ, я, старикъ, и то помолодѣлъ!—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, это дѣйствительно, замѣчательныя предположенія и будьте увѣрены, что я постараюсь, чтобы имъ былъ данъ ходъ. Да, впрочемъ, и вы сами, кажется, имѣете личную переписку съ властями? Вопросъ этотъ сдѣланъ былъ такъ невинно, слегка, исходилъ такъ просто среди

только что установившихся между ними отношеній, что патеръ Гаудентій, находившійся подъ впечатлѣніемъ торжества своего краснорѣчія надъ пріоромъ, сразу не нашелся солгать.

— Ну, да,—сказалъ онъ—иногда, по обязанности моей, я долженъ. Злобною радостью заискрились небольшія глазки пріора. Улыбаясь добродушно и пожимая сердечно руку патера, онъ сказалъ:

— Ну да, ну да, я такъ и думалъ, что это вы иногда, конечно, по своей обязанности, да пописываете доносы на нашу братію! Что жъ, reverendissime, это похвально, это даже повелѣваетъ нашъ уставъ. О, нѣтъ, не смотрите на меня съ такимъ смущеніемъ! Я ничего! Напротивъ, даже очень одобряю. Вы такой способный и опытный человѣкъ, и непремѣнно должны далеко пойти впередъ, а это вѣдь у насъ единственный способъ! И такъ, до свиданья, reverendissime, до свиданья. Предположенія ваши и соображенія я постараюсь вполнѣ передать, куда слѣдуетъ, а ужъ вы, пожалуйста, тоже не забывайте меня въ своихъ молитвахъ и своихъ..... хе, хе.. хе... рапортахъ!

И съ этими словами, любезно раскланиваясь и болтая безъ умолку, пріоръ выпроводилъ озадаченнаго и ошеломленнаго патера Гаудентія въ корридоръ, послѣ чего заперся въ своей кельѣ.

II.

Прошелъ ровно мѣсяцъ послѣ этого разговора. И опять патеръ Гаудентій въ пріорской кельѣ, съ смиреннымъ и уничиженнымъ видомъ сидитъ напротивъ отца пріора, готовый слушать, зачѣмъ тотъ велѣлъ позвать его.

Не весело жилось патеру въ конвентѣ впродолженіе этого мѣсяца. Правда, никто не сдѣлалъ ему ни одного упрека, ни однимъ словомъ не обнаружилъ къ нему ни вражды, ни негодованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ его прежняя шутовская роль сразу прекратилась, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, всѣ отвернулись отъ него, и тѣ, которые прежде такъ любили слушать его разсказы и шутки, теперь или проходили молча, или ограничивались самыми необходимыми фразами. У всѣхъ изъ

братіи, при встрѣчѣ съ нимъ, какъ то невольно вытягивались лица, смыкались уста, дѣлались очень набожныя и постныя рожи. Весь мѣсяцъ былъ для патера однимъ непрерывнымъ silentium, усиливавшимся еще тѣмъ, что пріоръ не выпускалъ его ни на шагъ изъ монастырской ограды и не высылалъ по прежнему на служеніе ни въ городскія, ни въ загородныя церкви.

Патеръ переносилъ стоически это общее къ нему нерасположеніе братіи, но все таки видно было, что принималъ его глубоко къ сердцу и считалъ большимъ для себя оскорбленіемъ. Вѣдь онъ же не дѣлалъ ничего противозаконнаго! Вѣдь, можетъ быть, всякій изъ братіи преспокойно дѣлалъ то же, а все таки они дружелюбно разговариваютъ между собой, смѣются, ходятъ вмѣстѣ по монастырскому саду, только его одного чуждаются, какъ прокаженнаго.

— Все это интрига этого сибарита, этого дряннаго пріора!— скрежеталъ патеръ, ходя взадъ и впередъ по своей одинокой кельѣ.

— Но постой же ты, придетъ еще мое время; сведемъ мы съ тобой счеты!

Неудивительно затѣмъ, что вся злость, вся ненависть патера Гаудентія сосредоточивалась на головѣ пріора, и что всякая встрѣча съ этимъ своимъ „первымъ по Богѣ настоятелемъ“ была для него крайне тяжела, тѣмъ тяжелѣе, что къ ненависти и злобѣ какъ то невольно примѣшивалось глубокое чувство стыда и униженнаго человѣческаго достоинства.

Пріоръ все это очень хорошо сознавалъ и потому всячески ухищрялся продлить пытку злополучнаго патера. Такъ, въ общей столовой онъ велѣлъ ему садиться напротивъ себя; мѣсто это было почетное, занимаемое обыкновенно лицомъ приближеннымъ къ пріору, съ которымъ пріоръ всего болѣе любилъ разговаривать. Но пріоръ не удостоивалъ Гаудентія ни единымъ словомъ, разговаривалъ съ сидящими возлѣ него, и не переставалъ сверлить его своимъ пристальнымъ, добродушно-ироническимъ взглядомъ. Патеръ Гаудентій весь горѣлъ на своемъ почетномъ мѣстѣ подъ этимъ взглядомъ пріора,—онъ чувствовалъ, что тотъ хотѣлъ посадить его на общее позорище, и все время

сидѣлъ молча, согнувшись, съ наклоненнымъ лицомъ, стараясь никого не видѣть и ничего не слышать. Общія трапезы, благодаря этой невинной уловкѣ благочестиваго пріора, были для Гаудентія непрерывнымъ рядомъ мученій, отъ которыхъ онъ даже похудѣлъ.

Но вотъ случилось что то необыкновенное: пріоръ велѣлъ позвать Гаудентія къ себѣ въ келью. Нечего и говорить, что патеръ шелъ туда не въ очень то набожномъ настроеніи духа. Пріоръ встрѣтилъ его своимъ обыкновеннымъ, шутливо-ироническимъ взглядомъ, и не давая ему произнести слова, началъ свою рѣчь:

— Да, да, reverendissime, какъ я вамъ говорилъ.... Садитесь, садитесь, пожалуйста, вотъ здѣсь!.. Именно, какъ я вамъ говорилъ, такъ и случилось. Вотъ вамъ письмо отъ отца провинціала, и очень, очень даже милостивое къ вамъ. Конечно, это и не удивительно; вы вполнѣ заслужили такое къ вамъ довѣріе начальства! Говоря это, пріоръ развернулъ письмо провинціала и положилъ его передъ собой на столѣ. Патеръ Гаудентій протянулъ къ нему руку.

— Нѣтъ, извините, reverendissime,—смѣясь сказалъ пріоръ, накрывая письмо своей широкой, мясистой ладонью,—письмо это еще не вамъ адресовано, а покуда еще ко мнѣ. Я долженъ только передать вамъ его содержаніе, а именно то, что соображенія ваши приняты благосклонно, и вамъ же велѣно поручить исполненіе перваго ихъ пункта, именно устроеніе миссій и проповѣдей, гдѣ и какъ покажется вамъ нужнымъ. Конечно, всѣ мы обязаны вамъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, но въ видахъ высшихъ властей имѣется, чтобъ дѣло это велось сначала исподтишка, незамѣтно, совершенно такъ, какъ вы это умѣете,— язвительно добавилъ пріоръ.

— Воля начальства — воля Божья, — скромно и почтительно произнесъ патеръ—и я готовъ немедленно приняться за это дѣло.

— Вотъ это хорошо!—сказалъ пріоръ.—Но въ такомъ случаѣ скажите, каковъ вашъ планъ и въ чемъ должна выразиться наша вамъ помощь?

— Я хотѣлъ бы устроить первую миссію въ тѣхъ самыхъ Товстохлопахъ, о которыхъ я прежде имѣлъ случай упоминать въ разговорѣ съ вами.

— Да, помню, помню,—подтвердилъ пріоръ.—Вы называли даже тамошняго священника.... какую то фамилію?...

— Чимчикевичъ,—подсказалъ патеръ.

— Да, да, Чимчикевичъ! Что это за фигура такая?

— Крайне любопытная фигура,—отвѣчалъ патеръ,— и именно фигура эта заставляетъ меня съ Товстохлопъ начать миссіонерскую дѣятельность. Представьте себѣ: старикъ восьмидесятилѣтній, чудакъ, образованія почти никакого, настоящій мужикъ среди мужиковъ, о догматахъ вѣры ни малѣйшаго понятія—однимъ словомъ—явленіе допотопное. И при томъ добродушнѣйшій человѣкъ, наивный и довѣрчивый, какъ дитя. Такъ что съ одной стороны дѣятельность миссіонерская въ этомъ селѣ крайне нужна, а съ другой стороны здѣсь именно всего легче ее начать, потому что Чимчикевичъ всего менѣе способенъ на какое нибудь противодѣйствіе.

— Ну, и прекрасно! Богъ вамъ на помочь! Но почему вы полагаете, что миссіонерская дѣятельность въ Товстохлопахъ нужнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь?

— Да вѣдь подумайте, clarissime, что этотъ допотопный человѣкъ живетъ тамъ пятьдесятъ лѣтъ, и какія поученія онъ преподаетъ своей паствѣ! Вообразите, что проповѣди говоритъ всего только два или три раза въ годъ, да какія проповѣди! Просто уму непостижимо. Сосѣдніе священники передавали мнѣ ихъ дословно, они между ними просто стали притчею во языцѣхъ.

— Дитоньки, сьогодни народывся Исусъ Христосъ въ Вифлееми, мистечку жыдивськимъ, въ стайни бидний и убогий. Такъ, такъ, а зъ паномъ комысаромъ податковымъ раджу вамъ не заходыты соби, бо що вамъ зъ того прыйде? А? Его рука, его й сыла. Отъ що! Благословеніе Господне на всихъ ваа-асъ"... Или вотъ другой образчикъ:

— „Дитки мои, сьогодни Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, а завтра у насъ храмовой праздныкъ. Памятайте соби, щобы нихто зъ васъ завтра не бувъ пьяный ани бреверій ніякихъ не робывъ.

Боже васъ сохраны! А то та громадьска толока—часъ бы вамъ уже зыйтыся и порадытыся, що зъ нею робыты... Чую, що тамъ жыдъ до васъ пидсусиджуется, арендуваты хоче чи що.... Ге, старшына? Памятайте соби, що якъ тилько мени впустыте жыда до села, то я васъ и бачыты не хочу! А ни чуты о васъ не хочу, не то що! Рцемъ вси отъ всея души, отъ всего помышленія нашего рцемъ!"...

Пріоръ хохоталъ неудержимо.

— Ну, уморили вы меня, reverendissime! Оставьте ради Бога! Да развѣ это возможно?

— Совершенно вѣрно, clarissime. Да чего больше, довольно только взглянуть на его образъ жизни, чтобъ убѣдиться, что отъ него и не этого можно ожидать. Живетъ онъ въ бѣдной крестьянской избенкѣ, старой и покосившейся, живетъ вмѣстѣ съ старой служанкой Хвеськой, глухой на одно ухо, и съ дряхлымъ слугой Прокопомъ, слѣпымъ на одинъ глазъ. Громада сама когда то построила Чимчикевичу домъ на главной улицѣ, близь церкви, но онъ сперва не хотѣлъ совсѣмъ переходить въ новый домъ, когда же, наконецъ его, таки уломали, онъ прожилъ въ немъ безъ малаго двѣ недѣли,послѣ чего ночью перешелъ въ свой „зимовникъ". А въ новомъ, обширномъ помѣщеніи онъ, какъ въ сараѣ, сложилъ хлѣбъ. Представьте себѣ скандалъ въ селѣ и во всей окрестности, когда изъ всѣхъ оконъ новаго приходскаго дома видны были одни только торчащіе снопы. И ни за что въ мірѣ нельзя было болѣе уломать старика, чтобъ онъ опять перешелъ жить туда; громадѣ оставалось только одно: во избѣжаніе всеобщаго смѣха поскорѣе вымолотить сложенный въ новомъ домѣ хлѣбъ и принять этотъ домъ подъ общественные амбары и мѣсто засѣданій сельскаго начальства.

— Ну, да и хорошаго же вы выбрали себѣ противника!— сказалъ пріоръ, утирая шелковымъ платкомъ слезы, катившіяся по его лицу отъ смѣха.—Съ такимъ противникомъ борьба должна быть очень легка и успѣшна.

— Что жъ, clarissime,—смиренно возразилъ патеръ,—когда рожь поспѣетъ, колосья начинаютъ клониться.

— Хорошо, хорошо, съ Богомъ и на жнитво! Такъ какъ же вы думаете скоро собраться?

— Я думаю, что вообще нечего терять времени. Въ ближайшее воскресенье я могу сказать первую проповѣдь въ Товстохлопахъ.

— Хорошо! Сегодня у насъ понедѣльникъ. Сегодня же я напишу этому вашему Чимчикевичу, чтобъ онъ приготовилъ все нужное для миссіи, а въ субботу послѣ богослуженія вы и двинетесь въ путь.

— Какъ прикажете, clarissime!—отвѣтилъ патеръ.

Оба они поднялись съ мѣстъ, пріоръ проводилъ патера до двери, и на его низкіе поклоны отвѣчалъ той же добродушно-иронической улыбкой.

III.

Въ субботу, послѣ ранней обѣдни, патеръ Гаудентій сѣлъ на приготовленную для него монастырскую бричку и весело покатилъ за городъ. День былъ прекрасный. По полямъ то и дѣло блестѣли серпы, звенѣли косы, раздавались пѣсни, смѣхъ и перекликанья рабочаго люда. Лѣтняя страда была въ полномъ разгарѣ.

Послѣ удушливой монастырской атмосферы патеру Гаудентію вдвойнѣ пріятенъ былъ этотъ широкій, свободный просторъ, этотъ чистый воздухъ и эта могучая, хотя и однообразная подольская картина.

До Толстохлопъ путь былъ хотя и хорошъ, но совсѣмъ не близокъ. Была уже послѣобѣденная пора, когда легкая, рессорная бричка, постукивая слегка по твердой глинистой дорогѣ, въѣзжала въ тѣсный дворикъ товстохлопскаго прихода.

— А, reverendissime!—закричалъ изъ подъ какой то „повитки" отецъ Чимчикевичъ, издалека завидѣвъ вылѣзавшаго изъ брички патера Гаудентія.—Попеломъ, попеломъ ногы посыпаты такымъ ридкымъ гостямъ! Що за буры, що за тучы загналы васъ у нашы стороны, а?

Патеръ Гаудентій ничего не отвѣчалъ, но сладко улыбаясь, заключилъ старика въ свои распростертыя объятія.

— Просымо, просымо блыжче, не погордуйте нашымъ домомъ! упрашивалъ Чимчикевичъ, суетясь вокругъ іезуита.—Прокопе, гей, Прокопе,—обратился онъ къ своему старому слугѣ и сожителю,—а прыладь тамъ вивса и сина ихъ конямъ, и поможы порозпрягаты!

— А може воны заразъ поидуть, прошу его мосця?—лѣниво буркнулъ Прокопъ, непріязненно осматривая однимъ глазомъ непрошеннаго гостя.

— Ну, ну, поихаты поидуть,—возразилъ, добродушно улыбаясь, отецъ Чимчикевичъ,—на парахвію до насъ не пріихалы, то певно. Але й не заразъ поидуть, Прокопе, не заразъ! Такъ швыдко мы ихъ не пустымо. Гей Хвесько, а де ты, стара?

— Я ту, его мостыку! А чого вамъ?

— Прыладь потымъ, бабусю, де яку зàкуску, розуміешъ?

— Загнаты гуску?—переспросила глухая старуха, и Чимчикевичъ, не имѣя желанія кричать громче, пошелъ выяснять ей на пальцахъ, чего ему нужно.

— Вотъ вѣрный образъ всей этой церкви!—думалъ патеръ Гаудентій, присматриваясь и прислушиваясь ко всему, что происходило вокругъ,—выжившій изъ ума пастырь, и паства его на половину глухая, а на половину слѣпая.

Но вотъ о. Чимчикевичъ, торопясь и сѣменя ногами, взялся проводить патера въ свою комнату, служившею ему и спальней, и столовой, и канцеляріей.

— Сидайте, reverendissime, сидайте!—просилъ онъ, придвигая простой деревянный стулъ, покуда іезуитъ осматриватъ его жилище. Правду сказать, тамъ нечего было и осматривавь. Комнатка небольшая, чисто и просто уставлена деревянной мебелью, деревянная кровать въ углу, прикрытая старосвѣтскимъ одѣяломъ сельской, но очень изящной работы, съ боку столикъ, заваленный метрическими книгами, на которыхъ, вопреки деревенскому обычаю, не было видно ни одной пылинки; въ другомъ углу небольшой стеклянной шкафчикъ съ книгами, а на стѣнѣ, подъ старинной иконой св. Николая, висѣлъ круглый и большой съ

телѣжное колесо овсяный вѣнокъ, переплетенный вѣтками красной калины. Посрединѣ комнаты стоялъ большой, четырехугольный столъ, накрытый мережаной скатертью, а на немъ, въ деревянной мискѣ, лежали только что вырѣзанные золотисто-янтарные соты, на всю комнату распространявшіе сильный медовый запахъ.

— Отже якъ знавъ, що гости будуть, такъ такы душа вищувала, весело сказалъ о. Чимчикевичъ.—Немовъ бы щось пхнуло мене по обиди: а пиды, выймы меду! А славный у мене медъ, reverendissime! Прошу лышень, будьте ласкави спробуваты!

Патеръ все еще сидѣлъ молча. Совершенная наивность и радушіе этого старика нѣсколько смутили его. Но искушенію душистыхъ медовыхъ сотовъ онъ не могъ противостоять.

Придвинувъ свой стулъ поближе къ столу, онъ взялъ изящную рѣзнаго дерева ложечку и, медленно высасывая медовые соты, началъ съ Чимчикевичемъ разговоръ, конечно, на томъ же русинскомъ нарѣчіи, на которомъ только что говорилъ послѣдній.

— Эге, панотченьку,—съ видомъ искренняго удовольствія началъ іезуитъ,—про це нема що й говорыты—славный у васъ медъ, славный! Не дурно про вашу пасику слава йде по цилій округи. Видъ разу выдно, що тямуща рука коло бджилъ ходыть!

— Пьятьдесять литъ, reverendissime, пьятьдесять литъ зъ бжоламы захожуся, то й якъ же мени не знаты ихъ натуры й звычаивъ?

— Пьятьдесять литъ!—вскрикнулъ патеръ, какъ будто Чимчикевичъ сказалъ ему какую нибудь поразительную новость.—Онъ якъ! Такъ вы уже пьятьдесять литъ священныкомъ?

— Э, ни, попомъ я вже пьятьдесять и пьять литъ,—просто отвѣчалъ о. Чимчикевичъ.—Аджежъ постійте, святывся я тоди, якъ Наполеона былы—пидъ Ватерло, чы де тамъ! То килько тому буде? Здается, въ 1815 було. А? Славный часъ бувъ, reverendissime! Не дай Боже дожыты другого такого.

— Такъ вы гадаете?

— А вжежъ, що не якъ. Ну, а потимъ пьять литъ кидалы мною по администраціяхъ. Назнався я биды—крый Господы! И горивъ, и тонувъ, и мерзъ, и мокъ, якъ то кажуть. И жинка покійныця

въ тій нужди померла, а жинка, reverendissime, у нашого брата перша и послидня. Ажъ тоди змылувались надо мною и далы оцю парахвію. И тутъ я, на сёму мисци, пьятьдесятъ литъ держуся. Якъ те боже дерево, де ёго Богъ посадывъ, тамъ и росте, доки его свята воля. Слава Ему и поклинъ. Чи якъ вы думаете, reverendissime, га?

— Тай село у васъ славне, ни що й казаты,—началъ іезуитъ, какъ будто продолжая развивать свою прежнюю мысль.—Произжаешъ—ажъ очы радуються. Поля оброблены, сады, огороды, хаты нови, скотынка сыта и гладка, всюды выдно достатокъ и благодать Божу....

— Що жъ, reverendissime, працюемо, якъ можемо. „Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой"—чы якъ тамъ у пысьми сказано, га?... И о другыхъ не забуваемо.

— Чувавъ, панотченьку, чувавъ,—подхватилъ іезуитъ.—Панъ староста вашою громадою нахвалытыся не може. Чы податкы сплатыты, воны—каже—перши, чы порядки громадськи, дорогы, мосты—все у ныхъ якъ Богъ прыказавъ. А колы треба складкы якои, помогты тамъ чы погорильцямъ, чы тымъ, що повинь ихъ зруйнувала, чы биднымъ—Товстохлопы чысто по паньски дають.

— По людськи, reverendissime, по людськи, не по панськи! Паны на таки речы не дуже то щедри. А мы такъ, якъ Хрыстосъ учивъ: що царське, те цареви, а що Боже—Богу. Чы такъ я говорю, га?

— Такъ то, такъ,—протянулъ патеръ, немного наклоняя голову на бокъ. Про те, що людське, а що царське, я зъ вамы не буду перечытысь. Ту ваши Товстохлопы можуть буты прымиромъ для всякои другои громады, и певно не за чіимъ прыводомъ, якъ за вашымъ. Се кождый прызнае. Але що дотыкается Божого, духовного.....

Патеръ не договорилъ, какъ будто стѣснялся затрогивать такой деликатный вопросъ. Но Чимчикевичъ, повидимому, и не подозрѣвалъ здѣсь ничего деликатнаго и спросилъ безъ обиняковъ:

— Що жъ, маете мыни ще зъ того погляду закынуты? Говорить, я радо выслухаю.

— Н-ну, закынуты!—живо, какъ будто обидясь подхватилъ патеръ.—Яке я право маю вамъ закыдаты? Сохраны Господы! Я тильки такъ... тее... отъ прымиромъ хоть бы й те! Окружный инспекторъ шкильный надывуватыся не може. Що се за дыво—каже,—таке село багате, порядне дбаюче, а отсе вже пьять литъ мучуся, прошу, напомынаю, и ніякымъ свитомъ не можу добытыся, щобъ школу у себе завело.

— Отъ що!—живо воскликнулъ о Чимчикевичъ.—Такъ се инспекторъ вамъ жалувався! А може й прыславъ васъ сюды на те, щобъ уговориваты насъ школу заводыты?

— Ни, ни, панотче, де тамъ! Я до такои службы зовсимъ не гожый!

— Такъ я й думавъ,—успокоясь сказалъ о. Чимчикевичъ.— А панъ инспекторъ, не кажучы ему лыхого слова, дурень, тай годи. Разъ ёму сказалы, що докы винъ у насъ инспекторомъ, доты школы не заложымо, то чого бъ ёму ще морочыты? Я самъ, бачыться, доволи ясно ёму се выяснявъ.

— Такъ ёму й видказалы? Ну, се цикаве дило!

— Ни, reverendissime, зовсимъ не цикаве. Не подобався панъ инспекторъ нашымъ людямъ, и не хочуть маты его за начальныка надъ своею школою. А чому не хочуть, се ихъ дило. „Розвидувалы мы—кажуть—по сусидскыхъ селахъ, яки винъ тамъ порядкы заводыть, якъ зъ учытелямы обходыться и якъ имъ зъ дитьмы каже обходытысь, и бачымо, що мы бъ у себе такого не стерпилы. То липше нехай у насъ не буде ніякои школы, нижъ маемо разъ у разъ дертыся зъ инспекторомъ и поносыты кары Богъ зна за що!“

Патеръ Гаудентій только руками развелъ.

— Ну, прызнаюсь вамъ, се зовсимъ не рація. Прости хлопськи выкруты! Ще чого не ставало, щобъ кожный урядныкъ старався подобатысь своимъ пидвладнымъ! Сёго такы за багато! Ну, а що жъ вы на те, панотче? Не вже мовчалы? Думаю, що вашъ обовязокъ бувъ выясныты имъ, що таке вымогане, выбачайте, и дурне, и бизпидставне. Аджежъ такымъ робомъ черезъ свою прымху воны позбавляють усякои освиты циле пидростаюче поколине.

— Що жъ, reverendissime, зъ рукою на серци, я не мигъ имъ того сказаты.

— Не моглы? А то чому?

— Разъ тому, що ихъ правда, бо инспекторъ для людей, а не люде для нёго. А по друге—никого се не позбавыло освиты, бо въ нашимъ сели увесь народъ освиченый, вси диты вміють чытаты й пысаты далеко краще, нижъ по сусидныхъ селахъ, де е школы.

— Вси диты вміють чытаты й пысаты!—съ истиннымъ испугомъ вскричалъ патеръ.—А школы въ сели нема? Якъ же це сталося?

— Проста ричъ. Кождый батько й маты сами вчать своихъ дитей.

— А воны жъ видкы вміють?

— Ихъ я навчывъ. Видъ тридцяты литъ у мене така встанова, що непысьменному парубкови и непысьменній дивци зъ свого села слюбу не дамъ.

Патеръ Гаудентій широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на о. Чимчикевича, какъ на какое нибудь чучело заморское. Заморское же чучело въ свою очередь посматривало глупо—наивно на патера, какъ будто не понимая, чему тутъ удивляться. Помолчавъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ, о. Чимчикевичъ выдвинулъ изъ подъ стола низкій табуретъ, втащилъ изъ сѣней корзину, полную до верху капустныхъ листовъ, и сѣлъ на табуретъ. Въ ту же минуту, какъ бы по данному знаку, изъ полуотворенныхъ дверей сосѣдней коморки ринулись въ комнату цѣлые десятки кроликовъ, и крупными скачками бросились къ своему хозяину. Струя кокого то непріятнаго, животнаго запаха ворвалась съ ними въ комнату, но о. Чимчикевичъ не замѣчалъ этого. Будто куча пушистаго, разноцвѣтнаго мха кролики укрыли старика. Одни вскочили ему на колѣни, другіе на плечи, на голову, на руки, прочіе же бросились къ корзинѣ и начали хрупать свѣжіе листья, махая своими длинными ушками и вытаращивъ десятки круглыхъ, влажныхъ глазъ на незнакомаго гостя.

— А тпррρусъ!—крикнулъ ласково о. Чимчикевичъ, отряхиваясь отъ мягкопушистыхъ своихъ любимцевъ и выбрасывая имъ

листья на полъ. Кролики всѣ разомъ соскочили съ его плечъ и колѣнъ и бросились хрупать, но нѣкоторые остановились передъ хозяиномъ, ставъ на заднія лапки и смотря ему прямо въ глаза, какъ будто прося не прогонять ихъ.

— Отъ бачыте, reverendissime,—улыбаясь прервалъ молчаніе о. Чимчикевичъ,—тваръ безсловесна якъ, кажуть, а тако жъ де чому навчыться и прывычокъ набратыся може. Треба тилько, щобъ чоловикъ доложывъ старунку до всёго, що робыть, щобъ душу свою вложывъ у дило, тоди й дило буде зъ душею, жыве. Онъ якъ! А хто душы своеи въ дило не вложыть, той и не найде іи, чы якъ вы думаете, га?

Неизвѣстно, запахъ ли кроликовъ, или этотъ постоянно повторяемый вопросъ, или закравшееся въ душу патера подозрѣніе, что Чимчикевичъ не такъ глупъ, какъ представляется, или, наконецъ, все это вмѣстѣ довело патера до какого то нервно-возбужденнаго состоянія. Онъ началъ чего то безпокоиться и рѣшился скорѣе покончить этотъ разговоръ и прямо приступить къ дѣлу.

— Зовсимъ зъ вамы згожуюсь, панотчыку,—произнесъ онъ совершенно другимъ, жесткимъ и полнымъ укоризны голосомъ.— Де священныкъ не додасть своему стаду духа правдывои набожности, тамъ его й шукаты дарма.

О. Чимчикевичъ при этихъ словахъ сразу вскочилъ съ табурета, какъ отъ укушенія змѣи.

— Се... се... се... вы якъ, reverendissime?—спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Се вы проты мене?

— Проты васъ — не проты васъ, а въ загали, — уклончиво отвѣчалъ іезуитъ.

— Значыть нибы, що я старый дурень, зъ бжоламы та кролямы панькаюсь, а своихъ парахвіянъ побожности не навчаю, га?

— Але жъ, панотче! Хто вамъ се каже?—вскричалъ іезуитъ.

— Знаю, reverendissime, знаю, хто се каже! И вы тилько що се сказалы! Що жъ, може воно й справди я дурень, ни до чого не прыгидный! Адже жъ двадцять литъ уже всяки добри прыятели пышуть тай пышуть на мене доносы до консысторіи, що мов-

лявъ, я неукъ, непотрибъ, казань у церкви не говорю, и Бигъ зна ще що выробляю. И все це „въ добрій думци“, якъ кажуть. Тилько що певно нихто зъ ныхъ и не подумавъ, якъ то мени старому слухаты таки закыды. Аджежъ майте мылосердье до мене! Бачыте, я вже одною ногою въ могыли, не ныни, то завтра передъ Богомъ на рахунокъ стану! Позвольте жъ мени спокійно вмерты! Не затроюйте мени тыхъ килька послиднихъ хвиль! Хыба жъ я тому вывенъ, що Господь десь тамъ забувъ про мене и не бере мене до себе?

Голосъ старика пресѣкся отъ волненія, и двѣ крупныя слезы скатились по его увядшимъ, морщинистымъ щекамъ. Іезуитъ сидѣлъ молча, потупивъ взглядъ и стараясь не смотрѣть на о. Чимчикевича.

— Знаю я добре—опять началъ немного спокойнѣе Чимчикевичъ,—що теперъ пастырямъ треба бильше знаты и вмиты, але я вже за старый, щобъ учытыся. Отъ хочъ бы й ся свята догматыка! Ще въ семынаріи мало я еи знавъ, тай якъ тамъ насъ тоди вчылы! А описля й усе до решты забувъ. Ну, й яке жъ я казанье скажу своимъ мужыкамъ? Почну говорыты про догмы—боюсь, щобъ ще ереси якои не наплутаты. Ну, тоди бъ певно на мене посыпалось тилько жалобъ и доносивъ, що й у десятёхъ водахъ не обмывся бъ. Чытаты зъ казальныци те, що други понапысувалы и понадруковувалы—прызнаюсь вамъ и встыдно, и очы не служать, и все той клопитъ, що й ихъ я багато не розумію. А говорыты такъ, що на языкъ навернеся—и встыдно, и совисно. Я знаю, що бесиднықъ я не мудрый. Заснуть мои парахвіяне, ій Богу заснуть, колы почну имъ говорыты про те, що не вяжеся безпосередно зъ ихъ жыттемъ. Не маю того дару—говорыты плавно и до ладу о такихъ речахъ, що не торкаються зъ блызька до ихъ жыття. Ну, и скажить теперъ, reverendissime, що мени робыты! Дайте пораду! Чы гнивыты Бога, всуе прызываючы Его святе имя? Краще мовчаты и наклыкаты на себе гнивъ консысторіи.

— Певна ричъ—отвѣчалъ склоняясь патеръ—що бильшый грихъ гнивыты Бога, нижъ консисторію. Але чымъ же вы прогнивыте

Бога, колы всяку недилю будете навчаты своихъ парахвіянъ святій вири и жыттю христіяньському?

— Тымъ прогнивлю, пидчасъ мого казаня вси заснуть, а до того ще я й самъ ересивъ наплету, онъ що! Вже я себе знаю добре, и не порываюсь на те, чого мени Богъ не давъ. А прыкыдатыся, лукавыты душею, вчыты людей тому, чого самъ не знаю, на те я, reverendissime, за старый, сумлинне не позволяе.

— Мій Боже!—вскрикнулъ патеръ Гаудентій,—значыть, ваши парахвіяне такъ такы й жывуть безъ наукы святои виры?

— Такъ такы й жывуть,—отвѣчалъ о. Чимчикевичъ, свѣсивъ голову на грудь.—Правда, правда, чытають уси и катехизисъ на память уміють, але бильше ничого й не знають, бо й я самъ бильше ничого не знаю, а навить и въ катехизиси не все розумію, то й не все можу имъ выясныты. Ну, що жъ робыты, reverendissime, колы не розумію? Брався читаты кныгы теологичны... Та куды тоби... Чы то очы у мене слаби, чы то памьять прытупылася, ни въ зубъ не розумію. А ту люде прійдуть часомъ, пытають: що воно се, а якъ розумиты те? Що жъ я имъ скажу? Буду брехаты, колы самъ напевно не знаю? Отъ и говорю имъ начастише: „Диточкы мои, розумійте якъ хочете, а то й зовсимъ не розумійте, Богу се зовсимъ все одно. Винъ самъ сказавъ: „Нѣсть ваша разумѣти времена и лѣта.“ Такъ и лышить! Жыйте тилько по Божому, а тамъ уже якось воно та буде.“

Патеръ Гаудентій даже хлопнулъ себя по колѣнямъ.

— Бійтеся Бога, панотче, не вже вы такъ и говорыте имъ?

— А якъ же? говорю, якъ сумлинне велыть.

— Ну, а повага церквы, котрій дана власть навчаты и вказуваты стежкы Господни?

— Що жъ, reverendissime,—почти со слезами на глазахъ сказалъ Чимчикевичъ,— выдно, що Господь Богъ не хотивъ даты мени поваги, колы не давъ умення. А коли не давъ, то видкы жъ я визьму, а?

— Въ такимъ рази вы повынни покинуты се мисце, до котрого почуваете себе неспосибнымъ. Ваше сумлинне день и ничъ повынно васъ мучыты за той грихъ, що вы займаете таке

важне мисце, а не сповняете прывязанныхъ до нёго обовязкивъ. Адже жъ вы отакъ доводыте свою духовну паству до страшнои безодни невиры, варварства, здычиння! Бо чымъ е чоловикъ безъ виры якъ не звиремъ? Власне сумлинне повынно вамъ се казаты!

— Ну, що жъ, reverendissime, колы мое сумлинне ничого такого мени не говорыть?

— Якъ то не говорыть? Для чого?

— Бо мои парахвіяне дуже далеки видъ невиры, безувирства чы якъ вы се такъ дывненечко назвалы, reverendissime, га?— далеко дальши, нижъ парахвіяне другыхъ церквивъ, котри що недили по дви годыни дримають на проповиди. Я вчу, не проповидую, а такъ по просту, въ розмовахъ про домашни, блызьки всякому речи. Се я добре знаю и воны розуміють. „Не крады, не пый, не проклынай, не бый, другому въ биди допомагай!“... Чы повирыте, reverendissime, що за десять литъ зъ нашого села нихто въ крыминали не сыдивъ? Видъ 30 литъ ани одного жыда у себе не маемо—выгналы! Школы на маемо, а за то чытальня яка! Правда, смишно воно, але що зъ того? Кому смишно, той нехай сміеся!

— Гарно то все, гарно,—соглашался патеръ,—але всего сёго ще не досыть.

— То правда, що не досыть,—живо подхватилъ о. Чимчикевичъ, съ лукавой улыбкой поглядывая на іезуита.—А вы, reverendissime, произжалы черезъ наше село? И бачылы яке воно? Не мовъ одынъ садъ, въ которому ту и тамъ порозкыдани хаты. А до того ще зъ обохъ бокивъ обрамоване цилымъ лисомъ овочевыхъ деревъ! Що, може, брешу? А знаете, reverendissime, якъ зовеся той лисъ? „Покутный“, онъ якъ. А чому? Пустопашъ тамъ була, колы я сюды прыбувъ, такъ, такъ и звалась Неужытокъ. А отсе я на сповиди замисцъ звычайнои покуты: пять разъ Отче нашъ, пять разъ Богородыце, а разъ Вирую—зачавъ кождому завдаваты таку покуту, щобъ зразу коло своеи хаты, а дали й на тій пустоши засадывъ або защепывъ одно овочеве деревце, а за тяжчый грихъ, той килька. Ну, черезъ 50 литъ и лисъ вырисъ, и все село обсадылы, де тилько було яке вильне

мисце. За овочи съ Покутного селяне касу заложылы таку, що зъ самыхъ процентивъ уси додаткы краеви, повитови, громадськи и шкильни оплачують, а що роздается биднымъ та потрибнымъ, се и въ коляду не кладу. Якъ же вамъ здаеся, reverendissime, чы мыла Богу така покута, чы ни?

— Не хулить Бога, панотче!—строго возразилъ патеръ.—Хто може знаты, що мыле Богу, а що ни? Хто постыгне глыбыну путивъ Господнихъ? Але на килько мій слабый розумъ може судыты, то кажу вамъ смило: не мыла и не може буты мыла!

— Не мыла? А то чому? съ нескрываемымъ удивленіемъ спросилъ о. Чимчикевичъ.

— А тому, що до покуты Богъ вымагае сердця сокрушенного и смиренного, а вы що даете Ему? Дали Богъ жадае, щобъ чоловикъ якъ мога видрывався видъ усего земного, видъ свитовои суеты, а вы своею роботою хиба жъ не прывязуете ихъ серця ще бильше до сего свита? Ни, отче, хибна ваша дорога! Богъ не може благословыты такого дила. Протывно, Богъ уже теперъ простеръ надъ вами свою руку, посылае вамъ вищунивъ свого гниву, и горе вамъ, колы завчасу не покаетеся и не вернете на путь правды!

При этихъ словахъ патеръ невольно всталъ и протянулъ правую руку впередъ. Лице его сіяло, глаза блистали, на челѣ и устахъ нависла суровость разгнѣваннаго судьи.

— Вищунивъ? Якыхъ вищунивъ?—дрожа и блѣднѣя, спросилъ о. Чимчикевичъ.

— То то й горе, що вы ихъ не бачыте! Посылае найстрашнійшу духову заразу: духову слипоту, двоевирство и байдужнысть!

— Двоевирство и байдужнысть? Якъ же вы се розуміете?

— Зовсимъ по просту. Ваша паства не вміе видрызныты доброго видъ злого, Хрыста видъ Беліала, святои виры католыцькои видъ схызмы. Ваши духовни овечкы любисинько ходять за границю на православны службы Божы. Хыбажъ се нічого?

— А, такъ отъ про що вы!—произнесъ Чимчикевичъ, вздохнувъ свободнѣе и съ облегченнымъ видомъ.—Ну, се, здаеся, не такый ще тяжкый грихъ.

— Не тяжкый грихъ?—вскрикнулъ патеръ.

— Думаю, що ни. Аджежъ и тамъ одного Бога хвалять, ще й такъ само, якъ у насъ.

— Одного Бога! — озлился патеръ. — Отъ и туркы такожъ одного Бога хвалять. То вы певно позволылы бы своимъ парахвіанамъ и на турецьке богомолле ходыты.

— Ну, reverendissime, се вже вы далеко зайшлы. Я позволяю имъ ходыты на латынську службу, тилько що воны самы не радо йдуть туды, бо ничого тамъ не розуміють. А православна служба така сама, якъ наша, а тыхъ догматычныхъ тонкостивъ, що розрижняють насъ, ани я самъ не второпаю, ани мои мужики.

— Эхъ, панотче, панотче!—съ сожалѣніемъ произнесъ патеръ Гаудентій, кивая головой,—и вы се говорыте! Вы, католыцькый священныкъ, можете такъ говорыты, а навыть такъ робыты!

— Щожъ, reverendissime, якъ хто вміе, такъ и піе! Щожъ я вcase, що говорю и роблю тилько те, що знаю?

— Значитъ треба розшырюваты свое знаніе, або...

— А бо що?

— Або постаратысь о когось, хто бы вамъ допомигъ.

— А...хтожъ мени допоможе?--пренаивно спросилъ Чимчикевичъ.

— Ну, се хыба велыке дило? Отъ и я самъ готовъ.

— Вы, reverendissime? А то якъ?

— Можу вамъ зобовязатыся хочъ и що недили говорыты въ церквы казаня, а не тылько завтра.

— Завтра, якъ то? Не тылько завтра?—съ удивленіемъ спрашивалъ Чимчикевичъ.

— Ну, такъ! Адже жъ я того й пріихавъ!—отвѣчалъ патеръ, въ свою очередь удивленный удивленіемъ Чимчикевича.

— Чого пріихалы?

— Щобъ завтра казаты казанне въ вашій церкви. Адже жъ вы вже о тымъ увидомлены?

— Я? Сохраны Господы! Я увидомленый?

— Ну, такъ! Адже жъ нашъ пріоръ, знаете, въ Тернополи, мавъ пысаты вамъ о тымъ!

— Вашъ пріоръ? Во имя Отца и Сына!... Алежъ я не знаю вашого пріора.

— Якъ то, не вже винъ не пысавъ вамъ? Не вже вы не дисталы ніякого пысьма?

— Пысьмо якесь я на сёму тыжни диставъ, — отвѣчалъ съ смущеннымъ видомъ Чимчикевичъ, —але я незнавъ, видъ кого воно и про що пысане.

— Якъ то не зналы?

— Та такъ, що не знавъ! Бачыте, ось воно! Що я намучывся, щобъ прочытаты, и литеры, здаеся, де-якы розбыраю, а слова хоть бы тоби однысенько! Ниде гриха диты, плюнувъ я на нёго, тай сховавъ. Ось вамъ воно, погляньте, чы се видъ вашого пріора?

И о. Чимчикевичъ подалъ патеру измятое, засаленное письмо пріора. Тотъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и только ахнулъ: письмо писано было *по латыни*, которую Чимчикевичъ еще полвѣка тому назадъ успѣлъ перезабыть всю безъ остатка.

— Отъ воно якъ!—произнесъ патеръ послѣ минутнаго молчанія, успѣвъ проклясть въ душѣ хитраго пріора, который сыгралъ съ нимъ такую шутку,—що жъ теперъ буде?

— Не знаю, reverendissime!

— Я, конче, мушу завтра сказаты проповидь у вашій церквы. Мени моя власть наказала.

— Щожъ, смиренно отвѣчалъ Чимчикевичъ,—зъ Богомъ, reverendissime. Тилько що мени моя власть скаже?

— Ваша власть? Яка?

— Ну, мытрополитъ, консысторія. Чы може вы маете ихъ дозвилъ?

— Ни. А хыба жъ се не видъ васъ залежыть?

— А вжежъ, що ни. Безъ вызшого дозволу я не можу допустыты священныка другого обряду проповидаты въ моій церквы.

Патеръ Гаудентій стоялъ, какъ пришибленный. Вотъ тебѣ на! Отъ такой пустой формальности должна была бы погибнуть его миссія. Ахъ, и всегда эти пустяки должны его преслѣдовать, эти мелочи жизни, на которыя онъ не обращаетъ вниманія и которыя иногда могутъ все дѣло испортить. Но нѣтъ, этого не

можетъ быть, по крайней мѣрѣ теперь! Въ какомъ то нервномъ возбужденіи началъ онъ шагать по комнатѣ, придумывая, что тутъ дѣлать. Вдругъ онъ остановился передъ Чимчикевичемъ.

— Такъ се вы кажете, що не маете права допустыты мене до проповидання въ вашій церквы?

— Ни, reverendissime, не маю.

— Ну, а коло церквы, на цвынтари можу проповидаты?

— Тамъ можете.

— Ну, ось и гарно. Буду проповидаты на цвынтари.

— Добре. Тылько знаете, reverendissime, я чоловикъ старый, слабый, боюсь, щобъ не було мени за се якои халепы.

— Видъ кого?

— А отъ, хоть бы видъ пана старосты. Знаете, на цвынтари будь що будь, мисце публычне, а проповидь, будь що будь, бесида. А староста у насъ острый, службыстый. Набижыть и запытае: а ще се у васъ, отче, безъ дозволу власти на публычному мисци якись зборыща збыраются, бесиды говоряться. И що жъ я на се скажу?

— Смійтеся зъ того, панотче!

— Ну, вы соби, reverendissime, смійтеся на здоровье! А по мни мурашкы бигають. По що мени клопоту на здорову голову? А липше знаете що? У васъ кони добри, брычка легенька, дорога теперъ добра. Отъ вы,—не въ гнивъ вамъ кажучы,—идьте до города и добудьте дозвилъ видъ пана старосты. А я дуже радо зроблю все, що видъ мене буде залежаты. Потрудиться, reverendissime, нехай се буде Богу на славу, а для мене старого спокійнишъ.

Патеръ Гаудентій думалъ было сначала сопротивляться и убѣждать Чимчикевича, что опасенія его напрасны, но едва уловимая ироническая нотка въ послѣднихъ словахъ „попа“ поразила его, какъ молнія. Сразу онъ почувствовалъ, что слишкомъ мало цѣнилъ этого старика, и что за той дѣтской простотой и наивностью у него кроется нѣчто болѣе глубокое, какое то совсѣмъ недюжинное „себѣ на умѣ“. Не говоря ни слова болѣе, красный и озлобленный, патеръ схватилъ шляпу и выскочилъ на крыльцо.

— Запрягаты!—крикнулъ онъ во все горло, увидя, что солнце уже начало опускаться, и соображая, что до города добрыхъ верстъ пятнадцать.

— Вотъ проклятый попъ, ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, дожидаясь, покуда запрягутъ его бричку. Замучилъ меня совсѣмъ. Кажется—глупъ, какъ пень, а между тѣмъ онъ тягучъ, какъ лыко. Да и я то хорошъ, что такъ долго съ нимъ церемонился, времени сколько понапрасно потратилъ! Чортъ бы его побралъ съ этимъ позволеніемъ—нашелъ, что выдумать! И какъ это мнѣ управиться сегодня?...

— А що, прошу его мостя, чы я не говорывъ, що воны скоро поидуть?—говорилъ, осклабляясь, Прокопъ Чимчикевичу, запирая ворота за отъѣзжающими гостями.

— Такъ то, такъ, Прокопе,—грустно сказалъ о. Чимчикевичъ,—поихалы то воны поихалы, але не сёгодни, такъ завтра зновъ вернуться.

— А най Богъ боронытъ!—крикнулъ Прокопъ.—А чого имъ видъ насъ треба, прошу его мостя?

— Чого?—повторилъ о. Чимчикевичъ.—Чого? пытаешъ. Слухай же, Прокопе! Ты мене давно знаешъ. Якъ ты гадаешъ, дбавъ я о громадянахъ, учывъ ихъ добру, дававъ имъ добрый прыкладъ? Бувъ я для васъ добрымъ попомъ?

— Падлюка бувъ бы той, хто инакше говорывъ!—вскричалъ Прокопъ.—Не попомъ, а батькомъ риднымъ! отъ чымъ вы булы для насъ!

— Ну, не говоры такъ, Прокопе, знаю и свои хыбы. Але того, що мени сей іезуита сказавъ, я до нынишнёго дня не знавъ и не думавъ.

— То се іезуита? А що жъ винъ вамъ сказавъ?

— Сказавъ, що мои парахвіяне Бога не знають, въ двохъ богивъ вирять, а то тому, що и ту и до Почаева до церквы ходять, а въ Почаеви, мовлявъ, уже не той Богъ, що ту. Чуешъ, небоже? И за се, грозывъ, не мыне насъ кара Божа.

— Отъ що винъ вамъ крякавъ! О, крягалы бы надъ нымъ вороны!

— Не клены, Прокопе! И для того, говорывъ, треба насъ усихъ просвищаты, навернуты на правдыву езуитьску виру, и винъ се зробыть.

— Винъ, а не дождавъ бы! А якъ же винъ насъ навертатыме?

— Буде вамъ що недили казання говорыты.

— Тылько всёго? Ну, чувалы мы ихъ казання! Се ще не велыкый страхъ! Нехай соби говорыть. Я думавъ, що може до староства наказъ пріиде, а староство жандарамъ накаже. Отъ тоди справди бувъ бы клопитъ, бо не тылько бы навернулы, килько обдерлы. А казання—нну! И, махнувъ рукой, Прокопъ побрелъ во дворъ къ своему дѣлу. А о. Чимчикевичъ долго еще сидѣлъ на крылечкѣ своей старой избы, подъ тѣнью густо вьющейся, цвѣтущей квасоли, — сидѣлъ и думалъ о неожиданномъ визитѣ іезуита, о разговорѣ съ нимъ и его странномъ намѣреніи.

— Ой, не проста, не прынадкова то ричь,—думалъ онъ. Не на мене одного гострять зубы ти іезуиты, — тилько здаесь, що мене першого хочуть проковтнуты. Що жъ, Божа воля. Просывъ я Господа, щобъ дозволывъ мени вмерты супокійно, та здаесь, що за мои грихы не выслухавъ мене Богъ. Прыйдесь мабуть власными старымы очыма побачыты ще початокъ новои боротьбы, а може и свои стари кости въ ній зложыты. Его свята воля! А люта буде боротьба, страшна! И хто то въ ній переможе? Находыть на насъ чорна хмара зъ заходу, гризна, узброена просвитою, хытрощамы, интрыгою, протекціямы и всякымы мудрымы штукамы, а що жъ мы насупротывъ неи поставымо? Находыть велыка пошесть, страшна чума, котра може знесты насъ зъ лыця земли, якъ вода злызуе мулъ. А якъ же жъ мы видъ неи охоронымось, де найдемо на неи ликъ?...

И о. Чимчикевичъ взялъ старый молитвенникъ въ деревянномъ, холстомъ обшитомъ переплетѣ, писанный крупнымъ, красивымъ почеркомъ на древней толстой бумагѣ. Это была единственная вещь, которою онъ владѣлъ и дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ. Старикъ открылъ книгу и началъ медленно, громко и выразительно читать. Молитва его успокоила, тяжелое впечатлѣніе, произведенное іезуитомъ, разсѣялось. Какъ то невольно взоръ Чимчикевича остановился на послѣднихъ листахъ молитвенника, гдѣ самъ онъ, по старымъ запискамъ, документамъ и разсказамъ старожиловъ списалъ болѣе, чѣмъ 300-лѣтнюю лѣтопись села

Товстохлоповъ. Одна страница этой лѣтописи привлекла его вниманіе. Прочитавъ ее, онъ тихо захохоталъ. Какая то новая мысль блеснула въ его головѣ. Онъ еще разъ прочелъ эту страницу и еще разъ улыбнулся.

IV.

Было воскресенье. Прекрасный лѣтній день. На небѣ не видно ни одной тучки. Темной, густой зеленью укрывали вѣковыя липы старую, но въ хорошемъ порядкѣ содержанную, товстохлоповскую церковь съ ея краснымъ желѣзнымъ куполомъ и золоченымъ наверху крестомъ. Возлѣ церкви небольшая приземистая колокольня блестѣла новой мѣдной крышей. Изъ церкви раздавалось громкое на все село протяжное пѣніе литургіи: въ церкви пѣли всѣ, кто только могъ, мужчины, женщины, мальчики и дѣвочки гармоническимъ хоромъ. Казалось, что огромная волна тѣхъ голосовъ раздвигаетъ стѣны старой церковки и подноситъ ее на себѣ вверхъ. Съ боку возлѣ крылоса стоялъ высокій и черный патеръ Гаудентій съ какимъ то набожнымъ, угрюмымъ лицомъ и ждалъ, покуда окончится „служба Божа". Много онъ натерпѣлся вчера; поздно ночью пріѣхалъ въ мѣстечко и кое какъ переночевалъ въ дрянномъ жидовскомъ трактирѣ. Утромъ набѣгался, пока разбудилъ старосту и получилъ отъ него позволеніе произнести рѣчь въ публичномъ мѣстѣ. Но все таки поставилъ на своемъ и вернулся во время. Сначала онъ очень боялся, чтобы Чимчикевичъ не устроилъ ему штуки и не отслужилъ службу пораньше, такъ что, пріѣхавши, онъ застанетъ только запертыя двери и никого больше въ церкви. Но нѣтъ, Чимчикевичъ поступилъ совершенно лойяльно и даже послѣ заутрени цѣлый часъ ждалъ его пріѣзда. Это немного примирило патера, хотя до сихъ поръ не могъ онъ еще простить Чимчикевичу вчерашняго безпокойства.

Вотъ о. Чимчикевичъ дрожащимъ голосомъ прочиталъ евангеліе. Патеръ подумалъ, не начнетъ ли онъ самъ теперь говорить проповѣдь, но нѣтъ, служитъ дальше. Вотъ и служеніе оканчивается. Послѣ причастія патеръ вышелъ изъ церкви. Близко

возлѣ колокольни между двухъ огромныхъ липъ лежала большая, четырехугольная, въ аршинъ вышиной плита, какой то старый, надгробный камень. Патеръ взошелъ на нее,—это будетъ его каѳедрой. Вынулъ изъ платка „комжу“ (стихарь) и надѣлъ ее сверхъ „сутанкы“ (рясы). Стоя высоко на плитѣ, съ блестящимъ на солнцѣ, гладко выбритымъ теменемъ („беретъ“ онъ забылъ взять съ собой), онъ казался высокимъ, какъ верстовой столбъ, и грознымъ, какъ привидѣніе. Солнце подходило къ полудню и жарило немилосердно. Въ тѣни липъ чирикали воробьи. Масса красныхъ большихъ насѣкомыхъ лазила на могилкахъ, наполняя всѣ отверстія и тѣнистыя щели въ деревянной оградѣ. Ни малѣйшаго освѣжающаго вѣтерка. Листья не колыхались, точно замерли. Патеръ какъ разъ стоялъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ за цѣлый полдень не падала тѣнь. У него на лбу, вискахъ и рукахъ началъ выступать потъ мелкими блестящими капельками; онъ съ нетерпѣніемъ прислушивался къ пѣнію, которое ручьемъ лилось изъ церкви.

Уже прочитана „заамвонная молитва“, но вдругъ патеръ съ досады чуть не выбранился громко:—раздалось въ церкви: Радуйся Николае, великій чудотворче!

— Съ ума сошелъ попъ, что ли! Понадобилось ему сегодня акафистъ читать!

Но гнѣвъ былъ напрасенъ. Надо было ожидать конца акафиста. А о. Чимчикевичъ, будто нарочно, каждое слово произносилъ протяжно, отчетливо, какъ будто подозрѣвалъ, какимъ мученіямъ подвергается патеръ Гаудентій! Цѣлые полчаса длился акафистъ; а какъ за то время измучился патеръ на своемъ каменномъ возвышеніи на солнечномъ припекѣ—того ни перомъ описать, ни въ сказкѣ разсказать. Съ удовольствіемъ слѣзъ бы онъ съ камня и сѣлъ бы въ холодку подъ колокольней, если бы не толпа дѣтей и старшихъ дѣвушекъ, которыя повыходили изъ „бабинця“ и стали на крылечкѣ, крестясь и постоянно посматривая на него. При нихъ слѣзать неловко. Патеръ разъ двадцать въ душѣ посылалъ ихъ къ чорту, но это мало помогало. Мелкія потныя капельки давно уже превратились въ ручейки, которые тихо сплывали внизъ по щекамъ, затылку, груди. Ру-

башка на немъ была совершенно мокрая и прилипала къ тѣлу, кровь усиленно билась въ вискахъ, голова горѣла, въ ушахъ шумѣло, въ горлѣ пересохло—патеръ серьезно началъ побаиваться солнечнаго удара или какой нибудь скоропостижной болѣзни. Ну, слава Богу! Наконецъ то окончился акафистъ,—онъ вздохнулъ свободнѣе. Но что же это? Въ церкви пѣніе стихло, что то говорятъ. Можетъ ли быть? О. Чимчикевичъ началъ проповѣдь! Патеръ иронически улыбнулся, вспомнивъ разсказы о его рѣчахъ. Эта, вѣроятно, не будетъ длинная,—подумалъ онъ. А все же жаль, что я не въ церкви—интересно было бы послушать! Дѣйствительно, стоило послушать эту проповѣдь.

— Дитоньќы мои, говорилъ о. Чимчикевичъ,—вычытавъ я отсе въ старыхъ паперахъ, що ныни якъ разъ сто литъ мынае.... Эге, сто литъ, якъ одынъ день!—якъ у нашому сели Товстохлопахъ выбухла страшна пошесть, чума. Пивъ села вымерло за одынъ тыждень. Трыста висимдесятъ душъ безъ сповиди и прычастя святого. Нехай насъ усихъ Богъ бороныть видъ такого, небожата! А якъ гадаете, дитонькы мои, чы не годылось бы намъ якъ небудь видсвяткуваты столитню памятку такого велыкого нещастя?

Народъ стоялъ, и крестился набожно и воздыхалъ отъ глубины души.

— Такъ слухайте жъ, якъ я про се думаю, дитонькы! продолжалъ о. Чимчикевичъ. Видправмо молебень съ колѣнопреклоненіемъ—за ти померши душенькы, а описля выберить соби килькянадцять парубкивъ, що дужшыхъ, зрозуміете? И нехай воны за чергою до самого вечора звонять, не вгаваючи. Нехай ти голосы идуть до Всевышнёго Бога и сповистять тыхъ нашыхъ небижчыкивъ, що мы й по 100 литахъ не забулы про ныхъ. Нехай се буде Богу на хвалу, щобъ Винъ змылувався надъ намы и видвернувъ видъ насъ усяке лыхо, всяку чуму тилесну й духову. Амынь.

Послѣ этихъ словъ зазвонили колокольчики мелкіе, церковные, далѣе отозвалась тонкая „сигнатурка“ въ церковномъ куполѣ, а за ними загремѣли густые голоса изъ колокольни. Народъ палъ на колѣни и панихида началась. Патеръ смотрѣлъ удивленно, не понимая, въ чемъ дѣло, не зная, стоять ли ему или

тоже стать на колѣни. Наконецъ, и онъ преклонился на своемъ камнѣ. Окончилась панихида, окончилась „служба Божа“, но колокола какъ гудѣли, такъ и гудятъ. Крестясь, двинулся народъ изъ церкви, дѣвушки въ бѣлыхъ платкахъ и разноцвѣтныхъ ленточкахъ пестрѣютъ, какъ макъ; за ними показались женщины въ бѣлыхъ „намиткахъ“, засѣрѣли мужчины въ темныхъ свиткахъ; дѣти кучами разбѣжались по кладбищу. Патеръ стоялъ на камнѣ, облитый солнечнымъ сіяніемъ, и перекрестился. Народъ съ любопытствомъ столпился вокругъ него,—а колокола гремятъ, не смолкая. Съ лукавой улыбкой тѣснятся парубки къ колокольнѣ, стучатъ тяжелыми сапогами, подымаясь вверхъ по крутой лѣсенкѣ; тѣ же, что уже влѣзли, повыставили головы изъ всѣхъ оконъ и отверстій и съ неменьшимъ любопытствомъ смотрятъ на іезуита. Среди гулкаго звона колоколовъ слышится ихъ громкій смѣхъ. Собралось множество народа, патеръ перекрестился еще разъ, потомъ удивленно посмотрѣлъ на колокольню, какъ бы спрашивая глазами, когда же перестанутъ тамъ звонить. А колокола и не думаютъ переставать, звучатъ, что есть силы. А хорошіе, густые и громкіе колокола были на товстохлопской колокольнѣ,—разсказываютъ, отлитые изъ бывшихъ козацкихъ пушекъ, которыя остались здѣсь въ болотахъ послѣ какой то битвы, а позднѣе отысканы были мужиками. Хорошіе, громкіе колокола! Какъ всѣ семь разомъ зазвонятъ, такъ возлѣ колокольни своего собственнаго голоса не услышишь, а звукъ ихъ слышно въ семи окружающихъ деревняхъ...

Патеръ перекрестился третій разъ.

— Во имя Отца и Сына, началъ онъ громкимъ голосомъ,— но куда тебѣ! за колоколами ничего не слышно.

— А що, не перестануть воны тамъ звоныты? крикнулъ онъ погромче окружающей его толпѣ.

— Га, що, якъ?—закричали ему въ отвѣтъ люди.

— Не перестануть звоныты? рявкнулъ что есть силы патеръ.

— Перестануть!

— Колы?

— У вечери?

— Якъ то въ вечери? А чому жъ се?

— Чуму проганяемо.

— Яку чуму?

— Сто литъ тому! Чума була! Трыста душъ безъ сповиди! За души померши! Чуму проганяемо!—такія отрывочныя фразы разобралъ патеръ изъ смѣшаннаго крика народа. Сразу догадался онъ, что это новая выдумка Чимчикевича. Глаза его зажглись гнѣвомъ, и онъ соскочилъ съ камня на землю.

-- Я вамъ маю говорыты проповидь,—заговорилъ онъ ласково народу.

— То говорить!—послышались голоса изъ толпы.

— Якъ же мени говорыты, колы звонять? Скажить, щобъ перестали!

— Ни, не можна.

— Але мени самъ староста позволывъ говорыты.

— То говорить!

Изъ средины толпы раздавался все большій смѣхъ. Колокольня была переполнена молодежью, среди которой каждое движеніе и слово патера возбуждали неудержимые взрывы смѣха и веселья. А звонъ не переставалъ ни на минуту. Патеръ увидѣлъ, что трудъ его напрасенъ, напротивъ, чѣмъ больше онъ будетъ злиться и выходить изъ себя, тѣмъ его положеніе будетъ смѣшнѣе. И онъ рѣшилъ, что лучше уступить на этотъ разъ, съ тѣмъ, чтобы въ другой разъ тѣмъ вѣрнѣе одержать побѣду. И, сладко улыбаясь, заговорилъ:

— Ну, звонить соби, звонить, я прыиду на другу недилю. Богъ зъ вамы!

Но, садясь въ бричку, которая здѣсь же за оградой ожидала его, онъ стиснутымъ кулакомъ погрозилъ въ сторону приходскаго дома и злобно проворчалъ:

— Почéкай, ты стàры шызмàтыку, я цéбе наýченъ.

Миронъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

И ПЕРВЫЕ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ [1]).

ГЛАВА 3-я.

Русская государственная и народная колонизація въ XVIII и 1-й четверти XIX вѣка.

Постройка укрѣпленныхъ линій и крѣпостей.—Постройка городовъ: Херсона, Екатеринослава, Николаева, Одессы.—Основаніе селеній: малорусскія и великорусскія казенныя слободы; помѣщичьи села и деревни.

Еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Запорожья, въ новороссійскихъ степяхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ козаками, водворились сербы; къ нимъ вскорѣ присоединились другіе иностранные поселенцы. Правительство строитъ здѣсь рядъ новыхъ городовъ, куда цѣлыми массами стекается отовсюду населеніе. Одновременно съ этимъ возникаетъ множество новыхъ селъ, деревень, хуторовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ владѣльческой и народной колонизаціи. Однимъ словомъ колонизація края идетъ теперь съ лихорадочной поспѣшностью. Потемкинъ и др. дѣятели этого времени желаютъ какъ бы наверстать то время, когда приливъ населенія въ эти мѣста извнѣ былъ очень слабъ и единственными «насельниками этого края» были запорожцы. Но отдавая должное новымъ колонистамъ, мы не должны забывать услугъ той безстрашной дружины русичей, которая въ теченіе болѣе $2^1/_2$ столѣтій вела упорную борьбу за обладаніе степями съ татарами. Она подготовила почву для быстраго заселенія области во 2-й половинѣ XVIII в., въ особенности со времени покоренія Крыма въ 1783 году.

---

1) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 4, апрѣль.

Присоединеніе Крыма къ Россіи имѣло громадное и рѣшительное вліяніе на успѣшный ходъ колонизаціи черноморскихъ степей. Съ устраненіемъ этого важнѣйшаго тормаза колонизаціи ходъ и размѣры ея могли опредѣлиться различными естественными и историческими условіями, которыя въ общемъ должны быть названы весьма благопріятными. Теперь явилась возможность заселять и обрабатывать не только рѣчныя долины, но и чисто степныя мѣста, покрытыя тучнымъ черноземомъ; борьбу нужно было вести не съ хищниками-татарами, а съ степною природой, съ тѣми условіями, которыя препятствовали развитію земледѣльческой культуры. Только съ присоединеніемъ къ Россіи столь желаннаго побережья Чернаго и Азовскаго морей, только съ открытіемъ доступа къ морю, Новороссійскій край, съ его громадными естественными богатствами, могъ получить настоящую цѣну. Съ построеніемъ портовыхъ городовъ, пустынное дотолѣ побережье оживляется, отпускная и привозная (заграничная) торговля развивается съ поразительною быстротою; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ населеніе и промышленность. Спросъ на хлѣбъ и на др. предметы сельскаго хозяйства, въ особенности въ Одессѣ, въ свою очередь долженъ былъ благопріятно отразиться на возрастаніи населенія въ самихъ степяхъ—въ увеличеніи тамъ разнаго рода селеній, въ развитіи земледѣльческой культуры и т. п.; появленіе новыхъ селъ и деревень благопріятно отражалось на ростѣ городскаго быта и наоборотъ. Словомъ, исторія заселенія Новороссійскаго края со 2-й половины XVIII в. представляетъ любопытнѣйшую и характернѣйшую страничку въ исторіи Россіи вообще и нашего юга въ частности. Мы постараемся разобраться въ сложной этнографіи степей и представить общую характеристику колонизаціи съ ея главнѣйшими типическими чертами и наиболѣе характерными ея особенностями. Уже въ силу такой постановки вопроса, мы не будемъ гоняться за исчерпывающею полнотою содержанія и новизною фактическаго матеріала.

Изучая колонизацію Новороссійскаго края, мы въ ней различаемъ два главныхъ типа или вида: 1) русскую (правительственную и народную) и 2) иноземную. Конечно, такое дѣленіе можетъ вызвать кое какія возраженія и замѣчанія; но я его принимаю, потому что оно позволитъ оріентироваться въ массѣ разнородныхъ фактическихъ данныхъ и представить ихъ въ болѣе или менѣе цѣльныхъ историческихъ картинахъ и характеристикахъ. Колонизаціонная дѣятельность правительства проявилась главнымъ образомъ въ постройкѣ въ Новороссійскомъ краѣ укрѣпленныхъ линій и городовъ. Еще въ

царствованіе Елисаветы Петровны было образовано Ново-сербское и Славяно-сербское военныя поселенія съ крѣпостями Елисаветградомъ, Бахмутомъ и Константиноградомъ (о нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ при обозрѣніи иностранной колонизаціи). Въ началѣ царствованія Екатерины II была построена такъ называемая *Днѣпровская линія*[1]) (1770 г.), явившаяся результатомъ успѣховъ русскаго оружія въ 1-ю турецкую войну; въ это время заняты были нами два порта— Азовъ и Таганрогъ, которые турки забыли укрѣпить; линія эта должна была отдѣлять всю новорос. губ. вмѣстѣ съ запорожск. землями отъ татарскихъ владѣній; отъ Днѣпра она шла къ Азовскому морю, проходя по рр. Бердѣ и Конскимъ Водамъ и пересѣкая всю крымскую степь; послѣдняя крѣпость ея (св. Петра) находилась у самаго моря близь нын. Бердянска и прикрывала небольшую бухту его; всѣхъ крѣпостей въ этой линіи было 8. Устройствомъ этой новой линіи правительство надѣялось (и надежды его отчасти оправдались) обезопасить тотъ край, который лежалъ за старою украинскою линіею (шедшей отъ Днѣпра къ Сѣв. Донцу въ предѣлахъ нын. полт. и харьк. губ.) и отличался плодородіемъ почвы и всяческими естественными богатствами, а между тѣмъ былъ очень слабо заселенъ. Такъ какъ крѣпости были основаны исключительно съ военными, а не торговыми или промышленными цѣлями, то и не имѣли задатковъ особеннаго развитія въ будущемъ; но подъ прикрытіемъ ихъ должны были быть заведены и мирныя селенія; охранять линіи должны были 3 козачьи полка. Земли, захваченныя новою линіей, были утверждены за Россіей по кучук-кайнарджинскому миру (1774 г.); она получила Керчь, Ениколь и Кинбурнъ со всею областью между Бугомъ и Днѣпромъ, т. е. юго-восточную часть новороссійскихъ степей (а также Азовъ и Таганрогъ)[2]). Такимъ образомъ, Россія твердою ногою ступила на азовское побережье. Одному изъ этихъ городовъ,—Таганрогу предстояла великая будущность. Это былъ 1-й шагъ къ расширенію, а вскорѣ послѣдовалъ и 2-й.

Въ 1783 г. былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ, а въ слѣдующемъ году рѣшено было устроить *новую линію крѣпостей*, для огражденія территоріи, вошедшей въ составъ русскаго государства, противъ

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Хронол. обозр. I, 84—86; см. также П. С. Зак., т. XIX, № 13460 (ук. 10 мая 1770 г.); описаніе этой линіи у Гюльденштедта, Reisen durch Russland, II, 101—106.

[2]) Таганрогъ (прежде Троицкая крѣп.) построенъ былъ, собственно говоря, еще при Петрѣ Вел., но находился долго въ запустѣніи и возобновленъ только въ 1769 году; Зап. О. Общ., 3-й томъ, стр. 295—296.

Польши и Турціи, а именно—при впаденіи въ Днѣпръ р. Тясьмина, въ Ольвіополѣ (при впаденіи Синюхи въ Бугъ), при впаденіи Ингула въ Бугъ (т. е. на мѣстѣ нын. Николаева), Кинбурнъ, Херсонъ, Днѣпровскую крѣпость (на Збурьевскомъ лиманѣ) и, наконецъ, цѣлый рядъ различныхъ пунктовъ въ Крыму (Севастополь, Перекопъ и мн. др.). Благодаря этой новой линіи укрѣпленій прежніе передовые пункты (крѣпости украинской и днѣпровской линій, крѣпость св. Елисаветы и Таганрогъ) потеряли свое окраинное положеніе и сдѣлалось внутренними селеніями, что, конечно, должно было благопріятно отразиться на дальнѣйшемъ развитіи нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ, Елисаветграда)[1]. Собственно говоря, всѣ эти укрѣпленія не имѣли важнаго значенія въ стратегическомъ отношеніи и они не представляли изъ себя крѣпостей въ точномъ смыслѣ этого слова и не могли бы, конечно, выдержать нападенія регулярной арміи; съ другой стороны они не могли исполнять такихъ функцій, какія нѣкогда несла, напр., украинская линія: имъ не приходилось уже защищать границы отъ набѣговъ мелкихъ непріятельскихъ партій, такъ какъ съ завоеваніемъ Крыма они прекратились; не удивительно, так. обр., что крѣпости на устьѣ р. Тясьмина, на Збурьевскомъ лиманѣ, остались въ проектѣ, и другіе только на время образовали пограничную черту, которая скоро, подобно предъидущимъ линіямъ, очутилась въ серединѣ, и ея мѣсто заняла такъ называемая *днѣстровская линія*, лежавшая еще дальше на западѣ.

2-ая турецкая война, какъ извѣстно, предоставила въ руки Россіи очаковскую область, обнимающую зап. часть нынѣшней херсонской губ. между Бугомъ и Днѣстромъ; по установившемуся обычаю предстояло теперь оградить и ее линіей пограничныхъ укрѣпленій; западная сторона ея должна была идти по Днѣстру отъ впаденія въ него Ягорлыка, т. е. прямо по нын. границѣ херсонской губ., а южная по морскому берегу до г. Очакова. Въ очаковской области до присоединенія ея къ Россіи было 4 города (Очаковъ, Аджидеръ—нынѣ Овидіополь, Хаджибей—Одесса и Дубоссары), около 150 селъ, населенныхъ татарами и молдаванами и ханскія слободы, заселенныя бѣглыми малороссіянами и великоруссами—раскольниками; но въ моментъ присоединенія край опустѣлъ. Мейеръ полагалъ, что тамъ было 120,000 населенія, цифра явно преувеличенная[2]); на самомъ дѣлѣ, какъ это видно

---

[1]) О немъ мы скажемъ нѣсколько словъ при обозрѣніи славянской колонизаціи.

[2]) Мат. для оц. зем. херс. губ. I. 42.

изъ карты екатер. намѣстничества, составленной не ранѣе 1790 г., тамъ было 19,547 д. муж. пола [1]). Первыя мѣры, принятыя правительствомъ для заселенія новопріобрѣтенной отъ Турціи очаковской области, были слѣдующія. Екатерина II поручила губернатору Каховскому: прежде всего обозрѣть страну, раздѣлить ее на уѣзды, назначить мѣста подъ города и представить обо всемъ этомъ планъ; во 2-хъ, отводить землю какъ подъ казенныя слободы, такъ и для помѣщиковъ, но не свыше той нормы, которая установлена была для екатер. губ. съ обязательствомъ заселить эти земли; въ 3-хъ, слѣдить за тѣмъ, чтобъ казенныя селенія не смѣшивались съ помѣщичьими; въ 4-хъ, принять мѣры для поселенія арнаутовъ; въ 5-хъ, оказать особенное преимущество въ полученіи земель молдавскимъ боярамъ; это были, такъ сказать, обычныя средства Екатерины II и ея сотрудниковъ [2]).

Для приведенія въ исполненіе этихъ предначертаній была учреждена уже по смерти Потемкина, въ 1792 г., экспедиція строенія южныхъ крѣпостей, во главѣ которой поставленъ екатер. губ. Каховскій [3]); новыя крѣпости велѣно было строить—1) на Днѣстрѣ противъ Бендеръ (нын. Тирасполь), 2) на Днѣстровскомъ лиманѣ (нын. Овидіополь), 3) у Хаджибейскаго замка (нын. Одесса), на развалинахъ Очакова на линіи, идущей въ лиманъ. Военное значеніе этихъ пунктовъ было невелико (исключая Очакова). Въ этой новой русской области важнѣе всего была ея южная полоса, прилегавшая къ Черному морю. Здѣсь то на мѣстѣ турецкой кр. Хаджибей былъ основанъ городъ, которому суждено было занято 1-е мѣсто между всѣми городами Новороссійскаго края. Съ постройкою днѣстровской линіи явилась возможность сосредоточить свои заботы исключительно на мирныхъ культурныхъ задачахъ.

Устраивая новыя крѣпости въ Новороссійскомъ краѣ, правительство должно было позаботиться о контингентахъ на случай военныхъ дѣйствій. Для этой цѣли оно пользовалось разнообразными въ этнографическомъ отношеніи элементами—русскими (великороссіянами и малороссіянами) и иностранцами; и тѣ, и другіе обыкновенно представляли изъ себя въ краѣ военно-земледѣльческое населеніе; таковы были козачьи полки, расположенные по крѣпостямъ днѣпровской линіи,

---

[1]) Мат. для геогр. и стат. Россіи. Херсонская губ., Шмидта I, 59—60.

[2]) П. С. Законовъ т. XXIII, № 17018 (Указъ Каховскому отъ 26 янв. 1792 г.), Зап. Од. Общ. II, 770.

[3]) Скальковскаго. Хрон. обозр. I, 217—218.

потомки запорожцевъ—черноморское козачье войско, выходцы сербы, образовавшіе гусарскіе полки и другіе иностранные колонисты.

Дѣлая общую оцѣнку оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ Новорос. краѣ, мы приходимъ къ заключенію, что въ началѣ второй половины XVIII в. онѣ были еще довольно значительны, но потомъ мало по малу ослаблялись, дѣлаясь все менѣе необходимыми; въ особенности это нужно сказать о томъ періодѣ, который начался съ присоединенія Крыма къ Россіи; тогда исчезла необходимость мелкой оборонительной партизанской войны съ татарами; исчезла опасность постояннаго нападенія, которая угрожала осѣдлому земледѣльческому населенію. Правда, и послѣ 1783 г. наступило еще время, когда Новороссійскій край превратился въ какой то военный лагерь; но это вызвано было 2-ю турецкою войною, потребовавшею напряженія всѣхъ военныхъ силъ области; по окончаніи же войны, въ царствованіе Павла Петровича и Александра I-го главная забота была направлена къ развитію мирныхъ культурныхъ занятій подъ прикрытіемъ русскаго войска и флота. Но первые зачатки этой мирной, культурной такъ сказать, колонизація начались гораздо раньше, одновременно съ чисто военной; съ теченіемъ времени первая все болѣе и болѣе возрастала на счетъ послѣдней, пока не сдѣлалась господствующей. Не касаясь первыхъ шаговъ ея, имѣющихъ мѣсто въ царствованіе Елизаветы Петровны и началѣ царствованія Екатерины II, мы только остановимся на нѣкоторыхъ болѣе выдающихся фактахъ, относящихся ко времени кн. Г. А. Потемкина, который былъ назначенъ управителемъ Новорос. края въ 1774 г. и оставался въ этой должности до самой смерти своей въ 1791 г. При немъ и по его инціативѣ были построены всѣ военныя укрѣпленныя линіи, кромѣ послѣдней днѣстровской. Онъ заботился, какъ мы увидимъ дальше, объ иностранной и народно-владѣльческой колонизаціи; но главная его заслуга состоитъ въ постройкѣ новыхъ городовъ, первое мѣсто среди которыхъ занимаютъ Херсонъ, Екатеринославъ и Николаевъ. Это были уже не только крѣпости, но и города въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, мы обращаемся теперь къ характеристикѣ правительственнаго *градостроенія*, которое нужно признать второю формою колонизаціонной дѣятельности правительства. Излагая важнѣйшіе факты, относящіеся къ этому дѣлу, мы будемъ помнить, что они должны намъ дать матеріалъ для опредѣленія заслугъ въ этомъ дѣлѣ самого Потемкина и его главнѣйшихъ сотрудниковъ.

Первый городъ, построенный по инціативѣ кн. Потемкина, былъ Херсонъ; указъ императрицы объ его постройкѣ относится къ 1778 г. и былъ вызванъ желаніемъ имѣть новую гавань и верфь поближе къ Черному морю, такъ какъ прежнія, напр. таганрогская, представляли значительныя неудобства по своему мелководію. Еще въ 1775 г. послѣдовало повелѣніе объ устройствѣ гавани и верфи на Днѣпровскомъ лиманѣ при урочищахъ Глубокой Пристани и Александръ-Шанцѣ, но приведено въ исполненіе оно не было цѣлыхъ три года, такъ какъ затруднялись выборомъ мѣста. Въ 1778 г. императрица снова повелѣваетъ окончательно выбрать мѣсто для гавани и верфи на Днѣпрѣ и назвать его Херсономъ. Потемкинъ выбралъ Александръ-Шанцъ. Производство работъ было поручено потомку извѣстнаго негра и крестника Петра В. Ганнибалу. Въ его распоряженіе было дано 12 ротъ мастеровъ. Подъ будущій городъ было отведено значительное количество земли. Въ крѣпость его прислано 220 орудій. Высшее руководительство и главное начальство въ этомъ дѣлѣ было поручено кн. Потемкину [1]). Императрица въ это время ведетъ постоянную переписку съ Потемкинымъ о новостроющемся городѣ. «Спасибо, голубчикъ, и весьма спасибо за расторопное распоряженіе о Херсонѣ; комендантство же смѣло изволь обѣщать Соколову; верфи же хотя на три корабля чаю довольно будетъ»... «Спасибо и премного спасибо, писала ему императрица въ другомъ письмѣ, за прилагаемое попеченіе о Херсонѣ, а лѣсу сейчасъ прикажу Кашкину тебѣ дать голубчику на строеніе»... «Батя, что касается до Херсона, читаемъ мы въ третьемъ письмѣ, то мнѣ все равно, гдѣ бъ не стоялъ, лишь бы остановки у работъ не было» [2]).

Біографъ Потемкина Самойловъ о постройкѣ Херсона сообщаетъ намъ такія подробности: первоначально былъ отправленъ, по его словамъ, для пріисканія мѣста подъ будущій городъ контръ-адмиралъ Шубинъ; но Потемкинъ донесъ императрицѣ, что выбранное имъ мѣсто ничѣмъ не защищено отъ Очакова. Императрица согласилась съ представленіемъ Потемкина и велѣла построить городъ въ 35 вер. отъ днѣпровскаго устья. Городъ строился подъ непосредственнымъ руководствомъ Потемкина, который хотѣлъ сдѣлать его столь же цвѣтущимъ и знаменитымъ, какъ древній Херсонесъ таврическій; онъ разсчитывалъ устроить въ немъ все то, что Петръ В. въ Петербургѣ,

---

[1]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 27-й, 155.

[2]) Ibidem, 155—156, 166.

несмотря на его зыбкій болотистый грунтъ (адмиралтейство, карантинъ, пакгаузъ). Постройка не представляла никакихъ затрудненій: каменоломня была почти въ самомъ городѣ, по Днѣпру привозили лѣсъ, желѣзо и всѣ необходимые матеріалы. Лежащія въ окружности города земли онъ раздавалъ для устройства загородныхъ домовъ, садовъ и т. п. Черезъ два года въ Херсонъ уже приходили корабли съ грузомъ подъ русскимъ флагомъ. Со всѣхъ сторонъ устремлялись сюда промышленные люди. Иностранцы завели въ немъ коммерческіе дома и конторы: французскія торговыя фирмы (барона Антуана и др.), а также польская (Заблоцкаго), константинопольская (Фродинга), австрійская (Фабри), русская (купца Масляникова)[1]. Очень важную роль въ расширеніи торговыхъ сношеній г. Херсона съ Франціей игралъ баронъ Антуанъ; въ послѣднее время напечатана любопытная переписка его съ извѣстнымъ гр. Сегюромъ: въ одномъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «стремленіе наше пріобрѣтать русскія естественныя произведенія, удвоитъ производство ихъ, а изобиліе послѣднихъ быстро повліяетъ на увеличеніе народонаселенія, которое служитъ настоящимъ мѣриломъ благосостоянія государствъ[2]». Русскій зерновой хлѣбъ онъ отправлялъ въ Корсику, въ различные порты Прованса, въ Ниццу, Геную и, наконецъ, Барселону[3]). Тотъ же баронъ Антуанъ составилъ любопытный историч. очеркъ торговыхъ и морскихъ отношеній портовъ Чернаго и Средиземнаго морей; на основаніи его г. К. Юрченко написалъ ист.-статистическій очеркъ торговли г. Херсона[4]). Какъ видно изъ этого очерка, Антуанъ ѣздилъ въ Петербургъ и ходатайствовалъ о цѣломъ рядѣ льготъ для основываемой имъ французской компаніи въ Херсонѣ и вообще для иностранныхъ купцовъ; нѣкоторыя его просьбы были уважены (основаніе банковой конторы, свободный вывозъ хлѣба и лѣса и т. п.). Отправившись въ Польшу, Антуанъ предложилъ польскій товаръ отправлять не черезъ Данцигъ и Кенигсбергъ, а по Днѣпру къ Аккерману и по Бугу — къ Очакову. Потомъ ему была оказана помощь французскимъ правительствомъ. 1-й его корабль прибылъ изъ Херсона въ 1784 году съ грузомъ конопли, пшеницы, чаю, льнянаго и конопляннаго сѣмени; онъ прислалъ туда солильщиковъ, бочара, свѣчнаго мастера и стро-

---

[1]) Зап. Од. Общ. XIII, стр. 156.

[2]) Ibidem, стр. 158.

[3]) Ibidem, стр. 159.

[4]) Ibidem, стр. 165—179.

ителя плотовъ. Многіе марсельскіе и херсонскіе купцы стали конкуррировать съ Антуаномъ въ торговлѣ съ южной Россіей и Польшей черезъ Черное море: въ теченіе года прибыло 20 судовъ изъ Херсона въ Марсель и 15 изъ Марселя въ Херсонъ. Торговля велась со Смирной, Ливорно, Мессиной, Марселемъ и Александріей. Энергичнымъ сотрудникомъ Потемкина былъ извѣстный Фалѣевъ. Простой кременчугскій купецъ, но энергичный, предпріимчивый, онъ не удовлетворился своею прежнею скромною дѣятельностью и рѣшился выйти на болѣе широкое и плодотворное поприще. Онъ предложилъ Потемкину на собственныя средства очистить днѣпровское русло у пороговъ, чтобы сдѣлать удобнымъ рѣчной путь изъ внутреннихъ областей государства къ Херсону. Цѣль не была достигнута, но, по словамъ Самойлова, уже въ 1783 г. прошли прямо въ Херсонъ изъ Брянска барки съ желѣзомъ и чугуномъ; также благополучно проходили суда съ провіантомъ; за это Фалѣевъ получилъ золотую медаль и дипломъ на дворянское достоинство [1]).

По словамъ современнаго изслѣдователя, въ Херсонѣ работало множество солдатъ, получавшихъ небольшое вознагражденіе отъ казны. Кораблестроеніе привлекло сюда кромѣ того множество вольныхъ рабочихъ, такъ что городъ все болѣе и болѣе возрасталъ. Съѣстные припасы привозились изъ польской и слободской Украины. Въ это же время началась въ Херсонѣ и заграничная торговля. Императрица, пріѣхавшая въ Херсонъ въ 1787 г., осталась очень довольна,—какъ это видно изъ письма ея къ ген. Еропкину,—и казармами, и крѣпостью, и каменными строеніями, и церковью, и адмиралтействомъ, и кораблями, и множествомъ разноязычнаго населенія [2]). Императоръ Іосифъ II, лично осмотрѣвшій Херсонъ, въ общемъ также остался доволенъ, но заявилъ, что большой торговли здѣсь никогда не будетъ [3]). Лица, нерасположенныя къ Потемкину, напр. Воронцовъ, отзывались дурно объ этомъ новомъ «колоссѣ», какъ его называла императрица. Спрашивается, какъ примирить противорѣчивыя извѣстія источниковъ? Какой взглядъ установить на постройку Херсона и на результатъ энергіи и заботъ самого Потемкина? [4]). Къ счастью, до насъ дошли

---

[1]) Рус. Архивъ. 1867 г. 1213—1215 стр.

[2]) Скальковскаго Хрон. обозр., I. 145, 190—191.

[3]) Брикнеръ. Иллюстр. ист. Ек. II, III, 416, IV, 616.

[4]) Краткій историческій очеркъ г. Херсона, составленный Чирковымъ, напечатанъ въ Пам. кн. херсонской губ. на 1864 г., прил. 1—17; упадокъ Херсона авторъ объясняетъ, на нашъ взглядъ совершенно основательно,—конкурренціей Николаева.

ордера кн. Потемкина, заключающіе себѣ свѣдѣнія о постройкѣ г. Херсона съ 1781 по 1785 г. включительно [1]). Они даютъ намъ возможность отвѣтить опредѣленно на нѣкоторые существенные вопросы, относящіеся къ этому дѣлу. Заботы Екатерины II о новомъ городѣ объясняются главнымъ образомъ желаніемъ устроить въ немъ адмиралтейство, такъ какъ Азовъ и Таганрогъ не представляли значительныхъ удобствъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того въ Херсонѣ должна была быть воздвигнута хорошая крѣпость и коммерческая гавань.

Таковъ былъ проектъ, внушенный императрицѣ Потемкинымъ. Новый городъ долженъ былъ дѣйствительно выроcти, какъ бы изъ подъ земли, по мановенію руки всесильнаго князя. Въ своемъ ордерѣ строителю Ганнибалу онъ, между прочимъ, писалъ, что «вся ожидаемая отъ сего знаменитаго для государственнаго зданія (г. Херсона) польза состоитъ въ томъ, чтобы оное со всею возможною поспѣшностью, до наступленія осени если не совсѣмъ отстроилось, то по крайней мѣрѣ всѣ земляныя работы, обезпечивающія тѣ мѣста, были дѣйствительно кончены» [2]). Конечно, такъ быстро построить городъ оказалось невозможнымъ. Съ такою же лихорадочною поспѣшностью производились работы и въ послѣдующее время: Потемкинъ ожидалъ императрицу въ 1784 г., какъ это видно изъ ордера его на имя Ганса. «Чтобъ успѣшнѣе шло производство строеній въ Херсонѣ, то я за нужное считаю, не обременяя васъ другими дѣлами, оставить при одномъ строеніи, которое и рекомендую стараться всѣми мѣрами умножить и совершенно въ томъ успѣть, ибо ея имп. вел. въ будущемъ лѣтѣ самолично въ Херсонѣ быть изволитъ» [3]). Также заботился Потемкинъ и о быстрой постройкѣ кораблей. «Между тѣмъ подтверждаю вамъ, писалъ онъ капитану надъ портомъ Муромцеву, и еще употребить возможное стараніе, чтобъ работы корабельныя шли съ крайнею поспѣшностью, въ чемъ и присылать ко мнѣ еженедѣльно подробные рапорты.... Забота моя о производствѣ сего дѣла тѣмъ для меня важнѣе, что непремѣнная ея имп. вел. есть воля о крайнѣйшемъ въ томъ поспѣшеніи» [4]). Всѣ помыслы кн. Потемкина были направлены къ тому, чтобъ новый городъ понравился императрицѣ. Недостатка въ деньгахъ быть не могло—Потемкину были предоставлены чрезвычайныя полномочія

[1]) Они напечатаны въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XI, 324—377.

[2]) Скальковскаго, Хр. обоз., I, 135.

[3]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XI, 342.

[4]) Ib. 344.

и онъ почти безконтрольно распоряжался суммами. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, во что обошлась правительству постройка новаго «колосса», но, судя по тѣмъ цифрамъ, которыя постоянно встрѣчаются въ Потемкинскихъ ордерахъ, можно думать, что сумма эта была весьма значительна. Приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ расходовъ. Ежегодно оставалась извѣстная сумма на производство крѣпостнаго строенія; въ 1782 г., напр., на сентябрьскую треть ассигновано болѣе 155,000 руб.; но, независимо отъ этого, многіе десятки тысячъ рублей отпускались въ возвратъ долга адмиралтейской суммы (б. 60,000 руб.); въ 1781 г. есть извѣстіе объ израсходованіи б. 420,000 руб.; большія суммы затрачивались особо на покупку и доставку корабельныхъ лѣсовъ (въ 1783 г.—50,000 р.), на наемъ плотниковъ (на треть 1785 г. 60,000 руб.) и т. п. Въ 1784 г. по выс. повелѣнію была отпущена для херсонскаго адмиралтейства экстраор. сумма въ размѣрѣ б. 1,533,000 р. сверхъ тѣхъ денегъ, которыя были выданы раньше на это дѣло и отпускались по штату ежегодно. «Что принадлежитъ до мѣстъ асигнованія, пишетъ Потемкинъ Вяземскому, то не представляется мнѣ ни малаго затрудненія въ полученіи оныхъ изъ окрестныхъ къ Херсону губерній; оттуда и могу я прямо назначить подлежащія суммы кому оныя будутъ слѣдовать». Вообще на экстраор. траты Потемкинъ получалъ и экстраор. суммы: напр., на переселеніе церковниковъ и калмыковъ 200,000 р. Потемкинъ не затруднялся въ полученіи необходимыхъ суммъ: онъ требовалъ и получалъ ихъ изъ петерб. и моск. казначейства и разныхъ казенныхъ палатъ (орловской, курской, харьковской и др.). Можно сказать, что вся Россія несла спеціальныя повинности въ пользу предпріятій свѣтл. князя. Кромѣ денегъ къ его услугамъ были и рабочія руки, и техники, и спеціалисты. Будучи генералъ-губерн. громаднаго Новорос. края, онъ, естественно, могъ и самъ выбирать необходимыхъ ему лицъ; но, кромѣ того, и правительство приходило въ этомъ отношеніи къ нему на помощь, такъ что онъ не могъ пожаловаться на внѣшнія препятствія для исполненія своихъ намѣреній. Къ его услугамъ были и войска, и казенные и вольные рабочіе. Для расчистки днѣпровскаго форватера у пороговъ отряжено было три пѣхотныхъ полка; для работъ въ Херсонѣ употреблялись солдаты и рекруты; для производства корабельнаго строенія постоянно нанимались въ Петербургѣ, Олонцѣ и др. мѣстахъ плотники (б. 1000 чел.) и присылались казенные охтенскіе плотники; для того же херс. адмиралтейства присылались рекруты изъ Казани; изъ Москвы отпускались нѣмцы—кузнецы и т. д. Являлись по требованію Потемкина не

только простые рабочіе, но и ученые спеціалисты: врачи (изъ азовской и новорос. губ.), садовники, живописцы и т. п. «Пріѣхавшаго изъ Петербурга живописца Федора Данилова, пишетъ Потемкинъ Гансу, употребить слѣдуетъ для писанія вновь построенной залы въ Херсонѣ, о чемъ дайте ему знать, препоруча ему ту работу и опредѣляя въ помощь живописцевъ изъ Петербурга въ Херсонъ привезенныхъ». Мало того,—кромѣ денегъ и рабочихъ, Потемкинъ получалъ необходимые ему предметы натурою,—отобранныя отъ запорожцевъ ружья (изъ крѣп. св. Елизаветы), порохъ и селитру (изъ кіевскаго цехгауза) артиллерію съ разными припасами (изъ крѣп. св. Елизаветы). Понятное дѣло, что при такомъ изобиліи средствъ, при спѣшности постройки, контроль надъ истрачиваемыми суммами не могъ быть значителенъ. Несмотря на то, что лица, завѣдывавшіе постройками, кромѣ жалованья, получали и значительныя прибавки изъ суммъ, назначенныхъ для херсонскаго строенія, бывали случаи злоупотребленій въ расходованіи денегъ. Въ этомъ былъ изобличенъ и одинъ изъ строителей полк. Гансъ, которому Потемкинъ писалъ: «Представленныя отъ васъ вѣдомости и книги расходовъ экстраординарной суммы ведены весьма безпорядочно и съ таковымъ смѣшеніемъ, что при выдачахъ казенныхъ рядомъ написаны партикулярныя». Спѣшность работъ должна была вредно отзываться и на самомъ качествѣ производимыхъ предметовъ. Такъ оказывается, напр., что суда строились изъ сырагo не высохшаго еще лѣсу и потому быстро портились и дѣлались никуда негодными. Итакъ, постройка Херсона велась на широкую ногу и потому обошлась она правительству страшно дорого. Справедливость требуетъ сказать, что самъ Потемкинъ былъ истиннымъ руководителемъ этого дѣла, заботился о скорѣйшемъ окончаніи его, и заботился не только о важныхъ, но и мелочныхъ обстоятельствахъ, къ нему относящихся, и не трудно догадаться, что главнымъ двигателемъ его было честолюбіе и славолюбіе. Онъ не допускалъ критики, которая могла бы омрачить «оригинальную славу» императрицы и его самого. Весьма характерный въ этомъ отношеніи фактъ—это его ордеръ главному доктору Самойлову. «Въ Моск. Вѣд.» сего года подъ № 74 въ артикулѣ «изъ Херсона» нашелъ я объявленіе Вашего сочиненія: описаніе подробное херсонскихъ болѣзней. Еще неизвѣстно, будетъ ли сдѣлано таковое «описаніе» и послужитъ ли оное къ пользѣ общей, но подобныя объявленія обнародываемыя дѣлаютъ весьма худое впечатлѣніе о странѣ той, особливо жъ по далекому ея состоянію. Итакъ, желалъ бы я, чтобъ извѣстія о болѣзняхъ тамошнихъ вступали въ публику

ie прежде, какъ вмѣстѣ съ описаніемъ свойства ихъ и надежныхъ средствъ, противъ нихъ употребляемыхъ». Рѣчь идетъ здѣсь о весьма щекотливомъ предметѣ для Потемкина—повальной заразительной болѣзни, свирѣпствовавшей въ Херсонѣ, благодаря его болотистой почвѣ; и вотъ свѣт. князь боится, какъ бы сообщаемыя въ книгѣ Самойлова факты не уронили его дѣятельности въ глазахъ императрицы, какъ бы этимъ не воспользовались тѣ, которые скептически относились къ этому новому колоссу, основанному, подобно Петербургу, на болотахъ; въ результатѣ и явился ордеръ, заключающій въ себѣ косвенное цензорское veto, такъ какъ ни Самойловъ, ни тогдашняя медицинская наука не знали вѣрныхъ средствъ противъ болѣзни.

Потемкинъ достигъ той цѣли, къ которой стремился впродолженіи 9 лѣтъ: императрица осталась довольна Херсономъ. И дѣйствительно, говоря вообще, безотносительно къ затратамъ, за 8—9 лѣтъ сдѣлано было очень много [1]). Путешественникъ Измайловъ, посѣтивши Херсонъ въ началѣ XIX в., говоритъ о г. Херсонѣ, какъ объ очень торговомъ пунктѣ, и указываетъ на предметы вывоза и ввоза [2]) Другой иностранный путешественникъ къ этому прибавляетъ, что Херсонъ болѣе походилъ на городъ, чѣмъ Николаевъ; «домы здѣсь гораздо выше и улицы тѣснѣе; впрочемъ, также худо выстроенъ; жителей въ немъ гораздо болѣе, нежели въ Николаевѣ. Здѣсь производится важная торговля строевымъ лѣсомъ. На набережной, которая простирается на цѣлую милю, видны большіе анбары сего лѣса. Здѣсь строятъ военные корабли; я видѣлъ одинъ о 110 пушкахъ, приготовленный къ спуску въ воду. Здѣсь столько же находится жидовъ, какъ и въ Николаевѣ—и они здѣсь также бѣдны» [3]). Но надежды, возлагаемыя на новый городъ, все таки не оправдались: со взятіемъ Очакова и построеніемъ Николаева, значеніе Херсона, какъ крѣпости и адмиралтейства, пало, а между тѣмъ на устройство его укрѣпленій и верфи были затрачены громадныя суммы. Въ николаевскомъ инженерномъ архивѣ морск. вѣдомства хранится топограф. планъ херсонской крѣпости и адмиралтейства за время съ 1808 по 1828 г. Изъ описанія ихъ, составленнаго г. Чирковымъ, видно, въ какихъ грандіозныхъ размѣрахъ они были устроены. И что же? «Изъ всѣхъ этихъ строеній,

---

[1]) См. выдержки изъ различныхъ отзывовъ о Херсонѣ во время пребыванія тамъ императрицы въ ст. Брикнера „Путеш. Екат. въ Крымъ“ (Ист. Вѣстн. 1885 г. сентябрь, 478—487).

[2]) Пут. въ пол. Рос., II. стр. 186—188.

[3]) Письма о Крымѣ..., стр. 42.

бывшихъ въ обширномъ и образцовомъ херсонскомъ адмиралтействѣ, дорого стоющихъ государству, почти не осталось ни одного... Бывшія адмиралтейскія строенія (исключая немногихъ, получившихъ тѣ или иныя назначенія), обширная деревянная набережная, бревенчатый полисадъ на валу вокругъ всего адмиралтейства и даже каменныя стѣны были проданы на сносъ съ публичнаго торга, и поэтому въ настóящее время сохранилось объ нихъ только темное преданіе, которому немногіе даже и вѣрятъ» [1]). Sic transit gloria mundi! Невольно припоминаются при этомъ слова австрійскаго имп. Іосифа II, что мѣсто для Херсона было выбрано неудачное, что слѣдовало бы построить городъ на 30 верстъ ближе къ морю, и что при настоящемъ положеніи дѣла въ немъ никогда не будетъ процвѣтать торговля. Сегюръ и Палласъ также не одобряли выбраннаго Потемкинымъ мѣста подъ городъ. И дѣйствительно, онъ не только не сдѣлался другимъ Амстердамомъ, но торговля его развивалась довольно туго и онъ уступалъ въ этомъ отношеніи Таганрогу и Очакову; въ 1794 г. въ Таганрогъ привезено было иностранныхъ товаровъ на 156,058 р., а вывезено на 439,011 р., въ Очаковъ—привезено на 244,340 р., а вывезено на 209,321 р., изъ Херсона—вывезено на 148,433 р.; между тѣмъ Николаевъ, который былъ построенъ 11 годами позже, отпускалъ въ это время товаровъ на 106,532 р., т. е. немногимъ менѣе Херсона [2]). Не говоримъ уже, что надежда сдѣлать Днѣпръ судоходнымъ у пороговъ не оправдалась и что чума едва было не погубила дѣла заселенія города въ самомъ его началѣ, во всякомъ случаѣ крайне тормозила его успѣшный ходъ: переселенцы и мастеровые изъ центральныхъ губ. Россіи страшно болѣли отъ непривычнаго климата и болотнаго воздуха при отсутствіи сносныхъ помѣщеній и т. п.

Обобщая все сказанное о Херсонѣ, мы приходимъ къ заключенію, что въ мѣстности, на которой Потемкинъ рѣшилъ воздвигнуть Херсонъ, не было задатковъ для великаго будущаго. Потемкину удалось съ поразительною быстротою построить городъ, но для этого понадобились громадныя средства отъ государства и населенія, которыя не окупились впослѣдствіи; ошиблась Екатерина, которая писала, что Херсонъ будетъ все болѣе и болѣе развиваться; его быстрый, сказочный ростъ былъ искусственный, онъ выросталъ не благодаря самому себѣ, какъ ростутъ многіе американскіе города, а благодаря помощи, ока-

---

[1]) Зап. Им. Од. Общ. Ист. и Др., XII, 477—481.

[2]) А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр. I, 233.

зываемой ему могущественнымъ княземъ Тавриды, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ императрицы и желавшимъ блеснуть передъ нею, всей Россіей и даже Европой своею неусыпной дѣятельностью.

Обратимся теперь къ постройкѣ другаго города, который долженъ былъ составить славу Екатеринѣ — Екатеринослава. Исторія этой постройки въ высшей степени характерна. Мы, впрочемъ, не будемъ останавливаться на ней слишкомъ долго, такъ какъ отпразднованный въ позапрошломъ году 100-лѣтній юбилей города вызвалъ на свѣтъ 3 работы, посвященныя исторіи основанія и первыхъ годовъ жизни Екатеринослава [1]). Начать съ того, что Екатеринославъ нѣсколько разъ переходилъ съ одного мѣста на другое. 1-й Екатеринославъ находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, при впаденіи р. Кильчени въ Самару. Построенъ онъ былъ по проекту азовскаго губ. Черткова (въ 1777 г.), но въ 1786 г. Потемкинъ, который и прежде не желалъ устраивать его на р. Самарѣ, издалъ ордеръ о перенесеніи Екатеринослава (переименованнаго еще раньше въ Новомосковскъ) на новое, болѣе возвышенное мѣсто, такъ какъ на прежнемъ онъ постоянно страдалъ отъ наводненій. И дѣйствительно, Екатеринославъ 1-й, иначе Новомосковскъ, считавшій въ 1781 г. 2194 души (въ томъ числѣ 270 д. купцовъ), на основаніи ордера Потемкина, сталъ расходиться врознь; «въ городѣ Новомосковскѣ жителей, кромѣ городничаго съ штатною командою съ ротою солдатъ и нѣкотораго числа канцелярскихъ служителей, нынѣ уже никого не имѣется; всѣ разошлись по разнымъ мѣстамъ» говорится въ одномъ документѣ; Новомосковскъ былъ переведенъ далѣе вверхъ на р. Самарѣ на свое нынѣ мѣсто, гдѣ было с. Новоселица, а губернскій городъ Екатеринославъ, по мысли Потемкина, долженъ былъ основаться на правомъ берегу Днѣпра на мѣстѣ запорожск. села Половицы, гдѣ онъ находится и теперь [2]). Но раньше чѣмъ были сдѣланы необходимыя постройки въ новомъ городѣ, прежнее населеніе его и администрація временно пріютились въ одномъ изъ предградій, форштатовъ будущаго города «Новыхъ Кайдакахъ», въ которомъ населеніе сильно увеличилось и онъ именовался иногда даже въ оффиціальныхъ бумагахъ Екатеринославомъ [3]). Первый указъ о постройкѣ Екатеринослава на правомъ берегу Днѣпра у Кай-

---

[1]) Егорова, Екатеринославское блуканіе, Е. 1887 г.; Владимірова, Первое столѣтіе Екатеринослава (матеріалы для истор. очерка). Е. 1887 г.; К. Королькова, Столѣтній юбилей Екатеринослава, Е. 1887 г.

[2]) Мат. для ист.—стат. оп. екат. еп., Е. 1880 г., 306—318. Владиміровъ, 11—20.

[3]) Мат. для ист. ст. оп. ек. еп. I, 25—40.

данова относится еще къ 1784 г.[1]); но самая постройка его началась позже. Новый городъ, по проекту Потемкина, долженъ былъ служить къ вящщей славѣ Екатерины и потому планировали его въ необычайныхъ размѣрахъ: городъ долженъ былъ находиться между 2 форштатами — Старымъ и Новымъ Кайдаками и заключать въ себѣ пространство въ 300 кв. верстъ; одного выгона для скота предполагалось отвести 80,000 десятинъ; улицы должны были быть шириною въ 30 саж. (теперь всей земли у города немного болѣе 5,000 дес., а проектированную ширину имѣютъ только двѣ улицы). Сохранился проектъ городскихъ построекъ, написанный собственноручно Потемкинымъ, ярко рисующій намъ грандіозные замыслы князя Тавриды (поданъ за 3 мѣсяца до отъѣзда императрицы въ ея путешествіе). «Всемилостивѣйшая Государыня, гдѣ же индѣ, какъ не въ странѣ, посвященной славѣ вашей, пишетъ Потемкинъ, быть городу изъ великолѣпныхъ зданій? А потому я предпринялъ проекты составить, достойные высокаго сего города названію. Во первыхъ представляется, въ подражаніе св. Павла, что въ Римѣ (очевидно П. хотѣлъ сказать св. Петра), тутъ храмъ великолѣпный, посвященный Преображенію Господню, въ знакъ, что страна сія изъ степей безплодныхъ преображена попеченіями вашими въ обильный вертоградъ и обиталище звѣрей въ благопріятное обиталище людямъ, изъ всѣхъ странъ текущимъ. Судилище, на подобіе древнихъ базиликъ, въ память полезныхъ вашихъ узаконеній. Лавки полукружіемъ, на подобіе пропилей или предудверій аѳинскихъ, съ биржею и театромъ посрединѣ. Палаты государскія, гдѣ жить и г. губернатору, во вкусѣ греческихъ и римскихъ зданій, имѣя посрединѣ великолѣпную и пространную сѣнь. Архіепископія при соборной церкви Преображенія съ дикастеріей и духовной школой. Какъ сія губернія есть военная, то въ призрѣніе заслуженнымъ престарѣлымъ воинамъ — домъ инвалидной со всѣми возможными выгодами и съ должнымъ великолѣпіемъ. Домъ губернаторской, вице-губернаторской, домъ дворянской и аптека, фабрика суконная и шелковая. Университетъ нужно съ академіею музыкальной или консерваторіей. Для всѣхъ сихъ строеній довольно всякихъ припасовъ заготовлено, на что употребится 200,000 руб. оставшіеся отъ экстраординарныхъ суммъ» [2]).

---

[1]) П. С. З. т. XXII, № 15910 (ук. отъ 22 янв. 1784 г.).

[2]) Рус. Архивъ, 1865, стр. 394—395.

Въ новомъ городѣ велѣно было немедленно учредить университетъ съ академіею художествъ [1]; назначенъ былъ директоромъ консерваторіи знаменитый музыкантъ Сарти; сохранился любопытный контрактъ съ нимъ кн. Потемкина.

«Быть мнѣ, говоритъ Сарти, директоромъ музыки при учреждаемомъ въ г. Екатеринославѣ университетѣ; обучать тамъ сочиненіе оной и самому сочинять музыкальныя пьесы, *въ какихъ будетъ надобность*, и за сіе получать мнѣ жалованья годоваго.... по 3500 руб. въ годъ, кромѣ квартиры съ отопленіемъ и 1,500 руб. прогоновъ» [2]; на службу въ неосуществившійся университетъ были зачислены, кромѣ того, профессорами Ливановъ и Прокоповичъ, преподавателями живописи Неретинъ и Бухаровъ и исторіографомъ капитанъ французской службы de Guienne [3]), которые и получали жалованье по штату (всего ассигновано было съ 1785 года болѣе 20,000 руб.). На постройку университета назначено было 300,000 руб. [4]). Разсчитывали, что въ этомъ университетѣ съ академіей художествъ и музыки, съ училищемъ хирургическимъ и народною схолою «по сосѣдству Польши, Греціи, земель Воложской, Молдавской и народовъ Иллирическихъ, множество притечетъ юношества обучаться».

Но не однѣ науки и искусства должны были процвѣсти въ новомъ городѣ: въ немъ должна была зародиться, по мановенію всесильнаго вельможи, и промышленность: большія суммы (340,000 руб.) были ассигнованы на устройство казенной фабрики съ 2 отдѣленіями—суконнымъ и шелково—чулочнымъ [5]). Въ своемъ донесеніи императрицѣ Потемкинъ указываетъ на громадную пользу, которую принесетъ эта фабрика Россіи, которая превзойдетъ въ количествѣ сухонъ всѣ прочія государства, «а посредствомъ дворянъ-учениковъ это ремесло разойдется по всей Россіи, шелкъ будетъ хорошаго качества и дешевъ; «колоніи ремесленниковъ, говоритъ въ заключеніе своего донесенія Потемкинъ, фабриканты въ большомъ числѣ, находятся у меня теперь въ бѣлорусскихъ деревняхъ въ ожиданіи построенія жилищъ въ Екатеринославѣ, которыя въ будущей осени поспѣютъ, и они на судахъ

---

[1]) П. С. Зак. т. XXII, № 16057 (ук. 4 сент. 1784 г.).

[2]) Зап. Одеск. Общ. IV, 375.

[3]) Ibidem, 376, 377.

[4]) Зап. Одес. Общ. II, 332 и 774.

[5]) Зап. Од. Общ., 5-й томъ, стр. 444—445; всѣхъ фабрикъ въ Екатеринославѣ предполагалось 12.

Днѣпромъ съ инструментами доставятся въ свое мѣсто» [1]). Въ 1787 г. императрица, во время своего извѣстнаго путешествія, посѣтила Екатеринославъ и заложила грандіозный соборный храмъ, который по величинѣ своей долженъ былъ превосходить храмъ св. Петра въ Римѣ: на 1 аршинъ длиннѣе послѣдняго [2]).

Что же вышло изъ всѣхъ этихъ грандіознѣйшихъ проектовъ? Отвѣтимъ кратко: очень мало. Программа тѣхъ величественныхъ сооруженій, которыя проектировалъ свѣтлѣйшій, осуществилась въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ (дворецъ Потемкина и нѣк. др.); чулочная фабрика закрыта была очень скоро, а суконная кое какъ протянула до 1836 г; соборъ, заложенный Екатериной, не былъ выстроенъ: дѣло ограничилось однимъ фундаментомъ, который обошелся казнѣ въ 71,102 р.; сбылось такимъ образомъ предсказаніе Сегюра, что въ этомъ соборѣ никогда не будетъ службы; правъ былъ отчасти и императоръ Іосифъ II, который сказалъ, что онъ съ императрицей совершилъ великое дѣло: она положила 1-й камень новаго города, а онъ 2-й и послѣдній. Университетъ съ академіей и другими учрежденіями никогда не осуществился; профессора его напрасно получали жалованье, исключая, б. м., одного Сарти, который исполнилъ свою обязанность, указанную въ контрактѣ: составилъ торжественную кантату для встрѣчи императрицы; заготовленные для построекъ матеріалы были частью проданы съ публичнаго торга, а частью получили другое назначеніе. «Такимъ образомъ, говоритъ преосв. Гавріилъ, все разлилось въ разныя стороны; въ самое краткое время всего лишился Екатеринославъ; златомъ сіять надѣявшійся, онъ превратился въ сосудъ глиняный, или въ ту самую *Половицу*, на мѣстѣ которой основался» [3]).

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Екатеринославѣ было 2201 д. муж. пола, въ томъ числѣ 277 д. купцовъ, 874 д. мѣщанъ и цеховыхъ и 1050 д. разночинцевъ [4]), а въ 1800 г.—только 2634 д. *обоего пола*, т. е абсолютная цифра уменьшилась; въ 1804 г. 6389 д., въ 1825 г.—8412 д.., і-е въ теченіе 25 лѣтъ текущаго столѣтія населеніе болѣе чѣмъ утроилось, хотя все таки абсолютная цифра его была не велика [5]). Положеніе екатеринославскаго купече-

---

[1]) Рус. Архивъ 1865, стр. 66—68.

[2]) Ibidem, стр. 869.

[3]) Зап. Од. Общ., 5-й томъ, стр. 458—459.

[4]) Зап. Од. Общ., III, стр. 289;

[5]) Владимірова. Первое стол. г. Екатеринослава, стр. 212—213;

ства въ первые годы существованія города было очень печальное; яркими красками рисуется оно въ прошеніи, которое предполагалось подать гр. Зубову; лица, стоявшія во главѣ управленія и желавшія сдѣлать Екатеринославъ достойнымъ его высокаго назначенія, всячески обнадеживали поселенцевъ разными льготами, но этихъ льготъ въ дѣйствительности не оказывалось, въ особенности это нужно сказать о времени Павла Петровича; для усиленія коммерціи было открыто въ городѣ 4 ярмарки, но купцовъ на нихъ не было [1]). Да и могло ли быть иначе? Неудача объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что хотѣли искусственно, однимъ почеркомъ пера, создать то, для чего потребны были благопріятныя мѣстныя условія; но объ этихъ условіяхъ не справлялись; наоборотъ, въ особенную заслугу думали себѣ вмѣнить постройку знаменитаго города въ пустынной мѣстности, у болота; и вотъ, когда золотой дождь въ видѣ правительственныхъ ассигновокъ, прекратился,—и науки, и искусства, и промыслы, и торговля такъ и остались въ проектѣ.

Представимъ теперь, наконецъ, нѣкоторыя данныя о постройкѣ г. Николаева. Еще въ 1784 г. приказано было построить крѣпость при впаденіи Ингула въ Бугъ, но она почему то построена не была. Въ 1787 г. турки очаковскаго гарнизона, по преданію, разорили находившуюся на р. Бугѣ, недалеко отъ впаденія въ него р. Ингула, дачу иностранца Фабри; этотъ послѣдній просилъ казну вознаградить его за убытки; для опредѣленія ихъ былъ отправленъ извѣстнымъ уже намъ Фалѣевымъ офицеръ, который донесъ ему, что возлѣ Фабровой дачи есть мѣсто, удобное для верфи. Въ 1788 г., по приказанію Потемкина, въ небольшой деревнѣ Витовкѣ были построены казармы и госпиталь, а на р. Ингулѣ заведена верфь. Постройка зданій и судовъ была поручена Фалѣеву, а сотрудниками его были архитекторъ Варезетъ, Бестужевъ, Старовъ, Де-Воланъ и др. Самое основаніе г. Николаева мы относимъ къ 27 августа 1789 г., потому что этимъ именно годомъ, мѣсяцемъ и числомъ помѣченъ ордеръ Потемкина на имя Фалѣева такого содержанія: «Фаброву дачу имяновать Спаское, а Витовку Богоявленское, новозаводимую верфь на Ингулѣ городъ Николаевъ» [2]); Высочайшее повелѣніе о наименованіи новаго города

---

[1]) Ibidem, стр. 103—105, 145—150.

[2]) Зап. Од. Общ., II, 672; А. А. Скальковскій высказалъ мнѣніе, что Николаевъ получилъ начало 28 марта 1789 г., и ссылается на архивъ черном. гидрограф. депо, откуда онъ перепечаталъ и во 2-мъ томѣ Зап. Од. Общ.; окончательно разрѣшить этотъ вопросъ тотъ, кто наведетъ справку въ этомъ архивѣ.

Николаевомъ послѣдовало только въ 1790 г.[1]). Свое имя онъ получилъ по имени перваго корабля св. Николая, построеннаго на его верфи. Въ томъ же 1790 г. послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ устройствѣ въ Николаевѣ адмиралтейства и верфи. «Глубина р. Ингула, при впаденіи ея въ Бугъ, говоритъ авторъ исторіи черноморскаго флота Аркасъ, много способствовала къ построенію тамъ верфи для сооруженія судовъ большаго ранга.... Херсонская верфь, хотя была также удобна какъ николаевская, но мелководіе гирлъ препятствовало выводить изъ Херсона въ море большаго ранга суда... и потому постепенно начали переводить изъ Херсона въ Николаевъ сначала главнаго командира, правленіе черноморскаго флота и кадетскій корпусъ, потомъ нѣкоторыя мастерскія и, наконецъ, въ 1824 г. уничтожили въ Херсонѣ адмиралтейство и перевели въ Николаевъ» [2]). Найдя новый удобный пунктъ, Потемкинъ рѣшается устроить здѣсь городъ, портъ и адмиралтейство. Сохранился въ высшей степени интересный проектъ Потемкина о постройкахъ въ Николаевѣ. Рѣшено было адмиралтейство изъ Херсона перевести въ Николаевъ, такъ какъ въ немъ и вода, и воздухъ чище, а въ Херсонѣ оставить одни только магазины и постройку мелкихъ судовъ, которые могутъ проходить безъ камелей; сначала предполагали сдѣлать доки и деревянную гавань на р. Бугѣ, но вслѣдствіе дороговизны отказались отъ этой мысли и рѣшили оставить адмиралтейство и верфь на Ингулѣ, а на Бугѣ имѣть только докъ; всѣ необходимые для адмиралтейства магазины, мастерскія и набережную предполагалось построить изъ лѣса, заготовленнаго въ с. Мошнахъ (кіев. губ.); число казармъ увеличить; на Бугѣ и лиманѣ повбивать сваи, чтобы суда могли тянуться и въ плохую погоду; для привлеченія иностранцевъ къ поселенію въ Николаевѣ исходатайствовать на 20 лѣтъ портофранко; ярославскихъ каменьщиковъ, купленныхъ у Мещерской, сдѣлать казенными и пріохочивать къ поселенію въ Николаевѣ; заниматься постройкою судовъ, чтобы довести число ихъ до предположенной нормы; составить для гребнаго флота приморскій гренадерскій корпусъ, которому имѣть постоянныя квартиры въ Николаевѣ; въ мирное время онъ долженъ былъ заниматься работами въ портѣ или же гнать лѣса по лиману; для того, чтобы никогда не было недостатка въ мастеровыхъ, учить женатыхъ рекрутъ плотничьему и другимъ ремесламъ, необходимымъ въ адмиралтействѣ, и

[1]) Зап. Од. Общ., II, стр. 769.

[2]) Начало учрежд. рос. флота на Черномъ морѣ (Зап. Од. Общ., IV, 285).

поселить изъ нихъ 3,000 (а также 1,000 каменьщиковъ) на казенныхъ участкахъ и на земляхъ, которыя нужно купить у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (у разныхъ владѣльцевъ около Николаева, у Безбородка близь Херсона, у ген. Соймонова на устьѣ Ингульца у Глубокой пристани, гдѣ построенъ литейный заводъ для переливки негодныхъ пушекъ и ядеръ, на Бугѣ у Русской косы, противъ Николаева и Богоявленска на той сторонѣ Буга, на Ингулѣ на дачѣ помѣщика Ларія); въ бугскихъ порогахъ завести водяныя машины для кузнечныхъ адмиралтейскихъ работъ и оружейнаго завода; построить противъ Богоявленска купальню въ томъ мѣстѣ, гдѣ криница; завести въ удобномъ мѣстѣ канатный заводъ «безъ затѣй»; для сплава лѣса изъ Херсона въ Николаевъ построить плашкоуты; для пристанища байдаковъ и плотовъ во время шторма подѣлать пристани на Глубокой и ниже Станиславова; вымѣрять дно Буга и Ингула до Березани; сдѣлать при николаевской верфи кузницу и токарню; распахать какъ можно больше земли возлѣ Николаева, для чего сдѣлать еще 20 плуговъ, а въ Богоявленскѣ завести земледѣльческое училище съ аптекарскимъ садомъ подъ дирекціей проф. Ливанова, учениковъ же въ него опредѣлять изъ рядовыхъ солдатъ или женатыхъ поповичей; на копанкахъ поселить женатыхъ военныхъ, неспособныхъ къ службѣ, въ Богоявленскѣ всѣхъ заштатныхъ церковниковъ; такое же населеніе, а также безпаспортные выходцы изъ Польши и бродяги, должны устроиться въ Воскресенскѣ и Покровскѣ; служащимъ въ адмиралтействѣ отводить землю подъ хутора въ окрестностяхъ города; насаждать при адмиралтейскихъ поселкахъ лѣсъ; давать жалованье адмиралтейскимъ рабочимъ; для молодыхъ людей, желавшихъ поступить въ морскую службу, построить въ городѣ училище навигаціи на 360 чел. дворянъ и на столько же разночинцевъ, которые будутъ выходить въ штурмана, шкипера и др. подобныя должности. Завести небольшое училище кораблестроенія и снабдить его новѣйшими англійскими и французскими книгами; для отставныхъ штабъ и оберъ офицеровъ основать монастырь Спасо-Николаевской лавры и дать туда колоколъ въ 1000 пудовъ, перелитый изъ колокола Межигорскаго монастыря; доходы съ лавокъ, выстроенныхъ у биржи, съ погребовъ, трактира и кофейной употребить на церковь св. Григорія и на причтъ ея, а сосуды дать туда монастырскіе; построить инвалидный домъ и такой госпиталь, въ которомъ могли бы лечиться и херсонскіе больные, такъ какъ здѣшнее мѣсто и вода несравненно здоровѣе херсонскихъ; въ Богоявленскѣ и Николаевѣ всѣ фонтаны

обдѣлать мраморомъ и устроить торговую турецкую баню; въ Николаевѣ ничего не строить деревяннаго, а если есть мазанки, то ихъ оштукатурить; разнымъ лицамъ, оказавшимъ услуги при устройствѣ города и края, дать награды и пенсіи (оберъ-интенданту Аѳанасьеву, проф. Ливанову за находку серебряной руды, каменнаго угля, мрамора и красокъ, архитектору Ванрезани). Изъ отвѣтныхъ донесеній Фалѣева мы узнаемъ, что въ Богоявленскѣ садили разныя деревья (дубы и т. п.) и виноградъ, отысканный въ Очаковѣ; для приведенія въ благоустройство города Фалѣевъ ходатайствовалъ объ учрежденіи и полиціи [1]).

Нельзя не замѣтить, что при устройствѣ Николаева Потемкинъ дѣйствовалъ нѣсколько иначе, чѣмъ при постройкѣ Екатеринослава и Херсона. Здѣсь меньше желанія произвести эффектъ, больше исполнимыхъ, практичныхъ проектовъ: есть даже желаніе устраивать кое что «безъ затѣй». Потемкинъ, очевидно, разочаровался въ Херсонѣ; по крайней мѣрѣ онъ, какъ мы видѣли, убѣдился въ нездоровомъ климатѣ занятой имъ мѣстности. Впрочемъ, и во время строенія Николаева погибло не мало народа, и это обстоятельство сильно огорчало свѣтлѣйшаго. «А теперь только скажу, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ морятъ какъ нарочно. Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду. А я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину. Я опредѣлялъ людей въ работу да и еще и съ заплатою, а изъ сего сдѣлали каторгу. И по несчастью какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучатъ другіе, а потакаете вы» [2]). Изъ этого документа видно, что работы были очень тяжелы, если самъ Потемкинъ называетъ ихъ каторгой и тиранствомъ. Не обходилось подѣло и безъ хищенія казенныхъ денегъ. «Пора отстать, пишетъ Потемкинъ, отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили суммы и все недостатками подчивали. Чрезъ нихъ разворовано много» [3]).

Далеко не всѣ предположенія и предначертанія Потемкина относительно Николаева осуществились: многое, по смерти его, было оставлено втунѣ; его преемникъ Зубовъ вовсе не желалъ продолжать

---

[1]) Зап. Од. Общ., XIII, 182—183, 184—186, 187; см. также „Распоряженія и предположенія кн. Потемкина-Таврическаго объ устройствѣ черн. флота и г. Николаева“ (Мор. Сбор. 1855, № 11, стр. 151—167.

[2]) Зап. Од. Общ. II, 673—674.

[3]) Ibidem, 673.

начинаній своего предмѣстника, а хотѣлъ въ свою очередь оставить память о своей дѣятельности въ новомъ городѣ Вознесенскѣ. Но несмотря на это неблагопріятное обстоятельство, Николаевъ не захирѣлъ, подобно Екатеринославу, а сталъ развиваться и даже конкуррировать съ Херсономъ. Объ его ростѣ свидѣтельствуетъ слѣдующіе факты.

Въ 1788 г. [1]) николаевскую верфь посѣтилъ нѣмецкій врачъ Дримпельманъ, который оставилъ любопытное описаніе ея. «Какъ сильно я былъ удивленъ, говоритъ онъ, когда извощикъ, котораго я подрядилъ изъ Елисаветграда, вдругъ остановился и, хотя я не видѣлъ ничего кромѣ отдѣльныхъ хижинъ изъ тростника и часовыхъ, объявилъ мнѣ, что тутъ и есть Николаевъ... Ближайшее освѣдомленіе у часовыхъ показало, что слова извощика были справедливы и что я дѣйствительно нахожусь въ самомъ Николаевѣ». Описавъ посѣщеніе свое Богоявленска, Дримпельманъ разсказываетъ дальше слѣдующее: «Доселѣ ни одно человѣческое существо не могло жить въ этомъ мѣстѣ, гдѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ возникъ городъ, который уже въ первые годы своего существованія обѣщалъ счастливое процвѣтаніе и гдѣ теперь селятся люди всѣхъ странъ. Вокругъ все было пусто. Единственныя живыя существа, которыхъ здѣсь можно было встрѣтить, были змѣи. Хотя укушеніе ихъ и не опасно, однако онѣ были непріятны и страшны для людей тѣмъ, что проникали въ жилища, плохо построенныя изъ тростника и досокъ. Въ нашу тростниковую хижину, въ которой намъ пришлось провести первую ночь по пріѣздѣ въ Николаевъ, наползло множество этихъ гадинъ. Хотя мы изъ предосторожности устроили постель на 4-хъ высокихъ кольяхъ, но это нисколько не помогло: змѣи поднимались вверхъ и, почуявъ людей, съ отвратительнымъ шипѣньемъ переползали черезъ насъ на другую сторону кровати и уходили. Постройка новаго города шла впередъ съ изумительною быстротою: въ тотъ годъ, когда я жилъ здѣсь, выстроено было болѣе 150 домовъ. Лѣсъ и другіе строительные матеріалы доставлялись въ изобиліи на казенный счетъ по Бугу и продавались весьма дешево какъ чиновникамъ, такъ и другимъ лицамъ, желавшимъ здѣсь поселиться. Только каждый строившійся обязанъ былъ строго сообразоваться съ планомъ, по которому городъ постепенно долженъ былъ возникать. Число жителей, собравшихся изъ разныхъ частей государства, доходило въ 1789 г., когда я покинулъ Николаевъ,

---

[1]) Вѣроятно, дѣло происходило не въ 1788 г., а нѣсколько позже.

до $2\frac{1}{2}$ тысячъ [1])». Изъ другихъ (оффиціальныхъ) данныхъ видно, что и въ 1792 г. въ Николаевѣ было менѣе 2,500 жителей; нужно думать поэтому, что или Дримпельманъ значительно преувеличилъ цифру населенія, или, что вѣроятнѣе, выставилъ ошибочную хронологію: на самомъ дѣлѣ былъ въ Николаевѣ въ началѣ девяностыхъ годовъ XVIII-го вѣка. Въ 1791 г. въ Николаевѣ было 26 дворовъ, 147 д. жителей обоего пола (105 муж. и 42 ж.) и 1,200 дес. земли подъ усадьбами [2]). Екат. губ. Каховскій въ своемъ письмѣ къ извѣстному Попову сообщаетъ такія данныя о Николаевѣ въ 1792 году: «строеній кончено и начато много. Вода въ колодезяхъ хороша, а въ фонтанахъ отмѣнно хороша. Деревьевъ насажено много. По хуторамъ разводятся огороды для поваренныхъ растеній и распахиваются земли подъ посѣвъ хлѣба... Признаюсь В. П., что я пришелъ въ изумленіе, увидя столь много строеній на томъ мѣстѣ, гдѣ два года тому назадъ видѣлъ я два только шалаша изъ камыша сдѣланныхъ». Въ 1792 г. въ немъ дѣйствительно уже существовали: 1 церковь, 4 общественныхъ дома, 100 казармъ, 13 магазиновъ, 158 каменныхъ и деревянныхъ домовъ, 209 мазанокъ, 61 землянка, 149 лавокъ, 23 погреба и 1,566 д. обоего пола [3]). Кромѣ того здѣсь же временно проживало 1,734 д. рабочихъ. Громадная разница съ состояніемъ города въ 1791 г., ясно свидѣтельствующая о томъ, что предположенія Потемкина получили нѣкоторое практическое осуществленіе. Измайловъ, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ въ самомъ концѣ XVIII в., описываетъ Николаевъ такъ: «Николаевъ стоитъ въ долинѣ, окруженной пригорками при впаденіи Ингула въ Бугъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чернаго моря. Адмиралтейство, крѣпость, суда, стоящія на якоряхъ, служатъ главнымъ украшеніемъ города. Соборная церковь во имя св. Григорія есть зданіе вкуса и нѣжности» [4]). «Николаевъ, говоритъ одинъ иностранный путешественникъ, посѣтившій его въ 1808 г., стоитъ на лѣвомъ берегу Буга... Въ семъ городѣ находятся складни и магазины черноморскаго флота. Когда мы проѣзжали, то еще въ гавани не было ни одного линейнаго корабля въ отстройкѣ; какъ скоро они отдѣлаются, немедленно отправляютъ ихъ въ Севастополь. Жителей въ городѣ около девяти тысячъ (цифра эта, по всей вѣроятности,

[1]) Записки нѣм. врача о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка (Русскій Архивъ, 1881, кн. 1-я, стр. 48—49).

[2]) Зап. Од. Общ., II, 747.

[3]) Зап. Од. Общ., II, 772.

[4]) Пут. въ полуд. Рос. II, 99—100.

сильно преувеличена), почти всѣ--служащіе во флотѣ или жиды; сіи послѣдніе имѣютъ отвратительный видъ. Положеніе Николаева не такъ хорошо--улицы широки, а домы низкіе и выстроены по большей части изъ дерева или глины» [1]). Въ «Землеописаніи» Зябловскаго (напеч. въ 1810 г.) о Николаевѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «въ немъ, по выгодной глубинѣ залива и безопасной для судовъ рейды, стоитъ черноморская гребная флотилія, также имѣетъ пребываніе главнокомандующій надъ черноморскимъ и азовскимъ флотами и учреждено училище штурманское и другое корабельной архитектуры. Имѣетъ таможенную заставу и 3 церкви [2]) (русскую, католическую и греческую)». Въ 1817 г. въ Николаевѣ было 6 церквей и 7-я синагога, 4 общественныхъ зданія, 99 казенныхъ, 1,368 частныхъ домовъ (1,010 каменныхъ и 358 деревянныхъ), 3,285 д. обоего пола [3]). Прогрессъ въ числѣ жителей за 25 лѣтъ послѣдовалъ, какъ видно изъ этихъ цифръ, ничтожный; очевидно, послѣ форсированнаго роста, вызваннаго искусственными мѣрами, наступило затишье. Но Николаевъ все таки имѣлъ будущее, какъ удобное мѣсто для постройки судовъ и торговый портъ. По числу выпущенныхъ изъ его верфи кораблей онъ уступалъ Херсону [4]), но относительно отпускной хлѣбной торговли въ самомъ концѣ XVIII в. стоялъ нѣсколько выше его [5]).

Уже по смерти Потемкина былъ основанъ городъ, который занялъ первое мѣсто среди всѣхъ городовъ Новороссійскаго края, и старыхъ, и новыхъ—это Одесса, основанная на мѣстѣ турецкой крѣпости Хаджибея; указъ императрицы о постройкѣ военной и купеческой гавани и города Хаджибея (такъ раньше называлась Одесса) относится къ 1794 г. [6]); постройка была поручена де-Рибасу; подъ новый городъ было отведено болѣе 30,000 десятинъ земли; на устройство порта, адмиралтейства, казармъ и т. п. было ассигновано около 2,000,000 руб.; важнымъ моментомъ въ первоначальной исторіи Одессы (такъ его назвала академія наукъ) было поселеніе греческихъ выходцевъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ; городъ въ это

---

[1]) Письма о Крымѣ, объ Одессѣ и Азов. морѣ. М. 1810, стр. 39—40.

[2]) Землеопис. рос. имп., V, 347—348.

[3]) Зап. Од. Общ. II, 747.

[4]) См. сравнительную таблицу различныхъ судовъ, построенныхъ въ той и другой верфи до 1824 г. въ Зап. Од. Об., II, 749—750.

[5]) Скальковскій, Хрон. об., I, 235.

[6]) Впрочемъ мысль о постройкѣ города на мѣстѣ тур. Хаджибея возникла у императрицы еще въ 1782 г.; см. Зап. Од. Общ., I, 261.

время состоялъ изъ двухъ форштадтовъ — военнаго и греческаго; частныя лица получали «открытые листы» на свои усадьбы; въ надеждѣ на большія выгоды здѣсь стали селиться русскіе и иностранные (гл. обр. греческіе) купцы; въ предмѣстьѣ города Пересыпи поселились черноморскіе (бывшіе запорожскіе) козаки. Въ 1796 г. въ Одессѣ было 2,349 д. обоего пола; больше всего мѣщанъ (новороссійскихъ, иногороднихъ и б. казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ); купцовъ разныхъ гильдій 84 чел. м. п., евреевъ 150 д. м. п., грековъ (кромѣ греч. дивизіона) 129 д. м. п., 98 д. черном. козаковъ. Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, наступившія для города съ воцареніемъ имп. Павла Петровича, населеніе въ немъ постоянно возрастало; царствованіе Павла Петровича было непродолжительно, а съ воцареніемъ имп. Александра I-го жители Одессы получили многія важныя привилегіи (25-лѣтняя льгота, освобожденіе отъ постоевъ, утвержденіе за городомъ земли и т. д.). Въ 1802 г. въ Одессѣ было уже болѣе 9,000 д. обоего пола жителей, въ томъ числѣ постоянныхъ и временныхъ купцовъ 2,285 д. об. п., а мѣщанъ — 5,743 д. об. п.; 39 фабрикъ, заводовъ и мельницъ, 171 лавка, 43 погреба, 1,092 обывательскихъ дома и 257 землянокъ, городскихъ доходовъ — 40,675 р. 38 к., товаровъ привезено было на 719,982 р., а вывезено — на 1,534,114 р., всего на 2,254,096 р. Но все это было ничто въ сравненіи съ дальнѣйшимъ прогрессомъ въ населеніи и торговлѣ. Этимъ прогрессомъ Одесса обязана гл. об. дѣятельности дюка де-Ришелье, который занялъ здѣсь постъ градоначальника въ 1803 г. По словамъ Сикара, Ришелье самъ стоялъ во главѣ всего и управлялъ всѣмъ больше своею личностью, чѣмъ предоставленной ему властью; въ свободныя минуты онъ обходилъ городъ и гавань, наблюдая за работами, самъ отдавая вездѣ приказанія и заставляя такимъ образомъ другихъ подвигать дѣло съ необычайнымъ усердіемъ; онъ посѣщалъ иностранцевъ въ карантинѣ, узнавалъ ихъ планы, нужды, приглашая ихъ возвращаться или поселяться въ Одессѣ. Въ городѣ онъ лично зналъ всѣхъ купцовъ, какой бы національности они ни были, встрѣчался съ ними или посѣщалъ ихъ магазины, разговаривалъ и освѣдомлялся о ихъ торговлѣ, успѣхахъ, препятствіяхъ, желаніяхъ и нуждахъ [1]). «Въ продолженіе почти 12-ти лѣтняго управленія Одессою Ришелье, пользуясь высокимъ довѣріемъ монарха, обращалъ его единственно на пользу

[1]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIV, р. 32. (Notice sur 11 années de la vie du duc de Richelieu à Odessa pour servir à l'histoire de sa vie).

города. Онъ не только что возстановилъ дарованныя имъ Екатериною милости городу, но исходатайствовалъ новыя, несравнено большія; устроилъ портъ, карантинъ, таможню, театръ, госпиталь, докончилъ начатые храмы Божіи; учредилъ воспитательно-учебное заведеніе, поощрилъ частныя въ городѣ постройки, которыхъ при его отъѣздѣ считалось 2,000; увеличилъ населеніе города до 25,000 душъ; возвысилъ торговые обороты его. Любя страстно садоводство и вообще разведеніе деревъ, онъ всячески покровительствовалъ владѣльцамъ дачъ и садовъ и первый выписалъ изъ Италіи сѣмена бѣлой акаціи, роскошно принявшейся на одесской почвѣ. Ришелье за границей не забывалъ Одессу»... Такъ характеризуетъ его дѣятельность историкъ Одессы Смольяниновъ [1]). При Ришелье Одесса сдѣлалась центромъ торговыхъ связей Новороссійскаго края и европейскихъ приморскихъ городовъ: торговые обороты ея въ 1814 г. простирались болѣе чѣмъ на 20,000,000 руб.; главнымъ предметомъ отпускной торговли была пшеница; естественныя богатства Новороссійскаго края нашли себѣ сбытъ. Расширеніе торговыхъ оборотовъ одесскаго купечества вызвало увеличеніе потребностей и привело къ общему подъему культурности и цивилизаціи: Одесса превратилась въ небольшой, но бойкій, торговый и благоустроенный *европейскій* городъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересно свидѣтельство самого Ришелье: «когда я прибылъ, говоритъ онъ, въ 1803 г. въ Одессу, то прошло 6 недѣль, прежде чѣмъ я могъ достать себѣ дюжину самыхъ простыхъ стульевъ,— а въ 1813 г. было уже вывезено изъ Одессы въ Константинополь на 60,000 рублей мебели, которая была сдѣлана почти также хорошо какъ петербургская или московская» [2]). О томъ, что̀ изъ себя представляла Одесса въ десятыхъ годахъ XIX ст., можно получить свѣдѣнія изъ сочиненія маркиза де-Кастельно, гдѣ сообщаются обстоятельныя данныя о населеніи ея, общественныхъ и частныхъ сооруженіяхъ, управленіи, полиціи, а въ особенности о торговлѣ: данныя эти вполнѣ подтверждаютъ мысль о сравнительно высокой степени культурнаго развитія города [3]).

Кромѣ Херсона, Екатеринослава, Николаева и Одессы, можно указать и еще нѣсколько важныхъ городовъ въ Новороссійскомъ

---

[1]) Исторія Одессы, стр. 167—168.

[2]) Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ., т. LIV, p. 370.

[3]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, III, p. 17—112; приложенныя нами фактическія данныя объ Одессѣ позаимствованы изъ сочиненій Смольянинова и А. А. Скальковскаго.

краѣ, возникшихъ также путемъ колонизаціи; но на нихъ мы уже останавливаться не будемъ; таковы Маріуполь, Ростовъ, Таганрогъ, Дубоссары. Въ Маріуполѣ, который былъ основанъ въ 1780 году, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ насчитывалось уже 1,506 душъ мужескаго пола, въ томъ числѣ 144 купца [1]). Въ Ростовѣ (первоначально называвшемся крѣпостью св. Димитрія Ростовскаго) въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было только 704 души жителей; но за то въ сосѣднемъ съ нимъ армянскомъ городѣ Нахичевани, который получилъ начало въ 80-мъ году, числилось тогда же 1040 д. русскихъ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ и 4121 д. армянъ, нѣсколько фабрикъ и заводовъ и много каменныхъ лавокъ [2]). Таганрогъ (прежде Троицкая крѣп.) былъ построенъ еще, собственно говоря, при Петрѣ Вел., но находился долго въ запустѣніи и возобновленъ былъ только въ 1769 г.; въ немъ въ началѣ 80-хъ годовъ была гавань, таможня, биржа, крѣпость; кромѣ значительнаго числа моряковъ, въ немъ жило 222 чел. купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ [3]). Хотя гавань его отличалась многими неудобствами [4]), но въ немъ все таки процвѣтала заграничная торговля. Въ самомъ началѣ XIX ст. онъ представлялъ изъ себя, по словамъ одного путешественника, торговый, но худо выстроенный и грязный городъ; жителей въ немъ было отъ 8 до 10 тыс. чел., торговля здѣшняя была въ рукахъ грековъ; съ возникновеніемъ Одессы Таганрогъ потерялъ свое прежнее значеніе самаго важнаго торговаго пункта [5]). Дубоссары славились сухопутной торговлей; по словамъ Пейсоннеля, отсюда вывозилось всякихъ сырыхъ продуктовъ въ концѣ XVIII в. на 12,210 р. [6]),

[1]) Записки Од. Общ., III, 293. „Описаніе городовъ и уѣздовъ азовской губ.“; основываясь на нѣкоторыхъ хронологическихъ указаніяхъ самаго документа, издатели относятъ его къ 1779 г.; но спрашивается, какъ можно говорить о 1779 годѣ, когда въ текстѣ же мы находимъ упоминаніе о 1780-мъ? Судя по тому, что здѣсь описывается 1-й Екатеринославъ, нужно отнести его къ началу 80-хъ годовъ XVIII вѣка.

[2]) Ibidem. стр. 297; Зап. Од. Общ., II, 835—838.

[3]) Записки Од. Общ., III, 295—296.

[4]) Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ. LIV, p. 276—281; на сто коммерческихъ судовъ здѣсь погибало 5, 6, т. е. въ 9 разъ болѣе, чѣмъ на Средиземномъ морѣ; также отрицательно, какъ и Ришелье, отзывается о Таганрогѣ Гюльденштедтъ.

[5]) Письма о Крымѣ., стр. 230, 232, 258, 262; впрочемъ, въ 1805 г. торговые обороты Таганрога превышали 5,000,000 руб. (Скальковскаго, Хронологическій обзоръ, II, 95).

[6]) Traité de la commerce..., I, p. 302.

а въ 1805 г., по сообщенію А. А. Скальковскаго, уже на 179,562, а привозилось на 1,163,979 р.[1]).

Дѣлая общее заключеніе объ экономическомъ ростѣ городовъ Новороссійскаго края, мы должны сказать, что важную роль въ этомъ случаѣ играли льготы, предоставляемыя правительствомъ населенію; это ясно видно на примѣрѣ Одессы; размѣры льготъ были не вездѣ одинаковы; общее представленіе о нихъ даетъ «открытый листъ» губернатора Хорвата 1795 года, обращенный къ русскимъ и иностраннымъ поселенцамъ городовъ екат. и вознес. губ.: онъ предоставляетъ десятилѣтнюю льготу отъ податей, свободное отправленіе богослуженія и денежныя ссуды[2]); такія же льготы были предоставлены и городамъ очаковской области въ 1803 г.[3]). Просматривая составъ населенія торговыхъ городовъ Новороссіи, мы замѣчаемъ въ нихъ значительный процентъ иностранцевъ; эти иностранцы и составили торгово-промышленное ядро городскаго населенія, давшее первый толчокъ заграничной торговлѣ. Такъ было въ Одессѣ; тамъ мы находимъ грековъ, евреевъ, болгаръ, молдаванъ, поляковъ[4]); вскорѣ господствующее положеніе въ Одессѣ заняли греки; существовавшій здѣсь раньше для «россійскаго купечества» магистратъ замѣненъ былъ «иностраннымъ магистратомъ» и въ выборахъ нѣкоторое время участвовали одни иностранцы[5]); громадное большинство одесскаго купечества 1-й и 2-й гильдій въ 1800 г. были иностранцы; видное мѣсто они занимаютъ и среди торговцевъ 3-й гильдіи[6]); и это понятно: съ 1796 г. по 1800-й годъ было принято въ магистратъ 135 д. купцовъ россійской націи и 181 д. купцовъ, вышедшихъ изъ разныхъ заграничныхъ мѣстъ[7]). Маріуполь былъ обязанъ не только своимъ торговымъ значеніемъ, но и происхожденіемъ греческой колонизаціи, какъ это мы увидимъ при обозрѣніи иностранной колонизаціи. Важную роль играли греки и въ торговлѣ внутренняго города Елисаветграда, гдѣ они составили особую общину. Таганрогская торговля, какъ мы видѣли, также была въ рукахъ гре-

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр., II, 95.

[2]) А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр., I, 246—247.

[3]) Ibidem., II, 40—41: о льготахъ, предоставленныхъ жителямъ г. Одессы, см. А. Орлова. Истор. очеркъ г. Одессы. Одесса. 1885 г.

[4]) А. Орловъ. Истор. очеркъ Одессы, стр. 14.

[5]) Ibidem, 52.

[6]) Ibidem, прил., 123—127.

[7]) Ibidem, прил., 101—122.

ковъ, а она послѣ одесской занимала 1-е мѣсто. Яснымъ доказательствомъ того, что гл. обр. иностранцы создали торговлю нашихъ новороссійскихъ городовъ, можетъ служить примѣръ Ростова и Нахичевани: торговля процвѣтала въ концѣ XVIII в. въ одной только Нахичевани, обязанной своимъ происхожденіемъ предпріимчивымъ, обладавшимъ промышленнымъ духомъ армянамъ.

Кромѣ двухъ названныхъ нами причинъ экономическаго развитія новороссійскихъ городовъ, слѣдуетъ указать еще на нѣсколько другихъ не менѣе важныхъ, таковы—существованіе въ окружности болѣе или менѣе значительныхъ и многолюдныхъ земледѣльческихъ поселеній, удобства географическаго положенія и сравнительная безопасность выбранныхъ подъ города мѣстностей и т. п.; разъ все это не принималось во вниманіе, тогда и огромныя затраты, какъ это было съ постройкою Вознесенска, не приводили ни къ чему

Кромѣ постройки укрѣпленныхъ линій и городовъ, колонизаціонная дѣятельность русскаго государства и народа выражалась еще въ основаніи цѣлаго ряда различныхъ *селеній*—селъ, деревень, слободъ, мѣстечекъ, хуторовъ. Жители ихъ принадлежали частью къ малорусской, а частью къ великорусской народности (не считая иностранцевъ). Судя по тому, что въ настоящее время малоруссы составляютъ преобладающую группу населенія, можно предполагать, что и въ прежнее время они представляли изъ себя наиболѣе численную народность; и такое предположеніе оправдывается всѣми извѣстными намъ историческими данными. Въ малороссійской колонизаціи нужно различать три элемента, которые, впрочемъ, постоянно смѣшивались другъ съ другомъ,—запорожскихъ поселенцевъ, выходцевъ изъ заднѣпровской (правобережной) Малороссіи и переселенцевъ изъ лѣвобережной и отчасти слободской Украины. Что касается великорусскихъ колонистовъ, то они приходили, убѣгали сюда или переводились изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Великорусскія селенія были перемѣшаны съ малорусскими; иногда (и даже очень часто) въ одномъ и томъ же селеніи жили представители обѣихъ народностей; такъ было и въ казенныхъ, и во владѣльческихъ поселкахъ. Въ виду всего этого мы находимъ неудобнымъ обозрѣвать малорусскую колонизацію отдѣльно отъ великорусской, а установимъ дѣленіе по другому (не этнографическому, а соціальному) принципу. Всѣ земли, предназначавшіяся для заселенія, дѣлились на двѣ части—казенныя или государственныя и частныя или помѣщичьи; сообразно съ этимъ и все русское населеніе Новороссійскаго края можетъ быть раздѣлено на 2 боль-

шія группы — 1) свободныхъ поселянъ, жившихъ въ государственныхъ слободахъ и деревняхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ; они принадлежали частью къ великорусской, частью къ малорусской народности; одни изъ нихъ добровольно, по собственному желанію или по вызову правительства, явились въ Новороссію, другіе были переведены сюда правительствомъ, третьи, наконецъ, убѣжали отъ своихъ господъ; 2) владѣльческихъ, помѣщичьихъ крестьянъ великорусскаго и малорусскаго происхожденія, садившихся на земляхъ частныхъ лицъ и вступавшихъ къ нимъ въ извѣстныя зависимыя отношенія.

Въ послѣднее время своего историческаго существованія Запорожье, какъ мы видѣли, переходило мало по малу къ осѣдлому земледѣльческому быту; въ предѣлахъ его возникло значительное количество селъ, деревень и хуторовъ. Эта мирная колонизаціонная дѣятельность запорожскихъ козаковъ и ихъ «пидданныхъ» продолжается и послѣ политической смерти Сѣчи и представляетъ весьма замѣтное явленіе въ общемъ ходѣ вольной народной колонизаціи б. запорожскихъ «палестинъ», несмотря на то, что правительство далеко не оказывало ей такого содѣйствія, какъ иностранцамъ и многимъ великорусскимъ поселенцамъ; немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло то обстоятельство, что къ запорожцамъ въ моментъ уничтоженіи ихъ политической самостоятельности относилась подозрительно и центральная власть, и многіе мѣстные дѣятели. Послѣ уничтоженія Сѣчи вся ея войсковая и старшинская казна была конфискована и изъ нея образованъ такъ называемый городской капиталъ (б. 120,000 руб.) для выдачи ссудъ жителямъ новороссійской губ. [1]): такъ и послѣ смерти своей Запорожье оставило наслѣдство, служившее для тѣхъ же цѣлей колонизаціи, которыя нѣкогда преслѣдовало и само «товарыство». Еще важнѣе было другое наслѣдіе, оставленное покойнымъ Запорожьемъ—это его «обширныя» и богатыя «палестины», которыя опять таки, подобно денежной казнѣ, достались, какъ увидимъ далѣе, другимъ.... Очень вѣроятно, что запорожцы могли бы заселить сами значительную часть своихъ «вольностей», если бы онѣ не были отданы помѣщикамъ и иностраннымъ выходцамъ. Впрочемъ, факты живой дѣйствительности взяли свое, побороли предубѣжденіе противъ запорожской колонизаціи: и мы видимъ, что лица, хорошо знакомыя съ мѣстными условіями жизни (въ родѣ, напр., Черткова) послѣ 1775 г.

[1]) Скальковскаго. Хрон. обозр. I. 124.

начинають покровительствовать устройству запорожскихъ поселковъ. Да и могли ли они поступать иначе, когда эта вольная народная колонизація оказывалась наиболѣе дѣйствительной и не стоила правительству почти ничего, между тѣмъ какъ иностранцамъ, напримѣръ, приходилось выдавать огромныя ссуды? Если мы обратимся къ наиболѣе значительнымъ селеніямъ нын. екатеринославской губ., то увидимъ, что многія изъ нихъ представляли нѣкогда «старожитныя» козацкія займища, зимовники, хутора; тутъ въ землянкахъ и мазанкахъ безсмѣнно проживали женатые козаки со своими семействами, челядью, наймитами, хлопцами и малюками. «Ловкій и аккуратный запорожецъ Горленко, говоритъ преосв. Θеодосій, произведенный Чертковымъ въ волкеводскаго коммиссара Горленскаго, согласно видамъ и желаніямъ Черткова, при содѣйствіи преданныхъ ему запорожцевъ, скоро основывалъ на козацкихъ зимовникахъ слободы и заселялъ ихъ народомъ семейнымъ и осѣдлымъ... Незабвенный въ лѣтописяхъ Запорожья, доселѣ живущій въ памяти народной подъ именемъ *дикаго попа* лейбъ—кампаніи священникъ о. Кириллъ Тарловскій—другъ и благодѣтель человѣчества, ближайшее и самое довѣренное лицо Черткова, при содѣйствіи іеромонаховъ Самарскаго мон., оживилъ и заселилъ степи орельскія и терновскія; въ короткое время онъ основалъ 24 слободы и устроилъ въ нихъ 12 церквей съ шпиталями и школами при нихъ» [1]). Вообще, малороссійскія слободы въ большинствѣ случаевъ были обязаны своимъ происхожденіемъ энергіи и колонизаторской дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, такъ называемыхъ осадчихъ. Вотъ какъ, напр., основалась госуд. слобода Вязовокъ. Въ 1775 г. азовскій губернаторъ Чертковъ пожелалъ основать сл. Вязовокъ; межевая экспедиція отвела землю, а «вахмистръ Вас. Мураевъ самъ вызвался быть осадчимъ сл. Вязовка, населителемъ, колонизаторомъ и организаторомъ ея. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ, получивъ отъ лейбъ—кампаніи священника о. Кирилла Тарловскаго благословеніе и денежную помощь, осадчій Мураевъ поручилъ Мих. Бѣлостоцкому, въ указанныхъ и намѣченныхъ мѣстахъ, строить въ слободѣ землянки и хаты—мазанки, а самъ отправился во всѣ стороны въ мѣста дозволенныя *стачивать* народъ семейный, приглашать его на осѣдлую жизнь въ новую государственную слободу Вязовокъ. Богатыя, роскошныя и плодородныя степи самарскія вполнѣ отвѣчали стремленію народному, и весною 1776 г. явилось въ сл. Вязовокъ значительное количество на-

---

[1]) Пр. Θеодосія. Матеріалы., I, 8—9.

сельниковъ—людей семейныхъ и осѣдлыхъ, изъ народа вольнаго и свободнаго; осадчій Мураевъ назначенъ уже былъ смотрителемъ сл. Вязовка, а житель Вязовка Радченко былъ атаманомъ общества» [1]. Наиболѣе выдающеюся личностью въ этомъ дѣлѣ является запорожскій полк. Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ [2]; его «хлопецъ и малецъ» Сергѣй Лотъ въ зимовникѣ его осадилъ 50 дворовъ козаковъ и основанную такимъ образомъ слободу назвалъ въ честь своего «татуся» Колпаковкой [3]. Любопытный примѣръ обращенія запорожскаго селища въ слободу представляетъ Гродовка (въ бахм. у. екат. губ.). «Въ обширнѣйшихъ, роскошныхъ и богатыхъ степяхъ между Торцомъ и Солоненькою, говоритъ пр. Ѳеодосій, часто проживали запорожцы и *грѣли животы свои*... По уничтоженіи въ 1775 г. послѣдней Сѣчи запорожской, жившіе въ балкѣ Холодной запорожцы, согласно видамъ и желанію азовскаго губ. Черткова, со всѣхъ сторонъ начали стягивать къ себѣ на жительство семейный и осѣдлый народъ малороссійской націи. Въ 1788 г. въ государственной слободѣ Гродовкѣ постоянныхъ жителей поселянъ малороссійской націи было обоего пола свыше 800 д. [4] А. Пишчевичъ (который вообще относится къ запорожцамъ очень враждебно), передаетъ, что изъ запорожскихъ хуторовъ возникли м. Глинскъ, Крыловъ, Табурище, Крюковъ, и только сожалѣетъ при этомъ, что по именамъ «этихъ разбойниковъ» были названы многія населенныя мѣстности [5].

Въ основанныя бывшими запорожцами селенія приходило много народа изъ Гетманщины; это были по большей части родственники и свойственники бывшихъ запорожцевъ; для холостыхъ поселенцевъ въ г. Алешкахъ отыскивались жены въ Малороссіи [6]. Иногда выходцы изъ Гетманщины основывали самостоятельныя селенія въ предѣлахъ бывшаго Запорожья; таково, напр., происхожденіе сл. Пологовъ, основанной выходцами изъ переяславскаго уѣзда полт. губ. [7]. Объ успѣшности этой колонизаціи можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Въ 1810 г. поселянинъ с. Петровки (александрійскаго у.) Павелъ Треска вы-

---

[1]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы... I, 496.

[2]) См. о немъ замѣтку Мурзакевича въ Зап. Од. Общ., XII, 462—464.

[3]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы...., I, 358.

[4]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы..., II, 50—51; точно также были основаны Шолахова, Чаплинка и др.

[5]) Примѣч. А. С. Пишчевича на Новорос. край („Кіев. Стар." 1884, янв., 118).

[6]) Зап. Од. Общ. X, 239.

[7]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы..., II, 295.

звалъ изъ Малороссіи 119 душъ переселенцевъ и ему отведено было въ херсонскомъ уѣздѣ 23,000 дес. земли; въ качествѣ осадчаго онъ продолжалъ дѣйствовать такъ удачно, что въ 1814 г. въ этомъ Ново-павловскомъ селѣ числилось уже 1448 д. обоего пола и «множество земледѣльческихъ обзаведеній» [1]). О размѣрахъ колонизаціоннаго движенія изъ лѣвобережной Украины (собственно Черниговщины) свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: въ одномъ херсонскомъ уѣздѣ выходцами изъ Черниговщины было основано частію или цѣликомъ 32 селенія [2]). Одни изъ этихъ переселенцевъ (б. козаки) пользовались правомъ вольнаго перехода и потому на законномъ основаніи переселялись въ Новороссію; другіе же (б. посполитые) лишились этого права въ 1783 г. и потому должны были убѣгать отъ своихъ владѣльцевъ, тоже самое нужно сказать и о слободской Украинѣ; здѣсь они надѣялись получить свободу и само правительство, какъ увидимъ далѣе, не пренебрегало бѣглыми. Правитель екатер. намѣстничества Синельниковъ предлагалъ даже купить у харьковскихъ и воронежскихъ помѣщиковъ подданныхъ черкасъ (малороссіянъ) и поселить ихъ въ Новороссіи; купить ихъ можно было бы, по его словамъ, не дорого (по 40 или 50 р.), а поселеніе ихъ на новыхъ мѣстахъ не стоило бы почти ничего, потому что они охотно обратились бы изъ подданныхъ въ казенныхъ крестьянъ [3]); другими словами, онъ проектировалъ для нихъ на новомъ мѣстѣ свободу отъ крѣпостной зависимости.

Громадное число переселенцевъ—малороссіянъ доставила также и заднѣпровская Украина, бывшая тогда подъ властью Польши; нѣкоторая часть ихъ селилась въ запорожскихъ деревняхъ, другая въ малороссійскихъ, третья—въ помѣщичьихъ и т. д. Въ недавно изданныхъ матеріалахъ для исторіи Запорожья А. А. Андріевскаго мы находимъ цѣлую серію документовъ, служащихъ къ разъясненію этого дѣла. Нын. елисаветградскій уѣздъ херс. губ. съ ранняго времени сталъ заселяться выходцами изъ Польши, отчасти Гетманщины и Запорожья. На самой границѣ съ Польшей, при впаденіи р. Тарговицы въ Синюху, былъ основанъ Архангельскій городокъ (нын. Новоархангельскъ), населеніе котораго возрастало главнымъ образомъ отъ прилива малороссійскихъ выходцевъ изъ Польши. Кіевскому полковнику Танскому

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Хрон. Обозр. II, 240.

[2]) Нѣсколько выводовъ изъ стат. трудовъ по черн. и херс. губ. Изд. херс. губ. зем. упр. стр. 15.

[3]) Зап. Од. Общ., IX, 279.

велѣно было возобновить и заселить села, лежавшія по русской сторонѣ Синюхи и разрушенныя татарами во время турецкой войны; въ Цыбулевъ назначенъ былъ атаманомъ и осадчимъ козакъ миргородскаго полка Леонтій Сагайдачный, а въ Архангельскъ —тамошній пасѣчникъ Степанъ Таранъ; 1-й удачно повелъ свое дѣло и поселилъ у себя болѣе 300 дворовъ (выходцевъ изъ Польши); 2-й же жилъ въ лѣсу и никакихъ стараній къ исполненію возложеннаго на него порученія не прилагалъ и потому былъ замѣненъ козакомъ миргородскаго полка Давидомъ Миргородскимъ. Новый городъ, благодаря своему окраинному положенію, испытывалъ (въ особенности на первыхъ порахъ) большія опасности; ближайшее селеніе Цыбулевъ находилось отъ него на разстояніи 10 верстъ; поляки сдѣлали нападеніе на этотъ городокъ и взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ жителей; осадчій Звенигородскій былъ схваченъ на польской территоріи и казненъ; такое же нападеніе было сдѣлано и на с. Давидовку. Для огражденія новыхъ поселенцевъ правительство распорядилось устроить здѣсь укрѣпленія и поставить караулы; это дѣло поручено было миргородскому полковнику Капнисту; въ 1744 г. въ этой мѣстности было уже поселено 13 слободъ и въ нихъ 357 коз. и 563 посполитскихъ двора; здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, важнымъ двигателемъ колонизаціи были льготы, предоставляемыя новымъ поселенцамъ [1]). Подъ защитой укрѣпленій и карауловъ дѣло заселенія этого пограничья пошло очень успѣшно: въ 1752 г. тамъ жило б. 4,000 дворовъ малороссіянъ (старинныхъ поселенцевъ и выходцевъ изъ Малороссіи, слободскихъ полковъ, Запорожья и Польши [2]).

Таково было начало переселенческаго движенія изъ Заднѣпровья. Въ царствованіе имп. Екатерины II-й оно продолжалось попрежнему. Лица, стоявшія во главѣ колонизаціи (Каховскій, Синельниковъ), очень цѣнили этихъ заднѣпровскихъ выходцевъ и даже посылали тайно своихъ коммиссаровъ для вербовки населенія въ Новороссію. «Изъ Польши, писалъ Каховскій, собирается поселянъ къ намъ много. Я послалъ отсюда внушить имъ, чтобъ выбирались не торопясь и забирали бы съ собою не только все свое имущество, но и домы. Если Всевышній поможетъ, то уповаю, что въ донесеніяхъ моихъ о выходцахъ будутъ цифры не десятичныя, но тысячныя. Да поможетъ только Богъ добраться въ ту сторону». Въ другомъ письмѣ тотъ же Каховский

[1]) А. А. Андріевскаго. Мат. для ист. южнорус. края. Од. 1886 г. стр. 50—77.
[2]) Матеріалы для оцѣнки земель херс. губ., т. II, стр. 128—129.

скій говоритъ: «Посылаемые мною въ Польшу (т. е. кіев. и под. губ.) для вызова поселянъ доносятъ да и ушедшіе изъ подъ стражи польскіе поселяне утверждаютъ, что генеральные коммиссары и губернаторы (приказчики) въ имѣніяхъ владѣльцевъ, а присовокупясь къ нимъ, и арендаторы имѣній строго принялись пресѣчь выходъ желающихъ прійти къ намъ на поселеніе. Они перехватываютъ идущихъ и, ограбивъ ихъ имущества, что ограбить можно, возвращаютъ семейства на прежнія ихъ жилища, хозяевъ же садятъ въ тюрьмы и поступаютъ съ ними сурово. Дерзость сія... опечаливаетъ меня крайнѣйше и чувствительнѣйше, поелику препятствуетъ къ скорому исполненію... заселить сей прекрасный и полезный край». Для избѣжанія этихъ препятствій Каховскій совѣтовалъ устроить подвижной кордонъ [1]). Въ Новороссійскомъ краѣ чувствовался сильный недостатокъ въ женскомъ населеніи; поэтому сюда вербовали и дѣвицъ; одному еврею вербовщику платилось по 5 р. за всякую дѣвицу; офицеровъ награждали чинами (кто наберетъ на свой счетъ 80 душъ, тому давали чинъ поручика [2]); для удобства устраивали слободы у самой границы, чтобы легче было переводить сюда жителей Заднѣпровья [3]). Правитель екатер. нам. Синельниковъ самъ говоритъ, что онъ возбудилъ въ малороссійскомъ населеніи польскихъ губерній стремленіе къ переселенію въ Новороссійскій край [4]).

Что касается великорусскихъ колонистовъ, то это были казенные и экономическіе крестьяне, однодворцы, козаки, отставные солдаты, матросы, дьячки и раскольники. Изъ ярославской, костром., владим. губ. вызывались казенные крестьяне, знающіе какое либо мастерство; такъ было въ 1795 г., когда Зубовъ принималъ всяческія мѣры для заселенія созданной имъ вознесенской губерніи [5]); въ началѣ XIX ст. государственныя слободы были уже довольно многочисленны и очень многолюдны. Въ 1814 г. въ мелитопольской провинціи таврич. губ. было, по вычисленію проф. Дюгурова, 13 госуд. деревень съ 21,147 д. муж. пола, т. е. въ среднемъ приходилось по 1,626 д. муж. п. на каждую [6]). Значительная часть госуд. слободъ была на-

---

[1]) Зап. Од. Общ. XII. 349, 358—359.

[2]) Зап. Од. Общ., IX, 272.

[3]) Ibidem, 273—274.

[4]) Зап. Од. Общ., IX, 265.

[5]) Зап. Од. Общ. II, 775.

[6]) De la civilisation des tatars-nogais dans le midi de la Russie européenne. 1816. p. 120.

селена такъ называемыми однодворцами, извѣстными съ давняго времени въ украинскихъ великорусскихъ губерніяхъ и составлявшими тамъ особый разрядъ служилыхъ людей; таково, напр., происхожденіе сл. Богдановки и Терновки въ екат. губ. [1]). Отставнымъ матросамъ и солдатамъ Каховскій предполагалъ отвести земли по обоимъ берегамъ р. Буга до самаго Николаева [2]). Заштатныхъ дьячковъ Потемкинъ проектировалъ селить въ Новороссіи, потому что они, по его мнѣнію, могли быть въ одно и то же время и земледѣльцами, и военными ландмилиціонерами [3]). По указу 1781 г. велѣно было въ Новороссію переселить до 20,000 экономическихъ крестьянъ и выбрать изъ среды ихъ до 24,000 добровольныхъ переселенцевъ [4]). Но едва ли не первое мѣсто между великорусскими переселенцами занимали раскольники. Они начали селиться въ Новороссіи еще въ царствованіе Анны Іоанновны (и даже раньше) въ херсон. губ. возлѣ нын. Ананьева и Новомиргорода; здѣсь ими были основаны Цыбулевъ и Бешка (нын. Александрія); но число ихъ было не велико. Гораздо больше явилось ихъ въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в., когда само правительство манифестами вызывало ихъ изъ Польши и Молдавіи; имъ отведены были земли въ крѣпости св. Елисаветы (нын. Елисаветградъ) и ея окрестностяхъ, гдѣ они основали цѣлый рядъ селъ (Клинцы и др.); селенія ихъ были многолюдны и отличались зажиточностью; Потемкинъ также старался о переселеніи раскольниковъ въ Новороссію. Въ 1785 и 1786 г. явилась весьма значительная партія ихъ и поселилась въ днѣпровскомъ уѣздѣ таврич. губ. на р. Бѣлозеркѣ. Знаменскимъ раскольникамъ, предполагавшимъ переселяться на р. Бѣлозерку, рѣшено было давать по 50 р. на дворъ, состоявшій изъ 4-хъ человѣкъ, и пятилѣтнюю льготу отъ податей [5]). Въ указѣ императрицы о раскольникахъ сказано слѣдующее: «для поселенія старообрядцевъ назначить мѣста, лежащія между Днѣпромъ и Перекопомъ, съ тѣмъ что они будутъ получать поповъ своихъ отъ архіерея таврич. обл. опредѣленнаго, дозволяя всѣмъ имъ отправлять служеніе по старопечатнымъ книгамъ. А дабы разсѣянныхъ внѣ границы имперіи нашей старообрядцевъ вызвать въ Россію, можете публиковать сіи свободы, имъ дозволенныя»; лицамъ, вызывавшимъ раскольниковъ,

---

1) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы... I, 486

2) Зап. Од. Общ. XII. 349—350.

3) Зап. Од. Общ. VIII, 212.

4) Владимірова. 1-е стол. г. Екатеринослава, стр. 9.

5) Зап. Од. Общ., IX, 270.

выдавалось извѣстное вознагражденіе [1]). И этотъ указъ не остался безъ результатовъ: въ 1795 г. изъ Порты Оттоманской вышло и поселилось въ очаковской области 6,524 д. старообрядцевъ [2]). Кромѣ старообрядцевъ, мы находимъ въ Новороссіи еще и духоборцевъ; они были поселены по р. Молочной на основаніи манифеста имп. Александра I 1802 г.; [3]) имъ было отведено въ полную собственность значительное количество земли, а кромѣ того за ничтожную плату предоставлены въ аренду участки ногайскихъ земель и дана пятилѣтняя льгота отъ податей: не удивительно, что духоборческія селенія отличались зажиточностью; у нихъ существовала общественная обработка земли съ равнымъ раздѣломъ продуктовъ. Въ 1814 г. духоборческихъ селеній въ мелитопольскомъ уѣздѣ тавр. губ. было 8 съ 1,155 д. муж. п. [4]), т. е. въ среднемъ по 144 д. м. п. на каждое; слѣдовательно, они не были особенно многолюдны. Духоборцы на р. Молочной нашли себѣ тихое пристанище послѣ тѣхъ испытаній, которыя имъ пришлось вытерпѣть раньше; одни изъ нихъ побывали на работахъ въ ссылкѣ въ кр. Динамюндѣ, а другіе въ Екатеринбургѣ и были возвращены оттуда только въ 1801 г. по милостивому указу имп. Александра I [5]). Въ двадцатыхъ годахъ XIX ст. переселились въ Новороссію молокане (изъ тамб. и астрах. губ.) и основали здѣсь нѣсколько селеній, которыя также отличались зажиточностью, благодаря гл. обр. единодушію, господствовавшему между населеніемъ. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго стол. всѣхъ раскольниковъ въ Новороссійскомъ краѣ было около 36,000 обоего пола [6]).

Особую и чрезвычайно многочисленную группу среди колонистовъ составляли бѣглые, принадлежавшіе и къ великорусской, и къ малорус-

[1]) Зап. Од. Общ., XI, 284; грамота, предоставлявшая старообрядцамъ свободу вѣроисповѣданія при поселеніи въ Новороссіи, напечатана въ „Хрон. Обозр.". А. А. Скальковскаго, I, 280 - 281.

[2]) Зап. Од. Общ., IX. 288; ссылка на Русскій Архивъ 1869 г.; стр. 1611.

[3]) Новорос. губ. Миклашевскому велѣно было переселить слободско-укр. и новорос. духоборцевъ въ одно мѣсто—на р. Молочную и дать имъ по 15 дес. земли на всякую душу, 5-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ податей и заимообразно по 100 р. подъемныхъ на семью, съ обязательствомъ уплатить ихъ черезъ 30 лѣтъ, начавъ уплату черезъ 10; см. П. С. Зак., т. XXVII, № 20123 (указъ отъ 25 янв. 1802 г.).

[4]) De la civilisation des tatars—nogais, p. 120.

[5]) Въ архивномъ дѣлѣ „О выпущенныхъ по всемилостивѣйшему повелѣнію духоборцахъ на прежнія жилища 1801 г." заключаются любопытныя подробности о возвращеніи духоборцевъ изъ ссылки; онѣ могутъ послужить предметомъ особой статьи.

[6]) См. А. А. Скальковскаго „Русскіе диссиденты въ Новороссіи" („Кіев. Стар." 1887, апр., 771—782); его же. Опытъ... I. 212—215.

ской народности. Бѣглыхъ принимали не одни помѣщики: они находили себѣ пріютъ и въ казенныхъ селеніяхъ. Чтобы скорѣе заселить Новороссійскій край, правительство, можно сказать, санкціонировало здѣсь право убѣжища (droit d'asile). Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., секретное письмо гр. Зубова къ екатеринославскому намѣстнику Хорвату, въ немъ, между прочимъ, говорится, что къ бѣглымъ нужно имѣть снисхожденіе по человѣчеству, «дабы строгостью законами повелѣваемою не доводить ихъ до отчаянія»... и чтобы, стараясь истребить побѣги, не подать нѣкоторымъ образомъ къ тому повода, что если окажутся бродяги, то стараться ихъ приписывать къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, смотря по ихъ состоянію, чтобы они могли такимъ путемъ снискивать себѣ пропитаніе, но дѣлать это нужно было скромнымъ образомъ, подъ рукою и безъ всякой огласки. Результатомъ этого было то, что въ число горожанъ попадали нерѣдко разныя подозрительныя лица, объявлявшія за собою значительные капиталы, а на самомъ дѣлѣ не могшія даже обзавестись домомъ и хозяйствомъ. Такъ было въ Екатеринославѣ. Магистратъ г. Екатеринослава, исполняя указы высшаго начальства о припискѣ такихъ лицъ въ купечество, долженъ былъ выдавать имъ паспорты, съ которыми они уже свободно бродили съ одного мѣста на другое, впадая иногда въ преступленіе и нанося ущербъ коренным жителямъ, потому что подати за нихъ взыскиваются съ наличныхъ гражданъ [1]). Въ числѣ одесскихъ обывателей также оказалось не мало бѣглыхъ, которыхъ разыскивали помѣщики [2]).

Но дѣло не ограничивалось одними бѣглыми: мѣстное начальство не брезгало даже и преступниками: въ 1792 г. велѣно было переселить въ очаковскую область жителей с. Турбаевъ (полт. губ.), убившихъ своего помѣщика Базилевскаго [3]). Въ Таганрогъ на поселеніе присылались арестанты изъ московск., казанск., ворон. и нижег. губ. [4]).

Заканчивая обзоръ колонизаціи, которую, подъ наблюденіемъ правительства, вели лично свободные русскіе поселенцы, мы должны сказать, что не всегда поселенія, основываемыя такими лицами, получали въ необходимыхъ размѣрахъ помощь отъ мѣстной админи-

---

[1]) Владимірова. 1-е стол. Екатеринослава, стр. 207—210.

[2]) Орлова. Истор. очеркъ Одессы, стр. 15—16; о бѣглыхъ въ Черноморіи см. ст. г. Щербины въ „Кіевск. Стар." 1883 г., іюнь, стр. 233—248.

[3]) Зап. Од. Общ. II, 770; любопытное дѣло объ этомъ убійствѣ хранится въ архивѣ полт. губ. правл.

[4]) Зап. Од. Общ., VII, 301.

страціи. Всѣ преимущества въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ далѣе, были на сторонѣ иностранныхъ колоній. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что русскіе поселяне (въ особенности мѣстные), какъ болѣе знакомые съ мѣстною культурою, менѣе нуждались въ субсидіи отъ казны. Но такое разсужденіе было справедливо только на половину: на самомъ дѣлѣ и русскіе поселенцы, на первыхъ порахъ, нуждались въ разныхъ льготахъ и субсидіяхъ; не получая ихъ, они долго не могли стать на собственныя ноги и достигнуть прочнаго матеріальнаго благосостоянія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ очевидецъ, профессоръ харьк. университета Дюгуровъ. По его словамъ, деревни, основанныя по сосѣдству съ ногайцами, возлѣ р. Молочной, пришедшими изъ Малороссіи обывателями, находились въ жалкомъ положеніи; главныя причины ихъ бѣдственнаго состоянія заключались въ томъ, что они прибыли почти безъ всякихъ средствъ на новыя мѣста, гдѣ имъ нужно было всѣмъ обзаводиться и въ то же время уплачивать значительныя подати, а между тѣмъ земли у нихъ было мало [1]).

Это наблюденіе привело Дюгурова къ одному чрезвычайно важному и характерному выводу: онъ высказываетъ желаніе, чтобы русскія колоніи въ Новороссійскомъ краѣ пользовались такимъ же покровительствомъ, какъ и иностранныя. Русскіе колонисты, говоритъ онъ, правда, не приходятъ, подобно иностранцамъ, искать новаго отечества и подвергаться иноземнымъ узаконеніямъ; но пересаженные съ сѣвера на югъ или съ одной провинціи въ другую (потому что имъ нельзя было уже оставаться въ прежнихъ мѣстахъ), они, конечно, имѣли надобность въ экстраординарной помощи. Я знаю, что они пользовались въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ извѣстными льготами. Но почему бы ихъ не снабдить въ видѣ аванса земледѣльческими орудіями, скотомъ и деньгами на постройку избъ? Они

[1]) De la civilisation des tatars-nogais, p. 95—96; книжка эта посвящена, собственно говоря, наблюденіямъ надъ внутреннимъ бытомъ ногайцевъ; авторъ ея былъ командированъ на югъ въ качествѣ ревизора мѣстныхъ учебныхъ заведеній и, заинтересовавшись ногайцами, составилъ краткій очеркъ ихъ цивилизаціи, т. е. гражданскаго состоянія въ связи съ мѣропріятіями русскаго правительства; въ концѣ книги онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ сосѣдямъ ногайцевъ—молоканамъ духоборцамъ, помѣщичьимъ крестьянамъ, малороссіянамъ. Въ харьк. унив. Дюгуровъ читалъ всеобщ. исторію (см. Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности харьк. унив. въ 1-е десятилѣтіе его существованія, оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., стр. 22).

бы все это навѣрное выплатили съ неменьшею аккуратностью, чѣмъ итальянцы, нѣмцы и евреи. Почему бы ихъ не поставить подъ власть бюро иностранныхъ колоній? Освобожденіе ихъ на 5 лѣтъ отъ власти капитанъ-исправниковъ и отъ извѣстныхъ налоговъ (которыхъ было бы долго перечислять) было бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ. Въ это время поселенцы могли бы поправить свои дѣла, затѣмъ уплачивать правительству умѣренные налоги и погашать понемногу ежегодно ту маленькую ссуду, которую имъ выдали. Я не хочу сказать, чтобы управленіе колоній (иностранныхъ) было совершенное... но я убѣжденъ, что наши русскія колоніи чувствовали бы себя очень хорошо, если бы онѣ были поставлены въ зависимость отъ бюро иностранныхъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ исключительные законы создаютъ злоупотребленія, а въ Россіи они, по большей части, являются гарантіей противъ нихъ [1]). Трудно что нибудь прибавить къ этимъ прекраснымъ строкамъ иностранца (французскаго выходца), такъ хорошо понявшаго нашу колоніальную систему. Мы, съ своей стороны, замѣтимъ только, что такъ иногда и поступало правительство съ русскими подданными (напримѣръ съ раскольниками): къ сожалѣнію, это только бывало иногда, а не всегда; обыкновенный же порядокъ былъ иной..

Теперь обратимся къ владѣльческой, помѣщичьей колонизаціи, матеріаломъ для которой служили крѣпостные, подданные, бѣглые и т. п. Единственными обладателями обширныхъ пространствъ Новороссійскаго края были нѣкогда запорожцы. Но еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Запорожья, какъ извѣстно, значительная часть земель ихъ была отдана подъ поселеніе сербамъ, волохамъ и другимъ выходцамъ. Тщетно запорожцы жаловались, просили, протестовали, ссылались на свои права: ихъ вѣковое достояніе постепенно уплывало изъ ихъ рукъ. Немедленно послѣ разрушенія Сѣчи (въ 1775 г.) ихъ земли стали раздаваться частнымъ лицамъ, принимавшимъ на себя обязательство заселить ихъ вольными или крѣпостными людьми. Земли эти могли получать чиновники, штабъ и оберъ офицеры и иностранцы; исключались только однодворцы, крестьяне и помѣщичьи люди. Такимъ образомъ, искусственно создавалось крупное землевладѣніе въ томъ краѣ, который до сихъ поръ почти не имѣлъ помѣщичьяго и крѣпостнаго элемента; минимальнымъ участкомъ было 1,500 десятинъ удобной земли. Не считалось необхо-

---

[1]) De la civilisation. p. 96—98.

димымъ, чтобы лицо, берущее землю, находилось на службѣ въ Новороссійскомъ краѣ; предполагалось, вѣроятно, что оно можетъ быть хорошимъ колонизаторомъ, оставаясь въ Великороссіи или Малороссіи. Условія полученія земель были очень льготныя: на 10 лѣтъ давалась льгота отъ всѣхъ повинностей; въ теченіе этого времени владѣльцы должны были заселить свои участки въ такомъ разсчетѣ, чтобы на каждыя 1,500 дес. приходилось по 13 дворовъ (цифра, какъ мы видимъ, небольшая); величина участковъ колебалась отъ 1,500 до 12,000 дес.; впрочемъ, были и такія лица (въ родѣ генер.-прок. Вяземскаго, Прозоровскаго), которыя получили по нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ [1]). Съ 1774 г. по 1784 годъ (въ теченіе 10 лѣтъ) новороссійскою и азовскою губенск. канцеляріями было роздано помѣщикамъ и подъ казенныя селенія 4,470,302½ дес. удобной и неудобной земли, на которыхъ поселилось 53,511 д. мужск. и 44,098 д. женск. пола, т. е. въ среднемъ на каждую мужск. душу приходилось болѣе чѣмъ по 83 дес. [2]). Мною напечатанъ найденный г. Манжурою любопытный документъ [3]), содержащій въ себѣ перечень всѣхъ лицъ, получившихъ поземельные участки въ одномъ екатеринославскомъ уѣздѣ въ 1776 г.; изъ него оказывается, что 94 лицамъ было дано здѣсь около 400,000 дес. удобной и неудобной земли, т. е. въ среднемъ 4,000 дес. на душу; даже регистраторъ Башнатовъ и архива-

---

[1]) См. объ этомъ любопытную инструкцію и цѣнное предисловіе къ ней въ „Кіевск. Стар." 1882 г., августъ, стр. 322—330; А. С. Пишчевичъ, сынъ извѣстнаго сербскаго выходца Сим. Ст. Пишчевича, относится весьма сочувственно къ этой раздачѣ запорожскихъ земель крупнымъ владѣльцамъ, потому что этимъ „содѣялась пространная область полезною государству"; иначе, конечно, и не могъ взглянуть на это дѣло сербскій поселенецъ Новороссіи, такъ какъ сербы находились въ постоянной смертельной враждѣ съ запорожцами изъ за земель; но онъ самъ приводитъ такіе факты, которые противорѣчатъ его взгляду. „Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, говоритъ онъ, подарена бывшему тогда генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому при 200,000 дес. земли. Впослѣдствіи времени сіи 200,000 дес. земли заселены 3,000 душъ и наслѣдниками князя Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, содѣлавшемуся коллежскимъ асессоромъ, нажившимъ необъятную сумму денегъ отъ содержанія имъ по откупу соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Такимъ образомъ, Штиглицъ сдѣлался первымъ въ семъ краю помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь будетъ со временемъ принадлежать жиду!"; см. „Примѣчанія Александра Пишчевича на Новороссійскій край" („Кіевская Старина", 1884 г., январь, стр. 121).

[2]) Записки Од. Общ., II, 763—764.

[3]) „Кіевск. Старина", 1885 г., апрѣль, стр. 783—790.

ріусъ Бурманъ получили по 1,500 дес. удобной земли; извѣстный Фалѣевъ получилъ подъ фабрику 12,000 дес. Земли эти, по истеченіи 10 лѣтъ, могли обратиться въ собственность этихъ лицъ. Конечно, при такихъ условіяхъ Новороссія должна была оказаться какимъ то Эльдорадо, золотымъ дномъ для всѣхъ этихъ секундъ-майоровъ, регистраторовъ, архиваріусовъ и т. п. Ничѣмъ не рискуя, можно было укрѣпить за собою участокъ прекрасной земли, лишь бы только тамъ поселилось 13 дворовъ; всѣ заботы, слѣдовательно, должны были быть направлены на водвореніе поселенцевъ; но и это дѣло не представляло особыхъ трудностей; не нужно было придумывать ничего новаго; слѣдовало только пустить въ ходъ старинное извѣданное средство—закликанье на слободы—и дѣло сдѣлано! На первыхъ порахъ необходимо было предоставить самыя большія льготы новымъ поселенцамъ, но за то въ недалекомъ будущемъ улыбалась возможность владѣть не только землею, но и людьми [1]).

Очевидно, Потемкинъ и другіе дѣятели не только не могли отрѣшиться отъ крѣпостническихъ взглядовъ, но даже привносили ихъ въ новый край и насаждали въ немъ сѣмена крѣпостнаго права, которыя потомъ и принесли свой плодъ. Они построили свой планъ колонизаціи на томъ же принципѣ, который былъ господствующимъ и въ жизни центральныхъ областей государства. Этотъ принципъ (крѣпостнаго труда) при Екатеринѣ II-й былъ формально водворенъ въ соціальной жизни малороссійскаго края; Потемкинъ и др. дѣятели распространили его и на Новороссію и первымъ шагомъ ихъ въ этомъ дѣлѣ было уничтоженіе Запорожья, которое, по своему строю, находилось съ нимъ въ непримиримомъ противорѣчіи. Дальнѣйшимъ шагомъ была раздача крупныхъ земельныхъ участковъ, которая создала въ новомъ краѣ сначала землевладѣльческое дворянство, а потомъ и крѣпостное состояніе. Насколько прочно утвердились подобные взгляды

---

[1]) Вотъ характерный народный разсказъ о такихъ слободахъ, записанный г. Манжурою: якъ увелы „положеніе“ Сынегубъ и поселывся у Заплавци (слоб. новомосковскаго уѣзда) и почавъ до себе хрестьянъ наклыкаты. Тоди саме пишла така казенщина и городъ (Екатеринославъ) строилы, выгонялы и шляхы копаты заставлялы, то було винъ и мане: идить до мене, поможете мени що по хазяйству управыты, а я васъ на казенщину не дамъ. Отто и йшлы люде. Годъ шисть росказують и добре було. Прывезе було чоловикъ ёму визъ очерету, та дровъ воза тры, а въ литку съ хлибомъ поможе управытысь—та и уся робота. А то уже якъ выйшло шисть годъ—винъ ихъ и подпысавъ пидъ себе на викы; та такъ дило и зашерхло ажъ до воли (Екатерин. юбил. листокъ, 1887 г., № 2 „Картинка введенія екат. порядковъ въ зап. краѣ“).

въ умахъ тогдашнихъ дѣятелей, видно изъ того, что эту систему стали примѣнять и при заселеніи вновь пріобрѣтенной отъ Турціи очаковской области. Сохранилась любопытная вѣдомость земель этой области, которыя предположено было отвести подъ поселенія городовъ, казенныхъ селеній и помѣщичьихъ деревень: изъ этой вѣдомости оказывается, что и тутъ лица привилегированнаго состоянія получали не менѣе какъ по 1,500 дес. удобной земли. Во всѣхъ четырехъ уѣздахъ было отведено 2,167,800 дес. удобной земли, а именно подъ новые города (Новые Дубоссары, Григоріополь, Хаджибей) съ 15 казенными селеніями 113,500 дес., подъ существующія нынѣ 38 казенныхъ селеній 342,500 д., оставлено подъ новыя имѣющія основаться казенныя сел. 89,000 д., роздано помѣщикамъ 624,600 д., назначено имъ же 414,000 д., оставлено для нихъ же 584,200 д.; итого казеннымъ поселенцамъ и горожанамъ было дано 545,000 д., а помѣщикамъ 1,634,800 д., т. е. первымъ втрое меньше, чѣмъ вторымъ [1]). По даннымъ генер. межеванія оказывается, что частнымъ владѣльцамъ (чиновникамъ военнаго или гражданскаго вѣдомства) въ александрійскомъ уѣздѣ херс. губ. (359 ч.) было отведено больше земель, чѣмъ казеннымъ обывателямъ и горожанамъ; на долю каждаго изъ нихъ приходилось въ среднемъ по 1,000 д.; между тѣмъ жителей у нихъ было гораздо меньше, чѣмъ на казенныхъ [2]). Лучшія дачи Каховскій долженъ былъ раздавать сильнымъ міра сего, которые могли имѣть вліяніе на его служебную карьеру. «Сколь скоро землемѣры, писалъ онъ извѣстному Попову, снимающіе здѣшней области карту, соберутся въ Дубоссары, то выберу и назначу я, по предписанію В. П. лучшую дачу для е. с. гр. Н. И. (Салтыкова, президента военной коллегіи) и къ заселенію ея потщусь оказать всѣ зависящія отъ меня пособія»; «самыя лучшія дачи, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, берутъ гг. Мордвиновъ и Рибасъ да самовольно завладѣлъ оберъ-комендантъ херс., очак. кинб. и никол. гр. Виттъ (такъ онъ подписывается на подорожныхъ); я всѣмъ подлаживаю; послѣдній однако чудно творитъ» [3]). Конечно, это обстоятельство (подлаживаніе) иногда могло вредить успѣшному заселенію края; такъ, Каховскій считалъ необходимымъ занять всю новую западную границу (днѣпровское побережье), исключительно казенными селеніями; «изъ сихъ поселянъ, писалъ онъ

---

[1]) Зап. Од. Общ., IX, 319—331.

[2]) Матер. для оцѣнки земель херс. губ., т. III, стр. 123—125.

[3]) Зап. Од. Общ., XII, 360—361.

Попову, можно будетъ устроить военную цѣпь въ своё время и при селеніяхъ построить небольшіе редуты... Буде же сіи селенія поступятъ въ отдачу помѣщикамъ, то всѣ они разбредутся». И что же? Онъ не осмѣливается привести въ исполненіе этого полезнаго предпріятія, потому что гр. А. А Безбородко далъ записку объ отводѣ ему земель, служившихъ мѣстожительствомъ черноморцевъ (до перехода ихъ на Кубань); и вотъ, онъ проситъ Попова уладить это деликатное дѣло, обѣщаетъ отвести Безбородку дачи, которыя мало въ чемъ уступятъ прежнимъ и будутъ имѣть даже преимущество въ одномъ отношеніи передъ ними: не занимая пограничнаго положенія, онѣ будутъ безопасны отъ непріятеля и въ нихъ легче будетъ удерживать населеніе отъ побѣговъ [1]). Раздача лучшихъ земель, и при томъ громадными участками, должна была невыгодно отражаться на вольной народной колонизаціи. Стародубскіе раскольники, вызванные кн. Потемкинымъ, въ количествѣ 60 сем. заняли себѣ мѣсто ниже Большой Знаменки; кое какъ перезимовавъ и испытавъ массу трудностей, они стали уже распахивать свои земли, но должны были уйти отсюда, потому что земля эта была отведена кн. Вяземскому. На новомъ мѣстѣ они также не удержались, потому что песчаныя пространства (кучугуры) преградили доступъ имъ на пахатныя поля [2]).

Видное мѣсто среди поселенцевъ помѣщичьихъ земель занимали бѣглые; тѣ изъ нихъ, которые нанимали хаты у помѣщиковъ и обработывали имъ землю за десятую часть урожая, назывались десятинщиками [3]); въ помѣщичьихъ крестьянъ обратились многіе изъ бывшихъ «подданныхъ» или «челяди» запорожскаго войска, а также выходцы изъ заднѣпровской Украины [4]). Кромѣ того помѣщики переводили въ Новороссію на свои земли крѣпостныхъ крестьянъ изъ центральной Россіи.

Насколько же успѣшно шло заселеніе всѣми этими людьми помѣщичьихъ земель? Оправдались ли надежды правительства на быстрое заселеніе этихъ земель? Документальныя данныя заставляютъ насъ дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ одномъ екатеринославскомъ уѣздѣ оказалось совсѣмъ незаселенныхъ послѣ 1-й раздачи 182,896½ д. удобной и 6,024 д. неудобной земли у 64 владѣль-

---

[1]) Ibidem, стр. 363—364.

[2]) „Кіев. Стар." 1885, мартъ, 534—535.

[3]) Мат. для оцѣнки зем. херс. губ. I, 48—49.

[4]) Ѳеодосія. Матеріалы. I, 560.

цевъ [1]). А о томъ, какъ шло заселеніе помѣщичьихъ земель въ очаковской области, свидѣтельствуетъ оффиціальный документъ, помѣщенный въ Пол. Собр. Законовъ. До свѣдѣнія правительства дошло, что земли между Бугомъ и Днѣстромъ, которыя были розданы для заселенія разнымъ владѣльцамъ, не были заселены, а остались впустѣ. По этому поводу министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ поручено было представить свои соображенія. Изъ собранныхъ ими свѣдѣній оказалось слѣдующее. Всѣхъ удобныхъ земель роздано было чиновникамъ до 824,374 дес.; на всемъ этомъ пространствѣ въ теченіе 12 лѣтъ поселено помѣщичьихъ крестьянъ не болѣе 6,740 д.; многіе участки до 12,000 дес. удобной земли оставлены безъ всякаго населенія, другіе же до 18,000 дес. имѣютъ не болѣе 30 душъ: такимъ образомъ обязательства о заселеніи остаются невыполненными; помѣщики вслѣдствіе этого, не получаютъ должныхъ выгодъ и край, вопреки предположеніямъ 1792 г., остается малонаселеннымъ и даже способы къ будущему заселенію встрѣчаютъ существенныя затрудненія. Въ виду всего этого, министры предложили, а государь утвердилъ слѣдующія мѣры: предоставить еще 4-хъ лѣтній срокъ (кромѣ прежняго 12-ти лѣтняго) для заселенія земель (въ препорціи по 30 десятинъ на муж. душу); принимать какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ поселенцевъ (вольныхъ и крѣпостныхъ), за исключеніемъ только бѣглыхъ; кто поселитъ меньше положеннаго числа, у того отрѣзывать только излишекъ земли; незаселенныя земли владѣльцы должны или отдавать въ казну съ уплатою въ пользу ихъ по 80 коп. за десятину, или продавать другому кому либо, кто пожелаетъ принять на себя прежнее обязательство; земли, отошедшія въ казну, могутъ быть розданы колонистамъ, казеннымъ крестьянамъ или частнымъ лицамъ на какія нибудь полезныя заведенія, съ уплатою за нихъ по 80 к. за десятину; владѣльческія земли, на которыхъ хотя и не было населенія, но за то было заведено скотоводство, не должны были отходить въ казну [2]). Такимъ образомъ помѣщикамъ, не исполнившимъ своихъ обязательствъ, правительство предоставило новыя льготы настоящимъ указомъ; на такую благосклонность они едва ли были въ правѣ даже разсчитывать. «Князь Вяземскій, гр. Салтыковъ, Безбородко, Завадовскій, Остерманъ, Якоби, Грибовскій, Рибасъ и мн. др. своихъ земель не заселили, а

---

[1]) Екатерин. Юбил. Листокъ, 1887 г., № 3 „Реестръ о розданныхъ, но незаселенныхъ екатериносл. уѣзда земляхъ".

[2]) П. С. Зак., т. XXVIII, ук. 31 декабря 1804 г.

впослѣдствіи продали.... Грибовскій село Ташино, населенное переселенцами молдаванами, не устрашился продать, какъ крѣпостное, одесскому таможенному чиновнику» [1]) Другихъ постигали неудачи; такъ было съ 2 французскими графами, Шуазелемъ и Клермонтерой, бѣжавшими послѣ революціи въ Россію и занявшими себѣ землю по обѣ стороны балки Лепатихи [2]). Иные и брали земли просто для того, чтобы потомъ продать ихъ [3]). Въ XIX в. размѣры пожалованій уже нѣсколько сократились, хотя все таки были еще довольно значительны; въ 1803 г. велѣно было штабъ-офицерамъ отводить по 1,000, а оберъ-офицерамъ по 500 дес. земли [4]) въ Новороссійскомъ краѣ. Число жителей здѣсь въ это время было уже довольно значительно: въ екатеринослав. губ. 666,163 чел., т. е. около 444 чел. на кв. милю, и въ херсонской—370,430 чел., т. е. по 264 д. на кв. милю [5]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и объ отношеніи его къ общей цифрѣ населенія. У А. А. Скальковскаго мы находимъ, впрочемъ, одну любопытную статистическую вѣдомость: въ 10 уѣздахъ новорос. губ. (исключая двухъ крымскихъ) было въ 1800 году 179,883 д. муж. и 156,013 д. женск. пола крѣпостныхъ крестьянъ [6]) (335,896 д. об. п.), къ концу 1-й четверти XIX в. число ихъ еще болѣе увеличилось и составило еще болѣе видный процентъ въ общей цифрѣ населенія края. Сюда нужно присоединить еще нѣкоторое количество монастырскихъ крестьянъ, появленіе которыхъ находится въ тѣсной связи съ монастырскою колонизаціей. Въ 1794 г. монастырскихъ крестьянъ въ екатеринославской епархіи было 4,215 д. муж. и 4,215 д. женскаго пола [7]). Первое мѣсто между всѣми монастырями занималъ знаменитый Самарскій [8]), начало котораго относится еще къ запорожскимъ временамъ. За нимъ числилось 1,512 д. крестьянъ обоего пола и множество всякихъ угодій.

Такова была русская колонизація въ предѣлахъ Новороссійскаго края въ XVIII и первой четверти XIX в.

Д. И. Багалѣй.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

1) Зап. Од. Общ., XII, 383.

2) „Кіев. Стар“., 1885 г., мартъ, 537.

3) Зап. Од. Общ., XII, 337.

4) Мат. для геогр. и стат. Рос. Екат. губ., стр. 9.

5) Землевѣдѣніе рос. имп. V, 304, 339.

6) А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр., II, 27.

7) Ibidem. I, 231.

8) Свѣдѣнія о немъ въ трудахъ пр. Гавріила и Ѳеодосія.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

21—22.

Плахта. Дерга.

Слово плахта встрѣчается во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, западныхъ и южныхъ, въ значеніи холстины, простыни, головнаго платка или юбки (см. *Будиловича*, Первоб. слав. § 259). Въ Малороссіи плахтой называется родъ юбки, точнѣе, кусокъ шерстяной матеріи, полосатый или клѣтчатый, который женщины носятъ сзади, навязывая потомъ спереди, вмѣсто фартуха, запаску (*Закревскаго*, Старосв. банд. и словарь 451; *Основа* 1861. I). Плахта повсемѣстно выходитъ изъ употребленія; уже въ тридцатыхъ годахъ хорошія плахты считались рѣдкостью, а нынѣ и простыя трудно найти, и то въ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и заводовъ. Г. Ѳ. Квитка, описывая костюмъ Маруси, говоритъ: „Плахта на ній картацька, черчата, що материнська придана; теперъ вже такихъ не роблять. И якихъ то цвитивъ тамъ не булої батечку мій, та и годи. Запаска шовкова, морева; каламайковый поясъ“... Плахта картацкая, т. е. клѣтчатая, а черчатая по красной основѣ, кромѣ примитокъ, или краевъ квадратиковъ рисунка. Кромѣ черчатыхъ плахтъ были еще напильныя, у которыхъ основа на половину синяя, на половину красная, и синятки, у которыхъ вся основа синяя. Узоры на плахтахъ почти повсюду одинаковы; но по достоинству матеріала, по прочности красокъ новыя плахты далеко уступаютъ стариннымъ. Въ старинныя плахты входилъ шелкъ, га-

---

[1]) См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 4, апрѣль.

русъ, тонкая (шленская) шерсть и лучшая льняная пряжа; теперь ихъ замѣнили простая шерсть, нитки и бумага. Описывая производство плахтъ г. Ахтырки, г. Твердохлѣбовъ говоритъ, что ахтырскія плахотницы,—„серьезныя, ласковыя, привѣтливыя, скромно сознающія свое достоинство паниматки-украинки... Важно сидитъ она за своей работой въ бѣлой сорочкѣ съ шитыми мережкой или заполочью рукавами, въ спидницѣ, подперезанной червонымъ поясомъ, повагомъ, вдумчиво перекидываетъ она свой човникъ со стороны на сторону, то молчаливо, то напѣвая одну изъ тѣхъ пѣсенъ, „про котори багато де хто вже позабувавъ". Верстать стоитъ подъ образами, подлѣ окошка; на стѣнѣ—шитые рушники, моточки шерсти, бумаги. За образами заткнуты васильки, ласкавець, гвоздики съ чернобрывцями. Нигдѣ ни пылинки; повсюду чисто, уютно. Отъ всей этой скромной обстановки вѣетъ тихой памятью все болѣе и болѣе забываемой старины" (*Труды* коммис. III. 80).

Въ послѣднее время стали покупать плахты на обивку мебели, экипажей, на украшеніе стѣнъ; но это вѣяніе моды не подниметъ промыселъ, не оживитъ его, когда въ подрывъ его соединились такія серьезныя обстоятельства, какъ упадокъ крестьянскаго овцеводства, прекращеніе шелководства и недостатокъ красильныхъ растеній.

Ту же участь раздѣляетъ дерга, простой женскій костюмъ въ родѣ короткой юбки. Дерга—кусокъ шерстяной матеріи темнаго цвѣта, которую крестьянки оборачиваютъ вокругъ тѣла, сверхъ сорочки, отъ поясницы до колѣнъ. Въ дергѣ онѣ работаютъ въ полѣ и дома. Въ харьковской губерніи дерга встрѣчается еще во многихъ селахъ, и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, напримѣръ, въ Ахтыркѣ; но уже въ 37 верстахъ отъ Ахтырки, въ большомъ торговомъ селѣ Боромлѣ дергу совсѣмъ забросили, и женщины усвоили мѣщанскій костюмъ.

Въ юго-западномъ краѣ плахта и запаска въ послѣднее время также вытѣсняются ситцевыми спидницами; плахта здѣсь встрѣчается рѣдко и то у пожилыхъ богатыхъ крестьянокъ (*Чубинскій*, VII, 428). Костюмъ этотъ встрѣчается чаще среди женщинъ консервативнаго населенія галицкаго Покутья, въ Карпатскихъ горахъ (см. рисунки у *Kolberg*, Pokucie, I; *Головацкій*, Галиц. пѣсни).

23.

Галаньци.

Въ перелицованной Энеидѣ Котляревскаго Дидона даритъ Энею:

Штаны й пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайки,
И шапку, поясъ зъ каламайки
И чорный шовковый платокъ.

П. А. Кулишъ, издавая Энеиду Котляревскаго, съ своей стороны усердно ее перелицовалъ, передѣлавъ многіе стихи и слова. Такъ, вмѣсто общеизвѣстнаго слова штаны у г. Кулиша находимъ темное слово галанци. Слово это, впрочемъ, довольно старинное и народу извѣстное. Оно означаетъ нынѣ узкіе штаны. Въ этомъ словечкѣ скрывается любопытная страница польской и южнорусской бытовой исторіи. Слово галанци по происхожденію и отчасти значенію родственно польскому слову фалендышъ; оба они происходятъ отъ словъ fein holländich—такъ называлось тонкое голландское и англійское сукно, употреблявшееся въ Польшѣ XVI вѣка на одежду. Въ малорусскій народъ названіе это вошло потому, что паны любили одѣвать своихъ слугъ, преимущественно козачковъ, въ фалендышевыя сукна, чаще всего дѣлали изъ него штаны и куртку. Польскій сатирикъ XVII в. Петръ Збылитовскій, обвиняя молодыхъ шляхтичей въ расточительности, между прочимъ, говоритъ: „Не умѣетъ онъ написать даже вызова въ судъ, въ законахъ ни аза не разумѣетъ, а пріѣдетъ домой, ему нужна уже шестерня, да карета разноцвѣтная съ дорогими коврами, для козачковъ тонкое голландское сукно, а для кучеровъ лондонское, да къ тому же мѣдныя шоры и сбрую для лошадей“. Тщеславные паны разорялись на богатыя ливреи для своихъ слугъ. „Такой роскоши не было при доблестныхъ нашихъ предкахъ, говоритъ другой польскій писатель Андрей Збылитовскій. Она началась только въ наше время. Помню, хотя я еще недавно на свѣтѣ, что панскій слуга не носилъ на своихъ плечахъ ливреи изъ бархата, атласа, дорогаго пурпура и тонкаго голландскаго сукна, а теперь вы ихъ одѣваете даже въ телеты“. Мартынъ Бѣльскій (1495—1575), знавшій хорошо Галичину, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о модныхъ товарахъ, продававшихся въ его время

въ суконномъ ряду въ Краковѣ: „Если пойдешь въ тотъ прекрасный суконный рядъ, то тамъ скоро выворотятъ наизнанку твой кошель. Фалендушемъ прозвали дорогое италіанское (?) сукно, чтобы лукаво сводить съ ума бѣдныхъ поляковъ"... [1]) Тождественное указаніе на наряды пановъ и слугъ ихъ идетъ со стороны православнаго инока Іоанна Вишенскаго. Іоаннъ обвиняетъ южнорусскихъ пановъ и высшее духовенство въ „ненасытной любви къ прелести шматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иншихъ суконъ", въ обиліи слугъ, въ страсти къ дорогимъ экипажамъ и винамъ [2]).

Искаженное слово галанци является культурнымъ переживаніемъ отъ давнопрошедшей шляхетской Польши. Это—блѣдный остатокъ старинной шляхетской роскоши и тщеславія, и нѣтъ никакого основанія вводить его въ литературный языкъ, возрождать къ новой жизни слово, выражающее одинъ изъ холопскихъ элементовъ давнопрошедшаго быта.

24.

Калатало.

Калаталомъ называется деревянная колотушка или колокольчикъ на шеѣ пасущагося въ лѣсу скота, надѣваемый на быковъ и коровъ съ той цѣлью, чтобы пастухамъ легче было разыскивать ихъ въ лѣсу. Г. Бартельсъ въ засѣданіи берлинскаго общества антропологіи и этнологіи 15 мая 1886 г. указалъ на совершенно сходный деревянный колокольчикъ на о. Суматрѣ (*Zeitschr. fur Ethnolog.* 1886, IV, 329). Тутъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо заимствованіи, и фактъ этого сходства интересенъ въ томъ отношеніи, что косвенно устанавливаетъ глубочайшую древность калатала.

---

[1]) *Макушевъ*, Обществ. и госуд. вопросы въ польской литературѣ XVI в 67. 109, 89.

[2]) Подробн. см. въ моемъ соч. объ І. Вишенскомъ 20, 21.

25.

Засовка.

Значительное сходство по внѣшнему виду съ калаталомъ представляетъ засовка, или деревянный замокъ, употребляемый въ хатахъ, млинахъ и иногда коморахъ. Это большой продолговатый кусокъ дерева, прикрѣпленный къ дверному столбу вблизи ручки дверной, съ отверстіемъ внутри, въ которомъ находятся подвижныя деревянныя палочки. Чтобы открыть дверь, нужно вставить въ круглое отверстіе въ двери загнутую палочку или желѣзку опредѣленной величины и приподнять ею замочныя палочки, что для человѣка неопытнаго довольно трудно. Засовка имѣетъ характеръ предмета древней культуры. Встрѣчается она въ Малороссіи повсемѣстно, въ лѣвобережной Украинѣ, въ юго-западномъ краѣ (*Чубинскій*, VII, 383), въ Галиціи (*Kolberg*, Pokucie. I, 57). Желѣзные замки употребляютъ только для скрыни, иногда для коморы, построенной отдѣльно. Слово засовъ встрѣчается и въ церковно-славянскомъ языкѣ, (напр., у Амос. въ сп. XV в. „съкрушу засовы Дамаска"); но не въ смыслѣ вереи, какъ полагаетъ Востоковъ (Словарь ц.-слав. яз. 136), а скорѣе въ смыслѣ затвора, или замка, каковой древній смыслъ этого слова сохранился въ малорусской засовкѣ.

26.

Преданіе объ обрядахъ при основаніи поселка.

Классическіе народы при постройкѣ села или города слѣдовали опредѣленному уставу, освященному религіей. При основаніи города Рима Ромулъ, по преданію, провелъ борозду; гдѣ онъ поднималъ плугъ, тамъ потомъ были поставлены ворота. Глыбы земли, приподнятыя сошникомъ, старательно отбрасывались внутрь окружной межи, чтобы ни одна частица священной почвы не осталась въ сторонѣ чужихъ. Ромулъ, съ покрываломъ на головѣ и въ греческой одеждѣ, самъ правилъ плугомъ, напѣвая молитвы. Въ плугъ были впряжены бѣлый волъ и бѣлая корова. Титъ Ливій говоритъ о Римѣ: „Нѣтъ въ этомъ городѣ ни одного мѣста, которое не было бы

пропитано религіей и занято божествомъ" (*Фюстель-Куланжъ*, Древн. общество 205). То же въ древности могъ сказать и славянинъ о своемъ городѣ, селѣ или въ частности дворѣ, потому что и славяне при основаніи жилищъ всякаго рода заботились о привлеченіи къ нимъ покровительства боговъ, хотя внѣшная обрядность у нихъ могла быть нѣсколько другая, вообще слабѣе классической. Повидимому, и у русскихъ славянъ необходимымъ считалось провести предварительно окружную борозду. Въ Малороссіи существуетъ преданіе, что при основаніи села предварительно проводили плугомъ окружную межу, причемъ въ плугъ впрягали быка и корову отъ одной матки; плугомъ правилъ парубокъ, а воловъ погоняла дивчина, непремѣнно сестра его, чтобы впослѣдствіи въ городѣ развилось семейное начало (*Nowosielski,* Lud ukr., I, 155). Въ борозду закапывали горшки съ просомъ и житомъ. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ (преимущественно сербскихъ) есть указанія, что при постройкѣ городовъ, крѣпостей и мостовъ, вообще большихъ сооруженій, закапывали или замуровывали живьемъ человѣка. Трудно сказать, практиковался ли такой обычай и у русскихъ славянъ, или онъ имѣлъ мѣсто только у балканскихъ славянъ, находившихся подъ вліяніемъ древнихъ классическихъ народовъ. Указаніемъ на древнее опахиваніе земли, при основаніи села, служитъ современное опахиваніе во время мора или падежа. Въ с. Новоселкахъ, кіевскаго уѣзда, говорятъ, что одна помѣщица во время повальной болѣзни приказала опахать село маленькимъ плугомъ, въ который былъ впряженъ пѣтухъ, и болѣзнь прекратилась (*Nowosielski,* I, 156) Въ волынской губерніи плугъ везутъ во время опахиванія на парѣ воловъ (*Аѳанасьевъ,* II, 565). Въ Великороссіи обычай опахиванія лучше сохранился, чѣмъ въ Украинѣ. Опахиваютъ всегда женщины, съ горящими лучинами въ рукахъ, съ громкими криками и пѣснями. Иногда при этомъ несутъ иконы и поютъ молитвы. Женщины идутъ или совсѣмъ нагія, или въ однѣхъ сорочкахъ, съ распущенными косами. Въ курской губерніи въ соху впрягаютъ бабу-неродицу (неплодную); управляетъ сохой дѣвка, рѣшившаяся не выходить замужъ; вдовы набираютъ песку и разсѣваютъ его по проведенной бороздѣ. Посѣвъ песку совершается также въ губерніяхъ воронежской и орловской во время опахиванія (*Аѳанасьевъ,* II, 567). Оче-

видно, здѣсь песокъ соотвѣтствуетъ житу малорусскаго преданія объ опахиваніи мѣста для постройки села.

Аѳанасьевъ высказалъ мнѣніе, что „опахиваніе было символическимъ знаменіемъ грозы“ (II, 569); я расположенъ видѣть въ немъ остатокъ древнихъ священныхъ обрядовъ при основаніи поселка, обусловленныхъ потребностью мѣстнаго культа богамъ, покровителямъ семейной и общественной жизни. Такимъ образомъ освящалось мѣсто, изгонялось изъ него все нечистое и вредное и привлекалось къ нему благорасположеніе божества.

Опираясь на замѣчаніе Скальковскаго въ статьѣ о гайдамакахъ (1845 г.), что всякое село въ Украинѣ и въ Новороссіи имѣло своего осадчаго, Новосельскій предполагаетъ, что осадчій совершалъ обряды при возникновеніи поселка (Lud ukr., I, 159). Предположеніе это не находитъ оправданія въ историческихъ документахъ. Въ то время какъ въ греко-римскомъ мірѣ на первый планъ выступала отдѣльная личность дѣятеля, что давало пищу преданію и пѣснѣ, въ славянствѣ выступаетъ община, сложная коллективная личность, и память объ ней сохранилась только въ повѣрьѣ и обрядѣ. Въ классической древности основателемъ города являлся человѣкъ, совершавшій священнодѣйствіе, безъ котораго этотъ городъ не могъ существовать. Онъ водружалъ очагъ и своими молитвами и обрядами призывалъ боговъ и водворялъ ихъ въ новомъ городѣ. Воспоминаніе о такомъ основателѣ переживало вѣка. Его считали богомъ, и городъ видѣлъ въ немъ своего высшаго покровителя. У славянъ все дѣлалось по общественному рѣшенію и приговору, и совершавшіе закладку поселка были исполнителями воли большинства населенія, на подобіе того, какъ въ настоящее время обрядъ опахиванія совершается съ общаго согласія и по рѣшенію мірской сходки. Общиннымъ характеромъ опахиванія обусловлено то обстоятельство, что въ немъ участвуютъ многія лица, выборныя изъ дѣвицъ и вдовъ. Такъ какъ хранителями религіозно-обрядовой древности явились почти исключительно женщины, то онѣ и въ опахиваніи являются полными распорядительницами обряда.

27.

Обряды при закладкѣ хаты,

какъ и слѣдовало ожидать, имѣютъ большое сходство съ извѣстными по преданіямъ обрядами при основаніи поселка. Есть указаніе, что въ старину опахивали отведенное для двора мѣсто. Въ настоящее время обычай этотъ, кажется, уже не встрѣчается; но вмѣсто него въ исключительныхъ случаяхъ домашней жизни соблюдается тотъ обычай, что домохозяйка нагишомъ обѣгаетъ вокругъ своего двора или, въ виду того неудобства, что дворъ застроенъ повитками и ограниченъ сосѣдними тынами, вокругъ своей хаты. Въ настоящее время при закладкѣ хаты сыпятъ по угламъ рожь; на ночь кладутъ въ каждый изъ четырехъ угловъ по „цѣлушкѣ“ хлѣба и стаканчику воды. Если на другой день хлѣбъ и воду застаютъ въ томъ же видѣ, то это признаютъ хорошимъ признакомъ, если хлѣбъ и вода окажутся тронутыми, то это предвѣщаетъ несчастье, или „тамъ чорты будуть товктысь“, и обращаются за совѣтомъ къ знахаркамъ. Зерно хлѣбное сыпятъ также при постройкѣ сарая (*Чубинскій*, I, 101, 104). Иногда кладутъ посреди мѣста, назначеннаго подъ хату, сковороду и кружокъ деревянный, и хорошимъ признакомъ считается, если подъ сковородой окажется роса, а подъ кружкомъ муравьи (*Nowosielski*, I, 163). Хорошимъ мѣстомъ для хаты считается еще то, на которомъ ложится рогатый скотъ (*Чубинскій*, VII, 376). На „закладины“ зовутъ священника, который окропляетъ мѣсто святой водой и читаетъ установленную на то молитву, упоминаемую еще въ Требникѣ Петра Могилы. По угламъ вмѣсто простаго хлѣба кладутъ кусочки артоса, по малорусскому выраженію „дарныка“, и кусочки ладона. Когда хата готова, входъ въ нее обставленъ нѣкоторой обрядностью: сначала вносятъ иконы; подъ ними на покутѣ ставятъ дѣжу; на столъ кладутъ хлѣбъ и соль (*Nowosielski*, I, 164). Въ подольской губерніи въ новый домъ на одну ночь пускаютъ чернаго пѣтуха и курицу; на другую ночь черную кошку и кота, и затѣмъ уже переходятъ на жилье въ новый домъ, передъ восходомъ солнца, съ хлѣбомъ въ рукахъ (*Дыминскій*, въ Этн. Сб. VI. Ст. 8).

28.

Къ исторіи хаты.

Та чистенькая и красивая хатка, которую мы встрѣчаемъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, которую видимъ на картинахъ г. Сергѣева, которая, по словамъ Т. Г. Шевченка, „стоить собі на прыгори въ садочку, квитами повыта, неначе дивчына", или, по словамъ Я. И. Щоголева, „пидъ горою, край долыны у вышневому садочку та въ калыни", эта хата предполагаетъ рядъ предшествующихъ культурныхъ ступеней и усовершенствованій. Одностороннее было бы думать, что особенности въ постройкѣ хаты зависятъ только отъ климата и почвы, согласно съ замѣчаніемъ П. П. Чубинскаго: „измѣненіе почвенныхъ и климатическихъ условій непремѣнно кладетъ свою особую печать на постройку избы, хозяйственныя постройки и расположеніе ихъ относительно другъ друга" (*Чубинскій*, VII, 375). Это вѣрно лишь отчасти; такъ какъ наряду съ такими факторами, какъ климатъ и почва, обнаруживается могущественное вліяніе исторіи, при чемъ открываются остатки прежняго быта и культурныя вліянія сосѣдей. Вирховъ справедливо замѣтилъ недавно, что характеръ постройки опредѣляется, между прочимъ, историческими привычками народа и его нравами. Какъ на характерный примѣръ, онъ указываетъ на постройки крестьянъ юго-восточной Франціи, въ древней Бургундіи. Здѣсь печи отличаются такой солидной постройкой, какая вовсе не обусловливается климатомъ, а представляется лишь остаткомъ древняго бургундскаго быта, обусловленнаго пребываніемъ бургундовъ на холодномъ сѣверѣ, у береговъ Балтійскаго моря, откуда бургунды вышли во II вѣкѣ по Р. Хр. и окончательно поселились въ теплыхъ странахъ юго-восточной Галліи въ V вѣкѣ (*Zeitschr. f. Ethnol.* 1888, VI, 299).

Еще въ 1850 г. Кавелинъ писалъ, что „подробное описаніе крестьянскаго жилья любопытно въ двоякомъ отношеніи. Крестьянская архитектура и расположеніе жилища представляютъ довольно замѣтныя различія у различныхъ вѣтвей русскаго народа, и слѣдовательно, являются важной составной частью этнографіи; нерѣдко по измѣненіямъ въ устройствѣ и расположеніи избы въ одной и той же мѣстности можно открыть составныя части ея народонаселенія. Но

особенно важными представляются эти описанія для нашей археологіи, которая изъ письменныхъ памятниковъ можетъ извлечь одни намеки и неясныя указанія, и только съ помощью описаній современнаго быта въ состояніи представить довольно полную картину старины. Наконецъ, этого рода описанія служатъ богатымъ источникомъ и пособіемъ для объясненія нашихъ древнихъ религіозныхъ обрядовъ и повѣрій". (*Кавелинъ*, Сочин. IV. 208). Замѣчанія эти справедливы и въ приложеніи къ малорусской хатѣ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не подвергавшейся научному сравнительно-культурному изученію, что представляется, правда, и весьма затруднительнымъ, такъ какъ имѣются только описанія хатъ разныхъ мѣстностей (въ *Этногр сб. у Чубинскаго*, *Головацкаго*, *Кольберга*) и почти нѣтъ рисунковъ или фотографическихъ съ нихъ снимковъ. Въ этомъ отношеніи завидное положеніе занималъ, напр., тотъ нѣмецкій ученый, который при изученіи швейцарскихъ и южно-французскихъ крестьянскихъ построекъ имѣлъ 900 рисунковъ и фотографическихъ снимковъ (*Zeitchr. f. Ethnol.* 1888, IV)[1]. Но и по тому немногому, что извѣстно о хатѣ, можно замѣтить различіе между хатами Галиціи, Волыни, Приднѣпровья и Новороссіи, по внѣшней наружности и внутреннему устройству.

Въ настоящее время въ народѣ сохраняется темное преданіе, что люди нѣкогда („до потопа") не умѣли строить домовъ; постройка первой хаты приписывается Соломону или, подъ вліяніемъ апокрифовъ о сотвореніи міра и Адама, Богу и Сатанѣ, съ проведеніемъ обычнаго дуализма, что Сатана построилъ хату, а Богъ прорубилъ окна для свѣта, чего не могъ сдѣлать чортъ (*Чубинскій*, I, 100). Въ этихъ преданіяхъ любопытна та подробность, что первая хата была темна, что первые („послѣ Ноя") домики всегда строились безъ оконъ; но явился добрый человѣкъ (или ангелъ) и прорубилъ въ домѣ дыру для свѣта, а чтобы не дулъ въ нее вѣтеръ, закрылъ ее рыбьимъ пузыремъ (ib). Преданія эти вѣрно вос-

[1]) Западная литература богата сочиненіями по археологіи крестьянской избы; здѣсь укажемъ на соч. *Meitzen*, Das deutsche Haus, 1882; *Henning*, Das deut. Haus in sein. hist. Entwickelung, 1882; *Bezzenberger*, Ueber das litawische Haus, 1886; *Jan Karlowicz*, Chata polska, 1884. Прим. авт.

производятъ древнее устройство хаты, съ однимъ лишь отверстіемъ для свѣта и дыма.

Хатѣ предшествовала землянка. Индѣйцы Колумбіи выкапываютъ въ землѣ круглыя ямы отъ 10 до 12 футовъ глубины и отъ 40 до 50 футовъ въ окружности и устраиваютъ надъ ними крышу изъ сплавнаго лѣса и глины. Съ одной стороны оставляется отверстіе для прохода, вмѣсто двери, и въ него вставляется бревно съ зарубками, замѣняющее лѣстницу. Помѣщеніе обогрѣвается само собой, вслѣдствіе скопленія народа (12 — 15 чел.) и отсутствія вентиляціи (*Леббокъ*, Доист. времена, 420). Въ сѣверо-западной Америкѣ ингалики устраиваютъ подобныя подземныя жилища: входъ въ видѣ деревянной будки; затѣмъ идетъ спускъ внизъ въ землянку, по нѣсколькимъ ступенямъ и небольшому туннелю. Самая землянка представляетъ яму съ сводообразной крышей съ отверстіемъ посрединѣ, для выхода дыма. Ночью, когда погаснетъ огонь на очагѣ, головни выбрасываютъ черезъ отверстіе на крышѣ, а затѣмъ плотно закрываютъ его шкурами. Входъ также тщательно завѣшивается мѣховыми занавѣсами (*Гельвальдъ*, Ест. ист. народовъ, 337). Деревни древнихъ бриттовъ (до 420 г. по Р. X.) состояли изъ собранія лачужекъ, выдолбленныхъ въ холмахъ или прямо въ землѣ, съ тою цѣлью, чтобы не строить стѣнъ; боковыя стѣны представляли собой простой плетень; крышу же крыли соломою (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 326). Въ Россіи, въ частности въ Украинѣ, часто строятъ землянки для временнаго помѣщенія рабочихъ или сторожа. Понятно, что при устройствѣ землянокъ всегда возможны частныя улучшенія. Такъ, въ харьковской губерніи землянки лѣсныхъ сторожей представляютъ уже переходъ къ хатѣ: на сухомъ мѣстѣ выкопана яма; стѣнки и потолокъ сдѣланы изъ хвороста, обмазаны глиной и побѣлены; внутри печь; наверху соломенная крыша съ хворостяной трубой, также обмазанной глиной. Внутри хаты скамьи, а иногда и столъ, земляныя, смазанныя глиной. Въ такой хатѣ-землянкѣ лѣсничій съ семьей живетъ многіе годы. Какъ извѣстно, запорожскіе курени въ Сѣчи представляли землянки большаго размѣра. Стѣны укрѣплялись на подпорахъ и обмазывались. Крыша состояла изъ земляной насыпи или изъ плетенаго хвороста, сверхъ котораго насыпали землю или набрасывали соломы. Земляная кровля

скоро заростала травою, и видны были только дымовыя трубы или дыры. Въ курень входили по землянымъ ступенямъ; были курные курени и курени съ печами. Окна продѣлывались только въ тѣхъ куреняхъ, которые поднимались выше земли. Такіе курени были не только у запорожскихъ, но и у донскихъ и яицкихъ козаковъ; часто весь поселокъ состоялъ изъ такихъ землянокъ.

Въ Приднѣпровьѣ, въ предѣлахъ бывшей слободской Украины и въ Новороссіи вездѣ есть дымовая труба, даже въ землянкахъ; но на Волыни и въ Галиціи удержались еще курныя хаты, встрѣчающіяся также во многихъ великорусскихъ губерніяхъ. Вердумъ, побывавшій въ Подоліи и на Волыни во второй половинѣ XVII в., замѣтилъ, что „въ русскихъ домахъ нѣтъ трубъ, а только печка. По всѣмъ сторонамъ избы находятся отверстія, которыя отворяютъ, соображаясь съ вѣтромъ, для выпуска дыма" (*Пташицкій*, въ Журн. Мин. Н. Пр. 1878, CXCIX, 90). Въ галицкомъ Покутьѣ у бѣдныхъ гуцуловъ встрѣчаются курныя хаты, въ которыхъ дымъ „валитъ изъ затопленной печки на всю комнату и стоитъ густымъ облакомъ подъ чернымъ потолкомъ, тѣснясь вонъ четыреугольнымъ отверстіемъ въ потолкѣ. Пока не выгоритъ въ печкѣ, двери и окошки открыты" (*Головацкій*, I, 693). Курныя избы часто встрѣчаются по обѣимъ сторонамъ рѣки Припети въ Полѣсьѣ. По словамъ П. П. Чубинскаго, „курная изба—низенькая, темная, грязная; стѣны ея, кромѣ того что закопчены дымомъ, почти всегда снабжены въ достаточномъ количествѣ клопами, пруссаками, тараканами и другими насѣкомыми, развитію которыхъ способствуютъ грязь и нечистота". Но тамъ же, въ Полѣсьѣ, встрѣчается полукурная изба, какъ переходъ къ хатѣ отъ курной избы; въ полукурной избѣ труба проведена только въ сѣни, такъ что дымъ выходитъ на горище, или чердакъ. Вновь мало строятъ уже курныя избы (*Чубинскій*, VII, 389). Въ пѣснѣ „не литай, мудрагелю (мотылекъ?), по пидъ чорну стелю, не запорошы билу постелю" мы имѣемъ курную избу, съ потолка которой сыпется сажа.

Нельзя опредѣлить съ точностью, когда масса малорусскаго народа перешла отъ курной избы къ хатѣ. Въ XVI—XVII ст. хата была уже господствующей формой жилья, въ видѣ свѣтлой и чистой избы, изъ одного или двухъ жилыхъ помѣщеній, съ при-

бавкой иногда темной коморы. Священникъ Никоновъ, описывая современную намъ хату крестьянъ воронежской губерніи, замѣчаетъ: „хаты снаружи и внутри бѣлятся очень чисто; домашнія иконы украшаются множествомъ цвѣтовъ; битый глиняный полъ въ хатѣ малороссійская женщина смазываетъ вновь непремѣнно каждую субботу и зимой и лѣтомъ, то же дѣлаетъ и съ печнымъ шесткомъ (*Никоновъ*, въ Труд. Вольно-Экон. Общ., 1867, т. III).

Расположеніе хатъ по улицѣ различно по мѣстностямъ. Въ Галиціи у горянъ гуцуловъ села не велики, и хаты разставлены въ безпорядкѣ: „Хата направо, хата налѣво, хата впереди, хата назади; ничего общаго, ничего связаннаго нѣтъ; каждый живетъ самъ по себѣ" (*Головацкій*, I, 692). На крайнемъ востокѣ Малороссіи, въ воронежской губерніи, наоборотъ, хаты „никогда не отставляются отъ плановой линіи внутрь двора, а или всей своей длиной, или по крайней мѣрѣ одной узкой стороной выходятъ на улицу. Ряды малороссійскихъ хатъ бываютъ очень длинны, безъ всякихъ промежутковъ; усадьбы чрезвычайно узки и длинны. Средняя часть усадьбы занята сараями, амбарами, кошарами или простыми повитками, а задняя ливадой, или огородомъ, гдѣ только возможно съ водой и рощицей" (*Никоновъ*, 166). Такое же расположеніе хатъ и хозяйственныхъ построекъ въ харьковской губерніи.

Хаты большею частью стоятъ за тыномъ, что придаетъ усадьбѣ нѣкоторую скрытность и уютность, отвѣчающія сосредоточенному характеру малоросса; въ большихъ селахъ харьковской губерніи стали ставить хаты на улицу или прорубливаютъ въ тыну противъ окна отверстіе на большую дорогу (шляхъ). Весьма возможно, что въ обычаѣ пускать на улицу тынъ скрывается какое-нибудь восточное вліяніе, которое нужно, впрочемъ, еще опредѣлить и доказать; обычай этотъ держится несомнѣнно потому, что выгоденъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ тынъ, часто густой и высокій, съ „острожкомъ", прикрываетъ отчасти хату отъ холоднаго вѣтра.

Хата прогрессируетъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ торговыхъ селахъ харьковской губерніи. При перестройкѣ ее увеличиваютъ; вмѣсто глиняной печи устраивается кирпичная; прибавляется число оконъ; вмѣсто подъемныхъ трехъ-стекольныхъ окошечекъ начинаютъ пользоваться растворчатыми 4 или 6 стекольными окнами.

Если уже говорить объ инородномъ вліяніи на малорусскую хату, то лишь о западно-европейскомъ, повидимому, нѣмецкомъ вліяніи; П. П. Чубинскій нашолъ, что форма крыши полѣсской курной избы напоминаетъ крышу нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся въ волынской губерніи; она имѣетъ два ската, одинъ на передній, другой на задній фасадъ избы, при чемъ одинъ иногда бываетъ покрытъ соломой, другой досками (VII, 390). Нѣмецкія крестьянскія хижины на верховьяхъ Дуная отличаются высокой крышей, галлерейкой вокругъ дома и узкими простѣнками между окнами (*Шерръ*, Ист. цив. Герм., 574). Такимъ же характеромъ отличались дома малорусскихъ зажиточныхъ козаковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ стараго времени (напр., домъ Аѳан. Иван. въ „Старосв. помѣщ." Гоголя). И теперь еще изрѣдка встрѣчаются такіе дома, съ высокой соломенной крышей и „пиддашьемъ"—навѣсомъ, или галлерейкой вокругъ дома. Что нѣмецкая изба могла оказать вліяніе на хату, можно уже судить по значительному числу нѣмецкихъ словъ, обозначающихъ составныя части хаты, какъ-то: дахъ, ганокъ, грубка, шибка.

Въ повѣсти Квитки „Ложныя понятія" (на рус. яз.) находится любопытное описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося еще въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и большихъ селахъ. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ поддерживается двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо ведетъ въ „залку". Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы мастеровъ борисовскихъ и суздальскихъ. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами; лампады затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до нижняго конца зеркала по обѣ стороны спускалось полотенце, расшитое красными нитками; по субботамъ его мѣняли; на стѣнахъ развѣшаны картинки батальнаго и любовнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой довершаютъ убранство залы. Изъ залки дверь на право ведетъ въ „гостиненку", дверь на лѣво въ спальню; изъ спальни выходъ въ кухню, а изъ послѣдней въ

сѣни. Въ сѣняхъ дверь на право вела въ отдѣльную комнатку „упокой“, предназначенную для гостя или постоя. У Квитки въ такомъ домѣ живетъ казенный крестьянинъ Стовбырь, изъ всѣхъ силъ тянущійся въ городское мѣщанство, въ одеждѣ, домашней обстановкѣ, даже въ фамильномъ своемъ названіи (Стовбыревскій), а потому при его домѣ нѣтъ ни садика, ни огорода, на которые Стовбырь, этотъ прародитель современныхъ торговцевъ-кулаковъ, смотритъ, какъ на „мужицкіе промыслы“.

29—37.

Домашніе талисманы.

Благосостояніе семьи зависитъ отчасти отъ занимаемаго ею жилья. Въ настоящее время удобство жилаго помѣщенія опредѣляется съ чисто практической, санитарной и экономической точки зрѣнія, по количеству свѣта и воздуха, по положенію дома на высокомъ или низкомъ мѣстѣ, по числу печей и т. п. Въ древнее время въ понятіе объ удобствѣ жилья входило мистическое начало, обусловленное наклонностью мысли къ анимизму, или къ усмотрѣнію во всѣхъ подробностяхъ быта вліянія духовъ, благосклонныхъ или враждебныхъ человѣку. Въ домѣ жили души предковъ, или душа перваго его строителя, въ видѣ своенравнаго старика домоваго, и онъ является иногда покровителемъ и хранителемъ хаты и ея жильцовъ; но такъ какъ у крестьянина есть много мистическихъ враговъ въ видѣ разныхъ вѣдьмъ, колдуновъ, упырей, огненныхъ змѣевъ, то одного заступничества домоваго, даже христіанской молитвы, св. воды и иконъ недостаточно для полной охраны семейнаго мира и благополучія, и потому возникли повѣрья о разныхъ охранительныхъ домашнихъ талисманахъ, предупреждающихъ то или другое несчастіе. Повѣрья эти большею частью коренятся въ глубокой языческой древности. Главными домашними талисманами служатъ:

1) *Огонь.* Съ особенной отчетливостью значеніе огня на очагѣ, какъ домашняго талисмана, открывается въ гимнахъ Ригъ—Веды. Здѣсь выдѣляется одинъ огонь, главный, всенародный, „пупъ племенъ“, и затѣмъ, какъ его вѣтви, другіе огни, семейные, общин-

ные, племенные. Агни семейный—„damunas"—называется „владыкой дома." Домашній священный огонь горѣлъ въ каждомъ домѣ, какъ семейное божество. (*Овсянико-Куликовскій*, Къ ист. культа огня у инд., 12). Что и у нѣмцевъ былъ свой Агни семейный—видно изъ многихъ повѣрій и обрядовъ, гдѣ большую роль играетъ домашній огонь. При полученіи имущества и при входѣ въ новый домъ возжигали огонь. Какъ въ старину, такъ и нынѣ при первомъ вступленіи новобрачной въ домъ мужа зажигаютъ огонь (Grimm, Deut. Rechtsalt. 195). Былъ Агни семейный и у славянъ, въ видѣ домашняго огня, которому молились и приносили жертвы. Наиболѣе характерныя черты семейнаго Агни сохранились въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ обрядахъ и повѣрьяхъ. Въ Бѣлой Руси молодая, оставляя отцовскій домъ, уже сѣвши на возъ съ мужемъ, причитаетъ: „Добрая доля да идзи за мной съ печи пламенемъ, съ хаты каминемъ." Въ Великороссіи при переходѣ на новоселье переносятъ изъ старой печи жаръ. По малорусскому повѣрью, каждый день слѣдуетъ дѣлать огню подарокъ, т. е. на ночь ставить въ печь горшокъ съ водою. Въ гнѣвѣ огонь сожигаетъ хату (*Потебня*, О долѣ, 16). Въ грубешовск. и житомирск. уѣздахъ огонь почитается ангеломъ. Въ огонь запрещается плевать или заметать его въ печку вѣникомъ. Въ литинскомъ уѣздѣ огонь признаютъ чѣмъ то святымъ, олицетворяемымъ въ формѣ мстительнаго человѣка. Всякая хозяйка обращается съ огнемъ осторожно, заметаетъ его чистой метелкой, креститъ его, иногда ставитъ въ печь на ночь горшокъ съ водою и полѣно, чтобы онъ имѣлъ что ѣсть и пить. „Мы шануемъ огонь якъ Бога, говорятъ малороссы; винъ нашъ дорогый гисть" (*Чубинскій*, I. 44—45). Въ Галиціи горяне гуцулы при разведеніи перваго огня на лѣсныхъ пастбищахъ скота падаютъ передъ нимъ на колѣни (*Головацкій*, I, 699).

2) *Печь* получила освященіе по разводимому въ ней огню. „Сказавъ бы, та пичь въ хати", говорятъ малороссы, удерживаясь отъ произнесенія дурнаго слова. Особенно важное значеніе имѣетъ печь въ свадебныхъ обрядахъ. Чтобы сватовство удалось, сваты выламываютъ изъ печи кирпичину и держатъ ее въ карманѣ (*Драгомановъ*, Малор. пред. 20). Дѣвушка во время сватовства колупаетъ печь; свата сажаютъ передъ печкой и т. д. (подроб. см. въ моемъ соч

О свадеб. обр. 186—192). То же у другихъ народовъ. Въ Германіи дѣвушки просятъ печку послать жениха: „Lieber Ofen! ich bete dich an, gieb mir doch bald einen Mann“ (*Mülhause*, Die Urrelig. 98) Въ нѣмецкихъ сказкахъ передъ печкой становятся на колѣни, молятся ей и приносятъ ей жертву (*Grimm*, Deut. Myth. I. 595). Древніе греки къ очагу относились съ благоговѣніемъ, какъ священному предмету (*Wachsmuth*. Hellen. Alterth. II, 236). Въ Германіи, у австрійскихъ и балканскихъ славянъ, въ древности у римлянъ и индусовъ невѣсту обводили вокругъ очага (мое соч. О свад. обр. 190 и др.).

3) *Соръ*, при всей своей ничтожности, иногда играетъ роль таинственнаго талисмана. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полт. губ., начиная отъ вечера Богатой кутьи до Новаго года, выметая избу, соръ не выбрасываютъ вонъ, а собираютъ въ одно мѣсто и въ Новый годъ выносятъ его до восхода солнца въ садъ и сожигаютъ (*Маякъ* 1843, XI, 39). Съ переходомъ въ новый домъ или на квартиру, на прежней выметаютъ и выбрасываютъ соръ, чтобы не оставить доли въ покинутомъ домѣ, и затѣмъ горсть сора переносятъ въ новый домъ и бросаютъ его въ передній уголъ (*Kopernicki*, въ „Zbiór wiadom.“ XI, 203). Выбрасываютъ соръ до захода солнца. Употребляютъ соръ въ гаданіяхъ: берутъ на „смитныку,“ не глядя, какую нибудь выброшенную вещь и по ней гадаютъ, кто будетъ мужемъ, сапожникъ, плотникъ или кто другой (*Ящуржинскій*, въ Кiев. Стар. 1888. XI. 63)[1]), но преимущественно употребляютъ у нѣкоторыхъ народовъ соръ на свадьбахъ, на что въ Малороссіи намекаетъ лишь пословица „на смитныку женывся“ (*Номисъ*, Приказки, § 8819). Чтобы понять основное значеніе этого выраженія, нужно принять во вниманіе, что у древнихъ индусовъ молодая при входѣ въ домъ мужа становилась на кучу сора (*Weber*, Ind. Stud., V, 371) а въ западной Германіи молодую въ домѣ новобрачнаго обводятъ вокругъ кучи сора (*Wuttke*, Volksabergl. 351). Основное значеніе обрядоваго употребленія сора у русскаго и др. индоевропейскихъ народовъ достаточно объясняется слѣдующимъ древнимъ индусскимъ свадебнымъ обрядомъ и относящимся къ нему изрече-

[1]) Въ казанской губ. дѣвушки гадаютъ, имѣя въ рукахъ горсть сора (*Можаровскій*, Святоч. пѣсни, игры и гад. 102). Прим. авт.

ніемъ: на кучу сора клали камень; на него клали немного травы, и мужъ возводилъ новобрачную на камень, приговаривая: „для тебя, жена, держу я счастливый и цѣлебный твердый камень въ лонѣ божественной земли“ (*Weber*, Ind. Stud., V, 395). Такимъ образомъ оказывается, что соръ служилъ символомъ земли, и обрядовое его употребленіе обусловлено религіознымъ почитаніемъ земли, а что такое почитаніе земли было нѣкогда свойственно и русскому народу, видно изъ многихъ другихъ малорусскихъ обрядовъ и повѣрій, напримѣръ, изъ запорожскаго обычая мазать грязью лицо вновь выбраннаго въ кошевые атаманы, изъ повѣрья, что отъ нѣкоторыхъ болѣзней полезно съѣсть немного земли, изъ клятвы землей и т. п. У Т. Г. Шевченка Катерина, оставляя родное село, взяла съ собою кусочекъ земли изъ своего садика, съ тѣмъ, что когда она умретъ на чужбинѣ и ее похоронятъ въ чужую землю, „то своеи крихотка надо мною ляже, та про долю, мое горе чужымъ людямъ скаже“... Здѣсь обнаружилось уже затемнѣніе древняго вѣрованія въ божественность земли и слишкомъ субъективное его пониманіе, что, однако, не можетъ быть разсматриваемо, какъ poetica licentia, а раздѣляется массой народа.

4) *Ужъ*. Крестьяне считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ, если въ хатѣ поселится ужъ. Онъ приноситъ съ собой богатство (*Чубинскій*, I. 65; *Kopernicki*, 221). Повидимому, въ видѣ ужа представлялся домовой. Въ Литвѣ, по свидѣтельству Герберштейна, почитали змѣй швоитовъ, держали ихъ въ домѣ, приносили имъ въ даръ молоко, сыръ, яица и куръ (*Герберштейнъ*, въ пер. Анонимова, 80). Кромеръ говоритъ, что и въ Польшѣ дозволяли ужамъ и змѣямъ селиться въ домахъ подъ печкой и чтили ихъ какъ пенатовъ (*Аѳанасьевъ*, II. 633). Такъ какъ понятіе о семейныхъ и родовыхъ пенатахъ было распространяемо на цѣлые города и области, то у древнихъ грековъ содержали змѣй въ аѳинскомъ акрополѣ и во многихъ другихъ городахъ.

5) *Ласточка*. Въ малорусскихъ колядкахъ ласточка предсказываетъ домохозяину „божу мылость“ въ видѣ урожая хлѣба и приплода скота (*Потебня*, Колядки, 68; *Лоначевскій*, Сбор. пѣс. буков. нар., 26). Счастливымъ предзнаменованіемъ считается, если ласточка вьетъ гнѣздо въ домѣ; разрушить его большой грѣхъ. Если

ласточки улетаютъ изъ какой нибудь мѣстности, то непремѣнно слѣдуетъ ожидать мора людей (*Чубинскій*, I, 59). Если разорять гнѣзда ласточекъ, то онѣ будутъ летать подъ коровъ, отчего портится молоко (*Nowosielski*, II, 129), или на лицѣ виновнаго будутъ веснушки, „ластовыння". Если даже допустить, что повѣрье о морѣ людей по отлетѣ ласточекъ основывается на какомъ нибудь реальномъ наблюденіи, то при всемъ томъ останется еще много повѣрій о ласточкѣ, какъ такой птицѣ, которую „грихъ драты, бо то Божа птыца." Ласточкино сердце привязываютъ къ шейному кресту (*Аѳанасьевъ*, I, 455), очевидно, какъ талисманъ. Крестьяне нарочно прибиваютъ подъ кровлями планки и маленькія дощечки, чтобы ласточкамъ удобнѣе было прилаживать свои гнѣзда (ib. III. 686). Въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ о ласточкѣ обнаруживается примѣсь христіанскаго апокрифическаго элемента; напр., ласточка присутствовала при распятіи Спасителя и крала гвозди (*Чубинскій*, I, 59); въ Чехіи и Германіи она называется птицей Божіей Матери (*De Gubernatis*, Die Thiere, 523). Въ Германіи и Италіи считаютъ тяжкимъ грѣхомъ убить ласточку или разрушить ея гнѣздо. Какъ въ Малороссіи, такъ и въ Венгріи, и въ Германіи думаютъ, что въ наказаніе за разрушеніе гнѣзда ласточки молоко у коровъ пропадаетъ или обращается въ кровь. Считается хорошимъ признакомъ, если ласточка влетитъ въ окно. Древніе писатели говорятъ, что даже хищные птицы считаютъ ласточку священной птицей. У Арріана ласточка предупреждаетъ Александра Македонскаго объ опасности; въ Эддѣ 7 ласточекъ совѣтуютъ Сигурду убить чудовище, оберегающее кладъ (*De Gubernatis*, 523). Въ Дагестанѣ разсказываютъ, что богатыри основали аулъ Цудахаръ по слѣдующему поводу. На этомъ мѣстѣ они имѣли ночлегъ и воткнули знамя въ землю вокругъ своего очага. Проснувшись по утру, они увидѣли, что ласточки носятъ землю на конецъ ихъ копья, гдѣ знамя, и устраиваютъ на немъ себѣ гнѣздо. Ученые сказали, что это доброе предзнаменованіе, и потому богатыри поселились здѣсь (*Анучинъ*, Отч. о поѣздкѣ въ Дагестанъ, 74).

6) *Аистъ* (гайстеръ, бусолъ или бусля, боцянъ, лелека, черногузъ) приноситъ счастье той хатѣ, на которой сложитъ гнѣздо; если разорять его гнѣздо, то онъ спалитъ хату; не разъ видѣли

аиста, несущаго въ клювѣ горящую головню для подпала хаты, гдѣ разорено его гнѣздо (*Nowosielski*, II, 126; *Чубинскій*. I. 62). Разгнѣванный аистъ можетъ еще наслать грозовую тучу (*Kopernicki*, 218). Разсказы о происхожденіи аиста имѣютъ христіанскій апокрифическій характеръ: Пресв. Дѣва приказала своей служанкѣ вымыть свою сорочку въ морѣ, не глядя на сорочку; но служанка не исполнила приказанія и была за то обращена въ черногуза (*Чубинскій*, I, 62; *Драгомановъ*, Малорус. пред. 8). По другому варіанту, въ аиста былъ обращенъ человѣкъ, не исполнившій приказанія Бога выбросить мѣшокъ съ гадами, не заглядывая въ него (*Чуб.*, *Kopern.* ib.). Аистъ встрѣчается въ сказкахъ, напр., въ Сборникѣ Аѳанасьева т. I, § 36 и IV, § 210 (шутливаго содержанія), во 2 т. „Трудовъ" Чубинскаго § 66 („про журавля, що жинку вкравъ", также шутливая) и въ др. Де-Губернатисъ, останавливаясь, между прочимъ, и на аистѣ по даннымъ въ сборникѣ сказокъ Аѳанасьева, даетъ ему миѳическое объясненіе (der Storch personificirt den unheilvollen Himmel, стр. 540), что однако весьма сомнительно. И аистъ, и ласточка, повидимому, получили свѣтлое значеніе отъ того, что рано прилетаютъ весной и селятся вблизи хатъ.

7) *Конская подкова*, какъ талисманъ, встрѣчается преимущественно въ домахъ мѣщанъ или въ торговыхъ лавкахъ. Подкову прибиваютъ на порогѣ, чтобы было много покупателей. Трудно сказать, заимствовано ли это повѣрье, или существуетъ на Руси искони. Источникъ его кроется въ религіозномъ почитаніи коней кельтами, германцами, вендами. Для охраненія своихъ стадъ отъ моровой язвы венды втыкали головы лошадей и коровъ на заборахъ вокругъ конюшенъ и хлѣвовъ, а для отогнанія злыхъ духовъ клали въ ясли лошадиную голову. Въ Голландіи вѣшаютъ лошадиную голову въ свиныхъ хлѣвахъ; въ Мекленбургѣ кладутъ ее подъ подушку больнаго. Германцы для отвращенія грозы ставили на верху избы конскія головы съ разинутыми пастями, обращенными въ ту сторону, откуда ожидали бѣду. Впослѣдствіи, у германцевъ и славянъ на избахъ стали строить коньки деревянные. Наряду съ употребленіемъ подковы для развитія богатства, въ Малороссіи встрѣчается нѣсколько другихъ сходныхъ обрядовъ. Въ Поднѣстровьѣ втыкаютъ кобылью голову на колъ плетня въ огородѣ, чтобы „все родыло." Украинскіе

знахари относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ той травѣ, которая проростаетъ сквозь глазныя ямки брошеннаго конскаго черепа и стараются собирать ее для своихъ чаръ (*Аѳанасьевъ*, I, 637). Въ пользу предположенія о заимствованіи малороссами обычая прибивать на порогѣ подкову говоритъ то обстоятельство, что обычай этотъ распространенъ въ Германіи, причемъ подкова здѣсь оберегаетъ домъ отъ всякаго зла (*Lippert*, Christenthum, 461).

8) Разные *предметы растительнаго царства*, напримѣръ: *Макъ выднякъ* употребляется противъ вѣдьмъ; этимъ макомъ обсыпаютъ домъ (*Чубинскій*, III. 225, I. 81), чтобы не ходили въ него вѣдьмы; обсыпаютъ мертвеца, подозрѣваемаго въ знахарствѣ (*Nowosielski*, II, 148), чтобы онъ потомъ не безпокоилъ людей. *Чертополохъ* также держатъ въ домѣ для отогнанія злыхъ духовъ и вѣдьмъ (*Nowosielski*, II, 145). *Чернобыль* — подпоясываются дѣвушки противъ козней вѣдьмъ (*Kolberg*, I, 202). *Лопухъ*—въ Галиціи вѣшаютъ въ хатѣ отъ вѣдьмъ (ib. 201). *Чеснокъ* въ Галицкой и Угорской Руси вплетаютъ въ вѣнокъ невѣсты на свадьбахъ, а наканунѣ дня св. Георгія (23 апр.) мажутъ чеснокомъ ободверины и порогъ (*Записки* Геогр. Общ. по отд. этн. 1869, II, 100). Отъ вѣдьмъ держатъ въ домѣ также *крапиву*, *осину*, *рябину*, освященныя въ церкви вербовыя вѣтки (*Мандельштамъ*, Опытъ объяс. обыч. 307).

9) Разные *предметы христіанскаго религіознаго благочестія*, какъ то: *четверговая или страстная свѣча*, иначе называемая громницей; стараются принести изъ церкви зажженной и выпаливаютъ затѣмъ ею кресты на верхней дверной перекладинѣ и на сволокѣ. Зажигаютъ ее во время грозы, тяжелыхъ болѣзней или пожара [1]. Затѣмъ важное значеніе имѣетъ *іорданская вода*; ее хранятъ въ теченіи всего года, кропятъ животныхъ, даютъ пить людямъ отъ сглазу и разныхъ болѣзней. Весьма цѣнится, какъ талисманъ, апокрифъ „*Сонъ Богородицы*". Списокъ апокрифа хранятъ за кіотомъ. Такое уваженіе къ этому апокрифу обусловлено находящимся въ концѣ его обширнымъ заговоромъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: кто сей сонъ въ домѣ своемъ содержитъ въ чистотѣ и съ прилежностью, и домъ тотъ сохраненъ будетъ и

[1]) Тоже у поляковъ (см. *Głos*, 1888, № 200), у великоруссовъ, у чеховъ (*Časop. čes Mus.* 1849, I, 165).

помилованъ отъ лукаваго и отъ нечестиваго духа, діавольскія силы; къ тому человѣку, къ дому, къ рабамъ не приступится и не прикоснется лихой и злой человѣкъ, и будетъ въ томъ дому духъ святый почивать, и будетъ счастье и умноженіе всякаго плода и ущербу ни въ чемъ не будетъ (*Пыпинъ*, Памят. стар. р. лит. III, 126).

Такъ ясно и обстоятельно объяснено въ одной старинной рукописи значеніе апокрифическаго „Сна"; такое же широкое значеніе имѣли и другіе домашніе талисманы, огонь, подкова и пр. Они охраняли семью отъ злаго духа и отъ злаго человѣка, вносили въ душевное настроеніе старинаго человѣка чувство устойчивости и опоры противъ обуревавшихъ его мистическихъ страховъ и опасеній.

Въ народныхъ повѣрьяхъ до сихъ поръ большую роль играетъ дѣдушка домовой, возникшій изъ разнородныхъ представленій объ огнѣ, какъ семейномъ духѣ покровителѣ, и о душѣ предка. Есть добрые и злые домовые; для своего двора домовой почти всегда оказывается добрымъ покровителемъ. Мы здѣсь не будемъ говорить о домовомъ, такъ какъ считаемъ этотъ предметъ достаточно подробно изслѣдованнымъ Аѳанасьевымъ во 2 т. Поэт. воззр. слав. на природу. стр. 67--120. Нѣсколько любопытныхъ подробностей о древнихъ классическихъ домовыхъ добрыхъ (dii manes) и злыхъ (лемуры) можно найти въ „Эпиграфич. этюдахъ" г. Помяловскаго, 57—59, о домовыхъ австрійскихъ южныхъ славянъ въ „Знаніи", 1877, апр., и о домовыхъ разныхъ дикихъ и варварскихъ народовъ въ „Первобытной культурѣ" Тэйлора, въ главахъ объ анимизмѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НЕЧИСТАЯ СИЛА.[1]

ПОВѢСТЬ.

При выходѣ Евки замужъ, всѣ бабы и дивчата каркали, какъ вороны, предсказывая недоброе, удивляясь и завидуя тому, что ее берутъ въ самый богатый дворъ. Она и тогда уже съ пренебреженіемъ относилась къ этому счастью и предпочла бы своему жениху сотню другихъ. Ѳедоръ былъ тогда тощимъ, нескладнымъ юношею, съ кривыми ногами, и еще безъ усовъ; еще недавно онъ пасъ скотъ вмѣстѣ съ другими подростками, а теперь хвалился, что заставитъ ее, Евку, взяться за умъ и будетъ бить до тѣхъ поръ, пока не пріучитъ къ работѣ какъ слѣдуетъ. Евка смѣялась, вслушиваясь въ эти рѣчи; самъ чортъ убѣжалъ бы отъ ея смѣха,—Ѳедоръ же оставался къ нему равнодушенъ. Вышла за него она изъ крайности: голодъ преслѣдовалъ ее съ самаго ранняго дѣтства. Мать ея была глупа до того, что еще и теперь, вспоминая о ней, Евка презрительно пожимала плечами. Да и было отчего: высокаго роста, черноглазая, еще молодая женщина, она вѣчно ходила въ лохмотьяхъ, какъ нищая. А вѣдь волостной писарь хотѣлъ взять ее къ себѣ въ хозяйки—а она... отказалась.

— Довольно одного грѣха! говорила она, теперь нужно Богу молиться, заботиться о душѣ.

Писарь же нашелъ себѣ другую, румяную, красивую, царившую у него, какъ у себя въ домѣ. Евка не разъ видѣла, какъ она, въ розовой ситцевой юбкѣ, въ голубомъ шелковомъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.", 1889 г., № 4, апрѣль.

платочкѣ, кормила зерномъ птицу или крошила зелень для свиней; у нея были кольца, сережки; сидитъ бывало по цѣлымъ часамъ за самоваромъ у открытаго окна, пьетъ чай въ прикуску. Пополнѣла, похорошѣла, крестьяне снимали передъ нею шапки, приносили ей куръ, яица, орѣхи. Въ самую страдную пору, въ то время, когда другія бабы отъ зари до самой ночи жали безъ отдыха, не разгибая спины, писарская господыня сидѣла себѣ на крылечкѣ, грѣясь на солнышкѣ, и щелкала себѣ орѣхи или расчесывала гребнемъ собаку своего хозяина.

Евка же, худая, смуглая, въ разорванной юбкѣ, въ грязной, разстегнутой на груди рубахѣ, по цѣлымъ часамъ стояла притаившись въ кустахъ и смотрѣла на всю эту роскошь, пожирая глазами изъ зависти всѣ малѣйшіе признаки писарскаго богатства. Огромный блестящій самоваръ внушалъ ей почти такой же благоговѣйный страхъ, какъ и самъ панъ писарь. Ее охватывала дрожь, на зубахъ чувствовалась оскомина не только при видѣ различныхъ яствъ, но даже отъ одного запаха жаренаго мяса или горячаго кушанья. Она жадно ловила этотъ запахъ, глотая слюнки, и незамѣтно, почти безсознательно, какъ лунатикъ, подвигалась все ближе и ближе къ дому писаря; робко выходила она изъ за угла, прокрадывалась вдоль стѣнъ до самаго крыльца и забивалась въ самый уголокъ, скорчившись, притаившись тамъ, какъ бы отъ страха... Ея сѣрые глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны, пальцы судорожно сжимались, худые и костлявые, какъ у обезьяны. Бережливая хозяйка ничего не оставляла на крыльцѣ, лишь изрѣдка на лавкѣ валялись или нѣсколько стручковъ гороху, обгрызенное яблоко, или остатки недоѣденнаго собакою хлѣба съ масломъ. Правда, иногда она сама давала ей кусокъ сахару, сыра, даже вареннаго мяса, и Евка поспѣшно, спрятавъ добычу за пазуху, бѣжала безъ оглядкичерезъ плетни и загоны вплоть до старой кузницы, гдѣ мать ея имѣла уголъ въ хаткѣ, тѣсной, какъ сундукъ, поросшей снаружи крапивой и лопухомъ, темной и холодной, какъ погребъ. Здѣсь запирала она дѣвочку, уходя на работу, оставляя ей холоднаго вареннаго картофеля, кусокъ хлѣба и горшокъ перьевъ, которыя та должна была передрать. За окномъ щебетали воробьи, солнечные лучи проникали въ это логовище сквозь щели въ стѣнахъ,

изъ-подъ истлѣвшихъ угловъ выглядывала трава, зеленыя ящерицы, погрѣвшись на солнцѣ, просовывали сюда свои головки, оглядывали темную избу и убѣгали. Евка слѣдовала ихъ примѣру; съѣдала все, что можно было съѣсть, выламывала кусокъ гнилой доски и вылѣзала на свѣтъ Божій... Случалось, что какая нибудь голодная собака прокрадывалась сюда тѣмъ же путемъ, но черезъ минуту выходила такою же голодною, какъ и вошла. Евка шла кормиться, хватая по дорогѣ все, что попадалось ей подъ руку. Наѣвшись до сыта яблокъ, грушъ, разныхъ овощей, она жадно прятала все оставшееся въ передникъ, за пазуху и, нагруженная добычею, осторожно прокрадывалась подъ плетнями, согнувшись пробиралась черезъ коноплянники, бѣжала во всю мочь черезъ поля, наконецъ, добравшись благополучно до хаты, прятала здѣсь свою добычу между крапивою, прикрывала травою и листьями и, отдохнувъ немного, опять бѣжала собирать ягоды, грибы‘ орѣхи.

Голодъ упорный, неутолимый преслѣдовалъ дѣвочку точно болѣзнь; у нея чесались зубы при видѣ пищи въ какой бы то ни было формѣ; еще издали чуяла она запахъ вареной пищи или жаренаго сала и бѣжала въ ту сторону, глаза ея разгорались сердце усиленно билось, она останавливалась у дверей въ нѣмомъ ожиданіи, оглядывалась, прислушивалась... Въ хатѣ ѣли; иногда выходила собака съ костью въ зубахъ и принималась грызть у ея босыхъ ногъ этотъ лакомый кусочекъ—кость еще теплую, влажную, съ остатками хрящей и жилъ. Евка глотала слюнки, горло сжималось до боли, она терлась о стѣны, переступала съ ноги на ногу, но войти въ избу не рѣшалась, наконецъ, разъяренная, стиснувъ зубы, выхватывала кость и со всѣхъ ногъ бросалась въ поле, ежеминутно оглядываясь, а когда настигала собака, она бросала кость въ кусты или въ огородъ на гряды и смѣялась злобнымъ пискливымъ смѣхомъ, глядя, какъ обиженное, сбитое съ толку животное останавливалось, нюхало воздухъ и, печально повѣся носъ, возвращалось назадъ. Она выкрадывала изъ *торбы* у пастуховъ сыръ, хлѣбъ и кислые огурцы. Долгое время въ этихъ продѣлкахъ подозрѣвали самого чорта,—такъ искусно умѣла она, притаившись, ощупать черезъ полотно каж-

дый кусокъ и, улучивъ удобную минуту, засунуть въ сумку свою маленькую, тонкую руку; прежде чѣмъ дѣдъ успѣвалъ повернуть голову, она была уже далеко со своею добычею, въ самой чащѣ орѣшника на берегу ручья и ѣла торопливо, съ жадностью, тревожно поглядывая вокругъ сквозь густую листву.

Уютное это было мѣстечко! Подъ тѣнью густыхъ кустовъ орѣшника разстилался пышный коверъ изъ мягкой травы, усѣянной бѣлымъ и розовымъ клеверомъ, и даже въ самые сильные жары здѣсь господствовала душистая прохлада; разныя птички стаей слетались сюда, усаживались на вѣткахъ или скрывались въ чащѣ, оглашая окрестность всевозможными голосами. Въ полдень деревенскіе парубки, оставивъ скотъ въ полѣ, приходили сюда отдохнуть, растянувшись въ мягкой травѣ надъ источникомъ; тамъ дивчата и молодицы обыкновенно стирали бѣлье на двухъ большихъ камняхъ, стоя по колѣна въ прозрачной, тихо журчащей водѣ. Евка поглядывала и на нихъ изъ своей засады, но оставалась на мѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока не съѣдала послѣдняго куска и зачастую уходила во время самой интересной сцены, съ полнымъ равнодушіемъ пожимая плечами. Иногда мать случайно встрѣчала ее тамъ и гнала домой, толкуя по дорогѣ о Богѣ, о добродѣтели, и, подталкивая кулакомъ, гнала передъ собою тощую, голодную дѣвочку, сама заливаясь слезами надъ ея праздностью и безпутствомъ.

— Чортъ бы побралъ всѣ эти добродѣтели! ворчала Евка. Отъ быстрой ходьбы ей снова начиналъ докучать голодъ; она поглядывала на право и на лѣво и, примѣтивъ плетень пониже, стремглавъ бросалась въ ту сторону и, какъ рыба въ водѣ, исчезала среди конопли и широкихъ листьевъ *бульбы*; только слегка колебавшіяся головки маку и аниса въ концѣ огорода указывали направленіе ея бѣга.

Мать смотрѣла ошеломленная... въ этой дѣвочкѣ сидѣло какое то зло... Она давно уже была увѣрена въ этомъ, а подъ конецъ и сосѣдки начинали догадываться. Почти у каждой таскала она овощи въ огородѣ, выкрадывала сыръ, сушившійся въ корзинахъ, и уже принялась выслѣживать куръ. Въ селѣ прошелъ слухъ, будто она тайкомъ подбираетъ яица... Старыя бабы видѣв-

шія многое на своемъ вѣку, начали поговаривать, что она можетъ быть и коровъ выдаиваетъ въ полѣ... Ни у кого въ цѣломъ селѣ не было столько враговъ, какъ у Евки. Едва выходила она на улицу, какъ изъ каждой двери, изъ за каждаго плетня показывалась голова въ красномъ или бѣломъ платкѣ; всѣ кричали на нее еще издали, дѣти и собаки бѣжали ей на встрѣчу, послѣднія выскакивали изъ подворотни, догоняли, окружали ее со всѣхъ сторонъ... Къ счастью, она была худа, какъ спичка, на длинныхъ тонкихъ ногахъ, и разбѣжавшись, далеко оставляла дѣтей за собою, однѣ собаки не отставали, а настигши, теребили зубами дырявую юбченку, хватали за ноги, нерѣдко кусали до крови. Тревога и опасности преслѣдованія возбуждали въ дѣвочкѣ энергію, закаляли отвагу и рѣшимость; при видѣ собственной крови на пескѣ она только пожимала плечами; послѣ каждаго же такого столкновенія она ѣла съ удвоеннымъ аппетитомъ, или наоборотъ ложилась спать страшно голодная и видѣла во снѣ себя собственницею цѣлаго хлѣба совершенно свѣжаго, еще теплаго, но при желаніи полакомиться имъ вдругъ просыпалась въ пустой хатѣ, на соломѣ и горько плакала отъ голода.

Когда Евка подросла и поступила въ услуженіе нянькою къ дѣтямъ эконома, она уже ежедневно ѣла на кухнѣ горячую пищу, получая временами что нибудь и отъ стола, за то постоянно принуждена была въ нѣмомъ бездѣйствіи смотрѣть на настоящій экономскій аппетитъ и достатокъ. Запахъ жирныхъ, сытныхъ кушаньевъ всюду преслѣдовалъ ее; двѣ низкія, душныя комнаты были переполнены творогомъ и сметаною, на столахъ передъ окнами сушились попеременно то макъ, то различные сорта крупъ или муки; въ углахъ, за печкою и дверьми висѣли сушеные грибы, яблоки и груши; когда солнце согрѣвало всѣ эти припасы, воздухъ въ комнатѣ становился удушливымъ, мухи летали медленно, словно пьяные, у ней какъ то тяжелѣла голова и сама она какъ то успокаивалась, дѣлалась серьезнѣе; на новомъ мѣстѣ она получила красную юбку и полинялый синій платокъ, которымъ могла прикрыть дырявую рубаху.

Прошло нѣсколько лѣтъ; дѣвочка выросла и изъ тощаго голоднаго бѣсенка превратилась въ худощавую, но стройную,

смуглую дѣвочку; поваръ собирался ей уже купить первые башмаки, но она только равнодушно пожимала плечами на всѣ ухаживанія за собою. Теперь она рѣдко бывала голодна, а такъ какъ дѣти прибывали у эконома съ каждымъ годомъ, то Евка въ теченіи всей весны и лѣта спокойно грѣлась на солнышкѣ съ ребенкомъ на рукахъ, дремала, когда клонило ко сну, и только ко времени завтрака или обѣда ощущала прежнее безпокойство и энергію. Во дворѣ говорили, что она немного лѣнива, но порядочная дѣвушка, она и на это пожимала плечами. Другія дивчата получали въ подарокъ ленты, бусы, иногда навеселѣ возвращались съ ярмарки, съ полными карманами грошевыхъ пряниковъ и конфектъ. Евка въ своей красной юбкѣ, короткой и полинялой, въ сѣрой рубахѣ, заплатанной на плечахъ бѣлымъ коленкоромъ, на все смотрѣла изъ подлобья, стиснувъ зубы...

Она давно готова была оставить мѣсто, гдѣ служила только за одежду и харчи, если бы не боялась снова возвратиться въ село на вѣчный голодъ и тяжелую работу. При томъ же одинъ изъ дворовыхъ парубковъ, Андрей, сказалъ ей разъ навсегда, что женится на ней, если она будетъ порядочною дѣвушкою, въ противномъ же случаѣ обѣщалъ переломать ей всѣ кости, привязать камень на шею и бросить въ рѣку. Онъ говорилъ все это спокойно, суровымъ, хриплымъ голосомъ, даже палки не было въ рукахъ, но Евка повѣрила, какой то инстинктъ подсказывалъ ей, что онъ способенъ сдержать слово. Она побаивалась Андрея, становилась проворнѣе и старательнѣе, если онъ смотрѣлъ на нее, нѣсколько разъ даже, заглянувши къ нему въ конюшню въ праздничный день, останавливалась въ изумленіи, какъ бы въ нерѣшимости. Въ то время, какъ прочіе парубки слонялись по двору, спали на сѣнѣ или, растянувшись на травѣ передъ кухнею, играли въ старыя, замасленныя карты, онъ сидѣлъ на связкѣ соломы подъ жолобомъ и читалъ... Положа на колѣни азбуку, медленно водилъ онъ пальцемъ по строкамъ, бормоталъ какіе то непонятные слоги, весь красный, измученный, какъ при самой тяжелой работѣ, запускалъ пальцы въ свою рыжую гриву, чесалъ за ухомъ, вздыхалъ, но все таки читалъ. Замѣтивъ дѣвушку въ дверяхъ, Андрей поспѣшно пряталъ книжку за пазуху.

— Ну, и чего пришла? сердито кричалъ онъ, краснѣя отъ смущенія, ступай къ ребенку! вотъ еще начнешь шататься по конюшнямъ!... Онъ отворачивался, не зналъ куда дѣвать глаза, и мрачно смотрѣлъ въ темный уголъ, стыдясь своей учености, не желая подать повода къ толкамъ, будто онъ не то что другіе.

— Вотъ дуракъ! шептала Евка, поспѣшно удаляясь изъ конюшни.

Иногда Андрей нагонялъ ее и шелъ рядомъ, заложа руки въ карманы и мрачно потупивъ голову; одѣвался онъ хорошо: сапоги всегда были въ исправности, бѣлье чистое и крѣпкое, говорилъ мало, съ разстановкою, и постоянно смотрѣлъ въ землю. Всѣ во дворѣ относились къ нему съ уваженіемъ: онъ никогда не напивался, не кралъ, былъ силенъ, трудолюбивъ, только слишкомъ гордъ и рѣзокъ; даже самъ экономъ подолгу обдумывалъ и взвѣшивалъ каждое слово прежде, чѣмъ замѣтить ему что нибудь, и часто уходилъ молча, какъ пришелъ, боясь встрѣтить рѣзкій отпоръ.

— Ты, Евка, сиди дома, говорилъ онъ мягко, идя рядомъ съ нею, остерегайся злыхъ языковъ; человѣкъ... того... ну, извѣстно... каждый человѣкъ долженъ остерегаться людей.

Ему хотѣлось бы выразить яснѣе свою мысль, но этого онъ не умѣлъ, ему не доставало словъ; онъ чувствовалъ только, что готовъ былъ бы душу отдать за эту худощавую, смуглую дѣвушку съ ея сѣрыми глазами, злымъ и въ то же время какимъ то осмысленнымъ смѣхомъ... готовъ былъ бы задушить каждаго, кто только осмѣлится тронуть ее пальцемъ. Женился бы онъ на ней хоть сейчасъ, но боялся: видалъ онъ не разъ, какъ другіе батраки переходили съ мѣста на мѣсто съ женами и дѣтьми, сложивши на повозку все свое жалкое имущество: сломанный столъ, сундукъ безъ замка, плетеную колыбельку, въ которой пищало одно или двое дѣтей. Сколько разъ, если случалось ему, проходя мимо, замѣтить грязнаго, заброшеннаго ребенка, котораго толкали свиньи, дергали гуси и козы, Андрей останавливался и смотрѣлъ, не желая даже защитить малютку.

— Пусть издыхаетъ, пусть пропадаетъ, пока не отросло еще отъ земли! Лучше смерть, чѣмъ собачья жизнь!

— Глупый хлопъ! шепталъ какой то голосъ въ его душѣ; онъ хмурилъ брови, угрюмо смотрѣлъ въ землю и по цѣлымъ днямъ тогда нельзя было слова добиться отъ него.

— Женись на мнѣ, говаривала не разъ Евка, заглядывая ему въ лицо своими сѣрыми глазами. Ей улыбалась жизнь батрачки: она могла бы спать подолгу, варить, что захочетъ, и лишь изрѣдка, и то изъ любезности, пойти подоить хозяйскихъ коровъ или выполоть грядку въ огородѣ.

— Погоди, можетъ быть, послѣ лучше будетъ, былъ отвѣтъ. Евка пожимала плечами на это неопредѣленное „послѣ"; ей и теперь не было худо и будь у нея новая одежда да не нужно бы было стирать пеленки, она была бы вполнѣ довольна.

— Можетъ быть удастся купить кусокъ земли.... собственную хату... вотъ тогда...

Онъ задумывался при этихъ словахъ, закрывалъ глаза; густые волосы спускались ему на лобъ, рыжіе усы щетинились; крѣпкій и плотный, вѣчно угрюмый парубокъ импонировалъ ей своею силою и серьезностью.

— А ты, Евка, не воруй хозяйскаго сахару, выговаривалъ онъ ей строго, но по пріятельски; вотъ я нашелъ кусокъ, идучи за тобою, и бросилъ собакамъ. Что заслужено, то твое, а красть грѣшно и стыдно. Ты будешь у меня хозяйкою, женою, значитъ и душу должна сохранить честною... Зачѣмъ намъ сахаръ, да еще чужой? лишь бы хлѣбъ свой былъ. На этотъ разъ прощаю, а на другой побью, ей Богу! Хоть у меня у самого болитъ сердце, но что же, если ты добраго слова не хочешь послушать!

— Вотъ дуракъ! тьфу! чтобъ его!.. мысленно повторяла Евка, отправившись отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нея спокойнымъ, рѣшительнымъ тономъ женихъ. Хлѣбъ у меня и такъ есть, а сахару никто не даетъ, если сама не возьму.

Она все ждала, что будетъ дальше, но время шло, и все оставалось по прежнему: Андрей все откладывалъ женитьбу и становился все угрюмѣе и молчаливѣе; не разъ находили на него приступы гнѣва, тогда онъ начиналъ говорить дерзости, наконецъ экономъ пригрозилъ ему разсчетомъ.

— И самъ пойду! довольно уже здѣсь своего труда положилъ! Свѣтъ великъ, а голодъ и работу всюду можно найти—былъ гордый отвѣтъ.

Экономъ боялся, какъ бы онъ въ сердцахъ не зажегъ хлѣба на гумнѣ или не отравилъ коровъ, и рѣшился смолчать, приказавши, впрочемъ, наблюдать издали за Андреемъ.

— Пойду въ свѣтъ, говорилъ тотъ невѣстѣ, теперь такое время, что каждый, у кого есть толкъ въ головѣ, идетъ въ свѣтъ... пойду за море или за Дунай.

Такъ говорилъ онъ, а самъ хмурилъ брови и посматривалъ изъ подлобья на поля, покрытыя волнующимся хлѣбомъ, на луга, среди которыхъ дремало болотистое озерце, поросшее плесенью, переполненное лягушками. Виды были скучные, однообразные, но Андрей не могъ отвести отъ нихъ глазъ и чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ тише повторялъ: „пойду въ свѣтъ“! иногда же и совсѣмъ умолкалъ, снова брался за работу и нѣсколько дней трудился упорно, какъ волъ, до кроваваго пота; экономъ давалъ ему вечеромъ рюмку водки и не вспоминалъ о разсчетѣ. Тѣмъ не менѣе мысль бросить все и идти искать счастья по свѣту не покидала Андрея, а постепенно возрастала и укрѣплялась.

— Что я здѣсь заработаю? повторялъ онъ Евкѣ, которая слушала его рѣчи, широко раскрывъ глаза, и время отъ времени незамѣтно пожимала плечами. Буду смолоду работникомъ, на старость пастухомъ. А въ свѣтѣ, я слышалъ, люди наживаются сразу, тотъ такъ, тотъ иначе заработаетъ денегъ, купитъ землю... и трудится на своемъ. Пойду въ свѣтъ! Ты, Евка, береги мою собаку; пусть хоть одна живая душа помнитъ обо мнѣ. Черезъ годъ, черезъ два вернусь... Я за большимъ богатствомъ не гонюсь, немного заработаю, немного призайму, купимъ хату у лѣсника и довольно!

Евка слушала молча, а въ груди ея дрожалъ злобный смѣхъ, она оглядывалась по сторонамъ, лишь бы не смотрѣть ему въ глаза.

— Куда онъ пойдетъ?... а? вотъ не видали дурака на свѣтѣ! думала она, но сказать этого въ слухъ не смѣла. Андрей становился всё угрюмѣе и мрачнѣе, какъ то осунулся, постарѣлъ, со-

биралъ понемногу свои вещи, а самъ ходилъ какъ одурѣлый, иногда забывалъ даже о ѣдѣ и, наконецъ, взялъ отъ эконома все свое жалованье до копѣйки.

— Завтра уже иду, обратился онъ къ Евкѣ въ послѣдній вечеръ.

Онъ сидѣлъ подъ вербою около конюшень, охвативъ руками колѣни, и слушалъ, какъ лошади съ храпомъ жевали овесъ, прислушивался къ глухому, неуловимому шопоту осенняго воздуха, къ шелесту листьевъ... Голосъ оборвался, онъ не могъ продолжать... Евка стояла, прислонившись къ дереву, и теребила въ рукахъ уголъ фартуха; у нея были уже свои планы... она только и ждала этого „завтра".

— Въ Понѣмунѣ рубятъ лѣсъ, по рублю въ день платятъ.... пойду! послѣ можетъ быть и получше что нибудь подвернется... нужно будетъ поискать по свѣту, проговорилъ онъ ровнымъ, монотоннымъ голосомъ, какъ бы во снѣ, и умолкъ; съ болота повѣяло сыростью и прохладою; онъ потянулъ въ себя воздухъ и медленно, какъ лунатикъ, повернулъ голову въ ту сторону; какое то безсиліе овладѣло имъ—хорошо было бы заснуть такъ подъ вербою и спать до судного дня.

Евка сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но отойти не смѣла; хоть онъ и ни разу не билъ ее, все же она боялась его желѣзнаго кулака, грубаго голоса, даже эти рыжія брови, насупленныя, какъ у разбойника, наводили на нее страхъ. Она переступила съ ноги на ногу и вздохнула отъ злости. Андрей поглядѣлъ на нее; босая, щупленькая дѣвушка въ старой юбкѣ и плохой рубашкѣ, съ головою, прислоненною къ стволу вербы, казалась печальною... въ тотъ вечеръ вся природа смотрѣла какъ то грустно: по небу ползли сѣрыя тучи, начиналъ накрапывать холодный дождикъ.

— Не горюй, ворочусь! годъ не вѣкъ! *Будешъ шануватысь*.... не пожалѣешь! А сгубишь душу—и я тебя сгублю! сказалъ разъ, что ты мнѣ суждена, такъ и быть должно! Отъ судьбы не уйдешь! Я отъ роду не смотрѣлъ на бабъ, а тебя полюбилъ, не давалъ тебя въ обиду, такъ и ты, Евка, смотри за собою... Голову скручу, если что... вотъ тебѣ крестъ! ты знаешь, я не собака, понапрасну лаять не стану!

Онъ немного разчувствовался, взялъ ее за руку, подержалъ минутку и выпустилъ.

— Ну, прощай! завтра чуть свѣтъ меня здѣсь не будетъ. Шельма Петро будетъ теперь поить лысаго! Лютъ онъ на лошадей, никакой жалости не знаетъ! Да чортъ съ нимъ, не мои лошади, не мнѣ и жалѣть объ нихъ!

Онъ плюнулъ, полѣзъ въ карманъ за трубкою и не успѣлъ зажечь, какъ Евка была уже на серединѣ двора; онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ; сквозь вечернія сумерки онъ различалъ ея стройную фигуру, видѣлъ, какъ она ускоряла шаги, пока не скрылась за домомъ. Андрей опустилъ руки и забылъ о трубкѣ, постоялъ еще нѣсколько времени и поплелся отяжелѣлыми шагами на послѣдній ночлегъ въ конюшню.

III.

Черезъ годъ Евка была женою Ѳедора. Первое время она ходила, какъ потерянная, сама не сознавая, былъ ли то сонъ, или тяжелая, гнетущая дѣйствительность, во сто разъ хуже службы у эконома, хуже ея дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ голодѣ и холодѣ, за то безъ дѣла и на свободѣ. Съ самаго начала на нее взвалили самую тяжелую работу, съ утра до ночи не давая отдыха.

Въ низкой, закоптѣлой хатѣ старикъ отецъ, высокій, обросшій волосами, какъ разбойникъ, слѣдилъ за нею взглядомъ изъ подъ нахмуренныхъ бровей, побуждалъ къ работѣ, не позволяя присѣсть; самъ онъ все еще, какъ старый волъ, ходилъ въ ярмѣ, по привычкѣ заглядывалъ въ каждый уголъ, а за молодою невѣсткою смотрѣлъ больше, чѣмъ за всѣми домашними—просто съ глазъ не спускалъ. Евка готова была провалиться сквозь землю, а между тѣмъ не могла скрыться отъ него хоть на минуту ни подъ плетнемъ, ни въ коноплянникѣ. Чуть присядетъ она на минуту, стиснетъ руками одурѣлую голову и начнетъ расправлять кости на солнцѣ—какъ изъ за угла выходитъ старикъ, трясетъ нижнею челюстью, сопитъ и стучитъ по землѣ суковатою палкою. Евка вскакиваетъ съ мѣста, черезъ плетень, черезъ нивы

бѣгомъ возвращается къ своему дѣлу, проклиная въ душѣ свою долю, и мужа, и хату, но молчитъ и трудится. Работа ея плохая, не умѣетъ она ни за что взяться какъ слѣдуетъ—отъ страха и злости все валится у ней изъ рукъ. Старикъ съ перваго дня назвалъ ее дармоѣдкою, грозилъ выгнать изъ хаты, но Ѳедоръ немного успокоилъ его, пообѣщавши, что хотя самъ онъ и перебьетъ на ней двѣ—три палки, а все таки пріучитъ ее къ порядку.

Максимыха только плечами пожимала отъ удивленія; она дала Евкѣ свою рубашку, юбку, бѣлый чистый платокъ на голову и обѣщала поучить ее работать; одинъ Максимъ ничего не говорилъ, смотрѣлъ на нее изъ подлобья и молчалъ. Евка угадывала въ немъ союзника и, оставаясь одинъ на одинъ въ полѣ или въ хатѣ, улыбалась ему и заглядывала въ лицо своими сѣрыми глазами. Онъ обыкновенно отворачивался и уходилъ, иной разъ даже отплевывался, какъ отъ грѣховнаго искушенія.

Въ домѣ всего было вдоволь, шесть коровъ, свиньи, овцы, стадо гусей, куръ безъ счета, въ обширной коморѣ хранились запасы хлѣба за нѣсколько лѣтъ, холсты, сукна, кожухи. Евка глазамъ своимъ не вѣрила, глядя на весь этотъ достатокъ, дотрогивалась руками до каждой вещи, потомъ отходила на средину и смотрѣла по стѣнамъ, завѣшеннымъ одеждою, упряжью, мѣшками различныхъ крупъ и муки, кусками сала и копченой свинины.

— Вотъ богатство! А! твердила она, будучи не въ силахъ оторвать глазъ. За цѣлый годъ ей всего не переѣсть! Сперва она даже потеряла аппетитъ, пресыщенная однимъ видомъ такого обилія, но чрезъ нѣсколько дней жадность проснулась въ ней съ новою силою, возбуждаемая еще болѣе видомъ множества припасовъ, изъ которыхъ черпали очень осторожно, даже скупо, какъ будто ихъ разсчитали впередъ на цѣлыхъ сто лѣтъ. Евка въ изумленіи раскрывала глаза, на губахъ ея замиралъ крикъ досады, негодованія при видѣ чуть приправленнаго сметаною картофеля или постнаго крупника въ то время, какъ въ кладовой гнила свинина, а сало грызли мыши.

— Для воровъ добро бережете! не вытерпѣла—замѣтила она однажды Максимыхѣ со слезами на глазахъ; въ голосѣ ея звучало справедливое негодованіе.

Та посмотрѣла на нее невозмутимымъ взглядомъ... Сразу даже не поняла, въ чемъ дѣло; цѣлый вѣкъ свой такъ жили, никто еще не умеръ съ голоду и никому не приходило на мысль желать лучшей пищи. Вѣдь нельзя было бы отличить праздника отъ будней, если бы ежедневно ѣсть мясо и всякія приправы.

— Мы ни у кого не воруемъ и насъ, слава Богу, не обкрадывали, отвѣчала она спокойно.

Впрочемъ, она сразу отгадала натуру Евки и всегда носила ключъ отъ коморы за пазухою, на ночь прятала его къ себѣ подъ сѣнникъ, попрежнему смотрѣла сама за всѣмъ, употребляя Евку только для разныхъ работъ и услугъ.

— Бѣдную сироту приняли въ хозяйскую хату, будь довольна своею судьбою, не бѣгай отъ дѣла! Тяжело пришлось въ началѣ, что же дѣлать, родная мать бьетъ дитя, пока научитъ уму—разуму, а между тѣмъ обиды здѣсь нѣтъ. Старика отца почитай, умный онъ, справедливый, а если поворчитъ иной разъ—на то онъ старикъ.... Кто ближе къ гробу, тому нужно уступать,—такъ уже самимъ Богомъ установлено на свѣтѣ, уговаривала Максимыха Евку, когда та, подобно дикой кошкѣ, начинала метаться по хатѣ, проклиная весь свѣтъ, или, сидя на лавкѣ окаменѣлая, кусала губы и поглядывала изъ подлобья въ темные углы.

— Чортъ бы побралъ все ваше богатство! Вы и въ нуждѣ жили бы точно такъ же, какъ теперь живете въ достаткѣ, кричала она, все болѣе и болѣе раздражаясь отъ такой однообразной трудовой и необыкновенно умѣренной жизни.

— А жили бы! согласилась Максимыха.

— А чтобъ васъ всѣхъ задавило! Волы проклятые! внѣ себя кричала молодая женщина и выбѣгала изъ хаты.

Въ цѣломъ селѣ у нея не было ни души знакомой; Ѳедоръ взялъ ее изъ чужаго села, близь мѣстечка; здѣсь же и люди будто не тѣ, сперва приглядывались къ ней, а послѣ и смотрѣть перестали... освоились, какъ стадо съ новою лошадью или коровою, купленною на рынкѣ.... Она заговаривала съ бабами, заглядывала въ хаты, пробовала жаловаться, обвинять—ее слушали и молчали.

— Молода еще, потому и глупа, поживетъ—поумнѣетъ, говорили о ней старыя женщины.

— Вѣдьму привелъ въ село, повторяли мужчины старые и молодые, провожая ее глазами каждый разъ, какъ она бѣжала по улицѣ.

Евка задыхалась въ хатѣ особенно по вечерамъ, когда все стихало, старикъ храпѣлъ на печи, Максимыха хлопотала по хозяйству, а мужъ ея и братья сидѣли, развалившись за столомъ надъ остатками ужина. Молодой женщинѣ не сидѣлось въ избѣ, она бѣжала за ворота, предварительно пригладивъ волосы надъ лбомъ, на ходу оправляла на себѣ рубаху и передникъ, улыбаясь какимъ то зародившимся въ ней мыслямъ. Мимо воротъ проходили *господари* и парубки, никто не смотрѣлъ на нее, иной только пробормочетъ „слава Богу"! и пойдетъ своею дорогою; Евка сама затрогиваетъ ихъ, но едва засмѣется, едва успѣетъ разговориться, какъ изъ хаты зоветъ ее Максимыха, кричитъ, что пора спать и сейчасъ будутъ гасить огонь въ избѣ; наконецъ, не дождавшись, выходитъ сама, сложивъ руки подъ фартухомъ, медленными шагами подходитъ къ воротамъ, останавливается между нею и только что развеселившимся, немного подзадореннымъ парубкомъ, посмотритъ на обоихъ и скажетъ.

— Стыдись, Евка, на улицѣ скалить зубы, точно дивчына! иди, читай молитву да ложись спать. Завтра еще до солнца идемъ *на жныва*; старикъ четыре морга снялъ у эконома.

Евка дѣлала видъ, будто не слышитъ, поворачивалась къ ней спиною, но Максимыха не оставала, дергала ее за юбку, за рукавъ рубахи, повторяя: „стыдно тебѣ, Евка"! и подъ конецъ принуждала таки слѣдовать за собою; по дорогѣ она дѣлала еще два—три замѣчанія, на которыя та плевала въ отвѣтъ или злобно подергивала плечами.

— Убѣгу, ей Богу убѣгу! шептала Евка придавленнымъ голосомъ, глядя издали, съ поля или съ берега рѣки, на эту низкую, почернѣлую хату и два большіе стога соломы, возвышавшіеся подлѣ *стодолы*, словно памятники труда и богатства.—Пусть имъ чортъ служитъ, а не я! За что я буду здѣсь тратить силы, губить свою молодость? Или мнѣ жизнь не мила? Ой, Боже ми-

лостивый, за что ты меня такъ покаралъ? Лучше бы мнѣ было, лежа въ темной могилѣ, грызть сырую землю, чѣмъ въ этой проклятой хатѣ, въ тяжкой неволѣ выжидать смерти!

Такъ размышляла она не разъ по цѣлымъ часамъ, спрятавшись въ обрывѣ надъ рѣчкою; малѣйшій шорохъ приводилъ ее въ дрожь, она оглядывалась въ тревогѣ, не выйдетъ ли изъ за кустовъ старикъ съ суковатою палкою, или мужъ, или Максимыха, чтобы и тамъ отыскать ее и погнать на вѣчную, нескончаемую работу. Изъ кустовъ вылетала какая нибудь сѣренькая птичка, также испуганная шелестомъ, сперва кружилась надъ берегомъ, потомъ постепенно спускалась все ниже, и ниже и, наконецъ, исчезала въ заросляхъ. Евка успокаивалась, садилась на землю, прислонившись спиною къ песчаному обрыву, грѣла ноги въ горячемъ пескѣ, вытягивалась, какъ кошка, прищуривъ глаза отъ солнца. Вечеромъ всѣ нападутъ на нее, старикъ онѣмѣетъ отъ злости, только застучитъ палкою объ землю, выпучитъ глаза и заплюетъ себѣ всю бороду, бормоча проклятія! Мужъ по обыкновенію еще разъ повторитъ обѣщаніе—прибить ее когда нибудь до полусмерти, Максимыха покиваетъ головою, какъ по умершей... такъ что жъ? Евка привыкла уже ко всему этому, только къ работѣ никакъ не могла привыкнуть.

Земли у нихъ было мало, поэтому они цѣлою семьею ходили на заработки, а старикъ отбиралъ изъ рукъ каждый грошъ, считалъ, разсматривалъ, оборачивалъ на всѣ стороны его дрожащими руками, послѣ чего клалъ въ кожаный мѣшочекъ, который тщательно пряталъ за пазуху; послѣ чего останавливался въ раздумьи посреди двора или у дверей хаты, снова пересчитывалъ въ умѣ, соображалъ, хмурилъ брови—какъ бы чего то не досчитывался, а можетъ быть онъ уже начиналъ сомнѣваться въ томъ, что еще въ состояніи вести денежныя дѣла семьи. Медленно качалъ онъ головою, вздыхалъ, устремивъ угасающій взглядъ въ ту землю, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ орошалась его трудовымъ потомъ. Сыновья осторожно проходили мимо него, старались говорить потише, какъ бы опасаясь вывести старика изъ его тяжелаго раздумья.

Евка смѣялась въ душѣ надъ этими рабочими волами, добровольно отдававшими ему свой кровный заработокъ, не оставляя себѣ ни гроша хоть на табакъ. Ого! она не будетъ такъ глупа! Скорѣе увидитъ старикъ свою смерть, нежели одинъ грошъ изъ ея заработка! Получивъ первые девять злотыхъ за выжатый у помѣщика хлѣбъ, и возвращаясь домой съ невѣсткой, она размышляла по дорогѣ о томъ, что за эти деньги купитъ себѣ въ воскресенье башмаки и передникъ или, можетъ быть, розоваго ситцу на кофту,—при воспоминаніи же о свекрѣ презрительно пожимала плечами. Вѣдь не убьетъ же ее старикъ, а отъ живой не видать ему ни гроша, въ этомъ она готова поклясться. Старикъ уже ждалъ ихъ; едва только вошли они во дворъ, онъ всталъ съ прызьбы, выпрямился во весь ростъ—онъ былъ какъ то значительно выше въ тотъ день, поднялъ плечи и протянулъ костлявую руку за деньгами. У Евки сердце застыло, отвага замерла въ груди; съ ужасомъ смотрѣла она, какъ Максимыха отдала весь свой заработокъ, а онъ оставилъ въ ея рукѣ десять мѣдныхъ копѣекъ. Младшія дѣти вымирали у нея одно за другимъ и эти нѣсколько копѣекъ старикъ оставилъ нарочно, чтобы она въ воскресеніе роздала нищимъ у церкви. Максимыха зажала деньги, отерла рукою слезы и поспѣшила въ хату; старикъ протянулъ руку къ Евкѣ и мрачно поглядѣлъ ей въ лицо. Она и сама не сознавала, какъ и почему отдала ему все до копѣйки.

А когда онъ съ деньгами поплелся въ избу, она чуть не разрыдалась въ отчаяніи. Въ тотъ же вечеръ, она въ первый разъ побила своего мужа—нарочно для того и выбѣжала за нимъ изъ хаты послѣ ужина. Въ селѣ все уже стихло, всѣ звѣзды высыпали на небо, Евка оглянулась на всѣ стороны, подскочила къ Ѳедору, который, наклонившись у воза, снималъ испорченное колесо, размахнулась и ударила его нѣсколько разъ изо всей силы кулакомъ въ спину, затѣмъ отскочила, стиснувъ зубы, дрожа отъ злости, и ждала, что онъ тотчасъ же свернетъ ей голову.

Онъ медленно выпрямился и смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи, словно не довѣряя собственнымъ глазами и спинѣ.

— Такъ это ты, стало быть, побила меня? спросилъ онъ.

— А что жъ! и побила! Ну, такъ что же? вотъ побила и руки не усохли! И каждый день бить буду, потому что ты меня на смерть, на погибель привелъ сюда! Потому что ты меня на поруганье отдалъ. Я тебѣ не работница, я жена и хозяйка, а между тѣмъ гроша за душею не имѣю, ничѣмъ не пользуюсь, съ голоду умираю... собственный свой заработокъ тому... тому... отдавать должна!

Голосъ оборвался въ горлѣ, она зажала кулаки, все выжидая, когда же онъ начнетъ бить ее.

— Вѣдьма ты, а не жена, отвѣчалъ Өедоръ, сдерживая голосъ, и поглядѣлъ черезъ плечо на освѣщенное окошко. Я бралъ тебя отъ добраго сердца и хоть ты мнѣ уже до живаго досадила, все ждалъ, что ты исправишься, одумаешься! А когда ты такая, то и я теперь... не тотъ буду.

Евка засмѣялась и подскочила къ нему съ кулаками.

— Что жъ ты мнѣ сдѣлаешь? изъ хаты выгонишь? Ой, ой, велика бѣда! Чтобъ васъ всѣхъ вмѣстѣ съ хатой молнія сожгла! Жила я безъ васъ и дальше сумѣю прожить!

— Что я сдѣлаю? Ужъ я знаю, что сдѣлаю! отвѣчалъ тотъ, видимо озабоченный.

— Что? ну, что? говори! шипѣла Евка, стиснувъ зубы и не спуская съ него глазъ; не убьешь, не утопишь, на это ни ума, ни силы тебѣ не достанетъ. Что жъ ты сдѣлаешь? Вотъ видишь! И одурѣлъ, и говорить забылъ! Теленокъ ты лысый! Тебѣ бы еще корову сосать, а не брать въ хату жену.

— Гмъ, бачилы очы, що куплялы, плачте, хочъ повылазьте! проворчалъ Өедоръ и наклонился надъ возомъ; Евка такъ и задрожала отъ злости и негодованія. Еслибы онъ избилъ ее до полусмерти, заперъ въ хлѣву вмѣстѣ со скотомъ на цѣлую ночь, она можетъ быть отгрызла бы себѣ всѣ пальцы, можетъ быть подрыла бы или проломила стѣну и убѣжала, какъ нѣкогда изъ своей старой хаты, но по крайней мѣрѣ знала бы, что у нея мужъ не хуже другихъ. Этотъ безусый, невозмутимый простакъ въ глазахъ ея былъ ничтожнѣе послѣдняго мальчишки подпаска.

— Андріечку, мій мыленькый, дежъ ты подився? крикнула Евка, давая волю возмущенному сердцу. Ну, хорошо, посмотримъ! если

исправишься, можетъ быть и я стану къ тебѣ ласковѣе, прибавила она, внезапно опомнившись,—не исправишься, ей Богу, чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться,—каждый день бить буду. Довольно я отъ васъ натерпѣлась обидъ и пренебреженія. Теперь я сама буду учить васъ! Съ этими словами Евка плюнула и убѣжала въ хату. Ѳедоръ продолжалъ мастерить и раздумывалъ, не лучше ли приладить новое колесо, или и съ этимъ расколотымъ можно будетъ ѣхать по утру за снопами?

— А, чтобъ оно пропало! ворчалъ онъ, почесывая за ухомъ и поглядывая то на колесо, то на возъ, и вдругъ вспомнилъ жену.

— Вѣдьма! шепнулъ онъ. Вишь, разсохлось! Стояло на солнцѣ да и разсохлось, а тутъ и новаго не приладишь, какъ слѣдуетъ.

Этотъ возъ, колесо и снопы въ полѣ поглощали все его вниманіе; только окончивъ работу и убѣдившись, что возъ можетъ служить весь завтрашній день, онъ вернулся мыслями къ женѣ, значительно успокоенный, уступчивый, почти обрадованный ея умомъ и энергіею.

— Этъ! Такая же баба, какъ и другія. Исправится, какъ отвѣдаетъ палки! А все таки умна! Знаетъ, что со мною ласкою все можно сдѣлать, потому и обѣщаетъ быть добрѣе. Боится! Знаетъ, что если я разсержусь на нее, какъ слѣдуетъ, такъ не жить ей на свѣтѣ! Сила у меня страшная, но есть и разсудительность!

И въ доказательство своей разсудительности, онъ не пошелъ уже въ хату въ тотъ вечеръ, а остался ночевать съ Петромъ подлѣ лошадей; въ слѣдующіе дни онъ также нѣсколько избѣгалъ жены и выходилъ изъ хаты, чуть только она возвышала голосъ, „чтобы не портить себѣ крови пустыми разговорами“.

Осенью Ѳедора взяли въ солдаты. Старикъ самъ отвезъ его въ мѣстечко, но предварительно долго искалъ чего то на чердакѣ, а когда Евка послѣ ихъ отъѣзда, въ свою очередь, полѣзла на чердакъ, она замѣтила между двумя кроквами продолговатое углубленіе въ соломѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ крыша была почи новая. Евка поочередно засовывала въ него обѣ руки, ощупывала на право и на лѣво своими тонкими пальцами, но встрѣчала одинъ влажный мохъ, пока, наконецъ, не продавила насквозь

солому; до крови разцарапала себѣ руки, а уходя поправила дыру, какъ могла, но старикъ все таки увидалъ, что тутъ порылась чужая рука. Первый же день по возвращеніи самъ онъ встащилъ туда куль соломы и аккуратно задѣлалъ крышу, только послѣ того влѣзъ на печь и пролежалъ нѣсколько дней какъ неживой, а слѣзъ оттуда состарившійся лѣтъ на десять, сгорбленный, молчаливый, спряталъ шапку и рукавицы Ѳедора въ свою кубышку и каждый разъ, садясь за обѣдъ или ужинъ, въ первые дни посматривалъ на сыновей... опускалъ голову, а изъ глазъ слеза скатывалась за слезою и останавливалась въ сѣдыхъ, коротко подстриженныхъ усахъ.

Въ домѣ стало еще скучнѣе. Максимъ и Петръ по цѣлымъ днямъ рѣзали доски у шинкаря; Максимыха съ Евкою трепали ленъ, готовили на зиму свеклу и капусту; осень стояла дождливая, холодная,—изъ хаты и темныхъ сѣней нельзя было выглянуть на свѣтъ Божій. При томъ же Максимыха рѣшительно не давала покоя бѣдной Евкѣ, постоянно твердила ей слова сочувствія и утѣшенія, скорбѣла надъ горькою участью и одиночествомъ *солдатки*, учила ее страху Божію и скромности, свои же мудрыя рѣчи подтверждала самымъ дѣломъ: относя обѣдъ мужу и брату, она клала въ миску одинъ кусокъ протухлой свинины, сметану для нихъ собирала сверху.

— Намъ, бабамъ, немного нужно! лишь бы не умереть съ голоду, говаривала она, оставляя въ горшкѣ водянистый крупникъ, а въ кувшинѣ одно кислое молоко;—ихъ работа тяжеле, имъ и поѣсть нужно лучше. Она подсыпала имъ даже лишнюю щепотку соли по добротѣ сердечной, клала немного перцу въ бумажку и бѣжала съ обѣдомъ, забравши съ собою всѣ ключи отъ коморы, сундука и кубышекъ.

Все это терпѣла Евка до поры, до времени, а въ головѣ роились мысли одна другой умнѣе. Она мечтала о томъ, какъ она отыщетъ сокровище старика, выберетъ все до копѣйки и убѣжитъ въ свѣтъ, съ деньгами, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ бѣжала къ себѣ въ хату съ полнымъ передникомъ незрѣлыхъ яблокъ.

Свѣтъ представлялся ей различно: всего чаще это былъ большой городъ, чрезвычайно похожій на единственное, извѣстное ей, мѣ-

стечко, полный еврейскихъ лавочекъ, переполненныхъ всевозможными яствами, ситцами съ красными и желтыми цвѣтами, съ толпами людей на улицахъ, съ длинными рядами домовъ и церквей, опять таки какъ двѣ капли воды похожихъ на ихъ приходскую церковь и шмулеву корчму. Въ этомъ городѣ она одѣвалась бы съ головы до ногъ въ самую лучшую одежду, купила бы себѣ сережки, а можетъ быть даже зонтикъ и шляпку! Ужъ тогда то пожила бы!... такъ пожила бы на славу, всегда съ утра до ночи среди людей, среди смѣха и веселія, какъ на ярмаркѣ. На нее будутъ оглядываться, смотрѣть, какъ это она однимъ-одинешенька. Такъ что жъ? Пусть смотрять! Это ей не новость! Голодъ ей не страшенъ, одежды всякой была бы у нея полная скрыня, пусть бы тогда хоть всѣ люди превратились въ собакъ, пусть бы лаяли на нее изо всѣхъ силъ, она только смѣялась бы надъ ними и жила бы себѣ, какъ барыня! Вѣроятно, такая жизнь тянулась бы недолго, — годъ — два, пока хватитъ денегъ... но ужъ въ село она бы никогда не воротилась! Лучше поступила бы на службу въ большой домъ къ богатымъ господамъ, гдѣ работы мало, а слугъ много, ѣдятъ они по барски,—веселіе, досугъ.., а въ садахъ различные фрукты, ягоды, всюду роскошь такая, даже собакъ и кошекъ поятъ сливками. Въ лавочной одеждѣ, въ серьгахъ и кольцахъ, она легко могла бы поступить въ такой домъ, ее даже сами попросятъ, пришлютъ за нею пароконную бричку; вотъ она въѣзжаетъ во дворъ, съ большою зеленою скрынею, съ огромнымъ узломъ постели, а лакеи, повара, вся прислуга выглядываютъ въ окна и головою качаютъ въ изумленіи: ого! какая богачка эта новая горничная! толкуютъ они между собою въ то время, какъ она, въ розовой юбкѣ, въ черной шерстяной кофточкѣ, въ золотыхъ сережкахъ, сидитъ себѣ въ дѣвичьей надъ мискою яичницы, надъ жаренымъ мясомъ и все это заѣдаетъ бѣлымъ хлѣбомъ съ масломъ..

— Ой, Боже мій мылый! вырвалось изъ ея запекшихся устъ въ то время, какъ она, вся раскраснѣвшись, съ горящими глазами, развивала въ мысляхъ эти заманчивые образы. Евка сидѣла одна въ пустой хатѣ, заваленной бураками, капустою, брюквой и морковью, одинъ за другимъ скоблила бураки сломаннымъ ножемъ

и машинально бросала въ кадку съ капустою; потомъ, хватая попеременно то морковь, то брюкву, въ задумчивости бросила и ножъ въ кадку, вскочила съ мѣста и бросилась искать вездѣ вокругъ, подъ столомъ, подъ лавкою, между кореньями... Ножъ изчезъ, какъ заколдованный! Ужь не чортъ ли выхватилъ его изъ рукъ? Гдѣ нибудь долженъ же онъ быть въ этой старой, полусгнившей хатѣ... Можетъ быть на печи сторожитъ спящаго старика!... Евка выбѣжала изъ хаты, захлопнувъ за собою дверь; охваченная холодомъ, она пришла въ себя и по обыкновенію пожала плечами.

— Вотъ, дура! Какіе тамъ черти? Кто ихъ видѣлъ? Такъ болтаютъ, лишь бы что нибудь сказать! Пугаютъ людей, чтобы потеряли охоту ко всему дурному! Неужели не встрѣтила бы я его прежде гдѣ нибудь, лазивши за малиною по болотамъ, по трясинамъ, по обрывамъ и зарослямъ? Уже и змѣй разныхъ видала, а чорта не встрѣчала нигдѣ! Потому что его и на свѣтѣ нѣтъ! Что тамъ и говорить!—Она совсѣмъ успокоилась, на душѣ стало легко.

— А все таки ножъ схватилъ! шепнуло что то надъ самымъ ухомъ.

Евка оглянулась на сѣни, плюнула черезъ плечо, но идти обратно въ хату ей не хотѣлось, она вышла за огородъ, къ рѣчкѣ. Тамъ Максимъ чинилъ заборъ, обухомъ топора вколачивалъ въ землю новые колья и съ каждымъ ударомъ глухой стонъ вылеталъ изъ его широкой груди. Евка прошла мимо и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, лицомъ къ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ взяли Өедора, она часто становилась такъ надъ берегомъ или у воротъ, никто не гналъ ее на работу, потому что и работы неотложной уже не было, и жалѣли ее немного. Максимъ, который бывало прежде слова къ ней не промолвилъ и не обращалъ на нее никакого вниманія, теперь помогалъ загонять коровъ, открывалъ ворота, когда она съ полными ведрами входила во дворъ; однажды спросилъ даже, не видала ли она, въ какую сторону погналъ Петръ лошадей на ночь. Съ тѣхъ поръ они все чаще и чаще перекидывались словечкомъ, стоя у воротъ или въ дверяхъ хаты другъ противъ друга. Максимъ былъ неразговорчивъ по природѣ, онъ никогда не выпускалъ трубки изо рта, а говорилъ, что было нужно, сквозь зубы, глядя въ землю, словно не-

хотя. Съ того же времени, когда задумали избрать его старшиною, онъ сдѣлался еще серьезнѣе: держался степенно, хмурилъ брови, проходя по селу съ трубкою въ зубахъ, небрежно переваливался съ боку на бокъ и только, поровнявшись съ самыми почетными хозяевами, останавливался, слушалъ ихъ бесѣду, время отъ времени кивая головою въ знакъ одобренія, и уходилъ молча съ трубкою въ зубахъ. Дома также ни съ кѣмъ почти не говорилъ кромѣ отца; между ними господствовало полное согласіе, они сходились во всемъ и старикъ каждое слово сына, даже то, котораго не разслышалъ, подтверждалъ кивкомъ головы; оба они курили капустный листъ вмѣсто табаку, оба не любили говорить о своихъ деньгахъ. Старикъ никогда ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, какая сумма хранилась у него въ запасѣ изъ общаго заработка; Максимъ также никогда не вспоминалъ о деньгахъ, взятыхъ за женою, пряталъ ихъ на самое дно скрыни въ такой грязной тряпкѣ, что даже послѣдній нищій не взялъ бы ее въ руки въ самой крайней нуждѣ. Онъ пользовался большимъ почетомъ среди односельчанъ, отвозилъ подати въ волость, отъ имени всѣхъ заключалъ условіе съ экономіею относительно пастбищъ и крестилъ почти всѣхъ дѣтей въ селѣ. Однако жъ онъ до сихъ поръ ни разу не былъ старшиною, несмотря даже на то, что пошилъ себѣ кафтанъ и штаны изъ чернаго сукна и поѣхалъ на выборы парою лошадей въ зеленой телѣжкѣ. Возвратившись послѣ неудачныхъ выборовъ, онъ сдѣлался еще серьезнѣе,— не останавливался даже около бесѣдовавшихъ на улицѣ сосѣдей.

Между тѣмъ въ селѣ сразу не хотѣли вѣрить, что не онъ старшина. Хозяева воротились подъ хмѣлькомъ и не помнили, кто собственно избранъ, что же касается женщинъ, то онѣ такъ привыкли уважать спокойный характеръ, серьезность и молчаливость Максима, что и слушать не хотѣли о другомъ старшинѣ. Почти каждая изъ нихъ была его кумою, почти каждая надѣялась получить отъ него помощь въ дѣлахъ семейныхъ и сосѣдскихъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались просьбы и жалобы. Въ спокойномъ до того времени селѣ все зашумѣло, заволновалось! Нѣсколько женщинъ жаловались на своихъ мужей, подъ секре-

томъ, со слезами заклинаясь своею душою, своими дѣтьми, готовы были показать ему еще прошлогодніе синяки на спинѣ, готовы были привести полъ-села въ свидѣтели того, что мужья ихъ разбойники, гайдамаки, растрачиваютъ имущество, угнетаютъ и тиранятъ женъ. Онѣ цѣловали руку Максима, падали къ его ногамъ, умоляя о помощи; однако не желали и кары для мужей, потому что каждый изъ нихъ, несмотря на злой характеръ и дурныя привычки, былъ „добрый, людскый, спокійный“ и только иногда, „зъ поспиху“ обижалъ жену, заводилъ ссоры въ хатѣ, входилъ въ долги или отбиралъ у жены послѣдній грошъ! Старшина долженъ все это какъ нибудь исправить, уладить, не говоря ни слова мужу, не урезонивая жены, потому что оба они люди взрослые, имѣютъ свой умъ, сами знаютъ, какъ нужно жить на свѣтѣ; его дѣло, не заходя даже въ хату, воротить къ нимъ любовь, единодушіе и согласіе. На то онъ и старшина. Бабы исповѣдывались передъ нимъ, какъ передъ отцемъ духовнымъ, въ томъ, что было и чего и совсѣмъ не было. Теперь онъ долженъ помочь! Наплакавшись и нагоревавшись вволю, высказавши всѣ свои печали, бабы стояли въ ожиданіи того волшебнаго слова, которое должно было, какъ чудный талисманъ, излечить ихъ отъ старой недоли. Напрасно толковалъ имъ Максимъ, что онъ совсѣмъ не старшина, что старшиною остался прежній, онъ же можетъ быть избранъ не ранѣе трехъ лѣтъ. Никто не вѣрилъ. Еще входя во дворъ, имъ почудился запахъ жаренаго поросенка, а въ сѣняхъ всѣ видѣли боченочекъ, заткнутый соломою,—разумѣется съ водкою. Такіе расходы не дѣлаются безъ важныхъ поводовъ! Максимъ—несомнѣнно старшина, только не хочетъ помочь имъ, потому что, какъ всякій мужчина, самъ держитъ сторону мужчинъ, а женщинъ презираетъ, опять же и потому, что сердитъ, зачѣмъ пришли къ нему съ пустыми руками. Кто жъ его зналъ! Прежде былъ онъ справедливъ, не желалъ чужаго, теперь же, сдѣлавшись старшиною, захочетъ пожалуй обирать людей... Бабы падали къ его ногамъ, ловили руки, съ боязливою мольбою заглядывая ему въ глаза. Изъ сосѣда и кума онъ вдругъ превратился въ какую то необыкновенно важную, торжественную особу. Наиболѣе наивныя

забылись до того, что стали толковать ему о своей нуждѣ и бѣдности, хотя онъ прекрасно зналъ день рожденія каждой ихъ коровы, каждой лошади и свиньи, даже самъ иногда занималъ у нихъ деньги. Всѣ называли его „паночку“, „батечку“ и даже дивились въ душѣ, какъ это они еще вчера могли звать эту важную особу просто Максимомъ.

Еще во сто кратъ докучливѣе были жалобы о покражахъ, обмѣнахъ и тому подобныхъ злоупотребленіяхъ. Почти каждая курица въ селѣ оказывалась спорною; въ наименѣе сомнительныхъ случаяхъ оказывалось по три, по четыре претендентки! Возобновились давно забытые споры за куски холста, обмѣненные во время бѣлѣнія, за горшки, метлы и тому подобную домашнюю утварь. Никогда еще село не имѣло своего старшины; въ числѣ обывателей были и такіе, что прожили полвѣка и ни разу не говорили даже съ старшиною, понятія не имѣли о его значеніи и власти, не понимали, зачѣмъ онъ живетъ на свѣтѣ. Званіе, привилегіи, а всего больше сношенія съ властями возвышали его надъ уровнемъ обыновенныхъ смертныхъ, дѣлали чѣмъ то высшимъ, словно онъ и не крестьянинъ. Только въ умахъ самыхъ крайнихъ скептиковъ могло зародиться убѣжденіе, потомъ перешедшее въ пословицу, будто „и старшину чортъ беретъ“. Вообще же значеніе его преувеличивалось.

Тѣ изъ сосѣдей Максима, которые, возвратившись навеселѣ послѣ выборовъ, не могли сразу припомнить, кто на самомъ дѣлѣ былъ избранъ старшиною, въ первые дни при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапки и въ то же время проклинали его въ душѣ, сами не зная за что. Онъ еще не притѣснялъ ихъ, но сдѣлаетъ это со временемъ, черезъ годъ, а можетъ быть и черезъ мѣсяцъ... если же и не сдѣлаетъ, то все таки онъ старшина, „гарапникъ“, какая то злобная сила, тяготѣющая надъ ихъ имуществомъ и свободою. Тяжущіяся между собою бабы приносили ему яица, масло, цыплятъ, болѣе щедрыя насильно совали въ руку вытертый пятакъ, котораго и шинкарь уже не хотѣлъ брать. Говорили всѣ заразъ, всѣ требовали суда, въ полной увѣренности, что Максимъ, какъ сосѣдъ, кумъ и старшина изъ своего села, долженъ всѣмъ угодить. Максимъ зналъ, что вся эта

суматоха въ концѣ концовъ уляжется, что рано или поздно люди сознаютъ свою ошибку и оставятъ его въ покоѣ; тѣмъ не менѣе онъ пробовалъ урезонивать ихъ, убѣждать, что можетъ быть развѣ только черезъ три года.... Ему не давали кончить! Видя, что онъ и не думаетъ разбирать никакихъ дѣлъ, должно быть ожидаетъ большихъ приношеній, бабы приходили въ справедливое негодованіе: болѣе голосистыя выкрикивали передъ нимъ, что не боятся старшины,—плевать имъ на старшину—и знать его не хотятъ, обойдутся и безъ него, какъ и прежде обходились! Принесенныхъ цыплятъ и яица забрали такъ аккуратно, что Максимыха по уходѣ ихъ не досчиталась деревянной ложки, новаго мѣшка и метлы.

Недоразумѣніе выяснилось только тогда, когда прежній старшина пріѣхалъ собирать недоимки. Только тогда и бабы, и всѣ сомнѣвавшіеся поняли, что были въ заблужденіи. Максимъ усмѣхался, принималъ равнодушный видъ, но въ душѣ былъ оскорбленъ оказаннымъ ему неуваженіемъ; всѣмъ извѣстно было, что онъ въ ротъ не бралъ водки, жилъ спокойно, умѣлъ читать и писать, во всѣхъ дѣлахъ—о мостахъ, дорогахъ или общественныхъ повинностяхъ онъ всегда говорилъ умнѣе всѣхъ; его уже знали, знали и то, что не терпѣли бы отъ него ни обиды, ни притѣсненія. Чуть не сто разъ служилъ онъ имъ, какъ могъ, какъ умѣлъ; передъ выборами всѣ кричали о немъ, заранѣе называли мудрымъ, справедливымъ старшиною, а въ послѣдній день „тотъ прежній“ поставилъ ведро водки и крикнули за него всѣ, какъ одинъ человѣкъ, подали голоса даже тѣ, которые и въ глаза его никогда не видѣли.

— Ага! Не хотѣли аккуратнаго человѣка, пусть теперь шельмы покаются! повторялъ въ душѣ Максимъ и побожился отнынѣ ни въ какія дѣла не мѣшаться,—заплатитъ, что слѣдуетъ, и довольно. У него свое хозяйство, жена, дѣти и будетъ съ него! Къ чему понапрасну портить себѣ кровь, учить другихъ, если они продадутъ его послѣ за кварту водки!

К. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТАРАЯ БРАЦЛАВЩИНА И ЕЯ ЛЮДИ.

I.

Кошчичи-Стрижовскіе.

1. Кошчичи Брацлавскіе и Винницкіе въ XVI в.

Въ половинѣ XVI ст. восточная часть подольской земли, подъ установившимся въ исторіи именемъ Брацлавщины, съ двумя господарскими замками: Брацлавомъ и Винницей, принадлежала еще исключительно Литвѣ и управлялась на особыхъ основаніяхъ, отличавшихся отъ того склада и порядка, которые уже успѣли значительно воздѣйствовать на сосѣднее подольское воеводство, принадлежавшее коронѣ польской. Здѣсь еще доживали свой вѣкъ порядки, установленные Коріатовичами. Назначаемые литовскимъ господаремъ волынскіе воеводы совмѣщали должности луцкаго, володимерскаго, винницкаго и брацлавскаго старостъ [1]). Исполняя кое какъ трудную военно-оборонительную миссію, они мало имѣли вліянія на внутрен-

---

[1]) Намъ кажется, что почтенный авторъ смѣшиваетъ случайный фактъ съ нормальнымъ государственнымъ порядкомъ. Должность волынскаго воеводы была установлена только въ 1566 году; до того времени Волынью управлялъ маршалокъ земли волынской, онъ же староста луцкій и володимерскій, который развѣ случайно могъ быть въ тоже время старостою брацлавскимъ и винницкимъ. Въ доказательство выпишемъ извѣстныхъ намъ чиновниковъ, занимавшихъ означенныя должности, до конца первой четверти XVII столѣтія:

Маршалки земли волынской:

кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій 1491—1506.
Ѳедоръ Янушевичъ 1506—1507.

ную жизнь края, ближайшее управленіе которымъ оставалось на прежнихъ началахъ въ рукахъ земянъ.

Потомки преимущественно древнихъ русскихъ боярскихъ родовъ, земяне Брацлавщины пережили времена татарскаго владычества и къ половинѣ XVI ст. представляютъ изъ себя болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ среды которыхъ, мало по малу, подъ западнымъ вліяніемъ все отчетливѣе выдѣляется классъ мѣстнаго землевладѣльческаго шляхетства.

Составъ брацлавскаго земянства со времени литовскаго владычества сталъ постепенно пополняться пришельцами, преимущественно изъ волынской земли, получавшими за выслугу *«твердости»* на разныя имѣнія, принадлежавшія замкамъ господарскимъ Винницѣ и Брацлаву. Твердости эти, въ видѣ жалованныхъ грамотъ, привилегій и листовъ, раздавались великими князьями или его намѣстниками-старостами съ господарскаго утвержденія, при чемъ непремѣн-

---

кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій 1507—1522.
кн. Өедоръ Михайловичъ Чарторыйскій 1522—1542.
кн. Андрей Михайловичъ Сангушко-Коширскій 1542—1560.
кн. Богушъ Өедоровичъ Корецкій 1560—1566.

Воеводы волынскіе:

кн. Александръ Өедоровичъ Чарторыйскій 1566—1571.
кн. Богушъ Өедоровичъ Корецкій 1571—1579.
кн. Андрей Ивановичъ Вишневецкій 1579—1585.
кн. Янушъ Константиновичъ Острожскій 1585—1593.
кн. Александръ Константиновичъ Острожскій 1593—1603.
кн. Янушъ Янушевичъ Заславскій 1603—1629.

Старосты брацлавскіе и винницкіе:

кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій 1491—1529.
кн. Илія Константиновичъ Острожскій 1529—1541.
кн. Семенъ Глѣбовичъ Пронскій 1541—1542.
кн. Өедоръ Андреевичъ Сангушко 1642—1550.
кн. Богушъ Өедоровичъ Корецкій 1550—1579.
Юрій Струсь 1579—1604.
Валентинъ Калиновскій 1604—1616.
Балабанъ 1620.
Адамъ Калиновскій 1624—1630.

Такимъ образомъ мы видимъ, что за 140 лѣтъ должности маршалка или воеводы волынскаго и старосты брацлавскаго и винницкаго совпадали случайно только два раза: при кн. Константинѣ Ивановичѣ Острожскомъ (1507—1522) и при кн. Богушѣ Өедоровичѣ Корецкомъ (1560—1566 и 1571—1579), т. е. въ теченіи только 30 лѣтъ.—*Ред.*

нымъ условіемъ была обязанность земянина нести при старостѣ военную службу. Такое служилое сословіе, заинтересованное въ безопасности края, было необходимо для правительства въ этой далекой окраинѣ, на рубежѣ дикихъ полей.

Се теченіемъ времени новые пришельцы встрѣтили протестъ со стороны аборигеновъ и стараго земянства. Во время ревизіи брацлавскаго замка въ 1545 г., старые земяне потребовали, чтобы всѣ права и твердости были провѣрены: «нехай бы была ведомость, хто за чымъ держытъ, а годенъ ли есть держаты». Этихъ «подлейшихъ земянъ они братею собе не менуютъ, ани знаютъ, отколь есть», замѣчаетъ ревизоръ [1]).

Къ числу старыхъ земянскихъ родовъ, владѣвшихъ въ Брацлавщинѣ въ XVI вѣкѣ значительными имѣніями, принадлежалъ родъ *Кошковъ.*

Первое извѣстіе объ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ ревизіи винницкаго и брацлавскаго замковъ въ 1545 г., изъ которой видно, что Кошки владѣли на правахъ вотчинныхъ имѣніями, тянувшими къ обоимъ замкамъ.

Къ брацлавскому замку тянули обширныя имѣнія двухъ братьевъ Ивана и Андрея Кошковъ. Замковая ревизія передаетъ только, что они принадлежали къ старшимъ земянамъ и имѣли совмѣстно съ Исаемъ Жабокрицкимъ и Богданомъ Слубицей одну общую городню въ брацлавскомъ замкѣ. Относительно ихъ имѣній отмѣченъ только споръ брацлавскихъ мѣщанъ о рыбномъ озерѣ при устьи р. Удича въ р. Бугъ. Мѣщане жаловались ревизору, что «Удычское Устіе Чорное здавна було замковое, нижли дей князь Пронски (бывшій староста) ему поступилъ». «А тотъ Иванъ Кошчичъ поведаетъ, штожъ на тое озеро маетъ прывилія листы потверженіе господарское. А мещане сознавали, хотя дей онъ заочне прывилія и листы собе бралъ, нижли того николы не вжывалъ, бо есть зъ великою шкодою замку господарского, ижъ дей кромъ того озера на усти, не машъ нигде инде на замокъ рыбу ловити» [2]).

Вскорѣ однако татары въ конецъ опустошили имѣнія Кошковъ, и братья переселились въ Винницу, гдѣ ихъ и застаетъ описаніе замка 1552 года. «Люди пановъ Кошчичовъ въ местѣ Венницкомъ человѣкъ 31; роботъ имъ на лето: день одинъ косятъ, а другій жнутъ, а

---

[1]) Zródła dzejowe, VI, 126.

[2]) Zródła dziejowe, VI, 118, 122 и 123.

иного зъ нихъ ничого. Селища ихъ пустые въ Браславскомъ повете, на имя: Польчиковъ, Чозовъ, Плисковъ, Хановъ, Осипковъ, Воробевцы, Хвальковъ, Черемошны, Иголковъ, Игнатовцы, Шпековъ, Деремчинцы, Кобылая». Дохода съ этихъ имѣній братья не имѣли; только болоховцы, имѣвшіе тамъ свои уходы, вносили иногда до 4 копъ грошей въ годъ. «Въ мѣстѣ Браславскомъ мели они 60 человѣковъ, которые давали имъ на годъ каждый по 12 грошей, а по третиннику овса» [1]).

Изъ другаго источника мы знаемъ, что Иванъ и Андрей Кошчичи уже послѣ люблинской уніи въ 1582 г. раздѣлились своими обширными имѣніями въ Брацлавщинѣ и старшій изъ нихъ Иванъ Кошка, въ то время судья брацлавскій, продалъ князю Острожскому свою часть, недавно опустошенную татарами, состоявшую изъ Шпикова, Воробіевки и Рогозной [2]). Вторая часть имѣнія, а именно краснянскій ключъ, осталась въ рукахъ Андрея Кошки. Кромѣ того, братья Кошчичи владѣли дворами въ г. Винницѣ, какъ это видно изъ описанія винницкаго замка 1552 г. [3]).

Тѣ же братья Иванъ и Андрей Кошки имѣли большое жировицкое имѣніе на далекой Волыни, въ луцкомъ повѣтѣ, по сосѣдству съ Колками, имѣніемъ Ролковскаго. Преемникъ ихъ въ 1605 г. назывался тамъ Кошкой—Журавицкимъ въ отличіе отъ другихъ Кошковъ, встрѣчаемыхъ довольно часто въ волынскихъ актахъ XVI и первой половины XVII ст. [4]). Нѣкоторые изъ нихъ, подъ польскимъ вліяніемъ, измѣняютъ свою фамилію на Котовичей [5]).

Дальнѣйшая судьба брацлавскихъ Кошчичей намъ пока неизвѣстна. Остановимся теперь на другой вѣтви того же рода—винницкихъ Кошчичахъ.

Ревизія винницкаго замка 1545 г. называетъ земянъ Ивана Кошку и вдову Сасиновую, владѣющихъ совмѣстно имѣніями Стрижовкою, Святковцами и Янезцами или Яновомъ [6]). Главнымъ ихъ имѣніемъ была Стрижовка, гдѣ они и проживали, а потому, по обычаю того времени, они часто называются просто: Сасиновая Стрижевская, Ивашко Стри-

---

1) Арх. Ю.-З. Рос. VII, т. I. 610.

2) Kwiaty i Owoce. Kijów 1870 г. ст. 301.

3) Арх. Ю.-З. Р. VII, т. I, 607.

4) Описи акт. книгъ кіевс. центр. архива № 2035, ст. 19; № 10, стр. 9; № 13, стр. 53, 55.

5) Ibid. № 14, ст. 27, 39; № 17, ст. 11, 12; № 18, ст. 6.

6) Zródła Dziejowe VI, 109, 110, 115.

жевскій, безъ упоминанія родоваго имени Кошка или Кошчичъ. Со временемъ родовое имя совершенно изчезло и мы далѣе будемъ встрѣчать только одну помѣстную фамилію Стрижевскихъ. Подобная перемѣна фамилій произошла въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. у многихъ старыхъ земянъ Брацлавщины. Такъ, родъ Козубовъ или Коцубовъ сталъ зваться Козубами—Якушинскими, а затѣмъ просто Якушинскими отъ родоваго имѣнія Якушинецъ; родъ Гречиновъ именовался Сабаровскими отъ имѣнія Сабарова, и т. д. Многіе роды застаютъ акты того времени только съ одной помѣстной фамиліей, какъ Петничанскіе изъ с. Петничанъ, Ободенскіе изъ с. Ободнаго, Микулинскіе изъ с. Микулина и мн. др.—Упомянутые выше братья Иванъ и Андрей Кошчичи дольше Стрижовской вѣтви удержали родовое имя, надо полагать потому, что не жили въ вотчинныхъ разоренныхъ помѣстьяхъ и должны были переселиться въ другой повѣтъ.

Въ указанныхъ выше имѣніяхъ Кошчичей-Стрижовскихъ числилось девяносто душъ крестьянъ. Сравнительно съ прочими, это было одно изъ болѣе населенныхъ имѣній; оно уступало только имѣнію Петничанскому Миска Степановича, имѣвшаго сто десять душъ. Цифры эти, однако, далеко не выражали полной численности населенія; онѣ относятся только до крестьянъ послушныхъ, подданныхъ. Къ сожалѣнію, ревизіи замковъ, позднѣйшія люстраціи и другіе архивные матеріалы, указывая на повсемѣстное присутствіе свободнаго сельскаго элемента подъ именами хуторянъ, козаковъ, (болоховцевъ ?), не даютъ никакихъ ровно указаній относительно ихъ численности.

Для своихъ имѣній, на случай нашествія непріятелей, Кошчичи имѣли въ винницкомъ замкѣ двѣ городни, одну для Стрижовки, а другую для Янова и Святковецъ.

Въ описаніи винницкаго замка, составленномъ чрезъ семь лѣтъ послѣ первой ревизіи, т. е. въ 1552 г., въ качествѣ владѣльцевъ Стрижовки и Янова мы уже не встрѣчаемъ ни Ивана Кошчича, ни вдовы Сасиновой, а въ перечисленіи земянскихъ селъ читаемъ: «село пана Аксаково Стрыжовка» и «село Яново того жъ пана Оксаково», при чемъ въ Стрижовкѣ показано 80 домовъ, а въ Яновѣ 16. Въ г. Винницѣ тотъ же «Аксакъ Стрыжевскій» имѣлъ своей дворъ рядомъ съ дворами братьевъ Ивана и Андрея Кошчичей [1]).

Описаніе замка отмѣчаетъ слѣдующія обязанности стрижовскихъ жителей: «хто коня маетъ, каждый на службу военную ѣдетъ при

---

[1]) Арх. Ю.-З. Рос. VII, т. I, 602, 607 и 610.

пану, и безъ пана, при старосте, або наместнику его; робятъ на лѣто: день косити, а другой жаты а орати, на толоку ходятъ на пиво день одинъ, а на лѣто отъ пасекъ дани урочистое на годъ съ дому по 16 грошей; а клинки (?) на замокъ старосте даютъ зъ дому на годъ по 3 грошей полскихъ» [1]).

Имена владѣльцевъ стрижовскаго и яновскаго имѣній, указанныя въ ревизіи винницкаго замка 1545 г. и въ описаніи 1552 г., стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ позднѣйшими несомнѣнными актовыми данными. Такъ, въ одномъ актѣ 1570 года, который будетъ приведенъ ниже, войскій винницкій Миско Степановичъ Петничанскій, въ то время глубокій старикъ, показывалъ въ качествѣ свидѣтеля передъ королевскими коммиссарами, что еще при старостѣ князѣ Ильѣ Константиновичѣ Острожскомъ владѣльцемъ Стрижовки былъ Дымытръ Лехновичъ Стрижевскій. Изъ того же и другихъ актовъ мы знаемъ, что въ 1566 г. владѣлъ тѣмъ же имѣніемъ родной сынъ Дмитрія Лехновича Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій. Такъ какъ кн. Илья Константиновичъ былъ винницкимъ старостою далеко раньше ревизіи 1545 года, послѣ него былъ старостой князь Пронскій, а ревизія производилась уже при князѣ Өедорѣ Сангушковичѣ, то оказывается, что владѣльцы, указанные въ ревизіи и описаніи замка, Иванъ, вдова Сасиновая и Аксакъ владѣли Стрижовкою въ промежутокъ между владѣніемъ отца Дмитрія Лехновича и сына Гневоша Дмитріевича. Мы не имѣемъ пока данныхъ для выясненія родственныхъ отношеній между всѣми этими владѣльцами. Быть можетъ, Иванъ, вдова Сасиновая и Аксакъ Стрижовскіе были старшими родными братьями и сестрою Гневоша Стрижовскаго. Во всякомъ случаѣ, имѣнія эти, какъ видно, находились давно въ родѣ Кошковъ Стрижовскихъ и во второй половинѣ XVI вѣка единственнымъ владѣльцемъ является Гневошъ Дмитріевичъ Стрижовскій, но имѣнія его, какъ увидимъ, далеко не ограничивались одною Стрижовкой и Яновомъ.

---

2. Гневошъ Дмитріевичъ Стрижовскій, войскій винницкій.
(1566—1604).

По обычаю того времени, брацлавскіе земяне хранили всѣ свои драгоцѣнности и цѣнные документы въ винницкомъ замкѣ. Этотъ замокъ, какъ новый, построенный недавно на островѣ р. Буга и болѣе

[1]) Ibid. стр. 610.

удаленный отъ дикихъ полей, считался болѣе надежнымъ противъ татаръ оплотомъ, чѣмъ замокъ брацлавскій. При томъ Брацлавъ былъ опасенъ и по другимъ болѣе важнымъ причинамъ. Южные хищники главнымъ образомъ грабили села и деревни, избѣгая вооруженныхъ замковъ и добывая ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ виду брацлавскаго замка былъ болѣе грозный врагъ, чѣмъ татары Тамъ вслѣдствіе близости дикихъ полей и постоянныхъ столкновеній съ татарами, въ населеніи очень рано и довольно сильно стало проявляться стремленіе къ козакованію и «своеволію», давшее впослѣдствіи большую поддержку движенію Косинскаго и Наливайка. Мѣщане брацлавскіе, еще болѣе корсунскихъ и богуславскихъ, ознаменовали себя въ концѣ XVI ст. рядомъ бунтовъ противъ власти старостъ и заставили брацлавскихъ землнъ усиленно ходатайствовать передъ сеймомъ о переводѣ всѣхъ воеводскихъ и земскихъ присутственныхъ мѣстъ изъ Брацлава въ Винницу, что и было исполнено формально въ 1598 году [1]).

Въ винницкомъ, слѣдовательно, замкѣ привыкли земяне хранить свои *твердости*. Но 8 октября 1580 г., вслѣдствіе какого то несчастнаго случая, новый винницкій замокъ сгорѣлъ до основанія [2]), а съ нимъ погибли всѣ акты какъ правительственные, такъ и частные. Желая обезпечить свои права, земяне обратились къ королю на сеймѣ въ февралѣ 1581 г., прося занести въ книги королевской канцеляріи ихъ заявленія о сгорѣвшихъ документахъ. Между прочими занесено заявленіе Гневоша Стрижовскаго, въ то время уже войскаго винницкаго, подъ 3 февраля 1582 г., изъ котораго видно, что въ винницкомъ замкѣ сгорѣли данные ему великими князьями литовскими и королями польскими привилегіи, пожалованія, листы и другія письменныя доказательства на *дедичныя* его имѣнія: *Кобыля* надъ р. Десной и р. Кобылей, *Стрижовка* надъ р. Бугомъ, *Цветковцы, Клобочища*, *Пилявинцы* надъ р. Десною, *Яновъ* на р. Бугѣ и Сниводѣ; всѣ эти села въ повѣтѣ винницкомъ, и кромѣ того въ повѣтѣ кіевскомъ: *Селища*, *Ерхачевъ* и *Щербовъ* [3]) на р. Раставицѣ.

Въ кіевскомъ повѣтѣ у Гневоша Стрижовскаго было еще имѣніе, *часть села Дѣдковскаго* [4]), другая часть котораго принадлежала

---

[1]) Volumina Legum II, f. 1470, § 65.

[2]) Kwiaty i Owoce. 307.

[3]) Нынѣшнее мѣстечко Ружинъ; въ 1591 король Сигизмундъ III подарилъ село Щербовъ кн. Николаю Ружинскому, который переименовалъ его въ Ружинъ.

[4]) Нынѣшнее село Дѣдовщина.

Милохнѣ Бѣлого. Владѣніе его въ этомъ имѣніи не было спокойное: онъ имѣлъ споръ съ сосѣдкой земянкой Головинской и судился съ ней въ 1584 г. за то, что она наслала на Дѣдковское имѣніе своего урядника съ крестьянами, которые избили и изувѣчили слугу его и пограбили у него деньги. Въ томъ же году, 20 ноября 1584 г., онъ продалъ свою часть въ Дѣдковцахъ за 200 копъ грошей литовскихъ своему земляку брацлавскому земскому писарю Северину Кропивницкому, который одновременно купилъ и другую часть отъ Милохны Бѣлого за 600 копъ грошей. Продавъ Дѣдковское имѣніе, Гневошъ Стрижевскій сейчасъ же купилъ тамъ же въ кіевскомъ повѣтѣ у той же Милохны Бѣлого имѣніе *Кисоричи* за 100 копъ грошей литовскихъ [1]).

Какъ видимъ, имѣнія Стрижовскаго были довольно значительны и, какъ убѣдимся послѣ, перечисленныя названія по винницкому уѣзду не обнимаютъ всѣхъ поселеній: это только главные центры, къ которымъ тянули болѣе мелкіе поселки, слободы, хутора и пасѣки. Главную, однако, существенную часть этого состоянія представляли, разумѣется, крестьяне и ихъ трудъ. Сколько было крестьянъ у Гневоша Дмитріевича, мы не знаемъ, но слѣдуетъ полагать, что значительно больше, чѣмъ у его предковъ, такъ какъ времена хотя и были тревожныя, южные гости своихъ набѣговъ не оставляли, но все же осѣдлый людъ понемногу укрѣплялся на старыхъ урочищахъ и способы защиты совершенствовались.

Въ разсматриваемый нами періодъ, во второй половинѣ XVI ст. въ Брацлавщинѣ довольно сильно проявляется стремленіе земянъ къ точному опредѣленію границъ своихъ помѣстій и возникаетъ цѣлый рядъ межевыхъ процессовъ, часто сопровождавшихся самоуправствами и насиліями. Во всѣхъ почти этихъ процессахъ центръ тяжести сводился не къ вопросу объ обладаніи крестьянами, а прямо о владѣніи землею. Прославленная пустынность безхозяйныхъ обширныхъ степей на нижнихъ окраинахъ Рѣчи Посполитой по отношенію къ винницкому повѣту вовсе не находитъ себѣ подтвержденія. Напротивъ, при ближайшемъ изученіи актовъ оказывается, что здѣсь жизнь кипѣла полнымъ ключемъ, велось привольное хлѣбопашество издавна, каждая пядь земли имѣла свою цѣну и энергически отстаивалась отъ чужаго посягательства. Умолчанія въ разныхъ ревизіяхъ и люстраціяхъ о населенности и землевладѣніи края объясняется односторонностью этихъ актовъ. Ревизоры искали людей послушныхъ и пла-

[1]) Опись акт. книги кіев. центр. арх. № 8, ст. 13, 18, 19, 30 и 57.

тельщиковъ, а гдѣ таковыхъ не находили, тамъ для нихъ была или пустыня, или своеволіе. Въ описаніи, напр., винницкаго замка 1552 г. отмѣчено всего около 20 селъ замковыхъ и земянскихъ въ винницкомъ повѣтѣ, но на самомъ дѣлѣ можно ихъ по актамъ XVI ст. легко насчитать втрое больше. Да и самъ ревизоръ заявляетъ, что «иншие села писатися не дали в небытности пановъ, а врадныковъ своихъ» [1]).

Гневошъ Дмитріевичъ былъ заботливымъ хозяиномъ и оберегалъ границы своихъ обширныхъ грунтовъ. Вскорѣ, вѣроятно послѣ принятія наслѣдства, онъ затѣялъ процессъ съ винницкими мѣщанами изъ за границъ своего стрижовскаго, или вѣрнѣе, кобыленскаго имѣнія, тянувшагося широкой полосой сѣверо-восточнѣе мѣщанскихъ угодій. Процессъ закончился 24 мая 1566 г. декретомъ брацлавскаго и винницкаго старосты кн. Богуша Өедоровича Корецкаго. Въ декретѣ этомъ, сохранившемся въ польскомъ переводѣ 1650 года такъ описаны границы по направленію съ запада на востокъ: «Лѣсомъ великимъ отъ верховьевъ рѣчки Сони до устья, гдѣ вливается въ Богъ по лѣвую сторону стрижовскій, по правую грунтъ мѣщанскій, по ту сторону Богу рѣчки отъ устія Вельбежовки этой рѣчкой Вельбежовкой вверхъ до дороги, которая идетъ изъ Петничанъ мимо Круглець по лѣвую руку стрижовскій, а по правую мѣщанскій. Тою же дорогой отъ Вельбежовки до Глубокой Криницы; по ту сторону Криницы Островъ, на которомъ присягалъ шляхетный Дмитръ Стрижовскій, а отсюда по дорогѣ до Семёнки стрижовскій по лѣвую, а по правую мѣщанскій. Отъ этой дороги въ верху Семенки до верховьевъ Свынаровыхъ Лозъ, внизъ Свынаровыми Лозами, этой рудой, до Хомутной по лѣвую стрижовскій, по правую мѣщанскій; пройдя черезъ долину Хомутной, Сухою горою до Нетяговъ ниже Калитына става на Лозы, а отъ этихъ Лозъ на Колодяжъ, отъ Колодяжа на густой березнякъ и тамъ уже пришелъ грунтъ Вороновицкій» [2]).

---

[1]) Арх. ю.-з. Рос. VII, т. I, 611.

[2]) Рѣчка *Соня*, правый притокъ р. Буга, протекаетъ въ лѣсахъ по нынѣшней границѣ стрижовскаго и петничанскаго имѣній. *Вельбежевка*, лѣвый притокъ р. Буга, теперь называется Вербежевкой. *С. Петничаны*, согласно акту, придется причислить къ владѣніямъ г. Винницы. Дѣло въ томъ, что это село замковое и отдано было господаремъ при кн. Константинѣ Острожскомъ Степану Демидовичу; во время отвода границъ имъ владѣлъ сынъ его Миско Степановичъ. *Хомутна* рѣчка, лѣвый притокъ р. Кобыльной, впадающей въ Десну. *Свынаровы лозы* руда, болотистый

Отмѣтивъ указанныя мѣста на картѣ, увидимъ, что граница стрижовскаго имѣнія тянулась съ запада на юго-востокъ, начиная отъ земель с. Якушинецъ, переходила черезъ р. Бугъ и доходила до вороновицкихъ земель въ нынѣшнемъ брацлавскомъ уѣздѣ гдѣ то около с. Еленовки. Она захватывала съ юга, кромѣ Стрижовки и теперешняго с. Стадницы, почти всю систему рѣки Кобыльны, на которой расположены теперь села: Приборовка, Кобыльна, Коссаковка, Кохановка, Пеньковка и Козинцы. Всѣ земли этихъ селъ входили въ составъ кобыленскаго имѣнія, отдѣлявшагося отъ собственнаго стрижовскаго имѣнія рѣкою Десною.

Утвердивши этимъ декретомъ свои границы съ винницкими мѣщанами, Гневошъ Дмитріевичъ добился того же по отношенію къ огромному старостинскому имѣнію селу Мизякову. Къ этому древнему замковому селу тянуло огромное пространство земли, начиная отъ границъ с. Якушинецъ по направленію къ сѣверо-востоку вплоть до верховьевъ р. Десны и до Чернаго шляха. Земли эти почти на всемъ пространствѣ, покрытыя въ то время лѣсомъ, усѣянныя мизяковскими пасѣками и козацкими хуторами, огибали стрижовское имѣніе съ запада и сѣверо-запада. Граница шла очень близко отъ главнаго мизяковскаго поселенія, котораго уходы и пахати расположены довольно неудобно и на далекихъ разстояніяхъ на югъ и на сѣверъ, между тѣмъ какъ стрижовскіе грунты были подъ рукой. Такое расположеніе угодій давало поводъ къ частымъ взаимнымъ нарушеніямъ границъ. Мизяковскіе люди подъ крыломъ старостинской власти постоянно захватывали стрижовскіе земли, часто безнаказанно, но иногда дѣло доходило до насилій и взаимныхъ самоуправствъ. Споры съ мизяковцами начались очень давно, и еще покойный Дмитрій Лехновичъ во времена старосты кн. Ильи Константиновича Острожскаго въ тридцатыхъ годахъ XVI ст. велъ межевое дѣло и возстановлялъ копцы и зарубы на деревьяхъ.

Подобныя отношенія не пришлись по вкусу Гневошу Дмитріевичу; отвѣчать за самоуправство и заѣздъ той же монетой, по укоренявшемуся уже въ то время и въ Брацлавщинѣ обычаю, не было,

---

ручеекъ, лѣвый притокъ Хомутной, впадаетъ ниже с. Малыхъ Крушлинецъ. *Нетяги* рѣчка, лѣвый притокъ Кобыльной. *Калитынъ ставъ* на рѣчкѣ Нетягахъ въ с. Калитинцы. Село это пожаловано Мартину Хруслинскому въ 1599 г. и отъ его имени названо впослѣдствіи Хруслинцы, теперь Большія Крушлинцы.—Вмѣстѣ съ Калитинымъ ставищемъ пожаловано Хруслинскимъ *урочище Нетяги* и *Телепентынъ ригъ*, нынѣ с. Телепеньки (Арх. ю.-з. Россіи VII т., I ч., стр. 259).

кажется, въ его правилахъ. По крайней мѣрѣ намъ не удалось встрѣтить даже намека въ документахъ того времени на то, чтобы кто либо жаловался на Гневоша Дмитріевича за «гвалтовное» или «збройное» нападеніе. Прямой путь для него былъ обратиться съ жалобой къ королю и ходатайствомъ о назначеніи разграничительной коммиссіи.— Ходатайство это было уважено, и 23 апрѣля 1570 года прибыли на мѣсто королевскіе коммиссары (которымъ было одновременно поручено важное дѣло разграниченія кіевскаго, подольскаго и брацлавскаго воеводствъ) съ понятыми и свидѣтелями, и отвели границу между стрижовскими и мизяковскими грунтами на всемъ ихъ протяженіи, отъ якушинецкой до прилуцкой *«пяты»* [1]). Протоколъ этого отвода, имѣющійся у меня на польскомъ языкѣ, представляетъ много интересныхъ подробностей, а потому я считаю не лишнимъ привести главную его часть въ русскомъ переводѣ: «Я. Олизаръ Кердей Мильскій, маршалъ е. кор. м., да я, Миско Шашкевичъ Долбановскій, объявляемъ и чинимъ вѣдомо» etc., «что, согласно приказанію и письму е. кор. м—ти, мы, какъ коммиссары, въ присутствіи благородныхъ пановъ Миска Петничанскаго, войскаго винницкаго, пана Матвѣя Козельскаго, ротмистра е. кор. м—ти и князя Ярослава Соколинскаго съ одной, а земянъ его кор. м—ти воеводства брацлавскаго Лаврына Яцковскаго и пана Филона Кордыша съ другой, вслѣдствіе жалобы пана Гневоша Дмытровича Стрызовскаго на большіе убытки по винѣ подданныхъ е. кор. м—ти села Мизяковскаго, захватывающихъ стрижовскіе грунты... въ день св. Юрія мѣсяца апрѣля 23 дня нижеписаннаго года, всѣ вмѣстѣ съ уполномоченнымъ пана старосты паномъ Львомъ Васильевичемъ Стубельскимъ, имѣя при себѣ вознаго брацлавскаго воеводства, пана Семена Сабаровскаго, назначеннаго по этому дѣлу винницкимъ гродскимъ урядомъ, выѣхали на тотъ грунтъ, въ которомъ считалъ себя обиженнымъ со стороны Мизякова панъ Гневошъ Стрижевскій, а именно: прежде всего взявъ отъ *урочища Переорокъ* (Periorek) отъ верховьевъ Періовскаго пруда [2]) отъ россохатаго дуба, на которомъ явственны зарубы (rubezy); отъ этого дуба черезъ поляну на могилу, отъ этой могилы при входѣ въ лѣсъ въ самомъ началѣ стоитъ дубъ, на которомъ тоже зарубы, а направляясь

---

[1]) *Пятой* называлось мѣсто, гдѣ сходились границы 3-хъ разныхъ грунтовъ или имѣній.

[2]) Существуетъ и теперь с. Переорки на рѣчкѣ Стрижовкѣ, на которой и теперь есть прудъ. Село принадлежитъ къ стрижевскому имѣнію.

лѣсомъ между пасѣкой Коржиновой, человѣка мизяковскаго, и между пасѣкой Панаса Шаневича, человѣка стрижовскаго, по правую руку грунтъ стрижовскій, а по лѣвую мизяковскій, а отсюда черезъ *лѣсъ Дубовецъ* [1]) до *Поплава* [2]) между пасѣкой Лиснева, человѣка мизяковскаго и между пасѣкой Снетыновича, человѣка стрижовскаго, выйдя изъ этого лѣса на взлѣсье (aż na wzlas), стоитъ большой дубъ, на которомъ зарубы граничные явственные; а потомъ отъ этого дуба и подлѣсья, вывелъ насъ панъ Стрижевскій и признавалъ своею землю до другаго дуба въ концѣ полей и нивъ, отъ того грунта несомнѣнно до стараго дорожища, которое пролегаетъ возлѣ руды Поплавской со стороны села Стрижовскаго, стоя здѣсь на дорогѣ, идущей изъ Мизякова въ Винницу возлѣ той руды на самой дорогѣ (na drodze gościńca), панъ Стрижовскій, согласно общему закону (prawa pospolitego), указывая свои границы, поставилъ 18 свидѣтелей, людей хорошихъ и достойныхъ вѣры, и старыхъ, и взрослыхъ, которые говорили, что нѣкоторые изъ нихъ помнятъ около ста лѣтъ; эти послѣдніе, ставъ передъ нами, показали, что земля эта никогда не принадлежала селу Мизяковскому, а Стрижовскому; а при показаніи этихъ свидѣтелей панъ Миско Петничанскій, войскій винницкій, тоже показалъ, что когда мы съ отцомъ пана Гневоша Стрижевскаго, паномъ Дымытромъ Лехновичемъ Стрижовскимъ еще за староства е. м. князя Ильи пріѣзжали сюда, то покойный панъ Дмытръ указалъ мнѣ по этой сторонѣ руды отъ своего имѣнія стрижевскаго нивы, засѣянныя пшеницей, бокомъ возлѣ самой руды Поплавы, а по ту сторону, отъ могилы, то по его указанію была земля мизяковская; при этомъ показаніи пана Миска Петничанскаго, изъ числа свидѣтелей истца пана Стрижовскаго, подданный пана Петра микулинскаго супруновскій, по имени Дмытръ Крывдышъ сказалъ, что когда у пана Петровича, еще во время староства князя Ильи Константиновича Острожскаго, когда панъ Петровичъ шелъ въ поле, въ Супруновѣ уворованы были лошади; за этой кражей лошадей супруновскіе выводили слѣдъ и тогда мизяковскій говорилъ и нарекалъ на супруновцевъ такъ: вы знаете, что ваша граница только съ нами, а вы безъ нашего вѣдома черезъ нашу землю вели слѣдъ до границъ стрижовскихъ, а вѣдь наша граница

[1]) Сѣвернѣе с. Переорокъ есть теперь въ этомъ мѣстѣ хуторъ Дубовецъ на границѣ стрижовскаго имѣнія.

[2]) Руда Поплава нынѣ большой топкій заливъ р. Буга съ правой его стороны выше села Лавровки, входящей и теперь въ составъ стрижовскаго имѣнія.

съ паномъ Стрижовскимъ въ порядкѣ, а по той сторонѣ руды уже земля пана Стрижовскаго; и послали къ стрижовскому атаману Лучкишаню, чтобы принявъ съ ихъ земли тотъ слѣдъ при этомъ рудѣ и границѣ стрижовской, вывелъ бы и изъ своей земли [1]). Потомъ панъ Стрижовскій, ведя насъ тою же рудою, сказалъ, что эта руда, моя граница, впадаетъ въ р. Бугъ; на той сторонѣ, отъ рѣки панъ Стрижовскій также указалъ свою границу съ Мизяковымъ—*урочище и рѣчку Медведовку*, которая впадаетъ въ Богъ [2]), а отъ верховьевъ той рѣчки Медведовки до Верболоза, а отъ Верболоза до Осниковъ, а отъ Осниковъ до могилы, на которой ямы явственно вырытыя, а отъ той могилы урочище *Сальникъ* [3]), а отъ Сальника до Дубровки Малишовой Колки, а отъ Дубровки Малишовая Колка до рѣки Жерди, на которой лозовый и березовый островъ; тамъ же возлѣ этого острова и рѣки явились лично земяне брацлавскаго воеводства благородные панъ Иванъ Лисень, панъ Сергій и панъ Семенъ Демяшенки Прилуцкіе и сказали, что отъ этой рѣчки Жерди граница наша прилуцкая и пята съ Стрижовкою и Мизяковомъ». Послѣ указанія Гневошемъ Дмитріевичемъ этихъ границъ, присутствовавшіе подданные его кор. м—ти, отаманъ Супрунъ Каренко и другіе заявили споръ, доказывая, что границы эти захватываютъ отчасти и мизяковскіе грунты. Вслѣдствіе этого было предложено Гневошу Дмитріевичу совмѣстно съ посторонними свѣдущими лицами подтвердить свои указанія присягою. Панъ Стрижовскій выполнилъ присягу по составленному листу [4]), а приглашенные имъ старые крестьяне изъ Супрунова, Багриновецъ и Пикова ее подтвердили. Этимъ былъ разрѣшенъ споръ

---

[1]) Древній и узаконенный литовскимъ статутомъ обычай выводить слѣдъ состоялъ въ слѣдующемъ. Послѣ обнаруженья кражи лошадей (или скота), потерпѣвшій съ понятыми шелъ по слѣдамъ, но если слѣды доходили до границъ чужаго села, то посылали за старшимъ въ селѣ, и онъ уже долженъ былъ вести слѣдъ; если бы люди чужаго села не захотѣли выводить слѣда, то принимали на себя отвѣтственность за убытки. Если же сосѣдъ вывелъ слѣдъ до слѣдующей границы, то долженъ былъ передать этотъ слѣдъ своимъ сосѣдямъ. (Лит. статутъ, роздѣлъ XIV, артикулъ 9).

[2]) Существуетъ и теперь с. Медведовка на рѣчкѣ того же имени, лѣвомъ притокѣ Буга, выше с. Лавровки.

[3]) Нынѣ с. Сальникъ.

[4]) Присяга Гневоша Стрижовскаго помѣщена въ Арх. Ю.-З. Рос. VII т., I ч. стр. 231. Актъ этотъ оказывается очень искаженнымъ; названія селъ и урочищъ и число мѣсяца, въ которомъ составлено разграниченіе, искажены, вѣроятно, въ спискѣ XVIII вѣка, изъ котораго онъ заимствованъ.

и коммиссары, утвердивъ границы, передали Гневошу Стрижовскому отдѣленные грунты «w moć, w dzierżenie i używanie wiecznemi czasy», насыпали копцы и подѣлали зарубы; что же касается претензій п. Стрижовскаго на вознагражденіе убытковъ, происшедшихъ отъ насилій и грабежа (za grabieżnym i gwałtownym najściem), то таковые предоставили потерпѣвшему взыскивать судебнымъ порядкомъ. Актъ коммиссарскій составленъ былъ 24-го апрѣля 1570 г. въ замкѣ стрижовскомъ и затѣмъ внесъ въ винницкія гродскія книги.

Къ сожалѣнію, у насъ весьма мало указаній относительно характера и способа веденія хозяйства въ имѣніяхъ Гневоша Дмитріевича и размѣра его доходовъ. Кромѣ дани натурою и деньгами отъ подданныхъ крестьянъ, Стрижовскій имѣлъ доходъ отъ собственнаго хозяйства какъ полеваго, такъ и лѣснаго. Главными предметами вывоза были въ то время пшеница, гурты воловъ, воскъ и медъ. Всѣ имѣнія его лежали въ лѣсистой полосѣ повѣта; полоса эта и до нынѣ въ устахъ народа слыветъ подъ названіемъ *«лиса́»*, въ отличіе отъ югозападной части повѣта *«степы»*. Не видно ни изъ актовъ, ни изъ названій урочищъ, чтобы въ лѣсахъ Стрижовскаго было развито добываніе поташа или другіе лѣсные промыслы.—Всѣ эти винницкія имѣнія пана Гневоша, состоявшія изъ трехъ ключей стрижовскаго, кобыленскаго и яновскаго, не говоря уже объ имѣніяхъ въ кіевскомъ повѣтѣ, занимали обширныя пространства, и во всякомъ случаѣ ставили его въ ряду самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ краѣ. Въ винницкомъ повѣтѣ съ Гневошемъ Стрижовскимъ могъ помѣряться обширностью своихъ грунтовъ развѣ одинъ родъ Острожскихъ, владѣвшій здѣсь большимъ пиковскимъ имѣніемъ, занимавшимъ весь сѣверозападный уголъ повѣта. Къ большимъ имѣніямъ можно было отнести еще владѣнія его кор. милости старостинскія, но и тѣ по большей части были розданы отдѣльными селами разнымъ лицамъ то въ собственность, то въ пожизненную аренду. Остальныя земянскія имѣнія были сравнительно небольшія. Обширныя нѣкогда земли Микулинскихъ къ концу XVI в. раздробились между сонаслѣдниками и каждому члену рода принадлежало одно какое нибудь селище. Горностаи изъ Гущинецъ, Копцубы изъ Якушинецъ, Черлинковскіе изъ Черлинкова, Калитынскіе изъ Тырова, Степановичъ изъ Петничанъ, Кордыши, Ободенскіе, Гречины, Ласки, Семашки, Красносельскіе, Кропивницкіе и т. д.—всѣ они сидѣли на одномъ, много на двухъ небольшихъ селахъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ встрѣчаемъ и по два владѣльца.

Состоятельность пана Стрижовскаго позволяла ему, не ограничиваясь двумя городнями въ винницкомъ замкѣ, имѣть еще свой собственный довольно фундаментально укрѣпленный замокъ. Такую роскошь можно встрѣтить у весьма немногихъ винницкихъ земянъ, ограничивавшихся только обычнымъ рвомъ и палисадомъ. Слѣды стрижовскаго замка до сихъ поръ видны. Онъ былъ построенъ по образцу малыхъ литовскихъ замковъ того времени, южнѣе села, на высокой отвѣсной, скалистой горѣ надъ р. Бугомъ. Со стороны рѣки онъ былъ безусловно неприступенъ, а съ запада защищался глубокимъ рвомъ и и двумя концентрическими валами, спускавшимися по обѣ стороны замка въ крутой обрывъ надъ Бугомъ. Часть замчища вмѣстѣ съ наружнымъ валомъ, отчасти еще сохранившимся, занята крестьянскими огородами осѣвшей здѣсь впослѣдствіи Слободки Стрижовской, а другая часть, внутренняя, находится во владѣніи теперешняго помѣщика. Въ немъ устроенъ фамильный склепъ гр. Грохольскихъ съ часовней и разведенъ паркъ. Говорятъ, что во время работъ при устройствѣ склепа обнаружено было много камня, кирпича и истлѣвшаго дерева.

До люблинской уніи и учрежденія особаго брацлавскаго воеводства, между Брацлавщиной и землей волынской установились прямыя и довольно тѣсныя сношенія. Луцкъ, Владиміръ, Винница и Брацлавъ управлялись на одинхъ основаніяхъ и находились подъ властью одного старосты. Вслѣдствіе этого въ XVI ст. въ Брацлавщинѣ мы встрѣчаемъ много людей волынскихъ, сподвижниковъ князей Острожскихъ, Пронскаго, Сангушка, Корецкаго и др. Въ свою очередь, вліятельнѣйшіе земяне брацлавскіе въ интересахъ служебно—административныхъ сближаются съ панами волынскими, а иногда и переселяются на сѣверъ [1]) Гневошъ Дмитріевичъ имѣлъ тоже связи на Волыни и женился на Оленѣ Кадановнѣ Чаплянкѣ изъ богатаго и вліятельнаго въ Луцкѣ рода Чаплицовъ-Кадановичей. Вслѣдствіе этого брака онъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ волынскимъ воеводой и винницкимъ старостой княземъ Богушемъ Өедоровичемъ Корецкимъ, женатымъ тоже на Чаплянкѣ Кадановнѣ Маріи Васильевнѣ. Время женитьбы Гневоша Дмитріевича и размѣръ полученнаго имъ приданаго намъ неизвѣстны. Когда подросли дѣти и надо было

---

[1]) Можно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго г. Ролле, что родиной Кошковъ былъ луцкій повѣтъ и что, слѣдовательно, брацлавскіе и винницкіе Кошчичи переселились изъ Волыни, но для подтвержденія этой догадки у насъ нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ того факта, что брацлавскіе Кошчичи имѣли въ луцкомъ повѣтѣ Жировицкое имѣніе. (См. *Dr. Antonij.* Szkice i opowiadanie. Serja V, гл. 4).

нхъ отдѣлять. Гневошъ Дмитріевичъ, по обычаю того времени, обезпечилъ свою жену, пустивъ ей одно изъ лучшихъ своихъ имѣній «въ заставу» въ суммѣ 1,600 копъ грошей литовскихъ. Въ актѣ, писанномъ 6 іюня 1578 г. въ Стрижовкѣ, онъ заявляетъ, что «взялъ и позычилъ есмы ку великой и пылной потребе у малжонки моее мылое панее Олены Кадановны Чаплица» 1,600 копъ грошей литовскихъ, «личачы въ копу по шестыдесять грошей, а въ грошъ по десяты пѣнязей бѣлыхъ», и въ этой суммѣ «завѣлъ и заставилъ есмы» своей женѣ «имѣніе мое отчизное на имя Стрызовка зо всимы кгрунты и селищами цветковскими и кобыленскими.... ничого на себе и на дети мои не оставуючи... до рукъ и владности въ держане и ужыване поступилъ», а въ случаѣ еслибы я, не заплативъ этихъ денегъ, умеръ раньше, то никто изъ дѣтей, родственниковъ и свойственниковъ (повныхъ), не заплативши «шестынадцять сотъ» копъ гр. л., не вправѣ будетъ въ это имѣніе вступаться, «и на то есмы малжонце моей мылой паней Оленѣ Кадановнѣ Чаплонце далъ сесь мой лыстъ» [1]).

Мы не встрѣчаемъ Гневоша Дмитріевича, несмотря на его богатство и связи, ни въ числѣ пословъ на сеймы коронные, ни въ числѣ лицъ, добившихся тѣхъ или иныхъ служебныхъ отличій и доходныхъ пожалованій. Послѣ смерти пріятеля своего отца, Миска Степановича Петничанскаго, онъ занялъ его должность «войскаго винницкаго». Съ этимъ титуломъ мы впервые его встрѣчаемъ въ только что приведенномъ актѣ 6 іюня 1578 г., а послѣдній разъ незадолго, вѣроятно, передъ смертію въ одномъ владѣнномъ актѣ въ качествѣ «упрошоного прыятеля» 2 генваря 1604 г. Должность войскаго не была изъ первыхъ въ повѣтѣ, но все же соединена была съ нѣкоторою властью и въ этомъ окраинномъ фортѣ несомнѣнно представляла довольно солидное и почетное положеніе въ обществѣ.

Ц. Нейманъ.

[1]) Актъ этотъ былъ внесенъ 14 іюля 1578 г. въ брацлавскія гродскія книги и посвидѣтельствованъ брацл. и вин. старостой Юріемъ Струсомъ изъ Комарова. Актъ сгорѣлъ во время пожара винниц. замка, но сохранился въ книгахъ королевской канцеляріи, куда былъ внесенъ 29 декабря 1578 г. Выпись помѣчена 10 ноября 1773 г. и озаглавлена: Wypis z ksiąg archiwa koronnego, litera E, str. 159«.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ.

Въ артистѣ надобно помнить человѣка.
П. Н. Кудрявцевъ.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ былъ однимъ изъ немногихъ на Руси актеровъ нашего вѣка, соединявшимъ въ себѣ всецѣло огромный талантъ вмѣстѣ съ свѣтлою, высокоразвитою душею. Насколько его духовная натура была могуча и крѣпка, можно видѣть, прослѣдивъ нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ чертъ его біографіи. Особенно любопытнымъ намъ кажется его собственное воспоминаніе о томъ, какъ онъ добился того, чтобы изъ представителя шаблоннаго, ходульнаго направленія игры на сценѣ, отличавшейся ложноклассическимъ духомъ, обратиться въ правдиваго воспроизводителя жизни, достойнаго именоваться создателемъ реальнаго творчества на русской сценѣ.

Еще юнымъ, начинающимъ актеромъ пришлось ему въ 1810 году случайно быть зрителемъ на любительскомъ спектаклѣ, который былъ данъ однимъ знатнымъ помѣщикомъ у себя въ имѣніи, въ селѣ Юноховкѣ, харьковской губ. Въ этомъ спектаклѣ принялъ участіе замѣчательный любитель, князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій. Этотъ вельможа славился своимъ талантомъ въ великосвѣтскихъ кружкахъ. Ему приходилось даже играть при дворѣ императрицы Екатерины Великой. Такъ какъ этотъ спектакль послужилъ толчкомъ къ полному перерожденію Щепкина, какъ артиста, то мы считаемъ небезполезнымъ охарактеризовать направленіе, которое царило въ области сценическаго искусства того времени. Когда Щепкинъ начиналъ свою карьеру,

то онъ засталъ въ полномъ расцвѣтѣ господство крикливой, неестественной декламаціи и необузданное злоупотребленіе вычурными жестами, сопровождавшими, какъ онъ самъ говоритъ, „почти каждое слово“. Такія неизбѣжныя во всякой трагедіи слова какъ: любовь, страсть, измѣна не говорились по человѣчески, а выкрикивались, по словамъ Михаила Семеновича, „такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ“. Вслѣдствіе погони за ложными эффектами, которыми актеры срывали себѣ у чувствительной публики вѣрные и неистовые аплодисменты, выработалась традиція, возлагавшая на служителей Мельпомены обязанность строго держаться правилъ, которыхъ никто не дерзалъ нарушать; такъ, напримѣръ, когда актеръ кончалъ какой нибудь сильный монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить, то театральный катихизисъ требовалъ не иначе удаляться со сцены за кулисы, какъ поднявъ кверху правую руку. Насколько актеры боялись нарушать эти обязательные традиціонные пріемы, это видно изъ того комическаго случая, свидѣтелемъ котораго былъ Щепкинъ. Одинъ изъ его товарищей, окончивши тираду и удаляясь со сцены, забылъ поднять вверхъ руку. Вдругъ онъ вспомнилъ о своей оплошности и на половинѣ дороги „рѣшился поправить свою ошибку и торжественно поднялъ эту завѣтную руку“. Щепкинъ вспоминаетъ еще объ одномъ сценическомъ пріемѣ того времени: „актеръ на сценѣ, говоря съ другимъ лицомъ, и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой;—а публика, съ своей стороны за такой сюрпризъ,—аплодировала неистово“.

Такихъ правилъ, стѣснявшихъ правдивое воспроизведеніе жизни и ставившихъ артиста того времени какъ бы на огромныя ходули,—было очень много. Молодой Щепкинъ долженъ былъ ихъ всѣ твердо себѣ усвоить и былъ самымъ горячимъ и ревностнымъ ихъ послѣдователемъ. Но вотъ онъ смотритъ игру князя Мещерскаго. Была поставлена пьеса Сумарокова „Приданое обманомъ“ Князь исполнялъ роль скупаго Салидора. Игра его до такой степени не походила на ходульную, искусственную

игру актеровъ того времени, что нашему молдому актеру невольно пришло въ голову, что князь играть совсѣмъ не умѣетъ.

„У, какъ я торжествовалъ въ этотъ мигъ",—вспоминаетъ Щепкинъ,—„думая: вотъ оно! отъ того, что вельможа, такъ и хорошо!—И что это за игра? Руками дѣйствовать не умѣетъ, а говоритъ...... Смѣшно сказать — „говоритъ просто, ну такъ, какъ всѣ говорятъ! Да что же это за игра?—Нѣтъ, далеко вашему сіятельству до насъ! Словомъ, всѣ игравшіе съ нимъ казались мнѣ лучше его, потому что „играли", а особенно игравшій Скопила. Онъ говорилъ съ такою быстротою и махалъ такъ сильно руками, какъ любой самый лучшій, настоящій актеръ. Князь же все продолжалъ по прежнему: только странно, что несмотря на простоту его игры,—что я считалъ неумѣніемъ играть,—въ продолженіи всей роли, гдѣ только шло дѣло о деньгахъ, вамъ видно было, что это касалось самаго больнаго мѣста души его, и что въ этотъ мигъ вы забывали всѣхъ актеровъ. Страхъ смерти и боязнь разстаться съ деньгами были поразительно вѣрны и ужасны въ игрѣ князя; и простота, съ которою онъ говорилъ, нисколько не мѣшала его игрѣ. Чѣмъ далѣе шла пьеса, тѣмъ больше я увлекался, и, наконецъ, даже усумнился, что чуть ли не было бы хуже, еслибъ онъ игралъ по нашему".—

Восторгъ Щепкина дошелъ до того, что по окончаніи пьесы, когда всѣ, довольные игрой актеровъ, хохотали, молодой артистъ заливался слезами, вслѣдствіе сильнаго потрясенія души. Въ юной головѣ его кипѣла горячая работа, происходила борьба старыхъ воззрѣній съ новыми, борьба не на животъ, а на смерть. Все перепуталось въ его мысляхъ: то ему казалось, что князь нехорошо говоритъ, потому что говоритъ просто; то ему приходило въ голову, что именно это то и прекрасно, т. е. простота и естественность: это значитъ—думалъ Щепкинъ,—что актеръ какъ бы не играетъ, а живетъ.

И вотъ нашъ воспріимчивый юноша отваживается на долгую и мучительную работу, состоявшую въ энергическомъ переламываніи себя, въ совершенномъ, радикальномъ измѣненіи своей дикціи, въ тщательной, тяжелой заботѣ отучиться отъ шаблонныхъ, ходульныхъ и заученныхъ манеръ въ движеніяхъ и голосѣ. Необычайно трудно было это вначалѣ! Нѣсколько дней сряду онъ уходилъ въ рощу,—„и тамъ съ деревьями игралъ всю комедію (т. е. ту самую комедію Сумарокова, въ которой игралъ кн. Мещерскій)" Но увы! Щепкинъ чувствовалъ съ невыносимою болью въ сердцѣ, что ничего не выходитъ изъ его трудовъ: онъ никакъ не могъ уловить простоту и естественность, которыми блистала игра князя. „Все это приводило меня въ отчая-

ніе,“—говоритъ Щепкинъ. „Мнѣ никакъ не приходило въ голову, что для того, чтобы быть естественнымъ, прежде всего должно говорить своими звуками и чувствовать по своему, а не передразнивать князя. Послѣ долгихъ трудовъ я упалъ духомъ и пришелъ къ такой мысли, что мнѣ никогда не достигнуть простоты въ игрѣ.“

И долго онъ мучился, стараясь добиться естественности, и много разъ у него руки опускались. Но судьба сжалилась надъ молодымъ подвижникомъ и наградила его неусыпную энергію. Это произошло совершенно неожиданно и, казалось, какъ будто случайно. Однажды шла репетиція мольеровской комедіи „Школа мужей“, гдѣ Щепкинъ игралъ роль Сганареля.

„Такъ какъ ее много репетировали“,—вспоминаетъ онъ, —„и это мнѣ наскучило да и голова моя была занята въ то время какими то пустяками, то я велъ репетицію, какъ говорится, неглиже; не игралъ, а только говорилъ, что слѣдовало по роли, и говорилъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ. И что же? Я почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько словъ просто, что если бъ не по пьесѣ, а въ жизни мнѣ пришлось говорить эту фразу, то сказалъ бы ее точно также. И всякій разъ, какъ только мнѣ удавалось сказать такимъ образомъ, я чувствовалъ наслажденіе, и такъ мнѣ было хорошо, что къ концу пьесы я уже началъ стараться сохранять этотъ тонъ разговора.“

Но тутъ опять пошла бѣда: какъ только онъ начиналъ намѣренно, усиленно стараться, такъ терялъ искомую, желанную простоту и впадалъ въ свою обычную ходульность, господствовавшую въ то время на сценѣ. И онъ до такой степени, благодаря излишнему старанію, уклонялся тогда отъ идеала естественности, что товарищи (а они были питомцы ложной, старинной школы) къ концу пьесы осыпали его хвалами, находя, что онъ никогда не игралъ такъ удачно. На самомъ дѣлѣ это, стало быть, значило, что онъ никогда не игралъ въ такой сильной степени ходульно и неестественно. Воображаемъ, какъ мучительно должно было быть душевное состояніе Щепкина при такихъ отзывахъ товарищей! Навѣрное, ему „не поздоровилось отъ этакихъ похвалъ!“ Нечего и говорить, что при такой упорной энергіи въ стремленіи къ самоисправленію Щепкинъ въ концѣ концовъ добился своей цѣли и вышелъ изъ жаркаго боя побѣдителемъ.

Стремясь къ самосовершенствованію, онъ вѣчно трудился и вѣчно учился. Въ этомъ отношеніи можно безъ преувеличенія сказать, что онъ всюду умѣлъ извлекать себѣ пользу. С. Т. Аксаковъ, хорошо и близко знавшій Щепкина, сказалъ: „вся жизнь Щепкина и внѣ театра была для него постоянною школою искусства: вездѣ находилъ онъ что нибудь замѣтить, чему нибудь научиться; естественность, вѣрность выраженія (чего бы то ни было), безконечное разнообразіе и особенности этого выраженія, исключительно принадлежащія каждому отдѣльному лицу, дѣйствіе на другихъ такихъ особенностей—все замѣчалось, все переносилось въ искусство, все обогащало духовныя средства артиста". Щепкинъ, по свидѣтельству того же современника, внимательно слѣдилъ за бесѣдами въ обществѣ, въ которомъ онъ бывалъ. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, подъ вліяніемъ мыслей, выслушанныхъ имъ посреди шумныхъ рѣчей или споровъ, Щепкинъ часто мѣнялъ свой взглядъ на изучаемую имъ роль. „Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное на лету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характерѣ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить." Тщательная работа надъ каждою пьесой доходила у Щепкина до того, что онъ, по словамъ Нестора Кукольника, „на всякое свое слово, всякое тѣлодвиженіе всегда былъ готовъ представить мотивъ вполнѣ уважительный."

Свои сценическіе пріемы Щепкинъ бралъ изъ самаго вѣрнаго источника—изъ глубокаго наблюденія надъ дѣйствительною жизнью. Этому много помогала его природная любознательность, его рѣдкая любовь къ наблюденіямъ. Онъ всѣми силами старался впитывать въ себя, говоря словами поэта, „всѣ впечатлѣнья бытія," чтобы тѣмъ ярче отражать дѣйствительную жизнь на сценѣ. А зналъ онъ жизнь, по свидѣтельству современниковъ, въ совершенствѣ. Не было ни малѣйшаго преувеличенія, замѣчаетъ А. Н. Аѳанасьевъ, въ словахъ Щепкина: „я знаю русскую жизнь отъ дворца и до лакейской." Этому знанію жизни удивлялся въ Щепкинѣ даже такой знатокъ Россіи, какъ Гоголь, который въ письмѣ своемъ къ Языкову называетъ Щепкина замѣчательнымъ человѣкомъ, у котораго „куча воспомина-

ній, исторій объ разныхъ углахъ Россіи". Въ этомъ отношеніи его вліяніе на Гоголя безспорно. Онъ не разъ давалъ Гоголю сюжеты для его сочиненій. Такъ, на основаніи разсказа Щепкина о случаѣ, происшедшемъ съ его бабкою, Гоголь разсказалъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" о томъ, какъ передъ смертью Пульхеріи Ивановны къ ней явилась кошка. Разсказываютъ, что когда Щепкинъ прочелъ эту повѣсть, то при встрѣчѣ съ авторомъ сказалъ ему, шутя „а кошка то моя"!—„За то коты мои!"—отвѣтилъ Гоголь. Подъ вліяніемъ разсказа Михаила Семеновича въ „Мертвыхъ душахъ" явился такъ называемый „симпатическій анекдотъ" на тему: „полюби насъ черненькими" и т. д. Своимъ знакомствомъ съ жизнью Щепкинъ былъ полезенъ Гоголю еще въ томъ отношеніи, что онъ могъ, съ свойственнымъ ему чутьемъ къ истинѣ, указывать писателю на его уклоненія отъ правды, на утрировки и ошибки противъ реализма, находившіяся въ его сочиненіяхъ. Сильно сказалось это благотворное вліяніе Щепкина на передѣлкѣ первоначально полуромантической, мало естественной комедіи Гоголя „Женихи" въ извѣстную реальную комедію того же автора „Женитьба".

Не одинъ Гоголь изъ среды нашихъ писателей заимствовалъ сюжеты у Щепкина. Нашему артисту обязанъ былъ Искандеръ-Герценъ, описавшій въ своей повѣсти „Сорока—воровка" исторію крѣпостной актрисы на основаніи разсказа Щепкина. Воспоминаніями Михаила Семеновича изъ быта провинціальныхъ актеровъ воспользовался графъ Соллогубъ для своей повѣсти „Собачка". Какъ ни велико значеніе житейской опытности и чуткой наблюдательности, однако ихъ недостаточно еще для полнаго, истиннаго пониманія жизни и людей. Для этого необходимо широкое умственное и нравственное развитіе; истинному артисту, для правильнаго и сознательнаго усвоенія воспроизводимыхъ въ драматическомъ произведеніи человѣческихъ типовъ и характеровъ обязательно литературное развитіе. Безъ этого условія артистъ не можетъ быть настоящимъ, правдивымъ воспроизводителемъ жизни. Вотъ почему, напр., Мочаловъ, этотъ, по свидѣтельству Бѣлинскаго и другихъ современниковъ, замѣчательнѣйшій артистъ, не умѣлъ создавать цѣльный образъ изъ

своей роли. Для того, чтобы охватить всю роль общей идеей, придать характеру цѣльность, особенно если изображаемое лицо принадлежало къ классическому репертуару, Мочалову не доставало умственнаго развитія и литературнаго образованія. Щепкинъ сознавалъ недостатокъ своего образованія и потому всѣми силами всю жизнь стремился къ духовному самосовершенствованію. Для этого онъ считалъ долгомъ сблизиться съ лучшею, передовою частью общества, т. е. съ наиболѣе развитыми представителями интеллигенціи. И онъ дружески сошелся съ Пушкинымъ, который настолько уважалъ великаго артиста, что собственноручно началъ подъ его диктантъ писать его автобіографію. Онъ близко сошелся также съ Лермонтовымъ, во время послѣдней поѣздки поэта въ Москву. Хорошія отношенія связывали его и съ Грибоѣдовымъ, который, какъ гласитъ преданіе, помогалъ ему лично своими бесѣдами усвоить роль Фамусова.—Съ Гоголемъ нашего артиста соединяла прежде всего одинаково горячая любовь къ своей родинѣ—Малороссіи.

Между прочимъ, на характерѣ обоихъ особенно ярко отразилась отличительная черта малороссовъ, именно ихъ національный юморъ. Этотъ юморъ съ его поэтическими оттѣнками былъ, по словамъ одного изъ поклонниковъ таланта Щепкина, тѣмъ новымъ элементомъ, тѣмъ своимъ роднымъ началомъ, которое внесъ на русскую сцену нашъ геніальный актеръ. И люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ считали Щепкина необходимымъ членомъ своей семьи. Дружба его съ Бѣлинскимъ не прекращается до самой смерти великаго критика. Щепкинъ былъ хорошо знакомъ съ семьей С. Т. Аксакова, съ Кирѣевскимъ, съ Хомяковымъ, Герценомъ, Станкевичемъ, Грановскимъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Кудрявцевымъ и др. Съ особенною теплотою вспоминалъ Щепкинъ о Грановскомъ. „Бесѣды съ Грановскимъ,“—сказалъ артистъ на своемъ юбилеѣ, „поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству“. Въ этомъ избранномъ кругу лучшихъ умовъ Щепкинъ былъ далеко не послѣдній человѣкъ. Напротивъ, онъ былъ тамъ однимъ изъ самыхъ выдающихся, самыхъ любимыхъ друзей. Добрый и честный человѣкъ, остро-

умный собесѣдникъ, талантливый разсказщикъ,—онъ былъ центромъ, вокругъ котораго стекались въ знаменитой „Литературной кофейнѣ“ въ Москвѣ многіе писатели и ихъ просвѣщенные друзья. Его блестящіе разсказы смѣшили и трогали не только слушателей, но и самого разсказщика, который нерѣдко заключалъ свое повѣствованіе непритворными слезами. Къ этому избранному кругу лучшихъ умовъ тянула Щепкина неутолимая жажда образованія. Щепкинъ постоянно обращался къ нимъ за совѣтомъ. Положительно можно сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ актеровъ на Руси никто и никогда съ такимъ жаромъ, съ такой искренностью не обращался къ указаніямъ науки. Съ живѣйшимъ интересомъ читалъ онъ статьи о театрѣ, которыя переводились съ иностранныхъ языковъ въ кружкѣ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ спеціально для Михаила Семеновича. Когда ему приходилось играть роль изъ классическаго репертуара французской или англійской драматургіи, то предварительно онъ освѣдомлялся у тѣхъ же друзей о томъ, какъ объясняется тотъ или другой характеръ, та или другая пьеса на Западѣ. И вѣрные друзья дѣлали для него извлеченія изъ наиболѣе замѣчательныхъ иностранныхъ критикъ данной пьесы. Такъ, по словамъ А. Н. Аѳанасьева, когда великій артистъ задумалъ сыграть „Скупаго“, то все лучшее, что было написано по поводу этой комедіи, и что было необходимо для отчетливаго пониманія роли, для объясненія характера избраннаго лица и для постановки пьесы,—все являлось въ переводахъ, сдѣланныхъ друзьями нарочно для него. Такимъ образомъ, тотъ скупой, которымъ публика восторгалась въ Щепкинѣ, „былъ плодъ и великаго таланта, и глубоко обдуманнаго изученія“. Въ области вопросовъ о сценическомъ искусствѣ главнымъ совѣтникомъ Щепкина былъ высокообразованный человѣкъ, замѣчательный знатокъ Шекспира Н. Х. Кетчеръ. По словамъ А. В. Станкевича, Щепкинъ всегда обращался къ этому другу за приговорами о томъ, какъ онъ сыгралъ ту или другую роль. „Взыскательному къ самому себѣ артисту“, говоритъ А. В. Станкевичъ, „нужно было знать впечатлѣніе Кетчера. Скажи послѣдній, доволенъ онъ или недоволенъ исполненіемъ роли Щепкинымъ, и для артиста это уже было неправ-

леніемъ или подтвержденіемъ собственнаго мнѣнія объ игрѣ своей".

Сближеніе Щепкина съ людьми такого круга имѣло необыкновенное вліяніе на всю его жизнь. Въ этомъ съ искреннею благодарностью онъ сознался самъ на своемъ юбилейномъ праздникѣ, говоря, что просвѣщенные представители русскаго общества были его „двигатели на сценическомъ поприщѣ". Передъ своимъ отъѣздомъ заграницу, въ 1853 году, на прощальномъ обѣдѣ Щепкинъ сказалъ: „Я не сидѣлъ на скамьѣ студентовъ, но съ гордостью скажу, что много обязанъ московскому университету въ лицѣ его преподавателей: одни научили меня мыслить, другіе—глубоко понимать искусство".

Глубокому пониманію искусства особенно много способствовало появленіе гоголевскаго „Ревизора". Подъ вліяніемъ этой пьесы въ Щепкинѣ произошла великая перемѣна, сказался значительный шагъ впередъ въ его эстетическомъ развитіи. Онъ понялъ тогда, какое воспитательное значеніе имѣетъ общественная комедія, обличающая язвы современнаго общества. Тогда онъ убѣдился, какъ бѣденъ русскій репертуаръ, какъ ничтожны по своему содержанію, по своему вліянію на общество пьесы Шаховскаго и Загоскина, наиболѣе игравшіяся въ то время. Онъ убѣдился, что для исполненія геніальной комедіи Гоголя, этой общественной сатиры,—наши артисты не подготовлены, не подготовлены по недостатку умственнаго и гражданскаго развитія. И передъ его мысленнымъ взоромъ сразу открылись недостатки современнаго сценическаго искусства. „Съ представленія „Ревизора" начинается для меня новая жизнь", говорилъ Щепкинъ. И онъ полюбилъ эту комедію всѣмъ сердцемъ и всей душей. Въ отношеніи Щепкина къ „Ревизору" очень ясно обнаружилась та высокая степень эстетическаго и гражданскаго развитія нашего артиста, до какой могли доходить въ то время только первые умы изъ интеллигентнаго класса той эпохи. Это особенно ярко сказалось на одномъ фактѣ. Именно, когда въ душевномъ настроеніи Гоголя произошелъ извѣстный переломъ, результатомъ котораго оказалось изданіе его переписки съ друзьями, когда Гоголь измѣнилъ свой взглядъ на „Ревизора" и хо-

тѣлъ всѣхъ увѣрить, что герои этой комедіи—не живыя лица, а только наши страсти, представленныя въ аллегорической формѣ, тогда Щепкинъ пришелъ въ глубокое негодованіе. Онъ написалъ Гоголю горячую отповѣдь, въ которой насквозь видна вся добрая, честная, любящая душа артиста—гражданина.

„До сихъ поръ"—пишетъ Щепкинъ,—„я изучалъ всѣхъ героевъ „Ревизора", какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ въ нихъ много знакомаго, такъ роднаго, и такъ свыкся съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіи десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще, это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы мнѣ ихъ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще, всѣхъ людей.—Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки: это люди, настоящіе, живые люди, между которыми я взросъ и почти состарѣлся. Видите ли, какое давнее знакомство? Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этими людьми въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ".

Человѣкъ съ такимъ широкимъ развитіемъ не могъ не быть истинно разумнымъ учителемъ сценическаго искусства. Онъ въ своихъ пріемахъ преподаванія не походилъ на тѣхъ учителей искусства, которые учатъ декламаціи съ голоса, какъ учатъ канареекъ пѣть. Нашъ создатель реализма на сценѣ, будучи нѣкоторое время преподавателемъ драматическаго искусства въ театральной школѣ, всегда старался поддержать свободное развитіе личности въ своихъ ученикахъ. Ни за что, бывало, онъ не соглашался самъ, своею читкой, показать, какимъ тономъ надо выразить ту или другую фразу. Онъ требовалъ, чтобы ученикъ самъ вдумывался. На усиленную просьбу ученика: „Научите же, какъ сказать",—Михаилъ Семеновичъ отвѣчалъ: „Этого нельзя, я скажу, можетъ быть и хорошо, но *по своему*; ты можешь сказать еще лучше, тоже *по своему*, у всякаго человѣка есть манера, присущая только ему" [1]). Вообще Щепкинъ отличался строгой серьезностью и „рѣдкою гуманностью своихъ педагогическихъ пріемовъ" [2]).

[1]) „Воспоминанія А. И. Шубертъ", „Рус. Старина", 1888 г., № 11.

[2]) „Библіотека для чтенія", 1863 г., № 7: „Русская сцена. Кончина Щепкина".

Что Щепкинъ превосходно понималъ и зналъ, чему надо учить молодыхъ артистовъ, это видно изъ его глубокомысленныхъ и поучительныхъ совѣтовъ, которые онъ давалъ Шумскому, г-жѣ Шубертъ и другимъ. Великій труженикъ прежде всего завѣщалъ артистамъ трудиться. „Что же достается даромъ и что же бы значило искусство",—писалъ онъ Шумскому,—„если бы оно доставалось безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, разрабатывай данныя Богомъ способности по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для повѣрки себя и совѣтовъ всегда имѣй въ виду натуру; влазь, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный бытъ, его образованіе, его особенныя идеи, если онѣ есть, и даже не упускай изъ виду общество его прошедшей жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда какія бы положенія ни были взяты изъ жизни, ты непремѣнно выразишь вѣрно: ты можешь сыграть иногда слабо, иногда сколько нибудь удовлетворительно (это часто зависитъ отъ душевнаго расположенія), но сыграешь вѣрно". Добросовѣстность работы должна была, какъ училъ Щепкинъ, вести къ тому, чтобы артистъ зналъ исполняемую имъ роль на зубокъ, и никогда бы ни на іоту не осмѣливался отступать отъ подлинника. „Избави Богъ", восклицалъ онъ,—„не знать роли или передавать своими словами; какъ публика и критики могутъ судить о языкѣ автора, если мы будемъ сочинять посвоему?" На репетиціи Щепкинъ внушалъ артистамъ не позволять себѣ отдѣлываться машинальнымъ чтеніемъ роли или индифферентнымъ повтореніемъ ея за суфлеромъ, какъ это дѣлаютъ и теперь, къ сожалѣнію, наши актеры. Нѣтъ, онъ требовалъ, чтобы артистъ и на репетиціи, какъ и на спектаклѣ, постоянно жилъ на сценѣ, играя всю роль какъ слѣдуетъ, не жалѣя своего голоса и силъ. Критикуя игру своихъ молодыхъ друзей, онъ строго преслѣдовалъ всякую неестественность, малѣйшее отсутствіе простоты въ движеніяхъ, голосѣ и манерахъ. Г-жа Шубертъ говоритъ, что онъ часто рѣзко обрывалъ её, какъ только замѣтитъ излишнюю манерность и стремленіе бить на эффектъ: „не ломайся, маточка",—замѣчалъ онъ,—„не актрисничай, говори проще". Щепкинъ старался также удерживать

молодаго артиста отъ увлеченія своимъ успѣхомъ: „пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея,—и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ апплодисментовъ". Въ преслѣдованіи самомнѣнія Щепкинъ былъ очень послѣдователенъ. Будучи самъ олицетворенною скромностью, онъ не выносилъ суетнаго честолюбія, отъ котораго такъ часто погибали крупныя дарованія. Молодые артисты очень любятъ, упоенные своими лаврами, увѣковѣчивать свой образъ на память потомству, при помощи фотографическаго искусства, снимаясь во всевозможныхъ роляхъ, въ какихъ имъ удавалось срывать у публики апплодисменты. Щепкинъ этого терпѣть не могъ. Когда открылась въ Москвѣ новая фотографія, то артистовъ попросили сняться. Пришло въ голову одной изъ ученицъ Щепкина предложить Михаилу Семеновичу сняться. „Батюшки", вспоминаетъ она,—„какъ мнѣ за это досталось! Какое я имѣю право превозноситься, какъ смѣю думать, что хороша!"—„Прекрасно, я не хороша, ну, вы хороши,"—капризно возражаетъ Щепкину артистка. Но суровый и строгій учитель скромно и честно отвѣчаетъ: „И я не хорошъ: однимъ понравился, другимъ нѣтъ" [1]).

Собственною жизнью своей Щепкинъ подтверждаетъ эти правила. У него слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Во имя этого дѣла онъ легко сдерживалъ въ себѣ стремленіе къ славѣ и никогда не отказывался отъ предложенныхъ ему ролей, какъ бы ничтожны онѣ ни были въ его глазахъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно его добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Онъ ни разу не пропустилъ во всю свою жизнь ни одной репетиціи, ни разу не опоздалъ; не было случая, чтобы онъ, играя какую нибудь роль хотя бы въ сотый разъ, несмотря на свою превосходную память не перечитывалъ ея наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой. Въ театрѣ, въ тотъ вечеръ, когда онъ игралъ, съ нимъ нельзя было говорить, къ нему нельзя было подойти ни съ какимъ разговоромъ. Щепкинъ такъ перерождался въ представляемое имъ лицо, что „предъ поднятіемъ занавѣса, за полчаса, онъ ходилъ по сценѣ совершенно

---

[1]) „Воспоминанія А. И. Шубертъ", Рус. Стар., 1888, № 11.

отдѣльно отъ всѣхъ, окружавшихъ его, такъ что если бы кто приставилъ къ груди его пистолетъ, онъ бы этого не замѣтилъ [1])". По словамъ г-жи Шубертъ, онъ въ это время „священнодѣйствовалъ": „весь въ огнѣ, потъ льетъ градомъ; играя даже водевиль, онъ готовился какъ будто къ чему то страшному". Работа надъ изученіемъ ролей особенно усилилась подъ старость, когда онъ началъ чувствовать ослабленіе памяти, а между тѣмъ не мѣнялъ своего строгаго правила читать роль безъ запинки. И вотъ онъ, бывало, съ 6 часовъ утра расхаживаетъ по аллеямъ сада или парка, молча и задумавшись.—„Вы рано встали сегодня"? спрашивали его, когда всѣ собирались къ утреннему чаю.—„Да, ходилъ по аллеѣ", отвѣчалъ онъ отрывисто, „сто разъ про себя роль прочелъ!" прибавлялъ онъ съ нѣкоторой досадой [2]).

При такомъ отношеніи артиста къ дѣлу очень легко понять, почему роли, которыя онъ исполнялъ, „никогда", по словамъ одного изъ современниковъ его, „не лежали безъ движенія, не сдавались въ архивъ, а совершенствовались постоянно и постоянно". Онъ, бывало, гуляетъ по улицѣ и такъ погрузится въ обдумываніе, какъ лучше исполнить то или другое мѣсто роли, что забудется и начнетъ говорить вслухъ. „На репетицію иногда ѣдемъ въ казенной каретѣ",—вспоминаетъ г-жа Шубертъ,—„онъ такъ просто, естественно начинаетъ говорить,—думаешь, что это онъ мнѣ говоритъ, оказывается,—роль читаетъ наизустъ, да такъ твердо,—слова не переставитъ". Жажда самосовершенствованія была въ немъ такъ велика, что онъ вѣчно находилъ у себя ошибки и недостатки, вѣчно обдумывалъ и перерабатывалъ отдѣлку своихъ ролей, вѣчно спрашивалъ совѣта и мнѣнія другихъ и относился къ нимъ съ уваженіемъ, слушая внимательно всѣхъ, начиная съ почтенныхъ и опытныхъ судей и кончая самыми юными студентами. „Въ эпоху блистательнаго торжества",—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—„когда Петровскій театръ, наполненный восхищенными зрителями, дрожалъ отъ восторженныхъ

---

[1]) „Театральныя афиши и антрактъ", 1864 г., № 160, см. статью о Щепкинѣ.
[2]) См. „Мих. Сем. Щепкинъ", статья А. Щ.,—„Рус. Вѣд.", 1887, № 85.

рукоплесканій,—былъ въ театрѣ одинъ человѣкъ, постоянно недовольный Щепкинымъ: этотъ человѣкъ былъ—самъ Щепкинъ. Никогда не былъ собою доволенъ взыскательный художникъ, ничѣмъ неподкупный судья!"

Его благородное недовольство собой доходило до такой степени, можно даже прямо сказать, до такой крайней и поразительной скромности, что онъ не удовлетворялся своимъ исполненіемъ коренной своей роли, въ которой онъ стяжалъ себѣ самыя единодушныя похвалы. „Хвалятъ меня въ Фамусовѣ", говорилъ онъ— „а я не баринъ: нѣтъ у меня барской ноты. Вотъ Петя Степановъ, еслибъ не лѣнился,больше меня былъ бы на мѣстѣ, у него барскія ноты".

Щепкинъ, который умѣлъ цѣнить науку и постоянно, въ случаѣ нужды, прибѣгалъ къ ея помощи, естественно, долженъ былъ сознавать всю важность научныхъ основъ искусства для актера. Онъ искренно сожалѣлъ, что въ его время совсѣмъ не была выработана теорія искусства. Это видно, между прочимъ, изъ его письма къ Шумскому, гдѣ онъ говоритъ, что актеръ долженъ брать уроки въ своемъ искусствѣ пока только у самаго непосредственнаго источника—у природы, при помощи тщательнаго наблюденія за дѣйствительною жизнью. „Эта живая книга (т. е. жизнь) замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ, *къ несчастію*, въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ". Изъ стремленія Щепкина къ серьезному изученію сценическаго искусства вытекало его сознаніе необходимости познакомиться съ положеніемъ театральнаго дѣла заграницей. „Мнѣ нужно видѣть заграничные театры, очень нужно",—писалъ онъ въ 1847 году къ Гоголю. Онъ мечталъ, совершивъ путешествіе по Европѣ съ спеціальною цѣлью изученія постановки тамошняго театральнаго дѣла, обнародовать, въ поученіе молодому поколѣнію артистовъ, свой взглядъ на драматическое искусство вообще и сдѣлать посредствомъ сравнительнаго метода характеристику каждаго театра въ Европѣ. Осуществленіе этой завѣтной мечты онъ считалъ исполненіемъ своего послѣдняго долга искусству, послѣ чего онъ могъ бы спокойно сказать: „нынѣ отпущаеши". Къ сожалѣнію, это ему

не удалось и, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ на путешествіе.

Любовь Щепкина къ театру была настолько высока, что онъ не могъ не страдать, видя, на склонѣ лѣтъ своихъ, что театръ низко падаетъ, обращаясь въ пустое и легкое развлеченіе. Насколько вѣрно смотрѣлъ Щепкинъ подъ старость на состояніе театра на перемѣну, происходившую въ направленіи драматической литературы,—насъ въ настоящій моментъ не такъ интересуетъ. Но намъ желательно показать, какъ ясно выражается въ сохранившихся письмахъ искренняя привязанность артиста къ театру, неподдѣльная жгучая боль его за судьбу дорогаго искусства. Несимпатичное для него новое направленіе искусства, въ которомъ онъ видѣлъ только пустую забаву, балаганщину и даже шарлатанство, довело его до глубокой меланхоліи. „Грусть меня одолѣваетъ",—писалъ онъ къ сыну въ 1848 году,—„занятіе мое по службѣ сдѣлалось мнѣ несносно, даже отвратительно, потому что изъ артиста дѣлаютъ поденщика; репертуаръ преотвратительный—не надъ чѣмъ отдохнуть душою, а вслѣдствіе этого память тупѣетъ, воображеніе стынетъ, звуковъ не достаетъ, языкъ не ворочается. Все это вмѣстѣ разрушаетъ меня, уничтожаетъ меня и не видишь ни въ чемъ отрады". Убѣжденный въ паденіи искусства, какъ въ очевидномъ, несомнѣнномъ фактѣ, онъ смущался, когда выходилъ передъ публикой. Ему было совѣстно и за нее, и за себя. За нее онъ скорбѣлъ оттого, что она ничѣмъ не выражала своего недовольства современною постановкою театральнаго дѣла. „Она, голубушка, также милостива ко мнѣ",—писалъ онъ къ сыну, говоря о публикѣ,—„не видитъ, что къ ней на сцену выходитъ не артистъ уже, одаренный вдохновеніемъ, посвятившій всего себя своему искусству, но поденьщикъ, неуклонно выполняющій и зарабатывающій свою задѣльную плату. Нѣтъ! ей все равно! выходитъ туловище, которое носитъ названіе Щепкина, и она въ восторгѣ. Грустно, страшно грустно! Знаешь ли: мнѣ бы легче было, если бы меня иногда ошикали, даже это меня бы порадовало за будущій русскій театръ; я видѣлъ бы, что публика умнѣетъ, что ей одной фамиліи недостаточно, а нужно дѣло".

Воплемъ отчаянія отзываются нижеслѣдующія строки изъ письма артиста къ Барятинскому: „все идетъ впередъ, а драматическое искусство назадъ. Конечно, мы сдѣлались смѣлѣе, самонадѣяннѣе; но наше самолюбивое *я* скоро сравняетъ насъ съ балаганными фокусниками, и мы уже близки къ тому.“

Боль Щепкина за судьбы искусства вытекала изъ глубокаго сознанія просвѣтительной роли театра. Уже по приведеннымъ нами выпискамъ изъ писемъ Щепкина можно заключить, намъ кажется, что Щепкинъ любилъ искусство не какъ таковое, не искусство для искусства, а искусство для общества, для нравственнаго развитія народа. И его сердце глубоко было растрогано, когда онъ, съ слезами радости и счастія, выслушалъ отъ лучшихъ представителей общества, составляющихъ красу и гордость нашей литературы, признаніе его высокой заслуги для общества, благодарность за нравственное вліяніе на соотечественниковъ. Именно, въ письмѣ отъ петербургскихъ литераторовъ, прочтенномъ въ 1855 году на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Щепкина,—въ письмѣ, украшенномъ подписью Льва Толстаго, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Майкова и другихъ, находятся эти прекрасныя слова, согрѣтыя искреннимъ чувствомъ преклоненія передъ геніальной личностью: „Въ эти полвѣка тысяча тысячъ зрителей, постепенно смѣняясь, покидали театръ съ сердцемъ, умягченнымъ благодатью безкорыстныхъ прекрасныхъ слезъ, добраго, свѣтлаго смѣха,—и какъ сосчитать, сколько благородныхъ движеній пробуждено артистомъ, сколько готовыхъ навсегда погаснуть чувствъ—вызвано изъ усыпленія, оживотворено имъ?. Это—заслуга невидимая, неизслѣдимая, но великая; общее сочувствіе—ей награда, лучшая награда, какой можетъ желать человѣкъ“.

На томъ же юбилеѣ не разъ въ рѣчахъ упоминалось о его великой заслугѣ въ качествѣ лучшаго и популярнѣйшаго толкователя и комментатора великихъ созданій литературныхъ геніевъ.

Но этого мало: за нимъ признавали и другую заслугу, уже чисто гражданскаго характера: „онъ знакомилъ насъ съ Малороссіей“, говоритъ М. П. Погодинъ, „лучше, чѣмъ сама исторія и даже поэзія“. (См. „Юбилей Щепкина“, Москвитянинъ 1855, ноябрь). Онъ возбуждалъ въ русскихъ людяхъ нѣжныя

братскія симпатіи къ родственному украинскому народу, благодаря глубоко-артистичекому исполненію такихъ малороссійскихъ пьесъ, какъ „Москаль-чаривникъ“, „Наталка-полтавка“ и др., а также благодаря его горячимъ стараніямъ познакомить русское общество съ поэзіей Шевченка. Какъ чуткій эстетикъ, Щепкинъ, вскорѣ послѣ появленія „Кобзаря“ въ Петербургѣ, сразу угадалъ въ молодомъ Шевченкѣ, авторѣ этого произведенія, великій талантъ. Чудные звуки родной украинской музы очаровали нашего артиста, онъ долго носился съ сочиненіями новаго поэта—земляка, пѣвца сельскаго народа, и первый положилъ твердый камень во главу угла поэтической славы великаго малороссійскаго поэта. Онъ любилъ читать въ литературныхъ московскихъ кружкахъ знаменитое шевченковское: „Думы мои, думы мои, лыхо мыни зъ вамы“. Особенно же любилъ Щепкинъ читать въ литературныхъ собраніяхъ посвященное ему стихотвореніе того же поэта „Пустка“.

Любя искусство и поэзію безкорыстною любовью, Щепкинъ также безпристрастно умѣлъ любить и уважать всякій талантъ. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ знакомъ съ чувствомъ, столь естественнымъ для артиста,—именно, съ завистью къ сопернику. Напротивъ, онъ съ неподдѣльною искренностью выражалъ свои восторги, разсказывая объ игрѣ талантливаго товарища. Такъ, онъ съ восхищеніемъ отзывался объ актерѣ Угаровѣ, съ которымъ, будучи молодымъ актеромъ, игралъ въ Малороссіи. „Угаровъ“, писалъ съ увлеченіемъ Щепкинъ „былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь никого не вижу“. Съ восхищеніемъ отзывался онъ также о необыкновенномъ украинскомъ актерѣ Соленикѣ Многіе изъ публики считали Соленика равнымъ по таланту Михаилу Семеновичу, и называли Соленика украинскимъ Щепкинымъ. Иные даже ставили Соленика выше Щепкина. Тѣмъ не менѣе нашъ благодушный артистъ не ревновалъ публику къ своему сопернику: онъ умѣлъ забывать свое „я“, и отдаваться искренно безкорыстнымъ эстетическимъ наслажденіямъ.

Далекій отъ чувства зависти и другихъ мелочныхъ страстей, Щепкинъ не питалъ ни къ кому злобы и имѣлъ полное право сказать о себѣ: „я люблю всѣхъ людей". Онъ любилъ даже дурныхъ людей, побуждаемый высокимъ христіанскимъ чувствомъ всепрощенія. „Кто знаетъ, что его сдѣлало дурнымъ,"—говорилъ Щепкинъ про плохаго человѣка,—„можетъ быть, онъ ласки не встрѣчалъ, слова правды ему некому было сказать". Онъ любилъ спасать людей изъ бѣды, выручать ихъ и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Въ этихъ случаяхъ онъ съ охотою готовъ былъ, ради другихъ, забывать свои прямые интересы. Такъ, въ силу чувства товарищества и участливости къ бѣдному человѣку, Щепкинъ, служа въ полтавской труппѣ на жалованьѣ въ 1500 рублей, отказался отъ весьма существенной прибавки въ 500 рублей. И это онъ сдѣлалъ для того, чтобы уступить назначенныя ему деньги товарищу, Угарову, какъ человѣку нуждающемуся и семейному. „Сколько юношей были обязаны ему своимъ воспитаніемъ, сколько стариковъ нашли подъ его кровлей послѣдній спокойный пріютъ!" восклицаетъ А. Н. Аѳанасьевъ. Это былъ замѣчательный благотворитель, совершавшій свои подвиги милосердія въ глубокой тишинѣ, ревниво оберегая тайну. Онъ всегда считалъ своимъ долгомъ помогать семьѣ, оставшейся сиротой послѣ смерти какого нибудь изъ его товарищей по искусству и воспитывать его дѣтей на свой счетъ. Несторъ Кукольникъ говоритъ, что когда онъ навѣщалъ Михаила Семеновича, онъ всякій разъ имѣлъ случай любоваться его превосходнымъ сердцемъ, потому что „всякій разъ въ домѣ его видѣлъ новыхъ молодыхъ людей, которымъ помогалъ словомъ и дѣломъ знаменитый комикъ" [1]). Кукольникъ зналъ очень многихъ людей, которые только благодаря ходатайству Щепкина пользовались покровительствомъ сильныхъ людей.

На юбилеѣ Михаила Семеновича одинъ изъ чествователей великаго юбиляра, К. И. Барсовъ, публично возблагодаривъ Щепкина, гостепріимно пріютившаго подъ свой кровъ бѣдную его семью, вспоминалъ, что въ домѣ артиста находили себѣ прі-

---

[1]) „Рус. Старина", 1888, № 11: „Мих. Сем. Щепкинъ".

ютъ безпрестанно новыя лица и жили у него, сколько хотѣли: кто мѣсяцъ, а кто и годъ и „едва ли кому нибудь изъ нихъ удалось поблагодарить гостепріимнаго хозяина и благотворительнаго человѣка. Мих. Семеновичъ не выслушивалъ благодарности“ [1]. Недаромъ одинъ изъ авторовъ статей о Щепкинѣ называетъ его квартиру „домашней богадѣльней“. И всѣ эти обильныя благодѣянія Щепкинъ расточалъ, несмотря на то, что онъ былъ вовсе не богатъ и жилъ однимъ жалованьемъ. Слова Некрасова, посвященныя памяти Бѣлинскаго: „Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ“ могутъ быть вполнѣ примѣнены и къ Щепкину. Это была въ высшей степени привязчивая, нѣжная душа, способная безгранично увлекаться людьми. Ради друзей онъ готовъ былъ на все. Особенно это ярко сказалось на его отношеніяхъ къ земляку своему, поэту Шевченку, котораго Щепкинъ, по удачному выраженію проф. Н. И. Стороженка, „любилъ, какъ сына, берегъ, какъ зѣницу ока“. Цѣльная натура Щепкина, одаренная гармоническимъ развитіемъ всѣхъ своихъ силъ, оказывала великое, благотворное вліяніе на горячую голову поэта, раздражительнаго, запальчиваго, отдающагося минутѣ. Щепкинъ умѣлъ охлаждать горячіе порывы Шевченка, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ и умѣлъ наставлять своего молодаго друга, наводя его на вѣрную стезю жизни и убѣждая его „беречь себя для родины и поэзіи“ [2]).

Истинные друзья узнаются всего болѣе въ несчастіи. Въ 1847 году Шевченко подвергся опалѣ и былъ разжалованъ въ солдаты, вслѣдствіе обвиненія его въ сочиненіи сатиры на одно высокопоставленное лицо. Десять лѣтъ томился несчастный поэтъ въ ссылкѣ, но Щепкинъ не забывалъ своего бездольнаго друга: онъ оказывалъ ему матеріальную помощь и, насколько позволяли суровыя обстоятельства того желѣзнаго времени, онъ посылалъ поэту черезъ общихъ знакомыхъ сердечныя привѣтствія. А когда многострадальный поэтъ былъ въ 1857 году возвращенъ изъ ссылки, то радости Щепкина не было и конца. Шевченко самъ всею душою рвался въ Москву повидаться съ своимъ

[1]) „Москвитянинъ“, 1855 г., ноябрь: „Юбилей Щепкина“.

[2]) См. „Щепкинъ и Шевченко“,—рѣчь проф. Н. И. Стороженка.

„единственнымъ“, великимъ другомъ, но ему въѣздъ въ столичные города былъ воспрещенъ. Тогда Щепкинъ собирается, несмотря на преклонные года свои, самъ ѣхать къ другу, поселившемуся въ Нижнемъ-Новгородѣ. „Не пріѣхать ли мнѣ въ Нижній?“ съ лукавымъ добродушіемъ закидываетъ вопросъ добрый старецъ, зная, что отъ одной мысли, о свиданіи съ нимъ, у его друга внезапно навернутся на глаза горячія слезы умиленія. И Щепкинъ продолжаетъ далѣе, что поѣхать онъ желаетъ къ другу не для того только, чтобъ повидаться, а потому что „поговорить бы о многомъ нужно. Можетъ быть, моя старая голова навела бы и на твою добрую мысль“. Дѣйствительно, восторгъ и ликованіе Шевченка, получившаго радостную вѣсть о скоромъ пріѣздѣ Щепкина, были безмѣрны. „Я жду къ себѣ изъ Москвы“,—пишетъ онъ одному другу,—„дорогаго гостя. И кого бы вы думали я такъ трепетно ожидаю? 70 лѣтняго знаменитаго старца и сердечнаго друга моего, М. С. Щепкина. Не правда ли, дорогой гость у меня будетъ? Да еще какой дорогой! единственный! И дѣйствительно, это единственный и счастливѣйшій человѣкъ между людьми: дожить до дряхлости физической и сохранить всю юношескую свѣжесть нравственную! Это явленіе необыкновенное. Мы не видались съ нимъ съ 1847 г. и такъ какъ мнѣ воспрещенъ въѣздъ въ столицы, то онъ, старецъ-юноша, несмотря на морозъ и вьюгу, ѣдетъ ко мнѣ единственно для того, чтобы поцѣловать меня! Не правда ли,—юноша? И какой сердечный, пламенный юноша! Я горжусь моимъ старымъ геніальнымъ другомъ и горжусь справедливо“. Умѣя ласкать и нѣжно холить своихъ друзей, Щепкинъ умѣлъ ихъ и пожурить, если они своимъ поведеніемъ могли повредить себѣ же или своему доброму имени. Щепкинъ изъ себя вышелъ, когда узналъ отъ одного общаго знакомаго, что Шевченко, проводивъ своего друга изъ Нижняго, запилъ съ тоски. „Никакая пощечина“,—пишетъ онъ Шевченку,—„меня бы такъ не оскорбила. Богъ тебѣ судья! Не щадишь ты ни себя, ни друзей своихъ. Не набрасывай *этого* на свою натуру и характеръ. Я *этого* не допускаю; человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть воля. Не взыщи за мои

грубыя слова. *Дружба строга*; а ты самъ произвелъ меня въ друзья, и потому пеняй на себя".

Такимъ образомъ, Щепкинъ былъ для Шевченка какъ бы олицетвореніемъ голоса совѣсти. И это, быть можетъ, особенно и привлекало поэта къ нему, что такъ прекрасно и просто выражено у Шиллера, въ его двустишіи, озаглавленномъ: „Порицатель":

Строго, какъ совѣсть моя, замѣчаешь во мнѣ ты ошибки;
Я вѣдь за то и люблю такъ же, какъ совѣсть, тебя.

Любя друзей, которыхъ у него было много какъ между великими людьми, такъ и между простыми смертными, окруженный всюду ореоломъ славы, Щепкинъ не былъ гордъ, не возносился передъ людьми, ниже его поставленными, но умѣлъ и о нихъ подумать, не забывая, что и онъ когда то былъ простымъ крѣпостнымъ и всякаго горя навидѣлся. Въ письмѣ къ Шевченку онъ поручаетъ поэту непремѣнно пойти къ одному болѣе или менѣе сильному лицу и попросить, чтобъ онъ обратилъ благосклонное вниманіе почтмейстера на маленькаго человѣка—на почтальона, везшаго Щепкина изъ Нижняго. „Доброе слово для маленькаго человѣка необходимо", убѣждаетъ Щепкинъ.

Обнаруживая столь живую участливость къ отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ, Щепкинъ не былъ равнодушенъ къ общественнымъ вопросамъ. Онъ относился къ нимъ съ горячимъ интересомъ. Съ восторгомъ читалъ онъ проектъ Кавелина объ освобожденіи крестьянъ. Съ увлеченіемъ юноши слѣдилъ онъ за преобразованіями, которыя начались съ воцареніемъ императора Александра II. Манифестъ 19-го февраля встрѣченъ былъ чуднымъ старцемъ съ неподдѣльными, горячими слезами ликованія. Эти слезы вытекали изъ его горячей любви къ русскому крестьянину. Одушевленный этой любовью, онъ любилъ часто декламировать стихи, восхвалявшіе простаго труженика,—изъ которыхъ приведемъ отрывокъ:

Честь тому, кто глубь земли
Тяжкимъ заступомъ копаетъ;
Кто трудами для семьи
Хлѣбъ насущный добываетъ;
Кто надъ плугомъ льетъ свой потъ;
Кто слугой у господина
Ношу тяжкую несетъ
Для жены своей, для сына.
Честь и слава ихъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота....
Честь мозолистымъ рукамъ...
Да спорится ихъ работа!

Помня ужасное прошлое нашего крѣпостнаго безправія, умный и честный старикъ стоялъ сознательно и съ глубокимъ убѣжденіемъ за наше поступательное движеніе впередъ. Онъ свято исповѣдывалъ вѣру, что Россія постепенно, безостановочно идетъ и будетъ идти впередъ, къ свѣту, добру и истинѣ! Слава его не угаснетъ никогда, и къ нему во всей силѣ примѣнимы слова украинской думы:

„Слава твоя не вмре, не поляже!“

Владиміръ Ермиловъ.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ [1]).

Эпизодъ изъ временъ „Руины“.

Своебразная личность паволоцкаго полковника Ивана Поповича и его трагическая судьба мало обратили на себя вниманіе историковъ, описывавшихъ событія на Украинѣ: даже и тѣ изъ нихъ, которые на ряду съ другими фактами, сообщаютъ нѣкоторыя данныя и о Поповичѣ, говорятъ о немъ какъ бы вскользь—бѣгло, въ немногихъ строкахъ [2]); а между тѣмъ жизнь и дѣятельность этого человѣка, даже въ томъ далеко неполномъ видѣ, какъ онѣ намъ извѣстны, стоятъ того, чтобъ на нихъ остановиться подольше: онѣ довольно наглядно рисуютъ намъ то настроеніе, какое господствовало въ концѣ 1662 и первые мѣсяцы 1663 гг. въ части малорусскаго населенія правобережной Украины, указываютъ, какія отношенія существовали тогда между населеніемъ этимъ, поляками и евреями, сообщаютъ нѣсколько небезъинтересныхъ данныхъ о личности гетмана Тетери. Пополнить указанный пробѣлъ, т. е. передать, подвергнувъ критикѣ, все, что извѣстно о полковникѣ Поповичѣ, и составляетъ задачу предлагаемаго очерка [3]).

Въ іюлѣ 1662 года гетманъ Юрій Хмельницкій потерпѣлъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра жестокое пораженіе отъ царскихъ войскъ. Оно

---

[1]) Читано въ историч. общ. Нестора-Лѣтописца.

[2]) См. Историч. монографіи Н. Костомарова. Спб. 1872. Т. 12-й, стр. 303; Гетманство Брюховецкаго. Кіевъ, 1885 года (сочин. С. Е.), стр. 10; Соловьевъ, Исторія Россіи. Москва. 1880. т. 11-ый, стр. 137.

[3]) Указанія на источники приводятся у насъ, въ надлежащихъ мѣстахъ, подъ слѣдующими сокращеніями: 1) Ерличъ: Latopisiec Ierlicza. Т. 2-ой. 1854; 2) Грабянка: Лѣтопись Григорія Грабянки. Издана кіевскою временною коммиссіею 1854 г. 3) Костомаровъ: Историч. монографіи. Т. 12-й Спб. 1872; 4) Соловьевъ: Исторія Россіи. т. 11-й. Москва. 1880.

произвело «всеобщее волненіе въ Украинѣ праваго берега» [1]). Тамъ «возобновлялась прежняя наклонность быть подъ рукою православнаго монарха» [2]), обнаружились явные признаки недовольства и малоспособнымъ гетманомъ, и обманувшими надежды украинскаго народа поляками [3]). Уже въ августѣ 1662 года, въ донесеніи своемъ польскому королю, Хмельницкій, «умоляетъ прислать поскорѣе помощь, жалуется на свое безсиліе, на невозможность удерживать въ повиновеніи украинскій народъ, волнующійся отъ малѣйшаго вѣтра» [4]). О необходимости какъ можно скорѣе прислать помощь Хмельницкому писалъ тогда королю и генеральный писарь Тетеря, ссылаясь на то, что «гетманъ человѣкъ усердный, но войско непослушное», и что безъ своевременной присылки помощи «дѣла примутъ дурной оборотъ» [5]). Это болѣе или менѣе глухое, скрытое волненіе правобережной Украины выразилось вскорѣ въ одномъ изъ полковъ ея и въ формѣ открытаго возмущенія: на сцену выступилъ паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ.

Поповичъ былъ родомъ, какъ кажется, изъ м. Ходоркова: по крайней мѣрѣ, современный лѣтописецъ Ерличъ зоветъ его «ходорковскимъ» [6]). Впервые мы встрѣчаемъ его, уже въ званіи полковника паволоцкаго, въ концѣ 1662г., или въ самомъ началѣ 1663 года [7]): онъ сносился тогда съ кіевскимъ воеводою, убивалъ и разгонялъ жившую въ его полку польскую шляхту [8]). Гетманъ Тетеря (избранъ на мѣсто Юрія Хмельницкаго въ январѣ 1663 года [9]), какъ ревностный приверженецъ Польши и всего польскаго, не могъ, конечно, смотрѣть снисходительно на вредную для него и поляковъ дѣятельность паво-

---

[1]) Костомаровъ, стр. 270.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., стр. 270—273.

[4]) Соловьевъ, стр. 128.

[5]) Ibid., 129.

[6]) Ерличъ, стр. 74 и 80.

[7]) Въ опредѣленіи времени мы слѣдуетъ здѣсь Ерличу: по его словамъ, отъ принятія Поповичемъ священства до вторичнаго возмущенія его не прошло и полгода (стр. 75), разсказъ же о послѣднемъ фактѣ онъ помѣстилъ въ своемъ „Лѣтописцѣ" подъ 4 мая 1663 г. (стр. 74), слѣдовательно, принявъ во вниманіе, что упомянутое принятіе священства состоялось при гетманѣ Тетерѣ, первые извѣстные намъ шаги политической дѣятельности Поповича слѣдуетъ отнесть или къ самому началу гетманства Тетери, или къ самому концу гетманства Юрія Хмельницкаго.

[8]) Ерличъ, стр. 75.

[9]) Костомаровъ, стр. 274.

лоцкаго полковника и хотѣлъ казнить его. Послѣдній былъ еще очень молодъ, и желаніе жить сильно заговорило въ немъ: онъ проситъ нѣкоторыхъ полковниковъ, сотниковъ, наконецъ, кіевскаго митрополита и ставшаго монахомъ Хмельницкаго ходатайствовать о дарованіи ему жизни, обѣщая сдѣлаться священникомъ. Тѣ заступились за молодаго полковника: ему даровали жизнь, и онъ принялъ на себя священство [1]). Жажда политической дѣятельности, желаніе освободить родную Украину отъ власти поляковъ не могли, однако, примирить Поповича съ выпавшей на его долю скромной ролью священника; вскорѣ послѣ посвященія своего въ этотъ санъ онъ опять вступаетъ въ сношенія съ кіевскимъ воеводою, обѣщая подговорить къ возстанію козаковъ и снова привесть въ зависимость отъ московскаго царя правобережную Украину [2]). Чтобъ еще болѣе обезпечить себѣ успѣхъ задуманнаго предпріятія, Поповичъ вступилъ тогда въ сношенія и съ наказнымъ гетманомъ лѣвобережной Украины Сомкомъ [3]), который дружелюбно переписывался съ Тетерею и «въ то же время наряжалъ агентовъ въ заднѣпровскіе города возбуждать противъ польской власти тамошніе полки» [4]). Менѣе, нежели черезъ четыре мѣсяца послѣ принятія священства, а можетъ быть, и раньше [5]) Поповичъ производитъ въ наволоцкомъ полку новое

---

[1]) Ерличъ, стр. 74. Miesiaca Maja 4 dnia—jeden zdrajca Popowicz Chodorkowski, którego chciał był Tetera Hetman Zaporozki za swawolę stratić, który będąc pułkownikiem Pawołockim znosil się z wojewodą Kijowskim, który był od Cara Moskiewskiego na Kiowie—który to zdrajca pułkownik szlachtę znieważal i bijał, za to chciał go był stracić rozkazać. Który zbiegając takiéj śmierci a będąc młodym jeszcze niecnota w leciech, prosi różnych ludzi pułkowników, setników, w ostatku Ojca Mitropolitę i Chmielnickiego czernca, aby go darowano gardłem, obiecując zostać Popem: a gdy mu odpuszczono i darowano gardłem, wziął na się świaszczeństwo i był Popem. Czemu nie wyszło pół roku...

[2]) Ibid., стр. 75: Czemu nie wyszło pół roku, Ojciec Metropolita umiera, a on z Wojewodą Kijowskim się znosi i zmowę czyni, obiecując jako znowu Ukrainę na Carskie imie powrócić i kozaków namówić.

[3]) На это прямо указываетъ Грабянка (стр. 183), да при томъ и вполнѣ естественно было Сомку, желавшему тогда поднять противъ польской власти заднѣпровскіе полки, вступить въ сношенія съ человѣкомъ, который имѣлъ большое вліяніе въ своемъ полку и извѣстенъ уже былъ за открытаго врага поляковъ.

[4]) Костомаровъ, стр. 278.

[5]) Поповичъ сталъ священникомъ въ гетманство Тетери, слѣдовательно, не раньше января 1663 года, а разсказъ о второмъ возмущеніи Поповича помѣщенъ у Ерлича подъ 4 мая 1663 года. Вѣроятно, это число указываетъ на начало новаго возмущенія, такъ какъ и Брюховецкій въ письмѣ отъ 8 іюня 1663 г. къ царю говоритъ объ избіеніи въ наволоцкомъ полку всѣхъ ляховъ и жидовъ, какъ о событіи недавнемъ.

возмущеніе противъ поляковъ и ихъ приверженцевъ. Толчокъ этому движенію данъ былъ съ лѣваго берега Днѣпра: по словамъ Ерлича [1]), Поповича побудила къ новому бунту полученная имъ черезъ кіевскаго воеводу царская грамота или привилегія; по словамъ Грабянки [2]), побудительной причиной въ этомъ случаѣ служило соглашеніе паволоцкаго полковника съ Сомкомъ; но, кажется, скорѣе слѣдуетъ принять, что побужденія тутъ шли и отъ Сомка, и изъ Кіева [3]). Какъ бы то ни было, какъ только разнеслась вѣсть о рѣшимости Поповича снова биться съ поляками, къ нему стали стекаться его приверженцы. Поповичъ идетъ къ Паволочи, истребляя по дорогѣ евреевъ и шляхту, которая, послѣ недавняго бѣгства, навернулась уже было въ свои дома. Въ Паволочи находился въ ту пору посланный туда староста сандомірскаго воеводы Лисаковскій и другіе служащіе. Поповичъ неожиданно является подъ Паволочью и овладѣваетъ ею. Тамъ гибнутъ попавшій въ плѣнъ и затѣмъ убитый Лисаковскій и другіе служащіе, немало евреевъ и богатыхъ мѣщанъ. Разнаго рода людъ еще болѣе, чѣмъ прежде, сталъ стекаться тогда къ Поповичу, который дѣлаетъ Паволочь исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій, выходя отсюда, онъ собираетъ вокругъ себя «купы» разнаго люда и съ помощію ихъ избиваетъ шляхту и евреевъ, грабитъ и убиваетъ купцовъ. Скоро въ паволоцкомъ полку не осталось ни одного поляка, ни одного еврея: всѣ они или погибли, или бѣжали [4]). Движеніе, поднятое Поповичемъ, грозило принять опасные для польскаго господства въ правобережной Украинѣ размѣры, но его вскорѣ прекратили: оставшіеся вѣрными польскому королю козацкіе полковники и сотники двинули войска къ Паволочи и осадили ее. Поповичъ, имѣвшій при себѣ отрядъ болѣе, чѣмъ въ тысячу человѣкъ, защи-

---

[1]) Ерличъ, стр. 75.

[2]) Грабянка, стр. 183.

[3]) Изъ послѣдняго, однако, едва ли въ той формѣ, которая указана Ерличемъ: мы знаемъ о сношеніяхъ Поповича съ кіевскимъ воеводою, но о передачѣ послѣднимъ паволоцкому полковнику царской грамоты или привилегіи нигдѣ, кромѣ какъ у Ерлича, не упоминается.

[4]) Въ письмѣ Брюховецкаго къ царю, отъ 8 іюня 1663 года, между прочимъ, сказано: „полковникъ поволоцкій недавно побилъ всѣхъ ляховъ и жидовъ, которые были въ его полку“ (Соловьевъ, стр. 137). Извѣстіе это, вполнѣ согласное въ главномъ и съ данными Ерличева „Лѣтописца“, кажется, нѣсколько преувеличено: такъ какъ вѣсть о новомъ возмущеніи Поповича быстро распространилась въ паволоцкомъ полку, то трудно допустить, чтобъ, при такихъ условіяхъ, никто не спасся тогда изъ упомянутыхъ ляховъ и жидовъ.

щался мужественно, надѣясь на помощь изъ-за Днѣпра [1]). Надежда эта однако не оправдалась, а сидѣнье въ осадѣ наскучило осажденнымъ (особенно паволоцкимъ мѣщанамъ); поэтому, сговорившись между собой, они выдаютъ Поповича съ пятнадцатью главными сподвижниками его и сдаются сами, прося побѣдителей о помилованіи. Послѣдніе отбираютъ у сдавшихся соратниковъ Поповича оружіе и коней, а самихъ ихъ грабятъ, бьютъ кіями и обухами, затѣмъ пускаютъ на волю [2]). Попавшій въ руки враговъ Поповичъ былъ казненъ въ половинѣ іюля 1663 года. Гетманъ Тетеря сильно желалъ узнать, что побудило паволоцкаго полковника къ новому возмущенію, а потому подвергъ его передъ казнью ужаснымъ пыткамъ: сперва Поповичу вытерли раскаленнымъ кирпичемъ плѣшь на головѣ; затѣмъ, когда палачъ сталъ подымать несчастнаго на дыбы, Тетеря приказалъ приложить къ боку его раскаленное желѣзо и, отстранивъ палача, наединѣ, съ бумагой и перомъ въ рукѣ, сталъ допрашивать Поповича, самъ ли онъ задумалъ учинить бунтъ, или кто подбилъ его къ этому, при чемъ, если справедливо послѣднее, требовалъ назвать имена виновныхъ (у Ерлича—«полковниковъ или сотниковъ»); процедура подыманія несчастнаго на дыбы и допроса его наединѣ гетманомъ продолжалась нѣсколько разъ. За такими ужасными пытками послѣдовала и столь же ужасная казнь: несчастнаго паволоцкаго полковника четвертовали. Обезображенный трупъ его лежалъ нѣсколько

---

[1]) О надеждѣ Поповича на помощь Сомка есть прямое указаніе у Грабянки (стр. 183). Да и вполнѣ естественно было паволоцкому полковнику, при тогдашнемъ уговорѣ его съ кіевскимъ воеводою и Сомкомъ, ожидать помощи изъ-за Днѣпра.

[2]) Вотъ разсказъ Ерлича (стр. 75) о второмъ возмущеніи Поповича: Który (Поповичъ) otrzymawszy gramotę albo przywiléj carski przez wojewodę, znowu rzucił się do buntów. Idzie ku Pawołoczy, tamże szlachtę, która już była nawrociła się do domów swoich, gdzie starostę I. pana wojewody sandomirskiego przewiskiem IP· Lisakowskiego zesłanego, na Pawołoczy obskoczywszy i pojmawszy zabijają i innych służałych niemało żydów, mieszanów bogatych. Do którego się hultajstwo, co żywo dowiedziawszy się, zewsząd kupić, poczęło, napotem od miasteczka chodząc, kupę zbierając ludzi różnych, kupców szarpając i zabijając. O czem dowiedziawszy się starszyzna: pułkowniky i sotnicy, którzy królowi i. mci i Rzeczplitéj przysięgali zbierają się, oskoczyli go w Pawołoczy, który już miał tèj swywoli więcéj tysiąca rozbójników; a gdy bronili to hultajstwo w mieście co siedzieli a mieszczanom pawołockim dokuczano; namówiwszy się wydają onego zdrajcę popa pułkownika i samo piętnaści innych, a ostatek szubrawstwa zebranego prosi o miłosierdzie; którym stzelbę i konie odebrawszy i oszarpawszy, kijami i obuchami wybiwszy, żiwo puszczają i darują zdrowiem.

часовъ на площади, гдѣ совершилась казнь, а затѣмъ его сожгли [1]).

Итакъ, въ политической дѣятельности своей Поповичъ является ревностнымъ приверженцемъ Москвы и врагомъ господства на его родинѣ поляковъ. Съ помощью Сомка и Москвы онъ думалъ подчинить московскому царю правобережную Украину, а потому на движеніе, поднятое имъ, можно смотрѣть, какъ на попытку, хотя и неудавшуюся, остановить пагубное раздвоеніе Украины [2]).

Въ приведенномъ сообщеніи о дѣйствіяхъ и судьбѣ Поповича мы слѣдовали почти исключительно словамъ Ерлича. Грабянка разсказываетъ объ этомъ нѣсколько иначе. Вотъ сущность его разсказа. Незадолго до пріѣзда въ лѣвобережную Украину царскаго дьяка Башмакова [3]), поволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ, видя, «яко паки ляхи на Украинѣ господствовати начаша», оставилъ должность полковника и сдѣлался священникомъ. Затѣмъ, «разсмотрѣвъ, каковіе пакости Ляхи и Жиди іереамъ творять», снова принялъ полковничество и, войдя въ соглашенія съ лѣвобережнымъ гетманомъ (наказнымъ) Сомкомъ, много разъ вступалъ въ бой съ поляками и, поразивъ ихъ на голову, изгналъ изъ Украины. Поповичъ былъ такой храбрый мужъ, что, еслибъ Брюховецкій не предалъ безвинно смерти Сомка и Васюту (нѣжинскій полковникъ Золотаренко), могъ бы подчинить «подъ руку царскаго величества» всю Украину. Вполнѣ надѣясь, что Сомко его не оставитъ, онъ «многожди Ляхомъ и Татаромъ знаменитій привѣтствію ихъ отвѣтъ даяше». По смерти Сомка, на него вооружился съ польскими и козацкими силами гетманъ Тетеря. Въ надеждѣ на помощь отъ Брюховецкаго, Поповичъ сперва оказывалъ врагамъ сильное сопротивленіе, но потомъ, увидѣвъ, что надежда

---

[1]) Вотъ разсказъ обо всемъ этомъ Ерлича (стр. 80): Tegoż czasu i miesiąca (15 іюля 1663 года) zdrajcę tego popa buntownika (chodorkowskiego) osądzono na śmierć taką: aby pierwéj koronę albo plesz rozpaloną cegłą albo kamieniem starto, i tak uczyniono, napotém dano katu w ręce, którego kat gdy ciągnął, hetman Tetera nie puszczając żadnego ku onemu zdrajcy, rozkazał katu szynę do boku przyłożyć rozpaloną, napotém i katu każe ustąpić; a jedno sam hetman wziąwszy papieru i kałamarza pyta zdrajcę: kto go na to namowiał, czyli sam tego się domyślał, a którego by z pułkowników albo setników powołał; którego zdrajcę po kilka razy ciągnął kat, a za każdym razem odstępował opodal od niego, jedno Tetera sam pytał; któremu napotém kazano ręce i nogi poodcinać, który tułuw leżał na placu kilka godzin, a potém go spalono.

[2]) Костомаровъ, стр. 303.

[3]) Башмаковъ прибылъ въ Украину въ ноябрѣ 1663. См. Соловьевъ, стр. 151.

его напрасна, и «не хотя сущихъ подъ областію градовъ и въ нихъ живущихъ людей погубити», безбоязненно вышелъ самъ къ гетману Тетерѣ, и его «тамождe со всенароднимъ жалемъ смерти предано». Разсказъ Грабянки заканчивается увѣреніемъ, что Сомко и Поповичъ могли бы, еслибъ дольше пожили, возобновить на Украинѣ времена «старого Хмельницкого» [1]). Сличивъ извѣстія о Поповичѣ двухъ упомянутыхъ лѣтописцевъ, нельзя не придти къ заключенію, что вполнѣ сходясь между собою въ главномъ, существенномъ, извѣстія эти сильно расходятся въ изображеніи подробностей. Какому же изъ двухъ лѣтописцевъ слѣдуетъ отдать въ этомъ случаѣ преимущество? Чей разсказъ правдивѣе, ближе къ дѣйствительности? По нашему мнѣнію, предпочтеніе должно быть отдано Ерличу. Ерличъ, какъ извѣстно, былъ современникомъ Поповича, родился и жилъ тамъ же, гдѣ и послѣдній, т. е. въ правобережной Украинѣ. Какъ шляхтичъ [2]) и мѣстный житель, Ерличъ имѣлъ на родинѣ обширныя знакомства и связи и, стоя близко къ происходившему тогда на правой сторонѣ Днѣпра, иное могъ знать, какъ очевидецъ, а о многомъ другомъ могъ имѣть извѣстія изъ болѣе или менѣе надежныхъ рукъ. Свѣдѣнія о Поповичѣ онъ занесъ въ свою лѣтопись—дневникъ [3]), надо полагать, своевременно, т. е. вскорѣ послѣ втораго возмущенія паволоцкаго полковника: не записавъ во время, трудно было бъ пріурочить ихъ потомъ къ опредѣленнымъ днямъ, какъ то сдѣлано въ трудѣ Ерлича, да едва ли бы сохранились въ этомъ случаѣ и многія мелочныя, приводимыя Ерличемъ по данному поводу подробности. Такимъ образомъ, извѣстія этого лѣтописца о Поповичѣ являются разсказомъ лица, которое и по мѣсту, и по времени близко стояло къ переданнымъ имъ фактамъ. Далеко нельзя сказать того же объ извѣстіяхъ о паволоцкомъ полковникѣ Грабянки. Мы не знаемъ, откуда позаимствовалъ Грабянка свѣдѣнія о Поповичѣ, но есть полное основаніе думать, что неизвѣстный намъ авторъ ихъ менѣе зналъ о происшедшемъ тогда въ паволоцкомъ полку, чѣмъ Ерличъ, и далеко не съ той точностью, какъ послѣдній. У Ерлича о Поповичѣ приведено больше подробностей, чѣмъ у Грабянки; въ разсказѣ перваго о паволоцкихъ событіяхъ ничто не противорѣчитъ всѣмъ другимъ, прямо или косвенно относящимся сюда, даннымъ; въ разсказѣ втораго извѣстіе объ изгнаніи

---

[1]) Грабянка, стр. 183 и 184.

[2]) Ерличъ былъ православнымъ шляхтичемъ.

[3]) Latopisiec Ерлича имѣетъ характеръ дневника.

Поповичемъ поляковъ изъ всей Украины—явное преувеличеніе, а другое извѣстіе его—о томъ, что гетманъ Тетеря выступилъ противъ паволоцкаго полковника «по смерти уже Сомковой», мало внушаетъ довѣрія: Сомка казнили 18 сентября 1663 года, а Поповичъ произвелъ свое второе возмущеніе, какъ то несомнѣнно извѣстно [1]), ни въ какомъ случаѣ не позже мая того же года: едва ли бы гетманъ Тетеря, находившійся въ ту пору на лицо въ правобережной Украинѣ, дозволилъ открыто возставшему Поповичу безнаказанно хозяйничать въ паволоцкомъ полку въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. По отношенію ко времени записи извѣстій о паволоцкомъ полковникѣ Ерличъ также стоитъ выше Грабянки: какъ мы видѣли, Ерличъ записалъ ихъ, надо полагать, вскорѣ послѣ втораго бывшаго въ Паволочи возмущенія, тогда какъ разсказъ о томъ же, попавшій въ лѣтопись Грабянки, не могъ быть записанъ раньше конца сентября 1663 года (упоминаетъ о дѣйствіяхъ Поповича и послѣ смерти Сомка), т. е. запись это состоялась гораздо позже, чѣмъ сдѣлалъ то Ерличъ. У Грабянки причиной оставленія Поповичемъ полковничества и принятія священническаго сана является убѣжденіе послѣдняго, «яко паки ляхи на Украинѣ господствовати начаша», и эта же въ сущности причина («пакости» ляховъ и жидовъ іереямъ, т. е., строго говоря, опять таки господство въ Украинѣ поляковъ) заставляетъ священника Поповича снова сдѣлаться полковникомъ. Такимъ образомъ, одна и та же причина производитъ совершенно противоположныя слѣдствія. У Ерлича паволоцкій полковникъ становится священникомъ не по собственной волѣ, а по принужденію, что гораздо естественнѣе доводовъ Грабянки, такъ какъ этимъ путемъ легко объясняется и послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ обратное превращеніе Поповича въ полковники. Уступая Ерличу въ точности и полнотѣ извѣстій о Поповичѣ, Грабянка имѣетъ, однако, по отношенію къ этимъ извѣстіямъ и одно преимущество передъ нимъ: онъ лучше Ерлича знаетъ то, что происходило тогда на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Такимъ образомъ, Грабянка очень неполно и неточно знакомитъ насъ съ личностью и дѣятельностью паволоцкаго полковника Поповича и очень хорошо съ тѣмъ, что дѣлалось въ ту пору въ Украинѣ лѣвобережной. Это обстоятельство удобнѣе всего, кажется, можно объяснить тѣмъ, что разсказъ о Поповичѣ, бывшій въ пользованіи у Грабянки, принадлежалъ перу лица, хотя и современнаго паволоцкому полковнику, но жившаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра и запоздавшаго нѣсколько съ записью бывшихъ въ Паволочи происшествій.

Вл. Лясноронскій.

[1]) См. выше, стр. 582, примѣч.

Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в. [1]).

I.

Въ кіевской «*смѣтѣ* денежной казны» 7162 (1654) г. [2]), составленной при боярахъ и воеводахъ кн. Ѳедорѣ Семеновичѣ Куракинѣ и кн. Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Волконскомъ и при дьякѣ Андреѣ Немировѣ, находимъ, между прочимъ, слѣдующую любопытную запись о расходахъ на освященіе Десятинной церкви въ этомъ году:

«По приказу бояръ и воеводъ.... построено въ *каменной церкви* Рождества Пречистые Богородицы *Десятинные*, что въ Кіевѣ, въ острогѣ, *ко освященію* тое церкви дѣланъ въ алтари *новый престолъ*, *жертвенникъ*, *кладезь* (?), *горное мѣсто* и *лавки кирпичные*, и на престолъ написанъ образъ Пречистые Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ», да сдѣланы «полотняные *срачицы*» на престолъ и жертвенникъ, на простолъ же—«таѳтяная *пелена*, опушка миткалиная, подложена крашениною», да «*покровецъ* бархатѣльной», «покровцы» на церковные сосуды—«таѳтяные червчатые, обложены бязью».

«А за то строенье.... *иконнику* отъ письма, и что построено въ алтарѣ—за кирпичь, и за полотна, и за таѳту» и проч., также «портному мастеру отъ срачицъ и отъ пеленъ» и пр., и для освященія церкви «попомъ на *олентія*, за полотно», за «мытье старыхъ ризъ», «за *горшки*», на ладонъ и проч.—«всего вышло въ расходъ—*7 рублевъ* 28 алтынъ пол-деньга» (лл. 13 об.—14).

II.

Виноградъ въ Кіевѣ въ 1654 г.

Въ той же «смѣтѣ» записанъ и такой расходъ: «по приказу бояръ и воеводъ.... куплено въ Кіевѣ про государевъ.... обиходъ *винограду 760 кистей*», который посланъ въ Москву съ жильцомъ Иваномъ Суздальцевымъ. «Половина того винограду» положена «въ па-

---

[1]) Изъ документовъ Моск. Архива Мин—ва Юстиціи.

[2]) „*Разрядная вязка*“ 1-я, № 82.—По своему содержанію эта „смѣта“ весьма приближается къ воеводскимъ „смѣтнымъ книгамъ“ и „росписнымъ спискамъ“ и заслуживаетъ вниманія, какъ самая древнѣйшая изъ извѣстныхъ доселѣ кіевскихъ книгъ этого рода. Въ такъ называемомъ „кіевскомъ столѣ“ разряднаго приказа (въ Архивѣ Юстиціи) древнѣйшая „смѣтная книга“ Кіева относится къ 1681 г., но въ печати извѣстенъ отрывокъ изъ „смѣтной кн.“ 1661 г. (см. статью „Кіев. столъ разр. приказа“ въ „Кіев. Старинѣ“, 1886, № 11, сс. 541—542.

токѣ». Дано за виноградъ—*4 рубля* 11 алтынъ 3 деньги, за патоку—3 р. 20 алт., за телѣгу и 6 «колесъ телѣжныхъ»—2 р. 2 алт. 2 ден., за «подмазъ» телѣги—3 алтына, на овесъ и сѣно въ дорогѣ 6 «государевымъ подьемнымъ лошадямъ» выдано Суздальцеву—4 р. 6 алт. 4 деньги. Всего израсходовано—14 р. 10 алт. 1 деньга (л. л. 11 об.—12).

III.

Царскіе дары посланцамъ митрополита Петра Могилы, 1644 г.

«Память» изъ казеннаго приказа въ сибирскій приказъ, отъ 30 генваря 152 г.: «.... велѣти прислати въ казенной приказъ... сорокъ соболей въ 30 рублевъ, 2 сорока соболей по 20 рублей сорокъ, а дати тѣ соболи государева жалованья изъ посольского приказу... при немъ государѣ на милостину кіевского митрополита Петра Могилы *строителю старцу Илинарху*—сорокъ соболей въ 30 рублевъ, а 2 сорока соболей по 20 рублевъ дати отъ казны архидьякону *Амбросію* да митрополичю приказному человѣку Ивану *Предремирскому*» [1]).

IV.

Изъ кіевскаго „росписнаго списка" 1684 г. [2]).

«Росписной списокъ» Кіева составленъ, отъ 7 августа 192 г., при пріемѣ города бояриномъ и воеводою Ѳедоромъ Петровичемъ Шереметевымъ у боярина и воеводы Алексѣя Петровича Салтыкова. Выписываю отсюда кое что любопытное:

а) Описаніе воеводскихъ «*образовъ*» и «*полковаго знамени*»:

«Божіе Милосердіе—*образъ* Пресвятые Владычицы нашіе *Богородицы*, Христіянскіе Помощницы, Живоносного Источника, на поляхъ окладъ серебреной, гладкой, золоченъ, вѣнцы и на поляхъ около иконы обнизано земчюгомъ большимъ, въ одно зерно, окладъ оклеенъ бархатомъ червчетымъ, пелена отласная червчетая, обложена круживомъ золотымъ кованнымъ» (лл. 3 об.—4). Также подробно описанъ и другой воеводскій образъ—св. *Сергія* Радонежскаго (л. 4).

«Великихъ государей полковое *знамя*, писано по зеленой камкѣ, на обѣихъ сторонахъ образъ Пресвятые Богородицы да преподобныхъ

---

[1]) *Сибирскаго приказа* столбецъ № 230, *л.* 180.

[2]) *Кіевскаго стола* кн. № 51, *лл.* 1—138.—Одинъ отрывокъ изъ этой книги (но по рукописи не А—ва Юст., а Моск. Общества Ист. и Др.) напечатанъ въ „Описаніи Кіева" *Н. Закревскаго*, т. II, сс. 900—904.

отецъ *Антонія и Θеодосія* Печерскихъ, поля писаны мѣстами золотомъ и серебромъ и красками, древко писано золотомъ же и красками, на древкѣ крестъ серебряной, на тожъ знамя сукно красное» (л. 4).

б) Описаніе *приказной избы*: «..... въ приказной избѣ образъ Спаса Вседержителя, въ кіотѣ рѣзномъ, кіотъ золоченъ»,—еще 3 образа, затѣмъ—«книга Соборное Уложенье, печатное, на столѣ. На томъ же столѣ сукно алое, кармазинное. Въ *задней избѣ* на столѣ коверъ старой, да въ *середней* и въ задней избахъ *полавочники* суконные, сукно алое. Да 3 *тюшека* коженыхъ, 2 сукна зеленыхъ на полавочникахъ; 2 *шандала* мѣдныхъ, тройной да двойной; да на дву столахъ, гдѣ подьячіе сидятъ—2 сукна голубые, польскіе» (лл. 6—7).

Подьячими приказной избы были: Θедоръ Наковальнинъ, Иванъ Калачниковъ, Иванъ Соловковъ, Матвѣй Налетовъ, Осипъ Сусловъ и еще 10 человѣкъ (л. 126).

При избѣ же состоялъ «*вѣстовщикъ*»—кіевскій житель Михаилъ *Сусловъ*, котораго велѣно «для провѣдыванья подлинныхъ вѣстей посылать изъ Кіева *тайно*, безпрестанно, въ Волоскую землю и въ польскіе городы»... Вѣстовыя свои «отписки» онъ долженъ посылать въ Кіевъ, откуда они пересылаются въ приказъ Малой Россіи (л. 127).

в) Въ приказной избѣ хранились между прочимъ—«64 книги, называемые *Трубы Духовные*, а тѣ книги присланы съ Москвы въ Кіевъ во 189 (1681) г., и велѣно ихъ въ Кіевѣ продавать по указной цѣнѣ, *по 2 рубли* книгу, а у тѣхъ книгахъ края побиты, изгибы погнили, а иные и въ переплетъ негодятца» (л. 15 об.).

г) Въ «*Меньшемъ* городѣ», на «*Софѣйскомъ* выводѣ» находилось «5 пищалей мѣдныхъ». Одна изъ нихъ описана довольно подробно: «*пищаль* мѣрою 4 аршинъ 2 вершковъ, ядромъ въ 6 гривенокъ, а сколько пудъ—того невѣдомо, для того что въ Кіевѣ терезей такихъ нѣтъ и привѣсить не на чемъ; а на пей *признакъ*—вылита *подпись*: Божіею милостію, повелѣніемъ государя царя и великого князя Михаила Θедоровича всеа Русіи, лѣта 7130-го (1622) году, *мастеръ* Григорей *Наумовъ*.—У выходу вылиты *личины*, около личинъ *змѣй*, а подлѣ ушей и запалу вылиты *травы*. Станокъ окованъ, ветхъ, на дубовыхъ каткахъ, катки неокованы» (лл. 25 об.—26).

д) *Пожарными* инструментами Кіевъ былъ очень не богатъ въ 1684 г.: въ росписи разныхъ инструментовъ встрѣчаемъ всего только «5 *крюковъ пожарныхъ*, желѣзныхъ, большихъ, на шестахъ», да 9 *вилъ* пожарныхъ, желѣзныхъ, на шестахъ» (л. 94).

е) Перечень *«государевыхъ дворовъ»*: въ *«Меньшемъ* городѣ» находилось 3 двора, гдѣ останавливаются бояре, окольничіе и воеводы, 2 двора для дьяковъ и 1 дворъ для стольниковъ и полковниковъ.—Въ *«Большомъ* городѣ»: дворъ, гдѣ стоитъ генералъ-поручикъ Петръ *Гордонъ*,—дворъ стольника и полковника Павла Бохина,—еще 17 дворовъ для «начальныхъ людей» и 143 «войсковыя избы» для стрѣльцовъ, почтовый дворъ (на немъ 28 лошадей), «дворъ, гдѣ дѣлаютъ зелье и ѳитиль»,—дворъ Кіево-Печерскаго монастыря.—Въ Большомъ и Меньшемъ «городахъ» находилось 13 колодезей и 2 мельницы (вѣтреная и «ручная»).—Въ *«Нижнемъ* городѣ»—бывшій дворъ епископа *Меѳодія*, гдѣ теперь лежатъ хлѣбные запасы.—«Подъ Кіевомъ, на берегу р. Днѣпра» устроена мельница «на дву бойдакахъ» (лл. 114 об.—119).

ж) Въ 1684 г. былъ «взятъ къ государеву двору, гдѣ ставятца первые бояре и воеводы»—*садъ*, расположенный *за* «Большимъ городомъ, за валомъ, *на горѣ*, повыше *Крещатика»*, противъ двора, гдѣ стоитъ полковникъ Юрій Ѳамендинъ. Въ саду—«43 дерева *волоскихъ орѣховъ»* (лл. 114 об.—115).

з) Описаніе *мостовъ*: «на р. *Днѣпрѣ* и на *Почайнѣ* и на *прошвахъ* мостъ наведенъ на прежнемъ мѣстѣ—на 19 парахъ *струговъ*, мѣрою 157 сажень съ полусаженью, да на 310 *плотахъ*, мѣрою 420 сажень съ полусаженью, да... на плоты здѣлано 6 примостковъ, мѣрою 3 саж., всего *608 сажень»*. Да «на *Пророѣ»* былъ прежде мостъ на стругахъ, но теперь они «отставлены», потому что на нихъ идетъ «многое число желѣза, смолы, пеньки и пропадаютъ якори». Вмѣсто струговъ мостъ построенъ на 37 «плотахъ», «для того что *плоты вѣчнѣе и прибыльнѣе»*. Мѣра этого моста 140 саж. (л. 128).

і) *«Крещацкой* мостъ, которой намощенъ былъ съ кіевскіе стороны по берегу р. Днѣпра, на режахъ, водою понело было и режи выламало и мостъ рознесло». Нынѣ онъ возобновленъ, снова на «режахъ», которыя и учинены *откапывая горы* выше старыхъ, для того, чтобъ впредь вешнею водою того мосту не понело». Мѣра этого моста 280 саж.—«Всего мостового строенія 1028 сажень» (л. 129).

V.

Богатый кіевлянинъ конца XVII в.

Въ кіевскихъ документахъ 1670—80-хъ годовъ нерѣдко встрѣчается имя богатаго кіевскаго жителя, торговаго человѣка, родомъ

«гречанина» — *Николая Торніота.* Оно фигурируетъ главнымъ образомъ въ «вѣстовыхъ отпискахъ» кіевскихъ воеводъ въ Москву. По своимъ крупнымъ торговымъ дѣламъ Торніотъ дѣлалъ поѣздки въ «Турскую землю», Польшу и др. страны. Возвращаясь домой, въ Кіевъ, онъ обязательно сообщалъ воеводамъ послѣднія политическія новости посѣщенныхъ имъ странъ. Къ его «вѣстямъ» относились въ Кіевѣ и Москвѣ съ довѣріемъ, такъ какъ видѣли въ Торніотѣ человѣка развитаго и бывалаго, обладавшаго, благодаря своимъ обширнымъ торговымъ связямъ, искусствомъ добывать крупныя и достовѣрныя политическія новости.

Но въ 1686 г. этотъ цѣнный источникъ добыванія «вѣстей» неожиданно изсякъ: по неизвѣстнымъ намъ причинамъ Н. Торніотъ «великимъ государемъ *измѣнилъ — отъѣхалъ* въ нынѣшнее воинское время въ Турскую землю», оставивши въ Кіевѣ свою семью и дворъ. Тогда приказъ Малой Россіи предписалъ кіевскимъ воеводамъ боярину кн. Юрію Семеновичу Урусову съ товарищи — дворъ Торніота «отписать на великихъ государей».

«Переписная роспись» этого двора находится въ кіевскомъ «*росписномъ спискѣ*» 1687 г.[1]) «Роспись» очень интересна для характеристики домашней обстановки богатыхъ кіевлянъ конца XVII в. Документъ обстоятельно описываетъ усадьбу Торніота и особенно подробно останавливается надъ внутреннимъ убранствомъ его дома. Начавши — по обыкновенію — съ «Божьяго милосердія», роспись переходитъ къ серебряной, мѣдной и оловяной *посудѣ* Торніота, затѣмъ описываетъ его *оружіе*, *драгоцѣнныя вещи*, *монеты*, *платье* и проч.

Представляю эту любопытную «роспись» въ извлеченіи, не выбрасывая ничего существеннаго.

«Роспись» начинается слѣдующимъ предисловіемъ: «въ нынѣшнемъ во 195-мъ году, сентября въ 18 день, въ грамотѣ великихъ государей.... изъ приказу Малой Россіи въ Кіевъ, къ боярину и воеводамъ ко кн. Ю. С. Урусову съ товарищи написано: велѣно на дворъ кіевского жителя гречанина Николая *Торніотого* послать кого пристойно и велѣть при кіевскомъ войтѣ на томъ его дворѣ животы всѣ и дворовое всякое строеніе переписать и *отписать* на великихъ государей, а *жену* его и *брата* — буде есть — дать на крѣпкіе поруки и изъ двора ихъ выслать, а буде порукъ не будетъ — велѣно ихъ держать въ тюрьмѣ до указу великихъ государей, потому что по

---

[1]) *Кіевскаго стола* кн. № 55, лл. 109 об.—122.

вѣдомостямъ онъ, Николай, великимъ государемъ измѣнилъ—отъѣхалъ въ нынѣшнее воинское время въ Турскую землю. А учиня по тому великихъ государей указу, велѣно къ нимъ великимъ государемъ писать и *переписную роспись* двору и животамъ прислать къ Москвѣ, за перепищиковою и стороннихъ людей за руками и за дьячею приписью» (лл. 109 об.—110).

«И по тому великихъ государей указу», для описи двора «Н. Торніотого» воеводы послали стольника и подполковника Ивана Спѣшнева, капитана Семена Вишина, подьячаго Ивана Соловкова, войта Яна *Быковича*, бурмистра Яна *Соононовича*, райцу Александра *Кумченка*, сотника Савву *Туптала*, двухъ «ратушныхъ подписковъ» и др. Представленная И. Спѣшневымъ «переписная роспись» отправлена въ приказъ Малой Россіи 21 октября 195 г., а «черная роспись» оставлена въ кіевской приказной избѣ.

«А въ росписи написано» (л. 112): стольникъ И. Спѣшневъ съ товарищи, во дворѣ Н. Торніота, находившемся въ «*Нижнемъ городѣ*», переписали «въ *свѣтлицѣ* Божіе милосердіе: *образъ* Спасовъ, окладъ серебреной позолоченъ, съ вѣнцомъ вѣнецъ съ чернью, въ кіотѣ, кіотъ рѣзной, вызолоченъ» —Затѣмъ также подробно описано еще *13 образовъ*, изъ нихъ—8 въ серебряныхъ позолоченныхъ «окладахъ», а 5—безъ окладовъ (л. 113).

Подъ образомъ стояли 4 мѣдныхъ малыхъ «*шендаловъ*», да висѣло мѣдное «*поникадило*» (л. 114).

«Въ *сундукѣ*», стоявшемъ въ «свѣтлицѣ», найдены слѣд. *серебряныя* вещи: вызолоченный «*роструханъ*», большая «*стопа*», 13 «*дастакановъ*», 21 *ложка*; *оловянныя* вещи: 26 *блюдъ* «середней статьи», 1 большое блюдо, 11 малыхъ блюдъ, 12 *тарелокъ*; затѣмъ— «*стопа* каменная, черная, оправлена оловомъ»; 3 мѣдныхъ «одинокихъ шендаловъ» и 1 оловянный «шендалъ» (л. 114).

«*Шкатунка*, а въ ней 3 *четвертины* угольныхъ, да *рукомойникъ*, оловеные».—Въ другой «шкатункѣ»—4 оловянныхъ «угольныхъ четвертинъ», третья «шкатунка»—пустая (лл. 114 об.—115).

Оловянныя вещи: 2 «*стопы* съ крышками» и 2 небольшихъ «*кубгана*» (?).—*Мѣдные* предметы 2 «*чашки*»; 4 чашки «турецкіе работы»; «чаша рукомойная» и «*рукомойникъ* съ кувшиномъ», «полуженые, турецкіе работы»; 2 малыхъ «*ендовки*»; «*иготь* съ пестомъ»; турецкое *блюдо*; «*кубикъ* съ крышкою»; «*ендова*»; 2 *котла*; 2 *лохани*, «полуженые», турецкой работы; *кувшинъ* турецкой работы; *горшокъ*; *желѣзная сковорода* (л. 115).

Оружіе Торніота: «*сабля* булатная, оправлена серебромъ, черенъ рыбей, наконечника нѣтъ»; «пара *пистолей*», въ мѣдной оправѣ «*ѳузѣя*, насѣчена серебромъ»; «простая *пищаль*»; «*карабинъ* съ русскимъ замкомъ»; «*чеканъ*», оправленный въ серебро; небольшая «нѣмѣцкая *шпашка*»; 20 *стрѣлъ* «*кіевскіе работы*» (л. 116).

«Въ *подголовкѣ*» найдены: 3 пары золотыхъ *серегъ*, съ жемчугомъ и камнями, турецкой работы; 4 «*червонныхъ* двойныхъ золотыхъ», одинъ изъ нихъ—«въ четыре червонныхъ»; «червонной одинокой турецкой»; «золотая *копѣйка*»; 49 «*тарелей* (талеровъ) битыхъ»; 23 «польскихъ *юрта*» (юртъ въ 4 алтына); «*маниста* жемчюжная» въ одну нитку, крупнаго жемчуга, съ 7 «*дукатами*» золотыми червонными; 10 нитокъ крупнаго и мелкаго *жемчуга* (л. 116).

Небольшой ящикъ съ *шафраномъ*; ящикъ *съ золотыми и серебряными кружевами*; «штука *цвилиху*»; «500 *бунтовъ* простыхъ *ножей*»; 4 «портища *выбойки* травчетой» (л. 117).

«*Платье мужское*»: «*каѳтанъ* обьяринной, вишневой, холодной, на немъ 32 пуговицы серебреныхъ, золоченыхъ *съ финифтью*»; «зуѳ ряной каѳтанъ», черный, холодный, съ 5-ю серебренными золочеными пугвицами; суконный лазоревый каѳтанъ, подложенъ кумачемъ, старый; старый лазоревый «киндячной» кафтанъ; «киндячный» кафтанъ «крапивной цвѣтъ», съ 9 серебряными пуговицами; «*шабалія*, подъ бѣлымъ сукномъ, нашывка золотая»; лисья *шуба*, подъ лазоревымъ сукномъ, съ 22 шелковыми съ серебромъ пуговицами; суконные *штаны*; старые красные кумачные штаны; «*тесьма* шелковая, на ней *плащи* (пластинки?) серебреные вызолочены, съ каменьи» (поясъ?); шелковый тканый турецкій *кушакъ* (лл. 117 об.—118).

«*Женского платья*»: красная бархатная «*шветка*», подложена собольими пупками, «около ее (обложено по краямъ) золотымъ *плетенкомъ*», съ 24 серебренными позолоченными малыми пугвицами»; атласный алый «травчетый *кунтушъ*», на горностаѣ, съ 10 серебряными пуговицами, «около кунтуша плетенекъ золотой»; «обьяринной кунтушъ», на бѣлкахъ, съ «золотымъ плетенкомъ» и 9 серебряными позолоченными пуговицами «съ финифтью»; «обьяринная» зеленая «*исподница*», съ золотымъ «плетенкомъ»; красная «исподница», съ такимъ же «плетенкомъ»; «исподница» атласная, зеленая, «травчетая зъ золотомъ», съ «серебренымъ плетенкомъ», (лл. 108 об.—119).

3 хрустальныхъ *зеркала*, средней величины; большое хрустальное зеркало (л. 119 об.).

«Дворовато строенія»: на дворѣ новая *«свѣтлица»* съ *«комнатою»*; противъ свѣтлицы — *«бѣлая изба»*, въ ней *«волоская печь»*; свѣтлицу съ избой соединяютъ *«сѣни»*, надъ сѣньми *«чердакъ»*; въ свѣтлицѣ, комнáтѣ и избѣ—5 большихъ стеклянныхъ *«окончинъ»*, да на чердакѣ 3 такія же «окончины».

Другая—«старая свѣтлица», съ «комнáтою и «избою», кои соединены «сѣньми», въ свѣтлицѣ и комнатѣ—3 большихъ «окончины» (лл. 119 об.--120).

«На дворѣ»: 2 небольшія старыя *«клѣти»*, «порозжія»; *конюшня* и *сарай*, крытые оба *«дранью»* (л. 120).

«На *огородѣ*, въ саду—*баня* ветха, покрыта дранью».—«Въ *саду* деревья—*вишни, сливы, виноградные кусты»*.—Дворъ огороженъ весь *«въ заборъ*, ворота большіе съ *калиткою*, покрыты драною» (л. 120 об.).

Всѣ эти «Миколаевы животы Торніота» положены были въ «компатѣ» и «бѣлой избѣ» новой свѣтлицы, гдѣ и запечатаны печатями воеводы боярина кн. Ю. С. Урусова и кіевскаго войта Яна Быковича. *Теща* Торніота показала, что изъ оловяной посуды—14 блюдъ, 14 тарелокъ и 2 мѣдныхъ «шендала»—принадлежатъ ей. Однако Спѣшневъ не нашелъ возможнымъ возвратить ей эти вещи и всѣ они были запечатаны вмѣстѣ съ прочими. Для караула у вещей поставили 5 солдатъ и стрѣльцовъ.

Прасковья Торніотъ, жена бѣжавшаго Николая—«поручные записи по себѣ не собрала, а сказала: ручатца—де по ней нѣкому»... Она же заявила о братѣ ея мужа—Степанѣ Торніотѣ, что онъ уѣхалъ съ товарами въ брянскій уѣздъ, на *«свинскую* ярмонку», а оттуда собирался въ Москву.

Жена Торніота оставлена во дворѣ мужа и «отдана на томъ же дворѣ за караулъ, до указу великихъ государей» (лл. 120 об.—122).

На подлинной «переписной росписи» рукою И. Спѣшнева было написано, что кіевскій сотникъ Савва Тупталъ и войтъ Янъ Быковичъ не приложили своихъ рукъ къ «росписи», а составили, «особые свои двѣ росписи противъ той же (Спѣшнева) росписи», которыя и взяли съ собою—одну взялъ сотникъ, другую войтъ (л. 122).

Этимъ замѣчаніемъ и заканчивается «роспись». О дальнѣйшей судьбѣ семьи Николая Торніота и его имущества—мнѣ неизвѣстно.

Н. Оглоблинъ.

Кіевскіе толмачи.

Указомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 26 января 1723 года велѣно было «для посылокъ въ Царьградъ выбрать въ Кіевѣ изъ рейтаръ самыхъ добрыхъ десять человѣкъ, да изъ козаковъ, которые по турецки и по татарски говорить могутъ, десять и привесть ихъ къ вѣрѣ въ томъ, чтобы имъ какъ туда ѣдучимъ, такъ и назадъ возвращающимся, ничьихъ партикулярныхъ писемъ не возить, и давать на всякой съѣздъ рейтару по 30-ти, козаку по 20-ти рублевъ, а въ бытность въ Царьградѣ при резидентѣ даванъ имъ будетъ поденной кормъ; и тѣхъ опредѣленныхъ рейтаръ и козаковъ въ другія ни въ какія посылки не посылать, чтобъ они для посылокъ въ Царьградъ были всегда въ готовности и, за отсылкою ихъ куда, присылаемымъ изъ кол. ин. дѣлъ указомъ въ Кіевѣ удержанія бъ не было; а присланныя письма изъ Царяграда отъ резидента въ кол. ин. дѣлъ присылать на почтѣ ея нарочными особливыми посыльщики; а кто имянно рейтары и козаки для тѣхъ посылокъ выбраны и опредѣлены будутъ, тѣмъ имянную роспись и присяги ихъ прислать при доношеніи въ кол. ин. дѣлъ».

Въ силу этого указа тогда же выбрано было изъ козаковъ семь человѣкъ толмачей, которые и состояли въ распоряженіи кіевской губернской канцеляріи. Эти толмачи изъ козаковъ «для содержанія ихъ годовымъ жалованьемъ и порціями и раціями» зачислены были въ охочекомонный Чесноковъ полкъ «въ указное число».

Когда затѣмъ кто либо изъ этихъ козаковъ умиралъ, то на его мѣсто опредѣлялся въ толмачи и зачислялся въ тотъ же Чесноковъ полкъ, по приговорамъ кіев. губ. канц., кто либо изъ выходившихъ изъ плѣна козаковъ или другихъ лицъ, умѣвшихъ говорить по турецки и по татарски. Полкъ, въ которомъ эти лица только лишь числились для полученія изъ него жалованья и другаго «довольствія», тяготился содержаніемъ такихъ козаковъ и полученіе ими этого содержанія, какъ видно, сопряжено было съ большими затрудненіями. Затрудненія эти вызвали долго длившуюся переписку между кіев. губ. канц. и генеральной войсковой канцеляріей. Разрозненные обрывки этой то переписки, найденные мною въ архивѣ кіев. губ пр., и послужили мнѣ матеріаломъ для настоящей замѣтки.

Въ 1745 г. ген. войск. канц. справедливо указывала на тѣ затрудненія, какія представляетъ доставленіе толмачамъ содержанія изъ такъ наз. Чеснокова полка, расположеннаго тогда по форпостамъ на

украинской линіи, и при этомъ рекомендовала собирать «порціи и раціи» для толмачей съ жителей Воскресенской слободки, которая, входя въ составъ кіевскаго полка и составляя «мѣстность кіев. генералъ-губернатора», съ его же разрѣшенія, была «въ ревизію для всякихъ указнихъ расположеній введена». Но слободка эта была такъ бѣдна, что и половины требуемаго для толмачей довольствія поставить не могла. Въ 1750 г. ген. войск. канц., по ордеру гетмана Разумовскаго, совсѣмъ было прекратила выдачу жалованья толмачамъ изъ войсковаго скарбу, какъ не отбывающимъ службы при полку, распорядилась даже совсѣмъ выключить ихъ изъ полковыхъ компутовъ, а кіев. губ. канцелярію увѣдомила, что «ежели де оные толмачи при кіев. губ. канц. потребны, то бы отъ оной губ. канц. и денежное жалованье и порціонную и раціонную имъ дачу производить».

Очевидно по ходатайству самого гетмана, только лишь въ 1752 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе выдавать толмачамъ содержаніе изъ другаго источника, а именно изъ тѣхъ сборовъ, какіе поступали въ кіев. губ. канц. съ живущихъ въ Малой Россіи раскольниковъ.

Въ теченіи тридцати лѣтъ число толмачей ограничивалось семью. Въ 1753 г., по поводу ходатайства кіев. губ. канц. о назначеніи сверхъ этого числа еще одного толмача, коллегія ин. дѣлъ увѣдомила, что де «по отправленному въ 1723 г. указу велѣно толмачей для царегородскихъ посылокъ содержать въ Кіевѣ *по десяти человѣкъ*». А въ 1766 году указомъ прав. сената отъ 12 января постановлено содержать при кіев. губ. канц. *двѣнадцать* толмачей и изъ нихъ находящимся на лицо оставить прежніе оклады, а «на протчіихъ и на опредѣляемыхъ впредь на вакансіи опредѣлить противъ штатнаго положенія суммою по 30 руб. на каждаго, но однако изъ того оклада производить, смотря по заслугамъ ихъ, отъ 24 до 48 рублей».

Поѣздки въ Царьградъ совершались толмачами совмѣстно съ рейтарами, т. е. посылался обыкновенно рейтаръ, а *при немъ* толмачъ, и положеніе этихъ лицъ, служебное и имущественное, было далеко не одинаково. Въ 1744 г. резидентъ Неплюевъ писалъ въ кол. ин. дѣлъ, что присылаемые къ нему въ курьерахъ рейтары, «*а паче толмачи* ѣздятъ смрадно роздранные и въ дорогѣ подлой народъ зело ихъ презираетъ и въ Константинополѣ со стыдомъ являютца, и изъ нихъ же нѣкоторые, *а особливо изъ толмачей*, недостойны въ царегородскіе посылки и употребляемы быть по худобѣ ихъ». Коллегія предписала «тѣхъ толмачей разсмотрѣть и негодныхъ въ тѣ посылки не употреблять, *и съ рейтары, кои сами умѣютъ по турецки,*

толмачей и посылать не для чего, и велѣть имъ всѣмъ въ дорогѣ ѣздить и наипаче въ Константинополь пріѣзжая тамо являтца въ твердомъ, а не въ раздранномъ мундирѣ».

Тогда же для константинопольскихъ посылокъ выбрано было изъ рейтаръ *тридцать* человѣкъ и «дабы они содержали себя постоянно, обязаны другъ по другу круговою порукою и что посланной съ ними казны кто утратитъ, то повинны за одного всѣ платить».

Что же это были за люди толмачи? изъ какой среды, какого образованія, какихъ «нравовъ и обычаевъ»? Все, что только можно было извлечь изъ имѣвшихся у меня документовъ въ отвѣтъ на это, я и сообщаю ниже.

Въ 1744 году при кіев. губ. канц. состояло семь человѣкъ толмачей: *Юрьевъ* Михаилъ изъ грековъ съ 1729 года, *Александровъ* Андрей изъ волоховъ съ 1733 г., *Манюкинъ* Иванъ, *Янковскій* Иванъ, *Варламовъ* Софронъ, *Вишалченко* Павелъ и *Якимовъ* Яковъ. Изъ нихъ въ томъ же 1744 году выключены были: Янковскій, о которомъ уже за три года передъ тѣмъ чрезвычайный посолъ Румянцевъ писалъ, чтобъ его не посылали въ Константинополь «по долговременной его службѣ и старости», и Варламовъ, который слылъ горькимъ пьяницей. На ихъ мѣсто тогда же опредѣлены были: *Юрьевъ* Василій и *Яковлевъ* Савелій. Послѣдній былъ уроженецъ лубенскаго полка, козачій сынъ и по освобожденіи своемъ изъ турецкаго плѣна былъ приставленъ въ Константинополѣ «къ переводческимъ дѣламъ», но оказался къ нимъ неспособнымъ, а потому и попалъ въ толмачи для посылокъ, такъ какъ все таки говорить и по турецки, и по гречески, равно какъ читать и писать, оказалось, «отчасти умѣетъ».

О *Якимовѣ* Яковѣ сами товарищи три человѣка, послѣ многократныхъ товарищескихъ увѣщаній не пьянствовать, заявили въ губерн. канц., что де онъ «издавна находится съ женою своею во всегдашнемъ пьянствѣ и валяется по базару», ни одежды порядочной, ни оружія не имѣетъ, и если де «употребленъ будетъ въ иностранную какую посылку, то чрезъ одного его и другимъ россійскимъ курьерамъ послѣдовать можетъ напрасное безславіе».

Бѣлый Григорій, войска запорожскаго, полтавскаго куреня козакъ: съ 1736 по 1742 годъ былъ въ плѣну, откуда бѣжалъ и жилъ въ Запорожьи по 1744 г., когда отправленъ былъ отъ войска, въ качествѣ переводчика, сопровождать поручика Никифорова въ Крымъ. Въ 1745 г. подалъ въ кіевск. губ. канц. заявленіе о желаніи своемъ служить толмачемъ, «понеже имѣю намѣреніе оженитца и пребыва-

ніе имѣть въ Малой Россіи», и, пробывъ два года толмачемъ сверхъ комплекта, зачисленъ былъ затѣмъ въ «указное число» на мѣсто Якимова.

Примощинъ Иванъ,—уроженецъ миргородскаго полка, козачій сынъ, взятъ былъ въ 1737 г. во время татарскаго набѣга въ плѣнъ, гдѣ и былъ продаваемъ въ разныя мѣста, а въ 1748 г. изъ г. Киліи бѣжалъ и, прибывъ въ Кіевъ, попалъ въ толмачи. По экзамену оказался говорящимъ по турецки и по татарски хорошо, а по волоски «неаккуратно»».

Мельниковъ Матвѣй,—уроженецъ г. Нѣжина, съ малолѣтства служилъ у купцовъ грековъ, съ которыми и ѣздилъ часто въ Крымъ и Турцію, выучился говорить по турецки и по гречески хорошо, а по татарски, по волоски, по венгерски и по сербски «еще неаккуратно», опредѣленъ толмачемъ въ 1748 г.

Проломовъ Иванъ,—уроженецъ польскаго мѣстечка Осмянина, былъ шесть лѣтъ въ турецкомъ плѣну, зналъ языки турецкій, татарскій и волоскій, опредѣленъ толмачемъ въ 1749 году. Въ 1750 году резидентъ Неплюевъ отправилъ его изъ Константинополя въ Кіевъ «не по очереди, но по сумнѣнію, что въ бытность его въ турецкомъ полону былъ обрѣзанъ», при чемъ Неплюевъ требовалъ, чтобы Проломова въ Константинополь уже никогда бы не посылали, такъ какъ кромѣ такого «о потурченіи подозрѣнія весьма неприличного», Проломовъ и «къ пьянству весьма склоненъ».

Приходченко Якимъ,—уроженецъ полтавскаго полка м. Царичении, козачій сынъ, въ 1737 году «набѣжавшими на состоящій близъ того мѣстечка хуторъ Проточь татарами съ протчими обывателями взятъ былъ въ полонъ и отвезенъ въ Крымъ, а оттуда проданъ въ Константинополь тамошнему турченину, а отъ него проданъ же за белое море, гдѣ находился по 1748 г., а въ томъ году по освобожденіи обрѣтался въ Константинополѣ въ россійскомъ дворѣ какъ при покойномъ резидентѣ Неплюевѣ, такъ и при нынѣшнемъ Обресковѣ, приворотникомъ, а въ нынѣшнемъ 1752 году въ іюлѣ мѣсяцѣ отправленъ отъ него, Обрескова, при посланномъ въ Кіевъ кіевскомъ рейтарѣ капралѣ Иванѣ Козловѣ за толмача, для того, что какъ будучи въ полку, такъ и при россійскомъ дворѣ, обучился говорить по гречески, по турецки и по арапски, а писать по русски и по гречески». Въ томъ же 1752 г. онъ зачисленъ былъ въ толмачи.

Ханенко Михаилъ,—уроженецъ черниговскаго полка с. Ладинки, козачій сынъ, въ 1738 г. подъ Перекопомъ взятъ былъ въ турецкій

плѣнъ, гдѣ и находился по 1754 г. Присланный по освобожденіи изъ плѣна резидентомъ Обресковымъ въ Кіевъ, просилъ о пріемѣ его «за полонное терпѣніе» въ число толмачей, такъ какъ онъ выучился говорить по гречески и по турецки. По экзамену, оказался въ разговорахъ на этихъ языкахъ искуснымъ, почему и принятъ былъ «сверхъ комплекта» въ число толмачей.

Ивановъ Матвѣй, — уроженецъ турецкой области г. Битлиса, армянинъ. Оставивъ въ молодости родной городъ, служилъ въ Константинополѣ у греческихъ купцовъ, тамъ и женился на купленной имъ у турка русской плѣнной дѣвушкѣ. «И увѣдавъ турки, что онъ принялъ намѣреніе быть въ кафтолической греческаго исповѣданія вѣрѣ, хотѣли было его умертвить, и затѣмъ онъ, убоясь безвременной смерти, въ 1746 г. явился со оною женою къ бывшему въ Константинополѣ россійскому министру Неплюеву, которымъ и принятъ въ россійскій дворецъ и по осьми дняхъ отправленъ отъ него съ россійскими купцами и съ протчими плѣнниками моремъ на кораблѣ въ Россію». Поселившись въ Нѣжинѣ, Ивановъ принялъ православіе и занимался «сидѣніемъ въ купеческихъ шинкахъ у продажи напитковъ», а въ 1755 г. попалъ въ толмачи, какъ умѣющій говорить по турецки, по гречески и по армянски.

Пешковъ Василій,—уроженецъ г. Черкасска, козачій сынъ, подъ Азовомъ попалъ въ плѣнъ, въ которомъ и находился 25 лѣтъ, при чемъ выучился говорить по турецки. Прибывъ въ 1756 г. съ кн. Долгоруковымъ въ Кіевъ, Пешковъ привезъ съ собой жену и прижитыхъ имъ въ плѣну троихъ дѣтей, которые и были крещены въ Кіевѣ. Зачисливъ самаго Пешкова въ толмачи, начальство поручило двухъ сыновей его переводчику Ѳедору Семенову для дальнѣйшаго обученія ихъ турецкому языку.

Лазовъ Ѳедоръ,—уроженецъ г. Трапезонта, ребенкомъ привезенъ былъ Капнистомъ въ Россію вмѣстѣ съ матерью и крещенъ въ с. Сорочинцахъ. Мать его выдана была замужъ за грека Лазова, который въ 1746 г. поселился въ Кіевѣ; здѣсь Ѳедоръ, будучи искусенъ въ языкахъ турецкомъ и греческомъ, въ 1757 г. опредѣленъ былъ въ толмачи, а въ 1762 г. умеръ въ Константинополѣ, заразясь въ дорогѣ моровою язвой.

Юрьевъ Иванъ, прося въ 1755 г. объ опредѣленіи его въ толмачи, сообщалъ о себѣ такія свѣдѣнія: «Уроженецъ я малороссійскаго г. Нѣжина, козацкой сынъ, и въ прошломъ 1735 году отецъ и мать мои, взявъ меня малолѣтного, поѣхали было въ запорожскую Сѣчь,

и не доѣзжая оной Сѣчи, напавъ, крымскіе татары отца и мать и меня и протчихъ тогда идущихъ съ нами малороссіянъ взяли въ полонъ и привезли въ крымской городъ Бакцысарой и тамо продали турченину Агмету, который повезъ меня моремъ до турецкого города Трапизонта, а изъ того города отвезши меня оной Агметъ въ турецкой городъ Коистръ, продалъ тамошнему жителю греку Осипу Хатзи, у котораго я жилъ зъ двѣнадцать лѣтъ; а потомъ оной грекъ Хадзи отъ себя меня въ турецкой же городъ Змиръ къ пребывающему тамо галанскому консулю объявилъ, а тотъ консуль отослалъ меня въ Константинополь къ россійскому резиденту Обрескову, который въ прошломъ 1754 г. при случившейся оказіи отправилъ меня въ Кіевъ, гдѣ и по нынѣ для обученія грамотѣ въ кіево-печерской крѣпости при церкви преподобнаго Ѳеодосія въ школѣ пребываю. А про вышеписанное все я за малолѣтствомъ своимъ ничего бъ сказать не зналъ, но мнѣ взятые обще съ отцомъ и матерью моею и со мною татарами въ полонъ малороссійскіе, знающіе отца моего, нѣжинскіе и протчіе жители объявляли. А понеже я по турецки говорить доволно знаю, а по малой части и по гречески и по волоски говорить умѣю, и за неимѣніемъ никого изъ свойственниковъ своихъ пропитанія себе ни откуда не имѣю, и для того желаю я быть при к. г. к. для константинопольскихъ и протчихъ посылокъ толмачемъ».

Принятый тогда же въ толмачи, Юрьевъ очень скоро обнаружилъ «непорядочные поступки» и въ 1756 г. послѣ поѣздки его въ Константинополь съ рейтаромъ и вахмистромъ Берщовымъ, представившимъ обстоятельное донесеніе о поведеніи своего спутника, выключенъ былъ изъ числа толмачей «за его пьянство и непорядки». Въ Константинополѣ же резидентъ Обресковъ высѣкъ его плетьми и «для избѣжанія страму» уплатилъ изъ своихъ средствъ его долгъ какому то турку.

Красниковъ Иванъ,—уроженецъ польскаго мѣстечка Медведовки, взятъ былъ въ плѣнъ въ 1735 г., а въ 1742 г. бѣжалъ изъ него къ резиденту Вешнякову, у котораго и жилъ въ услуженіи, исполняя иногда обязанности толмача, и въ 1744 г. отправленъ былъ съ освобожденными плѣнными въ Черкаскъ. Женившись на плѣнной дѣвушкѣ и желая жить въ Кіевѣ, онъ просилъ мѣста толмача, которое и было ему тогда же предоставлено. Въ 1749 г., по письму Неплюева о «безмѣрномъ пьянствѣ» его, онъ отставленъ былъ отъ константинопольскихъ посылокъ, но въ 1754 г. генералъ-губернаторъ Леонтьевъ приказалъ вновь быть ему толмачемъ по прежнему. Однако изъ Красника, какъ видно, плохой былъ толмачъ: жалобы на его пьянство и «не-

порядки» заявлялись не однимъ изъ тѣхъ рейтаръ, съ которыми приходилось ему ѣздить. Привожу одну изъ такихъ жалобъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе о большинствѣ тѣхъ «доношеній», какія имѣлись у меня въ рукахъ и съ какими обращались рейтары въ кіев. губ. канц. Вахмистръ рейтарской команды Ѳедоръ Озеровъ, по возвращеніи своемъ изъ командировки въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1763 года, подалъ генералъ-губернатору Глѣбову слѣдующее доношеніе: «Сего 1763 г. ноября 1-го дня отправленъ я изъ Константинополя отъ пребывающаго тамъ министра Обрескова съ письмами въ Кіевъ и при томъ отправленіи приданъ мнѣ толмачъ Иванъ Красниковъ, которой отъ самого Константинополя будучи въ пути находился завсегда въ пьянствѣ и чинилъ великіе непорядки, отъ которыхъ я всѣми мѣрами его воздерживалъ и выводилъ его изъ питейныхъ домовъ насильно, отчего въ турецкихъ мѣстахъ ѣхать съ нимъ было весьма постыдно; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, будучи онъ пьяной, стрелялъ изъ заряженныхъ пулями пистолетъ, и въ одно ночное время близъ меня пролетѣла пуля; будучи жъ въ польскомъ мѣстечкѣ Липовцахъ, намѣренъ былъ меня застрелить; что видя, я отъ него удалялся и напослѣдокъ, отнявъ пистолеты, кремни изъ нихъ вынялъ, то онъ, злобствуя за то, тамошнему арендарю жиду Нюхину объявилъ, якобы я шпіонъ, и, уговаривая, усильно просилъ, дабы онъ, Нюхинъ, имѣющуюся у меня экспедицію отобралъ, а за то обѣщалъ онъ ему, жиду, учинить заплату, а послѣ того слѣдующимъ изъ Бендеръ малороссійскимъ козакамъ приказывалъ, чтобъ меня въ его голову до смерти убили; то я, видя его Красникова такъ худыя предпріятія и поступки, принужденъ былъ оного для безопасности въ м. Липовцахъ оставилъ, и такъ я отъ того м. Липовецъ слѣдовалъ до карантинного дому одинъ, отчего имѣлъ въ пути не малую опасность; къ тому жъ онъ Красниковъ, за онымъ же своимъ несостояніемъ, будучи со мною въ карантинѣ, при выпускѣ въ Кіевъ, тамо остался; о чемъ в. вп—ву въ покорности донося, предъявляю, что толмача Красникова впредъ посылать при экспедиціяхъ весьма постыдно, да и опасно».

Шиферовъ Иванъ,—назначенный на мѣсто Красникова, неизвѣстнаго происхожденія человѣкъ, по принятіи въ 1759 г. русскаго подданства, отправленъ былъ съ письмами въ Константинополь, гдѣ и находился при резидентѣ Обресковѣ «для смотренія имѣющагося тамо казеннаго двора», а съ 1764 г. употреблялся для посылокъ въ качествѣ толмача, какъ человѣкъ знавшій языки турецкій, греческій, итальянскій и нѣмецкій.

Григоровичъ Христофоръ,—уроженецъ польскаго мѣстечка Бродъ, отецъ его «армянской націи», а мать полька, по вѣроисповѣданію католикъ, въ 1759 г. съ прислугой польскаго посла побывалъ въ Константинополѣ, гдѣ и выучился говорить по турецки. Бывши затѣмъ въ Бендерахъ, гдѣ хотѣлъ было занять у паши писарскую должность, которую исполнялъ полякъ Якубъ Скавронскій, познакомился съ проѣзжавшими изъ Константинополя русскими рейтаромъ и толмачемъ и просилъ ихъ взять его съ собою въ Кіевъ, куда и прибылъ въ мартѣ 1767 г. Такъ какъ онъ умѣлъ говорить по турецки, по армянски и «нѣсколько» по нѣмецки, кромѣ того читалъ и писалъ по польски, то и былъ тогда же принятъ въ штатъ толмачей съ назначеніемъ ему жалованья «до усмотренія впредъ» по 24 руб. въ годъ.

Надо полагать, что толмачамъ, раньше опредѣленія ихъ на службу, производился экзаменъ въ кіев. губ. канцеляріи, при которой существовалъ особый штатъ переводчиковъ. Такъ, въ имѣвшихся у меня документахъ фигурируютъ въ 50-тыхъ годахъ въ качествѣ такихъ экзаменаторовъ: по турецкому языку—кол. секретарь Константинъ Реткинъ, а по греческому—переводчикъ Ѳедоръ Семеновъ. Кромѣ случайно попадавшихъ въ толмачи лицъ, для той же роли подготовлялись и молодые люди въ Константинополѣ при дворѣ русскаго резидента. Способнѣйшіе изъ нихъ попадали въ «переводчики», служебное положеніе которыхъ было выше положенія толмачей. Вообще эти два положенія «переводчики» и «толмачи» строго различались.

Въ 1745 г. резидентъ Вѣшняковъ, отправляя въ Кіевъ молодаго человѣка толмача Константина Юрьева, отецъ котораго служилъ переводчикомъ при кіев. губ. канц., писалъ генералъ-губернатору: «удержалъ видя его великую остроту и понятность, какъ и суще зѣло остръ въ ученіи, въ турецкомъ много успѣлъ, и конечно бъ можно было отъ него годность ожидать быть при границахъ *современемъ и въ переводчикахъ*». По просьбѣ Вѣшнякова, генералъ-губернаторъ командировалъ Юрьева въ Петербургъ съ бумагами въ коллегію ин. дѣлъ, откуда онъ и отправленъ былъ скоро «курьеромъ съ нужнѣйшими указами къ резиденту Неплюеву и для тамошней бытности опредѣлено ему давать жалованья противъ другихъ *обрѣтающихся въ Константинополѣ молодшихъ учениковъ* по сту рублей въ годъ». Отецъ этого молодаго толмача Харитонъ Юрьевъ въ 1723 году опредѣленъ былъ для турецкихъ писемъ переводчикомъ при кіев. губ. канц., съ жалованьемъ по 36 р. въ годъ, и въ 1742 г., прося о прибавкѣ ему жалованья *или объ отпускѣ его въ родной городъ Ясы*, заявлялъ, что онъ «чрезъ толь продолжительное время пришелъ въ

старость и дряхлость и зрѣніемъ изнемогъ». Коллегія ин. дѣлъ предписала не отпускать Юрьева въ отечество, а «въ разсужденіи того, что онъ при кіев. губ. канц. обрѣтается чрезъ многіе годы и другаго переводчика нѣтъ, велѣно ему давать прежній окладъ и должность переводческую по возможности исправлять, при томъ же сыну его Константину, который умѣетъ говорить по россійски, по гречески, по волоски и по турецки, а читать и писать по русски и по гречески, и желаетъ, обучась по турецки, быть на мѣсто отца своего и просилъ, дабы отцу его при старости и крайней бѣдности учинить къ жалованью придачу, а его Константина опредѣлить зъ годовымъ жалованьемъ же при кіев. губ. канц. ко отцу его въ ученики турецкого письма, гдѣ будучи можетъ онъ и ему, отцу своему, вспомогать и отъ него обучаться, а между тѣмъ на греческомъ и на волоскомъ языкѣ при канцеляріи въ словесныхъ переводахъ служить и употреблять его за толмача; къ тому жъ велѣно ему, Константину, обучаться тѣмъ языкамъ, кои онъ уже говорить знаетъ, чтенію и письму, дабы онъ впредъ могъ быть годнымъ переводчикомъ; а для пріохочиванія его къ тому, ему, Константину, и особливое сперва толмачевское жалованье давать по разсмотрѣнію кіев. губ. канц., ибо въ Кіевѣ *безъ переводчика и толмачей* тѣхъ языковъ быть никакъ нельзя».

Способнѣйшіе изъ толмачей достигали высшаго оклада жалованья въ *сто* рублей, а нѣкоторые изъ нихъ, и не переходя въ «переводчики», дослуживались до офицерскаго чина. Таковъ былъ, напр., *Александровъ* Андрей изъ волоховъ, принявшій въ 1734 г. русское подданство и опредѣленный ген.-губ. Шереметьевымъ въ толмачи. Въ 1738 и 39 гг. прикомандированный къ секретной экспедиціи Неплюева, для посылокъ въ польскія мѣста, онъ употребляемъ былъ для развѣдыванія о непріятельскихъ обращеніяхъ и намѣреніяхъ вѣдомостей». Въ 1740 г. состоялъ въ Немировѣ при коммиссіи маіора Наковалника и посылался для развѣдыванія о татарскихъ и турецкихъ «обращеніяхъ и намѣреніяхъ». Въ 1747 г. онъ просилъ генералъ-губернатора выдать ему «охранной салвогвардіи листъ» за многія его вѣрныя службы, чтобы дому его «ни отъ кого никакихъ обидъ, палогъ и разореній и отъ постоевъ утѣсненія слѣдовать не могло». Домъ же этотъ былъ имъ купленъ въ переяславскомъ полку, барышпольской сотни въ с. Иванковѣ. Этотъ то Александровъ и достигъ безупречною своею службою оберъ-офицерскаго чина—прапорщика, въ каковомъ чинѣ и умеръ въ 1764 г.

А. Андр.

Новомосковскія учебныя заведенія.

Возобновленіе въ памяти современниковъ историческихъ событій прошлаго и полезно, и пріятно; напоминая о быломъ, освѣжая воспоминанія о дѣятеляхъ прошлаго времени, оно можетъ пробуждать энергію въ потомкахъ. Въ особенности это можно сказать въ отношеніи событій мѣстной жизни, интересныхъ преимущественно для извѣстныхъ группъ населенія извѣстнаго края, событій по большей части затерявшихся въ архивахъ мѣстныхъ учрежденій и весьма легко забываемыхъ. Освѣженіе въ памяти свѣдѣній о мѣстныхъ событіяхъ, дѣятеляхъ, учрежденіяхъ, вызывая вниманіе къ давно минувшему, въ то же время не можетъ не служить и нравственнымъ побужденіемъ къ поддержанію полезныхъ сторонъ прошлой дѣятельности,—не можетъ не окружать ореоломъ уваженія лицъ, потрудившихся на общее благо, оставившихъ добрый слѣдъ своей общественной дѣятельностью, и тѣмъ поощрять къ продолженію ими начатаго, сдѣланнаго, устроеннаго. Всего труднѣе добывать свѣдѣнія объ историческомъ мѣстномъ прошломъ, какъ хранящіяся въ мало-доступныхъ архивахъ, и при томъ въ видѣ трудно-читаемыхъ бумагъ и документовъ. Поэтому, извлеченіе такихъ свѣдѣній изъ такихъ печатныхъ источниковъ, въ которыхъ разработаны, хоть, отчасти архивныя мѣстныя бумаги, и которые представляются крайне рѣдкими, намъ кажется, дѣлается почти обязательнымъ для всякаго, располагающаго такими источниками.

Въ прошломъ году мы сообщили въ «Кіевской Старинѣ» (№ 1-й) общія свѣдѣнія о положеніи народнаго образованія въ екатеринославской губерніи за первую половину XIX ст., извлеченныя изъ рѣдкаго нынѣ изданія—труда бывшаго директора екатеринославской гимназіи Якова Дм. *Грахова* (1846—1862 г.), вышедшаго въ 1856 г. подъ названіемъ: „*Краткій историко-статистическій обзоръ екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній*", (Одесса, въ типографіи Францова и Нитче, 1856 г.). Въ числѣ общихъ этого рода свѣдѣній имѣются нелишенныя интереса данныя о новомосковскихъ учебныхъ заведеніяхъ и сопряженной съ ними дѣятельности частныхъ лицъ. Извлекая ихъ въ настоящей статьѣ, мы дополнимъ ихъ отчасти и краткими свѣдѣніями о современномъ положеніи учебнаго дѣла въ новомосковскомъ уѣздѣ.

Въ 1804 г. 5 ноября, въ царствованіе императора Александра I, изданъ былъ уставъ учебныхъ заведеній, по которому въ каждомъ

губернскомъ и уѣздномъ городѣ должно было быть по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище. Въ силу этого устава, въ 1807 г. 8 ноября, послѣдовало открытіе новомосковскаго уѣзднаго училища, прожившаго, такимъ образомъ, уже 80 лѣтъ и давшаго уѣзду многіе десятки и даже сотни лицъ не только съ грамотою, но и съ достаточными первоначальными научными свѣдѣніями. День своей 80-ти лѣтней годовщины—5 ноября 1887 года—училище это не праздновало; да, вѣроятно, оно и не подозрѣвало значенія для него этого дня, утративъ о немъ память. Жители г. Новомосковска, даже изъ числа получившихъ въ немъ знанія, тѣмъ болѣе могли не знать важности 5 ноября для ихъ мѣстной учебной храмины, и потому пропускали этотъ день также безъ вниманія.

Открытіе новомосковскаго уѣзднаго училища совершено было съ извѣстною, столь обычною въ то время при подобныхъ случаяхъ, торжественностью, и составляло событіе для цѣлаго края. Это было открытіе перваго учебнаго заведенія въ уѣздѣ, и представители населенія не поскупились ознаменовать его весьма щедрыми приношеніями. Такъ, бургомистръ г. Новомосковска Иванъ *Перекрестовъ* подарилъ училищу домъ, стоимостью въ 1200 р., и ежегодное пособіе въ 100 руб. Новомосковскій уѣздный предводитель дворянства Матвѣй Ивановичъ *Тимковскій* пожертвовалъ 50 р. и 10 книгъ; городничій Пустыльниковъ—25 руб.; помѣщикъ Павелъ *Миргородскій*—25 руб.; помѣщикъ *Клевцовъ*—50 руб.; разныя другія лица—212 руб., такъ что всѣхъ пожертвованій, кромѣ ежегоднаго взноса Перекрестова въ 100 руб., поступило тогда же 362 руб., что составляло весьма замѣтное, по тогдашнему времени, приношеніе.—Тогда же въ училище поступило 44 мальчика и 5 дѣвочекъ, и, слѣдовательно, это училище первоначально было смѣшаннымъ учебнымъ заведеніемъ.

Уѣздное училище состояло тогда изъ двухъ классовъ съ двухгодичнымъ курсомъ; въ немъ преподавались: 1) Законъ Божій и священная исторія; 2) чтеніе книги о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) русская грамматика, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ употребленіи другой языкъ, и грамматика мѣстнаго языка; 4) чистописаніе; 5) правописаніе; 6) правила слога; 7) всеобщая географія и начала математической географіи; 8) географія Россіи; 9) всеобщая исторія; 10) ариѳметика; 11) начальныя правила геометріи; 12) начальныя правила физики и естественной исторіи; 13) начальныя правила технологіи, имѣющія отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности, и 14) рисованіе (стр. 104). Первые шесть пред-

метовъ преподавалъ одинъ учитель, а послѣдніе восемь другой; кромѣ того, первый долженъ былъ преподавать латинскій и нѣмецкій языки тѣмъ ученикамъ, которые желали бы поступить въ гимназію. Ученіе продолжалось по 5—6 часовъ въ день, въ теченіи 32 часовъ въ недѣлю, изъ коихъ 4 часа собственно посвящались уроку рисованья. Законъ Божій (и священная исторія) преподавались особо приглашеннымъ священникомъ, но были случаи, что преподаваніе и этого предмета поручалось на нѣкоторое время свѣтскому учителю. Учителя назначались харьковскимъ учебнымъ округомъ, къ которому причислена была первоначально екатеринославская дирекція училищъ и состояли въ XII классѣ по должности. Училищемъ завѣдывалъ штатный смотритель, опредѣляемый обыкновенно изъ заслуженныхъ учителей гимназіи, а съ 1811 г., согласно высочайше утвержденному мнѣнію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, учреждена и должность «почетныхъ смотрителей», на которую назначали лицъ изъ образованнѣйшихъ мѣстныхъ помѣщиковъ.—Почетные смотрители дѣлали ежегодно извѣстныя пожертвованія въ пользу училища, при которомъ состояли; ихъ служба считалась государственною и давала право на чинъ, а съ 1820 г. имъ предоставлено носить и мундиръ м-ва народнаго просвѣщенія.

Училище снабжено было учебными пособіями, коихъ числилось въ новомосковской библіотекѣ въ 1809 году—158, а въ 1835 г.—уже 1121. На содержаніе училища поступало изъ казны ежегодно 1,250 р. асс., изъ которыхъ штатный смотритель получалъ жалованья въ годъ 300 руб., учителя по 250 руб., законоучитель—75 руб., за преподаваніе рисованія—75 р. особо, и на прочія нужды училища—300 р. асс. (отопленіе, ремонтъ, прислуга). Кромѣ этого, а равно и тѣхъ суммъ, которыя пожертвованы были при открытіи училища, новомосковское дворянство, 22 марта 1808 г., опредѣлило единовременно внести въ пользу училища по 10 коп. съ ревизской души (крѣпостной), но размѣры этого приношенія неизвѣстны. Разными лицами единовременно пожертвовано—5,120 руб. Въ 1813 г. штатный смотритель Гаркушевскій перестроилъ на свой счетъ училищное зданіе, затративъ на это до 1000 руб., а 12 декабря 1813 г. въ день рожденія царствовавшаго императора пожертвовано было въ пользу учениковъ—сиротъ разными лицами 246 руб. Наконецъ, въ 1820 г. новомосковское дворянство вновь пожертвовало на постройку училища—1,302 руб., а въ 1834 г. почетный смотритель П. Дм. Алексѣевъ

вновь перестроилъ училище, что обошлось ему въ 6,800 руб., и, сверхъ того, жертвовалъ ежегодно по 500 руб.

Въ училище принимались дѣти всѣхъ сословій, но для поступленія въ него требовалось или прохожденіе приходскаго училища и представленіе о томъ аттестата, или выдержаніе вступительнаго экзамена. Въ праздники и торжественные дни ученики обязаны были, въ сопровожденіи учителей, посѣщать церковь; не посѣщавшіе безъ уважительныхъ причинъ подвергались взысканіямъ. Оканчивавшіе курсъ получали аттестаты. Въ теченіи 26 лѣтъ, съ 1808 по 1835 г., выбыло изъ училища съ аттестатами—125, безъ аттестатовъ—189, всего 314 учениковъ, или, среднимъ числомъ, по 12 душъ ежегодно. Награждено за этотъ же періодъ времени книгами и похвальными листами (въ обоихъ классахъ)—571 ученикъ. Въ теченіи того же періода времени были: 1) почетными смотрителями училища: кол. ас. Петръ Ив. *Сушковъ* (20 іюня 1815 г. по 18 ноября 1821 г.); кол. секр. Александръ Никан. *Андреевъ* (10 сент. 1822—1831 г.), тит. сов. Петръ Дмитріевичъ *Алексѣевъ* (1832—1836 г.); кол. сов. Василій Вас. *Курилинъ* (1836—1851) и тит. сов. Георгій Дм. *Мизко* (съ 28 янв. 1851 года); 2) *штатными* смотрителями: тит. сов. Савва Андреев. *Бѣлецкій* (1807—1813); тит. сов. Андрей Григор. *Гаркушевскій* (1815—1821 г.); тит. сов. Илья Ефим. Котляровъ (1821—1823); тит. сов. Иванъ Захар. *Нагорскій* (1824—1833); кол. секр. Яковъ Иван. *Оптовцовъ* (1833—1834); кол. асс. Александръ Павлов. *Чековъ* (1835—1853) и тит. сов. Ив. Ив. *Мокіевскій* (съ 26 марта 1853 года).

Въ 1828 г. послѣдовало изданіе новаго «училищнаго устава», которымъ уѣздныя училища значительно преобразованы: число предметовъ уменьшено (количественно); число учителей увеличено, вмѣсто 2 хъ, до пяти; курсъ ученія удлиненъ—вмѣсто двухъ, три года. Оклады жалованья увеличены, средства училищъ тоже, и объемъ предметовъ преподаванія расширился. Вмѣсто прежнихъ 14 предметовъ, оставлены слѣдующіе *семь*: 1) законъ Божій, священ. и церков. исторія, 2) русскій языкъ и грамматика; 3) ариѳметика; 4) геометрія до стереометріи включительно, но безъ доказательствъ; 5) географія, всеобщая и русск.; 6) исторія русск. и всеоб. сокращенная, и 7) чистописаніе, черченіе и рисованіе.—Преобразованіе новомосковскаго училища послѣдовало 1 ноября 1836 года, такъ что въ судьбѣ его очевидное значеніе имѣютъ начальныя числа этого мѣсяца (5 ноября день открытія, 1 ноября—день преобразованія). Преобразованія уѣзд-

ныхъ училищъ вообще встрѣчали затрудненія въ недостаткѣ учителей, и въ тѣснотѣ помѣщеній, такъ что дирекціи училищъ приходилось вводить ихъ постепенно: образовывались по новому уставу сначала первые два класса, а затѣмъ, съ перестройкою зданія, и третій. Новомосковское училищное зданіе, какъ выше сказано, перестроено было почетнымъ смотрителемъ Алексѣевымъ въ 1834 году, и только съ того времени стало возможнымъ переустройство и учебной части. Впрочемъ, и впослѣдствіи не всѣ предметы, допускаемые новымъ уставомъ, были введены въ училищѣ. § 58 устава 1828 г. предоставлялъ обществамъ и частнымъ лицамъ открывать при училищѣ дополнительные курсы для преподаванія «общихъ понятій объ отечественныхъ узаконеніяхъ; о порядкѣ и формахъ судопроизводства; основаній коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи, основаній механики, технологіи, сельскаго хозяйства и садоводства», но ни одинъ изъ этихъ предметовъ не былъ введенъ въ училищѣ, по отсутствію желающихъ открыть таковые. Съ 1838 г., въ теченіи пяти лѣтъ, преподавались въ новомосковскомъ уѣздномъ училищѣ и иностранные языки—латинскій, французскій и нѣмецкій, собственно ученикамъ, имѣвшимъ поступить въ гимназію; но затѣмъ преподаваніе ихъ совсѣмъ прекращено. Кромѣ трехъ вновь образованныхъ классовъ, при училищѣ существовалъ приготовительный классъ еще со времени первоначальнаго его открытія, но, затѣмъ, онъ также преобразованъ въ «нижнее отдѣленіе», въ которомъ дѣти подготовлялись для поступленія въ первый классъ уѣзднаго училища.

Авторъ приводитъ и общія цифры учившихся въ училищѣ за нѣкоторые лишь годы уже по преобразованіи его: въ 1836 г.—66, въ 1844 г.—57, въ 1850 г.—65 и 1854—102; къ 1-му января 1855 г. было въ уѣздномъ училищѣ 55 душъ, да въ нижнемъ отдѣленіи 47; въ томъ числѣ дѣтей дворянъ и духовенства—24 и другихъ сословій—31. За время съ 1843 по 1852 годъ общее число учившихся въ училищѣ достигло 671 душъ; въ числѣ ихъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ было 330.

На содержаніе новомосковскаго уѣзднаго училища, какъ и другихъ по преобразованіи ихъ, отпускалось изъ казны—1279 р. 17 коп. Въ поддержку къ этой ассигновкѣ поступали ежегодно пожертвованія, которыхъ получено въ теченіи 19 лѣтъ (съ 1836 по 1855 г.), въ общей цифрѣ, 3248 р. 28 коп., почти по 171 р. въ годъ, съ которыми на содержаніе училища могло быть ежегодно затрачиваемо до 1450 рублей. Постоянныя ежегодныя пожертвованія поступали отъ

почетныхъ смотрителей: В. В. Курилина (1200 руб. за 14 л.) и Г. Д. Мизко (1200 руб. за 4 года). Новомосковская городская ратуша за то же время внесла на содержаніе приходскаго класса (нижняго отдѣленія)—654 р. 28 коп.

Таковы свѣдѣнія о новомосковскомъ уѣздномъ училищѣ, сообщаемыя книгою г. Грахова. Они доходятъ лишь до 1855 года, т. е. за время, отстоящее отъ насъ за 33 года.

II.

Уставъ 5 ноября 1804 г. требовалъ открытія учебныхъ заведеній и въ казенныхъ селеніяхъ, и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, подчиняя ихъ въ первомъ случаѣ—приходскому священнику, а во второмъ—владѣльцу имѣнія. Назывались они приходскими школами, и кругъ преподаванія въ нихъ былъ довольно широкъ для своего времени. Въ нихъ обучали: чтенію, письму и первымъ четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ; главнымъ началамъ закона Божія, а въ праздничные дни—катехизису и священной исторіи. Кромѣ того, полагалось изучать книгу «Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и о способахъ сохраненія здоровья». Число предметовъ преподаванія могло быть и еще увеличено, если бы того пожелали общества и дали нужныя средства. Въ каждомъ приходскомъ училищѣ полагалось имѣть одного учителя, а если нужно, то и помощника къ нему; содержаніе же училищъ отнесено было всецѣло на счетъ приходовъ, сельскихъ обществъ и помѣщиковъ (въ ихъ имѣніяхъ). На содержаніе каждаго училища предназначалось по 165 руб. въ годъ; изъ нихъ на жалованье учителю—50—75 р., и его помощнику—25 р. въ годъ; прочія суммы шли на нужды училища. Деньги эти, училищныя, поступали изъ общественныхъ сборовъ. Мѣста учителей занимали преимущественно священно и церковно служители, но бывали и изъ людей свѣтскаго званія, окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ, или же выдержавшіе предварительно въ немъ экзаменъ, какого бы сословія они ни были. При этомъ учителя изъ податнаго сословія, послѣ 12-ти лѣтней безукоризненной службы, освобождались изъ податнаго состоянія и считались въ государственной службѣ. И тѣ и другіе, по принятіи званія учителя, прежде приступа къ самостоятельнымъ занятіямъ въ школѣ, должны были посѣщать два—три мѣсяца уѣздныя училища, съ цѣлью ознакомленія со способами преподаванія, подъ руководствомъ штатнаго смотрителя, которому вообще ввѣрялся главный надзоръ за сель-

скими школами и который, для обозрѣнія ихъ, обязанъ былъ ежегодно объѣзжать свой уѣздъ и представлять директору училищъ вѣдомость о состояніи школъ.

Въ этомъ раннемъ школьномъ періодѣ открыто были въ новомосковскомъ уѣздѣ только три школы въ казенныхъ селеніяхъ: Петриковкѣ (20 февр. 1810 г.), Могилевѣ (22 февр. 1810) и Перещепинѣ (въ 1823 г.). Населенность Петриковки достигала тогда 2429 душъ, Могилева—1739, а Перещепиной неизвѣстна. Учениковъ, при открытіи училища, поступило: въ Петриковкѣ—26, въ Могилевѣ—23 и въ Перещепиной—20, всѣ крестьянскаго сословія. Въ помѣщичьяхъ имѣніяхъ не было открываемо училищъ вовсе. Петриковское и могилевское училища, благодаря вниманію мѣстныхъ сельскихъ обществъ и исправному ихъ содержанію, существовали до 1832 г., но въ 1833 г. всѣ три училища были закрыты и оставшіяся свободными отъ содержанія ихъ суммы должны были, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, поступить на усиленіе средствъ уѣзднаго училища. Такихъ суммъ оказалось, напримѣръ, въ могилевскомъ училищѣ 825 р., и онѣ переданы были по указанію начальства.

Съ преобразованіемъ учебныхъ заведеній по уставу 8 дек. 1828 года, началось возобновленіе и приходскихъ училищъ, которыя въ казенныхъ селахъ въ силу высочайшаго указа 23 ноября 1842 г., перешли изъ вѣдѣнія министерства народн. просвѣщенія въ завѣдываніе министерства государствен. имуществъ и вѣдались, главнымъ образомъ, окружными начальниками и вообще чиновниками палаты госуд. имуществъ. Вновь открывшееся въ 1836 г. петриковское училище, содержавшееся на счетъ общества, перешло, такимъ образомъ, въ 1843 г. въ распоряженіе этой палаты.

Болѣе о новомосковскихъ сельскихъ школахъ въ «Краткомъ истор.-стат. обзорѣ» г. Грахова никакихъ свѣдѣній не имѣется; печатныхъ источниковъ, изъ которыхъ бы можно было почерпнуть такія свѣдѣнія вплоть до 1867 года, времени появленія въ печати перваго «Отчета новомосковской уѣздной земской управы», намъ неизвѣстно, и потому мы считаемъ необходимымъ обратиться къ этому источнику для пополненія сообщеннаго г. Граховымъ. Въ названномъ отчетѣ земской управы говорится, что вновь открытыя въ 1866 г. земскія учрежденія застали уже въ новомосковскомъ уѣздѣ 23 сельскихъ школы, а именно, въ селеніяхъ: Орловщинѣ, Николаевкѣ, Перещепиной, Гупаловкѣ, Бабайковкѣ, Могилевѣ, Петриковкѣ, Чаплинкѣ, Камянкѣ, Шульговкѣ, Елисаветовкѣ, Чернетчинѣ, Губиновкѣ, Голу-

бовкѣ, Знамянкѣ, Спасскомъ, Александровкѣ, Афанасьевкѣ, Новоселовкѣ, Любимовкѣ, Попасномъ, Татаркѣ и Карабиновкѣ. Учащихся во всѣхъ этихъ школахъ было—784 мальчика и 31 дѣвочка, а всего—815 душъ. Завѣдываніе всѣми этими училищами перешло къ вновь образованному уѣздному училищному совѣту, распредѣлившему ихъ между тремя своими членами: Ник. Дм. Мизко, А. А. Ганъ и Ѳ. Ѳ. Соловьевымъ, которые и были первыми земскими дѣятелями, воспріявшими изъ купели новомосковскую народную школу и долженствовавшими дать ей то содержаніе, развитіе и направленіе, какое указывалъ новый законъ—«Положеніе о народныхъ школахъ».

Къ сожалѣнію, въ первомъ отчетѣ новомосковской земской управы, вышедшемъ тощею брошюркой (52 листочка) въ 1867 г., не указаны годы открытія вышеназванныхъ нашихъ сельскихъ училищъ, и намъ приходится пополнять этотъ пробѣлъ свѣдѣніями изъ отчета той же управы уже «за время съ 1 сент. 1882 г. по 1 авг. 1883 г.», изданномъ въ 1883 году. Какъ извѣстно, новомосковское земство первыхъ пяти трехлѣтій, въ теченіи 15 лѣтъ своей земской дѣятельности, не печатало ни отчетовъ, ни постановленій своихъ, и только XVII очередное новомосковское земское собраніе признало нужнымъ возобновить печатаніе земскихъ сборниковъ, послѣ чего управа составила и издала *второй* (по времени выхода въ свѣтъ) отчетъ «съ 1 сентября 1882 г.»; но и въ этомъ отчетѣ не особенно посчастливилось народному образованію: о немъ сказано ровно 11 строкъ, не болѣе (стр. 201). За то въ особо приложенной вѣдомости приведенъ списокъ всѣхъ сельскихъ за 1882 годъ школъ уѣзда, съ обозначеніемъ времени ихъ открытія, числа учениковъ и пр. Въ этой таблицѣ показано время открытія слѣдующихъ пяти школъ въ до-земскую пору: въ с. Николаевкѣ—съ 1840 г.; въ с. Могилевѣ—съ 1841 г. (вторично послѣ закрытія; первый же разъ—въ 1812 г.); въ селеніяхъ Перещепинѣ и Камянкѣ—съ 1842 г. и въ с. Гупаловкѣ—съ 1849 г. Старѣйшимъ по времени открытія показано въ этой «вѣдомости»—одноклассное приходское училище въ г. Новомосковскѣ—съ 1832 года. Такимъ образомъ свѣдѣнія, сообщенныя г. Граховымъ, повидимому, не полны и не точны, что могло происходить отъ неполученія имъ таковыхъ отъ тогдашней палаты государственныхъ имуществъ. Это ли, впрочемъ, причиной неполноты, или что либо другое, сказать нельзя, ибо въ книгѣ г. Грахова не указано въ подробности источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи ея.—Изъ той же земской «вѣдомости» мы усматриваемъ, что остальныя 21 школа открыты въ

позднѣйшее время, уже послѣ отмѣны крѣпостнаго права: въ с. Орловщинѣ съ 1860 г., въ с. Чаплинкѣ съ 1861 г. и въ с. Шульговкѣ съ 1863 г. Со времени введенія земскихъ учрежденій открытіе новыхъ сельскихъ школъ, въ мѣстахъ, гдѣ ихъ вовсе не бывало, идетъ сравнительно довольно быстро: въ 1866 года—1 (въ с. Котовкѣ, имѣніи землевладѣльца Г. П. Алексѣева); въ 1867 г.—5 (въ томъ числѣ одна въ помѣщичьемъ имѣніи Бузовкѣ); въ 1868 г.—1; въ 1869 г.—2 (оба въ бывшемъ помѣщичьемъ с. Елисаветовкѣ); въ 1870 г.—3 (одно въ бывшемъ помѣщичьемъ с. Лычковомъ); въ 1875 г.—1 (въ бывшемъ помѣщ. с. Мануйловкѣ); въ 1876 г.—2 (одно въ бывш пом. с. Елисаветовкѣ); въ 1880 г.—2 (одно въ бывш. пом. с. Куцеглядковкѣ) и въ 1882 г.—1. Такимъ образомъ, въ числѣ вновь открытыхъ съ 1866—67 года 18-ти сельскихъ школъ, восемь приходится на долю крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; остальныя десять—въ бывшихъ казенныхъ селеніяхъ, состоявшихъ прежде въ вѣдомствѣ палаты госуд. имуществъ. Столь быстрое увеличеніе въ послѣ-земскую пору числа сельскихъ школъ должно быть, прежде всего, отнесено на счетъ энергіи новаго училищнаго совѣта и собственно тѣхъ земскихъ дѣятелей, которые, какъ выше упомянуто, стали во главѣ школьнаго дѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно же указываетъ и на достаточно назрѣвшую въ сельской средѣ потребность грамоты, такъ какъ всѣ эти школы открыты были на «общественныя средства» и всѣ они были «смѣшанныя» (для мальчиковъ и дѣвочекъ).

Въ *третьемъ* (по времени изданія) отчетѣ новомосковской земской управы, напечатанномъ въ 1884 г., («съ 1 авг. 1883 по 1 іюля 1884 г.), опять не говорится ни слова о народномъ образованіи и нѣтъ ни слова объ учебныхъ заведеніяхъ всего уѣзда; въ слѣдующихъ же, затѣмъ, отчетахъ за 1884, 85 и 86 годы открыта постоянная рубрика «народное образованіе», и новомосковское земство начало назначать на поддержку народныхъ школъ до 4000 руб. ежегодно. Свѣдѣнія о нихъ гораздо полнѣе прежнихъ, и всякій можетъ пользоваться ими въ указываемыхъ земскихъ сборникахъ (отчетахъ управы, а также и постановленіяхъ земскаго собранія). Народныя школы, и вообще народное образованіе, повидимому, настолько вошли съ сознаніе земскихъ дѣятелей, какъ неотложная потребность, что земская поддержка на это дѣло не должна оскудѣть. Для полноты нашего очерка добавимъ, что съ 1878 г. въ г. Новомосковскѣ учреждена, по ходатайству городскаго общества, *женская прогимназія*, съ 4-хъ класснымъ курсомъ· а съ 1885 г.. по постановленію екатеринославскаго

губерн. зем. собранія, открыто тамъ же и земское *ремесленное училище*, на содержаніе котораго губернское земство отпускаетъ ежегодно по 3000 руб. Свѣдѣнія объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ также помѣщаются въ названныхъ земскихъ сборникахъ.

Г. Залюбовскій.

Короповъ хуторъ.

Наслышавшись о Короповомъ хуторѣ, славящемся своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, я рѣшилъ предпринять туда лѣтомъ экскурсію. Еще болѣе утвердился я въ своемъ рѣшеніи, когда узналъ, что на мѣстѣ теперешняго хутора существовалъ нѣкогда Зміевскій Николаевскій Косицкій монастырь, о которомъ упоминаютъ преосв. Филаретъ въ своемъ «Истор.-статист. описаніи харьковск. епархіи» и проф. Багалѣй въ «Очеркахъ колонизаціи московской степной окраины» (стр. 523 и 524). Но прежде нѣсколько словъ о самомъ хуторѣ...

Короповъ хуторъ или, какъ крестьяне называютъ, «Монастырь» состоитъ всего лишь изъ десяти средней руки крестьянскихъ дворовъ да двухъ-трехъ дворовъ, принадлежащихъ управленію государ. имуществъ, въ которыхъ проживаютъ лѣсничій, кондуктора и лѣсные сторожа. Крестьяне, нѣкогда принадлежавшіе существовавшему здѣсь монастырю, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятинъ сѣнокоса, земли не имѣютъ, а нанимаютъ ее у крестьянъ сосѣдняго села Лимана. Въ зимнее время монастыряне занимаются добываніемъ древеснаго угля, для котораго покупаютъ буреломъ и подчистку въ казенномъ лѣсу. Уголь этотъ они возятъ на продажу въ Харьковъ и въ подгородную слоб. Жихоръ, жители которой перепродаютъ его харьковцамъ. Неудобство сношенія съ Харьковомъ, отъ котораго хуторъ находится около 50 верстъ, не даетъ возможности нанимать здѣсь дачъ, хотя отъ уѣздн. гор. Зміева онъ отстоитъ въ 7, а отъ ближайшей станціи Тарановки курско-хар.-аз. ж. д.—въ 17 верстахъ. Впрочемъ, для иныхъ это неудобство выкупается красотою мѣстоположенія. Такъ, сюда ежегодно пріѣзжаютъ 3—4 семьи на дачу. Посѣщаютъ эту мѣстность и художники; такъ, здѣсь прожилъ два лѣта академикъ Васильковскій; результатомъ его работы было, какъ я слышалъ, нѣсколько пейзажей кистью и карандашомъ.

Въ самомъ дѣлѣ мѣстность здѣсь чудная! Хуторъ стоитъ у самаго берега р. Донца, изобилующаго рыбою и раками, по обѣимъ

сторонамъ рѣки растетъ прекрасный, густой лѣсъ, принадлежащій министерству государств. имуществъ. Правый берегъ рѣки, на которомъ стоитъ и хуторъ, возвышенный, имѣетъ во многихъ мѣстахъ довольно высокіе—саж. въ 15—20—отвѣсные обрывы. Что за прекрасное зрѣлище открывается передъ вашими глазами съ такихъ обрывовъ! У вашихъ ногъ внизу, сверкая своею серебристою поверхностью, несетъ свои воды тихій Донецъ, воспѣтый въ знаменитомъ «Словѣ о полку Игоревѣ». Противоположный низменный берегъ, за исключеніемъ незначительнаго пространства, поросшаго высокимъ лѣсомъ, покрытъ молодымъ срубомъ и кустарникомъ, позади котораго виднѣется множество маленькихъ, высыхающихъ въ жаркое лѣто озеръ. Послѣдніе изобилуютъ раками, рыбою, преимущественно карасями, и разною дичью, напримѣръ, утками разныхъ породъ, куликами, бекасами и друг. А вдали, за этими озерами, снова большой лѣсъ и боръ, за которыми бѣлѣютъ церкви и хаты сосѣднихъ селъ: Лимана, двухъ Бишкиней-Черкасскаго и Средняго, влѣво виднѣется кладбищенская церковь г. Зміева. Кромѣ вышеупомянутыхъ небольшихъ озеръ, есть и значительно большія, о которыхъ говоритъ и Филаретъ и которыя составляютъ въ настоящее время собственность Хорошевскаго женск. монастыря, какъ напримѣръ: «Биле озеро», изъ котораго можно узенькимъ проливчикомъ въѣхать въ двухверстный заливъ Донца, называемый Косачъ. Авторъ «Истор.-стат. описанія харьковской епархіи» называетъ этимъ именемъ озеро, но я никакого озера съ такимъ названіемъ не нашелъ, да и изъ крестьянъ никто его не знаетъ. Можетъ быть, теперешній заливъ Косачъ былъ прежде озеромъ, но крестьяне и этого не утверждаютъ. Дальше озеро Коропово, изобиловавшее, какъ указываетъ самое названіе, коропами; отъ него получилъ названіе и хуторъ, находившійся во время существованія монастыря на лѣвой сторонѣ, вблизи самаго озера. Послѣ жители хутора, вслѣдствіе большаго разлива Донца, перебрались, конечно съ согласія монастырскаго начальства, на правую нагорную сторону, гдѣ живутъ и понынѣ. Мѣсто «Стараго монастыря» находится въ $^3/_4$—1 верс. отъ хутора, въ саду, принадлежащемъ обѣднѣвшему дворянину Банческулу. На существованіе въ этомъ мѣстѣ монастыря указываетъ въ иныхъ мѣстахъ обнаженный разными кладоискателями кирпичный фундаментъ съ цоколемъ, впрочемъ не поддающійся никакому измѣренію, такъ какъ за исключеніемъ незначительной части онъ покрытъ землею, деревьями, кирпичами и обломками кафлей. Владѣтель этого сада сообщалъ мнѣ, что онъ не разъ находилъ

цѣльныя кафли съ разными рисунками, но мнѣ не удалось отыскать ни одной. Ближе къ хутору, находится другой, такъ называемый «Гончарный», садъ, названіе котораго указываетъ мѣсто выдѣлки гончарныхъ издѣлій, чему способствовало обиліе находящейся здѣсь очень хорошей красной глины. Здѣсь я находилъ множество черепковъ различной толщины. Влѣво отъ этихъ садовъ находится мѣсто кирпичнаго завода, гдѣ явственно остались слѣды отъ сушильныхъ сараевъ и обжигательной печи, а ниже, къ Донцу, мѣсто пруда, гдѣ была монастырская винокурня. Это подтверждается какъ оставшимися знаками, такъ и словами владѣтеля вышеупомянутыхъ садовъ и дѣда Токаря, доживающаго девятый десятокъ лѣтъ. По словамъ послѣдняго, въ 1 — $1^1/_2$ верстахъ отъ стараго монастыря «була крипость и жылы розбійныкы. Воны оце якъ тилькы треба чого зъ ижы, заразъ и посылають одного верхы у манастырь. Гуменъ и дае ёму, що треба. Отъ якъ довольни розбійныки, то й ничого, а якъ ни, то посадовлять свого посла передомъ до хвоста, та й одышлють упьять у монастырь. Манахы вже й знають, що розбійныкы недовольни и набухтелють посланця усячыною...

— Чомъ же черници не выбылы тыхъ розбійныкывъ зъ крипосты? спросилъ я у дѣда.

— Та бачте воны оружни булы: у нихъ тамъ и пушкы и ружжа— усе було... отвѣтилъ Токарь.

Городище, или «крипость», о которой говорилъ дѣдъ Токарь, я ходилъ осматривать, но дождь помѣшалъ болѣе обстоятельному осмотру, тѣмъ болѣе, что все оно покрыто молодымъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Впрочемъ, валы съ двухъ сторонъ насыпаны довольно высокіе; съ третьей—восточной высится крутой обрывъ надъ самымъ Донцомъ. Въ длину городище имѣетъ, повидимому, не болѣе 20, а въ ширину около 10 саж. Кругомъ всюду растетъ большой лѣсъ.

Сады, которыхъ пр. Филаретъ насчитывалъ 17, въ томъ числѣ одинъ виноградный, существуютъ и теперь, но далеко, конечно, не въ томъ видѣ, какъ во время монастырскаго владѣнія. Теперь они представляютъ жалкіе остатки нѣкогда роскошныхъ, изобиловавшихъ разнообразными плодами садовъ. Многіе изъ нихъ позаростали простыми деревьями и кустарникомъ, преимущественно дубнякомъ и орѣшникомъ, напримѣръ «Гончарный», иные же совершенно чисты отъ всякихъ деревьевъ и служатъ мѣстомъ для посѣва хлѣба, какъ «Писошный». Большинство названій позднаго происхожденія, но нѣ-

которые удержали свое прежнее, такъ напримѣръ «Намисныччй», и «Выноградный», названіе котораго говоритъ о произраставшемъ въ немъ виноградѣ, котораго теперь и помину нѣтъ. Въ одномъ изъ садовъ, немного выше «Стараго монастыря», есть минеральный источникъ, вода котораго изобилуетъ желѣзомъ, что можно даже ощущать на вкусъ. Желѣзистость воды подтверждается и ржавчиною, покрывающею всю поверхность источника, дно котораго состоитъ изъ красной глины. Эта же самая глина находится въ изобиліи немного ниже хутора, на правомъ берегу рѣки Донца, у обрывовъ; мѣсто это носитъ названіе «Козацькыхъ ямъ».

Неизвѣстно когда былъ перенесенъ «Старый монастырь» на мѣсто нынѣшняго хутора; новый же былъ упраздненъ при всесильномъ Потемкинѣ. Церковь и другія постройки стояли до начала нынѣшняго столѣтія; въ первой совершалось богослуженіе священникомъ, постоянно имѣвшимъ здѣсь на хуторѣ свое мѣстожительство, но впослѣдствіи для отправленія требъ и богослуженія священникъ пріѣзжалъ періодически изъ сосѣдняго села Лимана; такимъ образомъ церковь сдѣлалась приписною. Наконецъ, за ветхостью она была совершенно упразднена. Церковное имущество и украшеніе было роздано по церквамъ въ Тарановку, Новую Водолагу и въ особенности въ Зміевъ. Кирпичъ тоже былъ забранъ на одну изъ зміевскихъ церквей. Теперь на выгонѣ, посрединѣ хутора, есть два невысокихъ холма, занимающихъ небольшую площадь. Земля и трава, растущая на нихъ, закрыли основаніе бывшей здѣсь нѣкогда церкви, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна известь и части стѣнъ до цоколя.

Монастырь, какъ извѣстно, кромѣ рѣчныхъ, озерныхъ и лѣсныхъ угодій (находящійся теперь въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ лѣсъ былъ нѣкогда достояніемъ монастыря) владѣлъ еще селами; такъ, ему принадлежали с. Гомольша съ 194 д. мужескаго пола (Филаретъ, Истор.-стат. опис. харьк. епархіи), Мохночи, по ту сторону Зміева, тоже на Донцѣ и другія.

И. Зозуля.

Кудеяровъ курганъ.

Въ брянскомъ уѣздѣ, близь села Салыни, къ востоку отъ него, въ густомъ лѣсу, показываютъ курганъ, или скорѣе городище, называемое мѣстными жителями «Кудеяровымъ курганомъ».

Курганъ этотъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, вершина котораго, съ котловиною посрединѣ, имѣетъ до 30 кв. аршинъ пространства; высота его—до 4 сажень, ширина основанія до 60 аршинъ. Бока кургана, равно какъ и вершина его, поросли лѣсомъ. Курганъ находится въ бассейнѣ рѣки Десны, но довольно далеко отъ нея (верстахъ въ 5—6); возлѣ кургана проходитъ только неглубокій «логъ», который упирается своимъ концомъ въ болото, примыкающее къ Деснѣ.

По всей видимости, курганъ этотъ относится къ доисторическому времени, но мѣстныя преданія пріурочили его къ временамъ разбойника Кудеяра. Съ сѣверной стороны кургана видны какъ бы ворота, ведшія во внутренность кургана и обросшія въ настоящее время дерномъ. Мѣстные жители разказываютъ, что многіе пробовали ворота эти щупать, и на разстояніи не болѣе четверти аршина ощупывали твердую поверхность, которая издаетъ металлическій звукъ. Отсюда догадываются, что ворота эти желѣзныя. Раскопокъ ни на вершинѣ кургана, ни около упомянутыхъ воротъ никто никогда не производилъ, потому что мѣстные жители питаютъ какой то суевѣрный страхъ по отношенію къ этому кургану и не рѣшаются даже подходить къ нему близко. Этотъ страхъ и породилъ, должно быть, разсказъ такого рода: одинъ крестьянинъ «по жадности» хотѣлъ было прихватить къ своей лядинѣ, которую тогда распахивалъ, часть кургана, расчистилъ съ этой цѣлію подошву кургана и началъ его распахивать. Но къ вечеру того же дня съ нимъ совершилось чудо: онъ ослѣпъ, да такъ, что не могъ даже добраться до дома и только къ утру другаго дня, разысканный своими семейными, онъ воротился домой—и съ тѣхъ поръ полно распахивать курганъ.

Объ основаніи кургана мѣстные жители разсказываютъ, что онъ былъ насыпанъ разбойникомъ Кудеяромъ и его шайкою. Кудеяръ будто бы жилъ здѣсь довольно долгое время и отсюда производилъ набѣги на большую дорогу и окрестныхъ помѣщиковъ. На верху кургана у разбойниковъ будто бы была «цѣлая крѣпость», здѣсь стояли даже пушки, по окружному же валу постоянно ходилъ часовой. Кудеяръ съ шайкою помѣщался внутри кургана, гдѣ было сдѣлано нѣсколько комнатъ для житья; затѣмъ подъ этими комнатами находились «тайники» съ разнымъ добромъ и деньгами, награбленными разбойниками у разныхъ лицъ.

Здѣсь, какъ говоритъ далѣе преданіе, Кудеяръ и умеръ, здѣсь же, въ курганѣ, и похороненъ. Послѣ его смерти разбойники разо-

шлись, кто куда могъ. Преданіе прибавляетъ, что въ курганѣ скрыта масса всякихъ сокровищъ, но тѣмъ не менѣе раскапывать его, какъ мы уже сказали, никто не рѣшается.

Курганъ ждетъ, очевидно, интеллигентной, ученой раскопки.

Н. Добротворскій.

К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта.

Въ шестой книгѣ «Кіевской Старины» за 1888 г. была напечатана статья *Н. С.*: «Два слова о рисункахъ К. А. Трутовскаго», въ которой авторъ, не претендуя, какъ онъ говоритъ, на полноту обзора рисунковъ этого художника, указываетъ, по его мнѣнію, выдающіяся и притомъ малоизвѣстныя произведенія Трутовскаго. При этомъ, безразлично называя рисунками не только собственно рисунки, но также картины, писанныя масляными красками, и акварели, авторъ включаетъ въ свой списокъ рисунковъ: четыре картины, писанныя масляными красками (Сорочинская ярмарка, Сцена у креста, Возвращеніе съ праздника, Чумакъ у колодца), одну акварель (Въ бурю) и нѣсколько рисунковъ, помѣщенныхъ въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Изъ картинъ, писанныхъ масляными красками, о первой упомянутой нами (Сорочинская ярмарка) онъ говоритъ, какъ о картинѣ, остальныя же называетъ рисунками. Можетъ быть, автора ввело въ заблужденіе то, что онъ видѣлъ снимки съ этихъ картинъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, и, не имѣя свѣдѣній о самыхъ картинахъ, принялъ эти снимки за оригинальные рисунки художника. Затѣмъ, хотя онъ говоритъ, что указываетъ малоизвѣстныя произведенія Трутовскаго, но на самомъ дѣлѣ большая часть названныхъ имъ картинъ и рисунковъ принадлежатъ къ наиболѣе извѣстнымъ.

Посвятивши свою художественную дѣятельность главнымъ образомъ изображенію малорусской жизни и трудясь надъ этимъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, К. А. Трутовскій въ теченіе этого времени выставилъ такъ много разнаго рода произведеній своихъ изъ малорусскаго быта (картины, писанныя масляными красками, акварели, сепіи, рисунки карандашемъ и проч.), что, если зашла рѣчь объ обозрѣніи его художественной дѣятельности, то нельзя довольствоваться сдѣланнымъ въ статьѣ г. Н. С. указаніемъ на четыре картины, писанныя Трутовскимъ масляными красками, одну акварель и нѣсколько рисунковъ,

а было бы желательно, раньше или позже, привесть въ полную извѣстность все, что сдѣлано художникомъ по части воспроизведенія малорусской жизни въ картинахъ и рисункахъ.

Чтобы облегчить возможность исполненія такой работы, постараемся, также не претендуя на полноту, указать тѣ картины и рисунки Трутовскаго, о которыхъ мы могли собрать свѣдѣнія. А прежде этого, въ виду полнаго отсутствія въ печати свѣдѣній о жизни художника (если не считать двухъ строкъ, напечатанныхъ объ немъ въ составленномъ Н. Собко каталогѣ художественнаго отдѣла всероссійской выставки въ Москвѣ 1882 г., изданномъ подъ заглавіемъ: «25 лѣтъ русскаго искусства»), считаемъ не лишнимъ сообщить краткія біографическія объ немъ свѣдѣнія.

Константинъ Александровичъ Трутовскій родился 28 января 1826 г. въ г. Курскѣ, а дѣтство провелъ въ имѣніи своего отца— харьковской губ. ахтырскаго уѣзда, въ дер. Поповкѣ. Въ 1837 г. онъ поступилъ въ главное инженерное училище (нынѣ Николаевское), а въ 1843 г., будучи произведенъ въ офицеры, перешелъ въ классы инженерной академіи (прежде—«офицерскіе классы») и въ 1845 г. окончилъ курсъ. Начальство инженернаго училища отнеслось такъ внимательно къ желанію Константина Александровича заниматься въ академіи художествъ, что удержало его репетиторомъ при томъ же училищѣ—для того, чтобъ дать ему возможность посѣщать академію художествъ, въ которой онъ окончилъ курсъ послѣ пятилѣтнихъ занятій въ ней. Выйдя въ 1850 г. въ отставку, онъ поселился въ ахтырскомъ уѣздѣ. Малороссія, которую Константинъ Александровичъ оставилъ въ дѣтствѣ и въ которую возвратился послѣ продолжительнаго отсутствія, съ первыхъ же шаговъ произвела на него чарующее дѣйствіе какъ своею живописною мѣстностью, такъ и впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства съ народомъ, и подъ вліяніемъ этого тамъ опредѣлилась вся дальнѣйшая дѣятельность его какъ художника, воспроизводящаго въ художественныхъ образахъ на полотнѣ и бумагѣ почти исключительно малорусскую жизнь. Въ 1852 г. Трутовскій женился и переселился въ обоянскій уѣздъ курской губ., гдѣ прожилъ до 1857 г., пріѣзжая по временамъ въ Москву и Петербургъ. Здѣсь, въ этомъ уѣздѣ, Трутовскій познакомился съ другимъ міромъ,— міромъ уѣздныхъ помѣщиковъ, и при своей наклонности къ юмору и способности подмѣчать комическія стороны, приготовилъ много рисунковъ и акварелей, преимущественно юмористическихъ, изъ быта помѣщиковъ того времени. Въ 1856 г. изъ обоянскаго уѣзда Трутов-

скій впервые послалъ въ Москву нѣсколько картинъ, писанныхъ масляными красками, акварелей и рисунковъ. Художники и любители отнеслись очень тепло къ этимъ работамъ молодаго художника, а скульпторъ Рамазановъ напечаталъ объ нихъ горячій сочувственный отзывъ. Тогда же Трутовскому было предложено занять мѣсто въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія, но это предположеніе въ то время не осуществилось. Въ 1857 г. Трутовскій ѣздилъ за границу, въ Германію и Францію, а въ 1858 г., овдовѣвши, онъ переселился въ Петербургъ, и съ этого времени началась настоящая дѣятельность Трутовскаго, какъ художника; картины его стали пріобрѣтать большую и большую извѣстность и такъ раскупаться, что многія изъ нихъ не попадали на выставки—потому, что были пріобрѣтаемы въ мастерской, немедленно по окончаніи ихъ. Въ 1864 г. онъ приготовилъ рисунки для иллюстрированнаго изданія басенъ Крылова, которые въ свое время вызвали сочувственные отзывы въ періодическихъ изданіяхъ. Мы забыли упомянуть, что въ 1860 г. Трутовскій вторично женился. Съ 1871 по 1881 г. онъ занималъ должность инспектора московскаго училища живописи и ваянія. Оставивъ эту должность въ 1881 г., онъ снова поселился въ обоянскомъ уѣздѣ, гдѣ живетъ и въ настоящее время, пріѣзжая зимою на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву, а лѣтомъ дѣлая экскурсіи въ разныя мѣста.

Изложивъ эти краткія свѣдѣнія о жизни художника, приведемъ теперь списокъ его произведеній изъ малорусскаго быта, отнюдь не выдавая этотъ списокъ за полный.

I. Картины, писанныя масляными красками.

1) *Слѣпой скрипачъ* — находится у В. И. Григоровича, въ Петербургѣ.

2) *Музыкантъ и дѣти* — у доктора Ивановскаго, въ Петербургѣ.

3) *Сцена у шинка* — тамъ же.

4) *Сцена изъ малороссійской ярмарки* — у г. Алфераки, въ Петербургѣ.

5) *Богомолка* — у доктора Ивицкаго въ Вильно.

6) *Малороссы, ѣдущіе на базаръ* — въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ.

7) *Салазки.* Шутливая сцена, изображающая трехъ молодицъ, везущихъ пьянаго. Снимки и картины были помѣщены въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, у кого находится подлинникъ — не знаемъ.

8) *Свадьба*—была на академической выставкѣ 1860 г., гдѣ находится въ настоящее время—не имѣемъ свѣдѣній.

9) *Рыбаки малороссы*,—была пріобрѣтена П. М. Ковалевскимъ, въ Петербургѣ.

10) *Сцена у креста.*

11) *Вечеръ въ Малороссіи*—у Хвощинскаго, въ Москвѣ.

12) *Свиданіе*—была пріобрѣтена Государыней Императрицей Маріею Александровной.

13) *Просящій на церковь.*

14) *Свиданіе*—у П. С. Строгонова, въ Петербургѣ.

15) *Колядки*—была пріобрѣтена Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

16) *Угольщики въ лѣсу*—у доктора Ивицкаго, въ Вильно.

17) *Сцена во ржи.*

18) *Возвращеніе съ праздника.* Снимки съ этой картины были помѣщены въ «Пчелѣ» и другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

19) *Малороссіянка со снопами*—у Головкова.

20) *Малороссіянка съ граблями*—у Рахманова, въ Курскѣ.

21) *Дѣвушка, собирающая липовый цвѣтъ*—у Д. И. Зуева.

22) *Дѣвушка и дитя.*

23) *Парубокъ и дивчина*, несущіе корзину.

24) *Малороссіянка съ утками*—у Давидова.

25) *Ночная сцена*—у Зуева.

26) *Царскій портретъ.* Написанная по случаю 50-ти лѣтняго юбилея Николаевскаго инженернаго училища (которому и подарена), картина изображаетъ сапера—малоросса, который, возвратившись домой, показываетъ своимъ землякамъ портретъ царя.

27) *Сорочинская ярмарка*—у Полежаева, въ Петербургѣ. Снимокъ съ картины имѣется въ упомянутой выше книгѣ Собка: «25 лѣтъ русскаго искусства». По этой же картинѣ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, былъ сдѣланъ художникомъ рисунокъ для изданнаго Голяшкинымъ альбома: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» (выпускъ 3-й). Въ очень маленькомъ видѣ снимокъ съ картины былъ помѣщенъ въ одномъ изъ галиційскихъ журналовъ.

28) *Дѣвушка, загоняющая птицъ*—у Римскаго-Корсакова, въ Одессѣ.

29) *Переправа*—у И. Н. Терещенка.

30 и 31) *Ожиданіе*—у Тимашева и у Филобера, въ Москвѣ.

32) *У колодца*—у Тимашева, въ Москвѣ.

33) *Отдыхъ въ сараѣ*—у Д. Н. Зуева.

34) *Масляница*—у С. В. Алексѣева въ Москвѣ.

35) *Возвращеніе съ баштана*—у Римскаго-Корсакова, въ Одессѣ.

36) *Парубокъ, подкрадывающійся къ дѣвушкѣ*—у С. А. Терещенка.

37) *Бандуристъ*, окруженный слушателями—у С. В. Алексѣева, въ Москвѣ.

38) *Дѣвушка съ ведрами.*

39) *Находка*—у Римскаго-Корсакова.

40) *Передъ разлукой*—у фонъ-Дервиза.

41) *Дѣвушки въ бурю.*

42) *Шевченко на берегу Днѣпра*—у А. И. Баранова въ Москвѣ.

43) *Свиданіе*—у великаго князя Константина Николаевича.

44) *Переходъ черезъ ручей*—у фонъ-Дервиза.

45) *Сцена у колодца.* Парубокъ встрѣтился у колодца съ дивчиной, которая только что набрала въ ведро воды и шутя хочетъ окатить его этой водой. Небольшая по размѣру, но одна изъ наиболѣе удачныхъ картинъ, снимковъ съ которой не было. Находится у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

46) *Подслушала!* (При вечернемъ освѣщеніи стоитъ въ лѣсу дивчина, прислонясь къ дереву, за которымъ только что прошла парочка, обнимаясь и о чемъ то любовно бесѣдуя)—у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

47) *Возвращеніе съ жатвы.*

48) *У колодца.*

49) *Дѣвушка у знахарки*— у Арботскаго, въ Москвѣ.

50) *Свиданіе*—у Мазырова.

51) *Переходъ черезъ ручей*—тамъ же.

52) *У забора*—у Михайлова, въ Харьковѣ.

53) *Ночь*—у Карпова, въ Москвѣ.

54) *День*—тамъ же.

55) *Дивчина, срывающая цвѣты*—у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

56) *Дивчина, отворяющая калитку*, при ночномъ освѣщеніи—тамъ же.

57) *Пейзажъ* съ фигурами—у Карпова, въ Москвѣ.

58) *Сборы на гулянье*—у А. И. Баранова, въ Москвѣ.

59) *Дѣвушка въ вѣнкѣ*—у Обера.

60) *Мальчикъ и дѣвочка*—у Воскресенскаго, въ Москвѣ.

61) *Выкупъ*—у Ѳ. А. Терещенка, въ Кіевѣ.

62) *Дѣвушка у колодца*—у Кавелина.

63) *Засада.*

64) *Пропили невѣсту!*—у Ушакова, во Владимірѣ.

65) *Свиданіе*—у Островскаго, во Владимірѣ.

66) *Спящая дѣвушка*—у Бутикова, въ Москвѣ.

67) *Собирательница травъ*—у Шапошникова.

68) *Свиданіе*—у Обидони, въ Москвѣ.

69) *Гарбузъ!*

70) *Шалуньи*—у Ворониной, въ Москвѣ.

71) *Сосѣдки.*

72) *Свиданіе*—у Ададурова, въ Москвѣ.

73) *Прерванное свиданіе.*

74) *Осень.*

75) *Старый любезникъ*—у А. Н. Розенберга, въ Саратовѣ.

76) *Старые грѣховодники.*

77) *Въ праздничный день*—у Александрова, въ Казани.

78) *На Пасхѣ*—у Александровой, въ Казани.

79) *На Ивана Купала*—тамъ же.

80) *Праздничная бесѣда.*

81) *Сцена на ярмаркѣ*—у Н. А. Новосельскаго, въ Одессѣ.

82) *Старикъ съ ребенкомъ.*

83) *Ожиданіе стада*—у Зубова, въ Петербургѣ.

84) *Раздумье*—была пріобрѣтена Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

85) *Ночь на Духовъ день*—у фонъ-Меккъ, въ Москвѣ.

86) *Невѣста съ подругами*—у Н. И. Харитоненка.

II. АКВАРЕЛИ.

1) *Малороссійская сцена*—у гр. Кушелева.

2) *Лирникъ*—у Тимъ, въ Петербургѣ.

3) *Возвращеніе съ поля*—тамъ же.

4) *Сцена на бакшѣ*—тамъ же.

5) *Пляшущая дивчина.*

6) *Просящій на церковь*—у барона Бухгольца.

7) *Поминки.*

8) *Продажа яблокъ.*

9) *Дѣти, удящія рыбу*—у гр. Сологубъ въ Петербургѣ.

10) *Отдыхающія въ полѣ женщины*—у Н. А. Новосельскаго, въ Одессѣ.

11) *Чумаки.*

12) *Отъѣздъ.*

13) *Свиданіе*—у Неплюевой, въ Петербургѣ.

14) *Дѣти, рвущія яблоки*—тамъ же.

15) *Спящій парубокъ.*

16) *Катанье съ горъ*—была пріобрѣтена Государыней Императрицей Маріею Александровной.

17) *Жница съ ребенкомъ.*

18) *Сцена на сѣнокосѣ.*

19) *Дѣвушка у колодца*—была пріобрѣтена Государыней Императрицей Маріей Александровной.

20) *Бандуристъ въ избѣ.*

21) *Катанье яицъ.*

22) *Приглашеніе на свадьбу.*

23) *Въ бурю.* Снимокъ съ этой акварели былъ помѣщенъ въ «Пчелѣ» и другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

24) *Ночная сцена.* Акварель, рисованная одной краской (сѣрой), изображаетъ парубка, подкрадывающагося къ молодой дивчинѣ, которая въ теплую лѣтнюю ночь расположилась ночевать на дворѣ рядомъ съ бабушкой, и которой не спится, между тѣмъ какъ утомленная дневнымъ трудомъ бабушка крѣпко заснула. Акварель эта находится у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

25) *Женская головка*—тамъ же.

III. РИСУНКИ.

Составить болѣе или менѣе полный списокъ тѣхъ рисунковъ, которые не были воспроизводимы ни фотографіей, ни какими либо способами печатанія, нѣтъ никакой возможности, потому что рисунки эти не бывали на выставкахъ, хранятся они у разныхъ собирателей въ альбомахъ и папкахъ, недоступныхъ для обозрѣнія; наконецъ, объ нихъ не было никакихъ свѣдѣній въ печати.

Составить полный списокъ рисунковъ, которые были воспроизведены въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, было бы возможно, но для этого нужно перерыть слишкомъ большую массу изданій, которыхъ у насъ нѣтъ подъ руками.

Не имѣя поэтому возможности дать списокъ рисунковъ Трутовскаго, мы все таки считаемъ не лишнимъ, въ дополненіе къ названной нами статьѣ Н. С., указать тѣ рисунки, которые намъ извѣстны и которыхъ Н. С. въ своей статьѣ не упоминаетъ.

Изъ оригинальныхъ рисунковъ, снимки съ которыхъ не были воспроизводимы, мы можемъ указать только два имѣющіеся у насъ рисунка сепіей: одинъ изъ нихъ (1879 г.) изображаетъ молодую дивчину, несущую гарбузъ, а на другомъ (1877 г.) нарисована приготовляющаяся къ купанью въ рѣкѣ панночка, около которой стоитъ ея горничная и сидитъ молодая дивчинка.

Относительно рисунковъ, воспроизведенныхъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, прежде всего исправимъ ошибку, допущенную въ статьѣ Н. С., который говоритъ, что рисунки къ *Наймычкѣ* Шевченка были помѣщены въ «Сѣверномъ Сіяніи» Гéнкеля. Рисунки эти, отпечатанные въ литографіи Р. Хорна (а не у Брокгауза, гдѣ печатались рисунки для «Сѣвернаго Сіянія»), лежатъ въ настоящее время передъ нами, но мы не можемъ вспомнить, изъ какого именно изданія они взяты, только утверждаемъ, что не изъ «Сѣвернаго Сіянія».

Кромѣ рисунковъ къ «Наймычкѣ», Трутовскимъ былъ сдѣланъ еще одинъ рисунокъ къ Шевченку, именно на слова: «Пишла баба у танець, а за нею горобець выкрутасомъ, выхылясомъ... Старый рудый бабу кличе, а та ему дули тыче» (Бенкетъ у Лысянци, въ «Гайдамакахъ»). Рисунокъ этотъ, подъ заглавіемъ *«Малороссійская сценка»*, изданъ въ видѣ преміи къ журналу «Будильникъ» за 1886 г.

Въ «Русск. Художеств. Листкѣ» Тимма было помѣщено два рисунка Трутовскаго къ повѣсти Марка Вовчка *«Сестра»*; одинъ изъ нихъ на слова: «Пожалуй же, Марусенько, молодыцю, вклоныся и пошануй», а другой на слова: «Идте зъ намы, титочко наша кохана».

Кромѣ того, въ томъ же «Художественномъ Листкѣ» были помѣщены еще другіе рисунки Трутовскаго, изъ которыхъ мы можемъ указать на два рисунка, изображающихъ, одинъ—*бандуриста*, а другой *лирника*.

Въ «Художественномъ альбомѣ», изданномъ А. Долотовымъ въ 1871 г., было помѣщено три рисунка Трутовскаго: 1) *Масляничная сцена* (парубокъ, ѣдущій съ горы на салазкахъ, и молодыця съ ведрами),—2) *Изъ деревенской жизни* (дворовыя дѣвушки, танцующія передъ помѣщикомъ) и 3) *Политики*, сцена изъ быта помѣщиковъ.

Въ изданномъ Голяшкинымъ альбомѣ рисунковъ къ «Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки» Трутовскому принадлежитъ десять рисунковъ; изъ нихъ одинъ иллюстрируетъ *«Пропавшую грамоту»*, два—*«Страшную месть»*, три—*«Сорочинскую ярмарку»* и четыре—*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»*.

Въ «Пчелѣ», кромѣ указанныхъ въ статьѣ Н. С. рисунковъ, было еще два рисунка Трутовскаго: одинъ называется *«Лѣто»*, а другой — *«Зима»*.

Журналъ «Свѣтъ и Тѣни» издалъ, въ видѣ преміи на 1880 г., цѣлый альбомъ рисунковъ Трутовскаго; изъ малорускаго быта въ этомъ альбомѣ имѣются слѣдующіе рисунки: 1) *Сборы на свадьбу*, 2) *Послѣ купанья*, 3) *На богомольѣ*, 4) *На пасѣкѣ* и 5) *Чумаки*.

Кромѣ того, въ томъ же журналѣ за разные годы были помѣщены другіе рисунки Трутовскаго, изъ которыхъ мы можемъ указать на слѣдующіе: 1) *Подъ яблоней*, 2) *Вспышка у домашняго очага* и 3) *Лѣтней ночью*.

Въ журналѣ «Сѣверъ» за 1888 г. было помѣщено два рисунка Трутовскаго, изображающихъ два малорусскихъ женскихъ типа.

Были рисунки Трутовскаго помѣщаемы и въ другихъ изданіяхъ: во «Всемірной Иллюстраціи», въ «Газетѣ Гатцука» и проч. Ограничиваемся сдѣланными указаніями.

Снимки съ картинъ и рисунковъ Трутовскаго были воспроизводимы не въ однихъ только иллюстрированныхъ изданіяхъ. Въ одномъ изъ петербургскихъ магазиновъ на Большой Морской намъ случалось видѣть мебель (столы и стулья) съ рисунками съ картинъ Трутовскаго. Въ безчисленномъ множествѣ снимки съ картинъ Трутовскаго воспроизводятся на лукутинскихъ издѣліяхъ: на табачницахъ, портъ-сигарахъ, обложкахъ альбомовъ, подносахъ и проч. Точно также они воспроизводились на серебряныхъ издѣліяхъ фабрикантовъ Овчинникова и Хлѣбникова. Затѣмъ посредствомъ вышиванія ихъ стали снимать на полотенцахъ и т. п. издѣліяхъ. Наконецъ, въ недавнее время появились ситцы съ тѣми же рисунками. Курьёзно то, что эти ситцы и фартуки съ рисунками изъ картинъ Трутовскаго, дойдя въ то село, гдѣ эти картины когда то были написаны, и появившись на одеждѣ женщинъ, замѣнившихъ прежній домашней работы костюмъ издѣліями фабричнаго производства,—дали такимъ образомъ Константину Александровичу возможность увидѣть въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова «*передвижную* выставку» рисунковъ изъ своихъ картинъ.

Эта распространенность снимковъ съ произведеній Трутовскаго, это заимствованіе у него сюжетовъ для всевозможныхъ издѣлій, для которыхъ рисунокъ можетъ имѣть значеніе, показываетъ, что произведеніями Трутовскаго любовались не одни только присяжные любители и цѣнители искусства, что они привлекали къ себѣ массы,

что они удовлетворяли извѣстной потребности и въ свою очередь будили вкусъ, распространяя въ массахъ интересъ и вниманіе къ тѣмъ сюжетамъ, которые любитъ самъ художникъ и которые всѣмъ намъ милы и дороги.

Въ заключеніе еще разъ повторимъ, что сдѣланныя нами указанія на произведенія Трутовскаго далеко не полны: изъ картинъ, писанныхъ масляными красками, и акварелей мы указали, можетъ быть, не больше половины всего того, что было выставлено Трутовскимъ, а изъ рисунковъ указана только очень незначительная часть. Пусть тѣ, которые могутъ это сдѣлать, дополнятъ сообщенныя нами свѣдѣнія.

Н. Шугуровъ.

По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Шевченка.

Въ одномъ изъ номеровъ московской газеты «Русскій Курьеръ» текущаго года какой то украинецъ помѣстилъ неизданное будто бы стихотвореніе Шевченка, перепечатанное затѣмъ и во многихъ другихъ изданіяхъ.

Въ своей замѣткѣ украинецъ, между прочимъ, говоритъ, что стихотвореніе это относится къ началу крымской войны, когда формировались малороссійскіе конно-козачьи полки, и было подарено Шевченкомъ отцу автора замѣтки, служившему въ малороссійскомъ козачьемъ № 2 полку, при чемъ стихотвореніе это написано будто бы собственноручно Шевченкомъ. Приводимъ самое стихотвореніе:

„И драгуны и пихота,
На Дунай идуть;
Буде добра имъ робота—
Такъ щаслывый путь!
И Черныгивъ, и Полтава
Вышлють козакивъ.....
Нехай буде й наша слава
Мижъ царськихъ полкивъ!

То не хмара сонце вкрыла,
То не гримъ гуде;
То козацька наша сыла
Въ Петербургъ иде!
Витеръ буйный повивае,
Диброва шумыть,
То козацтво выступае
Бусурменивъ быть.“

Дѣйствительно, нѣкоторые поэтическіе образы и сравненія, встрѣчаемые въ этомъ стихотвореніи, какъ бы напоминаютъ музу нашего славнаго Кобзаря; тѣмъ не менѣе, несмотря на увѣренія автора приведенной замѣтки, едва ли можно признать это стихотвореніе произведеніемъ Шевченка. Какъ извѣстно, Шевченку очень часто приписывались малорусскія стихотворенія, авторы которыхъ почему либо

оставались неизвѣстны публикѣ. Такъ, напр., ему приписывалось извѣстное стихотвореніе «Борода и Чупрына», принадлежащее въ дѣйствительности перу недавно умершаго К. Думитрашка; затѣмъ, не менѣе извѣстное стихотвореніе «Ще не вмерла Украина», написанное уже по смерти Шевченка при особенныхъ обстоятельствахъ, памятныхъ многимъ кіевлянамъ, также приписывалось Шевченку и даже напечатано было во львовскомъ изданіи «Кобзаря», равно какъ и пьесы Аѳанасьева-Чужбинскаго «Добре твоя кобза грае» и «Полуботко», печатавшіяся еще недавно въ изданіяхъ Шевченка. Точно также и приведенное стихотвореніе, по всей вѣроятности, есть произведеніе другаго поэта, а не Шевченка.

Прежде всего нужно сказать, что оно было уже напечатано еще въ 50-тыхъ годахъ. Объ этомъ мы имѣемъ свѣдѣнія въ статьѣ Н. Б. «Малорусская военно-патріотическая муза», помѣщенной въ издававшейся въ Кіевѣ газетѣ «Заря» за 1885 г., № 185. Автору этой статьи, во время его переѣздовъ по кіевской губ., пришлось познакомиться съ владѣльцемъ с. Березняговъ, черкасскаго уѣз., Станиславомъ Александровичемъ Бернатовичемъ, въ библіотекѣ котораго онъ нашелъ, между прочимъ, два листка съ напечатанными тремя малорусскими стихотвореніями: одно изъ нихъ «Выходылы козаченькы» безъ подписи, другое, весьма распространенное, «Кыньмо, братья, батька и неньку» —съ подписью К. К. и, наконецъ, вышеприведенное стихотвореніе «И драгуны и пихота» —съ подписью Ш... Происхожденіе этихъ стихотвореній С. А. Бернатовичъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ. Передъ крымской войной отецъ Бернатовича служилъ полковымъ врачемъ въ одномъ изъ расположенныхъ на Украинѣ полковъ, командиромъ котораго былъ Строгоновъ. При выступленіи полка на театръ военныхъ дѣйствій, Строгоновъ просилъ Бернатовича издать для полка какія либо воспоминанія изъ полковой жизни, и вотъ Бернатовичъ, уступая этой просьбѣ, издалъ въ небольшомъ числѣ, собственно для офицеровъ того полка, приведенныя три стихотворенія вмѣстѣ съ другими какими то произведеніями. Къ сожалѣнію, въ указанной статьѣ Н. Б. нѣтъ свѣдѣній ни о мѣстѣ, ни о времени изданія, но, судя по разсказу Бернатовича, время это можно отнести къ 1853—1855 г. Точно также не находимъ никакихъ свѣдѣній и объ авторахъ этихъ стихотвореній; о послѣднемъ, впрочемъ, Бернатовичъ замѣтилъ, что оно принадлежитъ перу Шевченка, хотя въ этомъ случаѣ другаго основанія, кромѣ подписи Ш.., указать не могъ.

Само собою разумѣется, что подпись Ш... ничего не доказываетъ; стихотвореніе могло быть написано Шишацкимъ-Илличемъ, печатавшимъ въ то время малорусскія стихотворенія въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», или другимъ неизвѣстнымъ малорусскимъ поэтомъ. Такихъ стихотвореній въ патріотическомъ духѣ въ то время было множество. Кромѣ напечатанныхъ, какъ напримѣръ «Бенкетъ для непрошеныхъ гостей» Яцимирскаго, К. 1854 г., ходили по рукамъ въ большомъ числѣ ненапечатанныя, весьма популярныя въ то время малорусскія стихотворенія, по всей вѣроятности, принадлежавшія разнымъ поэтамъ. Такъ, я помню весьма распространенное стихотвореніе: «Гей погонци, братци люби!», авторомъ котораго былъ, кажется, К. Думитрашко.

Къ подобнымъ патріотическимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ малорусскіе поэты воодушевляли своихъ земляковъ на борьбу, принадлежатъ и всѣ три стихотворенія, найденныя Н. Б. въ библіотекѣ С. А. Бернатовича, изъ которыхъ стихотвореніе «Кыньмо, братья, батька и неньку», подписанное К. К., принадлежитъ тому же К. Думитрашко, подписывавшемуся часто псевдонимомъ «К. Копытько». Отецъ Бернатовича, какъ любитель малорусской поэзіи, вѣроятно, собиралъ ходившіе въ то время по рукамъ стихотворенія и затѣмъ, при случаѣ, напечаталъ нѣкоторыя изъ нихъ. Быть можетъ, одно изъ нихъ, показавшееся ему выдающимся, онъ по ошибкѣ приписалъ Шевченку, извѣстному въ то время во всей Украинѣ. Быть можетъ, стихотвореніе это принадлежитъ и самому А. Бернатовичу, по крайней мѣрѣ въ галицко-малорусскомъ журналѣ «Русалка» за 1866 г. № 2-й находимъ, къ сожалѣнію весьма краткій, некрологъ умершаго въ 1865 г. А. Бернатовича, о которомъ въ некрологѣ говорится, какъ о малорусскомъ поэтѣ, хотя намъ и неизвѣстны его произведенія. Не могутъ ли эти свѣдѣнія дать какую либо нить въ исторіи приведеннаго стихотворенія?

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что стихотвореніе это появилось въ пятидесятыхъ годахъ. Объ этомъ одинаково свидѣтельствуютъ какъ С. А. Бернатовичъ, такъ и украинецъ, сообщившій стихотвореніе въ «Русскій Курьеръ». Между тѣмъ извѣстно, что въ пятидесятыхъ годахъ Шевченко былъ въ ссылкѣ и въ то время не могъ не только печатать, но и писать свои произведенія, а тѣмъ болѣе дарить ихъ кому бы то ни было на Украинѣ, какъ увѣряетъ авторъ замѣтки. Мнѣ кажется, и въ самомъ стихотвореніи можно найти нѣкоторыя указанія на непринадлежность его Шевченку. Подобное стихотвореніе изъ подъ пера незабвеннаго нашего поэта не-

сомнѣнно вышло бы болѣе содержательнымъ и сильнымъ, чѣмъ приведенное. Затѣмъ Шевченко былъ глубокій знатокъ народной рѣчи и не могъ выразиться «щаслывый путь», такъ какъ въ малорусскомъ языкѣ слово «путь» употребляется постоянно въ женскомъ родѣ.

Во всякомъ случаѣ было бы весьма интересно, чтобы какъ г. Бернатовичъ, такъ и авторъ замѣтки, помѣщенной въ «Русскомъ Курьерѣ», сообщили болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія объ этомъ стихотвореніи.

М. Комаровъ.

Весенніе хороводы, игры и пѣсни.

Весна производила на воображеніе первобытнаго человѣка цѣлый рядъ такихъ могучихъ вліяній, предъ которыми онъ останавливался, какъ предъ проявленіями божественной силы. Животворные лучи солнца, освѣжающая и обновляющая гроза, воскресеніе и расцвѣтъ растительности, немолчный говоръ и пѣніе птицъ, устраивающихъ гнѣзда для вывода новаго поколѣнія—все это сочеталось въ такой невольно выливающійся и поразительный гимнъ природѣ, который и человѣка привлекъ къ участію въ немъ. Весна, какъ свѣтлый и радостный праздникъ природы, сопровождалась у народа множествомъ обрядовъ, пѣсенъ и игръ въ честь божества, виновника этой благотворной перемѣны въ природѣ. Въ честь весенняго солнца совершается множество хороводовъ, которые своимъ кругообразнымъ движеніемъ имѣютъ цѣлью представить внѣшній видъ свѣтила (ликъ бога). Хороводовъ большое множество, хотя свѣдѣнія о нихъ имѣются не въ достаточномъ количествѣ, да и записывать ихъ стали довольно поздно, когда смыслъ многихъ хороводовъ уже затемненъ, а о нѣкоторыхъ и память совершенно утеряна. Такъ, несомнѣнно, должны были существовать хороводы въ честь бога грома, въ честь бога вѣтровъ, рѣчныхъ божествъ. Даже хороводовъ съ прямымъ смысломъ—въ честь солнца мы не знаемъ; только въ нѣкоторыхъ весеннихъ пѣсняхъ, отдѣлившихся, по всей вѣроятности, отъ хороводовъ, есть указаніе на дѣятельность солнца, напр. «Сонечко гріе—колода пріе, сонечко пече—смола тече» [1]). Другая пѣсня—веснянка прибавляетъ къ этому дѣятельность вѣтра и дождя:

---

[1]) Чубинскій. Тр. этн. эксп. Ш, 114, 4 Е.

„Ой не хвалыся, да березонька,
Не ты свою кору да выбилыла,
Не ты сее листе да шырочыла,
Не ты сее гилле да высочыла.
Выбилыло кору да яснее сонце,
Шырочыло листе да буйный витеръ,
Высочыло гилле да дрыбенъ дощыкъ“ [1].

Болѣе древнее происхожденіе мы должны признать за пѣснею, въ которой олицетворяется весна:

„Ой весна—красна, що намъ вынесла?
Ой вынесла тепло и доброе литечко...
Малымъ диткамъ—ручечкы быты,
А старымъ дидамъ—раду радыты;
А старымъ бабамъ посединнечко,
А господарамъ—поле ораты,
А молодымъ господынямъ—кросеньця ткаты,
А молодыцямъ и дивонькамъ—та й погуляты...“ [2]).

Весна представляется еще съ слѣдующими аттрибутами: «Вылетила весняночка вчора зъ вечора, укропомъ очы завишала, а петрушкою ротъ запхала, рипою зубы накувала» [3]). Къ олицетвореніямъ весны, или скорѣе аттрибутовъ ея надо отнести и пѣсню:

„Ой нумо, нумо,
Въ зеленого шума.
А въ нашого шума
Зеленая шуба“ [4]).

Большинство хороводовъ, нынѣ извѣстныхъ, совершаются или въ честь птицъ, или въ честь хлѣба (проса, гороха, мака), или же представляютъ выборъ невѣсты.

Хороводы, которые носятъ названіе птицъ, какъ напр., горобейко, перепилочка, голубъ, галка, воронъ, коршунъ, отличаются сравнительно большею ясностью содержанія и ведутъ несомнѣнно свое происхожденіе отъ эпохи зооморфизма, когда всѣ животныя и въ частности птицы пользовались почитаніемъ. Остатокъ этой эпохи сохраняется въ тѣхъ отзвукахъ древняго преданія, которые дали основаніе нынѣшней символикѣ птицъ, когда одна птица является символомъ величія и силы, другая предзнаменуетъ побѣду; однѣ являются символомъ любви и дружбы, другія считаются зловѣщими птицами. Характеръ птицъ проявляется въ хороводахъ; при чемъ весенніе хороводы и веснянки берутъ только тѣхъ птицъ, которыя такъ или иначе знаменуютъ благополучіе семьи или ея несчастье, истребленіе дѣтей (воронъ, коршунъ).

---

[1]) Чубинскій, III, 158, 69.
[2]) Ibid. 109, 1 A.
[3]) Ibid. 113, 4 B.
[4]) Ibid. 50, 6.

Я укажу только нѣкоторые символическіе хороводы и пѣсни, главнымъ образомъ записанные П. Чубинскимъ въ III-мъ томѣ Трудовъ этнографическо статистической экспедиціи въ западно-русскій край (стр. 32—183).

Птицы весной служатъ самымъ нагляднымъ образомъ заботливой семьи, когда она исполняетъ самую священную обязанность—воспитаніе дѣтей, оттого устройство семьи (свили свое гнѣздо), различныя нѣжныя проявленія любящихся парочекъ, супруговъ, сравниваются съ подобными же проявленіями у птицъ.

Птицы весной ищутъ пары, паруются, какъ выражается народъ; ихъ парованье служитъ символомъ, сравненіемъ того, какъ молодые люди сходятся для того, чтобы жить въ парѣ. Въ хороводѣ «галка» есть слѣдующее обращеніе:

„Ой галко, галко,
Золотая клюшныце!
Стань же намъ на помочъ:
Зъ молодымы молодыцямы,
Зъ краснымы дивчатамы“ [1]).

Далѣе объясняется, въ чемъ эта помощь: «галочка литае, парочки шукае» [2]).

Соловей приглашаетъ къ себѣ галочку—любимый символъ совѣщанія молодой парочки:

„Ой тамъ на гори: дыво—не дыво,
Тамъ соловейко гниздо звывъ,
Да всю ниченьку не выспавъ,
Соби галочку прыклыкавъ:
„Ой чы будешъ ты, галочко,
Моимъ диткамъ маткою“?
Ой тамъ на гори: дыво—не дыво,
Ой тамъ Ёвхымко домъ робыть,
Да всю ниченьку не выспавъ,
Соби дивчыну прыклыкавъ:
Ой чы будешъ ты женою,
Моимъ диточкамъ слугою?“ [3])

Этотъ же символъ развиваютъ еще двѣ почти тождественныя пѣсни (стр. 177, 117, варіантъ А и Б). Соловей служитъ символомъ молодца, который развеселяетъ *дивчыну* «Зъ пташыною ничку ночувала;

Защебече соловей въ ночи,
Розвеселыть мои чорни очы“ [4]).

Дѣвушка проситъ милаго устроить коморку въ бору съ окошечкомъ, «Щобъ до мене соловейки прылиталы, щобъ мени хорошенько щебеталы» [5]).

---

[1]) Чубинск. III, 72 А.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibid. 138, 41.
[4]) Ibid. 147, 51.
[5]) Ibid. 146, 50 Г.

Дѣвушка тоскующая сравнивается съ кукушкой, а ея милый съ соловьемъ:

„Ой мылый мій, колыбъ я твій
Голосокъ зачула,
Вылынула бъ проты тебе,
Якъ сыва зозуля.
Нехай тоби зозуленька,
Щобъ рано ковала,
А мени нехай соловейко,
Щобъ я не скучала“ [1]).

Символъ—*зозуленька куе* соотвѣтствуетъ (въ пѣснѣ 143, 48) дивчынонька плаче. Далѣе, народъ себѣ объясняетъ, почему кукушка печально куетъ—плачетъ; этой причиной служитъ семейное ея горе:

„Не куй, зозуленько, темненькои ночы
Повыдыраешъ на лыщыноньку очы;
—„Якъ же жъ мени раненько не куваты
Годовала дитки, да и кымъ замышляты.
Ой щобъ тому да тры лита хворити,
Хто побравъ зозульчыни диты“ [2]).

Кукушка служитъ еще въ народѣ символомъ вѣщей птицы, которая своимъ кукованьемъ отвѣчаетъ на заданные вопросы: сколько человѣку остается лѣтъ жизни, скоро ли дѣвушка замужъ выйдетъ.

Вылетъ *жаворонка*, слишкомъ ранній, противъ воли, знаменуетъ, какъ кажется по пѣснѣ, слишкомъ раннюю свадьбу.

„Чомъ ты, жавороньку,
Рано зъ вирья вылитавъ?
Ище по гороньках снижeнькы лежалы,
Ой ще по долынахъ крыженькы стоялы“
—Ой колы пора прыйшла,
Неволенька выйшла.
Ой я тыи крыженькы
Крыльцямы розжену;
Ой я тыи сниженькы
Нижкамы потопчу;
Загорожу ричку
Тай на постовнычку,
Щобъ не вылиталы
Пташата-чирята,
Сыви голубъята;
Щобъ не выносылы
Молодецкои красы..
Дивоцкои косы“ [3]).

Въ этой пѣснѣ такой поэтическій мотивъ: *жаворонокъ крыльями ледъ разгонитъ, ножками снѣгъ потопчетъ*, означаетъ, что зима проходитъ съ прилетомъ жаворонковъ. Точно такое же объсненіе имѣетъ и другой поэтическій мотивъ: «зозуленька куе, бо литечко чуе. Соловей щебече—садкы развывае» [4]).

Символъ *воробей прилетаетъ*—значитъ, милый приходитъ. Это отчасти видно изъ слѣдующей пѣсни:

„Кышъ, кышъ, горобей,
Не йды до конопель,
Мои конопелькы
Да ще зелененькы.
„Мамо, дай хлиба“.
—А той де дила?

---

[1]) Чубинскій, III, 168, 96.
[2]) Ibid. 157, 67.
[3]) Ibid. 110.
[4]) Ibid. 143, 48.

„Съ козакомъ ззила“.
—А робыть?
„Голова болыть!
—А замижъ?
„Хочъ заразъ!“ [1])

Жена воробья представляетъ собою заботливую хозяйку:

„А въ горобейка
Жуйнка маленька;
Седыть на колочку,
Пряде на сорочку,
Що выведе нытку
Горобъю на свытку.
Остануться концы—
Горобъю на штанци,
Остануться торочкы—
Горобъю на сорочкы“ [2]).

Воробей живетъ въ самомъ тѣсномъ сосѣдствѣ съ людьми,—*мірской захребетникъ*, какъ назвалъ его проф. Богдановъ; онъ знаетъ отлично жизнь народа, и потому на вопросъ: кому воля, кому нѣтъ воли? такъ рисуетъ дѣвичью и женскую долю:

„Дывочкамъ уся воленька—
За виночекъ тай у таночекъ
За стричечку тай на вулычку.
А жиноньвамъ та неволынька,
Коло бока та стороженька.
Борщъ каже: „помишай мене“,
Каша каже: „пидіймай мене“,
Мылый каже: „поцилуй мене“,
Дытя каже: „нагодуй мене“,
Мылый каже: „роззувай мене“,
Дытя каже: „забавляй мене“ [3]).

Голубь воркуетъ—предвѣщаетъ женитьбу:

„Й а на дуби, на дубочку
Сывый голубъ гуде.
Щось на тебе, козаченьку,
За прыгодонька буде“ [4]).

Изъ дальнѣйшаго изложенія пѣсни видно, что козаку предстоитъ взять замужъ вдовину дочку.—Голубь сывенькій—эпитетъ украшающій въ малорусскихъ пѣсняхъ (и. стр. 36, III А.).

Перепелка—символъ женщины: „А въ перепилкы молодый мужычокъ, молодый якъ иде, черевычкы несе“ [5]). „Піймай соби жинку, якъ перепилку“ [6]).

Селезень и утка изображаютъ молодую пару:

„А селезень летыть и утыцю кличыть.
А его утинка да прохалася:
„Ой пусты мене, мій селезню,
Межъ тіи утята покупатыся,
И зъ утятамы повыдатыся“.
—Не тутъ я тебе взявъ,
И не тутъ пущу;
Узявъ я тебе на сынёму мори,
Пущу тебе на чыстому поли“ [7]).

---

[1]) Чубинскій, III, 59, VI.
[2]) Ibid. 56, 8.
[3]) Ibid. 58, III, А. Б.
[4]) Ibid. 135, 34.
[5]) Ibid. 65.
[6]) Ibid. 96, 38.
[7]) Ibid. 122, 12.

Слѣдующая небольшая пѣсня изображаетъ только семействен ныя наклонности утки, предполагая ихъ настолько ясными, что дальнѣйшаго примѣненія къ жизни человѣка не приводится. Пѣсня, говоря, что

„Утка иде, утынята веде
На напасочку, на порясочку,
На холодну водыцю,
На зелену травыцю [1]),

полагаетъ, что это образъ хоровода, или матери, которая ведетъ своихъ дѣтокъ.

Лебедь есть символъ дѣвушки, тоскующей по миломъ:

„Ой выйду я за ворота,
Гуляю, гуляю,
Якъ билая лебедочка
По тыхимъ Дунаю“ [2]) (Сравн. п. 137, 37).

Сходство лебедя съ дѣвушкой прямо указывается въ слѣдующихъ словахъ пѣсни: „Лебедына, лебедына да на дивчыну походыла“ [3]).

Соколъ—ласточка символъ жениха и невѣсты:

Ой на ставку на ставку,
Поймавъ соколъ ластовку“ [4]).

Пташечки, которыя садятся на калинѣ—символъ молодцовъ которые любятъ *дивчыну*:

„Коло млына, млына,
Зацвила калына,
Калына, калына!
А по той калыни
Пташечкы ходылы,
Ходылы, ходылы!
А тамъ молодци
Дивчыну любылы,
Любылы, любылы! (Чубинск. III, 139, 43).

Такимъ образомъ, жизнь птицъ весною, когда проявляются лучшія ихъ свойства въ заботѣ о птенцахъ, въ чарующемъ пѣніи, служила для человѣка какъ бы призывомъ начать подобную же жизнь; и дикарь могъ поучиться гуманитарному чувству у соловья, ласточки, перепелки, утки и вообще у пташечекъ. Оттого символика, заимствованная изъ жизни птицъ, такъ любима народомъ и всегда отличается такой нѣжностью и поэтичностью.

Хр. Ящуржинскій.

Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ.

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» 1886 года (стр. 570—573) помѣщена замѣтка М. Васильева: «Двѣ народныя пѣсни о пан-

---

[1]) Чубинскій, III, 180, 124.

[2]) Ibid. 166, 93.

[3]) Ibid. 181, 129.

[4]) Ibid. 85, 24.

щинѣ и повстаньѣ». Отрицательно рѣшая въ ней вопросъ о вымираніи народнаго творчества, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Имѣющійся въ нашихъ рукахъ пѣсенный матеріалъ.... даетъ намъ основаніе думать, что пѣсня объ отмѣнѣ панщины явилась въ нашемъ народѣ самостоятельно и непосредственно подъ вліяніемъ происшедшей перемѣны. Приводимъ на этотъ разъ двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна смѣшаннаго содержанія и говоритъ сначала о польскомъ возстаніи, а потомъ объ освобожденіи крестьянъ. Обѣ онѣ волынскія, что видно отчасти и по языку. Онѣ не обшлифовались еще въ народномъ обращеніи, не имѣютъ ни гладкости старыхъ народныхъ пѣсенъ, ни яркости ихъ красокъ, но и отнюдь не являются продуктомъ досужаго сочинительства». Затѣмъ приводятся самыя пѣсни: I. «Несчастніи часы зійшли Якъ зъ неволи хлопи выйшли».... и II. «Тамъ въ Цвитосци межъ лисами»....

Жаль, что авторъ замѣтки не сообщаетъ ни мѣста и времени записи, ни лица (имя и фамилія, лѣта, званіе, занятія, грамотенъ или нѣтъ и т. п.), отъ котораго записаны приводимыя имъ пѣсни. Это способствовало бы уясненію вопроса о путяхъ, какими проникаютъ въ народъ искусственныя стихотворенія. Искусственныя.... такъ какъ приводимыя авторомъ затѣтки двѣ «народныя» пѣсни представляютъ въ сущности неудачную спайку кусковъ виршей Палія Мостыголовы (продукта досужаго сочинительства), спайку почти нетронутую творчествомъ народа.

Приводя ниже подлинныя вирши П. Мостыголовы, послужившія прототипомъ «народныхъ» пѣсенъ считаю не лишнимъ предпослать имъ нѣсколько замѣчаній.

Виршей П. Мостыголовы находится у меня подъ руками двѣ тетради и ¹/₄ листа.

Первая тетрадь (изъ шести листиковъ почтовой бумаги)—недавно снятая, писанная латиницей, съ массой очевидныхъ описокъ (благодаря незнакомству снимавшаго копію съ польскимъ правописаніемъ) копія съ рукописи, принадлежавшей поляку—панку. Въ ней—вирши:

1) «До Редактора» (слѣдовательно, стихи предназначались къ печати), съ подписью внизу: «Палій Мостыголова»;

2) «Виршы» («Схаменитесь вы паны»);

3) «Розмова» («Розгулялысь вражи ляшкы»...);

4) «Польскый бунтъ 1863 року» («Нещасны часы пройшлы»...);

5) «Панъ Ружыски» («Вражи ляхи взбунтовалысь»....);

6) «Панъ Цихоньски («Загремила писня «Boże polski»...);

7) «Паньске щасце» («Отакъ паны опарылысь»...).

Вторая тетрадь (листъ писчей бумаги, сложенный въ 4-ку):

1) Дума Палія Мастыголовы («Ахъ Волынь, ты наша матыǃ...»). Заканчивается словами:

Попе, попе, ты нашъ батьку,
Любы жъ ты насъ до остатку....
Учы дитокъ, учы, друже,
Бо кто жъ схоче?.... байдуже!..."

На полѣ противъ думы, инымъ почеркомъ—замѣтка: «Этой думы прошу никому не читать; она, изволите видѣть, чѣмъ то пахнетъ...»

2) «Розмова» («Розыгралысь вражи ляшкы» ...);

3) Казка («Въ сели—що не знаю»...);

На $^1/_4$ листа;

«Вирши» («Послухайте, вы, паны!»...).

Что касается приведенныхъ М. Васильевымъ «народныхъ» пѣсенъ, то онѣ равняются:

I. «Несчастніи часы зійшли»... Строки 1—10=1—4+7—12 «Польскаго бунта»; строки 11—20=55—64 «Виршей»; строки 21—26 передѣлка 41—44 «Виршей»; строки 27—28—передѣлка 47—48 «Виршей»; строки 29—44=17—24+29—36 «Виршей»; строки 45—46—прибавка.

II. «Тамъ въ Цвитосци межъ лисами...» Строки 1—10 передѣлка 25—34 «Пана Цихоньского»; строки 11—14 прибавка; строки 15—20 передѣлка 43—48 «П. Цихоньского»; строки 21—24 передѣлка 41—42 «П. Цихоньского»; строки 25—26 прибавка; строки 27—34=61—68 «П. Цихонскаго (съ характернымъ измѣненіемъ послѣдняго стиха); строки 35—38=33—36 «Польскаго бунта»; строки 39—49=5—16 «Виршей».

Текстъ виршей П. Мостыголовы приводится по тетради первой безъ измѣненій, если не считать исправленія очевидныхъ описокъ, разстановки знаковъ препинанія и замѣны латиницы гражданкой. Въ примѣчаніяхъ указаны разночтенія по $^1/_4$ листа.

Ювеналій Тиховскій.

1. Виршы.

Схаменитесь [1]) вы, паны!
Поскыдайте жупаны,
Повдягайте сиряки,
Бо не ваши мужыкы.

Александеръ теперъ панъ; [2])
Винъ то дило розыбравъ, [3])
Що Иванъ да Степанъ
Съ теи жъ глыны, що и панъ. [4])

---

[1]) Послухайте. [3]) Розпизнавъ.
[2]) Ставъ. [4]) Що въ Ивана и Степана Така душа якъ и въ Пана.

Винъ то дило роспизнавъ
Дай свободу людямъ давъ.
Нехай кожденъ теперъ [1]) знае,
Що винъ батька-цара [2]) мае,
Нехай кожденъ теперъ [3]) знае
И нехай же [4]) вспомынае
Чы то вдома, чы на поли,
Чы то въ праци, чы на воли...
Не знае, вже [5]) тои доли.
Що бувало—борщъ безъ соли...
Хапай исты дай ще швыдко,
Покы соньця ще не выдко,—
Бо якъ сонце зыйшло зрана,
То вже чуты атамана;
Вже жъ [6]) тоби не до ижы,
Бо нагайка тило риже [7]).
Зыйшло соньце вже й подвылось...
Що ся діе, то й не снылось.
Пойдитъ люде тай зобачте
Таки слёзы, тай заплачте...
Панъ економъ съ аэребутомъ—
Съ тонкимъ, вдвое гнучимъ кнутомъ
Поре въ шатиръ, вередуе,
Ажъ кровъ свыще—такъ катуе.
Сиче сына, мліе маты:
Лыбонь треба поховаты...
Крыкъ, плачъ и слёзы льюцця,
Вси бояцця, вси трасуцця.
Одверните, люде, очы,
Колы вамъ не стало мочы;
На се лыхо не дывитесь,
Щобъ посля не печалытысь. [8])
Прыйдешъ зъ лану [9])—ничъ лунная,
Лежать диты видъ хлыпаня: [10])
Бидны матеръ [11]) выглядалы
Дай голодны полягалы.
А не важся що забраты,
Перевезты що до хаты, [12])
Бо задасьць панъ таку бійку,
Що полыжешъ на затылку.
Не той зовсимъ наставъ [13]) часъ,
Теперъ давъ Богъ и для насъ:
Заплаты [14]) та не бійся,
Тилько гриха стережыся.
Ще не тее було зъ намы,
Якъ булы мы подъ панамы.
Чыя жынка була брава,
Мужъ до неи не мавъ права.
Все у пана плате мые,
Або пидчасъ муку сіе,
Хлибъ пече, то мые хату..
Правда добру бере плату...
Прыйде жынка въ дымъ одъ пана
Ходыть, чмыше, бо вже пяна...
Мужъ сварыты не посміе,
Бо вже знае, що ся діе.
Не такій же совсимъ часъ
Теперъ давъ Богъ и для насъ!
Жинку мылу прыголубышъ
Дай и гора зъ ней забудешъ.

2. Польскый бунтъ въ 1863 року.

Нещасны часы пройшлы,
Якъ въ неволи хлопы булы...
Паны былы, забывалы,
До сорочкы обдыралы;
Що хотилы зъ хлоповъ бралы,
А хто не давъ—шкуру дралы;
Хоть бы мужыкъ наветъ згынувъ,
Мусывъ даты десятыну...
Мало того десятыну:
Давъ и жинку, и дытыну,
Бо то воля ляха—пана
Душу взяты изъ Ивана.

---

[1]) Теперъ кождый.
[2]) Царя-батька.
[3]) Тее кождый.
[4]) И все соби.
[5]) Не машъ теперъ.
[6]) Тогди.
[7]) Зриже.
[8]) Стиховъ 25—40 нѣтъ.
) Поля.
[10]) Видхлыпая.
[11]) Бо матеры.
[12]) А не важся було иты Соби сжаты, або звезты.
[13]) Не такій же зовсимъ.
[14]) Отбувъ свое.

Зналы паны добро зъисты
Да въ костелахъ въ лавкахъ систы:
На лавочкахъ посядають,
Съ панночкамы розмовляють.
Грошей оны много малы—
По Парижу разъижчжалы,
Зъ золотымы пидкивкамы
Пидъ киньскымы копыткамы.
Нашу виру зневажалы—
Церкви жыдамъ отдавалы,
Православныхъ дуже гналы,
Зъ собакамы ихъ ровнялы.
Приказалы осевули—
Гоны хлопа швыдче кули,
Гоны хлопа на панщыну:
Якъ не хоче, личы въ спину.
Økономы зъ нагайкамы
Тялы хлопа канчукамы,
Сиклы добре и ризкамы,
Ще жъ лякалы рекрутамы.
Царъ нашъ русскій змыловався
За те дуже добре взявся,
Щобъ мужыкамъ волю даты
Да зъ рукъ паньскихъ одобраты.
Паны тымъ ся зажурылы
Чорны трауръ вси надилы
Въ Житомыри хресты ставлять,
. . . .
Хлопскы свыты надягають—
(Воны тымъ ся не встыдають—)
„Braciu równość, niepodległość—
Za to będzie nam chwalebność“
Чорны ходять мовъ ты галкы
Паны, пани и подпанки.
Да зъ велыкымъ лядьскымъ жаромъ
Крычать письню „Dym pożarom“.
Въ чорныхъ сукняхъ воны ходять,
По костелахъ Бога молять:
„Верни вольносьць намъ, ойчызну,
Верны хлопивъ и панщызну.“
Нема ляха вже жывого—
Нема ёму быты кого;
Ходыть ляшокъ и вздыхае.
Чорну думу винъ думае.
„Не журымся, паны—браты,
Пійдемъ русскихъ воёваты;
Треба Польшу одобраты,
Назадъ хлоповъ соби взяты“...
„Чы въ костели, чы въ палацу,
Чы на воли, чы на плацу (?)
О! на те треба много часу,
Ходимъ хутше ажъ до лясу;“
„Звиты будемъ воёваты;
Да москаливъ розбываты;
А въ чимъ полякъ самъ не сможе,
То намъ французъ въ тымъ поможе.“

3. Панъ Цихоньски.

Загремила писня „Boże polski“,
Появывся панъ Цихоньски.
Пидъ Заславомъ мыжъ лисамы
Зобравъ ляхивъ винъ стадамы.
Не бувъ сей панъ въ Миропили,
На кровавомъ тамъ весили,
Де гулялы такъ на дыво,
Де кроваве пылы пыво,
Де блыскало и гремило...
Ясне сонце потемнило...
Тамъ глумылысь надъ панамы
Штыкъ, нагайка дай ще хамы.
Отъ, якъ бачте, не знавъ того
Панъ Цихоньски—щасьця свого,
Добро свое покидае.
Щасця въ лиси винъ шукае.
„Нима хлоповъ и панщызны
Треба шукаць намъ ойчызны“,
Котра въ лиси заблукалась,
Своихъ сыновъ видцуралась.
Бидна Польска въ лисъ забралась;
Забравшысь, тамъ скончалась.
Идуть паны въ лисъ шукаты,
Мертву Польску воскрешаты.
Тамъ въ Цвитоси мыжъ лисамы,
Мыжъ топкимы болотамы
Паны стуйки закладалы,
Пыть гербату посядалы:
Илы, пылы да гулялы,
Зъ килишкамы воёвалы;
Хтилы соби заспиваты,
А тутъ пикетъ дае знаты:

„Гей, панове,
Въ руки брони дай хутенько,
Бо Москали вже блызенько:
Карабины набывають,
Штыки свои оглядають".
Сполошылысь ляхи дуже,
Крычать зъ ляку: „що се буде?
Еденъ каже: „нема рады",
Другій крычыть: „рейтерады".
„Daway broni, daway pałasz"...
И пиднявся крикъ и галасъ
Зовсимъ ляхи опяниды
И зо страху одурилы,
И не знае еденъ, другій,
Що робыты въ цій одури:
Чы фузію набываты,
Чы гербату допываты.
Бють московськи барабаны...
„Bardzo zymno", крычать паны...
Москаль писни запивае,
Зъ штыкомъ впередъ выступае;
Безъ докладу наступають,
Зъ карабиновъ посылають
Кули ляхамъ на снидання...
Не йдить, паны, до повстаня...
Штыки пидъ грудь пидставляють,
Въ лобъ прыкладомъ убывають.
Нема ляхамъ щасця—доли
А не въ лиси, а не въ поли.
Ксёнзъ инфулу надягае,
Вгору руки пиднымае
Благословыть ляхивъ—пановъ,
Щобъ побылы всихъ Москалёвъ.
Москаль на те зъ ружжя двынувъ...
Ксёндзъ на землю... а не дригнувъ.
Нима ксёндза и казаня...
Не йды, ксёндзе, до повстаня..
Панъ Цихоньски утикае...
Его куля доганяе;
На голову ёму сила
Дай на землю псвалыла.
Въ коньци лиса мыжъ травою
Зъ розбытою головою
Спыть Цихоньски и чекае:
Польшу зъ лиса выглядае.

Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ.

Въ 85-мъ № «Сѣверной Пчелы» за 1828-й годъ помѣщены слѣдующія афиши *черниговскаго* театра. Въ одной изъ нихъ объявляется, что «сего 1828-го года апрѣля 15-го числа, то есть Въ воскресеніе Будетъ имѣть честь представить Трагедіи въ 3-хъ дѣйствіяхъ компанія Актеровъ подъ дирекціею г-на Клокоцкаго, сочиненной съ священной исторіи перваго убійства на свѣтѣ чрезъ Албетрандого съ громомъ и мольною въ костюмахъ первыхъ родителей нашихъ подъ названіемъ: *Изгнаніе Адама и Евы* изъ рая *или смерть Авеля, первое убійство по сотвореніи міра*». За исчисленіемъ дѣйствующихъ лицъ, помѣщено слѣдующее примѣчаніе: «сія безсмертная трагедія будетъ представлена въ цѣлой акуратности какъ только исторія библіи требуетъ, въ новой Гардеробѣ нарочно для сей пьесы съ дѣланной изображаемой костюмъ первыхъ родителей нашихъ и съ приличною до сей трагедіи декораціею.—Въ 2-мъ дѣйствіи окажется Каинъ приодетъ кожою тигра. Выставлены будутъ пристолы, на которыхъ Каинъ и Авель кладутъ жертву целосожженія, изъ которыхъ Богъ

принимаетъ жертву Авеля, спуская огонь съ неба зажигаетъ оную. Въ 3-мъ дѣйствіи сонъ Каина, изображающій ему вѣчную крѣпость на цѣлой родъ его. Ужасной видъ въ свирепости Каина когда убиваетъ палкою Авеля брата своего. Все ето акуратно на сцѣнѣ представлено будетъ, сколь только мѣсто театра здѣшняго позволитъ». Въ другой афишѣ извѣщаютъ: «что 15-го (18-го ?) апрѣля 1828 г., то есть въ среду, въ пользу Адама Чеховича (Актера) компанія будетъ имѣть честь представить новою ещо здесь никогда неигранною очень увеселительною комедію на русскомъ діалектѣ, сочиненна г. Котзебуе подъ названіемъ: *Маркизо де Тулипано, выписанный женихъ изъ деревни или ещо не женился, а ужъ збѣсился*, которую предупредитъ Комедія тоже увесилительная въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ: «*Галарея сумашедшихъ или стихотворецъ стихолата тратата*». Дальше помѣщено слѣдующее краснорѣчивое воззваніе бенефиціанта къ публикѣ: «Все Почтеннѣйшая публика! всемъ моемъ Бенефисѣ притѣкаю подъ покровъ благомислящихъ вашихъ сердецъ и все милостивѣйшему Вашему воззренію—Не таланти мои еще менѣе Заслугы, но сыла рвения, но вѣра въ Вѣликодушіи покровитѣлей театра одушевляетъ мѣня на сіе представленіе и на отрадную надѣжду, что вѣликодушые неумѣетъ отвѣргать покорнѣйшаго Возванія и что я буду удостоенъ благосклоннымъ Вашимъ По сѣщеніемъ».

И. Ж.

Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о „семилтѣнихъ богатыряхъ“ [1]).

Встрѣченный въ степи при стадѣ пастушокъ лѣтъ 12-ти, между прочимъ, разсказываетъ:

Тамъ у насъ въ Хелебцахъ по дорогѣ въ Енковцы (лубенск. у., надъ р. Удаемъ) есть поле, усѣянное разными черепками. Говорятъ, жили когда то поляки. Недалеко отъ этого поля въ яру есть два лёха. Одинъ еще хорошо замѣтенъ, его раскапывали много разъ: поляки шелевкою пообставляли, чтобъ не завалился. Въ томъ же яру была и крыница, родникъ, говорятъ, былъ сильный; но теперь ея совсѣмъ не замѣтно, только старые люди показываютъ то мѣсто, гдѣ была: поляковъ какъ выгоняли отсюда, такъ они забили родникъ

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1889 г. мартъ.

вовною. А еслибъ *семилѣтній мальчикъ* да на *семилѣтцемъ конѣ* подъѣхалъ къ этому мѣсту, да ударилъ копьемъ, то родникъ опять открылся бы съ прежней силой: все кругомъ могъ бы залить водою.

Ѳ. Каминскій.

Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи.

По поводу исполнившагося въ минувшемг февралѣ столѣтія существованія новгородсѣверской гимназіи, которое бывшими воспитанниками ея было отпраздновано въ Петербургѣ 11 февраля, считаю не лишнимъ разсказать, какъ я помню, объ освященіи теперешняго зданія этой гимназіи, при которомъ я присутствовалъ. Я поступилъ въ гимназію въ 1844 году. Она помѣщалась тогда въ деревянномъ зданіи, которое послѣ было перестроено въ такъ называемыя общія квартиры для учениковъ, а еще позднѣе—въ квартиры для директора и инспектора. Это деревянное зданіе существуетъ и до сихъ поръ, но теперь оно обращено фасадомъ къ ярмарочной площади, а прежде стояло параллельно каменному зданію и фасадомъ было обращено къ Губернской улицѣ. Освященіе новаго каменнаго зданія гимназіи было совершено въ августѣ, въ первое воскресенье послѣ Преображенія. Въ этотъ день было соборное богослуженіе въ монастырѣ. Обѣдню служилъ архимандритъ Геннадій въ сослуженіи съ священниками Васильковскимъ, Левицкимъ и Демьяновичемъ. Послѣ обѣдни былъ совершенъ крестный ходъ изъ монастыря въ гимназію. День былъ солнечный, теплый, но пыльный. По прибытіи крестнаго хода въ гимназію, въ верхнемъ актовомъ залѣ ея было совершено тѣмъ же духовенствомъ водоосвященіе, въ присутствіи бывшаго директора гимназіи Ильи Ѳедоровича Тимковскаго и управлявшаго въ то время гимназіей директора Андрея Тимофеевича Боторовскаго. Послѣ водоосвященія учениковъ водили по классамъ, при чемъ протоіерей законоучитель Янчевскій съ соборнымъ діакономъ Корзюковымъ окропляли классы св. водой; а затѣмъ учениковъ отпустили по домамъ. Вотъ чему я былъ свидѣтелемъ [1]).

И. Карпинскій.

---

[1]) Многоуважаемый профессоръ, авторъ этой замѣтки, не вспомнилъ объ одномъ фактѣ, касающемся разсказываемаго имъ событія: именно—объ рѣчи, которую по поводу освященія новаго зданія гимназіи говорилъ бывшій учитель, а потомъ

Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣи.

Въ одной изъ статей, озаглавленныхъ общимъ названіемъ «Культурныя переживанія», г. Сумцовъ касается вопроса о распространеніи «повѣрья о цѣлебномъ значеніи змѣи» [1]) въ связи съ фактами этого рода въ украинской народной словесности. Привожу въ дополненіе разсказъ, записанный И. И. Пономаревымъ въ александрійскомъ уѣздѣ херсонск. губ. Человѣкъ, съѣвшій вываренное мясо змѣи, получаетъ способность слышать говоръ растеній, узнавать цѣлебное значеніе ихъ—таковъ основный мотивъ разсказа; онъ оригиналенъ сравнительно съ тѣми, которые приводятся у г. Сумцева.

Бувъ соби панъ и въ ёго бувъ кучерь. Отъ разъ той панъ поихавъ зъ кучерёмъ у лисъ и піймавъ тамъ гадюку. Прывизъ ту гадюку до дому и почавъ іи варыть. Отъ винъ іи варывъ, варывъ, а потимъ ту воду, въ которій варывъ, и вылывъ на траву—трава такъ и занялась полумьямъ. Почавъ варыть знову; знову вылывъ ту воду на траву—трава упять горыть. Варе винъ ту гадюку въ трете; вылывъ воду—трава не горыть. Отъ тоди той панъ взявъ ту гадюку и почавъ исты, ивъ, ивъ, усе поивъ, тилько кисточкы позоставалысь. А кучерь и бачывъ те все, шо робывъ панъ. «Ну, думае, колы вже панъ ивъ гадюку та не пропавъ, посмокчу я хочъ кисточкы—вже воно для чогось винъ іи ивъ». Посмоктавъ отто кучерь ти кисточкы и байдуже. Колы отто скоро панъ упьять иде зъ кучерёмъ у лисъ. Колы це слухае той кучерь—ажъ Боже мій! Вся трава, чуе, говоре: та каже: «я отъ того», а та: «а я отъ того»; «я отъ такои болисты», а друга: «а я отъ такои». Колы такъ зъ боку стоить буркунъ (Melilbotus vulgaris) и каже: «а я отъ ґылы, я отъ ґылы» (Hernia scrotum). Кучерь якъ почувъ, той засміявся, а панъ и побачывъ. «Чого ты, Иванъ, сміёсся?» пытае панъ. «Та такъ соби» каже той кучерь.—«Э, ни, должно буть ты шось знаешь» каже. «Ни, ій Богу, такъ соби». «Ану, плюнь, каже панъ, на ливу сторону». Кучерь якъ плюнувъ, такъ и переставъ чуть те, шо травы говорють.

(Зап. отъ Вас. Мняшкуры).

М. К. Васильевъ.

инспекторъ новгородсѣверской гимназіи Осипъ Акимовичъ Самчевскій (умершій ровно за недѣлю до 11 февраля 1889 г.). Рѣчь эта сохраняется въ бумагахъ М. К. Чалаго. Въ какой моментъ она была произнесена—мы не знаемъ, вѣроятно—послѣ водоосвященія.—*Н. Ш.*

[1]) „Кіевск. Стар." 3 кн. 665 стр. 1889 г.

Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ.

Медленно, подъ все большимъ и большимъ напоромъ новыхъ условій, исчезаютъ архаическіе бытовые остатки въ жизни народной. Для изученія исторіи культуры важны эти свидѣтельства о попыткахъ мысли человѣческой уразумѣть окружающее и извѣстнымъ образомъ приспособиться къ нему. Приводимые ниже факты относятся къ похороннымъ обрядамъ и повѣрьямъ малорусскаго народа; подъ давленіемъ духовенства и эти слѣды «язычества» исчезаютъ; въ виду этого, не претендуя на систему и полноту, я передаю ниже то, что удалось мнѣ записать въ 1888 году въ селѣ Лебединѣ чигиринскаго уѣзда, кіевской губерніи. Человѣкъ одаренъ душею—въ этомъ его отличіе отъ животныхъ, у которыхъ вмѣсто души «пара», напр., выраженіе «умирать» приложимо только къ имѣющимъ душу; животные не «умирають», а «здыхають». Ненормальныя общественно-историческія условія была причиною тому, что украинецъ—крестьянинъ и мѣщанинъ лишили въ своемъ представленіи этого главнаго признака свойственнаго человѣку—еврея: «жыдъ не вмирае, а здыхае, бо въ ёго не душа, а пара; у жида и собакы не душа, а пара!».

Приближеніе смерти можно предчувствовать: такъ, отецъ разсказчицы передъ смертью заявилъ: «вары, дочко, узваръ, печы тисто, купуй хустокъ, бо я умру». Смерть близкихъ можно предугадать во снѣ или при посредствѣ сверхъестественныхъ явленіи обыкновенно въ образѣ умирающаго.

Во время агоніи умирающему кладутъ «пидъ плече, ани пидъ потылыцю зилля свячене» — «тою» или «марену», или же читаютъ «на сходъ душы»,бываетъ такъ, что случится кризисъ— «недуга пересядетця»; при подкладываніи говорятъ: «есть у мене тоя, теперъ я не твоя!».

Представленія о душѣ сбивчивыя. По смерти она оставляетъ тѣло; одинъ отецъ видѣлъ, какъ «посунулась до покутя» душа умершей дочери. Душа можетъ временно оставлять тѣло: въ такомъ случаѣ человѣкъ «замираетъ»; есть повѣрье, что если замиравшій разскажетъ о томъ, что онъ видѣлъ замираючи—онъ умретъ (приводится примѣръ человѣка, который замиралъ двадцать лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ живъ).

«Нема правды» въ томъ, что если предъ чьимъ нибудь домомъ остановится похоронная процессія, то въ домѣ кто нибудь умретъ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ «мертвець», ставятъ какую нибудь посудину съ водою—«щобъ душечка пыталася»; иногда ставятъ другую

посуду съ медомъ; на третій день медъ разводятъ водой, поливаютъ растворомъ куски наломаннаго хлѣба и угощаютъ присутствующихъ— такимъ образомъ происходитъ поминовеніе умершаго.

Въ гробъ теперь ничего не кладутъ; впрочемъ, «е таки! онъ хто нюхае табачокъ—то скаже бува, щобъ поклали табакерку, чабату», добавила сообщавшая.

Упоминаютъ о томъ, что и «горилочку» ставили иногда въ гробъ; были случаи, что «гробокопатели» находили эту «горилочку» и безъ долгихъ церемоній выпивали—«та така добра, мовъ огонь»!

Въ Лебединѣ въ недалекомъ прошломъ, сейчасъ по выносѣ покойника, запирали двери на крючокъ, хату обсыпали житомъ; по выносѣ тѣла за ворота, послѣдніе перевязывались краснымъ поясомъ— «щобъ хазяйство не утикло».

По сообщенію Ю. Олтаржевскаго, въ уманскомъ уѣздѣ, когда выносятъ «домовыну» изъ хаты, то бьютъ ею о порогъ однимъ и другимъ концами, а порогъ потомъ «стесують»; дѣлается такъ для того, чтобы смерть «не верталася въ хату».

Подъ Ромнами «труну»—не проносятъ черезъ ворота, а передаютъ черезъ «тынъ»; значеніе этого неизвѣстно.

Въ Лебединѣ же сохранилось повѣрье о томъ, что когда несутъ «мертвяка», то нельзя высматривать въ окно «бо якъ визьмеся тоди за що небудь у себе, то и заразъ и почне, и почне росты ґуля, кистка».

Нельзя, «негодытьсяа« обгонять похоронную процессію.

Тѣло мертвеца имѣетъ исцѣляющее вліяніе на «мертве тило»— тканевое омертвеніе, «ґули» и т. п.

Если отъ покойника «духъ важкый», то по приходѣ съ кладбища сбрасываютъ одежду во дворѣ; но во всякомъ случаѣ нужно, войдя въ хату, «лапнуть за коминъ або грубу».

Въ обрядъ погребенія «дивчыны» входятъ элементы свадебнаго ритуала. Обстановка погребенія такова: «якъ умре дивка, то на неи надиваютъ спидныцю, хвартухъ, намысто, перстень, сережки, а на рукы рушныкъ вышытый, отъ якъ у молодои; дали росчисують косы и надиваютъ на лобъ стрички; квитчаютъ квиткамы голову и винокъ прышываютъ съ правого боку, а ногы обмотуютъ тряпкамы, ридко у кого ведуться башмакы, хыба хто заможній; та ще роблять гильце изъ сосны и обквитчуютъ его квиткамы изъ калыны, барвинку, жыта, проса и ячменя, и становлять на столи. Якъ уже іи ховаютъ у долъ—значить у яму--то кыдаютъ туды и гильце. Рушныкъ прывязуютъ

до хреста, а корогы перевязують хусткамы; домовыну несуть четверо дивчатъ, а дви крышку; имъ перевязують рукы стричкамы тилькы красными. А батько и маты такъ плачуть: «дочко моя, голубко моя, хазяйка моя! ты жъ у мене у двори хазяйка була! хто жъ теперъ у мене буде хазяиновать? видкиль же я тебе буду выглядать? чыжъ з-за горы, чыжъ з-за долыны, чыжъ з-за высокой могылы туды сонце не загріе и витеръ не завіе; зозуленькы будуть куваты, соловейкы щебетаты, а я своеи дочкы буду выглядаты. Дочко моя, голубочку! чого жъ ты забажала такой смутной хаты и невеселой»?

На мой вопросъ — какая участь ожидаетъ дѣвушку на томъ свѣтѣ сообщавшая замѣтила: «и Господи, якъ ій тамъ хороше буде; Господь небесный ій золотый виночокъ на голову возложе и весилля вона не мыне, вона соби тамъ выбере».

«Водыться» дѣвушкѣ класть въ руку двадцать копѣекъ, «щобъ легче ій було пройти кризь перши мытарни ворота».

Зап. отъ Хиври Юхыменковой и Ганны Жыдопеки въ іюлѣ 1888 г.).

М. К. Васильевъ.

Панская находчивость.

Земельные споры были всегда въ большомъ ходу въ Малороссіи: если крупному пану не удавалось отнять или захватить себѣ въ собственность земли своихъ сосѣдей, онъ придирался къ нимъ, — подавалъ въ судъ позовъ, доказывая, что тѣ захватили его дѣдовщину, и требовалъ выѣзда суда на мѣсто, для изслѣдованія его правъ собственности на эту землю посредствомъ присяжнаго разслѣдованія, — свидѣтели, конечно, подставлялись имъ заранѣе. Такимъ образомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Черниговщины Г. П. М. оттягалъ не мало земель у своихъ сосѣдей козаковъ, при чемъ, разсказываютъ мѣстные сторожилы, нерѣдко случались такого рода казусы. «Якъ мы будемо присягать, що стоимо на вашей землѣ, ваше превосходительство, якъ то земля зъ давныхъ давенъ козацька», говорятъ свидѣтели. — Панъ, нисколько не смущаясь возраженіемъ, въ свою очередь озадачиваетъ совѣстливаго свидѣтеля вопросомъ: «А теперь на чьей землѣ ты стоишь»? — «Теперечка? Та на вашей, добродію, бо стою я на вашемъ двори». — «Ну такъ снимай сапоги! сыпь въ нихъ мою землю, надѣнь ихъ снова и гдѣ бы ты ни былъ, ты все таки будешь на моей землѣ стоять»! —

Свидѣтель продѣлываетъ въ точности панскій приказъ и, не смущаясь, присягаетъ передъ судомъ, что земля, на которой онъ (свидѣтель) стоитъ, съ дѣда, прадѣда была панская, и что онъ не знаетъ, какъ она сдѣлалась козацкою.

Для справокъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь г. Редакторъ!

Въ приложенномъ къ апрѣльской книжкѣ издаваемаго Вами журнала „Кіевская Старина" каталогѣ книжнаго магазина Н. Я. Оглоблина помѣщены, между прочимъ, нѣсколько изданій Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, цѣна этимъ изданіямъ назначена совершенно произвольная.

Не входя въ разборъ, насколько виноватъ г. Оглоблинъ въ помѣщеніи цѣнъ этимъ изданіямъ, несогласныхъ съ существующими, я позволю себѣ только покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, не отказать въ напечатаніи настоящаго письма въ ближайшей книжкѣ „Кіевской Старины", дабы дать возможность всѣмъ лицамъ интересующимся и пользующимся изданіями Коммиссіи, скорѣе выйти изъ заблужденія относительно степени рѣдкости и величины стоимости этихъ изданій,—заблужденія, въ которое вводитъ ихъ каталогъ г. Оглоблина.

Не перечисляя здѣсь всѣхъ упомянутыхъ въ означенномъ каталогѣ изданій, укажу только на наиболѣе рѣзкіе факты.

Въ каталогѣ г. Оглоблина цѣна каждому тому „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ" *назначена 4 р. 50 к.*, тогда какъ въ Коммиссіи они *продаются по 3 р., а начало V т. за 1 р.;* Софійскій Временникъ у г. Оглоблина *стоитъ 4 р. 50 к.*, въ Коммиссіи—*4 р.*; Соборная Грамота Духов. Прав. Восточ. Церкви, утверж. санъ царя за В. К. Іоанномъ IV—у *г. Оглоблина—2 р.*, въ Коммиссіи—*1 р.*; О первонач. русской лѣтописи, кн. Оболенскаго—у *г. Оглоблина 6 р. 50 к.*—въ Коммиссіи—*5 р.* и т. п.

Всѣ упомянутыя изданія далеко не представляютъ библіографической рѣдкости, въ особенности „Собраніе Грамотъ" и имѣются въ Коммиссіи въ весьма значительномъ количествѣ.

Возвышеніе цѣнъ на эти изданія никакимъ образомъ не можетъ быть объяснено дальностью пересылки, такъ какъ всѣ проданныя изданія высылаются *безплатно;* равнымъ образомъ всѣ желающіе получаютъ каталогъ изданій Коммиссіи *безплатно же* (Адресоваться: Москва, Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности

И. д. правителя дѣлъ коммиссіи **В. Трутовскій.**

—— Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ къ 1 января 1889 г. располагало капиталомъ въ 136,555 р. 85 к. Въ теченіе января и февраля въ доходъ общества поступило 6,008 р. 48 к., израсходовано 5,374 р. 11 к. Срочная ссуда въ 100 р. за поручительствомъ выдана 1 лицу; безсрочныя ссуды выданы: 1 лицу въ 100 р. и 1 въ 300 р. Единовременныя пособія оказаны 18 лицамъ на сумму 1,220 р. (1 лицу 300 р., 1—150 р., 3—по 100 р., 1—75 р., 1—60 р., 6—по 50 р., 3—по 25 р., 1—17 р., 1—10 рублей). На погребеніе одного лица назначено 50 р. Продолжительныя пособія назначены 2 лицамъ по 180 руб., 1—300 р., а вмѣстѣ съ ранѣе назначенными выданы продолжительныя пособія въ теченіе января и февраля: 1 лицу—50 р., 1 — 45 р., 2 по 30 р., 1—20 рублей, итого 175 р. Семьѣ 1 умершаго писателя назначена пенсія въ 300 р. и единовременное пособіе въ 200 р., вмѣстѣ же съ назначенными ранѣе выданы пенсіи въ теченіе января и февраля 28 лицамъ, а именно: 2 лицамъ по 150 р., 12 по 100 р., 1 лицу—80 р., 2 лицамъ по 75 р., 1—67 р., 3—по 75 р., 5 по 50 р., 1—45 руб., 3—по 40 р., а всего выдано пенсій на сумму 2,437 р. За обученіе дѣтей двухъ лицъ опредѣлено уплатить 170 р. (одного 125 р., другаго 45 р.), всего же въ теченіе января и февраля за воспитаніе и обученіе 16 дѣтей литераторовъ и ученыхъ уплочено 895 р. Выдано стипендій въ теченіе января и февраля 1 студенту—150 р., 6 студентамъ по 45 р., а всего 420 р. Дочери двухъ лицъ зачислены на безплатныя вакансіи въ гимназію М. Н. Стоюниной. 1 писатель помѣщенъ въ больницу св. Николая. Отклонены просьбы 16 лицъ. Вышло въ свѣтъ 9 изданіе стихотвореній Надсона въ количествѣ 6,000 экземпл. М. Н. Стоюнина предоставила въ распоряженіе Комитета 2 безплатныя вакансіи въ своей гимназіи. Я. Г. Гуревичъ предоставилъ въ распоряженіе Комитета въ память А. Я. Герда 1 безплатную вакансію въ своемъ реальномъ училищѣ съ тѣмъ, чтобы она замѣщалась сыномъ или родственникомъ писателя-педагога. Профессора Н. П. Вагнеръ, А. П. Доброславинъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. И. Стороженко читали лекціи въ пользу литературнаго фонда. Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ пожертвовалъ въ пользу общества въ видѣ „дружининской копѣйки“ 4 р. 8 к. съ подписчиковъ на сочиненія Панаева. Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ названнымъ лицамъ, а профессоровъ Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскаго онъ зачислилъ въ пожизненные члены общества. Признаны также пожизненными членами общества: В. М. Соболевскій, П. И. Бларамбергъ, А. С. Посниковъ, Г. А. Джаншіевъ, М. А. Саблинъ, Д. Н. Анучинъ, А. П. Лукинъ, А. И. Чупровъ, М. Е. Богдановъ и В. Ю. Скалонъ въ виду ихъ пожертвованій, сдѣланныхъ чрезъ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“.—Предсѣдатель общества Конст. Конст. Арсеньевъ (Спб., Васильевскій Остр., 14 линія, 23) принимаетъ по воскресеньямъ отъ $10^1/_2$—12 ч. утра; казначей Як. Григ. Гуревичъ (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича)—по воскресеньямъ отъ 11 до 12 час.; секретарь Васил. Ив. Семевскій (Васильевскій Островъ, 2 линія д. № 13, кв. 16) по вторникамъ отъ $5^1/_2$ до 7 часовъ. Членъ Комитета въ Москвѣ С. А. Муромцевъ (Поварская, Скатертный переулокъ, домъ Муромцевой).

Библіографія.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. Съ 145 рис. въ текстѣ. Спб. 1889. 8, стр. 117.

Судя по краткому предисловію къ настоящему выпуску и по обѣщанному продолженію изданія скиѳо-сарматскихъ древностей для 2-го выпуска, мы вправѣ ожидать, что въ недалекомъ будущемъ получимъ изъ подъ пера спеціалистовъ рядъ очерковъ, систематически вводящихъ насъ въ мало извѣстную публикѣ область—древняго русскаго искусства. Предметъ сложный, образовавшійся путемъ многообразныхъ вліяній и стимуловъ, получитъ надлежащее выясненіе въ обозрѣніи и объясненіи памятниковъ искусства, причемъ будетъ отведено подобающее мѣсто какъ мѣстному почину, такъ и вліяніямъ разныхъ народовъ, на болѣе или менѣе продолжительное время заходившихъ въ предѣлы Россіи. Такъ какъ съ незапамятныхъ временъ искусство каждаго народа проникаетъ мельчайшія подробности быта, то подобное обозрѣніе предметовъ древняго искусства получаетъ значеніе важнаго пособія для исторіи быта нашихъ предковъ или предшественниковъ вообще.

Графъ И. И. Толстой и проф. Н. П. Кондаковъ настоящимъ изданіемъ идутъ навстрѣчу потребности, давно назрѣвшей въ нашемъ обществѣ. Въ популярной формѣ, разсчитанной на большую публику, они знакомятъ читателя съ добытыми раньше результатами археологовъ, нумизматовъ, историковъ, хранящимися въ рѣдкихъ, дорого стоющихъ изданіяхъ, каковы, наприм., «Древности Босфора Киммерійскаго», или «Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи». Вышедшій въ свѣтъ 1-й выпускъ «Русскихъ древностей»—прекрасное начало задуманнаго дѣла. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего больше: прекрасная бумага, характерные, хорошо исполненные рисунки, хорошая печать, и при этомъ цѣна болѣе, чѣмъ умѣренная,—1 рубль.

Предисловіе знакомитъ насъ съ руководящими взглядами составителей на задачу начатаго предпріятія. Въ древностяхъ Россіи издатели видятъ «единое цѣлое потому, что въ нихъ исторически сложилось народное искусство, которое не достигая личнаго творчества, живетъ преданіемъ, и связывая разноплеменныя формы быта земледѣльческаго и кочеваго, городскаго и сельскаго, одно раскрываетъ передъ нами общую непрестанную преемственность. Народное искусство живетъ усвоеніемъ и переработкою художественнаго стиля, котораго происхожденіе прослѣживается до его источниковъ». Въ единомъ цѣломъ, подъ которымъ издатели разумѣютъ древне-русское искусство, они стараются различить доли, внесенныя въ него и огреченнымъ скиѳомъ, и корсунскимъ мастеромъ, и генуэзскимъ торговцемъ, и нѣмчиномъ. «Эту сокровищницу наполняли и арабскіе караваны, везшіе товаръ волжскимъ болгарамъ и языческой Руси, и набѣги руссовъ на Византію, и домовитое хозяйство великихъ собирателей земли Русской».

Прежде всего нельзя не замѣтить, что предисловіе написано въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ и не даетъ никакого понятія о тѣхъ руководящихъ пріемахъ, какими издатели намѣрены пользоваться въ извлеченіи и группировкѣ матеріала уже изданнаго или въ привлеченіи новаго. Далѣе, только опытность издателей и доказанный ими строгонаучный интересъ къ предмету являются для читателя надежнымъ ручательствомъ, что ради достиженія искомаго единства они не станутъ закрывать глаза на отличительные признаки, въ какихъ художественное дарованіе проявлялось въ разныхъ частяхъ обширной территоріи Россіи, складывалось у различныхъ собранныхъ на этой территоріи народностей подъ особыми вліяніями. Большая опредѣленность и ясность въ изложеніи была бы далеко не излишня. «Искусство греческихъ колоній береговъ Чернаго моря», замѣчаютъ издатели, «распространялось до Кіева, но слилось у варварскихъ народностей южной Россіи съ ихъ собственнымъ искусствомъ, идущимъ изъ Персіи. Торговля предметами художественнаго производства съ Восточною Имперіею началась задолго до варяжскихъ набѣговъ и русскихъ договоровъ, а глухая Пермь получала изъ сассанидской Персіи свои драгоцѣнныя серебряныя блюда. Но, кромѣ торговыхъ сношеній съ Византіею и Персіею черезъ Кавказъ, существовалъ широкій путь, въ собственномъ смыслѣ народный, по которому формы восточной культуры передвигались сами собою на западъ, путь народовъ изъ глубины Средней Азіи и Сибири на берега Дуная. Московская земля никогда не утрачивала художественныхъ свя-

зей съ Византіею и азіатскимъ Востокомъ, которыя еще въ эпоху господства готѳовъ на Днѣпрѣ дали оригиналы искусству ранняго европейскаго средневѣковья, а въ домонгольское время способствовали древней Руси въ достиженіи высокой культуры». Къ сожалѣнію, издатели не указываютъ и предѣловъ древности, до какихъ они намѣрены вести свое обозрѣніе памятниковъ искусства.

Вслѣдъ за предисловіемъ читатель находитъ въ 1-мъ выпускѣ краткій историческій очеркъ древне-еллинскихъ поселеній на черноморскомъ побережьѣ, сѣверномъ и восточномъ, и на Тамани (стр. 1—19). Здѣсь же и далѣе помѣщено нѣсколько видовъ современной Керчи, Митридатовой горы, нѣкоторыхъ кургановъ и снимки нѣскольких босфорскихъ, ольвійскихъ и херсонесскихъ монетъ. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе важнѣйшихъ кургановъ въ предѣлахъ древняго босфорскаго царства, преимущественно пантикапейскаго некрополя, описаніе различныхъ способовъ погребенія или устройства гробницъ, при чемъ наидольше останавливаются издатели на катакомбахъ (стр. 19—33). Въ заключеніе этого отдѣла дается опредѣленіе времени происхожденія пантикапейскихъ гробницъ, V—II вв. до Р. Х. Уже изъ этого бѣглаго очерка читатель видитъ, что настоящій выпускъ посвященъ въ главной своей части классическимъ древностямъ не всѣхъ мѣстностей южной Россіи, колонизованныхъ древними еллинами, а почти исключительно босфорскимъ; территорія т. н. Геродотовой Скиѳіи составитъ, слѣдовательно предметъ ближайшаго обѣщаннаго уже выпуска, хотя онъ и будетъ носить наименованіе не классическихъ, а скиѳо-сарматскихъ древностей. Такое дѣленіе страдаетъ неточностью и во всякомъ случаѣ нуждается въ поясненіи, такъ какъ и Геродотова Скиѳія, и Босфорское царство содержатъ въ себѣ много общаго въ обѣихъ областяхъ—древностей классическихъ и скиѳо-сарматскихъ. Оттого и вышло, что въ первомъ выпускѣ разсмотрѣны не всѣ характерные памятники греческаго искусства въ южной Россіи, а съ другой стороны въ томъ же выпускѣ нашли себѣ мѣсто указанія на такія находки, которыя по словамъ самихъ издателей принадлежатъ къ скиѳскимъ древностямъ (стр. 47 сл.).

Самая большая и важнѣйшая часть выпуска (стр. 33—102) занята описаніемъ содержимыхъ гробницами предметовъ, составляющихъ принадлежности или собственно погребальнаго чина, или обычнаго убора и житейской обстановки умершихъ. Описаніе предметовъ втораго разряда, особенно обстоятельное и интересное, прерывается по временамъ поучительными и необходимыми отступленіями по раз-

личнымъ вопросамъ античнаго быта и искусства, наприм. стр. 65 сл., 68 сл. 70, 78, 81 сл. Издатели обращаютъ должное вниманіе на тѣ особенности въ отдѣлкѣ предметовъ, въ убранствѣ покойниковъ и въ обстановкѣ этихъ послѣднихъ, которыя являлись результатомъ смѣшенія нѣсколькихъ разнородныхъ факторовъ: мѣстнаго почина, вліяній восточныхъ и древнеэллинскихъ, особенно аттическихъ. Такъ, наприм., уборъ изъ золота и вообще драгоцѣнные предметы составляютъ особенность южно-русскихъ некрополей, чуждую собственной Елладѣ (стр. 41—62). Переселявшіеся на Босфоръ аѳинскіе художники работали примѣнительно къ туземнымъ вкусамъ; есть массы сосудовъ, свойственныхъ только Босфору. Многія изображенія на чашахъ и иныхъ сосудахъ и предметахъ запечатлѣны яркимъ реализмомъ, стараніемъ художниковъ передать правдиво типъ заказчика, костюмъ его и предметы его житейскаго обихода. Другіе предметы ясно обличаютъ восточное вліяніе, родство съ древнѣйшими ассирійскими или персидскими оригиналами (наприм. стр. 63, 68, 76, 83, 85, 97). Съ полнымъ правомъ издатели могли сказать въ заключеніе этого главнаго отдѣла выпуска: «Примѣсь варварскихъ вкусовъ, темъ и сюжетовъ мѣстнаго характера подтверждаетъ то общее заключеніе, что богатое развитіе художественной промышленности, оставившей въ распоряженіе сосѣднихъ варварскихъ племенъ на долгое время массу изящныхъ и устойчивыхъ типовъ, было вызвано симъ починомъ и потребностью этихъ самыхъ народностей; и что эти потребности существовали уже во время распространенія греческой колонизаціи и имѣли сами по себѣ иной источникъ, заключавшійся въ восточной культурѣ, принесенной этими народами въ южную Русь» (стр. 102). Разумѣется, преобладающій элементъ въ разсмотрѣнныхъ въ настоящемъ выпускѣ памятникахъ искусства—античный, греческій и римскій; преимущественно онъ даетъ ту внѣшнюю оболочку, подъ которою для бытописателя древняго босфорскаго царства сокрыто разнообразное содержаніе его обитателей, отдѣленныхъ отъ насъ тысячами лѣтъ. Смѣшанный характеръ произведеній искусства или художественной отдѣлки собственно бытовыхъ предметовъ наглядно свидѣтельствуетъ о многосложности вліяній, дѣйствовавшихъ въ жизни южной Россіи уже въ то отдаленное время.

Нѣсколько заключительныхъ страницъ выпуска (102 — 113) отведены обозрѣнію литературы предмета и особенно оцѣнкѣ трудовъ Императорской Археологической Коммиссіи, учрежденной въ 1859 г., по раскопкамъ кургановъ, а равно по изданію и объясненію много-

численныхъ находокъ въ нихъ. Въ концѣ приложенъ предметный указатель, къ сожалѣнію слишкомъ краткій и слишкомъ недостаточный, тѣмъ болѣе, что книга не снабжена оглавленіемъ, изложеніе не подѣлено на параграфы или главы, что способно было бы значительно облегчить пользованіе книгой. Равно необходимо было, хотя бы въ концѣ выпуска, въ немногихъ строкахъ, пріурочить изданные снимки по источникамъ, изъ которыхъ взяты рисунки.

Говоря вообще, изданіе графа И. П. Толстого и Н. П. Кондакова заслуживаетъ всякаго сочувствія и несомнѣнно достигнетъ своей цѣли — поможетъ распространенію въ образованной публикѣ необходимыхъ свѣдѣній о нашей старинѣ. Вскорѣ потребуется новое изданіе выпуска, и навѣрное оно будетъ свободно отъ нѣкоторыхъ недосмотровъ, вкравшихся въ первое изданіе. Прежде всего необходимо дать болѣе тщательный снимокъ карты Босфора (стр. 104): *Palus* Maeotis (λίμνη ἡ Μαιῶτις) переведено Меотійское *море*; имя Patraeus передано въ русской транскрипціи въ невозможной формѣ *Патраеусъ* вмѣсто Патрей или Патреусъ, а не Патреонъ, какъ въ текстѣ; имя Апатуронъ, или Апатуръ написано *Апатюронъ*; названіе мѣстности *Сады*, Κῆποι, какъ оно употреблено не разъ въ текстѣ, замѣнено на картѣ малоупотребительною формою ед. ч. *Kepos — Кепосъ*. Вообще формы именъ на картѣ и въ текстѣ не согласованы между собою. На стр. 3 сказано: «Геродотъ въ числѣ рѣкъ, впадающихъ въ Меотиду, упоминаетъ Пантикапъ (IV, 11)». Но о впаденіи Пантикапы въ Меотиду Геродотъ нигдѣ не говоритъ, а о теченіи этой рѣки говорится IV,54, а не IV,11. Въ текстѣ на одной и той же страницѣ(2)одно и то же имя передается то въ формѣ Киммеріонъ, то Киммерій; Парѳеній, Мирмикій (на картѣ Мирмекіонъ), но Ахиллеонъ, Апатуронъ; въ числѣ городовъ западной половины Босфора поименована *Гераклея* вмѣсто Гераклеона или Гераклея, какъ обозначено и на картѣ (Heracleum — Гераклеонъ); одинъ и тотъ же народъ названъ въ одномъ мѣстѣ *Ахаи* (стр. 10), въ другомъ *Ахеи;* одинъ и тотъ же городъ на стр. 2 названъ *Гераклией*, на стр. 17 *Гераклеей* и др. Далѣе 20 стадій (стр. 7) составляютъ не около 3 верстъ, какъ отмѣчено въ текстѣ, но $3^1/_2$; на стр. 26 новый карантинъ — собственное имя, соотвѣтствующее древнему Мирмекію, или Мирмикію. Въ подписи подъ снимками на стр. 27 не слѣдовало оставлять безъ поясненія такихъ терминовъ, какъ синодъ, ѳіасъ, въ такомъ видѣ ничего не говорящихъ читателю не-спеціалисту.

Эти и подобные недосмотры или пробѣлы не умаляютъ общаго капитальнаго значенія прекраснаго труда графа И. И. Толстого и проф. Н. П. Кондакова.

Ѳ. Мищенко.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Томъ XV-й. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильна. 1888 г.

Настоящій томъ «актовъ» виленской коммиссіи составленъ, какъ и предъидущіе, по той программѣ, по которой акты подбираются отчасти по содержанію, отчасти хронологически, но безъ строго обдуманной научной цѣли; поэтому логическая связь между актами бываетъ то болѣе, то менѣе тѣсная; въ настоящемъ томѣ такою связью является бытъ монастырей, церквей и духовенства, преимущественно уніатскаго. Всѣ акты, касающіеся монастырей или духовныхъ лицъ, хотя и многочисленны, но чрезвычайно отрывочны, такъ что дѣятельность тѣхъ и другихъ не можетъ быть изложена сколько нибудь послѣдовательно. Если въ первые годы существованія коммиссіи, когда члены ея не имѣли достаточнаго запаса однороднаго матеріала для изданія, хронологическая система, господствующая, впрочемъ, и до сихъ поръ въ другихъ изданіяхъ, могла быть допускаема при выборѣ даже маловажныхъ документовъ,—то теперь, послѣ большаго количества изданныхъ томовъ, когда, при разборѣ древнихъ актовыхъ книгъ, могло накопиться уже значительное количество однороднаго матеріала, можно предъявить и болѣе строгія требованія. Какъ на примѣръ возможности измѣнить содержаніе томовъ «актовъ», укажемъ на кіевскую коммиссію, которая относительно подбора матеріала стоитъ даже въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ виленская, именно: 1) въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, откуда кіевская коммиссія главнымъ образомъ черпаетъ матеріалъ для своихъ изданій, хранится втрое меньше актовыхъ книгъ, чѣмъ въ виленскомъ; 2) древнѣйшія книги кіевскаго архива относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ древнѣйшія книги виленскаго; 3) въ кіевскомъ архивѣ нѣтъ такого большаго количества важныхъ по содержанію книгъ, какъ въ виленскомъ; 4) книгъ однороднаго содержанія въ Кіевѣ очень назначительное количество, тогда какъ Вильна и въ томъ отношеніи богаче. Кіевская коммиссія имѣетъ лишь то преимущество, что, стоя въ лицѣ своихъ членовъ ближе къ университету, обладаетъ болѣе солидными силами для обработки собираемаго матеріала; но это условіе второстепенное; томы актовъ можно выпускать и не снабжая ихъ монографіями въ предисловіи; важно лишь то, чтобы для научныхъ изслѣдованій былъ подобранъ матеріалъ, имѣющій между собою тѣсную внутреннюю связь, подобранъ такъ, чтобы изъ него можно было бы сдѣлать какіе либо научные выводы, а виленская коммиссія сама

сознается, что собранные ею декреты главнаго литовскаго трибунала *«очень однообразны* по своему содержанію, но касаются такого множества лицъ и учрежденій, что какъ нибудь обобщить ихъ и сдѣлать изъ нихъ какое нибудь систематическое извлеченіе почти невозможно». По нашему крайнему разумѣнію, если для виленской коммиссіи затруднительно почему либо изданіе однороднаго по содержанію матеріала, то слѣдуетъ строже держаться системы хронологической, при которой документы издаются хотя и безъ внутренней связи одного съ другимъ, но за то выбираются такіе, изъ которыхъ каждый имѣетъ большее или меньшее самостоятельное научное значеніе. Акты же настоящаго тома, если приложить къ нимъ требованія логической связи, «касаясь, по словамъ коммиссіи, множества лицъ и учрежденій», кажутся отрывочными и мелочными и потому представляютъ мало интереса, если же приложить требованія хронологической системы, то каждый актъ, отдѣльно взятый, самъ по себѣ оказывается малозначительнымъ въ научномъ отношеніи.

Но обратимся къ содержанію XV тома «актовъ». Всѣхъ ихъ собрано здѣсь 298; они раздѣляются, или, вѣрнѣе, могутъ быть раздѣлены, по мнѣнію коммиссіи, на три группы: 1) декреты, касающіеся денежныхъ сдѣлокъ между монастырями, церквами и разными лицами; 2) декреты, касающіеся имущественныхъ интересовъ тѣхъ же учрежденій и лицъ и 3) декреты по дѣламъ уголовнымъ, т. е. по дѣламъ объ оскорбленіяхъ, наѣздахъ, грабежахъ, дракахъ и т. п. насиліяхъ надъ личностью и имуществомъ духовныхъ лицъ и монастырей. Къ первой группѣ относятся 156 документовъ; ко второй—68 и къ третьей—74. Всѣ эти документы, какъ совершенно вѣрно замѣчено въ предисловіи, «очень однообразны» по содержанію и дѣйствительно не заключаютъ въ себѣ какихъ либо особенно интересныхъ подробностей. Въ этомъ случаѣ, намъ кажется, слѣдовало бы, вмѣсто повторенія одного и того же, ограничиться или извлеченіями изъ документовъ, или описью ихъ, съ указаніемъ на характерныя особенности, удѣливъ оставшееся свободное мѣсто для актовъ, характеризующихъ другія стороны жизни тѣхъ же учрежденій и лицъ

Въ частности, просматривая акты первой группы, мы недоумѣвали, съ какою цѣлью сдѣланъ подборъ этихъ актовъ, якобы свидѣтельствующихъ о неособенно почетной дѣятельности монастырей и церквей? Развѣ эта дѣятельность была основой жизни этихъ учрежденій? Развѣ она была такъ исключительна, чтобы можно было по-

ставить, какъ общій выводъ, положеніе, что «роль нашихъ современныхъ банковыхъ учрежденій исполняли тогда монастыри какъ уніатскіе, такъ и католическіе». Правда, монастыри и церкви, не только уніатскіе и католическіе, но и православные, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же акты XV тома, отдавали деньги взаймы подъ залогъ имѣній, а еще чаще безъ всякаго залога; но отдачу денегъ взаемъ не только нельзя назвать банковой операціей, но даже и ростовщичествомъ; ссуда денегъ могла быть просто изъ состраданія къ тому или другому лицу, къ его тяжелому матеріальному положенію, и совершенно безъ всякихъ процентовъ. Чтобы сдѣлать выводъ о банковыхъ операціяхъ монастырей, надо было доказать, что каждый изъ извѣстныхъ монастырей многіе годы и разнымъ лицамъ давалъ деньги взаймы, что онъ давалъ исключительно ради прибыли и что самъ, въ свою очередь, принималъ вклады на проценты [1]); приведенные въ XV томѣ факты могутъ быть явленіями чисто случайными, исключительными въ жизни многихъ монастырей. Вѣдь и теперь монастыри и церкви помѣщаютъ свои свободные капиталы въ процентныя бумаги, но нельзя же изъ этого дѣлать выводъ, что они занимаются биржевой игрой. Послѣ этого можно ожидать, что коммиссія издастъ въ XVI томѣ акты объ отдачѣ монастырями и духовенствомъ винокуренъ, шинковъ, корчемъ и проч. въ аренду евреямъ; такіе случаи также очень часто бывали. Но какъ благочестіе нашихъ предковъ всегда различало религіозное значеніе монастырей и церквей, а равно и духовенства, отъ ихъ домашней, хозяйственной жизни, и отдавало поклоненіе первому, хотя бичевало ихъ пороки, такъ и теперь виленской коммиссіи слѣдовало бы обратить вниманіе на болѣе высокую и чистую дѣятельность монастырей и духовенства—на распространеніе образованія, поддержаніе православія, на борьбу за него. Мы не отрицаемъ необходимости изображенія и темныхъ сторонъ въ жизни духовенства, но приступать къ нимъ слѣдуетъ съ большей осторожностью и воздерживаться отъ возведенія частныхъ случаевъ въ общее правило, какъ сдѣлано это въ предисловіи настоящаго тома.

Наиболѣе любопытнымъ и важнымъ отдѣломъ книги являются дѣла уголовныя объ оскорбленіяхъ и всякаго рода насиліяхъ надъ представителями уніатской, православной и даже католической церкви, характеризующія обычаи стараго времени; въ этомъ отдѣлѣ встрѣ-

---

[1]) Дѣлаемое коммиссіей сравненіе не заключаетъ въ себѣ вовсе ни малѣйшихъ признаковъ сходства между однимъ и другимъ фактомъ.

чается также весьма много любопытныхъ документовъ для очерка дѣятельности уніатскихъ митрополитовъ Гавріила Коленды и Кипріана Жоховскаго, нѣкоторыхъ епископовъ и положенія низшаго духовенства, семьи котораго должны были защищаться противъ обращенія ихъ въ простыхъ хлоповъ. Но среди болѣе или менѣе важныхъ сравнительно документовъ, встрѣчаются и такіе малозначительные, какъ приговоры по дѣлу о грабежѣ одного вола у монастырскаго крестьянина. Къ чему они?.

Въ числѣ изданныхъ документовъ мы нашли два, касающіеся кіевскихъ монастырей, именно: № 176—1670 г., августа 22, декретъ, присуждающій настоятеля Кіево-Печерскаго монастыря Иннокентія Гизеля и нѣсколькихъ иноковъ монастыря къ изгнанію и уплатѣ архимандриту слуцкаго монастыря Ѳеодосію Васильевичу 4000 пол. злотыхъ за самовольное занятіе Дятловицкаго (въ актѣ Дятлевскаго) монастыря (стр. 268 и 269); 2) № 178.—1671 г., апрѣля 18, декретъ, присуждающій Христину Гарлинскую къ уплатѣ Кіево-Печерскому женскому монастырю долгу 800 золот. польскихъ (стр. 271 и 272).

Но изъ всего сказаннаго нами выше не слѣдуетъ вовсе дѣлать заключеніе, что изданные «акты» ни на что не могутъ быть пригодны; изъ нихъ только теперь нельзя сдѣлать никакого серьезнаго вывода; но если появится еще нѣсколько томовъ, также касающихся быта монастырей, церквей и духовенства, то настоящіе акты, въ связи съ прежде изданными, дадутъ несомнѣнно много новыхъ данныхъ для исторіи отдѣльныхъ монастырей и церквей; въ этомъ и заключается значеніе разсмотрѣннаго нами XV-го тома «актовъ» виленской коммиссіи. Желательно поэтому, чтобы и на будущее время, если окажется почему либо затруднительнымъ для коммиссіи строже держаться опредѣленной системы, она продолжала бы дѣлать свое полезное дѣло и по принятому ею порядку.

И. Каманинъ.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца (въ періодъ 1878—1887 г.). Книга вторая. Издана подъ редакціей д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1888 г.

Историческое общество Нестора-Лѣтописца, состоящее при университетѣ св. Владиміра, принадлежитъ къ числу молодыхъ, возникшихъ въ сравнительно недавнее время; хотя мысль о немъ и воз

никла еще въ началѣ 1841 г. въ средѣ кіевскихъ ученыхъ, душою которыхъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, но осуществилась она лишь черезъ 30 лѣтъ, когда объ историческомъ обществѣ въ Кіевѣ снова былъ возбужденъ вопросъ кружкомъ мѣстныхъ ученыхъ и любителей старины; открытіе общества послѣдовало 14 января 1873 г. и съ тѣхъ поръ непрерывно оно собирается разъ или два въ мѣсяцъ для выслушиванія и обсужденія докладовъ о научныхъ работахъ, предпринимаемыхъ его членами, и для рѣшенія возбуждаемыхъ ими вопросовъ; всѣхъ засѣданій въ году бываетъ среднимъ числомъ 12, въ которыхъ дѣлается приблизительно около 25 сообщеній. Въ настоящей книгѣ «Чтеній» общества Нестора мы находимъ ихъ около 300, прочтенныхъ въ десятилѣтній періодъ 1878—1887 г. Общество Нестора не ограничивается узкой задачей разработки лишь мѣстной исторіи, но имѣетъ въ виду вообще «содѣйствовалъ развитію русской исторической науки» [1]), не оставляя при этомъ и «разработки исторіи и литературы всеобщей, насколько это находится въ связи съ умственной жизнью русскаго народа». Ставя себѣ цѣлью бесѣды и чтенія своихъ членовъ по изслѣдуемымъ ими матеріаламъ, а также пренія по поводу ихъ, общество Нестора устанавливаетъ связь между мѣстными учеными, занимающимися однородными науками, и содѣйствуетъ обмѣну между ними мыслей; оно, такимъ образомъ, «противопоставляетъ слабости одиночнаго ученаго труда силу союза». Съ такими задачами и цѣлями это общество является дѣйствительнымъ сотрудникомъ «кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ», имѣющей въ виду исключительно собираніе и изданіе сыраго матеріала, касающагося, правда, только исторіи юго-западнаго края; и въ самомъ дѣлѣ, многіе доклады, сдѣланные въ обществѣ Нестора, появляются потомъ, какъ составная часть предисловія къ издаваемымъ коммиссіей на эту тему актамъ. Но въ условіяхъ существованія общества Нестора есть и своя печальная сторона: существуя лишь на членскіе взносы и не получая ни откуда матеріальной поддержки, общество не можетъ расширить своей дѣятельности по разработкѣ такихъ памятниковъ старины, которые требуютъ денежныхъ затратъ, поѣздокъ, раскопокъ, не имѣетъ средствъ на пріобрѣтеніе вещественныхъ или письменныхъ памятниковъ и проч. для устрой-

---

[1]) „Историческое общество Нестора-Лѣтописца"—записка секретаря общества Н. П. Дашкевича. См. Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета св. Владиміра стр. 9—28.

ства музея, библіотеки и древлехранилища [1]). Матеріальная необезпеченность общества въ весьма значительной степени сдерживаетъ развитіе его дѣятельности; въ этомъ отошеніи едва ли какое либо другое историческое общество поставлено въ болѣе невыгодныя условія, чѣмъ кіевское. Тѣмъ не менѣе, члены его неустанно работаютъ, и плодомъ ихъ дѣятельности является вторая книга «Чтеній». Она содержитъ въ себѣ лишь краткія свѣдѣнія о прочтенныхъ рефератахъ и преніяхъ по нимъ, такъ какъ полное изданіе ихъ заняло бы нѣсколько томовъ и было бы не подъ силу денежнымъ средствамъ общества; мы не говоримъ уже о созданіи и поддержкѣ обществомъ собственнаго органа. Прочтенные рефераты касались русской и западно-европейской исторіографіи и археографіи, всеобщей исторіи, древнѣйшихъ судебъ южно-русской территоріи, собственно русской исторіи въ ея періоды: удѣльно-вѣчевой, литовско-русскій, московскій, періодъ позднѣйшій южно-русской и западно-русской исторіи, археологіи края, славянской археологіи, до-историческихъ древностей вообще и спеціально кіевскихъ древностей, исторической географіи, исторіи быта, народныхъ воззрѣній и права, исторіи русскаго языка, литературы и народной поэзіи, разработки спеціальныхъ вопросовъ, какъ напр., объ общинномъ землевладѣніи, свѣдѣній о вновь открываемыхъ матеріалахъ, о текущей литературѣ русской и иностранной, насколько она касается русской исторической науки и обзора дѣятельности другихъ ученыхъ обществъ и съѣздовъ; къ дѣятельности общества принадлежала также оцѣнка трудовъ утрачиваемыхъ имъ членовъ и вообще дѣятелей на поприщѣ исторіи и литературы, а равно чествованіе памяти ихъ. Таковы общіе вопросы, которые разрабатывались членами общества Нестора; въ ряду этихъ вопросовъ были и такіе, которые возбуждали особый интересъ въ обществѣ, подвергались всестороннему и горячему обсужденію со стороны многихъ членовъ. Изъ такихъ вопросовъ наиболѣе важными были слѣдующіе:

Вопросъ *объ авторѣ «Слова о полку Игоревѣ»* обсуждался И. И. Малышевскимъ и Д. И. Багалѣемъ. Первый считалъ его отечествомъ Тмутаракань, а второй Сѣверскую землю; такимъ образомъ, мнѣнія обоихъ изслѣдователей сходятся, такъ какъ Тмутаракань принадлежала къ Сѣверской землѣ. Это мнѣніе, имѣющее за собой много вѣроятія,

---

[1]) Оно не въ состояніи чрезъ своихъ членовъ принимать участія въ дѣятельности другихъ обществъ, въ археологическихъ съѣздахъ и проч.

поддерживается и новѣйшими изслѣдователями «Слова». Тѣмъ не менѣе оно вызвало въ засѣданіи рядъ возраженій, не приведшихъ ни къ какому опредѣленному заключенію. Толкованіемъ же *темныхъ мѣстъ въ «Словѣ»* занимался А. И. Соболевскій въ двухъ рефератахъ.

Другимъ спорнымъ вопросомъ, поставленнымъ на разрѣшеніе, былъ старый, служившій раньше предметомъ полемики между мѣстными учеными [1]), вопросъ *«о развалинахъ церкви св. Симеона и Копыревѣ концѣ древняго Кіева»*; возбужденъ онъ былъ проф. П. А. Лашкаревымъ. Для предупрежденія безполезныхъ словопреній былъ образованъ комитетъ изъ пяти членовъ, которымъ поручено было провѣрить накопившіяся мнѣнія, точнѣе изслѣдовать самый вопросъ и представить заключенія свои. Результаты изслѣдованій комитета намъ неизвѣстны.

Наиболѣе было дебатовъ по поводу реферата А. И. Соболевскаго *«Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV и XV вв.?»* На основаніи филологическихъ данныхъ, онъ приходитъ къ выводу, что въ Кіевѣ въ означенное время господствовало великорусское нарѣчіе и что пришлое съ запада населеніе въ XV в. ассимилировало остатки стараго кіевскаго населенія. Кромѣ большаго количества возраженій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за чтеніемъ г. Соболевскаго, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ по поводу его реферата читаны были особые доклады В. Б. Антоновичемъ, П. И. Житецкимъ и Н. П. Дашкевичемъ, которые были направлены то противъ филологическихъ выводовъ г. Соболевскаго, то противъ возможности предполагаемаго имъ колонизаціоннаго движенія съ запада на востокъ; всѣ эти возраженія ясно и убѣдительно доказали невозможность существованія великорусскаго нарѣчія въ Кіевѣ и колонизаціи Поднѣпровья выходцами изъ Галиціи и Волыни. Кромѣ указанныхъ крупныхъ рефератовъ, дѣлались многими членами и небольшія замѣчанія, клонившіяся къ той же цѣли, т. е. къ доказательству, что говоръ кіевлянъ былъ малорусскій. Намъ кажется, что этотъ спорный вопросъ окончательно рѣшить можно будетъ лишь съ развитіемъ палеографическихъ знаній о мѣстныхъ почеркахъ; мы не разъ уже имѣли случай указывать на существованіе особаго кіевскаго почерка; само собою разумѣется, почеркъ этотъ долженъ былъ имѣть тѣсную связь съ языкомъ; мы указывали также на распространеніе этого почерка въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ, а въ недавнее время нашли доказательство его существованія въ рукописяхъ, писанныхъ

---

[1]) Особенно между Н. Закревскимъ и М. А. Максимовичемъ.

въ Чигиринѣ его коренными обитателями, и отраженіе въ рукописяхъ овручскихъ; кажется, кіевскій почеркъ вполнѣ безошибочно можно назвать почеркомъ собственно малорусскимъ; Кіевъ, какъ центръ образованности и письменности тогдашняго времени, носилъ въ своемъ почеркѣ особенныя характерныя черты, наиболѣе чистыя, которыя видоизмѣняются немного къ сѣверу, югу и востоку (на западѣ до сихъ поръ мы не встрѣчали слѣдовъ вліянія кіевскаго почерка), а это заставляетъ насъ предполагать, что и въ кіевскомъ говорѣ были особенности, которыя обусловливались не столько вліяніемъ языка пришельцевъ съ сѣвера, сколько состояніемъ и характеромъ мѣстной образованности, особенности, которыя сближали его съ великорусскимъ нарѣчіемъ и которыя, наконецъ, ввели въ ошибку А. И. Соболевскаго и создали его шаткую теорію о кіевскихъ великороссахъ; что въ языкѣ кіевлянъ могло быть не мало великорусскихъ чертъ, въ этомъ насъ убѣждаютъ волынскія рукописи XVI вѣка, въ которыхъ встрѣчается много словъ и до сихъ поръ существующихъ въ Великороссіи, но не встрѣчающихся уже въ Малороссіи; это только, быть можетъ, доказываетъ, что основы великорусскаго нарѣчія лежали на далекомъ юго-западѣ; правы мы или не правы, но палеографіи и филологіи предстоитъ немало труда въ рѣшеніи поднятаго г. Соболевскимъ вопроса и вообще въ рѣшеніи вопроса о генераціи русскихъ нарѣчій.

Канунъ празднованія 900-лѣтія Руси также вызвалъ не мало преній; главными участниками въ нихъ были А. И. Соболевскій и В. З. Завитневичъ. Въ то время какъ первый референтъ считаетъ лѣтописную дату вполнѣ вѣрной и не имѣющей противъ себя никакихъ серьезныхъ возраженій, второй, напротивъ, сопоставляя показанія русскихъ и византійскихъ лѣтописцевъ, приходитъ къ заключенію, что Владиміръ св. крестился въ 987 г., а кіевляне лишь въ 990 г. Въ виду сознанія нашего лѣтописца Нестора о существованіи различныхъ мнѣній относительно мѣста и времени крещенія Руси и Владиміра, въ виду противорѣчія данныхъ житій Владиміра событіямъ византійской исторіи, мы лично находимъ доводы г. Завитневича гораздо болѣе вѣроятными и правдоподобными. Въ дебатахъ по этому вопросу также принимали участіе многіе члены.

Остальные рефераты принимались или вполнѣ, или съ незначительными возраженіями и оговорками. За немногими исключеніями, всѣ они касались южно-русской исторіи.

Помѣщенные въ настоящей книгѣ «Чтеній» отчеты о засѣданіяхъ общества Нестора обнимаютъ рефераты, читанные во время

предсѣдательства профессоровъ: А. А. Котляревскаго, В. Б. Антоновича и М. Ф. Владимірскаго-Буданова, недавно избраннаго обществомъ въ эту должность. Почти во все это время секретаремъ состоялъ и въ настоящее время состоитъ проф. Н. П. Дашкевичъ, на долю котораго выпалъ тяжелый трудъ собиранія всѣхъ рефератовъ, записи преній по нимъ и, наконецъ, печатанія,—трудъ, вполнѣ заслуживающій искренней признательности и благодарности всѣхъ интересующихся успѣхами историческаго знанія.

Въ этой же книгѣ Чтеній есть также другой отдѣлъ, юбилейный; онъ весь состоитъ изъ матеріаловъ и статей, касающихся своимъ содержаніемъ празднествъ 900-лѣтія крещенія Руси. Редакція отдѣла принадлежитъ проф. А. И. Соболевскому и на первомъ мѣстѣ стоятъ его работы: рефератъ, о которомъ мы говорили выше, шесть варіантовъ житій Владиміра св., житіе св. Ольги; два похвальныя слова Владиміру и его церковный уставъ. Всѣ эти матеріалы изданы самымъ тщательнымъ образомъ и снабжены замѣчаніями г. Соболевскаго.

Вторая статья этого отдѣла «Святый Владиміръ—строитель городовъ», написанная М. Н. Бережковымъ, напоминаетъ лѣтописныя извѣстія о заложенныхъ кн. Владиміромъ городахъ и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ.

Проф. Ѳ. Я. Фортинской, которому принадлежитъ третья изъ статей втораго отдѣла «Крещеніе князя Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ», облегчаетъ своимъ почтеннымъ трудомъ работу русскаго историка: разсматривая состояніе западно-европейскихъ государствъ и данныя ихъ лѣтописей, указываетъ, гдѣ и что можно найти для событій Владимірова времени. Въ статьѣ Ѳ. Я. Фортинскаго особенно важно разрѣшеніе вопроса о сношеніяхъ кн. Ольги съ нѣмецкимъ дворомъ, сношеніяхъ, совершенно неизвѣстныхъ русской лѣтописи; «чѣмъ была вызвана со стороны Ольги, только что получившей крещеніе въ Константинополѣ, просьба къ нѣмецкому королю (Оттону В.) о присылкѣ епископа и священниковъ для обращенія въ христіанство ея подданныхъ»? По его мнѣнію, совершенно несогласному съ мнѣніемъ Карамзина, она вызвана была отказомъ со стороны греческаго императора въ удовлетвореніи какихъ-либо требованій русской княгини и нелюбезнымъ пріемомъ, оказаннымъ ей въ Константинополѣ. Возможность сношенія Ольги съ нѣмцами авторъ объясняетъ тѣмъ, что разрыва въ то время между восточной и западной церковью еще не произошло и вслѣдствіе того у новокрещенныхъ славянскихъ народовъ могли происходить колебанія между Римомъ и Константинополемъ

и что признаки этого колебанія замѣчаются у моравовъ, чеховъ и поляковъ.

Таково содержаніе разсмотрѣннаго нами историческаго сборника, богатаго указаніями на новые любопытные труды въ области южнорусской исторіи, вызванные обществомъ Нестора.

И. Каманинъ.

Витебская Старина. Т. V-й. Матеріалы для исторіи полоцкой епархіи. Ч. I я. Съ 47 отдѣльными приложеніями. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ 1888.

Подъ общимъ заглавіемъ «Витебской Старины» авторомъ задумано шесть томовъ. Томъ 1-й, вышедшій въ 1883 году, посвященъ главнымъ образомъ городу Витебску; во II-мъ томѣ предположено издать документы, касающіеся города Полоцка, въ III-мъ томѣ—документы, касающіеся Велижа, Невля, Динабурга и другихъ городовъ, а также замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей витебской губерніи. Томъ IV-й, вышедшій въ 1885 году, состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ документы, касающіеся занятія полоцкаго воеводства царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ (1563—1580 гг.), а вторая--документы, касающіеся занятія полоцкаго и витебскаго воеводствъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1654—1667 гг.). Въ V томѣ первоначально предполагалось издать документы, касающіеся возсоединенія уніатовъ съ православною церковью въ 1839 году. Наконецъ, въ VI-мъ, послѣднемъ, томѣ авторъ намѣренъ представить «историческія судьбы витебской губерніи» на основаніи документовъ, которые будутъ собраны въ первыхъ пяти томахъ. Такимъ образомъ, до настоящаго времени вышли два тома «Витебской Старины», а именно I и IV-й, а теперь является первая часть V-го тома, на которой мы и намѣрены остановить вниманіе читателя.

Въ V-мъ томѣ, какъ сказано выше, авторъ предполагалъ издать документы, касающіеся возсоединенія уніатовъ съ православною церковію въ 1839 году, и, повидимому, хотѣлъ издать ихъ къ пятидесятилѣтію со дня возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковію, имѣвшему совершиться 25 марта сего 1889 года. Но предѣлы труда, предварительно намѣченные, значительно раздвинулись при его выполненіи. Автору открыты были богатыя сокровища ар-

хивовъ полоцкой духовной консисторіи и витебскаго губернскаго правленія, а также нѣкоторыхъ второстепенныхъ архивовъ. Архивъ полоцкой духовной консисторіи состоитъ собственно изъ двухъ архивовъ: архива древняго, съ 1598 по 1810 годъ, находившагося въ крайнемъ безпорядкѣ, и архива новаго, съ 1796 года. Архивъ древній образовался изъ массы документовъ, поступившихъ въ полоцкую консисторію изъ бывшихъ уніатскихъ монастырей и церквей. Въ немъ заключается болѣе 5000 документовъ на западно-русскомъ, польскомъ латинскомъ и итальянскомъ языкахъ. Обиліе матеріала вынудило автора раздѣлить V-й томъ на три части. Въ первой изъ нихъ изданы въ настоящее время документы изъ древняго архива полоцкой духовной консисторіи, архива Тадулинскаго монастыря и другихъ источниковъ до 1772 года, т. е. до перваго раздѣла Польши; во второй части будутъ напечатаны документы съ 1772 года по 1839 годъ включительно, извлеченные главнымъ образомъ изъ новаго архива полоцкой духовной консисторіи и архива витебскаго губернскаго правленія (архива генералъ-губернаторскаго); въ третьей части—фундуши разныхъ монастырей и церквей полоцкой епархіи, инвентари и проч.

Въ настоящей, первой части V-го тома «Витебской Старины» напечатано впервые 476 документовъ и изъ нихъ 89 вполнѣ, остальные же въ болѣе или менѣе обширныхъ, смотря по важности документа, извлеченіяхъ, при чемъ документы на латинскомъ, польскомъ и итальянскомъ языкахъ напечатаны въ переводѣ на русскій языкъ, а важнѣйшіе изъ нихъ, кромѣ того, напечатаны и въ подлинникѣ, въ Прибавленіяхъ. Но этими новыми документами не исчерпывается все содержаніе книги. Г. Сапуновъ хотѣлъ представить цѣльный, закругленный сборникъ матеріаловъ по исторіи полоцкой епархіи и собралъ и перепечаталъ многое изъ того, что уже до него напечатано было въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ. Этого рода матеріалы начинаются выписками изъ русскихъ лѣтописей, идутъ у него съ 990 года въ хронологическомъ порядкѣ и только уже съ XVI вѣка чередуются съ новыми архивными матеріалами. Нерѣдко г. Сапуновъ перепечатываетъ только оглавленія извѣстныхъ документовъ, относящихся къ исторіи полоцкой епархіи, отсылая читателя къ вышедшимъ прежде томамъ «Витебской Старины», гдѣ они были уже напечатаны. Очевидно, издатель имѣлъ въ виду не однихъ только спеціалистовъ, а и обыкновенныхъ читателей, хотя такой способъ изданія матеріаловъ весьма полезенъ и для спеціалистовъ, избавляя ихъ отъ непроизводительныхъ поисковъ и справокъ по данному предмету.

За то совершенною новизною и свѣжестію отличается большинство матеріаловъ съ XVII вѣка по 1772 годъ, извлеченныхъ издателемъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Матеріалы эти главнымъ образомъ касаются бытовой стороны православной и уніатской церквей съ ихъ представителями и взаимныхъ отношеній ихъ между собою и наглядно доказываютъ силу и живучесть православія и русской народности въ этомъ краѣ, сохранившихся въ немъ до возсоединенія его съ Россіей, несмотря на вѣковыя, тяжкія преслѣдованія со стороны польско-католиковъ и уніатовъ.

Впереди книги помѣщенъ «Краткій очеркъ историческихъ судебъ полоцкой епархіи», на который авторъ проситъ смотрѣть только какъ на приведенныя нѣсколько въ систему примѣчанія къ напечатаннымъ въ книгѣ документамъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что обстоятельныя примѣчанія находятся и при самыхъ документахъ, а «Краткій очеркъ историческихъ судебъ полоцкой епархіи» представляетъ довольно цѣльный историческій обзоръ ея, въ которомъ исторія полоцкой епархіи закончена возсоединеніемъ мѣстныхъ уніатовъ съ православною церковію въ 1839 году.

Замѣчательную особенность разсматриваемой книги, характеризующую, впрочемъ, и другія изданія г. Сапунова, представляетъ ея иллюстрація. Въ книгѣ помѣщено 6 гравированныхъ изображеній древнихъ крестовъ, иконъ и храмовъ полоцкихъ, 14 литографическихъ портретовъ православныхъ и уніатскихъ владыкъ полоцкихъ и до 26 литографическихъ снимковъ съ древнихъ рукописей и актовъ.

О недостаткахъ книги, во всякомъ случаѣ маловажныхъ, совѣстно и говорить. Изданіе предпринято и ведется по личной инициативѣ г. Сапунова и поддерживается только случайными, незначительными пособіями оффиціальныхъ и частныхъ лицъ. Вмѣсто указанія какихъ либо недостатковъ въ книгѣ, пожелаемъ автору, чтобы неослабѣвающая энергія его нашла наиболѣе осязательную поддержку и довела до конца предпринятое изданіе. **Н. Петровъ.**

Сергѣй. Гамченко. Житомірскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ. Житоміръ 1888 г. 124 стр. + LIV таб. плановъ и рисунковъ.

Съ юго-западной стороны г. Житоміра за рѣкой Каменкой въ городской чертѣ находится довольно обширный могильникъ, состоящій изъ небольшихъ кургановъ. Еще раньше на этотъ могильникъ

было обращено вниманіе археологовъ; въ 1878 г. проф. В. Б. Антоновичемъ было раскопано 36 кургановъ. Въ 1886 г. г. Гамченкомъ въ свою очередь въ той же группѣ кургановъ разрыто еще 44. Описаніе этихъ послѣднихъ раскопокъ и составляетъ содержаніе вышеназванной книги. Большую часть этого изслѣдованія составляетъ дневникъ раскопокъ; дневнику предпосланы главы, въ которыхъ подробно и съ знаніемъ дѣла очерчены топографическія особенности данной мѣстности, затѣмъ приведены преданія и легенды, относящіяся къ г. Житоміру и его окрестностямъ вблизи могильника.

Безспорно, самую цѣнную часть труда представляетъ дневникъ, веденный по программѣ проф. Самоквасова. Дневникъ заключаетъ въ себѣ подробный отчетъ о раскопкѣ каждаго кургана; все, что только могло такъ или иначе обратить на себя вниманіе, было записано; какъ примѣръ тщательности работы, можно указать на то, что даже обозначалось, съ какой стороны кургана дернъ гуще, а съ какой рѣже. Къ дневнику раскопокъ каждаго кургана приложена таблица, на которой изображены виды кургана въ профиль и въ основаніи, а также положеніе найденнаго въ немъ костяка. Эта подробность и точность и составляетъ главное достоинство дневника.

На основаніи данныхъ, добытыхъ изъ раскопокъ, авторъ въ концѣ своего труда дѣлаетъ выводы, касающіеся могильника и насыпавшаго его племени. Изъ этихъ заключеній мы узнаемъ, что могильникъ насыпанъ въ мирное время и принадлежалъ одному поселенію. Массой добытаго матеріала вполнѣ опредѣлился погребальный обрядъ: покойника клали въ колоду (родъ корыта), туда же помѣщали нѣкоторыя изъ домашней утвари и орудій; на покойникѣ оставались также и украшенія, которыя онъ носилъ при жизни; колода прикрывалась другой и такимъ образомъ устроенный гробъ заколачивали гвоздями. Колода съ покойникомъ ставилась прямо на землю, головой на западъ, и сверху насыпался курганъ. Далѣе авторъ даетъ очеркъ культуры человѣка эпохи житомірскаго могильника и, на основаніи измѣреній костей, дѣлаетъ предположенія о физическомъ строеніи этого человѣка. Подробно разсмотрѣны вопросы объ одеждѣ, украшеніяхъ, промыслахъ и торговыхъ сношеніяхъ; затронутъ также вопросъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ. Нужно прибавить, что всѣ выводы и заключенія сдѣланы осторожно и въ объясненіяхъ того или другаго факта въ большинствѣ случаевъ натяжки отсутствуютъ. Описываемый могильникъ принадлежалъ древлянамъ и время его опредѣляется VII—IX вв.

Что касается мѣста, гдѣ былъ расположенъ поселокъ, то авторъ склоняется къ тому мнѣнію, что это была Замковая гора возлѣ Житоміра. Таблицы, приложенныя къ изслѣдованію, заключаютъ въ себѣ планы могильника и мѣстностей по сосѣдству съ нимъ, виды и разрѣзы отдѣльныхъ кургановъ и рисунки найденныхъ въ нихъ предметовъ. Коллекція, составленная изъ этихъ предметовъ и костей, находится теперь въ Имп. Эрмитажѣ. Не совсѣмъ удовлетворительная внѣшность книги можетъ быть отчасти объяснена вообще невозможностью у насъ въ провинціи хорошихъ изданій.

Послѣ прочтенія изслѣдованія г. Гамченка впечатлѣніе получается вполнѣ отрадное; видно, что авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ, разработалъ ее во всѣхъ деталяхъ и въ результатѣ получился образцовый трудъ. На основаніи только такихъ работъ и можетъ быть въ будущемъ снята завѣса съ нашего доисторическаго прошлаго.

Н. Б.

Ѳ. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. Изданіе Ѳ. Булгакова и А. Коломнина. Спб. (безъ обозначенія года). Типогр. А. Суворина. 4°.

Издателемъ иллюстрированныхъ каталоговъ академическихъ художественныхъ выставокъ и авторомъ «Художественной энциклопедіи» Ѳ. Булгаковымъ предпринято изданіе «Альбома русской живописи», имѣющаго задачей—содѣйствовать популяризаціи образцовыхъ произведеній выдающихся русскихъ живописцевъ. Для этого предполагается, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, печатать обзоры дѣятельности лучшихъ русскихъ художниковъ, сопровождая ихъ снимками со всего того, что сдѣлано наиболѣе важнаго, типическаго, индивидуальнаго русской школой живописи. Недавно вышедшій первый выпускъ этого изданія посвященъ картинамъ извѣстнаго пейзажиста Вл. Д. Орловскаго, при чемъ въ числѣ разныхъ причинъ, побудившихъ избрать эти картины для перваго выпуска, г. Булгаковъ, въ своемъ предисловіи къ Альбому, указываетъ на то, что въ этомъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности Орловскаго со времени полученія имъ большой серебряной медали, чѣмъ обыкновенно завершается ученическій курсъ въ академіи художествъ.

Для читателей «Кіевской Старины» этотъ первый выпускъ изданнаго Булгаковымъ Альбома имѣетъ интересъ потому, что, будучи уроженцемъ малорусскаго края и воспитанникомъ одной изъ

кіевскихъ гимназій и проводя въ послѣднее время жизнь въ Кіевѣ, В. Д. Орловскій въ своихъ пейзажахъ изображаетъ по преимуществу южную природу, и въ частности выставилъ очень много видовъ разныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе близкихъ къ Кіеву. Часто кисть его работала и надъ другими сюжетами: онъ рисовалъ виды крымскіе, кавказскіе, морскіе, пробовалъ изображать природу сѣверную, а затѣмъ опять возвращался къ малорусскому пейзажу; и изъ сравненія его картинъ можно вывести заключеніе, что именно малорусскую природу онъ любитъ больше, чѣмъ какіе нибудь другіе виды; во всякомъ случаѣ, онъ чаще всего ее изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Его «малороссійскіе хутора», «заросшіе пруды», изображенія поля и нивы, лѣсные пейзажи съ различными эффектами солнечнаго освѣщенія, виды Приднѣпровья («Долина Днѣпра», «Дорога въ Китаевъ», «Два часа пополудни» и проч.), виды подольской губерніи («Рѣчка Гнилица», «Высохшее русло», «Въ луговыхъ заросляхъ» и другіе)—воспроизводятъ малорусскую природу въ разныхъ формахъ и краскахъ.

Нельзя не согласиться съ высказываемою г. Булгаковымъ мыслью, что собраніе снимковъ главнѣйшихъ картинъ того или другаго художника въ общедоступномъ и изящномъ изданіи можетъ обрисовать индивидуальность и содержаніе дѣятельности художника гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ взятый въ отдѣльности одинъ снимокъ любаго изъ лучшихъ его произведеній, хотя бы и переданный въ самомъ роскошномъ исполненіи, или, добавимъ, чѣмъ многіе случайно изготовленные снимки, разбросанные на пространствѣ многихъ лѣтъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, которые невозможно собрать воедино. Вполнѣ удовлетворительное выполненіе поставленной издателемъ альбома задачи будетъ достигнуто только тогда, когда альбомъ будетъ давать собраніе снимковъ дѣйствительно главнѣйшихъ картинъ каждаго художника и когда самые снимки будутъ исполнены дѣйствительно изящно. Но, обсуждая выборъ снимковъ, нельзя упускать изъ вида и тѣ трудности, которыя надо преодолѣть, чтобъ собрать снимки съ главнѣйшихъ картинъ, и которыя происходятъ оттого, что картины каждаго художника не хранятся въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а расходятся въ разныя стороны; и чѣмъ большею извѣстностью пользуется художникъ, тѣмъ дальше онѣ распространяются, при чемъ однѣ изъ картинъ попадаютъ въ такія собранія, въ которыя нельзя проникнуть для того, чтобъ сдѣлать снимки, а другія уходятъ такъ далеко, что доступъ къ нимъ невозможенъ безъ осо-

быхъ затрудненій (напримѣръ, часть картинъ Орловскаго находится заграницею).

Вышедшій первый выпускъ «Альбома» Булгакова даетъ довольно обстоятельное обозрѣніе художественной дѣятельности Орловскаго, его портретъ, видъ его мастерской (въ домѣ Дузинкевича, у церкви Андрея Первозваннаго) и двадцать два снимка съ картинъ Орловскаго, изъ которыхъ многія изображаютъ малорусскую природу, какъ напримѣръ: «Хуторъ въ Малороссіи», «Привалъ», «Проселочная дорога», «Тинистый прудъ», «Въ жнива», «Утро въ лѣсу», «Вечернія тѣни», «Рѣчка Гнилица» и другія. Всѣ эти снимки исполнены по фотографіямъ Савельева, Каррика и другихъ. Нѣкоторые изъ снимковъ вышли не вполнѣ удачно, но большая часть исполнена удовлетворительно. Строго говоря, нельзя сказать, чтобъ альбомъ представлялъ собраніе снимковъ съ главнѣйшихъ картинъ Орловскаго, такъ какъ многія изъ выдающихся произведеній художника въ альбомъ не попали. Но, принимая во вниманіе тѣ трудности, о которыхъ мы упоминали, нельзя быть слишкомъ требовательнымъ въ этомъ отношеніи; во всякомъ случаѣ неудачныхъ картинъ между тѣми, снимки съ которыхъ даетъ альбомъ, нѣтъ. Цѣна альбома—общедоступная (два рубля). Въ общемъ «Альбомъ» производитъ пріятное впечатлѣніе; привѣтствуя его, какъ хорошее начинаніе, желаемъ, чтобъ изданіе это не остановилось на вышедшемъ выпускѣ и чтобъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ оно коснулось не только тѣхъ художниковъ, работы которыхъ можно видѣть на ежегодныхъ выставкахъ, но также и художниковъ, прекратившихъ свою дѣятельность. Напримѣръ, было бы очень желательно, чтобъ явились подобные альбомы картинъ покойнаго Штернберга, здравствующаго, но къ сожалѣнію давно забросившаго свою талантливую кисть Ив. Соколова и другихъ. Такіе альбомы могли бы представить еще бóльшій интересъ, чѣмъ альбомы новѣйшихъ картинъ, потому что, благодаря передвижнымъ выставкамъ, иллюстрированнымъ каталогамъ и массѣ періодическихъ иллюстрированныхъ изданій, печатающихъ снимки съ художественныхъ произведеній, появляющихся на ежегодныхъ выставкахъ, знакомство съ этими произведеніями стало для всѣхъ легче и доступнѣе, чѣмъ было въ прежнее время. Теперь не только картины названныхъ нами художниковъ, но и тѣ немногія изданія, въ которыхъ были помѣщены снимки съ этихъ картинъ, сдѣлались рѣдкостью; и потому тотъ, кто вздумалъ бы собрать и издать въ видѣ изящныхъ альбомовъ снимки съ ихъ произведеній, сдѣлалъ бы этимъ драгоцѣнный подарокъ всѣмъ, кому дорого искусство.

Н. Шугуровъ.

Коперницкій И. Русскіе горцы въ Галиціи (*Prof. Dr. J. Kopernicki O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnogroficzny*). *Краковъ 1889 г.*

Антропологическая коммиссія краковской академіи, почти со времени ея основаніи, ежегодно даетъ намъ что нибудь новое по этнографіи малорусскаго народа. Въ солидномъ изданіи коммиссіи, носящемъ заглавіе «Zbiór wiadomości do antropologji krajowej», въ каждомъ томѣ можно найти польскія работы по южнорусской этнографіи изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей на всемъ пространствѣ между Карпатами и Днѣпромъ. Большинство этихъ работъ, изданныхъ подъ опытной редакціей членовъ академіи, представляетъ несомнѣнно научный интересъ и успѣло обратить на себя вниманіе русской печати.—Къ этому же разряду слѣдуетъ отнести только что появившуюся статью краковскаго профессора д-ра Исидора Коперницкаго, состоящаго секретаремъ антропологической коммиссіи краковской академіи, напечатанную въ XIII томѣ отчетовъ коммиссіи. Составляя общій отчетъ о результатахъ научной экскурсіи, сдѣланной авторомъ въ концѣ лѣта 1888 г., статья эта представляетъ весьма интересную новинку, такъ какъ касается мѣстностей весьма мало изслѣдованныхъ, заселенныхъ *лемками*, *полонинцами*, *бойками*, *тухольцами* и *гуцулами*. Объ этихъ горцахъ этнографія до сихъ поръ весьма мало знаетъ. Почти единственнымъ изслѣдованіемъ о нихъ все еще служитъ старая статья польскаго писателя Викентія Поля [1]). Большая компилятивная статья Я. Головацкаго, помѣщенная въ 1-мъ т. его сборника пѣсенъ, во всемъ, что касается этнографическаго и статистическаго описанія горцевъ, основана исключительно на трудѣ Поля, а только относительно лемковъ приведены въ ней нѣкоторыя данныя изъ статьи А. Торонскаго, напечатанной во Львовѣ въ 1860 г.—Если принять во вниманіе, что вообще польская этнографія въ 1850 г. какъ по методу, такъ и по своимъ пріемамъ, оставляетъ желать весьма многаго, и что къ этому почтенный В. Поль вовсе не былъ ученымъ этнографомъ, то представится вполнѣ яснымъ весь интересъ экскурсіи проф. Коперницкаго, какъ опытнаго антрополога.

Авторъ посѣтилъ 103 населенныхъ пункта по верховьямъ рѣкъ Бѣлой, Ропы, Вислоки, Яселки, Ославы, Гочевки, Ветлины, Сана, Стрыя, Оравы и Опора, а затѣмъ среди гуцуловъ возлѣ Космача и вдоль Черемоша. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ дѣлалъ наблюденіе во

---

[1]) Rzut oka na północne stoki Karpat. Kraków. 1851.

время праздниковъ, а въ четырнадцати пунктахъ производилъ антропометрическія изслѣдованія надъ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ лицъ. Онъ не приводитъ въ своей статьѣ собранныхъ имъ матеріаловъ, а ограничивается только изложеніемъ своихъ впечатлѣній и общихъ выводовъ. Довольно цѣнные матеріалы этнографическіе и антропометрическіе, какъ мнѣ авторъ лично сообщалъ, составятъ отдѣльный сборникъ, который будетъ помѣщенъ въ Zbiorz'ѣ wiadomości do antropologji krajowej, когда онъ будетъ пополненъ его корреспондентами.

Въ изслѣдованной авторомъ мѣстности еще покойный Поль подмѣтилъ среди населенія четыре этнографическія разновидности: лемковъ, бойковъ, тухольцевъ и гуцуловъ. Въ настоящее же время г. Коперницкій считаетъ необходимымъ выдѣлить въ особую этническую группу горцевъ, живущихъ между лемками и бойками по лѣвымъ притокамъ Сана. Они какъ по физическимъ свойствамъ, такъ и по языку и одеждѣ несомнѣнно отличаются и отъ бойковъ, и отъ лемковъ. Особаго народнаго названія эта группа, какъ и обѣ сосѣднія, не имѣетъ и поэтому авторъ предлагаетъ назвать ее *полонинцами* отъ Полонинъ, надъ которыми она раскинула свои поселенія и возлѣ которыхъ особенно ярко выступаютъ этнографическія особенности.— Описывая каждую изъ этихъ пяти группъ, авторъ приводитъ свои заключенія о характерѣ, бытѣ, одѣяніи, жильѣ, языкѣ и физическихъ качествахъ каждаго племени, стараясь подмѣтить и установить важнѣйшія отличительныя ихъ этническія черты. Въ общемъ всѣ эти горцы, за исключеніемъ гуцуловъ, имѣютъ между собою много общаго, что ихъ рѣзко отличаетъ отъ всѣхъ другихъ сосѣднихъ малороссовъ. Всѣ они имѣютъ хаты курныя. Лемки, полонинцы и бойки соединяютъ подъ одной крышей вмѣстѣ съ жильемъ всѣ хозяйственныя постройки, какъ то: сараи для скота, конюшни, склады для хлѣба и даже гумно; все это непосредственно соединено одно съ другимъ, дѣлая впечатлѣніе нашихъ типичныхъ еврейскихъ построекъ, тѣмъ болѣе, что жилья эти въ большинствѣ случаевъ вовсе не имѣютъ огороженнаго двора. Страшная нечистоплотность, неряшество просто поражаютъ въ сравненіи съ общеизвѣстной чистотой даже въ бѣдныхъ хатахъ всѣхъ другихъ малороссовъ. Объяснить этого нельзя даже нищетой, потому что только лемки и отчасти полонинцы живутъ въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, остальные же обставлены въ матеріальномъ отношеніи сравнительно недурно. Типичная одежда всѣхъ горцевъ, значительно приближающаяся къ венгерскимъ образ-

цамъ, хотя и рѣзко отличается у отдѣльныхъ племенъ, ничего почти общаго не имѣетъ съ одеждой всѣхъ остальныхъ малороссовъ; мы ее видѣли отчасти на рисункахъ у Головацкаго. Замѣчательно, что даже нашей малорусской *мережки* на рубахахъ тамъ нѣтъ, хотя они охотно испещряютъ всѣ части одежи разными нашивками, бахромами и вышивками изъ гаруса. Только тухольцы и гуцулы носятъ усы, остальные же брѣютъ все лицо.

Небольшая эта статья, какъ она ни сжата, и на первый взглядъ представляющаяся лишь бѣглымъ отчетомъ по экскурсіи, составляетъ однако цѣнный вкладъ въ этнографію галицкихъ русскихъ. Удовлетворить насъ вполнѣ она, разумѣется, не можетъ; мы ее считаемъ лишь предисловіемъ къ сборнику тѣхъ матеріаловъ, которые мы надѣемся въ скоромъ будущемъ увидѣть въ изданіяхъ краковской академіи.

Ц. Нейманъ.

H. Pöllmann, Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. München, 1888.

Никогда, кажется, западъ Европы не относился съ такимъ трогательнымъ интересомъ ко всему русскому, какъ теперь. Русская изящная литература, русское искусство, русская музыка стали теперь модными на западѣ; русскій самоваръ кипитъ въ аристократическихъ гостинныхъ, западные желудки дѣлаютъ даже попытки переваривать наши щи и борщи. Даже русскій языкъ, такъ долго считавшійся варварскимъ и невозможнымъ для изученія, теперь въ большой модѣ и самоотверженно изучается нѣмцами, французами, англичанами, даже американцами.

Но не станемъ однако обольщаться на счетъ причинъ такого къ намъ трогательнаго участія. Не мы сами по себѣ (an sich), не оригинальность нашей внутренней организаціи и своеобразность продуктивнаго творчества привлекаютъ къ намъ очи запада. Изученіе Руси на западѣ имѣетъ пока главнымъ образомъ значеніе военной рекогносцировки, объясняется паническимъ страхомъ передъ силами сѣвернаго великана и необходимостью познать эти опасныя силы. Въ числѣ множества иностранцевъ, околачивающихся теперь у насъ съ цѣлью изученія русскаго языка, весьма значительный контингентъ составляютъ иностранные офицеры, играющіе роль древняго «языка». Англійскіе офицеры (преимущественно изъ Индіи, гдѣ собственно и

сталкиваются наши интересы съ царицею водъ) получаютъ даже особенную прибавку къ жалованью (въ 60 ф. ст.) за изученіе русскаго языка, и нужно видѣть, какое магическое вліяніе имѣетъ эта «русская» прибавка! Въ какихъ нибудь 3—4 мѣсяца пришпориваемый сладкой надеждой на лишнихъ 60 ф. англичанинъ настолько овладѣваетъ русскимъ языкомъ, что не только можетъ бесѣдовать съ вами о житейскихъ предметахъ, но и съ успѣхомъ читаетъ и понимаетъ Пушкина, Гоголя, etc. Вернувшись на родину, эти «языки» считаютъ себя уже спеціалистами по всему русскому и строчатъ цѣлые томы о нашей жизни, наукѣ и искусствѣ. Но странное дѣло! Несмотря на этотъ явный интересъ къ намъ, знаніе русской жизни очень мало подвинуто на западѣ; даже нѣмцы, строча о Руси, отступаютъ отъ своей обычной Gründlichkeit, составившей ихъ славу. Экскурсіи ихъ въ область русскаго напоминаютъ пока наѣзды древнихъ нормановъ, внезапно налетавшихъ и удиравшихъ съ первой схваченной добычей. Даже неучившійся въ семинаріи съ улыбкой прочтетъ ту чепуху, которую въ своихъ трактатахъ о Руси излагаютъ ученые западные наѣздники.

Къ числу такихъ наѣздниковъ несомнѣнно принадлежитъ и ученый авторъ замѣтокъ о древней исторіи козачества, herr premier-lieutenant H. Pöllmann. Пробѣжавъ чрезъ русскій мосточекъ и схвативъ тамъ кленовый листочекъ, этотъ храбрый норманъ вполнѣ убѣжденъ, что не только изучилъ темный лѣсъ козачества, но и внесъ въ него много собственнаго свѣта. Съ чисто военной смѣлостью заявляетъ этотъ военный ученый, что своими изслѣдованіями онъ расширилъ научный горизонтъ въ исторіи козачества и *окончательно* разрѣшилъ многіе темные вопросы въ этой исторіи, особенно что касается этимологіи и военной географіи (предисловіе). Не пытаясь вступать въ борьбу съ храбрымъ иноплеменникомъ, мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ тѣхъ научныхъ пріемовъ, какими онъ рубитъ гордіевы узлы темныхъ вопросовъ исторіи козачества.

Ученый авторъ приводитъ разныя толкованія слова «козакъ», но признаетъ ихъ всѣ неудовлетворительными. По его основанному на глубокомъ изученіи русскаго языка и жизни толкованію, слово козакъ не иноземнаго, а чисто русскаго происхожденія, чего до сихъ поръ не могли сообразить наши русскіе ученые. И какъ легко и просто этимологическое толкованіе автора! Слово козакъ построено совершенно аналогично со словомъ рыбакъ, и если рыбакъ, какъ это несомнѣнно, происходитъ отъ рыбы (рыба—къ), то и козакъ (краснѣйте,

русскіе филологи) можетъ только произойти отъ *козы* (коза—къ). Такимъ образомъ козакъ есть собственно пасущій козъ, имѣющій козъ. Это просто и очевидно, какъ всякая геніальная мысль. И однако ученый авторъ снисходитъ еще къ нашему недомыслію, разрѣшая разныя недоумѣнія, могущія возникнуть у консервативныхъ и мало образованныхъ въ филологическихъ наукахъ русскихъ историковъ въ этомъ вопросѣ. Ученый авторъ замѣчаетъ, что разведеніе козъ въ данное время не составляетъ нигдѣ на Руси спеціальнаго занятія; въ степяхъ разводятъ преимущественно овецъ, такъ что на Руси нѣтъ даже спеціальнаго термина для перваго занятія. Но это обстоятельство не смущаетъ храбраго автора. Хотя козъ спеціально и не разводятъ, но *могутъ* разводить, и если вообще отношеніе числа козъ къ числу овецъ на Руси является 3—100, то въ степяхъ оно *вѣроятно* больше, напр. 1 коза на 15—20 овецъ. Съ другой стороны разведеніе козъ указываетъ на очень низкую степень культуры (?) и занимались имъ лишь бѣднѣйшіе жители низовьевъ Днѣпра, а ихъ аристократическіе соплеменники верховьевъ Днѣпра (нѣмецкій ученый въ южнорусскомъ крестьянствѣ выдѣляетъ 2 класса—аристократовъ и пролетаріевъ) называли ихъ презрительнымъ именемъ козопасъ (Ziegenbauer id est Kosaki), а тѣ съ покорностью, которою всегда отличались крестьяне-пролетаріи, приняли это презрительное наименованіе (пусть читатель не думаетъ, что мы здѣсь шутимъ; это дословное почти изложеніе мыслей храбраго офицера). Но почему же это названіе такъ скоро заглохло, что до самыхъ историческихъ временъ не сохранилось спеціальнаго названія для занимавшихся разведеніемъ козъ? А это потому, что названіе козопасъ (козакъ) чисто мѣстнаго происхожденія и потому не попало въ общерусскій языкъ (Богъ его знаетъ, что этимъ хочетъ сказать ученѣйшій авторъ). А впослѣдствіи слово козакъ было окружено такимъ ореоломъ славы, что низкое происхожденіе этого наименованія совсѣмъ затерялось.

Разрѣшивъ такъ блистательно вопросъ объ этимологическомъ значеніи слова козакъ, побѣдоносно разсѣявъ всѣ сомнѣнія и возможныя возраженія, нашъ ученый лингвистъ останавливается еще на этимологіи слова *атаманъ* и толкуетъ его удивительно просто и оригинально. Слово атаманъ, какъ и козакъ, не иноземнаго происхожденія, какъ думаютъ наивные русскіе ученые, а чисто русское слово. Корень его—ман, отъ *манить*, что въ переносномъ смыслѣ значитъ—повелѣвать, начальствовать. Труднѣе объяснить происхожденіе первой части слова—*ата*, но для нѣмецкаго офицера не можетъ быть

непреодолимыхъ препятствій, и онъ съ рѣдкой сообразительностью и смѣлостью рубитъ этотъ гордіевъ узелъ—*ата=тамъ*, атаманъ поэтому есть ничто иное, какъ *тамъ—манъ*=таманъ, такъ какъ второе *м* по законамъ русскаго языка выпало, такимъ образомъ тамъ—манъ или атаманъ значитъ—*здѣсь начальствующій* (der hier Befehlende), соотвѣтствуя нѣмецкому Her-zog. Изъ русскаго атаманъ перешло въ польскій языкъ въ словѣ Hetman, «durch quetschung des ersten a, Verschlucken des zweiten und vorsetzen eines sogenannten Digamma in Gestalt eines H» (дѣлаю эту выписку для поученія нашихъ филологовъ). Покончивъ съ филологіей, авторъ принимается за исторію, говоритъ о древнѣйшей исторіи козачества (съ X—XI в.), о нападеніи татаръ, разселеніи козаковъ, запорожцахъ, etc. Мы не станемъ излагать содержанія мыслей ученаго автора, съ его пріемами мы уже познакомились. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ остается себѣ самому вѣренъ, вѣдая вездѣ то, чего не вѣдаетъ никто, отыскивая козаковъ въ X и XI в. Полное отсутствіе указаній на источники, полная невинность автора въ вопросахъ хронологіи и исторіи дѣлаютъ совершенно излишними борьбу съ нимъ; мы охотно уступаемъ ему поле сраженія и надѣемся, что за свои ученые труды храбрый лейтенантъ будетъ очень скоро произведенъ (идемъ по стопамъ его филологіи) въ пель=пол=полк—маны=полковники.

И. Л—ко.

Маленькое разъясненіе.

Въ № 1-мъ Русскаго Филолог. Вѣстника за текущій годъ въ отдѣлѣ «библіографическихъ замѣтокъ» на стр. 139—140 я встрѣтилъ, къ удивленію своему, нѣсколько непонятныхъ для меня строкъ, написанныхъ по поводу реферата моего «Къ столѣтію со дня рожденія Г. Ѳ. Квитки», читаннаго еще въ 1878-мъ году въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца. Говорю—*непонятныхъ для меня строкъ*—потому, что рецензенту угодно было, въ силу его личныхъ соображеній, освѣтить мой рефератъ, вмѣстѣ съ рѣчью покойнаго профессора А. А. Котляревскаго о Шевченкѣ, какъ *образцики мѣстнаго патріотическаго направленія*, для каковой цѣли онъ не поскупился на всяческіе пріемы, включительно до умышленной передержки. Говоритъ г. рецензентъ о моемъ рефератѣ по поводу вышедшей въ прошломъ году 2-й книги «Чтеній въ историческомъ

обществѣ Нестора Лѣтописца», гдѣ помѣщено извлеченіе изъ этого реферата, перепечатанное изъ газеты «Кіевлянинъ», постоянно передававшей отчеты о засѣданіяхъ «Общества», но не самый рефератъ, который напечатанъ никогда не былъ. Конечно, рецензенту не угоняться за всякими мелочами, и потому онъ могъ не знать о моемъ печатномъ заявленіи (въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. № 4, стр. 873), что въ «Кіевлянинѣ» не былъ помѣщенъ мой рефератъ, а только сравнительно краткій отчетъ о немъ; но и безъ этого онъ долженъ былъ знать о неполномъ видѣ моего реферата, т. к. въ той же книгѣ «Чтеній» онъ поставленъ въ главѣ, гласящей: *«сообщенія, помѣщенныя въ сокращеніи»*, (см. оглавленіе, стр. IV). Если бы г. рецензентъ принялъ это во вниманіе, то онъ не рискнулъ бы сказать, что *«референту, если онъ не въ силахъ дать правильную оцѣнку этому автору, слѣдовало бы справиться, что думаетъ о немъ вполнѣ въ данномъ случаѣ безпристрастная русская критика, критика Современника 50-хъ годовъ»*; говорю—не рискнулъ бы сказать этого, такъ какъ цѣлью моего реферата въ полномъ видѣ было представить не обстоятельный критическій разборъ литературныхъ произведеній Квитки (чему не время въ день празднованія столѣтняго юбилея), а только сводъ біографическихъ данныхъ и таковой же сводъ разнообразныхъ критическихъ отзывовъ о немъ въ русской журналистикѣ. Благодарю, конечно, за совѣтъ прочесть критику въ «Современникѣ» 50-хъ годовъ, но жаль, что совѣтъ этотъ очень опоздалъ, т. к. въ моемъ рефератѣ были приведены не только выдержки изъ этой статьи, но цѣлый рядъ другихъ, гораздо болѣе рѣзко отзывавшихся о Квиткѣ. Но, конечно, г. рецензентъ въ полномъ видѣ моего реферата не знаетъ, и потому могъ впасть *по неосторожности* въ ошибку.—Странно только вотъ что: въ первыхъ же строкахъ напечатаннаго въ «Чтеніяхъ» отчета о моемъ рефератѣ читаемъ, что «не надежда сообщить что нибудь новое, доселѣ неизвѣстное въ литературѣ о жизни и дѣятельности Гр. Ѳ. Квитки, *не надежда представить полный и обстоятельный критическій разборъ его произведеній (чему, сказать между прочимъ, не мѣсто и не время въ данномъ случаѣ)*, не надежда представить изслѣдованіе по какому нибудь отдѣльному вопросу въ связи съ именемъ Квитки,—понуждаетъ референта къ сегодняшнему чтенію; онъ проситъ принять его за желаніе въ столѣтнюю годовщину рожденія помянуть добрымъ словомъ человѣка, который—и своею жизнью, полною всякихъ треволненій и пережитыхъ противоположностей, и своей литературной дѣятельностью—представляетъ, съ одной стороны,

любопытный фактъ въ жизни нашего провинціальнаго общества конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, съ другой—отрадное явленіе въ южно-русской, украинской литературѣ» (стр. 78). Кажется, при нѣкоторой добросовѣстности, достаточно было г. рецензенту и этихъ строкъ, чтобы удержаться отъ вышеприведенной его фразы. Но онъ пошелъ еще далѣе. «Г. Науменко превозноситъ *давно и по заслугамъ забытаго* Квитку выше облака ходячаго: имя его, повторяетъ онъ, перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы къ далекому потомству, какъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію завѣтное сокровище, неоцѣненный перлъ» —такъ читаемъ въ рецензіи. Если бы такъ оно было на самомъ дѣлѣ, то конечно рецензентъ былъ бы правъ, говоря, что я превозношу Квитку выше облака ходячаго; но я приглашаю его заглянуть на стр. 86—87 «Чтеній», гдѣ, приведши отзывы, неблапріятныя для Квитки, я говорю: «въ заключеніе, однако, нельзя не сказать, что много было въ то время поклонниковъ и цѣнителей таланта Квитки; много было людей, отъ глубины души выражавшихъ ему сочувствіе, съ болью въ сердцѣ прощавшихся съ нимъ на могилѣ. *Казалось бы, память о немъ должна пережить много поколѣній*, или, повторяя слова г. Сементовскаго, «имя его перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы...... И что же?—добавляю я: прошло лишь 35 лѣтъ со дня смерти Г. Ѳ. Квитки, а мы видимъ, что общество стало забывать его». Теперь мы и спросимъ: такъ ли передалъ мою мысль г. рецензентъ, и не чувствуетъ ли онъ хоть нѣкотораго укора совѣсти?

Въ заключеніе скажемъ, что мы не считаемъ нужнымъ становиться въ данномъ случаѣ на защиту имени Гр. Ѳ. Квитки, т. к. отъ подобной бахвальной выходки г. рецензента имя это нисколько не пострадало; приведемъ развѣ только слѣдующія слова о значеніи Квитки, принадлежащія перу одного очень авторитетнаго ученаго: «Все, что написано Квиткою-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе—наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художества, п. ч. художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, и которому однако нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. *Квитка Основьяненко былъ и на-*

долго останется первымъ народнымъ писателемъ на Украинѣ». Такъ писалъ въ 1843 году (Москвит. ч. IV, стр. 503) И. И. Срезневскій,—имя, достаточно авторитетное, особенно для *Филологическаго Вѣстника*.

В. Науменко.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ [1]).

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1889 г. №№ 2—4. *Въ отдѣлѣ критики и библіографіи* помѣщены рецензіи и замѣтки о слѣдующихъ книгахъ: 1) Краткая замѣтка о книгѣ «Чтенія въ историч. общ. Нестора Лѣтописца». Кн. 2-я. (№ 2, стр. 423). 2) Изъ записокъ по русской грамматикѣ. *А. Потебни*; изд. 2 е—статья *А. Будиловича* (№ 3, стр. 206—210). 3) Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. *Г. Крыжановскаго*. (№ 3, стр. 234—235). 4) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваем. гр. *И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ*,—статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 4, стр. 423—426).

Вѣстн. Европы 1889 г. №№ 3—4. *Обзоръ русскихъ изученій славянства. А. Пыпина*. I. *Время до-петровское* (№ 4, стр. 584—625). Нѣсколько страницъ удѣлено бѣглому обзору фактовъ вліянія польскаго на юго-западную Русь (598—599).

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) *Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. П. Житецкаго. Часть I-я*. (№ 3, стр. 415—418); 2) *Русскія древности въ памятникахъ искусства*, *издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I-й. Классическія древности южной Россіи* (№ 4, стр. 843—849).

Русская Мысль. 1889 г. №№ 2—3. Статья *«Юлій Словацкій» Л. Полонскаго* (№ 2, стр. 61—100), сообщая нѣкоторыя данныя объ этомъ польскомъ поэтѣ, между прочимъ, даетъ разборъ его трагедіи «Мазепа».

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Западно-русскіе провинціальные сеймики во 2-й половинѣ XVII в. Н. В. Стороженка;* 2) *Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго* (№ 2, стр. 56—57).

---

[1]) Списокъ разсматриваемыхъ изданій напечатанъ въ № 3, мартъ. Къ нимъ прибавились: Русскій Паломникъ, Новости и Биржевая газета, Наблюдатель, Орловскій Вѣстникъ.

Филологическій Вѣстникъ 1889 г. № 1. *Замѣтки по исторіи школьной драмы. А. Соболевскаго.* (стр. 1—14). Статья представляетъ нѣсколько возраженій противъ частныхъ положеній, высказанныхъ въ книгѣ П. Морозова «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столѣтій».

Западно-русская Четья 1489 года. М. Карпинскаго. Авторъ статьи знакомитъ подробно съ этой рукописью, давая описаніе ея, перечисляя характерныя особенности въ звуковыхъ отличіяхъ, въ употребленіи формъ, приводя краткій словарь и, наконецъ, прибавляя текстъ житія Бориса и Глѣба по этой рукописи. (№ 1, стр. 59—106).

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены замѣтки о слѣдующихъ книгахъ: «*Monumenta linguae palaeoslovenicae*» *т. 1 й. Калужняцкаго* (стр. 132—133). 2) Краткая замѣтка о книгѣ *г. Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.* Тонъ замѣтки не совсѣмъ удобный для ученаго журнала, что видно, между прочимъ, изъ заключительныхъ словъ ея: «намъ кажется не лишнимъ *попенять* г. Житецкому за его *клевету* на проф. Соболевскаго: у послѣдняго (Очерки, стр. 89) нѣтъ той *чепухи*, которая приписывается ему авторомъ» (стр. 135—136). 3) Трудъ г. *Крыжановскаго «Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ»*. (стр. 136). 4) *Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца»*. Книга 2-ая (138—141).

Сѣверный Вѣстникъ №№ 2—4. 2. *И. Лучицкій. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи* (оконч.).

2, 4. *Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ* (изслѣдованіе). 19 фев. 1861 г. Образованіе и развитіе права, очеркъ кодификаціи рус. права, крѣпостные крестьяне передъ закономъ наканунѣ 19 февраля, право жалобы и отношеніе къ власти. Что должно было послужить исходною точкою при освобожденіи, организація освободительныхъ работъ, крѣпостническія вліянія, общій характеръ освобожденія, первоначальныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

2, 3, 4. Въ областномъ отдѣлѣ отмѣчено нѣсколько фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи.

3. *Некрологъ А. И. Стронина.*

4. *Ѳ. Ѳ. У смоленскаго мужика.*

Пантеонъ Литературы №№ 2—4. 2. Въ Совр. Лѣтописи сообщенія: а) о засѣданіи Имп. Общ. любит. древ. письменности 9 янв. 1889 и b) о брошюрѣ Мартынова «La litterature slave».

4. *О. Ѳ. Миллера. Памяти В. М. Гаршина.*

— Вал. Н. Майковъ. Критическіе опыты (*Д. И. Минаевъ*—Слово о полку Игоревѣ пер. Д. Минаевъ Спб. 1846. Слово о вѣщемъ Олегѣ, переводъ, его же Спб. 1847. В. П. Аскоченскій—Стихотворенія Кіевъ, 1846).

— Въ отд. новыя книги краткая рецензія на «Русскія Древности» гр. Толстаго и Кондакова.

Русскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 2—4. 2, 3. *А. А. Велицынъ. Иностранная колонизація въ Россіи.* Главы II, III.

2. Въ сообщеніяхъ и извѣстіяхъ: Письмо Н. В. Гоголя къ А. П. Погодиной (1846 г.).

4. *Архим. Леонидъ. Древняя рукопись.* (I. Изборникъ болгарскаго пресвитера—мниха (іеромонаха) Григорія и уцѣлѣвшая часть памятника. Первоначальный славянскій хронографъ или «Еллинскій Лѣтописецъ»—болгарской редакціи X вѣка. Пресвитеръ—мнихъ Григорій. Значеніе его. Изборники въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія кіевскихъ руссовъ времени вел. кн. Ольги. II. О трехъ сочиненіяхъ, входившихъ въ составъ «Изборника Григоріева» по списку XIII в.

— *Письмо И. Г. Наумовича и Червоноруссы.*

Колосья №№ 1—4. 4. Джигита. Пов. И. Подольскаго-Кавказскаго.— Нѣсколько чертъ изъ жизни черноморскихъ козаковъ въ эпоху послѣднихъ событій кавказскихъ войнъ.

Наблюдатель №№ 11—4. 11. Въ отд. «Новыя книги» краткая рецензія на книгу Барсукова «Родъ Шереметевыхъ» кн. 5.

12. Разсказы Захеръ-Мазоха 1. Битва подъ Гдовомъ. II Θеодосья.—Изъ галицкой жизни.

— О. В. Наши литературные нравы.—Авторъ смѣшалъ профессора русской исторіи универ. св. Владиміра В. Б. Антоновича съ редакторомъ «Кіев. Слова» тоже проф. унив. св. Владиміра, но по каθедрѣ полит. экономіи, А. Я. Антоновичемъ,—хотя ранѣе выхода № 12 «Наблюдателя» г. Венгеровъ въ своемъ словарѣ уже помѣстилъ біографію А. Я. Антоновича, послѣ чего уже, казалось бы, трудно было и автору, и редакціи смѣшать эти лица.

1, 2, 3, 4. I. I. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) Свѣтъ погасъ, ром. И описаніе города съ названіемъ его улицъ, и фотографіи дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, и прозрачные фамиліи ихъ ясно указываютъ на желаніе автора описать Кіевъ и нѣкоторыхъ кіевлянъ; насколько это ему удалось, гдѣ правда и гдѣ фантазія—это зависитъ отъ его совѣсти.

1, 2, 3, 4. В. О. Михневичъ. Вѣкъ эпикурейства (черты нравовъ въ Россіи XVIII в.).—Есть данныя о нѣкоторыхъ малороссіянахъ того времени, занимавшихъ видное положеніе въ Петербургѣ.

3, 4. *Г. П. Сазоновъ.* Кабала въ отхожемъ промыслѣ.

Русская Старина №№ 2—4. 2, 4. Записки А. М Тургенева г. LXIII—LXV.

2. Записки Н. Н. Мурзакевича 1806—1883 (оконч.).

2, 3, 4. Дневникъ проф. акад А. В. Никитенка (янв.—декабрь 1826, 1827).

2. Изъ временъ крѣпостнаго права. Л. Весина.—Приведены изъ записки Н. И. Второва весьма характерныя данныя, которыми покойный статистикъ и этнографъ характеризировалъ отношеніе къ крѣпостной зависимости крестьянъ въ малороссійскихъ и великороссійскихъ селеніяхъ ворон. губерніи.

2. П. П. Сердюкъ и Л. В. Дубельтъ—сообщ. С. Д. Носъ.

— М. И. Глинка (нов. матер. для его біографіи) 1. Симфонія «Тарасъ Бульба». В. Стасовъ.

— П. А. Антоновичъ (замѣтка), б. попечитель кіев. учеб. округа.

Русскій Архивъ №№ 3—4 3. *Изъ записокъ фельдмаршала кн. Паскевича* (до авг. 1826 г.).

3, 4. *Изъ дневника и записной книжки* гр. П. Х. Граббе(1849—1854 г.).

4. *М. С. Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ.* Воспоминанія А. В. Щепкиной.

Историческій Вѣстникъ №№ 3—4. 3. *Воспоминанія о Д. Н. Бѣгичевѣ* (б. ворон. губернаторѣ) Е. Соковниной.

— *Полувѣковой юбилей* возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православной церковью (въ прил. портр. І. Симашка) М. Городецкаго.

— *Скиѳская жертвенная чаша.* Д. Эварницкаго.

— Въ Крит. и библіогр. рецензіи на книги: Сапунова—Витебская Старина и Стрѣльбицкаго—Уніатскіе церковные соборы.

4. Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ—И. Ѳедорова (безъ обозначенія мѣста и года событія и съ ошибками въ названіи служившихъ въ тѣ времена лицъ.—Панчулидзевъ былъ губернаторомъ въ Черниговѣ съ 1870—1875 годъ.

— Въ Критикѣ и библіографіи кр. рецензіи на книги: Ровинскаго, Мордовцева, Булгакова, Кондакова и Смирнова.

3, 4. Въ смѣси нѣсколько замѣтокъ.

Журналъ Гражд. и Угол. Права. №№ 1—4. 2. *Некрологъ проф. Г. Д. Сидоренка.* К. С.

3. *Рецензіи* на книги: 1) Н. И. Карѣева. Историческій очеркъ польскаго сейма и 2) Самоквасова. Исторія русскаго права.

Природа и Охота №№ 1—3. 3. *А. Довбня. Землянскій уѣздъ воронежской губерніи* (очеркъ).

— *А. Шляхтинъ. Къ вопросу о донскомъ рыболовствѣ.*

— *А. Полторацкій. Житье—бытье охотничьей команды* (Довольно мѣткое описаніе глуховскаго, кролевецкаго, конотопскаго и отчасти новгородсѣверскаго уѣздовъ).

— *Ѳ. К. Лоренцъ. Поѣздка въ кубанскую область.*

Восходъ №№ 3—4 и Недѣльная Хрон. Восхода №№ 7—16. 3, 4.

С. Бершадскій. Еврей король польскій. Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія (прод.).

— Въ Лит. Лѣт. рецензія на Еврейскіе разсказы Захеръ-Мазоха, перевед. А. Размадзе. М. 1887 г.

-- Въ Библіографіи рецензія на книгу А. Субботина. «Въ чертѣ еврейской осѣдлости».

Странникъ №№ 2—4. 2, 3, 4. *И. П. Матченко. Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.* Распространеніе христіанства на Руси. Устройство церкви русской. Отношенія христіанства къ язычеству. Нравств. перевоспитаніе рус. народа христіанствомъ.

— *Архим. Никодимъ Милашъ. Римская пропаганда, ея исторія и современное состоніе.* VI. Конгрегація пропаганды для распространенія уніи. VII. Пропаганда уніи между православными.

3, 4. *И. Г. Наумовичъ. Романъ Кузьмина.* (Разсказъ изъ галицкой жизни).

4. Въ книжной лѣтописи отзывъ о сборникахъ Ист. общ. Нестора, и о книгѣ Витте о 900-лѣтіи крещенія Руси.

Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 1—2. 1, 2. Отд. II. Мелкія статьи, извѣстія и замѣтки: *Императоръ Николай и бѣлокриницкіе раскольники.*

Археологическія раскопки въ Переяславѣ (полт. губ.).

Открытіе новыхъ пещеръ въ Кіевѣ. Храмъ съ замѣчательною надписью, построенный Екатериною II въ Новороссійскомъ краѣ.

2. Въ журнальномъ обозрѣніи о «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи» и «Вѣра и Разумъ».

Труды Кіевской Духовной Академіи №№ 2—4. 2. *Извѣстія церковно-археологич. общества при кіев. дух. академіи* (за м. декабрь 1888 г.) Н. И. Петрова.

3, 4. *М. Е. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій*, архіепископъ могилевскій и его литературные труды.

— *Отчетъ церковно-археологическаго общества при кіевской дух. академіи за 1888 г. Н. И. Петрова.*

Университетскія Извѣстія №№ 1—2. 1. *Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго университета св. Владиміра въ 1888 г.*

2. *Отчетъ о состояніи кіевскаго центральнаго архива* для древн. актовыхъ книгъ губерній кіевск., подольск. и волынской въ 1888 г.

Экономическій Журналъ №№ 1—3. 1. *Я. С. Любопытный эпизодъ* (Изъ исторіи русскихъ финансовъ въ 1820-хъ годахъ.—Нѣкоторыя части проекта гр. Мордвинова имѣли въ виду интересы юга Россіи).

— *Земское обозрѣніе* (Финансы, мѣстное хозяйство и промышленность, благотворительность и школа, пути сообщенія, страхованіе и борьба съ эпизоотіями).

2, 3. *Ростъ г. Севастополя и прогрессивное развитіе дѣятельности его коммерческаго порта.* Бар. Нези.

— *Торговое обозрѣніе* заключаетъ въ себѣ данныя и для юга Россіи.

— *Городское хозяйство*: Кишеневъ. Симферополь.

Новь №№ 7—10. 7. *Симферополь*, ор. рисун. Л. Ноздрева.

— *Карновича. Русское мѣстное управленіе въ прошломъ вѣкѣ.*

9. *Чумаки*, оригин. рисун. В Лося.

10. *Богатѣйшій каменноугольный районъ* А. Габерфельда съ иллюстраціями.

— *Видъ Одессы*, ориг. рисун. В. Темнова.

— *Малороссы*, оригин. рисун. В. Подбѣльскаго.

Нива №№ 7—13. 7. *На масляницѣ.* Деревенскій катокъ, ориг. рисун. Ижакевича.

9. *Крымскій видъ.* Ориг. рис. Кравченка.

10. *Степной табунъ*, рисун. Айдукевича.

Сѣверъ №№ 7—14. 10. *Рыбные промыслы на Азовскомъ морѣ* 2 грав. рисун. съ фотогр. Варпаховскаго.

14. *Черное море* (рисун.) картина Судковскаго.

Всемірная Иллюстрація 6—16. 13. *Панъ Каневскій.* Изъ «Польскихъ разсказовъ» *Захаръ-Мазоха.* Разсказъ изъ быта Подоліи прошлаго столѣтія, въ которомъ подъ именемъ «пана Каневскаго» изображается Потоцкій.

16. *Кобзарь.* Изъ баллады Т. Г. Шевченка «Перебендя». Рисунокъ *В. Отмара.*

Живописное Обозрѣніе №№ 1—15. 8. *Ориг. рисунокъ Топоркова Игуменъ Ѳеодосій уличаетъ кн. Святослава въ бражничествѣ и весельи.*

9. *Т. Г. Шевченко* (портретъ).

— *Катерина* (рисунокъ въ поэмѣ Т. Шевченка).

13. *Матеріалъ для исторіи возсоединенія уніатовъ съ православіемъ въ XVIII в.* Грамота Виктора, архіеп. минскаго, 26 мая 1694 г.

Русское Судоходство №№ 70—79. 70—71. *Наше судоходство* (Черное море).

73. *Тормазы нашего мореходства,* въ особенности на Черномъ и Азовскомъ моряхъ Та—фу.

— *Наше судоходство* (Черное море) Н—й К.

77. *Изъ прошлаго* (проектъ адмир. гр. Мордвинова о перевозкѣ крымскихъ произведеній моремъ на сѣверъ) В. Т.

Церковный Вѣстникъ №№ 7—16. 11, 12. Къ предстоящему пятидесятилѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ 1839 г. **М. Кояловича.**

11. Н. Барсовъ. Неправильная оцѣнка личности архіеписк. Иннокентія (по поводу записокъ Н. Н. Мурзакевича).

13. Синодальное дѣяніе 30 марта 1839 года.

14. Въ обозрѣніи свѣтскихъ журналовъ сочувственный отзывъ о ст. Лупулеску «Русскія колоніи въ Добруджѣ» (Кіев. Ст. 1889. № 1—3).

15. Обозрѣніе свѣтскихъ журналовъ Типическія черты семинарскаго воспитанія, написано по поводу статьи П. Левицкаго о переяславской семинаріи (Кіев. Ст. № 2, 1889).

Христіанское Чтеніе №№ 3—4. 3, 4. В. Васильевъ. Соборы 1547 и 1519 г. (очерки изъ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ).

— Н. Б. Библіогр. замѣтка (Шмурло—Митр. Евгеній).

— Родосскій. Въ память 75-лѣт. юбилея спб. дух. академіи. (Каталогъ старопечатн. книгъ библ. спб. д. ак.).

Зоря №№ 6 и 7—8. 6, 7. *М. Старицькій на споминъ Т. Г. Шевченка* (стих.).

— *Перши чотыри роки засланя Шевченка.* Написано по ст. Н. И. Стороженка «Кіев. Ст.» 1888 г. № 9.

— *Шевченко въ Новопетровскому.* Написано по ст. Н. Д. Н. «Кіев. Старина» 1889 г., № 3.

— *Ще про Новопетровски часы Шевченковои неволѣ.* Написано по воспоминаніямъ Н. Усковой съ примѣч. М. К. Чалаго въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г., № 2.

— *Щепкинъ и Шевченко.* Написано по рѣчи пр. Н. И. Стороженка (Газ. Гатцука 1888 г. № 6).

— *Шевченко въ цукроварні Яхненка и Симиренка.* Написано по ст. М. К. Чалаго въ «Кіев. Стар.» 1889, № 2.

— *Увольнене Шевченковой роднѣ зъ крѣпацтва.* Написано по замѣткѣ Н. Д. Н. въ «Кіев. Стар.» 1889 г. № 3.

— *Зъ житя Шевченка писля повороту за засланя.* Написано по ст. Суханова—Подколзина въ «Кіев. Стар.» 1885 г.

— *Споминки А. Козачковскаго про Шевченка.* Написано по воспом. Козачковскаго въ «Кіев. Телеграфѣ.»

— *Емиль Дьюранъ* о *Т. Шевченку.*

— *Народная пѣсня про Шевченка.* По «Кіев. Стар.» 1885 г.

— *Заборонені цензурою уступи съ Шевченковои поеми «Катерина».* По «Кіев. Стар.»

— *Нови переклады Т. Шевченка.*—В. Лукича.

— *На вичну память Шевченкови.* С. Павленка (стих.).

— *До Шевченковою свята*—О. П.

— *Наша слава.* (стих.).

8. *Новобранчикъ* (поема) Ю. Федьковича.

— *Стефанъ Качала* (политично-суспôльная студія). Ом. Калитовского.

— *Земляки* (этнографични очерки) І. Парубокъ Порфира С. Ісаевича.

— *О. Огоновскій. Исторія литературы рускои* періодъ новый 9. Григорій Бораковскій.

— *Скобельскій.* О археольогичной выставцѣ Ставропигійского Института.

— *Зъ нашого житя народного.*

— *Въ справѣ видносинъ украинцовъ до російскои литературы.*

Русскій Паломникъ №№ 9—16. 12, 13. *Торжество православія* съ портретами Гедеона Балабана, еп. львовскаго, Кирилла Терлецкаго, Игнатія Поцѣя, Іосифа Сѣмашка арх. литовск., и рисункомъ раки съ мощами свящ.-муч. Аѳанасія Брестскаго.

13. *Яблочинская и Дерманская обители,* съ рисунками ихъ.

Недѣля 1889 г. №№ 7—17. 7. Лѣсная путаница.

Земское самоуправленіе (борьба городовъ).

8. Въ отдѣлѣ «Новыя книги»—для насъ критическая замѣтка на книгу И. А. Гурвича: Переселенія крестьянъ въ Сибирь. Москва. 1889.

9. Промышленныя школы.

12. Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» корреспонденція изъ кролевецкаго уѣзда (черниговской губерніи) по переселенческому вопросу.

13. Въ отдѣлѣ «Новыя книги» замѣтка на «Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя граф. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. І. Классическія древности южной Россіи» Спб. 1889 г.

15. Новый фазисъ въ лѣсной путаницѣ (письмо изъ Чернигова).

Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» корреспонденція изъ Нѣжина (черниг. губ.) о мѣстномъ движеніи къ поднятію культуры сельскаго хозяйства.

Славянскія Извѣстія №№ 5—16. 5, 6. Чехи на Волыни Ш. В. И. Шемякина.

— Червоноруссы. Изъ Галиціи (кор.)—П. Г.

— І. Барвинскій (некр.).

— И. Гриневицкій (некр.).

— Самосознаніе русскихъ галичанъ.

— Угроруссы.

— Іезуиты въ Галиціи (замѣтка).

— Замѣтки о намѣстникахъ въ Галиціи съ 1772 г.

— М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси.

7. Заграничная Русь. Письмо о Галицкой Руси П. Г.

8. Торгъ славянскими дѣтьми въ Венгріи.

— Житомиръ (кор.) Ѳ. Досинчука.

— Одесское общ. литераторовъ и ученыхъ (замѣтка).

— Червоноруссцы.

9, 10. Червоноруссы и Угроруссы.

— Поляки (кор. изъ Львова, гр. А. Замойскій некр.).

11, 15. Славяскій элементъ въ Малой Азіи. А. Елисѣевъ.

12. Статья пр. Наумовича, прочитанная въ Слав. общ. 4 дек. 1888 г.

13. «Главнѣйшія причины непрочнаго госуд. строенія въ Старой Польшѣ.

— Положеніе русскихъ въ Галиціи.

— М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси.

14. Заграничная Русь.

15. Св. Кириллъ и Меѳодій—просвѣтители славянъ. Мстислава.

— Галицкая Русь.

16. М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси. А. Васильева.

Przegląd Tygodniowy №№ 7—16. 9. Замѣтка по поводу реферата д-ра Гиршберга въ отчетѣ библіотеки Оссолинскихъ. Въ рефератѣ этомъ, озаглавленномъ: «Изъ временъ бѣдствій и упадка Львова» описывается нападеніе шведовъ въ 1704 г., окончившееся взятіемъ и разграбленіемъ города.

10. Собщается о выходѣ «Малорусскаго альбома узоровъ» Венгерова и Пипко въ Житомирѣ.

11. Рецензіи на книги д-ра Гринцевича: Жена послѣдняго старосты звенигордскаго и Продолжительность человѣческой жизни въ звенигородскомъ уѣздѣ.

12. Въ корреспонденціи изъ Кіева говорится, между прочимъ, о прогрессивномъ увеличеніи иноземной колонизаціи въ юго-западномъ краѣ. Отъ 1787 до 1861 переселилось всего 5,323 человѣка, за время же отъ 1861—1882 число переселенцевъ достигаетъ 82,908 человѣкъ. Наибольшее число чужестранцевъ въ уѣздахъ житомирскомъ и луцкомъ, лежащихъ у самой границы: въ 1-мъ оно составляетъ 10% всего населенія, а во 2-мъ—9,6%.

14. Извѣстіе о выходѣ книгѣ: Противодѣйствіе базиліанскаго ордена стремленію бѣлаго духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви. Вильно. 1889 г.

15. Извѣстіе о командированіи московскимъ археологическимъ обществомъ проф. Завитневича въ Бѣлоруссію для археологическихъ изслѣдованій.

16. Извѣстіе о выходѣ книги: Краткое описаніе Житомира, Вержбицкаго.

Кіевлянинъ №№ 60—90. 60. Владиміръ-Волынскъ. Корресп. о движеніи нѣмецкой колонизаціи на Волынь.

61. *Къ реставраціи владиміро-волынскаго собора.*

67. Замѣтка о числѣ сельскихъ крестьянскихъ банковъ въ кіев. губ.—всѣхъ ихъ 57 съ капиталомъ въ 67,000 руб.

— Библ. зам. о книгѣ гр. И. Толстаго и Кондакова—Русскія древности въ памятникахъ искусства. В. 1. Спб. 1889 г.

68. Мартъ мѣсяцъ—по народнымъ представленіямъ.

69. *Ученый аптекарь университета св. Владиміра Н. Н. Неезе* † 25 марта 1889 г. (некрологъ).

— *Обычай освобождать въ Кіевѣ 25 марта птицъ на волю.*

70. Замѣтка о засѣданіи истор. общества св. Нестора 26 марта. Читаны рефераты: а) В. С. Иконникова. О рукописныхъ коллекціяхъ (ростовская коллекція г. Титова), б). И. В. Лучицкаго—Эпизодъ изъ исторіи XVIII столѣтія и в). Т. Д. Флоринскій—Нѣсколько замѣчаній на 1 ч. сочиненія Богуслацкаго «Исторія славянъ».

72. Корресп. изъ Полтавы. Объ упадкѣ коневодства въ полтав. губерніи.

74. Вербная недѣля.

— Замѣтка о шествіи со святою вербою изъ Петропавловской церкви въ Братскій монастырь.

76, 77. Замѣтка о мvровареніи въ Кіево-Печ. Лаврѣ.

79. *Пасха въ Малороссіи и у южныхъ славянъ.*

83. *Забытыя могилы.* В. Г. (о кіевскихъ кладбищахъ).

— *Ѳомина недѣля.*

— Перепечатанъ изъ № 4 «Кіев. Ст.» анекдотъ объ Александрѣ I въ Бѣлой-Церкви въ гостяхъ у гр. Браницкихъ.

83. *Къ разсказу о посѣщеніи имп. Александромъ I хаты крестьянина въ м. Бѣлой-Церкви.* Пр. П. Л. передаетъ варіантъ анекдота, разсказаннаго г. Познанскимъ въ 4 № «Кіев. Стар.» 1889 г.

84. Сообщено извѣстіе объ изданіи отд. рус. яз. и слов. Имп. академіи наукъ полнаго собранія сочиненій покойнаго проф. унив. св. Влад. А. А. Котляревскаго.

89. *Юрьевъ день.*

90. *Описаніе клада,* найденнаго 20 апр. въ усадьбѣ г. Гребеновскаго по Троицкому переулку—Г.

Кіевское Слово №№ 629—652. 652. Соловьевка (радом. у. кіев. губ.) корреспонденція объ образованіи среди сельск. крест. народа особаго рода группы обывателей «кущниковъ» или «шалашниковъ», распродающихъ все, кромѣ хаты, ради страсти къ тяжбамъ.

638. *Нѣмецкія школы на Волыни*—извлечено изъ ст. Лубенца, помѣщенной въ «Церковно-приходской Школѣ».

— Замѣтка о засѣданіи ист. общ. Нестора 26 марта.

648. *Праздникъ пасхи въ брацлавскомъ у. под. губ.*

— *Капля любви* (волынская легенда).

649. Замѣтка «Еще объ иноземной колонизаціи въ юго-зап. краѣ».

658. Замѣтка о найденномъ въ Кіевѣ кладѣ и объ иноземной колонизаціи въ юго-зап. краѣ.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 1—10. 2. *Отчетъ кіевскаго Свято-Владимірскаго* при Кіево-Софійскомъ соборѣ братства за 24 года его существованія 1887—88 годъ.

3.—10. *Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности кіевской епархіи* въ 1887—88 учебномъ году.

4, 5. *О произведенныхъ въ прошломъ году передѣлкахъ въ Кіево-Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ.*

Волынь №№ 26—71. 26. Замѣтка о движеніи нѣмцевъ на востокъ.

26—28. *П. Новицкаго. Свеклосахарная промышленность Волыни.*

27. *На посидѣлкахъ*. Сообщаются народныя повѣрья о 12 пятницахъ.

32. *Исторія волынской нѣмецкой колонизаціи въ періодъ 1787—1882 г.*

35. *Данныя о количествѣ изданій, получавшихся въ Житомирѣ въ 1888 году.*

36. Письмо изъ Кременца, заключающее въ себѣ нѣсколько географическихъ, топографическихъ и этнографическихъ данныхъ относительно этого города.

44. *Т. Г. Шевченко въ ссылкѣ.* Изложеніе статьи изъ мартовской книжки «Кіев. Старины»: «На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира».

45. Письмо Бѣлинскаго, помѣщенное въ «Русской Старинѣ», къ Гоголю съ общей характеристикой его произведеній передъ выходомъ въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ».

46. Передовая статья по поводу статьи г. А. С—ча въ «Кіев. Старинѣ» за мартъ: «Изъ школьнаго міра». Авторъ передовицы высказывается противъ развитія общежитій при сельскихъ школахъ, ради увеличенія числа послѣднихъ.

50. Перепечатка изъ «Кіевлянина» замѣтки о положеніи дѣла относительно возстановленія древняго Мстиславова (XII в.) храма во Владимірѣ-Волынскомъ.

54. Замѣтка о состояніи пчеловодства въ м. Купели и его волости (староконстантинов. уѣзда).

54—55. Вл. Б—аго, Древность латинской пропаганды на Руси.

55. Библіографич. замѣтка о книгѣ: Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. Спб. 1889 г.

56. *Село Ново-Малинъ и его историческіе памятники.* Сообщается

маловѣроятныя, основанныя лишь на слухахъ, данныя о дворцѣ и часовнѣ въ этомъ селѣ, сооруженныхъ въ концѣ XIV в. вел. кн. литовскимъ Свидригайломъ, и о находящейся во дворцѣ чашѣ, изъ которой пріобщался будто бы св. князь Владиміръ; по словамъ автора, описаніе этой чаши находится въ какомъ то древнемъ архивѣ дворца. Мы, напротивъ, слышали отъ лицъ, совершавшихъ археологическую экскурсію на Волынь, что это пре ніе не имѣетъ подъ собой никакой опоры, а архивъ относится къ XVIII вѣку.

57. Разъясненіе проф. М. О. Кояловича о причинѣ празднованія 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ 8-го іюня сего года: празднованіе всегда происходитъ въ девятый четвергъ послѣ пасхи (девятуха), какъ приблизительно средній день совершившагося возсоединенія, а теперь онъ приходится именно 8 іюня.

61. Перепечатка изъ «Харьков. Вѣдомостей» статьи проф. Сумцова о необходимости устройства этнографич. музеевъ, вообще, и, въ частности, просьба сообщать нужныя ему для изслѣдованія свѣдѣнія о писанкахъ.

63. Кореспонденція изъ Острога объ оканчивающейся реставраціи древняго Богоявленскаго храма.

64. Перепечатка изъ газ. «Червоная Русь» статистич. данныхъ о быстромъ ростѣ еврейскаго населенія въ Галиціи за столѣтіе 1780—1880 г. сравнительно съ христіанскимъ.

71. Библіографич. замѣтка о книгѣ «Волынь. Историческія судьбы юго-запад. края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ». Спб. 1888 г.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—12. 9—12. *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи.* М. Ляховцы, с. Миклаши. с. Мякоты, с. Малая Родогощь, с. Семеновъ, с. Сивки, с. Волоское, с. Лиски, с. Сушевцы, с. Вариводки (Шороха), с. Тихомль.

9. *Лукіанъ Семеновичъ Александровичъ* (некрологъ).

Волынскія Губернскія Вѣдомости 1889 г. №№ 5—28. 28. Братчиковъ. Остатки волынской старины (истор.-археологич. замѣтки). Продолженіе.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 10—16. 10. *Отчетъ кам.-под. комитета православнаго миссіонерскаго общества за 1888 г.*

11, 12. *Движеніе уніатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіѣ и Іовѣ* (прод.).

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 28—43. 30. Перепечатка изъ Прав. Вѣст. о нефтяныхъ мѣсторожденіяхъ въ кубанской области.

33. Перепечатка оттуда же о фруктово и виноградно-водочномъ производствѣ въ Россіи въ 1886—87 г.

41, Сельско-хозяйствен. и промышленная выставка въ Кишиневѣ (правила такой выставки въ сентябрѣ 1889 г.).

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 3—7. 5. *Отчетъ кишиневскаго семинарскаго Трехсвятительскаго братства за 1888 г.* — *Мѣры о развитіи просвѣщенія въ Бессарабіи по присоединеніи ея къ Россіи въ 1812 г.* А. Стадницкаго.

6. *Попытка открытія перваго женскаго училища въ Бессарабіи.*— Ав. Стадницкаго.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—8. 6, 8. *Матеріалы для исторіи переяславско-полтавской семинаріи*, извлеченные изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ полтавск. духовн. консисторіи и семинаріи за время отъ 1818 до 1862 года (прод.).

— *П. Скитскій. Объ открытіи народныхъ библіотекъ*.

7. *Даніилъ Кушниръ, ктиторъ мліевскій.*—П. Левицкаго.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 22—33. 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33. *А. Л. Къ исторіи края.* Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Коропской у.: 14. Видута. 15. Гриценко Самойло. 16. Гриценко Яковъ. 17. Гриценко Моисей. 18. Гриценко Карпъ. 19. Головань. 20. Галайба. 21. Гриценко Павелъ. 22. Гусаковъ. 23. Долинскій Григорій. 24. Дмитренко. 25. Дубнѣцкій. 26. Дроздовскій Василь. 27. Дроздовскій Кириллъ. 28. Довгеля Петръ. 29. Жиловичъ. 30. Жолудковскій. 31. Жолнѣръ. 32. Забѣло Прохоръ. 33. Занкевичъ. 34. Зражевскій Иванъ. 35. Зражевскій Андрей. 36. Захаріевскій, 37. Иващенко. 38 Кулаковскій. 39. Косачъ Василій. 40. Кошелевъ. 41. Карташевскій. 42. Кеба. 43. Козловскій. 44. Карпѣка Павелъ. 45. Косачъ Пантелеймонъ. 56. Комашинскій. 47. Курскій. 48. Кругликовъ Никита. 49. Кругликовъ Иванъ. 50. Корсакъ. 51. Лихошерстовъ Василій. 52. Лихошерстовъ Несторъ. 53. Лишень Иванъ. 54. Луценко Демьянъ. 55. Ластовецкій. 56. Лебедь. 57. Лисовскій. 58. Марковичъ Иванъ. 59. Мосцѣпанскій. 60. Михайловскій. 61. Максимовичъ Кирило. 62. Метельскій Григорій. 63. Метельскій Трофимъ. 64. Метельскій Иванъ. 65. Макухинъ. 66. Мелаевскій. 67. Маслюкъ. 68. Навроцкій. 69. Павловскій. 70. Покотило Андрей. 71. Покотило Стефанъ 72. Подольскій Захарій. 73. Псіолъ Петръ. 74. Поповъ Стефанъ. 75. Поповъ Федоръ. 76. Петровскій Сидоръ. 77. Петровскій Андрей. 78. Поповъ Никифоръ. 79. Попенченко Петръ. 80. Прасолъ. 81. Прокофьевъ. 82. Покотиловъ. 83. Раковичъ Дмитрій, 84. Стожко. 85. Сидорскій. 86. Стражевскій. 87. Соломка Яковъ. 88. Соломка Филемонъ. 89. Семеновъ Остапъ. 90. Соломка Фома. 91. Самойловичъ Алексѣй. 92. Самойловичъ Андрей. 93. Самойловичъ Іосифъ. 94. Соханскій Антонъ. 95. Савченко Семенъ. 96. Смяловскій Никита. 97. Синѣльниковъ Игнатъ. 98. Соломка Трофимъ. 99. Савченко Тимофѣй. 100. Троцкій Григорій 101. Тупицкій Андрей. 102. Терентенко-Флоринскій Григорій. 103. Трофимовичъ Ананій. 104. Тищенко Федоръ. 105. Троцкій Петръ. 106. Тро-

фимовичъ Федоръ. 107. Троцкій Николай. 108. Троцкій Иванъ. 109. Трофимовичъ Евстафій. 110. Тихоновичъ Макаръ. 111. Тумковскій Иванъ. 112. Христіановичъ Петръ. 113. Христіановичъ Александръ. 114. Христіановичъ Иванъ. 115. Христіяновичъ Яковъ. 116. Чайковскій. 117. Шишкевичъ. 118. Шабранскій. 119. Щетинскій. 120. Юркевичъ Петръ. 121. Юркевичъ Данило. 122. Яновичъ Михайло. 123. Ямщиковъ Иванъ. 124. Яновскій Павелъ. 125. Глушневскій Иванъ. 126. Гаевскій Федоръ. 127. Глушневскій Іосифъ. Изъ примѣчаній къ этому списку мы узнаемъ, а) что родъ Барановскихъ происходитъ отъ остерскихъ «бояръ», вступившихъ, по изгнаніи поляковъ, въ козацкіе ряды, и что родъ этотъ далъ нѣсколькихъ ученыхъ представителей, б) что сынъ Якова Башуцкаго Павелъ былъ Спб. комендантомъ и сынъ его въ 1830—1840 годахъ занимался литературой, в) данныя о происхожденіи дворянъ Лихошерстовъ, Мосцѣпановъ, Псіолъ, Покотилъ, Стожковъ, Соломокъ, Юркевичъ. III. *Кролевецкій уѣздъ* 1. Скоропадскій Иванъ Михайловичъ. 2. Кочубей Вас. Вас. 3. Яновичъ Ив. 4. фонъ-Фитингофъ Карлъ. 5. Лазаревичъ Иванъ. 6. Бутовичъ Петръ. 7. Бутовичъ Данило. 8. Трусевичъ Михайло. 9. Силевичъ. Алексѣй. 10. Холодовичъ. 11. Діаковскій. 12. Забѣлло Иванъ. 13. Шрамченко Михайло. 14. Грановскій Яковъ. 15. Писаревичъ-Шкуринъ Ив. 16. Коханѣя Ѳедоръ. 17. Забѣлло Иванъ. 19. Хилчевскій Тимофѣй. 20. Огіевскій. Лукіянъ. 21. Мосцѣпановъ Клименъ. 22. Аксіотисъ Яковъ. 23. Покотило Степанъ. 24. Забѣло Николай. 25. Дзивовичъ Алексѣй. 26. Лазаревичъ Романъ. 27. Ждановичъ Иванъ. 28. Пикусъ Александръ. 29. Александровичъ Иванъ. 30. Телесницкій Никоноръ. 31. Соломко Данило. 32. Михайловскій Федоръ. 33. Александровичева Анна. 34. Войцеховичъ Иванъ. 35. Заруцкій Матвѣй. 36. Камѣненскій Корнѣй. 37. Александровичева Марія. 38. Мировичъ Стефанъ. 39. Телесницкій Николай. 40. Зубаха-Огинскій Иванъ. 41. Савицкій Алексѣй. 42. Огіевская Ѳеодосія. 43. Огіева Пелагея. 44. Левченковъ Федоръ. 45. Чуйкевичева Катерина. 46. Довгалювскій Иванъ. 47. Сердюковъ Иванъ. 48. Пилатовичъ Василій. 49. Лучницкій Иванъ.

Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—7. 6. *Игуменія Гамалѣевскаго монастыря Антонія* (Дарья Григорьевна Назаревская). Некрологъ.

Зем. Сборникъ Черниговской губерніи №№ 11—2 11, 12. *О состояніи земскихъ школъ* въ мощонско-боровичскомъ зем. мед. участкѣ городненскаго уѣзда. Врача Божанова.

— *О кочующихъ учителяхъ въ сосницкомъ уѣздѣ.*

— *Отчетъ черниг. общ. библіотеки за 1887 г.*

— *Движеніе народонаселенія въ 1884—5 и 6 годахъ.* (Глава IV—V. суражскій и кролевецкій уѣзды. Гл. VI общіе выводы) Е. В. Святловскаго.

1—2. Подготовительныя работы губернскаго земскаго врача—Е. Святловскаго.

— Движеніе народонаселенія въ черниг. губерніи за 1884—86 г. Гл. VII. Конотопскій уѣздъ. Святловскаго. Земское 25-ти-лѣтіе—С. Лисенка.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 67—107. 68. *А. О. Питра, ордин. проф. харьк. университета по каѳедрѣ ботаники* († 14 Марта 1884 г.)—некрологъ.

76. *Пр. Н. Ѳ. Сумцовъ. Вниманію сельскихъ жителей.* Указавъ на значеніе этнографическихъ музеевъ, какъ хранилищъ предметовъ народнаго быта, авторъ обращаетъ вниманіе на крашанки—бытовое явленіе весьма любопытное въ художественномъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Обращаясь ко всѣмъ лицамъ, близко стоящимъ къ простому народу и интересующимся изученіемъ его быта, авторъ проситъ сдѣлать ему сообщенія или указанія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) «Когда начинаютъ красить яйца? 2) Кто занимается этимъ дѣломъ: маляры по найму, домохозяинъ, домохозяйка или старѣйшая женщина въ домѣ? 3) Какъ производится раскраска, какими красками и откуда онѣ получаются? 4) Повѣрья, сказанія, обряды и поговорки, связанныя съ писанками. 5) Какіе выводятся рисунки? 6) Какъ называются пасхальныя яйца (кресты, цвѣты, звѣзды)—по рисункамъ или другимъ признакамъ? 7) Какъ долго хранятся крашанки или ихъ скорлупа? 8) На что употребляются крашанки въ общежитіи и домашнемъ хозяйствѣ?—Всѣ сообщенія будутъ мной разсмотрѣны, и все интересное въ научномъ отношеніи будетъ потомъ напечатано, съ указаніемъ лицъ, доставившихъ матеріалъ, при чемъ можно было бы выслать этимъ лицамъ по нѣсколько оттисковъ статьи объ интересующемъ насъ предметѣ. Желательно было бы получить при этомъ и самыя писанки, съ объясненіемъ, гдѣ и кто рисовалъ ихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и какъ они называются. Если бы явилась возможность составить коллекцію писанокъ, то я передалъ бы ее всецѣло въ одинъ изъ мѣстныхъ художественныхъ музеевъ: университетскій или городской. Такая коллекція имѣетъ право на помѣщеніе въ любомъ музеѣ, художественно-промышленномъ, церковно-археологическомъ и этнографическомъ. Всякаго рода сообщенія по этому поводу прошу адресовать на мое имя: Николаю Ѳедор. Сумцову въ Харьковъ, Малогончаровская ул. д. № 34. Недавно берлинское антропол. общ. получило коллекцію малорус. писанокъ изъ подол. губ. и въ органѣ Общества «Zeitschrift für ethnologie» была напечатана небольшая замѣтка объ этой коллекціи. Авторъ замѣтки г. Бартельсъ говоритъ, что разрисовка пасхальныхъ яицъ этой коллекціи отличается художественностью. То обстоятельство, что поляки и нѣмцы интересуются нашими простонародными крашанками, собираютъ ихъ, пишутъ о нихъ въ серьезныхъ научныхъ изданіяхъ, что коллекціи малорусскихъ писанокъ на-

ходятся и въ архи-католическомъ Краковѣ и въ архи-протестантскомъ Берлинѣ, говоритъ съ одной стороны о научномъ и художественномъ значеніи крашанокъ, съ другой—о слабости нашей этнографической науки».

92. *Писанки.* Приводится малорусская легенда о происхожденіи крашанокъ и писанокъ. Когда Спасителя вели на распятіе, Онъ изнемогъ подъ тяжестью креста; проходившій мимо съ корзиною яицъ крестьянинъ пожалѣлъ Страдальца, поставилъ корзину подъ камнемъ и помогъ Ему нести крестъ. Воротившись съ горы, крестьянинъ заглянулъ въ корзину и нашелъ, что всѣ яица въ ней оказались крашанками и писанками.

93. Извѣстіе о пріобрѣтеніи арх. Прозоровскимъ при распродажѣ одной библіотеки нѣсколькихъ интересныхъ древнихъ рукописей, проливающихъ новый свѣтъ на исторію козачества, которыя и будутъ изданы имъ въ свѣтъ отдѣльною книгою.

95. Промышленный прогрессъ южной Россіи.

97. Харьковское отдѣленіе Императорскаго рус. музыкальнаго общества (Истор. оч.).

98. Перепечатка, изъ 4 книги «Кіев. Стар.» этого года, анекдота о пребываніи Александра I въ Бѣлой Церкви у гр. Браницкой.

99. Арк. Вас. Шабельскій (некрологъ).

Өомина недѣля (переп. изъ Кіевлянина).

102. Къ вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину.

105. Открытіе въ Харьковѣ, 25 апрѣля, общества изящныхъ искусствъ (сообщеніе).

78. *Слоб. Нижняя Сыроватка* (сумскаго уѣз.), корр. объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе этой слободы въ 1659 г. и о современномъ ея положеніи.

80. *Къ исторіи народнаго образованія въ харьк. губерніи.* (Школьное дѣло въ слободѣ Водолагѣ валковскаго у.).—С. Л.

81. *Проф. Морозовъ. По поводу весеннихъ разливовъ харьковскихъ рѣчекъ.*

83. Библ. зам. о книгахъ: а) Источники и пособія для изученія воронежскаго края. Воронежъ 1889. б) Двадцатипятилѣтіе ворон. публ. библіотеки. Воронежъ 1889.—Д. И. Б—ѣя.

84. *Д. И. Багалѣй. По вопросу о составленіи археологической карты харьковской губерніи.* Къ предстоящему въ январѣ 1890 г. археол. съѣзду москов. археол. общество рѣшило издать археолог. карту Россіи, для составленія которой необходимо предварительно составить археолог. карты губерній. Составленіе такой карты харьков. губ. поручено автору, который и

обращается съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о доисторическихъ памятникахъ въ предѣлахъ харьк. губ.

89. Посѣщеніе Гос. Имп. Николаемъ Павловичемъ черниговской губерніи—перепечатка изъ Истор. Вѣстника № 4.

90. Кратк. отч. о засѣданіи, 4 апрѣля, историко-филологич. общества: а) сообщеніе Сумцова о дѣятельности пок. члена этого общества лектора англ. яз. У. В. Доунтса; б) Багалѣя—о пріобрѣтенныхъ у наслѣд. Головинскаго рукописяхъ, объ атласѣ слободско-украинской губ. 1802 г. и о рукописномъ описаніи харьк. губ. 1831 г.

Южный Край №№ 2822. Окончаніе статьи «Кубанская колонизація въ XIX столѣтіи».

2827. Пастырское увѣщаніе преосв. Амвросія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго, противъ штундизма, проникшаго, по словамъ увѣщанія, въ харьковскую губернію и въ самый городъ Харьковъ.

2832. «По вопросу о составленіи археологической карты харьковской губерніи» —письмо въ редакцію проф. Д. И. Багалѣя, съ вопросными пунктами, на которые желательны отвѣты, какъ пособіе для составленія археолог. карты.

2833. Замѣтка въ мѣстной хроникѣ о празднованіи двадцатилѣтія харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности.

2844. Послѣ розговѣнья. Этнографическая замѣтка Павла Чугуевца, содержащая въ себѣ описаніе деревенскаго времяпрепровожденія въ день Пасхи и отмѣчающая отсутствіе въ народной пѣсенности относящихся къ этому празднику произведеній.

2863. Сообщеніе о ходѣ подписки на сооруженіе памятника Каразину въ Харьковѣ. Для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника до открытія дѣйствій постояннаго комитета въ настоящее время образованъ временный комитетъ изъ четырехъ профессоровъ харьковскаго университета. Комитетъ разослалъ подписные листы въ правительственныя и общественныя учрежденія, а также и частнымъ лицамъ, главнымъ образомъ получившимъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ. Всего на сооруженіе памятника собрано до 7,500 р., изъ которыхъ 5,000 р. пожертвовано харьковскимъ губернскимъ земствомъ.

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости №№ 22—33. 23, 24, 25. Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго.

— Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Долголѣтіе у запорожцевъ. Я. П. Новицкаго.

25. Краткія свѣдѣнія о состояніи еврейскихъ училищъ въ г. Екатеринославѣ въ 1888 г.—П. Борзаковскаго.

26, 28, 32. Каменноугольныя шахты екатеринославской губерніи. А. П—ва.

— Два слова о пчеловодствѣ въ екатеринославской губерніи.

— Народное сказаніе о могилахъ и каменныхъ бабахъ (перепеч. изъ Елис Вѣст.).

28. Общедоступная выставка женскихъ рукодѣлій въ Екатеринославѣ.

— Изъ обл. народ. преданій, повѣрій и разсказовъ. Я. П. Новицкаго Изсчезновеніе о—ва Дубоваго на Днѣпрѣ; оскудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи; змій; плачъ невидимаго чудовища.

29. И. С. Чичибашевъ (некрологъ).

30. Въ хроникѣ, сообщено о результатахъ раскопокъ по уполномочію Имп. археолог. коммиссіи, произведенныхъ В. Н. Ястребовымъ въ с. Старомъ Койдакѣ и на о-вѣ Каменоватомъ, что подъ Лоцманской Каменкой.

— Страничка изъ исторіи днѣпровскихъ пороговъ, П. Каргопольцева.

31. Александровскій желѣзный заводъ Брянскаго общества въ Екатеринославѣ.

— С. Лоцманская—Каменка (екатериносл. уѣз.). Корреспонденція о раскопкѣ Ястребова.

32. Раскопка кургана въ д. Богодаръ александровскаго у.—П. Чайкина.

33. Отчетъ о выставкѣ женскихъ работъ, устроенной обществомъ попечительства о женскомъ образованіи въ Екатеринославѣ 11 — 17 апрѣля 1889 г.

Сборникъ Херсонскаго Земства №№ 2—3. 2. *Цифровыя данныя для оцѣнки земель херсонской губерніи.*

— *По вопросу объ улучшеніи судоходства въ устьяхъ Днѣпра.*— В. С. Чеважевскаго.

— Приложенія: *Статистическое описаніе ананьевскаго уѣзда*, *отд. I и тираспольскаго уѣзда, отд. II и III.*

3. *Опытъ программы для этнографическаго изученія херсонской губерніи.*

Южанинъ №№ 58—91. 91. Историческая справка П. Е.: Къ вопросу о времени перваго столѣтія г. Николаева.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 63—92. 64, 65, 69. Путешествіе Гильденштедта по елисаветградской провинціи въ 1774 г. (продолженіе).

66, 68, 74. Картины прошлаго и настоящаго. (Отрывки изъ воспоминаній). *М. Кропивницкаго.*

69, 73, 76. Нѣсколько данныхъ объ елисаветградскомъ уѣздѣ.

70. Еще нѣсколько словъ о чиншевомъ правѣ.

75. Вниманію сельскихъ жителей. Проф. Н. Сумцова. Просьба о томъ, чтобы ему доставляли всякія данныя, касающіяся приготовленія «крашанокъ» къ Свѣтлому празднику въ Малороссіи.

82. Ростъ южно-русской промышленности.

83. О представленіи труппой г. Кропивницкаго въ Елисаветградѣ «Наталки Полтавки».

85. О представленіи труппой г. Кропивницкаго въ Елисаветградѣ драмы «Доки сонце зійде, роса очы выисть».

86. Тоже—о «Назарѣ Стодолѣ».

88. Тоже—о «Черноморцяхъ».

89. Тоже—о передѣланной комедіи «Вусы».

90. Тоже—о «Невольныкѣ».

92. Погоня за землею (письмо изъ екатерин. губ.). *Левка.*

Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго пѣвца.

Одесскій Вѣстникъ №№ 65—94. 65. *Автобіографія Н. Н. Мурзакевича. М. Р.* Статья представляетъ извлеченіе изъ записокъ Н. Н. Мурзакевича (бывшаго директора Ришельевскаго лицея и предсѣдателя Одесскаго общ. ист. и древн.), напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ».

71. *О раскопкахъ въ Херсонесѣ.* Передовая статья по поводу споровъ и недоразумѣній, возникшихъ между агентами археографической коммиссіи и властями Херсонесскаго монастыря изъ за продажи «археологическаго» камня.

72. *Замѣчательное изданіе.* Отзывъ о 1-мъ выпускѣ изданія гр. И. И. Толстаго и Н. П. Кондакова: «Русскія древности въ памятникахъ искусства».

73. *О судоходствѣ и судостроеніи на югѣ.*

80. Перепечатано изъ «Р. Курьера» малорусское стихотвореніе, которое приписывается Т. Г. Шевченку и которое, какъ мы полагаемъ, не имѣетъ ничего общаго съ произведеніями Шевченка (см. объ этомъ особую замѣтку М. Комарова).

82. *Еще о Бѣлогрудскомъ гирлѣ* (рѣки Днѣпра). *А. Браунера.*

84. *Въ обществѣ исторіи и древностей.* Отчетъ о засѣданіи 27-го марта, въ которомъ, между прочими докладами, обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе В. Н. Ястребова *о двухъ частныхъ архивахъ*, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Россіи вообще и къ исторіи Новороссійскаго края въ особенности. Первый архивъ—графа Дм. Ер. Остенъ-Сакена, находится въ селѣ Пріютѣ, елисаветградскаго уѣзда; второй архивъ—Ал. Плат. Пишчевича, въ селѣ Скалевомъ, александрійскаго уѣзда, близъ станціи Павлышъ харьк.-ник. жел. дороги.

87. Допустимы ли вѣчно-чиншевыя правоотношенія въ херсонской губерніи? (Передовая статья).

89. *По вопросу о днѣпровскихъ гирлахъ* (Письмо въ редакцію). *В. Чеважевскаго.*

93. *Вопросы мѣстной этнографіи* (Передовая статья).

— *Объ организаціи физико-географическихъ изслѣдованій* на югѣ Россіи.

— *Ростъ южнорусской промышленности* (По поводу статьи Тиме въ «Горномъ Журналѣ»).

— *Памяти Н. И. Костомарова* (по поводу 4-ой годовщины его смерти). *С К.*

94. *Библіографія*. *Бр.* Краткій отзывъ о четвертой книгѣ «Кіевской Старины» за 1889 г.

Одесскій Листокъ №№ 76—113. 84. Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, первый екатеринославскій правитель 1784—1788 года. Д. Эварницкаго. (Окончаніе; начало въ №№ 56 и 57).

94. Цѣнный вкладъ въ исторію русскаго искусства. По поводу изданнаго труда гр. И. Толстаго и Н. Кондакова «Русскія древности въ памятникахъ искусства».

95. Праздникъ Пасхи въ деревнѣ. К. К--ко.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4362—4400. 4385. Корреспондентъ изъ г. Геническа, по поводу задуманнаго прорытія Перекопскаго канала, сообщаетъ въ краткихъ словахъ исторію возникновенія этого предпріятія.

Далѣе излагается исторія проекта, приводимаго въ настоящее время въ исполненіе.

4388. Корреспонденція изъ Симферополя, въ которой сообщается между прочимъ: «ко дню Пасхи пріурочено въ Крыму много легендъ, изъ которыхъ особенно выдается сказанье о золотомъ кладѣ въ керченскомъ курганѣ, охраняемомъ нечистою силою и доступномъ только тому удальцу, который, ни съ кѣмъ не христосуясь и ничего не испугавшись, дойдетъ къ кургану послѣ великой заутрени. Но такого удальца, по словамъ легенды, еще не находилось»...

4389. Оттуда же корреспондентъ, упоминая о значеніи Потемкина въ исторіи южной Россіи и въ частности—Крыма, приводитъ текстъ его *ордера* (отъ 7 янв. 1788 г.) правителю таврич. области Каховскому съ приказомъ: въ виду предположеннаго открытія комерческаго порта въ Ѳеодосіи, выселить оттуда татаръ.

4394. Статья *о резешскомъ* землевладѣніи въ Бессарабіи, представляющемъ много аналогичнаго съ существовавшимъ нѣкогда въ Малороссіи *сябринымъ* землевладѣніемъ.

Крымъ №№ 32—48. 39, 42. Замѣтка о научной экскурсіи учениковъ симферопольской гимназіи 2—8 апрѣля съ цѣлью ознакомленія съ мѣстной исторіей и древностями.

45. Перепечатка изъ «Кіевлянина» описанія Бахчисарайскаго фонтана, сооруженнаго по проекту проф. А. В. Прахова въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года.

— Перепечатка изъ «Свѣта» воспоминаній бывш. проф. Полимпсестова о проповѣдяхъ херсонскаго архіепископа Иннокентія по поводу эльминской битвы.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—8. 6. *Отчетъ воронежскаго братства свв. Митрофана и Тихона за 1888 г.*

7, 8. *Вѣроисповѣданіе русскихъ сектантовъ раціоналистовъ* (духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ).

Донъ №№ 5—22. 22. Некрологъ драматическаго артиста Н. С. Куколевскаго-Стружкина, уроженца г. Бѣлгорода, курской губерніи.

Донская Рѣчь 1889 года №№ 7—41. 26, 27. «Хлѣбная торговля и мѣры къ ея упорядоченію», Быкова.

41. Ив. Калмыкова. «О лѣсахъ въ области войска донскаго». Статья имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о лѣсахъ на югѣ Россіи.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 10—14. 10. *В. А. Щербина. Состояніе народнаго образованія въ землѣ черноморскаго козачьяго войска въ первые годы его существованія* (Прод.).

13, 14. *Старое рыболовство черноморскихъ козаковъ.* 1. За Бугомъ.

Варшавскій Дневникъ №№ 60—94. 62, 64, 85, 86, 88, 89, 91. Продолженіе статьи А. Маркграфскаго. «По поводу мемуаровъ князя Адама Чарторыйскаго». Въ №№ 88, 89 содержатся подробности объ отношеніи варшав. партіотич. общества къ декабристамъ и свиданіе представителей ихъ въ Кіевѣ на контрактахъ въ 1824 году.

62. Свѣдѣніе о фамильномъ архивѣ директора москов. архива мин. иностран. дѣлъ, пожертвованномъ имъ завѣдываемому архиву; въ числѣ дѣлъ находятся матеріалы для исторіи Польши и южной Руси

64. Замѣтка секретаря волын. статистич. комитета о движеніи и ростѣ нѣмецкой колонизаціи въ волын. губ. съ 1878 года.

65. Подробное изложеніе содержанія лекцій проф. Д. Я. Самоквасова по южно-русской археологіи.

90. Перепечатка изъ апрѣльской книжки «Кіевской Старины» разсказа о посѣщеніи Александромъ I м. Бѣлой-Церкви.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 12—17. 12. *Положеніе русскихъ жителей города Львова во время Польши* (оконч.)—Пл.

13, 14, 15. *Пятидесятилѣтіе возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ.* (1839—1885). Продолж. и окон. Ив. Стрѣльбицкаго.

14. *Директоръ свислочской учит. семинаріи К. В. Малевичъ.* (†17 янв. 1889 г.), некрологъ.

16. *Внѣбогослужебная бесѣда* въ день 50-лѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ съ православною церковью (1839—1889) св. Романовскаго.

17. *Папскіе происки и мятежи въ возсоединенныхъ отъ уніи православныхъ русскихъ епархіяхъ.*

Курскій Листокъ №№ 30—46. 31. *Дѣятельность щигровскаго сел. хозяйства въ 1887—88 году.*

33. *Воспоминанія объ архим. Вонифатіи*, бывш. намѣстникѣ курскаго Знаменскаго монастыря. (✝1889 г.).

— *Докладъ Кичеева о развитіи кустарныхъ промысловъ въ орлов. и курской губерніяхъ.*

34. *Открытіе курской гимназіи* (истор. оч.) NN.

35. *Разработка торфа въ кур. и орлов. губерніяхъ*, докладъ Кичеева.

37, 38, 39. *Березовскія минеральныя воды* (въ хар. губ.).

42, 43, 44. *Курская сторона*, Гл. II. Событія, коснувшіяся курской стороны, въ хронологич. порядкѣ—Р. Маркова.

43. *Огонь и вода въ народныхъ повѣрьяхъ.*—Богдановича.

45. *Радуница и день св. Георгія* (бытовой очеркъ) П. Богдановича.

Смоленскій Вѣстникъ №№ 1—26. 26. «Святочныя игрища въ ельнинскомъ уѣздѣ»; Алексѣя Стунѣева. Имѣетъ интересъ и для занимающагося южно-русской этнографіей.

Орловскій Вѣстникъ №№ 8—52. 27. Въ отдѣлѣ «Замѣтки»: о выселеніи евреевъ въ Америку.

28. Въ отдѣлѣ «Дневникъ»: о движеніи рабочихъ на югъ.

52. Некрологъ П. С. Евсѣенка, воспитанника кіевскаго университета, земскаго врача черниг. губ.

Червоная Русь №№ 53—85. 56, 60. *Русское духовенство въ іезуитской беллетристицѣ.*

57. *Къ біографіи Шевченка.* Перепечатка изъ «Кіевской Старины» замѣтки г. Н. Д. Н.

62. Перепечатка изъ «Рус. Курьера» стихотворенія, приписываемаго Шевченку.

Литературное приложеніе къ «Червоной Руси».

7—8. *Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Червоной Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ.*

— *Цареградъ въ X вѣцѣ и посѣщеніе его св. Ольгою.* (Историческій разсказъ).

68. *Антоній Павенцкій*, редакторъ первой галицко-русской газеты «Зоря Галицкая» (некрологъ).

71. *О нѣмецкихъ школахъ на Волыни.* Перепеч. изъ «Церковно-приходской Школы».

74. *Нашъ землякъ епископъ Маркеллъ*. Краткая біографія преосвященнаго.

78. *Великодныи крашанки*. Обращеніе чешскаго писателя Ржегоржа съ просьбой доставлять галицко-русскія крашанки для «Народнаго промышленнаго музея» въ Прагѣ.

79. *Реформа народныхъ школъ*.

— *Нѣмецкій языкъ въ галицкихъ школахъ*.

— *Библіотека института «Народный Домъ» во Львовѣ*.

81—83. *Реформаторъ*. Любопытный разсказъ о Яковѣ Франкѣ, евреѣ—сектантѣ, дѣйствовавшемъ на Подоліи и въ Галичинѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія и крестившемся во Львовѣ.

81—82, 84. *Памяти Стефана Качалы*. По поводу брошюры: «Polityka polska a skarga Rusinów, pszez A. Sulimę».

83. *Музей Ставропигіи и вторая выставка*.

— *Уніатская церковь въ Австро-Венгріи*. Статистическія данныя о греко-уніатскихъ епархіяхъ.

85. *Русскіи колоніи въ угорской Руси*.

Новости и Биржевая газета №№ 67—108. 80. Замѣтка объ исторіи основанія въ Одессѣ «Общества исторіи и древностей южной Россіи» (по поводу исполнившагося 25 марта 1889 г. пятидесятилѣтія существованія этого общества).

83. *Унія и уніаты*.

84. *Письмо въ редакцію П. Козловскаго*. По поводу отзыва Д. Л. Мордовцева объ изданной Гомолинскимъ малорус. піесѣ П. Козловскаго: «Гласный».

86. *Библіографія*. Отзывъ о 1-мъ выпускѣ изданія И. Толстаго и Н. Кондакова: «Русскія древности въ памятникахъ искусства».

97. Панихида по Н. И. Костомаровѣ и освященіе памятника на могилѣ его.

101. *Письмо въ редакцію. М. Старицкаго*. По поводу вышеупомянутаго письма П. Козловскаго

108. *Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца. Д. И. Эварницкаго*.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Антипенко. Молодый Чорноморецъ; сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ Шевченка, Котляревскаго и др. Москва 1888.

Брянцевъ П. Исторія литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Вильна. 1889 г., 8 д., XII+659. Ц. 4 р.

Wanke Anna. Hałaniwki (гаивкы), czyli zabawy wielkanocne ludu ruskiego we wsi Gorezycach koło Sieniawy w powiecie przemyskim. Krakow. 1889.

Gorzycki Kazimierz. Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza Wielkiego. Lwow. 1889.

— 242-е засѣданіе Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса. 1889 г. 8 д., 8 стр.

Извольскій. Иванъ Мазепа, гетманъ Малороссіи. Москва. 1888.

Kopernicki. O góralach ruskich w Galicji, zarys etnograficzny. Krakow. 1889.

Левицкій П. Прошлое переяславскаго духовнаго училища. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.») Кіевъ. 1889 г. 8 д., 23 стр.

Лучицкій И. Сябры и сябринное владѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889 г. 8 д., 33 стр.

Морозовъ П. Исторія русскаго театра. Т. 1-ый (до половины XVIII ст.), Спб. 1889 г., 8 д., IX+398+XL. стр.

Отчетъ Императ. Одесск. общ. исторіи и древностей съ 14 ноября 1887 г. по 14 ноября. 1888 г. Одесса 1889 г., 8 д. 69 стр.

Романовъ Семенъ. Думы и оповиданія дида лирныка. Львовъ. 1889.

Tretiak Jozef. Historja wojny Chocimskiej 1621 г. Lwow. 1889.

Chlebowski i Walewski. Słownik geograficzny królewstwa polskiego i innych krajów słowianskich. Zeszyt 110 и 111., 4 д. съ 81 по 240 стр.

Szarłowski Aloizy. Rys historiczny miasta Stanisławowa. Stanisławow. 1888.

Щербовъ-Нефедовичъ. Статистическія таблицы сѣверо-восточныхъ областей Австро-Венгріи. С.-Петербургъ. 1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Що рама робитъ до оконъ церковныхъ. Петру Мазурици, що рама робить, напродъ далемъ таляра; о святомъ Спасѣ далемъ золотихъ два; сентеврія 20, далемъ шаговъ пять.

Ковалъ. Коваліомъ двомъ Петру и Мойсею, напродъ далемъ залотихъ два; о святомъ Спасѣ, далемъ золотихъ шестьнадцать.

Расходу выйшло: за смолу на смоленя рыновъ (рынвъ) церковнихъ, далемъ копу; отъ смоленя рыновъ, далемъ шаговъ пять; за рыбу вялую, полтори голови и двѣ сотцѣ, далемъ залотихъ сѣмъ; юля 20-го, у Ромнѣ на ярмарку, за рыбу вялую за одну голову, далемъ золот. пять и грошей шесть; о святомъ Спасѣ, у Лубнахъ на ярмарку, за двѣ голови рибы, далемъ золот. 10; на томъ же ярмарку, за возокъ желѣза, далемъ зол. осмъ и чотири шаги, жеби ковалѣ не вавовали. Тымъ ремесникамъ всѣмъ выйшло грошей золотихъ сѣмъдесятъ и сѣмъ золотихъ и три чехи. Всей тоей сумы вышейписанной панъ Щербина выдавъ сѣмъсотъ золотихъ сѣмнадцять золотихъ.

Реестръ тертичный. Року 1685, мѣсяца октоврія 11 дня, Павелъ Ляхъ тертичный вырѣзавъ тисячу сажней тертичныхъ, за которые за пять сотъ сажней по чеху, а за пять сотъ по два осмаки заплатили, за которую тысячу пятьдесятъ золотихъ и осмъ золотыхъ и осмакувъ десять дали; а харчовыхъ грошей десять золотихъ дали, отъ кождого сотця по золотому; и тые тертицѣ сосновіе на тую жъ роботу на побиване бань церковныхъ, пошли. Року 1686, мѣсяца маія 28 дня, Хвеско Бекга, тертичный, урѣзавъ сотце сажней тертичныхъ по чеху, за которіе дали ему пять золотихъ грошей, а харчевыхъ золотый шестый. Той же Хвеско Бекга урѣзавъ другое сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, которому дали шесть залотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевый золотой.—Того жъ року, мѣсяца Іюня 6 дня, Харку тертичнику за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевый золотый. Того жъ дня, тому жъ Харку тертичнику за другое сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть залотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевый золотый. Того жъ року, мѣсяца июля

6 дня, тому жъ Харку тертичнику за чотирѣ сотцѣ сажней тертичныхъ по чеху сажень, дали грошей золотихъ двадцять, а харчевыхъ золотихъ чотири. Мѣсяца июля 5 дня, Хвеско Бекга тертичный урѣзавъ двѣ сотцѣ сажней тертичныхъ по два осмаки сажень, которому дали тринадцять золот. грошей и осмакувъ десять, а харчевыхъ два золотыхъ. Мѣсяца июля 11 дня, Харко тертичникъ урѣзавъ двѣ сотцѣ сажней тертичныхъ, по два осмаки. сажень, которому дали тринадцять залотихъ и осмакувъ, а грошей харчевыхъ два залотыхъ. Мѣсяца июля 15 дня, Савцѣ и Харку и Бецѣ за три сотцѣ сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали пятнадцять золотихъ, а три золотихъ харчевыхъ. Мѣсяца июля 16 дня, Харку Великому и Савцѣ за сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали пять залотыхъ грошей, а шестый залот. харчовый. Мѣсяца июля 17 дня хвеску Бедзѣ за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцеть, а харчевый залотый. Мѣсяца августа 1 дня, Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажнень, дали пять золотихъ; а харчевый золотый. Мѣсяца августа 5 дня, Харку Малому тертичнику, за пять сотъ сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали двадцять пять золотихъ, а харчевыхъ грошей пять золотыхъ. Року того жъ, мѣсяца августа 29 дня, Харку Малому тертичнику, за пять сотъ сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали тридцять три золотихъ и осмакувъ десять, а харчевыхъ грошей пять золотыхъ. Того жъ року сентеврія 29 дня, томужъ Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотихъ и осмакувъ двадцять, а харчовый золотый.

Тимъ тертичникомъ суми выйшло за сосновіе тертицѣ за три тисячи и девятьсотъ сажней тертичныхъ, золот. двѣсти шестьдесятъ чотири и осмаковъ двадцять.

Року 1686, мѣсяца июня 24 дня, зъ липовихъ колодъ тертицѣ рѣзали на образы снѣцаревѣ: Харко тертичникъ урѣзавъ сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали ему пять золотыхъ грошей, а шестый харчовый. Того жъ часу, тому жъ Харку тертичнику, за другоэ сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень,

дали ему шесть золотыхъ и осмакувъ двадцять, а харчевый золотый. Року того жъ, мѣсяца июля 16 дня. Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцять, а харчевыхъ грошей золотый. Того жъ року, мѣсяца августа 18 дня, Харку Малому тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ липовыхъ, по чеху сажень, дали пять золотихъ, а харчовыхъ грошей золотый. Мѣсяца септеврія 29 дня, тому жъ Харку тертичнику за сотце сажней тертичныхъ липовыхъ, по чеху сажень, дали пять золотихъ, а харчевыхъ грошей золотый. Тогожъ часу, за другое сотце, тому жъ Харку тертичнику, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцять, а харчовый золотый. За тые липовые тертицѣ выйшло тертичникомъ за шестьсотъ сажней золотихъ сорокъ и одинъ.

Ковалѣ. Ковалюмъ Петру и Мойсѣю дали золотихъ чотирнадцять; столяру Петру, що рама робить до церкви, дали золотихъ три.

Дубя. За дубину на потребу церковную, яко то на двери церковные, на баляси, на рама церковные до оболонь и сницерови на колѣ и на его роботу, видалисмо золотыхъ сорокъ. Роботникомъ, що церковъ соломою накривали и окна закривали, дали золотихъ два и осмаковъ чотири.

Сницеру. Мѣсяца юня 13 дня, отецъ игуменъ самъ давъ Стефану сницеру золотихъ двѣстѣ. Мѣсяца септеврія 20 дня, отецъ игуменъ давъ тому жъ сницеру золотихъ сто. Тому жъ сницеру давъ отецъ игуменъ на луй золотихъ шѣсть. А такъ всей сумы чинитъ росходу грошового того лѣта 1687, золотихъ тисяча чотириста золот. и тридцять шесть золотихъ.

Рокъ 1687. Реестръ всего росходу грошового ремесникомъ и роботникомъ презъ все лѣто около церкве робячимъ, почавши отъ весны отъ марта девятаго, ажъ до зимы до ноеврія 12, въ року теперешнемъ 1687, списаній. Напродъ, майстру мураръскому и всей челяди его зъ подмайстеримъ, вышло грошей тисяча пятьдесятъ и три золотихъ. Теслямъ всѣмъ зъ майстромъ ихъ, за все лѣто выйшло грошей чотириста и осмъдесятъ золотихъ и шаговъ пять. Тертичникомъ вышло триста тридцять и три золотихъ.—За

желѣзо видали двѣстѣ тридцять и девять зол.—Коваліомъ, за все лѣто выйшло золотихъ шестьдесятъ и два золотихъ. На дубя и гонты и сосновіе колоди, видали золотихъ шесть десятъ и шесть. За суль на всѣхъ роботниковъ, видали сѣмъдесятъ и сѣмъ золотихъ. За рыбу вялую на тихъ же ремесниковъ, видали сорокъ и девять золотихъ.—Сницеру на роботу дали двѣстѣ и двадцять золотыхъ, а за формы до муру, шесть золотихъ. За сѣмя на олѣй томужъ ремеснику, дали двадцять и осмъ золотихъ. За фарбы розные до розмоліованя муру, видали золотихъ десять. Цегелникомъ за робленя цегли, вышло золотихъ тридцать. За шкло на оболоны церковные, видали золотихъ двѣстѣ и два золотихъ. За олово и цѣнь до оболонъ церковнихъ и до лютованя бляхъ на церкви, видали сто и шесть залотихъ. Кгаевскому дозорчому дали золотихъ десять. Сумскимъ бляхнѣромъ, що приежали на роботу и неуподобано ихъ, дали имъ золот. пять. Ивану бляхнѣру Глуховскому, отъ вибитя желѣза бляхи на церковные полубанки отъ кождой фасы по десяти золотихъ, отъ двадцяти фасъ, дали золотихъ двѣстѣ, а що старою бляхою побивали, дали золотихъ пять и шаговъ пять. Поденщикомъ за все лѣто робячимъ, выйшло сорокъ и осмъ золотихъ и шаговъ осмъ. Мѣрочникомъ що каменя до олтара на горное сѣдалище обробляли, полъсема золотого. Покрувцямъ тридцятіомъ человѣкамъ, презъ все лѣто кождому по пяти талярей, на лѣто вышло золотихъ чотириста и пятъдесятъ золотихъ. Шкляромъ отъ робленя оболонъ церковныхъ, дали сѣмъдесятъ и шесть золотихъ и шаговъ пять. Всего того росходу чинитъ три тисячи сѣмъсотъ шесть десятъ и девять золот. и шаговъ 8.

Ясневелможный его милости панъ гетманъ Иоанъ Самуйловичъ прислалъ былъ на сее лѣто, для ремесниковъ и роботниковъ церковныхъ презъ Ивана Сухину, двѣ тисячи золотихъ осмъ сотъ и девять золотихъ и того жъ лѣта 22 юля, взятый зъ гетманства. А по немъ наступца ясневольможный его милости панъ гетманъ Иоанъ Мазепа септеврія 12, прислалъ презъ пана Захарія Щербину, золотихъ пятьсотъ; то панскихъ грошей выйшло три тисячи

триста и девять золот., бо тилко ихъ было. А монастирскихъ грошей видалисмо чотириста и шесть десятъ золотихъ и ша́говъ осмъ.

Тотъ же ясневельможный его милость панъ гетманъ Иоанъ Самуйловичъ далъ бѣлого желѣза бляхи на побитя церкве, фасъ двадцять.

Рокъ 1688. Реестръ всего росходу грошового ремесникомъ и роботникомъ презъ лѣто около церкве робячимъ, въ року 1688 списаній. Напродъ, за щасливымъ владѣніемъ ясневелможного его милости пана Иоана Мазепи, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозского, повторного ктитора святыя обители нашея, докончуючи церкве мурованой, на которое докончення будучи намъ допомочнымъ, далъ намъ грошей талярій сто.—Бляхи далъ бѣлого желѣза на побитя церкве тридцять и пять фасъ. Блахнѣреви отъ вибитя тридцяти пять фасъ, по десятку золотихъ отъ фасы, далъ ясневелможный добродѣй ему золотихъ триста пятьдесятъ.—Мы зась въ монастири росходъ грошовій, на всѣ ремесники и работники около церкве мурованой, въ томъ року 1688, таковій мѣли: На продъ,—за цѣнь до лютованя бляхи церковной, за пять каменей далисмо золотихъ сто сорокъ и два, за гвуздя побѣліованое до бляхи за пять десятъ тисячій, тисяча по таляру, дали таляри пятьдесятъ.—За желѣзо на ланцуги до крестовъ и до всякой церковной роботи, яко то до сницерской на завѣсы до дверей и замки церковніе, на гвудзя размаитіе, видалисмо золотихъ сто пять десятъ; мурaромъ двомъ: Василю Перебійносу и Михайлу Палѣводѣ, дали золотихъ пятъ десятъ шесть.—Теслямъ дали золотихъ пятьдесятъ и шаговъ полъосма. — Покровцямъ двадцятіомъ чоловѣка, сто двадцять золотихъ дали.—Ковалюмъ тромъ, по десяти копъ, золотихъ сѣмъдесятъ пять. — Тертичникомъ золотихъ осмъ десятъ.—За десять тисячей гонтъ, по пяти золот. тисяча, золотихъ пятьдесятъ дали.—Игнату тесли зъ челядю, що крести на церкви ставили, дали копъ десять. Тоей сумы всей чинитъ монастирской золотихъ пятьсотъ осмнадцять и шаговъ полъ осма.

А панскихъ сто таляри тутже, и чинитъ всего золотихъ осмъ сотъ осмнадцять и полъосма шага.

Исписаніе о церкви святого архистратига Михаила и Гавриила и прочіихъ сылъ безплотныхъ честнаго ихъ собора.

Со богомъ начахомъ року 1688 мѣсяца июня 11 дня, на день святихъ апостолъ Варфоломея и Варнавы о святой Тройци, превелебный отецъ игуменъ Ипатій Горбачевскій совѣтъ сотворили со отци соборными о брами мурованой отъ пріѣзду лохвицкого ко церкви, на ней святому архистратигу Христову Михаилу, Гавріила, и прочіихъ силъ безъплотныхъ, да во мѣсто старой древяныя церкве и брамы, новую мурованую браму и церковъ на ней деревяную новую соорузкить, на мѣсцу старыя церкви преосвященного Исаии Копѣнского метрополиты киевского, фундатора нашого, и такъ изволеніемъ Божіимъ и совѣтомъ отца игумена и отцевъ соборныхъ, усмотрѣвши мѣсце и поступивши далѣе вышше старыя брамы, идѣ же нынѣ стоитъ брама мурованая и церковь на ней и призиваніемъ помощи Божія и святаго архистратига Христова Михаила по запустахъ Петровыхъ, числомъ июня 11 дня, въ понеделокъ, начаша фундамента копати и браму мурувати и обѣтщаніе отца Ипатія Горбачевского игумена Мгарского и братіи соборной и посполитіи братія до того дѣла пристановленій ремесниковъ и посполитыхъ людей муру того и дѣла доглядать усѣмъ коштомъ и накладомъ монастирскимъ за благословеніемъ преосвященного его милости господина отца Гедеона Святополка князя Четвертенского, архиепископа метрополита Киевского, Галицкого и всея Малыя Россіи, а за благочестивыя державы и владѣнія великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Иоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государини благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцовъ, и за рементарства ясневельможного его милости пана Иоана Стефановича Мазепи, гетмана войскъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожскихъ, и за пановання пана Леонтія Назаріевича Свѣчки, полковника Лубенского, при пану Андрѣю Яковичу, судѣ полковомъ Лубенскомъ, и при отцу Иякову Иліевичу Орѣховскомъ, протопопѣ Лубенскомъ, и при пану Ивану Кулябцѣ и Феодору Кулябцѣ, сыну его, и Петру Кулябцѣ, сыну его, и при иныхъ лю-

дехъ зацнихъ многихъ и при священноерею Григорію Няковоничу, презвитеру святопречискому Лубенскому, а за игуменства превелебнаго отца Ипатія Горбачевского, игумена Мгарского, а намѣсництва иеромонаха Амвросія Василевича и честной братіи: иеросхимонаха Иякова, иеромонаха Ионы Вацовского писара, иерм. Исихія, иер. Варлаама, иер. Сарафіона, иер. Акакія, иер. Дионисія, иер. Иоаникія, иер. Евагрія и еродіаконовъ: Иоасафа, Евгенія Бабака, Пафнутія, Исакія, Доримедонта, схимонаховъ: Иоанна, Игнатія, Леонтія, монаховъ: Мардарія, Исаии, Кора, Ипполита, Власія, Корнилія, Геласія, Зосимы, Симона и иншихъ братій множество.

Того жъ лѣта 1688, мураромъ и копачомъ, що копали ровъ на фундаментъ и людемъ, що на муръ цеглу носили и теслямъ, выйшло грошей девятьсотъ золотихъ и пятдесятъ золотихъ и десять осмакувъ, за все лѣто до святого Михайла. Знову, на другое лѣто 1689, почали робити отъ марта, тесли и мурари ажъ до святого Михайла, и всякому роботнику грошей выйшло: девятьсотъ золотихъ, шестьдесятъ золотихъ и три золотихъ. За побитя баней бѣлымъ желѣзомъ, ремесникамъ бляхнѣрамъ, десять копъ дали; а бѣлое желѣзо шести фасъ даное было отъ пана Михайла Вуяхіевича, судѣ енералного, а на потомъ зосталаго архимандритомъ Печерскимъ Мелетіемъ Вуяхіевичомъ.—За крести три, що на церквѣ стоятъ, сто талярей дали; желѣза и стали на браму и церковъ Михайловскую, за сто талярей выйшло. За двадцять оболонъ до тоеижъ церкви зъ шкломъ, оловомъ, цѣпю и желѣзомъ и ремеснику платы, золотихъ сто выйшло.—Тертичникомъ за рѣзаня дерева и тертицъ, золотихъ полтретя ста выйшло. Дерева соснины и дубины купили на тую же церковъ, за сто талярей.—Кодулъ (колудъ?) на виндоване, за десять талярей купили.—Ковалiомъ, що розные рѣчи робили до Михайловской церкви, золотихъ сто дали.—На браму мурованую Михайловскую выйшло грошей монастирскихъ тисячей двѣ триста тридцять вусѣмъ золотыхъ и осмаковъ десять.

Реестръ побожныхъ и христолюбивыхъ ктиторовъ святыя обители сея Мгарскія Лубенскія, на созданіе церкве святаго архистратига Христова Михаила, которіе кождій зъ нихъ за спасеніе и опу-

щеніе грѣховъ своихъ, коштъ и накладъ свой ронили, року 1688 септеврія 26 дня. Его милость панъ полковникъ Лубенскій ктиторъ и благодѣтель нашъ Леонтій Свѣчка, золотихъ двѣсти и дерева сто колодъ давъ.—Его милость панъ Михаилъ Буроховичъ, полковникъ Гадяцкій, ктиторъ и благодѣтель нашъ, прославъ презъ посланника своего Артема, золотихъ сто.—Его милость панъ Даніилъ Апостолъ, полковникъ Миргородскій, золотихъ сорокъ давъ.—Отецъ Ияковъ Орѣховскій, протопопа Лубенскій, пятьдесятъ и шесть золотихъ и пчолъ десятеро давъ.—Отецъ Ияковъ Филиповичъ пана полковника Лубенского зять, обѣцавъ церковъ святого Михаила вымалевати всю.—Его милость панъ Андрей Ияковоничъ, судя полковый Лубенскій, ктиторъ и благодѣтель золотихъ шесть десятъ давъ.—Панъ Иванъ Кулябка, ктиторъ, золотихъ сто давъ.—Панъ Андрѣй Григоріевичъ Островный, сотникъ Лубенскій, давъ талярей три.—Панъ Федоръ Григоріевичъ, атаманъ Лубенскій, талярей два давъ.—Панъ Леонтій Адамовичъ талярей два и килимъ давъ.—Панъ Корнѣй Григоріевичъ десять талярей давъ.—Панъ Василій Левковичъ зъ Петромъ сыномъ своимъ, прислявъ два левы. Панъ Фома золотихъ девятьнадцять давъ. — Панъ Михаилъ Жаданъ талярей два давъ.—Панъ Семенъ Тимофѣевичъ талярей два давъ.—Панъ Петро Семеновичъ талярей два давъ.—Панъ Петро Андрѣевичъ, вуйтъ Лубенскій, таляра давъ.—Панъ Иванъ Ковтуненко, бурмистръ Лубенскій, левка давъ.—Панъ Леско Чорнишенко, котляръ, талярей три давъ.—Панъ Иванъ Мирченко талярей два давъ.—Панъ Максимъ крамаръ левка давъ.—Панъ Леонтій Скорикъ, сотникъ Лубенскій, талярей пять давъ.—Панъ Захарій Салугубъ, сотникъ Лубенскій, зол. десять давъ.

Съ Перятина. Панъ Василій Свѣчка, полковниченко, талярей пять давъ.—Панъ Леонтій Кичкаровскій, писаръ полковый, золот. десять давъ.—Панъ Григорій Никифоровичъ, асаулъ полковый, талярей 4 давъ.—Панъ Власъ Сіомашко, хоружій полков., талярей пять давъ.—Панъ Андрей, сотникъ Перятинскій, талярей пять давъ.—Панъ Федоръ Губка талярей три давъ.—*Съ Чорнухъ.* Панъ Лаврентій Игнатовичъ Замниборщъ, сотникъ Чорнуш-

скій, талярей десять давъ.—Панъ Ияковъ, асаулъ полковый, талярей десять давъ. *Зъ Сенчи.* Панъ Леонтій Василіевичъ, сотникъ Сенецкій, талярей 10 давъ.—Панъ Сергій Криштопенко, атаманъ Сенецкій, талярей пять давъ. *Зъ Городища.* Панъ Стефанъ Иванина, сотникъ Городискій, талярей три давъ.—Братство Михайловское зложили грошей осмъсотъ осмъдесятъ золотыхъ.

Интерцизіа или постановеня малярское. Року 1689, мѣсяца декеврія 14 дня. Ку хвалѣ и славѣ всемогущого вседѣйствующого и всесовершающого Бога во Тройци славимого, ку оздобѣ божественнаго храма его церкве святаго Спаса монастира Мгаръского на вималіованіе и на визолоченіе цѣлого дейсуса, якій роботою сницеръскою есть виставленъ, уедналъ и уговорилъ волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества войска Запорозскаго, майстра Иосифа Ивановича, обивателя Лубенского, которій подиймуется иле способу силы и умѣенътъности его станетъ, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наиздобнѣ и якъ найдосконалѣй тое дѣло было выставленно, показано, а фарба вшелякая до скончення того дѣла оного маляра повинна бути, тилко злото и срибро панское будетъ, а за его працу зъ его челядю, обѣцуетъ его милости певное уконтентованя меновите: готовихъ грошей золотихъ двѣ тисячи. Муки житной мѣрокъ десять; пшеничной—мѣрокъ три; гречаной муки—три мѣрки; пшона—осмачокъ пятънадцять; крупъ гречаныхъ—осмачокъ шѣсть, гороху осмачокъ—шѣсть, соли—кулей три; рибы вялой—головъ пять, а просолной—бочокъ три; олѣю иляного—полтараста квартъ, а конопляного—полтораста; сѣмя конопляного—чотири осмачки; маку—три четверики; яловицъ десять, а барановъ сорокъ; сала—пудовъ пятнадцять, а полтей солонины зо костами,—двадцять; масла—фасокъ три, а сира—дѣжокъ три дужихъ; солодовъ—чотири и хмелю до него и проса, якъ звичай; горѣлки простой—тисяча квартъ; меду прѣсного—чотири пуди; лою на свѣчки—каменей [1]) осмъ; капусти—кадубовъ два и бураковъ и огурковъ по-

---

[1]) Камень—50 фунтовъ.

толко жъ; каруку—полкаменя и обрѣзковъ (?) килко будетъ потреба; полотна простого—шесть-десятъ локотъ, а бѣцкого—двадцять; камень воску, камень жилъ, цѣбулѣ—вѣнковъ тридцять и чоснику десять и сукна тонкого обѣцуетъ его милость по докончену тоей роботи, на сукню.

Іванъ Мазепа рукою власною.

Року 1691, мѣсяца октоврія 20. Интерциза или постановлене снѣцарское до церкви святого Михаила. Ку хвалѣ и славѣ всемогущого вседѣйствующого и всесовершающого Бога во Троици славимого ку оздобѣ божественного храма святаго архистратига Михаила, монастира Мгарскаго, на вистановлене снѣцарскою роботою дейсуса цѣлого, уедналъ и уговорилъ волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозского, майстра снѣцарского дѣла Василія Андрѣева, которій подимуется иле способи сили и умѣетности его станетъ, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наоздобнѣ и надосконалѣ тое дѣло выставлено было и оказано, а за его працу зъ челядю его, обѣцуетъ его милость певное уконтентоване меновите: готовихъ грошей—золотихъ триста; муки житной—мѣрокъ двѣ; муки гречаной—полмѣрки; муки пшеничной—полмѣрки; пшона—осмачокъ двѣ; крупъ гречаныхъ—осмачку; гороху—осмачокъ двѣ; сѣмя конопляного—осмачку; олѣю—квартъ сорокъ; рыбы—вялоѣ крошнѣ головъ двѣ, рыбы просоловой—бочка; горѣлки—чотириста квартъ; пива—бочокъ двѣ; соли—пудовъ десять; яловицъ—двѣ; барановъ—десять; сала—каменей пять; полтей—шесть; сыра—фасокъ двѣ; масла—фаску; рыбного каруку—пудъ единъ; шкуръ яловичихъ на клей—двѣ; лою на свѣчки каменей два; бураковъ— кадовбъ; капусти—кадовбъ; огурковъ—полкадовба; цѣбулѣ—вѣнковъ осмъ; часнику—вѣнковъ пять; дровъ на зиму зъ потребу, а при докончено роботи ведлугъ звычаю, самому майстру сукна тонкого на кунтушъ. Звышъ менованный гетманъ рукою власною.

За Михайловскую роботу Василеви снѣцереви, панскихъ грошей ясневелможного добродѣя полтретя ста золотихъ дано.

Листъ отъ ясневелможного его милости пана гетмана писанный: Превелебный вбогу господине отче игумене Мгарскій. Умовивши мы дѣла малярского майстра Иосифа Ивановича на отмаліоване дейсуса роботи сницарской въ монастиру вашомъ до церкви святаго архистратига Михаила здѣланого, посилаемъ до превелебности вашой черезъ умыслнаго посланца нашого, на тое дѣло срѣбра и шпикинарбу, о чомъ превелебности вашой извѣстивши, жадаемъ, абысте превелебность ваша ему, майстровѣ малярскому, указали при монастиру своемъ мѣстце гдеся робота тая маетъ маліовати, на якую увесь коштъ нашъ и грошовый и лиѕоминный оному поступилисмо давати и особливою интерцизою нашою, утвердилисмо; тилко хотѣте превелебность ваша дровъ своихъ и потребныхъ посудковъ до тоей роботи не зборонити, що предложивши, отдаемся вашей превелебности молитвамъ святимъ. Зъ Батурина, ноеврія 2 року 1692. Превелебности вашой жичливый пріятель Иванъ Мазепа гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Року 1692, мѣсяца октоврія 31 дня. Интерциза Иосифу Ивановичу, маляреви Лубенскому, на маляване образовъ на святаго Михаила ку хвалѣ и славѣ всемогущого, вседѣйствующаго и всесовершающого Бога во Троици славимого, ку оздобѣ храму божественнаго, святаго архистратига Михаила монастира Мгарского, на брамѣ мурованой будучого, на вималіоване и вызлочене цѣлого дейсуса, якій роботою снѣцарскою есть выставленъ, уедналъ и уговорилъ волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозского, майстра малярского Иосифа Ивановича, обивателя Лубенского, которій подиймуется иле способу и сили и умѣетности его станетъ, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наиоздобнѣй а якъ наидосконалѣй тое дѣло било виставленно и оказано, а фарба вшелякая до скончения того дѣла оного маляра повинна бити; тилко золото и сребро панское будетъ; а за его працу и зъ его челядю, обѣцуетъ его милость певное уконтентоване: готовихъ грошей—золотихъ триста панскихъ грошей ясневелможного добродѣя дано; муки житной—мѣрокъ двѣ; муки гречаной—полмѣрки; пшона—осмачокъ двѣ;

крупъ гречаныхъ—осмачку; гороху—осмачокъ двѣ; сѣмя конопляного—осмачку; олѣю иляного—квартъ тридцять; олѣю конопляного—квартъ тридцять; яловица—одна; барановъ—пять; пшеничного борошна—осмачокъ шесть; соли—пудовъ пять; сала—пудовъ три; солонины—полтей три; воску—полкаменя; яецъ—три копи; мыла—фунтовъ два; полотна боицкого—локоть двадцять; полотна простого—локотъ двадцять; рыбы вялой крошнѣ—головъ двѣ; рыбы просоловой—бочка одна; меду прѣсного—вѣдерокъ двѣ; сыра—фасокъ двѣ; масла—фаску одну; лою на свѣчки—каменей два; бураковъ—кадовбъ; капусти—кадовбъ; огурковъ—кадовбъ; цѣбулѣ—вѣнковъ осмъ; чоснику—вѣнковъ пять; дровъ на зиму въ потребу, пива бочекъ двѣ; обрѣзковъ хвощу горшкувъ спотребу; горѣлки—чотириста квартъ. При доконченю роботи, ведлугъ звичаю, самому майстровѣ сукна на кунтушъ обѣцуетъ добродѣй Іоанъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Въ Богу провелебный мосцѣ отче игуменъ Мгарскій, велце мнѣ ласкавій благодѣтелю. Насихъ часѣхъ, по указу ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана, припроважено байдаковъ два вапна, которой вапной отобралемъ мѣрою киевскою отъ пана Кузми дозорца; того вапна мѣры киевское замѣрилисмо осмачокъ пулъпятаста и сѣмъ осмачокъ, которое вапна маемъ у спряту и за сторожею, о чомъ предложивши звиклихъ услугъ моихъ залецѣвши, поволность молитвамъ святымъ полецаю мя покорне. Превелебности вашое наипокорнѣйши слуга и подножокъ Сергѣй Колиборженко, наказный сотникъ Домонтовскій. Зъ Домонтова, августа 21 дня 1696 року.

Року 1695, маія дня 14. Ку хвалѣ и славѣ всемогущого Бога во Тройцѣ святой единого, уедналъ ясневелможный добродѣй его милости панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ войскъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожскихъ, майстра мурарского Ивана Бантисту, которій маючи въ своемъ ремеслѣ досвѣдченое залѣцене, да(лъ) слово выставити трапезу въ монастиру Мгарскомъ Лубенскомъ, такимъ подобіемъ, высотою, широтою и долготою якъ ведлугъ делинеаціи есть нижей выражено. Меновите: въ длужъ самого фундаменту зъ мурами сажней двадцять чотири зъ надворья мѣ-

ряючи одъ олтаря мѣры внутрной олтари сажней три, церковъ сажней пять, трапеза сажней девять, сѣны сажней три, вдлужъ всѣ мѣряючи; а ширины такъ олтарной церковной трапезной, сѣнечной мѣжи стѣнами, вездѣ ровно ведлугъ линіи локоть шѣстьнадцять, а зъ мурами двадцять два, которого муру добрый сажень вширину зъ обудву сторонъ бути повиненъ; коморка въ бокъ трапезы внутрной мѣры въ длужъ сажней два; киларня въ длужъ сажней полтретя; кухня внутрной мѣры въ длужъ сажней чотири; списавши теди зъ фундаменту въ нутрь и зъ надворя долготу и широту трапезы зъ боковими примурками якъ ся муровати ведлугъ делинеаціи албо рачей чертежца маетъ въ семъ постановленю зъ помянутимъ майстромъ, который чертежецъ самъ майстеръ умовляючись, подалъ зъ написами локтевой и саженной мѣры, выражаемъ якою высотою маетъ бути вгору муровнымъ дѣломъ гнана, то есть отъ фундаменту до щитовъ двопятрныхъ, сажней десять; вгору трапезѣ созиждатись ведлугъ постановленя повинна зо всѣхъ чотирохъ сторонъ, а одъ фундаменту трапезы зъ надворя передного, переднiй щитъ фацятами, майстеръ повиненъ дати хороши на моцъ и на позоръ оздобный; вышшая копула олтарная свѣтло, такъ же и баня свѣтлая, дверей, оконъ такъ много, якъ въ самомъ изобразуется чертежѣ, ведлугъ слушности мурарского дѣла и ведлугъ постановленя. О которой трапезѣ зъ фундаменту мурованя ведлугъ визерунку выраженого, умовленъ есть майстеръ Иванъ Баптиста за суму золотихъ полтретитисячи доброй монеты, зъ которыхъ грошей его челяди зъ помочниками бути повинна ажъ зъ початку въ конецъ робота совершится мурарская. А матеріи вшелякой до мурарской роботы належной, яко то вапна, цеглы, воды, пѣску, рыштованя и желѣза, достатчатиметъ своимъ коштомъ ясневелможный его милость панъ гетманъ. И що сятичетъ до всякой харчи и легумини, на особливомъ реестрѣ выраженой колко даватися чого мѣетъ ясневельможный добродѣй его милость панъ гетманъ такъ же достатчатиметъ. Іванъ Мазепа гетманъ рукою власною.

Копія листу ясневелможного его милости пана гетмана до отца игумена писаного: Превелебный въ Богу отче игуменъ монастира Мгарского. На дѣло до муру зачинаючогося, посилаемъ тисячу золотихъ гро-

шей, до рукъ превелебности вашой, зъ которихъ купленые лѣсы поплатѣте, на якіе выйдетъ золотихъ шѣстьсотъ излишкомъ, а остатокъ мѣете роздати тимъ людемъ, которые будутъ до оного муру цеглу дѣлати. Тилко пилно жадаемъ вашой превелебности, абысте якого иновѣрного человѣка до того дѣла приставили, яко бы и коштъ нашъ не росходился на неналежный убытокъ. Святымъ при томъ вашое превелебности отдаемъся молитвамъ. Зъ Батурина. Априля 2, 1694 року. Вашой превелебности зичливый приятель Иванъ Мазепа гетманъ ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозского рукою.

Исписаніе вократцѣ о сожженіи трапезы и о созданіи паки ея, сице повѣствующее.

Року 1695, мѣсяца июня 24 дня. Божіимъ попущеніемъ и грѣхъ ради нашихъ наказаніемъ, въ монастиру боголѣпного господня Преображенія Мгарскомъ Лубенскомъ, огнь велій отъ пекарнѣ возгорѣся въ нощи третіяго часа, отъ якового возгорѣнія преблагословенной Дѣвы Маріи церковъ и при ней трапеза полата со всякими запасы и прочія келіи согорѣша, по которомъ сожженіи, превелебный отецъ Ипатій Горбачевскій игуменъ зъ честними отцы и братіею соборними, въ велицей печали суще, не имущи отъкуду помощи обрѣсти на созданіе паки трапези полаты и прочіихъ храминъ огнемъ сожоныхъ, совѣтъ сотворше, написаша челобитную до малороссійского рейментара ясневелможного его милости пана Иоанна Стефановича Мазепи, гетмана войскъ Запорожскихъ (иже коштомъ и накладомъ своимъ многіе церкви монастирскіе и мирскіе соорýжи, такожде и всей Мгарской обители благолѣпнаго Преображенія Господня церковъ мурованую и святого архистратига Михаила церковъ деревяную на мурованой брамѣ стоящую украси иконами) и зъ таковимъ челобитемъ самъ превелебный отецъ игуменъ до ясне велможного пана гетмана вземъ со собою некоихъ братій, поеха, молящи его да помилуетъ въ послѣдней нищетѣ и скудости сущихъ и да создастъ ради вѣчного своего спасенія, трапезу и таковимъ моленіемъ смиреннимъ милостивого гетмана сердце ко милости преклони, ибо обѣщася вомѣсто древяныя согорѣвшія трапезы, муро-

ваную коштомъ своимъ соорудити и таковое панское свое милостивый гетманъ исполняющи обѣщаніе, во второе лѣто сиесть 1694, давши пинязѣ, повелѣ дѣлати цеглу къ уготованной бывшой цеглѣ. Во третее лѣто, еже есть 1695, идущи на враговъ креста святого безъбожныхъ и христоненавистныхъ агарянъ (идеже помощію Божіею и преблагословенной Дѣвы Маріи, взя градъ крѣпкій, зовомій Казикерменъ и прочія грады татарскія, седящія надъ рѣкою Днѣпромъ): повелѣ да заложена будетъ в лѣто настоящое трапеза и прислалъ Яна Баптисту нѣмца, майстра каменнихъ дѣлъ, за полтротѣ тисячи золотихъ пинязѣй умовленного, на муровое трапезное дѣло. И тако по повелѣнію его панскомъ, тогдажъ начаша на фундаментъ ровъ копати мѣсяца июля десятого дня, на преподобного и богоносного отца нашего Антонія Печерского. Тогожде мѣсяца дня осмнадцятого, на святого мученика Емеліяна, основана бысть трапеза, въ каковомъ основаніи положилъ подъ горнимъ сѣдалищемъ, превелебный отецъ игуменъ зъ прочіими иеромонахи и иереи, камень четвероуголный, въ яковомъ камени положени суть мощи святыхъ и хартія писанная на паргаминѣ, сице повѣствующая: Во имя Отца и Сына и Святого Духа, основася сія церковь и трапеза въ монастиру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, во славу великого Бога и Спаса нашего Исуса Христа и во честь и память пресвятыя и преблагословенныя Владичици нашея Богородици и Приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, ея же есть храмъ, при державѣ великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ и при святительствѣ и благословеніи преосвященного архиепископа всея Малыя Россіи митрополита его милости господина отца Варлаама Ясѣнского, а при щасливомъ панованю раба божія ясневелможного пана Иоана Стефановича Мазепи, гетмана ихъ царскаго пресвѣтлого величества войскъ Запорозскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра, ктитора святыя обители сея его же, коштомъ и накладомъ сія церковъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородици и трапеза зъ фундаменту заложена бысть. Суть же здѣ и мощи святыхъ: святого апостола Андрѣя Первозванного, иже во святыхъ отца нашего

Иоана Златоустого, святаго великомученика Полиеvкта, иже во святыхъ отца нашего Афанасія патріарха константинополского, нетлѣнными мощами въ сей святой обители опочивающого. Писано въ лѣто отъ сотворенія свѣта 7203, а отъ рожества Христова 1695, мѣсяца июля 18 дня. Сего ради и хартія сія въ семъ фундаментѣ покладается во вѣчное знаменіе и время. Аминь.

По основаніи бысть литургія и утѣшеніе веліе. Во утрій же день начатъ дѣлати преждереченный мурарскихъ дѣлъ майстеръ Янъ Баптиста, нѣмецъ, съ наемники и тако помощью Божіею и преблагословенной Дѣвы Маріи, содѣлаша стѣны до оконъ первыхъ того году. Во четвертое же лѣто, 1696, начатъ дѣлати предреченный майстеръ съ наемники, и презъ лѣто, содѣлаша стѣны вышшей оконъ вторыхъ. Во пятое же лѣто 1697, мало что дѣлано бысть за скудостію вапна, таковія ради вины, яко ясневелможный панъ гетманъ для укрѣпленія и сооруженія градовъ бывшихъ татарскихъ и турецкихъ Казикирмена и Таванѣ, зъ войсками пойшовши, презъ все лѣто тамо замедлѣлъ. Въ шестое лѣто 1698, и въ семое лѣто 1699, за скудостію вапна и ктому за оскудѣніемъ презъ неурожай хлѣба, на муру трапезномъ ничтоже недѣлаша. Восмое лѣто 1670-ное, аще вапно и привезеное до обители было, на ничто же на муру трапезномъ не дѣлано таковія ради вины, яко преждереченный дѣлъ каменныхъ майстеръ Янъ Баптиста, нѣмецъ, свѣтъ сей пожегналъ. Въ девятое лѣто 1701-е, ясневелможный панъ гетманъ, идущи во страни шведскія противу шведского короля на брань, во мѣсто умершого мурарского майстра Яна Баптисти, умовилъ мурара Афанасія Пературинскаго за пять сотъ золотыхъ пѣнязей, дабы скончилъ трапезное муровое дѣло, которій Афанасій съ наемники почалъ на муру трапезномъ дѣлати мѣсяца маія 26, на святаго апостола Карпа; мѣсяца же июля дня 4, копулу олтарную засклепивъ, во утрій же день июля 5, на преподобнаго Афанасія Афонского, олтаръ трапезній съ половиною трапезной церкви до основанія или фундаменту, развалился.

Блаженныя памяти преосвященный Иосифъ Нелюбовичъ Тукалъскій нелюбящъ тука лсти иновѣрія, православный архиепископъ

митрополитъ кіевскій, Галицкій и всея Россіи Малыя ексархъ святѣйшаго апостольскаго константинопольского ѳрону, епископъ бывый Бѣлорускій, архимандритъ Лещинскій, благословеніе на метрополію и ексаршество отъ святѣйшого Метфтодія патріархи Константинопольского приеми року 1668, при державѣ благоспасаомого града Киева отъ православного монархи и благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, необитавій на престолѣ своемъ метрополитанскомъ святософѣйскомъ браней ради, преставися въ Чигиринѣ 1675, мѣсяца июля 26 дня. И во время взятія града Чигирина отъ безбожныхъ турковъ, принесени мощи его нетлѣнные до монастира сего Мгарского Лубенскего 1678 мѣсяца августа 8 дня, всечестнымъ иеромонахомъ Макаріемъ Русѣновичомъ зъ братіею, игуменомъ того жъ монастира Мгарского Лубенского. Року 1681, мѣсяца септеврія 26 дня, въ сей стѣнѣ и въ сей церкви боголѣпнаго Господня Преображенія положенны въ древяной (sic) надгробокъ блаженныя памяти преосвященному Иосифу Нелюбовичу Тукальскому: Иосифъ Нелюбовичъ Тукальскій реченній нелюбящъ тука въ себѣ лстивѣ заточенній, отступства вѣры крѣпкій обличитель православія, горливъ защититель, немалованный рокомъ бывый но на престолѣ въ Киевѣ не живый, въ горнемъ престола Сіонѣ искавій тамо да живетъ въ любви правой славы, преставися въ годъ седмдесятый пятый, тисяща шѣсть сотъ, юля шесть двадцятыхъ шестьдесятъ осмаго же отъ рожества лѣта, благословенъ въ санъ и чинъ бысть метрополита чрезъ вселенского писмо патріарха Меѳодія санъ имѣлъ и ексарха.

Отъ трудовъ ясне въ богу преосвященнаго его милости господина отца Варлаама Ясинскаго, метрополита Киевскаго, Галицкаго всея Росіи, туда же привезенно святителя мощи съ Чигирина до брами, тогда всечестный отецъ игуменъ Макарій Русѣновичъ, вышедши зъ священницами у фелонахъ и діаконы въ стихарахъ, за браму, взяша святителя на рамы своя и внесоша въ храмъ Преображенія Господня деревяную и начаша панахиду пѣти; а по отпустѣ панахиды, поставиша въ папертѣ на лѣвомъ боцѣ, противъ святителя жъ Христова Афанасія, иде же нетлѣнные его мощи опочиваютъ, вѣрою

приходящимъ исцѣленіе подаетъ. Тогожъ дня Кузма послушникъ съ пекарнѣ прійде съ вѣрою и со слѣзами съ скорченною ему рукою а положилъ на святителя Христова мощи и абіе заразъ рука исцѣлѣ. И мнози съ вѣрою приходящіе, получали цѣлбу и когда мѣлы древяную церковъ роскидати, тогда мощи святителя положенны въ великомъ склепу въ церкви древяной и егда змуровалася церковъ по верхнѣи вукна, виняша святителя мощи зъ склепу со пѣніемъ и честію священници изъ діаконы и изъ протчіею братіею и поставиша въ мурованой церквѣ по лѣвомъ боцѣ въ папертѣ, где и нынѣ опочиваетъ.

Року 1728, июня 24, по благословенію ясне въ Богу преосвященѣйшаго архиепископа Киевскаго и Галицкаго и Малыя Россіи киръ Варлаама Ванатовича пренесени мощи святителя Христова Афанасія, патріархи константинопольского, зъ храму боголѣпнаго Преображенія Господня въ храмъ архистратига Христова Михаила и прочихъ силъ небесныхъ, деревяную, его жъ архипастирскимъ благословеніемъ будучи въ тотъ часъ на игуменствѣ превелебнѣйшій его милость отецъ Иларіонъ Рогалевскій и билъ того времени въ Москвѣ за дѣлами архиерейскими, а вмѣсто его мѣющому правленіе обители Мгарской Лубенской велебный отецъ Георгій Кувичинскій намѣсникъ тамошній, въ день рождества святаго Иоана, перенесъ чесно мощи святые со подобающею честію; и на правой сторонѣ поставлены и литургію святую соборнѣ отправовали со молебнымъ пѣнѣемъ. И въ тотъ часъ зъ мѣщанъ много людей значныхъ было, именно: отецъ Андрѣй Ореховскій, намѣсникъ, и его милость панъ Петро и панъ Феодоръ Кулябки и прочіи. И того дня изъночи былъ дощъ великій, для которого не имѣли и мощей переносити; а когда собравшися въ церковъ покамось поубиралисъ и проскомидію отправили, ясность великая учинилася и дощъ перестав и скоро перенесли мощи, заразъ опять дощъ пошовъ, що для лучшаго извѣстія извѣстилисмо року и дня вышписанного. И того жъ вышписаного року, церковъ мурованую все склепене разобрали и по стѣнехъ, где потребо указали и впредъ идучій годъ 1729, за игуменство его милости господина отца Иларіона Левитцкаго на тотъ часъ владущаго ему монастиремъ Мгарскимъ Лубенскимъ

и училищами Киевобратцкими ректорство содержащу, божіимъ поспѣшенимъ началисмо муровати церковъ всемилостивого Спаса, априля 22.

Року 1734, генваря 30, приѣхалъ въ Лубнѣ до храму трохъ святителей преосвященній архиепископъ Рафаилъ Заборовскій Кіевскій и Галицкій, Малыя Россіи; а по службѣ божіей, предъ вечернею, въ монастиръ приѣхалъ, а 1 февраля зъ монастира поѣхалъ его жъ преосвященство до Сорочинецъ, ховати ясневельможного пана гетмана его милость Даніила Апостола, которого похоронивши февраля 5 дня, вовторокъ на всеедной недѣлѣ, приехалъ воспять въ монастиръ нашъ, февраля же 9 въ суботу; а 11 дня, рано изъ монастира жъ поѣхалъ въ понеделокъ до Киева, за игуменства превелебного отца Феофана Трофимовича Мгарского.—А на погребеніи зъ преосвященнѣйшимъ архиепископомъ Рафаиломъ Заборовскимъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Росіи, били игумени: Гавріилъ Леополскій игуменъ Густинскій да Феофанъ игуменъ Мгарскій Лубенскій, Серафіонъ игуменъ Сорочинскій, Иларіонъ игуменъ Гадяцкій, игуменъ Скельскій, игуменъ Полтавскій, игуменъ Нехворощанскій, архидіаконъ Иовъ да Платонъ, писарь консисторійскій, и иныхъ множество. И погребенъ во градѣ Сорочинцяхъ всемилостиваго Спаса, въ церквѣ мурованной въ склепу, подъ онбономъ.

Року 1736, маія 20. Божіимъ попущеніемъ и грѣхъ ради нашихъ наказаніемъ, въ монастиру благолѣпнаго Господня Преображенія Мгарскомъ Лубенскомъ, огнь 2 часа въ нощи возгорѣся отъ іеромонаха Савицкого, бувшого попа Ждановского, отъ келеи живвшого его, стоящой на рову за полатою, отъ пригрубника; и за малую ядь, ввесь монастиръ спаливъ, а имено: церковъ святаго архистратига Михаила соборъ совсѣмъ, на баштѣ мурованой, всемилостиваго Спаса весь дейсусъ, въ инбарахъ двохъ бѣлое желѣзо и кресты великой церкви и риштованя.—Башта деревяная и коморъ шесть, на ней въ серединѣ была церковъ святого великомученика Георгія, на верху звоница и дзигаръ и звоновъ 11; въ коморѣ соль и такъ много припасовъ; звоница мурована и при ней звоновъ и било желѣзное; на церквѣ Благовѣщенія пресвятой Богородицѣ на трепезѣ кришка и предъдверіе въходящое въ трапезу и огородки малованія

на келеральнѣ (sic) и на хлѣбодавнѣ кришки и на лоху трапезномъ; пекарня и спижарня со всѣми припасами и посудки; всякіе палати; двѣ келіи со всѣми припасами рыбними, горѣлчаними и посудки и каменица зъ лохомъ;—лодовня зъ медомъ и пивомъ и масломъ и со всѣми припасами рибними и протчіе, отца игуменскихъ келій внизу три зъ илкаремъ и коморками и огородками маліованими и на версѣ двѣ келій и чардаковъ два,—садовина въ монастиру и около монастира и коло винограду и дѣлованя коло монастира и оплоти коло винограду и челяднѣ;—келія въ огороднѣ и кришка на лоху и посудки огородніе братскихъ келій въ монастиру восѣмънадцять и образи и братскіе вещи. За монастиремъ: келій гостинницъ двѣ; келій на виноградѣ двѣ; инбаръ на лоху и комора;—келій шуршовихъ една а другая тесельня; кришка на лоху шуршовомъ и повѣтъ; драни тисящъ 15; конюшень келій двѣ, а въ конюшнѣ коляси, будки, глабци, тарадайки, хомути, шори шлѣйцѣ и дуги; ковалня съ келіею; гончарня и горнъ; бондарня и стелмашня со всѣми посудки; челядень двѣ и повѣтей шѣсть; гонти тисящъ 20; конюшня, гдѣ челядня комора зъ солодами; клуня съ потребною дубиною, трамами и ринвами и оплотами. И кто не удивится такому великому огню и да бережетъ всякъ себе отъ огня, которій увесь монастиръ разорилъ.

Въ монастиру Мгарскій Лубенскій обявленіе.

Сего 1745 году, марта 14 дня, четиредесятницы святаго великаго поста третой седмици, въ четвертокъ рано, заболѣзновавши я на голову и весма отягощенъ сномъ былъ и не стерпя такой болѣзнѣ и отягощенія, возлегъ и уснувъ; и въ томъ снѣ, явилося мнѣ, что акичи (sic) въ градѣ я на пѣніи стоялъ, въ мурованой церквѣ и оная церковъ вся на мене въпала и я того устрашась, самъ палъ же ницъ на землю, и великимъ голосомъ кричалъ необычно и отъ того сна возбудившися никакой болѣзни на себѣ не усмотрилъ; толко не моглъ ничего нимало говорить, аки нѣмъ и после того въ три часа или болше того невѣдаю, сталъ было говорить и говорилъ до самой ночи, а уснувши спалъ всю ночь и возбудившися отъ сна въ пятокъ рано, наки сталъ нѣмъ и немоглъ

не токмо чого говорить, но и весма безъгласенъ; а въ суботу рано, пущено мнѣ кровъ съ медіаму и дано отъ аптеки медикаментовъ для питя и полосканя гортани оными, чтобъ мнѣ отъ такои нѣмоты свободу получить; якіе я пилъ и гортань оными полоскалъ, токмо отъ оныхъ ничего въ ползу себѣ не пріобрѣлъ, но еще и головная болѣзнь ктому приключилась, якихъ я медикаментовъ, что мнѣ съ оныхъ ничего въ ползу не было, не сталъ принимать, и оніе оставилъ вовся; того ради положилъ я въ мысли своей во еже би поклонитися рацѣ мощей угодника божія святителя Христова Афанасія, уповая несумѣнно получити при ней исцѣленіе своему язику и такое свое намѣреніе объявилъ сверстникомъ своимъ на хартіи, которіе совѣтъ добръ давше мнѣ, дабы не отлагалъ всячески того богоугодного намѣренія согласились и сами со мною поклоненія ради къ рацѣ святителя Христова Афанасія на утріе въ монастиръ путушествовали. Приспѣвшой же первой намѣренію моему нощи и по обычаю своему на одрѣ почивающу, си есть зъ субботи противу неделѣ, видѣлъ я явленіе во снѣ такое, что пришедъ ко мнѣ во свѣтлой одеждѣ, единъ человѣкъ состарѣлый, держай въ руцѣ своей деснѣй, малый цвѣтъ зѣложъ прекрасный зъ ягодми красними и даде мнѣ, рекъ: прийми сей отъ руки моея цвѣтъ и сохрани у себе, имаши бо сего дне по отправленіи божественной литургіи, снѣсти его. И я отъ того сна возбудившися и вибросавши оніе медикамента на дворъ, имѣлъ намѣреніе итить въ монастиръ Мгарскій Лубенскій, ради поклоненія мощамъ угодника божія святителя Христова Афанасія, по якому моему намѣренію отъ головной боли освободился, но не возмогъ въ скоромъ времени отходити въ монастиръ, мимо вѣдома командира своего полкового писара господина Афанасія Шкляревича, которій заповѣдалъ всячески того утра не быть въ отлучки нигдѣ и велѣлъ дожидатся аптекаря Петра Нейдгарда, для осмотру мене и пущенія сподъ язика крове; и отъ того воспящєнія мнѣ опятъ головная болѣзнь возвратилась и я дожидаючись онаго аптекара чрезъ долгое время, недождался, чего ради я самъ тайно въ Мгарскій монастиръ пойшелъ, отшедшимъ уже сверстникомъ, моимъ съ которими я былъ согласился купно путь

шествовати. И въ ономъ монастирѣ въ храмѣ Благовѣщенія пресвятыя Богородици, на божественной литургіи, предъ мощами угодника божія святителя Христова Афанасія и предъ иконою пресвятыя Богородици со всякимъ усердіемъ поклонився, лобизахъ ихъ, прося прилѣжно раздрѣшенія язику. И по отпускѣ божественной литургіи, пошолъ въ едну келію и погодя съ полчаса или меньше, помощію угодника божія святителя Христова Афанасія, сталъ говорить, что причитать какъ мнѣ, яко и всѣмъ людемъ, паче же въ монастирѣ Мгарскомъ за знатнѣйшое чудо. Я же воздая угоднику божію святителю Христову Афанасію похвалное благодареніе, прошу да будетъ о семъ извѣстно. Копеистъ полковой лубенской канцеляріи сынъ козака сотнѣ Глинской жителя городового Глинского Стефана Галичина Гаврило Галичинъ.

Повѣсть о пожежѣ Мгарскаго Лубенского монастира въ третой разъ послѣдовавшей.

Въ лѣто отъ рождества Христова 1775-е, мѣсяца августа 5 числа, въ день самого храмавого праздника Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, когда подъ часъ позней литургіи (которую служилъ настоятель тогда въ Лубенскомъ монастырѣ бывшій архимандритъ Паисій соборнѣ зъ братіею, въ болшой каменной Преображенія Господня церквѣ) готовалась въ братерской поварнѣ для приему бывшихъ тогда пріѣжихъ зъ разныхъ мѣстъ разного духовного и свѣцкого чина господъ и протчихъ людей, кушанья, и уже на позней литургіи начали приобщать народъ, то въ самое тое время загорѣлась въ той поваренной трубѣ сажа и отъ того выхватившись поломье съ трубы на трапезную кришку, начала заразъ оная кришка (которая была маліована) въ мѣстѣ съ поваренною и исъ хлѣбодавскою кришками, горѣть. И тогда стали въ колоколъ бить на гвалтъ, а послѣ трапезной кришки, стала горѣть на полатѣ кришка зъ горницами (которая была такъ же маліована) и полатницкій амбаръ деревяній со всѣми вещами. И на камяницѣ и надъ ліохомъ кришка совсѣмъ погорѣли, а послѣ полати стали горѣть на церквѣ болшой Преображенія Господня деревяніе жестю

побитіе главы, между коими една самая старшая глава позолоченна была; а всѣхъ главъ было седмъ; и какъ стали на церквѣ горѣть главы, то виносили съ церкви какъ всѣ церковніе утвари, такъ и святителя Христова Афанасія мощи безъ раки въ коврѣ, въ садъ, въ беседку, за настоятельскими келіями состоящій, въ которомъ оніе мощи были двое сутокъ, гдѣ братія по очередно иеромонахи читали Евангеліе, а протчіе монахи досматривали тамъ же въ саду церковныхъ и другихъ вещей. И когда съ церкви виносили утвари, въ той самой часъ съгорѣла брама деревяна и при ней келія колоколня и колоколовъ пять, часовня съ часами полусутковими, келій деревяныхъ (въ которихъ тогда намѣстникъ жилъ иеромонахъ Феофилактъ) четирѣ, еклезиархина келія зъ горницею, на каменныхъ шести братерскихъ келіяхъ кришка совсѣмъ: окошка, двери погорѣли; за брамою погорѣло: конюшня со всѣмъ обозомъ, шафарскихъ келій четири, гостинныхъ двѣ, на виноградѣ келій началницкихъ двѣ, сушня, амбаръ и въ ономъ гонти немало и садовины немало; колешня, бондарня, ткачня, амбаръ коновскій, келій сосновихъ двѣ, ковалня, шурша и другая брама; на низу: баня, кушнѣрня, гончарня, шевня и броваръ совсѣмъ погорѣли И тогда вся братія въ велицѣ бѣдѣ и печали и боязни находились, ибо всего почти своего здоровья, равно жъ и имѣнія тогда лишились; всякъ свое что могъ выхопить съ келіи, выносилъ за монастиръ въ лѣсъ, хотячи съхоронить, но за множествомъ народа нѣгде было хоронить, а беречь такъ же нѣкому; итакъ что монашеское не погорѣло, то посторонними людми въ лѣсѣ забрато. По пожежѣ жъ осталось въ цѣлости въ церквахъ обоихъ иконостаси цѣлые, въ монастиру настоятельскіи келіи, зъ задворкомъ огородня и братерской ледникъ и гумно съ хлѣбомъ, а протчое все до остатка, строенія всѣ, заборы, тины, задворки и протчое погорѣло. Послѣ того на третій день, то есть 8 числа августа, взявши честные иеромонахи съ бесѣдки святителя Афанасія мощи, вънесли паки въ болшую церковъ и посадили въ его раки на лѣвой сторонѣ между столбами, гдѣ и прежде были и нынѣ состоятъ. Въ той же самой Спасовъ день, когда уже пожежа мало утишилась, въ вечеру, по прошенію

настоятеля архимандрита Паисія, прислана съ города Лубенъ отъ полковихъ старшинъ въ монастиръ команда козаковъ вооруженныхъ, какъ для караулу церкви, такъ и всего погорѣлого монастира и въ немъ оставшогось отъ пожежи имущества, съ коихъ часть козаковъ стояла ночью и днемъ въ кругъ церкви абахта, а часть козаковъ по розниимъ мѣстамъ, гдѣ имущество монастирское хранимо было (тутъ и братія наипаче въ церкви днемъ и ночью смотрѣли) и караулили всего того чрезъ два дни. О той пожежѣ настоятель архимандритъ Паисій зъ братією, того жъ августа 10-го, репертовалъ къ преосвященному Гавріилу митрополиту Киевскому и Галицкому.

Игумены монастира Мгарского прежде бывшіе.

Отецъ Исаія Копинскій епископъ.—Отецъ Феодосій по Василіи, иеросхимонахъ Иоанъ Вишнівевичъ.—Отецъ Василій —Отецъ Каллистратъ.—Отецъ Иоанъ Высоцкій.—Отецъ Самуилъ.—Отецъ Серафіонъ Васкевичъ.—Отецъ Исаія.—Отецъ Петроній Левковичъ.—Отецъ Викторъ Загоровскій.—Отецъ Калистъ Билицкій.—Отецъ Виссаріонъ.—Отецъ Макарій Русѣновичъ.—Отецъ Ипатій Горбачевскій.—Отецъ Амвросій Биликовичъ, року 1705, зосталъ игуменъ — Отецъ Филаретъ Кощаковскій.—Отецъ Алексѣй Петрина.—Отецъ Иларіонъ Рогалевскій, року 1722.—Отецъ Иларіонъ Левицкій.—Отецъ Георгій Ласковскій.—Отецъ Феофанъ Трохимовичъ, 1733 сентября 25 дня пріехалъ.—Отецъ Тимофтей Щербацкій.—Отецъ Иоасафъ Горленко 1737-го года поставленъ игуменомъ и пріехалъ въ монастиръ того жъ 737 года, июля 7 дня, на игуменство; игуменовалъ же въ монастирѣ неисходно и безъпеременно 3 годъ шесть мѣсяцей и 24 дни. Между тѣми годами имянно 1742 года сентября 10, ездилъ въ Москву отъ монастира за милостинею, гдѣ бавился до 1744 года августа по 16 число; а отъ туду возвратившись, поставленъ первый архимандритомъ въ сей Мгарскій монастиръ, 1744 года сентября 14 дня, преосвященнымъ Рафаиломъ Заборовскимъ, архиепископомъ митрополитомъ Киевскимъ, Галицкимъ и Малыя Росіи, въ катедрѣ Киевской, въ церкви святой Софіи премудрости Божія, а потомъ паки взятъ въ Москву того жъ 1744 года, ноября въ послѣднихъ числехъ, по указу, что ему отъ роду четиридесятое.

Предисловіе.

Мы считаемъ излишнимъ указывать нашимъ читателямъ на то важное значеніе, какое представляютъ записки современниковъ при изученіи исторіи каждаго народа. Если этотъ источникъ историческаго знанія и уступаетъ въ отношеніи фактической точности свѣдѣніямъ архивнымъ, то онъ дополняетъ несомнѣнно свидѣтельства актовъ, представляя полную, живую и разностороннюю картину народнаго быта, и даетъ возможность оцѣнить уровень общественнаго развитія и отношеніе общественнаго мнѣнія къ событіямъ, происходившимъ въ описываемое мемуаристомъ время. Потому мы полагаемъ, что для полнаго и безпристрастнаго пониманія каждаго историческаго момента необходимо при его изученіи ознакомиться съ записками современниковъ.

Для исторіи юго-западной Руси существуетъ довольно многочисленный рядъ мемуаровъ, начиная съ половины XVI столѣтія. Записки эти составлены по большей части иностранцами или туземцами, писавшими на иностранныхъ языкахъ; при томъ онѣ помѣщены въ изданіяхъ специальныхъ, мало распространенныхъ и мало доступныхъ, или изданы были давно и составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ мало доступны для болѣе широкаго круга интеллигентныхъ читателей. Желая восполнить этотъ недостатокъ, ощущаемый всѣми лицами, заинтересованными изученіемъ южно-русской старины, редакція «Кіевской Старины» намѣрена помѣстить въ приложеніяхъ къ журналу, въ переводѣ на русскій языкъ, цѣлый рядъ записокъ современниковъ, начиная съ половины XVI до начала XVIII столѣтія. При переводѣ редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы передать по мѣрѣ возможности точно смыслъ подлиннаго текста; при томъ переводы будутъ снабжены необходимыми для уясненія текста комментаріями.

Въ составъ предполагаемой серіи мемуаровъ редакція предполагаетъ включить слѣдующія записки:

Михайла Литвина. Отрывки о нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ (Michalonis Lituani. De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum fragmina decem).

Леонарда Горецкаго. Описаніе войны Ивонія, воеводы волошскаго (Descriptio belli Ivoniae, voivodae Valachiae).

Эриха Ляссоты. Дневникъ (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau).

Якова Собесскаго. Записки о хотинской войнѣ (Commentariorum chotinensis belli libri tres).

Гильома Боплана. Описаніе Украины (Discription d'Ukrainie).

Іоакима Ерлича. Лѣтописныя записки (Latopisiec).

Симеона Окольскаго. Дневникъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ между войсками коронным и запорожскимъ въ 1637 и 1638 годахъ (Djarjusz tranzakcji wojennej między wojskiem koronnym i zaporowskim w 1637 r.; kontynuacja djarjusza wojennego w roku 1638).

Богуслава Машкевича. Записки (Pamiętnik).

Николая Емеловскаго. Записки (Pamiętnik).

Записки анонима, изданныя Войцицкимъ (Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza).

Криштофа Перетятковича. Отчетъ о заслугахъ Рѣчи Посполитой (Informacja usługi ku Rzeczy Pospolitej).

Патрика Гордона. Дневныя записки (Tagebuch des generalen Patrick Gordon).

Яна Зеленевецкаго. О побѣдѣ, одержанной надъ Шереметевымъ (Memorabilis victoria de Szeremetho).

Яна Юзефовича. Лѣтопись.

Изъ всего ряда перечисленныхъ записокъ только 4 были понынѣ изданы въ переводѣ на русскій языкъ, но изъ нихъ 2—Михайла Литвина и Перетятковича были помѣщены въ изданіяхъ спеціальныхъ и весьма мало распространенныхъ, записки Боплана, изданныя въ русскомъ переводѣ Устряловымъ еще въ 1832 году, составляютъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, только записки Эриха Ляссоты въ переводѣ Бруна изданы относительно недавно; предпринимая изданіе новаго перевода, редакція имѣетъ въ виду съ одной стороны желаніе не исключать изъ серіи своего изданія мемуара первостепенной важности, съ другой стороны она разсчитываетъ представить переводъ болѣе точный, такъ какъ ей удалось

получить экземпляръ нѣмецкаго изданія, сличенный съ рукописью Бауценской библіотеки, при чемъ многочисленныя ошибки, допущенныя въ нѣмецкомъ изданіи Шоттина, были тщательно исправлены по рукописи самого Ляссоты.

При изданіи записокъ редакція будетъ переводить только тѣ части ихъ, которыя относятся къ исторіи южной Руси, оставляя въ сторонѣ иногда довольно объемистые отдѣлы, относящіеся къ исторіи другихъ странъ. Такія сокращенія въ большихъ размѣрахъ будутъ сдѣланы при переводѣ записокъ: Ляссоты, анонима, Гордона и Юзефовича. Сверхъ того, въ составъ издаваемой серіи войдутъ небольшіе отрывки изъ тѣхъ мемуаристовъ, сочиненія которыхъ, посвященныя исторіи другихъ странъ, содержатъ болѣе или менѣе обширные эпизоды, относящіеся къ исторіи юго-западнаго края, какъ напримѣръ: Blaise de Vigénère (La description du royaume de Pologne et pays adjacents), Альбрехтъ Радзивиллъ (Pamiętniki), Delavac (Les anecdotes de Pologne ou memoires secrets du règne de Jean Sobieski), Записки Яна Паска и Почобута, Отвиновскій (Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II) и т. п.

Извлеченіе изъ сочиненія Михайла Литвина.

(1550 г.).

Среди мемуаристовъ XVI столѣтія, записки которыхъ относятся къ исторіи западной Руси, первое мѣсто какъ по времени, такъ и по важности сообщаемыхъ свѣдѣній занимаетъ Михайло Литвинъ. Къ несчастью, сочиненіе его не дошло до насъ въ полномъ видѣ.

Первоначальная рукопись, написанная авторомъ на латинскомъ языкѣ, была раздѣлена на десять книгъ, но первый ея издатель Грассеръ, пользовавшійся подлинною рукописью, издалъ ее не цѣликомъ, а напечаталъ лишь отрывки первой и девятой книгъ и сокращенія изъ отрывковъ остальныхъ восьми книгъ. По свидѣтельству самого Грассера, онъ значительно сократилъ первоначальный текстъ записокъ Михайла Литвина; при окончаніи перваго отрывка онъ помѣстилъ объясненіе, подъ заглавіемъ: „нѣчто къ читателю", въ которомъ говоритъ: „Послѣдующія за симъ книги Михалонъ наполняетъ только жалобами на испорченные нравы своего народа, говоря, что это самый пагубный врагъ, котораго должно изгнать прежде всего, почему онъ желаетъ, чтобы нравы были исправлены, и указываетъ королю на средства, какъ достигнуть этой цѣли. Но мы, опустивъ эти жалобы, познакомимся только съ тѣмъ, что принадлежитъ собственно къ исторіи".

Въ такомъ сокращенномъ видѣ Грассеръ издалъ записки Михайла Литвина въ Базелѣ въ 1615 году, въ сборникѣ, въ составъ котораго вошло еще нѣсколько разнообразныхъ статей, какъ это видно изъ его заглавія: „Michalonis Lituani de moribus tartaro-

referta—et Iohannis Laricii Poloni de diis Samagitarum caeterarumque Sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione Armenorum. Et de initio regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per I. Jac. Grasserum C. P. ex manuscripto autentico edita. Basileae, apud Conradum Waldkirchium MDCXV".

Весь этотъ сборникъ Грассеръ посвятилъ кн. Октавіану-Александру Пронскому, внуку извѣстнаго кіевскаго воеводы Фридриха Глѣбовича Пронскаго, съ которымъ познакомился во время путешествія молодаго князя за границу, предпринятаго имъ съ цѣлью завершить свое образованіе.

Въ началѣ сборника Грассеръ приложилъ генеалогію рода князей Пронскихъ, исполненную, впрочемъ, неточностей и ошибокъ, и посвященіе книги молодому князю, въ которомъ онъ объясняетъ въ такихъ словахъ цѣль своего изданія: „теперь, когда ты предполагаешь возвратиться въ отечество, то, по возвращеніи твоемъ, тебѣ, безъ сомнѣнія, придется по временамъ сражаться съ татарами и москвитянами—я рѣшился посвятить твоему знаменитому имени этотъ трудъ, въ которомъ вѣрно изображается жизнь сихъ враговъ". Далѣе въ посвященіи Грассеръ сообщаетъ слѣдующія подробности объ издаваемыхъ имъ запискахъ: сочиненіе это было написано въ 1550 году для Сигизмунда Августа, только что вступившаго на польскій престолъ; издатель нашелъ рукопись среди бумагъ типографщика Петра Перны, которому она была прислана изъ Польши для напечатанія.

Изданіемъ Грассера воспользовалась впослѣдствіи фирма Эльзевировъ и переиздала часть записокъ Михайла Литвина въ сборникѣ, носящемъ заглавіе: „Respublica sive status regni Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae etc. diversorum autorum Lugduni Batavorum. Ex officina Elzeviriana. Anno MDCXXVII".

Шестая статья этого сборника (стр. 165—174) озаглавлена такъ: „Quaedam ad Lituaniam pertinentia ex fragmentis Michalonis Lituani". Статья эта заключаетъ только отрывки 4-й и 5-й грассеровскаго изданія и то съ нѣкоторыми пропусками.

Уже въ недавнее время текстъ отрывковъ Михайла Литвина

ній", изданномъ Калачовымъ; онъ помѣщенъ во второй половинѣ второй книги этого изданія (Москва 1854). Калачовъ перепечаталъ весьма точно латинскій текстъ Грассера по экземпляру его сборника, принадлежащему библіотекѣ московскаго университета, и приложилъ къ нему русскій переводъ, составленный С. Шестаковымъ.

Разсматривая этотъ переводъ, мы нашли въ немъ нѣкоторыя неточности и сокращенія, сверхъ того мы не всегда могли согласиться съ переводчикомъ относительно пониманія самого текста и потому составили заново предлагаемый переводъ. Мы думаемъ, что для лицъ, занимающихся исторіею западно-русскаго края, переводъ этотъ можетъ представить нѣкоторый интересъ какъ въ виду научной важности предлагаемаго историческаго матеріала, такъ и потому, что изданіе Калачова, какъ изданіе слишкомъ спеціальное, мало распространенное, составляетъ уже теперь библіографическую рѣдкость и потому мало доступно для болѣе широкаго круга читателей. При составленіи перевода мы болѣе всего заботились о его точности, старались держаться по возможности близко къ подлиннику, вслѣдствіе чего принуждены были сохранить чрезвычайно сжатый и нѣсколько витіеватый способъ изложенія автора, полагая, что при переводѣ историческаго матеріала гораздо важнѣе возможно бо́льшая близость къ оригиналу, нежели стилистическая легкость изложенія.

Время составленія записокъ Михайла Литвина Грассеръ опредѣлилъ 1550 годомъ; цифра эта вполнѣ подтверждается тѣми данными, какія заключаются въ самомъ ихъ текстѣ. Авторъ перечисляетъ многія событія первой половины XVI столѣтія, ссылаясь на нихъ, какъ на факты изъ недавняго прошлаго; таковы его замѣтки о битвахъ: при Клецкѣ (1506), Лопушной (1512), Сокалѣ (1519), Могачѣ (1526), Ольшаницѣ (1527) и Очаковѣ (1529), равно какъ и замѣтка о пожарѣ, истребившемъ Вильно (1529). Далѣе авторъ называетъ своимъ современникомъ в. к. Іоанна IV Васильевича (вступившаго на престолъ въ 1533 г.). Перечисляя событія, случившіяся въ царствованіе Сигизмунда I († 1548), онъ всегда упо-

Наконецъ, онъ называетъ имя современнаго ему крымскаго хана Сахыбъ-Гирея, погибшаго въ 1551 году. Сопоставляя приведенныя данныя, можно довольно точно опредѣлить время составленія записокъ—это промежутокъ времени между 1548 и 1551 годами, что вполнѣ подтверждаетъ сообщенную Грассеромъ дату.

Гораздо труднѣе опредѣлить личность самого составителя. Первоначальному издателю онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Михалона Литвина. Разумѣется, Михалонъ—это латинизированное имя Михаилъ и при томъ въ той формѣ „Михайло", которая была во всеобщемъ употребленіи на Руси въ XVI столѣтіи; по латыни ее писали „Michalo" и составляли родительный падежъ отъ него на латинскій ладъ—Michalonis. Литвинъ—это, конечно, имя народа, изъ среды котораго происходилъ составитель записокъ, фамильнаго же имени нашего автора мы не знаемъ. Дѣйствительно, изъ самаго текста записокъ можно констатировать, что авторъ ихъ принадлежалъ къ народности литовской: онъ зналъ литовскій языкъ и въ 5-й книгѣ приводитъ болѣе 70 словъ, по его мнѣнію, общихъ для языковъ латинскаго и литовскаго. Въ началѣ отрывка этой главы онъ говоритъ весьма опредѣленно: „Русскій языкъ чуждъ намъ, литовцамъ, происходящимъ отъ итальянской крови".—Изъ данныхъ, относящихся къ біографіи автора, внесенныхъ въ его разсказъ, мы знаемъ только, что онъ лично посѣщалъ Крымъ и, судя по количеству собранныхъ имъ наблюденій, пробылъ въ этой странѣ довольно продолжительное время; находясь въ Крыму, авторъ не только пользовался полною свободою, но даже, какъ кажется, имѣлъ доступъ къ ханскому двору; предполагать это можно по тѣмъ подробностямъ публичной и интимной жизни Сахыбъ-Гирея, которыя мы встрѣчаемъ въ запискахъ. На этомъ основаніи, а также по смыслу обращенія литовскаго плѣнника, съ которымъ авторъ разговаривалъ въ Кафѣ и который поручалъ ему передать великому князю различныя соображенія, можно предположить, что составителемъ записокъ былъ одинъ изъ дипломатическихъ агентовъ, часто посылаемыхъ въ Крымъ литовскимъ правительствомъ.

Пересматривая изданные понынѣ документы, относящіеся къ

винѣ XVI столѣтія, мы встрѣчаемъ нѣсколько лицъ, ѣздившихъ въ качествѣ пословъ или гонцевъ въ орду, носившихъ имя Михайла. Такъ, на двухъ письмахъ Сигизмунда I къ Менгли-Гирею, писанныхъ въ 1510 г. (13 и 27 ноября) находимъ помѣтки: „Тотъ листъ посланъ до орды дякомъ Михайломъ" и „Тотъ ярлыкъ одъ короля е. м. посланъ до Мендли-Гирея, царя Перекопскаго, тымже дякомъ Михайломъ" [1]).—Въ 1511 г. письмо Сигизмунда I къ литовскому послу, находившемуся въ Крыму, начинается слѣдующими словами: „Дворянину нашему Михайлу Павшы и писарю нашему Михаилу Василевичу"; тотъ же писарь посольства, Михайло Василевичъ, снова былъ посланъ въ Крымъ въ 1513 году съ письмомъ Сигизмунда I къ Менгли-Гирею [2]). Наконецъ, въ 1538 году этотъ король обращалъ вниманіе пановъ рады литовской на то, что дипломатическія отношенія къ Крыму приняли враждебный характеръ и, между прочими фактами, указывалъ, что „царь перекопскій легкость послу его милости, Михайлу Тишковичу, тамъ въ Ордѣ выредилъ" [3]). (Документъ не указываетъ, въ чемъ состояло оказанное послу неуваженіе). Намъ кажется, что одно изъ поименованныхъ лицъ весьма правдоподобно могло быть авторомъ записокъ „О правахъ татаръ". Если допустить возможность такого предположенія, то можетъ быть составленіе записокъ скорѣе всего можно бы приписать Михайлу Тишковичу, такъ какъ его посольство въ Крымъ происходило уже при Сахыбъ-Гиреѣ, всего за 12 лѣтъ до времени составленія записокъ.

Записки Михайла Литвина представляютъ богатый запасъ свѣдѣній, относящихся къ внутренему быту великаго княжества литовскаго; въ изданной части записокъ еще болѣе уцѣлѣло свѣдѣній о бытѣ крымской орды и объ ея отношеніяхъ къ литовско-русскимъ областямъ. Впрочемъ, при всемъ богатствѣ фактическаго матеріала записокъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ одинъ крупный недостатокъ въ планѣ и характерѣ сочиненія. Авторъ имѣлъ въ виду

---

[1]) Pulaski. Stosunki Polski z tatarszczyzną, стр. 369 и 375.

[2]) Тамъ же, стр. 382, 383 и 410.

[3]) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, т. I, стр. 87 и 97.

не столько повѣствованіе о видѣнномъ и слышанномъ имъ, сколько цѣль дидактическую. Очевидно, весь разсказъ направленъ къ тому, чтобы оказать вліяніе на молодаго короля Сигизмунда-Августа и побудить его принять мѣры къ исправленію нравовъ и подъему энергіи въ средѣ литовскихъ земянъ. Съ этою цѣлью Михайло утрируетъ съ одной стороны недостатки своихъ согражданъ, съ другой добродѣтели сосѣдей, при чемъ нерѣдко впадаетъ въ противорѣчіе какъ съ самимъ собою, такъ и съ другими историческими свидѣтельствами. Впрочемъ, эту излишнюю долю шаржа читатель отличитъ весьма легко при внимательномъ чтеніи.

ОТРЫВОКЪ I.

Хотя мы считаемъ татаръ варварами и бѣдняками, но они гордятся воздержностью своей жизни и древностью своего скиѳскаго происхожденія, утверждая, что народъ ихъ происходитъ отъ Аврама и что онъ никогда не былъ никѣмъ обращенъ въ рабство, хотя и страдалъ по временамъ отъ нападеній Александра, Дарія, Кира, Ксеркса и другихъ могущественныхъ царей и народовъ.

Нынѣ татары раздѣлены на нѣсколько ордъ, т. е. народовъ; такъ, за сосѣдями нашими, перекопскими татарами и соучастниками ихъ, бѣлгородскими и добруджскими [1]), живущими на границѣ Молдавіи, къ востоку находятся могущественныя орды, враждебныя перекопской: одна ногайская, другая астраханская [2]), третья за рѣкою Танаисомъ, которая называется также Волгою [3]) — заволжская; это родина царя Батыя, опустошившаго Венгрію. Орда эта нѣкогда господствовала надъ москвитянами и всѣми русскими, теперь она примкнула къ ногайской ордѣ. Далѣе слѣдуютъ орды: казанская, казацкая, бухарская, самаркандская и, какъ сказываютъ, нѣсколько другихъ; онѣ распредѣлены между двѣнадцатью повелителями согласно обѣщанію, данному Господомъ ихъ предку Измаилу

[1]) Въ текстѣ Dobricenses.

[2]) Alia (орда) Chastorocani.

[3]) Авторъ очевидно смѣшиваетъ Волгу съ Дономъ (Tanais).

(кн. Бытія 17) [1]), что отъ него родится 12 вождей и произойдетъ великій народъ.

Среди татарскихъ ордъ перекопскіе татары слабѣе другихъ, но они живутъ ближе всѣхъ къ нашимъ предѣламъ и одни враждебны намъ; они полагаются на нашу оплошность, а также пользуются близкимъ сосѣдствомъ и удобствомъ мѣстоположенія, доставляющаго имъ безопасное убѣжище.

Дѣйствительно, перекопскіе татары имѣютъ убѣжище, укрѣпленное самою природою; два мелководные залива, изъ которыхъ одинъ называется Меотидою, вдаются отъ моря въ материкъ почти на тридцать миль длиною; въ началѣ и на всемъ протяженіи они расположены въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, но концы ихъ сближаются между собою и раздѣлены лишь узкимъ сухимъ перешейкомъ [2]), поперегъ котораго отъ одного залива къ другому тянется ровъ и высокій валъ, въ которомъ прорѣзаны ворота, представляющія единственный входъ въ страну татаръ со стороны суши.

По причинѣ этого перекопаннаго рва и крѣпость, построенную у воротъ, и весь полуостровъ, окруженный заливами, мы называемъ Перекопомъ, прежде же онъ назывался Таврикою; онъ принадлежалъ къ владѣніямъ трапезундскихъ грековъ и былъ ими заселенъ; и понынѣ живущіе на полуостровѣ греки удержали свой языкъ и вѣру. Этотъ полуостровъ омывается моремъ Понтійскимъ, которое у этой страны называется Понтомъ Евксинскимъ; хотя онъ защищенъ своимъ положеніемъ, но ни обширные заливы, ни ровъ, ни высокій валъ, ни сильная крѣпость не могли бы помѣшать хорошо устроенному войску проникнуть внутрь страны. Къ этимъ единственнымъ воротамъ, ведущимъ въ Таврику, отъ послѣднихъ литовскихъ крѣпостей, Черкасъ и Брацлава, шесть дней пути по совершенно ровной, покрытой травою степи, не прегражденной нигдѣ ни горами, ни лѣсами,

---

[1]) „О Измаилѣ же се послушахъ тебе и се благословихъ его, и умножу его зѣло: дванадесять языки родятъ, и дамъ его въ языкъ велій“. Кн. Бытія, гл. 17, стр. 20.

[2]) Авторъ имѣлъ нѣсколько неточное понятіе объ очертаніяхъ Азовскаго моря и Каркинитскаго залива.

ни болотами и не прорѣзанной, за исключеніемъ Борисѳена, рѣками, трудными для переправы. Въ самой Таврикѣ морской берегъ, а также страна у подножія горнаго кряжа покрыты взгорьями и лѣсами; эта часть заселена туземцами греками, остальная же часть полуострова, въ которой обитаютъ татары, степная. Вся страна очень плодородна, производитъ много хлѣба, вина, мяса и соли. Соль зараждается тамъ въ большомъ количествѣ въ озерахъ, вслѣдствіе сгущенія воды отъ солнечнаго припека послѣ весенняго равноденствія; она покрываетъ воду въ видѣ льда, прозрачна и часто похожа на кристаллъ. Земля, разъ только вспаханная и взборонённая вѣтвями, родитъ въ изобиліи всякаго рода хлѣбъ и виноградъ. Скотъ и лошади даже зимою пасутся въ полѣ подъ открытымъ небомъ; если они, переутомленные работою, исхудалые и истощенные, отпускаются на пастбище, то откармливаются пушистою травою, добытою изъ подъ снѣга ударами копытъ, не хуже чѣмъ у насъ на лучшихъ пастбищахъ или подъ крышею. Происходитъ это потому, что климатъ тамъ мягче, и земля тучнѣе отъ примѣси ила и соли, и растетъ особый родъ травы, постоянно зеленой, которая вкуснѣе и удивительно хорошо питаетъ скотъ, она называется *типечъ*.

Утверждаютъ, что нѣкогда въ странѣ было такое множество жителей, что въ греческихъ городахъ бывало по тысячѣ церквей, при томъ духовенство было столь заносчиво, что епископы и архимандриты ихъ не иначе вступали въ храмы, какъ верхомъ. И теперь нѣкоторые города, хотя разоренные, объемомъ своихъ стѣнъ и развалинъ напоминаютъ прежнее великолѣпіе, въ особенности городъ, называемый нами *Солхатъ*, москвитянами Крымъ, греками же онъ нѣкогда назывался Ѳеодосія [1]); также древняя столица Корсунь, въ

[1]) Рѣчь идетъ о городѣ, называемомъ нынѣ Старый Крымъ (Эски-Крымъ), лежащемъ въ 23 верстахъ къ западу отъ Ѳеодосіи на р. Чурукъ-Су. Городъ этотъ первоначально назывался *Солхатъ*, затѣмъ послѣ завоеванія полуострова татарами, получилъ новое названіе; такъ какъ первые ханы основали здѣсь свою столицу то имя города перешло и на весь подвластный имъ Таврическій полуостровъ, впослѣдствіи, когда столица хановъ была перенесена въ Бахчисарай, городъ началъ называться *Эски-Крымъ*. Авторъ по ошибкѣ смѣшиваетъ Солхатъ съ Ѳеодосіею, носившею въ его время татарское имя *Кефа*. Кефа и Солхатъ упоминаются у

которой русскій князь принялъ крещеніе и христіанское имя, потомъ она была разорена нашимъ народомъ и доставила ему добычу. Слѣды этой добычи остались понынѣ въ каменныхъ паркотахъ, мозаикахъ и стѣнныхъ обложкахъ кіевскихъ храмовъ; изъ числа ея подарены были двери въ гнѣзненскій соборъ [1]).

Такое разореніе нашими Корсуня принудило таврическихъ христіанъ, преданныхъ роскоши и лѣни, призвать себѣ въ помощь отрядъ татаръ изъ заволжской орды и поселить его у себя на феодальномъ правѣ, для отраженія нашихъ набѣговъ. Впослѣдствіи татары эти, усиливаясь мало по малу, достигли численности цѣлаго народа и избрали себѣ вождемъ нѣкоего Темиръ-Кутлука, своего соплеменника, которому присвоили титулъ царя. Но предки вашего величества, побѣдивъ этихъ подданныхъ татарскаго царя, вѣроломныхъ греческихъ вассаловъ, назначали имъ въ цари своихъ подданныхъ татаръ изъ Литвы. Послѣдній царь, назначенный изъ Литвы, былъ Ачи-Гирей, родившійся въ окрестности Трокъ, и отсюда блаженной памяти Витовтомъ посланый туда на царство. Властвуя въ Тавридѣ, онъ родилъ сына Менгли-Гирея, а этотъ нынѣшняго царя Саипъ-Гирея [2]) и его старшихъ братьевъ и предшественниковъ на царскомъ престолѣ: Мухаметъ-Гирея, Саадетъ-Гирея и Хази-Гирея [3]); такимъ образомъ благородное имя предка было принято цѣлымъ его потомствомъ, наслѣдовавшимъ послѣ него царскій престолъ. Таково происхожденіе рода Гиреовъ, насажденнаго тамъ десницею предковъ вашего величества; теперь, въ благодарность за свое возвышеніе, они причиняютъ намъ тяжелыя заботы.

Несмотря однако на процвѣтаніе въ Таврикѣ пришлаго народа и усиленіе татарскаго государства, города: Мангупъ, Кафа,

---

современныхъ ему мусульманскихъ писателей, какъ два отдѣльные города, лежавшіе въ разстояніи одного дня пути другъ отъ друга.—См. Смирнова, „Крымское ханство", стр. 56, 59, 65, 74 и т. д.

[1]) Извѣстіе ошибочное, бронзовыя двери гнѣзненскаго собора—средневѣковой германской работы, а не византійской; на нихъ изображены 18 эпизодовъ изъ житія св. Войтеха. (Lelewel, Polska wieków srednich, t. IV, st. 296—329).

[2]) Саипъ-Гирей, правильнѣе Сахибъ-Гирей, царствовалъ съ 1525 по 1551 г.

[3]) Хази, правильнѣе Гази-Гирей, ошибочно названъ сыномъ Менгли-Гирея: онъ былъ его внукомъ, сыномъ Мухамедъ-Гирея. Въ 1523 году, послѣ убіенія отца,

Керчь, Козловъ [1]) и другіе, лежащіе на берегу моря, сохранили свою самостоятельность, пока не были взяты турецкимъ войскомъ, присланнымъ изъ Константинополя около 70 лѣтъ тому назадъ.

Съ того времени потомки туземцевъ грековъ подчинились ярму турокъ и платятъ имъ поголовную подать; они занимаются хлѣбопашествомъ, винодѣліемъ и скотоводствомъ и довольно зажиточны; многіе даже имѣютъ серебряную посуду, такъ какъ они пользуются спокойствіемъ и безопасностью при болѣе разумномъ управленіи язычниковъ. Тѣмъ не менѣе жизнь ихъ не особенно пріятна, ибо они не считаются достойными какихъ либо почестей, господствующіе мусульмане относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ и не только не вступаютъ съ ними въ какое либо общеніе, но даже не удостоиваютъ ихъ другаго взгляда кромѣ презрительнаго; притомъ ихъ, даже владѣльцевъ серебряной посуды, обременяютъ работами, особенно тягостными въ воскресные дни и въ праздникъ св. Пасхи. Христіанинъ не можетъ тамъ удержать власти надъ рабомъ, ни даже надъ строптивымъ сыномъ, если тотъ обратится къ чиновнику; сами отцы семействъ могутъ при этомъ пострадать, если на нихъ донесутъ, что они словомъ или хотя бы движеніемъ пальца выразились неуважительно о магометанской религіи.

Таврика можетъ служить примѣромъ непостоянства судьбы: положеніе ея народонаселенія совершенно измѣнилось: потомки вельможъ лишены почета и свободы, презрѣны и обращены въ рабство; они утратили свои права и принуждены платить поголовную подать магометанамъ; гордые епископы, презиравшіе нѣкогда церкви Божьи, теперь сами, презрѣнные и униженные, должны пресмыкаться предъ грозными взорами турокъ и татаръ. Города, нѣкогда преисполненные огромныхъ богатствъ, гордости, веселья и шума всевозможной роскоши, нынѣ пусты и покрыты развалинами, иные сравнены съ землею и имена ихъ забыты; управители народа не благородные христіане, прирожденые его покровители, а чужеземцы язычники,

онъ былъ провозглашенъ ханомъ по выбору мурзъ, но 6 мѣсяцевъ спустя, по просьбѣ тѣхъ-же мурзъ, смѣщенъ султаномъ въ 1524 г. и ханскій престолъ предоставленъ его дядѣ Саадетъ-Гирею. (Смирновъ, Крымское ханство, стр. 393—394).

[1]) Въ текстѣ: Mancup, Caffa, Kercze, Kozlevv.

недавно вышедшіе изъ рабства, и вассалы, достигшіе вмѣстѣ свободы, и власти.

Татары до того размножились въ Таврикѣ, что могутъ выставить на войну до 30,000 войска, если подымаются по приказу всѣ вообще, даже непригодные къ военной службѣ, лишь бы могли сидѣть на конѣ. Когда въ моемъ присутствіи царь отправлялъ съ своимъ сыномъ половину войска въ помощь туркамъ въ Венгрію [1]), его насчитали 15,000; хотя въ походъ выступали отборные татары, но снарядились они обыкновеннымъ образомъ, т. е были почти безоружны; едва десятый или двадцатый изъ нихъ былъ вооруженъ саблею или колчаномъ, панцыри же встрѣчались еще рѣже; одни имѣли только палки костяныя или деревянныя, другіе были препоясаны пустыми ножнами безъ оружія. Щитовъ, копій и другаго оружія подобнаго рода они совсѣмъ не знаютъ. Точно также они никогда не стѣсняютъ себя въ походѣ ни обозами, ни какою либо ношею, ни оружіемъ, ни съѣстными припасами, кромѣ небольшаго количества поджареннаго проса или истертаго сыра. За то никто изъ нихъ не отправляется безъ нѣсколькихъ свѣжихъ ремней, особенно если набѣгъ направляется въ наши страны, тогда они больше заботятся о средствахъ для вязанія насъ, нежели объ оружіи для собственной защиты. Лошадей они всегда берутъ въ походъ очень много, такъ что почти каждый въ ихъ войскѣ ведетъ по пяти запасныхъ коней; поэтому они очень быстро совершаютъ путь во время набѣговъ, благодаря тому, что часто мѣняютъ лошадей; они съ большою легкостью убѣгаютъ отъ преслѣдованія непріятелей, не опасаясь при множествѣ лошадей ни ихъ усталости, ни голода, и при томъ наводятъ страхъ численностью оставляемыхъ ими слѣдовъ.

Они отличаются на войнѣ умѣньемъ переносить голодъ, жажду, трудъ, безсонницу, жаръ, холодъ и вообще всѣ лишенія и невзгоды климата. Походъ совершаютъ всегда безъ возовъ и безъ обозовъ съ провіантомъ, только въ сопровожденіи указаннаго боль-

---

[1]) Во время царствованія въ Крыму Сахыбъ-Гирея извѣстны три похода султана Сулеймана въ Венгрію: 1529, 1532 и 1540—1541 гг.; авторъ записокъ былъ свидѣтелемъ посылки татарскаго вспомогательнаго отряда въ одинъ изъ этихъ походовъ.

шаго количества лошадей. Они безъ особаго затрудненія, даже зимою переходятъ безъ дорогъ обширныя степи по глубокому снѣгу, несмотря на то, что ноги ихъ лошадей изъязвляются затвердѣвшимъ снѣгомъ и льдомъ; чрезъ большія и быстрыя рѣки они, не колеблясь, отлично переправляются вплавь даже зимою, когда переправа затруднена ледоходомъ; при этомъ они не употребляютъ лодокъ, а плывутъ, держась за гривы лошадей и привязавъ къ ихъ хвостамъ свой багажъ, положенный на бревна или связки камыша.

Въ битвахъ они храбрѣе москвитянъ, хотя вооруженіе ихъ хуже; въ началѣ аттаки они стараются всегда обойти лѣвое крыло непріятеля для того, чтобы удобнѣе выпускать стрѣлы. Часто, уже обращенные въ бѣгство, они останавливаются, обращаются на врага, преслѣдовавшаго ихъ и разсыпавшагося въ погонѣ, и такимъ образомъ, уже побѣжденные, вырываютъ побѣду изъ рукъ побѣдителей. Но наши одолѣваютъ татаръ, если приходится сражаться съ ними въ правильномъ строю, безъ хитростей и коварства, даже въ такомъ случаѣ, если они значительно превосходятъ насъ числомъ. Мы неоднократно испытали это подъ побѣдоносными знаменами покойнаго отца вашего величества: такъ, пять мѣсяцевъ спустя послѣ несчастнаго сраженія христіанъ съ магометанами, въ которомъ погибъ двоюродный братъ вашего величества, король Людовикъ, 5-го февраля 1527 года, на поляхъ у рѣчки Ольшаницы вблизи Черкасъ, мы перебили 25,000 перекопскихъ татаръ, хотя войско наше состояло только изъ 3,500 человѣкъ [1]). Прежде того у Клецка погибло ихъ

---

[1]) Венгерскій король Людовикъ Владиславовичъ, двоюродный братъ Сигизмунда-Августа, погибъ въ битвѣ съ турками у Могача 29 августа 1526 г. Въ началѣ 1527 г. отрядъ орды въ 26,000 ворвался въ Польшу, по приказанію султана, и опустошилъ воеводства белзское и люблинское, затѣмъ возвращался въ Крымъ чрезъ Волынь и кіевскую землю. Въ погоню за ними отправился кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій и настигъ татаръ, расположившихся на ночлегъ на берегу р. Ольшаницы между Каневомъ и Черкасами; напалъ на нихъ въ расплохъ 5-го февраля и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Только немногіе успѣли спастись бѣгствомъ; вся добыча ихъ и до 40,000 плѣнныхъ были отняты, 700 татаръ взяты въ плѣнъ, остальные погибли въ битвѣ или были перебиты во время бѣгства. (Владиславъ Салай, Исторія Венгріи, извлеченіе Н. Попова, стр. 129—130. M. Bielski, Kronika Polka, стр. 558).

27,000, сраженныхъ 9,000 нашего войска[1]). Также и въ другихъ мѣстахъ: у Давидгородка, Строшина, Чечерска, Лопушны[2]), въ обширныхъ степяхъ: у Лебедина, у Бѣлой Церкви, у рѣки Сулы и въ другихъ сраженіяхъ съ ними, сколько ихъ ни было въ текущемъ столѣтіи, наши войска вездѣ оказались сильнѣе татаръ.

У Соколя войско наше было разбито не силою, а хитростью вслѣдствіе неудобной мѣстности, потому что оно было коварно завлечено на площадь только что сожженнаго города, зіявшую множествомъ ямъ, подземелій, пещеръ и погребовъ[3]). Тогда первый разъ возгордился по отношенію къ намъ родъ Гиреевъ, когда имъ принесены были въ Таврику кровавые доспѣхи нашихъ воиновъ. Затѣмъ у Очакова, хотя наше войско сражалось храбро и побѣдило татаръ, но потомъ, по неосторожности, добровольно доставило надъ собою побѣду уже побѣжденному Осламъ-султану, отправивъ къ нему въ крѣпость своихъ вождей для переговоровъ[4]), не зная, что

---

[1]) Блестящую побѣду подъ Клецкомъ одержали литовцы надъ татарами въ началѣ августа 1506 года подъ начальствомъ князя Михаила Глинскаго.

[2]) Изъ перечисленныхъ столкновеній самая крупная битва была у Лопушной въ 1512 г.; здѣсь Константинъ Ивановичъ Острожскій съ 6,000 литовскаго войска разгромилъ 25,000 татаръ и отбилъ у нихъ плѣнныхъ и добычу.

[3]) Въ 1519 г. сильный отрядъ орды, опустошивъ земли львовскую, белзкую и люблинскую, возвращался обремененный добычею и уводя множество плѣнныхъ. На берегахъ Буга, у города Соколя ихъ настигъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ войскомъ, собраннымъ на Волыни, и вспомогательнымъ польскимъ отрядомъ. Сообразивъ силы враговъ и условія мѣстности, онъ рѣшился ожидать подкрѣпленія, но поляки, упрекая его въ трусости, самовольно начали битву, причемъ попали во время аттаки на развалины сожженнаго татарами мѣстечка и разстроили свои ряды; несмотря на всѣ усилія кн. Острожскаго, татары нанесли его отряду весьма чувствительное пораженіе и ушли домой съ добычею. Въ битвѣ погибло болѣе 1,200 рыцарей, въ томъ числѣ много знатныхъ польскихъ пановъ. (Bielski, Kronika Polska, стр. 542—543).

[4]) Въ 1529 г. начальники войска, охранявшаго границы Подоліи: Язловецкій, Сенявскій и Летальскій предприняли походъ подъ Очаковъ, разбили отрядъ татаръ и угнали ихъ стада. Оказалось, впрочемъ, что они имѣли дѣло съ татарами, подвластными Исламъ-Гирею, союзнику Сигизмунда I, который помирился было съ ханомъ Сахыбъ-Гиреемъ и получилъ отъ него въ удѣлъ Очаковъ. Узнавъ объ этомъ, предводители возвратили стада и сами поѣхали въ Очаковъ для свиданія съ Исламъ-Гиреемъ по его приглашенію. Татары воспользовались ихъ отсутствіемъ и разгромили войско, оставшееся безъ предводителей. Bielski l. c. стр. 560).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

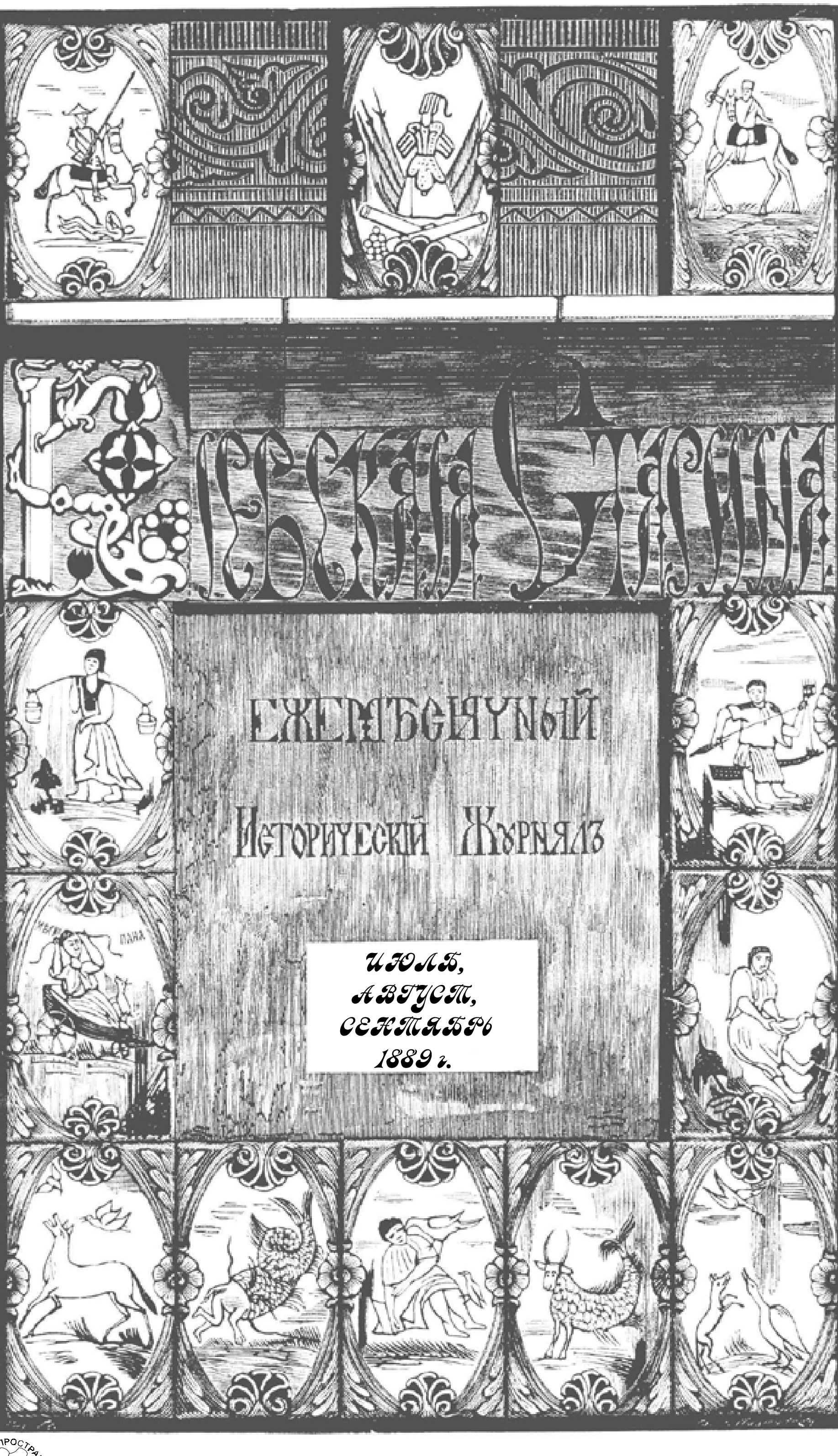
Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.



Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVI 1889 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXIV. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1889.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1888—89 XVI+470+XXX стр. Цѣна три рубля съ пересылкою. Отдѣльно второй выпускъ цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За перес. прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

ІЮЛЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 21 іюня 1889 г.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
русской великой княгини Ольги св.

I.

«О происхожденіи этой безсмертной жены, о мѣстѣ ея рожденія, возрастѣ, образованіи и многихъ другихъ небольшихъ обстоятельствахъ, которыя такъ хотѣлось бы знать,—*никто ничего не знаетъ*». Такъ выразился Шлецеръ при сличеніи лѣтописныхъ и житійныхъ извѣстій объ Ольгѣ въ своемъ знаменитомъ «Несторѣ», изд. въ 1805—1809 гг. на нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1809—1819 гг. въ русскомъ переводѣ Языкова [1]). Прошли десятки лѣтъ усиленнаго труда надъ разработкою начальнаго періода нашей исторіи,—и замѣчаніе Шлецера пришлось повторить одному изъ наиболѣе свѣдущихъ и ученыхъ представителей этого труда М. П. Погодину, который выражается такъ: «о родѣ супруги Игоря, великой княгини Ольги, безсмертной по многимъ отношеніямъ, до сихъ поръ не сказано было ничего рѣшительнаго» [2]). Эти слова Погодина кстати поставлены эпиграфомъ къ новому ученому сообщенію объ Ольгѣ, предлагающему новое рѣшеніе вопроса о ея происхожденіи. Это сообщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, намѣстника Троицкой лавры, которому наука обязана уже многими, весьма цѣнными учеными открытіями, сообщеніями и изслѣдованіями въ области древней русской исторіи и письменности, преимущественно церковной. Оно предложено въ іюльской кн. «Русской Старины» за минувшій годъ ко времени бывшаго юбилея 900-лѣтія крещенія Россіи, въ статьѣ, существующей и въ отдѣльномъ изданіи, подъ заглавіемъ: *Откуда родомъ была св. великая княгиня*

---

[1]) Часть II, стр. 591.

[2]) Изслѣд. замѣч. и лекціи по русской исторіи. т. III, стр 88. М. 1846 г.

русская Ольга? На это сообщеніе уже было обращено вниманіе печати при обзорахъ статей, брошюръ и изданій, вышедшихъ по поводу юбилейнаго празднества, но обстоятельнаго сужденія о немъ, сколько помнится, не высказано. Передадимъ вкратцѣ сущность новаго сообщенія о св. Ольгѣ.

Занимаясь описаніемъ рукописей покойнаго графа А. С. Уварова, о. арх. Леонидъ въ запрошломъ году нашелъ, въ одномъ историческомъ сборникѣ XV в., любопытный отрывокъ изъ древняго лѣтописца, гдѣ описываются въ сжатомъ видѣ событія русской исторіи съ 862 по 1174 г. (до смерти Андрея Боголюбскаго). Лѣтописецъ, по содержанію, можетъ быть названъ *владимірскимъ*, ибо въ немъ обращено особенное вниманіе на Владиміръ и его святыни. А время составленія его опредѣляется находящимся въ началѣ его «Родословцемъ» русскихъ князей, въ которомъ послѣднимъ упоминается сынъ Іоанна III Иванъ Младой, сконч. въ *1490* г., слѣдовательно, лѣтописецъ писалъ *въ исходѣ XV в.* Неизвѣстный лѣтописецъ въ изложеніи событій слѣдуетъ, очевидно, указаніямъ нашей первоначальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній, встрѣчающихся на первыхъ годахъ оной, а мѣстами дѣлаетъ весьма важныя и любопытныя *дополненія и поясненія* нѣкоторыхъ мѣстъ своего источника. Для примѣра приложенъ отрывокъ изъ лѣтописца, относящійся ко времени отъ Рюрика до Владиміра. Изъ этого отрывка взято ученымъ изслѣдователемъ для настоящаго сообщенія слѣд. мѣсто: *Игоря же жени* (Олегъ) *въ Болгарѣхъ, поятъ же за него княжну, именемъ Ольгу. И бысть мудра вельми»*. Далѣе затѣмъ описывается походъ Олега на Царьградъ.

Итакъ, по этому извѣстію, Ольга была родомъ *княжна изъ Болгаріи*. Изслѣдователь находитъ, что это извѣстіе наиболѣе достовѣрно. Этотъ выводъ уясняется и подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) На вопросъ о родѣ Ольги дается, повидимому, утвердительный отвѣтъ въ лѣтописи подъ 903 годомъ, гдѣ говорится: «Игореви же возрастшю и хождаше по Олзѣ и слушаше его. И приведша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу». Этотъ Плесковъ обыкновенно отождествляется съ русскимъ Псковомъ, который въ лѣтописяхъ также называется Плесковомъ. Замѣна древняго названія Плесковъ новымъ названіемъ Псковъ начинается еще съ Лаврентьевскаго списка лѣтописи, гдѣ подъ 903 г. стоитъ именно отъ *Пскова*, тогда какъ въ Ипатьевскомъ—*отъ Плескова*. Изслѣдователь полагаетъ, что варіантъ отъ

Пскова вмѣсто Плескова едва ли можетъ быть приписанъ начальному лѣтописцу. Скорѣе онъ принадлежитъ писцу XIV вѣка, т. е. Лаврентію, списавшему лѣтопись въ 1377 г., когда названіе Псковъ было извѣстно лучше, чѣмъ Плесковъ, ставшее уже только книжнымъ и уступившее мѣсто новому названію Псковъ. При томъ переписчику не мудрено было и не разобрать неизвѣстнаго ему слова, ибо подлинникъ, съ котораго онъ списывалъ, какъ извѣстно, былъ «ветшанъ».

Но съ наибольшею рѣшительностью тождество Плескова съ русскимъ Псковомъ утверждается въ явившемся въ XVI вѣкѣ пространномъ житіи Ольги, приписываемомъ извѣстному іерею Сильвестру, гдѣ говорится, что св. Ольгу «произведе Плесковская страна, иже отъ области царствія русскія земи, отъ веси нарицаемыя Выбутской, близь предѣлъ нѣмецкія власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Изслѣдователь указываетъ на голословность этого извѣстія, сообщеннаго безъ всякихъ ссылокъ на какое либо письменное свидѣтельство, а только на основаніи мѣстныхъ преданій, никѣмъ и ничѣмъ не провѣренныхъ. Въ частности, самая легенда о Выбутской веси, внесенная въ житіе, принадлежитъ къ циклу мѣстныхъ легендъ позднѣйшаго времени, когда св. Ольга уже сдѣлалась героинею народныхъ сказаній. Итакъ, устраняя позднѣйшій варіантъ Пскова вмѣсто Плескова и еще болѣе позднія прибавки пространнаго житія XVI в., мы остаемся при начальномъ извѣстіи, что Ольга была родомъ изъ Плескова.

2) Не оспаривая этого извѣстія, не слѣдуетъ однако удовлетворяться имъ и поискать разъясненія его, имѣя въ виду то обстоятельство, что въ началѣ X в. былъ лишь одинъ Плесковъ, городъ въ Болгаріи, по свидѣтельству Кодина, построенный Константиномъ В. близь Преславы [1]), между тѣмъ, какъ о русскомъ Плесковѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ.

3) Бездоказательное мнѣніе о русскомъ Псковѣ, какъ родинѣ Ольги, могло быть принято, надо полагать, только потому, что доселѣ не имѣлось въ виду ни одного свидѣтельства о томъ, чтобы до написанія пространнаго житія Ольги, т. е. до XVI в. существовало у нашихъ предковъ иное мнѣніе объ этомъ предметѣ, поясняющее или дополняющее сказаніе о томъ начальной лѣтописи. Теперь существованіе такого мнѣнія утверждается какъ фактъ, выражаемый

---

[1]) Ссылка на Шафарика (т. II, кн. 1, стр. 361).

именно извѣстіемъ владимірскаго лѣтописца о происхожденіи Ольги изъ Болгаріи, гдѣ и былъ тотъ, въ началѣ X в. единственный Плесковъ, который позже ошибочно отождествленъ съ русскимъ Псковомъ. Такимъ образомъ совокупностію свидѣтельствъ начальной лѣтописи о Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги, владимірскаго лѣтописца о происхожденіи Ольги изъ Болгаріи, при сопоставленіи ихъ съ указаніями на существованіе въ Болгаріи Плескова, положительно утверждается, что Ольга была родомъ изъ Болгаріи, изъ тамошняго города Плескова, и при томъ изъ княжескаго рода.

4) Утвердивъ такой выводъ, изслѣдователь дѣлаетъ еще два предположенія: а) русскій Плесковъ, позднѣйшій Псковъ, основанъ Ольгою по памяти о ея родномъ болгарскомъ Плесковѣ, во время поѣздки ея по новгородской области, о которой сообщаетъ начальная лѣтопись и о которой сохранились мѣстныя преданія, а потомъ народное чувство псковитянъ, пользуясь или побуждаясь тождественностью названія своего города съ названіемъ дѣйствительной родины Ольги, пріурочило къ своему городу и самую родину Ольги, для возвеличенія его, какъ именно родины славной въ легендахъ и пѣсняхъ Ольги. б) Что касается до имени Ольги, то оно, въ замѣнъ прежняго славянскаго имени, могло быть дано ей Олегомъ, бывъ взято имъ отъ собственнаго имени.

5) Съ признаніемъ факта болгарскаго происхожденія Ольги получаютъ новое освѣщеніе слѣдующія два явленія нашей изначальной исторіи:

а) Присутствіе въ свитѣ Ольги, во время путешествія ея въ Царьградъ, пресвитера Григорія, родомъ, какъ оказывается, болгарина. Извѣстно свидѣтельство Константина Порфирогенета, что во время двухъ пріемовъ Ольги при дворѣ императорскомъ, въ свитѣ ея находился παπᾶς Γρηγόριος. О личности этого Григорія высказано было еще въ 1851 г. интересное мнѣніе кн. Оболенскимъ, извѣстнымъ издателемъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго». Въ предисловіи къ этому изданію [1]) князь Оболенскій сопоставляетъ слѣдующія два указанія на личность Григорія: первое въ самомъ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ лѣтописныхъ сводахъ Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ, при выпискѣ изъ служившей источникомъ для нашей начальной лѣтописи хроники Георгія Амартола, читаются

---

[1]) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго и предисловіе къ нему—во Временникѣ Имп. М. общ. ист. и др. 1851 г. кн. IX.

слова—*Георгій* рече въ лѣтописаніи,—въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго читается: *Григорій* рече въ лѣтописаніи. Второе: въ заглавіи древняго славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы, также извѣстной древнему нашему лѣтописцу, говорится: «книги завѣта Божія Ветхаго, сказующе образы Новаго, истинну сущу, преложенныя отъ греческаго языка на словенскій при князѣ болгарскомъ Симеонѣ, сынѣ Бориса, *Григоріемъ* пресвитеромъ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей, повелѣніемъ того книголюбца князя Симеона, наипаче же рещи боголюбца». Князь Оболенскій признаетъ, что Григорій переводчикъ Іоанна Малалы и Григорій Переяславскаго лѣтописца—одно и то же лице, т. е. что этотъ Григорій былъ переводчикомъ не только хроники Іоанна Малалы, но и хроники Георгія Амартола, такъ что нашъ начальный лѣтописецъ пользовался хроникою Амартола именно въ славянскомъ переводѣ Григорія пресвитера, славившагося своими переводными трудами при болгарскомъ царѣ Симеонѣ (888—927). Ссылаясь на эти указанія и выводы князя Оболенскаго, архимандритъ Леонидъ съ своей стороны присоединяетъ новое указаніе на Григорія, какъ переводчика хроники Амартола. Именно, въ древнѣйшемъ извѣстномъ намъ спискѣ переводной Амартоловой хроники XIII в. [1]) съ лицевыми изображеніями, есть изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ, а на подножіи престола есть почти незамѣтная, мельчайшая надпись: «многогрѣшный рабъ Божій Григорій»—надпись, прибавимъ, открытая и прочитанная о. Леонидомъ. Затѣмъ, подобно князю Оболенскому, о. Леонидъ отождествляетъ Григорія, переводчика Амартоловой хроники, съ Григоріемъ, бывшимъ при Ольгѣ св. Съ признаніемъ болгарскаго происхожденія Ольги уясняется переходъ къ ней въ Русь изъ Болгаріи болгарскаго пресвитера Григорія и его положеніе при ней. Переходъ этотъ послѣдовалъ тогда, когда Болгарія по смерти царя Симеона стала клониться къ упадку, и многіе признаки указывали на близкій конецъ ея. Съ такими выводами объ Ольгѣ и Григоріѣ гармонируетъ мнѣніе, что Ольга была тайною христіанкою еще до путешествія въ Царьградъ, что туда отправлялась она не для крещенія, а для чего то другаго, всего вѣроятнѣе, для того, чтобы испросить своему сыну царскій титулъ, какой имѣлъ въ свое время Симеонъ Болгарскій, при которомъ прежде, на своей родинѣ, служилъ Григорій пресвитеръ. Этотъ Григорій, знатокъ и греческаго языка и византійскихъ обычаевъ,

[1]) Этотъ списокъ, бывшій въ троицкой, нынѣ—въ библіотекѣ московской дух. академіи.

былъ не только полезенъ, но и необходимъ для Ольги въ предстоявшихъ сношеніяхъ ея съ византійскимъ дворомъ, во время которыхъ Ольга держала себя съ достоинствомъ. б) Болгарскимъ происхожденіемъ Ольги—матери Святослава, объясняется усиленное желаніе его завоевать Болгарію и тамъ основать свою державу. Въ Болгаріи онъ видѣлъ страну, ему родную и считалъ себя имѣющимъ на нее болѣе правъ, чѣмъ византійцы. Даже то вѣроятно, что именно болгарскій пресвитеръ Григорій могъ внушить Святославу мысль завоевать Болгарію не для грековъ, а для себя.

Таково, въ главныхъ чертахъ, ученое сообщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, сосредоточенное на открытомъ имъ новомъ лѣтописномъ извѣстіи о родѣ Ольги. Интересъ извѣстія и выводовъ, установляемыхъ чрезъ сопоставленіе его съ другими данными нашей начальной исторіи, понятенъ самъ собою. Выводы эти настолько симпатичны, что хотѣлось бы принять ихъ во всей ихъ совокупности [1]). Удовлетворяя такому настроенію, присовокупимъ еще нѣсколько замѣчаній, могущихъ придавать правдоподобіе выводамъ, основаннымъ на новооткрытомъ извѣстіи владимірскаго лѣтописца. Прежде всего, пополнимъ сдѣланное о. архим. Леонидомъ указаніе на болгарскій Плесковъ. Въ Болгаріи существовалъ городъ *Плискува*, о которомъ имѣются извѣстія у византійскихъ писателей. Левъ Діаконъ, описавшій, какъ очевидецъ, войну нашего Святослава съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ въ Болгаріи, говоря о первой битвѣ между ними у Доростола, замѣчаетъ, что Цимисхій, направляясь отъ Преславы къ Доростолу, взялъ городъ, называемый Πλίσκουβα [2]). Кедринъ (XI в.) въ своей хроникѣ, говоря о войнѣ Василія II Болгаробойца съ Самуиломъ болгарскимъ, сообщаетъ, что въ 1000 г. императоръ послалъ за Балканы войско подъ начальствомъ патриція Ѳеодоракани и протоспафарія Никифора Ксифіи и взялъ города Великую и Малую Преславу и Πλίσκουβαν [3]). Анна Комнина въ своей «Алексіадѣ», описывая походъ Алексѣя Комнина въ Болгарію, говоритъ, что императоръ пришелъ къ Вицинѣ и оттуда на разсвѣтѣ устремился на городъ Πλίσκουβαν, взялъ его, потомъ пошелъ на крѣ-

[1]) Эти выводы, во всей ихъ совокупности или съ небольшими ограниченіями, уже и приняты нѣкоторыми рецензентами сообщенія о. архим. Леонида, въ числѣ ихъ и многоуважаемымъ г. Иловайскимъ (Историко-критическія замѣтки. Русскій Вѣстникъ. Декабрь. 1888 г.).

[2]) Patr. Graci edit. Migne, T. 117, p. 857.

[3]) Ibid. T. 131, p. 541.

пость Симеона [1]). Кодинъ (XIV в.) въ своемъ сочиненіи о началѣ Константинополя и византійской имперіи, упоминаетъ о войнѣ Константина В. съ скиѳами при Дунаѣ и замѣчаетъ, что, побѣдивъ скиѳовъ, Константинъ В. построилъ тамъ города Преславу, Дистру (Доростолъ), Плискуву и Константину (нынѣ Кюстенджи) [2]). Что Константинъ В. велъ войну съ скиѳами при Дунаѣ, въ которой помогали ему херсоняне, это довольно извѣстный историческій фактъ. Преданіе же о строеніи Константиномъ В. городовъ въ придунайской Скиѳіи, кромѣ поздняго писателя Кодина, встрѣчается у Льва Діакона, который, впрочемъ, упоминаетъ только о построеніи этимъ царемъ Дистры, т. е. Доростола [3]). Итакъ, болгарскій городъ Плискува, однозвучный съ Плесковомъ, существовалъ, считался у византійцевъ древнимъ городомъ въ Скиѳіи придунайской, находился по южной сторонѣ нижняго Дуная между Преславою и Доростоломъ, къ сѣверу отъ первой и къ югу отъ послѣдняго. Болгарская Плискува была извѣстна и нашимъ стариннымъ книжникамъ, о чемъ имѣется свидѣтельство отъ XIV в., на которое и указывается въ статьѣ архимандрита Леонида и о которомъ будетъ у насъ рѣчь ниже [3]). Здѣсь же къ изложеннымъ даннымъ о болгарской Плискувѣ присовокупимъ слѣдующее. Во время Олега русская держава почти примыкала къ той области Болгаріи, гдѣ находился этотъ и сосѣдніе съ нимъ названные выше города. У лѣвой стороны нижняго Дуная жили угличи и тиверцы, съ которыми Олегъ воевалъ въ 885 г. и которые съ той поры находились подъ его властію или въ союзѣ съ нимъ, потому что въ 907 г. участвовали въ походѣ его на Грецію. При такой близости южной границы Олеговой Руси съ границею упомянутой болгарской области представляется допустимою мысль о возможности сношеній Олега съ нею, которыя въ свою очередь открывали возможность привесть оттуда жену для Игоря. Припомнимъ еще, что Святославъ привелъ изъ Болгаріи плѣнную гречанку и за ея красоту отдалъ ее въ жены Ярополку, отъ котораго она досталась Владиміру. А у Владиміра были жены болгарыня и чехиня, о которыхъ слѣдуетъ думать, что онѣ приведены были первая изъ Болгаріи, вторая

---

[1]) Ibid. T. 131, p. 541.

[2]) Ibid. T. 157 p. 464.

[3]) Ibid. T. 117 p. 854.

[4]) Въ означенномъ свидѣтельствѣ названіе Плискува переиначено въ названіе *Плиска*. Переиначеніе названія Плискува въ *Плесковъ* и на русскомъ говорѣ, конечно, вполнѣ возможно. У болгаръ говорили *Преслава*, у насъ Переяславль.

изъ Чехіи, хотя лѣтопись не отмѣчаетъ времени и обстоятельстъ, при какихъ онѣ приведены. Чтó могли дѣлать Святославъ и Владиміръ, то, повидимому, могъ дѣлать и Олегъ, конечно, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Олегъ, опекунъ Игоря, могъ искать для наслѣдника престола жены *княжескаго* рода и при томъ въ такой сосѣдней странѣ, населеніе которой было родственно съ населеніемъ бывшей подъ его властію Руси.

Само собою понятно, что приведенными данными о болгарской Плискувѣ и соображеніями о возможности приведенія Ольги изъ сосѣдней и единоплеменной Болгаріи—далеко еще не рѣшается дѣло. Предстоитъ такъ или иначе опредѣлить значеніе прямыхъ свидѣтельствъ о происхожденіи Ольги, къ которымъ теперь и переходимъ.

II.

Доселѣ были извѣстны слѣдующія свидѣтельства о происхожденіи Ольги:

1) Свидѣтельство начальной лѣтописи, говорящей, что Ольга была приведена *изъ Плескова*, какъ читается въ Ипатскомъ спискѣ, или изъ *Пскова*, какъ читается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Здѣсь возникаютъ три вопроса. Первый: есть ли послѣднее чтеніе, ясно отождествляющее Плесковъ съ Псковомъ, лишь позднѣйшій варіантъ, принадлежащій переписчику Лаврентію, писавшему въ 1377 г.? Вмѣстѣ съ достопочтеннымъ авторомъ новаго изслѣдованія о происхожденіи Ольги и мы находимъ это вполнѣ вѣроятнымъ, на основаніи тѣхъ же указаній и соображеній, какія приведены авторомъ, а также и другихъ, которыя обозначатся сами собой въ дальнѣйшемъ изложеніи. Но надо сознаться, что такой выводъ о чтеніи названія города, бывшаго родиною Ольги, почти не измѣняетъ дѣла. Съ признаніемъ за несомнѣнное, что чтеніе Плесковъ подъ 903 г. было начальнымъ чтеніемъ въ лѣтописи, возникаетъ второй вопросъ: что разумѣлъ лѣтописецъ, т. е. лѣтописецъ начала XII в., подъ тѣмъ Плесковомъ, изъ котораго, какъ онъ говоритъ подъ 903 г., приведена была Ольга? Безъ всякого сомнѣнія онъ разумѣлъ *русскій* Плесковъ, т. е. позднѣйшій Псковъ. Лѣтописецъ отлично поясняетъ самъ себя, когда, сказавъ подъ 903 г. о приведеніи Ольги изъ Плескова, затѣмъ подъ 947 г. говоритъ о Плесковѣ, какъ городѣ, находившемся въ сосѣдствѣ съ новгородскою областію, потому что говоритъ о немъ при описаніи поѣздки Ольги въ эту область, давая понять, что она

посѣтила при этомъ *Плесковъ*, гдѣ «сани ея стоятъ до сегодне» [1]. Впрочемъ общеизвѣстно, что русскій Плесковъ носитъ это свое названіе и въ начальной лѣтописи, и въ ея продолженіяхъ по обоимъ спискамъ, и въ другихъ лѣтописяхъ до XIV в., когда въ перемежку съ нимъ выступаетъ новое названіе Псковъ, которое затѣмъ и утверждается [2]). Но можетъ быть поставленъ и третій вопросъ: не могъ ли ошибиться самъ лѣтописецъ въ своемъ представленіи о русскомъ Плесковѣ, какъ роднпѣ Ольги, которое усвоено отъ него и другими? Онъ писалъ въ нач. XII в., и могъ имѣть предъ собою болѣе древнюю запись о приведеніи Ольги изъ Плескова, но, не зная о болгарскомъ Плесковѣ, отождествилъ его съ русскимъ Плесковомъ, существовавшимъ *въ его время*. Но на какомъ основаніи будемъ приписывать лѣтописцу подобную ошибку? Чѣмъ исправимъ ее? Если бы мы имѣли какое либо *болѣе древнее* или по крайней мѣрѣ современное или даже только близкое ко времени лѣтописца свидѣтельство, что Ольга происходила изъ болгарской Плисковы, а не русскаго Плескова, то и тогда могъ бы быть еще вопросъ о томъ: какое изъ двухъ современныхъ свидѣтельствъ достовѣрнѣе? А какъ такого свидѣтельства не имѣемъ, то не можетъ быть и рѣчи объ устраненіи яснаго свидѣтельства начальной лѣтописи о русскомъ Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги.

2) Тождественное значеніе съ свидѣтельствомъ начальной лѣтописи имѣетъ свидѣтельство «Проложнаго житія» Ольги XIV в., въ которомъ говорится: си блаженная Ольга, родомъ *Пльсковытыни* [3]). Вообще не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что авторъ житія назы-

---

[1]) Въ статьѣ „Откуда была родомъ св. Ольга?“ замѣчается, будто выраженія „*а се сани ея въ Плесковѣ*“ нѣтъ въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, что поэтому не было его и въ начальной лѣтописи. Но это случайный недосмотръ. Указанное выраженіе есть въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, какъ есть и въ другихъ лѣтописяхъ. Что касается до самыхъ этихъ саней, то вопросъ о нихъ пока неваженъ; важны намъ пока не сани, а Плесковъ 947 г., поясняющій значеніе Плескова 903 г.

[2]) *Плесковъ* часто пишется въ лѣтописи *Пльсковъ*, отсюда и образовалось сокращенное названіе Псковъ. Примѣровъ подобнаго переиначиванія древнихъ названій городовъ есть довольно. Древній *Полотескъ* переименованъ въ *Полоцкъ*, *Выдбескъ*—въ *Витебскъ* и т. под.

[3]) Новѣйшее изданіе этого житія есть изданіе г. Соболевскаго въ его трудѣ „Въ память исполнившагося 900 лѣтія со времени крещенія Руси“, помѣщ. въ „Чтеніяхъ въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца“ кн. II. отд. II стр. 67—68. Кіевъ 1888 г.

ваетъ Ольгу такъ по русскому, а не по болгарскому Плескову. Если бы у него существовало представленіе о болгарскомъ происхожденіи Ольги, то онъ скорѣе назвалъ бы ее *болгарыня*, какъ называетъ лѣтопись женъ Владиміра: *грекиня*, *болгарыня*, *чехиня*. Только при представленіи о русскомъ происхожденіи Ольги, авторъ житія могъ назвать ее *пльсковитянкою*, т. е. назвать по городу, а не по странѣ не по національности.

3) Слѣдующимъ послѣ лѣтописи и древняго, краткаго проложнаго житія должно быть поставлено свидѣтельство втораго, или позднѣйшаго проложнаго житія ея, съ которымъ находится въ связи еще болѣе позднее и пространное житіе ея, помѣщенное въ Макарьевской Четьи-Минеѣ и въ Степенной книгѣ. Второе проложное житіе извѣстно въ рукописи XVI в., по которой оно издано преосвященнымъ Макаріемъ [1]). Начиная рѣчью о родѣ Ольги, житіе повѣствуетъ: «святая великая княгиня Ольга родися въ Плесковской странѣ в веси, зовомыя Выбуто. Отца же имѣяше некрещенна суща, такожъ и матерь некрещену отъ языка варяжска; и отъ рода не княжеска, ни отъ вельможъ, но отъ простыхъ бяше человѣкъ. О имени же отца и матери писаніе нигдежъ изъяви». Житіе Ольги, помѣщенное въ Макарьевскихъ Четьи-Минеяхъ подъ 11 іюля, есть только болѣе распространенное повтореніе проложнаго житія. Но повторяя слово въ слово сейчасъ приведенное начало послѣдняго и въ частности то замѣчаніе, что «о имени отца и матери Ольги писаніе нигдѣ же не изъяви», минейное житіе прибавляетъ: «но токмо *въ повѣстѣхъ многихъ* обношашеся о рожденіи ея, яко Выбутская весь изнесе Святую и породи». Къ замѣчанію, что Выбутская весь находилась близь Пскова, присоединяется: граду оному тогда не сущу» [2]). Преданіе о происхожденіи Ольги изъ веси Выбутской пространно разработано въ новомъ житіи Ольги, которое помѣщено въ «Степенной книгѣ [3]), и приписывается одними изслѣдователями знаменитому при Грозномъ священнику Сильвестру, другими—священнику Василію, въ монашествѣ Варлааму, извѣстному своими житійными, часто баснословными, сказаніями, въ которыхъ обильно упражнялся онъ при архіеп. Макаріѣ въ Новгородѣ и Псковѣ [4]). Распространяя извѣстіе пролож-

[1]) Истор. русск.церкви. Т. I. стр. 87 и приложеніе № 5. Изд. 2-е. Спб. 1868 г.

[2]) У Погодина, Изслѣдов. по русск. ист. Т. III. стр. 90 М. 1846 г. Татищевъ. II, 373.

[3]) Ч. I. стр. 6—11.

[4]) Сильвестру приписываетъ это житіе Погодинъ, ссылаясь на то, что въ одной рукописи житіе озаглавлено: „Житіе великія княгини Ольги, списано любо-

наго и минейнаго житія о происхожденіи Ольги, авторъ новаго житія выражается, что «святую Ольгу произведе плесковская страна, иже отъ области царствія русской земли, отъ веси, именуемыя Выбутской, близъ предѣлъ Немѣчскія власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска и ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Затѣмъ слѣдуетъ подробный, очевидно, сочиненный, но не лишенный интереса по своей нравоучительной подкладкѣ разсказъ о томъ, какъ послѣдовало первое знакомство Игоря съ Ольгою, заронившее въ молодомъ княжичѣ любовь къ ней, тогда простой дѣвушкѣ, и поведшее къ женитьбѣ его на послѣдней [1]). Въ приведенныхъ житійныхъ сказаніяхъ о происхожденіи Ольги отмѣтимъ слѣдующія стороны: а, установившееся представленіе о русской плесковской странѣ, какъ родинѣ Ольги. Безъ сомнѣнія, оно установилось на основаніи свидѣтельства начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ Плескова и даетъ видѣть, что подъ нимъ разумѣлся именно русскій Плесковъ, или Псковъ, какъ разумѣлъ переписчикъ Лаврентьевской лѣтописи, писавшій въ 1377 г. и, безъ сомнѣнія и самъ начальный лѣтописецъ XII в. б) Но замѣна Плескова находившимся близь него селомъ Выбутино есть уже плодъ собственнаго домысла авторовъ житійныхъ сказаній, который однакоже долженъ былъ имѣть въ чемъ либо для себя опору или поводъ. Такою опорою или поводомъ могло быть мѣстное устное или письменное преданіе. И оно существовало и при томъ было довольно давнимъ и распространеннымъ: минейное житіе XVI в. выражается, что въ *повѣстьхъ многихъ* обношашеся, яко Выбутская весь изнесе святую (Ольгу) и породи». Откуда взя-

---

мудрымъ пресвитеромъ Сильвестромъ царствующаго града Москвы". (ib. III, 89; IV, 40). Василію усвояетъ это житіе преосв. Филаретъ (Житія русск. свят. Іюль. 11 день), имѣя въ виду страсть Василія къ баснословію, которымъ переполнено и это житіе.

[1]) Молодой Игорь былъ на охотѣ въ плесковской области на р. Великой. Замѣтивъ „ловъ желанный" на другой сторонѣ рѣки, онъ позвалъ стоявшаго у того берега лодочника съ лодкой и велѣлъ перевезти себя на тотъ берегъ. Плывя въ лодкѣ, князь замѣтилъ, что лодочникъ—дѣвушка и—весьма красивая. Прельстившись на нее, Игорь позволилъ себѣ нескромныя рѣчи. Дѣвушка—то была Ольга,—умнымъ и смѣлымъ отвѣтомъ пристыдила молодаго князя, грозя вмѣстѣ съ тѣмъ, что она бросится въ воду и утопится, если онъ не уймется. Игорь тотчасъ унялся и уже не могъ забыть Ольги. Когда пришла ему пора жениться и думали отыскивать невѣсту ему, Игорь вспомнилъ о плесковской дѣвушкѣ—перевозчицѣ, и послалъ за нею Олега. Приведенная съ великою честію, Ольга стала женою Игоря.

лось это преданіе, обносившееся въ повѣстѣхъ многихъ, т. е. въ письменныхъ сказаніяхъ объ Ольгѣ? По всей вѣроятности, первою основою его послужили сохранившіяся въ Ник. лѣтописи двѣ записи о *Будутинѣ*, какъ селѣ Ольги, въ которое она сослала было мать Владимірову, Малушу, и которое, «умираючи завѣщала св. Богородицѣ», т. есть какой то Богородичной церкви [1]). Весьма вѣроятно, что эти записи, хотя, встрѣчающіяся уже въ поздней лѣтописи, какова Никоновская, взяты изъ какихъ либо другихъ лѣтописныхъ записей. Что касается до самаго села Выбутина, то подъ нимъ обыкновенно разумѣютъ село *Любуты*, *Выбуты*, или же село *Буденинъ*: оба села извѣстны по близости Пскова и въ позднѣйшія времена и связываются въ мѣстныхъ преданіяхъ съ именемъ Ольги [2]). Наконецъ, поощреніемъ къ перенесенію родины Ольги съ Пскова на близь лежавшее отъ него село Выбутино служила мысль, высказываемая въ минейномъ житіи, что самый городъ Псковъ еще не существовалъ во время женитьбы Игоря на Ольгѣ, и развившаяся въ связи съ мыслію, проводимою въ Степенной книгѣ, что городъ этотъ основанъ уже Ольгою, когда она была уже христіанкою. Къ домыслу о Выбутской веси, какъ родинѣ Ольги, присоединяется въ житійныхъ сказаніяхъ XVI в. другой домыселъ—о томъ, что она происходила не изъ княжескаго, ни изъ вельможескаго рода, но отъ простыхъ людей. Если первый домыселъ могъ имѣть свою опору въ преданіи о Будутинѣ, какъ селѣ Ольгиномъ, то второй есть, безъ сомнѣнія, уже просто собственный, личный домыселъ одного изъ авторовъ сказаній, усвоенный послѣ него и другими. Онъ явился, какъ естественный выводъ изъ перваго домысла: если Ольга происходила изъ села, то она и была поселянка, простая сельская дѣвушка. Такой выводъ поощрялся и тѣмъ, отмѣчаемымъ въ житіяхъ обстоятельствомъ, что объ именахъ отца и матери Ольги «нигдѣ же писаніе изъяви». Слѣдовательно, это были люди безвѣстные, простые.

4) Однако же вмѣстѣ съ этимъ утверждается, что Ольга была «варяжскаго рода». Это утвержденіе не гармонируетъ съ мыслью о простонародномъ происхожденіи Ольги, ибо варяги принадлежали у насъ не къ простонародью, а къ высшему классу. Авторы житій или забыли объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, или, что̀ вѣроятнѣе, вынуждались къ признанію Ольги варяжкою самимъ именемъ ея, од-

---

[1]) П. собр. русск. лѣт. IX, 135, 154.

[2]) М. Евгенія, Исторія княж. псковскаго, стр. 10.

позвучнымъ съ именемъ Олега, котораго считали варягомъ такъ же, какъ Рюрика и Игоря.

5) Слѣдующимъ затѣмъ свидѣтельствомъ о происхожденіи Ольги можетъ быть поставлено приводимое Татищевымъ свидѣтельство бывшаго у него въ рукахъ *раскольничьяго списка* лѣтописи, гдѣ сказано, что Ольга была приведена *изъ г. Изборска.* «И сіе право, прибавляетъ отъ себя Татищевъ, ибо Пскова тогда еще не было [1]». Возможно, что Татищевъ повторяетъ здѣсь мысль самаго составителя раскольническаго списка лѣтописи, т. е. что самъ этотъ составитель, позволявшій себѣ, подобно авторамъ житійныхъ сказаній, вносить свои домыслы въ списываемую лѣтопись, перенесъ родину Ольги, съ Плескова на Изборскъ, извѣстный еще при Рюрикѣ.

6) Бóльшею оригинальностью отличается показаніе о родѣ Ольги такъ называемой Іоакимовой лѣтописи, оглашенной Татищевымъ. Теперь можетъ считаться установленнымъ, что эта лѣтопись, отнюдь не будучи тѣмъ, за что выдаетъ ее Татищевъ, не есть однако-же и выдумка Татищева, что сказанія, послужившія матеріаломъ для нея, были въ обращеніи у нашихъ старинныхъ книжниковъ еще въ XVI—XVII вв. Лѣтопись эта представляетъ собою одинъ изъ первыхъ опытовъ переработки нашей начальной исторіи въ своего рода славянофильскомъ направленіи съ помощью баснословія и съ подражаніемъ въ этомъ смыслѣ польскимъ лѣтописцамъ. Іоакимовская лѣтопись начинаетъ первобытную исторію славянъ и славянскихъ князей отъ ближайшихъ потомковъ Іафета. Въ числѣ ихъ она знаетъ князей Славяна и Скиѳа, изъ коихъ первый, послѣ многихъ походовъ и подвиговъ, возобладалъ на сѣверѣ, гдѣ создалъ великій городъ Славянскъ въ землѣ сѣверо-русскихъ славянъ. Въ теченіи многихъ столѣтій здѣсь владѣли сыновья, внуки и потомки Славяна. Изъ послѣднихъ наиболѣе прославился далекими походами и обширными завоеваніями Вандалъ, княжившій въ томъ же великомъ городѣ Славянскѣ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей — Избора, Владиміра, Столпосвята, изъ коихъ первый по смерти отца княжилъ въ томъ же великомъ городѣ и былъ также основателемъ Изборска. По смерти Избора и Столпосвята властвовалъ Владиміръ, потомкомъ котораго въ девятомъ поколѣніи былъ Буривой, простершій свою власть на всю Біармію до р. Кюмени въ странѣ Корельской, много воевалъ съ варягами, наконецъ побѣжденъ былъ и укрылся въ городѣ Бярмы, гдѣ и умеръ. Сынъ и преемникъ

---

[1]) Истор. росс. Ч. II, стр. 18 372.

его Гостомыслъ много воевалъ съ варягами, покорившими и угнетавшими славянъ, русь и чудь, побѣдилъ и прогналъ варяговъ и потомъ заключилъ съ ними миръ, мудро и счастливо управлялъ страною, пользуясь любовію народа и уваженіемъ отъ сосѣднихъ странъ. У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Сыновья одни погибли на войнахъ, другіе умерли дома. А дочери выданы въ замужество за сосѣднихъ князей. За какихъ именно князей онѣ выданы были—въ лѣтописи не показано, замѣчаетъ Татищевъ; но изъ дальнѣйшаго разсказа ея само собою видно, что старшая выдана за князя изборскаго, а средняя за князя варяжскаго. Предъ смертію Гостомыслъ имѣлъ пророчественное сновидѣніе, что послѣ него власть надъ славянами и союзными съ нимъ народами перейдетъ къ сыну средней дочери, при которомъ начнетъ разростаться могущество славяно-русской державы. По этому сновидѣнію онъ созвалъ къ себѣ старѣйшинъ отъ славянъ, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей и посовѣтовалъ призвать князя изъ варяговъ. Этимъ княземъ и былъ Рюрикъ, сынъ средней дочери Гостомысла, пришедшій въ славянскую землю съ двумя братьями и съ родомъ своимъ....

Предъ смертію Рюрикъ, за малолѣтствомъ Игоря, передалъ управленію своему шурину варягу Олегу, князю Урманскому, который управлялъ именемъ Игоря сперва въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ. Когда Игорь выросъ, Олегъ женилъ его, взявъ ему жену *изъ Изборска*, которая была изъ *рода Гостомысла*, была именно *дочерію изборскаго князя*, женатаго на старшей изъ трехъ дочерей Гостомысла. Какъ славянка, она носила прежде славянское имя Прекраса, и названа Ольгою уже Олегомъ отъ своего имени [1]). О приведенномъ повѣствованіи Іоакимовской лѣтописи, заканчивающемся извѣстіемъ о происхожденіи Ольги, достаточно замѣтить слѣдующее: а) баснословіе о предкахъ Гостомысла есть, повидимому, издѣліе самого составителя Іоакимовской лѣтописи, кто бы онъ ни былъ. б) Но о Гостомыслѣ говорятъ такъ или иначе и другія изъ нашихъ позднихъ лѣтописей, какъ то Софійская I, Никоновская, Воскресенская, Тверская, съ тѣмъ только различіемъ, что однѣ изъ нихъ отдаляютъ существованіе его на многіе вѣка до начала русской исторіи, относя къ тому времени,

---

[1]) Татищевъ Истор. Росс. Ч. I, стр. 31—35 и 48 примѣч. 33. Сп. Ч. II, прим. 44, 58, 76. Надобно замѣтить, что въ изложеніи сказаній Іоакимовской лѣтописи у Татищева не вездѣ ясно, что̀ онъ передаетъ словами самой лѣтописи и что прибавляетъ отъ себя, въ видѣ догадки, поясненія и т. д.

когда славяне впервые поселились на Ильменѣ и избрали себѣ старѣйшиной Гостомысла, другія пріурочиваютъ его къ началу нашей исторіи, когда онъ далъ совѣтъ союзнымъ славянофинскимъ племенамъ призвать князя изъ варяговъ. О Гостомыслѣ знаетъ и Стрыйковскій, писавшій свою польскую хронику во 2-й пол. XVI в. и пользовавшійся русскими лѣтописями, и что особенно важно, о Гостомыслѣ говоритъ и Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 г. и здѣсь ознакомившійся съ памятниками нашей письменности, въ томъ числѣ и лѣтописями [1]). Изъ этого видно, что преданіе о Гостомыслѣ было уже довольно распространеннымъ у нашихъ книжниковъ еще съ первой половинѣ XVI в. в) Не стоитъ одиноко въ Іоакимовой лѣтописи и указаніе на Изборскъ, какъ родину Ольги, указываемый, какъ ея родина, и въ раскольническомъ спискѣ лѣтописи, бывшемъ у Татищева. г) Затѣмъ все остальное, что говорится въ Іоакимовой лѣтописи о Гостомыслѣ и Ольгѣ, принадлежитъ исключительно этой лѣтописи. Только онъ знаетъ о трехъ дочеряхъ Гостомысла, въ частности и о старшей, женѣ изборскаго князя и матери Ольги. Она одна знаетъ прежнее славянское имя невѣсты Игоря—Прекрасы и то, что Олегъ переименовалъ ее въ Ольгу. Первый передатчикъ этихъ извѣстій Іоакимовой лѣтописи Татищевъ вполнѣ довѣряетъ имъ. Опираясь на извѣстія этой лѣтописи и защищая ихъ, Татищевъ опровергаетъ показанія Минеи и Степенной книги, что Ольга была поселянка изъ Выбутской веси; порицаетъ, какъ ошибку, то, что въ Степенной книгѣ собственное славянское имя Ольги Прекраса понято, какъ прилагательное *прекрасная*. Есть довѣряющіе этимъ сообщеніямъ Іоакимовой лѣтописи и между позднѣйшими нашими и притомъ очень солидными историками. Такъ, преосвященный Филаретъ (Гумилевскій) въ своемъ житіи св. Ольги, помѣщенномъ въ книгѣ «Русскіе Святые» за іюль (подъ 11 іюля) выражается: «нѣтъ причинъ не принимать того показанія Іоакимовой лѣтописи, что Ольга была изъ рода Гостомысла, славнаго умомъ и вліяніемъ своимъ на племена славянскія, того самаго, по совѣту котораго, для прекращенія между родами неурядицъ, былъ призванъ изъ вендской, славянской страны Рюрикъ—Соколъ. По той же лѣтописи, Ольга называлась Прекрасою, по красотѣ лица и души, а Ольгою назвалъ

---

[1]) П. Собр. Р. Л. 83; VII, 262; (X, 3. XV, I с.). Снес. Карамз. Ист. Г. Росс. Т. I, гл. 4, стр. 69 и примѣч. 274 изд. Эйнера. Бестужева-Рюмина. О составѣ русск. лѣт. Прилож. стр. 1. Спб. 1868. Лейбовича „Сводная лѣтопись“, стр. 14. Спб. 1876 года.

ее по своему имени опекунъ Игоря—Олегъ, когда выдалъ ее за Игоря». Славянофильскія увлеченія историка, видимыя и на этой небольшой тирадѣ, достаточно объясняютъ для насъ довѣріе его къ показаніямъ Іоакимовой лѣтописи, также славянофильствующей, и въ этомъ направленіи перерабатывающей нашу начальную исторію. Но вообще наши историки, имѣя въ виду баснословія Іоакимовой лѣтописи, далеки и отъ довѣрія къ показаніямъ ея о Гостомыслѣ и Ольгѣ. Болѣе довѣрія встрѣчало лишь одно изъ этихъ показаній, касающееся замѣны Олегомъ прежняго имени жены Игоря на имя Ольги. Послѣ Татищева это показаніе Іоакимовой лѣтописи принималъ Карамзинъ, выражавшійся такъ: «имя свое Ольга приняла, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной княжнѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви [1]). Погодинъ такое мнѣніе Татищева и Карамзина объ имени Ольги призналъ несостоятельнымъ. «Эта догадка, замѣчаетъ онъ, не основана на историческомъ свидѣтельствѣ: и едвали можно грубымъ необразованнымъ людямъ X столѣтія приписать такую учтивость, которая принесла бы честь XIX столѣтію. Вѣроятнѣе заключить слѣдуетъ, что имя сіе принадлежало ей (Ольгѣ) съ самаго начала, а не принято впослѣдствіи [2]). Впрочемъ, какъ бы ни смотрѣть на тѣ частныя черты свидѣтельства Іоакимовой лѣтописи о происхожденіи Ольги, которыя составляютъ ея особенность, для насъ важна общая сторона этого свидѣтельства,—та именно, что Ольга производится изъ Руси, притомъ изъ Руси сѣверной, изъ области Плесковской или Псковской, въ которой находился и городъ Изборскъ.

Изъ представленнаго обзора бывшихъ доселѣ извѣстными сказаній о происхожденіи Ольги дается видѣть, что всѣ они *согласны въ общемъ—въ опредѣленіи рода Ольги*, т. е. въ томъ, что Ольга была родомъ *русская* и происходила именно изъ *сѣверной* Руси, изъ *Плесковской* области. Это согласіе, отмѣчаемое нашими историками [3]), указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что преданіе о такомъ происхожденіи Ольги было не только наиболѣе древнимъ, но и наиболѣе твердымъ и распространеннымъ, такъ что новое извѣстіе Владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи ея оказывается пока совершенно одинокимъ. Что касается до частныхъ показаній о родѣ Ольги,

---

[1]) И. Г. Росс. Т. I, стр. 89. Изд. Эйнерлинга.

[2]) Изслѣд. и проч. Т. III, стр. 91—92.

[3]) Въ „Исторіи Россіи“ Соловьева говорится: изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно—что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей (Руси). Т. I, прим. 204.

представляемыхъ упомянутыми позднѣйшими извѣстіями и состоящими въ томъ, что одни изъ нихъ полагаютъ родиной Ольги вмѣсто Плескова Выбутино, другія Изборскъ, одни считаютъ ее варяжкою простаго рода, другія славянкою (по матери) княжескаго рода,—то эти показанія имѣютъ для насъ въ данномъ случаѣ второстепенное значеніе. Такъ или иначе понимаемыя, они могутъ имѣть значеніе только вспомогательныхъ данныхъ для рѣшенія общаго занимающаго насъ вопроса.

III.

Послѣ обзора бывшихъ доселѣ извѣстными свидѣтельствъ и сказаній о происхожденій Ольги, сосредоточимъ вниманіе на исторіографическомъ значеніи новооткрытаго Владимірскаго лѣтописца, дающаго новое свидѣтельство о происхожденіи Ольги—не русскомъ, а болгарскомъ. Конечно, мы можемъ говорить о немъ на основаніи лишь тѣхъ свѣдѣній о немъ, какія сообщены въ статьѣ достоуважаемаго о. Леонида и того отрывка изъ лѣтописца, какой приложенъ къ статьѣ. Итакъ:

1) Владимірскій лѣтописецъ писалъ *въ исходѣ XV в.*, слѣдовательно, позднѣе не только начальной лѣтописи, но и обоихъ древнихъ списковъ ея. Въ изложеніи событій онъ «слѣдуетъ указаніямъ нашей начальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній ея, встрѣчающихся на первыхъ годахъ, а мѣстами дѣлаетъ весьма важныя и любопытныя дополненія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ своего источника». Къ этому замѣчанію издателя (отрывка) лѣтописца присовокупилъ, что онъ *сокращенно* передаетъ и нѣкоторыя *нелегендарныя* извѣстія начальной лѣтописи. Словомъ, новооткрытый лѣтописецъ принадлежитъ къ разряду *позднихъ сокращенныхъ лѣтописей.* Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на такъ называемую *Супрасльскую* лѣтопись въ двухъ частяхъ ея, представляющихъ *сокращенную новгородскую и сокращенную кіевскую* лѣтопись [1]). Съ послѣднею онъ сходенъ и своимъ «родословцемъ» или перечнемъ князей, который во Влад. лѣтописи оканчивается сыномъ Іоанна III, Іоанномъ Младымъ, въ Супрасльской сыномъ послѣдняго Димитріемъ Но Владимірскій лѣтописецъ, судя по крайней мѣрѣ по имѣющемуся

---

[1]) Супрасльская лѣтопись, такъ названная по монастырю, въ которомъ она была найдена, изд. княземъ М. О. Оболенскимъ. Москва. 1836 г.

на лицо отрывку его, обильнѣе Супрасльской лѣтописи *варіантами*, т. е. дополненіями и поясненіями къ извѣстіямъ своего источника. По отношенію къ тѣмъ извѣстіямъ *позднихъ* лѣтописей, какія не встрѣчаются въ древнихъ, существуетъ, между прочимъ, то правило критики, что, если эти извѣстія представляютъ собою *не пространныя сказанія*, а именно *краткія* извѣстія, то они могутъ быть принимаемы сравнительно съ большимъ довѣріемъ, ибо они могли быть *простыми выписками* отъ недошедшихъ до насъ *древнихъ лѣтописныхъ записей*, тогда какъ пространныя сказанія болѣе или менѣе отражаютъ на себѣ слѣды *сочиненности*. Но это правило имѣетъ настоящее приложеніе именно только при *сравнительной оцѣнкѣ* краткихъ извѣстій и пространныхъ сказаній, заключающихся въ *одной и той же лѣтописи*, лѣтописи обширной, какова напр. Никоновская. Но относительно позднихъ *сокращенныхъ* лѣтописей, въ которыхъ новыя сообщенія даются *исключительно* въ видѣ краткихъ извѣстій, вопросъ о происхожденіи ихъ, а слѣд. и степени достовѣрности ставится нѣсколько иначе: авторъ поздней сокращенной лѣтописи, работая, какъ авторъ, могъ *по своему* не только сокращать, но *и добавлять и пояснять*, хотя бы то въ видѣ самыхъ краткихъ оговорокъ, варіантовъ. Всегда ли онъ бралъ такія добавленія и поясненія изъ древнихъ источниковъ, или же бралъ ихъ изъ болѣе позднихъ, даже современныхъ ему, а мѣстами вносилъ и собственные домыслы?—Это еще вопросъ. Этотъ вопросъ приложимъ и къ Владимірскому лѣтописцу,—и тѣмъ болѣе, что онъ, какъ сказано, довольно обиленъ дополненіями, вообще варіантами, хотя и весьма краткими. Войдемъ въ ближайшее разсмотрѣніе ихъ.

2) Въ изданномъ отрывкѣ Владимірскаго лѣтописца находимъ *восемь варіантовъ*, подъ которыми разумѣемъ все то, что сообщаетъ онъ въ добавокъ къ извѣстіямъ или взамѣнъ извѣстій *начальной* лѣтописи, лежащей въ его основѣ. Укажемъ сперва на послѣдній изъ нихъ, интересный тѣмъ, что онъ сразу, ясно даетъ видѣть свой источникъ и такимъ образомъ до нѣкоторой степени вводитъ насъ въ представленіе вообще о составѣ источниковъ нашего лѣтописца. Говоря о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ и народа въ Кіевѣ, лѣтописецъ прибавляетъ: *приде изъ Царегpада митрополитъ Леонъ*. Извѣстно, что о м. Леонѣ не говоритъ начальная лѣтопись. Единственное *лѣтописное* извѣстіе о немъ, какъ *первомъ* митрополитѣ, есть извѣстіе древней *Новгородской* лѣтописи, читаемое въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводахъ, пространныхъ и краткихъ, перешедшее

во многіе позднѣйшіе списки и начальной лѣтописи, находящееся также и въ древнѣйшемъ спискѣ устава св. Владиміра, дошедшемъ также отъ Новгорода (въ спискѣ Кормчей конца XIII в.). Отсюда слѣдуетъ заключить, что Владимірскій лѣтописецъ пользовался *Новгородскою* лѣтописью. Это обстоятельство могло бы хорошо рекомендовать нашего лѣтописца, давая предполагать, что онъ, при своихъ добавленіяхъ къ извѣстіямъ начальной лѣтописи, имѣлъ въ виду и древніе источники. Но пойдемъ къ другимъ варіантамъ.

Въ начальной строкѣ лѣтописца о призваніи князей читаемъ: «Въ лѣто 63 (862) пріидоша *Русь*, Словены, Чудь, *Лопь*, Кривичи къ Варягамъ и спросиша себѣ у нихъ властей.» Варіантъ *Русь*, представляемая, какъ туземное племя, участвующее въ призваніи Варяговъ, принадлежитъ не исключительно новооткрытому лѣтописцу. Онъ встрѣчается въ продолженіи къ *Лѣтописцу вскорѣ* (краткому лѣтописцу) патр. Никифора, существующему въ древнемъ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ *въ Новгородѣ* и сохранившемся въ рукописи конца XIII в. [1]); встрѣчается также, въ той или другой постановкѣ, въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, въ Воскресенской лѣтописи, въ Степенной книгѣ, въ Іоакимовой лѣтописи и у Стрыйковскаго, который какъ извѣстно, пользовался русскими лѣтописями, въ частности новгородскими [2]). По всей вѣроятности, варіантъ о Руси появился первоначально въ новгородскихъ лѣтописяхъ и отсюда перешелъ въ другія. Но этотъ варіантъ, постановкою котораго поздніе лѣтописи входятъ въ противорѣчіе съ самими собою [3]), находится въ прямомъ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ начальной лѣтописи, въ которой не Русь участвуетъ съ другими племенами въ призваніи князей, а сами эти племена посылають въ варягамъ-руси — звать князей. Хотя означенный варіантъ восходитъ къ концу XIII в. (если, впрочемъ, это можетъ быть признано несомнѣннымъ), но онъ, на нашъ взглядъ, отнюдь не можетъ перевѣшивать свидѣтельства начальной лѣтописи о руссахъ, какъ варягахъ или норманнахъ, бывшихъ призванными, а не призывав-

---

[1]) П. Собр. Р. Л. 1, 251. См. Попова „Обзоръ хронографовъ" 1, 186; 11, 15.

[2]) Указанія на этотъ варіантъ или выписки мѣстъ, гдѣ онъ встрѣчается, можно видѣть у гг. Иловайскаго (l. c.) Бестужева-Рюмина (О составѣ русск. лѣтописей до конца XIV в.; прилож. 1 стр. 1—4), Лейбовича (l. c.) 10 с. Первольфа (Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. II, стр. 433—434. Варшава. 1888 г.).

[3]) Напр. въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго сперва говорится, что племена послали за море къ Варягамъ, къ *Руси*, а вслѣдъ затѣмъ въ числѣ посылавшихъ ставятся: *Русь*, Чудь, Словене и проч. Изд. кн. Оболенскаго, М. 1851 г. стр. 3.

шими,—свидѣтельства, подкрѣпляемаго цѣлымъ рядомъ другихъ свидѣтельствъ восточныхъ и западныхъ о руссахъ, какъ норманнахъ и многими другими признаками такого именно происхожденія руссовъ [1]). Итакъ варіантъ *Русь* въ лѣтописцѣ владимірскомъ даетъ поводъ думать, что онъ не всегда былъ довольно разборчивъ или счастливъ въ пользованіи источниками, по которымъ обработывалъ свою сокращенную лѣтопись [2]).

Еще болѣе смущаетъ насъ второй варіантъ начальной строки этого лѣтописца, гдѣ въ числѣ племенъ участвующихъ въ призваніи князей ставится *Лопь*. Этой Лопи, сколько мы знаемъ, нѣтъ въ данномъ мѣстѣ ни въ одной лѣтописи, и она принадлежитъ исключительно лѣтописцу владимірскому. Какъ бы ни объяснять происхожденіе этого варіанта, но онъ, подобно варіанту Русь, способенъ возбуждать новое сомнѣніе въ историческомъ значеніи варіантовъ этого лѣтописца, располагая къ мысли, что они были или собственными домыслами лѣтописца, или же такими домыслами другого какого либо книжника, которымъ онъ пользовался.

Слѣдующій затѣмъ варіантъ касается Аскольда и Дира, которые называются здѣсь *князьями*, тогда какъ въ начальной лѣтописи говорится, что они были именно *не князья, а бояриna*. Конечно, Аскольдъ

---

[1]) Ослабляя значеніе свидѣтельства начальной лѣтописи указываютъ на то, что переводный краткій лѣтописецъ патр. Никифора дошелъ къ намъ въ рукописи отъ конца XIII в., тогда какъ Ипатскій списокъ лѣтописи отъ XIV или нач. XV, а Лаврентьевскій отъ 1377 г. Но вѣдь въ этихъ спискахъ имѣемъ мы *тождественную начальную лѣтопись нач. XII в.* Защитники туземности и славянства начальной Руси тѣмъ менѣе могутъ ссылаться на позднія новгородскія свидѣтельства о Руси, участвовавшей въ призваніи князей, что сами же признаютъ, что отечество Руси было не на сѣверѣ, а на югѣ (Розысканія о началѣ Руси г. Иловайскаго, стр. 300—301. 231). Впрочемъ этимъ отечествомъ Руси на югѣ русской земли были, по нашему убѣжденію, сперва Черноморье, съ тѣхъ поръ какъ осѣлись здѣсь пришлые съ Скандинавскаго сѣвера руссы-норманны, а уже потомъ кіевская Русь, когда здѣсь утвердились, прибывшіе оттуда же варяго-руссы.

[2]) Здѣсь мы расходимся во взглядѣ на варіантъ *Руси* съ многоуважаемымъ ученымъ историкомъ и изслѣдователемъ г. Иловайскимъ, который придаетъ важное значеніе этому варіанту, сопоставляя его съ другими свидѣтельствами о Руси, какъ славянскомъ племени на сѣверѣ (Историко-критическіе замѣтки. Русск. Вѣстникъ 1888 г. Декабрь). Для насъ этотъ варіантъ есть слабая, а не сильная черта въ новооткрытомъ лѣтописцѣ. Перенесеніе позднѣйшими лѣтописцами Руси на сѣверъ въ составъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи варяговъ, имѣетъ, на нашъ взглядъ, такое же значеніе, какъ отождествленіе нѣкоторыми изъ сихъ лѣтописцевъ южныхъ, особенно черноморскихъ, руссовъ съ куманами...

и Диръ могли быть названы князьями, потому что, овладѣвъ Кіевомъ, вокняжились сами въ немъ, независимо отъ Рюрика. Поэтому то они называются князьями и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Тамъ не менѣе обрашеніе Аскольда и Дира въ князей выражаетъ только то, какъ понимали позднѣйшіе лѣтописцы, въ томъ числѣ и владимірскій, положеніе Аскольда и Дира въ Кіевѣ, иначе сказать: оно представляетъ собою собственный домыселъ ихъ, а не извѣстіе, почерпнутое изъ древнихъ источниковъ, въ которыхъ оно не встрѣчается и которымъ противорѣчитъ. Затѣмъ, минуя пока варіантъ объ Ольгѣ, укажемъ на три остальные. Послѣ разсказа объ Олегѣ, лѣтописецъ продолжаетъ: «по немъ нача княжити Игорь и воева Деревскую землѣ, *рекше Литву*». И далѣе: «Ольга съ сыномъ своимъ мсти кровь мужа своего и князя оуби Мала именемъ и *всю Литву* высече». Здѣсь мы видимъ замѣчательный образецъ, какъ позволяли себѣ поступать въ своемъ дѣлѣ составители сокращенныхъ лѣтописей: по своему соображенію опуская одни извѣстія въ древнихъ лѣтописяхъ, они, по своему же соображенію, вносили дополненія и поясненія къ древнимъ извѣстіямъ: ибо варіантъ *рекше Литву* и *всю Литву* высече есть уже, безъ всякаго сомнѣнія, собственный, хотя и крайне неудачный, домыселъ лѣтописца XV в., или другого автора, служившаго ему источникомъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ варіантъ о Святославѣ: «И начатъ княжити Святославъ нарицаемы *легкый*». Этотъ варіантъ встрѣчается и въ той части Супрасльской лѣтописи, которая называется сокращенною Кіевскою лѣтописью и писана ок. 1516 г., на которомъ она кончается. Здѣсь читаемъ: «сынъ же бысть у Игоря Святославъ *легькый* [1]). Такъ какъ упомянутая Супрасльская лѣтопись немного моложе владимірскаго лѣтописца, то варіантъ легкій о Святославѣ не могъ быть взятъ послѣднимъ изъ первой, а обоими изъ общаго источника. Всего проще онъ есть самодѣльное обращеніе какимъ либо книжникомъ въ эпитетъ выраженія начальной лѣтописи о Святославѣ: *легко* ходя, аки пардусъ (подъ 964 г.).

О Святославѣ, въ извѣстіи объ убіеніи его печенѣгами у пороговъ днѣпровскихъ, имѣется еще слѣдующій варіантъ: «Печенежски же князь именемъ *Редега* окова лобъ Святослава и написа кругъ его

[1]) Супр. Лѣт. стр. 127. Замѣчено уже, что эта лѣтопись сходится съ Влад. лѣтописью и своимъ родословіемъ князей, перечень которыхъ кончается сыновьями Іоанна III и сыномъ Іоанномъ Младаго Димитріемъ.

такъ: *чужихъ ища и свое погуби»*. Варіантъ *Редеря* вм. *Куря* древней лѣтописи, читается въ архангелогородскомъ спискѣ, а слова надписи въ болѣе пространномъ видѣ читаются въ русскомъ лѣтописцѣ, называемомъ *Львовскою* лѣтописью, по имени ея издателя Львова (1778 г.): «и сдѣлаша чашу и оковавше златомъ лобъ его и надписаша на ней тако: *Чужаго паче силы желая, своя погуби за премногую его несытость»* [1]). Интересно, что надпись приводится и у Стрыйковскаго — такъ: *ища чужаго, свое погубляешь.* Чтеніе Стрыйковскаго тождественно съ чтеніемъ у Владимірскаго лѣтописца, которое, конечно, древнѣе распространеннаго чтенія въ Львовской лѣтописи. Возможно, что всѣ они имѣли одинъ и тотъ же источникъ и на этотъ разъ, вѣроятнѣе, уже южно или западно-русскій. Едва ли нужно говорить, что извѣстіе о надписи есть вымыселъ, построенный на читаемыхъ въ древней лѣтописи словахъ кіевлянъ къ Святославу: *«ты, княже, чужея земли ищеши, и своея ся лишивъ»*.

Послѣ обзора варіантовъ Владимірскаго лѣтописца, что можно сказать объ общемъ характерѣ ихъ? Къ большому сожалѣнію, за исключеніемъ варіанта о м. Леонѣ, всѣ остальные варіанты—не такого качества, чтобы могли располагать къ особенному довѣрію къ авторской или редакторской работѣ лѣтописца. Трудно освободиться отъ мысли, что выражаемыя этими варіантами дополненія, поправки, поясненія къ извѣстіямъ начальной лѣтописи представляютъ собою болѣе догадки, домыслы самаго лѣтописца или того источника, подъ вліяніемъ котораго онъ позволялъ себя пополнять, пояснять и поправлять извѣстія древней, начальной лѣтописи. Источникъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дополненій и поправокъ исходилъ, предположили мы, изъ Новгорода, которому вообще принадлежитъ первая честь новой передѣлки извѣстій и сказаній начальной Кіевской лѣтописи, въ томъ числѣ и сказаній объ Ольгѣ, и въ которомъ духъ вольности и независимости сказывался, повидимому, и на литературныхъ работахъ его книжниковъ. Въ другихъ варіантахъ можно предполагать вліяніе южно-западно-русскихъ книжныхъ источниковъ, хотя доискиваться болѣе точнаго разъясненія этихъ вліяній было бы едва ли выполнимою задачею.

При взглядѣ на такой характеръ варіантовъ т. е. дополненій и поясненій къ древнимъ извѣстіямъ, встрѣчаемыхъ въ лѣтописцѣ Владимірскомъ что остается сказать о томъ главномъ, занимающемъ

---

[1]) Лейбовича, Сводная лѣтопись стр. 65.

насъ, варіантѣ, который заключается въ словахъ: *Игоря же жени въ Болгарѣхъ, поятъ за него княжну именемъ Ольгу?*

Правила критики заставляютъ судить о немъ не по тому единственно вѣрному варіанту или дополненію, въ которомъ говорится о м. Леонѣ, а по цѣлому ряду остальныхъ варіантовъ, значеніе, отчасти и происхожденіе которыхъ было здѣсь уяснено. Иначе сказать: варіантъ о болгарскомъ происхожденіи Ольги, *по всей вѣроятности*, не взятъ изъ *древняго* источника, а есть плодъ собственнаго домысла владимірскаго лѣтописца или другаго близкаго къ его времени книжника, которымъ онъ пользовался, составляя свою сокращенную лѣтопись. *Полная одиночность* этого *поздняго* варіанта, нигдѣ не встрѣчаемаго ни до, ни послѣ владимірскаго лѣтописца, склоняетъ къ первому выводу, то есть, что варіантъ этотъ есть *именно плодъ собственнаго* домысла лѣтописца, дающаго видѣть свою способность къ подобнымъ домысламъ на другихъ варіантахъ, каковъ напримѣръ: *Деревскую землю, рекше Литву.* Необходимо однако же предположить, что лѣтописецъ имѣлъ какія либо, хотя бы то *косвенныя, основанія* для своего домысла. По всей вѣроятности, первымъ основаніемъ служилъ здѣсь тотъ памятникъ, на который уже указалъ достоуважаемый о. арх. Леонидъ въ своихъ объясненіяхъ на означаемый варіантъ и о которомъ было упомянуто выше: это—славяно-болгарскій переводъ греческой хроники Константина Манассіи съ замѣтками при немъ переводчика. Стихотворная, обильная витійствомъ, но бѣдная содержаніемъ, хроника Манассіи писана въ XII в., ок. 1144 г. Переводъ хроники сдѣланъ въ Болгаріи, а древнѣйшій, извѣстный у насъ списокъ перевода есть Синодальный (№ 38), писанный въ Болгаріи для болгарскаго царя Іоанна-Александра въ 1345 г. [1]) Замѣтки, присоединенныя болгарскимъ переводчикомъ къ своему переводу хроники, относятся къ болгарской исторіи въ связи съ византійскою. Въ ряду ихъ есть слѣдующая замѣтка, относящаяся къ войнѣ императора Василія II Болгаробойца съ Самуиломъ, царемъ болгарскимъ: «сей царь Василій

[1]) О хроникѣ Манассіи, переводѣ его, замѣткахъ къ нему и спискахъ перевода съ этими замѣтками см. Черткова „О переводѣ Манассіиной лѣтописи“ въ Русск. Историч. Сборн. т. VI, кн. 1, М. 1843 г.; А. Попова. „Обзоръ хронографовъ русской редакціи“. Вып. 1. стр. 99—179. Вып. 2. стр, 6—7. Чертковъ, говоря, что дошедшіе до насъ списки перевода не старѣе первой половины XIV в., прибавляетъ: но самый переводъ сдѣланъ, вѣроятно, въ XII столѣтіи. Ни чѣмъ не подкрѣпляется эта вѣроятность; вѣрнѣе предположеніе г. Попова, что и самый переводъ совершенъ въ первой половинѣ XIV в.

разбилъ Самуила, болгарскаго царя двукратно и взялъ города Бдинъ (Виддинъ) *Плиску*, Преславъ великій и малый и прочіе города» [1]). Хроника Манассіи въ болгарскомъ переводѣ и съ приписками болгарскаго переводчика досталась Руси, конечно, отъ Болгаріи, бывъ принесена какимъ либо, бывавшимъ въ Болгаріи, книголюбцемъ, что могло быть спустя годы и даже десятилѣтія послѣ 1345 г. [2]).. Со временемъ она пріобрѣла у насъ довольно большую извѣстность, такъ что стала однимъ изъ видныхъ источниковъ, которыми пользовались для своихъ литературныхъ трудовъ составители нашихъ позднѣйшихъ лѣтописей и хронографовъ [3]). Въ частности, та приведенная нами выше замѣтка, въ которой говорится о городахъ, завоеванныхъ царемъ Василіемъ II въ Болгаріи, послужила для нихъ источникомъ, изъ котораго они могли знать о существованіи въ древней Болгаріи города *Плиски* или *Плискувы* [4]) Необходимо думать, что и нашъ владимірскій лѣтописецъ зналъ упомянутое извѣстіе о болгарской Плискѣ или Плискувѣ, что онъ нашелъ возможность сопоставить его съ извѣстіемъ начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ *Плескова*, столько однозвучнаго съ болгарскою *Плискою*, а затѣмъ истолковать это русское извѣстіе въ томъ смыслѣ, что Плесковъ здѣсь разумѣется не русскій, а болгарскій, хотя такое толкованіе шло наперекоръ начальной лѣтописи, ясно дающей видѣть, что она разумѣетъ русскій Плесковъ. Подробное толкованіе могло произойти также просто, какъ толкованіе—*Деревскую землю, рекше Литву*, хотя оно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ начальною лѣтописью, считающею древлянъ

---

[1]) Подлинный славяно-болгарскій текстъ этой приписки приведенъ у о. архим. Леонида, помѣщенъ также въ упомянутыхъ сочиненіяхъ Черткова (стр. 118) и А. Попова (стр. 178).

[2]) Возможно, что она принесена въ Русь еще при митрополитѣ Кипріанѣ, который былъ, вѣроятнѣе, родомъ не сербъ, а болгаринъ, извѣстенъ своимъ книголюбіемъ, знакомствомъ съ произведеніями юго-славянской, болгаро-сербской письменности и наклонностію усвоять ихъ и нашей Руси.

[3]) Многочисленныя выписки изъ хронографовъ и лѣтописей, сопоставленныя съ выписями изъ Синадальнаго списка перевода Манассіиной хроники и замѣтокъ къ нему, можно видѣть въ упомянутыхъ соч. Черткова и А. Попова.

[4]) Здѣсь мы сближаемся съ мнѣніемъ по этому предмету достоуважаемаго о. архим. Леонида, который выражается такъ: „а что Плесковъ былъ древній городъ въ Болгаріи, ничего общаго съ нашимъ Псковомъ не имѣющій, они могли узнать изъ вышеуказаннаго нами славянскаго источника (переводъ лѣтописи Манассіи XIV вѣка)". Стр. 219. Цитованная замѣтка не одинъ разъ приводится въ нашихъ хронографахъ и лѣтописяхъ.

славянскимъ, а не литовскимъ племенемъ [1]). Въ поясненіе возможности у нашего владимірскаго лѣтописца конца XV в. того вывода или домысла, какой явился у него изъ сопоставленія русскаго извѣстія о Плесковѣ и болгарскаго о Плискѣ, укажемъ на довольно аналогичный примѣръ другого вывода или домысла объ отношеніи этихъ городовъ въ связи съ отношеніемъ ихъ обоихъ къ Ольгѣ. Еще задолго до нашего времени и до открытія Владимірскаго лѣтописца и сообщаемаго имъ мнѣнія о болгарскомъ происхожденіи Ольги уже высказывалась мысль, что русскій Плесковъ получилъ названіе отъ болгарской Плиски,—и главное, что это названіе дано первому *Ольгою*, бывъ взято отъ послѣдней. М. Евгеній, въ своей «Исторіи княжества Псковскаго», излагая разныя мнѣнія о происхожденій названія Плескова, замѣчаетъ: «другіе думаютъ, что Ольга *въ путешествіи своемъ въ Константинополь*, замѣтивъ почему нибудь болгарскій городъ Плискову «за Дунаемъ бывшую и съ прочими болгарскими городами состоявшую послѣ во владѣніи сына ея Святослава, нарекла симъ именемъ и *свой* городъ» [2]). Если подобное мнѣніе могло возникнуть при отсутствіи всякихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы Ольга видѣла болгарскую Плискову, и при наличности ясныхъ свидѣтельствъ начальной лѣтописи о русскомъ Плесковѣ, какъ существовавшемъ еще до путешествія Ольги въ Царьградъ; то что удивительнаго и въ томъ, что нашъ владимірскій лѣтописецъ, увлекаемый созвучіемъ Плескова и Плискувы, додумался поставить послѣднюю на мѣсто перваго и затѣмъ истолковать свидѣтельство начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ Плескова, какъ свидѣтельство о ея болгарскомъ происхожденіи? Упоминаемые м. Евгеніемъ представители того мнѣнія, что русскій Плесковъ, бывшій родиною Ольги, могъ получить названіе отъ болгарской Плискувы и что оно дано ему Ольгою, располагались къ такому выводу не только созвучіемъ этихъ названій, но еще и довѣріемъ *къ позднѣйшимъ сказаніямъ*, что русскій Плесковъ не суще-

[1]) Достоуважаемый авторъ „Историко-критическихъ замѣтокъ (Русск. Вѣстникъ, декабрь, 1888 г.) замѣчаетъ, что варіанты, подобные сейчасъ приведенному, свидѣтельствуютъ только *объ искаженіяхъ*, которымъ подвергалась новооткрытая Владимірская лѣтопись. Съ своей стороны мы не находимъ никакого повода признать здѣсь искаженія. Всею совокупностію своею они даютъ видѣть, что они—дѣло самаго автора данной лѣтописи. Во всякомъ случаѣ, если говорить объ искаженіяхъ, то ихъ нужно *доказать*. Иначе легко будетъ относить на счетъ искаженій, вставокъ и т. под. всякое выраженіе въ памятникѣ, не подходящее къ нашимъ предвзятымъ мнѣніямъ относительно значенія свидѣтельствъ этого памятника.

[2]) Ист. Кн. Пск. стр. 11. Кіевъ. 1831 г.

ствовалъ до замужества Ольги и что онъ основанъ Ольгою, уже христіанкою. Очень возможно, что нѣчто подобное было у нашего лѣтописца. Правда, тѣ мѣстныя новгородско-псковскія сказанія, которыя, перенося родину Ольги съ Плескова на Выбутино или Изборскъ, ссылались на то, что «града Плескова тогда не бысть», а основанъ уже Ольгою,—эти сказанія позднѣе владимірскаго лѣтописца. Но нѣкоторые изъ нихъ ссылаются уже на *предшествующія повѣсти многи*, слѣд. указываютъ на *болѣе раннее* происхожденіе подобнаго мнѣнія или преданія относительно Плескова. Возможно, что и владимірскій лѣтописецъ такъ или иначе усвоилъ себѣ мнѣніе, что русскій Плесковъ есть городъ уже позднѣйшій, основанный Ольгою, что, слѣдовательно, Плесковъ, изъ котораго она въ 903 г. была приведена въ жены Игорю, есть не русскій, а болгарскій, открытый имъ въ припискѣ къ хроникѣ Манассіи, что поэтому Ольга была родомъ—болгарка. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, для насъ важенъ собственно тотъ общій *наиболѣе вѣроятный* выводъ, что одиноко стоящее извѣстіе позднаго владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи Ольги есть *не извѣстіе*, почерпнутое изъ древняго источника, а *мнѣніе* самаго лѣтописца, сложившееся, всего вѣроятнѣе, подъ вліяніемъ болгарскаго извѣстія о существованіи въ Болгаріи древняго города, созвучнаго по названію Плескову начальной лѣтописи. Тѣмъ неотразимѣе становится то заключеніе, что одиночное извѣстіе владимірскаго лѣтописца далеко не можетъ перевѣсить значенія всѣхъ остальныхъ древнихъ и позднихъ извѣстій и сказаній о русскомъ происхожденіи Ольги.

Въ заключеніе настоящаго обзора и анализа извѣстій о происхожденіи Ольги остается указать еще на одно извѣстіе, также одиночное и столько же оригинальное, какъ и извѣстіе владимірскаго лѣтописца, и потому могущее служить назидательною иллюстраціею къ нему. Оно сообщается въ *краткой* лѣтописи, писанной послѣ 1606 г., надо полагать, въ Москвѣ и вошедшей въ составъ рукописнаго сборника XVII в., находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ [1]). Здѣсь, послѣ разсказа о походѣ Олега на Царьградъ, говорится: «и *посемъ* женися князь Игорь Рюриковичь во Плескове, поя себе *княжну* Олгу, *дщерь Тмутарахана, князя половецкаго*». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это сообщеніе не есть извѣстіе, почерпнутое изъ ка-

---

[1]) Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. Публ. Библіотеки. А. Ѳ. Бычкова Ч. I. стр. 153—154. Спб. 1882 г.

кого либо древняго источника, а собственное мнѣніе, собственное измышленіе автора краткой лѣтописи, москвича XVII в. Какъ онъ додумался отыскать отца Ольгѣ въ Тмутараханѣ, князѣ половецкомъ, а женитьбу Игоря на ней перенесть на время послѣ похода Олега на Царьградъ,—это можно оставить безъ выясненія, хотя бы такое выясненіе и казалось возможнымъ. Для нашей цѣли достаточно указать на самый фактъ смѣлаго домысла московскаго лѣтописца XVII в., представляющій собою новый примѣръ того какъ авторы *позднѣйшихъ краткихъ лѣтописей*, опуская или сокращая пространныя легендарныя сказанія древнихъ лѣтописей, въ то же время не стѣснялись привносить къ нимъ *дополненія и поправки собственнаго сочиненія*, собственнаго авторскаго творчества и передавать ихъ въ совершенно положительномъ тонѣ. Словомъ, московскій лѣтописецъ XVII в. въ своемъ сообщеніи о половецкомъ происхожденіи Ольги представляется лишь болѣе смѣлымъ подражателемъ владимірскаго лѣтописца конца XV в. въ сообщеніи послѣдняго о болгарскомъ происхожденіи ея. Несравненно выше подобныхъ лѣтописцевъ стоитъ авторитетъ начальной лѣтописи, говорящей о русскомъ происхожденіи Ольги. Но въ вопросѣ о происхожденіи Ольги есть еще и другія стороны, въ разъясненіе которыхъ необходимо войти, какъ въ видахъ большаго освѣщенія главной стороны этого вопроса, т. е. болѣе твердаго констатированія факта русскаго происхожденія ея, такъ и въ надеждѣ достигнуть нѣкотораго разъясненія начальной, загадочной судьбы этой русской *плесковитыни*, или *псковитянки*, ставшей столько знаменитою въ нашей исторіи.

И. Малышевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

38.

Надписи на сволокахъ.

Наклонность украшать жилище обнаруживается уже у народовъ дикихъ и варварскихъ. Въ Новой Зеландіи деревянныя стѣны и потолокъ хижины украшаются рѣзьбой или разрисованными спиралями и арабесками, причемъ чаще всего раскрашивается верхній конёкъ (Firstbalken) или сволокъ (*Waitz*, Anthropologie, 51). Въ древней Греціи, по словамъ Гомера, стѣны украшались пластинками изъ свѣтлаго блестящаго металла, позднѣе, съ IV в. до Р. Х., фресками (*Магаффи*, Древне-греческая жизнь, 18). У римлянъ внутреннія стѣны домовъ даже самыхъ бѣдныхъ были ярко раскрашены (*Уэлькенсъ*, Древне-римская жизнь, 40). Въ древней Руси дома украшали снаружи и внутри рѣзьбой, что съ наибольшей отчетливостью сохранилось въ великорусской сельской архитектурѣ. Съ особенной заботливостью украшались подволоки или потолки. Большою частью они украшались рѣзьбой изъ дерева и составлялись изъ отдѣльныхъ штукъ, щитовъ или рамъ. Вмѣстѣ съ деревянною рѣзьбою подволоки убирались чаще всего слюдою съ рѣзными украшеніями изъ жести. Деревянныя рѣзныя подволоки золотились и расписывались красками (*Забѣлинъ*, Бытъ рус. цар. I. 117).

Эстетическое чувство южнорускаго народа издавна требуетъ наружнаго и внутренняго украшенія дома, что выражается или рѣзьбой на балкахъ, находящихся на виду подъ крышей или на дверяхъ

[1]) См. „Кiев. Старина“ 1889 г., № 5 и 6, май и іюнь.

и окнахъ, рѣзьбой и надписью на сволокѣ внутри хаты, раскраской оконныхъ лутокъ, рамъ и ставней, рисунками на дверяхъ и на печи. Въ ряду этихъ украшеній особенно выдаются по архаичности рѣзные сволоки.

Въ „Словѣ о полку Игоревѣ.“ кн. Святославъ видитъ нехорошій сонъ, что въ его теремѣ златоверхомъ доски безъ кнѣса, т. е. безъ сволока или матицы. Если теремъ былъ златоверхій, то, вѣроятно, и сволокъ былъ не простой, а съ какими нибудь украшеніями или надписями, тѣмъ болѣе, что онъ входилъ въ народныя повѣрья. И въ настоящее время народъ вѣритъ, что если приснится, что падаетъ сволокъ или доски безъ сволока, въ домѣ кто нибудь умретъ. Въ сербской пословицѣ: „Кад падне шлеме на теме“, т. е. когда упадетъ крыша (шеломя, конекъ) на голову напр. сыну послѣ смерти отца приходится заботиться о домѣ (*Потебня*, Слово о п. Иг. 90 *Огоновскаго*, Слово о п. Иг. 80).

Сволока съ рисунками и надписями были въ козацкихъ домахъ. Въ Никополѣ въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда двумъ запорожскимъ старшинамъ, сохранилась на сволокѣ слѣдующая надпись. „Создася домъ сей рабомъ божіимъ онфріемъ (т. е. Онуфріемъ) назаровичемъ куреннымъ васюринскимъ да куреннымъ переяславскимъ гавриломъ ігнатовичемъ 1751 года іюля 12 дня“. На самой серединѣ надпись эта раздѣлена высѣченнымъ изображеніемъ креста съ обычными при немъ деталями: копьемъ и тростью. Сволокъ имѣетъ 19 арш. длины (*Эварницкій*, Запорожье, II, 45). Въ другомъ старинномъ козацкомъ домѣ въ Никополѣ сохранился сволокъ длиной въ 8 аршинъ и толщиной въ 4 вершка съ слѣдующей надписью: „Изволеніемъ Бога Отца Іскупителя и совершеніемъ Святаго Духа Амынь созданъ домъ сей стараніемъ Максима Калниболоцкаго 1746 году іюня“ (ib. 45). Оба эти домика построены были въ с. Покровскомъ, мѣстѣ послѣдней запорожской Сѣчи, и отсюда уже перевезены въ Никополь. Въ с. Покровскомъ сохранилось четыре сволока съ надписями, уцѣлѣвшіе еще отъ прошлаго столѣтія отъ запорожскихъ хатъ. У крестьянина Корнія Забары: „Благословеніемъ Отца и поспѣшествомъ Сына и совещеніемъ святаго Духа создася сей курень васюрынскаго войска васюринскимъ обществомъ за атамана Антона Головка 1710 году мая 24 дня“. Этотъ сволокъ былъ

протянутъ черезъ весь курень; но теперь урѣзанъ и имѣетъ всего лишь 9 аршинъ. У крест. Клима Пироговскаго: „Божіи(мъ) изволеніемъ і помощью создася домъ сей а стараніемъ якима игнатова товариша куреня вішестеблевскаго 1746 года мѣсяца іюня 9“. У крест. Митрофана Чернаго: „Благословеніемъ Отца, изволеніемъ Сына и содѣйствіемъ святаго Духа аминь: создася домъ сей а коштомъ пана Василія Григорьевича знатнаго товариша куреня менскаго 1747 года мѣсяца августа 13“. Хата стояла близь запорожской церкви; въ ней, по преданію, запорожцы держали совѣты. У священника Георгія Ващинскаго; „Благословеніемъ Отца и изволеніемъ Сына и совершеніемъ святаго Духа создася домъ сей рабомъ божіимъ Григоріемъ Комишанемъ 1765 году мѣсяца мая 10“ (ib. 190, а рисунки на 44 стр.). Эти запорожскіе сволоки показываютъ, что обычай дѣлать на сволокахъ надписи о времени постройки хаты былъ весьма распространенъ въ Запорожьѣ, причемъ выработалась общая краткая форма надписи религіознаго характера.

Обычай дѣлать на сволокѣ надписи бытовалъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, въ частности въ слободской Украинѣ. Въ моемъ домѣ въ слободѣ Боромлѣ находится сволокъ съ надписью, перенесенный изъ стоявшаго на томъ же мѣстѣ маленькаго дома моихъ предковъ. Это дубовый брусъ длиной около 7 аршинъ (края вошли въ стѣну), шириной 5 вершковъ и толщиной 4 вершка. На сторонѣ, обращенной внизъ, къ полу, тянется вдоль всего бруса небольшой брусокъ съ нарѣзками черезъ вершокъ; а на сторонѣ, обращенной къ дверямъ, вырѣзано: „(о име)ни твоемъ жизнъ наша утверждается и совершается во вѣки“; далѣе слѣдуетъ крестъ съ словами и. н. ц. і. ника, а за нимъ: „создася домъ сей рабомъ божіимъ семіономъ михайловичемъ сумцемъ мая 2 дня 1776 г.“. Крестъ приходится посрединѣ сволока и украшенъ бордюрной вырѣзкой.

Въ настоящее время, если не ошибаюсь, въ Малороссіи уже не встрѣчается обычаи вырѣзывать на сволокахъ надписи; но онъ сохранился еще въ Галиціи среди консервативнаго населенія гористаго Покутья. Для поддержанія потолка подкладываютъ въ хатѣ подъ него сволокъ, или поперечную балку, на которой вырѣзываютъ греческій крестъ, время построенія хаты, имя и фамилію домохозяина (*Kolberg*, I, 57).

Обычай вырѣзывать на сволокѣ (иногда на дверныхъ луткахъ) надписи говоритъ въ пользу стариннаго малоросса, выразившаго въ этомъ обычаѣ свое уваженіе къ грамотѣ, къ письму и свою наклонность, къ историческому обоснованію жилища, что обнаруживаетъ стремленіе жить на основаніи прочнаго и разумнаго единенія настоящаго съ прошлымъ.

39.

Човенъ.

Човномъ называется въ Малороссіи рыбацкая лодка первобытной т. е. глубоко архаичной формы. Это длинная колода, выдолбленная въ рединѣ, съ однимъ или двумя небольшими сидѣніями, слегка заостренная въ одну сторону. Выпуклый снизу челнокъ въ высшей степени неустойчивъ, и его недаромъ называютъ душегубкой. Въ рукахъ опытнаго пловца човенъ быстро скользитъ по рѣчной поверхности въ тихую и даже бурную погоду. Какъ предметъ любопытный въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ, човенъ нашелъ мѣсто на Коломыйской этнографической выставкѣ (*Kolberg*, Рокисіе, I, 73). Въ народныхъ пѣсняхъ часто упоминаются човенъ и весельце, съ надлежащей поэтической раскраской, напр., въ галицкой пѣснѣ:

Ой немаю жъ я срибнаго човныка, ни золотого весельця:
Ой поплывъ бы я ажъ за сине море, де коханее сердце

(*Головацкій*, II, 513).

Лодка въ видѣ выдолбленнаго бревна восходитъ въ глубочайшую древность. Подобнаго рода лодки встрѣчаются внутри Африки. Англійскіе путешественники мѣтко назвали ихъ dug—out, т. е. выдолбни. Для дикарей, съ ихъ каменными топорами, приготовленіе такихъ лодокъ представляется труднымъ дѣломъ; поэтому они имѣютъ обыкновеніе прибѣгать къ помощи огня, зажигая древесный стволъ по требуемому направленію и вырубывая обгорѣвшія части дерева. Челноки однодеревки были распространены въ Европѣ въ доисторическія времена, какъ можно видѣть изъ образцовъ, находящихся въ музеяхъ и сохранившихся, благодаря торфу или песку, въ которыхъ они были найдены. Греческое названіе для лодки scaphe, равно

какъ англійскія названія корабля skiff или ship этимологически означаютъ выдолбень и служатъ лингвистическимъ остаткомъ того времени, когда лодки дѣйствительно выдалбливались изъ плотныхъ сплошныхъ древесныхъ стволовъ (*Тэйлоръ*, Антропологія, 251).

На подобіе того какъ дикіе народы Полинезіи и Африки, исходя отъ первобытнаго челна, самостоятельно дошли до постройки большихъ лодокъ, вмѣщающихъ въ себѣ по нѣсколько десятковъ гребцовъ (см. *Waitz*, Antropologie, 65; *Тэйлоръ*, 251), такъ и южноруссы уже въ глубокой древности дошли до построенія большихъ и прочныхъ рѣчныхъ и морскихъ судовъ, или козацкихъ чаекъ. Нѣкоторыя улучшенія по этой части сдѣланы на глазахъ исторіи и замѣчены были древними лѣтописцами. Такъ, въ 1151 г. „бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видѣти; бяхуть бо лодьи покрыты досками"... (*Аристовъ*, Промышленность др. Руси, 95).

Какъ предметъ весьма простой, украинскій челнъ почти тождественъ съ челномъ въ Польшѣ и Литвѣ, что видно, напр., на нѣманскомъ челнѣ, по его рисунку въ журналѣ „*Wisła*", 1888, II, 30, съ рыбачьимъ челномъ западной Индіи, судя по рисунку во 2 т Естеств. ист. народ. *Гельвальда*, стр. 579 и сходенъ съ лодками другихъ странъ.

40.

Сластены, маковныки и другія простонародные „ласощи".

Н. Я. Аристовъ въ сочиненіи о промышленности древней Руси высказалъ мнѣніе, что „пища русскаго народа въ древнюю пору была болѣе разнообразна, чѣмъ въ послѣдующую (т. е. съ XIV—XV вѣковъ), и предки наши въ этомъ отношеніи были разборчивѣе большинства своихъ потомковъ. Въ раннее время народъ питался преимущественно мясной пищей, чувствовалъ себя обезпеченнѣе и довольнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ послѣднее время, когда исключительно почти употреблялъ пищу растительную" (стр. 82). Еще съ большимъ основаніемъ положеніе это можно высказать относительно малороссіянъ, преимущественно лѣвобережной Украины, пищевое до-

вольствіе которыхъ съ начала нынѣшняго вѣка замѣтно ухудшилось и уменьшилось, въ силу разныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій мѣстной жизни, уменьшенія надѣловъ, вообще малоземелья, уничтоженія лѣсовъ, упадка промысловъ и скотскихъ падежей. Еще недавно, лѣтъ 30, 40 назадъ куры были во всякомъ дворѣ, и почти во всякомъ дворѣ держали нѣсколько головъ овецъ, двѣ или три коровы, а теперь такое довольство можно найти лишь у богатыхъ крестьянъ, обладающихъ еще крѣпостной землей изъ старозаимочныхъ. Даже куръ многіе хозяева перестали держать, находя прокормленіе ихъ дорогимъ. Лѣсныхъ съѣстныхъ продуктовъ, кислицъ и грушъ, также оказывается недостаточно, при истребленіи лѣсовъ и увеличеніи населенія. Приходится ограничиваться хлѣбомъ, гречихой, пшеномъ, разными огородными овощами и лишь вспоминать про недавнюю еще старину, когда и сельчане

Тамъ лигоминки разны илы,
Буханчыкы пшенычни билы,
Кислыцы, ягоды, коржы
И всякы разны вытребенькы.

Около ста лѣтъ назадъ нѣкоторые малорусскіе города и даже села славились ласощами, Кіевъ смажеными орѣхами, Лубны сладкими короваями, Полтава „пряжеными пундыками“, Ахтырка и Боромля—бубликами, Харьковъ сластёнами и маковниками; но затѣмъ всѣ эти ласощи стали исчезать, оставивъ послѣ себя лишь слѣды въ старинныхъ произведеніяхъ украинской литературы. Въ то время, какъ кулинарное и кондитерское искусства достигли въ высшихъ и среднихъ классахъ общества высокой степени совершенства, и ежегодно являются въ этой области новости, простонародное кулинарное искусство обезцвѣтилось и упало, ограничившись лишь обыденными простѣйшими кушаньями, съ устраненіемъ какихъ бы то ни было лигоминокъ, или ласощей, вмѣсто которыхъ въ достаточныхъ крестьянскихъ семействахъ иногда являются фабричные пряники, леденцы послѣдняго сорта, крахмальныя, слегка подсахаренныя, съ красной окраской шишки или мелкіе баранки. Эти сласти продаются на ярмаркахъ или въ сельскихъ лавчонкахъ, причемъ баранки или повѣшены подъ потолкомъ, и потому чорны отъ пыли, или складываются въ бочкахъ, гдѣ получаютъ специфическій запахъ, древес-

ный, дегтярный, рыбный. Баранки получаются изъ Харькова и изъ Сумъ, гдѣ ихъ изготовляютъ особые хлѣбопеки, изъ захожихъ съ сѣвера великоруссовъ.

Изъ старинныхъ лигоминокъ лучше другихъ сохранились въ народномъ быту маковники и сластёны; но сфера ихъ распространенія съузилась, число потребителей уменьшилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ самое производство ихъ сдѣлалось очень незначительнымъ. Въ харьковской губерніи маковники и сластёны уже рѣдко встрѣчаются, но бублики еще держатся. Маковники приготовляются такимъ образомъ: варятъ медъ, снимая пѣну; потомъ кладутъ макъ и варятъ, пока сдѣлается густъ и крѣпокъ; потомъ смачиваютъ столъ; выливаютъ это на столъ и, когда застынетъ, рѣжутъ на тонкіе четырехъ-угольные куски; иногда вкладываютъ въ маковники лѣсные орѣхи. Маковники употребляютъ, какъ лакомство (*Чубинскій*, т. VII, ч. II, с. 442). Въ „Салдацкомъ патретѣ“ Квитки ироническими чертами обрисована базарная торговля сластёными. „Тутъ и ... сластённыця съ грубкою: тильки спытай, на скилько тоби треба, сластёныхъ, такъ жыво пидныме полену, тай зниме стару онучу, що нею горщыкъ зъ тистомъ накрытый,—щобъ, знаете, тисто на холоди не простывало, и затымъ пидъ пеленою у себе держыть; онъ пальци послыне, щобъ тисто не прыставало, та и вщепне тиста, та на сковороду у въ олію, ажъ шкварчыть! та заразъ и пряжеть, и подае, а вже оліею не скупытця, бо такъ зъ пальцивъ и тече, тильки знай обсмоктуе“. Теперь сластёны уже не приготовляются на самомъ базарѣ, а дома, и продаются холодными. На подобіе сластёнъ приготовляются „пальчыкы“—небольшіе куски пшеничнаго тѣста, пропитанные скоромнымъ масломъ. Они продаются на базарѣ, какъ лакомства, и на вкусъ хороши. Сластёны, вѣроятно, проникли въ южную Россію изъ Германіи, гдѣ въ настоящее время подобнымъ образомъ приготовляютъ на ярмаркахъ вафли. Въ 1875 г. мнѣ пришлось быть въ Гейдельбергѣ во время осенней ярмарки, и нѣмецкое приготовленіе вафлей напомнило мнѣ разсказъ Квитки о старинныхъ украинскихъ сластённицахъ: на городской площади появилась крытая повозка, въ родѣ товарнаго вагона, съ печкой въ одномъ углу. Женщина пекла вафли на виду у публики и тутъ же продавала ихъ горячими.

41.

Обрядовое яицо.

Безъ краснаго яйца и Свѣтлое Христово Воскресеніе не праздникъ. Покропитъ священникъ послѣ ранней обѣдни святой водой скромное пасхальное добро селянина и два—три яйца въ сопровожденіи двухъ—трехъ копѣекъ отправляются къ дьячку въ мѣшокъ. Похристосуется мужичекъ и красное яйцо въ руки. На святой недѣлѣ поселяне катаютъ пасхальныя яйца, бьются и мѣняются ими; обыкновеніе биться яйцами—старинное; противъ него возставало духовенство въ XVII ст., усмотрѣвшее въ немъ дѣло, противное вѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне на первый день Пасхи ставятъ на столъ небольшую кадь съ зернами пшеницы и зарываютъ въ нихъ пасхальное яйцо; зерна эти употребляютъ при посѣвѣ. При посѣвѣ конопли крестьяне разбрасываютъ по полю яичную скорлупу, приговаривая: „роды, Боже, конопли билы, якъ яйца!" Въ день Вознесенія ходятъ на поля, засѣянныя рожью и подбрасываютъ вверхъ красныя яйца съ тѣмъ, чтобы рожь также высоко поднялась, какъ высоко подкинуто яйцо. Когда на Георгія выгоняютъ скотъ въ поле, проводятъ краснымъ пасхальнымъ яйцомъ по хребту лошадей, приговаривая: „какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь и гладка, и сыта". Крашенымъ яйцомъ обносятъ стадо, чтобы его не рвали волки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ признаютъ полезнымъ обносить пасхальнымъ яйцомъ горящій домъ, чтобы пожаръ не распространился на другія постройки. Въ валковскомъ уѣздѣ, говорятъ, для этого употребляется яйцо, освящавшееся втеченіе трехъ лѣтъ.

Чествованіе краснаго яйца имѣетъ за собою глубокую древность; оно древнѣе христіанства. Язычнику яйцо представлялось символомъ солнца, которое, какъ извѣстно, составляло для него главный предметъ религіознаго поклоненія. Чествованіе краснаго яйца первоначально вызвано мыслью о весеннемъ возрожденіи солнца или, точнѣе сказать, всей творческой силы природы. Жаркое лѣтнее солнце славянину язычнику представлялось въ различныхъ образахъ: божественнаго лика или колесницы, кольца и птицы. Въ сказкахъ часто говорится о Жаръ-птицѣ. Эта знаменитая птица и есть весен-

нее и лѣтнее солнце. Одного пера ея достаточно, чтобы освѣтить большой садъ. Но какъ у всѣхъ воплощеній творческихъ силъ природы и у Жаръ-птицы есть ненавистники, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть зимній холодъ и вьюги. Чародѣй похищаетъ Жаръ-птицу, но не убиваетъ ее окончательно (убить вѣчно возрождающуюся весной творческую силу природы невозможно). Прежде чѣмъ драгоцѣнная птица потеряетъ свободу, она успѣваетъ снести яйцо. Окутанное туманами и облаками солнце представляется золотымъ яйцомъ, положеннымъ этою птицею. Жаркими своими лучами оно согрѣваетъ холодныя тучи, разгоняетъ туманы, заставляетъ облака лить дождевые потоки: поля и нивы покрываются зеленью и на землѣ водворяется царство лѣта. Въ народныхъ сказаніяхъ яйцо является источникомъ жизни и вселенной. По финскимъ преданіямъ вселенная произошла изъ яйца: солнце изъ бѣлка, мѣсяцъ изъ желтка, звѣзды изъ остатковъ бѣлка и желтка, небо изъ одной половины скорлупы, земля—изъ другой половины. Древніе персы также вѣрили въ происхожденіе вселенной изъ яйца; они прославляли яйцо въ своихъ священныхъ пѣсняхъ и его металлическія литыя изображенія держали въ храмахъ. Греческіе и римскіе философы происхожденіе вселенной вели отъ яйца (ab ovo).

Чествованіе краснаго яйца, какъ символа весенняго сильнаго и плодотворнаго солнца, пріурочено къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенья потому, что этотъ христіанскій праздникъ совпалъ со временемъ древняго языческаго празднованія возрожденія творческихъ силъ природы.

Пасхальныя яица отличаются по рисунку. У галицкихъ русскихъ писанки приготовляются женщинами такимъ образомъ: наводятъ воскомъ мѣста, которыя хотятъ оставить бѣлыми, и затѣмъ опускаютъ яйцо въ отваръ яблоневой коры, что даетъ яицу желтую окраску. Такъ получается тло, или основа, и затѣмъ снова наводятъ мѣстами воскъ и опускаютъ яйцо въ ту или другую краску. На этнографической выставкѣ въ Коломыѣ выставлено было болѣе 800 писанокъ изъ разныхъ селъ, Загайполя, Хомяковки, Чортовца, Гарасымова и др. Писанки изъ Текуча были сплошь окрашены въ желтый цвѣтъ посредствомъ Иванова зилья (Hypericum perforatum). Польскіе этнографы и археологи обратили вниманіе на

галицко-русскія пасхальныя писанки. Въ краковской академіи наукъ находится небольшая коллекція писанокъ. Были, оказывается, малорусскія писанки на выставкахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ и обратили на себя вниманіе людей науки (*Kolberg*, Pokucie I, 149). Онѣ имѣютъ разныя названія, смотря по окраскѣ, „церковци" съ изображеніемъ крестовъ греческаго стиля, „волошки" съ мелкимъ рисункомъ мавританскаго стиля, „гвяздки" съ изображеніемъ звѣздъ, „поповы ризы", „дзвинъ", „паска", „барани рогы", „квиткы", „кучери" и др.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ обряды входитъ, между прочимъ, яичница, независимо отъ обряднаго яица. Яичницу употребляютъ преимущественно на свадьбахъ. Въ Малороссіи, кажется, нѣтъ обрядовой яичницы; но въ Галиціи, именно, у лемковъ, ее приготовляютъ молодымъ на ужинъ, при чемъ здѣсь, какъ во многихъ мѣстахъ Великороссіи, яичница имѣетъ прямое отношеніе къ браку.

42.

Сыръ въ повѣрьяхъ и обрядахъ.

Извѣстно, что разсказъ Г. Ѳ. Квитки „Мертвецькый Великдень" построенъ на томъ, что нѣкій Нечипоръ, пьянчужка крестьянинъ, наѣвшись дома варениковъ, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъ-вареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Такъ-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторыя подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій, со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ:

„На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ „запусты“, послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный дли нея сыръ. Вночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется, высокія ворота стоятъ на дорогѣ. Какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатерининскій солдатъ, который, несмотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница“.

Обрядовое употребленіе сыра на свадьбахъ обычно у поляковъ (*Kolberg*, Lud., VI, 60), лужицкихъ сербовъ (*Haupt und Smoler*, Volkslied. II, 235), въ Великой и Малой Россіи, при чемъ въ Малой Россіи преимущественно въ началѣ свадьбы, а въ Великой Россіи въ концѣ свадьбы; у лемковъ галицкихъ на другой день послѣ свадьбы (*Головацкій*, III, 396); тоже на свадьбахъ московскихъ царей XVII вѣка (*Сахаровъ*, Сказ. рус. нар., Доп., 122). Все это даетъ поводъ видѣть въ обрядовомъ употребленіи сыра остатокъ древняго жертвоприношенія, что подтверждается и древнерусскими памятниками письменности. Въ Вопрошаніи Кирика XII в. и въ Словѣ Христолюбца XIV в., а м. б. и болѣе ранняго времени, говорится о жертвоприношеніи сыра. Указаніемъ на жертвоприношеніе сыра можетъ служить одно выраженіе въ бѣлорусской купальницкой пѣснѣ: „Да тебе, Купальночка, упущу (въ домъ), зеленымъ виномъ я прійму, пшеничнымъ пивомъ упою, а бѣлымъ сыромъ накормлю“ (*Безсоновъ*, Бѣлор. пѣсни, 30). Въ то время, какъ у кельтовъ и германцевъ сыръ былъ, повидимому, въ пре-

небреженіи, у славянъ онъ употреблялся съ древнѣйшихъ временъ (*Pictet*, Les origines indoeurop. II, 35). Какъ предметъ жертвоприношенія, сыръ могъ предшествовать хлѣбу, отвѣчая древнѣйшему скотоводческому быту индо-европейскихъ народовъ.

43.

Священное значеніе обѣденнаго времени

обнаруживается въ обычаѣ крестьянъ соблюдать во время обѣда тишину; громкій разговоръ и смѣхъ считаются тутъ неприличными. Нельзя также стучать ложками объ столъ, ни качать ногами. Повѣрья эти частью обусловлены древними воззрѣніями на столъ, какъ на жертвенникъ, частью повѣрьями въ полудницъ. Намекъ на повѣрье въ полудницъ можно видѣть въ словахъ Владиміра Мономаха въ его Поученіи (1096 или, по Погодину, 1099 года): „Спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чинъ бо почиваетъ и звѣрь, и птицы, и человѣци“ (*Лѣтопись*, по сп. Лавр. 238). Полудницы тожественны съ солнцевыми дѣвами сербскихъ пѣсенъ и бѣлыми женами нѣмецкихъ сагъ, которыя въ полдень показываются у колодцевъ и расчесываютъ свои длинныя косы. Въ Малороссіи полудницы, повидимому, совсѣмъ забыты; но въ сѣверной Россіи и въ Сибири объ нихъ сохранились слабыя воспоминанія. Въ архангельской губ. полудница—охранительница полей, засѣянныхъ рожью. Родители пугаютъ дѣтей: „ужо тя полудница съѣстъ!“ Безпоповцы старовѣры творятъ въ полдень молитву на изгнаніе „бѣса полуденна“. Въ южной Сибири подъ именемъ полудницы подразумѣваютъ старуху съ густыми всклокоченными волосами, одѣтую въ лохмотья; она живетъ въ банѣ или въ кустахъ крапивы и оберегаетъ огороды отъ дѣтей (*Аѳанасьевъ*, III, 137). Съ наибольшей подробностью о полудницѣ помнятъ чехи и лужицкіе сербы: въ видѣ вооруженной дѣвушки ходитъ она по полямъ и лѣсамъ. Иногда она въ полдень ходитъ по хлѣбнымъ полямъ въ видѣ женщины, одѣтой въ бѣлое или красное платье. Когда она заходитъ въ домъ, то кто нибудь умретъ. Иногда она подмѣниваетъ ребенка. У сербовъ лужицкихъ наряду съ вѣрованіемъ въ полудницъ держится

вѣрованіе въ подобныя же существа мужескаго пола, маленькія ростомъ и насмѣшливыя. Въ классической древности подобнаго рода вѣрованія относились къ греческому Пану и римскому Фавну. Въ полдень Панъ спалъ, утомленный охотой, и пастухи не смѣли играть на свирѣли, чтобы не разбудить его и не навлечь на себя его гнѣва. По словамъ персидскаго поэта Фирдуси дивы (демоны) спятъ въ полдень. Въ нѣмецкихъ разсказахъ водяныя дѣвы любятъ полдень. Дѣти въ это время боятся оставаться одни на берегу рѣки или купаться. Въ средніе вѣка существовало повѣрье, что въ полдень жизнь человѣка находится въ опасности отъ „daemon meridianus“. Въ VI стол. на счетъ его зловреднаго дѣйствія относили рядъ болѣзней, преимущественно моровую язву. Лужицкіе сербы солнечный ударъ объясняютъ дѣйствіемъ Припольницы. Въ древности послѣ-обѣденный сонъ считался вреднымъ для здоровья. Въ Вестфаліи въ полдень не приступаютъ къ посѣву (*Haberland*, въ Zeitschr. fur Völkerpsychol. 1881, XIII, 310—324).

44.

Кваша

встрѣчается въ Россіи почти повсемѣстно, преимущественно въ Малороссіи. Приготовляютъ это кушанье такимъ образомъ: кладутъ въ кадушку муку ржаную, гречневую и солодъ, размѣшиваютъ полукипяченною водою, даютъ часъ или полчаса посолодѣть, затѣмъ сильно вскипятятъ другую воду и въ ней разведутъ означенное тѣсто, болѣе или менѣе густо, какъ кто любитъ. Кадушку ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы кваша получила кислоту, варятъ квашу въ горшкѣ и, вскипятивши, подаютъ (*Маркевичъ*, Обыч. малор. 156; Чуб. VII, II, 440). Въ настоящее время кваша встрѣчается только въ крестьянскомъ быту; но по разсказамъ старыхъ людей, лѣтъ пятьдесятъ или сто назадъ ее употребляли, какъ лакомое кушанье, и помѣщики средняго достатка. Къ квашѣ относится нѣсколько поговорокъ, напр.: „нехай же иде грекъ зъ вынами, зъ пывами та у нашу квашу“, „говорить гоже та боже, щобъ наша кваша вдалась“. Крестьянскую простоту и матеріальный достатокъ обрисовы-

ваютъ словами: „въ насъ просто: борщъ, каша, третя кваша“ (*Номисъ*, 256, 12176 и др.).

Кваша—одно изъ самыхъ архаичныхъ явленій народнаго быта. Существуетъ много несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, что древней формой хлѣбной пищи была похлебка. И въ настоящее время варварскіе народы средней Азіи, получивъ какимъ либо образомъ муку, начинаютъ ее употреблять въ пищу съ водой, не находя въ себѣ умѣнья приготовить изъ нея хлѣбы. Такъ, киргизы, кочующіе на плоскости Памира, между Бадакшаномъ и Яркандомъ, почти не знаютъ хлѣбнаго зерна, но когда получаютъ его, то растираютъ, размачиваютъ и ѣдятъ въ жидкомъ видѣ (*Борнсъ*, Путеш. въ Бухару, III, 298). Пища средне-азіатскихъ монголовъ Цзинь, по свидѣтельству китайскаго писателя Юй-веня, состояла изъ кашицы изъ полусыраго зерна (*Записки* Археол. общ. 1859, XIII, 205). Въ XVII вѣкѣ крымскіе татары, жившіе въ городахъ, умѣли готовить хлѣбъ, но степные татары употребляли вмѣсто того ячменную или гречневую кашу, приправленную конскимъ жиромъ (*Бопланъ*, Опис. Укр., 46). У древнихъ грековъ, преимущественно спартанцевъ, любимой пищей была хлѣбная похлебка или „маса“ (*Магаффи*, Др. греч. жизнь, 41). Въ ранній періодъ римской жизни во время обѣда и завтрака любимымъ кушаньемъ была густая хлѣбная похлебка—„pulmentum“ (*Уэлькенсъ*, 85). Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ жидкая хлѣбная пища, первоначально обычная во всѣхъ классахъ населенія, впослѣдствіи держалась въ низшемъ, бѣднѣйшемъ классѣ народа, что обнаруживается и въ исторіи кваши, равно какъ и другихъ, встрѣчающихся у славянъ хлѣбныхъ похлебокъ. Изысканный вкусъ людей образованныхъ и богатыхъ почти совсѣмъ отвергъ старинныя формы хлѣбной похлебки, если не считать нѣкоторыхъ суповъ и кашъ, искусно приготовляемыхъ. Древнія хлѣбныя жидкія кушанья сохранились только у крестьянъ. Такимъ же архаизмомъ, какъ и кваша, отличаются *тетеря*—каша изъ ржаной и гречневой муки и пшена (см. *Чубинскій*, VII, 440; *Маркевичъ*, 163; *Коржъ*, Уст. повѣст. 33), въ филологическомъ отношеніи родственная съ великорусской *тюрей*—хлѣбными сухарями, намоченными въ водѣ (см. *Даля*, Толк. слов. V, 369, 413) отъ сл. тереть, тьр-ти, дьр-ти, драти, *вив-*

сяныкъ—овсяная похлебка (*Номисъ*, 12098), *кулишъ*, хлѣбный кисель, или *гуща*—все малорусскія кушанья, далѣе бѣлорусскія варгеня или солодуха (*Этногр. сборн.*, II, 139), кислуха, колотуха, крупникъ; великорусскія толокно, дежень; польскія пенчакъ, спулка, розварка, наварка и др. (*Kolberg*, Lud., V, 135. 270; XI, 126).

45—46.

Соломаха и мамалыга

также входятъ въ число хлѣбныхъ кушаньевъ, но названія кушаньевъ, вѣроятно, и самыя кушанья, заимствованы малороссіянами, соломаха—неизвѣстно отъ какого народа тюрко-татарскаго корня, а мамалыга несомнѣнно отъ румынъ, и потому оба эти кушанья, теперь рѣдкія, представляются культурными переживаніями особаго порядка, не собственной исконной культуры, а инородной.

Соломахой у малоруссовъ, саламатой у великоруссовъ называется жидкая мучная каша съ солью. Въ вологодской губ. саламатой называется овсяная крупа, поджаренная на маслѣ или салѣ. Въ западной Россіи саломаха—сладкій опьяняющій напитокъ изъ водки, меда, сливъ и вишень, въ родѣ украинской варенухи. Саламата встрѣчается въ великорусскихъ народныхъ поговоркахъ (*Даль*, Толк. слов. V, 117). Наиболѣе древнимъ характеромъ отличается малорусская соломаха, представляющая разведенное соляной водой гречневое тѣсто (*Чубинскій*, VII, 441; *Маркевичъ*, 161). Въ XVII ст. козаки, отправляясь въ морской походъ, брали съ собой соломаху. Въ думѣ про Корсунскую битву (1648) упоминается „жытняя соломаха зъ туслукомъ“ (т. е. разсоломъ), какъ спеціально козацкое кушанье (*Антоновичъ и Драгомановъ*, Ист. пѣс. II, 34). Французъ Бопланъ, пробовавшій это запорожское кушанье, нашелъ его кисловатымъ и непріятнымъ на вкусъ (*Бопланъ*, Оп. Укр. 63). Повидимому, слово, а м. б. и самое кушанье саламата заимствовано отъ татаръ, у которыхъ словомъ салма называли крошеную или мятую и истертую въ рукахъ лапшу (*Даль*, V, 117).

Мамалыга или малай—старинное запорожское кушанье изъ просяной муки, разведенной водой; ѣли его въ скоромные дни съ

соленымъ сыромъ или брындзой (*Коржъ*, Уст. повѣст. 34). Слова мамалыга и брындза румынскія. У молдаванъ мамалыгой называются лепешки изъ кукурузной муки съ молокомъ или брындзою, т. е. сыромъ изъ овечьяго молока, или съ коровьимъ масломъ, или съ саломъ (*Этногр. сборн.*, V, 50). Въ однихъ мѣстахъ Малороссіи мамалыгой называютъ хлѣбную похлебку, въ другихъ хлѣбныя лепешки. Существуетъ такое повѣрье, что „якъ дивка зле вымишае лемишку або мамалію и въ ніи е мука, то набраты тои мукы и насыпаты пидъ бигунъ—дивка не виддасться" (*Номисъ*, 13,400).

47.

Журъ.

Въ статьѣ „Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ", напечатанной въ Кіев. Стар. 1885 г. кн. VII, я уже говорилъ о журѣ. Здѣсь лишь добавлю кое что. Журъ—древнее хлѣбное кушанье; но зашелъ онъ въ Малороссію, повидимому, изъ Польши. Журъ—обычное кушанье польскихъ крестьянъ (*Kolberg*, Lud, III, 73; *Linde*, Słownik, VI), встрѣчается у лужицкихъ сербовъ въ значеніи кваши, Sauerteig (*Пфуль*, Словарь луж.-нѣм.), въ Бѣлоруссіи (*Даль*, I, 489), повидимому, у сербовъ и болгаръ, судя по существованію словъ джуровача—деревянная чашка, джуркалъ—палочка для размельченія крапивы. Быть можетъ, журъ происходитъ отъ нѣмецкаго слова sauer, кислый, и къ славянамъ перешелъ отъ нѣмцевъ въ давнее время. Въ настоящее время журъ распространенъ у галицкихъ русиновъ. (*Kolberg*, Pok. 52), въ Холмщинѣ (*Батюшковъ*, Холм. Русь). Въ пѣснѣ, записанной въ волынск. губ.: „у селянина борщу нема, а у мѣщанина съ перцемъ журина" (*Чубинскій*, III, 472). Въ галицкой шумкѣ упоминается журъ (*Головацкій*, II, 197). Въ лѣвобережной Украинѣ, кажется, не знаютъ жура. Въ подтвержденіе моего мнѣнія, что пѣсенный Журило—олицетвореніе жура, высказаннаго въ Кіев. Стар. 1885 г. кн. VII, укажу на олицетвореніе „киселя" (т. е. жура) на картинѣ страшнаго суда въ Лебединскомъ монастырѣ (см. Кіев. Стар. 1885, X, 367). Кисель представленъ здѣсь въ видѣ кавалера,

одѣтаго въ красный кунтушъ, завитаго, нарумяненнаго, съ закрученными усами, точь въ точь пѣсенный Журило, а рядомъ съ нимъ кваша въ видѣ молодицы, неряшливо одѣтой. Отчество Пленковичъ при Чурилѣ (=Журилѣ), думаю происходитъ отъ польскаго слова plon—урожай, обиліе. Слово это встрѣчается и въ пѣсняхъ, напр.: въ полѣсской обжинковой: „Плёнъ несемъ, плёнъ въ его мосцинъ домъ, бодай здорова плёновала“ (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, 53).

48—49.

Глекъ и Кглегъ.

Любопытно, что слово глекъ, глечикъ встрѣчается только въ малорусскомъ языкѣ, и нѣтъ его въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ церковно-славянскомъ (судя по словарямъ Востокова и Миклошича), польскомъ (сл. Линде), чешскомъ (сл. Юнгмана), сербо-лужицкомъ (сл. Пфуля), сербскомъ (сл. Караджича и Лавровскаго), великорусскомъ (сл. Даля). Для обозначенія предмета, извѣстнаго въ Малороссіи подъ названіемъ глечика, у другихъ славянъ встрѣчаются разныя слова, кувшинъ, бутыль, чотора (болг. и серб. изъ турец. яз.), фляшка (польск. изъ нѣм. яз.).

У галицкихъ русскихъ словомъ глегъ (gleg) называютъ ссѣлое молоко изъ желудка маленькаго теленка, котораго кусочекъ бросаютъ въ удой молока, чтобы оно скорѣе ссѣлось, сгледжвалось. Это дѣйствіе называется глегати или гледжити молоко. У лемковъ слово глегъ произносится глягъ.

Я. Ѳ. Головацкій высказалъ мнѣніе, что слово глегъ заимствовано изъ греческаго glágos—молоко, слова, употребляемаго еще въ Иліадѣ Гомера. Это обстоятельство, по словамъ Головацкаго, указываетъ на близкія сношенія карпатскихъ горцевъ съ греками въ самой отдаленной древности, когда „словѣни сѣли суть по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска“. Тамъ, въ сосѣдствѣ Греціи, предки гуцуловъ, бойковъ и лемковъ научились глегати молоко. Оттуда вынесли они слова колиба (навѣсъ, шалашъ), боске (кормъ), боско (пасти) и называютъ до сихъ поръ свои ша-

лаши колибами, свои горныя пажити—Бескиды, пасти на горахъ—бескидовати (*Головацкій*, Нар. пѣсни галиц. Руси, I, 700, Примѣч.).

Проф. А. А. Потебня сомнѣвается въ древности заимствованія слова кглегъ малороссіянами отъ грековъ, такъ какъ въ случаѣ древности такого заимствованія *кг* перешло бы въ *г*. „Заимствованія съ греческаго, замѣчаетъ при этомъ г. Потебня, конечно, посредственныя, встрѣчаются и относительно новыя, напр., черноморское аггелъ—кошара для овецъ (agele—стадо), отъ румынскихъ чабановъ XVIII в." (*Потебня*, Рецензія на сборн. Головацкаго, 16).

Принимая во вниманіе широкое распространеніе словъ глекъ и клегъ, хотя и въ разномъ значеніи, словъ несомнѣнно заимствованныхъ изъ греческаго языка, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе Головацкаго о давности заимствованія, обусловленнаго близкимъ нѣкогда сосѣдствомъ славянъ съ византійской имперіей и тѣснымъ съ нею культурнымъ общеніемъ.

Слова глекъ и кглегъ могли проникнуть въ Малороссію въ разное время и разными путями, при чемъ одно изъ нихъ, именно глекъ, вѣроятно, древнѣе другаго. У древнихъ грековъ существовало много горшковъ, кувшиновъ, вазъ, самыхъ разнообразныхъ формъ и разныхъ названій. Общія ихъ свойства были красота и удобство. Особые сосуды были для воды, вина, молока, масла. Можетъ быть, и въ самой Греціи или въ крымскихъ греческихъ колоніяхъ были своего рода глечики, которые и перешли къ древнимъ русскимъ, какъ вещь удобная и красивая, съ сохраненіемъ своего названія, и въ такомъ видѣ сохранились у крестьянъ до настоящаго времени. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками ни одного крупнаго сочиненія по греческой керамикѣ и въ частности по Vasenkunde, для справокъ и доказательствъ, и потому приходится ограничиться однимъ предположеніемъ. Могу только замѣтить, что во всѣхъ 4 томахъ превосходнаго изданія „Antiquités etrusques, grecques et romaines du cabinet de M. Hamilton" (1767) находятся вазы и кувшины, весьма сходные съ южнорусскими глечиками.

50.

Куманецъ.

Куманцомъ въ харьковской губерніи называютъ изящной формы кувшинъ работы мѣстныхъ гончарей. Куманцы въ Харьковѣ продаются на базарахъ, наряду съ другой глиняной посудой, а въ села ихъ привозятъ лишь на ярмарки, такъ какъ здѣсь на нихъ небольшой спросъ, по ихъ сравнительной дороговизнѣ (отъ 25 до 50 коп.). Куманцы по внѣшнему виду настолько оригинальны, что сразу бросаются въ глаза. Это высокіе и плоскіе кувшины, съ широкимъ отверстіемъ въ серединѣ и съ крышечкой наверху. Жидкость, влитая въ горлышко, размѣщается въ боковыхъ закругленіяхъ, имѣющихъ форму кольца. На ручкѣ или на крышкѣ иногда налѣпливается фантастическій звѣрь. Кувшины такой формы извѣстны были древнимъ грекамъ и римлянамъ, судя по „Древностямъ“ Гамильтона. Самое слово куманецъ, повидимому, греческаго происхожденія, на что указываютъ древне-греческія слова кýма—волна, отпрыскъ, молодой ростокъ, въ архитектурѣ выпуклости и углубленія, кумáйно—волнуюсь, вздымаюсь, кумàсъ—беременная. То или другое значеніе этихъ словъ характеристично и для украинскаго куманца, по его широкой бокастой фигурѣ.

Если слово куманецъ и самый кувшинъ съ этимъ названіемъ заимствованы малороссами отъ грековъ, то такое заимствованіе произошло въ древнее время, такъ какъ уже въ XVII вѣкѣ слово это пріурочивалось иногда къ церковнымъ кружкамъ. Такъ, въ Покровской церкви Никополя находятся двѣ очень древнія серебряныя кружки, добытыя запорожцами отъ какого то крымскаго хана. Одна изъ нихъ называется куманъ большой, другая куманъ меньшой.

Мы не нашли въ словаряхъ указаній на татарское происхожденіе слова куманецъ; трудно предположить, чтобы грубый татаринъ могъ интересоваться такимъ въ своемъ родѣ художественнымъ предметомъ, какъ куманецъ. Тутъ приходится искать болѣе культурный этнографическій источникъ, древне-классическій или собственный русскій.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кіевское городское управленіе въ 1786 г.

(по протоколамъ засѣданій городской думы).

(*Окончаніе*).

III.

Городскіе расходы и повинности въ 1786 году.—Борьба съ Днѣпромъ.—Мосты и перевозы.—Почтовый дворъ.—Квартирная и постойная повинности.—Содержаніе и ремонтъ Андреевской церкви.—Ремонтъ городскихъ зданій.—Хлѣбный магазинъ.—Мостовыя и водоснабженіе.—Городская богадѣльня.—Городской оркестръ.—Личныя повинности горожанъ.—Данныя о положеніи разночинцевъ, торговаго и ремесленнаго сословій.

По городовому положенію 1785 года, шестигласной думѣ не было предоставлено самостоятельности въ дѣлѣ городскихъ расходовъ, а такъ какъ въ то время еще не вошло въ обычай составлять общія расходныя смѣты на годъ впередъ, то, на практикѣ, непосредственное и вліятельнѣйшее руководство въ этомъ случаѣ принадлежало не городской общинѣ, а мѣстной администраціи. Отъ губернатора зависѣло предписать думѣ тотъ или иной расходъ или отнести на городской счетъ выполненіе извѣстной повинности, хотя бы она имѣла общегосударственное значеніе; съ другой стороны, самые мелочные расходы по внутреннему городскому хозяйству и управленію не могли производиться безъ разрѣшенія губернатора. Благодаря такому порядку отношеній, ни шестигласная, ни общая городская дума не имѣла возможности хотя бы приблизительно соразмѣрить городскіе расходы съ доходами и ввести какія либо серьезныя улучшенія въ финансовомъ хозяйствѣ города,—думы могли собственно лишь представлять

[1]) См. „Кіевская Старина“ №№ 5 и 6, май и іюнь.

по начальству о городскихъ нуждахъ, и затѣмъ имъ оставалось въ точности исполнить начальственныя предписанія.

Въ протоколахъ засѣданій кіевской городской думы 1786 года нѣсколько разъ встрѣчаются жалобы на безвыходное положеніе, въ которое поставлено городское финансовое хозяйство благодаря такой путаницѣ отношеній. Со введеніемъ намѣстничества въ 1782 году на городъ возложено было много новыхъ повинностей и расходовъ, выполненіе которыхъ, по мнѣнію думы, было не по силамъ населенія. Согласно указу сената отъ 31 іюля 1766 года, Кіеву велѣно было отпускать ежегодно отъ казны по 1210 р. 12 к. на постройку и содержаніе хлѣбнаго магазина, укрѣпленіе береговъ Днѣпра и другія нужды, но съ 1782 года выдача этого пособія прекращена вслѣдствіе заключенія кіевской казенной палаты, что при ея завѣдываніи городскихъ обыкновенныхъ доходовъ достаточно для выполненія повинностей. Заключеніе это крайне ошибочно, по мнѣнію думы. Нынѣ на городъ возложено множество расходовъ: содержаніе и починка Андреевской церкви, постройка и ремонтъ городскихъ домовъ и лавокъ, починка магистратскихъ погребовъ, башни и вежи, городскаго хлѣбнаго магазина и шпикнера, изготовленіе пожарныхъ инструментовъ во всѣ части города, закупка хлѣба въ магазинъ, прокладка канавы на р. Помойникѣ и въ другихъ мѣстахъ, мощеніе мостовыхъ, содержаніе почты, выкупъ имѣній разночинцевъ для очищенія города отъ несвойственности, содержаніе канцелярій думы и городоваго магистрата, сторожей, смотрителей разнаго рода, разсыльныхъ, оркестра, починка и отопленіе полковыхъ лазаретовъ. Раньше отпускалось пособіе отъ казны на расходы, имѣвшіе значеніе главнымъ образомъ для Кіево-Подола, «по нынѣшнимъ же обстоятельствамъ не точію въ Кіево-Подолѣ на все вышеписанное издержку чинить повелѣваютъ, но во всѣхъ трехъ сего города частяхъ, да сверхъ того небываліе расходы, какъ то на устроеніе колодцовъ немалымъ количествомъ и на здѣланіе пожарныхъ инструментовъ и заливныхъ трубъ» (прот. 20 іюня). Губернаторомъ Ширковымъ повелѣно «какъ въ здѣшнемъ городѣ Кіево-Подолѣ и предмѣстьяхъ его разныя питейныхъ домовъ и городскихъ лавокъ починки и вновь постройки, такъ и въ верхнемъ городѣ Кіевѣ и въ Печерскомъ форштатѣ колодцы привесть въ надлежащую исправность, равно и огнегасительные инструменты во всѣ полицейскія части и кварталы города вновь подѣлать, такожъ вдобавокъ ассигнованныхъ изъ казны денегъ на содержаніе днѣпровскаго мосту и перевозныхъ судовъ велѣно употребить изъ доходовъ городскихъ, а особливо и вся

нынѣшняя репарція Андреевской церкви по тѣмъ же предписаніямъ, равно и укрѣпленіе берега р. Днѣпра возложено на сію думу, на что все немалое количество слѣдуетъ употребить изъ городскихъ доходовъ суммы, въ которой, въ разсужденіи болшаго количества, можетъ послѣдовать недостатокъ» (прот. 9 апрѣля). Если такого недостатка не послѣдовало уже въ 1786 году, то лишь благодаря тому, что въ городской кассѣ были значительныя свободныя средства, оставшіяся отъ прежнихъ лѣтъ,—безъ этого городская дума была бы поставлена въ самое критическое положеніе.

Судя по протоколамъ, куда заносились всѣ, даже самые ничтожные расходы, въ 1786 году изъ городской кассы выдано на покрытіе городскихъ повинностей и другихъ обязательныхъ расходовъ 31,844 р. $15^1/_4$ коп. и такимъ образомъ, какъ видимъ, текущихъ доходовъ города дѣйствительно оказывалось недостаточно для удовлетворенія городскихъ потребностей въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ онѣ опредѣлены были штатами и предписаніями губернатора Ширкова. Въ виду такого несоотвѣтствія доходовъ съ расходами и во вниманіе къ ходатайствамъ думы, по представленію Ширкова казна возвратила городу 4,000 руб. сер., израсходованныхъ на постройку моста и казеннаго перевоза чрезъ Днѣпръ противъ Кіево-Подола,—сборы съ моста и перевоза поступали въ казну,—и 1,200 руб., употребленныхъ на изготовленіе пожарныхъ трубъ послѣ неудачной операціи съ Завелемъ Гершковичемъ. Благодаря этому, финансовый годъ былъ заключенъ безъ значительнаго дефицита.

Въ приведенномъ выше перечнѣ думы указаны всѣ главнѣйшія статьи расхода городскихъ средствъ въ 1786 году, исключая расхода въ 1,100 руб. на изготовленіе столбовъ для публикацій и 900 руб. будокъ для ночныхъ сторожей и рогатокъ для загораживанья переулковъ въ ночное время, о чемъ было предложено думѣ управою благочинія въ концѣ іюля мѣсяца. Мы сведемъ здѣсь заключающіяся въ протоколахъ данныя о выполненіи главнѣйшихъ городскихъ повинностей и расходовъ въ 1786 году, данныя, уже по самому свойству источника, откуда онѣ почерпнуты, достаточно скудныя и крайне разрозненныя.

Періодическія измѣненія русла р. Днѣпра у Кіева, какъ извѣстно, доставляли немало хлопотъ и расходовъ кіевлянамъ уже съ давняго времени, и всякому понятно, что серьезное регулированье теченія днѣпровскихъ водъ вдоль города требуетъ огромныхъ затратъ, для города непосильныхъ. Между тѣмъ, особенно для Кіева прежняго

времени, вопросъ этотъ имѣлъ жизненное значеніе, такъ какъ вся торгово-промышленная дѣятельность горожанъ сосредоточена была на нын. Подолѣ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка задача заключалась въ томъ, чтобы ослабить жестокость напора водъ на подольскій берегъ, направивъ силу теченія въ рукавъ Десны, т. наз. Черторой. Въ протоколахъ 1786 года встрѣчаемъ рядъ указаній на произведенныя Днѣпромъ опустошенія на Подолѣ. Въ февралѣ унесены водою городскіе шинки; къ началу марта оказалась подмытою городская пивоварня, снесены столбы и вода грозила унести все безъ остатка и затопить колодецъ. Дума постановила донести объ этомъ Ширкову для надлежащихъ предписаній архитектору. 17 марта въ протоколѣ записано грустное наблюденіе, что «по перемѣнившемуся теченію рѣки Днѣпра отъ стремленія оной происходящаго есть повреждение городу Подолу, а обывателямъ близъ рѣки живущимъ чрезъ несеніе съ мѣста на мѣсто и чрезъ вверженіе въ рѣку ихъ домовъ слѣдуетъ убытокъ и разореніе», ибо «многіе здѣшные мѣщаня, имѣя домы свои унесенныя быстриною рѣки днепра, скитаются по чужимъ домамъ за неимѣніемъ мѣста, гдѣбъ могли поселиться» (прот. 20 октября), Вслѣдствіе предложенія Ширкова принять мѣры противъ напора водъ, дума 17 марта опредѣлила: 1) вызвать охотниковъ укрѣплять берегъ; 2) просить денежнаго пособія отъ казны, такъ какъ необходимо для урегулированія теченія ставить каменную стѣну и направить теченіе въ рѣку Черторой; 3) отобрать прожекты отъ охотниковъ; 4) пострадавшимъ отъ обваловъ мѣщанамъ отводить для поселенія городскія земли; 5) проежающимъ за границу здѣшнимъ купцамъ прытвержать, дабы оны втамошныхъ мѣстахъ старались сыскать знающихъ въ семъ дѣлѣ силу людей и желающихъ взять укрѣцленіе берега на свое попеченіе». Черезъ десять дней дума въ полномъ составѣ производила осмотръ береговыхъ обваловъ съ рекомендованнымъ Ширковымъ могилевскимъ евреемъ Завелемъ Гершковичемъ, но конечно безъ всякой пользы для дѣла. Въ концѣ апрѣля новыя жалобы на страшныя разоренія отъ рѣки; такъ какъ на сей разъ пострадала квартира ген.-майора Бухгольца, то дума произвела новый осмотръ для составленія смѣты по ремонту поврежденій. Въ сентябрѣ вода грозитъ обвалами городскому пивному и медоваренному заводу. Несмотря на всѣ эти несчастія, по мнѣнію думы, городъ въ борьбѣ съ рѣкою долженъ избѣгать капитальныхъ затратъ,—для укрѣпленія же берега слѣдуетъ теперь же или зимою «бить сваи стоя на льду» (прот. 19 сентября). Но не дождалась дума льда и къ 31 октябрю Днѣпромъ унесло городскую

медоварню и пивоваренные заводы. Дума, заслушавъ докладъ объ этомъ заранѣе угадываемомъ несчастіи постановила впредъ «поступать по опыту и готовиться». Такимъ образомъ, въ 1786 году расходы Кіева по урегулированію днѣпровскихъ водъ ограничились ремонтомъ квартиры генер.-майора Бухгольца.

Переправа черезъ Днѣпръ въ 1786 году совершалась на т. наз. водоплавныхъ дубахъ, паромахъ и по мосту. Всѣ перевозы находились въ казенномъ завѣдываніи, но постройка моста и покупка дубовъ произведены были на городскія средства, при чемъ на казенный мостъ издержано съ 1784 года всего 4,000 руб. которые по представленію Ширкова велѣно было возвратить городу; содержаніе и ремонтъ казеннаго перевоза противъ Неводницкой пристани стоили въ 1786 г. слишкомъ 1,000 руб., при чемъ за шесть водоплавныхъ дубовъ заплочено 102 руб., за два парома—690 руб., за байдакъ для перевоза 200 руб. и израсходовано на содержаніе и ремонтъ Неводницкаго перевоза 67 руб. 50 коп. Въ февралѣ дума ходатайствовала о разрѣшеніи городу устроить свой перевозъ для извлеченія дохода въ городскую казну, но отвѣта на это ходатайство не послѣдовало. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ виду предстоявшаго посѣщенія имп. Екатерины II, противъ Неводницкой пристани настланъ былъ съ большою поспѣшностью деревянный мость на льду, на работѣ ежедневно находилось около 100 человѣкъ съ платою по 50 коп. въ день.

Содержаніе почтоваго двора въ 1786 году обошлось городу въ 2,573 р. 98¼ коп. и слѣд. составляло повинность весьма тяжелую и убыточную для Кіева. По случаю пріѣзда царицы, къ 40 лошадямъ прикуплено было думою еще 20. Сѣно на почтовый дворъ доставлялось съ городскихъ сѣнокосовъ и главный расходъ по двору представляла покупка овса (1,180 руб.), затѣмъ т. наз. мелочные расходы (310 руб. 90 коп.), жалованье 10 почтарямъ (204 р. 75 к.), почтовому писарю (40 руб.). Почтовыя лошади покупались за 20—25 руб. Въ мартѣ мѣсяцѣ городская дума въ полномъ составѣ производила осмотръ негодныхъ почтовыхъ лошадей для замѣны ихъ новыми, но насколько былъ строгъ контроль за прочими расходами по почтовому двору, трудно сказать; не лишено однако интереса, что деньги на мелочные расходы отпускались обыкновенно по непосредственнымъ предложеніямъ губернатора.

Кромѣ постойной повинности, ложившейся на горожанъ непосредственно, на городѣ лежала обязанность давать квартиры въ натурѣ военнымъ начальникамъ, имѣвшимъ пребываніе въ Кіевѣ, горо-

довому архитектору, помѣщеніе для управы благочинія и городническаго правленія, устроить и отапливать лазаретъ для Днѣпровскаго фузилернаго полка; городъ же выстроилъ на свои средства новый острогъ взамѣнъ стараго, который былъ сломанъ въ маѣ мѣсяцѣ. Зданіе магистрата, гдѣ помѣщались городскія присутственныя мѣста, какъ то дума, магистратъ, сиротскій и словесный суды, скарбовая комната, и засѣдали различныя коммиссіи, ремонтировалась и отапливалась также на городскія средства. Въ іюнѣ мѣсяцѣ думѣ предписано было устроить особый баракъ для пожарныхъ инструментовъ; въ этомъ же году ремонтировались и достраивались съѣзжія избы во всѣхъ трехъ полицейскихъ частяхъ города. Постройка лазаретнаго полковаго сарая, ремонтъ и отопленіе полковаго лазарета, ремонтъ и достройка съѣзжихъ избъ, ремонтъ квартиры ген.-майора Бухгольца обошлись городу въ 1,100 руб. слишкомъ. Кромѣ того для облегченія отъ постоевъ жителей Куреневщины пріобрѣтены были здѣсь думою двѣ старыя хаты съ амбарчикомъ и коморою, а для городоваго архитектора купленъ особый домъ. Не лишена интереса замѣтка въ протоколѣ отъ 16 іюля, что лазаретъ фузилернаго полка, впослѣдствіи ремонтированный на городскія средства, пришелъ въ крайнюю ветхость, въ стѣнахъ диры, крыша негодится, «такъ что отъ бываемыхъ дождей въ оныхъ покояхъ бываетъ по стѣнамъ и посреди немалая течь, отчего болніе крайне претерпѣваютъ нужду», а въ кухнѣ нѣтъ возможности развести огонь.

Весьма тягостную для городскаго управленія повинность составляло содержаніе зданія и причта Андреевской церкви, первоначально числившейся въ дворцовомъ вѣдомствѣ, затѣмъ неожиданно переданной въ вѣдѣніе кіевскаго магистрата. Послѣдній втеченіи 18 лѣтъ уклонялся отъ новой статьи расхода, накопляя груды переписокъ съ разными вѣдомствами; послѣ учрежденія думы сопротивленію уже не было мѣста, и втеченіи 1786 года на ремонтъ церкви выдано по предложенію Ширкова изъ городской казны около 4,000 руб. и жалованья причту 434 руб. 28 коп. Какъ видно изъ протоколовъ, расходъ этотъ производился думой съ крайней неохотой, и тѣмъ болѣе, что протопопъ Андреевской церкви Коменскій находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ церковными старостами, которымъ не желалъ давать отчета въ доходахъ и расходахъ бывшей придворной церкви. Съ ремонтомъ послѣдней спѣшили въ виду близкаго пріѣзда царицы, но окончена была работа лишь въ слѣдующемъ году (по словамъ Описанія Закревскаго, I, 184, всего издержано было городомъ на ремонтъ церкви

6,763 рубля). Въ 1786 году ремонтъ производился польскимъ каменьщикомъ Фабіаномъ Прумпаромъ изъ Острога по контракту, заключенному Ширковымъ безъ участія городской думы, которая не могла поэтому имѣть и надлежащаго контроля за ходомъ работъ и правильностью расходовъ по ремонту. Отмѣтимъ здѣсь, что за изготовленіе четырехъ евангелистовъ въ церкви мастерамъ Кудашевскому и Мармуровскому уплачено думою 60 рублей.

Еще значительнѣе былъ расходъ по ремонту магистрата и нѣкоторыхъ другихъ городскихъ зданій,—въ протоколахъ находимъ отмѣтки объ израсходованіи на этотъ предметъ не менѣе 6,700 рублей. Особенно много денегъ поглотила починка магистратской башни, въ виду ея орнаментальнаго значенія. На ремонтъ городскихъ шинковъ и лавокъ израсходовано въ 1786 г. по предписаніямъ Ширкова около 1,800 рублей. При выдачѣ денегъ на руки мѣщанамъ, которымъ поручался, въ видѣ обязательной повинности, надзоръ за ремонтомъ, дума строжайше наказывала подробно заносить всѣ расходы въ особыя тетради, которыя представлять въ думу для обревизованія, и расходовать деньги съ величайшей экономіей, подъ угрозою тяжкой отвѣтственности. Сравнительно незначительнымъ оказывается расходъ по содержанію канцелярій городской думы и городоваго магистрата,—онъ не превышалъ 1,000 рублей, при чемъ собственно на канцелярію думы расходовалось не болѣе 160 рублей въ годъ.

Въ 1786 году впервые назначено постоянное жалованье кіевскому городовому архитектору—150 рублей въ годъ; кромѣ того, архитекторъ пользовался квартирой отъ города. Судя по протоколамъ, на архитектора возлагались даже такія обязанности, какъ составленіе предположеній по регулированію днѣпровскаго русла.

Въ Кіевѣ имѣлось обширное каменное зданіе для хлѣбнаго запаснаго магазина, крытое желѣзомъ и выстроенное еще бывшимъ магистратомъ съ денежнымъ пособіемъ отъ казны, но состояніе хлѣбныхъ запасовъ въ 1786 г. оказывается весьма печальнымъ. По отчетамъ магистрата еще въ 1775 г. продано было изъ магазина 1,000 кулей ржаной муки, въ 1776 и 1777 г. прикуплено 2,000 четвертей ржи по 50 коп. четверть, въ 1780 г. продано 1,000 по 1 р. 5 к. и оставалось въ наличности 1000 четвертей, объ израсходованіи которыхъ дума потребовала справку отъ Балабухи и бургомистра Гудимы. По отчету оказалось, что изъ магазина продано приходившей въ порчу ржи на 1,810 руб., отдано заимообразно 548 четвертей и оставалось въ наличности всего 340 четвертей. Взамѣнъ ссуженныхъ

548 четвертей подлежало съ наддаточными взысканію 616½ четв., но взысканіе ссуды подвигалось туго, такъ какъ должники уклонялись отъ возврата хлѣба. Все дѣло было поставлено на практикѣ, какъ кажется, неудовлетворительно; по крайней мѣрѣ въ протоколѣ отъ 17 августа отмѣчено, что ссуды изъ магазина получили «большею частію люде чиновніе». Въ виду предстоявшаго въ 1787 г. наплыва народа въ Кіевъ, губернаторъ 28 сентября предписалъ думѣ закупить и имѣть въ наличности въ магазинѣ не менѣе 5,000 четв. ржи. Дума ассигновала на первый разъ 1,000 руб., кромѣ 1,810, уже бывшихъ въ магазинѣ ранѣе, но пріобрѣсть 5,000 четв. хлѣба оказалось не такъ легко. Въ Кіевѣ хлѣбопашцевъ не было, въ хлѣбѣ ощущался недостатокъ, такъ какъ много его требовалось на винокурни; быть можетъ, не безъ вліянія на дороговизну хлѣба былъ и ожидаемый пріѣздъ царицы съ многочисленной свитой. Мы уже знаемъ, что въ 1776 и 1777 г. четверть ржи шла по 50 коп., въ 1780 г. по 1. р. 5 коп. Еще въ сентябрѣ 1786 г. цѣны на хлѣбъ были сравнительно не высоки, но поднимались съ каждымъ днемъ; 12 октября дума уже соглашалась пріобрѣсть хлѣбъ хотя бы по 2 руб. за четверть и 28 октября цѣна на рожь была дѣйствительно такова, но 2 ноября рожь шла уже по 2 р. 10 к. и 2 р. 20 к. четверть; къ 4 декабря пришлось покупать въ Кіевѣ рожь уже по 2 р. 70 коп. четверть, но оказалось возможнымъ пріобрѣсть лишь 225 четвертей, а остальное пришлось пріобрѣсть въ польскомъ мѣстечкѣ Голованевскѣ (нынѣ м. балтскаго уѣзда подольск. губ.) у арендатора Лейбы, и то не болѣе 2,000 корцевъ или 1,125 четв. по 1 р. 60 к. корецъ или 2 р. 80 коп. четверть, съ доставкою. За Днѣпромъ ржи нельзя было пріобрѣсть дешевле 3 рублей за четверть. Такимъ образомъ распоряженіе Ширкова о пріобрѣтеніи 5,000 четв. хлѣба въ городской магазинъ было исполнено лишь отчасти, несмотря на изданный 4 декабря запретъ прасоламъ продавать хлѣбъ на винокурни, подъ угрозой конфискаціи. Ни базарные смотрителя, ни общая полиція, ни подписки, отбираемыя у прасоловъ, не могли помочь бѣдѣ, и дороговизна продолжалась.— Въ 1786 году на ремонтъ хлѣбнаго магазина издержано думою 450 руб. сер.

Немаловажное мѣсто въ финансовомъ хозяйствѣ города занималъ расходъ по замощенію городскихъ улицъ и площадей, устройству палисадниковъ, колодцевъ, фонтановъ, будокъ для ночныхъ сторожей, прокладкѣ водостоковъ и водопроводныхъ трубъ. По смѣтѣ, составленной въ 1784 году, на замощеніе улицъ предположено ас-

сигновать 5,272 р. 20 к., но собственно въ 1786 году на эту и другія перечисленныя выше статьи издержано почти 5,000 рублей, включая сюда и жалованье двумъ смотрителямъ «водоточныхъ трубъ и фонтальныхъ колодцевъ», не превышавшее впрочемъ 80 рублей въ годъ. Особенно значителенъ былъ расходъ по устройству новыхъ и ремонту старыхъ колодцевъ, какъ «фонтальныхъ», такъ и обыкновенныхъ, пришедшихъ наравнѣ съ водосточными трубами въ великую ветхость и гнилость. Такъ, устройство четырехъ колодцевъ на одномъ Печерскѣ обошлось думѣ въ 1,000 рублей. Подземныя трубы были деревянныя, требовали безпрестанно ремонта и переданы были онѣ вмѣстѣ съ колодцами въ руки думы въ самомъ жалкомъ состояніи. Для надзора за ремонтомъ этихъ сооруженій назначена была особая коммиссія изъ четырехъ мѣщанъ, крайне тяготившихся своею обязанностью и всячески уклонявшихся отъ выполненія ея, такъ что дума должна была объявлять членамъ выговоры, а однажды въ подобнаго рода случаѣ даже предала мѣщ. Пергота суду.—Очистка городскихъ улицъ отъ сора и нечистотъ лежала на обязанности полиціи и производилась лишь въ важнѣйшихъ пунктахъ, но напримѣръ, предъ тріумфальными рождественскими воротами, казеннымъ шелковымъ садомъ, банковой конторой, Соборно-успенской церковью улицы не очищались ни полиціей, ни городскимъ управленіемъ, и можно себѣ легко вообразить все благообразіе города въ этихъ мѣстностяхъ, замощенныхъ изрѣдка фашинами, усыпанныхъ грудами пыли или тонущихъ въ невылазной грязи, смотря по погодѣ. Еще въ апрѣлѣ городничій Кругловъ предлагалъ думѣ купить на городской счетъ 12 паръ воловъ для удобнѣйшей очистки городскихъ улицъ, но дума рѣшительно отклонила это предложеніе, въ видахъ экономіи, и потому, что такой расходъ не предписанъ закономъ. При такихъ условіяхъ санитарное положеніе города Кіево-Подола, должно думать, было хуже даже современнаго намъ (incredibile dictu!). Вредные отбросы мѣстныхъ кожевенныхъ заводовъ свободно попадали въ колодцы, отравляя жителей, а мясницкія бойни, подлѣ Духовской и Борисоглѣбской церквей на Подолѣ распространяли вокругъ ужасающій смрадъ, и хотя состоялось еще въ 1785 году постановленіе о переводѣ боенъ на окраину, но въ іюлѣ 1786 г. дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи.—На Крещатикѣ въ 1786 году производилась планировка и засыпка какой то горы и предположено было на будущій годъ обсадить эту улицу или, точнѣе сказать, дорогу деревьями; со стороны Плосскаго и Оболони устраивались палисады для неизвѣстной цѣли,

ѣ на Помойникѣ каналъ, повидимому, для городской мельницы. О столбахъ для объявленій и рогаткахъ уже упомянуто выше. Замѣтимъ здѣсь, что дума разложила расходъ по изготовленію столбовъ и будокъ для сторожей въ большей части на обывателей, но духовенство и разночинцы рѣшительно отказались внесть причитавшіяся съ нихъ на этотъ предметъ деньги. По положенію, для каждаго квартала слѣдовало изготовить по одному столбу, три будки и три рогатки. Дума сильно тяготилась этимъ новымъ расходомъ.

Кромѣ лазарета фузиллернаго полка, въ городѣ существовала еще своя богадѣльня, въ которой находили убѣжище обоего пола нищіе и неимущіе больные. Содержалась богадѣльня на счетъ доброхотныхъ подаяній, въ ея же пользу выдѣлены были городомъ проценты съ Никитевскаго выморочнаго капитала. Ранѣе при богадѣльнѣ имѣлась особая церковь, настоятель которой получалъ 25 руб. годоваго жалованья, но въ 1786 г. самая богадѣльня едва могла существовать, такъ какъ «по причинѣ нынѣшней дорогой цѣнѣ хлѣбу и протчимъ съѣстнымъ припасамъ, доброхотные датели здѣшные мѣщане подаянія свои онымъ больнымъ въ препитаніе гороздо поумалили». Въ январѣ при богадѣльнѣ содержалось больныхъ 26 мужска и 46 женска пола. Смотритель богадѣльни, какъ кажется, не получалъ жалованья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ кассѣ этого учрежденія имѣлось въ наличности всего 46 рублей, и это несмотря на сборъ пожертвованій при Андреевской церкви.

Школьное дѣло города находилось въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія и потому не нашло отраженія въ протоколахъ думы. Въ этомъ оношеніи можно лишь отмѣтить, что при городскомъ оркестрѣ состояло въ обученіи шесть сиротъ мальчиковъ, вся затрата на которыхъ со стороны думы простиралась въ 1786 г. до 4 руб. 80 коп. Положеніе ихъ въ оркестрѣ едва ли было очень благопріятное, такъ какъ городскіе музыканты извѣстны были своею склонностью къ пьянству и драчливости. На самый оркестръ расходы города были не велики. Капельмейстеръ, польскій выходецъ Яковъ Станкевичъ, получалъ въ годъ 45 руб. жалованья, музыканты вмѣстѣ съ городскими сторожами 380 руб. въ годъ. Изъ инструментовъ оркестра въ протоколѣ упоминаются трубы, волторны, гобои, кларнеты, литавры и басъ. Починка этихъ инструментовъ производилась почему то на счетъ питейнаго дохода и сопряжена была съ большими трудностями, за неимѣніемъ подходящихъ мастеровъ, «касательно же покупки оныхъ вновь, то о томъ проежающимъ въ Польшу здѣшнимъ куп-

цамъ» постановлено «дать отъ сей думы приказаніе, дабы отъ ныхъ таковые трубы и волторны тамо безъ излишней передачи были куплены», и если окажутся годными, то затѣмъ уплатить за нихъ изъ питейнаго дохода.

Личныя повинности кіевскихъ мѣщанъ въ 1786 году состояли въ исполненіи различныхъ порученій думы по надзору за городскими сооруженіями, какъ напр. постройкой днѣпровскаго моста, вырытіемъ колодцевъ разнаго рода, постройкой мостовыхъ, срытіемъ городскихъ зданій и т. п. Выполненіе этихъ повинностей было безвозмезднымъ, но существовали при этомъ и платныя должности двухъ смотрителей городской казны съ жалованьемъ 30 руб. въ годъ, смотрителей трубъ и колодцевъ съ жалованьемъ въ 20 рублей, смотрителя городскихъ часовъ, т. е. попросту городоваго часоваго мастера, съ жалованьемъ въ 35 рублей. Въ случаяхъ нужды ремесленнымъ управамъ предписывалось озаботиться поставкой того или иного матеріала или работы, какъ напр. рыбальской и плотницкой управамъ въ виду ожидаемаго пріѣзда царицы, но услуги ремесленниковъ оплачивались думою по обычнымъ цѣнамъ. Въ протоколѣ отъ 16 мая есть отмѣтка, что мѣщ. Сердюковъ былъ освобожденъ отъ обязанности доставлять дрова на домъ полковника Нилуса, «по своему одиночеству и разоренію», но дума предварительно запросила на это согласіе Ширкова; въ апрѣлѣ другой мѣщанинъ былъ по старости уволенъ отъ должности смотрителя магистратскихъ построекъ, но за самовольное уклоненіе отъ выполненія возложенныхъ думою повинностей или отлучку въ такихъ случаяхъ изъ города безъ разрѣшенія думы послѣдняя объявляла виновнымъ выговоры и даже предавала ихъ суду, какъ это было съ мѣщанами Билецкимъ и Перготомъ.

Мы опускаемъ многія другія подробности, характеризующія городское хозяйство Кіева въ 1786 году, въ виду ихъ крайней разрозненности и безсвязности, и желающихъ ближе ознакомится съ вопросомъ отсылаемъ къ подлинному источнику предлагаемыхъ замѣтокъ. Но уже изъ приведенныхъ выше данныхъ можно видѣть, насколько незначительную и зависимую роль играла дума и городское общество въ хозяйственномъ распорядкѣ города. Весьма возможно, что предоставленная самой себѣ, дума не произвела бы тѣхъ капитальныхъ затратъ, которыя были ей предписаны въ 1786 году начальствомъ, но постоянное мелочное вмѣшательство администраціи въ хозяйственную жизнь городской общины не давало никакого простора для самодѣятельности послѣдней и отнимало всякую возможность по-

ставить дѣло городскаго благоустройства на почву прочную, жизненную, не навязанную со стороны, какъ это и было прилично для матери городовъ русскихъ. Достаточно жалкое впечатлѣніе получаешь при чтеніи думскихъ протоколовъ 1786 года, и единственная характерная черта въ дѣятельности думы—это стремленіе къ экономіи въ городскихъ расходахъ quand même и провѣркѣ старыхъ запутанныхъ счетовъ; сколько можно судить по протоколамъ, въ этомъ отношеніи дума служила истиннымъ выразителемъ стремленія городскихъ обывателей, но и здѣсь намѣреніямъ и желаніямъ ея были поставлены самые тѣсные предѣлы.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько данныхъ о положеніи торговаго и ремесленнаго сословія въ Кіевѣ 1786 года, случайно проникшихъ въ протоколы, но не лишенныхъ извѣстнаго интереса.

Указомъ отъ 26 окт. 1781 г. о введеніи намѣстничества была предоставлена полная свобода «козакамъ и всякаго званія вѣдомства казеннаго людямъ, если они пожелаютъ имѣть мѣщанскіе промыслы или ремесла, по городамъ записываться въ мѣщанское общество, а имѣющимъ капиталы—и въ купечество», какъ объ этомъ выражено было въ манифестѣ отъ 17 марта 1775 г. (Ср. Шафонскаго Черниг. нам., топогр. описаніе въ изд. Судіенка, Кіевъ, 1851 г.). Для упорядоченія сословныхъ городскихъ отношеній въ Кіевѣ въ 1786 г. дѣйствовала постоянная коммиссія по сочиненію обывательской книги, но результаты ея дѣятельности еще не выяснились въ это время, и коренное мѣщанское общество по прежнему стояло особнякомъ, не успѣвъ включить въ себя всѣхъ жившихъ въ городѣ разночинцевъ и партикулярныхъ людей, занимавшихся промыслами разнаго рода. Разъясненіе этого вопроса было тѣмъ необходимѣе, что разночинцы кіевскіе владѣли въ городской чертѣ на правѣ собственности или только фактическаго владѣнія немалымъ количествомъ земель, дворовъ, хуторовъ, которые покупались ими у мѣщанъ. Уже въ январѣ Ширковъ предложилъ было думѣ заключить контракты съ разночинцами, владѣвшими домами и хуторами на городской землѣ, на четыре года или «сколько дума разсудить, ища умноженія городскихъ доходовъ». По справкамъ оказалось, что переходъ земель въ руки разночинцевъ продолжался безостановочно, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ въ думѣ все таки не было. Разночинцы занимались различными торговыми промыслами и не спѣшили вписываться въ обывательскую книгу, съ цѣлью уклониться отъ несенія связанныхъ съ этимъ городскихъ налоговъ и повинностей. Такъ напр., въ іюнѣ мѣстное купечество горько

жаловалась думѣ на трехъ калужскихъ купцовъ, торговавшихъ въ розницу на Кіево-Подолѣ. Дума постановила опечатать калужскую лавку и потребовать переноса товара на квартиры, иначе конфисковать его по силѣ королевскихъ привилегій, утвержденныхъ всероссійскими монархами,—конечно, все это съ разрѣшенія Ширкова. Мелочные торговцы съѣстными припасами предъявляли такія же жалобы на конкурренцію солдатскихъ женъ, торговавшихъ на полочкахъ, что при городской богодѣльнѣ. Иногородный купецъ Масловъ съ приказчикомъ Жидковымъ производилъ розничный торгъ въ самомъ гостиномъ дворѣ въ снятой имъ у мѣстнаго купца лавкѣ; на Печерскѣ торговалъ какой то пріѣзжій изъ Польши еврей; крестьяне калужскаго дворянина Демидова, Ѳедоръ и Василій Горбуновы, вели недозволенную торговлю полосовымъ желѣзомъ; бунчуковые товарищи Гудима, Загоровскій и Масловичъ и Братскій монастырь вели торговлю питьями черезъ купца Лакерду; въ Каменномъ затонѣ иногородные купцы Цвѣтковъ, Павловъ и др. вели недозволенный торгъ виноградными винами и другими напитками, «въ крайнюю обиду торъгующихъ тѣми же напиткамы здѣшныхъ купцовъ и мѣщанъ»; нѣкій отставной корнетъ Литвиновъ не только дѣлалъ подрывъ мѣстнымъ извощикамъ, но при этомъ еще наносилъ имъ побои, на что извощики горько жаловались думѣ; печерскіе мѣщане неоднократно жаловались на конкурренцію самозванныхъ торговцевъ изъ отставныхъ сержантовъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, а эти въ свою очередь просили защиты у Ширкова, дабы они «вовсе не лишены были пропитанія».

Несмотря на всѣ жалобы, запреты, штрафы и распоряженія по полиціи, недозволенная торговля продолжалась и разночинцы грозили «ярмарочнаго смотрителя бить и бороду вырвать». Дума въ борьбѣ съ разночинцами-торговцами большею частью обращалась къ губернатору и въ управу благочинія, дѣлала постановленія объ оштрафованіи виновныхъ, о конфискаціи у нихъ товаровъ, отбирала паспорта и брала подписки о томъ, что впредь они не станутъ торговать въ розницу, но всѣ эти мѣры въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли успѣхъ. 10 іюня, напр., Ширковъ распорядился выслать изъ города еврея Вульфа Изаковича, производившаго тайный торгъ заграничнымъ сукномъ и плисомъ, но когда дума донесла, что распоряженіе не исполнено и торгъ продолжается, и просила товаръ конфисковать, Ширковъ измѣнилъ взглядъ и велѣлъ оставить Вульфа въ покоѣ, такъ какъ онъ пріѣхалъ на ярмарку. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разночинцы обращаются въ думу за разрѣшеніемъ права торговли и еще рѣже дума

удовлетворяла ходатайства, и во всякомъ случаѣ разночинцамъ право такое предоставлялось не иначе, какъ за двойную плату.—Къ концу года составлены были списки разночинцамъ, проживавшимъ въ Кіево-Подолѣ и Печерскомъ форштадтѣ и къ октябрю эти послѣдніе были уже внесены въ обывательскую книгу, но вслѣдъ за этимъ оказалось, что записка была неполная, и снова пришлось сообщать въ управу благочинія о воспрещеніи недозволеннаго торга въ форштадтѣ.

Живость и многочисленность жалобъ мѣстнаго купечества и мѣщанства на конкурренцію разночинцевъ и иногородныхъ торговцевъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что современная торговля въ Кіевѣ находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ городская дума, въ виду возбужденнаго ею ходатайства о займѣ городскому обществу 200,000 рублей, доносила въ намѣстническое правленіе, что «здѣшніе купцы и мѣщане до состоянія высочайшей грамоты положенія о городахъ торговали многіе въ Шлезію, Польшу, Цесарію, Валахію и Молдавію, а нынѣ точію съ ныхъ имѣющіе право внѣ имперіи россійской торговать во тѣ мѣста торгъ производятъ, фабрикъ не имѣли, а имѣть оніе по способности мѣста желаютъ, имѣли же и нынѣ имѣютъ заводы шолковіе, конфетчическіе, вареніемъ сухихъ и сирыхъ фруктовъ, кожевніе, свѣчніе, мылніе, колоколніе; котіолніе, кирпичніе, канатніе, красилніе, кушачніе, шерстяніе, шнурочніе, коверніе и винокуренные; тѣ ихъ товары продаются частію въ Полше, а частію въ семъ же городѣ Кіевѣ и другихъ россійскихъ городахъ, доставляемы же ихъ товары были до учрежденія новаго о таможняхъ порядка водою въ полскій городъ Чернобыль, а нынѣ землею въ вышеписанніе иностранные земли, въ россійскіе же города, гдѣ какъ по способности, рѣкою Днѣпромъ, въ Городище, Кременчугъ и Херсонъ, а землею въ разніе получали товары и нынѣ получаютъ въ Шлезіи, Полшы и Цесаріи шолковіе, сукна, прѣсній медъ, смолу и чистій діоготъ, а такъ же водою разніе лѣсніе припасы, а съ Молдавіи и Валахіи монастырскіе и волоскіе вина, черносливъ и орѣхъ грецкіе, доставая оніе товары иногда мѣною, а иногда покупкою на вырученные за свои товары деньги». Въ протоколѣ отъ 15 іюня отмѣчено свѣдѣніе, что иногородные купцы доставляли кромѣ того въ Кіевъ желѣзо рѣкою Днѣпромъ и Рушомъ (?).

Гораздо болѣе сплоченнымъ и прочно организованнымъ представляется ремесленное сословіе города Кіева, насколько объ этомъ можно судить по розрозненнымъ даннымъ думскихъ протоколовъ 1786 года. Здѣсь встрѣчаемъ упоминаніе о 14 ремесленныхъ упра-

вахъ, старшины которыхъ принимали участіе въ засѣданіяхъ общей городской думы. Жалобы на недозволенное занятіе ремесломъ разночинцевъ и другихъ «партачей» поступали отъ ремесленниковъ гораздо рѣже, нежели отъ купцовъ и мѣщанъ, занимавшихся торговлей. Ремесленныя управы сами наблюдали за охраною цеховыхъ правъ, и уже въ февралѣ подданные Кіево-Печерской лавры жаловались въ думу на привлеченіе ихъ кравецкими начальниками въ свой цехъ и насильственное отобраніе при этомъ инструментовъ и матеріаловъ. Лавра поставила принципіальный вопросъ, имѣютъ ли ея подданные право заниматься ремеслами безъ приписки къ цеху. Дума отвѣчала, что цехи больше подчинены ратушѣ, она же лишь разрѣшаетъ споры цеховъ и гильдій между собою, не касаясь судебныхъ дѣлъ, почему все дѣло было направлено въ магистратъ. Въ апрѣлѣ Ширковъ предписалъ городничему составить «о всѣхъ приходящихъ сюда съ разныхъ мѣстъ разнаго званія людяхъ и безъ вѣдома думы портное и другое ремесла производящихъ именную вѣдомость», которая должна быть представлена въ думу «для поступленія съ оными по закону». Получивъ списокъ, дума 6 мая опредѣлила потребовать тѣхъ мастеровъ въ думу и записать ихъ порознь, буде пожелаютъ, въ четвертую часть градской обывательской книги и отправить затѣмъ каждаго въ подлежащую управу для приписки къ цеху; всѣмъ прочимъ воспретить ремесло и объ этомъ сообщить городничему для наблюденія. Поступавшіе затѣмъ жалобы ремесленныхъ управъ, какъ напр. иконописной и мясницкой, на конкурренцію «партачей» дума направляетъ уже въ магистратъ, считая эти вопросы уже выходящими изъ компетенціи городскаго управленія. Туда же, по всей вѣроятности, отправлено было и ходатайство старшины рыбальской управы Петра Надточія о разрѣшеніи цеху свободной ловли рыбы въ Днѣпрѣ и затонахъ отъ устья Ирпеня по рѣку Кривецъ, согласно привилегіи короля Сигизмунда III, на которую именно сослался въ этомъ случаѣ рыбальскій старшина. Подъ 6 мая записано ходатайство ремесленной «управы всего мелочнаго общества о свободномъ тому обществу по прежнему въ польскіе и заднѣпрскіе мѣста съ города имѣть выѣздъ для покупки мѣлочи и протчихъ съѣстныхъ припасовъ къ продовольствію себя и всего здѣшнаго гражданства нужнаго». Дума вошла по этому поводу къ Ширкову съ ходатайствомъ о разрѣшеніи просимаго управою свободнаго проѣзда безъ прописки въ паспортахъ «касательно до купечества недозволительныхъ термѣновъ (sic), ибо какъ и сія дума... свое мнѣніе держитъ, что таковая здѣшнихъ обывателей съѣст-

ныхъ припасовъ и другихъ къ майстерству приличныхъ матерьяловъ и вещей покупка и въ сей городъ привозка ни въ какой либо подрывъ купечеству, но единственно къ общей нуждѣ и пищѣ служить можетъ». 19 іюня просимое разрѣшеніе было дано Ширковымъ «не для купеческаго промыслу, но для покупки мелочныхъ матерьяловъ къ ремесламъ принадлежащихъ».

Всѣ кіевскіе цехи входили въ думу съ общими представленіями о своихъ нуждахъ и обидахъ. Такъ, 15 октября шестигласная дума обще съ ремесленнымъ главою Иваномъ Косачинскимъ слушала прошеніе всѣхъ ремесленныхъ управъ, гдѣ «по обстоятельствамъ де происходящаго обществу время отъ времени отягощенія» доводилось до свѣдѣнія думы о слѣдующихъ нуждахъ: 1) до открытія управы благочинія ремесленники нанимали каждый съ своего двора помѣсячно или отъ одного десятка, въ которомъ числилось по 15 и болѣе дворовъ, по одному человѣку въ десятскіе на цѣлый годъ; теперь же нанимаютъ они для караула сторожей не по прежнему, но отъ 10, 6 и 7 дворовъ человѣка съ немалыми издержками; неизвѣстно почему полиція требуетъ съ каждаго дома по конвойному для конвоированья арестантовъ; это уже излишнее требованіе, ибо сторожа, которыхъ больше чѣмъ нужно, «занимаются по большей части квартальными надзирателями и поручиками въ повседневные партикулярные ихъ услуги». 2) Цеховые дома, гдѣ почти ежедневно бываютъ цеховыя собранія, берутся подъ постои и опять требуются для этого сторожа. 3) Многіе неприписанные къ обществу отставные военные нижніе чины и ихъ жены ведутъ мелочную торговлю овощами и съѣстными припасами. 4) Къ управамъ, къ немалому ихъ затрудненію, причисляются люди мастерства неработающіе и оному неучившіеся,—таковыхъ слѣдовало бы причислять въ station неремесленныя управы, какъ то рыболовную или торгующихъ мелочью, что прежде была сотня крамарская. 5) Полицейскіе чины разнаго рода, получая жалованье и не нанимая квартиръ, занимаютъ таковыя въ домахъ ремесленниковъ, наравнѣ съ военными, отчего въ квартирахъ недостатокъ и всѣмъ ремесленникамъ притѣсненіе. 6) Управа благочинія неподлежаще вступается въ разборъ ремесленныхъ дѣлъ, которыя единственно принадлежатъ ремесленнымъ управамъ по принадлежности, а чрезъ то дѣлается симъ управамъ «помѣшательство». Дума постановила снестись съ управой благочинія объ устраненіи причинъ справедливыхъ жалобъ ремесленниковъ, исключая выраженной въ 4-мъ пунктѣ,

которая подлежала разсмотрѣнію магистрата, куда просители и были направлены думою.

Лишь однажды встрѣчаемъ въ протоколахъ извлеченіе о поступленіи въ городскую казну штрафа съ ремесленника въ 2 руб. сер. «за непорядочные поступки при всей братіи» (прот. 2 сент.). Кромѣ того, каждый цехъ обязанъ былъ вносить ежегодно по 5 рублей на содержаніе кладбищенской церкви.

Въ изложеніи нашемъ мы старались по возможности подлинными выраженіями протоколовъ характеризовать дѣятельность городскаго управленія въ 1786 году, но ввести здѣсь весь богатый матеріалъ, заключающійся въ этихъ протоколахъ, конечно, было бы утомительно и нелегко, по его крайней разбросанности и отрывочности. Замѣтимъ лишь для интересующихся этимъ вопросомъ, что въ протоколахъ можно найти довольно много свѣдѣній для исторіи современныхъ кіевскихъ цѣнъ.

Н. Молчановскій.

РУСАЛКА.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ).

Десь ты мене, моя маты,
Въ барвинку купала,
Купаючы проклынала,
Щобъ доли не мала.

Народная пѣсня.

I.

„Не родысь уродлывымъ (то есть красивымъ), родысь счаслывымъ“, говорятъ наши земляки.

Въ чемъ же состоитъ счастье? что̀ оно такое? Всѣ его ищутъ, но находятъ немногіе. На вопросъ исканія счастья земляки наши отвѣчаютъ мистически:

— Треба набигты тропы.

Какъ же попасть на эту счастливую „тропу?“ Никто не скажетъ. По народной философіи, она пролегаетъ и черезъ богатые дома, и черезъ самыя мизерныя жилища; попадаютъ на нее даже нищіе, бездомные и безродные люди. Кто съ такими людьми сошелся, и тотъ пользуется ихъ счастьемъ. Богатство тутъ ни при чемъ. Но дѣло въ томъ, что „набигши тропы, треба іи держа̀тысь“.

Въ прекрасный лѣтній денъ громада села Кукориковщины была встревожена происшествіемъ чрезвычайнымъ. Изъ жита, которое начало *половѣть* или *красува̀тысь*, вышла „русалочка“.

Такъ называли всѣ въ одно слово маленькую, совсѣмъ голую дѣвочку.

Русалки у насъ—это умершія дѣти, преждевременно родившіяся, недоноски, выкидыши, которыхъ *маты звѐргла.* Ихъ обыкновенно хоронятъ подъ порогомъ въ хатѣ, и поэтому то они во время Мертвецкаго Великодня кричатъ:

Насъ маты породыла,
Нехрищеныхъ хороныла,
Пидъ порогомъ положыла...

Хоронятъ этихъ дѣтей и подъ *перелазомъ.* То и другое дѣлается съ христіанскою мыслью: чтобы шагающіе черезъ некрещенныхъ этимъ самимъ какъ бы дѣлали надъ ними знакъ святаго креста.

Такихъ дѣтей горюющія матери поминаютъ на четвертый день Зеленой недѣли, и потому называется она *Русальною,* а четвертокъ—*Русальнымъ четвергомъ.* Въ этотъ Русальный четвергъ носятъ въ мисочкѣ *медъ* (соты) на перекрестокъ дорогъ; а нѣкоторыя угощаютъ сосѣдскихъ дѣтей *варѐниками, пампушкàми* и проч. „Сёгодни, говорятъ они, *свято: Русàльни Пòмынкы*".

Все это дѣлается съ мыслью успокоенія тѣней, которымъ царство Христово закрыто. Русалки мстятъ людямъ за *недòносъ,* за то, что ихъ *мàты звѐргла,* что онѣ—„изверги рода человѣческаго", какъ это сохранилось и въ великорусской поговоркѣ; а мстятъ онѣ, неуспокоенныя добрыми матерями, каждому, кого захватятъ одного въ лѣсу, въ житѣ или въ рѣчной заросли, которую онѣ любятъ особенно. Русалки защекочутъ неосторожнаго, а то и въ воду затащатъ.

Впрочемъ, подсмотрѣть ихъ дѣтскія игры можно. Однажды я выразила желаніе видѣть русалокъ, и мнѣ отвѣчали:

— Устаньте ранесенько та й пійдить на перехрѐстя: тамъ воны не шкодлы́ви". (Вѣроятно, и здѣсь подобіе святаго креста успокаиваетъ тѣни некрещенныхъ).

— Но я не слышу, чтобы кто нибудь изъ нашихъ людей видалъ ихъ, сказала я. Это, можетъ быть, въ старину показывались русалки людямъ?

— Ни, ни, паніечко! отвѣчали вѣрующія въ русалокъ.—У насъ одынъ чоловикъ жыве къ полю коло жыта, дакъ и теперъ бачывъ

ихъ рано въ ранци. А хто вынесе на перехрестя меду, дакъ медъ поиденый, и ступенци по писочку знаты; русалочкы потупалы.

И вотъ одно изъ такихъ таинственныхъ существъ явилось міру среди бѣла дня. Было чего встревожиться кукуриковцамъ!

По народной пословицѣ: „Що баби, те й громади“ (но не наоборотъ, какъ бы казалось намъ), степенные люди, по старосвѣтски *громадскіе мужи*, вполнѣ раздѣляютъ вѣрованія своихъ бабъ и либеральничать не дерзаютъ, какъ бы свидѣтельствуя, что женщина—хранительница и проповѣдница вѣрованій вообще. Вышедшую изъ жита „русалочку“ приняли они съ нѣкоторымъ ужасомъ и долго не рѣшались заговорить съ нею, такъ какъ извѣстно, что всякую нечистую силу не слѣдуетъ вопрошать или заговоривать съ ней, пока она молчитъ.

Сцена въ сельскомъ сенатѣ была бы для меня весьма интересна, но все, чтó мнѣ о ней извѣстно, передано только виновницей этой сцены, которую знала я въ видѣ взрослой уже дѣвушки—поденщицы. Вотъ какъ разсказывала мнѣ о себѣ псевдорусалка.

— Зъ малку ось якъ я себе зазнаю. Стою пидъ селомъ, коло *царыны*, въ жыти. Собакы мене кругомъ оступылы, а посли й люде. Щó ты? видкиля ты? А я й сама не знаю, 'де я взялась. Росла десь, якъ той бурьянъ... Чы мене зъ неба спущено, чы я зъ земли выросла, чы зъ птаха перевернулась у людыну, не знаю, такы й зовсимъ не знаю... наче я рикъ, чы що, спала, и мене сонну перенесено; и мисце не те, и никого не згадаю; ничого не зазнаю; никому не кажу *тато,* або *мамо*. Чы мени дано такого зилля забутнóго, чы що?

— Малесенька, а вже вмила й балакаты трохы. Людей, людей зибралось коло царыны кругъ мене! Наче якого звира лàвою обгорнулы мене. И довго стояла громада та гомонила коло мене. Усе село зибралося.

— Я пидтомылась, выдно, по жыту блудячы, и боюсь ихъ, и рученята простягаю и до людей и до собакъ: истонькы хочу. Воны про мене щось помижъ себе гỳторять. Нихто мене не бере въ свою череду: боящця мене.

— Я почала плакаты. Якась дивка зирвала квитку съ головы, кынула мени на забавку. Я вхопыла и ззила. Уси поторóпилы. Гу-гу-гу! загулы якъ тіи шмели, и такъ лàвою, не повертаючысь спыною до мене, далеко одійшлы и ростеклысь по хатахъ, и собакы те жъ зъ нымы. Осталась я одна, одна.

— Памятаю, що якась пташка прилетила и сила передо мною на шляху. Якъ теперъ, то я думаю, що, може, то моя й маты. Я до неи ловыты,—вона пурхъ. Я за нею,—вона й пурхне. Що я наблыжусь, вона зновъ пурхне, и видманыла видъ села.

— Тамъ дывлюсь—жытà колосіють, волошкы блакытніютъ. Такъ уже теперъ мовъ уви сни мени ввиджаецця.

— Памятаю, квитокъ багацько, багацько! Я давай збиpаты ихъ, да тамъ и заснула, да мабуть, чы не на другый уже день прокынулась. Отъ вамъ и все.

— Прокынувшысь, давай плакаты, наче въ риднои матери... А въ мене тильки небо та жыто, та ще округъ мене багато въялыхъ квиточокъ жмуттямъ лежыть, да вовчыхъ жылъ, куколю, волошокъ, що зъ вечора, выдно, рвала.

— Зновъ я плачу, бъюсь у жыти, наче въ води, плутаюсь, падаю. Упаду та й лежу. Нихто не рятуе. Никогисенькому мене не треба. Лежу я, лежу, та й встану непрохана. Нихто дытыны не рятуе, не пестыть.

— Отъ такымъ побытомъ и пробылась я на якусь поляну, ажъ тамъ людей цила мгла. Я вырнула зъ жыта та й стою. Боязько мени, бо тоди воны мене вси покынулы.

Здѣсь я остановила разскащицу:

— *Покынулы* тебя, можетъ быть, на время, пошли въ расправу, чтобъ посовѣтоваться о тебѣ, а ты и убѣжала, да еще какъ видно, въ противоположную сторону.

— Хто вже ёго знае, якъ воно було? Памъятаю тилько, що воны все пучкою на мене, да якъ закрычять! Я зновъ у жыто, упала та й лежу. Серце тилькы тёхъ, тёхъ, тёхъ!

— Посли зновъ далеко пробылась ажъ на другый бикъ. Вызырнула, зновъ ихъ бачу. Воны вси не мене зновъ пучкою, та давай хрестыцця; а диты съ крыкомъ уростичъ! Я зновъ захо-валась, ажъ валюся: исты хочу. Молоде колосся зъ жыта зрываю,

жую. Посли вже прыйшло два чоловикы, сталы по жыту ходыты, и мене вышукалы. Я видъ ныхъ прудко втикала и падала, а воны такы мене зловылы и однеслы у росправу. Тоди кажуть: „Се нехрещена дытына“, однакъ нагодувалы мене, тилько все таки страхались.

II.

— Седила я тамъ у росправи днивъ зъ пъять. Нихто до мене не прыкидаетцця ни батькомъ, ни матерью. Нихто мене не бере. Ни родыны, ни доброи людыны. А якъ бы оце теперъ булы посли мене яки спадкы, де бъ та й родына набралась! Русалкою мене взываютъ. „Се нехрещена дытына. Русалка та й русалка“. А я такы, выдно, була хрещена, бо посли у жыти знайшлы мою и сорочку и поясокъ: выдно, я сама іи зъ себе скынула зъ нудьгы да зъ жару.

На это я замѣтила: „Русалку, некрещенную, боялись тебя брать. Это понятно. А какъ увидѣли, что ты была въ человѣческихъ рукахъ, то и перестали бояться нездѣшней силы. Кто надѣлъ на тебя сорочечку, тотъ не держалъ бы некрещенной дѣвочки; ты, видно, заблудилась въ житѣ, какъ въ дремучемъ лѣсу. Тебя, конечно, хватились, искали, да ты очутилась дальше людскаго голосу“.

— Да такъ же, отвѣчала разскащица. Ажъ ось дывлюсь,— дыбле старенькый дидъ. Драночка на ёму и на бпашъ латана свытына. Думалы, старець.

— А то не старець прыйшовъ, то прыйшла по мене вся моя родына. Безридный дидусь, чуженьця, прыйшовъ и прыйнявъ мене до себе за дытыну. Не було въ ёго ни хаты, ничого, тилько сорочка драночка на хребти да на бпашъ латана свытына.

— А не знаешь ли, спросила я: отчего *дидусь чуженьця* такъ обѣднѣлъ? Какъ среди нашего народа, богатаго хлѣбомъ и скотиною, человѣкъ дожилъ до старости въ такой нищетѣ?

— Богъ ёго святый знае, отвѣчала Русалка. Другаго имени не слышала она себѣ. Вопросовъ общежитія не понимала она и, равнодушная къ моему любопытству, продолжала:

— Винъ усе вартовымъ бувъ, пры садовыни, або пры баштанахъ. Бувало, хочъ поросятко на орчыку держыть, щобъ ёму охотнищъ було на свити жыты, щобъ щось до ёго озывалось, щобъ ёго сподивалось; а винъ ёго чухае, жалуе, и воно передъ нымъ якъ цуценятко перекыдаецця, хвостыкъ у ёго бублычкомъ: бо добре годувавъ. Дидъ ему й солимкы свиженькои пидстылае. Та колы та душа до поросяты такъ оберталась, то якъ уже винъ до мене прыхылявсь! Перомъ ёму земля!

— Отъ забравъ винъ мене. Я ёму не забаромъ за помичъ стала: яблука збирала, а тамъ дали й макъ рижу, и квасольку лущу. У будци, було, изъ имъ сплю.

— Какъ же звалъ тебя дидусь? разспрашивала я. Вѣдь онъ тебя не водилъ къ священнику, не крестилъ?

— Ни, ни! та винъ про те й байдуже, що мене русалкою звалы. Допытувавсь у мене, якъ мене маты звала, а я й матеры не намъятаю, наче й не було іи въ мене. Дакъ дидусь тоди: „Ты моя комашечко! Така жъ сырота, якъ и я на свити. Комашечкою, золотою оленкою пустывъ тебе Господь на сонечко, якъ и мене колысь, та й любо намъ на Божому свити. Ты прыповзла въ мои рукы оленкою“... Та було й зве такъ: Оленко! Оленочко! до я й бижу до нёго, мовъ те поросятко, якъ на ёго скаже „пацъ! пацъ!“ або вацюкне, або плямкае.

— У дидуся, такъ якъ и въ мене, никого не було; самъ соби й сорочкы полоще, и мою у ночи выпере и повисыть, уранци скачае и надине: бо перемины ще въ мене довго не було; а въ дидуся була перемина: бо въ ёго, опричъ латанои свытыны, була й торбына. Тамъ лежала, якъ винъ казавъ, про смерть чыста сорочка, а друга на хребтыни; бильшъ ничого не було. Люде наче послипплы: нихто ничого не подавъ старенькому. Не подавъ,— що се я кажу? Росказувавъ дидусь, що ёму хотила якась побожна людына праты сорочкы, дакъ винъ и не схотивъ: „У тебе, каже, е кому праты“. А була то вбога удова, що заробиткамы ажъ четверо дитокъ годувала. А разъ хтось прынисъ дидусеви недоношеный жупанъ, дакъ винъ и не принявъ рады Хрыста. Каже: „е люде бидниши за мене. Мого вику не багацько зосталось. Я такы й жалкувала про той жупанокъ. Кажу ёму: вашъ

у латкахъ. А винъ мени видказавъ: Хрыстосъ любыть латаныхъ.

— Тіею свытыною, було, въ двохъ и вкрываемось. А торбынку пидъ головы: бо тамъ и хлиба окраець бувъ нашъ, дакъ щобъ чужый собака не заволикъ, або що. Я дуже мала тоди була, ничого ще не тямыла, а люде мени де-що про мене росказувалы, дакъ я по тому наче помацькы й соби згадую, да це й вамъ, спасыби, що балакаете зо мною, росказую. Не швыдко потимъ оглянулысь и люде на насъ, и драночокъ мени назносылы, а дидусеви, бувало, хочъ и дають, ничого не визьме, и не попросыть ни въ кого ничогисенького: якось наче боявся людей. Мовчущій бувъ такый, тилько зо мною да съ поросяткомъ розмовляе; не такъ розмовляе, якъ озываецця до насъ ласкавымъ голосомъ: бо я ничого зъ его розмовы не памъятаю; такъ наче витерець шелесне въ лысти, така его була прыемна й тыха мова. Описля вже почала я памъятаты, що винъ гуторыть, та й почала роспытуваты про всячыну.

„Литуемо, було, у будци, ажъ покиль прыиде на рябому кони осень [1]), а на зиму хто небудь залучыть мого дидуся, скотыну пораты, виревкы́ плесты; дровъ уже дакъ и не врубае. А я було пирьечко деру, хату пидмету, а потимъ и пряду, дакъ и на мене шматокъ хлиба йде.

III.

„Пидросла, почала людямъ и геть одпрядаты за хлибъ. Дидусеви давалы на зиму хазяйську одежу, щобъ не мерзъ коло товару, и мене, сыроту, чымъ небудь старенькымъ прыкрывалы, а литечко само про насъ пиклувалось; и такъ на свити мени здавалось гарно! Не бажала бъ я въ Бога кращои доли, колы бъ увесь викъ такъ ни про що зимою не дбаты, а литомъ зъ дидусемъ у будци жыты. Далеби! Щаслыве то було времячко!

„Тилько въ мене бувъ одынъ звычай препаганый: любыла ласуватысь. Найбильшъ того й бажалось, на що бувъ запретъ.

---

[1]) Пока погода сдѣлается перемѣнчивою: одинъ день ясный, а другой дождливый.

Зо всихъ гладышокъ чысто було вершкы позъидаю, наче той китъ. Якъ було дидусь мене благае, и хазяйка и хазяинъ угрущають и Богомъ и лозыною. Гляды—й не втерплю: то сметанку зъ глечыка, то крашанкы, хочъ из-спидъ куркы, дакъ заберу. И ничого не догляну. Зъ моихъ очей усе можна забраты: собакы, и то помитылы мене, яка я вдаха. Держу въ рукахъ хлибъ, або тараньку чыщу на юшку,—дывысь, уже рябко й понисъ, а я вже тоди ни въ тыхъ, ни въ сихъ, якъ собака въ човни.

„Зъ однiеи хаты насъ за се и середъ зимы выгналы; и то дидусь не покынувъ мене. Чымъ дужче зледачiю, тымъ бильшъ винъ за мене берецця, наче й самъ бувъ колысь такивськый.

„Наставъ мени десятый рикъ; я помичныця ему, хочъ и злыденна. Юшку, кулишъ вару коло будкы. Я й цурýпалкивъ назбираю, бараболи начыщу, горшкы побаню, на колкы повишаю, повысушую на сонечку, юшку саломъ затушкую; колы и яблукъ напечемо, губъ напряжемо, потапцивъ изробымо, да й жывемо; после вечеры поседымо трохы, погомонымо. Я така вже рада!

„Старенькый бувъ, жаль мени его, и слухаюсь було его лучче: бо вже порозумнищала. Оце було мени Оччи нашý вчить, Богородыци, такъ було поспиль и прокажу, не мину й слова. „Голубко, каже, моя Оленко! веселышъ кинець мого вику. Никому не потрибный, тилько тоби здався“...

— Якый ты старенькый! було кажу дидусеви.

А винъ одказуе було усмихаючысь: „Та й знадобывся тоби, молоденькiй! Се мени, каже, одыноцтво та убожество такъ викъ скоротыло. Якъ бы не воно, я бъ ище и молодый бувъ; ще бъ на твоему весилли й борщу догоры горщокъ пéрекынувъ“.

Було часто, по-пидъ яблунямы плентаючысь зъ торбыною, мымрыть (уже гласу не було):

Ой хто лыха не знае,
Нехай въ мене спытае...

Я й роспытую иноди про ёго лыхо, якъ винъ побывавсь у свити з-малку. Мовчыть. А про инше, що говорытыме зо мною, то й до поросяты озвецця: наче й воно слово ёго розумiе.

„Оце после вечеры гомонымо, гомонымо, соловейка слухаемо, та й полягаемо спаты. Такъ зирно, та гарно!

Мени не треба було луччого щастя, ни въ хрещыка зъ дитьмы бигаты, ни въ перепелкы. Було мени вказуе, якъ зирочка покотыцця, або вкаже, де на неби стоить Визъ, Волосожаръ, Квочка. Я було й пытаю: „Якъ же то Квочка? чы рябенька соби курипочка, чы биленька?“ А винъ каже: Ото зорява купочка. Ото вона.—А я було кажу: „На що жъ Богови Квочка?—А дидусь мени: И Богъ радуецця на неби всякымъ творывомъ своимъ, такъ якъ людына на земли. Бачъ, спивають за вовною бабы:

Горе мени въ свити жыты!
Що мени робыты?
Посаджу я курипочку,
Щобъ вывела диты...

Утиха чоловикови съ квочки на земли, а въ Бога Квочка краща.—„Ото вона така искрява?“ було пытаю. А винъ мени: „Не показуй на зори и на мисяць пучкою, на Боже сяево: гришка вказуваты! Укусы себе за пучечку, щобъ чого не сталось.— Я й укушу, та й зновъ не втерплю: такъ небо те хотилось мени знаты видъ мого дидуся!...

„Росказуе, було, мени и про сонце и про мисяць, та дуже мала ще була, не все памъятаю. Се, каже, було, не ввесь ище свитъ Божый, де мы съ тобою жывемо. Онъ бачышъ по-за зорямы ще зори та й ще, та й ще вызырають! То все праведни душы въ Бога жывуть. Нема имъ личбы, а Богъ усяку зироньку на имя знае и памятае: се я въ церкви чувъ, якъ пипъ казавъ про небеса Господни.

„Жалуе було мене дидусь: Ты каже, звеселыла мою немичъ, голубко моя Оленко! Ты сырота и я сырота: добре намъ.

„А я до ёго ще й бильшъ прыщулюся.

— Якъ пидростешъ, то терпы усе, що на тропку спиткаецця. Жыты мижъ людьмы важко! Скажы *лыхо* та й мовчы тыхо! Бувай, мовъ те пташя сторожке. Люде люблять щаслывыхъ, а такыхъ, якъ мы, цураюцця, не люблять. Може, чула есы: сироту спиткай, да й прыкопай. Такъ воно й е: бояцця, щобъ сырота хлиба не вбавыла.

— Разъ я спытала: Чы й вы, дидусю, булы русалкомъ? чы въ васъ маты була?—Похнюпывсь дидъ и ничого не видказавъ, наче не дочувъ, а въ друге я вже й не поспытала. Прочытаемъ

Очченашу, помолымось и за батька, й за матирь... Дидусь, було велыть, хочь я й не памъятала никого. Було кажу: „я не знаю,' яки воны; може зъ зилля чы зъ птахѣ я народылась?—Такъ грихъ, доню, казаты, молысь! Бачъ, яке воны мени щастя зробылы на старисть! Тебе бъ у мене и не було, колыбъ не було батька—матеры.

— Я ихъ не хочу, дидусю! Я зъ вамы жытыму, якъ прыйдуть, дакъ я на саму выщу грушу зберуся, та й жытыму. Я ихъ не хочу. Дидусь мовчыть.

„Дакъ ото якъ устанемо, пыльненько за дило беремося. Я такы була берка до роботы. Я вже ёму було й сорочку сполощу, людямъ помагаю зъ весны картоплю садыты, а въ осени выбираты, гычъ, бадилля очыщаты зъ огородивъ. Симъ було вже й полотна на сорочку зароблю.

„А дидъ поросятко продавъ на чуже село. Каже: на плидъ. А тутъ не схотивъ, ато, каже, якъ будуть ёго колоты, дакъ щобъ хочъ изъ очей; щобъ душа не чула.

„Отъ за ти грошы, що за порося взявъ, мени на юпочку набравъ, соби желётку справывъ изъ пійстры, отъ наше тило й не свитыцця.

Дидусь усе було прыказуе: робы, небоже, той Богъ поможе. Лежачого хлиба нигде нема. А иноди каже: пидъ лежачый каминь вода не бижыть.

„Винъ, старенькый, часомъ у дощъ любывъ полежаты. Я ёму морщынкы розгладжую на лоби, чубъ ёго сывый, бровы сыви рясни. Якъ теперъ спогадаю, дакъ винъ мени ввиджаецця, наче святе щось.

„Ёго й паны не цуралысь. На сели якыйсь панъ жывъ, не зъ нашыхъ; такый бувъ соби суворый, и пославъ до ёго хазяинъ дида за чымсь. Отъ прыйшовъ дидусь до того пана. Той панъ и не злый, та вже така панська вдача чудна, усе такъ, щобъ загрымаmы. Ще дидусь и на поригъ не ступывъ, ще й не поздоровкався, а той уже на ёго й гукае: Ну, что?...

— Бувайте здорови, пане! одказавъ дидусь.—Ты зачѣмъ?—Постійте бо, пане; бувайте здорови зъ середою.—Ну, что?—Нуте бо, па-

ночку! кажите: здрастуй, спасыби.—Ну, чортъ съ тобой, садись, садись.—Не кажить бо такъ, а кажить: Богъ зъ тобою“.

„Що жъ бы вы думалы? Полюбывъ той жорсткій панъ дидуся. Посадывъ сылою на стольци, почавъ медомъ ёго шануваты пивнымъ: бо горилкы дидусь не вжывавъ зъ роду. Хотивъ ёму щось и подаруваты, та дидусь ничогисинького не взявъ. Дакъ панъ ажъ за ворота самъ провивъ ёго видъ собакъ, да все хвалыть: „Вотъ онъ, старичокъ Божій! хорошъ, дѣдушка, хорошъ ты! Полюбился мнѣ. Приходи еще ко мнѣ, дѣдушка, медку попить“. Да дидусь николы не пійшовъ безъ посылки, а тилько було каже, що й паны бувають гарни, тилько ихъ нихто звычаю не навчыть.

А чого винъ туды до пана ходывъ, не знаю: посылано ёго.

„Ище згадала про дидуся: що бъ винъ мени ни росказувавъ, а все було увагу зверне на те, що якый грихъ чепаты що чуже. Лучче свое латане, нижъ чуже хапане. Що й на тимъ свити Господь такыхъ обійде.

„Теперъ мени те все такъ, якъ во сни ввиджаецця. Свята, може, й справди людына була; а я сёго тоди й не знала!

IV.

— Одного разу мы такъ залюбкы нагомонилысь! Винъ каже: Якъ мени тебе, Оленко, жаль! якъ умру, хто тебе такъ пестытыме?

Зъ симъ и поснулы.

— Прокынулась я на зори, а проты нашой будкы недалечко слыва була рясна. Дывлюсь, щось берецця на неи и трусыть. Прыглежусь, ажъ то хазяйськый рябко. Я до ёго, схопывшысь. Винъ почавъ до мене лащытысь, хвостомъ виляе, ставъ перевертацця. Я соби повалылась на трави коло ёго, почала пустоваты. Хазяйка вже й корову выгнала до череды и веде теля у вышнякъ за матузку.

— А де, каже, дидъ? Нехай теля припнѐ у вышняку, де лучча трава. Мени треба швыдче до господы: дытына зайшлась.

— У будци, кажу.

— Вона хоче йты до будкы. Я кынулась напередъ.—Дидусю! диду! кажу, хазяйка клычуть!

— Не збуджу: спыть ищѐ; разбудить ёго вы сами, титочко; я не розбуджу.

Острахъ мене взявъ: що дидусь, було, мене що дня будыть, а теперъ я не добуджусь. Отъ вона лапнула ёго за рукы, за ногы, винъ уже й холодный. Уже Богу й душу оддавъ.

— Боже жъ мій! Свите мій! якымы жъ я гиркымы заплакала! Справди такъ було, якъ спивають: котылыся, якъ горохъ. Се жъ свиту кинець, думаю! Якъ теперъ свитъ стоятыме? Якъ теперъ усе безъ ёго буде? Мабуть, и по матери такъ не плàчуть, якъ я плакала по дидусѐви. Саме стала розумнищаты. Дывлюсь, ажъ на ёму й сорочка драночка билесенька, дарма, що була ще тилько пя́тюнка. Бувъ на останній дорози, и мени не сказавъ. Заразъ узялы й поховалы ёго.

— Була якъ мызынокъ, и зосталася знову одна, якъ гичечка, якъ чо́внычекъ у мори: туды́ хыть! туды хыть! и не знаешъ, де опынысся. Боже! якъ же мени дывытысь? Що у кого пытаты? Боже, свите! то жъ усе за мене дидусь мыслывъ. Мени було легко жыты. Що жъ то значыть Богъ? чому дидусь мени про ёго не ростовкмачывъ? Знаю тилько, що Винъ добрый, що Винъ Отецъ нашъ, иже еси на небеси. Пошла бъ до Его, попросыла бъ, упала бъ, щобъ Ви́нъ оддавъ мени дидуся. Кажуть, що Богу душу оддавъ. На що жъ дидусь оддавъ душу Богу? Чому жъ винъ мени не оддавъ своей душы? ай казавъ, що мене любыть. Сказано, мала була, то зъ горя чого не передумала.

— Лазыла й на березу, на саму выщу, заглядала на небо, за хмары,—нема, нема дидуся! Увесь ридъ разомъ утеряла!

— Було посли почую, що люде одмиpàлы. Чому въ насъ не одмирають! Я пишла бъ роспытала про свого дидуся.

— Да хыба жъ дидусь зовсимъ оддавъ свою душу? Якъ се винъ мени забувъ росказати, чы зовсимъ люде душу Богу оддають, чы на якыйсь часъ?

— А може, винъ и на часъ оддавъ. Може, винъ ще й прыйде.

— Якъ же мени у будци самій жыты? Гляну на свыту ёго и жаль мене було визьме.

А все такы никуды не хочу йты, седжу въ будци. Хазяйка було кличе въ хату,—не йду, й въ вечери седжу въ будци. А мени чогось стало страшно. Я закуталась зъ головою и не счулась якъ заснула. Другого дня хозяйка заглянула, а я чыщу на юшку.

— Що ты робышъ, моя голубко?

— Такъ вирненько якось до душы сказала. Я цилисенькый день не йла, и никому на очы не потыкалась.

— Я вже й борщу и юшкы понаварувала, каже хазяйка: На що жъ ты чыстышъ?

— Се, титко, я дидусеви чыщу на юшку. Винъ забувсь изъ вечора мени сказаты, що душу Богу оддасть. Чы надовго, чы на часокъ оддавъ; може, винъ хутко й прыйде.

— Иды за мною, годи сумуваты, хазяйка каже: я тебе буду жаловаты; да ажъ схлыпнула, чы по дидусеви, чы про мене, сироту.

— Понурылась, мовчу.

— Ходимо жъ, ходимъ! да за руку и сыломиць потягла. Дала мени исты. На душу не иде. Трошкы чогось иззъила, та й не хочецця.

— Лягай же спаты, каже хазяйка.

— Я свытою вкрылась дорогесенькою и лягла. Давала хазяйка й рядно, да ни! хочъ бы й ковдру: то не дидусеве.

— Я опричъ хазяйки и хазяина, никого и не знала, да и то колы не колы ихъ бачыла або говорыла.

— Де мени теперъ подитысь? У мого дидуся було не одижно, та въижно.... Встаемо весело, за дило берессся весело, лягаешъ спаты весело, здорово; соловейко заспивае, свиже повитрье заколыше.

— Було, не кажу хазяйци, про що я думаю; не одкрываю усіеи правды людямъ. Люде люблять людей веселыхъ, щаслывыхъ, якъ мовлявъ дидусь, а такыхъ, якъ мы, боящця, наче смерты.

— Пійду, бувало, та злизу на березу тай дывлюсь на небо и хмары. А може винъ мени махне зъ неба рукою. Та й журюсь було, чому се теперъ Богъ не ходыть по земли? а колись ходывъ якъ росказувавъ дидусь, я пишла бъ зъ Богомъ до дидуся. Таке було дурне. А разъ думаю: може, й дидусь бувъ святый..! И здався винъ мени тоди въ сяеви; наче сяево сяе видъ нёго, якъ у церкви помалёване по святыхъ. Сказано, дытына!

V.

— Зоставила мене хазяйка зовсимъ у себе, прыстановыла до дытыны.

— Покы ще я дуже тужыла за дидусемъ, то такъ якъ и люде була, ничого не зачипала: а тилько видпустыло, стала смыкаты хазяйске то се, то те.

— Хай бы голодна була. Хазяины у меня добрящи булы и роботящи. Воны булы не прости, а полупанкы. Оце самъ и въ поле изъ робитныкамы, и на синожать, и такъ по силь та по рыбу було паровыць дви спорядыть, а вона дома до всёго рукъ прыкладае. Оце було, якъ робоча пора, то й подушо́къ не стелють, щобъ не заспаты, и пивня пидъ пичъ...

— Якъ бы жъ то я шанувалась! Якъ бы онъ то мени дидусь розумъ свій праведный покынувъ у спа̀докъ, якъ бы онъ то знавъ, де знайдешъ, де загубышъ! якъ бы жъ то знавъ чоловикъ, якъ набигти тропы своеи!...

— Хазяйка моя, було, якъ вырядыцця до церквы, дакъ и заздристь людей бере. Вывяжецця шовковою хусткою, надине хорошый синій старосвицькый халатъ и съ позументами хрестомъ на кульшахъ, кунтушемъ звався; и вся одежына на ій такъ гарно прыпаде! То було й шепчуцця люде: Прыстало, кажуть, якъ свыни въ дощъ. Сама все робыть, наче й наймычка, а що якъ выряджаецця, мовъ попадя, або настояща пани! Знайте мене багатырку! А инши кажуть: Де воно все въ ныхъ берецця, мовъ зъ рукава сыплецця? Вона сама не разъ таке чула. А воны разъ у разъ обое робылы. Було и въ ныхъ самымъ и про людей усёго доволи. Дай Боже даваты, а не прохаты, було мовляе. Прыйде зъ церквы да й сміецця: хтось людямъ не велыть рано вставаты, та дила пильнуваты. А то й клычешъ на роботу, дакъ и не доклычесся; просышъ! перекажить, кому треба заробитку, и тому не перекажуть.

— Два рокы побывалысь воны зо мною, та й вырядылы мене зъ довгою рукою пидъ церкву. Не шануесся, иды жъ, небого, мижъ чужи люде. Воны тебе вывчять добра. Мы тебе на спомынъ про дида держалы. Теперъ сама на шляхъ утрапышъ. Зъ

такого куколю не буде добра. Мабуть и маты въ тебе така була, що ридну дытыну въ жыти згубыла, русалкою зробыла.—А про мене вси зналы, якъ я русалкою по жытàхъ блукала, та й имя мени не було на сели иншого, икъ Русалка. Се тылько дидусь мене Оленкою звавъ, а то вси, и смыючись, и сердючысь: Русалко! иды гуляты до дитей! Або: щобъ тебе чорты вхопылы, Русалко ты проклята!

— Оце жъ и хазяины мои гиркымъ словомъ вытурылы мене зъ господы.

Пiйшла я ходыты зъ хаты въ хату. Бо дуже довги рукы мала... усе спотыньгà й потягну що небудь, а спидъ очей у мене хто хочъ берй, я не бороню, и свое усе посiю, де хустку, де пидбривныкъ, де сапу; де щó роблю, тамъ и покыну. Про завтрашнiй день не дбàю. Така вже вдалась, нестелèпа, роззява.

— Було, дидусь покойнычокъ мени каже, нехай царствуе: „Не рушъ! тȯ чуже". Я й одвыкла вже була чуже займаты. А теперъ, здаеццся, не було хаты въ сели, де бъ я не перебула наймычкою! Не держять мене. Хаты на мене не кыдай. Люде було торочять: „Що жъ? вона у будци выросла, дакъ и хазяйства не тя́мыть доглядаты, а иноди виддухопéлять добре, щобъ доглядала. А я тамъ, у будци, святи дила, святи речы чула й бачыла, а така вдалась ледача. Дай сама стала така лемéховата. Ходжу ухвоськана, пустылась берега зовсимъ по смерты дида.... Може, се я того така, люде кажуть, що я русалка, нехрещена бъ то; да я жъ, выдно, хрещена була: бо й плàттечко знайшлы въ жыти, якъ дожалысь. Не вважалы на се, а було прыспивують мени не то дитвора, тай молодыци:

Мене маты родыла, Я возьму чеперынку.
До хреста не носила Та зарижу дытынку.

— Я й не разумiю, що то за чеперынки, и яку дытынку хто нею заризавъ, а дуже гирке мени було се слово! Справди, наче ризалы мене по серцю безъ ножа симъ приспывомъ.

— А инши було провадять и таке: мабуть, увесь ридъ iи, вси бабй и прабабй съ пращурамы и пращуркáмы булы таки ледачи, що по свиту валасáлысь та кралы.

— Оце жъ гналы мене всимъ селомъ, изъ хаты въ хату, що никуды мени и йты.

— Тоди давай я думаты гадаты, що мени робыты у сёму шырокому, та бездомному свити! Куды йты? Згадала прымовку: иды, рынде, де инде: тамъ тебе люде не знатымуть и рындею не зватымуть... Пiйду, думаю, въ таке село, де не зватымутъ мене Русалкою. Скажу, що я на имя Оленка, на призвыще Дидусивна... И пiйшла.

— Иду, ажъ такый гай прехорошый! Я й заспивала:

О гаю жъ мiй, гаю
Та густый, не прогляну!

Мени тоди люде такъ уси опротывилы. Дывлюся на высоченну сосну. Витерь нею гойдае, а я зъ жалю спиваю:

Не хылыся, сосно,
Бо й такъ мени тошно!
Не хылыся, вильхо,
Бо й такъ мини гирко!

Спиваю та й думаю: покы снагы моеи стане, доты терпитыму, и жытыму въ гаяхъ. Сила я на трави, седила, седила, та й задрымала.

— Якъ бы напередъ той розумъ, що теперъ, мени бъ и простуваты зновъ до своеи хазяйкы. А вже жъ я й хлиба скилько у неи переила! Ни! подалась на чуже село. Стала зъ першои хаты найматысь, той же таланъ... А де—яки потимъ сталы мене и пизнаваты. Чы не жыла ты, небого, у того? або въ того? Ге, ге! яка вона Дидусивна! Се Русалка, а не Оленка! нехрещена Русалка; нема въ неи й имя хрещеного... Оттакъ мене на глузы пидiймають! Нудьга мене бере, соромъ давыть мене. Зiйду съ сёго краю! думаю соби, та якъ пiйшла, якъ пiйшла, то верстовъ за пивъсотни опынылась. Та не йду шляхомъ, або стежкàмы, а все манивця́мы. Все по надъ ричкою, иноди черезъ затоны й брыдьма, наче справди русалка. Добралась до села. Тутъ десяцьки, соцьки, войты до мене прысталы, що я зъ другого повиту, а папеpу въ мене нема. Нехай громада стане въ ради: треба попытатысь, що зъ дивчыною робыты? Боже жъ мiй! и малою люде не зналы, що зо мною робыты, и теперь морóчяцця! Тоди я въ жыти, а теперъ у свити, мовъ у густому, непроглядному гаю заблудылась... Усе жъ такы тоби безъ бумагы йты не вильно,

каже громада. Хто тебе одпустывъ таку молоденьку? Гляды, чы не вкрала ты чого? Такъ и вразылы мене въ серце.—Здаетця, ты холо́дноий не мынешъ, небо́го... Заходывся коло мене той велыкій чоловикъ, громада, мовъ я чію душу загубыла. Почалы мене роспытуваты про все, про все, у кого жыла и якъ? А одынъ каже: ты жъ моя землячка; а самъ съ того села. Не бійся, ничо́го тоби не буде. Лагодыццяя туды мій сусида ихаты до своеи дочкы́, накажу, щобъ выслано тоби бумагу, що ты тутъ у наймахъ. Я знаю и хазяивъ твоихъ, знаю все про тебе, и моргнувъ якось вусы́ма такъ, наче ножемъ у серце вразы́въ... Да, спасыби, не сказавъ, що я на имя не Оленка, на призвище не Дидусивна, а имя й призвище мое Русалка.

— Ну, зъ початку всяке до мене ласкаве, ввичлыве, а потимъ я сама своею вдачею соби зашкодыла. Мене й лають, мене й бъютъ, и мени одчуваюцця речи дидусевы: „стережысь, було каже, чужого добра, якъ вогню; переступы, а не визьмы. Лучче свое латане, нижъ чуже хватане“. Бида сыроти безъ тыхого прыхылля! Жене мене хвыля безъ упыну. А де жъ берегъ? думаю соби. Схне мое серце...

— Узявъ мене до себе соцькій, покы бумагу вышлють. Всылу пять мисяцивъ пробула въ ныхъ... Зновъ пійшла по людяхъ. Де пролитую, де прозимую; луна усюды ходыть видляскомъ про мене: пагана. Я и плачу и дида згадую, а тамъ забудусь та й запущу руку. А тымъ часомъ розійшлысь и тутъ чуткы, що я не хрыщена Русалка, тымъ и закону мени нема, тымъ я й краду. Сказано: хороша слава сягае далеко, а пагана—ще дальшъ.

— Уже шиснаццятый рикъ мени, а я що попыхачъ той!.. Ни до кого не прыхыляюсь, такъ валасаюся. Дубъ мій батько, лыпа моя маты, береза моя сестра, явиръ мій братикъ. Русалка я на свити, та й годи. Може, думаю, й справди мене не хрещено. Може бъ мени пійты до попа охрестытысь? Дакъ люде жъ кажуть, що тилько малыхъ ще, безгришныхъ душъ хрыстять. А выростешъ, мовлявъ, набересся грихивъ, то вже въ тебе Хрыстосъ не ввійде. Тымъ примовка й про жыдивъ перехрыстивъ: жыда охресты, та й голову видотны. Такъ и мени; думаю соби, хрыстыстысь теперъ засъ! Не ввійде Хрыстосъ у мою ледачу душу,

думаю та й плачу. Адже жъ и дидусь не вселывся въ мене съ своимы добрымы словамы. Онъ панъ той не зъ нашыхъ, и языкъ у нёго лубъяный, мовлялы, а винъ и того звычàю навчывъ. Тай думаю соби про дидусеве обличче ясне, и молюсь ёго жъ такы молытвою, що навчылась у будци: *прыйды и вселыся въ ны, и очысты ны отъ всякія скверны...* Ни, думаю, мене вже нихто не очыстыть. И Богъ, и люде одъ мене одвернулысь, мене хыба у печи на сухаръ ссушыты та на муку въ ступи стовкты, тоди бъ зъ мене що добре вылипывъ...

VI.

— Ажъ ось давъ мени Богъ прытулытысь до 'дноеи вдовы убогои. Роблю все; вона не дуже и допевняеццся моеи праци, то натомыцця, то загаецця. Старенька вже соби. У неи була маленька дочка и сынъ жонатый. Тилькы сынъ окроме жывъ и йшовъ на-суперекы матери. Маты ёго було каже: лучче самій пробуваты, якъ наругу одъ дитей прыйматы. Шматка хлиба не ввобъешъ у горло, такъ невистка козыруе, щобъ сынового хлиба маты не переила. И сынъ, и невистка було ій усе то за молоко, що десь дилось, то за пшоно, що не добре втовкла, борошна доладу не насіяла, лають, а вона ще бидна и не добачала: бо выплакала стари очы черезъ дитей.

— Разъ, каже, сила исты, попоилы борщу, потимъ почалы исты кашу молошну. Каша у ихъ була що разу хороша, ни цятыночкы воды, а на сей разъ молоко ссилось. Вона й каже невистци: отъ якъ бы оце я коло дійлыва ходыла, до ты бъ сказала, що я щось изробыла, що каша ссилась. А невистка такъ и скыпила и зачервонилась, ажъ пидскочыла на полу.

— Дакъ я видьма? Та давай іи лаяты, гàныты, усякъ іи проклынàты.

— Дивчынка побачывшы, що матери зневàга, обиждають,—высолопыла проты невисткы языка, стоя на полу.

Невистка дивчыну такъ и вхопыла за патлы и поставыла на доливци. Маты помацькы схопыла за плèчы обиручь невистку, обороняючы свою дытыну, а сынъ соби за матиръ, и Боже що

тамъ склалось!.. То вже кинець свиту, якъ сынъ на матиръ руку здійме. Да посли давай зъ іи хребта усю шустёлыну здіймаТы. И се, каже, наше, и се наше.

— И все это справедливо, что тебѣ разсказывала старушка? прервала я въ волненіи разскащицу.

— А чомъ же ни? отвѣчала она спокойнымъ вопросомъ.

По своимъ наблюденіямъ я знаю, какъ часто простолюдины способны къ преувеличеніямъ и хорошаго, и дурнаго. У нихъ, въ пылу разсказа, муха весьма часто превращается въ слона. Чтобы поставить мою Русалку на реальную почву, я стала ей проповѣдывать, какъ нашъ народъ набоженъ, коснулась даже факта, что изъ русскихъ мы прежде всѣхъ познали христіанство, что мы за него стояли противъ иновѣрцевъ и напастниковъ; наконецъ, привела ей кобзарскіе стихи:

Отцева й матчына молытва
Зо дна моря выймае,
Одъ грихивъ смертяныхъ душу вызволяе,
На поли й на мори на помичъ помагае.

— Моя паніечко! отвѣчала Русалка. Може колысь такъ и було, а теперъ, бачъ, кобзарь спивае:

Та вже кинець свиту,
Кинець прыблыжывся:
Хочъ ридного брата
Теперъ стережыся.
Изъ нымъ на судъ статы.
Правды ни зыськаты,
Тилько панивъ златомъ,
Срибломъ насыщаты.

На это я возразила, что и теперь народъ проповѣдуетъ свою вѣру христіанскую, какъ въ старину, и пѣснями, и сказаніями. Значитъ, весьма трудно вѣрить, чтобы въ такомъ благочестивомъ народѣ могли быть такіе жестокосердые люди. Я привела Русалкѣ, между прочимъ, стихи колядки:

Ой дай, сынку,
Райскіи ключы,
Видомкнуты
Рай и пекло,
Выпустыты
Гришныи душы,
Одну жъ душу
Та й не выпустыты:
Оцця й матиръ налаяла,
Не налаяла,
А подумала.

Но все мое стояніе за народъ Русалка смыла потокомъ своего фактическаго краснорѣчія. Про бѣдную вдову она говорила съ такимъ энтузіазмомъ, какъ будто это была родная сестра

дидуся, и разсказала мнѣ слѣдующее происшествіе, запечатлѣвшееся въ моей памяти отъ слова до слова.

— Не доведы мене Господы ни бачыты, ни чуты таке, яке я чула видъ моеи любои старенькои вдовы! Вона справди *выплакала* очы, живучы въ тій проклятущій хати съ сыномъ, лютымъ зміемъ, и невисткою, гадюкою. Ослипла, такы зовсимъ ослипла бабусенька нещаслыва. Що робыты? Мусыла Богови праведному корытысь. Такъ, мовляла мени, сподивалась, що за сю слипоту у Бога ій готуецця той свитъ невечирній, про котрый чувала, стоячы въ бабынци. До Божого дому стала ще частишъ ходыты, выкрадаючысь одъ дитей, такъ якъ дити видъ матерокъ на вечорныци крадькома ходять. Ну, Божи словеса, росказуе було мени, покреплялы іи, и поралась вона помацькы, и все такъ робыла, наче помолодшала. Невистка було каже: се вона слипою себе вдае.—Не доведы, донію, тебе Господь, було видкаже, слипоту мою вдаваты! та й пораецця всюды за выдющу. Що жъ бы вы думала, паніечко, невистка? Взяла ще бильшъ зло проты слипои свекрухы. Хотила съ свита згубыты. Наварыла зъ гадыною юшкы та й каже, идучы съ чоловикомъ у поле жаты: о то жъ, мамо, у сипяхъ на полыци, якъ схочете исты, юшка зъ вьюнамы стоить.

Пійшлы воны въ поле, забралы серпы, торбы, да й рушылы. Заманулось исти старенькій. Пійшла вона слипуючы доставаты юшку, да й вывернула соби якось на очы. Що жъ? Сотворывъ Господь за іи правду надъ нею чудо свое. Видъ тіеи гадючои юшкы зробылась выдющою, вывернувшы нехотя на свои очы. Побачыла вареныхъ у юсци гадюкъ своимы очыма. Стеменно сама мени се росказувала. Подывылась та й впала на вколишкы передъ образомъ.

Иде зъ поля невистка зъ сыномъ, ажъ маты пораецця коло печы: вечерю имъ варыть! То було тилько корову подоить, на ступи товче, ленъ бъе, макъ рюке, а до печы не дотыркаецця, а теперъ вечерю дитямъ варыть и Бога хвалыть. Свынямъ уже зилля понарывала, кабанови крапывы насикла, сказано—выдюща повернулась!

Такъ и зомлилы обое: бо й чоловика видьма жинка зробыла злюкою, и винъ сподивався побачыты матиръ мертвою въ хати. Простяглысь передъ нею обое: просты, мамо! Якъ Богъ, такъ и ты!

Ну, маты ихъ простыла, ни словомъ ихъ не докорыла, та вже взялась за розумъ: продала, яку мала, шустелыну, шуплатте лишне, скотынку, та й покынула имъ свою матерызну, городъ и хату. За ту жъ бо матерызну іи и тисныли, щобъ скорійшъ изъ свиту зійшла, тоди бъ сыроту, мовлявъ, прыкопалы тай панувалы.

Стала вона зъ малою дочкою у людяхъ жыты. Сталы іи люде зодягаты, платыты и шановаты: бо того стояла. За нею й скотына плодыцця, за нею й дробына водыцця. У кого яловка, а въ неи й двома бычкамы разъ корова отелылась; у кого свынка трое поросятъ знайшла, а у еи и десятеро й бильшъ одвалыть, що й двиръ тоби увесь закрасыть!

Отъ я пидъ той часъ до ихъ и прыблудылась: вона, та бабуся, и прыняла мене въ сусиде вже въ чужій хати, наче семъянына: бо въ сусидяхъ сама жыла и помогала скотыну доглядаты. А сынъ зъ невисткою такъ зъ того часу збиднилы, що й хата рака стала.

Ну, трудно стало старенькій по людяхъ жыты. Бо на свойму господарстви, може бъ, и заснула, а тутъ по пять разъ у ночи схоплюецця, чы не отелылась на морози коривка. Сама себе вбывала, щобъ догодыты чужій хати. За два чы за три рокы прыробыла собы грошенятъ и спорудыла соби хатку на нывци за селомъ. Матерызна въ неи зосталась нывка. Хатка стояла пидъ селомъ коло розлогои старои вербы, мовъ картынка. Выдно съ хатыны такъ далеко въ поле, на галье и на гай, наче ввесь свитъ до вдовинои хатыны тягне.

— Мени добре въ бабуси жыты, наче въ риднои сестры дидусевои. Слава тоби Господы, вже мени дваццятый пійшовъ и люде хороши до мене лыцяюцця, та бабуся не велыть рано замижъ выхоплюватысь.—Не хапайсь, доню, съ козамы на торгъ. Ще того дива надывысся, якъ и я надывылась, выскочывшы молоденькою. Знаю, почимъ кившъ лыха! Добре намъ, паніечко

моя, зъ удовою жывецця. Набигла такы я тропы, теперъ іи держатымусь и старенькои слухатымусь, якъ риднои матеры.

Насъ тройко тыхомырныхъ у хати. Вси вкупи робымо. Воны мене жалують. Стеся, дочка іи, мене полюбыла и я іи, и такъ якось мое серце прыхылылось до нещаслывои матеры! И сусиде мени вси здалысь якось лучче. Тутъ уже й Русалкою мене не звуть: старои бояцця обиждаты. Надъ нею Господь зробывъ чудо свое.

Такъ и я стала людыною, спасыби Господеви та дидусеви, що за мене на неби молыцця. Зовуть меня Оленкою Дидусивною. И порозумнищала жъ такы, не передъ вамы, паніечко, хвалючысь: хочъ не була замижемъ, а взнала й я незгиршъ стареньkoи моеи, по чимъ на свити кившъ лыха".

Такова исторія бѣдной дѣвочки Русалки. Живетъ она въ ближайшемъ ко мнѣ селѣ; но прослыла я, къ моему особенному удовольствію, *прыступною* и *балакучою* паніею, такъ что и Русалкѣ моей захотѣлось меня видѣть. Она безъ приглашенія (что случается весьма рѣдко) явилась ко мнѣ на работу, и съ того времени мы съ нею друзья. Когда она разсказывала про своего *дидуся* и про свою *бабусю*, какъ называла бѣдную вдовицу, черты ея выразительнаго красиваго лица воспламенялись огнемъ глубоко чувствующей души. Она мнѣ казалась очаровательною: я видѣла въ ней безсознательнаго поэта.

VII.

Интересовала меня исторія сельской бѣдности, отчасти добровольной. Тихія добродѣтели, безъ блеска и публичности, плѣняли меня. Я полюбила Русалку и всячески старалась поддержать установившуюся между нами короткость. Послѣ задушевной исповѣди, казалось мнѣ, и сама Русалка должна была бы искать свиданія со мною Но, къ моему горю и удивленію, она больше не появлялась па заработкахъ, которыми, повидимому, осталась очень довольна.

Проходитъ мѣсяцъ, нѣтъ моей любимицы Русалки. Стала я дѣлать разныя предположенія: что бы это значило? Мнѣ при-

ходила на мысль ея задумчивость, ея подозрѣнія о своемъ некрещеніи, о своемъ русализмѣ. Въ ея разсказѣ мелькало суевѣрное толкованіе недостатковъ своихъ тѣмъ, что, можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ осталась некрещенною. Не случилось ли съ ней какой бѣды въ особенномъ, ей только свойственномъ родѣ?

Прошло еще мѣсяца два-три,—моя Русалка не показывалась. А дала слово помочь мнѣ дѣлать картофельный крахмалъ и *класти варыво*. Миновалъ и праздникъ Покрова, столь важный для *дорослыхъ* дивчатъ. Безъ нея совершали наши зрѣлыя красавицы свою поэтически сложенную молитву ко Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной: „Святая Покривонько, покрый мени голивоньку; землю вялымъ листочкомъ, голову червонымъ платочкомъ, землю вялою квиткою, голову билою намиткою".

Пришли, наконецъ, и Рождественскіе празденства: *колядкы, щедривкы*. Въ числѣ моихъ веселыхъ посѣтительницъ не было той, которая сообщила мнѣ такъ много невѣдомаго изъ жизни сельскихъ бѣдняковъ и бѣдняжекъ.

Разспрашивала я селянъ о ней; но мнѣ отвѣчали равнодушно, какъ о самой незначительной личности:

— „Хто іи знае? Вона на другимъ кутку жыве, дакъ ничого й не знаемо".

Приходитъ ко мнѣ съ поздравленіемъ звѣзда, напоминающая трехъ царей-волхвовъ. Поютъ мнѣ школьники древнюю дьячковскую пѣсню:

Шедше тріе Цары
Ко Хрысту со дары.
Иродъ же ихъ прыгласывъ,
Куды идете? спросывъ...[1])

Наконецъ появились и питомцы новыхъ сельскихъ школъ, пѣвчіе, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дѣвочекъ. Не сказали мнѣ о моей Русалкѣ и эти вѣстники будущаго просвѣщещенія селянъ.

---

[1]) Замѣчательно, какъ дьячковскій языкъ не принимался учениками его. Сопровождавшіе поздравительную звѣзду гости мои повторяли послѣдніе стихи такъ:

И ласы-прыласы,
Куды идете? спросывъ.

На мой вопросъ: что это за слова: *ласы-прыласы?* мнѣ отвѣчали, что Иродъ угощалъ трехъ царей *ласощамы*, чтобъ выпытать у нихъ, гдѣ родился Христосъ.

Но вотъ весна. Вотъ я слышу голосъ козацкой старины изъ устъ сельскихъ красавицъ:

Ой весна красна, ой весна красна
Та й изъ стрихъ вода капле:
Ой уже жъ тоби, та козаченьку,
Та й мандривочка пахне.

Можетъ быть, и Русалка, думаю себѣ, подъ вліяніемъ весны, двинется съ мѣста, чтобъ насладиться зрѣлищемъ лѣсковъ, левадъ и луговинъ, русальныхъ пріютовъ. А мой хуторъ отдѣлялся отъ ея села именно русальными сценами природы. Она любила ихъ, эти русальныя сцены, любила украшать свою голову дубровными ландышами. Вѣнокъ изъ *кунваліи*, какъ звала она по малорусски ландыши, чрезвычайно какъ шелъ къ ея тонкимъ чертамъ, немного блѣдному, задумчивому лицу и полнымъ затаенной страсти глазамъ. Можетъ быть, прійдетъ она ко мнѣ снова на работу, на дружескую бесѣду. Но приходили ко мнѣ всѣ давнія и новыя знакомки; одной только Русалки не было. Спрашиваю, не знаютъ ли о ней чего? Въ отвѣтъ на мои освѣдомленія, мнѣ отвѣчаютъ какъ то странно: „Хто іи знае, чому вона не ходыть? Вона, паніечко, *такъ соби*; усе думае; чы зъ велыкого розуму, чы що... Хочъ у хрещыка гуляе, хочъ у лебедына бига, усе не довго. Такъ у неи очы якось и затуманяцця. Чудна, одно слово, чудна!“.

На эти загадочныя слова я потребовала объясненія, но вмѣсто него послѣдовало затемненіе. Дѣвушки таинственно и лаконически объявили мнѣ: „Мы іи боимось“.

Долго я допытывалась, почему онѣ боятся такой красивой, такой краснорѣчивой и милой подруги.

— Та вона то й промовна й прорéчыста, и ричъ у неи красна, якъ вы, бувайте здорови, кажете, высказалась мнѣ старшая поденщица, та въ неи щось у въ очахъ не людське свитыцця.

— Якъ не людське? спросила ее, дивясь.

— У людей такого погляду не бувае, отвѣчала мнѣ смѣлая поденщица.—Або ій на роду щось таке напысано, або—не дай Маты Божа — може вона й доси русалкуе, да такъ десь и динецця.

— Э, воны таки си русалкы! озвалась младшая. Мою матиръ зъ другого села взято, зъ Ракондовкы, дакъ маты росказувала

разъ—да не мени, а тайкома видъ мене, баби, а баба мени росказала, а маты не хотила мене лякаты. Що вмерла въ Ракоидивци дивчына якъ разъ у русальный четверъ, а въ русальный четверъ хто вмре безъ прычастія, дакъ и стане русалкою. Отъ умерла, поховалы іи въ садочку; а іи маты да пожалувала на смерть червонои плахты-червчаткы, що самого шовку червцю пійшло тросточокъ съ пьять, та й поховала въ морозовій спидныци. Поховала; ажъ разъ рано въ ранци, саме въ русальный четверъ, побигла менча дочка по воду, ажъ вона биля крыныци стоить пидъ вербою.—„Катрусю! се ты?“ И не злякалась якось русалкы, злякалась, та не вельмы: бо сестра.—Я, каже.—„Чого жъ се ты прыйшла?“ Сама не знае, що говорыть. „Дай, каже, мени моеи червчаточкы хочъ годокъ поносыты. Я й прынесу черезъ годъ.“ Побигла дивчына, достала въ скрыни плахту, оддала. Та незнать де й дилась; наче росою взялась попидъ вербою. А сонечко вже сходыло, роса блыщала. Якъ на те жъ маты полизла чогось у скрыню, ажъ червчаточкы нема. Тоди дочка й каже, що оттакъ и такъ. „Чому жъ ты мене не клыкнула? Моя Катрусю, моя ты дытынонько! хочъ бы разочокъ я на тебе глянула!“—„Не тужить, мамо, каже дивчына: вона черезъ годъ прыйде“. Дожыдають уже того четверга, такъ дожыдають! та никому не кажуть, щобъ не сполохнуты русалкы. Наставъ русальный четверъ. Маты ще вдосвита побигла до крыныци. Нема никого. Сила вона пидъ вербою, плаче. Колы жъ сонечко почало сходыть; и роса такъ якось червонымы искрамы ссяе! Дывыцця—передъ нею Катруся, и червона плахтына на ній, да такъ ухвоськана! Що вже тамъ було, Господь ихъ знае; тилько русалка—ни словечка. Маты іи обнимае, голосыть надъ нею, роспытуе про той свитъ,—вона мовчыть. Прывела въ хату, посадыла пидъ богамы на покути,—мовчыть. Не исть, не пъе и ни до кого ничого. Прызывалы й попа, и пипъ ничого не врадывъ. Била, якѣ стина, седыть пидъ богамы и ни слова. Тилько якъ выймуть хлибъ съ печы, та прымочять, и пійде пара, вона ту пару вдыхае, и такъ наче трошкы почервоніють губы й щокы, а очы заблыщять, якъ та роса на сонечку“.

— Эге, перебила одна изъ моихъ собесѣдницъ: русалкы парою съ хлиба жывуть. Тымъ у русальный четверъ нихто й не пече хлиба. У насъ одна забулась та й напекла хлиба, а сама, прымочывшы хлибъ, и пійшла съ хаты. Вертаецця, а дытыны въ колысоцци й нема. Сюды—туды, де дытына? Зырне пидъ пичъ, ажъ воно тамъ залоскóтане.

— Ну, ся була смырна, продолжала разскащица. Проседила такъ цилый годъ, а на русальный четверъ іи й не стало: тилько червона плахитка зисталась пидъ богамы на покути.

При такомъ вѣрованіи, унаслѣдованомъ отъ временъ дохристіанскихъ, немудрено, что подруги моей Русалки истолковывали чѣмъ то „не людськымъ“ и самое краснорѣчіе, которымъ она была награждена отъ природы вмѣстѣ съ какой то особенною, невиданною въ нашихъ селахъ красотою, вмѣстѣ съ ея нервною раздражительностью и замѣтнымъ для всѣхъ отчужденіемъ.

Долго я освѣдомлялась о ней напрасно. Наконецъ не скоро, почти черезъ годъ, вижу въ церкви вдову, у которой жила моя Русалка. Освѣдомляюсь о ней. Та почти со слезами говоритъ: „Пишла замижъ, добродійко! Отъ правду кажуть: нехай ти плачуть, що замижъ идуть: сама себе сыломиць звинчала. Нихто іи не сылувавъ. Чудна вона стала якась. Усе гадае, що вона нехрещена, до такъ ій на дорóзи лыхо й стоить. Ще тилько тры недили, якъ и весилле видгулялы оплакане“.

Въ такое короткое время судьба дѣвушки измѣнилась къ худшему. „Обызвалась Доля, да по тимъ боци моря“, какъ поютъ наши селяне, олицетворяя таинственную, иногда злорадную судьбу. Хотя моя Русалка и говорила, что *набигла тропы*, но я думала, что набѣжать тропы ей предстоитъ еще въ будущемъ, именно въ замужествѣ, съ которымъ начинается прямая, рѣдко, впрочемъ, счастливая жизнь нашей сельской женщины.

Иногда встрѣтишь молодицу съ дѣвочкой и спрашиваешь въ разговорѣ: „Который тоби годъ, молодычко?“—„Дванаццятый“. „Якъ дванаццятый! А доцци твоій который?“—„Одинаццятый“.

Такъ наши женщины дѣвичество свое считаютъ скорѣе какимъ то неяснымъ и мечтательнымъ русализмомъ, нежели дѣйствительною жизнью, съ ея, увы! слишкомъ извѣстными горестями.

Старушка вдова была скупа на слово. Ей тяжело было говорить, въ чемъ именно состояли причина плача бѣдной невѣсты, и какъ это *сьломиць* она себя обвѣнчала. Въ бабинцѣ, гдѣ я неожиданно натолкнулась на нее при выходѣ изъ церкви, было много людей, которымъ не годилось то знать, что она могла бы разсказать мнѣ.

Моя Русалка вышла замужъ въ томъ же селѣ, но на такомъ далекомъ куткѣ, на *Пидгаяхъ*, что оттуда поденщицы ко мнѣ не ходятъ.

Сперва я хотѣла ѣхать къ старушкѣ; но это было бы побарски—пріѣхать изъ одного любопытства. Надобно мнѣ найти благовидную причину для свиданья съ нею. Я объявила, что мнѣ нужна готовая хата для переноски. Указываютъ мнѣ и такую и такую. Я пользуюсь молвой о моемъ спросѣ, который въ селахъ составляетъ всеобще—извѣстное событіе; но вмѣсто того кутка, въ которомъ красовалась веселая хатка прозрѣвшей старушки, попадаю какъ то въ противоположный кутокъ. Здѣсь повстрѣчала меня съ полными ведрами молодица—народная примѣта удачи въ предпринятомъ дѣлѣ, и на мой вопросъ о бабѣ Зуйчихѣ (такъ звали старуху) сказала; „Ой-ой-ой! та се жъ Пидгàи! а вона живе на Курйповци". Я знала прозвище Русалкина мужа, и черезъ минуту была уже у нея, у своей дорогой собесѣдницы, Оленки Дидусивны.

Пріѣхать къ ней изъ участія къ ея судьбѣ—значило бы потерять всѣ шансы на откровенность. Откровенность у насъ—дѣло случайное и какъ бы непроизвольное. Боятся наши люди не только любопытства, но и самой доброты, если она высказывается въ словахъ, а не въ поступкахъ; боятся, наконецъ, всего, чтó выходитъ изъ узкой колеи простонароднаго быта. Въ этомъ отзывается невѣдомая намъ исторія ихъ былаго. Я прозаически объявила, что ищу хаты, и что для этого заѣхала *до знакомои людыны*.

Вмѣсто блѣдныхъ щекъ и заплаканыхъ глазъ, увидѣла я Русалку румяною и совершенно спокойною молодицею. Она мнѣ обрадовалась, но выразила радость не по нашему.

— Якъ вы змарнилы, паніечко! Мабуть, вы вже скоро вмретè.

Эти слова перевела я мысленно на нашъ языкъ любви и отвѣчала, что истомилась, разыскивая хату, которая мнѣ очень нужна.

— Чы не думаете до кухни—вона въ васъ тисновàта—прыстроить прыкухѐнокъ? Борóнь васъ Боже, тоди вже певно вмретѐ.

Я успокоила Русалку, сказавши, что старымъ людямъ пристройку дѣлать не годится, и она готова была вести меня къ хорошей хатѣ, которая продавалась дешево переселенцами *на степы*. Но я притворилась усталою и почти больною отъ моихъ поисковъ, обѣщала пріѣхать въ другое время, и между нами незамѣтно завязался снова интимный разговоръ. Кстати, я застала молодую хозяйку одну. Мужъ и его дѣти были въ полѣ, сѣяли ячмень.

Русалка высказывала мнѣ свои порывы прибѣжать ко мнѣ, и паляницы пекла собственно для этого (безъ святаго хлѣба визитовъ не дѣлаютъ) „да снаги, паніечко, не ставало. Трудно жыты було, трудно! Усе вамъ роскажу, чы не буде якои полегкосты души“.

Тутъ ея лицо перемѣнилось такъ рѣзко, какъ у актрисы, выступившей передъ публику. Печаль, глубокая, отчаянная печаль (которой она пріучила себя никому не показывать) выступила на немъ поразительно.

— Може й справди мене нехрещену загублено въ жыти, начала она. Тымъ и тяжко мени въ сёму билому свити. Шырокый, мовлялы, да нема де дитысь. Отъ слухайте, моя матинко, моя лебидонько! Почну казаты ще зъ веселого часу. Сядайте о тутъ на полу (на подмосткахъ для спанья), я постелю вамъ чысте ряденце.

— Охъ, та й тяжко жъ мени спомынаты про мое щасте, паніечко моя! Мабуть, чы не важче, нижъ про нещасте. Бо въ нещасте сама я вбрила и вплыла, нихто не пидмывавъ мене, а щасте втекло хутко, мовъ та пташка, що крылечкамы стрепенула, въ темни лýгы полынула. Слухайте жъ бо такы, не роните доброи слёзы, не вважайте на мене, що я, дурна, плачу.

Наконецъ Русалка моя отерла слезы, овладѣла своимъ чувствомъ и начала говорить о себѣ тономъ, если можно такъ выразиться, трагически радостнымъ.

VIII.

— Литомъ одного тыхого да гарнаго дня якось у мене було такъ тыхо на сердци. Се бувало ридко. Тогди я чогось була засумила. А то а ни хвили на души, мовъ на сонному гладенькому ставку, и такъ чогось солодко на души! Сама не знаю, чого мени такъ любо. Летила бъ кудысь, у якійсь вырей, чы що, або зъ земли на небо.

Ухопыла юпчыну и ранисинько погнала овечàтъ у череду. И видра въ мене на плечахъ. Одигнавшы вивци, я тилько що за звидъ, ажъ дывлюсь, коло мене паровыця такыхъ гарныхъ воливъ зупынылась! Я й пизнала, чыя паровыця! сусида нашъ кудысь далеко издывъ, и ото прыбувъ. Такый поважный и одягный. Ставъ одчыняты ворота у свій двиръ.

Волы не стоять, рвуцця до дому: ради! Ярмомъ учепылысь. Я поналывала видра, поставила, та за волы! Увела ихъ дядькови въ двиръ, поклонылась и пишла. А винъ скынувъ на мене тилько очы, наче прыкмету положывъ. Подякувавъ мени, и такъ ласкàво на мене подывывсь. Скилько я старого бачыла, то винъ такъ николы не додывлявся до мене. Наче ёму зо мною жыты. Я хотила зачыныты ще й ворота: згадала дидуся свого, якъ винъ мене навчавъ поважаты стареньkыхъ. А винъ каже: „пожды; небого! ще козакъ за мною иде“. Зъ симъ и пишовъ у хату, у хати у ныхъ никого не було. Заранне пошлы матóкъ тягаты: опизнылысь помочыты. Ажъ иде той козакъ. Я ще такого хорошого на вроду й не бачыла. Пишовъ винъ зъ дому, не такый бувъ. Ажъ тутъ и батько вернувсь изъ хаты и каже сынови: нема никого дома.

Батько волы пороспрягъ, а сынъ постановывъ ихъ середъ двора, до яселъ. Я тилько що рушыла зъ коромысломъ, а козакъ и передо мною: дайте, будте ласкави, воды напытыся.

— Я загорилàсь, мовчкы повернула видра! Винъ ставъ пыты, да й каже: неначе въ гаю: нема людей. Я ще й бильшъ запалылась одъ сорому: бо зъ нымъ не поздоровкалась и не сказала доброго здоровя пывшы: мовъ нима. Про це жъ винъ и натякнувъ. Ставъ пыты, а батько крычыть: „Васылю! на тще серце“!.. Той

шапку мени знявъ и такъ подывывся, наче що мени подарувавъ. А батько ще зупывывъ мене: „чы не знаешъ, небого, куды наши пошлы“?

— Конопель, кажу, пишлы тягаты.

— И наймычка пишла?

— И іи, кажу, забралы, щобъ швыдче...

Та зъ симъ пидбигцемъ изъ видрамы до дому. Я увійшла въ хату, взялась за дило,—все въ мене въ рукахъ горило! Я те поробыла въ день, що було бъ мени й на два дни. То була беркà, а то ще й краще.

— Роспалылысь у мене щокы; серце загомонило, сама не знаю, що зо мною рóбыцця! А винъ усе передъ моимы очыма ввыджуецця. Може я вже ёго люблю!... Я така вбога и безталанна дивчына покыдька, чужый попыхачъ; а винъ—Боже! якымъ поглядомъ мене охрестывъ! мовъ королывну.

Мени наче свитъ пошыршавъ. Вернулись хазяйки додому.

Дывицця на мене удова та й каже: „чого се ты такъ роспалылась? Щобъ ще лыхоманкы не було“. А я мовчу та думаю: чого воны обое такъ подывылысь на мене?... И видъ сіи думкы однои наче твердище по земли ступаю и на людей смилывище дывлюсь: и я щось таке на свити! думаю я.

— Ранкомъ треба мени йты по воду. Мени чогось соромъ, чы що. У мене такого почуття ще николы не бувало! Мени здаецця, що й винъ выйде. „Ходимо, Стесю, по воду“, кажу я. Удова засміялась. „Що се ты? сама не втрàпышъ? Чы козака боисся?“

— Такъ мени симъ и вцилыла въ серце. А въ мене й такъ щокы палають.

— Гарный, каже, катъ ёго батька не взявъ! Гляды, щобъ не звивъ зъ ума, якъ про того Тумý спивають:

Козакъ Тума зведе зъ ума;
Не буде й женытысь;
Де найбильше челядонькы,
Тамъ буде хвалытысь.

— И я, каже, зàмолоду не усупротывылась проты чорныхъ очей. Де той и розумъ дився? Такъ чары на тебе й наведе

(та й сама такъ зачервонилась, якъ и я). Колысь, може, мене згадаешъ. Иды, Стесю, зъ Оленкою, охотнище буде.

Пишлы мы вдвохъ, а стара сусида, Васылева маты, саме пàзолкы зъ хаты выносыла, та й дывыцця, де бъ той попилъ выкынуты: бо скотыни шкодыть, и людямъ, якъ хто ступыть на пàзолкы.

— Добры-день, кажу, титко.

— Добры-день, видказала, небóго. Стала Стесю клы́каты въ хату. „Иды, каже, матери рыбкы передамъ“.

Стеся пишла, а я за журавля, щобъ вытягты воды.

А Васыль уже, залыгавшы, й веде волы до водопійла.

— Постойте, каже, я напою волы, а тоди й вамъ вы́тягну.

— Вы жъ мене загаете. Я першъ соби вытягну. А сама и на мисти не встою.

— Да погуляйте жъ трохы! мы жъ сусиде зъ вамы. Дома не бувъ, то васъ и не бачывъ. Миряе мене очыма, а я ажъ одвернулась: мени такъ соромно! Я зовсимъ людей не знаю; а то мовъ сонце сяе передо мною.

Граецця зъ журавлемъ, гойдае та мене гае. Я кажу: „порожни понесу!“.

— Не сердьтесь бо, моя... та й ставъ тягты воду, бо моя хазяйка—бабуся выглянула зъ синей... Покы жъ то волы напоивъ! Ажъ тоди й мени воды вытягъ.

Я такъ и побигла, не подякувавшы.

Бо що жъ мени зъ багатыремъ ривняцця!

Ой чы зійдусь, чы не зійдусь,
Не поривняемось:
Ты въ жупани, а я въ свыти,
Не повинчаемось.

Думаю се, а серце вже й видказуе за нёго:

Я жупаны поскыдаю,
А свыты добуду
Такы тобы, серденятко,
Дружыною буду!

Колы бъ же то! охъ, колыбъ же то!

Тутъ моя Русалка схватилась за серце и крикнула „мовчы“! такъ трагически, что мнѣ стало за нее страшно.

Снова обратилась она въ самообладающую разскащицу. Только лицо ея было блѣдно и губы вздрагивали.

— А де жъ Стеся? каже бабуся, моя хазяйка. Стесю згубыла. Кажу якъ було.

— Бижы жъ прыведы, а то вона й рыбу погубыть.

Не хотилось и йты до ихъ у хату, такъ не хотилось! Я тилькы черезъ поригъ до ихъ ступыла, Стесю за руку, да й видтиль. Засміялысь стари.—Ну, и дивка! Недбторка, яка соромляжа!

IX.

А ихъ наймычка усю правду мени було й поросказуе.

— Маты Васылева було каже про мене: гарна дивка, ганьбоваты ни за яку роботу не можна, але жъ поголоска про неи пагана! удача іи стыдкà!

Батько Васыливъ озвавсь:—То колысь було! А теперъ послухай, щò про неи кàже удова! Скилькы вже годъ воны вкупи! Вже жъ удова до неи прыдывылась.

А Васыль сыдячы усмихався и мовчавъ. А потимъ старый росказувавъ, що помитывъ мене й перше, та каже: я въ цимъ дили знаю сылу. До пары нашому Васылеви, до пары!

Батько зъ сыномъ ходывъ на заробиткы та й мыркувавъ, щобъ, повернувшысь соби невисткы шукаты. Тамъ и волы соби старый купывъ и рыбы набравъ. Таки вси ради, що вже поверталысь до дому. И мàлы сына оженыты та й оженыты заразъ! Шукаймо невисткы!

— А я тоби скажу, каже старый до старои, що намъ ниде бильшъ невисткы шукаты. Я мовъ скарбъ якый знайшовъ, якъ побачывъ Оленку Дидусивну, вернувшысь...

— У Васыля, каже мини наймычка, и ýшкы засміялысь.

— Я й дида того знаю, каже старый, и поголоску про неи знаю: то пусте. Кому яке дило до того, якы мы булы малымы? Знай себе, та й буде зъ тебе. Беркà и здибна дивчына до всёго. а поглядъ у неи такый, що и вмыраты шкода, побачывшы его.

— Якъ звыкне собака литомъ за возомъ, то й зимою за саньмы, одказала стара.

— Дыты́на ще, сказавъ батько, та й почавъ молытысь Богу, засвитывшы на божнычку свичечку. Богобоязный чоловикъ: не ляже спаты, не засвитывшы передъ богамы свичкы, дарма що було часомъ втомыцця.

Я якъ згадаю, що ти матерыны речы про мене та й Васыль чувъ, такъ и окотыть мене то морозомъ, то жаромъ. О, щобъ я не дождала була по тому жыти бытысь! Си крадижкы въ мене черезъ русальство мое сталысь! думаю соби. Теперъ, думаю, винъ на мене й не гляне. А якъ же мени по воду ходыты? Свитоньку! де мени дитысь.

— А стара, каже мини наймычка, и на богы байдуже: чы перехрыстылась, чы й ни, вже й исть ёго, мовъ та иржа залызо,

— Та що це? каже: хыба нашъ Васыль послиду́пщый?

— И вона не послидуща! видкаже було батько, лягаючи на лави пидъ божныкъ головою.

А та зновъ стара порощыть: оце, першу, яку зды́бавъ волоцюгу наймычку, за нёго й тыче!.

А служебка ихъ усе мени й доносыть... Горе мени, думаю, теперь винъ на мене й не гля́не!

— Бачылы мы хазяйскыхъ дочокъ! видкаже було старый жинци. Воны тылько ла̀си, а до роботы мляви.

Мени цилу ничъ не спалось, якъ перечула я про сю розмову. Проплакала я до самого свиту! уже трети пивни спивають, а въ мене й очы не склепалысь. Винъ теперъ на мене й не гляне! Каялась я и повынялась и дидуся згадувала: чомъ винъ мени рукъ довгыхъ не поперебывавъ? Боже! якъ я плакала гирко! Колы хочете, паніечко, знаты, дакъ и въ недузи трохы пролежала. Боюсь, щобъ зъ нимъ и не постричатысь. Бо, якъ згадаю, що винъ мени не ривня, такъ и сердце струхне. А винъ, Богъ ёго знае чого, знай мымо удовынои ха̀ты вештаецця. Серце мое болыть и спывае:

Ой не ходы, багатыру,
Коло мого тыну!

А сама прымила бъ выскочыла та ёго слидочокъ цилувала. Бачу ёго,—рвусь пополамъ; не бачу,—вызыраю.

Ой не выдко ёго хаты,
Тилько выдко грушу:
Туды мою порывае
Рано й вечиръ душу.

„Уже не дарма сказано, що писня правда. Теперъ мени вона въ писняхъ видкрылась и засвитылась“.

„То Стесю мени треба, то що на двори робыцця, а мени хочъ бы ёго слидъ побачыты. Бидне мое серце!“

„Якъ я его вперве тоди побачыла, якый веселый день бувъ! Сонечко мое ясненьке! Яке ты мени щастте казало! а теперъ ты захмарылось; теперъ вищуешь те, що сычы въ пущи. Не будемо въ пари, не будемо!“

Тутъ моя разскащица впала въ умоизступленіе. Она забыла, гдѣ она, съ кѣмъ она. Ее, очевидно, поглотила та минута, которую она переживала, минута сомнѣнія и отчаянья, минута вѣрнаго предчувствія. Упавъ грудью на столъ и склонясь глазами въ свои ладони, она какъ бы окаменѣла. Я боялась нарушить молчаніе. Наконецъ слышу что то похожее на бредъ:

„Ой Боже, Боже!
Що та любовъ зможе?

„Я его слидочокъ лыстьечкомъ прыкрывала, слизьмы те листьечко зрошала“.

Наконецъ, она поднялась и продолжала свое повѣствованіе такимъ голосомъ, какимъ—такъ я тогда думала—мученицы любви на небесахъ бесѣдуютъ одна съ другою.

„Бачылысь мы не разъ и не два. Я була боязька: багатыръ!... А винъ мени було каже, що я горда, що я зàзнана“.

„Я горда й зазнана? Справди?... А може! хто жъ мени давъ таке почуття? Одынъ его поглядъ: я почула себе людыною“.

„Мени здавалось, що нихто никого такъ не кохавъ, якъ я ёго! бо любощивъ своихъ ни на кому було позбутысь. Усе дома було седжу; тилько удову стареньку та Стесю маленьку й знала“.

„А тымъ часомъ маты Василева, якъ стала, якъ стала коиты свою волю, да й заслала одъ Васыля старосты до багатыркы, що заздалегидь прысватала. Батько суперечывся, довго стоявъ

на своимъ первимъ слови, а вона все ёго пидкопуе, наче водою пидмывае, тымы воламы да коровамы, тымы статкамы да маеткамы. Замовкъ старый: бо розжывався туго, та й не вельмы розжывся; а теперъ, думае, буде за що зачепыты руки. „Ще я на сыли почуваюсь; удвохъ изъ Васылемъ доробымось такы й мы до худобы". Оттаке вже почавъ говорыты; а наймычка все мени переказуе, не знаючы, що безъ ножа й безъ талиркы мое серце крае".

„Маты й батько посылають Васыля на розглядыны. Несхотивъ".

„Дали вже маты: збырайся, Васылю, на ярмарокъ: що небудь и къ весиллю купыты.—Не схотивъ, не поихавъ".

„Батько ажъ загомонивъ тогди на ёго! „Та чы довго ты гавы тутъ ловытымешъ? Не той теперъ часъ прыйшовъ. Мы вже й ногы видтопталы, ходывшы до свата. Все село про се знае. Чы ты насъ надумавсь осоромыты?"

„Маты и на розгляды издила сама. А батько мовчкы ныдивъ, и выдно було, що вдавався въ тугу. Того весилля не дуже бажавъ, да якось корывся своій жинци, и потуру не дававъ Васылеви, щобъ ще гиршъ зъ того чого не выйшло".

„Чудно, каже було моя хазяйка удова, що якъ сей Васыль дила зовсимъ опустывся! Ни про що не дбае... Усе щобъ стари за ёго робылы. Воны сами и на ярмарокъ издылы. Наймычка и небога тутъ рвуцця, а винъ стоить, изхылывшысь на лису, да, якъ той мовлявъ, гракы ловыть".

„Оце жъ мы зъ нею вперше чуемо, що батько ёму такъ докирлыво вымовывъ. Перше було имъ Васыль каже: вы вже, татусю, свое одробылы, годи вамъ поратысь. Мени стыдъ, якъ бы я самъ двохъ паръ воливъ не попоравъ.—Та и попорае, и повычыщае всюды; двиръ вычыстыть, вымете, хочъ котысь. Теперъ ёго й не пизнаты. Ни до чого й рукъ не прыложыть".

„Про це все удова знай мени торочыть, щобъ у мене вывидаты ума: чы не выявыла мени чого наймычка, або часомъ іи невистка злюка? Я ничогисинько не знала. Що дня зійдемося було зъ Васылемъ, сумуемо. Мовчазный ставъ. Сумъ, що дальшъ, и мою душу обляга бильше. Не жартуе Васыль зо мною и мало що мени каже".

„Разъ пытае въ мене: чы пiйдешъ завтра до церквы?

— Безпреминно пiйду.

— Не йды, колы любышъ!

— А ты хыба дома будешъ?

— Мени *треба* йты, насупывшысь, якъ чорна хмара, видказавъ Васыль. „Мени треба!“ да ажъ затремтывъ. (А мени все те не вдогадъ). „Мени прысягаты треба“.

— Хыба що, якъ ты прысягатымешъ, а я тамъ буду?

„Винъ замовкъ“.

„Здалась така чудна мени ся розмова. Пора, кажу, йты вже до дому. Бабуся моя, мабуть, уже й спаты лягае“.

„Винъ мене дуже мицно обнявъ и мицно поциловавъ трейчы, въ сылу выпручалась“.

X.

„Рано-ранисинько я пичъ вытопыла, паляныць напекла, убралась, надила хустку, заквитчалась и побигла чымъ дужъ по воду: бо забулась изъ вечора наносыты, такъ винъ мене скаламутывъ. Покы ще корову уранци прогнала до череды, а на те й байдуже, що воды óбмаль, та Стеся нагадала“.

„Бижу зъ видрами, щобъ не опизнытысь до службы, а тутъ бабусына невистка злюка назустричъ, изъ порожнимы!“...

— Здорова, Оленко!

— Магай би.

— Се такъ убралась на весилле?

— На яке весилле?

А тымъ часомъ зовсимъ я наблыжалась уже до Васылевои хаты. Ворота навстижъ, молодыци и наймычка, зъ позасукованымы чохлами, туды й сюды снують, у хати чуты такый гоминъ, що ажъ стелю спирае.

— Якъ на яке? видказуе невистка злюка.—На Васылеве. Сусида та й не знаешъ!

„Я такъ и брязнула видрамы объ землю, и квиткы́ зъ себе позрывала. А вона ще й шуткýе:

— Собака впавъ![1]) Що це ты спиткнулась?

„Позбирала я видра швыденько, вытягла воды, а одно шубовтьнулось у колодязь! Тоди я за друге та й подалась до синешнихъ своихъ дверей; одбигла й коромесла. Сама якъ переступыла порогъ, такъ и впала, застогнала".

„Догадалась порадныця моя бабуся. Кынулась изъ хаты до мене.—Доненьку моя, голубонько моя! не показуй сёго людямъ. Що жъ? я все те знала. Да й наймыцци не звелила тоби казаты...

„Та се кажучы, и прычыныла синешни двери.

„Мои жъ очы не всыхалы... Годи й до церквы. Того жъ то винъ видмовлявъ! Чы то боявся, щобъ я не врекла, чы що? Думаю, не додумаюсь, якый то вчора бувъ до мене гарный! Що жъ? винъ не мий, не мій! плакала, свита Божого не бачыла".

„Пидвелась, прочыныла дверы, щобъ зглянуты на Васылеве подвирье. Може то люде помыляюцця. Дывлюсь, прыдывляюсь, бо за пухлымы очыма й не бачу... Чы мало жъ то я часу тутъ у синяхъ пролежала? А проты мене молода йде зъ дружкàмы,— и не стенéцця! иде, якъ пава плыве. Йде до блызькóи сусиды, до моеи бабуси въ хату".

„Чую спивають, дружкы:

Ой рядочкомъ, дружечкы, рядочкомъ
Да попидъ вышневымъ садочкомъ!
Ой повела Любочка, повела,
Рутою мятою обвыла,
Хрещатымъ барвиночкомъ обтыкала,
За собою дружечокъ поклыкала.

„Я вхопылась за серце".

„А бабуся зза спыны каже: може то й не вона. Бо та не плыла бъ такою павòю: не охотылась иты за Васыля. Се якась инша молода княгыня. Мени наче одхлынуло. А може й такъ! Я ще разъ прыдывлятысь. Очы мои зупынылысь на старшій дружці, на небози Васылевого батька... Вона, вона! Се Васылеве весилле! Я побигла въ хату, забылась у кутокъ".

Чую, зновъ пидъ окномъ:

Ой летилы бжилочкы по ярыни,
Да ходылы дружечкы по сторони
Да й прышлы гоны до хаты.
Стала дивочка прохаты.

Молода ввійшла въ хату зъ старшою дружкою. „Просыть батько й маты на хлибъ, на силь и на весилле",—та й зацыпыло

[1]) Это все равно, что у насъ vive l'adresse.

ій сказаты: *и я прошу,* и заплакала бъ, може, та переломыла себе середъ людей. Уси зглянулысь“.

„Чы легше мени, чы важче було, що й вона оддалась не охотою, сыломиць звинчано? Не знаю: бо серце на двое було розризане,—не жыло вже, не чуло, не тямыло“.

— Хай вамъ Богъ помагàе, диточкы! видказала бабуся и попоштувала.—„Молода сумна“, каже мени описля: „тилько до губъ довела чарку та й выйшла мовчкы, мовъ боицця зарыдаты“.

„Пыталы гости й про мене, дакъ бабуся одказала, що я пишла на той кутокъ, на си бъ то нещаслыви Пидгàи“.

„Бабуся ходыла на весилле, близкà сусида, а я й не пишла, одмовылась, що я слаба. Що жъ про те весилле росказують! Сыломиць обохъ спарувалы. Слава така була, що Васыль зъ батькомъ перви чумакы на всю околыцю, и грошей навезли зъ Донщыны безличъ. На се й польстылысь; а вона иншого покохала, та боялась прызнатысь, а той боявсь до багатыркы лыцятысь. Тилько зійдуцця, посумують у двохъ, та й годи“.

„Васыль бувъ на себе не похожый, росказувалы мени. У хати наче туга давыть усякого. Чогось наче темно, наче душно, наче тисно дыхаты. Ни чарка, ни музыка, ни що не розважало людей! Що жъ изъ того весилля выйшло? Кажуть люде: иде староста благословляцця до батька та до матери, молодыхъ дитей на посàдъ за стилъ завесты: тилькы що одклонывся и поблагословывся, а батько и маты одказали: „Богъ благословыть! Нехай Богъ дае нашымъ дитямъ щàсте й долю“! Староста туды сюды зыркъ, а молодои й нема. Де, де? Побигла до тыну, послиднимъ словомъ перекынуцця зъ тымъ, що кохалась! Упала на ёго плече и прыкыпила, залылась гиркымы слизьмы. Староста молоду за руку да й на посàдъ! А сыва шàпка подалась у подовжъ ýлыцы, колываючысь“.

„Росказуючы се мыни, бабуся моя ажъ сплакнула. Якъ мени, паніечко, се було слухаты и потымъ на свиты житы“.

Скинчылося весилле.

„Я довго видъ обохъ молодыхъ ховалась... Нужу свитомъ. Усе було роблю або пизно у вечери, або рано на зори, щобъ людей не бачыты. У серцю моему якъ пожежа пройшла“.

„Потимъ згодомъ стала ходыты и до коровы, и на горо́дъ, и по воду, и разъ изійшлысь до колодязя зъ жинкою Васылевою мовчкы.—Мочкы розійшлысь. Дывымось одна на 'дну, такъ наче въ воду вбрелы, та й не выбредемо, и боимо́сь одна 'днией, щобъ не прытопы́ла".

„Пройшло тыжнивъ зо два. Мы зійшлысь изновъ, я вклонылася ій; вона мени. Сталы говорыты; вона на мене не сердылась. Рада була бъ, якъ бы я ій на дорози стала. Була зитхае, проклынае свое жытте. Якъ бы, думаю, поминялась изо мною! Воны мижъ собою й не лаюцця,а тилько жылы такъ, якъ ремезы, що зъ двома дуплами гнизда. Дарма, що вкупи ночували, а тилько одно туды, а друге туды, головамы навпакы́. И якъ наче знано: й хата була въ ихъ старосвицька зъ двома рундучкамы. Винъ седыть що вечера икъ воротямъ, на рундучку, де колодязь, а вона по той бикъ, що на горо́ды выходыть. Бо хочъ черезъ тыны та черезъ городы того журавля побачыть, де іи несуженый воду тяга́е. Тамъ іи душа й серце; а *сей* мене пыльнуе".

„Жаль було бере усякого. Яки жъ, кажуть, люде обое прехороши! никому не можна ганьбы даты,—картына! та не любляцця й крышкы! Ны́діють обое".

„А зо мною що робыцця?

„Бабуся! було кажу, зарижте, убыйте мене. Якъ выйде Васыль на рундучокъ да стане на свистилку граты, щось сумне, сумне... волоссе на голови пидіймаецця, а іи було чуты ыноди, на другому рундуци спивае:

Сама не знаю, чомъ доленькы не маю.
Прокляла маты малою дытыною:
Съ кымъ любылась, не стала дружыною.
Съ кымъ не зналася, зъ тымъ повинчалася.

„Да такъ наслухаесся, ажъ серце стысне не тилькы свое горе, да й чужа печаль".

„Я було сумую, сумую, у синяхъ сыдючы!... Вона наче мою долю выспивуе. Батько й маты Васылеви засмучени совмàняцця по хати, очы попухлы, радосты и помочы, нема видъ дитей. ни пидмогы на старисть. Якъ бы не наймычка, то може бъ достачы не було и въ хлиби, уси опустылы рукы, и молоди, и стари.

А то вона и нагадае, що теперъ витеръ хорошый, млыво гарне. Отъ старый и налаштуе паровыцю та й поидуть до витряка".

„А Васыль тилько човгае по двору, да свое подвирье миряе. А зъ двору ридко, ридко... Все стереже мене".

„А я тежъ опустылась берега. Де було першъ чысто, гарно, теперъ смиття по колина. Було, пійду по воду,—де винъ и визьмецця, наче зъ землы выросте! Стоить передо мною, якъ смерть блидый! Не хотивъ батькови й матери на суперѐки йты...

— Оленко! я вмираю за тобою! Серце мое незабутее, не нуды мене, хочъ не ховайся видъ мене! дай мени хочъ на тебе надывытысь.

„Въ моему серци заворушылось щось таке негарне, погане, чого я попереду николы не постерегала: я розсердылась на ёго, розлютовалась. И ставъ винъ мени супротывный, якъ ворогъ лютый. Я ажъ крыкнула на его:

— Одчепысь! Не горнысь до мене! Не завдавай моему серцю жалю! Колы вмираешъ за мною, то чомъ мене не взявъ? На що взявъ иншу? Ты не дочка въ свого батька, а сынъ, якъ бы ты схотивъ, тебе бъ маты не прыневолыла. Ты загубывъ мій викъ; не топчы стежкы за моимъ слидомъ! Геть.

„Я зненавыдыла его въ той часъ, була готова задушыты его своимы рукамы".

„Я такъ и рвануся видъ ёго. Думаю, може бъ винъ и жинку полюбывъ, якъ бы мене не було на очахъ! Хай уже я буду одповиднян, безталанна душа. Я почула, що мое серце вже й прохололо, перестало ненавыдиты его"...

„Да якъ же мени зійты зъ сёго села? де мени знайты той захыстъ? Мени жъ такъ гарно у бабуси; та якъ же мени прожыты, щобъ и ёго не чуты, щобъ не бачыты, якъ винъ мовъ квитка мае по двору? Дражныть винъ мене писнямы та бровамы. Писни ёго—ликы мои,—и ликы, й отрута. Хочу вмерты—не прымае мене сыра земля! Благаю Бога, щобъ винъ мене урозумывъ, якымы зыллями бидне серце мое остудыты. Увесь поригъ було золлю дрибнымы слизамы, довидуючысь у свого серця, чымъ подолиты свое горе. Якъ не бачу его, то люблю его; якъ угляжу, то ненавыжу его".

„Винъ мени що дальшъ, то все бильшъ проступку не дае, а я втикаю, ховаюсь одъ его, и вона вже стала помичаты. Мовчазна зробылась, ни пары зъ устъ, ни слова теплого, ни докирлывого. Тилько иноди не втерпыть и розиллецця гиркымы словамы: що вона не зазнае свого дивоцтва; що воно ій тилькы майнуло передъ очыма; що лучче бъ ій було засохнуты въ пупочку, така вона щаслыва!“

„Затрясецця було, зачервоніецця, якъ оце мени каже. А всяке іи слово такъ, якъ те кресыво, объ мое серце й креше“.

„Постановыла я соби покынуты удову бабусю. Перейду до кого иншого въ наймы далеко, далеко... Напытала у людей мисце й перейшла на другый кутокъ села. Се не здывовало бабусю. У неи душа чуткà, вона зрозумила серцемъ, що довше мени тутъ зоставатысь не можна... Стеся дуже плакала и бабуся... да не впыняла“.

„Чы легко мени було видъ ныхъ виддалятысь? Се все ривно, що жывому крузъ землю провалытысь. Винъ мени и въ день, и въ ночи увыджаецця. Було якъ тинь мене преслидуе. Було прыйде до того двору, де я служила, зляже на лису, постоить, подывыцця мóвчкы, серце мое розибъе—и пійде. Що мени робыты? Ходжу якъ божевильна. Чымало часу уплыло. Я жыву въ наймахъ и его не бачу, та й почала его трохы забуваты. Не такъ ясно свитяцця вже передо мною его чорни очы, а ти чорни бровы вже прывыджуюцця мини, мовъ въ тумани. Наче хмары вкрылы его пышный выдъ, наче туманъ полигъ надъ его красою, якъ полягае и закрывае зеленый лугъ литнёи добы ранкомъ. Тыхише стало на серци. Я вже й не знала, чы люблю его, чы ненавыжу. Якось стала я, немовъ деревяна. Стало мени про усе байдуже на свити. А тоди саме почавъ чеплятысь до мене москаль Задёренко. Ходыть та й ходыть до мене“...

„Пійду, думаю, замижъ! Равно запсованый викъ. Винъ мене тоди покыне, и станемо якось буты на свити—хочъ не жыты, дакъ буты. А такъ—се гирше лютои смерти. Усимъ тоди лучче буде. Винъ перестане до мене тоди ходыты; мабуть, що треба йты, треба йты. Рвецця було такъ мое серце, рвецця та й засыпае:

Вылиталы орлы
З—за крутои горы,
Вылиталы—буркоталы,
Роскошивъ шукалы.

Охъ и скилько не литаты,
Треба внызъ спустыцця
Ой у поли дви дороги,—
Треба розійтыся!

Воно мени спивае, а я такъ и впаду, щобъ ёго прыдушыты. Каменемъ бы зробылась, та ба!“

„Ну, що жъ, моя паніечко, щó мени ще вамъ сказаты? Такъ мени на роду́ напысано. Мабуть мене маты въ барвинку купала, купаючы проклынала, щобъ доли не мала, а потимъ и втопыла въ тому жытяному мори мижъ русалóкъ“.

„Ну, що жъ ище? Отъ що: молодому не довго знайты чоловика. Хочъ и не до любови, ни до розмовы, а мушу“.

„Увязавсь та учепывсь до мене Задёренко. Москалемъ винъ бувъ.—Подаю хусткы́! Нехай, думаю, хочъ воны пожывуть укупи, якъ одружусь! Буду хазайкою, то не пидступицця. Лышенько мое, не доля моя! Якъ же мени ихъ на весилле прохаты? Якъ же мени о той поригъ переступаты? Що жъ, якъ прыйду, да тамъ и скинчусь?—Такъ сама соби погадаю, а потимъ видпочыну 'дъ своего горя. Тоди зновъ щось мени шепче: треба буты хазяйкою, тоди другый ладъ буде“.

„Думы розбывають мою голову. Вечоріе: думаю, пійду,—нехай бабуся замовыть Задёренку“.

„Побигла я городамы, перелазамы, щобъ не зустрытыся зъ нымъ: розигналася, чепляюся то за соняшнычынна, то заплутаюсь у гарбузинни, то скачу картоплыщемъ, заплутаюсь у гычъ, упаду и знаю: не будь сёго лы́ха насерднёго, то й не впала бъ, а то ногы не несуть. Розигнавшысь, бижу, бижу, выхремъ мене несе; а дали тыць! що се таке? Се винъ передо мною, винъ! Усюды ёго знайдешъ, всюды зустринешъ. „Оленко! не жаль тоби мене, покынула та й байдуже! А я все той, якый бувъ. Иду горóдамы за долотомъ до Шкандыбайла, буццимъ то мени того й треба, та й чую серцемъ, що тебе зустрину. Яки мы обое нещаслыви!“ Ци́луе мене, обнимае. Я нима. Духъ мени спирае“.

„Ни, думаю: не выдушышъ изъ мене речы! Знайду соби ыншого, наче втоплю себе. Ты мени не важышъ ничого. Ось я соби выскепаю чоловика! Да прожогомъ видъ нёго“.

„Хытаюся. Въ сылу втраплю на стежку. Винъ отдаликъ ледви човгавъ за мною. А я такъ и влетила до бабуси въ хату. А серце мое кыдаецця, кыдаецця! Боже жъ мій! Це жъ воно прокыдаеться! Це жъ воно ожывае! На що винъ стривожывъ его? Що мини робыты, що почати?"

XI.

„Увійшла я въ хату, мовъ несамовыта... Стеся й бабуся такъ зрадилы, такъ и прыкипилы до мене.—Чого се ты такъ роспалылась? Собака чы вовкъ налякавъ?

Кажу, чого прыйшла: „натякнить Задёренку, бубусю, що вже иду за нёго". Да ажъ не здышусь.

— Чого жъ ты такъ засапалась?

Я мовчу: не здышусь.

— Не сподиватысь тоби вже, моя голубко, щастя-доли! Хоча й ёму ганьбы не даю. Славы про ёго худои нема. Тилько дуже старый проты тебе, а не пъяныця и чепурно хату свою держыть изъ малою дивчыною та хлопъямъ. Достаткивъ нема, ну да ты працювыта. Винъ и сёгодни хотивъ зайты до мене, видерце бравъ набываты: такъ обыцявся занесты. Оце добре, що ты сама про ёго замовыла, а то вже винъ проточывъ мени голову: еднайте, та й еднайте Олепку. Я іи не обиждатыму.

„Мени речей одъ бабуси ніякыхъ бильшъ и не треба було... Мени вже щобъ весилля граты. Швыдче выходжу зъ хаты, щобъ до-дому бигты по-узъ ихъ двиръ; а Васыль уже на воротяхъ вартуе. На сылу вырвалась: Не диждусь я завтришнёго вечора; прыйдуть старосты; я вся въ огни. Хусткамы и рушныкамы надилыла мене бабуся, лучче бъ у яму опустыла".

„Диждала я вечора. Обдилыла й старостивъ. У суботу дивчата вылы гильця, дружокъ водыла, зайшлы и до бабуси и—до ихъ"...

„Я була якъ съ каменю тесана и Васыль стоявъ, якъ укопаный. Увійшла я зъ старшою дружкою въ хату, тай стою. Усе заверетенылось у мене въ очахъ. По моій дружци, по моихъ квиткахъ, рушныку познавы, що се молода ввійшла. Не

мовлять мои губы ничого, скилько не сылковалась, скилько попидъ рукы не штовхала мене моя старша дружка".

„Стала Васылёва маты частуваты; чарка трясецця въ мене въ руци; усе й выхлюпалось. Маты Васылева другу налыла, частуе, радіе, що одружылася, а я радію, що мене видъ ихъ двору ще дали вынесе".

„Батько Васыливъ вхопывся за голову, якъ мы ввійшлы. Мабуть, чы не заткнувъ и вуха,—такъ казалы.

„Зъ симъ мы выйшлы зъ хаты.

„Жинка Васылева боржій выскочыла зъ хаты та й сховалась у комору. Якъ я выходыла зъ хаты, захыталась и вхопылась за одвирокъ, переступыла torигъ. Старша дружка въ синяхъ ухопыла зъ видра корець и пырснула мени въ вичи погожои воды. Наймычка, моя подруга, протерла мени очи рукавомъ, и холоднои мняты лысточокъ вырвала зъ головы и всунула мени въ ротъ. Якъ бы не вона, бехнулась бы передъ усима. Безъ неи и въ хати не було бъ ладу. Усе вона порядкувала. А то все поторопило".

„Хто жъ сподивавсь и сёго весилля! и сама моя подруга наймычка ничого такого не сподивалась. Занапастыла я чоловика. Пишла не по любови; того тако жъ занапастыла!"

„Оттакый, паніечко, нашъ заквитчаный викъ. Кого любыла, съ тымъ розійшлася, а съ кымъ не зналась, съ тымъ повинчалась. Та нехай соби жывуть, якъ имъ Господь поможе. Жывемо, якъ бачыте, й мы сякъ такъ съ чоловикомъ. Така моя доля! Може, мене справди маты проклынала, щобъ я доли не мала. Може, черезъ мене вона и гриха й горя набралась".

Такова была новая исповѣдь моей Русалки... Бѣдная! Ей представилось, будто я близка къ смерти; но сама она была гораздо ближе. Въ своей рѣшимости выдержать роль самоотверженной любви, она подавляла свою романическую природу не долго. Спустя недѣлю послѣ нашего свиданія узнала я, что съ нею случилось такъ, какъ поютъ въ пѣснѣ:

Ой пійду я, пійду
Не берегомъ, лугомъ,
Чы не зустринуся
Зъ несуженымъ другомъ.

Здоровъ, здоровъ, луже,
Несуженый друже,
Ой якъ мы зъ тобою
Любылыся дуже!

Она, избѣгавшая свиданія съ несуженымъ другомъ, она, вырвавшаяся изъ его объятій въ тяжкія узы брака, сама отправилась къ нему, отправилась безъ всякой скрытности. Любовь вспыхнула въ ея страстной натурѣ неожиданно, съ новою силою и охватила ее пламенемъ. Безуміе любви преодолѣло несчастную. Съ распустившимися косами, въ вѣнкѣ изъ ландышей, бѣжала она при первомъ свѣтѣ росистаго утра, когда ея бывшія подруги спѣшили—кто съ ведрами за водой, кто съ овцами и коровами въ „череду“. Онъ встрѣтилъ ее у того самаго колодезя, гдѣ первый взглядъ рѣшилъ судьбу обоихъ. Онъ какъ будто ждалъ ее, какъ будто зналъ, что она придетъ, зналъ, зачѣмъ она придетъ, и приготовился къ встрѣчѣ. Дѣло было вечеромъ, при закатѣ солнца. Онъ встрѣтилъ свою несуженую съ распростертыми объятіями *прылюдно*. Безъ сопротивленія отдалась Русалка бѣшенымъ поцѣлуямъ сумасшедшаго. Задыхаясь въ дикомъ восторгѣ своемъ, онъ спросилъ: „хто первый?“—„Я!“ отвѣчала она радостно на вопросъ. „Ни, я! ты мене й тамъ не покынешъ!“ вскричалъ онъ, и прежде чѣмъ свидѣтели сцены смекнули дѣломъ, онъ былъ уже на днѣ колодезя. Она вскочила на срубъ; но ее остановили. Она рвалась изъ рукъ своихъ спасителей; въ борьбѣ съ ними, кровь хлынула у нея изъ горла, и моей Русалки не стало.

Такъ молва сообщила мнѣ горестную вѣсть. Да, это была *русалка,* существо слишкомъ нѣжное, слишкомъ чуткое и страстное для обыкновенной жизни. Я втайнѣ тосковала о ней и ландыши сдѣлались моими любимыми цвѣтами. Она живо представлялась моему воображенію въ вѣнкѣ изъ ландышей.

Прошелъ годъ. Насталъ памятный для меня вѣчно день ея смерти. Рано утромъ я пошла что называется въ *ро́су*. Люблю я наши хуторскія левады подъ крупною росой, струящейся въ огнѣ восходящаго солнца. Роскошно ростущіе въ пустынѣ ландыши благоухали, и не стыжусь въ этомъ признаться—на меня нашелъ страхъ увидѣть среди нихъ мою усопшую Русалку. Но скоро страхъ уступилъ мѣсто фантазіи: какія нѣжныя, легкія, непричастныя міру существа эти русалки! Ни трава не гнется подъ ихъ ногами, ни роса не осыплется. Но эти нѣжныя су-

щества мстительны. Онѣ мстятъ людямъ за грубость ихъ чувствъ и понятій...

Такъ размышляла я, свивая вѣнокъ въ память моей Русалки. Съ этимъ вѣнкомъ отправилась я въ городъ къ моей родственницѣ, любительницѣ дубравныхъ цвѣтовъ. Былъ день воскресный. Въ нашемъ городкѣ по воскресеньямъ собирается базаръ, густой какъ ярмарка. Я пробиралась пѣшкомъ, бережно неся свѣжій вѣнокъ изъ ландышей. Вдругъ слышу плачъ, въ видѣ причитанья по мертвому. Передо мной стояла Русалкина *бабуся* и плакала навзрыдъ: „О моя жъ ты голубонько, мое ты ридне серденько! Я жъ тебе бачыла въ кунваліи останнёи твоеи годыны! О, та якъ же гирко мени, якъ тяжко на сю кунвалію дывытысь!“...

Народъ насъ обступилъ, можно сказать, благоговѣйно. Почти всѣ знали Русалку. Нѣкоторые набожно крестились, посылая ей желаніе царства небеснаго и вѣчнаго покоя; а одинъ тихій и грустный голосъ проговорилъ у меня надъ ухомъ:

Ой піду жъ я утоплюся,
Або объ каминь розибьюся,
Нехай люде добри знають,
Якъ съ кохання помирають!

Ганна Барвинокъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ
И ПЕРВЫЕ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ[1]).

(*Окончаніе*).

ГЛАВА 4-я.

Иностранная колонизація въ XVIII-мъ и 1-й четверти XIX в.

Сербская колонизація въ царствованіе Елизаветы Петровны; ея ходъ, дѣятели и общая оцѣнка.—Вызовъ иностранныхъ колонистовъ въ царствованіе Екатерины II-й.—Манифестъ Императора Александра I-го.—Славянская колонизація въ царствованіе Екатерины II-й, Павла и Александра I-го.—Нѣмецкая колонизація въ тѣ же царствованія,—менонитовъ и другихъ нѣмецкихъ выходцевъ; судьба шведской колоніи.—Появленіе нѣкоторыхъ представителей романскаго племени.—Переселеніе грековъ.—Выходъ армянъ.—Переходъ молдаванъ.—Переселеніе евреевъ и основаніе еврейскихъ земледѣльческихъ колоній.—Цыгане.—Общія соображенія.

Колонизація Новороссіи отличается одною характерною особенностью: въ ней чрезвычайно важную роль играютъ иностранные колонисты. Лица, стоявшіе во главѣ мѣстнаго управленія (Потемкинъ, Зубовъ, Ришелье), стремились къ быстрому заселенію этого пустыннаго края и употребляли для достиженія своей цѣли всевозможныя средства. Понятное дѣло, что они не могли не остановиться на мысли вызывать различными льготами иностранныхъ поселенцевъ. Россія въ то время не обладала большимъ излишкомъ населенія; при *естественномъ* движеніи одного русскаго населеніе къ югу, колонизаціонный процессъ значительно бы замедлился. Съ другой стороны можно было надѣяться, что иностранцы внесутъ въ новый край болѣе высокую, современную культуру матеріальную и умственную и

[1]) См. Кіевск. Старина" 1889 г., №№ 5 и 6, май и іюнь.

благотворно воздѣйствуютъ на туземное и пришлое населеніе. Таковы были важнѣйшіе мотивы для поощренія иноземной колонизаціи. Политическія обстоятельства Европы и Россіи въ то время не только не препятствовали, но даже способствовали такой эмиграціи европейцевъ въ предѣлы южной Россіи. Началась эта колонизація по иниціативѣ правительства, которое вызывало колонистовъ и заботилось объ ихъ устройствѣ. Но внутреннія черты этого устройства опредѣлялись не только указами правительства, но и ихъ бытовыми нормами, выработанными на прежнихъ мѣстахъ жительства; въ этомъ отношеніи иностраннымъ поселенцамъ была предоставлена почти полная свобода, гарантированная при томъ имъ призывными грамотами, т. е. какъ бы своего рода формальными условіями. Этому общему положенію не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что многіе переселенцы, подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ условій, измѣнили кое въ чемъ прежній складъ жизни, а нѣкоторые (славяне) обрусѣли и потеряли свои этнографическія особенности. Вызовъ иностранныхъ (а именно славянскихъ) колонистовъ въ южную Русь начался еще со времени Петра Вел.; въ царствованіе Елизаветы Петровны это переселеніе приняло большіе размѣры; во главѣ переселенцевъ стоялъ полк. Хорватъ, (явившійся раньше всѣхъ), Шевичъ и Прерадовичъ; они основали двѣ провинціи—Новосербію (въ сѣв. части херсонской губ.) и Славяносербію (въ сѣв.-восточной части екатеринославской губ.). Впрочемъ нужно сказать, что въ провинціяхъ этихъ жили далеко не одни только сербы, черногорцы и кроаты, а и молдаване, болгары, великороссы-старообрядцы, малороссіяне, поляки, входившіе въ составъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ и состоявшіе подъ начальствомъ вышеназванныхъ командировъ [1]).

Центральными пунктами новыхъ провинцій были Новомиргородъ и крѣпость св. Елисаветы въ Новосербіи, Бахмутъ и Бѣлевская крѣпость въ Славяносербіи. Это были военно-земледѣльческія поселенія, дѣлившіяся на полки, роты, селенія и шанцы; число собственно сербовъ было не велико: въ 1770 г. ихъ было всего около 1,000 ч. т. е. менѣе $^1/_{25}$ общаго числа населенія двухъ провинцій. Какія же льготы были предоставлены Хорвату и всѣмъ славянскимъ выходцамъ? Ясное понятіе объ этомъ даетъ жалованная грамота Хорвату *1752 г.*

Новымъ поселенцамъ отводятся въ вѣчное и потомственное владѣніе удобныя земли и кромѣ того дается денежное жалованье и

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Хронолог. обозрѣніе, I, 15—45; его же Опытъ стат. описанія Новороссійскаго края, I, 223—225.

предоставляются безпошлинные промыслы и торговля; не говоримъ о другихъ менѣе важныхъ льготахъ и преимуществахъ. Хорвату было позволено, между прочимъ, построить для защиты границъ крѣпость св. Елисаветы; но постройкою крѣпости для сербовъ занимались малороссійскіе козаки и регулярныя войска [1]), которые несли также здѣсь и пограничную службу. Уже изъ этихъ фактовъ видно, что льготы славянскимъ поселенцамъ были очень велики, а число ихъ было весьма незначительно. Но если мы отъ оффиціальныхъ документальныхъ данныхъ обратимся къ частнымъ свидѣтельствамъ и заглянемъ въ закулисную сторону дѣла, то увидимъ въ истинномъ свѣтѣ этихъ переселенцевъ и узнаемъ настоящіе мотивы переселенія. Послушаемъ, что намъ разскажетъ объ этомъ Симеонъ Ст. Пишчевичъ, самъ сербскій выходецъ и колонизаторъ Новороссійскаго края. Мотивомъ къ выходу въ Россію послужило для Пишчевича желаніе видѣть свѣтъ и свое счастіе далѣе пробовать [2]); важную роль играло и то обстоятельство, что его, какъ и другихъ, немедленно произвели въ слѣдующій чинъ. Иными руководилъ исключительно матеріальный разсчетъ. Хорватъ нарочно выѣхалъ раньше другихъ, чтобы получить, въ качествѣ инициатора эмиграціи, побольше выгодъ (и онъ достигъ своей цѣли). Иные, наконецъ, не останавливались даже передъ обманомъ; таковъ былъ, напр., черногорскій воевода Василій Петровичъ. Это былъ, по словамъ Пишчевича, одинъ изъ тѣхъ авантюристовъ, которые часто наѣзжали въ Россію за милостыней и искали случая обогатиться. Онъ выдалъ себя за полновластнаго владыку въ Черногоріи, и въ проектѣ, поданномъ въ сенатъ, объявилъ, что если будутъ отпущены на путевые расходы деньги, то онъ приведетъ изъ Черной Горы нѣсколько тысячъ переселенцевъ. Проектъ былъ принятъ въ сенатѣ и конфирмованъ Владыка поѣхалъ къ себѣ въ Черногорію, но тамъ успѣха не имѣлъ: большинство упрекало его за данныя обѣщанія; смущенный неудачею, онъ началъ приглашать своихъ свойственниковъ и нѣкоторыхъ вдовыхъ поповъ, позволяя имъ обрить бороды, производя ихъ въ офицерскіе чины и награждая деньгами, а главъ оппозиціи привлекая на свою сторону обѣщаніями генеральскихъ чиновъ; но, несмотря на всѣ эти средства, черногорцевъ отправилось мало, а подъ видомъ ихъ поѣхали тѣ пред-

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Хронол. обозр. I, 23.

[2]) Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича. М. 1884, стр. 91; предупреждаю читателя, что въ дальнѣйшихъ выпискахъ я не буду наблюдать правописанія подлиннаго текста Пишчевича.

ставители разныхъ національностей, среди которыхъ были настоящіе разбойники, которыхъ и провести въ Россію было не легко, такъ какъ они и на пути буйствовали и пьянствовали. Лица, присланные Пишчевичу изъ Тріеста, «были все воръ наголо и пьяницы прегоркіе, наволочь то такая была, что хуже сыскать нигдѣ не можно; между ними были оружейные лѣсовые настоящіе разбойники и гдѣ только чего на ночлѣгахъ и проѣздомъ чрезъ жилища и въ корчмахъ захватють и сорвать могутъ, то ужь было ихъ». Спрашивается, могли ли быть хорошими колонизаторами такіе переселенцы? Допустить, что подобныя лица представляли исключительное явленіе, едва ли возможно, потому что о буйствахъ сербовъ и въ предѣлахъ Россіи мы имѣемъ многочисленные факты въ документахъ; о нихъ же свидѣтельствуетъ и самъ Пишчевичъ. Въ полкъ Пишчевича, напр., набирались по большей части дезертиры, съ которыми ему было очень трудно управляться: «все было строптиво, развращено, пьяно и всякій день происходили между ними и обывателями драки и ссоры и такое то сборище людей было, которое по нѣсколько разъ изъ одного государства въ другое переходили и служили и потомъ уходили, а на послѣдокъ дошли въ Россію и ко мнѣ въ команду. Такъ какъ ихъ нечѣмъ было продовольствовать, продолжаетъ далѣе Пишчевичъ, то я долженъ былъ брать все необходимое отъ обывателей, хотя и съ обѣщаніемъ платы, но не безъ притѣсненій для нихъ; между тѣмъ среди команды были постоянныя ссоры, драки; нерѣдко пускались въ ходъ ножи: въ такихъ случаяхъ поселяне со страху разбѣгались изъ своихъ жилищъ, а другіе запирались въ своихъ домахъ» [1]). И это понятно: покинувъ старую родину, они не успѣли еще установить органической связи съ новой. Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ были и внутренніе порядки или, правильнѣе говоря, безпорядки, которые господствовали въ гусарскихъ полкахъ въ Россіи; ихъ чрезвычайно рельефно изображаетъ въ своихъ запискахъ С. Пишчевичъ» [2]). Соглашаемся, что среди поселенцевъ могли быть люди честные и не буйные. Но насколько они были подготовлены къ своимъ новымъ обязанностямъ? Имъ нужно было приспособляться къ новымъ условіямъ жизни и это требовало съ ихъ стороны не мало труда и усилій. Имъ предстояло въ одно и то же время быть и воинами, какими большинство ихъ было и раньше, и земледѣльцами—они

---

¹) Извѣстіе о похожденіи, 416—417.

²) Ibidem, 449—450.

должны были распахать пожалованныя имъ земли, завести хозяйство, построить дома, деревни и т. п. Насколько хорошо они несли пограничную службу, мы къ сожалѣнію сказать не можемъ; замѣтимъ только, что едва ли въ этомъ отношеніи они могли равняться съ козаками, изучившими степь и нравы ея обитателей—татаръ. Мы не говоримъ уже о томъ, что съ 50-хъ годовъ XVIII вѣка пограничная служба сдѣлалась уже далеко не такой трудной, какою она была въ 1-й половинѣ XVIII, а въ особенности въ XVII в. Еще труднѣе было сербскимъ гусарамъ завести на новыхъ мѣстахъ жительства селенія и нивы. Положеніе ихъ на первыхъ порахъ было очень и очень затруднительное. Любопытныя данныя въ этомъ отношеніи сообщаетъ Пишчевичъ. Выѣхали мы, говоритъ онъ, на чистую и глухую степь (возлѣ которой былъ впрочемъ и лѣсъ) и тутъ то восчувствовали всѣ, а особенно тѣ, которые начали селиться по Лугани, что̀ значитъ нужда и жизнь, исполненная лишеній: негдѣ преклониться; не знаешь, за что браться, съ чего начинать; въ особенности плохо приходилось тѣмъ, которые, подобно мнѣ, никогда раньше не занимались хозяйствомъ. Сначала я жилъ съ семьей въ небольшой палаткѣ, потомъ съ 4 слугами устроилъ себѣ изъ хвороста сарай, покрывши его травою и по возможности укрѣпивши на случай бури. Но вдругъ ночью пошелъ сильный дождь, отъ котораго крыша начала протекать и вода ручьемъ полилась внутрь. Я съ женою и маленькими дѣтьми промокли такъ, какъ будто бы въ водѣ выкупались. Между тѣмъ буря усилилась еще больше. Кровлю мою совсѣмъ повалило и я едва успѣлъ выскочить оттуда съ женою и дѣтьми, а моя резиденція упала и мы всѣ остались подъ открытымъ небомъ въ бурю и дождь, не имѣя гдѣ преклонить главы. Шалаши моихъ слугъ также попрокидывала буря, но они прибѣжали на помощь ко мнѣ и стали разбивать мнѣ палатку; однако, пока они это успѣли сдѣлать, мы промокли и продрогли едва не до смерти; наше платье и постель остались въ рухнувшемъ сараѣ и тамъ страшно намокли, а мы должны были провести всю ночь безъ одежды, плача и проклиная свою участь. По утру, какъ прошла буря, взошло и пригрѣло солнышко, вышли мы изъ палатки и я велѣлъ развести большой огонь, чтобы просушиться; посмотрѣлъ я тутъ на свою бывшую резиденцію и досадно мнѣ стало за двойной убытокъ, причиненный бурей, 1-е за потерю жилья, а 2-е за потерю постели и разной утвари. Разобравъ упавшій сарайчикъ и велѣвши купить нѣсколько необходимыхъ инструментовъ и нарубить лѣса, я принялся за постройку новаго, болѣе крѣпкаго са-

райчика, а также землянки съ покоями и небольшою кухонькою съ чуланчикомъ, гдѣ разсчитывалъ провести зиму. Къ счастью нашелся добрый человѣкъ, однодворецъ изъ слободы Новой Айдары, который 1-й осмѣлился къ намъ пріѣхать (остальные по дикости боялись это дѣлать) и продалъ мнѣ на сносъ домъ, обѣщая перевезти его на своихъ подводахъ. Домикъ дѣйствительно перевезли; я его покрылъ очеретомъ; остановка была только за печью и окнами, но они впослѣдствіи были устроены. Землянка же служила мнѣ для слугъ и караульныхъ. «У всѣхъ насъ поселенцовъ (привожу разсказъ Пишчевича собственными его словами) вообще на той пустынѣ была тогда въ 1-е лѣто жызнь точно такая, какъ у тѣхъ инзулановъ, кои по несчастыямъ разбытіемъ короблей занесены морскими волнами на пустые острова и пыталысь зеліемъ, кореньемъ, ловлею рибы, птицъ и звѣрей, такъ то и мы тогда, что вышли на пустую степь и землю такую, гдѣ отъ созданыя свѣта никакихъ жилищъ не было, а достать нигдѣ ни за какія деньги ничего не можно, а кто чего имѣтъ хотѣлъ, тотъ долженъ былъ за несколко дней посылать далеко и изыскиватъ и покупатъ дорогою ценою. Огородовъ и зелены какой на пищу первой годъ ни у ково не было и покудова тѣмъ завелысъ, должны были дикимъ чеснокомъ, лукомъ (родъ травы такой на поляхъ естъ) и другою травою, способною къ вареныю, пособлятъ себя, а простой народъ только однѣмы сухарямы и такою дикою травою и водою да овощъ, когда кто чего на поляхъ ягоды илы что другое пайдетъ, питалисъ, а болѣе ничего не имѣлы; я многихъ видѣлъ сперва въ жалостномъ состояніи, а особливо тѣ, кои по Луганы рѣки селылысь, тѣ претерпѣлы нужду болѣе, нежель другіе, ибо по той реке лесу ничево нѣтъ, а чистая и голоя степъ, для чего въ постройке домовъ видѣлы нужду велику и за лесомъ ѣздить далеко принуждены были. Напитковъ у всѣхъ вообще и болшаго и малаго никакихъ не было окроме води, а естли у каво простая горелка случица, ето ужъ трактаментъ великъ почитался (дѣлалы опосля квасъ изъ сухарей да изъ дикихъ яблокъ и терновыхъ ягодъ кислую воду). Ѣзлылъ я иногда наведоватца и къ другимъ соседамъ своимъ и смотрѣлъ, каково оны строятца и чѣмъ заводятъ себя, но вездѣ находылъ плачъ и рыданіе; у каво еще денгы водилысъ, тотъ хотя съ нуждою потребное доставалъ и далеко посилалъ и дорого платылъ, однако еще тѣмъ могъ пособытъ себя. А кто запасныхъ денегъ не имѣлъ, а толко полагался на одно окладное жалованые (а раціевъ и порціевъ ужо не было), тотъ въ превеликой бедносты состоялъ, ибо

то жалованые на мундиръ и на другую къ службе исправность какъ расчислыть, то и не оставалосъ ничево на другую свою къ поселенію надобностъ, а особливо у каво семья и въ домѣ много душъ было, тотъ съ тѣмъ жалованыемъ никогда на конецъ не могъ выходытъ и тако естли одынъ другому не пособытъ и у ково что есть хоть мало что запаснаго не дастъ въ заемъ илы по свойству не подаруетъ, то тотъ не имущій доходылъ до крайности [1])».

Пишчевичъ чистосердечно говоритъ о себѣ, что только нужда научила его хозяйничать [2]). И нужно думать, что такихъ, какъ онъ, было не мало; не забудемъ, что онъ, въ качествѣ офицера, находился въ привилегированномъ состояніи; каково же было положеніе простыхъ рядовыхъ солдатъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они пришли въ Россію безъ всякихъ средствъ, и понятно, какъ трудно было имъ въ одно и то же время и обзаводиться хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, и исполнять воинскую службу.

Дѣлая общую оцѣнку сербской колонизаціи, мы должны сознаться, что она не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагали. Императрица Екатерина II-я въ своемъ указѣ 18 іюня 1763 г. оффиціально засвидѣтельствовала о неудовлетворительномъ состояніи Новосербіи, заселенной Хорватомъ [3]); успѣху дѣла не мало вредилъ неспокойный характеръ этого послѣдняго; онъ постоянно ссорился и съ другими выходцами, и съ духовенствомъ [4]). Втеченіе 10 лѣтъ (съ 1752 по 1762 г.) было истрачено на сербскую колонизацію до 700,000 р. [5]) (по нынѣшнему курсу болѣе 2,500,000 р.). Настоящихъ сербовъ при томъ у Хорвата, Шевича и Депрерадовича было немного; видное мѣсто среди поселенцевъ Новосербіи и Славяносербіи занимали молдаване, болгары и т. п. Этимъ можно объяснить быстрое обрусѣніе или, правильнѣе говоря, омалорусиванье этихъ славянскихъ выходцевъ. Академикъ Гюльденштедтъ говоритъ, что волохи и молдаване, обитавшіе въ предѣлахъ Новосербіи, по образу жизни совсѣмъ подходятъ къ малороссамъ: у нихъ такія же жилища, такая же одежда, какъ у малороссіянъ; для работъ земледѣльческихъ употребляютъ не

---

[1]) Извѣстіе о похожденіи, стр. 185—190.

[2]) Ibidem, 191.

[3]) Зап. Од. Общ., VIII, 268.

[4]) См. объ этомъ ст. архим. Арсенія „Сафроній Добрашевичъ, архим. Новой Сербіи. „Кіевская Старина“ 1884 г., октябрь, 276—304.

[5]) Зап. Од. Общ., III, 88.

лошадей, а быковъ, не сохи, а плуги [1]). Изъ описанія елисаветградской провинціи, составленнаго тѣмъ же Гюльденштедтомъ, видно, что составъ населенія ея въ 1773--1774 г. былъ самый разнообразный: греки, сербы, болгары, молдаване и волохи, малороссіяне—гетманцы и запорожцы, великоруссы--раскольники и православные, выходцы изъ Польши и бѣглые изъ центральной Россіи; солдаты и т. п ; въ одномъ и томъ же селеніи жили представители различныхъ народностей. Значительная часть селеній, бывшихъ въ его время шанцами и ротами, возникла еще до образованія Новосербіи и была обязана своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи; такова была кр. Табурище, шанцъ Крыловъ (Новогеоргіевскъ), Нестеровка, монастырь Уховка, шанцъ Новомиргородскій (прежде Трейсачи)—важнѣйшее послѣ Елисаветграда поселеніе; Петроостровскій и Архангелогородскій шанцы и др. Большая часть этихъ пунктовъ въ это время представляла изъ себя еще военныя поселенія; 1,421,000 дес. земли было раздѣлено на 70 округовъ, изъ коихъ 52 предназначено для военныхъ селеній, 2 для городовъ и 16 для иностранныхъ колонистовъ, русскихъ выходцевъ изъ Польши и старыхъ обитателей края; каждый округъ дѣлится на 25 жребіевъ, каждый жребій на 24 участка, а каждый участокъ содержалъ отъ 26 до 30 дес. земли. Греки и раскольники дали толчокъ къ развитію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ торговой, промышленной и ремесленной дѣятельности (напримѣръ, въ Елисаветградѣ, гдѣ была греческая община, а раскольники составляли $^1/_2$ всѣхъ жителей) [2]). Послѣ всего сказаннаго намъ сдѣлалось ясно, что Новосербія была только отчасти заселена сербами, которые, очутившись среди другихъ родственныхъ народностей, быстро потеряли свою національность; этому, конечно, больше всего способствовали браки: большая часть этихъ выходцевъ являлась безъ семействъ и женилась на малороссіянкахъ; тоже самое нужно сказать и относительно Славяносербіи.

Съ воцареніемъ имп. Екатерины II-й открывается новая эра въ исторіи иностранной колонизаціи Новороссійскаго края. Она издала два манифеста въ 1762 и 1763 гг., изъ которыхъ первый отличался слишкомъ общимъ характеромъ и потому практическихъ результатовъ не имѣлъ [3]); это побудило императрицу издать 2-й манифестъ, въ которомъ заключаются уже совершенно опредѣленныя обѣщанія разныхъ

---

[1]) Reisen durch Russland, II, 174.

[2]) Reisen durch Russland, II, 120, 124—177.

[3]) П. С. Зак., т. XVI, № 11720.

льготъ и преимуществъ. «Мы, вѣдая пространство земель нашей имперіи, такъ начинаетъ свой манифестъ императрица, между прочимъ усматриваемъ наивыгоднѣйшихъ къ населенію и обитанію рода человѣческаго полезнѣйшихъ мѣстъ, до сего еще праздно остающихся, не малое число, изъ которыхъ многія въ нѣдрахъ своихъ скрываютъ неисчерпаемое богатство разныхъ металловъ; а какъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и къ коммерціи подлежащихъ морей довольно, то и къ размноженію многихъ мануфактуръ, фабрикъ и прочихъ заводовъ способность великая». Такимъ образомъ, государыня призывала иностранцевъ главнымъ образомъ для развитія нашихъ промысловъ и торговли. Важнѣйшія льготы, предоставленныя новымъ поселенцамъ, были слѣдующія: деньги на путевые расходы они могли получать отъ русскихъ резидентовъ за границей и затѣмъ селиться въ Россіи или въ городахъ, или отдѣльными колоніями; имъ предоставлялась свобода вѣроисповѣданія; они освобождались на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей (поселившіеся колоніями на 30 лѣтъ); имъ отводились на полгода даровыя квартиры; выдавалась безпроцентная ссуда съ погашеніемъ ея черезъ 10 лѣтъ втеченіе 3-хъ лѣтъ; поселившимся колоніями предоставлялась собственная юрисдикція; всѣ могли безпошлинно ввезти съ собою имущество и на 300 р. товаровъ; всѣ освобождались отъ военной и гражданской службы, а если бы кто пожелалъ поступить въ солдаты, то сверхъ обычнаго жалованья, долженъ былъ получить 30 руб.; если бы кто нибудь завелъ такую фабрику, которой раньше не было въ Россіи, то могъ втеченіе 10 лѣтъ продавать безпошлинно производимые имъ товары; въ колоніяхъ могли быть заведены безпошлинныя ярмарки и торги; этими льготами могли пользоваться впродолженіе льготнаго періода и дѣти иностранцевъ въ случаѣ смерти ихъ отцовъ; если кто пожелаетъ, то можетъ вернуться назадъ, отдавши казнѣ $^1/_5$ или $^1/_{10}$ своего имущества; земли подъ поселеніе указывались въ тобольской, астрах., оренбур. и бѣлгородской губ. [1]). Манифестъ этотъ, какъ показываютъ дальнѣйшіе факты, имѣлъ важное практическое значеніе: хотя въ немъ ничего не говорится собственно о Новороссіи, но на основаніи его селились иностранцы и тамъ вплоть до воцаренія имп. Александра I-го. Въ тотъ же день, когда изданъ былъ этотъ указъ, учреждена была и канцелярія опекунства иностранцевъ[2]), которой дана была особая инструкція[3]).

[1]) П. С. Зак., т. XVI, № 11880.

[2]) П. С. Зак., т. XVI, № 11879.

[3]) П. С. Зак., т. XVI, № 11881.

Въ царствованіе императора Павла Петровича (въ 1800 г.) была издана новая инструкція конторѣ опекунства иностранныхъ поселенцевъ, составленная экспедиціей государственнаго хозяйства; въ ней опредѣляются обязанности конторы по части администраціи. Она была вызвана обстоятельною ревизіей колоній, произведенною извѣстнымъ Контеніусомъ; онъ констатировалъ разные непорядки и упущенія, привелъ въ порядокъ запутанные счеты и представилъ историческій очеркъ нѣмецкой колонизаціи въ Новороссіи, которымъ мы впослѣдствіи и воспользуемся. Съ воцареніемъ императора Александра I-го иностранная колонизація въ предѣлахъ Новороссійскаго края начинаетъ вестись на иныхъ условіяхъ. Уже въ указѣ 1802 г. на имя новороссійскаго военнаго губернатора (о водвореніи иностранцевъ) дѣлаются облегченія для поступленія ихъ въ земледѣльцы [1]). Но съ полною опредѣленностью взгляды и намѣренія правительства выразились въ манифестѣ отъ 20 февр. 1804 г. [2]). По манифесту 1763 г., говорится тамъ, принимали всѣхъ иностранцевъ безъ разбора и потому вышло много плохихъ и бѣдныхъ хозяевъ; да и теперь среди выходцевъ не мало ненужныхъ ремесленниковъ, дряхлыхъ, больныхъ, слабыхъ и одинокихъ. Екатерина II-я рѣшилась на вызовъ иностранцевъ въ виду заселенія пустыхъ земель. Но теперь, вслѣдствіе размноженія населенія въ центральныхъ губерніяхъ, необходимо уже прибберечь земли на югѣ и для своихъ подданныхъ, такъ какъ пустыхъ пространствъ тамъ осталось уже немного; поэтому слѣдуетъ принимать только такихъ иностранцевъ, которые по своимъ занятіямъ могутъ служить хорошимъ примѣромъ для крестьянъ; для нихъ нужно отвести особыя земли—казенныя или купленныя у помѣщиковъ; это должны быть семейные и зажиточные хозяева, занимающіеся земледѣліемъ, разведеніемъ винограда или шелковичныхъ червей, скотоводствомъ и сельскими ремеслами (сапожничествомъ, кузнечнымъ дѣломъ, ткачествомъ, портняжествомъ и т. п.); другихъ ремесленниковъ не принимать, исключая небольшаго числа тѣхъ, которые понадобятся въ города. Въ виду этого не слѣдуетъ вызывать колонистовъ посредствомъ подговоровъ или посылки особыхъ эмиссаровъ; желающіе добровольно переселиться должны являться къ резидентамъ и представлять имъ свидѣтельства отъ магистратовъ о своемъ хорошемъ поведеніи; переселять нужно сразу по 20, 30 семействъ, но изъ Герма-

---

[1]) П. С. Зак., т. XXVII, № 20259.

[2]) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21163.

ніи не слѣдовало выводить втеченіе года болѣе 200 семействъ, потому что только такое число можно было хорошо устроить на мѣстѣ; ссудъ резиденты не должны были выдавать, а только нанять подводы; желавшіе переселиться обязаны были представить наличными деньгами или въ товарахъ капиталъ въ 300 гульденовъ, такъ какъ замѣчено, что устройство недостаточныхъ колонистовъ идетъ медленно и неудовлетворительно; всякій могъ ввезти съ собою на 300 р. товаровъ (сверхъ имущества). Выходцамъ предоставлялись слѣдующія права: свобода вѣроисповѣданія, освобожденіе на 10 лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей; по прошествіи же этого времени они должны уплачивать въ первые 10 лѣтъ отъ 15 до 20 коп. за десятину, а потомъ столько, сколько казенные поселяне; по истеченіи льготнаго періода они обязаны будутъ нести тѣ же повинности, что и русскіе подданные, искючая постойной повинности, военной и гражданской службы, отъ которыхъ они освобождались навсегда; уплата ссуды имъ разсрочивалась на 10 лѣтъ; всѣмъ колонистамъ отводится безденежно по 60 десятинъ земли на семью; со времени прибытія ихъ въ Россію до водворенія на мѣстѣ имъ выдавались кормовыя деньги, а отъ водворенія до первой жатвы безпроцентная ссуда; на постройку дома, покупку скота и вообще на хозяйственное обзаведеніе каждый получалъ по 300 р. ссуды, а иногда и болѣе того; всякій могъ заниматься промыслами, торговлею и ремеслами, записываться въ цехи и гильдіи; если кто захотѣлъ бы вернуться назадъ на родину, то обязанъ возвратить ссуду и 3-хъ годичную подать.

И вотъ на этихъ основаніяхъ предложено было поселить иностранцевъ въ разныхъ мѣстахъ Новороссіи и въ Крыму. Прежде всего рѣшили отводить имъ земли вблизи гаваней и портовъ, чтобы они имѣли возможность сбывать свои продукты за границу; земледѣльцевъ хотѣли селить на р. Молочныхъ Водахъ по сосѣдству съ менонитами, менонитовъ здѣсь же и на бывшихъ ногайскихъ земляхъ, болгаръ возлѣ болгарскихъ колоній, ремесленниковъ—въ городахъ [1]).

На основаніи этихъ манифестовъ и совершалась иностранная колонизація въ Новороссіи въ царствованіе Екатерины II-й, Павла Петровича и Александра I-го. Мы обратимся теперь къ фактическому обозрѣнію этой колонизаціи и укажемъ главнѣйшіе виды ея. Наиболѣе древнею иностранною колонизаціею оказывается, какъ мы

[1]) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21177.

уже знаемъ, сербская или, вообще говоря, *славянская*. Въ царствованіе Екатерины II й получило широкое развитіе болгарское колонизаціонное движеніе. Подъ вліяніемъ манифестовъ 1762 и 1763 г. явилось въ Россію въ 1764—1769 г. довольно значительное число болгаръ; въ 1773 г. одна партія ихъ поселилась близъ Ольвіополя на р. Синюхѣ, а другіе направились въ новые города—Тирасполь, Новые Дубоссары, Григоріополь и Одессу; въ началѣ XIX в. ихъ переселилось еще больше; въ 1821 г. ихъ было въ херсонской губ. 5,863 д. об. п., въ таврической [1]), 2,712 (но больше всего въ Бессарабіи). Болгарскія колоніи имѣли важное вліяніе на развитіе мѣстной земледѣльческой культуры [2]). Къ славянскимъ колонистамъ нужно причислить и поляковъ; нѣкоторые изъ нихъ поселились съ торговыми цѣлями въ новыхъ городахъ--Херсонѣ, Одессѣ, другіе были завербованы въ бугскій козачій и гусарскіе полки; наконецъ, польскіе магнаты, получивъ отъ русскаго правительства большіе поземельные участки въ Новороссіи, переводили туда изъ Польши крѣпостныхъ крестьянъ; но вообще говоря, число польскихъ выходцевъ было не велико [3]).

Едва ли не самое важное мѣсто въ исторіи иностранной колонизаціи [4]) принадлежитъ *нѣмцамъ*, а среди нихъ выдѣляются менонниты, придерживающіеся анабаптистскаго ученія. Они выѣхали изъ Пруссіи (изъ окрестностей Данцига) въ началѣ 1789 г. въ числѣ 228 сем. и заключили черезъ своихъ депутатовъ спеціальный договоръ съ правительствомъ. На основаніи этого договора они получили слѣдующія привилегіи: свободу вѣроисповѣданія, 10-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ податей, освобожденіе отъ подводъ, работъ, постоевъ и воинской службы, подводы до мѣста назначенія, извѣстную сумму на путевые расходы, кормовыя деньги и ссуду въ размѣрѣ 500 р. на семью, сѣмена для посѣва, право заводить фабрики, заниматься тор-

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новор. краѣ. Од. 1848, стр. 34—35.

[2]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, стр. 227—228.

[3]) А. А. Скальковскаго. Опытъ стат. оп., I, 247—250.

[4]) Довольно обстоятельныя извѣстія о нѣмецкой колонизаціи въ Россіи можно найти въ извѣстномъ соч. г. Клауса „Наши колоніи", 1869 г.; впрочемъ, авторъ гл. обр. интересуется ихъ настоящимъ положеніемъ, а о прошломъ говоритъ мало. У А. А. Скальковскаго мы находимъ списокъ всѣхъ иностранныхъ колоній съ обозначеніемъ времени и мѣста ихъ основанія (Хронологическое обозрѣніе, I, 327—330).

говлей, вступать въ гильдіи и цехи, по 65 дес. земли съ обязательствомъ уплачивать за нее по истеченіи льготнаго періода по 15 коп. за десятину и, наконецъ, лѣсъ на постройки. Земли имъ были отведены въ нын. екатерин. губ. на правомъ берегу Днѣпра съ островомъ Хортицей, гдѣ они основали 8 деревень; съ 1793 по 1796 г. 118 другихъ семействъ поселилось на тѣхъ же условіяхъ частью среди прежнихъ выходцевъ, а частью на новыхъ мѣстахъ (Шенвизъ въ павлоград. уѣздѣ, Кронсгартенъ въ новомосковскомъ уѣздѣ). Но не смотря на эти льготы, положеніе менонитовъ на первыхъ порахъ было очень затруднительное, главнымъ образомъ вслѣдствіе особенностей климата и почвы новой мѣстности. Сомнѣвались даже въ благополучномъ исходѣ начатаго дѣла. Вотъ что говорилъ въ своемъ отчетѣ Контеніусъ: «менонисты почти всѣ вообще въ домашней жизни порядочны и опрятны, въ нравственной трезвы и честны, а въ домоводствѣ прилежны и старательны; но живущіе въ Хортицахъ за всѣмъ трудолюбіемъ своимъ едва ли могутъ прійти когда либо въ хорошее состояніе. Кряжъ сего урочища состоитъ по большей части въ высокихъ мѣстахъ, на коихъ по сухости земли, по недостатку влажности и по бездождію, травы выгораютъ, хлѣбъ растетъ худо и часто пахарь обработываетъ и засѣваетъ поле напрасно, такъ что отъ земледѣлія не только не получаетъ никакихъ выгодъ, но весьма рѣдкій можетъ продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ цѣлый годъ; одно скотоводство приноситъ имъ нѣкоторую пользу; сею частью сельскаго хозяйства они весьма занимаются, приводя съ собою достаточное число иностранной породы лошадей и рогатаго скота, но по недостатку въ пастьбахъ и сѣна не могутъ и оного распространить по своему желанію и обычаю, лишаясь при томъ въ жестокія зимы и знатной части того, что въ состояніи нынѣ держать». Къ этому присоединялись еще тѣснота помѣщеній и медленное поступленіе казенной субсидіи. Въ виду всего этого Контеніусъ предложилъ предоставить менонитамъ слѣдующія еще льготы: переселить часть ихъ изъ Хортицы въ другое мѣсто; увеличить на 5 или 10 лѣтъ срокъ льготнаго періода; не требовать съ нихъ возврата денегъ, издержанныхъ на путевые расходы; взыскиваемую съ нихъ ссуду употреблять на нужды же новороссійской колонизаціи. Это предложеніе было принято. Такимъ образомъ, менониты получили совершенно исключительныя привилегіи. Правительство сдѣлало для нихъ все, чего они только желали: ихъ переселеніе въ Россію было обставлено всѣми удобствами; они получили такія льготы, о которыхъ не могли и меч-

тать русскіе переселенцы — эти обиженные представители господствующей народности. Имъ не приходилось уже вести борьбы съ татарами; они могли спокойно предаться исключительно мирнымъ занятіямъ—земледѣлію, скотоводству и т. п. Но несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, менонниты на первыхъ порахъ не могли достигнуть прочнаго матеріальнаго благосостоянія. Причина этого коренилась въ естественныхъ условіяхъ и особенностяхъ мѣстности — гл. образомъ въ климатѣ Новороссійскаго края. Кромѣ менонитовъ въ Россію переселялись и другіе нѣмецкіе выходцы; таковы были іозефстальскіе колонисты, ямбургскіе и данцигскіе; первые основали отдѣльную колонію Іозефсталь и получили прекрасныя земли и пастбища; но такъ какъ большая часть ихъ на родинѣ у себя занималась ремеслами, а не земледѣліемъ, то и здѣсь они устроились очень плохо и нуждались въ новыхъ льготахъ; имъ прибавили земли, увеличили число льготныхъ лѣтъ, ремесленниковъ переселили въ города и т. п. Переселенцы изъ Данцига также устроились очень плохо; изъ 910 д. ихъ обоего пола Контеніусъ нашелъ въ разныхъ мѣстахъ только 208; остальные или поумирали, или разбрелись неизвѣстно куда; въ Херсонѣ только 3 семейства имѣли собственные дома, другіе жили у хозяевъ—ремесленниковъ или снискивали себѣ пропитаніе поденною работою, иные же вовсе не имѣли правильныхъ заработковъ и жили въ большой бѣдности; 21 семейство (изъ 41 души) основали колонію въ елисаветградскомъ уѣздѣ, но собирали достаточное количество хлѣба только въ дождливыя лѣта, а во время засухъ не получали и сѣмянъ; умирало у нихъ болѣе, чѣмъ раждалось. Всѣмъ имъ возвратъ ссуды былъ отсроченъ на 30 лѣтъ; они освобождались отъ всякихъ казенныхъ податей и переселялись въ другое мѣсто; ремесленники изъ колоній исключались. Не лучше устроились и ямбургскіе колонисты, пришедшіе въ Россію въ 1793 г. въ количествѣ 273 душъ обоего пола; сначала ихъ разселили среди жителей Старыхъ Койдаковъ, но тамъ они испытывали большіе недостатки; тогда ихъ переселили на новое мѣсто, но и тамъ ихъ положеніе не улучшилось; земледѣліемъ занимались не всѣ. И имъ была дана отсрочка въ возвратѣ ссуды.

Къ германской народности нужно причислять и шведскихъ колонистовъ; это были частью крестьяне, а частью военно-плѣнные; первые были переведены въ 1787 г. съ острова Даго въ числѣ 904 д. и основали въ херсонскомъ уѣздѣ «Шведскую колонію», въ которой при Контеніусѣ оказалось только 148 д. (22 семейства); остальные

умерли отъ перемѣны климата, плохой пищи и др. недостатковъ. Въ 1790 г. было прислано 31 плѣнныхъ шведовъ, изъ коихъ осталось 9 чел. Къ земледѣлію шведы оказались весьма рачительными; но имъ очень вредили засухи и суслики; кромѣ земледѣлія, они занимались скотоводствомъ и рыболовствомъ. Имъ также, по представленію Контеніуса, были сдѣланы значительныя облегченія: съ нихъ рѣшились не брать подушнаго оклада, а ссуду взыскивать только за наличное число [1]).

Благодаря сильной поддержкѣ русскаго правительства, нѣмецкія колоніи успѣли укрѣпиться на новой и не всегда для нихъ благопріятной почвѣ. Въ 1845 г. всѣхъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Новороссіи было 95700 д. обоего пола [2]). Самою удачною нужно признать колонизацію менонитовъ, такъ какъ ихъ колоніи находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Важную роль въ этомъ дѣлѣ играли два обстоятельства: 1-е, что они были образцовыми сельскими хозяевами и у себя дома на родинѣ, 2-е, что переселились только зажиточные семейные люди съ имуществомъ и даже скотомъ.

Такова судьба германскихъ поселеній въ Новороссіи. Что же касается *романской* колонизаціи, то она была ничтожна: одно селеніе швейцарцевъ на Днѣстровскомъ лиманѣ, горсть итальянцевъ, нѣсколько французскихъ коммерсантовъ (въ родѣ, напримѣръ, Антуана или Рувье)—вотъ и все! Планъ дюка де-Ришелье объ основаніи военныхъ поселеній изъ французскихъ эмигрантовъ, какъ извѣстно, не осуществился [3]).

Гораздо важнѣе была *греческая* колонизація, которая находится въ тѣсной связи съ политическими обстоятельствами того времени. По Кучукъ-Кайнарджинскому миру Крымъ, какъ извѣстно, былъ признанъ независимымъ, а вскорѣ затѣмъ (въ 1779 г.) изъ него выселилось много христіанскихъ греческихъ и армянскихъ семействъ (грековъ—20000 чел.). На основаніи жалованной грамоты, имъ была отведена для поселенія земля въ азовской губ. по рр. Солоной, Калміусу и по побережью Азовскаго моря [4]). Жалованная грамота предоставляла имъ значительныя льготы—исключительное право рыб-

---

[1]) П. С. Зак., т. XXVI, № 19372, ук. 6 апр. 1800 г.

[2]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, 264.

[3]) См. планъ организаціи этихъ колоній въ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. LIV. 102—205.

[4]) Подробности объ отводѣ имъ земли см. въ Зап. Од. Общ., т. IV, стр. 359—362.

ной ловли, казенные дома, ссуду на хозяйственное обзаведеніе и свободу отъ военной службы. Часть ихъ погибла еще на пути отъ болѣзней и лишеній, а оставшіеся основали городъ Маріуполь и 20 селеній въ окрестностяхъ его [1]). Кромѣ этихъ крымскихъ грековъ, подвергшихся значительному вліянію татаръ, въ Одессѣ и по сосѣдству съ нею поселилось не мало выходцевъ изъ Архипелага, удалившись оттуда во время извѣстной архипелажской экспедиціи; это такъ называемый греческій дивизіонъ. Греки въ Одессѣ пользовались значительными льготами и, можно сказать, положили основаніе одесской торговлѣ; въ 1797 г. ихъ тамъ оказалось 1000 чел. обоего пола [2]). Въ Елисаветградѣ греки составили особое братство, пользовавшееся важными привилегіями и державшее въ своихъ рукахъ мѣстную торговлю [3]). Въ гг. Таганрогѣ, Керчи и Ениколѣ поселились албанцы, которые также отличались зажиточностью [4]).

Вмѣстѣ съ греками стали переселяться въ Новороссію *армяне*. Въ 1779 г. они вышли изъ Кафы въ числѣ 651 д. и поселились въ кр. св. Димитрія Ростовскаго, а затѣмъ въ 4-хъ верстахъ оттуда основали городъ Нахичевань; въ 1780 г. возлѣ той же крѣпости поселилось 603 человѣка, вышедшихъ изъ Крыма подъ предводительствомъ еп. Азарича и арх. Симеона и 1,892 чел., выселившихся изъ Карасубазара [5]). Армянскій городъ Нахичевань развивался гораздо быстрѣе Ростова, онъ былъ основанъ, какъ мы видѣли, въ 1780 г., а въ началѣ 80-хъ годовъ въ немъ было уже 1,040 д. русскихъ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ и 4,121 д. армянъ, нѣсколько фабрикъ, заводовъ и много каменныхъ домовъ [6]). Ростовъ нач. XIX ст. показался одному путешественнику небольшимъ городомъ, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго: жители его занимались рыболовствомъ и торговлей; на оборотъ армянскій Нахичевань «знатнѣе и правильнѣе расположенъ и богаче Ростова. Армяне производятъ торговлю на Дону; мы тамъ видѣли много магазиновъ съ различными товарами, а особливо съ шелковыми матеріями и мѣдными издѣлі-

---

[1]) См. статью еп. Гавріила „Переселеніе грековъ изъ Крыма въ азовскую губ.“ (Зап. Од. Общ., I, 197—204).

[2]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, 281—283.

[3]) О греч. братствѣ и его устройствѣ см. любопытную статью г. Ястребова „Греки въ Елисаветградѣ“ (Кіев. Стар. 1884, апрѣль, 673—684).

[4]) Зап. Од. Общ., VIII, 209—210, X, 274—276.

[5]) См. Сборникъ событій въ Новор. краѣ. (Зап. Од. Общ., VII, 305).

[6]) Зап. Об. Общ., III, 297.

ями [1])». Другая часть армянъ вышла изъ Кавказа и изъ за Днѣстра и основала г. Григоріополь; вышедшіе изъ Измаила, Бендеръ и др. городовъ армяне просили себѣ многихъ льготъ—и Каховскій считалъ возможнымъ удовлетворить ихъ просьбу [2]). Сама императрица заботилась о судьбѣ этихъ армянъ; губернатору Каховскому она писала, чтобы «не только всѣ перешедшіе въ предѣлы наши сохранены были, но и чтобы находящіеся заграницей ихъ единоземцы, видя ихъ благоденствующихъ, къ нимъ присоединились [3])».

Видное мѣсто среди иностранныхъ колонистовъ занимаютъ *молдаване*. Начало ихъ переселенія относится еще къ царствованію имп. Елисаветы Петровны; они въ большомъ количествѣ вошли въ составъ Новосербіи, а за чертою ея образовали, вмѣстѣ съ русскими выходцами, новослободское козачье военно-земледѣльческое поселеніе. О значительномъ присутствіи молдавскаго элемента въ населеніи елисаветградской пров. свидѣтельствуетъ и Гюльденштедтъ. Онъ же дѣлаетъ характеристику ихъ въ этнографическомъ отношеніи. Другая партія молдаванъ въ к. XVIII и нач. XIX ст. основала города и селенія по р. Днѣстру—Овидіополь, Новые Дубоссары, Тирасполь и др. Тогда же 26 чел. молдавскихъ бояръ и чиновниковъ получили въ тираспольскомъ и ананьевскомъ уѣздахъ до 260,000 десятинъ земли и основали 20 деревень и нѣсколько хуторовъ [4]). Каждый изъ нихъ получилъ по нѣсколько тысячъ десятинъ (отъ 4 до 24 т.); такъ, бригадиру Катаржи было дано 24000 дес., на которыхъ онъ устроилъ 2 деревни съ 779 д. обоего пола, кол. сов. Гаюсу 22,425 д., на которыхъ онъ завелъ 3 деревни съ 763 д. обоего пола, полк. Кесоглу—14,090 д., на которыхъ онъ основалъ одну деревню съ 90 д. Нѣкоторые впрочемъ пожалованныхъ имъ земель не заселили (напримѣръ братья Грамматины). Злоупотребляя расположеніемъ русскаго правительства, одинъ изъ молдавскихъ бояръ Стурдза высказалъ слишкомъ неумѣренныя требованія: выпрашивалъ для себя 9 селеній, гдѣ жило 11,000 д. муж. пола и было 46,000 д. земли; искательство его нашло себѣ поддержку у извѣстнаго секретаря кн. Потемкина Попова, но противъ него выступилъ—и это дѣлаетъ ему большую честь—губ. Ка-

---

[1]) Письма о Крымѣ, 218, 220.

[2]) Зап. Од. Общ., XII, 403—405.

[3]) Зап. Од. Общ., II, 660.

[4]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, 255, 2-е приложеніе къ „Хрон. обозр.“ II-й томъ.

ховскій [1]). Свои деревни молдавскіе чиновники заселяли по большей части русскими крестьянами; но, помимо этого, они успѣли укрѣпить за собою 1,000 чел. свободныхъ своихъ земляковъ, что заставило русское правительство издать особый ограничительный указъ, или такъ называемое «положеніе объ обязательныхъ поселянахъ»; они признавались лично свободными; помѣщикъ могъ распоряжаться только землею, на которой они жили и которая была его собственностью; за эту землю они обязаны были, по молдавскому обычаю, уплачивать десятину отъ земледѣльческихъ продуктовъ и скотоводства, отрабатывать 12 дней въ году барщины и оказывать помощь въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (при уборкѣ виноградниковъ) [2]. Спасло ли это «положеніе» молдавскихъ выходцевъ отъ крѣпостной зависимости, сказать положительно не можемъ; правдоподобнѣе, впрочемъ, что нѣтъ; у молдаванъ—помѣщиковъ были и русскіе крестьяне, которые съ теченіемъ времени сдѣлались ихъ крѣпостными; ихъ состояніе не могло не отражаться на состояніи крестьянъ—молдаванъ. Съ другой стороны молдаване крестьяне не могли не селиться на земляхъ русскихъ помѣщиковъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и русскіе крестьяне. Такимъ образомъ, одна часть молдаванъ вошла въ составъ свободнаго земледѣльческаго класса (бывшіе военные поселяне), другая—помѣщичьяго землевладѣльческаго, третья—несвободнаго крѣпостнаго. И тѣ, и другіе, и третьи скоро обрусѣли и обмалорусились, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, если они жили смѣшанно съ русскимъ населеніемъ.

Еврейская колонизація также сдѣлала замѣтные успѣхи въ Новороссійскомъ краѣ. Переселеніе сюда евреевъ талмудистовъ изъ западной Россіи и Польши началось въ 1769 г. на основаніи формальнаго разрѣшенія, уничтожившаго силу прежняго запрещенія 1762 г. Изъ пунктовъ 1777 г. видно [3]), на какихъ условіяхъ принимали евреевъ, вышедшихъ изъ Польши на жительство въ нѣкоторыя мѣста новороссійской губ. Они должны были сами построить себѣ жилища, школы, но имѣли право держать винокурни и броварни; льгота отъ постоевъ и другихъ повинностей имъ давалась всего на годъ (исключая казенныхъ податей); казенныя подати должны уплачивать или съ капиталовъ (по копейкѣ съ рубля), или съ души (по

---

[1]) Зап. Од. Общ., XII, 379—380.

[2]) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21,458, указ. отъ 20 сент. 1804 г.

[3]) Д. И. Эварницкаго, Сборникъ мат. для ист. запор. коз. Спб. 1888, 222—225.

2 р. въ годъ); подобно иностраннымъ колонистамъ, они могли привезти съ собою товаровъ на 300 р.; пошлина за горячее вино имъ отсрочивалась на одинъ годъ; имъ разрѣшалось нанимать себѣ русскихъ работниковъ, свободно исповѣдывать свою вѣру и т. п. Правительство разсчитывало на выходъ ремесленниковъ или купцовъ и потому селило ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ. И несмотря на то, что льготы, предоставленныя имъ этими пунктами, были невелики, разселеніе ихъ въ городахъ шло не безъ успѣха: правительство оставляло имъ кагальное устройство и предоставляло ихъ, такъ сказать, самимъ себѣ. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ устройствомъ пресловутыхъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. Начало ихъ относится только въ 1807 г., когда первая партія еврейскихъ переселенцевъ образовала въ херсонскомъ уѣздѣ колоніи —Бобровый кутъ, Сейдеминуху, Добрую и Израилевку. Движеніе евреевъ въ Новороссію было вызвано положеніемъ о нихъ 1804 г., по которому они въ мѣстахъ своей осѣдлости должны были переходить для промысловъ и торговли изъ деревень въ города. На устройство этихъ колоній правительство израсходовало громадныя суммы (съ 1807 по октябрь 1812 г. на нихъ было истрачено 345,459 р. 82 коп.; главный расходъ падалъ на постройку домовъ). Но результаты получались плачевные: земледѣліе у евреевъ развивалось очень плохо, а сами они стремились въ города и желали заниматься тѣмъ, чѣмъ занимались у себя на родинѣ—мелкою торговлею, ремеслами, маклерствомъ и т. п. Интересенъ отзывъ о еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ современника—очевидца А. С. Пишчевича: «подъ ихъ (евреевъ-хлѣбопашцевъ) деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пашутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Воловья тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжесть, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какими нибудь домашними кляузами займутъ всю честную «бесѣду» разговоромъ. Воловъ въ это время никому и въ голову непридетъ выпречь, и такъ день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопаш-

цами не будутъ никогда [1])». Этотъ отзывъ подтверждается и оффиціальными данными, заключающимися въ капитальномъ сочиненіи г. Никитина [2]). Авторъ его прослѣдилъ во всѣхъ подробностяхъ судьбу еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Новороссіи, и намъ остается только указать на это изслѣдованіе. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что автора его скорѣе можно назвать юдофиломъ, чѣмъ юдофобомъ: онъ всячески старается оправдать евреевъ отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій. И что же? Общее впечатлѣніе получается не въ пользу колоній. Неудачною представляется самая мысль обратить во что бы то ни стало мелкихъ торгашей и ремесленниковъ въ земледѣльцевъ; все это дѣло производитъ впечатлѣніе какого то искусственнаго ненужнаго эксперимента, отъ котораго страдали и испытуемые и экспериментаторы. Положеніе евреевъ колонистовъ было въ высшей степени печальное. Приходили они на мѣсто «въ самомъ бѣднѣйшемъ положеніи; рѣдкій изъ нихъ имѣлъ самое нужное одѣяніе, у большей же части оно состояло изъ однихъ лоскутьевъ, а при помощи кормовыхъ по 5 коп. въ сутки—они чувствовали свое положеніе не много лучше». Отъ непривычнаго климата и дурной воды среди нихъ развивались повальныя болѣзни, которыя еще болѣе изнуряли ихъ и дѣлали совершенно неспособными къ непривычному для нихъ земледѣльческому труду. «Жестокіе морозы, писалъ одинъ изъ ревизоровъ, сильнѣйшіе вѣтры, вьюги и глубокіе снѣга завалили въ колоніяхъ избы по крыши. Промежутки колоній до того занесены снѣгомъ, что съ крайнимъ трудомъ сообщеніе между собою имѣть могутъ. Всѣ колонисты жалуются на безкормицу, скотъ околѣваетъ, а люди холодаютъ и голодаютъ.... Жиды въ ужасномъ положеніи и единогласно, съ пролитіемъ слезъ, умоляютъ отвратить ихъ отъ гибели въ худыхъ развалившихся избахъ, безъ крышъ, безъ всякаго пропитанія и топлива, коего за безмѣрными снѣгами и достать негдѣ, они изнемогаютъ отъ холода и голода среди степи!» Лифановъ и Девельдѣевъ нашли «всѣ колоніи въ бѣднѣйшемъ состояніи, а большую часть евреевъ едиными лохмотьями покрытыхъ, босыми или нагими [3])». Правда, не одни евреи были въ этомъ виноваты, но что они оказались неспособными преодолѣть разнообразныя затрудненія, съ которыми приходилось считаться *всѣмъ* колонистамъ Новороссійскаго края, это, мнѣ кажется, опровергнуть мудрено.

[1]) Замѣч. А. Пишчевича на Новорос. край (Кіев. Стар. 1884, январь, 129—130).
[2]) В. Н. Никитина. Евреи земледѣльцы. 1807—1887 г. Спб. 1887 г.
[3]) В. Н. Никитина. Евреи земледѣльцы, стр. 25, 75, 85.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще и о *цыганахъ*, которые вели кочевой образъ жизни и дополняли собою пеструю картину народонаселенія Новороссіи.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о числѣ всѣхъ этихъ *нерусскихъ* поселенцевъ въ к. 1-й четв. XIX в. сравнительно съ общею цифрою народонаселенія края. Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что нерусскихъ поселенцевъ было здѣсь гораздо меньше, чѣмъ русскихъ. На первомъ планѣ, по числу колонистовъ, нужно поставить славянъ, нѣмцевъ, евреевъ; всѣхъ жителей въ 161 колоніи въ 1822—1823 г. было 52,262 д. обоего пола; евреевъ въ 1844 г. было 46,312 чел., а въ к. 1-й четверти XIX в. гораздо меньше; затѣмъ идутъ греки, молдаване, армяне и др. Общее же число жителей двухъ губерній—херсон. и екатер. въ это время значительно превышало 1,000,000 д. обоего пола. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что Новороссійскій край могъ бы быть заселенъ и однимъ русскимъ народомъ; только колонизаціонный процессъ затянулся бы на болѣе продолжительное время; русское племя (какъ великоруссы, такъ и малоруссы) доказало на дѣлѣ цѣлымъ рядомъ фактовъ свою способность къ дѣлу колонизаціи и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ по своимъ естественнымъ условіямъ мѣстностяхъ. Къ сожалѣнію, довольно трудно сдѣлать сравнительную оцѣнку колонизаторскихъ способностей русскихъ людей и иностранцевъ. Иностранные поселенцы, вообще говоря, были поставлены въ болѣе благопріятныя условія жизни на новыхъ мѣстахъ, чѣмъ русскіе колонисты. Правительство всѣмъ имъ оказывало такую помощь и поддержку, о какой не могли и мечтать представители господствующей національности. Мы видѣли, какія громадныя льготы получили менонниты и вообще нѣмцы, какъ много разныхъ привилегій дано было сербскимъ и вообще славянскимъ выходцамъ, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ происходило поселеніе армянъ, молдаванъ и грековъ, сколько усилій и затратъ было сдѣлано для устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній; эти льготы въ одинаковой степени относились какъ къ городскимъ, такъ и къ сельскимъ поселенцамъ и притомъ онѣ не всегда стояли въ соотвѣтствіи съ тою пользою, которой могло ожидать правительство отъ извѣстной группы переселенцевъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить молдавскихъ бояръ; для нихъ Новороссія оказывалась какимъ то золотымъ дномъ; она давала имъ значительныя богатства, а отъ нихъ взамѣнъ не получала почти ничего. Вообще въ XVIII-мъ вѣкѣ обращали слишкомъ

мало вниманія на цѣнность того продукта, который доставляла намъ западная Европа въ видѣ своихъ колонистовъ; заботились только о скорѣйшемъ заселеніи этихъ пустынь, что вызывалось отчасти значительными земельными пріобрѣтеніями того времени. И эта цѣль достигалась. Въ 1768 году общее число жителей въ Новороссіи равнялось 100,000 человѣкъ, въ 1797 г. превысило 850,000, въ 1822—1823 годахъ—1,500,000 душ. обоего пола, т. е. въ первыя 28 лѣтъ увеличилось въ 8½ разъ, а въ послѣдующіе 25 лѣтъ меньше чѣмъ въ 2 раза. Къ сожалѣнію, эти цифры не даютъ намъ возможности сдѣлать вывода о процентномъ возрастаніи населенія путемъ одной колонизаціи и естественнаго прироста жителей, во 1-хъ потому, что сюда вошли обыватели присоединенныхъ областей (Запорожья, Крыма, Ногайской и Очаковской земель), а во 2-хъ потому, что предѣлы территоріи Новороссійскаго края постоянно измѣнялись подъ вліяніемъ различныхъ административныхъ реформъ (то сокращались, то расширялись). Какъ бы то ни было, если мы даже примемъ во вниманіе указанное выше обстоятельство (увеличеніе числа жителей отъ присоединенія новыхъ областей), то и тогда должны будемъ сказать, что заселеніе края прошло особенно быстро въ XVIII в. Заботясь исключительно о количественномъ возрастаніи иностранныхъ колонистовъ и не обращая почти никакого вниманія на ихъ подготовку и способности къ дѣлу колонизаціи, правительство естественно должно было испытывать разочарованія и неудачи. Такъ вышло, какъ мы видѣли, со славянскимъ переселенческимъ движеніемъ; такъ было отчасти и съ другими иностранными выходцами екатерининскаго времени. Неудивительно поэтому, что правительство имп. Александра I-го рѣшилось оставить прежнюю систему (тѣмъ болѣе, что въ ней теперь не было уже никакой надобности) и принимать (а не вызывать) только такихъ иностранцевъ, въ которыхъ нуждался край, которые могли быть полезны ему въ культурномъ отношеніи. Конечно, и здѣсь ожиданія правительства не всегда исполнялись, но дѣло было все таки поставлено на вѣрный путь.

Въ слѣдующей, заключительной и послѣдней главѣ мы разсмотримъ, изъ какихъ стихій сложилась нынѣшняя культура Новороссійскаго края, что привнесъ въ нее каждый изъ тѣхъ этнографическихъ элементовъ, которые вошли въ составъ мѣстнаго населенія.

ГЛАВА 5-я.

Зачатки мѣстной культуры.

Историческія данныя о матеріальной культурѣ.—Земледѣліе.—Садоводство Огородничество.—Скотоводство.—Рыболовство. Добыча соли и каменнаго угля.—Торговля.—Движеніе умственной культуры.—Роль русскаго населенія и иностранцевъ.—Роль правительства и характеристика его главнѣйшихъ дѣятелей.

Уже въ предшествующемъ изложеніи, посвященномъ исторіи заселенія края, мы касались и культурной дѣятельности колонистовъ. Теперь мы займемся этимъ вопросомъ нѣсколько болѣе подробно, чтобы составить себѣ понятіе какъ объ общемъ движеніи культуры, такъ и о роли въ ней различныхъ народностей, заселившихъ Новороссійскій край. Изъ своего обозрѣнія мы вовсе исключаемъ характеристику культурнаго состоянія турецко-татарскаго населенія, потому что оно представляетъ изъ себя не колонистовъ, а туземцевъ [1]. Приведемъ сначала цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ разнымъ видамъ матеріальной культуры, скажемъ нѣсколько словъ объ умственномъ состояніи общества и тогда уже сдѣлаемъ общія заключенія.

Земледѣліе въ Новороссійскомъ краѣ въ началѣ XIX в. достигло громадныхъ размѣровъ и край этотъ изъ дикой пустыни превратился въ житницу Россіи, какою онъ остается и доселѣ. Конечно, это совершилось не вдругъ, а постепенно, не безъ борьбы и усилій. Кромѣ татаръ, нужно было вести упорную борьбу и съ мѣстной природой, характеръ которой въ общихъ чертахъ намъ уже извѣстенъ; въ такомъ именно положеніи были запорожцы; представляя изъ себя отрасль земледѣльческаго народа, они естественно не хотѣли бы чуждаться сельско-хозяйственныхъ занятій; но мѣстныя условія жизни должны были на время заглушить ихъ стремленіе къ мирнымъ занятіямъ пахаря или, какъ иронически выражались они, «гречкосія». Впрочемъ, въ пол. XVIII в. въ самомъ Запорожьѣ замѣтенъ уже поворотъ къ новымъ формамъ и условіямъ жизни и быта; въ запорожскихъ паланкахъ, находившихся въ сѣверной части владѣній войска возлѣ рр.

---

[1]) Турецко-татарское населеніе г. Кинбурна и др. мѣстъ, уступленныхъ Россіи, имѣло своеобразную культуру: занималось скотоводствомъ, земледѣліемъ, огородничествомъ, садоводствомъ, собирало соль и возило её на продажу въ Очаковъ, устраивало водопроводы; изъ фруктовыхъ деревьевъ оно разводило миндаль, яблоки, груши, вишни, шепталу, абрикосы, орѣхи, шелковицу, розы, айву и виноградъ (см. „Топ оп.“ въ Зап. Од. Общ., т. 7-й).

Самары и Орели (въ самарской, кодацкой, орельской и протовчанской) занимались уже земледѣліемъ: сѣяли преимущественно просо, овесъ, гречиху, ячмень и горохъ, а также озимую рожь и пшеницу; рожь, пшеница и ячмень родились у нихъ самъ десять, а просо самъ 30; держали запорожцы и небольшія бахчи и сѣяли тамъ, хотя въ небольшомъ количествѣ, арбузы, дыни, рѣдьку, капусту, свеклу, горохъ, пшеничку и лукъ [1]).

Болѣе позднимъ поселенцамъ Новороссійскаго края приходилось уже вести борьбу только съ одной природой; но эта борьба была не легкая. Любопытныя свѣдѣнія о затрудненіяхъ, которыя испытывали первые поселенцы отъ неблагопріятныхъ естественныхъ условій края, сообщаетъ современникъ кн. Потемкина свящ. Маркіановъ; важнѣйшія препятствія, заставлявшія иногда переселенцевъ возвращаться назадъ, были слѣдующія: вредныя испаренія плавень, мошки и комары, овражки, или суслики; сюда нужно присоединить еще цѣлый рядъ другихъ не менѣе важныхъ неудобствъ: трудность вспахивать твердую степную цѣлину, частыя засухи и, какъ слѣдствіе ихъ, неурожаи, недостаточное количество или недоброкачественность воды, вызывавшую у людей и животныхъ разныя болѣзни, зимнія вьюги, мятели и холода, нерѣдко истреблявшіе растительность, а въ особенности скотъ, недостатокъ топлива, заразительныя болѣзни, въ родѣ знаменитой чумы 1812 г. и т. п. Нужна была привычка къ перенесенію всѣхъ этихъ невзгодъ, чтобы онѣ на первыхъ же порахъ не убили энергіи въ поселенцахъ и не заставили ихъ пожалѣть о покинутой родинѣ.

Конечно, большое значеніе имѣла здѣсь та поддержка, которую оказывало правительство новымъ поселенцамъ; быть можетъ, и колоніи менониитовъ не достигли бы такихъ блистательныхъ результатовъ въ сферѣ своей сельско-хозяйственной дѣятельности, еслибы онѣ не получили такой щедрой помощи отъ казны, какую онѣ, какъ мы видѣли, получили. Земледѣльческое процвѣтаніе колоній зависѣло отъ трехъ главнѣйшихъ факторовъ: мѣстныхъ условій, матеріальнаго достатка для пріобрѣтенія орудій производства и др. первоначальныхъ расходовъ и, наконецъ, опытности, искусства, энергіи и добросовѣстности самихъ колонистовъ. И при оцѣнкѣ достигнутыхъ результатовъ необходимо принимать во вниманіе всѣ эти обстоятельства.

---

[1]) Скальковскаго - Исторія Новой Сѣчи, I, 179—180; Зап. Од. Общ., т. 7-й стр. 185.

Менонниты, какъ мы видѣли, находились въ очень благопріятныхъ условіяхъ: сами имѣли средства, получили ссуду, вели хозяйство по раціональному способу, но и они изнемогали въ борьбѣ съ условіями мѣстной природы (климата, почвы и т. п.); колоніи другихъ нѣмецкихъ выходцевъ также потребовали энергической поддержки правительства и на первыхъ порахъ развивались довольно плохо. Но сильнѣе и рѣзче всего сказалось вліяніе мѣстныхъ неблагопріятныхъ условій на еврейскихъ колонистахъ: они явились, такъ сказать, совсѣмъ безоружными на борьбу съ природой Новороссійскаго края; вчерашніе торгаши и мелкіе ремесленники должны были обратиться въ земледѣльцевъ въ плодородномъ, но дикомъ, пустынномъ краѣ, подверженномъ лѣтнимъ засухамъ и зимнимъ мятелямъ, повальнымъ болѣзнямъ отъ недостатка и недоброкачественности воды и нашествію вредныхъ насѣкомыхъ. Не мѣшаетъ также вспомнить, какія испытанія должны были вынести сербскіе выходцы. Наиболѣе приспособились къ условіямъ мѣстной жизни малороссійскіе поселенцы, въ особенности тѣ, которые имѣли близкое отношеніе къ бывшимъ запорожцамъ. Неудивительно поэтому, что господствующимъ типомъ хозяйства являлся малороссійскій, а затѣмъ уже слѣдовали молдавскій, татарскій и раціональный. Характеристическими чертами малороссійскаго хозяйства были плугъ, волъ и возъ, обширное скотоводство безъ загоновъ и слабое развитіе огородничества; молдавское хозяйство стояло не выше малороссійскаго: у нихъ очень хорошо только шло овцеводство и коневодство; но хозяйство болгаръ и отчасти великоруссовъ—раскольниковъ должно быть поставлено выше того и другаго: здѣсь рядомъ съ земледѣліемъ процвѣтало садоводство, винодѣліе и огородничество; наконецъ, самую высшую степень занимаетъ хозяйство менонннитовъ и нѣмцевъ (въ особенности первыхъ); у нихъ не волы, а лошади; скотъ улучшеннныхъ породъ; земледѣльческія орудія заграничныя; почва обрабатывается отлично, иногда даже удобряется [1]). Къ сожалѣнію, ни практика раціональнаго хозяйства, существовавшаго у нѣмцевъ, ни теоретическіе совѣты разныхъ администраторовъ, ни земледѣльческія школы, проектированныя Потемкинымъ близь Николаева и въ Екатеринославѣ (при университетѣ), не могли замѣтно повліять на господствующую систему сельскаго хозяйства и ввести въ нее необходимыя улучшенія; университетъ въ Екатеринославѣ, какъ извѣстно, не осуществился, а менонниты представ-

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Опытъ., II, 23, 14, 18—19, 21.

ляли изъ себя замкнутую корпорацію, мало вліявшую на своихъ сосѣдей; слѣдовательно, надежды, возлагавшіяся на культурную миссію менонпитовъ, далеко не оправдались. Тѣмъ не менѣе, вообще говоря, уже въ началѣ XIX ст. Новороссійскій край сдѣлался житницей Россіи. Въ 1803 г. въ екатеринославской губ. было посѣяно 418,195 чет. озимаго и яроваго хлѣба, уродилось 1,565,856 ч., а осталось за посѣвомъ и продовольствіемъ на продажу 446,468 ч.; въ 1804 г. посѣяно 413,047 ч., собрано 2,387,708 ч., осталось 1,079,017 ч. Нельзя не поразиться здѣсь сильными колебаніями урожая; еще болѣе сильныя колебанія были въ херсонской губ. Тамъ земледѣліе шло особенно успѣшно въ мѣстахъ, прилегающихъ къ подольской, кіев. и екатер. губ., а въ нижнемъ теченіи Буга, Ингула, Днѣпра, а особенно по берегамъ Чернаго моря до Днѣстра было очень много сухихъ и песчаныхъ безплодныхъ пространствъ. Урожаи были въ высшей степени измѣнчивы: иногда бывали значительные остатки, а иногда настоящій недородъ; такъ, въ 1803 г. посѣяно было всякаго хлѣба 261,425 ч., уродилось 554,318, на продовольствіе не доставало 265,031 ч., въ 1804 г. посѣяно 205,497, собрано 1,430,634 ч., осталось за посѣвомъ и продовольствіемъ 644,207 ч. [1]).

Едва ли не важнѣйшій недостатокъ Новороссійскаго края заключается въ скудости лѣсовъ. Такимъ образомъ, явилась необходимость съ одной стороны принять мѣры противъ истребленія существовавшихъ еще лѣсовъ, съ другой позаботиться объ искусственномъ насажденіи новыхъ; необходимо было также приложить старанія къ разведенію садовъ. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ запорожцамъ. «Въ архивѣ послѣднихъ годовъ запорожскаго быта, говоритъ г. Скальковскій, находимъ множество благоразумныхъ распоряженій, а слѣдственно стараній, коша о сохраненіи лѣсовъ, байраковъ, плавень и садовъ, разведеніи деревьевъ плодовитыхъ *(родючого дерева)* и огородовъ». И дѣйствительно, изъ приводимыхъ имъ документовъ видно, что на истребленіе лѣсовъ, садовъ, служившихъ къ общественной пользѣ, запорожцы смотрѣли, какъ на тяжкое преступленіе: *«не стра-*

---

[1]) Зябловскаго. Землеописаніе рос. имп., V, 305, 339—340. Вѣроятно, частые неурожаи привели А. Ст. Пишчевича къ странной мысли о необходимости пріостанавить колонизацію Новороссійскаго края въ нач. XIX ст., потому что въ немъ, по климатическимъ условіямъ, не можетъ процвѣтать земледѣліе, а только одно скотоводство; но это послѣднее требуетъ простора; „большое же число людей на сей степи только будетъ тяготить народъ, а пользы никакой не принесетъ (Кіев. Старина, 1884, январь, 123, 129).

шась истязанія Божія за искореленіе онаго дерева, въ пользу общую ежегодно дающаго плодъ, безразсудно вырубили»...., говорится въ ордерѣ писарю и есаулу кодацкой паланки [1]). Два нынѣшнихъ екатеринославскихъ сада (Потемкинскій и городской) были первоначально разведены запорожцемъ Лазаремъ Глобою [2]). Со времени прочнаго заселенія края заботы о насажденіи лѣсовъ и садовъ, естественно, еще болѣе усились.

Видную роль въ этомъ дѣлѣ играли Мельгуновъ (правитель Новосербіи), Потемкинъ, Ришелье, французскій ботаникъ Десметъ и ген. Инзовъ. 1-й развелъ садъ въ кр. св. Елисаветы и въ другихъ мѣстностяхъ Новой Сербіи; объ этихъ садахъ говоритъ акад. Гюльденштедтъ; въ елисаветградскомъ саду, по его словамъ, были аллеи изъ вишневыхъ деревьевъ, много винограду, волошскіе орѣхи и т. п.; въ крюковскомъ саду было 1000 вишневыхъ деревьевъ, виноградъ, сливы, яблони, грушевыя деревья и т. д. [3]). Потемкинъ устроилъ 2 сада въ Херсонѣ, купилъ 2 сада въ Екатеринославѣ у Глобы, при чемъ въ одинъ изъ нихъ перевелъ свою великолѣпную оранжерею. и, наконецъ, поручилъ французскому садовнику Я. Фабру устроить дачу на Бугѣ при впаденіи въ него р. Ингула. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ садовъ, по смерти Потемкина, заглохли; такова была судьба одного изъ херсонскихъ садовъ; екатеринославскій его садъ также былъ заброшенъ, а оранжерея продана съ публичнаго торга [4]); многіе садки и лѣски, заведенные въ качествѣ декорацій на «екатерининскомъ пути», исчезли очень скоро послѣ проѣзда императрицы. Печальна была судьба и николаевскаго сада, заведеннаго въ потемкинское время. «Въ саду, разведенномъ за 10 лѣтъ передъ симъ, говоритъ путешественникъ Измайловъ, гдѣ расточены были всѣ богатства природы, куда выписывали лучшія растенія изъ чужихъ краевъ, гдѣ труды и искусство насадили, можетъ быть, произведенія 4-хъ странъ свѣта, въ семъ саду не осталось нынѣ ни одного деревца: нѣкоторыя сожжены, другія порублены. Рука времени не такъ разрушительна, какъ рука человѣка» [5]). Дюкъ де Ришелье много сдѣ-

[1]) А. А. Скальковскаго. Ист. новой Сѣчи, I, 190—191.

[2]) Устное повѣств. Н. Л. Коржа, 57.

[3]) Reisen durch Russland, II, 178, 190.

[4]) Екат. юб. листокъ, № 21, 204—206.

[5]) Путеш. въ полуденную Россію, II, 107—108. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что книга Измайлова изобилуетъ реторикой и бѣдна фактами; вѣроятно, и здѣсь онъ нѣсколько преувеличиваетъ.

лалъ не только для одесскихъ, но и херсонскихъ и екатеринославскихъ садовъ. Десметъ устроилъ ботаническій садъ въ Одессѣ на голой степи. Ген. Инзовъ способствовалъ разведенію садовъ въ иностранныхъ колоніяхъ. Виноградники и тутовыя плантаціи были разведены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края (мы не говоримъ, конечно, о Крымѣ), но дѣло это успѣшно не пошло; правительство употребляло различныя мѣры къ разведенію тутовыхъ деревьевъ, затрачивало средства, но результаты были незначительные. Кромѣ казенныхъ садовъ, были еще частные; таковы, напр., были знаменитые тираспольскіе сады, расположенные въ плодороднѣйшей днѣстровской долинѣ, и мн. др. Своими великолѣпными огородами славились раскольники (въ Елисаветградѣ, Тирасполѣ, Дубоссарахъ и другихъ мѣстахъ херс. губ.)[1]. Табаководство также представляло изъ себя одинъ изъ древнихъ промысловъ (имъ занимались еще запорожцы).

Скотоводство было древнѣе земледѣлія въ Новороссіи, ибо какъ нельзя лучше было приспособлено къ условіямъ мѣстной природы; оно составляло главное занятіе туземныхъ татаръ и запорожцевъ; стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота и табуны лошадей составляли главное богатство Запорожья; лошади запорожскія славились и за предѣлами Коша; въ особенности процвѣтало скотоводство въ зимовникахъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ и авторъ «Топогр. опис.». Скотъ лѣто и зиму былъ у нихъ на подножномъ корму; пастухи же, или такъ назваемые чабаны (иначе табунщики, скотари) имѣли у себя, подобно ногайцамъ, на случай холода и непогоды коши; такъ назывались палатки, обитыя войлокомъ и стоящія на 2-хъ колесахъ; въ кошѣ была *кабыця*, т. е. очагъ, гдѣ варилась пища для людей и собакъ и гдѣ можно было обогрѣться и обсушиться[2]. О размѣрахъ скотоводства можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Во время нападенія татаръ въ 1769 г. у кошеваго атамана былъ отогнанъ табунъ въ 600 лошадей, у полковника Колпака—1,200 овецъ, 127 лошадей и 300 головъ рогатаго скота, у козака Ѳ. Рудя—5010 овецъ и 6 воловъ, у козака Ѳ. Горюхи—2,000 овецъ и 6 лошадей, у козака Обрама 200 лошадей и 50 воловъ, у писаря Глобы—4.000 овецъ, 10 лошадей и 130 воловъ и т. п.; всего было захвачено та-

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 103—119, 122—124, 154—160, 193—198, 305-306.

[2]) Устное повѣствованіе Н. Л. Коржа, стр. 33.

тарами болѣе 100,000 овецъ и 10,000 лошадей [1]). Съ появленіемъ новыхъ русскихъ и иностранныхъ поселенцевъ, съ умиротвореніемъ края, размѣры скотоводства значительно увеличились. Въ нач. XIX ст. въ Новороссіи числилось б. 2½ мил. головъ скота. Но страшнымъ тормазомъ для развитія этого промысла являлись суровыя зимы и чума. Въ страшную морозную зиму 1812 г. погибло 1,250,352 штуки скота, т. е. половина всего наличнаго числа (878,968 овецъ, 230,059 головъ рогатаго скота, 140,455 штукъ лошадей, 209 буйволовъ и 661 верблюдъ [2]). Мы повѣримъ этому извѣстію, если вспомнимъ, что скотъ въ Новороссійскомъ краѣ держали круглый годъ на подножномъ корму: только зимою загоняли его въ камыши, а весною выгоняли на степь [3]). Въ XIX в. начались довольно успѣшно опыты разведенія тонкорунныхъ овецъ, по инициативѣ министра Кочубея; впервые начали заниматься этимъ промысломъ въ широкихъ размѣрахъ иностранцы Рувье и Миллеръ, которымъ оказана была значительная помощь отъ казны. Въ 1823 году въ херсон. губ. было уже 199,280 мериносовъ, въ екатериносл.—114,980, въ таврич.—112,000; результатомъ этого было усиленіе торговли шерстью; въ разведеніи мериносовъ и вообще улучшенныхъ породъ скота принимали видное участіе менонниты [4]). Что касается охоты и звѣроловства, то онѣ особенно процвѣтали у запорожцевъ, которые охотились за лисицами, волками, зайцами, дикими конями, сугаками, дикими козами и выдрами, съ капканами, собаками и ружьями [5]). Рыболовство было также древне, какъ и звѣроловство. Рѣки Новороссійскаго края, какъ мы видѣли, изобиловали рыбою, и запорожцы ловили ее въ громадномъ количествѣ. Ежегодно войско бросало лясы (жребій) на всѣ свои рыбныя ловли; обитатели 4-хъ паланокъ (калміусской, бугогардовой, прогноинской и ингульской) почти исключительно занимались рыбной ловлей [6]); пойманную рыбу они солили или вялили (а соль добывали въ кинбурнскихъ озерахъ) и развозили по городамъ и деревнямъ Малороссіи и Польши [7]). Рыбный промыселъ игралъ важную роль и въ болѣе позднюю пору жизни Новороссійскаго края и достигъ,

[1]) А. А. Скальковскаго. Ист. Нов. Сѣчи, I, 184.
[2]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 340.
[3]) Зябловскаго. Землеописаніе рос. имп., V, 341.
[4]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 353—364.
[5]) Зап. Од. Об. VII, 186.
[6]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 405.
[7]) Зап. Од. Общ., VII, 186.

конечно, тогда еще бóльшаго развитія, чѣмъ въ эпоху самостоятельности Запорожья.

Изъ промысловъ, относящихся къ міру ископаемыхъ, слѣдуетъ указать на добычу соли и каменнаго угля. Болѣе всего изобиловалъ солью Крымъ, и такимъ образомъ, съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ нашемъ распоряженіи очутился источникъ значительныхъ богатствъ; въ 1823 году, напримѣръ, крымской соли было продано на 5,000,000 рублей ас. Запорожцы, какъ мы видѣли, добывали соль въ прогнояхъ. Сначала козаки изюмскаго полка, а потомъ казна и частныя лица эксплуатировали для той же цѣли Бахмутскіе соляные промыслы, но добыча соли здѣсь была не особенно велика и обходилась довольно дорого. Собирали соль и въ Хаджибейскомъ лиманѣ. Въ концѣ XVIII в. было найдено столь необходимое при безлѣсіи края минеральное топливо. Каменный уголь былъ открытъ уже въ 1790 г. и Потемкинъ велѣлъ доставить въ Николаевъ 100,000 пуд. для казенныхъ кузницъ и на продажу частнымъ лицамъ [1]); впослѣдствіи уголь нашли въ многихъ мѣстностяхъ нын. екатер. губ. и земли войска донскаго. Минеральныя богатства Криваго Рога прозрѣвалъ уже акад. Зуевъ, проѣзжавшій по этимъ мѣстамъ въ 1782 г. [2]) Въ 1790 г. здѣсь добывали аспидъ, котораго адмиралтейскіе мастеровые и турки, посланные кн. Потемкинымъ, наломали за одинъ разъ и вывезли 130 возовъ, и разныя краски, которыхъ набрали 70 возовъ [3]). Потемкинъ принималъ уже мѣры къ устройству здѣсь чугунно-литейнаго завода [4]) Такой заводъ былъ основанъ въ 1795 г. въ Лугани [5]).

Такъ постепенно развивалась промышленность Новороссійскаго края, а въ связи съ нею расширялась и торговля. Первые зачатки ея мы видимъ въ Запорожьѣ. Кошъ велъ и внутреннюю, и заграничную, и сухопутную, и морскую торговлю. Въ Сѣчь, находившуюся на р. Подпольной, приходило ежегодно по 5—10 турецкихъ кораблей съ «бакаліей и виномъ» (кромѣ крымскихъ и очаковскихъ). По словамъ Пейсоннеля, украинскіе и запорожскіе козаки спускались по Днѣпру къ Очакову, гдѣ продавали баранье сало, кожи, табакъ, ве-

---

[1]) Морской Сборникъ, 1855, ноябрь, 167.

[2]) Путешественныя записки, 269.

[3]) Морской Сборникъ, 1855, ноябрь, 167.

[4]) Екатеринославскій юбил. листокъ, № 6, стр. 51; къ сожалѣнію, мы не могли достать брошюры инженера Штриппельмана и не нашли въ „М. Сб.“ статьи инж. Сѣмечкина, на которую ссылается авторъ замѣтки г. Шрейдеръ.

[5]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 508—515.

ревки, русскія полотна, дрова, точильные камни, сушеную рыбу, рыбный клей, а вывозили отсюда вина, соль, сушеные фрукты, масло, ладонъ, персидскій ситецъ, сафьянъ и др. товары [1]). Сухопутную заграничную торговлю запорожцы вели съ Крымомъ и Польшей, а внутреннюю съ Малороссіей, Слободской Украиной, и Новосербіей [2]). Важнымъ тормазомъ для торговли Запорожья съ Малороссіей являлись внутреннія таможни (въ Переволочной и Кременчугѣ), которыя, впрочемъ, въ 1755 г. были уничтожены. Въ это время, по приблизительному (вѣроятно уменьшенному) разсчету самихъ запорожцевъ, ежегодно изъ Малороссіи въ Сѣчь привозилось 10,000 четвертей ржи, 1,000 ч. пшеницы, 5,000 ч. пшена, 500 бочекъ горѣлки, 200 бочекъ солоду, 1,000 ведеръ прѣснаго меду, 4,000 пудовъ нитокъ на рыболовныя снасти, 20,000 аршинъ полотна, 20,000 арш. хрящу, 4,000 штучекъ китайки на кафтаны, 4,000 арш. сукна, 2,000 арш. разныхъ матерій, не считая овецъ, шкуръ, пороху, свинцу, пуль; изъ Сѣчи же въ Малую Россію отвозилось 1,500 возовъ рыбы, 2,000 возовъ соли, 4000 возовъ мягкой рухляди волчьихъ и лисьихъ шкуръ, 1,000 лошадей, 1,000 головъ рогатаго скота и до 1,000 пудовъ свинаго сала [3]).

Но понятное дѣло, что размѣры новороссійской торговли должны были значительно увеличиться съ пріобрѣтеніемъ побережья Чернаго моря и постройкою новыхъ городовъ. Не имѣя возможности долго останавливаться на этомъ сложномъ вопросѣ, мы приведемъ только нѣсколько цифровыхъ данныхъ, которыя лучше всякихъ разсужденій охарактеризуютъ намъ степень развитія торговой дѣятельности въ Новороссіи. Въ теченіе одного 1782 г. изъ черноморскихъ портовъ моремъ и сухимъ путемъ было привезено въ Константинополь товаровъ на 337,398 р. 12 коп.,—главными предметами привоза были желѣзо, масло, пушной товаръ, паюсная икра, табакъ, веревки, кожи. Вывезено изъ Константинополя въ южную Россію на 190,561 р. 22¾ коп., главными предметами вывоза были вина, изюмъ, бумажная пряжа, шелковые товары; слѣдовательно, отпущено было товаровъ изъ Россіи на 146,836 р. 89¼ к. болѣе, чѣмъ получено [4]). Съ присоединеніемъ къ Россіи Крыма (въ 1783 г.) черноморская торговля стала развиваться съ поразительною быстротою. Въ Таган-

---

[1]) Traité sur le commerce de la mer Noire, I, 297—298.

[2]) Подробности см. у А. А. Скальковскаго. Ист. Нов. Сѣчи, I, 212—244.

[3]) А. А. Андріевскаго. Мат. для ист. южнор. края, 310—312.

[4]) Сборн. антр. и этногр. ст., изд. Дашковымъ, I, прим. II.

рогѣ цѣнность привозныхъ иностранныхъ товаровъ съ 1782 по 1805 г. возрасла съ 69,000 до 2,440,000 р., вывозныхъ съ 225,000 до 2,272,000; главными предметами вывоза были продукты мѣстной промышленности [1]). Въ 1794 г. въ Очаковъ привезено было товаровъ на 244,340 р., вывезено на 209,321 р., изъ Херсона—на 148,433 р., изъ Николаева на 106,532 р., привезено сухимъ путемъ изъ заграницы на 989.504 р., вывезено на 1,054,663 р. Одного хлѣба изъ портовъ очаковскаго, херсонскаго, николаевскаго и таганрогскаго отпущено было 244,099 четвертей и 211,548 п. Въ 1804 г. изъ одной Одессы, которая заняла первенствующее положеніе, было вывезено болѣе $^1/_2$ мил. четвертей пшеницы цѣною въ 3 мил. рублей. Въ 1805 г. торговые обороты Одессы возрасли до $5^1/_2$ мил. руб., за нею слѣдуетъ Таганрогъ съ оборотомъ также въ $5^1/_2$ мил., а за ними уже довольно низко должны быть поставлены Керчь, Ениколь, Херсонъ, Маріуполь и Николаевъ. Кульминаціоннаго пункта торговые обороты достигли въ 1817 году; въ Одессѣ они равнялись 60 мил., въ Таганрогѣ 17 мил.; послѣ этого они значительно сократились и въ 1822 г. въ 4-хъ важнѣйшихъ портахъ (съ Одессой включительно) равнялись 31 мил. р. Главнымъ предметомъ торговли служилъ хлѣбъ, потомъ шерсть и вообще продукты мѣстной промышленности [2]).

Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи (хотя б. м. далеко неполномъ) съ матеріальною культурой развилось и просвѣщеніе въ Новороссійскомъ краѣ. Даже въ Запорожьѣ мы находимъ уже нѣкоторое число «письменныхъ», т. е. грамотныхъ людей и школу. Послѣ паденія Сѣчи, въ разныхъ селеніяхъ екат. губ., заселенныхъ малороссіянами, существовали школы, подходящія къ обычному типу народныхъ школъ въ Малороссіи XVIII в. [3]). Потемкинъ, какъ извѣстно, проектировалъ устройство университета съ академіей художествъ въ Екатеринославѣ и медико-хирургическаго училища въ Симферополѣ; но эти проекты не осуществились и въ царствованіе Екатерины II-й были открыты въ Новороссіи только народныя училища. Гораздо успѣшнѣе пошло дѣло образованія въ царствованіе имп. Александра I-го. Въ Екатеринославѣ, Херсонѣ, Таганрогѣ, Симферополѣ были открыты гимназіи, въ Николаевѣ штурманское флотское и артиллерійское училища, въ Одессѣ

---

[1]) Зябловскаго. Землеописаніе V, 324—325.

[2]) Всѣ эти цифры мы заимствовали изъ 1-го и 2-го тома „Хронол. обозр.“ А. А. Скальковскаго.

[3]) См. объ этомъ въ „Ист. Нов. Сѣчи“ А. А. Скальковскаго и въ „Мат.“ преосв. Ѳеодосія.

мужской институтъ, обращенный въ 1817 г. въ Ришельевскій лицей, женскій институтъ, коммерческое училище; въ другихъ городахъ и селеніяхъ были заведены уѣздныя и городскія училища, въ Екатеринославѣ духовная семинарія; значительныя библіотеки находимъ въ Одессѣ (при лицеѣ), въ Николаевѣ (съ 1803 г., вѣдомства черноморскаго флота), въ Севастополѣ; типографіи—въ Николаевѣ (съ 1798 г.), въ Одессѣ (съ 1814 г.), собранія древностей въ Керчи и Николаевѣ (хранилось при черноморскомъ гидрографическомъ депо и было передано въ музей Одесскаго общества), первую газету въ Одессѣ (Messager de la Russie meridionale [1]).

Давая общую оцѣнку результатовъ культурной дѣятельности народностей, заселившихъ Новороссійскій край, мы должны будемъ помнить, что дѣятельность эта начала свободно развиваться только со времени полнаго умиротворенія края, т. е. съ покоренія Крыма; въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII в. надъ нею висѣла еще гроза татарскихъ набѣговъ, а въ 1-й половинѣ XVIII в. и въ особенности въ XVI—XVII ст., въ запорожскій періодъ исторіи степей, здѣсь почти вся энергія русскаго поселенца—козака должна была уходить на оборону края, а не на развитіе мѣстной культуры, но несмотря на крайне неблагопріятныя условія военнаго быта, и въ Запорожьѣ мы замѣтили зачатки земледѣльческой, промышленной, торговой и даже умственной дѣятельности, и эти зачатки, конечно, заслуживаютъ полнаго вниманія, несмотря на ихъ скромные размѣры. Такимъ образомъ, неправъ былъ въ своемъ отзывѣ о запорожцахъ А. Пишчевичъ, который говорилъ, что они никакой пользы государству не приносили; неправъ былъ и Ришелье, который заявлялъ, что цивилизація у запорожцевъ не сдѣлала никакихъ успѣховъ и что они сами старались уничтожить ее у сосѣдей своими набѣгами и разбойническими нападеніями [2]); неправъ былъ и потомокъ молдавскаго выходца—боярина Стурдза, который въ засѣданіи сельско-хозяйственнаго общества говорилъ: «мы ничего не наслѣдовали въ этой юной странѣ отъ своихъ предковъ, кромѣ затоптанной кочевьями степной земли, и на ней все должны создать: готовя тѣнь, и плодъ, и воду, пріютъ для потомства» [3]). Интересно, что всѣ эти 3 лица не русскіе, а иностранцы.

---

[1]) Лялекова. Ист. и стат. взглядъ на успѣхи умств. образованія въ Новор. краѣ (Зап. Од. Общ. II, 330—356).

[2]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., LIV, p. 307.

[3]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 98—99.

Съ завоеваніемъ Крыма, открывается новая эра въ культурной жизни Новороссійскаго края; отселѣ уже приходится вести борьбу не съ татариномъ, а съ дѣвственной природой края; нужно было обратить пустыню въ пахатное поле, развести лѣса и сады, завести въ широкихъ размѣрахъ скотоводство, проникнуть въ нѣдра земли и извлекать оттуда богатства, воспользоваться вновь пріобрѣтеннымъ побережьемъ Чернаго и Азовскаго морей и организовать на твердыхъ началахъ привозную и отпускную торговлю и, наконецъ, насадить здѣсь сѣмена просвѣщенія и образованія. И все это было достигнуто соединенными усиліями народа и государства, русскихъ людей и иностранныхъ поселенцевъ! Не мало было сдѣлано иностранными выходцами, изъ которыхъ многіе стояли на болѣе высокой степени культурнаго развитія, чѣмъ русскіе поселенцы. Нельзя умолчать о томъ, что они сдѣлали для развитія земледѣлія, скотоводства и въ особенности торговли; эта послѣдняя, можно сказать, всецѣло находилась въ рукахъ грековъ, армянъ, евреевъ; а торговля (въ особенности заграничная) создала силу, богатство и значеніе новороссійскихъ городовъ; слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя отрицать вліянія иностранныхъ переселенцевъ на быстрый ростъ городскихъ торговыхъ центровъ. Гораздо менѣе замѣтно ихъ вліяніе на сельскій бытъ, хотя бы даже въ области того же земледѣлія и скотоводства. Сами они, безспорно, были лучшими сельскими хозяевами, чѣмъ окружающее ихъ русское населеніе, но, благодаря ихъ замкнутости, корпоративному устройству, степень культурнаго вліянія на остальную массу поселенцевъ не могла быть велика. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что уже въ пол. XIX ст. изъ $3^1/_2$ мил. жителей Новороссіи только 102,300 чел. занимались земледѣліемъ по раціональному способу, а по малороссійскому 2,300,000 чел. Такимъ образомъ, иностранные поселенцы сдѣлали много и для заселенія Новороссійскаго края, и для развитія въ немъ культуры, но, какъ намъ кажется, меньше, чѣмъ русское населеніе. Это послѣднее было поставлено въ несравненно менѣе выгодныя условія, чѣмъ иноземцы: ему приходилось еще бороться съ татарами; оно получало гораздо меньше всякихъ льготъ, чѣмъ иностранные переселенцы; о немъ мало заботились, и нерѣдко оставляли его на произволъ судьбы въ борьбѣ со всевозможными препятствіями, оно, наконецъ, должно было становиться по большей части въ зависимыя соціально-экономическія отношенія къ сравнительно небольшой группѣ владѣльцевъ—помѣщиковъ, которымъ покровительствовало правительство; а въ городахъ ему трудно было

конкуррировать съ богатымъ, опытнымъ и поставленнымъ въ привилегированное положеніе нерусскимъ купечествомъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, русскій элементъ, во 1-хъ, представлялъ изъ себя господствующую группу въ населеніи по своей численности, а во 2-хъ игралъ очень важную роль и въ созиданіи мѣстной культуры (какъ матеріальной, такъ и умственной). Мы уже могли убѣдиться въ этомъ на одномъ весьма важномъ примѣрѣ—преобладающимъ способомъ земледѣлія былъ не иностранный, а русскій; то же самое нужно сказать относительно скотоводства, игравшаго такую же видную роль въ экономической жизни, какъ и земледѣліе, и другихъ сельскихъ промысловъ; да и въ городскомъ быту нельзя игнорировать русской стихіи: мы видѣли, что раскольники принимали не менѣе видное участіе въ торговлѣ Елисаветграда, чѣмъ греки; да и вообще русскимъ (великорусскимъ и малорусскимъ) поселенцамъ не чужда была торговля 2-й руки и разныя ремесла; въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, Екатеринославѣ) иностранцевъ было очень мало. Говоря все это, мы нисколько не отрицаемъ громаднаго значенія иностранныхъ выходцевъ въ жизни края. Мы думаемъ даже, что необычайно быстрое развитіе мѣстной культуры объясняется, между прочимъ, разнообразіемъ этнографическаго состава населенія Новороссійскаго края; одна народность развивала одну сторону культуры, другая—другую. Такъ, по словамъ неизвѣстнаго автора «Опис. городовъ и уѣздовъ азов. губ.» [1]), великорусскіе однодворцы и крестьяне обнаруживали особенную склонность къ земледѣлію, малороссіяне, занимаясь земледѣліемъ, особенно любили скотоводство; армяне—промыслы и торговлю, греки—разныя мастерства, садоводство и хлѣбопашество и, прибавимъ отъ себя, въ городахъ торговлю. И опытъ показалъ, что съ этими свойствами и привычками представителей разныхъ народностей необходимо было считаться.

Всѣ заботы правительства о развитіи нѣмецкихъ земледѣльческихъ колоній, въ составъ которыхъ вошли бывшіе ремесленники, не привели ни къ чему; всѣ старанія властей обратить евреевъ-промышленниковъ въ хорошихъ земледѣльцевъ пропали даромъ.

Здѣсь мы подошли къ вопросу о роли государства въ дѣлѣ колонизаціи Новороссійскаго края. Она была очень велика, какъ это мы могли видѣть изъ всего предшествующаго изложенія. Оно прежде всего постаралось обезопасить этотъ край, возникшій на самыхъ та-

---

[1]) Зап. Од. Общ., III, 305.

тарскихъ кочевьяхъ и подвергавшійся постояннымъ нападеніямъ степняковъ. Съ этой цѣлью оно, какъ мы видѣли, устраивало крѣпости и цѣлыя укрѣпленныя линіи, поселяло въ нихъ военные контингенты, заводило военный флотъ, созидало дорого стоившіе порты и адмиралтейства, основывало съ торговыми и промышленными цѣлями города, присылало для ихъ постройки рабочихъ людей, ставило во главѣ дѣла, въ качествѣ руководителей колонизаціи, своихъ довѣренныхъ людей, вызывало иностранцевъ, затрачивало на ихъ устройство громадныя суммы, раздавало земли частнымъ владѣльцамъ-помѣщикамъ и отводило ихъ государственнымъ крестьянамъ и, наконецъ, принимало цѣлый рядъ мѣръ къ насажденію и развитію въ новомъ краѣ матеріальной и умственной культуры. И это понятно. Сами представители верховной власти въ лицѣ Екатерины II и Александра I-го смотрѣли на заселеніе Новороссіи, какъ на дѣло громадной государственной важности и не щадили средствъ для его благополучнаго окончанія; мало того: сами лично интересовались имъ и направляли нерѣдко его ходъ въ ту или иную сторону; это ясно видно изъ переписки Екатерины II съ Потемкинымъ и имп. Александра I-го съ Ришелье. Лица, стоявшіе во главѣ колонизаціи, были очень близки къ трону, пользовались громадными полномочіями и облечены были полнымъ довѣріемъ власти. Мало того, это не были простые исполнители, а люди инициативы, примѣнявшіе на дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ свои собственные проекты. Такимъ, несомнѣнно, дѣятелемъ былъ кн. Потемкинъ, такими отчасти были Зубовъ и Ришелье. Дѣятельность кн. Потемкина, какъ колонизатора Новороссіи, пытались оцѣнивать уже современники. Эта дѣятельность возбуждала слѣпое благоговѣніе у однихъ, сильную критику у другихъ (въ особенности у иностранцевъ). Кто зависѣлъ отъ него (а такихъ было громадное большинство), тотъ у него заискивалъ, льстилъ ему. Образчикомъ подобной лести можетъ служить письмо къ нему его сотрудника Фалѣева, написанное по поводу пожалованія свѣтлѣйшему великолѣпнаго имѣнія у Святогорскаго монастыря (харьк. губ.): «думаю весь тотъ край, писалъ Фалѣевъ, благополучнымъ себя почтетъ, что Святогорская дача пожалована вамъ, тѣмъ паче что всѣ тамошніе обыватели, между которыми и я, по милости вашей, въ ономъ помѣщикъ, подъ тѣнью вашего покрова и защиты блаженствовать будутъ. Сей край подлинно, который въ забвеніи и незнаніи по сію пору былъ... теперь воскреснетъ и лестнымъ учинится для всякаго» [1]). И Потемкинъ, какъ мы

[1]) Зап. Од. Общ., IX, 252.

видѣли въ дѣлѣ доктора Самойловича, не любилъ критики. Но такой критикѣ подвергали его дѣятельность иностранцы, не довольствовавшіеся осмотромъ одной показной стороны, которою такъ любилъ щеголять свѣтлѣйшій, а обращавшіе вниманіе и на промахи, недостатки, слабыя стороны ея. Такъ поступали имп. Іосифъ, де Линь и Сегюръ. Имп. Іосифъ II-й говорилъ Сегюру, что всѣ тѣ сооруженія, которыя онъ видѣлъ въ Новороссійскомъ краѣ, могли быть исполнены только въ рабской странѣ, гдѣ ни во что ставятся жизнь и труды человѣческіе, гдѣ въ болотахъ строятся дороги, гавани, крѣпости и дворцы, гдѣ въ пустыняхъ разводятся лѣса безъ платы или за ничтожную плату полуголоднымъ рабочимъ. Если мы обратимся къ современнымъ изслѣдованіямъ, то въ однихъ увидимъ гл. образомъ панегирикъ, а въ другихъ и попытку разносторонней критической оцѣнки. Къ числу первыхъ мы причисляемъ статью Щебальскаго [1]) и редакціи «Русской Старины» [2]); къ числу вторыхъ монографію проф. Брикнера. Проф. Брикнеръ о Потемкинѣ говоритъ такъ: «результаты всей этой дѣятельности не соотвѣтствовали надеждамъ и намѣреніямъ Потемкина. Желая превратить южную Россію въ богатый край, покрытый садами, изобилующій городами, селами, отличающійся производительностью, густымъ населеніемъ и пр., князь не могъ достигнуть этой цѣли. Изъ огромнаго числа дѣловыхъ бумагъ и писемъ канцеляріи Потемкина видно, какъ многостороння и неусыпна была его дѣятельность по управленію южной Россіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней очевидны лихорадочность, поспѣшность, самообольщеніе, хвастовство и стремленіе къ чрезмѣрно высокимъ цѣлямъ. Приглашеніе колонистовъ, закладка городовъ, разведеніе лѣсовъ, виноградниковъ, шелководства, учрежденіе школъ, фабрикъ, типографій, корабельныхъ верфей—все это предпринималось чрезвычайно размашисто, въ большихъ размѣрахъ, при чемъ Потемкинъ не щадилъ ни денегъ, ни труда, ни людей. Но, къ сожалѣнію, многое было начато и брошено; другое съ самаго начала оставалось на бумагѣ; осуществилась лишь самая ничтожная часть смѣлыхъ проектовъ» [3]) Въ этихъ словахъ вѣрно изображены слабыя стороны дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Тавриды. Мы бы сюда присоединили еще одну черту, которая, впрочемъ, въ одинаковой степени относится и къ другимъ дѣятелямъ—Зубову и въ особенности Ри-

---

[1]) Сборникъ антропол. и этногр. статей о Россіи, изд. Дашковымъ, I, 130—143.

[2]) „Русская Старина" 1875 г., т. XII, XIII, XIV.

[3]) Новь, 1887 г., № 4. стр. 207.

шелье; это—покровительство высшему слою, составлявшему привилегированное меньшинство, и принесеніе ему въ жертву интересовъ большинства. Такъ созидалось на новой почвѣ крѣпостное право, а между тѣмъ иностранные переселенцы, только потому что они были иностранцами, получили и сохранили за собою множество привилегій. Мы нисколько не считаемъ вредными этихъ привилегій; наоборотъ, мы думаемъ, что онѣ то главнымъ образомъ и создали матеріальное благосостояніе иностранныхъ колоній. Мы только думаемъ, что льготы должны были быть распредѣлены болѣе правильно и равномѣрно по степени полезности, приносимой той или другой народностью, тѣмъ или инымъ общественнымъ слоемъ. Но это была болѣзнь екатерининскаго вѣка, которая досталась въ наслѣдіе и александровской эпохѣ. Знаменитый, просвѣщенный дѣятель времени имп. Александра I-го, гражданинъ французской имперіи, дюкъ де-Ришелье также энергически отстаивалъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ—и относился въ высшей степени отрицательно къ низшему классу общества (б. запорожцамъ), хотя и пользовался для цѣлей колонизаціи безпаспортными и бродягами.

О заслугахъ свѣтлѣйшаго князя и другихъ дѣятелей намъ говорить не приходится: онѣ, во 1-хъ, всѣмъ извѣстны, а во 2-хъ, выяснены до нѣкоторой степени и въ настоящемъ этюдѣ. То, что мы сказали выше о роли государства, относится и къ Потемкину, ибо во всемъ этомъ была его инициатива и дѣятельность. Его ошибки именно потому и многочисленны, что его дѣятельность была необыкновенно обширна, разнообразна и интенсивна. Пл. Зубовъ, по сравненію съ нимъ, по меньшей мѣрѣ неудачникъ: у него были потемкинскіе недостатки, но не было потемкинскихъ дарованій. На строеніе города Вознесенска онъ испросилъ у императрицы круглую сумму до 3,000,000 руб., и это только для того, чтобы построить «свой» городъ, который бы затмилъ Екатеринославъ, Херсонъ, Николаевъ, основанные кн. Потемкинымъ. Дѣятельность Ришелье говоритъ сама за себя: ему исключительно Одесса обязана быстрымъ экономическимъ ростомъ и благоустройствомъ. Заслуживаютъ также добраго слова второстепенные и третьестепенные дѣятели—Каховскій, Синельниковъ, Фалѣевъ, Контеніусъ, полк. Колпакъ и мн. др. Не всѣ они оказали одинаковыя услуги: одни сдѣлали больше, другіе меньше; не будемъ слишкомъ строги къ тѣмъ, которые думали сдѣлать очень много, а въ результатѣ вышло мало. Не мало было сдѣлано удачнаго, полезнаго, жизненнаго, много также неудачнаго, необдуманнаго, иногда вреднаго; одни

руководствовались идеей общественнаго блага, другіе просто исполняли свой долгъ, третьи стремились къ славѣ, четвертые не чужды были и корыстныхъ побужденій. Но результаты общихъ усилій были очень существенны: путемъ оружія и мирнаго наступательнаго колонизаціоннаго движенія пріобрѣтены и заселены были новороссійскія степи и въ нихъ насаждена значительная матеріальная и умственная культура.

Д. И. Багалѣй.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго[1]).

Иванъ Михайловичъ и его семейство. Кондиція.

Въ 1838 году, предъ началомъ учебнаго года, въ августѣ, инспекторъ прислалъ за мною сторожа Степана, смѣнившаго покойнаго Парамона, и предложилъ мнѣ на выборъ двѣ кондиціи: одну у знакомаго уже намъ курскаго помѣщика, а другую у ближайшаго къ городу пана Ивана Михайловича. Я, конечно, выбралъ послѣднюю. Баринъ пріѣхалъ въ Новгородокъ пока одинъ, безъ дѣтей. Хотя условливаться на счетъ кондиціи, не видѣвъ своихъ будущихъ учениковъ, было нѣсколько рискованно, но опасаясь вовсе остаться безъ мѣста, я долженъ былъ съ нимъ покончить. Пока еще не началось ученье, я поѣхалъ съ своимъ новымъ патрономъ въ деревню знакомиться съ его семействомъ.

По родственнымъ отношеніямъ къ О. М. Судіенку, Иванъ Михайловичъ примыкалъ когда то къ разряду аристократовъ. Какъ большая часть нашихъ свѣтскихъ людей, получивъ весьма поверхностное образованіе гдѣ то въ шкловскомъ благородномъ пансіонѣ, онъ провелъ молодость въ Петербургѣ, въ аристократическихъ кружкахъ, группировавшихся подлѣ большихъ пановъ: гр. Ильи Андреевича Безбородка, Гудовича, Кочубея и др. Получивъ въ наслѣдство богатое имѣніе въ 600 душъ, Иванъ Михайловичъ не хотѣлъ ни въ чемъ отстать отъ этихъ вельможъ и зажилъ такъ, какъ будто у него было не 600, а 6 тысячъ душъ. Благодаря тѣмъ же родственнымъ связямъ, онъ пользовался обширнымъ креди-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ №№ 5 и 6, май и іюнь.

томъ и могъ бы очень долго наслаждаться всѣми земными благами и умереть въ своемъ Сенинѣ, не испытавъ никакихъ лишеній, хотя бы долги его превышали вдвое стоимость всего имѣнія, если бы у него не было пагубной страсти къ карточной игрѣ. Она то его и доканала. Въ одно прескверное утро Иванъ Михайловичъ проснулся яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего! Едва онъ поднялся съ постели, какъ лакей доложилъ ему о пріѣздѣ одного изъ ближайшихъ сосѣдей. Не успѣлъ гость спросить хозяина о здоровьѣ, какъ Иванъ Михайловичъ остановилъ его на первой же фразѣ.

— А знаешь ли, любезный другъ, новость? Вѣдь я вчера продалъ свой Сенинъ и какъ выгодно, вообрази: двѣсти тысячъ получилъ!

— Я слышалъ, многоуважаемый Иванъ Михайловичъ, вы меня извините... что вы не продали, а такъ сказать... гость замялся.

— Фи, какой ты, братецъ, чудакъ: развѣ это не все равно, что продалъ? Я пропонтировалъ 200 тыс. и какъ благородный человѣкъ обязанъ былъ выложить деньги, не правда ли? а? Нѣтъ, я нахожу, что имѣніе продано очень выгодно: вѣдь на Сенинѣ слоемъ были долги.

Какъ бы тамъ ни было: проданъ ли Сенинъ или пропонтированъ, а Иванъ Михайловичъ очутился въ критическихъ обстоятельствахъ. Барскій домъ, со всѣми принадлежностями комфорта, перешелъ во владѣніе другаго счастливца. Пришлось опять тереться подлѣ вельможъ и жить на ихъ счетъ. Но баринъ не унывалъ, оставшись такимъ же веселымъ бонмотистомъ, какимъ его знали прежде; такъ же загибалъ углы бубновому тузу и такъ же жестоко продувался, какъ и прежде. Наконецъ, лѣта взяли свое; неугомонная натура умаялась и потребовала отдыха. Осипъ Михайловичъ Судіенко, обладатель Очкина и иныхъ селъ, подарилъ Ивану Михайловичу хуторъ Боровичи съ 25 душами крестьянъ, въ трехъ верстахъ отъ Кривоносовки, принадлежавшей родной сестрѣ его, женщинѣ болѣзненной и при томъ бездѣтной. Дождавшись ея смерти, братецъ завладѣлъ Кривоносовкой, хотя и остался жить въ своемъ хуторѣ, подъ соломенною крышей деревенскаго дома, своеобразной архитектуры, съ разными пристройками и закоулками; въ наслѣдованномъ же послѣ сестры домѣ посадилъ своего первенца Павлушу, въ качествѣ управляющаго. Прежній великосвѣтскій баринъ,

окруженный многочисленнымъ семействомъ, погрязъ въ своемъ излюбленномъ болотѣ, выѣзжая лишь по временамъ въ уѣздный городъ побаловаться картишками. Такъ, и въ послѣдній свой пріѣздъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, помимо пріисканія для дѣтей репетитора и квартиры, онъ разсчитывалъ также и на игру; но къ великому своему огорченію, въ городѣ не нашелъ ни одного изъ своихъ обычныхъ партнеровъ. Когда я пришелъ къ нему на другой день послѣ нашего уговора, Иванъ Михайловичъ былъ не въ духѣ и объявилъ мнѣ, что сейчасъ ѣдетъ домой.

— Этакой поганый городишко—не съ кѣмъ и время провести по людски!—говорилъ онъ съ досадой.

Дѣло въ томъ, что каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, въ то же самое время туда отправлялся цѣлый транспортъ съ разными деревенскими продуктами. Вырученныя отъ продажи деньги полностью вручались барину, который въ тотъ же вечеръ созывалъ гостей и спускалъ въ карты все до чиста, возвращаясь въ хуторъ съ пустымъ бумажникомъ. Въ этотъ пріѣздъ деньги какъ то уцѣлѣли и потому онъ былъ не въ духѣ: такая была ужъ у него натура. Передъ самымъ выѣздомъ изъ города, въ квартиру пришли кредиторы; но баринъ ни одному не заплатилъ ни копѣйки, отдѣлавшись однѣми шуточками.

— Нема, братику, грошей: подожди—отдамъ! говорилъ онъ каждому изъ нихъ, ласково трепля по плечу.

Переправившись черезъ два парома на Деснѣ и Выти, мы по глубокому песку добрались до лѣсу. Не успѣли подъ тѣнью сосенъ проѣхать и версту, какъ на встрѣчу намъ какой то господинъ въ усахъ, въ пестромъ архалукѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ болтавшимся на пуговицѣ кисетомъ.

— Ба, ба, ба! Иванъ Михайловичъ! что такъ рано изъ города? забасилъ усатый господинъ: а я спѣшу, думалъ еще застать васъ.

— Самъ, братецъ, виноватъ: отчего вчера не пріѣхалъ?

— Да воротитесь, куда вамъ спѣшить?

Возвратиться въ городъ Иванъ Михайловичъ, однакожъ, не пожелалъ, а сразиться съ пріятелемъ сильно подшибало. Что жъ тутъ дѣлать? Послѣ небольшаго раздумья, баринъ вышелъ изъ коляски, велѣлъ своему лакею Бѣлкѣ разостлать подъ сосною коверъ,

усѣлся на немъ и заложилъ банчикъ. Усатый господинъ былъ въ восторгѣ отъ такой изобрѣтательности Ивана Михайловича и, закуривши трубку, началъ ставить карты да въ какіе нибудь полчаса и забралъ въ карманъ порядочную кучку ассигнацій и серебра, да и поѣхалъ своей дорогой, а мы поѣхали своей.

Проигравъ всѣ свои деньги, баринъ мой какъ будто повеселѣлъ. Всю дорогу разсказывалъ смѣшные анекдоты и напѣвалъ французскіе куплеты. Изрѣдка только, какъ бы вскользь, бросалъ на вѣтеръ нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній на счетъ господина въ усахъ, котораго, по его словамъ, все имущество заключалось въ парѣ саврасыхъ лошадей, да въ пѣнковой трубкѣ.

— Я, говоритъ, отдалъ ему свои деньги на бѣдность, все равно что нищему. Для него это деньги, а для кривоносовскаго пана, братецъ ты мой, ces sont de poustiaky! какъ говаривалъ добрѣйшій пріятель мой графъ Илья Андреевичъ Безбородко.

На пути намъ попадались на встрѣчу жалкія лачуги, съ закоптѣлыми отъ дыма крышами и ихъ обитатели крестьяне, съ изнуренными лицами, въ рваной одеждѣ. Проѣхали мы и памятное для меня село Биринъ и самую Кривоносовку. Тутъ Иванъ Михайловичъ, подобно Ноздреву, сталъ показывать мнѣ свои владѣнія, раскинутыя на громадныя пространства, насколько могъ охватить глазъ—съ полями, лѣсами и сѣнокосами.

Попадавшіеся на встрѣчу крестьяне, завидѣвъ издали хорошо знакомую коляску, останавливались, скидали шапки и кланялись въ поясъ. По своей словоохотливости, баринъ ни одного не пропускалъ безъ того, чтобы не предложить какого нибудь вопроса, называя каждаго по именамъ, при чемъ, однакожъ, кучеръ Емельянъ и лакей Бѣлка постоянно поправляли ошибку барина, если онъ называлъ Ивана Сидоромъ, а Петра Лукой. Баринъ, подобно Суворову, любилъ быстрые отвѣты, на что наши малороссы, по своей флегматичности, вовсе не способны и за что помѣщикъ сердился и даже бранился. Но вотъ, наконецъ, и резиденція Ивана Михайловича, хуторъ Боровичи, прелестный уголокъ, со всѣми принадлежностями деревенской природы: съ трехъ сторонъ его огибалъ лѣсъ, а съ четвертой тянулись поля, а тамъ за полями, до самой Десны, зеленѣли луга, сверкали озера. Возлѣ самаго дома, справа, большой

проточный прудъ, съ двумя мельницами. „Рай тай годи!“ сказалъ бы покойный Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Пока на кухнѣ готовился обѣдъ, баринъ началъ знакомить меня съ моими будущими учениками—Андрюшей и Яшей, изъ которыхъ первый, по его словамъ, долженствовалъ сдѣлаться поэтомъ, а второй—пастухомъ, на томъ де основаніи, что одинъ зналъ на память пропасть стихивъ (преимущественно одъ Ломоносова и Державина), а другой—вѣчно возился съ козломъ на скотномъ дворѣ. Третій сынъ Алеша, по мнѣнію папаши, глядѣлъ въ Наполеоны, потому что постоянно дрался, лазилъ по заборамъ и взбирался на самыя высокія деревья.

— А ну, Андрюша, валяй! обратился онъ къ старшему сыну, валяй: „Мастеръ въ живописи первый“!

Тотъ и началъ валять, кивая въ тактъ головою:

Мастелъ въ зивописи пелвый,
Пелвый въ нашей столонѣ и проч.

Родитель, зажмуривъ отъ удовольствія глаза, какъ котъ, у котораго чешутъ за ушами, выбивалъ ногою тактъ по стопамъ.

— А ну, „Фелицу!“ А ну, „на смерть Мещерскаго“ и т. д.

Перебравъ такимъ образомъ весь репертуаръ пьесъ, извѣстныхъ Андрюшѣ, баринъ пустился въ критическія сужденія о поэзіи вообще и о величайшемъ поэтѣ Державинѣ въ особенности, котораго онъ будто бы зналъ лично. Видно было, что его литературные вкусы остались неизмѣнными съ конца XVIII столѣтія. Такою же отсталостію отличались и его взгляды на воспитаніе дѣтей. Литературно-педагогическая бесѣда наша была прервана появленіемъ Бѣлки, возгласившаго торжественно: „кушать подано!“

Войдя въ столовую, я узрѣлъ умилительную картину семейнаго счастія. Богъ благословилъ Ивана Михайловича, за его добродѣтели, многочисленнымъ семействомъ: къ столу явилось штукъ 8 дѣтворы, а сколько осталось въ дѣтской—это для меня было тайной. У суповой чашки сидѣла приземистая, совершенно расплывшаяся отъ жиру дама, въ огромномъ чепцѣ, съ краснымъ лицомъ и зеленоватыми глазами.

— Вотъ тебѣ, Ганочка, учитель Михайло Корнѣевичъ! обратился баринъ къ дамѣ, а мнѣ сказалъ:

— Это, братецъ, моя Агафья Григорьевна!

Въ концѣ стола, посреди мелюзги, помѣстился рыжій Павлуша, мужчина лѣтъ 30-ти, глухой какъ дерево, косноязычный и съ единственнымъ зрячимъ глазомъ. По справкамъ оказалось, что это также сынъ Ивана Михайловича, отъ другой, еще сенинской метрессы. Павлуша, какъ я сказалъ, былъ управляющимъ кривоносовскаго имѣнія, а другой братъ его, говорятъ, весьма умный и красивый юноша, отданъ родителемъ въ солдаты за крутой нравъ и грубость, нанесенную Ганочкѣ, которая, завладѣвъ сердцемъ Ивана Михайловича и вступивъ во всѣ права барской барыни, слишкомъ зазналась и никому не давала спуску. Вся дворня, помня недавнее ея ничтожество, когда она была простой Ганкой, дѣвчонкой въ пестрядинномъ платьишкѣ, никакъ не могла помириться съ мыслію, что эта самая замарашка ни съ того ни съ сего стала всемогущей барыней. И чѣмъ она приглянулась своему помѣщику? За что онъ ее полюбилъ? На этотъ вопросъ едва ли въ состояніи былъ отвѣчать и самъ баринъ. Полюбилась сатана пуще яснаго сокола! говоритъ пословица. Оставшись въ первобытномъ состояніи полнѣйшаго невѣжества, безграмотная и ограниченная, Ганочка не отличалась ни однимъ, сколько-нибудь привлекательнымъ качествомъ, но Иванъ Михайловичъ былъ ею доволенъ—это его дѣло, о вкусахъ не спорятъ. Родной братъ Ганочки, кучеръ Емельянъ, красивый и здоровый парень, съ окладистой бородой, вздумалъ было вразумлять сестрицу обходиться съ людьми почеловѣчнѣе, но попробовавъ на конюшнѣ березовыхъ, махнулъ на все рукой и сталъ пить горькую молча: ничего молъ съ ней не подѣлаешь, потому—сила.

За столомъ дѣти вели себя отвратительно. Каждая выходка котораго нибудь изъ нихъ сопровождалась замѣчаніемъ то отца, то матери, особенно же отличался будущій Наполеонъ: ему все сходило съ рукъ. Но всѣ эти маленькія шалости были только прелюдіей къ тому вокальному концерту, какой задали они по выходѣ изъ столовой. Отъ непривычки у меня въ ушахъ затрещало. Между тѣмъ родители только ухмылялись отъ удовольствія.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я конца обѣда, чтобы поскорѣе вырваться на вольный воздухъ изъ этого омута: меня тянуло въ лѣсъ, въ поле, къ пруду; но увы! гость—невольникъ, говоритъ пословица.

Найдя во мнѣ смиреннаго слушателя безконечныхъ разсказовъ о своихъ похожденіяхъ по великосвѣтскимъ салонамъ, Иванъ Михайловичъ не отпускалъ меня отъ себя ни на шагъ. Послѣ обѣда онъ потащилъ меня въ кабинетъ, завалился въ вольтеровское кресло и въ ожиданіи кофе началъ новую повѣсть о воздушномъ путешествіи въ 1800 году знаменитаго Гарнэрена, съ которымъ на монгольфьерѣ, какъ извѣстно изъ „Русск. Стар.", „поднялся до облаковъ генералъ Львовъ—просить боговъ объ отпускѣ долговъ". Казалось бы, о такомъ хоть бы и чрезвычайномъ событіи нечего и распространяться слишкомъ; но надобно знать особую манеру И. М—ча—длить разсказъ до безконечности. У него, какъ у стараго суворовскаго воина, при воспоминаніи о прошломъ, повторялась въ душѣ вся минувшая жизнь; возобновлялись въ памяти давно забытыя имена, образы, лица, событія.

Jhr bringt mit euch die Bilder froher Tage,—
Und manche liebe Schatten steigen auf. (Göhhs.)

Воспроизводя, по ассоціаціи идей, въ разсказѣ своемъ нѣкоторымъ образомъ цѣлую эпопею минувшаго, разскащикъ мой не обладалъ, однакожъ, въ должной степени эпическимъ спокойствіемъ: по временамъ рѣчь его то вдавалась въ лиризмъ, то внезапно принимала драматическую форму—и баринъ изъ эпика становился настоящимъ актеромъ, принимая на себя роли встрѣтившихся въ разсказѣ лицъ, подражая даже ихъ голосу и тѣлодвиженіямъ. Прежде всего онъ обыкновенно излагалъ curriculum vitae каждаго такаго лица, потомъ заставлялъ его говорить и дѣйствовать eo ipso, такъ что чѣмъ больше увлекался мой баринъ разными, занимательными лишь для него одного эпизодами, тѣмъ все дальше и дальше отклонялся отъ главной темы своего разсказа; а потому Гарнэренъ во время вечерняго чаю не только не вернулся изъ своего воздушнаго плаванія, но даже еще не тронулся съ мѣста. Послѣ чаю, для моціона передъ ужиномъ, мы отправились на прогулку черезъ плотину въ лѣсъ. Такъ бы, кажется, и побѣжалъ туда въ темную глубь исполинскихъ сосенъ, растянулся бы на душистой травкѣ или бросился бы подъ мельничное колесо, подставивъ свой хребетъ подъ шумящій каскадъ освѣжительной, яркосверкающей при свѣтѣ заходящаго солнца воды... Но гость неволь-

никъ: я долженъ былъ сопровождать тяжеловѣснаго помѣщика и слушать вовсе неинтересные для меня анекдоты о его „добрыхъ пріятеляхъ"—графѣ Б., генералѣ Д., сенаторѣ Г. и т. д. Обращался баринъ съ своимъ домашнимъ учителемъ слишкомъ ужъ безцеремонно, вставляя въ свою рѣчь слова: любезный другъ, братецъ ты мой и другіе ласкательныя выраженія.

„Да ты, братецъ ты мой, подумалъ я, замучишь меня своими глупыми исторіями. Дешево жъ я продалъ свою свободу"...

Не безъ ужаса представлялъ я себѣ жизнь въ одной комнатѣ съ безпокойными мальчуганами, которымъ придется посвятить большую часть своего времени, а оно мнѣ будетъ такъ дорого въ два послѣдніе года гимназическаго курса. Потомъ, вмѣсто того, чтобы послѣ такой каторжной работы отдохнуть въ деревнѣ, я обязанъ буду слушать нескончаемые разсказы стараго болтуна. Нѣтъ, это невозможно. Я постараюсь со временемъ поставить себя въ положеніе болѣе независимое, иначе все погибнетъ за какіе нибудь сто рублей асс. въ годъ.

Сказаніе о путешестіи Гарнерэна такъ и осталось въ тотъ день неоконченнымъ. Когда мы уходили спать, то знаменитый воздухоплаватель только что собирался сѣсть въ лодку. Нѣтъ, думаю себѣ, дудки! Пусть его летитъ, а я—слуга покорный! Ставши съ зарею, я схватилъ ружье и былъ таковъ. Вернулся лишь къ завтраку. Мнѣ сказали, что баринъ уже два раза меня спрашивалъ. Иду въ кабинетъ. Мой помѣщикъ сидитъ надъ аспидной доской и что то пишетъ. Не говоря ни слова, онъ съ какою то таинственностію указалъ мнѣ лѣвой рукой кресло, продолжая писать; потомъ, минутъ черезъ десять, обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— А знаешь ли, любезный другъ, М. К—чъ, чѣмъ я занимался въ твое отсутствіе? Ты вѣрно думаешь: да чѣмъ же тебѣ заниматься, глупый ты человѣкъ, Ив. М—чъ? Да и къ чему тебѣ, богатому кривоносовскому пану, чѣмъ нибудь дѣльнымъ заниматься? Нѣтъ, мой другъ, думая такъ, ты крѣпко ошибаешься. Ты еще не знаешь Ивана Михайловича. Ты и вообразить не въ состояніи, что бы могло выйти изъ этого самаго Ивана Михайловича, если бы онъ только захотѣлъ этого .самъ. Да, вотъ... не больше какъ въ часъ,

сидя на этомъ самомъ стулѣ, я написалъ прелестное стихотвореніе, такъ, шутя, потому что это мнѣ ничего не стоило. Слушай же!

Тутъ онъ выпрямился и, указывая торжественно рукой за окно на пустопорожнее мѣсто, гдѣ ходили тогда индюшки, выбивая ногой тактъ, продекламировалъ такое четверостишіе:

На самомъ мѣстѣ томъ
Хочу построить домъ,
Домъ, невысокій стѣнами,
За то богатый вкусными пирогами.

— А? что? каково? Бѣлка, Бѣлка! позови Андрюшу!

И новый поэтъ безъ зазрѣнія совѣсти началъ хвалиться передъ сыномъ глупыми стихами, оговорившись, что это не болѣе, какъ экспромптъ.

— Слава Богу, подумалъ я, баринъ, кажется, забылъ про Гарнерэна.

— A propos! вскрикнулъ баринъ: вѣдь я тебѣ вчера, братецъ ты мой, не докончилъ своего разсказа, остановившись на самомъ интересномъ мѣстѣ. И пошелъ, и пошелъ!...

Такъ какъ на другой день мы должны были отправиться въ городъ, то знаменитый аэронавтъ поспѣшилъ окончить свое путешествіе за ужиномъ. И генералъ Львовъ „на землю спустился, но съ долгами не расплатился“.

Агафья Григорьевна еще съ вечера отправила въ городъ цѣлый обозъ провизіи съ импровизированнымъ поваромъ Максимомъ, который при покойницѣ кривоносовской барынѣ чистилъ на кухнѣ кострюли. Старшему сыну Андрюшѣ дана подробная инструкція, по скольку чего выдавать на обѣдъ и на ужинъ, да присматривать хорошенько за Максимомъ, чтобы не воровалъ провизіи. Такому распоряженію Гапочки я очень обрадовался, такъ какъ экономическая часть была мнѣ совершенно чужда.

Квартиру намъ наняли у квартальнаго Тимощенка, возлѣ шопы. Осмотрѣвши свое новое жилище, я не совсѣмъ остался имъ доволенъ, потому что мнѣ приходилось жить въ одной комнатѣ съ своими учениками, которыхъ кровати отдѣлялись отъ моей только ширмами. Но увидѣвши въ окно бѣлокурую головку съ румянцемъ во всю щеку, я примирился съ этими неудобствами. Каждый репе-

титоръ, моихъ лѣтъ, готовъ перенесть всевозможныя невыгоды изъ за такого румянца. Головка, мелькнувшая въ окнѣ, принадлежала свояченицѣ квартальнаго Анютѣ, дѣвушкѣ шустрой, жаждавшей любви и поцѣлуевъ. А такъ какъ я тоже до мозга костей проникнутъ былъ романическими поползновеніями, ища въ то время утѣшенія послѣ разлуки съ кузиной, то мы скоро сошлись... въ какомъ то мрачномъ подземельѣ, куда привела меня довѣренная моей Дульцинеи, горничная Дуняша, крѣпостная Кости Ушинскаго. Какъ ни сильно я былъ увлеченъ этой взбалмошной барышней, но не на столько, однакожъ, чтобы совершенно потерять разсудокъ. Я убѣжалъ изъ подземелья, какъ Іосифъ отъ жены Пентефрія, сопровождаемый бѣшенымъ хохотомъ услужливой дуэньи, которой мое цѣломудріе по меньшей мѣрѣ показалось глупостью.

Это ночное приключеніе совершенно охладило мою страсть. Я потерялъ всякое уваженіе къ вѣтренницѣ, служившей еще недавно сюжетомъ для моихъ стихотвореній, въ которыхъ она сравнивалась то съ воздушной нимфой, то съ очаровательной феей. Теперь обнаружилось, что моя богиня не походитъ ни на одно изъ этихъ эфирныхъ созданій; за непомѣрнымъ увлеченіемъ послѣдовало полнѣйшее разочарованіе...

„Мало тебѣ стиховъ и поцѣлуевъ, нахальная полуночница, подумалъ я: такъ ищи себѣ другаго, подъ стать твоимъ инстинктамъ!“—Другой не заставилъ себя долго ждать: онъ явился въ особѣ секретаря дворянской опеки, вовсе не походившаго на цѣломудреннаго Іосифа. „Се вже такый, що не побижыть!“ выразилась о немъ Дуняша.

Такъ кончился мой глупый романъ, и я былъ очень доволенъ, что онъ окончился именно такъ, а не иначе. Благодаря такой скорой развязкѣ, я съ новою энергіей принялся за свои научныя занятія и втеченіе половины осени и цѣлой зимы сдѣлалъ очень много.

Учительскій персоналъ VI класса.

Начну съ важнѣйшаго по своему значенію предмета—съ закона Божія. На мѣсто о. Стефана къ намъ изъ Чернигова прибылъ отецъ Василій, который такъ же неискусно „въ нашемъ вертоградѣ

насаждалъ высокія истины религіи", какъ и его предмѣстникъ, съ тою лишь разницей, что покойника мы очень любили за его доброту и потому мирились съ его педагогической несостоятельностью, а новый нашъ „вертоградарь" сразу поставилъ себя въ отношеніи къ намъ какъ то странно. При томъ же онъ крѣпко зашибалъ хмѣлемъ и всегда являлся въ гимназію какимъ то заспаннымъ и растрепаннымъ. Преподаваніе церковной исторіи у него ограничивалось диктовкой и спрашиваніемъ вызубреннаго нами урока.

— Пишите, господа: „Баязетъ былъ мольніею воинственною", началъ онъ однажды свое священнодѣйствіе.

А Васька Глотовъ, хотя и написалъ уже цѣлую фразу, потѣхи ради, спрашиваетъ:

— Позвольте, батюшка: чѣмъ былъ Баязетъ?

— Мольніей воинственною! кричитъ от. Василій.

— Чѣмъ? спрашиваетъ еще одинъ проказникъ.

— Съ позволенія сказать, Баязетъ былъ такимъ же дуракомъ, какъ нѣкоторые изъ васъ, господа! отрѣзалъ о. протоіерей, разсердившись.

Словесникъ такъ же скверно преподавалъ свой предметъ въ VI классѣ, какъ и въ пятомъ, или лучше сказать, не преподавалъ а лишь задавалъ и спрашивалъ.

Осипъ Акимовичъ такъ же добросовѣстно занимался съ нами переводомъ латинскихъ классиковъ, какъ и прежде, употребляя одинъ урокъ въ недѣлю на изученіе чреватой правилами и примѣрами грамматики Цумпта; скандировалъ съ жаромъ оды Горація и управлялъ хоромъ пѣвчихъ, и въ 50 лѣтъ не переставая пѣть дискантомъ.

Приближеніе математическаго урока каждый разъ наводило на меня страхъ. Я не въ силахъ былъ преодолѣть моей антипатіи къ этому предмету, во все продолженіе гимназическаго курса. Нерасположеніе мое къ цифрамъ, буквамъ и формуламъ выразилось въ посланіи къ Курбацкому.

Главная причина непреодолимаго моего отвращенія къ такому важному предмету, какъ математика, скрывалась, какъ мнѣ кажется, въ худой подготовкѣ, начиная съ низшихъ классовъ, въ безтолковомъ, чисто механическомъ преподаваніи Якова Яковлевича и въ послѣдовавшемъ такъ внезапно преобразованіи гимназіи въ 1833

году. Въ III классѣ я сталъ слушать алгебру, не зная ариѳметики; затѣмъ отъ великаго оригинала Матвѣя Албертовича, хотя и основательно знавшаго свой предметъ, но рѣшительно безполезнаго для учениковъ, по незнанію русскаго языка,—я перешелъ къ Осипу Григорьевичу Бонче-Осмоловскому, который самъ, если вѣритъ Матвѣю, „а ей Богу ничого не умѣлъ!“ Такого невыгоднаго мнѣнія о своемъ коллегѣ нашъ оригиналъ не только не старался скрыть, а напротивъ высказывалъ его публично. Выходитъ, напр., къ доскѣ пансіонеръ Бонча и начинаетъ отвѣчать урокъ:

— А у кого ты живешь? спрашиваетъ учитель.

— У Осипа Григорьевича, отвѣчаетъ ученикъ.

— Ну, то имѣешь едйницу!

— За что жъ, Матвѣй Албертовичъ, единицу? я хорошо знаю урокъ, извольте спрашивать.

— А, ей Богу, ненужно спрашивать, бо ничого не разумѣешь.

— Да отчего же не разумѣю? Мнѣ вчера самъ Осипъ Григорьевичъ передѣлалъ урокъ изъ физики и я знаю его хорошо.

— Ото жъ то, за то само имѣешъ едйницу: бо Осыпъ Григоровичъ самъ ничого не умѣетъ, а ни физыки, а ни математыки.

— Отчего жъ такъ? пристаетъ ученикъ: это несправедливо.

— А для того, что онъ дурны—очевидно!

Но если мы много теряли отъ того, что нашъ учитель Бонче „не разумѣлъ математики“ и какъ-то случайно попалъ въ преподаватели этого предмета, то ничуть не больше выигрывали мы и отъ того, что „физыкъ“ нашъ считался знатокомъ своего предмета. Вотъ одинъ изъ его уроковъ, списанный съ натуры.

Приходитъ учитель въ классъ, садится послѣ молитвы за столъ, нюхаетъ табакъ, раскрываетъ физику Щеглова (учебнику Баумгартена онъ не слѣдовалъ вовсе) и начинаетъ.

„Введѣніе! параграфъ одинъ! Всэ, что существуетъ въ пространствѣ, а наполняетъ субою оное, называеться вѣществомъ али матеріеею!“

Затѣмъ, оторвавши глаза отъ книги и глядя на учениковъ поверхъ очковъ, учитель приступаетъ къ объясненію прочитаннаго:

„Всэ! а что жъ то всэ? Всэ, что существуетъ! а гдѣ жъ бно существуетъ? въ пространьствѣ. А что жъ то существуетъ въ про-

страньствѣ? Ото всэ. А наполняеть субою оное. А что жъ то наполняетъ? Ото всэ! А что жъ о́но наполняетъ? Оное, то есть, пространьство. А чѣмъ же о́но наполняеть? субою!“... и такъ далѣе!

При такомъ подробномъ анализѣ даннаго предложенія, мы, конечно, не играли пассивной роли безмолвныхъ слушателей, а слѣдуя сократическому методу, цѣлымъ хоромъ отвѣчали на каждый вопросительный знакъ, стараясь подражать и самому выговору учителя на польскій ладъ, да иногда до того увлекались, что мѣшали заниматься сосѣднему классу. При подобномъ изложеніи своего предмета, Матвѣй нашъ не успѣвалъ пройти и третьей части того, что требовалось програмкой. Не мѣшаетъ также замѣтить, что въ теченіе двухъ лѣтъ мы не только не видѣли ни одного физическаго опыта, но даже ни одного инструмента, ограничиваясь лишь чертежами. Какъ бы взамѣнъ такого важнаго недостатка при преподаваніи чисто опытной науки, Матвѣй Албертовичъ старался быть до крайности нагляднымъ въ своихъ объясненіяхъ. Въ примѣръ такой наглядности можно привесть лекцію „объ устройствѣ глаза“, въ статьѣ о свѣтѣ.

„А ежéли мы возьмемъ глазъ во́ла, а поставимъ его на столѣ, то онъ ничóго не увидить. Ото жъ тó значитъ, что видидъ не глазъ, а кто жъ то видидъ? Ду́ша! Душа сидитъ въ мозгу, а дёргáетъ вэны а артеріи, которыя прикрѣплены суть до нашего глаза, такимъ то способомъ всѣ предметы, находящіеся передъ нами, даютъ себя видѣть. А изъ того всего слѣду́етъ, что видидъ не глазъ, а кто жъ то видидъ?“

„Ду́ша!“ крикнули мы всѣмъ классомъ.

Или вотъ другой обращикъ „наглядности“ нашего „физыка“.

Въ опроверженіе мнѣнія идеалистовъ, утверждающихъ, что предметы видимаго міра существуютъ потолику, поколику имъ даетъ бытіе наше *я*, что они не больше, какъ призраки—Матвѣй нашъ привелъ такой осязательный примѣръ:

„А ежéли я возьму палку, а дамъ идеалистѣ десять ударовъ, очевидно, онъ не станетъ утверждать, что палка естъ призракъ и не существуетъ какъ только въ его воображеніи.“

Остзеецъ Эдуардъ, по прежнему, держалъ классъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Если мы не очень уважали его за нѣкоторыя нравственныя качества—(онъ, какъ охотникъ, былъ страшный лгунъ), то по

крайней мѣрѣ боялись, какъ человѣка смѣлаго и неустрашимаго. Отчаянный игрокъ и деспотъ въ семействѣ, все таки нашъ нѣмецъ былъ недюжинный преподаватель, какими большею частію слывутъ учителя иностранныхъ языковъ. Онъ хорошо зналъ по русски и былъ даже немножко литераторъ: перевелъ на нѣмецкій языкъ повѣсть Марлинскаго „Фрегатъ Надежда" и напечаталъ въ какомъ то нѣмецкомъ журналѣ. Объ этомъ подвигѣ Эдуардъ протрубилъ всѣмъ уши. Всѣ русскіе нѣмцы, достигшіе въ русской службѣ „степеней извѣстныхъ" какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, были, по его словамъ, ему пріятелями. А Тотлебена, когда тотъ былъ мальчикомъ, онъ не однажды сѣкалъ.

На мѣсто бѣжавшаго отъ насъ съ посрамленіемъ француза Тереха, опредѣленъ полячекъ С—вичъ, о которомъ можно сказать развѣ только то, что сказали запорожцы о турскомъ султанѣ: „усёго свита и подсвита блазень, хвастунъ и брехунъ!" Будучи немногимъ чѣмъ постарше нѣкоторыхъ изъ насъ, онъ иногда пускался съ нами въ такія интимности, по части извѣстныхъ поползновеній, что Герасимъ Ивановичъ счелъ долгомъ вразумить сего непризваннаго педагога, какъ мальчишку. Лишенный такимъ образомъ удовольствія бесѣдовать съ нами въ классѣ, онъ сталъ приглашать насъ на домъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ любимцевъ угощалъ не только чаемъ, но и клубникой... С—вичъ жилъ съ матерью, третировавшею его, какъ недоросля. О, продувная бестія была эти полька, у которой, не знаю почему, замѣтенъ былъ жидовскій акцентъ, когда она говорила по русски. Къ счастію, этотъ „блазень" былъ у насъ недолго. Его смѣнилъ бывшій гувернеръ почетнаго попечителя M-r Denis. Замѣчательно, что этотъ галлъ, проживши въ Россія около 10 лѣтъ въ русскомъ семействѣ камергера, ни слова не зналъ по русски и явился къ намъ на первый урокъ, какъ будто только что прибылъ изъ Парижа.

Первый урокъ новаго преподавателя прошелъ у насъ очень весело. Мы дружно принялись учить бусурмана по русски, прежде нежели онъ научитъ насъ чему нибудь по французски, при чемъ мы ругали его за непонятливость самыми площадными словами, а онъ только таращилъ глаза и спрашивалъ: Comment, comment? Qu'est ce ça дурéнь?

Не получивъ отъ насъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, онъ обратился въ сборной учительской къ сослуживцамъ за разъясненіемъ слова дурéнь, и потомъ, прійдя на другой день въ классъ, прямо обратился къ Шабловскому съ азартомъ.

— Ты—дурéнь! Я понимай—ты самъ дурéнь, bête, animal!

Чтобы отвлечь вниманіе француза отъ товарища, кто-то заикнулся о Наполеонѣ.

— Иии... Напóлеонъ бы великій шеловѣкъ! закричалъ Denis, ударяя кулакомъ по столу—и пошелъ расписывать.

Правда, мы не все и поняли изъ того, что онъ намъ торочилъ, но все таки наши познанія во французскомъ языкѣ были не на столько слабы, чтобы не понять, съ какимъ энтузіамомъ относится бывшій барабанщикъ de la grande armée къ своему идолу, къ этому le dieu des bons gens. Наше патріотическое чувство не могло не возмутиться отъ такого обоготворенія врага нашего отчества—корсиканца Бонапарта, о которомъ нѣкоторые изъ насъ знали тогда не больше гимназическаго сторожа Степана, любившаго во хмѣлю пѣть извѣстную солдатскую пѣсню того времени: „За горами за долами Бонапартѣ съ плясунами“ и пр.

— Да что ты тамъ врешь, мусью? отозвался кто то съ задней скамьи, развѣ намъ неизвѣстно, что сдѣлали съ французами русскіе въ 12 году? Дали вамъ, голоштанникамъ, джосу добре!

— Comment? comment? Qu'est ce que ça джосу?

Когда ему растолковали значеніе этого слова, онъ еще болѣе вошелъ въ азартъ:

— А Óстерлицъ? И далъ Напóлеонъ джосу, хе, хе, хе!..

Затѣмъ, когда бонапартисту напомнили про Ватерлó, онъ схватилъ мѣлъ и началъ рисовать на доскѣ планъ ватерлоской битвы, изрекая проклятія на маршала Груши, не поспѣвшаго на выручку героя ста дней.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось взаимное раздраженіе учителя и учениковъ, если бы не поспѣшилъ къ французу на помощь всевѣдущій Герасимъ Ивановичъ, который зачастую не прочь былъ и ухо приложить къ дверямъ, дабы узнать, что дѣлается въ классѣ.

По предмету рисованія въ VI классѣ я продолжалъ „отдѣлывать“ своего козла, начатаго еще въ V классѣ и нарисованнаго

разновременно самимъ Шатою, которому я по временамъ преподносилъ свое художественное произведеніе для поправокъ. Козелъ мой былъ однако же такъ старъ, что началъ даже линять отъ времени и къ концу года совершенно разлѣзся. Какъ ни старался я подклеить его, чтобы продлить существованіе почтеннаго животнаго, но къ величайшему ущербу жанровой живописной школы русской, твореніе мое безвозвратно погибло для потомства.

Въ ряду преподавателей гимназіи былъ одинъ весьма замѣчательный человѣкъ—учитель исторіи Михаилъ Гавриловичъ Ерофѣевъ, который едва ли не болѣе всѣхъ своихъ товарищей, вмѣстѣ взятыхъ, способствовалъ нашему развитію. Уроки исторіи не ограничивались у него, какъ у нашего словесника, однимъ задаваньемъ и спрашиваньемъ; онъ даже вовсе не придерживался казеннаго учебника Кайданова и Смирнова, относясь къ нимъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Зная основательно нѣмецкій языкъ, Михаилъ Гавриловичъ диктовалъ намъ среднюю и новую исторію изъ Геерена, Лудена и др. нѣмецкихъ авторовъ. Записки эти постоянно дополнялись подробнымъ устнымъ изложеніемъ важнѣйшихъ событій. Историкъ нашъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова, много читалъ и съ любовію дѣлился съ нами плодами своихъ ученыхъ занятій.

Къ стыду нашего Коконко, Михайло Гавриловичъ прежде его познакомилъ насъ съ Гоголемъ, о которомъ въ то время въ нашей журналистикѣ шли самые разнорѣчивые толки. Закоренѣлые классики, воспитанные на одахъ Ломоносова и Державина, съ пѣной у рта бранили все юное, свѣжее, жизненное, считая такъ называемую „натуральную школу“ профанаціей искусства, отводя ея родоначальнику Гоголю низменное мѣсто въ ряду жалкихъ подражателей Бальзака. Нашъ историкъ настолько обладалъ критическимъ умомъ и здравымъ литературнымъ сужденіемъ, что, прочитавъ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, чрезвычайно мѣтко оцѣнилъ великій талантъ будущаго творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“.

„Въ этой смѣшной повѣсти, господа, проглядываетъ высокое дарованіе. Это одно изъ первыхъ произведеній молодаго писателя. Судя по началу, отъ него можно ожидать геніальныхъ произведеній“; сказалъ онъ намъ однажды во время урока.

Отъ великаго до смѣшнаго—одинъ шагъ, говорятъ французы. Въ то время, когда М. Г—чъ, поговоривъ о Гоголѣ, приступилъ къ характеристикѣ Густава Адольфа, въ классъ ввалился пьяный Павло́, волоча за собой на веревкѣ огромное березовое полѣно.

— Треба вамъ, паничу, колодку привязать, обратился онъ къ нашему наставнику, и потомъ, ставши на одно колѣно, примостился привязать бревно къ ногѣ учителя.

Съ ужасомъ вскочилъ М. Г—чъ съ каѳедры и сталъ гнать Павла изъ класса, но тотъ не вышелъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ двугривеннаго на водку.

Исторія сія случилась съ нашимъ историкомъ на масляной, въ понедѣльникъ—день, въ который, по существующему издревле въ городѣ обычаю, всѣмъ холостякамъ, не успѣвшимъ до заговинъ жениться, привязываютъ колодки, налагая на нихъ какъ бы штрафъ за уклоненіе отъ брачныхъ узъ. Вымороченныя такимъ образомъ деньги тотчасъ же пропиваются въ кругу честной компаніи. Вотъ причина, отчего въ сей „колодочный день“ въ градѣ нашемъ бываетъ веліе піянство и безобразіе.

Директоръ И. Ѳ. Тимковскій и его преемникъ.

Гиперіонъ, въ сравненьи съ симъ сатиромъ.
Шекспиръ.

Позднею осенью 1838 года, въ жизни нашего заведенія совершился переломъ: директоръ нашъ Илья Ѳедоровичъ[1]), докторъ правъ и философіи, уволенъ въ отставку, а на его мѣсто перемѣщенъ изъ Каменца-Подольскаго какой то штабъ-лѣкарь Батаровскій. Сотрудникъ гр. Аракчеева по устройству военныхъ поселеній, первый попечитель кіевскаго учебнаго округа, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ Брадке нашелъ, что Тимковскій, при всей своей учености, не можетъ долѣе оставаться на службѣ. Вникая во всѣ тонкости учебнаго дѣла, отъ университета до приходскаго училища, фонъ Брадке, этотъ

[1]) По окончан:и московскаго университета, Тимковскій слушалъ лекціи въ Геттингенѣ, удостоенъ ученой степени доктора и состоялъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. 6 лѣтъ былъ профессоромъ харьковскаго университета, будучи, сверхъ того, ревизоромъ по округу. Посѣтивъ новгородъ-сѣверскую гимназію, женился на дочери Халанскаго, получивъ въ приданое с. Турановку глухов. уѣзда.

великій человѣкъ на малыя дѣла, любилъ всему дать строгій порядокъ, опредѣленную форму и направленіе. Регламентація его режима заходила далеко за предѣлы умѣренности: онъ старался подвести подъ правила и такія явленія учебной жизни, которыя ни подъ какія правила не укладываются. Очень естественно, что нашъ Илья Θедоровичъ, какъ администраторъ, не могъ удовлетворить требованіямъ такого формалиста. Управляя гимназіей большую половину года изъ Турановки, за 40 верстъ отъ города, куда отсылались всѣ полученныя изъ округа бумаги, требовавшія, при „барабанной скоропоспѣшности“ [1]) попечителя и его секретаря Зимовскаго, немедленной отписки, Тимковскій отвѣчалъ на нихъ не скоро (а иногда дѣлалъ на нихъ возраженія), не по формѣ, за что получалъ выговоры и подтвержденія. Но все это мало на него дѣйствовало: относительно бюрократической точности, онъ былъ неисправимъ и до конца своей службы остался вѣренъ самому себѣ, послѣ того, какъ будучи глуховскимъ судьею, въ два года рѣшилъ одно дѣло. Такая небрежность, относительно требованій начальства, выводила попечителя изъ терпѣнія, какъ человѣка аккуратнаго по аракчеевски и мелочнаго до щепетильности. „Форма и буква суть вещи неизбѣжныя, безъ нихъ въ правленіи нѣтъ устойчивости“, говоритъ самъ Брадке въ своихъ автобіографическихъ запискахъ. Понятно, что нашъ достойнѣйшій классикъ не могъ не показаться такому рьяному бюрократу аномаліей въ ряду другихъ директоровъ, ограничивавшихъ свою учебную дѣятельность исключительно одной отпиской.

Главный обвинительный пунктъ, падавшій на нашего директора — пребываніе его въ учебное время въ Турановкѣ, по моему мнѣнію, не столь важенъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Кая польза, братія моя, заведенію отъ того, что иной директоръ, не выѣзжая изъ города, сиднемъ сидитъ въ своей квартирѣ, какъ падишахъ въ халатѣ, и только подписываетъ канцелярскія бумаги, не заглядывая въ классы? Вѣдь были же въ наше время такіе директора, которые посѣщали гимназію еще рѣже Тимковскаго, считаясь въ то же время образцовыми администраторами. Другой, пожалуй, и часто шляется по классамъ, сопровождаемый шумомъ и шарканьемъ учениковъ, но

[1]) Выраженіе это принадлежитъ б. воспитаннику новгородъ-сѣверской гимназіи, племяннику Тимковскаго, ректору кіевск. универ. Максимовичу.

какая отъ того польза? Придетъ, скажетъ нѣсколько ненужныхъ словъ, такъ чтобъ только не молчать, замѣтитъ нѣсколько неостриженныхъ подъ гребенку головъ, разстегнутые крючки или отсутствіе пуговицы и пойдетъ отыскивать инспектора, чтобы дать ему нагоняй за упущеніе по службѣ. Вслѣдъ за директоромъ, въ классъ, какъ ураганъ, врывается инспекторъ; весь красный, какъ буракъ, начинаетъ ругаться и шарпать виновныхъ за нарушеніе формы, а учитель въ это время стоитъ подлѣ доски, какъ автоматъ, и слушаетъ ругань, вовсе не относящуюся ни къ педагогіи вообще, ни къ его уроку въ особенности.

Рѣдкія посѣщенія Ильею Ѳедоровичемъ гимназіи были глубоко плодотворны для учащихся. Его задушевныя, проникнутыя пламенною любовію къ молодому поколѣнію рѣчи—импровизаціи будили вѣру въ достоинство человѣка, вкореняли уваженіе къ наукѣ, къ труду; его выразительное, прочувствованное чтеніе во время говѣнья располагало воспитанниковъ къ молитвѣ. Не говорю уже объ экзаменахъ: тутъ не одни ученики, но и сами преподаватели должны были отдавать отчетъ въ своихъ познаніяхъ. Представляя своихъ питомцевъ къ испытанію, каждый старался пополнить пробѣлы въ собственныхъ знаніяхъ, чтобы удовлетворить высокимъ требованіямъ строгаго цѣнителя и взыскательнаго судіи, вполнѣ компетентнаго въ дѣлѣ науки. Въ ученомъ мірѣ Тимковскій въ свое время пользовался извѣстностію, какъ великій знатокъ римской литературы, какъ филологъ, ораторъ и отчасти поэтъ. Употреблявшійся у насъ тогда, какъ учебное пособіе, „Опытный способъ къ философическому познанію русскаго языка“ считался въ оное время солидно ученымъ сочиненіемъ. Контроль такого начальника заставлялъ каждаго преподавателя быть на сторожѣ, чтобы не дойти до апатіи и непотизма, часто неразлучныхъ съ однообразною учительской профессіей. Конечно, въ семьѣ не безъ урода: и между нашими педагогами были такіе субъекты, которыхъ не пробудила бы къ жизни и послѣдняя труба архангела, но гдѣ и когда ихъ не было?

Въ заключеніе своей апологіи, считаю долгомъ напомнить всѣмъ, кто слѣдилъ за судьбами нашего общественнаго образованія, чѣмъ были наши гимназіи въ 20 и 30 годахъ нынѣшняго столѣтія? Если онѣ были плохи, то все таки новгородъ-сѣверская гимназія, при

Тимковскомъ, считалась лучшею въ округѣ и воспитанники ея славились знаніемъ латыни, считаясь въ то же время самыми развитыми людьми. Харьковскій университетъ, до увольненія Тимковскаго, принималъ нашихъ гимназистовъ безъ испытанія, по аттестаціи директора. Въ фактѣ этомъ я нахожу самое краснорѣчивое опроверженіе издавна вкоренившагося мнѣнія въ извѣстныхъ педагогическихъ кружкахъ о служебной дѣятельности Тимковскаго, дѣятельности, которая развѣ только съ канцелярской точки зрѣнія можетъ показаться безполезною.

Въ одинъ пасмурный день, осенью, по гимназіи пронеслась вѣсть о пріѣздѣ директора. Такъ какъ посѣщенію его всегда предшествовала суета инспектора и возня сторожей съ подтиркою половъ, то настоящій внезапный пріѣздъ Ильи Θедоровича не могъ не показаться чѣмъ то чрезвычайнымъ. Герасимъ Ивановичъ какимъ то таинственнымъ голосомъ передалъ намъ приказаніе собраться въ залу. Пока сходились ученики и занимали указанныя мѣста, Илья Θедоровичъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, подъ портретомъ кн. Репнина. Никогда не видали мы его такимъ мрачнымъ, какъ въ этотъ памятный для насъ день. Воцарилась мертвая тишина. Окинувши все собраніе грустнымъ взглядомъ, директоръ досталъ изъ кармана приготовленную имъ рѣчь (чего онъ прежде никогда не дѣлалъ) и началъ:

„Дѣти! я васъ оставляю. Пишите отцамъ своимъ, что меня уже нѣтъ съ вами!“

Послѣ этихъ словъ, гроза дѣтей инспекторъ, самъ никогда не плакавшій, но заставлявшій плакать другихъ, первый не выдержалъ и зарыдалъ. А какъ плачъ, какъ и смѣхъ, заразителенъ, то многіе изъ учениковъ тоже заплакали. Если бы И. Θ—чъ не запасся на сей разъ тетрадкой, то едва ли бы онъ былъ въ состояніи продолжать свою рѣчь отъ сильнаго душевнаго волненія, котораго онъ не въ силахъ былъ преодолѣть, при всей твердости своей воли, по истинѣ катоновской. Къ величайшему прискорбію нашему, рѣчь эта ни у кого, кажется, не сохранилась въ такомъ видѣ, въ какомъ она была произнесена. Передавать же ея содержаніе по памяти я не берусь, боясь уронить ея достоинства [1]).

---

[1]) Записки И. Θ. Тимковскаго помѣщены въ „Москвитянинѣ“ 1851, №№ 9 и 10; 1852, №№ 17, 18 и 20. Послѣднія перепечатаны въ исправл. видѣ въ Р. Архивѣ 1874, кн. 1, стр. 1377.

Онъ кончилъ... а мы все еще стояли, какъ осужденные, выслушавшіе свой смертный приговоръ. Опомнившись, наконецъ, отъ разразившагося надъ нами удара, нѣкоторые изъ насъ начали высказывать вслухъ свое негодованіе и ропотъ на того, кто былъ виновникомъ постигшей катастрофы.

Недѣли двѣ спустя, пріѣхалъ нашъ новый начальникъ, какой то докторъ медицины, должно быть залечивать раны и ампутировать пораженные члены разслабленнаго организма нашей гимназіи. Мы, по привычкѣ, ждали, что вотъ вотъ позовутъ насъ въ залу слушать рѣчь, долженствовавшую, по мнѣнію нѣкоторыхъ остроумцевъ, предохранить насъ на первый разъ отъ простуды и поноса, а тамъ и отъ болѣе серьезныхъ болѣзней. Но ничего подобнаго не дождались.

Прибывши, наконецъ, въ гимназію, нашъ новый директоръ засѣменилъ ножками по классамъ и для перваго дебюта заявилъ, въ VI классѣ, что онъ „постарается вывести тимковщину“, что онъ де ежедневно будетъ посѣщать гимназію, будетъ за нами наблюдать и строго взыскивать за шалости и манкировки. Отрекомендовавшись такимъ манеромъ, онъ вышелъ изъ класса на цыпочкахъ, по обычаю докторовъ, уходящихъ изъ комнаты своихъ паціентовъ. Докторскій визитъ и предписанный намъ рецептъ, совершенно, въ сущности, здоровымъ юношамъ, больно намъ не понравился, поселивъ въ насъ недовѣріе къ искусству врача—педагога, который „ни сѣла ни пала—дай, баба, сала“—похваляется вывести „тимковщину“.

— Этого мы еще будемъ посмотрѣть! какъ выражался во время оно нашъ косоглазый смотритель—аптекарь, какъ то еще тебѣ удастся вывести.

Проходитъ день, другой, недѣля, мѣсяцъ—не видать нашего директора! Не всѣ даже и присмотрѣлись къ нему хорошенько; хотѣлось бы еще разъ взглянуть на него, каковъ онъ? Иные утверждали, что у него глаза красны, какъ у рака; другіе прибавляли, что это происходитъ отъ знакомства съ бахусомъ... Таинственность и замкнутость его холостой жизни привела насъ къ теоріи догадокъ и предположеній. Сначала утверждали, что онъ якобы день и ночь сидитъ надъ дѣлами, запущенными его предмѣстникомъ. Но какъ бы дѣла канцеляріи запущены ни были, все таки ихъ можно привесть въ порядокъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; да, наконецъ, есть же въ гим-

назіи дѣла и поважнѣе канцелярскихъ. Хоть бы черезъ окно увидѣть его, но ставни отъ улицы постоянно закрыты.

Настала весна. Сказанія о домашней жизни директора стали принимать характеръ чисто миѳологическій, напомнивъ намъ нѣкоторыя изъ метаморфозъ Овидія, именно тѣ, въ которыхъ изображаются любовныя похожденія олимпійцевъ. Мы узнали доподлинно, что нашъ директоръ построилъ въ саду бесѣдку и тамъ постоянно прохлаждается. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего предосудительнаго; но не въ бесѣдкѣ дѣло, а въ томъ, что изъ директорскаго сада продѣлана калитка въ инспекторскій, а изъ инспекторскаго въ сосѣдній учительскій, и что директоръ, переодѣтый пастушкомъ, или просто въ халатѣ, изволилъ по ночамъ прогуливаться по садамъ, и не одинъ... Это тоже въ своемъ родѣ метаморфоза, но только не та, которую мы переводили въ прошломъ году съ Ильею Ѳедоровичемъ на экзаменѣ: значитъ, вывелъ таки „тимковщину", поставилъ на своемъ.

Время близилось къ экзаменамъ. Собравшись вечеромъ у одного изъ товарищей, мы вспоминали счастливые годы директора Тимковскаго и недоумѣвали, что будетъ съ нашими экзаменами при новыхъ порядкахъ. „Тимковщина" дѣйствительно стала мало по малу выдыхаться, уступая мѣсто иному направленію, которое хотя еще вполнѣ не выяснилось, но уже довольно обозначилось.

Наканунѣ перваго мая инспекторъ объявилъ намъ курьезную новость, что г. директоръ, по обычаю западныхъ школъ, затѣялъ праздновать „маёвку"—штука до того небывалая на лѣвой сторонѣ Днѣпра[1]). На другой день мы собрались въ гимназію безъ книгъ и большой гурьбой повалили въ Полковницкій гай. Воспитанникамъ приготовлено угощеніе, состоявшее изъ булокъ, чаю, апельсинъ и холоднаго жаркаго. Для учителей были въ изобиліи водка, вино и ромео. Намъ захотѣлось тоже отвѣдать содержимаго въ бутылкахъ и потому мы отрядили депутацію къ распорядителю празденства Эдуарду Андреевичу—просить по одной бутылкѣ для двухъ высшихъ классовъ. Распорядитель спросилъ на то разрѣшенія директора, ко-

[1]) За интимныя отношенія къ полякамъ и за потворство ихъ шляхетскимъ притязаніямъ въ юго-западномъ краѣ Батаровскій изъ Каменца переведенъ въ Новгородъ-Сѣверскъ.

торый вмѣсто двухъ велѣлъ отпустить по четыре. Попробовавъ хмѣльной влаги, мы вошли во вкусъ и снарядили отъ себя гонца въ городъ купить вина побольше да позабористѣе, такъ что къ вечеру и мы были такъ же пьяны, какъ и наши наставники, не исключая, разумѣется, и главнаго виновника торжества. Этотъ развеселый праздникъ имѣлъ для насъ такое значеніе, какое имѣли для рабовъ древняго Рима „сатурналіи“, когда каждому рабу вольно было выражать вслухъ свои мысли въ присутствіи господъ, не боясь за то наказанія[1]). Подъ эгидой этого священнаго права, разгоряченные дарами Вакха, мы наговорили въ глаза своимъ наставникамъ довольно горькой правды, но больше всѣхъ досталось директору: пусть молъ знаетъ, что намъ хорошо извѣстна классическая поговорка: in vino—veritas! Несмотря однакожъ на такую продерзость, наши добрые воспитатели не только не разсердились на насъ, а напротивъ, ни съ того, ни съ сего, полѣзли съ нами обниматься и цѣловаться, увѣряя насъ въ своей любви и преданности.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы шумною толпой, съ пѣснями и свистомъ, тронулись въ обратный путь. Директора и нѣкоторыхъ учителей, конечно, для бо́льшаго почета, вели подъ руки. Сограждане наши, отправляясь, по обыкновенію, въ объятія Морфея съ заходомъ солнца, давно уже почивали мертвымъ сномъ, какимъ спятъ вообще всѣ недумающіе люди,—какъ вдругъ по стогнамъ града раздались залихватскія пѣсни входившихъ въ городъ гимназистовъ. Мирнымъ жителямъ спросонку показалось, что въ городъ ихъ вступаютъ солдаты, коихъ шествіе, какъ извѣстно, сопровождается воинственными кликами и трубными звуками; но каково же было ихъ удивленіе, когда, протерши глаза, они увѣрились, что орутъ пѣсни не мужественные сыны Марса, а юные питомцы Аполлона, при участіи самого начальства и всего ученаго сvнклита.

— Оце кумедыя! Сёго ще зроду не було! сказалъ одинъ изъ зрителей сторожилъ, Парѳенъ Мулюха, запирая двери и возвращаясь въ свою конуру.

— Горе граду, идѣже князь младъ! прорекъ во всеуслышаніе часовыхъ дѣлъ мастеръ Ѳома Ивановичъ Шотъ, стоя въ одной рубахѣ у открытаго окна своего дома, мимо котораго мы проходили.

[1]) Дни, посвященные Сатурну, который, по преданію, царствовалъ въ золотой вѣкъ, когда люди всѣ были равны.

— Это... это ни съ чѣмъ несообразно! выразился сдержанно нашъ умный историкъ Михаилъ Гавриловичъ, сдѣлавъ ему одному свойственную гримасу, въ которой ясно выразилось глубочайшее презрѣніе къ виновнику этого скандала.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что нашъ новый начальникъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско во мнѣніи всего городскаго общества, не исключая и самихъ учениковъ, у которыхъ онъ, посредствомъ „маёвки“, хотѣлъ заискать популярности. Нѣкоторые легкомысленные юноши—будущіе пролазы—дѣйствительно поддались на эту приманку, но ученики съ серьезнымъ направленіемъ, по случаю учиненнаго дебоша, еще больше стали сожалѣть объ утратѣ незабвеннаго Ильи Өедоровича. Но сожалѣнію нашему не было предѣловъ, когда начались экзамены. Относясь къ учебному дѣлу съ одной лишь формальной стороны, нашъ новый директоръ во время испытанія игралъ совершенно пассивную роль, безучастно выслушивая наши отвѣты и ставя въ своемъ спискѣ отмѣтки зря, или сообразуясь съ годичными баллами, не всегда справедливыми. Побывавъ на двухъ-трехъ такихъ экзаменахъ, мы начали высказывать свое мнѣніе о директорѣ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ.

— Горячія вы головы, господа! замѣтилъ намъ директорскій письмоводитель Буковскій внушительно, пословица говоритъ: палку поставь—и палки нужно бояться!

— Нѣсть власть, аще не отъ Бога, твердилъ нашъ законоучитель Янчевскій, укрощая строптивыхъ, повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ.

— Смирись! кричалъ нашъ французъ Denis, водворяя тишину въ классѣ, silence, messieurs, silence!

— Молчать, дубина! честилъ насъ по русски нетерпѣвшій никакихъ противорѣчій словесникъ Коконко.

Эге, подумали мы, значитъ не одинъ письмоводитель, по невѣдѣнію, въ простотѣ сердечной, сотворилъ себѣ кумира въ видѣ палки, но и люди, гордящіеся своимъ образованіемъ въ одинъ голосъ проповѣдуютъ все тотъ же молчалинскій принципъ самоуничиженія, что мы, въ нѣкоторомъ родѣ разумныя существа, не можемъ и не должны „смѣть свое сужденіе имѣть“.

У одного только нашего Албертовича слышалось на урокахъ словцо, котораго очень не жаловали прочіе наши наставники.

— А разсуждай! выкрикивалъ онъ постоянно, при спрашиваньи урока; но и у него это хорошее словцо употреблялось въ самомъ узкомъ значеніи, а именно: когда какой нибудь самозванный иксъ (X), займетъ мѣсто, которое, по всей справедливости, должно принадлежать зету (Z), чего бы, конечно, не случилось, если бы, слѣдуя мудрому совѣту почтеннаго математика, соблюдая условія задачи, мы больше разсуждали, чѣмъ молчали, о чемъ такъ усердно хлопочетъ и чего такъ страшно не любитъ другой намъ педагогъ— преподаватель логики Кизиветтера.

Въ директорство Батаровскаго съ нашимъ уважаемымъ историкомъ Михаиломъ Гавриловичемъ Ерофѣевымъ случилась исторія, которая была бы немыслима въ управленіе гимназіей И. Ѳ. Тимковскимъ.

Въ маленькомъ нашемъ городкѣ поселилась, для воспитанія дѣтей, великая аристократка, какая то промотавшаяся графиня, забившаяся, послѣ за-границы, въ глушь на подножный кормъ. Такъ какъ за приватные уроки учителямъ платить было нечѣмъ, то она подбилась къ директору и при его посредствѣ хотѣла учить дѣтей задаромъ. Батаровскій, дорожа сіятельнымъ знакомствомъ, сталъ вербовать учителей. Всѣ согласились, за исключеніемъ одного Ерофѣева. Изъ за этого между ними возникли большія контры, тянувшіяся вплоть до пріѣзда попечителя на ревизію. Князь Давыдовъ, какъ извѣстно, не стѣсняясь, всѣмъ учителямъ говорилъ „ты.“ Пришелъ онъ на урокъ исторіи и, не слушая отвѣтовъ учениковъ, прямо обратился къ учителю съ выговоромъ, что, по заявленію директора, предметъ его идетъ плохо, что онъ не умѣетъ преподавать, а только грубитъ начальству и что, вслѣдствіе такихъ причинъ, онъ, князь, переведетъ его, Ерофѣева, въ уѣздное училище.

Чего стоило нашему почтенному историку, при его благородномъ самолюбіи, перенесть такое наглое оскорбленіе въ присутствіи учениковъ, привыкшихъ видѣть въ немъ перваго преподавателя гимназіи какъ по учености, такъ и по развитію умственному! Изъ гимназіи князь отправился на обѣдъ къ М. О. Судіенку. За столомъ зашла рѣчь о времяпровожденіи въ такомъ мизерномъ городкѣ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ. Каково же было удивленіе его сіятельства, (если только оно, это сіятельство, чему нибудь и когда ни-

будь удивлялось), когда Михаилъ Осиповичъ сказалъ, что единственный въ городѣ человѣкъ, обществу котораго онъ обязанъ многими пріятными вечерами, тотъ самый Ерофѣевъ, котораго онъ, князь, купно съ директоромъ, думаютъ упрятать въ уѣздное училище. Просвѣщенный умъ Судіенка по достоинству оцѣнилъ нашего Герена, какъ мы прозвали своего историка: по его мнѣнію, это былъ человѣкъ, серьезно занимающійся наукой, такъ что мѣсто ему не въ гимназіи, а въ университетѣ.

— Ааа! воскликнулъ князь, такъ вотъ онъ у васъ какой,—ну такъ и у меня будетъ хорошъ.

Воротившись въ квартиру, попечитель нашелъ у себя на столѣ прошеніе Михаила Гавриловича объ отставкѣ. Посылаетъ за нимъ князь и предлагаетъ взять просьбу назадъ: Ерофѣевъ отказался въ довольно рѣзкой формѣ.

— Ваше сіятельство! отвѣтилъ ему Ерофѣевъ, я служить не намѣренъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Ерофѣева перемѣстили въ немировскую гимназію, куда онъ, кажется, и не ѣздилъ, такъ какъ, по протекціи брата, служившаго въ Петербургѣ въ какомъ то департаментѣ, наставникъ нашъ получилъ мѣсто совѣтника въ курской казенной палатѣ, гдѣ, говорятъ, онъ началъ свою дѣятельность съ того, что сталъ учить палатскихъ чиновниковъ русской грамматикѣ, а кончилъ тѣмъ, что, желая искоренить взяточничество, впалъ въ немилость начальства и хотя не былъ уволенъ отъ службы, благодаря той же поддержкѣ брата, но въ конецъ разстроилъ свое здоровье и долженъ былъ выйти въ отставку.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 50-тыхъ годахъ страдающимъ сильнымъ разстройствомъ нервовъ и спазмами. Больной питался однимъ бульономъ, не могъ спать, не принявши опіума. Забытый всѣми труженикъ науки доживалъ остатокъ дней своихъ въ виду того заведенія, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Изъ ученыхъ его трудовъ напечатанъ только переводъ „Исторіи среднихъ вѣковъ“ Лудена.

Поѣздка въ деревню. Смерть отца. Иванъ Михайловичъ примиряется съ Богомъ.

Живя постоянно внѣ дома и занятый во все остававшееся отъ уроковъ время то вознею съ бездарными мальчуганами, то собственной работой, я не могъ часто навѣщать родныхъ, бывая дома только по субботамъ. Пользуясь моимъ приходомъ, матушка моя, по старому козацкому звычаю, мыла мнѣ голову, какъ поется въ нашей народной пѣснѣ:

Иды, сынку, до домоньку—
Змыю тоби головоньку!.

Видя гнетущую нужду семейства, я отдавалъ матери послѣднія трудовыя деньги, получаемыя частію отъ Ивана Михайловича, частію отъ учениковъ, приходившихъ ко мнѣ на репетиціи. Эта ничтожная помощь не могла, конечно, удовлетворить всѣмъ домашнимъ потребностямъ; пять душъ семейства, въ числѣ коихъ была слѣпая 80-ти лѣтняя бабушка и двѣ сестры, почти дѣвочки. Отецъ въ послѣднее время сталъ сильно хворать и ровно ничѣмъ не занимался. При такихъ условіяхъ, поѣздка въ деревню на Рождество Христово была неизбѣжна. Хотя зимой, особенно у такого надоѣдливаго барина, какъ Иванъ Михайловичъ, мнѣ предстояла смертная скука, но для сокращенія расходовъ по дому, я долженъ былъ волей-неволей отправиться. При прощаніи съ отцомъ, я въ первый разъ замѣтилъ, что онъ очень плохъ. Первымъ движеніемъ моимъ, послѣ такого печальнаго открытія, была рѣшимость остаться на праздники дома, но батюшка сталъ меня сильно упрашивать не дѣлать этого, увѣривъ меня, что болѣзнь пройдетъ и что опасности никакой не предвидится. Скрѣпя сердце, я поѣхалъ въ Боровичи, куда меня главнымъ образомъ тянулъ сундукъ съ французскими книгами, какими то судьбами уцѣлѣвшій отъ сѣнинскаго погрома, вмѣстѣ съ старинной мебелью. Къ сундуку этому я давно подбирался, пообѣщавъ барину заняться составленіемъ каталога всѣмъ хранившимся тамъ книгамъ. По прибытіи на мѣсто, я безотлагательно присталъ къ хозяину съ просьбой передать мнѣ ключъ и наконецъ, о радость! щелкнулъ замокъ и передо мною лежала масса запыленныхъ книгъ въ старинныхъ переплетахъ. Скупой рыцарь (у Пушкина) не радовался такъ, открывъ сундукъ съ червонцами, какъ

обрадовался я, увидѣвъ передъ собой нетлѣнныя сокровища человѣческаго ума: то были, большею частію, творенія знаменитыхъ энциклопедистовъ, жрецовъ богини Разума, провозвѣстниковъ свободы, поборниковъ правъ человѣка—творенія, подготовившія великій переворотъ 1789 года... Благодаря самостоятельному труду, я былъ настолько уже силенъ во французскомъ языкѣ, что могъ читать эти книги при небольшомъ пособіи лексикона. Передо мною открылся новый міръ идей и понятій, совершенно непохожій на тотъ тѣсный, удушливый, замкнутый кругозоръ, въ которомъ до того времени коснѣла моя умственная жизнь. Всѣ тѣ основы, на которыхъ построено было, на мѣдные гроши, еще недоконченное зданіе моего образованія, сильно затрещали... Особенно разрушительно повліяли на мой недоразвившійся умъ „Questions sur l'encyclopédie" Вольтера, изд. 1792 года. Совершавшійся въ моей внутренней жизни переломъ привелъ меня въ состояніе человѣка, волшебною силой перенесеннаго, изъ душной комнаты на высокую гору, откуда ему, при блескѣ лѣтняго солнца, открылась безпредѣльная даль. У меня закружилась голова отъ прилива новыхъ мыслей, сомнѣній, противорѣчій, между тѣмъ какъ я и десятой доли не успѣлъ прочесть изъ того, что было отложено мною изъ заповѣднаго сундука. Чтеніе было прервано пріѣздомъ моего родственника: отецъ былъ при смерти. Я поспѣшилъ домой, сколько могъ, и, пріѣхавши вечеромъ, засталъ больнаго при послѣднихъ минутахъ. Во второй разъ въ жизни приходилось мнѣ испытывать потерю близкаго существа; но теперь мнѣ было во сто кратъ тяжеле на душѣ, чѣмъ при смерти столѣтняго дѣда: сознательнѣе и глубже чувствовалъ я, въ виду безпомощной вдовьей жизни моей матери. Все, что вынесла она, отчасти, быть можетъ, по винѣ отца, теперь было забыто. Что было, то прошло и слава Богу! насъ пугало теперь то, что будетъ впереди. Перспектива пяти лѣтъ моего ученія представлялась намъ безконечною.

Никакая философія, никакой стоицизмъ не устоитъ предъ страшнымъ таинствомъ смерти! Ни умирающіе, ни остающіеся въ живыхъ,—несмотря на твердое убѣжденіе въ неизбѣжности ежеминутно повторяющагося явленія смерти, не взирая ни на силу воли, ни даже на вѣру въ загробную жизнь,—не могутъ безъ жгучей душевной боли перенесть этой „вѣчной" разлуки съ дорогими сердцу существами...

Отца похоронили 31 декабря. Не радостно встрѣтили мы первый день новаго года. Погоревавши еще два—три дня въ кругу родныхъ, я перешелъ на свою квартиру къ квартальному. Дѣти еще не пріѣзжали. Пользуясь досугомъ, я принялся за работу. Некогда было предаваться безплодной печали: „плачемъ мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь“.

Теперь на мнѣ одномъ, какъ старшемъ въ семействѣ, лежала обязанность поддержать родныхъ и обезпечить ихъ горемычное существованіе. Обдумывая свое положеніе, я прежде всего постановилъ, во что бы то ни стало, достигнуть ближайшей цѣли—окончить гимназію, не задаваясь дальнѣйшими планами: „зане довлѣетъ дневи злоба его“. Не ожидая ни отъ кого никакой помощи, я возложилъ упованіе на свои силы, на свой трудъ.

„Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми“, говоритъ сама мудрость устами Даніила Заточника. Впередъ же, впередъ! 10 января пріѣхалъ съ дѣтьми Иванъ Михайловичъ, въ сопровожденіи пяти подводъ съ мѣшками и шестой—съ жидомъ Мошкой. Дѣло въ томъ, что еврей, поселившись, съ согласія помѣщика, на хуторѣ, началъ систематически спаивать всю его дворню. Лакеи и горничныя стали воровать барское добро и таскать въ шинокъ. Баринъ неоднократно предостерегалъ Мошку не принимать краденыхъ вещей, не давать людямъ водки и гнать ихъ отъ себя; но шинкарь, по своей жидовской натурѣ, не могъ удержаться отъ соблазна легкой наживы и продолжалъ свой промыселъ. Выведенный изъ терпѣнія помѣщикъ расправился съ нимъ самолично, по вольности россійскаго дворянства, не прибѣгая къ суду: взявъ съ собой нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, нагрянулъ на шинокъ, перевернулъ вверхъ дномъ всѣ жидовскіе бебехи, забралъ свои вещи, а самого жида заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ холодную. Продержавъ Мошку въ заключеніи цѣлую недѣлю, баринъ, отправляясь въ городъ, велѣлъ везти за собой и „поганаго жида“, не снимая съ него цѣпей. Хитрый іудей, повидимому, совершенно покорился своей участи, перенесъ безропотно недѣльный арестъ и во всю дорогу до самаго города не промолвилъ ни слова: только сидѣлъ на саняхъ и бормоталъ молитвы. Но едва подводы въѣхали на базарную площадь, онъ поднялся на саняхъ во весь ростъ и заоралъ благимъ

матомъ: гвултъ! Чуть не со всего города сбѣжались жиды на площадь, схватили Мошку и потащили къ городничему; потомъ цѣлою массой двинулись къ нашей квартирѣ и осадили домъ квартальнаго со всѣхъ сторонъ, произнося непривычныя для дворянскаго уха кривоносовскаго эсквайра ругательства. Только затрещины и зуботычины нашего хозяина и самого городничаго избавили насъ отъ блокады. Шинкарь подалъ жалобу на помѣщика, который съ толпою своихъ крестьянъ разбойнически напалъ на его жилище, разорилъ и разграбилъ все его имущество, перепугалъ до смерти его жену, бывшую въ то время—„на снёсѣ,“ самого же его, Мошку, заковалъ въ цѣпи, истязалъ побоями, морилъ шесть дней голодомъ и холодомъ и проч.

Уѣздный судья, задобренный щедрою рукой барина, рѣшилъ дѣло въ его пользу. Жидъ подалъ „на апелляцію“ въ губернію, но и тамъ Иванъ Михайловичъ успѣлъ подмаслить юстицію и Мошка остался съ носомъ. Неугомонный шинкарь собирался было идти пѣшкомъ въ Петербургъ, „до самого Чара“, но о результатахъ этого предпріятія ничего неизвѣстно. Знаю только, что помѣщику это казусное дѣло обошлось до 2 тыс. асс.

Сюрпризъ за сюрпризомъ. Передъ масляной изъ Боровичъ пришла вѣсть, что Иванъ Михайловичъ женился или, точнѣе, повѣнчался съ своею Гапочкой. Въ началѣ медоваго мѣсяца онъ и самъ прикатилъ въ городъ. Вся наша городская интеллигенція кинулась поздравлять новобрачнаго, безъ сомнѣнія, разсчитывая на хорошую выпивку. Но господа эти сильно обманулись въ своихъ разсчетахъ. Иванъ Михайловичъ принялъ ихъ чрезвычайно „сухо“, въ буквальномъ значеніи слова, т. е. не далъ имъ и по рюмкѣ водки промочить горло. Гости разошлись, недовольные хозяиномъ, извѣстнымъ хлѣбосоломъ и весельчакомъ. Баринъ остался одинъ.

Я въ это время сидѣлъ за своимъ рабочимъ столикомъ и не шелъ къ нему безъ приглашенія. Но соскучившись, баринъ позвалъ меня къ себѣ и обратился къ Бѣлкѣ съ такимъ распоряженіемъ:

— Бѣлка! поди ты къ Цапеницкому, да спроси у него вина, самаго лучшаго, какое только у него есть въ погребѣ. Да смотри же, такъ и скажи: Иванъ Михайловичъ приказалъ спросить бутылку вина самаго лучшаго, слышишь? такъ и скажи: самаго лучшаго! да смотри, живо!

Вино было принесено. Баринъ налилъ двѣ рюмки и одну предложилъ мнѣ съ такимъ неожиданнымъ предисловіемъ:

— Выпьемъ, любезный другъ мой М.—К—чъ съ тобою! Ты одинъ желаешь мнѣ добра: одинъ ты не поздравилъ меня. Я самъ знаю, что сдѣлалъ величайшую глупость, но зачѣмъ мнѣ объ этомъ напоминать? Они подлецы смѣяться приходили надо мной, а не поздравлять—выпьемъ же, ты одинъ меня не поздравилъ!

Затѣмъ, какъ бы оправдываясь передо мною, или лучше сказать, передъ своею совѣстью, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Треба жъ було, братику, хоть на старости примириться съ Богомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а неуклюжая, простоватая Гапка преобразилась de jure въ настоящую помѣщицу Агафію Григорьевну. Теперь она еще крѣпче станетъ держать бразды правленія по дому и никому не позволитъ перечить своему нраву. Самъ Иванъ Михайловичъ долженъ будетъ плясать по ея дудочкѣ и перестанетъ якшаться съ Маевскимъ и прочими картежниками, сдѣлавшись примѣрнымъ семьяниномъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы родилась дочь, законная наслѣдница кривоносовскаго имѣнія. Восторгу Ивана Михайловича и его супруги не было границъ. Но злая судьба жестоко подшутила надъ счастливой четой: малютка умерла черезъ полгода, между тѣмъ какъ прочія дѣти, рожденныя до брака, всѣ до одного живехоньки. Надобно было видѣть стараго барина у могилы своей дочери: такого безутѣшнаго отчаянія трудно было ожидать отъ человѣка, смотрѣвшаго на жизнь съ точки зрѣнія эпикурейскаго мудреца.

— Прощай, мое сокровище! вопилъ онъ всенародно надъ могилой ребенка, помѣщица ты моя кривоносовская! Наслѣдница ты моя безталанная!

Годичныя наши испытанія, съ грѣхомъ пополамъ, кончились. Настали каникулы, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали мои ученики—Андрюша и Яша, зачеркивая каждый день, ложась спать, по одной цифрѣ на висѣвшей надъ ихъ головою табличкѣ, на которой изображались дни, остававшіеся до роспуска, когда они, заперевъ въ сундукъ противные учебники, поѣдутъ домой мучить козла да объѣдаться жирными яствами.

Счастливое, глупое, невозвратное дѣтство! Жалѣть ли о тебѣ, или благословлять Провидѣніе, что ты такъ скоро проходишь и не возвращаешься къ намъ съ своими ребяческими радостями и печалями? О нѣтъ, лучше не возвращайтесь вы, счастливые, глупые, ребяческіе годы!

Вступивъ съ нѣкотораго времени въ новый періодъ сознательно разумной жизни, я мало по малу сталъ охладѣвать къ своимъ вакаціоннымъ развлеченіямъ. Меня не тянуло уже съ такою неудержимою силой къ ружью и къ удочкѣ, какъ это было еще такъ недавно. Хотя я никогда не покидалъ ни охоты, ни уженья, но сталъ пользоваться ими умѣреннѣе, видя въ нихъ уже не цѣль, а средство, сближающее человѣка съ природой. Во второй разъ я долженъ былъ измѣнить своей любимицѣ, оставивъ добровольно на цѣлый мѣсяцъ завѣтныя мѣста, доставлявшія мнѣ столько счастливыхъ дней въ прежніе годы. Частію финансовыя соображенія, частію большой сундукъ съ французскими книгами заставили меня сразу согласиться на приглашеніе въ деревню, тѣмъ болѣе, что и тамъ можно подышать свѣжимъ воздухомъ полей и луговъ, размять согбенные сидячею жизнію члены, освѣжить умственныя силы здоровымъ и крѣпкимъ сномъ, послѣ купанья подъ мельничнымъ колелесомъ, сномъ, какимъ обыкновенно спятъ молодые люди послѣ дѣятельно проведеннаго дня, частію въ пустыхъ, ничего незначущихъ разговорахъ. При такихъ условіяхъ, даже утомительные до тошноты разсказы барина о генералахъ и сенаторахъ не могли помѣшать мнѣ наслаждаться отдыхомъ. За симъ

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя!

Седьмой классъ (1839—40 годъ).

„Земля! Земля!“ вскричали измученные долгимъ плаваніемъ спутники великаго Колумба, узрѣвши берегъ новаго свѣта.

„Седьмой классъ!“ подумалъ я вслухъ, идучи домой съ послѣдняго шестикласснаго экзамена подѣлиться своею радостію съ матушкой. Да, продолжалъ я раздумывать, немалое пространство проплылъ и я, блуждая по житейскому морю „безъ кормила и весла“—

безъ путеводителя, безъ средствъ! Въ продолженіе десяти лѣтъ моего ученія много претерпѣлъ я нужды и лишеній, не разъ сбивался съ истиннаго пути—и вотъ, слава Богу, почти уже у берега. Полный надеждъ и упованій на свои собственныя силы, я сталъ глядѣть впередъ безъ страха.

Испытавъ невыгоды совмѣстнаго помѣщенія съ учениками, я, еще будучи въ деревнѣ, началъ приставать къ Ивану Михайловичу съ просьбою о перемѣнѣ квартиры, чтобы у меня была особенная комната. Въ послѣднемъ классѣ мнѣ предстояло много работы и потому я нуждался въ отдѣльномъ помѣщеніи, а не въ углѣ, какъ было до сихъ поръ. Внявъ моему гласу, помѣщикъ нанялъ намъ квартиру болѣе удобную, подлѣ самой брамы, у Ѳомы Ивановича Шота. Устроившись на новосельѣ, я составилъ себѣ планъ занятій на весь годъ. Нужно было повторить весь гимназическій курсъ, пройденный съ большими пробѣлами и прорѣхами, и приготовить вновь пройденное въ VII классѣ. Правда, въ описываемое время получить аттестатъ было несравненно легче, чѣмъ теперь, когда требованія увеличились противъ прежняго въ три раза, и я, безъ особенныхъ усилій, могъ пріобрѣсть этотъ важный документъ, но мнѣ необходимо было окончить гимназію cum eximia laude, чтобы имѣть болѣе шансовъ на поступленіе въ университетъ казеннокоштнымъ студентомъ, такъ какъ мнѣ, бѣдняку, другаго выхода не было: въ этомъ для меня состоялъ вопросъ жизни и смерти, гамлетовское „быть или не быть?“

Распредѣливъ въ началѣ учебнаго года предметы гимназическаго курса такимъ образомъ, чтобы не упустить изъ виду ничего существеннаго, я, съ чисто нѣмецкою аккуратностію, неуклонно слѣдовалъ составленному плану. Только пріѣзды барина нарушали по временамъ заведенный мною порядокъ, да на первыхъ порахъ немало мѣшалъ мнѣ мой новый хозяинъ Ѳома Ивановичъ. Вольноотпущенникъ Судіенка, часовщикъ по ремеслу, хотя и не весьма искусный, но единственный въ городѣ, хозяинъ мой, по внушительной наружности, скорѣе смахивалъ на помѣщика средней руки, чѣмъ на бывшаго двороваго человѣка. По праздникамъ Ѳома Ивановичъ любилъ почитывать библію, вслѣдствіе чего возъимѣлъ большія претензіи на титулъ просвѣщеннаго человѣка. Будучи принятъ, какъ

гость, у почтеннаго архимандрита Геннадія, часовщикъ позволялъ себѣ вступать въ словопренія съ духовенствомъ, а разъ даже присутствовалъ при богословскомъ диспутѣ съ нѣкіимъ уніатскимъ попомъ, сосланнымъ на эпитемію въ новгородсѣверскій монастырь за то, что не соглашался „возсоединиться". Если вѣрить Ѳомѣ Ивановичу, то онъ „срѣзалъ уніата" какимъ то такимъ сильнымъ аргументомъ, что тотъ, по его словамъ „а не пикнулъ" и тотчасъ возсоединился.

Хозяинъ мой былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, либералъ и вольнодумецъ, до чего онъ дошелъ собственнымъ умомъ, чѣмъ онъ гордился. Во едину отъ субботъ, вечеромъ, онъ по обыкновенію пришелъ ко мнѣ побесѣдовать.

— А я, говоритъ, только что чёлъ Соломоновы премудрости и между, нами будь сказано, не мало удивляюсь, за что его считаютъ великимъ мудрецомъ? Не понимаю, что за мудрость писать такъ, чтобы тебя никто не разумѣлъ?—Потомъ, понизивъ голосъ, конфиденціально прибавилъ: „Какія, доложу вамъ, Соломонъ глупости городитъ — это страхъ!"

Относясь критически ко всему прочитанному, Хома не все, однако жъ, порицалъ. Многое изъ исторіи древней культуры онъ предпочиталъ даже современнымъ изобрѣтеніямъ; такъ, напр., стѣнобитныя орудія, или тараны, употреблявшіеся при взятіи крѣпостей, онъ считалъ болѣе страшными, чѣмъ наша осадная артиллерія: „мы только, говорилъ онъ, не умѣемъ сдѣлать этихъ орудій, какъ слѣдуетъ, да и утверждаемъ, что они не годны". Однажды хозяинъ выпросилъ у меня сочиненія Гоголя и, возвращая книгу, высказалъ такое рѣшительное сужденіе о нашихъ литераторахъ:

— Всѣ сочинители мошенники. Они только деньги выманиваютъ у нашего брата—простака.

Хома Ивановичъ былъ человѣкъ тучный и потому любитъ прохладу, работая всегда въ одномъ бѣльѣ, въ шлепанцахъ на босу ногу. Въ такомъ костюмѣ онъ выходилъ иногда и за ворота посидѣть на лавочкѣ и побалагурить съ своимъ сосѣдомъ унтеръофицеромъ Павлушкой. Любилъ также при случаѣ здорово бить муху, особенно когда случалось ему поѣхать починивать допотопные прадѣдовскіе часы по усадьбамъ ближайшихъ помѣщиковъ. Нашему барину Хома Ивановичъ нравился.

Первое полугодіе прошло быстро, въ усиленныхъ занятіяхъ. Къ концу ноября я подвелъ итоги своимъ работамъ и остался собою доволенъ: сдѣлано было дѣйствительно много. Въ награду за прилежаніе, я позволилъ себѣ льготу на праздникахъ Рождества и съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе новой барыни провесть недѣльку другую въ кругу ея многочисленнаго семейства. Хотя зимой на хуторѣ не предвидѣлось особенныхъ развлеченій, но я о нихъ мало заботился. Меня все еще не переставалъ привлекать къ себѣ сундукъ съ книгами. Чтеніе серьезныхъ книгъ было для меня гораздо занимательнѣе болтовни стараго барина, который, замѣтивъ, что я слушалъ его безъ должной аттенціи, вломился въ амбицію и пересталъ звать меня въ кабинетъ. Такъ прошли всѣ праздники.

Откормивши милыхъ чадъ своихъ и ихъ репетитора разными пундыками и пряженцами, Агафья Григорьевна снарядила насъ въ путь съ цѣлымъ обозомъ провизіи. Кушали въ то время помѣщики знатно, а новоиспеченная помѣщица была большая мастерица заказывать обѣды и ужины доморощенному повару, спеціально подготовленному ею для стряпанья любимыхъ блюдъ Ивана Михайловича. Баринъ кушалъ плотно, хотя за ужинъ никогда не садился, безпрестано повторяя, что въ Петербургѣ никогда не ужинаютъ. Но едва ли онъ каждый вечеръ не съѣдалъ больше нашего, прохаживаясь вокругъ стола и пробуя, въ значительномъ количествѣ, каждаго блюда.

Чѣмъ ближе подходило время окончательныхъ испытаній, тѣмъ тревожнѣе принимались за дѣло мои товарищи. Изъ соревнованія, а можетъ быть и изъ зависти, каждый изъ насъ старался скрыть отъ другаго, что́ онъ уже успѣлъ приготовить, утаивая и уменьшая количество повторенныхъ предметовъ. Одинъ только Миша Горяиновъ, добрая душа, въ этомъ случаѣ говорилъ правду: „Богъ меня вбей— ничего не знаю!"

Замѣтивъ такое предательское настроеніе товарищей, я тоже стушевался и ни гу-гу о томъ, что у меня еще въ апрѣлѣ было все готово. Одной лишь математики, какъ ни бился я надъ нею, никакимъ образомъ не могъ преодолѣть. Я ее никогда не зналъ, да и не имѣлъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Не получивъ твердыхъ основаній въ низшихъ классахъ, я, очевидно, не въ состояніи

былъ понять ни уравненій, ни лограиѳмовъ, ни бинома Нютонова, а объ аналитикѣ и говорить нечего. Въ этой мудреной штукѣ самъ Бонче́ ни бельмеса не смыслилъ. Вызубритъ бывало предстоящій къ объясненію урокъ и начнетъ писать на доскѣ формулы. Пишетъ-пишетъ да и станетъ на половинѣ въ тупикъ—ни тпру, ни ну! Стоитъ передъ доскою да знай напихаетъ табакомъ носъ, съ цѣлію возбудить дѣятельность мозга наркотическимъ порошкомъ. Слеза бывало прошибетъ бѣднаго Бонче́, а задача все таки оставалась нерѣшенною до слѣдущаго урока. Спрашивается, какимъ же способомъ, съ плохими началами въ математикѣ, дошелъ я до седьмаго класса? А благодаря великодушной снисходительности того же Бонче́. Надобно знать, что сей почтенный педагогъ, будучи обремененъ большимъ семействомъ отъ двухъ женъ, не могъ прожить тогдашнимъ, болѣе чѣмъ скуднымъ, жалованьемъ, стало быть, по необходимости, нужно было искать другихъ источниковъ т. е. содержать пансіонеровъ да заставлять учениковъ брать частные уроки. Изъ-за пансіонеровъ всегда и вездѣ между преподавателями происходили ссоры и дрязги, а изъ за того, чтобы заставить воспитанниковъ брать уроки, безъ зазрѣнія совѣсти, дѣлались прижимки. Вотъ отчего самый безкорыстный изъ извѣстныхъ мнѣ въ пяти гимназіяхъ учителей математики Матвѣй Албертовичъ Доморацкій отъ всей души ненавидѣлъ Осипа Григоро́вычa и, стараясь попасть по коню, билъ по оглоблямъ, ставя пансіонерамъ своего коллеги „едúницы“.

Не зная моего состоянія, Бонче еще въ V классѣ сталъ было прижимать меня; но я, сразу понявши въ чемъ дѣло, отправился къ нему на домъ и откровенно объяснилъ ему, что съ меня взятки гладки, что онъ окажетъ великую божескую милость, если не будетъ препятствовать моимъ переводамъ, а что я, съ своей стороны, буду зубрить формулы и отвѣчать ему разъ въ мѣсяцъ. Бонче́, спасибо ему, внялъ моей просьбѣ и заключилъ со мною конвенцію такого рода: если я буду сидѣть на урокѣ, понуривъ голову—знакъ, что я не готовъ, не спрашивай, молъ, меня! Если же стану весело смотрѣть въ глаза учителю, это означало, что вызубрилъ урокъ и меня смѣло можно вызвать къ доскѣ.

Окончательныя наши испытанія, производимыя безъ всякой торжественности, какою обыкновенно сопровождались они во время не-

забвенной „тимковщины“, прошли съ прибавкой всяческихъ скандаловъ, какихъ не случалось прежде. На экзаменѣ по физикѣ произошелъ такой, напр., курьезъ.

Вызвали Василія Глотова. Взялъ онъ „вопросъ“ о лейденской банкѣ; нарисовалъ чертежъ и сталъ отвѣчать:

„Если мы пропустимъ проволоку внутрь банки“...

— Але не внутрь, а знаружи! прерываетъ его преподаватель, думая, по незнанію русскаго языка, что слово внутрь значитъ снаружи. Ваську хотѣлъ поддержать Бончé и сталъ увѣрять Матвѣя Албертовича, что ученикъ выразился правильно, сказавши внутрь.

— А ты почему знаешь? окрысился физикъ.

— Не только знаю, но я самъ опыты производилъ, отвѣчалъ самоувѣренно математикъ.

— А ей Богу, неправда! усумнился физикъ.

— Отчего же неправда? Я развѣ не могу дѣлать опытовъ?

— Очевидно, не можешь, для того, что ты дурны!

— Это еще вопросъ—кто изъ насъ дуракъ: мы своихъ головъ не вѣсили.

— А ей Богу, не нужно вѣшать, бо я знаю, въ твоей головѣ солома!

Видя, что разговоръ началъ принимать совсѣмъ не педагогическій характеръ, директоръ прекратилъ его, а Бончé, отплевываясь на всѣ четыре стороны, вышелъ изъ класса.

Послѣ Тимковскаго, который, какъ мы видѣли, всегда самъ производилъ испытанія, пробирая и учениковъ, и учителей, при новомъ директорѣ они обратились въ чистѣйшую лоттерею. У него положено было правиломъ не предлагать отвѣчающему на взятый билетъ никакихъ посторонних вопросовъ; вслѣдствіе такого распоряженія, я, не зная математики, по счастливой случайности, получилъ весьма хорошія отмѣтки, такъ какъ на мою долю выпали самые пустые билеты. Голосъ преподавателя, при большинствѣ другихъ членовъ педагогическаго совѣта, ничего не значилъ. Вообще говоря, успѣхи мои превзошли ожиданія: я получилъ первый аттестатъ, при

чемъ, вмѣсто золотой медали, которою награждаютъ отличныхъ учениковъ въ другихъ гимназіяхъ, мнѣ дали четыре тома Тита Ливія, залежавшагося въ складѣ до того, что его и мыши не захотѣли ѣсть [1]).

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) При Тимковскомъ золотыя медали не выдавались, но получаемые окончившими съ успѣхомъ гимназію аттестаты цѣнились воспитанниками дороже золота. Вотъ одинъ изъ такихъ аттестатовъ, выданный П. А. Антоновичу, бывшему попечителю кіевскаго учебнаго округа.

№ 1. Увольнительное свидѣтельство.

Имя: Платонъ Антоновичъ-Войшинъ, малороссійской черниговской губерніи кролевецкаго повѣта, дворянина, коллежскаго протоколиста Александра Антоновича-Войшина сынъ; родился въ городѣ Кролевцѣ ноября 13 дня 1811 года.

Время посѣщенія гимназіи: выпускаемый, по изученію въ кролевецкомъ повѣтовомъ училищѣ, поступилъ новгородсѣверской гимназіи въ 1-й классъ, августа 1-го дня 1824 года; въ оной находился пять лѣтъ, изъ того 2 года въ четвертомъ классѣ.

Поведеніе. Въ отношеніи къ соучащимся, находясь всегда скромно и степенно, съ добродушіемъ и привѣтливымъ угожденіемъ, пріобрѣлъ общее уваженіе и любовь; *въ отношеніи къ начальству,* при наблюденіи порядка и правилъ съ добростію нрава, никогда не подавалъ повода учителямъ и начальству порицать что либо какъ въ классномъ, домашнемъ и городскомъ его поведеніи, такъ и въ склонностяхъ и употребленіи времени; обыкновенныя учебныя исправленія принималъ съ откровеннымъ и стремительнымъ желаніемъ своего образованія; не было между начальствомъ и имъ иныхъ отношеній, кромѣ чистаго благонравія, сыновней преданности и выразительнаго почтенія со стороны его,—удовольствія, сердечнаго расположенія и надежной попечительности со стороны начальства; сіи качества его соединены были съ убѣжденіемъ въ кротости мнѣній и духѣ благочестія, съ которыми всегда прилѣжалъ къ изученію Закона Божія и Священнаго писанія и въ томъ оказалъ отличные успѣхи. *Примѣчаніе.* Въ прилежаніи всегда видны были особенное постоянство съ пріятными и весьма способными дарованіями, исправное посѣщеніе классовъ съ трудолюбіемъ въ домашнихъ занятіяхъ; привязанность къ достиженію высшихъ знаній съ ревностнымъ исполненіемъ уроковъ, задачъ и ежемѣсячныхъ переводовъ, преложеній, разборовъ и сочиненій, за что во всѣхъ четырехъ классахъ гимназіи получалъ похвальныя свидѣтельства.

Познанія: Выпускаемый въ латинскомъ языкѣ пріобрѣлъ отличную способность чтенія, понятія и изъясненія писателей, прозаиковъ и поэтовъ; въ сочиненіи и выраженіи на семъ языкѣ хотя не имѣлъ опытовъ, но въ переводахъ на оный весьма много достигъ грамматической правильности и нѣсколько даже выбора и чистоты рѣченій; въ началахъ греческаго языка средственные успѣхи; въ географіи и древней исторіи очень хорошіе; въ хронологіи, древностяхъ, новѣйшей всемірной и россійской исторіи хорошіе; по части математики: въ алгебрѣ и геометріи, въ приложеніяхъ алгебры къ геометріи и въ тригонометріи превосходные; въ началахъ высшихъ исчисленій, высшей геометріи и механики очень хорошіе; въ естественной исторіи и физикѣ очень хорошіе; въ нѣмецкомъ языкѣ изрядные; въ французскомъ

языкѣ получилъ свободное понятіе и изъясненіе писателей, хорошій выговоръ и въ выраженіи на ономъ нѣсколько грамматической правильности; знаніе правилъ россійскаго и славянскаго языковъ, логики и риторики превосходные; приложеніи оныхъ, чистота и сила языка и слога въ помѣсячныхъ и экзаменаціонныхъ переводахъ и сочиненіяхъ показываютъ обильное и вѣрное размышленіе о предметѣ и тщательность о возвышеніи сихъ способностей, при томъ въ правилахъ изящества и въ исторіи словесности оказалъ очень хорошіе успѣхи; въ рисованьи, черченіи и почеркѣ чистописанія хорошіе. Всѣми же предметами не по одной обязанности, но съ любомудріемъ и охотою занимался; особенная его наклонность примѣтна къ важности исторіи, правамъ и достоинству слога.

Нынѣ, окончивъ свой курсъ, онъ, Антоновичъ, заслужилъ объявленное при публичныхъ испытаніяхъ имя примѣрнаго ученика гимназіи; почему слѣдуетъ его Антоновича-Войшина, для усовершенствованія въ познаніяхъ, отправить въ Императорскій харьковскій университетъ на казенный счетъ и съ тѣмъ ему сей аттестатъ, перваго номера, о вышеписанномъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава учебныхъ заведеній § 62 и постановленій начальства, за подписаніемъ директора и учителей гимназіи, съ приложеніемъ гимназической печати данъ 1829 г. іюля 7 дня. Подлинное подписано: Директоръ гимназіи, докторъ правъ и философіи, королевскаго великобританскаго геттингскаго ученаго общества членъ и кавалеръ Илья Тимковскій, законоучитель соборный протоіерей Стефанъ Ленковскій; исторіи, географіи и статистики учитель Петръ Левицкій, учитель латинскаго, греческаго и временно нѣмецкаго языковъ коллежскій совѣтникъ Кириллъ Капля; учитель философіи и россійской словесности Григорій Македонскій; учитель математическихъ наукъ Иванъ Сбитневъ; учитель естественныхъ наукъ и инспекторъ учениковъ Герасимъ Ивановскій; учитель рисованія и черченія Степанъ Кириловъ. Печать красная.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.[1)]

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Заупрямился Максимъ, цѣлые вечера просиживалъ дома съ трубкою въ зубахъ и скучалъ. Онъ привыкъ уже въ теченіи многихъ лѣтъ проводить длинные вечера у Шмуля или въ чьей нибудь хатѣ среди сосѣдей, привыкъ, чтобы его поджидали за кружкою пива, прислушивались бы со вниманіемъ къ каждому его слову и не прочь былъ и самъ послушать, что говорятъ и другіе... Теперь онъ отшельникомъ сидѣлъ дома въ темной хатѣ. Старикъ отецъ храпѣлъ на печи, Ѳедоръ былъ далеко, глупый Петро, едва совладѣвъ съ мискою каши, тотчасъ ложился спать въ обору; жена же его, измученная тяжелою работою, дремала на лежанкѣ и машинально шептала молитвы.

Одна Евка бодрствовала неизмѣнно въ продолженіи цѣлаго вечера и пряла передъ лампочкой у окна; медленно, неловко вытягивала она нитку, искоса поглядывая на Максима. Тотъ сидѣлъ за столомъ, поддерживая голову одною рукою; въ чистой рубахѣ, застегнутой у ворота на зеленую стеклянную пуговицу,— румяный, съ бѣлымъ лбомъ, съ голубыми глазами и свѣтлыми, какъ ленъ, усами, онъ выглядывалъ еще довольно молодымъ и пригожимъ; это мало интересовало Евку, ей просто было скучно и если бы, вмѣсто умнаго и благообразнаго крестьянина, сидѣлъ за столомъ волкъ, она точно также поглядывала бы и на волка.

[1)] См. „Кіевск. Старина" 1889 г., №№ 5 и 6, май и іюнь.

Въ свою очередь и Максимъ не обращалъ на нее вниманія, зналъ, что она была зла, лѣнива, распущена, какъ всякая почти бездомная „прыблуда“; сперва онъ негодовалъ въ душѣ, зачѣмъ приняли ее въ хату, стыдился за нее передъ людьми, даже самъ велѣлъ женѣ одѣть ее по крайней мѣрѣ въ крѣпкую рубашку и новую чистую юбку. Раза два въ эти одинокіе вечера онъ приказывалъ Евкѣ подать огня для трубки. Она вскакивала съ мѣста, въ два прыжка приближалась къ печи, выгребала оттуда жаръ изъ пепла и приносила горячій уголекъ, перебрасывая его съ руки на руку. Максимъ прикладывалъ уголь къ трубкѣ, она стояла передъ нимъ молча, съ улыбкою и смотрѣла ему въ лицо своими сѣрыми глазами. Мало по малу онъ освоился съ нею, привыкъ къ этой единственной душѣ, бодрствовавшей среди глухаго храпѣнія, смѣшаннаго съ шелестомъ таракановъ по стѣнамъ и съ отрывистымъ пѣніемъ сверчка подъ печью. Разъ, когда Евка, взявши гребень и веретено, хотѣла идти на „вечорныци“ въ сосѣднюю хату, Максимъ прикрикнулъ на нее.

— Куда? ты вѣдь не дѣвушка!.. солдатка! мужъ на чужой сторонѣ одинъ одинешенекъ, не нужно тутъ безъ него искать веселья!

Онъ былъ убѣжденъ, что отстаивалъ семейную нравственность и добродѣтель, но все же ему веселѣе сдѣлалось на душѣ, когда молодая женщина воротилась отъ двери и снова усѣлась у окна на свое мѣсто. Съ тѣхъ поръ онъ все чаще и чаще заговаривалъ съ нею, но всегда какъ то нехотя, словно по принужденію, не подымая глазъ, и несмотря на то, прекрасно видѣлъ ея худощавое, смуглое лицо, сѣрые глаза и эту улыбку, безстыдную, какъ бы вызывающую. Онъ злобно отплевывался; давнымъ давно уже не вѣрилъ онъ въ черта, но чувствовалъ, что въ этой тощей бродягѣ гнѣздится все зло, собранное по темнымъ угламъ еще въ то время, когда она шаталась съ дѣтства между разнымъ людскимъ сбродомъ, не вѣрилъ ей ни на грошъ, но какъ то его иногда разбирала жалость, если онъ видѣлъ хотя бы, какъ Евка спала, скорчившись въ углу на кучѣ мѣшковъ, около ихъ тапчана, прикрывшись юбкою. Небольшая и тощая, словно дитя, она дрожала во снѣ отъ холода, проникавшаго сквозь гнилые углы. Лѣтомъ она спала въ сараѣ, на зиму переходила въ

хату; при мужѣ ей бы не валяться такъ по угламъ. Максимъ видѣлъ, что одинокую женщину обижаютъ; не говоря ни слова, онъ принесъ Евкѣ изъ кладовой старую кровать, на которой жена его тотчасъ же уставила квашню съ тѣстомъ, едва оставивъ половину мѣста для той.

— Къ чему это ей? говорила Максимыха съ полнымъ убѣжденіемъ.—Не привыкла она, бѣдняжка, цѣлый свой вѣкъ по угламъ спать. Пусть помнитъ, что пришла съ пустыми руками, пусть учится покорности и благодаритъ Бога за свою судьбу.

Жена была права; другіе, пожалуй, выгнали бы изъ дому такую безприданницу; теперь, когда мужъ былъ на службѣ, пусть бы шла на зиму служить въ людяхъ. Въ люди ее не пустили, за то и должны смотрѣть за нею въ оба; она изъ подъ рукъ хватаетъ все съѣстное, того и гляди, станетъ и выноситъ его изъ хаты... Дикая коза! Ни на одну сельскую бабу не похожа! Разъ проходя черезъ сѣни, Максимъ хотѣлъ отстранить ее съ дороги и тронулъ за плечо; Евка вообразила, будто онъ хочетъ обнять ее, и толкнула его локтемъ въ грудь съ такою силою, что ему пришлось отскочить въ противоположный уголъ. Обругавъ ее, онъ выгналъ ее на дворъ и заперъ за нею дверь, однако передъ женою онъ объ этомъ промолчалъ да и вообще не любилъ онъ безъ нужды разговаривать съ бабами, а въ обращеніи къ Евкѣ какъ то смягчился послѣ этого.

— *Прыблуда* она, это правда, но разъ она вошла въ домъ, то нужно смотрѣть на нее, какъ на свою, а то еще пожалуй убѣжитъ и *шукай витра въ поли!*—говаривалъ онъ женѣ, и дѣйствительно боялся, какъ бы Евкѣ не вздумалось уйти; сколько разъ, видя ее одну въ полѣ или надъ обрывомъ, онъ останавливался и приглядывался къ ней издалека. Среди пустынной, сѣрой равнины она казалось подросткомъ дѣвочкою; онъ могъ бы на рукахъ снести ее въ хату, такъ она была мала и худа. А между тѣмъ такъ сильна!

— Гмъ, глупая! что это ей вздумалось? разсуждалъ Максимъ, чуть замѣтно ухмыляясь,—а что, если бы такъ... когда нибудь... въ самомъ дѣлѣ... почемъ знать?

Каждый разъ, когда Евка проходила мимо него, ему казалось, что она должна его затронуть... Иногда онъ хмурился, иногда просто ждалъ. Но она шла дальше своею дорогою, безпокойная, подвижная, какъ всегда, а онъ возвращался въ хату сердитый, какъ то отяжелѣвшій; кричалъ на жену, зачѣмъ безъ мѣры топитъ печь—въ хатѣ такъ душно, что усидѣть невозможно! Сбрасывалъ кожухъ, разстегивалъ рубашку и садился у стола недовольный, потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, замѣчалъ, что Евка такая же точно хозяйка въ домѣ, какъ и она, или дивился хриплымъ голосомъ, какъ всѣ эти приблуды лѣнивы, не знающи и не способны даже куска хлѣба себѣ заработать.

И теперь, когда онъ, починяя плетень, увидалъ ее идущую изъ дому, онъ былъ увѣренъ, что она заговоритъ съ нимъ. Въ полѣ никого не видно, люди укрылися отъ холоднаго дождя, моросившаго съ самаго утра; по дорогѣ изъ лѣсу медленно двигались къ селу двѣ повозки, нагруженныя лозою; около первой шла баба, закутавшаяся въ сѣрое рядно, и вела лошадь подъ уздцы; вотъ онѣ въѣхали въ село и снова на обширной равнинѣ не видно живой души. Евка остановилась надъ обрывомъ и смотрѣла на темную рѣку. Въ теченіи послѣднихъ дней она была въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи, просто не находила себѣ мѣста; то летала изъ дома въ домъ, то сидѣла однимъ одинешенька гдѣ нибудь на заборѣ, то снова бѣжала въ хату и, насупившись, стиснувъ зубы, пытливыми глазами что то высматривала по угламъ. Ей страстно хотѣлось бросить все и бѣжать изъ этой проклятой хаты куда то далеко и найти Андрея... Но босой, безъ приличной одежды, ей стыдно было показаться въ люди; правда, можно бы утащить кожухъ у Максимыхи, захватить даже немного бѣлья, но денегъ совсѣмъ нѣтъ, да и силы что нибудь предпринять какъ то не хватаетъ. Измучили ее въ этой проклятой хатѣ, а вѣчною работою и голодомъ приморили какъ то. Евка невольно сжала кулаки, вспомнивъ прежнюю волю; ею овладѣла тоска и страшное нетерпѣніе бѣжать сейчасъ же, сію минуту, летѣть хоть бы даже въ тотъ песчаный обрывъ, заросшій можжевельникомъ и ольховыми кустами, надъ которымъ Максимъ чинилъ плетень. Въ свою очередь и тотъ незамѣтно оглядѣлся во-

кругъ, забилъ топоръ въ деревянный столбикъ, подошелъ и остановился рядомъ съ нею.

— Что жъ ты стоишь такъ на холодѣ? проворчалъ онъ, глядя на противоположный лѣсистый берегъ.

— А что жъ? такъ и сидѣть вѣчно въ вашей будкѣ! отрѣзала Евка. Что я вамъ за собака или, наконецъ, раба, чтобы день и ночь сторожить ваше добро?...

Никогда еще не отвѣчала она ему такъ дерзко: вся она дрожала отъ гнѣва.

— Вотъ она какая! подумалъ Максимъ и съ удовольствіемъ покрутилъ головою; онъ какъ то вдругъ помолодѣлъ, пріосанился и какъ бы словно сразу сбросилъ съ себя прежнюю неподвижность.

— Не собака ты и не раба, а невѣстка.

Онъ замолчалъ; на языкъ ему какъ то сами собою, безъ видимой причины просились ласковыя, нѣжныя слова: пташечка... на чужой сторонѣ... такая бѣдная... сиротинка... однако же онъ какъ то удержался, но и продолжать начатаго разговора тоже не нашелся и не сводилъ глазъ съ противоположнаго берега, какъ бы никогда не видѣлъ его до этого времени. Рыжій теленокъ вышелъ изъ лѣсу и бѣжалъ, вытянувъ шею.

— Чей это? спросила Евка.

— Заблудился видно, можетъ быть лѣсника, а можетъ и изъ села чей нибудь, отвѣчалъ крестьянинъ, сдерживая голосъ.

— Пропадетъ еще!

— А можетъ быть и пропадетъ!... Онъ готовъ былъ переправиться на другую сторону, поймать теленка и отвести къ лѣснику, или хоть къ самому чорту, лишь бы только Евка ѣхала съ нимъ. Онъ улыбнулся и ласково посмотрѣлъ на нее.

— Какъ будто бы злая, а скотинки жалѣешь!—Максимъ взялъ ее руку повыше локтя.—Ты у насъ пополнѣла, а за зиму поправишься еще больше.

— Если не сдохну съ голоду! крикнула она въ ярости.

Языкъ у Евки развязался, она посыпала, какъ изъ мѣшка, о своей бѣдѣ, о несчастьи, торопливо, задыхаясь, говорила то жалобно, то злобно выкрикивая, повторяла въ сотый разъ, что

убѣжитъ, не выдержитъ, вырвется изъ этой проклятой хаты! Онъ продолжалъ держать ея руку, время отъ времени перебирая пальцами, не слишкомъ вслушивался и немного разбиралъ, въ чемъ дѣло, понялъ только, что она жалуется на голодъ и что желала бы имѣть лучшую одежду. Ну что же?! Много ли нужно, чтобы накормить и пріодѣть такую крошку!

— Ну, полно! шепталъ онъ, полно!... бѣдняжка ты, ей Богу, что правда, то правда! Полно, онъ погладилъ Евку по спинѣ, куплю все, увидишь, вотъ... дай только время....

Дѣйствительно Максимъ сдержалъ слово: въ первое же воскресенье купилъ ей новые башмаки, заказалъ синій кожухъ и началъ покупать различную одежду. Прежней скупости и разсчетливости какъ бы никогда и не бывало. Только изрѣдка старая природа сказывалась еще въ немъ время отъ времени, но съ каждымъ разомъ все слабѣе и слабѣе. Каждый платокъ, каждая юбка должны были уже быть послѣдними; онъ не божился, но твердо рѣшалъ, что больше ничего не купитъ. Евка на все только плечами пожимала! Все онъ давалъ ей однѣ тряпки! Ихъ накопилась уже у нея полная скрыня въ видѣ различной одежды, лентъ, бусъ, серегъ и колецъ, а носить все таки было нечего. Она ходила по прежнему босая, въ грязной холщевой юбкѣ, въ черной, какъ земля, рубахѣ, а выходя изъ хаты, накидывала на себя кожухъ невѣстки. И жаловалась она по прежнему, но еще плачевнѣе, еще настойчивѣе; онъ твердилъ одно и тоже:

— Ну, полно, тише! куплю, увидишь... подожди немного!...

Сперва онъ стыдился своей слабости; сдѣлался угрюмымъ, былъ золъ на самого себя и ежедневно повторялъ въ душѣ, что это пройдетъ, уходилъ изъ дому, ѣздилъ съ извозомъ, на людяхъ забывалъ обо всемъ, но какъ только нужно было возвращаться домой, снова глупая слабость овладѣвала имъ. Смуглая, проворная змѣйка такъ и вилась передъ его глазами, какъ живая. Чуть только въѣзжалъ онъ въ ворота, она уже тутъ какъ тутъ, горящими глазами поглядываетъ на его карманы, запуститъ руки въ сѣно, ищетъ разнюхиваетъ, щебечетъ безъ умолку обо всѣхъ домашнихъ, о хатѣ, о скотинѣ, о сосѣдяхъ и выжидаетъ нетерпѣливо, что онъ дастъ ей, что привезъ, выхватываетъ изъ рукъ по-

дарокъ и, только разглядитъ его гдѣ нибудь за стогомъ, или на чердакѣ, или въ *оборѣ*, возвращается въ избу злая, какъ фурія. Всего ей было мало. Если бы Максимъ привезъ ей цѣлый обозъ различныхъ обновокъ, и тогда она бы съ пренебреженіемъ пожимала плечами. На платки, фартухи, юбки она и смотрѣть уже не хотѣла и вотъ онъ позволилъ по немногу выкрадывать холстъ и сукно изъ коморы. Ея кубышка и новая *скрыня* на чердакѣ, запертая большою колодкою, были переполнены всякимъ добромъ, каждый день она пекла себѣ и жарила, что вздумается, и несмотря на все это, похудала, почернѣла, глаза сдѣлались еще больше, жадность точила ее, тревожили опасенія; сколько разъ хотѣлось ей зарыть въ кустахъ и сундукъ, и кубышку, скрыть свое имущество отъ людей и отъ самой себя и начать копить новыя вещи въ новые сундуки. Максимъ истратилъ уже до копейки всѣ женины деньги, продалъ Шмулю въ теченіи зимы двѣ коровы, затѣмъ началъ сбывать и овецъ одну за другою.

— Корму нѣтъ, подохнутъ до весны! закричалъ онъ, когда жена не хотѣла давать овецъ; она уступила, лишь бы только избѣжать шуму въ домѣ и людскихъ толковъ.

— Нѣтъ корму! повторяла она передъ сосѣдками, какъ то странно скривившись; въ глазахъ стояли слезы, а она силилась еще улыбаться передъ людьми. Она видѣла, что все гибнетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Евка начала ежедневно ѣсть колбасы и яичницу, Максимыха, усомнившись въ милосердіи Божіемъ, перестала даже ходить въ комору. Она все еще хлопотала, работала по прежнему, но сама не сознавала, что дѣлаетъ. Бывали дни, когда она забывала выдоить коровъ, однажды забыла даже накормить свиней.

— Это уже передъ смертью, прошептала она, опомнившись, и перекрестилась.—Матерь Божья, смилуйся надъ нами! повторяла она съ глубокимъ вздохомъ по сто разъ на день. Пыталась она иногда читать и другую молитву, но не могла: одни эти слова неизмѣнно приходили на память: „Матерь Божья! смилуйся надъ нами“.

А тутъ и старая болѣзнь воротилась и преслѣдовала ее все докучливѣе, *печинкы знов почалы давыты на серце.* Эта стран-

ная болѣзнь приключилась съ нею послѣ смерти трехъ младшихъ дѣтей. Фельдшеръ смѣялся, когда она говорила ему о такой комбинаціи; она замолчала, но при каждомъ огорченіи чувствовала, какъ печень болѣе или менѣе сильно давила на сердце. И теперь, какъ только въ сумерки, стоя около печи, она взглядывала искоса на Евку, сидѣвшую за столомъ, съ устремленными сѣрыми глазами на Максима, какъ только догадывалась, что мужъ только для вида хмуритъ брови, а самъ все чаще и чаще посматриваетъ на ту, говоритъ что то потихоньку, или незамѣтно киваетъ головою на ея шопотъ, несчастная женщина чувствовала на сердцѣ огромную печень, тяжелую, какъ камень. Она бѣжала за ворота, какъ стояла у печи, въ одной рубахѣ и юбкѣ. Морозъ пронизывалъ ее, руки и ноги коченѣли, а слезы градомъ бѣжали по лицу...

— Матерь Божія! смилуйся... надъ нами!.. твердила она безсознательно, ловя ухомъ то смѣхъ Евки, то отрывистыя, хриплыя слова мужа.

Когда голоса умолкали, Максимыха возвращалась въ хату, снова принималась за стряпню; но никакъ не могла припомнить, солила ли она уже крупникъ, или нѣтъ? Пробовала и вкуса никакого не находила; въ ушахъ у ней все еще раздавался смѣхъ, отрывочныя слова, а въ головѣ повторялось безъ конца: Матерь Божья! смилуйся надъ нами!

Достатокъ таялъ, какъ снѣгъ отъ солнца, а она какъ то даже не жалѣла своего добра. Смотрѣла на все стеклянными глазами и не сознавала навѣрно—сонъ это или дѣйствительность? Только при людяхъ говорила она еще съ прежнимъ спокойствіемъ, что нарочно посылаетъ Евку съ мужемъ въ мѣстечко каждое воскресенье, чтобы развлечь ту хотя сколько нибудь въ ея вдовьей печали. Сама давала ей свой кожухъ и красный платокъ въ зеленыхъ клѣткахъ, стояла у воротъ, пока они усаживались на возъ, даже смѣялась и шутила съ сосѣдями. Максимъ возвращался выпивши; въ его карманахъ она находила пряники, душистое мыло въ цвѣтныхъ бумажкахъ, иногда колечко или бусы. Евка всегда привозила сельдей въ синей бумагѣ, баранки, сахаръ, и все это прятала подъ сѣнникъ на кровати и сама ложилась

сверху, свернувшись въ клубокъ и, поглядывая изъ подлобья блестящими глазами, и улыбалась, довольная днемъ, въ который съѣла и выпила больше, чѣмъ прежде за цѣлый мѣсяцъ. Семья укладывалась спать, гасила свѣтъ. Въ ночной тишинѣ оцѣпенѣвшая отъ горя Максимыха ясно различала храпъ старика и дѣтей на печи, мужа на лавкѣ подъ окномъ, только дыханія Евки никакъ не могла уловить. Та лежала, какъ мертвая.

— Вѣдьма она можетъ быть... или нечистая сила?...

При этой мысли волосы подымались на головѣ, дрожь пробѣгала по тѣлу.

— Матерь Божья! смилуйся надъ нами! шептала она въ величайшей тревогѣ. А печень, словно мельничный жерновъ, все тяжелѣе давила ея сердце.

Разъ она едва дотащилась отъ воротъ къ избѣ. Былъ большой праздникъ и, хотя солнце грѣло уже по весеннему, Евка нарядилась въ собственный синій кожухъ, повязала бѣлымъ платкомъ гладко причесанные волосы, а кораллы, голубыя и желтыя бусы ровными рядами свѣшивались изъ подъ воротника тонкой покупной рубашки. Она улыбалась, видя, какъ проходившіе и проѣзжавшіе мимо парубки и женатые мужчины оглядывались на нее и шутя совѣтовали Максимыхѣ не отпускать на ярмарку въ мѣстечко съ нею мужа. Евка нарочно какъ то медлила сѣсть въ повозку, пока всѣ не пройдутъ. Наконецъ, и они тронулись; въ дорогѣ Максимъ смотрѣлъ на нее, какъ на картинку, а жена его, съ трудомъ воротившись въ хату, усѣлась теперь на порогѣ въ сѣняхъ, спиною къ воротамъ, скрестивши руки и согнувшись вдвое. Голодныя куры тотчасъ окружили ее, клевали въ спину, входили въ сѣни съ жалобнымъ кудахтаньемъ. Въ oборѣ замычала корова, сперва одна, за нею другая, потомъ обѣ вмѣстѣ откликались къ солнцу, котораго яркіе лучи проникали къ нимъ сквозь щели въ стѣнахъ, сквозь дырявую крышу. Уѣзжая, Максимъ приказывалъ женѣ выпустить коровъ въ поле. Она помнила объ этомъ, слышала ихъ жалобное мычаніе, но не могла двинуться съ мѣста; она совершенно ослабѣла, силы какъ то вдругъ оставили ее. Максимыха знала, что человѣкъ долженъ все сносить терпѣливо, потому что всякая судьба отъ Бога, при томъ

же какой то непреодолимый стыдъ овладѣвалъ ею; не только при чужихъ, но и въ хатѣ передъ своими и даже сама про себя она не смѣла ясно сознать всего случившагося.

— Ослѣпленіе... грѣхъ... Божье показаніе! твердила она въ душѣ, стараясь забыть, не думать ни о чемъ, и можетъ быть, успѣла бы въ этомъ, если бы не эти *печинкы* на сердцѣ.

— Пошло на несчастье! шептала бѣдная женщина.

Солнце пригрѣвало ей спину, а тяжелое, напухшее сердце въ груди такъ и разрывалось отъ боли. Куры клевали ея босыя ноги, одна почти до крови укусила, навѣрно та чубатая,.. самая злая, которая даже пѣтуха бьетъ. Максимыха не отгоняла ихъ, даже не раскрывала глазъ и, съ трудомъ переводя дыханье, ожидала той минуты, когда окончательно задушитъ ее печень.

Вдругъ издали со двора послышался топотъ босыхъ ногъ по мерзлой землѣ; ржаніе, фырканье, смѣхъ и крикъ мгновенно пробудили ее къ дѣйствительности. Это Стецько и Одамко, съ разгорѣвшимися лицами, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, мчались другъ за другомъ, вскидывая головою, какъ разыгравшіеся кони.

— Мамо! дайте сѣна, овса! кричали они, запыхавшись,—не жалѣйте корму, мы кони, ѣдемъ издалека! Попасемся, отдохнемъ и снова въ дорогу!

Максимыха обернулась на зовъ; дѣти стояли у дверей; облитыя весеннимъ солнцемъ, румяныя, запыхавшіяся, съ свѣтлыми волосами, похожіе другъ на друга, какъ двѣ капли воды, они ржали и смѣялись попеременно.

— Мы кони, мамуню, ей Богу, кони! Я Симоновъ, а онъ татуни, объяснялъ Стецько,—меня волки прошедшею зимою грызли...

— Нѣтъ, меня волки грызли, а тебя воры украли, только тато догналъ и отобралъ.

— Врешь! Меня грызли, а тебя крали, потому что я татуни! Мальчики бросились другъ на друга, готовые силою отстаивать свои права и удостовѣрить свою самоличность. Мать во время остановила ихъ.

— Дурни вы, дурни, да чьи вы оба, какъ не татуни?! сказала она, пропуская ихъ впередъ.—Идите, дамъ и овса, и сѣна, и отдохнуть вамъ дамъ у себя, какъ конямъ у жолоба.

Въ темной хатѣ сдѣлалось свѣтлѣе отъ маленькихъ бѣлыхъ головокъ съ румяными личиками; мальчики ржали надъ мискою каши, топали ногами, такъ что даже старый дѣдъ приподнялся на печи, вытянулъ шею и смотрѣлъ на нихъ, тряся лысою головою. Тяжелая печень сдвинулась съ сердца Максимыхи. Она принялась убирать хату и только наклонившись около Евкиной постели, чтобы поднять съ полу грязную рубаху и юбку,—эту домашнюю оболочку прыблуды—почувствовала жгучую боль въ груди.

— Не пойдете на поруганіе, не дамъ васъ въ обиду, мои голубята, говорила она, утирая рукою поспѣшно слезы.—Выростете здоровыми, красивыми молодцами, для васъ я удержу душу въ тѣлѣ!

И, дѣйствительно, удержала. Даже силы и здоровье воротились къ ней какимъ то чудомъ. Въ коморѣ было совсѣмъ пусто, изъ оборы еще исчезли двѣ коровы, цѣлое лѣто семья кормилась одною зеленью, приходилось даже занимать жита на хлѣбъ. Максимыха точно и не замѣчала ничего этого; она по прежнему исполняла всѣ домашнія работы и сверхъ того ежедневно ходила на заработки, только денегъ своихъ никому уже не отдавала. Старикъ совсѣмъ ослабѣлъ и опустился, ни о чемъ не спрашивалъ, оглохъ или, можетъ быть, прикидывался глухимъ; онъ еще ходилъ по двору, но уже все предоставилъ на волю сыновей; а на Максима даже не смотрѣлъ, никогда не говорилъ съ нимъ, пересталъ также заглядывать и въ комору, и въ хлѣвъ; только изрѣдка подымалъ на Максимыху мутные глаза; оба они прекрасно понимали другъ друга; нѣсколько разъ онъ хотѣлъ было даже отдать ей свое сокровище—и не могъ, при одной мысли о томъ руки опускались, онъ не въ силахъ былъ пошевелить пальцемъ.

— Воры и моръ посѣтили насъ, татуню, говаривала Максимыха но здоровье, хвалить Бога, осталось, не пропадемъ.

— А люди что говорятъ? спрашивалъ старикъ чуть слышно, не подымая глазъ.

— Ничего не говорятъ! Одинъ Богъ знаетъ, какое яблоко точитъ червь!

Дѣйствительно, люди говорили не много, дивились только, откуда пришло на Максима такое „несчастье?“ Прежде въ ротъ не бралъ водки, а теперь пилъ въ праздники, напивался и въ будніе дни; едва станетъ смеркаться, только что вернувшись съ поля, онъ накидывалъ на плечи свыту и тащился, опустивъ голову, къ Шмулю... Здѣсь онъ выпивалъ кварту, другую, скривившись, какъ послѣ горькаго лѣкарства, и, не сказавши ни съ кѣмъ ни слова, отправлялся домой самою дальнею дорогою.

Работалъ онъ по прежнему, но говорить совсѣмъ перересталъ; въ воскресный или въ праздничный день, когда приходилось ѣздить въ мѣстечко, Максимъ просиживалъ все время въ оборѣ на старомъ опрокинутомъ вверхъ дномъ ведрѣ и прислушивался, какъ лошадь жевала сѣно, изрѣдка отгоняя отъ нея мухъ и оводовъ; благодарное животное оборачивалось къ хозяину и тогда они взаимно обмѣнивались между собой спокойнымъ, довѣрчивымъ взглядомъ, такъ же Максимъ не могъ смотрѣть въ глаза людямъ. Съ Евкой онъ пересталъ разговаривать, давно уже надоѣла ему она, иногда впрочемъ онъ, какъ бы по обязанности или въ силу привычки, привозилъ ей пряники, баранки, грошевыя конфекты, но все это оставалось въ карманахъ его сермяги,—самому ихъ отдавать не хотѣлось, а Евка, въ свою очередь, давно уже перестала выбѣгать къ нему на встрѣчу.

Теперь ей всюду было свободно. Съ утра до ночи бѣгала она по хатамъ; здѣсь покачала дитя, тамъ схватила ведро съ помоями, вынесла свиньямъ, полола въ огородахъ, доила коровъ, иногда цѣлые полъ-дня просиживала за кроснами, лишь бы только не въ одной и той же хатѣ, а среди веселія и смѣха она даже готова была ждать часъ, другой. Только на ночь возвращалась она домой, прячась за плетнями, изъ боязни встрѣтить въ воротахъ Максимыху, Максима или свекра и, въ большинствѣ случаевъ, приносила подъ фартухомъ или за пазухою схваченный по дорогѣ сыръ, кусокъ полотна, мотокъ нитокъ, или хоть яйцо, хоть кусокъ сала, хватала она все, что попадалось ей подъ руку. Иногда передъ нею, какъ грозное привидѣніе, становился образъ мужа, который скоро воротится, построитъ хату и снова запряжетъ ее въ работу, какъ въ ярмо, и чего добраго пожалуй еще бить

станетъ! Эхъ! Дастъ Богъ не воротится! Иные и погибаютъ на свѣтѣ... Андрей тоже не возвратился, а вѣдь обѣщалъ!.. А вѣдь за нимъ она готова была бы пойти хоть на край свѣта: ни земли, ни хаты у него не было, но все таки онъ не морилъ бы ее такъ надъ работою, какъ эти проклятые волы.

Нѣсколько разъ Максимыха вырывала у Евки изъ рукъ полотенце или кусокъ холста, захваченный ею гдѣ нибудь на заборѣ или на лугу.

— Что ты дѣлаешь? шептала она, пугливо осматриваясь въ сумеркахъ, не увидитъ ли ихъ кто, или не услышитъ;—вѣдь ославятъ воровкою! Въ тюрьмѣ сгніешь! И такъ на тебѣ уже нитки честной нѣтъ!

— Ну, такъ что жъ? и Евка при этомъ пожимала плечами, нагло смотрѣла ей въ глаза своими огромными сѣрыми глазами, безстыдно улыбаясь.

Максимыху въ самое сердце кольнуло отъ негодованія.

— Въ тюрьмѣ сгніешь! повторяла она.

— Эхъ, и тамъ люди живутъ! А хата ваша развѣ не тюрьма?

Максимыха заломила руки.

— Или на тебѣ креста нѣтъ? Или ты, глупая, сама не понимаешь, что говоришь, что дѣлаешь? Сколько уже ты горя причинила... Черезъ тебя мы состояніе потеряли... Все добро пошло прахомъ, какъ бы и не было его никогда.

— А что жъ, если *вашъ* такъ глупъ! прошептала Евка. Сколько разъ говорила ему: не продавай коровы Шмулю за собачью цѣну, лучше зарѣжь, съѣдимъ, такъ и отецъ, и жена полакомятся... Для всѣхъ достало бы! Такъ нѣтъ, не хотѣлъ!—Не могу, говоритъ, собственную корову рѣзать. Дуракъ! Люди рѣжутъ людей, а онъ коровы не можетъ зарѣзать!

— Что ты ему дала, что онъ черезъ тебя душу сгубилъ?.. Что и теперь еще самъ не свой ходитъ... Водку пьетъ!..

— Пьетъ, потому что глупъ! До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а водки и не пробовалъ. А теперь, какъ началъ пить, такъ и оторваться не можетъ! Потому и пьетъ! А я ему ничего не давала и души его не губила! Какой былъ, такой и остался, волъ проклятый! Денегъ и добра немного истратилъ—за то пожилъ. Передъ смертью

будетъ, чѣмъ вспомнить! Богатый мужикъ, а самъ капустный листъ курилъ! Евка плюнула и передернула плечами. На табакъ жалѣлъ денегъ! Научила я его уму-разуму! За то какъ бывало напьется, не разъ повторялъ: „Евка, пока я тебя не зналъ, то и добраго ничего не зналъ!“ Тьфу! просто стыдъ, что теперь бабы мужиковъ учатъ! Трезвымъ онъ этого не говоритъ,—знаетъ, что стыдно мужику быть дуракомъ. А еще хотѣлъ, чтобы его выбрали старшиною!

Она засмѣялась, вскинула плечами и протянула руку за краденымъ полотномъ.

— Отдайте! Въ тюрьму за это не возьмутъ! Сегодня нищая по селу бродила, жидъ съ товаромъ проѣзжалъ, вотъ и стащили. Не бойтесь, знаю я, когда можно! Больше я въ своей жизни нахватала, нежели вы заработали.

Максимыха молча отвела ея руку и крѣпко держалась за полотно; отъ Евкиныхъ словъ ей духъ захватывало въ груди.

— Молишься ли ты когда нибудь Богу, или нѣтъ? спросила она въ смертельномъ страхѣ.

— А какъ же, молюсь! Вы можетъ быть думаете, что если я не хозяйская дочка, такъ ужь и молитвы не знаю? Да пропадите вы съ своимъ хозяйствомъ! Я и безъ вашего добра сумѣю прожить.

Дальше разговаривать не стоило, Евка медленно направилась къ воротамъ, а проходя, еще разъ взглянула на полотно въ рукахъ у невѣстки.

— Бѣдный же ты, Ѳедоръ, бѣдный! Гдѣ ты только свою долю посѣялъ, что такою крапивою она поросла! жалобно причитала Максимыха.

Она похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько лѣтъ, изъ крѣпкой еще недавно бабы она сдѣлалась сморщенною старухою; глаза потускнѣли отъ слезъ, голосъ терялся гдѣ то въ глубинѣ впалой груди, она говорила почти шепотомъ, трудилась отъ разсвѣта и до поздней ночи, даже въ праздники и воскресные дни сама выпасала на межахъ своихъ двухъ коровъ; въ заплатанной рубахѣ, въ старой юбкѣ, въ полиняломъ платкѣ на головѣ, она выглядывала совершенною нищею. За то въ хлѣву опять стояло

восемь овецъ, подростали двѣ телки, а коровы, хоть и старыя, были самыя откормленныя въ цѣломъ селѣ.

— Половину имущества нужно будетъ Өедору отдать, сказалъ однажды Максимъ, сидя рядомъ съ женою на *прызьбѣ*. Она не возражала, но сердце у ней облилось кровью, не хватило у ней голоса.

— Какія останутся деньги послѣ отца... Пусть беретъ, чтобы не было обиды.

— Но вѣдь нашимъ дѣтямъ обидно будетъ, тихо замѣтила Максимыха и сама пожалѣла; Максимъ согнулся вдвое, насупился и смотрѣлъ въ землю.

Она давно уже простила ему, что сглупилъ немного подъ старость. На самомъ дѣлѣ она никогда и не думала о себѣ и жалѣла только его самого. Онъ постарѣлъ, обѣднѣлъ, засѣлъ безвыходно въ своей старой хатѣ, изъ перваго хозяина въ селѣ сталъ самымъ послѣднимъ; самъ онъ это сознавалъ, хоть никогда не говорилъ о томъ. Максимыха видѣла, какъ разъ онъ вынулъ изъ сундука свой черный костюмъ и разсматривалъ его передъ окномъ, кивая головою. У нея слезы выступили на глазахъ, она поспѣшила выйти изъ хаты: онъ, пожалуй, могъ бы подумать, что она жалѣетъ для него этихъ нѣсколькихъ капель водки ежедневно. Почемъ знать? можетъ быть это и правда, что если кто разъ попробуетъ, то уже долженъ выпить свою мѣру.

— Такъ и отдадимъ, пусть ему идетъ на разживу, сказала она. Когда наша хата очистится, можетъ быть, лучше будетъ!

— Лучше будетъ, повторилъ Максимъ.—Эхъ, такъ ужь видно суждено было! прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— Жаль Өедора!

— Почему? Женщина она можетъ быть лучше другихъ, лишь бы захотѣла работать. Ничего изъ рукъ не выпуститъ, все тащитъ въ хату. Дуракъ тотъ, кто станетъ ее стыдиться: она знаетъ, какъ на свѣтѣ жить. Можетъ быть, на своемъ хозяйствѣ и будетъ трудиться.

— Не будетъ! Вѣдьма свяченой земли боится! Чтобъ ее громомъ сожгло! Чтобъ она сквозь землю провалилась! Проклятая! Свѣчку поставлю, молебенъ отслужу, когда ее чертъ приберетъ изъ нашей хаты!

Максимъ всталъ и медленными шагами вышелъ со двора на лугъ; у нея замерло сердце,—можетъ быть, опять къ Шмулю? Она протянула голову и ждала, затаивъ дыханье, куда онъ пойдетъ, на право или на лѣво? На лѣво! Тамъ у забора дѣти запрягали собаку въ телѣжку, онъ посмотрѣлъ, поговорилъ съ ними и позвалъ обоихъ съ собою въ лѣсъ; пошли межою черезъ поля, отецъ впереди, мальчики бѣжали за нимъ. Максимыха просто глазамъ своимъ не вѣрила, хотя ясно различала между зеленымъ житомъ фигуру мужа, а за нимъ двѣ свѣтлыя головки; они шли въ лѣсъ, а ей все казалось, что вотъ, вотъ сейчасъ поворотятъ на право къ Шмулю. Наконецъ они скрылись въ лѣсу. Третью недѣлю Максимъ сидѣлъ дома, третью недѣлю не заглядывалъ въ корчму.

— Не грѣхъ, а гордость душу его сгубила! На свѣтѣ различно бываетъ! живутъ и пьяницы, и воры, и разбойники, и никто имъ ничего не говоритъ, никто для нихъ Божьяго свѣта не жалѣетъ. Люди привыкаютъ къ нимъ, знаютъ, что они такими на свѣтъ родились, такъ ужъ имъ суждено. А онъ, соколикъ, хотѣлъ быть лучше всѣхъ, такой всегда аккуратный, спокойный... Попуталъ нечистый, вотъ онъ теперь и заливаетъ память водкою.

Такъ думала Максимыха, занявшись приготовленіемъ ужина, поминутно утирала передникомъ глаза и носъ, а въ головѣ роились и тѣснились разныя мысли. Она готова была душу отдать этому расточительному мужу, лишь бы какъ нибудь утѣшить, успокоить его, и рѣшила испечь яичницу и цѣлую *гладышку* молока влить въ кашу. Нужно будетъ отдать ужинъ пораньше, пока та „вѣдьма“ не прилетѣла изъ мѣстечка. Максимыха досаждала ей, какъ могла, даже горшки и миски давала собакамъ, чтобы ничего изъ пищи не досталось „той“.

— Пусть тамъ ѣстъ, гдѣ работаетъ! повторяла она для успокоенія совѣсти.

Въ селѣ постоянно случались пропажи: куры, яйца, сыръ, масло, хлѣбъ кто то какъ бы хваталъ изъ подъ рукъ. Всѣ старались выслѣдить вора: и бабы, и мужчины, и дѣти, и Евка вмѣстѣ съ прочими. Теперь она хорошо одѣвалась, носила свои покупныя наряды и украшенія, иногда нанималась поденно во *дворъ* и

самую легкую работу, помогала бабамъ няньчить дѣтей, почти въ каждую хату забѣгала ежедневно въ разное время, а сѣрые глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны; она какъ будто даже помогала дома Максимыхѣ, но чуть только кто нибудь садился на улицѣ, усталый или больной, то и она тотчасъ же подсаживалась къ нему за воротами или на прызьбѣ, лишь бы только на солнцѣ; протягивала босыя ноги, распрямляла руки, зѣвала и потягивалась, какъ кошка.

— Ото ломоты! говорили о ней бабы; самыя проницательныя подозрѣвали ее въ покражахъ, но никто не могъ поймать ее на мѣстѣ преступленія; говорили о томъ и Максимыхѣ.

— Грѣхъ вамъ обижать сироту! Никто ее не накрылъ на дѣлѣ! возражала та, повидимому возмущенная, а про себя думала: пусть хоть на куски разорвутъ, какъ будетъ жить въ своей хатѣ! И такъ довольно уже всего... Еще воровство покрывать должны!

Всѣ ожидали возвращенія Ѳедора, срокъ его службы приходилъ къ концу. Максимъ бродилъ по полю и заранѣе соображалъ, какую ниву придется отдать ему, гдѣ будетъ стоять хата; старикъ отецъ поджидалъ сына, не умиралъ; Максимыха по нѣсколько разъ на день выбѣгала за ворота, посматривала во всѣ стороны, хотя въ село вела всего одна дорога. Она какъ будто чувствовала на собственной спинѣ тѣ удары, какими Ѳедоръ встрѣтитъ жену, и дрожала отъ радости. За воровство, за безпутство и бездѣлье, за все, за все заплатитъ онъ ей; выгонитъ изъ нея черта, или убьетъ! Можетъ быть и палку хорошую принесетъ съ собою.

Евка только уши настороживала, слушая, гдѣ какой солдатъ возвратился, и что то обдумывала въ душѣ, а такъ какъ передъ нею начали запираться хаты, всѣ уже слѣдили за нею, то она схватила однажды хохлатую курицу Максимыхи и исчезла на нѣсколько дней. Воротилась вся почернѣлая, въ грязной юбкѣ, растрепанная, головной платокъ болтался на плечахъ, ноги въ грязи; она скорчилась на завалинкѣ, охвативъ колѣни руками, и просидѣла такъ цѣлый день. За пазухою оставался еще пряникъ и два баранка, но ѣда не шла на умъ. Евка бѣгала въ свою сторону, въ тотъ дворъ, гдѣ служила когда то вмѣстѣ съ Андреемъ;

думала развѣдать о немъ, можетъ быть, даже и встрѣтиться съ нимъ. Однако тамъ ничего не знали: никто и въ глаза его не видалъ; въ экономіи все новые работники, не захотѣли съ нею даже и поговорить. Только съ женою эконома поговорила немного, дѣтямъ принесла баранковъ; пришла, будто соскучившись за ними, провѣдать ихъ отъ добраго сердца. Плела небылицы, будто она теперь хозяйкою въ богатой хатѣ, живетъ въ довольствѣ, держитъ *наймытовъ*... Одно горе—дѣти мрутъ одно за другимъ, и при этомъ сѣрые глаза ея наполнялись слезами; она знала уже, что Андрея нѣтъ и ей снова придется возвращаться въ ненавистную хату, тревога и злость грызла ея сердце; вотъ почему она такъ искренно плакала о мнимыхъ дѣтяхъ, утирая глаза краснымъ платочкомъ, въ которомъ принесла баранки. Растроганная хозяйка дала ей на дорогу кусокъ черствой булки и жаренаго сала; Евка то и другое бросила дворовымъ собакамъ; за послѣдніе годы вкусъ ея сильно развился, она предпочитала скорѣе терпѣть голодъ, нежели портить зубы на Богъ вѣсть какой пищѣ. А теперь, сидя на завалинкѣ, она не переставала думать объ Андреѣ. Обѣщалъ, что возвратится, что убьетъ ее... И того убьетъ, за кого она выйдетъ. Пусть бы теперь воротился! Не сдѣлалъ бы ей ничего худаго, а того шельму пускай бы убилъ! Зачѣмъ женился на ней? Зачѣмъ сгубилъ ея молодость въ тяжкомъ трудѣ и неволѣ? Она скрежетала зубами и плакала самымъ искреннимъ образомъ.

Наконецъ Ѳедоръ возвратился. Едва услыхавъ объ этомъ, Евка выскочила изъ хаты въ обору, какъ кошка, взобралась на чердакъ, притаилась въ углу между досками и старыми обручами и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ не могла перевести дыханья, такъ сильно билось сердце. Она прислушивалась, вглядывалась въ темнотѣ... Наконецъ первый страхъ миновалъ, она нѣсколько успокоилась и по обыкновенію вскинула плечами.

— *Гирше лыхо, колы боишся, и бида буде, и натремтышся*, пробормотала она, вполнѣ оправившись и подергивая плечами для храбрости, слѣзла съ чердака и вышла изъ сарая. Было уже темно, на дворѣ ни души, въ освѣщенное окошко хаты видно было, какъ всѣ сидѣли вокругъ стола, даже глупый Петро въ

разстегнутой рубахѣ сидѣлъ развалившись, улыбался и, разинувъ ротъ, слушалъ. Ее разобрало любопытство, каковъ теперь Өедоръ. Она приблизилась къ окну и прижалась къ стѣнѣ, чтобы не увидѣли изнутри. Въ избѣ горѣли и лампа, и лучина, цѣлыхъ три миски стояли на столѣ; крошки хлѣба и остатки молока и каши свидѣтельствовали объ окончаніи ужина.

— Поѣли! прошипѣла Евка сквозь зубы, а теперь слушаютъ!

Старикъ, который цѣлую недѣлю совсѣмъ угасалъ на печи, теперь сидѣлъ, выпрямившись, поднявши голову, съ красными пятнами на лицѣ; Максимыха, Петръ, двое старыхъ родственниковъ— всѣ сидятъ вокругъ стола, смотрятъ въ глаза Өедору, ловятъ каждое его слово, вотъ разразились дружнымъ хохотомъ, потомъ притихли, только толкнутъ другъ друга локтемъ, кивнутъ на него головою, посмотрятъ съ какимъ то удивленіемъ и слушаютъ дальше. Гость сидѣлъ спиною къ окну, Евка видѣла только шинель съ красными нашивками на плечахъ, свѣтлую низко остриженную голову, а когда онъ обернулся къ сосѣду, замѣтила, что у него были усы. Въ хатѣ было шумно, весело, дѣти рѣзвились на серединѣ, ходили на четвереинькахъ, ѣздили верхомъ другъ на дружкѣ, кувыркались, какъ молодые котята, и смѣялись такъ, что стекла въ окнѣ дрожали. Одинъ Максимъ сидѣлъ поотдаль подъ стѣнкою, курилъ трубку и угрюмо смотрѣлъ въ землю. Евкѣ показалось раза два, будто онъ поднялъ глаза на окно, за которымъ она стояла, еще грознѣе нахмурилъ брови, поднялъ руку и почесалъ за ухомъ, какъ бы сильно озабоченный. Ея одной тамъ не было, а вѣдь она его жена... Мужъ пришелъ издалека, четыре года ее въ глаза не видалъ и сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣстъ, пьетъ, разговариваетъ съ своими, смѣется, а объ ней и не вспомнитъ. Не звалъ ее, не искалъ... Она бы услышала сидя на чердакѣ... Вѣдь слыхала же въ такой тревогѣ, какъ шумѣли листья груши, какъ трещалъ въ травѣ кузнечикъ... Не звалъ!... Должно быть уже наговорили.... А можетъ быть просто забылъ? Евка совсѣмъ разчувствовалась, замигала глазами и закрыла вѣки... Отъ свѣта, отъ напряженія или отъ чего инаго глаза застилались слезами.

Вдругъ она очнулась, словно пробудившись, и вскинула плечами.

— Не дождутся они!... Трехъ мисокъ не могли выѣсть до дна! вставши на цыпочки, она замѣтила въ одной немного кислаго молока, въ другой нѣсколько картофелей.

— А, хороша собакѣ и муха! Она пригладила рукою волосы, крѣпче подвязала на головѣ красный платочекъ, оправила рубаху и фартухъ, смѣло и рѣшительно вошла въ избу и еще съ порога крикнула мужу.

— Ты, Өедоръ, хамомъ былъ, хамомъ и воротился! Отцу поклонился, брату поклонился, а жену забылъ! Чтобъ тебя такъ люди забыли.

Дѣйствительно, онъ отвыкъ отъ нея и забылъ. Въ первую минуту онъ спросилъ было, гдѣ она и здорова ли, но когда его окружили родные, когда послѣ первыхъ привѣтствій каждый началъ съ любопытствомъ и извѣстнымъ уваженіемъ осматривать его особу и костюмъ, когда посыпалось множество безсвязныхъ, отрывочныхъ вопросовъ, онъ какъ то растерялся; не зналъ, о чемъ спрашивать, слушалъ, отвѣчалъ кое какъ, а самъ водилъ глазами по закоптѣлой избѣ, улыбался темнымъ угламъ и печкѣ, замѣтилъ за однимъ изъ сволоковъ пучекъ сушеныхъ травъ, который самъ онъ когда то засунулъ туда. Смотрѣлъ и не могъ вдоволь насмотрѣться. Въ грубой шинели, съ прямою военною осанкою, мало разговорчивый Өедоръ имѣлъ видъ гордый, даже суровый.

— Солдатъ... Много свѣта видалъ, умный, бывалый... Не хочетъ сразу говорить съ людьми, думали братья, отецъ и дяди; никого это не удивляло и не оскорбляло, напротивъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ относились къ нему, придвигали миску съ купаньемъ, хлѣбъ и ложку; одинъ изъ дядей, въ знакъ особаго вниманія, отеръ ему ладонью молоко съ бороды, другой ежеминутно подавалъ табакерку, только старикъ отецъ и Петро не могли произнести ни слова, подавленные смѣшанными чувствами умиленія и почтительнаго удивленія.

— Солдатикъ ты нашъ миленькій! шептала Максимыха, нѣжная и счастливая. Круглое лицо и красная шея Өедора, выступавшая изъ подъ тѣснаго воротника шинели, привели ее въ восхищеніе.

— Вотъ, какъ тамъ кормили, какъ присматривали бѣднаго сироту! Здоровымъ воротился, выросъ, выровнялся, похорошѣлъ, пусть ему солнце ясно во всю жизнь свѣтитъ! Такой важный себѣ, серьезный... какъ должно... Научили разуму на свѣтѣ!...

Отъ полноты восторга и сердечнаго умиленія она схватила съ тапчана подушку и засунула Ѳедору за спину. Это было доказательствомъ величайшаго уваженія; такую честь оказывала она только священнику, принимая его съ крестомъ. Ѳедоръ съ улыбкою принялъ любезность, хотѣлъ даже подшутить надъ старухою— и не могъ, что то сдавило за горло. Запахъ пищи, сермягъ и лаптей, сердечная теплота, свѣтившаяся въ неподвижныхъ, устремленныхъ на него лицахъ, какая то специфическая, домашняя атмосфера, присущая этимъ почернѣлымъ стѣнамъ... все трогало его, ходило по костямъ, какъ лихорадка, въ глубинѣ души шевелилось какое то неясное чувство, и радостное, и вмѣстѣ грустное, котораго ни опредѣлить, ни выразить нельзя.

— Хата.... хата моя... милая хата... нашептывало что то въ душѣ въ то время, какъ онъ, важно нахмуривъ брови, наеживши усы, заѣдая хлѣбомъ съ солью каждое слово, разсказывалъ нѣсколько ломаннымъ языкомъ, гдѣ былъ, что видѣлъ, какіе города, какія рѣки проходилъ, какъ ѣздилъ *на машинѣ*, видѣлъ золотые и серебряные мундиры...

— А у васъ тутъ лошадей не крали? Не было падежа на скотъ? Слѣпой Каштанъ Якова живъ еще, а? прерывалъ онъ вдругъ, поглядывая на лица присутствующихъ.

Всѣ улыбались, какъ дѣти, наслушавшіяся волшебныхъ сказокъ о коврѣ самолетѣ, о братьяхъ разбойникахъ, хотя и заинтересованныя ими, но уже нѣсколько утомленныя, съ удовольствіемъ возвращающіяся къ міру дѣйствительности. Даже появленіе Евки мало нарушило общую гармонію. Максимыха только выбранилась потихоньку, старикъ мрачно поглядѣлъ на нее, а Максимъ всталъ съ лавки, тяжело ступая, подошелъ къ печкѣ, зажегъ трубку и вышелъ изъ хаты въ ту минуту, какъ Ѳедоръ погладилъ жену по лицу и усадилъ около себя на скамьѣ. Румяная, чернобровая, съ наглымъ выраженіемъ огромныхъ глазъ, она казалась ему красивою даже послѣ всѣхъ тѣхъ

женщинъ, какихъ случалось ему видѣть на свѣтѣ. Онъ улыбался ей, пощипывалъ за руки, за щеки, зналъ, что это его жена, и радъ былъ, что нашелъ ее именно такою, какая наибольше приходилась ему по вкусу. Евка спросила, вспоминалъ ли онъ объ ней, принесъ ли хоть платокъ или передникъ въ подарокъ? Онъ засмѣялся въ отвѣтъ! Столько видалъ онъ на свѣтѣ болѣе красивыхъ женщинъ, столько зналъ ихъ въ различныхъ городахъ и селахъ, что не имѣлъ ни времени, ни охоты вспоминать о женѣ. А подарка не принесъ, потому что самъ едва съ двадцатью копейками вышелъ изъ города, по дорогѣ питался однимъ хлѣбомъ, пилъ воду, ночевалъ въ лѣсу или въ полѣ и послѣдняго *двояка* отдалъ старому солдату съ деревянною ногою, который пропилъ въ корчмѣ рубашку и остался безъ гроша за душою на хлѣбъ. Наконецъ, къ чему бабамъ наряды? Одной рубахи и юбки домашняго холста достанетъ на всю жизнь; для работы чѣмъ старѣе одежда, тѣмъ лучше, а въ праздникъ пусть сидятъ дома и смотрятъ за дѣтьми.

Ѳедоръ нарочно дразнилъ ее и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо ея разгоралось все больше и больше, глаза искрились, она шевелила ноздрями и усмѣхалась злобною затаенною улыбкою, открывавшею ея острые, бѣлые зубы. Ему нравились такія дикія кошки! Онъ ударилъ ее по плечу и обѣщалъ купить ей на грошъ пряникъ, если будетъ работать, какъ должно. Въ первый же день онъ убѣдился, что изъ нея никогда не было и не будетъ ничего порядочнаго. Всталъ онъ до разсвѣта. Его раздражалъ запахъ сѣна, на которомъ онъ спалъ, цѣлую ночь снились деревня, хаты, Нѣманъ, песчаные обрывы, лѣса и заросли, все это онъ ясно видѣлъ и ощущалъ вокругъ, даже дотрогивался руками; ворочался на сѣнѣ, раскрывалъ глаза, водилъ безсознательнымъ взглядомъ по темной клѣти и, не дознавшись, гдѣ онъ, засыпалъ снова и снова видѣлъ тѣ же сны. Наконецъ, онъ вскочилъ, холодъ разсвѣта сразу отрезвилъ его. Онъ зналъ уже, что подъ Киселями косятъ траву, работы будетъ еще недѣли на двѣ, такъ какъ луга залиты по поясъ, а тѣмъ временемъ выкашиваютъ берега въ ожиданіи, пока спадетъ вода. Еще до восхода солнца Ѳедоръ былъ на лугу; шинель, шапка и даже рубаха

солдатская остались въ клѣти; Максимыха еще наканунѣ вынула для него новую сѣрую одежду, пропитанную сильнымъ запахомъ мяты и майорана, какъ все въ ея скрынѣ; изъ воспоминаній цивилизованнаго міра оставались только смазные сапоги, да серебряная сережка въ лѣвомъ ухѣ, которая должна была лѣчить его отъ шума въ головѣ и ломоты въ костяхъ, нажитыхъ во время долгихъ и холодныхъ переходовъ.

Онъ стоялъ по колѣни въ травѣ, одинъ посреди луга, еще покрытаго утреннимъ туманомъ. Кругомъ все тихо. Сѣроватыя тучки быстро плыли по небу и скрывались на востокѣ за лѣсомъ. Даже птицы еще спали; развѣ кое гдѣ между ольхами отрывисто защебечетъ воробей и смолкнетъ; Ѳедоръ стоялъ, какъ очарованный, оглядывался, прислушивался и самъ не могъ понять, что привело его сюда такъ рано. Вотъ изъ подъ ногъ выпорхнулъ бекасъ, пролетѣлъ нѣсколько шаговъ низко надъ землею и упалъ въ болото, всколыхнулъ дремлющую поверхность, поросшую острою осокою; глухимъ эхомъ отозвалось это движеніе въ сѣроватой мглѣ, внезапно пробудившійся вѣтерокъ слегка зашелестѣлъ верхушками ольхъ.

Ѳедоръ вздрогнулъ и сжалъ рукоять косы; какъ вчера на стѣны родной хаты, такъ и теперь на сѣнокосѣ онъ не могъ вдоволь наглядѣться. Все по старому, даже ничего новаго не выросло ничто не измѣнилось, только травы въ этомъ году росли лучше обыкновеннаго—онъ сразу сообразилъ, что на своемъ участкѣ соберетъ отъ шести до восьми возовъ. Привычнымъ глазомъ осматривалъ онъ разбросанные покосы и вычислялъ. Теперь въ немъ пробуждался разсчетливый хозяинъ, скупой и жадный больше всего на сѣно, этотъ насущный кормъ его скотины, дороже для него собственной души. Уходя, онъ оставилъ шесть коровъ, двѣ лошади и четырнадцать овецъ. За это время должно быть прибыло и молодыхъ, а старыхъ могли продать... Сразу будетъ, чѣмъ дѣлиться, когда умретъ отецъ и оставитъ немного денегъ на новое хозяйство. Ѳедоръ отточилъ косу, взмахнулъ разъ, другой, третій—трава ложилась ровно, какъ по линіи. Не забылъ косить! Теперь онъ возмужалъ, набрался силъ; онъ такъ долго былъ только автоматомъ, пѣшкою въ ряду другихъ ему

подобныхъ, что когда очутился на свободѣ, на широкомъ просторѣ, ему казалось, что онъ цѣлый годъ можетъ трудиться безъ отдыха, что силъ и охоты на сто лѣтъ хватитъ. Онъ мѣрно взмахивалъ косою и улыбался пріятнымъ мечтамъ. Только теперь начнется настоящая жизнь! Онъ умнѣе этихъ воловъ сосѣдей, что поросли мхомъ, сидя на одномъ мѣстѣ. Онъ пользуется всеобщимъ почетомъ и большимъ значеніемъ въ селѣ. Его станутъ бояться,—знаютъ, что онъ между всѣми первый, что съ нимъ не потягаешься. „Особа" это не то, что первый попавшійся мужикъ. За нимъ вѣдь четыре года вѣрной и безпорочной службы... его хвалили тамъ... онъ даже счетъ потерялъ всѣмъ похвальнымъ отзывамъ, какими удостоивало его ближайшее начальство; правда, въ селѣ никто не слыхалъ о томъ, но самъ онъ хорошо помнилъ все, былъ доволенъ собою, гордился своимъ прошлымъ Да, теперь онъ „особа"! Выстроитъ себѣ хату съ трубою, обнесетъ ее тесовымъ частоколомъ... Пусть знаютъ всѣ, какъ живетъ человѣкъ, который видѣлъ свѣтъ, знаетъ жизнь и никому не кланяется.

Онъ остановился и усиленно точилъ косу. Звонъ стали разносился по лѣсу, дрожалъ въ туманѣ надъ высокою травою, слегка колыхаемою утреннимъ вѣтеркомъ. Коса блестѣла, какъ бритва, а онъ все точилъ, щурилъ глаза, пожималъ плечами. Давно не слышалъ онъ этого звона! Сосѣди можетъ быть думаютъ, что онъ тотъ же глупый парубокъ, какимъ былъ прежде, что всѣхъ слушалъ, всему вѣрилъ и своего ума не имѣлъ ни на грошъ. Ого! Пускай посмотрятъ. Еще вчера разсказывалъ онъ своимъ старымъ дядямъ, чуть не сто лѣтъ глядѣвшимъ на свѣтъ Божій, всякія небылицы о волшебныхъ ружьяхъ, о богатыряхъ которыхъ не беретъ никакая пуля, повторялъ различныя сказки, порожденія фантазіи новобранца, котораго полудикую натуру ошеломила импонирующая сила солдатчины. Повѣрятъ! Всему повѣрятъ! Вѣдь и самъ онъ когда то вѣрилъ даже въ черта! Онъ продолжалъ косить все размашистѣе, машинально повторяя: разъ, два! разъ, два! ту команду, по которой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ билось его сердце.

Наконецъ, весь потный, усталый, онъ бросилъ косу и въ первую минуту стоялъ вытянувшись въ струнку, мѣрно дыша, какъ во фронтѣ, потомъ сѣлъ и поглядѣлъ на цѣлую полосу, выкошенную въ одинъ пріемъ; прежде онъ уже раза два долженъ былъ бы отдохнуть при такой работѣ, выкурилъ бы не меньше двухъ трубокъ и хоть одинъ разъ пошелъ бы напиться изъ лужи; впрочемъ, въ то время самъ чертъ не въ силахъ былъ бы поднять его до разсвѣта... Гмъ! теперь онъ другой человѣкъ. Въ страхѣ будетъ держать сосѣдей!... А хату выстроитъ пожалуй даже съ двумя трубами.

Тучи исчезли,—изъ за песчанныхъ холмовъ надъ рѣкою выплыло солнце. Изъ села, вмѣстѣ съ пѣніемъ пѣтуховъ, скрипомъ колодца, мычаніемъ коровъ и жалобнымъ блеяніемъ овецъ, долетѣли визгливые и хриплые голоса бабъ старыхъ и молодыхъ, показались первыя группы косцевъ въ полотняной одеждѣ, съ граблями и блестящими косами за спиною; они шли вдоль межи по два и по три; за ними, подобно нестройнымъ остаткамъ какой то разбитой, разсѣянной арміи, спѣшили бабы въ сѣрыхъ, красныхъ и розовыхъ кофтахъ, въ грубыхъ рубахахъ и юбкахъ, подобранныхъ за поясъ; большинство изъ нихъ бранили пастуха,—выгналъ скотъ послѣ восхода солнца,—иныя на ходу шептали молитвы, у всѣхъ на умѣ были Евка, Өедоръ и всѣ тѣ сплетни, которыя еще со вчерашняго вечера такъ стройно укладывались въ умѣ, отгоняли сонъ, такъ и просились на языкъ. Старухи помолодѣли, молодыя заранѣе смѣялись, только немногія, высохшія, съ угасшими глазами, шли спокойно, апатично, таща въ обѣихъ рукахъ горшки съ пищею и связки толстыхъ веревокъ. Өедоръ еще издали узналъ своихъ, одной Евки никакъ онъ не могъ между ними различить. Не успѣлъ спросить о ней, какъ уже все засычало и зажужжало зловѣще, словно въ осиномъ гнѣздѣ, пригрѣтомъ солнцемъ. Смѣхъ, шутки, поговорки посыпались со всѣхъ сторонъ, бабы говорили между собою, мужчины только плечами пожимали, изрѣдка покрикивая на самыхъ болтливыхъ. Никто прямо не обращался къ Өедору, никто не начиналъ еще докладывать ему „всего“, никто не думалъ даже такъ сразу огорошивать человѣка, не видѣвшаго въ теченіи нѣсколь-

кихъ лѣтъ роднаго дома, никому не сдѣлавшаго ничего дурнаго и только накануне вернувшагося къ своимъ. Бабы просто шутили между собою, но отъ этихъ шутокъ, какъ отъ разбиваемаго камня, отскакивали острые осколки и, по какой то странной случайности, всѣ направлялись въ сторону Ѳедора. Онъ слушалъ, и хотя понималъ едва десятое слово, все же могъ предположить, что жена его должна была по крайней мѣрѣ десятокъ людей убить, десять селъ поджечь, церковь обокрасть и, почемъ знать, можетъ быть, рѣшилась даже поднять злодѣйскую руку на собственную скотину, такою преступною выходила она изъ этихъ веселыхъ шутокъ. Оскорбленный мужъ нахмурилъ брови, раздулъ щеки и принялъ важный видъ солдата, чтобы показать сосѣдямъ, что онъ не обращаетъ вниманія на сплетни; если найдетъ что нибудь не по себѣ, то сумѣетъ самъ расправиться съ виновною. Онъ сосредоточенно взмахивалъ косою, время отъ времени плевалъ на руки, а въ душѣ уже поклялся, что не проститъ ей—убьетъ, а можетъ быть и того хуже.... И все поглядывалъ искоса, не идетъ ли Евка. А бабы продолжали тараторить, все яснѣе и опредѣленнѣе обращаясь къ нему.

— Почему ты себѣ, Ѳедоръ, новой жены не завелъ? вдругъ рѣшительно спросила Яковыха, болтливая баба съ краснымъ носомъ, съ широкимъ ртомъ и зелеными глазами,—твоя здѣсь совсѣмъ истрепалась!

Бабы громко захохотали, одна толкнула ее локтемъ въ бокъ.

Ѳедоръ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, даже не взглянулъ на нихъ и продолжалъ косить, переговариваясь съ Максимомъ; онъ всегда пренебрежительно относился къ женскому полу и скорѣе предпочелъ бы родиться евреемъ, нежели бабою, а теперь, будучи солдатомъ, и смотрѣть на нихъ не хотѣлъ. Всѣ постарѣли, увяли окончательно, болѣе пригожія дѣвушки вышли замужъ въ другія села, за то прибавилось двѣ-три черноволосыхъ вѣдьмы съ острыми носами. Положительно, его Евка самая красивая въ цѣломъ селѣ!—Гмъ, что значатъ бабскіе толки, подумалъ онъ и, пока выкосилъ полосу, настроеніе его значительно смягчилось.

При свѣтѣ солнца лугъ сверкалъ росою, отливалъ различными оттѣнками: желтоватый по краямъ, переходилъ въ темнозеленый на болотѣ, гдѣ розовый татаракъ перемежался съ высокою осокою, въ которой что то слегка дрожало, плескалось, двигалось чуть замѣтно. Эта скрытая жизнь, потревоженная звономъ косъ и человѣческими голосами, больше занимала Ѳедора, нежели шумные толки; онъ поминутно озирался въ ту сторону и вслушивался; видѣлъ, какъ пришла Евка въ красной юбкѣ, въ голубыхъ бусахъ, съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ, какая то медлительная, отяжелѣлая, нѣсколько разъ наклонилась надъ сѣномъ, перетрясла горсть, другую, стала, опустя руки, и водила глазами по лугу, усѣянному пестрымъ роемъ бабъ и бѣлѣющихъ на солнцѣ мужчинъ. Среди нихъ она не сразу узнала мужа и только взглянувши на болото, замѣтила одинокаго косца, безъ шапки, съ свѣтлою, низко остриженною головою.

— Чтобъ ты околѣлъ!—проворчала она и принялась за работу. Уже цѣлыхъ четыре года не приходилось ей такъ долго и тяжко трудиться, какъ въ этотъ день. Руки и ноги дрожали, поясница болѣла, точно перебитая, потъ заливалъ глаза; она стискивала зубы, до крови кусала губы, но гребла не разгибаясь, не подымая головы,—боялась, а въ душѣ клялась, что это въ послѣдній разъ, что сорвется съ цѣпи и скорѣе утопится, нежели воротится къ этимъ воламъ.

Ѳедоръ молчалъ, въ полдень вмѣстѣ съ другими поѣлъ молока и картофеля и снова недовольный принялся за работу. Вечеромъ, даже не заходя въ хату, накинулъ шинель на плечи и безъ шапки пошелъ себѣ вдоль берега рѣки; сперва шелъ горою, потомъ по обрыву спустился къ водѣ. Смотрѣлъ, озирался, словно не своими глазами,—вся гордость исчезла, онъ забылъ даже, что былъ солдатомъ, прежняя натура ожила на старой почвѣ. Онъ зналъ уже, что братъ его обидѣлъ,—скотъ и запасы всѣ растратилъ,—и обдумывалъ, что дѣлать? Требовать ли свою часть, поссориться сразу, надѣлать шуму въ хатѣ, или выжидать спокойно и терпѣливо, взять для начала, что дадутъ, а остальное отбирать незамѣтно, то ласкою, то угрозою, понемногу обирать брата. Онъ зналъ Максима и зналъ, что тотъ, несмотря на его

репутацію умнаго человѣка, въ дѣйствительности былъ страшно глупъ: боялся скандала, хотѣлъ слыть честнымъ передъ людьми, чужаго гроша не имѣлъ на совѣсти, всегда спокойный, недалекій, но справедливый. Теперь онъ не смѣетъ въ глаза смотрѣть брату, уступаетъ съ дороги, даже не заговариваетъ съ нимъ первый. Эти доказательства раскаянія и покорности еще болѣе убѣждали Ѳедора въ его виновности, чѣмъ самое сознаніе обиды; покорный и молчаливый Максимъ казался ему страшнымъ преступникомъ, который сдѣлаетъ все, что угодно, лишь бы его оставили въ покоѣ.

— Не былъ бы онъ такимъ тихимъ, если бы не зналъ, что правда на моей сторонѣ. Го-го! я могъ бы выгнать его изъ хаты съ женою и дѣтьми, могъ бы отобрать у нихъ послѣднюю рубашку! Обидѣлъ онъ меня, бѣднаго сироту, пустилъ съ сумою, сдѣлалъ нищимъ! Я на службѣ былъ, вѣрой правдой служилъ Богу—государю, а онъ здѣсь имущество мое разорялъ! мысленно повторялъ Ѳедоръ, словно предъ какимъ то невидимымъ трибуналомъ, который долженъ былъ разсудить ихъ.

Самъ онъ въ глубинѣ души нѣсколько иначе судилъ о своемъ дѣлѣ: изъ четырехъ проданныхъ коровъ три принадлежали Максимыхѣ, равно какъ и всѣ овцы, она же принесла въ домъ большую часть запасовъ, а остальное скопила неусыпнымъ трудомъ и бережливостью, доходившею до скупости. Оставалась одна корова да Евка, изъ нихъ половина первой принадлежала Максиму по праву, что же касается второй, то мужъ сначала забылъ даже о ней, а вспомнивши, призадумался и самъ не могъ рѣшить, какое значеніе будетъ имѣть этотъ фактъ въ случаѣ процесса и не испортятъ ли дѣла показанія свидѣтелей о томъ, что растраченное имущество пошло въ пользу его жены? Сколько ни думалъ онъ, сколько ни соображалъ, ничего какъ то не могъ придумать, а идти къ людямъ за совѣтомъ не рѣшался. Онъ видѣлъ, что Максимъ страшно податливъ, и это благопріятствовало его корыстнымъ разсчетамъ. Впрочемъ, нужно сперва попытаться счастья; если братъ начнетъ сопротивляться,—о! тогда посмотримъ!.. если же покорится, значитъ, самъ сознаетъ свою вину.

— А кого же и наказывать, какъ не грѣшника?—подумалъ онъ.—Можетъ быть, въ этомъ будетъ его погибель... Ну, такъ зачѣмъ лѣзъ въ бѣду? Такъ ужь на свѣтѣ суждено, что кто себя не защититъ, того никто не защититъ! Что я стану его жалѣть, когда онъ самъ себя не жалѣлъ?

Чѣмъ дольше думалъ онъ объ этомъ, тѣмъ больше приходилъ къ убѣжденію, что право на его сторонѣ, тѣмъ глупѣе казался Максимъ съ его покорностью и уступчивостью.

— Видно, самъ знаетъ, что виноватъ, думалъ Өедоръ, хотя самъ никакъ не могъ вполнѣ опредѣленно выяснить себѣ степень этой вины.—Такую корову утратить! а!.. Онъ не отдалъ бы ее и за сто рублей! Да, конечно, для инаго она можетъ быть и десяти не стоитъ, а онъ, Өедоръ, не отдалъ бы и за сто! Досталась она имъ отъ отца и матери... рыжая, на четырехъ ногахъ, съ двумя рогами въ добавокъ. Прекрасная корова! Онъ полъ-свѣта прошелъ, а такой не видалъ! Какъ же смѣлъ этотъ злодѣй продавать ее самовольно? Пусть бы пропала, пусть бы волки ее зарѣзали—Божье попущенье. Но продавать онъ не имѣлъ права. И божескіе, и человѣческіе законы признаютъ это!

Глубоко увѣренный въ правотѣ своего дѣла, онъ готовъ былъ присягнуть, что любилъ эту корову больше всего на свѣтѣ, что самъ выкормилъ ее, высмотрѣлъ и не отдалъ бы ее за сто рублей. Вспомнилъ при томъ, что за эти четыре года было бы четыре теленка, а можетъ быть и больше.

— И этотъ злодѣй смѣетъ еще смотрѣть мнѣ въ глаза, смѣетъ говорить со мною, учинивши такую несправедливость! Если бъ онъ могъ, душу мою продалъ бы черту! Вотъ онъ какой братъ! Никто чужой не рѣшился бы на то, что онъ сдѣлалъ.—Да еще жену мою любилъ и чего добраго съ нею жилъ!—прибавилъ онъ въ заключеніе.

Это послѣднее обстоятельство ни мало не усиливало раздраженія; дѣлалось все это безъ него, за глаза, и если бы люди не толковали объ этомъ, онъ самъ и не вспомнилъ бы. Но люди говорятъ, насмѣхаются, повторяютъ различныя поговорки о немъ, о солдатѣ, который долженъ быть важнѣйшею „особою“ въ селѣ. Вотъ что было ему больно!

Возвращаясь домой, онъ уже высчиталъ, что Максимъ долженъ отдать ему пять загоновъ подъ лѣсомъ и три за огородомъ; изъ отцовскихъ денегъ долженъ сперва выплатить ему рублей двѣсти за корову и за жену, остальное раздѣлить по ровну. Θедоръ безъ конца перебиралъ этотъ планъ, съ каждымъ разомъ прибавляя что нибудь въ свою пользу, такъ что подходя къ воротамъ, онъ былъ уже обладателемъ всѣхъ десяти загоновъ поля, хаты, скота и отцовской казны. Максимъ пошелъ „на запашку" и долженъ еще изъ заработанныхъ денегъ выплачивать ему ежегодно по нѣсколько рублей за жену и за корову. Зналъ онъ прекрасно, что ничего подобнаго не будетъ, но разъ давши волю сердцу и фантазіи, не могъ уже поставить границъ.

— Щепотка земли!—проворчалъ онъ, приходя въ себя,—чѣмъ тутъ дѣлиться, когда и для одного мало!

Тяжелыми шагами вошелъ онъ на подворье; въ хатѣ уже спали, а подлѣ сарая, растянувшись подъ стогомъ соломы, храпѣлъ Петръ съ Жучкою. Θедоръ остановился, поглядѣлъ на спящаго парубка, смѣрилъ его взглядомъ отъ головы до босыхъ ногъ, прислоненныхъ къ спинѣ Жучки.

— И этотъ еще!—проворчалъ онъ, нахмурившись, и вдругъ припомнилъ себѣ, сколько лѣтъ этотъ „прыблуда" ѣлъ и пилъ у нихъ, носилъ ихъ одежду... покупалъ себѣ сапоги и шапки! Работалъ какъ будто... Эхъ! На такомъ кусочкѣ земли и одному нечего дѣлать!

Онъ поплелся въ клѣть сердитый и раздраженный... Дѣло о коровѣ, повидимому столь ясное вначалѣ, опять какъ то затемнялось... То вдругъ ему казалось одну минуту, что Максимъ, въ видѣ искупленія вины, откажется отъ наслѣдства... То снова предполагалъ, что тотъ потому такъ сердитъ и угрюмъ, что не ожидалъ его, надѣялся, что онъ совсѣмъ не возвратится, останется на службѣ, или поищетъ въ городѣ заработка. А за корову и совсѣмъ не вознаградитъ его. Корова была старая, беззубая, уже и пареной рѣзки не могла ѣсть, нужно было продать, пока не пропала съ голоду. Отецъ живъ еще, имущество не раздѣлено... Какъ тутъ выиграть дѣло? Правда, онъ солдатъ, имѣетъ извѣстныя заслуги и значеніе... Самъ генералъ въ го-

родѣ знаетъ о немъ, но вѣдь къ генералу не пойдешь по дѣлу о коровѣ, а здѣсь на мѣстѣ, какъ знать, удастся ли найти правосудіе? Всѣ воздушные замки разлетѣлись въ прахъ, засыпавъ его развалинами хаты, десяти загоновъ и прочаго имущества. Ѳедоръ растянулся на сѣнѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ усталаго солдата; ему снилось, что вода унесла старую хату вмѣстѣ съ Максимомъ, женою и дѣтьми... Еще разъ воротились пѣнистыя волны и захватили стогъ соломы вмѣстѣ съ Петромъ и Жучкою... Нѣтъ, стогъ остался на мѣстѣ, собака, отряхнувши воду, выбѣжала на берегъ, одинъ Петръ поплылъ и вмѣстѣ съ хатою попалъ въ пропасть, самый слѣдъ которой смыла вскорѣ бурная рѣка. Изъ имущества осталась только полная *обора*, полная *стодола* и десять загоновъ поля... А онъ, бѣдный сирота, стоялъ себѣ одиноко посреди двора и смотрѣлъ, какія опустошенія причинила вода... Надъ берегомъ, надъ самымъ обрывомъ Евка, обернувшись черною собакою, сидѣла на заднихъ лапахъ, смотрѣла ему въ глаза и скалила острые зубы... Вода ее не забрала!

Такъ жила семья со дня на день, въ ожиданіи смерти отца Работали и ѣли вмѣстѣ, а въ свободныя минуты всѣ расходились въ разныя стороны. Ѳедоръ изподлобья смотрѣлъ на Максима, или отворачивался отъ него спиною и дѣлалъ видъ, будто совсѣмъ не замѣчаетъ его; раза два намекнулъ что то о коровѣ...

— Не бойся, не пойдешь въ обиду! отвѣчалъ Максимъ, половина коровы не пропадетъ; пусть только умретъ старикъ, все сочтемъ, какъ слѣдуетъ.

— Сколько жъ тамъ у него есть?

— А Богъ его знаетъ! Сколько есть, то есть, съ собою не заберетъ! Никто не видѣлъ его съ прошлаго вечера, онъ спалъ уже, какъ обыкновенно, когда они воротились съ поля; поутру жали, а когда сошлись къ обѣду и усѣлись за столъ, Максимъ и Ѳедоръ другъ противъ друга, Петръ въ концѣ стола, Евка рядомъ съ дѣтьми, всѣ ежеминутно поглядывали на отца. Онъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на кровати, прислонившись къ спинкѣ, желтый, высохшій, заложа одну руку за пазуху, и смотрѣлъ въ землю. Всѣ ѣли молча, занятые одною мыслью. Въ

голубыхъ глазахъ глупаго Петра виднѣлась печаль и опасеніе; поднося ложку ко рту, вглядывался онъ въ старика и проливалъ кушанье на столъ, за что Евка толкала его въ бокъ и потихоньку называла хамомъ. Ѳедоръ также за каждою ложкою посматривалъ на отца; онъ нарочно усѣлся спиною къ окну, чтобы имѣть его передъ глазами; каждый день собирался онъ спросить о деньгахъ, да все какъ то не умѣлъ словъ прибрать. Говорить о смерти не хотѣлось, зная, что больные не любятъ этого, да и не пристало какъ то родному отцу напоминать о смертномъ часѣ... Но въ то же время онъ боялся, чтобы старикъ не пряталъ денегъ въ разныхъ мѣстахъ, которыя могъ и самъ теперь позабыть, а они не сумѣютъ отыскать впослѣдствіи.

— Что вы, татку, гроши въ скрынѣ держите? спросилъ Ѳедоръ послѣ долгихъ размышленій,—а то, какъ придетъ вашъ конецъ...

Максимъ толкнулъ его подъ столомъ ногою.

— Толкай, не толкай, а смерти не прогонишь! спокойно замѣтилъ Ѳедоръ, пережевывая крупникъ съ хлѣбомъ, и продолжалъ:—такъ, когда придетъ вамъ конецъ, то чтобъ намъ обиды не было. Всѣ мы тяжкимъ трудомъ зарабатывали эти деньги, всѣ теперь ожидаемъ... выглядываемъ... извѣстно, каждому грошъ нуженъ.

Старикъ, словно вызванный изъ оцѣпененія, торопливо зашамкалъ губами, рука за пазухою дрогнула.

— Скажите вы намъ теперь же, пока еще языкъ и память имѣете, настойчиво продолжалъ Ѳедоръ, облокотившись спиною къ стѣнѣ и заложа руки въ карманы.—Не захотите вѣдь, чтобъ мы вашу душу проклинали за свою обиду?

— А чтобъ тебя твои дѣти проклинали! заворчалъ Максимъ,— что ты отъ насъ всѣхъ говоришь? Говори самъ за себя! Мы какъ жили, такъ и дальше проживемъ; ты вѣдьму въ жены взялъ, ужиться въ хатѣ не можешь и ступай съ нею хоть къ самому черту, а смертью отцу не коли глазъ! Какъ почуетъ конецъ, самъ скажетъ, что нужно. Достало вѣдь батьку нашему разума на весь вѣкъ, такъ и на послѣднія минуты станетъ... Еще неизвѣстно, кого перваго начнутъ грызть черви... Всѣ подъ Богомъ ходимъ!...

Петръ одобрительно кивалъ головою, глядя то на старика, то на Максима.

— Да развѣ я отъ злаго сердца? оправдывался Өедоръ,—отецъ умретъ, для него и дѣло съ концомъ, а намъ еще жить нужно. Здоровому я вѣдь каждый свой грошъ отдавалъ исправно... А теперь умретъ, не умретъ, позаботиться о себѣ нужно. Такъ вы, татку, скажите, гдѣ... какъ... и вамъ легче будетъ умирать, и намъ спокойнѣе...

Онъ умолкъ, ожидая отвѣта. Евка стрѣляла глазами по хатѣ, перебирая дрожащими пальцами конецъ фартуха.

Но именно въ этотъ самый день старикъ чувствовалъ себя бодрѣе, легче дышалъ, яснѣе слышалъ жужжаніе мухъ въ избѣ и различалъ своими тусклыми глазами проникавшіе въ окна лучи свѣта. Онъ выпрямился, поднялъ голову и молчалъ. Что то сдавило ему грудь, отъ словъ ли сына, или отъ чего другаго—онъ и самъ не зналъ. Вдругъ онъ закашлялся и съ трудомъ перевелъ духъ.

— Теперь мнѣ лучше, произнесъ онъ съ усиліемъ, лучше!... Эти нѣсколько словъ совсѣмъ измучили умирающаго, онъ замолчалъ, задыхаясь, и опустилъ голову.

— Съ такимъ здоровьемъ ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни! замѣтилъ Өедоръ,—душа съ кашлемъ вылетитъ изъ тѣла и не поймаешь, хоть ты тутъ землю грызи, не поймаешь! Намъ будетъ горе, а черту радость... Заберетъ нашъ кровный, трудовой грошъ, какъ свой собственный. Эхъ, если бы я могъ это предвидѣть... если бъ могъ только подумать!.. Не губилъ бы я понапрасну своего кровавaго пота! Онъ всталъ, надѣлъ шапку и вышелъ изъ хаты, сильно хлопнувъ дверью.

На слѣдующій день старика не стало.

К. М.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ДВА НАМѢСТНИКА.

Академикъ Зуевъ путешествовалъ въ 1781—1782 гг. съ учеными цѣлями по южной Россіи. Случилось ему проѣзжать черезъ Харьковъ. Здѣсь вышла съ нимъ нѣкоторая непріятность. Почтенный академикъ повздорилъ съ почтосодержателемъ изъ за лошадей и пошелъ жаловаться къ губернатору. Тотъ его грубо оборвалъ и велѣлъ отвести къ намѣстнику. Намѣстникъ приказалъ посадить бѣднаго ученаго, будто бы за невѣжливость по отношенію къ губернатору, на ночь на гауптвахту, а на другое утро велѣлъ двумъ гусарамъ тащить его къ себѣ. Тутъ вышла слѣдующая милая сценка, какъ ее описываетъ самъ Зуевъ.—„Что, братецъ, куда ты заѣхалъ? началъ намѣстникъ, или ты думаешь, что здѣсь невѣжды: для чего ты такъ неучтиво поступаешь?... Конечно, васъ вѣжливости въ академіи не учатъ: такъ я ужъ много вашу братью училъ и теперь тебя учить стану". Намѣстникъ поставилъ академика у порога, велѣлъ смотрѣть на себя и началъ показывать, какъ тотъ долженъ передъ нимъ, намѣстникомъ и генералъ-аншефомъ, держать руки, какъ стоять, какъ кланяться, какъ говорить. Зуевъ былъ предупрежденъ офицеромъ, чтобы ни въ чемъ не прекословить намѣстнику: „иначе сила его велика и власть страшна"; онъ и не прекословилъ. Продѣлавши все по артикулу, бѣдный академикъ былъ милостиво отпущенъ съ такимъ напутствіемъ: „Мы въ тебѣ нужды не имѣли и не имѣемъ и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ тебя знаетъ (не знать этого намѣстникъ не могъ, имѣя всѣ необходимыя бумаги), поѣзжай!"—„Дошла очередь и до меня"—пишетъ Зуевъ въ академію, „сравняться бѣдствіемъ съ славнѣйшими учеными людьми, которые, путеше-

ствуя по неизвѣстнымъ странамъ, сдѣлались извѣстными несчастіемъ... все сіе, по большей части, внѣ государства, среди дикихъ и непросвѣщенныхъ народовъ случалось; я внутри моего отечества, въ Харьковѣ, захваченъ, посаженъ подъ караулъ обезчещенъ... Я чувствую теперъ ослабленіе силъ тѣла и духа; не чаю, будучи въ безпрестанномъ страхѣ, впредь въ дальнѣйшемъ пути, великихъ успѣховъ; прошу заранѣе стараться меня возвратить въ Петербургъ обратно, гдѣ паче чаянія безполезнѣйшая моя жизнь безопасностью своею однако будетъ для меня сноснѣе" [1]).

Намѣстникъ, или генералъ-губернаторъ, задавшій такого страху бѣдному ученому, былъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ; онъ былъ первымъ намѣстникомъ вновь образовавшихся въ 1780 году двухъ намѣстничествъ, харьковскаго и воронежскаго. Прошло пятнадцать лѣтъ. Постъ намѣстника харьковскаго и воронежскаго, вмѣсто Щербинина, занимаетъ Андрей Яковлевичъ Леванидовъ. У насъ нѣтъ матеріала ни для какой сцены, которая бы пошла въ pendant къ предъидущей; но за то есть нѣсколько распоряженій, которыя достаточно рисуютъ административную личность намѣстника. Во главѣ всего—его первое распоряженіе, родъ манифеста къ жителямъ ввѣреннаго ему края, манифеста, обнародованнаго тотчасъ по принятіи въ руки браздовъ намѣстническаго управленія. Не желая портить характернаго оригинала переложеніемъ, мы не поскупимся на выдержки, въ полной увѣренности, что читатель на насъ за нихъ не посѣтуетъ. Документъ этотъ носитъ оффиціальное названіе „Предложеніе воронежскому намѣстническому правленію". Намѣстникъ прежде всего излагаетъ въ немъ взглядъ на свои обязанности. Вотъ этотъ взглядъ: „Долгъ служенія и обязанность требуетъ моего попеченія, дабы въ подчиненныхъ мнѣ губерніяхъ народъ и всѣ обитатели въ нихъ, блаженствуя, наслаждались покоемъ и не были безъ вины утѣсняемы сильными, заступать таковыхъ утѣсненныхъ и находить способы къ удовлетворенію каждаго законнымъ образомъ, что пріемля съ удовольствіемъ, не щажу я себя быть всегда въ

[1]) К. Щелкова, Харьковъ, историко-статистическій опытъ, 1880 г.

сихъ заботахъ на службу отечеству и на выполненіе Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей моей Государыни высочайшихъ учрежденій и ея законовъ. И какъ рвеніе мое требуетъ поспѣшить на самомъ дѣлѣ показать мое усердіе и соболѣзнованіе къ отягощеннымъ жребіемъ людямъ, и по сему я готовъ каждому помагать, имѣющимъ во мнѣ надобность".

Такъ смотритъ генералъ-губернаторъ на свои обязанности. Теперешнее его предложеніе намѣстническому правленію именно и имѣетъ цѣлью оповѣщеніе городскихъ и сельскихъ обывателей, черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, что „если кто по коимъ обстоятельствамъ отъ кого утѣсняется или терпитъ отъ судебныхъ мѣстъ и чиновъ притѣсненіе и по дѣламъ проволочку, то всѣ бы таковые являлись ко мнѣ, требуя моего заступленія и удовлетворенія, подтвердивъ наистрожайше, чтобы никто изъ чиновниковъ не заграждалъ обидимымъ свободнаго пути къ моему прибѣжищу". Въ заключеніе намѣстникъ высказываетъ, какихъ результатовъ онъ ждетъ отъ проведенія своихъ взглядовъ и системы: „Я надѣюсь и ожидаю благовременнаго прекращенія всѣхъ непорядковъ, законамъ противныхъ, гдѣ бы оные оказаться могли, такожъ сохраненія въ ненарушимости всякаго рода благонравія, мира и тишины".

Но, можетъ быть, намѣстникъ харьковскій и воронежскій Андрей Яковлевичъ Леванидовъ былъ просто на просто поэтъ въ душѣ, который чувствовалъ самоуслажденіе, представляя въ яркихъ и красивыхъ краскахъ свои обязанности и звучно о нихъ расписывая. Такіе поэты въ душѣ очень часто встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: чувство нравственнаго долга по отношенію къ этимъ своимъ обязанностямъ можетъ у нихъ отсутствовать всецѣло. Но, повидимому, здѣсь было не то. Кромѣ приведеннаго выше документа съ общимъ характеромъ, сохранились и еще распоряженія Леванидова по детальнымъ вопросамъ управленія, показывающія, что намѣстникъ вникалъ въ подробности и желалъ внести въ нихъ серьезныя улучшенія. Прежде и больше всего, его вниманіе было обращено на городничихъ,— этотъ главный уѣздный органъ тогдашняго административнаго управленія. Тогдашніе городничіе не только не стояли на высотѣ

своего призванія, какъ его понималъ намѣстникъ, а просто были, что говорится, ниже всякой критики. Вотъ какъ ихъ описываетъ Леванидовъ въ одной оффиціальной бумагѣ: „Господа городничіе подъ предлогомъ разныхъ невозможностей по своимъ должностямъ удерживаютъ просителей по дѣламъ долговременно и отнимаютъ время по хозяйству, да и медленность отъ сего по ихъ дѣламъ происходитъ. И какъ я самъ опытомъ сіе дознаъ, что городничіе покоиться обыкли, такъ по утрамъ, какъ и втеченіи дня и что скоропроѣзжающимъ ихъ видѣть трудно. А есть таковые, что на хуторахъ проживаютъ, оставляя городъ, и пріѣзжимъ отговариваются болѣзнями, и часто бываетъ, что и офицера при командѣ въ городѣ нѣтъ, а должно дѣло имѣть съ унтеръ-офицеромъ только или капраломъ статной команды, людьми развратившимися, часто пьяными или съ похмѣлья едва говорящими, къ стыду и нарѣканію начальникамъ губерніи и единственно только отъ лѣности, праздности и нераченія о своей должности господъ городничихъ... Ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ, а о исправности мостовыхъ по улицамъ и мостахъ черезъ рѣки и о умноженіи строеній въ городахъ черезъ ласковое обхожденіе съ жителями, пріохочивая ихъ къ оному, никогда и въ мысль имъ не входитъ, чтобы имѣть о семъ попеченіе"...

Самъ же Леванидовъ понималъ обязанности городничихъ довольно широко. „Даю вамъ знать, пишетъ онъ бѣловодскому городничему, чтобы вы оправдали свой выборъ порученіемъ столь важной должности, какова городническая, отличнымъ собственно вашимъ и примѣрнымъ въ жизни поведеніемъ, стараніемъ ежечаснымъ о устройствѣ города, о приведеніи ласкою обывателей къ скорому и хорошему исправленію строеній, дѣланію мостовыхъ въ городѣ"...

Въ обязанность городничаго, кромѣ „приведенія ласкою обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ", онъ включаетъ слѣдующее. Прежде всего наблюденіе за тѣмъ, чтобы „люди, торгующіе съѣстными припасами, особливо пріѣзжіе хлѣбопашцы и другіе купцы, были неутѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ, какъ и жители города не обременены возвыше-

ніемъ цѣнъ на жизненные припасы"; городничіе должны были слѣдить „за мѣрою и вѣсами, продажею мяса, также хлѣба или булки, чтобы были выпечены хорошо и въ полномъ вѣсѣ продаваемы". Затѣмъ на обязанность городничихъ возлагалось, „яко хозяевъ городовъ, имъ порученныхъ, вездѣ самолично быть, каждаго пріѣзжаго или проѣзжающаго видѣть, особамъ чиновнымъ (первыхъ пяти классовъ) услуги свои предлагать, дѣлая по чести должныя и, словомъ, всегда на все въ городѣ имѣть примѣчаніе". Наконецъ, городничіе же должны были доставлять намѣстнику свѣдѣнія о томъ, „какія случатся важныя и примѣчанія достойныя происшествія": они должны были рапорты о такихъ происшествіяхъ „съ аккуратнѣйшимъ всего случившагося описаніемъ доставлять съ нарочными драгунами". Это относительно важныхъ происшествій; о неважныхъ же всѣхъ также нужно было сообщить, только уже не черезъ нарочныхъ, а „черезъ семь дней посредствомъ учрежденной для возки писемъ почты" вмѣстѣ съ рапортами о благосостояніи города и воинской штатной команды, свѣдѣніями о торговыхъ и справочныхъ цѣнахъ на хлѣбъ и фуражъ и о проѣзжающихъ первыхъ классовъ знатныхъ особахъ. Видимо, Леванидовъ чувствовалъ себя серьезно заинтересованнымъ въ томъ, чтобы быть au courant всего, совершающагося въ его намѣстничествѣ.

Серьезнымъ бѣдствіемъ старинной общественной жизни было медленное дѣлопроизводство, главнымъ образомъ судебное; бѣдствіе это было особенно ощутительно для людей „отягченныхъ жребіемъ", слѣдовательно неимѣющихъ возможности подмазывать колесницу Ѳемиды и тѣмъ облегчать ея тяжелый ходъ. Леванидовъ, видимо, держалъ въ головѣ это обстоятельство еще въ то время, когда писалъ свой манифестъ. А затѣмъ изъ письма его воронежскому губернскому прокурору видно, что онъ принималъ съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы ускорить движеніе дѣлъ. Онъ требовалъ, чтобы господа присутствующіе, секретари и всѣ вообще нижніе приказные служители всегда приходы и выходы изъ своихъ мѣстъ имѣли въ установленное время, нимало никуда отнюдь безъ позволенія и увольненія начальства ни на какое время изъ города не отлучаясь, такъ какъ до его свѣдѣнія дошло,

что „уѣздныхъ нижнихъ земскихъ судовъ, такъ и расправъ нижнихъ вообще судьи, уѣзжая въ дома свои, живутъ почти безвыѣздно и рѣдко когда собираются". Требовалъ, чтобы тамъ, гдѣ накопилось много нерѣшенныхъ дѣлъ, судьи засѣдали и послѣ полудня и т. д. За неисполненіе этихъ требованій, за проволочки, за самовольныя отлучки онъ угрожалъ строгими карами закона.

Послѣдній пунктъ, на который была обращена административная дѣятельность Леванидова, посколько мы можемъ судить о ней при помощи дошедшихъ до насъ документовъ, это была беззащитность крестьянъ (государственныхъ), ихъ неумѣнье организовать себѣ судебную защиту и всѣ послѣдствія такого неумѣнья. Леванидовъ изображаетъ все это въ очень рѣзкихъ краскахъ, особенно напирая на крестьянскихъ повѣренныхъ, или ходоковъ. „Поселяне казеннаго вѣдомства, такъ пишетъ онъ, для хожденія за дѣлами до цѣлаго ихъ общества касающимися, какъ то: о раздѣлѣ состоящихъ въ сосѣдствѣ или черезполосныхъ съ кѣмъ либо владѣній земель, о причиненныхъ имъ разнаго званія людьми вырубленіемъ собственныхъ ихъ лѣсовъ, выкошеніемъ травы и другихъ сему подобныхъ обидахъ, наряжаютъ изъ собратіи своей повѣренными людей такихъ, кои или вовсе безграмотные, или же, зная нѣсколько оной, невоздержной жизни, которые неточію могутъ изобразить на словахъ обстоятельнѣйшимъ образомъ наносимыя обществу ихъ обиды, но и при написаніи прошеній пересказываютъ, смѣшавъ матерію, совсѣмъ не то, о чемъ имъ довѣрено отъ жителей; часто бываютъ сіи повѣренные нерадивые общей пользѣ и не хотятъ помыслить сыскивать для написанія прошеній людей, прямо знающихъ, а сами, обращаясь всегда въ пьянствѣ, не только, чтобы канцелярскій обрядъ были знающіе, но и писать не научившіеся и отъ невоздержанности и ежедневнаго въ пьянствѣ и невѣжествѣ обращенія всегда мысли имѣютъ отягченныя, составляютъ свои просьбы такія, какъ ему разсудится, уклоняясь совсѣмъ отъ настоящаго дѣла и довѣрія общественнаго." Такимъ образомъ появляются крестьянскія прошенія съ рукоприкладствомъ просителей, о которыхъ рукоприкладчики не имѣютъ „никакого понятія, ниже свѣдѣній, что въ нихъ помѣщено." Понятно, что отъ

этого должны были происходить безчисленныя затрудненія и безполезная трата времени, какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для присутственныхъ мѣстъ, которыя съ ними имѣли дѣло. Намѣстникъ хотѣлъ помочь злу оповѣщеніемъ крестьянъ черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, „чтобы они, если случится о чемъ либо принесть въ общественныхъ дѣлахъ ихъ начальству или какому либо другому присутственному мѣсту жалобы, то бы для подачи оныхъ и хожденія за дѣломъ избирали изъ собратіи своей людей трезваго поведенія и всякаго вѣроятія заслуживающихъ, и не одного, а двухъ, снабдивъ ихъ достаточными и закону соотвѣтствующими довѣріями, дозволили бы вступить въ просьбы.“ Затѣмъ эти повѣренные должны были предварительно представлять всѣ документы на разсмотрѣніе уѣздныхъ стряпчихъ, которые должны были удостовѣряться, что въ бумагахъ нѣтъ ничего „посторонняго и закону противнаго.“ Дѣло должно было имѣть движеніе лишь послѣ такой предварительной цензуры уѣздныхъ стряпчихъ.

Вотъ и все немногое, что мы могли извлечь изъ нашихъ актовъ о дѣятельности харьковскаго и воронежскаго намѣстника Андрея Яковлевича Леванидова. Итакъ, передъ нами двѣ фигуры двухъ харьковскихъ намѣстниковъ конца прошлаго вѣка, т. е. собственно не фигуры, а ихъ контуры, и даже не контуры, а кусочки контуровъ, но кусочки настолько характерные, что по нимъ легко реставрировать цѣлое. Все въ первой фигурѣ дышетъ неукоснительностью щедринскаго градоначальника, который готовъ самимъ стихіямъ предъявлять свое грозное: „зачѣмъ сіе?“ и „не допущу!“

Все во второй благоухаетъ эс-букетомъ гуманности, немножко сантиментальной на нашъ взглядъ, пожалуй слащавой, той специфической гуманности, которая характеризуетъ собою восемнадцатый вѣкъ. И вотъ эти фигуры, такъ непохожія, противоположныя, можно сказать исключающія одна другую, стоятъ рядомъ въ одномъ и томъ же общественномъ положеніи, на одной и той же территоріи, раздѣленныя незначительнымъ промежуткомъ времени. „Сила ихъ велика и власть страшна,“ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой и очень не малой степени. Ну, и что жъ?

Успѣлъ ли Щербининъ, со всей силой своей страшной намѣстнической власти, обратить харьковскую губернію въ казарму и обучить слободскихъ обывателей артикулу? Нѣтъ, сколько можно судить; по крайней мѣрѣ они и до сихъ поръ сохранили наивность своихъ исконныхъ привычекъ. Но академика Зуева онъ несомнѣнно выпроводилъ и несомнѣнно отвадилъ его отъ поползновеній производить научныя изслѣдованія на территоріи, ввѣренной его, Щербинина, намѣстническому попеченію. Успѣлъ ли Леванидовъ насадить въ харьковской губерніи рай, въ которомъ бы „народъ и всѣ обитатели, блаженствуя, наслаждались покоемъ“? Нѣтъ, повидимому: по крайней мѣрѣ нигдѣ не видно никакихъ слѣдовъ или остатковъ райскихъ насажденій и едва ли можно надѣяться, что ихъ откроетъ самое тщательнѣйшее разслѣдованіе. Но, можетъ быть, не успѣвъ устроить рая, онъ все таки успѣлъ пересоздать въ духѣ своихъ гуманныхъ принциповъ, какую нибудь частичку ввѣреннаго ему огромнаго дѣла? Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ и положительныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить да или нѣтъ на этотъ вопросъ. Но позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній. У насъ приведено достаточно подлинныхъ выписокъ изъ распоряженій Леванидова, чтобы читатель могъ, буде это покажется ему интереснымъ, самъ слѣдить за нашими соображеніями и провѣрять ихъ. Не найдете ли вы, читатель, вмѣстѣ съ нами, что эти распоряженія, блещущія столь яркой гуманностью, на самомъ дѣлѣ полны противорѣчій и нецѣлесообразностей, уничтожающихъ ихъ реальный смыслъ? „Городничіе“, по словамъ Леванидова, „покоиться обыкли по утрамъ, такъ и втеченіи дня и ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ.“ Такъ. Но гдѣ же черпаютъ городничіе средства для роскоши, отъ которой ослабѣла ихъ мысль и тѣло? Неужели въ тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ рублей ассигнаціями годоваго жалованія, которые они получали? Не могъ же Леванидовъ не знать ничего о взяточничесвѣ, коренномъ злѣ, которое подтачивало всѣ тогдашнія общественныя отношенія; отчего же онъ не заикается объ этомъ ни однимъ словомъ, хотя и подходитъ вплотную? Далѣе: намѣстникъ желаетъ, чтобы городни-

чіе „ласкою приводили обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ по улицамъ и мостовъ чрезъ рѣки,“ „къ умноженію строеній.“ Но какъ стоитъ бѣлый свѣтъ, люди улучшали постройки или устраивали мостовыя лишь по двумъ побужденіямъ: или потому, что чувствовали въ этомъ потребность и имѣли необходимыя средства, или потому, что были вынуждаемы къ этому внѣшней силой. Конечно, ни одинъ мостикъ ни чрезъ малѣйшую рѣчку не воздвигся изъ любви обывателей къ ласковому начальству. А какъ трудно обходиться въ данномъ случаѣ лаской, можетъ служить яркимъ доказательствомъ самъ глашатай этихъ гуманныхъ принциповъ. Вотъ что пишетъ Ярославскій въ своихъ запискахъ [1]): „Господинъ генералъ-губернаторъ (никто иной, какъ Леванидовъ) захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хоть фашинникомъ, и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженей занимаемыхъ ими дворовъ. Губернскій землемѣръ и директоръ классовъ г. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генералъ-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемѣра. Но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и вскорѣ умеръ“. Вотъ тебѣ и примѣръ „ласковаго обхожденія съ жителями“! Наконецъ, намѣстникъ требовалъ отъ городничихъ наблюденія за тѣмъ, чтобы „люди торгующіе съѣстными припасами, особливо хлѣбопашцы и другіе купцы были не утѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ“ и въ то же время, „чтобы жители города не были обременены возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы“. Но если предоставить пріѣзжимъ торговцамъ полную свободу, то какъ сдѣлать, чтобы они никогда не обременяли жителей возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы? Если же жители никогда не должны быть обременены, то какъ

[1]) Харьковскій Сборникъ (приложеніе къ Харьковскому календарю на 1887 г.).

обезпечить торговцамъ полную свободу? „Свобода, такъ не порядокъ, порядокъ, такъ не свобода“.

Что же остается затѣмъ изъ всѣхъ намѣстническихъ попеченій о городничихъ? Предписаніе объ „отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи“, о встрѣчѣ особъ первыхъ пяти классовъ, да о доставленіи свѣдѣній намѣстнику. Два послѣдніе пункта городничіе, конечно, держали и безъ всякихъ напоминаній крѣпко въ головѣ, памятуя, что именно здѣсь, а не въ иныхъ направленіяхъ „путь къ похвалѣ и награжденію“.

Предписанія же объ „отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи“, конечно, никогда не были и не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только реторическимъ украшеніемъ начальническихъ обращеній къ подчиненнымъ.

Тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, а слѣдовательно тѣмъ же безплодіемъ, поражено все, чѣмъ Леванидовъ думалъ исправлять тягостную медленность тогдашняго судопроизводства. Ни для кого самаго наивнѣйшаго изъ современниковъ не было тайной, что уже гдѣ-гдѣ, а въ судѣ то непремѣнно все держится подмазываніемъ, и хоть собирайся судьи аккуратно, хоть не собирайся, а все таки скорость дѣла будетъ находиться въ прямомъ отношеніи къ количеству даяній, если только не нарушитъ этотъ соціальный законъ вліяніе какого либо сильнаго лица. А что могли сдѣлать распоряженія Леванидова для крестьянскаго благосостоянія—объ этомъ, право, даже и говорить совѣстно. Конечно, если крестьяне временъ Леванидова были такъ глупы, что не понимали, что необходимо вручить защиту своихъ интересовъ толковымъ и порядочнымъ людямъ, то едва ли земскіе исправники могли имъ втолковать эту истину, тѣсно связанную съ практическимъ умѣньемъ отличать толковаго человѣка отъ безтолковаго и порядочнаго отъ безпорядочнаго. Уѣздный же стряпчій, въ качествѣ посредника и цензора, былъ только лишнимъ крючкомъ, цѣплявшимся за просительскіе карманы. Итакъ, если о гуманной дѣятельности Леванидова можно судить по тѣмъ распоряженіямъ, которыя дошли до насъ,—а пожалуй, что мы и въ правѣ это дѣлать, то едва ли можно приписать ей какую либо дѣйствительную, объективную цѣнность: субъективная же

сторона, оцѣнка его побужденій, конечно, сама по себѣ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Не въ личности ли Леванидова, недостаточно цѣльной и сильной, чтобы идти напрямикъ съ проведеніемъ своихъ гуманныхъ принциповъ? Есть основаніе думать, что можетъ быть отчасти и такъ.

Ярославскій пишетъ о Леванидовѣ слѣдующее: „Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фавориту Зубову и черезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу, и генералъ-губернаторство"... Но уже во всякомъ случаѣ, гораздо больше чѣмъ въ личности, въ самихъ условіяхъ, не только ставившихъ непреодолимыя преграды для дѣятельности, но заполонявшихъ и самую личность со всѣми ея гуманными принципами. Напр., въ его же собственномъ намѣстничествѣ, въ воронежской губерніи, гдѣ была казенная продажа водки, цѣловальникамъ ставилось казенной палатой постоянно на видъ, если они продавали въ извѣстный періодъ водки меньше, чѣмъ въ предъидущій. Къ чему могли тутъ привести заботы о народной нравственности?

Въ чемъ же мораль басни, буде басня нуждается въ морали? А мораль незамысловатая. Щербинину ничего не стоило выгнать изъ своего намѣстничества Зуева, казалось бы совершенно гарантированнаго своимъ званіемъ академика по крайней мѣрѣ хоть отъ выправки по артикулу. Леванидову же едва ли удалось добиться и того, чтобы въ районѣ его владѣній булки были выпечены какъ слѣдуетъ. Ergo: разрушать легче, чѣмъ созидать [1]).

А. Е.

[1]) Дѣло изъ Малороссійскаго Архива: распоряженія намѣстника харьковскаго и воронежскаго Леванидова.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в.

Малороссія въ началѣ XVIII в. поражаетъ насъ обиліемъ и разнообразіемъ своихъ мѣръ и вѣса: не только каждый городъ и мѣстечко, но даже многіе продавцы имѣли свои особыя мѣры. Такъ, мѣры сыпучихъ тѣлъ встрѣчаются слѣдующія: четверикъ, четвертинникъ, осмина, полчетвертинникъ глуховской мѣры, четверики: гадяцкій—равный 3-мъ московскимъ четверичкамъ, козельскій, переяславскій, называемый колодкой и равный 5-ти московскимъ четверичкамъ, ирклеевскій [1]), роменскіе четверики, которыхъ вмѣщалось въ глуховскій четверикъ приблизительно 3—5; упоминаются также осмачка, ковшъ и путивка, равная 12 ковшамъ [2]). Для измѣренія жидкостей служили: ведро, ведерко, кварта, которыхъ вмѣщалось въ казенномъ, государевомъ ведрѣ 24. Встрѣчаются также измѣренія куфами, барилами, насашками, но эти послѣднія были собственно не мѣрами, а сосудами только приблизительной величины, такъ напр., куфа вмѣщала 18—40 ведеръ [3]). Единицами вѣса служили пудъ 50-ти фунтовый и пудъ 40-ка фунтовый, а также безменъ, камень—равный 32 фунтамъ, и кантара—96 фунт. [4]). Для измѣренія матерій употреблялся локоть [5]). Понятно, что при такомъ разнообразіи мѣръ сильно страдалъ интересъ покупателей какъ потому, что при подобномъ обиліи трудно было устанавливать цѣны на продукты, такъ и

[1]) Судіенко. Матеріалы для отеч. ист. т. I, стр. 19, 246, 247, 263, 116.

[2]) Дневн. Зап. Я. Марковича ч. I, 222, 431, ч. II, 149.

[3]) Судіенко Матеріалы т. I, 24, 45, 49, 83 и Дн. зап. ч. I, 393.

[4]) Судіенко. Матеріалы т. I, 95, 74, 283.

[5]) Судіенко. Мат. т. I, 250 и Дн. зап. ч. II, 5.

потому, что, даже покупая извѣстной мѣрой, они всегда рисковали купить меньше вслѣдствіе неправильности самой мѣры. Правители Малороссіи не могли не обратить вниманія на это зло и начиная съ 1734 г. мы имѣемъ доказательства ихъ неусыпнаго старанія къ уравненію мѣръ и вѣса. Еще въ 1723 г., по словамъ Костомарова, малороссійская коллегія съ Вельяминовымъ во главѣ, желая привесть въ извѣстность мѣры, дѣйствующія въ Малороссіи, обратилась за свѣдѣніями объ этомъ въ войсковую генеральную канцелярію. Но Полуботокъ отказалъ въ свѣдѣніяхъ, основываясь на томъ, что въ Малороссіи каждая мѣстность имѣетъ свои мѣры (коллегіи нужны были эти свѣдѣнія для урегулированія податей и повинностей). Въ томъ же 1823 г. сборщикамъ были разосланы изъ малор. коллегіи предписанія означать натуральныя повинности великорусскими мѣрами, а не малорусскими, такъ какъ въ коллегіи не имѣется свѣдѣній для перевода ихъ на великорусскія и такимъ образомъ затрудняется доставленіе вѣдомостей въ Москву [1]). А въ 1734 г. правителемъ Малороссіи княземъ Шаховскимъ было предложено собранію малороссійской генеральной старшины, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ о введеніи во всемъ краѣ одинаковыхъ мѣръ и вѣса. «На что оные подали свое мнѣніе: во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ быть для продажи по городамъ и сотеннымъ мѣстечкамъ и гдѣ торги бываютъ всякаго провіанта равной мѣры противъ прежняго осмачками и четвериками, только въ осмачкѣ было бы мѣрою по 2 четверти мѣры московской, въ которую четверть вмѣщалось бы 2 четверика, а въ оный каждый четверикъ было бы мѣры противъ московскаго четверика 4 четверичка» [2]). Принимая во вниманіе, что въ XVIII в. великорусская четверть содержала 8 четвериковъ, осмина 4 четверика, четверикъ 8 гарнцевъ [3]), мы получимъ, что малорусскія мѣры были вчетверо больше московскихъ: осмачка, содержа въ себѣ 4 четверика, равнялась 2 четвертямъ московской мѣры или 16 четверикамъ, малорусскій четверикъ, будучи $^1/_4$ осмачки, равнялся 4 московскимъ четверикамъ или, по постановленію собранія князя Шаховскаго, 4 четверичкамъ, откуда заключаемъ, что

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, состоящій при харьковскомъ университетѣ №№ 21, 705.

[2]) Арх. мал. кол. при харьк. ун. № 2,769.

[3]) Арх. Мал. Кол. при харьк. ун. № 21,705.

московскій четверикъ и четверичекъ синонимы, что подтверждается и другими данными[1]).

Въ томъ же собраніи подъ предсѣдательствомъ кн. Шаховскаго было постановлено, чтобы вездѣ былъ принятъ 40 фунт. пудъ, чтобы во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ, въ полковыхъ городахъ имѣлись мѣдныя, печатныя мѣры, а въ сотенные городки были бы посланы такія же деревянныя съ урядовыми печатями, и чтобы мѣшками и иными мѣрами, кромѣ означенныхъ, нигдѣ ничто не продавалось «подъ опасеніемъ неопускнаго штрафа». Постановленіе это было подтверждено указомъ Анны Іоанновны.

За мѣрами и вѣсами немедленно былъ посланъ въ Москву бурмистръ Гречка, который и привезъ 12 великороссійскихъ, печатныхъ, мѣдныхъ четверичковъ и 12 же четыредесяти-фунтовыхъ вагъ. Четверички и ваги были разосланы въ полки, въ каждый по 1 четверичку и 1 вагѣ, при чемъ продажа на четверички должна была производиться въ щерть (въ уровень), а не вверхъ[2]). Впослѣдствіи изъ генеральной войсковой канцеляріи были разосланы по сотеннымъ канцеляріямъ указы сдѣлать локоть и аршинъ «справедливые», а также кварту, полкварты и четверть кварты и прислать ихъ въ войсковую генеральную канцелярію для освидѣтельствованія. По этимъ освидѣтельствованнымъ образцамъ всѣ продавцы сотни обязаны были сдѣлать свои мѣры и въ доказательство вѣрности имѣть на нихъ урядовую печать. Продающихъ же на другія мѣры предписано было штрафовать[3]).

Въ 1766 г. малороссійская коллегія начинаетъ собирать свѣдѣнія о томъ, получены ли были разосланныя мѣры и ваги, и на нихъ ли производится продажа хлѣба и провіанта. Результаты оказываются крайне плачевными. Полтавская полковая канцелярія отвѣчала, что ни у нея, ни у сотенныхъ канцелярій не имѣется никакихъ данныхъ о томъ, были ли получены посланныя мѣры и ваги. Продажа же производится «въ однѣхъ сотняхъ мѣшками примѣрно сколько въ оныхъ было бы мѣры четверичковъ, а въ другихъ на четверти, сдѣланные для отдачи консистентамъ провіанта». Переяславская канцелярія извѣщала, что при ней имѣется печатный четверичекъ, но тогдашней ли присылки—неизвѣстно, но что на тотъ

---

[1]) Судіенко. Матер. т. I, 48, 94.

[2]) Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

[3]) Арх. м. к. при хар. ун. № 4,582.

четверичекъ производится только подрядная продажа провіанта, среди народа же употребляется «четверичекъ, называемый колодкой, въ который тѣхъ четверичковъ входитъ 5». Вѣсы при канцеляріи также имѣются, но въ силу указа 1745 г. конотопское сотенное правленіе отвѣчало, что «разночинцы всякъ свои мѣры въ ихъ домахъ по ихъ хотѣнію держатъ», и потому имѣющейся при правленіи четверти никто не беретъ. Если же кто либо захочетъ купить казенной мѣрой, то продавцы обвиняютъ его въ насильственномъ заграбленіи. На установленный вѣсъ также ничто не продается и цѣнъ, объявляемыхъ на продукты сотеннымъ правленіемъ, никто не признаетъ, почему конотопское правленіе и проситъ коллегію прислать особую резолюцію, какъ поступать съ непокорными. Нѣжинская канцелярія сообщала, что въ г. Коропѣ печатныхъ мѣръ не имѣлось, почему туда и были посланы новыя казенныя мѣры, которыя выставляются во время торговъ сотеннымъ правленіемъ. Но коропская ратуша выдаетъ старыя, не казенныя, и потому на казенную мѣру никто продавать не хочетъ. Когда же ратушныя мѣры были забраны въ сотенное правленіе, то ратуша «въ противность» надѣлала новыхъ мѣръ, которыя «насильно» выдаютъ на торги, а казенныя мѣры «затѣмъ остаются праздныя». Сотенная глуховская канцелярія отвѣчала, что въ 1735 г. ей были присланы четверичекъ и вага, но что послѣ пожара 1748 г. они неизвѣстно куда дѣлись. Болѣе благопріятныя извѣстія были получены изъ полковъ кіевскаго, прилуцкаго и лубенскаго, гдѣ имѣлись казенныя мѣры и продажа производилась на нихъ, хотя лубенская канцелярія дѣлаетъ оговорку, что на казенныя мѣры и вѣсъ продажа «иногда чинится» [1]).

Таковы были результаты попытки уравненія мѣръ. Были ли они причиною нежеланія народа подчиняться великорусскимъ мѣрамъ? На это нѣтъ ни малѣйшаго намека въ архивномъ матеріалѣ. Вѣрнѣе, что эта попытка не дала благопріятныхъ результатовъ по той же причинѣ, по которой погибали и другія начинанія, наталкиваясь съ одной стороны, такъ сказать, на своенравіе народа, съ другой на слабость и своеволіе администраціи, со времени ослабленія власти гетмановъ получившей возможность въ далекой Малороссіи давать полный просторъ своимъ корыстолюбивымъ стремленіямъ и своеволію. Впослѣдствіи великорусскіе правители, при томъ ежечасно смѣняемые, не могли внести порядка и стройности въ управленіе.

---

[1]) Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

Получивъ такія извѣстія, малорос. коллегія, вмѣсто неопредѣленной угрозы «неопускнаго штрафа» за неисполненіе своихъ предписаній относительно мѣръ и вѣса, считаетъ нужнымъ вполнѣ опредѣлить возмездіе за преступленіе и 13 августа 1766 г. шлетъ слѣдующій указъ: «Какъ въ полковыхъ городахъ, такъ и въ сотенныхъ мѣстечкахъ велѣть троекратно по торгамъ публиковать, увещевая дабы всѣ привозимый на продажу всякій хлѣбъ продавали, а другіе покупали неотмѣнно на указныя мѣры, какія мѣдныя въ прошломъ 734 г. были разосланы..... а кто въ томъ явится ослушнымъ изъ людей низкой кондиціи съ таковыхъ взыскивать по рублю, а чиновныхъ забирать подъ караулъ и представлять на резолюцію коллегіи, буде же гдѣ въ торговыхъ городахъ и мѣстечкахъ тѣхъ мѣръ не довольно, то приказать отъ полковыхъ и сотенныхъ канцелярій, а гдѣ есть магистраты и ратуши отъ оныхъ надѣлать немедленно» [1]). Но въ концѣ того же года, а именно 23 декабря, она оказывается вынужденной усилить наказаніе: она предписываетъ: «Буде бы кто въ преступленіи повеленнаго (продавать хлѣбъ на указныя мѣры) нашелся, за первое взыскивать въ штрафъ по 2 руб., за другое и болѣе и сверхъ того наказывать по мѣрѣ преступленія» [2]). Но, какъ видно, коллегія не достигла цѣли и 4 февраля 1768 г. появляется предложеніе Румянцева малороссійской коллегіи, въ которомъ онъ, какъ бы признавъ безсиліе предписаній коллегіи, становится подъ прикрытіе законовъ старины. Надѣялся ли Румянцевъ, что народъ скорѣе подчинится имъ, какъ законамъ предковъ, а не нововведеніямъ, или что онъ просто покорится подъ угрозой болѣе сильныхъ наказаній, какъ бы то ни было, Румянцевъ шлетъ слѣдующее предписаніе:

„Малороссійской коллегіи.

Законодатели, возводившіе своими попеченіями къ цвѣтущему состоянію города, предвидѣвъ, что къ тому достигнуть таковымъ наипаче неможно, въ которыхъ всякіе промыслы оставлены на волю жителямъ, учредили власти, наблюдающія между другимъ правду и порядокъ въ куплѣ и продажѣ производимой. Довольно похвальные на сей случай содержитъ въ себѣ уставы книга „Порядокъ“ законовъ магдебургскихъ, право и въ сей землѣ городамъ жалованное. Но взирая на безчисленныя неустройства въ самыхъ лучшихъ здѣсь городахъ и столько же на непорядки жителей оныхъ, кто можетъ сообразить, чтобы не только теперь, но и когда либо принадлежало имъ сіе право, утвердившее лучшіе города въ ихъ благосостояніи?! Но могли однако же произвесть сію невѣроятную разность въ однихъ мѣ-

---

[1]) Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

[2]) Арх. мал. кол. при хар. ун. № 2,769.

стахъ бдѣніе неусыпное, а въ другихъ наибольшее нерадѣніе о соблюденіи полезныхъ уставовъ. При законахъ, опредѣляющихъ строгое смотрѣніе объ умѣренности цѣнъ, справедливости мѣръ и вѣсовъ, для продажи товаровъ употребляемыхъ, рѣдко кто здѣсь не жалуется на обманъ при покупкѣ учиненный себѣ отъ продающихъ. Сотенное глуховское правленіе, усмотря, представляетъ мнѣ, что у глуховскихъ промышленниковъ, всякими напитками торгующихъ, не только неравныя у каждаго мѣры, но еще подложныя, какъ то и нашлось у одного шинкаря грека Яна Мозолева кварта на подобіе указной и приклеймлена словами, значущими печать ратуши глуховской, но съ двумя однако же днами. Не говоря о полицейскихъ учрежденіяхъ на сей случай въ россійскихъ городахъ, я выписую слѣдующее изъ самихъ законовъ здѣшнихъ, въ книгѣ „Порядкѣ" правъ гражданскихъ на страницѣ 13 напечатано: „въ должность ратушамъ предостерегать, чтобы съѣстные и питейные припасы не продавались дорогою цѣною, всякіе мѣры и вѣсы онымъ вещамъ осматривать, по крайней мѣрѣ на всякій мѣсяцъ однажды, и чтобы оные были подъ знакомъ городовымъ". Въ артикулахъ правъ цесарскихъ на стр. 60: „если бы на кого доказано, что онъ съ обманомъ и во вредъ мѣры и вѣсы или съ вещей продаваемыхъ, сдѣлавши подложными, употребляетъ оные или же производитъ въ продажу за справедливые, всякаго таковаго должно, поймавъ, посадить такимъ образомъ, какъ посаждаются осужденные на смерть, и по доказательству за злоупотребленіе имѣетъ быть изъ города или изъ земли изгнанъ и наказанъ у столба розгами, по разсмотрѣнію его преступленія. А когда въ томъ не разъ уже изобличенъ, можно казнить и смертію". Въ книгѣ Статутъ, разд. 3-го, въ арт. 36: „оставлено во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ воеводамъ и старостамъ установлять цѣны и мѣры питейнымъ и съѣстнымъ припасамъ и наблюдать, чтобы оные во всемъ государствѣ были равны. Продающіе же инако такъ, какъ самъ урядъ позволяющій на то, подверженъ платить штрафъ 12 рублей, съ которыхъ половина до скарбу, а другая тѣмъ обиженному принадлежитъ. Премногими конституціями подтверждено сіе установленіе съ прибавленіемъ еще наказанія на обманывающихъ въ мѣрѣ и вѣсѣ, какъ можно видѣть подъ симъ же артикуломъ тому объясненіе. Кто не признаетъ, чтобы сіи наилучшіе были установленія къ искорененію обмановъ и самыхъ ко злу поползновеній въ городскомъ общежительствѣ?! Однако я, не видѣвши, чтобы гдѣ либо оные къ общей пользѣ имѣли свои дѣйствія, но паче увѣдомляемъ коль всякими недозволенными образами при продажѣ въ городахъ торгующіе не имѣютъ себѣ воспященія употреблять обманныя мѣры и вѣсы и возвышать цѣны излишнія продаваемымъ вещамъ въ тягость общую, долженъ малороссійской коллегіи предложить—послать во всѣ полковые города и сотенныя мѣстечки указы, подтверждая магистратамъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ до чьего вѣдомства тамо принадлежитъ смотрѣніе полиціи, дабы всякъ честно и порядочно сыскивалъ пропитаніе отъ своего торга, вездѣ справедливые мѣры, и вѣсы, по освидѣтельствованію, назначить всѣмъ промышленникамъ и торгующимъ какъ съѣстными и питейными припасами, такъ и другими вещами указныя одинакія за печатью урядовою и о употребленіи оныхъ и самихъ безъ повреждения примѣсами напитковъ отъ времени до времени свидѣтельствовать такъ, чтобы торгующіе на передъ о томъ не увѣдали, дабы тѣмъ предупредить всякіе подлоги, установлять также всѣмъ съѣстнымъ, харчевымъ и питейнымъ припасамъ настоящія цѣны справедливыя, разумѣя сіе о городскихъ только жителяхъ, тѣмъ промышляющихъ, а не о крестьянахъ пріѣзжихъ, которымъ оставлять на волю какъ

хотя(тъ) продавать на торгахъ свои припасы. Если же бы и за симъ въ публику подтвержденіемъ дерзнулъ кто въ сквернноприбытчествѣ себѣ и на обиду ближнему употреблять фальшивые вѣсъ и мѣру или примѣсъ, повреждающій напитки или съѣсные нѣкоторые припасы, или свою продажу производилъ надъ постановленную отъ уряду цѣну, таковаго, не смотря на его званіе (ибо всякъ градскій житель, пользующійся равными выгодами, какъ всѣ другіе безъ изъятія, подлежитъ общему закону) если въ городахъ, имѣющихъ магистраты, то случится, судить таковаго въ магистратѣ, а гдѣ оныхъ нѣтъ и въ сотенныхъ мѣстечкахъ оттудова таковыхъ преступниковъ отсылать въ полковые суды, гдѣ также судить оныхъ за ихъ преступленія по силѣ вышеписанныхъ гражданскихъ законовъ. При подтвержденіи о семъ сотенному глуховскому правленію предписать, чтобъ изобличившагося грека Мозолева за употребленія подложной мѣры штрафовать только за первый случай взысканіемъ съ него 12 рублей на госпиталь. И какъ доходитъ мнѣ вѣдать, что надъ постановленіе, отъ меня учиненное и чрезъ малороссійскую коллегію публикованное отъ 18 числа генваря съ запрещеніемъ, дабы внѣ города тайнымъ образомъ и захватомъ перекупщики ничего не закупали, пойманные въ таковыхъ запрещенныхъ перекупкахъ извиняются незнаніемъ о томъ постановленіи, для того приказать какъ о прежнемъ, такъ и семъ повелѣніи публиковать разъ нѣсколько въ городѣ всякомъ и по опубликованіи взять отъ всякаго дому росписку въ извѣстіи о томъ, дабы невѣдѣніемъ никто отговариваться не могъ.

Румянцевъ" [1]).

Предложеніе это принимается коллегіей, но остается такъ же безсильно, какъ и всѣ предъидущія предписанія, и черезъ годъ Румянцевъ заявляетъ коллегіи, что даже въ вѣдомостяхъ, присылаемыхъ на его имя отъ полковыхъ канцелярій, мѣры и вѣсъ обозначены несоотвѣтствующими названіями. Вслѣдъ за этимъ конечно снова разсылаются указы [2]). Въ 1780 г. на запросъ, сдѣланный государственной коммерцъ-коллегіей малороссійской коллегіи о мѣрахъ и вѣсахъ, послѣдняя отвѣчала, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ сотеннаго глуховскаго правленія, тамъ употребляются: пудъ, содержащій въ себѣ 40 фунтовъ, фунтъ же состоитъ изъ 32 лотовъ или 96 золотниковъ, аршинъ, имѣющій въ себѣ 4 четверти или 16 вершковъ, четверть, состоящая изъ 8 казенныхъ четвериковъ, но что иногда по согласію продавцевъ съ покупателями продажа производится на мѣру, превосходящую казенную, что ведро употребляется содержащее въ себѣ 10 квартъ. Далѣе коллегія извѣщаетъ, что и по другимъ городамъ Малороссіи мѣра и вѣсъ употребляются казенные, въ силу повелѣнія изъ бывшей генеральной войсковой канцеляріи, а впослѣдствіи изъ малороссійской коллегіи отъ 3 іюня 1766 г. [3]). Насколько этотъ от-

---

[1]) Архивъ малор. кол. при хар. ун. № 2769.

[2]) Арх. м. к. при хар. ун. № 6,233.

[3]) Арх м. к. при хар. ун. № 2,769.

зывъ былъ вѣренъ видно изъ того, что ровно черезъ 3 недѣли, послѣ него, а именно 30 марта 1780 г. Румянцевъ заявляетъ коллегіи, что до его свѣдѣнія дошло, что «не только всякій городъ и мѣстечко, но и всякій продавецъ имѣетъ свои особливыя (мѣры)» и снова онъ предлагаетъ предписать магистратамъ, полковымъ и сотеннымъ правленіямъ пересвидѣтельствовать мѣры и если гдѣ окажутся невѣрныя, то сдѣлать вычисленіе насколько онѣ больше или меньше казенныхъ, заклеймить ихъ печатью, а вычисленіе, за подписью чиновниковъ, вывѣсить на публичныхъ мѣстахъ.

Въ такомъ состояніи находился вопросъ о мѣрахъ и вѣсахъ, когда Малороссію застигли реформы Екатерины II-й.

А. Лобко.

Изъ бумагъ К. А. Лохвицкаго.

(*Объ Ильинской и Христо-Рождественской церквахъ и объ открытіи кіевскихъ древностей въ 1820—30 хъ г.*).

Изслѣдователи кіевской сѣдой старины не могутъ не помянуть добрымъ словомъ извѣстнаго въ свое время мѣстнаго археолога Кодрата Андреевича *Лохвицкаго*, немало потрудившагося въ дѣлѣ розысканія и раскрытія этихъ памятниковъ. Диллетантъ—археологъ, не обладавшій научнымъ образованіемъ и большими знаніями, высказывавшій иногда довольно странные взгляды и увлекавшійся ими до крайностей, Лохвицкій тѣмъ не менѣе обнаруживалъ нерѣдко значительное археологическое чутье, блистательно оправдывавшее его поиски. Онъ былъ положительно счастливъ въ своихъ находкахъ: опредѣленіе мѣста и открытіе развалинъ *Золотыхъ воротъ* и *Ирининскаго* монастыря, открытіе фундаментовъ древней *Десятинной* церкви—это такіе крупные археологическіе подвиги, что имя Лохвицкаго не можетъ быть забыто въ исторіи русской археологіи. Тѣмъ болѣе, конечно, оно должно быть памятно кіевлянамъ.

Въ видѣ поминокъ о Лохвицкомъ, очень умѣстныхъ въ настоящее время, приведу нѣсколько документовъ изъ находящагося у меня *собранія бумагъ Лохвицкаго* [1]). Собраніе—довольно интересное. Самая объемистая связка разныхъ оффиціальныхъ и частныхъ бумагъ относится къ открытію Лохвицкимъ въ 1832 г. Золотыхъ воротъ и къ

---

[1]) Оно найдено между бумагами моего покойнаго отца ключаря Кіево-Софійскаго собора протоіерея *Н. Я. Оглоблина*.

позднѣйшимъ (въ 1833—35 гг.) мѣропріятіямъ по обнаруженію и охранѣ этого памятника древности. Другія связки говорятъ объ открытыхъ Лохвицкимъ развалинахъ Ирининскаго монастыря (въ 1833 г.) и Десятинной церкви (въ 1824 г. и слѣдующихъ). Есть документы, касающіеся исторіи и древностей церквей *Ильинской*, *Христо-Рождественской*, *Георгіевской* и др. Интересна записка о дѣятельности Лохвицкаго по открытію кіевскихъ древностей до 1836 г. Вообще, въ собраніи немало документовъ, относящихся къ біографіи самого Лохвицкаго: оффиціальныя бумаги къ нему, отвѣты его, разныя письма и проч. Любопытенъ, между прочимъ, одинъ документъ для характеристики личности Лохвицкаго, именно—*«Отрывки кабалы»* (мистической). Есть и сторонніе документы, напр.—«Предисловіе къ путешествію по Тавридѣ» и отрывокъ изъ «Исторіи Тавриды» *Муравьева—Апостола* (дата: *«Хомутецъ.* 1823 г.»), выписки изъ лѣтописей и проч.

Надѣясь познакомить читателей «Кіевской Старины» съ болѣе интересными документами этого собранія, выбираю на первый разъ *три* документа, имѣющихъ наиболѣе близкое отношеніе къ Кіеву.

Первые два документа относятся къ интересному вопросу: какія изъ кіевскихъ церквей должны быть признаны *древнѣйшими церквами* временъ до-Владиміровыхъ и Владиміровыхъ?

Первымъ христіанскимъ храмомъ въ Кіевѣ Лохвицкій признаетъ *Ильинскую* церковь временъ Игоря, но о мѣстѣ ея нахожденія высказываетъ очень оригинальное мнѣніе. Именно, этого вопроса касается первый изъ нижепомѣщенныхъ документовъ: *«Записка о раскрытіи мѣста варяго-россійской церкви Ильинской»*. Это черновая записка неизвѣстной мнѣ руки, но исправленная рукою Лохвицкаго.

Вопреки общепринятому мнѣнію, что Игорева Ильинская церковь находилась на мѣстѣ теперешней Ильинской церкви на Подолѣ, около Днѣпра, Лохвицкій указываетъ на совершенно другое мѣсто, именно, онъ утверждаетъ, что она находилась за нынѣшнею *Іорданскою* церковью, «на выѣздѣ изъ Кіева въ *Кирилловское* богоугодное заведеніе, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, повыше бывшей *Богословской* церкви въ полгоры, надъ ручьемъ *Іорданскимъ*.....» Именно здѣсь Лохвицкій нашелъ въ 1832 г. остатки фундамента и другихъ развалинъ какой то церкви, которыя митр. *Евгеній* призналъ за остатки бывшаго здѣсь нѣкогда *Іорданскаго* женскаго монастыря. Не соглашаясь съ этимъ взглядомъ на іорданскія развалины, Лохвицкій приводитъ въ «Запискѣ» доводы въ пользу своего мнѣнія.

Главное его основаніе то, что Игорева Ильинская церковь, по сказанію лѣтописи, стояла «надъ *ручьемъ*», котораго нѣтъ около нынѣшней Ильинской церкви, а найденныя имъ развалины расположены именно надъ ручьемъ, при томъ—носящимъ такое знаменательное имя—*Іорданскаго*. Этотъ ручей (Лохвицкій довольно подробно его описываетъ) впадаетъ въ озеро *Іорданское* (на Оболони), откуда истекаетъ р. *Почайна*.... Такая близость всѣхъ этихъ водъ къ найденнымъ Лохвицкимъ церковнымъ развалинамъ, при очень древней кладкѣ и формѣ кирпичей ихъ, заставила его видѣть въ этихъ развалинахъ древнѣйшую «варяго-россійскую» Ильинскую церковь кіевлянъ.

Лохвицкій не развиваетъ въ «Запискѣ» соображеній, вызванныхъ сосѣдствомъ Іорданскихъ развалинъ съ ручьемъ Іорданскимъ и др. водами, но, очевидно, его мысль была занята такими вопросами: почему этотъ ручей и это озеро, принадлежащіе къ системѣ р. Почайны, получили названіе «Іорданскихъ»? когда имъ дано это названіе? не здѣсь ли—въ оз. Іорданскомъ и въ началѣ истока изъ него р. Почайны—происходило *крещеніе кіевлянъ?* не естественнѣе ли всего было это крещеніе произвести *вблизи* существовавшей уже въ Кіевѣ христіанской *церкви*—Ильинской? не оттого ли и впослѣдствіи находившійся здѣсь женскій монастырь названъ Іорданскимъ, что онъ находился вблизи мѣста крещенія кіевлянъ?

На такіе и подобные вопросы наталкиваетъ «Записка» Лохвицкаго, старавшагося доказать древность своей находки около Іорданской церкви и пріурочить ее къ древнѣйшей кіевской церкви. Не увлекаясь съ своей стороны доводами Лохвицкаго, нельзя, однако, не сознаться, что они имѣютъ за собою нѣкоторыя основанія...

Хотя кіевская археологія считаетъ вопросъ объ Ильинской церкви порѣшеннымъ [1]) и не въ пользу мнѣнія Лохвицкаго, но кто знаетъ—на какія увлеченія способна вообще археологія и какъ часто многія «аксіомы» нашей археологіи передѣлывались совершенно заново и низводились въ разрядъ очень подозрительныхъ истинъ—тотъ не посмѣется и надъ разсматриваемымъ «увлеченіемъ» Лохвицкаго... Кто знаетъ? Быть можетъ откроются совершенно новыя данныя о мѣстѣ древнѣйшей Ильинской церкви и быть можетъ эти данныя совпадутъ съ предположеніями Лохвицкаго.

---

[1]) См., напр., статью *Н. Л—ва* „О началѣ христіанства въ Кіевѣ" („Кіев. Стар.", 1888, іюнь).

Вопросъ объ Ильинской церкви, какъ и многіе другіе вопросы кіевской археологіи, давно уже требуетъ новаго и основательнаго пересмотра. Въ виду этого не мѣшаетъ помнить и приводимое мнѣніе Лохвицкаго, обладавшаго, какъ уже замѣчено, крупнымъ археологическимъ чутьемъ—даромъ очень цѣннымъ для археолога. Насколько мнѣ извѣстно, найденныя Лохвицкимъ развалины давно уже забыты кіевскими археологами и, кажется, послѣ Лохвицкаго и митр. Евгенія никѣмъ не изслѣдовались. Что бы заняться обстоятельнымъ и вполнѣ научнымъ обслѣдованіемъ ихъ? Быть можетъ, оно дастъ что нибудь новое—позволитъ точнѣе опредѣлить и время іорданскихъ развалинъ, и характеръ ихъ, и проч. Любопытно, что въ щебнѣ развалинъ Лохвицкій находилъ остатки *фресокъ* (не заинтересуется ли этимъ г. *Праховъ*?...).

Слѣдуетъ еще замѣтить относительно разсматриваемой «Записки» Лохвицкаго, что одно мѣсто ея производитъ довольно странное впечатлѣніе, именно то, гдѣ онъ пытается доказать, что Игорева Ильинская церковь «была *католическая*»... Оригинальное ли это мнѣніе Лохвицкаго, или отголосокъ чужихъ—польскихъ мнѣній? Не знаю даже—не былъ ли Лохвицкій католикомъ? Во всякомъ случаѣ въ этомъ взглядѣ ярко выступаетъ диллетантъ, слабо знакомый съ нѣкоторыми фактами мѣстной исторіи. Любопытна, впрочемъ, здѣсь ссылка на какое то смутное преданіе кіевлянъ: Лохвицкій утверждаетъ, будто «Ильинская церковь (нынѣшняя ли, или найденная Лохвицкимъ—это не ясно въ «Запискѣ») до сего времени отъ старожиловъ кіевскихъ называется *костеломъ*»!... Интересно бы провѣрить: существуетъ ли у современныхъ «старожиловъ» подобное преданіе?...

Второй предлагаемый отрывокъ изъ бумагъ Лохвицкаго представляетъ уже не мнѣніе Лохвицкаго, а копію стариннаго документа, подъ заглавіемъ: *Фундаментъ доскональный и тестованый храму Рождества Христова.* Закревскій, говоря о мѣстѣ церкви Рождества Христова (стр. 757 и слѣд.), указываетъ на то, что проф. кіев. дух. академіи Ив. Петр—чъ Максимовичъ въ своемъ «Паломникѣ» ссылается на документъ XVII в., относящій время построенія церкви ко временамъ св. Владиміра. Такимъ образомъ и настоящія документъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ вполнѣ, такъ какъ цитаты изъ него были незначительны. Отношеніе Лохвицкаго къ этому документу неизвѣстно, замѣтно только, что онъ придавалъ ему нѣкоторое значеніе и относился къ нему со вниманіемъ.

Документъ этотъ, повидимому, древняго происхожденія: судя по языку, его можно отнести къ XVI в. или началу XVII в. Хранившаяся у Лохвицкаго копія «Фундамента» писана на золотообрѣзныхъ продолговатыхъ синеватыхъ листахъ конца XVIII в. или начала XIX в. По почерку и по одному примѣчанію (о «монументѣ» 1802 г.) копію слѣдуетъ отнести къ началу XIX в. «Фундаментъ» написанъ въ 2 столбца—подлинникъ и русскій переводъ его, съ примѣчаніями внизу (все это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неважныхъ примѣчаній, привожу ниже).

«Фундаментъ» не столько доказываетъ, сколько констатируетъ тотъ несомнѣнный для него фактъ, что нынѣшняя *Христо-Рождественская* на Подолѣ церковь, на берегу Днѣпра, построена на мѣстѣ древнѣйшей Христо-Рождественской церкви, *сооруженной Владиміромъ вблизи мѣста крещенія* его сыновей—«Крещатицкой криницы» и *вскорѣ* послѣ этого событія. Въ память послѣдняго, говоритъ «Фундаментъ», съ давнихъ поръ существовалъ обычай совершать *15 іюля крестный ходъ* изъ Рождественской церкви на «Крещатицкую криницу» (гдѣ въ 1802 г. построенъ «монументъ»). Впослѣдствіи память объ этомъ крестномъ ходѣ исчезла и уже въ наше время (въ началѣ 1860-хъ гг.) устроены 15 іюля торжественные крестные ходы къ Крещатицкому источнику изъ Софійскаго собора и проч.

Такимъ образомъ, документъ причисляетъ мѣсто Христо-Рождественской церкви къ числу древнѣйшихъ церковныхъ мѣстъ Кіева. Жаль, что окрестности этой церкви теперь совершенно застроены сосѣдними зданіями, такъ что нельзя произвести здѣсь раскопокъ: быть можетъ онѣ обнаружили бы слѣды древней кладки и дали бы возможность провѣрить показанія «Фундамента».

Любопытна одна подробность, сообщаемая «Фундаментомъ»: документъ говоритъ, что Рождественская церковь памятна еще и тѣмъ, что вблизи нея происходило знаменательное событіе—погруженіе въ днѣпровскія воды свергнутаго кіевлянами стараго ихъ бога—*Перуна*... Его тащили, по словамъ «Фундамента», по урочищу, идущему отъ Михайловскаго монастыря внизъ къ Рождественской церкви и съ давнихъ поръ носившему, именно въ воспоминаніе объ этомъ событіи, названіе—«*Чортово беремя*». Эта дорога внизъ по «Чортову беремени» существовала еще во время составленія «Фундамента».

Не меньшій интересъ представляетъ и третій документъ—«*О ходѣ открытія древностей въ Кіевѣ до начала 1836 г.*». Это хотя

очень сжатая, но довольно обстоятельная исторія открытія главныхъ кіевскихъ древностей въ 1820—30-хъ гг. Записка составлена какъ будто бы отъ имени «Временнаго комитета изысканія древностей въ Кіевѣ», но такъ какъ она говоритъ главнымъ образомъ о заслугахъ Лохвицкаго въ дѣлѣ открытія кіевскихъ древностей, то, кажется, именно Лохвицкій и можетъ быть признанъ авторомъ записки.

Записка состоитъ изъ 5 главъ: 1 глава говоритъ объ открытіи «чиновникомъ 5 класса» (какъ онъ любилъ себя величать) Лохвицкимъ и священникомъ Десятинной церкви Михаиломъ *Кочеровскимъ*, по мысли и указаніямъ митр. *Евгенія*, въ 1824 г., фундамента древнѣйшей *Десятинной* церкви [1]).

II глава посвящена открытію Лохвицкимъ, въ 1832—3 гг., развалинъ *Золотыхъ воротъ*. Любопытно, что эти раскопки производились Лохвицкимъ частію на собственный счетъ, а отчасти на пожертвованія разныхъ частныхъ лицъ.

Только въ 1834—36 гг. правительство давало субсидію на поддержку и укрѣпленіе открытыхъ развалинъ [2]).

Въ III главѣ расказывается объ открытіи Лохвицкимъ развалинъ *Ирининскаго* монастыря, въ 1833 г. [3]).

IV глава распространяется о предположеніяхъ Лохвицкаго относительно мѣстонахожденія другихъ кіевскихъ древнихъ построекъ и о нѣкоторыхъ открытіяхъ его въ этой области. Прежде всего здѣсь рѣчь идетъ о мѣстѣ *Ильинской* церкви, т. е.—о томъ же предметѣ, которому посвящена и вышеуказанная «Записка» Лохвицкаго. Но всѣ подробности послѣдней отсутствуютъ въ разсматриваемомъ документѣ: здѣсь кратко приведено извѣстное намъ мнѣніе Лохвицкаго о мѣстонахожденіи Ильинской церкви и опроверженія этого мнѣнія митр. Евгеніемъ, кіевскимъ археологомъ *М. И. Берлинскимъ* и *Остромысленскимъ*. Такимъ образомъ, свѣдѣнія настоящаго документа не представляютъ повторенія отдѣльной «Записки» объ Ильинской церкви.

---

[1]) Исторія раскопки Десятинной церкви изложена подробнѣе у Закревскаго (Стр. 287 и слѣд.).

[2]) Исторія Золотыхъ воротъ также обстоятельно изложена у Закревскаго (стр. 321 и слѣд.), со включеніемъ въ изложеніе почти всей записки Лохвицкаго.

[3]) Въ другомъ документѣ Лохвицкій разсказываетъ, что въ 1835 г. около 40 кубическихъ саженей древнихъ кирпичэй, плитъ и камней Ирининскихъ развалинъ было употреблено на устройство кіевскихъ мостовыхъ.... Объ открытіи Ирининскаго монастыря, въ свою очередь, обстоятельно изложено у Закревскаго (336 стр.) и упоминается объ участіи г. Лохвицкаго въ дѣлѣ открытія памятниковъ кіевской старины.

Далѣе (въ IV главѣ) идутъ указанія на предположенія Лохвицкаго и открытія имъ развалинъ древней *Крестовоздвиженской* церкви (на Андреевской горѣ [1]), «крѣпостныхъ *воротъ* времени блаженной великой княгини *Ольги*» (тамъ же) и *могилы кн. Дира* (около *Ирининской* церкви....). Здѣсь же въ запискѣ приведены и опроверженія всѣхъ этихъ гипотезъ Лохвицкаго митр. Евгеніемъ и Берлинскимъ.

V глава говоритъ о *случайныхъ находкахъ* древностей въ Кіевѣ, именно: 1) о золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ и другихъ предметахъ (серебряная чаша, серебряный дискосъ, 2 золотыя панагіи и проч.), найденныхъ въ 1824 г., около *Михайловскаго* монастыря, мѣщаниномъ Василіемъ *Харщевскимъ* и отправленныхъ въ Эрмитажъ; 2) о находкѣ мелкихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, въ 1827 г., около *Срѣтенской* церкви, въ усадьбѣ прапорщика *Августиновича* («всѣ сіи вещи по военной командѣ представлены начальству», а о дальнѣйшей ихъ судьбѣ ничего неизвѣстно), и 3) о находкѣ въ 1834 г. подполковникомъ *Фитингофомъ*, на *Крещатикѣ*, рыцарскаго шлема, представленнаго Лохвицкимъ въ музей университета св. Владиміра.

Н. Оглоблинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. «Записка о раскрытіи мѣста древностей варяго-россійской церкви Ильинской».

„Чиновникъ 5 класса Лохвицкій, соревнователь Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, руководствуясь особеннымъ порученіемъ г-на фельдмаршала графа *Сакена* и письменнымъ предписаніемъ военнаго кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора графа *Левашова*, въ сходствіе Высочайшихъ повелѣній 29 іюля 1824 г. и 4 генваря 1833 г., *нашелъ мѣсто* и фундаменты каменные [2]) церкви *Ильинской* варяго-россовъ, времени великаго князя Игоря.

Сія церковь до сего времени была извѣстна только по исторіи, мѣстопребываніе же ея совсѣмъ утеряно у исторіографовъ, даже неизвѣстно было—изъ какого

---

[1]) Здѣсь именно открыта Лохвицкимъ памятная кіевлянамъ „яма съ пшеницею“ и съ „3 кусками сосновыми“ изъ которыхъ Лохвицкій соорудилъ пресловутый свой *крестъ*. По говору злыхъ кіевскихъ язычковъ—Лохвицкій чуть ли не замышлялъ объявить сію находку крестомъ апостола *Андрея*... Въ 1860—70-хъ годахъ этотъ крестъ былъ выставленъ въ Андреевской церкви (да должно быть и нынѣ тамъ находится).

[2]) Первоначально было написано и потомъ зачеркнуто: „... *началъ* раскрывать съ 5 маія сего *1832 года* древность первой въ Россіи церкви Ильинской...“ и проч.

матеріала она построена. Слѣдовательно, исторія не имѣетъ свѣдѣнія и о планѣ сей церкви.

Преподобный *Несторъ* объ ней пишетъ (въ лѣтописи по Кенигзбергову списку, изданному въ С.-Петербургѣ въ 1767 г., на стр. 44 и 45): въ 945 г. „Христіянскую Русь водиша ротѣ (къ присягѣ) въ церквѣ святаго *Иліи*, яже есть *надручьемъ*, конецъ Постничи (sic) бесѣды, въ Козарѣхъ: се бо бѣ соборная церковь, мнози бо бѣша *варяги* хрестьяне". Сіе свидѣтельствуется при договорѣ великаго князя Игоря съ греческимъ императоромъ Романомъ...

Но поелику Несторъ утверждаетъ о христіанахъ сей церкви, что они были *варяги*, а варяги, или скандинавы, или шведы были католической вѣры, изъ сего заключить слѣдуетъ, что сія церковь была *католическая*, ибо при Игорѣ не было раздѣленія (?!!) настоящаго вѣроисповѣданія католическаго съ греческимъ у варягороссовъ, но по принятіи россіянами греческой вѣры при великомъ князѣ Владимірѣ въ 988 г. отдѣлились греко-россійской вѣры христіяне отъ католиковъ.. По сей причинѣ Ильинская церковь до сего времени *отъ старожиловъ кіевскихъ* называется „*костеломъ*", а костелъ есть римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Мѣсто сей церкви и остатки фундаментовъ каменныхъ, отрытыхъ изъ нѣдръ земли при изслѣдованіи Лохвицкимъ, находится на выѣздѣ изъ Кіева въ Кирилловское богоугодное заведеніе, за *Іорданскою* церковью, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, повыше бывшей *Богословской* церкви, въ полгоры надъ ручьемъ такъ называемымъ *Іорданскимъ*.

Ручей Іорданскій пониже и подлѣ сего мѣста течетъ, а вытекаетъ повыше, съ горъ, близъ сихъ остатковъ Ильинской церкви. Сей ручей начало беретъ изъ ключей *желѣзистыхъ*, которые примѣтны по ржавчинѣ желѣзной въ источникѣ родника сихъ ключей. Вода сего ручья чистая, свѣжая, и по испытанію полезна для здоровья. Ручей впадаетъ въ озеро называемое *Іорданское*, находящееся на *Оболонѣ*. Изъ сего озера Іорданскаго вытекаетъ рѣчка *Почайна* и упадаетъ въ рѣку Днѣпръ...

Строеніе каменныхъ фундаментовъ сей Ильинской церкви доказываетъ самое древнѣйшее происхожденіе ея: въ фундаменты положены огромные *нетесаные камни*, между *кирпичами* древнея работы, тонкими, шириною въ шесть, а длиною до восьми вершковъ, на *цементѣ*, который такъ связалъ дикіе камни съ кирпичами, что трудно ломомъ отдѣлить. Въ кирпичѣ масса такъ крѣпка, какъ крѣпкій камень. Въ цементѣ и въ кирпичахъ примѣтенъ толченый *кирпичъ*, *алебастръ и уголь*.—По разрытіи земли и обнаруженію фундаментовъ между щебнемъ довольно оказывается росписного *по щекатуркѣ красками*, которыя можно еще различать...

Церковь сія должна быть *обширная*, судя по положенію пространнаго *бугра*, покрытаго землею болѣе сажени. Но какъ все зданіе требуетъ большаго разрытія и на то значительныхъ издержекъ, будучи въ полгоры заплыло землею глинистою съ горъ, то и остается еще не совсѣмъ раскрытое, а потому и плана снять нельзя. Слѣдовательно, требуется дальнѣйшее изслѣдованіе и подтвержденіе достовѣрнѣйшее о точности сего мѣста, Ильинской церкви принадлежащаго, ибо по симъ обстоятельствамъ (т. е.—вслѣдствіе недостаточнаго изслѣдованія развалинъ авторомъ...) и митрополитъ кіевскій и галицкій (т. е.—митр. Евгеній Болховитиновъ), осматривая сіе раскрытіе 4 іюля (т. е.—1832 г.) *усумнился* въ существованіи когда либо

на семъ мѣстѣ Ильинской церкви.—Кореспондентъ Общества Московскаго исторіи и древностей, чиновникъ 5-го класса *Кодратъ Лохвицкій*".

Примѣчаніе: Внизу „Записки" стояла сначала дата: „августа 26 дня, *1832 года*", затѣмъ зачеркнута и написана новая: „іюля 15 дня, *1834 г.*" Несомнѣнно отсюда, что „Записка" составлена въ 1832 г., а въ 1834 г. вновь пересмотрѣна и исправлена Лохвицкимъ собственноручно.

II. «Фундаментъ доскональный и тестованый храму Рождества Христова».

Ижъ церковь *Рождества Христова* Кіево-подольская, *Крещатицкая*—первая, мае и веде свій *фундаментъ одъ самого крещеня Володимерового и Руси*, одъ року ЅФДІ, що тестуютъ причины сіи: якъ записки (записы?) въ церкви Божой одъ великихъ князей налегкованныи показуютъ, ижъ сыны Володимеровы не далеко одъ сей Божой церкви въ криници на Крещатику крещене примали: якъ то и Синопсисъ говоритъ, яка криница и теперь есть. А потимъ кеды *Перунъ* сплюндрованый сталъ и привязный до конского хвоста, абысь былъ утопленный въ рицѣ Днипрѣ и волоченный бывъ *по дорозѣ*, яка дорога и теперь есть отъ Золотоверхого Михайла, на якій дорозѣ той Перунъ бечованый кричавъ вельми зъ причинъ певныхъ одъ новокрестныхъ, яке урочище и пляцъ зъ того случаю зовется *Чортово Беремя*, одъ якой *улици* и теперь дорога поузъ церковь есть. И изъ сихъ причинъ и церковь на доскональный паментъ сфундована новокрестнымъ, отроднымъ и обновнымъ Духомъ Святымъ, не далеко одъ того урочища, во имени Христового Рождества, людямъ веселого, абысь знавъ людъ и те сплюндроване и клендчене Египетске сатаниньске, одъ адвенту Божого изроблене, да и наприкладъ бо изъ сихъ причинъ въ Подолѣ стати сій церкви на имене Рождества Христова. А до сій церкви Божой зфундовали еще *на хорахъ трапезу* Святыхъ *Мироносицъ*, для ведлу памента Евангельского востаня, тріумфа, викторіи Христовой, охраненя Ангеломъ миродатнымъ, огребающимъ сатаниньске служене. И такъ фундаментъ сей есть фундованный наприкладъ монастырямъ Золотоверхого Михайла и Видубицкого. А по преставленію Володимера и вчиненю въ календы въ монументъ ласкъ и фундаторства имъ сей Божой церкви слично оказныхъ, и *процесію* взяли, зъ позволеня, *одъ сій* Божой *церкви, іулія 15, до Крещатицкой криници*, для священя воды.

Якій сей фундаментъ для доскональвого паменту *зъ правъ* викладный для церкви Божой, при церкви сей на вѣчные часы да буде".

Переводъ: «Основаніе совершенное и свидѣтельствованное церкви Рождества Христова».

„Что церковь Рождества Христова Кіевоподольская, Крещатитская первая [1]), имѣетъ свое начало отъ крещенія Владиміра и Россіи въ 6519 годѣ, сіе утверждаютъ записи, наданные отъ великихъ князей въ сію церковь. Сія церковь создана потому, поелику въ небольшомъ разстояніи отъ источника находится, въ коемъ сыны Владиміровы святое крещеніе воспріяли, о чемъ и въ Синопсисѣ сказано.

[1]) Вблизу Крещатика первосооруженная.

Сей источникъ и нынѣ существуетъ [1]). Потомъ же, когда идолъ Перунъ истребленъ и привязанъ къ лошадиному *ошибу*, для потопленія въ рѣкѣ Днѣпрѣ, и влачимъ по пути былъ, которой путь извѣстенъ и нынѣ отъ Кіевозолотоверхомихайловского монастыря, на семъ пути оной Перунъ біемый сильно вопіялъ по причинѣ побивавшими его новокрещенными людьми, каковое урочище и мѣсто называется Чортово Беремя [2]), отъ каковой улицы и теперъ лежитъ дорога мимо самой церкви. И по симъ причинамъ и церковь на вѣчныя времена основана новокрещеннымъ, отрожденнымъ и обновленнымъ чрезъ Духа Святаго людямъ, по близости того урочища, во имя Рождества Христова, людямъ вожделѣннаго [3]), да знаютъ люди и оное истребленіе и паденіе въ Египтѣ сатаниньское, съ пришествіемъ Спасителя содѣянное [4]), да и по прилучію таковыхъ обстоятельствъ въ Подолѣ быть таковой церкви во имя Рождества Христова. Еще же при сей божественной церкви устроили храмъ на хорахъ святыхъ женъ Мироносицъ, для всегдашней памяти въ Евангеліи описуемаго воскресенія и побѣды Христовой [5]), также храненія ангеловъ [6]), благовѣствующихъ миръ [7]) и прогоняющихъ сатаниньское идолослуженіе [8]). Итакъ, основаніе сіе положено по примѣру Кіевозолотоверхомихайловскаго и Видубицкаго монастырей. По преставленіи же святаго равноапостольнаго Владиміра и внесеніи имени его въ мѣсяцесловъ, въ знакъ основательства и милостей, имъ же сей Божественной церкви отлично оказанныхъ, и крестный ходъ узаконили, съ позволенія [9]), отъ сей Божественной церкви, іюля 15 дня, до Крещатицскаго источника, для освященія воды.

Каково сіе основаніе для всегдашней памяти изъ правъ выписанное для церкви Божіей, при сей церкви на вѣчныя времена да будетъ".

III. О ходѣ открытія древностей въ Кіевѣ до начала 1836 года.

„По свѣдѣніямъ, собраннымъ во временномъ комитетѣ изысканія древностей въ Кіевѣ и большею частію извлеченнымъ изъ актовъ, частію же основаннымъ на свидѣтельствѣ и замѣчаніяхъ лицъ, занимавшихся изслѣдованіемъ и отысканіемъ сихъ древностей, ходъ открытія оныхъ былъ до настоящаго времени слѣдующій.

I. Открытіе Десятинной церкви.

Первый по времени и безспорно важнѣйшій между всѣми другими по своей древности и исторической значительности предметъ открытія составляютъ фундаменты древней Десятинной церкви, созданной св. равноапостольнымъ великимъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ отъ 989 до 996 года по Р. Христ., разрушенной въ нашествіе Батыево въ 1240-мъ году, и съ того времени представлявшей однѣ

---

[1]) Въ честь коего воздвигнутъ *монументъ 1802 г.*

[2]) Чертова тяжесть.

[3]) Луки гл. II, 10.

[4]) Исаіи гл. XIX, 1.

[5]) Матѳея гл. XXVIII, 5—6.

[6]) Даніила гл. X, 13.

[7]) Луки гл. II, 14.

[8]) Къ Евреямъ гл. 1, 14.

[9]) Уповательно, что съ дозволенія духовной верховной власти.

развалины и кучу камней, которыхъ большая часть разнесена кіевскими жителями на свои потребности, и изъ остатка коихъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила пристроилъ къ оставшейся незначительной части одной только стѣны древнюю малую церковь храма, носившую также названіе Десятинной.

Высокопреосвященный Евгеній, по вступленіи на кіевскую митрополію, основываясь на соображеніи, что чрезъ открытіе щебня, покрывавшаго мѣсто древняго зданія, и изслѣдованіе развалинъ, можетъ быть открытъ первоначальный планъ Десятинной церкви, рѣшился въ 1824 году открыть весь ея фундаментъ на свое иждивеніе, и поручилъ сіе дѣло священнику Десятинной церкви Кочеровскому и живущему въ Кіевѣ чиновнику 5 класса Лохвицкому, которые и открыли фундаменты стѣнъ древняго храма, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ фундаментъ вынутъ и только примѣтны слѣды его по рвамъ, засыпаннымъ щебнемъ.

При семъ открытіи найдены: большіе куски поясовъ и карнизовъ, выдѣланныхъ изъ бѣлаго мрамора; обломки архитектурной и лицевой весьма свѣжихъ красокъ живописи (алфреско), которою, вѣроятно, украшена была вся средина церкви, мѣсто престола, устланное тесанными плитами, вокругъ его мозаическій полъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и другихъ камней, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ полы изъ плитъ, муравленныхъ на подобіе кафеля; въ щебнѣ, надъ престольнымъ мѣстомъ, осыпавшаяся мѣлкая золотистая мозаика съ разными цвѣтными стеклами, коими, вѣроятно, украшенъ былъ олтарь, какъ въ Кіево-софійскомъ соборѣ, съ другихъ мѣстахъ базы и обломки толстыхъ бѣлаго мрамора колоннъ и капителей ихъ съ карнизами, три гробовыя мѣста, обложенныя гладко тесаннымъ дикимъ камнемъ и въ другомъ мѣстѣ, разломившаяся на три части бѣлаго мрамора фигурная гробовая крышка, подъ коей въ щебнѣ открытъ остовъ, по мнѣнію врачей женскій, и при немъ крестикъ и перстень. Сверхъ того въ щебнѣ найдено нѣсколько крестовъ, перстней, колецъ, которые (?) по свидѣтельству высокопреосвященнаго митрополита Евгенія, признаются древними кіевскими рублями.

Изъ сихъ вещей нѣсколько кусковъ мраморнаго пола, вмѣстѣ съ гранитомъ и кирпичемъ изъ фундамента, представлены г. Лохвицкимъ въ числѣ другихъ его пожертвованій въ императорскій университетъ св. Владиміра, прочія вещи большею частію хранятся въ ризницѣ Кіево-софійскаго Собора и въ Трехсвятительской церкви, частію же остаются въ оградѣ на мѣстѣ раскрытія Десятинной церкви; а живописныя на штукатуркѣ (алфреско) глава и руки ангела отправлены въ С.-Петербургъ для поднесенія Государю Императору.

Съ открытіемъ фундаментовъ первобытной Десятинной церкви, г. Лохвицкій снялъ планъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ съ объясненіемъ, напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ мартѣ 1825 года, другой въ большомъ масштабѣ посланъ въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ и поднесенъ Государю Императору; третій находится въ Кіево-софійской ризницѣ, и еще три представлены въ университетъ св. Владиміра. Сверхъ того присланный въ 1826 году отъ академіи художествъ художникъ г. Ефимовъ, сдѣлавъ окончательные поиски для открытія всѣхъ частей фундамента, снялъ съ него планъ, и вмѣстѣ съ составленными имъ рисунками гробницъ и другихъ найденныхъ при томъ вещей, препроводилъ въ академію художествъ.

II. Открытіе Златыхъ Вратъ.

Извѣстно изъ отечественныхъ лѣтописей, что великій князь Ярославъ Владиміровичъ, распространивъ Кіевъ, около 1037 года, обвелъ его каменными стѣнами, назвалъ главныя ихъ врата, надъ коими устроена была церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Златыми, что сіи врата въ послѣдствіи разрушились, и остались отъ нихъ одни развалины, которыя видны были въ крѣпостномъ валу еще въ половинѣ XVII вѣка, какъ то доказываетъ видъ, снятый съ нихъ въ 1651 году, послѣ найденный въ бумагахъ короля польскаго Станислава Августа Понятовскаго, и напечатанный въ № 1 „Сѣвернаго Архива" 1822 года; что въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны при укрѣпленіи Стараго Кіева, онѣ были совершенно засыпаны землею и скрывались въ крѣпостномъ валу до третьяго десятилѣтія настоящаго вѣка.

Г. Лохвицкій получивъ отъ г. кіевскаго военнаго губернатора позволеніе заниматься отысканіемъ древностей въ Кіевѣ, обратился къ сему памятнику древности и уже въ 1832 году открылъ остатки двухъ стѣнъ, составлявшихъ древніе Златые врата, а въ 1833 году продолжалъ и окончилъ сіе раскрытіе, пользовавшись въ 1832 году пособіемъ въ работахъ по частной подпискѣ, а въ 1833 году производилъ раскрытіе на собственный щетъ. 9 сентября 1832 года государь императоръ соизволилъ пройти между открытыми стѣнами Златыхъ вратъ и назвалъ ихъ „памятникомъ достойнымъ сохраненія".

Въ 1833 году сдѣлано распоряженіе объ освобожденіи той и другой стѣны Златыхъ вратъ отъ натиска, производимаго и прикосновеннымъ къ нимъ землянымъ валомъ и угрожавшаго особенно правой стѣнѣ паденіемъ; именно: положено отрыть землю, составляющую крѣпостный валъ, въ соразмѣрномъ съ цѣлью пространствѣ. На каковый предметъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета гг. министровъ назначено отпустить единовременно исчисленные по смѣтѣ 2917 рублей 20 к. сверхъ ассигнованной симъ же положеніемъ отъ казны въ распоряженіе Кіевскаго военнаго губернатора суммы по 1500 р. ежегодно на отисканіе въ Кіевѣ отечественныхъ древностей. Исполненіе по означенному распоряженію окончено въ іюнѣ 1834 года и вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ изготовленію надписи, которая и возложена на Златыя врата въ слѣдующемъ году и состоитъ изъ каменной доски съ мѣдными словами и такими же украшеніями, съ позолотою тѣхъ и другихъ чрезъ огонь.

Наконецъ для предохраненія Златыхъ вратъ отъ повреждения дѣйствіемъ непогодъ, въ іюнѣ 1835 сдѣлали распоряженіе, чтобы вершины сихъ развалинъ были залиты известью и покрыты дерномъ или крышами. Первая половина сего распоряженія приведена уже къ окончанію, а вторую временный комитетъ изысканія древностей въ Кіевѣ полагаетъ привести въ исполненіе въ настоящій 1836 годъ, распорядившись уже о составленіи примѣрной смѣты издержекъ на необходимыя при томъ работы.

При раскрытіи Златыхъ вратъ найдено нѣсколько вещей, принадлежащихъ къ древнему вооруженію всадника, а именно: пика съ кольцомъ и древкомъ, стрѣла татарская желѣзная,уда конская и подкова, цепь желѣзная отъ мундштука, и сверхъ того: 6 кратъ золота листоваго отъ Золотыхъ Воротъ и два желѣзные вѣнца отъ образа. Золото и вѣнцы, также пика съ кольцомъ и древкомъ и стрѣла желѣзная

представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра, вмѣстѣ съ кирпичемъ изъ Златыхъ вратъ и плитнымъ шиφернымъ разбитымъ камнемъ, на которомъ изображенъ крестъ въ кругѣ и который г. Лохвицкій почитаетъ закладкою Благовѣщенской церкви, возвышавшейся нѣкогда надъ Златыми вратами.

III. Открытіе церкви, вѣроятно, св. Ирины.

Въ 1833 году апрѣля въ 19 день, г. Лохвицкій просилъ г. кіевскаго военнаго губернатора о дозволеніи раскрыть, на казенный или на собственный щетъ одно мѣсто не по далеку отъ ограды Софійскаго собора, на которомъ, по его предположенію, должны находиться подъ земляною насыпью остатки церкви св. Ирины, современной по древности построенія Златыхъ вратъ и соборной церкви св. Софіи. Г. кіевскій военный губернаторъ отнесся по сему предмету къ митрополиту кіевскому Евгенію, отъ котораго и получилъ отзывъ, что, по свидѣтельству преподобнаго Нестора, монастырь св. Ирины дѣйствительно основанъ былъ великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ около половины XI вѣка, но что ни Несторъ, ни другіе лѣтописатели не указываютъ мѣста, гдѣ монастырь сей находился. Посему г. кіевскій военный губернаторъ предоставилъ г. Лохвицкому исполнить свое предположеніе на свой коштъ.

Примѣчаніе: Въ послѣдствіи времени, по дѣйствительномъ открытіи на означенномъ мѣстѣ остатковъ древнихъ церковныхъ стѣнъ, митрополитъ кіевскій Евгеній призналъ вѣроятнымъ предположеніе, что это остатки церкви монастыря св. Ирины. Въ подтвержденіе сей вѣроятности г. статскій совѣтникъ Берлинскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на составленную во временномъ комитетѣ изысканія древностей въ Кіевѣ историческую записку о ходѣ открытія сихъ древностей до настоящаго времени, приводитъ то обстоятельство, что новооткрытая церковь не далеко отстоитъ отъ мѣста, на которомъ тѣмъ же великимъ княземъ созданъ былъ Георгіевскій мужескій монастырь, гдѣ теперь находится сего имени приходская церковь, построенная послѣ 1744 года на древнемъ основаніи, и что въ древніе времена женскіе монастыри обыкновенно устроивались близь мужескихъ съ тою цѣлью, чтобы заимствовать изъ нихъ іеромонаховъ для богослуженія. А въ доказательство сего обыкновенія г. Берлинскій ссылается на многіе примѣры монастырей кіевскихъ.

Лѣтомъ 1833 года г. Лохвицкій, разрывая землю въ томъ мѣстѣ, на которомъ онъ предполагалъ существованіе остатковъ церкви св. Ирины, дѣйствительно открылъ часть церковныхъ стѣнъ, коихъ кладка, кирпичъ и цементъ сходствуетъ съ матеріалами и строеніемъ Златыхъ вратъ. Открытую часть составляютъ: мѣсто олтаря и въ немъ подпрестольный камень, цѣльный, малиноваго цвѣта, а по обѣимъ сторонамъ олтаря, каменныя полатки, южная съ одною, сѣверная съ двумя гробницами, не имѣющими надписей и содержавшими въ себѣ кости, пересыпанныя землею, сверхъ того все продолженіе южной стѣны церкви съ небольшею частію продолженія западной и большая половина средины церкви; наконецъ усмотрѣно, но еще не открыто, церковное подземелье.

Остальная часть средины церкви, вмѣстѣ съ сѣверною и большею частію западной, скрываются еще подъ землею, находясь подъ садомъ смежнаго дома г. отставнаго поручика Воронцова.

При открытіи сей церкви найдены между прочимъ:

1) Два креста и часть третьяго, мѣдные, древней греческой работы, вѣнецъ съ иконы желѣзной; половина печати для просфоръ, съ надписью надъ главою младенца Іисуса на одной сторонѣ, а на другой—съ изображеніемъ Спасителя съ крестомъ и съ надписью сверху внизъ ὁ Ἁγιῶσ.

2) Обломки фигурныхъ каменныхъ плитъ, составлявшихъ гробницы.

3) Нѣсколько плитокъ мозаическаго пола поливной горшечной работы, открытыхъ частію въ полаткахъ, частію въ срединѣ церкви.

4) Пять листовъ свинца съ гвоздями, нѣсколько мѣдныхъ вещей отъ паникадила и обломки колокола.

5) Значительное число мѣдныхъ копѣечекъ съ надписью на одной сторонѣ титула и имени царя Алексія Михайловича, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, а на другой съ изображеніемъ герба московскаго и подъ нимъ буква П.

6) Сверхъ сего усмотрѣны на нѣкоторыхъ частяхъ стѣнъ изображенныя красками фигуры на штукатуркѣ, и въ одномъ мѣстѣ изображеніе Спасителя, у котораго недостаетъ головы, потому что та часть стѣны, на коей была изображена голова, разрушилась.

Нѣкоторыя изъ сихъ вещей представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра вмѣстѣ съ другими пожертвованіями.

IV. Предположеніе о другихъ памятникахъ древности.

Сверхъ изложенныхъ доселѣ предположеній различныхъ лицъ о памятникахъ древности въ Кіевѣ, кои всѣ оправдались дѣйствительнымъ ихъ открытіемъ, г. Лохвицкій имѣетъ различныя предположенія и догадки о нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ памятникахъ, до представленія ясныхъ и вѣрныхъ доказательствъ правдоподобности или достовѣрности остающіяся только предположеніями.

I. Предположеніе объ Ильинской церкви.

Вопервыхъ онъ изъяснялъ въ отношеніи г. попечителю кіевскаго учебнаго округа 15 іюля 1834 года и въ рапортѣ г. кіевскому военному губернатору 8 іюля 1835 года, что имъ отыскано надъ Іорданскимъ ручьемъ (на выѣздѣ изъ Кіевоподола въ Кирилловскій монастырь, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, по выше бывшей Богословской церкви, на половинѣ горы) мѣсто и часть каменныхъ фундаментовъ Ильинской церкви времени великаго князя Игоря, изъ коихъ одинъ представилъ въ университетъ св. Владиміра двойной кирпичъ, слѣпленный цементомъ, и кусокъ цемента особенно.

Но г. Берлинскій въ замѣчаніяхъ своихъ изъясняетъ, что по найденнымъ стариннымъ кирпичамъ и цементу въ верховьяхъ рѣки Почайны нельзя еще прямо заключать о существованіи тамъ нѣкогда сей церкви, что по соображенію историческихъ событій, она долженствовала находиться ближе къ Старому Кіеву, и въ такомъ мѣстѣ, куда бы тогда варяги могли проѣзжать къ своей гостинницѣ,—слѣдовательно близъ Днѣпра, при ручьѣ, въ оный впадающемъ, то есть или при Почайнѣ, тогда протекавшей у самаго Кіевоподола и называемой иногда ручьемъ, или при нынѣшнемъ кіевоподольскомъ поперечномъ каналѣ, который вѣроятно

изливался въ Почайну, около мѣста нынѣшней Ильинской церкви: такъ какъ обыкновенно, въ случаѣ истребленія прежней церкви, ея названіе усвоется вновь на томъ же мѣстѣ построенной. Митрополитъ кіевскій Евгеній, осмотрѣвъ означенное г. Лохвицкимъ мѣсто, призналъ оное мѣстомъ Іорданскаго женскаго монастыря, а не древней Ильинской церкви (на Подолѣ): потому что весь Подолъ древле заливаемъ былъ весеннею порою водою, а также и нынѣшній поперечный кіево-подольскій каналъ.

Примѣчаніе: Сочинитель „Изслѣдованія о древней кіевской церкви св. Иліи", напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1830 году, кіевской духовной академіи студентъ Евфимъ Остромыслинскій, основываясь на семъ послѣднемъ обстоятельствѣ, утвержденномъ словами лѣтописца Нестора: „бѣ вода текущи тогда возлѣ горы кіевскія, на Подоліи не сѣдяху людіе, но на горѣ" и соображая слова его объ Ильинской церкви: „яже есть надъ ручаемъ конецъ Постничи бесѣды въ Козарѣхъ", съ другимъ мѣстомъ лѣтописи: „Перуна... влекущи съ горы по Боричеву на ручей..." заключаетъ, что древняя церковь св. Иліи стояла вѣроятно на подгоркѣ внизу Васильевской (Трехсвятительской) церкви или Михайловскаго монастыря, подобно тому какъ отстроена на уступѣ горы церковь въ томъ мѣстѣ, которое по преданію принимается за Аскольдову могилу.

2. Предположеніе о Крестовоздвиженской церкви.

Г. Лохвицкій въ 1832 году открылъ въ Старомъ Кіевѣ, на горѣ, близь Андреевской церкви, каменные фундаменты и обширную на три сажени углубленную яму съ пшеницею и другими церковными древностями. Здѣсь, по его предположенію, съ 1212 года существовала Крестовоздвиженская церковь, созданная въ память водруженія креста св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ. Митрополитъ кіевскій Евгеній (см. въ № VII Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на 1832 годъ) полагаетъ по признакамъ вещей мірскихъ, найденныхъ въ ямѣ, что сіе мѣсто было не священное, а хозяйственное.

Въ сей ямѣ найдены мука и пшеница, и частію въ пшеницѣ, частію внѣ ея.—

1-е Крестъ, и часть оклада съ иконы, мѣдные позолоченные.

2. Три вѣнца желѣзные и кипарисъ отъ иконы, крючки и цѣпочки, вѣроятно отъ лампадъ.

3. Карнизъ горшечный, частію гладкій, частію испещренный фигурами, имѣющими сходство съ андреевскимъ крестомъ.

Нѣкоторыя изъ сихъ вещей представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра.

3. Предположеніе о древнихъ крѣпостныхъ вратахъ.

Въ третьихъ, лѣтомъ 1834 г. г. Лохвицкій, примѣтивъ на Андреевской горѣ въ крѣпостномъ валу рядъ свай, заключилъ, что здѣсь должны находиться древнія крѣпостныя врата, построенныя при великомъ князѣ Святославѣ (Игоревомъ сынѣ) и въ которыя великій князь Владиміръ Святославовичъ вошелъ изъ Новгорода въ Кіевъ для занятія отеческаго престола. Но по назначенію сего мѣста подъ дорогу не могло быть допущено изслѣдованіе истины сей догадки.

Г. Берлинскій изъясняетъ, что древній Кіевъ имѣлъ нѣсколько въѣздовъ и укрѣпленныхъ воротъ, изъ коихъ извѣстныя по лѣтописямъ онъ исчислилъ; но что

нигдѣ не говорится о вратахъ, предполагаемыхъ г. Лохвицкимъ, тогда какъ крутизна горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ предполагаетъ, дѣлаетъ неправдоподобнымъ ихъ существованіе; и что видѣнный г. Лохвицкимъ рядъ свай въ землѣ можно съ большею вѣроятностію принять за остатокъ литовско-польскихъ укрѣпленій, такъ какъ изъ актовъ кіевскаго магистрата извѣстно, что замокъ кіевскій былъ окруженъ отвсюду высокими двойными срубами съ башнями.

4. *Предположеніе о Дировой могилѣ.*

Наконецъ, въ четвертыхъ, г. Лохвицкій просилъ 2 августа 1834 года отъ г. кіевскаго военнаго губернатора дозволенія на производство изысканій къ открытію мѣста погребенія кіевскаго князя Дира въ 882 году, полагая оное, по сказанію лѣтописца Нестора, за открытою имъ церковью св. Ирины. На отношеніе о семъ предметѣ г. кіевскаго военнаго губернатора митрополитъ кіевскій Евгеній отвѣчалъ, что лѣтописецъ Несторъ хотя и сказалъ, что могила сего князя за монастыремъ св. Ирины, но не указалъ точно мѣста; что впротчемъ г. Лохвицкій, ища сей могилы, можетъ найти другія какія нибудь кіевскія древности. Посему г. кіевскій военный губернаторъ дозволилъ г. Лохвицкому производство изысканія предполагаемаго имъ памятника древности. Въ 11 день того же мѣсяца г. Лохвицкій донесъ г. кіевскому военному губернатору, что на означенномъ мѣстѣ открыты въ текущемъ мѣсяцѣ семь цѣльныхъ надгробныхъ каменныхъ досокъ фіолетоваго цвѣта въ три аршина длины и болѣе аршина ширины, подобныхъ гробницамъ, устроеннымъ въ палаткахъ церкви св. Ирины, слѣдовательно одного съ ними времени, что позади крѣпостнаго рва, коимъ перерѣзано кладбище къ югу отъ церкви, въ огородѣ городской земли открываются фундаменты, коихъ каменный матеріалъ одинаковъ съ матеріаломъ церкви св. Ирины. Изъ сихъ обстоятельствъ г. Лохвицкій заключаетъ, что на томъ мѣстѣ должно находиться весьма древнее кладбище, существовавшее уже во время великаго князя Ярослава, создателя упомянутаго храма.

По мнѣнію же г. Берлинскаго, открываемое г. Лохвицкимъ кладбище должно принадлежать къ временамъ позднѣйшимъ; ибо при погребеніи знаменитыхъ особъ во времена язычества, каковы времена Дира и Осскольда, не употреблялись у насъ ни катафалки, ни даже гробы, а только насыпаемы были высокіе земляные курганы, онъ указываетъ на два таковые кургана, разрытые при немъ въ 1814 году въ селѣ Вышгородкѣ, гдѣ нашлись только остатки костей, нѣкоторые обломки отъ конской сбруи желѣзные и древесное уголье.

Древнія драгоцѣнныя вещи, случайно найденныя въ Кіевѣ

Въ 1824 году.

Къ древностямъ, открытымъ въ г. Кіевѣ, принадлежатъ также древнія дорогія металлическія вещи, найденныя въ 1824 году кіевскимъ мѣщаниномъ Василіемъ Харщевскимъ въ Старомъ Кіевѣ близь сѣверной стѣны Михайловскаго монастыря, и по Высочайшему повелѣнію отправленные г. кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ Эрмитажъ: вещи сіи суть:

1) Чаша серебренная на подножкѣ, низкая съ изображеніемъ по сторонамъ въ выпуклыхъ кругахъ Спасителя, Божіей матери, св. Іоанна Предтечи и св. Іоанна

Златоустаго и съ греческимъ текстомъ: „піите отъ нея вси" и проч., вѣсомъ 68 зол. (серебра).

2) Дискосъ серебренный, состоящій изъ одной тарѣлочки безъ подножки, съ изображеніемъ по срединѣ Божіей матери и съ греческимъ текстомъ по краямъ: „ядите, сіе есть тѣло" и проч., вѣсомъ 25 золот. (серебра), въ поперешникѣ $4^{2}/_{3}$ вершка.

3) Круглая икона въ $1^{3}/_{4}$ вершка въ поперешникѣ изъ самаго чистаго золота, подобная архіерейской панагіи, съ выпуклымъ по срединѣ изображеніемъ Спасителя и съ 10 рубинами и бирюзами по краямъ, вѣсомъ въ $12^{1}/_{2}$ золотника (золота).

4) Другая такая же панагія золотая, въ поперешникѣ $1^{1}/_{2}$ вершка съ изображеніемъ одного св. мученика, вѣсомъ въ $9^{1}/_{2}$ золот. (золота).

5) Крестикъ почти равносторонній, менѣе вершка, мраморный съ золотыми накладками со всѣхъ сторонъ и съ однимъ камешкомъ, вдѣланнымъ въ средину, вѣсу въ накладкахъ 2 золотн. (золота).

6) Двѣ серебренныя толсто вызолоченныя штуки, круглыя, обоюду выпуклыя внутри пустыя, на верхнемъ краю вогнутыя и съ отверстіемъ, въ 1 вершокъ въ поперешникѣ, съ изображеніемъ грифа на каждой, подобныя большимъ сергамъ, можетъ быть служившія ладонками или подобными привѣсками, вѣсомъ въ 14 золот. (серебра).

7) 25 золотыхъ привѣсокъ въ видѣ кисточекъ, филограмовой работы, изъ коихъ большая часть переломана, а цѣлыя имѣютъ по угламъ подвѣсочки, украшенныя жемчугомъ и камешками, можетъ быть служившія бахрамою парчевой матеріи, найденной вмѣстѣ со всѣми описываемыми вещами; вѣсомъ въ 32 золот., принимая золото вмѣстѣ съ камешками.

8) 20 тонкихъ, плоскихъ, почти перетлѣвшихъ, худаго серебра бляшекъ съ фигурными прорѣзками, и на одной сторонѣ вызолоченныхъ, подобныхъ украшеніямъ на старинныхъ греческихъ иконахъ, и на воскрыліяхъ ризъ святительскихъ, и вѣроятно принадлежавшихъ къ той же парчевой матеріи.

9) 8 душекъ или широкихъ полуколецъ самаго чистаго золота, искусной филограмовой работы, осыпанныхъ негранеными дорогими камешками, большей и меньшей величины или цѣнности, составлявшихъ, какъ видно по ихъ связи, корень складнаго Евангелія, хотя для цѣлой книги много ихъ еще недостаетъ: ибо всѣ 8, сложенныя вмѣсто, едва составляютъ три вершка по длинѣ; вѣсу во всѣхъ ихъ золота съ камешками $43^{1}/_{2}$ золот.

10) Плоская треугольная золотая бляшка, украшенная съ одной стороны греческою эмалью, вѣсомъ въ $^{3}/_{4}$ золот. (золота).

Всѣ сіи вещи немедленно по открытіи были доставлены, по распоряженію кіевской градской полиціи, къ г. Берлинскому для разсмотрѣнія и опредѣленія ихъ достоинства. Основываясь на семъ разсмотрѣніи, г. Берлинскій къ свѣдѣнію о нихъ, доставленному во Временный комитетъ изысканія древностей въ Кіевѣ, присовокупляетъ свое заключеніе о ихъ древности и говоритъ, что изготовленіе ихъ должно отнести ко временамъ древнихъ христіанскихъ княженій въ Кіевѣ, когда русское художество еще не существовало, а греки, работавшіе сіи вещи, не умѣли гранить драгоцѣнныхъ камней; что они положены въ землю не позже Батыева нашествія, ибо послѣ 1240 года драгоцѣнныя работы не могли открыто существовать въ обѣднѣвшемъ Кіевѣ, а бывъ изготовлены въ послѣдствіи, по улучшеніи сего

края обстоятельствъ, такія вещи долженствовали бы носить отпечатокъ русскаго или литовскаго искусства,—тогда какъ они являютъ греческій вкусъ прежнихъ вѣковъ, и почеркъ и порядокъ литеръ въ надписяхъ на чашѣ и дискосѣ сходенъ съ надписью XI вѣка на мозаикѣ, въ олтарѣ большаго Кіево-софійскаго собора, равно какъ и скудельный сосудъ, въ которомъ сіи вещи хранились, но увѣренію самовидцевъ, одинаковъ съ тѣми, въ коихъ находятъ въ землѣ близъ Ольвіи херсонскія и греческія монеты.

Въ 1827 году[1]).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1827 года, въ Старомъ Кіевѣ, по Львовской улицѣ близь Сгрѣтенской церкви, на дворѣ прапорщика Августиновича, при копаніи погребной ямы, найдены слѣдующія золотыя вещи, изложенныя въ мѣдный изоржавѣвшій складень:

1) 4 пары золотыхъ, дутыхъ серьгъ, изъ коихъ двѣ цѣлыя, вѣсомъ въ $12^1/_2$ золот., а отъ двухъ обломки $3^1/_2$ золот., золото 60 пробы.

2) Цепочка дутая или монистная изъ 23 звенокъ, вѣсомъ въ $16^1/_8$ золотн., 60 пробы.

3) Отрывокъ цепочки тонкой въ $^1/_4$ золот. 74 пробы.

4) Одинадцать крючковъ золотыхъ, вѣсомъ въ $14^1/_4$ золот. 74 пробы. Сверхъ того на днѣ складня нашлось перегнившаго мелкаго жемчуга $^1/_8$ и $^1/_{16}$ золот.

Всѣ сіи вещи по военной командѣ представлены начальству.

Въ 1834 году.

Въ 21-е іюня 1834 года при раскрытіи землянаго вала на Крещатикѣ, по случаю проведенія новыхъ улицъ въ Кіевѣ, найдено г. подполковникомъ барономъ Фиттингофомъ желѣзный рыцарскій шлемъ съ частію панцыря, который и находится въ числѣ разныхъ древнихъ вещей, пожертвованныхъ г. Лохвицкимъ, въ 15 ден. іюля того же года университету св. Владиміра.

Медико-топографическая и этнографическая работы д-ра де-ла-Флиза.

Докторъ де-ла-Флизъ былъ старшимъ врачемъ при государственныхъ имуществахъ кіевскаго округа. Дѣятельность его относится къ концу 40-хъ и началу 50-хъ годовъ. Сообразно съ занимаемой имъ должностью, онъ предпринималъ поѣздки по селамъ и деревнямъ ввѣреннаго ему округа съ цѣлью ознакомиться съ различными условіями жизни народа, такъ или иначе вліяющими на его здоровье и физическое развитіе.

Но какъ человѣкъ любознательный, да къ тому же иностранецъ, онъ не ограничился наблюденіями, относящимися только къ его спе-

[1]) Свѣдѣніе объ этихъ вещахъ сообщилъ комитету митрополитъ кіевскій Евгеній.

ціальности, а не преминулъ также ознакомиться вообще съ складомъ жизни, проявленіями духа, вѣрованіями, привычками и обычаями той народности, съ которой ему суждено было столкнуться; интересовался онъ также и мѣстными памятниками старины. Результатомъ его наблюденій явились двѣ работы, помѣченныя 1854 г. и оставшіяся въ рукописи: «Медико-топографическое описаніе государственныхъ имуществъ кіевскаго округа» (принадлежитъ А. М. Лазаревскому) и «Этнографическое описаніе крестьянъ кіевской губерніи...» (принадлежитъ церковно археологическому музею при кіевской духовной академіи). Въ этихъ работахъ де-ла-Флизъ свелъ весь тотъ матеріалъ, который онъ собралъ во время поѣздокъ по губерніи; матеріалъ этотъ является въ обработанномъ и приведенномъ въ систему видѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается его спеціальности какъ медика и, какъ намъ кажется, въ этомъ отношеніи его наблюденія и замѣчанія отчасти не потеряли своего значенія и въ настоящее время; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ затронуты другія стороны жизни народа, де-ла-Флизъ былъ только образованнымъ человѣкомъ, записывавшимъ все то, что, по его мнѣнію, заслуживало вниманія, обрисовывая съ той или другой стороны характеръ данной народности. Этимъ отсутствіемъ подготовки можно извинить нѣкоторую отрывочность и иногда неразборчивость въ выборѣ матеріала, которыя замѣчаются въ этнографическомъ и археологическомъ отдѣлахъ. Но несмотря на это, благодаря той добросовѣстности, съ какой собранъ матеріалъ, т. к. по словамъ де-ла-Флиза, онъ «лично обозрѣлъ съ конца въ конецъ всю губернію» и не пользовался никакими пособіями, благодаря той тщательности, съ какой сдѣланы многочисленные рисунки, наполняющіе обѣ работы, какъ этнографъ, такъ и археологъ могутъ найти въ нихъ много интереснаго и заслуживающаго вниманія.

Въ виду этого, мы постараемся сдѣлать здѣсь бѣглый очеркъ содержанія этихъ двухъ работъ, останавливаясь подольше тамъ, гдѣ это будетъ нужно.

«Медико-топографическое описаніе» составляетъ объемистый томъ in folio въ 1245 стр., полное заглавіе его слѣдующее: «Медико-топографическое описаніе государственныхъ имуществъ кіевскаго округа, съ изображеніями нѣкоторыхъ произведеній изъ царствъ растительнаго и животнаго, съ приложеніемъ статистики каждаго селенія съ видами, снятыми съ натуры, изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ и географической карты кіевскаго округа, составленное докторомъ медицины де-ла-Флизъ, императорской медико-хирурги-

ческой академіи медико-хирургомъ, членомъ императорскаго медицинскаго виленскаго и кіевскаго общества и проч., состоящимъ при кіевскихъ государственныхъ имуществахъ старшимъ врачемъ, надворнымъ совѣтникомъ. Кіевъ, 1854». Текстъ написанъ на двухъ языкахъ, французскомъ и русскомъ, и нужно сознаться, что въ послѣднемъ де-ла-Флизъ былъ не особенно силенъ.

Сочиненію этому предпослано предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ прежде всего о невозможности одному человѣку составить полную медицинскую топографію, затѣмъ намѣчаетъ вкратцѣ планъ, котораго онъ держался при описаніи, и заявляетъ при этомъ, что для достиженія цѣли не щадилъ ни труда, ни времени, ни издержекъ.

Все описаніе состоитъ изъ 3-хъ раздѣловъ. Раздѣлъ 1 начинается опредѣленіемъ пространства и раздѣленіемъ государственныхъ имуществъ кіевскаго округа въ уѣздахъ кіевскомъ, васильковскомъ и радомысльскомъ, затѣмъ идетъ: вѣдомость о числѣ ревизскихъ душъ по 9 народной переписи. Мѣстоположеніе (равнины, горы, воды, лѣса, почва и подпочва, климатъ и т. п). Естественныя произведенія,— здѣсь описаны царства ископаемое, растительное и животное; этотъ отдѣлъ иллюстрируется массой рисунковъ акварельными красками: къ растительному царству относится 61 изображеніе, тщательно и точно сдѣланное, различныхъ медицинскихъ растеній въ натуральную величину со всѣми деталями, затѣмъ къ животному царству— таблица рисунковъ раковинъ, 6 таблицъ съ прекрасно сдѣланными рисунками насѣкомыхъ, 3 таблицы пресмыкающихся, 5 таб. рыбъ, 18 таб. птицъ и 6 таб. мелкихъ млекопитающихся животныхъ.

Раздѣлъ II. О господствующихъ въ губерніи болѣзняхъ (перечисленіе эндемическихъ и эпидемическихъ болѣзней). О болѣзняхъ эндемическихъ (зависимость этихъ болѣзней отъ мѣстности и отъ пищи, отдѣльное описаніе симптомовъ каждой болѣзни). Причины эпидемическихъ болѣзней; какъ причины, вліяющія на развитіе болѣзней, авторомъ разсмотрѣны вопросы о жилищахъ, одѣяніи и обуви, пищѣ и питьѣ, о занятіяхъ крестьянъ.

Здѣсь бросается въ глаза разница между южной и сѣверной частью губерніи,—въ то время, какъ въ первой условія жизни довольно благопріятны для здоровья, въ послѣдней—наоборотъ, въ особенности это можно сказать по отношенію къ радомысльскому уѣзду. Между занятіями крестьянъ упоминается, какъ существующее, чумачество, въ Крымъ и на Донъ «по соль и рыбу». Далѣе авторомъ подробно разобранъ вопросъ, относящійся также къ причинамъ болѣзней, именно, о

вліяніи обычаевъ и привычекъ на болѣзни; между прочимъ, онъ указываетъ на сильную приверженность крестьянъ къ постамъ, несмотря даже на разрѣшеніе священника, что вредно отзывается на больныхъ и выздоравливающихъ; тутъ же авторъ говоритъ о значеніи священника въ селѣ, гдѣ онъ бываетъ иногда единственнымъ образованнымъ человѣкомъ, и о томъ, какъ желательны были бы по своимъ благимъ послѣдствіямъ нѣкоторыя медицинскія познанія у священниковъ.

Что касается степени смертности, то свѣдѣнія вообще неудовлетворительны; громадная смертность замѣчается между дѣтьми.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ перечислены и описаны эпидемическія и заразительныя болѣзни и ихъ причины. По поводу способовъ народнаго лѣченія де-ла-Флизъ говоритъ, что народъ вѣритъ въ заговоры и различныхъ шарлатановъ, разъѣзжающихъ по деревнямъ (еврейки, отставные солдаты и мужики, называемые татарами); средства, употребляемыя ими для лѣченія, не всегда безвредны, бываютъ очень сильны и въ большомъ употребленіи меркуріальныя, хотя де-ла-Флизъ замѣчаетъ, что въ послѣднее время вліяніе разныхъ знахарей уменьшается. Очень интересна глава «о средствахъ медицинскихъ туземныхъ кіевской губ., долженствующихъ быть употребляемыми въ лѣченіи болѣзней, когда нѣтъ фармацевтическихъ лѣкарствъ»; домашнія средства, надлежащимъ образомъ употребленныя, могутъ принесть большую пользу бѣдному населенію,—здѣсь описано больше 30 различныхъ продуктовъ (хлѣбъ, медъ, капуста, уголь, деготь и т. п.), находящихся въ каждомъ хозяйствѣ. Дальше разбираются свойства медицинскихъ растеній кіевск. губ., сюда же примыкаетъ описаніе процесса лѣченія мѣстными средствами каждой болѣзни изъ наиболѣе встрѣчающихся въ краѣ. Въ отдѣлѣ «полицейскія и медицинскія мѣры для устраненія эндемическихъ и эпидемическихъ болѣзней на будущее время» предлагается рядъ санитарныхъ и гигіеническихъ мѣръ.

Раздѣлъ III. О болѣзняхъ у рогатаго скота, овецъ и свиней—описаніе болѣзней, причины ихъ и лѣченіе.

Очень цѣнную часть труда составляетъ «Подробная статистика каждой деревни кіевскаго округа государственныхъ имуществъ, съ приложеніемъ видовъ всякой деревни, снятыхъ съ натуры, съ изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ всякаго общества».

Каждое село описано по опредѣленной программѣ, куда вошли приблизительно слѣдующія рубрики: число крестьянъ, классификація земли, горы, воды и ихъ качество, болота, лѣса, почва и подпочва

земли, произведенія земли, овощи, фрукты, домашнія и дикія животныя, рыбы, жилища, одежа и обувь. Виды, приложенные къ каждому селенію, довольно неудачны, почти безъ всякой перспективы, но все таки даютъ понятіе о мѣстности, изображенія же костюмовъ каждаго крестьянскаго общества, хотя и страдаютъ отсутствіемъ рисунка, но за то воспроизводятъ съ точностью покрой платья, головные уборы и узоры матерій и поэтому заслуживаютъ полнаго вниманія. При описаніи нѣкоторыхъ селъ помѣщены примѣчанія, въ которыхъ приводятся различныя мѣстныя преданія, извѣстія о находимыхъ древностяхъ и существующихъ памятникахъ старины. Мы приводимъ здѣсь болѣе интересныя изъ нихъ.

Кіевскій уѣздъ.

С. Хотовъ. Около селенія находится древній валъ длиною 6 верстъ.

С. Рославичи. На самой большой горѣ находится древняя крѣпость; по разсказамъ старожиловъ, она построена татарами и тамъ держали плѣнныхъ.

С. Великіе-Дмитровичи. На горѣ Замокъ находится древняя крѣпость.

Д. Старые Безрадичи. На горѣ Замковой былъ въ древнее время замокъ окруженный валами. Находится высокая могила, называемая Выкровка. На горѣ Острица есть древній редутъ, а близко возлѣ ней большая могила, называемая Росконана. Подъ сіею горою течетъ рѣчка Стугна, а въ 1789 г. былъ мостъ и рогатка, гдѣ стоялъ караулъ, потому что была граница между Малою Россіею и Польшей.

С. Новые Безрадичи. Находится около селенія 4 могилы, изъ которыхъ двѣ большія. Говорятъ старожилы, что онѣ были насыпаны татарами.

М. Триполье. Отъ старожиловъ я слышалъ, что въ древнее время на горѣ Дѣвичей князь Владиміръ приказалъ построить редуты и содержалъ тамъ караулъ. Въ 1834 г. нашли въ землѣ кости мамонта. Въ 1841 г. одинъ крестьянинъ нашелъ на огородѣ одну глиняную древнюю урну съ пепеломъ.

С. Витачевъ. На горѣ Городище находятся слѣды, что въ древнее время былъ городокъ и крѣпость, равно и на горѣ Замковой виденъ большой валъ.

С. Халепье. На горѣ Жолнировкѣ находится пещера. Говорятъ, что въ древнее время на ней стояли солдаты противъ татаръ и что на горѣ Острица стоялъ русскій редутъ 70 лѣтъ назадъ противъ поляковъ.

С. Щучинка. На горѣ Сырогоніевка есть большая могила и древняя крѣпость, а на горѣ Шибиница, по разсказамъ старожиловъ, въ древнее время стояла висѣлица.

С. Черняховъ. Находится на горѣ Замковичи древній замокъ и валы. Въ 1830 г. крестьянинъ Тимофей Пащенко нашелъ на сей горѣ, на 2-хъ аршинной глубинѣ, кости человѣка и лошади, а также стремена, узду желѣзныя и 20 мѣдныхъ копій.

С. Веремье. Около селенія находится три большія могилы, изъ которыхъ одна называется Сторожевая.

Д. Новоселица. Около деревни находится 5 могилъ, изъ нихъ одна называется Довга.

М. Обуховъ. На горѣ Городокъ находится древняя крѣпость и пещеры. Около м. Обухова находятся 4 большія могилы, названіе коихъ: 1-я Кипятшевская, 2 ая—Куликова, 3-яя—Буртова, 4-ая—Могилянской городокъ; на сей послѣдней, по разсказамъ старожиловъ, была во .... лѣтъ тому назадъ граница польская и на ней стояли польскіе объѣздчики.

С. Великая Бугаевка. Находится около сего селенія древняя крѣпость круглая, называемая Городокъ, которая имѣетъ въ ширину 60 саженей, посреди ея вымощено кирпичемъ въ 3 аршина глубины, около ней течетъ рѣчка Устья. На горѣ, гдѣ церковь, находятся древніе валы и редуты, есть и теперь пещера, въ которой, говорятъ старожилы, во время нападеній татаръ жители хоронили свои имущества. Въ 1835 г. около плотины крестьяне нашли кости мамонта.

Слобода Копачева. Около сей слободы находится три большія могилы. Въ 1833 г. нашли въ землѣ, на аршинной глубинѣ, кости мамонта.

С. Лисянскій Скитокъ. Документы церковные доносятъ, что въ 1679 г. въ семъ селеніи былъ монастырь грекороссійской и возлѣ церкви погребенъ епископъ православной Захарій Корниловичъ. При церкви находится памятникъ 1667 г. рукописный, въ которомъ упоминается о чумѣ, свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ, отъ коей умерло 10,000 душъ, а также о саранчѣ.

М. Бѣлогородка. Въ 1846 г. нашли въ р. Бочалкѣ древній бронзовый колоколъ.

С. Вышгородъ. Селеніе Вышгородъ есть древнее мѣсто. Около селенія между горами находятся три могилы, называемыя: 1-ая—Песчана, 2-ая—Баравенъ, 3-яя—Крещата.

С. Лютежъ. При селеніи видны слѣды лагеря и урочище, называемое Туровщиною, гдѣ, по разсказамъ старожиловъ, въ древнее время стояли турки (?) во время нашествія Батыя.

Д. Борки. Въ полуверстѣ отъ д. Борки и с. Лютежъ есть урочище, называемое Холмъ или Маслаевъ, гдѣ въ древнее время былъ городъ Маслаевъ. Изъ этого Холма была дорога до помѣщичьяго имѣнія Демидова, близь котораго находится околъ 100 могилъ, оставшіяся, вѣроятно, отъ нашествія татаръ, какъ говорятъ старожилы.

Хуторъ Гута (Старо-Петровск. об). На берегу рѣки Ирпень находится древній редутъ.

Радомысльскій уѣздъ.

Д. Кабаны. Одинъ крестьянинъ, Иванъ Осипенко, имѣетъ 104 года.

Д. Раденка. Въ двухъ верстахъ отъ деревни находится древняя крѣпость, называемая Орище Городище, длиной и шириной въ 125 саж., съ редутами вышиной 3 саж.

Д. Хотиновка. Около деревни Хотиновки находится могила высотой 3 саж., называемая Пудыванка.

М. Рожевъ. Около мѣстечка находится большая могила въ 4 саж., называемая Шушковка.

С. Ситняки. Около селенія находится могила вышиною въ 4 саж, называемая Семенцова. При описаніи селъ этого уѣзда помѣщенъ (на 916 стр.) интересный рисунокъ, изображающій какъ „бортники лазятъ по соснамъ для собиранія изъ бортей меда“.

Васильковскій уѣздъ.

С. Черногородка. Въ этомъ селѣ находится древняя крѣпость и большой валъ.

С. Кодлубица. (?) Въ полѣ находится 10 большихъ древнихъ могилъ.

С. Снигировка. На грунтѣ сей деревни находятся двѣ древніе могилы, называемыя Сторожевыя.

Д. Фастовецъ. Около этой деревни въ 4-хъ верстахъ находится древній курганъ высокій, называемый Перепетъ, гдѣ въ 1846 г. произведены разысканія временною коммиссіею для открытія древностей и актовъ, высочайше утвержденною при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ.

С. Плисецкое. Находится древняя крѣпость, окруженная водою; говорятъ старожилы, что она выстроена татарами. Близь селенія есть валъ, называемый Зміевъ валъ, который продолжается на 20 верстъ.

Г. Васильковъ. Находятся древнія батареи и редуты на горѣ Батареи и Соборной.

С. Ольшанка. Находятся три могилы, одна называется Дзюбина, другая Терещенкова, а третья Потапова.

С. Тростинка. Около селенія 3 могилы: Погребака, Хмилика и Вахнова.

С. Барахты. На полѣ, недалеко отъ селенія, находится огромный валъ, вышиною въ 8 саж., который продолжается отъ с. Барахты до с. Ольшанки съ востока на западъ, на пространствѣ $^{1}/_{4}$ версты.

Между статистическими описаніями селъ помѣщено 15 рисунковъ костюмовъ мужчинъ и женщинъ сельскихъ обществъ кіевскаго, радомысльскаго и васильковскаго уѣздовъ. Рисунки эти очень интересны и единственны въ своемъ родѣ, т. к. за послѣднее время мѣстный костюмъ все больше и больше обезображивается различными пародіями на городское платье и возстановить его въ первоначальномъ видѣ дѣлается довольно затруднительнымъ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ желаніи помочь, облегчить чѣмъ нибудь участь темнаго люда, которое проглядываетъ тамъ, гдѣ дѣло касается нуждъ мѣстнаго населенія и которое де-ла-Флизъ выразилъ въ изреченіи Ж. Ж. Руссо, поставивши его въ видѣ эпиграфа къ «Медико-топографическому описанію», именно: «Если невозможно, чтобы люди были всѣ счастливы, надо стараться сколько возможно уменьшить число несчастныхъ».

«Этнографическія описанія крестьянъ кіевской губерніи, а въ особенности состоящихъ въ государственныхъ имуществахъ и разные мѣстные историческіе памятники, древности и рисунки» составляютъ альбомъ въ 154 стр., также въ листъ. Матеріалъ, собранный въ этой работѣ, относится къ этнографіи, исторіи и археологіи.

Этнографическій отдѣлъ наиболѣе обширный; нельзя отрицать, что многаго въ немъ недостаетъ, многое составлено поверхностно и

есть кое что лишнее, но извиненіемъ могутъ служить неподготовленность автора, его единичныя силы и недостатокъ средствъ. Конечно, послѣдующія работы по мѣстной этнографіи далеко оставили за собой трудъ де-ла-Флиза, но несмотря на это, кое что изъ него можетъ еще пригодиться, въ особенности большое значеніе имѣютъ рисунки, наполняющіе этотъ отдѣлъ.

Нѣсколько документовъ, описаній замѣчательныхъ мѣстностей и памятниковъ составляютъ небольшой историческій отдѣлъ.—Множество рисунковъ различныхъ древностей, найденныхъ въ кіевской губ., съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ онѣ найдены или гдѣ находятся, древностей, въ большинствѣ случаевъ еще не описанныхъ, придаютъ археологическому отдѣлу большой интересъ. Эти три вышеназванные отдѣла не строго разграничены и поэтому, для удобства оріентировки, при передачѣ содержанія работы, мы будемъ держаться того порядка, въ какомъ слѣдуетъ одна статья за другой, не разбивая матеріаловъ по отдѣламъ. «Этнографическія описанія» начинаются статьей о физическомъ строеніи тѣла жителей кіевск. губ.; различіе жителей южной части губерніи отъ жителей мѣстъ, лежащихъ выше Кіева; въ характерѣ народа авторъ замѣтилъ лѣнь, отсутствіе предпріимчивости и неохоту къ промысламъ (кромѣ чумачества).

Далѣе, въ отдѣлѣ «языкъ», приводится нѣсколько особенностей въ произношеніи; различіе привѣтствій къ кіевской и волынской губ.; приведены также чисто мѣстныя поговорки, напр. въ сквирскомъ и другихъ уѣздахъ говорятъ «хтось мокне» при пожарѣ, если кто солгалъ—«москаля пидвизъ», если былъ пьянъ—«бувъ надъ чаркою» или «мовъ въ чуби», если у кого случаются крестины или похороны, то говорятъ: «винъ мае оказію» и др.

Домашній бытъ. Описаніе крестьянскихъ жилищъ какъ въ южной, такъ и въ сѣверной части губерніи; въ этой послѣдней въ избахъ обращаетъ на себе вниманіе «бовдуръ» (труба изъ побѣленнаго холста, она спускается съ потолка, въ которомъ продѣлана дыра, внизу къ трубѣ придѣлана рѣшетка, куда вставляется лучина; труба эта служитъ также для вентиляціи). Курныя избы встрѣчаются уже рѣдко. Говоря о внутреннемъ устройствѣ жилищъ, де-ла-Флизъ упоминаетъ о гостепріимности мѣстнаго населенія, символомъ чего служитъ хлѣбъ и соль, всегда лежащіе на столѣ и предлагаемые всякому; мебели почти нѣтъ, посуда простая, но ближе къ городамъ встрѣчается фаянсовая и стеклянная; нечистотой отличаются избы радомысльскаго уѣзд.; сюда же приложены планы крестьянскихъ домовъ

съ усадьбами на одно семейство и на два, живущія вмѣстѣ, а также рисунки, изображающіе наружный видъ крестьянскихъ избъ въ кіевскомъ, васильковскомъ и др. южныхъ уѣздахъ съ одной стороны и въ уѣздахъ радомысльскомъ, овручскомъ и проч. съ другой; такимъ же образомъ раздѣлены виды внутренности избъ. За описаніемъ жилищъ идетъ одѣяніе и обувь; общій очеркъ мужскаго платья (здѣсь интересенъ костюмъ жителей кіевскаго Полѣсья, который, какъ намъ кажется, сохранился въ чистомъ видѣ отъ глубокой древности, въ особенности интересны кожаные пояса съ мѣдными пряжками и футлярами для ножика, огнива, кремня и губки); очень вредно вліяютъ на здоровье лапти, которые впродолженіи круглаго года составляютъ единственную обувь жителей Полѣсья. Что касается женскаго костюма, то тутъ замѣчается громадное разнообразіе въ повязываніи головы; между платьемъ интересны кофты зеленаго цвѣта съ множествомъ пришитыхъ клочковъ красной шерсти, бывшія въ употребленіи въ общ. обуховскомъ, петропавловскомъ и фастовскомъ кіевск. уѣзд. и, кажется, теперь уже не встрѣчающіяся; замѣчена щеголеватость костюма въ южной части губ. сравнительно съ сѣверной. Къ статьѣ объ одѣяніи и обуви относятся рисунки, въ которыхъ собраны въ группы изображенія костюмовъ крестьянъ различныхъ обществъ, помѣщенныя въ первой работѣ; въ каждую группу входитъ нѣсколько соприкасающихся между собою обществъ. Не говоря уже о той точности и тщательности, съ какой воспроизведены костюмы, нужно замѣтить, что даже и лица иногда очень типичны. Три листа рисунковъ обнимаютъ собою южную часть губерніи, по физіономіямъ и одеждѣ крестьянъ можно судить о сравнительномъ достаткѣ ихъ, но за то довольно грустное впечатлѣніе остается, если взглянуть на четвертую таблицу, гдѣ изображены крестьяне радомысльск. уѣзда въ ихъ оригинальныхъ суконныхъ шапкахъ, обшитыхъ шнурками; всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины въ лаптяхъ, лица у нихъ изможденныя, тулупы оборванные, въ заплатахъ.

О пищѣ и питьѣ: общій очеркъ, вредъ рожковъ, ростущихъ на хлѣбѣ, и блекоты въ просѣ; квасъ не употребляется; пьянство развито. Разные обычаи: обычаи при началѣ и окончаніи полевыхъ работъ; значеніе понедѣльника; день св. Георгія, завитка, свиваніе вѣнковъ послѣ жатвы. Обычай при закладываніи дома насыпать на предполагаемомъ мѣстѣ постройки кучки ржи въ четырехъ мѣстахъ и, если рожь на другой день окажется нетронутой, то мѣсто благопріятно для постройки, если же тронуто, то выбираютъ другое. Выдѣлка дегтя

и смолы сопровождается слѣдующими обрядностями: по четыремъ сторонамъ громаднаго костра, сложеннаго надъ ямой, становятся четыре работника съ зажженными факелами, а одинъ изъ рабочихъ, называемый отаманомъ, съ завязанной полотенцемъ головой съ хлѣбомъ и солью обходитъ три раза костеръ и кладетъ по четыремъ сторонамъ его по нѣсколько поклоновъ, затѣмъ вбѣгаетъ на вершину костра и становится лицомъ къ востоку, держа въ рукахъ хлѣбъ и соль, въ этотъ моментъ рабочіе зажигаютъ факелами костеръ; отаманъ стоитъ на вершинѣ сколько возможно долѣе, послѣ сбѣгаетъ внизъ и «puis les ouvriers se versent de l'eau de vie, et ils appellent ce régal mogoritch». Крестьяне вѣрятъ въ возможность прекратить пожаръ посредствомъ заговора; не тушатъ пожаровъ, причиненныхъ молніей, такъ какъ считаютъ это волей Божіей. Обычай при засухѣ: святятъ колодцы, закапываютъ въ землю живаго рака, утверждая, что ракъ до 13 дней будетъ живъ и выпроситъ у Бога дождь, льютъ на могилу утопленника воду, если въ одномъ селѣ дождь шелъ нѣсколько разъ, а въ другомъ нѣтъ, то объясняютъ это присутствіемъ вѣдьмы. При падежѣ скота: пускаютъ кровь, посыпаютъ загоны освященнымъ макомъ, окуриваютъ разнымъ зельемъ, заговариваютъ словами. Чтобы не впустить въ село заразу, ставятъ при въѣздѣ небольшой осиновый крестъ, тоже и при холерѣ.

Народное лѣченіе: эпидемическія болѣзни объясняются хожденіемъ страшилища, другія причины болѣзней: пристритъ и данье; вѣра въ знахарокъ и знахарей.

Свадебные обряды: описаніе сговора и свадьбы въ южной части кіевск. губ., приведены различные обычаи, пѣсни и припѣвы.

Украинскіе пѣсни: помѣщено 5 пѣсенъ, безъ обозначенія, гдѣ онѣ поются и отъ кого записаны; вотъ начальные куплеты этихъ пѣсенъ:

1. Безъ заглавія.

Пишовъ я разъ на улыцю
И теперъ вже каюсь,
Улюбывся у дивчыну
Що во сни жахаюсь.

2. «Тытяна».

Съ того часу, якъ женывся,
Я николы ны журывся;
Ой чукъ Тытяна,
Чорнобрыва, кохана!

3. «Служывый».

Ой служывый, ой служывый!
Не тоби пытаты,
И я жинка ны такая,
Шобъ все росказаты.

4. Безъ заглавія.

Ой Зіймко, Зіймко та два мисяци ясны,
Ой мандровалы два козаченькы красны
И мандруючы съ тыха говорылы,
Соби молоду дивчыну пидмовылы.

5. «Старинная народная пѣсня украинцевъ о Мазепѣ».

Ой съ пидъ нызу, та съ пидъ Лымапу
То витеръ повивае,
Тамъ Мазепа Палія Семена
На охоту й вызывае.

Тутъ же приведена музыка пѣсенъ «Служывый» и «Тытяна».

За пѣснями слѣдуетъ два рисунка; на первомъ изображены танцы крестьянъ кіевскаго и васильковск. уѣздовъ: въ кругѣ, составленномъ публикой и музыкантами, два «парубка» отплясываютъ козачка; на другомъ рисункѣ взятъ тотъ моментъ изъ свадьбы, когда жениха, идущаго къ невѣстѣ, встрѣчаетъ мать невѣсты съ хлѣбомъ и солью, одѣтая въ вывороченный на изнанку тулупъ (также въ васильков. уѣзд.).

Крестины; похороны, здѣсь очень интересенъ обычай, о которомъ есть упоминанія и въ нашей лѣтописи, именно, въ радомысльскомъ уѣздѣ тѣло покойника везутъ на кладбище лѣтомъ на саняхъ (дальше помѣщенъ и рисунокъ такого погребальнаго шествія), тутъ же приведено нѣсколько другихъ обычаевъ по отношенію къ покойнику и похоронамъ.

Далѣе идутъ: «примѣрный разсчетъ жизненныхъ средствъ, приходящихся на крестьянское семейство», «главнѣйшія занятія крестьянъ (хлѣбопашество, огородничество и разные сельскіе промыслы»).

Народныя увеселенія: этотъ небольшой отдѣлъ начинается довольно печально: «крестьяне сей губерніи вообще не любятъ игръ и увеселеній, принятыхъ въ обыкновеніе въ другихъ мѣстахъ; самое большее ихъ удовольствіе есть быть въ бездѣйствіи или пьянствовать», затѣмъ сказано нѣсколько общихъ фразъ объ играхъ и музыкѣ. Не многосложна также и слѣдующая глава: особенности общественнаго быта крестьянъ. Умственныя и нравственныя способности и образованіе крестьянъ; въ общихъ чертахъ перечислены особенности характера мѣстнаго населенія, грамотность мало развита, значеніе священника, привязанность къ родинѣ (какъ примѣръ такой привязанности приводится разсказъ «стариннаго служивца», возвратившагося на родныя мѣста послѣ долгихъ странствованій).

Народныя преданія: происхожденіе Змієваго вала—слѣдъ отъ громаднаго змія, пожиравшаго дѣтей, кузнецъ Грыцько, раскаливъ желѣзо, поднесъ змію, тотъ, думая, что это ребенокъ, проглотилъ его и издохъ. Преданіе о разбойникѣ Мамаѣ, во многихъ малороссійскихъ домахъ находятся изображенія разбойника; одно изъ нихъ и воспроизведено де-ла-Флизомъ: Мамай въ полномъ вооруженіи сидитъ подъ дубомъ, поджавши по турецки ноги, въ рукахъ у него бандура, изображенъ онъ поющимъ, подлѣ сидитъ собака, слѣва къ дереву привязанъ осѣдланный конь, справа повѣшенъ за ноги какой то человѣкъ. Подъ изображеніемъ находятся стихи, вѣроятно, не совсѣмъ точно переданные:

Хоть на мене и дывыся, то не угадаешъ
Якъ зовуть и видкиль родомъ
И якъ прозываюгь, не чычыркъ не знаешъ.
Колы трапылось кому у степахъ буваты,
То той можетъ мое прозвыще угадаты;
Жыдъ зъ биды за ридного батька почытае,
А ляхва дурно мылостывымъ добродіемъ называе;
А ты якъ хочешъ, то такъ мене называй,
Абы лышъ не крамаромъ.

За изображеніемъ Мамая помѣщенъ Мамаевъ дубъ, срисованный съ натуры. Дубъ этотъ находится возлѣ д. Херсонки чигиринск. уѣзда; толщиной онъ 3⅓ арш. при раздѣленіи вѣтвей, и, по словамъ старожиловъ, уже около ста лѣтъ безъ листьевъ. Подъ этимъ дубомъ, какъ говоритъ преданіе, Мамай дѣлалъ привалы, вѣшалъ на немъ поляковъ и жидовъ и, наконецъ, былъ самъ повѣшенъ.

Послѣ этого приводятся различныя выписки изъ историческихъ документовъ, подписи на евангеліяхъ, надписи къ иконамъ и т. п. Такъ, изъ рукописнаго памятника 1667 г., находящагося въ Скитовской церкви васильковск. у., взято повѣствованіе о моровомъ повѣтріи и саранчѣ, бывшихъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ въ 1701 г., затѣмъ помѣщена надпись на евангеліи, пожертвованномъ въ церковь м. Стаекъ запорожскими козаками Михаиломъ Жилиломъ (?) и Семеномъ Щумакомъ 1627 г. Далѣе идетъ «О селеніи Бѣлогородкѣ краткое историческое свѣдѣніе», тутъ же помѣщены рисунки двухъ колоколовъ изъ Бѣлогородки, одного съ древней славянской надписью, другаго—латинской, найденнаго въ р. Бочалкѣ въ 1846 г. Сказаніе о Вышгородѣ; изъ рукописнаго евангелія 1699 г. вышгородской церкви, написаннаго дьякомъ Жукомъ, приводится посвященіе кіевскому полковнику Константину Мокіевскому, рисунокъ его герба и стихи подъ этимъ гербомъ. Изъ надписей подъ иконами скопированы двѣ, находящіяся въ церкви с. Лютежа кіевск. у. при иконахъ Спасителя и Богоматери. Въ заключеніе помѣщенъ послѣдній остатокъ изъ «книги глаголемой акаѳисты» лаврской печати начала прошлаго вѣка, данной въ 1769 г. Сидоромъ Гречкою въ церковь с. Субботова чигирин. уѣз. Археологическій отдѣлъ состоитъ исключительно изъ рисунковъ; двѣ таблицы занимаютъ снимки съ древнихъ образковъ, найденныхъ въ кіевской губ., одну таблицу различныя драгоцѣнныя вещи: привѣски, серги, браслеты, перстни, 4 таблицы—древнее оружіе каменное, бронзовое и желѣзное; затѣмъ помѣщенъ снимокъ съ знамени малороссійскаго переяславскаго полка средины прошлаго вѣка, сохранив-

шагося въ арсеналѣ князя Воронцова въ м. Мошнахъ черкасскаго у.; за знаменемъ слѣдуетъ древняя рыцарская шпора, найденная въ 1848 г. въ м. Романовкѣ сквирск. у. Очень интересны снимки съ портретовъ Богдана Хмельницкаго и Мазепы; портретъ перваго находился въ Медвѣдовскомъ монастырѣ чигиринскаго у., а второй снятъ съ ветхаго портрета, находившагося въ монастырѣ дер. Монастырки возлѣ м. Лисянки звенигородск. у. Изъ памятниковъ зодчества мѣстнаго края находятся: церковь въ с. Субботовѣ, выстроенная Богданомъ Хмельницкимъ, внутреній видъ и планъ этой церкви, рисунки каменнаго оригинальной формы креста, возлѣ субботовской церкви и камня («менгирь» въ доисторической археологіи) вышиною въ 10 футовъ, стоящаго на улицѣ с. Субботова; церковь, построенная въ 1830 г. княземъ Воронцовымъ въ м. Мошнахъ черкасск. у.; мошногорскій Свято-Вознесенскій монастырь; медвѣдскій Николаевскій монастырь и наконецъ «Святославова башня», выстроенная на горѣ у мошногорскаго монастыря на томъ будто бы мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ печенѣгами Святославъ, когда возвращался изъ Болгаріи. На предпослѣдней таблицѣ изображены древнія глиняныя урны изъ кіевск. губ.; послѣдняя таблица занята картиной, изображающей смерть князя Потемкина.

Таково содержаніе работъ д-ра де-ла-Флиза.

Въ виду того, что у насъ не имѣется никакихъ біографическихъ свѣдѣній, относящихся къ личности де-ла-Флиза, желательно было бы, чтобы лица, обладающія таковыми, сообщили ихъ, т. к. онѣ касаются человѣка, потрудившагося по мѣрѣ силъ своихъ на пользу того края, въ которомъ ему пришлось жить и съ народомъ котораго случилось войти въ близкія сношенія.

Н. Б.

Церковная старина пирятинскаго уѣзда.

Изъ осмотрѣнныхъ нами 15 церквей пирятинскаго уѣзда, каменныхъ только четыре (одна городская); онѣ построены въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Архитектура всѣхъ церквей можетъ быть сведена къ слѣдующимъ формамъ: круглая, овальная, крестообразная и въ видѣ продолговатаго четыреугольника. Крестобразная форма преобладаетъ въ церквахъ, построенныхъ въ прошломъ стол., овальная и круглая—въ началѣ нынѣшняго, а четыреугольная (обыкновенно совмѣстно съ колокольней)—новѣйшей архитектуры.

Церкви, существовавшія въ прошломъ ст. и началѣ нынѣшняго, отличались вообще простотою отдѣлки и дешевизною матеріала. Уже то обстоятельство, что по описямъ церквей 1827 г. ни одна церковь, построенная въ прошломъ ст., не была каменной, говоритъ въ пользу того, что дешевизна матеріала при постройкахъ была очень важна. По тѣмъ же церковнымъ описямъ всѣ храмы, даже и въ началѣ текущаго ст., покрыты досками, кромѣ главнаго «кумпола», крытаго желѣзомъ. Нѣкоторыя церкви (с. Зарѣчья, повстинская и др.) стояли на дубовыхъ подвалахъ, вмѣсто фундамента, и были обнесены плетнями или запросто—рвомъ. Церковь с. Кейбаловки и теперь съ двухъ сторонъ обнесена плетнемъ, а съ двухъ—рвомъ.

Кѣмъ строились церкви? Главнымъ образомъ прихожанами крестьянами и помѣщиками, если можно назвать послѣднимъ именемъ тѣхъ лицъ, которыя владѣли большими земельными участками.

Мы можемъ до нѣкоторой степени отвѣтить на вопросъ, какъ строились прежде сельскія церкви по бывшимъ у насъ въ рукахъ приходо-расходнымъ книгамъ малютинской церкви за 1758 г. Въ 1760 г. строилась колокольня въ с. Малютинцахъ. Ктиторъ (староста церковный) самъ закупаетъ дерево, доски, гвозди на деньги, собранныя съ прихожанъ, слѣдитъ за постройкой, «харчуетъ» работниковъ, покупая на деньги церковныя или прошенныя непремѣнно горѣлку [1]), мясо, рыбу, приварокъ. Рабочіе, смотря по надобности, набирались и изъ мѣстнаго элемента. Такъ, въ с. Алексѣевкѣ и до сихъ поръ разсказываютъ, что при постройкѣ церкви—а она, по преданію, была перенесена изъ Пирятина въ 1770-хъ гг.—работали исключительно мѣстные плотники.

Обращая далѣе вниманіе на выдающіеся остатки прежняго въ храмахъ уѣзда, отмѣтимъ прежде всего иконостасы. Они, судя по уцѣлѣвшимъ кое гдѣ и до сей поры, а также по церковнымъ описямъ,—въ XVIII ст. обыкновенно строились въ четыре яруса; по крайней мѣрѣ ни въ одной церкви, изъ осмотрѣнныхъ нами,—по описямъ—инаго иконостаса не было. Въ началѣ текущаго вѣка уже замѣтно отступленіе отъ такого правила: въ городищенской церкви, помѣщичьей постройки, иконостаса совсѣмъ нѣтъ, вмѣсто него громадныя намѣстныя иконы, надъ вратами тайная вечеря, сверху крестъ. То же и въ церкви села Кулажинецъ.—Постройка иконостасовъ велась почти такъ, какъ постройка храмовъ: хозяйственная часть

[1]) Въ 1760 „вѣдерко“ горѣлки стоило 55 коп.

лежала на ктиторѣ, тогда какъ строительная часть, а также письмо иконъ производились рабочими мѣстныхъ мастерскихъ. Такъ, въ Пирятинѣ въ 60-хъ годахъ прошлаго ст. было нѣчто въ родѣ иконописной мастерской, которой завѣдывалъ городовой козакъ Никита Квѣтницкій, именуемый въ архивныхъ бумагахъ «маляромъ». По преданію, и въ началѣ нынѣшняго ст. въ Пирятинѣ славилась мастерская Кошеваго. Иконы его работы сохранились и теперь въ церкви с. Зарѣчья, и своею грандіозностью (напр., проповѣдь Іоанна Кр. въ пустынѣ) и чистотою отдѣлки замѣтно выдѣляются изъ иконъ новѣйшаго письма.

Цѣнность иконостасовъ и прежде не была незначительна: въ 1756 году за письмо однѣхъ иконъ въ малютинскую церковь уплочено 73 р.; если принять во вниманіе матеріалъ для иконостаса, его работу, провіантъ для рабочихъ—затраты на иконостасъ могли доходить до солидныхъ цифръ.

По чистотѣ, оригинальности и цѣльности иконостасъ въ церкви с. Алексѣевки долженъ скорѣе всего обратить на себя вниманіе интересующагося иконописною живописью прошлаго вѣка. Онъ начатъ въ 1768 и оконченъ въ 1777-мъ г. иконописцемъ Сорочинскимъ («полскій вроженецъ»). Къ сожалѣнію, иконостасу грозитъ уничтоженіе: въ Алексѣевкѣ думаютъ строить новую церковь; иконостасъ понизятъ, ибо онъ очень высокъ. Если это случится, погибнетъ памятникъ прежняго и съ нимъ слѣды выработаннаго вѣками стиля живописи, орнаментовъ и формы устройства иконостасовъ прошлаго вѣка.

Иконы въ прошломъ ст. зачастую «надавались» въ церкви прихожанами «за отпущеніе грѣховъ». Въ нынѣшнемъ такое жертвованіе рѣдко, но нѣчто похожее на прежнюю жертву можно встрѣтить и теперь. Такъ, въ Митченкахъ на стѣнахъ храма очень топорно расписаны изображенія святыхъ. Какъ сообщалъ намъ мѣстный священникъ, изображенія эти писались на счетъ того или другаго прихожанина, которые во время богослуженій обыкновенно и молятся у «своей» иконы. Что до иконной живописи, то она иногда бываетъ своеобразна (Ecce Homo въ церкви с. Харьковецъ); въ кулажинской церкви попадаются маленькія иконы, на коихъ изображенъ символъ вѣры—по членамъ—въ лицахъ. Еще фантастичнѣе икона Распятія въ церкви с. Алексѣевки. Писавшій эту икону изображаетъ близъ распятаго Спасителя вмѣсто библейскаго сотника—малоросса. Въ длинномъ, красномъ жупанѣ стоитъ сотникъ у распятаго Спасителя съ

обнаженной головой, съ сосредоточеннымъ взглядомъ, съ благоговѣйно сложенными руками. Взглядъ его будто скорбитъ о томъ, что люди во имя зла творятъ такія дѣла, какъ распятіе праведника.... Бритая борода, большіе усы, бритая голова, «чубъ», лихо закинутый за ухо—дополняютъ обликъ сотника-малоросса. Обшлага, стёжка, воротъ въ жупанѣ зеленаго цвѣта; нижняя одежда также зеленаго цвѣта и длинна. Сапоги красные, остроконечные, такъ наз. «сапьянци». На иконахъ сверхъ датъ, обозначающихъ время жертвованія, имя жертвователя, встрѣчаются зачастую риѳмованныя изліянія чувствъ и помысловъ неизвѣстныхъ автровъ, сообразно содержанію иконы. Стихъ такихъ изліяній тяжелый, силлабическій; поэзіи мало.

Кажется, здѣсь умѣстно указать на такой обычай, наблюдаемый нами въ сс. Зарѣчьѣ, Повстинѣ, Деймановкѣ, да и вообще въ Малороссіи: если у кого разболятся глаза, руки, ноги или грудь, тотъ обыкновенно на жестяной, (или серебряной, смотря по средствамъ) дощечкѣ выбиваетъ изображеніе больной части тѣла; такая «привѣска», часто съ надписью, привѣшивается у намѣстной иконы. Въ с. Ржавцѣ прилуцкаго у. мы видѣли у образа чудотворной иконы Божіей Матери на серебряной пластинкѣ выбитое *сердце*. Пластинка оказалась даромъ одной игуменіи изъ сосѣдней губерніи.

По части церковной утвари и одеждъ соберемъ отрывочныя наши наблюденія. Чаши встрѣчаются въ церквахъ уѣзда слѣдующія. Деревянная чаша въ с. Кейбаловкѣ. Отъ времени она уже почернѣла, но еще виднѣются какіе то орнаменты въ видѣ изогнутыхъ линій, расписанныхъ красной краской. Высота чаши съ постаментомъ 4 вершка, діаметръ—2 вершка. Оловянная—тамъ же, такая же. Что до серебряныхъ чашъ, то онѣ встрѣчаются очень часто и относятся главнымъ образомъ къ половинѣ прошлаго стол. Укажемъ для примѣра на большую серебряную чашу въ церкви с. Малютинецъ, «наданную» паномъ Тихоновичемъ.

Достойны вниманія изъ церковной утвари напрестольные кресты, уцѣлѣвшіе въ церквахъ сс. Кулажинецъ и Каплинецъ. Крестъ храма въ с. Каплинцахъ (оловянный) по отчетливости барельефныхъ изображеній распятія Спасителя, женъ мироносицъ и т. под. и изящности узорчатыхъ украшеній могъ бы быть интереснымъ и для церковно-археологическаго музея. Упомянемъ еще о хранящихся въ деймановской церкви вѣнцахъ изъ листоваго желѣза. Они имѣютъ видъ круглой скобы (высота $1^1/_2$ вершка; поперечникъ вѣнцовъ—4 вершка) съ квадратной пластинкой надъ скобой спереди; на этой пластинкѣ

до нижняго обода скобы изображенъ Спаситель со скипетромъ и державой въ рукахъ. У верхняго обода вѣнцовъ расписано ломанной линіей нѣчто въ родѣ зубцовъ короны.

Матеріалъ для церковныхъ одеждъ въ XVIII ст. обыкновенно былъ: парча, атласъ, парусина, полотно. Ризы шились изъ парчи, атласа и парусины, изъ полотна шились по преимуществу подризники, которыхъ и теперь почти въ каждой церкви по нѣсколько; подолъ такихъ подризниковъ расшивался красной бумагой, шелкомъ, иногда и золотомъ. Расшивались всевозможныхъ видовъ листья и цвѣты.

По приходорасходнымъ книгамъ городищенской церкви (начала текущаго ст.) опредѣляется стоимость ризъ такимъ образомъ. Матеріалъ купленъ въ «пирятинскому ярмонки», шитье производилось въ Пирятинѣ же (50 к. за пару ризъ); израсходовано всего 22 р. 50 к.

Укажемъ на нѣкоторыя ризы, хранящіяся въ церквахъ І-го благочинія. Такъ наз. *запорожскія* въ малютинской церкви. Изъ нихъ уцѣлѣли одни оплечья. Запорожскими названы потому, что подарены, по преданію, въ церковь запорожцами, при чемъ, будто, сдѣланы изъ ткани, награбленой въ Константинополѣ. Оплечье ризъ шелковое желтаго цвѣта съ голубыми и зелеными цвѣтами,—нѣчто въ родѣ розъ. Листья цвѣтовъ затканы серебромъ.

Особенно интересны ризы въ пирятинской соборной церкви, подаренныя полковникомъ Леонтіемъ Свѣчкой († 1699 г.). Онѣ теперь реставрированы, но сохранились замѣчательныя изображенія святыхъ на оплечьяхъ, шитыя серебромъ. На оплечьѣ первыхъ ризъ изображено положеніе Спасителя во гробъ. Лики Спасителя, трехъ ангеловъ и учениковъ Спасителя разрисованы, корпуса вышиты серебромъ. Рисунки исполнены мастерски. На вторыхъ ризахъ изображены: Спаситель въ архіерейскомъ облаченіи, возсѣдающій на тронѣ съ предстоящими Божіей Матерью и Іоанномъ Крестителемъ, на передней сторонѣ оплечья—Покровъ пр. Богородицы. Наконецъ на такъ называемыхъ настоятельскихъ ризахъ, на оплечьѣ подъ вышитымъ серебромъ изображеніемъ Преображенія Господня съ предстоящими апостолами и Божіей Матерью—надпись: «се справилъ п. Леонтій Свѣчка жоною своею Домникіею».

Характерна также вышивка, подаренная будто бы Петромъ В. Леонтію Свѣчкѣ на кафтанъ, хранящаяся теперь на напрестольной одеждѣ въ городищенской церкви, какъ обращикъ узорчатыхъ тканей конца XVII в.

Остается еще сказать о церковныхъ книгахъ, хранящихся и теперь въ районѣ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь. Судя по уцѣлѣвшимъ книгамъ, а также церковнымъ описямъ, прежде (не далѣе конца XVII в.) богослужебныя книги съ особымъ желаніемъ приносились въ даръ церкви ея прихожанами. Даръ такой увѣковѣчивался надписями жертвователя по листамъ книги со всевозможными угрозами тому, кто бы осмѣлился «отдалить» отъ церкви жертву.

Евангелія и другія богослужебныя книги встрѣчаются: львовской печати (XVII ст.), лаврской печати (конецъ XVII и нач. XVIII ст.) и московской печати (конецъ XVIII ст.); богослужебныя книги встрѣчаются еще св. троицкаго монастыря и почаевской лавры. Наружный видъ книгъ почти тотъ же, что и теперь. На нихъ часто встрѣчаются барельефныя изображенія св. евангелистовъ изъ олова.

Перечислимъ видѣнныя нами древнія книги.

1) «Евангеліонъ, сиречъ благовѣстіе боговдохновенныхъ евангелистъ. Благословеніемъ святѣйших четверо престолных патріарх, тщаніемъ же иждивеніемъ Братства лвовского ставропигіоннаго; въ лѣто отъ созданія міра 7178, а отъ Рж. Хрва 1690». Хранится въ церкви м. Городища. По листамъ евангелія такая надпись:

„Я, Леонтій Назаровичъ Свѣчка, полковникъ войска Его царского пресвѣтлого вл̃чства запорожскаго Лубенскій, купилемъ сию евангелие у Якова Брусиловича купца, отъ обивателя Киевскаго, за певную суму одинадцять копъ до храму Благовищения престои Бци, стоячуе в селѣ Усовцѣ, за отпущеніе грѣховъ моихъ. Варую пpетомъ, аби нѣхто з близкихъ, такъ тежъ з далекихъ кревнихъ моихъ не важился отдаляти овое книги от церкви Усовское Благовищинское прстои Бци, под проклятемъ стихъ оцъ. А куплена року 1694".

2) Евангеліе львовской печати. Хранится въ м. Городищѣ. По листамъ надпись:

„Сию книгу, благовѣстие святихъ Апостолъ Евангелистъ, купилемъ я, Леонтій Свѣчка, полковникъ царского пресвѣтлого величества запорожского Лубенскій, за суму готовыхъ грошей копъ за одинадцатъ у отца Евстафія, священика переволочанского спод Прилуки, року тисача шестъ сотъ деветдесятого мсца априля дня до дому своего. И ежели трафится до походу военного идучи, *брати з собою до црквы войсковои*. А неповиненъ нѣхто втручатися в сию книгу, бо я купилъ за власние свои гроши року и дня вишнаписанного".

3) «Тріодіонъ, сие естъ тріпѣснецъ св. великои четыредесячничи от Еллинскаго изслѣдованія, Благословеніемъ же и повелѣніемъ преподобнаго в Бзѣ его милости господина отца Іосифа Трызни, архимандриты печерского» и т. д. 1648 г. Хранится въ церкви с. Харьковецъ. Въ этой книгѣ любопытенъ гербъ Тризны (найстарожитный клейнотъ Ясне Велможныхъ, Велможныхъ, высоце урожо-

ныхъ ихъ милостей пановъ Трызновъ) со слѣдующей напечатанной эпиграммой:

„Трызнянская лилія за столки в Сенятн,
И поля марсовые, якъ ся даетъ знати.
Барзѣй собѣ на тотъ часъ мѣстце улюбила,
В огородку црковномъ бы снать пошлюбила
Себе Паннѣ Прчтой: а Ей ку оздобѣ,
Досталася на Вѣнецъ Панекской особѣ".—

4) Требникъ для церковнаго обихода, въ почаевской типографіи 1771 года.

Наконецъ, скажемъ два слова объ архивахъ при церквахъ, осмотрѣнныхъ нами. Въ нихъ если есть что цѣннаго,—это указы прошлаго ст., разсылаемые изъ кіевской дух. консисторіи; по нимъ можно прослѣдить внѣшнія условія быта сельскаго духовенства. Исповѣдныя росписи интересны въ томъ отношеніи, что способствуютъ изученію сословныхъ группъ деревни; а кое гдѣ встрѣчающіяся метрики, приходо-расходныя книги, описи церковныхъ имуществъ 1827 г.— указываютъ на ту или иную сторону прежней жизни церкви и ея прихода только за минувшее столѣтіе. Въ церковныхъ описяхъ попадаются копіи доказательствъ на церковные земельные участки. Достойны вниманія архивы при малютинской и повстинской церквахъ. Остается пожелать, чтобъ болѣе или менѣе цѣнные памятники церковной старины поступали въ музей, чтобъ побольше обращалось вниманія и приводилось въ извѣстность все сколько нибудь носящее на себѣ остатки и слѣды прошлаго.

Ап. Залѣсскій.

Жалоба новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника [1]).

Року 1712 (лл.) мѣсяца генваря 11.

По злѣценю іасне велможного его милости пана гетмана передъ судомъ войсковымъ енеральнымъ слухана была справа и заводъ п. сотника новомълиньского из отцемъ намѣстникомъ тожъ новомълинскимъ.

1 пунктъ подалъ п. сотникъ на отца намѣстника будто кота чорного самъ из молодикомъ школьникомъ убылъ и обдерши до шапки на шкурку себѣ обернулъ, свѣдки ставилъ.

---

[1]) Румянц. Музей. Арх. Маркевича, № 350.

Отвѣтовалъ на тое отецъ намѣстникъ, же то мовытъ неправда, і я готовъ сумленнемъ своимъ отвестисіа.

2 пунктъ. Будто о. намѣстникъ вдовѣ Володковнѣ сусѣдци своей дытину вробылъ и зослалъ до попа швагра своего в село Плиску.

Отвѣтовалъ намѣстникъ: неправда, мовитъ, то. Я готовъ сумненемъ отвестися или сьвѣдковъ поставить, на що п. сотникъ мѣлъ свѣтками поставити Івана Редку и Володка, отца той молодицы.

3 пунктъ. Іако бы о. намѣстникъ, отнявши у своего парафіянина Уласа Галушки жону, болшъ тыждня в дому своемъ держалъ.

Отвѣтовалъ о. намѣстникъ: о той бѣлокглови, якая в дому моемъ была честно, знаеть о. протопопа борзенскій от которого мнѣ в духовенствѣ нашомъ злѣцене таковое было.

4 пунктъ, же на свѣтлій день Воскресенія Христова, вибѣгши у вечернѣ з олтара в стихари на крилосъ, Алексѣя Демьяненка побылъ.

Отвѣтовалъ о. намѣстникъ: правда, мовитъ, же я сказалъ Алексѣю: нащо церковное окно вибылъ? а Алексѣй почалъ мене зневажати, лаяти. Я ему казалъ съ церкви вийти.

5 пунктъ. Черниця все лѣто сее прошлое, скинувши габытъ и взявши на себѣ одежду свѣтлую, ходитъ берегомъ в домъ о. намѣстника и ночуетъ тамъ.

Отвѣтовалъ о. намѣстникъ: то, мовитъ, неправда; если оная черниця хочъ разъ ночовала, то за тое готов сумненем іерейскимъ поправити. Тилко случилося еднаго часу на торгу купилемъ черницкую расу за рубля, и не зналемъ, чия то раса.

Сообщилъ **И. А. Л—ко.**

Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Денѣ.

Про бывшаго курскаго губернатора генералъ-лейтенанта Дена ходитъ и теперь много разсказовъ. Старожилы помнятъ то время, когда правительственная власть принялась безпощадно искоренять злоупотребленія, и Денъ является однимъ изъ типичныхъ образовъ того времени.

Онъ страстно, иногда до утрировки, взялся прослѣдовать взятки и искоренять мошенничество.

Разсказываютъ такой случай. Ожидали Дена въ одинъ уѣздный городъ. Ожидали, разумѣется, съ торжествомъ и блескомъ. Всѣ чиновники облеклись въ мундиры и регаліи; купечество приготовило

хлѣбъ—соль; полиція осмотрѣла мосты, дороги, улицы, заборы и съ утра до поздней ночи бодрствовала. Слова «ѣдетъ Денъ», какъ электрическая искра дѣйствовали на организмы уѣзднаго чиновничества. Денъ долженъ былъ прибыть на приготовленную для него лучшую квартиру въ городѣ; предводитель дворянства пріѣхалъ встрѣтить губернатора и пригласить его къ себѣ; думали, конечно, что Денъ пріѣдетъ въ шестимѣстной каретѣ на обывательскомъ восьмерикѣ, съ фельдъегерами впереди, съ тарантасомъ, набитымъ чиновниками—ревизорами позади. На городскомъ шоссе при въѣздѣ въ городъ стоялъ квартальный надзиратель съ двумя десятскими, чтобы немедленно, какъ только завидитъ на горизонтѣ губернаторскій экипажъ, бѣжать сообщить исправнику, которому уже была готова впряженная тройка, чтобы тотчасъ летѣть на встрѣчу грозному правителю. Но прошелъ день, и Дена нѣтъ; насталъ другой—и все таки нѣтъ. Полиція—въ напряженномъ состояніи, другіе чины—тоже. А тутъ еще, какъ на бѣду, въ одномъ изъ кабачковъ произошелъ скандальчикъ. Набуянилъ какой то проходимецъ. Неизвѣстно, какъ онъ пробрался въ кабакъ, какъ смѣлъ ему цѣловальникъ водку продавать, словомъ—«проглядѣли». Разумѣется, съ этимъ буяномъ не поцеремонились. Помощникъ частнаго уже взялъ его за шиворотъ и хотѣлъ упрятать, но этотъ буянъ оказался малымъ бывалымъ: онъ предложилъ квартальному трехрублевку, и квартальный отпустилъ его на всѣ четыре стороны, сказавши: «Ну, чортъ съ тобой!.. Въ другой разъ не попадайся! Проѣдетъ губернаторъ, тогда безобразничай сколько угодно!»... Трехрублевку онъ спряталъ въ карманъ, а подозрительнаго человѣка отпустилъ.

На другой день поутру вдругъ разносится роковая вѣсть, что губернаторъ пріѣхалъ въ ночь, и исправникъ приказалъ полиціи быть на лицо въ губернаторской квартирѣ. Столпились всѣ въ пріемной и ожидаютъ появленія губернатора.

Вотъ дверь открылась, и на порогѣ предстала фигура Дена. Квартальному показалось почему то лицо его очень знакомымъ.

— Что за дьявольщина, думаетъ онъ: вотъ совпаденье то!..

Денъ, быстро окинувъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, остановилъ свой быстрый взглядъ на этомъ квартальномъ.

У квартальнаго душа ушла въ пятки.

— Пожалуйте сюда... позвалъ его Денъ.

Квартальный подошелъ и вытянулся.

— Деньги съ вами? спрашиваетъ губернаторъ.

Присутствующіе рѣшительно не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Квартальный блѣднѣетъ и молчитъ.

— Я спрашиваю, съ вами деньги? повторяетъ Денъ.

— Со мною-съ, ваше—ство... едва выговариваетъ квартальный и дрожитъ, какъ листъ.

— Позвольте три рубля...

Квартальный вынимаетъ три рубля и подаетъ Дену. Денъ прячетъ три рубля въ карманъ и совершенно спокойно, указывая квартальному на дверь, говоритъ: «пошелъ вонъ».

Квартальный исчезаетъ, и Денъ, обратившись къ исправнику и мотнувъ головой по направленію ушедшаго, проговорилъ: «прогнать».

Такимъ образомъ, подозрительный человѣкъ, съ котораго квартальный сорвалъ три рубля и который нашумѣлъ въ кабакѣ, оказался переодѣтымъ губернаторомъ.

А вотъ другой случай.

Денъ, проѣзжая по площади одного уѣзднаго города въ сопровожденіи исправника и становыхъ, замѣтилъ, что площадь покрыта вся липкой грязью.

— Отчего не принято никакихъ мѣръ къ осушенію? спрашиваетъ Денъ исправника.

— Ваше п—ство, почва твердая... это отъ вчерашняго дождя... Здѣсь даже ходить можно.

Дѣло было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

— А,—ну пройдемте...

Денъ былъ въ ботфортахъ, а исправникъ въ полусапожкахъ. И вотъ, два путешественика принялись измѣрять площадь.

Разумѣется, и тотъ и другой влѣзли по колѣна въ грязь. Исправникъ очутился въ самомъ комическомъ положеніи. Онъ едва вытаскивалъ изъ липкой глинистой почвы, превратившейся въ густое мѣсиво, свои погибшіе полусапожки. О брюкахъ и говорить нечего: они буквально были облѣплены грязью. Денъ замѣтилъ смущеніе исправника и, когда площадь была пройдена, иронически улыбнулся, посмотрѣлъ на ноги исправника и проговорилъ: «ну, нѣтъ-съ. Я бы на вашемъ мѣстѣ не рисковалъ здѣсь прогуливаться!»

Разсказываютъ, что въ семейной жизни Денъ былъ человѣкъ тяжелый и вспыльчивый, взбалмошный. Его вспышки иногда выражались и въ пріемахъ у себя обывателей.

Представлялся ему какъ то заѣзжій дворянинъ. Денъ его совершенно не зналъ. Выходитъ въ пріемную, смотритъ—незнакомый господинъ во фракѣ, перчаткахъ, бѣломъ галстухѣ.

— Чѣмъ могу служить? спрашиваетъ его Денъ.

— Такой то-съ... имѣю честь представиться вашему п—ству.

Денъ откланялся и предложилъ ему стулъ. Галантный господинъ поблагодарилъ, но не сѣлъ. Денъ усѣлся и началъ курить.

— Чѣмъ изволите заниматься? началъ разговоръ Денъ.

— Ничѣмъ, ваше п—ство...

— Какъ ничѣмъ?

— Такъ-съ... ничѣмъ-съ... имѣю состояніе... не нуждаюсь...

— Садитесь пожалуйста... опять предложилъ Денъ.

Гость раскланивается и опять не садится.

— Такъ таки нечего и не дѣлаете?

— Ровно ничего, ваше п—ство... У меня хорошее состояніе... Я ни въ чемъ не нуждаюсь... Слава Богу, избавленъ былъ отъ необходимости утруждать себя службой и наукой...

— Вотъ какъ!... замѣтилъ Денъ и опять проговорилъ: да садитесь же!..

Въ голосѣ Дена звучала уже нотка раздраженія. Ничегонедѣлатель поклонился, но не сѣлъ. Денъ вышелъ изъ себя.

— Да садитесь же, чортъ васъ возьми! вскричалъ онъ и швырнулъ ногою кресло, которое предлагалъ гостю. Гость сконфузился и отъ испуга поблагодарилъ. Денъ это замѣтилъ, понизилъ тонъ и проговорилъ уже спокойно: «Садитесь, прошу васъ; не заставляйте повторять десять разъ одно и то же; вы знаете, что въ наше либеральное время намъ приказано всякую дрянь сажать въ кресла!»...

Господинъ не могъ далѣе противиться и сѣлъ...

По разсказамъ бывшихъ сослуживцевъ Дена, онъ представлялся человѣкомъ высокой нравственности, съ характеромъ добрымъ, но вспыльчивымъ и крайне эксцентричнымъ. Существуетъ множество анекдотовъ и курьезовъ, имѣвшихъ мѣсто въ продолженіе его административной дѣятельности. За достовѣрность ихъ вполнѣ можно поручиться, такъ какъ они подтверждаются многими лицами, близко стоявшими къ этому губернатору—оригиналу. Свѣтлая сторона его дѣятельности заключается въ неусыпныхъ, энергичныхъ гоненіяхъ взяточничества, пустившаго глубокіе корни главнымъ образомъ въ нѣдрахъ откупной системы. Поэтому вся сила губернаторскаго гоненія обрушилась на чиновъ существовавшаго въ то время питейнаго отдѣленія казенной палаты и другихъ лицъ, почему либо причастныхъ къ откупному дѣлу.

Разсказываютъ, что бывшій въ то время совѣтникъ питейнаго отдѣленія даже удавился отъ страха преслѣдованія Дена. Другое же лицо купеческаго званія бѣжало изъ Курска при довольно романической обстановкѣ: спрятавшись не то въ возу съ сѣномъ, не то въ пустой бочкѣ,—въ такомъ видѣ купецъ и выѣхалъ въ Москву, гдѣ проживалъ инкогнито до тѣхъ поръ, пока Денъ не былъ переведенъ изъ Курска.

Очень многіе эпизоды жизни и дѣятельности Дена носятъ юмористическій характеръ.

Кому только неизвѣстно курьезное путешествіе губернатора на извощикѣ за поисками чорта. Денъ, чѣмъ то сильно раздраженный, вышелъ на улицу. Пройдя нѣсколько переулковъ отъ своего дома, онъ крикнулъ извощика. На вопросъ послѣдняго: «куда везти?» губернаторъ грозно крикнулъ: «къ чорту!» Испуганный извощикъ долго и безуспѣшно искалъ чорта и наконецъ привезъ своего сѣдока къ губернаторскому дому.

— Такъ вотъ гдѣ по твоему чертъ, сказалъ Денъ и, разсмѣявшись, далъ извощику 3 руб.

Другіе же эпизоды носятъ трагическій характеръ. Напр., разсказываютъ, что однажды жертвою вспыхнувшаго губернаторскаго гнѣва чуть было не сдѣлался одинъ становой приставъ, котораго за безпорядокъ при переправѣ черезъ рѣку во время путешествія по уѣздамъ Денъ приказалъ сгоряча утопить. Къ счастью, гнѣвъ губернатора скоро остылъ, и это приказаніе было отмѣнено, не будучи еще окончательно приведено въ исполненіе, хотя при этомъ бѣдному приставу пришлось таки искупаться въ холодной водѣ (дѣло было осенью). Но за то онъ получилъ отъ Дена подарокъ—100 руб. и затѣмъ всегда пользовался губернаторскими милостями и слылъ у него подъ именемъ «крестника».

Большинство распоряженій и резолюцій, дѣлаемыхъ Деномъ на бумагахъ, проникнуты истиннымъ остроуміемъ и выражаютъ мысли хотя и неожиданныя и иногда нѣсколько парадоксальныя, но большей частью разумныя и весьма полезныя для даннаго дѣла.

Вообще, за весьма немногими исключеніями, личность бывшаго губернатора оставила въ сердцахъ его сослуживцевъ теплыя, искреннія чувства, вызванныя главнымъ образомъ тѣми качествами, которыми всегда отличался покойный, какъ напр., великодушіемъ, справедливостью и страстною ненавистью ко всему беззаконному и безчестному.

Этихъ качествъ вполнѣ достаточно, чтобы искупить тѣ немногіе недостатки покойнаго, о которыхъ, къ сожалѣнію, существуютъ въ обществѣ преувеличенныя представленія.

Сообщилъ **П. В. Дворжецкій-Богдановичъ.**

Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 года.

Исполнившееся двадцатипятилѣтіе со времени польскаго возстанія 1863 года напомнило мнѣ нѣсколько мелкихъ фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ я самъ былъ тогда, въ дни своей юности, или о которыхъ знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ. Думаю, что они могутъ имѣть и общій интересъ.

Мѣсто дѣйствій, о которыхъ буду говорить, городъ и крѣпость Брестъ-Литовскъ. Какъ извѣстно, этотъ городъ, древнее Берестье, упоминается въ лѣтописяхъ еще въ XII вѣкѣ, какъ небольшой удѣлъ Волынской земли; въ 1596 году въ немъ состоялся соборъ, рѣшившій введеніе церковной уніи въ западнорусскихъ областяхъ. Въ 1832 г., по усмиреніи польскаго мятежа, императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ основать крѣпость на р. Бугѣ (западномъ), при впаденіи въ него р. Мухавца, какъ разъ на мѣстѣ г. Бреста, противъ мѣстечка Тересполя на сторонѣ царства польскаго, гдѣ въ случаѣ удачи возстанія поляки имѣли въ виду построить крѣпость противъ русскихъ. Для города пріобрѣтено было ближайшее (въ 2—3-хъ верстахъ) имѣніе помѣщицы Мержеевской, тамъ распланированъ городъ и туда присылались жители, дома которыхъ были скуплены казною, а на мѣстѣ стараго Бреста стали воздвигать грозные бастіоны, валы, верки, казармы... Уцѣлѣли только громадныя монастырскія зданія разныхъ католическихъ орденовъ — бернардиновъ, бернардинокъ, іезуитовъ, августиновъ, тринитаровъ, бригитокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя существуютъ до сихъ поръ, а нѣкоторыя были снесены въ шестидесятыхъ годахъ.

Населеніе Бреста состояло главнымъ образомъ изъ евреевъ, а затѣмъ мѣщанъ—въ небольшомъ числѣ католическаго вѣроисповѣданія, а преимущественно православныхъ, при чемъ семействъ до двадцати было такихъ, которыя устояли въ православіи во все время господства уніи, а остальныя, вмѣстѣ съ окрестнымъ сельскимъ людомъ, оставили унію и возвратились въ православіе въ 1839 году. И мѣщане, и крестьяне брестскаго и сосѣднихъ уѣздовъ гродненской гу-

берніи чисто русскаго происхожденія, малороссы, и говорятъ по малорусски съ небольшимъ мѣстнымъ оттѣнкомъ. Помѣщики же и чиновники были въ то время почти исключительно поляки-католики. Когда въ 1854 г. мой отецъ былъ назначенъ приходскимъ священникомъ въ Брестъ, тамъ было всего 3—4 чиновника русскаго происхожденія: смотритель уѣзднаго дворянскаго училища Быстровъ, смѣненный, впрочемъ, потомъ полякомъ, да два чиновника магистрата, братья А. и Н. Богатыревы. Въ городѣ не было еще даже православной церкви; приходская церковь находилась въ крѣпости, въ зданіи упраздненнаго бернардинскаго монастыря, гдѣ теперь крѣпостной клубъ. Причтъ (два священника, діаконъ и два псаломщика) жилъ въ городѣ, а для совершенія богослуженія и разныхъ требъ отправлялись въ крѣпость, священники на своихъ лошадяхъ, а остальные—по образу пѣшаго хожденія, во всякую погоду, и лѣтомъ, и зимой. Прихожане тоже по большей части ходили пѣшкомъ въ церковь, и изъ города, и изъ деревень, принадлежащихъ къ брестскому приходу. По праздничнымъ днямъ отецъ уѣзжалъ, бывало, въ крѣпость часовъ въ 6—7 утра. Послѣ обѣдни бывало много требъ, такъ какъ весь крѣпостной гарнизонъ принадлежалъ къ тому же приходу, и военной церкви не было. Не разъ случалось ѣздить въ крѣпость по два раза въ день.

Когда начался польскій мятежъ 1863 г., я уже учился въ брестскомъ дворянскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ отецъ мой былъ законоучителемъ, и я ясно помню то время. Помню живо, какую панику произвело въ немъ извѣстіе о яновской рѣзнѣ и началѣ мятежа. Въ городѣ не было никакихъ войскъ, русскихъ людей было мало, всѣ боялись нападенія поляковъ на городъ, при чемъ прежде всего, разумѣется, досталось бы православному священнику. Идя по городу, отцу не разъ приходилось получать такія привѣтствія: pop, moskal, kapusniak, произносимыя то громко, то вполголоса. Сельскіе батюшки, пріѣзжая въ городъ, часто разсказывали, что должны были по цѣлымъ суткамъ скрываться гдѣ нибудь во ржи или въ болотахъ, чтобы не быть убитыми, повѣшенными... Не разъ заходили къ намъ во дворъ какія то темныя личности, называвшіяся путешественниками, и просили чего нибудь поѣсть, или сколько нибудь денегъ, стараго платья. Замѣтивши, что попали къ русскимъ, да еще къ православному священнику, они смущались и спѣшили уйти. Мать и мы, дѣти, очень боялись ихъ прихода, особенно когда отца не было дома; намъ казалось, что они сейчасъ же насъ всѣхъ перерѣжутъ.

Каждый день приносилъ новые слухи—о новыхъ шайкахъ, хотя подъ Брестомъ большихъ не было, о стычкахъ нашихъ отрядовъ съ мятежниками, то объ арестахъ, о побѣгахъ «до лясу», то о дѣйствіяхъ разныхъ шаекъ, о подвигахъ т. наз. «жандармовъ-вѣшателей». Нѣкоторыя русскія семейства жили въ городѣ, какъ въ лагерѣ: перевезли въ крѣпость къ знакомымъ лучшія свои вещи, даже бѣлье и платье, чтобы спасти хоть что нибудь изъ движимости въ случаѣ нападенія на городъ поляковъ, во время котораго думали спасаться бѣгствомъ туда же. Слѣдственная коммиссія была завалена работою; арестантскіе казематы въ крѣпости («Бригитки») переполнены были плѣнными повстанцами. Изъ предводителей шаекъ больше всего говорили о Рогинскомъ, молодомъ человѣкѣ, отличавшемся красотою и энергіей. Поляки рисовали его какимъ то героемъ. Можно представить себѣ, какой переполохъ произвелъ въ Брестѣ слухъ о томъ, что этотъ Рогинскій пытался даже ни болѣе, ни менѣе, какъ взять Брестскую крѣпость.

Прежде чѣмъ разсказать о фактѣ, вызвавшемъ этотъ переполохъ, я долженъ замѣтить, что Брестская крѣпость представлялась въ то время далеко не такой грозной, какъ теперь, не потому, чтобъ была плохо вооружена, укрѣплена, а потому, что носила ужъ очень мирный, гражданскій характеръ. Входъ въ крѣпость и выходъ изъ нея, проѣздъ черезъ нее за Бугъ, въ царство польское, и обратно былъ дозволенъ всегда и всякому, и только послѣ вечерней зари, во время возстанія, крѣпостныя ворота запирались. Гарнизонъ крѣпостной былъ очень невеликъ, а въ городѣ и окрестностяхъ въ первое время возстанія войскъ вовсе не было... Однажды, въ самомъ началѣ 1863 года, поздно вечеромъ, раздался вдругъ въ крѣпости барабанный бой. По справкамъ оказалось, что бьютъ тревогу, такъ какъ поляки хотятъ брать крѣпость. Дѣйствительно, шайка Рогинскаго въ 3,000 человѣкъ пришла вечеромъ въ имѣніе Пелчицы, на правомъ берегу Буга, на сторонѣ крѣпости, отсюда перешла въ бродъ на лѣвый берегъ Буга и вошла въ длинную тѣнистую аллею, тянувшуюся вдоль берега Буга противъ мѣста впаденія въ него Мухавца, предполагая по этой аллеѣ пройти на цѣпной Николаевскій мостъ и отсюда ворваться въ крѣпость. Между тѣмъ движеніе шайки было замѣчено, но не въ крѣпости, какъ можно было бы предполагать, а козаками, квартировавшими въ Тересполѣ и находившимися въ то время въ разъѣздахъ. Одинъ изъ нихъ и далъ знать въ крѣпость на главную гауптвахту о приближеніи поляковъ, и дежурный офицеръ велѣлъ бить тревогу.

Солдатъ, какъ говорили, было очень мало, не всѣ даже были въ сборѣ, многіе были въ городѣ. На рукахъ оказалось только 30 ружей у солдатъ инвалидной команды, да и то безъ патроновъ. Начальства не было, всѣ почти офицеры, начиная съ коменданта крѣпости, были на балу въ городскомъ клубѣ. Взять крѣпость, хотя бы на самое короткое время, поляки могли вполнѣ, но пока въ крѣпости происходила тревога, Рогинскій отступилъ. О причинахъ этого отступленія разсказывали потомъ, яко бы со словъ Рогинскаго, слѣдующее. На правомъ берегу Мухавца въ крѣпости стояли тогда казенныя дрова; караульщики развели огонь, который еле теплился, а вокругъ царствовала полная тьма: ночь была темная, луны не было, небо покрыто было тучами. Пробираясь въ крѣпость по берегу Буга, Рогинскій принялъ еле замѣтныя вдали черныя массы дровъ за колонны солдатъ и предположилъ, что въ крѣпости только и ждутъ, когда онъ войдетъ на мостъ или перейдетъ черезъ него, чтобы или перебить всѣхъ поляковъ на самомъ мосту, или ударить на него со всѣхъ сторонъ уже въ крѣпостной цитадели и захватить цѣликомъ всю его банду, или уничтожить ее. Когда же изъ крѣпости взвились три сигнальныя ракеты, Рогинскій уже не колебался и быстро отступилъ. Между тѣмъ крѣпостное начальство узнало о тревогѣ, бросивъ кто карты, кто танцы, смущенное, возвратилось изъ города въ крѣпость. Не подлежитъ сомнѣнію, что Рогинскій не могъ бы долго удержаться въ крѣпости, но ворвавшись въ нее, успѣлъ бы забрать оружіе изъ арсенала, выпустить арестантовъ, заклепать пушки, взорвать пороховые погреба... Съ этого времени въ крѣпости начались болѣе строгіе порядки, она стала вполнѣ на военное положеніе. А. Рогинскій былъ разбитъ вскорѣ и, спасаясь отъ русскихъ, былъ схваченъ крестьянами въ пружанскомъ уѣздѣ гродненской губерніи и доставленъ въ Брестъ. Какъ говорили, во время слѣдствія онъ обращалъ на себя вниманіе своею свѣтскостью, былъ приглашаемъ обѣдать къ коменданту; говорили также, что осужденный къ ссылкѣ въ Сибирь на каторгу онъ бѣжалъ съ дороги или умеръ на пути. Не знаю, правда ли это.

Наступилъ великій постъ. Отецъ пріѣзжалъ домой изъ крѣпости поздно вечеромъ и на самое короткое время днемъ. Приходъ былъ страшно великъ, нужно было ежедневно исповѣдывать массу народа. Дни проходили еще кое какъ, но по вечерамъ, до возвращенія отца, бывало страшно, томительно. Вдругъ разнеслась по городу вѣсть, что въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье, когда всѣ православные русскіе будутъ въ крѣпости, поляки нападутъ на городъ, а потомъ

перебьютъ всѣхъ «схизматиковъ», «москалей», когда они будутъ возвращаться изъ крѣпости послѣ заутрени въ городъ. Надо сказать, что между городомъ Брестомъ и крѣпостью лежитъ широкая равнина, версты въ двѣ длиною, ничѣмъ не застроенная и представлявшая дѣйствительно удобство для исполненія подобнаго замысла. Можно себѣ представить, что почувствовали при этомъ извѣстіи мы всѣ, зная, что отцу нельзя будетъ остаться съ нами, и что мы не можемъ даже погибнуть вмѣстѣ. Жили мы тогда на самой окраинѣ города, въ домѣ инвалиднаго капитана Аѳанасьева, который самъ жилъ въ крѣпости, а въ городѣ имѣлъ три дома. Когда слухъ о предполагаемомъ нападеніи поляковъ на городъ разнесся по городу и въ крѣпости, къ намъ пріѣхалъ недѣли за 3—4 до Пасхи хозяинъ и сказалъ матери, что въ виду разныхъ слуховъ онъ для нашей безопасности и охраны домовъ пришлетъ въ великую субботу изъ своей команды десятокъ человѣкъ солдатъ. Отецъ и мать отъ души благодарили за обѣщаніе, но, какъ часто бываетъ, въ рѣшительную минуту забыли о немъ. Насталъ, наконецъ, канунъ Пасхи. Горячо простившись съ нами, отецъ вечеромъ уѣхалъ въ крѣпость, а мать съ тремя дѣтьми осталась дома. Кучеръ уѣхалъ съ отцемъ, горничная полька ушла въ костелъ, осталась дома изъ прислуги одна старуха кухарка. Млацшіе братья мои легли спать; мать и я, разумѣется, и не думали о снѣ; какъ могли, разгоняли страшныя мысли, невольно приходившія въ голову, какъ могли, успокаивали другъ друга. Настала полночь. Мать начала молиться. Вдругъ раздался сильный стукъ въ ворота. Первая мысль, охватившая насъ обоихъ, была та, что это пришли поляки. Мать судорожно схватила меня и только сказала: «пусть убьютъ насъ вмѣстѣ». Между тѣмъ, стукъ продолжался, и все съ большей силой. Мать стала звать кухарку и велѣла ей выйти на крыльцо и спросить, кто и зачѣмъ стучитъ. Но кухарка, слыша стукъ и голоса у воротъ, стала плакать и кричать, что ее и всѣхъ насъ сейчасъ убьютъ поляки. Наконецъ, мать рѣшилась выйти сама. Выйдя на крыльцо во дворѣ, она окликнула стучавшихъ. «Это мы, матушка! присланы къ вамъ капитаномъ Аѳанасьевымъ»! отвѣчали за воротами. Боже мой, какая была радость! Сколько мы потомъ смѣялись, что раньше никто изъ насъ не догадался, не вспомнилъ обѣщанія хозяина. Солдатиковъ мы угостили, согрѣли, и они пошли сторожить домъ, а мы благополучно дождались отца и благополучно провели праздники. Никакого нападенія на городъ не было.

Затѣмъ въ Брестъ стали прибывать войска. Появилась артиллерія, козаки; пришли въ городъ полкъ, сначала Алексопольскій, а потомъ Псковской (Кутузовскій), а въ крѣпость Брестскій, переведенный съ Кавказа. Мы вздохнули свободнѣе. Мятежъ сталъ утихать и, наконецъ, совсѣмъ прекратился.

Маркъ —евичъ.

Владиміръ-Волынское братство.

(По поводу его перваго годичнаго отчета).

На сѣверозападной окраинѣ Волыни, на границѣ Полѣсья, въ одной изъ самыхъ глухихъ мѣстностей, лежитъ у. городъ Владиміръ-Волынскій съ 8 т. жителей, въ числѣ которыхъ на 100 д. православныхъ 768 д. приходится иновѣрцевъ, главнымъ образомъ евреевъ. Удаленный отъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, городъ не славится ни торговлею, ни промыслами. Его коренное населеніе состоитъ изъ мѣщанъ земледѣльцевъ, евреевъ—мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и факторовъ, и чиновниковъ въ томъ небольшомъ числѣ, какое положено по штату незначительныхъ уѣздныхъ городовъ. Нѣтъ здѣсь ни учебныхъ заведеній (кромѣ уѣздн. училища), ни книжныхъ лавокъ, нѣтъ даже фотографіи—словомъ, ничего, что свидѣтельствовало бы о культурныхъ потребностяхъ и привычкахъ населенія. Печать вѣковой заброшенности и оскудѣнія лежитъ на этомъ забытомъ городѣ, какъ и на цѣлой округѣ его. Большинство помѣщиковъ въ уѣздѣ—поляки, живущіе замкнутою жизнью и всецѣло поглощенные заботами о томъ, какъ бы уцѣлѣть при нынѣшнемъ экономическомъ кризисѣ; русскихъ землевладѣльцевъ немного и почти всѣ—небогатые люди.

Но этотъ захудалый городъ имѣетъ блестящее прошлое. Величественныя развалины его древнихъ храмовъ, остатки замка, каждая почти пядь земли въ немъ будятъ свѣтлыя воспоминанія о тѣхъ далекихъ, невозвратныхъ временахъ, когда онъ былъ столицей громаднаго и политически могущественнаго Галицко-Владимірскаго княжества (одно время титуловавшагося даже королевствомъ) и каѳедральнымъ городомъ волынскихъ епископовъ, когда онъ служилъ центромъ просвѣщенія для громаднаго округа и когда въ немъ живымъ ключемъ била русская культурная жизнь. Въ XIV ст., съ прекращеніемъ дома Рюриковичей—потомковъ Даніила Галицкаго и съ

присоединеніемъ Волыни къ Литвѣ политическое и культурное значеніе Владиміра нѣсколько пало, но не уничтожилось совершенно. Онъ былъ низведенъ на степень повѣтоваго города, но въ немъ продолжала оставаться каѳедра владимірско-брестскихъ православныхъ епископовъ, въ немъ собирались шумные сеймики, кипѣла культурная и промышленно-торговая жизнь, и онъ по прежнему оставался русскимъ городомъ съ самоуправлявшеюся мѣщанскою общиною и тянувшимъ къ нему и часто проживавшимъ въ немъ многочисленнымъ православнымъ дворянствомъ, въ числѣ котораго были представители такихъ вліятельныхъ фамилій, какъ князья Сангушки, Чарторыйскіе, Козѣки, Ружинскіе, Булыги, Загоровскіе и мн. др.

Отъ этихъ блестящихъ эпохъ въ современномъ Владимірѣ не осталось ничего, кромѣ щемящихъ сердце воспоминаній, да еще многочисленныхъ развалинъ и остатковъ древнихъ памятниковъ, всѣми забытыхъ и постепенно уничтожаемыхъ.

Но вотъ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ изслѣдователи русской старины одинъ за другимъ стали навѣдываться въ этотъ заброшенный уголокъ, привлекаемые интересомъ къ его древностямъ. Отчасти подъ ихъ вліяніемъ, а еще болѣе, конечно, благодаря общимъ успѣхамъ историческихъ знаній, все большей распространенности ихъ въ русскомъ обществѣ и повсемѣстно пробуждающемуся вниманію и интересу къ мѣстной старинѣ,—и въ глухомъ Владимірѣ нашлись интеллигентные люди, заинтересовавшіеся исторіей родного города и оцѣнившіе значеніе сохранившихся въ немъ памятниковъ древности. Среди этихъ памятниковъ особенно выдавались величественныя развалины древняго каѳедральнаго собора, построеннаго въ XII ст. владиміро-волынскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Но Боже! въ какомъ ужасномъ небреженіи оказался этотъ священный памятникъ православія и древнерусскаго искусства, обращенный невѣждами въ конюшню и загонъ для скота!. Самый фактъ построенія этого храма древнерусскимъ княземъ и существованія при немъ въ теченіе $4^1/_2$ вѣковъ православной епископской каѳедры былъ извѣстенъ лишь немногимъ мѣстнымъ жителямъ, большинство же, въ томъ числѣ нѣкоторые даже представители правосл. духовенства, въ простотѣ невѣжества вѣрили нелѣпой сказкѣ, будто этотъ величественный храмъ былъ построенъ какимъ то латинскимъ бискупомъ. Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ иногда приводитъ школьное образованіе, совсѣмъ игнорирующее мѣстную народную жизнь и ея исторію! Не въ лучшемъ положеніи оказались и другіе памятники мѣстной правосл. старины. Остатки

храмовъ заростали бурьяномъ или расчищались подъ частныя усадьбы иные лишь въ недавнее время оказались застроенными еврейскими домами; древніе предметы безслѣдно исчезали изъ церквей и по большей части попадали въ руки заграничныхъ евреевъ—антикваріевъ. Вмѣстѣ съ вещественными памятниками въ населеніи окончательно стиралась послѣдняя память о его прошлой національной жизни, предшествовавшей польскому господству въ краѣ.

Но, повторяемъ, среди владимірцевъ были уже люди, сердце которыхъ болѣло при видѣ того, какъ мерзость запустѣнія окончательно водворялась на мѣстѣ святѣ, и стали они придумывать средства, какъ бы положить ей предѣлъ. Воспользовавшись посѣщеніемъ города новоназначеннымъ въ то время губернаторомъ и епархіальнымъ архіереемъ, имъ удалось привлечь ихъ вниманіе къ мѣстнымъ памятникамъ древности, результатомъ чего явилось образованіе въ началѣ 1886 г. особой коммиссіи для историко-археологическаго изслѣдованія Мстиславова храма и выработки проекта его реставраціи. Къ участію въ занятіяхъ этой коммиссіи, между прочими, были приглашены профессора В. Б. Антоновичъ и А. В. Праховъ, подъ руководствомъ которыхъ въ томъ же году были произведены археологическія разысканія въ этомъ храмѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, при чемъ на окраинѣ города, въ уроч. «Старая каѳедра» были открыты низы древней каменной церкви постройки XII—XIII вв. Все это возбудило въ мѣстномъ обществѣ небывалый интересъ къ своей старинѣ, оживило полузабытыя преданія о прошлой жизни края,—и такимъ образомъ была подготовлена благопріятная почва для учрежденія въ г. Владимірѣ Волынскомъ прав. братства, принявшаго имя основателя города—св. князя Владиміра. Иниціаторомъ и душею всего этого дѣла былъ мѣстный землевладѣлецъ и предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Е. Н. Дверницкій, избранный въ декабрѣ 1887 г., при открытіи братства, его предсѣдателемъ.

Основанное на такой преимущественно историко-археологической почвѣ, Владимірское братство, на ряду съ общими всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ церковно-просвѣтительными задачами, поставило въ число спеціальныхъ своихъ цѣлей: а) приведеніе въ извѣстность и охраненіе мѣстныхъ древнихъ памятниковъ отъ дальнѣйшаго разрушенія и уничтоженія и вмѣстѣ изысканіе средствъ къ обновленію тѣхъ изъ древнихъ храмовъ, которые могутъ быть еще возстановлены, и б) ознакомленіе мѣстнаго населенія съ исторіей пра-

вославія и русской народности въ краѣ путемъ устройства музея, изданія популярныхъ брошюръ и др. способами.

Такова исторія Владиміро-Волынскаго братства. Теперь вотъ передъ нами печатный отчетъ о его дѣятельности за первый годъ его существованія.

Прежде всего численный составъ и нескудныя матеріальныя средства юнаго братства свидѣтельствуютъ о томъ, что общество сочувственно отнеслось къ его задачамъ. Къ концу отчетнаго года братство состояло: изъ 4-хъ почетныхъ членовъ, 33 членовъ-учредителей и 172 дѣйствительныхъ членовъ. Приходъ въ теченіе года достигъ суммы 2,536 р. 90 к., расходъ—787 р. 31 к. При этой очевидной бережливости сдѣлано, однако, весьма не мало: 1) Исправлены значительныя поврежденія въ стѣнахъ Мстиславова храма, благодаря чему явилась возможность въ лѣтнее время по воскреснымъ днямъ отправлять здѣсь литіи по почившимъ въ немъ древнимъ волынскимъ князьямъ и епископамъ; вмѣстѣ съ этимъ братствомъ возбуждено ходатайство о разрѣшеніи повсемѣстной подписки на обновленіе храма въ его первоначальномъ стилѣ. 2) Для охраненія отъ случайныхъ разрушеній остатковъ другого древняго храма, открытыхъ проф. Праховымъ въ 1886 г., построена вокругъ нихъ деревянная ограда и самыя развалины прикрыты досками для защиты отъ дождя. 3) Приступлено къ обновленію домовой епископской церкви, существовавшей нѣкогда въ каменной пристройкѣ къ Мстиславову храму. Дѣло это, помимо археологическаго интереса, имѣетъ весьма важное значеніе для города, въ которомъ находится всего лишь 2 прих. церкви—обѣ тѣсныя и холодныя. 4) Устроена братская лавка для продажи крестиковъ, образовъ, церк. утвари, букварей, книгъ и брошюръ духовнаго содержанія и относящихся къ исторіи края. 5) Въ іюлѣ 1888 г. устроено въ г. Владимірѣ торжественное чествованіе въ память 900-лѣтія крещенія Руси, при чемъ роздано народу 3,200 экз. жизнеописаній кн. Владиміра и 5,000 крестиковъ и образковъ. Наконецъ, 6) устроены и открыты братскій музей и библіотека. Послѣдняя состоитъ преимущественно изъ сочиненій, относящихся къ исторіи края. По настоящее время въ ней числится болѣе 160 книгъ и брошюръ, пріобрѣтенныхъ главнымъ образомъ путемъ пожертвованій. Крайне желательно, чтобы лица, имѣющія избытокъ книгъ, посылали ихъ въ даръ братству, небогатыя средства котораго едва ли позволятъ пріобрѣтать ихъ покупкой въ

большомъ количествѣ. Кто живалъ въ глухихъ уголкахъ нашего края тотъ знаетъ, какую цѣну имѣетъ тамъ хорошая книга.

О братскомъ музеѣ стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе. Помѣщается онъ въ зданіи, какъ нельзя болѣе подходящемъ: въ старинной пристройкѣ къ Мстиславову храму, въ которой жили нѣкогда владимірскіе епископы и гдѣ издревле помѣщалась епископская школа, изъ которой возникло потомъ славившееся въ XVIII ст. базиліанское училище (collegium). До нынѣ въ музеѣ собрано 68 номеровъ предметовъ, 9 рукописей и нѣсколько старопечатныхъ книгъ. Всѣ предметы—строго мѣстные. Между ними много древнихъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ въ Мстиславовомъ храмѣ, въ уроч. «Старая Каѳедра», на погостахъ Васильевской и др. церквей, не мало предметовъ старинной церковной утвари, облаченій, древнихъ иконъ и т. под. Есть очень характерная картина страшнаго суда, гдѣ попадаютъ въ адъ за колдовство, за «закрутку», тѣ, «хто въ церкви дримае», жиды шинкари «за кварту неправдыву» и т. п.; всѣ грѣшники идутъ въ адъ пѣшкомъ, но «судью неправеднаго» черти везутъ въ каретѣ, и онъ, повидимому, хорошо чувствуетъ себя въ этой обстановкѣ.

Изъ числа рукописей заслуживаютъ особаго вниманія евангеліе и апостолъ XV—XVI в., украшенные превосходными заставками и заглавными буквами, раскрашенными золотомъ и красками,—обѣ изъ Загоровскаго монастыря; евангеліе XVI ст. изъ Будятычской церкви съ надписью почеркомъ начала нынѣшняго столѣтія: «сю книгу надобно подереть, ибо она униятска, а теперъ надобно росийскихъ»; ирмолой XVIII ст., въ которой между прочимъ находятся начальные стихи какой то уніатской псальмы:

„Вийду я на гороньку
На Калвариенку,
Ажъ тамъ Панъ коханий
Виситъ крижований.
Мій Христе коханий!
Хто жъ Ти завдавъ раны?...

А рядомъ—отрывокъ народной пѣсни: «Оженився Кочурина узявъ собѣ Любку»...

Изъ старопечатныхъ книгъ—одна чрезвычайно любопытна: это напрестольное славянское евангеліе средняго формата, довольно крупной печати, къ сожалѣнію безъ выходнаго листа и потому мѣсто и время его изданія неизвѣстны; но внизу по листамъ идетъ собственноручная запись жертвователя о томъ, что онъ «положилъ» это евангеліе «до церкви» св. Николая (въ с. Будятычахъ) «лета з҃о҃к (7072) мѣсяца марта к҃г҃ день», т. е. *въ 1564 г.* Запись эта по своимъ пале-

ографическимъ признакамъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея соотвѣтствія тому времени, какое въ ней означено и буквы года (7072) такъ ясно и отчетливо написаны, что иначе и прочесть ихъ нельзя. Между тѣмъ до сихъ поръ первенцемъ западнорусской печати признается Заблудовское евангеліе учительное 1569 г., первое же славянское евангеліе было издано лишь въ 1575 г. въ Вильнѣ, у бр. Мамоничей. А Будятычское евангеліе уже въ началѣ 1564 г. было пожертвовано въ церковь, слѣдовательно издано еще раньше. Признать же его изданіемъ Скорины невозможно какъ по языку (чистый славянскій языкъ), такъ равно по формату и шрифту,— въ послѣднемъ отношеніи оно болѣе всего имѣетъ сходства съ изд. Мамоничей. Предлагаемъ эту загадку вниманію историковъ западно- и южнорусскаго книгопечатанія.

Вотъ сколько полезнаго сдѣлано въ теченіе года небольшимъ кружкомъ энергичныхъ людей, съ незначительными матеріальными средствами, но съ большою любовью къ избранному дѣлу и съ вѣрою въ полезность его. Можно быть увѣреннымъ, что дѣло не ограничится достигнутымъ успѣхомъ. Лишь на дняхъ вышла въ свѣтъ прекрасно составленная предсѣдателемъ братства Е. Н. Дверницкимъ и изданная имъ въ пользу братства же весьма цѣнная брошюра «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ», съ которою мы надѣемся познакомить читателей въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала. Сверхъ того намъ извѣстно, что братствомъ задуманъ цѣлый рядъ такихъ же популярныхъ изданій, посвященныхъ исторіи Волыни. Отъ всей души желаемъ полнаго успѣха въ его благихъ начинаніяхъ. Остается также пожелать, чтобы Владиміръ-Вол. братство скорѣе нашло себѣ подражателей и въ другихъ городахъ юго-западнаго края. Слышно, что въ Луцкѣ тоже намѣрены учредить братство. Луцкъ—такой же древній городъ какъ и Владиміръ, и памятниковъ старины въ немъ столько же; но интеллигентныхъ людей живетъ въ немъ больше, поэтому есть основаніе предполагать, что дѣла братства пошли бы въ немъ столь же, если не болѣе, успѣшно. Слѣдуетъ только пожелать, чтобы принята была въ руководство программа Владимірскаго братства, какъ вполнѣ раціональная и ведущая прямо къ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, распространять въ населеніи историческія свѣдѣнія о прошлой его жизни, уяснять и очищать затемненныя въ немъ польско-католическимъ господствомъ древнерусскія православныя преданія и тѣмъ воспитывать

въ народѣ національное самосознаніе—не есть ли это вѣрнѣйшій и наиболѣе прямой путь къ той цѣли, которая именуется возстановленіемъ православія и русской народности въ юго-западномъ и западномъ краѣ? **О. Л.**

Некрологъ.

21 мая скончался на 87 году отъ рожденія предсѣдатель кіевской археологической коммиссіи д. т. с. Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ. Покойный съ 1840 г. состоялъ инспекторомъ казенныхъ училищъ въ Кіевѣ, а съ 1843 по 1858 годъ—помощникомъ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Въ 1857 г. М. В. Юзефовичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ кіевской археографической коммиссіи и занималъ эту должность до самой кончины. Во время его предсѣдательства въ трудахъ коммиссіи приняли участіе выдающіеся мѣстные научные дѣятели, какъ напр. Н. Д. Иванишевъ, В. Б. Антоновичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и мн. др., которыми и было издано множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ по исторіи южной Россіи. Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Кіевской Старины» редакція постарается дать подробный очеркъ дѣятельности коммиссіи за время предсѣдательства покойнаго.

Для справокъ.

Въ 1872 году по случаю столѣтней годовщины дня рожденія Василія Назаровича Каразина, столь много потрудившагося для основанія университета въ Харьковѣ, совѣтъ императорскаго харьковскаго университета, по иниціативѣ извѣстнаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, рѣшилъ обратиться къ высшему правительству съ ходатайствомъ объ открытіи повсемѣстной подписки на сооруженіе въ г. Харьковѣ памятника этому общественному дѣятелю. Прежде чѣмъ начать ходатайство объ этомъ дѣлѣ совѣтъ харьковскаго университета сообщилъ о своемъ намѣреніи нѣкоторымъ общественнымъ учрежденіямъ, находящимся въ г. Харьковѣ. Эти учрежденія отнеслись сочувственно къ рѣшенію совѣта, при чемъ одно изъ нихъ, а именно—харьковское губернское земское собраніе, постановленіемъ отъ 18-го ноября 1874 года, ассигновало на памятникъ В. Н. Каразину 5000 р. Независимо отъ этого, въ томъ же засѣданіи, харьковское губернское земское собраніе ассигновало 5000 р. на учрежденіе при харьковскомъ университетѣ стипендіи имени Каразина. Вслѣдствіе ходатайства харьковскаго университета, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, отъ 11-го апрѣля 1875 года, на открытіе повсемѣстной подписки на памятникъ Каразину и на учрежденіе

стипендіи его имени. Правила о стипендіи имени В. Н. Каразина вслѣдъ за тѣмъ были выработаны совмѣстно харьковскимъ университетомъ и харьковскимъ губернскимъ земствомъ, утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и стипендія съ тѣхъ поръ ежэгодно выдается.

Что касается до подписки на памятникъ, то дѣло въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Сумма, пожертвованная харьковскимъ губернскимъ земствомъ, вслѣдствіе нарощенія процентами, возросла въ настоящее время приблизительно до 6500 рублей. Частныхъ пожертвованій почти не поступало. Такую скудость частныхъ пожертвованій совѣтъ харьковскаго университета объясняетъ не отсутствіемъ сочувствія въ обществѣ къ предпринятому дѣлу, а почти совершенною неизвѣстностью о существованіи Высочайше разрѣшенной подписки. Поэтому совѣтъ императорскаго харьковскаго университета, въ засѣданіи 31 мая 1888 года, рѣшилъ принять энергическія мѣры для распространенія въ обществѣ свѣдѣній объ этой подпискѣ и вообще для приведенія дѣла о сооруженіи памятника къ скорѣйшему и наилучшему окончанію. Съ этою цѣлію онъ рѣшилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи изъ представителей харьковскаго университета и харьковскаго губернскаго земства особаго комитета для сбора пожертвованій и предварительныхъ сношеній и распоряженій по сооруженію памятника В. Н. Каразину.

Желая однако теперь же, не дожидаясь разрѣшенія со стороны правительства ходатайства объ особомъ комитетѣ, дать болѣе быстрое движеніе дѣлу о подпискѣ на памятникъ В. Н. Каразину, совѣтъ императорскаго харьковскаго университета въ томъ же засѣданіи, 31-го мая 1888 года, постановилъ отпечатать подписные листы и разослать ихъ различнымъ лицамъ съ просьбою оказать посильное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

Пожертвованія принимаются въ правленіи харьковскаго университета и въ редакціи „Кіевской Старины“. Имена жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

Библіографія.

Лучицкій И. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889. Въ 8 д., стр. 33+1 ненум.

Брошюра проф. Лучицкаго посвящена разсмотрѣнію одной изъ архаическихъ формъ землевладѣнія, отстатки которой уцѣлѣли мѣстами въ Малороссіи еще и до настоящаго времени, извѣстной въ памятникахъ юридическаго быта подъ именемъ владѣнія «сябровъ», иногда «сябровства». Вопросъ о формахъ владѣнія и пользованія землею въ южной Руси очень недавно еще считался рѣшеннымъ окончательно въ томъ смыслѣ, будто здѣсь издавна установилось и господствуетъ землевладѣніе исключительно личное, подворное, участковое. На самомъ дѣлѣ, это было только одностороннее предрѣшеніе вопроса, основанное на поверхностномъ наблюденіи и на черезчуръ неполномъ изученіи современныхъ поземенныхъ отношеній. Довольно указать, что владѣніе чиншевое, какъ особый видъ вещнаго права, въ сущности представляющій собою отдѣленіе гражданскаго права собственности на землю отъ соединенныхъ съ землевладѣніемъ политическихъ правъ, оставалось до недавняго времени совершенно неизвѣстнымъ русской наукѣ, и едва три года, какъ оно признано законодательствомъ, и то далеко не на всемъ пространствѣ его дѣйствительнаго распространенія. Не говоря о маловыясненномъ владѣніи чиншевиковъ бессарабскихъ, «резешей», о которыхъ есть по крайней мѣрѣ особыя постановленія, чиншевое владѣніе Новороссіи, извѣстное здѣсь подъ названіемъ «ôторъ», не только совершенно игнорируется до сихъ поръ закономъ, но едва только отмѣчено въ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣткахъ, большею частью газетныхъ, и не вызвало еще ни одного серьезно-научнаго изслѣдованія.

Ближайшее ознакомленіе съ современными способами владѣнія землею въ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи, преимущественно

полтавской губерніи и бывшей слободской Украины, т. е. губерніи харьковской, показало, что участковое владѣніе здѣсь вовсе не исключительно, что и теперь еще существуетъ и общинное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ относительно всѣхъ вообще земель, въ другихъ оно примѣняется только къ нѣкоторымъ видамъ угодій. Едва начавшееся изученіе и обнародованіе документовъ сравнительно недавняго прошлаго, частью XVII, а болѣе XVIII в., обнаружило, что общинное землевладѣніе было въ нѣкоторыхъ частяхъ Малороссіи формою преобладающею. И все еще совершенно не выясненъ вопросъ, въ какой мѣрѣ и въ какихъ мѣстностяхъ можно допустить здѣсь переживаніе и преемственность поземельной общины, какъ учрежденія болѣе древней эпохи, а гдѣ оно составляетъ явленіе позднѣйшее, вторичное, возникшее уже на почвѣ «займанщины», когда она совершалась не отдѣльнымъ лицомъ, а административно-юридическою единицей, во время массовой колонизаціи днѣпровскаго лѣвобережья съ пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общинное пользованіе, примѣняемое только къ спеціальнымъ видамъ угодій, притомъ не съ передѣломъ участковъ, а съ общимъ трудомъ и раздѣломъ собраннаго продукта (заливные луга, болотные сѣнокосы, лозовыя заросли, камышовыя плавни и т. под.), строго обусловлено характеромъ мѣстности, а время и способъ его возникновенія и дальнѣйшихъ модификацій для каждаго отдѣльнаго случая могутъ быть совершенно различны и должны быть каждый по возможности разъ выяснены особо. Есть, наконецъ, несомнѣнные, строго констатированные факты, что общинное владѣніе, съ передѣломъ всѣхъ земель, кромѣ усадебъ, возникло едва на нашихъ глазахъ, всего какихъ нибудь десять лѣтъ назадъ, что не исключаетъ нисколько существованія здѣсь этого владѣнія, хотя быть можетъ въ совсѣмъ иныхъ формахъ, въ эпохи болѣе раннія, причемъ оно могло переходить изъ общиннаго въ личное и обратно, и не одинъ, а даже по нѣсколько разъ [1]).

---

[1]) У насъ были въ рукахъ офиціально завѣренныя копіи общественныхъ приговоровъ казенныхъ крестьянъ с. Иванькова и сосѣднихъ селъ иваньковской же волости, въ сѣверо-восточной части переяславскаго уѣзда, о передѣлѣ земель по душамъ. Приговоръ составленъ *въ 1879 году*, въ періодъ выдачи каз. крестьянамъ владѣнныхъ записей. О существованіи здѣсь общиннаго владѣнія и передѣловъ когда либо раньше у жителей не сохранилось воспоминанія, такъ что если и допустить его, то во всякомъ случаѣ оно смѣнилось подворнымъ очень давно, и къ 1879 г. неравномѣрность участковъ достигла поразительныхъ размѣровъ: въ рукахъ отдѣльныхъ семействъ сосредоточились владѣнія въ 90 и болѣе десятинъ, тогда какъ у

Необходимо отмѣтить, что если не самыя первыя указанія на существованіе въ южной Россіи общиннаго владѣнія, то установленіе этого факта впервые на документальныхъ данныхъ для прошлой и современной Малороссіи, принадлежитъ въ наибольшей степени г. Лучицкому. Изъ сказаннаго выше объ этой формѣ владѣнія видно между прочимъ, что относящіеся сюда случаи крайне разнообразны по времени происхожденія и по характеру, такъ что общая для всѣхъ ихъ теоретическая формула совершенно невозможна, а частныя формулы, въ неизвѣстномъ еще количествѣ, могутъ быть установлены только послѣ долгихъ и мелочныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ. Въ новой своей работѣ г. Лучицкій дѣлаетъ указаніе на строй землевладѣнія, отличающійся и отъ общиннаго, и отъ личнаго, не по формѣ только, но типически, такъ какъ основной принципъ его совсѣмъ иной, чѣмъ въ томъ и въ другомъ. Конечно, эта первая попытка изслѣдованія «сябриннаго» владѣнія, по одной уже недостаточности матеріала, едва ли можетъ дать точные отвѣты относительно происхожденія, сущности, типическихъ признаковъ и частныхъ варіантовъ «сябриннаго» владѣнія. Это очень ясно видитъ самъ авторъ, о чемъ и заявляетъ категорически.

«Въ длинной серіи вопросовъ,—говоритъ онъ съ первой же строки,—относящяхся до исторіи поземельнаго строя старой Малороссіи и едва затронутыхъ наукою, вопросу о сябрахъ и сябринномъ землевладѣніи посчастливилось менѣе всего». Его не коснулись до сихъ поръ ни историки, ни изслѣдователи и издатели матеріаловъ, въ которыхъ о немъ нерѣдко упоминается, а земскіе статистики черниговской гу-

---

многихъ остались всего клочки въ 1—1½ дес. пахати, а нѣкоторые владѣли однѣми только усадьбами.—Эта мѣстность, по верховьяхъ Ильтыци (Альты) и далѣе къ Трубайлу (Трубежу), несомнѣнно была заселенною еще въ княжескій періодъ; послѣ татарскихъ разореній Иваньковъ, подъ именемъ Иванковичъ, упоминается уже очень рано въ XVI в., какъ поселеніе старинное; въ Хмельниччину и въ послѣдующее время сюда, конечно, тоже прибыли въ большомъ числѣ выходцы изъ Заднѣпровья, а поземельная организація должна была сложиться на одинаковыхъ основаніяхъ съ болѣе южными и восточными мѣстностями,—займанщинами съ общиннымъ характеромъ. Если предположить по аналогіямъ появленіе общиннаго строя и здѣсь въ моментъ самаго заселенія мѣстности или при наплывѣ въ нее сразу массы колонистовъ, то общинный типъ владѣнія съ 1879 г. явится *четвертою* или по крайней мѣрѣ *третьею* формаціею этого типа, съ неизвѣстными пока промежуточными наслоеніями; если же признать возникновеніе его десять лѣтъ назадъ явленіемъ первичнымъ, то оно оказывается, ни юридически, ни тѣмъ болѣе исторически, не соизмѣримымъ съ общиннымъ владѣніемъ въ другихъ мѣстахъ Малороссіи.

берніи, гдѣ сохранились еще мѣстами остатки этой формы владѣнія [1]), не только не дали ихъ точнаго и подробнаго описанія, но даже обошли полнымъ молчаніемъ. «Понятно, читаемъ далѣе, съ какими трудностями приходится имѣть дѣло при изслѣдованіи вопроса о сябрахъ и сябринномъ владѣніи», тѣмъ болѣе, что «изслѣдователю необходимо прежде всего отыскивать матеріалы, собирать по крупицамъ документы, разсѣянные и въ частныхъ архивахъ, и въ архивахъ различныхъ городовъ юга Россіи, а то, что издано, даетъ о предметѣ лишь слабое представленіе». Перечисливъ затѣмъ бывшіе въ его распоряженіи матеріалы, относящіеся только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ трехъ юго-западныхъ уѣздовъ черниговской губерніи [2]), г. Лучицкій оттѣняетъ, что «новый матеріалъ, которымъ онъ могъ располагать, слишкомъ еще недостаточенъ, чтобы можно было на основаніи его прійти къ окончательному рѣшенію вопроса, слишкомъ малъ и неполонъ, чтобы выяснить всѣ стороны разсматриваемаго явленія: на нѣкоторые частные вопросы, возбуждаемые при изученіи сябриннаго владѣнія, въ немъ нѣтъ данныхъ для отвѣта».

Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла, на первомъ планѣ слѣдовало бы поставить опубликованіе самаго матеріала, по возможности вполнѣ, чтобы дать возможность и другимъ изслѣдователямъ отнестись къ нему самостоятельно, а критикѣ—провѣрить самые пріемы автора при пользованіи этимъ матеріаломъ и тогда уже высказать свою оцѣнку его труда. Если г. Лучицкій находилъ по чему либо для себя неудобнымъ обнародовать свои документы отдѣльно, и вообще ранѣе основаннаго на нихъ изслѣдованія, то слѣдовало послѣднему придать большую законченность и полноту, обставивъ его при этомъ всѣми имѣвшимися въ распоряженіи автора документальными дан-

---

[1]) Они уцѣлѣли также, сколько намъ извѣстно, и въ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ боярскихъ селъ полѣсья овручскаго (напр. Толкачи-Лосинскіе въ с. Гладковичахъ).

[2]) Уѣзды черниговскій, городницкій и остерскій авторъ считаетъ западной частью „Сѣверщины“ едва ли не напрасно. Это анахронизмъ: хотя начальная лѣтопись относитъ къ области сѣверянъ Посулье, конечно, въ верхнемъ теченіи рѣки, а въ XVI еще вѣкѣ Сиверомъ именовались и мѣстности болѣе южныя, вообще дикое поле къ востоку отъ осѣдлаго Поднѣпровья, даже по верхней Ворсклѣ и Орели, но въ XVII в., особенно съ Андрусовскаго договора, когда югозападный уголъ нынѣшней черниговской губерніи (т. е. уѣзды остерскій и козелецкій) вошелъ въ составъ полка кіевскаго, названіе Сѣверщины сохранилось главнымъ образомъ за стародубскимъ полкомъ, т. е. бывшимъ повѣтомъ того же имени смоленскаго воеводства и за новгородскимъ воеводства черниговскаго.

ными, въ видѣ достаточно обширныхъ выдержекъ. Къ сожалѣнію, этому воспрепятствовало обстоятельство чисто случайное, именно помѣщеніе статьи первоначально въ журналѣ *общаго* содержанія (она напечатана въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1889, кн. I и II). Такой способъ изданія работъ строго спеціальнаго содержанія, относящихся къ вопросу совершенно новому и основанныхъ на матеріалахъ неизданныхъ, представляетъ серьезныя неудобства. Онъ налагаетъ на автора цѣлый рядъ разнообразныхъ стѣсненій, напр., въ отношеніи объема статьи, а въ особенности необходимостью избѣгать переполненія ея сырымъ матеріаломъ, какъ бы ни былъ необходимъ послѣдній по существу дѣла: для средняго журнальнаго читателя, а слѣдовательно и для самого журнала, онъ представляетъ въ литературномъ смыслѣ только «балластъ», котораго и журналъ, и читатели одинаково избѣгаютъ. Журнальная статья требуетъ цѣльности, и это лишаетъ автора возможности остановиться на разсмотрѣніи вопросовъ, хотя и не входящихъ въ его прямую задачу, но *предварительное* рѣшеніе которыхъ существенно для нея необходимо. Журнальная статья требуетъ законченности, и авторъ, сознавая всю скудость наличнаго матеріала, его неполноту, недостаточность критической его провѣрки, даже собственное «малое знакомство съ современными остатками» изслѣдуемаго историческаго явленія,—вынужденъ тѣмъ не менѣе высказать, хотя бы въ умышленно неясной гипотетической формѣ, такіе выводы и обобщенія, право на которые отнюдь не вытекаетъ изъ имъ же самимъ очерченнаго положенія вопроса, изъ его же оцѣнки количества и качества документальныхъ данныхъ.

Основательность только что высказанныхъ соображеній мы въ настоящую минуту рельефнѣе всего можемъ подтвердить ссылкою на тѣ разнообразныя и немалочисленныя оговорки, какія г. Лучицкій счелъ необходимымъ предпослать своему изслѣдованію. Намъ необходимо привести ихъ, чтобы опредѣлить, чего именно мы вправѣ отъ него ожидать и требовать, въ предѣлахъ собственныхъ обѣщаній автора, хотя его обѣщанія, т. е. опредѣленіе цѣли и задачи статьи, вслѣдствіе неизбѣжной коллизіи ея *научнаго содержанія*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *журнальнаго характера*, поневолѣ двоятся и для него самого. Въ этой статьѣ авторъ «не имѣлъ въ виду излагать всей той суммы выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ на основаніи указаннаго имъ матеріала». Цѣлью его было—«указать наиболѣе характерныя черты малорусскаго сябриннаго владѣнія, изобразить нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся стороны формъ и порядковъ его». Онъ «отлагаетъ до

другого раза разсмотрѣніе того вліянія, какое оказало на сябринное землевладѣніе развитіе крупной поземельной собственности, и тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, какимъ подвергся институтъ сябринства, приводившихъ то къ созданію подворной собственности, то,—въ меньшемъ числѣ случаевъ,—къ установленію общинныхъ порядковъ пользованія» [1]). Отъ разсмотрѣнія вопросовъ побочныхъ, какъ ни важны отвѣты на нихъ для главной задачи, авторъ тоже пока отказывается. «Вопросъ о сябринномъ владѣніи самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ (Sic: зачѣмъ же разрывать?) образомъ связанъ съ рядомъ вопросовъ о формахъ и характерѣ семейнаго строя старой Малороссіи, о патронимическихъ названіяхъ селъ и т. п. Вопросы эти затронуты такъ же мало, какъ и вопросъ о сябрахъ, между тѣмъ автору неизбѣжно приходится касаться ихъ. Понятно (?), что онъ вынужденъ лишь намекать на факты, подтверждающіе его выводы въ этой области: приводить ихъ всѣ, подробно доказывать ихъ,—значило бы безъ мѣры увеличить размѣры статьи и тѣмъ нарушить гармонію цѣлаго. Онъ долженъ ставить свои выводы, лишь вскользь доказывая ихъ». Всѣмъ этимъ самоограниченіямъ автора вполнѣ соотвѣтствуетъ и одно изъ опредѣленій имъ своей ближайшей цѣли, по этому опредѣленію болѣе публицистической, чѣмъ ученой. «Я имѣлъ въ виду, говоритъ онъ, дать лишь матеріалъ для будущихъ обобщеній, вѣрнѣе, *дать толчекъ* изслѣдованіямъ такого любопытнаго факта, какимъ является въ исторіи землевладѣнія сябринство».

Эта ближайшая практическая цѣль статьи, надѣемся, будетъ достигнута, оказываемъ ей и настоящей рецензіей посильное содѣйствіе, способствуя уясненію важности затронутыхъ въ ней вопросовъ и стараясь возбудить къ нимъ вниманіе. Впрочемъ, мы не имѣли бы повода говорить о нихъ въ данной формѣ, если бы, къ счастью, авторъ не опредѣлилъ своей задачи и болѣе положительными чертами, по отно-

---

[1]) Если г. Лучицкому извѣстны несомнѣнные факты послѣдняго рода, которые могутъ быть доказаны и установлены съ надлежащей точностью, то выдѣлять ихъ изъ разсмотрѣнія „сябринства" по существу не находимъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ они указали бы его истинное значеніе и мѣсто въ ряду звеньевъ исторической цѣпи, какую представляетъ смѣна и эволюція формъ поземельной собственности. Они представили бы чрезвычайную важность, во первыхъ, для науки русской, опредѣляя естественный синтезъ враждебныхъ ученій о бытѣ родовомъ и о бытѣ общинномъ, и для исторіи земельнаго владѣнія вообще, уясняя такія далеко невполнѣ еще объясненныя организаціи, каковы, напримѣръ, шотландскіе кланы, по составу единицы родовыя (хотя съ широкимъ допущеніемъ адопціи), а по землевладѣнію аналогичныя съ сохранившимися общинами Россіи или Индіи, въ которыхъ родовая связь совершенно

шенію къ желаемымъ прямымъ научнымъ результатамъ. Именно, онъ надѣется своимъ изслѣдованіемъ «дать болѣе или менѣе полное юридическое опредѣленіе самого института сябриннаго владѣнія въ отличіе его отъ другихъ институтовъ землевладѣнія», находя, что и на основаніи имѣющагося у него матеріала, недостатки котораго онъ самъ такъ рѣзко характеризовалъ, «теперь уже представляется возможнымъ выяснить нѣкоторыя черты сябриннаго землевладѣнія, какъ оно существовало въ Малороссіи, значительно пополнить тѣ данныя о немъ, которыя были въ разное время изданы, истолковать статьи о сябрахъ литовскаго статута и «Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ», изложить, наконецъ, нѣкоторыя формы пользованія сябринными угодьями». Посмотримъ, въ какой мѣрѣ авторъ выполнилъ самимъ имъ поставленную для себя задачу, при чемъ останемся въ границахъ сообщаемаго имъ матеріала и въ очерченныхъ имъ рамкахъ изслѣдованія: расширяя область послѣдняго или привнося въ нее новый неизданный еще матеріалъ [1]), мы вышли бы изъ предѣловъ рецензіи черезчуръ уже далеко.

Чтобы сдѣлать изложеніе болѣе яснымъ для читателей, изъ которыхъ очень многіе, навѣрно, въ первый разъ встрѣчаются съ самымъ словомъ «сябры», какъ юридическимъ терминомъ, обозначающимъ спеціальный видъ владѣнія недвижимостью, мы должны сначала формулировать какъ можно короче (хотя и опредѣленнѣе) тѣ общіе выводы, къ какимъ пришелъ г. Лучицкій, и тогда уже перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію его аргументаціи.

Словомъ «сябры», извѣстнымъ въ разныхъ варіантахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, обозначаютъ членовъ одного общаго хозяйства, пайщиковъ извѣстнаго предпріятія, даже просто сосѣдей и всѣхъ вообще однообщинниковъ. Въ такомъ же смыслѣ употреблялось оно и въ Малороссіи XVIII столѣтія, хотя не всѣ оттѣнки его значенія приведены въ извѣстность. Наиболѣе близко будетъ пере-

---

отсутствуетъ. Они доказали бы намъ воочію переходъ двухъ типически различныхъ формъ и возможность ихъ сосуществованія, слѣды котораго замѣчаются въ старогерманской маркѣ, и противорѣчія которыхъ приводили иногда въ затрудненіе ея классическаго изслѣдователя, Маурера. Къ сожалѣнію, *извѣстные* до сихъ поръ факты о владѣніи нашихъ „сябровъ" на это не даютъ указаній.

[1]) Въ распоряженіи редакціи „Кіевской Старины" имѣются, въ числѣ другихъ неизданныхъ документовъ, и акты, упоминающіе о владѣніи сябровъ. Но говорить о нихъ будетъ удобнѣе, когда они будутъ изданы въ полномъ видѣ, на что есть надежда въ недалекомъ быть можетъ будущемъ.

дать его словомъ совладѣльцы, участники общаго владѣнія. Но не каждое общее владѣніе представляетъ собою сябровство: только позднѣйшее распространительное примѣненіе термина привело къ употребленію его и относительно общаго владѣнія, возникающаго между людьми посторонними, на договорной почвѣ. Генетически же оно соотвѣтствуетъ только такому общему владѣнію, которое возникло путемъ наслѣдованія отъ общаго предка. Осуществляется оно не въ формѣ болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія опредѣленною частью общаго имущества, а только въ формѣ полученія опредѣленной доли изъ суммы его доходовъ, и потому имѣетъ характеръ отвлеченнаго права, или, какъ выражается авторъ, характеръ идеальный. Долевое участіе каждаго изъ совладѣльцевъ, при дальнѣйшемъ дробленіи, опредѣляется по праву представительства, сообразно той долѣ «идеальнаго пользованія во всѣхъ безъ исключенія угодьяхъ и земляхъ сяброваго союза», какая причиталась ближайшему его предку, въ результатѣ всѣхъ предыдущихъ раздѣловъ этого пользованія, при распаденіи первоначальной семьи на отдѣльныя экономическія единицы. Участники общаго владѣнія могутъ переуступать свои доли, цѣликомъ или извѣстную ихъ часть, другимъ совладѣльцамъ, а посторроннимъ лицамъ только съ согласія прочихъ сябровъ. Вслѣдствіе прогрессивнаго дробленія долей и переступокъ не конкретныхъ участковъ, а только идеальнаго долеваго участія въ общемъ пользованіи, размѣры дѣйствительнаго пользованія каждаго участника могутъ быть весьма различны, но они «пропорціональны другъ другу». Каждый изъ сябровъ, перешло ли къ нему его право путемъ наслѣдованія или по переуступкѣ съ общаго согласія, имѣетъ право голоса въ сябринныхъ собраніяхъ и въ распредѣленіи угодій. Такимъ образомъ, по г. Лучицкому, собственно подъ словомъ сябръ въ болѣе раннее время разумѣлась «семья или семейная группа, имѣющая право участія въ пользованіи угодьями, принадлежащими всей совокупности родичей, въ силу кровной связи своей съ родовою группою, связи дѣйствительной или искусственной», и обладающая другими указанными здѣсь правовыми аттрибуціями.

Упомянувъ о распространенности слова сябръ не только въ Россіи, но и у другихъ славянъ, авторъ не приводитъ однако ни одного примѣра его употребленія въ другихъ языкахъ, между тѣмъ какъ указаніе значенія его въ нихъ имѣло бы не маловажное значеніе, pro или contra, для его теоріи. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для литовскаго языка, ссылаясь на одну изъ статей Мацѣіовскаго въ «Рус.

Бесѣдѣ», гдѣ онъ объясняетъ слово sebras и комментируетъ его извѣстнымъ литовскимъ хозяйственнымъ обычаемъ, имѣющимъ юридическій характеръ, такъ какъ sebras, первоначально безземельный припущенникъ земледѣльца--собственника, дѣлается затѣмъ соучастникомъ въ его владѣніи. Такое превращеніе у Мацѣіовскаго совершенно не мотивировано, литвинъ принимаетъ къ себѣ сябра точно изъ филантропіи, и комментарій, въ такой неточной его формѣ, самъ обличаетъ свою несостоятельность, такъ какъ этимъ путемъ невозможно опредѣлить, что именно подъ нимъ скрывается въ дѣйствительности. Но въ томъ же мѣстѣ Мацѣіовскій, хорошій знатокъ современнаго и древняго русскаго языка теоретически, употребляетъ однако слово «наробокъ» въ его польскомъ значеніи, соотвѣтствующемъ этимологіи слова отъ рабъ или «роби» и его старинному употребленію въ смыслѣ потомка раба или рабыни, позже оно значитъ батракъ, наймитъ. При такомъ пониманіи комментарій Мацѣіовскаго можетъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что sebras дѣлался таковымъ, т. е. участникомъ владѣнія, сначала поработавъ принимающему его хозяину какъ батракъ wajkas, и когда онъ, по испытаніи, окажется благонадежнымъ, то и получаетъ права, какими пользуются wajkai [1]), дѣти. Мы готовы думать, что здѣсь имѣемъ дѣло съ усыновленіемъ, какъ однимъ изъ источниковъ возникновенія «сябровства». Такой фактъ не только не идетъ въ разрѣзъ съ общей теоріей г. Лучицкаго, а прямо говорилъ бы въ ея пользу, но авторъ, къ сожалѣнію, принялъ слово наробокъ, въ его польскомъ значеніи у Мацѣіовскаго, за однозначащее съ малорусскимъ омонимомъ этого слова, и это лишило автора возможности отыскать руководящую нить, а комментарій М—го, въ необъясненномъ видѣ представляется въ статьѣ только излишнимъ балластомъ. Автору понадобился онъ въ подтвержденіе мимоходнаго замѣчанія: «Судя по тому что говорилось о сябрахъ въ литературѣ, начало товарищества является какъ существенный аттрибутъ сябровства» [2]). Но именно это начало выступаетъ на первый планъ не только въ сохранившихся остаткахъ сябровскаго владѣнія, но даже и въ довольно отдаленныхъ по времени фактахъ, въ родѣ тутъ же цитируемаго примѣра пользова-

---

[1]) Филологическое соотношеніе между wajkas и wajkai совершенно то же самое, что между чадо и др. рус. чадь=челядь, домочадцы, слуги.

[2]) Предпочитаемъ эту форму термина, вм. употребляемой авторомъ „сябринство“, потому, вопервыхъ, что она существуетъ въ самыхъ документахъ, а не скована набѣло, вовторыхъ же, она болѣе соотвѣтствуетъ общему складу той рѣчи, какою написаны относящіеся къ сябрамъ документы.

нія мельницею. Въ с. Лукашахъ переяслав. полка была на рѣкѣ запруда, устроенная козакомъ Гарбузомъ; въ 1737 г. козаки того же села, три брата Яценка, вошли съ Гарбузомъ въ сдѣлку, по которой они получаютъ отъ него право построить на его плотинѣ мельницу. Доходъ съ мельницы долженъ идти пополамъ Гарбузу и Яценкамъ, пополамъ же должны они нести издержки по содержанію плотины въ исправности. Ясно, что въ данномъ случаѣ,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—какъ и въ цѣломъ рядѣ подобныхъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто *промышленнымъ* предпріятіемъ, основанномъ на *коммерческомъ* разсчетѣ людьми чуждыми другъ другу, не связанными родственными узами». Г. Лучицкій замѣтилъ, что начало товарищества вовсе не исчерпываетъ понятія «сябровства»,—послѣднее было значительно уже. Онъ ставитъ свое замѣчаніе въ формѣ вопроса: Можно ли примѣнить понятіе товарищества «къ порядкамъ сябринства и къ понятію о сябрѣ и сябровствѣ, какъ они существовали въ старой Малороссіи, и разъ дѣло шло о землѣ, земельныхъ отношеніяхъ»? Что отвѣтъ на такой вопросъ долженъ послѣдовать отрицательный, очевидно же изъ общаго изложенія теоріи г. Лучицкаго, какое мы сдѣлали выше; но напрасно онъ вводитъ въ основу сябровства владѣніе поземельное: только здѣсь и затѣмъ далѣе въ другихъ частныхъ случаяхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сябровство возникало изъ договора, участіе въ пользованіи *недвижимостью* составляло *существенный* его аттрибутъ. Ни въ одномъ документѣ мы не находимъ употребленія слова сябры въ значеніи товарищей «по предпріятію», оно не получило въ южной Руси того болѣе широкаго смысла, въ какомъ изъясняетъ его Даль.

Одно изъ великорусскихъ значеній слова шабёръ, именно «сосѣдъ», ввело между прочимъ и г. Лучицкаго въ ошибку, въ силу которой онъ отождествляетъ его и у насъ со словомъ «помежникъ», вопреки прямому смыслу имъ же приводимаго текста. Въ документѣ сказано: «продалъ (земельный участокъ) такому то сябру, яко помежнику своему» (стр. 25), изъ чего ясно, что оба термина не только не однозначущи, а и несоизмѣримы. Первый относится къ соучастію во владѣніи, чѣмъ обусловливается самая продажа помимо согласія прочихъ соучастниковъ, о которомъ здѣсь не упомянуто, второй же указываетъ фактъ простаго сосѣдства, которымъ только объясняется покупка земли именно даннымъ лицамъ, по простому удобству владѣнія безъ чрезполосности.

Наиболѣе характерны и соотвѣтствуютъ основнымъ положеніямъ автора факты, относящіеся къ д. Бѣликамъ, бывшей остерской сотни. Они любопытны тѣмъ, что обнимаютъ весьма значительный промежутокъ времени, съ конца XVI до второй половины XVIII в., и по нимъ возможно прослѣдить рядъ постепенныхъ измѣненій въ формахъ владѣнія. Возникло оно изъ «наданья», еще въ 1560 г., боярину Билику земель, называемыхъ Лукаревскими, что было подтверждено въ послѣдующее время неоднократно, послѣдній разъ въ 1646 году. Въ это время потомки Билика настолько умножились въ числѣ, что составляли восемь отдѣльныхъ дворовъ, но всѣ земли оставались въ ихъ общемъ владѣніи. Передѣлились они только въ началѣ XVIII в., и этотъ раздѣлъ сохранялся еще и въ 1766 году, хотя дворовъ было уже 10, но 4 изъ нихъ владѣли сообща, по два, первоначальными участками, въ размѣрѣ $^1/_8$ всѣхъ земель. Владѣніе стало однако неравномѣрнымъ, такъ какъ въ 1749 г. двѣ семьи, входившія въ составъ двора изъ 6 семействъ, продали свою часть, т. е. $^1/_3$ изъ $^1/_8$; какъ относительно этой продажи, такъ и другой, гдѣ была отчуждена $^1/_8$ владѣнія въ полномъ составѣ, авторъ не упоминаетъ, состоялось ли отчужденіе въ пользу соучастниковъ или постороннихъ лицъ. Онъ приводитъ только условіе продажи, изъ котораго видно, что уступалось не опредѣленное, отграниченное пространство, а только право участія въ извѣстномъ размѣрѣ, т. е. угодья оставались de facto неразмежеванными.

Мы изложили свѣдѣнія о д. Бѣликахъ довольно подробно, такъ какъ самъ авторъ, съ «очевидностью» усматриваетъ въ немъ «типическій случай сябриннаго владѣнія, основаннаго на родственномъ, кровномъ началѣ» (стр. 17). Не излагая другого сходнаго случая, относящагося къ владѣнію околичныхъ овручскихъ шляхтичей кубилинскихъ, такъ какъ документы о немъ напечатаны вполнѣ[1]), приведемъ еще замѣчаніе автора, что «начало кровной связи, лежащее въ основѣ сябриннаго владѣнія въ этихъ примѣрахъ, выступаетъ рѣшительно во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ нимъ» (18). Такъ ли это, сейчасъ увидимъ. Начнемъ съ «пропорціональности» правъ отдѣльныхъ семей или ихъ группъ, дворовъ, къ которой авторъ возвращается еще разъ подробнѣе (29—30). Здѣсь онъ приводитъ изъ Рум. описи подробныя цифровыя данныя о размѣрахъ владѣнія каждой группы въ 6 поселеніяхъ козаковъ.

[1]) Архивъ Ю. З. Р., ч. IV, т. I, № XII и др.

Прежде всего замѣтимъ, что мѣрою здѣсь обозначена только пахатная земля, такъ какъ лѣса, рыбныя ловли и т. п., остаются въ общемъ пользованіи; при этомъ возможно допустить, что размѣры послѣдняго были соотвѣтственны участкамъ пахати, или же участіе въ немъ было болѣе равномѣрнымъ. Въ Бѣликахъ мы только что видѣли чистый примѣръ раздѣла на основаніи *представительства*, т. е. начала кровнаго; сначала все владѣніе распалось на 8 долей, затѣмъ отъ одной изъ нихъ отдѣлена еще треть. Это и будетъ ясно, если выразимъ размѣры права участія позднѣйшаго времени въ дробяхъ: не менѣе шести группъ (изъ 10 дворовъ 1766 г., при чемъ 2 группы по 2 двора) владѣютъ по $^1/_8$, одна $^1/_{12}$ ($^2/_{24}$), еще одна $^1/_{24}$ или же эта доля пріобрѣтена остальнымъ соучастникомъ, и тогда у него будетъ $^1/_6$ ($^1/_8 + ^1/_{24} = ^4/_{24}$). Процессъ правильнаго дробленія здѣсь яс нъ изъ того, что знаменатель наименьшей доли будетъ *кратнымъ* для прочихъ. Такой пріемъ разсчета представляется единственно правильнымъ, и онъ только обнаружитъ постепенность дѣлежей и основанія ихъ «пропорціональности». Нѣкоторые примѣры изъ 6 поселковъ приводимыхъ у г. Лучицкаго вполнѣ эту провѣрку выдерживаютъ. Въ д. Манкахъ 3 двора; два въ числѣ 7 семействъ, имѣютъ сообща 20 «чвертокъ» поля, остальной, въ 4 семьи, 12 чв., т. е. $^5/_8$ и $^3/_8$. Очвидно, что здѣсь раздѣлъ произошелъ согласно схемѣ г. Лучицкаго, притомъ процессъ могъ быть двоякій: или въ самый моментъ дѣлежа въ первой группѣ было 5 равноправныхъ семей, а во второй 3, или же владѣніе распалось сначала пополамъ, а потомъ вторая группа уступила первой $^1/_4$ своей доли, т. е. $^1/_8$ всего владѣнія. Въ Галковѣ дворовъ 3; у перваго (3 сем.) 18 чвертокъ, у двухъ (3 и 2 семьи) по 6; здѣсь тоже могло случиться разно: или первый дворъ представлялъ уже при дѣлежѣ 3 семьи высшаго порядка и получилъ $^3/_5$, остальные же по одной; или же процессъ могъ имѣть такой видъ: все владѣніе раздѣлилось сначала пополамъ, затѣмъ первая группа пріобрѣла отъ второй $^1/_5$ ея права ($^1/_2 + ^1/_{10} = ^3/_5$), и вторая еще позже раздѣлилась на двѣ (по $^2/_{10}$ изъ оставшихся $^4/_{10}$). Не обременяя изложенія дальнѣйшими выкладками, замѣтимъ, что схемѣ дѣлежа по представительству удовлетворяютъ еще одни Неданчичи, гдѣ процессъ дѣленія, хотя гораздо болѣе сложный, можетъ быть какъ нибудь выясненъ; въ трехъ же прочихъ поселкахъ это оказывается невозможнымъ, такъ какъ знаменателемъ наименьшей доли являются числа: 17, 67 и 79, некратныя ни для какихъ другихъ; при этомъ они превышаютъ наличное число семействъ, такъ что

происхожденіе ихъ совершенно необъяснимо. Можетъ быть, въ цифрахъ по с. Мысамъ есть описка или опечатка, можетъ быть, мы сами ошибаемся; но пока г. Лучицкій не выяснитъ намъ, какимъ путемъ образовалось здѣсь у одного пятисемейнаго двора, при общемъ ихъ числѣ 8 (всѣхъ семей 29), владѣніе въ 1 чвертку, когда всей пахати чвертокъ 79,—его теорія раздѣловъ *на кровномъ началѣ представительства* представляется болѣе чѣмъ спорною...

Но возвратимся еще къ «типическому» владѣнію въ Бѣликахъ. Почему именно 8 его дворовъ еще въ 1646 году владѣли сообща, а потомъ подѣлились? Ни автору, ни намъ это неизвѣстно, самый фактъ дѣлежа могъ быть вызванъ обстоятельствами чисто случайными; но причину того, что они не дѣлились *раньше*, мы можемъ указать почти съ полною достовѣрностью. Дѣло въ томъ, что Лукаревская земля была *надана* Бѣлику, а слѣдовательно самое владѣніе ею было обусловлено повинностью; не видѣвши даже самихъ привилегій, оставленныхъ г. Лучицкимъ неизданными, все таки осмѣливаемся утверждать, что наданье земли сопровождается здѣсь, какъ во всѣхъ прочихъ подобныхъ случаяхъ, формулою: «а онъ намъ съ того служити маетъ». Служба бояръ остерскихъ, какъ пограничныхъ, могла быть только военною, «конемъ», т. е. Лукаревская земля, во первыхъ, была неотчуждаемою въ постороннія руки по Статуту, а во вторыхъ съ нея долженъ былъ являться своимъ коштомъ вооруженный всадникъ, сколько бы потомковъ Билика не владѣли ею впослѣдствіи. Право шляхетства, земское, при которомъ позже можно было свободно распоряжаться имѣніемъ, имъ до самой Хмельниччины не досталось, и держало ихъ вкупѣ начало не родовое, а *налоговое*, феодальнаго характера. Этотъ то очень важный юридическій моментъ авторомъ совершенно упущенъ изъ виду, а онъ бы, можетъ быть, пролилъ совсѣмъ иной свѣтъ и на самое происхожденіе сябровства въ типической формѣ его. Если оно возникало и позже, притомъ не у полѣсскихъ бояръ, остерскихъ или овручскихъ, а южнѣе, на займанщинахъ, то здѣсь и нужно искать примѣровъ въ подтвержденіе, что типическая форма его именно такова, какъ изображаетъ ее авторъ, что оно имѣло тотъ же видъ и помимо давленія *извнѣ*.

Къ сожалѣнію, эти вопросы остаются не только безъ отвѣта, но даже не поставлены, какъ не поставлено и экономическое вліяніе условій мѣстности. Очень можетъ быть, что сябровство позднѣйшее, не-боярское, возникало все таки только тамъ, гдѣ во владѣніи сябровъ были напр. только обширные лѣса, дѣлить которые между со-

наслѣдниками было крайне затруднительно, пахать нужно было сначала расчистить, «вытеребить», «проробить». Тогда для объясненія его необходимо прибѣгнуть и къ началу *трудовому*, которымъ однимъ только и можно объяснить пахатные участки подворнаго пользованія въ 1/10, какъ «проробки», при болѣе равномѣрномъ для каждаго правѣ производить ихъ въ объемѣ представительства кровнаго.

Ставя эти вопросы, мы нисколько не умаляемъ значенія работы г. Лучицкаго, какъ «толчка изслѣдованіямъ такого любопытнаго факта, какимъ является въ исторіи землевладѣнія сябринство». «Матеріала же для будущихъ изслѣдованій», сравнительно съ объемомъ собраннаго уже авторомъ, оно даетъ несоразмѣрно мало. Смѣемъ даже думать, что въ значеніи только «толчка», статья, какъ журнальная, выиграла бы, если бы она была еще менѣе обременена мелкими деталями. Остается желать и надѣяться, что почтенный авторъ, съ такимъ живымъ интересомъ относящійся къ предмету своихъ изслѣдованій, не замедлитъ познакомить читателей съ имѣющимися у него любопытными фактическими данными во всей ихъ полнотѣ, а при обработкѣ ихъ приметъ также во вниманіе и законодательныя постановленія, и характеръ свободнаго крестьянскаго владѣнія въ королевскихъ имѣніяхъ Полѣсья, по многочисленнымъ изданнымъ уже документамъ изъ эпохи *предъ* введеніемъ «уставы о волокахъ». До сихъ же поръ онъ, по его собственному выраженію, если и «записалъ первыя буквы въ чистой еще страницѣ въ исторіи южно-русскаго права»,—то какія затѣмъ будутъ соотвѣтствовать этимъ буквамъ слова или даже первые ихъ слоги,—предугадать трудно.

Ив. Новицкій.

P. S. Еще одно мимоходное замѣчаніе. Авторъ «Сябровъ» довольно сильно упрекаетъ составителя «Обозрѣнія Румянцевской описи» въ цѣломъ рядѣ неточностей, какъ бы имѣющихъ систематическій характеръ. Зная строгую внимательность къ матеріалу обоихъ, мы можемъ допустить развѣ недоразумѣніе. Извѣстно, что нѣкоторыя части описи сохранились вдвойнѣ, въ черновыхъ и бѣловыхъ спискахъ. Третій ея изслѣдователь, г. Филимоновъ, утверждаетъ, что они между собою часто несогласны. Не происходитъ ли разногласіе г. Лучицкаго съ г. Лазаревскимъ отъ того только, что они пользовались разными списками? Желательно бы это выяснить.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ 6, 1888 г. Выпускъ 7, 1889 г. Тифлисъ.

Съ похвальною настойчивостью продолжаетъ Управленіе кавказскаго учебнаго округа свое полезное предпріятіе: всестороннее описаніе мѣстностей, входящихъ въ составъ округа. И дѣло идетъ сравнительно успѣшно, именно потому, что ведется безъ большихъ притязаній: собранные матеріалы печатаются безъ особенной системы, просто по мѣрѣ ихъ поступленія въ округъ. Это и понятно. Главными дѣятелями являются преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній края, людъ, какъ извѣстно, очень занятый прямымъ своимъ, педагогическимъ дѣломъ и потому не имѣющій возможности предоставить много времени такому сравнительно постороннему дѣлу, какъ составленіе статей для вышеуказаннаго сборника. Кромѣ того, къ работамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно учителей и воспитанниковъ [1]) низшихъ учебныхъ заведеній, слѣдовательно не получившихъ высшаго образованія, нельзя и предъявлять слишкомъ высокихъ требованій... И тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться, какъ, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, въ краѣ, не имѣющемъ своего университета, а потому лишенномъ высшихъ научныхъ силъ, успѣшно идетъ такое основательное изданіе, какъ названный сборникъ, шестой и седьмой выпуски котораго у насъ предъ глазами. Если мы къ тому же прибавимъ, что эти «выпуски»—собственно говоря цѣлые томы листовъ въ 30—35 каждый, то невольно должны подивиться усердію и трудолюбію, а иногда и даровитости, педагогическаго состава кавказскаго учебнаго округа. Правда, въ «сборникѣ» весьма много такъ называемаго сыраго матеріала, еще необработаннаго, немало статей, составленныхъ, быть можетъ, довольно бѣгло и такъ сказать, легковѣсно, и не соотвѣтствующихъ сколько нибудь строгимъ требованіямъ науки; но за то немало и дѣйствительно цѣнныхъ вещей, за которыя нельзя не сказать великаго спасибо почтенной редакціи сборника.

Въ предлежащихъ выпускахъ есть нѣсколько статей, небезъинтересныхъ для читателей «Кіевской Старины»; таковы, напр., тѣ работы, въ которыхъ заключаются описанія различныхъ станицъ Кубанской области, а также статьи, имѣющія непосредственное отношеніе къ южной Россіи, какова, наприм., слѣдующая: Страничка изъ

[1]) Есть и такіе авторы, особенно изъ учениковъ учительскихъ семинарій.

жизни грузинъ—поселенцевъ въ Малороссіи. Къ исторіи колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи, учителя П. Өедоровскаго. Хотя замѣтка эта (156—163) стр. даетъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по нѣсколько притязательному заглавію, но все таки читается она не безъ интереса и не лишена вообще значенія, тѣмъ болѣе, что составлена по документамъ архива Малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ. Въ 7 выпускѣ находятся слѣдующія описанія станицъ Кубанской области: *Станица Отрадная*, учителя Д. Иванова (10—40 стр.). Станица *Разшеватская*, учителя К. Живила (41—98 стр); Станица *Самурская*, воспитанника кубанской учительской семинаріи В. Кобеляцкаго (99—122); Станица *Бесленеевская*, учителя П. Близнюкова (133—152). Нѣкоторыя изъ этихъ описаній сдѣланы довольно бѣгло, хотя и всесторонне, другія нѣсколько пообстоятельнѣе; общее понятіе о предметѣ читатель, конечно, получаетъ, но иной разъ трудно удержаться отъ выраженія досады, когда видишь почти полное отсутствіе такого важнаго этнографическаго матеріала, какъ пѣсни, сказки и пр., вмѣсто чего встрѣчаешь только общія мѣста и фразы. Таковы именно двѣ послѣднія статьи, совершенно свободныя отъ этого богатаго матеріала. Правда въ статьѣ г. Близнюкова есть отдѣлъ «Пѣсни» (151—152 стр.), но въ немъ, вмѣсто самыхъ пѣсенъ, приведено лишь общее описаніе ихъ сюжетовъ...., не смотря на то, что самъ составитель статьи замѣчаетъ: «Бытовыхъ пѣсенъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ жизни, *здѣсь очень много*. Между этими пѣснями большой интересъ представляютъ свадебныя.... Военныя пѣсни изображаютъ печальную участь козака, отправляющагося на службу. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ рисуется горькое положеніе оставшихся при домѣ стариковъ—родителей или безпомощныхъ женъ съ малыми дѣтьми». А между тѣмъ, несмотря на это одобрительное мнѣніе о пѣсняхъ, составитель, какъ нарочно, не привелъ рѣшительно ни одной, словно бы хотѣлъ только раздразнить читателя.... Описаніе праздничныхъ обрядовъ у г. Близнюкова тоже не отличается обстоятельностію. Нѣкоторыя подробности, впрочемъ, очень любопытны, такъ какъ указываютъ живучесть южнорусскаго обряда при совершенно новыхъ условіяхъ жизни и обстановки. Такова, напр., приводимая составителемъ рождественская пѣсенка мальчиковъ, поздравляющихъ съ праздникомъ, пѣсенка, столь распространенная у насъ въ Малороссіи:

Я маленькій хлопчикъ
Взлѣзъ на столбчикъ,

У дудочку играю
Христа забавляю,
А хозяина съ хозяюшкой
Съ праздникомъ поздравляю.

Канунъ Новаго года и на Кубани носитъ названіе «Щедраго вечера», и между кушаньями, которыми такъ изобилуетъ день Новаго года, упоминаются составителемъ и знаменитые южнорусскіе «вареники», занимающіе, по его словамъ, *первое мѣсто*. «Въ семикъ дѣвицы отправляются въ лѣсъ и завиваютъ вѣнки; съ вѣнками на головахъ и вѣтвями въ рукахъ собираются гдѣ нибудь въ лѣсу вокругъ небольшаго деревца и водятъ хороводы». Затѣмъ идетъ сравнительно довольно подробное описаніе семицкихъ празднествъ, но, наприм., канунъ Иванова дня совершенно не описанъ: о немъ только упомянуто, какъ о «вечерѣ, соединенномъ съ повѣрьями и обрядами языческаго характера». **А. Степовичъ.**

Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. проф. Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1889 г.

Это новый небольшой трудъ проф. Багалѣя изъ цѣлаго ряда работъ его по исторіи колонизаціи южной Россіи; онъ интересенъ для насъ, какъ по тому, что намѣчаетъ, хотя отчасти, содержаніе имѣющаго выйти въ свѣтъ втораго тома «Очерковъ изъ исторіи, колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства», такъ и вообще по своимъ новымъ любопытнымъ даннымъ о матеріальной и духовной культурѣ переселенцевъ. Сущность настоящей рѣчи заключается въ краткомъ напоминаніи въ началѣ ея фактовъ изъ внѣшней исторіи колонизаціи, изложенной въ 1-мъ томѣ «Очерковъ», съ которымъ мы познакомили уже читателей. Подробно авторъ останавливается на обрисовкѣ культурнаго состоянія населенія, отмѣчая, что развитіе этого состоянія задерживалось въ первое время оборонительными войнами съ татарами, внутренними смутами въ сосѣднихъ областяхъ и физическими бѣдствіями. Съ переходомъ въ мирное положеніе культурное состояніе общества въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX-го начинаетъ быстро развиваться; земледѣліе, садоводство, шелководство, табаководство, огородничетаво, винокуреніе, гонка смолы, скотоводство, пчеловодство, добываніе соли и проч., а также ремесла и торговля принимаютъ широкіе размѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ

пробуждается и стремленіе къ образованію; открывается масса народныхъ церковно-приходскихъ школъ; за недостаткомъ постоянныхъ учителей создается институтъ странствующихъ (мандрованныхъ); какъ высшее всесословное учебное заведеніе, возникаетъ харьковскій коллегіумъ, воспитавшій многихъ общественныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, литературы и практической жизни; вліяніе коллегіума на мѣстное общество было весьма велико, не мало содѣйствовалъ поднятію общественнаго духа и украинскій философъ Г. С. Сковорода, который своимъ общеніемъ съ народомъ далъ большое распространеніе своей религіозно-нравственной проповѣди. Религіозно-нравственное настроеніе общества выразилось также и въ заботахъ его о монастыряхъ, храмахъ, причтахъ, церковныхъ братствахъ и госпиталяхъ. Таково было состояніе мѣстнаго общества предъ открытіемъ университета. Особенно подробно авторъ говоритъ о матеріальной культурѣ края, но глубоко прочувствованы его слова о духовной, и эта послѣдняя часть лучшая въ рѣчи. Тѣмъ не менѣе однако же, упоминая имя В. Н. Каразина въ началѣ и концѣ рѣчи, призывая общество почтить его память, какъ основателя университета, авторъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ характеристику его дѣятельности и лишь мимоходомъ называетъ его виновникомъ основанія харьковскаго университета. Другимъ немаловажнымъ пробѣломъ въ рѣчи мы считаемъ то, что авторъ, говоря очень подробно о культурѣ малорусской народности, совершенно обходитъ молчаніемъ вліяніе великорусской, и только въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ въ двухъ словахъ, что оно выразилось въ сферѣ промышленности и торговли. Отдѣльную обрисовку сѣверно-русской культуры, какова бы она ни была, авторъ также упускаетъ изъ виду, а между тѣмъ указаніе на характерныя особенности каждой національности и ихъ взаимодѣйствіе было и интересно, и нелишне. Не есть ли это упущеніе слѣдствіе спѣшнаго приготовленія рѣчи, отразившагося отчасти и на внѣшней формѣ ея?

И. Каманинъ.

Н. Н. Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава. 1888 г.

Основная мысль настоящаго небольшаго труда г. Любовича слѣдующая: въ Польшѣ, въ первой половинѣ XVI вѣка стало быстро развиваться реформаціонное движеніе. Папы обратили вниманіе на это явленіе и съ 1555 г. стали посылать въ Польшу нунціевъ; дѣя-

тельность послѣднихъ возбудила энергію католическаго духовенства и создала католическую реакцію противъ протестантовъ. Іезуиты, хотя и появляются въ Польшѣ около этого же времени, однако не были первыми дѣятелями въ этой реакціи; принимая же во вниманіе основаніе іезуитами своихъ коллегій, преимущественно въ русскихъ областяхъ, донесенія ихъ въ Римъ объ успѣхахъ ихъ борьбы съ еретиками и поддержку, оказываемую имъ королемъ Стефаномъ-Баторіемъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что борьба съ протестантизмомъ не составляетъ главной задачи іезуитовъ въ Польшѣ, а что они были призваны королемъ для выполненія его политическихъ цѣлей: окатоличеніемъ Руси Баторій хотѣлъ упрочить сліяніе ея съ Польшей или, выражаясь словами автора, «ему хотѣлось покорить Русь оружіемъ іезуитовъ». Г. Любовичъ основываетъ свои выводы на неизданныхъ документахъ Ватиканскаго архива. Но согласиться съ высказанной авторомъ мыслью рѣшительно невозможно, во 1-хъ потому, что хотя въ своихъ донесеніяхъ іезуиты и говорятъ объ успѣхахъ среди православныхъ, но эти успѣхи могутъ быть явленіемъ совершенно случайнымъ, хотя и не рѣдкимъ во время борьбы ихъ съ протестантизмомъ; выборъ авторомъ донесеній исключительно о борьбѣ ихъ съ православіемъ, оставляя въ сторонѣ все количество донесеній и данныхъ о борьбѣ съ протестантами, безъ указанія на численное отношеніе однихъ къ другимъ, будетъ натяжкой; въ 2 хъ, такъ какъ протестантизмъ въ концѣ XVI вѣка былъ силенъ еще въ сѣверо-западной Руси, гдѣ появляются также и первыя іезуитскія коллегіи, а въ началѣ XVII вѣка онъ усиливается въ юго-западной Руси, куда іезуиты также переходятъ въ это лишь время, то изъ совпаденія времени развитія протестантизма на сѣверѣ и югѣ западной Руси со временемъ открытія тамъ же іезуитскихъ коллегій должно, напротивъ, сдѣлать заключеніе, что іезуиты то и были главными борцами съ протестантскими сектами; конечно, они не могли не обращать вниманія и на православіе, но въ подавленіи его и подготовкѣ уніи не играютъ первенствующей роли; въ этомъ случаѣ іезуиты пользуются лишь благопріятными обстоятельствами. Если автору впослѣдствіи и удастся доказать высказанную имъ теперь мысль, то въ настоящей брошюрѣ онъ не представляетъ основательныхъ доводовъ, и мы по прежнему думаемъ, что приписываемый имъ дѣятельности іезуитовъ въ XVI вѣкѣ политическій характеръ обнаруживается лишь въ XVII вѣкѣ.

И. Каманинъ.

Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ. Кременчугъ. 1888 г. 76 стр.

Лежащій предъ нами «Очеркъ *о результатахъ* (*результатовъ?*) дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за 16 лѣтъ» составленъ нынѣшней городской управой собственно для гласныхъ думы; но онъ не лишенъ интереса вообще, такъ какъ болѣе или менѣе погружаетъ читателя въ жизнь большаго уѣзднаго города южной Россіи. Можно только пожалѣть, что составители не расширили немного взгляда на свое дѣло и не привели для сравненія данныхъ изъ бюджетовъ хоть бы сосѣднихъ городовъ. Другой важный недостатокъ «Очерка» тотъ, что составители его упустили изъ виду точныя хронологическія указанія. Вѣдь дѣятельность городскаго самоуправленія обнимаетъ цѣлыхъ 16 лѣтъ, отчего же не показать, въ какомъ именно порядкѣ достигались извѣстные результаты? Или, если группировка данныхъ не хронологическая, то отчего бы не обозначить времени при каждомъ фактѣ отдѣльно? Возьмемъ для примѣра хоть бы постройку реальнаго училища. Зданіе громадное, обошедшееся городу въ 168,054 р. 63 к., едва ли не лучшее изъ всѣхъ зданій реальныхъ училищъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ; въ «Очеркѣ» сказано, сколько городъ заплатилъ за мѣсто, на которомъ возведено зданіе; сколько за лучшій по конкурсу проектъ постройки, сколько за наблюденіе архитектору, сколько гдѣ сдѣлано займовъ для постройки,—и ни слова о томъ, когда начата постройка, когда она окончена, когда перебралось заведеніе въ новое зданіе и проч. И такъ во всемъ. А между тѣмъ труда на подобныя справки нужно было употребить очень мало, дѣло же много бы выиграло. У самихъ гласныхъ кременчугской думы не у всѣхъ на памяти протекли эти 16 лѣтъ: есть между ними, вѣроятно, люди молодые, есть едва обжившіеся въ городѣ; всѣхъ ихъ, какъ и постороннихъ читателей, полезно было бы ближе ознакомить съ дѣломъ.

Отчетъ начинается съ 1872 года, такъ какъ съ этого именно времени стало дѣйствовать въ Кременчугѣ новое городовое положеніе (первое засѣданіе городской думы по новому положенію было 9 сентября 1871 года). Авторы «Очерка» дѣлятъ 16-лѣтній періодъ на двѣ весьма неравныя части: 13 лѣтъ до 1885 года и 3 года послѣднихъ. «Такое раздѣленіе управа находитъ необходимымъ вслѣдствіе того, что въ первое время городское управленіе, принимая на себя

разнаго рода обязательства и производя серьезныя затраты на разныя сооруженія, какъ напримѣръ, на постройку и пріобрѣтеніе помѣщеній для реальнаго училища, женской гимназіи и проч., имѣло въ виду не матеріальныя выгоды города а лишь исключительно удовлетворить насущныя потребности населенія. За тѣмъ въ послѣдніе три года, въ заботахъ городскаго управленія преслѣдуется не только цѣль удовлетворить потребности настоящаго времени, но и желаніе, чтобы тѣ мѣропріятія и разнаго рода сооруженія, для исполненія которыхъ сдѣланы денежныя затраты, могли дать такія матеріальныя для города выгоды, которыя въ ближайшемъ времени окупили бы произведенную на нихъ издержку, а затѣмъ послужили бы источникомъ для покрытія ежегодныхъ крупныхъ дефицитовъ» («Очеркъ», стр. 2—3), Почему же дѣятельность городскаго управленія измѣняетъ свое направленіе именно съ 1885 года? Просто потому, что съ этого времени вступаетъ въ должность городскаго головы новое лицо. Послѣднее обстоятельство давало бы немного неблагопріятную окраску плану составителей «Очерка», если бы въ немъ цифры не говорили сами за себя и за новаго городскаго голову. Дѣйствительно, всякому читателю бросается въ глаза огромный прогрессъ въ благоустройствѣ города въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Весьма остроумно изыскиваются новые источники доходовъ, дѣлаются займы, но капиталъ, помѣщенный въ разныя сооруженія, даетъ отъ 10 до 34% чистой прибыли; благоустройство города быстро двигается впередъ [1])

Что же однако городъ сдѣлалъ для себя за это время?

До новаго городоваго положенія, при сорокатысячномъ населеніи, въ городѣ было одно уѣздное училище съ комплектомъ въ 100 человѣкъ, одно приходское училище и женская трехклассная прогимназія. Изъ городскихъ средствъ расходовалось на содержаніе всѣхъ учебныхъ заведеній 5,936 р. 12 к. Въ посадѣ Крюковѣ, составляющемъ заднѣпровскую часть города, имѣющемъ болѣе 5,000 населенія не было ни одного учебнаго заведенія. Съ 1872 года городъ прибавилъ: въ Крюковѣ народное, мужское и женское, училище, въ Кременчугѣ 2 народныхъ училища, изъ трехклассной женской прогимназіи сдѣлалъ восьмиклассную гимназію; открылъ реальное семиклассное училище. На все это городъ истратилъ за 13 лѣтъ до 1885

[1]) Не будетъ нескромностью съ нашей стороны назвать имя г. кременчугскаго городскаго головы. Это А. Ф. Дыздеревъ, о которомъ весною прошлаго года писалось во многихъ газетныхъ корреспонденціяхъ, какъ о человѣкѣ, энергіи и распорядительности котораго городъ былъ обязанъ спасеніемъ отъ наводненія.

года 575,253 р. 43 к., или по 44,250 р. 26 к. въ годъ. Въ послѣдніе три года сверхъ этой суммы затрачено еще 7699 р. 90 к. на пристройку къ зданію женской гимназіи.

Несмотря на собственныя городскія каменоломни, городъ до введенія городоваго положенія утопалъ въ грязи. За 16 лѣтъ самоуправленія издержано городомъ 136,238 р. 84 к., на замощеніе улицъ и площадей, въ томъ числѣ 32,946 р. 76 к. затрачено въ три послѣдніе года. Вслѣдствіе перехода каменоломенъ въ эти годы изъ рукъ откупщиковъ въ завѣдываніе городской управы, при чемъ послѣдняя провела отъ каменоломенъ до вокзала конножелѣзную дорогу, цѣна камня понизилась какъ для общественнаго хозяйства, такъ и для частныхъ построекъ. Прежде Кременчугъ отличался отсутствіемъ всякой растительности; при частыхъ и продолжительныхъ лѣтнихъ вѣтрахъ, на улицахъ свѣту Божьяго не видно было отъ пыли и песку; теперь городъ имѣетъ четыре сквера; кромѣ того засаживается огромная песчаная соборная площадь. Въ разсматриваемый періодъ городомъ построено до 150 номеровъ лавокъ, изъ которыхъ 7 номеровъ каменныхъ; организована пожарная команда и обозъ для вывоза нечистотъ; въ послѣдніе три года выстроены каменныя скотобойни, по новѣйшимъ образцамъ, съ конножелѣзною вѣтвью (въ 1 версту) для вывоза отбросовъ; выстроены въ разныхъ мѣстахъ города павильоны для продажи хлѣба, для пріюта поденныхъ рабочихъ, для продажи прохладительныхъ напитковъ; выстроены вокзалы въ скверахъ.

«... Городское общественное управленіе за три послѣдніе года увеличило долги города на 45,985 р. 4 к. (къ 1 янв. 1885 г. было долгу 165,686 р. 58 к., къ 1 янв. 1888 г. 211,671 р. 62 к.), а пріобрѣло въ собственность города имуществъ на 107,040 р., т. е. сдѣлало матеріальныхъ пріобрѣтеній на 61,054 р. 96 к. и кромѣ того съ устройствомъ разныхъ городскихъ зданій и сооруженій, а также съ перемѣною способа эксплоатаціи нѣкоторыхъ оброчныхъ статей, достигнуто увеличеніе доходовъ города ежегодно въ слѣдующемъ размѣрѣ:

1) Съ городскихъ каменоломенъ среднимъ числомъ до 7,000 р.
2) Съ конножелѣзной дороги до . . . . 2,000 р.
3) Съ семи нумеровъ каменныхъ лавокъ . . . . . 2,000 р.
4) Съ мясныхъ лавокъ до . . . . 7,000 р.
5) Съ скотобоенъ. . . . . 9,000 р.
6) Съ мѣстъ подъ купальнями . . . . 1,188 р.
7) Уступка подрядчика по поставкѣ дровъ и свѣчей 1,000 р.

8) Съ выставокъ для афишъ и объявленій . . . . . . 290 р.
9) Съ павильона для торговли хлѣбомъ. . . . . . . 700 р.
10) Съ лавокъ возлѣ сада и вокзала жел. дор. . . 473 р.

Итого въ годъ 30,651 р.

«Означенная сумма 30,651 р. составляетъ чистый доходъ за исключеніемъ уже расхода по эксплоатаціи оброчныхъ статей и, слѣдовательно, этими новыми доходами, увеличенный въ послѣдніе три года долгъ города на 45,985 р., могъ бы быть покрытъ за полтора года, еслибы этимъ источникомъ не покрывались передержки по воинской квартирной повинности и по другимъ обязательствамъ, принятымъ городомъ въ прежнее время, до 1885 года» («Очеркъ», стр. 71—73).

Приведенное мѣсто изъ «Очерка» достаточно оправдываетъ выдѣленіе послѣднихъ трехъ лѣтъ изъ 16-лѣтняго періода городскаго самоуправленія. Надо пожелать только, чтобы энергія новой городской управы не ослабѣла и впредь, а болѣе широкое опубликованіе подобныхъ отчетовъ будетъ для нея достаточной нравственной наградой за трудъ.

Ѳ. Н.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 91—128. 92. Замѣтка о диспутѣ магистра Цитовича 23 апр. въ унив. св. Влад.

93, 94, 101, 102. Медико-санитарный очеркъ Лукьяновскаго предмѣстья г. Кіева.

— Замѣтка «Забытый уголокъ» о пропущенной при составленіи и провѣркѣ уст. грамотъ слободѣ кіев. уѣзда Песковской Руднѣ—Понятовскаго, въ которой нынѣ составленъ выкупной актъ.

— Легенда о Петрѣ В. Перепечатка изъ Черн. Губ. Вѣд.

97. Замѣтка о засѣданіи истор. общ. Нестора Лѣтописца 30 апр. 1889 г.

98. Къ празднованію столѣтняго юбилея новгородсѣверской гимназіи сообщено, что празднованіе юбилея соединено съ годичнымъ актомъ этого заведенія, осенью этого года, къ какому дню будетъ изданъ очеркъ исторіи этой гимназіи.

100, 101. Находка древняго клада. Въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль въ Кіевѣ найденъ второй кладъ древнихъ вещей. Какъ и найденный въ усадьбѣ Гребеновскаго, кладъ этотъ вырытъ на Старомъ городѣ, въ усадьбѣ Раковскаго по Рейтарской ул. и, по опредѣленію проф. В. Б. Антоновича, принадлежитъ все къ той же великокняжеской эпохѣ. Кладъ найденъ рабочими, производив-

шими 2-го мая земляныя работы. Наткнувшись, при рытьѣ ямы, на небольшой котелокъ красной мѣди, шарообразной формы, съ остроконечной крышкой, рабочіе вскрыли котелокъ и, найдя тамъ нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ вещей, порѣшили скрыть свою находку отъ домовладѣльца. Съ цѣлью опредѣленія цѣнности найденныхъ вещей, рабочіе начали производить надъ ними самые грубые эксперименты, чѣмъ значительно ихъ попортили, а затѣмъ, убѣдившись, что находка имѣетъ нѣкоторую цѣну, порѣшили скрыть ее. Съ этой цѣлью рабочіе почему то явились къ врачу Липоману, который посовѣтовалъ имъ обратиться къ проф. В. Б. Антоновичу, что рабочіе и сдѣлали. Г. Антоновичъ не замедлилъ пріобрѣсть кладъ для археологическаго кабинета университета св. Владиміра. Такимъ образомъ, интересная археологическая находка была спасена отъ рукъ ростовщиковъ. Получивъ деньги (55 руб.) за вещи, рабочіе подѣлились ими и исчезли изъ Кіева, какъ думаютъ, на родину. Вслѣдствіе заявленія г. Раковскаго, къ розыску ихъ полиціей приняты мѣры.

Найденный кладъ не великъ, въ немъ всего девять вещей: шейная серебряная гривна, три серебряныхъ браслета, кіевская монетная гривна, двѣ серьги низкопробнаго золота, два такихъ же перстня съ печатями, на которыхъ сдѣланы какія то неразобранныя еще надписи.

По всѣмъ признакамъ, кладъ можно отнесть къ XII вѣку.

На дняхъ однимъ изъ крестьянъ деревни Совокъ, близь Кіева, во время работъ въ огородѣ, вырытъ глиняный горшокъ, наполненный мѣдными монетами. Горшокъ находился на глубинѣ полъ-аршина отъ уровня земли. Вырытый кладъ принадлежитъ XVII вѣку и представляетъ собраніе монетъ польскаго чекана. Монеты переданы въ нумизматическій кабинетъ университета св. Владиміра.

Кладъ, найденный въ усадьбѣ Раковскаго и пріобрѣтенный проф. В. Б. Антоновичемъ для археологическаго кабинета университета св. Владиміра, въ виду заявленія претензій владѣльца усадьбы, переданъ г. Антоновичемъ въ распоряженіе полиціи. Кладъ сохраняется при городской полиціи, гдѣ будетъ находиться до выясненія вопроса Императорской археологической комиссіей.

103. Некрологъ гр. Альфреда Потоцкаго.

107 Замѣтка о засѣданіи 15 мая 1889 г. истор. общества пр. Нестора.

109. Отчетъ кіев. музык. учил. 1888—89 г.

— Древнія типографіи на Волыни, извлеченіе изъ статьи г. Братчикова въ Вол. Г. Вѣд.

110. М. В. Юзефовичъ—предсѣдатель кіев. археографической коммиссіи († 21 мая), некрологъ.

111. Дѣятельность сельскихъ крестьянск. банковъ въ 1888 г.

112. О реставраціи Кіево-Кирилловской церкви.

— Протоіерей А. П. Борецкій (некрологъ).

116. Освященіе и исторія Кіево-Кирилловской церкви.

117. Описаніе новаго алтаря и живописи Кирилловскаго храма.

118. Отзывъ о 5—6 кн. «Кіев. Старины».

Замѣтка объ остаткахъ Мономаховой церкви въ Переяславѣ.

121. Перепечатка афишъ черниг. театра изъ 5—6 кн. «Кіев. Старины».

122, 127, 128. Къ 50-ти лѣтнему юбилею возсоединенія уніатовъ.

124. Народныя училища кіев. учебн. округа.

— О реставраціи Кіево-Софійскаго собора.

127. Замѣтка о древнемъ альфреско, открытомъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Юбилейныя празднованія въ Вильнѣ.

Празднованіе юбилея возсоединенія уніатовъ въ Немировѣ (корр.).

Замѣтка о находкахъ археол. предметовъ въ окрестностяхъ с. Цвѣткова, кіевск. губ.

128. Адресъ кіев. дух. академіи свято-духовскому братству въ Вильнѣ, по случаю юбилея возсоединенія уніатовъ.

Кіевское Слово №№ 653—697. 662, 664, 668, 672. Подъѣздные шоссейные пути въ Ю.-З. краѣ (замѣтка).

665. Отчетъ хронол. о засѣданіи истор. общ. Нестора 30 апрѣля.

666. Замѣтка о воздвигаемомъ въ Ростовѣ на Дону памятникѣ Императору Александру II.

667. Экспоненты нашего края на парижской выставкѣ (зам.).

670. О находкѣ при рытьѣ фундамента для постройки часовни возлѣ церкви Успенія Пресв. Богородицы на Подолѣ девяти истлѣвшихъ гробовъ.

671, 675, 680. Изъ замѣтокъ о народ. образованіи въ кіев. губерніи.

673. Кіевское Славянское общество въ 1888 г.

— Геологическое изслѣдованіе полтав. губерніи.

679. Дѣйст. т. сов. М. В. Юзефовичъ (некрологъ).

680. Перепечатка изъ Од. Лист. о капитанѣ роты амазонокъ Е. И. Шидянской.

681. Некрологъ протоіерея А. П. Борецкаго.

683. У Днѣпра (бытов. разсказъ) А. Ц.

685. Обновленіе Кирилловской церкви. О ходѣ работъ по украшенію храма и приведенію его въ первоначальный видъ, со стороны внутренней отдѣлки.

686. Черниговскій кладъ.

Корр. изъ Переяслава о Успенской церкви на мѣстѣ древней т. н. Мономаховой.

692, 693. Изъ записокъ митр. Іосифа Сѣмашко. Къ исторіи возсоединенія уніатовъ.

695. Празднованіе юбилея возсоединенія уніатовъ въ Вильнѣ.

697. Современные уніаты и іезуиты. Изложеніе содержанія разсказа Мирона «Чума» («Кіев. Старина» 1889 г. 5—6).

Адресъ кіев. дух. академіи, посланный въ Вильну по случаю 50-лѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ.

Волынь №№ 72—97. 76. Извлеченіе изъ апрѣл. книжки «Кіев. Старины» данныхъ по вопросу о вознагражденіи духовенства за требоисправленіе

78. Отзывъ объ апрѣльскомъ номерѣ «Кіев. Старины» и въ частности объ очеркѣ г. О. Левицкаго: «Пасквиль и Судъ».

83. Очеркъ состоянія кустарной промышленности на Волыни.

89. Историч. справка «о бывшемъ однодворческомъ сословіи на Волынѣ».

90. Перепечатка изъ «Кіевской Старины» за май — іюнь замѣтки «о земельныхъ спорахъ въ Малороссіи».

Перепечатка изъ «Дневника» кн. Мещерскаго его воспоминанія о предсѣдателѣ кіевской археологической коммиссіи М. В. Юзефовичѣ.

91. Передовая статья по поводу празднованія 8-го іюня дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 13—15. 13, 14, 15. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (прод.) Тихомль, с. Туровка, с. Уніевъ, с. Садки, с. Чолгузовъ, с. Шекаринцы, с. Корытно, с. Шимковцы, с. Окнины, с. Курьянки, с. Дзвонки, с. Шуньки, с. Юровка, с. Великій Калетикозы. Дубенскій уѣздъ. г. Дубно.

15. Чешскія школы въ поселкахъ чешскихъ д. Крошнѣ и въ с. Высокомъ жит. у.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 28—39. 29, 30. Братчиковъ. Остатки волынской старины (историко-археологическія свѣденія).

36. Отчетъ распорядительнаго комитета житомирской публичной библіотеки за 1888 г.

Подольскія Епархіальныя Вѣдом. №№ 17—23. 17. Движеніе уніатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіи и Іонѣ.

19. І. Сѣмашко митр. литовскій.

— Изъ автобіографіи митр. І. Сѣмашка.

— Истор. свѣд. о Каменцѣ-Подольскомъ.

20—22. Къ исторіи уніи въ Подоліи.

— Каменецкій уніатскій приходъ въ под. епархіи до окончательн. возсоединенія уніатовъ съ православными.

22, 23. О томъ какъ подготовлялась и совершалась унія зап.-русск., правосл. церкви съ римскою.

Уніатское духовенство подольск. епархіи въ 1 пол. настоящаго стол.— Ст. Дложевскаго.

23. Празднованіе 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси тывровскимъ православнымъ населеніемъ.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 44—61. 51. Южно-русскія грязе-лечебныя воды (М. В.).

60. Реставрація Успенскаго собора во Владимірѣ-Волынскомъ (переп. изъ Прав. Вѣстн.).

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 8—11. 8, 9. *А. Стадницкій*. Состояніе раскола и сектанства въ Бессарабіи по миссіонерскимъ отчетамъ за 1888 г.

11. О сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ въ Кишеневѣ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—11. 9, 10. Краткая истор. записка о состояніи лубенскаго духовнаго училища за первые 50 лѣтъ его существованія (1837—1887).

9, 10. Нѣсколько словъ объ общемъ собраніи полт. отд. правител. миссіон. обществ. 26 марта 1889 г.

11 50-лѣтіе возсоединенія уніатовъ съ правосл. церковью (1839—89 гг.). Къ исторіи Николаевской ц-ви въ г. Ромнахъ (замѣтка). В. Е. Бучневича.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 34—42. 34, 35, 36, 37. Л. А. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г. Кролевецкій у. (продолж.) 50. Огіевскій Алексѣй, 51. Маковскій Иванъ, 52. Маковскій Дмитрій, 53. Зубова Максимъ, 54. Масикъ Өедоръ, 55. Өедоровскій Ив., 56 Слобѣй Данило, 57. Боровикъ Василій, 58. Андреевскій Өед., 59. Бардаковскій Стеф., 60. Бардаковскій Матв., 61. Аверковъ Гаврило, 62. Пѣшовецъ Василій, 63. Филоновичъ Семенъ, 64. Карпѣка Ив., 65. Шкура Василій, 66. Плаксинъ Трофимъ, 67. Масютина Іустина, 68. Өедоровская Анна, 69. Майбородовъ Тимофѣй, 70. Пороховскій Константинъ. Примѣч. къ кролевецкому списку дворянъ *Алексѣй Бутовичъ* вначалѣ кролевецкій бургомистръ, впослѣдствіи черниговскій губернаторъ (1813—1818 г.), Діаковскій конюшій Мазепы. Мих. Вас. Шрамченко и Алексѣй Дзивовичъ.

35. В. С. Гортынскій б. врачебный инспекторъ чер. губ. (некр.).

38, 39, 40. Изъ. арх. гр. Милорадовича шесть земельныхъ документовъ 1714 г.

41. *Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича*. Два документа на земельныя пріобрѣтенія Павла Полуботка.

42. *Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича*. Приводятся два документа (1714и 1715 г.) на земельныя пріобрѣтенія Павла Полуботка.

Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 8—10. 9. Пятидесятилѣтіе возсоединенія уніатовъ съ православною церковью (по Литов. Епар. Вѣд. и статьямъ пр. Кояловича).

10. Состояніе стародубскаго раскола въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII ст. М. Доброгаева.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 108—138. 109. Начало театра въ Харьковѣ—перепеч. изъ «Театръ и Жизнь».

109. Миргородъ (кор.), о предположенной къ открытію художественно-ремесленно-кустарной школѣ Н. В. Гоголя.

114. Падающій въ Харьковѣ промыселъ—коцарскій по поводу ст. проф. Н. С. Сумцова (Культур. пережив. Кіев. Стар. 1889 г.).

119. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крест. населенія Россіи В. А. (Вып. I подъ ред. Н. Харузина М. 1889 г.—изъ Грудовъ этногр. отд. Имп. общества любит. естествозн., антропологіи и этнографіи въ Москвѣ).

130. Годовщина харьковскаго исправительнаго пріюта.

— О недавно открытомъ харьковскомъ обществѣ изящныхъ искусствъ.

131. Обычай общест. молебствій о дождѣ.

125. Раскопка кургана въ д. Богодарѣ, екатерин. губерніи александр. уѣзда. Д. И. Эварницкаго. перепеч. изъ «Новостей».

Южный Край №№ 2879—2885. 2882. О мѣстности Заорельскаго Нехворощанскаго монастыря въ александр. у. екатериносл. губ. (корресп.).

2884. Ист. свѣд. о чудотворной иконѣ Богородицы въ с. Каплуновкѣ Богодухов. у.

2885. Извлеченіе изъ каталога луцко-житомірской католич. епархіи на 1889 г. о числѣ католиковъ въ ю.-зап. краѣ (корресп. изъ Ровно).

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 40—41. 40. Статья Д. И. Эварницкаго: «Раскопка кургана въ дер. Богодарѣ, екатеринослав. губ. александров. уѣзда».

Матеріалы для исторіи колонизаціи Новороссійскаго края: Выпись изъ привилегій, предоставленныхъ данцигскимъ менонитамъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ и Высочайше утвержденныхъ въ 1786 г.

41. Изложеніе содержанія «Памятной книжки екатеринославской губерніи, съ приложеніемъ адрессъ-календаря». Между прочимъ туда входитъ: историч. очеркъ губерніи, очеркъ промышленности, статистич. отдѣлъ и проч.

Статья И. И. Чайкина: «Раскопка 2-го кургана въ дер. Богодарѣ, александров. уѣзда, произведенная Д. И. Эварницкимъ.

День св. Троицы: описаніе народныхъ южно-русскихъ обычаевъ въ этотъ день.

Крымъ №№ 49—67. 58—62, 64—66. Краткій очеркъ исторіи г. Симферополя.

Овцеводство днѣпровскаго уѣзда.

По поводу передѣловъ крестьянскими обществами душевыхъ надѣловъ земли.

65. Статья «Изъ кавказской жизни» содержитъ въ себѣ характеристику промышленности на Кавказѣ.

Засѣданіе город. коммиссіи въ Одессѣ по вопросу о праздновании 14 сентября текущаго года дня столѣтняго юбилея г. Одессы.

Протоколъ засѣд. 31-го мая этого года таврич. ученой архивной коммиссіи.

Одесскій Вѣстникъ №№ 195—147. 102. *Библіографія. Z.* Отзывъ о книгѣ: «Малороссійскія бытовыя пѣсни». П. Чугуевца. Харьковъ 1889.

114. *Отвѣтъ Чеважевскому* (Письмо въ редакцію). *А. Браунера.* По поводу напечатанной въ «Сборникѣ херсонскаго земства» статьи Чеважевскаго о Бѣлогрудовскомъ каналѣ р. Днѣпра.

139. Съ береговъ Днѣстра (переп. изъ «Моск. Вѣд.»). Корреспонденція, въ которой описывается настоящее экономическое, географическое и отчасти общественное положеніе городовъ Дубоссаръ и Григоріополя.

144. Рецензія на книгу С. Филиппова «По Крыму» Бр.

147. По одесскому уѣзду (путевыя впечатленія и замѣтки) Н. Л.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4401--4441. 4425 *Д. Д. С.* Экономическія письма о Новороссіи: о дробной передачѣ частно-владѣльческихъ земель и о *«десятинщикахъ»* въ новороссійскихъ губерніяхъ. Въ настоящемъ письмѣ излагаются любопытныя свѣдѣнія о происхожденіи «десятинщиковъ», ихъ прошлой жизни, и указанія, изъ какихъ основныхъ элементовъ состоитъ этотъ классъ безземельныхъ пролетаріевъ.

4433. Раскопка кургана въ деревнѣ Богодаръ, александр. уѣзда. (замѣтка, заимствованная изъ «Екатерин. Губ. Вѣд.).

— Выставка картинъ художника Н. Е. Лунда. Составъ выставки—12 видовъ Украины. Лучшими изъ нихъ признаются: «Вечеръ на хуторѣ на берегу Десны», «Сумерки», «Полдень», «Ночь на Днѣпрѣ», «Заливъ Днѣпра» и др. Газета отзывается о г. Лундѣ, какъ объ одной изъ выдающихся силъ нашей молодой школы и въ его картинахъ видитъ солидные задатки будущихъ успѣховъ.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—11. 9. О церк. библ. вообще и о библіотекѣ при Новохоперскомъ Воскресенскомъ соборѣ въ частности.

10, 11. Литовская церковная унія и возсоединеніе уніатовъ въ 1839. (Кратк. истор. очеркъ).

Донская Рѣчь №№ 42—61. 60. Малороссійскіе спектакли.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 15—22. 16. Чтенія въ Кубанской войсковой гимназіи.

19, 22, 20. Старое рыболовство черноморскихъ козаковъ. І. За Бугомъ II. Въ Черноморіи.

Курскій Листокъ №№ 47—66. 48. Пчеловодство въ курской губерніи. Проф. Харьк. унив. П. К. Зарубинъ (некр.).

49. Дѣятельность комитета курскаго благотворит. общества за 1888 г.

56. Торговля и промышленность корочанскаго уѣзда.

54, 62, 64. Подгородная слобода Ямская.

65. Изъ недавняго прошлаго курской сцены.

Орловскій Вѣстникъ №№ 53—66. 66. Въ отдѣлѣ «Дневникъ» о при-

готовленіи крестьянами черниговской губерніи, конотопскаго уѣзда удобоперевозимыхъ земледѣльческихъ орудій.

Минскій Листокъ №№ 32—44. 32. Историч. справки о Минскѣ, Туровѣ и Заславлѣ, представляющія выдержку изъ статьи г. Случевскаго въ «Моск. Вѣдом.»: «Очеркъ путешествія ихъ Императорскихъ Высочествъ вел. князя Владиміра Александровича и вел. княгини Маріи Павловны въ іюнѣ и іюлѣ 1888 г.

42, 43. Статья: Возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православной церковью»; въ ней излагается исторія возникновенія уніи, введенія и борьбы за нее въ XVII и XVIII вв. и дѣятельность митрополита Іосифа Сѣмашка до 1839 по возсоединенію.

43. Ст. А. Слупскаго: «Унія въ Минскѣ»; излагатся борьба горожанъ за православіе.

Программа празднованія въ Минскѣ дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ.

44. Описаніе празднованія дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ въ Минскѣ

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 18—23. 18, 19. Панскіе происки и мятежи въ возсоединенныхъ отъ уніи православныхъ русскихъ епархіяхъ (прод.).

20, 21. Антоній Юрьевичъ Сосновскій, старшій соб. протоіерей (одинъ изъ тріумвировъ Брестскаго капитула род. 1779 ум. 1852.)—П. Г. Б.

23. Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г. и историч. значеніе этого событія. Рѣчь проф. М. О. Кояловича, произн. на торжеств. собраніи Слав. Благ. Общ. 11 мая.

Варшавскій Дневникъ №№ 95—128. 99. Окончаніе статьи А. Маркграфскаго: По поводу мемуаровъ князя Адама Чорторійскаго.

101. Объ устройствѣ памятника въ Харьковѣ основателю университета В. Н. Каразину.

123. Библіографическая замѣтка о «Памятной книжкѣ сувалкской губерніи»; въ замѣткѣ приводятся весьма интересныя статистич. данныя о народностяхъ, населяющихъ губернію, ихъ языкѣ, сословномъ составѣ, промышленности, просвѣщеніи и нравственности.

126. Передовая статья по поводу празднованія 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Перепечатка изъ «Кіевлянина» свѣдѣній о раскопкахъ и возстановленіи храма, сооруженнаго вел. княземъ Владиміромъ Мономахомъ въ Переяславлѣ Полтавскомъ.

127. Описаніе празднованія 8 іюня дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ и слово по этому поводу о. Корженовскаго.

Червоная Русь №№ 86—108. 98. *Отецъ Я. Ѳ. Головацкаго*, М. И. Тындюка.

Литературное приложеніе къ «Черв. Руси». **9**. Цареградъ въ X вѣцѣ и посѣщеніе его св. Ольгою.

105. Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ «Галицко-русской библіографіи за 1888 г.», Ив. Э. Левицкаго.

105. По поводу предположеннаго «Товариствомъ Педагогичнымъ» изданія журнала «Учитель».

107. Празднованіе дня св. Кирилла и Меѳодія въ Кіевѣ (переп. изъ «Кіевск. Слова»).

107. Подл. текстъ циркуляра генер. уніатскаго оффиціала Михаила Гарасевича 1801 г. по вопросу о «фундушахъ» въ пользу церквей, именно о сервитутныхъ лѣсныхъ пользованіяхъ духовенства.

107. Конфискація № 10 «Страхопуда» и содержаніе его во 2 изданіи.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Бораковскій Г. М. Де два цилуются, третій губъ не протягай! Водевиль въ 1 дѣйствіи. Кіевъ. 1889. 16 д. 54 стр.

Бѣляшевскій Н. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 года, 8 д. 148 стр.

Карпинскій М. Западно-русская четья 1489 года съ приложеніемъ житія Бориса и Глѣба (отт. изъ «Русск. Филологич. Вѣстн.»). Варшава 1889 г. 8 д., 48 стр.

Лапинъ В. Русская правда или судъ въ стародавнія времена. Историч. повѣсть. Изд. 3-е. Спб. 1889 г., 8 д. 31 стр.

Манджура И. Степови думы та спивы. Спб. 1889. 8 д., 37 стр.

Н. Д. Н. 1) Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 2) На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира (изъ путевой книжки). (Оттискъ изъ «Кіевской Старины»). Кіевъ, 1889 г. 8 д., 4+21 стр.

Некрасовъ Н. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Спб. 1889 г. 8 д., XII+230 стр.

Р—ая П. З. Черноморцы у неволи. Кіевъ. 1889 г., 16 д. 28 стр.

Святловскій В. В. Жилище фабричнаго рабочаго въ Малороссіи и въ Привислянскомъ краѣ. Черниговъ. 1889. 8 д., 38 стр.

Тарасъ Бульба или запорожская Сѣчь. Историческая повѣсть изъ казачьей жизни. Москва. 1889. 12 д., 144 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 112. Tom X. Варшава, 1889 г., 4 д., съ 241 по 320 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1889 г.

Въ вышедшихъ 1—7 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, нов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим.. М. Чалаго, **Н. Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои**, пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ап. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича.

Для справокъ. Столбцы, прип. гр. М. Толстому. Собщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В Тяпинскаго къ печатн. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ ревнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVI. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Въ вышедшихъ 1—8 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н. Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **К. М**. Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е**. Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Димитрія Марковича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава **А. А.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. Н. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., Н. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Каринскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша.

Для справокъ. Столбцы, прип. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

АВГУСТЪ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 26-го Іюля 1889 г.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
русской великой княгини Ольги св.

(*Окончаніе*) [1]).

IV.

Отъ IX в. въ начальной лѣтописи нѣтъ извѣстій о Плесковѣ. Въ странѣ плесковскихъ кривичей упоминается подъ 862 г. только городъ Изборскъ, въ которомъ княжилъ Труворъ. Отъ X в. имѣются два извѣстія о Плесковѣ: первое подъ 903 г., говорящее о приведеніи Ольги изъ этого города, второе—подъ 947 г., гдѣ описывается объѣздъ Ольгою Новгородской области и упоминается о саняхъ Ольги въ Плесковѣ, стоящихъ до сегодня. За XI в. имѣется въ начальной лѣтописи одно извѣстіе о Плесковѣ, помѣщенное въ Ипатскомъ спискѣ подъ 1034, а въ Лаврентьевскомъ подъ 1036 г., когда по этому извѣстію, посаженъ былъ въ Плесковѣ въ порубъ Ярославомъ братъ его Судиславъ, сидѣвшій здѣсь до 1059 г., въ которомъ освобожденъ племянниками Изяславомъ и его братьями. Это извѣстіе дополняется очень вѣроятнымъ извѣстіемъ позднѣйшихъ лѣтописей о томъ, что Плесковъ былъ *удѣльнымъ городомъ* Судислава, посаженнаго здѣсь еще Владиміромъ [2]). Въ древней Новгородской лѣтописи, т. е. въ Сино-

---

[1]) См. „Кіевская Старина" № 7, іюль.

[2]) Это лѣтописи: Никоновская, Воскресенская, Тверская, Софійская первая и др. (Лейбовича, Сводная лѣт. стр. 88). Судиславъ могъ быть посаженъ Владиміромъ въ Плесковѣ не одновременно съ старшими братьями, а позже, ибо вообще разсаживаніе Владиміромъ сыновей по удѣламъ слѣдуетъ понимать такъ, что оно происходило постепенно по мѣрѣ того, какъ сыновья достигали возраста. Нѣтъ повода предполагать, чтобы какой либо изъ нихъ былъ обдѣленъ. Такимъ образомъ сообщеніе позднѣйшихъ лѣтописей о Судиславѣ, какъ имѣвшемъ свой удѣлъ въ Плесковѣ, вполнѣ вѣроятно, хотя бы оно было и догадкой ихъ. А то обстоятельство, что Ярославъ посадилъ Судислава въ порубъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ умеръ Мстиславъ черниговскій, проще всего объясняется тѣмъ, что, освободясь отъ одного совмѣстника, онъ хотѣлъ и могъ теперь легко освободиться и отъ другаго, чтобы быть единовластцемъ во всей Руси.

дальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи, нѣтъ извѣстій о Плесковѣ отъ XI в. Но въ позднѣйшихъ спискахъ той же лѣтописи и вообще въ позднѣйшихъ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописяхъ, кромѣ упомянутыхъ выше извѣстій о Плесковѣ, взятыхъ изъ начальной лѣтописи, есть еще одно извѣстіе отъ XI в., помѣщаемое подъ 1059 или 1060 гг. Это извѣстіе о походѣ Изяслава Ярославича на какихъ то инородцевъ, сосѣднихъ съ Плесковскою областью и называемыхъ сосолы, во время котораго Изяславъ наложилъ на нихъ дань. Инородцы изгнали сборщиковъ дани и сами потомъ сдѣлали нападеніе на Юрьевъ, доходили до *Плескова*, но противъ нихъ ополчились псковичи въ соединеніи съ новгородцами и отразили ихъ въ большой сѣчѣ. И это извѣстіе представляется намъ очень вѣроятнымъ, взятымъ изъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ записей новгородскихъ, хотя непонятное названіе инородцевъ не легко поддается объясненіямъ [1]) Съ XII в., а именно съ 30-хъ годовъ этого вѣка, уже учащаются извѣстія о Плесковѣ, какъ въ древней лѣтописи, такъ особенно въ новгородскихъ лѣтописяхъ начиная съ *древнѣйшей* изъ нихъ, т. е. первой Новгородской лѣт. поСинодальному списку. Плесковъ представляется уже городомъ разросшимся, значительнымъ, обнаруживаетъ задатки вѣчеваго устройства, подобнаго новгородскому, и хотя остается въ зависимости отъ Новгорода, какъ его пригородъ, но можетъ поступать и самостоятельно, какъ напр. въ дѣлѣ князя Всеволода Изяславича, котораго Новгородъ изгналъ, а Плесковъ принялъ къ себѣ на княженіе въ 1136 г. Съ фактомъ умноженія извѣстій о Плесковѣ слѣдуетъ сопоставить совершенно противоположный фактъ относительно Изборска. Упомянутый въ начальной лѣтописи подъ 862 г., какъ городъ Трувора, онъ затѣмъ надолго исчезаетъ въ лѣтописяхъ, не дающихъ извѣстій о немъ до XIII в.

Совокупностію приведенныхъ извѣстій о Плесковѣ достаточно обусловиваются слѣд. соображенія и выводы:

а) Стоящіе подъ 903 и 947 гг. и связанныя съ именемъ Ольги извѣстія о Плесковѣ имѣютъ значеніе *прямыхъ свидѣтельствъ и о*

---

[1]) Новгородская лѣт. по Синод. списку. Спб. 1888 г. стр. 12. Псковская первая лѣт. въ П. Собр. Р. лѣт. Т. IV, стр. 176. См. Лейбовича, тамъ же стр. 138. Карамзина, И. Г. Рос. Т. II, стр. 114. То, что упоминаемый походъ Изяслава непосредственно граничитъ съ временемъ, когда онъ, согласясь съ братьями, освободилъ Судислава изъ плесковскаго поруба, даетъ возможность полагать, что походъ вызванъ былъ какими либо свѣдѣніями о непріязненныхъ Плескову инородцахъ, полученными Изяславомъ по случаю дѣла Судислава. А древность источника, изъ котораго заимствовано извѣстіе о войнѣ съ инородцами, вѣроятна тѣмъ, что Псковъ называется здѣсь *Плесковомъ*, какъ и назывался онъ до XIV в.

самомъ существованіи его въ означенные годы. Съ убѣдительностію этихъ свидѣтельствъ далеко не могутъ равняться ни показаніе или точнѣе—мнѣніе позднѣйшихъ повѣствователей, что «града Плескова не бысть» до Ольги, связанное съ ихъ мнѣніями то о Выбутинѣ, то объ Изборскѣ, какъ родинѣ Ольги, ни—извѣстіе поздняго Владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи Ольги, комментируемое ссылкой на существованіе болгарской Плискувы и предположеніемъ о несуществованіи до Ольги русскаго Плескова. Полагая, что относительное значеніе упомянутыхъ свидѣтельствъ начальной лѣтописи и позднѣйшихъ показаній или вѣрнѣе—мнѣній, ей противорѣчащихъ, достаточно выяснено въ предложенномъ выше общемъ обзорѣ и анализѣ ихъ, переходимъ къ дальнѣйшимъ выводамъ.

б) Если Плесковъ существовалъ въ 947 и въ 903 гг., то онъ основанъ *ранѣе* этого времени. *Первыя* свидѣтельства о *существованіи* такого города, объ *основаніи* котораго нѣтъ извѣстій, всегда или почти всегда должны быть понимаемы такъ, что эти свидѣтельства *позднѣе* основанія города, что городъ основался *ранѣе*, чѣмъ представился лѣтописцу случай упомянуть о его существованіи. Въ данномъ случаѣ, т. е. относительно Плескова, это тѣмъ естественнѣе, что періодъ историческихъ извѣстій начальной лѣтописи, предшествующій появленію подъ 903 г. перваго извѣстія о Плесковѣ, обнимаетъ собою время не болѣе, даже менѣе полувѣка, считая съ 859 г. Нисколько не удивительно, что за такое короткое время лѣтописцу не встрѣтилось повода упомянуть о Плесковѣ. Первая Новгородская лѣтопись по древнѣйшему Синодальному списку ея начинаетъ упоминать о Плесковѣ лишь съ 30-хъ годовъ XII в., хотя существованіе города гораздо ранѣе этого времени не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ виду всего сказаннаго, слѣдуетъ признать вполнѣ основательнымъ слѣдующее утвержденіе автора первой Псковской лѣтописи, который подъ 862 г., послѣ разсказа о призваніи князей, сѣдшихъ въ извѣстныхъ городахъ, замѣчаетъ: «а о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, *яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словене княжити*; *понеже повѣдаетъ (лѣтопись), яко Игорь Рюриковичь поятъ себѣ жену отъ Плескова*» [1]). Здѣсь вѣрно понято значеніе стоящаго подъ 903 г. перваго свидѣтельства о существованіе Плескова, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ сви-

---

[1]) П. Собр. лѣт. IV, стр. 174.

дѣтельства о *болѣе древнемъ происхожденіи его*. Этого ближайшаго вывода для нашей цѣли и достаточно. Но есть возможность идти и къ дальнѣйшимъ выводамъ, хотя и предположительнымъ, но не лишеннымъ значенія въ занимающемъ насъ вопросѣ.

в) Представляется вѣроятнымъ, что Плесковъ существовалъ до *призванія князей*, существовалъ съ незапамятнаго времени, основанъ *самими мѣстными славянами т. е. кривичами Плесковской* области, и что онъ то былъ *главнымъ старшимъ* городомъ въ этой области, а не Изборскъ, въ которомъ княжилъ Труворъ. Было сказано, что объ Изборскѣ, послѣ перваго извѣстія о немъ подъ 862 г., нѣтъ болѣе извѣстій до XIII в., а о Плесковѣ они продолжаются чрезъ XI и XII в. Видимо, что онъ былъ значительнѣе Изборска, и имѣлъ задатки вѣчеваго устройства, какимъ отличались, какъ извѣстно, по преимуществу, *старые* племенные города, а не новые княжескіе, а между старыми городами—главные племенные города, а не ихъ пригороды. И если съ XIII в. Изборскъ является даже пригородомъ Пскова, то, по всей вѣроятности, такое отношеніе было наслѣдіемъ отдаленной старины [1]). Наконецъ, то, что Труворъ сѣлъ на княженіе не въ Плесковѣ, а въ Изборскѣ, нисколько не говоритъ въ пользу старѣйшинства послѣдняго предъ первымъ. И о Рюрикѣ есть извѣстія, что онъ сперва основалъ свое пребываніе въ Ладогѣ и уже потомъ перешелъ въ Новгородъ. Князьямъ на первыхъ порахъ, повидимому, было удобнѣе утверждаться внѣ старыхъ и большихъ, вѣчевыхъ городовъ и уже потомъ утверждать свою власть и въ послѣднихъ.

г) Если Плесковъ принадлежалъ къ старымъ до—княжескимъ городамъ, то и названіе его было *своимъ, старымъ*, а не полученнымъ вновѣ при князьяхъ. Болгарская Плискува, если имѣла отношеніе къ этому названію, то отнюдь не такое, какое предполагается въ мнѣніяхъ объ основаніи нашего Плескова Ольгою, а развѣ весьма отдаленное. Общеизвѣстно, что между названіями городовъ и др. мѣстностей въ предѣлахъ начальнаго разселенія славянъ по русской землѣ есть немало такихъ, которыя тождественны или сходны съ названіями городовъ и мѣстностей у южныхъ придунайскихъ славянъ. Правдоподобно предположеніе, что такія названія могли быть принесены русскими славянами съ придунайской родины ихъ, бывшей таковою по общему народному преданію о томъ, отмѣченному въ начальной лѣтописи.

[1]) Извѣстія объ Изборскѣ и притомъ, какъ пригородѣ Плесковскомъ, начинаются въ первой Псковской лѣтописи съ 30-хъ годовъ XIII в. П. Соб. р. лѣт. т. IV, стр. 178 и д.).

Въ этомъ именно смыслѣ Чертковъ, въ своемъ изслѣдованіи «о переводѣ Манассійской лѣтописи», допускаетъ связь названій болгарскаго и и русскаго Плескова. «Нашъ Псковъ (въ лѣтописяхъ Плесковъ) получилъ, вѣроятно, свое имя отъ Задунайскаго Плескова, Переяславль Кіевскій—отъ двухъ Болгарскихъ» [1]). Проще другое предположеніе, по которому названіе Плескова, какъ находящагося при устьѣ рѣчки Псковы, древней Плесковы, впадающей здѣсь въ р. Великую, производится именно отъ этой рѣчки [2]). Въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ названія *древнихъ* городовъ тождественны или сходны съ названіями рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, горъ, при которыхъ и на которыхъ они находятся, названія первыхъ слѣдуетъ считать происшедшими отъ послѣднихъ, а не обратно; ибо рѣки, озера, горы существуютъ ранѣе городовъ, ранѣе ихъ получаютъ и свои названія отъ первыхъ поселенцевъ, только со временемъ созидающихъ здѣсь города. Впрочемъ мыслію о происхожденіи названія Плескова и рѣчки Плесковы не исключается возможность связи обоихъ названій съ названіемъ задунайской Плискувы, связи, понимаемой въ смыслѣ преемства или просто въ смыслѣ сходства обычаевъ и пріемовъ въ наименованіи рѣкъ и городовъ у разныхъ племенъ одного и того же народа славянскаго. Конечно, подобныя предположенія и останутся предположеніями. Вполнѣ же вѣроятнымъ можетъ быть признано только то, что Плесковъ *существовалъ до Ольги и даже до призванія князей.*

д) Этимъ само собою исключается мнѣніе объ основаніи Плескова Ольгою, относимомъ то ко времени поѣздки ея по Новгородской области въ 947 г., то къ позднѣйшему времени, когда она была уже христіанкой и возвратилась изъ Царьграда. Остается присовокупить слѣдующее: объ основаніи Ольгою Плескова *нѣтъ извѣстій ни въ одной изъ лѣтописей*; нѣтъ въ нихъ извѣстій и вообще о томъ, чтобы Ольга строила города. Начальная лѣтопись, говорящая о строеніи городовъ Рюрикомъ, Олегомъ, Владиміромъ, не говоритъ того же относительно Ольги. Говоря о поѣздкѣ Ольги по Новгородской землѣ, упомянувъ при этомъ о саняхъ Ольги въ Плесковѣ, она имѣла самый подходящій случай сказать и объ основаніи этого города Ольгою. Но она не сказала, и, безъ сомнѣнія, потому, что не знала и не слыхала о томъ, что признавала и имѣла основаніе признавать Плесковъ существовавшимъ прежде, который только *посѣтила* Ольга во время своей

[1]) Стр. 123—124.

[2]) Подобнымъ образомъ Полоцкъ, древній *Полотескъ*, получилъ названіе отъ рѣчки *Полоты*, Витебскъ, древній *Выдбескъ*,—отъ рѣчки *Выдбы*.

поѣздки на сѣверъ. Единственное извѣстіе объ основаніи Ольгою Плескова, сближающее это обстоятельство съ временемъ поѣздки Ольги на сѣверъ, есть извѣстіе Татищева. Понятно, что оно не заслуживаетъ никакого довѣрія, по слишкомъ позднему появленію его, по отсутствію всякаго указанія на его источникъ, наконецъ, по очевидной связи этого разсказа Татищева съ баснословными сказаніями объ изборскомъ происхожденіи Ольги и сказаніемъ «житія» помѣщеннаго въ Степенной книгѣ, слова котораго объ основаніи Ольгою Плескова только *переиначены* или переставлены Татищевымъ съ перестановкою и мнимаго факта основанія Ольгою Плескова съ позднѣйшей христіанской поры ея жизни на болѣе раннюю, граничащую съ годомъ поѣздки ея на сѣверъ. Въ свою очередь житіе Степ. книги есть единственный источникъ мнѣнія объ основаніи Ольгою Плескова уже въ христіанскую пору ея жизни. Сочиненность житійскаго сказанія объ этомъ предметѣ слишкомъ очевидна, чтобы ее доказывать. Замѣчательно, что сказаніе это отсутствуетъ даже въ проложныхъ житіяхъ, что оно не было извѣстно или не принималось въ самомъ Псковѣ въ періодъ зарожденія Псковскихъ лѣтописей. Напомнимъ еще разъ слова первой Псковской лѣтописи: «о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не воспомянуто, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми; токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князя Рюрикъ съ братьею княжити въ Словене; понеже повѣдаетъ (лѣтопись), яко Игорь Рюриковичъ поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова».

е) Если Плесковъ не Ольгою основанъ, а существовалъ до нея, то всѣ извѣстія и преданія, связывающія имя Ольги съ Плесковомъ, должны быть понимаемы такъ, что они возникли и сложились въ *связи съ начальнымъ, утвердившимся и общимъ преданіемъ о ея происхожденіи изъ Плескова*, какъ несомнѣнномъ историческомъ фактѣ. Таково прежде всего древнѣйшее извѣстіе или преданіе *о саняхъ Ольги въ Плесковѣ*. Не напрасно же, при описаніи поѣздки Ольги на сѣверъ въ 947 г., только этотъ городъ опредѣленно отмѣченъ, какъ имѣвшій такой особенный памятникъ ея пребыванія здѣсь. Были ли эти сани саньми Ольги, или только ей усвоены преданіемъ,—объ этомъ можно, конечно, судитъ такъ или иначе; важно связанное съ ними преданіе о посѣщеніи Ольгою Плескова во время поѣздки на сѣверъ, предполагающее, что Ольга имѣла здѣсь болѣе долгую стоянку, имѣла свой хозяйственный обиходъ, остаткомъ котораго и считались эти сани. А это всего естественнѣе могло быть въ городѣ, для нея родномъ. Въ позднѣйшее время въ Плесковѣ и по близости отъ него

показывалось немало и другихъ мѣстностей и предметовъ, связываемыхъ съ именемъ Ольги. Таковы: *Ольгинъ городокъ*, какъ называется въ писцевыхъ книгахъ недалекое отъ Пскова село Перино, Житнинъ *Ольгинъ дворецъ*, *Ольгины* ворота, *Ольгины* слуды, *Ольгина* гора, *Ольгинъ* крестъ [1]). Все это отголоски преданія, что Плесковъ былъ *своимъ* городомъ для Ольги, что она бывала здѣсь, имѣла здѣсь или въ окрестности свои дворы, села, урочища. Въ связи съ этимъ преданіемъ получаетъ настоящее свое значеніе и преданіе о селѣ Будутинѣ или Выбутинѣ, находившемся близь Пскова. Было упомянуто, что объ этомъ Будутинѣ имѣются сохранившіяся въ Никоновской лѣтописи двѣ записи, какъ о селѣ, въ которое Ольга сослала свою ключницу Малушу, и которое она предъ смертію завѣщала св. Богородицѣ, т. е. церкви св. Богородицы. Преданіе, выражаемое этими записями, даетъ такое представленіе, что Будутино было *своимъ* селомъ Ольги, составляло ея личную собственность, ея частное имѣніе или владѣніе. О такихъ *княжихъ и княгининыхъ селахъ*, имѣніяхъ есть довольно извѣстій въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ. Упоминается въ начальной лѣтописи о селѣ *Ольжичи*, какъ селѣ Ольги, бывшемъ не подалеку отъ Кіева, повидимому при устьѣ Десны, впадающей въ Днѣпръ близь Кіева. При весьма вѣроятномъ тождествѣ Будутина Никоновской лѣтописи съ Выбутиномъ «житій» Ольги, легендарное сказаніе послѣднихъ о Выбутинѣ, какъ родинѣ Ольги—поселянки, можетъ быть понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, что это село было *своимъ* Ольгѣ *вообще по ея плесковской родинѣ*, что она владѣла имъ, бывала въ немъ въ качествѣ уроженки Плескова, что въ качествѣ таковой она и пріобрѣла въ свое частное, княгининское владѣніе это село, находившееся въ такой удаленной отъ Кіева области. А это пріобрѣтеніе могло состояться или путемъ властнаго занятія его на свое имя и заселенія мѣстности, хорошо знакомой Ольгѣ по ея прежнему житію въ сосѣднемъ Плесковѣ, или же путемъ наслѣдства, какъ село принадлежавшее *роду* Ольги, доставшееся ей отъ ея *рода* [2]).

---

[1]) Святыни и древности Пскова, гр. Толстого, стр. 30, 73, 74. 76, 78. М. Евгенія, Истор. княж. Псковскаго, стр. 10. Ольгина гора упоминается и въ первой Псковской лѣтописи подъ 1394. П. Сбор. Р. Лѣт. т. IV, стр. 194.

[2]) Родомъ въ древности назывались у насъ и предки, и родители, и члены семьи, и родственники. Право семейнаго наслѣдства знакомо было руссамъ, какъ показываетъ напр. договоръ Олега.

V.

Отъ Плескова, какъ родины Ольги, перейдемъ къ личности самой Ольги, останавливаясь на тѣхъ достовѣрно извѣстныхъ или наиболѣе вѣроятныхъ чертахъ ея, по которымъ можно судить о ея родѣ, происхожденіи.

а) Ольга въ большую половину своей жизни оставалась *язычницей*, а крестилась и стала христіанкою уже по смерти мужа. Это *единогласно* утверждаютъ всѣ древнія извѣстія. Хотя и не невозможно, но крайне невѣроятно, чтобы болгарская княжна нач. X в. была и пришла въ Русь язычницей, а не христіанкой. Если же предположить, что она всегда была христіанкою, но только тайною, то все таки крайне трудно допустить, чтобы это осталось совершенно неизвѣстнымъ на Руси. Словомъ, долгое язычество Ольги остается неотразимымъ доказательствомъ того, что она была родомъ изъ самой Руси, гдѣ господствовало язычество и въ народѣ, и въ княжескомъ родѣ.

б) Ольга была родомъ—*варяжка*. Такою считается она въ извѣстныхъ уже намъ «житіяхъ» ея XVI в. Это показаніе «житій», конечно, не есть свидѣтельство, а домыселъ самихъ авторовъ «житій», но, на этотъ разъ, домыселъ основательный. Имя ея безспорно—варяжское, подобно именамъ Рюрика, Олега и Игоря, которые только и остались на послѣдующее время въ ряду славянскихъ именъ нашихъ князей, какъ имена варяжскія, какъ памятникъ варяжскаго происхожденія нашихъ князей, ставшихъ славяниться со времени Святослава. Здѣсь мы не войдемъ въ нескончаемый споръ съ теоріями, по которымъ то отрицается призваніе или приходъ къ намъ варяжскихъ князей, то самые князья эти считаются славянами, также какъ имена Рюрикъ, Олегъ, Игорь и Ольга—именами славянскими. Мнѣніе о варяжствѣ, т. е. норманствѣ нашихъ первыхъ князей и ихъ именъ, преобладавшее у нашихъ книжныхъ людей всей древней Руси, рѣшительно преобладающее у представителей русской исторической науки новой Руси, мы считаемъ настолько твердымъ, что попытки поколебать это мнѣніе, при всемъ научномъ достоинствѣ и симпатичности патріотическаго направленія ихъ, не достигаютъ своей цѣли и служатъ только къ большому подкрѣпленію преобладающаго мнѣнія въ его *существенныхъ* чертахъ и къ исправленію въ *не существенныхъ*, акцессуарныхъ чертахъ, къ ограниченію его въ нѣкоторыхъ крайнихъ выводахъ. Затѣмъ не считаемъ нужнымъ долго останавливаться и на предположеніи о перемѣнѣ прежняго славянскаго имени жены Игоря на имя Ольги, идущемъ изъ такого источника, какъ сказаніе о Пре-

красѣ въ Іоакимовской лѣтописи Татищева и крайне неправдоподобномъ по своей постановкѣ, какъ то справедливо замѣтилъ Погодинъ [1]). Наконецъ, съ мыслію о варяжскомъ происхожденіи Ольги наиболѣе сообразно то, что Олегъ, еще не ославянившійся варягъ, искалъ для такого же не ославянившагося варяга Игоря жены именно въ варяжскомъ родѣ, варяжской семьѣ. Кстати присовокупить, что и въ ближайшее затѣмъ время первыми брачными союзами нашихъ князей бывали преимущественно союзы съ варяжско-скандинавскими родами. Владиміръ женится на Рогнѣдѣ, дочери варяга Рогвольда, руки которой искалъ предъ тѣмъ Ярополкъ изъ Кіева. Вѣроятно въ числѣ первыхъ женъ Владиміра была и скандинавка Мальфредь [2]). Ярославъ былъ женатъ на Индигердѣ, дочери шведскаго короля, Мономахъ въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Гидѣ, англо-варяжской принцессѣ, старшій сынъ его Мстиславъ въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инге Стенкильсона. Отъ того же времени есть довольно примѣровъ выхода русскихъ княженъ въ замужество за скандинавскихъ принцевъ [3]). Съ XII в. эти союзы прекращаются, оставшись памятникомъ преданій нашего княжескаго рода о собственномъ происхожденіи его изъ скандинавскаго сѣверо-запада, преданій, не забытыхъ и во все дальнѣйшее время древней Руси.

в) Ольга происходила, безъ сомнѣнія, изъ *знатнаго рода*, и по всей вѣроятности—изъ рода княжескаго. Знатность происхожденія сама собою, предполагается уже тѣмъ что она была *варяжка*. Было указано на внутреннее противорѣчіе сообщенія или домысла авторовъ житій Ольги XVI в., которыя, считая ее варяжкою, въ то же время производятъ ее изъ рода «не княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Варяги принадлежали тогда у насъ не къ простому, а къ высшему классу.

[1]) Погодинъ къ доказательствамъ варяжскаго, т. е. норманскаго, происхожденія Ольги присоединяетъ, между прочимъ, указаніе на сходство нашихъ сказаній объ Ольгѣ съ сѣверными сагами, въ частности съ сказаніями этихъ сагъ о нѣкоторыхъ героиняхъ изъ королевскихъ и княжескихъ родовъ. Это давнее указаніе не утратило своего значенія и теперь, несмотря на болѣе широкое разъясненіе литературныхъ соотношеній какъ нашихъ сказаній, такъ и сагъ.

[2]) Въ начальной лѣтописи, по обоимъ древнимъ спискамъ, подъ 1000 г. говорится: преставися Малъфрѣдь (въ Ипатск.—Малъфридъ). Въ се же лѣто преставися *и* Рогънѣдь, мати Ярославля. Дов. ясно, что говорится о двухъ женахъ Владиміра. Поэтому варіантъ Никоновской лѣтописи—Мальфридъ *сильный* не можетъ быть принятъ. Имя Мальфриды, какъ скандинавское, носила одна изъ дочерей Мстислава Мономаховича, женатаго на *шведской* принцессѣ, которою, конечно, и дано дочери эго имя.

[3]) На эти брачные союзы достаточно указаній въ исторіяхъ Карамзина, Соловьева и у Погодина.

Но знатность той варяжской семьи, изъ которой происходила Ольга должна быть понимаема такъ, что она приближалась къ достоинству княжескаго рода. Олегъ, воспитатель и опекунъ Игоря, имѣлъ высокое представленіе о достоинствѣ княжескаго рода, какъ показываютъ слова его Аскольду и Диру: «вы нѣста князя, ни *рода княжа, но азъ есмь роду княжа*, а се Игорь, сынъ Рюриковъ». Князь, говорившій такъ, естественно предпочиталъ найти своему питомцу, князю и наслѣднику велико-княжескаго престола, жену въ самомъ знатномъ, даже княжескомъ родѣ. Вообще знатность рода въ брачныхъ союзахъ и тогда весьма уважалась. Вспомнимъ гордый отвѣтъ Рогнѣды Владиміру, внушенный ей отцомъ Рогвольдомъ: «не хочу розуть робичича», хотя этотъ робичичь былъ такимъ только по матери [1]) Считалось слѣд. сообразнымъ, чтобы въ княжеской семьѣ и жена была изъ княжескаго рода. Даже въ послѣдующее время, когда княжескія фамиліи Рюрикова рода стали мельчать чрезъ распаденіе на удѣльныя вѣтви, твердо держался обычай, по которому брачные союзы заключались большею частію съ лицами или своихъ княжескихъ фамилій, или иностранныхъ владѣтельныхъ родовъ, и только въ немногихъ, по крайней мѣрѣ не частыхъ, случаяхъ—съ лицами знатнѣйшихъ *боярскихъ родовъ*. Союзы же съ лицами изъ простого рода считались болѣе простымъ сожительствомъ, чѣмъ бракомъ. Не лишено значенія то извѣстіе или преданіе объ Ольгѣ, что она сильно прогнѣвалась на Святослава за его связь съ Милушею, ея ключницею, а самую Милушу сослала въ Будутино. Такъ могла поступить она не только, какъ уже христіанка, но какъ ревнительница княжеской чести Святослава и княжескаго дома, въ которомъ не подобало быть «робичичу» [2]). Вспомнимъ, наконецъ, свидѣтельство современника Ольги Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что князья варварскихъ народовъ очень льстятся на брачные союзы съ принцессами императорскаго дома и совѣтуетъ не поддаваться на ихъ искательства. Но если подобные союзы съ императорскою фамиліею могли быть только мечтою у варварскихъ князей,

---

[1]) Погодинъ и здѣсь приводитъ извѣстный характеристическій разсказъ изъ сагъ о Сигридѣ, вдовѣ короля Эрика, которая велѣла сжечь одного своего жениха, чтобы отучить *незнатныхъ* князей отъ исканія ея руки. Изслѣдов. т. III, стр. 93. Есть нѣкоторое сходство въ этотъ разсказѣ съ разсказомъ лѣтописи объ Ольгѣ, сжегшей пословъ сватавшагося за нее древлянскаго князя Мала.

[2]) Извѣстно, что дѣти княжескіе отъ подобныхъ матерей назывались иногда уменьшительными именами. Впрочемъ, ради отцовъ они могли вступать въ обладаніе правами княжескаго рода.

достижимою только для сильнѣйшихъ изъ нихъ, то союзы съ одностепенными, равноправными княжескими фамиліями были потребностію, обязательною къ осуществленію и осуществимою. Для Олега обязанность женить Игоря на знатной боярышнѣ и именно на княжнѣ, опредѣляемая обычаемъ, была тѣмъ настоятельнѣе, что Игорь былъ единственный сынъ и наслѣдникъ Рюрика, сынъ и наслѣдникъ такого князя, которымъ начинается *новая династія*, нуждающаяся въ охраненіи и укрѣпленіи ея достоинства, какъ династіи. Извѣстныя намъ свидѣтельства Владимірскаго лѣтописца и Іоакимовой лѣтописи объ Ольгѣ, какъ *родомъ княжнѣ*, не представляютъ, конечно, настоящихъ историческихъ свидѣтельствъ; но въ нихъ выражается вѣрное пониманіе того обстоятельства, что жена, какую нашелъ Олегъ для Игоря, могла быть только *княжною* по *происхожденію*. Къ этимъ свидѣтельствамъ слѣдуетъ присоединить свидѣтельство современника Ольги Константина Багрянороднаго о ея роднѣ, видѣнной императоромъ въ Царьградѣ. Описывая пріемы Ольги при дворѣ императорскомъ 9 сентября и 18 октября 957 г., Константинъ упоминаетъ о бывшихъ тутъ съ нею ея *родственницахъ — архонтиссахъ*, т. е. такихъ же *княгиняхъ*, какъ и сама Ольга, называемая у него *архонтиною*, упоминаетъ и о родственникахъ и въ числѣ ихъ ея племянникѣ[1]) Эта родня могла быть роднею Ольги и со стороны Игоря, у котораго были два племянника или *нетіи*, т. е. сыновья его сестры или сестеръ иначе *сестриничи*, упоминаемые въ договорѣ его съ греками 945 г. Но они могли быть также роднею и со стороны Ольги, т. е. могли быть въ этой роднѣ и лица, родственные Ольгѣ по тому роду, изъ котораго она происходила. Само собою понятно, что Константинъ говорилъ о роднѣ Ольги на основаніи сообщенія, полученнаго отъ самой Ольги или ея свиты. Впрочемъ мыслію о происхожденіи Ольги изъ княжеской семьи отнюдь не исключается возможность того, что одна сторона въ самой этой семьѣ была не изъ княжескаго, а изъ *знатнѣйшаго боярскаго* рода, и въ такомъ случаѣ, всего вѣроятнѣе,—женская сторона.

г) Съ установленіемъ мысли о происхожденіи Ольги изъ княжеской или княжеско-боярской семьи, дѣлается возможною постановка очень интереснаго вопроса о томъ,—что это была за семья? Въ какомъ отношеніи находилась она къ господствующему княжескому роду?

---

[1]) De ceremoniis aulae Byzant. Lib. II, c. 15. Patr. Graec. ap. Migne, T. 112, p. 1108—1011.

Подготовленіемъ къ рѣшенію этого вопроса должно служить выясненіе *обстоятельствъ женитьбы Игоря на Ольгѣ*, могущее имѣть и свой особый интересъ. Ольга взята изъ Плескова, гдѣ, значитъ, и жила та семья, изъ которой она взята, а взята она въ 903 г., когда Олегъ и Игорь проживали уже 11 лѣтъ въ Кіевѣ (882—903 г.). Какъ же могли они знать о существованіи въ Плесковѣ такой, наиболѣе подходящей невѣсты Игорю? Почему не отыскивали или не отыскали ее въ семьяхъ «свѣтлыхъ и великихъ князей или великихъ и свѣтлыхъ бояръ», существовавшихъ и въ Кіевѣ и вообще ближе ко двору [1])? Преданіе хочетъ объяснить все это тѣмъ, что Ольга славилась необыкновенною красотою и умомъ. Объясненіе вѣроятное, но не полное, предполагающее само собою то пополненіе, что плесковская семья, изъ которой взята Ольга, была хорошо *извѣстна* Олегу и Игорю, что поэтому знали они и о существованіи въ этой семьѣ Ольги, какъ наиболѣе желанной невѣсты Игорю. Но вникнемъ въ извѣстія о его женитьбѣ. Начальная лѣтопись говоритъ: «Игорю возрастьшю, *и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и приведоша* ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу». Тутъ дается видѣть, что Игорь женился на Ольгѣ именно по указанію и по волѣ Олега, своего воспитателя, какъ послушный ему и теперь. Такое прямое и вѣрное пониманіе дѣла представляетъ варіантъ Владимірскаго лѣтописца въ слѣдующихъ словахъ своихъ: «Игоря же *жени (Олегъ), поять* же за него жену именемъ Ольгу». За то совсѣмъ неудаченъ варіантъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописей, преимущественно Новгородскихъ, по которому Игорь самъ выбираетъ или приводитъ себѣ жену, и который находится въ связи съ другими варіантами тѣхъ лѣтописей, представляющими Игоря главнымъ, самостоятельно и властно дѣйствующимъ лицомъ со времени занятія Кіева и потомъ во все правленіе Олега, а Олега—только служебнымъ лицомъ при Игорѣ, исполнителемъ его воли [2]). Всѣ эти варіанты находятся въ прямомъ противорѣчіи съ свидѣтельствами начальной лѣтописи, представляющими Олега настоящимъ и полновластнымъ великимъ княземъ до самой кончины. Особенно рѣшительное значеніе имѣетъ здѣсь такое *документальное* свидѣтельство какъ свидѣтельство договора 912 г., въ которомъ послы русскаго князя говорятъ о себѣ: «послани отъ *Ольга, великаго князя русскаго* и отъ всѣхъ, *иже суть подъ рукою его* свѣтлыхъ бояръ» и проч. Какъ полновластный государь и притомъ старшій сродникъ и воспитатель

---

[1]) О такихъ князьяхъ и боярахъ говорится въ договорѣ Олега съ греками 912 г.

[2]) У Лейбовича, тамъ же, стр. 26.

Игоря, Олегъ могъ вполнѣ проявить волю свою въ дѣлѣ женитьбы Игоря, который и вообще не выдавался самостоятельнымъ характеромъ, что могло быть или природнымъ свойствомъ его, или послѣдствіемъ долгаго нахожденія его подъ опекунскою властію сильнаго характеромъ и умомъ Олега.

Затѣмъ извѣстія о женитьбѣ Игоря и супружествѣ его съ Ольгою пролагаютъ путь къ обнаруженію еще и другихъ обстоятельствъ самый женитьбы его. Лѣтопись говоритъ: *возрастьшю* Игорю... и приведоша ему жену. Здѣсь дается видѣть, что это былъ *первый* бракъ Игоря, въ смыслѣ настоящаго, такъ сказать, законнаго брака, какой и въ язычествѣ, особенно въ княжескихъ семьяхъ, различался отъ случайныхъ связей. Въ годъ этого брака—903-ій Игорь былъ въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ—возрастъ довольно поздній для перваго брака, по тогдашнему времени, когда женились даже и ранѣе 20 лѣтъ [1]). Значитъ, женитьба Игоря почему то *отлагалась, отсрочивалась*. Для такого жениха, какъ князь и наслѣдникъ престола, подобная отсрочка должна была обусловливаться какимъ нибудь особенно важнымъ обстоятельствомъ, какимъ въ данномъ случаѣ всего естественнѣе предположить или то, что не имѣлось на лицо подходящей невѣсты, или же то, что имѣлась въ виду *предъизбранная невѣста, но еще не достигшая возраста невѣсты.* Не была ли такою Ольга? Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, представляющемъ позднѣйшее извлеченіе изъ другихъ лѣтописей, извѣстіе о приведеніи Ольги изъ Плескова въ Кіевъ дополняется варіантомъ—*десяти лѣтъ* [2]). Если это сообщеніе есть только собственный домыселъ лѣтописца, то на этотъ разъ—домыселъ основательный. Святославъ, сынъ Игоря и Ольги, родился въ 942 г., слѣд. на *39* г. ихъ супружества [3]). А это значитъ,

---

[1]) Въ годъ смерти Рюрика—879-й Игорь былъ „вельми дѣтескъ“ „вельми молодъ“, какъ выражается о немъ начальная лѣтопись по Лавр. и Ипат. спискамъ. Если это выраженіе понимать такъ, что ему было тогда три—четыре года, то въ 903 г. ему было около 25 л. Это обстоятельство, а также общеизвѣстный обычай очень раннихъ женитьбъ древнихъ князей нашихъ даютъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ предполагать, что Игорь былъ женатъ и до женитьбы на Ольгѣ. Но выраженіе лѣтописи объ этой женитьбѣ исключаетъ такое предположеніе, не имѣющее притомъ за собой никакого свидѣтельства.

[2]) У Лейбовича, тамъ же стр. 26.

[3]) Извѣстіе о годѣ рожденія Святослава сообщается въ лѣтописяхъ *Ипатьевской*, Никоновской и Соф. Врем. Поэтому пропускъ извѣстія о годѣ рожденія Святослава въ Лаврен. спискѣ слѣдуетъ считать случайностію, происшедшею по недосмотру переписчика или редактора списка. Мы уже замѣчали, что варіанты

что Ольга въ 942 г. была еще настолько не стара, что могла рождать дѣтей [1]). Это собразно и съ тѣмъ фактомъ, что даже чрезъ три года потомъ древлянскіе послы сватали ее за своего князя Мала: едва ли могли бы они обольщать Ольгу новымъ замужествомъ, если бы видѣли въ ней старушку, уже не могущую быть женою [2]). Если же Ольга въ 942—945 г. была еще въ такомъ возрастѣ, что могла рождать дѣтей, могла быть сватана для новаго замужества, то, значитъ, въ годъ приведенія ея изъ Плескова въ Кіевъ, какъ невѣсты Игорю, она была еще очень молодою, была *недорослою*. Обычай женить и выдавать замужъ недорослыхъ очень извѣстенъ въ тѣ времена и въ Греціи, и на Руси, и на Западѣ: это одинъ изъ первобытныхъ обычаевъ, особенно въ княжескихъ семьяхъ. Даже въ XII в. у насъ извѣстенъ примѣръ выдачи замужъ *восьмилѣтней* Верхуславы, дочери Всеволода Юрьевича за Ростислава Рюриковича: ихъ даже повѣнчали и вѣнчалъ бѣлгородскій епископъ Максимъ [3]). Примѣры же договора между родителями о бракѣ ихъ дѣтей, заключаемаго въ видахъ политическихъ, имѣли мѣсто какъ на Западѣ, такъ и у насъ, даже относительно такихъ дѣтей, которые не достигли и 7 лѣтняго возраста [4]).

Ипатьевскаго списка оказываются большею частію надежнѣе Лаврентьевскихъ. Впрочемъ самъ Лаврентьевскій списокъ подтверждаетъ достовѣрность извѣстія о годѣ рожденія Святослава, когда подъ 946 г. говоритъ, согласно съ Ипатьев. лѣт., о немъ: „бѣ *бо дѣтескъ*". Татищевъ, ссылаясь на два бывшіе у него позднѣйшіе списка лѣтописей (новгородской и ростовской; впрочемъ ссылка неясна) переноситъ рожденіе Святослава на 920 г. Такое показаніе Татищева наклонны принимать и нѣкоторые изслѣдователи, именно въ виду того, что рожденіе Святослава въ 942 г. представляется слишкомъ позднимъ для супруговъ, ставшихъ таковыми съ 903 г. Но это—напрасно. Показаніе Татищева рѣшительно не заслуживаетъ довѣрія, какъ стоящее въ полномъ противорѣчіи съ свидѣтельствами начальной лѣтописи и о годѣ рожденія Святослава и о томъ, что въ 945 г. онъ былъ еще *дѣтескъ*, а не 20-лѣтній юноша. Несообразность же факта рожденія Ольгою сына на 39 г. супружества, не будучи абсолютною вообще, значительно ослабляется выясняющимся фактомъ *недорослости* Ольги въ 903 г., который упускался изъ вниманія и который здѣсь разъясняется.

[1]) Возможно, что у Игоря и Ольги были и другія дѣти до Святослава, но не упомянуты въ лѣтописи потому ли, что поумирали, или потому, что то были дочери, о которыхъ не всегда упоминаетъ лѣтопись.

[2]) Если сказаніе о сватовствѣ за Ольгу греч. императора Константина есть вымыселъ, то нѣтъ никакой причины считать таковымъ же разсказъ о древлянскомъ сватовствѣ.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 443.

[4]) Таковъ напр. извѣстный договоръ Мстислава Удалаго съ Андреемъ кор. венгерскимъ о женитьбѣ сына послѣдняго также Андрея на дочери перваго Маріи, которой было менѣе 7 лѣтъ.

Само собою понятно, что недорослыя невѣсты или жены только брались въ семью жениховъ или мужей, а дѣйствительными женами онѣ становились по достиженію возраста. Тоже, конечно, слѣдуетъ думать и объ Ольгѣ. Приведенная изъ Плескова въ Кіевъ, въ качествѣ жены для Игоря, въ возрастѣ 10-лѣтнемъ, а можетъ быть 8-лѣтнемъ, подобно Верхуславѣ [1]), она здѣсь жила, воспитывалась и доростала на глазахъ Олега и Игоря и женскихъ лицъ ихъ княжескаго рода [2]). А женою Игоря она стала, конечно, лишь спустя 5—7 лѣтъ.

Фактъ недорослости Ольги въ годъ приведенія ея въ замужество за Игоря очень важенъ. Онъ склоняетъ къ выводу, что женитьба его на Ольгѣ опредѣлилась не случайно, а *предусмотрѣнно*, заранѣе обдуманно, что умъ и красота невѣсты едва ли могли имѣть здѣсь значеніе *главнаго начальнаго* мотива къ брачному союзу, ибо въ недорослой дѣвочкѣ эти качества едвали могли обнаружиться настолько выразительно, чтобы *рѣшительно* повліять на избраніе ея въ жены 25-лѣтнему Игорю, которому притомъ оставалось ожидать еще 5—7 лѣтъ, чтобы такая дѣвочка стала его женою. Значитъ, бракъ Игоря съ Ольгою предрѣшенъ былъ по другимъ мотивамъ, другимъ видамъ, которые были видами не только Игоря, но и Олега, и даже прежде всего—видами Олега: ибо Игорь, «ходившій по Олегѣ и слушавшій его», какъ своего воспитателя и великаго князя, и женился на Ольгѣ по волѣ Олега, которая, впрочемъ, могла совпадать съ собственнымъ желаніемъ Игора.

д). Уясненіе обстоятельствъ женитьбы Игоря на Ольгѣ необходимо приводитъ къ заключенію, что та варяжская, жившая въ Плесковѣ, семья, изъ которой происходила Ольга, была *родственна* Олегу, что поэтому и Ольга была *родственницей* его, напр. его внучкой, племянницей и т. под. Чѣмъ прежде всего и естественнѣе всего объяснить несомнѣнный для насъ фактъ вліянія воли Олега въ заранѣе предрѣшенномъ дѣлѣ женитьбы Игоря на Ольгѣ, если не родственными отношеніями къ ней самаго Олега? Что̀ можетъ быть естествен-

---

[1]) Было замѣчено, что сообщеніе Архангелогородскаго лѣтописца о 10-лѣтнемъ возрастѣ Ольги въ 903 г., есть, вѣроятно, только собственный домыселъ лѣтописца, понимавшаго, что Ольга въ этомъ году должна быть еще недорослою. Но недорослость эту возможно понимать и такъ, что она была даже не 10 лѣтъ, а еще моложе, что взята послѣ *семи* лѣтъ, на *восьмомъ*, когда она только что перешла изъ *дѣтскаго* возраста (какимъ повсюду считался возрастъ до 7 лѣтъ) въ возрастъ *отроческій*, *отроковичный*.

[2]) Такія лица были, напр., одна или двѣ сестры Игоря.

нѣе желанія Олега женить княжича, своего питомца и наслѣдника престола, на своей родственницѣ? Вполнѣ естественно и то, что Игорь, обязанный Олегу и воспитаніемъ, и сохраненіемъ его правъ, какъ наслѣдника престола, охотно согласился скрѣпить родственный союзъ съ нимъ чрезъ бракъ съ Ольгою, тѣмъ болѣе, что послѣдняя обнаруживала задатки прекрасныхъ качествъ.

Средніе вѣка (да и другія времена) представляютъ много примѣровъ на то, что правители государства при недорослыхъ государяхъ или наслѣдникахъ престола женятъ или хотятъ женить ихъ на своихъ родственницахъ—дочеряхъ, сестрахъ, племянницахъ. Вполнѣ естественно было бы предполагать это и въ Олегѣ, еслибы даже онъ былъ только правителемъ государства при Игорѣ, а не государемъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Но тутъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще одно *важное* обстоятельство. Олегъ былъ *родственникомъ* отца Игоря Рюрика, какъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтопись: «умершю же Рюрикови, предаетъ княженіе свое Ольгови, *отъ рода его сущу*, вдавъ ему на руцѣ сына своего Игоря, бяше бо дѣтескъ вельми». Несомнѣнный фактъ родства Олега съ Рюрикомъ, а слѣд. и съ Игоремъ, служитъ для насъ новымъ подкрѣпленіемъ мысли, что къ общему родству этому принадлежала и Ольга, ближайшая родственница Олега и болѣе дальняя—Игоря, котораго и женилъ на ней Олегъ, побуждаясь именно чувствами и отношеніями родства. Здѣсь находитъ свое мѣсто предположеніе о связи именъ Олега или какъ пишетъ иногда лѣтопись, *Ольга* и Ольги. Но связь эту надежнѣе понимать не въ томъ натянутомъ и лишенномъ исторической аналогіи смыслѣ, что Ольга получила это свое имя отъ Олега *по случаю замужества*, а въ томъ болѣе простомъ смыслѣ, что она и *прежде* носила это имя, какъ *близкая родственница Олега*, получивъ его вслѣдствіе обычая давать тожественные имена членамъ одной и той же фамиліи, заимствуя такія имена особенно отъ именъ старшихъ и наиболѣе почетныхъ членовъ этой фамиліи. Обычай этотъ, древній и очень распространенный у народовъ, извѣстенъ и въ нашихъ княжескихъ фамиліяхъ [1]). Въ лѣтописяхъ относительно *княжихъ* именъ

[1]) Напр. въ родѣ князей черниговскихъ и рязанской вѣтви этого рода преобладаютъ имена *Святослава и Олега*, наиболѣе извѣстныхъ родоначальниковъ ихъ. То же примѣчается въ именахъ князей полоцкихъ и князьяхъ потомства Мстислава Мономаховича. Обычай же тождественныхъ именъ *мужскихъ* и *женскихъ* (конечно, съ перемѣною окончанія), не безъизвѣстный и у насъ (Всеславъ—Всеслава и под.), извѣстнѣе на Скандинавскомъ сѣверѣ (Погодинъ, тамъ же, III стр. 92).

встрѣчаются замѣчанія, что дано имя *дѣдне* и т. под. Очень возможно, что и Ольгѣ дано это имя, какъ Олеговой внучкѣ или племянницѣ. Не лишено значенія и замѣчательное сходство въ характерѣ Олега и Ольги. Олегъ—вѣщій и мудрый; Ольга—тоже «мудрая вельми»; онъ и она дѣйствуютъ хитростію, обманомъ: Олегъ—въ отношеніи къ Аскольду и Диру, и Ольга—въ отношеніи къ древлянскимъ посламъ. Не черты ли это фамильнаго сходства? Не лишено значенія и то, что только *объ Олегѣ* и *Ольгѣ* передаются однородныя сказанія (колеса Олега, воробьи Ольги), имѣющія свои отголоски и въ сагахъ. Не служатъ ли эти сказанія также отголосками розсказней въ потомствѣ той варяго-русской фамиліи или родни, къ которой нѣкогда принадлежали Олегъ и Ольга? Впрочемъ, и помимо подобныхъ предположеній, остается, кажется намъ, достаточно обоснованнымъ выводъ, что та, жившая въ Плесковѣ, варяго-русская семья, изъ которой Олегомъ взята Ольга въ замужество за Игоря, была родственною Олегу.

e) Но такой выводъ обусловливаетъ постановку вопроса о томъ: чѣмъ была въ Плесковѣ эта варяго-русская семья? Ея жительство и ея положеніе въ Плесковѣ не находилось ли въ связи съ какими либо прежними отношеніями къ Плескову самаго Олега? Говоря о прибытіи Рюрика съ братьями, лѣтопись замѣчаетъ: «и изъбрашася три брата *съ роды своими*». Безъ сомнѣнія, въ этихъ родахъ долженъ разумѣться и Олегъ, *сущій отъ рода Рюрика*. Когда по смерти братьевъ Рюрикъ сталъ княжить одинъ, то онъ, по лѣтописи, «раздавалъ грады *мужемъ своимъ:* овому Полотскъ, овому Ростовъ, овому Бѣлозеро: и по тѣмъ городомъ, прибавляетъ лѣтопись, суть находницы Варязи» [1]). Замѣчательно, что лѣтопись не упоминаетъ здѣсь

[1]) Къ величайшему сожалѣнію, послѣ этого, стоящаго подъ 862 г., разсказа и затѣмъ извѣстія объ отходѣ Аскольда и Дира на югъ и занятіи ими Кіева, начальная лѣтопись ничего болѣе не сообщаетъ о Рюрикѣ и сѣверной Руси до его кончины въ 879 г., а послѣ извѣстія о ней и о переходѣ власти и опекунства надъ Игоремъ къ Олегу,—ничего не сообщаетъ объ Олегѣ до похода его на югъ къ Кіеву въ 882 г. Такимъ образомъ годы между 862—879гг. остаются въ лѣтописи *пустыми* для сѣверной Руси. Лишь подъ тремя изъ этихъ шестнадцати пустыхъ годовъ помѣщены извѣстія, не относящіяся къ сѣверной Руси и притомъ не самостоятельныя, а заимствованныя изъ византійскихъ хроникъ. Затѣмъ, послѣ 879 г. стоятъ опять пустые года до 882 г. Отрывочность извѣстій о Рюрикѣ подъ 862 и 879 гг., въ связи съ указаннымъ значительнымъ количествомъ пустыхъ годовъ, служитъ *однимъ изъ поводовъ* къ отрицанію достовѣрности и этихъ извѣстій, къ отрицанію Рюрика и варяго-руссовъ, послѣ чего и Олегъ признается существующимъ

объ Изборскѣ. Не иначе слѣдуетъ понимать это, какъ такъ, что Изборскъ съ областію мѣстныхъ кривичей Рюрикъ оставилъ въ своемъ непосредственномъ владѣніи вмѣстѣ съ Новгородомъ и областію новгородскихъ или ильменскихъ славянъ. Но Рюрикъ жилъ и долженъ былъ жить въ Новгородѣ, гдѣ у него было много дѣла, обусловливаемаго самымъ положеніемъ его, какъ перваго князя, гдѣ приходилось ему и заново обстроиваться въ новой столицѣ (о чемъ есть извѣстія), мирить родовыя распри, вершить судъ, устанавливать нарядъ и удерживать въ подчиненіи и порядкѣ новопокоренное населеніе (есть, хотя и позднія, извѣстія о борьбѣ его съ недовольными его властію). Естественно, что вторую изъ двухъ, оставленныхъ имъ въ своемъ непосредсвенномъ владѣніи областей, т. е. область сосѣднихъ кривичей съ городами Изборскомъ и Плесковомъ онъ могъ предоставить во власть другому лицу, но уже не кому либо изъ своихъ мужей или боярь, а такому лицу, которое было у него alter ego, было настолько близкимъ къ нему, что принимало интересы его и его дома, какъ свои собственные. А такимъ былъ Олегъ, сущій отъ

въ нашей исторіи только съ 882 г. (когда онъ оказывается въ Кіевѣ) и не имѣющимъ никакого отношенія къ Рюрику, какъ не существовавшему. Такой взглядъ на дѣло представляется намъ крайне несостоятельнымъ. Отрывочность извѣстій о начальныхъ временахъ государствъ есть явленіе почти всеобщее въ ихъ лѣтописяхъ Пустыми годами изобилуютъ начальныя лѣтописи повсюду; а въ нашей лѣтописи на первыхъ страницахъ ея есть не мало пустыхъ годовъ и послѣ 882 г. При такомъ, вполнѣ естественномъ положеніи лѣтописнаго дѣла въ начальное время всякой исторіи, тѣмъ болѣе слѣдуетъ беречь, какъ драгоцѣнность, доставшіяся намъ немногія отрывочныя извѣстія. Иначе мы рискуемъ остаться при исторіи *безъ начала*, или же началомъ ея поставимъ наши догадки и теоріи, что̀ и видимъ у тѣхъ, впрочемъ весьма уважаемыхъ, историковъ, которые отвергаютъ первыя хронологическія и опредѣленныя извѣстія лѣтописи. Съ своей стороны, твердо держась этихъ извѣстій, полагаемъ, что только *въ согласіи съ ними* позволительно строить предположенія и о томъ, что̀ могло быть и дѣлаться въ тѣ годы времени Рюрика и Олега, которые остались пустыми въ лѣтописи, но, безъ всякаго сомнѣнія, не оставались пустыми въ дѣйствительности, а были наполнены дѣятельностію этихъ князей и ихъ сподвижниковъ по начальному устроенію новаго государства и себя самихъ въ этомъ государствѣ, въ новой странѣ и среди ея населенія. Тоже должно сказать и по поводу молчанія начальной лѣтописи о семейныхъ отношеніяхъ новой династіи. Лѣтопись прямо говоритъ только объ одномъ *сынѣ* у Рюрика Игорѣ. Но случайно изъ уцѣлѣвшаго въ ней договора Игоря съ греками узнаемъ, что у Рюрика были. дочери, сестры Игоря, сыновья которыхъ, Игоревы *нетіи* т. е. сестричичи, упоминаются по именамъ въ этомъ договорѣ. Также случайно, отъ Константина Багрянороднаго узнаемъ, что къ великокняжескому дому Игоря и Ольги, основанному Рюрикомъ и Олегомъ, принадлежала цѣлая группа родственниковъ и родственницъ.

рода Рюрика и настолько преданный и вѣрный ему, что предъ смертію Рюрикъ вдалъ на руки ему своего сына и наслѣдника. Такъ весьма вѣроятно, что *Олегъ еще при жизни Рюрика владѣлъ и правилъ Изборскомъ и Плесковомъ* съ областію мѣстныхъ кривичей, какъ самъ Рюрикъ—Новгородомъ и Ладогой съ областію ильменскихъ славянъ [1]). Какъ сродичъ Рюрика и притомъ несомнѣнно даровитый, сильный и преданный ему, Олегъ, по согласію и уговору съ нимъ, имѣлъ здѣсь свое *княжество*, свое владѣніе, служившее и содержаніемъ ему, какъ князю, собиравшему на себя дани, оброки и пошлины. Это было сходно съ обычаями подобныхъ владѣній на скандинавскомъ сѣверѣ; довольно сходно и съ обычаями нашей позднѣйшей удѣльщины. Близость княжеской области Олега къ Новгороду представляла удобства для сношеній между нимъ и Рюрикомъ, тогда очень важныхъ въ интересѣ ихъ обоихъ. Затѣмъ, такъ какъ Изборскъ послѣ 862—864 г., когда въ немъ княжилъ Труворъ, надолго исчезаетъ въ лѣтописяхъ, а вмѣсто него съ нач. X в. выступаетъ Плесковъ, связуемый при этомъ съ именами Олега и Ольги; то естественно предположить, что Олегъ, получивъ въ свое владѣніе область ближайшихъ къ Новгороду кривичей, поступилъ подобно Рюрику, перешедшему изъ Ладоги въ Новгородъ, то есть: оставилъ Изборскъ и перешелъ въ Плесковъ, какъ городъ, подобно Новгороду, главный въ своей области, и притомъ ближайшій къ нему. Послѣ этого Изборскъ пошелъ надолго въ забвеніе, а Плесковъ сталъ расти заново обстроиваться Олегомъ, какъ Новгородъ Рюрикомъ. Когда, по смерти Рюрика, Олегъ сталъ княжить въ самомъ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ, какъ полновластный великій князь, имѣвшій «подъ своею рукою и всѣхъ свѣтлыхъ князей и великихъ бояръ», какъ областныхъ правителей, то онъ имѣлъ полную возможность предоставить свой прежній плесковскій удѣлъ во владѣніе одному изъ такихъ князей, но такому именно, который былъ *отъ его рода*, какъ самъ онъ былъ отъ рода Рюрика и который по родству съ Олегомъ, имѣлъ право наслѣдовать ему въ его прежнемъ удѣлѣ. Это сообразно съ дѣятельностію Олега въ первые годы его правленія, какъ ее изображаетъ лѣтопись, говоря, что онъ на пути къ Кіеву, сажалъ своихъ мужей во вновь занятыхъ городахъ (Смоленскѣ и Лебечѣ), устроялъ города, установлялъ дани, а въ

---

[1]) Предоставленіе во власть Олега гг. Изборска и Плескова съ областію кривичей послѣдовало, надо полагать, въ одинъ изъ тѣхъ годовъ, которые послѣ 862—864 г. остаются въ лѣтописи пустыми.

Новгородѣ уставилъ особую дань въ пользу Варяговъ «мира дѣля» [1]. Правда, Плесковъ не упомянутъ въ числѣ городовъ, обнятыхъ распорядительною дѣятельностію Олега въ эти первые годы его правленія; но, безъ сомнѣнія, онъ не могъ быть обойденъ ею, такъ что отсутствіе извѣстій о распоряженіяхъ Олега относительно Плескова, въ лѣтописи, вообще крайне скудной извѣстіями для даннаго времени, можетъ объясняться тѣмъ, что въ этихъ распоряженіяхъ небыло ничего *особеннаго*, т. е. что этотъ городъ съ окрестною областію просто семейнымъ распоряженіемъ Олега перешелъ во владѣніе «свѣтлаго князя», сродича Олегова. Изъ семьи этого князя и могла произойти Ольга, какъ могли произойти изъ нея и нѣкоторые изъ ея родственниковъ и родственницъ, упоминаемыхъ Константиномъ Багрянороднымъ. Эту то семью посѣщала Ольга во время своей поѣздки изъ Кіева на сѣверъ, когда она останавливалась въ Плесковѣ и, повидимому, на долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Отъ этой то семьи, осѣвшейся въ плесковской области со времени Олега, могли достаться Ольгѣ, по праву фамильнаго наслѣдства, и нѣкоторыя изъ тѣхъ селъ и угодій, которыя связываются преданіемъ съ именемъ Ольги, и изъ которыхъ село Выбутино или Будутино признано было мѣстомъ ея рожденія. Плесковская княжеская, или княжеско-боярская фамилія, какъ родственная Олегу, могла бы современемъ стать даже независимою владѣтельною фамиліею, подобно фамиліи Рогвольда полоцкаго [2]. Но вѣрный сродичъ и преданный дому Рюрика Олегъ, лично удовольствовавшись тѣмъ полновластіемъ, какое предоставилъ ему Рюрикъ предъ смертію и которымъ онъ имѣлъ пользоваться до своей кончины, возвращаетъ Плесковъ наслѣднику Рюрика вмѣстѣ съ рукою Ольги, къ чему могло располагать велико-

[1]) Это *мира дѣля* (для) можно понимать такъ, что оставленная въ Новгородѣ военная дружина варяговъ, содержимая на счетъ слѣдовавшей Олегу, какъ в. князю, дани отъ Новгорода, должна была охранять миръ, т. е. спокойствіе и покорность самаго населенія вѣчеваго города, или же охранять городъ отъ возможныхъ набѣговъ другихъ заморскихъ варяговъ, охранять *внѣшній* миръ.

[2]) О Рогвольдѣ Лаврент. лѣтопись подъ 1128 г. говоритъ: „бѣ Рогвольдъ пришелъ изъ за морья, имѣше волость свою Полтескъ". Но какъ Полоцкъ, по болѣе раннему сообщенію той же лѣтописи, находился въ свое время во власти Рюрика, который далъ его въ управленіе одному изъ своихъ *мужей*, то надо полагать, что изъ фамиліи этого мужа и происходилъ Рогвольдъ, что фамилія этого мужа правила Полоцкомъ *наслѣдственно*, а Рогвольдъ, пользуясь замѣшательствомъ по смерти Святослава при его сыновьяхъ, сталъ держать себя независимо, желалъ обратить управляемую имъ область въ особое княжество.

душнаго опекуна еще и то, что самъ онъ или не имѣлъ прямого наслѣдника, или признавалъ таковымъ Ольгу и любилъ ее, какъ свою внучку или племянницу. Родня же Ольги мирилась съ такою волею Олега, какъ ему всѣмъ обязанная, отъ него вполнѣ зависимая и притомъ въ возвышеніи Ольги, какъ жены Игоря, наслѣдника престола и власти во всей русской землѣ, видѣвшая собственное возвышеніе, достаточно ее удовлетворявшее. Словомъ, бракъ Игоря съ Ольгою, устроенный Олегомъ, имѣлъ свои мотивы, по всей вѣроятности не только въ *родственныхъ, но и въ политическихъ* видахъ мудраго Олега, желавшаго соединеніемъ двухъ родственныхъ и властвующихъ въ Руси (въ лицѣ Олега и Игоря) фамилій, предотвратить возможныя замѣшательства, упрочить нововозникающую династію въ новомъ государствѣ [1]). И если такъ, то это дѣло Олега было въ высшей степени благодѣтельнымъ для новаго государства и для всей Руси и ея ближайшей будущности! Счастливыя условія объединенія двухъ фамилій въ данномъ случаѣ увеличивались тѣмъ, что представительница Олеговой фамиліи оказывалась достойнѣйшею своего призванія, въ качествѣ жены наслѣдника престола и будущей великой княгини. То весьма вѣроятно, что она осталась единственною женою его, съ которой онъ жилъ до преклонныхъ лѣтъ, а это было далеко не въ обычаѣ тѣхъ временъ [2]). Надлежитъ думать, что Ольга пользовалась такою любовію и уваженіемъ Игоря, такимъ вліяніемъ на него, которыми устранялась допускаемая обычаемъ возможность другихъ женъ у него. Въ свою очередь Ольга, овдовѣвъ послѣ убитаго древлянами Игоря, не только не поддалась на второе замужество, что̀ въ ея, хотя и пожиломъ, возрастѣ нерѣдко дозволяли себѣ вдовы-государыни въ другихъ мѣстахъ, даже въ Византіи, но и засвидѣтельствовала свою вѣрную любовь къ мужу особенною страстностію мести за убіеніе его. Утѣшившись исполненіемъ этого, по языческимъ

---

[1]) Брачные союзы по видамъ политическимъ были тогда въ обычаѣ такъ же, какъ и въ разныя другія времена. Древляне женитьбою своего князя Мала на Ольгѣ надѣялись, конечно, не только предупредить войну съ Кіевомъ, но и достичь господства надъ нимъ. Ярополкъ и Владиміръ, въ борьбѣ изъ за господства въ Руси, ищутъ руки дочери Рогвольда, чтобы сдѣлать его своимъ союзникомъ.

[2]) Что у Игоря не было другихъ женъ, кромѣ Ольги, слѣдуетъ заключить какъ изъ молчанія о томъ лѣтописи, такъ особенно изъ факта рожденія у нихъ сына за нѣсколько лѣтъ до смерти Игоря, послѣ не менѣе 35 лѣтней супружеской жизни. Фактъ этотъ былъ бы почти не мыслимъ при существованіи у Игоря другихъ женъ, конечно, болѣе молодыхъ.

понятіямъ, священнаго долга по отношенію въ мужу, она, слѣдуетъ полагать, нашла новое утѣшеніе въ предпринятомъ вслѣдъ затѣмъ путешествіи на сѣверъ, на свою плесковскую родину, гдѣ могла также дѣлать какія либо распоряженія, касающіяся ея родни и ея наслѣдственныхъ волостей въ этой странѣ, которыя она удерживала за собой, какъ то слѣдуетъ заключить по не разъ уже упомянутымъ извѣстіямъ о Будутинѣ. Затѣмъ вся вообще дѣятельность Ольги, какъ правительницы государства въ малолѣтство Святослава, напоминаетъ собою дѣятельность уже не Игоря, а мудраго Олега, ибо, подобно Олегу, оно сосредоточиваетъ вниманіе на внутреннемъ устроеніи государства, пріобрѣтая чрезъ это славу мудрѣйшей изъ русскихъ женъ, мудрѣйшей правительницы.

ж). Остается высказать возможное предположеніе по поводу раздѣляемаго нѣкоторыми изслѣдователями мнѣнія Татищева, который, опираясь на сказанія своей Іоакимовой лѣтописи, производитъ Ольгу, *по женской линіи*, изъ рода знаменитаго новгородскаго боярина-князя Гостомысла, чрезъ старшую изъ трехъ дочерей его, бывшую въ замужествѣ за варяжскимъ изборскимъ княземъ. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что, несмотря на баснословныя подробности сказанія о Гостомыслѣ, личность эта можетъ быть признана историческою, какъ упоминаемая и въ разныхъ другихъ источникахъ, хотя и позднихъ. И если такъ, то можно съ нѣкоторою вѣроятностію допустить, какъ историческую дѣйствительность то, что составляетъ основу въ сказаніи о Гостомыслѣ. Это—мысль о существованіи какого то родственнаго союза между членами возобладавшаго въ славяно-русской странѣ варяжскаго княжескаго рода съ наиболѣе представительными лицами изъ мѣстныхъ свѣтлыхъ бояръ, какими должно преполагать въ данномъ случаѣ бояръ *новгородскихъ*, и къ какимъ могъ принадлежать Гостомыслъ. То само по себѣ естественно, что пришлый владѣтельный родъ, въ интересѣ сближенія съ новою мѣстною средою и упроченія своего положенія въ новой странѣ, наклоненъ былъ родниться съ наиболѣе представительными и наиболѣе вліятельными фамиліями въ населеніи этой страны. Это бывало въ подобныхъ случаяхъ очень часто и въ древнія и въ позднѣйшія времена. Вспомнимъ многочисленные родственные союзы литовскихъ княжескихъ фамилій съ русскими при водвореніи первыхъ въ предѣлахъ зап. Руси. Очень нерѣдки примѣры, что брачные союзы между лицами возгосподствовавшей въ странѣ національности и мѣстной, туземной нарочито устраиваются въ видахъ взаимнаго сближенія. Извѣстны такіе союзы напр. въ Бол-

гаріи между греками и болгарами, послѣ подчиненія ея императоромъ Василіемъ II. Есть нѣкоторое основаніе полагать, что брачные союзы новаго варяжскаго княжескаго рода съ фамиліями изъ знатныхъ бояръ, конечно, новгородскихъ, начались еще при Олегѣ и Игорѣ. По крайней мѣрѣ имя одного изъ *нетіевъ*, т. е. сестриничей Игоря, представляется славянскимъ, а одинъ изъ нихъ женатымъ на славянкѣ [1]). Когда древляне сватали Ольгу за своего князя Мала, то они, конечно, знали, что брачный союзъ племеннаго князя съ господствующимъ домомъ возможенъ. Сказанное здѣсь стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что выше говорено было о брачныхъ союзахъ нашихъ князей, какъ союзахъ по преимуществу съ княжескими же фамиліями. Тамъ же было замѣчено, что бывали, хотя и не часто, брачные союзы у нихъ съ лицами *знатнѣйшихъ* бояръ. И надо сказать, что извѣстны такіе союзы князей именно съ боярскими фамиліями *въ Новгородѣ*, гдѣ бояре болѣе, чѣмъ въ другихъ древнихъ городахъ, выдавались своимъ значеніемъ родовой, землевладѣльческой и промышленной аристократіи [2]). Такимъ образомъ есть возможность допустить, что та вѣтвь княжескаго рода, къ которой принадлежалъ Олегъ, сродичъ Рюриковъ, могла войти въ брачный союзъ съ семьею знатнѣйшаго новгородскаго боярина, былъ ли то Гостомыслъ или кто другой. Но такой союзъ, если онъ существовалъ, могъ произойти *не до призванія и прихода князей*, какъ то разсказываетъ Татищевъ, вторя баснословію своей Іоакимовой лѣтописи, а *по приходѣ ихъ* и по утвержденіи своей владѣтельной осѣдлости въ Руси, которою и обусловилась возможность брачныхъ союзовъ ихъ съ наиболѣе представительными лицами мѣстной среды. Затѣмъ, союзъ этотъ, если онъ существовалъ, гораздо надежнѣе понимать такъ, что въ немъ *мужеская* сторона была *варяжскою*, а *женская славянскою*; такъ что та плесковская семья, изъ которой произошла Ольга, могла бы быть названа *княжеско-боярскою*, *варяго-славянскою*. И если сама Ольга

[1]) Таковы нетій Игоревъ *Улѣбъ Володиславль* (Ипат. лѣт., въ Лаврентьевской—иная разстановка знаковъ препинанія, едва ли основательная), Якунъ—нетій Игоревъ (ib.). Имя Якунъ встрѣчается и какъ варяжское, и какъ славянское. Упоминаемая послѣ перваго нетія Игорева *Преслава* была, какъ предполагалъ Карамзинъ, женою его племянника.

[2]) Мстиславъ сынъ Владиміра Мономаха, женатый первымъ бракомъ на дочери короля шведскаго, вторымъ бракомъ женатъ былъ на дочери знатнаго боярина Димитрія Завидича. О брачныхъ связяхъ боярскихъ семействъ Новгорода съ князьями Рюрикова дома — замѣчаніе у Костомарова (Сѣверно-русскія народоправства. Т. II. стр. 21—22. Спб. 1863 г.).

носила еще варяжское имя, какъ *княжее* имя въ своемъ родѣ, то сыну даетъ уже славянское имя Святослава.

Безсмертное имя стяжала Ольга въ русской исторіи, какъ первая въ княжескомъ родѣ принявшая христіанство. Великое это дѣло совершилось, безъ сомнѣнія, въ связи со всею личною исторіею ея. По ясному свидѣтельству лѣтописи, первыми христіанами у насъ были христіане изъ варяговъ, тѣхъ, конечно, которые бывали въ христіанской Греціи и тамъ знакомились съ христіанствомъ. Естественно думать, что Ольга, какъ тоже варяжка княжескаго рода, услышала о христіанской Греціи отъ такихъ же варяговъ. Первые разсказы о ней она могла слышать еще отъ Олеговыхъ варяговъ, бывавшихъ послами его въ Царьградѣ, о которыхъ лѣтопись говоритъ, что тамъ, по повелѣнію царя, показывали имъ достопримѣчательности и святыни Царьграда, «учаще ихъ вѣрѣ истинной». Договоръ Олега съ греками повліялъ на учащеніе сношеній Руси и Кіева съ Царьградомъ, плодомъ которыхъ были появленіе или умноженіе варяговъ-христіанъ въ Кіевѣ, изъ тѣхъ, которые приходили христіанами изъ Греціи, изъ Царьграда, и къ которымъ могли присоединиться и варяго-руссы изъ Черноморья, присоединившіеся къ русской державѣ, если еще не въ концѣ княженія Олега, то уже несомнѣнно при Игорѣ. Въ концѣ правленія его, какъ видно изъ договора 945 г. они оказывались въ Кіевѣ въ такой силѣ, что имѣли свою христіанскую церковь, что къ вѣрѣ ихъ относится съ терпимостію и уваженіемъ князь и въ самомъ текстѣ договора варяго-руссы христіане ставятся впереди язычниковъ. Дѣлаемый отсюда выводъ, будто и самъ Игорь былъ уже внутренно предрасположенъ къ христіанству, не есть еще выводъ, настоятельно требуемый. Сила варяговъ христіанъ при дворѣ великокняжескомъ проще можетъ быть объяснена вліяніемъ Ольги, которая, по своей мудрости, могла лучше Игоря понять варяговъ христіанъ, приблизить ихъ ко двору и внушить уваженіе къ нимъ и своему старѣвшему, а тѣмъ болѣе и подчинявшемуся ея вліянію мужу. За то, послѣ внезапной смерти Игоря, убитаго древлянами, Ольга, оставшись съ недорослымъ сыномъ на рукахъ, нашла нужнымъ сдерживать свое предрасположеніе къ христіанству въ виду рѣшительнаго *численнаго* преобладанія язычниковъ и въ княжеской дружинѣ, и въ населеніи. Съ своей стороны, представительные язычники не могли забыть временно проявившейся силы варяговъ-христіанъ въ послѣдніе годы Игоря и позаботились окружить своимъ вліяніемъ молодаго наслѣдника престола, осиливъ даже влія-

ніе матери, какъ ясно даетъ понять это лѣтопись [1]). Благопріятное условіе къ достиженію такого вліянія они нашли въ исключительно воинственныхъ наклонностяхъ или инстинктахъ, сказавшихся въ молодомъ князѣ. Сдавъ затѣмъ управленіе сыну, Ольга сосредоточилась на внутреннихъ расположеніяхъ своей души, искавшей свѣта вѣры. Ближе примкнула она къ средѣ бывшихъ въ Кіевѣ христіанъ, приблизила къ себѣ христіанскаго священника Григорія, можетъ быть, посѣщала и христіанскую церковь, въ качествѣ христіанки въ состояніи оглашенія, но предпочла принять крещеніе въ Царьградѣ, о которомъ столько уже слышала, и въ которомъ существовала и варяжская церковь для варяго-русскихъ христіанъ. Былъ ли священникъ Григорій священникомъ изъ варяжскихъ кіевскихъ христіанъ, прибывшимъ изъ Царьграда или Черноморья, или же онъ былъ болгариномъ, предполагаемымъ современникомъ Симеона Болгарскаго († 927 г.) и переводчикомъ хроникъ Амартола и Іоанна Малалы,— это остается вопросомъ. Но если онъ былъ и болгариномъ, то присутствіе его въ Кіевѣ при дворѣ Ольги можетъ быть объяснено и помимо мысли о болгарскомъ происхожденіи Ольги, противорѣчащей гораздо болѣе надежнымъ свидѣтельствамъ о русскомъ происхожденіи ея. Игорь во время своихъ походовъ 941 и 944 г. достигалъ Дуная и Болгаріи, причемъ болгары, тогда союзные съ греками, предупреждаютъ ихъ о движеніи руссовъ, а Игорь дѣйствуетъ какъ врагъ Болгаріи, пуская на нее орду печенѣговъ. Но когда, послѣ договора 945 г., установились мирныя отношенія у Руси съ Греціею и Болгаріею, продолжавшіяся и при Ольгѣ, то стало возможнымъ учащеніе торговыхъ сношеній Руси съ Болгаріею. О существованіи ихъ есть весьма опредѣленное и значимое свидѣтельство въ словахъ Святослава, показывающихъ, что Переяславль Болгарскій былъ большимъ торговымъ центромъ, въ который «вся благая сходятся съ разныхъ мѣстъ» въ который привозятся товары изъ Греціи, Чехіи, Угріи и *Руси*. Эти сношенія могли оживлять среди русскихъ и болгарскихъ славянъ представленіе о сродствѣ ихъ по племени и языку. И если русскіе ходили для торговли въ Болгарію, то и болгары могли приходить въ Русь и Кіевъ. Могли нѣкоторые изъ нихъ и переселяться въ Русь, недовольные положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи при современ-

[1]) Въ отвѣтъ на просьбы и увѣщанія матери, склонявшей Святослава къ христіанству, онъ ссылался на дружину, которая будетъ смѣяться надъ нимъ. Очевидно, эта дружина еще ранѣе подчинила Святослава своему вліянію.

никѣ Ольги царѣ Петрѣ [1]). Могли быть между ними и люди *грамотные*, теперь уже нужные Руси, имѣвшей *письменные* договоры съ Греціею, существовавшіе, безъ сомнѣнія, въ переводѣ на языкъ, понятный договаривающейся русской сторонѣ, и такимъ языкомъ, всего вѣроятнѣе, былъ славянскій съ его грамотностію, существовавшею въ Болгаріи [2]). И если были въ Кіевѣ пришельцы изъ Болгаріи, то, какъ христіане, они естественно должны были сближаться съ христіанами, и чрезъ нихъ могли сдѣлаться извѣстными и Ольгѣ. Ольга, какъ вѣроятная славянка по женской линіи, или же теперь уже ославянившаяся русская княгиня и считавшая славянскую Русь столько же себѣ родною, какъ и варяжскую, узнала славянъ и въ болгарскихъ христіанахъ и потому могла приблизить къ себѣ болгарскаго славянина-священника, если таковымъ былъ Григорій, извѣстный въ ея свитѣ во время путешествія ея въ Царьградъ. Въ этой свитѣ были и *переводчики*, знавшіе греческій и славянскій языки, что так-

---

[1]) Иречка „Исторія болгаръ", стр. 222—224.

[2]) Договоры Олега и Игоря писаны въ *Царьградѣ*; тамъ слѣд. сдѣланы были и переводы ихъ, о чемъ должны были позаботиться не только руссы, но и сами греки, заинтересованные въ соблюденіи руссами договоровъ, что особенно должно сказать о договорѣ Игоря, для грековъ болѣе выгодномъ, чѣмъ для руссовъ. Возможно, что варяго-руссы Олега и Игоря имѣли переводъ договоровъ и на своемъ варяго-русскомъ языкѣ, и въ такомъ случаѣ письмомъ перевода могло быть *готское*, какъ письмо языка родственнаго ихъ языку и извѣстное черноморскимъ руссамъ, ихъ одноплеменникамъ. Но оффиціальный переводъ, безъ сомнѣнія, былъ переводомъ на славянскій языкъ, какъ языкъ цѣлой страны, въ которой господствовали кіевскіе варяго-руссы. Въ Царьградѣ совсѣмъ нетрудно было найти переводчика и переписчика договоровъ изъ славянъ здѣсь жившихъ, знавшихъ и греческій языкъ. И всего вѣроятнѣе, эти славяне были изъ болгаръ или одноплеменныхъ съ ними византійскихъ славянъ, бывавшихъ и на службѣ государственной. Принесенные изъ Царьграда въ Кіевъ, договоры въ славянскомъ переводѣ, конечно, были здѣсь *читаемы* князьямъ, дружинникамъ, боярамъ, гостямъ (купцамъ), какъ относившіеся и къ торговымъ дѣламъ, или по крайней мѣрѣ *объясняемы* имъ читающими. Для такого чтенія требовались *грамотные* люди. Нужны были такіе люди и для написанія или объясненія тѣхъ *грамотъ* княжескихъ, съ какими, по договору Игоря, должны были руссы приходить въ Царьградъ. Поэтому кіевскіе князья и должны были запасаться такими грамотными людьми, привлекая ихъ изъ самаго Царьграда или изъ Болгаріи и во всякомъ случаѣ изъ среды славянъ, знавшихъ и греческій, и славяно-русскій языкъ, однородный съ болгарскимъ. Эти грамотные люди могли быть *только изъ христіанъ* и скорѣе всего изъ лицъ *духовныхъ*, какъ необходимо грамотныхъ, бывавшихъ и позже дьяками и печатниками при нашихъ князьяхъ. Къ такимъ лицамъ могъ принадлежать и Григорій при Ольгѣ, бывшій вмѣстѣ и священникомъ при ней и домовой церкви ея.

же можно предполагать особенно о болгарахъ. Наконецъ, бывшіе въ той же свитѣ родственники и родственницы Ольги, по всей вѣроятности, ставшіе христіанами по примѣру Ольги, составляли ту ближайшую варяго-славянскую, христіанско-русскую среду, въ которой теперь вращалась Ольга, оставленная сыномъ, постоянно отлучавшимся въ далекіе походы.

Несмотря на упорство въ язычествѣ самого Святослава, являлись и новые послѣдователи христіанства, о чемъ намекаетъ лѣтопись и что слѣдуетъ приписать вліянію Ольги, которое простиралось прежде всего на ея родныхъ и приближенныхъ, жившихъ при ней въ Кіевѣ или Вышгородѣ, бывшемъ ея *княгининымъ* городомъ. Можно поэтому довѣрять преданію, что она заботилась о насажденіи христіанства и на своей плесковской родинѣ, куда если не ѣздила сама, то посылала кого либо изъ своей плесковской родни, при ней бывшей. Можно довѣрять извѣстію, что самое село свое на плесковской родинѣ, вышеупомянутое Будутоно, она завѣщала церкви Богородицы, построенной ею въ Кіевѣ, или Вышгородѣ въ качествѣ своей домовой церкви, чтобы обезпечить тѣмъ содержаніе ея и ея причта, или же предположенной къ построенію въ ея родномъ Плесковѣ. Но важнѣе всего то, что своимъ христіанствомъ, слава котораго, бывшая до Ольги только пришлою и далекою, а съ этого времени ставшая близкою и *своею* на Руси, какъ связанная съ именемъ славной и мудрѣйшей княгини,—что эта слава подготовила общее торжество христіанства въ Россіи при Владимірѣ!

Заканчивая настоящее изложеніе данныхъ соображеній и выводовъ о происхожденіи Ольги, мы не думаемъ настаивать на вѣрности послѣднихъ во всѣхъ частныхъ сторонахъ вопроса. Ясно и твердо стоитъ, на нашъ взглядъ, только тотъ общій выводъ, что Ольга была родомъ не изъ Болгаріи, а изъ Руси, не изъ болгарской Плискувы, а изъ русскаго Плескова и что она происходила изъ знатнаго, княжескаго или княжеско-боярскаго рода того же варяжскаго племени, къ которому принадлежали Рюрикъ, Олегъ и Игорь. Остальные выводы признаемъ только вѣроятными и наиболѣе вѣроятнымъ тотъ, что она была родственницей Олега, сродича Рюрика, опекуна и воспитателя Игоря.

Такимъ выводомъ о происхожденіи Ольги отнюдь не устраняется значеніе ученаго сообщенія о родѣ Ольги достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, послужившее поводомъ къ настоящему

изложенію. Всякое новое ученое сообщеніе полезно уже тѣмъ, что вызываетъ на новый просмотръ, на новую провѣрку историческихъ данныхъ и мнѣній. Сообщенное ученымъ изслѣдователемъ новое извѣстіе Владимірскаго лѣтописца сохраняетъ для насъ свой интересъ и теперь, когда приходится смотрѣть на это извѣстіе, какъ на извѣстіе, выражающее собою не *историческій*, а только *литературный* фактъ. Оно моглобы направить насъ къ интереснымъ поискамъ при сопоставленіи его съ другими подобнаго рода литературными фактами, каково напр. сказаніе Іоакимовой лѣтописи о болгарскомъ происхожденіи м. Михаила и первыхъ епископовъ, прибывшихъ съ нимъ при Владимірѣ св. Во всякомъ случаѣ очень желательно, чтобы новооткрытый Владимірскій лѣтописецъ былъ изданъ и изслѣдованъ со стороны его содержанія, текста и самаго письма. Такое изслѣдованіе могло бы вызвать постановку еще другихъ вопросовъ о лѣтописцѣ, о варіантахъ въ его лѣтописи, въ частности о варіантѣ въ извѣстіи о происхожденіи Ольги. Извѣстіе читается такъ: «Игоря же жени *въ Болгарѣхъ*, поятъ за него *княжну* именемъ Ольгу». Правильно ли было прочитано или переписано слово *въ Болгарѣхъ?* Извѣстны разночтенія въ разныхъ спискахъ *Житія св. Стефана Сурожскаго* въ названіи того вождя руссовъ, который, вторгшись со своими руссами въ Тавриду, поплѣнилъ и пограбилъ всю страну отъ Корсуня до Керчи, овладѣлъ и г. Сурожемъ, пограбилъ драгоцѣнности у гроба св. Стефана, былъ чудесно наказанъ за это святителемъ и раскаялся. Въ однихъ спискахъ житія читается объ этомъ вождѣ--*бранливъ и силенъ*, а въ другихъ эти прилагательныя обращены въ собственное имя—*Бравалинъ, Бравленинъ*. Или еще: въ болѣе древнихъ (XII и XV вв.), харатейныхъ (пергаменныхъ) спискахъ Печерскаго Патерика неизвѣстный по имени инокъ монастыря св. Мины называется *боляринъ*, а островъ, гдѣ онъ потомъ подвизался,—*боляровъ*. Въ позднѣйшихъ спискахъ Патерика (XVI в.) эти эпитеты превращены въ *Болгаринъ*, *Болгариновъ*, *Болгаровъ* [1]).

Возможенъ поэтому вопросъ: не стояло ли и въ извѣстіи Владимірскаго лѣтописцахъ, слово *въ болярѣхъ*, превращенное переписчикомъ въ слово—*въ Болгарѣхъ?* При такомъ предположеніи извѣстіе Владимір-

[1]) Думаемъ, что вѣрнымъ должно считать древнее чтеніе *болярипъ* и *боляровъ* и что есть возможность объяснить, почему позднѣйшими редакторами Патерика эти слова замѣнены словами *Болгаринъ*, *Болгаровъ*. Но объ этомъ—при другомъ случаѣ.

скаго лѣтописца означало бы то, что Ольга взята изъ *боярской* семьи. Правда, въ томъ же извѣстіи и вслѣдъ за этимъ она называется *княжною*. Но представленія о боярствѣ и княжествѣ оказываются соединимыми у этого лѣтописца. Аскольда и Дира, о которыхъ онъ вычиталъ, безъ сомнѣнія, въ начальной лѣтописи и которые въ этой лѣтописи называются не князьями, а *болринами*, нашъ лѣтописецъ, какъ уже сказано, называетъ *князьями*. Соединеніе боярства съ княжествомъ являлось тѣмъ болѣе возможнымъ для лѣтописца времени Іоанна III, что въ это время въ рядахъ бояръ было уже много служилыхъ князей, потомковъ бывшихъ княжескихъ родовъ, русскихъ и литовскихъ, съ семьями которыхъ и роднились лица московскаго великокняжескаго рода чрезъ браки. Само собою понятно, что поставленный здѣсь вопросъ о правильности чтенія слова *въ Болгарѣхъ* въ существующемъ, пока единственномъ, спискѣ Владимірскаго лѣтописца остается только вопросомъ. Мы предрасположены ожидать большаго назиданія себѣ, если этотъ вопросъ, а также и другіе вопросы, вызываемые новооткрытымъ лѣтописцемъ и его варіантами, обратятъ на себя вниманіе достоуважаемаго и столько опытнаго ученаго, которому наука обязана открытіемъ новаго лѣтописца.

Ив. Малышевскій.

Статья наша была написана и сдана для печати ранѣе появленія въ печати новой статьи достоуважаемаго о. архимандрита Леонида подъ заглавіемъ «Древняя рукопись» (Русскій Вѣстникъ 1889 г., апрѣль и отдѣльное изданіе). Представляемое этою статьею изслѣдованіе объ «Изборникѣ болгарскаго пресвитера-инока Григорія» и открываемомъ въ этомъ изборникѣ «первоначальномъ славянскомъ хронографѣ болгарской редакціи X в.»—весьма интересно и цѣнно. Но то, что высказывается въ этомъ изслѣдованіи въ подкрѣпленіе мысли о болгарскомъ происхожденіи св. Ольги не могло повліять на измѣненіе нашего убѣжденія по вопросу о происхожденіи Ольги, и это убѣжденіе остается у насъ такимъ же, какимъ и было.

РЕКРУТЧИНА ВЪ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНѢ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Устная народная поэзія, взятая во всѣхъ ея видахъ, представляетъ въ высшей степени важный матеріалъ въ дѣлѣ изученія историческихъ явленій; эта важность выступаетъ особенно въ томъ случаѣ, когда предметомъ изслѣдованія служитъ не показная сторона событій, не внѣшнія проявленія культурной и политической жизни народовъ, а тѣ, такъ сказать, молекулярные процессы, которые имѣютъ мѣсто при воздѣйствіи на народныя массы тѣхъ или другихъ историческихъ факторовъ. Народныя произведенія являются не результатомъ объективнаго созерцанія и воспроизведенія дѣйствующихъ жизненныхъ условій, а непосредственной реакціей страдательнаго субъекта на воздѣйствія этихъ условій; мало того, устное обращеніе въ народной средѣ, вѣковое сохраненіе этихъ произведеній, гарантируемое лишь общимъ чувствомъ и сознаніемъ, придаетъ имъ характеръ и цѣну не индивидуальныхъ, но коллективныхъ свидѣтельствъ.

Опираясь на подобныя, безъискуственныя народныя произведенія, на народныя пѣсни, постараемся возстановить одно изъ отжившихъ явленій государственной жизни дореформенной Россіи—именно рекрутчину.

Безспорно, рекрутскіе наборы играли большую роль въ сельскомъ быту и значеніе ихъ въ народной жизни можетъ быть уяснено лишь при тщательномъ знакомствѣ и анализѣ произведеній народнаго творчества, вызванныхъ и впечатлѣніемъ набо-

ровъ; подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній народъ создалъ массу пѣсенъ, пріурочивъ ихъ къ этому тяжелому для него жизненному факту, и пѣсни эти, переживши причины, породившія ихъ, распѣваются народомъ и понынѣ. Важно поторопиться съ записываніемъ этихъ пѣсенъ; быть можетъ, недалеко то время, когда и этотъ видъ исторической пѣсни замретъ.

Въ высшей степени интересно было бы сравнительное изученіе рекрутскихъ пѣсенъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ—въ нихъ несомнѣнно отразилось своебразіе каждой изъ вѣтвей русскаго племени; но въ данномъ случаѣ мы ограничимся только малорусской вѣтвью, при чемъ предѣломъ изслѣдованія возьмемъ не государственныя, а племенныя, этнографическія границы, т. е. примемъ во вниманіе рекрутскія пѣсни также и австрійскихъ русиновъ, буковинцевъ и угроруссовъ.

Фактъ однохарактерности и тождественности мотивовъ украинской народной поэзіи и поэзіи австрійскихъ украинцевъ (галицкихъ) уже констатированъ этнографической наукой; объясненіе этого факта лежитъ въ общности физическихъ условій территоріи, населенной украинцами, и въ ихъ историческомъ прошломъ, въ общности языка ихъ и въ тождественности коллективной психики. Въ частности однохарактерность мотивовъ рекрутскихъ пѣсенъ въ Россіи и Австро-Венгріи объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ ни различны культурныя условія этихъ государствъ въ прошломъ столѣтіи и въ половинѣ настоящаго, государственныя формы въ частностяхъ весьма сходны; порядки, входившіе въ жизнь въ Россіи, вслѣдъ за возсоединеніемъ, имѣли своимъ первообразомъ порядки, установившіеся у западнаго сосѣда; какъ узаконенія, касающіяся воинской повинности, такъ и начала, лежавшія въ основѣ военной дисциплины и практиковавшіяся въ Россіи и Австро-Венгріи, были аналогичны. Разборъ рекрутскихъ пѣсенъ, думается, еще больше подтвердитъ этнографическое единство народа, разъединеннаго политически.

Съ царствованія Петра Великаго Россія начинаетъ пріобщаться къ культурной семьѣ европейскихъ народовъ и занимаетъ

все болѣе и болѣе вліятельное положеніе среди другихъ государствъ. Для усиленія политическаго могущества потребовалось созданіе регулярной арміи и общее увеличеніе военныхъ силъ страны; и дѣйствительно, „въ пятьдесятъ лѣтъ, отъ кончины Петра I до половины царствованія Екатерины II, наша армія возросла въ два раза; въ слѣдующіе тридцать лѣтъ, т. е. до второй половины царствованія Александра I, увеличилась еще въ два раза, т. е. уже въ четыре противъ петровской эпохи“ [1]. Пополненіе и увеличеніе арміи производилось при посредствѣ рекрутскихъ наборовъ.

„Съ основанія регулярной арміи Петромъ Великимъ до 1834 года было произведено 98 общихъ со всей имперіи рекрутскихъ наборовъ, не считая производившихся въ разное время частныхъ наборовъ. Величина ихъ бывала чрезвычайно разнообразная; такъ, были наборы по два рекрута съ тысячи и были наборы по двадцати съ тысячи. Въ 1812 году, кромѣ пяти мѣстныхъ наборовъ, собрано было въ три общихъ набора по сорока человѣкъ съ каждой тысячи душъ. Съ 1834 года до окончанія послѣдней восточной (крымской) войны, рекрутскіе наборы назначались ежегодно не общіе по всему государству, но частные, по полосамъ. Первоначально губерніи и области Россіи были раздѣлены на сѣверную и южную полосы, а съ 1839 г. на западную и восточную. Два послѣдовательныхъ набора, одинъ съ одной другой съ другой считались за одинъ общій наборъ. Этотъ чрезполосный порядокъ не могъ однако быть строго соблюденнымъ; число рекрутъ, взимаемыхъ съ полосъ подвергалось непрерывнымъ колебаніямъ; по временамъ же приходилось, по прежнему, прибѣгать къ одновременнымъ по всей имперіи наборомъ, какъ то было: въ 1836, 1840, 1854 и 1855 гг. По числу взимаемыхъ рекрутъ наборы этого періода раздѣлялись на обыкновенные, взимавшіе съ каждой тысячи душъ не болѣе шести рекрутъ. усиленные, требовавшіе отъ семи до девяти душъ и чрезвычайные, когда приходилось болѣе десяти рекрутъ съ тысячи. По окончаніи крымской войны, Высочайшимъ манифестомъ рекрутскіе наборы прекращены были на три года, а впослѣдствіи льгота эта продолжена еще на три года. Такимъ образомъ, послѣ усиленныхъ комплектованій, произведенныхъ въ періодъ войны, послѣдовалъ шестилѣтній перерывъ наборовъ. Подобная система пополненія арміи, сопровождавшаяся, какъ видимъ, частыми и крупными колебаніями, отзывалась весьма существенными затрудненіями въ поддержаніи однородности состава войскъ и не могла оставаться безъ вредныхъ послѣдствій и въ отношеніи физическаго и экономическаго развитія самого населенія, подвергавшагося повинности крайне неравномѣрно. Это привело правительство къ убѣжденію въ необходимости замѣны бывшихъ чрезполосныхъ наборовъ — ежегодными, общими со всей имперіи, которые одни могли обезпечить какъ правильное комплектованіе арміи, такъ и возможную равномѣрность въ отбываніи воинской повинности населеніемъ. Слѣдуя этой мысли, на 1863 годъ былъ объявленъ общій со всей имперіи наборъ по пяти человѣкъ съ тысячи, за исключеніемъ архангельской губ.

[1] *Обручевъ*. Военно-статист. сборникъ. 1871 г. т. IV отд. II, стр. 140.

Но едва онъ состоялся, какъ польское возстаніе и опасное вмѣшательство Европы потребовали быстраго усиленія рядовъ арміи до полнаго военнаго положенія, что вызвало, въ томъ же 1863 г., второй наборъ, по десяти человѣкъ съ тысячи, опять общій для всей имперіи, за исключеніемъ западныхъ губерній и царства польскаго. Съ помощью этихъ средствъ, армія была поставлена на полную военную ногу, причемъ измѣнила свою организацію и приняла такую, которая, основываясь на сохраненіи постоянныхъ для всѣхъ частей кадровъ и образованіи обширнаго запаса отпускныхъ, требовала уже окончательнаго упроченія правильной системы наборовъ—общихъ по всему государству. Согласно вышеозначенной системѣ, съ 1864 г. по настоящее время (71 г.) произведено было пять общихъ рекрутскихъ наборовъ слѣдующаго размѣра: въ 1865 г. по пяти человѣкъ съ тысячи душъ, а въ 1866 1867, 1868, 1869 годахъ по четыре человѣка. При каждомъ изъ послѣднихъ четырехъ наборовъ, независимо отъ чередной поставки, были взяты съ царства польскаго по полтора и съ девяти западныхъ губерній по одному человѣку съ тысячи душъ въ счетъ числящейся за ними недоимки за 1863 годъ“ [1]).

Одной изъ особенностей солдатской службы прежнихъ временъ была непомѣрная продолжительность срока служенія; правда, этотъ срокъ постепенно уменьшался до послѣдняго устава о всеобщей воинской повинности. Въ томъ же оффиціальномъ источникѣ, мы находимъ слѣдующія данныя по этому поводу: до 1834 г. срокъ службы въ арміи былъ равенъ 25 годамъ; съ 1834 года этотъ срокъ былъ сокращенъ до 20—15 лѣтъ, хотя „чистая выслуга“ считалась въ 25 лѣтъ. 8-го сентября 1859 г. послѣдовали новыя перемѣны: срокъ службы для старыхъ солдатъ былъ сокращенъ до 20 лѣтъ, изъ которыхъ 13 лѣтъ солдатъ долженъ былъ провести въ арміи, а 7 въ безсрочномъ отпуску; новые же солдаты должны были служить 15 лѣтъ, изъ которыхъ 10 лѣтъ въ арміи. Въ 1870 году служба въ арміи продолжалась лишь 7 лѣтъ; остальное время проводилось въ отпуску до „чистой выслуги“ [2]). Что касается Галиціи, то тамъ до 1845 г. солдатъ служилъ 14 лѣтъ, а съ 1845 г.—восемь [3]). По законамъ 1849—52 гг. полагалось служить восемь лѣтъ въ арміи и два въ отпуску, что 28 декабря 1866 года было измѣнено на три года въ арміи и семь въ резервахъ [4]). Слѣдуетъ упо-

---

[1]) *Обручевъ*. Т. IV, отд. II, стр. 2—3.

[2]) *Тамъ же*, т. II, стр. 50, т. IV, стр. 2, 11, 230.

[3]) *Czoernig*. Oesterreichs Neugestaltung, 658—659. *Klun*. Statistik von Oesterreich—Ungarn 1876, 210.

[4]) *Обручевъ*. Т. I, 177.

мянуть еще о томъ, что австрійское правительство, присоединивъ въ 1775 г. Буковину, освободило населеніе этой страны отъ несенія рекрутской повинности на пятьдесятъ лѣтъ [1]). Кромѣ сказаннаго, нужно замѣтить еще, что въ Австро-Венгріи рекрутчина далеко раньше сдѣлалась всеобщей и вышла изъ подъ власти мѣстнаго, сельскаго начальства, чѣмъ это имѣло мѣсто въ Россіи.

Разсматриваемое нами явленіе государственной жизни, если взять его во всемъ объемѣ и въ его прошлыхъ формахъ, заключало въ себѣ много ненормальнаго; эти стороны его дѣйствовали угнетающе на народныя массы, и верховная власть признала необходимымъ сдѣлать рядъ преобразованій. Говоря о воинскомъ уставѣ 1863 года, авторъ „Военно-статистическаго сборника" замѣчаетъ:

„Изложенныя положенія далеко уже оставили за собой тотъ порядокъ взиманія рекрутъ, какой существовалъ до 1863 года и производилъ на народъ самое тяжкое впечатлѣніе. Нынѣ не обнажаютъ рекрутъ для осмотра; не брѣютъ имъ лбовъ, бородъ или затылковъ; не водятъ подъ сильнымъ конвоемъ, какъ арестантовъ; рекрутскіе списки повѣряются самими обществами, которыя имѣютъ своихъ представителей и въ самихъ рекрутскихъ присутствіяхъ; требованіе относительно роста (прежде было 2 арш. 3³/₄ верш.) уменьшено; число подставныхъ сокращено до половины; устранены всѣ случаи напраснаго отвлеченія очередныхъ людей отъ работы и безплодныхъ явокъ ихъ въ присутствіе; отмѣнены штрафы съ обществъ за представленіе людей неуказанныхъ лѣтъ или роста, или съ болѣзнями, и наоборотъ сохранены взысканія за неправильное привлеченіе людей къ рекрутству, съ обращеніемъ сихъ штрафовъ не въ казну, а въ пользу самихъ лицъ, неправильно представленныхъ къ рекрутству; допущены возможныя облегченія для людей, необходимыхъ для поддержки семей или хозяйства и т. д. Всѣ эти мѣры, составляющія плодъ трудовъ Высочайше утвержденной коммиссіи для пересмотра рекрутскаго устава, въ связи съ сокращеніемъ самихъ сроковъ службы, облегчили рекрутскую повинность настолько, что населеніе стало отбывать ее охотно и безъ всякаго горя" [2]).

Не малое значеніе въ дѣлѣ установленія того или иного отношенія народа къ рекрутчинѣ имѣлъ общій взглядъ на солдата, на его права, на его роль; на солдата смотрѣли, какъ на машину, какъ на слѣпое орудіе въ рукахъ его начальника: „солдатъ долженъ бояться палки своего капрала больше, нежели пули непріятеля"—таково было ходячее мнѣніе въ прошломъ столѣтіи въ Пруссіи, этой колыбели милитаризма; отсюда оно

---

[1]) *Klun.* Statistik von Oesterreich-Ungarn. 1876 г. 33. 3.

[2]) *Обручевъ.* Военно-статист. сб. т. IV, отд. II, стр. 14.

распространилось и въ другія государства, а между прочимъ, и въ Россію. Но уже со временъ французскихъ войнъ конца прошлаго столѣтія началъ постепенно, хотя и медленно, вслѣдъ за культурнымъ прогрессомъ вообще, распространяться принципъ, который въ 70-хъ годахъ и былъ положенъ у насъ въ основу способа пополненія военныхъ силъ страны; смыслъ этого принципа тотъ, что каждый гражданинъ долженъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое отечество въ минуту опасности; всеобщая воинская повинность является воплощеніемъ въ жизнь помянутаго начала.

Припоминая выше разсмотрѣнныя формы рекрутчины, можно a priori предсказать ея громадное вліяніе на бытовую жизнь малорусскаго народа, потому, что такая регламентація, вносимая въ жизнь народную государствомъ наряду съ закрѣпощеніемъ крестьянства въ царствованіе Екатерины II, была новостью для населенія Малороссіи.

Историческій малорусскій типъ, сложившійся при условіяхъ вѣковой обороны и борьбы народа за свою самостоятельность, вырабатывавшій въ себѣ черты личной независимости и личнаго достоинства, не привыкшій встрѣчать при своихъ проявленіяхъ вліянія сильной государственной организаціи, какую уже представляла Россія съ конца прошлаго столѣтія, сравнительно съ Рѣчью Посполитой, этотъ типъ не могъ не отозваться на столь важное явленіе государственной жизни, какъ рекрутчина прошлаго времени въ связи съ крѣпостничествомъ. И дѣйствительно, количество рекрутскихъ пѣсенъ, занесенныхъ въ этнографическіе сборники, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что народное чувство и сознаніе остановились на рекрутчинѣ болѣе, чѣмъ на другихъ явленіяхъ общественной жизни; а вѣдь извѣстно, что лишь то возбуждаетъ творческій духъ коллективной личности народа, что близко связывается въ дѣйствительности или въ сознаніи народа съ его интересами нравственными и матеріальными, и наоборотъ, событія, чуждыя этой связи, проходятъ мимо, не волнуя, не подымая духа.

На первомъ мѣстѣ по количеству рекрутскихъ пѣсенъ слѣдуетъ поставить труды Чубинскаго и Головацкаго.

1) Въ V томѣ „Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ П. Чубинскимъ", заключаются бытовыя пѣсни; между ними приведено пятьдесятъ №№ рекрутскихъ пѣсенъ въ девяноста варіантахъ; изъ нихъ ²/₃ всего количества записаны въ подольской губерніи, въ ушицкомъ уѣздѣ: лѣвобережныя и пѣсни изъ Херсонщины почти отсутствуютъ у Чубинскаго. Кромѣ приведенныхъ подъ рубрикой „рекрутскихъ", въ другихъ отдѣлахъ V тома разбросано нѣсколько рекрутскихъ пѣсенъ, такъ что общее количество ихъ у Чубинскаго доходитъ до ста варіантовъ.

2) Не меньшее число разсматриваемыхъ пѣсенъ содержитъ и сборникъ Головацкаго: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси" въ I, II и III томахъ. Въ отдѣлѣ „коломыекъ" разбросано много интересныхъ данныхъ для вопроса о рекрутчинѣ; ихъ же можно найти и въ отдѣлѣ, названномъ у Чубинскаго отдѣломъ „солдатскихъ" пѣсенъ, а у Головацкаго—„воинскихъ", помѣщенныхъ у послѣдняго вмѣстѣ съ рекрутскими.

3) 24 цѣнныхъ №№ находимъ въ сборникѣ Купчанка „Пѣсни буковинскаго народа" изданномъ при II томѣ „Записокъ Юго-Запад. Отдѣла Имп. Г. Общества" за 1874 г.

4) Въ старомъ собраніи народныхъ пѣсенъ 30-хъ гг.—Żegot'ы Pauli „Pieśni ludu ruskiego w Galicyi" 1839 г., томъ II-ой—заключается 28 „вояцкихъ пѣсенъ".

5) Около десятка пѣсенъ находимъ у Де-Воллана „Угрорусскія народныя пѣсни", изд. въ 1885 году.

5) Столько же приведено у Максимовича въ его „Украинскихъ народныхъ пѣсняхъ" 1834 года.

7) Наконецъ двѣ—три пѣсни, интересующія насъ, приведены въ небольшомъ сборникѣ угорскихъ пѣсенъ А. П. Дешко, напечатанномъ въ Запискахъ И. Г. Общества, по отдѣлу Этнографіи т. I, 1867 года.

Кромѣ того, были приняты во вниманіе нѣсколько пѣсенъ, приведенныхъ въ „Основѣ" и „Кіевской Старинѣ", а также нѣсколько десятковъ пѣсенъ въ рукописи, записанныхъ въ 1884—87 гг. въ чигиринскомъ уѣздѣ кіевской губ., въ бахмутскомъ уѣздѣ екатеринославской губ., въ александрійскомъ и елисавет-

градскомъ уѣздахъ херсонской губ. и подъ Аккерманомъ, бессарабской области [1]).

Такимъ образомъ все количество матеріала, бывшаго въ нашемъ распоряженіи, доходитъ до трехсотъ варіантовъ.

Съ тѣхъ поръ какъ малорусская художественная словесность начала развиваться въ реальномъ направленіи, народная жизнь во всемъ ея историческомъ и современномъ многообразіи явилась главнымъ, если не исключительнымъ, содержаніемъ этой словесности.

Интеллигентный художникъ, съ участіемъ наблюдавшій народную жизнь, не могъ не замѣтить, между прочими явленіями этой жизни, рекрутчину, въ тѣхъ крупныхъ послѣдствіяхъ, какія она вызывала въ жизни села. Рекрутчина давала богатый, полный драматизма матеріалъ для художественнаго воспроизведенія. И дѣйствительно, вслѣдъ за Шевченкомъ, мы видимъ затрогивающими рекрутчину въ своихъ произведеніяхъ: Марка Вовчка (въ повѣстяхъ „Два сыны“ „Институтка“), Мордовцева („Солдатка“), Левицкаго („Дви московки“), Мырного („Хыба ревуть волы, якъ ясла повни“). Въ австрійской малорусской литературѣ, въ Галиціи аналогичное положеніе занимаетъ даровитый бытописатель О. Федьковичъ. Затрогивая разсматриваемое явленіе, малорусская художественная словесность осталась и въ данномъ случаѣ этнографически правдивой и реальной, могущей служить матеріаломъ для изученія рекрутчины.

Перейдемъ теперь къ самому явленію, какимъ оно представляется въ народныхъ пѣсняхъ.

II.

Даже при бѣгломъ ознакомленіи съ малорусскими рекрутскими пѣснями, бросается въ глаза ихъ темный и мрачный колоритъ; во

[1]) Вмѣстѣ съ другими бытовыми пѣснями, намъ доставлены рекрутскія слѣдующими лицами: С. М. Д—инымъ (елисаветград. уѣздъ), Н. П. Пономаревымъ и А. А. Илличевской (александр. уѣздъ). М. А. Галинымъ (бессарабск. область), И. Е. Дубровинскимъ (александр. уѣздъ), С. Горощенко (чигиринск. уѣздъ). Кромѣ того, лично нами записаны пѣсни въ чигиринск. у. кіевск. губ. и бахмут. у. екат. г.

всѣхъ почти пѣсняхъ этого рода слышится и чувствуется глубокое народное горе, вызывавшееся рекрутчиной прошлаго времени.

Солдатчина, военная служба, по выраженію пѣсни, есть „неволя“, „тяжкая неволя“, „вичняя неволя“; неволя, которой предпочитается совершенное небытіе; такъ, въ одной пѣснѣ рекрутъ, обращаясь къ матери, говоритъ, что лучше было бы его „въ купели залыты“, „пидъ сердцемъ задушыты“, нежели выростить для „вичной неволи “; горе—пойти въ солдаты—равносильно горю, вызываемому смертью „батька и неньки“; человѣка, котораго записали „за жолнира взяты“ побила, какъ говоритъ пѣсня, „лыхая годына“; рекрутчина является одной изъ бѣдъ, какія выпали на долю мужескаго пола:

Ой, хлопъяча бида—у некруты браты,
А дивчача бида—не ридная маты. (Чуб. V. 862).

Если бы мать дала сыну „счастья—долю“, то его не „запысалы“ бы въ солдаты; доля „некрута“, солдата—„лыхая доля“; хорошими временами считаются тѣ, когда не было рекрутчины:

Добре було, добре було,
Добре було чуты,
Якъ небралы, не пысалы
Хлопцивъ у некруты. (Чуб. V. 969).

Солдатъ народная пѣсня именуетъ „несчастными“, съ сожалѣніемъ говоритъ о „хлопцеви“ „що кажуть служыты Государю, Богу“; ниже увидимъ, что рекрутчина считалась оскорбительной; она была наказаніемъ при крѣпостномъ правѣ. Таковъ взглядъ малорусскаго народа на рекрутчину.

Прежде чѣмъ проанализировать причины отрицательнаго характера этого взгляда, обратимся къ самому акту набора въ его бытовой обстановкѣ; здѣсь мы увидимъ, въ какихъ формахъ воздѣйствовало разбираемое нами явленіе на жизнь малорусскаго „хлибороба“, какъ реагировала народная жизнь на это воздѣйствіе.

Прежде чѣмъ наступаетъ наборъ (а время его пріурочивается обыкновенно къ осени), разносится слухъ, „стае, по всимъ свити слава“ о столь важномъ грядущемъ событіи.

Эти, тревогу вызывающія, вѣсти приносятся въ формѣ „лыстовъ—писемъ“, въ формѣ „бумагы“, „карты“, въ которыхъ „напысано—намалёвано“, кого въ солдаты „найменовано“, „натерменовано“.

Носителемъ вѣстей является „голубонька“, „пташка дывная“, „новобрацькый пташокъ“; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ „охвыцеръ на кони“:

Тамъ охвыцеръ на кони,
Иде винъ проиэжается,
Та въ бумагу подывляется —
Що тамъ натерменовано,
Що тамъ дано два браты въ некруты. (Чуб. V. 984).

По этимъ „письмамъ“, въ которыхъ „прыпысано“ „наказано“ свыше, низшіе исполнители приступаютъ къ набору, къ „бранкѣ“.

Какъ въ пѣсняхъ украинскихъ, такъ и въ пѣсняхъ галицкихъ русиновъ, буковинцевъ и угро-руссовъ, лицомъ, по волѣ котораго начинается рекрутчина, является „царь“, „цысарь“, „чысарь“, „цысарева маты“, „панъ—государъ“; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ инициаторовъ набора народъ именуетъ неопредѣленнымъ терминомъ—„воны“; эти—„воны“ — „пышуть чорнымъ по билому“—„въ некруты даты“. Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ „лысты—письма“ принадлежатъ „гетьману“:

Ой изъ лису изъ темного
Вылитала голубонька
Выносыла отъ гетьмана
Лысты—письма попысаны.
(Чуб., V. 983).

какъ бы въ дополненіе къ этому, въ другой пѣснѣ выражаются такія пожеланія тому же лицу и „кошовому“:

Бодай гетьманъ щастя не мавъ
Ни кошовый доли,
Пишлы наши новобранци
Не по своий воли. (Чуб., V. 960).

Эти пѣсни несомнѣнно принадлежатъ моменту перехода козацкаго строя военной жизни въ Малороссіи въ солдатскій; въ нихъ высказалось глухо и пассивно оппозиція новымъ входившимъ въ жизнь началамъ; гетманъ и кошевой перестали уже справляться съ волей „козаченькивъ“.

Между украинскими рекрутскими пѣснями есть такія, въ которыхъ упоминается „государыня“, „сударыня“ или просто „барыня“; такъ именуемое лицо является виновникомъ набора:

А вже та слава по всимъ свити стала—
Государыня новобранци брала (Чуб. V, 993) или
За гаемъ зелененькымъ дорижка лежала,
Туды наша сударыня некрутъ провожала,
Испысала, змалювала вдовыного сына (Чуб. V. 991. „Кіев. Стар.“ 1887 г. 12. 803).

Въ одной пѣснѣ говорится о вдовѣ, которая „запысала свого сына до государыни“ (Чуб. V. 976). Сюда же принадлежитъ и слѣдующій отрывокъ:

Тамъ барыня ходыла,
Дрибны лысты пысала,
Пô губерняхъ розсылала.
Эй—эй, охъ—охъ—охъ,
Дрибны лысты пысала (Чуб. V. 978)

Наконецъ, въ одномъ варіантѣ „два лебеди", въ другомъ „жандари" просятъ „государыню—мать" разрѣшить имъ „дрибны лысты", „бумагы пысать", „рекруточкы избырать".

Намъ кажется, что термины приведенныхъ отрывковъ относятся къ вполнѣ опредѣленной исторической личности, именно къ личности Екатерины II-ой; имя этой императрицы очень популярно среди украинскаго народа; о ней и до сихъ поръ сохраняется въ массѣ народной много разсказовъ и преданій. Это ничуть не удивительно: стоитъ только вспомнить, что Малороссія, ея устройство составляли немалую часть всей внутренней политики Екатерины II-ой: при ней были упразднены остатки лѣвобережной автономіи, разорена и разогнана запорожская Сѣчь, розданы земли, заведено крѣпостное право, усилена рекрутчина; всѣ эти новшества производили сильное впечатлѣніе, давали мотивы для пѣсенъ и разсказовъ.

Посмотримъ теперь, какъ изображается въ пѣснѣ образъ дѣйствій ближайшихъ къ народу исполнителей распоряженія о наборѣ.

До установленія всесословной воинской повинности и при крѣпостномъ правѣ поставка рекрутъ была передана въ руки помѣщиковъ, а въ казенныхъ селахъ—въ руки общества. Нечего и говорить, что такого рода положеніе дѣла давало широкій просторъ всяческимъ злоупотребленіямъ; панъ изъ за своихъ личныхъ интересовъ или по капризу, сельская власть, „богатырь" и другіе сильные міра сего могли легко избавиться отъ того или другаго лица, отдавая его въ солдаты. Отсутствовалъ критерій, правовая норма, на мѣстѣ ихъ царилъ произволъ; это то и возмущало, съ этой стороны и придано пѣсней освѣщеніе поступкамъ ближайшихъ къ народу исполнителей распоряженія.

Правды искать было негдѣ; можно было разсчитывать лишь на собственную ловкость въ томъ случаѣ, когда приходилось отстаивать свою относительную свободу; „хто мае выкруты—не пиде у некруты" (Номисъ. Прыказкы. № 971), говоритъ приказка.

Виновниками несчастья человѣка, лицами, которыя рѣшают, кого „за жолнира взяты", „въ армію отдаты", выставляются паны, богачи, попы, „ляшкы" и вообще „вороженькы"; въ одной пѣснѣ „пысарчыкы" (Чуб. V. 982). Въ галицкихъ пѣсняхъ объ этихъ посредствующихъ элементахъ упоминается рѣже; тамъ чаще фигурируютъ самъ „цысарь", „паны—капытаны" и вообще „цысарски вояки". Страдательными лицами являются вообще „парубочкы", „козаченькы", „парни молодыи", „витцевскый сынъ", а главнымъ образомъ: „сырота", „вдовынъ сынъ", „бурлакъ—сиромаха", „бидна сирома", лица обыкновенно беззащитныя и безправныя.

Вотъ какъ рисуетъ народная пѣсня совѣтъ, собравшійся по поводу набора:

Ой за тымы столамы сыдять паны рядамы,
Думають—гадають кого въ солдаты браты,
Де пьять—тамъ не брать, де чотыри—не велять,
Де тры—то втиклы, де два тамъ нема,
А у вдовы одынъ сынъ, тай той пишовъ пидъ аршынъ,
Щей аршына не дійшовъ, а въ солдатушкы пишовъ.

(Зап. въ чигиринск. уѣздѣ 85 г. Чуб. V. 978, 980. Pauli II. 58. Голов. III. 106. № 28) или же:

А зъ вечора у ночи—
Сходылыся багачи;
Сталы раду радыты—
Кого въ некруты взяты:
„Е въ удовы два сыны,
То виддаймо въ осены.
Взялы бы сьмо багача
То не буде орача;
А озьмемо бидного,
Буде плачу не много;
Якъ виддамо сыроту—
То збудемось клопоту (Чуб. V. 977. Голов. III. 109. № 31).

Въ другомъ варіантѣ этой пѣсни радящіе „раду" сидятъ рядами за „тысовымы столамы" „въ вдовынимъ двори"; при этомъ „частуются медами, пьють воны и идять"; они отклоняютъ предложеніе отдать „въ військо" богача — „богачъ выкупыться"; „удивця" также не рѣшаются „запысать" „на насъ люде вплачуцця"; останавливаются на вдовиномъ сынѣ (Чуб. V. 978. Максим. 157).

Въ другомъ мѣстѣ приговоръ рисуется такъ:

Поидынки не браты,
Будемъ ланы ораты.
Чынчевого не браты,
Будемъ ланы сиваты
А й удовы иденъ сынъ,
Винъ до того способенъ (Чуб. V. 981).

Вообще „вдовынъ сынъ" лицо популярное въ рекрутскихъ пѣсняхъ, какъ лицо страдательное (Чуб. V. 982, 974, 981, 991, 1001, 1004. Купч. 562).

Не менѣе популярнымъ лицемъ является „бидна сирома", „сырота—сыритка":

Говорятъ попы, щей богатыи люде
Забрать, забрать бидныхъ сиротъ,
Бо зъ ныхъ добра не буде (Чуб. V. 973).

„Сырота" считается „ледащомъ" (Чуб. V. 983), а потому есть предлогъ его „у салдаты запысаты, та въ губерню одислаты";

Визьмемо мы того молодця,
Що ни неньки, ни отця. (Чуб. V. 979).

рѣшаютъ держащіе совѣтъ. Особенно рады по этому случаю „вороженькы":

Гей тишылыся злыи вороженькы, що сырота въ рекруты иде (Чуб. V. 999),

что равносильно тому, что „сырота пропала" (тамъ же) или:

Ой лежыть камень на середъ дорогы, его люде мынають,
Втишаються тяжки, тяжки вориженькы, що сироту прыймають.
Ой не втишайтесь, вориженькы, вы моий прычыны,
Бо ще диждете, тяжки вориженькы, по своий дытыни.
(Чуб. V. 987, 970, 975, Pauli II. 56, 59).

Вмѣстѣ съ попами и богатыми людьми „завзялыся" и „ляшкы"; общимъ приговоромъ рѣшаютъ забрать „бурлакъ—сиромахъ" (Чуб. V. 987. *Рудченко*. Чумацк. пѣсни 85).

Въ другой пѣснѣ вотъ какъ описывается несчастная доля „сиромъ" и „бурлакъ", которая имъ выпала по волѣ „панкивъ", „ляшкивъ" и „прывражихъ людей":

Завзялысь панки, завзялысь ляшкы,
Щей привражии люде,
Забраты сиромъ, забраты бурлакъ,
Бо зъ ихъ добра не буде (зап. въ елисаветгр. у. херс. г.).

Здѣсь умѣстно будетъ коснуться вопроса: кто же, по мнѣнію народа, заслуживалъ солдатчины, кто заслуживалъ быть отданнымъ „въ армію":

Прыемщыку, батьку нашъ,
Пожалій же теперъ насъ,
Нехай тыи въ військо йдуть,
Що по корчмахъ скучають (Чуб. V. 997).

Малорусскій селянинъ находилъ для себя позоромъ солдатскую службу; онъ считалъ вполнѣ умѣстнымъ и справедливымъ навязывать ее лишь не работящимъ, гультяямъ; „хлопци новобранци" съ удивленіемъ спрашиваютъ:

Чы ляшкамъ, чы панкамъ
Не сіялы, тай не оралы,
Що насъ ляшкы, що насъ панкы
У солдаты тай поддавалы (Чуб. V. 986).

или аналогично въ буковинской пѣснѣ:

Та видайто, люды добри,
За нашу провыну;
Та цыжъ бо мы не робылы
Панови панчыну!
Та вже жъ соби наши паны
Серце потолылы,
Та шо воны зъ нашихъ братив
Кучери здоймылы (Кувч. 574).

Въ галицкой пѣснѣ рекруты обидчиво заявляютъ:

Ой пидемо мы до Львова, зи Львова до Видни
Та колы мы въ своимъ сели панамъ непотрибны (Голов. I. 142. № 16).

Солдатская служба въ прежнее время считалась однимъ изъ средствъ наказанія и исправленія человѣка; ряды войскъ въ сильной степени пополнялись отчаянными головами, людьми подозрительной или завѣдомо отрицательной репутаціи; этотъ фактъ не могъ, конечно, не повліять въ извѣстной степени на отношенія селянина „чесного роду" къ военной службѣ.

Сравнительно рѣдки пѣсни, въ которыхъ говорится о фактѣ отдачи въ солдаты сына лицами не чужими ему: матерью, отцомъ, вообще „родыною"; вѣроятно, въ жизни такихъ случаевъ было весьма немного; да и въ этихъ нѣсколькихъ пѣсняхъ мы находимъ данныя, объясняющія такое не родственное проявленіе чувства.

Въ пѣснѣ довольно распространенной, отдаетъ сына „у військо служыть" „удивонька", которая, по словамъ пѣсни, „не добрала розуму", сама не знала „якъ у свити жить", не знала „и де сына дить, подить", поэтому рѣшила записать „до государыни" (Чуб. V. 976, 1,008); въ одномъ изъ варіантовъ другой пѣсни мать посылаетъ сына въ солдаты отслуживать за братьевъ:

Иды сынку, та за ридны браття
Та получишъ, мій сыночку, государське плаття (Чуб. V. 974).

Есть и другіе мотивы: мать посылаетъ сына въ военную службу для того, чтобы онъ „ума набирався", „научався у панивъ":

Иды сынку, иды научайся,
У тихъ панивъ та ума набирайся.
Дадутъ тоби та нимецьке плаття,
Прывитайся, якъ межъ ридни браття. (Чуб. V. 1068).

Но рекрутъ обыкновенно упрекаетъ мать за ея поступокъ:

Прощай, прощай та матуся моя,
Чы я въ тебе не дытына була,
Що ты мене въ вичню службу дала? (Чуб. V. 975. Голов. I. 146. № 21).

Есть пѣсня, въ которой „батько сына прогоняе“ по причинѣ „сварокъ“ и сына забираютъ въ солдаты (Чуб. V. 976); рекрутчина оказывалась средствомъ, удобнымъ для того, чтобы предотвратить вступленіе въ семью нежелательнаго лица въ качествѣ „невистки“ (Чуб. V. 1004).

Познакомившись съ тѣмъ, кѣмъ и какимъ образомъ намѣчались „хлопци“ „у некруты“, перейдемъ къ тому, какъ приступали къ самому набору.

Вопреки приговору, рекрутъ пускается на „выкруты“, старается избѣжать „неволи“, скрываясь, уходя изъ села „въ чужу стороночку“, „въ чужу краину“, часто на неопредѣленное время, дѣлаясь „бурлакою“. „Уже зайци пополошалы“ сложилась такая приказка, подразумѣвавшая явленіе, постоянно сопровождавшее наборъ. Скрываться приходилось иногда въ лѣсу, въ ямахъ, въ погребахъ; до сихъ поръ можно слышать въ народѣ воспоминанія о такомъ дезертирствѣ; находились люди, которые, пользуясь случаемъ, эксплоатировали скрывавшихся, давая имъ пріютъ и требуя взамѣнъ этого ихъ трудъ; рекрутъ проводилъ цѣлыя недѣли работая гдѣ нибудь въ „леху“, безъ свѣта и воздуха.

Насколько сильно было нежеланіе нести воинскую повинность, видно изъ слѣдующей буковинской пѣсни:

Карабинче, недобинче,
Бодай твою душу!
Симъ рикъ тя ховатымсе,
Носыты тя мушу!

Симъ рикъ ходывъ, та полювавъ,
А шье висимъ буду;
Такы тебе, карабынче,
Носыты не буду! (Купч. 573).

Неудивительно, что въ виду побѣговъ, въ интересахъ „раду“ радящихъ, являлось необходимымъ возможно скорѣе „попысать“ и „забрать“:

А въ пъятныцю попысалы,
Въ субботу забралы,

А въ недилю на разсвити,
Щей до миры сталы. (Чуб. V. 969).

„Хлопця“ „забралы“, говоритъ пѣсня, такъ скоро „що и маты не знала“ (Чуб. V. 998). Обреченныхъ забираютъ обыкновенно „до схидъ сонця“:

А въ недилю поранецьку вси дзвоны дзвонылы,
Вже некрутивъ половылы (Чуб. V. 999). или
. . . . . . , все новобранци,
Що забралы въ недилоньку вранци,
Що забралы та ще до схидъ сонця.
(Чуб. V. 1001. 987; PauliII. 59. Голов. III. 109. № 31).

„Стари люде", какъ опытные и притомъ сочувствующіе „парубкамъ", предупреждаютъ послѣднихъ о такихъ уловкахъ:

Стережиться парубочкы,
Бо лыбонь бранка буде! гей! гей!
и дѣйствительно: Ой у ночи и спивночи,
Та о третій годыни, гей! гей!
Гей злапалы вдовынъ сына
Въ глыбокій долыни, гей! гей! (Pauli II. 57. Голов. I. 139. № 13.)

Иногда парубку удается провѣдать о предстоящей бѣдѣ при посредствѣ „дивки, що вирненько любыла" (Чуб. V. 993), матери:

„Нихто жъ того не чувъ, имо ридна маты
—Дежъ тебе, мій сыночку, сховаты?"

Но обыкновенно такимъ лицомъ является сестра:

Сестра жъ тее учула
Тай до брата махнула.
Тикай же, ридный братъ,
Хотять тебе въ військо взять" (Чуб. V. 979).
или: Пришла сестра, дае знаты,
Щобы хутко утикаты (Чуб. V. 977. Голов. I. 142. № 17).

и братъ скрывается.

Иногда онъ прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ помощи любимой дѣвушки—

Козаченько догадався,
Да до дивчыны сховався (Чуб. V. 988).

Онъ проситъ спрятать его куда нибудь:

Ой, дивчыно, мое серце
Сховай мене пидъ ряденце!
Ой, дивчыно, моя галко,
Сховай мене, колы жалко!
Ой дивчыно, моя душко,
Сховай мене пидъ подушку!
Ой дивчыно, моя любко,
Сховай мене хоть пидъ юбку! (Зап. въ чигиринск. и елисаветгр. уѣздахъ).

Иногда „дивчына" измѣняетъ парубку и выдаетъ его:

А дивчына не злюбыла,
Тай сусидамъ объявыла;

Но обыкновенно „десятнычкы" нападаютъ на слѣдъ:

Десяцькіи усмотрылы,
Отаману доложылы,
Кругомъ хату обступылы,
Дивци двери разломылы,
Таки козака изловылы[1])
(Чуб. V. 988).

Мысль о томъ, что бѣглеца поймаютъ и сдадутъ въ рекруты, заставляетъ иного парубка опустить руки и сдаться:

[1]) У Головацкаго въ угорской пѣснѣ такъ описывается „бранка":
Прышлы д'мене добри люде въ катуны имиты.
Еденъ каже: „Побратыме". Другый каже: „куме!
Третій мини по пидъ плечи мотузыще суне. (*Голов.* III. 116 № 40).

Ой пишовъ бы я въ чужу сторононочку, самъ не знаю що робыть
Рукы, ножкы закують въ кайданы—конвоемъ приведуть.
(Чуб. V. 987. Рудченко, Чумац. пѣсни 85).

Бѣгство рекрута является сюжетомъ нѣсколькихъ пѣсенъ; въ нихъ изображается, какъ „некрутъ“ убѣгаетъ, завидѣвши пришедшихъ за нимъ сотскаго, войта; они застаютъ парубка „безъ чобитъ“ или въ тотъ моментъ, когда онъ начинаетъ только „взуватыся“ „въ ходакы“; при видѣ пришедшихъ „цысарськихъ воякъ“ онъ стремится „зъ постели въ стодолу“, а „зъ стодолы на устрынъ“, бросается „тикать“ „по пидъ стриху“; здѣсь на него падаетъ „жытній снипъ“ и онъ, запутавшись, попадаетъ въ неволю. (Чуб. V. 977, 981; Голов. I. 142—145. № 17, 18; III. 105. № 27, 107. № 28, Pauli II. 61—62).

Взявши парубка, сотскій, войтъ, „паны—капытаны“ или вообще „врядныи“, что „нарядылы, свойму пану покорылы“ (Чуб. V. 986) стараются не дать ему бѣжать и доставляютъ парубка, „витцевского сына“, „до прыему“. Здѣсь то и даетъ себя чувствовать „неволя“. Начинается съ того, что надѣваютъ

Кайданочкы та й на нижкы,
Дрибне путо та й на рукы. (Чуб. V. 970).

Этотъ моментъ особенно часто изображается въ рекрутскихъ пѣсняхъ; пойманныхъ, говоритъ пѣсня, „якъ забралы, заразъ повъязалы“, „нижкы-ручкы“ имъ связали, говорится въ другой. (*Чуб.* V. 998, 979. *Максим.* 156. „Кіев. Ст.“ 1887, 12. 803).

„Били“ руки представляются завязанными назадъ, онѣ бываютъ связаны „сырыцею“, „сырывцею“:

Ведуть Левенчука того вулыцею,
Завъязаны назадъ рукы сырывцею,
Витрець повивае, сыровець высыхае (Чуб V. 988, 989, 1003. Голов. I. 144. № 18)

Рекрутъ заковываютъ; „ниженькы“ ихъ „въ ланцюгъ“ скованы, „въ пута завъязаны“ (*Чуб.* V. 993, 982. *Голов.* I. 139. № 13).

Въ такомъ униженіи, приличномъ „вору“ или „злодію“ (Чуб. V. 992) „сыротыну“, „вдовыну дытыну“ или вообще „хлопця молодого“ при звукахъ барабана или музыки („грають мени весело“) доставляютъ до „прыему“, „въ кесарню“, „въ губернію“.

Новобранцевъ „ведуть“, а чаще „женуть“, „гонять“, „таскають“ или „везуть“ подъ конвоемъ, „поштою“, по другимъ пѣснямъ (*Чуб.* V. 997. 998. *Голов.* I. 139. № 13. *Максим.* 158).

. . . .
И козака изловылы;
Били рученьки звъязалы,
Посадылы у визочокъ
Сами силы въ передочокъ·
Дай повезлы въ городочокъ.
Сами коней поганяють,
Дай на хлопця поглядають.
Щобъ и коней не втомыты,
Щобы хлопця не впустыты.
На коныкахъ пина пала,
Недалеко вже Полтава.
Прыихалы до Полтавы,
Отдачыкы повставалы,
Быстри нижкы розкувалы,
Били ручкы развъязалы,
Да повелы у свитлицю,
Посадылы на скамныцю
(*Чуб.* V. 997. *Максим.* 159).

Если рекрутъ „женуть“, то невеселую картину представляетъ „новобранській полчокъ“:

По пидъ лисомъ, охъ тамъ бытый шлячокъ,
Туды ишовъ новобраньскый полчокъ;
По переду все маёры идуть,
А позаду новобранцивъ женуть.
Били нижкы позаковуваны,
Назадъ рукы позавъязуваны,
Чорни кудри позачисованы,
Чорны очи позаплакуваны (*Чуб.* V. 994. 1009. *Голов.* I. 146. № 21 III. 110. № 33).

или: Попереду йдуть
Ой все охотныкы,
А позаду йдуть
Невольныкы.
Охотныкы йдуть,
Просту писню поють,
Невольныкы йдуть—
Плачуть, рыдають,
Ой жызть наша,
Жызть проклятая!
Ой мать наша, мать,
Ой породыла насъ (2).
Ой у безчастный часъ.
Ой вже намъ, братця,
Ой тай не вертаться
(*Чуб.* V. 1010).

Мѣстомъ плача и скорби, мѣстомъ посвященія въ новую жизнь съ ея новыми обязанностями, съ новой обстановкой, является „прыемъ“. Этотъ терминъ первенствуетъ въ пѣсняхъ русскихъ украинцевъ, замѣняясь изрѣдка словомъ: „губернія“ или просто „городочокъ“; у австрійскихъ русиновъ, буковинцевъ и угро-руссовъ то же мѣсто именуется „кесарней“. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ пѣсняхъ вмѣсто упомянутыхъ терминовъ употребляется названіе того города, въ который доставляютъ рекрутъ.

Такъ, въ приведенныхъ у Чубинскаго пѣсняхъ, записанныхъ въ ушицкомъ уѣздѣ, подольской губ., очень популяренъ „Камъянець“, „Камъянець-городець“, „Камъянець-городокъ“ (*Чуб.* V. 987, 996, 998, 977, 979, 1004); иногда употребляется выраженіе „Камъянецькый прыёмочокъ“ (*Чуб.* V. 997); враждебное отношеніе къ рекрутчинѣ переносится и на „Камъянець“, такъ встрѣчается выраженіе „вражый Камъянець“ (*Чуб.* V. 998). Изъ

другихъ городовъ упоминаются — Прилуки, Полтава, Гайсинъ, Харьковъ и Варшава:

Бодай тая Варшава вона ся пропала
Не идному молодцеви кучерикы обтяла (*Чуб.* V. 1000).

Въ австрійскихъ пѣсняхъ упоминаются Львовъ, Бережаны, Коломыя и Черновецъ:

Ой неволя, маты, неволя, неволя,
Въ Коломыи стрыжуть, до Черновця гоня(ть).
(*Голов.* I, 137, № 10. *Купч.* 576).

„Хлопцивъ молоденькихъ" нагоняютъ „въ Камъянецъ" „якъ воронивъ чорненькихъ", „якъ чорніи хмары" (*Чуб.* V. 998, 999).

Доставленные, они сидятъ взаперти и тоскуютъ:

Летилы вороны черезъ сынее море
Заплакалы хлопци-новобранци, сыдячы въ неволи (*Чуб.* V. 996).

„Завелы ихъ въ славне мисто,
Славне мисто, ще славниши замки;
„Сыдя(ть), лежа(ть) некрутыкы
Въ кованыхъ кайданахъ" (*Чуб.* V. 969)

„Зъ той касарни
Хлопци позыралы,
Якъ ся въ полонынн
Бучки розвывалы". (*Де-Вол.*, 101).

Страданія рекрутъ прекрасно выливаются въ слѣдующей пѣснѣ въ формѣ худыхъ пожеланій тѣмъ, кто явился виновникомъ ихъ несчастья, въ данномъ случаѣ громадѣ:

У кого жъ мы ся, ридны браты, сего дослужылы
Чы въ Господа Бога, чы въ своіи громади,
Що насъ, такихъ молоденькихъ, въ некруты забрали.
Якъ въ Господа Бога, допоможы Боже,
Якъ въ нашой лыхой громады, скарай іи, Боже!
Скарай іи, Боже, на души, на тили,
Що мы сыдымо въ неволи, хлопци молоды (*Чуб.* V. 997).

У прыему славный двиръ, тамъ намъ буде перебиръ (*Чуб.* V. 997)

думаютъ новобранцы. Одно представленіе о пріемѣ вызываетъ у нихъ содроганіе: „Задрижалы нижкы, ручкы ему" (*Чуб.* V. 1003). Происходящее при пріемѣ описывается такъ:

Ой везлы насъ, везлы та въ новую браму,
Ставилы насъ до прыему усе въ одну лаву;
Ой якъ поставылы до купы плечыма,
До купы плечыма, заплакалы чорнымы очыма.
(*Чуб.* V. 996, вар. Б. *Купч.* 567) или:

Ведуть мене безъ село,
Грають мени весело,
Прывелы мене до ганку:
„Якъ ся маешъ, коханку?"
Вражый ляшокъ не гадавъ,
До цыркулу видиславъ;

А въ цыркули повелы:
„Ставай, брате, до миры!"
Ще ся сміють, псявиры!
Еденъ каже, же я „скутъ".
Мени зъ очей слезы йдутъ.
— „Скыдай свои лахаши!

Беры наши камаши".
Далы мени камаши
Заплакалы вси наши!
—„Скыдай свои сиракы
Беры наши кажанкы!„
Заплакалы коханкы!
Далы мени черевыкъ,
А я на то не навыкъ;
Далы мени капелюхъ
Уже теперъ воякъ зухъ;
Ведуть мене за браму
„Почекай, пане, най стану,
Най ся зъ родомъ зобачу,
Най си ревно заплачу!
Бувай мыла здорова!
Вже ми стійка готова„.
(*Голов*. I, 143, № 17. III, 106, № 27),

Въ украинскихъ пѣсняхъ пріемъ описывается такъ:

Прыихалы до губерни
Видчыняють скляни двери (*Чуб*. V. 983, 987);

развязываютъ руки и ноги. Навстрѣчу выходитъ „губернаторъ", иногда „охвыцеры", а „попереду губернаторъ":

Пытаеться губернаторъ: чы есть въ тебе отець-маты (*Чуб*. V. 983)

или

Ой десь ся взявъ губернаторъ
Пытавъ чы холостый, чы жонатый?

Отвѣту какъ бы придавалось значеніе:

Нигде жинкы не выдаты,
Беруть мене у салдаты (*Чуб*. V. 983. Б.).

Иногда губернаторъ ограничивается похвалой: „жвавый хлопець-молодець!" (*Чуб*. V. 987).

Въ галицкихъ пѣсняхъ при пріемѣ фигурируетъ чаще всего самъ цысарь; онъ сидитъ „на стильчыку, выбранчыкивъ пыше" (*Купч*. 566. *Голов*. I, 142, № 16). Иногда упоминается о „старшихъ жовнирахъ" (*Голов*. I, 145, № 18), о „вражихъ ляшкахъ" (*Голов*. I, 143, № 16).

Въ пріемѣ рекрута „у станочокъ становылы (*Чуб*. V. 989. *Голов*. III. 106 № 27) „до миры" и стригли. Стрижка особенно противна парубкамъ; сожалѣніе о своихъ волосахъ, что „впалы панамъ по пидъ ноги" встрѣчается въ большомъ числѣ рекрутскихъ пѣсенъ:

Завезлы въ городочокъ,
Дай обрылы лобочокъ,
Взялы у свитлоньку,
Обголылы голоньку.
Поставилы пидъ миру,
Рукы й ножки помлилы (*Чуб*. V. 986) или

А вже жъ мои кучерикы ножычкамы стялы,
Ножечкамы стялы, брытвою пидголылы (*Чуб*. V. 1004. *Голов*. II 379. № 674).

При видѣ своихъ волосъ:

Сивъ некрутъ, да жахнувся,
За головку ухватнувся (*Чуб*. V. 983).

Въ буковинской пѣснѣ такъ изображается преобразованіе внѣшняго вида „хлопцивъ":

Гей у горахъ снигы впалы,
Потокы прыбулы,
Та вже нашихъ дай братчыкивъ
Въ черевычкы вбулы.
Въ черевычкы дай ихъ вбулы,
А въ барвочку вбралы,
Клалы реминь черезъ плечи,
На коня сажалы.
(*Голов.* I. 137, № 9. Ш. 94, № 9. *Купч.* 566).

„Карабинъ", какъ аттрибутъ военнаго званія, ненавистенъ молодежи въ пѣсняхъ австрійскихъ русиновъ.

Принятый въ солдаты долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ привязанностей:

Дайте ему въ рукы гарматы—
Отце тоби батько й маты!
Далы ему въ рукы рушныцю—
Отце жъ тоби вирна сестрыця!
Далы ему московське плаття
Отце жъ тоби ридны браття!
Далы ему въ рукы ружыну—
Отце тоби вирна дружына!
(Зап. въ чигиринскомъ у. кіевск. г. 85 г.).

Въ пѣснѣ съ ироніей сравнивается посвященіе въ новую жизнь, при „прыеми",—со свадьбой, „слюбкомъ". (*Купч.* 576).

Послѣ того какъ рекруту „головъ пострыглы", „лобъ—головку обголылы", его—

По базари проводылы
Медомъ-выномъ накормылы.
„Гей, спы, некрутъ, пробуждайся!
На учення собирайся!"
Скоро некрутъ пробудывся,
За головку ухопывся (*Чуб.* V. 997).

Съ „касарней" связано такъ много непріятнаго, что одно представленіе о ней вызываетъ проклятья:

Касарня, касарня
Бодай, съ запала!
Не одна тамъ маты
Ви для ней плакала.
(*Голов.* I. 150, № 26. *Де-Вол.* 98).

По нѣкоторымъ пѣснямъ, самымъ тяжелымъ моментомъ при наборѣ для рекрута представляется сама „муштра".

„Тоди, сестро, заплачешъ, якъ на кони зобачышъ",
„Въ жупани голубимъ, на черкеському сидли" (*Чуб.* V. 981, 984).

или: „на сывому коныку, щей шабелька пры боку", „въ сывимъ" или „червонимъ ковпаку" (*Чуб.* V. 973); „якъ шабелька задзвыныть, то й серденько защымыть" (*Чуб.* 981. *Купч.* 568).

Но другимъ, наиболѣе тяжелымъ моментомъ является присяга:

Ой заплачешъ дрибнымы слезамы,
Якъ я буду прысягаты передъ образамы (*Чуб.* V. 973), потому что:
Прысягъ Царю, прысягъ Богу, одрикся одъ роду,
Прощай, сыну, мій голубе, не думай до дому! (*Максим.* 156).

Кромѣ бѣгства, практиковались еще и другія средства, съ цѣлью избѣжать рекрутчины.

Въ пѣснѣ, записанной подъ Аккерманомъ, упоминается о физическомъ искалѣчиваніи, къ которому прибѣгаютъ „хлопци":

„Бидны хлопци пальци рижуть, зубы рвуть"...

удивительно, что это—единственный намекъ на подобный способъ во всемъ нашемъ матеріалѣ о рекрутчинѣ. Гораздо чаще парубокъ избавляется или пытается избавиться отъ рекрутчины при посредствѣ выкупа, который, впрочемъ, является вполнѣ легальнымъ средствомъ:

„Ой йды, вдово, йды, небого,
Выкупляй си сына свого! Гей! гей! или
Котро булы побагатшіи, ти ся выкуплялы.
Котро булы биднійшіи, то тихъ пострыгалы.

(*Голов.* I. 139. 142 № 13, № 16. *Де-Вол.* 99. *Чуб.* V. 975. *Pauli* II, 59).

Ой загувъ, та загувъ сызый голубонѣкъ рано на зори,
Ой заплакалы наши новобранци, стоячы въ строи;
Ой загувъ, загувъ сызый голубочокъ садомъ летючы,
Ой заплакалы новобранци въ строю идучы.

или, какъ выражено въ варіантахъ,—сидя „въ неволи", „въ острози", „тюрьми", они обращаются по очереди „до батенька", „до матушкы", „до брата" съ просьбой „сири волы", „коровы", „ворони кони", „худобу" „збуты" и за эти деньги выручить ихъ изъ „неволенькы". (*Чуб.* V. 499—502. *Голов.* II. 596—97, № 33).

Въ угорской пѣснѣ дѣвушка выкупаетъ изъ рекрутчины милаго:

Чекай, мылый, догоню тя,
Маю тысячь, уминю тя (*Голов.* I, 150, № 26. *Де-Вол.* 99. *Дешко*, 674).

Иногда въ ходъ пускается подкупъ; „соцькому зъ выборнымъ" предлагаютъ то „биленьке платтяˮ, то „коня вороного", лишь бы не брали „въ неволючку козака молодого" (*Чуб.*V.974, 973).

Наконецъ, взятому уже „парню молодому" удавалось бѣжать изъ „неволи"; этотъ случай съ эпической простотой и прелестью изображается такъ:

Беруть, беруть парня молодого
У тяжкую неволю,
Везуть, везуть парня молодого
Все густыми лисамы.

Ой утикае парень молоденькій
Все чыстымы полямы,
Доганяють парня молодого
Все сывымы конямы.

(*Чуб.* V. 993. *Голов.* I. 151. № 27).

Въ такихъ картинахъ предстаетъ предъ читателемъ украинскихъ рекрутскихъ пѣсенъ наборъ, какимъ онъ былъ нѣ-

сколько десятковъ лѣтъ тому назадъ; прибавлять къ этому ничего не остается; въ разбираемомъ нами случаѣ можно еще разъ убѣдиться въ томъ, что событія, глубоко захватывающія народную жизнь, оставляютъ глубокій слѣдъ въ народной поэзіи[1]).

М. К. Васильевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[1]) Интересно сопоставить картину набора, воспроизведенную нами по народнымъ пѣснямъ, съ воспоминаніями лица, испытавшаго на себѣ всѣ неудобства прежнихъ рекрутскихъ порядковъ: „Унизился и поссесоръ передъ нами, но затаилъ злобу противъ меня въ душѣ своей и при первомъ наборѣ рѣшился сдать меня въ солдаты. Какъ поссесоръ, онъ не имѣлъ права распорядиться этимъ безъ согласія громады, а потому отдалъ приказъ схватить меня въ самый день вывоза рекрутъ изъ нашего села на послѣдній осмотръ въ рекрутское присутствіе, временно устроенное въ м. Соболевкѣ. *И меня схватили тайно и совершенно неожиданно, забили въ колодки и повезли.* Читатель! если тебѣ не приходилось видѣть прежняго рекрутскаго набора, то ты можешь считать себя счастливымъ. Ничего ужаснѣе я и представить себѣ не могу. Молодые, неженатые люди еще какъ нибудь могли мириться съ этимъ; *но женатому, семейному, домовитому человѣку идти на 25-лѣтній срокъ тогдашней военной службы—это все равно почти, что идти на явную смерть.* И какъ идти? *Сидитъ себѣ человѣкъ въ своей хатѣ, или работаетъ на своемъ, либо панскомъ дворѣ, ничего не зная и не подозрѣвая, такъ какъ приказъ о наборѣ держался обыкновенно въ величайшемъ секретѣ. Вдругъ, по приказу панскому, набрасываются на него, схватываютъ, вяжутъ веревкою или поясомъ руки назадъ, забиваютъ ноги въ колодки, держатъ подъ карауломъ день—три недѣли, а потомъ сваливаютъ, какъ бревно, на возъ и подъ стражею везутъ въ присутствіе; тамъ забрѣютъ, переодѣнутъ и погонятъ за сотни, тысячи верстъ. Прощай, семья и село родное, прощай жена и дѣти, въ большей части на вѣки!* Въ такомъ положеніи былъ и я теперь. *Нужды нѣтъ, что я одинъ сынъ у отца, что у меня жена и маленькія дѣти. Схватили и повезли. Такъ пану угодно!*“... (курсивъ нашъ). „Кіевская Старина“ 1887 годъ, 12, 750, изъ статьи „Изъ воспоминаній отшельника К—ской пустыни“ Іер Ѳ—лъ.

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРІИ РАСКОЛА ВЪ СТАРОДУБЬѢ.

I.

Къ вопросу о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ.

Давно и прочно установилось въ нашей литературѣ по исторіи раскола то мнѣніе, что первымъ раскольничьимъ поселенцемъ въ стародубскихъ предѣлахъ былъ московскій попъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, вмѣстѣ съ двадцатью «духовными дѣтьми своими». Въ первый разъ на попа Кузьму, какъ на перваго поселенца изъ раскольниковъ въ этомъ краѣ, указалъ извѣстный раскольничій писатель безпоповщинскаго толка Иванъ Алексѣевъ въ свой «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ», написанной имъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, именно въ 1755-мъ году. Съ тѣхъ поръ это указаніе Ивана Алексѣева повторялось и повторяется всѣми писателями, касавшимися такъ или иначе исторіи раскола вообще и стародубскаго въ частности, хотя и не всѣ эти писатели одинаково относились къ этому свидѣтельству Ивана Алексѣева. Одни изъ нихъ принимали свидѣтельство его безъ всякихъ оговорокъ и историческихъ поясненій, признавая за нимъ силу и значеніе достовѣрнаго историческаго свидѣтельства, не нуждавшагося въ провѣркѣ и историческомъ удостовѣреніи, тогда какъ другіе принимая указаніе Алексѣева, какъ единственное дошедшее до насъ свидѣтельство о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ стародубскомъ полку, старались и стараются объяснить и провѣрить тѣ историческія данныя, которыми обставлено это указаніе у самаго Алексѣева. Къ первой категоріи писателей изъ второй половины XVIII вѣка, когда появились въ нашей литературѣ первые болѣе или менѣе систематическіе опыты по исторіи раскола, прежде всего нужно

отнести неизвѣстного намъ автора «Историческаго извѣстія о раскольникахъ», первое изданіе котораго намъ неизвѣстно, а второе издано П. Б. въ С.-Петербургѣ въ 1787 году; затѣмъ автора «Полнаго историческаго извѣстія о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ», столь извѣстнаго въ литературѣ по исторіи раскола протоіерея Андрея Іоаннова Журавлева. Изъ писателей ближайшихъ къ намъ по времени къ этой же категоріи нужно отнести: А. Н. Муравьева, А. Щапова и преосвященнаго Макарія. Во главѣ писателей второй категоріи, пытавшихся провѣрить и удостовѣрить свидѣтельство Ив. Алексѣева, нужно поставить бывшаго преосвященнаго черниговскаго Филарета Гумилевскаго и извѣстнаго знатока исторіи русскаго раскола П. И. Мельникова [1]). Въ послѣднее время занимались тѣмъ же вопросомъ: мѣстный черниговскій изслѣдователь г. М. Доброгаевъ, напечатавшій довольно объемистую статью въ мѣстныхъ епархіальныхъ извѣстіяхъ за 1884 г. (№№ 20—24) подъ заглавіемъ: «Первыя времена раскола въ Стародубьѣ», и извѣстный дѣятель по разработкѣ исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій, посвятившій въ своемъ послѣднемъ трудѣ: «Описаніе старой Малороссіи» (Кіевъ, 1888—1889 г.) послѣднюю главу раскольничьимъ слободамъ, находившимся въ стародубскомъ полку, и сообщившій о нихъ нѣсколько весьма интересныхъ новыхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки удостовѣрить свидѣтельство Алексѣева разнаго рода историческими соображеніями, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, не сопровождались успѣхомъ и не выяснили вопроса о времени и условіяхъ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ стародубскомъ полку.

---

[1]) „Полное историч. изв.“ протоіерея *Журавлева* имѣло 5 изданій: первое въ 1794 г., а послѣднее въ 1855 г. Есть основаніе полагать, что и авторомъ „Историч. изв. о раск.“ былъ тотъ же Журавлевъ, такъ какъ это послѣднее въ миніатюрѣ (всего 48 стр. въ 16°) представляетъ „Полн. ист. изв.“ со всѣми его достоинствами и недостатками. Ср. Полн. изв. по 2 изд. 1795 г. ч. I, стр. 84—85, 98.—*Муравьевъ*: расколъ обличаемый своею исторіею, Спб. 1854. Стр. 133—134.—*Макарій*: Исторія рус. раскола. Изд. 2. Спб. 1858. Стр. 322—323.—*Щаповъ, А.*: Русскій расколъ старообрядства. Казань. 1859 стр. 7. По отношенію къ вопросу о времени поселенія попа Кузьмы въ Стародубьѣ у Щапова замѣтна нѣкоторая путаница: въ одномъ случаѣ это поселеніе онъ пріурочиваетъ почему то къ 1675 г., тогда какъ въ другомъ случаѣ, на стр. 532, согласно съ Алексѣевымъ, относитъ тотъ же фактъ ко времени послѣ собора 1666—1667 гг. — *Филаретъ*: Истор.-стат. опис. черн. еп. кн. IV. Черниговъ, 1873, стр. 79. Труды кіев. духовной ак. 1860 г., № 2, ст. „Ист. свѣд. о расколън. чер. еп.“—*Мельниковъ, П. И.* Историч. оч. поповщины М. 1864, стр. 61—62.

Справедливость требуетъ сказать и то, что какъ бы и не старались удостовѣрить свидѣтельство Ивана Алексѣева, одно оно будетъ имѣть только относительное значеніе въ вопросѣ о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ и всегда будетъ нуждаться въ другихъ, болѣе полновѣсныхъ свидѣтельствахъ, въ особенности изъ времени первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ предѣлахъ Стародубья. А такія свидѣтельства есть, и, какъ увидимъ далѣе, значительно расходятся съ свидѣтельствомъ Ив. Алексѣева, а тѣмъ болѣе съ тѣми побочными историческими соображеніями, которыя составились на основаніи этого свидѣтельства у комментаторовъ этого послѣдняго. Вотъ почему снова необходимо пересмотрѣть этотъ вопросъ и поставить его на надлежащую дорогу.

Разсмотримъ прежде всего свидѣтельство Ив. Алексѣева. Онъ такъ говоритъ о поселеніи раскольниковъ въ Стародубьѣ: «Настоящу въ Москвѣ велію на старовѣрцы гоненію, а наипаче вины ради сея, понеже въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о коемъждо священномъ дѣйствѣ съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводное установленіе положено и писано, то свитокъ наречено, кое при служебникѣ, въ лѣто 7176 напечатано,—откуду всякъ священнодѣйствуяй и людинъ опасно наблюдаемъ въ томъ бяше. Сего ради небреженія нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія належанія, совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отъити въ стародубскіе предѣлы: бяше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичъ, его же въ нѣкоихъ напастехъ укрываше. И угодно бысть всѣмъ совѣщаніе то: оставивше жительства своя, пондоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа, и на прошенія ихъ ко атаману Куркускому (Курковскому) Ламакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, число 20, поселишася при рѣцѣ Ревнѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на старовѣрцы гоненіе, ищуще тыя, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; коихъ страшныхъ прещеній, не могуще носити, многіе народы, оставляюще своя природная мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо

пустыни населяюще. Откуду населися Бѣлый Колодезь и Синей. Замишево, Шеломы, слободы» [1]).

Ясно, что Ив. Алексѣевъ, ставя въ связь поселеніе раскольниковъ въ стародубскихъ предѣлахъ съ соборомъ 1666—1667 гг. и мѣрами его противъ раскольниковъ, инициативу поселенія въ этихъ предѣлахъ раскольниковъ, по случайному обстоятельству—по знакомству съ стародубскимъ полковникомъ Гавріиломъ Ивановичемъ, приписываетъ московскому попу Всесвятской церкви на Кулишкахъ Кузьмѣ. Самымъ лучшимъ удостовѣреніемъ свидѣтельства Алексѣева, безъ сомнѣнія, могли бы быть какіе либо церковно-приходскіе акты, которые указывали бы на попа Кузьму, какъ на настоятеля Всесвятской церкви на Кулишкахъ во время московскаго собора 1666—1667 гг. или въ ближайшее къ нему время. До настоящаго времени всѣ писавшіе о первоначальныхъ временахъ раскола въ Стародубьѣ, за недостаткомъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ и вполнѣ полагаясь на свидѣтельство Алексѣева, обходили этотъ пунктъ и не пытались даже выяснить его, несмотря на то, что Ив. Алексѣевъ, писавшій свою исторію спустя почти столѣтіе послѣ поселенія здѣсь раскольниковъ, и не могъ быть авторитетнымъ историкомъ въ данномъ случаѣ. А между тѣмъ по церковно-приходскимъ актамъ, сохранившимся и до нашего времени, попъ Кузьма былъ дѣйствительно въ Москвѣ при Всесвятской церкви на Кулишкахъ, за Варварскими воротами, въ такъ называемомъ Бѣломъ городѣ; но только не въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в., а въ концѣ семидесятыхъ. По приходнымъ книгамъ патріаршаго казеннаго приказа Всесвятскій на Кулишкахъ попъ Кузьма платилъ окладныя деньги въ 185 году, т. е. въ 1676—1677 г., и только въ одномъ этомъ году; до него попомъ здѣсь былъ въ 165—184 годахъ Семенъ Григорьевъ, а послѣ него Никита въ 186—193 годахъ [2]). Это современное оффиціальное указаніе о попѣ Кузьмѣ несомнѣнно надежнѣе и достовѣрнѣе свидѣтельства не современника, а лица уже жившаго почти столѣтіе спустя. На этомъ основаніи мы и вправѣ отодвинуть время поселенія раскольниковъ въ Стародубьѣ, съ попомъ Кузьмою во главѣ, къ концу семидесятыхъ годовъ XVII в., а не шестидесятыхъ, какъ обы-

---

[1]) *Тихонравовъ Н. С.* Лѣтоп. русск. литер. и древности. Т. IV, стр. 57. „Истина", кн. 29-я, мартъ—апрѣль 1875 г., 7—8.

[2]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики московскихъ церквей, собранные изъ книгъ и дѣлъ преждебывшихъ патріаршихъ приказовъ В. И. и Г. И. Холмогоровыми, при руководствѣ И. Е. Забѣлина, ч. 1. М. 1884 г., стр. 493.

кновенно до сихъ поръ утверждали наши историки раскола (Журавлевъ, Муравьевъ, п. Макарій, Филаретъ, Мельниковъ и др.). Что и въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича были, или, лучше, продолжались большія «належанія» на московскихъ раскольниковъ — фактъ несомнѣнный, тѣмъ болѣе, что ни самъ царь, ни его ближайшіе духовные совѣтники не имѣли никакихъ симпатій къ ревнителямъ старины, которыя несомнѣнно были у «тишайшаго» царя. Кромѣ извѣстныхъ уже въ литературѣ данныхъ объ этихъ «належаніяхъ», мы укажемъ на слѣдующій менѣе извѣстный фактъ изъ того же времени. 185 года, октября 25, т. е. въ 1676 г., посланъ былъ указъ Спасоноваго монастыря, что на Москвѣ, архимандриту Макарію, объ отобраніи старыхъ служебниковъ и сосудовъ деревянныхъ въ Спасовѣновомъ монастырѣ и въ подмонастырскихъ слободахъ [1]).

Гораздо труднѣе опредѣлить личность стародубскаго полковника, называемаго Ив. Алексѣевымъ, Гавріиломъ Ивановичемъ, котораго укрывалъ «въ нѣкоихъ напастехъ» въ Москвѣ попъ Кузьма и который былъ потому Кузьмѣ знакомцемъ и другомъ. Полковника съ именемъ Гавріила Ивановича не было во главѣ стародубскаго полка за все время существованія малороссійскаго козачества. Преосвященный черниговскій Филаретъ въ своемъ Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 7, стр. 79) высказалъ предположеніе, что это былъ не полковникъ украинскій, т. е. по мѣстности стародубскій, а присланный изъ Москвы воевода. Такое предположеніе покойный Филаретъ строилъ на основаніи пріятельской связи попа Кузьмы съ Гавріиломъ Ивановичемъ, считая болѣе естественными дружескія отношенія московскаго попа къ своему земляку—воеводѣ, чѣмъ къ полковнику-малоруссу. По многимъ соображеніямъ это предположеніе не можетъ быть принято, и прежде всего потому, что въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. воеводство держалось въ Стародубѣ всего два съ нѣсколькими мѣсяцами года, именно съ 1666 г. по 1668 г. Единственнымъ стародубскимъ воеводой за это время былъ князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, убитый въ 1668 г. возмутившимся народомъ [2]). Во вторыхъ, это предположеніе не можетъ быть оправдано и по той простой причинѣ, что никто, кромѣ мѣст-

---

[1]) Тамъ же. I. 845. Книги и дѣла Дворц. Патріарш. Прик. № 3.

[2]) *Маркевичъ Н.* Истор. Малороссіи, т. III, стр. 132, 160, 176.—Истор. стат. опис. черн. еп., кн. 7, стр. 77. Здѣсь, между прочимъ, приведенъ весьма интересный актъ 1667 г. по поводу воровства съ указаніемъ на судъ *купы*: „и панъ воевода велѣлъ собрать мужовъ и купу учинить“.

наго полковника, не имѣлъ права раздавать полковую землю для поселенія. Извѣстно, что всякій полковникъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время самовластно распоряжался на всей территоріи своего полка, хотя поступленіе его въ должность, какъ лица выборнаго, и зависѣло отъ воли подчиненныхъ. Онъ имѣлъ право пожалованій, взималъ подати, творилъ судъ и расправу, водилъ своихъ полчанъ на врага и пр. Словомъ, всякій полковникъ управлялъ своимъ полкомъ точно такъ же, какъ гетманъ правилъ своей Малороссіей; по власти это былъ своего рода средневѣковый феодальный баронъ.

Еще менѣе можетъ быть оправдано предположеніе П. И. Мельникова, что Гавріилъ Ивановичъ былъ «не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, а вѣроятно одинъ изъ сотниковъ стародубскаго полка», если сотникамъ не принадлежало право раздачи для поселенія земель въ предѣлахъ своей сотни. Г. Доброгаевъ, въ указанной выше статьѣ, старается доказать изъ самыхъ обстоятельствъ, при которыхъ, по разсказу Алексѣева, состоялся отводъ земли пришедшимъ съ попомъ Кузьмою московскимъ раскольникамъ, что этотъ отводъ былъ дѣломъ полковника, а не сотника. Именно, по разсказу Алексѣева, дѣло представляется такъ. Когда попъ Кузьма съ духовными дѣтьми своими пришелъ въ Стародубъ, то его знакомецъ и другъ полковникъ, дружески принявъ бѣглецовъ, по ихъ просьбѣ, написалъ листъ и послалъ ихъ къ курковскому атаману Ламакѣ, вѣрнѣе—Ломакѣ, чтобы онъ отвелъ имъ мѣсто для жительства и поселенія—Понуровку [1]). Прежде всего здѣсь, по Доброгаеву, важно то, что раскольники приходятъ въ г. Стародубъ, и слѣдовательно, если вѣрно предположеніе П. И. Мельникова, то къ стародубскому сотнику, или, что тоже, къ сотнику первой сотни полка. А между тѣмъ, соображаетъ далѣе г. Доброгаевъ, курковскій курень входилъ въ составъ не первой стародубской полковой сотни, а второй имѣвшей свои, отдѣльные отъ первой сотни, курени, и своихъ, подчиненныхъ лишь этому сотнику второй сотни, атамановъ. Невѣроятно, заключаетъ далѣе г. Доброгаевъ, чтобы сотникъ первой сотни распоряжался и повелѣвалъ въ предѣлахъ чужой сотни; да и жилъ-де сотникъ второй сотни, по всей вѣроятности, не въ Стародубѣ, а въ какой нибудь изъ подчиненныхъ ему мѣстностей. Несмотря однако же на несомнѣнную

---

[1]) Курковичи—село стародубскаго уѣзда въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города, а Понуровка—въ 25 в. отъ того же города.

правильность этого послѣдняго заключенія съ формальной стороны, оно, къ сожалѣнію, не имѣетъ подъ собой ровно никакой исторической почвы, о которой, повидимому, такъ заботливо хлопоталъ г. Доброгаевъ, подробно и обстоятельно анализируя извѣстіе Ивана Алексѣева о поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ. Дѣло въ томъ, что только почти въ концѣ гетманства Разумовскаго сотни полковая (стародубская) и почепская были подраздѣлены каждая на двѣ сотни, которыя, сохранивъ свои названія, и стали называться «первыми» и «вторыми». Съ такимъ названіемъ эти сотни вошли и въ румянцевскую опись Малороссіи. Но такого дѣленія на сотни не было въ стародубскомъ полку ни при гетманѣ Брюховецкомъ, когда былъ образованъ самостоятельный стародубскій полкъ, независимый отъ нѣжинскаго, ни при гетманѣ Самойловичѣ, когда всего вѣроятнѣе явился въ Стародубъ московскій попъ Кузьма съ 20-ю новыми насельниками Малороссіи [1]).

Повидимому, болѣе основаній имѣетъ другое объясненіе г. Доброгаева, относящееся къ тому же вопросу, именно, что Курковичи были дѣйствительно мѣстомъ пребыванія куреннаго атамана. «По актамъ, говоритъ онъ,—даже самый курень этотъ, состоявшій не изъ одного селенія Курковичъ, а и другихъ вокругъ его лежащихъ деревень, равно какъ и атаманъ въ немъ живущій назывались курковскими. Далѣе, по повѣсти Алексѣева, курковскій атаманъ Ламака отводитъ пришедшимъ къ нему съ листомъ отъ стародубскаго полковника мѣсто для поселенія — Понуровку... И здѣсь также повѣсть говоритъ вполнѣ согласно съ исторіей. Понуровка лежитъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ (7) отъ села Курковичъ и, конечно, была въ районѣ курковскаго атамана, курень котораго обнималъ собою довольно значительное пространство земель стародубскаго полка. Значитъ, совершенно естественно было стародубскому полковнику, какъ говорится въ повѣсти, писать листъ не къ другому какому, а именно къ курковскому атаману, чтобы онъ отвелъ московскимъ бѣглецамъ урочище Понуровку, мѣстность котораго лежала въ его районѣ» (стр. 857). Въ подтвержденіе той же своей мысли г. Доброгаевъ указываетъ и на то, между прочимъ, что въ мѣстныхъ актахъ, хотя и позднѣйшихъ,

---

[1]) Нѣкоторыя документальныя указанія о стародубскомъ полку и его сотняхъ можно найти въ указанномъ выше трудѣ г. Лазаревскаго. Стр. 13, 111—112. Ср. А. Ю. Р., Х., 830—838. При Брюховецкомъ было сначала 7 сотенъ, потомъ изъ части погарской сотни была образовано 8—баклянская, а въ началѣ XVIII в. при полковникѣ Жоравко образовалась и 9-я—новомѣстская.

именно 1718 года, среди владѣльцевъ курковскими землями встрѣчаются также и владѣльцы изъ фамиліи Ломакъ, напр. панъ Архипъ Ломака,—значковый товарищъ и куренный атаманъ въ 1724 г., по купчимъ и вѣчистымъ записямъ, приложеннымъ къ румянцевской описи,—замѣтимъ между прочимъ [1]). Въ немъ г. Доброгаевъ видитъ потомка упоминаемаго въ повѣсти Алексѣева атамана Ломаки. Всѣ эти соображенія г. Доброгаевъ строитъ на нѣкоторыхъ указаніяхъ, встрѣчающихся въ Обозрѣніи румянцевской описи А. М. Лазаревскаго и Н. А. Константиновича, въ которомъ приведены и нѣкоторыя выдержки изъ актовъ, приложенныхъ къ описи, Однако эти указанія сами по себѣ не настолько категоричны и полны, что бы на нихъ можно было вполнѣ положиться. Такъ, тамъ нѣтъ ровно никакихъ указаній на районъ курковскаго атамана, а равно и на то, что бы Понуровка въ концѣ XVII в. входила въ составъ курковскаго куреня. Въ многочисленныхъ купчихъ вѣчистыхъ записяхъ и другихъ актахъ XVII—XVIII в., приложенныхъ румянцевскими ревизорами къ описанію села Курковичъ (всѣхъ ихъ до 200), нѣтъ даже ни одного указанія на курковскій курень и его атамановъ до 1711 г. При разграниченіи грунтовъ шептаковскихъ, тимоновскихъ, курковскихъ, машовскихъ, карповскихъ и семіоновскихъ въ 1688 г., произведенномъ войсковымъ товарищемъ Захаромъ Шійкевичемъ и Иваномъ Бѣлозерецкимъ, дозорцею гетманскимъ почеповскимъ, со стороны Курковичъ присутствовали: войтъ Ѳедоръ Юревичъ, Леонъ и Стефанъ Ломаченки и др. О курковскомъ атаманѣ вовсе не упоминается, между тѣмъ упомянутъ тимоновскій [2]). Далѣе, извѣстно изъ первой подробной переписи Малороссіи 1723 года и книги генеральнаго слѣдствія, какъ и другихъ указаній, что село Курковичи до 1730 г. входило въ составъ магистратскихъ селъ, а затѣмъ было отдано въ ранговое владѣніе. На этомъ основаніи съ большимъ правомъ можно разжаловать Ломаку изъ атамановъ въ волостные сотники, завѣдыванію которыхъ подлежали магистратскія села, подѣленныя по отбыванію повинностей на волости.

Замѣтимъ кстати, что и село Курковичи служило мѣстомъ поселенія раскольниковъ. Въ такъ называемыхъ «Компутахъ» или первой подробной переписи населенія по стародубскому полку какъ козаковъ, такъ и посполитства, произведенной въ 1723 г. по распоря-

---

[1]) Рум. Оп. LXXXIII, л. 426.

[2]) Ib лл. 41, 75, 378.

женію президента малороссійской коллегіи Вельяминова и хранящейся теперь въ подлинникѣ въ кіевской археографической коммиссіи, при описаніи села Курковичъ замѣчено: «Въ семъ же селѣ Давидъ Расоренокъ, зъ расколу перекрестился, грунтовій. Андрей Расоренокъ, расколщикъ, грунтовій» и у нихъ три хаты подсусѣдковъ. «Сіи всѣ селу не помогаютъ [1])». На курковскихъ раскольниковъ есть интересныя указанія и въ румянцевской описи, именно въ заключеніе подворной и имущественной вѣдомости замѣчено: «Да сверхъ того в козаковъ курковскихъ Ивана Рубайлы, Ивана Немаченка, Ѳедора Козла, Омельяна Коваля, Павла Ломаки, Ѳедора Ломаки, Леона Чорниша, Ст. Довгиля имѣются въ грунтахъ с. Курковичъ грунта пахотніе и сѣнокосніе съ ухожимъ бортнимъ деревомъ, лѣснимъ угодіямъ и огородами, доставшіеся имъ вмѣстѣ съ тамошними мужиками, подданными господина коллежского ассессора Туманскаго: Устиномъ Барбашемъ, Григоріемъ Аненченкомъ, Иліею Лимонченкомъ, по куплѣ въ прошломъ 757 г. іюля 6 отъ умершаго бунчуковаго товарища Демяна Рубца, а онимъ Рубцемъ куплею набытіе отъ жіючихъ въ с. Курковичахъ роскольниковъ Якима и Фоминыхъ дѣтей Расореевъ за тисячу триста сорокъ рублей, на что съ крѣпостей при семъ пріобрѣтаются копіи. На которыхъ грунтахъ изъ пашенной земли посѣвается ржи во всѣхъ трехъ смѣнахъ 90 четвертей» [2])... Оказывается, что раскольники въ Малороссіи могли имѣть и «подданныхъ мужиковъ».

Кто же былъ тотъ полковникъ, который оказалъ содѣйствіе и помощь московскимъ бѣглецамъ, явившимся въ Малороссію на жительство во главѣ съ попомъ Кузьмою, и далъ имъ мѣсто для поселенія на земляхъ стародубскаго полка? По соображеніямъ г. Доброгаева, это былъ извѣстный своею печальною судьбою полковникъ Петръ Ивановичъ Рославецъ, превратившійся потомъ въ раскольничьемъ преданіи, которымъ и пользовался Ив. Алексѣевъ, въ полковника Гавріила Ивановича, подъ какимъ именемъ и сталъ извѣстенъ въ исторіи раскола. Мало того, онъ утверждаетъ, что попъ Кузьма могъ и хорошо знать Рославца и быть даже въ дружбѣ съ нимъ, потому что-де Рославцу не разъ на своемъ вѣку пришлось побывать и въ Москвѣ. При этомъ

---

[1]) Компуты всего полку стародубскаго,—рукоп. Л. 423—424. О книгѣ генеральнаго слѣдствія 1729—1730 гг. см. ниже.

[2]) Рум. оп. LXXXIII, л. 63 и дал. Ср. лл. 137, 149, 151, 159, 195, 276, 348, 549—550. Въ одномъ случаѣ „Расорій" названъ *козакомъ* с. Курковичъ — Обыватель лужковскій Яковъ Андреевичъ Неклюдовъ,—76 лѣтъ, въ 1767 г. показалъ, что онъ родился въ с. Курковичахъ. Рум. оп. CXVII, л. 48—49.

г. Доброгаевъ указываетъ на поѣздку его въ Москву въ 1665 году, когда Рославецъ ѣздилъ туда въ качествѣ уполномоченнаго отъ стародубскаго полка вмѣстѣ съ гетманомъ Брюховецкимъ и прожилъ тамъ будто бы круглый годъ, именно съ сентября 1665 г. до конца октября 1666 г. Въ это то время, по соображеніямъ г. Доброгаева, Рославецъ, и сошелся съ попомъ Кузьмой, нашелъ въ немъ дѣятельнаго покровителя и защитника въ «нѣкоихъ напастяхъ», какъ говоритъ Иванъ Алексѣевъ, за что потомъ и отблагодарилъ его въ 1669 г., когда прежній его покровитель самъ съ единомышленниками своими пришелъ въ Стародубъ просить у него мѣста для поселенія (Ibid. стр. 862--863).

И это соображеніе не имѣетъ за себя ровно никакихъ историческихъ основаній, по крайней мѣрѣ, когда оно пріурочено къ 1665 г. Прежде всего невѣрно то, что Рославецъ, какъ уполномоченный отъ стародубскаго полка, пробылъ въ Москвѣ круглый годъ въ свитѣ Брюховецкаго. Въ данномъ случаѣ г. Доброгаевъ довѣрился нѣкоторымъ указаніямъ, сдѣланнымъ ошибочно въ Исторіи Малороссіи Маркевича, не провѣривъ ихъ по другимъ, болѣе надежнымъ пособіямъ. Точно извѣстно, что Брюховецкій съ своею громадною ассистенціею, состоявшею изъ 535 человѣкъ, прибылъ въ Москву 11-го сентября, а отбылъ 20-го декабря того же года. За все время пребыванія гетмана въ столицѣ какъ за нимъ самимъ, такъ и за пріѣхавшей съ нимъ старшиной зорко слѣдили приставленные къ нимъ для почета и секретнаго надзора пристава, доносившіе о всемъ ими замѣченномъ въ малороссійскій приказъ боярину Салтыкову. Въ акты малороссійскаго приказа занесенъ даже такой случай, какъ писарь Захаръ Шійкевичъ, подпивши на пирѣ у князя Юрія Алексѣевича, поругался съ переяславскимъ протопопомъ Бутовичемъ, назвалъ его «брехуномъ», замахнулся сначала на него ножомъ, а потомъ вилкой, и «лаялъ» позорными словами судью и полковниковъ, за что потомъ и угодилъ въ Сибирь, по настоянію гетмана. На счетъ Рославца въ современныхъ актахъ нѣтъ никакихъ указаній, даже намека на какія либо «напасти», отъ которыхъ онъ могъ бы укрываться у попа Кузьмы на Кулишкахъ.

Былъ въ жизни Рославца другой случай пребыванія его въ Москвѣ, который дѣйствительно можетъ быть поставленъ въ нѣкоторую связь съ разсказомъ Ив. Алексѣева и указаніемъ, сдѣланнымъ нами о попѣ Кузьмѣ. Это было въ 1676 г., когда у Рославца возникла мысль отдѣлить стародубскій полкъ отъ гетманскаго управле-

нія и отчислить его къ разряду слободскихъ полковъ. Не нашедши сочувствія и поддержки своей мысли у большинства полковой старшины, онъ самъ отважился на рѣшительную борьбу съ гетманомъ и поѣхалъ въ Москву, полагая, что его мысль должна придтись по вкусу московскому правительству. Разсчеты его однако же не оправдались; тогдашніе московскіе политическіе дѣятели не сочли возможнымъ стать на его сторону, потому что онъ дѣйствовалъ «противно войсковому праву и должному послушанію», безъ совѣта старшины и гетманскаго вѣдома. Дальнѣйшій ходъ дѣла привелъ его подъ караулъ и оковы. 20-го августа того же года полковникъ «колодникъ» ушелъ изъ подъ караула, но скоро однако былъ пойманъ за Смоленскими воротами, когда шелъ изъ Бѣлаго города въ Земляной городъ. Приведенный въ малороссійскій приказъ онъ показалъ: «какъ вышелъ я на дворъ, взошелъ на церковь, а съ ней спустился на улицу и пошелъ. Хотѣлъ я пробраться къ карачевцу Григорію Юрасову, но двора его не нашелъ и хотѣлъ идти въ Новодѣвичій монастырь, чтобъ тамъ перебыть, пока не уѣдетъ изъ Москвы гетманскій посланецъ Солонина, который домогался, чтобъ ему отдали меня отвести къ гетману. Какъ бы только Солонина уѣхалъ, я опять пришелъ бы въ приказъ. Не нашедши Юрасова двора, я ночевалъ подлѣ церкви, не знаю какой, а утромъ пошелъ за Смоленскія ворота: тамъ встрѣтилъ меня стрѣлецъ и привелъ сюда. Изъ Москвы я бѣжать не думалъ, совѣтниковъ къ побѣгу не было у меня и подкупа никому не давалъ. Взялъ я съ собой на харчъ пять рублей, и тѣ цѣлы».

По розыску оказалось, что Григорій Юрасовъ умеръ, а сынъ его Аѳанасій объявилъ, что не знаетъ Рославца. Розыскъ больше ничего не даетъ; въ розыскномъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы указывали на связь Рославца съ попомъ Кузьмой или лицами близкими къ нему; тѣмъ не менѣе Рославецъ очутился въ Бѣломъ городѣ, т. е. тамъ, гдѣ былъ именно приходъ попа Кузьмы. Весьма вѣроятно, что Рославецъ задумалъ бѣжать изъ Москвы при посредствѣ раскольниковъ, съ которыми онъ имѣлъ связи и по поселенію ихъ въ стародубскомъ полку раньше попа Кузьмы, и по своимъ торговымъ оборотамъ, веденнымъ имъ на широкую руку, и именно съ Москвой. По своимъ торговымъ оборотамъ онъ имѣлъ обширныя связи съ карачевцами, съ торговыми людьми Сѣвска, Трубчевска, Брянска, Путивля и Рыльска, бывшими его коммиссіонерами по торговлѣ съ Москвой, особенно горѣлкой и пр. У торговыхъ людей Трубчевска и Брянска, какъ оказалось потомъ по слѣдствію о имуществѣ Рославца,

которое заботливо розыскивалось гетманомъ Самойловичемъ, хранились, очевидно, на всякій случай, и деньги Рославца, вещи серебряныя, мѣдныя и оловяныя и всякая домашняя рухлядь. Въ ту пору среди торговыхъ людей этихъ городовъ было уже не мало раскольниковъ, что замѣчено было и московскимъ правительствомъ. Царь Өедоръ Алексѣевичъ указывалъ собору 1681 года, между прочимъ, на горөда Путивль и Сѣвскъ, какъ на такіе, въ которыхъ развратники и противники св. церкви умножились. Этимъ обстоятельствомъ мотивировалось также въ то время и учрежденіе новыхъ епархій въ этихъ мѣстностяхъ. Въ 70 хъ годахъ XVII в. въ рыльскомъ уѣздѣ уже было два раскольничьихъ монастыря Льговскій и Монскій (по другой редакціи—Амонскій), бывшіе центрами раскольничьяго движенія на этой русской окраинѣ, откуда раскольники переселялись потомъ съ одной стороны на Донъ, съ другой—въ Малороссію. Эти то связи Рославца съ раскольниками и могли привести его къ мысли— избавиться при посредствѣ ихъ отъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ попалъ, желая угодить Москвѣ, всегда стремившейся возможно тѣснѣе скрѣпить связь Малороссіи съ Великороссіей и умалить отдѣльную самобытность вновь присоединившагося края. Въ это время онъ и могъ дать московскимъ раскольникамъ обѣщаніе поселить ихъ въ своемъ полку, котораго однако же не имѣлъ возможности привести въ исполненіе, такъ какъ послѣ московской тюрьмы тотчасъ же попалъ въ Батуринъ, на генеральный судъ, приговорившій его къ смертной казни. 12-го января 1677 года, когда должна была совершаться казнь Рославца, гетманъ Самойловичъ объявилъ царскую грамоту о дарованіи преступнику жизни и указъ о препровожденіи его въ Москву и ссылкѣ въ Сибирь вмѣстѣ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, соприкосновеннымъ къ его дѣлу [1]).

---

[1]) Дѣло Рославца подробно и обстоятельно разсказано Н. И. Костомаровымъ въ его „Руинѣ". Вѣст. Евр. Авг., 1880 г., гл. VIII, стр. 417—430. Лазаревскій А. М. Оч. мал. фам. Рус. Арх. 1875 г., стр. 249, 403. У послѣдняго дѣло Рославца ошибочно отнесено къ болѣе раннему времени.—О широкихъ торговыхъ предпріятіяхъ Рославца свидѣтельствуетъ предложеніе его бояриву А. С. Матвѣеву о поставкѣ вина въ Москву, сдѣланное въ 1674 г. А. Ю. Р., XI, 673.—О раскольникахъ въ Сѣвскѣ, Рыльскѣ и др. городахъ См. А. И. V, № 75, стр. 109—110. П. С. З, II, № 898. Доп. къ Ак. Ист. XII, № 17, показаніе старца Наөанаила, по прозвищу Аргитки.—Алексѣевъ Ист. о бѣгствующ. свящ. У Тихонравова, стр. 54—56. Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдом. правосл. исповѣд. Росс. имп. Т. III. Спб. 1875. Стр. 70—71.

Г. Лазаревскій полагаетъ, что въ полковникѣ Гавриłѣ Ивановѣ слѣдуетъ видѣть тогдашняго стародубскаго обознаго Гаврила Дащенка, который въ 1669 году былъ и наказнымъ полковникомъ. Основаніе для такого соображенія онъ находитъ и въ томъ, что въ это же время Дащенко «взялъ въ свое владѣніе» село Солову, очень близкое къ Понуровкѣ, гдѣ, по его позволенію, оселились раскольники (Вып. 2, стр. 440). Соображенія эти, не особенно состоятельныя и сами по себѣ, не имѣютъ ровно никакого значенія въ виду вышеприведенныхъ данныхъ о времени появленія попа Кузьмы въ Стародубщинѣ.

Полковника, позволившаго московскимъ раскольникамъ съ попомъ Кузьмой во главѣ оселиться въ Понуровкѣ, нужно искать среди преемниковъ Рославца по стародубскому полковничеству. Непосредственнымъ его преемникомъ былъ городовой атаманъ Тимоѳей Алексѣевъ, простой, неграмотный человѣкъ, не сохранившій въ современныхъ актахъ даже своего родоваго прозвища. Во время чигиринскаго похода онъ былъ замѣненъ Ѳедоромъ Лукьяновичемъ Молчаномъ, сложившимъ подъ Чигириномъ свою голову. Послѣ Молчана полковникомъ былъ поставленъ Григорій Карповичъ Коровка-Вольскій, или просто Карповичъ, нерѣдко—Коровченко-Вольскій. Въ сентябрѣ 1678 г. Коровченко былъ уже въ Стародубѣ. Это былъ человѣкъ расторопный, ловкій, умѣвшій пользоваться обстоятельствами. На своемъ посту онъ дѣйствовалъ такъ, какъ и извѣстный намъ его предшественникъ—Петръ Ивановичъ Рославецъ: забиралъ села въ свое «ранговое» владѣніе, не спрашивая разрѣшенія гетмана, раздавалъ ихъ по своему усмотрѣнію своимъ подручнымъ урядникамъ, и прежде всего своимъ дѣтямъ и родственникамъ, строилъ водяныя мельницы и поселялъ около нихъ слободы. Была у него и своего рода политика въ заселеніи слободъ, вѣроятно унаслѣдованная отъ того же Рославца. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ «листовъ» именно въ «листѣ» нѣкоему пану Курилу Яковлевичу, почеповскому атаману, отъ 1-го октября 1678 г., подтверждая право «на селище пустое, называемое Кугучево», отданное Курилѣ еще Рославцемъ, онъ разрѣшаетъ ему и «слободу осажовати людьми посторонними, якъ то зъ литовскихъ и инншихъ краевъ захожими, а не тутейшими старѣнными людми». Въ другомъ его листѣ мы знакомимся и съ тѣми условіями, на которыхъ селились въ слободахъ пришлые люди. Вотъ что читаемъ въ этомъ послѣднемъ листѣ: «Ознаймуемо симъ писаніемъ нашимъ каждому, кому бы о томъ вѣдати надлежало, а особливе пану сотнику мглинскому, атаману городовому, зъ товариствомъ, такъ тежъ и войту зъ мѣща-

нами: какъ ставши передъ нами панъ Михайло Силковичъ, осадца слободи на Будищахъ Бердишевскихъ надъ рѣкою Вороницею, презентовалъ наданній отъ бывшаго полковника пана Тимоѳея унѣверсалъ, же би пустоши не ваковали овшемъ, же би людми, за щасливимъ пана гетмана рейментомъ наполнени были, а *давши слобожанамъ волности на десять лѣтъ закликати.* Зачимъ позволяемъ таковій побожній христіанству честній учинокъ, абы людци збиралися и разширялися на вѣчную славу его милости пану гетману въ помешканю своемъ стосуючися, симъ нашимъ подтверждаемо пана Михаила Силковича, осадцу тоей слободки, унѣверсаломъ, давши ему зуполную моцъ людей збирати и оную слободу осаживати, позволяя тежъ онимъ слобожанамъ пашнѣ и пожнѣ до рѣки Дзѣвовкова и до лѣса Осова разчиняти и распаховати, якъ кто тилко можетъ. Зачимъ аби вся старшина вишреченная такъ осадци нашому яко слобожанемъ въ разживаню и распахованню поль и пожень не только зъ мѣста Мглина, лечъ и до мѣста служачихъ селъ, аби не важились кривди и шкоди чинити подъ не ласкою нашею, вамъ приказуемъ. Данъ въ Почепѣ битностю нашею октоврія 29 дня 1678 року» [1]).

Ко времени полковничества въ Стародубѣ Григорія Карповича Коровки-Вольскаго (1678—1680 г.) всего вѣроятнѣе и можно отнести поселеніе въ стародубскомъ полку московскаго попа Кузьмы съ 20 единомышленниками, его духовными дѣтьми. Это опредѣленіе времени поселенія попа Кузьмы согласуется и съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ приходныхъ книгъ патріаршаго казеннаго приказа, единственнымъ пока документальнымъ указаніемъ о попѣ Кузьмѣ. По всей вѣроятности имя этого полковника и видоизмѣнилось въ раскольничьемъ преданіи въ имя Гавріила Ивановича.

Но это была далеко не первая раскольничья колонія въ стародубскомъ полку. Гораздо раньше поселенія здѣсь попа Кузьмы мы встрѣчаемся съ раскольниками, жившими въ разныхъ мѣстностяхъ Стародубья. О поселеніи ихъ имѣются и разнаго рода документальныя данныя, печатныя и рукописныя, хотя и весьма немногочисленныя, къ обозрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Великорусскіе поселенцы и раньше появленія и населенія сѣверныхъ уѣздовъ нынѣшней черниговской губерніи и южныхъ могилевской раскольниками появлялись и поселялись здѣсь.

Съ того времени какъ литовское государство окрѣпло, утвердилось и втянуло въ себя и эти искони русскія земли, населеніе со-

[1]) Обозр. Румянц. оп. Мал. IV. 604—605. Ср. 457, 575, 643—644.

сѣдней восточной Руси, особенно со стороны Посемья, гдѣ жизнь была черезъ чуръ тяжела, благодаря татарскому гнету, начало эмигрировать сюда, какъ въ мѣста болѣе покойныя, свободныя отъ татарскаго гнета. Правители Литвы, искавшіе, для завоеванія, новыхъ областей и ведшіе упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарскими орденами, дорожили каждымъ новымъ человѣкомъ, селившимся въ предѣлахъ ихъ владѣній, всячески старались сохранять всѣ особенности славянской патріархальной общины, быстро клонившейся къ упадку въ сосѣдней Польшѣ. Обстоятельства измѣнились, когда возобладали и здѣсь польскіе порядки и естественнымъ слѣдствіемъ ихъ явился отливъ населенія въ южныя области, когда то сильно разоренныя татарами. Съ освобожденіемъ Малороссіи отъ власти поляковъ и съ изгнаніемъ ихъ начинается усиленное переселенческое движеніе въ сѣверную Малороссію. Такъ, уже въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго говорится о значительномъ наплывѣ великоруссовъ изъ пограничныхъ съ Малороссіей великороссійскихъ городовъ. Въ 1672 г. «заоцкіе помѣщики всѣхъ городовъ, стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, жильцы, и городовые дворяне и дѣти боярскіе» били челомъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства ими бѣглыхъ крестьянъ. Особенно они жаловались на Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго и новгородсѣверского, за которымъ, по ихъ словамъ, «поселилось камарицкихъ бѣглыхъ драгунъ и крестьянъ и иныхъ прихожихъ людей больше пяти тысячъ» [1]). Шли сюда великороссійскіе крестьяне и иные прихожіе люди по разнымъ поводамъ: или чтобы избѣжать наказанія за преступленія на мѣстѣ своего первоначальнаго жительства, или просто избавиться отъ тяжкой помѣщичьей власти, и это были далеко не единичные случаи. Иногда и голодъ заставлялъ выселяться и искать куска хлѣба [2]). Быть можетъ по этой именно причинѣ черниговская губернія и до сихъ поръ пользуется дурною репутаціею у жителей правобережной Украины, даже на Волыни,

---

[1]) Акт. отн. къ ист. юж. и зап. Рос. Т. IX. Спб. 1877. Стр. 855—859. Ср V, 53, 90. Ш. №№ 348, 351 и 362.

[2]) Въ „Компутахъ“ starод. полка 1723 г., между прочимъ, отмѣченъ слѣд. фактъ. При описи слоб. Бельни въ которой находилось 7 безгрунтовыхъ убогихъ домохозяевъ, замѣчено: „сіи шисть человѣкъ, опрочъ Ив. Андріева, великороссійской породы, не въ давнихъ на слободу сію зайшлихъ числехъ, отпущени сказовали для прокормленія отъ своихъ бояръ; а мѣютъ знову на свои возвратитися жилища“. Л. 791. Ср. у Желябужскаго въ Зап. стр. 213.

какъ намъ неоднократно приходилось слышать. Приблизительно съ 60-хъ годовъ XVII в. къ прежнимъ мотивамъ выселенія изъ Великороссіи присоединился новый—религіозный, значительно усилившій притокъ сюда великорусскаго населенія. Это послѣднее усиленіе великорусскаго элемента указывается и въ современныхъ малороссійскихъ лѣтописяхъ. Въ лѣтописи Самовидца, составленной, если и не въ цѣломъ составѣ, то въ значительной своей части, въ предѣлахъ Сѣверщины или въ ближайшей къ ней мѣстности, если не въ самомъ Стародубѣ, отмѣченъ подъ 1676 годомъ и фактъ поселенія великороссійскихъ раскольниковъ въ стародубскомъ полку. Говоря о взятіи царскими войсками Соловецкаго монастыря, за упорство его монаховъ въ расколѣ, и отмѣчая кратко главнѣйшія разногласія раскольниковъ съ православными, или непринятыя ими «новопоставленныя рѣчи» на московскомъ соборѣ 1666—1667 гг., Самовидецъ замѣчаетъ: «И за тіе новіе рѣчи многихъ чернцовъ, поповъ и свѣцкого стану людей у земли московской помордовано, же того не хотѣли приймати, але на старомъ держалися, яко передъ тимъ було. *И многіе виходили на Украину на мешканя ку сѣверу,* позоставивши набитки свои, а иннихъ и у силку позасилано» [1]). Такимъ образомъ Самовидецъ ставитъ въ связь поселеніе раскольниковъ въ сѣверскихъ предѣлахъ съ московскимъ соборомъ 1666—1667 гг. На эту же связь, какъ мы видѣли, указываетъ и Иванъ Алексѣевъ, авторъ «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ».

Имѣется и другое, болѣе компетентное, мѣстное и современное свидѣтельство о поселеніи раскольниковъ въ Сѣверщинѣ до появленія здѣсь попа Кузьмы съ двадцатью московскими выходцами, ревнителями старообрядства. Такъ, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и новгородсѣверскій, въ письмѣ отъ іюля 1677-го года, къ тогдашнему стародубскому наказному полковнику Михаилу Рубцу, пишетъ: «Мнѣ вельце ласковый пане полковнику наказный стародубовскій, въ Духу Святимъ наймилшій сыну. Руские люде слободки демянкувской, суплѣковали до насъ презъ честного отца Іякова Ханчинского, абысми имъ книги, которыя нашъ высланный честный отецъ Сіоманько позабѣравши въ ихъ, положилъ въ церквѣ Рождества пресвятой Богородицы стародубовской, казали повернути. За чимъ мы, склонившися на ихъ прозбу, просимъ милости твоей—рачъ вм.... оные книги честному отцу Іякову Ханчинскому, росказати выдати; а

[1]) Лѣтоп. Самовидца, по изд. кіев. врем. ком. по разб. древ. акт. Кіевъ. 1878 г. стр. 131—132. Ср. Чт. моск. общ. ист. и др. рос. 1846 г. № 2, стр. 66.

онъ ведлугъ росказаня нашего, повиненъ будетъ онимъ отдати, що и повторе жадаючи, архиерейское мое благословеніе милости твоей засилаю. Зъ монастыра Всемилостиваго Спаса архимандріи новгородской. Іюля—року 1677. Милости твоей всѣхъ благъ желаючий пастырь Лазарь Барановичъ, архиеппъ чернѣговскій, новгородскій и проч. рукою» [1]).

Письмо архіепископа Лазаря Барановича къ тогдашнему наказному полковнику—важный историческій документъ какъ для уясненія вопроса о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ стародубскомъ полку, такъ и для уясненія отношеній ихъ къ мѣстной епархіальной власти, о которыхъ нѣтъ пока никакихъ другихъ свѣдѣній изъ XVII в. Изъ этого письма впервые оказывается, что мѣстная епархіальная власть если не немедленно по поселеніи здѣсь раскольниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ скоромъ времени, нашла возможнымъ принять противъ нихъ извѣстныя мѣры, практиковавшіяся въ то время и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору. Какими соображеніями или мотивами руководился при этомъ Лазарь Барановичъ, сдѣлавъ первоначально распоряженіе объ отобраніи старыхъ книгъ у раскольниковъ, а потомъ измѣнивъ первоначальное распоряженіе и приказавъ снова возвратить ихъ раскольникамъ, изъ письма невидно; во всякомъ случаѣ его отношеніе къ новопоселившимся здѣсь раскольникамъ—фактъ новый и въ извѣстной мѣрѣ освѣщаетъ намъ церковное ихъ положеніе на первыхъ порахъ на новомъ мѣстѣ ихъ жительства. Кромѣ того, письмо это исправляетъ и ту часто повторяемую ошибку, что въ с. Демьянкахъ раскольники поселились изъ Понуровки, когда ихъ стали вытѣснять изъ послѣдней по указу царевны Софьи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Семену Ивановичу Самойлову (1680—

[1]) Подлинникъ этого письма находится у А. С. Лашкевича. Въ первый разъ оно издано А. М. Лазаревскимъ въ „Опис. старой Мал“. Т. I. В. I. Стр. 180. Упоминаемый въ письмѣ Л. Барановича свящ. *Іяковъ Хапчинскій*—тотъ самый, котораго полковникъ Рославецъ побилъ и котораго 13 авг. 1677 г. „народъ обуривсь, виволокши з олтара, по службѣ божой, сродзе били и на смерть забили бы, ежели бы не оборонилъ полковникъ наказній, з своими припавши козаками“. Лѣт. Самов. стр. 136—137. Не онъ ли же, въ качествѣ архіерейскаго конюшаго, принималъ участіе, вмѣстѣ съ тѣмъ же Рославцемъ и генеральнымъ писаремъ Мокріевичемъ въ отправленіи гетмана Многогрѣшнаго въ Москву въ мартѣ 1672 г., по сверженіи его? Письма преосв. Лаз. Барановича. Изд. 2. Черниговъ 1865 г. стр. 163. Ср. 172. Ак. юж. и зап. Рос. IX, 113, 116, 335, 337, 904.

1685 гг.). Объ этомъ указѣ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ [1]). Между тѣмъ изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ и письма Лазаря Барановича ясно видно, что село Демьянки раньше Понуровки было населено раскольниками; въ половинѣ 1677 года они здѣсь уже находились и по отношенію къ нимъ принимались извѣстныя мѣры со стороны мѣстной епархіальной власти.

Нѣтъ точныхъ документальныхъ данныхъ, когда именно раскольники поселились въ слободѣ Демьянкахъ; только одно несомнѣнно, что они здѣсь не были первоначальными засельниками. По показанію старожиловъ въ 1729 г. «за владѣнія лядского на шляхетскомъ Абмовича грунтѣ, по его жъ Абрамовича приказу, Демянки осажовали Денисъ и Милюшка; и тѣмъ селомъ онъ, Абрамовичъ, ажъ до Хмельнищины владѣлъ; а послѣ лядского владѣнія тѣмъ селомъ владѣли Небаба и Блаватскій». Въ 1704 году Демьянки отданы были гетманомъ Мазепою стародубскому полковнику Михаилу Миклашевскому, въ родѣ котораго и остались. Въ 1723 году, когда произведена была первая подробная перепись стародубскаго полка и вмѣстѣ всей Малороссіи, здѣсь было всего только три раскольничьихъ двора, тогда какъ крестьянъ Миклашевскаго грунтовыхъ 93 двора и бобыльскихъ 32 хаты. О матеріальномъ положеніи этихъ раскольниковъ демьянковскихъ въ переписныхъ книгахъ замѣчено: «Въ семъ же селѣ 3 двора раскольниковъ; сіи всѣ кгрунтовіи и велми можніе, а селу жадной помощи не чинятъ». Какъ велика была разница между числомъ раскольниковъ въ селѣ Демьянкахъ во время Лазаря Барановича и во время переписи 1723 года, судить трудно за недостаткомъ данныхъ; изъ общаго тона вышеприведеннаго письма Лазаря Барановича можно, кажется, заключить, что «русскіе люди слободки Демьянковской» поселены были не въ такомъ ограниченномъ количествѣ дворовъ, какъ свидѣтельствуетъ перепись 1723 года [2]).

Къ первымъ раскольничьимъ поселеніямъ въ стародубскомъ полку нужно отнести и упоминаемыя Ив. Алексѣевымъ слободы: Понуровку, Бѣлый и Синій Колодези, Замышевъ, Шеломы и Митьковку. О поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ имѣется и болѣе раннее оффиціальное свидѣтельство, чѣмъ свидѣтельство Ивана Алексѣева. Именно въ книгѣ генеральнаго слѣдствія по стародубскому полку 1729 —

---

[1]) *Тихонравовъ. Н. С.* Лѣт. рус. лит. Т. IV. Отд. III., ст. 58.

[2]) „Компуты“ стародуб. полка 1723 года. Л. 450—455. *Лазаревскій,* А. М. Оп. ст. Мал. В. I., стр. 179—180.

30 гг., между прочимъ, замѣчено о поселеніи здѣсь раскольниковъ слѣдующее: «Село Понуровка осажована слободою и въ оной слободѣ сначала жили расколщики, великороссійскіе люди; по виспилки же зъ Понуровки расколщиковъ, якъ осѣли тамъ малороссійской породи люди, тѣмъ селомъ Понуровкою Семионъ да Яковъ гетмана Самойловича сини владѣли. А когда гетманъ Самойловичъ зъ дѣтьми своими посланъ въ силку, то оное село Понуровку гетманъ Мазепа на себе взялъ и опредѣлилъ подъ виданне двора своего Бакланскаго, а потомъ зъ своего владѣнія тотъ же гетманъ Мазепа полковниковѣ стародубовскому Михайлу Миклашевскому 1693 года надалъ не на рангъ»... Упоминается о раскольникахъ въ Понуровкѣ и въ переписи 1723 года: «Мицко москаль зъ раскола окрестился и грунтовій. Сей не належитъ до посполства и не помоществуетъ» [1]). Сопоставляя оффиціальное свидѣтельство книги генеральнаго слѣдствія съ свидѣтельствомъ Ив. Алексѣева о времени поселенія въ Понуровкѣ попа Кузьмы и тѣми соображеніями, которыя нами были высказаны по поводу этого поселенія, можно, кажется, придти къ тому довольно вѣроятному заключенію, что Понуровка какъ слобода, осаженная раскольниками, при посредствѣ курковскаго куреннаго атамана или сотника Ломаки, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, о которыхъ точно говорилось во всякомъ «осадномъ листѣ», первоначально входила въ составъ селъ, подлежащихъ «по послушенству» стародубскому магистрату. Осаженныя на магистратскихъ земляхъ слободы часто потомъ переходили во владѣніе къ разнымъ генеральнымъ и полковымъ чинамъ, гетманамъ и полковникамъ, какъ извѣ-

[1]) Книга генеральнаго слѣдствія. Стародубскій полкъ. Рукопись, хранящаяся въ библіотекѣ коллегіи П. Галагана въ Кіевѣ, № 9, л. 5, ст. II и об. Подробныя указанія о книгѣ генеральнаго слѣд. см. у Лазаревскаго. Т. I. В. I. VI—IX.—„Компуты“ старод. полка 1723 г. л. 423 об.—Въ румянцевской описи Малороссіи встрѣчаются нерѣдко указанія на то, что раскольники жили въ Понуровкѣ и въ первой половинѣ XVIII в. Такъ о млинскихъ обывателяхъ Ст. Сем. Вдовенкѣ, 57 л. и Сав. Сем. Вдовенкѣ, 63 л., замѣчено, что они родились въ малороссійскомъ селѣ Понуровкѣ. Т. LXXXII. Подв. оп. №№ 5—6: Ср. тамъ же №№ 19—21. Въ подвор. вѣдом. войта слоб. Гуровичъ, при опис. бездв. избы Анд. Ѳед. Новиченкова, 52 л., замѣчено, что отецъ его бывалъ малороссіянинъ стар. п. с. Понуровки и вышелъ въ Чуровичи въ 1746 г. CXVII, л. 7. Ср. подвор. вѣд. вороньковскаго войта л. 5—6, 10 об., 19, 50 и 55.—Въ одномъ изъ своихъ донесеній еп. черниг. Иродіонъ Жураковскій писалъ въ 1723 г., что понуровскій раскольникъ Дмитрій Безсчастный умышленно женилъ своего сына въ православной церкви на православной дѣвицѣ, а потомъ перекрестилъ ее раскольничьимъ попомъ Борисомъ и держалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ расколѣ. Опис. док. и дѣлъ арх. св. Син. т. I, № 507, стр. 581. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. рос. им. т. IV, № 1323, п. II, стр. 156—158.

стно крайне самовластно распоряжавшимся магистратскими селами и слободами. Захватъ этихъ послѣднихъ былъ однимъ изъ самыхъ общеупотребительныхъ пріемовъ для генеральной и полковой старшины увеличить свои земельныя владѣнія. По крайней мѣрѣ извѣстный намъ полковникъ П. И. Рославецъ широко практиковалъ этотъ пріемъ, какъ потомъ и другіе стародубскіе полковники по его слѣдамъ. Такъ, изъ осаднаго листа на поселеніе Азаровки (Назаровки), выданнаго полковникомъ Рославцемъ въ маѣ 1670 г., видно, что новую слободу позволялось заводить осадцѣ «Тимошовѣ Павловичу (вѣроятно раскольнику, какъ догадывается г. Лазаревскій) обивателевѣ бившому.... ухровскому», съ правомъ вольности на пять лѣтъ, а потомъ, «котории лѣта волно виживши, отъ всякихъ подачокъ, подлеглости городовои стародубовской всякой маютъ послушники и повинними бити»... По прошествіи пяти льготныхъ лѣтъ Азаровка однако же отдавала «послушенство» не стародубскому магистрату, а выдавшему осадный листъ полковнику Рославцу и затѣмъ его премникамъ—полковникамъ [1]). Тоже, вѣроятно, было и съ Понуровкой, хотя мы и не имѣемъ документальныхъ указаній на этотъ счетъ. Изъ первоначальныхъ раскольничьихъ поселеній, упоминаемыхъ Ив. Алексѣевымъ, Замишевъ также принадлежалъ сначала къ числу магистратскихъ селъ, а потомъ перешелъ на рангъ стародубскихъ полковниковъ. Изъ позднѣйшихъ раскольничьихъ поселеній, въ качествѣ магистратскихъ селъ, или, по тогдашнему техническому выраженію, «къ помочи мѣской», осажены: слобода Зыбкая (нынѣ г. Новозыбковъ) въ 1701 году и Тимошкинъ Перевозъ въ 1703 году,—обѣ по разрѣшенію полковника Миклашевскаго [2]).

Относительно Синяго и Бѣлаго Колодезей, Замышева, Митьковки, за исключеніемъ слободы Шеломы, какъ мѣстахъ раскольничьихъ поселеній, имѣется почти только одно свидѣтельство Ив. Алексѣева. Какъ въ «Компутахъ» 1723 года, такъ и въ «книгѣ генеральнаго слѣдствія» по стародубскому полку, 1729—1730 г., нѣтъ ровно никакихъ указаній о поселеніи здѣсь раскольниковъ. О Синемъ Колодезѣ въ послѣдней сказано только то, что это село (22 двора) «осажовано на войсковой землѣ слободою за владѣнія бывшихъ полковниковъ стародубовскихъ и купно зъ волостю Чолховскою надлежало и надле-

[1]) Осадный листъ на поселеніе Азаровки напечатанъ Лазаревскимъ въ указанной его послѣдней книгѣ. Тамъ же см. и другія сообщаемыя имъ данныя о смѣнѣ владѣльцевъ. В. І. Стр. 180—181.

[2]) Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 199. Лазаревскій. II, 433. Ср. Зап. о жизни протоіерея Верховскаго. Спб. 1877. Стр. 927.

жить на рангъ полковничій» (Л. 3 об.). Тоже подтверждено и въ 1731 году при разсмотрѣніи генеральною старшиною добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ (Л. 2 об.). Въ позднѣйшей румянцевской описи Малороссіи 1767 г., т. CXVI, въ вѣдомости зыбковскаго войта Ивана Масленникова о приписныхъ къ слободѣ Зыбкой и бѣжавшихъ, между прочимъ, замѣчено о вдовѣ Парасковьѣ Родіоновой Назаровой, 50 лѣтъ, что «мужъ ея бывалъ изъ малороссіанъ стародубскаго полка села Синего Колодезя, живалъ въ подданствѣ за стародубскими полковниками». Село Синій Колодезь до марта 1719 года находилось въ ранговомъ владѣніи стародубскихъ полковниковъ, когда оффиціально «по доброхотной пріязни», а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ взятки, уступлено было полковникомъ Жоравкой генеральному судьѣ Ивану Чарнышу [1]). При слѣдствіи о границахъ Синяго Колодезя, при отдачѣ чолховской волости съ ранговыми деревнями, пожалованными графу П. А. Румянцеву Высочайшимъ указомъ отъ 10-го ноября 1770 г., на основаніи разныхъ документовъ, было выяснено, что с. Синій Колодезь при криницѣ съ такимъ же названіемъ былъ поселенъ на земляхъ манюковскихъ, приблизительно въ послѣдней четверти XVII в., когда еще село Манюки принадлежало къ числу ратушныхъ селъ. При томъ же слѣдствіи, владѣльцы манюковскіе, братья Велинскіе, показали, что село Синій Колодезь «начало поселенія своего имѣетъ такое, что подля колодезя, прозываемаго синяго, кой состоялъ внутръ дачъ манюковскихъ, *оселились были сперва раскольники*, а за выходомъ ихъ оттоль, нашли въ ихъ жилища малороссіяне и по тогдашней въ переходѣ свободности, мало по малу умножившись, когда уже завели слободу, то ради отбуванія общенародныхъ податей и повинностей, причислена она стала къ ратушнымъ деревнямъ; но однако жъ и затѣмъ, не имѣя никакихъ удѣлныхъ принадлежностей, состояла всегда на такомъ основаніи, что какъ люде оселились тамо не въ особомъ какомъ обрубѣ, но въ грунтѣ манюковскомъ, безъ всякого универсалного на то дозволенія, но съ дозволенія манюковскихъ обывателей, а не съ какого особливого отводу»! [2]) На тѣхъ же, очевидно, условіяхъ жили и первоначально поселившіеся здѣсь раскольники.

---

[1]) Рум. оп. CXVI. Вѣд. зыб. войта, л. 144 об. Выраженіе вѣдом. „изъ малороссіанъ“ нужно понимать въ смыслѣ родившагося въ Малороссіи (см. ниже). Старообрядцы не смѣшивались съ казеннымъ населеніемъ Малороссіи, какъ и теперь въ слободахъ чрезвычайно рѣдки родственныя связи съ малороссіянами. Отдѣльные случаи однако же были,—особенно на первыхъ порахъ.—Сулимовскій Архивъ, 198—199.

[2]) Отдаточная книга чолховской волости. Лазаревскій. Оп. ст. Мал. В. II, стр. 416.

О Бѣломъ Колодезѣ точно извѣстно, что онъ поселенъ во время полковничества П. И. Рославца и осадилъ его на вольномъ мѣстѣ для себя полковой обозный Гаврило Дащенко. Исторія этого поселенія довольно подробно разсказана въ книгѣ генеральнаго слѣдствія. «Село Бѣлый Колодезь,—сказано тамъ,—сначала, по позволенію стародубовскаго полковника Рославца, на волномъ мѣстѣ осадилъ бывшій тогда обозній полковій Стародубскій Гаврило Дащенко, которому на осаду того села и позволительное открытое письмо отъ того же полковника Рославца 1673 года августа 12 дня дано, которимъ селомъ онъ, Дащенко обозній, по смерть свою, а по немъ жена, а по смерти жени его синъ ихъ Андрей Дащенко, безъ всякаго уряду, по смерть же свою владѣли. Потомъ тимъ селомъ Бѣлимъ Колодяземъ владѣли полковникъ Стародубовскій Коровка,а потомъ Симеонъ и Іяковъ гетманичи, потомъ Михайло Миклашевскій, по немъ (1709 г.) судья полковій Прокопъ Силенко, по универсалу гетмана Скоропадского. Послѣ тотъ же гетманъ Скоропадскій отдалъ во владѣніе тое село Бѣлій Колодезь своимъ унѣверсаломъ 1719 году Андрею Миклашевскому въ замѣну с. Полѣевки отцу его и наслѣдникамъ его въ вѣчніе года жалованною монаршою грамотою утвержденнаго, которое оній гетманъ Скоропадскій на себе у его Миклашевского отобралъ, а къ ратуши оное Бѣлій Колодезь нѣкогда не надлежало и не надлежитъ» (л. 48 об. и 49). Тоже подтвердила и генеральная старшина въ 1731 г. (л. 14). Въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго на с. Бѣлый Колодезь, при отдачѣ его Миклашевскому, между прочимъ, сказано, что это село въ 1714 году было отдано полковымъ судьей Силенкомъ сыну его Тимоѳею, и что послѣдній «знать прикро зъ тамошними селянами обходился, что оное въ державѣ его змалолюднѣло», что гетманъ и выставлялъ основаніемъ отдачи его «въ зуполное владѣніе п. Андрею Миклашевскому» [1]. Соображая данныя книги генеральнаго слѣдствія и гетманскаго универсала 1719 года съ свидѣтельствомъ Ивана Алексѣева, можно съ вѣроятностью полагать, что обозный Дащенко при основаніи заселилъ свою слободу великорусскими раскольниками, но тчо потомъ они отсюда или были вытѣснены во время полковничества С. И. Самойловича вмѣстѣ съ другими, какъ свидѣтельствуетъ Ив. Алексѣевъ, или ушли отсюда въ періодъ времени между 1714—1719 г., когда сталъ слишкомъ круто обходиться съ поселенцами тогдашній владѣлецъ Тимоѳей Силенко. Нужно принять во вниманіе и то, что,

---

[1]) Обозр. Рум. оп. Мал. IV, 751—752.

по гетманскому универсалу, время выселенія поселянъ изъ Бѣлаго Колодезя какъ разъ совпадаетъ съ временемъ образованія описныхъ раскольничьихъ слободъ, когда раскольники легально получили право независимаго отъ воли малороссійскихъ владѣльцевъ существованія и охотно селились на отведенныхъ имъ по государеву указу земляхъ.

О времени заселенія Замышева и слободы Шеломы нѣтъ никакихъ болѣе или менѣе точныхъ указаній. О первомъ извѣстно только то, что это село первоначально входило въ составъ магистратскихъ селъ, а потомъ перешло на рангъ стародубскихъ полковниковъ, и въ 1695 году была уже тамъ церковь, какъ значится въ листѣ полковника Миклашевскаго. Возможно, что и здѣсь первоначально поселились раскольники вмѣстѣ съ малороссами и другими выходцами, почему Ив. Алексѣевъ и называетъ его одною изъ раскольничьихъ слободъ. Въ CXVII томѣ румянцевской описи находимъ и нѣкоторое подтвержденіе свидѣтельства Ив. Алексѣева. Въ подворной вѣдомости чуровичскаго войта, поданной ревизорамъ 14 октября 1767 года, о обывателѣ слободы Чуровичъ Григоріѣ Слѣпцовѣ, 47 лѣтъ, замѣчено: «малороссійской природы, стародубскаго полка, с. Замишева, переселился въ Чуровичи въ 1759 году». Выраженіе: «малороссійской природы» —въ этого рода документахъ значитъ просто—родившійся въ Малороссіи, точно также часто говорится о раскольникахъ, вышедшихъ изъ Польши, что они «польской націи»,—изъ Лифляндіи, что они «шведской націи» [1]).

О слободѣ Шеломы извѣстно, что она поселена на землѣ значковаго товарища Аѳанасія Зѣнченка, но когда неизвѣстно. По универсалу Мазепы 1702 года, отъ 17-го іюля, за Зѣнченкомъ были утверждены двѣ его слободы—Людковщина и Шоломинъ [2]). Какъ состоявшая изъ сплошнаго раскольничьяго населенія эта слобода съ 1715 г. вошла въ составъ описныхъ государевыхъ раскольническихъ слободъ.

Нѣсколько позднѣе упомянутыхъ слободъ, по разсказу Алексѣева, была основана слобода *Митьковка*, осаженная сыномъ пришедшаго въ Стародубье попа изъ Бѣлева Степана Дмитріемъ Степановымъ, по имени котораго и названа. Время основанія и этой слободы точно неизвѣстно; но по Алексѣеву она основана раньше 1682—1685 гг., когда попъ Кузьма вмѣстѣ съ Степаномъ Бѣлевскимъ должны были

---

[1]) Лазаревскій: II, 419. Румянц. оп. CXVII, л. 3 об. подв. вѣд. чуров. войта. Ср. CXVI, вѣд. митьков. войта, л. 55 и др.

[2]) Ист.-стат. опис. черн. еп. VII, 200. Ср. 233. Румянц. оп. CXVI. Опись бѣлая ревиз. л. I.

удалиться отсюда въ Польшу и поселиться «въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ». Такъ началась знаменитая въ исторіи раскола Вѣтка, распространившая потомъ широко свое вліяніе среди русскаго старообрядства. Относительно Митьковки слѣдуетъ однако замѣтить, что въ 1767 г. митьковскій войтъ Антонъ Заболоцкій въ поданной румянцевскимъ ревизорамъ вѣдомости доносилъ, что слобода Митьковка осажена на ранговомъ грунтѣ, по универсалу гетмана Скоропадскаго, въ 1709 году, прилагая при вѣдомости и гетманскій универсалъ, не сохранившійся въ приложеніяхъ къ румянцевской описи въ ея теперешнемъ видѣ (т. CXVI). Между тѣмъ въ Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. I, 127) сказано, что Митьковка поселена въ 1703 г. и что осадчимъ ея былъ нѣкто Семенъ Савельевъ. Въ приведенномъ здѣсь отрывкѣ изъ гетманскаго универсала 1709 г., гетманъ писалъ: «Въ слободѣ нашей Митьковской, которая недавно начала осѣдати, не машъ осадчаго», почему и поручалась обязанность осадчаго упомянутому Савельеву. Откуда заимствованъ универсалъ—не сказано.

Кромѣ того, раньше вытѣсненія раскольниковъ изъ предѣловъ Стародубья при царевнѣ Софьѣ, общаго или частнаго, основана была въ 1682 г. слобода *Еленка*, при р. Еленкѣ, осаженная войсковыми товарищами Михайломъ и Ильею Рубцами, на грунтахъ пана Горяина Черноопоовскаго, какъ сказано въ румянцевской описи (т. CXVII, вѣдом. войта Ивана Красилина).

О поселеніи другихъ слободъ до 1682 г. включительно свѣдѣній нѣтъ, да вѣроятно и не было другихъ слободъ до этого времени, кромѣ отдѣльныхъ поселеній раскольниковъ по городамъ и другимъ мѣстностямъ болѣе или менѣе населеннымъ и торговымъ. Такъ, не безъ основанія можно полагать, что мѣстечко *Серединая-Буда*, находившееся около великороссійской границы, заселено было во время гетманства Самойловича великороссійскими поселенцами, т. е. главнымъ образомъ раскольниками. Въ XVIII в. это мѣстечко было довольно виднымъ промышленнымъ центромъ съ значительнымъ великорусскимъ населеніемъ, раскольничьимъ по преимуществу.

О количествѣ раскольничьихъ поселенцевъ въ стародубскихъ предѣлахъ до 1682 г. судить трудно, за недостаткомъ какихъ бы то ни было цифровыхъ данныхъ на этотъ счетъ. Съ другой стороны и нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, чтобы раскольничье поселеніе было довольно значительно до этого времени въ заселенныхъ имъ слободахъ. На незначительность собственно раскольничьяго на-

селенія указываетъ и незначительное число раскольничьихъ поселеній и возможность быстраго вытѣсненія изъ Стародубья раскольниковъ при полковникѣ-гетманичѣ Сем. Ив. Самойловичѣ (1682—1685 гг.), по указу царевны Софьи Алексѣевны, если безусловно вѣрить разсказу Ивана Алексѣева. Возможно здѣсь однако же нѣкоторое преувеличеніе со стороны послѣдняго. Дѣло въ томъ, что раскольники селились какъ на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Легко было удалить ихъ изъ слободъ, поселенныхъ на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти; но не такъ легко было это сдѣлать съ тѣми раскольниками, которые жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Извѣстно, какъ послѣдніе дорожили великороссійскими поселенцами, предпочитая ихъ рѣшительно мѣстнымъ посполитымъ и всячески стараясь вытѣснять послѣднихъ изъ давно насиженныхъ ими родныхъ мѣстъ, потому что послѣдніе не легко поддавались закрѣпощенію со стороны козацкой старшины, только что самой вышедшей изъ того же народа. Извѣстны и многочисленныя жалобы великорусскихъ помѣщиковъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства и невыдачи бѣглыхъ крестьянъ. Въ упомянутой выше челобитной царю Алексѣю Михайловичу заоцкіе помѣщики писали: «люди, государь, наши и крестьяне, заворовавъ многіе, побивъ помѣщиковъ своихъ, а иные пожегши, бѣгаютъ отъ насъ за рубежъ въ малороссійскіе городы и живутъ, бѣгая отъ насъ, въ малороссійскихъ городѣхъ за епископы и за казаками въ городѣхъ и на посадѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ. И мы, холопи твои, съ твоимъ великого государя указомъ, съ грамоты и съ отписки отъ воеводъ, къ нимъ въ малороссійскіе городы, для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, ѣздимъ; и они, епископы и старшина и козаки, намъ, холопемъ твоимъ, тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ не выдаютъ и насъ, холопей твоихъ, бьютъ и грабятъ и многихъ побиваютъ до смерти, а иныхъ въ воду сажаютъ». Особенно горько жаловались помѣщики на малороссійскихъ духовныхъ владѣльцевъ, главнымъ образомъ на Лазаря Барановича, не брезговавшихъ никѣмъ изъ приходившихъ къ нимъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и не выдавшихъ никого, «хотя бы и прямо съ висѣлицы приходили къ нимъ», писали помѣщики.

М. Лилеевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

51.

Черты, рѣзы, мѣты, бирки, карбижи, раваши.

Подъ такими названіями въ древности и въ новое время слыветъ палочка или дощечка, на которой отмѣчаются посредствомъ разнаго рода нарѣзокъ въ видѣ крестиковъ или черточекъ тѣ или другіе предметы, количество денежнаго долга, число копенъ въ полѣ, число срубленныхъ въ лѣсу деревьевъ и т. п. Въ случаѣ обозначенія долга бирки изготовляются въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ рукахъ должника, а другой у кредитора. Дѣлается это такъ, что палочка, на которой сдѣланы знаки, разрѣзывается на двѣ части; затѣмъ при провѣркѣ онѣ складываются и наблюдается, прійдутся ли отмѣтки или нѣтъ, при уплатѣ долга по частямъ съ бирки срѣзаютъ знаки или дѣлаютъ въ знакахъ какія нибудь измѣненія, причемъ знаки или клеймы бываютъ разнообразны.

Бирки встрѣчаются у разныхъ народовъ, въ разныхъ странахъ, въ однѣхъ, какъ житейское бытовое явленіе, въ другихъ, какъ культурное переживаніе, подъ разными названіями, марки, сигны, сигнаты, теклятуры, декуріи, характеры, снайды, сигнаты-люгры, циппусы, стиллы, кхему, огамъ, асока, сафа, сабеанъ, футоркъ, руны и другими. Научная литература о биркахъ обширна и разнообразна. Въ „Россійской библіографіи“ 1881 г. № 83 А. И. Савельевъ насчиталъ около 70 русскихъ и иностранныхъ сочиненій и сборниковъ

[1]) См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 7, іюль.

документовъ, въ которыхъ упоминаются бирки. Списокъ этотъ можно было бы еще значительно пополнить, напр., указать на статью П. С. Ефименка о юридическихъ знакахъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., нѣсколько статей въ „Обычн. правѣ" Якушкина, статью кн. Путятина въ 1 т. „Трудовъ одес. археол. съѣзда" и замѣтки г. Кулишера въ „Очеркахъ сравнительной этнографіи." Самымъ богатымъ источникомъ литературы рукоприкладныхъ и другаго рода знаковъ можно считать изслѣдованіе Homayer'a, Die Haus und Hofmarken.

Не имѣя въ виду писать спеціальное изслѣдованіе о биркахъ, во всю широту ихъ распространенія, мы ограничимся здѣсь южно-русскими формами ихъ существованія.

Древность украинскихъ бирокъ опредѣляется ихъ простотою; это естественные потомки скандинавскихъ и готскихъ рунъ и древне-славянскихъ рѣзовъ. Руны—знаки, начертанные на камнѣ, дощечкахъ или палочкахъ (Runenstaebe). Знакамъ этимъ, какъ выраженіямъ мудрости, приписывалась магическая сила. Въ нѣмецкомъ словѣ Buchstab первичный смыслъ палка—книга. По свидѣтельству черноризца Храбра древніе славяне „чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ." Глаголъ чьтати, чести, литов. skajtiti значитъ считать, numerare, legere, honorare, а глаголъ гатати или гадати vaticinare, conjicere, cogitare, изъ санскр. корня ga, откуда gatha—пѣсня, литов. gedoti—пѣть (*Петрушевичъ*, Лингв.—истор. разсужд. 10). Славянскія черты и рѣзы, подобно рунамъ, также имѣли священное таинственное значеніе. Такъ какъ на палочкахъ чаще всего обозначались долги, то въ древности словомъ рѣзы, рѣзоиманіе стали обозначать проценты (подроб. у *Аристова*, Промышл., с. 214—220).

Въ древнихъ русскихъ памятникахъ встрѣчается слово *мѣта* въ значеніи nota, знакъ, мѣтельникъ—notarius, помѣта, смѣта. Значеніе этихъ словъ уясняется изъ готскаго maitan—caedere, secare, древ.-верх.-нѣм. meizan—hauen, чешск. mejtiti—interlucere.

Первоначально мѣты состояли изъ нарѣзовъ и служили для счисленія, причемъ помѣщались на счетныхъ доскахъ, о которыхъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ. Судя по Русской Правдѣ, уже въ XI в. судья имѣлъ при себѣ чиновника мѣтельника (писца), который, должно быть, мѣтилъ на биркахъ или на хартіи, сколько взято подати съ виновныхъ.

Въ Польшѣ и въ Малороссіи мѣтить на биркахъ называется карбовать, мѣтники—карбовники, бирки—*карбижи*, отъ нѣмец. kerben. Къ этому разряду словъ относятся: литов. iskarbiti въ значеніи разбить, рус. щербить, щербатый, кръбы, карбы, латин. scribo, слав. скребу. (*Петруш.*, 15). Къ этому разряду словъ относится старинное малорусское названіе серебрянаго рубля карбованцемъ.

Въ галицкой Руси бойки и гуцулы употребляютъ *раваши* (отъ сл. рыть, зарубки) при вымѣреніи удоеннаго молока въ дойницѣ, чтобы потомъ опредѣлить вѣсъ сыра соотвѣтственно вѣсу въ одинъ разъ удоеннаго отъ овецъ молока (*Петруш.*, 15; *Головац.* I, 697).

Квитка въ повѣсти „Конотопская вѣдьма" подробно, хотя въ ироническомъ тонѣ, описалъ карбованный счетъ на хворостинѣ. Писарь пришелъ къ сотнику съ длинной хворостиной. „Панъ сотныкъ бачыть, що панъ пысарь не влизе у ёго свитлыцю за тою довгою хворостыною, та й пыта: „Та що-то вы, пане пысарю, якого чорта до мене у свитлыцю прете?"—Та се, добродію, лепортъ объ сотенимъ народосчисленіи, та бодай винъ сокрушывся въ прахъ и попелъ!—невмистымъ есть въ чертогъ вашъ. Подобаетъ, або стину протяты, або стелю пиднята, бо невлизу до вашои вельможности—сказавъ Пистрякъ. Хворостына сія хоча есть и хворостына, оттакъ видсыпавъ нашъ Пистрякъ; но оная не суть уже хворостына, понеже суть на ній вмистылыще душъ козацькихъ прехвабри сотни конотопскои, за ненахожденіемъ пысательнаго существа и трепетаніемъ десныци и купно шуйици." Писарь переломилъ „лепортъ" и отдалъ сотнику два цурпалка. Сотня дѣлилась на десятки, что и было вырѣзано на палкѣ; но потомъ вышелъ недочетъ одного козака, такъ какъ на одной зарубкѣ переломилась хворостина.

Въ ахтырскомъ и лебединскомъ уѣздахъ крестьяне сплошь и рядомъ пользуются бирками для счета копенъ на поляхъ помѣщиковъ, деревьевъ въ лѣсу, мѣшковъ и проч. Копны означаютъ крестиками, а полукопы—вырѣзанными наискось черточками, снопы—прямыми черточками.

Бирки встрѣчаются въ Великой и Бѣлой Россіи, также въ привислянскомъ краѣ. Въ народныхъ польскихъ пѣсняхъ упоминается нарѣзное письмо, „на рубочкахъ", т. е. зарубки, напр: „Na

rąbeczku bym pisała—do matusi bym posłała.“ Въ малорусскихъ пѣсняхъ вмѣсто рубочекъ является древесный листъ, какъ письменный матеріалъ.

52.

Колыска.

Антропологическая выставка въ Москвѣ въ 1879 г. дала хорошій случай изучить форму колыбели у разныхъ народовъ. Въ отдѣлѣ предметовъ, относящихся къ физическому воспитанію дѣтей, выставлены были присланныя со всѣхъ концовъ Россіи дѣтскія кроватки и колыбели. Въ ряду разныхъ колыбелей малорусская колыска, какъ и колыбель великорусскихъ крестьянъ, отличается характеромъ первобытной простоты. Это деревянный ящикъ, внизу обтянутый полотномъ, привѣшенный на четырехъ веревкахъ къ потолку на крючкѣ или гвоздяхъ. Появленіе такого рода колыбели можетъ относиться къ праславянскому времени, судя по тому, что слова колыбель, колыска встрѣчаются у всѣхъ славянъ въ значеніи именно дѣтской колыбели, cunae, отъ сл. колѣбати, agitare (*Будил.*, Первоб. слав. § 261, 10).

Висячая форма колыбели, сравнительно съ колыбелью стоячей, признается древнѣйшей. Она развилась изъ мѣшка или кожаной сумки, въ которой женщины дикихъ народовъ носили дѣтей во время странствованій и при работѣ. Висячая колыбель представляетъ то удобство, что отъ легкаго толчка долго качается сама собой.

У однихъ народовъ висячая колыбель состоитъ изъ мѣшка или куска полотна (лужицкихъ сербовъ, персовъ), у другихъ изъ ящиковъ или коробокъ, снабженныхъ повязками (у нѣкоторыхъ американскихъ племенъ, испанцевъ, нѣмцевъ). Висячія деревянныя колыбели, подобныя русскимъ, встрѣчаются въ Закавказьѣ, въ Малой Азіи, въ Германіи. Усовершенствованіемъ русскихъ и нѣкоторыхъ инородныхъ сходныхъ колыбелей является нижняя полотняная сторона, отчасти предохраняющая ребенка отъ рѣзкихъ толчковъ. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи, висячую дѣтскую колыбель также прикрѣпляютъ на балкѣ при помощи веревокъ (Ploss, Ребенокъ, 68—105).

Висячая колыбель, даже та или другая форма ея, не составляють особенности славянскихъ, германскихъ или другихъ народовъ. Это простое, такъ сказать, интернаціональное бытовое явленіе, но въ частности здѣсь всегда могли проявляться и постоянно проявляются улучшенія, примѣнительно къ возрасту ребенка и устройству дома. И въ Малороссіи любовь родительская придаетъ иногда колыбели лучшія формы, на что можетъ указывать отчасти одинъ рисунокъ Жемчужникова при „Основѣ."

Съ колыской соединены нѣкоторыя повѣрья и обряды. Такъ, въ Малороссіи запрещаютъ качать пустую колыбель, чтобы не умеръ ребенокъ. Во всей Германіи также запрещаютъ качать колыбель безъ ребенка; иначе ребенокъ не будетъ лежать въ ней спокойно. Качаніе пустой колыбели по шотландскимъ и по китайскимъ повѣрьямъ вредно отражается на ребенкѣ (*Ploss*, 105). Въ этомъ случаѣ безполезное качаніе колыбели получаетъ мистическое значеніе вреднаго.

Въ колыбель кладутъ разные предметы, съ цѣлью сообщить ребенку опредѣленныя способности. Такъ, въ старинное время въ Россіи, даже въ дворянскихъ семьяхъ, клали въ колыбель ребенка мальчика маленькій лукъ и стрѣлу, а въ колыбель дѣвочки прялицу (*Авдѣева*, Записки, 117). По словамъ арабскаго писателя X в. Ибнъ-Фодлана, русскіе славяне давали новорожденному мечъ (*Макушевъ*, Сказ. иностр. 143). Въ древней Мексикѣ и въ Китаѣ ребенку давали въ руки или клали въ колыбель, смотря по полу, игрушечныя орудія войны, ремесла или домашнихъ работъ (*Тэйлоръ*, Первоб. культ. II, 469).

53.

Каганецъ.

Каганцомъ въ Малороссіи называется ночникъ или плошка. Въ плошку наливаютъ сала, втыкаютъ въ него гнотъ или кусокъ пакли, и такимъ образомъ получается небольшой свѣтильникъ. Въ настоящее время древній каганецъ во многихъ крестьянскихъ домахъ замѣненъ керосиновыми лампочками. Въ великорусскихъ де-

ревняхъ употребляется для освѣщенія лучина, столь же первобытный свѣтильникъ, какъ и каганецъ; въ пѣснѣ лучина „не ясно горитъ, все вспыхиваетъ." Слово каганецъ встрѣчается въ малорусскомъ, польскомъ и чешскомъ языкахъ (*Miklos.* Fremdwörter, 22). Въ польскомъ языкѣ этимъ словомъ обозначаютъ: 1) намордникъ или кольцо, надѣваемое на дикихъ или злыхъ животныхъ и 2) ночной свѣтильникъ или лампочку (*Linde*, II). Въ значеніи ночнаго свѣтильника, тусклаго и мрачнаго, каганецъ часто упоминается у старинныхъ польскихъ писателей (*Linde*, II). Очевидно, слово каганецъ заимствованное, трудно только сказать, отъ какого народа, когда и каково его коренное значеніе. Приходитъ на память сходное въ звуковомъ отношеніи слово каганъ, встрѣчающееся уже въ древне-русскихъ литературныхъ памятникахъ, именно въ словѣ митроп. Иларіона о законѣ и благодати XI в. Слово каганъ—восточное, тюркское, у алтайскихъ народовъ caganus, chacanus; у татаръ chakan—ханъ, князь, царь, въ каковомъ значеніи зашло оно въ Русь еще до татаръ. Не было ли слово каганецъ эпитетомъ огня, или самый свѣтильникъ, можетъ быть, назывался княземъ или владыкой у того народа, отъ котораго заимствовано было слово каганецъ? Такое предположеніе не противорѣчитъ народной психологіи. Извѣстно, что въ Россіи живой огонь, т. е. произведенный отъ тренія, называется царь-огонь (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. II, 18). У индусовъ вѣдической эпохи въ ряду многочисленныхъ эпитетовъ огня были владыка (pati), владыка богатства (rayo dhartar), владыка мужей (nrpati), вождь (nitya), благодѣтель (ordha), герой (vira), князь—rayan (см. *Овсянико-Куликовск.*, Къ ист. культа огня, 100 и др.). Можетъ быть, въ древности и въ южной Руси свѣтильникъ назывался лучиной, какое названіе встрѣчается у многихъ славянъ въ значеніи taeda, свѣча, отъ слова лучъ (*Будилов.*, Первоб. слав. 118, 300); но затѣмъ слово это могло быть вытѣснено тюркскимъ, и не случайно, а по близкому знакомству южноруссовъ и поляковъ съ татарскимъ бытомъ, въ частности, съ каганцемъ, въ которомъ горитъ не щепа, а пакля.

Какъ бы то ни было, каганецъ и лучина остатокъ древняго быта. Первоначально не существовало различія между средствами отопленія и освѣщенія. Послѣднія начинаютъ отдѣляться одно отъ

другаго съ того момента, когда начинаютъ откладываться въ сторону смолистыя щепки ели или нѣчто подобное для употребленія ихъ въ качествѣ естественнаго свѣтильника, а отсюда слѣдующимъ шагомъ является приготовленіе искусственныхъ свѣтильниковъ (*Тейлоръ*, Антропологія, 271). Самыми обыкновенными изъ нихъ являются лучина и факелъ. Каганецъ имѣетъ сходство съ древними классическими лампочками. Это были плоскіе овальные сосуды съ носикомъ на концѣ, черезъ который выходила свѣтильня. Сосуды эти были глиняные, иногда металлическіе; огромное число ихъ найдено въ катакомбахъ и въ могилахъ, и почти всѣ музеи древностей имѣютъ одну или нѣсколько такихъ лампочекъ.

Заслуживаетъ вниманія повѣрье галицко-русскихъ бойковъ, что въ каганцѣ живетъ дѣдко, т. е. домовой (*Маякъ* 1843. XI. 47). Это одно изъ самыхъ архаичныхъ проявленій почитанія огня.

Не менѣе любопытно другое повѣрье, что потухшій мгновенно каганецъ предвѣщаетъ смерть одному изъ жителей дома (*Чуб.* I, 103). Это одно изъ характерныхъ проявленій древняго отождествленія души съ огнемъ.

54.

Живой, или Божій огонь.

Въ Галиціи горцы гуцулы выгоняютъ свой скотъ лѣтомъ на полонины или горныя пастбища. Пришедши на полонину, обновляютъ или заново строятъ ограду для скота (стаю), шалашъ для ночлега пастухамъ (колибу), столбецъ съ крюкомъ для казанка (вертлюгъ) и очагъ (ватру). Въ первый разъ разводятъ въ калибѣ живой огонь, или Божій огонь. Для этой цѣли ледѣни или хлопци и парубки пріискиваютъ сухой порохнявый пень, кладутъ его на мѣсто очага, зарубываютъ въ немъ клинообразную зарубину; послѣ, обтесавъ такое же клинчатое бревно изъ твердаго дерева, закладываютъ его въ зарубину: Два дюжихъ овчара, ставши на колѣни и взявши за концы бревенъ, начинаютъ пилить, т. е. сильно тереть бревно объ порохнявую зарубину до тѣхъ поръ, пока отъ продолжительнаго тренія не загорится пень. Увидѣвъ дымящійся пень, тутъ же разводятъ

огонь и, трижды перекрестясь, падаютъ на колѣни, а ватагъ читаетъ вслухъ „Отче нашъ“ и др. молитвы, которыя всѣ присутствующіе, благоговѣйно сложа руки, повторяютъ за нимъ (*Головац.*, Нар. пѣс. I, 699). Очевидно это глубоко-древній остатокъ приготовленія огня и огнепоклоненія.

Человѣчество съ незапамятныхъ временъ овладѣло огнемъ и научилось добывать его искусственнымъ образомъ, причемъ остатки низшихъ способовъ добыванія огня проглядываютъ еще у нѣкоторыхъ образованнѣйшихъ народовъ сквозь высшіе пріемы, которые много вѣковъ тому назадъ заступили мѣсто первыхъ. Треніе двухъ кусковъ дерева другъ объ друга составляетъ первоначальное средство для добыванія огня. Между самыми грубыми и самыми искусственными способами добыванія огня лежитъ длинный рядъ прогрессивныхъ усовершенствованій. Эти улучшенія указаны *Тэйлоромъ* въ изслѣдованіи „Досторич. бытъ человѣчества и начало цивилизаціи“ стр. 308—353, съ приложеніемъ рисунковъ простѣйшихъ способовъ добыванія огня у дикихъ народовъ, палки съ желобкомъ, огнесверлила, коловорота и др. т. п. Какъ бытовое явленіе, добываніе живаго огня встрѣчается до сихъ поръ у варварскихъ народовъ Азіи, Африки и Америки; какъ культурное переживаніе, у образованныхъ европейскихъ народовъ. Такъ, у римлянъ, если огонь Весты гасъ, тогда жрецы, наказавши дѣвъ оберегательницъ розгами, сверлили кусокъ предвѣщающаго счастье дерева до тѣхъ поръ, пока не получится огонь. Въ Германіи въ XVII ст. добывали такимъ же образомъ огонь во время падежа для костра, черезъ который потомъ прогоняли скотъ. Въ Россіи въ прошломъ столѣтіи живой огонь добывали или въ нуждѣ, напримѣръ, въ лѣсу, при неимѣніи кремня и огнива, или въ обрядахъ, напримѣръ, при освященіи лошадей въ день Флора и Лавра 18 августа (*Тэйлоръ*, 350). Въ Россіи огонь, добытый посредствомъ тренія деревянныхъ кусковъ, называется древеснымъ, лѣснымъ, новымъ, живымъ, лѣкарственнымъ или царь-огонь, у сербовъ живымъ, у чеховъ Божіимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи живымъ огнемъ возжигаютъ купальскіе костры, черезъ которые перегоняютъ скотъ и сами прыгаютъ въ полномъ убѣжденіи, что это надѣляетъ здоровьемъ. Къ помощи живаго огня прибѣгаютъ во время смертности между людьми или скотскаго падежа. Въ

случаѣ мора добываютъ огонь черезъ треніе двухъ дубовыхъ полѣнъ одно о другое, зажигаютъ живымъ огнемъ кадила и свѣчи передъ иконами въ церкви. Изъ церкви огонь этотъ разносятъ по избамъ. Въ случаѣ скотскаго падежа окуриваютъ скотъ можжевельникомъ, зажженнымъ живымъ огнемъ (*Аѳанасьевъ*, Возэр. слав. II, 19).

Поклоненіе огню свойственно многимъ народамъ; у индусовъ оно выразилось въ гимнахъ Ригъ-Вѣды; у древнихъ грековъ отразилось въ философскихъ ученіяхъ Ѳалеса, Гераклита и особенно Эмпедокла, у славянъ въ разныхъ обрядахъ. Подробное изслѣдованіе народныхъ миѳологическихъ представленій объ огнѣ далъ *Kuhn*, въ Herabkunft des Feuers, отчасти *Аѳанасьевъ*. въ Поэт. воззр. слав. на природу. Съ религіозно-философской точки зрѣнія, по даннымъ языка, культъ огня подвергнутъ изслѣдованію въ сочиненіи проф. Д. Н. *Овсянико-Куликовскаго* „Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Вѣдъ“.

Переходимъ теперь къ главнымъ народнымъ праздникамъ, Колядѣ и Купалу, сохранившимъ еше въ глухихъ мѣстахъ остатки древне-славянскаго культа огня.

55.

Коляда.

Подъ названіемъ коляда извѣстенъ весь циклъ рождественскихъ пѣсенъ и игръ. О колядкахъ много писали. Краткій очеркъ литературы предмета мы представили въ статьѣ „Научное изученіе колядокъ“, напечатанной въ „Кіев. Стар.“, съ значительнымъ числомъ оттисковъ, поступившихъ затѣмъ въ продажу, и потому мы не будемъ здѣсь говорить о рождественскихъ пѣсняхъ, остановимся лишь на рождественскихъ обрядахъ или, точнѣе, на главныхъ ихъ группахъ.

Яковъ Гримъ говоритъ, что народно-поэтическія сказанія носятся надъ дѣлами людей, какъ благоуханіе, и замѣчаетъ далѣе въ приложеніи къ историческимъ сказаніямъ и пѣснямъ: „прочнымъ шагомъ идетъ исторія; но и крылатое созданіе (народная пѣсня) сопровождаетъ

ее. Его продолжительное посѣщеніе есть благо, которое дается не всѣмъ народамъ"... Нѣчто подобное можно сказать о колядкахъ, съ той поправкой, что это поэтическое благо и одному и тому же народу не всегда дается. Въ приложеніи къ малорусскому народу слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того какъ сельское населеніе въ послѣдніе годы колеблющимися шагами подвигается къ городской и фабричной цивилизаціи, крылатыя созданія—колядки и щедривки—все болѣе и болѣе оставляютъ его, изъ области дѣйствительности переходятъ въ область историческаго преданія.

Забвеніе и порча колядокъ и щедривокъ представляется частичнымъ явленіемъ общей порчи народной поэзіи.

Порча обычая колядованія выражается въ томъ, что колядованіе съ кануна праздника переносятъ на первый день праздника Рождества Христова, или на второй, третій, пятый (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи), на масляницу (въ ярославской губерніи); теряется различіе между колядками и щедривками, въ содержаніе колядокъ вносятся смутно понятые апокрифическіе мотивы; ослабляется свойственный колядкамъ тонъ серьезнаго величія и задушевности, слабѣетъ сила выраженія, правильность стиха и чистота языка. Лучшія колядки сохранились въ Галиціи, у карпатскихъ горцевъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ родъ поэтическаго творчества, почти совсѣмъ забытый въ Великороссіи, и въ Малороссіи повсемѣстно выходитъ изъ употребленія. Колядка, какъ опредѣленная форма поэтическаго творчества, обвешталa, и народное вниманіе начинаетъ склоняться къ выступившему на ея замѣну духовному стиху.

Обряды обнаружили большую стойкость; въ борьбѣ съ всеизмѣняющимъ потокомъ времени они сохранили кое-что отъ старины незапамятной, стоящей внѣ предѣловъ документальной исторіи. Къ древнимъ славянскимъ пріемамъ чествованія солнца пристали классическіе, преимущественно римскіе, обычаи и обряды, соблюдавшіеся въ зимніе праздники врумалій, сатурналій, вотъ и календъ, и произошло сближеніе, въ частныхъ случаяхъ даже сліяніе, обрядовъ древне-славянскихъ съ римскими.

Самыя названія коляда, колядка и пр. происходятъ отъ римскихъ календъ. Названія эти повторяются у многихъ народовъ, находившихся подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Рима, франц.

chalendes, прованс. calendas, румын. colinda, серб., слов. и словин. coleda, у абхазцевъ каланда, гурійцевъ каландоба (*Веселовскій*, въ 32 т. Сборн. Акад. Наукъ 104, 433).

Въ названіи главнаго колядовщика березой и въ лицѣ мѣхоноши, повидимому, также скрываются нѣкоторыя воспоминанія о классическихъ мимахъ, шутахъ, скоморохахъ (*Веселовскій*, ib. 118, 216).

Какъ праздникъ новорожденнаго солнца, въ связи съ общимъ культомъ огня, древняя коляда сопровождалась возженіемъ огней; у сербовъ и хорватовъ сожигаютъ бревно-баднякъ, скандинавовъ julblock, французовъ caligneau, la souche de Noël, у нѣмцевъ, сербовъ возжигаютъ много свѣчей; у осетинъ всю ночь подъ новый годъ поддерживаютъ огни (*Веселовскій*, 440; *Потебня*, О миѳ. знач. нѣкот. обряд. 1—6). У малоруссовъ на „богату кутю" горитъ одна только восковая свѣча; въ мѣщанскихъ семействахъ ставятъ на столъ по нѣсколько свѣчей.

Прибавленіе дня, едва замѣтное въ концѣ декабря, однако, уже окрыляло мысль земледѣльческаго славянскаго народа надеждой на теплое лѣто и хорошій урожай. Къ праздничнымъ рождественскимъ обрядамъ и пѣснямъ пріурочено много пожеланій урожая. „Зароды, Боже, жито, пшеныцю, усяку пашницу"—таково заключеніе большинства колядокъ, а въ нѣкоторыхъ колядкахъ еще добавляется общее пожеланіе здоровья и счастья. Это пожеланіе выражается и обрядно: передъ хозяиномъ ставятъ пироги и кныши. Дѣти спрашиваютъ: „а дежъ нашъ батько"?—„А хыба вы мене не бачыте?"—„Ни, не бачымо, тату!"—„Дай же, Боже, говоритъ отецъ, щобъ завше не бачылы", т. е., чтобы всегда было такое изобиліе хлѣба, какъ въ этотъ вечеръ. Сходный обычай существуетъ у герцеговинцевъ. Саксонъ Грамматикъ говоритъ, что у арконскихъ славянъ такой же точно обрядъ продѣлывалъ жрецъ. Въ праздникъ Святовита, по окончаніи жатвы, въ Арконѣ приготовляли огромный медовый пирогъ, за который становился жрецъ и переговаривался съ народомъ, какъ нынѣ переговаривается подъ Рождество крестьянинъ за пирогами съ своими дѣтьми (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. слав. III, 745).

Такъ какъ урожай опредѣляется своевременно выпавшимъ весной дождемъ („три рази на ярь мисяця мая"), то обрядовая сим-

волика дождя въ видѣ посыпанія зерна представляется также наглядным пожеланіемъ урожая. Обрядовое посыпаніе хлѣбнаго зерна на Рождество встрѣчается въ Малороссіи, Великороссіи, Сербіи (*Потебня,* 59—60), Греціи, Грузіи (*Веселовскій,* 126, 435). Кромѣ рождественскихъ святокъ обрядовое употребленіе хлѣбныхъ зеренъ въ смыслѣ надѣленія богатствомъ встрѣчается на крестинахъ и на свадьбахъ, а въ смыслѣ очищенія (какъ очистителенъ дождь) на похоронахъ (*Сумцовъ,* Хлѣбъ въ обр. и пѣсн. 35).

Почти тождественное значеніе съ посыпаніемъ хлѣбнаго зерна имѣетъ обрядовое употребленіе на рождественскихъ праздникахъ плуга. Въ Галиціи кое-гдѣ наканунѣ новаго года ходятъ по хатамъ съ плугомъ и, показывая видъ, что орютъ, посыпаютъ овсомъ и кукурузою. У поляковъ мѣстами наканунѣ Р. Хр. кладутъ на столъ чересло плуга. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ XVII в. „въ навечеріе Богоявленія Господня кликали плугу“ т. е. славили плугъ (*Потебня,* 6). У румынъ подъ новый годъ поютъ плуговыя пѣсни (plugul) и звякаютъ при этомъ желѣзомъ отъ сохи, звонятъ въ колокольчикъ или играютъ на флейтѣ (*Веселовскій,* 112—114).

Идеей богатства обусловленъ обычай покрывать соломою или сѣномъ столъ на сочельникъ. Обычай этотъ встрѣчается у германскихъ и славянскихъ народовъ, въ частности у малороссовъ (*Потебня,* 72). Упоминаніе объ этомъ обычаѣ находится въ одной повѣсти Квитки. Солому, постилаемую наканунѣ Рождества, называютъ въ Подоліи дѣдухъ. Это слово сближаютъ (Шейковскій, Потебня) съ названіемъ поминокъ „дѣды“. Такъ какъ Рождество есть по преимуществу семейный праздникъ, то въ „дѣдухѣ“ и мертвые причислены къ семьѣ (*Потебня,* 73). Общее же значеніе покрыванія стола соломой то же, что и значеніе полагаемой на него кучи пироговъ—пожеланіе урожая.

Въ ряду рождественскихъ и новогоднихъ обрядовыхъ пожеланій богатства не забыты и сады. Наканунѣ Р. Хр. у малороссіянъ одинъ садится въ саду за дерево, не приносящее плода, а другой показываетъ видъ, будто хочетъ рубить дерево топоромъ. „Не рубай мене, буду вже родыты“ говоритъ сидящій за деревомъ, вмѣсто дерева. „Ни, зрубаю, чомусь не родыла“, и фразы эти повторяются

до трехъ разъ, затѣмъ грозившій срубить дерево говоритъ: „гляды жъ!“ и удаляется, а сидѣвшій за деревомъ перевязываетъ затѣмъ дерево перевесломъ (соломой) и идетъ къ другому безплодному дереву, гдѣ повторяется та же обрядность (*Ефименко*, Малор. заклин. 45; *Свидницкій*, Основа 1861. № 12). Тожественный обрядъ записанъ у турецкихъ сербовъ въ Призренѣ и Дибрѣ (*Ястребовъ*, Обыч. и пѣс. тур. серб. 34), у нѣмцевъ и у англичанъ (*Мандельштамъ*, Оп. объяс. обыч. 314).

Широкое распространеніе обычая переряживанья обусловлено древнимъ обыкновеніемъ лично представить боговъ покровителей земледѣлія или ихъ животные символы и олицетворенія въ видѣ посѣтителей жилища и благотворныхъ дѣятелей въ семейной и экономической жизни народа. Къ тому же на переряживаніе, болѣе чѣмъ на какую либо сторону обрядности, оказали вліяніе римляне. Уже въ началѣ XI ст. въ сѣверной новгородской глуши, по словамъ архіепископа Луки Жидяты, было „москолудство“, т. е. переряживаніе, причемъ иноземное его названіе даетъ поводъ думать, если не о иноземномъ происхожденіи, то, по крайней мѣрѣ, древнемъ римскомъ вліяніи. Въ Малороссіи парни на Р. Хр. маскируются медвѣдемъ, козой, чертомъ. „Если вообще святочная обрядность, говоритъ А. Н. Веселовскій, представляетъ много общаго и дословно сходнаго въ ея проявленіяхъ у различныхъ народовъ Европы, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о маскахъ и личинахъ. Русское, малорусское, болгарское и румынское ряженіе козою, восходящее, быть можетъ, къ „козлимъ“, „сатурскимъ“ лицамъ языческихъ врумалій, продолжаетъ жить въ Норвегіи, Даніи, Англіи и Германіи“. Г. Веселовскій въ обширномъ изслѣдованіи о святочныхъ маскахъ и скоморохахъ, въ 32 т. Сборн. Акад. Наукъ, предлагаетъ рядъ доказательствъ, что маски и ряженіе отвязались отъ римскаго культа, объективировались и переносились съ мѣста на мѣсто, причемъ распространителями ихъ сначала были греко-римскіе мимы, затѣмъ ихъ послѣдователи и продолжатели, всякаго рода шпильманы, глумцы и скоморохи.

Благосклонное вниманіе боговъ покровителей земледѣлія и семьи обусловливалось, съ языческой точки зрѣнія, надлежащимъ

ихъ угощеніемъ или жертвоприношеніемъ, на что шли животныя (преимущественно свинья), каша и хлѣбъ.

Свиное мясо, свиная голова, колбасы или какое-либо печеніе въ образѣ свиньи составляетъ необходимую принадлежность Васильева вечера и рождественскихъ святокъ не только у русскихъ, но и болгаръ, сербовъ, румынъ, въ Сициліи, Англіи, Германіи, въ скандинавскихъ земляхъ и на Кавказѣ (*Потебня*, 27; *Веселовскій*, 108, 438). А. Н. Веселовскій находитъ, что славянская и румынская обрядовая свинина отвѣчаетъ жертвоприношенію свиньи въ римскомъ обиходѣ сатурналій (стр. 109); но, по широкому распространенію обрядной свинины, можно думать, что источникъ обычая кроется въ арійской древности, въ религіозно-миѳическихъ воззрѣніяхъ первобытныхъ аріевъ, и затѣмъ сохраненъ и развитъ индоевропейскими народами вполнѣ самостоятельно. Я принимаю обычное у русскихъ изслѣдователей миѳологическаго направленія (Аѳанасьевъ, О. Миллеръ) толкованіе обрядной свиньи, какъ символа солнца вообще, въ основѣ повѣрій и обрядовъ, и затѣмъ думаю, что удержалось обрядовое употребленіе свинины такъ долго лишь потому, что служило жертвой, или пищей, пріятной для людей и созданныхъ по ихъ подобію языческихъ боговъ. Поводомъ къ символизаціи солнца въ образѣ свиньи послужили длинныя и острыя щетины этого животнаго, сближенныя съ солнечными лучами. Въ сказкахъ подъ образомъ свинка-золотая щетинка скрывается солнце. У скандинавовъ Фрейръ, богъ весенняго солнца, мчится на вепрѣ Гуллинбурстѣ. Съ распространеніемъ христіанства солнечный символъ свинья получила демоническую окраску, и на свиньяхъ стали уже разъѣзжать черти; въ житіяхъ святыхъ въ Патерикѣ печерскомъ и др. многократно говорится, что тотъ или другой „старецъ видѣ бѣса сѣдяща на свиньи“.

Каша у русскихъ, сербовъ и хорватовъ съ особенными обрядами варится нѣсколько разъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, т. е. начиная отъ дня в.—м. Варвары (4 дек.) до Богоявленія (6 янв.). Въ курской губ. второй день Рождества называется бабьи каши (*Потебня*, 56, 65). Обрядовое употребленіе каши обычно не только наканунѣ Р. Хр. и Новаго года, но также на свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ. Кашей кормили нѣкогда боговъ земледѣлія и

скотоводства. У индусовъ вѣдическаго времени ячменной кашей кормили скотьяго бога Пушана, у римлянъ послѣ рожденія ребенка приготовляли кашу (fritilla, puls). Древніе германцы приготовляли кашу въ праздникъ Перахты или Гольды (подроб. см. въ моемъ соч. Хлѣбъ въ обр. и пѣс. 27—47).

Довольно обычно обрядовое употребленіе хлѣба, какъ остатокъ жертвоприношенія. Съ наибольшей торжественностью приготовляется въ Галиціи на Р. Хр. крачунъ—огромный бѣлый хлѣбъ. Его сажаютъ въ печь наканунѣ Рождества; обставляютъ калачами и подкалачиками; выносятъ съ появленіемъ звѣзды; за столъ садятся хозяева и прислуга (*Терещенко*, Бытъ рус. нар. VII, 20). Вообще, каша болѣе обычна на рождественскихъ праздникахъ, и самый крачунъ, повидимому, перенесенъ на Рождество съ обрядовой свадьбы (подроб. у *Сумцова*, Хлѣбъ, 74). На Рождество пекутъ, смотря по мѣстности, пироги, коржи, кныши, блины.

Въ сложную рождественскую обрядность входятъ еще гаданія, преимущественно гаданія по почину о погодѣ и урожаѣ, напр., какая погода въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ Новымъ годомъ, такая будетъ передъ Петромъ и Павломъ, какая послѣ Новаго года, такая при началѣ жатвы; въ какой день приходится Рождество, въ такой начинаютъ жать. Съ созданіемъ категоріи причины (propter hoc), гаданіе можетъ переходить въ созданіе образа, съ цѣлью вызвать появленіе въ дѣйствительности того желаннаго, что этимъ образомъ представлено (*Потебня*, Колядки 64). Въ древности кругъ гаданій былъ болѣе обширенъ, чѣмъ нынѣ, причемъ, гаданія пріурочены были къ святкамъ, ко времени рожденія солнца, поворота его на лѣто, и затѣмъ въ началѣ жатвы, иногда, въ началѣ войны. Ѳеопомпъ (IV в. до Р. Хр.) говоритъ, что венеты гадали въ началѣ посѣва посредствомъ хлѣбныхъ лепешекъ. По словамъ Прокопія, южные славяне гадали во время жертвоприношенія животныхъ, вѣроятно, по ихъ внутренностямъ, что, быть можетъ, заимствовано отъ классическихъ народовъ, у которыхъ обычна была гіероскопія, или гаданіе по внутренностямъ животныхъ, преимущественно по ихъ печени (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. 137—143). Замѣчательно, что въ Болгаріи и въ настоящее время старики предсказываютъ, глядя въ утробу заколотаго животнаго

(*Фаминцынъ*, Божества, 43). Балтійскіе славяне (руяне), по словамъ Саксона Грамматика, гадали посредствомъ священнаго коня Святовита, а въ другихъ случаяхъ по первому встрѣчному животному, что отвѣчаетъ современнымъ русскимъ повѣрьямъ о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ. Константинъ Багрянородный говоритъ, что русскіе славяне гадали по птицамъ. Многія рождественскія гаданія, совершаемыя въ настоящее время, коренятся въ древности, напр., гаданіе малорусское объ урожаѣ почти тожественное съ арконскимъ, какъ было уже выше замѣчено, гаданіе по тому куда пойдетъ лошадь съ завязанными глазами (въ ту сторону выйти замужъ) сходно съ гаданіемъ руянъ по коню Святовита, предсказаніе о зимнихъ колодахъ и времени наступленія весны по селезенкѣ кабана, убитаго къ Рождеству, напоминаетъ болгарскую и древнюю греческую гіероскопію. При всемъ томъ, гаданія съ теченіемъ времени потеряли отчасти серьозное значеніе и получили однообразный характеръ преимущественно дѣвическихъ гаданій о замужествѣ. Часть рождественскихъ гаданій отошла назадъ, ко дню св. ап. Андрея Первозваннаго (эти гаданія см. въ „Кіев. Стар." 1888, XI, ст. г. Ящуржинскаго); часть перенесена далѣе, на масляницу [1]).

56.

Колодка — Колодій

составляетъ самую характерную особенность малорусской масляницы. Здѣсь произошелъ рядъ любопытныхъ переходовъ бытоваго явленія, именно, орудіе пытки и наказанія колодка съ теченіемъ времени перешла въ предметъ шутки и увеселенія и, наконецъ,

[1]) Кромѣ этихъ главныхъ рождественскихъ обрядовъ и повѣрій, есть много отрывочныхъ и мелкихъ. Они разбросаны, (не считая устарѣвшихъ сборниковъ Снегирева и Сахарова), у *Терещенка*, Бытъ рус. нар. II; *Кавелина*, Сочиненія, т. IV (рецензія сборника Терещенка), *Потебни*, О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій; *Лавровскаго (П. А.)*, рецензія на предыд. трудъ г. Потебни во 2 кн. Чтеній моск. общ. ист. и древн. 1866; *Чубинскаго*, Труды э. ст. экспед. III; *Аѳанасьева*, Поэт. воззр. слав. на прир. т. I—III; *Головацкаго*, Пѣсни гал. и угор. Руси; *Свидницкаго*, въ Основѣ 1861, кн. XII; *Миллера О.* Опытъ ист. рус. слов; *Де-Воллана*, Угро-рус. нар. пѣсни; *Веселовскаго*, въ 32 т. Сбор. Ак. Наукъ: *Kopernicki*, въ XI т. Zbiór wiadomosci do antropol. krajowej; *Kolberg*, Pokucie

дала названіе цѣлому празднику. Колода, какъ орудіе наказанія, дѣлалась въ старину изъ брусьевъ съ отверстіями, въ которыя вставлялись руки и ноги виновныхъ. Положеніе человѣка въ колодкѣ было тягостно; онъ не могъ свободно пошевельнуть ни однимъ членомъ и оставался неизмѣнно въ сидячемъ положеніи, причемъ ноги были приподняты отъ земли; корпусъ согнутъ подъ острымъ угломъ, а руки притянуты на одну линію съ ногами (*Новицкій*, въ „Кіев. Стар." 1885, XI, 552). Колодка, какъ орудіе наказанія, лишь недавно вышла изъ употребленія. Въ повѣсти Квитки „Мертвецькій Велыкъ-день" „сердешна Приська выкупала его (т. е. своего мужа Нечипора) не десять разивъ и изъ пидъ калавуру, и изъ колоды"... На позднѣйшей колодкѣ обнаружился прогрессъ народной мысли и быта; орудіе наказанія стало способомъ выраженія добраго пожеланія семейной жизни, предметомъ народнаго увеселенія, причемъ мѣстами стало выражаться въ формѣ цвѣтныхъ лентъ, коробки конфектъ и т. п. предметовъ, нимало не напоминающихъ колоду или колодниковъ.

По селамъ Малороссіи масляница извѣстна подъ названіемъ „Колодія", празднованіе котораго продолжается отъ понедѣльника до субботы. Въ понедѣльникъ „Колодій" нарождается, а въ субботу умираетъ; промежутокъ этого времени наполняется пирушками въ честь „колодіевыхъ родынъ". Послѣ мяснаго заговѣнья, въ первый понедѣльникъ, собираются группы женщинъ и ходятъ по всѣмъ хатамъ, гдѣ есть неженатые парни или совершеннолѣтнія дѣвушки, чтобы привязать имъ колодку. Молодежь старается скрыться, но ее подкарауливаютъ и часто застигаютъ врасплохъ. Пришедшія привязываютъ колодку къ ногѣ, а иногда къ рукѣ парня или дѣвушки и затѣмъ требуютъ выкупа. Выкупъ состоитъ въ угощеніи водкой и закуской. При этомъ отецъ повязаннаго говоритъ иногда сыну, напуская на себя сердитый видъ: „оттакъ тоби й треба: не хотивъ слухаты батька, не хотивъ женытысь, теперь колодку тягны.

---

1 и др. сочиненіяхъ и сборникахъ, гдѣ всецѣло или отчасти говорится о малорусскихъ святкахъ. О рождественскихъ обрядахъ другихъ славянскихъ народовъ см. ст. *Кудрявцева* въ „Христ. Чтеніи" 1877 г., въ сборникѣ *Ястребова*—о сербскихъ святкахъ, у *Завалинскаго, Улановской, Кольберга* и др.—о польскихъ святкахъ. Литература рождественскихъ обрядовъ и повѣрій, вообще, разнообразна и обширна.

Думавъ ему весилля справляты, а теперь прыходыця бисового сына видъ колодкы выкупаты". Потомъ хозяинъ проситъ гостей садиться за столъ и начинается угощеніе, на которое сходятся почти всѣ сосѣди. Если же дѣвушкѣ привяжутъ колодку, то мать ласково приговариваетъ: „оттакъ тоби, дивко, й треба: не заслужыла женыха, теперь тягны колодку". Въ нѣкоторыхъ селахъ полтавской губерніи колодку вяжутъ не только парнямъ и дѣвушкамъ, но и ихъ родителямъ какъ бы за то, что они не постарались выдать дѣтей замужъ или женить. Въ подольской губ., въ мѣстахъ, смежныхъ съ херсонской губ., дѣлаютъ („завиртюють") „Колодія" изъ макогона, укутаннаго пеленками и платками, на подобіе новорожденнаго ребенка; его носятъ по хатамъ, объявляя, что „родывся Колодій" и требуютъ угощенія. При этомъ опять таки вяжутъ колодку, какъ вездѣ. Такъ проходитъ вся масляннная недѣля. Въ субботу передъ велико-постнымъ заговѣніемъ „Колодій" умираетъ и женщины съ плачемъ хоронятъ его. Собственно похороны заключаются только въ томъ, что устраивается грандіозная попойка, причемъ бабы показываютъ видъ, что плачутъ по „Колодіѣ". Во многихъ селахъ подольской, кіевской, херсонской, полтавской и черниговской губерній, въ первый день „Колодія" женщины приносятъ матушкѣ-попадьѣ въ подарокъ мотки („талькы") и клубки разной пряжи на холстъ. Такимъ гостямъ оказывается большой почетъ: ихъ сажаютъ большею частію въ „покояхъ" (въ комнатахъ, назначенныхъ для гостей) и сама хозяйка потчуетъ ихъ водкой и кушаетъ вмѣстѣ съ ними за однимъ столомъ. Впрочемъ, гости долго не засиживаются,—на ихъ мѣсто скоро являются другіе. Въ городахъ, въ недавнее время даже въ нѣкоторыхъ селахъ, при вязаніи колодки стали употреблять не полѣно, а какую-нибудь изящную вещь: букетъ цвѣтовъ, ленту, бантикъ, платокъ, серьги или просто коробку конфектъ (*Заря* 1885, № 287, *Чубинскій*, III, 7).

Малорусской и бѣлорусской колодкѣ соотвѣтствуетъ старинный обычай въ Германіи привязывать въ называемую „пепельную середу", первый день великаго поста,—снятую съ петель дверь на спины дѣвушекъ, достигшихъ уже тридцатилѣтняго возраста, при чемъ заставляютъ ихъ носить эту ношу по деревнѣ. Въ старинной хроникѣ города Лейпцига сообщается, что тамъ на масляницѣ ряженые молодые

люди возили плугъ и запрягали въ него встрѣчавшихся имъ дѣвушекъ, въ наказанье за то, что онѣ до сего дня не вышли замужъ. По словамъ Гримма, подобные обычаи существовали и въ другихъ областяхъ Германіи, не только въ Лейпцигѣ.

57.

Купало.

Купало празднуется въ ночь съ 23 на 24 іюня, называемую Ивановскою. Праздникъ состоитъ изъ пѣсенъ и обрядовъ. Купальскія пѣсни не представляютъ такой научной важности, какъ колядки. Небольшія по объему, онѣ, сравнительно съ колядками, заключаютъ въ себѣ мало архаичныхъ элементовъ; но обряды купальницкіе такъ же важны въ историко-бытовомъ отношеніи, какъ и рождественскіе обряды. Научная литература купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ незначительна, и настоящая наша статейка, полагаемъ, внесетъ въ нее нѣкоторое дополненіе относительно объясненія основнаго бытоваго значенія купальскаго праздника въ древности, наряду съ религіозно-миѳическимъ его значеніемъ, достаточно объясненнымъ уже *Аѳанасьевымъ* въ III т. Поэт. воззр. славянъ на природу, стр. 710—724, *О. Миллеромъ* въ Опытѣ ист. обозр. рус. слов. I, 55—58 и особенно *А. А. Потебней* въ статьѣ о купальскихъ огняхъ въ 3 вып. Археологич. Вѣстника 1867 года.

Еще составитель Густинской лѣтописи принималъ Купалу за бога земнаго плодородія: „Купало, яко же мню, бяше богъ обилія, яко же у еллинъ Цересъ, ему же безумніи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу—бѣсу еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумніи память совершаютъ, наченше Іюня 23 дня въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи даже до жатвы сицевымъ образомъ: съ вечера собирается простая чадь обоего пола и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія или коренія и препоясавшеся быліемъ возгнетаютъ огонь; индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь и, емшеся за руцѣ около, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ черезъ оный огонь прескакуютъ“. Вполнѣ согласно съ мнѣніемъ

составителя Густинской лѣтописи. О. Ѳ. Миллеръ думаетъ, что „какъ Купальница, такъ и Купало должны быть божественныя существа“ (I, 55). Г. Фаминцынъ въ сочиненіи „Божества древнихъ славянъ“ идетъ далѣе и сравниваетъ съ Купалой Ярилу, Ладу и затѣмъ ставитъ ихъ въ параллель съ древне-итальянскими богами Picus, Faunus и Liber (277), что, однако, подлежитъ большому сомнѣнію. Нѣтъ никакихъ основаній считать Купалу древнимъ божествомъ, тѣмъ болѣе, что имя Купала встрѣчается только у малоруссовъ и бѣлоруссовъ, у послѣднихъ, вѣроятно, подъ малорусскимъ вліяніемъ, притомъ встрѣчается при имени Ивана. Н. И. Костомаровъ еще въ 1843 г. въ „Маякѣ“ высказалъ мнѣніе, что слово купало есть замѣна слова креститель: „Три праздника въ году посвящены памяти пророка Іоанна Предтечи, 7 января, 29 августа, 24 іюня. Первый у малороссіянъ называется *хрестытель*, потому что празднуется на второй день Крещенія, второй *головоська*—день усѣкновенія и послѣдній *купало*. Названіе это идетъ къ тому, кто крестилъ, омывая въ водѣ, а выражаясь просто, купалъ. Спросите у самаго благочестиваго старика, что такое Купало—онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ Предтечу“ (XI. Матер. 70). Въ Галиціи канунъ праздника Іоанна Предтечи называется Соботкой, словомъ, извѣстнымъ чехамъ и полякамъ.

Замѣчаемое мѣстами ослабленіе купальскихъ обрядовъ, въ особенности замѣна костровъ крапивой, объясняется запрещеніями со стороны административныхъ властей. Еще въ 1769 г. малор. войсковой генеральный судъ запретилъ празднованіе Купалы, какъ вредное „застарѣлое игрище“ („*Кіев. Стар.*“ 1885, XI, 556).

Въ виду широкаго распростаненія купальскихъ обрядовъ среди европейскихъ народовъ, можно предположить лишь то, что въ половинѣ іюня, во время наибольшаго могущества творческихъ силъ природы, справлялся праздникъ въ ночное время, при свѣтѣ отъ зажженныхъ костровъ, съ пляской и пѣснями, и, можетъ быть, съ жертвоприношеніемъ солнцу. Въ малорусской и бѣлорусской Купалѣ сохранилось много древнихъ чертъ. Разбросаны онѣ въ слѣдующихъ сборникахъ: *Чубинскаго*, въ 3 т. Трудовъ этн.-ст. эксп., *Безсонова*, Бѣлор. народ. пѣсни (здѣсь много малорусскихъ пѣсенъ, принятыхъ за бѣлорусскія). *Kolberg*, I т. Pokucie, *Moszińska*, въ V т.

Zbiór wiadomosci do antropol. krajowej, *Kopernicki*, въ XI т. Zbiór wiadomósci, въ 3 т. Поэт. воззр. славянъ *Аѳанасьева,* кое что въ 1 т. Lud ukraiński *Новосельскаго-Марцинковскаго*, въ Угро-рус. нар. пѣсняхъ *Де-Воллана*, и во 2 т. Галиц. и угор. пѣс. *Головацкаго*, въ 1 т. „Очерковъ Россіи“ *В. Пассека* и въ „*Маякъ*“ 1843 г. т. XI. Матер.

Составитель древней лѣтописи отмѣтилъ важный бытовой фактъ, что у древлянъ, сѣверянъ, вятичей и радимичей „браци не бываху въ нихъ; но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены“ (*Лѣтоп.* по Лавр. сп., изд. 1872, 12). Врядъ ли можно сомнѣваться, что эти „игрища межю селы“ были въ опредѣленное время въ году, вѣроятно, во время наибольшей творческой силы природы, въ концѣ іюня, къ какому времени пріурочено было завязываніе новыхъ половыхъ связей. Что это было именно такъ, видно изъ современнаго обычая верхне-македонскихъ болгаръ—мыяковъ обрученіе и свадьбу совершать исключительно отъ 20 іюля по 15 августа (*Верковичъ*, Опис. быта болг. 8). По другому свидѣтельству, болѣе вѣроятному, „въ селахъ дебрскаго округа сватовство совершается въ день Петра и Павла (29 іюня), точно такъ же какъ и свадьбы бываютъ въ этотъ день. Сосватавшій дѣвушку 26 іюня долженъ ждать цѣлый годъ, чтобы жениться въ этотъ же день“ (*Ястребовъ*, Об. и пѣс. турец. сербовъ, 408). Мы готовы думать, что то же самое было въ древней Руси на праздникъ, названный позднѣе по имени Іоанна Крестителя Иваномъ Купалой или просто Купалой, на что есть указанія въ купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ. Въ бѣлорусской купальской пѣснѣ парень пріѣзжаетъ къ дѣвушкѣ ночью, проситъ ее не плакать, говоритъ, что онъ ея Яночка (*Безсоновъ*. I, 31). Во многихъ пѣсняхъ выражается чувство любви, желаніе брака. Во особенности любопытенъ отдѣлъ насмѣшливыхъ купальскихъ пѣсенъ, гдѣ дѣвушки издѣваются надъ парнями. Подобнаго рода пѣсни встрѣчаются только на свадьбахъ, какъ остатокъ умыканія и проистекающаго отъ того враждебнаго отношенія невѣсты и ея подругъ къ жениху и его родственникамъ. Хотя и въ древности, по словамъ лѣтописца, съ умыкаемыми дѣвушками предварительно сговаривались,

однако соблюдалась хотя внѣшная формальная враждебность, происходившая отъ болѣе древней дѣйствительной вражды и похищенія. Такъ, въ волынской губерніи на Купало дѣвушки поютъ:

Бигла сучка ровóмъ, ровóмъ,
А за нею хлопци роёмъ, роёмъ;
Они думали, що то ихъ маты,
Покотылы сучку, давай ссаты (*Kopern.*, Zbiór wiadom. XI. 183).

—

Ой шлы дивчата ройкомъ, ройкомъ,
Пылы горилку зъ медкомъ, зъ медкомъ,
А за ними хлопцы граныцею,
Пылы помыи дойныцею (*Kopern.*, ib. 183).

—

На Купали огонь горыть,
Нашимъ хлопцямъ жывитъ болыть.
Наши хлопци жабокольци,
Скололи жабу на колодци (*Чуб.* III. 221).

Ночное пиршество требовало костровъ для варки пищи и освѣщенія, причемъ костеръ служитъ центромъ веселой толпы, поющей и пляшущей. Въ возженіи костровъ выражался еще культъ огня. Въ силу такихъ практическихъ и религіозныхъ побужденій костры въ древности зажигались на многихъ праздникахъ вечеромъ или ночью. Такъ, Захарія Копыстенскій въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ" 1624 г. возстаетъ противъ разведенія костровъ на Купалу и въ другіе праздники, особенно въ день Вознесенія. (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Обрядовое сожиганіе костровъ и прыганіе черезъ нихъ обычно въ Болгаріи въ воскресенье передъ великимъ постомъ (*Каравеловъ*, Памят. I, 189), въ сарат. губ. наканунѣ Новаго года (*Терещенко*. Бытъ р. н. VI, 116), въ костром. губ. на масляной недѣлѣ (*Чтенія* въ общ. ист. 1846, II. 20), въ московской Руси, по Стоглаву (XVI в.), въ чистый четвергъ (*Максимовичъ*. Собр. соч. II, 510), на свадьбахъ въ В., М. и Б. Россіи, у поляковъ и у древнихъ германцевъ (*Сумцовъ*. О свад. обр. 91—92), на родинахъ у сибирскихъ татаръ (*Сумцовъ*. въ Журн. М. Н. П. 1880. CCXII, 78). Въ В. Россіи зажигаютъ костры еще въ день св. Георгія 23 апр. и прогоняютъ скотъ. Въ западной Европѣ, въ Германіи и во Франціи въ XII—

XVII ст. въ селахъ и городахъ зажигали въ день Іоанна Крестителя костры. Въ XV, XVI и XVII ст. костры зажигались въ Парижѣ, Мецѣ и др. городахъ передъ ратушей меромъ (*Аѳанасьевъ*, III, 711—712; *Nowosielski*, Lud ukr. I, III).

Въ Лондонѣ купальскіе огни воспрещены въ 1539 г. (*Спенсеръ*, Опис. соц. 172). Почти повсемѣстно возженіе костровъ, особенно Ивановы огни „Johanisfeuer", „le feu de St. Jean" имѣли очистительное значеніе, устраняющее всякую нечисть и, главное, ворожбу. На Купалу предохранительное значеніе костра отъ ворожбы тѣмъ болѣе важно, что въ это время вѣдьмы всячески стараются вредить людямъ и особенно опасны домашней скотинѣ, преимущественно коровамъ. Какъ предметъ, необходимый въ древности для совершенія жертвоприношенія, костеръ получилъ священное, очистительное значеніе. Въ угорской Руси на Купалу зажигаютъ костры на вершинахъ горъ и танцуютъ вокругъ нихъ; сюда же сгоняютъ скотъ, украшенный вѣнками и увѣшанный колокольчиками; животнымъ при этомъ раскрываютъ ротъ такимъ образомъ, чтобы въ него падало отраженіе пламени горящихъ костровъ съ цѣлью предохранить ихъ отъ особой болѣзни жевательныхъ органовъ. Дѣвушки съ цвѣтами на головѣ танцуютъ вокругъ костровъ; мужчины бьютъ по угольямъ палками, отчего происходитъ трескъ. Затѣмъ гадаютъ по кострамъ. Если они тлѣютъ долго, то это считается признакомъ хорошаго сбора хлѣба и обилія жениховъ для дѣвушекъ (*Де-Волланъ*, Угро-рус. нар. пѣс. 15). Въ Малороссіи также скачутъ вокругъ костровъ дѣвушки и парни (*Чубинскій*, III, 194), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ силу полицейскаго запрета зажигать въ селѣ или вблизи огни, бѣгаютъ вокругъ крапивы, воткнутой въ землю, или скачутъ черезъ нее. Въ Покутьѣ (въ Галиціи) парни зажигаютъ клочки пакли, воткнутыя на концѣ высокихъ палокъ, и бѣгаютъ съ ними по полю, въ однихъ мѣстахъ въ ночь подъ 24 іюня, въ другихъ по ночамъ отъ 24 іюня до 29 іюня, „отъ Ивана до Петра кегекаютъ" (*Kolb.*, I, 202).

Въ Малороссіи на Купалу, а въ Великороссіи на масляницѣ, обычно обрядовое употребленіе соломеннаго чучела или куклы, которая въ Малороссіи, какъ воплощеніе праздника, носитъ названіе Купалы. Дѣвушки, изрѣдка парубки, справляютъ чучело „Марену"

изъ соломы, жгучей крапивы или черноклена; ее убираютъ вѣнками, лентами, цвѣтами, танцуютъ вокругъ нея, поютъ пѣсни и потомъ бросаютъ ее въ рѣку съ притворнымъ плачемъ или разрываютъ на части, причемъ дѣвушки сохраняютъ куски дома или несутъ ихъ на огородъ, чтобы огурцы родились. Парубки часто отнимаютъ „Марену" или „Купалу" у дѣвушекъ и рвутъ ее; но дѣвушки быстро дѣлаютъ новую куклу (*Чубинскій*, III, 193; *Kolberg*, I, 202; *Kopern.* 176).

Травы и цвѣты, сорванные въ періодъ солнечнаго поворота, на Купалу, считаются особенно цѣлебными. Изстари въ этотъ день собираютъ травы и цвѣты, сохраняютъ ихъ въ семьѣ, и въ случаѣ надобности окуриваютъ ими больныхъ людей и животныхъ, бросаютъ во время грозы въ затопленную печь, вѣшаютъ подъ кровлей дома и въ хлѣвахъ, затыкаютъ за стрѣхи (*Аѳанасьевъ*, III, 716). Въ народныхъ разсказахъ особенно часто встрѣчается папоротникъ и его мнимый цвѣтокъ въ ночь подъ 24 іюня (*Чубинскій*, I, 77; III, 196—197; *Nowosielski*, II, 144; *Kolberg* I, 201); но кромѣ этого, слишкомъ хорошо извѣстнаго растенія чтобы на немъ здѣсь останавливаться [1]), къ купальскимъ обрядамъ и повѣрьямъ пріурочено нѣсколько другихъ видовъ украинской флоры: въ хатѣ вѣшаютъ лопухъ (*Kolberg* I, 201), подпоясываются для устраненія болѣзней чернобылемъ (ib. 202); дѣвушки втыкаютъ въ косу липнякъ, чтобы хлопцы любили, липли къ нимъ (ib. 202), рвутъ мяту, любистокъ, василекъ—все для любощивъ (ib.), собираютъ противъ вѣдовства конопляный цвѣтъ, или капку, которую разсыпаютъ передъ воротами своего дома и въ хлѣвахъ, чтобы вѣдьма не могла сюда проникнуть. (*Kopern.*, 195).

И такъ почти весь купальскій ритуалъ, за исключеніемъ намековъ на умыканіе дѣвицъ, направленъ къ огражденію крестьянскаго семейнаго и экономическаго благополучія отъ разрушительной силы вѣдовства. Какъ ни страшны вѣдьмы въ это время, противъ нихъ смѣло выступаютъ съ куклой Купалы и охранительными травами, насмѣхаются надъ ними, ставятъ вѣхи на дворѣ женщинъ,

---

[1]) Научныя замѣчанія о повѣрьяхъ о папоротникѣ см. у *Аѳанас.* въ Поэт. воззр. слав. II, 375—389 и въ ст. *Потебни*, О купальскихъ огняхъ; въ обѣихъ статьяхъ миѳологическое объясненіе.

подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ и, проходя мимо ихъ хатъ, съ чучеломъ Купалы, поютъ:

Наше Купайло до мисяця,
Юрьковски видьмы повисяться;
Нехай повисяться, нехай знають,
Нехай чужихъ коривъ не займають (*Корегп.*, 177).

—

Въ нашимъ Купайли кущикъ бобу,
Кинулобъ видьму въ хоробу.
Въ нашимъ Купайли кущикъ мяты,
Щобъ не перешла видьма хаты.
Въ нашимъ Купайли кущикъ дроку
Щобъ не дождала видьма року (ib. 177).

—

Повій, витре, о пивночи.
Вылизуть видьми очи,
Щобъ по ночахъ не ходила,
Чужихъ коровъ не доила (*Чубинскій* III, 199).

—

Теперь Купала, завтра Иванъ
Кидавъ бисъ видьму черезъ парканъ,
Купальной ночи выдравъ бисъ видьми очи (*Безсоновъ*, 32).

На Купалу обычно плетеніе вѣнковъ (*Чубинскій* 195, *Kolb.* I, 201); но оно еще болѣе обычно на троицкихъ праздникахъ. Встрѣчаются на Купалу гаданія (*Чубинскій*, III, 195—197, *Аѳанасьевъ* III, 723), но ихъ очень мало сравнительно съ колядой и Андреемъ Первозваннымъ. Въ сборникахъ пѣсенъ въ числѣ купальскихъ часто встрѣчаются свадебныя (*Чубинскій*, III, 206, 207; *Безсоновъ* 36, 37), жатвенныя (*Чубинскій*, III, 202, 217), изрѣдка рождественскія (*Безсоновъ*, 46), причемъ кое что перепутано самими издателями пѣсенъ.

Возлѣ Купала иногда выступаетъ Купальница, причемъ Купало относится къ Іоанну Крестителю (24 іюня), а Купальница къ св. Аграфенѣ (23 іюня). Миѳологи вспоминаютъ при этомъ Перуна и Ладу (*Аѳанасьевъ* III, 722). Я думаю, что Купальница явилась въ дополненіе къ Купалу, какъ подъ Новый годъ Меланка въ дополненіе къ Василію, для разности, что вызвано самими словами Иванъ Купало, затѣмъ Купала, т. е. женской формой слова

Купала при Иванѣ. Какъ въ щедровкахъ „красная Меланка, еще кращшій Васильчикъ“ (*Головацкій* III, 144) или „О—герчику Васильчику, чи любишь ты нашу Меланочку?“ (*Kolb.* Pokucie I, 123), такъ и въ купальскихъ пѣсняхъ „Сегодня Купала завтра Янъ“, „де жъ ты была Купалочка—у твоимъ садку Иваничка“, Купалъ—ночка (потомъ Купалочка)! гдѣ твоя дочка?“ (*Безсоновъ*, Бѣлор. п. 30,33, 35). Очевидно, мы имѣемъ здѣсь олицетвореніе двухъ праздничныхъ дней, по сопредѣльности ихъ, и переносъ этихъ олицетвореній въ разрядъ любовныхъ пѣсенъ. Такъ какъ мысль поющихъ пѣсни дѣвушекъ имѣетъ въ виду прежде всего желанный бракъ, то отсюда и въ пѣсни вошло брачное начало парности двухъ лицъ мужескаго и женскаго пола.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

На „Вовчомъ хуторѣ.“

Степь широкая, привольная, необъятная... Конца ей нѣтъ; только тамъ, далеко, она, волнующаяся, какъ море, сливается съ такимъ же безконечнымъ небомъ. Въ ея чудныхъ голосахъ, въ невѣдомомъ шопотѣ, человѣкъ впервые—робѣетъ, признаетъ ничтожество свое; а затѣмъ, эта ширь, этотъ просторъ необъятный родитъ мысль о безконечномъ, свободномъ, и глазъ невольно останавливается въ глубокой синевѣ неба и уноситъ она въ безконечное, неземное: мысль о Богѣ живетъ спокойная, глубокая... Степь таинственна...

Темная степь утопала во мрачной тишинѣ ночи и не было полоски, отдѣляющей ее отъ неба: все, все слилось въ куполъ прозрачнаго воздуха и все молчало. Но вотъ подулъ легкій вѣтерокъ, тучи разнесло; замерцала одна, другая звѣздочка—„зироньки очицямы заморгали“—и сводъ небесный усѣянъ звѣздами,—а степь безконечная, мрачная, молчитъ, погруженная въ таинственный полумракъ. Изрѣдка тишину ея нарушитъ рѣзкій, непонятный крикъ,—будто плачъ ребенка, или раздастся вдругъ стонъ задавленный, глухой,—пронесется онъ далеко волной... и замолкнетъ... Народъ говоритъ: „то козакъ стогне и плаче у тисній могыли“...

Небольшой табунъ лошадей сбился въ кучу; онѣ тихо жевали, пощипывая траву, и изрѣдка нарушали тишину фырканьемъ; а поодаль лежали табунщики, завернувшись съ головой въ свитки. Еще дальше, въ бурьянѣ, сидитъ, согнувшись вдвое, едва замѣтный, табунщикъ—караульный...

На востокѣ, на горизонтѣ у самой земли, показалась сѣрая полоска свѣта; звѣзды померкли,—и все покрылось красивой полумглой...

— Пильнуй! (береги) раздался рѣзкій, сильный крикъ караульнаго... Лошади шарахнулись въ сторону и стали... Табунщики бросились по направленію крика... Послышались стоны, мольбы о прощеніи...

Сѣрая полоска неба росла и освѣтила группу табунщиковъ: они вели конокрада. Высокій, худой, безъ шапки, съ окровавленнымъ лицомъ, онъ шелъ пошатываясь, поступь его была невѣрна, руки туго связаны назади; въ одной рубахѣ, изорванной въ борьбѣ, въ короткихъ, мокрыхъ отъ росы, панталонахъ, босой—онъ рѣзко выдѣлялся изъ группы табунщиковъ. Онъ молча шелъ, не просилъ,—онъ зналъ, что въ степи просьбы и мольбы излишни, что одинъ законъ для конокрада,—законъ Линча, выражаемый въ херсонскихъ степяхъ: „собаци—собача смерть". И онъ блѣдный, помертвѣлый, съ дикимъ, блуждающимъ взоромъ, подчинялся безпрекословно, безъ сопротивленія, безъ воли. Вскорѣ у табуна остались только двое, остальные три табунщика поскакали на „Вовчій хуторъ". Среди нихъ верхомъ, со связанными руками и подвязанными подъ лошадью ногами, неловко пошатываясь, скакалъ конокрадъ, напрягая всѣ свои силы, чтобы удержаться на лошади и не упасть. Конокрадъ знаетъ, что ему грозятъ побои и смерть, и инстинктивно, напряженно, страстно удерживаетъ равновѣсіе, боится упасть и сразу покончить съ грустною жизнью...

Еще не совсѣмъ разсвѣло, какъ группа всадниковъ была во дворѣ основателя хутора, старика Тараса Вовка. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ хозяева собрались во дворъ и молча, торжественно выслушали разсказъ сыновей. Молодежь Вовкъ отправилъ обратно.

— Ведить его у мою хату. У ночи судытымемъ; теперъ николы,—сказалъ онъ, и конокрада отвели въ хату.

Всѣ разошлись, остались только Петро и Микита Утикачи, Иванъ Вильный да Кузьма Перекотыполе—батьки Вовчаго хутора.

У хатъ закопошились люди, запрягали лошадей, сбирались, несли пожитки—и чрезъ полчаса хуторъ опустѣлъ—всѣ выѣхали на отдаленный гарманъ.

Въ хатѣ въ это время молча сидѣли пять стариковъ, а у двери въ углу связанный конокрадъ.

— Ну, хлопче, мрачно прервалъ молчаніе Вовкъ, послухай насъ, а дали и мы тебе де що роспытаемъ.

— Оттутъ, на хутори я сивъ одынъ—25 годъ мынуло; богато въ мене покрадено коней и по пари и по четверо. Було й таке, що всихъ коней покрадено,—все тоди попродалы и знову купылы... Оттаке намъ робылы вы, злодіи. Кажу тоби для того, що не помылуемъ: прыймешъ смерть таку, яку заробывъ, а щобъ муки тоби не було—прызнавайся: зъ кымъ бувъ, де твои товарышы, до кого коней водышъ на продажъ? Прызнаессяне—не буде муки...

Конокрадъ приподнялся, хотѣлъ стоя что то сказать, но зашатался и сѣлъ.

— Самъ одынъ хотивъ украсты... Жыдъ у Новомыргороди навчывъ... Я тилько що утикъ одъ биднoты та неволи... николы я не кравъ, произнесъ конокрадъ хриплымъ, надорваннымъ голосомъ.

— Прызнавайсь! дикимъ, изступленнымъ голосомъ закричалъ Петро Утикачъ и ударилъ конокрада въ лицо; онъ упалъ на полъ, обливаясь кровью... Всѣ быстро встали...

Безлюдный хуторъ весь былъ облитъ теплыми лучами солнца; кругомъ вся степь привѣтливо-ярко отливала золотомъ; природа покоемъ, любовью дышала, а въ хатѣ Тараса были люди и оттуда вырывались болѣзненные стоны, смѣшиваясь съ дикими, человѣческими криками...

Вскорѣ изъ хаты вышли Вовкъ и его пріятели, оставивъ конокрада избитымъ, окровавленнымъ, въ безчувственномъ состояніи, но связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Хату заперли и уѣхали на гарманъ.

Вовкъ мрачно смотрѣлъ куда то вдаль. Загорѣлое, открытое, будто изъ бронзы отлитое, лицо было неподвижно... Молча ѣхали спутники... Никто не смотрѣлъ другъ другу въ глаза; взоры блуждали, они смотрѣли и не видѣли ни могилъ вдали, ни бѣлѣющаго гармана... Наконецъ, у Волка сорвалось, будто онъ отвѣчалъ на чей то вопросъ:

— А може й справди не злодій, утикъ зъ Кыивщины—и замолкъ.

Мысли его быстро переносились ко времени его „крепацтва“ и ясно видѣлъ онъ себя молодымъ бѣглецомъ... Это было лѣтъ 25 тому назадъ. Онъ сильный, молодой не вынесъ рабскаго ига. Побои, плети всякихъ прикащиковъ, непосильная работа на сахарномъ заводѣ была ужъ невыносима и Тарасъ бѣжалъ въ херсонскія степи. Минуло уже почти четверть вѣка, какъ онъ укралъ свою Оксану—тоже „крепачку“,—привезъ ее и поставилъ „мазанку“ (глинобитный домикъ) въ степи, далеко отъ жилья,—это была первая хата „Вовчого“ хутора. Затѣмъ еще и еще бѣжали и селились около него, и теперь одиннадцать хатъ вольныхъ людей жили въ довольствѣ, трезво и честно, платя аккуратно и за землю, и набѣгающему изрѣдка засѣдателю—за спокойствіе. Всѣ уже приняли другія фамиліи и Тарасъ Спивака, а по степному Вовкъ, обжился и сталъ забывать крѣпостничество и плети, его спутники... Но этотъ воръ, душегубъ, да хуже душегуба—этотъ конокрадъ живо вызвалъ въ немъ всѣ воспоминанія о пережитыхъ имъ страданіяхъ, мукахъ и радостяхъ, и—все это злило Тараса. Онъ невольно чувствовалъ что то общее въ ихъ судьбѣ; онъ отгонялъ эти воспоминанія; но они неотвязно лѣзли одно за другимъ. Какъ будто жалость шевельнулась въ немъ,—и онъ еще больше озлился и послалъ вслухъ, громко сильное ругательство...

Они пріѣхали къ гарману, застали тамъ работу въ разгарѣ и сами горячо принялись отгребать пшеницу и кидать снопы. Вовкъ, несмотря на свои лѣта, усердно и съ какимъ то озлобленіемъ кидалъ солому, онъ весь хотѣлъ уйти въ работу,—но это ему не удавалось. Часто онъ останавливался и, опершись на вилы, безцѣльно засматривался въ даль; взоръ блуждалъ, переходилъ съ предмета на предметъ, и замѣтно было, что онъ смотритъ, но не видитъ.

— Эге! выдко, що дидови Тарасу иде не до Велыкодня, а до Риздва; выдко, що дидъ нашъ старіе,—говорило между собою молодое поколѣніе, замѣтивъ постоянныя остановки Тараса.

Но Тарасъ не слыхалъ, — онъ какъ будто зажилъ новой жизнью. *Это* было для него ново. Жить внѣ коней, пшеницы,

оранки, сѣянки, внѣ мыслей о дождѣ и засухѣ, внѣ обычной жизни, волноваться *чѣмъ то*, безпокоиться, думать о томъ что минуло четверть вѣка назадъ — все это и не привычно и тяжело.

Это *что то* волновало, тревожило его и онъ, отерши струившійся со лба потъ, перекрестился. Несомнѣнно, что онъ этого и не замѣтилъ, что это было непроизвольно. Вѣдь онъ всегда крестился, когда ему бывало тяжело: крестился при поднятіи перваго снопа, крестился, принимаясь вытаскивать повозку изъ рытвины, сани изъ сугроба... Ему и теперь тяжело было... Но вотъ раздался звонкій голосъ его племянницы, за нимъ подхватилъ другой, третій—и всѣ слились въ стройное пѣніе заунывной, вольной украинской пѣсни... И полились ея чудныя звуки волною далеко, далеко по ровной степи, такіе же широкіе, вольные, какъ и она, вѣчно ровная, богатая, вѣчно таинственная...

Пѣсня льется и работа кипитъ. Тарасъ будто проснулся и горячо принялся за солому и пшеницу.

А на хуторѣ въ это время все было тихо. Солнышко пригрѣло и освѣтило одиннадцать разбросанныхъ по балкѣ хатъ, такихъ чистыхъ. бѣлыхъ... По дворамъ куры кудахтали, да пѣтухъ нарушалъ тишину, клюя носомъ въ какую то дрянь и съ солиднымъ видомъ подзывая своихъ подругъ, вѣчно довѣрчиво поддающихся обману своего главы, да куча дѣтей въ крайнемъ дворѣ суетливо возводила постройки изъ пыли и навозу. Они всѣ собрались сюда, кричали и бѣгали;—часть возилась, съ самымъ озабоченнымъ видомъ, около стана колесъ, а хлопчики поменьше—любовались своими постройками. Бѣлоголовые, босые, въ однѣхъ рубахахъ они издали напоминали собою возню муравейника.

Въ запертой хатѣ Вовка тоже было тихо. Степанъ (такъ звали конокрада) очнулся было и опять впалъ въ безпамятство, тяжело дыша. Ничто не нарушало тишины, только сверчокъ трещалъ изъ угла, да на печкѣ по временамъ раздавался шорохъ чего то движущагося. Въ простѣнкѣ, между печкой и трубой

блестѣли чьи то глазки. Присмотрѣвшись, можно было замѣтить дѣвочку лѣтъ 7—8. Она, съежившись, прижалась вся въ уголокъ и, затаивъ дыханіе, со страхомъ и любопытствомъ смотрѣла внизъ на связаннаго Степана. Ея каштановые волосы спустились на выпуклый, красивый лобикъ и ярко оттѣняли большіе, каріе глаза. Глаза эти были не дѣтскіе. Страхъ ли подѣйствовалъ на нее, жалость ли непомѣрная, но смотрѣли они какъ то далеко, глубоко. Необыкновенная невинность, чистота, что то доброе, масса жалости виднѣлись въ этой согнувшейся фигуркѣ... Степанъ очнулся. Безсвязно что то прошепталъ и среди всего этого явственно было слышно „воды... пить!"

Дѣвочка вздрогнула и быстро слѣзла съ печи. Она подала Степану кружку съ водою и онъ жадно припалъ къ ней запекшимися губами.

Первый страхъ прошелъ, и Оленка присѣла недалеко отъ связаннаго. Онъ былъ въ забытьи. Много разъ онъ какъ бы просыпался и просилъ пить, и дѣвочка съ охотой подавала ему воду. Наконецъ, онъ совершенно оправился, тихо приподнялся—Оленка испуганно отбѣжала....

— Не бійся менè, сказалъ онъ... и у мене ӥе диты... я лышывъ (оставилъ) дома таку жъ дивчыну.. якъ и ты.... тепèръ.... тепéръ... вонà сыротòю бýде.... и замолкъ.

Что онъ еще говорилъ, о чемъ шла бесѣда вора и случайно оставленной въ хатѣ дѣвочки—мы не знаемъ; но когда вечеромъ вернулся Вовкъ съ сотоварищами,—Степанъ сидѣлъ уже развязанный въ углу, на скамейкѣ, а изъ за печи сверкали тѣ же добрые, жалостливые глазки.

Вовкъ усѣлся въ концѣ стола—„на пóкути",—а кругомъ братья Утикачи, Вильный и Перекотыполе. Молча, торжественно сидѣли эти старики. Слабый, часто вспыхивающій красноватый свѣтъ „каганцà" (каганèць — свѣтильникъ, родъ плошки) освѣщалъ ихъ строгія лица; но глазъ за нависшими бровями не было видно: они не смотрѣли другъ на друга, не смотрѣли они и на Степана. Быть можетъ, если бы хотя одинъ изъ нихъ взглянулъ на него, то смягчились бы ихъ загрубѣлыя сердца: онъ былъ смертельно блѣденъ, глаза испуганно, потерянно,

съ мольбой во взорѣ перебѣгали съ одного лица на другое.... Но напрасно: лица эти были мертвы.

Вовкъ вынулъ короткую трубку, медленно набилъ её и закурилъ. Досталъ и Утикачъ „гаманѐць" (кисетъ), набилъ „люльку" (трубку) и долго, долго сосредоточенно кресалъ огонь. Уже давно губка горѣла, а онъ всё ожесточенно цокалъ кресаломъ о кремень.

— Ну, гòди! сказалъ Вовкъ взволнованнымъ голосомъ. Среди тишины онъ прозвучалъ рѣзко. Всѣ встрепенулись, а Степанъ вздрогнулъ и крѣпко, крѣпко прижался къ стѣнѣ....

—Умѝвъ крàсты—умій и умирàты... Пора.... Якъ же бýде, панòве—громàдо? спросилъ Вовкъ.

— А такъ й бýде: собàци—собача смерть.

— Вы́везты, — та кыйкàмы (палками) забы́ты — проговорили судьи и всѣ замолкли.

Вовкъ вынулъ изо рта люльку, выбилъ медленно о каблукъ золу и тихо приподнялся... Онъ сталъ лицомъ къ иконѣ и перекрестился.... Всѣ сдѣлали тоже...

— Ну! молысь й ты, поидемъ у степъ, заговорилъ Вовкъ къ Степану и сталъ тихо выходить изъ за стола.... Молча приподнялись его сотоварищи.... Но въ это время, неожиданно, послышался шорохъ и стукъ чего то спрыгнувшаго съ печи... Всѣ вздрогнули и обернулись: у печи стояла Оленка блѣдная; очи горѣли и она прямо смотрѣла на Вовка.

— Диду! простить ёго!.... у ёго дѝты йе.... малѐньки диты.... простѝть!... проговорила, запинаясь, Оленка.

Вовкъ вздрогнулъ, схватился рукою за столъ, брови его гнѣвно сдвинулись, и онъ, молча, какъ бы обезсилѣвъ, опустился на скамейку.....

Всѣ сѣли.

Тихо, тихо стало въ хатѣ.....

Неловкое и долгое молчаніе прервано было Утикачемъ: онъ полѣзъ въ карманъ за люлькой. Долго, долго рылся онъ, но не нашелъ и выругался:

— Чортъ... его батька... знае...

— Ось де, у мѐне люлька, сказалъ Вильный и быстро подалъ свою.

Перекотыполе почему то понадобилась шапка: онъ усердно искалъ её вокругъ себя, подъ лавку даже заглянулъ и что то бранное пробурчалъ; а Никита Утикачъ, издавна отличавшійся нескладностью рѣчи, почему то счелъ своевременнымъ замѣтить: „а пшениця цей... рикъ... дòбра“. И всѣ замолкли....

— Що жъ панòве?... тихо, съ трудомъ произнёсъ Вовкъ.... Хыбà (развѣ)....

— Эгè жъ...

— А то якъ же?

— Усè одъ Бога, Винъ про те знае... сразу перебили судьи Вовка.

— Такъ пусты́ть? спросилъ онъ нерѣшительно.

— А то жъ?—пустыть, пустыть!... Нехай ёго Богъ простыть!.. Молысь Богу!... весело заговорили судьи.

Но рѣчи ихъ прервалъ шумъ грузно упавшаго тѣла: Степанъ безъ чувствъ лежалъ на полу.

Прошелъ годъ, и „Вовчій“ хуторъ жилъ всё тою же мирною, покойною жизнью степняковъ — „хлиборобовъ“, — только вмѣсто одиннадцати хатъ, ихъ было уже двѣнадцать. Двѣнадцатая, новая прилѣпилась съ краю балочки, на самомъ обрывѣ ея. Притомъ, вопреки обычаю, тамъ самой дорогой гостьей бывала внучка Тараса—дѣвочка Оленка. Тарасъ Вовкъ всё такой же, такъ же любитъ послушать пѣсни молодежи и разсказы сѣдоусыхъ товарищей,— только чаще сталъ хитро улыбаться и при встрѣчѣ съ хозяиномъ новой, двѣнадцатой хаты, Степаномъ, говаривалъ улыбаясь:

— А щобъ тебè Богъ любывъ!... Здòрово я *тоди* употивъ [1])...

Дмитрій Марковичъ.

[1]) Сильно я тогда вспотѣлъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго [1]).

Моя портретная галлерея.

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Саади нѣкогда сказалъ.

Внося въ свои „Воспоминанія“ послѣднее сказанье о гимназіи, не могу отказать себѣ въ удовольствіи поговорить на прощанье о неразлучныхъ спутникахъ пройденнаго мною пути. Мнѣ пріятно возобновить въ памяти нѣкогда дорогіе образы товарищей и пожить съ ними мысленно тою задушевною жизнію, какою жилось лѣтъ 45 тому назадъ.

До окончанія гимназическаго курса дотянули весьма немногіе изъ насъ. Восходя, какъ по крутой лѣстницѣ, все выше и выше къ вожделѣнному VII классу, мы съ каждымъ годомъ теряли ихъ десятками, такъ что до конца курса насъ осталось всего лишь 14 человѣкъ.

Константинъ Дмитричъ Ушинскій (1824—1870). Въ 1835 году въ III классъ преобразованной семиклассной гимназіи поступилъ изъ домашняго приготовленія новичокъ, обратившій на себя вниманіе всего класса какъ привлекательною наружностію, такъ и своимъ почти дѣтскимъ возрастомъ: ему было неполныхъ 12 лѣтъ. Это былъ нашъ будущій педагогъ К. Д. Ушинскій, „осушившій дѣтскія слезы, ручьями лившіяся въ первыхъ рутинныхъ школахъ“, котораго „Родное слово“ и „Дѣтскій міръ“ сдѣлались

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 7, іюль.

незамѣнимыми учебниками и въ роскошныхъ палатахъ богача-аристократа и въ курной избѣ бѣдняка-крестьянина.

Предоставляя будущему біографу[1]) оцѣнить по достоинству его педагогическіе и ученые труды, я коснусь лишь моихъ личныхъ отношеній къ нему, какъ соученику-товарищу по гимназіи [2]).

Въ годъ поступленія Константина Дмитрича въ гимназію почти половина учениковъ III класса принадлежала, какъ мы видѣли, къ аборигенамъ заведенія, прошедшимъ всѣ мытарства повѣтоваго училища и попавшимъ въ гимназію совершенно случайно, благодаря лишь введенію устава 1828 года. Они представляли своеобразный типъ, сходный отчасти съ тѣмъ, который обрисованъ Помяловскимъ въ „Очеркахъ бурсы". Изъ подъ розогъ Каменскаго, да изъ подъ паль Игнатьева иными они и не могли выйти; это были антики во всей первобытной ихъ дикости, съ крайне демократической закваской. Счастливцевъ, подобныхъ К. Д—чу, которые, минуя повѣтовое училище, попадали прямо въ гимназію, между нами было весьма немного: то были дѣти достаточныхъ дворянъ, имѣвшихъ возможность приготовить въ гимназію мальчика посредствомъ домашняго учителя, тогда какъ для бѣдняковъ—плебеевъ хожденіе по мукамъ было неизбѣжно.

На новичка Костю, мальчика женственно-деликатнаго сложенія, всегда чистенько одѣтаго, наши 18—20 лѣтніе „молодцы", съ перваго же дня его поступленія въ ихъ общество, посмотрѣли косо и стали чинить ему разныя гадости. Дѣйствительно, по своей наружности К. Д—чъ рѣзко отличался отъ взрослыхъ товарищей и выглядѣлъ между ними кровнымъ аристократикомъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Отецъ его, Димитрій Григорьевичъ, воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона, принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ малороссійскихъ фамилій. Служилъ онъ сперва по гражданскому вѣдомству, потомъ въ 1801 году поступилъ въ формировавшійся тогда дворянскій полкъ, а оттуда въ уфимскій, съ которымъ и

[1]) До сихъ поръ появился въ печати лишь „Краткій біографическій очеркъ" Фролкова, Спб. 1881 г. съ портретомъ.

[2]) Бѣглыя замѣтки о дѣтствѣ Ушинскаго сообщены мною редакціи „Народной школы" прежде (см. „Народн. школа" 1874 г. № 4).

участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. По окончаніи военныхъ дѣйствій, онъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

По воспитанію, по связямъ и по домашней обстановкѣ Д. Г—чъ былъ значительнымъ лицомъ въ городѣ между проживавшими тогда въ немъ дворянами. Домъ его, на возвышенномъ берегу Десны, въ самомъ концѣ города, подлѣ церкви Покрова, имѣлъ видъ барской усадьбы—съ обширнымъ дворомъ, службами и фруктовымъ садомъ, окаймленнымъ тѣнистыми липами и дубами, изрытымъ переполненными зеленью оврагами; но, несмотря на то, что Д. Г—чъ владѣлъ сотнею десятинъ пахатной земли и 30 крѣпостными, состояніе его было не изъ блестящихъ.

Въ 1835 году онъ овдовѣлъ, а въ 1837-мъ женился во второй разъ въ шостенскомъ пороховомъ заводѣ на сестрѣ генерала Гербеля, послѣ чего кругъ его знакомства еще болѣе расширился. У него часто бывали гости, большею частію военные.

Въ 1840 году Д. Г—чъ былъ избранъ уѣзднымъ судьею и, судя по одному факту, нисколько не походилъ на тогдашнихъ Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ [1]).

При такой обстановкѣ росъ и воспитывался К. Д—чъ. Родился онъ отъ первой жены Д. Г—ча, урожденной Капнистъ. Первыя основы будущаго педагога были положены прочно и серьезно и этимъ онъ, какъ кажется, былъ обязанъ своей матери, о которой онъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ самой горячей любви. Хорошо составленная библіотека отца, большею частію находившаяся въ полномъ распоряженіи сына, безъ сомнѣнія, много способствовала развитію въ ребенкѣ съ ранняго возраста любви къ чтенію.

Живя дальше всѣхъ насъ отъ гимназіи, на противоположномъ концѣ города, К. Д—чъ большею частію ходилъ въ классъ пѣшкомъ, такъ какъ улицы нашего городка, по причинѣ гористой мѣстности,

[1]) Въ 1843 году, будучи студентомъ, я имѣлъ дѣло въ судѣ. Надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, не получая отъ меня прилагательнаго, цѣлую недѣлю кормилъ меня завтраками. Я отправился къ судьѣ съ жалобой. Д. Г—чъ, посадивъ меня на дрожки, привезъ въ судъ и послалъ сторожа за Терлецкимъ, который, по случаю праздника, въ то время ловилъ за рѣкой раковъ. Его привезли пьянаго и судья приказалъ ему выдать документъ, крѣпко намыливъ ему голову.

не во всякое время года удобны для ѣзды, особенно для живущихъ на Заручьѣ. Мальчику ежедневно приходилось прошагать туда и обратно около 6 верстъ; но онъ любилъ этотъ длинный путь, идущій по живописному крутому берегу Десны, черезъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ Покровщины и не разъ плакалъ, если ему почему либо приходилось одну или двѣ ночи провести въ городѣ. „Я бѣжалъ изъ гимназіи домой, писалъ онъ впослѣдствіи: какъ будто меня тамъ ждало нивѣсть какое сокровище“. Такъ какъ я жилъ почти на половинѣ его пути, то, возвращаясь изъ гимназіи домой постоянно вмѣстѣ, мы скоро подружились.

Въ 1835 году 12-лѣтній Костя засталъ меня въ III классѣ, если не самымъ старѣйшимъ аборигеномъ, то все таки цѣлыми тремя годами старше себя. Несмотря, однакожъ, на такое неравенство лѣтъ, К. Д., по своей развитости и по своимъ быстрымъ способностямъ, не уступалъ въ ученіи не только мнѣ, но и тѣмъ, которые были почти вдвое старѣе его.

Примыкая по семилѣтнему пребыванію въ школѣ больше къ великовозрастнымъ, я тоже на первыхъ порахъ косился на Костю, не поддаваясь сближенію съ „панычемъ“, хотя меня сразу очаровалъ этотъ умный и красивый мальчикъ: меня тянуло къ нему, такъ сказать, противъ воли. При всемъ томъ, только тогда, когда я вполнѣ увѣрился, что душевныя его качества не менѣе симпатичны, что онъ, напр., нисколько не гордился своими сословными преимуществами, удостоивая бесѣды моихъ родныхъ и раздѣляя иногда со мной мой простой завтракъ, когда случалось ему уйти изъ дому безъ чаю,—только тогда я съ нимъ сблизился, рискнувъ даже утратить чрезъ то расположеніе старыхъ товарищей, не перестававшихъ относиться къ Костѣ съ недоброжелательствомъ за его благовоспитанность, которая мѣшала имъ втянуть новичка въ свою среду и навязать ему нравы и обычаи, усвоенные ими въ „чистилищѣ“. Но такъ какъ я пожертвовалъ ихъ дружбой не изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ, а чисто по сердечному влеченію, то такая измѣна не имѣла для меня чувствительныхъ послѣдствій, въ родѣ потасовки. Впослѣдствіи, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ и далѣе, идя дружно впередъ, мы каждый годъ роняли на

своемъ пути этихъ ватажковъ классныхъ, такъ что не только до 7-го, но и до 5-го класса ни одному изъ нихъ не удалось добраться.

Бесѣды наши съ Костей не всегда ограничивались однѣми школьными дрязгами, мы часто разсказывали другъ другу о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Все, что онъ передавалъ мнѣ объ образѣ жизни своихъ родныхъ и знакомыхъ отца, для меня было совершенно ново, тамъ, въ этомъ недоступномъ для меня кругѣ, все было не похоже на бѣдную обстановку той среды, въ которой протекало мое невеселое дѣтство. Равнымъ образомъ все, что я сообщилъ Костѣ о себѣ, въ такой же степени интересовало его. Дружба наша росла съ лѣтами. Несмотря, однакожъ, на такое сближеніе, въ домѣ у него я не бывалъ въ качествѣ гостя: по своей застѣнчивости и неразвязности я боялся туда проникнуть. За то онъ бывалъ у меня очень часто. Я посвятилъ его во всѣ таинства охоты и уженья— удовольствія, до знакомства со мной ему совершенно чуждыя. Катанье на лодкѣ онъ до того полюбилъ, что, оставаясь часто въ гимназіи до начала послѣобѣденныхъ уроковъ вмѣстѣ съ другими, далеко живущими товарищами онъ принималъ дѣятельное участіе въ снаряженіи преинтересной флотиліи на сосѣдней лужѣ, при чемъ доски съ монастырскаго забора служили проказникамъ для устройства плотовъ. Охоты съ ружьемъ К. Д. не взлюбилъ съ перваго же разу, не могши понять удовольствія „убивать бѣдныхъ птичекъ“. Эта черта въ характерѣ К. Д—ча, свидѣтельствующая о чрезвычайной мягкости его натуры, осталась въ немъ до смерти: онъ не позволялъ своимъ дѣтямъ убивать пойманную мышь, заставляя ихъ выпускать ее на волю.

Впрочемъ, главною цѣлію нашихъ частыхъ экскурсій за городъ и за Десну была не охота, или рыбная ловля, „а воля, просторъ, природа, прекрасныя окрестности города, душистые овраги, колыхающіяся поля“. Эти то поэтическія прогулки наши глубоко запечатлѣлись въ памяти будущаго педагога и не разъ вызывали въ душѣ его живѣйшія воспоминанія; имъ онъ придавалъ впослѣдствіи великое воспитательное значеніе.

„Я вынесъ, говоритъ онъ, изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно

соперничать вліянію педагога, что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысль и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ".

Природа и свобода, по его мнѣнію, два великіе фактора въ воспитаніи юноши. „Боже мой! говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ Десною!"

Каждый годъ, съ приближеніемъ экзамена, мой пріятель испытывалъ сильную тревогу. По нѣкоторымъ предметамъ,—какъ напр. по исторіи у М. Г. Ерофѣева, который отъ всей души презиралъ учебникъ Кайданова, диктуя намъ урокъ изъ нѣмецкой книжки и по математикѣ,—мы учились по запискамъ, каковыхъ никогда у Кости не водилось, а если и были какіе нибудь клочки, то и тѣ горничныя истребляли на папильотки. Онъ вовсе не способенъ былъ къ усидчивому и кропотливому труду. Дома ему часто мѣшали заниматься гости и домашніе, такъ что, прійдя въ классъ, наскоро бывало пробѣжитъ урокъ, или прослушаетъ какъ другой читаетъ, а придется до дѣла, отвѣчаетъ учителю лучше просидѣвшихъ за книгой до полуночи. Онъ постоянно приставалъ ко мнѣ, чтобы готовиться къ экзаменамъ съ нимъ вмѣстѣ, но я долженъ былъ ему часто въ этой просьбѣ отказывать, а тѣмъ болѣе идти къ нему для того на Покровщину: у меня, кромѣ своихъ собственныхъ занятій, были еще репетиціи съ учениками, доставлявшія мнѣ хлѣбъ насущный; не могъ же я, ради дружбы, оставить дѣтей безъ присмотра.

Въ послѣднихъ двухъ классахъ у насъ какъ то вошло въ моду „заниматься самостоятельно", помимо классныхъ уроковъ, особенно новѣйшими иностранными языками, потому что на нашихъ французовъ и нѣмцевъ тогда, какъ и теперь, полагаться слишкомъ рискованно. Когда мы были въ VI классѣ, К. Д., по его словамъ, спеціально занимался нѣмецкимъ языкомъ. Онъ сталъ приносить въ гимназію нѣмецкихъ авторовъ и какой то нѣмецкій журналъ, получаемый мачихой, и къ удивленію нашему сразу приступилъ

къ чтенію по нѣмецки безъ помощи словаря. Убѣдившись собственнымъ опытомъ, какъ трудно нашему брату достигнуть такого совершенства въ знаніи иностраннаго языка и зная притомъ степень подготовки Ушинскаго, мы, несмотря на то, что у него дома была учительница, настоящая нѣмка, усумнились въ его непомѣрно быстрыхъ успѣхахъ и стали надъ нимъ подтрунивать; нѣкоторые острили, что онъ, желая пустить пыль въ глаза товарищамъ, прежде всего самъ себя надуваетъ, показывая видъ, что понимаетъ что нибудь въ твореніяхъ Шиллера и Гете. Сознавая справедливость такихъ замѣчаній со стороны товарищей, я, по дружески, сталъ говорить Костѣ о его неумѣстной мистификаціи, на что онъ мнѣ тономъ убѣжденія сказалъ, что онъ не только самъ не перестанетъ читать безъ лексикона, но и мнѣ совѣтуетъ дѣлать тоже.

— Да какъ же я стану читать книгу, не зная многихъ словъ? возразилъ я ему.

— Это, говорилъ онъ, ничего, что нѣкоторыя слова останутся тебѣ неизвѣстными—ты читай дальше. Понявши слѣдующую мысль, поймешь и предъидущую.

Мой пріятель и тутъ остался вѣренъ самому себѣ: не привыкши къ усидчивому труду, онъ не любилъ „возиться съ лексиконами“, а пользуясь довольно ограниченнымъ запасомъ словъ и не справляясь съ грамматикой, прямо отъ перевода нѣмецкой христоматіи, съ помощію словаря, перешагнулъ къ чтенію авторовъ.

Получивъ такимъ образомъ возможность читать больше и притомъ лучшихъ иностранныхъ писателей, Ушинскій уже въ эти годы сталъ надъ многимъ задумываться. Постоянное чтеніе, безъ разумнаго руководства, слишкомъ рано и сильно развило въ немъ мечтательность.

Дѣйствительно, на него по временамъ нападала хандра: онъ становился то задумчивымъ, то раздражительнымъ; въ спорахъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія. Заложивъ руки въ карманы, ходилъ онъ по классу, бросая по временамъ презрительно-насмѣшливые взгляды на суетившихся передъ уроками товарищей. Такая эксцентричность Кости Ушинскаго тоже была предметомъ остротъ со стороны товарищей, которыхъ не могло не задѣвать такое пренебреженіе къ нимъ. Его дразнили за то „ученѣйшимъ и философомъ“.

Что касается меня лично, то я прощалъ ему все; неровное обращеніе со мною меня не сердило; я терпѣливо переносилъ его сарказмы и важничанье.

Придетъ онъ бывало ко мнѣ и, не поздоровавшись, прямо отправляется въ садъ, ляжетъ подъ яблоней, заложивъ руки подъ голову и устремивъ свои черные блестящіе глаза въ безпредѣльную небесную синеву и остается въ такомъ созерцательномъ положеніи иногда цѣлый часъ, а я сижу себѣ въ комнатѣ и не подхожу къ нему, сдѣлавъ видъ какъ будто вовсе не замѣчаю. Соскучившись одинъ, мой Костя приходилъ ко мнѣ самъ въ комнату и, поигравши со мною въ молчанку, мало по малу разговорится и, какъ ни въ чемъ не бывало, повеселѣетъ. О томъ, что роилось въ горячей головѣ юноши въ такія грустныя минуты, онъ мнѣ ничего не говорилъ, да едва ли и можетъ сказать что нибудь юноша о своихъ неясныхъ, безотчетныхъ грезахъ, когда впервые пробуждается въ немъ мысль и чувство.

Гимназическій курсъ близился къ концу. Если до сихъ поръ моему Костѣ счастливо сходили съ рукъ переводные экзамены, то окончательныя испытанія, когда приходилось отдать отчетъ со всего гимназическаго курса, не могъ не показаться страшнымъ даже такому даровитому ученику, какимъ всѣ считали Ушинскаго. По нѣкоторымъ предметамъ мы стали прилежно готовиться вмѣстѣ—то у меня въ квартирѣ, то у него во флигелѣ или въ саду. Къ сожалѣнію, онъ увидѣлъ всю опасность своего положенія передъ самими экзаменами, когда было уже слишкомъ поздно помочь бѣдѣ: ему не дали аттестата.

Не падая духомъ, Костя сталъ собираться въ Москву держать вступительный экзаменъ въ университетъ.

— Я имъ докажу, говорилъ онъ, при прощаньи со мною, объ учителяхъ, что стóю аттестата больше чѣмъ какой нибудь Лазарь Фесенко или гуляка Шабловскій.

Если, вслѣдствіе постигнувшаго его фіаско, К. Д—чъ вынесъ изъ гимназіи чувство досады и озлобленія на нѣкоторыхъ педагоговъ, то въ душѣ его навсегда осталось глубокое чувство признательности къ обожаемому имъ директору Тимковскому. Спустя много лѣтъ послѣ выхода изъ гимназіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ К. Д—чъ, воспоминая о Тимковскомъ, пишетъ слѣдующее:

„Миръ праху твоему почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ“.

Еще задолго до начала экзаменовъ изъ Харькова, изъ Кіева и изъ Москвы стали приходить восторженныя письма отъ студентовъ сѣверянъ. Каждый выхвалялъ свой университетъ. Но всѣхъ краснорѣчивѣе расписывалъ бѣлокаменную Семенъ Савичъ Глотовъ—студентъ-артистъ, хористъ и аферистъ. Еще будучи гимназистомъ, Савичъ отличался необыкновенною способностію къ пейзажной живописи, срисовавъ à vol d' oiseau весь городъ и славился эффектнымъ произнесеніемъ стиховъ на торжественныхъ актахъ. Поступивъ въ московскій университетъ, онъ сдѣлался отъявленнымъ меломаномъ по театральному искусству и несмѣняемымъ посѣтителемъ райка, произносилъ съ великимъ паѳосомъ знаменитые монологи изъ Уголино и Гамлета, стараясь превзойти въ декламаціи самаго Мочалова. Почти половину изъ окончившихъ со мною курсъ онъ склонилъ на свою сторону; другая половина направилась въ Харьковъ; на мою долю остался Кіевъ и то потому, что выборъ для меня былъ немыслимъ.

Надобно знать, что гимназія наша, славившаяся въ достопамятное управленіе ею Тимковскимъ, за два года директорства Батаровскаго, который задался несчастною мыслію „вывести тимковщину“, уже успѣла пасть во мнѣніи всѣхъ университетовъ и нашихъ сѣверянъ стали подвергать вступительному экзамену съ большою строгостію, недовѣряя гимназической аттестаціи; но несмотря на то, К. Д—чъ выдержалъ экзаменъ удовлетворительно.

Въ Москвѣ, съ распростертыми объятіями, ждалъ дорогихъ гостей Сеня Глотовъ. Онъ обязательно предложилъ имъ свои услуги по части найма квартиры и убѣдилъ ихъ отдать ему на сохраненіе всѣ привезенныя ими съ собой деньги. Обрадованные такой услужливостію провинціалы ввѣрили ему свои тощіе капиталы. Получивъ деньги, Савичъ изчезъ; пропадалъ гдѣ то цѣлую недѣлю и явился къ своимъ любезнымъ землякамъ безъ гроша. Благодаря этому плуту,

наши сѣверяне, а въ ихъ числѣ и К. Д—чъ, на первыхъ же порахъ испытали большую нужду.

Разставшись съ К. Д. Ушинскимъ въ 1840 году, я совершенно потерялъ его изъ виду и не зналъ, что съ нимъ до тѣхъ поръ, пока имя его не стало извѣстнымъ въ печатномъ мірѣ. Слыша и читая о его педагогической дѣятельности, я радовался его успѣхамъ и по истинѣ гордился такимъ товарищемъ. Зналъ я и о томъ, что онъ женился счастливо и что по временамъ онъ пріѣзжалъ лѣтомъ въ родное имѣніе своей жены въ деревню Богданку (Дорошенковъ хуторъ тожъ), въ 15 верстахъ отъ Новгородсѣверска, за Десной; но мнѣ не приходилось въ то время бывать на родинѣ и я ни разу не видался съ нимъ до самой его смерти.

Подробности случившейся въ его семьѣ катастрофы переданы мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Жена его съ дѣтьми пріѣхала на хуторъ въ началѣ каникулъ. Старшій сынъ Павелъ, вырвавшійся на волю послѣ окончанія военной гимназіи, съ увлеченіемъ предался сельскимъ удовольствіямъ—охотѣ, катанью на лодкѣ и т. п. У него было собственное ружье, заряжавшееся съ казенной части, купленное за границей и револьверъ. Однажды пріѣхали въ Богданку знакомые сверстники дѣтей, и погостивши нѣсколько дней на хуторѣ, всѣ вмѣстѣ отправились на линейкѣ въ м. Воронежъ. Паша навѣсилъ на себя всѣ свои охотничьи принадлежности: сумку, пистонницу, револьверъ и ружье. Подъѣзжая къ Воронежу, онъ соскочилъ зачѣмъ то съ линейки—сумка ударилась объ револьверъ, отчего послѣдовалъ выстрѣлъ, пуля попала въ бокъ, пошла вверхъ и засѣла въ плечѣ. Дали знать несчастной матери, которая и привезла едва живаго сына въ Богданку. Чрезъ нѣсколько часовъ его не стало. На другой день въ полдень его похоронили, а ввечеру пріѣхалъ отецъ. Поздоровавшись съ семействомъ, онъ спросилъ о Пашѣ, ему сказали, что онъ спитъ во флигелѣ, утомившись на охотѣ. На другой день К. Д. всталъ, по обыкновенію, очень рано и вышелъ на балконъ, съ тѣмъ, чтобы идти во флигель, по пути отъ прислуги узналъ о случившемся и упалъ въ обморокъ...

Въ это самое время мнѣ случилось быть на родинѣ. Еще въ городѣ я узналъ, что К. Д. пріѣхалъ въ свою деревню.

Ну, слава Богу! наконецъ то мы увидимся ровно черезъ 30 лѣтъ. Если

для друга, по пословицѣ, семь верстъ не околица, то не заѣхать къ товарищу, когда почтовая дорога проходитъ мимо воротъ его дома было бы непростительно неловко. И что же? Пріѣзжаю на богдановскую станцію и узнаю, что два дня тому назадъ случилась печальная катастрофа.

Хорошо или дурно я поступилъ, но я не имѣлъ духу заѣхать къ старому пріятелю въ *такую* минуту.

Поровнявшись съ домомъ, я велѣлъ ямщику ѣхать шагомъ, видѣлъ своего дорогаго Костю въ бѣлой фуражкѣ быстро шагавшимъ по комнатѣ, понуривъ голову [1])...

Да укрѣпитъ и утѣшитъ тебя Господь! проговорилъ я почти вслухъ, а я плохой утѣшитель страждущихъ... Да и нуждались ли осиротѣвшіе люди въ чьемъ бы то ни было утѣшеніи?...

Потеря любимаго сына неблагопріятно отозвалась какъ на здоровьѣ К. Д—ча, такъ и на его душевномъ состояніи. Онъ умеръ въ томъ же 1870 году въ Одессѣ.

Тѣло его перевезено въ Кіевъ и похоронено въ Выдубицкомъ монастырѣ, подъ огромнымъ каштановымъ деревомъ, на берегу Днѣпра.

Михаилъ Семеновичъ Горяиновъ, двоюродный братъ Г—ва, отставшаго отъ насъ съ VI класса, по болѣзни,—втеченіе почти всего гимназическаго курса, начиная съ 3-го класса, удерживалъ всегда второе мѣсто послѣ своего даровитаго земляка, хотя правду сказать, онъ никогда не считался, въ кругу товарищей, звѣздою первой величины, свѣтя, такъ сказать, не собственнымъ, а заимствованнымъ свѣтомъ.

Чрезвычайно мнительный насчетъ своего здоровья, онъ вѣчно жаловался на боль въ груди, твердя одну и туже пѣсню: „Богъ меня убей, цѣлую ночь не спалъ“.

Добрѣйшая душа, славный товарищъ, любимецъ всего класса, никогда никого не оскорбившій даже словомъ.

Окончивъ харьковскій университетъ по факультету юридическому, онъ служилъ довольно долго въ Рязани въ должности члена окружнаго суда; потомъ переведенъ былъ въ Тулу, гдѣ и умеръ года три тому назадъ.

---

[1]) Домашніе слышали, какъ онъ рыдалъ при этомъ, какъ онъ кричалъ: „Паша! Паша! не можетъ быть“!.. Эти слова онъ не разъ повторялъ и впослѣдствіи.

Левушка Павловскій, репетиторъ инспекторскихъ пансіонеровъ и потому обязанный подавать собой примѣръ благонравія, прилежанія и образцовой аккуратности. Вѣчно остриженный подъ гребенку, по образу и по подобію самого инспектора, который, обходя классы, чтобы не мѣшать преподавателю, часто дѣлалъ замѣчанія одними жестами, напр. если нужно было напомнить ученику, что ему пора остричься, онъ показывалъ только на свою голову, дѣйствительно въ семъ отношеніи образцовую. Левушкѣ дали прозвище „товкачъ", потому что онъ постоянно товкся, т. е. суетился, а при выдачѣ урока моталъ головой. Онъ былъ мало даровитъ и потому работалъ до одуренія. Хотя по занимаемому имъ положенію въ домѣ инспектора, онъ имѣлъ полную возможность пакостить товарищамъ, но при самомъ тщательномъ изслѣдованіи его дѣйствій, не замѣчено ничего, что бы изобличало въ немъ инспекторскаго наушника. Другой на мѣстѣ Левушки не выдержалъ бы и поддался искушенію, а онъ устоялъ, и за это мы его любили, хотя и не могли удержаться отъ смѣху при его эксцентрическихъ выходкахъ.

Сидитъ онъ бывало обыкновенно на первой скамьѣ, съ краю, какъ струна, готовый ежеминутно вскочить съ мѣста, стремительно, въ одинъ пріемъ, словно подтолкнутый снизу пружиной; вперитъ глаза въ учителя, какъ бы желая вскочить ему въ ротъ и будучи спрошенъ, не говоритъ обыкновенно спокойнымъ тономъ, а кричитъ во всю мочь, мотаясь во всѣ стороны и топчась ногами, то сбиваясь и путаясь, то поправляясь, какъ будто боясь, чтобы не остановили его на половинѣ отвѣта. Отъ такой торопливости и самые отвѣты Левушки выходили не такъ удачны, какъ бы слѣдовало ожидать отъ ученика съ безпримѣрнымъ прилежаніемъ. Онъ вѣчно недоволенъ собой и приходилъ въ отчаяніе отъ своихъ неудачъ.

Разъ, помню, задана была на урокъ первая элегія Овидія. Мы должны были не только сами перевесть ее, но и выучить наизустъ первые 25 стиховъ по скансіи. (У насъ проходилась латинская просодія, какъ отдѣльный предметъ, весьма подробно; это былъ конекъ нашего маэстро вокальной музыки О. А. Самчевскаго).

Спросивши нѣсколько человѣкъ и уткнувшись въ книгу, учитель занялся пріисканіемъ новой элегіи для перевода. Но Левушка, которому, во что бы то ни стало, хотѣлось блеснуть искусствомъ про-

износить латинскіе пентаметры, какъ то больше обыкновеннаго вытягивалъ впередъ шею, смотря на учителя. Настала продолжительная пауза. Вдругъ Лаврененко, превосходно подражавшій голосу каждаго преподавателя, произнесъ фамилію Левушки, а тотъ, какъ сорвавшійся съ цѣпи, вскочилъ и пошелъ валять:

Quum subit illius tristissimae nactis imago,
Quae mihi supremum tempus in urbe fuit..

Отъ такой неожиданности Осипъ Акимовичъ вздрогнулъ, а гомерическій смѣхъ всего класса заглушилъ образцовую декламацію одураченнаго Левушки.

Считая себя великимъ математикомъ, Павловскій поступилъ въ харьковскій университетъ на математическій факультетъ, но и тамъ ничѣмъ особеннымъ не заявилъ своей спеціальности. Умеръ онъ давно, еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Лучшимъ знатокомъ латыни считался у насъ *Иванъ Дворецкій*, переводившій еще въ VI классѣ á livre ouvert труднѣйшіе и длиннѣйшіе періоды рѣчей Цицерона, за то и его самого прозвали Цицерономъ. Куда дѣвался этотъ даровитый черненькій человѣчекъ, рѣшительно неизвѣстно. А жаль, если судьба забросила его въ непригляднную глушь уѣзднаго городишки, обрекши на служеніе Ѳемидѣ, такой же слѣпорожденной богинѣ, какъ и сама она, эта судьба, раздающая жребіи злополучнымъ смертнымъ зря, безъ разбору...

Замѣчательно, что нашъ маленькій *Cicero*, приводившій въ восторгъ директора Илью Ѳедоровича своими отчетливыми переводами труднѣйшихъ авторовъ, знавшій порядочно новѣйшіе языки, словесность [1]), исторію—изъ рукъ вонъ плохъ былъ по маѳематикѣ, какъ онъ самъ называлъ эту недостижимую для него науку. Онъ не въ состояніи былъ рѣшить самой простой ариѳметической задачи, а объ алгебрѣ и аналитической геометріи и говорить нечего. Только благодаря заступничеству другихъ преподавателей и самого директора, Бенче не препятствовалъ его переходу изъ одного класса въ другой. Такъ онъ и гимназію окончилъ, оставшись круглымъ невѣждой въ „маѳематикѣ“.

[1]) Обладая необыкновенною памятью, онъ зналъ наизусть всего „Евгенія Онѣгина“ Пушкина.

Вася Глотовъ, широкая русская натура, чрезвычайно способный малый, но вспыльчивый до бѣшенства. Артистическихъ талантовъ своего брата Семена онъ не имѣлъ, чувствуя больше призванія къ реальнымъ наукамъ. Василій Глотовъ слылъ у насъ первѣйшимъ физикомъ и Матвѣй Албертовичъ былъ отъ него всегда въ восторгѣ.

Не отвергая въ человѣкѣ наслѣдственныхъ качествъ, я тѣмъ не менѣе допускаю, что раціональное воспитаніе многое можетъ въ молодой душѣ исправить и направить къ лучшему, привить, такъ сказать, привычку дѣлать одно хорошее и удаляться отъ худого.

Тутъ не послѣднюю роль играетъ окружающая мальчика среда-примѣръ старшихъ. Вася, съ самаго ранняго дѣтства, былъ лишенъ такихъ благопріятныхъ условій: вся фамилія Глотовыхъ была заражена наслѣдственнымъ порокомъ пьянства, не исключая и самихъ женщинъ [1]). Изъ роднаго дома онъ на бѣду свою попалъ на квартиру къ гарнизонному капитану Головкевичу, выслужившемуся изъ кантонистовъ бурбону. Капитанша была какъ разъ подъ пару капитану, не уступая ему ни въ чемъ — ни въ невѣжествѣ, ни въ казарменныхъ замашкахъ. За болѣзнію мужа, она часто не хуже его расправлялась фухтелями съ гарнизонною крупой—первѣйшими въ городѣ ворами и пьяницами; а ругалась едва ли даже не лучше своего супруга. Ее, какъ огня, боялось все населеніе „Шопы": бублейницы и перепечайки, какъ извѣстно, никому неуступающія пальмы первенства въ искусствѣ браниться. Дѣтей у Головкевичей не было.

Спрашивается, какое нравственное вліяніе могла имѣть на своихъ квартирантовъ подобная чета? А между тѣми квартира Головкевичей считалась въ числѣ лучшихъ, каковы же должны были быть худшія?

По части „піитики" 16-лѣтній Вася не уступалъ записнымъ пропойцамъ, а въ дебоширствѣ во хмѣлю не имѣлъ себѣ равнаго. За образецъ для подраженія, онъ взялъ поэта Полежаева. Поэму его, „Сашка", прославляющую дебоши московскихъ студентовъ, онъ зналъ наизусть и при всякомъ удобномъ случаѣ цитировалъ изъ нея куплеты. Товарищи постоянно слѣдили за Васей, предохраняя его отъ уличныхъ скандаловъ. Каждый изъ насъ, узнавши, что Васька

[1]) О родномъ дядѣ его профессорѣ Гриневичѣ будетъ сказано ниже.

закутилъ, обязанъ былъ немедленно дать знать сосѣднимъ товарищамъ, которые должны были спѣшить туда, гдѣ находился буянъ, брали его подъ руки, какъ архіерея, и отводили на квартиру, потомъ, приставивши къ нему надежную стражу, расходились по домамъ. Улизнувши же отъ наблюденія товарищей, онъ непремѣнно натворитъ безобразій и проснется въ карцерѣ.

Благодаря гуманной снисходительности къ человѣческимъ слабостямъ Герасима Ивановича, Глотовъ окончилъ курсъ съ аттестатомъ и отправился въ Москву къ брату Сенѣ, но, сдѣлавшись студентомъ, не только не исправился, но повелъ себя въ столицѣ еще хуже, такъ что ему скоро приказано было оставить университетъ. Въ 1841 году, вмѣстѣ съ братомъ, прибыли они въ Кіевъ, но ихъ въ студенты не приняли, благодаря волчьему билету, выданному имъ изъ московскаго университета. Старшій братъ Семенъ сдѣлался въ концѣ концовъ отъявленнымъ жуликомъ не уступая ни въ чемъ московскимъ. Многіе простяки студенты какъ въ Москвѣ, такъ и въ Кіевѣ, дорого поплатились за свою дружбу съ нимъ: у одного онъ выманилъ часы, у другого енотовую шубу, у третьяго и десятаго деньги. Года черезъ два пронесся слухъ, что Васинъ братъ умре, а Вася отправился на родину въ деревню.

Ѳедотичъ К—ко, сынъ вольноотпущенника князей Голицыныхъ, славился необыкновенно изящнымъ почеркомъ, характера былъ необщительнаго и скрытнаго, чему отчасти способствовало его плебейское происхожденіе, которымъ постоянно корилъ его нашъ доморощенный педагогъ Герасимъ Ивановичъ. Отецъ Ѳедотича, по знакомству, помѣстилъ его на квартирѣ у купца Волоха, который за одно съ своею супругой, пилъ безъ просыпу. Находясь въ сообществѣ такой безобразной четы, К—ко пріучился потягивать разныя настойки, да такъ втянулся, что мы, приходя навѣстить мнимо больнаго коллегу, находили у него подъ кроватью бутылки съ водкой. Кое какъ ему удалось кончить гимназію и поступить въ московскій университетъ, а потомъ на службу въ городскую думу, гдѣ, какъ видно, можно было во время оно служить не только не думая, но даже не чувствуя собственной головы на плечахъ.

Первый баритонъ нашего гимназическаго хора *Гриша Шабловскій*, физически развитой не по лѣтамъ, достигшій уже въ

V классѣ значительной тучности, унаслѣдованной имъ отъ своего родителя, городскаго головы Петра Петровича. Гуляка и дебоширъ, которому прощалось все ради его баса, Гриша былъ однимъ изъ аборигеновъ гимназіи, уцѣлѣвшій отъ чистилища и дошедшій до VII класса, а потому и отличавшійся грубостію первобытнаго человѣка. Окончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ юристомъ, онъ, говорятъ, дослужился до степеней извѣстныхъ и благопріобрѣлъ порядочное состояніе.

Другой гуляка изъ нашего выпуска—вѣчный студентъ лицея кн. Безбородка въ Нѣжинѣ, *Егоръ Ш—ко*, сынъ богатой помѣщицы мѣстечка Воронежа, глуховскаго уѣзда. Во время пребыванія своего въ гимназіи, онъ, ради протекціи, постоянно жилъ у наставниковъ, которые, получая отъ матери приличные куши, втеченіе семи лѣтъ, ничему путному его не научили. Ни разу въ жизни своей Ш—ко не выучилъ ни одного урока, былъ большой ходокъ по части всевозможныхъ дебошей, безнаказанно отливалъ пули учителямъ, особенно французу и Шатѣ, велъ безпрерывную прю съ инспекторомъ и не терпѣлъ никакихъ серьезныхъ бесѣдъ. Любитель крѣпкаго словца, онъ не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ: даже въ обществѣ мамаши и сестры институтки онъ часто, забывшись, по привычкѣ употреблялъ непечатныя слова. Просидѣвъ два года въ 7 классѣ и не получивъ аттестата, поступилъ въ лицей кн. Безбородка. Въ Нѣжинѣ до сихъ поръ свѣжо преданіе о его похожденіяхъ. Пробывъ болѣе 6 лѣтъвъ лицеѣ и не окончивъ его, Ш—ко поступилъ въ гусары, но и тамъ, кажется, ничего не выслужилъ. Наконецъ,умаявшись, поселился въ наслѣдственномъ домѣ и закутилъ по вольности дворянства...

Микола Русскій, уроженецъ г. Трубчевска, единственный между нами москаль (такъ называютъ въ Малороссіи всякаго захожаго великоросса), былъ предметомъ всегдашнихъ шутокъ и остротъ со стороны товарищей. Несмотря на то, что онъ былъ только одинъ между нами, хохлами, казалось, долженъ бы былъ стушеваться и ассимилироваться, уступивъ кое что изъ своей національности, москаль нашъ остался вѣренъ до конца своему орловскому типу. Обладая значительной физикой и чисторусской отвагой, онъ отвѣчалъ на шутки и поддразниванья потасовкой, употребляя некрасивыя словца изъ своего трубчевскаго жаргона.

Какъ вообще всѣ наши великорусскіе народные богатыри, нашъ Микола интеллектуальными способностями не отличался, какъ будто въ пику латынянамъ, что in corpore sano mens sana., но прилежанія былъ примѣрнаго. Это былъ порядочный зубрило, вѣчно завидовавшій успѣхамъ товарищей и никому не прощавшій первенства.

Особенно часто надоѣдалъ Русскому *Гриша Лавревенко*. Если, напр., принесетъ кто нибудь въ классъ цѣнную вещь и станетъ хвалиться ею предъ товарищами, то онъ выразительнымъ жестомъ покажетъ, что при москалѣ не слѣдуетъ хвалиться своимъ добромъ, потому, извѣстно „за цыбульку зариже". А то вдругъ разскажетъ какой нибудь анекдотъ про кацаповъ: „Батя!—Чаго, мой сынъ?—Срѣжь хохла!—Для ча тѣ, мой сынъ?—Посмотрю. какъ онъ будетъ кувыркатьси.

Алеша Разночинецъ, юноша съ виду смирный, но приведенный въ ярость, свирѣпый какъ разъяренный буйволъ. А ничѣмъ его нельзя было такъ разсердить, какъ назвавъ разночинцемъ. Онъ часто мстилъ за подобное оскорбленіе, такъ что, еслибъ не вступались товарищи, то простая потасовка могла бы кончиться увѣчьемъ обидчика. Между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ нормальномъ состояніи Алешка былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ. Я часто навѣщалъ его, особенно тогда, когда онъ квартировалъ у воздвиженскаго дьячка—на Джагани. Съ хозяевами онъ жилъ дружно... до первой лишь ссоры или лучше сказать, драки, потому что ссора у нашего разночинца безъ драки была немыслима: послѣдняя вытекала изъ первой, какъ слѣдствіе изъ причины, а обѣ вмѣстѣ и ссора и драка имѣли одну общую, всегдашнюю причину—разночинца.

Интересно было бы знать, какой характеръ выработался изъ этого неукротимаго нрава. Такіе люди чаще другихъ попадаютъ въ такъ называемыя непріятныя исторіи какъ въ частной жизни, такъ и на служебномъ поприщѣ и исчезаютъ потомъ безслѣдно.

П. К. Лазаревичъ поступилъ къ намъ, кажется, въ V классъ изъ какого то петербургскаго корпуса въ 1837 году. Это былъ весьма развитой и благовоспитанный юноша, котораго мы почему то съ перваго же дня своего знакомства съ нимъ, стали величать не по фамиліи, а по имени—отчеству Павломъ Кириловичемъ. Изъ столицы онъ привезъ съ собой, между другими литературными произ-

веденіями, „Ревизора“ Гоголя въ рукописи и мастерски читалъ намъ эту комедію. „Ревизоръ“ былъ для насъ животрепещущей новостью и чтеніе его произвело на насъ сильное впечатлѣніе, на зло современнымъ журнальнымъ зоиламъ и нашимъ доморощеннымъ эстетикамъ. Павелъ Кирилловичъ видѣлъ эту комедію на столичной сценѣ и превосходно подражалъ дикціи актеровъ, сообщая намъ при томъ любопытныя подробности объ устройствѣ театра, о которомъ мы, пробавляясь вертепомъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Новый нашъ коллега—натура деликатная и впечатлительная, а слѣдовательно и влюбчивая,—скоро, по прибытіи въ провинцію, воспылалъ непреоборимою страстію къ нѣкоей Катенькѣ Бѣловой, дочери мѣстнаго плутократа. Отецъ ея, бывшій крѣпостной богача Демидова, повѣренный по дѣламъ иностранныхъ конторъ его, прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы и наконецъ, наживши большой капиталъ, поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ. За долголѣтнюю свою службу онъ получилъ отъ своего патрона позволеніе построить для себя домъ, на его, Демидова, счетъ, какой ему, Бѣлову, будетъ угодно. Вольноотпущенникъ застроилъ почти всю Казацкую улицу и развелъ садъ, въ нѣсколько десятинъ, въ англійскомъ вкусѣ. Поселившись въ самомъ большемъ изъ построенныхъ домовъ, онъ перевезъ туда прежде всего огромной величины желѣзный сундукъ, со многими секретными запорами, привинтилъ его извнутри къ полу, вложилъ туда всѣ свои сокровища и сталъ раздавать деньги за жидовскіе проценты, подъ залогъ недвижимой собственности, своимъ новымъ согражданамъ—и закабалилъ полгорода. Кромѣ Катеньки, у Бѣлова было еще трое дѣтей: старшая дочь, вышедшая замужъ за Бардоша, котораго нашъ нѣмецъ Штранге называлъ въ шутку der kriwische Barder (по причинѣ его хромоты), и два сына, изъ коихъ младшій, горбунчикъ, обладалъ геніальными способностями, развитой не по лѣтамъ. Онъ мнѣ напоминаетъ собой малютку Павла Домби, сына такого же безсердечнаго богача, какимъ былъ и его отецъ. Хилое и слабое тѣло не выдержало непомѣрнаго развитія духовныхъ силъ и маленькій Бѣловъ безвременно сошелъ въ могилу, дошедши только до V класса. Отецъ не то, чтобы страстно любилъ его, но гордился имъ и возлагалъ на него блестящія надежды въ будущемъ и тѣмъ сильнѣе восчувствовалъ свою утрату, что другой

сынъ былъ совершенный идіотъ, а впослѣдствіи пьяница и бродяга, не разъ сидѣвшій въ острогѣ. Смерть младшаго сына подѣйствовала на нашего банкира убійственно: съ горя онъ страшно распился.

Similis similem gaudet, говоритъ латинская поговорка. Согражданe мои восчувствовали къ богачу тѣмъ вящщее благоговѣніе, чѣмъ болѣе усиливался въ немъ этотъ порокъ. Всѣ стали раболѣпно кланяться желѣзному сундуку и превозносить до небесъ добродѣтели его обладателя.—„Все куплю!—сказало злато“.—И года черезъ два Бѣлова выбрали головою. Три дня и три ночи новый голова поилъ своихъ избирателей, подавая имъ примѣръ собственной персоной. Этимъ онъ снискалъ въ городѣ большую популярность. У него постоянно сидѣли гости—охотники до хорошей закуски и добраго вина. Шли къ нему въ домъ, какъ въ гостинницу. Угощая такимъ образомъ не только пролетаріевъ-чиновниковъ, но почти всю городскую интеллигенцію, не исключая и нашихъ педагоговъ, хозяинъ относился къ своимъ гостямъ невѣжливо и былъ съ ними на распашку, мстя имъ за выпитое вино грубостями и даже бранью. Жена его была безличное существо и уже давно числилась въ отставкѣ, передавъ свои супружескія обязанности другимъ.

Къ такому то семейству принадлежалъ идеалъ нашего поэта Павла Кирилловича. Катенька, дѣвица невысокаго росту, живая, бойкая и далеко не красавица, впрочемъ неглупая, хотя и съ весьма поверхностнымъ воспитаніемъ. Къ этимъ невысокой пробы качествамъ развѣ можно прибавить еще одно, которымъ она обладала въ совершенствѣ—это кокетство. Увлекши юношу-гимназиста, она, конечно, не видѣла въ немъ подходящей партіи, но ухватилась за него обѣими руками потому, что онъ въ своихъ стихотвореніяхъ сравнивалъ ея красоту со всевозможными божествами греческой миѳологіи, тѣмъ болѣе, что это нисколько не мѣшало ей кокетничать съ офицерами дивизіоннаго штаба, квартировавшаго въ одномъ изъ домовъ ея родителя.

Жестокая Катенька! ты не оцѣнила по достоинству божественнаго пламени любви, охватившаго душу Павла Кирилловича; ты равнодушно принимала отъ него эти милые акростихи, вмѣстѣ съ бонбоньерками; ты подсмѣивалась изподтишка надъ тремя звѣздочками, свѣтившими яркимъ свѣтомъ въ заглавіи любовныхъ посла-

ній, которыя лились неудержимымъ потокомъ изъ подъ пера непонятаго тобой пѣвца. И, быть можетъ, не разъ (какое низкое коварство!) твое бездушное кокетство доводило тебя до святотатственнаго поруганія и преступнаго глумленія, въ обществѣ дивизіоннаго адъютанта, надъ этимъ вдохновеннымъ лепетомъ сердца, которое билось такъ долго, такъ мучительно, тобой, одной тобой!...

Бѣдный пѣвецъ! Сколько онъ исписалъ бумаги и потратилъ золотаго времени, воспѣвая твои русыя кудри и твои иззелена-голубые глаза, и твои розовыя губки, и даже ямочки на щекахъ! И во время уроковъ въ классѣ, среди шумнаго общества товарищей, и дома въ ночной тиши—онъ неустанно бряцалъ на своей лирѣ, не подозрѣвая того, что ты готовишь ему сюрпризъ—свадьбу съ отставнымъ маіоромъ. Бѣдный пѣвецъ!

Однажды ночью прибѣгаетъ ко мнѣ человѣкъ съ запиской отъ П. К—ча. „Спѣши ко мнѣ, писалъ онъ, а не то, застрѣлюсь". Прихожу, а мой поэтъ ревмя реветъ. Все, говоритъ, кончено: она измѣнила! Я не переживу этого удара. — Ces sont des poustiaki! любезный другъ, утѣшалъ я его словами Ивана Михайловича: плюнь ты, братецъ, на это на все! А если жаль тебѣ твоихъ незрѣлыхъ твореній, то пошли къ ней Гришу и потребуй ихъ назадъ: онѣ пригодятся тебѣ еще не разъ въ жизни. Да и очень кстати: тамъ у тебя такіе стихи, что ко всякой женщинѣ придутся—къ NN, къ *** и т. п. А если ты, мой милый поэтъ, бросишь въ огонь всю эту (извини меня) романтическую чепуху, то еще лучше сдѣлаешь: влюбишься въ другую, еще больше, еще лучше напишешь. Чѣмъ тебѣ стрѣляться, не лучше ли послать къ Цапеницкому за бутылочкой французскаго: благо завтра воскресенье—можно и покалякать, хоть до свѣту".

За бутылкой мой поэтъ повеселѣлъ и сознался, что пистолетъ не заряженъ вовсе, по очень простой причинѣ—пороху не было.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого вечера Павелъ Кирилловичъ лихо отплясывалъ на свадебномъ балѣ своего низверженнаго кумира, не уступая ни въ вальсѣ, ни въ мазуркѣ даже дивизіонному адъютанту Церпицкому, знаменитому танцору и сердцеѣду.

Спустя ни больше, ни меньше, какъ 35 лѣтъ послѣ описаннаго мною романа, на кіево-курской желѣзной дорогѣ мнѣ случилось си-

дѣть въ вагонѣ II класса съ одной беззубой, но чрезвычайно живой и вертлявой старушкой. Поразговорившись съ нею я, къ величайшему моему удивленію, узналъ въ ней—

Предметъ и мыслей и пера
Et caetera, et caetera—

Катеньку Бѣлову. Пожуировавши на своемъ вѣку вволюшку при жизни стараго маіора, выдавъ дочь замужъ за студента и женивши сына студента на гимназисткѣ, она сама женила на себѣ 25-лѣтняго чиновника, отписавъ ему все свое имущество, ко вреду собственныхъ дѣтей, у которыхъ тоже есть дѣти. Вотъ къ чему сводятся, вотъ на что переводятся идеалы нашей неразумной юности!...

Для ознакомленія читателя съ особенностями піитическаго дарованія Павла Кирилловича, я бы могъ привесть нѣсколько стихотвореній; но онѣ всѣ такъ похожи одно на другое, такъ безцвѣтны, что едва ли кого нибудь могли бы заинтересовать. Тутъ есть все, чѣмъ отличались мелкія лирическія стихотворенія тогдашняго времени, надъ которыми истощалъ свое остроуміе баронъ Брамбеусъ: тутъ и дѣва, и луна, и мечта... Теперь такихъ стихотвореній не пишутъ.

Изъ напечатанныхъ стиховъ нашего лирика мнѣ извѣстно лишь одно „Марій на развалинахъ Карѳагена". Оно начинается такъ:

Кто тамъ, на развалинахъ пышнаго града,
Главою поникши, въ раздумьи сидитъ?
Лицо его мрачно и съ перваго взгляда
Слезу состраданья въ душѣ пробудитъ...

Моя „портретная галлерея" была бы не полна, если бы я не помѣстилъ въ ней еще двѣ личности, которыя, не увлекаясь, подобно прочимъ, ни педагогіей, ни поэзіей, ни даже кутежами, не ломая головы надъ тѣмъ, какой избрать родъ дѣятельности, сообразно своимъ способностямъ, чтобы принесть обществу большую долю пользы, прямо съ университетской скамьи задались эгоистическою цѣлію, не разбирая средствъ, достигнуть личнаго благосостоянія.

Павелъ Ивановичъ К—ій—юноша видный, довольно красивый, что называется кровь съ молокомъ, но до приторности сладкорѣчивый маменькинъ сынокъ, чрезмѣрно занятый собой и

вѣчно препиравшійся съ инспекторомъ за волосы и цвѣтные галстухи. Кокетливо выступая изъ за скамьи и сладко улыбаясь, онъ отвѣчалъ учителю урокъ. М. Г. Ерофѣевъ, никому не прощавшій пошлости и пустоты, не могъ равнодушно взглянуть на него безъ того, чтобы не сдѣлать презрительной гримасы. Но сарказмы уважаемаго наставника мало дѣйствовали на нашего франта. Разъ, встрѣтивши его на улицѣ въ какомъ то вычурнаго покроя архалукѣ, въ гарусной фескѣ съ кисточкой, Михаилъ Гавриловичъ на другой же день, передъ цѣлымъ классомъ, сталъ Пашеньку пудрить, представивъ въ комическомъ видѣ его костюмъ, походку, манеры. Никогда не докладывая инспектору о замѣченныхъ имъ за ученикомъ проказахъ, Ерофѣевъ всегда самъ расправлялся съ нимъ орудіемъ насмѣшки, чего мы боялись во сто кратъ больше, чѣмъ инспекторскихъ выговоровъ и даже карцера. Пашенька былъ влюбленъ въ дочь почтмейстера, своего хозяина, пробовалъ даже писать стихи и завелъ альбомъ съ сладенькими акростихами и четверостишіями, въ число коихъ и я внесъ свои ямбы, во вкусѣ овидіевыхъ плачей. Когда предметъ его страсти былъ увлеченъ подъ вѣнецъ армейскимъ поручикомъ, Пашенька, въ порывѣ отчаянія, чуть было не вызвалъ похитителя на дуэль, которая не состоялась лишь по весьма простой причинѣ, по неимѣнію пистолета. Но онъ, подобно Павлу Кирилловичу, скоро утѣшился и много танцовалъ на свадьбѣ измѣнницы, хохоча до неприличія надъ всякою неловкостію пѣхотныхъ офицеровъ, которые чуть было не поколотили его, обозвавъ мальчишкой—школьникомъ.

Едва ли мой красавецъ Пашенька не единственный изъ нашего курса юноша, избравшій благую часть празднаго сибарита—помѣщика. Окончивъ, съ грѣхомъ пополамъ, харьковскій университетъ, Павелъ Ивановичъ поступилъ куда то на службу, хотя, какъ единственный сынъ и наслѣдникъ дражайшихъ родителей, имѣвшихъ изрядное состояніе въ г. Сосницѣ, онъ былъ достаточно обезпеченъ и слѣдовательно могъ и не разсчитывать на служебную карьеру и сопряженные съ ней труды и непріятности. Такъ онъ и поступилъ, избравъ кратчайшій путь къ благополучію—выгодную женитьбу. Для этого онъ имѣлъ всѣ нужные шансы: одно то, что видный изъ себя мужчина, съ очаровательными манерами, на пріобрѣтеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, потрачено было больше времени, чѣмъ на пріобрѣтеніе

познаній, другое то, что столбовой дворянинъ, сынъ суворовскаго сподвижника, третье, наконецъ, то, что все таки человѣкъ университетскаго образованія. Задавшись такой нетрудной жизненной задачей и разсчитывая предварительно на эффектъ, долженствовавшій поразить воображеніе обладательницы крѣпостныхъ душъ и достаточнаго количества десятинъ, тезка Павла Ивановича Чичикова составилъ планъ аттаки и повелъ ее по всѣмъ правиламъ новѣйшей стратегіи, отступивъ на сей разъ отъ суворовской тактики отца, заключавшейся, какъ извѣстно, въ трехъ словахъ: натискъ, быстрота, глазомѣръ. Ухаживанье его, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Пашенька оставилъ службу, зажилъ бариномъ, уты, утолстѣ и забы Бога. Какъ „пріобрѣтатель", онъ превзошелъ свой прототипъ Чичикова: тотъ пріобрѣталъ души мертвыя, которыя „выѣденнаго яйца не стоютъ", а Пашенька благопріобрѣлъ не фиктивныя земли „въ херсонской губерніи", а дѣйствительно существующія въ сосницкомъ уѣздѣ черниговской губерніи и стоющія сотню тысячъ, съ тысячными доходами.

Когда лѣтъ черезъ 20 мнѣ пришлось встрѣтиться съ очаровательнымъ Пашенькой въ Кіевѣ, уже послѣ „эмансипаціи", признаюсь, за человѣка стало страшно: забывъ прирожденное благоприличіе и сладкорѣчивость, онъ, съ пѣной у рта, сталъ проповѣдовать такія гадости, которыя были бы въ пору самому жестокосердому американскому плантатору. Сопоставивъ помѣщика Пашеньку съ тѣмъ сахарнымъ романтикомъ, какимъ я его зналъ гимназистомъ и студентомъ, невольно подумаешь, вмѣстѣ съ Гоголемъ: „неужели такъ можетъ измѣниться человѣкъ? Прежній пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показать ему его теперешній портретъ". Впрочемъ, еще на школьной скамьѣ я подмѣчалъ фальшь въ этомъ характерѣ. Я всегда недовѣрчиво относился къ его изліяніямъ, къ его рыцарскому благородству и честности, которыми онъ такъ любилъ драпироваться въ юности. Не вѣрилъ я ни его душевнымъ страданіямъ, ни его разочарованіи. И откуда могло взяться недовольство жизнію у этого баловня фортуны, у этого обожаемаго маменькина сынка, незнакомаго съ настоящимъ горемъ, съ дѣйствительною нуждой?—думалъ я тогда, слушая его жалобы на судьбу. Что она сдѣлала ему эта судьба и за что ему проклинать ее?

„По рукоять ножа возненавидѣло меня счастіе (писалъ онъ изъ Харькова въ 1840 году). Со дня послѣдняго нашего свиданія въ Сосницѣ, начинается рядъ неудачъ, идущихъ въ возрастающей прогрессіи и почти сокрушившихъ и душу мою, и тѣло. Ненавистный клинъ судьбы далѣе и далѣе раскалываетъ мое сердце. Каждый злобный ударъ вырываетъ изъ моей груди призывъ чувствительной души, души, которая бы усладила мои горькія обстоятельства. Но гдѣ я ее найду? Пуще божьяго гнѣва опротивѣлъ мнѣ весь Харьковъ. Одинъ только Миша Горяиновъ отъ чистаго сердца жметъ мою руку. На зарѣ юности слились наши сердца призывомъ дружества и развѣ вѣчность расплететъ ихъ. Но и здѣсь проклятыя обстоятельства рвутъ листки изъ бальзамической вѣтви, такъ тѣсно соединившей насъ. Ахъ, я помню, мой милый, какъ мы съ тобой когда то мечтали. Какъ оживотворялъ ты меня, когда я падалъ духомъ, когда *бѣсъ*, этотъ проклятый *аспидъ* (дочь почтмейстера), высосавшій благороднѣйшія капли моего существа, влагалъ въ мое сердце отчаяніе... Неужели ты забылъ?"

Что жъ тамъ случилось? Вправѣ спросить каждый, прочитавъ эти раздирательныя жалобы на судьбу. Ровно ничего—все обстояло благополучно. Родители аккуратнѣйшимъ манеромъ высылали деньги, чтобы Пашенька ни въ чемъ не терпѣлъ ни малѣйшей нужды. онъ всегда былъ прилично одѣтъ, согрѣтъ и накормленъ, не то что мы, горемычные, ходившіе подчасъ въ университетъ на собственной подошвѣ и обѣдавшіе сухой булкой, вмѣсто борщу и жаркого.

„Съ самыхъ, братъ, пеленокъ мнѣ не лучше, продолжаетъ Пашенька, вотъ теперь я думалъ: сокроюсь подъ щитомъ Минервы, украду изъ подъ ея волшебной ножки транспортиръ и вымѣряю уголъ счастія" и проч. и проч. все въ томъ же родѣ à la Марлинскій.

Или вотъ еще образчикъ слога, какимъ старались писать въ наше время юноши, воспитанные на повѣстяхъ того же автора: „Благодарю тебя, что твое сердце принимало участіе въ моихъ обстоятельствахъ. Скажу тебѣ, что это былъ девятый валъ неудачъ, но онъ миновалъ, превративъ мою душу въ самородный алмазъ, гдѣ подъ тусклою оболочкой скрывается море сіяній. Я дитя не плаксивое, какъ прежде, но дитя—мужъ. Моя юность—одряхлѣвшая опытность—не привѣтствуетъ легкому воздуху ароматическаго края (!?) и проч.

Алешка Пролазъ, бездарнѣйшій юноша, но чрезвычайный практикъ въ житейскихъ дѣлахъ. Никогда ничего не зналъ онъ основательно, но всегда умѣлъ вывернуться и отбрехаться. Урокъ онъ отвѣчалъ всегда такъ, что трудно было рѣшить, знаетъ ли онъ что нибудь или положительно ничего не знаетъ? Случись это съ другимъ, менѣе Алешки увертливымъ ученикомъ, безъ всякаго сомнѣнія, ему поставили бы единицу, но ему всегда сходило съ рукъ благополучно. Всѣ преподаватели знали, что Алешка пороху не выдумаетъ, ну и помирились съ мыслію, что онъ долженъ получить переводъ въ высшій классъ. „Все же не молчитъ, думали наши педагоги, для успокоенія своей совѣсти, и съ помощью все таки кое что отвѣчаетъ, къ тому же онъ такой услужливый, вѣжливый—отчего жъ ему не сдѣлать снисхожденія?“ Съ товарищами Алешка былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, ему ни въ чемъ не было отказа: ни въ запискахъ, ни въ переводахъ. Посредственный теноръ гимназическаго хора, онъ очень много помогалъ регенту Осипу Акимовичу въ собираніи на спѣвки дискантовъ и альтовъ, за что пользовался у него, страстнаго любителя пѣнія, особеннымъ благоволеніемъ, сдѣлавшись домашнимъ человѣкомъ. Онъ успѣлъ броситься въ глаза и новому директору, на котораго мы всѣ до окончанія гимназіи смотрѣли исподлобья. У товарищей Алешка заслужилъ расположеніе, частію обязательною угодливостію, частію незавидною ролью классного шута, забавлявшаго насъ своими дурачествами. Такъ онъ, между прочимъ, переложилъ въ стихи оду Горація „ad Postumum“:

Постумъ, Постумъ увы!
Проходятъ быстро годы.... и проч.

А французу Denis прочелъ однажды, яко бы по книгѣ, такую дребедень: „Жанъ теля пасэ, Марина льонъ тре, Илья грушъ жрэ!“ А то выдумаетъ очень ужъ вольный переводъ, не зная ни одного слова и валяетъ безъ запинки, не краснѣя, во всю ивановскую, пользуясь незнаніемъ учителемъ русскаго языка, къ общей потѣхѣ всего класса.

Люди, подобные Алешкѣ Пролазу, никогда не пропадаютъ на жизненномъ пути, несмотря на все ихъ умственное убожество, даже, напротивъ, они, скорѣе даровитыхъ, достигаютъ извѣстной степени благосостоянія. Поступивъ въ харьковскій университетъ на юриди-

ческій факультетъ, Пролазъ нашъ съ перваго же года повелъ себя такъ, что его скоро отличили всѣ профессора: онъ первымъ встрѣчалъ ихъ на корридорѣ съ нижайшей просьбой одолжить ему записки или какую нибудь книгу. Мало того, онъ проникнулъ въ профессорскіе дома, втерся въ ихъ семейства и сдѣлался у нѣкоторыхъ изъ нихъ почти домашнимъ человѣкомъ.

Но никто изъ ученыхъ мужей не жаловалъ такъ Алексѣя Трофимовича, какъ профессоръ богословія: послѣ обѣдни ему высылалась просфора, какъ какому нибудь генералу. И было за что воздавать ему такія почести: во первыхъ, онъ не пропускалъ ни одного богослуженія, стоялъ всегда на лѣвомъ клиросѣ, пѣлъ съ дьячкомъ, читалъ часы, ходилъ иногда вмѣсто старосты съ кошелькомъ. Возмущенные его продѣлками товарищи рѣшились, наконецъ, дать ему урокъ. Дождавшись Лазаревой субботы, нарядились въ полную форму и отправились въ квартиру Пролаза поздравить съ днемъ ангела. Но и послѣ такого протеста со стороны студентовъ, гг. профессора не измѣнили своихъ отношеній къ Лазарю: ему дали кандидатскій дипломъ, да чуть ли еще не первымъ выпустили: „Иди молъ, любезный, въ свѣтъ, продолжай подвизаться по части лести и низкопоклонства!“

Съ окончаніемъ университета, подвиги Алешки не только не кончились, но едва начинались. Обрисовался онъ вполнѣ на должности чиновника особыхъ порученій при черниговскомъ губернаторѣ Гессе. Извѣстно, чего стоили раскольникамъ преслѣдованія ихъ, въ николаевское время, за древнее благочестіе. Въ православіе ихъ не обратили, а дали только возможность цѣлымъ сотнямъ чиновниковъ нажить капиталы. Всѣ побывавшіе въ Стародубьѣ въ должности полиціймейстера или окружного или просто наскокомъ производившіе слѣдствіе объ укрывательствѣ какого нибудь бѣглаго попа, обезпечили себя и свое потомство на многіе годы. Алешка нашъ до того сталъ знаменитъ своими безпощадными поборами, что изъ самого Питера пришло наконецъ предписаніе на имя губернатора, не посылать его ни на какое слѣдствіе въ раскольничьи слободы. Когда я видѣлся съ Алешкой въ одной изъ кіевскихъ гостинницъ, уже послѣ его отставки, то онъ, подобно Чичикову, сталъ рисоваться передо мною гонимымъ за правду, хотя мнѣ досконально было извѣстно,

что у него около сотни тысячъ капиталу, да нѣсколько сундуковъ какого бы вы думали добра?—Старинныхъ иконъ въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, награбленныхъ имъ при обыскахъ домовъ и часовень. Кончились ли съ отставкой славные подвиги Пролаза, или быть можетъ онъ, подобно щедринскому Порфирію Петровичу, въ настоящую минуту гдѣ нибудь въ благословенномъ уголку Малороссіи, окруженный многочисленнымъ семействомъ, наслаждается великолѣпнымъ закатомъ солнца и слыветъ примѣрнымъ семьяниномъ и почтеннымъ человѣкомъ. „Тамъ на лонѣ природы сладко отдохнуть ему отъ треволненій житейскихъ, сладко вести бесѣду съ своею чистою совѣстью, сладко сознать, что онъ человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій". (Губернскіе очерки Щедрина).

На перепутьи.

Распростившись съ гимназіей, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, я чувствовалъ себя несказанно счастливымъ. Но такое свѣтлое настроеніе духа продолжалось недолго. Оно омрачилось внезапно налетѣвшей тучей. Что жъ будетъ дальше? задавалъ я себѣ вопросъ. Мать моя, не спрашивая о причинѣ моей грусти, чуткимъ материнскимъ сердцемъ поняла, что творилось въ душѣ моей и стала горько плакать. Гнетущая душу нужда охладила всѣ мои благородные порывы, всѣ стремленія къ свѣту. Что мнѣ дѣлать съ моимъ отличнымъ аттестатомъ, коли у меня нѣтъ никакихъ средствъ добраться даже до Кіева, не только прожить тамъ четыре года? Ни откуда и ни отъ кого я не ждалъ помощи въ своемъ безвыходномъ положеніи. Былъ у насъ недавно богатый родственникъ, къ которому покойный отецъ заставилъ меня когда то подъ свою диктовку нацарапать слезное посланіе, едва только я научился писать съ прописи. И выслалъ онъ тогда, якобы на мое ученіе 75 рубл. асс. Но этотъ, никогда мною не виданный благодѣтель, одинокій старый холостякъ, къ сожалѣнію, впалъ на старости лѣтъ въ мистицизмъ, отправился въ Іерусалимъ и тамъ, у гроба Господня, отдалъ душу Богу, а монахамъ все свое достояніе. А какъ бы пригодился теперь этотъ благодѣтель!

Была у меня богатая тетка купчиха, родная сестра моего отца, но она до того была скупа, что не хотѣла призрѣть родной матери, слѣпой 80-лѣтней старухи, которая до самой смерти жила у моей матери. Даже похоронить не пожелала на свой счетъ эта каменная женщина. Все, что было у насъ въ домѣ поцѣннѣе, находилось у ней подъ залогомъ. Когда старшая сестра выходила замужъ и ей нужно было дать кое что изъ заложенныхъ вещей въ приданое, то ни просьбы, ни слезы моей матери не тронули черствую душу этой Мегеры. Присчитавъ на занятыя деньги жидовскіе проценты, Кузькина мать объявила, что не возвратитъ изъ вещей ничего, пока ей не отдадутъ полностію всей суммы.

Къ Роману Титовичу, хотя и богатому, но дальнему родственнику, я не осмѣлился обратиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ искренно желалъ мнѣ добра, преподавъ своевременно благой совѣтъ, за что я ему вѣчно останусь благодаренъ; но мой случайный доброжелатель далъ этотъ совѣтъ съ большою готовностью и даже сочувствіемъ именно потому, что онъ ему ничего не стоилъ. Всякій, „съ нашимъ удовольствіемъ“, готовъ давать совѣты своему ближнему, лишь бы только тотъ не просилъ у него вещественной помощи: ибо, коль скоро рѣчь коснется до денегъ, каждый крѣпко держится за свой карманъ, и мнѣ, какъ „Крестьянину въ бѣдѣ“,

Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ
И отъ родныхъ и отъ друзей любезныхъ,
А чуть о помощи имъ заикнешься—
То лучшій другъ
И нѣмъ и глухъ.

По поводу моего тогдашняго затруднительнаго положенія припомнилось мнѣ одно шутовское, но далеко не глупое, изрѣченіе нашего мѣстнаго пролетарія—Шеремеревича. Исключенный изъ харьковскаго университета студентъ за разные дебоши, этотъ несчастный скиталецъ избралъ постояннымъ мѣстожительствомъ Новгородъ-Сѣверскъ. Жилъ онъ на съѣзжей, вмѣстѣ съ десятскими, питался съ арестантами, зимой и лѣтомъ ходилъ въ одномъ и томъ же нанковомъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами, строчилъ просьбы и ябеды безграмотнымъ мѣщанамъ и жидкамъ, получалъ за труды по гривеннику и тотчасъ же пропивалъ свой заработокъ купно съ десятскими.

Въ городѣ его хорошо знали, любили и жалѣли по своему. Но Шеремеревичъ никогда не довольствовался такими невещественными знаками расположенности къ нему горожанъ и постоянно повторялъ свое любимое изреченіе: „Что касается любви и сердца, то все „мое почтеніе г. Шеремеревичъ!“ Что же касается до mir gekauff (т. е. купить мнѣ водки) то всѣ они распротакіе сыны!“

Въ моемъ критическомъ положеніи нашелся еще одинъ совѣтникъ—нашъ инспекторъ Герасимъ Ивановичъ. Какъ товарищъ моего отца по ученію, онъ счелъ своимъ долгомъ оказать мнѣ свое покровительство и наставить на путь, въ онь же пойду. Призвавъ меня къ себѣ, онъ спросилъ: чтó я намѣренъ съ собой дѣлать? Я, конечно, отвѣтилъ ему, что желаю поступить въ университетъ.

— Да какъ же ты поступишь, не имѣя ровно никакихъ средствъ? Пропадешь, какъ муха. Лучше послушайся моего совѣта: иди въ учители уѣзднаго училища на готовую вакансію въ Остеръ—будешь получать жалованье и матери помогать. Правда, такъ будетъ хорошо.

Поблагодаривъ непрошеннаго благодѣтеля за его премудрый совѣтъ, я сказалъ, что подумаю, хотя, уходя отъ него, далъ себѣ слово не видѣться съ нимъ болѣе, чтобы не соблазниться его заманчивымъ предложеніемъ.

Товарищи мои, черезъ нѣсколько дней послѣ акта разъѣхались по домамъ, условившись заранѣе, кто съ кѣмъ куда отправится. Хотя до того многіе изъ насъ бредили Москвой, благодаря пышнымъ рекламамъ стараго пріятеля Сени Глотова, но пораздумавши, большая часть порѣшила ѣхать въ Харьковъ, гдѣ экзаменовали полегче, чѣмъ въ Москвѣ и Кіевѣ. Въ городѣ остался я одинъ.

Такъ иногда передъ зарею,
Туманной утренней порою,
Когда поднимется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется—
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ. (*Пушк.*).

Въ то время, какъ я ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ добраться до Кіева, не истощивъ своихъ капиталовъ, полученныхъ мною, въ количествѣ 50 рублей асс. за послѣднее полугодіе отъ Ивана Михай-

ловича: плыть ли мнѣ по Деснѣ рѣкѣ на плотахъ, или, по образу пѣшаго хожденія, отправиться вмѣстѣ съ богомольцами съ котомкой на плечахъ,—мною получено письмо, разрѣшившее этотъ головоломный вопросъ. Изъ остерскаго уѣзда мнѣ писалъ лѣсничій:

„Послѣднее ваше письмо, любезнѣйшій М. К—чъ, въ коемъ вы выражаете восторгъ о будущей вашей въ Кіевѣ жизни, я получилъ и душевно радуюсь, что изъ числа нашей родни хотя одинъ вы питаетесь надеждой выйти на поприще славы. Дай Богъ, чтобы сіи поселившіяся у васъ мысли не ослабѣвали, и чтобы умъ вашъ изощрялся до высшей степени генія ученаго человѣка“...

Лѣсничій, какъ видите, воспарилъ, но меня интересовало не пареніе его, а то, что слѣдовало въ письмѣ дальше:

„Не одинъ разъ мы семейно разсуждали, какимъ бы образомъ доставить вамъ случай безъ хлопотъ доѣхать къ намъ, а отсель достигнуть желаемой вами цѣли и мой Терентій съ жадностію ожидаетъ, когда ему скажутъ: „а запрягай, да поѣзжай въ Новгородокъ“! Готовьтесь же къ отъѣзду, я скоро пришлю лошадей за сыномъ Иваномъ, то вы, вмѣстѣ съ нимъ, и пріѣдете въ Сваромье“.

Ну, слава тебѣ Господи! Одно препятствіе устранено. Веселый и радостный день, слѣдовавшій за полученіемъ письма, я провелъ на лугу, исходивъ его, на прощанье, вдоль и поперекъ. Богъ знаетъ, насколько времени придется покинуть завѣтныя мѣста, привлекательнѣе которыхъ я не могъ ничего вообразить, не видѣвъ до того времени ничего лучшаго.

Не забылъ я, на прощанье, посидѣть и на „горбочку“, за троицкимъ садомъ, откуда представляется восхитительный видъ на далекое пространство и откуда можно обнять однимъ взглядомъ, à vol d'oiseaux задесенское приволье со всею его прелестью.

Въ то время, когда я, пріютившись на самомъ краю „горки“, упивался красотою мѣстоположенія, невдалекѣ отъ меня, въ березнякѣ слышалось неистовое зубреніе бурсаковъ изъ монастырскаго училища, у которыхъ тогда еще не начинались каникулы. Одинъ мальчуганъ, закинувъ голову назадъ, зажмуривъ глаза, пронзительнымъ фальцетомъ твердилъ урокъ изъ географіи: „горы, горы, горы, горы! горы идущія, горы, идущія на сѣверъ“. Другой, изъ великовозрастныхъ, топчась почти на одномъ мѣстѣ и ероша щетинистые во-

лосы, зубрилъ урокъ изъ исторіи, бубня подъ носъ себѣ: „И покорывъ народы малой Азіи, и покорывъ народы малой Азіи, народы малой Азіи!“... Бѣдные! какъ мнѣ стало жаль ихъ!

Но вотъ пріѣхалъ и Терентій на тройкѣ вороныхъ. Въ день нашего отъѣзда, на проводы собрались всѣ наши родные; пришла и тетенька, „позычивши очей у сѣрка“. Проводивъ меня за городъ до кладбища, стали прощаться, а Кузькина мать возьми да и сунь мнѣ въ руки что то завернутое въ бумажку: „Это, говоритъ, тебѣ, Михайло, на дорогу!“ Въ сверткѣ оказалось 10 гривенниковъ.

„Ишь ты, подумалъ я, разщедрилась!“ Первымъ моимъ движеніемъ была мысль бросить ей въ лицо эту подачку, но умоляющій взглядъ, брошенный на меня матушкой, которой приходилось съ ней оставаться, безъ всякой защиты, остановилъ мой порывъ.

При разставаньи съ родными, я не видѣлъ ни истерикъ, ни обмороковъ, сопровождающихъ обыкновенно эффектную разлуку членовъ великосвѣтской семьи. Моя мать шла рядомъ со мной безъ слезъ и воздыханій. Только смертная блѣдность лица и глубоко впалые глаза свидѣтельствовали о томъ, сколько ночей провела она безъ сна, снаряжая въ дорогу сына—единственную свою надежду и опору въ старости. Какую нравственную пытку она должна была вынести, не будучи въ состояніи помочь мнѣ въ такую критическую минуту...

Стали прощаться. Судорожно охвативъ мою голову обѣими руками, мать крѣпко, крѣпко прижала ее къ груди и перекрестивъ меня, пошатнулась, но мужественно устояла на ногахъ.

— Нехай тебѣ Богъ поможе, а я!...

Были послѣднія слова, долетѣвшіе до моего слуха, когда уже кучеръ тронулъ лошадей. Оглянулся еще разъ... но поднявшаяся за телѣгой пыль закрыла отъ меня дорогія лица.

Число учениковъ новгородъ-сѣверской гимназіи за 55 лѣтъ по сословіямъ.

Годы.	Общее число.	Дво-рянъ.	Разно-чинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дво-рянъ.	Разно-чинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дво-рянъ.	Разно-чинц.	Подат. сослов.
1808	83	66	2	15	1811	84	69	4	11	1814	91	81	2	8
1809	76	60	2	14	1812	96	80	2	14	1815	106	93	3	10
1810	79	66	3	10	1813	92	83	1	8	1816	103	91	3	9

Годы.	Общее число.	Дво-рянъ.	Разно-чинц.	Подат. сословъ.
1817	117	109	1	7
1818	122	106	4	12
1819	118	102	3	13
1820	121	109	2	10
1821	116	103	1	12
1822	124	110	3	11
1823	129	114	5	10
1824	136	123	3	10
1825	133	120	3	10
1826	140	125	4	11
1827	138	122	3	13
1828	139	126	2	11
1829	143	130	3	10
1830	144	129	4	10
1831	142	130	3	9
1832	136	127	1	8
1833	148	133	4	12
1834	164	148	3	13
1835	173	160	2	11
1836	198	183	3	12
1837	214	197	4	13
1838	231	210	5	16
1839	278	252	4	22
1840	303	270	7	26
1841	306	272	6	28
1842	318	284	5	29
1843	309	285	4	20
1844	308	280	4	24
1845	291	270	4	27
1846	282	249	6	27
1847	277	240	7	30
1848	251	220	7	24
1849	240	206	5	29
1850	244	207	4	33
1851	245	207	4	34
1852	247	210	6	31
1853	243	206	6	31
1854	240	204	5	31
1855	233	183	5	35
1856	227	188	7	32
1857	251	207	10	34
1858	243	200	9	34
1859	259	215	12	32
1860	288	232	12	44
1861	294	238	10	48
1862	299	236	12	51

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Страничка изъ прошлаго г. Переяслава.[1]

I.

Дѣло было въ 1748 году. Въ жаркій, но вѣтряный іюльскій день 18 числа въ понедѣльникъ, т. е. день торговый, бурмистръ магистрата переяславскаго Иванъ Оковытый утромъ вернулся съ торгу домой и принялся за обычную свою работу—выдѣлку бараньихъ шкуръ. Жилъ онъ въ „Подвальной", въ нижнемъ городѣ, и дворъ его стоялъ рядомъ съ домомъ магистратскаго писаря Симона Ловецкаго по улицѣ, которая вела къ рѣчкѣ.

Невѣстка Оковытого сварила при немъ обѣдъ „малымъ огнемъ трѣсками" и, когда пообѣдали, хозяинъ съ сыномъ продолжалъ работу на дворѣ „въ присѣнку на задворку", а служанка сидѣла въ дворѣ на порогѣ и шила. Вдругъ эта служанка закричала: „горымо"; она увидѣла выхватившееся изъ небольшаго хлѣва, стоявшаго въ углу двора смежно съ усадьбой Ловецкаго и выходившаго на улицу, пламя. Пламя это тогда же замѣтили и двѣ дѣвушки, шедшія къ рѣчкѣ купаться, и подняли крикъ.

Огонь быстро охватилъ деревянныя, соломою крытыя, постройки и по направленію вѣтра распространился на самый

[1]) Въ безпорядочно сложенной и никакой описи неимѣвшей кучѣ старинныхъ дѣлъ, которую нашелъ я въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія и которая дала мнѣ матеріалъ для изданныхъ мною, въ бытность мою редакторомъ неоффиціальной части Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей, десяти выпусковъ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи г. Кіева и кіевской губ., нашелъ я и нѣсколько „дѣлъ" переяславской полковой канцеляріи, не лишенныхъ историческаго инте-

центръ города. Огражденная валомъ крѣпость была въ большой опасности: на самомъ валу, куда комендантъ согналъ весь гарнизонъ, невозможно было стоять, такъ какъ на немъ горѣла трава. Всѣ усилія были обращены на этотъ валъ, за которымъ находился пороховой погребъ. Крѣпость отстояли, но въ самой серединѣ города пожаръ произвелъ страшныя опустошенія. Всего сгорѣло 255 строеній, много людей получило обжоги, а одна женщина совсѣмъ сгорѣла. Къ вечеру уже пожаръ прекратился, безпрепятственно пожравши широкою полосою все, что попадалось ему на пути. Выбравшись по этому пути за городъ, онъ въ концѣ концовъ уничтожилъ до тла „лазаретное строеніе", которое было недавно куплено казной для постройки изъ него новыхъ кабаковъ.

На другой день переяславскій комендантъ кіевск. гарнизона подполковникъ Христофоръ Лангъ репортовалъ о постигшемъ городъ несчастьи въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію и приложилъ вѣдомость сгорѣвшимъ строеніямъ.

Потерпѣлъ много отъ пожара находившійся въ центрѣ города Михайловскій монастырь. Сгорѣла верхняя часть каѳедральной епископской церкви, „брама" съ колокольнею, другая особо стояв-

---

реса. Не имѣя возможности въ настоящее время издать изложеніе этихъ дѣлъ и списанные изъ нихъ документы цѣликомъ, я воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ для составленія предлагаемой „странички". Вотъ заглавія этихъ дѣлъ:

1) 1748 г. „По репорту изъ Переяславля отъ подполковника Ланга да изъ Кременчуга отъ подп. Рословлева о случившихся тамо пожарахъ".

2) 1749 г. „Дѣло по промеморіи дух. переяславской консисторіи о намаранныхъ дегтемъ крестахъ во дворѣ сотника Добронизскаго."

3) 1749 г. „По доношенію полк. переясл. канц. зъ сообщеніемъ челобитья учениковъ школы риторика Тимофея Щербацкого съ товарищи о учиненномъ префектомъ іеромонахомъ Владиміромъ Зеленскимъ съ учениковъ своихъ Левицкому, Саховичу и Рошкевичу подобно содому насильствіи" и о пр.

4) 1752 г. „Дѣло о бои майстрата переяславскаго урядника Федора Гребенника зъ приказу полковника переясловскаго Сулимы за взятіе имъ урядникомъ у великозамостянскихъ обывателей колесъ подъ свиту его ясневельможности" и. т. д.

5) 1752 г. „Дѣло о бытіи за майстратомъ переяславскимъ великозамостянскимъ людемъ".

6) 1756 г. „По доношенію войта магистрата переяславскаго Стефана Драгоманова о неотводѣ безъ вѣдома майстрату въ подчиненныхъ майстратскихъ въ постой квартиръ".

щая колокольня, „трапеза съ полатою, вверху состроенною, и со всею монастырскою въ ней поклажею“, сгорѣлъ до тла архіерейскій дворъ и монастырскія келіи, а также каѳедральный дворъ, за оградою монастырскою находившійся, и „школы училищныя“. Изъ приходскихъ сгорѣла совсѣмъ церковь св. Николая чудотворца съ находившеюся при ней школою, а у церкви св. Троицы сгорѣла колокольня.

Погибли въ этотъ пожаръ и полковая переяславская канцелярія со всѣми дѣлами, съ артиллерійскими припасами (кромѣ пороха), счетная коммиссія и канцелярія судовая съ дѣлами, и магистратъ переяславскій, и „государевъ керасирской дворъ, гдѣ стаивалъ генералитетъ“, а также весь красный рядъ, шинковыя и мясныя лавки, и множество лучшихъ домовъ въ городѣ, принадлежавшихъ разнымъ должностнымъ лицамъ, какъ то: дворъ войта переяславскаго Кирилла Савонова, дворы генералъ-маіора Вишневскаго, судьи полковаго Лѣсеневича, старшаго полковаго канцеляриста Антиповича, сотника Саввы Гриневича, войск. тов. Семена Копціевича, знач. тов. Ивана Калчевскаго и мн. др.

Подозрѣвая въ этомъ случаѣ поджогъ, кіевская генералъ-губернаторская канцелярія предписала подполковнику Лангу „надлежаще изслѣдовать“. Но и мѣстныя власти, раздѣляя такое же подозрѣніе, подъ вліяніемъ паники учиняли и сами строжайшія изслѣдованія, а подп. Лангъ, предосторожности ради, приказалъ своимъ солдатамъ „всякихъ чиновъ людей, идущихъ въ крѣпость, осматривать, между таковыми не сыщутся ль зажигальщики“.

Нѣкоторое основаніе для такихъ подозрѣній имѣлъ слѣдующій случай. На четвертый день послѣ описаннаго пожара два солдата, идучи изъ крѣпости за городъ, за Михайловскія ворота, купаться, проходя мимо одного двора, услышали запахъ гари и, осмотрѣвшись, увидѣли „воткнутую въ плетень тряпочку съ трутомъ съ огнемъ“. Потушивши огонь, они немедленно вернулись и донесли о томъ своему командиру, представивъ ему и найденную тряпочку.

Подп. Лангъ, прибывъ къ указанному двору, „усмотрѣлъ, что тотъ плетень заподлинно былъ зажженъ по вѣтружъ, какъ

и въ нижнемъ городѣ Переяславлѣ зажжено, а въ той улицѣ дворы весьма густы и неподалече оныхъ провіантскіе амбары, а по другой сторонѣ въ самой близости Михайловскій монастырь, и ежели бъ не усмотрѣли и не утушили, то бъ отъ огня спастись было никакъ не возможно".

Донося о принятыхъ имъ предосторожностяхъ и о „недреманномъ смотрѣніи" со стороны его команды, подп. Лангъ жаловался на крайне недостаточное число солдатъ этой команды, изъ которыхъ „къ тому жъ умножилось больныхъ", и просилъ прислать ему „хоть сколько возможно" еще солдатъ.

При репортѣ своемъ Лангъ препроводилъ въ Кіевъ и найденную солдатами „тряпочку". Тревога въ городѣ еще больше усилилась, когда черезъ два дня послѣ находки этой тряпочки, 24 іюля, дѣйствительно приключился пожаръ, при которомъ сгорѣло шесть дворовъ. Такъ какъ одновременно съ донесеніями изъ Переяслава въ Кіевѣ получено было такое же донесеніе изъ Кременчуга о происшедшемъ тамъ большомъ пожарѣ, то подозрѣніе въ систематическомъ поджогѣ, устроенномъ какими то злоумышленниками, становилось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. При томъ же, еще раньше переяславскаго пожара, а именно 25-го мая доставленъ былъ въ Кіевъ пойманный въ г. Козелецѣ „польской націи человѣкъ" безпаспортный Иванъ Чухно, который сначала въ козелецкомъ, а затѣмъ и въ кіевск. полк. судѣ показалъ, будто онъ съ пятью товарищами „отправлени съ польской націи з Фастова от шляхтича Тиши да отъ мотовиловскаго старосты Олѣшевскаго в Малую Россію для зажигательства городовъ, мѣстечокъ, селъ и деревень". Возникло дѣло, никакихъ зажигальщиковъ въ концѣ концовъ необнаружившее, тѣмъ не менѣе причинившее не мало безпокойствъ всѣмъ властямъ. Уже въ кіев. ген.-губ. канцеляріи Чухно показалъ: что „то все онъ въ полк. судѣ въ допросѣ своемъ какъ на себя, такъ и на товарищей то зажигательство и воровство показалъ напрасно, не стерпя во ономъ полк. судѣ побои", а что на самомъ то дѣлѣ никто его на зажигательства не посылалъ и никакихъ онъ товарищей не знаетъ.

Отправивъ Чухна въ Глуховъ, кіевск. ген.-губ. канцелярія донесла обо всѣхъ этихъ случаяхъ въ Петербургъ, откуда и

былъ командированъ пр. Сенатомъ лейбъ-гвардіи подпоручикъ Аристархъ Похвисневъ для разслѣдованія, который и отправился прежде всего въ Переяславъ. Здѣсь онъ очень долго замѣшкался, производя слѣдствіе о пожарѣ и долго не давалъ знать о добываемыхъ имъ свѣдѣніяхъ. Прошло полгода, когда пр. Сенатъ вторично предписалъ о томъ же пожарѣ произвести слѣдствіе, которое и было поручено генералъ-губернаторомъ новому переяславскому коменданту кіевск. гарн. подполковнику Бауману. Но въ Переяславѣ и въ февралѣ слѣдующаго 1749 г. продолжалъ слѣдовать тотъ же Похвисневъ, который, когда предъявлено было ему Бауманомъ распоряженіе кіевск. ген.-губернатора, заявилъ, что одно слѣдствіе онъ уже окончилъ и отправилъ прямо въ пр. Сенатъ, а нынѣ де онъ производитъ другое и такъ какъ „оное дѣло секретное", то и требуемыхъ генералъ-губернаторомъ копій съ него онъ Бауману не далъ.

Между тѣмъ обыватели города, потерпѣвшіе отъ пожара, стали возобновлять свои постройки на старыхъ мѣстахъ. Но „инженерная команда" въ лицѣ кондуктора Ивана Борисова энергически принялась было за распланировку города и требовала, чтобы не только никто не смѣлъ возводить построекъ „на погорѣвшемъ мѣстѣ вновь вмѣсто старого строенія безъ отводу и показанія инженерной команды", но чтобы и „прежнія строенія непорядочно учиненныя сломали бъ". Однако полковая канцелярія, не сочувствуя этой ревности „инженерной команды", не исполняла ея требоввній, заявивъ, что „ежели таково строеніе обывателямъ запретить, то не что иное произойти можетъ, какъ обывательская обида и крайнее разореніе".

Городъ давно уже успѣлъ обстроиться, нѣкоторыя изъ возведенныхъ послѣ пожара 1748 г. на старыхъ мѣстахъ постройки успѣли вторично сгорѣть и возобновиться, а переписки „о нестроеніи вновь на старыхъ мѣстахъ" все продолжалась. Изъ этой переписки видно, между прочимъ, что послѣ описаннаго большаго пожара городъ значительно расширился, появилось много построекъ за прежнею городскою чертой. Общественныя же зданія, сгорѣвшія во время пожара, долго не возобновлялись. Такъ напр. магистратъ и десять лѣтъ спустя помѣщался въ

наемной избѣ. Не скоро нашли постоянный пріютъ и для семинаріи, для временнаго помѣщенія которой епископъ Никодимъ послѣ пожара занялъ „описныя деревянныя строенія Семена Мировича, коими владѣла умершая генеральша Кантакузина, состоящія въ смежности съ катедральнымъ монастыремъ". Строенія эти, по просьбѣ преосвященнаго, были предоставлены пр. Сенатомъ во временное пользованіе „переяславской катедрѣ, доколѣ та катедра къ строенію вновь соберется".

Пожаръ 1748 года, уничтоживъ многія „дѣла" магистрата и полковой канцеляріи, часто упоминается въ позднѣйшихъ документахъ, какъ виновникъ прекращенія или же неправильнаго хода тяжбъ, разнаго рода споровъ между обывателями; на этотъ же пожаръ ссылаются полковыя и магистратскія власти, говоря о разнаго рода недочетахъ въ общественномъ имуществѣ. Что не обошлось безъ расхищенія этого послѣдняго, можно видѣть хотя бы напр. изъ попавшагося мнѣ въ одномъ дѣлѣ „доношенія" отъ 5-го февраля 1750 г. полковаго обозначаго Семена Безбородка, который писалъ, между прочимъ, въ войск. генер. канцелярію, что „оставалось отъ бывшаго въ г. Переяславлѣ пожара артилерійское желѣзо штабы съ подъ караулу съ куреня войскового своровано; а нынѣ подлинно я увѣдомился, что оное желѣзо штаба своровалъ писарь полковый Яковъ Каневскій".

II.

Въ томъ же 1748 г., одновременно съ распространившимися слухами о поджигателяхъ, намѣревающихся сжигать украинскіе города, распространились и тревожные слухи о моровой язвѣ, которая яко бы была причиной усилившейся съ предшествовавшаго 1747 г. смертности. Сотникъ переяславскій Иванъ Добронизскій, бесѣдуя какъ то съ своимъ управителемъ объ этихъ слухахъ, придумывалъ предохранительныя мѣры противъ возможной во время эпидемій заразы. Управитель присовѣтовалъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, когда была моровая язва въ Переяславѣ, нарисовать дегтемъ на всемъ деревянномъ строеніи частые кресты. Сотникъ, человѣкъ благочестивый и, какъ видно, любившій чте-

ніе книгъ божественныхъ, но съ мѣстнымъ духовенствомъ живш1й не въ ладахъ, послѣдовалъ совѣту своего управителя и приказалъ нарисовать дегтемъ на воротахъ, на заборѣ и на нежилыхъ строеніяхъ кресты. Это то обстоятельство и подало поводъ къ обвиненію его въ поруганіи св. креста и въ чародѣйствѣ. Переяславская духовная консисторія назначила по этому поводу слѣдствіе, которое и поручила произвести священникамъ Воскресенской церкви Θеодору Гречкѣ и Петропавловской Филиппу Гошкевичу при депутатахъ отъ полковой канцеляріи—атаманѣ городовомъ Иванѣ Просяницкомъ и козакѣ Яковѣ Константиновѣ. Слѣдователи донесли, что дѣйствительно „отъ самой конюшни полковника переяславскаго Сулимы чрезъ ввесь заборъ сотника Добронизскаго, тако жъ на воротяхъ и на фортцѣ извнѣ кресты дегтемъ часто намараны". Но сотникъ ни въ слѣдственную коммиссію не явился, ни на письменный запросъ о томъ „въ какой конецъ тѣ кресты были намараны", ничего не отвѣчалъ. Духовная консисторія жаловалась на такое ослушаніе въ генеральную войсковую канцелярію, которая и предложила консисторіи составить запросные пункты и сообщить ихъ въ полковую канцелярію, а эта послѣдняя уже и предложитъ ихъ для отвѣта сотнику Добронизскому. Такъ и было сдѣлано. 18-го сентября полковая канцелярія представила копіи съ допроса сотника въ духовную консисторію и въ ген. войск. канцелярію. Всѣхъ вопросныхъ пунктовъ было 7 и содержаніе ихъ видно изъ отвѣтовъ Добронизскаго, которые привожу цѣликомъ, какъ любопытный документъ, характеризующій какъ самого сотника, такъ и взаимныя отношенія между представителями тогдашняго общества. Пререканія между духовною консисторіей и полковой канцеляріей, являющіяся во многихъ попадавшихся мнѣ „дѣлахъ" прошлаго вѣка, свидѣтельствуютъ, конечно, о частыхъ житейскихъ столкновеніяхъ между духовными и свѣтскими властями того времени.

Вотъ отвѣты сотника:

На 1-й вопросъ: „Крестъ святый и его силу отъ самаго крещенія научился знать и почитать и тѣмъ всегда ограждался и ограждается отъ всякихъ злыхъ навѣтовъ видимыхъ и неви-

димыхъ враговъ, и какъ силу крестную почитать и за великую оборону имѣть, добрыми того учителми изученъ и наставленъ въ вѣрѣ православной искусными, *не такими легкомысленными, какъ нынѣ вопросы составили* для его сотника отвѣту".

На второй вопросъ: „Поруганія же кресту Господню ни подъ какимъ видомъ не дѣлалъ, и хочай около двора своего на дѣловани пописанніе дегтемъ кресты были, однакъ тѣ кресты не въ поруганіе и не къ какому злому умышленію и вреду, но ко оборонѣ своей жизни и здоровья, яко въ крестѣ сила великая и потому человѣческому житію состоитъ, ибо всякое дѣло начинается зъ начертаніемъ крестнымъ и вездѣ такъ на жиллях, строеніяхъ, яко и на найменьшихъ штукахъ, крестъ всякими разними матеріялами, крейдою, уголлямъ и дегтемъ, пишутъ; и онъ сотникъ своему господару Ивану Домашичу дегтемъ кресты на дѣловани зъ тихъ причинъ приказалъ пописать".

На 3-й вопросъ: „Въ прошломъ 1747 и 1748 году, когда Божіимъ допущеніемъ началы счаста люде были умирати, то, сидячи онъ, сотникъ, въ дому своемъ ввечеру на крильцѣ, сталъ зъ сожалѣніемъ господареви своему Ивану Домашичу говорить, что люде часто умираютъ и болѣзнуютъ, и много зъ нимъ, Домашичемъ о житіи временномъ человѣческомъ разговаривали, и между тѣмъ зговорились о моровой язвѣ; которой Домашичъ сказалъ, что когда была моровая язва въ Переясловлѣ, то онъ въ тѣ поры служилъ хлопцемъ у войта переясловскаго Савицкого, и въ тѣ поры онъ, войтъ, приказалъ около своего двора вездѣ округъ пописать дегтемъ кресты, и во многихъ домахъ въ Переясловлѣ тогда были пописаны. И зъ якихъ рѣчей его, Домашича, яко то слѣдуетъ не къ худому и не ко злому вреду дѣло, почитая крестное знаменіе и силу его за оборону, не къ какому злу и чародѣянію и не употребляя никакихъ волшебныхъ приговорокъ и не призывая злыхъ духовъ, о чемъ Боже сохрани всѣхъ христіанъ, но ограждая себе отъ онихъ крестною силою, безъ жадныхъ совѣтниковъ велѣлъ самъ собою и въ себе около двора дегтемъ кресты пописать, которіе помянутый господаръ Домашичъ и пописалъ тѣмъ матеріяломъ—дегтемъ, яко тотъ матеріялъ дѣлается безъ жадного примусу скверного

и подъ часъ моровой язвы люде для своей пользы впотребляютъ оній безъ опасности".

На 4-й вопросъ: „Тѣ жъ кресты пописаны не къ какому злу худому и не въ поруганіе дегтемъ, но въ защиту человѣческой жизни, какъ выше сего со изъясненіемъ сказано".

На 5-й вопросъ: „Онъ, сотникъ, въ крестѣ св. отъ рожденія своего во всемъ своемъ житіи жадного зловѣрія не имѣлъ и по смерть свою не желаетъ имѣть, но долженъ, яко христіанинъ сущій, благолѣпно почитать, вѣдая распеншагося Господа на немъ, прославлять и во всѣхъ своихъ добрыхъ дѣлахъ ограждать себя онымъ".

На 6-й вопросъ: „Вѣру христіанскую, въ которой онъ добрѣ изученъ, твердо держать и, законъ святый соблюдая, житіе свое по смерть въ чистотѣ провождать долженъ, а отъ злыхъ и пагубныхъ дѣлъ, *яко то въ магометанскомъ законѣ поводится*, оградивъ себе силою св. креста, устраняться готовъ и *къ такимъ скверным людямъ, которіе содомскимъ грѣхомъ посквернились*, не приставать и жаднихъ разговоровъ не имѣть, и яко такіе христіанскія вѣры нарушители и закона Господня вредители и противники суть, тѣхъ убѣгать и яко пакостниковъ прогонять и куда подлежитъ доносить для наказанія ихъ".

На 7-й вопросъ: „И такъ на поставленніе безразсудителніе запросы онъ, сотникъ, въ самую сущую правду, яко христіанинъ и почитатель Закона Божія, безъ нарушенія совѣсти своей христіанской подъ обовязательствомъ присяги всеправедно показалъ и подписался".

Сотникъ Добронизскій, неоднократно называя составителей вопросныхъ пунктовъ т. е. членовъ переяславской дух. консисторіи, „легкомысленными", въ вышеприведенномъ отвѣтѣ своемъ въ пунктѣ 6-мъ намекаетъ несомнѣнно на дѣло, составлявшее въ то время интересъ дня, служившее, такъ сказать, баснею города. Говоря о „пакостникахъ", „скверныхъ людяхъ, которіе содомскимъ грѣхомъ посквернились", сотникъ имѣлъ въ виду тогдашняго префекта семинаріи іеромонаха Владиміра Зеленскаго, противъ котораго было возбуждено слѣдствіе по жалобѣ учениковъ, занесенной въ полковую канцелярію. Дѣло это,

представляя любопытную черточку изъ исторіи нашей старинной школы, знакомитъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ существовавшими въ то время между мѣстнымъ свѣтскимъ и духовнымъ начальствомъ отношеніями. Въ данномъ случаѣ проявилось стремленіе свѣтской полковой власти вмѣшаться въ дѣла семинаріи, хотя дѣла эти подлежали независимому вѣдѣнію мѣстнаго архіерея, которому, конечно, такое вмѣшательство было крайне непріятно. Находя, что самый „стиль" приводимыхъ ниже документовъ представляетъ извѣстный интересъ, живѣе перенося насъ въ ту среду, о которой идетъ рѣчь, я передаю это „дѣло" собственными, такъ сказать, устами дѣйствовавшихъ лицъ.

III.

1749 г. мая 19 дня, переяславскаго семинаріума ученики школы риторики Тимоѳей Щербацкій, Ѳеодоръ Гордѣевскій и Иванъ Вернацкій подали въ полковую канцелярію челобитную, въ которой заявили, будто префектъ іеромонахъ Владиміръ Зеленскій одного изъ учениковъ своихъ Левицкаго „подобно содому изнасильствовалъ" и что ученикъ этотъ обращался къ его преосвященству Г. Никодиму Сребницкому, епископу переяславскому и бориспольскому, съ доношеніемъ, но келейникъ, не допустя къ епископу, отправилъ его въ консисторію, гдѣ „не изслѣдовавъ, но только призвавъ, бивъ нещадно, выгнато прочь"; а потому де они ученики, „не стерпя, что оной префектъ Зеленскій не только показанного Левицкого, но и протчіихъ учениковъ, Соховича, и Рошкевича, таковымъ же образомъ изнасильствовалъ, принуждены е. п-ву о томъ чрезъ доношеніе донесть", но и ихъ постигла та же участь: члены консисторіи, которымъ передано было ихъ доношеніе, игуменъ монастыря Михайловскаго Германъ, каѳедральный намѣстникъ Сильвестръ и писарь Гервасій, „не изслѣдовавъ указнымъ порядкомъ и не требуя отъ нихъ доказательства, минуя все то, закрывая упомянутого префекта злочинность, такъ нещадно били ихъ, что и въ жизни своей сумнительны состоятъ, и хотя де съ нихъ нѣкоторые, Высочайшимъ Е. И. В. именемъ защищая себя, о неправости про-

тествовались, токмо де по тому ничего успѣть могли, и ўвѣчивъ ихъ крайне, выгнато прочь зъ семинаріумъ". Получивъ такую челобитную, полковая канцелярія прежде всего учинила „обдукцію боевымъ знакамъ" на означенныхъ студентахъ, а къ е. пр.-ву препроводила съ ихъ челобитной копію, прося его—„не соизволитъ ли е. п. ко учиненію по той челобитной слѣдствія особливую учредить коммиссію и во оную, сколько къ засѣданію духовныхъ персонъ, по разсмотрѣнію е. п., опредѣлится, столько и отъ полковой здѣшней канцеляріи съ полковыхъ старшинъ и сотниковъ опредѣлено быть имѣетъ". Три раза посылался канцелярскій служитель къ епископу, но бумаги этой никакъ вручить не могъ, не заставая епископа дома, наконецъ, въ четвертый разъ явившемуся съ тою же бумагой отъ полковой канцеляріи городничему келейникъ, отказавшись принять ее, объявилъ, что де ему, келейнику, отъ е. п-ва приказано „никакихъ писемъ ни отъ кого не принимать, яко жъ де при монастиру каѳедральномъ консисторія, что въ оной дѣлъ отправлять некому, запечатана".

Того жъ мая 23 дня изъ духовной консисторіи получена была въ полк. канцеляріи промеморія, въ которой сообщалось, что де „сего мая 17, при наказаніи, по суду дух. консисторіи, предъ консисторійскою избою бывшихъ студентовъ семинаріи переяславской учениковъ школы риторики за нанесенной ими на учителя своего ложной порокъ и за протчіе починенніе ими непристойніе шалости и продерзости, полк. пер. канцеляріи протоколистъ Иванъ Ѳедоровъ съ протчими канцеляристами, съ коихъ инніе и при сабляхъ были, въ многолюдствіи въ монастырь каѳедральный, знать съ чьегось наущенія, набѣгъ и первіе содержащагось въ хлѣбнѣ Ѳедора Гордѣевскаго протестъ кричать наустилъ, а потомъ на оной же протоколистъ съ другими канцеляристами и согласниками его необычніе при приказной консисторской избѣ крики и галаси къ разбою слѣдующему вчали и гвалтовне, въ противность Е. И. В. указовъ, помянутаго Гордѣевскаго отбивать и къ наказанію не допущать съ укорительною бранью и непристойними похвалками сильно бросались, отъ чего консисторія, въ немалой опасности состоя, дабы и впредь

таковаго на консисторію нападенія не было, а съ того (чего Боже сохрани) убійства послѣдовать не могло, докладомъ къ е. п.-ву взнесено было, и того ради, по состоявшомуся е. п.-ва опредѣленію, велѣно таковой ради гвалтовной причины въ консисторію не ходить и въ ней судовъ никакихъ не производить, такожъ и дѣлъ случаючихся не принимать, оную жъ консисторскую избу запечатать, что и учинено".

Получивъ такую промеморію, полк. канцелярія допросила канцеляриста Ивана Өедорова, который вполнѣ отрицая приписываемыя ему консисторіей безчинства, показалъ слѣдующее: „онъ де, Иванъ Өедоровъ, съ товарищи своими, канцеляристами полковыми, сего 1749 г. мая 17 д. въ каөедральный переяславскій монастырь не набѣгалъ, но какъ де услышалъ, что въ ономъ монастырѣ на публику въ звонокъ звонятъ, въ которой часовъ зъ два звонили, и усмотрѣвъ, что многіе переяславскіе жители въ тотъ монастырь идутъ, то и онъ де, Өедоровъ, зъ канцеляристами полковой и судовой канцеляріи ходилъ и, какъ студентовъ семинаріи, учениковъ школы риторики, Тимоша Щербацкаго да Ивана Верницкаго, за нѣкоторое якобы ихъ преступленіе наказывано, смотрѣлъ; какъ же де Өедора Гордѣевскаго, вывевши зъ хлѣбни въ оковахъ желѣзныхъ и руки назадъ связаннаго, учали бить, то оной Гордѣевскій Высочайшимъ Е. И. В. именемъ, что его напрасно мучатъ и онъ на префекта въ чомъ его доносъ доказать имѣетъ, протестовалъ; то услышавши, онъ, Өедоровъ, и другіе канцеляристы находячимся въ присутствіи при томъ онихъ студентовъ наказаніи игумену Герману, намѣстнику Сильвестру, писарю Гервасію и другимъ сказывали, за присяжную ихъ должность, что его, Гордѣевскаго, яко онъ Высочайшимъ Е. И. В. именемъ себе защищаетъ, бить не должно; почему де первѣе предреченій игуменъ и намѣстникъ оного Гордѣевского бить не приказали были, а потомъ какъ бросился къ ему, Өедорову, профессоръ школы синтаксимы іеродіаконъ Илія Веприцкій и его въ груди вдарилъ кулакомъ, а потомъ, вырвавши въ конюха плеть, съ оною до его, Өедорова, кинулся, а потомъ де оной же Веприцкій и писарь Гервасій на конюховъ крикнулъ до друча и до кіевъ, которіе де конюхи его, Өедо-

рова, не по малу тамо въ монастырѣ и увѣчили, отъ якого де бою онъ, Θедоровъ, дней чрезъ пять и въ болѣзни находился, да и другихъ канцеляристовъ и будучого тогда многое число народа зъ монастиря повыгонили и браму зачинили“.

Полковая переяславская канцелярія, препроводивъ копіи съ челобитья учениковъ и съ „учиненной обдукціи“ на разсмотрѣніе войск. генер. канцеляріи, просила резолюціи, „какъ о томъ повелѣно будетъ“.

Такимъ образомъ семинарская школьная „исторія“ вышла, такъ сказать, на улицу и, обострившись, подала поводъ къ столкновенію двухъ „вѣдомствъ“: учебнаго и гражданскаго. Послѣднее видимо держало сторону потерпѣвшихъ „студентовъ“ и не одобряло дѣйствій тогдашняго учебнаго начальства. Что члены консисторіи не пользовались уваженіемъ среди полковой старшины, это видно и изъ вышеприведенныхъ отвѣтовъ сотника Добронизскаго, очевидно, вполнѣ довѣрявшаго доносу на іеромонаха Владиміра.

Генеральная войсковая канцелярія живо заинтересовалась дѣломъ и въ теченіи іюля мѣсяца дважды обратилась къ епископу переяславскому съ просьбою увѣдомить: дѣйствительно ли упомянутые ученики доносили ему на своего префекта и потому доносу назначалъ ли онъ, епископъ, слѣдствіе и что по тому слѣдствію оказалось? за что ученики публично биты и съ его ли, епископа, вѣдома?

Это вмѣшательство генеральной войсковой канцеляріи было, очевидно, непріятно епископу Никодиму, который медлилъ отвѣтомъ и только лишь 17-го августа написалъ въ г. в. к. слѣдующее:

„Семинаріи нашей переяславской префектъ іеромонахъ Владиміръ (кой, по состоявшомусь въ минувшемъ мѣсяцѣ іюнѣ Е. И. В. изъ св. пр. Синода указу, отправленъ въ С.-Петербургъ въ Александровскій монастырь) въ консисторію нашу представлялъ доношеніемъ, что Щербацкій, Гордіевскій и Вернацкій съ товарищи, не ходя въ школу по четыре и пяти недѣль, непрестанные дѣлаютъ шалости и другіе непристоинства и, хотя де многажды наказуемы были, точію ни малыя поправки на себѣ

не оказываютъ; да сверхъ того мая противъ 8-го числа на келію, въ которой онъ, префектъ, жительствовалъ, собравшись до нѣсколько человѣкъ зъ дручьемъ, кирпичами сильно бросали,— и дабы зъ оными поступлено было по законамъ, представилъ; по которому, какъ отъ насъ опредѣлено, учинить имъ самому ему, префекту, въ школѣ наказаніе по разсмотрѣнію всякаго вины, что и учинено; то оные студенты къ вящшему пришли безстрашію и, измысливъ на показанного префекта въ насильствованіи якобы учениковъ, въ наказаніи ихъ изображенныхъ, лжу, подали намъ доношеніе, по которому, по нашей особливой аппробаціи и опредѣленія, въ присутствіи консистористовъ слѣдовано и допущено сихъ доносителей товарищей къ доказательству; точію тѣ ихъ товарищи такъ доказывать по незнанію отреклись, яко на означенныхъ Щербацкаго, Гордіевскаго и Вернацкаго въ наговорахъ, совѣтованіяхъ и лжеизмышленіи показали; а для достовѣрія реченнаго префекта учениковъ Левицкого, Саховича и Рашкевича, коихъ воспомянутые плуты порочили, сказки сняты и къ дѣлу сообщены, а въ оныхъ, что не точію въ томъ падежи не были, но о таковыхъ примѣрахъ ниже они слыхали, показали; реченный же Левицкій хотя и подавалъ (о коемъ они въ насильствованіи яко бы префектомъ ложно означили) намъ доношеніе, точію не въ той, какъ тѣ плуты написали, силѣ, но по другому прошенію, о коемъ здѣсь изображать нужды не состоитъ; и яко бы оного Левицкого отправлено зъ семинаріи прочь, то о томъ оные непостоянники написали ложно; да сверхъ того, предъ подачею доношенія, по единому злобствованію, въ день св. Троицы, во время многонародной процессіи, пашквильные, въ безчестіе помянутого префекта, бросали картки, и не точію означенному префекту, который еще мірскимъ училъ два года риторику, а въ монашествѣ два жъ года безъ жадного до проэктовъ тѣхъ плутовъ пороченія, намѣревали приключитъ обезчещеніе, но и здравія лишить покушались; то за тѣ ихъ лживоизмышленные проэкты и дѣйствія, по силѣ духовнаго регламента, приказано отъ насъ учинить при семинаристахъ наказаніе и, выключивъ зъ числа добрыхъ учениковъ, дать эксклюзію, что и учинено.

А каковъ гвалтъ отъ полк. пер. канцеляріи протоколиста съ товарищи во время чиненія воспомянутымъ студентамъ наказанія последовалъ, о томъ достаточно въ поданномъ отъ насъ челобитьи, въ войсковомъ генеральномъ судѣ имѣющемся, явствуетъ. Полковой же переяславской канцеляріи, яко предъ наказаніемъ предреченныхъ плутовъ отъ консисторіи о винахъ ихъ промеморія была сообщена, принимать по тому никакихъ представленій и утруждать войсковую генеральную канцелярію не слѣдовало; въ которую особливо просимъ отъ в. г. канцеляріи, дабы впредь г. полковникъ переяславскій зъ старшиною въ духовныя дѣла не вступали,—предложить указомъ; а еслибъ вышеписанные Щербацкій съ товарищи явиться могли въ войск. ген. канцелярію, онымъ ни въ чемъ не вѣрить и никакихъ представленій не принимать, но съ наказаніемъ отправить сугубо просимъ".

Означенные семинаристы, какъ предположилъ епископъ, дѣйствительно явились лично въ войск. ген. канцелярію раньше, чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ его; а именно 4-го августа они обратились съ просьбой, чтобы генеральная канцелярія отъ себя выдала бы имъ паспорты и отпустила въ Кіевъ или Черниговъ, „чтобы тамо къ училищамъ приняты быть могли", при чемъ обязывались явиться „къ доказательству" во всякое время, когда укажетъ в. г. канцелярія. „Яко то дѣло, писали они, еще къ настоящому разсмотрѣнію не прійшло и произвожденіемъ отчасти продолжается, мы же нижайшіе, бѣдные и неимущіе, живучи безъ всякаго званія, пришли къ крайнему неимуществу и дневного пропитанія взять отколь не имѣемъ, а что, по ученію нашему, мы будучи въ надсмотрѣніи и обученіи разныхъ господъ дѣтей ихъ, имѣли з денежокъ, и то какъ на пропитаніе себе и другія необходимости, такъ и на излеченіе болѣзней своихъ, отъ показаннаго безчеловѣчнаго бою послѣдовавшихъ, всѣ издержали; а нынѣ наступаетъ уже время училищное, въ которое ученія начинатись имѣютъ, и мы нижайшіе имѣемъ желаніе намѣренныхъ ученій своихъ въ академіи кіевской или въ черниговскомъ коллегіи доходить, токмо за публичнымъ (какъ вышеписано, хотя и безвиннымъ) намъ учиненнымъ боемъ, чтобъ въ означенныхъ

мѣстахъ къ училищамъ насъ принято было, состоимъ въ сумнительствѣ".

Къ сожалѣнію, изъ имѣвшихся у меня бумагъ не видно, чѣмъ кончилась вся эта „исторія" и какая судьба постигла переяславскихъ студентовъ, подвергшихся публичному бою и принятыхъ подъ защиту полковой старшины.

IV.

Двѣ различныя „команды", два управленія, вѣдѣнію которыхъ подлежали двѣ различныя группы населенія г. Переяслава,— полковая канцелярія и городской магистратъ находились между собой далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ и вели постоянныя распри, которыя и приходилось разбирать „вышней командѣ" т. е. генеральной войсковой канцеляріи, которой одинаково были подчинены и полковое управленіе и городское.

Въ 40-выхъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ видно изъ имѣвшихся у меня документовъ, яблокомъ раздора между полковникомъ переяславскимъ Сулимою и городскимъ магистратомъ было городское предмѣстье такъ называемые Великомостянскіе (или Великозамостянскіе, а то и просто Замостянскіе) Подварки. Населеніе этого предмѣстья, козаки и посполитые, уклоняясь отъ магистратскихъ повинностей, надо полагать, находило для себя выгоднѣе подчиняться полковнику, почему и выдало отъ себя въ 1741 году, когда возбуждено было, по жалобѣ переяславскаго войта Савонова, слѣдствіе, особую „сказку", въ которой утверждалось, что де издавна уже они „подъ видѣніемъ полковниковъ переяславскихъ обрѣтались и до двору ихъ козаки стойкою и посылками, а посполитіе панщиною должность свою отдавали, что, какъ можемо упомнить, отъ 1661 году за бившого полковника Леонтія Полуботка и до сихъ временъ въ той же должности находились, а ратуша переяславская къ намъ жадного дѣла не имѣла и подъ оною мы не были".

Избранный въ 1740 г. въ войты Кирило Савоновъ первый возбудилъ вопросъ о незаконности владѣнія полковника Подварками, но назначенные отъ ген. войск. канцеляріи слѣдователи

повели дѣло такъ, что полковнику „отъ владѣнія оними Подварками, респектуя неимѣніе никакого на чинъ полковника опредѣленія, не отказано“, и онъ продолжалъ владѣть ими до 1752 года, когда утверждены были, наконецъ, гетманскимъ ордеромъ права магистрата на владѣніе Подварками. Такимъ образомъ уже это одно дѣло могло поддерживать постоянно враждебное отношеніе полковника къ магистрату, и въ частности къ войту Савонову, всяческія жалобы на котораго охотно принимала полковая канцелярія, препровождая ихъ въ войск. ген. канцелярію.

Въ 1748 году скоро послѣ пожара, когда возобновленіе построекъ порождало не мало столкновеній между полковымъ и магистратскимъ управленіями, полковникъ Сулима писалъ въ ген. войск. канц., что де „войтъ Кирило Савоновъ, не имѣя (какъ за прежнихъ войтовъ состояло) въ званіи войтовства своего порядочнаго правленія и къ прибыли магистратовой раченія, но всемѣрно прилагая старательство свое къ похищенію приходовъ магистратскихъ, людей магистратовыхъ самовольно безъ всякого страху имущество ихъ до послѣдности ограбляетъ, полусмертной бой приключаетъ, у партикулярную свою работизну, какби плѣнихъ, или крестянъ, употребляетъ, чего тѣ магистратовіе люди не могучи снесть, въ разніе мѣста розиходятся, а магистратъ переяславскій съ того крайне запустѣваетъ и въ скудостъ и разореніе такое отъ времени до времени приходитъ, что и указнихъ дачъ, по расположеніямъ надлежащихъ къ произвожденію, не въ состояніи“.

Въ слѣдующемъ 1749 г. опять встрѣчаемъ такое же заявленіе полковника, что де „войтъ Кирило Савоновъ, съ начала пожалованія его въ званіе войтовства, не содержуя по оному своему званію добропорядочного правленія и не ища магистратовой прибыли, но паче употребляя свои всемерніе хитрости, тайно и явно въ магистратовіе приходы началъ вступать и оніе себѣ похищать“ и т. д. Какъ обращалась полковая старшина съ магистратскими урядниками, можно видѣть, между прочимъ, изъ такого случая.

Въ 1752 г., во время проѣзда черезъ г. Переяславъ гетмана Разумовскаго, урядникъ магистратскій Ѳедоръ Гребенникъ, по

требованію гетманской свиты, взялъ у колесниковъ — жителей великозамостянскихъ четыре колеса, уплативъ имъ за это условленную сумму на счетъ магистрата. Послѣ отъѣзда же гетмана слуги полковника Сулимы схватили Гребенника, доставили его во дворъ полковника и здѣсь, заставивъ его уплатить за взятые четыре колеса еще 1 р. 24 к., по приказу самого полковника, избили плетьми, такъ что онъ „зеледво могъ встать", а полковникъ грозилъ, что де и другихъ всѣхъ магистратскихъ чиновъ онъ будетъ бить такимъ же образомъ. Очевидно, полковникъ самое обращеніе Гребенника къ названнымъ колесникамъ разсматривалъ, какъ притязаніе магистрата на великозамостянскихъ жителей, которые, по его мнѣнію, никакими повинностями по отношенію къ магистрату не обязаны, а должны состоять исключительно въ „командѣ" его, полковника.

Гребенникъ, заявляя о причиненномъ ему безчестіи, писалъ, что оно сдѣлано „на поруганіе и напрасніе здѣвки, по явновидимой злобѣ и ненависти, *на ввесь обнищалый и крайне разореній безлюдственній магистратъ*". По этому поводу магистратъ обратился съ жалобой къ гетману. „Понеже,—читаемъ въ это жалобѣ,—доволно о таковой дерзости признать намъ можно, что, по явновидимому и всегдашнему на насъ нижайшихъ гонительству и злобству, всегда токмо такъ отъ его г. полковника, яко и отъ полковой канцеляріи, въ единому страхованію и опасности, при магистратской службѣ зостаючись, находимся; дабы какого нечаянного напрасного нападенія и боевъ, какъ то уже не единому и послѣдовало, не учинено, ибо хотя и отъ наѣздовъ бываютъ за невыстатченіе требуемого бои, *отъ которыхъ убѣгнуть невозможно*, но не толико всегда, какъ отъ здѣшнихъ г. полковника и полковой канцеляріи; того ради вашей ясне вельможности глубочайшею покорностію нашею всенижайше просимъ отъ таковыхъ, какъ выше изображено, нападковъ, боевъ и напраснихъ гонительствъ отъ помянутого полковника переяславского г. Сулимы и другихъ въ пресѣченіе милостивымъ призрѣніемъ насъ нижайшихъ и ввесь магистратъ переяславскій охранить и до болшихъ обидъ и крайнихъ разореній не допустить и учинить о томъ высокій в. я. в. ордеръ".

Гетманскимъ ордеромъ и потребовано было отъ полковника объясненіе по этому дѣлу. „Понеже магистратъ переяславскій не вашей команды", говорилось въ ордерѣ, то и урядниковъ магистратскихъ, „не только наказывать, ниже какъ либо штрафовать отнюдь не надлежало". Но полковникъ объяснилъ это дѣло такъ, что де Гребенникъ напалъ было на *принадалежащій полковнику* дворикъ, въ которомъ жилъ колесникъ, и отнялъ четыре колеса, при чемъ будто бы билъ самого колесника, „и тѣмъ оному *моему человѣку* ввязы зъ состоянія ихъ повредилъ былъ"; когда же колесникъ этотъ бѣжалъ въ полковничій дворъ, то Гребенникъ „по своей грубіянской продерзости" явился за нимъ и сюда, продолжая „шумѣть", за что де слуги полковника и прогнали его со двора, при чемъ однимъ изъ нихъ „въ бѣгу оного Гребенника плеттю раза три вдарено".

Относительно же предписаннаго въ ордерѣ невмѣшательства въ дѣла магистратскія полковникъ писалъ, что повелѣніе это „безъ малѣйшого нарушенія свято содержуя, къ оному войту съ урядовими (хотя и предъ тѣмъ собственно отъ себе никакова дѣла не имѣлъ) отнынѣ впредь имѣть, кромѣ что по канцеляріи въ семъ в. я. в. ордеровъ касатимется, дѣла не долженъ буду".

Войтъ Савоновъ настойчиво велъ дѣло о Подваркахъ и въ 1752 г. добился того, что отъ полковника вновь потребовано было объясненіе, на какомъ основаніи онъ завладѣлъ этими Подварками. Полковникъ, не предоставляя никакихъ крѣпостей на такое владѣніе, отвѣчалъ такъ, что, видно, и самъ не былъ увѣренъ въ законности его и при этомъ просилъ гетмана, что бы онъ, буде найдетъ справедливымъ возвратить Подварки во владѣніе магистрату, опредѣлилъ бы другое какое либо владѣніе „на рангъ" полковничій.

„Подварки Завеликомостянскіе, писалъ полковникъ, въ которихъ дворового число весьма мало и въ нихъ люде нищенскіе суть, изстари за антецессоровъ моихъ полковниковъ переяславскихъ, и какъ только вспомнить довелось отъ Леонтія Полуботка, на полковниковъ ко (?) дому полковничого состояли и въ единственнихъ точнихъ полковничихъ владѣніяхъ находились, потому слѣдовательно поссесіею и мнѣ, по моему рангу, оніе Подварки

владѣть достались, и сколько владѣнія моего тѣми Подварками ни было, отъ магистрату переяславскаго никакого упоминку нигдѣ не было, но владѣлъ я оними спокойно даже до опредѣленія оного Савонова войтомъ".

Въ противность такимъ голословнымъ заявленіямъ полковника, магистратъ представилъ въ подтвержденіе правъ своихъ на Подварки два гетманскихъ универсала: одинъ 1716 г. Ивана Скоропадскаго и другой 1728 г. Даніила Апостола.

Наконецъ, отъ 9-го окт. 1752 г. послѣдовалъ гетманскій ордеръ, которымъ подтверждались права магистрата на владѣніе Подварками.

Полковникъ Сулима тѣмъ не менѣе всячески старался уклониться отъ точнаго исполненія ордера и „возъимѣлъ паче прежняго злобствіе на магистратъ переяславскій". Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1753 года магистратъ доносилъ въ ген. войск. канц., что де полковникъ Сулима, не довольствуясь тѣмъ, что въ теченіи болѣе десяти лѣтъ владѣлъ принадлежавшею городу землею, съ которой ежегодно снималъ въ свою пользу болѣе трехсотъ копъ десятиннаго хлѣба, сталъ всячески стараться о томъ, что бы подварчане вписывались въ козаки, а съ полей магистратскихъ вновь сталъ собирать десятину въ свою пользу не допуская къ тому магистратскихъ урядниковъ, подвергая ихъ „безчестію и бою".

Когда слуги полковника одному изъ урядниковъ магистратскихъ „болѣе трехсотъ барбаръ плетми дали и притомъ похвалки чинили, что такъ де и урядовимъ вашимъ будетъ", жители Подварокъ, „на то смотря, зъ гонительства такова принуждени расходиться, и тако въ ономъ Подварку мало кого уже и остается, да и то саміе бѣдніе, которими ни посылокъ, ни ѣздоковъ отправить не въ состояніи". Несмотря на гетманскій ордеръ, полковникъ всѣ поля, обработываемыя подварчанами, называлъ своими „ранговыми ланами" и въ томъ же 1753 г. вновь „десятинный хлѣбъ началъ себѣ взимать и атаману великозамостянскому Микулѣ такъ приказъ отдалъ, чтобъ магистратовихъ людей до полѣвъ мѣскихъ, самовладно нимъ присвояемихъ, не допущалъ и у смерть билъ".

Полковникъ Сулима, называя жалобы магистрата „напрасными и недоказательными", не отрицалъ однако, что нѣкоторыхъ

изъ подворчанъ онъ дѣйствительно принялъ въ козаки „на убылые разными случаи, какъ то по нищетѣ, старости и чрезъ измертвіе реестровихъ козаковъ, мѣста“, объясняя такой пріемъ тѣмъ, что де запрещеній о невписываніи посполитыхъ въ козаки не было, а между тѣмъ де тѣ „задолгомостянскіе свободніе жители, зъ разнихъ мѣстъ и изъ званіевъ по волности своей зашедшіе, по высокому повелѣнію съ владѣнія моего, кое по поссесіи отъ антецессоровъ своихъ я содержалъ, какъ отобрани и отдани магистрату, то съ нихъ нѣкоторіе по единственной своей волѣ, безъ всякого ихъ неволенія, не стерпя несноснихъ оного майстрата войту чинимыхъ партикулярнихъ работизнъ и другихъ тяжкихъ обидъ, являлись въ полковую переясловскую канцелярію, подавъ доношенія и показывая въ онихъ съ предковъ своихъ себе козачого званія и отправляеміе войсковіе и военніе службы и жительство свое на козачихъ грунтахъ, искали и просили козачества“.

Земли же, о которыхъ упоминалъ магистратъ въ своихъ жалобахъ, полковникъ называлъ своими собственными или ранговыми. И этотъ споръ о земляхъ, видно, много лѣтъ длился: мнѣ встрѣтилось въ одномъ дѣлѣ 1766 г. упоминаніе о назначенной по указу Малороссійской Коллегіи въ г. Переяславѣ коммиссіи—„о магистратскихъ земляхъ, разными чинами завладѣнныхъ“. А изъ другаго дѣла 1762 г. „о должнихъ войтомъ магистрата переяславского Стефаномъ Драгомановымъ денгахъ и о его войта продерзостяхъ“ видно, что и послѣ войта Савонова, боровшагося съ полковникомъ, продолжалась такая же распря между магистратомъ и полковымъ управленіемъ.

Постояннымъ поводомъ для раздоровъ являлся, между прочимъ, и отводъ квартиръ въ домахъ магистратскихъ урядниковъ. Несмотря на гетманскіе ордеры, неоднократно предписывавшіе полковой канцеляріи „воздержаться отъ такого самовольства“ и помимо магистрата квартиръ „проѣзжаючимъ персонамъ“ не отводить, полковая старшина все таки отъ этого „самовольства“ не воздерживалась. Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1756 г. полковой писарь Каневскій, по злобѣ на войта, поставилъ въ его отсутствіе въ его домѣ поручика кн. Щербатова, пріѣзжавшаго за набо-

ромъ лошадей, при чемъ выгнали и жену войта съ малолѣтними дѣтьми. По жалобѣ войта, самовольство Каневскаго предписано было „изслѣдовать и съ нимъ поступить по указамъ", тѣмъ не менѣе и послѣ этого вновь былъ отведенъ домъ войта, во время поѣздки его въ Глуховъ, подъ постой проѣзжавшему маіору Юшкову, при чемъ опять войтовой женѣ и дѣтямъ пришлось жить по чужимъ домамъ. Вообще этотъ отводъ квартиръ, какъ видно, порождалъ въ г. Переяславѣ постоянныя распри между магистратомъ и полковою канцеляріей.

А. А.

Его царского пресвѣтлого величества войска запорожскаго гетманъ Иванъ Скоропадскій.

Пану полковнику наказному переяславскому, а впредь совершенному, п. п. старшинѣ его полковой и всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати надлежитъ, симъ нашимъ ознаймуемъ универсаломъ: ижъ доносили намъ чрезъ суплику свою панъ войтъ тамошній переяславскій же з мѣщанами, что посполитыхъ людей, на грунтахъ мѣскихъ живучихъ, до ратуша ихъ належачихъ, прошлими роками однихъ вко зацтво вписано, другихъ на чиншу, а именно коломійцовъ, посажено, а третихъ на Подваркахъ за Великимъ мостомъ мѣшкаючихъ от ратуша до двора небожчиковъ пановъ полковниковъ отнято, и чрез тое немало посполитому добру учинено убыли и убытку, чего ради онъ, панъ войтъ, просилъ насъ о привернене до ратуша своего тихъ всихъ отнятихъ тяглихъ людей. Мы пре то, гетманъ, прошеніе принявши за слушное, яко всихъ тихъ нововписаннихъ чиншовихъ коломійцовъ, мирочниковъ и подварчанъ, за Великимъ мостомъ мѣшкаючихъ, которихъ числомъ восемьдесятъ пять человѣка найдется, знову попрежнему до города въ помощъ зъубожалому ратушеви, для отбуванія зарівно зъ иншимы посполитыми людьми всякихъ тяглихъ повинностей, приворочаемъ и поля пахатніе мѣскіе, коло города лежачіе, здавна до тамошней ратуши належавшіе, симъ нашимъ (универсаломъ) въ спокойное владѣніе и теперъ оному стверждаемъ, такъ аби никто з старшины и черни того полку в одобранію на ратушу помянутихъ людей и предреченного поля пахотнаго заживання найменьшой ему пану войту з мѣщанами не чинилъ трудности и препятствія, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ марта 1 дня 1716 року.

Его императорскаго всепресвѣтлѣйшаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Даніилъ Апостолъ.

Пану полковникови переясловскому, п. п. старшинѣ полковой и сотникамъ тогожъ полку, такожъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ, ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ, ижъ панъ войтъ переясловскій Лаврентій Ѳомовичъ з майстратовими тамошними доносили намъ чрезъ суплику свою, что мимошедшихъ лѣтъ, з респекту антецессоровъ нашихъ, бывшихъ гетмановъ, имѣли они для ратушнихъ необходимихъ нуждъ въ опредѣленіи десятину коло города Переясловля з мѣскихъ

пахатнихъ полевъ Подварки Великомостянскіе, млынъ подъ тимъ же городомъ на Великой гребли на рецѣ Трубешѣ под Поповцями, ковшовое по торгахъ ведерно ратушное, коморы рѣзницкіе мѣскіе, в которихъ хто сидитъ тотъ было даетъ на ратушъ по двѣ гривни в годъ, будки пустіе з ратуша поставленніе, якіе под часъ ярманковъ нанимаются по пяти копѣекъ и побелшъ, и хто на ратушномъ мѣсцѣ в коморѣ шинкуетъ горѣлку, тотъ бывало даетъ на ратушъ в годъ по двѣ гривни, такожъ и діогтевую комору, в которой и нынѣ человѣкъ ратушній продаеть діоготь, якіе всѣ доходы одойшли за бившой Малороссійской Коллегіи отъ ратуши, почему и нынѣ (завѣдовци) въ скарбъ войсковій з тихъ всихъ доходовъ собираютъ деньги и оная ратуша переяславская въ крайное пришла разореніе и не отколь ни на ратушнихъ служителей, ни на другіе необходиміе потребности держать самого нужного расходу, а при той суплицѣ своей презентовали намъ и универсалы антецессора нашого покойнаго гетмана Скоропадскаго г. войтови з майстратовими данніе еденъ въ 1716 году, в которомъ подварчанъ, за Великимъ мостомъ мѣшкаючихъ, числомъ 85 человѣкъ приворочаетъ до ратуши переясловской, и поля мѣскіе, коло города лежачіе, до ратуша жъ належавшіе, стверждаетъ; другій в року 1715 на построеніе млина на пустомъ мѣсцу, прозываемомъ Качановское; противъ которихъ универсаловъ просили и нашего респекту, такожъ на подварчанъ, поля мѣскіе и млинъ универсалной конфирмаціи. Мы теды гетманъ, по силѣ данной намъ высокомонаршой е. и. в. жалованной грамоти, имѣючи власть всякіе въ Малой Россіи воинскіе и гражданскіе устроевать порядки, особливожъ являя призрѣніе на стародавній тотъ городъ Переясловль, которій теперъ чрезъ разніе случаи и тамошніе народніе тяжести пришолъ в крайное разореніе, яко помянутихъ подварчанъ, за Вел. мостомъ мѣшкаючихъ, и поля мѣскіе, коло города лежачіе, до ратуша належніе, тако жъ млынъ, на пустомъ мѣсцу, прозыв. Качановское, построенній, подлугъ универсаловъ вышнаименованного антецессора нашого, стверждаемъ ратуши переясловской во владѣніе, позволяючи (до лавки войсковой) з млина розмѣровіе пожитки, а з полевъ десятину отбирати и подварчанъ до общихъ градскихъ употреблять повинностей, такъ и ковшовое по торгахъ ведерно ратушное и з людей, в коморахъ, на мѣской землѣ построеннихъ, горѣлкою и дегтемъ перепродаючихъ, такожъ и з будокъ и з коморъ рѣзницкихъ надлежащіе деньги по прежнему отбирати з 1-го генвара мца надходящого 1729 года. И дабы в томъ ни от кого не было препятія (....); только жъ они войтъ з майстратовими, тое все собирая, повинни имѣть обстоятелніе записки и з собраннихъ тихъ доходовъ употреблять не на свои привати, но на обще городовіе нужды и необходимія потребы, а що соберется и на якіе расходы именно употреблено будетъ, о томъ должни оніижъ, войтъ и майстратовые, в полк. пер. правленіе обстоятелніе подавать вѣдомости, а з полку к намъ въ войск. генер. канц. репортовать повинни,—рейментарско упоминаемъ и приказуемъ. Данъ в Глуховѣ декабря 4 д. 1728 года.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.[1]

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе*).

IV.

Ѳедоръ хотѣлъ въ тотъ же вечеръ осмотрѣть сундукъ; по утру послѣ погребенія опять поговаривалъ о томъ, что слѣдовало бы воротиться домой, привести все въ извѣстность и послѣ того уже ѣхать на лугъ за сѣномъ.

— Дольше ждали, меньше осталось! отвѣчалъ Максимъ,—зачѣмъ напрасно тратить день? воротимся съ поля, тогда и найдемъ, что есть. Хату стережетъ твоя жена, а ее самъ чортъ не проведетъ, не бойся!

Ключъ отъ сундука лежалъ у него за пазухою, а онъ ни разу въ продолженіи цѣлаго дня не вспомнилъ ни объ отцѣ, ни о деньгахъ, только подъ вечеръ раньше обыкновеннаго оставилъ работу. Петръ долженъ былъ еще оставаться на лугу, нагрузить послѣдній возъ и тогда ѣхать домой, всѣ же прочіе спѣшили поскорѣе возвратиться; къ концу дня Ѳедоръ былъ самъ не свой, работалъ словно не своими руками, ежеминутно поглядывая то на заходящее солнце, то на село, наконецъ, усѣлся на землю и ждалъ, пока Максимъ съ женою окончатъ сгребать сѣно.

Большаго наслѣдства имъ не останется; для обыкновеннаго крестьянина нѣсколько сотъ рублей—деньги, но для человѣка видѣвшаго свѣтъ это почти, что ничего! если бы хоть тысчонки двѣ, на первое обзаведеніе... Теперь и время не то,

---

[1]) См. „Кіев. Старина" 1889 г., № 7, іюль.

что прежде, когда крестьянинъ жилъ подобно рабочей скотинѣ на зелени да мякинѣ... теперь уже не то! Такъ думалъ Ѳедоръ, вычисляя въ тоже время, сколько бы могъ имъ оставить отецъ? О! онъ глазъ не спуститъ съ Максима, самъ пересчитаетъ каждый грошъ... самъ собственными руками не только что дотронется до каждой бумажки, но и осмотритъ, ощупаетъ ихъ, прежде чѣмъ отдастъ изъ рукъ. Кто тамъ его знаетъ? Какъ будто бы и братъ, а какъ придетъ дѣло до разсчета, такъ иногда вѣдь бываетъ, что и родной братъ хуже чужаго...

Онъ уже заранѣе подозрительно и враждебно поглядывалъ на Максима въ полной увѣренности, что тотъ намѣренъ провести его... потому и время оттягиваетъ, обдумываетъ... а, можетъ быть, уже и придумалъ что нибудь, злодѣй... Пришло ему на умъ нѣсколько страшныхъ фактовъ: такъ въ Ивановѣ братъ убилъ брата и всего только за шесть рублей... трупъ скрылъ подъ мостомъ и молчалъ до весны, пока вода не выбросила покойника на берегъ... Видѣлъ онъ тогда этотъ трупъ и убійцу видѣлъ... да и мало ли такихъ на свѣтѣ? только иному удается, а другой погибаетъ ни за что... А въ полку зналъ онъ цѣлыхъ двухъ убійцъ! даже спалъ рядомъ съ ними больше полугода... этотъ Максимъ... хитрый, бестія... корову промоталъ, имущества столько растратилъ... можетъ теперь... Ѳедоръ боялся докончить свою мысль и осторожно оглядѣлся вокругъ... На травѣ лежала толстая жердь, которою прикрѣпляютъ сѣно на возу. Онъ всталъ, поднялъ ее съ земли, оперся на нее и ждалъ.

— Что ты... въ лѣсъ идешь людей разбивать, что и колъ съ собою берешь? спросилъ Максимъ, выходя вслѣдъ за женою на дорогу. Ѳедоръ вздрогнулъ. Не много слыхалъ онъ о Каинѣ, но зналъ все таки, что этимъ именемъ называютъ разбойниковъ и конокрадовъ въ селѣ. Голосъ Максима припомнилъ ему голосъ всѣхъ Каиновъ. Онъ выпустилъ изъ рукъ колъ и пошелъ вслѣдъ за ними, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, опустя голову, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ брата, приготовясь ко всему съ заранѣе сжатыми кулаками. При малѣйшемъ покушеніи брата онъ задушилъ бы его сразу! Впился бы ногтями въ его шею и держалъ бы такъ до послѣдняго издыханія.. Не съ нимъ, Ѳедоромъ, ему бороться!.

Максимъ же шелъ впереди него рядомъ съ женою, взявши отъ нея пустые горшки; сперва шли они молча, потомъ онъ вспомнилъ, что вотъ сегодня они проведутъ первый вечеръ безъ *старого* въ хатѣ. Максимыха жалобно покивала головою.

— Всѣмъ одинъ конецъ! Горюешь, работаешь съ утра до ночи не знаешь отдыха, придетъ смерть, все бросишь! Ой, Боже мылый, прости намъ грѣхи наши тяжкіе! вздохнула он , поспѣшая за мужемъ. Они совершенно забыли, что за ними тащился Өедоръ.

Петръ остался одинъ на лугу. Начинались сумерки, три послѣдніе воза отъѣхали одинъ за другимъ, подлѣ каждаго медленно шагалъ крестьянинъ и велъ коня за узду. Петръ поглядѣлъ имъ въ слѣдъ; вдали на желтоватомъ горизонтѣ все еще видно было Максима, Максимыху и Өедора, шедшихъ дорогою; они будутъ дома раньше, чѣмъ вонъ тотъ возъ доѣдетъ до полъдороги. Парубокъ торопливо собиралъ съ земли сѣно, подбрасывалъ вилами охапку за охапкою, поспѣшно, безъ остановки, наконецъ вспотѣлъ, запыхался и опустилъ руки.

Лугъ совсѣмъ опустѣлъ; кое гдѣ между ольхами торчали небольшія копны сѣна; лошадь бродила между ними въ ожиданіи, пощипывала ихъ по немногу и снова шла на свѣжую траву. Петръ взялъ ее за гриву, подвелъ къ возу и принялся запрягать дрожащими отъ волненія руками исподлобья поглядывая на дорогу. Послѣдніе силуэты исчезли; возы въѣхали на улицу, дорога въ село опустѣла. Петръ торопился, ни о чемъ не могъ думать, только отъ спѣха руки дрожали. Онъ заботливо подбиралъ съ земли послѣдніе пучки сѣна, разбросанные по росистой травѣ, но, даже наклоняясь, все оглядывался назадъ на село.

— Но, коську... конyку мій! произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ, потянулъ возжи, возъ тронулъ, заколыхался, заскрипѣли колеса....

Петръ вздохнулъ съ чувствомъ облегченія! Казалось они никогда не выѣдутъ изъ этого луга. По дорогѣ онъ стегалъ коня и бѣжалъ за нимъ нѣсколько десятковъ шаговъ, сѣно подпрыгивало на возу, сыпалось на право и на лѣво; лошадь стала приставать и убавила свои шаги. Петръ уже не пробовалъ по-

гонять ее, а шелъ за возомъ съ полураскрытымъ ртомъ, не спуская глазъ съ деревни; шапка его сдвинулась на затылокъ, онъ поминутно чесалъ у себя за ухомъ, бормоча время отъ времени:

— Что бъ его!... что бъ его!.. а!...

Это должно было выражать и горе, и страхъ, и тревогу, и любопытство—всѣ волновавшія его чувства. Зналъ онъ хорошо, чего хотѣлъ, цѣлый день разсуждалъ о томъ въ душѣ во время работы, но высказать вслухъ не рѣшился бы, потому что... потому что къ чему тамъ разговаривать понапрасну! хотѣлось бы уже быть тамъ поскорѣе... самому увидѣть и услышать...

— Но, коську! коныку!... поощрялъ онъ, причмокивая языкомъ.

Но конь плелся шагъ за шагомъ; подлѣ огромнаго воза онъ скорѣе напоминалъ большую собаку, нежели лошадь.

Стемнѣло, звѣзды усѣяли небо. Возъ въѣхалъ на улицу и Петръ уже издали вглядывался въ освѣщенныя окна хаты, стоявшей въ сторонѣ, надъ самымъ обрывомъ у берега. Едва остановился онъ у сарая и началъ отпрягать лошадь, какъ въ дверяхъ показалась Евка и подскочила къ нему вся запыхавшись.

— Миленькій Петрусикъ, вотъ смѣхъ, вотъ горе, вотъ чудо изъ чудесъ, засыпала она, дергая его за рукавъ. Скрыню перетрясли, на чердакъ лазили, теперь въ коморѣ роются... нигдѣ ни гроша! Ха, ха, ха! Она присѣдала, ее какъ бы душилъ какой то нервный смѣхъ.

— Ей Богу! что бъ я такъ здорова была! Вотъ наказанье божіе, вотъ судъ божій! Что бъ ихъ скрутило, что бъ ихъ всѣхъ холера передушила! Ха, ха, ха! Охъ умру, не выдержу, лопну отъ смѣха! Смотрять, чуть глаза не вылѣзутъ! Сопѣть шельмы перестали, лазять одинъ за другимъ и та вѣдьма топчется за ними, свѣтитъ имъ въ глаза, какъ щурамъ. Еще хату подожгутъ. Пусть горитъ! Рано или поздно придетъ на нихъ погибель! О, Боже милосердный! Дожила таки я, дождалась на бѣду ихъ, на горе любоваться! Слава тебѣ, Пресвятая Дѣва, что позволила мнѣ дожить до такого дня!

Евка хлопала въ ладоши и хохотала, держась за бока. Злость душила ее, тревога и усилія цѣлаго дня раздражили до послѣдней степени. Оставаясь дома по утру она была убѣждена,

что вечеромъ ея ужь здѣсь не будетъ. Въ теченіи цѣлаго дня ее то волновала надежда, то терзало разочарованіе. Въ сотый разъ хваталась она за каждую тряпку, въ полной увѣренности, что уже держитъ сокровище, и каждый разъ это сокровище превращалось въ прахъ, исчезая какъ бы во снѣ. Она почти обезумѣла отъ бѣшенства и ожила только теперь, глядя на ихъ физіономіи. Глупцы, ищутъ тамъ, гдѣ она уже ногтями рвала, зубами грызла! Неопредолимый, судорожный смѣхъ овладѣвалъ ею.

— Смотри, можетъ быть, не вѣришь? ей Богу, это они уже въ десятый разъ идутъ въ комору!

Евка тащила его къ дверямъ, указывала на хату; оттуда черезъ дворъ шелъ въ комору Максимъ рядомъ съ Өедоромъ, за ними Максимыха съ горящею лучиною въ рукѣ; дѣти бѣжали за ними слѣдомъ.

— Пусть цѣлый дворъ изроютъ, пусть хату развалятъ, а все таки ничего не отыщутъ! Старикъ лгалъ, отдалъ чорту, жидамъ занялъ, а можетъ быть просто съѣлъ отъ большой жадности! А эти волы съ ума теперь сходятъ! Слава тебѣ, милостивый Боже! И за что ты мнѣ грѣшной такое счастье, такой добрый день послалъ въ жизни?

Она не могла устоять на мѣстѣ, бѣгала то въ сарай, то на дворъ и все тащила за рукавъ ошеломленнаго Петра.

— Слушай... если бъ ты былъ добрый, Петрусикъ... шепнула она ему на ухо, пригнулась и заглянула въ лицо своими сѣрыми глазами.

— Слушай, ну, что ты? оглохъ, что ли, совсѣмъ или одурѣлъ? Петръ же стоялъ у порога, опустивъ безпомощно руки и машинально смотрѣлъ въ покрытый сумерками дворикъ.

— Вотъ и спѣшилъ... а! спѣшилъ!... твердилъ онъ въ умѣ и ждалъ, скоро ли они выйдутъ; прислушивался, не услышитъ ли звука ихъ голосовъ... можетъ быть, станутъ говорить между собою объ этихъ деньгахъ. Нѣтъ, все тихо, еще ищутъ... сквозь открытую дверь коморы падаетъ на землю блѣдная полоса свѣта, исчезнетъ на минуту и снова протянется черезъ цѣлый дворъ до самой хаты. Евка не переставала трясти его руку.

— Слушай, Петрусикъ, не пожалѣешь, ей Богу, ну послушай!... если бъ ты былъ такъ добръ, и помогъ бы мнѣ. На верху мой

сундукъ со всякимъ добромъ... Вѣкъ свой трудилась, вѣкъ горевала, собирая свое добро!... Помоги ты мнѣ, Петрусикъ... снесемъ его хоть сегодня ночью... Петрусикъ, слышишь?

Петръ оттолкнулъ ее локтемъ, отвернулся и ушелъ въ дальній уголъ сарая. Въ эту же минуту вся компанія, съ опущенными головами, прошла обратно въ хату.

Евка засыпала Петра проклятіями. Изъ боязни быть имъ избитою она выскочила изъ сарая, стала у воротъ, приготовившись бѣжать отъ него каждую секунду; Евка какъ могла, какъ умѣла, изливала на него свою желчь; и когда запасъ эпитетовъ истощился, она повторяла въ сотый разъ, что онъ *прыблуда... безбатченко...* цѣлый вѣкъ служилъ, по сту кожъ стеръ на рукахъ и на ногахъ, работая для нихъ, а теперь пойдетъ прочь, изъ хаты прогонятъ, босаго, оборваннаго... выгонятъ людямъ на смѣхъ! И прекрасно! такъ ему и нужно! Что бъ на дорогѣ холера схватила, что бъ его громомъ убило!

Петръ машинально сбрасывалъ сѣно съ воза, не слушая, что она тамъ кричитъ на дворѣ, качалъ головою и удивлялся собственной судьбѣ, которая складывалась такъ какъ то... Отецъ умеръ... оставилъ такъ себѣ... а вѣдь говорилъ, обѣщалъ... Если бъ хоть деньги нашли... можетъ быть... кто тамъ ихъ знаетъ... Максимъ, кажется, добрый, а тотъ другой... то шельма... съ голоднымъ брюхомъ воротился!

Онъ покрутилъ головою и продолжалъ работу; потъ катился по лицу, стебельки сѣна кололи за воротникомъ, въ рукавахъ и за пазухою.

— Шельма... тотъ другой, повторилъ онъ въ раздумьи.—Пойду въ наймы... вѣкъ служилъ и дальше буду служить.

Вдругъ ему пришло на мысль, какъ то они справятся безъ него? Онъ и пахалъ, и боронилъ, и сѣялъ, словомъ, каждую десятину обрабатывалъ собственными руками. Они же, новые хозяева не то: одинъ пропадалъ гдѣ то въ солдатахъ, другой запивалъ... иногда цѣлый день, а то и два, и три дня ходилъ самъ не свой, слабый, полусонный... Онъ одинъ работалъ за всѣхъ. Разъ только, рубивши дерево, ушибъ ногу, полъ дня пролежалъ въ саду подъ хатой, потомъ всталъ, потащился въ поле

и все какъ то прошло по немногу. Какъ они тутъ безъ него останутся? Онъ знаетъ землю... вотъ какъ знаетъ! Помнитъ въ какомъ году, какой гдѣ колосъ былъ... Ну, и земля къ нему привыкла! Его всегда посылали сѣять, такъ какъ владѣлъ онъ легкою рукою, какъ нѣкогда и отецъ его, совершенно также сѣетъ! У Максима дрожали руки, а Ѳедоръ ни зерна еще не бросилъ въ землю... Онъ одинъ сѣялъ и весною, и осенью. Вотъ и теперь готовы нивы подъ жито... ровныя, вспаханныя какъ одна... Черезъ день, черезъ два и сѣять пора. Зерно въ этомъ году какъ золото! Самъ онъ всегда и первые снопы молотилъ... Какъ то они справятся безъ него? Чѣмъ дольше думалъ Петръ, тѣмъ медленнѣе шла его работа; онъ все чаще закрывалъ вѣки; отъ пыли, или можетъ быть отъ вечерней росы, туманилось въ его глазахъ.

— Можетъ хоть посѣять, а тогда идти? прошепталъ онъ, скривился и отеръ глаза рукавомъ.

Евка ушла въ хату, на мѣстѣ ея у порога стояла Жучка, махая хвостомъ и вглядывалась въ темный сарай; Петръ окончилъ работу и вышелъ, притворивши дверь. Изъ хаты доносился громкій голосъ Ѳедора, заглушавшій дружный трескъ кузнечиковъ въ травѣ. На горизонтѣ медленно выплылъ мѣсяцъ, отъ рѣки повѣяло влагою; люди разошлись по хатамъ, слышенъ былъ только скрипъ воротъ, запираемыхъ то тамъ, то сямъ на ночь, да глухой звукъ шаговъ на улицѣ прерывали ночную тишину. Максимыха вышла изъ хаты съ мискою молока въ рукахъ и ломтемъ хлѣба въ передникѣ.

— Поѣшь здѣсь, не иди въ хату, обратилась она къ Петру, тотъ проклятый человѣкъ совсѣмъ съ ума спятилъ... грозитъ хату развалить! Слыханное ли это дѣло? вотъ до чего дошло!

Петръ усѣлся на завалинкѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ на вѣки уснулъ отецъ его, поставилъ миску около себя и началъ ѣсть, Максимыха стояла передъ нимъ; оба прислушивались, какъ Ѳедоръ кричалъ въ избѣ; охрипъ, стучалъ кулакомъ по столу, повторяя въ сотый разъ, что своего не подаритъ. При каждомъ ударѣ ветхія стекла дрожали въ окнахъ, собака начинала ворчать, Максимыха кивала головою.

— Вотъ до чего дошло! шептала она. Покойнику грозитъ! Пойду, говоритъ, изъ могилы вытащу, пусть говоритъ, шельма!

не хотѣлъ при жизни, пусть по смерти разсказываетъ! О, Боже мылый!.. Пречистая Дѣво! съ тѣхъ поръ какъ стоитъ хата, никто не кощунствовалъ, никто не накликалъ божьей кары! О, Боже мой милостивый!

— Онъ только такъ разсказываетъ, а не станетъ воевать съ покойникомъ, побоится, замѣтилъ Петръ.

— Ой, не побоится! Уже сгубилъ душу, шатаясь по свѣту! Въ Бога не вѣритъ, за каждымъ словомъ чорта вспоминаетъ. Пойду, говоритъ, вотъ сейчасъ пойду, можетъ быть еще не остылъ, можетъ задержу въ немъ духъ... пусть говоритъ! А не скажетъ, такъ хоть языкъ его выброшу собакамъ! Родной сынъ и такъ... объ отцѣ, о покойникѣ!.. Нѣтъ это свѣтопреставленіе! Содома—Гомора! Грѣхи тяжкіе!..

— Солдатъ, ничего не боится! что для него одинъ покойникъ, когда онъ самъ можетъ быть сотню убилъ!

— Отецъ родной!

— Гмъ! что тамъ солдату отецъ, хотя бы и родной; если бы тотъ хотя по крайней мѣрѣ также былъ солдатомъ... можетъ быть одинъ другаго боялся бы... извѣстно, какъ свой наскочитъ да на своего. А тутъ что? *нашъ старый* былъ простой мужикъ и только.

Максимыха молчала; ошеломленная такимъ кощунствомъ, она не могла собраться съ мыслями и опасалась Божьей кары, особенно противъ ночи... Ей казалось, что старая хата не выдержитъ подобныхъ словъ, она хотѣла уже вызвать дѣтей и мужа; въ случаѣ несчастья, пускай погибаютъ тамъ вдвоемъ солдатъ и его вѣдьма.

— Не ходи туда! Говоритъ, что убьетъ тебя, что ты на его хлѣбахъ выросъ, шепотомъ предупреждала Максимыха Петра, видя что онъ окончивъ ѣсть, всталъ и утиралъ себѣ губы рукавомъ.

— Чего я туда пойду, пробормоталъ онъ, оглянулся на глухую деревню, на поля, облитыя луннымъ свѣтомъ, и прибавилъ чуть слышно: чего я пойду... ужь я здѣсь не свой.

Максимыха не возражала; удерживать бѣдняка было нечего... сами останутся на пяти загонахъ, свои дѣти ростутъ... хотѣла ему хоть ласковое слово сказать.

— Пойду въ наймы, на Нѣманъ... на барку работникъ нуженъ.

— Хоть кусокъ сала возьми!—проговорила Максимыха со слезами на глазахъ.

— Завтра пойду! хотѣлъ еще жито посѣять... Эхъ! видно не суждено! посѣютъ и безъ меня.

— Посѣютъ! повторила Максимыха.

Обое умолкли; онъ какъ то не рѣшался уйти, переступалъ съ ноги на ногу, почесывая у себя за ухомъ.

— Придешь ты по утру, сирото небоже, прежде чѣмъ идти въ свѣтъ, съ хатой попрощайся. Здѣсь тебя мать родила, отсюда ты унесешь и судьбу свою тяжкую въ люди! причитала Максимыха, утирая передникомъ слезы.

Петръ смотрѣлъ въ землю и молчалъ; ему становилось жарко, горе душило его, не было у него ни словъ, ни слезъ.

— Прійду! прошепталъ онъ, и опустивъ голову, поплелся на свое обычное мѣсто подъ стогомъ, гдѣ уже поджидала его Жучка, тихонько ударяя хвостомъ по землѣ.

Рано утромъ Петръ отправился къ Шмулю. Барка все еще стояла у противоположнаго берега; красивая лодка, бѣлая съ голубымъ, тихо колыхалась на темно-синихъ волнахъ рѣки; только людей не было видно. Онъ постоялъ на берегу, поглядѣлъ на барку, на лодку, на темный сосновый лѣсъ... Солнце освѣщало желтоватые стволы, такъ что издали можно было сосчитать деревья; изъ лѣсу доносился смолистый запахъ, смѣшанный съ свѣжимъ запахомъ рѣки.

Шмуль еще спалъ; ставни по правой сторонѣ крыльца, съ вырѣзаннымъ въ нихъ сердцемъ, были еще закрыты. Въ сѣняхъ передъ запертою дверью стояла коза; десятокъ куръ прохаживались осторожно, какъ бы опасаясь разбудить хозяина. Петръ усѣлся на крыльцѣ и ждалъ.

— Должно быть еврей не успѣлъ еще нанять себѣ работника. Видно мнѣ суждено!... Вотъ ужь не думалъ я и не надѣялся, что придется идти на воду!

Теперь онъ внимательно присматривался къ рѣкѣ, ловилъ ухомъ тихій плескъ воды... Сегодня она казалась ему иною,

словно и не та... шире, темнѣе...—Глубокая, бестія, ой глубокая! подумалъ онъ, слѣдя глазами за плескомъ волны.

Одѣтъ онъ былъ въ сермяжную куртку, обшитую черною тесьмою, въ новые полотняные штаны и новую рубаху; на лавкѣ подлѣ него лежалъ узелокъ съ бѣльемъ, увязаннымъ въ красный платочекъ и суковатая палка; собрался онъ въ свѣтъ со всѣмъ своимъ имуществомъ; за пазухою лежала бумага изъ волости, съ которою можно было идти ему всюду, куда только глаза глядятъ. Эта бумага придавала ему увѣренности, возвышала въ собственномъ мнѣніи до званія гражданина; значитъ онъ есть *кто то*, если о немъ знаютъ въ волости, и даже на бумагѣ пишутъ!... Собака, лошадь или волъ живутъ на свѣтѣ безъ всякаго свидѣтельства, у него же есть свой *документъ*.

Солнце грѣло его въ спину, онъ двинулъ плечами и прищурилъ глаза... Вонъ тамъ при изгибѣ рѣки подъ лѣсомъ сѣрѣютъ среди зеленой равнины нѣсколько ровно вспаханныхъ загоновъ... сердце его сжалось, въ груди сдѣлалось жарко... нѣсколько минутъ дышалъ онъ какъ то медленнѣе и опять будто ничего... ожидалъ Шмуля.

Въ окно шинковой избы выглянулъ человѣкъ въ коричневой сермягѣ, потомъ другой просунулъ голову изъ-за его спины, проворчали что то про себя, въ избѣ; заговорили, задвигались; кто то бросилъ на полъ жестяную кружку, кто то протяжно зѣвнулъ, расправляя кости и суставы, такъ что на дворѣ было слышно. Скрипнула дверь; коза первая проникла въ избу, за нею куры бросились подъ ноги выходившимъ изъ нея крестьянамъ. Впереди вышло двое, за ними еще трое, всѣ босые, въ наброшенныхъ на плечи сермягахъ, кто держалъ руку за пазухою, кто чесалъ за ухомъ; проходя мимо Петра, смѣрили его съ головы до ногъ соннымъ взглядомъ, поплелись одинъ за другимъ на берегъ и спустились оврагомъ къ рѣкѣ. Глухое, словно подземное „го, го... о... о!“ пронеслось надъ берегомъ, отозвалось въ лѣсу, въ заросляхъ и замерло гдѣ то въ оврагѣ. На рѣкѣ плеснуло весло.

Петръ слышалъ все это, но даже не оглянулся, ему что за дѣло!... пусть себѣ кричатъ, пусть плывутъ, когда придетъ его очередь, и онъ крикнетъ, и онъ поплыветъ.

Въ избѣ утихло, слышно было только, какъ ступала по полу коза, какъ греблись куры въ углу около печи. Вдругъ кто то зѣвнулъ, или скорѣе застоналъ болѣзненно, протяжно и умолкъ. Петръ выпрямился и, словно пробужденный отъ сна, замигалъ глазами, ему казалось, что стонъ этотъ все еще гдѣ то и тутъ близко отдается. Встревоженныя куры выскакивали изъ избы въ сѣни, на крыльцо, хлопая крыльями, пробѣгали у ногъ парубка на дворѣ; коза отошла къ порогу и съ недоумѣніемъ вглядывалась во внутрь избы. Петръ слушалъ не повторится ли этотъ стонъ... онъ пошелъ бы взглянуть, а можетъ быть и не пошелъ бы, но все таки прислушивался. Въ избѣ кто то ходилъ, шлепая по полу босыми ногами; коза выбѣжала въ сѣни, за нею вышелъ больной парубокъ въ полотняной одеждѣ, въ синей курткѣ съ блестящими пуговицами, съ опущенною головою, съ запекшимися губами, рыжіе волосы падали на лобъ; проходя черезъ сѣни, онъ смотрѣлъ воспаленными глазами на залитое свѣтомъ подворье, не взглянулъ даже на Петра, сталъ на крыльцѣ и опустилъ руки. Петръ узналъ вчерашняго больнаго, сегодня онъ выглядѣлъ здоровѣе; онъ кусалъ губы, и мрачно нахмурившись, смотрѣлъ на барку.

— Не знаете, есть ли уже тамъ работникъ? спросилъ Петръ, кивнувъ головою въ сторону рѣки.

Больной окинулъ взглядомъ и чистую одежду и узелокъ въ красномъ платкѣ, и палку спрашивавшаго его крестьянина.

— А чортъ его знаетъ! должно быть нѣтъ, если стоятъ до сихъ поръ, проворчалъ онъ въ отвѣтъ и присѣлъ на другую лавку.

— Онъ... мошенникъ?

— Гмъ, жидъ,—какъ жидъ!

— Не обижалъ?

— Истерли бы его въ порошокъ, если бы онъ да еще началъ насъ обижать! боится, шельма!

— Это хорошо!

Собесѣдники умолкли; больной внимательно присматривался къ Петру, смѣрилъ еще разъ взглядомъ и его узелокъ, и боль-

шія руки, босыя ноги; здоровый румянецъ парубка видимо возбуждалъ въ немъ зависть.

— Пропадешь тамъ прежде времени, сказалъ онъ наконецъ, чего лѣзть, лучше такъ гдѣ нибудь, около пашни... тамъ нуженъ навыкъ, не всякій можетъ справиться, кивнулъ онъ на барку.

— Кто теперь возьметъ къ осени? весною другое дѣло; авось не пропаду до весны.

— А теперь ты откуда идешь? изъ экономіи? или такъ отъ хозяина?

Петръ не отвѣчалъ. Горе, замершее было въ сердцѣ, ожило съ новою силою; онъ весь вспыхнулъ, лобъ, виски, уши налились кровью, онъ поднялъ брови, вперилъ глаза въ землю и не могъ произнести ни слова.

— Можетъ быть изъ дому? спросилъ больной послѣ долгаго молчанія. Петръ кивнулъ головою, въ глазахъ стояли слезы.

— Изъ дому, повторилъ онъ.

Больной отворотился и смотрѣлъ въ лѣсъ за рѣку, какъ то странно съежившись.

— Почему же изъ дому? несчастье случилось, или раздѣлились?

Петръ не зналъ, что сказать; синяя куртка съ блестящими пуговицами, фарфоровая трубка, выглядывавшая изъ кармана собесѣдника, приводили его въ смущеніе. При томъ же больной казался человѣкомъ бывалымъ: плевалъ сквозь зубы, сидѣлъ закинувъ ногу на ногу, заложа руки въ карманы, трактовалъ его немного свысока, обо всемъ распрашивалъ, между тѣмъ какъ самъ онъ не смелъ даже спросить, кормятъ ли тамъ на баркѣ, даютъ ли водку по временамъ и сколько платятъ? Не смѣлъ, боялся, чтобы не приняли его за простака, который даже о такихъ вещахъ не слыхалъ. Поэтому онъ не отвѣчалъ сразу, собираяся все съ мыслями, но что то тянуло его за языкъ,— нужно было во что бы то ни стало высказать всѣ свои огорченія и обиды... нужно было дознаться отъ кого нибудь, дѣйствительно ли онъ ничего не можетъ получить изъ отцовскаго наслѣдства. Зналъ онъ, что не съумѣетъ передать всего такъ, какъ думаетъ, но отчего же не попытаться. Началъ съ земли и скота, сколько чего было, какая у нихъ паша, какой бываетъ урожай

въ сухое и какой въ дождливое лѣто. Вспомнилъ, что шельма Яковъ, сосѣдъ, постоянно воруетъ съ ихъ поля снопы; впрочемъ, это уже извѣстный воръ, даже подъ арестомъ сидѣлъ! Потомъ вдругъ спутался, забылъ, о чемъ разсказывалъ, не помнилъ даже, все ли имущество перечислилъ или нѣтъ, и началъ опять сначала. Теперь пошло глаже такъ что, когда служанка Шмуля, низкая, румяная еврейка съ пухомъ въ черныхъ, вьющихся волосахъ, вышла открывать ставни, больной зналъ уже названія лошадей и коровъ количество овецъ, имена отца, братьевъ и ихъ женъ и слушалъ о похожденіяхъ Евки, слушалъ ошеломленный, пораженный, не спуская глазъ съ разсказчика.

— Такъ эта вѣдьма у васъ? спросилъ онъ вдругъ.—Такая смуглая, на тонкихъ ногахъ, худощавая, съ черными волосами?

Петръ кивнулъ головою.

— Въ достаткѣ жила, говоришь ты? въ роскоши всякой?

Петръ повторилъ, какъ умѣлъ, всю привольную жизнь Евки до возвращенія мужа. Больной слушалъ, улыбался, изъ подъ рыжихъ усовъ сверкали острые, рѣдкіе зубы; онъ смѣялся и шутливо кивалъ головою.

— Вотъ какъ! повторялъ онъ спокойно, почти весело; только, когда Петръ снова сбился и замолчалъ, онъ поспѣшно сжалъ руками всклокоченную голову, а когда опустилъ ихъ на колѣни, въ каждой былъ клокъ рыжихъ волосъ.

— Въ роскоши жила, прошипѣлъ онъ, въ роскоши!

Петръ разговорился о братьяхъ, о Ѳедорѣ, о своей обидѣ.

— Злодѣи, воры! подтвердилъ больной. А ты дуракъ! Никто тебѣ щепотки соли не дастъ даромъ... никто, понимаешь?—Онъ вытянулъ шею и уставился ему въ лицо воспаленными глазами.— Никто не дастъ! повторилъ онъ съ удареніемъ.—Не обкрадывалъ ты ихъ, не грабилъ, вотъ и вышелъ босымъ изъ хозяйской хаты!

Онъ сплюнулъ, въ горлѣ пересохло, послѣднія слова онъ произнесъ сдавленнымъ, рѣзкимъ голосомъ.

— Бѣда научитъ разуму! увидишь, но только со временемъ. Прежде будешь лить кровавый потъ, силы растратишь понапрасному, а тогда увидишь, что глупо жилъ на свѣтѣ. Вотъ какъ!

Рѣчь его оборвалась; самъ же онъ смотрѣлъ въ широко раскрытые глаза Петра и видѣлъ, что этотъ неповоротливый крестьянинъ скорѣе чутьемъ, нежели разсудкомъ угадываетъ смыслъ его словъ.

— Такъ можетъ быть мнѣ лучше воротиться домой и требовать свою часть? робко спросилъ тотъ, ошеломленный всѣмъ услышаннымъ.

— У кого? Чего требовать? Можетъ быть земли. А ты далъ бы хоть щепотку родному отцу, если бъ имѣлъ?

— Оно то правда, что не далъ бы! Такъ чтожь мнѣ дѣлать теперь?

— Ничего! пойдешь служить, работа изсушитъ, изморитъ тебя! Хозяиномъ не будешь! Воровству, можетъ быть, научишься, если до сихъ поръ не умѣлъ, вотъ и все. А съ наслѣдствомъ распрощайся! Если бы все провалилось сквозь землю и тогда ты бы ничего не потерялъ, вотъ какъ! Нужно было лучше слѣдить за отцовскими деньгами. Иногда у воровъ отбираютъ, нищій такъ и умретъ нищимъ!—Такъ эта вѣдьма, говоришь, и теперь у васъ живетъ? спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Евка... черноволосая... худощавая... изъ Нѣменчина ее взялъ?

Петръ кивнулъ головою.

— Когда? давно?

Тотъ подумалъ немного... какъ разъ въ тотъ годъ рыжая въ первый разъ отелилась...

— Гмъ, должно быть года четыре будетъ!

— Это значитъ тогда, какъ я ушелъ!... Сейчасъ послѣ того, какъ я ушелъ въ свѣтъ. Вѣдьма! ластилась, прикидывалась... а я вѣрилъ ей, вѣрилъ какъ самому себѣ! а!... Гмъ, пропало! полъгоря! А мнѣ что за дѣло?—онъ пожалъ плечами, но черезъ минуту спросилъ.

— Знаешь ли ты навѣрно, что это та самая? изъ Нѣменчина? а? Потому что можетъ быть другая, какая нибудь?...

— Та самая, вѣдь я за нею ѣздилъ. Откуда тамъ другая? Довольно и одной такой на свѣтѣ!

Онъ снова принялся разсказывать все и съ самаго начала, но Андрей уже его не слушалъ; онъ быстро вскочилъ съ лавки, вышелъ на берегъ и отвернувшись отъ корчмы, пристально

смотрѣлъ на воду. На крыльцѣ же корчмы показался Шмуль, за нимъ явился другой еврей, начались переговоры ихъ съ Петромъ, и все время пока они договаривались и торговались съ нимъ, Андрей какъ бы приросъ къ берегу. И только подъ конецъ, когда Петръ, забравши свои вещи, пошелъ за купцомъ, а Шмуль, заложа руки въ карманы, медленными шагами провожалъ ихъ къ лодкѣ, Андрей закричалъ ему вслѣдъ:

— Эй, ты, шинкарь! чего разважничался? водки, собачья кровь! слышишь? давай водки!

Шмуль остановился и оглянулся съ достоинствомъ; икры у него задрожали скорѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ боязни.

Лодка быстро отчалила; оглянувшись на берегъ Петръ все еще видѣлъ шинкаря въ вышитыхъ туфляхъ, съ разстегнутымъ жилетомъ, изъ подъ котораго видна была грязная рубаха, а сзади висѣли бѣлыя тесемки,—и Андрея, который, подавшись впередъ, кричалъ что то и грозилъ кулакомъ; наконецъ, онъ побрелъ къ крыльцу—лодка причалила отъ барки къ берегу за хозяиномъ и только что нанятымъ Петромъ.

На баркѣ купецъ сталъ торопить всѣхъ, то бѣгалъ, то подавалъ веревки, то помогалъ надѣвать рабочимъ на грудь парусинные пояса. Солнце стояло высоко, вода спадала, полтора дня потеряли, стоя на мѣстѣ; за то люди отдохнули. Купецъ еще разъ обернулся и поглядѣлъ на корчму: тамъ оставался самый сильный... тащилъ за двухъ, а ругался за десятерыхъ, людей бунтовалъ... разъ какъ то пригрозилъ даже утопить его... Разумѣется, это была шутка, но отъ такихъ шутокъ сѣдѣютъ волосы на головѣ. За то этотъ новый сразу показалъ, на что онъ способенъ. Купецъ отошелъ, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега и, заложа за спину руки, съ улыбкою знатока слѣдилъ за первою пробою Петра; восемь человѣкъ старались столкнуть съ мели барку; подавшись впередъ, они изо всѣхъ силъ напирали грудью на шесты и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ стояли словно окаменѣлые—ни движенія, ни дыханія, ни малѣйшихъ признаковъ жизни не было замѣтно... только лица, наклоненныя къ низу, наливались кровью, глаза сами собою закрывались, потные волосы прилипали ко лбу и вискамъ, еще минута

такого напряженія и лопнутъ набрякшія жилы, грудь не выдержитъ задержаннаго дыханія. Но вотъ заколыхалась барка и изъ восьми грудей разомъ вырвался протяжный возгласъ! Всѣ вздохнули и, не расправляя спины, снова всею силою налегли на шесты. Купецъ не спускалъ глазъ съ новичка, всѣхъ остальныхъ видалъ онъ не разъ при подобной работѣ и зналъ, кто чего стоитъ, умѣлъ даже различить голосъ каждаго въ общемъ стонѣ... Петръ побагровѣлъ, жилы на лбу надулись, но ни капли пота не выступило еще на лицѣ. Онъ даже не подалъ голоса; только закусилъ нижнюю губу и въ то время, какъ прочіе переводили духъ, онъ одинъ продолжалъ отпихать барку отъ берега. Еврей незамѣтно кивнулъ головою; онъ уже оцѣнилъ новаго работника; когда, оттолкнувши барку, всѣ принялись оправлять петли на груди, устанавливаться по два и по три человѣка и собираться съ силами для первыхъ шаговъ, пока не вытащатъ барки на глубокое мѣсто,—онъ самъ поставилъ Петра около самаго слабѣйшаго, невысокаго старика, худаго и лысаго, который не годился уже тянуть бичеву, но превосходно зналъ путь, разъ сто прошелъ рѣку вверхъ и внизъ и при томъ же легко напивался. Уже отъ первой рюмки носъ его алѣлъ, красныя пятна выступали на щекахъ, тусклые глаза начинали блестѣть, онъ смѣялся, подпрыгивалъ, бралъ гармонику, наигрывалъ и напѣвалъ писклывымъ голосомъ „Якъ була я молода“ или другую какую нибудь развеселую пѣсню, а усталые, измученные товарищи немного оживали и даже смѣялись по временамъ. Въ особенности въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, среди лѣсистыхъ горъ и овраговъ, на берегу, усѣянномъ острыми каменьями, гдѣ съ каждымъ шагомъ оставались новые слѣды крови на землѣ, эта музыка была какъ нельзя болѣе кстати. Развеселившійся старичекъ игралъ даже на ходу, таща бичеву, только пѣть не могъ въ это время—голосъ обрывался и вмѣсто мотива выходило какое то жалкое мычаніе. Другіе только послѣ седьмой или восьмой рюмки приходили въ болѣе веселое настроеніе, разставались съ своею обычною угрюмостью, пѣли и кричали шумными голосами, въ которыхъ дикое веселье сливалось съ жалобнымъ стономъ, вырывавшимся изъ самой глубины груди; для него достаточно было одной рюмки. Когда не

удавалась музыка и пѣніе, онъ смѣялся, шутилъ, балагурилъ, вообще развлекалъ компанію и среди протяжныхъ стоновъ и скрипа веревокъ дрожащій голосъ старика пріятно ласкалъ слухъ остальнымъ. За всѣ эти заслуги купецъ прощалъ ему недостатокъ силъ, слабыя ноги и частый кашель, напоминавшій кашель овцы. Передъ особенно тяжкими переходами звалъ его съ собою на барку и давалъ рюмку водки; старикъ самъ зналъ, когда придетъ къ тому время, посматривалъ на еврея, подмигивалъ и никогда не обманывалъ! Да и нужды не было,—иногда по нѣскольку разъ на день встрѣчалась „кровавая дорога". Подъ пѣсню, подъ музыку, подъ веселую шутку ровнѣе плыла барка, бурлаки правда стонали, но ихъ меньше было слышно.

Съ нимъ то еврей поставилъ Петра и былъ совершенно доволенъ: гдѣ старый ослабѣетъ, молодой подтянетъ... надѣялся даже, что при такомъ товарищѣ и старику прибудетъ силъ. Ничуть не бывало! едва прошли нѣсколько десятковъ шаговъ, Петръ еще ни разу не вздохнулъ, а старичекъ уже весь дрожалъ, облитый потомъ и то и дѣло поглядывалъ на своего исполинскаго сосѣда. Тотъ шелъ большими шагами, потупивъ голову, петля впилась ему въ грудь, рѣзала подъ руками, глаза наливались кровью. Впереди на землѣ виднѣлись четыре босыя ноги, съ боку на пригоркѣ еще шесть такихъ же ногъ. Передъ нимъ и за нимъ перекрещивались веревки, касаясь то плеча, то колѣна, одна уже натерла ему шею; несмотря на то ему все казалось, что онъ одинъ тащитъ барку, что всѣ эти люди, склоненные, сгорбленные идутъ себѣ только, вытянувъ шею, а вся тяжесть, вся громадная сѣрая масса, незамѣтно движущаяся по водѣ, давитъ на его грудь. Сперва ему казалось, что это первые только шаги такъ трудны, что вотъ—вотъ будетъ легче, сейчасъ за этимъ пригоркомъ, за этими песками, или вонъ тамъ въ концѣ за оврагомъ, за каменьями. Тамъ ему будетъ легче... барка выплыветъ на болѣе глубокое русло, тогда и онъ пойдетъ, какъ всѣ, а пока долженъ тащить одинъ за всѣхъ. Но холмы, пески и скалы оставались позади, кое гдѣ попадался лужокъ съ влажною почвою, болотистый или утоптанный берегъ, ровный какъ полъ; окровавленныя ноги нѣсколько освѣжались, а ремень по прежнему не пе-

реставалъ надавливать грудь. Старикъ поглядывалъ на товарища, тотъ въ свою очередь смотрѣлъ на него. Другіе, идучи рядомъ, обмѣнивались между собою отрывочными замѣчаніями, полусловами.

Старичекъ только улыбался исподтишка, щурилъ глаза, страшно кривилъ лицо, словно изъ него всѣ жилы вытягивали, наконецъ, взялъ Петра за руку, крѣпко сжалъ ее и съ тѣхъ поръ они шли уже рука объ руку. Петру было какъ будто легче; онъ видѣлъ, какъ старикъ съ трудомъ передвигаетъ ноги, нагибается впередъ, тащитъ изо всѣхъ силъ, иногда наклоняется почти къ самой землѣ; чувствовалъ, какъ его пальцы дрожатъ отъ напряженія, какъ весь онъ вздрагиваетъ по временамъ, словно умирающій котенокъ,—и убѣждался, что не одинъ онъ тащитъ бремя, ему становилось легче, онъ начиналъ привыкать.

Бурлаки отдохнули подъ горою, потомъ посидѣли въ лѣсу, кто съ кѣмъ шелъ, съ тѣмъ и усаживался на привалъ; Петръ держался подлѣ старика, или скорѣе старикъ сразу присталъ къ нему. Они не разговаривали между собою, но уже хорошо знали другъ друга. Замѣчая, что старикъ начинаетъ спотыкаться, тотъ поддерживалъ его за руку и тащилъ за собою.

— Хе, хе! мнѣ ужь не до танцевъ! вздыхалъ старикъ съ шутливою гримасою,—не... до... танцевъ!... и шелъ дальше почти на четверенькахъ, хватаясь руками за выдающіеся каменья, а когда подымалъ голову, глаза его были красны, лицо облито потомъ; онъ утиралъ рукавомъ лобъ, но черезъ минуту новыя капли выступали, какъ роса.

— Еще двѣ трудныя горы, лютыя бестіи, что ни шагъ, то сучекъ, или корень, или тернъ острый до самой кости влазитъ! берегъ будетъ, какъ стекломъ усыпанный, не одинъ чортъ тамъ копыта себѣ содралъ; а потомъ уже одни пески глубокіе, непроходимые, душа разрывается въ груди, глаза лѣзутъ изо лба; а за песками еще одинъ часъ пути и ночлегъ, если только не станемъ на мель по дорогѣ,—объяснялъ онъ Петру во время привала. Они ѣли изъ одной миски, старикъ попотчивалъ его табакомъ, спросилъ, какъ его зовутъ, о себѣ же сказалъ, что въ селѣ когда то называли его Иваномъ, но уже давнымъ давно, въ отличіе отъ другихъ, прозвали „Хацкелемъ".

— Жидовское это имя, не людское, но что жъ дѣлать? Хацкель такъ Хацкель! видно такъ имъ понравилось. Да впрочемъ, на водѣ человѣкъ живетъ какъ собака, ни Бога, ни людей! если бы не кусочекъ сала, что плаваетъ тамъ иной разъ въ крупникѣ, то и самъ себя не отличилъ бы отъ жида. Пусть будетъ Хацкель!

Онъ сыпалъ шутками и все поглядывалъ на Петра, подсовывалъ ему табакерку, но не могъ вызвать на разговоръ. Предсказаніе его относительно дороги оправдалось вполнѣ. Послѣ двухъ горъ былъ адскій берегъ, затѣмъ пески, наконецъ къ вечеру вошли какъ бы въ глубокій оврагъ; по обѣ стороны возвышались лѣсистыя взгорья, поросшія сосною, елью и густыми кустарниками можжевельника; тутъ сразу стемнѣло, рѣка была уже и глубже въ этомъ мѣстѣ, теченіе спокойнѣе, мѣстами поверхность ея была гладкая, какъ зеркало. Люди карабкались по обрывамъ, хватались за кусты, за камни, ползли почти на колѣняхъ... глухой стонъ повторялся ущельемъ и протяжнымъ эхомъ отдавался по лѣсу. Въ ихъ полотняной одеждѣ люди почти не были замѣтны на сѣроватомъ фонѣ горы; казалось, стонъ выходилъ прямо изъ земли и разносился въ воздухѣ, въ бѣловатой дымкѣ, клубившейся надъ водою.

Перегнувшись на двое, Хацкель тащился у самыхъ ногъ Петра; понемногу, незамѣтно снялъ онъ съ груди ремень и, придерживая его въ рукахъ, по прежнему наклонившись и тяжело дыша, искоса поглядѣлъ на Петра. Люди карабкались по корнямъ, по сучкамъ, мѣстами песокъ осыпался подъ ногами... У Петра горѣли ноги, какъ въ огнѣ, онъ хватался за выступы обрыва, но сухой песокъ разсыпался въ ладони, рука падала и ему снова показалось, что онъ одинъ тащилъ всю тяжесть. Онъ взглянулъ на Хацкеля въ то самое мгновеніе, какъ тотъ, весь скорчившись, съ умоляющимъ видомъ смотрѣлъ ему въ глаза; петли не было на груди, но старикъ казался такимъ измученнымъ, малымъ и жалкимъ, что Петръ только молча кивнулъ головою и продолжалъ смотрѣть подъ ноги.

Наконецъ совсѣмъ стемнѣло, бурлаки спустились въ долину. Рѣка вилась среди луговъ и вспаханныхъ полей; при первомъ изгибѣ подъ лѣсомъ сдѣлали привалъ. Никто даже не по-

думалъ о пищѣ; гдѣ кто стоялъ, тамъ и упалъ на землю, прижимаясь грудью къ влажной травѣ. Хацкель черпалъ воду деревяннымъ ковшомъ и поочередно подносилъ каждому; это входило въ кругъ его обязанностей музыканта, пѣвца и балагура. Всѣ пили съ жадностью, отрывались на минуту и снова принимались пить, пока мало по малу не остывалъ жаръ въ груди; тогда вынимали изъ кармана трубки, но никто не двигался съ мѣста; всѣ лежали, растянувшись на животѣ, слегка приподнявъ голову. Хацкель принесъ имъ съ барки свиты и кожухи, услуживалъ всѣмъ, потому что съ каждымъ имѣлъ свои счеты. Только когда угасла послѣдняя трубка, онъ присѣлъ на землю рядомъ съ своимъ спутникомъ, охвативъ колѣни руками, скорчившись подъ наброшеннымъ на плечи тулупчикомъ, и отдыхалъ, глядя на противоположный берегъ. За ними въ двухъ шагахъ тянулся глухой лѣсъ, подобно высокому валу, загибавшійся полукругомъ и окаймлявшій желтоватые берега рѣки. Въ воздухѣ дрожалъ легкій вѣтерокъ, глухой шелестъ непрогляднаго лѣса, раздавалось тяжелое дыханье нѣсколькихъ измученныхъ грудей; минутами и вѣтеръ, и шелестъ, и плескъ воды расплывались гдѣ то между небомъ и землею. Въ ночной тиши слышно было только тяжкое, отрывистое дыханье спящихъ бурлаковъ, которое то ослабѣвало, то постепенно переходило въ сдержанный стонъ, обрывалось, утихало, словно уходило въ землю и возвращалось снова, уже ровнѣе и свободнѣе.

Петръ еще не спалъ; онъ опустилъ въ воду израненныя ноги и смотрѣлъ на песчаный обрывъ на противоположномъ берегу. Шли цѣлый день, сдѣлали немалый конецъ, а отсюда и полверсты не будетъ до села. Самъ онъ пахалъ не разъ противъ этого лѣса и каждый кустъ, каждый холмикъ зналъ какъ свои собственныя нивы. Онъ пожалъ плечами, удивляясь тому, какъ различно идетъ путь на водѣ и на сушѣ. Тихая, чуть замѣтная улыбка промелькнула на губахъ... будь подъ рукою лодка, онъ вскочилъ бы и поспѣлъ бы еще домой къ ужину. Близехонько... небольшой клинъ жита, межа, полъ морга поля... дорога... заросли и село... ихъ хата первая отъ берега.

— Клонитъ меня ко сну, шепнулъ старикъ.—На перинѣ, пожалуй, уснулъ бы, а на землѣ—жаль трудить кости!

— На перинѣ! замѣтилъ Петръ, такъ вы развѣ въ самомъ дѣлѣ изъ жидовъ?

— О, нѣтъ! я изъ села, только изъ далекаго... Богъ его знаетъ, есть ли оно еще на свѣтѣ? Можетъ быть сгорѣло, а можетъ быть и люди вымерли... живой души изъ той стороны никогда не встрѣтишь. А можетъ быть оно теперь иначе называется? Кого ни спроси, никто никогда не слыхалъ о Тетеркахъ. Иной зналъ Соколы, другой Воробьевичи, были даже такіе дурни, что жили когда то въ Воронкахъ, только Тетерокъ никто не видалъ. Я ужь теперь и не спрашиваю—должно быть иначе назвали. Попалъ бы можетъ, да не знаю дороги! Теперь все по машинѣ ѣздятъ, а я оттуда пѣшкомъ вышелъ, такъ и попасть трудно! Гдѣ то около Свислочи... а тутъ говорили когда то, что и Свислочь сгорѣла! Эхъ! жизнь бываетъ и хорошая, и худая, умирать всегда плохо... а мнѣ уже ближе къ концу... по смерти душа и сама попадетъ, куда ей предназначено. Вонъ и тамъ за холмомъ горитъ что то! прибавилъ онъ хрипло, указывая головою на противоположный берегъ,—можетъ быть село, а можетъ и просто ночлежникъ?

Петръ еще раньше примѣтилъ на небѣ бѣловатое облачко дыма, затѣмъ желтоватую полосу, не то зарево, не то отблескъ восходящаго мѣсяца. Онъ смотрѣлъ, напрягалъ зрѣніе, наконецъ всталъ на ноги, вытянулъ шею, стараясь видѣть еще лучше. Зарево росло надъ горизонтомъ, красноватые отблески подымались все выше и выше.

— Горитъ, точно горитъ!—замѣтилъ Хацкель.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, окинулъ глазомъ барку посрединѣ рѣки съ колыхавшеюся у кормы лодкою, потомъ бросилъ взглядъ на лѣсъ и въ два прыжка, словно раненый волкъ, очутился у дерева; прежде чѣмъ старикъ успѣлъ оглянуться, онъ былъ уже на половинѣ высокой сосны и карабкался на самый верхъ, съ сучка на сучекъ... между тѣмъ зарево позолотило уже верхушки лѣса.

Горѣла хата Чмелей. Благодаря тихой погодѣ, она горѣла ровно, какъ свѣча, безъ шума и треска, свойственнаго пожарамъ. Старая крыша, гнилыя стѣны и балки, все вспыхнуло почти сразу. Огонь въ одно мгновеніе охватилъ хату, бросилъ кверху цѣлый столбъ искръ, затѣмъ успокоился и медленно пожиралъ гору старой рухляди, нагроможденной десятками лѣтъ. Люди успѣли выскочить какимъ то чудомъ. Максимъ, Ѳедоръ, Максимыха съ съ дѣтьми—всѣ выстроились въ рядъ передъ огнемъ на улицѣ, нѣмые отъ ужаса, и не сводили глазъ съ пламени. Только когда рухнула печь, Максимыха вскрикнула: о, Господи!

Максимъ взглянулъ на нее, на *обору*, на *стодолу*, до верху наполненную хлѣбомъ. Ни одной искры не летѣло въ ту сторону, ни малѣйшаго вѣтерка... хата горѣла тихо и столбъ сѣраго дыма медленно подымался къ небу... Даже сосѣди, встревоженные въ первую минуту, мало по малу успокоились: хата стояла въ самомъ концѣ села, отдѣленная отъ другихъ огородомъ и рядомъ березокъ, а горѣла такъ ровно, какъ будто куча сухой соломы... Любопытство пересилило тревогу. Въ одну минуту цѣлое село столпилось у огня, бабы впереди, кто безъ юбки, кто безъ фартуха, всѣ въ томъ видѣ какъ засталъ ихъ пожаръ въ постели. О спасеніи или помощи не было и помину, при видѣ пожара всѣ опасенія на счетъ его распространенія исчезли. Вся эта толпа, сбившаяся въ кучу посерединѣ, съ болѣе отважными на правомъ и лѣвомъ крылѣ, окруженная непроглядною тьмою, съ лицами, озаренными красноватымъ заревомъ пожара, казалась порожденіемъ фантазіи, какими то привидѣніями, грѣющимися вокругъ адскаго огня. Растрепанныя бабы съ космами сѣдыхъ и черныхъ волосъ на лбу, довершали сходство.

А за селомъ, тамъ гдѣ начинались густыя заросли, Евка въ одной рубахѣ и разорванной юбкѣ, босая, безъ платка, съ расплетенными косами по плечамъ, стояла, словно окаменѣлая, передъ Андреемъ; она сразу узнала его, слышала его голосъ, чувствовала, какъ онъ трясъ ее за руку и злобно кричалъ что то подъ самымъ ея носомъ. Чувствовала, какъ что то уже хруснуло въ ея плечѣ, послѣ чего страшная боль прошла по всей ея спинѣ, но тѣмъ не менѣе она не могла выговорить ни слова. Она смотрѣла ему въ

лицо широко раскрытыми глазами, даже двигала губами, голоса только ей не хватало. Отдаленный свѣтъ пожара разстилался по полю, освѣщалъ село и озарялъ по временамъ широкое лицо Андрея, рыжіе волосы, обвисшіе усы, рубаху, разстегнутую на широкой косматой груди. Теперь она убѣдилась, что это онъ, тотъ самый, и въ дикомъ страхѣ впилась ногтями въ его руку... боялась, что бы онъ опять не исчезъ, не провалился сквозь землю, не оставилъ ее одну среди темной ночи, она дрожала всѣмъ тѣломъ, стучала зубами... Наконецъ, злость его прошла, онъ спокойнѣе посмотрѣлъ на Евку; такая же точно, какою оставилъ ее. Оборванная, одинокая, боязливая.

— Чего дрожишь, глупая? ну, перестань... я вѣдь не чортъ, не разбойникъ! Огонь вѣдьмы не взялъ! пробормоталъ онъ про себя, окончательно отрезвленный, смѣрилъ ее глазами съ головы до ногъ, оглянулся назадъ на село и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на постепенно уменьшавшійся огонь, на черные силуэты, виднѣвшіеся вдали.

Евка опомнилась, только зубы еще стучали какъ въ лихорадкѣ, она вскинула плечами и прошептала:

— Чортъ ихъ сжегъ!

— Молчи, сумашедшая! крикнулъ Андрей сквозь зубы.

Но Евка уже не боялась его. Жизнь, задержанная на минуту, пробудилась въ ней съ новою силою. Торопливо, прерывающимся голосомъ шептала она о своей тяжкой участи, о всѣхъ обидахъ, голодѣ и холодѣ, о волахъ проклятыхъ, о карѣ божьей и вѣчномъ мученіи для нихъ! Шопотъ ея какъ то зловѣще раздавался въ ночной тишинѣ.

— Тише, твердилъ Андрей, нѣсколько разъ даже зажимая ей ротъ рукою, но уйти не могъ, что то приковывало его къ мѣсту... онъ ждалъ, пока не угаснетъ послѣднее зарево. Пламя вспыхивало еще по временамъ, догорали срубы... вдругъ оно вспыхнуло сильнѣе... протяжный крикъ эхомъ пронесся по зарослямъ....

— Волы ревутъ! прошипѣла Евка.—Андріечку, миленькій, дорогой, голубчикъ,—засыпала она, крѣпко уцѣпившись ему за руки.—Если бъ ты зналъ только, если-бъ ты слышалъ, если бы ты собственными глазами увидѣлъ, что я бѣдная, несчастная

вытерпѣла въ этой проклятой хатѣ... Слава тебѣ, милостивый Боже, что ихъ наконецъ чортъ спалилъ.

— Молчи, сумашедшая! крикнулъ Андрей и потащилъ ее за собою въ лѣсъ, въ кусты; они шли все быстрѣе и быстрѣе, мелькая, какъ тѣни, вдоль нагорнаго берега рѣки. Онъ шелъ большими шагами, она бѣжала за нимъ, крѣпко держась за его куртку.

— Жаль, что я хоть куска хлѣба не прихватила! шепнула Евка, дрожа отъ холода.

Андрей тоже только теперь почувствовалъ, что съ самаго утра онъ въ ротъ ничего не бралъ, кромѣ водки. Прежде нежели потухло зарево, они исчезли гдѣ то во тьмѣ....

Черезъ годъ послѣ того, на мѣстѣ старой хаты стояла новая, болѣе просторная, съ бѣлою трубою и крылечкомъ на двухъ столбахъ. Часть денегъ на постройку заняли Максиму сосѣди, остальное ссудилъ тесть. Изъ отцовскаго клада нашли среди угля на мѣстѣ очага нѣсколько почернѣлыхъ монетъ, все же прочее пропало безъ слѣда. Въ новой хатѣ у Максимыхи было подъ печкою обширное помѣщеніе для домашней птицы. Она одна изъ цѣлаго семейства ежедневно отъ всего сердца благодарила Бога за пожаръ: вмѣстѣ съ хатою сгорѣло все ея несчастье, все мученіе—сгорѣла Евка! Напрасно увѣряли сосѣди, будто видѣли ее въ городѣ, оборванную, голодную, въ числѣ работницъ при постройкѣ домовъ, на ярмаркѣ или въ шинкѣ. Она упорно отказывалась вѣрить! Не хотѣлъ и Ѳедоръ вѣрить этимъ баснямъ, и громко твердилъ всѣмъ, что вѣдьма сгорѣла; что самъ онъ отыскалъ ея обугленныя кости подъ печкою, выгребъ изъ мусора и бросилъ въ рѣку. Онъ сдѣлался уже *наймытомъ* у старой, богатой вдовы, на которой женится, какъ только удастся увѣрить всѣхъ въ смерти вѣдьмы. А тѣмъ временемъ купилъ себѣ за ея деньги новые сапоги, шапку и кафтанъ сѣраго сукна, такъ какъ солдатская шинель, вмѣстѣ съ прочею одеждою, сгорѣла во время пожара.

К. М.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ.

Для переправы плотовъ и рѣчныхъ суденъ черезъ днѣпровскіе пороги въ екатеринославскомъ уѣздѣ существуетъ четыре лоцманскихъ общества: 1) въ с. Лоцманской Каменкѣ, 2) с. Старомъ Кодакѣ, 3) въ Сурскихъ хуторахъ и 4) въ селѣ Широкомъ. Первыя три поселенія расположены надъ Днѣпромъ, нѣсколько ниже Екатеринослава, село же Широкое откинулось отъ Екатеринослава верстъ на 40 вглубь правобережной степи. Старѣйшія лоцманскія поселенія, Старый Кодакъ и Лоцманская Каменка, возникли еще во время существованія запорожской общины. Ст. Кодакъ въ запорожскій періодъ былъ городкомъ, центромъ обширной и сравнительно людной кодацкой паланки. Около 1740 года этотъ городокъ былъ значительно населенъ, въ 1748 г. здѣсь устраивается постоянная церковь (вмѣсто подвижной); въ 1768 году въ Кодакѣ было 50 дворовъ и 32 «бездворныхъ» хаты, въ которыхъ числилось 1015 душъ обоего пола [1]). Въ запорожскій періодъ при Кодакѣ устроена была переправа черезъ Днѣпръ по старому чумацкому тракту изъ правобережной Украины на Донъ. Кодацкій «перевозъ» былъ однимъ изъ важнѣйшихъ на Днѣпрѣ; къ нему для сбора пошлинъ назначались отъ запорожскаго Коша особыя выборныя лица—шафарь и подшафарій; состоялъ перевозъ въ вѣдѣніи полковника кодацкой паланки и давалъ Кошу значительные доходы [2]). На этомъ бойкомъ пунктѣ, лежащемъ на мѣстѣ, гдѣ начинаются днѣпровскіе пороги, изъ запорожскихъ козаковъ организовалось товарищество лоцмановъ какъ для переправы козацкаго войска на случай надобности, такъ и для сплава на «низъ» различныхъ продуктовъ, требо-

---

[1]) Преосв. Ѳеодосія. Матеріалы для ист. статист. описанія екатерин. епархіи.

[2]) А. Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, ч. 1 стр. 254. Изд. 2.

вавшихся на ярмаркахъ и базарахъ въ запорожской Сѣчи.—Организація лоцмановъ была настолько своевременною, что въ 1750 году возникаетъ другое лоцманское поселеніе—слобода Лоцманская Каменка, начавшая заселяться «семейнымъ народомъ» съ 1770 года [1]). Таково начало старѣйшихъ лоцманскихъ поселеній. Сурскіе хутора возникли послѣ уничтоженія Сѣчи; на плодородномъ лѣвомъ берегу рѣчки Мокрой Суры поселились хуторами выселенцы изъ старыхъ лоцманскихъ селъ, въ силу стремленія къ излюбленному малороссами типу хуторнаго хозяйства. Село Широкое—позднѣйшее лоцманское село; оно основалось лѣтъ 40 назадъ въ концѣ обширнаго надѣльнаго участка земли старыхъ лоцманскихъ селъ; выселилась сюда часть лоцмановъ изъ за понятнаго хозяйственнаго соображенія—имѣть поле подъ бокомъ.

Послѣ разрушенія Сѣчи и бѣгства запорожцевъ за Дунай, лоцманскія товарищества, вѣроятно, не прекращали своего существованія, такъ какъ не всѣ козаки оставили тогда свои старожитныя займища на Запорожьи, и запорожское посольство оставалось на занятыхъ мѣстахъ. Эти элементы могли пополнить составъ запорожскихъ лоцмановъ, если бы послѣдніе вслѣдъ за сѣчевиками ушли за Дунай.

Во всякомъ случаѣ Кодакъ и Каменка существуютъ, какъ лоцманскія села, послѣ 1783 г., когда на прежнемъ Запорожьи вводятся распорядки, общіе съ распорядками въ остальной имперіи.—Существуютъ лоцманскія села въ эту пору при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Имъ оставлена большая часть ихъ прежнихъ правъ и вольностей,—занимаемыя ими земли отъ нихъ не отчуждены, они свободны отъ подушной подати, не отбываютъ воинской повинности, въ общественныхъ дѣлахъ управляются сами. Единственнымъ объясненіемъ такихъ широкихъ по тому времени льготъ и преимуществъ можетъ быть только то, чтó на дѣло лоцмановъ правительство Екатерины II смотрѣло, какъ на трудное и опасное дѣло.

Характерными представляются особенности прежняго быта кодацкаго и каменскаго лоцманскихъ товариществъ. Подробности этого быта напоминаютъ бытъ запорожской общины. Напр., у лоцмановъ существовали общественные обѣды, въ которыхъ участвовали только мужчины и при томъ достигшіе рабочаго возраста. Женщины и дѣти за общественными столами не имѣли мѣста, но не потому, чтобы положеніе женщинъ и дѣтей у лоцмановъ было подневольное, а въ силу

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы.

установившагося издавна обычая, сложившагося, очевидно, еще въ то время, когда только взрослые мужчины «мешкали» въ степяхъ за порогами.—Въ лоцманскомъ товариществѣ была особая рыбальская артель для ловли рыбы къ общественному столу, а также особый кухарь съ 2 помощниками. Обѣдали въ особомъ общественномъ зданіи, которое сперва называлось «куринемъ»; въ началѣ настоящаго столѣтія «куринь» замѣненъ былъ «конторой». Продовольственные продукты, какіе нужно было покупать, покупались на общественный счетъ. Тетеря и рыба на стябло были наиболѣе популярной пищей у лоцмановъ. Пища вообще была очень простая. Водка на общій счетъ покупалась бо̀льшею частію въ первый день по возвращеніи лоцмановъ изъ пороговъ. Для обѣдовъ, равно какъ для завтраковъ и ужиновъ, былъ назначенъ опредѣленный часъ «Такъ чудно було,—дома робыть лоцманъ, повернувшись зъ порогивъ, а исты йде до куриня; якъ прыйде було раньше, то ляже тай спыть», заключилъ разсказчикъ Каленикъ Перепелыця собесѣдованіе о лоцманскихъ сисситіяхъ, одномъ изъ послѣднихъ характерныхъ осколковъ пережитой старины на быломъ Запорожьи. Когда и при какихъ условіяхъ прекратились у лоцмановъ общественные столы, намъ не удалось выяснить.

Другой интересный фактъ, характеризующій общественный бытъ лоцмановъ — «громадское» хозяйство. Фактъ этотъ относится также къ области прошлаго, но довольно близкаго къ нашему времени: такое хозяйство существовало у лоцмановъ до 1874 года. Громадское хозяйство заведено было для удовлетворенія нѣкоторыхъ общественныхъ потребностей (расходы на церковь, на школу), а также для помощи нуждающимся односельчанамъ. (Въ настоящее время такія хозяйства и съ такими цѣлями ведутся у нѣмцевъ въ нѣсколькихъ колоніяхъ екатериносл. губ.). Лоцманское громадское хозяйство было общимъ для всѣхъ 4 лоцманскихъ обществъ. Состояло оно въ 70-хъ годахъ изъ 6 паръ воловъ, 4 лошадей съ соотвѣтствующимъ количествомъ хозяйственныхъ орудій, плуговъ, боронъ, горбъ и т. д. Велось хозяйство по смѣшанному наемно-натуральному типу. При хозяйствѣ состояло 2 погодно нанимаемыхъ *«сторожа»*. Въ помощь сторожамъ назначались понедѣльно, по наряду отъ лоцманскихъ обществъ, по 2 взрослыхъ парня, обязанныхъ задавать кормъ скоту, чистить хлѣвы, возить воду и т. д. Отбывающіе натуральную повинность парни назывались «сторожками». Заведено было это хозяйство на средства общественной кассы, пополнявшейся частью изъ

пошлинъ за переправу плотовъ и суденъ черезъ пороги. Громадское хозяйство велось всѣми лоцманами натуральною повинностію въ очередномъ порядкѣ. Велось оно на особомъ участкѣ земли (около 150 д.), выдѣленномъ изъ общаго надѣла лоцмановъ. Сѣвооборотъ въ хозяйствѣ—трехпольный. Производились посѣвы жита, ячменя и овса на 60—75 десятинахъ. Токъ и магазинъ—общіе для всѣхъ 4 лоцманскихъ обществъ. Направлялъ громадское хозяйство лоцманскій отаманъ. Въ 1874 году прекратилось громадское хозяйство у лоцмановъ одновременно съ другими измѣненіями въ строѣ ихъ общественной жизни, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Лоцманское дѣло съ давняго времени устроено слѣдующимъ образомъ. Всѣ лица, производящія переправу черезъ пороги, раздѣляются на 3 категоріи. Первыя двѣ категоріи состоятъ изъ *«лоцмановъ»* по двумъ статьямъ; лоцманы *первой статьи* переправляютъ барки и берлины, лоцманы *второй статьи* сплавляютъ черезъ пороги плоты. Третья категорія состоитъ изъ *«помощниковъ»*,—это самая многочисленная группа лоцманующихъ на порогахъ; изъ этой группы выходятъ лоцманы, въ нее они снова вступаютъ, когда отъ старости имъ не служатъ хорошо глаза и руки. Внѣ лоцманской организаціи стоитъ 4-я группа лицъ, участвующихъ въ сплавѣ черезъ пороги,—эта группа состоитъ изъ «добавочныхъ». Добавочными бываютъ большею частію тѣ сыновья лоцмановъ, которые по возрасту еще не могутъ быть помощниками; могутъ быть добавочными и посторонніе лица. Переходъ изъ одной группы въ другую происходитъ послѣдовательно. Чтобы быть «помощникомъ» лоцмана, нужно предварительно хорошо ознакомиться съ порогами въ качествѣ «добавочнаго» и выдержать публичный экзаменъ; въ помощники поступаютъ парни лѣтъ 16—18. Званіе лоцмана получается по истеченіи лѣтъ 6 плаванія въ порогахъ въ роли помощника. Званіе это достигается путемъ экзамена, доказывающаго, что помощникъ знаетъ всѣ заборы и опасные камни на «ходу» въ порогахъ, гдѣ и какъ «лежитъ вода», какъ нужно заходить въ каждый изъ пороговъ, въ какихъ мѣстахъ возможны привалы при различномъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ и т. д. Статья лоцмана, съ которымъ ходилъ въ пороги помощникъ, опредѣляетъ статью и этого послѣдняго. Такъ организовано было лоцманское дѣло издавна, такъ ведется оно и теперь; только въ послѣднее время экзамены производятся строже.—Въ пороги ходятъ лоцманы въ очередь. Очередь ведется при волостномъ правленіи; контроль принадлежитъ особому управленію, состоящему изъ лицъ, служащихъ въ вѣ-

домствѣ рѣчныхъ путей сообщенія. Лоцманское управленіе находится въ Лоцманской Каменкѣ.

До 1874 года строй общественной жизни днѣпровскихъ лоцмановъ былъ въ значительной степени самобытенъ. Онъ опредѣлялся склонностями и желаніями самихъ лоцманскихъ обществъ безъ рѣзкихъ вліяній извнѣ. Лоцманскія общества пользовались сравнительно широкимъ самоуправленіемъ, органомъ котораго было лоцманское правленіе съ лоцманскимъ отаманомъ во главѣ. Представители самоуправленія избирались на 3 года на общемъ сходѣ лоцмановъ. Такими лицами, кромѣ отамана, являлись его помощникъ и судьи, разбиравшіе не имѣющія особой важности дѣла между лоцманами. Избранныя на сходахъ должностныя лица утверждались надлежащимъ начальствомъ при кіевскомъ округѣ рѣчныхъ путей сообщенія. Вѣдѣнію уѣздныхъ и губернскихъ присутствій и правленій лоцманскія общества до 1874 года не подлежали. Вообще относительно этого времени въ лоцманскихъ селахъ сохранились сравнительно свѣтлыя воспоминанія. Исключеніе составляютъ лишь воспоминанія, проурочиваемыя ко времени сооруженія обводныхъ каналовъ на порогахъ. Каналы эти устраивались въ два пріема,—первый разъ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, вторично—во второй четверти настоящаго. При первомъ сооруженіи каналовъ работы производились безъ обремененія лоцмановъ: въ то время за ними ухаживали, потому что въ противномъ случаѣ они могли бы «закивать пятами», какъ это сдѣлали сѣчевики, по выраженію народной пѣсни. Въ строгое же николаевское время «канальскія работы» на порогахъ стоили многихъ лоцманскихъ жизней. Днѣпровскіе лоцманы тогда были обременены непосильными работами,—должны были, напримѣръ, ворочать огромные камни въ водѣ, полураздѣтые, при жестокихъ холодахъ поздней осени; многіе простуживались на смерть; еще больше было бито до полусмерти за непослушаніе. О времени этомъ сохранились самыя мрачныя воспоминанія. Еще 4 года назадъ въ Лоцманской Каменкѣ на берегу Днѣпра указывали «Музычыну скелю», названную такъ въ память лоцмана Музыки, умершаго на этой скалѣ подъ розгами. Въ настоящее время эта скала уже снесена каменоломами, но мѣсто это и теперь называется «Музычынымъ».—Какъ ни мрачны воспоминанія о сооруженіи каналовъ, но все же условія жизни въ лоцманскихъ обществахъ были благопріятнѣе, чѣмъ гдѣ бы ни было въ закрѣпощенной или управляемой въ духѣ Аракчеева военно-поселенческимъ начальствомъ Новороссіи: надъ внутренними распорядками лоцманскихъ об-

ществъ не тяготѣла посторонняя рука, такъ какъ со стороны лоцманскихъ начальниковъ изъ округа рѣчныхъ сообщеній возможны были только частныя вмѣшательства въ общественныя лоцманскія дѣла: компетенціи такихъ начальниковъ подлежало давать лоцманамъ порядокъ лишь касательно ихъ службы на порогахъ. Такъ было до 1874 г.

Въ 1874 году послѣдовала реформа самоуправленія днѣпровскихъ лоцмановъ. Учреждены были не существовавшія раньше у нихъ волостное и сельское правленія по обычному типу. Общественные расходы на мірскія потребности должны были съ этого времени увеличиться; отношенія лоцмановъ къ различнымъ учрежденіямъ значительно усложнились. Въ этомъ же году лоцманскія общества привлечены были къ отбыванію воинской повинности. Повинность эту отбываютъ лоцманскіе новобранцы, какъ выросшіе на порогахъ, исключительно во флотѣ. Это обстоятельство для лоцманскихъ селъ, повидимому, имѣетъ особое значеніе. Выслужившійся матросъ приноситъ съ собою въ село больше всевозможныхъ несродныхъ селу элементовъ, чѣмъ отставной солдатъ. То обстоятельство, что матросъ видитъ много странъ и народовъ, имѣетъ конечно хорошую сторону, но только при условіи устойчивости его характера; при отсутствіи же этой черты продолжительная пестрота впечатлѣній влечетъ къ оторванности отъ «корня» и къ ложно-самолюбивому обособленію. Обособляющійся во всемъ отъ громады матросъ является не только безполезнымъ, но и вреднымъ для нея членомъ, такъ какъ обособленіе безъ достосточнаго основанія неизбѣжно должно путать понятія и мутить чувства окружающей среды.

Не безъинтересно современное экономическое положеніе днѣпровскихъ лоцмановъ. Эту сторону ихъ быта мы имѣемъ возможность отмѣтить лишь въ общихъ чертахъ. Землевладѣніе у лоцмановъ— общинное, сложившееся по традиціямъ запорожской общины. До 20—30-хъ годовъ настоящаго столѣтія землепользованіе у лоцмановъ, какъ разсказываютъ старожилы, опредѣлялось займомъ для хозяйственныхъ надобностей того или другаго участка земли, подъ непремѣннымъ условіемъ согласія на эту заимку лоцманскаго уряда, дававшаго отчетъ по земельнымъ дѣламъ передъ общими лоцманскими собраніями. Такая форма землевладѣнія обусловливалась, какъ и на старомъ Запорожьи, многоземельемъ при слабой населенности. У лоцмановъ въ первое время земли было гораздо больше, чѣмъ сколько требовалось для ихъ небольшихъ хозяйствъ; большія пространства въ чертѣ лоцманской земли лежали пустопорожними; лоцманскимъ

обществамъ не было необходимости препятствовать своимъ членамъ занимать мѣста подъ хутора, левады и пахать. Лоцманская земля долго не раздѣлялась даже между поселеніями. Но такой порядокъ, по мѣрѣ роста населенія и расширенія хозяйствъ, долженъ былъ вести къ путаницѣ въ землевладѣніи. Оказалось необходимымъ раздѣлить землю не только по селамъ, но и по душамъ. На души впервые дѣлилась земля у лоцмановъ послѣ ревизіи 1858 года. Въ настоящее время приходится по 8 десят. земли на ревизскую душу. Въ противоположность почти всѣмъ сосѣднимъ селамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, лоцманы не раздѣлили земли на наличныя души. Объясняется это цѣлымъ рядомъ условій лоцманскаго хозяйства. Значительное большинство лоцмановъ мало обращаетъ вниманія на полеводство: въ силу своего званія лоцманъ—плохой хозяинъ,—въ періодъ главныхъ полевыхъ работъ, весною и лѣтомъ онъ большую часть времени проводитъ въ порогахъ. Отвлекаетъ лоцмановъ отъ хозяйственныхъ заботъ отчасти возможность хорошаго заработка. Лоцманъ, который при переправахъ черезъ пороги съ созпаніемъ собственнаго достоинства спокойно стоитъ и указываетъ гребщикамъ на бабайкѣ, куда направлять судно или плотъ, въ большинствѣ случаевъ долженъ быть лѣнивымъ косаремъ и плугатаремъ. И дѣйствительно, значительная часть хозяевъ въ лоцманскихъ селахъ не занимается полевымъ хозяйствомъ, предпочитая сдавать свои надѣлы то съ части, то за деньги. Земля здѣсь мало цѣнится: сдаютъ ее лоцманы въ погодную съемку по $2^1/_2$—$3^1/_2$ р. за десятину, при существованіи съемочныхъ цѣнъ въ сосѣднихъ мѣстахъ 5—7 р., за десятину. Толока (2 д. отъ надѣла), по малочисленности у лоцмановъ скота, пропадаетъ за обществомъ. Подсобныхъ домашнихъ занятій, кромѣ рыболовства для собственной надобности, въ лоцманскихъ селахъ не существуетъ. Зажиточныхъ хозяевъ въ обычномъ смыслѣ этого слова мало. Большая часта ихъ живетъ только на «рѣчные» заработки отъ сплава до сплава. Зима очень неблагопріятное время для многихъ лоцмановъ: не имѣя работы, они не имѣютъ и хлѣба. хозяйственно живутъ только широчанскіе лоцманы, удаленные отъ Днѣпра верстъ на 40 и сравнительно мало зарабатывающіе на порогахъ.

Пороги даютъ лоцманамъ (преимущ. каменскимъ и кодацкимъ) значительные заработки. За проводъ черезъ пороги барки или берлины лоцманъ получаетъ 20—25 р. въ половодье (употребляетъ времени 2—3 дня) и рублей 50—60 въ мелководье, когда сплавъ продолжается около недѣли. Лоцманъ при этомъ получаетъ обыкновенно

«даровызны» изъ сплавляемаго товара рублей на пять. Лоцманы на плотахъ берутъ за свой трудъ нѣсколько меньшую плату, но чаще ходятъ въ пороги, чѣмъ лоцманы первой статьи, такъ какъ плотовъ сплавляется черезъ пороги гораздо больше, чѣмъ берлинъ и барокъ. Лоцманъ 2-й статьи за сплавъ плота въ половодье получаетъ 10—15 руб. (сплавъ продолжается нѣсколько дней) и рублей 60—70 и до 100 въ мелководье, когда на сплавъ плота идетъ около мѣсяца. Лоцманамъ на плотахъ также полагается «даровызна» лѣснымъ товаромъ, конопляннымъ масломъ и проч. Въ періодъ сплава лоцманы 2-й статьи бываютъ въ порогахъ большею частью 4—5 разъ, лоцманы 1-й статьи—рѣже. Случаи неполученія вознагражденія лоцманомъ, который не провелъ удачно плота или судна черезъ пороги, рѣдки: судо—и плотохозяева не желаютъ ссориться съ лоцманами.

Но при всемъ этомъ въ хозяйственномъ отношеніи лоцманскія села обставлены хуже, чѣмъ можно было бы ожидать. Главная причина безхозяйственности большинства лоцмановъ заключается въ оторванности этого большинства отъ земли; этимъ объясняются рѣзкія колебанія въ бюджетѣ лоцмана и не всегда безупречный въ смыслѣ трезвости образъ жизни.

Историческое наслѣдство и занятіе днѣпровскихъ лоцмановъ сообщили ихъ этнографическому типу много своебразныхъ чертъ. Лоцманъ, выросшій на порогахъ, не можетъ не быть сильнымъ и стройнымъ. Движенія лоцмана медленны, но пороги научили его быть въ случаѣ надобности энергичнымъ. Наиболѣе яркія черты въ характерѣ лоцмана мягкость и спокойствіе, выработанныя чарующей красотой лоцманскаго пути—пороговъ. Спокойствіе проявляетъ лоцманъ не только въ пучинѣ пороговъ (здѣсь онъ долженъ быть спокойнымъ), а и въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Спокойствіе лоцмана на первый взглядъ можетъ быть принято за апатичность но не апатиченъ лоцманъ: онъ склоненъ раздумывать, взвѣшивая впечатлѣнія, и дѣйствуетъ, выяснивши положеніе дѣла. Умъ лоцмана тяжеловатъ, но пытливъ и дѣятеленъ; излишне говорить, что юморъ характерная черта этого ума, но юморъ не насмѣшливый, а добродушный,—остритъ лоцманъ не затѣмъ, чтобы слышали его остроту, а потому, что самъ въ ней находитъ удовольствіе. Усвоивъ идею личности, которую лоцманъ высоко цѣнитъ, онъ проявляетъ въ своихъ поступкахъ сильную волю: рѣдко отказывается лоцманъ отъ задуманнаго предпріятія; да и не можетъ не быть настойчивымъ человѣкъ, справляющійся съ могучими, гремящими валами на порогахъ. Яркая черта въ интеллектѣ

лоцмана чувство красоты. Грандіозными, дикими скалами, зелеными душистыми островами, лепетомъ прибрежныхъ рощъ и шумомъ пороговъ очаровывается всякій разъ лоцманъ, держа свой небезопасный путь. При осматриваніи туристами достопримѣчательностей Днѣпра на порогахъ лоцманы не жалѣютъ своего времени и не торопятъ своихъ гостей. Замѣтной чертой въ характерѣ лоцмана является молодечество. Съ этой чертой характера привыкли видѣть лоцмана сосѣди, такимъ видятъ его на торжкахъ и базарахъ, тѣмъ болѣе такимъ является лоцманъ въ корчмахъ, гдѣ шинкари встрѣчаютъ его съ почтеніемъ и радушіемъ, какъ щедраго посѣтителя. Лоцманы среди пришлаго населенія надъ порогами еще и теперь слывутъ за запорожцевъ, а когда они пьютъ — гуляютъ въ Бериславѣ и дальше на пути къ Херсону, то окрестные селяне приходятъ смотрѣть на нихъ, чтобы узнать, какіе такіе люди запорожцы.

Не забитый подневольнымъ житьемъ, лоцманъ отличается любознательностію. Между прочимъ, онъ живо интересуется прошлымъ своихъ любимыхъ пороговъ и вообще своего края. Лоцманъ охотно повѣстствуетъ о преданіяхъ родной старины. Къ сожалѣнію, эти преданія потускнѣли у нихъ и приходится слышать большею частію общія мѣста; даже о достопримѣчательностяхъ на порогахъ многіе лоцманы разсказываютъ сбивчиво. Запорожская старина, которою особенно увлекаются лоцманы, гордясь своимъ родствомъ съ запорожцами, почти забыта. О козацкихъ дѣятеляхъ и дѣлахъ ихъ остались только смутныя воспоминанія. Прекрасныя пѣсни про «бѣгство запорожцевъ за Дунай», про Байду, Нечая и др. часто поются на домашнихъ пирушкахъ у лоцмановъ, но поются въ неполномъ и несвязномъ видѣ. На убыль пошла и народная пѣсня.

Сводя отмѣченныя черты быта днѣпровскихъ лоцмановъ, приходится признать, что этотъ бытъ, счастливо сложившійся въ прежнее время, представляетъ въ общемъ отрадное явленіе въ южной Руси. Но и надъ этимъ уголкомъ сгущаются тучи. Вліяніе сосѣдняго Екатеринослава не доброе несетъ лоцманамъ. Идутъ оттуда не одни карты, идутъ извращенныя понятія объ отношеніи къ обществу и человѣку. Противодѣйствіе новымъ вліяніямъ существуетъ въ части лоцмановъ, но ряды противодѣйствующихъ рѣдѣютъ.

Л. П.

Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ.

Празднованіе въ Малороссіи перваго августа, или какъ народъ говоритъ: *святаго Маковея,* отличается какимъ то особеннымъ поэтическимъ колоритомъ. Это праздникъ освященія цвѣтовъ, хлѣбныхъ злаковъ и всякаго зелья. Предъ самымъ праздникомъ женщины и дѣвушки отправляются въ сады, въ лѣса, на луга, собираютъ цвѣты и травы, связываютъ ихъ въ большой пукъ, перевиваютъ вѣнкомъ изъ ржи или пшеницы, втыкаютъ въ середину восковую свѣчу и несутъ его послѣ обѣдни, 1-го августа, къ *криницѣ*, гдѣ освящается вода и окропляются *свяченою водою* всякія *зилля*, или *маковейники.* Народъ при этомъ вѣритъ, что травы и все, что въ этотъ день освящается водою, имѣетъ цѣлебную силу. Въ освященіи водою цвѣтовъ и травъ сказывается уже вліяніе христіанскихъ понятій, хотя здѣсь нельзя не видѣть отраженія и другаго, болѣе древняго, чисто національнаго міровоззрѣнія. Извѣстно, какую большую роль играетъ у славянъ-язычниковъ вода, какъ элементъ очищающій, какъ символъ воды небесной, ниспосылаемой богомъ—громовникомъ для оживленія земли и для сообщенія ей обилія и плодородія. Многіе обряды, несомнѣннаго языческаго происхожденія, совершались и совершаются у воды, какъ напр. языческая свадьба, купальскія празднества, гаданіе посредствомъ вѣнковъ, пускаемыхъ на воду въ день св. Троицы и др. Отголосокъ древняго почитанія воды мы видимъ въ обычаѣ освящать колодцы на Срѣтеніе Господне, 1-го августа и во время засухи. Сюда же относится особое почтеніе къ источникамъ живой воды, обыкновеніе выкапывать на поляхъ, на перекресткахъ дорогъ криницы, строить надъ ними каплицы. Молва обыкновенно называетъ такія криницы чудотворными, и такихъ колодцевъ въ Малороссіи множество.

Нѣкоторые языческіе праздники пріурочены къ христіанскимъ, какъ напр. коляда; другіе же допускаются православной церковью, которая сообщила имъ христіанскій характеръ. Къ числу послѣднихъ несомнѣнно относится и праздникъ *Маковея. Зилля*, которыя освящаются въ этотъ праздникъ и чрезъ то получаютъ цѣлебную силу, суть слѣдующія: макъ, подсолнечникъ, петровы батоги, морковь огородная и морковь дикая, укропъ, повчяки, конопля, ризакъ, растропша, чепчикъ, васильки, деревій, полынь, кудрявцы, нимыця, любыстокъ, мята и драголюбъ, мыколайки, пидбилъ, рута, маруна и вѣнки изъ пшеницы и ржи.

Примѣненіе освящаемыхъ травъ и цвѣтовъ въ народной медицинѣ рѣдко основывается на фармакологическомъ свойствѣ ихъ, а

большей частію опирается на поэтическія воззрѣнія народа на цвѣты, при чемъ большую роль играетъ здѣсь наружный видъ, цвѣтъ и даже названіе цвѣтка. Вотъ какія цѣлебныя свойства приписываются освящаемымъ цвѣтамъ:

Макъ составляетъ непремѣнную принадлежность этого праздника: его освящають, съ нимъ пекутъ коржи, а также ѣдятъ коржи, *обмьшанные* съ макомъ и медомъ. Можетъ быть, совпаденіе имени макъ и Маковей дало ему такое предпочтительное употребленіе на этомъ праздникѣ. Макъ освящають для того, чтобы поить отваромъ изъ скорлупы его дѣтей, въ случаѣ безсонницы. Про человѣка недалекаго, нерасторопнаго говорятъ: *тебе дурного маковкою наповалы.*

Подсолнечникъ, по малорусски — *соняшныкъ*, употребляется отъ болѣзни подъ названіемъ—*соняшныцы.* Эта болѣзнь состоитъ въ рѣзи желудка, въ возбужденномъ состояніи, которое заставляетъ дитя плакать и не спать; поэтому болѣзнь чаще еще называется *плаксывицями.* Чуть начинается такая болѣзнь, обыкновенно, приглашаютъ старуху, чтобъ она *соняшныци заварила.* Старуха кладетъ въ небольшой горшокъ маленькій подсолнечникъ, пшено, веретено, щетку, иголку, ножъ и копѣйку, варитъ все это съ водой, потомъ на животѣ дитяти все это выливаетъ въ миску; при этомъ шепчетъ свои заговоры. Указанные предметы, которые употребляются при завариваніи, составляли, вѣроятно, принадлежность языческаго жертвоприношенія, а потомъ стали принадлежностью колдовства.—Подсолнечникъ, или *соняшныкъ* въ этой болѣзни есть то средство, которое имѣетъ силу успокаивать, подавать сонъ. Цѣлебное свойство здѣсь приписано, очевидно, по созвучію съ названіемъ растенія.

Петровы батоги (цикорій—cichorium intybus) употребляются противъ рвоты и поноса; въ этомъ зельи купаютъ и даютъ его пить. Поносъ въ просторѣчіи слыветъ би(ѣ)гачкой, почтой; про больнаго говорятъ: вотъ его гоняетъ. Съ такими образами и могли войти въ связь *Петровы батоги.*

Морковь дикая (Laserpitium pruthenicum) служитъ для окуриванія дома въ случаѣ, если ходятъ мертвецы. Народная этимологія, вѣроятно, отожествила названіе—*морква* съ корнемъ—мор—морить.

Морковь огородная употребляется, какъ средство противъ желтяницы. Желтый цвѣтъ этого овоща послужилъ основаніемъ для употребленія его противъ желтянки.

Повнякъ—цвѣтокъ служитъ отъ желтянки и золотухи. Желтый цвѣтъ растенія и здѣсь народъ сочеталъ съ названіемъ болѣзни.

Чепчикъ (чебрецъ) служитъ отъ головной боли; имъ голову парятъ. Здѣсь названіе травы соединило мысль съ пользой ея для головы.

Ризакъ употребляется отъ рѣзи въ желудкѣ. «Въ середыни якъ риже, то пьютъ; кажуть, що помогаеця нибы», такъ мнѣ объяснили дѣйствіе этого цвѣтка, котораго названіе также сочеталось съ названіемъ болѣзни.

Нимыця (Hyoscyamus niger) употребляется отъ зубной боли. Говорятъ: «зубы заниміють, якъ приложить оце зилля». И здѣсь свойство растенія выведено изъ его названія.

Любыстокъ (Levisticum officinale)—растеніе, которое имѣетъ силу приворожить любовь парня къ дѣвушкѣ. Такое свойство растенія, очевидно, приписано ему на основаніи его названія. Есть не лишенная интереса подробность въ собираніи этого растенія: его крадутъ на зарѣ изъ огородовъ, *де перши живуть*, т. е. изъ тѣхъ огородовъ, гдѣ счастливые супруги живутъ, въ первый разъ поженившіеся, а не вдовцы.

Растопша употребляется отъ колики. Наружный видъ колючій подалъ народу мысль заключать о дѣйствіи этого цвѣта.

Крипъ (укропъ), *мыколайки* (Lynosyris) и *васильки* служатъ отъ головной боли; ими голову парятъ.

Маруна употребляется отъ конвульсій.

Кудрявцi помогаютъ отъ той же болѣзни. «Отъ конфульсій и якъ нечиста болизнь, то ими голову парять», такъ сказали мнѣ. Названіе *кудрявецъ* подало мысль объ употребленіи растенія отъ струпьевъ на головѣ.

Конопля служитъ для окуриванія, чтобы предохранить отъ хожденія мертвецовъ.

Деревій (Millefolium) служитъ отъ боли желудка и поноса у дѣтей. Въ немъ ихъ купаютъ.

Мята и *дригoлюбъ* (англійская мята) употребляются въ слѣдующемъ случаѣ: «якъ пече въ середыни, то варять и пьють».

Полынь служитъ отъ грудной боли. Когда тужитъ кто, тоскуетъ, то даютъ пить полынь, какъ укрѣпляющее средство.

Пидбиль; листья этого растенія способствуютъ, по народному представленію, заживленію ранъ. Листья растенія, бѣлыя снизу, содѣйствуютъ, такъ сказать, тому, что тѣло изъ болѣзненнаго, краснаго получаетъ естественный, бѣлый цвѣтъ.

Рута служитъ въ томъ случаѣ, «якъ тхиръ (хорёкъ) занадыця до курей, то курять, щобъ но ходывъ». Сильная вонь отъ этого растенія подала мысль прогонять имъ вонючаго звѣрька.

Вѣнки изъ жита и пшеницы освящаютъ, а потомъ вымолоченныя изъ нихъ зерна примѣшиваютъ къ посѣвамъ, чтобъ *зоны* (головни) не было.

Этотъ праздникъ освященія хлѣбныхъ злаковъ и цвѣтовъ послѣ жатвы, какъ разъ въ концѣ лѣта, носитъ несомнѣнные признаки языческаго жертвоприношенія или обычая, вытекающаго изъ народнаго міровоззрѣнія. Но древній характеръ праздника уже теперь почти совсѣмъ затемненъ, и онъ остался обычаемъ, который допустила и освятила наша церковь.

Хр. Ящуржинскій.

Изъ воспоминаній о быломъ.

(*Со словъ разсказчика*).

Уроженецъ черниговской губ., сосницкаго уѣзда м. Новыхъ Млыновъ, сынъ мелкопомѣстной вдовы, я жилъ и воспитывался дома, какъ говорится, на мѣдныя деньги. Отецъ, умирая, выразилъ надежду, что мой старшій братъ позаботится обо мнѣ.

Когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, братъ, бывшій тогда командиромъ резервной батареи и только что вернувшійся изъ Парижа вмѣстѣ съ корпусомъ Раевскаго, заѣхалъ домой, чтобы повидаться съ матушкой, съ сестрами, а главное, чтобы взять меня съ собой, согласно волѣ отца. Страшно было разставаться съ родной деревней, много было пролито слезъ при прощаніи съ родными, но въ концѣ концовъ братъ съумѣлъ ободрить меня своимъ примѣромъ, обѣщаніемъ, что я выросту и буду молодцомъ, буду носить эполеты, и пробью себѣ дорогу, оставаясь же здѣсь въ глуши мнѣ, какъ бѣдному мелкопомѣстному, необразованному дворянину, предстояло весь вѣкъ не видать никого и ничего дальше своей деревни. Уѣзжая, я просилъ брата позволить мнѣ взять съ собой пару любимыхъ голубей, которыхъ, отъѣхавъ верстъ 25, я и выпустилъ на свободу. Мнѣ казалось, что если голуби прилетятъ домой, то и я когда нибудь вернусь на родину, если же нѣтъ, то и мнѣ не видать ее болѣе. Голуби прилетѣли да и мнѣ, много лѣтъ спустя, пришлось жить въ родныхъ мѣстахъ.

Въ бригадѣ, гдѣ служилъ братъ, была школа, въ которую поступилъ я по прибытіи и, окончивъ ее довольно удовлетворительно, былъ посланъ вмѣстѣ съ другими юнкерами въ Петербургъ, гдѣ мы должны были вторично держать экзаменъ на полученіе офицерскаго чина.

Прибывъ въ Петербургъ мы явились въ свободную роту (что была тогда на Ямской), учрежденную для записи всѣхъ прибывающихъ изъ арміи офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Командиромъ роты былъ капитанъ Гурьевъ, а фельдфебелемъ Гавриловъ, другихъ чиновъ не было въ ротѣ, а въ спискахъ стояло человѣкъ до 100 и на нихъ шло полное казенное продовольствіе, поступавшее въ безконтрольное распоряженіе фельдфебеля. Рота состояла изъ ротнаго двора,—казарменнаго помѣщенія не имѣлось и прибывающіе на короткое время только числились, а жили на своихъ квартирахъ по совѣту фельдфебеля.

Наша артель состояла изъ двухъ братьевъ Борисовыхъ, трехъ Песцовыхъ и меня. Мы наняли квартиру на Пескахъ и размѣстились въ двухъ комнатахъ; столъ былъ отъ хозяйки по 40 р. асс. въ мѣсяцъ на человѣка, со стиркой бѣлья. Устроившись, на третій день мы явились въ комитетъ, состоящій изъ пяти заслуженныхъ генераловъ въ лентахъ и звѣздахъ. Страшно было и приступить, я чувствовалъ себя окончательно потеряннымъ, казалось, что не въ силахъ буду и сказать что либо, но, благодаря ласковому вниманію генерала Монута, я ободрился и отвѣчалъ на всѣ вопросы удовлетворительно. По окончаніи экзамена насъ прикомандировали въ роту его высочества в. к. Михаила Павловича для практическихъ занятій. Долго пришлось ожидать нашего производства въ офицеры, такъ какъ рѣшено было обождать прибытія юнкеровъ изъ отдаленныхъ корпусовъ арміи для совмѣстнаго производства. Это сильно насъ тяготило: все, что привезли мы на обмундировку, было прожито. Что оставалось дѣлать? Товарищи не особенно унывали, надѣясь на родительскій карманъ и безпрестанно развлекали себя, разгуливая по вечерамъ въ штатскомъ платьѣ, бывая въ театрахъ и на балахъ, мнѣ же, какъ бѣдному человѣку, приходилось сидѣть дома, что было подчасъ очень непріятно,—молодость брала свое, разсказы товарищей еще болѣе раздражали меня, но надо было терпѣть и утѣшать себя хотя пословицею «терпи козакъ—атаманомъ будешь». Видя что конца нѣтъ нашимъ ожиданіямъ, я рѣшился обратиться къ своему земляку,—коменданту столицы генералу Башуцкому съ просьбой обратить вниманіе на замедленіе нашего производства.

Генералъ Башуцкій, близкій сосѣдъ по имѣнію и даже дальній родственникъ моей матери, пріѣзжая на родину, бывалъ на балахъ у Разумовскаго и даже не разъ танцовалъ съ моею матерью. Хотя матушка и совѣтовала мнѣ побывать у генерала, но нужно было много рѣшимости, чтобы исполнить это; какъ посмотритъ на меня—ничтож-

наго юнкера такая важная особа какою былъ тогда генералъ Башуцкій? Приходилось идти во дворецъ, гдѣ была тогда квартира коменданта. Я былъ такъ счастливъ, что меня сейчасъ допустили въ квартиру генерала, который, милостиво выслушавъ меня, началъ кричать и бранить меня, отчего я не явился къ нему раньше. Затѣмъ, обѣщавъ похлопотать о нашемъ дѣлѣ, приказалъ мнѣ аккуратно приходить къ нему на обѣдъ всякое воскресенье, что я въ точности долженъ былъ исполнять, хотя приходилось ходить чуть не нѣсколько верстъ, да и жутко было сидѣть среди такихъ важныхъ особъ, которыя, обыкновенно, посѣщали генерала. Личность генерала Башуцкаго замѣчательна. Въ войну 1812 года онъ командовалъ петербургскимъ ополченіемъ въ распоряженіи главнокомандующаго графа Витгенштейна. Служа при дворѣ, онъ для отдыха часто посѣщалъ свой родной край. Въ мѣстечкѣ Новыхъ Млынахъ находился его домъ, гдѣ, пріѣзжая погостить, онъ любилъ задавать обѣды окрестнымъ дворянамъ. Многихъ бѣдняковъ онъ помѣщалъ на службу или въ корпуса. Память о немъ въ родномъ краѣ незабвенна. Онъ всегда оставался патріотомъ, домъ его былъ наполненъ его земляками; онъ отличался малорусскимъ хлѣбосольствомъ и юморомъ. Много ходило о немъ анекдотовъ. Говорятъ, разъ онъ зашелъ въ магазинъ купить географическую карту, и на вопросъ купца, нужна ли ему генеральная карта, отвѣтилъ «ну да, конечно, братецъ, развѣ ты не видишь, что я генералъ».

Семья Павла Яковлевича состояла изъ его сына и невѣстки, прекрасныхъ молодыхъ людей. Жена молодаго Башуцкаго была изъ фамиліи Сватко; они жили очень дружно; оба не любили свѣтскихъ развлеченій и часто посѣщали храмъ Божій, за что отецъ прозвалъ ихъ монахами. Говорятъ, что впослѣдствіи оба они поступили въ монастырь. По разсказамъ, у стараго генерала Башуцкаго было еще два незаконныхъ сына.

Заручившись обѣщаніемъ генерала, я радостно сообщилъ это своимъ товарищамъ, которые довольно недовѣрчиво отнеслись къ моимъ словамъ и повѣрили только тогда, когда, осматривая нашу офицерскую форму, великій князь Михаилъ Павловичъ обратилъ на меня вниманіе: «А, ты родственникъ Павла Яковлевича, хорошо, хорошо, отлично».

Возвращаюсь назадъ. Старшій Песцовъ и два Борисовыхъ съ нѣкоторыхъ поръ начали обращать на себя наше вниманіе. Они часто запирались въ своей комнатѣ, шептались и разговаривали

посредствомъ какихъ то таинственныхъ знаковъ, наконецъ, уходили на чердакъ, гдѣ сидѣли до поздняго вечера. Все это сильно интриговало насъ—жильцовъ другой комнаты. Намъ приходило въ голову, не подшучиваютъ ли они надъ нами, ругая насъ такимъ образомъ, чтобы мы этого не понимали; не была ли это месть за наши насмѣшки надъ ихъ аскетическою жизнью? Предположеніе было конечно глупо; мы были еще мальчишки и насъ раздражала эта жизнь, полная таинственности; стали слѣдить за ними. Оказалось, что Петръ Борисовъ получаетъ пакеты изъ Вѣны и Берлина, что насъ крайне удивило:—ничтожный юнкеръ ведетъ какую то важную заграничную переписку. И вотъ рѣшено было открыть тайну чердачныхъ бесѣдъ и ключъ языка. Однажды, когда Борисовыхъ и Песцова не было дома, средній Песцовъ, юнкеръ Александровъ, пришедшій къ намъ въ гости, и я залѣзли на чердакъ, отворили найденный тамъ сундучекъ и между письмами, испещренными цифрами, нашли русскую азбуку, объясняющую значеніе цифръ. Сильно обрадовавшись находкѣ, мы въ короткое время изучили таинственный языкъ и прочли найденный тамъ же уставъ «человѣколюбиваго общества», гдѣ по пунктамъ были пояснены обязанности христіанскаго общества: любить Бога, ближняго, дѣлиться съ нуждающимся послѣдней рубашкой, хранить общественныя тайны, стараться о пріобрѣтеніи членовъ общества. Изъ всего открытаго мы заключили, что они принадлежатъ къ обществу масоновъ, удивлялись и не вѣрили значенію юнкера въ этомъ обществѣ. Что касается обоихъ юнкеровъ, надо сказать, что они были примѣрно нравственны и богомольны, не пропускали ни одной церковной службы. Вскорѣ послѣ нашего открытія праздновался день св. Маріи Магдалины. Обыкновенно, въ этотъ день было гулянье въ Маріинской рощѣ близь Петербурга. Отправились мы; братья Борисовы были въ штатскихъ костюмахъ; на младшемъ мы замѣтили въ петлицѣ на голубой лентѣ маленькій серебряный молоточекъ (знакъ масоновъ) и намъ показалось это такой смѣшной комедіей, что тутъ же мы вздумали наказать его и скоро дали замѣтить, что понимаемъ ихъ языкъ, вмѣшавшись въ ихъ разговоръ. Тотчасъ наше чердачное преступленіе было открыто, поднялась ссора, честь наша была поругана названіемъ подлецовъ, оставалось смыть оскорбленіе кровью. И вотъ, въ тотъ же день назначено мѣсто дуэли «Волково поле», выбраны секунданты, но тутъ вмѣшался нашъ общій товарищъ Александровъ и, благодаря ему, дуэль была отложена до производства въ офицеры, а тамъ обѣ стороны настолько охладѣли, что и совсѣмъ

забыли о ней думать. Тѣмъ временемъ были приняты мѣры къ перемѣнѣ цифроваго языка, такъ что вскорѣ онъ опять сдѣлался для насъ непонятнымъ.

Вскорѣ мы были произведены; но радость надѣть офицерскіе эполеты для меня была сильно омрачена невозможностью сдѣлать какую бы то ни было обмундировку. Проживъ все привезенное мною за 8 мѣсяцевъ въ Петербургѣ, я не имѣлъ буквально ни гроша, ждать изъ дому я не могъ, зная состояніе матушки—положеніе было безвыходное; было о чемъ задуматься, какъ я представлюсь великому князю. Въ эти тяжелыя минуты мнѣ опять пришлось обратиться за помощью къ своему великодушному земляку генералу Башуцкому. Я отправился во дворецъ и откровенно разсказалъ ему о своемъ положеніи, прося сколько нибудь помочь мнѣ. Генералъ строго посмотрѣлъ на меня, сказавъ: «словамъ твоимъ вѣрю, онѣ дышатъ правдой, но денегъ тебѣ не дамъ безъ поручительства за твою нравственность, а можно впередъ взять треть жалованья по закону и одѣться экономически». Я болѣе не смѣлъ говорить, но чѣмъ бы тогда пришлось существовать, предстояло окончательно запутаться. Въ ту минуту, когда я уже готовъ былъ раскланяться, стоящій тутъ же адъютантъ Троцкій выручилъ меня, замѣтивъ генералу, что третное жалованье составляетъ всего 70 руб. ассигн.; тогда генералъ, подумавши немного, обратился къ Троцкому: «сведи его къ моему гардеробному портному, прикажи сшить ему полную офицерскую форму изъ лучшаго матеріала, а счетъ подать мнѣ».

И такъ, благодаря добротѣ генерала Башуцкаго, я былъ обмундированъ не только прилично, но даже лучше моихъ товарищей, такъ что обратилъ на себя вниманіе великаго князя, который, осматривая насъ, по представленіи въ офицеры, остался настолько доволенъ моей обмундировкой, что поставилъ меня въ примѣръ прочимъ.

По производствѣ въ офицеры всѣ мы разбрелись въ разныя стороны. Я и Сабо были назначены въ 6-ую артиллерійскую бригаду; но послѣдній служилъ пажемъ при штабѣ Его Высочества Михаила Павловича, а затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ шостенскаго пороховаго завода, а Борисовъ и Песцовы произведены въ 9-ю артиллерійскую бригаду.

Прошло немного времени и мнѣ пришлось узнать очень грустныя вещи о моихъ бывшихъ товарищахъ: старшій Песцовъ и Борисовы оказались замѣшаны въ исторію 25 декабря и сосланы въ Сибирь, а также мой дорогой учитель Берсгель поплатился за свое увлеченіе 20-лѣтней каторжной работой въ Сибири. Л***

Къ исторіи Глушковской фабрики.

Занимаясь разборкою дѣлъ, относящихся къ 1812-му году, въ архивѣ канцеляріи смоленскаго губернатора, мы, между прочимъ, натолкнулись здѣсь на интересное для южно-русской исторіи дѣло 1813 года «о поимкѣ бѣжавшихъ съ Глушковской фабрики крестьянъ».

Въ 1886 году на страницахъ «Кіевской Старины» нами была помѣщена коротенькая справка по поводу исторіи Глушковской фабрики, ея возникновенія, развитія и т. д. Въ настоящее время пользуемся случаемъ, чтобы хотя нѣсколько дополнить сообщенныя прежде скудныя свѣдѣнія и иллюстрировать положеніе крѣпостныхъ поссессіонныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ Глушковской фабрикѣ.

Упомянутое дѣло было возбуждено по отношенію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязмитинова, игравшаго въ то время въ Россіи такую же приблизительно роль, какую долженъ былъ играть министръ исполнительной полиціи, если бы онъ существовалъ у насъ. Отношеніе Вязмитинова къ губернатору помѣчено 21 февраля 1813 года. Приводимъ его здѣсь буквально:

«Г. смоленскому гражданскому губернатору. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ относится ко мнѣ, что съ Глушковской фабрики, въ курской губерніи состоящей, изъ числа принадлежащихъ къ той фабрикѣ крестьянъ, нѣкоторые, подъ видомъ отягощенія ихъ работою, бѣжали къ разнымъ помѣщикамъ полтавской и другихъ губерній, отчего фабрика терпитъ нарочитую въ мастеровыхъ людяхъ потерю, особливо когда обязана она поставкою для обмундированія войскъ знатнаго количества суконъ и каразей (sic!), почему проситъ предписанія моего, дабы градскія и земскія полиціи, отыскивая бѣжавшихъ съ означенной фабрики крестьянъ, высылали ихъ на оную или же высылалися коммиссіонерамъ, кои для поимки ихъ посланы быть имѣютъ.

«Вслѣдствіе сего ваше превосходительство не оставьте подтвердить кому слѣдуетъ по губерніи, вамъ ввѣренной, чтобы, если окажутся гдѣ оные крестьяне, поймавъ ихъ, представить по назначенію».

Такія отношенія были разосланы, вѣроятно, если не во всѣ губерніи, то, по крайней мѣрѣ, по всей западной половинѣ Россіи.

Получивъ отношеніе Вязмитинова, смоленскій губернаторъ тотчасъ обратился съ предписаніями ко всѣмъ земскимъ исправникамъ и городничимъ губерніи, чтобы они приложили всѣ старанія къ отысканію бѣглецовъ, если таковые окажутся въ губерніи. Но бѣглецовъ нигдѣ не оказалось, о чемъ при дѣлѣ имѣются рапорты всѣхъ городничихъ и земскихъ исправниковъ. Сообщ. **Н. Добротворскій.**

Варіантъ пѣсни о Кармелюкѣ.

Въ ряду пѣсенъ о Кармелюкѣ, характеризующихъ его, какъ героя разбойничьихъ подвиговъ, всегда, впрочемъ, соединенныхъ съ симпатичной окраской его рыцарскихъ стремленій становиться защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, играютъ не послѣднюю роль и тѣ пѣсни, гдѣ онъ рисуется героемъ романическихъ исторій, какъ рыцарь, сводящій съ ума вдовъ и дѣвицъ. Въ этихъ пѣсняхъ Кармелюкъ напоминаетъ собой пѣсенный образъ Журилы, тоже обрисовываемаго, какъ покоритель женскихъ сердецъ. Въ «Кіевск. Стар.» 1887 г. № 11 (стр. 588) помѣщенъ былъ одинъ варіантъ такой пѣсни, записанной въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губ. Теперь мы помѣщаемъ присланный намъ И. И. Зозулею подобный же варіантъ, записанный въ с. Тарановкѣ, зміевскаго уѣзда, харьковской губ.,— варіантъ, свидѣтельствующій, что пѣсни о Кармелюкѣ, перенесенныя изъ правобережной Украины въ слободскую, удерживаютъ въ слабой степени цѣльность и тонъ своихъ первообразовъ, сложенныхъ въ мѣстахъ главнаго поля дѣятельности Кармелюка. Помѣщаемый варіантъ отличается очевидной потерей не только многихъ поэтическихъ образовъ, но даже и цѣлыхъ стиховъ, что мѣшаетъ уразумѣнію смысла всей пѣсни. Предлагаемъ читать этотъ варіантъ, сравнивая съ указаннымъ выше.

Славный хлопець Кармалюга
Винъ по свиту ходыть,
Та не одну чорнявую
Зъ розуму изводыть.
Не такъ тую чорнявую,
Якъ ту билявую,
Не такъ ту билявую,
Якъ ту бидну вдову,
Сидлай, сидлай, Кармалюго,
Коня вороного,
Та поидемъ, Кармалюго,
Та до кумы въ гости
Здорова, кума моя!
Щось маю сказаты,
Та не знаю, кума моя,
Якъ тебе назваты.
Назвы, назвы, Кармалюго,
Назвы туманъ-яромъ,
Туманъ яромъ, туманъ яромъ,
Морозъ долыною;
Не по правди козакъ жыве,
Жыве зъ дивчыною.
Моя хата, мои сины
Очеретомъ крыты
Бережыся, кума моя,
Щобъ не була быта!

Пѣсня сахарно-заводская.

Новыя условія быта, естественно, порождаютъ и новыя народныя пѣсни, рисующія намъ этотъ бытъ. Сахарно-заводская промышленность, усилившаяся въ послѣднія десятилѣтія, дала темы для народныхъ пѣсенъ, далеко не въ радужномъ цвѣтѣ изображающихъ

намъ положеніе рабочихъ на заводахъ и свекловичныхъ плантаціяхъ. Нѣсколько образчиковъ такихъ пѣсенъ было уже напечатано въ I т. Записокъ юго-западнаго отдѣла геогр. общ., а также въ «Кіевской Старинѣ» прежнихъ годовъ.

Намъ прислана теперь И. И. Зозулею еще одна пѣсня этой же категоріи, записанная въ с. Тарановкѣ, зміевскаго уѣзда, харьков. губ. со словъ дѣвушки, поступившей на службу въ качествѣ работницы «на бурякахъ» и покинувшей заводъ до выслуги срока, вслѣдствіе тяжелой обстановки заводскаго житья. Эта же дѣвушка передаетъ, что уходъ съ завода «дивчатъ»—не исключеніе: уходятъ не двѣ—три, а по десять и болѣе душъ. Пѣсня, прекрасно характеризующая условія жизни на заводѣ, отличается съ внѣшней стороны всѣми признаками фабричной культуры, типичнѣе всего обнаруживающимися въ припѣвѣ къ каждому куплету «гей-гей! охъ-хо-хо!», не имѣющемъ ничего общаго съ пѣснопѣніемъ сельскаго люда; не мало также и великоруссизмовъ, какъ естественнаго слѣдствія смѣшаннаго состава рабочихъ на заводѣ.

Ой горе намъ, молодымъ
Зъ цимъ прыкажчикомъ дурнымъ:
    Гей гей! охъ-хо-хо! } bis
Зъ цимъ прыкажчикомъ дурнымъ. }
До роботы прыганя,
А про ижу не спыта.
    Гей-гей...
Якъ наварыть буряківъ
Годуе насъ дураківъ
    Гей-гей...
Якъ наварить кандеру,
И собакамъ у волю
    Гей-гей...
Якъ наварыть галушокъ,
Годуе насъ дурочокъ
    Гей-гей...
Ой прыкажчику нашъ,
Та виддай же намъ прыказъ
    Гей-гей...
Мы до домушку пайдемъ,
Славну писеньку споемъ
    Гей-гей...
Славну писеньку споемъ
И до тебе не прыйдемъ
    Гей-гей...
И сусидамъ закажемо,
И собаку прывьяжемо:
    Гей-гей...
Не ходыжъ ты, Рябко [1]),
Бо тамъ тебе изъидять
    Гей гей...
Бо тамъ тебе изъидять
И косточкы рострощать
    Гей-гей...

Малороссійская губернія.

Императоръ Павелъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, указомъ 12 декабря 1796 г., повелѣлъ Сенату: ввести новые штаты въ губерніяхъ Россіи. Въ именномъ указѣ отъ 22 декабря того же года,

[1]) Очевидно, неправильно записанный куплетъ.

на имя государственнаго казначея тайнаго совѣтника А. И. Васильева, 1 мая 1797 г. было назначено срокомъ для сдачи дѣлъ изъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, которыя подлежали закрытію.

Перемѣны эти главнымъ образомъ коснулись южной Россіи, такъ какъ изъ екатеринославской и азовской губерній, была возстановлена новороссійская губернія; Полтава, Алексополь и Константиноградъ, возвращены къ Малороссіи, при чемъ алексопольскій уѣздъ былъ раздѣленъ между кременчугскимъ, полтавскимъ и новомосковскимъ уѣздами.

Новороссійское губернское правленіе 31 января 1797 г. разослало указы объ этомъ распоряженіи присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ, въ томъ числѣ алексопольскому городничему Пирогову [1]).

Изъ предписанія послѣднему видно, что 20 декабря императоръ Павелъ утвердилъ: 1) росписаніе о государственныхъ расходахъ, 2) что раздѣленіе нѣкоторыхъ губерній въ новыхъ границахъ, было поручено сдѣлать «управляющимъ губерніями» и 3) что государственному казначею Васильеву было повелѣно объявить этотъ указъ Сенату.

Въ указѣ 22 декабря о раздѣленіи губерній говорится, «что нѣкоторыя губерніи получаютъ перемѣну во образѣ правленія ихъ, другія вовсе уничтожаются и приписываются по частямъ къ сосѣдственнымъ, а иныя вновь составляются. На основаніи этого указа, правит. Сенатъ 24 декабря предписалъ казеннымъ палатамъ: доставить разсчеты «въ людяхъ и о всѣхъ государственныхъ доходахъ, доимкахъ и имуществѣ» государственному казначею А. Васильеву.

Современникъ императора Павла, генералъ С. Маевскій, въ своихъ запискахъ говоритъ, что при немъ «всеобщая переборка лишила многихъ хлѣбнаго мѣста, отняла способъ обогащаться кровавыми трудами ближняго и поставила всѣхъ въ границы страха и чести [2]). Понятно, что необходимо было произвести коренныя перемѣны, потому что намѣстники областей, въ особенности на окраинахъ Россіи, допускали произволъ и злоупотребленія.

Въ с. Трубаяхъ голтвянскаго уѣзда, (нынѣ полтавской губерніи) крестьяне разграбили домъ и убили владѣльцевъ Базилевскихъ; о бунтѣ этомъ было поручено произвести слѣдствіе въ 1789 г. генералъ-губернатору князю Потемкину-Таврическому, но онъ этого не исполнилъ.

Поэтому императоръ Павелъ, указомъ 22 августа 1797 г., повелѣлъ Сенату: взыскать съ имѣній Потемкина, доставшихся его наслѣд-

---

[1]) Смотр. подлин. дѣла бывшаго алексопольскаго земскаго суда за 1797 г.

[2]) Смотр. „Рус. Старина“ за 1873 г., августъ, стран. 131.

никамъ, 63,587 руб. убытковъ, согласно опредѣленію градижскаго уѣзднаго суда [1]). Помѣщики: Степанъ, Иванъ и сестра ихъ Марьянна Базилевскіе были убиты 8 іюня 1789 г. крестьянами подъ предводительствомъ Василія Цанка. Совѣтникъ Корбе, командированный туда кіевскимъ намѣстническимъ правленіемъ, губернскій стряпчій, земскій исправникъ были тогда же избиты ими и заключены подъ стражу. Получивъ донесеніе объ этомъ происшествіи, правитель намѣстничества, генералъ маіоръ Ширковъ, 14 іюня послалъ въ с. Трубаи для усмиренія крестьянъ 160 человѣкъ солдатъ, при 3-хъ офицерахъ и одной пушкѣ. Но въ это время князь Потемкинъ-Таврическій почему то присоединилъ с. Трубаи къ екатеринославскому намѣстничеству. Тогда кіевское намѣстническое правленіе, на новую жалобу Ѳеодора Базилевскаго, къ которому перешли с. Трубаи, отвѣтило, что объ усмиреніи взбунтовавшихся крестьянахъ онъ долженъ обращаться въ Екатеринославъ.

Добавимъ, что изъ указа отъ 1 марта 1800 г. также видно, что костромскій губернаторъ д. с. с. Николай Кочетовъ, разграбилъ палату (казенную) за что его имѣніе было секвестровано [2]); онъ служилъ тамъ съ 1779 г., со времени открытія костромской губерніи.

Новороссійское губернское правленіе 7 марта 1797 г. сообщило всѣмъ городничимъ, что, при указѣ Сената отъ 15-го января, присланы новороссійскому военному геберногору, генералъ лейтенанту Н. Мих. Бердяеву, новые штаты губерніямъ. Сообразуясь съ ними последній назначилъ въ новороссійской губерніи слѣдующіе уѣзды: 1) екатеринославскій, присоединивъ къ нему часть александрійскаго уѣзда, 2) елисаветградскій изъ елисаветградскаго, частей александрійскаго и новомиргородскаго, 3) ольвіопольскій изъ частей новомиргородскаго, вознесенскаго и богопольскаго уѣздовъ, но присутственныя мѣста его оставлены временно въ г. Вознесенскѣ, 4) тираспольскій изъ тираспольскаго уѣзда и части еленскаго. 5) херсонскій—изъ херскаго и части вознесенскаго уѣзда, 6) перекопскій—изъ перекопскаго и днѣпровскаго уѣздовъ, 7) симферопольскій изъ симферопольскаго, евпаторійскаго и ѳеодосійскаго, 8) маріупольскій въ с. Токмакѣ, изъ частей: маріупольскаго, павлоградскаго, новомосковскаго и мелитопольскаго, 9) ростовскій въ Таганрогѣ, съ присоединеніемъ

---

[1]) Смотр. Историч. матеріалы изъ архива кіев. губернск. правленія К. 1882 г. вып. II, стр. 156.

[2]) Смотр. „Рус. Старину“ 1873 г., май, стран. 626.

къ нему земель черноморскаго войска, 10) павлоградскій изъ частей павлоградскаго, новомосковскаго и славянскаго; 11) константиноградскій—изъ частей константиноградскаго, алексопольскаго и славянскаго, 12) бахмутскій—изъ частей бахмутскаго, донецкаго и павлоградскаго уѣздовъ. При этомъ отошли отъ екатеринославскаго намѣстничества въ сосѣднюю губернію—малороссійскую, уѣзды: полтавскій, градижскій, хорольскій, миргородскій, часть константиноградскаго—и часть алексопольскаго съ городомъ. Въ слободско-украинскую губернію: часть константиноградскаго и часть славянскаго съ городомъ. Въ воронежскую губернію: часть донецкаго и бахмутскаго по р. Сѣверный Донецъ. Изъ бывшей вознесенской губерніи часть, присоединенная отъ Польши, отчислена въ кіевскую и подольскую губерніи, а остальные уѣзды были закрыты.

Въ этомъ указѣ также было сказано, что совѣстный судъ, верхній земскій судъ, верхняя расправа, губернскій магистратъ, нижняя расправа, управа благочинія, должности губернскаго и уѣзднаго стряпчаго упраздняются. Вмѣсто новороссійской палаты уголовной и гражданской, открыта была палата суда и расправы, раздѣленная на 2 департамента, вознесенское же губернское и таврическое областное правленія упразднены.

Наблюденіе за передачей дѣлъ прокурорами, стряпчими и присутственными мѣстами возложено на губернскаго прокурора коллежскаго совѣтника И. Шкляревича, а за межевыми дѣлами—на губернскаго землемѣра кол. асс. Чуйко.

Потомъ губернаторъ Бердяевъ сообщилъ новороссійскому губернскому правленію, что городъ Константиноградъ и часть уѣзда, какъ увѣдомилъ его управляющій Малороссіею генералъ фельдмаршалъ графъ И. Салтыковъ, причисленъ къ Малороссіи; а потому поручилъ составить новомосковскій уѣздъ: изъ частей константиноградскаго, алексопольскаго и новомосковскаго уѣздовъ.

Далѣе въ немъ поясняется, что 30 ноября 1796 г. послѣдовалъ указъ: «о возстановленіи въ Малороссіи правленія и судопроизводства, сообразно тому, какъ оное тамъ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовало», и о составленіи, вмѣсто 3-хъ намѣстничествъ, одной губерніи въ г. Черниговѣ, возвративъ къ ней гг. Полтаву и Кременчугъ. Вслѣдствіе чего правленіе поручило полтавскому и алексопольскому судамъ справиться въ архивахъ: какія прежде состояли въ полтавскомъ малороссійскомъ полку селенія и земли казенныя и владѣльческія, и потомъ прислать вѣдомости въ правленіе. При этомъ

имъ было предписано нижнимъ разправамъ: екатеринославской, александровской, новомосковской, павлоградской, бахмутской, донецкой, славянской, константиноградской, маріупольской, градижской, полтавской, миргородской, хорольской и алексопольской прекратить свои дѣйствія, а казенное имущество сдать на храненіе въ уѣздныя казначейства.

Затѣмъ въ указѣ сказано, что при новороссійскомъ губернскомъ правленіи существовала межевая экспедиція, учрежденная 15 іюля 1792 г., въ коей состояли по штату: губернскій землемѣръ, 2 землемѣра, 2 помощника и въ каждомъ уѣздѣ—землемѣръ, помощникъ, а по новому штату назначенъ на губернію одинъ губернскій и 12-ть уѣздныхъ землемѣровъ. Поэтому поручено межевой экспедиціи прекратить свои дѣйствія, дѣла же отправлять губернскому и уѣздному землемѣрамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ губернское правленіе сообщило въ вознесенское и малороссійское губернскія правленія, чтобы первое передало въ кіевскую и подольскую губерніи уѣзды: ольгопольскій, богопольскій, уманскій, екатеринопольскій, черкасскій и чигиринскій, а послѣднее приняло изъ новороссійской губерніи уѣзды: градижскій, миргородскій, полтавскій, хорольскій, части алексопольскаго и константиноградскаго.

Послѣ того 17 апрѣля малороссійское губернское правленіе дало знать городничимъ, чтобы они приготовили дѣла къ сдачѣ, а всѣ нижніе земскіе суды и дворянскія опеки городовъ, назначенныхъ къ закрытію, отослали свои дѣла въ тѣ города, которые остаются уѣздными по новому раздѣленію губерніи, непремѣнно къ 1 мая.

Въ томъ же указѣ сказано,—что малороссійская губернія составляется изъ 20 повѣтовъ, для отграниченія которыхъ посланы землемѣры.

Вслѣдствіе сообщенія малороссійскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Я. Л. Бакуринскаго, губернское правленіе 10 апрѣля даетъ знать алексопольскому городничему Пирогову, что указомъ Сената отъ 9 марта предоставляется купцамъ и мѣщанамъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ присутственныя мѣста будутъ закрыты, производить торговлю и заниматься промыслами на прежнихъ основаніяхъ.

Малороссійское губернское правленіе 23 апрѣля увѣдомляло того же Пирогова, что съ 1-го мая введутся новые штаты въ губерніи, а потому упразднятся слѣдующіе города: Городня, Березна, Борзна,

Лохвица, Глинскъ, Кролевецъ, Коропъ, Новое-мѣсто, Суражъ, Погаръ, Остеръ, Миргородъ, Градижскъ, Константиноградъ, Алексополь и существовавшія въ нихъ присутственныя мѣста, кромѣ магистратовъ и городскихъ думъ. Въ уѣздныхъ же городахъ: уѣздные суды, дворянскія опеки и нижнія расправы также упраздняются. Поэтому правленіе поручило съ того числа всѣмъ этимъ лицамъ и мѣстамъ прекратить производство дѣлъ, прежніе дѣла отослать въ земскіе суда тѣхъ уѣздовъ, куда они причислены, а городничимъ передать дѣла гражданскія въ городовые магистраты, дѣла же о штатныхъ командахъ и суммы выслать въ правленіе. Команды эти и лошади должны были городничіе приготовить къ отправленію куда будетъ назначено, а казенныя зданія и вещи, чтобы передали въ нижніе земскіе суды уѣздныхъ городовъ по описямъ, и затѣмъ донесли правленію. Замѣтимъ, что г. Черниговъ былъ назначенъ въ 1797 г. губернскимъ городомъ малороссійской губерніи, что видно изъ указа малороссійскаго губернскаго правленія отъ 10 марта 1797 г., но не уѣзднымъ, какъ сказано по ошибкѣ въ географическо-статист. словарѣ П. Семенова при описаніи г. Чернигова [1]).

На это распоряженіе алексопольскій городничій Пироговъ донесъ 30 апрѣля правленію, что въ г. Алексополѣ нѣтъ магистрата, жившихъ же тамъ 6-ть купцовъ и 7 мѣщанъ вѣдалъ екатеринославскій магистратъ, а потому онъ просилъ правленіе, увѣдомить его: какъ поступить съ дѣлами и книгами. Потомъ онъ донесъ правленію о составѣ алексопольской штатной команды. Поэтому правленіе 12 мая поручило Пирогову: отослать въ полтавскую штатную команду 3-хъ рядовыхъ, способныхъ къ продолженію службы, константиноградскому городничему Золотухину туда же отправить 12 рядовыхъ изъ константиноградской штатной команды,—къ городничему надворному совѣтнику князю Шаховскому неспособныхъ же рядовыхъ, при офицерѣ, съ лошадьми отправить въ Черниговъ. Интересно, что рядовые: Кузнецовъ, Дюковъ и Ермолаевъ, отосланные въ г. Полтаву, имѣли 1-й 30 лѣтъ, 2-й 44, а 3-й 35 лѣтъ отъ роду, послѣдніе два носили бороды, они были взяты на службу изъ пермской, углицкой и смоленской губерній, изъ нихъ Дюковъ служилъ съ 1770 г., т. е. около 27 лѣтъ.

Затѣмъ изъ вѣдомости вещамъ, представленной въ губернское правленіе городничимъ Пироговымъ, видно, что въ Черниговъ имъ

---

[1]) Смотр. Географич.-статистическ. словарь Рос. Импер. С.-Петерб. 1883 г Т. V. стр. 661.

отправлено 27 рядовыхъ штатной команды, въ томъ числѣ 9 конныхъ, съ поручикомъ Саковымъ; при нихъ отослано 18 ружей, 3 драгунскихъ лошади, и казенныхъ денегъ 123 руб. $28^3/_4$ коп.

Пироговъ 13 іюня отправилъ поручика Сакова съ этой командой въ Черниговъ, снабдивъ его вѣдомостями и ордеромъ, въ которомъ поручилъ при слѣдованіи: «не изнурять въ пути лошадей и не дѣлать на дорогѣ никакихъ обидъ обывателямъ», и вручилъ ему запечатанное донесеніе объ этомъ въ губернское правленіе.

Такъ закончилъ свою дѣятельность послѣдній алексопольскій городничій.

Но еще раньше, а именно 10 марта, малороссійское губернское правленіе дало знать городничему Пирогову, что малороссійская губернія составляется изъ 20 уѣздовъ, какъ выше сказано, но предположенные уѣзды не были признаны удобными управлявшимъ малороссійскою губерніею, фельдмаршаломъ графомъ И. П. Салтыковымъ, по разсмотрѣніи имъ карты губерніи и вѣдомостей, по несоразмѣрности числа жителей въ каждомъ уѣздѣ и взаимнаго разстоянія ихъ между собою.

Поэтому графъ Салтыковъ поручилъ уравнять уѣзды по числу жителей такъ, чтобы изъ числа 1,150,000 жителей, числившихся тогда въ малороссійской губерніи, въ каждомъ повѣтѣ или уѣздѣ было отъ 55 т. до 65 тысячъ душъ. Тѣ же города, въ которыхъ предположено открыть земскіе и подкоморскіе суды должны быть въ центрѣ своихъ уѣздовъ, чтобы каждому жителю удобно было въ нихъ пріѣзжать по своимъ дѣламъ *«не по одной лишь принадлежности къ нимъ, но и не по большому разстоянію»*. Города уѣздные должны быть расположены при рѣкахъ, на возвышенныхъ мѣстахъ и въ нихъ должны быть готовыя зданія для судебныхъ мѣстъ.

На этомъ основаніи графъ Салтыковъ предложилъ раздѣлить малороссійскую губернію на слѣдующіе уѣзды: полтавскій, зеньковскій, кременчугскій, хорольскій, гадячскій, роменскій, лубенскій, золотоношскій, переяславскій, пирятинскій, прилукскій, козелецкій, нѣжинскій, черниговскій, сосницкій, конотопскій, глуховскій, новгородъ-сѣверскій, стародубскій, мглинскій, т. е. въ нынѣшнихъ полтавской губ.—11, а въ черниговской—9 уѣздовъ. Но при этомъ онъ предоставилъ правленію сдѣлать противъ этого раздѣленія свои замѣчанія, основываясь на лучшемъ знаніи всей мѣстности Малороссіи. Понятно, что такое раздѣленіе губерніи на уѣзды вполнѣ было удобно и выгодно для населенія, доказательствомъ чего можетъ слу-

жить, то, что тѣже самые уѣзды въ черниговской и полтавской губерніи остались до настоящаго времени.—Правленіе также никакихъ замѣчаній противъ такого раздѣленія не сдѣлало, какъ видно изъ дѣла.

Въ то же время князь Салтыковъ далъ наставленія губернскому землемѣру Копылову, какъ поступать при разграниченіи уѣздовъ и какіе прежніе уѣзды или части ихъ должны входить въ новые уѣзды; а потому онъ поручилъ правленію, чтобы оно вызвало въ Черниговъ всѣхъ уѣздныхъ землемѣровъ изъ черниговской, новгородъ-сѣверской и отходящей части екатеринославской губерніи,—гдѣ они должны, вмѣстѣ съ губернскимъ землемѣромъ, составить карты предполагаемыхъ уѣздовъ, уравнявъ по возможности въ каждомъ изъ нихъ число жителей, руководствуясь вѣдомостями о числѣ жителей въ селеніяхъ. Послѣ составленія уѣздныхъ картъ, землемѣры должны отправиться въ свои уѣзды и затѣмъ съ исправникомъ объѣхать каждый уѣздъ, и назначить его границы, а также объявить жителямъ всѣхъ селеній изъ закрытыхъ уѣздовъ, чтобы они знали къ какому уѣзду принадлежатъ.

Землемѣръ Копыловъ донесъ губернскому правленію, что, по личному повелѣнію графа Салтыкова, сдѣлано имъ на картѣ Малороссіи расчисленіе уѣздовъ, по числу душъ въ каждомъ. Но для того, чтобы уѣздные землемѣры окончили раздѣленіе губерніи на уѣзды въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ проситъ назначить въ помощь къ землемѣрамъ по одному писцу и по 2 солдата.

Далѣе землемѣръ Копыловъ объяснилъ, что кременчугскій уѣздъ составляется изъ градижскаго уѣзда, въ которомъ числилось 51,950 душъ мужес. пола, прибавляется къ нему изъ алексопольскаго 15,628 д., отъ полтавскаго 3,000 д., всего 70,578 д., а за отдѣленіемъ къ полтавскому уѣзду 5,000 д.,—въ кременчугскомъ уѣздѣ будетъ 65,578 д., къ нему также причислены были города Градижскъ и Алексополь; послѣдній получилъ прежнее названіе м. Царичанки, которое и теперь осталось за нимъ.

Поэтому правленіе отправило новгородъ-сѣверскаго землемѣра, артиллеріи подпоручика Семена Кондратовича, въ г. Градижскъ, для того, чтобы онъ установилъ границы кременчугскаго уѣзда, вмѣстѣ съ исправникомъ, и составилъ вѣдомость тѣмъ селеніямъ, которыя будутъ изъ градижскаго, полтавскаго и алексопольскаго уѣздовъ включены въ кременчугскій уѣздъ; а затѣмъ составилъ карту уѣзда «по правиламъ землемѣрскимъ». Вѣдомость эту онъ долженъ представить въ губернское правленіе, а самъ объѣхать съ градижскимъ исправ-

никомъ уѣздъ, объявить въ селеніяхъ о причисленіи ихъ къ тому уѣзду и доносить правленію о ходѣ работъ черезъ каждые 5 дней. Для письмоводства Кондратовичъ долженъ былъ потребовать писца отъ того же исправника, о чемъ было предписано послѣднему; а городничимъ: градижскому, алексопольскому, полтавскому и кременчугскому градоначальнику предписано доставить ему вѣдомость о числѣ жителей въ городахъ, и командировать къ землемѣру 2 солдата изъ мѣстныхъ командъ, исправникамъ же этихъ уѣздовъ поручено было оказывать землемѣру содѣйствіе и находиться при немъ до окончанія отграниченія уѣзда.

Въ концѣ правленіе предписываетъ землемѣру Кондратовичу и полицейскимъ начальникамъ исполнить порученіе это въ точности, подъ опасеніемъ за медленность или нерадѣніе строжайшаго взысканія по законамъ.

По полученіи указа отъ 10 марта, землемѣръ Кондратовичъ отправился въ г. Градижскъ, откуда 16 марта онъ послалъ уже отношеніе алексопольскому городничему Пирогову о доставленіи ему вѣдомости о числѣ жителей и о присылкѣ 2-хъ солдатъ, которыхъ просилъ отослать для этого къ алексопольскому исправнику, секундъ-маіору Игнатьеву. Отъ г. Чернигова до г. Градижска 300 верстъ; слѣдовательно, Кондратовичъ долженъ былъ выѣхать въ тотъ же или на слѣдующій день, для того, чтобы прибыть туда черезъ 5 дней, какъ было ему предписано правленіемъ. Пироговъ 20 марта послалъ ему вѣдомость о числѣ жителей г. Алексополя (м. Царичанки), изъ которой видно, что въ то время въ немъ числилось купцовъ 5 мужеска пола, мѣщанъ 7, казенныхъ поселянъ 1683, козаковъ 30, мѣщанъ записанныхъ въ козаки 22, церковнослужителей 23, и помѣщичьихъ крестьянъ 14 человѣкъ, всего 1784 души,—о чемъ онъ донесъ 21 марта губернскому правленію.

Наконецъ, 12 марта губернское правленіе сообщаетъ Пирогову, что вслѣдствіи предложенія «высокоповелительнаго» графа Салтыкова, оно командировало для составленія уѣздовъ: зеньковскаго, гадяцкаго, полтавскаго, хорольскаго и мглинскаго, землемѣровъ: черниговскаго Тарасова, глуховскаго Бажанова, мглинскаго Муранина, изъ нихъ поручено: 1-му зеньковскій и гадячскій, 2-му полтавскій и хорольскій, 3-му мглинскій. Уѣзды эти губернскій землемѣръ Копыловъ предположилъ составить слѣдующимъ образомъ: въ зеньковскій изъ гадячскаго причислить 25,096 душъ, отъ миргородскаго 22,742 души, отъ полтавскаго 8,000 д., всего 55,838 душъ, къ нему былъ присоединенъ

городъ Константиноградъ; гадячскій изъ половины того же уѣзда 23,096 д., и отъ миргородскаго 16,245 д., лубенскаго 3,000 д., лохвицкаго 12,927 д., всего 55,268 д.; полтавскій—часть того же уѣзда 49,084 д., отъ константиноградскаго 12,884 д., алексопольскаго 11,628 д., и градижскаго 7,000 д., всего 80,596 д., а отдѣливъ 15 т. душъ къ смежнымъ, останется 65,596 д.; хорольскій—изъ того же 49,345 д., отъ миргородскаго 8,548 д., отъ полтавскаго 4,000 д., всего 61,893 д.; мглинскій изъ того же уѣзда 18,030 д., суражскаго 23,256 д., стародубскаго 6,000 д., погарскаго 6,410 д., всего 53,696 д.; поэтому губернское правленіе поручило названнымъ землемѣрамъ взять отъ губернскаго землемѣра Копылова карты съ вѣдомостями селеніямъ тѣхъ уѣздовъ и отправиться въ нихъ того же числа непремѣнно, а затѣмъ, съ земскими исправниками составить повѣты, назначить имъ границы и объявить крестьянамъ селеній о причисленіи ихъ къ этимъ уѣздамъ. Исправникамъ и городничимъ также было предписано доставить землемѣрамъ, по прибытіи ихъ въ уѣзды, вѣдомости о числѣ душъ въ селеніяхъ и городахъ, камандировать писцовъ, по 2 солдата, и находиться при нихъ для содѣйствія къ скорѣйшему отграниченію тѣхъ уѣздовъ.

Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ алексопольскаго земскаго суда, которыми мы пользовались нѣтъ свѣдѣній о числѣ жителей въ другихъ уѣздахъ малороссійской губерніи, а также неизвѣстно, когда отграничены остальные уѣзды. Землемѣръ же Кондратовичъ окончилъ составленіе кременчугскаго уѣзда, какъ можно полагать, въ началѣ апрѣля мѣсяца, потому что въ дѣлѣ имѣется только его отношеніе къ городничему Пирогову отъ 11 апрѣля, при которомъ онъ отправилъ ему 2-хъ рядовыхъ алексопольской команды: Родіонова и Трофимова, находившихся при межевыхъ работахъ. Въ заключеніе добавимъ, что малороссійская губернія въ 20 уѣздовъ существовала только 4 года съ небольшимъ, такъ какъ въ 1801 г. она была раздѣлена на двѣ губерніи: черниговскую и полтавскую,—по указу императора Александра Благословеннаго.

П. Китицынъ.

Странное слово.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своей интересной статьѣ «Культурныя переживанія» въ главѣ объ уличныхъ кличкахъ («Кіевск. Стар.», февр. 1889 г.) на стр. 417 приводитъ прозвища «Перемотъ» и

«Перемотка», производя ихъ отъ слова «перемотать» въ значеніи обманывать. Приведенныя прозвища кажется могутъ объяснить и очень странное и мало понятное простонародное ругательное слово, очень распространенное какъ въ г. Петербургѣ, такъ и въ ближайшихъ губерніяхъ петербургской, новгородской и псковской. Въ указанныхъ мѣстностяхъ человѣка, промотавшаго или нелѣпо распорядившагося своими средствами, также мелкаго обманщика называютъ «абармотъ»; кое гдѣ это слово произносятъ «обармотъ» или «обермотъ». Слово это звучитъ вовсе не по русски; трудно или невозможно указать его великорусскій корень; едва ли можно допустить вѣрность слышаннаго мною отъ мѣстнаго уроженца объясненія, что слово это произошло отъ сочетанія нѣмецкаго слова «оберъ» (оберъ офицеръ) съ русскимъ «мотъ». Мнѣ кажется, что, въ виду приведенной цитаты изъ статьи г. Сумцова, гораздо вѣроятнѣе выводить это слово изъ Малороссіи; оттуда оно, быть можетъ, было занесено на отдаленный сѣверъ солдатами—украинцами, очень многочисленными въ гвардіи; при своемъ распространеніи въ средѣ инороднаго населенія оно измѣнило свою первоначальную форму, сдѣлалось малоузнаваемымъ. Такъ ли это, предоставляю судить филологамъ.

В. Б.

Десятилѣтіе каневской публичной библіотеки (1878—1887 г.).

Жизнь нашихъ уѣздныхъ городовъ настолько всегда течетъ однообразно, настолько бываетъ лишена культурныхъ интересовъ, что даже и незначительный съ перваго взгляда фактъ появленія чего нибудь сверхъ-обычнаго составляетъ небезъинтересную страничку въ ихъ мѣстной исторіи. Тѣмъ болѣе нельзя почитать малозначущимъ такого явленія, какъ возникновеніе въ данномъ захолустномъ пунктѣ общественной библіотеки, большая или меньшая сила жизненности которой есть лучшій выразитель культурной правоспособности такого пункта и лучшій представитель умственнаго и нравственнаго облика его жителей. Вотъ почему, смѣемъ думать, наша небольшая замѣтка о десятилѣтнемъ періодѣ существованія каневской публичной библіотеки не будетъ излишней для освѣщенія нѣсколькихъ страницъ культурной исторіи нашего городка, особенно, если принять во вниманіе,

что эти страницы, вѣроятно, окажутся общими для многихъ провинціальныхъ городковъ нашего правобережья.

Въ концѣ 1876 года, по иниціативѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, поддержанной мѣстнымъ исправникомъ, составленъ былъ уставъ каневской городской общественной библіотеки съ публичною при ней читальней. Фактъ возникновенія этого экстраординарнаго въ глуши учрежденія, при содѣйствіи полицейскаго агента—фактъ далеко не единичный въ провинціи, гдѣ уѣздный исправникъ зачастую играетъ роль выдающагося интеллигента. Это напоминаетъ намъ до нѣкоторой степени однородный случай, бывшій на нашей памяти, около 30 лѣтъ тому назадъ, въ г. Ахтыркѣ (харьк. губ.): это открытіе воскресной школы, по почину молодежи изъ интеллигенціи и при рьяномъ участіи городничаго, который въ своемъ рвеніи доходилъ иногда до абсурда; такъ, напримѣръ, сей герой въ одно изъ первыхъ воскресеній по открытіи школы поставилъ на колѣни 40-лѣтняго мѣщанина за пропускъ школы въ предыдущее воскресенье, и злосчастный pater familias, съ раскрытымъ ртомъ и вытянутой физіономіей, повиновался волѣ начальства, чѣмъ вызвалъ гомерическій хохотъ аудиторіи и, конечно, рѣзкій протестъ со стороны сотрудниковъ педагоговъ. Но какъ ни курьезны бываютъ вмѣшательства сихъ ревностныхъ радѣтелей о просвѣщеніи, однако въ дѣлѣ утвержденія устава каневской городской библіотеки участіе мѣстнаго исправника принесло видную пользу, т. к. уставъ былъ утвержденъ, и библіотека, послѣ сбора подписныхъ денегъ и пожертвованныхъ книгъ, была открыта 10 декабря 1877 года въ помѣщеніи о двухъ комнатахъ, отведенныхъ городскою управой, гдѣ она находится и теперь.

У составителей устава, помимо соображенія съ небольшими средствами уютно пристроить свое будущее дѣтище, надо полагать, имѣлся въ виду также разсчетъ подвинуть со временемъ мѣстный муниципалитетъ на постоянную субсидію этому полезному учрежденію, т. к. въ § 2 устава, между прочимъ, говорится: «библіотека съ читальней помѣщается при городской управѣ безплатно и *составляетъ общественное достояніе города*». Но увы! на практикѣ эти скромныя надежды благодушныхъ составителей устава не сбылись. Напротивъ, наша библіотека на своемъ маленькомъ вѣку уже пережила моментъ гамлетовскаго «быть или не быть», когда у кормы городскаго самоуправленія стояли воротилы, изрекавшіе про нее: «на що воно намъ здалось? поки не було ціи библіотеки, то и въ газетахъ ничого не писалы про нашъ городъ..... Лучче продаты ти кныжкы, а гроши при-

годятся на що инше». Хотя эта угроза и миновала, но тѣмъ не менѣе библіотека едва продолжаетъ существовать на тѣ ограниченныя средства, которыя доставлялись въ теченіе 10 лѣтъ членами библіотеки и временными подписчиками. Членами библіотеки состоятъ преимущественно жители города и сравнительно незначительное число изъ уѣзда. Всѣхъ членовъ въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1878 г. по 1887 включительно) было 333, т. е. среднимъ числомъ 33 ежегодно, при чемъ наибольшее число (49, изъ которыхъ 7 уѣздныхъ) членовъ было въ первый годъ существованія библіотеки, наименьшее (24, изъ которыхъ ни одного уѣзднаго) въ послѣдній,—фактъ, какъ видите, наводящій на грустныя думы. Временныхъ подписчиковъ за всѣ 10 лѣтъ было 383, т. е. среднимъ числомъ 38 ежегодно, при чемъ наибольшее число (69, изъ которыхъ 16 уѣздныхъ) приходится на 1881-й годъ, а наименьшее—на первый годъ существованія библіотеки (15, изъ которыхъ 3 уѣздныхъ); въ послѣдній же годъ всѣхъ подписчиковъ состояло 40, изъ которыхъ только 4 уѣздныхъ—фактъ, тоже мало утѣшающій. Средній годовой приходъ, составляющійся изъ членскихъ взносовъ (162 р.), изъ платы временныхъ подписчиковъ (51 р.), изъ случайныхъ поступленій (17 р.), изъ сбора въ кружку при читальнѣ (2 р. 50 к.), изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи приложеній къ иллюстрированнымъ изданіямъ и газетъ (11 р.) и изъ штрафовъ, впрочемъ упраздненныхъ съ 1882 года (5 р.),—выражается цифрой 248 р. 50 к. Средній годовой расходъ, идущій на выписку періодическихъ изданій (172 р.), на пріобрѣтеніе книгъ (20 р.), на пополненіе инвентаря (12 р.), на переплетъ книгъ (31 р.), на мелкіе расходы (7 р. 50 к.),—выражается цифрой 243 р. 50 к. Изъ этихъ данныхъ видно, какъ ничтожны имѣющіяся средства, особенно для пополненія библіотеки отдѣльными сочиненіями. Впрочемъ, надо прибавить, что поступаютъ въ библіотеку книги, сверхъ выписки ихъ, еще въ видѣ пожертвованій (за 10 лѣтъ на сумму 144 р.) и вмѣсто членскихъ взносовъ (на сумму 357 р. 90 к.).

Постоянный и главный контингентъ членовъ и подписчиковъ составляетъ немногочисленная мѣстная интеллигенція и въ томъ числѣ *перемежающійся* служилый людъ нашей администраціи и канцелярій. Употребляемъ терминъ *перемежающійся* потому, что значительное большинство этого, налетомъ прибывающаго къ намъ изъ центральныхъ губерній, класса людей надолго не засиживается на мѣстѣ: потому ли, что не сживается съ обывательскими нравами и обычаями; потому ли, что иныхъ высшее начальство изгоняетъ за

взятки, за якшаніе съ евреями и другія продѣлки; потому ли, наконецъ, что, попавъ на крупный «по нашему мѣсту» казенный окладъ, прибывшій къ намъ въ *отхожій промыселъ* скиталецъ сколачиваетъ, за два три, много пять лѣтъ, деньгу и затѣмъ навастриваетъ лыжи ко двору и сожительницѣ своей. Нѣкоторые же изъ нихъ, удрученные монотонностью мѣстнаго житейскаго режима, просто-напросто ташкентствуютъ отъ насъ на Кавказъ, въ Сибирь, въ сѣверо-западный и привислянскій края, соблазняемые перспективой полученія не въ зачетъ прогонныхъ, подъемныхъ денегъ и увеличенныхъ окладовъ жалованья. Чиновная же братія изъ туземныхъ старожиловъ, составляя отрядъ *упостояниввшихся титулярныхъ совѣтниковъ*, настолько начинена за свой долгій служилый вѣкъ циркулярами и предписаніями начальствъ, что всякое иное занятіе, помимо канцелярскаго ремесла, а особенно чтеніе (кромѣ оффиціальной части губернскихъ и иныхъ подлежащихъ вѣдомостей) считаетъ чуть ли не искушеніемъ діавола. Да оно и понятно: въ ихъ молодую пору литературный рынокъ пополнялся, съ одной стороны, произведеніями въ родѣ «Сердце человѣческое есть храмъ Божій, или жилище сатаны», разными житіями, оракулами, соломонами, предсказаніями Задеки и пр.; съ другой—такими, какъ «Солдатъ Яшка—красная рубашка, синія ластовицы», «О молодомъ Ильѣ женатомъ да о лысомъ Мартынѣ тароватомъ» и др. Подпольная же литература того отдаленнаго времени ограничивалась «Сномъ Богородицы» и пожалуй, еще двумя-тремя подобными измышленіями фантазіи. Да при томъ всѣ эти литературные трезоры, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, попадали въ семьи нашихъ грамотныхъ земляковъ довольно рѣдко. Откуда же тутъ могла явиться и развиться любовь къ чтенію? Надо принять еще во вниманіе и то, что эти господа, начавшіе служебную карьеру въ магистратахъ, нижнихъ земскихъ судахъ и иныхъ учрежденіяхъ дореформеннаго времени, едва ли еще не за легендарнаго царя *Бомка* (когда земля была тонка: пальцемъ проткни—и воды напьешься), заручившись во время оно изрядною копѣйкой, неуклонно продолжали свои накопленія, какъ неукоснительно продолжаютъ и торную служебную колею, а теперь ростовщичествуютъ себѣ въ сласть, благодаря значительному элементу еврейскаго населенія, которое охотно кредитуется у нихъ для разныхъ гешефтовъ и, въ видахъ соблюденія обоюдныхъ интересовъ, при подрядахъ и поставкахъ разнаго рода. На что же, спрашивается, этимъ *реалистамъ sui generis* публичная библіотека? Одно разореніе! Вѣдь по правиламъ библіотеки

даже подписчикамъ 2-го разряда приходится платить по 25 коп. въ мѣсяцъ! А дѣти же ихъ—неудомѣваетъ читатель—чѣмъ пробавляются? А у нихъ есть учебники, которые тоже денегъ стоютъ,—пусть твердятъ ихъ; а тамъ ужъ, когда въ кость войдутъ да поженятся, пусть себѣ дѣлаютъ, какъ знаютъ—основательно разсуждаютъ родители. Впрочемъ, велика сила времени! Кумушки изъ Краснаго Яра не разъ сказывали варшавскимъ [1]), что, по ихъ замѣчанію, отцы то на досугѣ въ послѣдніе годы «запускаютъ журавля» даже въ «Кіевлянинъ», прихватываемый ими изъ канцелярій. И тутъ, какъ видите, обойдена библіотека!

Кромѣ чиновниковъ служащихъ да нѣкоторыхъ изъ отставныхъ пенсіонеровъ, въ числѣ членовъ или подписчиковъ встрѣчаются: еврейскія турнюрныя дѣвицы съ казеннымъ раввиномъ въ хвостѣ, проживающіе иногда въ ожиданіи мѣстъ бывшіе арендаторы, управлявшіе имѣніями, механики, писцы изъ присутственныхъ мѣстъ и разныхъ канцелярій; въ лѣтнее же время—дачники, молодежь каникулярная: учителя изъ мѣстныхъ уроженцевъ, гимназисты, реалисты, семинаристы, студенты... Количество этого пріѣзжаго люда несомнѣнно вліяетъ на колебаніе числа мѣсячныхъ подписчиковъ и посѣтителей читальни.

Этотъ незначительный, сравнительно съ населеніемъ г. Канева (къ 1888 г. считалось 8324 души), контингентъ читателей библіотеки, какъ видно уже было изъ приведенныхъ раньше данныхъ, больше всего имѣлъ возможность пользоваться періодическими изданіями. Всѣхъ названій періодическихъ изданій поступило въ теченіе 10 лѣтъ 37; при чемъ надо замѣтить, что въ выпискѣ этихъ изданій нѣтъ никакой систематичности: большинство изъ нихъ выписывалось только въ теченіе одного, двухъ, трехъ лѣтъ, и только «Вѣстникъ Европы», «Живописное Обозрѣніе», «Недѣля» и «Русская Старина» поступали постоянно за каждый годъ; даже «Кіевлянинъ» имѣется не за всѣ года. Что касается отдѣльныхъ сочиненій, то, при общемъ количествѣ названій къ 1888 году—1428, находимъ тутъ только 25 названій, представляющихъ собраніе сочиненій русскихъ беллетристовъ, при чемъ отсутствуютъ даже такіе, какъ Жуковскій.

Не лишено интереса отношеніе публики къ печатному слову, поскольку можно судить о немъ изъ нѣкоторыхъ курьезнымъ способомъ добываемыхъ данныхъ. Перелистывая иллюстрированныя изданія,

---

[1]) Красный Яръ и Варшавка—приселки въ городѣ.

нельзя не замѣтить, что нѣкоторыми изъ читателей брались они изъ за картинокъ и, вѣроятнѣе всего, давались дѣтямъ для забавы, такъ какъ слѣды дебошей этихъ маленькихъ тирановъ явственно проглядываютъ на страницахъ изданій въ грязныхъ тычкахъ на физіономіяхъ изображенныхъ героевъ, въ значительномъ числѣ изорванныхъ листовъ, преимущественно тѣхъ, которые, нужно полагать, были объектомъ особеннаго вниманія дѣтей, въ поразительной засаленности и изорванности самыхъ переплетовъ. Само собою разумѣется, что такъ называемымъ «жестокимъ романамъ» въ этомъ отношеніи тоже повезло: кромѣ массы восклицательныхъ реченій на поляхъ, въ родѣ «ахъ, это ужасти!» «Не можетъ быть, чтобъ Вѣрочка ему простила!» «А мы это не думали» (вѣроятно, читалось обществомъ еврейской молодежи); «Бѣдныя женщины! и все это ради васъ изверговъ!» «Вотъ душка Окрейцъ!» и т. п.,—кромѣ всего этого, постоянно попадаются отмѣтки жаркихъ мѣстъ ногтями, шпильками, булавками, усиленными заломами листовъ и пр., что выпало отчасти и на долю классическихъ русскихъ писателей. Конечно, это все свидѣтельствуетъ, что наши дамы и дѣвицы любовно вникали въ смыслъ прочитаннаго. Изрѣдка и въ серьезныхъ статьяхъ толстыхъ журналовъ встрѣчаются подчеркиванія такихъ мѣстъ, которыя въ виновникахъ этихъ отмѣтокъ обнаруживаютъ читателей съ *широкимъ умственнымъ развитіемъ*. Но перломъ этого вниканія въ прочитанное является точно записанная нами своеобразная рецензія какого то простеца подъ статьей Шелгунова «Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи»; рецензія эта, выведенная писарскимъ крючковатымъ почеркомъ, гласитъ слѣдующее: «чтобы хорошо умѣть танцовать, надо это свниманіемъ прочитать». Навѣрное, нашему плодовитому публицисту никогда и во снѣ не грезился такой выводъ изъ его статьи!

Какъ ни печально положеніе библіотечнаго дѣла въ нашемъ городѣ, поскольку это зависитъ отъ повальной захолустной косности, но все таки намъ кажется, что можно нѣкоторыми искусственными мѣрами поддержать это увядающее учрежденіе, чтобы при помощи его улучшить умственный и нравственный обликъ обывателей. Первой и самой радикальной мѣрой должна явиться, по нашему мнѣнію, субсидія отъ городской думы, на нравственной обязанности которой лежитъ не только завѣдываніе матеріальнымъ хозяйствомъ города, но и заботы о средствахъ къ просвѣщенію его. **В. Гаврышъ.**

Для справокъ.

—— **Памятникъ Котляревскаго въ Полтавѣ.** Въ бытность свою въ Полтавѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого года, я посѣтилъ мѣстное кладбище, гдѣ, между прочимъ, осматривалъ памятникъ покойнаго писателя И. П. Котляревскаго; жалкій видъ этого полуразрушеннаго памятника, какъ видно до сихъ поръ никѣмъ не замѣченнаго, заставилъ меня написать о немъ нѣсколько строкъ, для свѣдѣнія, которыя и прошу помѣстить на страницахъ „Кіевской Старины“.

Иванъ Петровичъ Котляревскій, какъ извѣстно, скончался въ Полтавѣ 29 октября 1838 года. Прахъ его, согласно желанію, положенъ въ южномъ углу стараго полтавскаго кладбища, подъ тѣнью вѣтвистаго тополя, вблизи дороги, идущей на г. Кобеляки. Въ 1839 году другомъ покойнаго Котляревскаго надворнымъ совѣтникомъ Павломъ Степановичемъ Стеблинъ-Каменскимъ († въ 1856 г.) надъ могилою его былъ воздвигнутъ на собственный послѣдняго счетъ небольшой кирпичный памятникъ, оштукатуренный, въ родѣ низкой колонны, на четыреугольномъ пьедесталѣ, обитый сверху желѣзомъ, съ маленькимъ позолоченнымъ крестомъ; съ одной стороны пьедестала тогда же была вдѣлана мѣдная доска съ слѣдующей надписью: „Маіоръ И. П. Котляревскій, сочинитель Энеиды на малороссійскомъ нарѣчіи род. 1769 года августа 29, скончался 1838 г. октября 29“. Памятникъ этотъ отъ времени сильно пострадалъ и лишь въ 1869 году, въ день столѣтняго юбилея рожденія Котляревскаго, почитателями памяти покойнаго, на собранную по подпискѣ сумму, снова былъ возобновленъ и вокругъ него сдѣлана деревянная рѣшетка, а вмѣсто украденной еще въ 1863 г. доски съ надписью вдѣлана вновь мѣдная — съ слѣдующею надписью: „Иванъ Петровичъ Котляревскій, авторъ Энеиды, Наталки-Полтавки и Москаля-Чаривныка на малороссійскомъ нарѣчіи, родился 29 августа 1769 года, скончался 29 октября 1838 года“. Сверху доски, въ лавровомъ вѣнкѣ „1869 г.“, столѣтняго юбилея, а внизу изображеніе лиры. Въ 1881 г. памятникъ вновь былъ исправленъ, вокругъ него сдѣлана новая ограда, вмѣсто уничтоженной неизвѣстно кѣмъ старой, изъ остатка суммъ, вырученныхъ дамскимъ благотворительнымъ обществомъ отъ устройства народнаго гулянья въ городскомъ саду въ память Котляревскаго, и съ тѣхъ поръ памятникъ этотъ не возобновлялся... Въ настоящее время онъ пришелъ въ значительное уже разрушеніе, а мѣдная доска съ надписью, къ сожалѣнію, вторично въ 1885 году украдена съ кладбища и никто не позаботился замѣнить ее новою, хотя въ Полтавѣ и теперь еще живутъ многіе, хорошо знающіе покойнаго Котляревскаго [1]). Сообщилъ **В. Е. Бучневичъ.**

—— **Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май мѣсяцъ 1889 года.** Въ теченіе марта, апрѣля и мая мѣсяцевъ 1889 г. Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 обыкновенныхъ и 1 экстренное засѣданіе.

Срочныя ссуды за поручительствомъ или подъ обезпеченіе жалованьемъ и гонораромъ были выданы 7 лицамъ на сумму 875 р. (1—50 р., 2-мъ по 100 р. 1—150 р., 1—200 р., 1—275 р., 1—300 р.); безсрочныя ссуды выданы 19 лицамъ на

[1]) См. мою также статью: „Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ“ въ Кіевской Старинѣ 1884 г., октябрь, стр. 352—353.

сумму 2,975 руб. (2 по 50 р., 1—75, 10—по 100 р., 2 по 150 р., 3 по 300 р., 1—600 руб.).

Единовременныя пособія назначены: 1-му лицу въ 250 р., 2 по 200 р. 2 по 150 р., 1—125 р., 2 по 100 р., 3 по 75 р., 20 по 50 р., 2 по 40 р., 1—30 р., 6 по 25 р., 2 по 10 р., а всего 42 лицамъ на сумму 2780 руб.

На погребеніе мужа одной писательницы назначено 50 р., на погребеніе одного ученаго 100 руб.

Продолжительныя пособія назначены 4 лицамъ: 1—75 р., 1—90 р., 1—150 р., 1—по 300 р., на 2 года, а всего въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на основаніи прежнихъ и новыхъ постановленій продолжительныхъ пособій выдано на 330 руб.

Одной весьма извѣстной престарѣлой и больной писательницѣ была назначена пенсія по 600 р., въ годъ, а вмѣстѣ съ назначенными ранѣе всего за 3 мѣсяца выдано пенсій на 1297 руб.

Опредѣлено уплатить за воспитаніе и обученіе дочери 1 лица 25 р., сына 1 лица 30 р., за воспитаніе дѣтей покойнаго писателя 90 руб., дочерей трехъ писателей: одного 100 р., другаго 170 р., и третьяго по 100 р. въ теченіе двухъ лѣтъ, всего же на воспитаніе и обученіе дѣтей литераторовъ и ученыхъ за 3 мѣсяца на основаніи прежнихъ и новыхъ назначеній издержано 700 руб. и кромѣ того на стипендіи 275 р.

Отклонены просьбы 19 лицъ (въ томъ числѣ 2-хъ—2 раза, и 1-го 3 раза).

Редакторъ „Петербургскаго Листка“ Н. А. Скроботовъ вмѣстѣ съ сотрудниками, бумажный фабрикантъ г. Небе, типографъ г. Шмидтъ и переплетный мастеръ г. Моревъ собрали 15 марта 1889 года въ день празднованія 25-лѣтія изданія „Петербургскаго Листка“ капиталъ въ 1,000 руб., заключающійся въ билетѣ Восточнаго займа 1877 г. съ тѣмъ, чтобы онъ былъ обращенъ въ неприкосновенный капиталъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ съ присвоеніемъ ему наименованія „капитала Александра Викторовича Владимірскаго“, а проценты его обращались бы на нужды общества.

М. К. Цебрикова пожертвовала 143 р. 85 к.

Ек. Ник. Жулева въ память артиста Ив. Триг. Чернышева пожертвовала 50 р.

Е. А. Салтыкова заявила, что семейство М. Е. Салтыкова жертвуетъ въ пользу общества 1% съ цѣны изданія сочиненій Михаила Евграфовича и что деньги будутъ доставлены по распродажѣ изданія.

Присяжные повѣренные округа спб. Судебной Палаты и ихъ помощники чрезъ гг. Е. М. Биновича и Н. І. Холева пожертвовали 317 р. 4 к. въ видѣ перваго вклада на образованія капитала имени М. Е. Салтыкова.

Кружокъ литераторовъ на образованіе того же капитала собралъ 455 руб. (въ счетъ ихъ поступило 247 р.) съ тѣмъ, что назначеніе этому капиталу дано будетъ жертвователями впослѣдствіи. Въ неприкосновенный капиталъ имени М. Е. Салтыкова поступило: отъ нижегородскихъ почитателей М. Е. Салтыкова (чрезъ В. Короленко)—50 р., отъ служащихъ при Соколовской мануфактурѣ т-ва И. А. Баранова (чрезъ В. Аристова)—118 р., отъ минскихъ почитателей—15 р., по подпискѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ собрано 106 р., отъ харьковскихъ почитателей (чрезъ г.-жу Толочинову) 100 р.

Евг. Мих. Гаршинъ заявилъ, что онъ уступаетъ обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ принадлежащее ему, въ размѣрѣ $^3/_8$, право ли-

тературной собственности на сочиненія Всев. Мих. Гаршина (по распродажѣ изданій г. Панафидина) съ условіемъ не отчуждать этого дара никакимъ путемъ.

В. П. Андрузскій предложилъ предоставить въ распоряженіе общества комнату съ правомъ безплатнаго леченія 1-го лица въ принадлежащемъ ему грязелечебномъ заведеніи въ Будакахъ бессарабской губерніи и еще сдѣлать скидку въ 25% для двухъ лицъ.

Вечеръ литературнаго фонда 18 апрѣля 1889 г., въ которомъ принимали участіе г-жи М. Б. Гейденрейхъ, М. В. Крестовская, А. А. Попова, В. У. Сипягина-Лиліенфельдъ, О. И. Шапиръ, гг. П. И. Вейнбергъ, С. Я. Морозовъ, Я. П. Полонскій, В. М. Самусь и К. М. Фофановъ далъ чистаго сбора 708 р. 70 к.

Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ означеннымъ лицамъ.

М. В. Ватсонъ и Э. К. Ватсонъ признаны пожизненными членами общества въ виду ихъ трудовъ по изданію сочиненій Надсона.

Библіографія.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г.

Покойный славистъ А. А. Котляревскій, бывшій профессоромъ въ кіевскомъ университетѣ, имѣлъ въ своемъ характерѣ одну любопытную странность: онъ любилъ издавать свои труды лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, вслѣдствіе чего они очень скоро послѣ своего появленія исчезали изъ обращенія въ продажѣ и дѣлались библіографическою рѣдкостію.

Вспомнимъ, напр., о его знаменитыхъ «Погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ»; этотъ первостепенной важности трудъ, которому выпало на долю рѣдкое счастіе въ наукѣ—завершить собою извѣстный научный вопросъ, поставить въ немъ, такъ сказать, точку и сдать его въ архивъ—уже въ семидесятыхъ годахъ вышелъ изъ продажи, и пишущій эти строки могъ получить его только отъ самаго автора. Еще болѣе памятна всѣмъ, слѣдившимъ за ростомъ славистики на Руси, исторія съ послѣднимъ трудомъ покойнаго ученаго «Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго ея изученія». Эта замѣчательная, къ сожалѣнію неоконченная, работа, доступная только ученому съ такою огромною начитанностью и такимъ рѣдкимъ по полнотѣ книгохранилищемъ, какими обладалъ покойный, была выпущена въ свѣтъ всего лишь въ числѣ 66 экз., изъ которыхъ 33 на веленевой бумагѣ нумерованы... Да, въ характерѣ покойнаго было таки стремленіе къ путямъ нѣсколько необычнымъ, своеобразнымъ, и рутиннаго онъ не терпѣлъ ничего даже въ

мелочахъ, хотя нельзя не пожалѣть, что малодоступность его книгъ была очень во вредъ читающей и учащейся молодежи [1]).

Послѣ этихъ замѣчаній становится вполнѣ понятною необходимость болѣе распространеннаго и доступнаго изданія трудовъ Котляревскаго, изданія, въ которомъ нашло бы себѣ мѣсто и то множество статей, замѣтокъ и оцѣнокъ книгъ, какимъ довольно щедро наполнялъ покойный разныя повременныя изданія, начиная съ 1855 года, тѣмъ болѣе, что и эти мелкія работы исполнены съ тою же трезвою тщательностью, ученою основательностью и глубокомысліемъ, иногда юморомъ, какими отличался и впослѣдствіи ученый ихъ авторъ. Такое то изданіе и предпринято нашею академіею наукъ, за что, конечно, нельзя не быть ей глубоко признательными.

Предлежащій первый выпускъ этого изданія представляетъ изъ себя большую книгу въ 40 печатныхъ листовъ, состоящую изъ 27 статей самаго разнообразнаго содержанія, обнаруживающаго въ авторѣ незаурядную начитанность и замѣчательную разносторонность ученыхъ интересовъ. Дѣйствительно, покойный представлялъ изъ себя рѣдкій уже въ настоящее узкое время типъ ученаго съ чрезвычайно широкими горизонтами, знакомаго рѣшительно со всѣми отраслями извѣстнаго круга знаній; конечно, хозяиномъ дѣла онъ былъ не во всѣхъ ихъ, но за то съ каждою онъ былъ знакомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы имѣть возможность самостоятельно, а не съ чужихъ словъ, судить о предметѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ изъ личныхъ отношеній представлялась возможность судить, до какой степени покойный, будучи спеціалистомъ главнымъ образомъ въ области русско-славянской литературы и филологіи, былъ силенъ, напр., въ исторіи всеобщей литературы, въ археологіи и древностяхъ, наконецъ, въ вопросахъ какъ чисто практическаго преподаванія словесности, наприм., въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, такъ и литературно-эстетической критики. И всѣ эти свѣдѣнія онъ любилъ черпать прямо изъ источниковъ, къ чему немало способствовало ему прекрасное знаніе языковъ какъ новыхъ, такъ и древнихъ.

Уже изъ перваго тома его сочиненій видна указанная выше разносторонность знаній и широта научныхъ интересовъ: тутъ и

---

[1]) Особенно это нужно сказать о двухъ книгахъ, изданныхъ А. А. Котляревскимъ за границею и, кажется, даже не поступавшихъ въ продажу: „Книга о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ“ и „Древности права Балтійскихъ славянъ“ Прага 1874 г. Книги эти были изданы замѣчательно изящно, но, кажется, тоже въ незначительномъ числѣ экземпляровъ.

статьи чисто грамматическаго свойства, и статьи по излюбленной покойнымъ народной словесности, и чисто литературные разборы (напр., о стихотвореніяхъ Полежаева, объ оповиданняхъ Марка Вовчка, объ Основьяненкѣ), и замѣтки по археологіи, по исторіи всеобщей литературы, по славяновѣдѣнію, по сравнительному языкознанію, по русской исторіи (напр., статья о сочиненіи Костомарова «Богданъ Хмельницкій») и дѣльные библіографическіе обзоры, напримѣръ, «Старина и народность» за 1861 г. и чисто педагогическія разсужденія (Рутина въ преподаваніи исторіи словесности, Двѣ новыя хрестоматіи и др.).

Взгляды автора вообще до такой степени трезвы, широки и глубокомысленны, что спорить съ ними, за малыми исключеніями, почти не приходится. Можно, конечно, указать на нѣсколько мыслей несомнѣнно невѣрныхъ, съ точки зрѣнія современной науки, ушедшей уже гораздо далѣе, между прочимъ и благодаря трудамъ нашего же автора (таково, напр., его указаніе на Ломоносова, какъ на грамматическаго дѣятеля, *почти не имѣвшаго предшественниковъ,* его утвержденіе въ одной статьѣ о случайномъ будто бы, безпочвенномъ и чисто искусственномъ характерѣ украинско-литературной дѣятельности составителя перелицованной Энеиды, его нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ трудамъ Гильфердинга и др.); но гораздо цѣлесообразнѣе будетъ раскрыть богатство содержанія разсматриваемой книги и горячо рекомендовать ее тому любознательному читателю, который предпочитаетъ трезвость мысли, хотя бы и нѣсколько суровую, разнымъ призрачнымъ теоріямъ и фантастическимъ ученіямъ и взглядамъ...

Историческій методъ въ изученіи словесности, и сравнительно историческій — въ языкознаніи блестяще и настойчиво проповѣдуется нашимъ ученымъ, и немало страницъ его книги посвящено весьма обстоятельному и искусному объясненію сущности этого метода, подтверждаемаго множествомъ убѣдительнѣйшихъ примѣровъ. Многія изъ этихъ страницъ столь жизненны и глубоко научны по содержанію, что нисколько не потеряли своего значенія и цѣны и въ наше время; а нѣкоторыя изъ нихъ должны бы и теперь еще служить для преподавателей словесности какъ отечественной, такъ и всеобщей, настольными... Желающихъ провѣрить наши слова отсылаемъ къ чуднымъ страницамъ, предваряющимъ статьи «Рутина въ преподаваніи исторіи словесности» и «Опытъ исторической грамматики русскаго языка». Правда, для современнаго

образованнаго филолога ничего особенно новаго тамъ не найдется; но за то тѣ послѣдніе результаты, на которыхъ въ сущности и теперь еще зиждутся какъ современное ученіе о словесности, такъ и языкознаніе, изложены съ поразительною ясностію, отчетливостію и убѣдительностію. Рутина всегда была и будетъ сильна во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ; сильна она и теперь еще въ дѣлѣ преподаванія словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; мы глубоко убѣждены, что указанныя нами страницы надолго еще окажутся какъ лучшимъ соратникомъ и пособникомъ мыслящему преподавателю въ борьбѣ его съ рутиною, такъ и превосходнымъ руководствомъ для всякаго начинающаго преподавателя, который пожелалъ бы избрать для себя наиболѣе вѣрный путь.

Заключительная въ книгѣ замѣтка «Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли или пришли изъ—за Карпатъ въ XIV в.?» имѣетъ для читателей «Кіевской Старины» особый интересъ, въ виду тѣхъ еще недавнихъ споровъ по данному вопросу въ здѣшнемъ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, которые такъ памятны всѣмъ, слѣдившимъ за этими спорами. Смѣемъ думать, что указываемая нами замѣтка, по отношенію къ данному вопросу, ничего не потеряла отъ того, что написана лѣтъ тридцать тому назадъ: она могла бы смѣло явиться и теперь и ничего не проиграла бы въ своей трезвой убѣдительности, несмотря на то, что количество научныхъ данныхъ съ того времени значительно возросло [1])...

А. Степовичъ.

Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени Изданіе означеннаго монастыря. Кіевъ. 1889 года. 8°. 138 стр.

Авторъ книги, заглавіе которой мы выписали, скрылъ свое имя. Трудъ его разбивается на восемь главъ, въ которыхъ и рисуются историческія судьбы монастыря отъ самаго его основанія до настоящаго времени. Къ несчастію, въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ

---

[1]) Приводимъ здѣсь, для свѣдѣнія читателей, одинъ досадный недосмотръ, допущенный корректоромъ, недосмотръ тѣмъ болѣе непріятный, что вообще книга издана очень исправно: примѣчанія на стр. 353 и 354 поставлены каждое не на своемъ мѣстѣ и должны быть взаимно перемѣщены. Конечно, это мелочь, но такая, которая неопытнаго читателя можетъ, пожалуй, ввести въ соблазнъ да и вообще неудобна въ академическомъ изданіи.

никакихъ точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія Михайловской обители. Документальныхъ источниковъ отъ древнѣйшаго періода нашей исторіи до насъ не дошло, можно сказать, никакихъ. Молчаніе лѣтописи объ основаніи Михайловскаго монастыря объясняется не только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не игралъ выдающейся роли въ нашей древней исторіи, но также и тѣмъ, что семья князей Изяславичей, основателей и покровителей обители, очень скоро сходитъ съ исторической сцены и не пользуется никакимъ значеніемъ въ древней Руси. Тѣмъ не менѣе автору нельзя было обойти молчаніемъ вопроса о времени возникновенія Михайловской обители, и онъ старается разрѣшить его, насколько возможно, на основаніи имѣющихся, хотя и слабыхъ, намековъ лѣтописи и мѣстныхъ преданій. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ автора, что молчаніе лѣтописи въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не можетъ говорить ни за, ни противъ существованія монастыря и основанія его Святополкомъ Изяславичемъ, а другія соображенія и аналогическіе факты заставляютъ именно думать, что этотъ князь устроилъ въ 1108 году не одну церковь во имя св. архангела Михаила, но и монастырь при ней. Если это и гипотеза, то во всякомъ случаѣ обставленная вѣскими соображеніями. Въ этой же главѣ авторъ рѣшаетъ и другой вопросъ: о времени перенесенія мощей св. великомученицы Варвары въ Кіевъ, при чемъ мы и тутъ находимъ довольно основаній, по которымъ авторъ считаетъ возможнымъ отнести это событіе ко времени жизни Святополка. Вообще, автору приходилось на всемъ протяженіи своего труда бороться съ непреодолимой трудностью недостатка источниковъ. Правда, въ рукахъ у него были весьма интересные неизданные документы монастыря, но всѣ они относятся къ позднѣйшему времени. Авторъ мастерски извлекъ изъ нихъ все, что было возможно, не только для времени, въ которое они являлись, но и для древнѣйшаго періода исторіи обители. Вслѣдствіе такого состоянія источниковъ нельзя было избѣжать гипотезъ. Мы сказали, что въ первой главѣ гипотезы автора довольно прочно обоснованы. Болѣе слабой въ этомъ отношеніи является II глава: «Состояніе монастыря въ XII—XV вв.», для которой нѣтъ совершенно данныхъ. По характеру источниковъ съ ней можно сопоставить главу VI, заключающую въ себѣ «краткія свѣдѣнія о монастырской жизни въ литовскій періодъ по современнымъ уставамъ». Указывая на грамоту Сигизмунда I, въ которой, между прочимъ, говорится, что игуменъ Макарій долженъ въ Михайловской обители «общину справить», авторъ замѣчаетъ, что «Макарій, ко-

нечно, не сочинилъ что нибудь новое, а долженъ былъ принять за образецъ уже бывшіе до него уставы общежитія», и что поэтому, «принявъ во вниманіе и современность этой грамоты Макарію съ грамотой Печерскому монастырю и почти современность уставу супрасльскому», можно «предположить, что уставъ Михайловской обители былъ сходенъ съ этими уставами». Дѣйствительно, приводимыя авторомъ данныя изъ монастырскихъ документовъ въ сопоставленіи съ уставами Печерскаго и Супрасльскаго монастырей заставляютъ прійти къ заключенію, что уставъ Михайловской обители едва ли чѣмъ нибудь отличался отъ уставовъ другихъ монастырей юго-западной Руси. Но намъ кажется, что обозначеніе этой главы не совсѣмъ точно: монастырскій уставъ самъ по себѣ, а монастырская жизнь сама по себѣ; къ несчастью, для характеристики этой жизни у автора едва ли было много данныхъ. Однако, по существующимъ въ книгѣ отрывочнымъ указаніямъ, можно предположить, что изъ монастырскихъ документовъ есть возможность извлечь матеріалъ хотя для слабой обрисовки внутренней жизни обители и ея измѣненія до настоящаго времени. Всѣ отрывочныя данныя можно было съ этою цѣлью сгруппировать въ одну главу. Впрочемъ, это лишь наше предположеніе, такъ такъ при незнакомствѣ съ монастырскими документами трудно сказать, что̀ могъ и чего не могъ, хотя и хотѣлъ, сказать авторъ.

«Съ 1496 года исторія Михайловскаго монастыря становится болѣе достовѣрной. Отъ этого года до насъ дошла грамота короля и великаго князя литовскаго Александра Казимировича»..... Такъ начинаетъ авторъ III главу своего труда — «Состояніе монастыря въ XVI в.». Съ этой главы количество источниковъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, значительно увеличивается. Въ главахъ III, IV, V, VII, и VIII, съ бо́льшею и бо́льшею подробностью излагается исторія обители въ XVI в., во время уніи, въ XVII, XVIII и XIX вв. и очерчивается состояніе монастыря въ настоящее время. Способъ изложенія автора въ общемъ можно назвать біографическимъ: онъ рисуетъ дѣятельность всѣхъ выдающихся настоятелей обители, какъ Іона, Макарій въ XVI столѣтіи, Іовъ Борецкій и Исаія Копинскій въ періодъ уніи. Особенно интересны главы IV и V, въ которыхъ излагается исторія монастыря за время уніи и въ смутный періодъ исторіи Малороссіи XVII в. Послѣдняя глава главнымъ образомъ посвящена описанію храмовъ обители, ея библіотеки и ризницы, монастырскихъ зданій и скита Ѳеофаніи, принадлежащаго Михайловскому монастырю, причемъ разсказана исторія его возникновенія и развитія. Въ концѣ

книги есть два приложенія: 1) «Владѣнія монастыря въ XVI и XVII вв.» и 2) «Настоятели Михайловскаго монастыря». Списокъ настоятелей составленъ на основаніи монастырскихъ документовъ и стоилъ весьма кропотливаго труда. Что касается перваго приложенія, то оно весьма интересно и имѣетъ важное значеніе для древней топографіи Кіева и прилежащихъ къ нему мѣстностей. Автору не было возможности приводить весь заключающійся въ монастырскихъ документахъ топографическій матеріалъ, но и по тому, что̀ есть въ книгѣ, можно заключить о его богатствѣ въ этомъ отношеніи. Весьма желательно было бы, чтобы неизвѣстный авторъ взялъ на себя трудъ составить описаніе монастырскихъ документовъ, имѣющихъ, какъ мы сказали, несомнѣнный интересъ для науки, а также напечатать хоть самые важные изъ нихъ въ историко-географическомъ отношеніи.

Въ заключеніе нашего краткаго отчета объ очеркѣ исторіи Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря, мы должны сказать, что книга читается съ большимъ интересомъ. Самое изданіе изящно и снабжено прекраснымъ видомъ обители.

П. Голубовскій.

Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдодованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго, удостоенное юридическимъ факультетомъ университета св. Владиміра золотой медали и преміи Н. И. Пирогова. Кіевъ. 1889 г.

Съ удовольствіемъ мы беремъ на себя трудъ познакомить читателей съ этимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ молодаго ученаго, вполнѣ заслужившаго медаль и премію имени Пирогова. Это изслѣдованіе распадается по содержанію на два большіе отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ—исторіи уставныхъ земскихъ грамотъ литовско-русскаго государства—авторъ старается опредѣлить мѣсто уставныхъ земскихъ грамотъ въ системѣ современнаго имъ литовско-русскаго законодательства; съ этой цѣлью, онъ весьма послѣдовательно и логично, обозрѣвая памятники литовско-русскаго права, повсюду находитъ указанія на существованіе и господство въ теченіи XIV и XV вв. русскаго обычнаго права въ каждой отдѣльной землѣ: витебской, полоцкой, смоленской, кіевской и проч. Изданіе письменныхъ законовъ—Судебника Казимира (1468 г.) и Литовскаго Статута (1529 г.) не исключаетъ изъ области дѣйствующаго права и обычнаго права, оставляя послѣднему значеніе дополнительнаго источника права. Но во время

дѣйствія обычнаго права не бездѣйствовала и княжеская власть; законодательная дѣятельность ея сводится въ то время къ узаконенію обычая, которое выражалось въ разнаго рода грамотахъ; обыкновенно такія грамоты называются «листами» или «привилеями»; позже привилеевъ являются законы общаго характера: упомянутый уже «Судебникъ короля Казимира» (1468 г.); въ началѣ XVI вѣка издаются «уставы» великихъ князей и «ухвалы» сеймовъ, посвященные отдѣльнымъ вопросамъ того или другаго права или касавшіеся разныхъ сторонъ государственной и общественной жизни. «Наконецъ», говоритъ авторъ, «какъ результатъ всей юридической жизни литовско-русскаго государства съ XIII в. по первую четверть XVI в. включительно, какъ итогъ всего того, что выработано было юридическою жизнью народа въ формѣ обычая и законодательною властью въ формѣ различныхъ «привилеевъ», «уставовъ», «ухвалъ» и Судебника, является въ 1529 г. общій для всего государства кодексъ или, точнѣе, сводъ земскаго права—Литовскій Статутъ».

Разсмотрѣвъ общій ходъ развитія права въ литовско-русскомъ государствѣ, г. Ясинскій подробно останавливается на привилеяхъ, къ числу которыхъ относятся и грамоты, послужившія предметомъ его изслѣдованія; этотъ отдѣлъ у автора разработанъ самостоятельно и представляетъ глубокій интересъ для историка, такъ какъ до г. Ясинскаго никто не дѣлалъ попытки подобной группировки законодательныхъ памятниковъ; несомнѣнно, что эта группировка будетъ принята наукой, какъ вполнѣ основательная и разумная. Наблюдая и классифицируя разнаго рода привилеи, М. Н. Ясинскій дѣлитъ ихъ на три рода: 1) жалованныя грамоты собственно; 2) грамоты льготные, т. е. привилегіи въ собственномъ смыслѣ и 3) жалованныя грамоты охранительнаго характера. Къ первымъ онъ относитъ грамоты на имущество (вотчинныя), грамоты, укрѣпляющія сдѣлку по пріобрѣтенію имуществъ (дозволительно-укрѣпительныя) и грамоты на титулы и достоинства; ко вторымъ—грамоты, освобождающія лицо, учрежденіе, сословіе, городъ, провинцію и проч. отъ тяжестей администраціи, суда и податей (шляхетскія привилегіи, грамоты на магдебургское право, грамоты духовенству, евреямъ и проч.). Грамоты же третьяго рода охраняли лишь старинныя права и обычаи; обращенныя ко всему населенію опредѣленной мѣстности или части его, онѣ являются уже уставными грамотами вообще; если же онѣ касаются охраненія правъ и обычаевъ всѣхъ сословій извѣстной области, земли, то могутъ быть, по мнѣнію автора, въ тѣсномъ смыслѣ

названы *уставными земскими грамотами*. Строго выдѣляя изъ числа уставныхъ грамотъ до статутоваго періода (1529) лишь такія, которыя относятся къ цѣлымъ землямъ, авторъ считаетъ ихъ только десять: 2 грамоты витебской земли (1503 и 1509 гг.), 2—кіевской (1507 и 1529 гг.), 2—волынской (1501 и 1509 гг.), 1—полоцкой (1511 г.), 1—смоленской (1505 г.), 1—жмудской (1492 г.) и 1—бѣльской (1501 г.). Ни одна изъ этихъ грамотъ не дошла до насъ въ подлинникѣ, но лишь въ подтвержденіяхъ позднѣйшаго времени. Далѣе, задаваясь вопросомъ о причинѣ и времени происхожденія уставныхъ земскихъ грамотъ авторъ совершенно справедливо считаетъ причиной пожалованія ихъ уничтоженіе удѣловъ, разсуждая, что, когда каждая земля составляла отдѣльное самостоятельное цѣлое, имѣла своего князя и свое вѣче для защиты извнѣ и внутренняго самоуправленія по обычаю, въ уставныхъ земскихъ грамотахъ не было необходимости; но съ уничтоженіемъ удѣловъ и централизаціей всѣхъ функцій верховной власти въ лицѣ великаго князя, земли нуждались въ гарантіи того, что не противодѣйствовало единодержавному строю государства и въ то же время было дорого населенію, какъ его старина. Отсюда и время пожалованія также должно было совпадать со временемъ уничтоженія отдѣльной княжеской власти въ той или другой землѣ. Для подтвержденія и доказательства этой мысли г. Ясинскій излагаетъ кратко судьбы каждой изъ семи земель, уставныя грамоты которыхъ онъ изучаетъ. Мысль его вездѣ блистательно подтверждается.

Въ содержаніи уставныхъ грамотъ авторъ видитъ двоякій глубокій интересъ. «Каждая изъ грамотъ, взятая отдѣльно, бросаетъ лучъ на внутреннюю общественную жизнь данной земли въ древнѣйшій періодъ русскаго государства.... и показываетъ, наконецъ, особенности обычнаго права каждой земли; взятыя же вмѣстѣ, такъ сказать, сличенныя устав. земскія грамоты восполняютъ многіе пробѣлы въ исторіи русскаго права въ періодъ XIV—XVI вв.». Въ содержаніе грамотъ включалось все то, что чаще могло подвергнуться нарушенію со стороны мѣстной или центральной власти; отсюда форма постановленій грамотъ—отрицательная; въ расположеніи постановленій грамоты не придерживаются какой либо опредѣленной системы; по характеру содержанія однѣ грамоты носятъ на себѣ черты всесословности, другія получаютъ сословную окраску, а третьи являются переходными отъ общеземскихъ грамотъ къ сословнымъ. При этомъ авторъ отмѣчаетъ интересное явленіе, что «характеръ уставной грамоты находится какъ бы въ нѣкоторой зависимости отъ географи-

ческаго положенія земли, получившей эту грамоту: уставныя грамоты отдѣльныхъ земель по мѣрѣ удаленія этихъ послѣднихъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу все болѣе и болѣе теряютъ свой общеземскій характеръ и постепенно изъ всесословнаго акта переходятъ въ сословную привилегію». Характеръ грамоты зависѣлъ также и отъ времени ея происхожденія: «чѣмъ древнѣе это происхожденіе, тѣмъ полнѣе, тѣмъ чаще всесословный характеръ грамоты». Разсмотрѣвъ содержаніе грамотъ, авторъ въ концѣ перваго отдѣла сообщаетъ исторію изданія каждой грамоты, мѣсто ея нахожденія въ актовыхъ книгахъ и наиболѣе выдающіяся особенности. При этомъ въ примѣчаніяхъ его встрѣчаются такіе выводы и предположенія, которыя дѣлаютъ большую честь его наблюдательности и критицизму.

Второй отдѣлъ представляетъ собой систематическій сводъ уставныхъ грамотъ. Сводъ дѣлится на 13 рубрикъ; каждая рубрика—на нѣсколько статей; всѣхъ статей—114. Вотъ эти рубрики: вступительныя статьи (имя государя, дающаго грамоту и населенія, получающаго ее, просьба о выдачѣ и проч.): мѣста уставныхъ земскихъ грамотъ, заключающія въ себѣ указанія на источники, силу и дѣйствіе этихъ грамотъ; основныя земскія права; о правахъ церкви, церковномъ имуществѣ и духовенствѣ; о сословныхъ правахъ и отношеніяхъ; постановленія, относящіяся къ организаціи мѣстнаго управленія; мѣры обезпеченія отъ самоуправства, притѣсненій и всякаго рода злоупотребленій со стороны органовъ мѣстнаго управленія; постановленія относительно государственныхъ податей, пошлинъ и натуральныхъ повинностей; многочисленные случаи освобожденія населенія отъ различныхъ господарскихъ даней и службъ; постановленія, относящіяся къ гражданскому и уголовному праву; постановленія, относящіяся къ процессу и заключительныя статьи (подписи на грамотѣ и дата). Каждая статья рубрики снабжена примѣчаніями, разъясняющими смыслъ ея или опредѣляющими значеніе отдѣльныхъ словъ. Все существенное, указанное нами въ содержаніи разсматриваемаго труда есть положительно самостоятельный и независимый трудъ г. Ясинскаго, не позволяющій сомнѣваться ни въ его дарованіяхъ, ни въ томъ, что въ своихъ будущихъ работахъ онъ достигнетъ еще большихъ успѣховъ. Этотъ трудъ представляетъ много новаго, интереснаго и важнаго не только въ своемъ общемъ содержаніи, но и въ отдѣльныхъ частяхъ [1]). Напр., М. Н. Ясинскій впервые объясняетъ

[1]) Какъ на доказательство внимательнаго изученія авторомъ своего предмета мы можемъ указать, напримѣръ, на то, что имъ не найдено въ памятникахъ и не

составъ городскаго населенія въ тѣхъ его дѣленіяхъ, какія указываются въ грамотахъ, составъ, который до сихъ поръ никто не пытался даже разъяснить (примѣч. 10); не менѣе важно опредѣленіе имъ обязанностей старосты, который то стоялъ во главѣ цѣлой области и ничѣмъ не отличался отъ старыхъ (витовтовыхъ) намѣстниковъ, напр., въ жмудской землѣ, то стоялъ лишь во главѣ части воеводства, во главѣ отдѣльныхъ повѣтовъ, зависимыхъ отъ воеводы (прим. 70 и 72); тутъ же онъ опредѣляетъ отличіе воеводы отъ намѣстника воеводства и намѣстниковъ старосты (примѣч. 70, 73 и 350). Въ примѣчаніяхъ 6, 15, 16, 17, 31, 34, 45, 54, 59, 61 частью развиваются и подтверждаются тѣ положенія, которыя были высказаны и обоснованы въ 1-й части работы, а главнымъ образомъ содержатся замѣчанія, изъ которыхъ можно было бы составить 4-ю главу къ первой части работы, главу, которая должна была бы имѣть предметомъ выдачу, храненіе, дѣйствіе и новое подтвержденіе уставныхъ грамотъ; мы ее не находимъ, быть можетъ, вслѣдствіе того обстоятельства, которое заставило автора сократить свой трудъ при печатаніи.

Въ другихъ примѣчаніяхъ авторъ разъясняетъ и толкуетъ непонятные термины и темныя (въ большинствѣ случаевъ—весьма важныя) мѣста грамотъ, которыя доселѣ или вовсе не были истолкованы или истолкованы совершенно неправильно. Примѣч. къ рубрикамъ *В* (основныя земскія права), *J* (постановленія, относящіяся къ гражданскому праву), *К* (постановленія, относящіяся къ уголовному праву) и *Л* (постановленія, относящіяся къ процессу) мы считаемъ особенно важными, такъ какъ здѣсь г. Ясинскій не ограничивается отдѣльными и необходимыми комментаріями, а поднимаетъ и разрѣшаетъ (или представляетъ по поводу ихъ интересныя сообщенія) весьма важные вопросы изъ области гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права [1]). Не распространяясь о значеніи сводныхъ изданій, подобныхъ сдѣланному г. Ясинскимъ, какъ средства, облегчающаго учащимся и ученымъ справки, наблюденія, толкованія, выводы и проч., замѣтимъ лишь, что авторъ употребилъ съ своей стороны все стараніе, чтобы сдѣлать

понято слово грамоты *сѣпетъ*, въ чемъ онъ чистосердечно и сознается. Большее знакомство по актовымъ книгамъ съ дѣйствительной жизнью того времени объяснило бы автору, что *сѣпетъ* значитъ *шмель*; въ грамотѣ говорится о правѣ земянина собирать рои пчелъ и шмелей, кладущихъ медъ.

[1]) См. напр. примѣчанія 273, *280*, *290*, 294, 299, 307 и друг., гдѣ авторъ говоритъ о видахъ недвижимыхъ имуществъ, суммѣ правъ на нихъ, о бракѣ, наслѣдствѣ и проч.

свое изданіе грамотъ наиболѣе тщательнымъ,—поправилъ во многихъ мѣстахъ установившуюся, но неправильную, пунктуацію, сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ вставокъ (заключенныхъ въ скобкахъ), отмѣтилъ въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя очевидныя ошибки въ текстѣ и, наконецъ, русскій текстъ двухъ грамотъ напечаталъ en regard съ дошедшимъ до насъ латинскимъ текстомъ; нельзя не пожалѣть, конечно, что автору не представилась возможность провѣрить текстъ уставныхъ грамотъ по подлиннымъ книгамъ Литовской Метрики, а вмѣсто того онъ долженъ былъ трудиться надъ сличеніемъ различныхъ существующихъ изданій той или другой грамоты; отдѣльныя комментаріи къ статьямъ грамотъ авторъ постоянно старается связать рядомъ ссылокъ на предшествовавшіе и послѣдующіе свои комментаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не поблагодарить автора за искусное расположеніе грамотъ по содержанію въ сводѣ и за таблицу для возстановленія первоначальнаго текста каждой уставной земской грамоты, не прибѣгая къ многочисленнымъ изданіямъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что «независящія отъ автора обстоятельства» не позволили ему приложить къ своду грамотъ указателя предметовъ и что не менѣе любопытный 3-й отдѣлъ книги, въ которомъ должно было заключаться самое историко-юридическое изслѣдованіе грамотъ, также не появился въ печати. Но, что ни дѣлается, все къ лучшему; быть можетъ и автору, послѣ болѣе близкаго знакомства съ дѣйствительной жизнью до половины XVI вѣка, т. е. до изданія 2-го литовскаго статута, который впервые, по его мнѣнію, былъ введенъ въ Кіевской и Волынской земляхъ только въ 1566 г. [1]), послѣ своего утвержденія, придется измѣнить тѣ или другіе свои выводы по исторіи законодательства въ западномъ краѣ. Тогда работа еще болѣе выиграетъ въ своихъ достоинствахъ.

И. Каманинъ.

Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По «Исторіи козаковъ» Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889 г.

«Новость»! читаемъ мы на ярлычкѣ, вставленномъ въ книжку г. Музыкантова (книжный магазинъ г. Карповича, Фундукл. ул.). Добыли

[1]) А между тѣмъ въ актовыхъ книгахъ встрѣчаются прямыя указанія на господство въ краѣ стараго статута (см. напр. книгу Кіев. Центр. Арх. № 2040, л. 355).

мы эту книжку. Дѣйствительно, новость! Подобныхъ книгъ мы еще, право, никогда не встрѣчали. Прежде всего бросается въ глаза напечатанная на первомъ мѣстѣ *«цѣна 20 коп.»* и при томъ очень крупнымъ шрифтомъ, такъ что невольно думается, не желаніе ли собирать двугривенные и было причиной появленія книги. Болѣе подробное разсмотрѣніе ея еще болѣе заставляетъ думать это. Работа г. Музыкантова отступаетъ отъ всѣхъ общепринятыхъ условій при изданіи книжекъ, предназначаются ли онѣ для народнаго чтенія или представляютъ ученое изслѣдованіе автора. Такъ, напр., авторъ говоритъ, что его очеркъ составленъ по «Исторіи козаковъ» Чарновскаго, но не указываетъ, когда и гдѣ появилась книга Чарновскаго, каковы достоинства этого сочиненія, чѣмъ руководился самъ г. Музыкантовъ, избирая Чарновскаго своимъ источникомъ, насколько близка работа г. Музыкантова къ работѣ Черновскаго, сдѣлалъ ли г. Музыкантовъ простую передѣлку ея или пользовался и другими источниками [1]); ничего этого изъ разбираемой нами книжки узнать нельзя [2]). Сколько мы ни старались добыть въ Кіевѣ сочиненіе г. Чарновскаго намъ это не удалось и въ катологахъ «Исторіи козаковъ» нигдѣ не встрѣчали; такъ что сдѣлать сличеніе съ ней передѣлки г. Музыкантова не могли; при нашихъ розыскахъ намъ попалось одно сочиненіе въ каталогѣ, обозначенное такъ: «Czarnowski Jan—Nepomucen Ukraina i Zaporože», вышедшее въ 1854 г., но и его намъ не удалось просмотрѣть; заглавія польскаго сочиненія и книжки г. Музыкантова, повидимому, имѣютъ предметомъ одно и тоже содержаніе; но такъ ли это, не знаемъ. Другой любопытной новостью въ книгѣ является ея эпиграфъ о бердышѣ Хмельницкаго, заимствованный изъ газеты «Свѣтъ» за 1883 г. Но ужь если г. Музыкантову такъ понравились слова на бердышѣ Хмельницкаго, то болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ и надписи слѣдовало заимствовать не изъ газеты, а болѣе солиднаго изданія, какъ, напр., «Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ Россіи», издаваемые Батюшковымъ; въ VIII томѣ «Памятниковъ» помѣщено изображеніе бердыша и надпись; мы не имѣемъ подъ руками этого тома г. Батюшкова, но, сколько намъ помнится, надпись г. Музы-

---

[1]) Впрочемъ о пользованіи автора другими источниками мы узнаемъ изъ его ссылокъ на газету „Свѣтъ", на „Кіевскій календарь" 1881 г. (по календарю авторъ изучалъ унію) и даже на „Лѣтопись событій" Самуила Величка.

[2]) Сочиненіе г. Чарновскаго, по крайней мѣрѣ въ русской исторической литературѣ, не пользуется извѣстностью и это положительно обязывало г. Музыкантова сказать хотя что нибудь о своемъ источникѣ.

кантовымъ нѣсколько искажена. Далѣе, на каждомъ шагу, что ни выраженіе, то новость, до сихъ поръ никогда не слыханная; неужели все это г. Музыкантовъ повторялъ со словъ г. Чарновскаго? Напр., по г. Музыкантову, Польша была сильна только въ 1300—1400 гг.; Кіевъ съ половины XIV вѣка принадлежалъ королевству польскому, а потомъ государству польско-литовскому; козачество образовалось въ первой половинѣ XIII вѣка, послѣ разоренія южной Руси татарами изъ безсемейныхъ приднѣпровскихъ жителей, устроившихъ на островѣ Хортицѣ Сѣчь Запорожскую; козаки жили съ Польшей въ дружескомъ союзѣ 300 лѣтъ, то въ постоянной войнѣ; время паденія Польши опредѣляется различно, то при Сигизмундѣ III, то послѣ Богдана Хмельницкаго, то наконецъ, въ 1772—1795 годахъ; Сагайдачный, по мнѣнію г. Музыкантова, основалъ православную школу въ Кіевѣ и Братскій монастырь. И такихъ новостей на пространствѣ 58 страницъ не оберешься. Не лучше у него и объясненія невразумительныхъ словъ; напр., пороги—каменистыя острова; сагайдакъ—дорога; коронный, т. е. назначенный королемъ, а не по выбору. Личныя и географическія названія также переданы неточно; напр., канцлеръ Долинскій, вм. Оссолинскій, р. Стыпа вм. Стрыпа, Сиверія, вмѣсто Сѣверскаго княжества; новгородскій вм. новгородъ-сѣверскій и т. д. Мы долго бы не окончили, если бы вздумали исправлять факты и собственныя имена. Приведенныхъ примѣровъ надѣемся достаточно, чтобы судить о всей безграмотности изданія, объ отсутствіи у автора знакомства съ лучшими русскими сочиненіями по избранному предмету и объ его безцеремонномъ отношеніи къ печатному слову. Кончимъ вопросомъ, какимъ начали, зачѣмъ же появляются въ свѣтъ подобныя книги, искажающія и факты, и имена?

И. Каманинъ.

Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 rok. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Варшава, 1889. Въ 8°, 198 стр

Какъ ни странно на первый взглядъ, но въ этомъ варшавскомъ календарномъ изданіи находится очень интересный матеріалъ по исторіи литературы, имѣющій непосредственное отношеніе къ нашему краю. Болѣе двухъ третей этой книжки (139 стр. изъ 198) занимаетъ „списокъ ученыхъ и литераторовъ, пишущихъ попольски“, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ немало именъ, такъ или иначе связанныхъ съ Кіевомъ и его райономъ. Прежде, чѣмъ привести свѣ-

дѣнія объ этихъ лицахъ, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ «списка». вообще.

Всего въ списокъ вошло 720 писателей, исключительно современныхъ, находившихся въ живыхъ во время его составленія,— нѣсколько упомянутыхъ въ немъ авторовъ уже умерли въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго года. Приводятся объ авторахъ свѣдѣнія біографическія въ самой сжатой формѣ: время и мѣсто рожденія, мѣсто образованія, профессія, если авторъ не литераторъ спеціально, нынѣшнее жительство. Указанія библіографическія болѣе подробны, т. е. заключаютъ въ себѣ перечень трудовъ съ ихъ точными заглавіями и датами. Надо замѣтить, что такой планъ выдержанъ крайне неравномѣрно: объ однихъ авторахъ находимъ едва двѣ-три строки, о другихъ—по нѣскольку столбцовъ петита, и это вовсе не соотвѣтствуетъ ни плодовитости писателей, ни значенію ихъ работъ, оцѣнивать которыя даже и не дѣло справочнаго словаря, въ который входятъ одни современники. Причина несоразмѣрности чисто случайная: редакція «Przeglądu Tygodniowego» обращалась съ общимъ приглашеніемъ къ авторамъ сообщать о себѣ необходимыя по плану изданія свѣдѣнія и получила отвѣтовъ довольно много, но при этомъ одни указали только свои отдѣльныя изданія, упомянувъ только вскользь о своемъ участіи въ періодическихъ изданіяхъ, другіе поименовали самыя изданія, третьи указали журнальныя работы, имѣющія важность по ихъ личному взгляду, а нашлись и такіе, что перечислили до мелочей все когда либо напечатанное ими. Весьма понятная въ отношеніи современниковъ щекотливость не позволила редакціи сводить весь этотъ матеріалъ въ однообразную систему, тѣмъ болѣе, что она могла только сокращать, но не имѣла возможности сдѣлать необходимыхъ дополненіи относительно статей, напечатанныхъ анонимно или подъ неразоблаченными псевдонимами. Пришлось помѣстить все какъ есть, лишь бы оно не выходило изъ формальныхъ рамокъ плана, отмѣтивъ только условнымъ знакомъ, что сообщаемое передается со словъ самаго автора, что и слагаетъ съ редакціи отвѣтственность за возможную неточность свѣдѣній, ихъ неполноту или, наоборотъ, излишнюю мелочность. Затѣмъ относительно множества лицъ, не давшихъ о себѣ отвѣтовъ, свѣдѣнія по необходимости гораздо скуднѣе, біографическія нерѣдко совершенно отсутствуютъ, что опять таки понятно относительно не получившихъ широкой извѣстности современниковъ. Къ винѣ самой редакціи слѣдуетъ отнести неполноту списка, замѣтную даже для читателя

инонароднаго и неспеціалиста въ польской библіографіи, и только *отчасти* развѣ объяснимую спѣшностью работы къ извѣстному календарному сроку. Пропусковъ мы замѣтили немало, перечислять которые здѣсь не мѣсто, кромѣ относящихся къ нашему краю, что сдѣлаемъ ниже; упомянемъ развѣ о самыхъ неизвинительныхъ, къ какимъ нельзя не отнести, напр., пропуска писателя, извѣстнаго каждому читающему попольски подъ псевдонимомъ Болеславъ Прусъ (Александръ Гловацкій), или же пропуска *редакторовъ* періодическихъ изданій, какъ «Kraj» (Эразмъ Пильцъ), «Gazeta Handlowa» (Рудольфъ Окрентъ), а въ томъ числѣ и самаго издавшаго «Rych» еженедѣльника «Przegląd Tygodniewy» (Адамъ Вислицкій). Послѣдній пропускъ уже комиченъ.

Только въ самыя первыя времена христіанства на Руси, когда принесенная вмѣстѣ съ нимъ письменность стала быстро развиваться именно въ ея южныхъ и югозападныхъ областяхъ, она, мало по малу освобождаясь изъ подъ оболочки языка церковно-славянскаго, была вполнѣ самостоятельною. Татарскій погромъ послужилъ причиною переноса центровъ и политическихъ, и образовательныхъ въ области болѣе безопасныя, на сѣверовостокъ и сѣверозападъ. Русь сѣверовосточная, постепенно сплотившаяся около Москвы, жила до XVII в. замкнуто, въ сѣверозападной, подчинившейся, вмѣстѣ съ южною, Литвѣ въ политическомъ отношеніи, но подчинившей ее себѣ въ культурномъ, выработалась письменность дѣловая, юридическая, и развѣ въ перепискѣ смоленскаго воеводы Филона Кмиты, часто прибѣгавшаго къ пословицамъ и поговоркамъ, можно видѣть степень вліянія на нее рѣчи народной, бѣлорусской. Возрожденіе письменности на югѣ начинается только въ XVI в., когда уже и Бѣлоруссія и Литва подчиняются сильному культурному вліянію Польши. Мы не имѣемъ намѣренія говорить о взаимномъ вліяніи обѣихъ народностей, ихъ языковъ и письменностей, а отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что съ этой еще поры многіе южноруссы начинаютъ писать попольски, то въ перемежку съ русскимъ, прямо указывая тѣмъ свою народность, то исключительно, причемъ она затемняется. Такъ, кіевскій католическій бискупъ той эпохи, Юзефъ Верещинскій, польскій писатель и основатель польской типографіи въ Фастовѣ, самъ однако называетъ себя «русиномъ» и въ немъ дѣйствительно замѣчается типическій южноруссъ, хоть бы въ томъ юморѣ, съ какимъ повѣствуетъ онъ о своемъ избавленіи отъ опасности «za pomocą boską, a szalamayną melodyą»...

Съ теченiемъ времени, участiе южноруссовъ въ польской письменности все учащается, а съ другой стороны, съ началомъ петербургскаго перiода, возникаетъ сильное аналогическое теченiе на сѣверъ. Будущему историку южной Руси, съ ея типическими особенностями, при изслѣдованiи ея культурныхъ силъ, необходимо принимать во вниманiе и всѣ тѣ случаи, когда онѣ проявлялись не у себя дома, не на родной почвѣ и даже въ совсѣмъ чужой одеждѣ, а мы должны всѣ такiе случаи отмѣчать и констатировать. Если теперь безспорно преобладаетъ на всемъ пространствѣ земель, населенныхъ разновидностями русскаго племени, стремленiе къ общей литературѣ русской, то не изсякла во всей западной Руси и та струя, начало которой восходитъ, какъ мы указали, къ XVI в., т. е. участiе ея и въ литературѣ польской, особенно сильное на западной окраинѣ Руси этнографической, уже внѣ предѣловъ Россiи политической, гдѣ рядомъ съ нимъ существуетъ еще и другое болѣе новое аналогическое теченiе, въ сторону письменности нѣмецкой. Какъ галичанину вообще, и галицкому библiографу въ частности, невозможно пропускать своихъ земляковъ, пишущихъ попольски и понѣмецки, такъ и кiевскiй мѣстный журналъ долженъ отмѣчать и группировать факты участiя въ польской литературѣ уроженцевъ здѣшняго края или воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведенiй.

Въ виду этихъ именно соображенiй мы и приводимъ здѣсь выборку изъ списка современныхъ польскихъ авторовъ, помѣщеннаго въ изданiи «Ruch», при составленiи которой приняли слѣдующiя основанiя. Мы ограничились предѣлами собственно югозападнаго края, такъ какъ не сочли себя компетентными для весьма вѣроятныхъ дополненiй по прилежащимъ къ нему частямъ бассейна Припети, въ краѣ уже сѣверозападномъ, ни по Новороссiи. Въ нашу выборку включены лица трехъ категорiй: а) родившiяся въ предѣлахъ края; б) получившiя въ немъ среднее или высшее образованiе; и в) постоянно въ немъ проживающiя, хотя бы не мѣстнаго происхожденiя и образованiя. Указанiя библiографическiя приведены подробно только о работахъ, относящихся къ южной Россiи; прочiе труды, какъ принадлежащiе къ одной литературѣ польской, а мѣстнаго интереса не имѣющiе, характеризованы лишь общими указанiями. Имена авторовъ расположены въ порядкѣ русскаго алфавита, звѣздочкою, какъ и въ оригиналѣ, отмѣчены показанiя автобiографическiя. Привнесенныя нами дополненiя отмѣчены *курсивомъ*.

* **Богацкій** Феликсъ. Одесса. Род. 22/2 1847 въ Заславлѣ. Гимн. Ровно, университетъ Одесса, канд. правъ. Присяжный повѣренный. Труды главнымъ образомъ по психологіи; изъ юридическихъ—объ источникахъ права; перевелъ на польскій „Утилитаризмъ“ Милля.

* **Быковскій** Петръ (**Якса**—) Варшава. Род. 1823 въ винницкомъ уѣздѣ. Унив. Кіевъ, канд. правъ. Умеръ въ текущемъ году. Публицистъ и авторъ многихъ историческихъ разсказовъ, нерѣдко изъ прошлаго южной Руси. Mulik, niehistoryczny hetman Ukrainy.—Jełowiczowie-Bukojemscy.—Ostatni sejmik województwa bracławskiego.—Glinkowie.—Dwór królewski w Grodnie.

* **Высоцкій** Владиміръ. Кіевъ. Род. 1846 въ Романовѣ на Волыни. Гимн. Житоміръ. Авторъ нѣсколькихъ поэмъ, пользующихся популярностью; издавались частью въ Кіевѣ. *Извѣстенъ у насъ какъ одинъ изъ первыхъ фотографовъ.*

* **Гавронскій** Францишекъ (псевдонимъ **Rawita**). Варшава. Род. 1846 въ Степашкахъ кіевск. губ. Гимн. Кіевъ, сельскохозяйств. институтъ Дубляны въ Галиціи „Hochschule“ въ Вѣнѣ. Изъ работъ по агрономіи нѣкоторыя по русски, изданы кіевскимъ обществомъ сельскаго хозяйства (Воздѣлываніе свекловицы на сѣмена, 1882; о хмѣлеводствѣ, 1884); польскія въ Познани и въ Варшавѣ. Какъ экономистъ, хроникеръ въ „Przegl. Tyg.“ и *авторъ нѣсколькихъ изслѣдованій, относящихся къ юго-западному краю, въ книжкахъ того же изданія, въ числѣ ихъ* „O położeniu małej własności ziemskiej na Ukrainie, Podolu i Wołyniu“. Авторъ историческихъ романовъ и разсказовъ изъ южнорусской жизни: Na kresach, *переведено въ „Кіевской Старинѣ“ 1888 г. подъ загл. „На рубежѣ“.*—Pan Hetman Mazepa.—Na krasnym dworze.—Разсказы и повѣсти современныя.—Критическія этюды: Z literatury Ukraińskiej (Prawda, 1884).—Kobiety w poezyi Tarasa Szewczenki (Życie, 1887).

Гринцевичъ-Тально, д-ръ. Звенигородка. Гимназія Ковно; мед.-хирург. ак. Петербургъ и унив. Кіевъ. *Антропологическое изслѣдованіе о продолжительности жизни въ звенигород. у. и раскопка кургана при с. Кобрыновой—см. въ библіографіи „Кіевск. Старины“ 1889 г., апрѣль, стр. 218 и 219.*

Грушецкій Артуръ. Волынь. Издавалъ археологическое обозрѣніе въ Краковѣ, редактировалъ „Wędrowiec“ въ Варшавѣ; публицистъ.

* **Гурскій** (**Górski**) Константинъ. Варшава. Род. 1/9 1826 въ бѣльскомъ у. гродн. губ. Унив. Кіевъ, канд. математ. наукъ; академія генер. штаба; полковникъ въ отставкѣ. Авторъ военно-историческихъ этюдовъ, въ томъ числѣ о сраженіяхъ при Цецорѣ и при Берестечкѣ.

* **Дубецкій** Маріанъ. Краковъ. Род. 26/8 1838 въ Заславѣ. Унив. Кіевъ по ист.-фил. факультету. Историкъ; изъ числа трудовъ: Kudak, twierdza kresowa,—Żółte wody.—Kaffa i jej stosunek z Polską w XV w.—Zawiązki dziejów Siczy Zaporozkiej-Jnstytucye Zaporoża.

Дыбовскій Владиміръ. *Кіевъ. Гимн. и унив., по ист.-фил. фак., тамъ же. Авторъ историческихъ изслѣдованій о формахъ землевладѣнія въ югозападной Россіи, нѣкоторыя по русски; о чиншевомъ владѣніи въ книжкахъ „Przegl. Tyg.“ 1885.*

* **Жагель** князь. Гродно. Род. въ вилкомирскомъ уѣздѣ ковен. губ. 1/2 1826. Унив. Кіевъ, д-ръ медицины здѣсь, потомъ парижскаго и лондонскаго университетовъ. Путешественникъ по Востоку, Америкѣ, по Египту, Абиссиніи и внутренней Африкѣ. Кромѣ описаній путешествій, спеціальныя сочиненія по геологіи и климато-

логіи Египта и о холерѣ тамъ же. *Кажется, изъ собранныхъ имъ коллекцій нѣкоторые предметы были принесены въ даръ университету св. Владиміра? Обнародовалъ нѣсколько лѣтъ назадъ способъ леченія водобоязни туземными травами (тѣже, что и употребляемыя въ народной медицинѣ южной Россіи), давшій, по его словамъ, вполнѣ успѣшные результаты въ весьма многочисленныхъ случаяхъ его личной практики.*

* **Закржевскій** Адамъ. Варшава. Род. въ ольгопольскомъ уѣздѣ. Унив. Петербургъ. Сотрудникъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій, статьи гл. образомъ по вопросамъ экономическимъ и соціальнымъ, а также и по этнографіи (Kurpie, szkic z dziejów ludu); наиболѣе общаго интереса представляетъ Obliczenie ogólnej ilości Polaków (Przegl. Tyg., кн. VI за 1883).

* **Залѣская** Марія Юлія. Варшава. Род. 1831 въ Медвѣдовкѣ кіевск. губ. Дочь Перловскаго, *б. преподавателя кременецкаго лицея.* Писательница для дѣтей и юношества, редактировала журналъ того же характера Wieczory Rodzinne. *Въ прошломъ апрѣлѣ варшавскія газеты извѣстили о ея смерти въ сочувственныхъ ея дѣятельности некрологахъ.*

* **Запольская Габріеля.** Варшава. Род. 1860 въ с. Киверцахъ луцкаго у. Образованіе получила во Львовѣ. Съ 1880 г. поступила на сцену тамъ же, потомъ играла въ Познани и въ Петербургѣ. Повѣсти и разсказы преимущественно изъ быта низшихъ классовъ; изъ народнаго южнорусскаго „Малашка". Ихъ переводили на разные языки, въ томъ числѣ и по малорусски. *Подписывалась раньше двойной фамиліей* **Снѣжко-Запольская,** *пока противники ея ультра-реалистическаго направленія не обратили этой подписи въ орудіе глумленія, отбрасывая первый слогъ и превращая тѣмъ въ каламбуръ.*

Илговскій Янъ (псевдонимъ). Постоянный корреспондентъ въ „Kraj". *Проживаетъ въ звенигородскомъ уѣздѣ.* Беллетристъ, разсказы съ мѣстнымъ оттѣнкомъ (Z przełomu.—Kartka z lat minionych.—Ostatnia starościna Żwinogrodzka,—см. „Кіевск Стар." 1889, кн. IV).

* **Козловскій** Владиславъ. Львовъ. Род. 1832, въ Бердичевѣ. Гимн. Житомиръ, унив. Кіевъ. Пишетъ журнальныя статьи по предметамъ философіи, преимущественно о новой англійской школѣ позитивистовъ.

* **Кондратовичъ** Сильверій. Варшава. Род. 1857, въ ковенской губ. Образованіе получилъ въ Варшавѣ, потомъ въ Кіевѣ. Газетный сотрудникъ и авторъ фельетонныхъ разсказовъ.

* **Коровай-Метелицкій** Михаилъ. Яровое, чигиринскаго уѣзда. Род. 1855. Унив. Варшава; канд. правъ. Корреспондентъ въ „Kraj", а въ „Przegl. Tyg." сообщаетъ обозрѣнія по русской и малорусской литературѣ. *Въ послѣднемъ было помѣщено изложеніе, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, статьи А. С. о Леонардѣ Совинскомъ, напечатанной въ „Кіевск. Старинѣ" 1888.*

* **Коротынскій** Людвикъ Станиславъ. Голобовка около Ружина сквирскаго у. Род. 1860, въ Вильнѣ. Гимн. и унив. Варшава, канд. ист.-фил. факультета. Сотрудникъ нѣсколькихъ варшавскихъ изданій; статьи изъ быта и исторіи хорватовъ. Біографія Л. Совинскаго (въ журн. „Życie").

* **Креховецкій Адамъ.** Львовъ. Род. 1850, въ уманскомъ уѣздѣ. Гимн. Житоміръ, унив. Львовъ; юристъ. Сотрудникъ нѣсколькихъ изданій и беллетристъ. Ре-

дактировалъ „Gaz. Lwowska“ и Przewodnik naukowy i literacki“. Отдѣльно историческіе романы: Starosta Zygwulski.—Veto. Псевдонимы: Адамъ Букатко; Маріанъ.

* **Кульчицкій** графъ Владиславъ (псевд. Cesar Polewka). Римъ. Род. 1834, въ Людвиновкѣ подольской губ. Гимн. Немировъ, лицей Одесса. Поэмы въ духѣ классицизма, переводы съ итальянскаго; сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ варшавскихъ изданіяхъ.

Любовичъ *Николай. Варшава. Род. въ волынской губерніи (?). Унив. Кіевъ, ист.-фил. фак., нынѣ профессоръ въ Варшавѣ. Авторъ „Исторіи реформаціи въ Польшѣ“ по русски. Писалъ и по польски, но точными указаніями не располагаемъ.*

Маркоръ *Б., постоянный корреспондентъ изъ Житомира въ „Kraj“ и нѣкоторыя другія изданія.*

Милковскій Зыгмундъ (псевд. T. T. Jeż). Женева. Род. 1824, въ Сарацеѣ подольской губ. Гимн. Немировъ, лицей Одесса, универс. Кіевъ. *Эмигрантъ 1848, въ польскомъ легіонѣ венгерской арміи, въ составѣ котораго и вышелъ въ Турцію. Живя здѣсь, онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ исторіей и бытомъ южныхъ славянъ; историческіе романы изъ этой сферы (*Ускоки; Шандоръ Ковачъ, и др.; названные переведены между прочимъ и по русски) *положили прочное основаніе его литературной извѣстности; гораздо менѣе знакома публикѣ* Исторія Сербіи. *Послѣ неудачной попытки устроить въ 1863 диверсію со стороны Дуная въ пользу возстанія, Милковскій окончательно отказался отъ роли политическаго агитатора и посвятилъ себя дѣятельност и литературной. Несмотря на годы, плодовитость его изумительна: кромѣ нѣсколькихъ иногда одновременно печатающихся беллетристическихъ произведеній, онъ внимательно слѣдитъ за всѣмъ выдающимся въевропейскихъ литературахъ и постоянно пишетъ ихъ обозрѣнія, не уклоняясь и отъ разбора трудовъ вполнѣ спеціальныхъ, причемъ нигдѣ не замѣтно, чтобы поспѣшность работы вредила не только ея основательности, или художественности обработки, но даже изяществу изложенія. Романы его изъ отечественной исторіи почти всѣ непосредственно относятся къ южной Россіи. Изъ нихъ укажемъ главнѣйшіе:* Andzia Zahornicka[1]); Z ciężkich dni; *особенный интересъ для насъ представляетъ трехтомный романъ Z burzliwej chwili, темой котораго служитъ возникновеніе козацкаго возстанія при Хмельницкомъ, подготовительныя дѣйствія и начало. Онъ предшествовалъ по времени изданія сѣнькевичевскому Ogniem i mieczem и, уступая ему въ колоритности и яркости изображеній, стоитъ неизмѣримо выше его по отсутствію тенденціозности и широтѣ историческаго пониманія*[2]).

---

[1]) Русскій переводъ помѣщенъ въ „Русской Мысли“: общія его достоинства обязываютъ упомянуть о курьезномъ промахѣ: извѣстный „Шпаковъ шляхъ“, получившій свое имя отъ предводителя возстававшихъ въ первые годы XVIII в. и „козачившихся“ подольскихъ крестьянъ, подъ перомъ переводчика превратился въ „Скворцову дорожку“... Кстати замѣтимъ мимоходомъ, что шляхъ этотъ, впослѣдствіи чумацкій трактъ, проходилъ по водораздѣлу Буга и Днѣстра, такъ что жел. дорога отъ Жмеринки до Бирзулы съ нимъ совпадаетъ до мелочей.

[2]) Мы позволили себѣ подробнѣе остановиться на этомъ писателѣ, не ограничиваясь строго библіографическими указаніями, въ виду того, что T. T. Ежъ

*** Мостовскій** графъ Адольфъ. С. Великій Мытникъ литинскаго уѣзда. Род. $^{4}/_{4}$ 1839, въ с. Хрестищахъ подольской губ. Гимн. Кишиневъ. Драматическій писатель (комедіи), стихотворецъ юмористъ и корреспондентъ нѣсколькихъ газетъ.

*** Нагурный** Антоній. Варшава. Род. $^{23}/_{1}$ 1821, въ подольской губерніи. Унив. въ Петербургѣ, канд. правъ. Авторъ многихъ изслѣдованій, по русски, по польски и по французски, главнымъ образомъ по финансовой статистикѣ и по законамъ о налогахъ. Одинъ изъ оффиціальныхъ представителей министерства финансовъ на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Петербургѣ,—рефератъ о поземельномъ налогѣ.

*** Оссовскій** Годфридъ. Краковъ. Род. $^{8}/_{11}$ 1834, въ Казариновкѣ кіевской губерніи. Гимн. Житомиръ. Изъ многихъ ученыхъ трудовъ перечисляемъ только относящіеся къ южной Россіи. По геологіи и минералогіи: Геогностическій очеркъ Волыни, съ картою, по русски въ „Трудахъ волынскаго статист. комитета, Житомиръ 1867.—Carte géologique de la Volhynie. Paris, 1880.—О лабрадоритахъ на Волыни, въ XIII томѣ „Rozpraw wydziału matemat. - przyrodniczego Akademii umiejętności“. Краковъ, 1879.—О волынитѣ. Тамъ же, т. XV, 1886.—По древностямъ доисторической эпохи и палеонтологіи: Объ остаткахъ каменнаго періода въ овручскомъ и дубенскомъ уѣздахъ (Wiadomości archeologiczne, т. III, 1876).—О кремневыхъ наконечникахъ стрѣлъ (Żbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. XI, Краковъ, 1887).—Отчетъ о шестомъ русскомъ археологическимъ съѣздѣ въ Одессѣ (Mitteil. d. antropologisch. Gesellschaft in Wien. Bd. XV. 1885).—Materyały do paleoetnologii kurhanów ukrainskich, Краковъ, 1888, содержитъ отчетъ о раскопкахъ въ звенигородскомъ уѣздѣ; о нихъ и о раскопкахъ въ уманскомъ у. см. библіографію въ апрѣльской кн. „Кіевск. Старины“ 1889.—Мы по необходимости оставляемъ въ сторонѣ исчисленіе многочисленныхъ работъ нашего земляка въ западной Пруссіи и въ окрестностяхъ Кракова, доставившихъ ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ; хотя изслѣдованія этого рода въ сосѣднихъ мѣстностяхъ имѣютъ между собою тѣснѣйшую связь, но они выходятъ изъ формальныхъ предѣловъ нашего района, этнографической южной Руси.

*** Радлинскій** Игнатій. Варшава. Род. $^{13}/_{12}$ 1843, въ Дубнѣ. Унив. Кіевъ, канд. ист.—фил. наукъ. Нынѣ преподаватель древнихъ языковъ. Много трудовъ по лингвистикѣ и древностямъ Востока, также по первобытной культурѣ; статьи по предметамъ философскимъ.

*** Раппапортъ** Зенонъ. Варшава. Род. 1833, въ волынской губ. Гимн. Варшава, мед.—хирургич. академія Петербургъ. Беллетристъ, драматургъ и сотрудникъ газетъ.

*** Ролле** Антоній-Юзефъ (псевд. **Dr. Antoni J.**) Каменецъ. Род. 1830, *въ подольской губ. Гимн. Немировъ. унив. Кіевъ, д-ръ медицины.* Авторъ весьма многихъ изслѣдованій по исторіи Подоліи, нерѣдко въ полубеллетристической формѣ, но всегда по источникамъ, притомъ не только печатнымъ, но и архивнымъ, что придаетъ имъ тѣмъ большее значеніе. *Помѣщаемыя обыкновенно въ періодическихъ изданіяхъ, они выходятъ и отдѣльно, серіями, подъ общимъ заглавіемъ Opowiadania historyczne. Особо изданъ наиболѣе капитальный, строго научный трудъ Zameczki kresowe, Варшава, 3 т. 1881. Кромѣ того А. І. Ролле издалъ по русски мемуаръ конца прошлаго столѣтія „Записки маіора Пташинскаго“*

безспорно долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ въ современной польской литературѣ, разумѣя живущихъ писателей.

и томъ архивныхъ матеріаловъ, содержащихъ первыя распоряженія русскихъ властей въ Подоліи, по присоединеніи ея къ Россіи въ 1795 году.

* **Сарнецкій** Зыгмунтъ. Краковъ. Род. $^{10}/_{11}$ 1837, въ Голодькахъ около Бара. Гимн. Варшава, высшее образованіе Парижъ. Авторъ и переводчикъ многихъ драматическихъ произведеній. Сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, редактировалъ „Echo", а въ послѣднее время „Świat".

* **Скорковскій** А. С. Медовата липовецкаго у. Род. $^{30}/_{12}$ 1848, въ м. Плиццахъ того же уѣзда. Гимн. Немировъ, лицей Одесса, универс. Кіевъ. Медикъ. Авторъ многихъ спеціальныхъ и популярныхъ статей въ различныхъ изданіяхъ.

Спасовичъ Владиміръ. Извѣстенъ, какъ *профессоръ петербургскаго университета*, юристъ, писатель по исторіи литер., критикѣ, публицистическимъ вопросамъ, какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ. Исторія послѣдней изложена имъ въ замѣчательномъ трудѣ, *изданномъ имъ вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ (Исторія славянскихъ литературъ); большимъ авторитетомъ пользуется его университетскій курсъ „Учебникъ уголовнаго права"*. Біографическими свѣдѣніями объ этомъ уроженцѣ югозападнаго края къ сожалѣнію не располагаемъ.

* **Третякъ** Юзефъ. Краковъ. Род. 1841, въ волынской губ. Унив. Кіевъ, потомъ Цюрихъ и Львовъ, д—ръ философіи. Труды преимущественно по эстетической критикѣ и по исторіи литературы. Послѣдній же относится къ исторіи южной Россіи: Historya wojny chocimskiej 1621 г.

Тржаска *М. Кіевъ. Постоянный корреспондентъ отсюда въ „Kraj"*.

Фонбергъ Игнатій. Кіевъ. Б. профессоръ здѣшняго университета, послѣдній въ живыхъ изъ преподававшихъ нѣкогда въ Вильнѣ. Химикъ по польски. Нѣкоторые спеціальные труды. Мѣстное значеніе имѣютъ Quelques rémarques tirées des analyses des eaux de Kieff. 1858. *Подробныя свѣдѣнія біографическія и библіографическія находятся въ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра, изданномъ въ 1884 г., по случаю юбилея университета.*

* **Хмѣліовскій** ксендзъ Антоній. Ленчица. Род. $^{13}/_{1}$ 1842, въ Завадинцахъ подольской губ. Магистръ теологіи. Авторъ многихъ богословскихъ трудовъ.

* **Шаденъ** Кароль. Кіевъ. Род. $^{18}/_{3}$ 1852, въ Житомирѣ. Унив. Кіевъ, д—ръ медицины. Нѣкоторые болѣе крупные труды по дерматологіи и сифилидологіи изданы отдѣльно, многіе помѣщались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, на языкахъ: русскомъ, польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и испанскомъ.

Эйсмонтъ Т. М. Кіевъ. Беллетристъ и стихотворецъ.

* **Яблоновскій** Александръ. Варшава и Кіев. губернія, въ которой родился. Унив. Кіевъ, позже Дерптъ. Спеціальныя изслѣдованія по исторіи югозападной Руси въ формѣ предисловій къ историческимъ матеріаламъ, издаваемымъ въ Варшавѣ подъ общимъ заглавіемъ Źródła dziejowe, въ т. V и VI. Письма изъ путешествія по славянскимъ землямъ и по Востоку помѣщала „Gazeta Polska".

Весьма желательно, чтобы аналогическія выборки и дополненія были сдѣланы для своихъ районовъ, кѣмъ либо болѣе насъ свѣдущимъ въ мѣстныхъ дѣлахъ,—въ краѣ сѣверозападномъ, въ Новороссіи и въ особенности въ восточной Галиціи.

Ив. Новицкій.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ 129—159. 129 Новинки Владимірскаго собора.

132. Двадцати-семи милліонный кладъ. Перепечатка изъ «Новостей» ст. Д. И. Эварницкаго.

134. Народныя училища кіевскаго учебнаго округа. II.

137. Иванъ Купало. Упоминается о нѣкоторыхъ южно-русскихъ народныхъ обычаяхъ, связанныхъ съ этимъ днемъ.

139. Перепечатка изъ «Черн. Губ. Вѣд.» объ открытіи на соборной площади подземныхъ ходовъ.

140. Краткая рецензія на книгу Н. Ѳ. Бѣляшевскаго «Монетные клады кіевской губ.»

142. Некрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

143. Замѣтка о раскопкахъ проф. Н. П. Кондакова въ Херсонесѣ.

146. Раскопки, производимыя на соборной площади въ г. Черниговѣ.

149. Библіографическая замѣтка о книгѣ Е. Н. Дверницкаго: Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.

152. Перепечатка изъ № 7 «Кіевской Старины» разсказовъ о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Денѣ.

153. Корреспонденція изъ с. Носачева, черкасскаго у. кіевск. губ. о находкѣ польскихъ серебряныхъ монетъ XVI—XVII ст.

— Корреспонденція изъ м. Семиполокъ, остерскаго у. черниг. губ. о находкѣ 494 штукъ мѣдныхъ и серебряныхъ польскихъ монетъ разной величины съ съ изображеніемъ короля Сигизмунда.

Кіевское Слово №№ 698—728. 698. Двадцати-семи милліонный кладъ. Перепечатка изъ «Новостей» ст. Д. И. Эварницкаго.

— Перепечатка изъ «Одеск. Л.» сообщенія, что Д. И. Эварницкимъ найдено въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ, большое войсковое запорожское знамя, съ рисунками запорожцевъ, до 20 фигуръ, въ ихъ оригинальномъ вооруженіи и одеждѣ.

— Перепечатка изъ 5—6 № «Кіевской Старины» афишъ черниг. театра.

700. Современные уніаты и іезуиты. Изложеніе содержанія разсказа Мирона «Чума» (Кіевск. Стар., 5—6). Н. В—цкаго (окончаніе).

701. Корресп. изъ с. Вороновицъ подольск. губ. о праздновапіи 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

708. Замѣтка о находкѣ на берегу р. Буга, на земляхъ м. Лодыжина, гайсинск. у. под. г., клада изъ старинныхъ серебряныхъ вещей съ гербами польскихъ фамилій и монетъ.

711. Некрологъ С. С. Гогоцкаго, бывшаго профессора университета св. Владиміра и кіевск. дух. академіи.

713. Краткая рецензія на брошюру Гульдмана «Слѣпые въ каменецъ-подольской губ.».

714. Замѣтка о роскопкахъ Д. И. Эварницкаго въ окрестностяхъ м. Котовки, новомосковскаго у. екатериносл. губ.

717. Археологическія раскопки въ Черниговѣ. Перепеч. изъ «Черн. Губ. Вѣдомостей».

720. Корреспонденція изъ с. Гульчи, волынск. г., острожск. у. Сообщаются свѣдѣнія о горѣ св. Николая—мѣстѣ, пользующимся большимъ уваженіемъ у простыхъ жителей.

722. Перепечатка изъ № 7 «Кіевск. Старины» разсказа о курскомъ губернаторѣ Денѣ.

724. Объ археологическихъ раскопкахъ. Циркуляръ археологич. коммиссіи губернаторамъ о правѣ производства раскопокъ на общественныхъ и казенныхъ земляхъ.

Волынь №№ 98—115. 98, 100, 103, 106, 108 и 111. «Надъ Горынью», географическое и этнографическое описаніе мѣстности по р. Горыни.

100. Опредѣленіе и посланіе св. Синода о праздновании 8 іюля 1889 г. дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ.

— Рѣчь по поводу этого событія, сказанная кіевскимъ митрополитомъ Платономъ въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ въ день празднованія.

104. Воспоминаніе о дѣятельности графа М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости. 16—20. 16—18. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. Г. Дубно. Дубенскій у. с. Аршичинъ, с. Коблинъ, с. Иванье, с. Мятинъ, с. Каменица, с. Подлужье, с. Носовица, с. Судобичи, с. Плоска, с. Семидубы.

— Чешскія школы въ поселкахъ чешскихъ д. Крошнѣ и с. Высокомъ, житомирскаго уѣзда.

17. Некрологи М. В. Юзефовича и прот. Борецкаго.

18. Слово въ день памяти преосв. Виталія, бывшаго епископа острожскаго, впослѣдствіи еп. могилевскаго, въ мірѣ В. Гречулевича. *Я....*

Поминки по преосв. Виталіѣ въ волынск. женск. епарх. училищѣ 14 мая 1889 года.

Празднованіе 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ и Житомірѣ.

19. Торжество 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православною церковью въ г. Кременцѣ.

19—20. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. С. Подборцы, с. Погорѣльцы, с. Ратчинъ, с. Стракловъ, с. Студянка, с. Шепетинъ.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 24—28. 24, 25. О томъ, какъ подготовлялась и совершалась унія зап.-русской правосл. церкви съ римскою.

24, 27. Историч. свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ, въ связи съ граждан. и церковною жизнію Подоліи.

26. Празднованіе въ г. Каменцѣ 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ правосл. церковью.

Два письменныхъ документа XVIII вѣка. Документы взяты изъ архива Николаевской церкви г. Балты и содержатъ: 1-й — распоряженіе архіеп. екатеринославскаго Амвросія о воспоминаніи на отпустахъ и др. моленіяхъ «св. кн. Владиміра и 5 священномучениковъ, въ Херсонѣ епископствовавшихъ» и 2-й указъ того же Амвросія о непорядкахъ при богослуженіи.

27. Торжественный актъ въ подольской дух. семинаріи, по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Къ 50-лѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ.

28. Адресъ кіев. дух. академіи по случаю 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

М. Китайгородъ, ушицкаго уѣзда.

Преосв. Варлаамъ, еп. минскій и туровскій. (Некрологъ).

Одесскій Вѣстникъ №№ 148—183. 149. Ярмарка (очеркъ ярм. въ Балтѣ). А. Л—чъ.

152. По вопросу о регулированіи движенія рабочихъ. А. Русова. О необходимости точнаго изученія миграцій населенія.

156. Двадцатисеми-милліонный кладъ. Д. И. Эварницкаго (перепечатка изъ «Новостей»).

157. Переселенцы въ Одессѣ (въ Приморскую область). Н. Л.

163. Сидоръ Макаровичъ Притыка (очеркъ). Переводъ съ малорусскаго.
— «Малюнки справжнего житья». Т. Певный. Библіогр. замѣтка.

175. Некрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

178. Объ урегулированіи рыболовства на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. А. Браунера.

180. Рецензіи на іюльскую книжку «Кіев. Старины» и на книгу В. П. Науменка «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи».

Одесскій Листокъ 53—180. 153. Праздн. 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

156. Перепечатка изъ «Новостей» записи о кладѣ, зарытомъ запорожцами.

Краткая замѣтка о книгѣ С. Филиппова «по Крыму».

157. Землевладѣльческая производительность херсонской губ.

166. Замѣтка о раскопкахъ проф. Н. П. Кондакова и г. Косцюшко-Валюжинича въ Херсонесѣ.

179. Замѣтка о раскопкахъ. Д. И. Эварницкаго, близь м. Котовки, екатериносл. губерніи.

Таврическія Епархіальныя Вѣдомости 8—12. 12. О необходимости лѣсныхъ насажденій въ таврическихъ степяхъ.

Крымъ №№ 68—79. 68. Рецензія на книгу г. Филиппова «по Крыму». М. 1889 г.

Перепечатка изъ «Рус. Вѣстн.» письма императора Наполеона I къ Меньшикову по поводу неудачнаго исхода экспедиціи на Евпаторію.

69. Замѣтка г. Ф. Р. «О крѣпостяхъ скифскаго царя Спилура, Палакіи и Хабайяхъ».

70. Разборъ книги: «Путеводитель по Крыму» Сосногоровой и Караулова. Изд. 5-е, переработанное гг. Головкинымъ и Вернеромъ. М. 1889 г.

Кубанскія Обл. Вѣдомости №№ 23—27. 23, 24. Старое рыболовство черноморскихъ казаковъ II. Въ Черноморіи (Окончаніе). И. И. Короленка.

27. Историческіе документы запорожскаго сѣчеваго архива. Предисловіе Е. Фелицына и 2 документа изъ собранія А. А. Скальковскаго: 1-й отъ 23 дек. 1763 г. постановленіе войсковой рады относительно порядковъ внутренняго благоустройства въ запорожскомъ войскѣ, 2-й «Меморіялъ, какъ при слѣдованіи къ очаковской сторонѣ и подъ Бѣлагородъ войска запорожскаго партій происходило. Учиненъ 1769 г. октября 11 дня».

Воронежскія Епарх. Вѣдомости №№ 12—13. 12. Воскресенская церковь въ сл. Сагунахъ и священно-церковно-служители. Г. Яковлева.

13. Св. и праведная вел. княгиня русская Ольга (переводъ на русское нарѣчіе изъ Четій—Минеи, жит. 2, іюля 11 дня).

Южный Край №№ 2886—2924. 2901. Сообщеніе о разрѣшеніи драматической цензурой съ исключеньями слѣдующихъ новыхъ малорусскихъ піесъ: «Не поможуть и чары, якъ хто кому не до пары» драма въ 5 дѣйствіяхъ съ пѣніемъ Н. Янчука, «Перепелъ або такы добылась шовковои юпки» комедія съ куплетами Іосифа Захарченка, «Писни въ лыцяхъ» дивертисментъ-водевиль въ трехъ картинахъ М. Л. Кропивницкаго.

2915. Замѣтка о раскольникахъ и сектантахъ въ харьковской губерніи. Общее число уклоняющихся отъ православія въ губерніи—6302 души мужчинъ и женщинъ. Изъ раскольниковъ имѣются поповцы (въ старобѣльскомъ уѣздѣ) безпоповцы, пріемлющіе бракъ (въ купянскомъ уѣздѣ), не пріемлющіе брака (въ волчанскомъ уѣздѣ) и скопцы. Сектанты шалопуты и штундисты числятся въ двухъ уѣздахъ: купянскомъ (110 душъ) и богодуховскомъ (31). Нѣкоторые признаки сектантскаго движенія стали обнаруживаться и въ другихъ мѣстахъ губерніи. Въ трехъ уѣздахъ лебединскомъ, валковскомъ и ахтырскомъ раскольниковъ не числится вовсе. Въ коренномъ малороссійскомъ населеніи раскольниковъ нѣтъ совсѣмъ.

2924. Изъ Харьковской театральной старины. Историческій очеркъ балета въ Харьковѣ 1780—1880 гг. Фельетонъ Н. Ч. Авторъ разсказываетъ о первыхъ опытахъ балета въ Харьковѣ, съ артистами изъ крѣпостныхъ людей разныхъ любителей, которыми эти любители потомъ торговали, переходитъ къ космополитическимъ труппамъ Штейна и Млотковскаго (въ 20—40-хъ годахъ) и перечисляетъ появленія въ балетныхъ харьковскихъ спектакляхъ столичныхъ извѣстностей. Здѣсь есть эпизодъ объ извѣстномъ украинскомъ актерѣ Соленикѣ, подвизавшемся тоже въ балетѣ во время пріѣзда танцовщицы Богдановой. Богданова импровизовала съ комикомъ Солеником интермедію «L' Academie de douze или Возвращеніе Сильфиды въ Парижъ», въ которой молодая танцовщица держитъ у старика Тальони экзаменъ, начинающійся съ самыхъ легкихъ па и кончающійся болеро, который Богданова исполняла съ своимъ отцомъ. Соленикъ въ этой одноактной пьесѣ полькировалъ и пѣлъ французскій романсъ, не будучи большимъ искусникомъ ни въ томъ ни въ другомъ».

Курскій Листокъ №№ 67—81. 67, 68. Курская сторона. Ростислава Маркова. Очеркъ исторіи Курскаго края (продолженіе, начало въ № 59).

67. Винокуреніе и табачное производство въ курской губ.

80. Архивныя выписки. N. N. О волненіяхъ крестьянъ въ грайворонск. уѣздѣ курск. губ., при введеніи положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Черниговскія Епарх. Извѣстія №№ 11—12. 11, Біографія преосвящ. Аѳанасія, еп. новгородъ-сѣверскаго, уроженца полт. губ., воспитанника кіев. дух. академіи, 30 лѣтъ прослужившаго при учебныхъ заведеніяхъ г. Кишинева.

12. Состояніе стародубскаго раскола въ 60-хъ и 70-хъ гг. XVIII ст. М. Доброгаева. (Окончаніе).

Черниговскія Губ. Вѣдомости. №№ 43—57. 43—53. Изъ архива графа Г. А. Милорадовича. 18 документовъ 1 четв. XVIII в. на имѣнія Полуботка.

45. Разсказъ старожиловъ. Пребываніе императора Александра I въ Черниговѣ. А. Тищинскаго.

48. Актъ въ черниigов. духовн. училищѣ въ день празднованія 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

51. Перепечатка изъ «Прав. Вѣстн.» замѣтки о фрескахъ Кіево-Софійскаго собора.

52—54. Раскопки, производимыя на соборной площади въ г. Черниговѣ. А. Верзилова. Вслѣдствіе провала обнаружилось жерло каменнаго склепа. Раскопки обнаружили конусообразный склепъ съ правильными кирпичными сводами глубиною въ 2 саж., діаметръ основанія 3½ арш., склепъ заваленъ мусоромъ. По очисткѣ обнаружились 4 подземныхъ хода съ кирпичными

сводами, расположенные крестообразно, съ нишами по бокамъ, одинъ изъ нихъ заканчивается камерой. Авторъ полагаетъ, что это погреба для склада боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ на случай осады. По формѣ и кладкѣ кирпича онъ относитъ сооруженіе ихъ къ XVII или нач. XVIII в.

54. Извѣстіе о находкѣ въ м. Семиполкахъ остер. у. 494 штукъ польскихъ мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ разной величины съ изображеніемъ короля Сигизмунда.

57. Къ исторіи края. Легенда о происхожденіи названія м. Салтыкова-Дѣвица, черниг. у. А. Чубатаго. Названіе происходитъ будто бы отъ озера въ ½ верстѣ отъ мѣстечка; въ этомъ озерѣ утонула дочь какого то Салтыкова. Названіе болота близь с. Ковчина (черниг. у.) *Твань* также происходитъ, по преданію, оттого, что здѣсь утонулъ сынъ помѣщицы.

Минскій Листокъ №№ 45—51. 45. Корреспонденція изъ г. Вильно въ «Нов. Время» по вопросу о подготовкѣ почвы къ соединенію уніатовъ съ православіемъ въ 1839 г., съ указаніемъ на лица, принимавшія участіе въ этомъ дѣлѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается проектъ возстановленія митрополіи въ Вильно.

47. Статья г. А. Слупскаго: «Унія въ Минскѣ» (окончаніе) въ которой изображается дѣятельность горожанъ въ защиту православія.

Литовскія Епарх. Вѣд. №№ 24—26. 24—25. Торжество 50 лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православною церковью 8 іюня въ г. Вильнѣ и рѣчи, по этому случаю произнесенныя.

26. Рѣчи по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Варшавскій Дневникъ №№ 130—149. 139. Сообщеніе о брошюрѣ г. Н. Леопардова по поводу креста, которымъ благословилъ игуменъ Сергій князя Димитрія Донскаго 27 авг. 1380 г. предъ войной съ Мамаемъ; крестъ хранится въ музеѣ кіевской духовной академіи.

Сообщеніе о возстановленіи древняго внѣшняго вида Софійскаго собора и открытіи новыхъ фресокъ.

139, 141, 149. Библіографич. замѣтка о «Памятной книжкѣ, калишской, петроковской и люблинской губерній за 1889 годъ».

141—143, 147. Описаніе торжества возсоединенія уніатовъ съ православіемъ 8 іюля 1889 г. въ Вильно; въ описаніи указаны всѣ народныя изданія по поводу праздника, вышедшія къ юбилею.

Червоная Русь №№ 114, 115, 117, 118, 124, 125, 127. По пути изъ Петрограда. Динабургъ. Вильна. Пл.

117. Памятники глубокой древности. О находкѣ скелетовъ около ц. въ Рогатинѣ.

120. Библіографическія замѣтки о вышедшихъ №№ «Страхопуда», «Бесѣды», «Новаго Галичанина» и «Учителя» и брошюры И. Г. Наумовича «Пятидесятилѣтіе возсоединенія уніатовъ».

123. Возвращеніе Бѣлоруссіи къ православію 1839 г. Истор. очеркъ.

126. Перепечатка изъ «Нов. Врем.» о причинѣ, вызвавшей возсоединеніе уніатовъ въ 1839 г.

128. Празднованіе 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ въ Вильнѣ.

133, **134**. Волынскіи славяне въ Парижѣ.

133. Библіографическія замѣтки о № 9—10 «Русской Правды» и Сборникѣ портретовъ духовныхъ дѣятелей эпохи возсоединенія уніатовъ, изд. въ Вильнѣ прот. І. Котовичемъ.

136. Замѣтки о 1 вып. 2-го тома «Галицко-русской библіографіи», изд. И. Е. Левицкимъ и о № 12 журнала «Листокъ».

139. Замѣтка о Литературномъ сборникѣ, изд. галицко-русскою матицею за 1889 годъ.

140. Замѣтка о № 13 «Страхопуда» и № 13 «Новаго Галичанина».

142. Замѣтка о перезодѣ Одиссеи Гомера на малорусское нарѣчіе Петромъ Байдою (Нищинскимъ).

Краткій некрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

Александровъ В. Писня про Гарбуза. Рослинный эпосъ по народній теми. Хар. 1889. 16 стр.

Ашкаренко Г. А. Конотопська вильма. Хвантастычна кумедія у 5 діяхъ и 8 одминахъ (зъ оповиданя Квитки). Кременчугъ 1889. 8 д. 90 стр.

Блюмъ Э. Къ 900-лѣтію крещенія Руси. Мысли и замѣчанія. Ревель 1889 г. 8 д. 8 стр.

Васильковъ М. О., врачъ. Медицинскій и санитарный отчетъ по тираспольскому у. херсон. г. за 1887 г. Херсонъ 1889. 8 д. 1+86 стр.+3 діаграммы.

Гашкевичъ М. И., врачъ. Очеркъ санитарной дѣятельности въ г. Херсонѣ въ 1888 г. Херсонъ 1889. 8 д. II+145 стр.+1 табл.

243 засѣданіе императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 27 марта 1889 г. Од. 8 д. 8 стр.

Добржицкій Г. д-ръ. Славута. Климатическая лѣсная станція и кумысолѣчебное заведеніе. Варшава. 1889. 8 д. 116+111 стр.

Dobrzycki H. d-r. Slawuta, klimatyczna stacyja leśna oraz zaklad kumysowy. Warszawa. 1889. 8 д. 106+4 стр.

Довгоязыка Хвеська. Опов. Выд. С. Гомолинскаго. Кыивъ. 1889. 16 д. 24 стр.

Ежегодникъ лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ. 188⁶/₇ годъ. 1889. 8 д. 100 стр.+5 табл.

Заводъ Ф. А. Терещенка кіев. губ. и уѣзда въ с. Красовкѣ. М. 1889. 8 д. 7+8 стр.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. кн. Н. Мещерскаго и М. Веревкина. Вып. 17. Витебскъ 1888. 4 д. III.+415+XVII+6 стр.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ централ. архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. архиваріуса М. Веревкина Вып. 18. Витебскъ 1888. 4 д. VIII+492+XLI стр.

Клоссовскій А. проф. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи. Од. 1889. 8 д. 144 стр.+1 рис. +3 табл. +3 черт. +2 карты.

Клоссовскій А. проф. Фенологическія наблюденія, произведенныя на юго-западѣ Россіи въ 1888 г. Одесса. 1889. 8 д. 24 стр.+3 табл.

Котляревскій И. П. Москаль Чаривныкъ. Малорос. опера въ 1 дѣйствіи. Дешевая библіотека № 82. Изд. А. Суворина Спб. 12 д. 43 стр.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Малорос. опера въ 2 дѣйств. Изд. А. С. Суворина. (Деш. библіотека № 83). Спб. 12 д. 59 стр.

Кубанское казачье войско. 1696—1888. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ, изд. подъ ред. Е. Фелицына. Краткій историч. очеркъ кубан. каз. войска Ф. Щербины. Съ портр. и видами. Воронежъ. 1888. 8 д. 438+2 стр. и 1 планъ.

Левицкій И. Чортяча спокуса. Выд. 2 С. Гомолинскаго. К. 1889 16 д. 80 стр.

Левицкій О. И. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. I. Пасквиль и судъ. От. изъ «Кіев. Ст.» Кіевъ 1889. 8 д. 32 стр.

Макаровъ М. Днѣпровскій лиманъ и рѣка Бугъ. Руководство для плаванія. Изд. 2. Николаевъ. 1889. 8 д. 1+72 стр.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ. т. III. Александрійскій уѣздъ (стат.-экономич. описаніе уѣзда). Сост. статистич. отд. при херсон. губ. зем. управѣ. Херсонъ. 1889. 8 д. IV+III+385+152 стр. + 2 карты.

Мачтетъ Гр Бѣлая панна. Поэма въ прозѣ. М. 1889. 12 д. 143 стр.

Моргулисъ Ю. А. Сакскія грязи. Путеводитель для ѣдущихъ лѣчиться въ Саки. Симферополь 1889. 16 д. 31 стр.+1 рис.

Москвичъ Г. Практическій путеводитель по Крыму. Изд. 2-е. Ялта. 1889. 16 д. 16+XXX+280+144 стр.

Отчетъ и труды одесскаго отдѣла имп. рос. общ. садоводства за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 1+73+89 стр.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1888 г. Од. 8 д. 11 стр.

Отчетъ одесской еврейской городовой больницы и лиманскаго ея отдѣленія за 1888 г. Изд. попечителями больницы Г. Люльки, Б. Вургафтомъ и С. Шурицемъ. Од. 1889. 8 д. 55+4 стр.

Отчетъ одесской филоксерной коммиссіи за 1888 годъ. Од. 1889. 8 д. XII+222+II стр. и 4 плана.

Отчетъ о дѣятельности аккерманскаго отдѣла имп. россійск. общ. садоводства за 1888 годъ. Аккерманъ. 1889. 8 д. 38 стр.

Отчетъ о дѣятельности комитета общества взаимнаго вспомоществованія учителей евреевъ новороссійск. края и бессараб. губ. за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 46 стр.

Отчетъ о дѣятельности комитета одесскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1887/8 ак. годъ. Од. 1889. 8 д. 45 стр.

Памятная книжка херсонскаго городского общественнаго управленія. 1887 г. Херсонъ. 1889. 8 д VIII+78+5 стр.+1 табл.

Певный Т. Малюнки справжнего життя. У Петербурзи. 1889. 12 д. 59 стр.

П. Л. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе. От. изъ «Кіев. Стар.» К. 1889. 8 д. 16 стр.+2 плана.

Путеводитель по Крыму (Сосногоровой и Караулова). Изд. 5, переработ. Н. Головкинскимъ и К. Вернеромъ. М. 1889. 8 д. II+XII+99+391+XI стр.

Рашкевичъ М. П. Медицинскій и санитарный отчетъ по херсонскому уѣзду за 1888 г. Херсонъ 1889. 8 д. 104 стр.+3 табл.

Рашковскій Н. С. Одесса, какъ центръ лѣчебныхъ купаній. Од. 1889. 8 д. 79+2 стр.

Сторожевскій Б. Н. «Вся Одесса за 20 коп.» Путеводитель по городу и справ. книжка для пріѣзжихъ. Од. 1889. 16 д. 159 стр.

Стрѣльбицкій И. Пятидесятилѣтіе возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ (1839—1889) Вильна. 1889. 8 д. 61 стр.

Текстъ русской правды на основаніи 4 списковъ разныхъ редакцій, изд. Н. Калачовъ. Изд. 4-е. Спб. 1889. 8 д. VI+51+III стр.+1 табл.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Изслѣдованія и экскурсіи въ бессараб., екатериносл., полтав., таврич. и херсон. губ., въ обл. войска донскаго, въ кубан. и терск. обл. въ 1889 г. Докладъ IX областному съѣзду П. А. Забаринскаго Од. 1889. 8 д. 16 стр.+2 табл.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Отчетъ Т. А. Забаринскаго. X. Од. 1889. 8 д. 16 стр.

Уваровъ М. Санитарное положеніе херсонской губ. Вып. 1. Движеніе населенія херсонск. губ. Херсонъ. 1889. 8 д. 49 стр.+7 табл.

Успенскій Ѳ. Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв. Отт. изъ «Кіев. Стар.» К. 1889. 8 д. 42 стр.+1 карта.

Уставъ историко-филологическаго общества при имп. новороссійскомъ университетѣ. Од. 1889. 8 д. 7 стр.

Ѳедоровъ И. Ф. Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. Од. 1889. 8 д. 15 стр.

Филиппов С. По Крыму М. 1889. 8 д. 469 стр.

Chlebowski i *Walewski.* Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 113. Варшава 1889. 4 д. Стр. съ 321 по 400.

Chlebowski B. и *Walewski W.* Słownik geográficzny królestwa polskiego i innych krajów słowianskick. Zeszyt 114. Tom X. Warszawa 1889. 8 д. 401—480 стр.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 3-я. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. К. 1889. 8 д. III+54+114+96 стр.

Якимовичъ Ф. И. Одесскіе лиманы, какъ лѣчебное средство. Од. 1889. 8 д. IV+I+98 стр.+1 табл.+2 карты.

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1889 г.

сказано, что на войнѣ отъ врага должно ожидать и храбрости, и хитрости. Такимъ образомъ наши всегда брали верхъ надъ перекопцами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда тѣ употребляли хитрость, коварство и стратегическія уловки.

Жизнь татаръ, которою они гордятся, первобытная, пастушеская, подобна жизни патріарховъ во время золотаго вѣка, когда среди пастырей стадъ избирались вожди народовъ, цари и пророки, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ: „Поялъ мя Господь отъ овецъ“ [1]). Такъ живутъ татары понынѣ, слѣдуя за своими стадами и переходя съ ними съ одного поля на другое. Они не имѣютъ ни изгородей, ни домовъ, только передвижныя палатки изъ прутьевъ и камыша, покрытыя толстымъ войлокомъ и снабженныя рогожами и циновками изъ водорослей; усадивъ въ нихъ женъ и дѣтей, они возятъ ихъ съ собою на возахъ. Землю, даже самую плодородную, они не обрабатываютъ, довольствуясь тѣмъ, что она сама приноситъ, т. е. травою, служащею кормомъ для скота. Такимъ образомъ они, согласно совѣту Соломона, питаются однимъ молокомъ безъ хлѣба и плодовъ; они трезвы и воздержанны тѣмъ болѣе, что по закону воспрещается имъ пить вино и ѣсть свинину. Хотя они питаются мясомъ другихъ животныхъ, даже лошадинымъ, но у себя дома употребляютъ въ пищу только издохшихъ или издыхающихъ животныхъ, щадя здоровыхъ изъ желанія сохранить свои стада, ибо въ стадахъ заключается все ихъ имущество.

Татары не владѣютъ никакою частною недвижимою собственностью, кромѣ колодцевъ, которые, впрочемъ, принадлежатъ сообща многимъ членамъ одного рода. Они мало заботятся и о движимомъ имуществѣ, которое состоитъ исключительно изъ немногочисленныхъ предметовъ домашней утвари, необходимой для повседневнаго обихода, верховой ѣзды и военнаго дѣла; только къ послѣднему они довольно внимательны, заниматься же другими житейскими дѣлами и промыслами считаютъ дѣломъ недостойнымъ свободныхъ людей и нарушающимъ ихъ законъ, который предписываетъ пропаганду исключительно

---

[1]) Амосъ. Гл. VII, ст. 15.

силою оружія.—При такой дикости они болѣе всего почитаютъ умѣренность и воздержаніе и живутъ всѣ безъ роскоши, но и внѣ крайней нищеты, подобно тому, какъ сказано въ священномъ писаніи: „во всемъ и во всѣхъ навыкохъ и насыщатися, и алкати, и избыточествовати, и лишатися“ [1]), а также „иже многое, не преумножилъ есть, и иже малое, не умалилъ [2]). Такъ и теперь у этихъ варваровъ нѣтъ богатыхъ, которые бы задыхались отъ пресыщенія, и неимущихъ, которые бы гибли отъ голода и холода; несмотря на ихъ бѣдность и скудость средствъ, никто не проситъ милостыни. У нихъ такъ же рѣдко встрѣчается расточитель, какъ и голодающій, нѣтъ ни нищихъ, ни обманщиковъ, ни лживыхъ свидѣтелей, ни клятвопреступниковъ, ни воровъ или разбойниковъ; потому у нихъ нѣтъ надобности безпокоиться объ охранѣ своего имущества, ни носить оружіе въ собственной странѣ для защиты своей личности. Считается дѣломъ нелѣпымъ и недозволеннымъ имѣть при себѣ оружіе во время путешествія въ собственной странѣ; ибо у себя они свято соблюдаютъ миръ и справедливость, отдавая каждому сполна все принадлежащее ему, не отсчитывая въ пользу чиновниковъ десятины или другаго какого либо побора.

Должность судьи эти иновѣрцы считаютъ источникомъ не нареканій, но признательности, она у нихъ относится къ функціямъ не мірянъ, а духовенства и исполняется священниками, называемыми кади, которые приготовляются къ ней изученіемъ правилъ религіи и приносятъ особую присягу. При томъ въ судьи избираются такія лица, которыя сами менѣе всего заинтересованы мірскими дѣлами, по которымъ имъ предстоитъ судить другихъ. Для того, чтобы правосудіе могло дѣйствовать успѣшнѣе, судопроизводство вовсе не допускаетъ проволочекъ крючкотворцевъ и не подлежитъ вліянію наговоровъ клеветниковъ. Такъ, если обвиненный, пытаясь избѣгнуть суда, не является тотчасъ послѣ того, какъ истецъ позвалъ

---

[1]) Посланіе къ Филипп. гл. IV, ст. 12.

[2]) Посланіе 2-ое къ Коринѳ. гл. VIII, ст. 15.

его къ суду прикосновеніемъ къ краямъ его одежды, то онъ немедленно подлежитъ наказанію, какъ если бы обвиненіе было вполнѣ доказано; онъ получаетъ установленное закономъ количество палочныхъ ударовъ. Въ судѣ не могутъ быть лично истцами, ни свидѣтелями лица, которыя не знаютъ закона въ необходимой мѣрѣ для того, чтобы защищаться, или же лица, когда либо замѣченныя въ употребленіи вина, или уличенныя въ другихъ порокахъ. Суду кадіевъ подчиняются люди знатные и вельможи наравнѣ съ простолюдинами безъ всякаго отличія, и вообще для всѣхъ установленъ одинъ общій законъ, за исключеніемъ верховнаго вождя, котораго величіе они считаютъ выше человѣческаго достоинства. Вообще они стараются сохранить равенство между собою употребленіемъ одинаковой одежды и пищи и считаютъ непристойностью и беззаконіемъ, достойнымъ тѣлеснаго наказанія, если кто либо пытается отличиться отъ народа одеждою, поясомъ, шапкою или прическою, отступающими отъ древняго обычая предковъ. — Также считается неприличнымъ принимать пищу отдѣльно, не раздѣляя ее со всѣми присутствующими; хозяинъ тоже не долженъ брать себѣ часть пищи прежде, чѣмъ она будетъ предложена всѣмъ; при этомъ ее крошатъ въ мелкіе куски и тщательно перемѣшиваютъ для того, чтобы каждый изъ присутствующихъ пользовался равнымъ ея качествомъ. Въ пути у нихъ также всѣ дорожные запасы общіе и они очень усердно, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются услужить старикамъ и больнымъ. Дома они всякому гостю, даже незнакомому страннику, предлагаютъ даромъ пищу и постель, впрочемъ вдали отъ собственной спальни.

Однако въ другихъ отношеніяхъ татары менѣе цивилизованы: такъ, они считаютъ совершенно неприличнымъ показывать своихъ женщинъ гостямъ, друзьямъ и даже самымъ любимымъ собесѣдникамъ, они держатъ несчастныхъ въ заперти, въ укромныхъ покояхъ, не допускаютъ ихъ не только въ общество гостей, но даже въ храмы и вовсе не выпускаютъ на улицу, взваливая на нихъ, впрочемъ съ ихъ же согласія, всю работу портняжескую и сапожную. Между тѣмъ сами они не удовлетворяются единоженствомъ, но хвалятся тѣмъ, что по обычаю древнихъ людей и съ разрѣшенія своего закона, имѣ-

ютъ каждый по четыре жены и сверхъ того при каждой женѣ по десяти наложницъ. Желая быть мужьями образцовыми, они выбираютъ невѣстъ не по богатству и не по красотѣ, но женятся, не видѣвъ даже въ лицо невѣсты, а только собравши свѣдѣнія объ ея характерѣ и нравахъ; они не пренебрегаютъ вступать въ бракъ со своими невольницами, захваченными въ плѣнъ или купленными. Вслѣдствіе такого выбора жены ихъ постоянны, послушны, живутъ во взаимномъ согласіи и равнодушны, ради привязанности къ мужу, къ его наложницамъ; при томъ онѣ до того цѣломудрены, что о преступномъ нарушеніи брачныхъ обязанностей не бываетъ никогда и помину; прелюбодѣяніе считается уголовнымъ преступленіемъ и подлежитъ карѣ смертью.

Варвары эти сознаютъ, что для всякаго народа нѣтъ ничего полезнѣе храбрости и военной дисциплины и что храбрость пріобрѣтается привычкою къ лишеніямъ; поэтому они чуждаются изнѣженности и роскоши, и съ дѣтства приготовляются къ военному дѣлу суровымъ образомъ жизни и привычкою къ верховой ѣздѣ. Они садятся на коня отъ колыбели и не перестаютъ наѣздничать до дряхлой старости. Употребленіе повозокъ презираютъ даже старцы и больные, избѣгая изнѣженности и щадя лошадей; послѣднихъ они берегутъ до такой степени, что даже ихъ князья внутри отечества ѣздятъ одни, между тѣмъ какъ заграницею ихъ сопровождаютъ сотни верховыхъ слугъ. Знатныя женщины даже тогда, когда отправляются въ царскій дворецъ, запертыя въ крытыхъ экипажахъ и сіяющія внутри ихъ блескомъ дорогихъ каменьевъ, не стыдятся ѣхать заложивши въ коляску одного вола или двухъ, если она слишкомъ велика. Общественное мнѣніе считаетъ дѣломъ неприличнымъ и беззаконнымъ закладывать въ экипажъ лошадь, хотя бы самую плохую, даже тогда, если кто имѣетъ на конюшнѣ хотя бы тысячу лошадей.

Вообще жизнь татаръ мрачна и сурова, за исключеніемъ царей, которые живутъ роскошно среди всеобщей умѣренности своего народа. Такъ, современный царь перекопскій, предоставивъ сыновьямъ военныя дѣла, самъ охотно предается удовольствіямъ среди садовъ своихъ

женъ. Особенно славится одинъ садъ красотою мѣстоположенія, постройками, уходомъ и разнообразіемъ цвѣтовъ и деревьевъ, изящно расположенныхъ на подобіе шахматной доски. Въ этомъ раю своемъ онъ принимаетъ гостей, даетъ богатые пиры, хотя самъ, словно желая выказать отвращеніе и презрѣніе къ богатствамъ, употребляетъ для пищи лишь деревянную и глиняную посуду; тѣмъ не менѣе онъ возлежитъ на золотистыхъ подушкахъ, опираетъ локти и ноги на серебряный столъ, обремененный разными яствами и золотыми чашами, украшенными дорогими каменьями, и наслаждается мелодіею гуслей, кимваловъ, бубновъ и арфъ, какъ бы желая заявить, что пустыя развлеченія доставляютъ ему наслажденіе и что онъ считаетъ умѣстнымъ свободно забавляться ими среди всеобщей воздержности своего народа.

Татарскіе народы живутъ умѣренно по словамъ св. писанія: „Не пійте вина вы и сынове ваши до вѣка. И храминъ да не соградите и сѣмене не сѣйте, и виноградъ да не будетъ вамъ; но въ кущахъ да живете вся дни живота вашего: да поживете дни многи на земли, на ней же обитаете вы“ [1]). Такимъ образомъ они живутъ на землѣ многіе дни свободные, не отягощенные и всегда безопасны отъ крайней гибели, ибо, презрѣвъ роскошь, не владѣя недвижимымъ имуществомъ, подверженнымъ разграбленію, они все свое имущество увозятъ вмѣстѣ съ собою при всякомъ передвиженіи; ведя жизнь кочевую, наѣздническую, они пріобрѣтаютъ только движимое имущество: стада и рабовъ, которые слѣдуютъ за ними.

Хотя перекопцы, кромѣ многочисленныхъ стадъ, держатъ при себѣ и захваченныхъ въ плѣнъ рабовъ, но послѣднихъ у нихъ гораздо больше, чѣмъ стадъ, и потому они снабжаютъ ими и другія страны; къ нимъ приходятъ многочисленные корабли съ того берега Чернаго моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей и возвращаются, нагруженные рабами.

Такъ какъ всѣ ихъ рынки и гавани славятся этимъ товаромъ, который у нихъ всегда находится и для себя, и для продажи, и

---

[1]) Іеремія. Глава XXXV, стихъ 7.

для залога, и для подарковъ, то каждый изъ нихъ, хотя бы простой всадникъ, даже если не имѣетъ наличныхъ рабовъ, то предполагая, что онъ всегда имѣетъ возможность добыть извѣстное ихъ количество, обязывается по контракту любому изъ своихъ кредиторовъ отсчитать въ опредѣленный срокъ, въ уплату за оружіе, одежду или коней, условленное количество живыхъ людей нашей крови. И подобнаго рода обѣщанія ихъ исполняются точно, какъ если бы они на скотныхъ дворахъ имѣли постоянный запасъ нашихъ плѣнниковъ.

Неудивительно поэтому, что одинъ еврей, занимающійся сборомъ пошлинъ у помянутыхъ выше единственныхъ воротъ, ведущихъ въ Таврику, и видѣвшій постоянно безчисленное множество нашихъ людей, угоняемыхъ туда, спрашивалъ у насъ: осталось ли еще сколько нибудь людей въ нашей странѣ, или ихъ уже совсѣмъ нѣтъ? а также, откуда берется такое ихъ множество? Такъ эти грабители имѣютъ всегда достаточно рабовъ не только для торговли съ иноземцами, но и для удовлетворенія у себя дома своей жестокости или прихоти.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ, въ особенности болѣе сильные мужчины, или подвергаются кастраціи, или же имъ отрѣзываютъ уши и ноздри, клеймятъ ихъ на щекахъ и на лбу и, заковавъ въ пута и кандалы, заставляютъ томиться днемъ на работахъ, а на ночь запираютъ въ темницу; они принуждены довольствоваться скудною пищею, состоящею изъ мяса падали, гнилаго, покрытаго червями и вселяющаго отвращеніе даже собакамъ.

Болѣе молодыя женщины служатъ для удовлетворенія страсти, нѣкоторыхъ заставляютъ развлекать гостей на пиршествахъ, выучивъ ихъ искусно играть на арфѣ и плясать; наиболѣе красивыхъ плѣнницъ, особенно принадлежащихъ къ благороднымъ нашимъ семействамъ, отводятъ къ хану, въ вышеупомянутый его рай [1]).

Въ обращеніи ихъ съ рабами можно наблюдать слѣдующіе пріемы: когда ихъ выводятъ на продажу, то ведутъ этихъ несчаст-

---

[1]) Adductantur Thalasio et paradisicolae illi.

ныхъ на площадь, сковавъ ихъ за шеи гуськомъ по десяти словно журавлей, расположившихся для полета; продаютъ ихъ съ аукціона десятками подъ руководствомъ оцѣнщика, который громко выкрикиваетъ похвалы: что это рабы новые, еще не испорченные, не хитрые, изъ земли королевской, а не московской (ибо московское племя, какъ лживое и коварное, низко цѣнится на невольничьемъ рынкѣ).

Вообще этотъ товаръ оцѣнивается въ Тавридѣ весьма тщательно и за дорогую цѣну покупается иностранными купцами, которые потомъ перепродаютъ его народамъ болѣе отдаленнымъ и дикимъ: сарацинамъ, персамъ, индусамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассирійцамъ. Всѣ они съ жадностью пріобрѣтаютъ плѣнницъ отсюда, на которыхъ послѣ женятся, впрочемъ безъ насилія и принужденія, но согласно правилу, предписанному свыше Господомъ въ книгѣ Второзаконія (гл. 21) [1]).

Такъ и теперь любимѣйшая жена турецкаго императора и мать его старшаго сына и наслѣдника была нѣкогда похищена въ нашей странѣ [2]); да и перекопскій ханъ Сахыбъ-Гирей рожденъ отъ христіанки и самъ нынѣ женатъ на христіанкѣ. Равно и всѣ министры этихъ тирановъ, ихъ евнухи, секретари и свѣдущіе люди, а также воины, особенно янычары [3]), которые съ дѣтства обучаются военному искусству и военной дисциплинѣ, и изъ числа которыхъ

---

[1]) „Аще же изыдеши на брань противу врагомъ твоимъ, и предастъ я Господь Богъ твой въ руцѣ твои, плѣниши плѣнъ отъ нихъ. И оузриши въ плѣнѣ жену добру обличіемъ, и возлюбиши ю, и поймеши ю себѣ въ жену. И введеши ю внутрь въ домъ твой, и да обріеши главу ея, и да обрѣжеши ногти ея. И да совлечеши ризы плѣнныя съ нея, и да сядетъ въ дому твоемъ, и да плачется отца своего и матере своея мѣсяцъ дней; и по семъ выйдеши къ ней, и совокупишися съ нею, и будетъ тебѣ жена“, (Стихъ 10—13).

[2]) Авторъ упоминаетъ о женѣ султана Сулеймана—Хурремъ, иначе называемой Роксоланою (т. е. русскою), имѣвшей большое вліяніе на мужа и его политику. Роксолана была похищена татарами въ городѣ Рогатинѣ, въ нынѣшней Галиціи, гдѣ отецъ ея былъ священникомъ (Петрушевичъ, Сводная лѣтопись, стр. 511; Смирновъ, Крымское ханство, стр. 425).

[3]) Ханъ Сахыбъ-Гирей завелъ на подобіе янычаръ милицію, набираемую изъ военно-плѣнныхъ рабовъ, называемую капы-кулу, предводители которой образовали корпорацію, имѣвшую большое вліяніе на политическія дѣла ханства (Смирновъ, ibid., стр. 414).

потомъ назначаются вожди и начальники, происходятъ изъ нашей христіанской крови.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, при покупкѣ рабовъ не только осматриваютъ ихъ наружные члены и зубы, наблюдая, чтобы послѣдніе не были рѣдки или испорчены, но изслѣдуютъ и сокровеннѣйшія части тѣла. Если гдѣ либо окажется бородавка, наростъ, рубецъ или другаго рода скрытый порокъ или недостатокъ, то покупка возвращается продавцу обратно.

Несмотря на такую осмотрительность покупщиковъ, хитрымъ работорговцамъ и барышникамъ удается иногда обмануть ихъ поддѣльными приманками. Отборныхъ мальчиковъ и дѣвушекъ они не выводятъ на продажу просто, но предварительно хорошо откармливаютъ ихъ, одѣваютъ въ шелкъ, натираютъ косметиками и подкрашиваютъ пурпуромъ и сюрьмою, чтобы привлечь покупателей и получить большую цѣну. Иногда красивыя и цѣломудренныя дѣвицы продаются на вѣсъ золота. Красивыя рабыни тотчасъ послѣ покупки часто перепродаются за большую цѣну, лучше разукрашенныя ради барыша.

Торгъ невольниками производится во всѣхъ городахъ полуострова, преимущественно же въ Кафѣ. Случается тамъ, что цѣлыя толпы несчастныхъ закупленныхъ рабовъ гонятъ изъ рынка прямо на корабли, ибо городъ лежитъ у весьма удобной приморской гавани и, вслѣдствіе своего положенія, можетъ быть названъ не городомъ, а скорѣе ненасытною и мерзкою пучиною, поглощающею нашу кровь.

Однажды, когда эти ссыльные остановились на берегу въ ожиданіи отправки на судно и увидѣли насъ среди зрителей, опечаленныхъ ихъ судьбою, тогда одинъ изъ нихъ, мой землякъ и знакомый, словно вызванный грустнымъ выраженіемъ лицъ нашихъ, сказалъ отъ имени всѣхъ, глядя на меня:

„Любезный братъ! нечего уже вамъ печалиться о насъ, увозимыхъ изгнанникахъ; хотя намъ предстоитъ путь горькій и печальный, хотя, оставивъ дорогую родную землю, мы отправляемся туда, откуда никогда уже не возвратимся, и чѣмъ дальше будемъ

увезены отъ границъ отечества, тѣмъ больше съ каждымъ днемъ будемъ тосковать по родинѣ, но намъ нужно съ твердостью переносить нашу неизбѣжную участь. При томъ насъ много товарищей вмѣстѣ, тѣ же, которые остаются здѣсь, въ Тавридѣ, подвергаются не лучшей участи: они покрыты клеймами, поколоты, лица ихъ обезображены; и дома не лучшій конецъ испытали наши близкіе, какъ это намъ хорошо извѣстно: мы видали, какъ ихъ убивали, обезглавливали, разбрасывали ихъ отрубленные члены и головы; жестокій врагъ ради гаданія бросалъ ихъ трепещущія сердца въ огонь, вырывалъ ихъ легкія и обнажалъ внутренности, собиралъ ихъ желчь для приготовленія мазей.

Для насъ, впрочемъ, было бы гораздо лучше, если бы такая жестокая участь постигла и насъ; претерпѣвъ ее сразу, мы бы пали у нашихъ родныхъ пепелищъ, тамъ, гдѣ витаютъ тѣни нашихъ отцовъ, не отторгнутые отъ обрядовъ нашей вѣры и отъ гробницъ нашихъ предковъ; мы были бы гораздо счастливѣе, чѣмъ теперь, если бы тѣла наши, хотя изуродованныя, были тамъ растерзаны и пожраны хищными звѣрями; но такъ какъ неумолимая судьба не дозволила намъ подвергнуться такой участи, сохранивъ насъ для болѣе продолжительныхъ бѣдствій, то мы должны подчиниться ей и не оставлять жизни безъ ея воли. Ваша горесть и сожалѣніе о нашей судьбѣ напрасны. Скорѣе мы должны опасаться за васъ, чтобы васъ не постигла та же участь, чтобы вамъ не пришлось также когда нибудь вступить на эти уносящіе насъ корабли; чтобы, наконецъ, весь нашъ народъ не исчезъ, теряя ежедневно все большее и большее количество своихъ членовъ. Этого серьезно слѣдуетъ опасаться, если вы будете упорно сохранять тѣ пагубные нравы, которые теперь неустанно ведутъ васъ къ гибели. Итакъ, если ты сохранилъ сколько нибудь любви къ отечеству, вѣрности къ государю, или по крайней мѣрѣ страха Господня, ты долженъ открыть государю и тѣмъ, къ кому это относится, всю силу угрожающей опасности, какъ ты уразумѣлъ ее теперь, увидѣвъ состояніе, въ которомъ находятся здѣсь наши люди. Ты долженъ это сдѣлать если не изъ другихъ побужденій, то ради преданности твоей вѣрѣ

и любви къ Богу, именемъ котораго заклинаемъ тебя мы, несчастные, только теперь оцѣнившіе по достоинству значеніе родины и свободы. Пусть дорогое отечество получитъ отъ насъ хоть это послѣднее доказательство преданности".

Сказавъ это и глубоко вздыхая, онъ былъ увлеченъ на корабль, куда входилъ его десятокъ, крѣпко скованный цѣпью; вскорѣ флотъ исчезъ въ морѣ, оставивъ намъ лишь сказанное завѣщаніе.

(Конецъ перваго отрывка).

Сокращеніе второго отрывка.

Силы москвитянъ и татаръ значительно меньше литовскихъ, но они превосходятъ литовцевъ дѣятельностью, умѣренностью, воздержаніемъ, храбростью и другими добродѣтелями, составляющими основу государственной силы. Татарамъ добродѣтели эти приносятъ ту выгоду, что они пользуются множествомъ отнятаго у насъ имущества и задабриваются ежегодно подарками вашего величества, получая ихъ будто въ качествѣ друзей и союзниковъ, съ которыми и прежде литовцы заключали договоры; они привычны къ верховой ѣздѣ, ведутъ войны безъ обозовъ, владѣютъ множествомъ табунныхъ лошадей, но не имѣютъ укрѣпленныхъ городовъ. Москвитяне каждую весну получаютъ изъ татарской Ногайской орды много тысячъ лошадей, годныхъ для войны, въ обмѣнъ за одежду и другіе дешевые предметы. Намъ же ѳракійскіе турки присылаютъ за дорогую цѣну лошадей самой плохой породы, старыхъ, изнуренныхъ работою, страдающихъ внутренними болѣзнями, потому что законъ ихъ вмѣняетъ имъ въ преступленіе продавать христіанамъ здоровыхъ лошадей и оружіе. Предки наши довольствовались собственными лошадьми, выхоленными дома, но были всегда готовы къ походу, имѣя все оружіе въ исправности: копья, щиты, панцыри, а также мѣшки, наполненные мукою. Теперь же героини литовскія ѣдутъ въ храмъ или на балъ въ каретахъ, т. е. висячихъ экипажахъ, запряженныхъ шестерикомъ или восьмерикомъ лошадей, между тѣмъ какъ въ тоже время скиѳъ угоняетъ безнаказанно столько же

людей, связанныхъ ремнями; за то у татаръ, несмотря на обиліе коней, не дозволяется даже царицѣ запрягать лошадь въ повозку.

Турки и другіе сарацины, посѣщая по пяти разъ въ день храмы для молитвы, разуваются и обмываютъ холодною водою даже сокровенные свои члены, но они, равно какъ и татары, москвитяне, ливонцы и пруссаки, изъ бережливости носятъ подолгу одно и то же платье, между тѣмъ какъ мы стараемся имѣть одежды дорогія и разнообразныя.

Татары носятъ длинныя туники безъ складокъ и сборокъ, легкія и удобныя для верховой ѣзды и сраженій; колпаки у нихъ бѣлые, остроконечные, сдѣланы не для парада; во время битвы отъ ихъ высоты и блеска татары имѣютъ болѣе представительный и грозный для враговъ видъ, хотя и не имѣютъ обыкновенія надѣвать шлемы. Этотъ пріемъ усвоили себѣ и москвитяне—они дѣлаютъ шапки изъ войлока, сбитаго изъ овечьей шерсти, которыя стоютъ грошъ, часто моются и служатъ очень долго. Хотя москвитяне имѣютъ множество соболей и другихъ пушныхъ звѣрей, но обыкновенно сами дорогихъ соболей не носятъ—они отсылаютъ этотъ нѣжный мѣхъ изнѣженнымъ литовцамъ и получаютъ за него золото, а сами украшаютъ опушки своихъ войлочныхъ шапокъ золотыми бляшками и драгоцѣнными камнями, которыхъ не портятъ, подобно мѣхамъ, ни сырость, ни солнце, ни моль.

(Конецъ втораго отрывка).

Сокращеніе отрывка третьей книги.

(Москвитяне) до такой степени воздерживаются отъ употребленія пряностей, что даже при изготовленіи пасхальныхъ яствъ довольствуются слѣдующими приправами: грязноватою солью, горчицею, чеснокомъ, лукомъ и другими плодами собственной земли; такъ поступаютъ не только простолюдины, но и вельможи, даже самъ великій князь, отнявшій у насъ много крѣпостей, которыхъ онъ, величаясь, насчитываетъ семьдесятъ три. На царскихъ пирахъ ставятъ на столъ отдѣльно въ солонкахъ, среди золотыхъ сосудовъ

и туземныхъ блюдъ, немного невареного перцу, но къ нему никто не прикасается. Между тѣмъ литовцы питаются дорогими иноземными яствами и пьютъ разнообразныя вина, отчего происходятъ различныя болѣзни.

Подобно москвитянамъ, и татары, и турки, хотя владѣютъ областями, производящими вино, но сами его не пьютъ, а продаютъ христіанамъ, получая за него средства для веденія войны, такъ какъ они убѣждены, что исполняютъ волю Господню, если какимъ бы то ни было образомъ истребляютъ христіанскую кровь. Перекопскіе татары тоже избѣгаютъ употребленія пряностей и пьютъ только молоко и колодезную воду, которая, впрочемъ, на всемъ протяженіи таврической степи рѣдко встрѣчается безъ горькаго вкуса и еще рѣже чистая, развѣ только въ такомъ случаѣ, если она добыта на большой глубинѣ изъ нѣдръ земли.

И наши предки также избѣгали иноземныхъ яствъ и напитковъ; трезвые и воздержные, они полагали всю славу въ военномъ дѣлѣ, все удовольствіе въ оружіи, коняхъ, большомъ количествѣ слугъ и вообще во всемъ, что проявляло твердость и храбрость, необходимыя для успѣшнаго веденія войны. Они не только отражали нападенія сосѣднихъ народовъ, но раздвинули свои предѣлы отъ одного моря до другаго и враги называли ихъ „Храбрая Литва" [1]). Теперь же въ городахъ литовскихъ самые многочисленные заводы — это бровары и винницы. Литовцы возятъ съ собою пиво и водку и въ военные походы и даже тогда, когда съѣзжаются, чтобы присутствовать при богослуженіи. Они такъ привыкаютъ къ этимъ напиткамъ дома, что если во время похода случится пить воду, они, вслѣдствіе непривычки, гибнутъ отъ поноса и диссентеріи. Крестьяне, не радѣя о земледѣліи, собираются въ корчмахъ, пьянствуютъ тамъ день и ночь, забавляясь пляскою ученыхъ медвѣдей подъ звуки волынки. Растративъ такимъ образомъ свои средства, они испытываютъ голодъ и затѣмъ обращаются къ воровству и разбою. Это случается такъ часто, что въ каждой литовской области въ

(1 Въ текстѣ: Chrobra Litwa, id est ferox Lituania.

теченіи мѣсяца подвергается смертной казни за названныя преступленія болѣе людей, чѣмъ въ сто или двѣсти лѣтъ въ областяхъ Московіи и Татаріи, въ которыхъ воспрещено пьянство. Дѣйствительно, у татаръ всякій, кто только отвѣдаетъ вина, подвергается наказанію 80-ю палочными ударами и штрафу въ 80 монетъ. Въ Московіи же нигдѣ нѣтъ кабаковъ и если у любаго домовладѣльца найдутъ хоть каплю горячаго напитка, жилище его разоряютъ, имущество конфискуютъ, домашнихъ и даже сосѣдей подвергаютъ тѣлесному наказанію, а самого хозяина пожизненно заключаютъ въ тюрьму [1]); съ сосѣдями поступаютъ такъ жестоко потому, что считаютъ ихъ знающими о мерзкомъ преступленіи и потому какъ бы зараженными его язвою. Между тѣмъ какъ наши люди подвергаются гибели не отъ начальства, а отъ невоздержанія и отъ схватокъ, возникающихъ во время пьянства. День у насъ начинается питьемъ водки; еще лежа въ кровати, кричатъ: „вина, вина!“ и затѣмъ пьютъ этотъ ядъ мужчины, женщины и юноши на улицахъ, на площадяхъ, даже на дорогахъ; омраченные напиткомъ, они не способны ни къ какому занятію и могутъ только спать; при томъ, кто разъ привыкъ къ этому излишеству, въ томъ страсть къ пьянству постоянно возрастаетъ. Ни іудеи, ни сарацины не допускаютъ кого либо изъ своего народа къ гибели отъ нищеты, такъ сильна въ ихъ средѣ любовь къ ближнему. Ни одинъ сарацинъ не смѣетъ отвѣдать куска пищи, не раздробивъ ее предварительно и не смѣшавъ, для того, чтобы каждому изъ присутствующихъ досталась пища въ равномъ количествѣ.

Такъ какъ москвитяне воздерживаются отъ пьянства, то города ихъ славятся ремесленниками, прилежно изготовляющими различныя издѣлія; они снабжаютъ насъ деревянными чашками и посохами, служащими для опоры немощнымъ старикамъ и пьянымъ, также сѣдлами, саблями, конскою сбруею и разнаго рода оружіемъ, получая за эти предметы наше золото.

---

[1]) Очевидно, авторъ ошибается и строгія фискальныя мѣры, принимавшіяся для пресѣченія незаконнаго корчемства, считаетъ мѣрами, направленными противъ употребленія горячихъ напитковъ.

Прежде москвитяне находились въ такомъ рабствѣ у заволжскихъ татаръ, что, кромѣ другихъ признаковъ покорности, князь ихъ долженъ былъ выходить за городъ на встрѣчу каждому посланнику хана и сборщику податей, ежегодно пріѣзжавшему въ Москву, и пѣшій провожалъ его во дворецъ, держа въ рукахъ поводъ его лошади. Посолъ садился на княжескій столъ, а князь, преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство. Поэтому ханы заволжскіе и происшедшіе отъ нихъ перекопскіе понынѣ называютъ московскаго князя своимъ холопомъ [1]). Но теперь они не имѣютъ на это основанія, такъ какъ в. к. Іоаннъ, дѣдъ нынѣ царствующаго Іоанна Васильевича, освободилъ себя и свой народъ отъ ихъ тиранніи, послѣ того какъ обратилъ народъ къ трезвости, повсемѣстно воспретивъ кабаки.— Сверхъ того онъ распространилъ свои владѣнія, подчинивъ себѣ Рязань, Тверь, Суздаль, Волокъ [2]) и другіе сосѣдніе удѣлы. Онъ же отнялъ и присоединилъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ литовскія провинціи: Новгородъ, Псковъ, Сѣверщину и другія въ то время, когда Казимиръ, король польскій и великій князь литовскій, воевалъ въ Пруссіи съ крестоносцами, защищая границы своего королевства, а народъ нашъ погрузился въ роскошь. Этотъ великій князь причтенъ своими къ числу святыхъ подвижниковъ, какъ монархъ, освободившій и расширившій свое отечество. Столицу свою онъ украсилъ крѣпостью, выстроенною изъ кирпича, а свой дворецъ каменными изваяніями, подобными Фидіевымъ, и позолотилъ въ немъ нѣкоторые куполы часовень. Подобно ему и его сынъ, Василій, соблюдая трезвость и строгую дисциплину нравовъ, присоединилъ къ своему наслѣдству укрѣпленный городъ Смоленскъ, отнятый у насъ 31 іюля 1514 г. коварствомъ Михаила Глинскаго.— Послѣ того онъ увеличилъ свою столицу Москву, построивъ близь нея слободу Налевки трудами нашихъ наемныхъ солдатъ, и далъ ей имя, которое должно служить укоромъ для нашего народа, склон-

---

[1]) Въ текстѣ: „appellant suom cholop, id est rusticum".

[2]) Въ текстѣ „Volodow"; мы полагаемъ, что авторъ имѣлъ въ виду волоколамскій удѣлъ, котораго князь, Борисъ Васильевичъ, отрекся отъ наслѣдства въ пользу брата.

наго къ пьянству,—имя заимствованное отъ слова „налей", что значитъ „infunde" [1]).—Точно также сынъ его, нынѣ царствующій, хотя уступилъ намъ одну крѣпость, за то выстроилъ въ нашихъ предѣлахъ три крѣпости: Себежъ, Велижъ и Заволочье. Татарамъ, рабомъ которыхъ онъ былъ нѣкогда, теперь ни въ чемъ не уступаетъ, потому что заботится о трезвости своего народа; онъ отстаиваетъ свободу не мягкими тканями и не блестящимъ золотомъ, а желѣзомъ; своихъ подданныхъ онъ держитъ всегда вооруженными и постоянно снабжаетъ крѣпости гарнизонами, онъ не выпрашиваетъ мира, но, подражая нашему герою Витовту, отражаетъ силу силою, искусство искусствомъ, воздержанію и трезвости татаръ противупоставляетъ воздержаніе и трезвость своего народа.

Сокращеніе четвертаго отрывка.

Правосудіе также у татаръ выше, чѣмъ у насъ, ибо они всякому немедленно возвращаютъ все, что ему принадлежитъ, между тѣмъ какъ у насъ судья получаетъ десятую часть стоимости иска истца, ни въ чемъ неповиннаго; эту плату судьѣ, называемую „пересудъ", должно вносить немедленно на судѣ. Если же тяжба ведется хотя бы за малѣйшій клочекъ поземельной собственности, то платятъ судьѣ не десятую часть, а сто грошей (стоимостью въ $2^1/_2$ нѣмецкихъ крейцеровъ каждый), хотя бы спорная земля стоила меньше этой суммы; если же стоимость ея больше, такъ что десятина превышаетъ сто грошей, то судья дополучаетъ эту десятину.

Въ дѣлахъ за личныя оскорбленія и всякаго рода насилія, хотя бы даже вымышленныя, судья получаетъ съ подсудимаго такую

[1]) Подобный разсказъ, хотя съ нѣсколько инымъ объясненіемъ, мы встрѣчаемъ у Герберштейна (Rerum moscoviticarum commentarii); при описаніи города Москвы, здѣсь сказано: „Недалеко отъ города за рѣкою показываютъ слободу, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali, что на ихъ языкѣ значитъ „infunde", потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ прочимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщенія съ остальными, для того чтобы не соблазняли ихъ, живя вмѣстѣ".

же сумму въ качествѣ штрафа, какую присудитъ въ вознагражденіе потерпѣвшему; поэтому, заботясь объ увеличеніи своего имущества, онъ покровительствуетъ даже явной клеветѣ и за незначительное даже оскорбленіе присуждаетъ въ пользу мужчинъ по 20 копъ грошей, въ пользу женщинъ по 40 копъ, а за вещественные убытки, какіе бы ни показалъ клеветникъ, подкрѣпивъ обвиненіе ложною присягою,—сотни и тысячи копъ грошей, хотя бы все имущество истца не стоило и одной копы. Наказаніе за убійство назначается не по божественному закону, предписывающему взымать кровь за кровь, а замѣняется денежною пенею, разумѣется съ десятиною въ пользу судьи. Вслѣдствіе этого нерѣдко случаются даже отцеубійства. Если добросердечный истецъ, выигравши дѣло, смягчится просьбою отвѣтчика, и проститъ его, то судья все таки взыщетъ деньги: съ одного штрафъ, съ другаго десятину.

Судья беретъ десятину также за утвержденіе сдѣлокъ и договоровъ. Въ дѣлахъ же уголовныхъ онъ получаетъ не десятую долю, а все, что будетъ захвачено у кого либо воровское или отнятое у разбойника; этотъ доходъ его называется „лицо". Если же воръ или его обличитель должны будутъ перенести украденную вещь къ другому судьѣ, то первый получаетъ сумму, равную ея стоимости, такъ что у насъ отыскивающій украденную вещь принужденъ истратить въ пользу чиновниковъ больше, чѣмъ она стоитъ. Въ виду этого многіе не осмѣливаются заводить тяжбы, когда у нихъ воровски или насиліемъ угоняютъ рабочій скотъ. Воръ, пойманный даже во время совершенія преступленія, не подлежитъ суду той мѣстности, въ которой совершилъ преступленіе или былъ пойманъ, но послѣ многихъ изворотовъ отводится для суда къ своему господину, въ домъ котораго онъ нерѣдко носилъ краденое; вслѣдствіи этого кражи совершаются безнаказанно. У сосѣдей нашихъ татаръ и москвитянъ, право суда надъ подданными вельможъ и дворянъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ принадлежитъ не частному лицу, а государственному чиновнику, человѣку трезвому и живущему на глазахъ у всѣхъ, между тѣмъ какъ наши производятъ судъ каждый въ одиночку, въ пьяномъ видѣ, и удаливъ посредниковъ и свидѣ-

телей; такимъ образомъ они могутъ дѣлать все, что имъ угодно. Кромѣ пени за преступленія, предсѣдатель суда получаетъ у насъ 12 грошей за каждую скотину, которую кто либо приведетъ въ конюшню присутственнаго мѣста, объявивши ее пригульною; такую же плату получаетъ съ каждаго человѣка, заключеннаго, хотя бы и безвинно, въ тюрьму, утверждая, что эта плата слѣдуетъ ему по закону, за право пользованія государственною конюшнею и темницею. Точно также и слуга судьи, исполнитель его приговоровъ, получаетъ десятую часть стоимости иска даже тогда, когда нѣтъ нужды въ судебномъ разбирательствѣ; онъ взимаетъ десятую часть уплачиваемаго долга, представляемаго для уплаты въ судъ, хотя бы дѣло было совершенно чисто и безспорно. Судебный писарь получаетъ также десятину за составленіе рѣшенія и сверхъ того требуетъ вознагражденія за всякое свое дѣйствіе: такъ, онъ взимаетъ по 4 гроша только за приложеніе печати къ позву, хотя бы весь искъ не превышалъ стоимостью одного гроша. Для того, чтобы увеличить судебныя издержки, требуются по каждому дѣлу два позва, снабженные печатями и подписью писаря; если же тотъ занятъ другими дѣлами, то случается часто, что обвиняемый успѣваетъ скрыться до полученія позва, такъ какъ для него естественно искать спасенія въ бѣгствѣ. Другой чиновникъ, подчиненный судьѣ,—„вижъ", обязанность котораго состоитъ въ объявленіи обвиняемому срока суда, получаетъ даже по самому маловажному дѣлу 40 грошей, если онъ служитъ при воеводѣ, 30 при подвоеводіи и 100, если онъ вижъ королевскій, или выдаетъ себя за таковаго. Третій чиновникъ, называемый „дѣтскій", который призываетъ позвомъ обвиняемаго и приводитъ его въ судъ, получаетъ отъ 100 до 50 или по меньшей мѣрѣ 30 грошей. Въ свою очередь столько же взыскиваетъ судебный служитель, который во время тяжбы отряжается для призыва или опроса свидѣтелей, для осмотра поля или луга, истоптаннаго или потравленнаго чужимъ скотомъ или инаго менѣе важнаго убытка. Если бѣдный человѣкъ не имѣетъ потребнаго для этихъ расходовъ количества денегъ, то у него грабятъ скотъ. Не менѣе стѣснительно то обстоятельство, что если бѣдному человѣку

необходимо позвать на судъ вельможу, то онъ ни за какую плату не можетъ найти себѣ повѣреннаго. Еще болѣе несправедливо то, что если у меня есть болѣе знатный сосѣдъ, хотя бы владѣющій частью общаго со мною села, то онъ подсуденъ другому вѣдомству и вчать съ нимъ тяжбу гораздо труднѣе, чѣмъ со мною. Право пользоваться аппеляціею у насъ отнято посредствомъ наложенія громаднаго штрафа, установленнаго въ литовскомъ статутѣ (глава VI, параграфъ 1) [1]). — Въ тяжбахъ съ вельможами не допускаются поручительства, которыя служатъ оружіемъ и какъ бы щитомъ, назначеннымъ для охраненія бѣдныхъ. Къ тому же всякій допускается въ свидѣтели во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ межевыхъ, и всякому вполнѣ довѣряютъ безъ присяги; поэтому многіе возвели лжесвидѣтельство въ промыселъ, изъ котораго живутъ. Мы не имѣемъ общественныхъ книгъ или актовъ для записи въ нихъ купчихъ крѣпостей и онѣ совершаются въ видѣ частныхъ документовъ. Обвиняемый, хотя бы онъ явно похитилъ чужую собственность или совершилъ насиліе, привлекается къ суду не раньше, какъ по истеченіи мѣсячнаго срока со времени выдачи позва. Если у меня похитятъ скотину, стоимостью въ 50 или 100 грошей во время самыхъ спѣшныхъ полевыхъ работъ, то я не могу привлечь къ суду похитителя прежде, чѣмъ заплачу составителю позва и его служителю полную стоимость похищенной скотины, хотя впослѣдствіи мнѣ не только не уплатятъ моихъ издержекъ, но и обвиняемаго въ похищеніи не дозволятъ привлечь къ суду раньше, какъ по истеченіи мѣсяца. Такимъ образомъ пострадавшій или отказывается отъ всего въ пользу грабителя, или старается взыскать съ него свой убытокъ силою или обманомъ.— Во время изданія литовскихъ законовъ быкъ стоилъ 50 грошей, корова 30, но теперь эти цѣны значительно повысились.

---

[1]) Въ первой редакціи литовскаго статута, на которую авторъ ссылается въ указанномъ параграфѣ, сказано, что всякій, недовольный приговоромъ суда, можетъ перенести дѣло по аппеляціи въ высшую инстанцію, т. е. отъ судьи къ воеводѣ и отъ воеводы къ сейму; но если аппеляція окажется несостоятельною, то принесшій ее подвергается штрафу въ 12 копъ грошей. По разсчету Чацкаго, копа грошей въ половинѣ XVI столѣтія равнялась стоимости 19 золотыхъ, т. е. за несостоявшуюся аппеляцію взыскивается штрафъ въ 228 золотыхъ.

Въ другихъ областяхъ, принадлежащихъ польскому королю, ни обвиняемый не пользуется такими проволочками, ни позовъ не сопряженъ съ такими издержками: судебному служителю за призывъ обвиняемаго въ судъ платится только полъ гроша, а королевская позовная грамота имѣетъ силу безъ подписи писаря и потому стоитъ не такъ дорого; даже по распоряженію короля Сигизмунда, помѣщенному въ польскомъ Петрковскомъ статутѣ 1511 года, позвы приказано выдавать даромъ [1]). Точно также и судья, даже при самомъ крупномъ искѣ, получаетъ не десятую долю, а довольствуется двумя или самое большее четырьмя грошами низшаго достоинства, которые стоятъ 8 крейцеровъ нѣмецкихъ. Между тѣмъ какъ у насъ, благодаря обычаю взыскивать по три раза двойныя десятины со стоимости спорной вещи, судья становится судьею собственнаго дѣла и, словно пойманный на удочку этою приманкою, всегда стремится къ осужденію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда юридическія основанія сторонъ не ясны. Даже законы язычниковъ запрещаютъ торговать правосудіемъ, у насъ же обычай этотъ развился недавно, благодаря безнравственной привычкѣ вельможъ примѣнять законы къ своимъ выгодамъ; по ихъ толкованію никто не долженъ владѣть такимъ имуществомъ, которое не приносило бы пользы чиновникамъ.—Такъ напримѣръ, если кто либо враждующій со мною, или желающій доставить выгоду судьѣ, похититъ мои деньги или откажется возвратить занятую или отданную ему на сохраненіе сумму, или захватитъ мою землю, я не буду имѣть возможности возвратить всего этого, пока не уплачу сперва судьѣ и его подчиненнымъ различныхъ десятинъ и другихъ значительныхъ поборовъ, на уплату которыхъ я истрачу вскорѣ всѣ свои средства, если этотъ искренній другъ судьи продѣлаетъ со мною то же вторично. Если лицо, подосланное судьею, возьметъ у меня золото, серебро или другія

[1]) Въ постановленіяхъ Петрковскаго сейма 1511 г., въ параграфѣ подъ заглавіемъ: „Taxa literarum cancellariae nostrae Regiae“ сказано: „Для того, чтобы подданные наши не подвергались несправедливымъ притѣсненіямъ писарей въ нашей канцеляріи, постановляемъ, чтобы впредь позвы выдавались безплатно.“—Volumina legum, т. I, стр. 170.

цѣнныя вещи и возникнетъ дѣло о воровствѣ или насиліи, то всѣ эти вещи будутъ захвачены и окажутся въ рукахъ судьи. Вотъ, свѣтлѣйшій монархъ, каково правосудіе въ твоемъ наслѣдственномъ государствѣ, вотъ какъ обезпечена священнымъ закономъ собственность гражданъ! Хотя изъ числа вельможъ два воеводы, помѣщенные не вдалекѣ другъ отъ друга [1]), завѣдываютъ высшимъ судомъ въ цѣлой Литвѣ, но они не въ состояніи разсмотрѣть всѣхъ тяжбъ многочисленнаго населенія столь обширныхъ областей тѣмъ болѣе, что на нихъ возложены другія государственныя заботы, какъ это видно изъ самаго ихъ титула „воевода“, т. е. военачальникъ. Обремененные многочисленными общественными и частными обязанностями они только въ праздничные дни т. е. тогда, когда менѣе заняты другими дѣлами, могутъ разсматривать тяжбы. Весьма важныя неудобства представляетъ и то обстоятельство, что они не имѣютъ опредѣленнаго мѣста судебныхъ засѣданій. Нерѣдко обиженные за 50 миль приходятъ искать правосудія и несчастные люди эти принуждены отъ предѣловъ Жмуди и Ливоніи до границъ Мазовіи или Московіи странствовать въ погонѣ за своимъ законнымъ судьею. Притомъ мы имѣемъ ежегодно 40 дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, которые мы проводимъ, ревностно преслѣдуя наши тяжебныя дѣла.

Упомянутые воеводы имѣютъ намѣстниковъ, которые, заботясь о тѣлесномъ своемъ благосостояніи, обыкновенно творятъ судъ среди шума пиршествъ; они мало свѣдущи въ судопроизводствѣ, но очень исправно взимаютъ свой „пересудъ“.

Москвитяне хвалятся, что заимствовали у насъ Витовтовы законы, которые мы сами теперь оставили. У татаръ же они заимствовали оружіе, одежду и обычай отправляться въ военныя походы безъ обозовъ, нагруженныхъ иноземными яствами и напитками [2]).

---

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду воеводъ: виленскаго и трокскаго.

[2]). Въ концѣ четвертаго отрывка и въ началѣ пятаго особенно рѣзко замѣчается несвязность и отрывочность разсказа. Рядомъ стоятъ фразы, совершенно не связанныя между собою содержаніемъ и трактующія о различныхъ предметахъ. Непослѣдовательность эта противорѣчитъ весьма связному способу изложенія и

Сокращеніе пятаго отрывка.

Москвитяне, разгнѣвавшись на кого либо изъ своихъ, проклинаютъ его пожеланіемъ, чтобы онъ обратился въ римскую или польскую вѣру—до того вѣра эта имъ ненавистна.

Къ несчастью, мы не имѣемъ школъ для преподаванія наукъ. Мы изучаемъ московскіе письменные памятники, которые и не древни, и не заключаютъ въ себя ничего такого, что побуждало бы къ доблести; русское нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, т. е. итальянцамъ, ибо мы происходимъ отъ итальянской крови.

Итальянское происхожденіе наше явствуетъ какъ изъ характера нашего языка—полулатинскаго, такъ и изъ существованія у насъ древнихъ римскихъ обычаевъ, которые не такъ давно вышли изъ употребленія, таковы были обычаи: сожиганіе покойниковъ, гаданіе, ворожба и другіе предразсудки, сохранившіеся понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности культъ Эскулапа, который почитается подъ видомъ змѣи, подобно тому какъ почитался въ Римѣ, куда онъ переселился изъ Эпидавра въ образѣ змѣи. Почитаются также священные пенаты, души предковъ, домашнія божества, привидѣнія, также горы, пещеры, озера и рощи.—Но водою крещенія совершенно потушенъ и вѣчный огонь, который поддерживался по обычаю римлянъ и евреевъ для сожиганія жертвъ.—Въ литовскомъ языкѣ слово огонь (ugnis) почти тождественно съ латинскимъ (ignis), но сверхъ того есть много словъ общихъ въ обоихъ языкахъ [1]).

логической послѣдовательности мысли въ другихъ отрывкахъ разсказа Михайла Литвина; произошла она вѣроятно вслѣдствіе небрежности пріемовъ Грассера, который, сокращая текстъ подлинника, по временамъ выбиралъ фразы чисто механически, не заботясь о сохраненіи связности разсказа.

[1]) Въ доказательство близкаго родства латинскаго языка съ литовскимъ авторъ приводитъ 74 латинскія слова, утверждая, что они точно также звучатъ и въ литовскомъ языкѣ. Дѣйствительно, большинство этихъ словъ ясно происходитъ въ обоихъ языкахъ отъ общаго корня. Только 8 или 9 изъ числа ихъ въ нынѣшнемъ литовскомъ языкѣ совсѣмъ не сходны съ латинскими, но можетъ быть употребляемыя нынѣ слова принадлежатъ къ числу такихъ, которыя образовались или вошли въ употребленіе позже, вытѣснивъ слова, существовавшія еще въ XVI ст. Впрочемъ авторъ, желая нагляднѣе доказать близкое родство двухъ сличаемыхъ языковъ, прибѣгаетъ во многихъ случаяхъ къ такому пріему, что цитируетъ латинскія слова

Наши предки, граждане и воины римскіе, пришли въ эти страны, посланные изъ Рима въ колоніи для защиты границъ отъ скиѳскихъ племенъ; или, какъ утверждаетъ другое болѣе достовѣрное мнѣніе, они были занесены сюда морскою бурею во время Юлія Цезаря. Дѣйствительно, по словамъ Люція Флора, когда Юлій Цезарь побѣдилъ германцевъ въ Галліи и потомъ, подчинивъ себѣ ближайшую часть Германіи и переправившись черезъ Рейнъ, направился черезъ Океанъ въ Британію, то переправа его была не вполнѣ удачна и флотъ его былъ разсѣянъ бурею. Тогда именно, какъ полагаютъ, корабли нашихъ предковъ были принесены волнами

не въ простыхъ, а въ производныхъ формахъ: въ косвенныхъ падежахъ именъ существительныхъ, въ причастныхъ отглагольныхъ формахъ: въ повелительномъ наклоненіи и т. п.—Для повѣрки данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ, мы приводимъ названныя имъ латинскія слова вмѣстѣ съ соотвѣтственными имъ словами современнаго литовскаго языка; послѣднія были намъ обязательно сообщены Р. Ю. Готшелькомъ, частью же заимствованы изъ словаря Куршата (Friedrich Kurschat—Wörterbuch der Littauischen Sprache. Halle 1870).

Латинскія (по М. Литв.).		Литовскія.	Латинскія (по М. Литв.).		Литовскія.
ignis. . . .	ugnis. . . .	огонь.	oculus . . .	akis	глазъ.
unda. . . .	wandu. . .	вода.	auris. . . .	ausis. . . .	ухо.
aër.	oras	воздухъ.	nasus. . . .	nosis. . . .	носъ.
sol.	saule. . . .	солнце.	semen . . .	sekla. . . .	сѣмя; впрочемъ льняное сѣмя называется linsęmenien, или просто semenys.
mensis . . .	menu. . . .	мѣсяцъ; въ діалектахъ областныхъ menesis (Р.Ю.Г.)			
dies	diena. . . .	день.			
ros.	rasa	роса.	linum . . .	linaï. . . .	ленъ.
aurora. . .	auczara. . .	заря.	cannabum. .	kanape. . .	конопля.
deus. . . .	diewas. . .	богъ.	avena . . .	avizos . . .	овесъ.
vir.	vyras. . . .	мужъ.	ovis	awis. . . .	овца.
tu.	tu.	ты.	ansa(рукоять)	ausis. . . .	ушко.
tuus. . . .	tavas . . .	твой.	axis	aczis. . . .	ось.
meus. . . .	manas . . .	мой	rota	ratas. . . .	колесо
suus. . . .	savas. . . .	свой.	jugum . . .	jungas . . .	ярмо.
levis. . . .	lenguas. . .	легкій	pondus. . .	svaras . . .	вѣсъ; есть названіе единицы вѣса въ 20 фунт. pundelis. Р. Ю. З.
vivus. . . .	gyvas. . . .	живой			
juvenis. . .	jaunas . . .	юный.			
vetustus . .	vetustis . .	древній (Р. Ю. Г.)			

къ тому берегу, гдѣ нынѣ находится жмудскій замокъ Плотели [1]) и здѣсь они высадились на сушу. Да и въ наше время къ тому же берегу приставали какіе то заморскіе корабли [2]). Здѣсь наши

collis. . . .	kelis. . . .	тропинка.
cur.	kur (значитъ по литовски гдѣ?). . . .	
lens	lensze . . .	чечевица.
anguis . . .	angis. . . .	змѣя.
corbis. . . .	kurbas. . .	корзина.
primus. . .	pirmas . .	первый.
unus. . . .	wienas. . .	одинъ.
duo	du.	два.
tres.	tris.	три.
quatuor. . .	keturi . . .	четыре.
quinque . .	penkü . . .	пять.
sex.	szeszi. . . .	шесть.
septem. . .	septini . . .	семь.
noctis. . . .	noktis (имен. пад.) . . .	ночь.
senis. . . .	senis (именит. пад.). . . .	старый.

Съ приведенными латинскими формами средняго рода причастій прошедшаго времени представляютъ сходство литовскія формы настоящаго времени сослагательнаго наклоненія, (2-е лицо): artum; aketum, setum. (Р. Ю. Г.)

tractus. . .	trauktas—прич. прош. врем. отъ traukti—влечь.	
merctus. . .	merktas—тоже отъ—merkiti погружать.	
sutus. . . .	sintas. . . .	siuti—шить.
versus. . . .	versas . . .	versti—опрокинуть.

то же сходство въ причастіяхъ сложныхъ глаголовъ приведенныхъ Михайломъ Литвиномъ.

dentes . . .	dantis(единст. чис.) dantu (множ. число)	зубъ.
gentes . . .	gentes . . .	народы. (Р. Ю. Г.)
sta.	stok (отъ stoweti). . . .	стой.
sede. . . .	sediek (отъ sedeti). . . .	сядь.
verte. . . .	versk (отъ wersti). . .	переверни, тоже въ производныхъ inverte и perverte.
aratum. . .	arti.	пахать.
occatum . .	aketi. . . .	боронить.
satum . . .	seti.	сѣять.

intractus, pertractus, extractus, immerctus, insutus, inversus, perversus.

culeus—мѣшокъ, въ современномъ литовскомъ языкѣ zakas, но въ значеніи кошелекъ употребляется слово—kulicas (Курш.).

tenuis—тонкій, въ современномъ литовскомъ языкѣ—plonas; но слово tankus осталось въ значеніи—густой (Р. Ю. Г.).

levir—деверь; во время Мих. Литвина у литовцевъ было слово devir, нынѣ же оно замѣнено словомъ swainis (Курш.)

nepos—внукъ—въ современномъ литов. языкѣ dukters.

neptis—внучка . . . . . dukte.

pecus—скотъ . . . . . . galurjei.

nunc—теперь. . . . . . dabar.

[1]) Плотеле—мѣстечко ковенской губерніи тельшевскаго уѣзда, на берегу озера того же имени; оно лежитъ верстахъ въ 50-ти отъ моря; на одномъ изъ островов на этомъ озерѣ существовалъ древній замокъ, который уже въ 1585 году, по словамъ люстраціи, лежалъ въ развалинахъ. (Słownik geograficzny królewstwa polskiego. т. VIII, стр. 321).

[2]) Въ XVI столѣтіи среди польскихъ и литовскихъ писателей прочно установилось мнѣніе о томъ, что литовцы произошли отъ римлянъ, будто переселив-

предки, наскучивъ морскими трудами и опасностями и обремененные множествомъ плѣнныхъ мужескаго и женскаго пола, поселились по военному обычаю, понынѣ сохранившемуся у жмуди, въ шалашахъ у очаговъ. Затѣмъ подвигаясь дальше, они подчинили себѣ сосѣдніе народы: ятвяговъ, а за ними роксолановъ или рутеновъ, которые, наравнѣ съ москвитянами, подчинялись тогда власти заволжскихъ татаръ; чиновники послѣднихъ, называемые баскаками, управляли русскими замками. Отсюда они были изгнаны нашими предками италами, которые впослѣдствіи стали называться литалами и, наконецъ, литуанами, т. е. литовцами. Благодаря врожденной своей храбрости они освободили русскія племена, области и замки отъ ига татаръ и ихъ баскаковъ и расширили свои владѣнія отъ жмудскаго моря, называемаго Балтійскимъ, до Понта Евксинскаго и устья Борисѳена, а также до границъ другой римской колоніи—Валахіи; они заняли Волынь, Подоліе, земли кіевскую и сѣверскую и степи до предѣловъ Тавриды и до Тованской переправы на Днѣпрѣ; къ

шихся на жмудское Поморье. Особенно настойчиво проводятъ эту гипотезу, въ первой половинѣ XVI ст. Михайло Литвинъ и безъименный авторъ лѣтописи такъ называемой Быховца. Оба они, повидимому, заимствовали гипотезу отъ Длугоша, который основывалъ свое предположеніе на нѣкоторомъ родствѣ языковъ латинскаго и литовскаго, на сходствѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ. (Зевсъ громовержецъ и Перкунасъ, Эскулапъ и почитаніе змѣй литовцами, существованіе священныхъ рощъ, сожиганіе мертвыхъ и т. п.), на сближеніи названій: Roma и Romowe (главное литовское святилище), Itali, Litali и Lituani и т. д.—(Ioannis Dlugossi. Historiae polonicae libri XII; книга II подъ 997 годомъ и книга X подъ 1387 г.)—Заимствуя гипотезу у Длугоша и стараясь подкрѣпить ее новыми доказательствами, его литовскіе послѣдователи не вполнѣ согласны съ нимъ относительно времени и обстоятельствъ, при которыхъ римская колонія переселилась изъ Италіи въ Литву; Длугошъ высказываетъ предположеніе, что часть римлянъ или вообще латинцевъ бѣжала въ Литву вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ Суллы и Марія или Помпея и Цезаря. Михайло Литвинъ старается точнѣе обозначить время и весьма опредѣленно указываетъ на часть флота Юлія Цезаря, будто унесенную бурею отъ береговъ Британіи въ Балтійское море, между тѣмъ какъ составитель лѣтописи Быховца относитъ выселеніе римской колоніи изъ Италіи въ Литву къ тому времени, когда была основана Венеція, т. е. ко времени разоренія сѣверной Италіи нашествіемъ гунновъ. Считаемъ излишнимъ останавливаться на анахронизмахъ Михайла Литвина, по словамъ котораго римскіе колонисты, попавшіе будто въ Литву при Юліи Цезарѣ, застали этотъ край во власти золотоордынскихъ баскаковъ и т. п. неточностяхъ.

сѣверу они заняли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлую, Торопецъ, Луки, Псковъ, Новгородъ и вообще всѣ провинціи и замки, лежащіе по сю сторону крѣпости Можайска, ближайшей къ московской столицѣ. Расширивши такимъ образомъ свои владѣнія, благодаря своей храбрости, они получили для своего князя Миндовга, принявшаго святое крещеніе, королевскій титулъ и корону. По смерти этого короля, и королевскій титулъ, и христіанство были оставлены, пока снова сосѣдній съ нами христіанскій польскій народъ не пригласилъ въ 1380 году царствовавшаго здѣсь благополучно блаженной памяти прадѣда вашего величества, Владислава, называемаго по литовски Ягайломъ, возвратиться къ христіанству и принять королевское достоинство для того, чтобы совокупная доблесть двухъ сосѣднихъ народовъ, стала еще крѣпче въ борьбѣ съ общимъ врагомъ христіанскаго имени.

Въ нашу страну началъ стекаться изъ другихъ областей самый скверный изъ всѣхъ народовъ—іудеи, уже сильно размножившійся во всѣхъ городахъ Волыни, Подолія и другихъ плодородныхъ областей; это народъ вѣроломный, хитрый, склонный къ клеветѣ, онъ поддѣлываетъ у насъ товары, монету, документы и печати, на всѣхъ рынкахъ отымаетъ у христіанъ средства къ жизни, занимается исключительно обманомъ и клеветою. Это самый скверный народъ халдейскаго племени, по свидѣтельству священнаго писанія, онъ развратенъ, грѣховенъ, вѣроломенъ, негоденъ и коваренъ.

Сокращеніе шестаго отрывка.

Татары превосходятъ насъ не только воздержаніемъ и благоразуміемъ, но и любовью къ ближнему. Въ сношеніяхъ между собою они сохраняютъ сознаніе солидарности и взаимно помогаютъ другъ другу. Они справедливо поступаютъ съ рабами, хотя эти послѣдніе бываютъ у нихъ всегда иноземцы, пріобрѣтенные путемъ войны или покупки, и не удерживаютъ ихъ въ рабствѣ долѣе семи

лѣтъ, согласно предписанію библіи (Исходъ, глава 21)[1]. А мы держимъ въ безсрочномъ рабствѣ людей, добытыхъ не на войнѣ и не куплею, не иноземцевъ, но людей одной съ нами народности и вѣроисповѣданія, закабаленныхъ вслѣдствіе сиротства, нищеты, или брака съ рабынею. Мы злоупотребляемъ нашею властью надъ ними: мучимъ ихъ, уродуемъ, убиваемъ безъ законнаго суда, по случайному подозрѣнію. Напротивъ того, у татаръ и москвитянъ ни одному чиновнику, кромѣ главныхъ судій въ столицахъ, не дозволяется убивать человѣка даже въ случаѣ очевиднаго преступленія; между тѣмъ какъ у насъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ произносятъ смертные приговоры. Притомъ мы взимаемъ подати для защиты государства только отъ подданныхъ нашихъ: въ городахъ отъ коморниковъ, въ селахъ отъ бѣднѣйшихъ хлѣбопашцевъ, оставляя землевладѣльцевъ свободными отъ податей, несмотря на то, что они получаютъ значительные доходы со своихъ обширныхъ помѣстій, пашень, луговъ, пастбищъ, садовъ, огородовъ, лѣсовъ, рощъ, пасѣкъ, отъ охоты, корчемъ, заводовъ, ярмарокъ, мытъ, перевозовъ, мостовыхъ, съ озеръ, прудовъ, рѣкъ, рыбной ловли, мельницъ, отъ стадъ и отъ труда рабовъ и рабынь. Гораздо успѣшнѣе шли бы военныя дѣла и собирались нужныя для нихъ подати, взимаемыя теперь поголовно, если бы приведено было къ концу предпринятое измѣреніе всѣхъ полей, принадлежащихъ какъ дворянамъ, такъ и посполитымъ людямъ; ибо въ такомъ случаѣ каждый платилъ бы тѣмъ больше налоговъ, чѣмъ большимъ количествомъ поля онъ владѣетъ.

Сокращеніе седьмаго отрывка.

Татары постоянно держатъ своихъ женщинъ взаперти, тогда какъ наши жены расхаживаютъ праздно по домамъ, принимаютъ участіе въ обществѣ мущинъ и носятъ почти мужескую одежду; отъ этого развиваются страсти. Татары заботятся о томъ, чтобы

---

[1]) Стихъ 2-й: „Аще стяжеши раба евреина, шесть лѣтъ да поработаетъ тебѣ, въ седмое же лѣто отпустиши его свободна туне“.

заселить землю. созданную для того, чтобы служить жилищемъ для людей, и умножить родъ человѣческій во славу Божію; имѣя въ виду, что не каждая женщина плодовита, что не во всякое время мѣсяца способна къ супружеству и зачатію, что разъ зачавши не должно соприкасаться съ мужемъ, ибо жена берется не для удовлетворенія страсти, а ради пріобрѣтенія потомства и что она можетъ зачать даже болѣе одного младенца сразу, какъ это видно изъ примѣра Ѳамари и Ревекки; въ виду всѣхъ этихъ причинъ татары, высоко цѣня мужескую силу и не желая растрачивать ее безъ нужды, слѣдуя указаніямъ природы и похвальному обычаю древнихъ людей, явствующему изъ библіи, имѣютъ каждый по нѣсколько женъ. Отъ этихъ браковъ они пріобрѣтаютъ болѣе силъ противъ насъ, имѣютъ большее число сыновей и родственниковъ; чѣмъ больше у нихъ женъ, тѣмъ больше они ими любимы и супружества ихъ тѣмъ счастливѣе; они не ищутъ ни большаго приданаго за невѣстами, ни красоты, ни знатности рода, такъ что даже высшіе сановники берутъ женъ изъ числа купленныхъ ими невольницъ.

Между тѣмъ наши, поступая противно обычаямъ древнихъ святыхъ людей, слѣдуя внушеніямъ животной природы (да не оскорбятся этими словами благочестивые слушатели) подходятъ иногда многіе къ одной женщинѣ, не разсчитывая получить отъ такой связи ни родства, ни дружбы, ни потомства и не боясь Бога; они ищутъ приданаго и красоты, которою гордятся женщины и посредствомъ которой привлекаютъ и подчиняютъ себѣ мужей; женщины заботятся не столько о своей непорочности, сколько о богатствѣ и красотѣ, поэтому они и сочиняютъ ложную молву о своей зажиточности и красятъ себѣ лицо. Эти нравы особенно развились среди нашего народа послѣ обнародованія извѣстнаго законоположенія литовскаго статута (Раздѣлъ IV, артикулъ 7), по смыслу котораго въ приданое дочерямъ назначается опредѣленная доля наслѣдства [1]). Послѣ

---

[1]) Въ двухъ первыхъ редакціяхъ статута названный артикулъ гласитъ: „Сколько приданаго назначитъ отецъ одной дочери, столько же должны получить и остальныя. А по смерти отца четвертая часть его имущества должна отойти въ пользу дочерей, будетъ ли у него одна дочь или нѣсколько“.

этого женщины сдѣлались надменными, начали пренебрегать добродѣтелью, оказались строптивыми по отношенію къ опекунамъ, родителямъ и мужьямъ и стали подготовлять преждевременную смерть долго живущимъ.

Благодаря обычаю многоженства сосѣди наши, перекопскіе татары, которыхъ такъ много погибаетъ въ войнахъ съ нами, постоянно возрождаются снова. Не такъ давно въ войскѣ Осламъ-султана красовался среди его вассаловъ отрядъ, состоявшій изъ сорока родныхъ братьевъ, это были крѣпкіе люди, сыновья нѣкоего Омельдеша, случайно родившіеся въ одинъ годъ, въ теченіи одного мѣсяца отъ его женъ и наложницъ. И въ нашей странѣ, на берегу рѣки Ваки [1]) есть многолюдное татарское село, издавна называемое селомъ сорока татаръ, т. е. сорока братьевъ. Существующій у татаръ обычай покупки невѣстъ былъ нѣкогда и у израильтянъ, какъ видно изъ книги Бытія (глава 29) и изъ 1-й книги Царствъ (глава 18) [2]).—И у нашего народа уплачивали нѣкогда за невѣсту ея родителямъ условленную цѣну, которая у жмудиновъ называлась *крено*. Теперь же мы сами себя продаемъ женамъ за приданое и дѣлаемся ихъ рабами, отыскивая себѣ знатное родство.

Ни татарѣ, ни москвитяне не даютъ воли своимъ женамъ. У нихъ есть поговорка: „кто даетъ свободу женѣ, тотъ отымаетъ ее у себя". Ихъ женщины не имѣютъ личной правоспособности, между тѣмъ какъ у насъ иныя господствуютъ надъ многими мужчинами, владѣя селами, городами и волостями, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія потомственно. Объятыя страстью господствовать онѣ живутъ разнузданно подъ видомъ дѣвства или вдовства; обременя-

[1]) Рѣка Вака, правый притокъ Виліи, протекаетъ по трокскому уѣзду, виленской губерніи. На берегу этой рѣки в. к. Витовтъ поселилъ въ началѣ XV ст. плѣнныхъ татаръ, даровавши имъ земли и дворянскія права и возложивши на нихъ обязанность военной службы.

[2]) Книга Бытія, гл. 29, ст. 20. „И работа Іаковъ за Рахиль седмь лѣтъ".

Книга I Царствъ, гл. 18, ст. 27. „Возста Давидъ и иде самъ и мужи его съ нимъ и оуби отъ иноплеменникъ двѣсти мужей и принесе краеобрѣзанія ихъ царю и вдаде я ему, и бысть зять царю и вдаде ему царь Мелхолу дщерь свою въ жену".

ютъ своихъ подданныхъ, однихъ преслѣдуя ненавистью, другихъ возвышая и истощая слѣпою любовью. Какъ сказано въ Екклезіастѣ (гл. VII, ст. 27): „реку: горчайшу паче смерти жену“ и точно, нѣтъ ничего злѣе ея гнѣва.

Хотя власть женщины позорна даже внутри частнаго дома, тѣмъ не менѣе онѣ начальствуютъ у насъ въ крѣпостяхъ даже пограничныхъ съ предѣлами московскими, турецкими, татарскими и молдавскими, которые должно было бы поручать только мужамъ великой храбрости. Не напрасно предки вашего величества не дозволяли женщинамъ получать крѣпости по наслѣдству и располагали въ такихъ случаяхъ браками наслѣдницъ по своему, а не по ихъ усмотрѣнію, выбирая имъ въ мужья людей, знаменитыхъ не богатствомъ и не знатностью рода, но прославившихъ себя пролитіемъ какъ своей, такъ и непріятельской крови. Эти богатырскія жены отдавались въ замужество даже за отличившихся на войнѣ пастуховъ, которые назывались *Саконы* и *Сунгайлоны*.

Сокращеніе осьмаго отрывка.

Многіе, даже изъ простаго народа, прельстившись этими наградами, дѣлались хорошими воинами; съ ихъ помощью предки вашего величества широко раздвинули предѣлы своихъ владѣній, такъ что еще понынѣ можно наблюдать слѣды ихъ завоеваній въ Тавридѣ, въ Московіи и другихъ странахъ. И понынѣ именами Гедымина и Витовта называются тамъ нѣкоторыя укрѣпленія, холмы, колодцы, мосты, дороги, рвы, городища и стѣны, разгромленныя впослѣдствіи пушками туземцевъ, или разрушенныя оружіемъ самихъ литовцевъ. Тогда наша молодежь не коснѣла въ бездѣйствіи и праздности, но прилежно упражнялась въ военномъ дѣлѣ, по примѣру своихъ предковъ римлянъ; для объявленія войны они не выжидали ни тяжкой обиды отъ врага, ни удобной лѣтней погоды, но вчинали войну за маловажное, даже частное оскорбленіе, нанесенное подданнымъ нашего государства. Не разъ они, уже къ празднику св. Пасхи достигали Москвы, столицы московскаго княжества и тамъ

заключали договоры со смирившимся непріятелемъ. Теперь же намъ страшенъ московскій князь, такъ какъ онъ безпрерывно упражняетъ свой народъ въ военномъ искусствѣ, не дозволяетъ никому по долгу оставаться дома, но посылаетъ всѣхъ поочередно охранять границы государства. Враги наши татары осуждаютъ нашу надменную безпечность и насмѣхаются надъ нами, погруженными въ сонъ послѣ пиршествъ, слѣдующею распространенною у нихъ бранною поговоркою: „ты спишь, Иванъ! а я долженъ трудиться—вязать тебя".—Въ настоящее время нашихъ воиновъ больше гибнетъ въ корчмахъ отъ взаимныхъ убійствъ, чѣмъ отъ непріятелей, такъ часто опустошающихъ наше отечество. Они могли бы вести болѣе успѣшную борьбу, если бы отправлялись для упражненія въ военномъ дѣлѣ въ степи, на границахъ Подоліи и Кіевщины и вступали тамъ въ состязаніе съ трезвымъ и предпріимчивымъ врагомъ; тогда они вскорѣ изъ новобранцевъ превратились бы въ опытныхъ воиновъ и многіе могли бы достигнуть повышенія; не нужно было бы искать внѣ отечества лицъ, способныхъ занять обязанности полководцевъ.

Предки вашего величества не пренебрегали своими подданными, которые естественно и по необходимости должны были храбро сражаться и умирать для защиты законовъ и отечества. И двоюродный братъ вашего величества, венгерскій король Людовикъ, если бы предпочелъ иностранцамъ своихъ единоземцевъ, не подвергся бы презрѣнію во время похода, не былъ бы оставленъ въ битвѣ и растоптанъ во время бѣгства [1]). Дѣдъ его и вашего величества, блаженной памяти король Казиміръ испыталъ вѣрность своихъ подданныхъ въ битвѣ съ крестоносцами у Хойницы въ Пруссіи, въ которой онъ исполнилъ

---

[1]) Сигизмундъ Августъ Сигизмундовичъ и венгерскій король Людовикъ II Владиславовичъ были внуками Казиміра Ягайловича; Людовика II (1516—1526) венгерцы упрекали въ томъ, что онъ окружилъ себя иноземцами: поляками, чехами, мораванами и силезцами, исключительно довѣрился имъ и устранилъ отъ двора венгерцевъ. Во время нашествія турокъ на Венгрію въ 1526 г. венгерскіе магнаты относились къ королю съ пренебреженіемъ, не повиновались его приказаніямъ и противодѣйствовали его планамъ. Кампанія закончилась битвою у Могача, 29 августа 1526 г., въ которой венгерская армія была уничтожена; спасаясь бѣгствомъ, король завязъ въ болотѣ и былъ раздавленъ массою безпорядочно толпившихся бѣглецовъ.

долгъ хорошаго воина и вождя. Когда войско его пришло въ разстройство и самъ онъ изнемогалъ отъ трудовъ и тяжести оружія на раненомъ конѣ, его тотчасъ заслонили густыми рядами воины нашего народа, подали ему другаго коня и, пробившись сквозь ряды враговъ, избавили отъ предстоявшей опасности [1]).

Слѣдуя этому правилу, москвитяне никогда не упражняютъ у себя въ военномъ дѣлѣ и не обогащаютъ своими деньгами иностранцевъ, которые во всякое время могутъ оставить страну, а стараются поощрять своихъ единоземцевъ къ усердной и постоянной службѣ, заботясь не столько объ уплатѣ имъ жалованья, сколько объ увеличеніи ихъ наслѣдственныхъ помѣстій.

Въ настоящее время воины нашего постояннаго войска, охраняющаго границы, хотя щедро награждаются помѣстьями, освобождены отъ всякихъ повинностей и податей и пользуются разными другими привилегіями военнаго сословія, но пренебрегаютъ этими льготами и предоставляютъ и военныя упражненія, и защиту отечества перебѣжчикамъ москвитянамъ и татарамъ. Поэтому то мы и принуждены уплачивать ежегодно подарки царю перекопскому. Между тѣмъ наша литовская и жмудская молодежь была бы пригоднѣе для войны, какъ вслѣдствіе врожденной храбрости, такъ и по крѣпости тѣлосложенія и стойкосте нрава. Однако наши правители не обращаютъ вниманія на то, что государство ослабѣваетъ отъ праздности и что для юношей здоровѣе служить въ войскѣ, нежели оставаться дома.

---

[1]) Битва у Хойницъ происходила 18 сентября 1454 г.; вслѣдствіе неопытности польскихъ полководцевъ и охватившей войско паники поляки потерпѣли крупное пораженіе. Король Казиміръ, тщетно пытавшійся остановить бѣгущихъ, былъ окруженъ врагами; его съ большимъ трудомъ спасли литовцы, окружившіе его густою толпою и рѣшившіеся, по предложенію Олехна Судимонтовича, умереть, защищая его; имъ удалось пробиться сквозь ряды крестоносцевъ, но при этомъ всѣ, за исключеніемъ шести человѣкъ, пали въ битвѣ. Въ дальнѣйшемъ бѣгствѣ раненый конь короля завязъ въ болотѣ, между тѣмъ враги приближались, тогда нѣкто Богданъ Волъ (родоначальникъ знатнаго впослѣдствіи рода Воловичей) передалъ королю своего коня, а самъ, по поясъ увязши въ тинѣ, разсыпалъ вокругъ себя всѣ стрѣлы изъ колчана и поспѣшными, но мѣткими выстрѣлами изъ лука успѣлъ удержать погоню. (Gołembiowski—Dzieje Polski za panowania Jagiellonów т. III, стр. 102—104. Лѣтопись Быховца стр. 59).

Отрывокъ девятый.

Въ Литвѣ одно лицо занимаетъ по десяти должностей, тѣмъ самымъ устраняя другихъ отъ ихъ исполненія; московскій же князь соблюдаетъ равенство между своими, не предоставляя одному лицу многихъ должностей. Управленіе одною крѣпостью и то лишь на одинъ, много на два года поручается совмѣстно двумъ воеводамъ и двумъ дьякамъ, дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы бояре, поощряемые надеждою на полученіе воеводства, ревностнѣе служили своему князю и чтобы воеводы мягче относились къ подчиненнымъ, въ виду предстоящаго имъ отчета и суда. Ибо чиновникъ, осужденный за взятки, обязанъ сражаться въ поединкѣ съ пострадавшимъ, хотя бы тотъ былъ и простаго званія; хотя обвиненному и дозволяется подставить вмѣсто себя другое лице на поединокъ, но если замѣститель его будетъ побѣжденъ, то пеню платитъ самъ обвиненный. Вслѣдствіе этого при дворѣ не такъ часто слышатся жалобы на притѣсненія.

Разсудительность этого варвара не менѣе проявляется и въ веденіи хозяйства; онъ до такой степени не пренебрегаетъ ничѣмъ, что продаетъ *полову*, сѣно и солому; на пирахъ его выставляютъ большія золотыя и серебряныя чаши, которыя называютъ соломенными [1]), потому что тѣ пріобрѣтены за деньги, вырученныя за проданную солому.—Осторожная раздача воеводствъ приноситъ еще ту пользу, что тѣ, кого князь посылаетъ защищать предѣлы своего государства, исполнять общественныя дѣла, или отправлять самыя дальнія посольства, выполняютъ всѣ эти порученья не на полученныя отъ князя средства а на собственный счетъ и, если исполнятъ все согласно волѣ и намѣреніямъ князя, то вмѣсто жалованья получаютъ въ награду не деньги, а должности, о которыхъ было сказано выше. Подобный обычай существовалъ у римлянъ, какъ это видно изъ словъ евангелиста Луки, въ дѣяніяхъ апостоловъ

---

[1]) Трудно угадать, какой терминъ имѣлъ въ виду авторъ, говоря о соломенныхъ чашахъ; можетъ быть, это ошибка, основанная на неправильномъ толкованіи слова „солонка“.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

къ „Наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 года“ [1]).

[1]) Такъ какъ документы печатались не съ подлинниковъ, а съ копій, то нерѣдко одно и то же имя въ разныхъ мѣстахъ пишется различно, въ указателѣ такія разночтенія указаны въ скобкахъ или, если различны и начальныя буквы, то при каждомъ такомъ имени сдѣланы соотвѣтственныя указанія. Приводимъ главнѣйшія сокращенія: абш.—абшитованный; ас.—асаулъ; атм.—атаманъ; арт.—артиллеріи; бурм.—бурмистръ; б.—бунчуковый; в.—войсковой; вз.—возный; ген.—генеральный; гр.—гродскій; зем.—земскій; з.—значковый; канц.—канцеляристъ; кз.—козакъ; ком.—коморникъ; комп.—компанейскій; лавн.—лавникъ; мщ.—мѣщанинъ; пис.—писарь; пов.—повѣтовый; подк.—подкоморій, подкоморскій; подс.—подсудокъ; полк.—полковой; сотн.—сотникъ; сот.—сотенный; суд.—судья; т.—товарищъ; хрж.—хорунжій; цехм.—цехмистръ.

М.

Н.

Въ вышедшихъ 1—9 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Θ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Θ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Θ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн. Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Θ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній по Малороссіи **Акад К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Θома Падурра. (Критическій очеркъ). **Равиты.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Θ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М, М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н, Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Θ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Θ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша, Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г.

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф **А И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Θ. Г. Мищенка, проф. Н. И Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Θ. Н.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тя-

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVI. 1889 годъ

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Въ вышедшихъ 1—9 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета** —Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** —На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн. Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній по Малороссіи **Акад К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). **Равиты.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ап. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша, Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г.

Для справокъ. Столбцы, прип. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печатн. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—

Дозволено цензур. Кіевъ, 31-го Августа 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

Сентябрь.

1889 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОѢЗДКАХЪ ПО МАЛОРОССІИ.

Съ отраднымъ чувствомъ мысленно переношусь въ прошлое, въ 50-е и 60-е года, вспоминаю свои поѣздки по Малороссіи съ художественной цѣлью,—когда въ этомъ чудесномъ краѣ существовали довольство, простота и радушіе, когда хранились еще въ народѣ старые патріархальные обычаи и своеобразные, живописные костюмы, существовало чумачество и когда на каждомъ шагу можно было встрѣтить слѣпого бандуриста, воспѣвавшаго прошлое своей родины въ думахъ и пѣсняхъ, а затѣмъ переходившаго къ удалой веселой пѣснѣ, подъ звуки которой съ невыразимымъ увлеченіемъ молодежь пускалась въ бѣшеный плясъ, а на лицахъ стариковъ и старухъ появлялась веселая улыбка. Все было такъ красиво и чувствовалось, что народу, строго хранившему свои обычаи и вѣковые завѣты, несмотря ни на что, жилось все таки хорошо и привольно. Малороссійскія деревни и хутора производили чарующее впечатлѣніе, а внутренность бѣлыхъ хатъ поражала чистотою и опрятностью. И теперь, конечно, въ Малороссіи много сохранилось отъ прежняго, но многое и утрачено. Старинныя чудесныя пѣсни вытѣснены солдатскими или еще хуже—фабричными, бабы и дивчата, вмѣсто живописныхъ плахтъ и корсетовъ, надѣли уродливо сшитыя платья и „польты",—мужчины надѣли поддевки и картузъ, вмѣсто бѣлыхъ свитъ и шапокъ, а бандуру замѣнила гармонія. Только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, куда еще не достигла такая „цивилизація", сохранилось кое что отъ старины.

Поѣздки свои я обыкновенно совершалъ на своихъ лошадяхъ, въ тарантасѣ, ѣхалъ не спѣша, останавливаясь въ мѣстахъ, гдѣ находилъ что нибудь интересное. Случалось, ночью я встрѣчалъ таборъ чумаковъ, остановившихся на ночлегъ,—мѣсяцъ ярко освѣщалъ множество *хуръ* (подводъ), вдали паслись волы, вокругъ костра лежали и сидѣли чумаки, варили кулишъ. Костеръ ярко освѣщалъ близьлежащихъ чумаковъ, слабѣе были освѣщены возы еще слабѣе пасущіеся волы и затѣмъ все тонуло въ ночной мглѣ. Чумаки или отправлялись въ Крымъ за солью, или возвращались оттуда. Во всякомъ таборѣ былъ непремѣнно хоръ и одинъ изъ чумаковъ выбирался въ регенты. И эти чудныя пѣсни, исполнявшіяся большею частію баритонными голосами, и эти живописныя картины—дѣйствовали такъ обаятельно на душу.

Присаживался я къ костру и чумаки всегда радушно предлагали мнѣ раздѣлить съ ними трапезу и угощали горилкой,—и какая чудесная тогда была водка!

Если я узнавалъ, что въ какомъ нибудь городкѣ или селѣ была ярмарка, то непремѣнно направлялся въ этотъ городокъ или село—и всякій разъ находилъ множество интересныхъ сценъ и типовъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ я направился въ г. Гадячъ, полтавской губ., гдѣ долженствовала открыться ярмарка 29 іюня „на Петра“. За нѣсколько верстъ передъ городомъ мнѣ стали попадаться пѣшіе и конные жители окрестныхъ селъ. Все это стремилось въ городъ продавать, покупать, погулять и потолкаться среди народа. Медленно тащились возы, запряженные большею частію волами, и нагруженные бабами и дивчатами съ веселыми лицами,—мужики большею частію шли около возовъ, покрикивая на воловъ. Дорога была песчаная, по сторонамъ тянулся невысокій лѣсъ, въ концѣ его дорога упиралась въ рѣку Пселъ, а за рѣкой на горѣ показался весь утопающій въ зелени Гадячъ. Видъ былъ очень красивый, но гармонія его нарушалась только возвышавшимся среди города безобразнымъ зданіемъ острога. Взобравшись на гору, мы съ трудомъ пробрались чрезъ толпу народа, между возовъ и палатокъ, до постоялаго двора, гдѣ я нашелъ просторную, чистую комнату. Стѣны ея были чисто выбѣлены мѣломъ, скамьи и столъ вымыты, а на толстой балкѣ огромными буквами были написаны какія то изреченія изъ св. писанія.

Поѣвши отличнаго борщу и еще чего то, я тотчасъ же отправился бродить по ярмаркѣ и сдѣлавши нѣсколько шаговъ, наткнулся на прелестную сцену: малорусская дѣвушка, поразительной красоты,—что то объясняла мимикой стоящей передъ ней бабѣ (она оказалась глухо-нѣмой); всѣ ея движенія были такъ натурально красивы, что я долго не могъ оторвать глазъ отъ этой картины, мнѣ ужасно захотѣлось нарисовать лицо этой дѣвушки, но какъ я не упрашивалъ ее, предлагая хорошую плату, она ни за что не согласилась мнѣ позировать.—Около насъ образовалась кучка народа, и жиды накинулись съ бранью на мою красавицу за то, что она не согласилась на мое предложеніе, и дивились, какъ это она не польстилась на предлагаемыя ей деньги.

Нагулявшись вдоволь по ярмаркѣ, накупивъ себѣ костюмовъ, я зашелъ на свою квартиру, гдѣ и зачертилъ въ свой альбомъ видѣнныя мною сцены. Затѣмъ, захвативъ съ собою альбомъ, я отправился на окраины города. Городъ былъ окруженъ гористою мѣстностью, покрытою лѣсомъ, въ ярахъ текли ручейки, тамъ и сямъ были разбросаны хатки, окруженныя маленькими садиками, около хатокъ были насажены цвѣты: мальва, георгины

и вился королевъ цвѣтъ,—а внизъ, къ ручью бѣжали узенькія дорожки. Кругомъ была тишина невозмутимая, такъ какъ всѣ обитатели этихъ хатъ отправились на ярмарку. Ничто не мѣшало мнѣ сидѣть, разглядывать окружающую меня природу—и чертить въ альбомъ. Одна изъ хатокъ привлекла особенно мое вниманіе, и я сталъ ее срисовывать. Черезъ нѣсколько времени въ воротахъ показалась баба, удивленно посмотрѣла на меня, и тотчасъ же скрылась. Затѣмъ эта баба, сидя верхомъ на лошади, выѣхала со двора и стремглавъ куда то поскакала. Потомъ я узналъ, что она отправилась къ своему мужу, на пасику, чтобы сообщить ему, что „якійсь то панъ" сидитъ противъ ихъ хаты, и пишетъ, и нѣтъ ли тутъ „якого лыха".

Окончивъ рисунокъ, я направился обратно на свою квартиру. Проходя мимо воротъ какого то двора, я увидалъ, что, оперши сь на ворота, стояла какая то полная женщина, повидимому мѣщанка, такъ какъ она была одѣта въ платье и волосы ея были зачесаны „у *пучку*". Особа эта обратилась ко мнѣ съ словами: „Здраствуйте, будте здоровы!"—Отвѣтивъ на ее привѣтствіе поклономъ, я хотѣлъ идти далѣе,—но она снова обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „Что се вы дѣлаете?" Я отвѣтилъ, что гуляю, рисую.—„На що же вы—это рисуете?", снова спросила она меня. Я отвѣчалъ, что такъ мнѣ надо,—и хотѣлъ идти. Но не тутъ то было. Особа стала меня упрашивать зайти къ ней въ хату, отдохнуть и закусить. Я долго отказывался, но она просила такъ любезно и настойчиво, что я наконецъ согласился зайти, имѣя при этомъ въ виду найти что нибудь интересное во внутренней обстановкѣ жилища. Когда я вошелъ въ домъ, то увидѣлъ тамъ какого то господина въ вицъ-мундирѣ, шагавшаго по комнатѣ и курившаго изъ длиннѣйшаго чубука, пыхтя и пуская клубы дыма. При моемъ появленіи, господинъ какъ то подозрительно взглянулъ на меня, почти не поклонился, и продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Хозяйка, поставивши на столъ, покрытый чистой скатертью, пироги, колбасы, огурцы, паляницы и графинчикъ водки, стала усердно угощать меня, болтая безъ умолку. Чиновникъ все пыхтѣлъ, дымилъ, и по временамъ бросалъ на меня свирѣпые взгляды. Чрезъ нѣсколько времени, онъ какъ то разомъ остановился

противъ меня, и хрипливымъ голосомъ спросилъ, чѣмъ это я занимаюсь, и что это за книжка, которую я принесъ съ собою. Я отвѣчалъ ему тоже, что и хозяйкѣ, продолжая съ аппетитомъ уплетать колбасу, пирогъ и огурцы. „А есть ли у васъ, милостивый государь, паспортъ?“ еще болѣе свирѣпо спросилъ меня, чиновникъ. Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ меня, такъ что я даже поперхнулся. Паспорта у меня не было. Въ тѣ времена, о которыхъ пишу, было проще и на ѣздившихъ на своихъ лошадяхъ помѣщиковъ не обращали большаго вниманія, но все же при поѣздкѣ въ сосѣднія губерніи всякій обязанъ былъ брать какой нибудь видъ. Для меня стало ясно, что этотъ чиновникъ, вѣроятно служащій въ полиціи, имѣлъ виду, въ случаѣ если у меня паспорта не окажется, получить отъ меня въ свою пользу какую нибудь сумму. Я былъ смущенъ, но все же сказалъ ему, что показывать свой видъ я не обязанъ всякому—и не знаю, кто онъ такой и имѣетъ ли онъ право дѣлать мнѣ такіе вопросы. Господинъ возражалъ мнѣ, что много шатается всякаго народу, подозрительныя бываютъ, и поджигатели, и всякія темныя личности, и что всякій гражданинъ обязанъ содѣйствовать правительству въ поимкѣ вредныхъ людей и пр., и наконецъ сталъ указывать мнѣ тѣ печальныя послѣдствія, которымъ подвергается всякій путешественникъ, не имѣющій при себѣ никакого вида. Я довольно храбро сказалъ ему, что паспорта не покажу и прошу его не мѣшаться не въ свое дѣло. Однако въ душѣ я сталъ очень безпокоиться какъ бы не вышло какой нибудь непріятности. Но вдругъ я вспомнилъ, что въ моемъ альбомѣ, случайно былъ мой заграничный паспортъ, въ который была завернута рисовальная бумага, и мнѣ пришло въ голову воспользоваться этимъ документомъ въ моемъ критическомъ положеніи. Въ то время заграничные паспорты были большаго размѣра, на цѣломъ листѣ писчей бумагѣ на одной половинѣ было напечатано на русскомъ языкѣ, а на другой на нѣмецкомъ, имя, фамилія и все что слѣдуетъ.—Идея воспользоваться этимъ видомъ меня очень ободрила, и я тотчасъ перемѣнилъ тонъ изъ смиреннаго въ вызывающій.— „Что вы ко мнѣ придираетесь“, сказалъ я ему, „я можетъ быть командированъ начальствомъ и исполняю какое нибудь важное

порученіе". Но мой чиновникъ нисколько не смутился, и мои слова не произвели на него никакого впечатлѣнія; съ усмѣшкой онъ возразилъ мнѣ, что лица, посылаемыя начальствомъ, ѣздятъ въ каретѣ и о пріѣздѣ ихъ въ данное мѣсто знаютъ заранѣе,— что ихъ встрѣчаютъ и провожаютъ мѣстные чиновники и что они не бродятъ по захолустьямъ, съ какими то книжками—можетъ быть недозволенными.—„Ну, хорошо" сказалъ я ему, „я вамъ покажу часть своего паспорта, ту часть, гдѣ значится мое званіе и фамилія, а другую часть, гдѣ обозначено порученное мнѣ дѣло, я вамъ показать не могу—это секретъ"; при этомъ я сунулъ ему подъ носъ сперва то мѣсто, гдѣ значилась моя фамилія, а затѣмъ другое, гдѣ была огромная печать. Печать эта такъ поразила моего преслѣдователя, что онъ тотчасъ перемѣнилъ со мною обращеніе сдѣлался любезенъ, извинялся и принялся угощать меня вмѣстѣ съ хозяйкой. Но, несмотря на такой, повидимому благопріятный, исходъ изъ затруднительнаго положенія, я поспѣшилъ распрощаться съ хозяйкой, отправился на свою квартиру, немедленно велѣлъ запрягать лошадей и уѣхалъ изъ Гадяча, чѣмъ, можетъ быть, избѣгнулъ непріятности посидѣть подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не разъяснилась бы моя благонамѣренность.

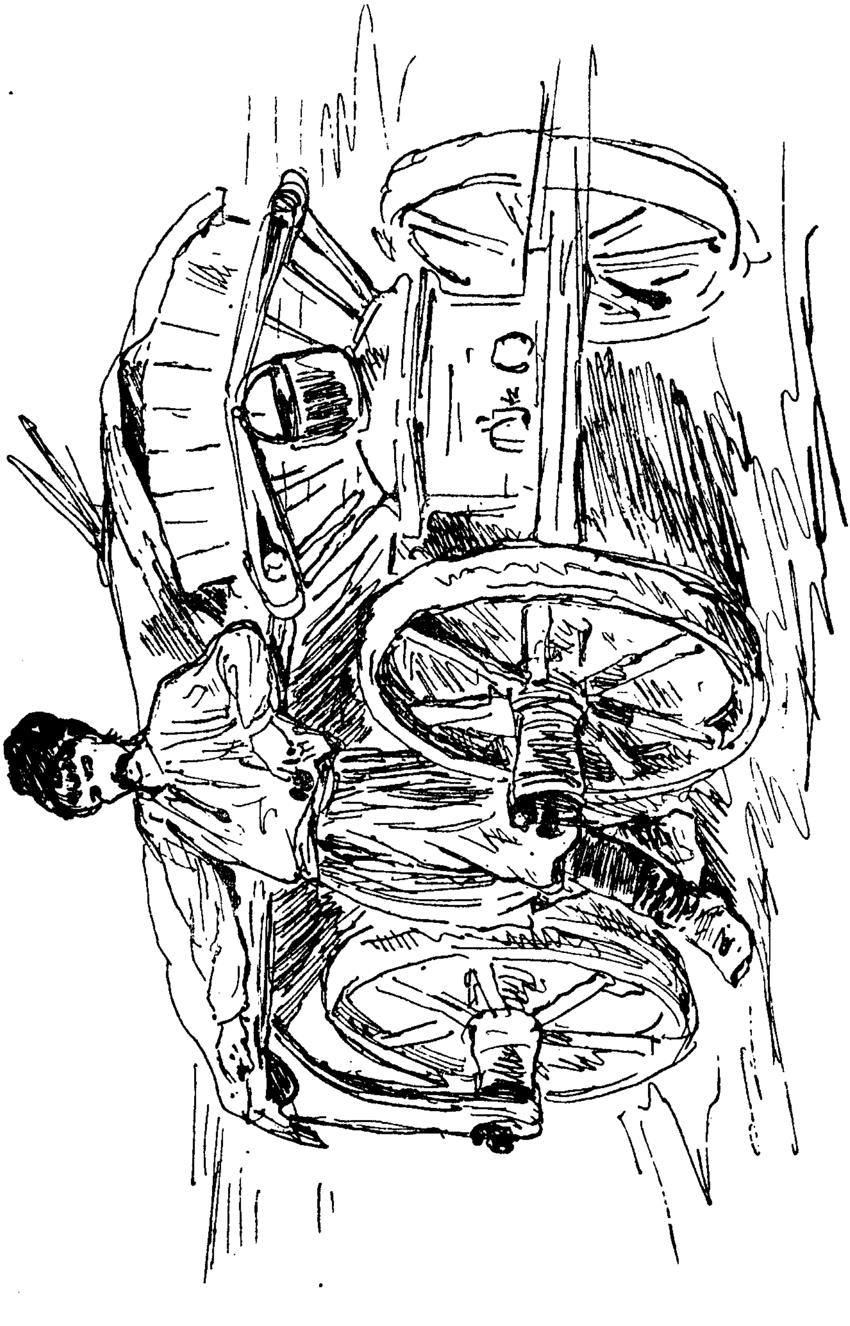
Иногда, въ лѣтнее время, я проживалъ у моей сестры, близь г. Сумъ, харьковской губ., въ д. Ольшанкѣ. Деревня эта расположена въ живописной мѣстности, на берегу р. Пели. Усадьба выстроена на площадкѣ, среди вѣковаго лѣса, на нѣкоторой возвышенности, у подножія которой находится другая усадьба, окруженная прудами,—а за прудами опять стоитъ вѣковой лѣсъ. Въ полуверстѣ отъ усадьбы, высятся мѣловыя горы, изъ которыхъ добывается мѣлъ, и въ построенныхъ здѣсь же заводахъ выжигается известка (вапна). Такъ какъ въ сосѣднихъ уѣздахъ полтавской и черниговской губерній, известковыхъ заводовъ не было (нѣтъ и теперь), то изъ этихъ уѣздовъ, съ весны наѣзжала масса чумаковъ, за известью. Нѣкоторымъ приходилось долго ожидать очереди, чтобы забрать известь,—и тогда они располагались цѣлымъ таборомъ близь заводовъ, и пускали своихъ воловъ пастись на обширномъ лугу близь Пели. Какой интересный матеріалъ представляли эти чумаки, волы, возы—и

какіе интересные типы попадались на каждомъ шагу! Высокій, стройный, загорѣлый, съ важной осанкой, въ широчайшихъ шароварахъ, пропитанныхъ дегтемъ, чумакъ такъ и просился на полотно.—Я конечно всегда обращался къ такому чумаку съ просьбой позволить нарисовать его; но не такъ то скоро можно было добиться его согласія позировать. Недовѣрчиво относился онъ къ моей просьбѣ, и долго допытывался отъ меня, зачѣмъ, да почему пришла охота рисовать. Не очень то соблазняло его и обѣщаніе заплатить за то, что онъ посидитъ передо мной—и когда наконецъ онъ соглашался исполнить мое желаніе, то рѣдко бралъ за это плату, но за то непремѣнно требовалъ, чтобы я съ нимъ выпилъ „по чарци горилки". Не разъ мнѣ случалось слышать отъ чумака, когда онъ собирался выпить чарку—слѣдующую поговорку: „чарко моя, чупурушко, я тебе выпью, моя душко, я тебе выпью та не вылью; я съ тобою, чарочко, погуляю якъ билая рыбочка по Дунаю"—и затѣмъ „бувайте здоровы, хай вамъ легенько згадается".

Случалось, что я приглашалъ чумака въ домъ, также съ цѣлію рисовать его, и подмѣтить его жесты, движенія, въ то время, когда онъ будетъ разговаривать.—Входилъ онъ, обыкновенно въ комнату важно, на лицѣ его не выражалось удивленія при видѣ непривычной для него обстановки, садился на стулъ или диванъ совершенно свободно, и какъ будто не обращалъ ни на что никакого вниманія. Сестра моя и зять старались занять его разговоромъ, а я въ это время располагался гдѣ нибудь поодаль и рисовалъ.—Чумакъ, повидимому, и не замѣчалъ, что я его рисую, а между тѣмъ онъ все видѣлъ,—и когда я оканчивалъ рисунокъ, то онъ обыкновенно обращался ко мнѣ съ словами: „хиба я не бачивъ шо ты робывъ, а ну, покажъ, якъ ты мене намалювавъ".

Однажды, приглашенный такимъ образомъ чумакъ цѣлый вечеръ занималъ насъ разсказами, и что это были за разсказы! сколько тутъ было неподражаемаго юмора и картинности въ описаніяхъ!—Еслибы возможно было эти разговоры стенографировать, то они составили бы драгоцѣнный матеріалъ народнаго творчества, и талантливыя импровизаціи — но увы, все это пропадало безслѣдно. У Марка-Вовчка въ его „Народныхъ опо-

виданяхъ" есть изъ чумацкаго быта нѣсколько разсказовъ, напоминающимъ тѣ разсказы, которые мнѣ приходилось слышать изъ устъ чумаковъ.



Разъ, когда я бродилъ по чумацкому табору, вниманіе мое было привлечено нѣсколькими хурами (возами), рѣзко отличавшимися отъ прочихъ,—возы эти были крупнѣе другихъ, нѣкоторыя части ихъ были украшены рѣзьбой и покрашены; ярмо также было покрыто рѣзьбой. Облокотившись на возъ стоялъ высокій статный чумакъ, въ синихъ шароварахъ и высокой барашковой шапкѣ. — Ужасно захотѣлось мнѣ его нарисовать—такъ онъ былъ весь живописенъ по своей позѣ; я подошелъ къ чумаку, поздоровался;—онъ, неизмѣняя своей позы, приподнялъ шапку и отвѣтилъ мнѣ легкимъ поклономъ; на мою просьбу—постоять въ той позѣ, пока я его нарисую, онъ отвѣтилъ; — „чому жъ, можно—малюй, колы хочешъ"—когда я усѣлся, и сталъ набрасывать рисунокъ въ альбомъ,—чумакъ обратился ко мнѣ со словами: „а я такій же панъ, якъ и ты, дарма, шо чумакую".— Я выразилъ удивленіе и спросилъ, что же заставило его чумаковать. „Да такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, люблю; дома сидѣть наскучаетъ,—да и много всякой погани между людей,—а тутъ идешь много верстъ степью повидишь Крымъ, наберешь соли— и назадъ. Хорошо весной на вольномъ воздухѣ и въ широкихъ степяхъ! нѣтъ бабъ—и вздоровъ меньше".—Все время, пока я рисовалъ его, онъ разсказывалъ мнѣ про свои поѣздки съ большимъ увлеченіемъ.—Мнѣ говорили, что это былъ не единственный примѣръ чумака-пана (изъ мелкопомѣстныхъ).

К. Трутовскій.

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРІИ РАСКОЛА ВЪ СТАРОДУБЬѢ.

(*Окончаніе* [1]).

Упоминаемый Ив. Алексѣевымъ указъ царевны Софьи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Самойловичу, вслѣдствіе котораго раскольники были вытѣснены изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими слободъ, неизвѣстенъ. О немъ упоминаетъ только Ив. Алексѣевъ. По его словамъ, «Софья Алексѣевна пріимши скипетръ царства великороссійскаго» и услышавши о населеніи стародубскихъ слободъ, повелѣла послать указъ къ поименованнымъ властямъ, чтобы они «забѣглые народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ приводили». Раскольники разбѣжались, и только немногіе «къ новодогматствованію приступиша», которые не захотѣли лишиться «стяжанія и домовъ». Попытка снова возвратиться на облюбованныя уже мѣста, по прошествіи нѣкотораго времени, когда повидимому «зѣльность гоненія» стихла, также не имѣла успѣха; потому что «паки отъ того же Симеона гоненіе наста». Въ актахъ «протокула» стародубскаго за 1683 г. мы еще видимъ въ Понуровкѣ двухъ войтовъ изъ раскольниковъ: Ивана Ѳедорова и Ивана Ларіонова [2]). Происхожденіе упомянутаго указа, въ существованіи котораго врядъ ли и можно сомнѣваться, какъ увидимъ ниже, можетъ быть объяснено слѣдующими уже несомнѣнно достовѣрными историческими данными.

Извѣстно, что стрѣлецкіе бунты по кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича были вмѣстѣ и раскольничьими бунтами, такъ какъ имѣлось въ виду «и патріарха и властей поставить, кого изберутъ

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 8, августъ.

[2]) Черниг. губ. вѣдом. 1852 г. №№ 10, 22. Ср. Ист.-ст. оп. черн. еп. VII, стр. 81.

народомъ, которые бъ старыя книги любили»[1]). Это соединенное движеніе стрѣльцовъ и раскольниковъ отозвалось и въ Малороссіи. Русскіе торговые люди производили въ ней тревогу своими разсказами о стрѣлецкихъ возстаніяхъ и расправѣ съ боярами. Пошли и въ Малороссіи толки о томъ, чтобы подняться народу и обобрать значныхъ старшинъ и орандарей, возбудившихъ противъ себя народную ненависть. Были и весьма злонамѣренные толки со стороны русскихъ людей. Путивльскій купецъ Бѣляевъ распускалъ слухи въ городѣ Конотопѣ, что подъ Путивлемъ остановятся тайно царскія войска и будутъ рубить старшинъ козацкихъ. Толки эти своевременно однакоже дошли до гетмана Самойловича: онъ написалъ къ народу успокоительный универсалъ и сообщилъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи боярину Василью Васильевичу Голицыну. Между прочимъ онъ писалъ: «Досадны намъ зѣло неразсудныхъ людей великороссійскихъ слова бездѣльныя, что межъ народомъ нашимъ нерозмышленно вносятъ расколъ, толкуя вездѣ черни тотъ случай, который въ царствующемъ градѣ Москвѣ по допущенію Божію великимъ людемъ учинился, и поведеніе инако изворачивая подкидаютъ допущенія той же черни, чтобъ и здѣсь надъ нами, надъ старшиною, отъ чего Боже сохрани, учинили вредительство; а дѣется то отъ путивльцевъ и отъ иныхъ горожанъ людей торговыхъ». По донесенію его изъ Москвы данъ былъ указъ боярину Петру Ивановичу Хованскому, начальствовавшему бѣлогородскимъ краемъ—подтвердить торговымъ людямъ, чтобъ они подъ опасеніемъ смертной казни не смѣли разсѣевать въ народѣ пустыхъ рѣчей. Это было въ 1682 г.[2]).

Московскія стрѣлецкія и раскольническія движенія отзывались особенно между стрѣльцами Кіева, Переяслава, Чернигова и Батурина. Въ описяхъ столбцовъ кіевскаго повытья за 190—200 гг., составленныхъ въ концѣ XVII в. подъячими малороссійскаго приказа, находятся прямыя указанія на это. Вотъ эти указанія.

«191 г. Отписка изъ Сѣвска Леонтія Неплюева и подъ отпискою гетманскій листъ о посылкѣ подъячаго Василія Баутина въ Кіевъ зъ грамотами отъ возмущенія о уговорѣ стрѣльцовъ московскихъ».

«Отписка изъ Кіева, что приказу Малыя Россіи подъячій Василій Баутинъ посылалъ о уговорѣ отъ смуты московскихъ стрѣльцовъ въ Кіевъ и Переяславль».

---

[1]) Записки Желябужскаго съ 1682 г. по 2-е іюля 1709 г. Спб. 1840. стр. 11.

[2]) А. М. И. Д., св. 59. Письмо Самойловича въ рус. переводѣ, отъ 8-го августа. Универсалъ отъ 16 го іюня 1682 г., въ Акт. зап. Россіи, V, 168.

«Распросные рѣчи капитана Карпа Хлудова, что онъ, будучи въ Кіевѣ, слышалъ московскихъ полковъ отъ стрѣльцовъ, и что ихъ великихъ государей грамоту, которая прислана о измѣнѣ князя Ивана Хованскаго, называли воровскою и подъячаго Василія били».

«Великихъ государей грамота въ Кіевѣ, что посыланъ былъ приказу Малыя Россіи подъячей Василій Баутинъ, изъ села Воздвиженскаго, о измѣнѣ князя Ивана и сына его Андрея Хованскаго, будучи онъ въ Кіевѣ тое грамоту объявилъ и чтена всѣмъ полкамъ вслухъ, и московскихъ разныхъ полковъ стрѣльцы тое грамоту называли воровскою и непристойные слова говорили и подъячего били и въ тюрьмѣ держали, и грамоту къ себѣ взяли, и за то генералу-порутчику, и полковникамъ, и нижнихъ чиновъ начальнымъ людямъ, и рейтарамъ, и солдатамъ, и стрѣльцамъ указъ сказанъ, чтобъ они къ той шатости не приставали и никакова зла не чинили, и они стрѣльцы били челомъ великимъ государемъ, чтобъ въ той винѣ ихъ великіе государи простили, а воровъ и заводчиковъ они выдали, и велѣно тѣхъ стрѣльцовъ держать въ тюрьмѣ до указу, а въ винахъ они прощены» (лл. 46—47)[1]).

Правительство приняло свои мѣры противъ мятежныхъ стрѣльцовъ и раскольниковъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Шакловитый, новый начальникъ стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго, пришелъ къ мысли перебрать всѣ стрѣлецкіе полки, удалить крамольниковъ и оставить въ Москвѣ только такихъ, на которыхъ можно было положиться. Стрѣльцы сомнительной вѣрности, «пьяницы, и зернщики, и всякому злому дѣлу пущіе заводчики и раскольники», исподоволь были переведены въ украинные города. Вмѣстѣ съ разсылкой по городамъ эти мятежные стрѣльцы разносили по государству и ядъ раскола и духъ мятежа[2]). Не мало ихъ потомъ и на всегда поселилось въ стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ.

Еще круче было поступлено съ раскольниками и ихъ предводителемъ попомъ Никитой Пустосвятомъ. Всѣ «неистовые отцы» были перехватаны и выданы властямъ, а Никита Пустосвятъ поплатился даже жизнію: казненъ главы отсѣченіемъ. Другіе взяты были на патріаршій дворъ съ ихъ книгами и тетрадями, разсажены порознь и подвергнуты увѣщаніямъ, отъ смерти же были избавлены

[1]) Кіевскій столъ разряднаго приказа: ст. Н. Н. Оглоблина. Ср. Розыск. дѣло о Ѳедорѣ Шакловитомъ. Изд. арх. ком. т. I. 467—468.

[2]) Докладная выписка 25 декабря 192 г. въ сказаніи Медвѣдева. Тоже и царскій указъ отъ 30 дек. 1683 г. съ боярскимъ приговоромъ объ удаленіи изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ полковъ въ Актахъ арх. эксп. IV, № 280.

Хованскимъ, по настоянію котораго отданы были только архіереямъ подъ крѣпкія начала въ смиреніе: «зане не покаяшася отъ злобъ своихъ». Такимъ образомъ дѣятельность была совершенно парализована въ столицѣ; раскольники присмирѣли и не могли явно ходить по улицамъ царствующаго града, а нѣкоторые должны были даже оставить Москву, скрываться по другимъ мѣстамъ, градамъ и весямъ, тайно распространяя свои прелести [1]).

Успокоивъ волненія въ столицѣ, правительство принялось и за областныя проявленія смутъ, руководясь при этомъ преданіями московскаго государства. Прежде всего посланы были грамоты воеводамъ, чтобъ они поставили крѣпкіе караулы и заставы на перевозахъ «и въ иныхъ причинныхъ мѣстехъ», ловили и разспрашивали на крѣпко бѣжавшихъ съ Москвы стрѣльцовъ, про ихъ товарищей и поноровщиковъ, а отписки присылали въ приказъ. «Сентября въ розныхъ числѣхъ бѣжали съ Москвы изъ разныхъ полковъ надворной пѣхоты многіе люди невѣдомо для чего; а для тайного проходу надѣваютъ на себя деревенскихъ мужиковъ кафтаны сермяжные и иное такое жъ платье, чтобъ ихъ не познали»... Правительство заботилось, чтобы областные жители не вѣрили никакимъ распускаемымъ «прелестнымъ и смутнымъ» словамъ и письмамъ, а властямъ предоставлялось право «то лихое дѣло искоренять по своему разсмотрѣнію». 30-го ноября 1683 г. правительство издало указъ—не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малороссійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по калужской и тульской дорогамъ [2]).

Вскорѣ послѣ окончанія раскольничьяго бунта Никиты Пустосвята, т. е. послѣ 5-го іюля 1682 года, былъ принятъ рядъ энергическихъ мѣръ церковною и гражданскою властями, находившимися тогда въ полной солидарности, и прямо противъ раскола, распространившагося тогда уже далеко и по областямъ. Въ царскихъ указахъ по этому поводу воеводамъ и приказнымъ людямъ ставилось на видъ, чтобы они сыскивали церковныхъ мятежниковъ по городамъ, пригородамъ и уѣздамъ и приводили ихъ въ приказы духовныхъ дѣлъ для вразумленія, употребляя при этомъ, въ случаѣ протеста, и служилыхъ людей; кромѣ того повелѣвалось: тѣхъ изъ мятежниковъ, которые останутся упорными въ своихъ заблужденіяхъ, пытать на-

---

[1]) Увѣтъ, л. 70. Зап. Медвѣдева, стр. 29—30. Зап. Крекшина, стр. 44. Собр. Госуд. гр. IV, № 152, стр. 461.

[2]) Собр. госуд. грам. IV, № 160; Доп. къ Акт. ист. X, №№ 55 и 59; Акт. эксп. IV, № 279; П. С. З. II, №№ 1002 и 1053.

крѣпко, бить на козлѣ кнутами и даже казнить смертію—жечь; а тѣхъ, которые покаются, хотя и отпускать на свободу, но не иначе, какъ «съ поручными записями, чтобы имъ впредь расколу не чинить, и порутчикомъ того за ними смотрѣть; а буде они явятся въ прежней мерзости, а порутчики того смотрѣть за ними не станутъ и въ томъ на нихъ извѣщать не будутъ, и за то имъ быть въ смертной казни, а порутчикамъ въ жестокомъ наказаніи безъ всякаго милосердія. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіереямъ повелѣвалось, чтобы они по всей Россіи старались разыскивать раскольниковъ и предавать ихъ суду. Епископы съ своей стороны разсылали грамоты, чтобы строго слѣдить и записывать, кто ходитъ къ Божіей церкви; отъ нихъ «велѣно приходскимъ попамъ присылать въ судный приказъ росписи за руками», кто именно противникъ церковный, не бываетъ у исповѣди. А если священники имянныхъ списковъ давать не учнутъ, быть отлученными вѣчно отъ священства; а раскольникамъ быть «въ ссылкѣ по монастырямъ и въ заточеніи подъ крѣпкимъ началомъ, доколѣ они отъ упрямства своего отстанутъ и принесутъ истинное покаяніе и раскольничать престанутъ [1]). Мѣры эти завершены статьями 1685-го года, по которымъ раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами; даже раскаяніе и нежеланіе болѣе находиться въ рядахъ раскола не сопровождалось освобожденіемъ отъ наказанія: раскаявшіеся ссылались въ большіе монастыри и содержались тамъ въ великомъ береженіи, за крѣпкимъ карауломъ, подъ надзоромъ искусныхъ старцевъ, и выпускались только послѣ достаточнаго удостовѣренія въ томъ, что они оставили безповоротно раскольническую прелесть. Кто перекрещивалъ другихъ, хотя бы послѣ и раскаялся, подлежалъ смертной казни; подлежали смертной казни безъ всякаго милосердія и проповѣдывавшіе самосожженіе. Наказаніе постигало и тѣхъ, которые или перекрещивались по увлеченію и винились въ томъ безъ всякія противности, или оказывались вообще виновными въ церковной противности, въ недавнемъ времени и при допросахъ показывали, что они то дѣлали по невѣдѣнію, или по какому либо принужденію: таковыхъ подвергали біенію кнутомъ и отсылкѣ ко архіереямъ. Кнутъ, ссылка въ *дальніе города* грозила и тѣмъ, которые тайно держались раскольнической прелести; на мѣ-

[1]) Рукоп. солов. биб. № 20, стр. 329—330. Царская грамота отъ 14 ноября 1682 г. въ Ист. Акт. V, № 100.

стахъ своего невольнаго водворенія они подвергались строгому надзору тамошнихъ воеводъ и приказныхъ людей, обязанныхъ доносить о всякихъ ихъ противностяхъ великимъ государямъ. Кнутъ и батоги грозили и намѣреннымъ покровителямъ раскола и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовали раскольникамъ и ихъ дѣлу. Принимавшіе на поруки противниковъ церкви и не доносившіе о неоставленіи ими упорства церкви подвергались денежной пени въ размѣрѣ 50 руб., а въ случаѣ несостоятельности—ссылкѣ; заявленіе о невѣденіи упорства не освобождало отъ наложенія наказанія на поручителей. Имѣніе раскольниковъ какъ казненныхъ и сосланныхъ, такъ равно и имѣніе ихъ поручителей, ссылаемыхъ по несостоятельности, отписывалось на государей и продавалось по оцѣнкѣ. Таковы по существу указанныя статьи 1685 года противъ раскольниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу соборнаго опредѣленія 1681 года и царскихъ указовъ, въ свое время не приведенныхъ въ дѣйствіе, епархіальныя власти стали теперь требовать отъ воеводъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ выдачи раскольниковъ и приведенія ихъ въ духовные приказы для расправы съ ними, подвергая ихъ или увѣщанію и монастырскому смиренію, по мѣрѣ вины, или предавали гражданскому суду. Такимъ образомъ какъ гражданская, такъ и церковная власть руководились въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ принципомъ смиренія раскольниковъ «прещеніемъ и наказаніемъ». При такихъ условіяхъ раскольникамъ оставался одинъ исходъ: бѣжать на окраины, гдѣ надзоръ за ними все таки былъ слабѣе, или за рубежъ, что раскольники и дѣлали: они появились на всѣхъ окраинахъ государства, даже въ Сибири, и за рубежами—польскимъ и шведскимъ, пробираясь даже въ Турцію. При страшныхъ преслѣдованіяхъ раскольники двинулись на окраины и за рубежъ цѣлыми толпами; оставшіеся въ Россіи сожигались цѣлыми сотнями въ разныхъ мѣстностяхъ [1]). Преслѣдованіе это доходило до страшныхъ размѣровъ, если вѣрить вполнѣ раскольничьимъ показаніямъ. Въ одномъ раскольничьемъ рукописномъ синодикѣ между прочимъ отмѣчено: «Въ Пальѣ Островѣ скончавшихся 1687 г. марта 24,—инока Игнатія, инока Матвѣя... и иже съ ними 2700; на Березовѣ на Волгѣ скончавшихся въ 1687 г. августа 9 инока Германа, инока Ефрема, Ѳотиніи, Евфиміи и всѣхъ иже съ ними скончавшихся 1500». Рукоп. В. М. Ундольскаго, № 161, л. 41—44.

---

[1]) См. Ак. ист. №№ 93, 100—101, 117 и др.

Въ это время эмигрировали не только стрѣльцы и раскольники, но и боярскіе рабы и холопы, такъ какъ стрѣлецкіе бунты имѣли такое же направленіе и возбуждены были одной причиной, какъ и бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Какъ тогда, такъ и теперь была провозглашена свобода боярскимъ людямъ. Это было опасное для государства движеніе, потому что крѣпостное право прямо вытекало изъ развитія силы московскаго государства, и, чтобы сломить его учрежденія, нужно было побороть и уничтожить эту силу. Вотъ почему правительство постаралось энергически прекратить попытки къ свободѣ боярскихъ людей и уничтожить слѣды возникшихъ стремленій (П. С. Зак. 11, № 992). Строгія мѣры правительства въ этомъ отношеніи заставили, конечно, многихъ холоповъ спасаться бѣгствомъ отъ наказанія, какъ видно изъ многихъ строгихъ постановленій относительно бѣглыхъ. Какъ велико было это эмиграціонное движеніе, можно судить по тому, что въ одномъ сѣвскомъ уѣздѣ съ 1682 года «предъ прежнимъ прибыло близко тысячи дворовъ» какъ свидѣтельствовалъ въ своихъ челобитныхъ въ 1690 г. бывшій сѣвскій воевода, именовавшій себя и намѣстникомъ стародубскимъ, Леонтій Романовичъ Неплюевъ. Эти бѣглые холопы, какъ въ это время, такъ и въ послѣдующее, до самой отмѣны крѣпостнаго права, доставляли наибольшій контингентъ для усиленія и укрѣпленія раскола на русскихъ окраинахъ.

Не слѣдуетъ забывать, что въ 1682 г. масса замѣшанныхъ въ московскихъ смутахъ лицъ была сослана въ Малороссію. Въ 1683 г. тотъ же сѣвскій воевода Неплюевъ, по общему совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ, въ бытность свою въ Москвѣ, представлялъ царевнѣ, чтобы сосланные въ Малороссію въ 1682 г. снова были возвращены и награждены, «потому что то разграбленіе и ссылки восприяли безвинно, послѣ того изъ ссылки многіе къ Москвѣ взяты», какъ онъ высказывался въ своихъ челобитныхъ 1690 г. [1]).

Естественно, стало быть, что московскія смуты временъ царевны Софьи Алексѣевны, какъ и послѣдующія конца XVII вѣка, дали значительный контингентъ новыхъ поселенцевъ для Малороссіи и повели къ образованію новыхъ раскольничьихъ слободъ. Такъ, въ 1687 г. поселена была слобода *Воронокъ* или по тогдашней малороссійской терминологіи *Воронецъ* на грунтахъ войсковыхъ товарищей Якова и сына

[1]) Розыск. дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изд. археогр. ком. Спб. 1875. т. I. 462, 470. т II. 539, 580—581, 585—588.

Өедора Рубцовъ, осадчимъ которой былъ великороссіянинъ Игнатій Волкъ, какъ сказано въ румянцевской описи. Въ 1691 году поселена была другая слобода *Деменка*, при р. Деменкѣ, на земляхъ тростанскихъ, по разрѣшенію стародубскаго полковника Михаила Андреевича Миклашевскаго; осадчимъ ея былъ Тимоөей Максимовъ. Въ самомъ концѣ XVII вѣка основаны еще двѣ слободы: одна на грунтахъ бунчуковаго товарища Ивана Лаврентьевича Борозды, при небольшой рѣченкѣ Туроснѣ, въ 50 в. отъ г. Стародуба, это столь извѣстные нынѣ въ промышленномъ отношеніи *Клинцы*; другая, на земляхъ гетмана Ивана Степановича Мазепы, въ черниговскомъ полку, въ лѣсистой мѣстности надъ рѣкою Днѣпромъ,—*Радуль*.

Въ самомъ началѣ XVIII в., въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и отрицательнаго отношенія къ старорусскимъ обычаямъ и преданіямъ, появилось, или, по выраженію того времени, «осѣло» до десятка такихъ раскольническихъ поселеній. Въ 1700 г., по румянцевской описи, осажена была слобода *Лужокъ*, нынѣшніе *Лужки*, при озерѣ Черемошкѣ, на брахловскихъ грунтахъ Игнатія Ильича Рубца (CXVII, вѣдом. войта Фотія Томилина). Въ первой четверти XVIII в. она называлась еще слободкой *Залужьемъ* (Обозр. рум. оп. Мал. IV, 675). Къ тому же времени относится заселеніе двухъ слободъ *Зыбкой* и *Злынки*.

О заселеніи Зыбкой (теперешняго г. *Новозыбкова*) имѣются слѣдующія данныя. Въ 1701 году выданъ былъ полковникомъ Миклашевскимъ фундушевый листъ и высланы были «певнія особы для отведенья и ограниченья на тую слободку грунту, аби тоей слободкѣ поселенія было безъ обиди людской и помежнихъ селецъ». 29 го іюня 1702 г., регентъ войсковой канцеляріи Василій Чуйкевичъ именемъ гетмана Мазепы подтвердилъ произведенное посланными полковникомъ и мѣстными «старинными людьми» ограниченіе назначенныхъ грунтовъ подъ поселеніе, съ тѣмъ, чтобы «Апанасъ Зѣнченокъ и потомки его, подданіе его тожъ и помежнихъ селецъ жители въ опредѣленномъ грунтѣ слобожаномъ не важилися перешкоди чинити и насилія, а зъособна тѣже и слобожани же би не шкодили дереву бортному въ грунтахъ такъ Апанасовихъ Зѣнченковихъ, яко и помежнихъ селецъ вступу не имѣли, перешкоди жадной и наименшой шкоди не чинили, подъ виною рублей двохъ сотъ на ясневелможного добродѣя положенного». Вмѣстѣ съ тѣмъ Чуйкевичъ обязывалъ слобожанъ, «подъ вышеписаною виною неотступкою, аби Зыбкой жители слободскіе столко дуброви, гдѣ ся Зѣнченку подобаетъ у его

грунтѣ, виробили, роспахали и вигноили, якъ широкостю поле отеханное Зѣнченково сягаетъ, зъ которого засѣвъ теперешній озимій забрать Зѣнченку позволяемъ волно, безъ жадной отъ москалей перешкоди, до которого по знятію посѣву южъ Зѣнченко вѣчно неповиненъ будетъ и потомки его интересоваться и нихто съ таможнихъ помижныхъ селецъ жителей вступу въ тое мити неволенъ подъ вишеписанной зарукой» [1]).

Эта новая слобода, по тогдашнему административному раздѣленію, была поселена въ сотнѣ топальской, «на урочищи Зыбкой, между тростянскими и иными сельцами помежними, надъ рѣчкою Корною, у вершинѣ, на дубровѣ», около стариннаго села *Людковщины*. Она была осажена «къ помочи мѣской» и для поселенія ея были высланы «старинные люди изъ сосѣднихъ селъ».

Есть основаніе относить начало поселенія слободы Зыбкой, какъ и Лужковъ, къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1700—1701-й годы. Если вѣрить показаніямъ обывателей—старожиловъ слободы Зыбкой, даннымъ румянцевскимъ ревизорамъ въ 1767-мъ году, относительно времени поселенія ихъ дѣдовъ и отцовъ, то начало поселенія этой слободы нужно относить къ 90-мъ или даже 80-мъ годамъ XVII в. Такъ, братья Гридины показывали, что дѣдъ ихъ «природной» каширскаго уѣзда, крестьянинъ дворцовой жерковской волости, д. Акуловой, «пришолъ въ слободу Зыбкую тому нынѣ 70 лѣтъ». Тоже говорили дѣти Тимоѳѣя Карпова, Евсей и Самсонъ Карповы, равно Никифоръ Ларіоновъ Карповъ, хорошо помня, что первыхъ дѣдъ, а второго отецъ вышли изъ деревни Спѣсивцовой, рыльскаго уѣзда, будучи крестьянами помѣщика Аѳанасія Григорьева Спѣсивцева. Братья Уколовы (4) показывали, что дѣдъ ихъ, будучи посацкимъ человѣкомъ г. Одоева, пришелъ тому назадъ 71 годъ; дѣти Якова Молчанова (3) въ свою очередь показывали, что отецъ ихъ, будучи уроженцемъ ярославскаго уѣзда с. Сеславки, Спасскаго монастыря крестьяниномъ, пришелъ 72 года тому назадъ; къ тому же времени относили поселеніе своего дѣда братья Костерины, Ѳедоръ и Степанъ, по отцу Ларіоновы, занимавшіеся во время румянцевской описи въ слободѣ «обученіемъ грамотѣ дѣтей и отъ того пропитаніе имѣвшіе» а Трифонъ Васильевъ Старковъ—своего отца. Дѣдъ первыхъ былъ дворцовымъ крестьяниномъ костромскаго уѣзда, даниловской волости д. Салова, донынѣ

[1]) Листъ полковничій 1701 г. напечатанъ въ Истор.-стат. опис. черн. еп. кн. II. Стр. 199—200. Подтвердительный листъ войсковой канцеляріи регента Чуйкевича въ Обозр. рум. оп. Малор. IV, 681—682.

существующей, а отецъ послѣдняго — дворцовымъ крестьяниномъ Верхней слободки г. Брянска. Гаврило Карповъ, 65 лѣтъ, сынъ перваго слободскаго бурмистра извѣстнаго Еремы Карпова, находившагося въ перепискѣ съ кіевскими губернаторами князьями—Д. М. Голицынымъ и Ив. Юрьевичемъ Трубецкимъ, и самъ бурмистръ въ концѣ 30-хъ, 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ XVIII в. послѣ отца, показалъ, что отецъ его вышелъ въ слободу Зыбкую 79 лѣтъ назадъ и былъ крестьяниномъ упомянутаго помѣщика Спѣсивцева. А Корнѣй Перфильевъ Карповъ, 70 лѣтъ, показалъ, что отецъ его былъ тоже крестьяниномъ Спѣсивцева и вышелъ тому назадъ 81 годъ [1]).

Указанія эти отчасти подтверждаются и другими данными. Въ числѣ рукописей московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ, въ собраніи В. М. Ундольскаго, есть весьма замѣчательная рукопись подъ № 436: святцы и пасхалія, на 280 л., въ 8-ку, писанная скорописью XVII в. Самая пасхалія писана въ 1623 году; но въ концѣ ея есть нѣсколько позднѣйшихъ замѣчаній путеводнаго характера, сдѣланныхъ раскольниками относительно поволжскихъ и стародубскихъ ихъ поселеній, собственно о томъ, какъ до нихъ добраться. Эти замѣчанія писаны или въ самомъ концѣ XVII в. или въ самомъ началѣ XVIII в. В. М. Ундольскій по почерку относитъ ихъ къ XVII в. Изъ поволожскихъ раскольничьихъ поселеній упоминаются здѣсь извѣстные раскольничьи тамошніе починки—Березовъ и Ларіоновъ, а изъ стародубскихъ только слобода Зыбкая. Именно тамъ сказано: «Припаметовать: ѣхати по дорогѣ отъ Городца до Москвы, а отъ Москвы до Калуги, ко Ивану Стефанову Кадмину, отъ Калуги до Брянска, а отъ Брянска въ Черкаской городокъ, на Почопъ, а отъ Почепа во Стародубъ, а въ Стародубѣ вопрошать Цыгановыхъ Ивана, и онъ бы возвѣстилъ о Василіи Петровѣ Костериныхъ и о деревни ихъ, Зыпковѣ». Въ Компутахъ 1723 г. въ числѣ обывателей слободы Зыбкой мы встрѣчаемъ только Ивана Петрова Костерина и сына его Ларіона; Василія Петрова уже очевидно не было въ то время въ живыхъ, если не считать его въ числѣ «бобылей» подъ именемъ Василія Петрова, но безъ обозначеніи фамиліи [2]).

Относительно болѣе ранняго поселенія слободы Лужковъ говорятъ нѣкоторыя показанія лужковскихъ обывателей данныя румян-

---

[1]) Румянцев. опись, CXVI, вѣдом. войта слоб. Зыбкой, лл. 4—6, 34—35, 48, 62, 64, 67—68, 71—72. Ср. также лл. 86 об., 90, 94 об., 97 об., 140, 147 об. и др.

[2]) Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго М. 1870. № 436, ст. 325. Компутъород. полка 1723 г., л. 583.

цевскимъ ревизорамъ. Такъ, вдова Пелагея Дмитріева, 60 л. показала, что мужъ ея пришелъ въ Лужки тому назадъ 71 годъ. Андрей Леонтьевъ, 31 года, показалъ, что дѣдъ его, по происхожденію дворцовой крестьянинъ костромскаго уѣзда, с. Данилова, сошелъ оттуда 79 лѣтъ назадъ, а отецъ его въ слободѣ Лужкахъ и родился. Еще болѣе отодвигаетъ назадъ начало поселенія Лужковъ показаніе 84 лѣтняго старца Дмитрія Ефремова Потемкина, показавшаго, что отецъ его, посацкій города Бѣлева, сошелъ тому назадъ въ Лужки 81 годъ [1]).

Злынка была поселена въ денисковскихъ и лысовскихъ грунтахъ, по общему съ обѣихъ сторонъ злынковцевъ съ денисковцами и лысовцами согласію, и въ 1702 г. называлась еще «новозачавшейся слободкой».

Съ 1703 г. началось заселеніе раскольниками слободы *Тимошкина Перевоза*, по листу отъ 3-го іюня полковника Миклашевскаго, дозволившаго осадчему Тимофею Максимову, бывшему осадчему деменковскому, имѣть хуторъ на р. Ипути и содержать паромъ, съ тѣмъ, что поселенцы будутъ жить три года безплатно. Тимошкинъ Перевозъ поселенъ на тростанскихъ земляхъ, и какъ Зыбкая, «ку помочи мѣсту», подъ условіемъ заселенія отведенныхъ урочищъ «заграничными людьми» [2]).

Въ 1704 году Тимошкинъ Перевозъ съ слободами Зыбкою, Деменкою и Злынкою отданы универсаломъ гетмана Мазепы во владѣніе полковнику Миклашевскому. См. экстрактъ, учиненный въ кіев. губ. канц., по дѣлу о спорныхъ земляхъ между раскольниками сл. Деменки и Тимошкина Перевоза 1776 г., въ связкахъ кіев. центр. архива.

Шведское нашествіе на Украину не остановило ни дальнѣйшаго притока сюда великорусскаго населенія, ни образованія новыхъ слободъ. Въ 1708 г., по разрѣшенію полковника Скоропадскаго, на чолховскихъ грунтахъ, «въ помощь волости чолховской», осажена слобода *Климова*, названная такъ по имени осадчаго «зъ заграници зашлого Клима Ермолаевича» которому поставлялось условіемъ при заселеніи слободы «осажовати людей... не тутешнихъ, але также зъ заграници зашлихъ», съ предоставленіемъ «воли» на семь лѣтъ. На

[1]) Румянц. оп. Вѣдомость войта Томилина, лл. 4, 5, 16, 18—19 и 23 и др.

[2]) Ист.-стат. опис. черн. еп. кн. VII, 199.—Отдаточная книга чолховской волости: Лазаревскій, II, стр. 451. Въ войтовской вѣд. 1767 г. сказано, что Злынка осажена въ ранговомъ грунтѣ полковниковъ стародубскихъ. CXVI. Ср. обозр. рум. оп. IV, 708. Ист.-ст. оп. черн. еп. I, 126. Ср. Зап. о жизни протоіер. Верховскаго. Спб. 1877 г. стр. 927. Лазаревскій, II, 453.

первыхъ порахъ она называлась и *Песочанской* слободкой по р. Песочной. Въ слѣдующемъ году образовалось еще двѣ слободы: *Чуровичи* и *Городище*.

Раскольничья слобода Чуровичи, правильнѣе, согласно болѣе древнему прозванію того Хвоевскаго или Фоевскаго урочища, на которомъ поселились раскольники, *Щуровичи*, заселилась раскольниками, вышедшими изъ Польши. Сотникъ стародубскій Иванъ Марковичъ Чарнолузскій, на земляхъ котораго они первоначально поселились, писалъ 11-го апрѣля 1709 г.: «Вамъ войтови хвоевскому зъ мужиками чиню видомо симъ моимъ писаніемъ ижъ любо поселилися були слобожане по першомъ моемъ благоволенію и позволенію нижей Хвоевичъ на бору при млинку нашомъ. Однакъ теперь донесъ мнѣ панъ Потапъ Гуляницкій, осадчій ихъ, же оніе слобожане на него ропщутъ и не хотятъ на бору ведля млинка жити, але хотятъ расходитись въ прежніе свои жилища за границу; що онъ жъ панъ Потапъ Гуляницкій просилъ мене всиловне, же имъ позволити осисти на Чуровичахъ, а именно на логу прозиваемомъ Довгомъ, а же би не распускати ихъ изнову за границу. Теди уважившися, же вы въ тотъ кутъ дубровы не здолѣете пахать, а и у отчинѣ Куршеновцѣ васъ кривдятъ, то позволяя имъ на вышепомянутомъ логу сѣсти и діброву раздѣрать и пахать по самые рубежи и границу куршановскую и по границу и рубежи чолховскіе, а отъ вашого боку и чуровского поля по Старинскій логъ; а далей отъ Старинского логу не маютъ и на пядь за логъ удиратися—декларую. А пожнѣ тіе жъ бабинскіе на Истровци имъ попускаю, а больше нигдѣ неповинни вστручатися, развѣ гдѣ въ ограниченю на своей дубровѣ и низинѣ кто схочетъ собѣ росчистити и косити; а до Ваги и Цати (рѣчки) въ сѣнокосахъ жадного и найменшого не будутъ мѣти вступу. Тимъ васъ упевнюю, що абисте моей воли и сему указу не були спречними..., того жадаю и зичу всѣмъ вамъ отъ Господа добраго здоровя. Стародубъ, року, дня и мѣсяца вышеписанного. Іоаннъ Чарнолузскій сотникъ полковій Стародубовскій». Универсаломъ отъ 23-го іюня 1709 г. гетманъ Скоропадскій дозволилъ сотнику Чарнолузскому «слободку въ грунтахъ хвоевскихъ, на урочищи прозиваемомъ Щуровичи, по мѣри грунтовъ, биле би то то було безъ кривди сусѣдскихъ грунтовъ, осадити». Замѣтимъ кстати, что самъ Чарнолузскій только въ 1707 г. выпросилъ себѣ село Фоевичи у гетмана Мазепы, какъ свидѣтельствуетъ универсалъ послѣдняго отъ 9-го января того года [1]).

[1]) Обозр. Рум. оп. IV, 687, Ист.-ст. оп. черн. еп. VII, 237—238.

Слобода *Городище*, при р. Деменкѣ, поселена была на земляхъ стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки; осадчимъ ея былъ Борисъ Поляковъ, вышедшій сначала въ Польшу изъ козельскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, какъ и позднѣйшіе поселенцы здѣсь Бѣлокопытовы. Въ 1767 г. эта слобода называлась уже хуторомъ и была причислена къ слободѣ Деменкѣ [1]).

Въ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в. на территоріи стародубскаго полка осажено еще три слободы. Это, во первыхъ, слобода *Ардонь Черпецкая*, иногда въ актахъ—*Ордонь*, *Ерденка*, по рѣчкѣ Ерденкѣ, поселенная въ 1711 г. на земляхъ Кіево-Печерской лавры, съ разрѣшенія архимандрита Аѳанасія Миславскаго. Осадчимъ ея былъ Никифоръ Пантелеймоновъ сынъ Шаровъ «съ товариствомъ раскольницкихъ слободъ жителми стародубского полку», пришедшій изъ княжества литовскаго. Поселенцамъ дано было льготы на 8 лѣтъ, съ условіемъ, «по докончанію тѣхъ восми лѣтъ, поклону дать до обители святопечерской, денегъ золотихъ сто доброй монеты, пудъ меду и лисицу» [2]).

Въ 1712 г., въ свободномъ государевомъ лѣсу Ходятинѣ, какъ сказано въ румянцевской описи (т. LXXXII), осажена слобода *Млынка*, иногда называемая въ актахъ *Княжой*, при рѣченкѣ Млынкѣ, Лукою Ивановымъ Куколевымъ отъ имени значковаго товарища Андрея Яковлева, у котораго потомъ скоро была отобрана однимъ изъ прикащиковъ князя А. Д. Меньшикова. Наконецъ, въ 1714 году поселена послѣдняя раскольничья слобода въ Стародубьѣ—*Свяцкая*, на земляхъ Кіево-Печерской лавры, при рѣчкѣ Очесѣ, съ разрѣшенія упомянутаго архимандрита Миславскаго. Осадчимъ этой слободы былъ нѣкто «Іоакимъ Ивановичъ зъ товариствомъ своимъ..., бывшими жителми мѣстечка Халчи, державы великого князства литовскаго», вышедшими оттуда «ради великихъ своихъ кривдъ и бѣдъ незноснихъ», съ правомъ «слободы» на 6 лѣтъ и обычными поклонными деньгами, пудомъ меда и лисицей [3]).

Кромѣ того, въ 1706 г. поселена была одна слобода въ черниговскомъ полку, на земляхъ черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря, *Добрянка* при рр. Добрянкѣ и Немилнѣ. Въ осадномъ листѣ

[1]) Въ Компутахъ 1723 г. Городище называется слободою, какъ и въ другихъ документахъ того времени. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. рос. имп. т. IV, стр. 167.

[2]) Лазаревскій: II, 457—461.

[3]) Ibidem. II, 461—463. Ис.-ст. опис. черн. еп. кн. 1, 127.

на заселеніе этой слободы точно и опредѣленно изложены условія поселенія, почему мы и приведемъ его цѣликомъ. Здѣсь мы именно читаемъ: «Варлаамъ Васильевичъ, православный архимандритъ Святотроицкій Ильинскій черниговскій. Позволивше мы заведенной быти слободѣ на грунтѣ монастыря нашего..., за Горностаевкою, селомъ нашимъ монастырскимъ, пану Онисиму Ѳеодоровичу и зъ его товарищи, людемъ великороссійскимъ, которому изъ нихъ всякому застаючему осѣсти господареви пляцу ку мешканью на сорокъ сажень заняти позволяемъ, и на томъ занятомъ себѣ пляцу, чотори годи свободно, безо всякого датку жити и для своего пожитку, якъ поля розробляти ку паханью, такъ тежъ и сѣножати заимовати, не возбраняемъ. По чотырехъ зась годахъ, всякъ тамъ зостаючій господаръ отъ своего пляцу, на якомъ маетъ зоставати, долженъ будетъ на всякъ годъ податку къ святой обители по три копы давати; а за тымъ датком свободны уже отъ всякой панщины маютъ быти. Року 1706, апрѣля 1» [1]).

Дальнѣйшій ростъ раскольничьихъ поселеній въ стародубскихъ и черниговскихъ предѣлахъ былъ остановленъ резолюціей Петра 1, на представленіи кіевскаго губернатора князя Дм. Мих. Голицына о томъ, что «въ стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники и комисаръ пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасенъ, дабы не разбѣжались за границу». Дѣло было такъ. Преслѣдуя издавна въ государственныхъ интересахъ побѣги «всякаго чина людей великороссійскаго народа», правительство при Петрѣ Великомъ обратило серьезное вниманіе и на Малороссію, издавна также наполнявшуюся разными великороссійскими выходцами, и, между прочимъ, встрѣтилось здѣсь съ фактомъ значительнаго поселенія раскольниковъ на земляхъ разныхъ малороссійскихъ владѣльцевъ. По поводу указа Петра Великаго на имя князя Голицына отъ 12-го марта 1714 г., повелѣвавшаго ловить чрезъ нарочныхъ коммиссаровъ бѣглыхъ людей великороссійскаго народа, скрывавшихся по городамъ и селамъ гетманщины и слободской Украины, послѣдній, чрезъ полковника кіевскаго гарнизона Григорія Ергольскаго и другихъ назначенныхъ для того лицъ, собралъ подробныя свѣдѣнія о великороссійскихъ насельникахъ Малороссіи и о результатахъ разслѣдованія представилъ докладъ на усмотрѣніе государя. Оказалось, что въ предѣлахъ стародубскаго и черниговскаго полковъ на земляхъ гетмана

[1]) Обозр. рум. оп. Мал. I, 73—74.

Скоропадскаго и другихъ владѣльцевъ, а равно на магистратскихъ и монастырскихъ земляхъ разселилось значительное количество великороссійскихъ людей, и въ томъ числѣ 16 раскольничьихъ слободъ, всего 377 дворовъ. Относительно раскольниковъ государь повелѣлъ 28-го февраля 1715 года не настаивать на возращеніи ихъ на прежнее жительство, а лишь положить ихъ въ окладъ. Въ слѣдующемъ 1716 г. князь Голицынъ сдѣлалъ распоряженіе, на основаніи именнаго царскаго указа, чтобы поселившимся въ Малой Россіи раскольникамъ никто обидъ не чинилъ и никакими дѣлами ихъ не вѣдалъ, и во владѣніи грунтовъ, которыми они владѣли, никто не интересовался, подъ опасеніемъ штрафа, а жить имъ раскольникамъ на тѣхъ грунтахъ, на которыхъ они жили, и землями, и всякими угодьями владѣть тѣми, которыми они владѣли, невозбранно. Такимъ образомъ стародубскіе и черниговскіе раскольники сдѣлались совершенно независимыми отъ власти малороссійскихъ владѣльцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ и были причислены къ вѣдомству кіевской губернской канцеляріи [1]). Владѣльцы, само собою понятно, недовольные этой правительственной мѣрой по устройству раскольниковъ, стали всячески притѣснять и вытѣснять этихъ невыгодныхъ теперь для нихъ великороссійскихъ поселенцевъ, которыхъ сначала такъ охотно принимали и «закликали» на перебой другъ передъ другомъ, давая имъ всевозможныя льготы, нерѣдко въ ущербъ мѣстнымъ посполитымъ. И имъ удалось, вопреки распоряженію князя Голицына, или подчинить себѣ, или вытѣснить раскольниковъ изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили смѣшанно съ малоруссами и бѣлоруссами, хотя и эти послѣдніе были въ большинствѣ включены въ опись полковника Ергольскаго [2]). Кіевская губернская канцелярія до конца своего существованія вѣдала только 16 раскольническихъ слободъ. Кіево-Печерской лаврѣ удалось даже въ 1741 г. отчасти возвратить и старыхъ «подданныхъ» и земли, занятыя раскольничьими слободами.

Несмотря однако на то, что съ 1715 года новыхъ раскольничьихъ слободъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ не заводилось, притокъ сюда раскольниковъ не сокращался, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливался вплоть до конца XVIII в. и даже до отмѣны крѣпостнаго права. Во время описи полковника Ергольскаго во всѣхъ 16 слободахъ было только 377 дворовъ, и всѣхъ рас-

[1]) П. С. З. №№ 2889 и 8365.

[2]) Компуты по стародуб. полку 1723 г. лл. 431, 479, 681. Ср. Обозр. рум. оп. Мал. IV, 481—482, 516. Дневн. Н. Ханенка, стр. 119.

кольниковъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ числилось всего 3112 человѣкъ [1]). По переписи 1723 года въ одномъ стародубскомъ полку было уже 373 двора грунтовыхъ, 159 бобыльскихъ хатъ и 50 пустыхъ. По румянцевской описи 1767 года было 713 дворовъ, 767 бобыльскихъ хатъ и 565 пустыхъ дворовъ и хатъ; а въ 1781 г., когда передъ открытіемъ намѣстничествъ, по распоряженію графа П. А. Румянцева сдѣлано было статистическое описаніе Малороссіи, число раскольничьихъ дворовъ, бобыльскихъ и бездворныхъ хатъ въ 16 стародубскихъ слободахъ выразилось уже въ слѣдующихъ цифрахъ: 2101 дв., 3188 х. и 397 бездворныхъ хатъ или келей. Въ частности, въ отпискахъ волостной конторы въ кіевскую губернскую канцелярію за вторую половину 1759 г., «сколько въ которой слободѣ мужеска и женска пола душъ имѣется», приведены слѣдующія цифровыя данныя о количествѣ населенія въ слободахъ за первую половину XVIII в. «По переписи полковника Ергольскаго муж. пола 2110, женск. 2005 (въ 14 слободахъ, бывшихъ въ вѣдѣніи конторы). А обоихъ половъ капитана Брянчанинова: муж. 862, жен. 782; маіора Павлова: муж 471, жен. 416. Итого прежнихъ переписей: муж. 3443, жен. 3203. Вышедшихъ изъ за границы: муж. 2455, жен. 1808. Перешедшихъ зъ слободъ кіевопечерской лавры: муж. 203, жен. 145. Вновь родившихся: муж. 112, жен. 79. Итого прибылыхъ: муж. 2770, жен. 2032; а обоихъ половъ 4802. Умершихъ: муж. 53, жен. 30; бѣжавшихъ: муж. 54, жен. 30; итого бѣжавшихъ и умершихъ 167. Всего прежде поселившихся обоихъ половъ 11,281» (Дѣла переселенческія въ связкахъ кіев. центр. архива).

Все нами вышесказанное, по вопросу о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Колонія московскихъ раскольниковъ, выведенная попомъ Кузьмою въ Сѣверщину, по сказанію Ив. Алексѣева, не была первою раскольничьею колоніею на земляхъ стародубскаго полка. Гораздо раньше этихъ московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы раскольники, неизвѣстные по мѣсту своего первоначальнаго жительства. Поселеніе этихъ послѣднихъ нужно относить къ концу шестидесятыхъ или къ началу семидесятыхъ годовъ XVII в.,

---

[1]) П. С. З. Т. VII. № 4553. Всѣ эти 3112 человѣкъ, кромѣ 1519 р. общихъ государственныхъ повинностей, за принадлежность къ расколу особыхъ денегъ не платили. Срав. Оп. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. правит. син. т. IV, № $^{38}/_{289}$, стр. 131.

а колонію московскихъ раскольниковъ съ попомъ Кузьмою во главѣ— къ концу семидесятыхъ годовъ.

2) На первыхъ же порахъ поселенія раскольниковъ въ стародубскихъ предѣлахъ, на нихъ было обращено вниманіе мѣстныхъ властей—свѣтской и духовной, и послѣдняя, въ лицѣ знаменитаго мѣстнаго іерарха Лазаря Барановича, принимала по отношенію къ нимъ соотвѣтственныя мѣры, практиковавшіяся и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору, хотя и не такъ настойчиво, какъ въ послѣдней.

3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровкѣ московскіе раскольники, по всей вѣроятности, были направлены сюда стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою-Вольскимъ (1678—1680 г.) и поселены здѣсь при посредствѣ курковскаго куреннаго атамана или волостнаго сотника Ломаки. Весьма вѣроятно, что и Понуровка, какъ раскольничья слобода, первоначально входила въ составъ магистратскихъ селъ, какъ и Курковичи до 1730 г., пока не завладѣлъ ею полковникъ—гетманичъ С. И. Самойловичъ, при которомъ раскольники были удалены отсюда, какъ и изъ другихъ мѣстъ, населенныхъ ими, по сказанію Ив. Алексѣева.

4) Удаленіе раскольниковъ изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими мѣстъ въ стародубскомъ полку находилось въ связи съ стрѣлецкими и раскольничьими движеніями въ Москвѣ при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, такъ какъ эти движенія находили откликъ и въ колоніи московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, наприм. на Дону, и среди стрѣльцовъ, находившихся въ малороссійскихъ городахъ, и грозили безпорядками въ самой Малороссіи, тогда еще далеко не успокоенной.

5) Удаленіе это не было однако общимъ, а частнымъ, такъ какъ оно, повидимому, коснулось только тѣхъ раскольниковъ, которые жили на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти вмѣстѣ съ жившими на нихъ поселенцами. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы раскольники были удалены съ земель частныхъ владѣльцевъ.

6) Поселеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ на первыхъ порахъ было немногочисленно и стало усиливаться со времени стрѣлецкихъ и раскольничьихъ движеній, при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и послѣдующихъ конца XVII в., а особенно въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

7) Не прекратилось переселеніе раскольниковъ въ Стародубье и послѣ 1715 г., когда нельзя уже было больше заводить новыхъ

слободъ ни на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, ни на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливалось, какъ съ очевидностію доказываютъ статистическія данныя четырехъ переписей Малороссіи и другія данныя XVIII в.: 1718, 1723, 1767 и 1781 гг. Фактъ этотъ, въ свою очередь, можетъ до извѣстной степени объяснить намъ и развитіе торговой и промышленной дѣятельности у стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ и образованіе ими новыхъ раскольничьихъ поселеній въ предѣлахъ южной и западной Россіи, Новороссіи и Бессарабіи, и даже за предѣлами Россіи — въ Австріи и Турціи.

М. Лилеевъ.

РЕКРУТЧИНА ВЪ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНѢ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(*Окончаніе* [1]).

III.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ причинъ, которыя вызывали констатированное на основаніи пѣсенъ отношеніе къ рекрутчинѣ со стороны крестьянской молодежи.

Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, ближайшей и непосредственной причиной является фактъ разлуки рекрута съ семьей—съ ненькой, съ сестрами, братьями и съ „мыленькою“.

Мы не будемъ касаться тѣхъ рекрутскихъ пѣсенъ, въ которыхъ выражена вся горечь разлуки для сблизившихся молодыхъ людей; эти пѣсни по своему характеру мало отличаются отъ пѣсенъ, носящихъ названіе пѣсенъ „про кохання“. Въ нихъ высказывается полная безнадежность на то, чтобы когда нибудь удалось дѣвушкѣ связать свою судьбу съ судьбой „козаченька“, взятаго въ рекруты — „зъ жовнирского закохання ничого не буде“ (*Чуб*. V. 986, 989. *Голов*. I. 146. № 20).

Дѣвушки жалуются на то, что цвѣтъ украинской молодежи ушелъ отъ нихъ, благодаря рекрутчинѣ:

Та що було любе, мыле,
Поплыло зъ водою;
А що було гыдке, брыдке,
Говорыть зо мною (*Кунч*. 564).

Сестро Приськo, сестро Приськo,
Пишлы наши женыхы въ військо;
Сестро Фекло, сестро Фекло,
Пишлы наши женыхы въ пекло:
Осталыся свынопасы,
Отто будуть женыхы наши.
(Зап. подъ Аккерманомъ).

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 8, августъ.

Много горя несетъ за собой разлука парубка съ семьей:

Плачуть мамы за сынамы
Молодыци за мужамы,
А молоди дивчатонька
За кавальерамы (*Купч.* 564, 575).

Но больше всѣхъ „завдае соби жалю", убивается мать; „не за единымъ некрутыкомъ матинка вмливае", не за однимъ „маты ридна плаче", „плаче рыдае", „съ плачу ажъ валяется"; она же „ненька-старенька" „журыться", она, эта любвеобильная „матусенька", „гука на сына": „верныся назадъ!"

Съ своей стороны, рекрутъ больше всего жалѣетъ о матери:

Не жаль мени дориженькы, що закурылася,
А жаль мени моей неньки, що зажурилася

(*Чуб.* V. 968. *Голов.* I. 137 № 10 № 3. У *Pauli* II. 50 № 8 мать замѣнена—„дивчыноньkой"; см. также *Pauli* II. 50, 51).

Рѣже „доповняють слизьмы моря" „отець—маты".

Сестеръ также печалитъ фактъ разлуки:

Дви ридны сестры учулы, заплакалы (*Купч.* 565. *Де-Вол.* 98)
Ино сестрыця одная
И та ходыть, журыться, (говорится въ другой пѣснѣ. *Чуб.* V. 977).

Вотъ картина общей печали:

Плаче батько, плаче маты, щей сестрыця ридненькая,
А братикы соколонькы кони запрягають,
Та въ далеку дориженьку выпровожають,
Дрибненькымы слизонькамы дорижку полывають (*Чуб.*. V. 992).

„Некрутъ" съ своей стороны „журыться":

Бидна-жъ моя головонька, щей чужая сторона,
Ни батька, ни матуси, ни ридненькои сеструси,
Нема кому встаты, на учення пробуждаты (*Чуб.* V. 983).

Бывали, повидимому, случаи, когда семьянинъ долженъ былъ бросать семью, дѣтей и идти „у неволю". Человѣкъ сознавалъ, что въ лицѣ его семья теряетъ единственнаго защитника, правда, безправнаго, крѣпостного, но готоваго, тѣмъ не менѣе, рѣшиться на все, если бы пришлось отстоять поруганную честь дочери; записанный въ солдаты, онъ сознавалъ, что дѣти его остаются въ полной зависимости отъ пана, что они остались пану на „поталу":

Ой взялы козака въ солдаты,
За нымъ плаче та старая маты;
Не плачь, маты, бо ты вже старая,
Нехай плаче жинка молодая.
Ой у жинкы та дрибныи диткы,
Остаюця на викы сыриткы;
Остаюця панамъ на поталу,
А я пиду служыты государю;
Остаються панамъ на поругу,
А я пиду у вичнюю службу.

Браты будуть на худоби жыты,
А я буду цареви служыты;
Браты будуть диткамы втишатысь,
А я буду слезамы вмыватысь
(*Чуб.* V, 990).

Изъ рекрутскихъ пѣсенъ явствуетъ, что украинецъ сознавалъ себя членомъ общества, громады, и какъ таковой, имѣлъ нѣкоторыя нравственныя обязанности въ отношеніи этой громады, чувствовалъ нравственную связь съ ней; эту связь рекрутъ долженъ былъ разорвать; онъ считалъ необходимымъ „зачекаты" и попросить прощенія за все, въ чемъ онъ провинился передъ обществомъ; не сдѣлай онъ этого, его мучила бы совѣсть:

Прыихавъ пидъ коршомку,
Нызенько склонывся:
„Прощай, прощай, вся громада,
Може съ кымъ сварывся!
Сварывся, не сварывся,
И сварытысь не буду,
А вже жъ бо я, вся громада,
Вже жъ я тутъ не буду.
(*Чуб.* V. 994. *Голов.* III. 99 № 17) или

Та помандрувавъ зъ села козакъ молоденькый,
Якъ мандрувавъ, шапочку знявъ, ныженько вклонывся:
Прощайте, сусидоньки, може зъ кымъ сварывся;
Та хочъ сварывся, не сварывся, абы попростывся,
Ой якъ выйшовъ на бытый шляхъ, тай слизонькамы вмывся.
Ой полывайте суху дориженьку, щобъ не курылася,
Ой розважайте мою неньку, щобъ не журылася.
Не спомынайте худымъ словомъ, щобъ не журывся,
А спомынайте добрымъ словомъ, щобъ я веселывся (*Чуб.* V. 968) [1]).

Уѣзжая, рекрутъ прощается и со всей обстановкой, къ которой онъ съ дѣтства привыкъ:

Бувайте здоровы,
Кедрови порогы,
Куда прохожалы
Мои билы ногы;
Кажуть все покыдаты,
Кажуть прысягаты,
За димъ, за родыну
Кажуть забуваты
(*Чуб.* V. 992. *Купч.* 561—62).

Съ солдатчиной связывалось рѣзкое измѣненіе всего строя жизни хлѣбороба; трудъ земледѣльца замѣнялся муштрой, жизнь среди природы—жизнью казарменной; этотъ фактъ игралъ важную роль въ дѣлѣ отношенія молодежи къ рекрутчинѣ; въ пѣсняхъ рекрутъ и молодыхъ солдатъ часто проглядываетъ тяготѣніе къ земледѣльческому труду вмѣстѣ съ другими видами труда, сопровождающими первый:

---

[1]) У *Голов* III. 98 № 1[illegible]. вм. „сусидоньки" и „громада"—„ридны братья".

Уже жъ некрутъ и проспався,
У барабаны винъ убрався.
А лучче жъ мени за товаромъ,
А нижъ тепера зъ барабаномъ;
А лучче жъ мени за вивцямы,
А нижъ тепера зъ муныцямы;
А лучче жъ мениципомъ бухать,
А нижъ тепера муштру слухать
(Зап. въ чигирин. у. кіев. г.).

или: Лучче бъ мени воливъ пасты,
Нижъ тепера зъ коня впасты!
Лучче бъ мени погоныты,
Нижъ зъ панамы говорыты!
Лучче бъ мени зъ грабельками,
Нижъ тепера зъ шабельками.
(*Максим.* 160. № 22.)

Овцы мои биленькіи,
Шовковіи вовны,
Кто васъ буде, овци, пасты,
Коль я йду до войны? (*Де-Вол.* 107)
Ой загыну, моя маты, загыну,
Вже жъ свои сиры бычкы на викы покыну (*Чуб.* V. 974)

Горюетъ рекрутъ. Въ буковинской пѣснѣ съ горькой ироніей уподобляетъ молодой рекрутъ аттрибуты новаго своего положенія орудіямъ и обстановкѣ, сопровождающимъ земледѣльческій трудъ:

Журылася маты мною,
Шо не буду я кгаздою:
Ой маю я въ царя плужокъ—
Черезъ плечи карабынокъ;
Ой маю я въ царя нывку
Въ чыстимъ поли могылку
Карабынцямы выорана,
А кульками засіяна,
Билымъ тиломъ зволочена,
Кровцевъ сполывана (*Купч.* 579)

Разставаясь съ привычной одушевленной и неодушевленной обстановкой, рекрутъ видѣлъ передъ собой въ перспективѣ „чужыну", „чужу сторону"; въ украинскихъ рекрутскихъ пѣсняхъ „чужына" именуется „московщиной" (*Чуб.* V. 969, 982, 997. *Максим.* 143 № 12.); въ пѣсняхъ угорскихъ „чужиной" является иногда Италія, „таліанскій край" (*Де-Вол.* 106. *Купч.* 577).

Представленіе „чужыны" обще какъ рекрутскимъ, такъ и чумацкимъ и козацкимъ пѣснямъ. Тамъ на „чужыни" говоритъ парубокъ.—

Мени змые головоньку дрибненькый дощыкъ,
А росчеше терновый хощыкъ,
А прygладыть зелена лещына (*Чуб.* V. 1001).
Ой есть у поли а чорная хмара.
Зъ тіей хмары дрибный дощыкъ хвоще,
Ой винъ же мни головку сполоще
(*Чуб.* V. 1002. *Максим.* 138 № 1; у *Рудч.* Чумацк. пѣсни, 227).

Непривѣтливъ чужой край:

На чужій сторони называтымуть мене заволокою,
Скажуть мени ричку плысты шырожу, глыбоку;

А ни переплысты, а ни втонуты,
Прыйдеться молодому на чужыни згынуты.
(*Чуб.* V. 1000, 1006. *Рудч.* Чумацк. п., 213).

Буковинцу не нравится Италія, ему „тяжко жыты" тамъ (*Купч.* 577); въ другой пѣснѣ, записанной въ чигиринск. уѣздѣ кіевск. губ. „чужа сторона" и пребываніе въ ней рисуются такъ:

Ой з-за горы чорна хмара встала,
То жъ не хмара—молоди гусары,
Молодымы въ салдаты забралы,
А забравши за Дунай заслалы.
За Дунаемъ гирко въ свити жыты,
А щей гирше шабельками быты.
За Дунаемъ гирше, якъ дрова рубаты:—
Не знатыме ни отець, ни маты.

„Нема въ свити, якъ своя краина", „свій край, якъ рай, а чужа краина, якъ домовына" говоритъ украинская „прыказка".

Особенно боится парубокъ умереть „на чужыни"; сама смерть въ далекомъ краю представляется ему иной—онъ не умретъ, но загинетъ:

Государске плаття взявше, на викы загыну;
Ой загыну, моя маты, загыну,
Вже свою родыночку на викы покыну (*Чуб.* V. 974.).

Некому будетъ при этомъ и заплакать по загинувшей душѣ:

Въ чыстимъ поли, тамъ гайворонъ кряче,
Той за мною надъ гробомъ заплаче (*Голов.* I. 136 № 8, 138 № 12; III. 86 № 1, 87 № 2, 89 № 4).

Становится понятнымъ, почему—

Закурылася быта дориженька на вси трахты йдучы,
Ой заплакалы хлопци-новобранци у Московщыну йдучы (*Чуб.* V. 969).

Причина тому, что проводы рекрута носили въ прежнее время чисто погребальный характеръ, лежитъ въ сознаніи, что ушедшій въ солдаты почти навсегда погибалъ, какъ членъ семьи; рекрутчина вела за собой „на викы разлуку"; во многихъ пѣсняхъ высказывается отсутствіе всякой надежды на возвращеніе. (*Голов.* I 137, 138 № 9, 10, 11; *Макс.* 138 № 1, *Pauli* II. 53):

Возьмы вдово, писку жменю,
Розсыпъ писокъ по Дунаю;
Колы писокъ въ гору зійде,
Тоди сынъ твій зъ війска прійде.
(*Pauli* II, 54, 59).

Непомѣрно долгій срокъ службы, военныя дѣйствія, обусловливали такую безнадежность.

Но если иногда рекруту и удавалалось возвратиться—то онъ возвращался измѣненный до неузнаваемости какъ физически, такъ и нравственно.

Въ пѣсняхъ часто изображается встрѣча матери съ сыномъ-солдатомъ, при чемъ мать положительно не узнаетъ сына (*Чуб.* V. 970. *Купч.* 576); такъ сильно отразилась солдатчина на его физическомъ „я", но еще чаще и съ большею силою вліяла она, въ дурную сторону на его нравственное „я".

Человѣкъ попадалъ въ среду, которая имѣла тенденцію выработать изъ него совершенно другую личность; даже теперь, при сравнительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и то человѣкъ, побывавшій въ военной службѣ, сильно мѣняется: возвратившись въ деревню, „москаль" смотритъ на своихъ односельчанъ свысока, какъ человѣкъ бывалый вкусившій плодовъ городской цивилизаціи; міросозерцаніе его обогатилось достаточной дозой новыхъ элементовъ.

„Ухватившій московськои юшки" (*Номисъ.* Прыказкы. 59. 2927), какъ выражается народъ, стремится уже говорить по русски, а не „по хохлацки"; терминологія его мѣняется: прежде, бывало, онъ говорилъ — „люды засіялы", а теперь — „мужики засѣяли"; жену свою называлъ бы Ганною, Ганнусею, а теперь— Анютою; пѣсни поетъ солдатскія и городскія—первыя въ воинственномъ духѣ, вторыя въ духѣ литературныхъ романсовъ, отличающіяся циничною развязностью [1]). „Скоро взявъ сумку, тай за чортову думку" (*Номисъ.* 22. 974)—такъ констатируетъ на-

[1]) Вотъ два образца такихъ пѣсенъ:

Ты, матушка наша, царыця,
Ты пазволь намъ днинекъ погулять,
По трахтирамъ тольки, по бульварамъ,
Да шо по питейнымъ по домамъ;
Какъ мы служили, горюшка ни знаемъ,
Да день ученье провожаемъ;
День ученье, ночь маневры,
Ну нѣтъ когда отдохнуть.
Ужъ мы съ туркомъ лыходѣемъ все дружно живемъ,
Перейшлы мы черезъ Дунай, призопѣли питухы
Распроклятп басурманы намъ покою ны далы.
(Зап. въ м. Ровномъ. елисаветгр. у.).

или: По утру я рано встану,
По утру часовь у семъ.
Вдругъ хазяйка ка мнѣ входыть,
Таки рѣчи гаварить:
„Пожалуйте, сударь деньги,
А зъ квартери прочь долой!"
—Будуть деньги разочтемся
Какъ ни будуть, такъ пайдемъ!
Закурю я папиросу
Какъ спишу въ питейный домъ.
Семъ катлетковъ, семъ (съѣмъ) канфектовъ.
Лучче кохвію напьюсь.
За послѣдню пайду въ погрибъ,
Тамъ я пьяной накатюсь.
Друзья мои ныциненни.
Ны могу я зъ вамы жыть!" и т. д.
(Зап. отъ „дивчатъ" (!!) въ м. Ровномъ елисаветгрд. у. херс. губ.)

родъ внутреннее измѣненіе, совершающееся въ парубкѣ, подъ вліяніемъ солдатчины. Какъ въ литературѣ художественной изображался неоднократно, по почину Основьяненка, типъ москаля въ его отношеніи къ деревнѣ, семьѣ, такъ и въ народной поэзіи мы можемъ найти обильный матеріалъ, характеризующій этотъ типъ. „Москаль" въ преставленіи народа—типъ отрицательный: „видъ москаля полы врижъ, та тикай". „Москаль" вмѣстѣ съ чортомъ „на лыхо понадылысь"; вступать въ какія бы то ни было отношенія съ солдатомъ не стоитъ—онъ человѣкъ хитрый, коварный и неблагодарный; въ случаѣ чего онъ не помилуетъ; слезы его не трогаютъ—„москаль на слезы не вдаря"; москаль любитъ красть, лгать, сквернословить; это человѣкъ, у котораго „на грошъ аммуниціи, а на десять амбиціи"; онъ капризенъ; само ваніе москаля даетъ поводъ для скептическаго отношенія даже къ доброму человѣку—„хочъ добрый чоловикъ, та москаль". „Драгунська совисть" вошла въ поговорку (*Номисъ*. 18—19. 800—853, 63, 3170). Таковъ взглядъ народа на солдата, какимъ онъ составился въ прошлое время. Москаль являлся человѣкомъ чуждымъ деревнѣ, какъ и она чужда ему; въ этомъ то и лежитъ причина драматизма разлуки.

Изъ цитированныхъ до сихъ поръ рекрутскихъ пѣсенъ, видно, что солдатская служба и неволя были синонимами въ представленіи народа. Взятый въ рекруты уже не могъ располагать собой ни въ личной жизни, ни въ дѣлѣ военныхъ предпріятій, гдѣ онъ рисковалъ своею жизнью. Сѣтованіе на то, что свою волю приходится подчинить чужой, высказано, между прочимъ, въ весьма распространенной рекрутской пѣснѣ, которую нужно отнести, по времени ея сложенія, къ моменту замѣны старыхъ устоевъ жизни украинскаго селянина новыми:

Надлетилы галки чорноперкы,
Намъ все поле укрылы;
Ой вы хлопци, хлопци новобранци
Намъ жалю наробылы.
Ой, вы, галкы чорноперкы,
Тай пудбийтеся у гору,

А вы, хлопци новобранци,
Верниться до дому.
Рады жъ мы въ гору пудбытыся,
Но насъ туманъ не пускае.
Ради жъ мы ся вернуты
Насъ государь не пускае.

(*Чуб. Г*. 969. *Pauli* II. 47. *Голов*. I. 133, 134 № 3, 4; III, 99 № 18, III № 34).

А по другимъ пѣснямъ не пускають новобранцевъ „охвыцеры" (*Чуб*. V. 977), „царьская маты" (*Чуб*. V. 995) или „единоральская дочь" (*Чуб*. V. 999)

Щыбка—рыбка въ мори гуляе доволи,
Вдовынъ сынъ въ війську, та нема ему воли (*Чуб.* V. 1001, 1000 *Купч.* 567),

такъ говоритъ пѣсня.

Перспектива военной жизни печальная; въ буковинской пѣснѣ поется такъ:

Ой вы паны, паны,
Та вы капытаны!
Де жъ нашихъ сынивъ
Теперъ поведете?
Поведемо ихъ всихъ
Й а въ чыстее поле.
Загатымо ными
Глыбокое море.
Та будемъ ихъ мясомъ
Звирье годуваты,
Та будемъ ихъ кровье
Птахы наповаты...
Поведемо вашихъ сынивъ
Въ чужый край стояты!
Въ чужый край стояты
Съ туркомъ воюваты,
А псы ти турецьки
Будутъ ихъ поидаты,
Нышьиты, выгубляты,
Въ море загоняты (*Купч.* 562—563).

Въ украинской пѣснѣ—на вопросъ матери: „сыны мои соколята, де васъ шукаты?“ они отвѣчаютъ:

Въ степу пры долыни, наша ридна маты;
Ой тамъ будуть нашою кровью моря доповняты,
Ой тамъ будуть нашимъ билымъ тиломъ орлы годуваты,
Ой тамъ будуть нашыми костямы землю управляты (*Чуб.* V. 1004).
Тамъ я буду, моя маты,
Горемъ горюваты,
Своимъ тиломъ билесенькымъ орливъ годуваты,
Чубомъ кучерявымъ степы устеляты,
Своею кровью червоною ричокъ доповняты (*Чуб.* V. 991. *Де-Вол.* 107. *Макс.* 156 № 19. *Pauli* II, 48, № 5).

„Москаль—казенна вещь“—говорится въ приказкѣ;

Государю веселытыся,
Тоби, сынку, все журытыся
Государю на радочку
А тоби сыну на досадочку (*Голов.* 145 № 18)

Всѣ эти жалобы на неприглядность солдатской жизни, на ея невзгоды относятся къ солдатчинѣ вообще; но въ нашемъ рукописномъ матеріалѣ, есть пѣсня, въ которой высказано недовольство, вызванное совершенно частными историческими причинами: въ пѣснѣ этой упоминается о тяжкихъ работахъ, на которыя посылались новобранцы изъ Украйны; можно догадываться, что она сложилась въ XVIII столѣтіи, въ вѣкъ работъ по прорытію каналовъ, въ пору заложенія Петербурга и проч.:

Ой зъ-за горы, братци, зъ-за крутой
Чорна хмара выступае;
Тожъ не хмара, тожъ, братци, команда—
Сорокъ тысячъ, братци, якъ одная;
По переду идуть городяны,
А по бокахъ та идуть копытаны,
Середъ полку та бьють барабаны.
Воны бьють же, та бьють—выбывають.

Насъ недавно на службу забралы,
Въ чужу сторону заразъ погналы,
Заставылы насъ землю копаты,
Кругомъ царя городъ обсыпаты;
Оттутъ же намъ, братци, помыраты,
Не знатыме ни отець, ни маты.
Тилько знатыме ясна шебелька
Приниматыме сыра земелька.

(Зап. отъ парня изъ Александровки, бахмутскаго уѣзда, екатерин. губ.).

Въ виду сказаннаго понятны полныя отчаянія слова слѣдующей пѣсни:

Иды жъ, мій сыночку, поклоныся да найстаршимъ браттямъ,
Дадуть тоби, мій сыночку, государское шмаття.
Волывъ бы я билъ каминь излупаты,
Нижъ маю государске шмаття вбраты.
Ой я билъ камень излупаю, стану—выдпочыну,
Государске шмаття вберу—навикы загыну (*Чуб.* V. 976, 992, 993).

Таково общее представленіе новобранцевъ о предстоящемъ.

Будучи уже солдатомъ, „парубокъ" сталкивался съ частными сторонами солдатской жизни, дѣлавшими её тяжелою и невыносимою. Большое вниманіе въ рекрутскихъ пѣсняхъ обращается на физическое наказаніе; собственно говоря, народъ, занесшій въ свои мемуары—пѣсни свою скорбь и горе, вызванныя отсутствіемъ гуманности, возмущается не самымъ физическимъ наказаніемъ, которое въ его глазахъ есть явленіе вполнѣ правомѣрное, согласное съ вѣковой юридической практикой народа, а злоупотребленіемъ въ примѣненіи его, возмущается отсутствіемъ нормъ, личнымъ произволомъ, несогласнымъ съ простымъ здравымъ смысломъ:

Вы, стари солдаты, що въ васъ билы рукы,
Не быйте насъ, не лайте насъ—навчить насъ наукы,
Бо мы въ свого пана того не робылы,
Но сіялы тай оралы, за плугомъ ходылы (*Чуб.* V. 996. *Купч.* 567).

Неприглядной рисуется солдатская жизнь въ другой пѣснѣ:

Зайды, сынку, хоць на годынку
Най тоби змыю головоньку!
—Будуть насъ промываты,
А що—рання по сто палокъ даваты!
Мои браття все въ кумахъ,
А я, молодый, все на часахъ.
Мои браття та все пье,
А зъ мене молодого кривава ричка иде.
(*Чуб.* V. 984).

Будуть быты, катуваты,
Никому ся жалуваты (*Чуб.* V 998)

предвидитъ рекрутъ. Въ пѣснѣ, записанной подъ Аккерманомъ, жалуется молодой солдатъ на то, что—

По три раза на ученіе ведуть,
Начальныкы по сто палочекъ дають.

Произволъ и страданія такъ невыносимы, что молодой солдатъ въ отчаяніи, обращаясь къ матери, говоритъ:

Волила бы сь мя, моя стара маты,
Малымъ поховаты,
Нижь я маю, такый молоденькый,
По сто палокъ на день браты.
(*Голов.* III. 102. № 22).

Непріятность положенія усиливается еще тѣмъ, что солдатъ не участвуетъ сознательно во всѣхъ этихъ „муштрахъ" и ученіяхъ; онъ все это считаетъ ничего не стоющимъ дѣломъ:

А въ салдатушкахъ худо жыты, тяжело,
А робыты ничого!
По три денежкы въ день жалованния иде,
По сто палочокъ у спынушку кладе.
(*Чуб.* V. 1011)[1]).

Не только физическое наказаніе, а и брань оскорбляла чувство достоинства украинца; такъ, въ одной пѣснѣ высказана жалоба на то, что „командыры безъ прычынонькы бранять" (*Чуб.* V. 977). Вообще солдатская жизнь „проклятая", „распроклятая", „гирке злыднования" (*Чуб.* V. 1009, 1010) „Козаченько", сдѣлавшійся солдатомъ, не можетъ не заплакать подъ давленіемъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій новой жизни:

Ой пойду я та на муштеръ
Та помуштруюся.
Ой прыйду я на кватьерю
Слезамы вмыюся (*Де-Вол.* 109)[2])

Въ другой пѣснѣ, записанной на Украинѣ (въ чигирин. у. кіевск. губ.), горе „козаченька" выливается почти въ тѣхъ же словахъ: ему, козаченьку, прійдется „журитыся" и „слизонькамы вмыватыся". Въ галицкихъ и буковинскихъ пѣсняхъ находимъ указаніе еще, на одно неудобство солдатской жизни, а именно— на недостатокъ пищи. Въ весьма распространенной въ Австріи пѣснѣ рекруты спрашиваютъ „цысарыка":

Та на що насъ, цысарыку,
Вербуешъ, вербуешъ?
Въ магазинахъ хлиба нема,
Чымъ насъ нагодуешъ?

---

[1]) Еще о томъ же: Охъ у салдатахъ намъ прегорькое життъе:
Ой ны сіють, ны орють,
Ой по тры хунты въ суткы хлиба намъ дають,
Ой по сто палокъ намъ на плечушка кладуть (bis)
Охвыцеры намъ шей плакать ны дають.
(Вар. запис. въ м. Ровномъ, елисаветград. у. херс. губ.).

[2]) Варіантъ: Що тры браты до церковци идуть,
А у мене дрибны слезы ллють;
Що тры браты изъ церковци идуть,
А у мене дрибни слезы ллють.
(Зап. въ чигирин. у. кіевск. губ.).

—Буду я васъ годуваты,
Ячминковъ полововъ,
Та буду я васъ гоныты
Цысарсковъ дороговъ (*Купч.* 566).

—Я васъ буду выправляты
На царя, на нѣмца,
Уже бы вамъ побродыты
Въ кирвидоколѣнца(*Де-Вол.*108 [1]).

въ другой пѣснѣ на вопросъ новобранцевъ отвѣчаютъ такъ:

Не бойтеся, хлопци,
Чысарского гладу,
Сѣють вамъ пшеницу
Коло Бѣлограду.

Бѣлоградъ, Бѣлоградъ,
Война на немъ стоитъ;
Не одного хлопця
Головка заболитъ.

(*Голов.* I. 151 № 28. III, 131 № 65. *Де-Вол.* 107, *Дешко* 674).

Въ пѣсняхъ австрійскихъ малоруссовъ мы встрѣчаемъ сѣтованія на то, что тотъ рискъ и трудъ, которыхъ исполнена солдатская жизнь, не достаточно вознаграждается:

Гей въ цысара тяжка служба,
А мала заплата,
Не одному жовнирови
Головочка стята.

Та не одынъ жовниръ плаче,
Та не одынъ туже,
Що винъ бидный цысареви
За дарма такъ служе (*Купч.* 567, 575).

Или: Буду въ цысаря служыты, въ цысаря дуфаты,
Таке ми дасть лудынячко, шо ме ся лескаты;
На видслузи мя вырядыть, отъ якъ козу хрому,
Добре сдере, дрантаве дасть, тогды йды до дому. (*Голов.* III. 114 № 37).

Хлѣборобу и съ экономической точки зрѣнія солдатская жизнь кажется незавидной:

Що въ солдата за подоба—
За плечыма вся худоба:
И торбынка зъ сухарямы,

И муныця зъ патронамы,
И манерка зъ водою
Салдатъ служыть зъ бидою (*Чуб.* V. 970 [2]),

незавидна жизнь „жовнеря"—

Бо въ жовнеря нема хаты,
Нужда бида его маты (*Голов.* I. 149 № 24).

---

[1]) У *Головацкаго* на тотъ же вопросъ предложенный рекрутами, „цысарь" отвѣчаетъ:

Не бійтеся, парубочкы,
Вы богаги сыны,
Ой маю я за кордономъ
Чтыри магазины:
Едынъ сина, едынъ сина,
А другій половы,

Третій вивса, третій вивса,
Четвертый соломы.
Буду я васъ годуваты
Синомъ, та полововъ,
А буду васъ высылаты
Цысарсковъ дороговъ.
(*Голов.* III. 112 № 35).

[2]) Варіантъ:

Дурна дивка, дурна глуповата,
Шо вповала на салдата;
А въ салдата все богатство

Шо сумочка съ сухарямы,
Манирочка изъ водою,
Жывы дѣвка все зъ бидою.

(Тимковка. Александр. у. херс. губ. зап. А. А. Илличевской).

„Нимецьке плаття", „государске шмаття", „карабинокъ" и прочіе воинскіе атрибуты не только, повидимому, не прельщали украинскую молодежь, но наоборотъ, возбуждали въ ней отвращеніе, какъ вещественные знаки новыхъ отношеній (*Чуб.* V. 976, 992, 993; *Голов.* I. 136—137 № 9, 10 и III, 116 № 40).

О вліяніи рекрутчины на народную жизнь вообще говоритъ пѣсня, приведенная у Головацкаго; пѣсня эта ставитъ въ причинную связь съ рекрутчиной обѣдненіе „Польши" т. е. Галиціи:

Ой цысарю, цысароньку, въ тебе шапка срибна,
Кобысь зъихавъ, подывывся яка Польша бидна!
Ой чому же Польща бидна? Бо ляхы зидралы,
Шо смо малы по корови, й то жыды забралы;
Жыды взялы по корови, цысарь бере диты,
Не маемо, пане брате, що въ Польщи сидиты (*Голов.* II. 332, № 469. „Кіевская Старина" 1887 г. III, стр. 437, варіантъ).

Указаніе на значеніе рекрутчины въ экономической жизни находимъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Выизжалы паны
За новыи млыны;
Дывувалысь воны,
Що чыи-жъ то ланы
Позаростувани,
Не поскошувани?
Це-жъ того вдозыченка,
Що въ походи журыться

У Купчанки приведена буковинская пѣсня, обрисовывающая общее значеніе рекрутчины для Буковины и „Лядчины" т. е. Галиціи; пѣсня говоритъ, что въ Буковинѣ и Лядчинѣ стало „дуже тошно" и „дуже гирко", а все потому, что:

„Шо було не чуваты,
Теперь то выдаты:
Веде батько свого сына
До рекрутивъ виддаты" (*Купч.* 583).

Какъ велико было значеніе рекрутчины въ жизни украинскаго селянина, видно изъ исторической пѣсни о Мазепѣ и Паліѣ (*Основа* 1862 г. 8, 27). Въ этой пѣснѣ герой правобережной Украины, иниціаторъ въ дѣлѣ возстановленія козачества на польской сторонѣ Днѣпра, — козачества не шляхетскаго, которое стремился насадить Мазепа, а демократическаго, Семенъ Палій, вызванный царемъ Петромъ изъ Сибири въ виду открывшейся съ измѣной Мазепы невинности Палія, ставитъ царю въ условіе уничтожить рекрутчину, подушное и всякія другія подати; въ такомъ лишь случаѣ Палій соглашался „звоюваты плута Мазепу"; такимъ образомъ свое самое задушевное желаніе народъ вложилъ въ уста своего героя:

Ой не хочу я, велыкъ свитъ государь,
Велыкои платы браты,
Тилько не подозволяйте изъ Украины
До вику некрутивъ браты.

А ни некрутивъ, а ни подушного,
А ніякои платы,
То можу я плута Мазепу
Заразъ звоюваты.

Упомянемъ еще о бурлацкой пѣснѣ, приведенной въ „Основѣ“ за 1862 г. Май, стр. 99; въ ней говорится о томъ, что—

Мынулася та бурлаченькамъ
(Та) по-за Дономъ воля.
Було шумно по чуланахъ [1],
Теперъ стало тыхо;
Було добре та по-за Дономъ,
А теперъ стало лыхо.
Парувалы та бурлаченькы
Все волы рябыи,
Малювалы бурлаченькы
Все возы новыи
Та наихалы реведоны [2])

Бурлакъ у службу браты;
А що будемъ, мылее браття,
Думаты-гадаты?
Та куды-жъ будемъ, та мылее браття,
Будемо пысаться?
Запышымось у панськое
Будемъ панивъ знаты.
Запышымось у казенное—
Будемъ подать даваты
Та й у службу будуть браты.

Какъ видимъ, бурлаки въ виду рекрутчины готовы приписаться къ помѣщику, т. е. закрѣпостить себя, чтобы избѣжать ненавистной „службы“.

Изъ всей массы рекрутскихъ пѣсенъ, нѣкоторыя рѣзко выдѣляются своимъ противорѣчіемъ общему содержанію рекрутской поэзіи. Солдатская жизнь представляется въ нихъ болѣе выгодной и завидной, чѣмъ крестьянская. Въ одной—сынъ, на предложеніе матери спрятать его, говоритъ:

Не треба, моя мамцю, не треба ховаты,
Буду зъ Москивщыны червонци слаты.
(*Чуб.* V. 982. *Голов.* I. 135 № 6—„изъ Туреччыны“).

Въ другой молодой солдатъ заявляетъ:

А въ нашого царя-государя да все добре служыты,
Есть що исты й пыты, хороше, хороше ходыты.
Та ничымъ ся журыты. (*Чуб.* V. 999. *Голов.* I. 148 № 23).

Вѣроятно, слова эти могли принадлежать какому нибудь гультяю-бурлакѣ, бездомному скитальцу, которому не о чемъ жалѣть и для котораго военная служба дѣйствительно могла казаться заманчивѣе бездомной, холодной и голодной жизни на волѣ; „за димъ, за родыну“ ему не приходилось „забуваты“; это предположеніе подтверждается слѣдующей пѣсней:

---

[1]) Чуланы—„хливы такъ якъ домы по-за Дономъ“.

[2]) Реведоны или ревизоны—ревизоры.

Ой знаты, знаты рыбку-щыбку меже судакамы,
Ой знаты, знаты хозяйского сына меже бурлакамы:
Хозяйскій сынъ плаче и рыдае
И за димъ думку мае,
А бурлаченько пъе, гуляе,
Въ сопилочку грае що за димъ не думае (*Чуб.* V. 998. варіан. А, Б, Г, Д)

въ варіантѣ (Б) говорится:

Ой сыдять бурлакы, та кинець стола, та въ сопилку грають,
А хозяйскій сынъ стоить коло порога, серце зъ жалю умирае.

Наконецъ, бывали случаи, что военная служба представлялась болѣе сносной, нежели „панщина":

Ой волю я, пане-брате, цысарю служыты,
Нижъ я маю вражимъ ляхамъ панщыну робыты (*Голов.* II. 296 № 274)

Просматривая рекрутскія пѣсни, приходится удивляться тому, что наряду съ указаніемъ на причины, возбуждающія антипатію къ военной службѣ, почти нѣтъ указаній на существованіе тѣхъ положительныхъ причинъ, которыя, наоборотъ, заставляли бы личность иначе относиться къ рекрутчинѣ; мы не не находимъ въ пѣсняхъ сознанія необходимости каждому члену общества быть готовымъ къ защитѣ своей родины и отечества; это тѣмъ болѣе удивительно, если принять во вниманіе ту борьбу, которую народъ велъ по собственному почину впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій со своими внѣшними и внутренними врагами. Это явленіе можно объяснить себѣ не иначе какъ тѣмъ положеніемъ, въ которое стало народное сознаніе и чувство, народные интересы по отношенію къ новымъ началамъ и порядкамъ, которые вносились на Украинѣ, вслѣдъ за „возсоединеніемъ", въ народную жизнь вообще и въ военную организацію въ частности, и непониманіемъ необходимости этихъ началъ и порядковъ. Изъ всей массы рекрутскихъ пѣсенъ лишь въ слѣдующихъ двухъ проскальзываетъ затерявшееся чувство долга. Обращаясь къ плачущей матери, рекрутъ говоритъ:

Ой стій, маты, тай не рыдай,
Слизьмы моря не доповняй,
Слизьмы моря не доповнышъ,
Сына зъ війська не выкупышъ.
Вы, молоди, родылыся,
Государю судылыся;
Въ государя війська много,
Хорошого, молодого (*Чуб.* V. 994).

Въ другой пѣснѣ „отець-маты" говоритъ „своему дытяти":

Сыну жъ мій, сыну, я жъ тебе родыла
Соби на славу, царю на пидставу. (*Чуб.* V. 1005).

И такъ на основаніи пѣсенъ малорусскаго народа, живущаго въ Австріи и Россіи, можетъ быть констатированъ фактъ отрицательнаго отношенія этого народа къ рекрутчинѣ конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтія, до времени проведенія въ жизнь великихъ внутреннихъ реформъ, основанныхъ на началахъ гуманности и справедливости. Это отрицательное отношеніе выражалось то въ формѣ пассивнаго протеста, бѣгствомъ отъ рекрутчины, то въ формѣ враждебныхъ пожеланій виновникамъ, въ глазахъ народа, его несчастья, то въ формѣ тихой печали и скорби въ виду непреодолимости обстоятельствъ.

Причины такого отношенія также усматриваются въ этомъ зеркалѣ души народной, въ народной поэзіи.

Приходилось разрывать органическую связь съ семьей, съ громадой; приходилось лишаться той привычной неодушевленной остановки, которая, подобно одушевленной средѣ, участвовала въ развитіи оригинальнаго внутренняго склада малоросса; приходилось переноситься въ новую сферу, находящуюся въ большомъ контрастѣ съ прежней; переходъ отъ прежней жизни къ новой былъ далеко не послѣдователенъ, и, стало быть, естественно предполагалъ страданіе субъекта; къ этому присоединились частныя условія набора и военной службы: произволъ, царившій при отдачѣ въ рекруты, полная невозможность располагать собой, физическія наказанія, оскорбленія, голодовки и проч.

Въ пѣсняхъ мы замѣчаемъ отсутствіе пониманія малорусскимъ селяниномъ цѣлей, во имя которыхъ существовала солдатская служба, отсутствіе пониманія связи между народными интересами и тѣми причинами, ради которыхъ производился наборъ, отсутствіе всякихъ нравственныхъ побужденій къ несенію повинности; наоборотъ, въ пѣсняхъ констатируется фактъ противорѣчія между интересами рекрутъ и тѣхъ, кто принуждаетъ ихъ рисковать и жертвовать собой; австрійскіе малоруссы не могли видѣть смысла, не могли имѣть нравственнаго или матеріальнаго интереса въ войнахъ, напр. съ Франціей или Италіей, на которыя влекла ихъ Австрія; принимая это во вниманіе намъ станетъ понятно, почему народъ—творецъ такой военной общины какъ запорожская Сѣчь, авторъ великой эпопеи козацкой,

какъ бы трусливо избѣгалъ войны, плакалъ, считая неволею „касарню", гдѣ онъ принималъ, такъ сказать, посвященіе въ военное званіе; во время козацкихъ и другихъ народныхъ движеній ясно сознавалась ихъ цѣль, существовали слѣдовательно нравственные мотивы борьбы съ внѣшними или внутренними врагами.

Отсутствіе права оставлять военную службу по своей волѣ—одно изъ правъ, которымъ располагалъ каждый членъ запорожскаго товарищества,—и непомѣрно долгій срокъ службы еще увеличивали тяжесть солдатчины.

Въ настоящее время многія изъ помянутыхъ причинъ исчезли, благодаря культурному прогрессу европейскихъ государствъ, и въ частности Россіи. Несеніе воинской повинности правильно нормировано, упразднены физическія наказанія, смягчены формы стихійно давившей дисциплины, уничтожавшей даже тотъ минимумъ сознанія солдатомъ своего человѣческаго достоинства, какой былъ возможенъ при крѣпостномъ строѣ; сокращенъ срокъ службы, благодаря чему стало возможнымъ возвращеніе человѣка, не только физическое, но и нравственное, на родину, въ село, къ труду; наконецъ,—что главное,—на мѣсто прежняго принципа сословныхъ привилегій при отбываніи воинской повинности, былъ внесенъ принципъ демократическій—въ формѣ всеобщей воинской повинности.

Всеобщая воинская повинность, въ связи съ широкимъ народнымъ образованіемъ, возведетъ рекрутчину изъ повинности въ долгъ гражданина.

М. К. Васильевъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

58.

„Водить тополю“.

Въ „Замѣчаніяхъ“ Сементовскаго о праздникахъ у малороссіянъ, напечатанныхъ въ XI т. „Маяка“ 1843 г., говорится: „въ полтавской губерніи въ Духовъ день водятъ тополю. Дѣвушки, собравшись, выбираютъ изъ своей среды одну, которая должна представлять тополю. Она, поднявъ руки вверхъ, соединяетъ ихъ надъ головою; на руки ей навѣшиваютъ мониста, ленты, платки такъ, что голова вовсе невидна изъ подъ этихъ украшеній; грудь и станъ также завѣшиваются разноцвѣтными плахтами; чаще, чтобы избавить „тополю“ отъ необходимости постоянно держать руки поднятыми, прикрѣпляютъ у ея плечъ двѣ палочки и надъ ея головой связываютъ ихъ подъ острымъ угломъ. Убравъ такимъ образомъ „тополю“, дѣвушки водятъ ее по селу и по полю, причемъ домохозяева ихъ угощаютъ, а „тополя“ при этомъ низко кланяется. При этомъ дѣвушки поютъ пѣсню „Стояла тополя та посередъ поля“ и пр. Пѣсня эта напечатапа въ числѣ купальскихъ въ IV т. Рус. простонар. празд. Снегирева (стр. 47) съ помѣткой, что доставлена изъ Харькова профессоромъ Артемовскимъ-Гулакомъ. въ 1 кн. „Очерковъ Россіи“ Пасека, съ небольшими измѣненіями у Чубинскаго III, 194, 205, 207, 210, 214. Повидимому, купальскій обрядъ въ данномъ случаѣ перешелъ на Духовъ день; но самыя пѣсни, относящіяся къ нему, удержались на своемъ мѣстѣ.

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 8, Августъ.

Въ такомъ случаѣ „тополя" служитъ олицетвореніемъ Купалы, что въ большинствѣ случаевъ выражается лишь куклой. Какъ бы то ни было украинская „тополя" имѣетъ близкихъ родственницъ въ сербскихъ, болгарскихъ и греческихъ додолѣ, дюдюлѣ, пеперугѣ. Въ старой Сербіи „додола" — разукрашенная цвѣтами дѣвушка, православная сербка, иногда цыганка. Она въ сопровожденіи подругъ ходитъ изъ дома въ домъ, причемъ на додолу льютъ воду, а дѣвушки поютъ при этомъ пѣсни съ пожеланіемъ дождя и урожая (*Ястребовъ,* 167). Болгарская дюдюлъ или пеперуга, дѣвушка 15 лѣтъ, украшенная цвѣтами, ходитъ по домамъ во время засухи, и на нее льютъ воду. Сопровождающіе ее юноши и дѣвушки поютъ: „отлетала преперуга отъ орача на орача, отъ копача, на копача, да заросить ситна роса берикетна (плодоносная) и по поле и по море, да сѣ родитъ вино-жито" (*Аѳанасьевъ,* II, 176). Можно указать еще на новогреческій обычай водить во время засухи ребенка лѣтъ восьми или десяти, голаго, убраннаго цвѣтами, который называется пирперуна. Хозяйки выливаютъ на него воду и дарятъ деньги (ib. 177). Въ румынской пѣснѣ: „Папалуга! взойди на небо, отвори ворота и пошли дождь, чтобы хорошо росли хлѣба (ib., 177)". „По нашему мнѣнію, говоритъ Аѳанасьевъ, додола... изображаетъ богиню весны или что тоже богиню громовницу, шествующихъ надъ полями и нивами со свитою полногрудыхъ нимфъ"... (ib., 174). Мнѣніе это раздѣляетъ и О. Миллеръ (Опытъ, I, 52). Принимая во вниманіе, что додола и пеперуга встрѣчаются преимущественно у балканскихъ славянъ, подвергавшихся въ древности сильному вліянію грековъ и римлянъ, предварительно желательно навести справки въ повѣрьяхъ и ритуалѣ древнихъ классическихъ народовъ, къ чему приводятъ кое-какіе намеки въ пѣсняхъ и обрядахъ румынъ и новогрековъ, и лишь въ случаѣ полной безуспѣшности поисковъ въ этомъ направленіи, можно удовлетвориться широкимъ объясненіемъ вожденія додолы, даннымъ учеными миѳологической школы. Объясненіе это можно принять въ томъ ограниченномъ смыслѣ, что „вожденіе тополи" входило въ разрядъ весеннихъ праздниковъ, обычныхъ какъ въ славянскомъ мірѣ, такъ и среди романскихъ и германскихъ народовъ [1]).

[1]) Подробное изложеніе швейцарскихъ весеннихъ праздниковъ съ сожженіемъ соломеннаго чучела зимы, съ примѣрной борьбой парней и дѣвицъ (штур-

59.

Игра въ короля

записана въ разныхъ мѣстахъ южной Руси Ходаковскимъ, Чубинскимъ, П. В. Ивановымъ и другими этнографами. Наиболѣе архаичная форма этой игры отмѣчена въ 30-хъ годахъ Ходаковскимъ подъ названіемъ Царица. Въ рукописномъ сборникѣ П. В. Иванова игръ крестьянскихъ дѣтей купянскаго уѣзда на варіантъ Ходаковскаго указываетъ лишь пѣсенка „царютинъ королекъ"; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, напр. вездѣ у Чубинскаго, является исключительно король. Игра въ царицы, по свидѣтельству Ходаковскаго, состояла въ слѣдующемъ: красивую замужнюю женщину усаживали лѣтомъ на холмѣ или камнѣ, зимою въ хатѣ. Ее окружалъ дворъ и дѣвицы невѣсты. Къ царицѣ подходили отъ парубковъ посольства просить невѣсты. Послы спрашивали при этомъ, умѣетъ ли дѣвушка хлѣбъ печь, прясть и т. п. Дѣвушка изъ скромности отвѣчала отрицательно; но царица приказывала ей исполнить работу; тогда она оказывалась хорошей работницей и выходила изъ ряда. Предварительно царица, однако, спрашивала парубка, умѣетъ ли онъ косить, орать, молотить, и женихъ долженъ былъ на дѣлѣ доказать свое умѣніе (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, 46). Въ другихъ варіантахъ игры дѣвушка-король выбираетъ себѣ невѣсту и уводитъ ее, причемъ вниманіе короля обращаютъ на „панчишки шовкови, черевички козлови"; „король иде—земля гуде" (*Чубинскій*, III, 42—46). Въ игрѣ отражаются воспоминанія народа о тѣхъ стародавнихъ временахъ, когда князья вмѣшивались въ семейную жизнь народа, устраивали бракосочетанія, брали себѣ жену изъ народной среды, высмотрѣвъ ее предварительно на весеннихъ хороводахъ, въ которыхъ молодежь участвовала безъ различія званія или сословія. Воспоминанія такого рода могли перейти въ дѣтскую игру, какъ многовѣковое преданіе, переходившее отъ старшаго поколѣнія къ младшему въ формѣ историческихъ сказаній, пѣсенъ, анекдотовъ. Съ теченіемъ времени исчезли даже и сказанія этого рода, но удержалось, такъ сказать, механическое воспроизведеніе ихъ въ игрѣ.

номъ крѣпости любви) и т. п. играми и обрядами см. въ соч. *Rochholz*, Tell und Gessler in Sage u. Geschichte, 1877, 3—20. Прим. авт.

60.

Игра въ кугиклы.

Въ селѣ Кошовѣ черниговской губерніи сохранилась любопытная игра дѣвушекъ въ кугиклы. Она начинается съ перваго сѣва гречихи, съ Кулинокъ, т. е. дня св. муч. Акилины, 13 іюня. Въ игрѣ этой участвуютъ только дѣвушки и жены молодухи, неимѣющія еще дѣтей. Общество ихъ дѣлится на три или четыре партіи. Въ первой партіи у каждой дѣвушки четыре дудочки изъ тростника, во второй—по три, въ третьей по двѣ и въ четвертой по одной. Партіи одна за другою идутъ тихимъ шагомъ по селу и играютъ на дудочкахъ, выводя не больше четырехъ отъ верха внизъ или три ноты къ низу и четвертую къ верху (*Архіеп. Филаретъ*, Ист.-ст. опис. черниг. еп., VII, 152).

Врядъ ли можно сомнѣваться, что здѣсь въ формѣ игры повторяется то, что нѣкогда имѣло серьезное значеніе Повидимому, мы имѣемъ въ кугиклахъ воспоминаніе о древней козацкой походной музыкѣ, а можетъ быть, даже о военной музыкѣ болѣе ранняго времени, до монгольскаго нашествія. Въ древней Руси передъ выступленіемъ въ походъ трубили (*Соловьевъ*, Ист. Рос., I, 221). Въ Словѣ о полку Игоревѣ „трубы трубятъ въ Новѣгородѣ; стоять стязи въ Путивлѣ". Въ XVI ст. въ Московскомъ государствѣ за передовымъ полкомъ шелъ большой полкъ съ множествомъ трубачей и литаврщиковъ, которые били въ литавры и трубили въ трубы. По словамъ Корба, эта музыка скорѣе могла навести уныніе, чѣмъ возбудить воинственное одушевленіе (*Ключевскій*,. Моск. госуд. 89). Подобнаго рода музыка была и у малороссійскихъ козаковъ; но такъ какъ въ нее входили свирѣли, то общій тонъ ея, вѣроятно, былъ еще болѣе заунывный. Въ думѣ про Ѳедора Безроднаго конца XVI или XVII ст. козаки, похоронивъ Ѳедора, „у суремки жалибно выхвалялы" (*Антоновичъ и Драгомановъ*, Ист. пѣс. I, 249).

Подобный архаичный характеръ, вродѣ кугиклы, имѣетъ музыка галицкихъ горскихъ пастуховъ, во время выгона стадъ на полонины. Впереди идетъ пастухъ-напередовецъ, въ черной мазанкѣ (въ маслѣ и сажѣ вываренной рубашкѣ), по бокамъ и сзади ледѣни, или парубки работники, въ сопровожденіи овчарскихъ собакъ, под-

гоняютъ скотъ. Ватагъ и старшій пастухъ заключаютъ шествіе съ навьюченными мѣдными котлами и деревянной посудой лошадьми. Сурмы засурмятъ, трубы затрубятъ, и весь таборъ пастуховъ, сопровождаемый игрой на сопѣлкахъ и веселыми пѣснями, идетъ тихимъ шагомъ по извилистымъ дорогамъ и горнымъ тропинкамъ на карпатскія возвышенности или полонины (*Головацкій*, Нар. пѣс., I, 698).

61.

Игра въ воротаря.

встрѣчается въ юго-западной Россіи (*Чубинскій*, III. 39, *Антоновичъ и Драгомановъ*, I. 39) и въ Галиціи (ib. 40; *Kolberg*, Pokucie I. 173). Играющіе дѣлятся на два хора, изъ которыхъ одинъ, представляется, сидитъ въ городѣ, а другой проситъ привратника воротаря пустить въ городъ. Этотъ второй хоръ несетъ дань, серебро и золото, или медъ, или дитя. Въ подлясскихъ варіантахъ пѣсни упоминается князь Романъ; гг. издатели „Историч. пѣс. малор. народа" высказали мнѣніе, что пѣсни и игра въ Воротаря или Володаря относятся къ Роману Мстиславичу галицкому. Данники пѣсенъ—древніе обитатели Подлясіи ятвяги, въ землѣ которыхъ Романъ владѣлъ городами, входы въ которые должны были крѣпко оберегаться воротарями; часть ятвяговъ была у Романа въ подданствѣ и платила ему дань (*Антоновичъ и Драгомановъ*, I. 42). Н. И. Костомаровъ не видитъ основаній для такого пріуроченія. „Пѣсня о воротарѣ, говоритъ онъ, безспорно глубокой древности, и крошечный ребенокъ... въ ней, вѣроятно, обозначалъ символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года". А. А. Потебня думаетъ, что въ малорусской пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII вѣка; но что для объясненія самой игры эта черта несущественна. Въ сходной сербской игрѣ говорится не о людяхъ князя Романа, а о войскѣ Стефана бана изъ Цареграда. Болѣе важными А. А. Потебня считаетъ тѣ черты малорусской игры, которыя допускаютъ миѳологическое объясненіе. Заключая отъ другихъ весеннихъ игръ, можно ожидать, что и здѣсь миѳологическія черты, буде онѣ есть, пріурочены къ сватанью и браку, причемъ слово

„мидиное дитя“ могло обозначать не „крошечнаго ребенка“, а младшую дочь или просто дѣвушку, какъ малорусское слово дивча. Такъ какъ золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень есть образы солнца, то и дитя (дѣвица), которое ими играетъ, есть солнце. Справки, вызываемыя другими чертами разсматриваемой игры, каковы вѣнокъ, ворота, медъ, дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что первоначальная сцена этой игры есть небо, что дѣйствіе, происходящее на ней, имѣетъ отношеніе къ восходу или закату солнца и вмѣстѣ съ тѣмъ къ браку (*Потебня,* Объяс. малор. пѣс. I, 55—127).

62.

Кострубонько.

Игра Кострубонько извѣстна въ Галиціи (*Kolb.* I. 158), юго-западной Россіи (*Чубинскій* III, 77), въ б. слободской Украинѣ, именно, въ купянск. у. подъ названіемъ Кострома (*Ивановъ,* рукоп. сб.) и подъ тѣмъ же названіемъ въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи (*Сахар.*, *Терещенко,* и др. сб.). Одна изъ играющихъ дѣвушекъ, стоящая въ кругѣ, спрашиваетъ, „чи не бачили вы мого Кострубонька“, и въ отвѣтъ ей говорятъ: „пишовъ у поле ораты“. Она показываетъ видъ, что плачетъ, а хороводъ поддерживаетъ ее пѣсней: „бидна моя головонько, нещасливая годыночко; щожъ бо я наробыла, що Коструба не злюбила; прійды, прійды Кострубочку, стану съ тобой до шлюбочку“. Притворный плачъ повторяется затѣмъ при словахъ, что Кострубъ пошелъ сѣять, лежитъ нездоровъ, а послѣ словъ, что его похоронили, дѣвушки принимаютъ веселый видъ, хлопаютъ въ ладоши, топаютъ ногами (*Чубинскій,* III. 77). Въ старобѣльскомъ уѣздѣ въ Кострому играютъ дѣти (*Ивановъ*). Въ Муромѣ Кострому торжественно хоронятъ въ первое воскресенье послѣ Троицына дня; въ пензенской и симбирской губерніяхъ въ Духовъ день дѣвки, выбравъ изъ своей среды одну, называютъ Костромой, наряжаютъ, несутъ къ рѣкѣ и здѣсь обливаютъ другъ друга водой (*Сахаровъ,* Рус. простон. празд. I, 183). Уже Аѳанасьевъ высказалъ мнѣніе о миѳологическомъ значеніи Коструба и въ объясненіе игры Кострубонько, между прочимъ, указалъ на сходный древне-

греческій весенній праздникъ Адониса, во время котораго носили изображеніе умершаго Адониса, пѣли печальныя пѣсни и совершали погребальную жертву или топили изображеніе Адониса въ водѣ (Поэт. воззр. III, 762), и на старинный праздникъ Ярилы въ Малороссіи, когда бабы оплакивали соломенную куклу Ярилы, сдѣланную со всѣми принадлежностями мужескаго пола (ib. 727). Все это различныя формы олицетворенія весенняго или лѣтняго солнца въ однихъ случаяхъ, или похороны ненавистной зимы въ другихъ варіантахъ игры.

63.

Кулачки

существуютъ изстари, и О. Ѳ. Миллеръ усматриваетъ въ нихъ остатокъ религіозно-обрядовой борьбы, символически означавшей борьбу зимы съ лѣтомъ (Опытъ I, 44), что, однако, весьма сомнительно. Повидимому, это остатокъ того первобытнаго соціальнаго порядка, когда близкимъ человѣкомъ считался только тотъ, кто жилъ подъ одной кровлей и ѣлъ изъ одной посуды, или ближайшій сосѣдъ, уличанинъ, односелецъ, и всѣ посторонніе считались чужими людьми, относительно которыхъ позволительно воровство и убійство. Изъ того же узкаго понятія объ обществѣ идутъ презрительныя краевыя клички по пустячнымъ признакамъ или ничтожнымъ случаямъ, въ родѣ Кромы—воры, орловцы—головоломы, харьковцы—чемоданники (по кражѣ чемодана у какого то высокопоставленнаго лица) и пр. т. п.

Въ отдаленную старину въ Россіи, кулачные и палочные бои происходили чаще всего зимою на льду. Охотники собирались партіями и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ они бросались одна на другую съ криками; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бились неистово и жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Церковь карала отлученіемъ предающихся такимъ забавамъ; въ правилѣ митрополита Кирилла (XIII в.), вошедшемъ въ Кормчую, какъ постоянный церковный законъ: участники кулачныхъ боевъ изгонялись изъ церквей, а убитые

въ кулачныхъ бояхъ считались проклятыми „и въ сей вѣкъ, и въ будущій“. „Аще ли нашему законоположенію кто противится, ни приношенія отъ нихъ не принимати, рекше просфуры и кутіи, свѣчи; аще же умретъ таковъ, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творитъ“ (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар. 91). Иногда и гражданская власть высказывалась противъ кулачныхъ боевъ. Такъ, гетманъ Скоропадскій въ 1719 г. издалъ универсалъ противъ кулачныхъ боевъ и вечерницъ... „звыкли и на кулачные бои, говоритъ Скоропадскій о народѣ, черезъ которые многіе здоровя, а иншіе лишаются и жизни, що все зъ образою (оскорбленіемъ) Божою дѣется“ (*Филаретъ*, Ист.-ст. опис. черн. еп. V. 205).

Въ Малороссіи кулачки происходили преимущественно на Рождество Христово между жителями разныхъ улицъ или городскихъ предмѣстій. Въ Переяславѣ кулачки происходили на рѣкѣ Альтѣ между Заильтицею и Спасчиной, лежащими на противоположныхъ берегахъ рѣки. Къ спасчанамъ присоединялись „козы“ (семинаристы), а заальтяне сплошь состояли изъ „чимбарей“ или кожевниковъ („*Кіев. Стар.*“ 1887, VI, 485). Въ Харьковѣ дрались хилодногорцы съ основянцами или москалевцами.

Героическія времена кулачекъ миновали. Теперь кулачные бои встрѣчаются изрѣдка въ селахъ или на окраинахъ города. Во многихъ селахъ кобеляцкаго уѣзда съ перваго дня Рождества парубки и женатые мужчины раздѣляются на два лагеря; большею частію силы распредѣляются поровну или центръ села ведетъ бой съ хуторянами. Сельскіе старосты по возможности умѣряютъ страсти; но кулачники все же успѣваютъ завязать бой и къ вечеру „Крещенья“ доводятъ его до самыхъ бурныхъ сценъ, и многіе изъ участниковъ возвращаются домой съ подбитыми глазами, съ помятыми боками и разбитымъ носомъ. Есть въ нѣкоторыхъ деревняхъ особенные любители кулачнаго боя; они обыкновенно покупаютъ два—три ведра водки одной изъ сторонъ, и тогда бой идетъ съ особымъ азартомъ (Харьк. Губ. Вѣд. 1888, № 337).

Отъ взрослыхъ кулачки перешли къ дѣтямъ. Лѣтъ двадцать назадъ кулачки были въ Харьковѣ среди гимназистовъ весной или осенью въ Карповскомъ саду въ яру. Три харьковскія гимназіи различались тогда по форменнымъ картузамъ гимназистовъ, именно

по кантику, при общемъ красномъ околышкѣ. У гимназистовъ 1-ой гимназіи былъ красный кантикъ, и они назывались красильщиками; у гимназистовъ второй гимназіи, „щекатуровъ", бѣлый кантикъ, а у гимназистовъ третьей гимназіи, „синяго мяса", синій кантикъ. Послѣднихъ было мало, и они рѣдко являлись на кулачки; но „красильщики" и „щекатуры" усердно ратоборствовали въ теплые весенніе вечера, вдали отъ бдительнаго ока начальства. Въ настоящее время кулачки встрѣчаются лишь среди уличныхъ мальчишекъ.

Игра въ кулачки бытовала въ старину и у другихъ европейскихъ народовъ. Въ Англіи въ XV и XVI ст. любимымъ увеселеніемъ на праздникахъ была драка на палкахъ. Въ XVIII ст. въ Англіи еще обычны были кулачные бои (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 166, 179).

64.

Пацъ и.

Паци — малорусское названіе великорусской игры въ бабки; иначе она называется ладышки, сашки. Игра эта весьма распространена въ Великороссіи и довольно обычна среди дѣтей въ Малороссіи. Бабки бываютъ чаще всего костяныя, изъ копытныхъ костей рогатаго скота или поросятъ, иногда изъ свинца или изъ дерева. Играютъ двое и больше. Видовъ игры довольно много. Играютъ „по колу", т. е. ставятъ по одной бабкѣ, „на конъ" по ровному числу паръ, „съ приставкою" и пр. т. п. Игра въ кости встрѣчается у многихъ народовъ сѣверной и восточной Россіи (самоѣдовъ, мордвы и др.), грузинъ, армянъ, киргизъ. Игры въ бабки подробно описаны въ соч. *Покровскаго* „Дѣтскія игры" с. 318—341. Здѣсь указано распространеніе игръ этого рода у разныхъ народовъ и преимущественно у народа русскаго, различныя формы и названія бабокъ и самой игры. О малороссійскихъ играхъ этого рода находится здѣсь сравнительно мало сообщеній; именно игра въ кости называется бабками (кубан. обл.); юръ—бабка спинкой вверхъ. Въ черниговской губ. играютъ въ бабки и зимою, на льду рѣки. Изъ малорусскихъ формъ игры здѣсь приведены „рачки" (кубан. обл.), „плоцки" (тамъ же),

ходокъ или задочка (т. же). Древность игры въ бабки открывается изъ археологическихъ могильныхъ раскопокъ. Въ двухъ черниговскихъ курганахъ, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ въ 1872 и 1873 г. и считаемыхъ могилами славяно-русскихъ князей послѣдняго столѣтія язычества въ Россіи, найдены, между прочимъ, игральныя косточки, представляющія собою бабки, или естественныя бараньи косточки. Подобныя же косточки найдены были затѣмъ проф. Самоквасовымъ въ каневск. у. кіевск. губ. въ одномъ курганѣ, относимомъ къ скиѳской эпохѣ, ко времени Рождества Христова (*Покровскій*, 71). У римлянъ игра въ бабки tali (отъ talus — игральная бабка или игральная кость) была азартной игрой. Сначала tali были естественныя кости отъ суставовъ ногъ животныхъ; но потомъ ихъ изготовляли изъ разнаго матеріала, причемъ каждая кость имѣла четыре стороны, отмѣченныя цифрами: 1, 3, 4, 6. Въ игрѣ употребляли 4 tali. Играли въ tali взрослые (*Уэлькенсъ*, Др.-рим. жизнь, 93).

65.

Глиняныя свистульки

можно видѣть на сельскихъ ярмаркахъ, вмѣстѣ съ горшками, глечиками и другими гончарными издѣліями. Онѣ извѣстны какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Россіи. Приготовляютъ ихъ въ видѣ животныхъ, барановъ, лошадей, кошекъ, собакъ, или въ видѣ солдатиковъ. Простѣйшій родъ свистулекъ такого рода есть подобіе птицы безъ ногъ, полой внутри. Въ хвостѣ этой птицы дѣлаютъ два отверстія, изъ коихъ одно, щелевидное, находится въ самой серединѣ хвоста, а другое недалеко отъ него снизу. Для извлеченія звука изъ свистульки, хвостъ ея берутъ въ ротъ и дуютъ. Чтобы разнообразить звукъ, продѣлываютъ еще два отверстія въ спинкѣ игрушки, которыя во время свиста закрываютъ и открываютъ пальцами, по мѣрѣ надобности. Продаются эти свистульки дешево, въ вятской губ. три на копѣйку, въ тверской двѣ на три копѣйки, въ харьк. по копѣйкѣ за штуку и т. д. (*Покровскій*, Дѣт. игры, 76). Уже простота свистулекъ говоритъ объ ихъ древности. При раскопкѣ

могилъ въ предѣлахъ б. сарайской орды вблизи г. Царева, могилъ XIV вѣка, найдены глиняныя свистульки въ видѣ птичекъ, какія въ ходу и у насъ теперь, сдѣланныя изъ хорошей глины очень чисто (ib. 70). Въ могилѣ Самтаврскаго кладбища подъ г. Мцхетомъ (на Кавказѣ), насыпанной не позже IV вѣка христіанской эпохи, найдена, между прочимъ, терракотовая игрушка въ видѣ маленькаго голубя, въ пустой внутренности котораго помѣщенъ какой то предметъ, производящій звукъ при сотрясеніи игрушки (ib. 71).

66.

Сопилка

дѣлается изъ дерева, имѣющаго мягкую сердцевину, бузины, ивы, черемухи. Сердцевина эта вывертывается вонъ тоненькой палочкой или выжигается раскаленной проволокой. Одинъ конецъ дудки срѣзывается наискось, и близь отверстія отщепляется тоненькій язычекъ и затѣмъ по длинѣ дудки прорѣзывается отъ 4 до 8 отверстій. Иногда такія дудки дѣлаютъ изъ камыша, ягеля, коровки. Подобнаго рода сопилки встрѣчаются у осетинскихъ пастуховъ (*Кокіевъ*, въ Сборн. матер. Дашк. музея I, 87), грузинъ (*Покровскій*, Дѣт. игры, 81) и др. народовъ. Грузинскія тростниковыя дудки „ствири“ дѣлаются такъ же, какъ и въ Россіи. Грузинскія сопилки изъ бузины, подобныя украинскимъ, такъ называемыя саламури, пользуются большой любовью населенія. Ихъ украшаютъ рѣзьбою, бережно хранятъ въ футлярѣ и часто по завѣщанію оставляютъ кому нибудь въ наслѣдство. Приставивъ къ губамъ саламури, дуютъ въ него умѣючи, не переводя дыханія, причемъ этотъ простой инструментъ, по словамъ народной пѣсни, издаетъ „голосъ сладкій, ублажающій, всѣ горести уничтожающій“ (*Покровскій*, 80). И среди малороссовъ встрѣчаются отличные музыканты на сопилкѣ, преимущественно изъ пастуховъ. Они умѣютъ извлекать изъ сопилки мягкіе и ласкающіе звуки. Въ древности сопилка имѣла болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ теперь, и различалось нѣсколько ихъ видовъ. Въ „Лексиконѣ“ Памвы Берынды 1627 г. слово свирѣль пояснено: „пищалка, музыка невеличкая, московская и тыжъ греческая, свѣтѣлка пастырская“.

Форма московской свирѣли неизвѣстна въ точности. „Греческая" свирѣль состояла изъ семи сложенныхъ врядъ дудокъ, срѣзанныхъ наискось такъ, что послѣдній стволъ былъ вдвое менѣе перваго; на ней играли, пробѣгая губами отверстія дудокъ, издававшихъ различные тоны (*Михневичъ*, Очеркъ ист. музыки, 88). Сопилка, повидимому, входила въ древнее время въ число военныхъ музыкальныхъ инструментовъ на югѣ Россіи. Димитрій Самозванецъ ввелъ сиповку, небольшую флейточку въ родѣ сопилки, въ московское войско (ib. 87). Сопѣль встрѣчается въ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ письменности въ значеніи греч. авлосъ, лат. tibia, сопьць—авлетéсъ tibicen, сопъти въ значеніи дудѣть, въ спискѣ Амартола XVI в. „долгими сопѣльми пѣти и сопѣти" (*Востоковъ*, Словарь, 182) Дудки въ видѣ лошадокъ были находимы въ европейскихъ гробницахъ языческой эпохи (*Покровскій*, 79). На глубокую древность сопилки указываетъ еще встрѣчающееся у многихъ европейскихъ народовъ сказаніе о томъ, что на могилѣ убитаго или убитой выросло дерево или камышъ, изъ котораго дѣлаютъ сопилку, и эта сопилка, помимо воли играющаго, вѣщаетъ міру о преступленіи (см. *Кулиша*, Зап. о юж. Россіи II, 20—23; *Аѳанасьева*, Народ. рус сказки VI, 25; VIII, 314, Grahmann, Abergl aus Böhmen, 87).

По малорусскимъ народнымъ повѣрьямъ звукъ сопилки любятъ русалки. Галицкіе горцы говорятъ, что майки (русалки) иногда берутъ на свои игрища овчарей, чтобы имъ играли на сопилкѣ; такъ, одного овчаря нашли сидѣвшимъ на камнѣ, причемъ подъ ногами его камень былъ пробитъ по косточку отъ битья мѣры (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, Мат. 52).

Свирѣль—любимый инструментъ хорватскихъ и сербскихъ пастуховъ. Хорватскій чабанъ поетъ imam od srebra sviralu, pa ja svirim za bielim ovcam, to se znade da sam ćobanine" (*Kuhač*, въ Rad jugosl, akad., кн. XLI, 21). Въ хорватскихъ пѣсняхъ обычно выраженіе, что у пастуха за поясомъ золотая или серебряная свирѣль. Въ Болгаріи на свадьбахъ „свирби свирѣтъ" (ib. 24). Большое сходство съ галицко-русскимъ разсказомъ о наклонности русалокъ слушать игру на сопилкѣ овчарей представляетъ хорватская сказка о томъ, какъ пристали волы къ одному пастуху, который „svirao u sviralu, prebirao je, prevracao i priželjkonao na svirali kao lastavica

na proljetnom suncu“ (игралъ такъ разнообразно и жалостно, какъ ласточка на весеннемъ солнцѣ), много лѣтъ пытались подчинить себѣ бѣднаго Станка и, какъ вѣдьмы, довели его до преждевременной кончины (*Kuhać*, 29).

67—69.

Бандура. Къ исторіи южнорусскихъ бандуристовъ. Къ вопросу о происхожденіи думы о смерти козака бандуриста.

Слово бандура встрѣчается, кромѣ малороссовъ, еще у болгаръ, чеховъ, поляковъ; извѣстно было грекамъ и римлянамъ (*Будил.* § 262, 20; *Miklos.*, Fremdw. 4). Слово кобза встрѣчается у разныхъ тюрко-татарскихъ народовъ, турокъ, венгровъ и др. (*Miklos.* 26). Повидимому, въ Украину первоначально зашла западная бандура, и затѣмъ она могла получить добавочное названіе кобзы, по сходству съ татарскимъ музыкальнымъ инструментомъ. Въ старинныхъ украинскихъ думахъ кобза играетъ большую роль, доказательство, что южнорусскіе пѣвцы издавна на ней уже „играли выгравали“ мелодіи родныхъ пѣсенъ. Устройство кобзы и ея музыкальное значеніе подробно объяснены въ статьѣ Н. В. Лисенка „Характеристика музык. особенностей малор. думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Вересаемъ“, напеч. въ I т. Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ.

Слово бандура, кромѣ значенія струннаго инструмента, имѣло иногда и другое, напр., у хорватовъ пандурица=signalpfeife, свирѣль. Въ слав. переводѣ Малалы пандура переведено словомъ: свирьць (*Весел.*, въ 32 т. Зап. А. Н. 161). Древніе греки знали бандуру, какъ восточный (ассирійскій) музыкальный струнный инструментъ; западные народы, начиная отъ испанцевъ (bandurria), италіанцевъ (mandola), французовъ (mandaire) и до славянъ включительно, пользовались бандурой, какъ народнымъ, жонглерскимъ инструментомъ. Вѣроятно, еще греческіе мимы играли на бандурѣ; по крайней мѣрѣ, въ синаксарѣ на 3 февраля мимъ называется пандуромъ; у Малалы пандуры являются въ качествѣ музыкантовъ (ib. 161).

Въ любопытномъ изслѣдованіи Кугача о южнославянской музыкѣ, напечатанномъ въ Rad jugosl. akad. znanosti i imjetnosti 1877 г.,

приведено нѣсколько фактовъ изъ исторіи южныхъ славянъ, фактовъ, бросающихъ нѣкоторый свѣтъ на древнѣйшую исторію южнорусской бандуры, о чемъ въ южнорусской письменности и поэзіи нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ. Уже Миладиновъ въ сборникѣ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ указалъ, что болгарскіе цари имѣли цѣлое войско пандуровъ или, точнѣе, такъ называлась передняя колонна войска, вѣроятно, состоявшая изъ музыкантовъ. Какъ шведскіе скальды пользовались большимъ уваженіемъ при королевскомъ дворѣ, такъ, повидимому, и пандуры играли видную роль при княжескомъ дворѣ; но такъ какъ пандуры участвовали во внутреннихъ волненіяхъ и заговорахъ, то князья потеряли къ нимъ довѣріе и стали считать ихъ крамольниками. Общественное положеніе пандуровъ понизилось, и многіе изъ нихъ обратились въ бездомныхъ скитальцевъ музыкантовъ и даже въ разбойниковъ. Въ половинѣ XVIII ст. баронъ Тренкъ собралъ въ Славоніи пандуровъ, они считались лучшими музыкантами въ войскѣ, причемъ музыка ихъ называлась turska, а потомъ evropska glasba. Точно неизвѣстно, какіе инструменты давали эту музыку; но почти навѣрно можно сказать, что въ ихъ числѣ была и бандура. Любопытно, что Тренкъ, человѣкъ высокообразованный по своему времени (зналъ 7 языковъ), въ своей автобіографіи вездѣ пишетъ banduri вмѣсто panduri. Заслуживаетъ вниманія еще то обстоятельство, что бандуры Тренка отличались особымъ костюмомъ, длиннымъ краснымъ плащомъ, или кобенякомъ (duga crvena cabanica). И въ старославянскомъ языкѣ словомъ *панъдаоуръ* обозначалась vestis quaedam, напр., въ фразѣ: „по велицѣхъ мьстехъ у коихъ се приносе многоцѣне велике чисте свите разлике, пардаури, хамуже хаздеи" (*Kuhač*, въ Rad. T. 39, с. 96—98).

Древніе украинскіе кобзари очень напоминаютъ южнославянскихъ пандуровъ. Это свободолюбивые воинственные музыканты, большею частью изъ безсемейныхъ удальцовъ запорожцевъ. На встрѣчающихся изображеніяхъ запорожца, играющаго на бандурѣ, находится пояснительный стихъ: „струны мои золотыи! заграйте мени стыха, ачей козакъ—нетяжище позабуде лыха" (*Кулишъ*, Зап. о Ю. Р. I, 192). И тутъ запорожецъ отвѣчаетъ южнославянскому пандуру, также горемычному нетяжищѣ. Если сходныя историческія событія порождаютъ сходныя слѣдствія, то не менѣе вѣрно и дру-

гое положеніе, что возможность вліянія обусловливается сходствомъ культурныхъ условій, и пандуры могли въ силу этого положенія оказать вліяніе на южнорусское казачество, преимущественно запорожцевъ.

Заговоривъ о сходствѣ южнославянскихъ пандуровъ съ южнорусскими бандуристами, мы кстати укажемъ здѣсь еще на сходство превосходной думы о смерти козака—бандуриста съ одной герцеговинской пѣснью про больного Іову и тамбуру. Дума гласитъ:

1. Ой на татарскихъ поляхъ
2. На козацькихъ шляхахъ
3. Не вовки сироманци квилять—проквиляють,
4. Не орли чернокрыльцы клекочутъ и пидъ небесами литають:
5. То сидитъ на могилѣ козакъ старесенькій,
6. Якъ голубонько сивесенькій,
7. У кобзу грае—выгравае, голосно спивае...
8. Кинь биля его постриляный, порубаный,
9. Ратище поламане, пихвы безъ шабли булатнои,
10. У ладивници ни однисенького побою,
11. Тильки и засталась ему бандура подорожная
12. Та у глубокій кишени люлька—бурунька,
13. Та тютюну пивъ папушки....

Козакъ бѣдняга трубочку покуриваетъ, играетъ на кобзѣ и жалобно поетъ: „Гей вы, братцы, паны молодцы, козаки запорожцы! гдѣ вы обрѣтаетесь? какъ поживаете? Возвращаетесь ли вы къ матери Сѣчѣ, побиваете ли ляховъ, загоняете ли татаръ въ полонь? Когда бы помогъ мнѣ Богъ расправить старыя ноги и поспѣть за вами, то можетъ быть я былъ бы въ силахъ заиграть и громко запѣть вамъ при концѣ жизни. Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука христіанская.

31. Ато пропаде моя кобза ни за собаку
32. Лежатыме сама соби у степу, вывернувши угору с...у!
33. А вже мени старенькому безъ кобзы пропадаты,
34. Не зможу и по степахъ чвалаты,
35. Будуть мене вовки сироманци зустриваты,
36. Будуть дидомъ за обидомъ коня мого заидаты.
37. Кобзо жъ моя, дружино вирная,
38. Бандуро моя малеваная!
39. Дежъ мени тебе диты?
40. А чи у чистому степу спалыты?
41. И попилець по витру пустыты?

42. А чи на могыли положиты?
43. Нехай буйный витеръ по степахъ пролитае,
44. Струни твои зачипае,
45. Смутнесенько, жалибнесенько грае—выгравае.
46. То може подорожни козаки бигтымуть близенько,
47. Почують, що ты граешь жалибненько,
48. Привернуть до могылы... (*Кулишъ*, Зап. о Ю. Р. I, 185).

Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и словахъ замѣтна искуственная редакціонная отдѣлка; такъ, стихи 8—13 возбуждаютъ нѣкоторое подозрѣніе въ поддѣлкѣ или расширеніи простаго основнаго мотива. Въ нѣсколькихъ строкахъ обрисовано все запорожское вооруженіе, что необычно коротко для народной пѣсни, притомъ въ другихъ думахъ не упоминаются ни ратище, ни пыхва, ни ладивница, а почти исключительно конь и сабля. Обращеніе козака—бандуриста къ запорожцамъ мѣстами также возбуждаетъ недовѣріе... Народнымъ духомъ и складомъ отличаются тѣ мѣста думы, гдѣ говорится о кобзѣ и старикѣ кобзарѣ.

Стихи 1—7, 46—48 встрѣчаются и въ другихъ думахъ (про бѣгство трехъ братьевъ, про Θедора Безроднаго), какъ общее высокохудожественное мѣсто, украшающій locus communis. Выдѣливъ съ нѣкоторой вѣроятностью собственно народную или наиболѣе типичную часть думы о козакѣ бандуристѣ, приведемъ теперь герцеговинскую пѣсню про „Bolan Iovo i tambura“, какъ нѣкоторый комментарій къ украинской думѣ и, можетъ быть, ея источникъ, или одинъ изъ варіантовъ ея сербскаго оригинала.

Na polju se al—čador vijaše,
Pod njim Iovo bolan bolovaše;
Više njega tambura stajaše.
Bolan Iovo iz trave govori:
Tamburico, moja dangubico!
Komeću te ostaviti pustu?
Da bih tebe ostavio majci,
U mene je ostarala majka;
Da bih tebe ostavio seki,
Seka će se udat za dragoga,
Pa će drugi s tobom tamburati,
Mojoj majci rane vrijedjati;
Da bih tebe ljubi ostavio,
Moja ljuba mlada i zelena,

Ona će se udat za drugoga,
Pa će drugi s tobom tamburati,
Mojoj majci jade zadavati.
Nego ću je sa mnom ukopati;
Kad ja trunem, nek i ona trune.
(*Kuhač,* въ Rad. т. 39 с. 85).

(т. е. На полѣ развѣвается—стоитъ алый шатеръ; въ немъ лежитъ больной Іово; его бандура виситъ надъ нимъ, и больной Іово говоритъ: Бандура, мое время препровожденіе danguba —буквально: пагуба дня, т. е. трата времени въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ), кому тебя оставить? Оставилъ бы я тебя матери—она стара, сестрѣ—сестра выйдетъ замужъ, и мужъ ея игрой на тебѣ будетъ растравлять у моей матери рану сердца, возлюбленной—она молода, выйдетъ замужъ, и мужъ ея игрой на бандурѣ будетъ „завдавать жалю" моей матери. Пусть же тебя закопаютъ со мною, и когда я буду гнить въ землѣ, то и бандура моя также).

Въ малорусской думѣ нѣтъ семейнаго начала сербской пѣсни. Козаку-нетягѣ, вѣроятно изъ бездомныхъ запорожцевъ, не къ лицу было вспоминать о сестрѣ или милой, но отношеніе къ бандурѣ козака и къ тамбурѣ Іова почти тожественно; для обоихъ бандура дружина вѣрная, и въ думѣ она исключаетъ даже мысль о возможности другой „дружины"; оба озабочены, кому оставить бандуру послѣ смерти, „де жъ мини тебе диты?" „kome ću te ostaviti pustu?" Козакъ рѣшаетъ оставить бандуру на своей могилѣ, Іово хочетъ взять ее съ собой въ самую могилу.

Таковъ основной сюжетъ украинской думы и сербской пѣсни объ умирающемъ бандуристѣ; но обработка ихъ весьма различна, и если даже допустить, что украинцы заимствовали основной мотивъ думы отъ южныхъ славянъ, то при всемъ томъ дума отличается оригинальнымъ характеромъ, глубокой гуманностью и художественной прелестью. Уже одна та подробность, что Іово эгоистично беретъ тамбуру въ могилу, а козакъ оставляетъ ее на могилѣ, гдѣ степной вѣтеръ безконечно долго будетъ разыгрывать на ней чудныя мелодіи, придаетъ украинской думѣ необыкновенную поэтическую силу.

Та черта, что козакъ и Іово задумываются надъ вопросомъ, кому достанется послѣ ихъ смерти бандура, не можетъ быть приз-

нана исключительно поэтическимъ мотивомъ. Уже самое существованіе такого мотива въ пѣсняхъ служитъ косвеннымъ доказательствомъ существованія его въ бытовой жизни, какъ обыденнаго факта. У всѣхъ народовъ дорожатъ хорошимъ музыкальнымъ инструментомъ, особенно если хранится память о талантливомъ музыкантѣ, игравшемъ на немъ. Говоря о сопилкѣ, мы замѣтили уже, что грузины дорожатъ своимъ духовымъ инструментомъ саламури, украшаютъ его, хранятъ въ футлярѣ и передаютъ въ наслѣдство по завѣщанію. Повидимому, такъ же любовно относился въ старину малороссъ къ бандурѣ, сербъ къ тамбуру или гуслямъ,—что видно уже изъ пѣсенныхъ выраженій: „кобза моя, дружина вѣрная, бандуро моя малеваная", „пишанъ кафанъ" (болг.), „srebna svirala, na njoj ima šesdeset limova polak zlatnich, polak srebrnijeh" (серб.), „sedefli tambura" (хорват., перламутровая тамбура). Въ сербской пѣснѣ вила держитъ въ правой рукѣ тамбуру съ золотыми струнами, въ лѣвой гусли изъ шамшитоваго дерева, украшенныя дорогими камнями, и смычокъ съ серебряной пуговкой и позолоченнымъ волоскомъ" (gudalo s pucnjom posrebrenim pritegnuto s vlasim pozlacenim, *Kuhač*, 85). Въ этихъ выраженіяхъ скрывается указаніе на обычай украшать музыкальные инструменты золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, по крайней мѣрѣ, рѣзьбой или раскраской.

70.

Цимбалы.

Цимбалами называется простонародный фортепіано. Натягиваютъ на рамку металлическіе струны, по которымъ ударяютъ стальной палочкой или надѣтымъ на палецъ стальнымъ наперсткомъ. Игра на цимбалахъ сопровождается или пѣніемъ или какимъ либо духовымъ инструментомъ. Въ Малороссіи изстари большой извѣстностью пользуется „троиста музыка", состоящая изъ скрипки, баса [1]) и цимбалъ (*Закревскій*, Стар. банд. 575) или изъ скрипки, бубна и цимбалъ (*Чубинскій*, VII, 450). Въ харьковской губ. записано

---

[1]) *Басъ* вродѣ большой скрипки, отъ италіан. слова basso; басóкъ—струна.

выраженіе: „Ой заграйте цимбалы, щобъ ніжечки дрижалы“ (*Номисъ*, § 12518). Звукъ цимбалъ сильный и пріятный.

Уже греки и римляне употребляли цимбалы (у грековъ кинвалъ, у римлянъ cynbalium); но у нихъ инструментъ этотъ былъ не струнный, какъ у славянъ, а состоялъ изъ двухъ мѣдныхъ полукружій, которыми били одно о другое. На цимбалы у нихъ по устройству былъ похожъ псалтеріумъ; у ассирійцевъ и евреевъ подобный инструментъ назывался набель, у китайцевъ кинъ. Въ старославянскихъ памятникахъ часто упоминается кимвалъ. Затѣмъ слово цимбалы встрѣчается у чеховъ, поляковъ, словенцевъ, литовцевъ. (*Kuhač*, въ Rad т. 39, с. 106). Мало по малу цимбалы выходятъ изъ употребленія какъ въ Малороссіи, такъ и въ другихъ славянскихъ странахъ. Въ старину, еще недавнюю, всѣ южные славяне пользовались цимбалами; но теперь цимбалы работаютъ только въ Хорватіи и Босніи. Въ Болгаріи, Сербіи, Далмаціи, Славоніи народъ уже забылъ про нихъ. Кугачъ думаетъ, что народъ въ этихъ мѣстахъ бросилъ цимбалы потому, что ими овладѣли цыгане, и славяне не захотѣли равняться съ этими номадами; но цимбалы заброшены и въ Малороссіи, гдѣ объясненіе это неприложимо, такъ какъ южнорусскіе цыгане не усвоили этого инструмента. Притомъ, какъ малороссіяне, такъ и другіе славяне относятся къ цыганамъ весьма благодушно.

71.

Гусли.

Слово гусли встрѣчается всѣхъ славянъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 202). Въ виду того, что слова этого нѣтъ ни въ санскритѣ, ни въ литовскомъ, что оно имѣетъ вполнѣ славянскій характеръ, Кугачъ полагаетъ, что гусли изобрѣтены славянами, по отдѣленіи ихъ отъ другихъ индоевропейскихъ народовъ, но до раздѣленія на вѣтви, приблизительно въ IV вѣкѣ (*Rad*, т. 38, с. 44). Греческій писатель Θеофилактъ говоритъ, что въ 592 году были взяты греческими воинами три славянина съ гуслями (*κίθαρα*, откуда гитара, цитра). Пресвитеръ болгарскій Козьма въ концѣ IX вѣка въ сочиненіи о богомильской ереси жаловался: „каки су то христіани, кои зъ гусльми,

и плесканіемъ, и пѣсньми бѣсовскими вино пиють и срештамь и сномь и всакому ученіу сотонину вѣрують". По словами арабскаго писателя начала X вѣка Ибнъ-Фоцлана у руссовъ были разнаго рода лютни, гусли и свирѣли. Въ памятникахъ древней славянской письменности часто упоминаются гусли и производныя отъ нихъ слова, гѫсль, гѫсльнъ (въ житіи Θеодосія Печерскаго, Нестора) „гѫсли Божія" (XII в.), „состроивъ и златы гоусли" (ib. 59). Въ домонгольской Руси, повидимому, гусли были въ большомъ употребленіи; объ нихъ упоминается, между прочимъ, и въ былинахъ древняго склада напр. въ былинахъ про Добрыню, Ставра, Садка. Во фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора гусли попали, можетъ быть, потому, что художникъ, воспроизводя музыкальныя инструменты въ византійскомъ циркѣ. находился отчасти подъ вліяніемъ мѣстной бытовой дѣйствительности. Гусли имѣютъ видъ легкой ручной арфы съ мѣдными струнами; ихъ можно настраивать высоко и низко. Въ Малороссіи долгое время играли на гусляхъ, преимущественно духовныя лица, по преданію о царѣ Давидѣ, любившемъ играть на гусляхъ. Въ пятидесятыхъ годахъ гусли можно было еще найти въ домахъ священниковъ; въ 1853 г. П. А. Кулишъ встрѣтилъ однажды этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпаго пѣвца-нищаго въ золотоношскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (*Зап.* о юж. Руси I, 189). Въ послѣднее время въ Малороссіи трудно уже найти гусли, и мнѣ лично приходилось только слышать похвальные отзывы о нихъ старыхъ людей.

Встрѣчающіяся въ великорусскихъ былинахъ „гусли яворчаты" (въ былинахъ о Садкѣ, о Добрынѣ), вѣроятно, южнорусскаго происхожденія. Яворъ (platanus orientalis) не растетъ на сѣверѣ. Любопытно, что въ старинныхъ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчается то же выраженіе: „gusle javorove". Эпитетъ „яворчатый, яворовый" показываетъ, что гусли дѣлались преимущественно изъ явора.

Гусли сохранились у южныхъ славянъ. Въ Сербіи, Срѣмѣ, Босніи и Герцеговинѣ почти во всякой хатѣ можно найти гусли; на нихъ играютъ молодые и старые, мужчины и женщины, духовные и свѣтскіе, люди богатые, нищіе, гайдуки. У серба гусли „дружина вирная", которой онъ впервые передаетъ свое горе или радость. Безъ гуслей не обходится ни одинъ праздникъ, ни одна игра; при

содѣйствіи ихъ народъ сохраняетъ свои историческія преданія и пѣсни. Чтобы дѣти съ малыхъ лѣтъ привыкли къ гуслямъ, имъ даютъ въ руки игрушечныя гусли (huslice). О гусляхъ часто говорятъ сербскія народныя пѣсни и лучшіе сербскіе поэты, напр., Мажураничъ, Гундуличъ, Петровичъ Нѣгошъ. Подобно тому, какъ малорусскіе кобзари распѣвали думы речитативомъ, и сербскіе гусляры сопровождаютъ игру на гусляхъ такимъ же размѣреннымъ, спокойнымъ и величественнымъ припѣвомъ. Веселыхъ, тѣмъ болѣе плясовыхъ пѣсенъ почти никогда не играютъ на гусляхъ. Въ Славоніи гусляры, подобно нашимъ лирникамъ, называются слѣпцами (sliepci), потому что большею частью дѣйствительно бываютъ изъ числа слѣпыхъ, и самыя гусли называются здѣсь уже sljepačke gusle. Гусляровъ народъ охотно слушаетъ и даетъ имъ болѣе вознагражденія, чѣмъ другимъ музыкантамъ. Почти во всякомъ сербскомъ селѣ есть мастера, изготовляющіе гусли, и инструментъ этотъ всегда можно дешево купить на базарѣ. Иногда украшаютъ ихъ рѣзьбой, бисеромъ, дорогими камнями; смычекъ украшаютъ перламутромъ, зеркальными стеклышками и т. п. Дорогія старинныя гусли высоко цѣнятся, особенно если онѣ имѣютъ символическія древнія нарѣзки. Одинъ гусляръ завѣщалъ такія гусли своему сыну со словами, что пока онъ будетъ имѣть ихъ, до тѣхъ поръ ему никто не можетъ нанести какого либо вреда, и послѣдній, хотя не понималъ значенія таинственныхъ нарѣзокъ на гусляхъ, берегъ ихъ до глубокой старости, какъ талисманъ (*Kuhač*, въ Rad, т. 38, с. 6).

Малороссіяне могутъ въ этомъ отношеніи позавидовать сербамъ, которые имѣютъ въ гусляхъ твердую опору для художественно-поэтическаго консерватизма и потому до сихъ поръ „кохаются въ ридныхъ писняхъ". Потеря бандуры и гуслей—важная потеря, и обусловлена она несомнѣнно тѣми глубокими измѣненіями всего общественнаго строя, какія имѣли мѣсто въ южной Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ запорожцевъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гуслямъ, которыя были присвоены особамъ духовнаго сана и тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для свѣтской поэзіи. Но затѣмъ мало по малу произошелъ разрывъ между народомъ и ин-

теллигенціей, сначала свѣтской, потомъ духовной, а вмѣстѣ съ тѣмъ сначала была заброшена бандура, а потомъ и гусли. Свѣтская интеллигенція и духовенство немного потеряли, если судить по музыкальному достоинству этихъ инструментовъ, и въ то же время много, если принять во вниманіе ихъ общедоступность и дешевизну.. Но какъ бы то ни было тутъ явилась сначала гитара, теперь также почти заброшенная, затѣмъ скрипка, флютъ-гармонія, фортепіано, рояль. По господствовавшей модѣ обученіе дѣвушекъ игрѣ на фортепіано сдѣлалось какъ бы обязательнымъ во всѣхъ мало мальски достаточныхъ семействахъ. Масса простаго народа, вполнѣ лишенная культурнаго воздѣйствія лучшихъ людей страны, передовыхъ классовъ общества, при неблагопріятныхъ бытовыхъ условіяхъ, не пошла впередъ по части поэтическаго музыкальнаго развитія, а отсутствіе прогресса здѣсь немедленно переходитъ въ регрессъ, и потому простой народъ остался лишь при самомъ простомъ музыкальномъ инструментѣ сопилкѣ и сохранилъ еще лиру въ ограниченномъ видѣ слѣпецкаго инструмента. Въ послѣднее время вмѣсто древнихъ бандуры и гуслей, дававшихъ музыкальное удовлетвореніе лучшимъ сторонамъ души, въ деревенскій обиходъ стала входить дешевая гармоника, визгливая, безтолково-шумная, въ звукахъ которой слышно что то пошлое, пьяное и развратное.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛИРНИКИ.

Давно уже обратилъ на себя вниманіе этнографовъ по своему немалому значенію въ исторической и современной жизни Малороссіи классъ сельскаго общества—кобзари и лирники.

До недавняго времени, сколько мнѣ извѣстно, вниманіе было обращено больше всего на репертуаръ кобзарей (лирниковъ въ позднѣйшее время). Знаніе же бытовой стороны тѣхъ и другихъ подвигается впередъ весьма медленно. Такая медленность, кромѣ другихъ причинъ, мнѣ кажется, происходитъ еще отъ того, что классъ этотъ живетъ своею особою корпоративною жизнію, проникнуть въ которую постороннему человѣку въ высшей степени трудно; и сколько не трудилось этнографовъ, однако еще нельзя сказать, чтобы у насъ подъ руками были всѣ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы вполнѣ освѣтить жизнь и роль кобзарей и лирниковъ въ современной и исторической жизни.

Для того, чтобы показать, какъ трудно въ данномъ случаѣ изученіе, укажу на такой крупный фактъ, какъ существованіе лирницкаго языка, о которомъ появились свѣдѣнія только полтора года тому назадъ въ галицкомъ журналѣ «Зоря».

Въ виду такой трудности необходимо пользоваться малѣйшими фактами, которые по мѣрѣ накопленія могутъ способствовать къ освѣщенію этого класса людей.

Предлагаемые мною этнографическіе матеріалы — результатъ моихъ наблюденій надъ лирниками въ разныхъ мѣстахъ Подоліи.

Встрѣчаться съ лирниками скорѣе всего можно на ярмаркахъ и на «отпустахъ». Особенно выдающіеся «отпусты» бываютъ: въ Браиловѣ на Троицу и на Петра и Павла, въ Летичевѣ на Ягодну (20 іюня), Карлашевкѣ (за Днѣстромъ, противъ Могилева), Лядавѣ, Мурафѣ, Голодькахъ, Улановѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Дома лирниковъ можно застать начиная съ Пасхи и до осени, въ другое время года они по большей части странствуютъ по чужимъ селамъ.

О мѣстѣ жительства ихъ можно узнать отъ самихъ же лирниковъ, такъ какъ они знаютъ другъ-друга на большомъ разстояніи. Привожу здѣсь списокъ лирниковъ, продиктованный мнѣ лирникомъ изъ м. Мизякова Александромъ. Винницкій уѣздъ: Браиловъ—Назаръ Юзвинъ—Юхремъ; Глинскъ—Адамъ; Кустовцы—Петро; Ксаверовка—Васыль; Винница—Дорохтей Карнаухій (безъ уха)[1]); Малые хутора—Мыхалко Пoрхонюкъ; Калиновка—Романъ; Ольхова—Франко (лядськый, молыться по польски и по русски); Межировъ—Антонъ, Меліонъ; Демидовка—Демьянъ; Кудовцы—Онохрей; Пиковъ—Ныконъ; Яновъ — Андрей Зоря; Томашполь—Дмытро; Журавно — Павло и Антонъ; Гулевцы—Иванъ; Потокъ—Левко; Щитка—Олекса Гайдай; Шершни—Михалко; Быскибка—Олекса. Литинскій уѣздъ: Литинъ—Павло; Вонячинъ — Михалко; Микулинцы—Артемонъ Коцюба; Балинъ—Давыдъ; Дашковцы—Мусій Шуга; Почапинцы—Семенъ; Багриновцы—Юхтымъ; Мальчевцы—Шымко; Широкая гребля—Михалко.

Нѣкоторые изъ этихъ лирниковъ мнѣ лично извѣстны, но о нихъ скажу нѣсколько словъ ниже.

Лирниковъ нужно строго отличать отъ другихъ нищихъ. У нихъ больше солидности, степенности, чѣмъ у остальныхъ нищихъ, но главнымъ образомъ они отличаются отъ нихъ какъ инструментомъ—лирой и репертуаромъ своихъ пѣсенъ, такъ и тѣмъ, что представляютъ собою отдѣльный классъ въ народѣ, для вступленія въ который требуются особыя условія. Недостаточно нищему слѣпцу купить лиру, чтобы быть лирникомъ, но онъ долженъ прежде пріобрѣсти право носить ее, долженъ вступить въ «лирництво». За самовольное ношеніе лиры дѣды—лирники строго наказываютъ—бьютъ виновныхъ и уничтожаютъ лиру.

Желающій быть лирникомъ обязанъ идти въ науку къ старому лирнику, у котораго въ продолженіи 3 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ изучаетъ лирницкій языкъ, молитвы, игру на лирѣ и пѣніе религіозно-нравственныхъ, сатирическихъ и другихъ пѣсенъ. Нужно замѣтить, что учить лирницкимъ пѣснямъ имѣетъ право только лирникъ. Учитель по отношенію къ ученикамъ является «хазяиномъ», и они называютъ

---

[1]) Мыколаевськый москаль, дуже любыть выпыты—навить лиру пропывае. Багато знае лирныцькыхъ писень.

его «дядькомъ» и «господинъ хазяинъ». За обученіе онъ получаетъ отъ учениковъ въ качествѣ вознагражденія только то, что они успѣютъ выпросить; а для этой цѣли посылаетъ ихъ по селамъ, причемъ каждому изъ нихъ нанимаетъ на свой счетъ поводыря.

Въ началѣ обученія ученикъ, кромѣ пѣсенъ, необходимыхъ для него, какъ для будущаго лирника, выучиваетъ еще слѣдующую, которую спеціально употребляетъ для выпрашиванія милостыни. Онъ входитъ въ хату какого-нибудь хозяина, становится на колѣни, или, какъ говорятъ, «кленчытъ» и, пригинаясь къ землѣ, поетъ:

Же Сынъ то Божый, мамцю,
Же Духъ то Святый, квитю,
Въ вашому дому пробувае,
Вамъ у помичъ стае.

Же мылая моя, мамко,
Же мылый то, отче,
Возлюбленныце Божа,
Наслидныце Хрыстова!

Такъ маюче, моя мамко,
Такъ маюче, моя квитю,
Пры серци сокрушеннимъ,
Пры дому благословеннимъ

Сорочечку, моя мамцю,
Сорочечку, моя квитю,
Альбо штанци на мое то гришне тило
На прыкрываніе.

Прыкрыйте, моя мамцю,
Прыочыстьте, моя квитю,
И отъ калу, и отъ бруду,
Якъ самъ Господь прыкрывае:

Древо лыстомъ—корою,
А землю травою,
А сонце луною,
А воду тмлою,

А рыбу лускою,
Небо оболокамы,
А птыцю пырамы,
А горы скаламы.

А птыцю пырамы,
А горы скаламы,
А брегы пискамы,
Небо оболокамы.

На цимъ-то, мамцю, свити жывше-нежывшы
На цимъ-то, мамцю, свити жывше-нежывшы,
Хрысту руци склавшы,
Богу й духъ отдавшы!

Спамятайтежъ, моя мамцю,
Спамятайтежъ вы цего,
Що свитъ, небо й земля его!
Штыры дошкы дубовыны,
Сажень земли-сыровыны!

Не просюжъ васъ, моя мамцю,
Не просюжъ васъ, моя квитю,
Ани сребла, ани злата, ани шаты дорогіи
Ни маеткы таковіи.

Тилько просю-возрыдаю
Нызенькымъ уклономъ,
Ангельскымъ Божымъ словомъ
Эменія Сусъ-Хрестова.

Такъ маюче, моя мамцю,

Такъ маюче, моя квитю,
Полотенця й злотыкъ
На божую хвалу—
На сорочечку собырану.

То я буду, моя мамцю,
По билымъ свити прохожаты,
Злотыкъ до злотыка собыраты,
А за васъ Господа благаты.

Такъ маюче, моя мамцю,
Такъ маюче, моя квитю,
Прадивця съ куколокъ пару
На Божую хвалу—
На сорочечку собырану.

То я буду, моя мамцю,
То я буду, моя квитю,
По билому свити прохожаты,
Куколка до куколкы собыраты,
А за васъ Господа благаты.

А цей то, мамцю, свитъ
Такъ, якъ маквъ цвитъ
Тожъ винъ процвитае,
Нихто его не збырае:
Сыра-земля пожырае.

Такъ маюче, моя мамцю,
Такъ маюче, моя квитю,
Рушнычокъ, альбо хустыночку
На протыраніе Хрыстове.

То я буду, моя мамцю,
То я буду, моя квитю,
Болезни оченькы протыраты,
А за васъ Господа благаты:
За здоровья мамцю мыле,
За жытя дочасне.

Такъ маюче, моя мамцю,
Такъ маюче, моя квитю,
Грошыкивъ и съ пару
На Божую хвалу—
На свытку собырану.

А зимыжъ то холодни!
То я буду, моя мамцю,
Душу свою прыгриваты
А за васъ, якъ день, такъ ничъ,
Господа благаты[1])

Невыдастеся, моя мамко,
Невыдастеся, моя любко,
Не субожаете, моя квитю,
И не субожаете, моя квитю!

И не укалъ той укынете,
И не подъ нози востопчете—
Своїй души царствіе,
Своїй души царствіе возслидуете.

Возлюбылысь-те, мамцю, Господа
на неби,
Возлюбить же, мамцю, ныщого
на земли,
Не велыка жъ то буде трата,
Тилько буде отъ Господа Бога
заплата.

---

[1]) Передъ Пасхой вставляются еще слѣдующіе куплеты:

Такъ маюче, моя мамцю,
Яечокъ исъ пару,
На Божую хвалу,
Ради святъ Божественныхъ,
На свячиня Хрестове.

То я буду, моя мамцю,
То я буду, моя квитю,
Яичка спожываты,
А за васъ Господа благаты.

Такъ маюче, моя мамцю,
Такъ маюче, моя квитю,
Мукыци зъ мысочку
На пасочку собырану.

То я буду, моя мамцю,
Мукыцю собыраты
Рады святыхъ Божественныхъ
спожываты,
А за васъ Господа благаты.

Заплатыть вамъ Господь зъ найвысшого неба,
Де души и тилу найлучше потреба.

Не будьтежъ, мамцю, таковіи,
Не будьтежъ хрестіяне таковіи.
Якъ той богатый Иліонъ бувавъ,
Що срибла й злата до постаткахъ мавъ,
Винъ на церкви й костелы не даванъ

Але будьте, мамцю, таковіи,
Якъ Марія Дѣва бувала:
Идну рызу мала
На тры части паювала.

А першую, мамцю, рызу,
А першую, мамцю рызу
Святому Василію на заслону дала,
А другою рызу ныщыхъ прыкрывала.

Же третюю, мамцю, рызу
Же третюю, мамцю, рызу,
На церквы й костелы отдала,
А соби царствіе возслидувала.

Славымо тебѣ Господа Бога молымо за упокой всѣхъ сродниковъ умершыхъ, упысаныхъ, не упысаныхъ, у гробахъ сопочывшыхся; помяны Господы у царствія небесного, у покою вѣчного, у раю свѣтлого. Помяны Господы пры вечирняхъ, пры правечирняхъ, пры всиношняхъ, пры ютреняхъ и пры службахъ Божыхъ помяны ихъ Господы до Царствія небеснаго, до покою вѣчного, до раю свѣтлого, де вси святи упочываютъ де ангельску пѣснь спиваютъ. Спасетъ васъ Господь и помылуетъ, даруетъ счастія, здравія, спасенія и многа лѣта отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

Нужно замѣтить, что, становиться на колѣни можетъ только ученикъ,—настоящій же лирникъ этого не сдѣлаетъ, считая это униженіемъ для себя.

Когда весь курсъ ученія пройденъ [1]), учитель собираетъ дѣдовъ, и ученикъ подвергается экзамену. Выдержавъ это испытаніе, онъ получаетъ «везвилку» и становится настоящимъ лирникомъ [2]).

Экзаменъ и полученіе «везвилки» происходитъ слѣдующимъ образомъ. Когда приглашенные дѣды соберутся, тогда ученикъ входитъ въ хату, падаетъ въ ноги учителю и цѣлуетъ ихъ два раза, а третій разъ руку, остальныхъ дѣдовъ цѣлуетъ только въ руку, и выражаетъ просьбу, чтобы они позволили ему быть лирникомъ, чтобы дали «везвилку». Потомъ угощаетъ ихъ водкой, которой беретъ около $^1/_2$ ведра,

---

[1]) Нужно замѣтить, что учитель не выучиваетъ ученика всѣмъ пѣснямъ, которыя самъ знаетъ и ученикъ, по выходѣ изъ науки, самъ заботится о пополненіи своего репертуара, или какъ говорятъ, „доходыть разуму“.

[2]) Простой дѣдъ изъ Мизяковской слободки Андрей Полищукъ для того, чтобы быть принятымъ въ компанію дѣдовъ—лирниковъ, долженъ былъ брать „везвилку“, которая въ данномъ случаѣ состояла въ томъ, что онъ купилъ имъ водки.

вообще смотря по своему состоянію. Сначала самъ выпьетъ, потомъ дастъ три рюмки учителю, а затѣмъ угощеніе остальныхъ дѣдо́въ идетъ по очереди. Послѣ этой выпивки начинается экзаменъ: ученикъ поетъ выученныя пѣсни, играетъ на лирѣ и читаетъ молитвы. По окончаніи экзамена, одинъ изъ старыхъ дѣдовъ, по большей части самъ учитель, даетъ ученику хлѣбъ. Тотъ отрѣзываетъ съ трехъ сторонъ «цилушки», посыпаетъ одну солью и прячетъ ее за пазуху. Взятіе этой «цилушки» называется «взяты везвилку» и считается самымъ важнымъ, такъ какъ послѣ этого ученикъ становится уже настоящимъ лирникомъ и никто не имѣетъ права отнять или разбить ему лиру.

Давъ ученику хлѣбъ, дѣды высказываютъ ему всякія пожеланія: «дай тоби Боже, щобъ ты бувъ здоровый, якъ вода, а богатый, якъ земля; щобъ тоби зъ воды й зъ росы йшло»... и отпускаютъ его: «гряды во имя Господне».

Лиру онъ получаетъ или сейчасъ, или потомъ. При этомъ происходитъ слѣдующая церемонія. Учитель вѣшаетъ ее сначала на себя, потомъ поднимаетъ полу своей свитки—ученикъ накрываетъ лиру своей полой; учитель снимаетъ ремень съ своей шеи и накладываетъ его на шею ученику. Такимъ образомъ лира передана. Наконецъ учитель благословляетъ молодаго лирника, бросаетъ ему въ лиру на счастье нѣсколько монетъ и отпускаетъ его на самостоятельную жизнь.

Между этими новыми лирниками и ихъ бывшими учителями связь не прекращается. По заведенному издавна обычаю, они, изъ уваженія къ своимъ учителямъ, должны ежегодно носить имъ наканунѣ Рождества «вечеру», а на Пасху—«калачъ».

Молодые лирники относятся къ старымъ съ уваженіемъ и должны ихъ во всемъ слушаться. Если молодой лирникъ въ чемъ нибудь провинится, то старые, когда соберутся на «отпустѣ» или на ярмаркѣ, разспросивъ свидѣтелей, какъ было дѣло, по своему суду расправляются съ виновнымъ. Въ виду такихъ преслѣдованій «молодой лирникъ, какъ говоритъ отецъ лирника А. Зори, бильшъ боицця старого лирника, нижъ старшины або врадника».

Между старыми лирниками есть пользующіеся особеннымъ почетомъ. Къ таковымъ принадлежитъ Никонъ въ Пиковѣ и Павло въ Литинѣ. Но происходитъ ли это старшинство отъ ихъ выбора въ старшіе или же отъ того, что они сами собою выдѣляются въ своей средѣ, несмотря на всѣ мои старанія, узнать мнѣ не удалось.

Интересенъ обычай дѣдовъ отдавать другъ-другу «день-добри».

При обыкновенной встрѣчѣ они привѣтствуютъ одинъ другаго: «кудень клевый, лебію!» — «аби тоби кудень клевищый!» — что равносильно: «день добрый!—дай Боже здоровья!» Но встрѣчаясь на «отпустахъ» или на ярмаркахъ, они отдаютъ «день—добри». Пришедшій говоритъ: «позволь, Отче небесный, поклоныт̑ся усимъ святымъ (возможно полный перечень святыхъ) и праздникамъ не мынающымъ (тоже полный перечень праздниковъ). Що, брацци, жывъ? здоровъ у руци, у нози? крипкій? моцній?»... и разспрашиваетъ про жизнь, хозяйство и проч., наконецъ высказываетъ пожеланіе: «щасты Боже на «соборъ» (отпустъ) или на ярмарокъ». Другой на это отвѣчаетъ: «спасибо, спасибо» и въ свою очередь отдаетъ ему «день добри». «День добри, брацци, мое: позволь, Отче небесный, поклоныт̑ся усимъ святымъ» и прочее въ томъ порядкѣ, какъ сказалъ и первый. Отдаваніе «день—добри» тянется очень долго и тяготитъ дѣдовъ; поэтому они стараются сократить его. (При экзаменѣ же они требуютъ отъ учениковъ точнаго знанія его). Послѣ этого привѣтствія иной разъ кто нибудь изъ нихъ спрашиваетъ: «а хто, брацци, борщу запарыть?» или «козу звелычае?» То и другое означаетъ выпивку. Если у вопрошаемаго нѣтъ денегъ, то говоритъ: «не можу запарыты, бо тиста нема» (денегъ нѣтъ).

Къ числу великихъ лирницкихъ секретовъ относится ихъ языкъ. О существованіи его даже изъ крестьянъ рѣдкій знаетъ. Четыре года тому назадъ мнѣ удалось напасть на слѣдъ его. Открылъ мнѣ этотъ языкъ мизяковскій лирникъ Александръ. Большею частію отъ него, а немного отъ «жебрущаго» дѣда изъ Мизяковской слободы Андрея Полищука, мнѣ удалось составить словарь (не обладающій, кажется, возможной полнотой). Сообщили мнѣ слова подъ величайшимъ секретомъ, съ просьбою не говорить объ открывателѣ дѣдамъ, такъ какъ ему за это здорово придется поплатиться. Составлять словарь пришлось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Для того же, чтобы не впасть въ ошибку, я весь словарь провѣрилъ нѣсколько разъ.

Относительно лирницкаго языка (называютъ его «лебійскимъ» [1]), лобурськой мовою») нужно сказать, что онъ ревниво охраняется дѣдами только по традиціи. Они говорятъ на немъ, когда никого нѣтъ, или такъ тихо, что никто не услышитъ ихъ; слѣдовательно, употребляютъ его при такихъ обстоятельствахъ, когда могутъ говорить обыкновеннымъ нарѣчіемъ.

---

[1]) „Лебійской“—отъ слова „лебій“ дѣдъ.

О причинѣ и времени возникновенія его отъ дѣдовъ я ничего не зналъ. Между старыми лирниками, можетъ быть и есть преданіе объ этомъ. Въ галицкомъ журналѣ «Зоря», въ статьѣ «Дѣдôвска (жебрацка) мова» г. Викторинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «походить она, якъ каже Павло (бывшій поводырь, отъ котораго г. Викторинъ записалъ ее), зъ часовъ панщины. Дѣдами, каже, бували тодѣ не сами старцѣ, калѣки, немочни; дѣдами перебиралисъ и здорови селяне, що втѣкали одъ пановъ, щобъ бути вольными». Эти мнимые дѣды мстили своимъ панамъ. «Отъ же ти дѣды змовляються на що недобре, то звычайно ради бы упевнитися, щобы ихъ хто не подслухавъ, або подслухавши, бодай не заразъ порозумѣвъ усе. Одъ того певно пошло, що попридумували багато словъ, зрозумѣлыхъ хиба имъ самымъ, а переплетаючи ними звычайну бесѣду, чинили еи неразумѣлою сумѣшкою» [1]).

Справедливы ли эти слова о причинѣ и времени возникновенія дѣдовскаго языка, но знаю.

Употребляются слова этого языка по правиламъ малорусской рѣчи.

Тяжела вообще жизнь слѣпца. Кромѣ того, что онъ лишенъ счастія видѣть окружающій его міръ, пользоваться тѣми дарами природы, какіе находятся въ распоряженіи человѣка со зрѣніемъ, онъ по необходимости долженъ еще просить на свое пропитаніе и нерѣдко переносить голодъ, холодъ и униженіе. Горькое сожалѣніе слѣпца о своей участи и тяжкая жизнь его хорошо обрисованы въ записанной мною «жебранкѣ»:

Добродители мылостывіи,
Доброточкы праведніи,
Отцеви Богу спасытельніи!
А простритьже вы руку даящую,
Подайтежъ, мамцю, що мылость ваша
Подайтежъ на Отче нашъ святый, на обмоленіе,
Свои души на спасеніе.
Ахъ майтежъ, моя мамцю, жалисть надо мною,
Надъ моею ныщотою,
Надъ моимъ то калицтвомъ довичнимъ.
Не бачу жъ я, мамцю, якъ праведне сонечко сяе.
Не бачу жъ, моя квитю, якъ день божій мынае;
Не бачу, мамцю, якъ вечерокъ, моя квитю, прымеркае.

---

[1]) „Дѣдôвска (жебрацка) мова“. „Зоря“ Липня 1886, число 13 и 14, стр. 237.

А заслоныло жъ мени оченькы заслоныло,
Якъ клыновымъ лыстомъ застелыло...
Якъ быжъ то я, мамцю, свитъ Божій выдавъ,
Тобъ я дорижокъ и стежечокъ той не засидавъ.
Воливъ бы я, мамцю, въ сыри то земли гныты
Нижъ бы, моя квитю, по билимъ свити ходыты.
Воливъ бы я, мамцю, въ матерыни утроби зогныты,
Нижъ мавъ бы на свитъ народытысь.
Воливъ бы бъ я, мамцю, заробыты,
Воливъ бы бъ я, квитю, заслужыты
Гирка моя, мамцю, зароба
Нудна моя, квитю, заслуга.

«Жебранку» эту часто приходится слышать, но не всегда въ одинаковой формѣ: иногда обращеніе бываетъ до «дядечка», часто слышатся новые куплеты, а нѣкоторые совсѣмъ отсутствуютъ. Однажды въ Браиловѣ мнѣ пришлось слышать отъ слѣпой нищей длинный и прекрасный варіантъ этой «жебранки», въ сравненіи съ которымъ приводимый здѣсь кажется небольшимъ обрывкомъ.

Всѣ нищіе поддерживались и поддерживаются крестьянствомъ. Крестьяне жертвуютъ имъ не съ брезгливымъ и гордымъ презрѣніемъ, а со смиреніемъ и дѣлаютъ это какъ что то обыкновенное и должное. Кромѣ заведеннаго издавна обычая, тутъ дѣйствуетъ еще нравственное побужденіе, которое прекрасно охарактеризовалъ дѣдъ Янко [1]) изъ Юзефовки, приселка м. Шаргорода. «Насъ есть багато бидныхъ; хто жъ дужчый, той пидтрымуе биднищого: самъ купуе муку, а тоби дасть крумку хлиба. Оттакъ жыемо: Богъ дасть тому, а торкне того—дай тому, а той дасть тому... та такъ и пидтрымуемось».

Не касаясь той высокой дѣятельности лирницкихъ предшественниковъ—кобзарей, этихъ малорусскихъ бардовъ, укажу на дѣятельность лирниковъ, которая поддается непосредственному наблюденію.

Пѣсни сатирическія и юмористическія лирники поютъ гдѣ нибудь на веселой оказіи, но на «отпустѣ», на ярмаркѣ или же переходя изъ хаты въ хату, поютъ они пѣсни духовныя и нравоучительныя; и не одному, конечно, приходилось наблюдать то сильное впечатлѣніе, какое производятъ эти послѣднія на крестьянъ. Описывается

---

[1]) Дѣдъ этотъ представляетъ собою большой интересъ для этнографа, такъ какъ обладаетъ замѣчательною фантазіею. Отъ него и про „велетни" и про что угодно можно узнать.

ли, напр., что ожидаетъ грѣшниковъ и что праведниковъ, каковы мученія первыхъ и блаженная жизнь послѣднихъ; описывается ли ненормальная общественная и семейная жизнь, напр. дурныя отношенія мужа и жены, родителей съ дѣтьми, дѣтей между собою, горькая жизнь сироты у мачихи, вражда сосѣдей и т. п.—все это оказываетъ глубокое вліяніе на слушателей, и не одинъ, конечно, примѣняетъ подходящее къ себѣ. При этомъ заунывное пѣніе и игра на лирѣ еще болѣе приводятъ слушателя въ грустное расположеніе духа; глаза его устремлены или на пѣвца, или въ пространство и нерѣдко появляются на нихъ слезы.

Въ м. Шаргородѣ разъ, послѣ такого пѣнія, стоявшій возлѣ меня пожилой крестьянинъ, съ которымъ я завязалъ разговоръ по поводу слышаннаго, сказалъ: «оттакъ треба добре поступаты, щобъ питы направо, а не наливо. Може воно й справди такъ буде, якъ оци старци співають?... Може ци старци вчени, то це й знають?»..

Наблюдать вліяніе лирниковъ на крестьянъ и вообще ихъ взаимныя отношенія [1]) лучше всего можно на «отпустахъ». На ярмаркѣ крестьяне—народъ занятой: всякъ спѣшитъ продать—купить и уѣхать домой; поэтому и не всякому возможно удѣлить время на слушаніе лирника. На «отпустѣ» же наоборотъ: сходятся сюда или съ цѣлію религіозною (исповѣдаются, пріобщаются), или ради развлеченія (особенно изъ молодежи), или же для покупки мониста, платковъ и т. п. и имѣютъ полную возможность послушать «божественныхъ пѣсенъ».

Въ настоящемъ году мнѣ пришлось быть на «отпустѣ» въ Браиловѣ. «Отпустъ» бываетъ въ женскомъ монастырѣ и въ костелѣ. Стеченіе сюда народу и лирниковъ бываетъ большое. Послѣднихъ здѣсь было 15 душъ. Часть ихъ была въ мѣстечкѣ (около костела не было ни одного лирника), а часть на полѣ, на дорогахъ предъ Браиловымъ. Со стороны полустанка ихъ было 3. Первымъ, кого я здѣсь встрѣтилъ, былъ лирникъ изъ м. Зинькова Бернацкій. Прошу его спѣть «панщины». «А на шожъ вона вамъ? ни, я іи не вмію». Я этому не повѣрилъ (потомъ я узналъ, что онъ дѣйствительно поетъ ее) и просилъ спѣть Николая. Возлѣ насъ остановились послушать пѣсню и богомольцы изъ ямпольскаго уѣзда. Изъ нихъ кто далъ лирнику ломоть хлѣба, кто пирогъ, а кто копѣйку. Крестьяне съ большимъ вниманіемъ прислушивались къ пѣнію. Въ это время

---

[1]) Къ уясненію взгляда крестьянъ на лирниковъ нужно замѣтить, что крестьяне называютъ ихъ „людьми Божыми“.

проѣзжали мимо насъ какія то дамы и съ насмѣшкой посмотрѣли въ нашу сторону.

— Сміецця, а не знае того, говоритъ мнѣ въ полголоса старичекъ крестьянинъ, що цей слипець може въ сто разъ достойнищый въ Бога видъ неи и видъ насъ!..

Пѣсна кончена. Идемъ дальше.

— Ото якый красный чоловикъ, говоритъ сочувственно «молодыця», щобъ то самому заробыты та щей другому даты, мусыть у другихъ просыты.

Завожу разговоръ о дидахъ со старичкомъ; о нихъ онъ высокаго мнѣнія.

— А хто по вашому мылосерднищый до лирника? спрашиваю его.

— Та вже жъ мужыкъ. А хиба дидъ навчыть чому небудь злому? Заробляючы хлибъ, спивае божественни писни, люде его слухають и може яке серце здригнецця и схаменецця...

Въ самомъ Браиловѣ какъ въ мѣстечкѣ, такъ и около монастыря богомольцевъ была масса, думаю тысячъ 10. Движеніе толпы безпрерывное. Въ оградѣ монастырской вокругъ стѣнъ группами (по селамъ) отдыхалъ народъ. Отъ воротъ до монастыря въ два ряда «сыдухи» продаютъ рыбу, хлѣбъ, бублики, конфекты и т. п.

Лирники разбросаны по всему подворью. Возлѣ каждаго густая толпа слушателей, всѣхъ возрастовъ и половъ крестьянъ; нѣкоторые изъ нихъ для большаго удобства садятся тутъ же на землѣ около лирника. Въ кружкѣ царитъ тишина, кой когда нарушаемая тѣмъ или инымъ замѣчаніемъ слушателя. Если кто закажетъ пѣсню, то платитъ 3 коп. Но по окончаніи пѣнія и очень часто во время его жертвуютъ и другіе: кто дастъ копѣйку, кто калачикъ. Послушавъ одного лирника, направляются къ другому; ихъ мѣсто занимаютъ новые пришельцы. (Если лирникъ просидитъ нѣкоторое время безъ слушателей, то переходитъ на другое мѣсто). Я замѣтилъ одного «парубка», который переходилъ отъ одного лирника къ другому.

— А сподобалысь вамъ оци писни? спрашиваю его.

— А якъ же, сподобалысь. Цилыхъ 12 часовъ стоявъ бы та слухавъ ихъ. Якъ то жаль, що въ насъ, коло Шайгорода, нема лирныкивъ.

Братъ на брата ворогуе,
Сестра на сестру чары готуе...

поетъ лирникъ.

— А хиба жъ то нема такъ на свити, якъ оце дидъ спивае?... слышится въ толпѣ.

Подхожу къ слѣдующей группѣ и слышу рыданіе, которое по временамъ то усиливается, то переходитъ въ всхлипываніе. Тутъ были большею частію слушательницы—взрослыя и юныя дивчата. Кто знаетъ—можетъ быть здѣсь были и сироты, про горькую долю которыхъ пѣлъ лирникъ:

Хоць сырота робыть, робота ій ни защо—
Все говорыть мачуха: сырота лядащо.

Здѣсь же остановились послушать пѣсню и двѣ панны, но незамѣтно было, чтобы «сыритка» произвела на нихъ впечатлѣніе, и улыбающіяся ихъ физіономіи представляли собою рѣзкій контрастъ остальной картинѣ...

Въ другой группѣ крестьянинъ проситъ лирника спѣть преподобнаго Ивы, но дѣдъ его не знаетъ.

— Отъ уже пятёхъ пытавсь, и нихто не вміе, а давно вже я его чувъ. То заспивайте жъ, диду, Почаевськой Божои Матери, но тилько такъ, якъ у кнызи напысано.

— Оттожъ то й бида для насъ, що де хто понаучувався зъ кныжокъ, тай хлибъ одъ насъ одбыва...

Въ оградѣ монастырской, кромѣ лирниковъ, было много и другихъ нищихъ. Тамъ, около воротъ сидитъ калѣка, положивъ предъ собою на тряпочкѣ почернѣвшія кости ногъ своихъ и проситъ Христа—ради; тутъ же благообразной наружности слѣпой старецъ «вычытуе» акаѳисты; просятъ милостыню — «добродители мылостывіи» ... слышится съ разныхъ сторонъ. Слѣпыя нищенки держались группами и пѣли то «жебранку», то 12 пятницъ.

Были здѣсь и такіе, что читали акаѳисты по книгѣ. Имъ точно такъ же какъ и другимъ нищимъ жертвовали богомольцы. Меня особенно заинтересовалъ одинъ такой старикъ. Съ очками на носу, онъ цѣлый день на одномъ мѣстѣ читалъ псалтырь. Около него, какъ и возлѣ всякаго нищаго, была «торба» съ милостыней. Но, видно, нѣкоторое время онъ не получалъ подаяній; поэтому съ горя обратился къ прохожимъ:

Дайте, мылостывіи хрестіяне
Дайте, що мылость ваша,
Дайте, хоць по шыи дайте
И за те спасыби скажу—
То буду знаты, що не даромъ стоявъ...

Подхожу къ лирнику. Вокругъ него слушатели. Пѣлъ онъ «Олексея». По окончаніи пѣсни, прислушиваюсь къ разговору.

— Добре зробылы, що не просылы спиваты, бо я не спивавъ бы, говоритъ лирникъ.

Разспрашиваю. Бабы объясняютъ мнѣ, что онѣ совѣтовали «хлопцямъ» сложиться на 5 коп. и послушать Коновченка, но лирникъ отказался пѣть его.

— Хочъ ця писня дуже гарна, але диды спиваютъ іи по празднывахъ, то що... объясняетъ мнѣ сосѣдъ.

Потомъ я разспрашивалъ лирника Зорю о причинѣ этого отказа. Онъ объяснилъ мнѣ его тѣмъ, что, вѣрно, самъ лирникъ не умѣлъ пѣть его, такъ какъ пѣсню про «панщину» и Коновченка лирники, въ виду запрещеній со стороны монахинь, не поютъ только въ оградѣ монастырской. По словамъ Зори, Коновченка во время праздниковъ заставляютъ пѣть почти во всякой хатѣ.

Думу эту впервые пришлось услыхать отъ крестьянъ. Поютъ ее въ Дашковцахъ, Мизяковскихъ хуторахъ и въ Гущинцахъ. Въ Дашковцахъ я записалъ незначительный варіантъ ея отъ старика крестьянина Романа Гедзя, большаго любителя пѣсенъ. Поютъ эту думу даже «дивчата». Присутствовавшая при записываніи одна женщина сказала: «моя дивка тилько штыры разы прослухала цю писню тай уже всю спивае».

Полный и интересный варіантъ Коновченка я записалъ отъ крестьянина с. Гущинецъ, калѣки Александра Димныча, по прозванію «Плазуна». Отъ него же я пріобрѣлъ и нѣкоторыя другія лирницкія пѣсни. Знаніе ихъ Димнычемъ объясняется тѣмъ, что онъ, какъ мастеръ дѣлать скрипки, лиры [1]), бываетъ въ частыхъ сношеніяхъ съ лирниками и отъ нихъ выучился этимъ пѣснямъ.

Изъ извѣстныхъ мнѣ лирниковъ я имѣлъ больше возможности наблюдать мизяковскаго лирника Александра. Онъ особливо интересенъ тѣмъ, что не слѣпъ и обладаетъ хорошимъ зрѣніемъ. Нужно замѣтить, что существуютъ, хотя какъ рѣдкое исключеніе, и «выдючи» лирники,—какъ Семенъ въ Почапинцахъ и Мина изъ кіевской губ. (говорятъ, что они немного видятъ). Но были у Александра особыя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ онъ пошелъ въ диды. Въ малолѣтствѣ остался онъ сиротой и попалъ въ опеку къ дядькѣ. Тотъ отдалъ его въ поводари, и съ этого времени начинается жизнь его среди лирниковъ, жизнь скитаній по бѣлому свѣту. Страсть къ

[1]) За лиры онъ получаетъ отъ 2-хъ до 3 рублей.

странствованію, къ перемѣнѣ впечатлѣній настолько въ немъ укоренилась, что приводы въ свое село по этапу, стараніе полиціи водворить его на мѣстѣ жительства, подѣйствовать на него не могли: сегодня приведутъ, а чрезъ день—два онъ опять уже странствуетъ. Бывалъ онъ когда то и на работахъ, но придетъ пора, онъ затоскуетъ и опять пойдетъ въ «сьвиты». Въ настоящее время ходить за милостыней ему никто не препятствуетъ, только въ своемъ селѣ десятскіе съ сотскимъ иной разъ высказываютъ по этому поводу желаніе полакомиться водкой на его счетъ. «Хиба я кони краду, чы коморы розбываю, що воны до мене чипляюцця? До жыдивъ бильшъ у ныхъ мылосердія, чымъ до хрыстіянына»... жалуется онъ на нихъ.

Поводаремъ Александръ былъ у слѣдующихъ лирниковъ: у Мусія Шугы изъ Дашковецъ, у Юхрема изъ Юзвина, у Юхтыма изъ Багриновецъ, у Габра изъ Грузького Майдана, у Демьяна изъ Демидовки, у Зозули изъ Браилова, у Назара изъ Могилевки и у Оныська изъ Раженъ.

Ходить же самостоятельно за милостыней сталъ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сначала ходилъ со слѣпымъ мальчикомъ, а послѣ женитьбы со слѣпой женой. Самъ онъ по чужимъ селамъ играетъ роль еле видящаго, а иногда и совсѣмъ слѣпого. Представляется же такимъ въ совершенствѣ: съ глазами, пущенными подъ лобъ (видны только бѣлки) онъ можетъ простоять цѣлый день; длинные волосы, всклокоченная борода и ухватки дѣлаютъ изъ него неузнаваемаго дѣда. Сознаніе того, что обманывая такимъ образомъ, онъ поступаетъ дурно, въ немъ мало развито. Онъ до того не стѣсняется, что даже разсказываетъ, какъ представляется слѣпымъ, какъ проситъ и т. п.

Крестьяне, конечно, не одобряютъ того, что онъ при полной возможности быть хорошимъ работникомъ пошелъ въ диды, но зная, что у него, какъ говорится, нѣтъ ни кола, ни двора, зная, что онъ такъ втянулся въ эту жизнь, что оставить ее не можетъ, они мирятся съ этимъ и говорятъ: «такъ ему Богъ давъ», «то вже такый таланъ его». Вслѣдствіе такого отношенія къ нему, они очень много способствовали его женитьбѣ (случившейся 6 лѣтъ тому назадъ) на старой, слѣпой дѣвѣ. Дѣвушка эта до выхода замужъ сильно бѣдствовала. Для облегченія ея участи крестьяне и подговорили Александра жениться на ней. Вообще они относятся къ нему не съ враждой или злобой, но добродушно, а подчасъ и съ иронiей. По своимъ личнымъ качествамъ онъ слыветъ за добраго малаго. Зовутъ его или сами заходятъ къ нему послушать «божественныхъ писень» (голосъ у него

недурной). На крестьбинахъ или при другой веселой оказіи онъ съиграетъ имъ «доскочыстой» или споетъ что нибудь забавное. Соберутся ли «дивчата» и «парубки» на «улыцю» и здѣсь его лира иной разъ станетъ «въ прыгоди». Но бываетъ, что молодежь и подтрунитъ надъ нимъ. По разсказу его, въ Гущинцахъ, сосѣднемъ селѣ, надъ нимъ такъ пошутили. «Въ одній хати заставъ я парубкивъ и дивчатъ, заспивавъ имъ божественной и йшовъ уже изъ хаты, такъ дивчата й пытаюцця: «чы не даты вамъ, диду, мукыци?» — «Спасыби. Дайте, якъ мылость ваша». Воны скорійшъ до коморы, вынесли мыску мукы, дай всыпалы мени въ торбу—а шельмы й не засміюцця! Потимъ, колы я до теи мукы, а то попилъ!»

Сами же лирники не одобряютъ того, что онъ пошелъ въ диды, но если и разрѣшаютъ ему быть лирникомъ, то только потому, что онъ съ малолѣтства служилъ поводаремъ у разныхъ лирниковъ почти даромъ.

Съ женою своею Александръ живетъ въ согласіи, слушается ея, покупаетъ ей все необходимое и даже даетъ ей прятать деньги—что дѣлаетъ въ виду своей склонности выпить. Если онъ трезвъ, то жена въ это время имѣетъ полное вліяніе на него и онъ даже побаивается ея; если же пьянъ, то уже жена его боится, такъ какъ онъ можетъ и поколотить ее.

Живутъ они у одного крестьянина, за квартиру ничего не платятъ, только зимой кой-когда купятъ дровъ да за мойку бѣлья даютъ 2 руб. въ годъ. Кромѣ того жена Александра оказываетъ хозяевамъ ту услугу, что иной разъ понянчитъ ихъ дѣтей.

Александръ ходитъ съ ней только по ближайшимъ селамъ, въ дальнія ее не беретъ. Ходитъ онъ въ Мизяковскихъ хуторахъ, Майданѣ Супруновскомъ, Супруновѣ, Пеньковкѣ, Дашковцахъ, Лукашевкѣ, Ксаверовкѣ, Якушинцахъ, Стрижовкѣ, Лавровкѣ, Медвѣдкѣ, Павловкѣ, Калиновкѣ, Яновѣ, Гущинцахъ, Байковкѣ, Багриновцахъ, Вонячинѣ, Кривошіяхъ, Хуторахъ, Воронинцахъ, Улановѣ и друг.; бывалъ онъ и въ дальнихъ селахъ, какъ Ярошенка, Бырлинцы, Копайгородъ, Лядова; былъ два раза и въ Кіевѣ.

Выпрошенныхъ припасовъ всегда хватаетъ ему на прожитье,—иной разъ и продастъ еще что нибудь изъ нихъ. Водится у него и копѣйка. Самый лучшій сборъ бываетъ на «отпустѣ» въ день отъ 20 коп. до 1 руб. Въ послѣднее время онъ началъ зарабатывать молотьбой хлѣба у крестьянъ.

Полнымъ лирникомъ Александръ считаться не можетъ, такъ какъ не получилъ еще «везвилки». Въ виду этого онъ ходитъ съ лирою

только въ ближайшихъ селахъ, за что сосѣдніе лирники его не преслѣдуютъ. До полученія «везвилки» ему еще осталось два—три мѣсяца. Будучи поводаремъ онъ учился пѣснямъ у разныхъ лирниковъ, но въ послѣднее время учителемъ его состоялъ Андрей Зоря.

Учить же другихъ онъ не имѣетъ права, но недавно онъ рискнулъ выучить «жебранкѣ» одного слѣпаго мальчика изъ Мизяковскихъ хуторовъ и вывести его въ Браиловъ. Лирники предъявили къ нему претензію и ему пришлось бы круто, если бы онъ во время не удралъ отъ нихъ. Потомъ, когда онъ былъ въ ихъ компаніи, они экзаменовали его: спрашивали молитвы, «день добри» и заставляли пѣть и играть на лирѣ. Затѣмъ посовѣтовали ему еще доучиться («розуму дойты»), «покорытысь» кому нибудь хоть на два мѣсяца и преждевременно не брать учениковъ.

Александръ довольно общителенъ. Благодаря ему мнѣ пришлось добыть нѣкоторыя свѣдѣнія о лирникахъ. Такъ, между прочимъ, говорилъ онъ о томъ, какъ лирники, поклонники Бахуса, заботятся о хорошемъ мнѣніи о нихъ крестьянъ: «якъ тилько лирныкы заходятъ въ коршму пыты, то вышлють на сторожу одного поводаря, щобъ знаты, якъ хто буде иты: щобъ не сказалы люде, що старци Божи пьянствують». Отъ него я узналъ обрядъ посвященія, который въ общемъ провѣрилъ у Зори, «день добри» (тоже провѣренное), пѣсню «якъ кленчать», «жебранку», и нѣкоторыя другія.

Лирникъ Андрей Зоря. Не разъ мнѣ приходилось слышать хорошіе отзывы о лирникѣ Зорѣ, хвалили его какъ хорошаго пѣвца и музыканта. Зоря средняго роста и съ виду еще совсѣмъ молодой безъ усовъ и бороды. Настоящая его фамилія Довгалюкъ. Зоря—прозвище.

Первыя мои посѣщенія къ нему были не совсѣмъ удачны—все не приходилось застать его дома. Живетъ онъ въ м. Яновѣ на «Царській гори», у своего отца. Отецъ его (по прозванію—Редько) удѣлилъ ему половину дома и третью часть огорода—поля еще не даетъ. Хозяйство у нихъ, какъ и у всякаго крестьянина—хозяина средней руки. Предъ Пасхой на ихъ куткѣ былъ пожаръ, сильно повредившій ихъ домъ и уничтожившій всѣ постройки. Исправленіе дома обошлось Зорѣ и старику по 40 рублей.

У Зори, кромѣ отца, есть еще мать, сестра, братъ, жена и сынъ. Отецъ его словоохотливъ и откровененъ. Пошли у насъ съ нимъ разговоры о житьѣ-бытьѣ и о его сынѣ. О немъ онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

«Андрей саме тоди родывся, якъ ходылы на варту зъ спысамы—цебъ то въ мятежъ. Бувъ и я якось на тій варти. Прыбигае( ) ене су-

сида дай каже, щобъ я йшовъ до дому, бо гости маю—давъ мени Богъ сынка Андрея. Я щей тоди увыдивъ, що винъ слипый буде. Якось потымъ, черезъ килька рокивъ, якъ стоялы у насъ москали, одынъ пидхвебель й каже мени, щобъ я визъ сына до одного дохтора назвавъ и мисце. И що той дохторъ такъ зробыть, що ему очи одкрыюцця. Збыраюсь ото ихаты, збываю копійку, захожу въ волость, щобъ то бумагу взяты, а нашъ цырулныкъ жыдъ клянецця передъ мною и передъ волоснымъ, що нихто вже Андрееви не поможе, бо то такъ ему зъ рода. «Потратытесь, каже, и ничо съ того не буде— готовъ голову свою даты въ закладъ.» Думавъ я, думавъ тай заставсь дома. Чы зле зробывъ, чы добре Богъ его зна»...

«Якъ Андрей пидрисъ, почалы мы зъ жинкою водыты его по церквахъ, монастырахъ та костелахъ—де тилько чулы якый чудотворный образъ. Но трохы помогло ему въ нашому, Янивському костели. Зачавъ ксендзъ даваты свяченои воды, щобъ іи на платынкахъ прыкладаты до очей; зачалы мы тее робыты та молытысь до Матери Божои, вона й видкрыла трохы ему вика и появылась слеза. Писля цего ему стало лучче. Вывожу его якось на двиръ—бляскъ сонця такъ и вдарывъ ему въ очи. «Що це, тату, таке ясне»?—Це, сыну, праведне сонечко сяе. А якъ ничъ, то винъ каже, що темно. Якъ-же побачывъ бляскъ мисяця, то й пытаеця: «а це що блыщыть?»—Це, сыну, мисяць свитыть. Теперъ вже добре знае, колы, день, колы ничъ».

«Йдуть лита, отъ и прышла пора подуматы що робыты зъ Андреемъ. Дочку вже, слава Богу, выдавъ замужъ и отдилывъ іи зъ зятемъ, а все що остаецця, все це достанецця по мои смерти Андрееви и менчому мому сынкови. Щожъ думаю соби, буде винъ дурно сыдиты, якъ неможе хазяйнуваты, нехай ынчымъ способомъ працюе. Виддавъ его въ науку до пыкивського лирныка Ныкона. Той мени каже, що визьме мого Андрея на 3 годы й 3 мисяци. Що я не допросывсь, щобъ скорійшъ выпускавъ его, ничого не помогло. «Не можу, каже: якъ здавна заведено, нехай такъ и остаецця». Вывчывсь винъ скоро, розумомъ Богъ его не обдилывъ. Не маю що жалкуваты: поведенія винъ добраго,. не пьяныця, людей шануе и его люде шанують. Отъ, якъ здыбаюсь зъ якымъ чоловикомъ зъ другого села, та якъ начне мени его хвалыты, то мени такъ мыло це слухать (а перше не прызнавалысь такъ до мене!)».

«Потимъ пидойшла пора и женыты его. Теперъ въ него вже й дытынка е и стараецця винъ для своеи симьи. А старатыся мусыть, бо й для симьи й для поводара треба. Поводаръ бере дохидъ (бѣлье,

одежду и обувь) и 6—10 карбованцивъ въ рикъ. Та ще, якъ лучыцця добрый, а то часомъ прыдасця таке ледащо, що вкраде и обмане».

— А такъ не бувае, щобъ дидъ-лирныкъ вкравъ?

«Межы дидамы за це трудно, а бувае воно межъ поводарамы— вся бида на ныхъ! Въ Браилови на отпусти одынъ поводаръ-сынъ тогожъ лирныка, що водывъ—вкравъ кашкета, то лирныкъ, батько его, попросывъ, щобъ протяглы сынка дай всыпавъ ему гарачыхъ для наукы... А безъ поводара слипцеви трудно обійтысь, хоць мій Андрей може и самъ зайты куда завгодно. Разъ прыходять до мене лирныкы—йшлы воны въ Калынивку на ярмарокъ—тай просять, щобъ и Андрей йшовъ зъ нымы. Пишовъ винъ. Пидъ вечеръ порасходылысь диды зъ торговыци, а Андрея й забулы взяты съ собою. Бачыть винъ, що самъ зоставсь и никому его весты, вставъ дай пишовъ до дому. Черезъ села зъ Калынивкы йде дорога до Пыкова, а есть поворотка и въ Янивъ. Поворотку ту винъ якось и промынувъ. Не хтилось ему назадъ вертатысь, отъ винъ и пишовъ въ Пыкивъ, а зъ видтиль и прыихавъ до дому».

Я высказалъ удивленіе, что его сынъ изучилъ такую длинную дорогу.

«Що-то це. А отъ рокивъ 30 тому назадъ бувъ у насъ въ Янови старый лирныкъ Юхремъ, дакъ винъ човномъ издывъ по рици, ятири наставлявъ и рыбу ловывъ. Наставыть ятира, а потимъ прыйде до него. А війде въ лисъ, то всяку птыцю знае. Винъ бачте, ослипъ на 18 року, то ему зъ малку все це було звисно.

Хорошее мнѣніе старика-отца о своемъ сынѣ потомъ вполнѣ подтвердилось, когда я узналъ его. Хотя онъ еще молодъ, но уже установился и развитъ не по лѣтамъ.

Въ настоящее время между дѣдами ходитъ молва, что имъ воспретятъ ходить по міру и засадятъ въ богадѣльни. Это ихъ страшитъ и очень волнуетъ. Привожу здѣсь мнѣніе Зори, высказанное по этому поводу.

— Богъ его зна на що то запрещають намъ за мылостынею ходыты. Перше хоць за пашпорты пыталысь, а теперъ прямо кажуть: не ходы. Того ярмарку въ Калынивци врадникъ цилый день гонывъ насъ: «выберайтесь, каже, звитце», тай годи (Богъ его зна чого ему хочецця!) «У васъ е общество, нехай воно васъ отрымуе». А хиба насъ воно не отрымуе? Тилько не одно село, а багацько силъ. Неможужъ я но въ свому сели за мылостынею ходыты, тоди зовсимъ пропавъ бы, бо мылостыня якъ стрила—кого схоче, того вдарытъ. Якъ намъ буде воспрещено ходыты, то не буде съ чого й жыты. Ску-

дова будемо пытаты тѣлеса своя? Гонывъ бы насъ, якъ бы мы былысь або що... Бувае часомъ такый дидъ, що впьецця, а звисно: пьяный чоловикъ свичкы не поставыть, тилько звалыть; тай выходыть, якъ то кажуть: паршыва вивця все стадо портыть. Но не всижъ таки!

— Ходыть чутка, що ныщоту будуть браты въ богадѣльни. А хиба видъ тыхъ богадѣльнъ намъ лучше буде въ свити жыты? Тымъ тилько добре буде, хто буде завидуваты тымы богадѣльнямы (добре кишени понабывають), а намъ ще гиршъ буде, якъ було. Запруть тебе туды, якъ горобця въ клитку, сыды тай цвиринькай... Якъ же мы ходымо по свити, то спиваемъ про Божество та молымось за мыръ Богу—за те насъ и годують!

Репертуаръ Зори состоитъ изъ 42 пѣсенъ и одного акаѳиста. По словамъ Зори, его учитель, лирникъ Никонъ, знаетъ 47 пѣсенъ и 3 акаѳиста, а одинъ изъ лирниковъ с. Журавнаго знаетъ 120 пѣсенъ. Самъ Зоря предпочитаетъ пѣсни религіозно-нравственныя, такихъ же, какъ «теща» и т. п. недолюбливаетъ.

Отъ него я записалъ интересный варіантъ «панщины». Прочитавъ ее, далеко не получишь того впечатлѣнія, какое бываетъ при пѣніи ея лирникомъ. Глубокій юморъ, безпощадная и сильная иронія мстятъ бывшимъ панамъ за рабство, за попираніе человѣческихъ правъ и достоинства. При пѣніи ея присутствовали крестьяне. У стариковъ она будила воспоминанія о пережитомъ горѣ, о подневольной работѣ, о розгахъ, о всевозможныхъ несправедливостяхъ и т. п. прелестяхъ крѣпостной зависимости. Со слезами они слушали ее и во многихъ мѣстахъ комментировали. Даже дѣти 9—10 лѣтъ и тѣ по адресу панщины посылали проклятія.

— Ходыть чутка, що паны назадъ хотять панщыну вернуты.—Ну, ну, було та мынуло!... слышится разговоръ.

«Панщыну» поютъ не одни только лирники, поютъ ее и остальные крестьяне. Кромѣ «панщыны» я записалъ у Зори еще другія пѣсни, приводимыя ниже.

Лирникъ Никонъ. Большой интересъ представлялъ собою для меня пиковской лирникъ Никонъ. Часто мнѣ приходилось слышать хорошіе отзывы о немъ крестьянъ, но для меня особенно интересно было то, что о немъ высокаго мнѣнія сами лирники, какъ Зоря и Александръ. По словамъ послѣдняго, Никонъ у лирниковъ вродѣ начальника, имѣетъ большое вліяніе на нихъ и «винъ ходыть не такъ, якъ мы, а такъ, якъ дякъ».

Домъ Никона—обыкновенная просторная крестьянская хата. Жилое помѣщеніе раздѣляется на двѣ части: первая большая комната, а другая поменьше—кухня. Вокругъ стѣнъ лавки, а вмѣсто «полу» кровать. На стѣнахъ, какъ водится, много иконъ и на крючкѣ, многозначущая для Александра мизяковскаго, «чемерка».

Семья у Никона небольшая: жена лѣтъ 45 и четверо дѣтей—двѣ дочки и два сына. Старшую дочь онъ уже выдалъ замужъ за хозяина, меньшая еще невѣста; старшій сынъ учится у кузнеца, а меньшій еще дома.

Самъ лирникъ человѣкъ еще не старый, лѣтъ подъ пятьдесятъ, средняго роста, русый съ небольшой жидкой бородкой и низко опущенными на лобъ длинными волосами, производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Лицо у него выразительное: видна твердость, энергія и умъ. Поговоривъ съ нимъ, я увидѣлъ, что онъ очень развитъ и что кругъ его понятій, въ сравненіи съ другими лирниками, гораздо шире. Онъ имѣетъ понатіе о книгопечатаніи, о типографіи; по его словамъ, типографія прежде находилась въ Почаевѣ, а потомъ была перенесена въ Кіевъ. На жизнь и людей смотритъ съ точки зрѣнія религіи и справедливости [1]). Въ разговорѣ употребляетъ массу текстовъ и поговорокъ. Съ большою любовью относится къ своимъ пѣснямъ. Творцами пѣсенъ религіозно-нравственныхъ онъ считаетъ святыхъ и апостоловъ.

Меня интересовало, какъ онъ смотритъ на дѣятельность лирниковъ; поэтому, заговоривъ съ нимъ о томъ или иномъ трудѣ людей, я спросилъ какъ онъ смотритъ на трудъ лирниковъ. На это онъ сказалъ, что Іисусъ Христосъ для проповѣдыванія своего ученія избралъ учениковъ и 12 апостоловъ, а по вознесеніи своемъ оставилъ для этого хромыхъ и слѣпыхъ [2]).

Относительно лирниковъ Никонъ замѣтилъ, что между ними есть всякій народъ и что «есть и такый, що перелепече писню скорійшъ, абы мылостыню взяты, а есть и такый, що цего не зробыть, бо це гришно. Вже мени най Богъ простыть, а якъ часомъ писня довга, а я зморанный, то въ идни хати почну, а въ другій скинчу».

---

[1]) Я того мнѣнія, что, производя вліяніе на общество пѣснями духовными и моральными, лирники (лучшіе, конечно, представители этого класса, такъ какъ и здѣсь есть люди и людишки) и сами находятся подъ вліяніемъ этихъ пѣсенъ.

[2]) Взглядъ этотъ отчасти аналогиченъ со взглядомъ кобзаря Андрея Шута. „По его понятіямъ нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели". Зап. о южн. Рос. Кулиша, стр. 45.

Затѣмъ онъ снялъ «струментъ» и предложилъ послушать что-нибудь. «Оцеи вы десь певне не чулы?» и заигралъ Николая кіевскаго.

Заговорили про думу «Коновченко». Онъ съ удовольствіемъ говорилъ о ней, всю исторію назвалъ правдивой. Когда же жена сказала, что это выдумки дѣдовъ, онъ съ серцемъ отвѣтилъ: «эхъ, бабы, вы то й есть татары, туркы—босурмане, колы цему не йметe виры!» Коновченка по его словамъ заставляютъ пѣть родители непокорныхъ дѣтей («выплачуцця добре»), а особенно предпочитаютъ его «парубки», которымъ очередь идти въ солдаты.

— А вы, диду, знаете що то таке бандура, чулы якъ вона грае?[1]).

— Колысь въ Кыеви чувъ. Бувъ въ нашій компаніи кобзаръ. Отъ винъ начавъ до себе запрохаты, щобъ послухалы думу, но надійшовъ якысь панъ, дай каже людямъ: «ходить та послухайте лучше божественну писню--то буде, якъ бы вы молытву слухалы, а якъ за це дасте що старцеви то буде якъ бы на молытвы дано»... То народъ такъ и одхлынувъ одъ кобзаря.

Затѣмъ я просилъ Никона спѣть Коновченка. Оказалось, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, это тотъ же самый варіантъ, что и у Димнычa. Здѣсь, впрочемъ, были мѣста, которыхъ не было въ варіантѣ Димныча. Я хотѣлъ записать всю думу, но Никонъ отказался отъ этого и продиктовалъ только нехватающія мѣста. Потомъ я записанное у него прочелъ Димнычу и оказалось, что Димнычъ когда то самъ это пѣлъ, но забылъ. Никонъ отнесся къ записыванію очень подозрительно, все спрашивалъ нѣтъ ли «якого указа» и не выйдетъ ли «що недобре съ цего?»...

Такое недовѣріе съ его стороны, какъ лирника и какъ человѣка вліятельнаго въ своей средѣ, было вполнѣ понятно. Кромѣ того, много способствовало его недовѣрію и то, что кромѣ грамотныхъ крестьянъ у него еще никто не записывалъ. Долго мнѣ приходилось убѣждать его, что здѣсь не кроется никакого подвоха. Затѣмъ я записалъ у него еще псальму свят. Василію.

Самъ Никонъ учился въ Хмельникѣ и у него уже было 6 учениковъ, въ томъ числѣ и Зоря. О послѣднемъ онъ отзывался очень

[1]) Сколько мнѣ не приходилось въ подольской губ. разспрашивать стариковъ-крестьянъ о томъ нѣтъ ли преданій, когда появилась здѣсь лира—я ничего не могъ узнать. Про бандуристовъ же они (тѣ, которыхъ я разспрашивалъ) и понятія не имѣютъ. Впрочемъ въ Гущинцахъ, винницкаго уѣзда, одинъ крестьянинъ такъ сказалъ: „кобзари—то лирныкы. Тилько воно по руськы выходыть—кобзарь, а по простому—лирныкъ“.

хорошо и хвалилъ его игру. Объ Александрѣ мизяковскомъ замѣтилъ что ему бы онъ не совѣтовалъ идти въ диды, но ужъ если непремѣнно желаетъ того, то ему во всякомъ случаѣ нужно «покорытысь» кому нибудь хоть на два, на три мѣсяца.

Нѣтъ уже теперь такихъ лирницкихъ школъ, какъ бывали прежде. Еще лѣтъ 30 тому назадъ, по словамъ крестьянъ, была такая школа въ Махновкѣ, кіевской губ., учителемъ состоялъ въ ней старый лирникъ. Учениковъ было до двухъ десятковъ и изъ выпущенныхъ изъ этой школы молодыхъ лирниковъ нѣсколько (по обязательству) помощниковъ.

Никонъ, имѣя учениковъ, рѣдко самъ ходитъ за милостыней въ дальнія села, а по большей части ограничивается ближайшими, за то ужъ часто предпринимаетъ путешествія на «отпуста», какъ въ Браиловъ, Летичевъ, Лядову, Карлашовку, а также и въ Кіевъ.

Лирникъ Мусій Шуга. Напослѣдокъ скажу нѣсколько словъ о дашковскомъ лирникѣ Шугѣ. Встрѣчаться съ нимъ мнѣ приходилось часто, но застать дома ни разу. Поэтому ограничусь только тѣми свѣдѣніями, какія почерпнуты мною изъ разговора съ его односельчаниномъ-крестьяниномъ. Шуга ослѣпъ, будучи уже «парубкомъ»; въ настоящее время ему лѣтъ подъ 40, онъ женатъ, но дѣтей не имѣетъ. Живетъ онъ въ маленькой хаткѣ, около которой есть и огородъ, данный ему обществомъ. На мой вопросъ, есть ли у Шуги поле, крестьянинъ отвѣтилъ: «а нашожъ воно ему? хиба винъ буде працюваты коло него? Е въ него торба, зъ неи винъ и жые». Затѣмъ по разсказу выходитъ, что онъ «не пьяныца, чоловьяга добрый, позычае безъ процентивъ людямъ гроши—рубливъ 100 вже вынни ему». Всякую монету и ассигнацію узнаетъ отлично. Когда то, во время перехода чрезъ Дашковцы войскъ, удостоился онъ играть въ веселой офицерской компаніи. Подъ скрипъ его лиры офицеры протанцовали всю ночь, а за труды уплатили ему 3 руб.

Поводаря беретъ онъ только въ дальнюю дорогу, какъ на «отпуста» куда нибудь, но въ Винницу (16 верстъ) и въ Винницѣ ходитъ самъ.

Шуга учился въ Быскибкѣ у лирника Олексы. Лирникъ этотъ уже старъ и, какъ говорится, стоитъ одною ногою въ могилѣ, столь много поглотившей уже такихъ хранителей и носителей народной поэзіи. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ въ Глинскѣ 110 лѣтній лирникъ. Умираютъ сѣдыя головы, и весьма жаль, что умираютъ вмѣстѣ съ ними и тѣ преданія, какія ими хранятся, а мо-

жетъ быть и произведенія поэзіи, какъ много уже пропало такимъ образомъ историческихъ думъ, пѣсенъ и т. п.; жаль также и выработаннаго долгимъ опытомъ ихъ міросозерцанія. Изучивъ духовную ихъ жизнь, ихъ взгляды на явленія жизни, на общество, на самихъ себя, на свою дѣятельность и т. п., а также отношенія ихъ къ обществу и общества къ нимъ—этимъ самымъ можно было бы способствовать освѣщенію значенія ихъ (лирниковъ), а также и кобзарей въ жизни малорусскаго народа.

Относительно приводимаго ниже лирницкаго репертуара считаю нужнымъ замѣтить, что мною помѣщены или пѣсни, неизвѣстныя въ печати, какъ пѣсня «якъ кленчатъ», жебранка», «прыказаня», «жытіе», «Іосифъ», «суха бабка», или же представляющія собою интересные варіанты, какъ «Коновченко», «панщина», пс. св. Василію, «бида» и другія.

1.

КОНОВЧЕНКО [1].

А въ городи, городи, въ городи Черкеси
Тамъ була ненька-старенька на прозваніе Грыцыха,
А по своему мужови той Коновчыха.
Мала вона сына Ивася идынчыка,
На прозваніе мужа своего той Коновченка.
Тожъ вона его годувала и доглядала,
До старости своеи на чужи старатки не давала,
Тожъ то вона славы й потишенькы надіяла.
Ставъ сынъ, Ивась Коновченко, пидростаты
И ставъ лыцырську, козацьку науку пониматы
И зго́рда та спышна до ненькы одповидаты:
*) «Ненько моя, ненько старенькая!
Ой часъ-пора мени охвицырськой, лыцырськой, козацькой славы и памяты тай доказаты».

---

[1]) Здѣсь же привожу мѣста Коновченка, записанныя мною у лирника Никона

*) „Годи та годи, ненько старенькая, пры тобы пробуваты,
Шля мени подоба съ козацькымъ військомъ погуляты,
Счастія та доли строхуваты
И охвицырськой, лыцырськой славы та памяты доказаты“.

*) «Сынужъ мій, Ивасю Коновченку, дытя мое молодое,
Не треба тоби охвицырьской, лыцырськой, козацькой славы и памяты понимаmы,
Но вчыся ты въ чыстимъ поли на хлибъ та на силь роботаты.
Есть у тебе, сыну мій, штыры волы половыхъ й пара коней вороныхъ,
Плужокъ зъ срибла та злота солятый».
Ставъ Ивась Коновченко згорда та спышна до неньки промовляты:
«Якъ же я буду въ чыстимъ поли на хлибъ та на силь роботаты,
Дороги сахваны на чепіяхъ продыраты
И сахьянови чобитки за плугомъ доптаты,
То будуть иты козакы молодіи, выслуженькы війсковіи,
То будуть на мене нарикаты,
Бабіемъ, чыпіемъ, козіемъ незвычайно называты.
А якъ же я буду охвицырськой, лыцырськой, козацькой славы—памяты, понимаmы
То буду я одъ государя честы й славы надіяты».
**) Ивась Коновченко штыры волы половыхъ й пару коней вороныхъ
Все жъ тее въ поли покыдавъ,
Самъ до дому прыманджавъ,
На тры замкы комору розбывае,

---

*) „Сынужъ мій, Ивасю Коновченку, дытя мое молодое
Не вчыся ты пизно лягаты, а рано вставаты,
Но вчыся ты въ чыстимъ поли на хлибъ да на силь роботаты
Будутъ иты козаченькы молодіи, выслуженькы войсковіи,
удешъ до себе да на хлибъ, да на силь запрохаты
Будуть тебе Ивасемъ Коновченкомъ, хозяиномъ, называты".
**) А въ недилю барзо рано вси дзвоны дзвонять;
Ненька старенька до церковци выхождае,
На тры замкы комору замыкае,
Бо вона дуже добре знае,
Що сына свого, Ивася Коновченка, дома не застае.
Скоро ставъ Филевныкъ полковныкъ въ Черкесъ городъ униждаты,
Корогвыцю розвываты и въ барабанъ выбываты
И до себе охотныкивъ на охоту вызываты:
„Цукерныкы, гуралныкы, пывовари,
Вынокурныкы й майданныкы!
Хто не хоче пры отцеви пры неньци прыбуваты,
Прошу до себе доли та счастія строхуваты
Лыцарськой, охвицырськой, козацькой славы да памяты доказаты",
Скоро Ивась Коновченко тое услыхавъ,
Заразъ въ поли пару коней вороныхъ й штыры волы половыхъ покыдавъ.

Семелитню одежу доставае,
А отця своего печатью прыклавше,
Сахвянови чобиткы въ рукы взявше
Той пихотою за військомъ поманджавше.
*) Ненька старенька съ церковци йдучи якъ увыдала,
Що на тры замкы комора розбыта,
Тожъ то плаче-умливае
Горко свого сына, Ивася Коновченка, проклынае:
«Щобъ тебе, сыну мій, кули не стрилялы, шабли не рубалы,
Но щобъ тебе, сыну, середъ турецькои долыны матерыни слезы каралы.
Бо ненька старенькая годувала й кровъ пролывала
Щей въ недилю до схидъ сонця плакала
Тожъ то вона плакала-рыдала,
**) Про те вона въ свому серцю сокрушеніе мала.
Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну идуть козакы молоділ, выслуженькы військовіи
«Чы не моглыбъ вы хвильку заждаты,
Щобъ до мого сына писемце напысаты?
Нехай мій сынъ, Ивась Коновченко, по билимъ сьвити, по жовтимъ камини
Нижокъ не збывае, здоровля не терае,
Нехай винъ съ туркомъ, съ черкесомъ хоць разъ погуляе».
Взяла вона штыры волы половыхъ й пару коней вороныхъ,
Плужокъ зъ срибла та злота солятый,
То всежъ тое вона спродала
И 100 золотыхъ монетъ доклала,
А свому сынови, Ивасеви Коновченкови, конычченька вторгувала
Козакы молодіи заждалы
И писемце спысалы,

---

*) Скоро ненька старенька съ церковци прыйшла до дому тое вздрила
Упала на землю тай умлила.
**) Хоцяй же вона лае-проклынае,
Такы вона въ свому серцю мылосердіе мае.
Взяла тіи пару коней вороныхъ й штыры волы половыхъ
И плужокъ зъ срибла та злота солятый
Повела до Янкеля комаривського,
До орендаря билоцеркивського,
То всежъ тее спродала
И 100 золотыхъ монетъ доклала,
А свому сынови, Ивасеви Коновченкови, конычченька вторгувала
Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну...

И вороного коня въ рукы взялы,
И Ивасеви Коновченкови до рукъ далы.
Ставъ Ивась Коновченко на коныка сядаты
Та нисемце чытаты и горко плакаты:
«Не суды жъ мени, Боже, тутъ помыраты,
Суды жъ мени, Боже, до дому достаты,
То жъ то я буду знаты, якъ риднюю мамку шануваты»
Ивась Коновченко ставъ на коныка сядаты,
Полковныкивъ вызываты
Тай съ черкесомъ, съ татаромъ, съ туркомъ на медъ-вино вызжаты
700 звоювавъ, а 800 на арканъ звязавъ,
А до своего війська жывцемъ прымчавъ.
Ставъ Ивась Коновченко другый разъ на коныка сядаты,
На наметъ выизжаты,
Полковныкивъ вызываты.
Полковныкы ему отвичають:
«Ивасю Коновченку, барыню молодый, охотныку прыкоханый!
Мы не можемо тебе понызжаты,
Но велымо тебе за старшыну обибраты,
Но не доказуемо тоби побольше горкого трунку вжываты,
Бо козакъ пьяный славы не докаже,
Но всю зброю козацькую потерае».
«Якъ же не буду побольше горкого трунку вжываты,
То я не буду съ татаромъ, туркомъ, черкесомъ-босурманомъ той ницъ воюваты;
А якъ же я буду побольше горкого трунку вжываты,
То я буду съ татаромъ, туркомъ, съ черкесомъ-босурманомъ на прахъ-прахомъ воюваты
Ивась Коновченко 800 звоювавъ, а 900 на арканъ забравъ
И до своего війська тай жывцемъ прымчавъ.
Ставъ Ивась Коновченко, барынь молодый, охотныкъ прыкоханый
Третій разъ на коныка сядаты
И на медъ-выно выизжаты,
Не по козацьки, не по лыцырськи зброю трыматы.
Кинь головку клоныть, до него говорыть:
«Ивасю Коновченку, барыню молодый, прыкоханый!
Якъ же ты будешъ побольше горкого трунку вжываты,
То вже ты не будешь исъ татаромъ, туркомъ, черкесомъ-босурманомъ той ницъ воюваты,

Бо вже моя не може умагаты».
Ивась Коновченко коня не послухавъ,
Якъ ударывъ по пидъ сперса шпорамы,
То передъ війська всего впередъ поихавъ.
Туркы, татары-босурманы тее постереглы
Тай сталы его кулями стриляты, шаблямы рубаты.
Але кули его не стриляють, шабли не рубають,
Но матчыны слезы середъ війська карають.
Ивась Коновченко полковныкивъ просыть:
«Прошу васъ здіймить мене съ конычeнька
Стыха помаленька;
Прошу, васъ, здіймить и турецькыхъ жартивъ не вразить,
Моій мамци правды не кажить,
Якою я смертію помырать буду».
Полковныкы знялы съ конычeнька
Стыха помаленька
Ивася Коновченка.
*) Козакы молодіи зійшлыся на турецку долыну,
Выкопалы на Ивася Коновченка шаблямы могылу.
Черезъ городъ, черезъ Черкещчыну идуть козакы молодіи, выслуженькы войсковія.
Ненька старенька склонылась, стала просыты:
«Козакы молодіи, выслуженькы войсковіи
Скажить мени неодминную правду,
Чы е мій сынъ, Ивась Коновченко, у виську жывый та здоровый?»
«Тоби маты не журыться,
Тоби маты веселыться,
Вжемъ твій сынъ въ Туреччыни оженывся
Взявъ соби туркыню,
Горду та пышну монархыню,
Ни съ кымъ не стоить, не говорить,
Хоць передъ якымъ монахомъ **) головкы не склоныть»
«Хвалю Бога, невисткы дождала,
Тожъ буду маты пры старости литъ де головку прыклоныты».

---

*) Полковныкы дуже добре за него дбалы,
Шаблямы доль копалы и прыдолкамы выкыдалы
И зъ музыкою—капелею у черкеськи долыни поховалы.
**) Монархомъ.

(Записано отъ лирн. Никона изъ Пикова).

Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну иде другый полкъ військa
Ненька-старенька склонылась, горко плаче-умливае
И за свого сына, Ивася Коновченка, козакивъ пытае:
«Козаченькы молодіи, выслуженькы військовіи,
Скажыть мени неодминную правду,
Чы е мій сынъ, Ивась Коновченко, жывый та здоровый?»
«Тоби, маты, не журыться,
Тоби, маты, веселыться,
Вжежъ твій сынъ, Ивась Коновченко, въ Туреччыни оженывся,
Взявъ соби туркыню,
Горду та пышну монархыню,
Ни съ кимъ не стоить, не говорыть,
Хоць передъ якимъ монахомъ головкы не склоныть».
Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну третій полкъ иде,
А впередъ козакъ иде,
Вороного коня веде.
Кинь чорнымъ сукномъ обшытый плаче, врунае,
Що за слизьмы свита не выдае,
Що одъ Ивася Коновченка здоровья не мае.
Ненька старенька склонылась, стала просыты:
«Козаченькы молодіи, выслуженькы військовіи!
Скажить мени ыменную правду
Чы е мій сынъ жывый та здоровый?»
«Тобы, маты, не журыться,
Тоби, маты, Богу помолыться:
Вжежъ твій сынъ въ Туреччыни положывся,
Взявъ соби мугылку,
Що сонце не гріе, що витеръ не віе,
А переказувавъ до мамкы
Нехай тоби серце не мліе».
Ненька старенька трыдневый обидъ справляла,
Козакамъ молодымъ бочкы зъ медомъ и выномъ за браму выкатала,
Козакивъ молодыхъ напувала.
Козакы молодіи пылы та гулялы,
А Ивася Коновченка во викы виковъ прославлялы;
Зъ пушокъ, зъ гарматывъ стрилялы,
Ажъ по ярахъ по долынахъ дымы стоялы,
Якъ Ивася Коновченка на викы прославлялы.

(Зап. отъ А. Димныча изъ с. Гущинецъ)

2.

ПАНЩЫНА.

А летила зозуленька та стала куваты:
Зберицця вы, вся громада, шось маю казаты.

Позъиздылысь комисары, сталы голосыты:
Вернысь, вернысь, панщынонько, нема съ кымъ робыты.

Позъиздылысь мырови та сталы судыты:
Не будете люде добри панщыны робыты.

Мы не вміемо косыты, наши жинкы жаты,
Хиба пидемъ въ холодокъ тай будемъ лежаты.

Мы не вміемо косыты, наши, жинкы прасты,
Хиба пидемъ въ коноводы, навчымося красты.

А суббота назадъ себе панщыноньку гнала,
Якъ загнала въ темный лисъ, тамъ вона пропала.

Якъ загнала за границю, тилько шапкы выдко,
Осталыся голодрыгы, дывытыся гыдко.

Вы, хлопци, вы молодци сидайте на чотыры верхы,
Зажените панщыноньку у пущи та въ нетры.

Выйшла пани, выйшла пани на затильни двери,
Вернысь, вернысь, панщынонько, хоць намъ до вечери.

Не вернуся, не вернуся, бо ничка невыдна,
Вы жъ мене, вражи ляхы, прогналы, я съ того не вынна.

Чомъ ты, зоро, не свитыла, якъ панщына була?
А теперъ ты засвитыла, панщына мынула.

Наши соцьки и старосты люблять водку пыты,
Ходятъ рано по пидъ викна: «идить молотыты».

Сыдыть дидычъ пидъ хатою, ногы за плечыма,
Сыдять воши коныцямы съ чорнымы очыма.

Летивъ орелъ съ чужыхъ сторинъ тай истурбувався,
Якъ улетивъ въ польськый край тай издывувався.

А дежъ тіи дворы та палацы, що тута стоялы?
(Колысь булы дворы та палацы, що тута стоялы)
Теперъ тіи дворы жыды позаймалы.

Колысь було у тыхъ дворахъ висимнадцять комисаривъ,
Висимнацять комисаривъ, а штыры пидданыхъ.

Летыть пава, летыть пава, середъ мора впала,
А щобъ тая пащынонька на викы пропала.

Колысь же то тіи паны малы ласку,
Що здіймалы съ чоловикивъ штаны, а зъ жинокъ запаску.

Колысь було панамъ добре—отъ якъ карбували:
Молодіи молодыци панивъ обіймалы.

Молыцця вы Богу, люде добри, до святой хвигуры,
Подурувавъ панъ яйця, подаруе куры.

Дай Боже здоровья нашій царыци,
Выкупыла съ панщынонькы наши молодыци.

Дай Боже здоровья нашому царови,
Що выкупывъ съ панщынонькы наши хозяеве.

Зъ нашымъ царомъ Александромъ не такъ воюваты,
Якъ выгнавъ у чысте поле, то въ лисъ не втикаты.

Пошлы вражы ляшкы та рубаты стосы,
Погубылы черевычкы, самы прыйшлы боси.

Дай же Боже здровья щей царивнымъ дитямъ,
Що воны намъ позволялы въ коршми посыдиты:

Въ коршми посыдиты тай щей погуляты.
Вже не прыйде осаула на панщыну гнаты.

Ахъ летила зозулечка та по надъ нови села,
А прынесла всій громади радость и веселье.

Ахъ летила зозуленька, сила на ломаци,
Выбачайте, люде добри, вже панщына въ....

(Зап. отъ лирн. изъ м. Янова А. Зори).

3.

ПРАВДА и НЕПРАВДА.

Когда горе, горе на цимъ свити жыты,
А бронь Боже смерти—буде Богъ судыты.

Якъ чоловикъ здоровъ, всякый его любыть;
Якъ лыха годына, родына одступыть.

Якъ чоловикъ здоровъ, то любыть чужына;
Якъ лыха годына, одреклась родына.

Ой якъ тяжко, важко каминня лупаты,
Ой такъ тяжко, важко дитей годуваты.

Бо старая ненька диткы годувала,
Диткы годувала, ночи не доспала.

Ночи недоспала, то кровъ пролывала,
То кровъ пролывала, диткы й годувала.

А тепера диткы на те не вважають,
Беруть отца-неньку пидъ ногы вныжають.

Бо теперъ на сьвити така выйшла кара,
Що по всему сьвити то вже есть неправда.

Бо тепера правда стоить край порога,
А тая неправда сыдыть кинець стола.

Бо тепера правду бьють та ругають,
А тую неправду трункомъ напувають.

Бо тепера правда сыдыть у темныци,
А тая неправда у панивъ въ свитлыци.

Бо тепера правда скрызь закрыта,
Тилько есть прымита на хрести прыбыта.

Ой, Сусе жъ нашъ, Сусе, Сусе назараньськый,
Помылуй, пожалуй весь мыръ хрестіяньськый.

Ой, Сусе жъ нашъ, Сусе, Сусе провозванный,
Помылуй, пожалуй весь мыръ православный!

(Зап. отъ А. Дымнича изъ Гущинецъ).

4.

ЖЫТIЕ [1]).

Жытіе мое
Въ сьвити горкое.

Прожывъ я свій викъ,
Якъ не чоловикъ.

Въ сьвити жыючы
Биду терплючы,

Молоде лыце
Слезамы льюче.

---

[1]) Якъ лежыть у лирныкивъ яка туга на серци, то воны посядають въ кружокъ тай спивають оцю писню.

Куды я иду,
То все на биду.

Де войны бьюцця,
Тамъ слезы льюцця.

Корабель въ води,
А всей у биди.

Якъ сосна въ писку,
Такъ серце въ тоску.

Оставляюжъ я мыръ,
А самъ пиду въ монастыръ.

Тамъ я буду жыть
Щей Бога молыть.

Костей обсушу
И въ гробъ уложу.

Братіе мое
Прыйдуть до мене.

Охъ, тутъ, брате, мый
Суда Божого жды.

(Зап. отъ лирн. изъ м. Мизякова Александра).

5.

ПРЫКАЗАНЯ.

Православни хрестіяне,
Послухайте прыказаня,
Що намъ панъ Богъ прыказуе,
Дила наши заказуе.

А первое, аби вмилы,
Въ ынныхъ Боговъ не вирылы.
Чародѣйныцямъ не дай виры,
Не вчыны бисамъ офиры.

Клятьба Божа, то другое—
Заказуе Богъ намъ тое.
Вичной кары не мынае,
Хто напрасно прысягае.

А третее: не свичь хвальшыво,
Жый изъ людьмы справедлыво;
Не налягай ни на кого,
Кыдай злости, бійся Бога.

Четвертое, абы зналы,
День-недилю святкувалы.
Въ церкву ходы и молыся,
Богу молысь, не линыся.

А пятое: шты отца,
Шануй матиръ.
Хто отца й матиръ пошануе,
Богъ ему вика вдаруе.

А шестое: не забывай
Люцькой кревли не розлывай;
Кровъ помстыцця—йде до Бога,
Лирше не каличъ никого.

А седмое: бережыся,
Съ чужымъ мужомъ не любыся,
Введешъ въ пекло чоловика—
Звидты не выйдешъ до вика.

А восьмое: не вкрадь ничого
И не пидмовляй никого
И безъ убожои надежды,
И не вчыны жоднои крадежды.

Девятое: абы въ дому
Не вчынывъ крывды никому,
Любы его, якъ самъ себе,
Дилай добро, дасть Богъ тебѣ.

Десятое: не пожадай,
Съ чужой женой не засидай;
Не прыводь іи у грихы,
Кыдай бисовськіи втихы.

Послѣдній намъ той часъ буде,
Восплачутся всіи люде.
Будемъ слезы пролываты,
Сами себе проклынаты.

(Зап. отъ лирн. Зори).

6.

СЫРИТКА.

Дывная годына на сьвити настала:
Не идна сыритка безъ мамкы й зосталась.

Зосталыся диткы безъ риднои мамкы,
Будуть бидуваты, горко горуваты.

Отець пару знайде, буде въ пари жыты,
Несчасни сыроты пидуть пречъ служыты.

Ой пишла сыритка по сьвити блукаты,
Стритывъ іи Господь, ставъ іи пытаты:
«Куда йдешъ, сыритко?» — «Мамунци шукаты».

Верныся, сыритко, бо далеко зайдешъ,
Тыжъ своеи мамкы повикы не найдешъ,

Бо твоя мамунця на высокій гори,
А въ Господа Бога, тило спочывае въ гроби.

А пишла сыритка на той гробъ плакаты,
Обизвалась зъ гроба іи ридняя маты:

«А хтожъ то тамъ плаче на моему гроби?»
— «Тожъ то я, мамунцю, прыймить мене къ соби».

«Колы туть, сыритко, ни исты, ни пыты,
Такъ прызволывъ Господь въ сыри земли гныты.

Насыпалы земли, шо вже я не встану,
Оченькы затьмыло, що й на сьвитъ не гляну.

Насыпалы земли ажъ на мои груды,
Увыдымся, сыритко, на страшному суди.

Ахъ, якъ горко, тяжко неба сонцю достаты,
А ще горше, тяжше тебе къ соби взяты.

Пишла бъ ты, сыритко, мачухы зпросыла,
Щобъ измылувалась, сорочечку сшыла».

—«Волыла бъ я, мамко, врозь зъ тобою гныты
Нижъ чужая маты сорочечку шыты».

А чужа маты сорочкы не сшыла,
Несчасну сыритку на смерть нарадыла,
Пишла по сусидахъ іи обсудыла:

«Сырота лядащо, нехоче робыты,
Тилько опомынаецця сорочечку шыты».

Хоць сырота робыть, робота ій ни защо.
Все говорять люде: сырота лядащо.

Хоць сырота робыть, робота ій не мыла,
Все говорать люде: сырота линыва.

Хоць сырота робыть, до земли падае—
Все говорять люде: сырота не дбае.

«Пишлабъ ты, сыритко, мачухы спросыла.
Щобъ измылувалась, головоньку змыла».

А злая мачуха головкы не змыла—
Горкымы словамы здоровья вмалыла.

Не могла сыритка на серци зносыты,
Ажъ стала Господеви щыренько молытысь:

«Ахъ, Господы Боже, Спасъ, мылость твоя,
Прыймы душу-тило, де мамунця моя».

Ахъ изиславъ Господь а анголы зъ неба,
Же взялы сыритку до ясного неба.

Посадылы іи а въ чести та въ хвали,
А въ Господа Бога на правіи трони.

Радуйся, сыритко, ты въ чести та въ хвали,
Остаецця злая мачуха въ пекельному огни.

Ахъ изиславъ Господь двохъ проклятыхъ съ пекла
По злую мачуху щей по тило іи.

А взялы мачуху та строго-высоко,
А вкынулы въ пекло такъ борзо глибоко.

А плавай, мачухо, одъ додна до додна
Чогожъ ты була на сыритъ не добра?

А плавай, мачухо, щей маешъ кипиты,
Отожъ тоби кара за сыроты диты.

«А я ихъ не была, а ни катувала—
Черезъ чужи диты въ пекло вслидувала.

Хочъ бы я ихъ была, то на зле не вчыла—
Черезъ чужи диты щей въ пекли смажылась.

А я ихъ не была, ани катувала
Горкымы словамы здоровья вмалыла».

Царствуй же, сыритко, въ неби со святымы,
А злая мачуха въ пекли съ проклятымы.

Будешъ ты, сыритко, Бога выхваляты
Буде жъ тебе Господь завжды ратуваты.

Котрiи бильшеньки, то пишлы служыты,
Котрiи маленьки пропащы на вики;

Плачуть безпрестання, не можуть пробуты
Безъ отца, безъ ненькы, не можуть забуты.

Ба вже рикъ мынае, мамкы не выдаты—
Ахъ, якъ горко-тяжко въ сьвити прожываты!

Честь Богу на хвалу,
А хрестiянамъ на здоровья!

(Зап. отъ лирн. Александра).

7.

ОЛЕКСѢЙ.

Въ славному городи, а у Юрусалыми
Тамъ царъ ходыть, Господа просыть.

Задзвонылы дзвоны а въ недилю рано,
Дай мни, Боже, хоць едыно чадо.

Давъ ему Богъ сына Олексѣя,
Назвавъ его Божымъ чоловѣкомъ.

Звеливъ отецъ симъ литъ годуваты,
А на восьмый у школы отдаты,

А на восьмый у школы отдаты,
А въ двадцять годъ бракъ получаты.

Ой якъ у Бога велыкая сыла
Дружыть отець по неволи сына.

Одружывше сказавъ ему жыты,
А винъ пишовъ у пущи блудыты.

Блуждавъ же винъ симъ литъ не ивше, не пывше,
Прыйшовъ въ свій домъ, якъ земля счорнивше.

Его отець знае не пизнае,
Въ своимъ доми за старця прыймае,

Въ свому дому за старця прыймае,
Сребла й злата ему въ руци дае.

Сребла й злата ему въ руци дае,
Олексѣя, свого сына и прыпомынае,

Якъ ты, старче, можешь мого сына знаты,
Велю тоби целію избудуваты.

Веливъ отець целію збудуваты,
Исты й пыты ему доношаты.

А винъ того не въидавъ и не впывавъ,
Всежъ то тое на ныщыхъ роздававъ.

Прышовъ той часъ, що Олексѣю треба вмыраты,
Ставъ Олексѣй жытія пысаты.

Дайте, слугы, ажъ до отца знаты,
Нехай градыть жытія чытаты.

Отець градытъ жытія чытае,
Зъ велыкого жалю умливае.

«Ахъ, горкый мій, горкый сьвите,
Олексѣю, ты рожовый квите!

Чомъ ты мени прежде не прызнався;
Тобъ ты бувъ у свому дому не поневирався.

Лучшебъ було тоби царствуваты,
А ты пишовъ у пущи блукаты.

Дайте, слугы, ажъ до маткы знаты
Нехай градытъ жытія чытаты.

Матка градыть, жытія чытае,
Зь велыкого жалю умливае.

Ахъ, горкый мій, горкый мій сьвите,
Олексію, ты рожовый квите!

Чомъ ты мени прежде не прызнався
Тобъ ты бувъ у свому доми не поневирався.

Лучше було тоби царствуваты,
А ты пишовъ у пуци блукаты».

Дайте, слугы, ажъ до жоны знаты
Нехай градытъ жытія чытаты.

Жона градытъ, жытія читае,
Зъ велыкого жалю умливае.

«Ахъ муже мій, Олексѣю муже,
Якъ мы въ сьвити жылы,
Що мы жадного плода не створылы?

Мени твого плода треба й не треба,
А но треба штыры дошкы, сажень землп, спасенія зъ неба».

Олексѣя у дылу пускають,
Вирную дружыну на смерть наражають.

«Кожна птыця соби пару мае,
Кожна матка дитьмы утишае,
А я бидна зъ жалю умливаю.

Кожна птыця соби пару мае,
Кожне древо паросты пускае:

Плодне древо у раю прыймають,
А безплодне мечемъ высикають».

Дай намъ, Боже, въ сему мыру жыты,
Олексѣя въ Тройци прославыты.

(Зап. отъ лирн. А. Зори).

8.

ГРЫГОРІЙ.

Святый Грыгорій, котрый нарожденный
Зъ брата изъ сестры спложеной.
Царевичъ зъ царевною Грыгорія сплодылы
И два фунта сребла и злата уложылы,
И въ карабель забылы, и на море пустылы.

Поплывъ корабель на острови ставше.
Выйшовъ священникъ надъ море моляще,

Ввыдивъ лодку на мори стояще
И, споймавше лодку, дытя охрестылы.

И въ манастыри дытя охрестылы,
И въ манастыри Грыгорія выкормыли,
И до розуму довелы.

Довивше до розума, въ карабель забылы
И на море пустылы.

Поплывъ карабель ажъ до маткы,
А тамъ непріятель на матку напався.

И святый Грыгорій непріятеля побидывъ.
Матка за мужа сына повелила
И зъ нмъ бракъ получыла,
Большая въ сьвити грѣшница зостала.

Получывше законъ, всегда винъ бувъ смутный.
Матка объ этомъ не знала
Отъ, якъ узнала, то горко плакала:
Яка я въ сьвити грѣшница.

Я тебе, сыну, зъ риднимъ братомъ сплодыла,
Я съ тобою, сыну, законъ получыла
Большая въ сьвити грѣшница.

Стій, матко, не плачъ—я пойду пеькаты,
Дебъ тя ти души испасаты.

Выйшовъ надъ море, рыбака спросывше
Нѣтъ ли яскыни на мори?
Взявъ его рыбакъ завизъ у яскыню.

Пошлюбывъ Грыгорій жыты у пустыни,
Ключъ у море бросяще.

Крыкнулы ангелы а съ правого краю,
Крыкнувъ священникъ на вратахъ стояще:
Де святый Грыгорій въ яскыни молящій
Грихы свои создае?

А ти рыбакы щуку-рыбу испіймалы
И въ той щуци-рыби и той ключъ нашедше,
Де святый Грыгорій въ яскыни молящій
Грихи свои создае.

Вы мени рыбакы молытву перебылы
Сто трыдцять литъ, якъ въ тін яскыни молящій,
А ты глаголешъ, що ще й нескончавшый
Молитвы Господнеи!

(Зап. отъ лирн. А. Зори).

9.

ІОСИФЪ.

Ахъ ты, Господи мой, ахъ ты, Боже мой!
Развѣ я тебѣ (?) ты владѣтелю мой.

Ахъ ты, Господи мой и Создателю мой
Всѣхъ благихъ щедротъ и подателю мой

Ахъ, когда бъ я мавъ, якъ восточникъ слезъ,
Тобъ же я плакавъ, якъ у день, такъ у ночь.

Якъ у день, такъ у ночь, а въ своему во грѣси,
А въ своиму во грѣси и во бѣдности.

Було въ отца Якова а дванадцять сыновъ,
Не було молодца—прекрасного Іосипа.

Сонце и мисяць все продминылося,
Іосифови братя не поклоныыся.

А пойдемо, братя, а въ чыстое поле
Нажнемо, браття, а дванадцять сноповъ.

Которому снопу колосъ похылыться,
То мы тому брату вси поклонымося.

Іосиповому снопу колосъ похылывся,
Іосипови браття вси поклоныыся.

Старшый братъ продававъ, то зубамы скреготивъ,
То зубамы скреготавъ горше лютого звѣра.

Братія его запродали его,
А въ ину сторону—въ Египетську землю;

Въ Египетську землю, а въ Катару прокляту
Да невѣрному царю Фараонскому.

Отче, отче, отче Якове, чы не звисно тебѣ,
Чы не звисно тебѣ про твое сыновья?

Чы не звисно тебѣ про твое сыновья,
Про твое сыновья—про прекрасного Іосипа?

Пысавъ бибъ псалтырь а къ своему отцу
А къ своему отцу, отцу Якову:

Изъ мя рызы знялы, то у кровъ вмарали,
Тай отцу повѣли, що звѣри роздрали.

А хтобъ мени давъ яко голубыцу,
Яко голубыцу возлитающую.

Яко голубыцу возлитающую,
А своему отцу возвищающую:

А трава мурава, то одежа моя;
А писокъ сочыця—то постеля моя;

Стины земяни—то сусиды мои:
Билый камень на мени—то то братія мои;

Билый камень на мени—то то братія мои,
Идять тило робакы—то то друзія мои;

А сырая земля—то то маты моя
Ахъ прыймыжъ ты мене на вичнее жытіе!
Царствуй Іосифе, царствуй во викы
Царствуй во викы, со святымы на викы.

(Зап. отъ лирн. А. Зоры).

10.

ПСАЛЬМА СВ. ВАСИЛІЮ.

Вослывайся благодать изъ устъ твоихъ, отче,
Якъ былъ еси пастыромъ добрымъ, Василію святый!
Ты вчылъ еси словесныя овцы вѣрувати въ Бога-Тройцу,
Въ Тройцу едину.

Когда демонъ за жену Евладія записавъ,
Той часъ святый Василій опрочъ бѣсовъ одогнавъ.
Плаче-болыть Кесарія, вельмы молыть Василія,
Дабы бѣсовъ одогнавъ.

Молю тебе, Василію, отче щедротлывый,
Возмилуйся надо мною, будь мя мылостывый!
Запысався мій мужъ Люцыперу пекельному
А своею кривлею.

Возглаголыть Василій: «о человѣче муже,
Бійся Бога, Евладію, согришывись дуже:
Бога-Отца упустывись, Духа Святого прогнивывысь,
Сына Божого».

Замкнувъ святый Василій Евладія дома,
А самъ пишовъ молытыся икъ Господу Богу:
«Помылуй мя, Боже-Отче,
Съ цего свита, Ты мій творче,
Пощады души»!

Рече демонъ: «Василію, не вчыны намъ пакосты,
Бо винъ же намъ запысався съ цего свита-сладосты
А ты одъ насъ одбыраешъ,
Души его намъ не даешъ,
Яко мужа нашого.

Славословять, писню спивають,
Опрочъ бѣсы втикають,
Назадъ запысы вертають,
Окномъ въ церкву вкыдають,
На Евладія нарикають,
Вельмы его проклынають,
Яко слугу своего.

«Кайся, чоловиче, гриховъ, покуты держыся
Же своему Сотворителю слезамы молыся,
Дабы тебе врази не вхопылы
И въ огнь вѣчный не вкынулы,
Бо тамъ будешъ горииты».

Возмылуйся, Боже надо мною
Чымъ согришывъ предъ тобою?
Возмылуйся, Боже, надо мною,
Чымъ не достоинъ предъ тобою,
Сотворытелю и Спасытелю мой!

(Зап. отъ лирн. Никона)

11.

ПСАЛЬМЫ СТРАСТИ.

Гробъ жыдовской затворенный,
Жывотъ Хрыста отпущенный.

Збыралыся Хрыста вбыты,
Мусіяша й прославыты.

Былы Хреста й роспыналы,
Терпивъ Хрестосъ за насъ раны;
Терпивъ раны, терпивъ мукы
Черезъ еврейскія рукы.

Ведутъ Хреста ажъ на гору
До Пылатового двору.
Пылатъ руцы умывае,
Атонъ Хреста й роспынае,
Руцы й нозы прыбывае,
Сына Божого не знае.

Бильша матка въ храсолива
Стоить въ край хреста смутлива
И на хреста поглядае,
Слизьмы умывае.

— «Охъ, Сынужъ мій возлюбленный
Про що же Ты умыраешъ,
Тило свое пресвятое
На мукы отдаешъ?

А мы Хреста восхваляймо
Алилуйя заспиваймо.
Алилуйя, алилуйя,
Слава, Хрысте, твоій страсти.

Слава, Хрысте, твоій страсти,
Сохраняй насъ одъ напасти.
Сохраняй насъ одъ болѣсти,
Не дай мыромъ всимъ пропасти.

(Зап. отъ лирн. Александра).

12.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Когда часъ прыходыть, страшный судъ наступыть,
А вже прыблыжыся: хочъ ридного брата теперъ стережыся.

Хочъ винъ братъ ридній, то винъ тебе зрадыть,
Ани въ славу, ани въ счастя винъ тебе спровадыть.

Когда часъ прыходыть, страшный судъ наступыть—
А хто добре вчыныть, до царства доступыть.

А кайся гришныку, дайся до покуты,
Перестань гришыты,—можешъ въ неби буты.

Якъ же ты не зможешъ покуты прыняты,
Изгынешъ на викы щей будешъ проклятый.

Прыверныцця душа до своего тила,
Же той часъ правыцця гришныкъ свого дила.

Якъ затрубыть ангелъ а въ ангельску трубу:
Уставайте, мертви, до страшного суду.

Бо предъ страшнымъ судомъ буде земля горыты,
А жыви то й мертви будемъ вси выдиты.

Якъ зирвуцця витра такъ барзо буйніи,
А высохнутъ рики, хочъ яки быстріи.

А сойдеть Анцыхрестъ на цей сьвитъ съ смолою,
Же той часъ не буде жодного напою.

Винъ назвецця Богомъ, винъ назвецця Богомъ,
Не пыйте смолы, не ѣдите до него.

А же стане ангелъ а съ правого краю,
Не пытайте смолы—пидете до раю.

Якъ зирвуцця витра а барзо буйніи,
Ахъ изнысуть горы; горы зъ долынамы стануть вси уривни.

Же погныють кости, же погныють кости
Передъ страшнымъ судомъ стануть вси въ цилости.

Якъ зирвуцця витра такъ сыльно буйніи.
Якъ же спаруть дощи такъ барзо тушніи,

Такъ барзо тушніи, такъ барзо вогнени.
А погорать въ поли все травы зелени;

А погорать скоты, а погорать скоты,
Страхъ вылыкый буде щей не бувъ николы.

Ахъ же й сребло й злато той буде блыщаты,
А скалы каминня той будутъ лупаты.

Же церквы й костелы то й будуть двыжаты—
Хочъ якіи мура не будуть стояты.

Ще й тамъ на долыни Сахватія люде,
А все прыятельство вытатыся буде.

А отець изъ сыномъ розлученный буде,
А де сынъ заслужыть тамъ отець не буде.

А матка зъ дочкою разлучена буде
Ахъ, идна до пекла, друга въ раю буде.

А братъ изъ сестрою, що злее вчынылы,
А вичнее пекло соби услидылы.

А мужъ изъ жоною несовѣтно жые,
Идно на другого непрыязнь готуе.

Сусидъ на сусиду барзо ворогуе,
Идно на другого непрыязнь готуе.

Ахъ, на викы виковъ, ахъ на викы виковъ,
Теперъ той проклятый, що бувъ чоловикомъ!

(Зап. отъ лирн. Александра).

13.

12 ПЯТНЫЦЪ.

Востаньтежъ вы, хрестіяне, тай послухайте
Есть у нашего племенника папа рыньського
Есть у кныгахъ написано на дванадцять пятныць.
Есть первая, велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ первой недили велыкого посту тай на хведорову.
Хтожъ тую пятныцю испостуе исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохранный буде отъ нарожденія отъ пологу.
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть другая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Благовищенія Хрыстового Хрыста Бога нашего.
Хтожъ тую пятныцю испостуе исъ постамы тай зъ молытвамы
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ вогню, одъ пожару
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть третяя велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Воскресенія Хрыстового Хреста Бога нашего.
Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постамы тай зъ молытвамы
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ грыховъ Богуявленія
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Четвертая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Рыгорія Хрестового Хрыста Бога нашего.
Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ звира зъидельного
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть пятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Вознесенія Хрыстового, Хрыста Бога нашего
Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде одъ болѣзни, одъ смутости
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть шестая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Тройци нероздѣльнои.
Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде а одъ мича гостренного, одъ напою смертельного, одъ наглои смерти,
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Седмая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Пречыстои Божой Матери Успѣнія.

Хтожъ тую пятныцю постувать буде исъ постами тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ воды, топлянныка
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть восьмая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Честнои главы сиклоненія,
Хтожъ тую пятныцю постувать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ хрыбры струсеннои
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Девятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Честнаго Креста Оздвиженія,
Хтожъ тую пятныцю постувать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ гаду лютого осисающого,
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Десятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Мыхаила Архистрата судоправедного.
Хтожъ тую пятныцю постувать буде,
Исъ постамы тай зъ молытвамы
Той чоловикъ сохраненный буде,
А на суди винъ праведный буде,
И одъ граду, и одъ тучи, одъ залыву
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Одынадцятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Рождества Хрестового Хреста Бога нашего,
Хтожъ тую пятныцю постувать буде
Исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде,
А въ дорози, на худоби, одъ прыпадку, одъ морозу лютенного
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Дванадцятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Ивана Хрестителя, Хреста Бога нашого,
Хтожъ тую пятныцю постувать буде
Исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде
Отъ наругы, отъ напасты
Богъ ему не дасть пропасты
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Ахъ вы люде, вы хрестіяне,
Мы цыхъ дванадцать пятныць тай не спостуемо,
Али мужъ изъ жоною несовѣтно жыють,

Народыцця межы нымы чадо—не простой винъ буде,
Альбо воръ, альбо катъ надъ нашымы хрестіянамы винъ разбойныкъ буде.
Тіи души сповидуе ащо пятинкы,
Прычащае що недилоньвы
Али самъ Господь Богъ,
Али самъ Сусъ-Хрестосъ.

(Зап. отъ лирн. Александра).

14.

СУХА БАБКА.

Захотила стара бабка
Сыльне богатиты,
Посадыла куропяту,
Щобъ вывела диты.

Ще жъ бо не сьвитъ, ще жъ бо не сьвитъ,
Ще жъ бо не сьвитае,
А вже баба куропята
На двиръ выганяе.

А выгнала стара баба
Куропята пасты,
Сама сила пидъ прызьбою
Кужелыну прасты.

Хмарка йде, хмарка йде,
Дощыкъ накрапае,
А вже бабка куропята
До хаты зганяе.

А ще жъ не догнала—
Трое надтоптала,
На четверте спиткнулася,
А на пяте впала:
Вся праця пропала.

Сила бабка на пичи
Тай борщыкъ хлепче,
А курыця пидъ поломъ
Тай до бабкы шепче:

—Ой, бабусю, бабусю,
Що будешъ робыты?
Якъ прыйде дидъ изъ лиса,
Буде бабу быты.

А прыихавъ дидъ изъ лиса
До своёго дому,
Пытаецця своеи бабкы
Про свою худобу.

—Ой, дидусю, дидусю,
Не вынна я буду:
Я выгнала на двиръ пасты,
Наврочылы люде.

А выскочывъ дидъ на двиръ
Та вхопывъ прытыку,
Побывъ бабу, поломывъ,
До самого пыпу.

—Бодай тоби, дидусю,
Права ручка всохла:
Побывъ мене, поломывъ
Мало я не здохла.

—Бодай тоби, дидусю,
Головка облизла:
Побывъ мене, поломывъ,
Що й съ печи не злизла.

Сила бабка пидъ прыпичкомъ,
А дъ у затдиинку,

Якъ погляне дидъ на бабку—
Щей краща за дивку.

—А вберыся, бабусю,
Въ зеленее зилля,
Нехай же я поведу
Хоць разъ на весилля.

Захотила вража баба
Сыльне молодиты,
Натыкала за холявы
Зеленои руты.

Взявъ дидъ бабку за ручку
Попидъ чесну вроду,
Вывивъ іи на мистокъ—
Шелепъ къ чорту въ воду.

—Оттутъ, бабко, кайся,
Оттутъ не лякайся,
Оттутъ бигуча водыця,
Оттутъ вымывайся.

А що баба блысне,
То дидъ дручкомъ свысне.
Булькотала, булькотала,
Бо вже ракомъ стала.

А ставъ дидъ на мости
Та въ долони плеще:
Хвалю Бога, втопывъ бабу,
Оженюся я ще.

А йде дидъ до дому
Та тропачка риже,
А якъ гляне назадъ себе—
Баба зъ воды лизе.

Взявъ дидъ бабку за ручку,
Завивъ іи у свитлыцю,
Поважавъ, якъ самъ знавъ,
Перву молодыцю—
Якъ ся дидъ оглядивъ,
Къ чорту не годыцця.

Взявъ дидъ бабку за ручку
Та повивъ іи въ садъ—колючій
выноградъ.
—Оттутъ, бабко, кайся,
По цимъ выногради
Хоць разъ покачайся.

Ой мисяця осабра
Прыпала пороша,
Тымъ дидъ бабку полюбывъ,
Що бабка хороша:

И слипа, и крыва,
Щей безъ рукы правой.
Ой, ще жъ бо я не выдавъ
Такой бабкы бравой.

А дидъ бабку спорадывъ,
На прыпичку посадывъ,
Справывъ іи кожушокъ,
То съ кыцекъ, то съ поцекъ,
Абы баби кожушокъ.

—Ой дывыся, бабусю,
Якъ то красно въ кожуси.
(Зап. отъ А. Димнича).

15.

Т Е Щ А.

—Добрый вечеръ, пане дяче,
Давно въ тебе була.

Дячекъ молоденькый
На пидпрозьбу здався:
И скорчывся, и зморщывся
На Пазыну вбрався.—

Чоловикъ розигнався,
Въ одвирокъ затявся,
Якъ упавъ, зубы сгявъ
Тай но спамятався.

Ой ты, чоловиче,
Чы ты де й упывся?
Самъ же ты не тямыщъ,
За кымъ ты гонывся.

Війшовъ чоловикъ у хату
Тай у тарилку хлепче,
Якысь дидько тутъ сыдивъ,
Тилько мисце тепле.

Війшовъ чоловикъ у хату
Та въ жинкы пытае:
Моя люба, моя Пазю,
Що за гости маешъ?

Мени не казаты,
Тоби не пытаты,
Щобъ я мала лижко
На соби прыняты.

Пишовъ чоловикъ до жинчынои маты
Жинку прыскаржаты.
Не мала що теща яку справу выдаты,
Зачала его по я . . . . ., по шулечкахъ тай вытынаты,

Надъ ричкою, надъ вербою
Тамъ его прывязала:
—Оттутъ, зятю, кайся
Трава зелененька—трохы попасесся
Быстренькая водыченька—
Трошечкы напьесся.

—Ой, мамонько, тещенько, голубонько,
Я жъ тоби не забуду,
Не на будень день, на святу недилю
Запросю жъ я тебе тай на халазію.

—Спасыби, батеньку,
Ай простыби, зятеньку,
А не маю въ чимъ,
Не маю пры чимъ,

Ой дуга у лиси,
А хамутъ у стриси,
А чопокъ у крану,
А хто купыть, то й ему.

А кобыла въ стани,
А кобыла въ стани,
А вижкы на лыпи
Ще й тіи не звыти.

Ой, мамонько, тещенько, голубонько!
Якъ зачавъ зять тещи прыбыратысь,
То забывъ іи таргана замись кабана,
А забывъ іи вошъ тай на славный тлустый борщъ.

Торишнёго року
Тай у косовыцю
Заризавъ зять тещи
Тай чорну ягныцю.

Зарызавъ зять квочку,
Зарызавъ зять квочку
Тай насолывъ мяса
Повнисиньку бочку.
Забывъ зять блоху
Тай на славную юху.

—Такы, мамонько,
Такы тещенько,
Такы не одкажыся
Такы до мене въ гости прыбырыся.

Пишла теща въ село
Позычаты всёго.
Идну хату мынула,
И другу мынула,

А въ трети псы зачула
Тай тую мынула,
А четверту покимъ найшла,
Тай въ головку зайшла.

Пишла на долыну,
Пишла на долыну
Тай вырвала ажъ тры лыпушыни,
Пошыла ажъ тры хвартушыни.

Обсмыкалася, обтыкалася
То спереду расно,
То спереду расно,
А зъ заду, якъ чортъ, страшно.

Обсмыкалася, обтыкадася,
Якъ чортъ, у гости вбралась
И спереду любо,
А зъ заду, якъ чортъ, грубо.

А такъ зять тещею зрадувався,
Якъ чортъ душею.
Зачавъ зять тещу вгощаты,
Обернувъ зять тещу до стины
очыма,

Щобъ же моя теща,
Щей мухы личыла.

Наличыла тысячу,
Наличыла и двисти,
А вже мои тещи
Пора даты исты.

А першый росилъ—
Тай носомъ объ стилъ,
А другу обтравку
Тай носомъ объ лавку.

А якъ зачавъ зять тещу угощаты
Тай мусила ему
Викномъ двери одказаты
Тай мусила . . . .
тай застрагаты.

Ой, Грыцю, Грыцю,
Позычъ тупыцю,
Будемо тесаты
Самотражныцю й гузыцю.

Зачала утикаты,
Де гусы не залитають,
Де трискы не заскакають.
Пытаеццяіи дидокъ: де ты бувала?
Що ты тамъ чувала?
—Ой ты, старый псе, псе
Болай ты сказывся,
Чого жъ ты до мене,
До мене вчыпывся?

А що курка кыркне,
А що курка кыркне,
То вже теща на пичи
Тай получе крыкне.

Ой, що витеръ загуде—
Думае теща, зять иде
Похмилля несе, гей!
Ой щобъ я мала симъ дочокъ
За такого скурвого зятя не дала бъ
ой, ей, ей!

Ой, мамонько, голубонько,
Зять иде, похмилля несе.
Ой, выйшла теща
Дала ему симъ рубливъ срибныхъ,
Послала его на торгъ торгуваты,
Хмелю купуваты,
Щобъ винъ купывъ хмелю
Тай наробывъ пыва,

Щобъ же моя теща
Рукы—ногы мыла

А пишовъ винъ на торгъ торгуваты
Хмелю купуваты,
А не купывъ хмелю,
Накупывъ ячменю
За симъ рубливъ срибныхъ
Повнисеньку жменю

. . .

Та не наробывъ пыва,
А наробывъ дыва,
Шобъ моя теща
Рукы—ногы мыла

А пишовъ на торгъ торгуваты,
Козы продаваты.

(Зап. отъ лирн. Александра).

16.

Б И Д А.

Ой надъ моремъ глибокымъ
Стоить теренъ высокый,
А съ пидъ того терена
Выйшла бида молода.

Мала бида невелычка
Вчепылася чоловичка.
—Де ты, бидо, вродылась,
Що до мене вчепылась?

—А въ Кремянци родылась,
А въ Хмелныку хрестылась,
А въ Тыврови изросла,
А въ шумъ замужъ пишла.

У Винныци шлюбъ брала,
А въ Кракови прысягала.
Въ Бардычови по торзи
Издыть бида на кози.

Тамъ цыгане кони минялы,
Свою биду пизналы.
Былы биду хвайдамы
—Не йды, бидо, за намы.

Нема биди якъ симъ литъ,
Славна бида на весь сьвитъ.
Одъ Кракова до Кракова
Всюды бида иднакова,
Отъ Кремянця до Кремянця
Нема биди нигде кинця.

Пишла бида до мелныка,
Далы биди варевыка.
А якъ пишла до Кырыла,
То вже своихъ наварыла.
А якъ пишла до Матвія,
То вже зовсимъ збагатила.
А якъ пишла до Петра,
Чуть жывенька утикла

Пишла бида до Демяна,
Звиты выйшла трошкы пьяна.

А якъ пишла до Мыкыты,
Заставылы ложкы мыты,
А якъ пишла до Параскы,
Заставылы кужель прасты.

Пишла бида до шевця,
Вкрала соби реминця,
Сила бида на стильци,
Поморщыла постильци,
Сама соби дывуеццця,
Що нихто такъ не взуеццця.
Сила бида пидъ плотомъ
Зашывае рану дротомъ.
Пишла бида до школы,
Былы биду доволи.
А якъ пишла до попа,
Былы биду, якъ снопа,
Былы, былы, волочылы
Щей въ помыяхъ намочылы.

Пишла бида до Деныса,
Звидты вона выйшла лыса.
А якъ пишла до Кырыла,
Звидты вона носомъ рыла.
Пишла бида до млына,
Далы биди кишъ мукы.
А якъ пишла у Сумянець,
Заслужыла симъ кинъ яець,
Пидъ церквою въ Кремянцю
Дала старцямъ по яйцю.
Пишла бида въ Мугыливъ
Та купыла симъ воливъ.
Ходыть бида за Днистромъ
За воламы зъ весломъ.

А якъ пишла у Одессъ,
Ажъ тамъ бида спродалась,
Ажъ тамъ бида спродалась,
На атласы спромоглась.

А якъ пишла у Бендеръ,
Якыйсь биду бисъ обдеръ,
Бо Бендеры зъ бидою знакоми,
На атласы лакоми,
И атласы одняли,
И биди прочуханкы далы.

Пишла бида у Сумивци
Пасла вона симъ литъ вивци,
А якъ пишла по плату,
Ажъ у крайню хату,
Тамъ биди заплатылы:
Коцюбою обстрочылы,
Лопатою облаталы,
На будущый рикъ запрохалы.

Бигла бида на мистокъ,
Спотknулася на лыстокъ,
Впала къ чорту пидъ мистокъ.
Тягнуть биду съ пидъ моста,
А вже бида безъ хвоста.

Идуть люде зъ брусамы,
Взялы биду на сани,
Та повезлы до волохъ,
Проминялы на горохъ,
А Волохы каялысь,
Що гороху збавылысь:
—Вы соби биду возьмить,
А намъ горохъ вернить.

Пишла бида въ Сокилець,
Ажъ тамъ биди ставъ кинець,
Ажъ тамъ бида вмерла,
Щей ногы задерла.

Десь узявся Даныло,
Забывъ биду у барыло,
Та хтивъ іи намочыть,
Та въ Бардычивъ одтащыть.
Тамъ бувъ зъ биды добрый квасъ,
Та не було тилько насъ.

Десь узявся Прокопъ
И той биду въ морду хлепъ.
Десь узявся Танасъ

И той биду за лобъ трасъ.
Десь узявся Мартынъ —
И той бидою объ тынъ.
Десь узялася Хрыстына,
За бидою голосыла.

А прынеслы чорты Марту,
Поставыла водкы кварту.
Катерына мымо йшла
И та сорочку прынесла.
Десь узялася Марына
За биду очезашъ изговорыла.

Биди на безголовья,
А намъ на здоровья.

(Зап. отъ А. Димнича).

Словарь.

Альмо—молоко.
Арбутка—гусь.
Алюшныкъ—сельдь.
Аврыдыты—врать.
Авлыдныкъ—пастухъ.
Авлыца—корова.
Явлыдъ—волъ.
Явлыдыня́—теленокъ.
Барай—иконы.
Батій—ба
Бахтій—тесть.
Барва́тъ—волоса.
Бату́зныкъ—веревка.
Забату́зытысь—повѣситься.
Забату́заный—завязанный.
Ба́рмусъ—шуба.
Ба́ныты—курить.
Баклу́нъ—табакъ.
Бала́йка—губа.
Бетля́ты—быть.
Забетля́тысь—забыть
Беца́къ—солдатъ.
Бо́тень—борщъ.
Ботня́къ—буракъ.
Боси́вный—босой.
Бу́кша—«кваша».
Бурби́ль—ячмень.
Би́ вже—уже.
Би́ винъ—онъ.
Би́ ему—ему.
Би́ мы—мы.
Би́ ты—ты.
Би́ твій—твой.
Би́ цей—этотъ.
Би шо́ би тамъ?—что тамъ?
Варна́га—курица.
Вандзо́рыты—водить.
Выванзо́рыты—вывести.
Повандзо́рныкъ—поводырь.
Веслю́я—солома.
Ве́слюко—яблоко.
Веслю́шныця—яблоня.
Во́лыты—хотѣть.
Муньково́лю—я хочу.
Во́лотъ—конь.
Волоты́ця—кобылица.
Вовча́къ—пиво.
Восто́рка—дорога.
Вихро́—сѣно.
Влипа́ты—смотрѣть.
Влипу́шній—зрячій.
Все́ськи—все.
Вы́зитаты—выпросить.
Вы́ляксаты—вылѣзть.
Вcты́чуваты—вставать.
Гавры́шъ—горохъ.
Гавры́шныкъ—бобъ.
Гавры́шныця—фасоль.
Гальо́мый—большой.
Гардува́ты—ѣхать.
Га́лусть—соль.
Герты́ха—водка.
Герты́шныкъ—шинкаръ.
Гу́дзь—жидъ.
Гудзи́вка—жидовка.
Гудзеня́—жиденокъ.
Де́лька—вода.
Вде́льчытысь—утонуть.
Де́люшныкъ—паромъ.
Дермо́ныты—рвать.
Дермо́нка, дермо́ка—дыра.
Дергу́нныця—мельница.
Докургоныты—догнать.
Досадо́мка—досада.

Ди́кончыкъ—десятскій.
Дуля́сыты—палить, горѣть.
Дуля́сныкъ—огонь.
Дуля́сный—теплый.
Ду́хомка—душа.
Дя́хныты—дать.
Отдя́хныты—отдать.
Епыть—есть.
Жоклі́я—рюмка.
Закапло́ныты—запереть.
Закапло́нныкъ—замокъ.
Закапло́нныця—сундукъ.
Захарбе́ля—сумâ, «торба».
Захарба́ныкъ—мѣшокъ.
Звертíй—поясъ, ужъ, гадюка.
Зивро́—ведро.
Зикро́—окно.
Зикра́—глаза.
Зитко́—рожь.
Зита́ты—просить.
Зита́ты ша́теръ—молиться Богу.
Зито́мыты—жить.
Злобуська́ты—словить.
Зру́тыты—сбросить.
Іо́нусъ—сынъ.
Іо́нуска—дочь.
Іо́рый—старый.
Іо́руста—староста.
Каврíй—панъ.
Каврíйка—пани.
Кадро́—пенька.
Ка́ня, капи́лія— шинокъ.
Каму́ха—шапка.
Караво́на—дѣвушка.
Карабе́льна—ложка.
Катра́ты—хоронить.
Покатра́ты—похоронить.
Скатра́тысь—спрятаться.
Ке́мить—ночь.
Кемита́ты—почевать
Ка́чыты—сидѣть.
Накачы́тель—начальникъ.
Гальо́мый накачы́тель — становой приставъ.
Ка́липный—слѣпой.
Кито́—яйцо.
Ре́псане кито́—писанка
Кле́вый—добрый.
Кле́во—хорошо.
Некле́вый—недобрый, злой.
Некле́во—не хорошо.
Клево́тыты—работать
Кли́маты—воровать.
Климу́та—воровство.
Климу́тныкъ—воръ.
Клю́са—церковь.
Клю́сныкъ—крестъ.
Клю́жыты—ложить.
Поклю́жытысь—лежать
Поклю́жныця — постель, «лавка».
Кови́сто—тѣсто.
Кови́знықъ—кузнецъ.
Кови́зныця—кузница.
Ко́втуръ—горшокъ.
Ковту́рныця—кувшинъ.
Комрíй—брюхо.
Ко́нто?—что это.
Ако́нтоль?—а чтожъ?
Ко́рхъ—попъ.
Корхы́ня—попадья.
Корхы́ныкъ—поповычъ.
Ко́тинь—возъ.
Кра́синка—кровь.
Кры́ксаты—кричать.
Кри́мъ—грѣхъ.
Крими́шный—грѣшный.
Кри́со—мясо.
Си́водне кри́со—«гыжкы».
Крутыло́—колесо.
Ку́вечеръ—вечеръ.
Кувестія́не—христіане.
Ку́день—день.
Кудо́вныкъ—колоколъ.
Кудо́ныты—звонить.
Ку́завтра—завтра.
Ку́латы, ко́псаты—бить.
Кула́шныця—ружье.
Кула́шныкъ—стрѣлокъ.
Заку́латы—убить.
Поку́латы—побить.
Ко́псаня—драка.
Кульба́ты—любить.
Ко́льба—женщина легкаго поведенія.
Ку́нсо—хлѣбъ.
Кухтíй—бѣдный.
Курды́миль—дяда.
Курды́милька—тетка.
Курля́ты—варить.

Ку́рга—лира.
Ку́ргаты—играть.
Ку́гратысь—играться.
Кура́шныкъ—музыкантъ.
Ку́матокъ—кусокъ.
Кума́точокъ—кусочекъ.
Куты́га—комора.
Кусмо́рыты—кусать.
Кусмо́рныкы—зубы.
Куче́рба—вчера.
Кы́ндыкъ—годъ.
Кы́рыты—пить.
Кыра́ка—пьяница.
Укы́раный—пьяный.
Кы́рха—свинья.
Кырхуня́—поросенокъ.
Кырху́шныкъ—хлѣвъ.
Лавда́—голова.
Ла́нюсъ—ляхъ.
Лебі́й—дѣдъ.
Ле́кша—каша.
Лекшу́нныця—ступа.
Лепу́ха—капуста.
Лико́рыты—лѣчить.
Ли́корныкъ—докторъ.
Ли́трыты—считать.
Липно́—ясно.
Лопо́тыты—молотить.
Лопо́тня—ри́га.
Лопо́тныкъ—молотникъ.
Лоскотыро́—полотно, холстъ.
Лоха́тысь—смѣяться.
Лы́га—волкъ.
Макохті́й—мѣсяцъ.
Мана́тка—рубаха.
Мана́тя—бѣлье.
Манько́—я.
Мане́йськый—нашъ.
Маны́ця—мать.
Матлі́йка—трубка, папироска.
Махлы́чыты—рѣзать.
Махлы́чъ—ножъ.
Вы́мыхлычыты—вырѣзать.
Махлы́чныкъ—косарь.
Махлува́ты терыгу—копать землю.
Ме́крій—малый.
Мекре́нькый—маленькій.
Ме́хли—овцы.
Мо́тень—котъ.
Мо́здиръ—человѣкъ.
Моргу́ля—недѣля.
Морзны́къ—чеснокъ.
Морзу́ля—лукъ.
Ми́лясъ—медъ.
Миля́сныця—пасѣка.
Миля́сныкъ—улей.
Омеля́сныкъ—сахаръ
Ми́ньчыты—имѣть.
Мутла́ха—нюхат. табакъ.
Мурго́мъ—бѣгомъ.
Накато́рськый—сотскій.
Направо́шыты—исправить.
Право́шыты—править.
На́сикы—панталоны.
На́хтыты—найти.
Обна́хтыты—обыскать.
Науко́рытысь—научиться.
Науко́рныкъ—учитель.
Не́мить—нѣтъ.
Нови́вный—новый.
О́бокы—сапоги.
О́брутки—дрова.
О́брутень—голубь.
Одчыпо́рыты—отцѣпить.
Опу́лыты—купить.
Пропулыты—продать.
О́ксымъ—лѣсъ.
Осня́къ—гной.
Оша́рныкъ—я́рмарка.
Пандика́ты—падать, «кленчыты».
Пасо̀рыты—пасти.
Пастикля́ты—подождать.
По́со—много.
Поми́нчыты—минуть.
Покрыво́шныця—«покрытка».
Пору́тыты—бросить.
Плаву́тень—индюкъ.
Пли́ный—бѣлый.
Пли́нчыты—мыть.
Плихти́—плечи.
Плы́ксыты—плакать.
Пна́ты—идти.
Пса̀лыты—пѣть.
Пса̀льня—пѣсня.
Пса́лныкъ—дьякъ.
Пса́лка—рыба.
Псулъ—мужск. пол. орг.
Пунді́й—пирогъ.
Пухта́вка—«пампушка».
Прыю́хныты—принять.

Пы́хтыты—нюхать.
Пико́та—рогъ.
Безпико́тный—безрогій.
Ра́ха—женщина, «молодыця».
Рахті́й—дождь.
Ре́псаты—читать.
Ре́псаня—книга.
Ре́псныкъ—акаѳистъ.
Рыза́вка—кукуруза
Рута́вка—рука.
Рута́вныця—перчатка.
Сабасні́й—самъ.
Се́вяска—гречиха.
Сви́томка—свѣтъ.
Свяхта́—праздники.
Си́веръ—снѣгъ.
Сивы́риты мерзнуть.
Си́верныця—зима.
Си́водный—холодный.
Си́водно—холодно.
Си́вгородъ—городъ.
Си́враты—знать.
Си́враныця—колодезь.
Скако́мыты—прыгать.
Скаканты́ты—сказать.
Скант́ытысь—взбѣситься,
Скере́тникъ—урядникъ.
Скелы́ха—сука.
Ски́ць, скиця́ка—собака.
Ски́тыты—уходить.
Скительня́—миска.
Ските́лныкъ—рубль.
Скрыпота́—дверь.
Одскрыпота́ты—отворить.
Скуми́ты—умѣть.
Слуго́ныты—служить.
Слуго́мка—служба.
Слуго̀нныця—служанка.
Слухо́мка—ухо.
Слы́хтыты—слышать.
Со́ботка—суббота.
Ставре́ныкы—вареники.
Ставро́хы—крестьбины.
Савро́шыны—молитвины.
Ставыньчыкъ—«половынчыкъ».
Сте́блюкъ—ягода.
Стеблю́шныця—вишня.
Сте́пуръ—печь.
Стекля́ты—ждать.
Сто́тень—богачъ.
Стропи́ля—поле.
Сты́лъ, сты́зъ—задъ.
Сты́чыты—стоять.
Сура́ськый—красивый.
Сухмо́рыты—сушить.
Сухма́й—сухари.
Ся́нко—солнце.
Сыпя́га—свитка.
Тага́ныты—нести.
Тартаса́—колбаса.
Теры́га—земля.
Теры́жныкъ—картофель.
Терна́вка—слива.
Терпелю́къ—«парубокъ».
Трасо́мыты—трясти.
Трасо́мныця—лихорадка.
Трусны́къ—сито.
Трепе́лый—добрый.
Тро́иты—кушать.
Трі́йка—обѣдъ.
Труны́ты—болѣть.
Тро́няшный—больной.
Нетро́няшный—здоровый.
Ту́ха—женск. пол. орг.
Тыры́нъ—сыръ.
Утухмо́рыты—задавить.
Хаза́—хата.
Поха́зныкъ—хозяинъ.
Поха́зныця—хозяйка.
Ха́ля—мертвецъ, погребеніе.
Ха́лыты—умирать.
Ханджува́ты—ходить.
Хало́—калъ.
Халиста́ты—цѣловать.
Хве́сь—Богъ.
Хве́сь мане́йськый—ей богу.
Хведня́—дитя.
Хвелю́стка—платокъ.
Хве́рть, те́мыхъ—чертъ.
Хви́ртъ—дворъ.
Хера́не—люди.
Хобни́—деньги.
Ходу́ха—нога.
Хо́ры—село.
Хруста́вка—грушка.
Хы́зыты—испражняться.
Цесо́—просо, пшено.
Цили́тный—цѣлый.
Цу́ба—баба.
Цы́за—вошь.

Ча́ныты—лить.
Нача́ныты—налить.
Сча́нюваты—сливать.
Чужи́вный—чужой.
Шандра́къ—цыганъ.
Шале́ко—далеко.
Шате́рныця—молитва.
Шате́рныкъ—«отпустъ».
Шку́тытысь—бояться.
Шляга́ты—случать.
Шляґу́нъ—ловеласъ.
Шмурны́й—глупый.
Зшмури́ты—сойти съ ума.
Шало́то—грязь.
Шоловы́на—половина.
Шпарута—обходъ, «варта».
Штаве́ра—бракъ.
Шулинци́—«кацапы».
Шули́ція—полиція.
Шулице́йськый—полицейскій.
Шу́сто—мѣстечко.
Яндрусъ—братъ.
Яндруска—сестра.
Яныґа—свадьба.
Яны́чныня—сватанье.
Яны́чытысь—сва́таться.
Япе́рыты—брать.
Зяпе́рыты—взять.
Наяпе́рыты—набрать.
Яршына́—старшина.
Яшку́рныця—пшеница.
Яшпурка—булка.

Мѣстныя назв. селъ и мѣстечекъ.

Кресны́къ—Сальникъ.
Морґу́нивъ—Сопруновъ.
Мургали́вка—Павловка.
Мургани́вци—Дашковцы.
Шайливъ—Браиловъ.

Числительныя.

1—іо́нъ.
2—дsvеня́.
3—скера́.
4—си́сара.
5—пе́нтза.
6—ша́ндра.
7—ти́мара.
8—вити́мара, висимты́ня.
9—ди́вора.
10—ди́кона.
11—ди́кона й іо́нъ.
12—ди́кона и двеня́.
13—ди́кона й скера́.
14—ди́кона й си́сара.
15—ди́кона й пе́нтза.
16—ди́кона й ша́ндра.
17—ди́кона й ти́мара.
18—ди́кона й вити́мара.
19—ди́кона й ди́вора.
20—двеня́ ди́конъ.
21—двеня́ ди́кона й іонъ.
30—скера́ ди́конъ.
40—си́сара ди́конъ.

1-й—іо́ный, ю́тный.
2-й—двене́шный.
3-й—скере́тній.

1 рубль—(іо́нъ) скителны́нъ.
2 рубли—двеня́ скители́въ.
3 рубля—скера́ скители́въ.
$^1/_2$—шоловы́на.
1 коп.—двеня́ хобни́ (два гроша).
2 коп.—си́сара хобни́.
15 коп.—руса́нъ пли́ный.
20 коп.—сиса́рка, си́сира ди́конъ хобни́въ.

Валеріанъ Боржковскій.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго[1]).

5. Университетъ.

(1840—1844).

Von der Wiege bis zur Bahre
Sind die schönsten die Studentejahre!
(*Изъ студенч. пѣсни*).

Путевыя впечатлѣнія и вступительный экзаменъ.

Возница нашъ Терентій оказался большимъ весельчакомъ и юмористомъ; но какъ ни усердствовалъ онъ, чтобы развеселить меня въ первый день нашего путешествія, его забавныя шутки и остроумные анекдоты не въ состояніи были разбить мою тугу. Болтовня его была мнѣ противна.

Перешагнувъ предѣлъ, отдѣлявшій меня втеченіе двадцати лѣтъ отъ всего, что находилось за чертою Новгородъ-Сѣверска, я впервые почувствовалъ себя одинокимъ, впервые сознательно отнесся къ своему прошлому. Безконечными вереницами толпились въ душѣ тѣни минувшаго: понесенныя мною утраты, угнетавшая меня нужда, семейныя драмы и огорченія... Вспомнились мнѣ и мои крохотныя удовольствія и впервые испытанное мною сердечное влеченіе къ той,

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 8, августъ.

которую я такъ скоро увижу опять, ровно черезъ два года; но увижу не дѣвочкой-подросткомъ, но женщиной развитой, способной оцѣнить высокое чувство первой юношеской любви. По мѣрѣ удаленія отъ родины и приближенія къ Сваромью, незамѣтно стали исчезать одинъ за другимъ носившіеся передо мной образы надолго покинутыхъ мною лицъ, уступая мѣсто одному, завладѣвшему всѣмъ существомъ моимъ ненаглядному образу.

Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, не представляли ничего привлекательнаго. Все тѣ же бѣдные города, похожіе на села, за исключеніемъ развѣ одной особенности—желтыхъ тюремныхъ замковъ, построенныхъ по одному плану во всѣхъ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи, однимъ и тѣмъ же жидомъ—подрядчикомъ Быховскимъ.

— Видишь, Терентій, какія палаты для вашего брата—мужика выстроены, обратился къ возницѣ, самъ едва избѣжавшій тюрьмы, мой спутникъ.

— Де вже нашему брату—мужику у такихъ хоромахъ житы—воны мабуть для панивъ збудованы, отвѣтилъ ему Терентій.

Попадались по пути бѣдныя деревушки и мѣстечки, огороды съ табакомъ, поля, уже на половину обнаженныя отъ высокой колосистой ржи. За Черниговомъ начался лѣсъ, мы въѣхали въ остерскій уѣздъ. Въ лѣсу попадались на встрѣчу мизерныя деревушки, прежде населенныя монастырскими, а нынѣ казенными крестьянами [1]). Послѣ секуляризаціи лаврскихъ имѣній, во владѣніи монаховъ остались одни озера да пруды. Положеніе крестьянъ при новыхъ порядкахъ значительно измѣнилось, но не къ лучшему. Въ прежніе годы они невозбранно занимались лѣсными промыслами, уничтожая цѣлыя десятины лѣсу и расчищая обнаженныя мѣста подъ запашку; теперь казенные лѣсничіе, соблюдая государственный интересъ, (и своего притомъ не забывая), разными карательными мѣрами прекратили, повидимому, безобразное истребленіе лѣсовъ, поставивъ крестьянъ въ безвыходное положеніе: лѣсничій налагаетъ штрафы и предаетъ порубщиковъ суду, а окружной съ помощниками правятъ подати, которыхъ заработать негдѣ. Пока еще

[1]) Еще въ XVI столѣтіи большая часть остерскаго повѣта принадлежала Кіево-Печерской лаврѣ.

на привольныхъ лугахъ днѣпровскихъ красовались исполинскіе дубы и осокоры, бѣдняги кое какъ перебивались: повалитъ столѣтнее дерево, наколетъ дровъ да и свезетъ Днѣпромъ въ Кіевъ. Выручивъ такимъ способомъ десять-пятнадцать рублей, крестьянинъ удовлетворялъ первѣйшимъ своимъ нуждамъ до слѣдующей осени. Но когда луга обнажились отъ деревьевъ, когда рѣки и озера стали мельчать отъ засухи, положеніе ихъ стало по истинѣ критическимъ. Сравнительно съ прежними годами, народонаселеніе увеличилось почти въ два раза, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасла и нужда до ужасающихъ размѣровъ. Еще ближайшія къ Кіеву села кое какъ перебиваются: то копицу сѣна, то рыбы пудъ продастъ, то наплететъ изъ лозы корзинъ, то наймется дрова возить съ пристани: все таки человѣку есть возможность зашибить копійчину; живущіе же въ лѣсной глуши, въ разныхъ наименованій Гутахъ — бѣдствуютъ страшно.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

По дорогѣ мы завернули къ одной „малодушной“ барынѣ, знакомой лѣсничаго, въ особѣ которой, къ моему удивленію, я нашелъ поразительное сходство съ гоголевской тетушкой Василисой Кашперовной, въ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ безсмертный юмористъ многія черты изъ соз-

данныхъ имъ типовъ заимствовалъ въ такой именно глуши, въ какой мы теперь очутились. Женщина исполинскаго роста и соразмѣрной оному толщины, съ ухарскими манерами и зычнымъ голосомъ, Ульяна Максимовна годилась бы въ гвардію Фридриха Прусскаго. Она казалась еще массивнѣе въ своихъ крохотныхъ комнатахъ. Домъ, вѣроятно, построенъ очень давно, когда она была еще такой крошкой, которую теперешняя Ульяна Максимовна могла бы спрятать въ свой неизмѣримый карманъ стараго капота, вмѣстѣ съ гремучею связкой ключей. Поздоровавшись съ нами и приготовивши наскоро яичницу, чтобы заморить червяка, она отправилась на кухню готовить обѣдъ, а мы, позавтракавши, пошли, для возбужденія аппетита, прогуляться.

Село, куда мы пріѣхали, называется Мáксымъ, рѣчка, на которой оно находится—Мáксымъ, сельскій батюшка, от. Максимъ, родителя хозяйки звали также Максимомъ; половина почти населенія носила это излюбленное имя. Тутъ же не вдалекѣ протекаетъ и моя родимая Десна, на свиданіе съ которой я и поспѣшилъ. Купаясь въ ея прозрачныхъ струяхъ, я вообразилъ себя дома, подъ Замкомъ, на оболоньи. Потомъ мы сѣли въ лодку и переправились на другой берегъ рѣки. Мнѣ живо представилось приволье и широкій просторъ новгородсѣверскихъ луговъ, гдѣ протекли лучшіе годы моей жизни. Тамъ, свободный, какъ вѣтеръ, вырвавшись изъ душной темницы „чистилища“, я разгуливалъ на волѣ, забывая все на свѣтѣ—и свои домашнія злыдни и грозную линейку Якова Яковлевича и его противную „ариѳметичку“. Только тогда я былъ счастливъ, когда засаленныя тетради и безтолковые учебники смѣнялись ружьемъ и удочкой. Наука была для меня тогда мукой. Недаромъ у насъ сложилась школьная поговорка, характеризующая нашихъ непризванныхъ педагоговъ: попечитель — пече, смотритель — смотритъ, учитель—мучитъ, а не учитъ. Значитъ, куда ни повернись—всюду бѣда.

Пробѣгавшись на лугу и вторично освѣжившись купаньемъ, мы къ великому утѣшенію хлѣбосолки-хозяйки, обѣдали съ волчьимъ аппетитомъ. За то обѣдъ, обѣдъ!—объяденіе! За неимѣніемъ въ селѣ говядины, пострадала домашняя птица и дичь, которой въ Максимѣ было такое обиліе, что крестьяне, не зная цѣны убитой

и пойманной силками дичи, часто варили борщъ съ бекасами и дупелями, отчего истый охотникъ-гастрономъ непремѣнно упалъ бы въ обморокъ, пораженный такою профанаціей кулинарнаго искусства. Послѣ обѣда мы вышли изъ душной комнаты на дворъ, подъ навѣсъ. Неугомонная Ульяна Максимовна pour la bonne bouche, угостила насъ преоригинальнымъ концертомъ: покликавъ съ улицы замарашку мальчика, лѣтъ 14, она заставила его пѣть пѣсни самаго непристойнаго содержанія; между тѣмъ какъ тутъ же находились и ея собственныя дѣти: два мальчика и дѣвочка, которой было не менѣе 15 лѣтъ. Какъ видно, мамаша готовила будущему своему зятю второе изданіе собственной персоны—женщину гренадера, заглушая въ ней съ дѣтскихъ лѣтъ врожденное каждой женщинѣ чувство стыдливости.

Когда спала жара, Терентій напомнилъ намъ, что пора ѣхать, и мы распрощались съ Максимомъ и съ самой Ульяной Максимовной.—На другой день передъ закатомъ солнца, я въ первый разъ увидалъ Днѣпръ. Хотя и зналъ я изъ географіи о существованіи на земномъ шарѣ несравненно большихъ рѣкъ, но такъ какъ я ихъ не видалъ, то нашъ староденный Днипро сильно поразилъ меня своимъ величественнымъ видомъ. Для меня, по крайней мѣрѣ въ то время, гипербола Гоголя казалась вполнѣ естественной: взглянувши на него впервые, невольно воскликнешь: „пышный! тебѣ нѣтъ равной рѣки въ мірѣ!" И какою мизерною рѣченкой показалась въ моихъ глазахъ родимая Десна, въ сравненіи съ старымъ Днѣпромъ. „У, какая страшная пучина, глотающая людей какъ мухъ!". У, какъ быстро текутъ синія воды его страшно и подойти, не только выкупаться въ нихъ.

Налюбовавшись съ высокаго берега величественною картиной Днѣпра, при солнечномъ закатѣ, ярко освѣтившемъ зеркальную его поверхность багровыми лучами, мы поплелись дальше—и къ вечеру въѣхали въ сельцо Сваромье, резиденцію лѣсничаго. Къ великому моему удовольствію, село раскинулось на самомъ берегу Днѣпра, значитъ, будетъ довольно времени наглядѣться на него, а теперь займемся кузиной.

Какъ пышно развернулся и разцвѣлъ этотъ полевой цвѣтокъ, подъ вліяніемъ освѣжительнаго воздуха днѣпровскихъ луговъ и лѣсовъ!

Совершенно деревенская простота домашней обстановки жилища лѣсничаго еще болѣе оттѣняли прелесть этого созданія. Съ перваго взгляда на нее я былъ пораженъ и очарованъ. Пылкое чувство первой юношеской любви, казалось, заглохшее въ самомъ зародышѣ, втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ моей трудовой жизни, охватило все существо мое. Страшный вулканъ, клокотавшій въ груди Амалатъ-Бека, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось въ душѣ моей въ минуту роковой встрѣчи съ нею.

Тогдашнее молодое поколѣніе воспитывало свое чувство преимущественно на повѣстяхъ Марлинскаго: для насъ онѣ составляли кодексъ любви—ars amandi нашего времени. Мы—юноши старались подражать пламеннымъ героямъ романиста, если не въ жизни, то въ любовныхъ посланіяхъ къ своимъ богинямъ, за то съ глазу на глазъ съ ними, въ интимныхъ бесѣдахъ, мы были до глупости застѣнчивы и стыдливы. Даже, если случалось читать въ слухъ, въ присутствіи возлюбленной, страстное признаніе какого нибудь героя, „съ цѣлой Африкой любви“, то и тутъ бывало спасуешь и краснѣя пропустишь самое пикантное мѣсто любовной чепухи. О, мы были не то, что нынѣшніе безстыжіе Базаровы и Волоховы: о такихъ хищникахъ и губителяхъ невинности „благородныхъ барышень“ у насъ не было и слышно. Воспитанные на балладахъ Жуковскаго, мы до мозга костей проникались романтизмомъ, смотрѣли на „дѣву“, какъ на божество, любя ее чисто платонически; мечтали при лунѣ и писали стихи при сальной свѣчкѣ.

Но такъ какъ о всякомъ смертномъ можно сказать то же, что сказалъ влюбленный Фаустъ о Мефистофелѣ: Du spottgeburt von Dreck und Feuer, то идеальная любовь нашихъ романтиковъ не исключала собой и чисто плотскихъ поползновеній: стыдливый романтизмъ часто шелъ рука объ руку съ самымъ необузданнымъ развратомъ: „иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ, съ умомъ высокимъ, начиналъ съ идеала Мадонны, а кончалъ идеаломъ садомскимъ [1])“.

Такое явленіе не ново. То же самое было и въ средніе вѣка не только съ нашими недодѣланными рыцарями, но и съ настоящими. Каждый изъ нихъ, какъ извѣстно, имѣлъ свою даму, любя ее чи-

[1]) Писатель 40-хъ годовъ—Достоевскій.

сто платонически, но эта „царица его сердца“ нисколько не мѣшала ему имѣть въ одно и тоже время цѣлый гаремъ женщинъ, надъ которыми онъ, въ свою очередь, царилъ безгранично. Въ то самое время, когда Петрарка въ своихъ сонетахъ повѣдалъ всему міру о глубокомъ отчаяніи, испытываемомъ имъ оттого, что Лаура не удостоиваетъ его взглядомъ, онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ другою женщиной, которая сонетовъ его не читала, но была матерью нѣсколькихъ его дѣтей. При такомъ видимомъ сходствѣ нашихъ селадоновъ съ рыцарями, между тѣми и другими огромная разница. У рыцарей существовало, по крайней мѣрѣ, фиктивное уваженіе къ женщинѣ въ образѣ „дѣвы“ или „дамы“, за которую они ломали копья на турнирахъ, у насъ и того не было:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви...

Въ отношеніяхъ своихъ къ прекрасному полу мы приближаемся больше къ востоку, чѣмъ къ западу. И въ самомъ дѣлѣ, похожи ли мы, хоть въ какомъ нибудь отношеніи, на рыцарей? Развѣ на донъ-Кихота. Донъ-Кихотовъ у насъ дѣйствительно было довольно, но они съ настоящимъ донъ-Кихотомъ все таки мало имѣютъ общаго.

Благороднѣйшій Ламанчскій чудакъ-энтузіастъ, натура страстная и геніальная. Проникнутый до мозга костей идеею правды, общественнаго блага и любви, онъ ясно сознавалъ великость своихъ благородныхъ стремленій и, если потерпѣлъ неудачу въ погонѣ за идеалами, то это случилось только потому, что онъ немножко запоздалъ съ своими услугами человѣчеству, за что и былъ осмѣянъ безпощаднымъ Сервантесомъ, хотя въ своихъ восторженныхъ рѣчахъ и безкорыстныхъ стремленіяхъ донъ-Кихотъ столько же достоинъ смѣха, сколько и самый геніальный умъ при столкновеніи съ пошлымъ житейскимъ такъ называемымъ „здравымъ смысломъ“, которому выспренніе полеты генія всегда казались и будутъ казаться безуміемъ. Непонятый современниками геній, въ глазахъ близорукой толпы, тотъ же донкихотствующій чудакъ, съ тою лишь разницей, что донъ-Кихотъ задумалъ воскресить отжившую идею рыцарства, и, стараясь настоящему навязать прошедшее, настолько же опоздалъ явиться въ свѣтъ, насколько непризнанный геній поспѣшилъ своимъ рожденіемъ. Возвышаясь цѣлою головой надъ толпой, и слѣд., видя

дальше ея, геній стремится къ тому, чтобы приблизить настоящее къ отдаленному будущему, до котораго толпѣ пришлось бы ползти черепашьимъ шагомъ еще цѣлое столѣтіе.

И Сократъ, и Галилей, и Гусъ заплатили жизнію за то, что слишкомъ забѣжали впередъ большинства своихъ современниковъ. Какъ много людей сгорѣло на кострахъ за то, что позднѣе было признано истиной!... Справедливо замѣтилъ кто то, что „исторія есть скорбный листъ многихъ задавленныхъ идей, многихъ умершихъ ученій, когда они возникали въ средѣ, неподготовленной къ принятію ихъ".

Но... виноватъ, кажется, я ужъ черезчуръ зарапортовался...

Какъ ни очаровательна была мѣстность Сваромья, съ его поэтическимъ кладбищемъ, на высокомъ берегу Днѣпра, осѣненномъ соснами; какъ ни сладко было мечтать тамъ, декламируя куплеты изъ „Сельскаго кладбища" Жуковскаго; какъ, наконецъ, ни крѣпки были цѣпи, приковывавшія меня къ очаровательной кузинѣ,—но я, новый Одиссей, долженъ былъ, съ болью сердца, порвать эти цѣпи и оставивъ чертоги волшебницы Цирцеи, продолжать неоконченное странствіе.

Такъ какъ ближайшій и удобнѣйшій путь до Кіева лежалъ по Днѣпру, то мнѣ предложили лодку, съ 14 лѣтнимъ гребцомъ, разсчитывая на мое собственное искусство править судномъ, въ чемъ я, прирѣчный житель, хорошо напрактиковался въ дѣтствѣ. Въ день моего выѣзда утро было великолѣпное. Я былъ готовъ въ минуту. Сборы недолгіе: поставивъ сундучекъ свой въ лодку, я могъ воскликнуть вмѣстѣ съ философомъ: omnia mea mecum porto! Все семейство лѣсничаго вышло на берегъ проводить меня. Отчаливъ лодку, я какъ то машинально и не хотя дѣйствовалъ весломъ, безпрерывно оглядываясь на покинутый берегъ. Но вотъ, обогнувши Лысую гору, Днѣпръ круто повернулъ влѣво—и Сваромье скрылось за горою. Пославъ своей Полинѣ послѣдній вздохъ, я со всѣхъ силъ налегъ на весло и утлый мой челнокъ помчался какъ птица.

Въ Межигорьѣ нужно было сдѣлать привалъ. Лѣсничій поручилъ завезть туда письмо къ любезному своему куму Ивану Марковичу Нечипоренку, который принялъ меня чрезвычайно радушно и угостилъ завтракомъ. Это былъ одинъ изъ числа чиновниковъ, завѣдывавшихъ императорскою фаянсовой фабрикой. Всѣ они полу-

чали приличное содержаніе и жили припѣваючи, ровно ничего не дѣлая. Получала ли казна какой нибудь доходъ отъ фабричныхъ издѣлій—не знаю; что же касается фабричной администраціи, то она не могла пожаловаться на недостатки.

Подъ Вышгородомъ насъ застигла гроза. Подулъ сѣверный вѣтеръ и Днѣпръ изъ синяго сдѣлался сизымъ—„Страшенъ тогда Днѣпръ! и нѣтъ ему равной рѣки въ мірѣ. Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали“ (Гоголь).

Мы съ Грицкомъ поспѣшили пристать къ берегу, вытащили на берегъ лодку и опрокинувъ ее такъ, что бы вѣтеръ дулъ намъ сзади, расположились въ своей импровизированной юртѣ съ большимъ комфортомъ. Я даже былъ отчасти радъ случившейся остановкѣ: до вечера было еще далеко, а тутъ представлялся прекрасный случай поглядѣть вблизи на разсердившагося старика, потрясавшаго въ безсильной злобѣ на укрывшихся отъ его гнѣва пловцовъ своими сѣдыми кудрями—волнами, которыя съ ужаснымъ ревомъ, какъ бѣшенныя, вспрыгивали на крутой берегъ, орошая насъ своими брызгами.

Струсившій было не на шутку Грицько, очутившись въ совершенной безопасности, да еще съ добрымъ кольцомъ колбасы да двумя пирогами, мало по малу пришелъ въ себя и до того расхрабрился, что даже сталъ напѣвать себѣ подъ носъ веселую пѣсеньку. Лѣтняя гроза проходитъ скоро. Вѣтеръ быстро разогналъ нависшія тучи и солнце засіяло съ новымъ блескомъ. Волны скоро улеглись и успокоились; поверхность Днѣпра еще незадолго до того словно изрытая исполинскимъ плугомъ, опять стала гладкою и прозрачною. Мы вылѣзли изъ своей засады, спустили на рѣку лодку и дружно принялись за весла. При яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца, предо мной открылась великолѣпная картина Златоглаваго „пращура русскихъ городовъ“. Кто желаетъ видѣть Кіевъ во всей его красѣ, тотъ пусть смотритъ на него со стороны Днѣпра. Не одинъ я, невидавшій до того ничего лучшаго, но и люди, объѣхавшіе Россію и половину Европы, утверждаютъ, что они не встрѣчали ничего живописнѣе Кіева: не сомнѣваюсь, что они смотрѣли на него именно съ сѣверо-восточной стороны изъ-за Днѣпра.

Къ городу мы пристали на Оболоньи, противъ бурсы, гдѣ обыкновенно останавливались тогда заднѣпряне съ своими дубами, нагруженными дровами или сѣномъ. Такъ какъ день клонился къ вечеру, то такихъ дубовъ мы встрѣтили довольно подъ Вышгородомъ, уже возвращавшимися порожнякомъ домой противъ теченія. Тянулись они весьма медленно, такъ что напр. сваромцы и тарасовцы или ночевали на половинѣ дороги, или, работая всю ночь, только на другой день къ обѣду поспѣвали вернуться. Оставивъ Гриця на лодкѣ стеречь сундукъ, я вышелъ на берегъ и не зналъ, куда мнѣ направить стопы своя. „Э, подумалъ я, коли, по пословицѣ, языкъ доводитъ до Кіева, то въ Кіевѣ доведетъ и до университета“. Прошедши двѣ-три улицы, и поровнявшись съ Братскимъ монастыремъ, я увидалъ много народу, мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ по праздничному, какъ будто куда то спѣшившихъ все по одному направленію—по Александровской улицѣ. По справкамъ оказалось, что они спѣшили въ Царскій садъ на гулянье. По случаю воскресенья въ этотъ день тамъ играла музыка, пошелъ и я туда. Гуляла тогда публика главнымъ образомъ въ верхнемъ саду, по большой аллеѣ, заканчивавшейся бесѣдкой, изъ которой открывался восхитительный видъ на Заднѣпровье. Эта часть сада въ настоящее время отошла къ Царскому дворцу, а для публичныхъ ея гуляній предназначена нижняя часть его, въ котловинѣ, заключенной между горъ, гдѣ, по иниціативѣ генералъ-губернатора Анненкова, въ 60-хъ годахъ, устроено Шато-де-Флеръ, съ лѣтнимъ театромъ и вокзаломъ. Сюда собирается теперь кіевская публика, невысокой впрочемъ пробы, не съ цѣлію насладиться красотами природы, а подышать воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ керосина и фейерверочнымъ смраднымъ чадомъ, да позабавиться зрѣлищами, извращающими природу. Для первоначальнаго устройства Шато жадный къ наживѣ антрепренеръ, съ согласія городской думы, вырубилъ почти всю нижнюю часть сада. Подъ сѣкирой этого вандала—нѣмца пали и стройные вѣковые тополи, краса нашей украинской природы, и сотни фруктовыхъ деревьевъ. Исчезли и великолѣпныя клумбы цвѣтовъ; погибла безслѣдно и памятная всѣмъ намъ „аллея влюбленныхъ“, укрывавшая во время оно не одну стыдливую парочку отъ нескромныхъ взглядовъ гуляющихъ. Правда, нынѣшнія посѣтительницы шумнаго Шато вовсе не

нуждаются въ такомъ таинственномъ убѣжищѣ для своихъ rendez vous: онѣ открыто, при газовомъ освѣщеніи пьютъ коньякъ и шампанское и отплясываютъ канканъ, къ великому соблазну учащейся молодежи, преждевременно вкушающей отъ запретнаго плода Вакха и Венеры.

Въ саду между гуляющими я увидѣлъ много студентовъ; они прохаживались группами и громко разговаривали, но знакомаго между ними никого не замѣтилъ. Поворотивъ въ одну изъ боковыхъ аллей, я наконецъ встрѣтилъ тамъ студента Долинскаго. Хотя мы и мало были знакомы, но довольно было уже и того, что учились въ одномъ и томъ же заведеніи, чтобы, встрѣтясь въ чужомъ городѣ, не разговориться по дружески. Корпоративный духъ товарищества сближаетъ молодежь, располагая и обязывая ихъ ко взаимнымъ услугамъ. Отъ Долинскаго я узналъ квартиру нашихъ сѣверянъ Кулиша и Чуйкевича. Неразлучные друзья, уроженцы м. Воронежа, глуховскаго уѣзда, жили на Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время магазина Финке. Замѣтивъ съ первыхъ моихъ словъ, что я совершеннѣйшій провинціалъ—простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ городѣ могли обмануть, добрый мой землякъ Пантелеймонъ Александровичъ, отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змѣя", повѣсть, которую онъ писалъ тогда для „Кіевлянина", (альманахъ, издаваемый Максимовичемъ), поспѣшилъ одѣться и отправился со мной нанять извощика для перевозки за свѣтло моего скарба съ Подола. Пріѣхавъ на пристань и распростившись съ Грицемъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать. На другой день по утру мы съ Кулишемъ отправились искать квартиру. Небогатое студенчество ютилось тогда большею частію на Провальѣ, небольшомъ фольваркѣ, находившемся противъ университета, при спускѣ къ Днѣпру и состоявшемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ съ огородами и садами, тянувшимися къ самому обрыву. Между домами шла неровная, изрытая ручьями улица. Тутъ то мы и нашли квартиру за 25 рубл. асс. въ мѣсяцъ, съ обѣдомъ, чаемъ и мытьемъ бѣлья. Хозяйка моя была бѣдная чиновница, промышлявшая студентами, а мужъ ея въ то же время проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь на Кавказѣ.

Пант. Ал. Кулишъ, будучи еще гимназистомъ, пріобрѣлъ между товарищами репутацію „сочинителя" и искуснаго рисовальщика ак-

варелью. Его разсказы изъ быта воронежскихъ обывателей, читанные имъ въ кругу товарищей до прихода учителя, предвѣщали въ немъ будущаго украинскаго бытописателя. Но искусство не уживалось съ наукой: Пант. Ал—чъ оставилъ гимназію въ 1837 году, окончивъ только 5 классовъ. Слѣдующіе затѣмъ два года проведены имъ въ должности домашняго учителя и потомъ въ канцеляріи нѣжинскаго лицея въ качествѣ писца. 15 іюля 1839 года былъ вновь открытъ университетъ, послѣ временнаго его закрытія, и Кулишъ, хотя и выдержалъ вступительный экзаменъ, но какъ не окончившій полнаго гимназическаго курса былъ зачисленъ лишь вольнослушателемъ. Находясь въ такомъ неопредѣленномъ состояніи и не будучи обезпеченъ матеріально, онъ вовсе не посѣщалъ лекцій и скоро оставилъ университетъ.

Дня черезъ три послѣ моего прибытія въ Кіевъ привалила шумная толпа черниговцевъ, изъ коихъ трое оказались моими товарищами по новгородъ-сѣверскому уѣздному училищу, гдѣ они начали свое ученіе, но по обстоятельствамъ перешли въ Черниговъ, то были Т. И. Пристюкъ, Сережа Левицкій и Н. И. Сбитневъ. Всѣ они поселились у той же чиновницы на Провальѣ. Всѣ мы, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали педеля съ повѣсткой о явкѣ къ экзамену, а между тѣмъ не зѣвали и просматривали учебники. Наконецъ насъ потребовали въ первый комитетъ.

Экзаменовъ, правду сказать, я не боялся; математика только немножко смущала; но такъ какъ у меня было рекомендательное письмо къ профессору Дьяченку отъ его университетскаго товарища, нашего словесника Коконко, то и математика была обезпечена. При всемъ томъ, мнѣ становилось иногда жутко, при могущей послѣдовать неудачѣ. Вопросъ состоялъ не въ томъ, выдержу ли я экзаменъ или нѣтъ, а въ томъ, поступлю ли на казенное содержаніе или останусь на улицѣ. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависѣла вся моя будущность. Отдавши половину изъ привезенныхъ денегъ хозяйкѣ впередъ за мѣсяцъ, я остался при 25 рубляхъ асс. въ годъ, безъ малѣйшей надежды на манну небесную, которая падаетъ другимъ въ видѣ серебряныхъ рублей.

Первые два комитета прошли благополучно. Остался еще одинъ съ ужасной для меня математикой. Наканунѣ экзамена я понесъ

письмо къ профессору, который, пробѣжавъ его наскоро, сказалъ, что онъ будетъ экзаменовать меня строже другихъ, потому что меня рекомендуютъ, какъ отличнаго ученика. Такимъ образомъ, почтенный пріятель мой, вѣрный своему пакостному характеру, и тутъ подгадилъ, оказавъ мнѣ медвѣжью услугу. Н. А. Дьяченко сдержалъ свое благородное слово: пробралъ меня на обѣ корки по всѣмъ отдѣламъ математики и поставилъ превеликую единицу, которая хотя и не попрепятствовала поступить мнѣ на словесный факультетъ, но лишала права быть принятымъ въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ. Вмѣсто меня былъ принятъ сынъ черниговскаго инспектора Сбитневъ, хотя онъ и не лучше меня сдалъ экзаменъ и могъ бы прожить на свои средства, не прибѣгая къ казенной благотворительности.

Идучи, повѣся носъ, изъ университета, я неожиданно встрѣтилъ на улицѣ Матвѣя Альбертовича, пріѣхавшаго въ Кіевъ хлопотать о перемѣщеніи.

— А какъ ты держалъ физыку? спросилъ онъ.

— Физику то вашу я выдержалъ отлично, да съ математикой случилась бѣда—провалился!

— Очевидно! воскликнулъ физикъ, бо Осыпъ Григорóвичъ дурны—самъ ничого не умѣетъ.

Оно то, пожалуй, и правда, да мнѣ то отъ того было не легче, что убѣдился горькимъ опытомъ въ справедливости такого мнѣнія о моемъ наставникѣ Бонче, который ровно никого ничему не научалъ во всю свою 35 лѣтнюю службу.

Потерпѣвъ жестокое пораженіе, я не пошелъ даже обѣдать на квартиру, а купивши пятикопѣечную булку, и подкрѣпивши свои силы, поплелся черезъ Царскій садъ на Подолъ—искать сваромцевъ, чтобы узнать, нѣтъ ли вѣсточки изъ за Днѣпра. Въ своемъ безвыходномъ положеніи я не искалъ утѣшенія въ сочувствіи новыхъ товарищей. Веселые и счастливые, выскочили они изъ университета и пустились бѣжáть на Провалье, выдѣлывая по улицѣ, на удивленіе извощикамъ, преуморительные козлиные прыжки. Зналъ я, что, по случаю окончанія экзаменовъ, въ квартирѣ у насъ затѣвается кутежъ, но я не могъ въ немъ участвовать: мнѣ хотѣлось плакать, а не веселиться.

Мѣсяцъ въ деревнѣ.

Юность, юность! ты, какъ восходящее солнце, весь міръ обливаешь розовымъ свѣтомъ!... *Пассекъ.*

Спустившись къ Днѣпру, я поспѣшилъ на Оболонье и къ великой радости нашелъ тамъ самого хозяина того дома, гдѣ жилъ лѣсничій, да еще съ письмомъ отъ кузины. Ей было извѣстно, когда у меня оканчивались экзамены и вотъ она къ этому именно дню и прислала свои драгоцѣнныя строки, на синей бумажкѣ:

„Папенька и маменька уѣхали въ Новгородокъ, а я одна съ братьями осталась дома и страшно скучаю. Ежели вы окончили свои экзамены, то пріѣзжайте въ Сваромье студентомъ“ и проч.

Не чуя подъ собою ногъ, прибѣжалъ я на квартиру, захватить кое что изъ бѣлья и въ тотъ же день отправился въ путь, не столько впрочемъ для того, чтобы разсѣять скуку кузины, сколько для того, чтобы раздѣлить съ ней свое собственное горе. Кромѣ того, выѣздъ изъ Кіева до начала лекцій былъ необходимъ и въ финансовомъ отношеніи: съ 25 рублевой бумажкой въ карманѣ проживешь не долго. Этою, такъ сказать, карманною причиной я мотивировалъ внезапный свой отъѣздъ предъ товарищами. Никому не сказалъ я настоящей причины моего бѣгства за Днѣпръ никому не довѣрилъ тайны своего сердца: procul teneatis, profani!

Черезъ часъ я уже былъ на дубѣ и преусердно работалъ весломъ и шестомъ, какъ осужденный на галеры —Я сгоралъ нетерпѣніемъ какъ можно скорѣй увидѣться съ кузиной и торопилъ гребцовъ, которыхъ всего то и было двое: хозяинъ Тимишъ да его 13 лѣтняя дочурка Прися. Надъ моею поспѣшностью хромоногій мой Харонъ исподтишка подтрунивалъ, съ свойственнымъ малороссу юморомъ. Всѣ мои усилія ускорить медленный ходъ тяжелаго судна остались безполезными. Выбившись наконецъ изъ силъ, я бросилъ весло и завалился спать Втеченіе двухъ послѣднихъ недѣль, во время экзаменовъ, я спалъ очень мало и потому чувствовалъ сильное изнеможеніе. Крѣпкій и здоровый сонъ на свѣжемъ воздухѣ, на солнечномъ припекѣ, подкрѣпилъ мои силы. Не доѣзжая Межигорья, Тимишъ сдѣлалъ привалъ. Бѣдняжка дѣвочка, работая безпрерывно

шестомъ, до того изнемогла, что какъ только выпустила изъ рукъ свое орудіе, тотчасъ же и уснула. Собираясь разложить огонь, суровый хохолъ не переставалъ ворчать на спящую Присю, на которой лежала обязанность „пошукать дровецъ", т. е. насобирать валявшейся на берегу сухой лозы и щепокъ. Пожалѣвъ бѣдняжку, которая такъ сладко спала, раскинувшись на песчаномъ берегу, я предложилъ хозяину свои услуги и натаскалъ ему цѣлую кучу хворосту. Костеръ нашъ запылалъ великолѣпно, отражаясь на темномъ фонѣ рѣки, какъ въ зеркалѣ. Мы возлежали и курили молча, пока поспѣетъ „кантопля", зарытая въ золу. Десятка два картофелинъ да небольшая тарань, поджаренная на угольяхъ, составили для троихъ насъ весь ужинъ. Тутъ же, у потухающаго костра, мы и заснули. Чуть лишь стало „благословляться на свитъ", мы уже были за работой. Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Сваромью, тѣмъ дружнѣе налегалъ я на весло, несмотря на мучившую меня боль отъ мозолей на обѣихъ рукахъ, отвыкшихъ за два послѣдніе года возни съ перомъ отъ такой мускульной работы.

Кузина вышла на встрѣчу съ двумя мальчиками далеко за село. Мальчуганы попросились къ Тимошу на дуба, а мы съ ней пошли по берегу. Какъ ни медленно подвигался дубъ противъ теченія, но мы шли еще медленнѣе, дорожа каждой минутой свиданія, несмотря на то, что свиданіе это должно было продлиться цѣлый мѣсяцъ.

Описывать подробно, день за днемъ, пребываніе мое въ Сваромьѣ впродолженіе сего блаженнаго мѣсяца, было бы съ моей стороны крайне рискованно, во первыхъ потому, что трудно и почти невозможно чрезъ 50 почти лѣтъ воспроизвесть тѣ впечатлѣнія, которыя испытывалъ я на двадцатомъ году своей жизни; во вторыхъ, если бы мнѣ и удалась такая смѣлая попытка, то едва ли моя сердечная хроника заинтересовала бы кого нибудь хоть настолько, чтобы дочитать ее до конца. Любовь всегда смѣшна, если о ней разсказываютъ, замѣтилъ кто то. Если сердечная исповѣдь страдальца Данта—la vita nuova—чаруетъ наше воображеніе и трогаетъ чувство поэтически-художественнымъ изображеніемъ первой любви поэта, то это не потому, чтобы творецъ „Божественной комедіи" чувствовалъ какимъ нибудь особеннымъ образомъ, или любилъ такъ,

какъ никто любить не въ состояніи: любовь есть чувство общечеловѣческое; она въ сущности была всегда одна и та же у всѣхъ людей:

Das ist eine alte Geschichte,
Aber sie ist immer neu,
Und vem sie just passiret,
Dem bricht sie Herz entzwei (Heine).

Сила любви не зависитъ ни отъ взаимности, ни отъ достоинства любимаго предмета, все дѣло въ воспріимчивости нашей собственной души и въ ея способности сильно чувствовать. Въ „Новой жизни“ Данта мы восхищаемся, — помимо содержанія, помимо, такъ сказать, фактической стороны его поэтической исповѣди, —художественной формой, въ которую воплотилъ онъ свою сердечную исповѣдь. Но кто же отважится идти по стопамъ великаго поэта?

У всякаго смертнаго, одареннаго отъ природы сильнымъ и глубокимъ чувствомъ, есть безъ сомнѣнія, своя сердечная тайна, но не у всякого достанетъ духу исповѣдать ее предъ человѣки. Есть люди, которые желали бы забыть свое прошлое,

И съ отвращеніемъ читая жизнь свою,

подобно мрачному пѣвцу Британіи, враждебно относятся ко всему, что напоминаетъ имъ о прежнихъ страданіяхъ: это разочарованные жизнію люди. Другіе, напротивъ, при воспоминаніи о своихъ молодыхъ годахъ, таютъ отъ блаженства и до сѣдыхъ волосъ остаются вѣрными своимъ юношескимъ утопіямъ это—неисправимые романтики:

Они переживаютъ вновь
Былыя радости, протекшія страданья,
Давно погаснувю любовь.

Средину между этими двумя крайностями занимаютъ люди, которые относятся къ своему прошлому совершенно объективно: не придавая особенной важности впервые пробудившемуся чувству къ первой, случайно встрѣтившейся въ жизни молодой и красивой женщинѣ, они смотрятъ на любовь, какъ на непреложный законъ природы, какъ на магнитную силу, влекущую одинъ полъ къ другому. Въ ихъ глазахъ предметъ ихъ страсти не божество, но и не демонъ: l'homme n'est ni bête, ni ange, говоритъ Паскаль. Заплативъ дань юности немалымъ количествомъ de jolies folies и пришедши въ зрѣ-

лый возрастъ, они отрезвляются и совершенно спокойно могутъ вспоминать свое прошлое, не питая къ нему „ни злобы, ни любви“, какъ будто все случившееся съ ними было не съ ними, а съ кѣмъ нибудь другимъ. Это, по моему мнѣнію самыя счастливыя натуры. Но... къ сожалѣнію, я „не изъ ихъ числа“.

Потерпѣвъ неудачу, относительно поступленія на казенное содержаніе, я сознавалъ, что душевное мое настроеніе требуетъ нравственной поддержки, для того, чтобы совершенно не пасть духомъ и не побѣжать съ поля жизненной битвы при первой такъ сказать, авангардной стычкѣ съ непріятелемъ. Поддержку эту я и нашелъ въ кузинѣ. Горячее участіе, принятое ею въ моей судьбѣ, сочувствіе моему горю и заботливость о моемъ душевномъ спокойствіи облегчали мои страданія, угомонивъ на время тревожныя опасенія за будущее. Не желая отравлять кратковременнаго счастія въ настоящемъ, я вовсе пересталъ думать о будущемъ. Изъ многаго множества стиховъ, посвященныхъ воспоминанію объ этихъ блаженныхъ минутахъ, почти ничего не сохранилось.

Въ послѣднихъ числахъ августа возвратились изъ путешествія лѣсничій съ лѣсничихой и узнавши, что я живу въ Сваромьи около мѣсяца, какъ то изумленно посмотрѣли на меня и испуганно на дочь, чѣмъ привели насъ въ большое замѣшательство: мы обое, какъ говорится, спекли рака. Но, произведши секретно слѣдствіе, т. е. допросивши мальчиковъ, съ которыми я иногда, для вида, яко бы занимался, служанку, остававшуюся дома и хозяевъ, жившихъ тутъ же въ одномъ дворѣ—совершенно успокоились. Повидимому, все обстояло благополучно. Ночевалъ я постоянно то въ клунѣ на снопахъ, то въ шалашѣ на баштанѣ; приходилъ утромъ часовъ въ 6 къ чаю и заставалъ кузину за самоваромъ совершенно одѣтой. Послѣ чаю мы обыкновенно читали романы и поэмы, преимущественно Марлинскаго и Пушкина; обѣдали рано, по деревенски, послѣ обѣда шли на баштанъ, выбирали тамъ для прохлады лучшій арбузъ и лакомились имъ въ шалашѣ. Этою послѣднею статьей лѣсничій остался недоволенъ: много ужъ черезчуръ мы истребили арбузовъ, почти половина которыхъ передъ отъѣздомъ была имъ помѣчена, кому какой предназначался: куму Нечипоренку, от. Иліодору, губернскому лѣсничему Вальтеру, ревизору Шульгину и т. д. Недосчитавшись нѣко-

торыхъ изъ помѣченныхъ, лѣсничій очень сердился. Въ свое оправданіе, мы ссылались на воровство, отъ котораго трудно было уберечь такой лакомый фруктъ—все равно что „горохъ при дорози, хто йде той скубне“ (стихотвор. Гулака Артемовскаго) А въ то лѣто, какъ будто намъ на искушеніе, арбузы уродились превосходные, какъ же было не соблазниться ими въ жаркіе дни, когда сверхъ того, неутолимый внутренній жаръ располагалъ насъ къ такому прохладительному дессерту?

Просидѣвши жару въ шалашѣ или же подъ соснами на кладбищѣ, мы, при закатѣ солнца, совершали прогулку по высокому берегу Днѣпра, катались на лодкѣ или удили рыбу. Поздно возвратившись съ прогулки, пили чай и расходились. Что жъ тутъ предосудительнаго могъ замѣтить самый строгій соглядатай въ нашихъ отношеніяхъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а мнѣ пришло время оставить эти прогулки и плыть въ Кіевъ. Стряхнувши съ себя лѣнь и нѣгу, я рѣшился вступить въ борьбу съ враждебными обстоятельствами и биться до послѣдняго издыханія: или на щитѣ, или со щитомъ!

Пріѣхавши въ городъ, я уже не засталъ на своей квартирѣ ни одного черниговца и ни одной изъ своихъ книгъ и другихъ вещей. Чиновница моя не только не считала себя отвѣтственной за пропавшее имущество, но даже требовала съ меня 12 рубл. за квартиру, которая въ мое отсутствіе числилась за мною. Дѣло въ томъ, что незадолго до моего возвращенія, съ Кавказа прибылъ ея благовѣрный, горьчайшій пьяница, который поразогналъ всѣхъ квартирантовъ и успѣлъ въ нѣсколько дней позакладывать въ кабакъ все, что ни попалось ему на глаза. Пострадали и мои вещи. Вслѣдствіе такого подлаго нахальства со стороны моей хозяйки и денного грабежа кавказскаго разбойника, я остался съ 12 рублями асс. въ карманѣ, безъ книгъ, даже безъ бѣлья, которымъ, съ такою заботливостью, снабжала меня на дорогу моя матушка. Осталось у меня почти только то, что я успѣлъ захватить съ собой, уѣзжая въ Свароме. Сундукъ, правда, уцѣлѣлъ, но нечего было туда прятать. Всѣ мои соквартиранты—черниговцы устроились отлично: одни поступили на казенное содержаніе, другіе нашли выгодныя кондиціи; одинъ я, какъ оглашенный, бродилъ по стогнамъ богоспасаемаго града, ища себѣ пріюта.

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ѳома Падурра.

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Очень немногіе изъ польскихъ писателей пріобрѣли такую извѣстность среди читающей публики, какою пользовался Ѳома или, какъ онъ самъ называлъ себя, Тымко Падурра, человѣкъ, неотличившійся на литературномъ поприщѣ ничѣмъ особеннымъ: произведеніями его увлекались читатели Украины, Подоліи и Волыни, и не объ одномъ изъ авторовъ не написано столько общихъ мѣстъ, къ счастію краткихъ по изложенію, сколько ихъ было написано о Падуррѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которымъ суждено было прославиться еще при жизни и при жизни же быть забытыми: нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Падурры, слава его имени и произведеній исчезла безслѣдно.

Однако популярность, которую пріобрѣлъ Падурра, не могла не имѣть своихъ причинъ, своихъ основаній; нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ съумѣлъ затронуть чувствительную струну, если не всего современнаго ему общества, то, по крайней мѣрѣ, части его и части выдающейся, достаточно сильной, способной своею отзывчивостью на призывъ пѣвца дикой необузданной свободы упрочить за нимъ хотя бы мимолетную славу. Дѣйствительно, это было такъ. Славу очень часто пріобрѣтаютъ люди, которые, не возвышаясь надъ уровнемъ посредственности, умѣютъ принаровиться къ господствующимъ понятіямъ того общества, среди котораго живутъ, или произвесть сильное впечатлѣніе на современниковъ. Послѣдующія поколѣнія, передавъ суду суровой критики мысли и поступки такихъ людей, забываютъ о нихъ. Къ числу людей, пользовавшихся такою мимолетною славою, принадлежалъ и Падурра. Именемъ его, нынѣ уже забытымъ, мы

озаглавливаемъ настоящій очеркъ въ томъ убѣжденіи, что, знакомя читателя съ личностью этого поэта, пользовавшагося, въ свое время славою, намъ легче будетъ характеризовать извѣстный историческій моментъ, удастся, по крайней мѣрѣ бѣгло, изобразить мысли, чувства и дѣла современнаго поэту общества.

Кто же такой былъ Падурра? Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ вкратцѣ, насколько это необходимо для того, чтобы исправить ложное ходячее мнѣніе о поэтѣ, составленное по ошибочнымъ свѣдѣніямъ объ его жизни. Самымъ богатымъ запасомъ данныхъ для біографіи Падурры мы обязаны В. Пржиборовскому, который, послѣ смерти поэта, 20 октября 1871 года въ Казатинѣ, бердичевскаго уѣзда, расположенномъ недалеко отъ Махновки и Бердичева, обратился къ другу его, Маріану Васютинскому, (въ домѣ котораго поэтъ въ послѣднее время проживалъ и скончался), съ просьбою сообщить свѣдѣнія о Падуррѣ, необходимыя ему, для критической оцѣнки литературной дѣятельности умершаго поэта. Васютинскій исполнилъ эту просьбу; Пржиборовскій же далеко не выполнилъ задачи, взятую имъ на себя, написавъ не разборъ произведеній Падурры, но похвальное слово ему, которое, свидѣтельствуя о добрыхъ намѣреніяхъ автора, въ то же самое время обнаруживаетъ въ немъ совершеннѣйшее незнаніе того духа, которымъ была проникнута дѣятельность Падурры, какъ народнаго пѣвца (какимъ, по мнѣнію автора, былъ поэтъ), равно и того слоя общества, среди котораго поэтъ жилъ и прославился.

Несмотря на это, заслуга Пржиборовскаго заключается уже въ томъ, что, собравъ извѣстное количество достовѣрныхъ біографическихъ фактовъ, онъ далъ возможность имѣть изображеніе Падурры не фантастическое, основанное на тѣхъ сказкахъ, которыя о немъ разсказываютъ, но согласное съ дѣйствительностью. Изъ рукописи Васютинскаго, послужившей матеріаломъ для Пржиборовскаго и помѣщенной въ журналѣ «Biblioteka Warsczawska» (1872 г., т. IV, книжка 12, подъ заглавіемъ *Ѳома Падурра*), прежде всего можно извлечь достовѣрныя хронологическія данныя, переданныя читающей публикѣ въ искаженномъ видѣ К. Вл. Войцицкимъ въ его исторіи польской литературы.

Родиною Падурры была Польша. Отмѣчаемъ фактъ единственно въ виду того, что Падурра, писавшій на малорусскомъ языкѣ, не принадлежалъ вовсе ни по происхожденію своему, ни по духу къ малороссійскому племени. Родоначальникомъ Падурръ, по словамъ

Васютинскаго, былъ нѣкто Янъ, «закарпатскій славянинъ», прибывшій въ Польшу въ концѣ царствованія короля Владислава IV и поступившій въ военную службу, въ отрядъ чужестранныхъ солдатъ. Женившись на Маріи Падурра-Слупецкой, онъ поселился въ Польшѣ навсегда и имѣлъ въ числѣ потомковъ: *Іоакима*, намѣстника гусаръ кн. Димитрія Вишневецкаго, павшаго въ сраженіи подъ Подгайцами; *Ѳому*, приверженца Эмерика Текели, умершаго въ турецкомъ плѣну, въ Константинополѣ; *Петра*, поручика кавалерійскаго отряда Іосифа Потоцкаго, убитаго козаками при осадѣ Бѣлой-Церкви; *Павла*, участвовавшаго въ Барской конфедераціи и сложившаго свою голову въ 1768 году въ сраженіи подъ Салихою.

Шляхетское достоинство первый изъ Падурръ пріобрѣлъ Іоакимъ Ерчакъ Падурра (по гербу Сасъ), поручикъ короля Яна III Собѣскаго; въ 1680 году онъ купилъ деревню *Майданъ*, въ русскомъ воеводствѣ, которую сынъ его, Ѳеодоръ, въ 1712 году продалъ трембовельскому чашнику Шептицкому за 15 тыс. червоныхъ золотыхъ, о чемъ имѣется актъ въ актахъ луцкихъ. Оттуда же, безъ сомнѣнія, можно бы было извлечь болѣе подробныя свѣдѣнія объ упомянутомъ выше Майданѣ; по извѣстію же о томъ, что онъ находился въ русскомъ воеводствѣ, невозможно сказать ничего опредѣленнаго: Майдановъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ прежняго русскаго воеводства, и въ настоящее время имѣется очень много.

Около половины XVIII столѣтія Падурры поселились въ Украинѣ, избравъ для жительства нынѣшній липовецкій уѣздъ. Продавъ часть деревни въ Березовкѣ (авторъ замѣтки не опредѣляетъ точнѣе мѣстоположенія, Березовокъ же существуетъ не менѣе Майдановъ), Іоакимъ Падурра поселился въ деревнѣ *Сошанскѣ*, принадлежавшей нѣкогда кн. Любомирскимъ, находившейся, по всей вѣроятности, вблизи нынѣшняго *Самгородка* и *Синарной* (нынѣ Свинарна), составляющей часть ильинецкаго имѣнія кн. Сангушковъ. Какъ вся мелкопомѣстная шляхта, Падурры занимались здѣсь земледѣліемъ, безъ сомнѣнія, отстаивая по временамъ на сеймикахъ права Любомирскихъ и Сангушковъ. Отъ этихъ то Падурръ произошелъ и *Янъ* Падурра, отецъ *Ѳомы*, получившій въ 1790 году, по окончаніи образованія въ одномъ изъ іезуитскихъ училищъ, отъ короля Станислава Августа дипломъ на званіе *коморника* или присяжнаго землемѣра. Въ какомъ именно іезуитскомъ училищѣ обучался Янъ неизвѣстно; изъ замѣтки Васютинскаго знаемъ только, что онъ въ томъ же 1790 году уже проживалъ въ *Ильинцахъ*, занимался измѣре-

ніемъ полей и за заслуги свои въ этомъ дѣлѣ получилъ отъ князя воеводы Іеронима Сангушка въ пожизненное владѣніе небольшой домъ съ пахатною землею, расположенный въ предмѣстьи м. Ильинецъ, у *Литвиновой* мельницы, на берегу рѣки, протекающей отъ этой мельницы и впадающей въ такъ называвшійся *Каменный* прудъ. Измѣривъ Тетіевщизну (м. Тетевъ, нынѣ таращанскаго уѣзда, смежнаго съ липовецкимъ, а не Темещизна, какъ ошибочно передаетъ Пржиборовскій), Янъ Падурра былъ назначенъ брацлавскимъ коморникомъ и получилъ поздрввительное письмо отъ Θомы Островскаго.

Въ этомъ то домикѣ, въ которомъ впослѣдствіи родился Θома, князь воевода Сангушко принималъ въ 1786 году короля Станислава Августа, возвращавшагося изъ поѣздки въ Каневъ, на которую онъ возлагалъ столько надеждъ. Въ 1801 году, 21 декабря, отъ *Анели*, урожденной *Панковской* (по гербу Задора) изъ Плоцка, родился Θома. Спустя 80 лѣтъ послѣ упомянутаго посѣщенія домика послѣднимъ польскимъ королемъ, возвращавшимся изъ Канева разочарованнымъ въ своихъ ожиданіяхъ, и чрезъ 65 лѣтъ со дня своего рожденія (21 декабря 1801 г.), Θома случайно посѣтилъ Ильинцы. Моментъ этотъ, полный какого то торжественно-печальнаго настроенія, Васютинскій такъ изображаетъ въ своей замѣткѣ: «въ 1866 г., проѣзжая вмѣстѣ съ Падуррою, посѣтили мы эту мѣстность, расположенную въ настоящее время за Коловротомъ, по лѣвую сторону отъ дороги изъ Ильинецъ въ Дашевъ. Мы нашли домикъ совершенно разрушеннымъ, березовый лѣсокъ истребленнымъ; какой то дряхлый старикъ бродилъ по немъ, собирая сухія вѣтви. Здѣсь то по странному стеченію обстоятельствъ произошла встрѣча *пана со слугою*. Оказалось, что старикъ, еще мальчикомъ, былъ въ услуженіи у отца Θомы. Усѣвшись на памятникѣ-камнѣ, нѣмомъ свидѣтелѣ бесѣдъ послѣдняго польскаго короля съ послѣднимъ воеводою, Θома вступилъ въ разговоръ со старикомъ. Послѣдній вскорѣ удалился со связкою сухихъ вѣтокъ; поэтъ заплакалъ. Наступилъ вечеръ. Изъ находящагося вблизи костела раздался звонъ, призывавшій къ молитвѣ: *«Ave Maria»*, въ звукахъ его слышалось: *«requiescat»* столькимъ людямъ, дѣяніямъ, ожиданіямъ... Странная судьба постигаетъ часто и мѣстности, и предметы, и людей...».

Въ 1822 году, послѣ смерти отца, семейство Падурръ поселилось въ *Мшанцѣ*, вблизи Махариня, Махновки и Бѣлиловки (бердичевскаго уѣзда), взявъ эту деревню въ арендное содержаніе отъ Пшилускаго. По окончаніи контрактнаго срока, приблизительно въ

1830 году, Падурры пріобрѣли въ Махновкѣ небольшой домъ, въ которомъ стали жить, имѣя во главѣ семьи старшаго изъ братьевъ *Іосифа*, человѣка образованнаго, окончившаго въ 1817 году виленскій университетъ. Капиталъ, бывшій у нихъ въ рукахъ, за оставленіемъ аренды, былъ помѣщенъ въ банкирской конторѣ Гальперина въ Бердичевѣ и впослѣдствіи, когда этотъ извѣстный въ свое время на Украинѣ банкиръ обанкротился, весь пропалъ. Изъ членовъ семьи Ѳома умеръ послѣднимъ.

Первоначальное научное и нравственное образованіе Падурра получилъ частью въ родительскомъ домѣ, частью въ приходскомъ ильинецкомъ училищѣ, въ которомъ одновременно съ нимъ обучался и Северинъ Гощинскій. Выучившись здѣсь прислуживать во время обѣдни, мальчики часто исполняли обязанности прислужниковъ въ мѣстномъ костелѣ; посѣтивъ въ 1866 году этотъ храмъ, Падурра съ радостнымъ волненіемъ осматривалъ ту же самую кадильницу, которую ребенкомъ употреблялъ во время костельной службы. Когда мальчики стали подростать, родители помѣстили и того и другаго въ винницкое училище, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ они воспитывались вмѣстѣ. Затѣмъ отецъ Гощинскаго, переѣхавъ на жительство въ Лещиновку, вблизи Умани, отдалъ сына въ ученіе базиліанамъ, въ то время какъ Ѳома продолжалъ оставаться въ училищѣ въ Винницѣ, гдѣ въ 1820 г. окончилъ полный курсъ ученія. Свѣдѣніе это о времени пребыванія Падурры въ училищѣ важно тѣмъ, что даетъ возможность провѣрить и исправить ни на чемъ не основанные разсказы о предпринятомъ будто бы Падуррою одновременно съ эмиромъ Ржевусскимъ путешествіи на востокъ, гдѣ, говорятъ, онъ находился съ 1817 по 1820 годъ, т. е. какъ разъ въ то время, когда въ дѣйствительности онъ оставался еще въ училищѣ. Когда Падурра окончилъ курсъ наукъ въ винницкомъ училищѣ, визитаторъ школъ Вележинскій, замѣтивъ въ немъ способности и прилежаніе къ наукамъ, отправляясь въ обычную свою поѣздку для посѣщенія и осмотра учебныхъ заведеній, взялъ его съ собою въ качествѣ секретаря. Пространствовавъ вмѣстѣ съ визитаторомъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, Падурра прибылъ наконецъ въ *Кременецъ*, въ извѣстный въ свое время лицей, основанный стараніями Чацкаго, записался въ число его воспитанниковъ и въ 1825 году окончилъ полный курсъ ученія. Въ лицеѣ, по словамъ Люціана Семенскаго, онъ изучалъ исторію и писалъ стихотворенія и *думы*. Въ польской литературѣ въ то время зарождался романтизмъ: въ средѣ писателей, равно какъ и среди образованной

части общества, господствовали два направленія мысли: и то, и другое полное мечтательности, хотя уже отрѣшившееся отъ формъ сентиментальной идилліи съ переодѣваніями въ костюмы XVIII в. и напыщеннаго французскаго классицизма. Представителемъ перваго направленія былъ Байронъ, втораго—Оссіанъ, о которомъ высокопарно писалъ Л. Семенскій, что онъ своими «*полусонными* и фантастическими повѣстями *пробуждалъ дремлющія событія* туманнаго прошедшаго». Люди, одаренные болѣе живымъ, болѣе сильнымъ чувствомъ, или считавшіе себя одаренными такимъ чувствомъ слѣдовали Байрону, люди съ темпераментомъ болѣе созерцательнымъ, съ оттѣнкомъ меланхолической мечтательности являлись приверженцамм Оссіана».

«Если Мицкевичъ и Словацкій, Гощинскій и Мальчевскій, говоритъ Л. Семенскій, не могли избѣгнуть подводныхъ скалъ байроновскаго направленія, то какимъ образомъ могъ Падурра, хотя и одаренный талантомъ, талантомъ самостоятельнымъ и *отечественнымъ* (какой же это талантъ?), но все таки стоящій ниже ихъ, устоять, не дать захватить себя этому все увлекающему за собою теченію? Байронъ и Оссіанъ дали ему литературное образованіе; до конца своей жизни онъ читалъ ихъ съ большою охотою». Къ этому слѣдовало бы прибавить, что упомянутые выше поэты, хотя и натолкнулись на подводные камни байронизма, все таки съумѣли проникнуть въ океанъ истинной поэзіи, потому что они были люди выдающіеся, одаренные истиннымъ талантомъ; Падурра же, какъ ни стремительно порывался всю жизнь подняться высоко, не имѣлъ въ этомъ никакого успѣха. Напротивъ того, онъ занялъ среди писателей гораздо низшее мѣсто, нежели то, на которое могъ бы стать по своемъ способностямъ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Въ то же самое почти время, когда юный Падурра поступилъ въ число воспитанниковъ кременецкаго лицея, возвратился изъ путешествія по пустынямъ востока *Нежда* Вацлавъ Ржевускій, прославившійся впослѣдствіи подъ именемъ *Эмира Тагъ-Эль-Факеръ-Абъ-Эль-Нишана*. Какимъ образомъ и гдѣ именно познакомился Падурра съ эмиромъ, не знаемъ, во всякомъ случаѣ знакомство это ведетъ свое начало задолго до 1830 г., относится, по всей вѣроятности, ко времени окончанія Падуррою ученія, такъ какъ въ это время онъ уже часто встрѣчается въ обществѣ Ржевускаго, даже вблизи Дашева, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ преданій, какъ подъ историческимъ Гузовомъ, «кровь смѣшалась со словомъ».

Во время пребыванія въ кременецкомъ лицеѣ Падурра не усвоилъ себѣ основательныхъ знаній, которыхъ, даже при всемъ своемъ стараніи, никогда не проявилъ впослѣдствіи, тѣмъ не менѣе успѣлъ въ теченіи этого времени заручиться тѣми внѣшними признаками. тѣмъ лоскомъ благовоспитаннаго человѣка, которые въ то время считались еще плодами строго научнаго образованія и благодаря которымъ онъ усвоилъ себѣ тотъ сентиментально свободный образъ мыслей относительно славянофильскихъ идей, съ которымъ не разставался даже послѣ уроковъ братства подъ Дашевомъ, какъ это видно изъ примѣчанія къ «Украинкамъ», изданнымъ въ Варшавѣ въ 1844 году. Время существованія кременецкаго лицея и виленскаго университета составляетъ для польскаго общества, жившаго въ Украинѣ, можно сказать, свѣтлую эпоху: всѣ умственныя силы его, какъ бы пробужденныя отъ продолжительнаго отдыха, стали дѣйствовать: одновременно появилось нѣсколько личностей, прославившихся впослѣдствіи, которые сообща съ другими содѣйствовали къ образованію эпохи самой славной, самой богатой въ исторіи польской литературы, славной и богатой не количествомъ печатныхъ произведеній, но силою проявившагося въ нихъ творчества. Богданъ Залѣскій, Гощинскій, М. Грабовскій, нѣсколько позже Гроза, Т. Олизаровскій, до того Мальчевскій—всѣ эти писатели появились въ свѣтъ почти въ одно время, какъ бы подъ вліяніемъ какой то невидимой силы. Эпоха борьбы, ожиданій, неудачъ, самообольщенія, которою польское общество закончило XVIII столѣтіе, общая кипучая дѣятельность, лихорадочное настроеніе умовъ, какъ бы по наслѣдству, перешли къ послѣдущимъ поколѣніямъ, сосредоточившись въ извѣстныхъ личностяхъ. Духъ свободы, плодъ французской революціи, сталъ воодушевителемъ, двигателемъ и польскаго общества. Среди неопредѣленныхъ стремленій нарождающихся поколѣній, время отъ времени проявлялась болѣе осмысленная, болѣе осязательная мысль отдѣльныхъ личностей о необходимости направить свою дѣятельность къ изученію своей родины и народа.

Первымъ проповѣдникомъ этой идеи былъ Зоріанъ Доленга Ходаковскій, дѣятельность котораго, нужно сознаться, не была понята въ Польшѣ. Онъ принужденъ былъ обратиться за помощью къ русскому правительству, которое, давъ ему пособіе, пріобрѣло послѣ его смерти всѣ его литературныя произведенія [1]). Ими впослѣдствіи пользовались

---

[1]) Сборникъ пѣсенъ пріобрѣтенъ отъ вдовы Ходаковской покойнымъ М. А. Максимовичемъ.

русскіе писатели, какъ матеріаломъ для своихъ изслѣдованій. Впрочемъ и польскіе писатели въ поэзіи и жизни народа, его преданіяхъ, нравахъ и обычаяхъ, въ его взглядахъ на природу и ея явленія стали усматривать неисчерпаемыя сокровища поэтическаго матеріала и исключительно поэтическаго.

Отсюда понятно, почему польскіе писатели, даже эстетики, какъ Грабовскій, изъ народной среды для своихъ произведеній брали матеріалъ исключительно поэтическій; богатствомъ и яркостью красокъ, суровостью, составляющею какъ бы основу и фонъ для картинъ народнаго быта, и въ то же время задушевностью, которою при всей своей суровости отличалась жизнь козаковъ, эти писатели оживляли изнѣженную, надушенную, напудренную, напыщенную поэзію и вообще литературу Польши. Исторія, этнографія, естествознаніе, народная словесность были оставлены ими въ сторонѣ: мы говоримъ о представителяхъ возникавшей тогда такъ называемой украинской школы поэзіи. Удивляться этому нечего, если принять во вниманіе, что народная жизнь ни съ одной изъ упомянутыхъ нами сторонъ въ то время не была еще обработана. Общее вниманіе прежде всего было привлечено тѣмъ, что рѣзче бросалось въ глаза всякому, а именно особаго рода *красками*. Поэтому то и названіе *украинская школа*, даваемое Грабовскимъ цѣлой извѣстной группѣ польскихъ поэтовъ, должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что писатели эти внесли въ область польской литературы особыя, отличныя отъ имѣвшихся въ ней *краски*, новый *колоритъ*, своеобразныя небеса, солнце, всю природу, цвѣта, другія лица и характеры, другую обстановку. Грабовскій, болѣе другихъ одаренный эстетическимъ чувствомъ, первый замѣтилъ это. Особаго рода краски, подобно тому, какъ въ Италіи въ XV в. создали отдѣльную въ живописи *венеціанскую* школу, въ Польшѣ образовали въ поэзіи новую *украинскую школу*.

Романтизмъ, переходя въ область народной жизни, направлялъ въ ея сторону и умственныя силы польскаго общества, и такъ какъ Украину населялъ народъ другаго племени, то по естественному ходу вещей на него преимущественно стали обращать вниманіе. Пусть мы, поляки, ослѣпленные враждою, вели съ этимъ народомъ кровавую борьбу, все таки мы и работали сообща съ нимъ въ его же пользу, населяя безлюдныя украинскія степи, а общность труда во всякомъ случаѣ порождаетъ извѣстную связь между трудящимися. Сталкиваясь на томъ и другомъ поприщѣ взаимной борьбы и общаго труда, мы должны были познакомиться и съ внутреннею, духовною жизнью ма-

лороссійскаго народа, по крайней мѣрѣ настолько, насколько та была доступна нашему взору, насколько позволяли намъ покровы недовѣрія и непріязни со стороны малороссовъ, скрывавшіе ее отъ насъ. Знакомство наше съ этою жизнью, насколько оно зависѣло отъ насъ самихъ, было, если такъ можно выразиться, *панское*, касалось тѣхъ ея сторонъ, которыя не оскорбляли нашего эстетическаго чувства и, не находя удовлетворенія послѣднему въ дѣйствительности, въ современности, ограничивалось прошлымъ; такое знакомство съ жизнью народа не требовало сближенія съ самимъ народомъ и въ то же время давало возможность брать изъ его прошедшаго богатый матеріалъ для поэтическихъ произведеній. Поэты въ этомъ случаѣ слѣдовали изреченію Гете, которое послужило Мицкевичу девизомъ: «was in Unsterblichkeit soll bleiben, mus in Leben untergehen». Минувшее воспѣвали, не говоря уже о менѣе извѣстныхъ писателяхъ, поэты: Мальчевскій, Гощинскій, Богданъ Залѣскій, даже Гроза и Олизаровскій, прозаики: М. Грабовскій и др. Романтизмъ, родоначальникомъ котораго считается Мицкевичъ (въ балладахъ), смѣнило подъ вліяніемъ его же развившееся направленіе въ поэзіи, поддерживаемое страстностью Зоріана Ходаковскаго, направленіе, вполнѣ согласное съ романтизмомъ, касавшееся прошедшаго и въ то же время указывавшее на новый источникъ поэзіи—жизнь народную. Повторяемъ: всѣ увлекались прошлымъ. Одинъ только Ал. Гроза не убоялся брать для своихъ произведеній сюжеты изъ дѣйствительной, современной ему жизни (*О душахъ покойниковъ*, *Мартынъ* и др.).

Общаго увлеченія не избѣжалъ и Падурра, какъ поэтъ, онъ пошелъ за другими торною дорогою, съ тѣмъ однако громаднымъ различіемъ, что обстоятельства, поставившія его въ особенныя условія, безусловно подчинили его себѣ, деспотически завладѣли его поэтическимъ воображеніемъ, направили его въ одну сторону, обезсилили, сдѣлали рабомъ прихотей чудака магната, удостоивавшаго поэта своею дружбою. Падурра сталъ не народнымъ пѣвцомъ (нѣтъ сомнѣнія, что поневолѣ), не носителемъ преданій, не проповѣдникомъ высшихъ идей, но поэтомъ, воспѣвающимъ ту полную странностей и разгула жизнь, которою жили въ домѣ друга его эмира. А жизнь эта, какъ ни блистала своею внѣшностью, въ сущности была пустою, безсодержательною, безцѣльною, не могла удовлетворить потребностей высшихъ умовъ, не была въ состояніи образовать около себя партіи, собирала вокругъ себя лишь отдѣльныя личности, жаждущія отличиться, возвыситься, прославиться, личности, которыя не могли занять мѣста

среди мыслящаго общества. Падурра не обладалъ эстетическимъ чувствомъ, не былъ мыслителемъ настолько, чтобы возвыситься надъ уровнемъ *красивой по внѣшности*, но въ то же время, *безсодержательной* среды, которая его окружала, остался навсегда, правда своеобразною, но тѣмъ не менѣе посредственностью въ то время когда другіе опередили его на поприщѣ возвышенной мысли. Своеобразіе и извѣстность Падурры легко объясняются тѣмъ, что онъ писалъ на малорусскомъ языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы языкъ его произведеній былъ польскій, критики не обратили бы на него никакого вниманія или, по высшей мѣрѣ, причислили бы его къ разряду второстепенныхъ подражателей Б. Залѣскаго. Не новость темы, новость языка, выражавшаго польскія идеи, дѣлала для многихъ увлекательными стихотворенія Падурры, извѣстность, которою онъ пользовался, не выходила изъ предѣловъ шляхетской, часто магнатской среды, къ которой принадлежалъ эмиръ Ржевускій. Не критика, не заслуги, не искусство, не вдохновеніе, не геніальность, не талантъ доставили Падуррѣ популярность: пріобрѣлъ онъ ее благодаря своему меценату эмиру, у котораго жилъ, который возилъ его съ собою по Украйнѣ, Волыни и Подоліи, гдѣ панскіе лизоблюды и окрестная шляхта, съѣзжавшаяся на обѣды и балы къ Ржевускимъ, Сапѣгамъ (въ Константиновѣ и Славутѣ), Любомирскимъ, восхищались поэтомъ не потому, что онъ имъ казался дѣйствительно достойнымъ удивленія, но потому, что имъ восхищался эмиръ, авторитетность котораго въ данномъ случаѣ заступала эстетическое чувство; впрочемъ, о послѣднемъ не можетъ быть здѣсь и рѣчи, на него никто изъ описываемаго общества не считалъ нужнымъ обращать вниманія, извѣстное выраженіе Мицкевича: «гопъ, гопъ! цупъ, цупъ!», которымъ поэтъ характеризовалъ крикливость украинскихъ стихоплетовъ, вполнѣ примѣнимо къ упомянутымъ цѣнителямъ таланта Падурры. Не удивительно, что пылкій, полный поэтическаго настроенія юноша, сблизившись съ такимъ чудакомъ—мечтателемъ, какимъ былъ эмиръ, привязался къ нему всецѣло. Въ какую обстановку онъ попалъ, поселившись у своего новаго друга, видимъ изъ описанія Л. Семенскаго въ его сочиненіи «Вацлавъ Ржевускій и его приключенія въ Аравіи»: «фантастическая восточная одежда, говоритъ онъ, образъ жизни, рѣзко отличающійся отъ обыденной жизни, какою жили шляхта и паны, выдающаяся красота и сила лошадей—все это привлекало вниманіе всей провинціи. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ эмиру гости: увидѣть его, осмотрѣть его домъ, полюбоваться его кобылицами и жереб-

ками; съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ недовѣріемъ, присущимъ нашимъ деревенскимъ обывателямъ, они слушали разсказы объ арабскихъ приключеніяхъ, которые эмиръ умѣло дополнялъ бедуинскими пѣснями, ловкимъ метаніемъ копія, трудными упражненіями съ джигитомъ, верховою ѣздою по образцу сыновъ пустыни. Способъ, какимъ онъ обращался съ лошадьми, одежда его и вооруженіе были новинкою для его сосѣдей, онъ же объяснялъ все съ подробностями, указывалъ на практическое примѣненіе каждой частности, о малѣйшей вещи умѣлъ разсказать что либо любопытное и этимъ приводилъ слушателей въ восторгъ и удивленіе. Все въ эмировомъ домѣ интересовало и забавляло, подобно каждой новинкѣ; болѣе всего занимательною являлась личность самаго эмира, въ особенности для женщинъ, терявшихъ головы при видѣ чудака, въ сравненіи къ которымъ казались ничтожными герои романовъ и который стоялъ выше самыхъ образцовыхъ провинціальныхъ рыцарей. Эмиръ былъ увлекательнымъ собесѣдникомъ; развлекалъ гостей анекдотами, пѣлъ, тѣшилъ своеобразною верховою ѣздою, *удивлялъ знаніями* (какими же?), впрочемъ нерѣдко давая разговору сентиментальное и *гуманное* (?) направленіе, наводилъ на слушателей невыносимую скуку».

Жизнь, какъ видимъ, велась разгульная, веселая, ничѣмъ нестѣсняемая, поражающая зрителей необычайностью происшествій, приключившихся съ героемъ, который былъ ея центромъ. Эмиръ являлся въ сіяніи славы героя авантюриста, въ роли, болѣе доступной чувствамъ, и поэтому легче воспринимаемой людьми, одаренными пылкимъ воображеніемъ. Онъ былъ какъ бы продолженіемъ ряда польскихъ авантюристовъ XVIII в. и если не пріобрѣлъ такой извѣстности, какою пользовался Беніовскій, то единственно потому, что исчезновеніе его произошло также быстро, какъ появленіе. Въ домѣ эмира всѣ забавлялись и... только, искали сильныхъ впечатлѣній, измышляли странности, способныя удовлетворить разыгравшееся воображеніе. Попавъ въ этотъ водоворотъ жизни, Падурра сжился съ нимъ не столько душою, сколько юношескимъ пыломъ, соединеннымъ съ врожденною ему склонностью къ мечтательности. Не общность характеровъ сблизила Падурру съ Ржевускимъ, но общая обоимъ мечтательность. Восхищенный эмиромъ, «онъ написалъ, говоритъ Пржиборовскій, въ подражаніе «Фарису» Мицкевича *думу* въ формѣ оды или кассыды послѣдняго». Жаль, очень жаль, что эта *ода* или *кассыда* и вмѣстѣ съ тѣмъ *дума*, написанная въ подражаніе «Фарису», не сохранилась. Вотъ—такъ была бы головоломная работа, разобрать

эту думу (съ эпическо-лирическимъ содержаніемъ), написанную въ формѣ оды!...

Подъ живымъ еще впечатлѣніемъ жизни, проведенной въ Аравіи, жизни, полной дикой свободы, эмиръ не могъ продолжительное время довольствоваться поклоненіемъ прекраснаго пола и игрою въ лошадки, его безпокойный духъ требовалъ большаго, полюбивъ славу, онъ не могъ жить одними воспоминаніями о прожитыхъ имъ впечатлѣніяхъ и сталъ стремиться въ Украинѣ найти Аравію; поиски эти были непродолжительны, они вскорѣ увѣнчались успѣхомъ: искомое онъ нашелъ въ преданіяхъ козачества.

Жизнь козаковъ отличалась такимъ удальствомъ, молодечествомъ, имѣла въ себѣ столько поэзіи и въ то же время реальности, соединяла въ себѣ столько противорѣчій, что способна была удовлетворить самый требовательный, самый избалованный эстетическій вкусъ. Изъ нея Б. Залѣскій заимствовалъ свою *думу о гетманѣ Косинскомъ*, Гощинскій—*Швачку и Орлика изъ Каневскаго замка.*

Въ непродолжительное время домъ эмира преобразился: наполнился козаками (конечно, не настоящими, а приспособленными къ этой цѣли); арабскія лошади, сбруя, вооруженіе стали служить декораціями для новой картины. Эмиръ сталъ исполнять роль малороссійскаго гетмана: быть можетъ, воображенію его представлялись Зборовскій, Косинскій, Кишка... Какъ бы тамъ ни было, въ самомъ центрѣ Украины потекла новая жизнь, жизнь полная необузданнаго разгула, представлявшая собою смѣсь шляхетскаго задора съ козацкимъ молодечествомъ и преобразовавшаяся впослѣдствіи въ самое обыкновенное безчинство, память о которомъ живетъ въ Украинѣ и въ настоящее время.

Такимъ образомъ произошло непонятное съ перваго взгляда явленіе: польское общество на Украинѣ, всѣми силами старавшееся подавить историческое козачество и въ концѣ концовъ успѣвшее въ этомъ, когда отъ истощенія силъ и само пало, 70 лѣтъ спустя, одѣвъ трупъ побѣжденнаго врага въ козацкую одежду, забавлялось имъ, забавлялось мечтами, что трупъ этотъ въ широкихъ шароварахъ, синихъ полужупанахъ, съ «*оселедцемъ*», вернется къ жизни на нашу славу. Въ домѣ эмира пошла новая жизнь: «лошади, *козацкая* дружина, готовая броситься въ огонь и воду по одному слову пана, говоритъ, увлекаясь, Пржибидоровскій, поѣздки верхами по степямъ въ тихую ясную ночь, съ бедуинскимъ копьемъ, султаномъ изъ страусовыхъ перьевъ, въ бѣломъ эмировомъ плащѣ, быть можетъ, дѣломъ рукъ какого нибудь

Берки или Сруля изъ Ольгополя или Балты,—вотъ обстановка, среди которой жилъ эмиръ и его пріятель Падурра». Подобныя прогулки, совершаемыя при обыкновенныхъ условіяхъ, въ обыкновенной одеждѣ, безъ сомнѣнія, могли быть очень пріятными, совершаемыя же съ переодѣваніемъ въ фантастическіе костюмы, являлись ничѣмъ инымъ, какъ маскараднымъ шествіемъ масляницы, направлявшимся не на Corso, quai des Anges или Piazza di San-Marco, но въ украинскія степи. *Козацкая* дружина, представлявшаяся издали эффектною, подобно тому какъ и въ настоящее время панскій кучеръ, одѣтый козакомъ, приводитъ въ удивленіе варшавскаго простака-обывателя, стремящагося подъ видомъ посѣщенія богатыхъ магнатскихъ библіотекъ, вкусить отъ блюдъ изысканной панской кухни,—при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалась состоявшею изъ самыхъ обыкновенныхъ *жокеевъ*, лакеевъ, одѣтыхъ по козацки, которые, если и имѣли готовность по приказанію пана идти въ огонь и въ воду, то единственно потому, что, будучи крѣпостными, не были отвѣтственными за послѣдствія даваемыхъ имъ распоряженій, твердо были убѣждены въ томъ, что въ случаѣ возникновенія уголовныхъ дѣлъ, найдутъ у своего пана покровительство и защиту. Они были люди, совершенно равнодушно относящіеся къ магнатскимъ выходкамъ, руководившіеся въ своихъ дѣйствіяхъ пословицею: «скачы, враже, якъ панъ каже». Понятно, что о внутренней связи въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Эти самые козаки, существовавшіе еще лѣтъ 30—40 тому назадъ, съ тѣхъ поръ какъ жизнь польскаго общества постепенно вошла въ болѣе узкія рамки, стушевались совершенно: стали отчасти работниками въ полѣ и въ огородахъ, отчасти въ качествѣ *наемныхъ козачковъ* служителями при панскихъ дѣтяхъ или у перезрѣлыхъ дѣвъ, желающихъ тѣмъ указать на свое происхожденіе изъ Украины. «Среди вышеупомянутой *козацкой дружины*, пишетъ Семенскій, былъ другъ эмира поэтъ Ѳома Падурра, слагавшій очень удачныя думки на малорусскомъ языкѣ, былъ также Витортъ, торбанистъ, который сочинялъ къ нимъ ноты и пѣлъ.. за нимъ пѣли хоромъ козаки (конечно, вѣрные девизу: «скачы, враже, якъ панъ каже»), вѣрные товарищи пана». Разсказчикъ, желая придать этимъ словамъ характеръ чего то необычайнаго, допустилъ ошибку, прямо вытекающую изъ незнанія народной поэзіи: *думы*—пѣсни эпическія—не *хоровыя*, поются народомъ не *хоромъ*, а *речетативомъ*.

Итакъ, Падурра жилъ въ домѣ эмира въ качествѣ придворнаго поэта. Вотъ, что говоритъ о немъ въ стихахъ менѣе его извѣстный,

но болѣе талантливый Олизаровскій: «онъ (Падурра) не могъ похвастаться крѣпкимъ здоровьемъ, но былъ ловокъ, какъ угорь, съ быстротою его трудно сравняться облакамъ, лошадей любилъ, какъ дитя; когда онъ сядетъ на *коверъ* по серединѣ комнаты съ козаками, станетъ перебирать умѣлою рукою струны торбана, ястребинымъ взглядомъ пробѣжитъ по лицамъ козаковъ, сердце твое пусть не старается охладиться, не охладится: удары по струнамъ рукъ двѣнадцати человѣкъ упадутъ на тебя, подобно падающей на траву росѣ; дума заговоритъ посредствомъ твоего собственнаго сердца». Ясно, что эмиръ забавлялся составленіемъ *украинскаго хора*, совершенно несогласнаго съ духомъ малороссійскаго народа, который, какъ мы замѣтили выше, не поетъ хоромъ думъ и думокъ, примѣняя хоровой способъ пѣнія только къ пѣснямъ обряднымъ, относящимся къ извѣстнымъ случаямъ жизни, рѣдко къ пѣснямъ любовнаго содержанія, подобно тому, какъ не поютъ хоромъ пѣсенъ и *кобзари*, аккомпанируя сами себѣ. Такимъ образомъ, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что эмиръ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ, руководясь исключительно панскою прихотью. Пусть восторженность, мечтательность, въ соединеніи съ поступками, выходящими изъ ряда обыкновеннаго, увлекательны, сильно вліяютъ на окружающихъ, воспламеняютъ умы, приводятъ въ восхищеніе слушателей и зрителей, людей даже болѣе спокойнаго темперамента, тѣмъ не менѣе не теряютъ своего настоящаго значенія; то, что забавляло пановъ, не оказывало никакого вліянія на народъ, игравшій въ панскихъ забавахъ, подобно мнимымъ козакамъ, пассивную роль декорацій. Въ то время, когда въ залахъ магнатскаго дома торбанисты, разсѣвшись на коврахъ, наигрывали псевдонародные напѣвы, которымъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ вторили мнимые козаки, пѣснею, въ которой хромали и размѣръ, и риѳмы, внѣ дома крѣпостные люди по прежнему въ потѣ лица трудились «для пана», по прежнему розги и нагайки чинили судъ и расправу или, говоря по тогдашнему, «учили уму-разуму» братьевъ и сестеръ тѣхъ же самыхъ случайныхъ пѣвцовъ-козаковъ. Такъ въ обществѣ, сосредоточивавшемся около эмира, съ непонятнымъ легкомысліемъ строились воздушные замки. Разгулявшимся и облѣнившимся своимъ собесѣдникамъ Падурра поетъ:

Ne bijtesia, ladzki dity
Pyite vyno u stoła—
Teper można wam sedity
Jak pid kryłom anheła!

Эта *козацкая пѣснь*, названная такъ развѣ въ насмѣшку, пронеслась вдаль, вдоль береговъ Дуная, всюду, гдѣ другой мечтатель Садыкъ-паша, слѣдуя эмиру, старался осуществить мечту объ установленіи шляхетскаго козачества; ею же, лѣтъ 25 тому назадъ, поборники этой самой идеи убаюкивали «ляцкихъ дѣтей».

Вотъ бѣглая характеристика тѣхъ внѣшнихъ и отчасти внутреннихъ психическихъ условій, искуственно созданныхъ извѣстною частью украинскаго общества, которыя увлекли многихъ въ водоворотъ свойственныхъ имъ и легко объясняемыхъ ими мечтаній, среди которыхъ жилъ и которымъ подчинялся Падурра. Каждый поэтъ, какъ дитя современнаго ему общества, или живетъ его жизнью, или опережаетъ его. Падурра, какъ человѣкъ посредственнаго таланта и небольшаго умственнаго развитія, не въ состояніи былъ стать выше окружающей его обстановки, удовлетворяя же потребностямъ мысли, стремящейся къ дѣлу, не довольствовался трудомъ тихимъ, спокойнымъ, искалъ необыкновеннаго, что и нашелъ въ козачествѣ, и то въ части его далеко не лучшей.

Переходимъ къ повѣствованію о дальнѣйшей судьбѣ поэта съ тѣмъ, чтобы закончить настоящій очеркъ бѣглымъ критическимъ обзоромъ его литературныхъ произведеній. Въ жизни Падурры замѣчается одна особенная черта, еще до послѣдняго времени общая многимъ полякамъ, именно стремленіе жить на счетъ другихъ, чтобы не сказать, быть лизоблюдомъ. Поэтическія его произведенія, какъ ни хвалятъ ихъ за легкость, свободу, независимость мысли, на самомъ дѣлѣ лишены той истинной свободы духа, которая стремится быть въ тиши, спокойствіи, въ собственномъ укромномъ уголкѣ, однимъ словомъ быть выраженіемъ никому не подчиненной, ни отъ чего независимой мысли. Падурра—не Янъ изъ Чарнолѣсья (Кохановскій), для котораго поэзія выше богатствъ и почестей; не Мицкевичъ, сочиняющій «Пана Тадеуша» на чердакѣ, не имѣя чѣмъ заплатить за обѣдъ; не Словацкій, одиноко живущій въ маленькой комнаткѣ, часто нетопленной, дѣлящій свои грустныя мысли съ одной только матерью, не одинъ изъ тѣхъ истинныхъ поэтовъ, изъ которыхъ каждаго съ радостью и съ честью готовъ былъ бы принять въ своемъ домѣ первый встрѣчный польскій магнатъ. Падурра имѣетъ другой взглядъ на вещи: онъ проживаетъ въ Константиновѣ у Ржевуской, въ Умани у Потоцкихъ, въ Ружинѣ у Любомирскихъ, въ Саврани у эмира, наконецъ, въ Казатинѣ у Васютинскаго. Живетъ нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, годы, десятки лѣтъ! Онъ не свободный

пѣвецъ, онъ играетъ только роль поэта, принуждаетъ себя быть уживчивымъ, соглашается съ мнѣніемъ всякаго, своимъ образомъ жизни даетъ намъ право предполагать (не мы сами дѣлаемъ это предположеніе), что его поэтическое вдохновеніе чаще всего беретъ начало отъ изысканныхъ блюдъ и дорогихъ винъ панскаго стола. Эмиръ возитъ его съ собою, какъ бы на показъ, къ сосѣдямъ, представляетъ его имъ, какъ своего друга и поэта; этого ему достаточно, извѣстность среди помѣщиковъ уѣзда его вполнѣ удовлетворяетъ.

Вообще жизнь Падурры чрезвычайно подвижна, не усидчива; онъ не отличается большими природными способностями, но любознателенъ, жаждетъ впечатлѣній, знаній, науки. Совершаетъ поѣздку въ Сѣчь, знакомится съ митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, интересовавшимся Украиною, ея археологіею и исторіею. Съ исчезновеніемъ безъ вѣсти эмира, Паддура поселяется въ Махновкѣ, но не надолго: въ 1840 г. онъ проживаетъ уже въ Пиковѣ у Борейки.

Первый сборникъ его произведеній изданъ въ 1842 г. во Львовѣ Каетаномъ Яблонскимъ подъ заглавіемъ «Pienia Tomasza Padurry». (in 12—стр. 98), безъ предварительнаго разрѣшеніе со стороны автора и въ числѣ стихотвореній другихъ поэтовъ. Изданіемъ этимъ Падурра остался крайне недоволенъ и это, по всей вѣроятности, побудило его приступить къ собственному изданію, которое вышло въ свѣтъ въ Варшавѣ въ 1844 году. Въ немъ, а именно въ примѣчаніи *къ Козацкой пѣснѣ*, обращаясь къ львовскому издателю, онъ заявляетъ, что никому не поручалъ и никого не уполномочивалъ издавать свои стихотворенія, тѣмъ менѣе съ добавленіемъ къ нимъ произведеній другихъ авторовъ. Варшавское изданіе вышло у Густава Глюксберга (улица Міодова, 1844 г. in 8, стр. 195) подъ заглавіемъ «Ukrainky, z nutoju Tymka Padurry» и съ посвященіемъ «Na czesť Romanowi ž Koszyry ì pamiatka naszych lit mołodych».

Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ: *пѣсни*, (для которыхъ Карлъ Липинскій, популярный въ свое время на Украинѣ музыкантъ, написалъ ноты), небольшую поэму «Hostyna i Iwoni» и эпическій отрывокъ «Roman z Koszyry». Васютинскій, въ упоминаемой нами выше замѣткѣ, а за нимъ и Пржиборовскій, утверждаютъ, что Падурра, поселившись въ Махновкѣ, перестаіъ писать *думки* (т. е. по настоящему пѣсни) и принялся за сочиненія бóльшихъ размѣровъ, будто бы написалъ поэму «Kudak» и перевелъ на малорусскій языкъ «Конрада Валенрода» и Байрона. Однако эти произведенія не появились въ свѣтъ, такъ какъ были похищены въ 1848 году за границею, «о чемъ, говоритъ

Васютинскій, поэтъ скорбѣлъ въ теченіи всей жизни и не могъ вспоминать безъ сердечной боли». Очень можетъ быть, что эти утерянныя сочиненія, въ особенности поэма «Кудакъ», содержаніемъ которой, какъ говорятъ, послужила трагическая борьба Хмельницкаго за крѣпостцу, бывшую больнымъ мѣстомъ для гетмана и татаръ, какъ болѣе обширное по объему произведеніе, представила бы болѣе матеріала для критической оцѣнки литературной дѣятельности Падурры и его поэтическаго дарованія.

Въ настоящее же время намъ дана возможность судить объ этомъ лишь по его «Украинкамъ». Польскіе критики, мало знакомые или, вѣрнѣе сказать, незнакомые вовсе съ этнографіею и словесностью малороссійскаго народа, ошибочно причисляли Ѳому Падурру къ числу народныхъ украинскихъ поэтовъ. Удивляться этому нечего.

Въ то время, когда писали Семенскій, Поль, даже Пржиборовскій, изученіе народной жизни, знаніе народа переживало еще младенческій возрастъ. Изъ этой области въ польской литературѣ имѣлись только сборники *Жеготы Паули* и *Вацлава* изъ *Олеска*, въ русской—страдающіе отсутствіемъ критики труды *кн. Цертелева*, сборники *Срезневскаго* и *Максимовича*. Гораздо позже появившіеся «Труды югозападнаго отдѣла русскаго географическаго общества», «Записки о южной Руси» Кулиша дали возможность ближе познакомиться съ народною поэзіею Малороссіи, а сочиненія по этому предмету *Антоновича* и *Драгоманова*, въ Польшѣ *Неймана и Кольберга* позволили вполнѣ оцѣнить силу народнаго творчества.

Пусть Пржиборовскій пишетъ, что «Падурра сочинялъ много думъ и пѣсенъ, настолько родныхъ, настолько близкихъ народу, что ихъ читали на расхватъ переписывали, пѣли», пусть Васютинскій заявляетъ, что «Витортъ или, какъ произносятъ другіе, Видортъ распространялъ ихъ по Украинѣ, среди народа, подобно бросаемымъ въ землю золотымъ зернамъ»,— пѣсни Падурры не были народными пѣснями. Пѣла ихъ, восхищаясь, шляхта, игравшая въ козаковъ, изучали дворовые люди, экономы и писаря, народъ не пѣлъ ихъ никогда, всегда оставался къ нимъ равнодушнымъ, онѣ были для него чуждыми и размѣромъ, и формою, и рѣчью, и, прежде всего, содержаніемъ, духомъ. Говорить такъ намъ даетъ право то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ сборниковъ, изданныхъ собирателями народныхъ пѣсенъ за послѣдніе 10 лѣтъ, не находимъ не только ни одной пѣсни, но даже ни одной строфы, сочиненной Падуррою, а также и то, что пѣсни его не вошли въ число тѣхъ, которыя поютъ *бандуристы* (кобзари). Усматривать въ сказанномъ натяжку, тенденціозность не

возможно: если и допустить, что польскіе ученые упустили изъ виду включить ихъ въ число народныхъ пѣсенъ, то сдѣлать это, безъ сомнѣнія, не преминули бы русскіе собиратели народной поэзіи; между тѣмъ ни въ *Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа,* ни въ сборникахъ *Чубинскаго* пѣсни Падурры не встрѣчаются вовсе.

Критикъ «Tygodnika Petersburgskiego» (кажется, Тышинскій) въ свое время отозвался о Падуррѣ весьма сдержанно, оцѣнивъ его по заслугамъ; онъ даже усомнился въ его знаніи малороссійскаго языка и отказалъ ему въ правѣ называться поэтомъ. Оцѣнка эта вскорѣ была забыта, какъ скоро забытъ былъ самъ поэтъ Сангушками, Любомирскими, Потоцкими, увѣровавшими въ талантъ его со словъ эмира; людьми, смѣнившими эмира въ разгулѣ, принявшемъ у нихъ болѣе грубую форму, Падурра провозглашенъ былъ геніемъ. Однимъ только абсолютнымъ незнаніемъ словесности малороссійскаго народа и прирожденною склонностью къ мечтательности возможно объяснить, почему В. Поль, человѣкъ образа жизни одинаковаго съ Падуррою, въ «*Запискахъ о польской литературѣ XIX в.*» написалъ столько странныхъ общихъ мѣстъ объ этомъ поэтѣ. Приводимъ его подлинныя слова:

«Всякому извѣстенъ, говоритъ онъ, камертонъ, по которому настраивается фортепіано. Даетъ онъ одинъ только тонъ, одну ноту, однако согласно съ нимъ регулируется всякій, какого бы ни былъ размѣра, оркестръ: ни одна торжественная месса, ни одна возвышенная молитва въ костелѣ не совершаются безъ этой ноты, безъ этого тона; *такимъ камертономъ для нашей новой литературы являются поэтическія произведенія, думы* Падурры. Онъ вывелъ насъ на новую стезю въ литературѣ. Геніальность его состоитъ въ томъ, что, исходя изъ чисто лирическаго чувства, онъ умѣетъ переходить къ *исторической думѣ—задатку* (развѣ только задатку?) эпической поэзіи. Музыкальная гамма очень мала, коротка, мала и гамма его слова, однако всякій слушаетъ ее съ охотою. Только послѣ Падурры могли явиться Залѣскій и другіе. Когда историческая дума займетъ въ литературѣ первенствующее мѣсто, когда будетъ нераздѣльно связана съ музыкою и составитъ одно цѣлое съ жизнью, мы сознáемъ заслуги Падурры въ этомъ дѣлѣ, сознаемъ не только одни мы, но и всѣ славяне: его простыя пѣсни и думы имѣютъ въ польской литературѣ значеніе поэтическихъ произведеній Гезіода». Вотъ такъ сумбуръ въ полномъ смыслѣ слова! Сумбуръ, по истинѣ, геніальный, поэтическіе взгляды, несогласные съ истиною, дѣйствительностью! Поневолѣ спро-

сишь: откуда въ сужденіяхъ такого выдающагося писателя, какимъ во всякомъ случаѣ былъ В. Поль, подобная поверхностность? Отвѣтить не трудно: В. Поль и Падурра родственны другъ другу по духу, схожи по характеру: и тотъ и другой прежде всего шляхтичи-мечтатели. Говоримъ это не изъ приверженности къ крайнему демократизму, въ чемъ не одинъ захочетъ, пожалуй, обвинить насъ, о писателяхъ судимъ мы по ихъ произведеніямъ. Поль—поэтъ-археологъ, лично знакомый съ нѣкоторыми изъ шляхты бывшей польской Рѣчи Посполитой,—по ихъ образцу изображалъ историческую шляхту; Падурра представлялъ историческое козачество по образцу украинской шляхты. И тотъ и другой слагали пѣсни, разныя по формѣ, но одинаковыя по духу. Повторяемъ, причина, почему В. Поль такъ странно судилъ о Падуррѣ, заключается въ томъ, что знакомство его съ жизнью малороссійскаго народа было поверхностно, было же такимъ, какъ мы уже указали, по неимѣнію источниковъ, по которымъ онъ могъ бы изучить эту жизнь вполнѣ. Къ тому же онъ былъ человѣкомъ, фантастически засматривающимся на все родное, гордящимся историческою славою отчизны, которая закрывала собою все остальное, представлявшееся ему поэтому какъ бы въ туманѣ. Онъ былъ, наконецъ, однимъ изъ тысячи тѣхъ людей, которые, будучи хорошо знакомы съ иностранною литературою, не знаютъ основательно словесности родственныхъ народовъ. Отсюда произошло, что Поль, схвативъ тонкимъ чутьемъ артиста все являвшееся въ произведеніяхъ Падурры новымъ, отличнымъ отъ плодовъ пера прочихъ стихоплетовъ, ошибочно приписалъ таланту поэта то, что вытекало лишь изъ духа и формы украинской поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе всего восхищался Поль умѣніемъ Падурры переходить изъ лирическаго тона въ повѣствовательный, тѣмъ, что собственно не было вовсе умѣніемъ поэта, а свойствомъ малороссійскихъ пѣсенъ. Такое соединеніе лирическаго элемента съ эпическимъ встрѣчается у Падурры всего на всего три раза: въ поэмахъ Hostyna u Iwoni и Roman z Koszyry и въ пѣснѣ Kosak (два первыя произведенія озаглавлены авторомъ словомъ *дума*, которое однако не можетъ быть примѣнено къ нимъ въ настоящемъ значеніи: думъ въ такой формѣ народъ не пѣлъ никогда. Здѣсь кстати упомянемъ, что хотя въ настоящее время есть за Днѣпромъ нѣсколько кобзарей, но изъ нихъ одинъ только Остапъ Вересай можетъ считаться истиннымъ бандуристомъ). *Дума объ Остафіи Дашкевичѣ* ни по формѣ своей, ни по содержанію не можетъ быть отнесена къ произведеніямъ козацкаго эпоса. Во избѣженіе обвиненія

въ голословности высказаннаго нами мнѣнія о томъ, что достоинства, приписываемыя Полемъ Падуррѣ, должны быть отнесены къ свойству украинской поэзіи, проводимъ слѣдующія стихи Падурры:

Tychsze Dunaju koty szumni chwyli;
Zdrimalyś witry po morie hłubym
Z pid chmary misiać, jak ptach na mohyli
Tużit bezsonnyj w nebesnyj pustyni.
(Hostyna u Iwoni).

Nicz buła temna, witer z nyw szyrokich
Z łystiam w dołyny, kotyw czorni chmary.
(Roman z Koszyry).

Начало народныхъ историческихъ пѣсенъ:

Oj z nyzu, z nyzu, z morśkoho limanu
Bujnyj witer powiwaje,
Proklatyj Mazepa Palija Semena
Na benket zazywaje
(Semen Palij i Mazepa, 30).

Oj wesna krasna, oj wesna krasna,
Iz strich woda kapłe,
Oj łyboń tobi Tarasenku
Ta mandriwońka pachne.
(Pisnia pro karu Tarasenka, 84).

Итакъ, Падурра не «вывелъ насъ на новую стезю въ поэзіи», но указалъ намъ ее издали съ одной только стороны, со стороны впрочемъ, если не лучшей, то во всякомъ случаѣ очень привлекательной. Но вѣдь дорогу эту показалъ намъ также и Б. Залѣскій, показалъ въ болѣе звучной, болѣе эстетической формѣ и къ тому же на родномъ языкѣ. Не Падурра вручилъ намъ тотъ «камертонъ», который былъ способенъ дать должное направленіе поэзіи, поставляя ее въ непосредственную связь съ дѣйствительностью, съ историческими фактами общечеловѣческой жизни; не къ Падуррѣ мы обратимъ благодарные взоры тогда, когда поэзія станетъ по прежнему составлять одно цѣлое съ музыкою. Пусть въ его приведеніяхъ слышится мѣстами ровный, спокойный, возвышенный тонъ Гезіода, поэзія не въ нихъ найдетъ возрожденіе, найдетъ его въ истинно-народныхъ украинскихъ думахъ, ими она возродится, ими пріобрѣтетъ величіе Гомера, музыкальность, спокойствіе, простоту стиха его безсмертныхъ произведеній.

Пржиборовскій въ своемъ сочиненіи говоритъ, что кромѣ *думъ* (всегда то же самое неправильное названіе!), напечатанныхъ въ «*Укра-*

инках», въ Малороссіи пользуются извѣстностью (среди кого? въ какомъ сборникѣ пѣсенъ? чѣмъ доказано, что это произведенія Падурры, а не другаго какого нибудь поэта?) слѣдующія сочиненія Падурры: на малороссійскомъ языкѣ: *Лирникъ*, *Запорожецъ*, *Реестровый*, *Чарноморецъ*, *Рухавка*, *Пѣвецъ*, *Рожинскій*, *Барабашъ*, *Сѣрко*, *Тетеря*, *Мурашко*, *Мазепа*, *Гордіенко*, *къ Гетману*, *къ Днѣпру*, *Украина*; на польскомъ языкѣ: *Фантазія*, *Преображеніе*, *Воспоминаніе*, *къ Эмиру*, *Фатима*, *къ М . . . .* , *къ Веснѣ*, *Гробъ Д. К. С.*, *Городъ*, *Чапля*, *къ долинѣ Сханаръ*, *Послѣдняя мысль Т. З.* Очень жаль, что Пржиборовскій, которому, безъ сомнѣнія, было извѣстно по крайней мѣрѣ около половины названныхъ сочиненій, не познакомилъ насъ съ ними. По нимъ можно бы было лучше оцѣнить поэта. Теперь же мы принуждены съ Полемъ сказать о Падуррѣ, что «гамма его слова очень мала, коротка», прибавивъ, что дѣятельность его, какъ поэта, сводится къ восхваленію пановъ (эмиръ, Романъ зъ Коширы) и къ восторженному изображенію самой непривлекательной стороны въ жизни козаковъ, къ изображенію ихъ въ видѣ воплощеннаго мальчишества и самохвальства, отъ которыхъ они были такъ далеки, какъ люди, отличавшіеся истиннымъ мужествомъ (Козакъ, Лисовщикъ и др.).

Если критикъ Tygodnik'a Pétersburgsk'аго не вполнѣ основательно лишаетъ Падурру названія поэта, то нисколько не ошибается, называя его человѣкомъ посредственнаго таланта и весьма малаго эстетическаго чувства. Природа скупо одарила его въ этомъ отношеніи: онъ былъ человѣкомъ крайне чувствительнымъ, мечтателемъ, отчасти фантастикомъ; быстротою ума не отличался, мыслилъ, чувствовалъ, восторгался не самостоятельно, стать выше окружающей среды онъ не съумѣлъ никогда. Одно только козачество, и то имъ самимъ выдуманное, имѣло для него смыслъ и значеніе, мысль и пѣснь его (если исключимъ славянофильство) не касалась другаго предмета даже мимоходомъ.

Объ отсутствіи въ Падуррѣ эстетическаго чувства и вообще любви къ тишинѣ, спокойствію, ясно свидѣтельствуетъ общее направленіе всѣхъ его произведеній. Въ то время, когда Залѣскій, воспѣвая тѣхъ же козаковъ, эстетически впечатлительною, истинно прекрасною душою, далекою отъ всего того, что было непревлекательнаго въ жизни козачества, воспроизводилъ геройскихъ защитниковъ родины, защитниковъ семьи, изображалъ ихъ среди южной природы, подъ яснымъ теплымъ небомъ, Падурра рисовалъ своихъ героевъ среди пожаровъ и потоковъ крови. Для перваго существовало козачество XVI

и половины XVII в., второй воспѣвалъ времена Хмельницкаго, коліивщины, гайдамачины, представлялъ образы и лица, несогласныя съ дѣйствительностью, болѣе еще,—его пѣсни, страдая совершеннымъ отсутствіемъ истины въ изображеніи характеровъ, очень часто переходятъ въ каррикатуры: козаки, воспѣваемые въ нихъ, похожи на тѣ картонныя пестро размалеванныя дѣтскія игрушки, которыя съ помощью шнурка произвольно приводятся въ движеніе, дѣйствуютъ безъ всякой цѣли, единственно по желанію Падурры.

Послушаемъ одну изъ нихъ:

Tiażko teper łebediowi
Zadrimaty z berehamy [1])
Rewut chwyli na Dniprowi
Pid żyliznymy stowpamy
Ałe (?) nasz kozak ne trus
Schopyw szablu, burku zduw,
Podywywsia, skrutyw wus,
Siw na czajku, taj dmuchnuw.

Какъ видно, все здѣсь происходитъ безъ всякаго основанія, «*зъ добраго дыва*», какъ говорятъ малороссы; для соблюденія риѳмы употребляется: трусъ—вусъ и подобное сочетаніе повторяется часто.

Ни одинъ изъ польскихъ и малороссійскихъ поэтовъ, даже тѣхъ, которые писали въ возбужденіи страстей, не воспѣвали разбойничества съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ изображалъ его Падурра; если тѣ считали геройскимъ подвигомъ рѣзню ляховъ, то послѣдній представлялъ своихъ героевъ, проливающими человѣческую кровь просто изъ любви къ искусству. Козакъ Падурры не человѣкъ, преслѣдующій *какую либо цѣль* (какова бы она ни была), жертвующій для нея собственною жизнью и жизнью другихъ, а просто какой то воплощенный демонъ.

De pokaże mstywa twar
Krasiat zemlu, krasiat wody
Krowli ryczki i pożar.

Кажется, трудно написать о человѣкѣ что либо болѣе отвратительное; а между тѣмъ поэтъ хочетъ насъ увѣрить, что такой козакъ

Tylko sławi bje pokłon.

Подобные типы непонятны намъ по отсутствію всякихъ психологическихъ данныхъ; не понимаемъ, какъ можно усмотрѣть героевъ

---

[1]) Выраженіе, не имѣющее никакого смысла. Связи между первою и второю строфою также нѣтъ никакой.

въ людяхъ, наслаждающихся пролитіемъ крови, пожарами, разбоемъ, грабежемъ, не преслѣдующихъ при этомъ никакой цѣли.

Независимо отъ этого герои, изображаемые Падуррою (Лисовщикъ, Сычовыкъ), полны самохвальства, забавляются словопреніями, они просто жалкіе болтуны, далекіе отъ истинно мужественныхъ людей, отвага которыхъ не знаетъ предѣловъ. Въ изображеніи ихъ такъ и чувствуется фальшивый тонъ, заказное одушевленіе, поддѣльное чувство. Неужели можетъ служить признакомъ геройство, напр.,

Bułaty [1]) rżu ne z czaty,
Lysz pjut z tepłych żyl?

Однако Падурра увлекается подобными людьми, изощряя свои силы въ изображеніи героевъ коліивщины: съ тоскою, смѣшанною съ безпредѣльнымъ уваженіемъ, восклицаетъ:

Bez chmar zora wschodyt' z mora
A ty spysz Sicz?
Cziż mrak wikiw stežky posiw [2]),
Szczo tobi nesły pokłon?

Таковы его взгляды на козаковъ и козачество. Одинъ только разъ Падурра выражается по народному (Handzia ż Samary).

Jak ta meni woda myła
Z zełenoho brodu!
Jak w nij rybka, tak ja żyła
Jak brała mi wodu.

Стихи эти, какъ видимъ, болѣе пѣвучи, просты, плавны.

Обыкновенная форма въ произведеніяхъ Падурры—восьмистопные стихи, чередующіеся съ семистопными, съ риѳмами черезъ стихъ, или же въ половинѣ перваго стиха.

Szcze toj witer powiwaje,
Szczo buńczuki kołysaw;
Szcze pył sokił z chmar zmitaje,
Szczo z pid kopyt wylitaw.
или Bétlem Habar rozbyw tabor
Windobona *w trus* [3])

Стихи первой формы у Падурры болѣе удачны: при составленіи ихъ ему не приходилось преодолѣвать столько трудностей, со сколь-

---

[1]) Слово, вовсе не употребляемое въ народномъ малороссійскомъ языкѣ.

[2]) Т. е. завладѣлъ, засѣялъ,—сокращенная форма, также почти вовсе неупотребляемая.

[3]) Слово, произвольно образованное для соблюденія риѳмы.

кими онъ долженъ былъ считаться, приноравливая малороссійскую рѣчь къ формѣ втораго образца, изъ желанія соблюсти которую онъ употреблялъ натянутыя выраженія, дѣлалъ преувеличенныя сравненія, пользовался устарѣлыми словами, мало употребительными въ народной рѣчи, образовывалъ новыя слова и выраженія, не соотвѣтствующія ея духу.

De sia wprosym, to wynosym
W łyciach *spadkiw* dań;
Wid kul z moriw, mid strił z horiw
Tylki w *twar* nam hlań?

Поляку трудно понять, что хочетъ выразить въ этихъ стихахъ авторъ, малороссу—просто невозможно.

Такая натяжка въ словахъ и выраженіяхъ, непріятно дѣйствующая на слухъ каждаго, мало мальски знакомаго съ малорусскимъ языкомъ, умаляетъ достоинство даже тѣхъ произведеній Падурры, которыя написаны подъ влiянемъ истиннаго поэтическаго вдохновенія.

Вообще о Падуррѣ можно сказать, что онъ былъ непризнаннымъ артистомъ, избравшимъ подъ вліяніемъ темперамента ложный путь для своей дѣятельности; онъ былъ живописцемъ спокойнаго меланхолическаго настроенія, мечтателемъ, гуманистомъ, изображавшимъ по странному стеченію обстоятельствъ, которымъ вполнѣ подчинился, необыкновенныя приключенія, кровопролитныя войны, битвы. Поэтому форма и содержаніе его произведеній неестественны, проблески таланта и истиннаго вдохновенія видны въ нихъ лишь мѣстами, именно тамъ, гдѣ поэтъ является самимъ собою, свободнымъ отъ всякаго посторонняго вліянія; частности хороши, способны увлечь читателя образностью, свѣжестью красокъ, общее—не отдѣлано, страдаетъ отсутствіемъ согласія формы съ содержаніемъ.

Говоря о поэтическомъ дарованіи Падурры, слѣдуетъ замѣтить, что судить о немъ должно не по его крикливымъ, разгульнымъ пѣснямъ, но по *думамъ*. Въ нихъ онъ чаще является естественнымъ и употребляетъ форму 11-ти стопнаго стиха, болѣе соотвѣтствующую спокойному, простому, правдивому выраженію мыслей. Въ этихъ же самыхъ думахъ проглядываетъ и главный недостатокъ Падурры, какъ поэта,—отсутствіе всякого дѣйствія, пластики. Герои его произведеній туманны, какіе то великаны, о которыхъ не знаемъ, кто они были, какъ чувствовали и мыслили, подобно неяснымъ видѣніямъ, быстро проходятъ они предъ глазами читателя, блеснутъ на минуту какъ бы при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ, и затѣмъ также быстро исчеза-

ютъ, не оставляя послѣ себя ни малѣйшаго слѣда; образы, если хотите, эффектны, но не реальны, неполны, неясны. Несмотря на это, думы Падурры имѣютъ много общаго съ народною малороссійскою историческою пѣснію, въ нихъ то же смѣшеніе лирическаго элемента съ эпическимъ, тѣ же обращенія, сравненія, то же настроеніе; являясь выраженіемъ ничѣмъ нестѣсняемой мысли поэта, онѣ не чужды эпическаго спокойствія, а также и лирической искренности. Болѣе другихъ удачна въ этомъ смыслѣ поэма «*Hostyna u Jwoni*»; восхваляемая многими дума «*Roman z Koshyry*» страдаетъ отсутствіемъ дѣйствія, законченности, составляетъ скорѣе отрывокъ. Помѣченная «*Антошины на Волыни*» (имѣніе Сангушковъ) и воспѣвающая шляхту XVI в., который, по выраженію поэта,

Maw wtodi mużiw, mużi czést u swita
A Polszcza sławni i roskiszni dity!

поэма эта очень подозрительна въ смыслѣ искренности. Эти хваленые «диты» вели между собою постоянныя распри, старались заполучить побольше подарковъ, торунскимъ статутомъ, законами, запрещающими мужику защищаться передъ судомъ, лишали меньшую братью всякой свободы.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ языкѣ произведеній Падурры. Говорить, что Падурра вовсе не зналъ малороссійскаго языка, могутъ только люди, мало съ нимъ знакомые или вовсе его не знающіе. Пусть онъ часто уродовалъ до безобразія этотъ языкъ употребленіемъ въ своихъ стихотвореніяхъ новыхъ или малоупотребительныхъ словъ, все таки тамъ, гдѣ онъ писалъ, не стѣсняясь соблюденіемъ искусственной, несоотвѣтствующей духу народной рѣчи формы, онъ выражался языкомъ звучнымъ, красивымъ и гармоническимъ.

Не взирая на это, духъ произведеній Падурры, мысли, изложенныя въ нихъ, свидѣтельствуютъ, что поэтъ не былъ прирожденнымъ малороссомъ, и объясняютъ достаточно, почему его пѣсни не вошли въ число тѣхъ, которыя поетъ украинскій народъ.

Ф. Равита.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевщинѣ въ 1861 г.

Въ началѣ іюля 1860 года съ парохода, на которомъ мы плыли изъ Никополя въ Херсонъ, не доѣзжая Каховки и Берислава, видно было, какъ надъ камышами плавней взвивалось большое облако дыма. Всѣ пассажиры удивлялись, какимъ это образомъ такъ сильно горитъ сырой зеленый камышъ.

Оказалось, что это вовсе не дымъ, а облако саранчи, которое то взвивалось вверхъ, то разстилалось чуть чуть выше камышевыхъ махалокъ. Подплывъ ближе, мы увидали большія пространства камыша совершенно объѣденными: все зеленое съѣдено, и торчали только обнаженные стебли. Въ то же время облако саранчи переносилось черезъ Днѣпръ и на палубу парохода падало ее очень много: она билась объ трубу и снасти, и задыхалась въ дыму.

Тутъ то впервые и пришлось мнѣ увидать это зловредное насѣкомое. Это обыкновенный полевой коникъ сѣро-коричневаго цвѣта, съ испещренными черными пятнышками крыльями, но по величинѣ оно гораздо больше коника—приблизительно около трехъ дюймовъ. Послѣ уже, въ кіевской губерніи, мнѣ пришлось узнать, что черные пятнышки на крыльяхъ, имѣющія отдаленное подобіе какихъ то письменъ, означаютъ надпись на еврейскомъ языкѣ. *Азъ есмь сарана, одъ Бога послана; мени не сіять, не орать, тильки йисты та с*... Кто и какимъ образомъ дешифрировалъ эту надпись, разумѣется, я не знаю, да вѣроятно и никто не знаетъ, но что это вѣрно прочитано, такъ въ этомъ ручались старики, которые слышали про это тоже отъ вѣрныхъ людей.

Проходя изъ Херсона далѣе на Перекопъ къ Крыму до Симферополя, а послѣ изъ Одессы въ бобринецкій [1]) уѣздъ по степямъ, мы

[1]) Теперь его не существуетъ, а вмѣсто его елисаветградскій.

видѣли много саранчи. Особенно въ Крыму. Ежедневно на обширномъ горизонтѣ просторной, ровной, какъ билліардная доска, крымской степи мы видѣли въ различныхъ направленіяхъ передвигающіяся тучи саранчи. Она была въ то время въ періодѣ летанія, и носилась свободно по степямъ, выѣдая недовыжженные солнцемъ остатки степной растительности. Въ томъ году изъ Крыма выходили въ Турцію татары и, какъ мало заинтересованные мѣстнымъ урожаемъ, не истребляли этого бича степной растительности.

Видѣлъ я много саранчи, но ни разу не пришлось видѣть такой ея массы, чтобы она, какъ это я слышалъ много разъ отъ разныхъ разсказчиковъ, заслоняла собою солнце и день превращала въ ночь. Случалось не разъ, что цѣлая туча саранчи перелетала черезъ насъ. Дѣйствительно, это были цѣлыя тучи, несшіяся въ теченіи четверти часа и болѣе и разумѣется, дѣлающія на землѣ тѣнь, но все же таки не превращавшія дня въ ночь. Обыкновенно при пролетѣ ее много падаетъ, и если летитъ низко, то убивается обо всѣ встрѣчныя препятствія: непріятно бьется въ человѣка, заставляетъ фыркать и прядать ушами лошадь, кучами падаетъ около верстовыхъ и телеграфныхъ столбовъ. Усѣвшаяся такая туча саранчи издали блестѣла, какъ что то металлическое, кишѣла и издавала тихій трескъ. Этотъ трескъ слышенъ былъ и во время лета ея. Сидѣла она слоемъ отъ вершка до трехъ, и замѣчательно: проѣзжающая по такой настилкѣ повозка очень немного давила ее; какъ брызги воды, вспархивала саранча около колесъ экипажа и копытъ лошадей.

Въ профиль туча саранчи имѣла такой видъ: длинное облако къ переднему по направленію лета концу болѣе темное и къ заднему все болѣе и болѣе свѣтлѣющее. Передняя часть тучи была и толще; немного отступя отъ краю она имѣла къ низу опущенный сосокъ, особенно темный. Чѣмъ ниже къ землѣ была туча, тѣмъ больше и темнѣе былъ этотъ сосокъ. Это объясняется тѣмъ, что летящія впереди насѣкомыя пріискиваютъ удобное для кормленія мѣсто и поэтому столпливаются. Чѣмъ ниже къ землѣ, тѣмъ болѣе сгущается напоромъ насѣкомыхъ этотъ сосокъ-щупъ тучи. Непомѣщающіяся въ щупѣ особи образуютъ самый передній конецъ тучи.

Эта самая саранча, видѣнная мною въ Крыму и Херсонщинѣ, къ зимѣ достигла и кіевской губерніи, гдѣ мнѣ пришлось видѣть и истреблять уже новое ея поколѣніе весною 1861 года. Нужно полагать, что изъ всей массы саранчи, взлетѣвшей въ степяхъ Крыма, очень немного достигло Кіевщины, а то бы съ нею не раздѣла-

лись такъ дешево. Вѣроятно много саранчи пожрано птицею, летящею на встрѣчу ей осенью, много истреблено ея также и людьми, значительно гуще живущими въ кіевской губерніи. Лютая зима съ 1860 на 1861 годъ также не мало повліяла на уничтоженіе положенныхъ въ землю яичекъ.

Но тѣмъ не менѣе весною 1861 года саранча вывелась (вылупилась) во многихъ мѣстахъ кіевской губерніи и въ томъ числѣ и въ каневскомъ уѣздѣ, гдѣ мнѣ пришлось лично участвовать въ истребленіи ея.

Для незнающихъ я позволяю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о рожденіи, ростѣ и смерти саранчи. Она, какъ и всякое насѣкомое, выводится—(вылупливается)—изъ яичка-икринки, положенной самкою въ землю и своевременно согрѣтой какъ солнцемъ, такъ и теплой землей. На первыхъ порахъ жизни саранча имѣетъ видъ маленькой мошки, совершенно черной. Такой маленькой, что только при помощи увеличительнаго стекла можно различить въ этомъ существѣ складъ коника. Но растетъ она довольно быстро: уже на второй, на третій день увеличивается до возможности ясно видѣть въ ней крѣпкія скоки и челюсти. По мѣрѣ возрастанія саранча теряетъ свой темный цвѣтъ, и все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ. Сначала показываются на ней темнокрасные цвѣта различныхъ частей, послѣ они переходятъ въ темно-коричневые и такъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается сѣро-коричневой съ блестящими прозрачными крыльями, испещренными, какъ я уже говорилъ, черными пятнышками. Крылья эти у саранчи отростаютъ не сразу, а только мѣсяца черезъ два ея жизни. До того времени она передвигается, какъ всѣ насѣкомыя—скакуны, скачками при помощи крѣпкихъ скоковъ. Все это время ее называютъ *пѣшею* и она бываетъ до нельзя прожорлива. Ѣстъ очень много и постоянно, какъ бы исполняя написанное на ея крыльяхъ назначеніе. Разумѣется, что и количество потребной для нея пищи, а также и пространство, занимаемое ею, увеличиваются соразмѣрно ея возрастанію. Въ этотъ то періодъ ея жизни легче всего ее истреблять, что становится уже несравненно труднѣе тогда, когда она станетъ летать. Окрылившаяся, она подымается съ земли и переносится вышеописанными тучами съ мѣста на мѣсто, питаясь и истребляя растительность только во время отдыха, присѣста. Въ августѣ вполнѣ развившаяся саранча оплодотворяется: самцы сейчасъ же умираютъ, а самки гибнутъ только при родахъ. Онѣ ввертываются заднею частію тѣла въ землю и выпускаютъ изъ себя цѣлую капсюлю до $1^1/_2$

дюйма длины и до 3 линій толщины икры (яичекъ). Тутъ же она и умираетъ. Для спуска икры саранчѣ нужно найти такую почву, которая бы не была тверда и давала возможность ввертѣться заду самки и въ то же время не настолько рыхлую, чтобы вѣтромъ и дождемъ легко обнажалась положенная въ землю капсюль. Самая благопріятная для сего почва—это яровое поле: вспаханное съ весны, оно не отвердѣло окончательно и въ то же время не такъ рыхло, какъ засѣянныя въ августѣ озими. Поэтому то саранча весною вывелась исключительно на толокахъ, т. е. на тѣхъ поляхъ, гдѣ въ прошлое лѣто была ярина.

Починъ въ дѣлѣ принятія мѣръ къ истребленію выведшейся въ кіевской губерніи въ 1861 году саранчи всецѣло принадлежитъ администраціи, обратившей на это вниманіе по заявленіямъ землевладѣльцевъ помѣщиковъ. Крестьяне въ этомъ почти не принимали участія, во первыхъ по своему невѣдѣнію, и во вторыхъ по своей безгласности: въ 1861 они только съ весны сдѣлались свободными. Но за то самое исребленіе саранчи было исключительно дѣломъ крестьянъ, когда имъ власти предержащія указали на эту угрожающую ихъ и всего края благосостоянію саранчу. Явились особые чиновники, вѣдающіе дѣло истребленія саранчи, явились наставленія и инструкціи, явилось не мало и проектовъ, не осуществившихся на практикѣ. Самое же главное дѣло было обращеніе вниманія народонаселенія на саранчу и требованіе поголовнаго участія въ истребленіи ея.

И.... мы начали истреблять и истребили. Время было самое подходящее. Послѣ того, какъ обсѣялись, дѣла было мало и тутъ то и принялись за саранчу.

Приказано было слѣдить за ея появленіемъ, немедленно доносить по начальству и принимать мѣры къ уничтоженію ея. При ограниченности земельныхъ надѣловъ легко удавалось напасть на выводки. На толокѣ, совмѣстной въ то время панской и громадской, пастухи въ маѣ увидали *багато чорненькои кузкы*. Это и была саранча.

Обыкновенно староста черезъ разосланныхъ десятниковъ съ вечера *загадуваeъ* собираться всѣмъ отъ мала до велика на указанное поле и приносить съ собою бабамъ, дѣвкамъ и дѣтямъ вѣники, а мужчинамъ заступы. Съ утра собирались довольно дружно всѣ вызываемые, сметали *кузку* въ неглубокіе ровики и закапывали. Дѣла всего было на полдня.

Но это только на первыхъ порахъ. Послѣ досмотрѣлись, что закопанная саранча вылѣзала изъ земли. Тогда порѣшили въ такихъ

же ровикахъ толочь ее на мязгу *довбнями,* затупленными кольями, а то и топтать сапогами. Это шло довольно успѣшно и главное было весьма существенно. Всѣ другіе рекомендованные способы не годились.

Такъ, напримѣръ, совѣтовали замѣченную кучку саранчи съ вечера настилать соломою, тонкимъ слоемъ, на которую она вылѣзала ночевать, а утромъ эту солому зажигать со всѣхъ сторонъ. Но оказывалось, что тонкій слой соломы за ночь отсырѣвалъ отъ росы и плохо горѣлъ, а какъ просыхалъ, саранча сходила съ него.

Тогда мы солому употребляли уже иначе: настилали впереди хода саранчи валъ и, подогнавъ ее къ валу, зажигали солому. Солома моментально вспыхивала, но сожигала саранчи немного. Вотъ если бы тогда былъ въ ходу керосинъ.

Послѣ кто то предписалъ дѣлать такъ: подъ бороны накладывать вѣтвей и волочить по саранчѣ. Ничего не выходило, саранча заметывалась въ пыль и оставалась жива и здорова.

Самое основательное все таки оставалось сметать въ ровики и толочь ее.

Но это сметаніе давалось не такъ легко, какъ кажется; представьте себѣ десятину приблизительно поля, совершенно обнаженнаго отъ растительности, сожранной саранчею, съ сухою сыпучею землею—пылью. Извольте подместь такую площадь, выместь изъ пыли массу комашекъ, ростомъ не превосходящихъ ростъ обыкновенной мухи, и при томъ разскакивающихся въ стороны, перепрыгивающихъ черезъ самые ровики. Чтобы нагляднѣе представить себѣ всю трудность этой работы, возьмитесь согнать въ одно мѣсто часто встрѣчающихся на поляхъ мелкихъ кузнечиковъ. Разница будетъ состоять только въ томъ, что саранчи гораздо больше. Какъ ее ни мести, все таки остается назади много. Мели обыкновенно становясь сплошною стѣною, плечо съ плечомъ, обхватывая по возможности все пространство, занимаемое выводкомъ. Особенно трудно было начинать эту гонку, пока вѣники не наметали валикъ саранчи—тогда уже дѣло шло легче, ибо валикъ самъ собою забиралъ попутныхъ насѣкомыхъ. Ровики копали недалеко впереди метельщиковъ, чтобы поскорѣе подавить подметенную саранчу, а послѣ принимались за сгонку остальной. Давили на мязгу, такъ, чтобы въ ровикахъ образовалась грязь. Дѣтей часто тошнило отъ вони, которая по ихъ росту была ощутительнѣе. Но разъ мнѣ пришлось самому испытать тошноту, когда я вскочилъ въ попавшійся на пути ровикъ, куда намели слой саранчи четверти въ полторы толщиною. Вѣтеръ во рву не разносилъ вони саранчи-

ной мязги и мой носъ вполнѣ ощутилъ этотъ отвратительный запахъ. Свиньи обыкновенно много пожирали саранчи, но птицъ около нея не помню. Можетъ быть это происходило отъ того, что они боялись людей. На Кавказѣ водится особый видъ скворца (*Pastor roseus по Брэму*), который цѣлыми стадами преслѣдуетъ и истребляетъ саранчу. Скворецъ этотъ по расположенію окраски совершенно похожъ на обыкновенную ворону, но только все то, что у вороны сѣро, у розоваго скворца нѣжно розоваго цвѣта. Голова же, концы крыльевъ и хвостъ черные. Ростомъ онъ съ обыкновеннаго шпака. Я видѣлъ его на Кавказѣ и разъ одинъ небольшое стадо, очевидно случайно залетѣвшее, въ воронежской губерніи на границѣ бобровскаго и богучарскаго уѣздовъ.

Однако съ уничтоженіемъ саранчи мы провозились всю весну и даже іюнь мѣсяцъ, т. е. почти до той поры, когда она уже взлетѣла. Но въ іюнѣ мы занимались ею уже гораздо меньше, такъ какъ и ее уменьшилось.

Весело бывало на этихъ сборищахъ: работа не тяжелая по размѣрамъ употребляемаго физическаго труда; послѣ первыхъ чуть не ежедневныхъ сборовъ стали собираться только въ небольшіе праздники да въ воскресенья послѣ обѣда; пѣсни, смѣхъ, шутки... Сколько пѣсенъ мною было услышано и записано въ это время!

Особенно памятно мнѣ послѣднее такое сборище. Кто то дозналъ, что на опушкѣ лѣса—(*на узлиску*)—Богатиривщыны показалась саранча. Порѣшили собраться на другой день туда, такъ какъ въ тотъ день когда получено было это извѣстіе, былъ праздникъ Петра и Павла и розговины, а на слѣдующій день праздникъ былъ меньшій—Соборъ 12 апостоловъ, или, какъ на Украинѣ его называютъ—Полупетра. Собрались рано, пообѣдавши. Дѣйствительно, на толокѣ подъ лѣсомъ нашли небольшой выводокъ уже крупной, вотъ вотъ готовой къ лету саранчи. Дружно согнали мы ее въ готовый, недавно почищенный ровъ—окопъ и всю передушили. Вся работа кончилась часамъ къ 5 дня, послѣ чего всѣ остались полудновать въ лѣсу, въ тѣни деревъ. Начались обычные хи-хи, смѣхи, въ лѣсу послышалось пѣніе разбредшихся дивчатъ, аукали разбѣжавшіяся и играющія въ прятки дѣти. Кѣмъ то упрошенный Иванъ Музыка прихватилъ съ собою скрыпку, а Пылыпъ сбѣгалъ за бубномъ и составилось цѣлое гулянье. Дивчата, несмотря на звуки музыки и бубонъ, что то долго не выходили изъ чащи. Наконецъ, онѣ показались всей гурьбой въ вѣнкахъ изъ лѣсныхъ цвѣтовъ, съ пѣснями. Посреди нихъ вы-

плясывала какая то совершенно красная фигура, которую мнѣ назвали *пыпа*. Это была дѣвушка, вплотную обвернутая красными плетеными поясами, такъ что у нея оставались обнаженными только ступни ногъ. Каждая нога обвернута была особо, какъ бы одѣтая въ трико, а руки, вытянутыя вверхъ, обмотаны вмѣстѣ съ головою и на концѣ висѣлась кисть изъ концовъ поясовъ. Вся фигура, сгибающаяся только въ тазу, вертѣлась и плясала и довольно похожа была на φάλος. Мнѣ тогда показалось, что это было ничто иное, какъ изображеніе Пріапа. Пора года была подходящая, да при томъ же нѣкоторыя молодицы стали срамить дѣвокъ, а только наша сельская законодательница обрядовъ, Янчиха, поддержала ихъ словами:

— «Щожъ! Воно такъ годытьця! Це по стариньому! Така вже на це пора!

Но тѣмъ не менѣе въ село эта *пыпа* не вошла. Я сначала думалъ, что стѣсняются по старой памяти наличности въ селѣ пановъ, но на мои вопросы мнѣ объяснили, что *пыпѣ* въ село идти *не годытьця*, и что она можетъ быть только въ полѣ и лѣсу....

Веселье молодежи съ танцами и пѣснями продолжалось далеко въ ночь. Но обрядовыхъ пѣсенъ, какія бы я не преминулъ записать, тогда уже не было.

Этимъ мы и покончили съ преслѣдованіемъ саранчи пѣшей. Летучей было немного: показывающіяся иногда облачка далеко не достигали такихъ размѣровъ, какія я видѣлъ въ Крыму. Если такое облачко и опускалось когда на посѣвъ, то было сейчасъ же сгоняемо. Разъ только саранча, усѣвшаяся на просѣ, въ теченіи минутъ десяти сразу съѣла его болѣе десятины. Отлетѣла она на югъ или пропала отъ раннихъ заморозковъ—не знаю, но въ 1862 году ея уже не было у насъ.

Борисъ Познанскій.

Поѣздка въ Кириловку [1].

(Замѣтка къ біографіи Т. Г. Шевченка).

Много еще пройдетъ времени, пока народный украинскій поэтъ будетъ имѣть свою полную біографію. Только послѣ изученія мелкихъ фактовъ изъ его жизни, равно какъ и особенностей самой семьи, изъ которой онъ произошелъ, на что обыкновенно мало обращаютъ

---

[1]) Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ газетѣ „Новое Время" была напечатана замѣтка М. А. Кретчмера, въ которой обращалось вниманіе на бѣдственное

вниманія, можно будетъ воспроизвести духовный образъ этого человѣка съ его добродѣтелями и недостатками, уразумѣть его творчество, объяснить себѣ его симпатіи и антипатіи, а подъ часъ и пристрастія, понять его безграничную любовь къ своему народу и ненависть къ его угнетателямъ, и ту горечь, которой была исполнена вся жизнь его и которая звучитъ въ его пѣсняхъ. Весьма удачно и мѣтко охарактеризовалъ жизнь Тараса въ прощальныхъ словахъ своихъ Богданъ Залѣскій, послѣдній изъ талантливыхъ представителей извѣстной польско-украинской школы. Обращаясь къ нему, Залѣскій говоритъ:

„Tarasie, współpiewco mój kozaczy,
Twój żywot był krótki, lecz wielce twardy
Z trójziela nassałeś się rozpaczy
I nienawiści i ludzkiej wzgardy".

Большое село Кириловку, звенигородскаго уѣзда (свыше 3 тысячи жителей), я зналъ давно какъ мѣсто рожденія Т. Г. Шевченка, поближе же познакомился съ этимъ селомъ, равно какъ и съ семьею поэта, только въ послѣднее время. Въ каждомъ почти селѣ, среди многихъ поселянскихъ семействъ, существуетъ одинъ или нѣсколько родовъ, болѣе разросшихся, чѣмъ другіе, и составляющихъ какъ бы коренное населеніе, придающее особенный отпечатокъ всему населенію села. Коренными старожилами Кириловки считается родъ Шевченковъ. Нѣкогда предки ихъ составляли, по всей вѣроятности, населеніе королевщизны, къ которой принадлежала и сама Кириловка, входя въ составъ лысянскаго староства и раздѣляя его судьбы, а впослѣдствіи, послѣ присоединенія къ Россіи, они перешли, вмѣстѣ съ пріобрѣтенною землею, какъ крѣпостные, Энгельгардтамъ, а отъ нихъ на нѣкоторое время къ Фліорковскимъ.

Желая познакомиться съ семьею Т. Г., я однажды, проѣзжая по дорогѣ изъ Звенигородки въ Ольшану, рѣшился сдѣлать кругъ въ нѣсколько верстъ и направилъ мой путь черезъ Кириловку, чтобы побывать въ ней. День былъ іюльскій, знойный, хотя полдень уже давно миновалъ, однако солнце грѣло еще немилосердно, а пыль.

положеніе семьи племянницы Т. Г. Шевченка, Ирины Никитичны Ковтуновой Почитателями памяти покойнаго поэта была собрана въ пользу этой семьи нѣкоторая сумма денегъ, переданная по назначенію чрезъ д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича, который обязательно сообщилъ намъ печатаемую замѣтку о своей поѣздкѣ въ Кириловку. Собранными пожертвованіями, однако, далеко не обезпечивается участь многочисленной и почти неспособной къ труду семьи, и всякая дальнѣйшая помощь окажется весьма и весьма нелишнею.—*Ред.*

поднимаемая вѣтромъ, носилась густыми столбами по воздуху. Въ кириловской сельской расправѣ я узналъ, гдѣ хата родной племянницы поэта, Ярины, по мужу Ковтуновой, и направился прежде всего къ ней, гдѣ былъ весьма радушно принятъ. Ярина, женщина роста ниже средняго, лѣтъ 48, худощавая, оказалась дочерью старшаго брата Тараса, Никиты. Она болѣе всѣхъ Шевченковъ напоминаетъ собою поэта. Ея смуглое, худощавое лицо съ запавшими выразительными темными глазами, высматривающими немного изъ подлобья, придаютъ ей унылый видъ. У нея 10 дѣтей, изъ коихъ 7 человѣкъ слѣпыхъ. По разсказамъ матери, родились они всѣ здоровыми и лишь на 7-мъ году жизни развилась у нихъ слѣпота. Старшему сыну, слѣпому, лѣтъ 28, меньшій лѣтъ 5-ти неизвѣстно, будетъ ли изъятъ изъ общей почти болѣзни въ семействѣ. Я съ любопытствомъ присматривался къ глазамъ слѣпыхъ дѣтей, оставшихся дома, ибо остальные были на полевыхъ работахъ (слѣпота мало мѣшаетъ имъ заниматься физическимъ трудомъ) и нашелъ у нихъ жидкую катаракту хрусталика. Двумъ другимъ, какъ мнѣ передала мать, въ прошломъ году была совершена на одномъ глазу операція—экстракція катаракты—въ университетской клиникѣ въ Кіевѣ. Дѣти не имѣютъ умнаго выраженія лица своей матери, напротивъ лица у нихъ менѣе выразительны и мало осмысленны, а значительное развитіе наружнаго косоглазія придаетъ имъ видъ разсѣянности и невнимательности. Развитіе помутнѣнія хрусталика происходитъ вслѣдствіе плохаго его питанія, что осложняется сильною степенью наружнаго косоглазія въ зависимости отъ болѣзни рефракціи, а именно значительной дальнозоркости. Помутнѣніе хрусталика и дальнозоркость оказывается наслѣдственною болѣзнью въ семействѣ Шевченковъ. Меньшая сестра Тараса, Маруся, страдала глазами, можетъ быть этою же самою болѣзнью. Во второмъ поколѣніи одинъ изъ сыновей брата поэта, Іосифа, а именно Иванъ, который приходится двоюроднымъ Ковтуновой, страдаетъ этою болѣзнью, а въ третьемъ поколѣніи дѣти Ковтуновой и сынъ ея роднаго брата Прокопа. У брата же его, тоже при общей золотухѣ, воспаленіе праваго колѣннаго сустава и значительно выраженное косогласіе. Чтобы собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ остальныхъ членахъ рода Шевченковъ, я отправился въ хату брата Ярины, Петра, но по ошибкѣ попалъ къ двоюродному его брату того же имени, а тамъ мнѣ указали того, кого я искалъ. Самого хозяина я засталъ работающимъ въ клунѣ около хлѣба. Узнавши цѣль моего пріѣзда, Петро принялъ меня ласково и сталъ указывать все то, что относилось бо-

лѣе или менѣе къ Тарасу или къ его семейству. Петро роста средняго, хорошо сложенъ, лѣтъ 42, ничѣмъ не напоминаетъ свою сестру Ярину и извѣстный типъ Шевченковъ. Волосы у него русые, цвѣтъ лица бѣлый, глаза свѣтло-голубые, лицо въ общемъ веселое и открытое. Судя по порядочно выстроенной хатѣ и другимъ хозяйственнымъ постройкамъ, я пришелъ къ заключенію, что Петро принадлежитъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ Кириловки. Петро повелъ меня въ смежную съ нимъ усадьбу брата своего Прокопа, который, по его словамъ, матеріально было оправился, служа погонщикомъ во время послѣдней турецкой войны, но деньги потомъ онъ растратилъ и «опять находится въ бѣдности». «Тутъ», сказалъ Петро, указывая мнѣ рукою, «грунтъ» брата, наша «батькивщина», на мѣстѣ погреба стояла нѣкогда хата, въ которой родились не только мы всѣ, но и наши отцы, и дѣды, и въ ней «родывсь на свитъ Божій и самъ Тарасъ». Изъ матеріала, оставшагося послѣ разбора старой хаты, Прокопъ рядомъ съ ней построилъ новую хату. Я съ любопытствомъ осматривалъ мѣсто рожденія поэта, гдѣ складывались первые его понятія, желая запечатлѣть это мѣсто въ своей памяти. Но не на чемъ было тутъ остановиться глазамъ. Ничего я не нашелъ тутъ такого, что бы могло напомнить мнѣ прежнее жилище; кругомъ поросли молодыя вишни, и только за хатой обрывистый яръ со старыми деревьями, которыя могли пережить Тараса и быть свидѣтелями его первыхъ поэтическихъ грезъ и стремленій въ невѣдомый для него въ то время міръ надеждъ и упованія. А теперь тутъ глушь и однообразіе, какъ на всей безпредѣльной украинской степи!

Мы скоро вернулись въ хату Петра и сѣли на ея «призьбѣ». Хозяинъ много разсказывалъ и сожалѣлъ о несчастномъ и бѣдственнымъ положеніи своей сестры Ярины, то опять возвращался къ воспоминаніямъ своей молодости, какъ его «Тарасъ гладилъ по головкѣ», потомъ представилъ мнѣ мать свою, симпатичную старушку, жену Никиты, невѣстку, жену Прокопа и ея 4 дѣтей, изъ которыхъ двое, какъ выше я упоминалъ, калѣки, и наконецъ своихъ шестерыхъ дѣтей. Прежде было у него еще двое, но они померли отъ такой же болѣзни, какъ и двое дѣтей сестры Ярины, насколько могъ понять изъ разсказовъ, отъ болѣзни мозга.

Большіе нѣкогда лѣса въ окрестностяхъ Кириловки пріучили Шевченковъ съ давнихъ временъ къ занятію стельмашествомъ т. е. колодействомъ. Этимъ занимался дѣдъ ихъ Григорій и его сыновья, занятіе этимъ ремесломъ досталось въ удѣлъ и Петру, какъ и совре-

менному имъ поколѣнію. Старшій братъ Тараса, Никита, былъ какъ бы опекуномъ въ семьѣ и заботился по своему и о Тарасѣ. Кромѣ него, у поэта былъ еще меньшій братъ Іосифъ, отъ котораго осталось потомство—три сына, одинъ изъ которыхъ, Андрей, переселился на жительство въ херсонскую губернію, и три сестры: Катерина, замужемъ за Красицкимъ въ сосѣднемъ съ Кириловкой селѣ Зеленой Дубровѣ (звенигородскаго уѣзда), мать многочисленной семьи, Ярина за Бойкомъ, выселившимся въ херсонскую губернію, и Маруся самая меньшая, умершая дѣвушкою, любимая сестра поэта. Отъ самаго старшаго брата поэта Никиты остались, какъ я раньше сказалъ, трое дѣтей: Петро, Прокопъ и Ярина. Вотъ краткая родословная вѣтви Шевченковъ, изъ которой происходитъ Тарасъ Григорьевичъ:

Въ родѣ Шевченковъ выдаются, какъ я замѣтилъ, два особенныхъ антропологическихъ типа. Одинъ изъ нихъ представляетъ смуглое лицо, темные глаза и волосы, небольшой ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе, у другаго, напротивъ, тѣло бѣлое, волосы темнорусые, но глаза ясно-голубые, ростъ выше, тѣлосложеніе болѣе умѣренное. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, а во многомъ я могъ убѣдиться лично, въ родѣ Шевченковъ явно выступаетъ наслѣдственность съ нервопатическими вліяніями. Случаи мозговыхъ болѣзней въ дѣтствѣ, у значительнаго числа членовъ семейства болѣзнь рефракцій дальнозоркость съ расходящимся косоглазіемъ, значительное расположеніе при плохомъ питаніи хрусталика къ образованію его помутнѣнія въ раннемъ дѣтствѣ.

Чтобы больше мнѣ удѣлить свѣдѣній и воспоминаній о Тарасѣ, Петро велѣлъ своей женѣ принести изъ кладовой спрятанныя тамъ бумаги, изъ которыхъ вынулъ одну на четверти листа, исписанную мелкимъ почеркомъ, и подалъ мнѣ, предлагая прочесть, чего самъ онъ не можетъ сдѣлать по безграмотности. Это было письмо Т. Г.,

написанное изъ С.-Петербурга 20 марта 1840 года, къ Никитѣ. Тарасъ въ немъ благодаритъ брата за то, что онъ писалъ къ нему на родномъ языкѣ, на которомъ они начали первый разъ думать и говорить, далѣе пишетъ, что на его просьбу присылаетъ ему 50 рублей ассигнаціями, но не занимаетъ, ибо братъ брату можетъ только дарить. Упоминаетъ подробно о всей своей семьѣ и разспрашиваетъ о каждомъ изъ ея членовъ отдѣльно, посылая всѣмъ имъ сердечный привѣтъ. Въ припискѣ поэтъ посылаетъ горячій поцѣлуй Ивану Станиславовичу Дымовскому. Иванъ Станиславовичъ, какъ мнѣ объяснилъ Петро, былъ управляющимъ въ имѣніи, когда Тарасъ былъ взятъ, въ качествѣ мальчика для прислуги, въ его домъ и отъ него онъ получилъ собственно первыя начала элементарныхъ знаній. «Что же случилося съ Дымовскимъ?» спросилъ я съ любопытствомъ. «Дымовскій добрый чоловикъ», отвѣтилъ мнѣ Петро, «былъ старымъ холостякомъ, любилъ хорошо пожить и умеръ въ крайней бѣдности въ богодѣльнѣ при лысянскомъ костелѣ (звенигородскаго у.) въ 1860 году». На двухъ наружныхъ страничкахъ бумаги было набросано нѣсколько рисунковъ, головъ разныхъ типовъ, сдѣланныхъ рукою не совсѣмъ опытнаго живописца. Зная впередъ, что Петро не дастъ мнѣ на домъ письма Тараса для его скопированія, такъ какъ оно составляетъ дорогое для него сокровище, гордость его среди односельчанъ, свидѣтельствуя, что изъ ихъ семьи вышелъ народный украинскій поэтъ, я пытался переписать его на мѣстѣ, но солнце было уже на закатѣ и сумерки наступали, почему я долженъ былъ распрощаться съ гостепріимными хозяевами и поспѣшить съ выѣздомъ.

Ю. Д. Тальво-Грынцевичъ.

Легенда о „Петровомъ батогѣ“.

Съ первыхъ чиселъ іюня въ нашихъ степяхъ, да и вездѣ по Украинѣ, зацвѣтаетъ довольно оригинальное растеніе—это *цикорій* ботаники, или *Петривъ батигъ* (Cichorium intybus L.) въ просторѣчіи. Принадлежитъ оно къ сем. сложноцвѣтныхъ и представляетъ изъ себя почти безлистный, довольно крѣпкій и мало вѣтвистый стебель, при томъ, какъ говорится, «хвеськый», т. е. при взмахиваніи имъ издающій нѣкоторое подобіе того свиста, какой слышится при взмахиваніи хлыстомъ. Любитъ оно опушки лѣсовъ, межи, открытыя полянки садковъ и тучныя, не особенно сырыя левады. Особенно

роскошно оно развивается на послѣднихъ, гдѣ при благопріятныхъ условіяхъ достигаетъ болѣе двухъаршинной высоты.

Утромъ, какъ только солнце станетъ «въ пивъ дерева» и уже хорошо «обиздріе», т. е. угрѣетъ, и начнетъ спадать роса, на хлыстообразномъ стеблѣ цикорія появляются свѣтлосинія, величиною въ мѣдный пятакъ, звѣзды цвѣтовъ, рѣзко выдѣляющіяся на общемъ фонѣ густой зелени самаго растенія. Но вотъ только солнце повернуло съ зенита—какъ эти яркія, до послѣдней минуты свѣжія, цвѣточныя звѣзды свертываются, закрываются и растеніе до слѣдующаго утра остается оголеннымъ, какъ бы осиротѣлымъ. Разъ закрывшійся цвѣтокъ—болѣе не раскрывается, онъ умираетъ, за то съ новымъ солнцемъ расцвѣтаетъ его сосѣдъ и такъ послѣдовательно одна особь можетъ цвѣсти въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, все же растеніе цвѣтетъ до сентября.

Совпаденіе времени цвѣтенія цикорія съ самою жаркою порою лѣта, когда воздухъ накаляется до того, что можно видѣть его волнообразное движеніе, так. наз. «югу», а также и совпаденіе раскрытія его цвѣтка по спаденіи росы съ временемъ—когда чабанъ «руша» свою отару «на пашу», и закрытія цвѣтка съ порою, когда овцы стоятъ у водопоя «на тырли», не могло не обратить на себя вниманія народной наблюдательности и породило пастушескую легенду, которую и передаю въ той діалогической формѣ, въ какой мнѣ удалось ее выспросить.

— А це—Петрывъ батигъ,—указалъ мнѣ мой спутникъ на цикорій.

— Якый батигъ?

— А що святый Петро вивци пасе.

— Яки вивци?

— А верблюды жъ! Воны колысь булы Адамовы, та якъ Адамъ согрiшывъ, Богъ узявъ тай оддавъ ихъ святому Петрови.

— Якъ же винъ ихъ пасе?

— Та якъ и усяку скотыну. Отце прыдывится колы ранкомъ: якъ тилко сонечко обиздріе, обжене росу, заразъ квиточкы на ему (цикоріи) и порозвертаются, а якъ стане вже зъ обидъ звертаты, такъ де и динутся, уси у булюбашечкы позгортуются, та такъ ажъ до другого дня—ниде ни одніеи и не заглядышъ. Це, бачъ, верблюды, якъ и вивци, росы боятся, а якъ вона вже опаде—то чабанъ руша вивци и св. Петро руша, а якъ стане вже сонечко на обидъ, почнуть квиточкы на ему закрыватыся, чабанъ стае на тырло и св.

Петро на тырло. Та тилко чабанъ иноди и до пивночи пасе, а св. Петро вже ажъ до другого дня стоитъ.

— И бачивъ це хто?

— Бачыты якъ слидъ — нихто не бачывъ, бо дежъ такы намъ гришнымъ та святе дило увичь знаты, а прымита есть. Онъ дывится якъ юга по степу *воздухъ* хвыляе; це жъ—якъ пылюга за отарою встае — такъ и ци хвылькы у *воздуси* мриють—де св. Петро зъ верблюдамы пройде, бо винъ жене ихъ по *воздуси* десь далеко.

Гдѣ это тырло, какъ велико стадо и т. п. —я не могъ допытаться.

Очевидно—легенда эта—сколокъ съ великой, все болѣе и болѣе вымирающей, дошедшей до насъ только въ отрывкахъ, эпопеи о хожденіи Бога и св. Петра по землѣ. Должно полагать, первоначальная редакція легенды была та,—что Богъ, вручая овецъ—верблюдовъ Адаму или Петру, далъ имъ въ Петровомъ батогѣ указателя—когда именно нужно ихъ «рушать на пашу» и становиться съ ними у водопоя на тырло. Впрочемъ это наше личное предположеніе.

Зап. въ екатеринославской губ.

Ив. Манжура.

У гуцуловъ [1]).

.... Единственное средство доспроситься чего нибудь отъ гуцула—ни о чемъ его не распрашивать. Не разъ сидѣлъ я у костра на *полонинѣ* и упорно молчалъ. Это надоѣдало, наконецъ, гуцуламъ, и они первые заводили разговоръ съ обычнаго вопроса: «А вы сами, паночку, звидкиль?» .—«Здалека, отвѣчалъ я, з-пидъ руского царя».

— Мой! Ге, ге, мой ты! Здалека... здалека, замѣчали вполголоса собесѣдники а затѣмъ обыкновенно продолжали спрашивать: А якъ тамъ у васъ? Що чуваты?—Я начиналъ передавать имъ разныя подробности о бытѣ подолянъ и украинцевъ, о хозяйственныхъ условіяхъ, о цѣнахъ на землю, на скотъ, на хлѣбъ...

— Эхъ! То у насъ инакше! перебивалъ обыкновенно кто нибудь изъ слушателей, и начинались разсказы о мѣстной жизни, чего мнѣ и нужно было.

---

[1]) Въ 31 № еженедѣльника „Kraj“ помѣщено письмо за подписью „Enigma“, озаглавленное „Wśród Huculów“. Это—замѣтки туриста, побывавшаго на охотѣ въ Карпатахъ, въ области гуцуловъ. Научнаго значенія, конечно, онѣ имѣть не могутъ, но считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ ними, какъ съ результа-

Племя гуцуловъ говоритъ малорусскимъ языкомъ, но съ отмѣнами, и до такой степени испещреннымъ примѣсью чужихъ словъ, что даже человѣкъ, отлично говорящій на языкѣ Шевченка и Кулиша, долженъ посвятить нѣсколько дней на ознакомленіе со спеціально гуцульскими выраженіями, чтобы понимать мѣстную рѣчь и самому быть понятымъ собесѣдниками. Въ сущности это дѣло нетрудное, и за недѣлю пребыванія здѣсь я отлично пріучился къ мѣстнымъ особенностямъ говора.

Происхожденіе гуцуловъ составляетъ пока предметъ спора между нашими этнографами. Мнѣнія на этотъ счетъ очень различны, и существуетъ даже предположеніе, будто родоначальниками ихъ были татары Джингисъ хана одинъ изъ отрядовъ которыхъ заблудился въ этихъ горахъ на возвратномъ пути изъ Венгріи и остался здѣсь навсегда. Мнѣ кажется, что такія крайнія теоріи лишены всякаго основанія, и гуцулы представляютъ собою конгломератъ русиновъ и волоховъ, съ примѣсью разнаго рода бѣглецовъ изъ сосѣднихъ странъ. Это своего рода запорожская Сѣчь въ горахъ. Преданія объ украинскихъ гайдамакахъ и балканскихъ гайдукахъ одинаково глубоко хранятся въ памяти здѣшняго населенія.

Разбойничество недавно еще составляло главное и самое почетное занятіе гуцуловъ. Любимый герой здѣшнихъ легендъ и разсказовъ—Добошъ, разбойникъ, убитый въ половинѣ прошлаго вѣка; но народъ и понынѣ поетъ о немъ пѣсни и съ уваженіемъ поминаетъ его. — Для бидныхъ бувъ мылосердный, говорятъ про него гуцулы, рабовавъ ино богатычивъ, панивъ и купцивъ.

Разбойничество продолжало процвѣтать и послѣ смерти Добоша, но лишилось уже прежняго обаянія геройства. Австрійское правительство не могло искоренить его сразу, только въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія правосудіе всею тяжестью обрушилось на карпатскихъ «легиней». Дюжинами вѣшали «опрышковъ» на базарныхъ площадяхъ Станиславова и Коломыи. Въ Надворной мнѣ показывали мѣсто, гдѣ въ одинъ день, по приговору полеваго суда, было повѣшено въ 1842 г. тридцать четыре разбойника. Вскорѣ послѣ того учреждены были молодецкія команды жандармовъ, которыя положили конецъ здѣшнему разбойничеству. Тогда легини стали убѣгать въ Балканскія горы и приставали къ тамошнимъ гай-

---

томъ непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью галицкихъ горцевъ, оставляя на отвѣтственности автора фактическую ихъ достовѣрность.—*Ред.*

дукамъ. Недавно еще случалось слышать, какъ старый гуцулъ съ гордостью говорилъ объ убѣжавшемъ сынѣ:

— Путерный легинь, зъ буйносты пишовъ въ охоту на Балканъ, т. е. по избытку удали пошелъ добрый молодецъ.

Но теперь закрылся и этотъ выходъ, болгарское правительство обращается съ героями гайдучества точно такъ же, какъ обращалось раньше австрійское съ карпатскими «опрышками». Минуло доброе старое время, надо приниматься за трудъ. Но не легко сдѣлать это гуцулу, который представляетъ собою олицетворенную лѣнь. Только послѣдній бѣднякъ и въ послѣдней крайности рѣшается запречься въ работу. Да и тогда онъ предпочитаетъ лѣтомъ спуститься въ равнины и тамъ бродить за заработкомъ, чѣмъ поискать его у себя дома. Я съ изумленіемъ убѣдился, что гуцулы, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ степяхъ Бессарабіи или въ лѣсахъ Волыни, довольствовались тамъ гораздо меньшей рабочей платой, чѣмъ какую могли бы получить на мѣстѣ, при рубкѣ лѣса или въ горныхъ лѣсопильняхъ.

За гуцула работаетъ его женщина, работаетъ усердно, и если бы не она, то всему племени пришлось бы хоть съ голоду помирать. Гуцульская женщина представляетъ типъ совершенно отличный отъ русинскихъ крестьянокъ другихъ мѣстностей. Никогда не знала она крѣпостной зависимости и всегда держитъ себя госпожею. Она работаетъ, но только на себя и на своихъ дѣтей. Найти въ горахъ женскую прислугу нѣтъ почти никакой возможности; лѣсные чиновники и лѣсничіе принуждены нанимать женщинъ всегда изъ долинъ. Гуцулка иногда идетъ въ батрачки, но только къ другой гуцулкѣ же, богатой газдынѣ, а отношенія между нанимательницей и батрачкой такія же (?), какія бывали между знатнымъ паномъ временъ Рѣчи-Посполитой и его «дворянами».

Трудолюбіе гуцульскихъ женщинъ омрачается многими недостатками въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, гуцулка не бываетъ вѣрна въ супружествѣ. Невѣрна по принципу. Ни въ одной области, гдѣ живутъ русины, не господствуетъ въ такой степени прелюбодѣяніе, и едва ли есть хоть одинъ случай, чтобы гуцулка сохранила супружескую вѣрность. Главныя причины такой ненормальности семейнаго быта заключаются, по всей вѣроятности, въ бродяжнической жизни мужей и въ обычаѣ поздней женитьбы. Гуцулъ почти никогда не женится ранѣе тридцатилѣтняго возратта. На каждомъ шагу встрѣчаются «легини» (холостые парни), гоняющіеся за любовными приключеніями.

— То вже инакше не може буты... всякый гуцулъ мусытъ маты любку, а всяка гуцулка любаса...

Женщина, у которой никогда не было любовника, становится предметомъ насмѣшекъ, и онѣ тщательно стараются этого избѣгнуть. Впрочемъ, контингентъ «любасовъ» пополняется не изъ одной только среды гуцульскихъ паробковъ: такъ называемая интеллигенція принимаетъ въ немъ тоже видное участіе. Мнѣ разсказывали про одного прославленнаго лѣсничаго государственныхъ имуществъ, который довелъ число своихъ любовницъ до внушительной цифры девяносто девяти и только когда сталъ ухаживать за сотою, то ревнивый гуцулъ, прежній ея любасъ, застрѣлилъ его «зъ заправленого криса»[1]).

Изъ сказаннаго выше никакъ не слѣдуетъ выводить ошибочнаго заключенія, будто средняя гуцулка наружностью своей напоминаетъ идеальную личность поэтовъ, хоть бы и украинскихъ. Ни чуточки. Правда, между ними не въ рѣдкость смазливыя лица, но и отъ первѣйшей красавицы преотвратительно несетъ прогорклымъ жиромъ и потомъ, почти всѣ онѣ, вдобавокъ, постоянно сосутъ коротенькія трубочки съ непереносимымъ венгерскимъ табакомъ. Для туристовъ, которые бы захотѣли испытать разнообразіе ощущеній,—получить которыя, впрочемъ, очень нетрудно,—добавлю предостереженіе, что по статистическимъ даннымъ изъ всѣхъ австровенгерскихъ провинцій въ мѣстахъ обитанія гуцуловъ чаще всѣхъ другихъ обнаруживаются случаи болѣзни, которую только старикъ Рей изъ Нагловицъ имѣлъ когда то право называть безъ обиняковъ полнымъ именемъ.

Хозяйство гуцуловъ почти исключительно пастушеское. Только около хатъ, въ особенности въ долинахъ и по берегамъ рѣкъ, бываютъ у него клочки огородовъ, гдѣ садятъ картофель и другія овощи. Но доходъ приносятъ имъ только «полонины», на которыхъ содержатъ значительныя стада лошадей, рогатаго скота и овецъ. Усадьбы располагаются по склонамъ горъ, строятся прочно и съ удобствами, комнаты просторны и высоки, снабжены окнами, полами и дымовыми трубами, а конюшни и хлѣвы старательно охранены отъ вѣтра. Въ горахъ, на полонинахъ, гдѣ гуцулы проводятъ все лѣто при стадахъ, они устраиваютъ жилища, называемыя колыбами или стаями. Это на

[1]) Заправленый крисъ—наговорное ружье. Я имѣлъ случай осмотрѣть такой заколдованный самопалъ. Въ ложѣ его имѣется выемка, и въ ней три косточки: одна изъ медвѣдя, другая изъ жида, происхожденія третьей ни за что не хотѣлъ объяснить мнѣ гуцулъ. Полагать надо, что происходитъ она „зъ ляшка"...

скорую руку поставленные шалаши, въ которыхъ никогда не угасаетъ огонь, по гуцульски ватра, а стелющійся по всему шалашу дымъ дѣлаетъ пребываніе въ немъ нестерпимымъ. Кромѣ огня въ колыбѣ пылаютъ еще повсюду костры около скотскихъ загоновъ, въ видѣ охраны отъ медвѣдей. Ради защиты отъ этого зловреднаго хищника вооружаются старыми ружьями и пистолетами, ватаги, бовчари и вивчари [1]). Чаще всего однако изъ всего этого мало проку: медвѣдь ухитряется обмануть бдительность пастуховъ и схватить добычу. При мнѣ, на незначительномъ протяженіи въ теченіи недѣли произошло до десятка случаевъ похищенія скота медвѣдями. Охота на этого пузана въ здѣшнихъ условіяхъ затруднительна до крайности. Однажды ночевали мы въ долинѣ на берегу Черемоша, какъ вдругъ приходятъ люди съ полонинъ и докладываютъ, что «на Скуповой полонинѣ медвѣдь убилъ быка!» Карабкаемся туда,—больше десяти верстъ самой непроходимой дороги. Устраиваемъ засады вокругъ принады, т. е. зарѣзанной скотины, такъ какъ медвѣдь обыкновенно возвращается къ своей добычѣ. Ждемъ часъ, другой.—нѣтъ ничего. Вуйко [2]), должно быть, почуялъ засаду и не явился къ полднику. Вотъ уже восьмой день, какъ мы сидимъ здѣсь, охотимся каждый день, но до сихъ поръ убитъ только одинъ полуторагодовый медвѣженокъ, да и того выслѣдилъ и застрѣлилъ за собственный счетъ Мыкола, одинъ изъ сопровождающихъ насъ гуцуловъ.

Лѣнь гуцуловъ въ отношеніи охоты просто возмутительна. Медвѣди постоянно наносятъ имъ огромный вредъ, но когда мы захотѣли устроить правильную облаву, то не могли достигнуть этого никакими средствами. Несмотря на предлагаемую имъ значительную плату, гуцулы не захотѣли «трудытыся по горахъ». Въ товарищи, въ охотники-стрѣлки, они напрашиваются сами; но тутъ совсѣмъ съ ними бѣда, потому что невозможно заставить ихъ подчиняться правиламъ охоты: расползаются во всѣ стороны, такъ что ежеминутно приходится бояться, какъ бы, стрѣляя по звѣрю, не попасть въ гуцула.

Бичъ этого бѣднаго, непредусмотрительнаго и лѣниваго населенія составляютъ жиды. Въ здѣшнія горы сбираются подонки еврейскаго населенія изо всей Галиціи. Они сносятъ всевозможныя униженія отъ гуцуловъ, но за то, пользуясь ихъ слабыми сторонами, выманиваютъ у нихъ и скотъ, и землю. Уже теперь самые плодородные сады по долинамъ, самыя богатыя пастбища въ полонинахъ,—все

---

[1]) Ватага—главный пастухъ; бовчаръ—волопасъ; вивчаръ—овечій пастухъ.

[2]) Вуйко—то же, что Мишка, обычное мѣстное названіе медвѣдя.

это въ еврейскихъ рукахъ. Со времени введенія закона о лихвѣ зло нѣсколько уменьшилось, въ особенности потому, что суды въ Коссовѣ и въ Кутахъ настойчиво преслѣдуютъ извѣстныхъ ростовщиковъ, и многіе изъ нихъ успѣли уже попасть на казенное содержаніе, въ тюрьму.

Скажу въ заключеніе, что каждый, кто пожелалъ бы ближе ознакомиться съ этой любопытной разновидностью русинскаго племени, не останется въ накладѣ, посѣтивъ гуцульскій край, и съ удовольствіемъ можетъ провести здѣсь нѣсколько недѣль лѣтняго сезона.

Къ біографіи Тимофея Цыцуры.

Помѣщаемый ниже документъ освѣщаетъ позднѣйшую судьбу переяславскаго полковника Тимофея Цыцуры, котораго южнорусскія лѣтописи чаще называютъ Цюцюрою. Во время переговоровъ Выговскаго съ поляками, результатомъ которыхъ было заключеніе т. наз. «гадяцкихъ пактовъ» 1659 г., Цыцура состоялъ въ должности полковника переяславскаго, а къ затѣямъ Выговскаго относился несочувственно. Послѣ конотопской битвы, въ которой москвитяне подъ начальствомъ воеводъ, князей Трубецкаго и Пожарскаго, потерпѣли жесточайшее пораженіе, какъ только Выговскій отошелъ на правую сторону Днѣпра, въ Чигиринъ, Цыцура задумалъ поднять возстаніе противъ поляковъ, которые появились на Украинѣ, хотя и въ незначительномъ числѣ, въ качествѣ союзниковъ Выговскаго, а региментаремъ находившихся здѣсь хоругвей квартянаго войска былъ главный сотрудникъ Выговскаго по заключенію гадяцкаго договора, извѣстный Юрій Немиричъ. Цыцурою, впрочемъ, руководила не столько преданность московской сторонѣ, сколько разсчеты своекорыстные. По крайней мѣрѣ лѣтопись современника, т. назыв. «Самовидца», разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Того жъ (1659) року полковникъ переясловскій Цюцюра, *хотячи себѣ гетманства,* съ поради протопопа нѣжинского Максима и Васюти козака (т. е. Золотаренка), изъ собою сприсягшися въ полѣ, зачалъ новую рѣчь, до будучи старшимъ въ городѣ Переясловѣ, которихъ знаючи козаковъ значнихъ, до себе зазвавши въ алкѣръ поодинцемъ, казалъ повязати, а напотомъ и позабивати на смерть».

Во время вспыхнувшаго затѣмъ возстанія погибъ, между прочимъ, и Юрій Немиричъ, убитый подъ селомъ Свидовцемъ [1]), а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, отрядомъ, который напалъ на Немирича, предводительствовалъ самъ Цыцура. Въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ его съ полкомъ при войскѣ боярина Шереметева, во время его гибельнаго похода противъ поляковъ, въ союзѣ съ новымъ гетманомъ, Юраской Хмельницкимъ. Когда послѣдній, во время встрѣчи съ поляками подъ Чудновомъ, передался на польскую сторону, то и Цыцура, находившійся не въ войскѣ гетмана, а, какъ сказано, при бояринѣ, рѣшился тоже послѣдовать за Хмельницкимъ и присоединился къ нему, пробившись сквозь татарское войско, «що», по замѣчанію лѣтописца, «не безъ шкоды козаковъ было, бо иныхъ татаре пошарпали, а иныхъ и въ неволю побрали». Эта то измѣна и была, повидимому, потомъ поставлена Цыцурѣ въ вину и послужила причиною ссылки его въ Сибирь. Послѣдній фактъ до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ, а подробностей, какъ и когда именно попался Цыцура въ руки москвитянъ и когда былъ сосланъ, мы не знаемъ и до сихъ поръ. Тѣмъ интереснѣе документъ, сообщенный намъ г. Н. О., такъ какъ онъ констатируетъ самый фактъ ссылки Цыцуры.—*Ред.*

Челобитная переяславскаго полковника Тимофея Цыцуры, 1667 г. 20 августа.

«Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу... бьетъ челомъ бѣдной и безпомошной и винной изъ Сибири исъ Томсково города ссыльной холопъ вашъ Переяславской полковникъ Тимошка *Цыцура*: служилъ я холопъ вашъ вамъ, великимъ государемъ, со всемъ полкомъ своимъ 13 лѣтъ, вѣрою и правдою, и многихъ невѣрныхъ тотаръ и ляховъ побивалъ, которые наступали на православную христіянскую вѣру, и измѣнника Ивашка *Выговскаго* изъ Малыя Росіи выгналъ и всю Малую Росію очистивши съ войскомъ Запороскимъ подъ вашу государеву царскую высокую руку подвелъ. А что надо мною холопомъ вашимъ учинился грѣхъ мой предъ Господомъ Богомъ и вина моя предъ вами, великими государи,—подъ *Чюдновымъ*, съ вашимъ, великихъ государей, зъ бояриномъ съ Васильемъ Борисовичемъ *Шереметевымъ*—въ томъ судитъ Богъ Юрья *Хмѣльницково*, что вамъ, великимъ государемъ, измѣнилъ и вашего государева боярина и насъ всѣхъ въ невѣрные руки въ полонъ от-

---

[1]) Теперь въ козелецкомъ уѣздѣ, а на мѣстѣ гибели Немирича у истоковъ Супоя, находится часовня, носящая имя „Побыванка", къ которой ежегодно совершается крестный ходъ въ „десятую пятницу"; сколько нибудь опредѣленнаго преданія о событіи, въ память котораго, повидимому, часовня устроена, въ мѣстномъ населеніи не сохранилось.

далъ. А нынѣ, государи, надо всѣми грѣшными ссыльными литовскими людьми Божія милость возсіяла и ваше, великихъ государей, царское жалованье: велѣно по вашей, великихъ государей, грамотѣ исъ Томсково города всѣхъ отпустить къ вамъ, великимъ государемъ, къ Москвѣ. И по вашему, великихъ государей, указу всѣ ссыльные люди исъ Томсково города отпущены, только я бѣдной холопъ вашъ оставленъ. Милосердый и великій государь царь... и государь благовѣрный царевичь и великій князь Алексѣй Алексѣевичь... (выпускаю, какъ и въ началѣ челобитной, остальныя воззванія къ Ѳедору, Симеону и Ивану Алексѣевичамъ).. пожалуйте меня холопа своего—велите, государи, меня бѣдного исъ Томсково взять къ Москвѣ, а сію мою челобитную велите, государи, своему государеву стольнику и воеводѣ Никитѣ Андрѣевичю *Вельяминову* да діяку Василью *Шпилкину* подъ отпискою послать къ вамъ, великимъ государемъ, къ Москвѣ. Царь государь и благовѣрные царевичи смилуйтеся!»—«Къ сей челобитной вмѣсто Тимошки Цыцуры по ево велѣнью Мишка Буяхѣевъ руку приложилъ». (Моск. А—въ М—ва Юст.: *Сибирскаго приказа* столбецъ № 536).

Челобитная, присланная при «отпискѣ» томскаго воеводы, получена въ Москвѣ 30 генваря 1668 г. Никакого приговора нѣтъ ни на челобитной, ни на отпискѣ. Не сохранилось и отвѣтной грамоты Вельяминову.

Сообщилъ **Н. О.**

Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ пришлось быть въ с. Старо-Петровской, (бывш. крѣпостца на Азовскомъ морѣ) маріупольскаго уѣзда.

Какъ то, помню, на «поседенькахъ», когда переговорили обо всемъ, рѣчь незамѣтно перешла на тему—«про видемъ».

Говорили много и каждый старался доказать—«що видьмы е, але самъ нихто ихъ не бачывъ».

Но въ заключеніе всѣхъ этихъ дебатовъ заговорилъ Грыцько Сибирный, молчавшій до той поры. Онъ, что называется, обрѣзалъ всѣхъ:

— Яки тамъ у чорта видьмы? Колы самъ не бачывъ, то и не кажы, що воны е. Одынъ, пьяный, набреше, а другый давай ему патакаты! Я зроду не бачывъ видьмы и доти не повирю, покы своимы очыма не побачу! А ось зо мною була бида, такъ цёго не дай Бигъ нпкому. Бо де жъ такы?—мигъ спасты душу загублену— и не зробывъ. Хочъ, правда, и не знавъ я цего ранишъ.

Ото, знаете, пойихалы мы, зъ старшымъ моимъ братомъ Хвеохваномъ зъ Петровськойи у Ростовъ, бо треба було де яки дила справыты. На другу ничъ ночувалы у Танрози, а раненько запряглы

коненята, тай поихалы черезъ городъ, прямуючы на ростовськый шляхъ. За городомъ бувъ мистъ, черезъ яръ, на цему жъ такы шляху. Тилькы що мы почалы перейиздыты черезъ него, колы це зразу, щось якъ загуде, наче выхорь зхопывся и, буцимъ зъ землн, выросла попереду коней дивка: чорна, зъ страшенными вогневымы очыма и въ одній засмальцеваній сорочци.

Ничого не кажучы, вона схопыла за поводы, тай не пуска коней.

Братъ киньмы правывъ, а я седивъ у задку. Якъ учысте братъ по коняхъ, якъ гукне!—А воны—ни пьяди! Стоять соби, наче то й не ихъ поганяють. Бачу я, що щось воно не такъ: схопывся швыденько зъ визка, узявъ іи за плечы, тай одвивъ у бикъ; а кони тоди вже пишлы.

Якъ уже братъ одъихавъ трохы, то й я догнавъ его. Ще я не сивъ и на визка, а дивка вже зновъ передъ киньмы, та й не пуска ихъ: стоить соби, наче вона вже давно тамъ стояла. Я зъ серцемъ видхватывъ іи, повалывъ, тай держу колиномъ, покы братъ зновъ не видъйде. Глянувъ я на неи, а въ неи слезы такъ и льютьця и выдно, що на серци въ неи е якась велыка печаль. Жаль мене страшенный узявъ.

Одъихавъ братъ мо зъ гони, я зновъ пустывъ іи, а самъ побигъ на вздогонкы за визкомъ. Але не вспивъ я зробыты й двохъ ступнивъ, якъ вона выхромъ пролетила попередъ мене и въ одну мыть зновъ стала передъ киньмы, тай не пуска. Боже нашъ, кажу, чого Тоби одъ насъ треба? Роспытую іи, а вона мовчыть. Братъ не выдержавъ, тай ударывъ іи зъ серцемъ и злистью повалывъ на землю; а вона якъ заголосе, то наче душу твою шматуе на сто кускивъ! Вона голосе, а въ насъ обохъ слезы ричкою бижять зъ очей. И теперъ, якъ розказую, то ажъ морозъ мене по кожи дере. Наче бачу іи передъ своимы очыма.

Я бувъ соби здоровый парубчакъ и никого, здавалось, у свити не боявсь, а тоди, хочъ насъ и двое було, але обое доброго труса справылы!

Хочъ бы жъ вона пручалась, а то—лежыть, якъ ягнятко, та трусытьця.

Не знаю вже, чы довгобъ мы зъ нею бычувалысь, чы ни? Та на наше щастя на мистку показалысь повозкы.

Якъ побачыла вона ихъ, якъ схопытьця, та рванетьця зъ усіеи сылы, и зныкла у бальци, за витромъ.

Ихалы вирмняшкы (армяне). Пидъихалы воны до насъ, тай сміютьця.

— «А що, пытають, злякалысь?»

— Злякалысь бы й вы, колы бъ така прытычына зкоилась!—видмовляемо. А воны намъ на це таку штуку розказалы:

— Це вже давно було, литъ може сто тому, якъ на цему мисти, де теперъ стоить городъ, жылы соби чоловикъ зъ жинкою й у ныхъ була тилько одна дочка, и та дочка у чомусь дуже провынылась передъ батькамы, ну, воны іи й проклялы. Зъ того часу вона зныкла зъ дому; а куды подилась?—не видомо. И тилько черезъ симъ литъ писля того показалась вона у перве отутъ саме одному парубкови.

Довго винъ бычувався зъ нею, а якъ побачыла вона, що хтось другый иде, то и зновъ зныкла. Писля того, выбига вона завше и ривно черезъ симъ литъ, и тилькы по одному разу, та ще до того, хто вперве иде по цему шляху, и щобъ бувъ винъ чоловикъ невынный. Кожный бычуетьця зъ нею доти, покы хто другый не покажытьця такый, що вже бувавъ на цему шляху. И отъ що дывно: нихто не догадаетьця надиты на неи, нещасну, хреста; а колыбъ хто зробывъ це, то вона повынна упасты на землю и былась бы доти, докы не выйде зъ неи нечыста сыла, а дали вона зробылась бы справжьою дивкою, бо тоди зня́лы бъ зъ неи прокленъ батькивськый.

Кравченко.

Польскій театръ въ Каменцѣ 1860—61 гг.

По поводу смерти польскаго писателя, уроженца подольской губерніи, Петра Яксы-Быковскаго д—ръ Антоній I. (Ролле) помѣстилъ въ газетѣ «Wiek» (№ 147) краткое воспоминаніе о немъ, какъ директорѣ польской театральной труппы въ Каменцѣ. Передаемъ содержаніе этой статейки.

Существовавшій здѣсь ранѣе польскій театръ закрылся было, вслѣдствіе смерти прежняго антрепренера, но губернскій предводитель дворянства Янъ Сулятицкій исходатайствовалъ у кн. Васильчикова разрѣшеніе возобновить польскія представленія въ Каменцѣ. Приглашенный по избранію дворянства въ почетные директоры труппы, Быковскій управлялъ ею въ теченіе четырехъ сезоновъ,—двухъ осеннихъ, двухъ зимнихъ,—до окончательнаго закрытія здѣсь польскаго театра [1]). Новый директоръ энергично принялся за дѣло, успѣлъ по-

[1]) По этимъ указаніямъ мы и опредѣляемъ дату, выставленную въ заголовкѣ.

ставить до 130 спектаклей, репертуаръ которыхъ составляли по преимуществу: Фредро, Корженіовскій, Мольеръ въ переводахъ Ковальскаго, Словацкій, Кондратовичъ, въ придачу шла куча водевилей, заимствованныхъ съ варшавской сцены, а также переводныя пьесы, которымъ старались придавать мѣстный колоритъ съ помощью соотвѣтственныхъ вставокъ. Онѣ вызывали обыкновенно всеобщій смѣхъ, и именно панъ Петръ отличался умѣньемъ вставлять самыя веселыя прибавки. Сентиментальныя сцены не удавались ему вовсе, хотя онъ и имѣлъ къ нимъ большую охоту, а въ любительскихъ спектакляхъ всегда выбиралъ для себя любовныя роли, которыя ему не шли нимало. Во всякомъ случаѣ, для провинціальной сцены онъ сдѣлалъ много. Организованная имъ труппа состояла изъ сорока слишкомъ лицъ, въ томъ числѣ около 10 актрисъ и до 15 актеровъ на первыя, остальные—на второстепенныя роли. Изъ числа выдающихся персонажей можно упомянуть: супруговъ Экеръ, впослѣдствіи умершихъ въ Краковѣ, ихъ дочь Леонтину Паржницкую, которая играла потомъ въ Познани, супруговъ Бачинскихъ, ставшихъ впослѣдствіи во главѣ товарищества, устраивавшаго русинскіе спектакли въ Галиціи, по именамъ—Станислава и Эмилію, урожденную Лютомскую.

Я потому выписалъ дѣвичью фамилію Бачинской, что она раньше уже пользовалась извѣстностью на кіевской сценѣ, какъ выдающаяся при томъ же красавица. Университетская молодежь влюблялась въ нее чуть не поголовно, конечно, совершенно платонически, такъ какъ m-lle Эмилія отличалась безукоризненнѣйшей нравственностью, а съ другой стороны, при ней находилась неотступно старая тетушка. Ахъ, эта тетушка,—настоящій церберъ!... Впрочемъ, это не мѣшало пылкимъ поклонникамъ осыпать Лютомскую на сценѣ цвѣтами, выражать свой восторгъ криками во всю силу груди, и общее увлеченіе ею было такъ сильно, что когда мнѣ однажды случилось отозваться неодобрительно о ея игрѣ, то одинъ изъ товарищей принялъ это за личное оскорбленіе и вызвалъ меня на дуэль. Дѣло уладилось только благодаря вмѣшательству присутствовавшихъ, но бѣдняга «циклопъ»,—таково было прозвище моего противника, криваго на одинъ глазъ,—въ качествѣ горячаго заступника m-lle Эмиліи, до самаго окончанія курса продолжалъ относиться ко мнѣ холодно.

Изъ прочихъ членовъ труппы—Янковскій съ дочерью и дѣвица Каролина Лукашевичъ появились потомъ на русской сценѣ въ Кишиневѣ, Одессѣ и Саратовѣ; послѣдняя даже составила себѣ извѣстность, какъ очень способная актриса. Къ составу каменецкой труппы

принадлежалъ и г. Эмиль Борковскій, впослѣдствіи редакторъ юмористической газеты «Szczutek» въ Краковѣ; оркестромъ дирижировалъ Грюнвальдъ, и т. д.,—всѣхъ именъ перечислять не стану, многія не удержались въ памяти, а мое собраніе афишъ того времени не полно.

Директоръ Якса-Быковскій отличался необычайной суровостью, съ артистами обращался очень строго, но такъ какъ онъ всегда поступалъ вполнѣ справедливо, а въ выдачѣ жалованья не допускалъ никакихъ проволочекъ, то въ кандидатахъ недостатка не бывало, и ему было изъ чего дѣлать выборъ. Когда труппа прекратила свое существованіе, всѣ прощались съ нимъ со слезами. Когда случилось ему, лѣтъ десять слишкомъ спустя, побывать на короткое время въ Каменцѣ.—наличные ветераны труппы сочли своимъ долгомъ явиться на поклонъ; это были: чуть не восьмидесятилѣтняя старуха изъ второстепенныхъ актрисъ, кассиръ, да вторая скрипка изъ развѣяннаго по свѣту оркестра. Я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены ихъ свиданія. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, много говорилось о судьбѣ прочихъ товарищей, а подъ конецъ директоръ вынулъ кошелекъ и оказалъ посильную помощь и впавшей въ нищету актрисѣ, и спившейся съ кругу скрипкѣ. Видимо было, что его увлекли воспоминанія прошлаго, веселое настроеніе духа исчезло,—и не диво,—большая половина знакомыхъ оказывалась уже по кладбищамъ. Театральныя дѣла сильно занимали Быковскаго до конца жизни. Вѣроятно, онъ оставилъ о нихъ мемуары, такъ какъ не разъ обращался къ содѣйствію и моей памяти, засыпалъ вопросами объ обстоятельствахъ времени, когда онъ былъ директоромъ театра. Нечего и добавлять, что дѣла театра во время директорства Быковскаго шли отлично, большая половина представленій давала полный сборъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе на представленіи кого либо изъ друзей или знакомыхъ увлекавшійся Якса принималъ за личную обиду. Несмотря на все это, при внезапномъ закрытіи театра образовался крупный дефицитъ, болѣе десятка тысячъ, который былъ покрытъ и. д. губернскаго предводителя, и покрытъ изъ собственныхъ средствъ, такъ какъ разложить убытки на все содержавшее театръ помѣстное дворянство, по обстоятельствамъ, уже потомъ не пришлось.

800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ [1]).

Подъ 1089 годомъ въ лѣтописи стоитъ слѣдующее извѣстіе: «Священа бысть церкви Печерьская святыя Богородица монастыря Федосьева Иваномь митрополитомь, и Лукою Бѣлогородскимъ епископомъ, и епископомъ Ростовьскимъ Исаиемь, и Иваномь Черниговьскымь епископомь и Антоньемь Гурьговьскымь игуменомь, при благовѣрномь князѣ Всеволодѣ державному Руския земля и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводство держащю Кіевьской тысящи Яневи, игуменьство держащу Ивану» [2]). Такимъ образомъ въ настоящемъ году минуло ровно 800 лѣтъ со времени этого событія.

Конечно, самъ по себѣ такой фактъ, какъ освященіе, хотя бы и главной, монастырской церкви не представляетъ ничего выдающагося въ исторіи народа, но не нужно забывать, что это событіе связано съ началомъ процвѣтанія той обители, которая сослужила великую службу землѣ русской въ дѣлѣ нравственнаго и умственнаго просвѣщенія. Кіевъ съ Кіево-Печерской лаврой были колыбелью нашего просвѣщенія, мѣстомъ, откуда выходили піонеры цивилизаціи на необъятныя пространства, занятыя русско-славянскими племенами. Говорить подробно о заслугахъ Кіево-Печерской обители предъ русской землей значило бы повторять то, что извѣстно всякому образованному русскому человѣку. Поэтому мы хотимъ лишь напомнить нашимъ читателямъ въ немногихъ словахъ исторію созданія церкви Успенія Пресвятой Богородицы, главной церкви Кіево-Печерскаго монастыря, 800-лѣтній юбилей которой праздновался 14 августа настоящаго 1889 года.

Перенесенная на гору, гдѣ теперь она и находится, обитель начала быстро процвѣтать. Братія возымѣла намѣреніе выстроить новую каменную церковь вмѣсто прежней деревянной. Это предпріятіе встрѣтило, какъ видно, большое сочувствіе въ кіевскомъ обще-

---

[1]) 14 августа текущаго года, въ день празднованія 800-лѣтія Великой лаврской церкви, поздняя литургія была совершена высокопреосвященнымъ Платономъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, затѣмъ изъ ближнихъ и дальнихъ пещеръ прошли крестные ходы чрезъ нижнія ворота до Великой лаврской церкви. Послѣ литургіи, у гроба пр. Θеодосія отслуженъ былъ молебенъ. Сообщая теперь краткую историческую справку о созданіи церкви Успенія пресв. Богородицы, отсылаемъ интересующихся исторіею Печерской обители къ статьѣ г. П. Л. (Кіевская Старина 1885 г.).

[2]) Ипатьев. лѣтопись. Спб. 1871 г., стр. 145—146.

ствѣ того времени, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ, потому что на построеніе храма явились жертвователи какъ въ лицѣ самого кіевскаго князя, такъ и среди его дружинниковъ. Въ это время великимъ княземъ кіевскимъ былъ Святославъ, сынъ Ярослава Мудраго, не задолго предъ этимъ выгнавшій изъ Кіева своего брата Изяслава, который принужденъ былъ бѣжать за границу [1]). Раньше Святославъ княжилъ въ Черниговѣ. Отношенія новаго князя къ монастырю были весьма теплыя, даже несмотря на то, что св. Θеодосій вначалѣ сильно протестовалъ противъ захвата кіевскаго стола Святославомъ. Послѣдній понималъ огромное вліяніе св. Θеодосія и его обители на современное общество и старался всѣми силами примирить его съ собой. Сначала св. Θеодосій писалъ къ Святославу посланія, обличалъ его при свиданіяхъ, запретилъ поминать его при богослуженіи, готовился даже, когда ему пригрозили, къ ссылкѣ, но затѣмъ примирился съ княземъ, часто посѣщалъ его, не переставая уговаривать помириться съ братомъ Изяславомъ, наконецъ, по желанію братіи, разрѣшилъ поминать его въ церкви, хотя и послѣ Изяслава. Пригрозивъ было св. Θеодосію ссылкой, Святославъ одумался, принималъ его съ большою честью, всю вину складывалъ на брата и этимъ вполнѣ достигъ нужныхъ ему результатовъ [2]). Между тѣмъ еще гораздо раньше Святославъ сблизился съ св. Антоніемъ. Во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, было много недовольныхъ имъ, которые спасались отъ его преслѣдованій въ Черниговъ къ Святославу [3]). Въ числѣ гонимыхъ оказался и св. Антоній. Изгнанный изъ Кіева Изяславомъ, онъ нашелъ радушный пріемъ у Святослава въ Черниговѣ [4]). Такимъ образомъ, существовали старыя добрыя отношенія между бывшимъ черниговскимъ княземъ и Кіево-Печерскимъ монастыремъ. Поэтому, желаніе братіи создать церковь могло найти у Святослава полное сочувствіе. Святославъ подарилъ монастырю мѣсто и пожертвовалъ 100 гривенъ золота [5]). Другимъ крупнымъ, извѣстнымъ исторіи, жертвователемъ явился иностранецъ, сынъ одного скандинавскаго конунга, Шимонъ, принявшій православіе съ именемъ Си-

---

[1]) Ипатьев. лѣтоп. Спб. 1871 г. стр. 128; Лаврентьев. лѣтоп. Спб. 1872 г. стр. 182.

[2]) Житіе св. Θеодосія въ Учен. Запискахъ Имп. Ак. Н., кн. II, вып. 2, стр. 179, 176—178.

[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II, стр. 16

[4]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 136; Лаврентьев. лѣтоп. стр. 188.

[5]) Кіево-Печерскій патерикъ, перев. Викторовой. Кіевъ 1870 г., стр. 62; Учен. Зап. Имп. Ак. Н., т. II, вып. 2, стр. 179.

мона, и сынъ его Георгій. Это былъ племянникъ знаменитаго Якуна, который принималъ участіе въ борьбѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Ярославомъ Мудрымъ, какъ союзникъ послѣдняго. Шимонъ, изгнанный изъ отечества своимъ дядей, пришелъ на службу къ Ярославу въ Кіевъ [1]). Благодаря этимъ, а вѣроятно, и другимъ жертвователямъ, постройка церкви была обезпечена, и въ 1073 году произошло ея заложеніе. Самъ князь Святославъ началъ своими руками копать ровъ и измѣрилъ величину церкви. Закладку совершалъ епископъ Михаилъ, такъ какъ митрополитъ Георгій былъ въ то время въ отсутствіи въ Константинополѣ [2]). Для постройки церкви были выписаны изъ Византіи архитекторы. Они принесли съ собой мусію (мозаику), которой и отдѣлали алтарь [3]). Несмотря на все усердіе архитекторовъ и строителей, при чемъ св. Ѳеодосій самъ лично съ братіей работалъ надъ постройкой, послѣдняя шла довольно медленно. По кончинѣ святыхъ Антонія и Ѳеодосія, изъ которыхъ первый преставился въ 1072 году, а второй въ 1074 году, работы, можно думать, совсѣмъ прекратились на нѣкоторое время, а при жизни св. Ѳеодосія было выведено едва ли немного болѣе фундамента. О пріостановкѣ работъ можно думать на основаніи извѣстія лѣтописи, что въ 1075 году «почата бысть церкви Печерьская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ: изъ основанья бо Феодосій поча, а на основаньи Стефанъ поча» [4])». Игуменъ Стефанъ, преемникъ св. Ѳеодосія, началъ ревностно продолжать созиданіе храма. Черезъ три года, при чемъ лѣтопись обозначаетъ даже день, 1-го іюля 1078 года, церковь была совершенно выстроена [5]). Для украшенія ея внутри были вызваны изъ Византіи живописцы, явившіеся въ лавру уже при игуменѣ Никонѣ [6]). Какъ долго производились въ церкви внутреннія работы,—на это нѣтъ никакихъ указаній, но впродолженіе одиннадцати лѣтъ, т. е., отъ 1078 до 1089 года церковь не была освящена. Наконецъ, при преемникѣ Никона, скончавшагося въ 1088 году [7]), игуменѣ Иванѣ, совершилось торжественное освященіе готовой уже вполнѣ церкви, о чемъ и занесено было въ лѣтописи извѣстіе, приведенное нами въ началѣ нашей замѣтки.

П. Г.

---

[1]) Патерикъ стр. 59—69.

[2]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 128—129.

[3]) Патерикъ, стр. 69 и слѣд.

[4]) Ипатьев. лѣтопись, стр. 139.

[5]) „.... и кончена бысть на третье лѣто, мѣсяца іюля въ 1 день". (Ibidem).

[6]) Патерикъ, стр. 73.

[7]) Ипатьев. лѣтоп., стр. 145.

Для справокъ.

— **Изъ литературныхъ нравовъ.** Въ № 4810 „Новаго Времени" напечатанъ фельетонъ, озаглавленный „Подводная Сѣчь"—современная украинская легенда, за подписью г. Дмитрія Сильчевскаго. Статейка эта, выдаваемая за оригинальное произведеніе, есть ничто иное, какъ буквальный, хоть и плохой, переводъ разсказа Ив. Нечуя (И. С. Левицкаго) „Запорожцы", помѣщеннаго въ кіевскомъ изданіи повѣстей Левицкаго, вышедшемъ въ 1874 г., а потомъ напечатаннаго и отдѣльной брошюрой. Конецъ разсказа отброшенъ и имена дѣйствующихъ лицъ замѣнены другими. Вотъ и всѣ проявленія творчества г. Сильчевскаго въ этой цѣликомъ украденной, а не украинской легендѣ.

Библіографія.

Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. Томъ четырнадцатый (Дополненіе къ III тому). Спб. 1889, въ 4-ю долю, стр. 902+39.

Настоящій томъ актовъ, носящій еще частное заглавіе «Присоединеніе Бѣлоруссіи» «1654—1655», составляетъ, подобно изданному ранѣе подъ тою же редакціею Г. Ѳ. Карпова тому десятому, дополненіе къ актамъ эпохи Богдана Хмельницкаго, помѣщеннымъ Н. И. Костомаровымъ въ III томѣ того же изданія. Собственно говоря, дополнительнымъ онъ является въ гораздо меньшей степени, чѣмъ былъ т. X, относившійся исключительно къ Малороссіи: матеріалъ же настоящаго тома во многомъ вполнѣ самостоятеленъ и представляетъ массу совершенно новыхъ данныхъ относительно завоеванія въ указанныхъ годахъ Бѣлоруссіи,—терминъ «присоединеніе», употребленный г. Карповымъ, представляется въ данномъ случаѣ не вполнѣ удачнымъ, такъ какъ обладаніе Россіею нынѣшнимъ сѣверозападнымъ краемъ оказалось тогда очень кратковременнымъ, онъ вскорѣ былъ возвращенъ Польшѣ еще на столѣтіе слишкомъ, и только одинъ Смоленскъ съ областью остался съ той еще поры въ неразрывной связи съ государствомъ русскимъ. По терминологіи, съ правильностью которой мы здѣсь не соглашаемся, и французы въ 1812 г., занявъ рядъ русскихъ областей вплоть до самой Москвы и организовавъ повсюду собственное управленіе, могли бы назвать это словомъ «annexion», тогда какъ на дѣлѣ здѣсь была только «conquête» и «occupation».

Какъ бы мы впрочемъ ни назвали результаты этого побѣдоноснаго похода московскихъ войскъ до самой столицы великаго княжества литовскаго, и даже далѣе, въ чисто литовскія области (въ

чемъ вторая неточность частнаго заглавія),—самая фактическая сторона его до сихъ поръ была извѣстна мало, а въ исторической литературѣ разработана еще меньше. Ни спеціальный историкъ эпохи, Костомаровъ, ни общій, Соловьевъ, не даютъ о немъ подробныхъ указаній: первый ограничивается упоминаніемъ о нихъ вскользь, и при томъ не по документамъ, а по источникамъ литературнымъ, такъ какъ болѣе частной задачей его было изслѣдованіе дѣйствій Б. Хмельницкаго и его козаковъ въ предѣлахъ Россіи южной; второй же, хотя и говоритъ на основаніи архивныхъ данныхъ, но могъ воспользоваться ими только отчасти и долженъ былъ при этомъ строго сообразоваться съ общимъ планомъ своего труда и соразмѣрностью его частей. Что касается самихъ матеріаловъ, то они до сихъ поръ имѣлись въ разбросанномъ видѣ,—въ томъ же третьемъ томѣ актовъ, въ виленскомъ «Археографическомъ Сборникѣ», въ нѣкоторыхъ томахъ позднѣйшихъ изданій виленской археогр. коммиссіи, въ «Бѣлорусскомъ архивѣ древнихъ грамотъ» и т. под.; единственное болѣе цѣльное и очень интересное собраніе документовъ 1654 г., относящихся къ осадѣ и взятію Смоленска, находится въ изданіи виленской *археологической* коммиссіи 1858 г., существовавшей очень недолго и успѣвшей выпустить только одинъ томъ своихъ трудовъ, съ русскимъ и польскимъ en régard текстомъ предисловія, который составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Настоящій томъ, извлеченный г. Карповымъ изъ архивовъ, представляетъ богатое собраніе матеріала, строго отграниченное относительно времени и мѣста дѣйствій, для изслѣдованія которыхъ оно даетъ прочный фундаментъ. Такое изслѣдованіе, во всемъ его объемѣ, не можетъ входить въ задачу нашего журнала; но мы имѣемъ въ виду вскорѣ помѣстить сводъ тѣхъ новыхъ данныхъ изъ настоящихъ актовъ, которыя касаются дѣйствій въ Бѣлоруссіи двадцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса козаковъ, который былъ посланъ сюда Хмельницкимъ, подъ начальствомъ наказнаго гетмана Ивана Золотаренка, для диверсіи съ юга и облегченія операцій главной русской арміи, наступавшей съ сѣверовостока, отъ Москвы, тогда какъ самъ Хмельницкій, съ московскимъ вспомогательнымъ корпусомъ Бутурлина, наступалъ на западъ отъ Кіева, ко Львову и Замостью.

Въ настоящей рецензіи ограничимся указаніемъ изъ XIV тома «Актовъ» нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей, доселѣ документально неизвѣстныхъ, которыя не могутъ найти себѣ мѣста въ упомянутой предполагаемой статьѣ, по ихъ болѣе частному характеру или же потому, что онѣ имѣютъ ближайшее значеніе для исторіи

Малороссіи, а не относятся къ дѣятельности козачества въ Бѣлоруссіи.

Изъ числа такихъ фактовъ отмѣтимъ прежде всего нѣсколько относящихся до дипломатическихъ сношеній Хмельницкаго, которыя онъ, какъ извѣстно, продолжалъ и послѣ переяславской присяги въ качествѣ самостоятельнаго владѣтеля Украины, не всегда уже извѣщая о нихъ въ Москву, если предметъ и характеръ переговоровъ расходился съ ея интересами и стремленіями, какъ напримѣръ это уже выяснено Костомаровымъ относительно позднѣйшихъ его сношеній съ Крымомъ и особенно Турціею. Въ настоящемъ томѣ находимъ новыя подробности о посольствахъ къ нему изъ Крыма, отъ донцовъ, отъ ногайцевъ, отъ господарей волошскаго (т. е. молдавского), мутьянскаго (т. е. валашскаго), и, между прочимъ, отъ «сербскихъ капитановъ». Листъ ихъ извлеченъ изъ дѣлъ архива министерства юстиціи, содержаніе которыхъ ранѣе вовсе не было извѣстно (дѣла архива м. иностр. дѣлъ болѣе знакомы изслѣдователямъ по описямъ Бантыша-Каменскаго), и потому находимъ нелишнимъ привести его вполнѣ, въ виду его интереса для исторіи русско-славянскихъ отношеній вообще. Это собственно вѣрительная грамота присланнаго къ Хмельницкому капитана Ивана Юрьева, о которомъ московскій посолъ въ Украину Ржевскій сообщаетъ (ст. 40—42), что тотъ прибылъ просить помощи сербамъ, возставшимъ тогда противъ турокъ. Лично Ржевскому капитанъ разсказывалъ, что сербы за такую помощь «у гетмана во всякомъ послушенствѣ быть готовы». Сербы, по его словамъ, въ ту пору отъ турскаго царя отложились, потому что онъ «сербскіе земли князей велѣлъ побить до смерти болши сорока человѣкъ.... И собрався около Дунаю, турокъ многихъ побили и городы поимали и разорили, и селистрейской паша, боясь ихъ, отъ Дунаю выступилъ въ далніе мѣста, и хотятъ де Серби противъ турского стоять и съ ними битца. А въ сборѣ де сербскаго войска болши сорока тысячъ, а началные у нихъ нынѣ люди выбраны капитаны и тѣ де капитаны о какихъ дѣлѣхъ у нихъ бываетъ дума, сходятца вмѣстѣ и думаютъ и въ войску всякую росправу дѣлаютъ». Далѣе Юрьевъ (очевидно Джюрджевичъ) разсказывалъ о побѣдахъ надъ турками венеціанъ и сообщилъ нѣсколько подробностей о недавнемъ успѣшномъ набѣгѣ донцовъ подъ Цареградъ, изъ чего видно, что сербы тогда уже очень внимательно слѣдили за русско-турецкими отношеніями и столкновеніями. Изъ письма сербовъ видно, что въ то же время они послали и на Москву патріарха своего Гаврі-

ила, а Хмельницкаго титулують величествомъ и называютъ именемъ Хмеля, которое въ другихъ документахъ не встрѣчается, а сохранилось только въ народныхъ пѣсняхъ. Вотъ самое письмо (стр. 61—62[1]).

„Пресвѣтлый и благородный, Богомъ избранный пане Богдане Хмель, гетмане его царского величества всего войска запорожского, благодѣтелю нашъ. Мы всѣ Серби есмя православной христіянской вѣры Христовой, видимъ православіе вашей милости, и повелѣніе Божіе отъ радости великія не можемъ молчати и престати. Пишемъ до вашего пресвѣтлаго величества царского (sic) и вѣдомо чинимъ, что сей человѣкъ капитанъ есть изъ земли нашея сербскіе, рода великаго и добраго, отъ котораго рода есть Богомъ избранный Гаврилъ архіепископъ, патріархъ сербскій, которой и нынѣ есть у его царского величества на Москвѣ отъ сѣхъ сродникъ его. За которого просимъ в. м—ти и посылаемъ его до в. м—ти мы всѣ братья наши Серби и капитаны, какъ великіе такъ и малые, что человѣкъ сей есть потребный и разсудный до войска. На побѣду на невѣрныя иноплеменники и на всѣхъ непріятелей нашихъ, которые гонятъ насъ и вѣру нашу православную, да побѣдиши, даждь Боже даждь, да и намъ поможеши избавитися отъ узъ діаволскихъ. За которого просимъ м—ти в., чтобъ ему во всемъ вѣрилъ. Какъ будетъ воля Божія и в. м—ти, гетмана войска запорожского, сотвори его какимъ полковникомъ, да и мы всѣ поклонимся благородію твоему и пойдемъ на поганые языки, да избавимъ всю братію отъ поганыхъ, по повелѣнію Божію. И паки просимъ и печалуемся. Капитанъ Мирка, великій. Вашего величества гетманского послѣдніе раби Серби въ Мутьянскіе земли“.

Настоящій документъ, конечно, сообщенъ былъ Ржевскому Иваномъ Выговскимъ, который снабжалъ его списками и даже подлинниками разныхъ дипломатическихъ бумагъ. Если двоедушничалъ въ своихъ сношеніяхъ самъ гетманъ, изъ видовъ обще-дипломатическихъ, то его министръ иностранныхъ дѣлъ велъ такія же сношенія и на собственную руку, изъ видовъ уже прямо личныхъ. Ржевскій, ранѣе оффиціальнаго пріема его гетманомъ, видѣлся съ В—мъ и между прочимъ спросилъ по секрету, передать ли ему присланные царемъ подарки при гетманѣ, или безъ его вѣдома, на что получилъ отвѣтъ: «на жалованьѣ челомъ бью, а возьму то государево жалованье безъ гетмана, инымъ временемъ» (15). Впрочемъ, подарки за доставленіе вѣстей были тогда,—да и тогда ли только,—дѣломъ обычнымъ. Жалованья послано съ послами: гетману 40 соболей во 100 рублевъ, писарю 40 же соб. въ 70 р., «да для роздачи государевыхъ дѣлъ послано соболей парами на 50 рублевъ; и будетъ кому доветца отъ государева дѣла что дати, и имъ давати изъ тѣхъ запасныхъ соболей, а кому имянемъ и *отъ какова дѣла* что дадутъ, и имъ то

[1]) Измѣняемъ расстановку знаковъ, которая въ чтеніи г. Карпова совершенно затемняетъ смыслъ.

записывати особою статьею». (9—10). Этотъ пріемъ практиковался постоянно. Такъ, напр., еще въ 1650 г. посолъ Унковскій, послѣ оффиціальныхъ сообщеній ему отъ Хмельницкаго, «потомъ провѣдывалъ у писарей и у другихъ знатныхъ людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавскаго, тайно (и конечно не задаромъ), такъ ли его гетманская правда, какъ онъ сказывалъ ему» (Соловьевъ т. X, 284, по изд. 1860). Въ величайшей тайнѣ тогда же спосился съ Москвою и Выговскій, «только бъ это, говорилъ онъ въ 1651 г. послу Богданову, никому не было извѣстно, потому что если узнаетъ объ этомъ гетманъ Богданъ Хмельницкій, то ему писарю не миновать наказанья» (тамъ же, 291). Понятно, что подобныя услуги, сопряженныя съ большимъ рискомъ, не дешево и оплачивались; когда въ 1653 г. посланецъ Ѳоминъ отвозилъ Выговскому доставленныя имъ въ Москву подлинныя грамоты турецкаго султана и другія письма, то съ нимъ было послано 40 соболей и три пары добрыхъ; но на оффиціальномъ пріемѣ «гетману Ѳоминъ подалъ отъ государя 40 соболей да двѣ пары добрыхъ, значитъ меньше, чѣмъ Выговскому, которому при гетманѣ явно дана только пара соболей» (тамъ же, 315). Такія же сношенія, помимо гетмана, были у него и съ другими странами; о нихъ онъ самъ разсказывалъ, напр. Ржевскому, въ увѣренности, что тотъ его не можетъ выдать, чтобы тѣмъ лучше засвидѣтельствовать свое усердіе къ Москвѣ, да кстати и своимъ услугамъ поднять цѣну; онъ упоминаетъ, что гетманъ Радзивилъ въ письмѣ къ нему обѣщалъ у короля упросить, «да и самъ король его за службу пожалуетъ, учинитъ его у себя великимъ сенаторомъ и дастъ ему кіевское воеводство» (наст. томъ, 42), что сбылось только гораздо позже. Когда былъ у гетмана молдавскій посолъ Строеско, то Выговскій говорилъ и съ нимъ «тайнымъ обычаемъ, чтобъ имъ межъ себя ссылка держать почасту о всякихъ вѣстяхъ на обѣ стороны; а для пересылки договорились поставить на границѣ съ обѣ стороны Днѣстра почты» (38). Едва ли это не первое по времени упоминаніе объ учрежденіи правильнаго почтоваго сообщенія въ предѣлахъ русскаго государства, которые именно въ эту пору, въ 1654, хотя только въ видѣ власти сюзеренной, распространялись до границъ Подоліи.

Въ настоящемъ томѣ «Актовъ» встрѣчается много личностей, занимавшихъ видныя мѣста въ козачествѣ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ вовсе, или извѣстныхъ очень мало, или не подъ тѣми же буквально именами. Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ на нихъ останавливаться теперь же, удобнѣе будетъ сдѣлать это въ особыхъ замѣт-

кахъ. Равно о составѣ козачества въ смыслѣ территоріальнаго распредѣленія сообщимъ новыя данныя позже, когда будемъ говорить о дѣйствіяхъ арміи Золотаренка въ Бѣлоруссіи.

Пока отмѣтимъ только еще одинъ весьма важный и любопытный фактъ, что захватъ козачьими старшинами обширныхъ имѣній, на основаніи царскаго пожалованья, начинается *съ первыхъ же годовъ* по присоединеніи Малороссіи къ государству московскому, и въ настоящемъ томѣ находимъ немалое число указаній на такія раздачи обще-козацкой территоріи. Воспользовались ими преимущественно, вслѣдствіе близости къ государю, старшины бѣлорусской Золотаренковой арміи: самъ онъ получилъ Батуринъ, Борзну, Глуховъ, братъ его Василій—Новые-Млыны и Мену, протопопъ Максимъ Филимоновъ, будущій епископъ Меѳодій,—с. Ушню надъ Десною съ мельницами, стародубскій полковникъ Онпкіенко—Сосницу и т. д.

Возвратимся еще къ предисловію г. Карпова и къ двумъ его утвержденіямъ, съ которыми согласиться не можемъ. Первое изъ нихъ (стр. III) представляетъ просто фактическую невѣрность. «По отношенію къ исторіи поземельныхъ владѣній бѣлорусской шляхты, замѣчаетъ г. Карповъ, между прочимъ интересно то, что *старыя* шляхетскія маетности большею частью носятъ *названія ихъ владѣльцевъ:* маетность князей Головчинскихъ—Головчино, князей Соколинскихъ—Соколна, Киркоръ (т. е. Киркоровъ)—Киркоры, Сущевскихъ—Суща и т. п.». Замѣчаніе это вѣрно только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда предокъ владѣльцевъ былъ первымъ поселенцемъ извѣстной мѣстности; ихъ нетрудно отличить даже по грамматической формѣ: названіе такого владѣнія характеризуется множественнымъ числомъ, произведенымъ отъ фамиліи существительной формы прямо или патронимически, какъ отчество. Изъ приведенныхъ четырехъ примѣровъ сюда подходитъ только одинъ,—отъ имени лица «Киркоръ»,—село «Киркоры», могло бы быть и «Киркоровичи». Но когда существительная форма, наоборотъ, принадлежитъ имени мѣстности, а фамилія имѣетъ форму прилагательную, то послѣдняя произошла отъ первой, т. е. какъ разъ обратно тому, что утверждаетъ почтенный редакторъ настоящаго тома. И это вовсе не бѣлорусская особенность, то же самое находимъ и въ великой Россіи, и въ Малороссіи, и въ Польшѣ. Такъ, напр., почти всѣ позднѣйшія княжескія фамиліи изъ Рюриковичей и Гедиминовичей имѣютъ форму притяжательныхъ и произошли отъ тѣхъ имѣній, которыя составляли нѣкогда ихъ удѣлы. Изъ первыхъ именно произошли, между прочимъ, удѣльные

князья Друцкіе, по владѣнію Друцкомъ, которые впослѣдствіи распались на три вѣтви, опять таки по владѣніямъ: Др.-Горскіе (отъ Горъ), Др.-Любецкіе (отъ Любеча) и Др.-Соколинскіе отъ Соколны, а не обратно, какъ это показалось г. Карпову. Признаться, отъ изслѣдователя западнорусской исторіи по документамъ, и при томъ архивнымъ, такой ошибки ожидать было трудно.

Другой пунктъ нашего разногласія гораздо важнѣе, такъ какъ относится ко взгляду г. Карпова на предметъ его настоящаго труда. Онъ не могъ не остановиться на различіи формъ, въ какихъ выразилось подчиненіе Алексѣю Михайловичу Малороссіи, а съ другой стороны Бѣлоруссіи. «Жители Малой Россіи, какъ онъ справедливо замѣтилъ, прося о потвержденіи своихъ прежнихъ правъ и привилегій, имѣли у себя признаваемыхъ представителей власти въ лицѣ гетмана войска запорожскаго и кіевскаго митрополита; съ ними или по ихъ уполномочію съ депутатами отъ городовъ и сословій правительство вело переговоры о внутреннихъ дѣлахъ Малороссіи».

Единственно въ отсутствіи такихъ представителей въ Бѣлоруссіи видитъ г. Карповъ причину, по которой здѣсь никакихъ «переговоровъ» не было. Не вѣрнѣе ли будетъ заключить, что договорная форма подчиненія Малороссіи зависѣла не отъ того только, что было съ кѣмъ договариваться? Можно думать, что и въ Бѣлоруссіи нашлось бы кому вести переговоры, если бы только этотъ край находился въ 1654 г. въ одинаковомъ положеніи съ Малороссіей. Послѣдняя почти шесть лѣтъ боролась за свою свободу единственно собственными силами, иногда при помощи татаръ, но только въ качествѣ ею самою пріобрѣтенныхъ союзниковъ. Успѣшность борьбы бывала по временамъ далеко не одинакова. Подъ Зборовымъ было одно, послѣ Берестечка совсѣмъ другое. Но даже и тогда сила возставшаго народа оказывалась настолько значительной, что представители самого польскаго государства, котораго Хмельницкій былъ только подданнымъ, видѣли себя вынужденными заключить договоръ съ нимъ.

Очевидно, что въ тотъ моментъ, когда южно-русскій народъ, одержавъ рѣшительный успѣхъ, обратился къ протекторату Москвы, не договариваться съ нимъ она *не могла*.

Въ Бѣлоруссіи не было и тѣни чего либо подобнаго. Если и были отдѣльныя попытки возстанія въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, въ самомъ началѣ войны, на Полѣсьи сѣверскомъ, могилевскомъ, и вплоть до самаго Пинска, то онѣ представляются только отраженіемъ происходившаго далѣе къ югу. Всенароднаго возстанія въ Бѣлоруссіи не

было, а отдѣльныя попытки на первыхъ же порахъ безъ особенныхъ усилій были подавлены. Такимъ образомъ, въ моментъ, когда двинулась въ Бѣлоруссію московская рать, она вступала въ непріятельскую страну, а каждый городъ подчинялся въ отдѣльности, сдаваясь непосредственно «на имя государево». Права и привилегіи подтверждались и здѣсь, но уже только въ видѣ «пожалованья», потому что съ побѣдителемъ не договариваются. И вовсе не по отсутствію какого нибудь «представительства», какъ полагаетъ почтенный редакторъ разбираемаго тома. Конечно, это нисколько ни умаляетъ его заслуги, какъ трудолюбиваго изыскателя весьма важныхъ для науки матеріаловъ.

Ив. Н.

Иванъ Манджура. Степовы думы та спиви. Спб. 1889 г.—37 стр.

Имя автора этой книжки извѣстно всѣмъ знакомымъ съ малороссійскими этнографическими сборниками послѣдняго времени. Г. Манджура одинъ изъ ревностнѣйшихъ нашихъ собирателей произведеній народной устной словесности. Дѣятельность такого собирателя, требующая непремѣнно тѣснаго общенія съ народомъ, — хорошая школа какъ для изученія живой народной рѣчи, такъ и для усвоенія духа народнаго творчества. Опытъ самостоятельнаго сочинительства, съ которымъ выступаетъ теперь г. Манджура, и носитъ на себѣ слѣды такой школы. И знанье жизни сельскаго народа, и знанье языка имъ созданнаго у автора есть. Книжка его стиховъ этимъ и выдѣляется изъ книгъ и книжицъ этого рода, выходившихъ за послѣдніе годы.

Нося такъ сказать этнографическій оттѣнокъ, стихи г. Манджуры, кромѣ нѣсколькихъ субъективныхъ пьесъ, воспроизводятъ явленья и типы сельской жизни. Знаніе народной рѣчи и подробностей быта, приложенное къ изображенію крестьянской жизни, сообщаетъ стихамъ автора характеръ реальности, а отсутствіе дѣланности и фальши заставляетъ видѣть въ его сборникѣ все таки пріятное явленіе, несмотря на общую тусклость впечатлѣнія, зависящаго ужъ отъ степени литературной способности автора.

Лучшія пьесы въ книжкѣ—самыя несложныя, самыя простыя, дающія одну какую нибудь картинку, одинъ обликъ. Таковы стихотворенія «Зъ охрестами» (молитва о дождѣ), «На пасици», «Бурлака» (напоминающій «типы» Щоголева), «Бджолы», «Дивчача думка о Покрови» (навѣянная народными пѣснями, съ цѣлыми строчками изъ

нихъ) и еще двѣ три. Другія носятъ какой то сухой, разсудочный характеръ. Мотивы стихотвореній дѣйствительно близки къ мотивамъ будничной деревенской жизни. Засуха, неурожай, градъ,—все это точно составляетъ заботу и мысль селянина, но не въ этомъ выражается жизнь его души. У г. Манджуры есть строфы какъ бы переложенныя изъ какого нибудь отчета земской управы или доклада статистическаго бюро, напр. въ пьесѣ «Градъ»:

Ни жукъ, ни ховряхъ а ни мухы погани
Цей рикъ не зробылы поталы,
Ще къ тому въ маеви на сходы зарани
Тры дощыкы добри упалы.

или въ стихотвореніи «на степу и у хати».

Перевелысь огороды ни на що,
Дается у помку имъ рикъ цей зима!
Ни буряка, ни капусты нема,
Навить немае мишечка картопли;
Ленъ незійшовъ, погорилы конопли...

Въ пьесѣ «Бджолы», отличающейся агрономическимъ, дѣловымъ характеромъ, въ нѣсколькихъ куплетахъ описывается вредъ, наносимый пчеламъ птицею «золотая щурка»... Прекрасное знаніе авторомъ языка не удерживаетъ его однако отъ употребленья странныхъ, какъ бы выдуманныхъ словъ. Таковы слова: тьмянуватый (темноватый?), насущныкъ (насущный хлѣбъ), трудныкъ, (труженикъ), подзорять (подглядать), встрѣчающіяся у него. Никто не увѣритъ насъ также, чтобъ выраженіе *зъ тыхъ поръ* не было буквальнымъ переводомъ великорусскаго. Всѣ эти погрѣшности у г. Манджуры, правда, на перечетъ, тогда какъ у другихъ новѣйшихъ малороссійскихъ сочинителей такимъ грѣхамъ нѣтъ числа. Размѣры стиховъ «Степовыхъ думъ» не всегда счастливы. Трудно выдумать что нибудь болѣе неуклюжее въ этомъ смыслѣ какъ пьеса «Старецъ»:

Вже чужи его опанувалы
Помижъ нымы ридного мени нема,
И воны мене не прывыталы,
Бо сыритство имъ мое тяжке дарма.

Есть размѣры взятые у другихъ поэтовъ, напр. у Некрасова, въ характерномъ стихѣ котораго написана пьеса «Нечесна».

Внимательное въ общемъ отношеніе писателя къ дѣлу невольно обращаетъ вниманіе на комическія вещи, проскользнувшія въ книжкѣ. Таково начало пьесы «Писня»:

Въ лычакахъ вьязовыхъ
У свитыни драній,

Несу чорни брови
Я свої коханії

Намѣреніе автора ясно, но выражено такъ неуклюже, что звучитъ смѣшной двусмысленностью. Стихотворенію «Мынуле», посвященному какой то особѣ, предшествуетъ наивный эпиграфъ—«Honni soit qui mal y pense»...

«Ренегатъ»—единственная въ книжкѣ большая пьеса, гдѣ авторъ вышелъ изъ рамокъ картинки и, на основѣ народнаго преданія, написалъ балладу. Мотивъ ея—покаяніе ренегата подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства и молодости—взятъ удачно и,—что еще лучше,—въ исполненіи есть строфы поэтичныя. Таковы въ особенности прекрасныя строфы 14—16, рисующія пробужденіе степи весной и чувства степныхъ удальцовъ.

Помѣщенныя въ концѣ книги коротенькія «Басни» написаны на мотивы народныхъ анекдотовъ, поэтому онѣ не такъ скучны, какъ обыкновенно, и мало подходятъ подъ шаблонъ этого несноснѣйшаго изъ видовъ поэзіи. **В. Г.**

J. Topolnicki. Mapa do dziejów Polski. Второе изданіе (съ помощью краковской Академіи Наукъ), исправленное и дополненное по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.—Львовъ 1888 г.

На обложкѣ, кромѣ вышеозначеннаго заглавія, перечислены еще источники, по которымъ г. Топольницкій составилъ свою историческую карту польскаго государства, а именно: Аббертранди, Балинскій, Бопланъ, Бѣлёвскій, Каро, Хшановскій, Ходзько, Г. де Ланнуа; Глищинскій, Лелевель, Морачевскій (?), Павинскій, Репель, Сарницкій, Шуйскій, Шайноха, Вротновскій, Р. Цанони. По солидному заглавію, а еще болѣе по многообѣщающему арсеналу, съ которымъ взялся за дѣло авторъ, можно было ожидать серьезного пособія для изученія исторіи развитія и упадка польскаго государства. На дѣлѣ же оказывается, что обложка вовсе не соотвѣтствуетъ содержанію труда г. Топольницкаго. Это маленькая карта въ ничтожномъ масштабѣ, принятомъ для школьныхъ обще-географическихъ атласовъ, отпечатанная въ одной изъ вѣнскихъ фотолитографій довольно грубо и нечисто.—Она до того испещрена мельчайшими подписями, разнообразными условными знаками, подчасъ неудоборазличаемыми, и датами, что просто рябитъ въ глазахъ при стараніи отыскать мѣстность. Пользоваться картой поэтому весьма затруднительно и не-

удобно. Такъ какъ назначеніе карты, а исторической въ частности, служить пособіемъ, облегчающимъ научное изслѣдованіе, то техническая сторона изданія такой карты несомнѣнно играетъ не второстепенную роль. Съ этой стороны карту г. Топольницкаго приходится признать изданіемъ безусловно неудачнымъ.

Что касается содержанія, то оно далеко не сложно и не богато, несмотря на страшную пестроту. Это польское государство въ границахъ 1770 г. съ подраздѣленіемъ на Литву и Корону и съ указаніемъ границъ воеводствъ. Изъ числа населенныхъ мѣстъ указаны главнѣйшіе города воеводскіе и повѣтовые, крѣпости и примѣчательныя села по битвамъ и другимъ событіямъ. — Дальше отмѣчены важнѣйшія между большими центрами дороги, не всѣ татарскіе шляхи и переправы, годы событій и больше почти ничего.—Кто бы захотѣлъ искать здѣсь Польши Мечислава I, Польши удѣльнаго періода, Польши Владислава Локетка и т. д., тотъ ошибется, какъ и я ошибся; ничего подобнаго здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Да и не было бы возможности нанести все это на такой маленькой картѣ, для которой и наличный матеріалъ оказался слишкомъ сложнымъ.—Есть впрочемъ еще одна граница Польши, означенная на картѣ однообразной крупной гранью, подъ названіемъ «давняя граница». Она захватываетъ въ область Польши съ запада почти всю западную Пруссію, всю Саксонію, Богемію и Моравію; съ юга Молдавію и Валахію, весь Новороссійскій край, Крымскій полуостровъ за исключеніемъ южнаго берега, и половину Азовскаго моря; съ востока, начиная отъ Таганрога, граница идетъ прямо на сѣверъ, захватываетъ Чугуевъ, Курскъ, Брянскъ, Вязьму, Тверь, затѣмъ по Волгѣ идетъ до Мологи, гдѣ оставляя Волгу, идетъ далѣе на сѣверъ. — Что эта граница изъ себя изображаетъ, трудно догадаться. Надо полагать и самъ авторъ не съумѣлъ бы подыскать эпохи, въ которую польское государство имѣло бы такія обширныя владѣнія. Вѣроятно, граница эта въ разныхъ мѣстахъ относится къ разнымъ эпохамъ. Но съ другой стороны я не могу догадаться, почему къ польскимъ областямъ причислена Тверь, Псковъ и Великій Новгородъ съ его огромными землями. Не потому ли, что былъ періодъ времени, когда въ этихъ странахъ проявлялось иногда вліяніе литовское (но не польское)? Что общаго съ границей Польши имѣетъ Крымъ и Азовское море? Кромѣ этого, въ картѣ есть масса мелкихъ погрѣшностей, доказывающихъ отсутствіе всякой системы при изданіи ея. Есть много надписей или безсодержательныхъ, или ненужныхъ, въ

въ родѣ напр. Волынь, Подоліе, Украина и тутъ же «Казаччина» безъ объясненія значенія этихъ терминовъ въ разное время. На среднемъ теченіи Дона подписано: «нѣкогда половцы». Почему тоже не подписано въ Приднѣпровьи; почему не показать массы другихъ народцевъ, прошедшихъ нѣкогда по южной Руси?.—Указавъ главнѣйшіе недостатки, низводящіе трудъ г. Топольницкаго на степень совершенно неудачнаго, я не стану утруждать читателя разборомъ мелочей и если считаю нужнымъ дать объ этой картѣ отзывъ, то только въ надеждѣ предупредить другихъ, дабы не впали въ заблужденіе, въ которое меня ввело заглавіе на обложкѣ.

Ц. Нейманъ.

Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для народнаго чтенія). Составилъ минскаго каѳедральнаго собора священникъ Павелъ Аѳонскій. Минскъ. 1889 г. Его же: Православныя святыни города Минска. Минскъ. 1889.

Первая изъ названныхъ книжекъ написана къ пятидесятилѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью. Авторъ ведетъ свой разсказъ отъ самаго «основанія Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ единой святой церкви»; говоря далѣе о появленіи ересей и расколовъ, онъ переходитъ къ вопросу о раздѣленіи церквей, причинамъ раздѣленія и дальнѣйшимъ отступленіямъ римскаго епископа отъ ученія Христова; авторъ затѣмъ касается распространенія христіанства въ Россіи, судьбы западно-русскаго народа до и послѣ люблинской уніи, столкновенія католицизма съ православіемъ, и возникшей мысли объ уніи церковной, говоритъ о роли іезуитовъ въ дѣлѣ уніи, о дѣятельности епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя, о желаніяхъ лучшихъ западно-русскихъ православныхъ людей, указываетъ на значеніе православныхъ западно-русскихъ братствъ въ борьбѣ за православіе и, наконецъ, излагаетъ самый актъ уніи—брестскій соборъ; время, послѣдовавшее за симъ, обрисовано чрезвычайно неясно и самые важные факты борьбы между православными и уніатами сообщаются весьма кратко; подробнѣе становится изложеніе въ концѣ, когда авторъ говоритъ о положеніи уніатовъ послѣ смерти Екатерины II и при императорахъ Павлѣ и Александрѣ I; мѣры же, принимавшіяся въ царствованіе императора Николая I, разсмотрѣны особенно подробно и личность главнаго дѣ-

ятеля этого періода, митрополита Іосифа Сѣмашка, очерчена весьма живо, какъ и совершенное имъ дѣло возсоединенія уніатовъ. Изъ изложеннаго содержанія видно, что авторъ обозрѣваетъ всю исторію уніи, отъ ея возникновенія и до прекращенія; но какъ мы уже замѣтили, не всѣ періоды этой исторіи изложены съ одинаковой подробностью; именно, XVII и XVIII вѣка не охарактеризованы достаточно точно; авторъ упускаетъ изъ вида, какъ отдѣльные фазисы борьбы, такъ и постепенное распространеніе уніи по территоріи западной Россіи; онъ не представляетъ примѣровъ (исключая Кунцевича) борьбы горожанъ и крестьянъ съ уніей, ничего не говоритъ о порожденныхъ ею козацкихъ и гайдамацкихъ движеніяхъ, о значеніи уніи для судьбы польскаго государства; тѣмъ не менѣе книжка о. Аѳонскаго обладаетъ и достоинствами, дѣлающими ее пригодною для народнаго чтенія: она не обременена большимъ количествомъ фактовъ, а тѣ, которые выдвинуты, представлены рельефно въ своихъ характерныхъ особенностяхъ, такъ что каждый грамотный, не знакомый съ исторіей, съ пользой прочтетъ эту книжку.

Вторая книжка съ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Православныя святыни города Минска» касается всего лишь двухъ мѣстночтимыхъ иконъ Божіей Матери: Минской и Крупецкой. Съ каждой изъ иконъ соединяются историческія воспоминанія объ уніи, о борьбѣ съ ней православія; эти иконы служили въ этой борьбѣ знаменемъ, подъ которымъ собирались всѣ преданные православію борцы. Минской иконѣ Божій Матери авторъ приписываетъ глубокую древность, безусловно принимая преданіе, что она рисована св. евангелистомъ Лукою, принесена св. Владиміромъ изъ Корсуня и во время одного изъ татарскихъ нападеній на Кіевъ была ограблена и брошена въ Днѣпръ, идя вверхъ по которому прибыла въ Минскъ; при этомъ авторъ основывается на лѣтописи; но лѣтописи, какъ извѣстно, рѣшительно ничего не говорятъ объ этомъ; объ иконѣ Божіей Матери, писанной евангелистомъ Лукой, сообщается только, что она находилась въ Вышгородѣ, откуда взята была кн. Андреемъ Боголюбскимъ во Владиміръ и затѣмъ подъ именемъ Владимірской перенесена въ Москву, гдѣ и понынѣ хранится въ Успенскомъ соборѣ; другія ссылки автора еще менѣе убѣдительны, какъ принадлежащія болѣе позднему времени и основанныя на устномъ преданіи.

И. Каманинъ.

Časopis Musea království českého. 1888 г. Выпускъ III—IV. Прага.

Россіи и русскимъ книгамъ посвящены въ этой книгѣ слѣдующія статьи и замѣтки: «Рабочій хоръ южнорусскій» изъ путевыхъ записокъ по Россіи Людв. *Кубы*, «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе П. Владимірова». (Оцѣнка), и «Осетинскіе этюды, Всеволода Миллера. Москва 1887 г.» (Оцѣнка), «50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. А. Павлова». (Оцѣнка). Г. Людвигъ Куба извѣстенъ нѣсколько и у насъ своимъ изданіемъ «Slovanstvo ve svých zpěvech», гдѣ предложено любителямъ довольно обширное собраніе пѣсенъ всѣхъ славянскихъ племенъ какъ въ фортепьянномъ переложеніи, такъ и для пѣнія. Русскимъ пѣснямъ [1]) посвящена шестая книга этого изданія, заключающая въ себѣ 130 пѣсенъ малорусскихъ, 130 великорусскихъ и 15 бѣлорусскихъ. Значительная часть этихъ пѣсенъ, особенно малорусскихъ, записана издателемъ, при содѣйствіи пишущаго эти строки, въ двукратную бытность его въ Россіи.

Результатомъ пребыванія г. Кубы въ Россіи было между прочимъ изученіе имъ рабочаго южнорусскаго хора, т. е. тѣхъ пѣсенъ, какія поются въ южнорусскихъ городахъ, каковы Нѣжинъ, Полтава, рабочими, преимущественно столярами. Изученіе это выразилось въ указанной статьѣ, снабженной значительнымъ количествомъ нотныхъ примѣровъ и хоровыхъ пѣсенъ, записанныхъ авторомъ отъ столяровъ. Автора удивляетъ способность русскаго народа къ хоровому пѣнію, замѣченная имъ вездѣ на Руси и нигдѣ на западѣ не являющаяся съ такою силою и своеобразностію. Своеобразность эта заключается именно въ полномъ просторѣ для творчества каждаго изъ участниковъ хора, такъ что о наиболѣе чистомъ русскомъ хорѣ можно сказать: сколько пѣвцевъ, столько и самостоятельныхъ напѣвовъ. Строй русскихъ хоровыхъ пѣсенъ, по замѣчанію автора, въ высокой степени *контрапунктиченъ*, и безсмертные мастера контрапункта Бахъ и Гендель, по его словамъ, «преклонились бы конечно предъ великимъ

---

[1]) Оцѣнку русскихъ выпусковъ, изд. Кубы, см. въ „Извѣстіяхъ Петербургскаго Славянскаго общества“ 1888 г. № 2, но и за прежніе годы въ разныхъ №№. Изданіе это, къ сожалѣнію, мало распространено у насъ, несмотря на всю его дешевизну (1 р. за каждые 3 выпуска). Весь русскій отдѣлъ „Slovanstva“ можно пріобрѣсть за 5 гульденовъ и 60 крейцеровъ, а въ изящномъ переплетѣ за 6 гульденовъ и 40 крейцеровъ. Адресъ: Böhmen (Čechy) Ludv. *Kubě v Poděbradech.*

геніемъ великорусскаго народа». Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ, что русскій хоръ въ высокой степени демократиченъ по своему строю, въ противоположность аристократическому характеру построенія хоровыхъ пьесъ въ западной Европѣ, гдѣ главное значеніе имѣетъ лишь одинъ голосъ, всѣ же прочіе лишь сопровождаютъ его, служатъ ему, такъ сказать, только аккомпаниментомъ. Изъ объясненій, даваемыхъ авторомъ по этому поводу, обнаруживается его достаточное знакомство съ лучшими русскими пособіями по данному предмету и сборниками, каковы Мельгунова, Пальчикова и др. Онъ особенно останавливается на томъ значеніи, какое имѣлъ для музыкальнаго развитія русскаго народа характеръ православнаго церковнаго богослуженія, гдѣ, за недопущеніемъ музыкальныхъ орудій, главная роль выпадаетъ на долю пѣвцевъ. Несомнѣнно, что въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать главнаго объясненія того явленія, что въ то время, какъ на западѣ процвѣла особенно инструментальная музыка и одногласная вокальная, на Руси преимущественное развитіе выпало на долю многоголоснаго пѣнія, хора, на что ушли всѣ музыкальныя силы народа. Мнѣніе г. Капустина о томъ вліяніи, какое имѣлъ на построеніе русской хоровой пѣсни общинный бытъ народа, также небезъизвѣстно автору, хотя онъ и не остановился съ должнымъ вниманіемъ на этомъ мнѣніи.

Южнорусскій хоръ теперь не имѣетъ, по замѣчанію г. Кубы, той чистоты и своеобразности, какъ сѣвернорусскій: на немъ отразилось уже вліяніе западноевропейской музыки и пѣсни и того посредствующаго, промежуточнаго положенія, какое занимаетъ Малая Русь и ея народъ между Великою Русью съ одной стороны и славянами западной Европы съ другой; а славяне эти, какъ извѣстно, давно уже подъ вліяніемъ западноевропейской культуры утратили многія изъ своихъ исконныхъ славянскихъ особенностей, еще присущихъ въ значительной мѣрѣ русскому народу. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это, и въ южнорусской хоровой пѣснѣ еще замѣчается немало чудныхъ своеобразныхъ красотъ, особенно по сравненію ея съ обычнымъ формально правильнымъ и симметрично построеннымъ западноевропейскимъ хоромъ. Нельзя достаточно надивиться тому восторгу, съ какимъ г. Куба, въ качествѣ западнаго славянина, относится къ русскому хору, къ удивительнымъ музыкальнымъ способностямъ русскаго народа. Онъ словно съ трудомъ можетъ понять, какъ это чудныя контрапунктическія вещи создаются людьми, никогда не учившимися музыкальной грамматикѣ, вообще музыкально необразован-

ными. Не менѣе удивительна для него и необычайная наклонность къ пѣнію русскаго человѣка, поющаго на всякомъ мѣстѣ, во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, сросшагося, такъ сказать, съ пѣснію. Сравнивая записанные г. Кубою полтавскіе хоры, у насъ, впрочемъ, общеизвѣстные (напр. Ой у поли озеречко, Ой гаю мій гаю и др.) съ нѣжинскими, мы замѣчаемъ, что выборъ первыхъ, въ смыслѣ народности, гораздо удачнѣе, чѣмъ вторыхъ, большая часть которыхъ великорусскаго происхожденія. Объясняется это, конечно, большею пестротою и смѣсью населенія Нѣжина, сравнительно съ болѣе чистою, въ этнографическомъ отношеніи, Полтавою, что опять таки въ свою очередь является слѣдствіемъ большаго торговаго значенія перваго изъ этихъ городовъ.

Для русскихъ читателей статья г. Кубы не представляетъ какихъ нибудь особенно новыхъ данныхъ, для нихъ она можетъ быть любопытна въ томъ однако отношеніи, что еще разъ показываетъ, до какой степени глубоко интересуются на западѣ своеобразными особенностями русской жизни, и искусства, литературы, которымъ, повидимому, суждено внести новые, свѣжіе элементы въ содержаніе старой западно-европейской культуры и тѣмъ заплатить за полученное отъ нея взаймы при Петрѣ Великомъ.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г. №№ 5—8. *Мелкія замѣтки къ былинамъ. А. Веселовскаго* (№ 5, стр. 32—46). Это составляетъ продолженіе замѣтокъ, начатыхъ авторомъ уже давно (послѣднія замѣтки см. въ 1888 г. № 5). Въ настоящей статьѣ находимъ замѣтки: 1) Владиміръ—богатырь; 2) Кіевскія пещеры; 3) Былина объ Иванѣ Годиновичѣ; 4) Жидовинъ—богатырь; 5) Къ сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ, гдѣ между прочимъ приводится легенда о Семенѣ Паліѣ.

Къ вопросу о составѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Е. Замысловскаго (№ 5, стр. 47—54). Замѣтка касается вопроса о томъ, могутъ ли точныя лѣтописныя записи о событіяхъ, случившихся въ другихъ городахъ, свидѣтельствовать несомнѣнно о томъ, что онѣ взяты изъ мѣстныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ.

Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. П. Бобровскаго. №№ 6—8; продолженіе слѣдуетъ). Эта обширная работа автора, продолженіе которой появится въ слѣдующихъ книжкахъ,

представляетъ изслѣдованіе вопроса о состояніи и положеніи греко-уніатской церкви послѣ раздѣла Польши и за весь періодъ царствованія Александра I. До сихъ поръ напечатано только четыре главы: 1) Протесты бѣлаго духовенства въ концѣ прошлаго вѣка; 2) Ираклій Лисовскій и его реформы въ уніатской церкви (№ 6, стр. 282—338); 3) Греко-уніатская церковь подъ управленіемъ А. Н. Голицына. Митрополиты Григорій (Кохановичъ) и Іосафатъ (Булгакъ). Усиленіе базиліанъ и протесты брестскаго капитула (№ 7, стр. 20—56); 4) Состояніе греко-уніатской церкви въ первые годы послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи (№ 8, стр. 259—304).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россія: 1) Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. *Михаила Ясинскаго.* Статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 5, стр. 231—233); 2) *П. Брянцевъ.* Исторія литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Статья *К. Бестужева-Рюмина.* (№ 6, стр. 492—505); 3) *Д. Багалѣй.* Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Актовая рѣчь (№ 6, стр. 512); 4) *Д. Анучинъ.* О задачахъ русской этнографіи (№ 6, стр. 512—514); 5) Сочиненія *А. Котляревскаго.* Статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 7, стр. 157—167); 6) *Н. Карѣевъ.* Историческій очеркъ польскаго сейма. Статья *Евг. Бѣлова.* (№ 7, стр. 190—199); 7) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга 3-я (№ 7, стр. 201—202).

Вѣстн. Евр. 1889 г. №№ 5—8. *Польскія реформы XVIII вѣка. Н. Карѣева* (№ 5, стр. 5—65; № 6, стр. 550—620). Эта обширная статья, находящаяся въ ближайшей связи съ другимъ изслѣдованіемъ автора «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», представляетъ интересную картину той борьбы, которая велась представителями разныхъ партій въ Польшѣ незадолго до полнаго паденія ея изъ за введенія нѣкоторыхъ кардинальныхъ реформъ, клонившихся къ поддержанію расшатаннаго государства.

Обзоръ русскихъ изученій славянства. А. Пыпина. (№ 5, стр. 169—213; № 6, стр. 625—664) и продолженіе этой статьи подъ заглавіемъ *«Русское славяновѣдѣніе въ XIX стол.»* (№ 7, стр. 238—274; № 8, стр. 683—728). Статья, начатая въ № 4 текущаго года, знакомитъ съ положеніемъ изученія и разумѣнія славянства въ Россіи въ 18-мъ вѣкѣ, а затѣмъ характеризуетъ представителей уже вполнѣ научнаго славяновѣдѣнія у насъ въ 1-ой половинѣ 19 вѣка. Здѣсь, между прочимъ, представляетъ интересъ выписка изъ предисловія къ «Сравнительнымъ словарямъ всѣхъ языковъ и нарѣчій» о малороссійскомъ нарѣчіи (№ 6, стр. 655—666), а также характеристика описаній путешествій въ славянскія земли Д. Бантыша-Каменскаго, Ѳ. Лубяновскаго и В. Броневскаго (№ 7).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1889 г. № 2. Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщена замѣтка о первомъ томѣ сочиненій *А. Котляревскаго* (стр. 283—284).

Филологическія Записки 1889 г. № 2. *Памяти И. П. Котляревскаго по случаю 50-лѣтней годовщины со дня его смерти. С. Браиловскаго.* (стр. 19—33). Это—рефератъ, прочитанный въ одномъ изъ собраній членовъ нѣжинскаго музыкально-драматическаго общества.

Русская Мысль 1889 г. №№ 4—7. *Въ отдѣлѣ библіографіи* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Кобзарь Т. Г. Шевченка; (№ 5, стр. 185); 2) «Кіевская Старина» сентябрь 1888 г.—мартъ 1889 г. (№ 5, стр. 222); 3) *Евгеньевская волость, тираспольскаго уѣзда, херсонск. губ.* (№ 6, стр. 237); 4) *Багалѣй. Заселеніе харьковскаго края* и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. (№ 7, стр. 287); 5) *Записки Императ. русскаго археолог. общ. Т. IV, вып. I.* Говорится о статьѣ *г. Лонгинова* «Древній храмъ св. Богородицы въ г. Владимірѣ-Волынскомъ (№ 7, стр. 289).

Русская Старина №№ 5—8. 5. Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко въ 1839—1844 гг. Сообщилъ г. Ж—нъ.

5, 6. М. К. Бобровскій. 1784—1848 гг. Историко-біографическій очеркъ. Сост. П. О. Бобровскій. (Окончаніе).

5. Краткая рецензія на «Кубанское казачье войско».

6—8. Дневникъ А. В. Никитенка, 1828—1829 гг.

6. Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

— Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М.

7. Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера 1808—1858 гг. Сообщ. А. Лопатинскій.

7, 8. Друзья и знакомые Н. В. Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ.

Историческій Вѣстникъ №№ 5—8. 5. Возобновленіе черниговскаго каѳедральнаго собора.

— Нѣсколько словъ о происхожденіи названія «Волынь». Вл. Боцяновскаго.

— А. Н. Дельсаль. А. Стоянова. По поводу «Историч. записки о немировской гимназіи» г. Стрибульскаго нѣсколько словъ въ защиту покойнаго директора этой гимназіи Дельсаля.

6. Отношенія Гоголя къ матери. А. М. Черницкой.

— Рецензія на книгу Н. В. Стороженка «Западно-русскіе провинціальные сеймики во 2 половинѣ XVII в.» Н. С. К.

— Рецензія на книгу В. Г. Дружинина «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.» С.

7. Рецензіи на: 1) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Е. П. 2) 50-лѣтіе возсоединенія съ православной церковью зап.-русскихъ уніатовъ. И. Чистовича.—50-лѣтіе возсоединенія съ правосл. церковью зап.-русскихъ уніатовъ. Соборныя дѣянія и торжественныя служенія въ 1839 г.—50-лѣтіе возсоединенія съ правосл. церковью зап.-русскихъ уніатовъ. Историч. очеркъ прот. I. Наумовича.—Семь проповѣдей синодал. члена, митроп. литов. и вилен. Іосифа, говоренныя при важнѣйшихъ случаяхъ служенія и о греко-уніатской церкви въ западномъ краѣ Россіи, воспоминанія архіеп. Антонія. М. Г—цкаго. 3) Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изсл. Мих. Ясинскаго. В. З. 4) Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца кн. 2-я. А—ва. 5) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистич. отдѣленіемъ при губ. зем. управѣ. Т. XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ. Сост. П. П. Червинскій. Б. Г.

— Некрологъ М. В. Юзефовича.

8. Рецензіи на: 1) Исторія литовскаго государства П. Брянцева, Н. П. 2) Владиміръ св., какъ политическій дѣятель, изсл. Завитневича. А—ва, 3) Кубанское казачье войско. В. П. 4) Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресв. Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси. Соч. Вл. Сахарова. Д. А.

— Полувѣковой юбилей уніи.

— Мономахова церковь.

— Новонайденныя въ Кіевѣ византійско-русскія перегородчатыя эмали XII в.

— Некрологъ С. С. Гогоцкаго.

Сѣверный Вѣстникъ №№ 5—8. 7. Рецензія на «Бѣлую панну» Г.А.Мачтета.

8. Херсонское дворянство и херсонская губ. въ 1862 г. П. Зеленаго.

Восходъ №№ 5—8. 8. Рецензія на «Кіев. Старину» 1888 г.

Недѣльная хроника Восхода 17—32.

20. Отчетъ о бердичевской талмудъ—торѣ за 1888 г. (Корресп.).

24. Замѣтка по поводу рецензіи въ «Эконом. Журналѣ» на книгу г. Никитина «Евреи—Земледѣльцы».

Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 3—6. 4—6. Св. *А. Гиляревскій*. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ В. Г. Барскій.

4. Нѣкоторыя замѣтки въ журнальномъ обозрѣніи.

Странникъ №№ 5—8. 5, 6, 7. Святый равноапостольный князь Владиміръ, просвѣтитель Руси. И. П. Матченка (окончаніе).

5. Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе. Проф. архим. Никодима Милашъ.

— Романъ Кузьмина. Разсказъ изъ галицко-русской жизни. X—XI. Порт. И. Г. Наумовича.

5. Хроника епархіальной жизни. Православное общество сестеръ м. Тынной подольск. епархіи. Открытіе церковныхъ библіотекъ духовенствомъ одного изъ благочиній полтавской епархіи и дѣятельность въ этомъ направленіи екатеринославскиго комитета о православіи (5). Дѣятельность холмскаго братства. (6, 7). Противосектантскія библіотеки екатеринославской епархіи (8).

5—8. Обзоръ журналовъ. Ко дню 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ (5). 50-лѣтіе возсоединенія уніатовъ въ современной печати. (6—7). Митр. Филаретъ въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Записки бывшаго повстанца уніата (8).

5. Рецензія на книгу Шмурло «Митр. Евгеній».

6, 7. Пятидесятилѣтіе возсоединенія уніатовъ.

— Изданія, посвященныя исторіи уніи и возсоединенія уніатовъ.

8. Въ защиту Иннокентія архіеп. херсонскаго, противъ клеветы и нареканій на него. Пис. въ ред. И. У. Палимпсестова. По поводу записокъ Мурзакевича. («Рус. Ст.»).

Христіанское Чтеніе №№ 5—8. 5, 6. II. I. Бобровскаго. Подготовка реформъ въ русской греко-уніат. церкви (1803—1817). Отвѣтъ проф. М. Кояловичу.

— Библіограф. зам. «Высокопреосв. Филаретъ въ схимонашествѣ Ѳеодосій (Амфитеатровъ) митрополитъ кіевскій и галицкій и его время». Составилъ архимандритъ Сергій (Василевскій). 3 тома. Каз. 1888 г.—Н. Б.

Церковный Вѣстникъ №№ 17—28. 19. Замѣтки *Кояловича* въ отвѣтъ Бобровскому на его замѣтку (Хр. Чт. № 5 и 6). О возсоединеніи уніатовъ.

20, 22. Историческое значеніе возсоединенія съ православною церковью западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г. и естественныя особенности празднованія 50-лѣтія. Проф. М. Кояловича.

24. Замѣтки о напечатанныхъ въ 4 книжкѣ «Кіев. Старины» статьяхъ: П. Л. «Остатки древнихъ церквей на развалинахъ Корсуня», С. Т. Голубева «Очерки изъ исторіи кіев. дух. академіи» и Н. И. Петрова «Очерки путешествія въ сѣв.-зап. край».

— Корреспонденція изъ Вильны о празднованіи 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Труды кіевской духовной академіи №№ 5—8. 5—7. *Н. И. Петровъ*. Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи.

6. Бесѣда въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея со времени возсоединенія уніатовъ съ правосл. церковью. Высокопр. митроп. Платона.

— Адресъ кіевск. дух. академіи литовской церкви по случаю возсоединенія уніатовъ съ правосл. церковью.

— Археологическія замѣтки. I. О древнемъ фресковомъ изображеніи св. равноапостольнаго кн. Владиміра во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (отвѣтъ П. Л—у). II. Византійско-русскія перегородчатыя эмали.

— Письма митр. Евгенія. Сообщ. Полетаевъ.

8. Къ матеріаламъ для біографіи преосвященнаго Иннокентія херсонскаго. Сообщ. И. Стрѣльбицкій.

Русскій Паломникъ №№ 23—33. 23. Краткій некрологъ преосв. Варлаама, еп. минскаго.

24. Полоцкій Софійскій соборъ (съ рис.).

— Портретъ митрополита Іосифа Сѣмашка.

25. Историческое прошлое м. Ржищева и его Спасо-Преображенскаго монастыря. Свящ. С. Брояковскаго (съ рис. ржищевской церкви).

26. Антоній Зубко, архіеп. минскій (съ порт.).

28. Василій Лужинскій, архіеп. полоцкій и витебскій (съ портретомъ).

29. Протоіерей П. Л. Весинъ—одинъ изъ дѣятелей по возсоединенію уніатовъ. (Съ портретомъ).

— День въ Печерской лаврѣ (изъ дневника паломника на 900-лѣтній юбилей крещенія Руси). Съ 4 рис. Д. Гречишникова.

— Переяславскій соборъ (замѣтка).

30. Реставрація Кіево-Софійскаго собора (замѣтка).

31—32. Святыя горы. Съ рис. Святогорскаго монастыря, изюмск. у. харьк. губ. (Переп. изъ Южн. Края).

Русское Судоходство №№ 80—95. 80—81. Городскіе сборы въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей.

— Рыбопромышленная выставка 1889 г. (Черное и Азовское моря) Н. Крылова.

82. Изъ прошлаго (учрежденіе Черноморской компаніи) В. Т.

— Изъ Ростова на Дону.

86. Наше судоходство (Черное море).

87. Изъ прошлаго (черноморская торговля).

— Наше судоходство (одесскій портъ).

94, 95. Наше судоходство (Черное море).

Сѣверъ №№ 15—33. 17. Ялта, съ картины проф. Лагоріо.

22. Дорога въ Китаевъ, съ картины В. Д. Орловскаго.

23. Вишни поспѣли. Рис. К. А. Трутовскаго.

24. Бахчисарай, съ карт. Кондратенка.

Недѣля №№ 18—31. 23. Предстоящее бѣдствіе.

24. Рабочія шатанія.

25. Пожары городовъ.

— Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ»: изъ Чернигова о земскихъ выборахъ; изъ Одессы объ учрежденіи коммиссіи подъ предсѣдательствомъ временнаго генералъ-губернатора по вопросу объ урегулированіи рыбной ловли въ устьяхъ Днѣпра, Днѣстра, Буга, Дона и на побережьи Чернаго моря.

26. Переселенческій проектъ.

27. Забытое дѣло.

28. Въ отдѣлѣ «Разныя извѣстій». Различіе въ судьбѣ переселенческихъ партій.

«Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» изъ кобелякскаго уѣзда полтавской губерніи о трудахъ очереднаго земскаго собранія.

29. «Народное образованіе»: «Первая сельская общественная библіотека», въ с. Марковскомъ, лебединскаго уѣзда, харьк. губ.

Въ отдѣлѣ «Экономическія замѣтки»: О регулированіи рыболовства на днѣпровск., бугск., березан. и днѣстр. лиманахъ.

30. Въ томъ же отдѣлѣ: «Печальныя свѣдѣнія о переселенцахъ».

Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ», изъ Верхне-Днѣпровска, екатеринославск. губерніи по вопросу о проектѣ передачи сельскихъ школъ во вѣдѣніе духовенства.

31. «Земское городское самоуправленіе»: Земская колонія душевно-больныхъ въ Херсонѣ.

Въ отдѣлѣ «Экономическія извѣстія»: Воскрешеніе чумачества на югѣ Россіи; Переселенцы на арестантскомъ положеніи.

Съ сѣвера на югъ.

Кіевлянинъ №№ 160—180. 161. Корреспонденція изъ м. Гощи, острожск. у. волын. губ. О раскопкахъ кургановъ въ іюлѣ сего года на фермѣ Агатовкѣ при с. Томаховѣ, произведенныхъ Т. В. Кибальчичемъ, и о церкви Архистратига Михаила въ м. Гощѣ (построена 1639 г.).

162. Корреспонденція изъ м. Аннополя острож. у. волынск. г. О церкви с. Глинниковъ, древней мѣстночтимой иконѣ св. Николая, мѣстномъ обычаѣ приносить въ церковь на панихиды коровье масло и о церкви с. Малый Скнитъ.

163. Замѣтка о книгѣ «Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь».

— Коневодство въ харьковской губ.

165. Перепечатка изъ «Крым. Вѣстн.» о существовавшей въ прошломъ столѣтіи въ Крыму ротѣ амазонокъ.

166. Восьмисотлѣтіе Великой церкви Кіево-Печерской лавры и перечень древнѣйшихъ храмовъ въ Россіи (XI—XVI вв.).

— О находкѣ въ Кіевѣ на ул. Нижній Валъ польскихъ серебряныхъ монетъ XVII вѣка.

168. Кіевскія наводненія прежнихъ временъ.

169. Историческая справка о поврежденіяхъ кіевскихъ храмовъ молніею.

169, 170. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Историч. очеркъ. Перепечатка изъ «Елисаветгр. Вѣстн.».

170. Залежи фосфоритовъ въ воронежск. губ.

174. О пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ ровенскаго реальнаго училища.

— Корреспонденція изъ м. Славуты волынск. губ. О дворцѣ Сангушковъ, мѣстной церкви и лѣчебныхъ заведеніяхъ.

178. Восьмисотлѣтіе Великой лаврской церкви. Историческій очеркъ.

179. Слово по случаю 800-лѣтія Великой лаврской церкви, произнесенное протоіереемъ М. Д. Златоверховниковымъ.

180. Списокъ кіевскихъ генералъ-губернаторовъ.

Кіевское Слово №№ 729—749. 729. Краткій некрологъ гр. Ядвиги Ржевусской, писавшей подъ псевдонимомъ Лелива.

731, 732. О расширеніи метеорологической сѣти юго-западной Россіи.

734. Корреспонденція изъ Остра черн. г. О раскопкахъ.

745. Библіографическая замѣтка о имѣющемъ скоро выйти въ свѣтъ изданіи П. Н. Батюшкова «Литва и Бѣлоруссія».

746. Біографическія свѣдѣнія о ген.-ад. Ѳ. Ѳ. Радецкомъ.

— Перепечатка изъ № 8 «Кіевск. Стар.» воспоминаній М. К. Чалаго о К. Д. Ушинскомъ.

747. Праздникъ въ Лаврѣ 14 августа.

748. Кіевскіе генералъ-губернаторы. (Списокъ ихъ; есть ошибки).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 21—23. 21—23. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. С. Хорупань, с. Головчинцы, 1-й благочинническій округъ дубенск. у.: с. Будеражъ, с. Пѣвче, с. Буща, с. Бѣлашевъ, м. Варковичи, с. Бѣлобережье, с. Дермань, с. Жарновъ, с. Збытинъ, с. Княгининъ, с. Кунинъ, с. Уѣздцы.

21. Нѣсколько мыслей по поводу возсоединенія съ православною церковью чеховъ въ с. Волковыяхъ дубенск. у.

— Годичный актъ въ волынскомъ женскомъ епарх. училищѣ.

— Уніаты въ австрійской имперіи.

— С. С. Гогоцкій (некрологъ).

22. Церковное торжество по случаю 50-лѣтія со времени возсоединенія уніатовъ съ православною церковью въ м. Домбровицѣ, ровенск. уѣзда.

23. Отчетъ о дѣятельности Св.-Владимірскаго православнаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ за 1888 г. и опись предметовъ, поступившихъ въ древлехранилище братства.

— Библіографич. замѣтка о книгѣ Е. Н. Дверницкаго «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ».

Волынь №№ 116—140. 122. Передовая статья по поводу 25-лѣтія существованія газеты «Кіевлянинъ».

126. Перепечатка изъ іюльск. книжки «Кіевск. Старины» воспоминаній г. Дворжицкаго-Богдановича о курскомъ губернаторѣ Денѣ.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 29—32. 29. Воспоминаніе о митрополитѣ Іосифѣ Сѣмашкѣ.

— Празднованіе IV округомъ каменецкаго у. 50 лѣтія возсоединенія уніатовъ.

— С. С. Гогоцкій (некрологъ). Переп. изъ «Кіевл.».

30. Отвѣтъ впр. Алексія архіеп. литовскаго на привѣтственную телеграмму пр. Доната еп. подольскаго по случаю 50 лѣтія возсоединенія уніатовъ.

— Празднованіе 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ въ с. Малой Косницѣ, ямпольскаго уѣзда.

— Историч. свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ въ связи съ гражданскою и церковною жизнію Подоліи.

— Реставрація Кіево-Софійскаго собора.

31. Посѣщеніе преосв. Димитріемъ еп. балтскимъ г. Балты и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, селъ и мѣстечекъ подольск. епархіи въ 1888 г.

— Празднованіе V округомъ проскуровскаго у. 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

— Эпизодъ изъ временъ возсоединенія уніатовъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Прот. Н. Михневича.

32. Проповѣди, произнесенныя во время празднованія въ м. Немировѣ 50 лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Черниговскія Епарх. Извѣстія 13—15. 13. Сказаніе о смерти блаж. Константина митроп. кіевскаго, въ Черниговѣ скончавшагося. (Изъ Четьи-Миней, іюня 5).

— Рѣчь къ празднованію въ черниговскомъ дух. училищѣ 8 іюля 1889 г. 50-лѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ. М. Михайловскаго.

14, 15. Краткій очеркъ исторіи литовской церковной уніи, пути проведенія и состояніе ея отъ начала до возсоединенія уніатовъ 1839 г.

Черниговскія Губ. Вѣдомости 58--65. 60, 62, 65. Къ исторіи края. Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. IV. Глуховскій уѣздъ. 1. Кулябка. 2. Туманскій. 3. Гудовичъ. 4. Паульсонъ. 5. Жайворонковъ. 6. Иваненко. 7. Миклашевскій. 8. Омельяновичъ. 9. Борковскій. 10. Миклашевская. 11. Фененко. 12. Карпѣка. 13. Уманецъ Ф. 14. Папаримскій. 15. Уманецъ Вас. 16. Халкиданскій. 17. Митяшевичъ. 18. Шликевичъ. 19. Миклашевская М. 20, Александровичъ. 21. Мирковскій. 22. Винда. 23. Высоцкій. 24. Адамовичъ. 25. Уманецъ Ив. 26. Товстоногъ. 27. Троцкій. 28. Высоцкій Як. 29. Коробкина. 30. Войцехъ. 31. Полонскій. 32. Базилевичъ Вас. 33. Делѣянсъ. 34. Пуранскій. 35. Константиновичъ. 36. Романовская. 37. Козловскій. 38. Карновичъ. 39. Коротковъ. 40. Шапочниковъ. 41. Ефремовскій. 42. Дубровскій. 43. Гудима-Мосепзовскій. 44. Яновъ. 45. Винда Дем. 46. Даниловъ. 47. Рѣшетинскій. 48. Кулѣшевъ. 49. Кобасъ. 50. Соляниковъ. 51. Дорошенко Лук. 52. Нарбутъ. 53. Дорошенко Мих. 54. Василенко.

55. Галяховскій. 56. Лазаревичъ Яковъ. 57. Лазаревичи Гавр. и Коз. 58. Зарубинъ.

63. Корреспонденція изъ Остра о поискахъ клада и о мѣстныхъ памятникахъ древности (переп. изъ Кіевскаго Слова).

Земскій Сборникъ Черниговской губ. №№ 3—4. 3, 4. Первые шаги шелководства въ черниговской губ. С. Лисенка.

— Въ стенографическомъ отчетѣ о засѣданіяхъ очереднаго губ. земскаго собранія 1888 г. пренія по вопросу о перенесеніи въ Черниговъ мощей св. князя Михаила черниговскаго.

Полтавскія Епарх. Вѣдомости №№ 14—15. 14. Рѣчь по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ прот. Терлецкаго.

Одесскій Вѣстникъ №№ 184—200. 184. Къ исторіи одесскаго мѣстнаго отдѣленія Краснаго креста.

185. Путеводитель по Крыму, Сосногоровой и Караулова (рецензія).

187, 191. Къ исторіи елисаветградскаго «Общества распространенія ремеслъ и грамотности».

188. Памятникъ ген.-ад. Дрентельну (корресп. изъ Кіева).

189. Некрологъ мѣстнаго литератора Конст. Вас. Ханацкаго.

190. Объ открытіи въ Одессѣ съ 30 авг. новой еженедѣльной газеты «Школьное обозрѣніе».

191. Къ исторіи «Общества попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ».

192. Школы въ одесскомъ уѣздѣ (статистическій обзоръ).

195. Роль литературы въ политикѣ славянъ (по поводу раздора и полемики галицко-русскихъ партій).

196. О возрожденіи въ южной Россіи чумачества (по поводу статьи «Русск. Курьера»).

— Изъ одесской старины. В. Яковлева.

— Отчетъ о первомъ представленіи драмы Кукольника «Азовское сидѣнье».

198. Къ исторіи «Николаевскаго общества для устройства ночлежныхъ пріютовъ».

199. О десятинщикахъ въ херсонской губерніи.

Одесскій Листокъ 1889 г. №№ 114—136. 114. Перечатано изъ «Новостей» извѣстіе о томъ, что въ екатериносл. губ. у одного изъ землевладѣльцевъ имѣется цѣлая коллекція предметовъ, употреблявшихся запорожскими козаками.

121. Извѣстіе о раскопкѣ г. Эварницкимъ кургана въ д. Богодаръ, александровск. уѣз. екатерин. губ.

131. То же извѣстіе, нѣсколько подробнѣе изложенное.

136. Перепечатано изъ ст. проф. Багалѣя («Кіевская Старина» 1889 г. №№ 5—6) объ основаніи города Одессы.

Елисаветградскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 94—180. 94. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Очень коротенькій историческій очеркъ.

Легенда о Петрѣ В. Перепечатка изъ Черниг. Губ. Вѣдомостей.

95. О спектакляхъ товарищества малорусскихъ артистовъ въ Елисаветградѣ. Статья *Подорожняго.*

96. Страничка изъ исторіи театра галицкихъ малороссовъ. Перепечатано изъ «Зари» 1885 г.

101. Кое что изъ сравнительной антропологіи славянъ. Это—продолженіе статьи, напечатанной раньше (послѣдняя стат. см. въ № 59). Продолжается въ №№ 109-мъ, 112-мъ.

103. Крашанки и писанки на Волыни. Стат. *Д. Г—скаго.*

114. По поводу программы, составленной коммиссіей собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

117. Перепечатка изъ статьи г. Эварницкаго «Переправа черезъ Днѣпровскіе пороги» (Историч. Вѣстн. 1888 г. № 1), гдѣ разсказывается о гонкѣ плотовъ плотовщиками—бѣлоруссами.

121. Письмо ректора императ. хар. университета съ приглашеніемъ къ пожертвованію на постановку памятника В. Н. Каразину.

123. Древнія типографіи на Волыни. Перепечатка изъ Вол. Губ. Вѣд.

130. Отзывъ о піесѣ г-жи Шабельской «Пидъ Ивана Купала».

131. Кое что къ археологической картѣ херсонской губ. Стат. сельскаго учителя *А. Махно.* Продолжается въ №№ 148-мъ, 162-мъ, 166-мъ.

137. Омелько Каторжный. Разск. *Дм. Марковича.* Это переводъ съ малорусскаго яз.; оригиналъ помѣщенъ въ сборникѣ «Степъ» Спб. 1886 г.

142. Къ вопросу о сооруженіи памятника Каразину. Стат. *Ю. П—аго.*

174. Печать о Малороссіи. Статья, знакомящая съ отзывомъ иностранцевъ о малорусскихъ пѣсняхъ.

175 На Вовчомъ Хуторѣ. Разказъ *Дм. Марковича.* Перепечатано изъ «Кіевск. Стар.» 1889 г. № 8.

179. Старинныя украинскія пѣсни въ болгарскомъ селѣ. Стат. *Нетяги.*

Сборникъ Херсонскаго Земства № 4. 4. Въ отдѣлѣ «Дѣятельность херсонскаго земства» нѣкоторыя свѣдѣнія о хлѣбной торговлѣ и состояніи сельскаго хозяйства въ херсонской губерніи.

4, 5. Статистика движенія населенія въ херсонской г. въ 1887 г. М. Уварова.

— Объ археологической картѣ херсонской губерніи В. Ястребова.

— Въ Приложеніяхъ: Статистическое описаніе тираспольскаго (отд. III и IV) и ананьевскаго (отд. I.) уѣздовъ.

5. О состояніи народныхъ школъ въ Херсонѣ и на подгородныхъ хуторахъ въ 1888 г.

— Статистич. описаніе херсонскаго и тираспольскаго уѣздовъ.

6. Объ организаціи физико-географическихъ изслѣдованій на юго-западѣ Россіи. А. Клоссовскаго.

— Статистич. описаніе херсонскаго уѣзда.

7. Фенологическія наблюденія, произведенныя на юго-западѣ Россіи въ 1888 г. Проф. А. Клоссовскаго.

— Статистич. описаніе ананьевскаго уѣзда.

Кишиневскія Епарх. Вѣдомости №№ 14—15. 14, 15. Преосв. Варлаамъ, еп. минскій и туровскій.

Крымъ №№ 80—94. 81. Воспоминаніе о полезной дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ князя Потемкина-Таврическаго по поводу предстоящаго столѣтія его кончины (1791 г.) и мнѣніе о необходимости постановки ему памятника въ Симферополѣ.

87. Перепечатка изъ іюл. книжки «Кіев. Старины» воспоминаній г. Дворжицкаго-Богдановича о курскомъ губернаторѣ Денѣ.

92. Замѣтка о проектѣ проф. А. Клоссовскаго относительно организаціи физико-географическихъ изслѣдованій ни югѣ Россін.

— Замѣтка объ археологическихъ раскопкахъ подъ наблюденіемъ II. Варсоблюка въ Херсонесѣ и объ открытыхъ развалинахъ нѣсколькихъ древнихъ храмовъ.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 14—15. 14. Торжество столѣтія приходскаго храма въ слоб. Прогорѣлой, богучарскаго уѣзда.

— Образцовая школа при воронежской семинаріи.

Донская Рѣчь №№ 84—89. Пропавшіе акты по исторіи Дона. Сизякина.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 28—31. 28, 29. Историческіе документы запорожскаго сѣчеваго архива. 1) Указъ Сената отъ 11 іюня 1745 г. кошевому атаману Василію Григорьевичу и всему войску запорожскому о томъ, чтобы запорожцы для рыбныхъ ловель на кубанской сторонѣ моря въ непринадлежащіе Россіи мѣста не въѣзжали и обидъ кубанцамъ не чинили; 2) Инструкція, данная кошевымъ атаманомъ Якимомъ Игнатовичемъ въ 1754 г. войсковому эсаулу, полковнику Петру Кальнишевскому объ «искорененіи недобрыхъ сыновъ, злодѣевъ между войскомъ запорожскимъ»; 3) Указъ отъ 7 іюня 1744 г. кіев. ген.-губернатору Леонтьеву объ отношеніяхъ къ полякамъ въ заднѣпровскихъ поселеніяхъ; 4) Ордеръ гетмана К. Разумовскаго кошевому атаману о мѣрахъ противъ разбойниковъ и о присылкѣ обвиняемыхъ въ разбоѣ въ Глуховъ; 4) «Милостивое слово» имп. Елизаветы гетману Разумовскому отъ 19 сентября 1759 года по поводу жалобъ крымскаго хана на обиды и разбои запорожцевъ.

80. Къ вопросу о рыболовныхъ мѣстахъ, принадлежавшихъ кн. Потемкину-Таврическому въ Черноморіи. П. П. Короленка.

Курскій Листокъ №№ 82—95. 82, 85. Первые шаги курскаго губернскаго земства по народному образованію. Богдановича.

89. Мѣстные и отхожіе промыслы.

90. Участіе земства въ открытіи курскаго реальнаго училища. П. Богдановича.

91. Въ окрестностяхъ Коренной пустыни.

Орловскій Вѣстникъ №№ 87—104. 87. Болховъ. Краткій истор. очеркъ. Прибавленіе къ № 97. Въ отдѣлѣ «Замѣтки» о возрожденіи чумачества на югѣ Россіи.

104. Въ отдѣлѣ «Дневникъ» О переселенческомъ движеніи.

Минскій Листокъ №№ 53—62. № 54.—Замѣтка о предстоящемъ праздновапіи въ 1893 году столѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи и о предпринимаемомъ по этому поводу изданіи историческихъ матеріаловъ.

Литовскія Епарх. Вѣдомости №№ 27—31, № 27—28.—Телеграммы и адресы по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

29—30. Рѣчи, сказанныя въ г. Вильнѣ 8 іюня 1889 г. по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

— Церковище Евьевскаго православнаго монастыря во имя Успенія «Святыя Пречистыя». И. С.

Варшавскій Дневникъ №№ 150—178. № 155.—Статья Вэвэса: «Фабричная промышленность царства Польскаго» (окончаніе въ №№ 156 и 160).

157.—Разборъ «Памятной книжки Плоцкой губерніи на 1889-й годъ», съ извлеченіемъ данныхъ о состояніи губерніи.

163.—Замѣтка о древностяхъ Херсонеса и о раскопкахъ.

164. Корреспонденція изъ мѣст. Корца (новоградъ-волынскаго уѣзда), въ которой излагается исторія этого мѣстечка.

172.—Разборъ книги: «Głos z ludu w kwestii polskiey Napisal chłop. Warszawa. 1889», содержащей въ себѣ историко-политическое обозрѣніе Польши съ XVI вѣка (окончаніе въ № 174).

Червоная Русь №№ 143—160. 143. Краткая замѣтка о брошюрѣ Стрѣльбицкаго «50-лѣтіе возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ».

150. Промышленные школы въ Галичинѣ.

151 Литература и искусство. Краткіе отзывы о № 6 «Науки», № 14 «Новаго Галичанина», № 11—12 «Русской Правды» и о статьѣ К. Э. Францоза въ Neue freie Presse о малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

151—154, 157—160. Чужіе стихіи въ Галичинѣ. По поводу книги В. Левицкаго «Nasze, czy obce żywioły».

156. Эмиграція изъ Галичины.

— Литература и искусство. Краткія замѣтки о № VII—VIII Русской Библіотеки и о Календарѣ Общества Качковскаго.

Зоря № 9, 10. 13 и 14. Черезъ що баба Макрина богомилкою стала.— О. Катренка.

9. Новобранчикъ — поэма Ю. Федьковича.

9—14. Стефанъ Качала—политично суспильна студія — Ом. Калитовскаго.

9—14. Исторія литературы рускои.—Ом. Огоновскаго. Пер. новый. 1. Кирило Тополя, 2. Иванъ Озаркевичъ, 3. Рудольфъ Махъ, 4. Игнатій Якимовичъ. Краткій списокъ писателей, оставившихъ послѣ себя драматическія произведенія, и списокъ нѣкоторыхъ драмъ, написанныхъ на малороссійскомъ языкѣ. Періодъ новый Б. Проза: а) повѣсти 1. Григорій Квѣтка-Основяненко.

9—14. О археольогично-библіографичной выставцѣ Ставропигійскаго института—И. Скобельскаго.

— Ще о товариствѣ им. Шевченка.

9—11. Въ справѣ видносинъ украинцѣвъ до россійской литературы.

— Библіографични звѣстки. О góralach ruskich w Galicyi. Орлеанська дѣва. Кіевская Старина № 2 и 3. 1889, Ognisko, г. № 1. Енько Какъ и откуда добывается шелкъ. Русины въ Revue Britanique. «Кіевская Старина» № 4 1889 г. I. Франко Смерть Каина. Огоновскаго Грамматика руського языка. Селцкаго Жите св. Ивана Золотоустого.

11. Орися. Разск. М. Максименковои.

12. Чубатый. Начеркъ Вячеслава Потапенка.

— Пригородне село. Очеркъ М. Сиромахи.

13—14. Чума. I. Франка.

— Бѣла Панна. Переводъ повѣсти Г. А. Мачтета.

— Записки въ Служебнику, печатанôмъ 1666 року.

— Библіографични звѣстки. 11. Исторія литературы рускои. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Ч. II. Галицко-руская библіографія за 1888 г. Составилъ Ив. Ем. Левицкій. 12. Учитель, органъ руского тов. педагогичного, число 1. 13—14. Иванъ Манджура. Степови думы та спивы. Де два цилуються, третій губъ не протягай. Водевиль Г. М. Бораковскаго. Галицко руская библіографія XIX ст. Вып. VIII. Кіевская Старина 5—6.

Gazeta Polska №№ 40—140. 40, 41. Рецензія на книгу: «Историческая замѣтка о 75-лѣтіи витебской гимназіи», составленную учителемъ гимназіи Сапуновымъ.

93 Въ статьѣ «Путешествіе по Жмуди» описываются нѣкоторые тамошніе обряды свадебные и похоронные. За нѣсколько дней до свадьбы товарищи жениха стараются похитить невѣсту, являясь переодѣтыми: то подъ видомъ нищихъ, то подъ видомъ забредшихъ случайно прохожихъ; иногда даже облекаются

въ шкуры животныхъ. При похоронахъ гробъ съ покойникомъ ставятъ на телѣгу и всѣ сопровождающіе размѣщаются на немъ другъ возлѣ друга такъ, что со стороны гробъ не замѣтенъ; затѣмъ съ пѣніемъ похоронныхъ пѣсенъ ѣдутъ на кладбище.

120. Сообщается объ открытіи въ Варшавѣ этнографическаго музея, среди коллекцій котораго видное мѣсто занимаетъ альбомъ подольскихъ и бессарабскихъ типовъ, подаренный музею г. Греймомъ изъ Каменецъ-Подольска.

126. Некрологъ писателя Петра Яксы-Быковскаго.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

Вейнбергъ Л. Б. Распространеніе христіанства на Украйнѣ (Краткій историч. очеркъ, составлен. по неизд. документамъ). Изслѣдованіе. Воронежъ. 1889. 8 д. 80 стр.

Воскресенскій В. Медико-санитарный очеркъ Лукьяновки, предмѣстья г. Кіева. К. 1889. 16 д. 27 стр.

244 засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 16 мая 1889 г. Од. 8 д. 5 стр.

Житіе и творенія св. Димитрія митрополита ростовскаго. М. 8 д. 127 стр.

Котляревскій И. П. Енеида, перелицеванная на малороссійскій языкъ. (Деш. библ. № 84) Изд. А. Суворина Спб. 12 д. 273.

Лазаревскій Ал. Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря (1682—1775) (Оттискъ изъ «Кіев. Старины») К. 1889. 8 д. 40 стр.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. 8 д. 90+III стр.

Отзывы нѣкоторыхъ газетъ о бывшемъ полтавскомъ губернаторѣ Е. О. Янковскомъ. Полтава. 1889. 8 д. 19 стр.

Отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 150+24+14+15 стр.+2 табл.

Отчетъ распорядительнаго комитета одесск. общества для устройства дешевыхъ ночлежныхъ пріютовъ за 1888—89 г. Од. 1889. 8 д. 35 стр.

Сапуновъ А. Историческія судьбы полоцкой епархіи съ древнѣйшихъ временъ до пол. XIX в. 8 д. 170 стр.

Святловскій Е. В. Земская медицина въ черниговской губ. въ 1886 г. Черниговъ. 1889. 8 д. 38 стр. + 1 карта.

Спилка И. На Кубани. Оповидання. Харьковъ 1889. 16 д. 27 стр.

Спилка И. На пивночи. Оповидання. Харьковъ. 1889. 16 д. 30 стр.

Тарасенко И. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. 1889. Кіевъ, 16 д. 79+IV стр.

Цвѣтъ Н. Дачи въ окрестностяхъ Чернигова. Черниговскіе дачники. К. 1889, 16 д. II+5 стр.

Явирченко Д. Екатеринославъ. (Старое и новое). Ред. и изд. А. И. Егорова. Екатеринославъ. 1889. 8 д. 16 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1889 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVI 1889 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

стр.

турнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. Проф. Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1889 г. **И. Каманина.** Н. Н. Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава. 1889 г. **И. Каманина.** Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 г. Кременчугъ. 1889 г. **Ѳ. Н.** Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г. **А. Степовича.** Кіево Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историч. очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Изданіе означеннаго монастыря. Кіевъ. 1889 года. **П. Голубовскаго.** Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государстяа. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Кіевъ. 1889 г. **И. Каманина.** Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По «Исторіи козаковъ» Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889. г. **И. Каманина.** Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 r. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Варшава. 1889. **И. Новицкаго.** Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммиссіею. Томъ четырнадцатый (дополненіе къ III тому). **Ив. Н.** Иванъ Манджура. Степовы думы та спивы. **В. Г.** J. Topolnicki. Mapa do dziejów Polski. Второе изданіе (съ помощью краковской академіи наукъ) исправл. и дополненное по новѣйшимъ изслѣд. **Ц. Неймана.** Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для народнаго чтенія) составилъ священникъ Павелъ Аѳонскій. 1889. Его же: Православныя святыни города Минска. 1889. **И. Каманина.** Časopis Musea království českeho. 1888. Выпускъ III—IV. **А. Степовича.** Обозрѣніе газетъ и

гл. 24, гдѣ говорится: „Двѣма же лѣтома окончавшемася, пріятъ измѣненіе Филиксъ Поркія Фиста“ (ст. 27). У насъ, напротивъ, тѣ, кто посылается куда либо, еще прежде чѣмъ окажутъ заслуги, получаютъ много денегъ изъ казны, хотя по большей части возвращаются ничего не сдѣлавши, но причинивши значительныя притѣсненія тѣмъ, черезъ владѣнія которыхъ пролегалъ ихъ путь, и разоривши ихъ требованіемъ доставки лошадей; эта повинность у насъ называется *подвода*. Въ Московіи только гонецъ, нуждающійся въ очень спѣшной ѣздѣ по государственнымъ дѣламъ, можетъ такимъ способомъ пользоваться лошадьми. Эти гонцы, благодаря быстрой ѣздѣ и частой перемѣнѣ усталыхъ лошадей (которыя содержатся съ этою цѣлью быстрыя и здоровыя во многихъ мѣстахъ), чрезвычайно скоро сообщаютъ извѣстія. Напротивъ того въ Литвѣ канцелярія вашего величества весьма щедро раздаетъ дипломы на право пользованія такою ѣздою; и нерѣдко подводы расходуются для перевозки частнаго имущества придворныхъ, а потомъ, вслѣдствіи ихъ недостатка, мы безъ оповѣщенія подвергаемся нападенію враговъ, своимъ появленіемъ предупреждающихъ извѣстіе о ихъ появленіи, посланное отъ границы. Не такъ давно еще освобождены были отъ этой повинности лица, издавна получившія помѣстья съ обязательствомъ доставлять подводы на всѣхъ путяхъ отъ границъ московскихъ, татарскихъ и турецкихъ въ нашу столицу Вильно. Эти данныя имъ привилегіи слѣдовало бы уничтожить, какъ вредныя для государственныхъ интересовъ.

У насъ очень много московскихъ перебѣжчиковъ, которые, развѣдавши наши дѣла, средства и финансы и изучивъ наши нравы, потомъ свободно возвращаются въ свою страну, а пока находятся здѣсь, тайно передаютъ своимъ наши планы. У татаръ они отдаются въ рабство, у ливонцевъ предаются смерти, хотя москвитяне и не отторгли у нихъ никакой области и связаны съ ними трактатомъ вѣчнаго мира и сосѣдской дружбы; притомъ совершившій такое убійство кромѣ имущества убитаго получаетъ еще денежную награду отъ правительства, потому что ливонцы повинуются поученію Іисуса сына Сирахова: „Не ими вѣры врагу твоему во вѣки...

не постави его при себѣ, да не когда, изринувъ тя, станетъ на мѣстѣ твоемъ". (Гл. XII, ст. 10—12). Если бы и мы слѣдовали этому правилу, то не утратили бы Сѣверской области и замковъ, вмѣстѣ съ которыми отъ насъ отпали Можайскъ и Вязьма [1]). Города эти были бѣдны, когда поступили къ намъ, а отъ насъ отошли богатые и усиленные цѣлыми областями, которыя были поручены ихъ управленію.

Народъ московскій хитрый и вѣроломный, неискренній и непостоянный; возвратившись въ свое отечество, люди эти становятся вождями и самоувѣренно опустошаютъ наши области. Въ числѣ московскихъ перебѣжчиковъ, которые въ темныя ночи убивали людей въ Вильнѣ и освобождали изъ темницы своихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, былъ одинъ священникъ, который, добывая тайно изъ королевской канцеляріи копіи договоровъ, рѣшеній и протоколовъ совѣщаній, посылалъ ихъ своему князю; другой купилъ для употребленія при чародѣйствѣ св. причастіе, сохраненное нѣкоею дѣвицею при исполненіи этого таинства. Когда сгорѣло Вильно въ 1529 году, эти пронырливые и преступные люди тотчасъ донесли о томъ своему князю. Тогда въ соборной церкви св. Станислава, крытой свинцомъ съ позолоченными куполами, украшенной многими золотыми и серебряными сосудами и драгоцѣнными камнями, сгорѣло около 300 старинныхъ знаменъ, добытыхъ во время побѣдъ, одержанныхъ надъ русскими, москвитянами, нѣмцами и другими народами, а также 12 новыхъ знаменъ, повѣшенныхъ тамъ послѣ побѣды, одержанной надъ москвитянами у Орши 8-го сентября въ день рождества Богородицы 1514 года, въ которой было убито и взято въ плѣнъ 80,000 человѣкъ. Хитрый великій князь объявилъ награды тѣмъ перебѣжчикамъ, которые пожелаютъ возвратиться, хотя бы это были люди неважные и безполезные: рабу обѣщалъ свободу, человѣку простаго званія—дворянство, несостоятельному

---

[1]) Въ текстѣ городъ этотъ названъ Ossomacitz; вслѣдствіи сопоставленія историческихъ событій, мы полагаемъ, что подъ этимъ именемъ, видимо искаженнымъ, должно разумѣть Вязьму (въ окрестности которой протекаетъ рѣка Осьма), которою въ 1494 году овладѣлъ воевода Іоанна III, князь Даніилъ Васильевичъ Щеня.

должнику—прощеніе долга, преступнику—избавленіе отъ законной отвѣтственности.

Намъ принадлежитъ знаменитый замокъ и городъ Кіевъ, который, подобно другимъ крѣпостямъ, содержится небрежно, хотя съ кіевскихъ высотъ видны многія области, какъ гласитъ русская поговорка. Онъ занимаетъ первостепенное мѣсто среди другихъ замковъ и областей и расположенъ надъ рѣкою на границѣ степи, и Полѣсья. Почва кіевской области до того плодородна и удобна для обработки, что нива, вспаханная только разъ парою быковъ, даетъ обильнѣйшій урожай; даже невоздѣланныя поля производятъ растенія, питающія людей своими корнями и стволами. Здѣсь растутъ деревья, дающія разнообразные нѣжные плоды, воздѣлывается винная лоза, дающая большія кисти винограда, и мѣстами, на склонахъ, встрѣчается дикій виноградъ. Старые дубы и буки, въ которыхъ отъ ветхости образовались дупла, изобилуютъ роями пчелъ и сотами, отличающимися прекраснымъ цвѣтомъ и вкусомъ.—Дикихъ звѣрей: зубровъ, дикихъ лошадей и оленей такое множество въ лѣсахъ и на поляхъ, что за ними охотятся только ради кожи, а мясо, по причинѣ большаго его изобилія, бросаютъ, за исключеніемъ филейныхъ частей; ланями и дикими кабанами совсѣмъ гнушаются. Дикія козы въ такомъ огромномъ количествѣ перебѣгаютъ зимою изъ степей въ лѣса и лѣтомъ обратно въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ ихъ до тысячи въ годъ. По берегамъ рѣкъ во множествѣ встрѣчаются поселенія бобровъ. Птицъ такое поразительное множество, что весною мальчики наполняютъ цѣлыя лодки яйцами дикихъ утокъ, гусей, журавлей и лебедей, а потомъ ихъ птенцами наполняютъ птичники. Орлятъ запираютъ въ клѣтки ради ихъ перьевъ, которыя прикрѣпляютъ къ стрѣламъ. Собакъ кормятъ мясомъ дикихъ звѣрей и рыбою, такъ какъ рѣки изобилуютъ невѣроятнымъ количествомъ осетровъ и другихъ большихъ рыбъ, подымающихся изъ моря вверхъ по рѣкамъ въ прѣсную воду. Поэтому многія рѣки называются золотыми, особенно Припять, которая въ одномъ мѣстѣ вблизи

Мозыря, при устьи рѣки Тура[1]), съ накопленіемъ свѣжей воды изъ источниковъ ежегодно, въ началѣ марта, наполняется такимъ множествомъ рыбы, что брошенное въ нее копье ущемляется и стоитъ отвѣсно, словно водруженное въ землю—такъ густо сбивается тамъ рыба. Я бы не повѣрилъ этому, если бы самъ не видалъ зачастую, какъ оттуда безпрерывно черпали рыбу и наполняли ею въ одинъ день до 1000 возовъ, принадлежавшихъ пріѣзжимъ купцамъ, которые ежегодно съѣзжаются къ этому времени.

Борисѳенъ самая большая и обильная рѣка въ этой странѣ, по ней доставляютъ въ Кіевъ безмѣрное количество рыбы и другихъ товаровъ. Съ востока выше Кіева съ нею соединяются: Десна, Сеймъ и другія рѣки, вытекающія изъ Сѣверщины и Московіи. Съ сѣверозапада и юга въ Борисѳенъ впадаютъ: Сожь, Березина, Припять, Словешня, Ушь, Тетеревъ, Ирпень, воды которыхъ увеличиваются притоками, каковы: Вехра, Проня, Ипуть, Друть, Бобръ, Титва, Птичь, Случь, Ореса, Стырь, Горынь, Пина[2]).—Кромѣ того много другихъ рѣкъ вливается въ Днѣпръ сверху и снизу, вытекая изъ Литвы, Руси, Волыни и Московіи. По всѣмъ этимъ рѣкамъ сплавляютъ въ Кіевъ рыбу, мясо, мѣха, медъ, а также

---

[1]) Очевидно въ текстѣ сдѣлана ошибка или въ опредѣленіи мѣстности, или въ имени рѣки, если подъ именемъ Туръ слѣдуетъ разумѣть притокъ Припяти Турію, то мѣстность указана невѣрно, такъ какъ Турія впадаетъ въ Припять почти у ея верховья—въ ковельскомъ уѣздѣ волынской губ., слѣдовательно очень далеко отъ Мозыря. Если же мѣстность въ текстѣ указана вѣрно, то ошибка произошла въ названіи рѣки; вблизи Мозыря впадаютъ въ Припять три болѣе значительныхъ притока: Словешня, Птичь и Уборть, можетъ быть авторъ имя послѣдней измѣнилъ въ Туръ.

[2]) Имена многихъ рѣкъ значительно измѣнены въ текстѣ, такъ Словешня, Ушь, Ирпень, Проня, Птичь въ латинскомъ текстѣ написаны такъ: Slorz snia, Ussa, Kpiew, Propascz, Pczit. Что такое Титва, мы не могли догадаться; судя по мѣсту, какое занимаетъ въ перечнѣ эта рѣка, можно предположить, что это притокъ Припяти—Ипа.—Сверхъ того въ перечень вкрались географическія ошибки; Сеймъ Словешня и Ушь названы въ числѣ притоковъ Днѣпра, между тѣмъ какъ первый впадаетъ въ Десну, а двѣ другія въ Припять; за то р. Друть, притокъ Днѣпра, помѣщена въ числѣ притоковъ Сожи и Березины. Изъ числа перечисленныхъ второстепенныхъ притоковъ впадаютъ въ Сожь: Вехра, Проня и Ипуть; въ Березину—Бобръ; въ Припять—Ипа (?) Птичь (съ притокомъ Оресою), Случь (сѣверная), Пина (при посредствѣ Яцолды), Стырь, Горынь, Словешня и Ушь.

соль изъ таврическихъ лимановъ, называемыхъ Качибеевыми [1]), гдѣ нагрузка солью цѣлаго корабля стоитъ 10 стрѣлъ.

Борисѳенъ представляетъ удобство для защиты всѣхъ областей вашего величества отъ набѣговъ татаръ, потому что плаваніе по немъ ниже Черкасъ затрудняется одиннадцатью порогами, имѣющими особыя имена и залегающими поперегъ рѣки въ видѣ острыхъ и неровныхъ утесовъ, такъ что переправа черезъ нихъ возможна только на судахъ разгруженныхъ; сверхъ того, вслѣдствіи характера береговъ, покрытыхъ высокими, отвѣсными скалами, затрудненъ самый доступъ къ рѣкѣ и переправа черезъ нее возможна ниже Черкасъ только въ немногихъ мѣстахъ, называемыхъ: Кременчугъ, Упскъ, Гербедеевъ Рогъ, Мишуринъ, Кичкасъ, Тавань, Бургунъ, Тягиня и Очаковъ. Если бы въ этихъ мѣстахъ расположить хотя небольшія флотиліи, то онѣ могли бы преградить переправу самымъ численнымъ татарскимъ войскамъ, потому что татары обыкновенно переправляются безъ лодокъ, держась за лошадей, безъ оружія и нагіе, ихъ легко могли бы прогнать вооруженные люди, выѣхавши на встрѣчу въ лодкахъ изъ за островковъ, камышей и кустовъ лозы.

Насколько нашъ Борисѳенъ неудобенъ для перекопцевъ лѣтомъ, настолько онъ выгоденъ для нихъ зимою, потому что тогда, съ прекращеніемъ судоходства, они съ полною безопасностью пасутъ свои стада за рвомъ на островахъ и среди лозовыхъ зарослей на этой рѣкѣ; они называютъ ее текущею медомъ и молокомъ, потому что рѣка эта въ верхнемъ своемъ теченіи пролегаетъ по странамъ лѣснымъ, богатымъ пчелами, а въ нижнемъ по степямъ, обильнымъ пастбищами, и потому доставляетъ въ изобиліи медъ и молоко жителямъ своего побережья; эти соображенія побуждаютъ татаръ заботиться о сохраненіи мира и союза съ владѣльцемъ Борисѳена, великимъ княземъ литовскимъ. Рѣка эта отъ верховья своего до устья протекаетъ по старымъ литовскимъ владѣніямъ у городовъ, которые я осматривалъ: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска, Дубровна,

[1]) Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду Хаджибейскій лиманъ, лежащій вблизи нынѣшней Одессы.

Орши, Могилева, Рогачева, Быхова, Рѣчицы, Любеча, Чернобыля, Кіева, Канева, Черкасъ и Дашева или Очакова, у котораго Днѣпръ впадаетъ въ море, раздѣлившись на 12 гирлъ, сливающихся дальше въ одинъ лиманъ. Невдалекѣ оттуда находится устье Днѣстра, называемое Видовымъ (озеромъ) по имени поэта Овидія, который былъ сосланъ, какъ полагаютъ, на этотъ берегъ Понта. Нѣкоторые полагаютъ также, что Иліонъ или Троя находилась на кіевской землѣ, среди ея плодородныхъ полей и пріятныхъ рощъ. Тамъ видны ея слѣды въ существующихъ нынѣ развалинахъ,—сводахъ, подземельяхъ, выстланныхъ мраморомъ, полахъ и остаткахъ большихъ стѣнъ. Мѣсто это, еще недавно пустынное, но весьма удобное для поселенія, называется Торговица [1]),

Кіевъ изобилуетъ иностранными товарами, ибо нѣтъ пути болѣе обычнаго, какъ древняя, давно проложенная и хорошо извѣстная дорога, ведущая изъ черноморскаго порта, города Кафы, черезъ ворота Таврики, на таванскій перевозъ на Днѣпрѣ, а оттуда степью въ Кіевъ; по этой дорогѣ отправляютъ изъ Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи и Сиріи на сѣверъ въ Московію, Псковъ, Новгородъ, Швецію и Данію всѣ восточные товары, какъ то: дорогіе каменья, шелкъ и шелковыя ткани, ладанъ, благовонія, шафранъ, перецъ и другія пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляютъ отряды, иногда въ тысячу человѣкъ, называемые *караванами,* и сопровождаютъ обозы, состоящіе изъ многочисленныхъ нагруженныхъ возовъ и навьюченныхъ верблюдовъ. Прежде эти караваны платили значительную пошлину предкамъ вашего величества при переправѣ черезъ Борисѳенъ у Тавани; тамъ и понынѣ сохранилось въ цѣлости каменное зданіе со сводами, которое и наши, и татары, и греки называютъ Витовтовою банею [2]), и разсказываютъ, что въ немъ жилъ нѣкогда мытникъ великаго

[1]) Торговица—мѣстечко кіевской губерніи, уманскаго уѣзда, на р. Синюхѣ, на границѣ херсонской губерніи и уѣзда.

[2]) Въ текстѣ Vitordinum (sic) balneum.—Таванью называется одинъ изъ днѣпровскихъ островов, лежащій противъ мѣстечка Тягинки (херсонской губерніи и уѣзда).

княжества литовскаго, собиравшій пошлину; если же кто не уплачивалъ пошлины, или захваченъ былъ въ прелюбодѣяніи, того наказывали въ Кіевѣ конфискаціею всего имущества; законъ этотъ, называемый *осьмничествомъ* [1]), былъ постановленъ въ видахъ обузданія сарацинской похотливости и соблюдался въ теченіи многихъ столѣтій, но въ послѣднее время началъ приходить въ забвеніе.

Если же купцы, избѣгая двухъ переправъ черезъ Борисѳенъ и не желая платить пошлины вашему величеству, оставляютъ старую дорогу, пролегающую черезъ владѣнія вашего величества и отъ таврическихъ воротъ сворачиваютъ внизъ, а затѣмъ направляются по непроходимымъ степямъ въ Московію черезъ Путивль, или возвращаются этимъ путемъ, то часто случается, что ихъ грабятъ разбойники, скитающіеся въ тѣхъ мѣстахъ.

При проходѣ каравана значительные доходы извлекаютъ кіевскіе жители: воеводы, мытники, купцы, мѣнялы, лодочники, извощики, трактирщики и шинкари, и обстоятельство это не вызывало понынѣ ничьихъ жалобъ, ни со стороны москвичей, ни турокъ, ни татаръ. Кіевляне пользуются выгодами отъ каравановъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе, проходя зимою черезъ степи, сбиваются съ пути и гибнутъ подъ снѣжными заносами.

Въ невзрачныхъ кіевскихъ хатахъ встрѣчается не только достатокъ, но даже изобиліе плодовъ, овощей, меду, мяса и рыбы; сверхъ того, вслѣдствіи вышеуказанныхъ причинъ, онѣ до такой степени переполнены дорогими шелковыми одеждами, драгоцѣнными

---

[1]) Осмѣникъ былъ чиновникъ, назначавшійся кіевскимъ воеводою для сбора пошлины съ товаровъ, привозимыхъ въ Кіевъ; сверхъ того на его обязанности лежало наблюденіе за общественнымъ благочиніемъ. Въ уставной грамотѣ, выданной городу Кіеву в. к. Александромъ Казимировичемъ отъ 14 мая 1499 г., точно опредѣлены обязанности осмѣниковъ и размѣры взимаемыхъ ими пошлинъ; здѣсь мы встрѣчаемъ постановленіе, вполнѣ подтверждающее извѣстіе Михайла Литвина: „Коли осмъникъ воеводинъ застанетъ котораго мѣщанина, або купца, а любо козака христіанина зъ бѣлыми головами непочестныи рѣчи дѣлаючи, ино намѣстнику митрополичому съ того врочная вина, а воеводѣ съ того вины копа грошей; а коли застанетъ осмъникъ въ таковыхъ рѣчахъ гостя: турчина, або татарина, а любо армянина, тогда воеводѣ съ такого вины дванадцать копъ грошей“.—(Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи т. I, стр. 194).

камнями, собольими и другими мѣхами и пряностями, что мнѣ самому случалось видѣть шелкъ, обходившійся дешевле, нежели въ Вильнѣ ленъ, и перецъ дешевле соли.

Кіевъ славится стеченіемъ народонаселенія на его землѣ; на Борисөенѣ и его притокахъ расположены многолюдные города и села, жители которыхъ съ дѣтства привычны къ плаванію, судоходству, рыбной ловлѣ и охотѣ; многіе изъ нихъ, убѣгая отъ родительской власти, труда, рабства, наказаній, долговъ и другихъ непріятностей, или же просто отыскивая болѣе выгодный заработокъ и лучшую мѣстность, собираются въ Кіевщину особенно весною. Познакомившись съ удобствами жизни въ низовыхъ городахъ, они никогда уже не возвращаются къ своимъ, вскорѣ пріобрѣтаютъ опытность и храбрость и знакомятся съ опасностями, охотясь на медвѣдей и зубровъ. Потому въ этой странѣ весьма легко набрать хорошихъ воиновъ.

Кіевъ былъ нѣкогда столицею русскихъ и московскихъ князей; здѣсь они приняли христіанство и теперь еще въ Кіевѣ сохранились древнія церкви, великолѣпно выстроенныя изъ полированнаго мрамора и другихъ иноземныхъ матеріаловъ и крытыя свинцомъ и мѣдью, иныя съ позолоченными куполами; есть также богатѣйшіе монастыри. Особенно славится монастырь, посвященный пресвятой Дѣвѣ Маріи; въ его подземныхъ галлереяхъ и пещерахъ находятся многочисленныя гробницы, въ которыхъ сохраняются мощи сухія и нетлѣнныя; онѣ пользуются большимъ уваженіемъ у русскаго народа, который признаетъ ихъ святыми.—Такъ какъ установилось мнѣніе, что души погребенныхъ здѣсь лицъ удостоиваются спасенія, то всѣ болѣе значительные дворяне, даже изъ отдаленныхъ мѣстностей, хлопочутъ о томъ, чтобы быть здѣсь похороненными, расточая съ этою цѣлью большія средства на пожертвованія и вклады. Московскій князь собираетъ ежегодно значительные доходы съ тѣхъ имѣній этого монастыря, которыя отошли въ его владѣнія; но онъ медлитъ возвратить ихъ монастырю, потому что самъ страстно желаетъ овладѣть этимъ городомъ, утверждая, что онъ потомокъ наслѣдственнаго кіевскаго князя Владиміра; не менѣе скорбятъ и

его подданные о томъ, что не владѣютъ этою древнею столицею своихъ вѣнценосцевъ и средоточіемъ своей святыни.

При всѣхъ указанныхъ выгодахъ этого города есть и нѣкоторыя неудобства; жители не безопасны отъ татаръ, которые производятъ набѣги на границы, хотя и не пытаются завоевать города. Пріѣзжіе подвергаются опаснымъ лихорадкамъ, происходящимъ отъ дневнаго сна и отъ излишняго употребленія рыбы и плодовъ, а лошади болѣютъ отъ травы, зараженной разливами рыбообильнаго Борисѳена. Посѣвы часто истребляются саранчею, прилетающею изъ приморскихъ странъ. Въ лѣсахъ и по берегамъ водъ зарождаются, преимущественно въ началѣ іюня, подобные пчелинымъ рои различныхъ насѣкомыхъ, питающихся кровью: оводовъ, комаровъ и мухъ.

Сокращеніе десятаго отрывка.

Татары, турки и другіе сарацины имѣютъ общую религію или законъ, напоминающій іудейство и несторіанскую ересь: они исповѣдываютъ единаго Бога, Христа признаютъ лишь святымъ пророкомъ и верховнымъ судьею міра, рожденнымъ отъ пречистой Дѣвы, но не вѣрятъ въ Христовы страсти. Они соблюдаютъ обрѣзаніе, но производятъ его въ зрѣломъ возрастѣ, въ которомъ былъ обрѣзанъ ихъ патріархъ Измаилъ. Утверждаютъ, что это ученіе возникло въ арабскомъ городѣ Меккѣ, около 600 года христіанской эры, по почину евреевъ, переселившихся туда послѣ разрушенія Іерусалима, и вслѣдствіи казней нѣкоего негоднаго монаха и отступника Сергія, дѣйствовавшаго во вредъ хрістіанству. Распространителемъ ученія былъ нѣкій безумецъ арабъ, человѣкъ весьма хитрый, сдѣлавшійся изъ возницы мужемъ и господиномъ богатой жены; онъ стремился къ верховной власти надъ единоземцами, но, не достигнувъ этой цѣли, провозгласилъ себя вѣстникомъ и пророкомъ Господнимъ, въ чемъ и убѣдилъ арабовъ язычниковъ. Законъ этотъ, который они считаютъ своимъ долгомъ распространять оружіемъ, до того нелѣпъ, что полагаетъ высшее благо и наслажденіе въ удовольствіяхъ, которыми будто бы будутъ пользоваться блаженные въ будущей жизни

посредствомъ вкуса, осязанія и другихъ внѣшнихъ чувствъ. Коснѣя въ столь скотскомъ заблужденіи, эти варвары кичатся однако, будто они превосходятъ насъ любовью къ Богу и ближнему и дѣлами, угодными величію Божію, утверждаютъ, что за это Господь милостивъ къ нимъ и, по человѣческому легкомыслію, надѣются, что Онъ будетъ все больше и больше увеличивать ихъ благосостояніе. Насъ же, христіанъ, вслѣдствіи крайняго нашего нерадѣнія о дѣлахъ божественныхъ, а также обидъ и несправедливостей, которыя мы причиняемъ другъ другу, они порицаютъ, осмѣиваютъ, называютъ беззаконными варварами, носящими только имя Христово, но не исполняющими его закона, предвѣщаютъ намъ гибель и считаютъ недостойными своего общества.

Они свято соблюдаютъ правосудіе, неусыпно стараются о распространеніи своего вѣроученія, день начинаютъ и оканчиваютъ молитвою; молятся ежедневно утромъ, вечеромъ и по полудни, отъ исполненія этой обязанности не позволяютъ отвлекать себя по какому бы то ни было дѣлу и не возлагаютъ молитвы на однихъ священниковъ. Послѣдніе хотя и существуютъ у нихъ для совершенія богослуженія и толкованія закона, но какъ духовныя, такъ и міряне, каждый за себя наединѣ и сообща въ публичныхъ собраніяхъ исповѣдуютъ Бога. Всегда трезвые, обмывъ члены очистительною водою, они, согласно священному писанію, почитаютъ святою ту землю, на которой бесѣдуютъ съ Богомъ, и простираются на ней, не употребляя въ храмахъ никакихъ сѣдалищъ. Во время молитвы прибѣгаютъ къ извѣстнымъ, предписаннымъ закономъ знакамъ и тѣлодвиженіямъ: простираютъ руки къ небу, преклоняютъ колѣна, сгибаясь до земли, припадаютъ къ ней лицемъ, всѣмъ сердцемъ и и всѣми членами творятъ молитву, въ которой повторяютъ немногія слова, преимущественно слѣдующія: „Единому безсмертному Богу, Создателю неба и земли, кромѣ котораго нѣтъ инаго Бога, честь и слава во вѣки вѣковъ“.

Съ молитвою они соединяютъ постъ и смиряютъ себя по цѣлымъ днямъ не только голодомъ и жаждою, но и воздержаніемъ отъ всякой непристойной работы и слова; они до глубокой ночи

хлопочутъ только о дѣлахъ богоугодныхъ. потомъ вкушаютъ пищу не въ излишествѣ, но только для возстановленія силъ. Они смѣются надъ нашими постами, не сопряженными ни съ голодомъ, ни съ жаждою, ни съ пепломъ, ни съ размышленіемъ о божественныхъ предметахъ, ни съ бдѣніемъ, ни съ молитвою.

Они щедры въ раздачѣ милостыни, не допускаютъ никого изъ своихъ нищенствовать или погибать отъ голода и холода. Оказывая благодѣянія, они поступаютъ разсудительно: не подаютъ тѣмъ, которые употребили бы ихъ милостыню для удовлетворенія обжорства или роскоши, но помогаютъ бѣднымъ, больнымъ, странникамъ, ученикамъ, изучающимъ науки и ихъ религіозные обряды.

Изслѣдованіе божественныхъ тайнъ они считаютъ беззаконіемъ и кощунствомъ. Они гнушаются нашею дерзостью и называютъ дѣломъ аспидскимъ то, что нѣкоторые изъ насъ разсуждаютъ на пирахъ о судахъ и тайнахъ божественныхъ, всуе употребляя имя Божье. Татары смѣются надъ нашими духовными и пророками, осуждаютъ храмы за ихъ утварь, сѣдалища, алтари и иконы, за изображеніе Бога въ возрастѣ близкомъ къ старости и изображенія красивыхъ женщинъ, возбуждающихъ страсти; смѣются надъ тѣмъ, что мы во время богослуженія услаждаемъ свой слухъ трубами, органами, гармоніями, заглушающими слова молитвы, между тѣмъ какъ естественные наши органы молчатъ.

Ихъ духовныя лица не грѣшатъ ни скупостью, ни честолюбіемъ, они не предаются удовольствіямъ, не заботятся о пріобрѣтеніи помѣстій и совсѣмъ не вмѣшиваются въ мірскія дѣла; они умѣренны, кротки, скромны, ревностны въ исполненіи своихъ обязанностей и заняты исключительно дѣлами вѣры и толкованіемъ закона.

Нашихъ священниковъ порицаютъ не только язычники, но и сосѣди наши русскіе за то, что они пьютъ вино, составляющее предметъ роскоши, ѣдятъ мясо и не женятся, хотя чувствуютъ желаніе производить себѣ подобныхъ; но никто не можетъ быть воздержнымъ безъ особой въ этомъ отношеніи милости Божьей; такъ отъ женитьбы воздерживаются греческіе монахи, живущіе въ безбрачіи, что же касается священниковъ, то они въ древности

имѣли женъ, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ священнаго писанія: Левитъ глава 21, ст. 3, Эздры гл. 9, Даніила гл. 14, Іезекіиля гл. 44, Баруха гл. 6, евангеліе отъ Луки гл. 1, ст. 10, 18, посланіе къ Титу I.

Если бы и наши теперь поступали также, воздерживаясь три дня передъ совершеніемъ евхаристіи, то жили бы благочестивѣе, чѣмъ въ этомъ мнимомъ безбрачіи; они изнѣжены пиршествами, постоянно сгораютъ страстью и держатъ наложницъ, т. е. по словамъ Софоніи „сквернятъ святая“. Однако мы возлагаемъ на этихъ наемниковъ обязанность хвалить Господа, которую находимъ обременительною для себя, а они между тѣмъ скорѣе раздражаютъ Бога своими развратными нравами, чѣмъ умилостивляютъ его; эту обязанность, возложенную на нихъ мірянами, они въ свою очередь слагаютъ на небрежныхъ викаріевъ, а сами предаются праздности и роскоши и, поѣдая трудъ народа, подобно тому какъ трутни поѣдаютъ медъ пчелъ, они пируютъ, роскошно одѣваются, легкомысленно добиваются духовныхъ должностей, нѣсколькихъ совмѣстно, не достигнувъ еще совершеннаго возраста и не испытавши своихъ способностей, и потомъ погружаются въ мірскія, непристойныя для нихъ дѣла.

Нѣкогда священникамъ не дозволено было владѣть частью земли вмѣстѣ съ народомъ Божіимъ и они пользовались только десятинами; но наши не довольствуются десятинами, подаяніями за отпущеніе грѣховъ и разными другими доходами, которые взимаютъ съ богатымъ и бѣдныхъ, съ новорожденныхъ, заключающихъ браки, больныхъ, умирающихъ и мертвыхъ; владѣя богатыми помѣстьями, они стремятся завѣдывать управленіемъ нѣсколькихъ церквей совмѣстно, во вредъ обществу и противно праву и здравому смыслу, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ не живутъ при тѣхъ церквяхъ, въ которыя вошли непризванные, по словамъ Господа нашего, не въ дверь, но какъ тати и разбойники. Самыя церкви они отдаютъ на откупъ мірянамъ, торговцамъ, развратникамъ, такъ что многіе изъ нихъ никогда и не видали своихъ приходскихъ монастырей.—Если бы кто отъ границъ Польши по всей Литвѣ, Жмуди и Руси осмотрѣлъ всѣ церкви, изъ которыхъ каждая могла

бы своими доходами прокормить нѣсколькихъ священниковъ, онъ не нашелъ бы ни одной такой, при которой пастырь живетъ постоянно, или по крайней мѣрѣ часто посѣщаетъ ее; потому и колеблется вѣра пасомыхъ, охладѣваетъ любовь къ Богу и останавливается прославленіе его имени.

Но я не хочу навлекать на себя вражды священниковъ, которымъ мы должны повиноваться; и безъ того я задѣлъ слишкомъ много общественныхъ группъ. Довольно того, что я указалъ условія, исправивши которыя мы будемъ жить счастливѣе на славу вашего королевскаго величества, особенно же во славу Божію.

КОНЕЦЪ.

Извлеченіе изъ записокъ Блеза де Виженеръ.

(1573).

На избирательномъ сеймѣ, состоявшемся въ Варшавѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1573 года, въ короли польскіе избранъ былъ Генрихъ Валуа герцогъ Анжу, братъ французскаго короля Карла IX, (впослѣдствіи Генрихъ III). Для ознакомленія новаго короля съ государствомъ, въ управленіе которымъ онъ долженъ былъ вступить немедленно, необходимо было составить по мѣрѣ возможности обстоятельную записку. Составленіе ея было поручено Блезу де Виженеръ, который весьма быстро исполнилъ возложенное на него порученіе. Уже въ іюлѣ 1573 года обширная записка, составленная Виженеромъ, поступила въ печать, какъ это видно изъ королевской привилегіи, данной его издателю Жану Ришеру, владѣльцу университетской типографіи въ Парижѣ.—Сочиненіе это, изданное in 4-to, носитъ слѣдующее заглавіе: „La description dy Royaume de Pologne et pays adjacens, avec les statuts, constitutions, moeurs, et façons de faire d'iceux. Par Blaise de Vigénère, secretaire de feu Monseigneur le Duc de Nivernois. A Paris, cher Jean Richr libraire, rue saint Jean de Latran, à l'enseigne de l'arbre Verdoyant. 1573. Avec privilège du roi".

Книга состоитъ, кромѣ выходнаго листа, на которомъ напечатана королевская привилегія, изъ 94 печатныхъ листковъ (188 страницъ) текста. Въ началѣ помѣщено, въ видѣ предисловія, общее описаніе польскаго государства, въ которомъ авторъ опредѣляетъ его границы: „отъ Одера на рубежѣ Бранденбургіи до славной

рѣки Борисѳена и отъ береговъ Понта Евксинскаго, до котораго простираются крайнія части Подолія, — до Сѣвернаго океана у береговъ Помераніи, Пруссіи, Жмуди и Ливоніи". Затѣмъ авторъ говоритъ о численности населенія, о значительныхъ военныхъ силахъ, доставляемыхъ дворянскимъ ополченіемъ, старается опредѣлить главныя черты народнаго характера жителей, отмѣчаетъ плодородіе почвы, важнѣйшія ея произведенія и важнѣйшія статьи внѣшней торговли; при изобиліи продуктовъ, доставляемыхъ почвою, онъ указываетъ только на недостатокъ вина, которое не производится въ Польшѣ „за исключеніемъ только Руси и Подолія". Глава эта заканчивается обширною похвалою заслугамъ, краснорѣчію и дипломатическому такту Іоанна Монтелюка, епископа виленскаго, который, въ качествѣ французскаго посланника на избирательномъ сеймѣ, успѣлъ склонить польскихъ дворянъ къ выбору въ короли Генриха Валуа. Затѣмъ сочиненіе раздѣлено на отдѣльныя главы, изъ которыхъ двѣнадцать посвящены болѣе подробному описанію отдѣльныхъ областей польскаго государства; главы эти слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: великая и малая Польша, Русь (Червоная), Волынь, Подоліе, Мазовія, Куявія, Литва, (въ приложеніи къ описанію этой области мы находимъ подробное описаніе зубра, тура и лося), Жмудь, Ливонія, Пруссія и Померанія, Силезія, Валахія.

Далѣе слѣдуютъ четырнадцать главъ, посвященныхъ описанію государственнаго устройства Польши; эти главы носятъ слѣдующія заглавія: о штатахъ королевства, о спискахъ, о воеводахъ, о кастелянахъ, о старостахъ, о судьяхъ, о канцлерѣ и подканцлерѣ, о подкоморіяхъ, о маршалахъ, о сеймахъ, о порядкѣ избранія королей, о военномъ дѣлѣ, о финансахъ, о монетѣ.—Затѣмъ идутъ двѣ обширныя главы: о татарахъ и московскомъ государствѣ и наконецъ сочиненіе заканчивается перечисленіемъ маршрутовъ и путей, ведущихъ изъ Парижа въ Польшу, а также соединяющихъ между собою важнѣйшіе города польскаго государства.

Къ тексту сочиненія приложены: карта польскаго государства, генеалогическая таблица рода Гедымина, и рисунки, изображающіе тура, лося и охоту на зубра.

Сочиненіе Виженера даетъ понятіе о той суммѣ свѣдѣній, относящихся къ восточной половинѣ Европы, какою обладали на западѣ лица, спеціально занимавшіеся изученіемъ восточно-европейскихъ отношеній. При составленіи даннаго сочиненія авторъ имѣлъ довольно основательныя свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ Польши и нѣсколько болѣе общія, но довольно вѣрныя свѣдѣнія о географіи, этнографіи и производительности страны; за то его историческія данныя въ большинствѣ случаевъ являются или совершенно ошибочными или сбивчивыми.

Изъ записокъ Виженера мы представляемъ въ переводѣ только тѣ немногія главы, которыя относятся къ описанію южной Руси.

К. М.

Русь (Червоная).

Южная Русь, составляющая часть всей Руси, о которой будетъ сказано подробнѣе въ отдѣльной главѣ, простирается вдоль Сарматскихъ горъ, которыя мѣстные жители называютъ Татрами и которыя защищаютъ ее съ юга до самой рѣки Днѣстра у предѣловъ Валахіи. Граница эта представляетъ наибольшую ширину этой области, ибо спускаясь по направленію къ Малой Польшѣ и слѣдуя по теченію рѣки Буга, отдѣляющаго Русь съ востока отъ Волыни, территорія ея постепенно съуживается на подобіе щита, вершина котораго оканчивается ниже Люблина и люблинской земли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся предѣлы Литвы, Мазовіи и Волыни. Въ этой провинціи много прекрасныхъ городовъ, изъ нихъ главный Львовъ, гдѣ находится и каѳедра архіепископа. Край этотъ весьма хорошъ, очень плодороденъ, хорошо населенъ и былъ бы еще многолюднѣе, если бы не набѣги и вторженія татаръ, которые по большей части и не выходятъ отсюда. Впрочемъ на границахъ Подолія и Волыни, въ направленіи Каменца, Дунаевецъ и Вишневца содержатся обыкновенно хорошіе и крѣпкіе гарнизоны съ цѣлью задерживать ихъ. Въ содержаніи этихъ гарнизоновъ участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ всѣ сословія государства безъ всякаго исключенія, даже придворные

чины великаго князя, соотвѣтственно таксѣ, установленной съ этою цѣлью королемъ Сигизмудомъ I, въ Быдгощи въ 1520 году [1]).

Первый изъ князей польскихъ, нападавшихъ на Русь, о которомъ можно говорить съ достовѣрностью и съ точнымъ обозначеніемъ времени, былъ Болеславъ I, христіанскій король; въ 1008 году онъ выигралъ два большія сраженія противъ Ярослава, взялъ городъ Кіевъ, столицу всѣхъ провинцій, носившихъ въ то время имя Руси и подчинявшихся ея господству, и поручилъ его охрану Святополку, брату Ярослава. Десять лѣтъ спустя онъ одержалъ еще одну крупную побѣду надъ Ярославомъ. Затѣмъ его сынъ и наслѣдникъ Мечиславъ окончательно смирилъ послѣдняго. Но во время междуцарствія въ малолѣтство Казиміра I русскіе имѣли возможность освободиться отъ ига и подчиненія полякамъ и причинить имъ много бѣдствій и урона въ ихъ собственной землѣ. Тѣмъ не менѣе все это было улажено посредствомъ женитьбы Казиміра на сестрѣ вышеупомянутаго Ярослава въ 1042 года [2]). Такимъ образомъ все пребывало въ покоѣ до времени его сына, Болеслава II, который былъ самымъ предпріимчивымъ изъ польскихъ королей по отношенію къ Руси; ибо въ 1074 году онъ силою захватилъ Кіевъ, Перемышль и Луцкъ и вообще всю страну, которую обложилъ большими данями и налогами. Здѣсь онъ провелъ большую часть своего царствованія, благодаря удовольствіямъ и наслажденіямъ, какія находилъ здѣсь.

Но та Русь, о которой мы намѣрены говорить, не простирается такъ далеко, такъ какъ Волынская земля, окаймленная по ту сторону рѣкою Случью, отдѣляетъ ее отъ Кіевской земли, которая простирается до рѣки Борисѳена на востокъ и которою впослѣдствіи овладѣли москвитяне вмѣстѣ съ провинціею Сѣверскою,

---

[1]) Свѣдѣніе это не точно. Въ быдгощской конституціи 1520 года мы встрѣчаемъ лишь общія постановленія относительно порядка мобилизаціи дворянскаго ополченія въ Польшѣ, но въ ней нѣтъ спеціальныхъ мѣръ относительно защиты границъ Руси отъ татаръ (Volumina legum т. I, стр. 177, fol. 392—393).

[2]) Марія-Доброгнѣва, дочь Владиміра св. отдана Ярославомъ въ замужество за Казиміра. (Карамзинъ II, 33; Погодинъ—Изслѣдованія, замѣч. и лекціи V т., 212 стр.).

Смоленскомъ и другими, входившими въ составъ великаго княжества литовскаго. Оправившись за смертью Болеслава русскіе князья причинили Польшѣ много непріятностей и тревогъ, а тѣмъ самымъ навлекли много зла и разоренія и на собственную страну, такъ какъ Болеславъ Кривоустый, раздраженный дерзостью Ярополка и другихъ русскихъ князей, разгромилъ край изъ конца въ конецъ около 1135 года. А въ 1205 году Лешко Бѣлый одержалъ большую побѣду при Завихостѣ надъ галицкимъ княземъ Романомъ, который самъ погибъ въ битвѣ и все его войско разсѣяно.

Впослѣдствіи [1]) здѣсь начали появляться татары и отсюда проникли въ Польшу, Силезію и Венгрію, гдѣ совершали жестокости, которыя можно видѣть въ жизнеописаніи Болеслава Стыдливаго, въ царствованіе котораго въ 1241 году, они подчинили себѣ большую половину Руси. Такъ что въ 1258 году князья Левъ и Романъ сопровождали ихъ во время набѣга, который они совершили на Польшу. Отецъ ихъ Даніилъ Романовичъ [2]), устранивши всѣхъ прочихъ соперниковъ, сдѣлался какъ бы монархомъ и единственнымъ властелиномъ этой южной Руси, а въ 1262 году получилъ королевскій титулъ отъ папскаго легата. Но непосредственно вслѣдъ за этимъ онъ, вопреки своимъ обѣщаніямъ, принялся вмѣстѣ съ другими русскими производить многія опустошенія и разоренія въ польскихъ провинціяхъ. Раздраженный этимъ Болеславъ три или четыре года спустя одержалъ надъ ними большую побѣду [3]), такъ что они съ тѣхъ поръ не смѣли пошевельнуться, ни пикнуть слова до 1277 года, когда Левъ, основатель (какъ говорятъ) города Львова, вступилъ съ большимъ войскомъ въ люблинскую землю и прошелъ дальше въ Сендомирію, гдѣ былъ разбитъ и 8,000 изъ его людей остались на мѣстѣ.

---

[1]) Въ текстѣ приведена совершенно ошибочная дата перваго появленія татаръ на Руси—1211 годъ.

[2]) Авторъ смѣшиваетъ Романа Даниловича съ Романомъ Мстиславичемъ и въ силу того Даніила считаетъ сыномъ перваго изъ нихъ; эта генеалогическая путаница исправлена въ переводѣ.

[3]) Коронація Даніила папскимъ легатомъ происходила въ Дротчинѣ не въ 1262, а въ 1255 году. Неудачный походъ на Польшу былъ предпринятъ не Даніиломъ, а сыномъ его Шварномъ черезъ два года послѣ смерти отца въ 1266 году.

Впрочемъ, уже въ 1285 году они снова возвратились вмѣстѣ съ татарами, которые захватили въ плѣнъ безчисленное множество народа и предали ихъ смерти на русской границѣ, за исключеніемъ 20,000 дѣвицъ, которыхъ увели съ собою; въ награду своимъ союзникамъ татары отравили всѣ ихъ рѣки у источниковъ, отчего большинство русскихъ погибло. Въ 1302 году они опять появились въ Сендомиріи и захватили тамъ богатую добычу, но на обратномъ пути поляки разбили ихъ близь Люблина и возвратили подъ свою власть эту крѣпость 57 лѣтъ спустя послѣ того, какъ русскіе заняли ее. Наконецъ въ 1342 году Казиміръ Великій взялъ Львовъ и непосредственно вслѣдъ за тѣмъ Перемышль, Санокъ, Галичъ, Теребовлю, Любачевъ и весь остальной край до самаго Каменца, находящагося на окраинахъ Подолія; съ тѣхъ поръ онъ низвелъ Русь, о которой здѣсь говорится, на степень провинціи, подчиненной польскому королевству, какою она остается и въ настоящее время. Затѣмъ Владиславъ сынъ Ягайла въ 1435 году [1]), при самомъ началѣ своего царствованія, уравнялъ дворянство Руси и Подолія съ польскимъ для того, чтобы отнынѣ оно пользовалось тѣми же правами и привилегіями и составляло одинъ народъ.

Что касается ихъ вѣроисповѣданія, то съ 980 года всѣ русскіе приняли христіанство, хотя и по греческому обряду, которое большинство изъ нихъ исповѣдываютъ и понынѣ, какъ ни стараются они скрывать это. Однако же они были обращены въ католическую вѣру еще со времени Казиміра Великаго, который первый учредилъ епископскую каѳедру во Львовѣ, въ 1361 году. Его преемникъ Людовикъ прибавилъ къ ней впослѣдствіи двѣ другія: въ Перемышлѣ и Владимірѣ и установилъ митрополичью каѳедру въ Галичѣ, откуда она была впослѣдствіи перенесена во Львовъ, а епископская переведена изъ Львова въ Каменецъ.

Жители Руси во всѣ времена были сильно преданы магіи, колдовству и другимъ ужаснымъ чародѣйствамъ. И даже въ 1431

---

[1]) Авторъ вѣроятно имѣетъ въ виду Едлинскій Статутъ Владислава Ягайловича, изданный въ 1433 году (Volumina legum I, 40, fol. 89—95).

году, когда Владиславъ Ягайло очень тѣсно осадилъ городъ Луцкъ, русскіе, захвативши въ плѣнъ нѣсколько поляковъ во время вылазки, принесли въ жертву прекраснаго молодого человѣка въ виду всего войска на городской стѣнѣ, разрѣзали ему горло и всѣ главные вожди пили по глотку горячей крови въ то время, какъ несчастный еще дышалъ. Затѣмъ, распоровши ему животъ, вынули внутренности и сердце, сложили въ большую жаровню, наполненную горящими угольями, и пошли окуривать всѣ закоулки крѣпости, примѣшивая къ выходившему изъ нея дыму извѣстныя чары и магическія слова. Они были убѣждены, что при помощи этихъ волшебствъ освободятся отъ осады [1]).

Главный городъ страны—Львовъ, резиденція архіепископа, затѣмъ въ ней есть города: Перемышль, Кросно, Санокъ, Ярославъ, Преворскъ, Ланцутъ, Косовъ, Стрый, Березовье (Бжозовъ).

Волынь.

Еслибы не рѣка Бугъ, отдѣляющая эту провинцію на восточной ея границѣ, то не было бы нужды давать ей особое названіе. Это одинъ народъ съ червоноруссами; у нихъ тотъ же языкъ, тѣ же нравы и обычаи. Поэтому все, что говорилось въ предыдущей главѣ о Болеславѣ II, покорившемъ Русь, должно распространяться и на весь остальной край, до рѣки Борисѳена, до которой простирались его завоеванія въ эту сторону. Но завоеванія Казиміра Великаго не шли дальше рѣки Случи, такъ какъ, подчинивши подъ свою власть сперва южную Русь въ 1342 году, онъ уже въ 1349 овладѣлъ Луцкомъ, Владиміромъ, Холмомъ и всею остальною Волынью, которую въ то время узурпировали сыновья Гедымина, Любартъ и Кейстутъ, и которою они тотчасъ же снова овладѣли. Казиміръ

---

[1]) Эта нелѣпая сказка вѣроятно была сочинена поляками въ укоръ литовцамъ-язычникамъ, входившимъ въ составъ гарнизона, защищавшаго Луцкъ отъ Ягайла; авторъ, по непонятному недоразумѣнію, вмѣняетъ эти странныя, будто бы магическія, дѣйствія жителямъ Червоной Руси, совсѣмъ не принимавшимъ участія ни въ осадѣ, ни въ защитѣ Луцка.

вторично отнялъ ее въ 1351 году и взялъ въ плѣнъ Любарта, который успѣлъ бѣжать и, собравши наскоро кое-какія силы, еще разъ водворился въ краѣ до 1365 года, когда Казиміръ окончательно отнялъ у него Волынь и отдалъ Александру, сыну Коріята, оставивъ Любарту только Луцкъ и Владиміръ для того, чтобы держать его въ постоянномъ повиновеніи. Но въ 1382 году, за смертью Людовика, короля венгерскаго и польскаго, венгры, составлявшіе гарнизоны въ городахъ, продали ихъ за деньги Любарту. Съ того же времени эта провинція оставалась за Литвою приблизительно до 1432 года, когда Владиславъ Ягайло отнялъ ее у брата своего Свидригайла и отдалъ стародубскому князю Сигизмунду подъ условіемъ, что послѣ его смерти она должна возвратиться къ коронѣ. Такъ и случилось, когда Сигизмундъ былъ убитъ княземъ Иваномъ Чарторыйскимъ въ 1438 году, и съ того времени эта провинція принадлежитъ Польшѣ [1]).

Въ настоящее время это прекрасная и плодородная страна, обильная, подобно Литвѣ и Червоной Руси; очертанія ея округлены и ограничены съ востока рѣкою Случью, съ запада Бугомъ, южною стороною она прилегаетъ къ Руси близь Вишневца, а сѣверная тянется вдоль Литвы. Главный городъ Луцкъ, другіе менѣе значительные: Владиміръ, Холмъ, Брестъ, Белзъ, Олеско, Кременецъ, Городло, Лопатынъ, Ратно и нѣкоторые другіе города и замки [2]).

Подолiе.

Среди всѣхъ польскихъ владѣній болѣе другихъ подвержена опасностямъ и разореніямъ подольская земля, представляющая открытый про-

---

[1]) Свѣдѣнія автора въ этомъ отношеніи неточны: Волынь входила въ составъ великаго княжества литовскаго до люблинскаго сейма 1569 года и только на этомъ сеймѣ была отторгнута поляками. Въ 1432 году Ягайло отдалъ Сигизмунду Кейстутовичу не одну Волынь, а передалъ ему въ управленіе все великое княжество литовское. Сигизмундъ Кейстутовичъ былъ убитъ заговорщиками въ Трокахъ въ 1440 году.

[2]) Виженеръ составилъ перечень волынскихъ городовъ, основываясь на историческихъ данныхъ; въ современную ему эпоху далеко не всѣ названные имъ

ходъ, какъ бы мостъ для татаръ изъ Перекопа (или какъ его называютъ обыкновенно—Херсонеса Таврическаго), которые совершенно свободно проникаютъ этимъ путемъ на Волынь, въ Червоную Русь, въ Литву и даже Польшу, если обстоятельства тому благопріятствуютъ. Это тѣмъ удобнѣе, что на пространствѣ всей этой провинціи, обнимающей около 120 миль въ длину и 20 или 30 въ ширину, нѣтъ ни одной поперечной рѣки, которая могла бы преградить или затруднить имъ путь. Да если бы даже и были такія рѣки, то вѣдь извѣстно насколько и самъ этотъ вредоносный народъ, и его лошади искусно переходятъ ихъ вплавь, или же на плотахъ, изготовляемыхъ тутъ же на мѣстѣ изъ шестовъ и бревенъ съ помощью древесныхъ вѣтвей; сюда помѣщаютъ татары свои одежды, а въ случаѣ надобности женщинъ и дѣтей, затѣмъ привязываютъ эти плоты къ хвостамъ лошадей, которыя и переправляютъ ихъ на другой берегъ. Впрочемъ, извѣстную часть года татары избавлены и отъ такого труда, такъ какъ сильные морозы, сковывающіе льдомъ всѣ рѣки, повсюду открываютъ для нихъ путь гораздо болѣе удобный зимою, нежели лѣтомъ.

Вотъ причина, сдѣлавшая необитаемыми многія страны и даже подольскій край, который безъ этого былъ бы несомнѣнно самымъ лучшимъ и самымъ плодороднымъ въ ряду всѣхъ другихъ, находящихся подъ властью Польши, такъ какъ почва здѣсь производитъ повсемѣстно виноградъ и шелкъ безъ особыхъ заботъ со стороны человѣка. Мѣстные жители не нуждались бы въ привозныхъ винахъ, еслибы съумѣли найти средства оградить себя отъ татарскихъ вторженій. Впрочемъ, это было бы для нихъ чрезвычайно затруднительно, частью вслѣдствіе причинъ, изложенныхъ подробнѣе въ главѣ о

города находились въ предѣлахъ Волыни, хотя въ болѣе отдаленное время дѣйствительно принадлежали къ этой области. Въ концѣ XVI столѣтія Белзъ и Брестъ были главными центрами отдѣльныхъ воеводствъ. Холмъ считался главнымъ городомъ холмской земли, входившей въ составъ русскаго воеводства, въ этой же землѣ находилось и Ратно; Олеско и Лопатынъ принадлежали также къ русскому воеводству, а Городло къ белзскому. Такимъ образомъ изъ числа названныхъ городовъ только Луцкъ, Владиміръ, Кременецъ и Вишневецъ дѣйствительно находились на Волыни.

татарахъ, частью же и потому, что со времени стычки между ними и подольскимъ дворянствомъ въ 1438 году, въ царствованіе Казиміра Ягайловича, когда подольское ополченіе почти все было разбито и истреблено [1]), дворяне не рѣшались уже возвратиться въ край и мало по малу провинція эта опустѣла и обезлюдѣла вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ и вторженій со стороны татаръ не только перекопскихъ, но и заволжскихъ, гораздо болѣе отдаленныхъ. Въ 1469 году, во времена Казиміра III, эти послѣдніе перешли рѣку Бориѳенъ подъ предводительствомъ своего царя Маняка, разсѣялись по всей Литвѣ, Валахіи и Подоліи, повсюду причиняя многія бѣдствія и увели въ плѣнъ безчисленное множество народа. Они возвратились еще разъ въ 1474 году подъ начальствомъ Аидора, сына Эцигера, и несмотря на то, что ихъ было не болѣе семи тысячъ, все таки успѣли ограбить край на пространствѣ болѣе ста миль въ длину и тридцати въ ширину до городовъ: Каменца, Галича и Дунаевецъ и еще дальше, захвативши болѣе 40,000 плѣнныхъ [2]) и все это вслѣдствіе небрежности вышеупомянутаго Казиміра, который забавлялся въ это время какими то приготовленіями къ войнѣ съ Силезіею. Въ 1494 году, въ царствованіе его

---

[1]) Подъ 1438 годомъ Длугошъ описываетъ набѣгъ Шейхъ Ахмета на Подоліе, которое подверглось полнѣйшему опустошенію; дворяне подольскіе, погнавшіеся за татарами, были разбиты на голову и многія знатныя лица погибли въ битвѣ, въ томъ числѣ подольскій староста Михаилъ Бучацкій. Длугошъ зналъ лично одного изъ участниковъ этой битвы, Яна Влодковича, герба Сулима. (Histor. Polon. lib. XI).

[2]) Оба татарскіе набѣга: 1469 и 1474 гг. описаны подробно у Длугоша и Мартина Бѣльскаго. Виженеръ вѣроятно заимствовалъ разсказъ отъ Длугоша, со словъ котораго онъ считаетъ первый изъ этихъ набѣговъ нападеніемъ заволжскихъ татаръ, но, сокращая повѣствованіе Длугоша, онъ опустилъ подробность, точнѣе опредѣляющую составъ нападавшей на Подоліе орды въ 1469 году. Длугошъ говоритъ, что это было „многочисленное татарское войско, составившееся за Волгою изъ бѣглецовъ, разбойниковъ и изгнанниковъ, скопище, называемое по татарски козаками“. Трудно опредѣлить, кто былъ предводитель этого скопища, называемый у Длугоша и Виженера ханомъ Манякомъ.—Около этого времени въ числѣ крымскихъ бековъ мы встрѣчаемъ бека Мамака, то самостоятельно, то по порученію Менгли-Гирея сносившагося въ в. к. московскимъ и занимавшаго впослѣдствіи должность татарскаго тудуна (консула) въ Кафѣ.

Относительно набѣга 1474 года можно утверждать навѣрно, что онъ былъ предпринятъ крымцами подъ начальствомъ ихъ мурзы Айдара, сына Эцигера. Длу-

сына, короля Яна Альберта, вторглись перекопскіе татары и разбили на голову близь вишневецкаго замка всѣхъ поляковъ, гнавшихся за ними съ цѣлью отбить захваченную ими добычу [1]).

Турки явились впервые правдоподобно въ 1476 году и произвели большое разореніе. Но во всякомъ случаѣ мирныя и союзническія отношенія, установившіяся съ того времени между польскими королями и оттоманскимъ дворомъ, удерживали ихъ отъ дальнѣйшихъ вторженій. Но вообще эта несчастная страна подвержена жестокостямъ восточныхъ варваровъ, подобно скалѣ, открытой для морскихъ волнъ, и было бы чрезвычайно трудно гарантировать ей безопасность и заселить ее наново.

Что касается происхожденія здѣшнихъ жителей, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они, подобно прочимъ, принадлежатъ къ славяно-русскому племени; такъ какъ и языкъ ихъ, и нравы, и обычаи почти тождественны съ таковыми же на Червоной Руси, Волыни и Литвѣ, но подчинились они полякамъ развѣ со времени Казиміра Великаго, который, завоевавши около 1342 года земли перемышльскую, саноцкую, галицкую, теребовельскую и любачевскую, прошелъ до Каменца и дальше черезъ цѣлое Подоліе. Впослѣдствіи Владиславъ Ягайло отдалъ его въ 1394 году на правахъ леннаго владѣнія своему двоюродному брату, который еще сверхъ того захватилъ силою города: Каневъ [2]) и Черкассы на рѣкѣ Борисѳенѣ или Днѣпрѣ. Но уже въ 1396 году тотъ же Ягайло отдалъ въ залогъ этотъ ленъ краковскому воеводѣ Спытку изъ Мельштына за сумму въ 6,250 червонцевъ. Затѣмъ выкупилъ Подольскую землю у его дѣтей въ 1403 году, чтобы отдать сво-

---

гошъ указываетъ на то, что мурза предпринялъ набѣгъ безъ разрѣшенія хана и что о сборахъ его въ походъ заблаговременно зналъ кіевскій воевода Мартинъ Гаштольдъ, пять разъ тщетно извѣщавшій короля Казиміра о грозившей опасности и просившій помощи для ея отраженія. Притомъ М. Бѣльскій указываетъ на то, что орда переправилась черезъ Днѣстръ у Тавани.—(Длугошъ Histor. Polon. lib. XIII; M. Bielski—Kronika Polska, стр. 462. Смирновъ.—Крымское ханство, стр. 255, 256, 265).

[1]) См. у М. Бѣльскаго, стр. 482.

[2]) Въ подлинникѣ Zecominie.

ему брату Свидригайлу, у котораго отнялъ ее уже въ 1405 г. за его неповиновеніе и дурное поведеніе и передалъ Петру Влодку изъ Харбиновичъ; отобралъ и отъ него въ 1411 году и вторично вручилъ тому же Видовду [1]), который и провладѣлъ ею до конца жизни; умеръ онъ въ 1431 году болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

Итакъ, эта жалкая и несчастная подольская земля, отвоеванная у татаръ Казиміромъ II, укрѣпившимъ ее нѣсколькими замками, каковы: Каменецъ, Хотинъ, Цекиновка, Бакота, Межибожъ и другіе, по смерти его перешла къ венгерскому королю Людовику, наслѣдовавшему послѣ него польскую корону, затѣмъ досталась Ягайлу, терзавшему ее, какъ вы видѣли, но со времени этого послѣдняго не подвергалась больше ни передачамъ, ни отчужденіямъ и могла бы воспользоваться нѣкоторымъ спокойствіемъ или хоть передышкою, если бы не татарскіе набѣги. Говорятъ, что почва этой страны настолько хороша и плодородна, что если оставить въ полѣ плугъ, то онъ въ теченіи двухъ или трехъ дней до того заростаетъ травою, что отыскать трудно. Край изобилуетъ медомъ и воскомъ и могъ бы прокормить огромное количество стадъ, если бы возможно было разводить ихъ.

Главный городъ Каменецъ, въ которомъ находится каѳедра епископа, но городъ этотъ скорѣе можетъ быть причисленъ въ Червоной Руси, такъ какъ лежитъ на самой ея границѣ, вдали отъ опасности; онъ отстоитъ на 120 большихъ миль отъ Чернаго моря,

---

[1]) Подобно другимъ историческимъ даннымъ, свѣдѣнія Виженера о Подоліи довольно сбивчивы. Страна эта не была завоевана поляками при Казимірѣ Великомъ въ 1342 г., но отнята у татаръ Ольгердомъ въ 1362 году, затѣмъ состояла въ управленіи князей Коріятовичей, получившихъ ее отъ Ольгерда въ ленное владѣніе. Въ 1393 г. Витовтъ за неповиновеніе смѣстилъ Федора Коріятовича и управлялъ страною посредствомъ старостъ; въ 1396 г., нуждаясь въ деньгахъ, онъ отдалъ въ залогъ западную половину Подолія королю Ягайлу за сумму въ 20,000 червонцевъ, а тотъ перезаложилъ ее за ту же сумму богатому малопольскому магнату, Спытку изъ Мельштына; послѣдній палъ въ битвѣ на берегахъ Ворсклы въ 1399 г. Выкупивши Подоліе у наслѣдниковъ Спытка, король передалъ его Свидригайлу въ 1400 г. Но въ 1404, вслѣдствіе измѣны Свидригайла, заключившаго противъ него договоръ съ крестоносцами, отнялъ у него Подоліе и началъ управлять областью посредствомъ старостъ, изъ которыхъ послѣднимъ былъ, по словамъ Длугоша, Петръ Влодекъ изъ Харбиновичъ. Въ 1411 г. Витовтъ возвратилъ занятую у короля сумму,

которое составляетъ южную границу Подолія и съ береговъ котораго врываются татары. Съ востока и сѣвера подольская земля ограничена рѣкою Бугомъ, вливающимся въ Борисѳенъ у крѣпости Дашева (Очаковъ); западную границу составляетъ Днѣстръ, отдѣляющій этотъ край отъ Валахіи, и только незначительное пространство на сѣверозападѣ прямо примыкаетъ къ Червоной Руси, въ окрестности упомянутаго города Каменца.

Впрочемъ вся страна принадлежитъ къ каменецкой епархіи и каменецкему воеводству. Воевода засѣдаетъ въ сенатѣ непосредственно передъ воеводою белзскимъ.

Туръ, зубръ и лось.

Urus, называемый туземцами туромъ, есть собственно порода дикаго быка, но онъ несравненно крупнѣе домашняго и среди всѣхъ животныхъ уступаетъ величиною одному слону. Вся его шерсть чернаго цвѣта и только вдоль хребта пролегаетъ бѣловатая полоса. Водятся они на границахъ Мазовіи и Литвы и то лишь въ нѣкоторыхъ селахъ, жителямъ которыхъ вмѣняется въ обязанности охранять ихъ въ особыхъ отдѣлахъ пущи, обнесенныхъ деревянными оградами на подобіе парковъ, такъ чтобы они не могли бродить по лѣсамъ подобно другому звѣрю. Туры могутъ соединяться съ домашними коровами, но въ такомъ случаѣ они уже не допускаются себѣ подобными въ общее стадо, ихъ изгоняютъ съ большою настойчивостью и даже иногда убиваютъ до смерти. Телята, которыя происходятъ отъ такого смѣшенія, недолговѣчны. Мясо тура не хуже и не лучше говядины, больше всего цѣнится его кожа; изъ нея выдѣлываются прекрасные пояса, о которыхъ разсказываютъ, будто они имѣютъ свойство облегчать роды.

получилъ обратно Подольскую землю и назначалъ въ ней старостъ. Послѣ его смерти въ 1431 г. польскіе дворяне посредствомъ хитрости овладѣли каменецкимъ замкомъ и присоединили западное Подоліе къ Польшѣ. (Stadnicki—Synowie Gedymina I, 36, 89, 90. Длугошъ. Histor. Polon. liber XI).

Вообще описаніе тура, составленное Геснеромъ, крайне ошибочно; онъ смѣшалъ тура съ зубромъ и отличительныя черты одного приписалъ другому.

Бизонъ, котораго литовцы называютъ зубромъ, животное дикое и свирѣпое; внѣшніе покровы зубра напоминаютъ льва, но въ отличіе онъ имѣетъ у подбородка большую длинную бороду; голова его невелика, глаза большіе, огненные, взглядъ косой и свирѣпый, лобъ широкій, рога огромные и такъ раскинуты, что въ промежуткѣ между ихъ концами могли бы усѣсться три полновѣсные человѣка. На спинѣ помѣщается высокій горбъ дромадера или верблюда, покрытый длинною, волнистою шерстью. Мунстеръ ошибался, приписывая эти качества лосю.

Желающіе охотиться на зубра должны обладать легкостью, ловкостью и смѣлостью, такъ какъ эти животные горды и свирѣпы, не щадятъ своихъ противниковъ, будутъ ли то люди, собаки, лошади или другія животныя. Они до того дики, что нѣтъ никакой возможности приручить ихъ даже въ такихъ случаяхъ, если удается овладѣть ими въ самомъ раннемъ возрастѣ. Поймать ихъ живьемъ можно только въ западню, т. е. яму, прикрытую вѣтвями и листьями, какія устраиваютъ въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ они пасутся.

Желая развлечься охотою на зубра, выбираютъ мѣстность, изрѣдка поросшую деревьями такой толщины, чтобы можно было быстро обѣгать вокругъ ствола и чтобы онъ вполнѣ прикрывалъ собою тѣло человѣка. Расположившись по мѣстамъ за деревьями, охотники начинаютъ выгонять звѣря криками, звукомъ роговъ, а также при помощи собакъ. Замѣтивъ охотника зубръ съ яростью бросается на него, но охотникъ прячется за дерево и оттуда старается наносить ему удары рогатиною. Ярость животнаго усиливается отъ полученныхъ ранъ, оно пытается захватить охотника языкомъ, до такой степени жесткимъ, цѣпкимъ и бугорчатымъ, что если удается зубру достать хоть край одежды, онъ немедленно притягиваетъ человѣка, не взирая на сопротивленіе, и терзаетъ на части. Если охотникъ, бѣгающій вокругъ дерева изнемогаетъ въ борьбѣ, ему стоитъ только бросить въ сторону шапку или кусокъ краснаго сукна и животное тотчасъ

же набрасывается на этотъ предметъ, терзаетъ его въ клочки ударами копытъ и роговъ, а тѣмъ временемъ охотникъ имѣетъ возможность вздохнуть и собраться съ силами. Тогда другой охотникъ, стоящій вблизи, желая принять участіе въ развлеченіи и отозвать звѣря въ свою сторону, повторяетъ два-три раза возгласъ: лу, лу, лу! Зубръ немедленно бросается къ новому противнику и такимъ образомъ охотники смѣняютъ другъ друга, пока не убьютъ звѣря. Охота непремѣнно должна окончиться его смертью, такъ какъ зубръ, разъ напавши на человѣка, не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ двухъ противниковъ не останется на мѣстѣ.

Нѣмцы называютъ словомъ „Ellend" животное, которое по латыни называется Alces, полякамъ же и литовцамъ извѣстно подъ именемъ *лося* или *повода*. Но поляки совершенно ошибочно принимаютъ его за дикаго осла, на котораго онъ не похожъ ничѣмъ кромѣ ушей; ноги его двукопытые и почти совсѣмъ подобны оленьимъ, но значительно больше, такъ какъ нога лося почти равняется ногѣ быка. Рога его скорѣе напоминаютъ рога даніела (cervus dama); они раскинуты и приплюснуты въ видѣ ладони, глаже оленьихъ, менѣе бугорчаты и испещрены бороздками чѣмъ у послѣдняго; ихъ вѣтви короче и прямѣе и цѣлый рогъ почти бѣлаго цвѣта. Лось имѣетъ довольно длинную шерсть, уши подобные ослинымъ, какъ сказано выше, и большой зобъ, висящій у шеи, морда его безобразно длинная, а верхняя губа такъ сильно выдается впередъ, что онъ принужденъ грызть траву пятясь назадъ.

Цезарь, Плиній и Павзаній писали о немъ много, но поверхностно, не ознакомившись съ нимъ, какъ это сдѣлалъ и Альбертъ Великій, несмотря на то, что жилъ значительно позже ихъ.

Слово Ellend на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ несчастье и дѣйствительно животное это весьма достойно сожалѣнія, если правда, что оно подвергается ежедневно припадкамъ падучей болѣзни, какъ это говорятъ о немъ. Зато его копыта обладаютъ цѣлебнымъ свойствомъ противъ той же болѣзни, если носить ихъ на шеѣ, или въ видѣ кольца на пальцѣ, а также если принимать ихъ внутрь. Животное это отличается чрезвычайною быстротою бѣга, причемъ ско-

ростью и продолжительностью превосходитъ оленя; лось бѣжитъ не галопомъ, какъ другіе, но рысью и вскачь. Если его взять живьемъ, онъ тотчасъ же издыхаетъ, какъ бы ни были ничтожны полученныя имъ поврежденія; вслѣдствіи этого онъ очень боязливъ, даже гораздо пугливѣе дикой козы. Однако, если удастся овладѣть очень молодыми особями, то ихъ можно приручить. Кожу его выдѣлываютъ, подобно буйволовой, но въ издѣліяхъ она отличается большею крѣпостью и упругостью.

Дальше въ текстѣ слѣдуетъ описаніе города Вильно и 18 главъ, посвященныхъ большею частью внутреннему устройству и администраціи польскаго королевства, но не имѣющихъ прямаго отношенія къ южно-русскимъ землямъ. Изъ главы 27-й „о войнѣ“ помѣщаемъ нѣкоторыя извлеченія, представляющія существенный интересъ, опуская субъективныя разсужденія автора о происхожденіи войны вообще, о ея цѣляхъ, задачахъ и пріемахъ, обусловливающихъ успѣхъ.

Устройство военнаго дѣла въ Польшѣ.

Въ силу своихъ старинныхъ правъ дворяне, которые одни среди всѣхъ сословій носятъ оружіе въ Польшѣ, обязаны къ военной службѣ только внутри страны и на границахъ, не выходя изъ предѣловъ государства. Поэтому, если бы король пожелалъ вести ихъ дальше, то можетъ сдѣлать это не иначе, какъ съ ихъ согласія и за особую плату. Сверхъ того онъ обязанъ вносить выкупъ за каждаго дворянина, взятаго въ плѣнъ, а также уплачивать имъ стоимость всѣхъ утраченыхъ ими замковъ. При всемъ томъ они чрезвычайно рѣдко выступаютъ въ битву со всѣми своими силами заразъ, откладываютъ генеральное сраженіе до послѣдней возможности и, даже въ случаѣ крайней необходимости, никогда не выводятъ сразу всѣхъ своихъ людей, не оставивъ нѣкотораго подкрѣпленія, къ которому можно прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ.

Поэтому главная армія никогда не подымается раньше, чѣмъ будутъ собраны предварительно частныя ополченія въ обычномъ пунктѣ

для каждой провинціи, а именно: для холмской земли въ Грубешовѣ, для белзской въ Бужскѣ, для перемышльской въ Моцискѣ, для подольской въ Каменцѣ, для саноцкой въ Санокѣ, для львовской въ Вишнѣ и для галицкой въ Теребовлѣ. Всѣ дворяне, обязанные участвовать въ походѣ, должны присутствовать на этихъ сборахъ и мѣстный воевода производитъ имъ смотръ. Если кто изъ нихъ скажется больнымъ, воевода отправляется къ нему съ тремя или четырьмя лицами изъ дворянъ, чтобы представить отчетъ королю. Это служитъ извиненіемъ и оправданіемъ для неявившихся, но во всякомъ случаѣ каждый долженъ предварительно подтвердить клятвою свое заявленіе о болѣзни за поручительствомъ четырехъ другихъ дворянъ. Но въ случаѣ, если бы подобное заявленіе оказалось ложнымъ, король имѣетъ право лишить уклоняющагося всѣхъ его владѣній какъ личныхъ, такъ и наслѣдственныхъ, и передать ихъ другому, потому что никто не вправѣ отказываться отъ участія въ войнѣ за исключеніемъ больныхъ, стариковъ и тѣхъ, кто удерживается по необходимости исполненіемъ какихъ либо общественныхъ должностей: подстаросты гродскихъ судовъ и коменданты пограничныхъ крѣпостей, которыя обыкновенно не поручаются лицамъ, владѣющимъ большими доходами для того, чтобы тѣмъ самымъ не уменьшать количества войска. Всѣ же прочіе обязаны присутствовать лично, или же участвовать въ размѣрѣ своего имущества, каждый въ своей области. Впрочемъ, если кто имѣетъ брата или сына, по лѣтамъ способнаго носить оружіе, то можетъ послать его вмѣсто себя подъ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній не владѣлъ отдѣльною поземельною собственностью и не состоялъ при дворѣ короля или какого нибудь принца или вельможи. Если кто владѣетъ помѣстьями въ различныхъ воеводствахъ, то личность его привязана къ его обычному мѣсту жительства, по всѣмъ же остальнымъ онъ обязанъ участвовать опредѣленнымъ количествомъ вооруженныхъ воиновъ: такъ какъ всякій дворянинъ, владѣющій землями (жалованными или наслѣдственными), помѣстьями, селами, мѣстечками и замками, безусловно обязанъ лично присутствовать въ ополченіи съ такимъ количествомъ людей и лошадей, какое соотвѣтствуетъ количеству извлекаемыхъ ими доходовъ. Также

точно поступаютъ турки по отношенію къ такъ называемымъ тимаріотамъ. Эти собственники не получаютъ никакого вознагражденія и принуждены сами нести всѣ расходы, но за то и не обязаны выходить за предѣлы государства противъ своей воли или безплатно.

Прочіе воины, не владѣющіе доходными статьями, содержатся на суммы, получаемыя отъ податей и налоговъ, обыкновенно налагаемыхъ въ такихъ случаяхъ на каждый моргъ пахатной земли и на частные дома въ городахъ. Затѣмъ существуетъ еще контрибуція, доставляемая духовенствомъ, купцами, вдовами, евреями и др. Всѣ лица, занимающіяся какою нибудь торговлею въ укрѣпленныхъ городахъ, (тѣмъ болѣе, что въ деревняхъ никакой торговли нѣтъ) обязаны доставлять по одному конному и вооруженному воину, если имущество ихъ достигаетъ стоимости въ 1,000 червонцевъ. Имѣющіе 500 червонцевъ доставляютъ одного пѣшаго, тѣ же, кто имѣетъ меньше или больше, соединяются по нѣсколько домовъ вмѣстѣ, пока не составится одна изъ требуемыхъ суммъ. Войты, бурмистры и райцы каждаго города обязаны строго слѣдить за правильнымъ выполненіемъ этой повинности, между тѣмъ какъ воеводы, кастеляны и тѣ, на кого угодно будетъ королю возложить это дѣло, должны созывать этихъ людей, удостовѣряться въ томъ, находятся ли сами они и ихъ вооруженія въ надлежащей исправности, и затѣмъ разсылать ихъ въ разныя мѣста по своему усмотрѣнію.

Что касается духовенства и церковныхъ земель, то они облагаются такою же повинностью и доставляемые ими солдаты имѣютъ собственныхъ вождей и начальниковъ, равно какъ и солдаты, доставляемые вдовами, малолѣтними и больными, пославшими другихъ вмѣсто себя; всѣ они составляютъ особые отряды. Наконецъ и самое духовенство, даже епископы не избавлены отъ обязанности лично участвовать въ войнѣ, когда представится въ томъ необходимость, или же, когда самъ король выступаетъ въ походъ. Сверхъ того города, получающіе 1,000 червонцевъ дохода съ общаго имущества, обязаны доставлять по 10 конныхъ, хорошо вооруженныхъ людей; получающіе 500 червонцевъ доставляютъ 5 человѣкъ, т. е. по одному всаднику за каждые 100 червонцевъ. Евреи несутъ эту по-

винность наравнѣ съ купцами, равно какъ и земледѣльцы, за исключеніемъ огородниковъ.

Вообще, когда подымается посполитное рушеніе, король обыкновенно участвуетъ въ немъ лично, если только не удерживаетъ его болѣзнь или другое препятствіе. Если военныя дѣйствія происходятъ въ нѣсколькихъ пунктахъ одновременно, то онъ отправляется на постъ самый важный и опасный, посылая на другіе воеводъ, кастеляновъ, или иныхъ лицъ по своему усмотрѣнію. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда король самъ присутствуетъ въ арміи, на ряду съ нимъ бываетъ сановникъ, который завѣдываетъ всѣмъ военнымъ дѣломъ—это гетманъ. Онъ располагаетъ лагерь, размѣщаетъ въ немъ войско, распоряжается продовольствіемъ и боевыми припасами, распредѣляетъ гауптвахты, караулы и пикеты, направляетъ въ битву тѣ или другіе отряды войскъ по своему усмотрѣнію и устанавливаетъ окончательный планъ битвы. Назначаетъ его король вмѣстѣ со своимъ совѣтомъ, равно какъ и другихъ военачальниковъ, называемыхъ *поручниками* [1]), которыхъ они выбираютъ изъ лицъ самыхъ способныхъ въ каждомъ воеводствѣ.

Но если бы случайно такихъ лицъ въ воеводствѣ не оказалось, или же они не пожелали бы принять этой должности, то король вмѣстѣ съ гетманомъ назначаютъ ихъ изъ другаго воеводства, причемъ жалованье имъ, въ размѣрѣ 100 золотыхъ за каждые 10 лошадей для каждой хоругви, состоящей изъ 200 всадниковъ, уплачивается изъ суммъ того воеводства, войсками котораго они предводительствуютъ. Но за то при всѣхъ переходахъ и передвиженіяхъ поручникъ обязанъ зорко слѣдить за ввѣренными ему командами для того, чтобы солдаты не предавались грабежамъ, не взимали съ жителей никакихъ поборовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ одинъ является отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ причиненные убытки. Поэтому каждый изъ нихъ обыкновенно удерживаетъ нѣкоторую часть жалованья своихъ солдатъ и такимъ

[1]) Въ устройствѣ польскаго войска начальники отдѣльныхъ частей носили титулъ полковниковъ; поручниками назывались младшіе офицеры, заступавшіе мѣсто ротмистра въ его отсутствіе. Ротмистръ начальствовалъ хоругвями, количество которыхъ въ полку было неопредѣлено и достигало иногда двухъ, даже трехъ десятковъ. Авторъ очевидно ошибается, приписывая поручникамъ такое важное значеніе.

Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1888—89 XVI+470+XXX стр. Цѣна три рубля съ пересылкою. Отдѣльно второй выпускъ цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За перес. прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляютъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1889 г. продолжается.

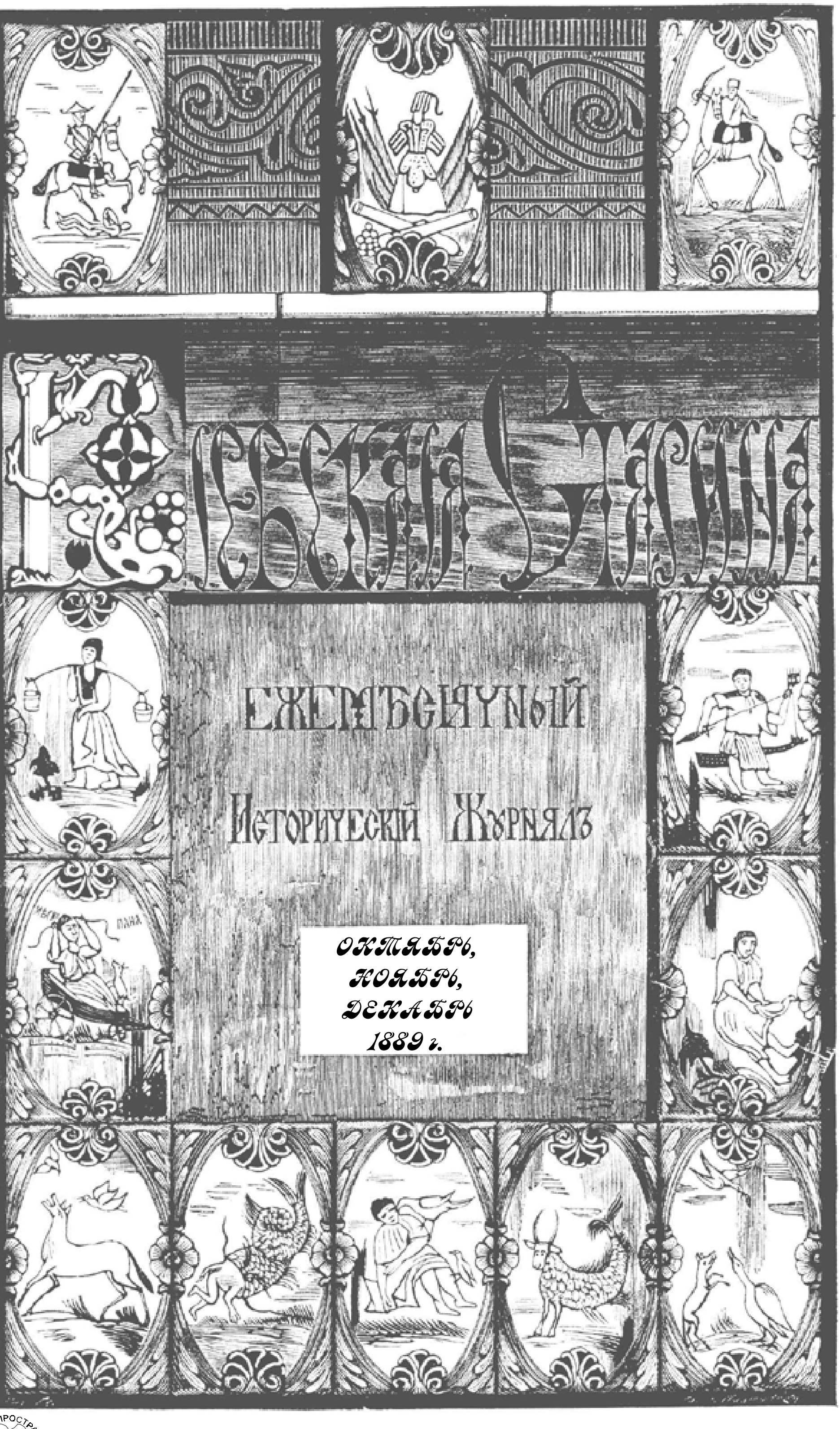
Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **6 руб.**, на мѣстѣ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ.**



Кіевская Старина

Ежемѣсячный

Историческій журналъ

Октябрь,
Ноябрь,
Декабрь
1889 г.

Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVII, 1889 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

ОКТЯБРЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 26-го Сентября 1889 г.

Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ:

„Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга“ (Русская Старина, іюль 1888 года),—

по поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.“ (Кіевск. Стар., 1889 г., мѣсяцъ іюль и августъ).

Сии блаженаа Олга оставльши Еллиньскую злоую прелесть Отчю (отчю), паче же днга (волю), вземши Еллениноу мудрость...

Изъ „Проложнаго житія св. Ольги“, первой древнѣйшей редакціи онаго (Прологъ Румянцевскаго музея XIII—XIV вѣка; то же самое житіе въ Хлудовскомъ Прологѣ XIV вѣка).

Съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ прочли мы статью „О происхожденій св. Ольги“ досточтимаго И. И. Малышевскаго, въ которой между прочимъ подробно обслѣдованъ имъ открытый нами „Владимірскій лѣтописецъ“, одно мѣсто коего касается не маловажнаго вопроса о происхожденіи св. Ольги. Этотъ памятникъ древней русской письменности XV вѣка обратилъ на себя наше вниманіе именно потому, что, вопреки извѣстію нашего лѣтописнаго свода XIV в. о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги, сообщаетъ извѣстіе о ея южномъ происхожденіи.

Прочтя съ подобающимъ вниманіемъ статью нашего многоуважаемаго ученаго и знатока церковной исторіи, мы охотно и безъ всякаго колебанія признаемъ, что въ тѣхъ мѣстахъ нашего лѣтописнаго свода, гдѣ говорится о Плесковѣ, разумѣется русскій Плесковъ (Псковъ), а не болгарскій, какъ мы полагали доселѣ.

Прибавимъ къ этому отъ себя еще одно замѣчаніе: въ нашемъ изслѣдованіи, мы выразили мнѣніе, что наши книжники XIV—XVI вѣковъ могли узнать о существованіи болгарскаго Плескова изъ рукописи славянскаго (болгарскаго) перевода хроники Константина Манассіи, 1344 года, находящейся въ московской синодальной библіотекѣ, на поляхъ которой есть современныя замѣтки, и въ одной изъ нихъ упоминается Плиска (Плесковъ). Мы отказываемся отъ этого предположенія, припомнивъ, что рукопись эта сдѣлалась извѣстною въ Россіи лишь со временъ Арсенія Суханова, который привезъ ее въ Москву съ Аѳона вмѣстѣ съ иными лишь въ 1650 году.

Но для того, чтобы отдать рѣшительное предпочтеніе свидѣтельству о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги изъ Плескова (Пскова), необходимо еще *доказать*, что свидѣтельство о семъ лѣтописнаго свода XIV вѣка точно принадлежитъ нашей первоначальной лѣтописи, писанной въ Кіевѣ въ началѣ XII вѣка, а не есть позднѣйшая вставка въ него, относящаяся къ 1237—1250 годамъ, т. е. не къ кіевскому, а къ владимірскому періоду нашей исторіи.

Такое предположеніе не есть нашъ голословный домыслъ; на это существуетъ весьма основательная причина, а именно: кромѣ лѣтописнаго свода есть еще одинъ важный источникъ свѣдѣній о св. Ольгѣ; это древнее проложное житіе ея, завѣдомо относящееся (по сочиненію) къ до-монгольскому, т. е. кіевскому періоду [1]). Оно сохранилось въ древнихъ прологахъ; намъ извѣстны два такіе пролога съ житіемъ св. Ольги: румянцевскаго музея XIII—XIV вѣка и хлудовской библ. XIV вѣка.

Въ обоихъ этихъ прологахъ съ житіемъ св. Ольги (древней, первой редакціи) нѣтъ ни одного слова о происхожденіе св. Ольги изъ Плескова, тогда какъ во всѣхъ прочихъ прологахъ XIV—XVI вѣковъ, гдѣ встрѣчается (подъ 11 іюля) житіе святой Ольги, оно является уже въ иной редакціи (вторая), написанной очевидно подъ вліяніемъ лѣтописнаго свода, почему въ самомъ началѣ этого житія и встрѣчается извѣстное выраженіе „Сія блаженная Ольга родомъ Пльсковытыни“.

---

[1]) Таково мнѣніе и покойнаго И. И. Срезневскаго.

Это и приводить насъ къ заключенію, что извѣстіе о происхожденіи св. Ольги изъ Плескова (Пскова) не принадлежитъ первоначальной лѣтописи (нач. XII вѣка), а вставлено въ нее, какъ отголосокъ народныхъ сказаній новгородско-псковской области, возникшихъ подъ вліяніемъ мѣстнаго преданія о посѣщеніи великой княгиней Ольгою въ числѣ мѣстъ новгородской области русскаго Плескова (Пскова) въ 947 году. Но принадлежатъ ли это упоминаніе о Плесковѣ первоначальной лѣтописи нач. XII вѣка? Сомнительно! [1]).

Въ кіевской же Руси было свое собственное преданіе о происхожденіи св. Ольги. Преданіе это, послѣ татарскаго погрома Кіева въ 1237 года, принесено кѣмъ либо изъ кіевлянъ въ срединную, владимірскую Русь и тутъ было вписано въ мѣстную лѣтопись, какъ надобно полагать, во вторую половину XIII или въ первую XIV вѣка. Преданіе это гласитъ, что Олегъ „поятъ Игорю жену въ Болгарѣхъ, княжну именемъ Ольгу, и бѣ мудра вельми“. Таково южное кіевское преданіе о происхожденіи св. Ольги, сохранившееся въ краткомъ владимірскомъ лѣтописцѣ исхода XV вѣка.

Изъ всего этого слѣдуетъ такое заключеніе: оба преданія (новгородско-псковское и кіевское) по своей первоначальной записи не далеки одно отъ другаго и потому оба заслуживаютъ равнаго вниманія любителей отечественной исторіи.

Многоуважаемый И. И. Малышевскій, изслѣдуя варіанты отрывка владимірскаго лѣтописца, приложеннаго къ нашей статьѣ, (числомъ 8), подвергъ ихъ подробному анализу; шесть изъ нихъ, по обнаруженнымъ тщаніемъ изслѣдователя первоначальнымъ источникамъ, оказались достаточно доброкачественными въ истори-

---

[1]) Замѣчательно, что въ *Ипатскомъ* спискѣ (половины XIV или начала XV вѣка) мѣсто это было написано, а потомъ зачеркнуто. Вѣроятно списатель его зналъ, что оба мѣста первоначальной лѣтописи, въ которыхъ упоминается Плесковъ (подъ 903 и 947 годами), есть *вставка* въ нее изъ новгородскаго лѣтописнаго свода нач. XIII вѣка, и потому хотѣлъ ихъ исключить вовсе изъ своего списка: второе исключилъ, а первое запамятовалъ исключить. Новгородскій же лѣтописный сводъ, какъ извѣстно, составленъ вскорѣ послѣ 1204 г. (см. начало Новгородской лѣтописи въ рукоп. графа Толстаго. Отд. II, № 119). Итакъ, вотъ когда именно (послѣ 1204 г.) попали въ него эти и другія *вставки*, сдѣланныя на осно-

ческомъ отношеніи, (хотя и не всѣ въ равной степени), седьмой варіантъ: „Деревы (Древляне); рекше Литва“ онъ назвалъ „неудачнымъ“. Не отрицая справедливости этого эпитета, замѣчу однако, что лѣтописецъ XV вѣка словами „рекше Литва“ вовсе не желалъ выразить (какъ полагаетъ изслѣдователь) мысль, что онъ считаетъ древлянъ литовскимъ, а не славянскимъ племенемъ, а то, что въ его время (въ XV вѣкѣ) древляне жили въ предѣлахъ литовской, а не московской Руси. Замѣтимъ при томъ, что предъидущіе варіанты (числомъ 7) имѣютъ не самостоятельное, а лишь пояснительное значеніе и состоятъ всего изъ двухъ, много трехъ словъ, и уже по одному этому не могутъ идти въ сравненіе съ главнымъ варіантомъ владимірскаго лѣтописца, то есть съ тѣмъ его мѣстомъ, которое свидѣтельствуетъ о южномъ происхожденіи св. Ольги и читается такъ: „Игоря же жени (Олегъ) въ Болгарѣхъ, поятъ же за него княжну, именемъ Ольгу, и бѣ мудра вельми“. Предъ нами не два и не три пояснительныхъ слова, а цѣльное, округленное предложеніе, выраженное при томъ ясно и опредѣленно [1]).

Досточтимый И. И. Малышевскій, приступая къ изслѣдованію этого главнаго варіанта лѣтописи, прямо заявилъ, что онъ считаетъ его „собственнымъ домысломъ“ лѣтописца, вѣроятно на томъ основаніи, что источникъ этого варіанта имъ не обна-

ваніи народныхъ легендарныхъ преданій, во славу Новгорода, соперничавшаго искони съ „матерью градовъ русскихъ“, перевявшей у него первенство еще въ 882 г. удерживавшаго оное въ продолженіи $3^1/_2$ столѣтій (до 1237 г.). Изъ новгородскаго лѣтописнаго свода *вставки* эти перешли въ лѣтописный сводъ серединной (владимірской) Руси, въ первой же половинѣ XIII вѣка (послѣ 1237 и не позже 1250 г.)

[1]) Кстати, позволимъ себѣ заявить здѣсь многоуважаемому И. И. Малышевскому и всѣмъ интересующимся обсуждаемымъ вопросомъ, что свидѣтельство о южномъ происхожденіи св. Ольги, приведено нами изъ подлинной рукописи, въ коей находится владимірскій лѣтописецъ, съ дипломатическою точностью: слово въ слово, и буква въ букву (съ раскрытіемъ титлъ), а потому и вопросъ изслѣдователя, вѣрно ли прочтено или переписано выраженіе „въ Болгарѣхъ“, не стоитъ ли вмѣсто него „въ Болярѣхъ“, мѣста не имѣетъ.

Полагаемъ, что такое чтеніе не можетъ быть допущено и въ видѣ догадки, потому что, будучи не лишено смысла въ настоящее время, по отношенію къ первоначальному періоду нашей исторіи оно едва ли найдетъ подтвержденіе въ примѣрѣ изъ лѣтописи.

руженъ. Мы не удивляемся такому предположенію, но согласиться съ нимъ не можемъ.

Весьма понятно, что почтенный изслѣдователь, признавая неоспоримымъ извѣстіе о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги (въ защиту котораго и написана его статья), и какъ принадлежащее, по его мнѣнію, первоначальной лѣтописи, писанной въ Кіевѣ въ нач. XII вѣка, и принимая во вниманіе, что извѣстіе о южномъ происхожденіи св. Ольги нашлось пока лишь въ одной второстепенной и краткой лѣтописи XV вѣка, конечно имѣлъ полное право усумниться въ его подлинности и потому обозвать его „собственнымъ домысломъ“ лѣтописца. Но мы, какъ сказали выше, не можемъ считать *доказаннымъ*, что извѣстіе о сѣверномъ происхожденіи Ольги „изъ Плескова“ (Пскова) принадлежитъ нашей первоначальной лѣтописи (нач. XII вѣка), а по изъясненнымъ выше причинамъ, считаемъ это извѣстіе позднѣйшею вставкою въ лѣтописный сводъ, сдѣланною не въ кіевскій, а во владимірскій періодъ нашей исторіи, а именно между 1237 и 1250 годами, изъ новгородскаго лѣтописнаго свода нач. XIII вѣка (послѣ 1204 г.), а извѣстіе о южномъ происхожденіи св. Ольги отъ болгаръ, сохранившееся въ лѣтописцѣ XV вѣка, признаемъ заимствованнымъ изъ источника болѣе древняго, восходящаго тоже ко второй половинѣ XIII или по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XIV вѣка, однимъ словомъ, считаемъ оба эти извѣстія (по записи) одновременными или не далекими одно отъ другаго и потому имѣющими равное право на вниманіе.

Высказавъ свое мнѣніе касательно „сочиненности“ извѣстія южномъ происхожденіи св. Ольги владимірскаго лѣтописца, многоуважаемый И. И. Малышевскій, какъ бы въ оправданіе или подкрѣпленіе онаго мнѣнія, сопоставляетъ съ нимъ извѣстіе, относящееся къ тому же самому вопросу о происхожденіи св. Ольги, изъ лѣтописца нач. XVII вѣка (1606 г.), находящееся въ одномъ изъ сборниковъ Императорской публичной библіотеки (изъ Погодинскаго собранія). Извѣстіе это читается такъ: „Посемъ (послѣ похода Олега на Царьградъ) женись Князь Игорь Рюриковичь во Плесковѣ, поя за себѣ Княжну Ольгу дщерь Тмутаркана, Князя Половецкаго“. Приведя эту выписку, изслѣдователь говоритъ:

„не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это сообщеніе не есть извѣстіе, почерпнутое изъ какого либо древняго источника, а собственное мнѣніе, собственное измышленіе автора краткой лѣтописи москвича XVII вѣка". Мы не думаемъ ошибиться, сказавъ, что приведеніе этого извѣстія на среду сдѣлано изслѣдователемъ для показанія „возможности" сдѣлать то же самое заключеніе и относительно извѣстія владимірскаго лѣтописца XV вѣка.

Но мы отказываемся согласиться съ мнѣніемъ достопочтеннаго изслѣдователя о „сочиненности" и этого извѣстія лѣтописца XVII вѣка. По нашему мнѣнію, онъ повиненъ передъ судомъ исторической критики вовсе не въ „измышленіи" извѣстія, а въ неумѣлой поправкѣ его первоначальнаго чтенія, изъ желанія согласовать оное съ извѣстіемъ лѣтописнаго свода. Полагаемъ, что первоначальное чтеніе было таково:

„Посемъ женись князь Игорь Рюриковичь въ Тмутарканѣ, поя за себѣ княжну Ольгу, дщерь князя тмутарканскаго".

Лѣтописецъ XVII вѣка, не понявъ смысла этого извѣстія, вздумалъ „пояснить" его слѣдующимъ образомъ: онъ вмѣсто „въ Тмутарканѣ" поставилъ „въ Плесковѣ", но по добросовѣстности (за что ему великое спасибо!) не выключилъ вовсе слова „Тмутарканъ" а только изъ географическаго термина (названіе города и области) сдѣлалъ имя собственное; вмѣсто же князя „тмутарканскаго" поставилъ (по догадкѣ) „половецкаго", чтобы избѣгнуть повторенія одного и того же слова, уже измѣненнаго имъ въ своемъ значеніи.

Таковъ, по нашему мнѣнію, процессъ испорченности первоначальной записи; полагаемъ, нѣтъ надобности доказывать, что наши древніе лѣтописцы (до XVIII вѣка) не были охочи сочинять подложныя лѣтописныя сказанія, а если иногда и бывали виновны, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ неудачныхъ поправкахъ той или другой первоначальной записи, то все таки дѣлали это не смѣло, а скорѣе робко, подчасъ и неумѣло.

Очевидно, что въ разсматриваемомъ варіантѣ лѣтописецъ, встрѣтивъ двукратное повтореніе слова Тмутаркань, („въ Тмутарканѣ", и „Тмутарканскаго") и инстинктивно понявъ, что оно въ этомъ извѣстіи имѣетъ какое то выдающееся значеніе, потому и не рѣшился вовсе исключить его, и тѣмъ сохранилъ для насъ драгоцѣнное указаніе, о какихъ именно „болгарахъ" идетъ рѣчь въ опредѣленномъ и ясномъ извѣстіи о южномъ происхожденіи св. Ольги во владимірской лѣтописи XV вѣка.

Ясно открывается, что тамъ разумѣются болгары не дунайскіе (какъ мы полагали прежде), а азовско-черноморскіе, тѣснѣе тмутараканскіе, которыхъ византійскіе историки X вѣка именуютъ „черными болгарами", единоплеменники болгаръ дунайскихъ.

О черныхъ, или тмутараканскихъ болгарахъ и ихъ отношеніи къ кіевскимъ великимъ князьямъ свидѣтельствуетъ договорная грамота в. к. Игоря 946 года, изъ которой видно, что они въ это время уже состояли въ вассальной зависимости отъ Игоря и потому онъ обязуется удерживать ихъ отъ нападенія на Корсунь и греческія крымскія колоніи.

Вассальному подчиненію, конечно, предшествовали мирныя дружескія отношенію сихъ болгаръ къ кіевскимъ руссамъ, вѣнцомъ этихъ отношеній, по мудрой политикѣ в. к. Олега, и была женитьба его воспитанника и родича князя Игоря (въ 903 г.) на княжнѣ Ольгѣ, дочери тогдашняго тмутараканскаго князя.

А при св. Владимірѣ, при раздѣленіи имъ великаго княжества кіевскаго на удѣлы,—Тмутаракань уже является удѣломъ одного изъ его сыновей,—Мстислава, о чемъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 988 годомъ. Княжество это составляло самый дальній юго-восточный край тогдашней кіевской Руси и принадлежало ей до исхода XI вѣка, въ которомъ, или въ началѣ XII вѣка, было отторгнуто половцами.

Въ послѣдній разъ тмутараканское княжество является на страницахъ лѣтописнаго свода подъ 1096 годомъ. Ко многимъ и интереснымъ заключеніямъ ведетъ извѣстіе кіевскаго преданія о происхожденіи св. Ольги отъ болгаръ, и именно отъ тмутараканскихъ, или азовско-черноморскихъ.

Это извѣстіе между прочимъ упраздняетъ справедливое возраженіе И. И. Малышевскаго относительно язычества Ольги. „Не вѣроятно, говоритъ онъ, чтобы болгарская княжна X вѣка была и пришла въ Русь язычницею, а не христіанкою". Это дѣйствительно, если не невозможно, то мало вѣроятно, зная, что у дунайскихъ болгаръ христіанство еще во второй половинѣ IX вѣка уже сдѣлалось господствующею религію и что это дѣло (т. е. принятіе христіанства), какъ и у насъ въ кіевской Руси при св. Владимірѣ, шло сверху внизъ, а не на оборотъ, т. е. что христіанство было принято сперва княземъ и боярами и потомъ, по ихъ примѣру, народомъ.

Но у болгаръ тмутараканскихъ это было наоборотъ. Тамъ частныя обращенія въ христіанство, благодаря сосѣдству сильныхъ

греческихъ центровъ, каковы Корсунь и Сугдея, начались съ VII вѣка и продолжались въ послѣдующія вѣка, съ разными колебаніями, по недостатку сильной централизаціи и по поводу ихъ вассальной зависимости въ IX вѣкѣ отъ хозаръ, съ которыми „черные болгары“ долго вели кровопролитныя войны, оспаривая свою независимость при помощи кіевскихъ руссовъ, и лишь къ началу X вѣка успѣли наконецъ сладить съ хозарами, послѣ того когда на смѣну хозарскихъ гарнизоновъ въ ихъ городахъ явились гарнизоны изъ кіевскихъ руссовъ. Посему нѣтъ ничего невѣроятнаго, что дочь тмутараканскаго князя, выйдя замужъ за русскаго в. к. Игоря язычника, хотя пришла на Русь оффиціально тоже язычницею, но какъ рожденная въ такой странѣ, гдѣ христіанство издавна уже пустило глубокіе корни въ народѣ (такъ что въ исходѣ IX вѣка Тмутаракань (греческая Таматарха) въ Уставѣ императора Льва Философа уже значилась въ числѣ епархій, подвѣдомственныхъ константинопольскому патріарху),—принесла съ собою въ Кіевъ твердое душевное предрасположеніе къ христіанству, и именно къ восточно-греческому. Посему когда наступило сему благопріятное для нея время (по смерти мужа язычника) и отправилась для крещенія не въ Римъ, (то было бы вѣроятнѣе, если бы она была варяжкою), а въ Царьградъ, не къ папѣ, а къ патріарху.—Послѣдуя примѣру досточтимаго И. И. Малышевскаго, въ заключеніе нашей статьи скажемъ, что хотя мы и не скрываемъ, по всему вышесказанному, своего сочувствія къ извѣстію о южномъ происхожденіи св. Ольги, но вовсе и не намѣрены придавать ему „рѣшающаго“ значенія, а стоимъ лишь на томъ, что извѣстіе это отнюдь „не сочинено“, а будучи по времени записи недалекимъ отъ такого же извѣстія о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги, имѣетъ посему равное съ нимъ право на вниманіе любителей исторіи.

Вопросъ остается „открытымъ“ до находки иныхъ записей относительно южнаго (кіевскаго) преданія о происхожденіи св. Ольги. А что эти находки возможны, доказываетъ найденная нами запись владимірскаго лѣтописца XV вѣка и варіантъ того же извѣстія въ лѣтописи XVII вѣка, разумѣется въ его первоначальномъ, (а не испорченномъ неудачной поправкой лѣтописца“) видѣ.

Архимандритъ **Леонидъ**.

Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ.

Должно быть не дешево обходилось малороссійской старшинѣ полученіе урядовъ, такъ какъ сохранилось множество дѣлъ о злоупотребленіяхъ старшины, начиная отъ гетмановъ до простыхъ сотенныхъ писарей. Всѣ эти злоупотребленія, въ большинствѣ случаевъ, выражались въ излишнемъ обложеніи козаковъ, поборами и особенно въ требованіяхъ исправленія натуральныхъ повинностей. Жалобы на мелкихъ чиновъ обыкновенно кончались полковымъ судомъ; жалобы же на полковниковъ доходили въ XVIII в. до гетмана и до иностранной коллегіи. Какія позволяли себѣ полковники злоупотребленія, можно видѣть изъ дѣла полковника полтавскаго Ивана Черняка, производившагося въ 1714 г. и встрѣтившагося мнѣ среди дѣлъ, относящихся до княжествъ Молдавскаго и Валашскаго, куда оно попало, очевидно, совсѣмъ случайно.

Дѣло началось по письму государственнаго канцлера, графа Гаврилы Ивановича Головкина на имя гетмана Скоропадскаго отъ 18 ноября 1714 г. слѣдующаго содержанія: „Извѣстно здѣсь учинилось, что полтавскаго полка судья Петръ Кованко и иные приносили ему жалобу на полковника полтавскаго Ивана Черняка во многихъ его ко всему полку обидахъ и что онъ же, Чернякъ, выдалъ на тотъ полкъ горѣлки своей 1000 куѳъ, а за каждую куѳу взялъ по 24 рубля; да онъ же для взятковъ учреждаетъ въ сотники и въ иные уряды того полка людей подозрительныхъ, а именно: учинилъ въ мѣстечко Будище сотникомъ зятя своего Дмитрія Калачинскаго, у котораго братъ родной при измѣнникѣ Войнаровскомъ маршалкомъ, новосенджаровской сотникъ Матвѣй

Буцкой, нехворощинской сотникъ Стецко были при измѣнникѣ Мазепѣ, переволочанской сотникъ Дмитро съ измѣнникомъ Косткою Гордѣенкомъ былъ, когда въ Царичанкѣ побили великороссиихъ людей. И ежели такое доношеніе ему, господину гетману, отъ того судьи и другихъ на того полковника есть, то надлежитъ его призвать въ Глуховъ, а въ тотъ полкъ послать кого изъ генеральной старшины и изъ офицеровъ отъ полковъ, которые при немъ, гетманѣ, есть, и, въ небытность Черняка въ полтавскомъ полку, противъ того доношенія тѣмъ обоимъ посланнымъ велѣть о немъ, полковникѣ, сыскать: такія тому полку обиды и тягости онъ, Черникъ, чинилъ ли? А что въ сыску тамошніе жители учнутъ говорить, тому учинить записку и привезть къ нему, гетману, а онъ бы тотъ сыскъ прислалъ въ СПбургъ къ государственному канцлеру; а тѣхъ людей, которыхъ онъ въ чины наставилъ, и ежели оные подлинно суть въ вѣрности подозрительные и такіе, какъ писано выше сего, то велѣть ихъ отъ чиновъ отлучить и выбрать на ихъ мѣста иныхъ добрыхъ и вѣрныхъ людей". Въ отвѣтъ гетманъ Скоропадскій извѣстилъ Головкина, что онъ уже давно послалъ въ полтавскій полкъ для розыска о дѣяніяхъ Черняка генеральнаго есаула Бутовича, который уже произвелъ розыскъ, а указанныхъ въ жалобѣ сотниковъ велѣлъ отъ урядовъ отставить, а на ихъ мѣсто выбраны новые. При письмѣ этомъ Скоропадскій прислалъ и самый розыскъ о Чернякѣ, дополнивъ его доношеніемъ козака Кондака на Черняка же и показаніями отставленныхъ сотниковъ.

Въ доношеніи козака Данила Кондака написано: „ноября въ 23 д. 1714 г. въ Полтавѣ въ канцеляріи передъ комендантомъ Иваномъ Отяевымъ полтавской житель Данило Кондакъ доносилъ: въ 1713 г. зимою, послѣ Рождества Христова, посылалъ его полковникъ Чернякъ говорить кошевому Косткѣ и прочимъ запорожцамъ, чтобъ „не важились кланяться царскому величеству: еще де висѣлицы московскія не наполнились; а если де поклонитесь, то, конечно, наполнятся вами!" И онъ де, Данила, пріѣхавъ въ Сѣчу, боясь полковника Черняка, чтобъ его не убилъ кіями до смерти, оныя слова кошевому Костькѣ говорилъ и за оное кошевой полковника Черняка благодарилъ; и онъ, Данила, видя

его полковничье съ кошевымъ, съ Костькою, согласіе, а къ царскому величеству незычливость, напомнилъ Бога и вѣрную свою службу къ царскому величеству, прочимъ запорожцамъ такихъ словъ не говорилъ, чтобы не сдѣлать большаго въ Сѣчи возмущенія. Про такіе слова онъ давно хотѣлъ донесть коменданту, но за страхомъ полковника Черняка не смѣлъ, для того что видѣлъ, что онъ, полковникъ, сдѣлалъ надъ другими. Да онъ же, Чернякъ, отпуская его въ Сѣчу, говорилъ: „видишь ты меня теперь паномъ, еще надѣюся быть и большимъ!"

Въ челобитной полтавскаго полка судьи полковаго Петра Кованка съ товарищами приведены слѣдующія обвиненія полковника Черняка:

1) По указу царскаго величества повелѣно, чтобъ въ малороссійскихъ городахъ аренды не было, и всякой бы человѣкъ, не имѣя другихъ занятій, могъ свободно шинковать виномъ, заплатя въ ратушу два рубля за куѳу; а полковникъ ихъ наложилъ на подлыхъ бѣдныхъ людей на вымѣръ ведро по два талера, и хотя бы вино пили или вылили, только бъ деньги ему за него дали. Чрезъ это людямъ ихъ полка чинится немалая обида, а войсковой прибыли убытокъ.

2) Такожъ повелѣно, чтобъ никто въ полевыя рѣчки за добычами звѣриными и рыбными не дерзалъ; полковникъ же ихъ посылалъ козаковъ за рѣку Самарь на р. Быкъ для добычи, изъ нихъ запорожцы одного знатнаго товарища сотни полтавской убили, а другихъ ограбили. По примѣру полковника и другіе козаки стали ходить по рѣчкамъ для добычи, а когда возвращаются съ добычей домой, полковникъ же ихъ ограбитъ.

3) Онъ же, полковникъ, хотя показать свою службу, собравъ лучшихъ козаковъ своего полка, ходилъ за Днѣпръ за запорожцами; но дойдя до Суры въ степь, убоясь идти дальше, отправилъ на запорожцевъ небольшое число козаковъ, которые, спедшись съ татарами и запорожцами, дали имъ бой; видя невозможность удержаться противъ непріятеля, козаки послали къ полковнику съ просьбой о присылкѣ помощи, но полковникъ на помочь не послалъ, отчего нѣсколько десятковъ козаковъ должны были пропасть.

4) За нерадѣніемъ полковника, въ полку нѣтъ надлежащихъ сторожъ и разъѣздовъ, а потому непріятели ежегодно угоняютъ скотъ и лошадей, чего при прежнихъ полковникахъ не было.

5) Козаки, которые должны быть наряжены на сторожи и въ разъѣзды, вмѣсто того, по приказанію полковника, возятъ ему на строеніе лѣсъ и гатятъ гребли, и не только въ ихъ полку, но выгоняетъ козаковъ на гребли и въ миргородской полкъ въ городокъ Омельникъ къ своимъ племянникамъ; сѣно ему козаки косятъ, и не только ему, но и всѣмъ его свойственникамъ и арендовымъ шаѳарчикамъ. Живя въ такой неволѣ, козаки не могутъ исправиться послѣ шведскаго разоренія, а потому многіе разошлись въ иные полки, а иные находятся въ крайнемъ убожествѣ.

6) Также имъ, козакамъ, и то великая тягость, что онъ, полковникъ, переломавъ права ихъ и вольности козацкія, которыя его царскаго величества грамотами утверждены, ставитъ на уряды сотниковъ не тѣхъ, которые по заслугамъ своимъ и вольнымъ козачьимъ голосамъ годны, но учиняетъ торгъ, и кто больше дастъ, того и допускаетъ на урядъ сотничества; а тѣ, въ свою очередь, чинятъ великій грабежъ бѣднымъ козакамъ и посполитымъ людямъ, чтобъ возвратить данную полковнику сумму.

О взяткахъ его и грабежахъ всякъ своими супликами будетъ бить челомъ, если кто будетъ присланъ отъ гетмана для розыску.

Въ заключеніе просятъ полковника ихъ Черняка перемѣнить.

Подъ челобитьемъ подписались: Петръ Кованка, судья полковой, Иванъ Залѣсскій, писарь полковой, Михаилъ Руденко и Павелъ Гарасимовъ, хорунжіе полковые, и восемь человѣкъ другихъ того полку товарищей.

Не привожу отвѣтовъ Черняка на обвинительные пункты, потому что объясненія его на нѣкоторые пункты совершенно голословны, не подтверждены никакими свидѣтелями, а иные пункты онъ призналъ правильными, ссылаясь на обычай.

Послѣ того Бутовичемъ были допрошены тѣ сотники, которые, по мнѣнію челобитчиковъ, поставлены на уряды неправильно. Первымъ подалъ о себѣ сказку Дмитрій Калачинскій, зять полковника: „Когда Мазепа на покойныхъ Кочубея и Искру гналъ, гналъ же и за тестемъ его; и домъ его Григорьемъ Гер-

цикомъ разоренъ, а его, Черняка, ѣдущаго въ войско, взяли компанейцы и, заклепавъ въ колодку, привезли подъ Кіевъ и отдали артилерному есаулу, и сидѣлъ за карауломъ, о чемъ вѣдаетъ литейный мастеръ Карпъ. Тогда жена полковника Черняка, увѣдавъ, что мужъ ея держится въ узахъ за карауломъ, посылала къ Мазепѣ сына своего Еремѣя и его, Дмитрія, въ Бѣлую Церковь просить о свободѣ его; и какъ они пріѣхали въ Кіевъ, и ихъ, не давъ свидѣться съ Черякомъ, за карауломъ послали въ Бѣлую Церковь, гдѣ, по Мазепиному приказу, были посажены въ тюрьму и сидѣли пять дней,—о чемъ вѣдаютъ полковникъ Чернышъ и Матвѣй Буцкій, и угрожали ему, Дмитрію, пыткою, чтобы онъ объявилъ о пожиткахъ Кочубея, гдѣ они скрыты. Затѣмъ вмѣстѣ съ артиллеріею привезли въ Бѣлую Церковь и тестя его, Черняка, и всѣхъ ихъ; по принятіи Черякомъ присяги, что онъ о пожиткахъ Кочубея тоже ничего не знаетъ, отпустили. Въ это время онъ часто видѣлся съ своимъ братомъ, а по отъѣздѣ домой и донынѣ онъ совершенно не знаетъ, гдѣ находится его братъ, и живъ ли онъ, такъ какъ писемъ отъ него не получалъ и самъ къ нему не писалъ. А какъ измѣнникъ Мазепа и бунчужный Мировичъ пріѣзжали въ Полтаву, тогда они были гонимы отъ Дороша, Красноперича и Михаила Руденка. Послѣ того тесть его Иванъ Черякъ посланъ въ Крымъ и въ Сѣчу, гдѣ кошевой Костька, бивъ его нещадно, забивъ въ кандалы и оковавъ руки, отослалъ съ сотникомъ миргородскаго полка съ потоцкимъ къ Мазепѣ; а теща его съ сыномъ и съ нимъ, Дмитріемъ, и свойственники, оставивъ жилище и имѣніе свое въ Полтавѣ и въ Яворонцахъ, боясь сообщниковъ Мазепиныхъ, чтобы и надъ ними какого зла не учинили, съ позволенія князя Александра Волконскаго, уѣхали въ Нехворощу, оттуда въ Вольный, а изъ Вольнаго въ Харьковъ, гдѣ узнали, что Мазепа тестя его, полковника Черняка, въ Великихъ Будищахъ хочетъ казнить смертью. Тогда они били челомъ генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Меньшикову о вызволеніи его отъ смерти; его свѣтлость приказалъ объявить Герцичкѣ старой, чтобы она послала къ зяту своему Орлику и къ дѣтямъ своимъ, бывшимъ при измѣнникѣ Мазепѣ, съ предложеніемъ: ежели Черякъ Ма-

зепою будетъ казненъ, то взаимно она, Герцичка, съ дѣтьми ея будутъ казнены, а потому старались бы они Черняка отъ казни вызволить. Герцичка, по приказу князя, написала къ Орлику и къ своимъ дѣтямъ письмо, которое онъ, Калачинскій, послалъ изъ Гайворонца съ шпигомъ къ Орлику; шпига шведы поймали и казнили, о чемъ старая Карамущиха съ дѣтьми своими свѣдома, а письмо было отдано Орлику, и по тому письму тесть его не казненъ. По отсылкѣ Герцичина письма, онъ, Калачинскій, возвратился въ Харьковъ, гдѣ и жилъ до полтавской викторіи; а ни въ какой измѣнѣ онъ не былъ".

Матвѣй Буцкой, сотникъ новосенджаровской, показалъ: „Когда Кочубей и Искра поѣхали къ великому государю доносить о Мазепиной измѣнѣ, тогда они были въ своемъ хуторѣ Коломацѣ. Дорошецъ, имѣя на нихъ злобу, послалъ дѣтей своихъ въ другой хуторъ ихъ Готовянской; тамъ они забрали ихъ пастуховъ и, бивъ, спрашивали, гдѣ находятся Буцкіе. Одинъ изъ пастуховъ ушелъ отъ Дорошанъ къ нимъ въ Коломакъ и объявилъ имъ, что ихъ хотятъ, забивши въ колодки, везти въ Полтаву въ тюрьму. Услыша объ опасности, онъ съ братомъ Григорьемъ ушли въ городъ Коломакъ и жили тамъ весь великій постъ; а въ великую субботу ночью въ Коломакъ пріѣхала, укрываясь, госпожа Искрина. Узнавши объ ея прибытіи въ Коломакъ, Григорій Герцикъ пріѣхалъ съ козаками и, забравъ ихъ, забилъ въ колодки и привезъ въ Полтаву; здѣсь, вмѣсто колодокъ, забилъ въ кандалы и отослалъ его въ Бѣлую Церковь къ Мазепѣ, а брата его въ Гадячъ въ тюрьму. Въ Бѣлой Церкви сидѣлъ онъ подъ карауломъ отъ Вознесенія до Воздвиженія, вмѣстѣ съ полковникомъ Чернышемъ и другими, а потомъ Мазепа послалъ его въ Быково и приказалъ Гамалѣю, чтобы, наказавши жестоко, изъ подъ караула отпустилъ его. Чрезъ нѣсколько дней его и брата его Григорья изъ гадяцкой тюрьмы освободили и по ихъ прошенію Мазепа далъ имъ листъ объ освобожденіи ихъ женъ и объ отдачѣ пожитковъ, съ каковымъ листомъ они пріѣхали въ Полтаву. На той же недѣлѣ, какъ они пріѣхали въ Полтаву, сдѣлался въ Полтавѣ бунтъ изъ за грамотъ царскаго величества, что онѣ не были читаны въ радѣ, при чемъ былъ убитъ полтавскій писарь Лозинской.

По усмиреніи бунта, Дорошъ и Красноперичъ, считая ихъ, Буцкихъ, подстрекателями къ убійству Лозинскаго, приказали посадить ихъ въ ратушу, гдѣ они сидѣли день, а затѣмъ по просьбѣ ихъ женъ полтавскій полковникъ ихъ освободилъ. Тесть его, узнавши, что онъ опять взятъ подъ караулъ, взялъ его жену и дѣтей и отвезъ въ Новосенджаровъ; а они, Буцкіе, съ полковникомъ Черпякомъ поѣхали къ царскому величеству въ Лебединъ, откуда Чернякъ былъ посланъ въ Крымъ. О всѣхъ его бѣдствіяхъ вѣдаетъ бывшій тогда въ Полтавѣ командиромъ князь Волконской, который совѣтовалъ ему изъ Полтавы куда нибудь удалиться, только не въ противную его царскому величеству сторону, такъ какъ Дорошъ, Красноперичъ и Руденокъ говорили: „пока они всѣхъ Кочубейскихъ свойственниковъ и ихъ совѣтниковъ не перевѣшаютъ, дотолѣ въ дѣлѣ ихъ не будетъ имъ свободы“. По совѣту князя Волконскаго, братъ его съ дочерью Черняка ушелъ въ Нехворощъ, а онъ къ своей женѣ и дѣтямъ въ Новосанджаровъ, и хотя очень желалъ переѣхать въ Нехворощъ, но по причинѣ великой весенней воды черезъ Ворсклъ переправиться не могъ и принужденъ былъ остаться въ Новосанджаровѣ почти до баталіи. Тутъ ихъ застали запорожцы, отъ которыхъ онъ съ тестемъ своимъ, съ женою и съ дѣтьми, по случаю слабаго присмотра, уѣхалъ въ миргородской полкъ къ Потоку, и стояли за Псломъ; а какъ услыхали про гетмана и князя Долгорукаго, что они гонятся за шведами, то явились къ гетману и къ Долгорукому и просили себѣ у гетмана охранительнаго указа, который имъ и былъ выданъ. Съ нимъ они пріѣхали въ Омельникъ. Въ бытность свою въ Сенджаровѣ, онъ не имѣлъ никакого уряда и жилъ въ рядовыхъ товарищахъ. Когда запорожцы пришли въ Новосанджаровъ и кошевой Костька сталъ на квартирѣ у тестя его, то узнавши, что онъ, Матвѣй, свой Кочубею, призвалъ его и спросилъ: „онъ ли былъ за карауломъ за Кочубея?“ „Я“. „Ты ему родичъ доводишься?“ „Родичъ“. Кошевой продолжалъ: „былъ у насъ въ Сѣчи Иванъ Жуковъ, внукъ, да добро, что ушелъ!“ А больше того ничего не говорилъ. Потомъ пріѣзжалъ въ Новосенжаровъ Мазепинъ бунчужный Ѳедоръ Мировичъ; изъ Новосенжарова Мировичъ вмѣстѣ съ кошевымъ поѣхалъ къ Мазепѣ

въ Великое Будище и захватилъ его и бывшаго новосенжаровскаго сотника Романа. За карауломъ ихъ не держали, а только подъ крѣпкимъ надзоромъ, и чрезъ нѣсколько недѣль съ кошевымъ возвратились въ Новосенжаровъ.

Это показаніе Матвѣя Буцкаго засвидѣтельствовали и подписали бывшій сотникъ новосенжаровскій Яковъ Мелещенко съ товарищами, восемь человѣкъ.

По окончаніи допроса сотниковъ, полковникъ Чернякъ далъ свое объясненіе относительно будто бы неправильнаго назначенія указанныхъ сотниковъ на уряды, помимо болѣе достойныхъ. Онъ указалъ на то, что доселѣ никто изъ старшины полтавскаго полка не указывалъ ему на неправильный выборъ сотниковъ; съ другой стороны въ полку такъ мало осталось старшины, которые бы не измѣнили государю, что онъ не имѣлъ никакой возможности выбирать на уряды исключительно вѣрныхъ людей; такъ, ему пришлось по нуждѣ вручить хорунжество Михаилу Руденку, который теперь, вмѣстѣ съ Коваңькомъ, на него челобитчикъ, а между тѣмъ во время измѣны возилъ грамоты великаго государя къ Мазепѣ и за то получалъ отъ него награды, и когда узналъ, что Мазепа измѣнилъ, въ Великихъ Будищахъ ограбилъ до нага великороссійскихъ людей и еслибъ бывшій сотникъ Максимъ Левченко не выслалъ ночью людей въ Опошню, то онъ ихъ перебилъ бы.

Послѣ розыска по общимъ пунктамъ челобитной, генеральный есаулъ Бутовичъ приступилъ къ разбору жалобъ отдѣльныхъ лицъ. На жалобы давалъ отвѣты или самъ полковникъ, или полтавская полковая старшина, смотря по тому, на чье рѣшеніе приносится жалоба; въ заключеніе по каждой жалобѣ Бутовичъ ставилъ свое опредѣленіе. Хотя этихъ жалобъ приведено въ дѣлѣ слишкомъ много, но онѣ такъ ярко освѣщаютъ бытъ того времени, что было бы грѣхомъ не привести ихъ, тѣмъ болѣе, что бытовая исторія Малороссіи XVIII ст. далеко не разработана.

Иванъ Шило, товарищъ сотни полковой, билъ челомъ на полковника въ порубкѣ его лѣса на свое мельничное и хоромное строеніе; въ лѣсу этомъ были доли и его братьевъ. Полковникъ отвѣчалъ, что велѣлъ Шиловъ лѣсъ рубить за его прелюбодѣяніе,

за что съ вѣдома митрополита кіевскаго, по правиламъ св. отецъ и по артикуламъ правнымъ (какъ въ книгѣ мѣской ратуши полтавской написано) присужденъ былъ къ смертной казни, но, по ходатайству духовенства, бывшаго на томъ судѣ, отъ казни освобожденъ, а за вину указано вырубить его лѣсъ, при чемъ срублены и братнія части. Но въ вознагражденіе братьевъ Шила за вырубленный лѣсъ изъ мѣскаго уряду велѣно отвести имъ нерубленный лѣсъ, а опустошенное мѣсто оставить Ивану.

Леско Мищенко, житель полтавскій, жаловался на полковника за взятье двадцати четырехъ ульевъ пчелъ за то, что будто у него чужой улей опознали, чего по розыску не явилось. Полковникъ отвѣчалъ, что три улья пчелъ, по приказу гетманскому, вслѣдствіе челобитья Мищенка, онъ уже возвратилъ, а двадцать одинъ улей отдастъ весною, на что и обликъ Мищенку своею рукою написалъ.

Петръ Кушнеръ, житель тахтауловскій, билъ челомъ на полковника за взятый лѣсъ, да на бывшаго великобудинскаго сотника Калачинскаго и бывшаго атамана тахтауловскаго Константина въ двухъ коровахъ, въ двухъ свиньяхъ и въ двухъ плугахъ желѣза. На это челобитье полтавская полковая старшина дали отвѣтъ, что жена его, Кушнеренкова, приличилась въ чародѣяніи и хотѣла зятя своего Грицка Рѣзниченка съ его женою отравить; также чинила и другія чародѣйства, въ чемъ сама созналась и записано въ книгахъ мѣскихъ, за ту вину вышеписанное и забрано.

Юрій Панченко, бывшій козакъ рѣшетиловской сотни, а теперь самовластно перешедшій въ подданство къ госпожѣ Искриной, въ село Демидовку, жаловался о забраніи лѣса, лужка сѣножати, поля пахотнаго и рухомостей нѣкоторыхъ на полковника. Въ отвѣтъ полковникъ представилъ письмо, составленное на рѣшетиловскомъ урядѣ, въ которомъ написано, что какой то Миронъ Корноушенко, укравши неводъ на хуторѣ на Гоутвѣ, принесъ его къ Панченку; разрѣзавши неводъ на волоки, они украдомъ ловили рыбу въ озерахъ госпожи Искриной, въ чемъ Панченка рѣшитиловскій урядъ и обвинилъ. А когда прислали взять у него на полковника пчелъ, то нашли въ погребѣ два

краденыхъ улья, одинъ подъ клеймомъ Родька Слюсаренка, а другой Матвѣя Сененка; за двукратное злодѣйство означенную худобу онъ и побралъ.

Степанъ Бутовичъ опредѣлилъ: лѣсъ, поле, и сѣножати возвратить.

Агрипина Баришка бывшая сотничка уманьская, била челомъ на полковника о лукѣ покойнаго мужа своего, который она дала полковнику за то, чтобъ освободилъ ея мужа своею инстанціею изъ подъ караула въ Кіевѣ; однако жъ мужа ея онъ не освободилъ. Полковникъ отвѣчалъ, что дала ему тотъ лукъ по своей доброй волѣ; однако жъ, указу региментарскому довольство чиня, лукъ возвратилъ и квитанцію съ нея взялъ.

Ярема Безрученко билъ челомъ на полковника за порубку въ его лѣсу полутораста деревьевъ на городовое строеніе, изъ которыхъ пятьдесятъ, по пропорціи своего грунта, уступаетъ, а за сто требуетъ денегъ, такъ какъ его этимъ противъ иныхъ обидѣли. Опредѣлено: Наказано именемъ региментарскимъ, дабы за сто деревьевъ заплатили съ города.

Миронъ Рябуха, житель старосанджаровскій, билъ челомъ, что якобы полковникъ велѣлъ у него товарищу сотни новосанджаровской Моклякову, когда онъ шелъ изъ Вольнаго, худобу всю забрать. На это обвиненіе отвѣчалъ полковой судья Кованько: когда Вольный съ Плякою забунтовали и присоединились къ противной сторонѣ, въ то время и онъ, Рябуха, показалъ знатную непріязнь противъ царскихъ людей и чинилъ поиски; когда же жители Вольнаго, видя свою не силу, склонилися къ царскому величеству и пошли въ города, тогда и онъ, Рябуха, прибравъ свою компанію, шелъ отъ полка поодаль назади, гдѣ его Моклякъ и ограбилъ.

Лукьянъ Кондратенко жаловался на полковника за взятую пару воловъ; а вина его была такая: заставши въ саду своего зятя человѣка, кравшаго яблоки, онъ не отвелъ его ни къ какому уряду. Полковникъ отвѣчалъ: „я не знаю, за какой его проступокъ старшина мнѣ прислали пару воловъ“. Опредѣлено: волы возвратить.

Гарасимъ Коваленко жаловался на полковника и старшину старосанджаровскую о забраніи всей его худобы за то, что, поймавъ въ просѣ своемъ двухъ поросятъ и везя ихъ на возу связанныхъ, одного удушилъ. Опредѣлено: когда неправедно худобу побрали, такъ дабы все отъ мала до велика возвратили.

Матвѣй Бражниченко, товарищъ сотни бѣлицкой, билъ челомъ на полковника въ осьмнадцати штукахъ товара, который онъ взялъ у запорожцевъ. Опредѣлено: полковнику взятый товаръ возвратить челобитчику или удовольствовать деньгами, что за оный надлежитъ.

Гарасимъ Марченко, житель диканскій, билъ челомъ на полковника о завладѣніи власнымъ его лѣсомъ, находящимся подъ Диканькою, которымъ въ настоящее время владѣетъ его зять, Дмитрій Калачинскій. На это челобитье полковникъ и старшина полтавская представили декретъ изъ черныхъ мѣскихъ книгъ, которымъ челобитчикъ за любодѣяніе былъ присужденъ къ лишенію грунта. Опредѣлено: сему отказано.

Иванъ Лукомскій, козакъ сотни полковой полтавской, принесъ жалобу на полковника, что безъ всякой причины далъ ему передъ ратушей кіевъ тридцать. Полковникъ отвѣчалъ, что челобитчикъ наказанъ за неявку въ теченіе трехъ дней къ нему съ отвѣтомъ гетмана.

Петро Слюсаренко, житель новосанджаровской, билъ челомъ на полковника, что безвинно забралъ худобу его, выставивъ такую причину: сестра его, покинутая мужемъ, о которомъ она не имѣла извѣстія семь лѣтъ, считая его погибшимъ, вышла замужъ за другаго, а когда первый мужъ вернулся, полковникъ обвинилъ, будто онъ зналъ, что его зять живъ. Опредѣлено: понеже на него, Слюсаренка, то не довелося, чтобъ онъ былъ о своемъ зятѣ свѣдомъ, первомъ сестры своей мужѣ, того ради забранную худобу возвратити.

Иванъ Рябуха принесъ жалобу на полковника за пару воловъ, взятыхъ за то, что якобы онъ ухоронилъ у себя краденую свиню. Полковникъ отвѣчалъ, что еще до прибытія своего изъ Глухова велѣлъ воловъ возвратить.

Лавринъ Киселенко съ братьями, жители цариченскіе, жалобу принесли на полковника о забраніи двухсотъ овецъ и 30 талеровъ денегъ. Полковникъ отвѣчалъ, что отобралъ овецъ у челобитчика за прелюбодѣяніе и частію подѣлился со старшиною, а Руденку, полковому хорунжему, досталось, семьдесятъ золотыхъ.

Билъ челомъ Иванъ Кгвонтаренко на полковника о взятіи: двухъ червоныхъ золотыхъ, денегъ 5 р. 6 алт. 4 д., пары лошадей, пары воловъ, кафтана французскаго тонкаго съ серебрянымъ шнуромъ, двухъ локтей лудану, пятидесяти овецъ, сѣдла добраго, куѳы жита, куѳы проса, двухъ мѣховъ соли, двухъ шапошныхъ вершковъ, рубка одного. Опредѣлено: такъ какъ дѣло это рѣшено войсковымъ генеральнымъ судомъ въ Глуховѣ и декретомъ суда ему въ возвращеніи худобы отказано, то Лихваренко повиненъ ему, Кгвонтаренку, заплатить, что указано въ ономъ декретѣ.

Билъ челомъ Иванъ Разнокалеченко, житель облянскій, на полковника, что онъ взялъ у него каменное мливо, стоявшее на рѣкѣ Орели, за то, что братъ его Василій Разнокалеченко во время шведскаго смятенія, будучи въ противной сторонѣ, часто прихаживалъ къ нему, а онъ полковнику не объявлялъ. Опредѣлено: разсуждая о семъ, что онъ, Василій Разнокалеченко, и прихаживалъ къ женѣ своей въ Орель, и у брата бывалъ, однако къ брату онъ приходилъ съ намѣреніемъ, прося его объявить полковнику, что онъ желаетъ обратиться по прежнему къ сторонѣ царскаго величества; а поѣхавши отъ брата своего, жилъ три дня въ старомъ Санджаровѣ съ Бычкомъ и оттуда посылалъ о томъ же листъ къ отцу Іоанну Святоспасскому полтавскому, но о. Іоаннъ не скоро тотъ листъ полковнику объявилъ, а тѣмъ временемъ они, убоявшись, ушли по прежнему въ противную сторону; а потому отецъ Іоаннъ долженъ заплатить ему, Василью, сорокъ золотыхъ, а полковникъ также долженъ возвратить сорокъ золотыхъ и тѣмъ дѣло окончить.

Панко, житель тахтауловскій, билъ челомъ на полковника о забраніи избы, луки, нивы, саду и двадцати возовъ яблоковъ. На это челобитье полковникъ представилъ свидѣтелей, жителей тахтауловскихъ, которые по совѣсти сказали, что тесть Пан-

ковъ во время шведской войны, будучи при шведахъ въ измѣнѣ, сказалъ шведамъ про казанъ полковничій, затопленный въ прудѣ, который шведы, вытащивши изъ пруда, изрубили. Опредѣлено: худобы его возвращать не велѣно.

Ильчиха баба, жителка старосанджаровская, била челомъ на полковника, что лошадь у нея взялъ. Опредѣлено: во свидѣтельство сему подана инквизиція, выведенная на старосанджаровскомъ урядѣ, записанная и въ мѣскія книги, что Ильчиха, будучи на крестинахъ у Игнатихи, украла у спящей Романихи изъ кармана 13 алт. 2 ден.; и того ради сей бабѣ отказано.

Грицко Скрипиченко, житель старосенджаровскій, билъ челомъ на полковника, что покрадено у него восемь воловъ, и воры пойманы, и въ Полтавѣ сидѣли въ секвестрѣ, но полковникъ, взявъ съ нихъ худобы золотыхъ на сто, ихъ отпустилъ, а ему награжденія не учинилъ. Полковникъ отвѣчалъ, что съ виновныхъ взялъ за вину, а воры и нынѣ въ лицахъ; вольно ему, Скрипиченку, чего хочетъ на нихъ искать.

Моисей Лебедь и Демьянъ Сѣвериненко, жители китаегородскіе, жалобу принесли на полковника за взятіе бочки рыбы, въ которой было половина короповъ, а половина сомовъ. Полковникъ отвѣчалъ, что онъ того не помнитъ; а если взята, то потому, что за заповѣдью ходили за рыбой туда, куда не позволяютъ.

Тринадцать человѣкъ бѣличанъ били челомъ, что дѣти ихъ украли въ войскѣ семь овецъ, за что съ нихъ тамошняя старшина взяли со всякаго по пяти рублей, а у одного двадцать талеровъ, хотя вина ихъ очень неважная, потому что покрали овецъ будучи въ военномъ походѣ. Опредѣлено: приказано тамошней старшинѣ семьдесятъ талеровъ отдать.

Попадья старосанджаровская била челомъ на полковника, что взялъ у нея 200 золотыхъ за то, что Марко Бычко, пріѣхавши въ Старый Санджаровъ съ противной стороны, навѣщалъ ея больнаго мужа, священника. Полковникъ отвѣчалъ, что есть гетманскій указъ, по которому таковымъ велѣно чинить наказаніе.

Съ козаковъ полтавскаго полка, кобыляцкихъ и кишенскихъ жителей, которые ходили въ луга и въ полевыя рѣчки для звѣ-

риной и рыбной ловли, съ 73 человѣкъ, да своего полка за такую жъ вину съ 50 чел. взялъ полковникъ по 5 золотыхъ, итого 123 рубля. Полковникъ отвѣчалъ, что большую часть этихъ денегъ издержалъ на вырытіе колодца въ Полтавѣ, есаулу далъ 10 талеровъ да писарю три рубля, а осташіяся удержалъ у себя до указу.

По разборѣ частныхъ жалобъ, Бутовичъ приступилъ къ разбору челобитенъ отъ жителей всѣхъ городовъ полтавскаго полка. Всѣ челобитныя сводятся къ двумъ группамъ: жители городовъ Старосенджарова, Новосенджарова, Бѣлика, Кобелякъ, Соколки, Кереберди, Переволочни, Кишенки, Орели, Китай-городка, Нехвороща жаловались на полковника, что онъ раздавалъ вино свое въ шинки по два талера за ведро, хотя оно больше одного талера не стоитъ, потому что очень плохое. Всего полковникомъ было роздано въ полтавскомъ полку своего вина на продажу 290 куѳъ; а такъ какъ каждая куѳа и съ провозомъ стоитъ 18 рублей, а полковникъ накладывалъ на куѳу по 22 р., то отъ каждой куѳы получалъ прибыли по 4 рубля, а всего 1160 руб.; жители тѣхъ же городовъ жаловались, что полковникъ ежегодно выгоняетъ ихъ для гаченія его гребель и для перевозки матеріаловъ на постройку его мельницъ.

Разсмотрѣніемъ этихъ жалобъ производство дѣла и окончилось. Но оказалось, что за Чернякомъ еще есть грѣшокъ: онъ растратилъ или присвоилъ себѣ деньги, собранныя съ сотенъ полтавскаго полка во время полтавской осады на покупку селитры. Дознаніе объ этомъ послѣднемъ преступленіи произвелъ по гетманскому приказу полтавскій полковой хорунжій Иванъ Кгаевскій, 1-го декабря 1714 года, и въ результатѣ оказалось, что въ Полтавѣ было собрано 30 тал., въ старосенджаровской сотнѣ 100 зол., въ новосенджаровской 100 зол., съ бѣлицкой 3 руб. 20 алт., съ кобыляцкой 160 зол., съ соколянской 50 зол., съ кишенской 70 зол., съ переволоченской 50 зол., съ керебердянской 100 зол., съ нехворощенской 4 руб., съ мояцкой 24 зол., съ цариченской 120 зол., съ китаегородской 40 зол. да 40 тал., съ орлянской 20 тал., съ велико-будянской 140 зол., съ сотни полковой Якова Черняка 50 зол. и полвосемь шаговъ, съ сотни

полковой Дмитрія Самарскаго 100 зол. Всего 259 руб. 18 алт., 2 деньги, считая талеръ по 20 алт., золотой по 6 алт. по 4 ден., шагъ по 4 деньги.

Въ такомъ видѣ дѣло было переслано гетманомъ канцлеру графу Головкину въ Петербургъ, гдѣ, по обсужденіи его въ иностранной коллегіи и по докладѣ государю, состоялся слѣдующій указъ: „1715 г. марта въ 31-й д. великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ послать свою царскаго величества грамоту къ гетману Ивану Ильичу Скоропадскому и къ стольнику Ѳедору Протасьеву: писать и велѣть полковнику полтавскому Ивану Черняку, въ присутствіи генеральной старшины и другихъ полковъ полковниковъ, сказать его царскаго величества именной указъ, что, по доношенію и по челобитью полтавскаго полку судьи Петра Кованка и иныхъ полковой старшины, и козаковъ, и посполитыхъ людей, за его, полковника Черняка, къ нимъ, полтавскаго полку козакамъ и посполитымъ людемъ, учиненные налоги, обиды и взятки, какъ онъ, полковникъ Чернякъ, самъ въ отвѣтѣ своемъ сказалъ, что накладывалъ на нихъ куѳами вино свое и отъ того многую прибыль себѣ получилъ, козаковъ не только на своихъ гребляхъ, но и свойственниковъ своихъ въ работу употреблялъ; также особливо съ нѣкоторыхъ козаковъ и посполитыхъ людей бралъ взятки, отбиралъ лѣса и иныя обиды имъ учинилъ, въ которыхъ онъ, полковникъ, самъ признался, а о другихъ по розыску есаула генеральнаго Стефана Бутовича явилось, и что онъ, полковникъ, нѣчто изъ того взятаго обидимымъ и возвратилъ, а иное велѣно возвратить;—надлежало было его, полковника, отъ того уряду отставить. Однако жъ его царское величество, напомня его, Ивана Черняка, вѣрность, что во время измѣны Мазепиной былъ въ вѣрности и по прелести его Мазепиной къ нему не приставалъ; и посыланъ онъ былъ въ Крымъ и въ Сѣчу запорожскую, и тамо отъ вора кошеваго Костьки былъ пойманъ, вязанъ, битъ и къ Мазепѣ отвезенъ и до счастливой баталіи полтавской держанъ,—пожаловалъ его, Черняка, велѣлъ ему то все вышеписанное, что онъ въ полтавскомъ полку къ тягости козаковъ и посполитаго народа чинилъ,

отпустить и быть въ томъ полку по прежнему полковникомъ, но съ такимъ опредѣленіемъ, что ему, будучи впредь во томъ полку полковникомъ, отнюдь того не чинить, а именно: вина своего на полкъ не накладывать, на работы свои козаковъ не употреблять, приметокъ и тягостей какъ козакамъ, такъ и посполитымъ людемъ не чинить и взятковъ неправедныхъ отнюдь не брать, въ полковые уряды и въ сотники по своей волѣ не обирать и не учреждать, но съ общей рады и совѣту съ полковою старшиною и съ сотниками назначивать къ тѣмъ урядомъ изъ людей заслуженныхъ и не подозрительныхъ въ вѣрности, и, выбравъ, отсылать къ господину гетману, какъ о томъ недавно въ его царскаго величества грамотѣ, а именно, сего жъ году генваря въ 22 д. посланной и во всемъ малороссійскомъ краю публикованной, изображено; и отставленныхъ сотниковъ: будищенскаго, нехворощанскаго, новосенжаровскаго и переволоченскаго ни въ какіе уряды въ томъ полтавскомъ полку не допускать. А на судью полковаго, Кованка, и на прочихъ старшину полковую за ихъ на него, полковника Черняка, доношеніе, также и которые козаки и посполитые въ сыску на него что объявили, и доказали, ему, полковнику Ивану Черняку, не мстить и отъ урядовъ ихъ безъ указу его царскаго величества и безъ вѣдома гетманскаго не отставливать, и никакого имъ наказанія ни за что, не описався съ господиномъ гетманомъ, не учинить и рядовымъ никакой тягости и обиды не показать. И въ томъ во всемъ взять у него, полковника, письмо за его рукою, что онъ такой его царскаго величества указъ вѣдаетъ и исполнять по оному обѣщаетъ. Буде жъ, паче чаянія, онъ, Иванъ Чернякъ, будучи впредь полковникомъ, дерзнетъ то чинить, и хотя въ маломъ чемъ вышеписанномъ по сыску сыщется виновенъ и сего указа преслушенъ, и за то конечно уже не токмо отъ уряду полковничества будетъ отлученъ, но въ томъ и истязанъ. И о семъ вышеписанномъ, како царское величество, милосердуя о своихъ подданныхъ малороссійскаго народа людѣхъ, изволяетъ при ихъ вольностяхъ содержать, и дабы отъ полковника Черняка полтавскаго полку козакомъ и посполитому народу отнюдь ни въ чемъ никакой тягости и обидъ не было, объявить въ Полтавѣ, со-

звавъ всю старшину и козаковъ и посполитыхъ людей; и для того объявленія послать въ Полтаву нарочно изъ Глухова одного изъ подполковниковъ или изъ маіоровъ и одного кого изъ гетманскихъ, и велѣть имъ при собраніи всей старшины и прочихъ прочитать всѣмъ вслухъ копію съ посланной его царскаго величества грамоты, дабы они сіе его царскаго величества милостивое объ ихъ пользѣ попеченіе вѣдали. И притомъ также объявить, что ежели онъ, полковникъ Черняк, впредь будетъ имъ какія налоги, обиды и взятки чинить, и они бъ приносили на него челобитье гетману, также и объявляли стольнику Ѳедору Протасьеву, которые его царскаго величества указъ имѣютъ въ томъ имъ чинить справедливость.

Доношеніе козака Данилы Кондака на него жъ полковника Черняка, такожде его царское величество изволилъ уничтожить за его прежнюю вѣрность, и что тотъ козакъ объявилъ о томъ пропустя многое время; и того доносителя козака велѣть господину гетману перевесть въ иной который полкъ, давъ ему гдѣ грунтъ земли, ибо уже ему подъ командою того полковника быть не пристойно. Графъ Г. Головкинъ. Баронъ Петръ Шафировъ. Петръ Толстой".

Соотвѣтственно этому указу къ гетману была послана государева грамота 6-го апрѣля 1715 г., писанная на александрійскомъ листѣ и запечатанная малороссійскою печатью съ кустодіею гладкою, а къ стольнику Ѳедору Протасьеву—списокъ съ нея.

Такъ опять пустили щуку въ рѣку—ловить карасей!

А. Востоковъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

72.

Къ исторіи развитія понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства.

Въ народной словесности обнаруживаются съ одной стороны слишкомъ свободныя отношенія между кумомъ и кумой, переходящія въ половую связь, съ другой стороны самыя строгія требованія морали, устанавливающія близкое родство по кумовству. По мнѣнію Мена, фикція родства по кумовству выражаетъ одинъ изъ древнѣйшихъ пріемовъ установленія искусственнаго родства (*Менъ*, Древ. обыч. 168). По моему мнѣнію, родство по кумовству, или ўже и потому точнѣе, установленіе строгихъ нравственныхъ отношеній кума къ кумѣ составляетъ крупный шагъ народной морали впередъ, выражаетъ прогрессъ нравственнаго чувства, обусловленный преимущественно христіанствомъ. Народно-поэтическіе мотивы о разгульныхъ и развратныхъ кумовьяхъ выражаютъ то, что было въ народной жизни въ старину, что и теперь часто встрѣчается въ бытовой жизни, а народно-поэтическіе мотивы, поставляющіе въ обязанность куму и кумѣ строго нравственныя отношенія, выражаютъ одинъ изъ простонародныхъ идеаловъ нравственной жизни, то, что должно быть.

Мотивъ: „кумъ пьетъ съ кумой" — обнаруживается уже въ старинныхъ пѣсняхъ. Такъ, въ думѣ про Нечая XVII в. „молодый козакъ Нечай зъ кумою Хмельницкою медъ—вино кружае" (*Головацкій*,

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1889 г., № 9, сентябрь.

I, 8); „пишовъ до кумонькы звинокъ рыбы зъисты и съ кумою зъ любою медъ—вино кружае“ (*Антоновичъ и Драгомановъ*, II, 58). Въ весьма распространенной пѣснѣ кумъ проситъ куму: „звары мени судака, щобъ и юшка була; и юшечка, и петрушечка; ты жъ моя кума люба, кума душечка“ (*Чубинскій*, V. 1159). Здѣсь, какъ во многихъ другихъ пѣсняхъ, присутствіе рыбы иносказательно говоритъ, что отношенія кума къ кумѣ зашли далѣе простаго знакомства. Въ свадебной пѣснѣ, записанной въ сѣдлецкой губерніи, непозволительно близкое отношеніе кума къ кумѣ обрисовано въ другой иносказательной формѣ, заимствованной отъ пѣсенъ о связи брата съ сестрою: „Пошовъ кумъ горою, кума долыною; зацвивъ кумъ рожею, кума калыною“. (*Янчукъ*, Малор. свад. 37). Съ наибольшей подробностью кумовской развратъ очерченъ въ галицко-русскихъ пѣсняхъ. Въ одной пѣснѣ кумъ проситъ куму сначала отпить изъ рюмки, потомъ выпить до половины, наконецъ, до дна рюмки:

Ажъ до денця, кумко,
Ажъ до денця, любко,
Ажъ до денця, кумасенько,
Сывая голубко... (*Kolb.*, Pokucie II. 236).

Въ другой пѣснѣ жена жалуется, что мужъ послалъ ее на огородъ садить фасолю, а самъ пошелъ къ кумѣ въ корчму; она идетъ въ корчму и обращается къ своей соперницѣ съ просьбой:

Кумко моя, любко моя,
Любе закохання,
Не любы мого чоловика,
Не псуй ми мѣшканья.

Кума высокомѣрно отвѣчаетъ:

Хыба бысь ми кумко-любко
Красно попросыла,
Тобымъ твого чоловика
Любыты лышыла.
А якъ мене, кумко-любко,
Будешъ проклынаты;
Мы се будемъ такъ любыты,
Що не будешъ знаты (ib. 232).

Въ варіантѣ этой пѣсни жена видитъ въ корчмѣ, какъ заигрываетъ ея мужъ съ кумой. Любовники приказываютъ ей сварить

вечерю, что она послушно исполняетъ; мужъ приводитъ куму домой, вечеряетъ съ ней и ведетъ ее на постель, приготовленную женою. Жена исполнила всѣ приказанія наглыхъ любовниковъ; но затѣмъ она побѣжала къ войту съ жалобой на мужа: „пане—війту, начальныку, дай же мыни раду, бо я зъ своимъ чоловикомъ на викы пропаду".

Ой прыйшовъ війтъ изъ прысижнымъ,
Сталы на порози,
Закували кума зъ кумовъ
Та за оби нози.
Та якъ же ихъ закувалы,
Въ фурдыгу замкнулы,
Та шюби си кума зъ кумомъ
Въ купи си набулы... (ib. 233).

Нестроенія въ семейной жизни, проистекавшія отъ вторженія въ нее развратнаго кумовства, давно уже повели къ строгому осужденію такого кумовства, тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшалось возрѣніе, что пребываніе кума и кумы въ церкви, при введеніи новорожденнаго въ общество христіанъ, при таинствѣ крещенія, ставитъ ихъ въ духовное родство. Отсюда въ стихѣ о Правдѣ и Кривдѣ, вошедшемъ въ старинный духовный стихъ про Голубиную книгу, въ число грѣховъ, искупленіе которыхъ требуетъ „тяжкаго покаянія", вошелъ тотъ грѣхъ, „кто блудъ блудитъ съ кумою крестовою" (*Калѣки перехожіе* § 81). Въ Малороссіи говорятъ, что „кумъ зъ кумою повынни житы, якъ зъ ридною сестрою" (*Номисъ*, Приказки № 9,492). Это мнѣніе установилось на Украинѣ уже въ старину. Въ поддержку ему въ XVIII ст. былъ выдвинутъ дьяволъ, какъ орудіе наказанія за нарушеніе кумовскаго родства. Въ южнорусской картинѣ страшнаго суда, находящейся въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, пріурочиваемой хронологически къ XVIII в. между разными оригинальными грѣшниками оказываются кумъ и кума. Они сидятъ на телѣжкѣ, которую везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка; у кумы рюмка (*Покровскій*, въ III т. Труд. VI арх. съѣзда, 327). Этотъ мотивъ разработанъ въ многочисленныхъ народныхъ сказкахъ о человѣкѣ, запроданномъ чорту, и адскомъ ложѣ, или о чортовомъ сынѣ и кровати чортоваго кума (*Драгомановъ*, Мал. нар. пред., 50, 56, 57, 406). Наиболѣе

подробный варіантъ, напечатанный въ *Пантеонѣ* 1888 г. (кн. IX 13—16) подъ заглавіемъ „Кумова кровать“, представляетъ въ то же время наиболѣе рѣзкое осужденіе половой связи кума съ кумой. Малороссъ продалъ чорту своего сына во время его малолѣтства. Когда сынъ выросъ, то первой его заботой было возвратить отцовскую росписку. Представители высшей духовной іерархіи оказываются несостоятельными оказать ему непосредственную помощь въ данномъ дѣлѣ. Юноша идетъ къ священнику, а отъ него къ пустыннику и, по совѣту послѣдняго, наконецъ къ куму сатаны, прижившему съ своей кумой троихъ дѣтей. Послѣдній идетъ къ своему куму сатанѣ, или Ироду и возвращаетъ юношѣ росписку. Кумъ сатаны, устрашенный видомъ приготовленной для него въ аду огненной кровати, въ свою очередь просилъ юношу за оказанную услугу спасти его душу. Юноша обращается за совѣтомъ къ пустыннику, и послѣдній говоритъ, что кумъ для спасенія души долженъ сжечь на кострѣ жену и дѣтей, а потомъ сдѣлать большую насыпь, засадить ее колючими кустарниками и пролѣзть черезъ нихъ три раза. Кумъ сатаны выполняетъ возложенные на него подвиги и спасаетъ свою душу, а невѣрящаго тому пустынника постигаетъ смерть.

Подъ вліяніемъ библейскаго сказанія о Содомѣ и Гоморѣ возникло простонародное повѣрье, что озера и пруды произошли, большею частью, отъ сдѣланнаго на томъ мѣстѣ преступленія. Въ полтавской губ. переяслав. у. вблизи мѣстечка Борисполя есть на полѣ озеро съ крутыми берегами, извѣстное подъ именемъ „Кумынои Долыны“. Озеро это будто бы произошло отъ того, что на этомъ мѣстѣ кумъ съ кумою, неся въ другое селеніе крестить дитя, совершили прелюбодѣяніе. На томъ озерѣ и теперь, говорятъ, всегда плаваетъ пара дикихъ утокъ, убить которыхъ никто не рѣшается. (*Чубинскій*. I, 40).

Установленіемъ родства по кумовству обусловленъ обычай наборскихъ русскихъ (въ Галиціи) куму выбирать свахой (*Науков. Сборн.* 1865, стр. 138).

Южные славяне связь кума съ кумой считаютъ такъ же преступной, какъ связь брата съ сестрой, и говорятъ, что такая связь жестоко наказывается небомъ (*Янчукъ*, Малор. свад. 104).

73.

Кувада.

Кувадой принято называть то проявленіе низкаго умственнаго состоянія, когда отрицается физическое раздѣленіе индивидуумовъ, именно, когда между отцомъ и дѣтьми его, уже послѣ ихъ рожденія, признается физическая связь. У многихъ нецивилизованныхъ и даже у нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ существуетъ вѣрованіе, что дѣйствія отца и пища, которую онъ употребляетъ, оказываютъ вліяніе на ребенка до и послѣ его рожденія. Когда у караибовъ родится ребенокъ, мать вскорѣ принимается за свои занятія; отецъ же начинаетъ охать, ложится въ постель, и его навѣщаютъ какъ больнаго; въ продолженіи мѣсяца онъ выдерживаетъ діету. Когда жена абипонца родитъ ребенка, мужъ ея ложится въ постель, укутывается циновками и кожами, чтобы не пахнуло на него вреднымъ вѣтромъ, и соблюдаетъ постъ. Кувада встрѣчается въ Америкѣ, Африкѣ, въ восточной Азіи. Въ Европѣ обычай этотъ можно прослѣдить отъ древнихъ и до новѣйшихъ временъ въ мѣстахъ у Пиринейскихъ горъ. Страбонъ говоритъ, что у иберійцевъ, жившихъ въ сѣверной Испаніи, женщины послѣ родовъ „кладутъ вмѣсто себя въ постель своихъ мужей и ухаживатъ за ними". Этотъ разсказъ подтверждается существованіемъ этого обычая у басковъ, въ Бискаіи и въ Наваррѣ; и нынѣ, какъ говорятъ, обычай этотъ существуетъ въ Беарнскихъ кантонахъ, гдѣ онъ называется „faire la couvade", т. е. высиживать (*Тэйлоръ*, Доистор. бытъ, 393—405; *Леббокъ*, Нач. цивилиз. 15—16).

И. В. Ягичъ въ Archiv f. slav. Philologie 1887 г. (IX, H. IV; 701) помѣстилъ замѣтку, что въ неизданномъ этнографическомъ матеріалѣ изъ смоленской губерніи, собранномъ Добровольскимъ, находятся слѣды кувады: въ с. Руднѣ смоленской губ. мужъ во время родовъ жены стонетъ и охаетъ.

Остатки кувады встрѣчаются изрѣдка и въ малорусскихъ родинныхъ обрядахъ. Такъ, въ с. Юриновкѣ черниговской губерніи новгородъ-сѣверскаго у., при рожденіи младенца, если женщина сильно страдаетъ и долго не разрѣшается, то у ея мужа развязываютъ

воротникъ рубахи (комниръ) и поясъ на штанахъ (учкуръ); въ такомъ положеніи онъ сидитъ передъ родильницей до тѣхъ поръ, пока она не родитъ (*Черниг. Губ. Вѣд.* 1855, № 20). И въ этомъ обычаѣ, очевидно, обнаруживается обобщеніе физической жизни мужа и жены, чуть не до отожествленія ихъ относительно природныхъ ихъ свойствъ; внѣшнее подобіе и подражаніе обманываютъ мысль до такой степени, что пріобрѣтаютъ значеніе дѣйствительнаго факта. Остаткомъ кувады можно признать существующій въ харьковской губерніи обычай надѣвать во время крестинъ бѣлую простыню на отца новорожденнаго.

Повидимому, кувада скрывается еще въ слѣдующемъ темномъ по значенію болгарскомъ обрядѣ: когда мужъ видитъ, что роды приближаются, онъ опускаетъ свои руки въ тазъ съ водой, куда бабка бросаетъ корень съ наговоромъ, и жена, по приказанію мужа, пьетъ изъ таза воду (*Каницъ*, въ Слав. Ежегод. 1877, 159). Признать за этимъ обрядомъ очистительное значеніе трудно, потому что онъ совершается до рожденія ребенка.

74.

Наказаніе мужа за родовыя боли жены.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи, напр., въ губерніяхъ костромской, орловской, харьковской, отцу новорожденнаго даютъ на крестинахъ съѣсть что нибудь противное на вкусъ, напр., кусокъ каши съ хрѣномъ и уксусомъ (*Зап.* Геогр Общ. II 47; *Чтенія* въ моск. общ. ист. 1846, II, 25). Чтобы понять основное значеніе этого страннаго обряда, мы должны обратиться къ родиннымъ обычаямъ дикихъ и варварскихъ народовъ. Въ нихъ встрѣчаются очень рельефныя проявленія обрядоваго истязанія мужа послѣ родовъ его жены. Такъ, у караибовъ, по истеченіи сорока дней послѣ рожденія ребенка, когда соблюдается кувада, т. е. притворная болѣзнь мужа, къ нему являются родственники и друзья, раздираютъ его кожу въ разныхъ мѣстахъ тѣла зубами агути и смачиваютъ раны и царапины сильнымъ растворомъ перца, при

обязательномъ молчаніи бѣдняка (*Тэйлоръ*, Доист. бытъ, 394). Тэйлоръ не отдѣляетъ этого жестокаго обряда отъ кувады; но, повидимому, онъ имѣетъ самостоятельное значеніе и возникъ, вѣроятно, въ эпоху полнаго развитія материнства (Mutterrecht), когда главой семьи считалась женщина; ни она, ни ея родственницы не могли простить мужу родовыя боли и, возлагая на него потомъ часть перенесенныхъ ею мученій, доходили до сугубаго мучительства. Остроумное замѣчаніе по этому поводу высказалъ проф. Максъ-Мюллеръ: „Ясно, что сначала несчастный мужъ подвергался тираніи своихъ родственниковъ женскаго пола, а потомъ страхъ перешелъ въ суевѣріе... Хотя обычай, называемый „la couvade", и страненъ, и нелѣпъ, но намъ кажется, что въ немъ есть нѣчто такое, чему многія тещи должны симпатизировать (*Леббокъ,* Нач. цив., 17)

75.

Развязываніе узловъ и отмыканіе замковъ при родахъ.

Изъ того понятія, что женщина при родахъ разрѣшается отъ бремени, произошелъ рядъ обрядовъ съ узлами и замками. Въ Малороссіи, Великороссіи и Сербіи во время родовъ отмыкаютъ въ домѣ всѣ замки, развязываютъ на платьѣ родильницы всѣ узлы и расплетаютъ ея косу (*Гласник,* 1867, V, 155); въ черниг. губ, у малороссіянъ даже мужъ родильницы развязываетъ у себя воротникъ на рубахѣ и поясъ на штанахъ, для облегченія родовъ (*Черн. Г. Вѣд.* 1855, № 20) Въ Германіи невѣста оставляетъ подвязку на чулкахъ не завязанной, чтобы легко рожать (*Wuttke,* Volksabergl., 348). У римлянъ беременныя женщины, принося жертву Юнонѣ, заботились о томъ, чтобы у нихъ не было узловъ ни въ одеждѣ, ни въ волосахъ (*Плоссъ,* въ „Знаніи" 1877, II, 12). Та же точка зрѣнія на узлы и замки проходитъ въ заговорахъ. Такъ, въ великорусскомъ заговорѣ, записанномъ въ архангельск. губ.: „Пресвятая Мати Богородица, сходи со престола Господня, бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божіей (имя рекъ) мясные ворота и выпущай младенца на свѣтъ и на Божью волю" (*Майковъ,* въ Зап. Г. Общ. по О. Этн. II, 446).

По развитію мысли по противоположности завязываніе и замыканіе стало означать всякаго рода порчу. Въ другомъ мѣстѣ мы подобнѣе остановимся на наузахъ, какъ одной изъ весьма распространенныхъ формъ колдовства.

76.

Ночные роды.

По народнымъ понятіямъ счастье человѣка обусловливается стеченіемъ многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ при появленіи его въ міръ; почти все будущее человѣка зависитъ отъ того, гдѣ и когда онъ родился, какое слово промолвитъ мать, когда его купаетъ, зависитъ отъ бабки и кумовьевъ. Въ слѣдующей малорусской пѣснѣ перечислены обстоятельства рожденія, сдѣлавшія парня несчастнымъ.

А я хлопець несчастливый,
Чы я въ лиси родывся?
Чы я въ поли хрестывся?
Ой чы въ лиси, чы въ поли,
Не давъ мини Господь доли!
Чы такія кумы прышлы,
Щастя-доли не принеслы;
Чы такая баба брала,
Щастя-доли не вгадала. (*Чуб.*, V, 34).

Въ ряду неблагопріятныхъ условій рожденія выдается ночное рожденіе. Въ одной пѣснѣ женщина говоритъ своей матери: или ты родила меня ночью, что всѣмъ дала добрую долю, а мнѣ лихую (*Костомаровъ*, въ Бесѣдѣ 1872, IV, 49). Въ этомъ повѣрьѣ скрывается древнѣйшее понятіе о ночномъ туракѣ, какъ источникѣ всякаго зла, о ночи, какъ времени господства духа злобы и мрака. Отсюда произошелъ цѣлый рядъ характерныхъ повѣрій и обрядовъ; у нѣкоторыхъ американскихъ индѣйскихъ племенъ существуетъ боязнь ночнаго мрака, и ночью выходятъ изъ шалаша съ лучиной; у многихъ народовъ подъ большіе праздники всю ночь поддерживаютъ огонь. Въ юго-западномъ краѣ (у малоруссовъ) отъ рож-

денія до крещенія младенца по ночамъ горитъ свѣча, чтобы чортъ не укралъ или не подмѣнилъ ребенка (*Чуб.*, IV, 6).

Въ харьковской губерніи я слышалъ о народномъ повѣрьѣ, что женщинамъ вредно купаться по заходѣ солнца, особенно беременнымъ,—будетъ выкидышъ.

77.

Обрядовое употребленіе перстня при родахъ.

Обрядовое употребленіе кольца (иногда вѣнчальнаго) изрѣдка встрѣчается въ Малороссіи: кольцо держатъ передъ родильницей. „Золотъ перстень" встрѣчается и въ заговорахъ, относящихся къ родамъ. Такъ, въ рукописныхъ матеріалахъ П. С. Ефименка, собранныхъ послѣ выхода въ свѣтъ „Малор. заклинаній", находится любопытный заговоръ отъ живота, когда матка не на мѣстѣ: „Господу Богу помолюся, Матери Божой поклонюся. Господи, благослови! Маты Божа, поможы! Дай, Господи, часъ добрый и день господній! Самъ Господь основавъ, Маты Божа осадыла, да на мѣстѣ жывотъ становыла. Йшлы тры браты жывоты подбираты; йшла Божая Маты золотымъ мостомъ; нашла Божая Маты золотый перстень. Золотныкъ, золотныче! Стань ты на своимъ мѣсти, якъ царь на золотымъ кресли,—якъ народывся, такъ и окоренывся; я тебе одбовляю, и одмовляю, и отговарую (при этомъ бабка подбираетъ потихоньку животъ кверху). Тутъ тоби не стоять, и костей не ламать, и коринья не пускать. Не одъ мене помощъ, одъ Господа. Богъ зъ помощью, а я зъ ричью. Господа Бога тружу, молытву творю. Станьте на помощь, святи! Святытель Николай, скорый помощныкъ, Божій угодныкъ! Поможы и благословы, да на мѣстѣ жывотъ становы!" Я думаю, что заговоръ этотъ, въ особенности мотивъ о золотомъ перстнѣ, и обрядовое употребленіе кольца при родахъ основываются на литературномъ преданіи, именно, на сказаніяхъ о чудесахъ пр. Богородицы, происшедшихъ отъ ея перстня. Въ „Небѣ новомъ" Галятовскаго цѣлая глава, именно девятая, посвящена изложенію чудесъ отъ перстня пресв. Богородицы. Кромѣ того, съ мѣстными южнорусскими чудотворными иконами пресв. Бо-

городицы связаны были сказанія о чудесной помощи женщинамъ при родахъ. Такъ, въ описаніи чудесъ отъ Купятицкой иконы пресв. Богородицы говорится, что пречистая Дѣва Марія помогла нѣкоей Маріи Мѣгаловой благополучно родить (*Галятовскій*, Небо 27).

Возможно и другое объясненіе, если отождествлять золотой перстень зъ золотникомъ. Дѣло въ томъ, что есть весьма сходный великорусскій заговоръ, записанный въ валдайскомъ у. новгород. губерніи. Тутъ упоминается дорогой золотникъ въ значеніи матки женщины; но недостаетъ главнаго—золотаго перстня (у *Майкова*, въ Зап. Г. Общ. по отд. этногр. II, 446) [1]).

78.

Дѣтская сорочка.

Дѣтской сорочкой называется перепонка, которая иногда бываетъ на головѣ новорожденнаго. Послѣ рожденія ребенка ее немедленно снимаютъ съ головы и берегутъ въ домѣ. По повѣрью многихъ народовъ, родившійся въ сорочкѣ будетъ счастливъ, и самую сорочку берегутъ, какъ личный талисманъ, при чемъ понятіе о счастливомъ ея значеніи расширяется въ томъ смыслѣ, что счастливъ всякій имѣющій сорочку, по рожденію въ ней, или по пріобрѣтенію ее покупкой. У древнихъ римлянъ адвокаты покупали сорочку, приписывая ей таинственную способность давать успѣхъ въ дѣлахъ. Такое же воззрѣніе на сорочку въ примѣненіи къ адвокатурѣ существовало въ Англіи и въ Даніи. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ англійскихъ газетахъ встрѣчались еще объявленія о продажѣ дѣтскихъ сорочекъ. Во Франціи считаютъ счастливыми дѣтей, родившихся въ сорочкѣ; что объясняетъ французское выраженіе „être né coiffé“ (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877, III, 33). Вѣрованіе въ счастливое значеніе дѣтской сорочки распространено повсемѣстно въ Россіи. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ дворянскихъ семьяхъ при начинаніи

[1]) Г. Кулишеръ въ „Очеркахъ сравн. этногр.“ стр. 154 высказалъ мнѣніе, что обрядовое кольцо служитъ воспоминаніемъ о цѣпяхъ, употреблявшихся будто бы въ древности при похищеніи дѣвицъ. Цѣпь слишкомъ тяжелый и дорогой предметъ, и во время умыканія дѣвицъ къ ней навѣрно не прибѣгали.

труднаго дѣла занимали у сосѣдей сорочку, если не имѣли собственной (*Авдѣева*, Зап. о рус. бытѣ, 138). Въ харьковской губерніи сорочку называютъ чепцомъ и думаютъ, что родившійся въ чепцѣ со временемъ будетъ архіереемъ. Чепецъ или сорочку тщательно сохраняютъ, при чемъ иногда зашиваютъ ее въ наиболѣе ноское платье дитяти, имѣвшаго счастье въ сорочкѣ родиться. То же повѣрье встрѣчается у евреевъ западнаго края (*Чубинскій*, VII, I, 43). Объясненіе повѣрій въ счастливое значеніе дѣтской сорочки давно уже представлено проф. А. А. Потебней въ статьѣ о Долѣ, напечатанной въ Древностяхъ моск. археолог. общ. 1865 (II. 20): „По взгляду германской миѳологіи, говоритъ здѣсь проф. Потебня, души до своего рожденія находятся у богини Гольды за облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю, чтобы принять на себя человѣческій образъ, за нею слѣдуетъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея хранители. Въ скандинавской миѳологіи, гдѣ это вѣрованіе особенно развито, такой духъ называется фильгія (fylgia, weil er dem Menschen folgt) или гамингія (hamingia—felicitas—счастье). Мѣстопребываніе ихъ есть сорочка, которою иногда бываетъ обвита голова новорожденнаго (glückshaube) [1], съ чѣмъ, очевидно, связано русское повѣрье, что родиться въ сорочкѣ—счастье". Вопросъ заключается въ томъ, русское повѣрье оригинально, т. е. возникло самостоятельно изъ древнеславянскаго миѳическаго воззрѣнія на происхожденіе души, тожественнаго или весьма сходнаго съ приведеннымъ выше воззрѣніемъ германскимъ, что возможно предположить, или же повѣрье это заимствовано русскими отъ нѣмцевъ. Удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса, при малой извѣстности древняго славянскаго міросозерцанія, возможно лишь путемъ опредѣленія этого повѣрья по всѣмъ угламъ славянскаго міра, въ какихъ мѣстностяхъ и въ какихъ общественныхъ слояхъ оно бытуетъ.

---

[1]) Точно также же объясненіе народныхъ вѣрованій въ дѣтскую сорочку, какъ талисманъ, высказано недавно (1887 г.) *Швебелемъ* въ соч. „Tod und ewiges Leben im deutsch. Volksglauben".

79.

Предпочтеніе мальчика.

Въ Малороссіи встрѣчается еще предпочтеніе ребенка мужескаго пола дѣвочкѣ, хотя въ слабыхъ чертахъ, въ немногихъ повѣрьяхъ и обрядахъ. Такъ, замужнюю женщину считаютъ молодицей до тѣхъ поръ, пока она рожаетъ мальчиковъ, и она дѣлается вполнѣ бабой, когда родится дѣвочка. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи, Великороссіи, Сербіи, Болгаріи и б. Польши на свадьбѣ на колѣни невѣсты кладутъ маленькаго ребенка мужескаго пола (*Чтенія* въ общ. ист. 1872, IV, 408; *Гласник* 1867 V, 135; *Верковичъ*, Опис. быта болг. 27, *Kolberg*, Lud XI, 205). Еще у древнихъ индусовъ къ невѣстѣ подводили мальчика, и жрецъ усаживалъ его на колѣняхъ невѣсты (*Weber*, Ind. Stud. V, 208, 329). У поляковъ петрковской и кѣлецкой губерніи существуетъ повѣрье, что дѣвушка до рожденія дѣвочки не теряетъ своего дѣвства (*Federowski*, Lud, II, 293), повѣрье, очевидно сходное, почти тожественное съ малорусскимъ. Любопытно, что то же самое повѣрье встрѣчается и у калмыковъ. Калмычка, производящая на свѣтъ однѣхъ дочерей, считается дѣвственницей, и можетъ быть во всякое время отправлена съ отцу съ возвращеніемъ приданаго (*Лефренъ*, въ журн. „Дѣло“ 1868, I, 124). Въ Сербіи рожденіе мальчика, вызываетъ веселье; рожденіе дѣвочки считается обыкновеннымъ событіемъ („*Знаніе*“ 1876, V, 7). У киргизовъ также только при рожденіи мальчика устраивается угощеніе знакомыхъ и друзей (*Народы Россіи*, IV, 344); то же у осетинъ (*Сборн.* свѣд. о кавк. горцахъ, IV, 29), у персовъ (*Жукоескій*, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, I, 26). Число примѣровъ можно было бы значительно увеличить, если бы было недостаточно приведенныхъ. У дикихъ и варварскихъ народовъ предпочтеніе мальчика выражается въ безчеловѣчной формѣ преданія смерти новорожденной дѣвочки. У сванетовъ женщинъ менѣе мужчинъ отъ обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, признанныхъ лишними въ семьѣ (*Нар. Россіи*, IV, 333). Мальчика предпочитали, какъ будущаго работника, который потомъ прокормитъ себя и другихъ собственными силами, самъ добудетъ

себѣ и хлѣбъ, и жену, и много лѣтъ будетъ помогать семьѣ, до отдѣленія отъ нея, а дѣвочка могла помогать преимущественно матери, пренебрегаемой рабѣ; ее нужно было оберегать отъ похищенія или умычки, готовить для нея калымъ или приданое, и человѣкъ дикій, варваръ горевалъ при рожденіи дѣвочки и даже рѣшался на умерщвленіе ея.

80.

Обрядовое усыновленіе.

Въ харьковской губерніи новорожденнаго ребенка безъ различія пола завертываютъ въ нѣсколько загрязненную отцовскую сорочку. Въ другихъ мѣстахъ Малороссіи и въ Великороссіи (напр., въ курской губ.) мальчика завертываютъ въ рубашку отца, дѣвочку въ рубаху матери (*Чубинскій*, IV, 9; *Этногр. Сборн.* V, 20). Кашубы первую пеленку для младенца дѣлаютъ изъ рубахи отца (ib. 73). Въ Болгаріи крестная мать передаетъ послѣ крещенія дитя отцу, ожидающему его на порогѣ дома съ новой рубашечкой (*Слав. Ежегод.* 1877, 160). Въ пермской губерніи бабка передаетъ новорожденнаго ребенка отцу, который и кладетъ первый его въ колыбель (*Перм. Сборн.* II 118). Бѣлоруссы и литовцы виленской губерніи соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: послѣ крещенія кума передаетъ ребенка отцу, который кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется „освятить дитя черезъ порогъ“ (*Вѣст.* Геогр. Общ. 1857, XX, 258); въ этомъ обрядѣ слились двѣ идеи, во-первыхъ, идея юридическаго признанія ребенка членомъ семьи; во-вторыхъ, идея освященія ребенка положеніемъ на порогъ, какъ мѣсто наиболѣе близкое и пріятное домашнему пенату, или домовому. Къ этому обряду близко подходитъ древній римскій обычай усыновленія ребенка въ такой формѣ, что бабка клала его на землю, а отецъ поднималъ, humi positio infantum (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877, III, 48). Подобный обычай былъ у древнихъ германцевъ. встрѣчается въ настоящее время у дикихъ народовъ, напр., готентовъ. Все это разныя проявленія усыновленія ребенка, признанія его отцомъ, что теперь представляется однимъ обрядомъ, а въ древ-

ности имѣло жизненное значеніе, такъ какъ непринятаго отцомъ ребенка, большей частью женскаго пола, нѣкогда убивали или выбрасывали. Съ теченіемъ времени самый обрядъ сильно измѣнился. Въ средніе вѣка усыновляемаго посторонняго человѣка клали подъ рубашку пріемнаго отца или пріемной матери. Впослѣдствіи усыновляемаго подводили только подъ плащъ (mantella) усыновителя, почему гораздо позднѣе, когда и этотъ обрядъ уничтожился, узаконенныя дѣти назывались „mantellati“ (*Якушкинъ*, Обычн. право, XV).

81.

Одмина.

Въ простомъ южнорусскомъ народѣ ходитъ разсказъ, что у одного мужика было дитя лѣтъ трехъ; оно ни говорило, ни ходило, только очень много ѣло,—однимъ словомъ „злыдень“. По худобѣ и безобразію легко было догадаться, что это „одмина“. Родители стали распрашивать у знающихъ людей, что́ сдѣлать, чтобъ избавиться отъ этого ребенка и возвратить собственное отъ нечистой силы. Одинъ знахарь посовѣтовалъ вынести одмину на сорное мѣсто и бить его тамъ „деркачемъ“ (голикомъ) отъ правой руки къ лѣвой. По совѣту знахаря, родители начали сильно бить ребенка, на отчаянный крикъ котораго прибѣжала какая то женщина и гнѣвно крикнула: „Зачѣмъ бьете, мучите мое дитя, отдайте мнѣ мое, возьмите себѣ свое“, и она бросила на соръ ихъ ребенка, а своего подхватила и быстро съ нимъ скрылась, только вихрь закрутился по направленію къ очерету лежавшаго вблизи пруда. Въ Украинѣ дѣти діавольскаго происхожденія называются упырями. Въ одномъ селѣ, разсказываютъ, родился мальчикъ съ большою, какъ у взрослаго, головой, съ длинными ногами и очень выразительными глазами. Онъ не могъ ходить; на седьмомъ году онъ началъ предсказывать, но только по утрамъ. Отецъ упыря имѣлъ пчельникъ, за которымъ смотрѣлъ его дѣдъ. Однажды ночью упырь началъ будить отца, говоря, что воры намѣрены дѣда убить, а медъ забрать себѣ. Отецъ не повѣрилъ ему, повернулся на другой бокъ и хотѣлъ за-

снуть; но упырь снова началъ ему твердить, чтобъ онъ скорѣе бѣжалъ,—иначе разбойники убьютъ старика. Отецъ вышелъ и дѣйствительно увидѣлъ двухъ разбойниковъ, выбиравшихъ изъ улья медъ, а поодаль связаннаго пасѣчника. Слава о пророчествѣ мальчика-калѣки разнеслась по селамъ. Многіе стали къ нему обращаться съ вопросами. Онъ умеръ на десятомъ году. Опытные люди говорятъ, что похоронили только его тѣло, а онъ снова гдѣ то явился въ другомъ видѣ и продолжаетъ пророчествовать (*Nowos.* Lud ukr., II, 160—163). Малоруссы зажигаютъ по ночамъ свѣчу отъ рожденія до крещенія ребенка изъ опасенія, чтобы чортъ не укралъ и не подмѣнилъ его (*Чубинскій*, IV, 6).

Малорусское повѣрье о возможности подмѣна ребенка со стороны чорта или вѣдьмы повторяется у многихъ другихъ народовъ. Такъ, въ юго-западной части томской губерніи говорятъ, что вѣдьмы, или вѣщицы (у сербовъ вѣдьмы также называются вѣщицами) летаютъ по ночамъ подъ видомъ безхвостой сороки; онѣ спускаются ночью въ трубы, которыя были закрыты не благословясь, похищаютъ дѣтей изъ утробы спящихъ матерей, разводятъ на шесткѣ огонь и съѣдаютъ ребенка, а вмѣсто него оставляютъ въ утробѣ матери голикъ, льдинку или головню. Мужчины слышатъ, какъ онѣ стрекочатъ, но не въ состояніи въ это время пошевелиться (*Потанинъ*, Этн. Сб. VI. 148).

У чеховъ не менѣе опасной считается полудница — лѣсная жена, которая бродитъ по нивамъ въ полуденное время и маленькихъ дѣтей, оставляемыхъ крестьянками безъ присмотра, подмѣниваетъ на своихъ собственныхъ. Смотря по тому, какъ обходятся въ семьѣ съ подмѣнышемъ, точно такъ же хорошо или худо бываетъ и похищенному полудницей ребенку. Когда дитя начинаетъ кричать, суевѣрная мать унимаетъ его угрозой, что за крикъ возьметъ его полудница (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III, 311). По указанію хорутанской приповѣдки, дитя, которому случилось погостить у вилъ, долго потомъ носило вилинскій духъ (ib., 313).

Съ малорусскимъ и чешскимъ разсказами о подмѣнышѣ весьма сходна латышская народная сказка о ребенкѣ чертовки. Однажды работала въ полѣ мать и положила своего ребенка у края поля. Видитъ староста работниковъ, что съ близкаго дуба сходитъ чер-

товка (velna mate), кладетъ своего ребенка, а сама беретъ ребенка работницы и лѣзетъ опять на дерево. Закричалъ, заплакалъ чертовъ ребенокъ. Мать работница, полагая, что плачетъ ея ребенокъ, хотѣла накормить его грудью, но староста не пустилъ ее до самаго заката солнца. Когда солнце закатилось, чертовка не могла уже больше вытерпѣть; ругаясь и проклиная, она опять слѣзла съ дерева и обмѣнялась ребятами (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. Дашк. Музея, II, 53).

Къ сказаніямъ о подмѣнѣ ребенка со стороны вѣдьмы или чертовки близко подходятъ сказанія о томъ, что лѣшіе и водяные похищаютъ дѣтей, при чемъ взамѣнъ похищеннаго младенца кладутъ въ колыбель связку соломы или полѣно, превращая ту и другое въ живаго ребенка, или оставляютъ свое родное дѣтище, глупое и прожорливое (подроб. см. у *Аѳанасьева* III, 311—317). Разница тутъ та, что похитителемъ ребенка является фантастическое существо мужескаго пола.

Къ этому же разряду сказаній относятся многія сказанія о чудовищныхъ дѣтяхъ, напр., сказаніе о ребенкѣ прирожденной вѣдьмы въ „Зап. о южн. Руси“ *Кулиша* (II, 34). Но нѣкоторыя сходныя сказанія имѣютъ источники другіе, или миѳологическія представленія о весеннемъ солнцѣ, какъ быстро растущемъ ребенкѣ, или повѣствовательные и апокрифическіе мотивы о мудромъ Соломонѣ.

Повѣрье, что новорожденному ребенку грозятъ многочисленныя опасности отъ злыхъ духовъ и болѣе всего похищеніе, встрѣчается не только у малоруссовъ, не только у славянъ и литовцевъ, но также у многихъ другихъ народовъ. Въ Германіи до крестинъ опасаются, чтобы ребенокъ не былъ похищенъ подземными духами и по ночамъ не тушатъ огня (*Kuhn*, Märk. Sagen 364, 383). Въ Англіи въ XVI ст. было всеобщимъ суевѣріе касательно подмѣны ребенка эльфомъ (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 222). По мнѣнію грузинъ, нечистая сила стремится къ тому, чтобы напасть въ видѣ змѣя на ребенка и задушить родильницу (*Нар. Рос.* IV, 391)

82.

Обрядная продажа ребенка.

Въ Малороссіи продаютъ новорожденнаго ребенка за нѣсколько копѣекъ какому нибудь прохожему, нищему, страннику, или кому нибудь изъ родственниковъ, разумѣется, безъ отдачи ребенка. Эта обрядовая продажа имѣетъ мѣсто, если дѣти ранѣе умирали. Обрядная продажа новорожденнаго еще недавно бытовала въ довольно культурной дворянской средѣ. Любопытно, что тожественные обычаи существуютъ у вотяковъ и у кавказскихъ горскихъ евреевъ. Смерть новорожденнаго евреи приписываютъ дѣйствію злобнаго духа „Нумъ-Негира". Чтобы сохранить ребенка въ живыхъ, горскіе евреи стараются уйти отъ Нумъ-Негира или обмануть его. Они перемѣняютъ мѣсто жительства, продаютъ новорожденнаго тотчасъ послѣ появленія его на свѣтъ старухамъ знахаркамъ и потомъ выкупаютъ его (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этногр. III, 51, 211). Повѣрья горскихъ евреевъ въ Нумъ-Негира и связанная съ нимъ продажа дѣтей объясняютъ происхожденіе обрядной продажи ребенка въ Малороссіи; очевидно, и здѣсь первоначально исходили изъ мысли обмануть злобнаго духа, можетъ быть, домоваго, который признавался виновникомъ смерти прежде родившихся дѣтей. Народныя понятія о нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзняхъ съ припадками (родимчикъ) указываютъ на старинное вѣрованіе въ злобнаго духа, который душитъ и убиваетъ дѣтей.

Изъ опасенія демоновъ произошло, между прочимъ, обыкновеніе скрывать имя, данное при рожденіи, а называть ребенка по первой фразѣ, произнесенной матерью, что обычно у абиссинцевъ (*Лежанъ*, Путеш. въ Абиссинію).

83.

Размывки.

Обрядъ размывки или очищенія рукъ повивальной бабки встрѣчается въ Малороссіи и Великороссіи въ сходныхъ формахъ. У малороссіянъ обрядъ этотъ совершается такимъ образомъ: бабка

въ присутствіи однѣхъ женщинъ держитъ въ мискѣ воду, въ которую кладетъ немного хмѣлю и кусочекъ вѣника. Родильница подходитъ къ бабкѣ и кланяется ей въ ноги со словами: „просты мене, бабусю, разъ, и другый, и третій“. Бабка отвѣчаетъ три раза: „Господь зъ тобою, голубка, извѣстно, такъ должно; всѣ мы въ грѣхѣ“. Затѣмъ бабка умываетъ свои руки и лицо родильницы, приговаривая; „будь багата якъ осень (?, вѣроятно, земля), жостка якъ рыбка, космата якъ овечка, да любы свого чоловика“ (*Архіеп. Филаретъ*, Ист.-стат. опис. черниг. еп. VII, 152). Въ пермской губерніи бабка идетъ на рѣку съ чистымъ ведромъ и зачерпываетъ воду по теченію; опустивъ въ ведро правую руку и зачерпнувъ горстью воду, пускаетъ ее по рукѣ черезъ локоть въ тазъ или лаханку; она черпаетъ тридевять горстей, которыя считаются съ отрицаніемъ, т. е.: не одна, не двѣ, не три и т. д.; во время возліяній на руку она говоритъ заговоръ, оберегающій родильницу отъ уроковъ (*Пермскій Сборн.*, II, 118). Обыкновенно, размывки бываютъ шесть недѣль спустя послѣ родовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. и М. Россіи воду льютъ родильницѣ на руки и на спину, поставивъ родильницу на топорѣ или на вѣникѣ (*Черемшанскій*, Опис. оренб. губ., 213; *Этногр. Сб.*, I, 350). Въ старину при размывкѣ рукъ клали въ тазъ серебряныя деньги (*Авдѣева*, Зап. о стар. рус. бытѣ, 117).

Очищеніе родильницы посредствомъ воды чрезвычайно распространено у разныхъ народовъ, въ западной Африкѣ, на Малайскомъ полуостровѣ; было извѣстно и древнимъ грекамъ, у которыхъ обрядовое омовеніе рукъ повивальной бабки совершалось недѣлю спустя послѣ родовъ (*Тэйлоръ*, Первоб. культура II, 466, 471).

Обрядъ размывки рукъ вышелъ изъ народнаго воззрѣнія, что роды дѣлаютъ родильницу и ребенка въ теченіи извѣстнаго времени нечистыми. Воззрѣніе это вызвано было послѣродовымъ состояніемъ женщины. Ставя въ связь понятіе о нечистотѣ женщины съ ея послѣродовыми выдѣленіями, народная мысль въ разныхъ странахъ обнаружила большое единство въ назначеніи срока окончанія нечистаго состоянія: у египтянъ, пшавовъ, евреевъ, древнихъ и новыхъ грековъ, русскихъ полагается сорокъ дней; у иныхъ народовъ, напримѣръ, у древнихъ евреевъ и грековъ, послѣ рож-

денія дѣвочки женщина считалась нечистою вдвое болѣе дней (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877 г., III, 42). Распространеніе понятія о нечистотѣ женщины у различныхъ народовъ востока и запада исключаетъ возможность предположенія, чтобы понятіе это выработалось первоначально на востокѣ. Оно возникало у разныхъ народовъ, по сходству культурнаго состоянія и подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же физіологическихъ причинъ. Повидимому, и у русскихъ, какъ у иранцевъ, выдавались въ древности религіозно-нравственныя опредѣленія нечистоты и очищеніе отъ нея посредствомъ воды. У древнихъ иранцевъ очищеніе людей, прикоснувшихся къ трупу, выражалось въ томъ, что жрецъ лилъ чистую воду на макушку, плечи, спину, грудь и т. д. по всему тѣлу, произнося заклинанія. Олицетворенная нечистота Друджъ уходила все далѣе и далѣе, отъ головы къ ножнымъ пальцамъ, пряталась, наконецъ, въ большомъ пальцѣ лѣвой ноги, но и отсюда изгнанная водой, удалялась въ сѣверныя страны (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 69). По воззрѣнію на нечистоту женщины вообще, въ особенности послѣ родовъ или во время мѣсячныхъ очищеній, великоруссы подходятъ къ древнимъ иранцамъ. Въ этомъ отношеніи можно было бы привести цѣлый рядъ любопытныхъ аналогій и параллелей между современными великорусскими повѣрьями о чистотѣ и обрядами очищенія съ одной стороны и предписаніями по этой части Ману и Авесты; мы здѣсь укажемъ лишь на своеобразное очистительное значеніе бани въ Великороссіи, которой пользуются почти во всѣхъ случаяхъ семейной жизни, послѣ родинъ, передъ свадьбой, даже послѣ каждаго половаго акта. Въ юго-западной части томской губерніи человѣкъ, не облившійся водой по исполненіи своихъ супружескихъ обязанностей, считается нечистымъ, и ему запрещается входить на пасѣку, которая считается священнымъ мѣстомъ (*Потанинъ*, Этн. Сб. VI, 143). У великоруссовъ, особенно въ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ губерніяхъ, строго соблюдается обычай удаленія родильницы на одинъ или нѣсколько дней въ баню. Такъ, въ нижегородской губерніи дѣти родятся въ банѣ, гдѣ родильница остается нѣсколько дней (*Этногр. Сбор.*, I, 23). Въ тульской губ. родильница живетъ въ банѣ цѣлую недѣлю; потомъ у своей матери до истеченія шести недѣль, послѣ чего уже возвращается въ домъ

мужа (*Вѣстн.* Геогр. Общ. 1853, VII, 87). Такой обычай предписанъ Авестой и до сихъ поръ еще соблюдается парсами: родильницу помѣщаютъ въ уединенное мѣсто, нынѣ называемое Dashtanistan, которое должно находиться на разстояніи по крайней мѣрѣ 15 шаговъ отъ огня, 15 шаговъ отъ воды, 3 шаговъ отъ чистыхъ людей. Пищу родильницѣ приносятъ въ желѣзномъ сосудѣ. По предписанію Авесты, родильницу омывали водой. По древнимъ персидскимъ воззрѣніямъ, женщина во время мѣсячныхъ и послѣ-родовыхъ очищеній однимъ взглядомъ своимъ оскверняетъ огонь, воду, растенія, животныхъ и людей (*Дилленъ*, Дуал. въ Авестѣ, III).

Въ Малороссіи почти совсѣмъ исчезъ обычай удалять родильницу. Остаткомъ этого обычая можно считать, что иногда крестьянки во время родовъ скрываются въ сараѣ, что, однако, бываетъ рѣдко, и можетъ вытекать изъ другихъ соображеній родильницы, изъ опасенія дурнаго глаза и злыхъ языковъ. Отъ обширнаго и сложнаго обрядоваго очищенія родильницы остались лишь размывки, да и то уже съ примѣсью христіанскаго религіозно-нравственнаго поученія. Повидимому, остаткомъ древняго воззрѣнія на очистительное значеніе при родахъ воды является встрѣчающійся въ харьковской губерніи обычай ставить вскорѣ послѣ родовъ подъ кровать родильницы сосудъ съ водой. Обычай этотъ соблюдаютъ даже въ Харьковѣ образованныя акушерки; сосудъ съ водой ставятъ, чтобы у родильницы не было молочной лихорадки.

Примѣчаніе: О повѣрьяхъ, связанныхъ съ родами, способахъ облегченія родовъ, первоначальномъ уходѣ за новорожденнымъ ребенкомъ, крестинахъ и постригахъ я ранѣе говорилъ уже въ статьѣ „О славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребенка“, напечатанной въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія за 1880 г. ч. CCXII. Здѣсь можно найти нѣсколько мелкихъ малорусскихъ родинныхъ обрядовъ, не упомянутыхъ въ предыдущихъ статьяхъ, въ которыя вошло все то, что имѣетъ довольно крупное значеніе въ малорусской народной жизни и о чемъ въ статьѣ „О слав. народ. воззрѣніяхъ на новорожд. ребенка“ или совсѣмъ не было рѣчи, или говорилось вскользь и мимоходомъ.

84.

Коронування.

Въ любопытной статьѣ г. *Боржковскаго* о парубоцтвѣ въ „Кіев. Стар.“ 1887, VIII, 765—776 говорится, что „принятіе въ парубоцтво сопровождается нѣкоторыми обрядами и носитъ названіе коронування. Оно совершается такимъ образомъ: послѣ предварительнаго заявленія подростка о желаніи его „парубковать“, парубки собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ, и, когда хлопецъ, явившись въ ихъ собраніе, отвѣситъ имъ поклонъ, его поднимаютъ на рукахъ вверхъ и поютъ величальную пѣсню: „Посіялы дивкы ленъ“. Коронованный садится въ кругу товарищей и угощаетъ ихъ водкой“. Обрядъ этотъ существуетъ въ разныхъ мѣстахъ винницкаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ селахъ винницкаго и литинскаго уѣздовъ для пріема хлопца въ парубоцтво избирается время, когда парубки собираются идти колядовать, т. е. на Рождество Христово, или вырубать крестъ на рѣкѣ наканунѣ Богоявленія, либо косить сообща. Пріемъ означается допущеніемъ вступающаго къ общей работѣ и затѣмъ угощеніемъ на его счетъ.

Въ обрядовомъ вступленіи въ парубоцтво можно усмотрѣть нѣсколько культурныхъ переживаній.

Самимъ древнимъ слоемъ культуры здѣсь нужно признать фактъ вступленія въ парубоцтво. У разныхъ народовъ существуетъ обыкновеніе подвергать молодыхъ людей, при наступленіи половой зрѣлости, испытаніямъ и даже истязаніямъ. У гуронцовъ, ирокезовъ и алгонкинскихъ племенъ дѣти, при наступленіи половой зрѣлости, уходятъ въ лѣсъ и здѣсь постятся и чернятъ себѣ лицо, верхнюю часть спины и грудь. Въ Сѣверной Каролинѣ юношей и дѣвушекъ, при достиженіи ими половой зрѣлости, держали въ теченіи 5 или 6 недѣль запертыми въ темной хижинѣ и подвергали жестокому посту. Въ Калифорніи жрецъ подноситъ имъ въ такомъ случаѣ опьяняющій напитокъ. У эскимосовъ молодымъ людямъ, достигшимъ половой зрѣлости, пробуравливаютъ уши, нижнюю губу и ноздревой хрящъ, и вставляютъ въ отверстія кости, бусы и т. п. Подобное обыкновеніе соблюдалось у древнихъ перуанцевъ относительно юно-

шей при наступленіи 16-ти лѣтняго возраста. (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этн. 64).

Второй исторический слой въ обрядовомъ парубоцтвѣ выразился въ томъ способѣ, какимъ совершается пріемъ хлопца, и особенно въ названіи коронування. Это слой удѣльно-вѣчевой Руси, а можетъ быть и болѣе древней Руси, раздѣленной на мелкія племенныя особи, съ выборными по областямъ князьями, съ порядкомъ выбора въ видѣ поднятія вверхъ и пѣнія величальныхъ пѣсенъ.

Третій слой—спеціально южнорусскій. Парубоцтво вошло въ кругъ общественной жизни въ тѣ времена, когда общественная жизнь южной Руси текла широкимъ русломъ, когда южнорусское общество пользовалось широкими правами самоуправленія и суда, и на обязанности его, кромѣ обороны внѣшней и охраны имущественныхъ и личныхъ правъ, лежало удовлетвореніе всѣхъ другихъ его потребностей: постройка и содержаніе храмовъ, содержаніе и обезпеченіе причтовъ, устройство школъ, призрѣніе старыхъ, вдовъ и сиротъ, заботы о больныхъ, калѣкахъ и нищихъ и пр. Въ виду столь сложной общественной дѣятельности предки наши въ XVI и XVII ст. организовались въ различныя ассоціаціи и кружки, въ формѣ цеховъ и братствъ.

85.

Досвитки.

Въ 1886 г. я помѣстилъ въ „Кіев. Стар." довольно большую статью о досвѣткахъ и посидѣлкахъ (потомъ вышла отдѣльною брошюрой), и потому здѣсь я сдѣлаю лишь нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ. Общіе выводы такіе: досвѣтки и посидѣлки служили первоначально для опредѣленія способности молодыхъ людей къ дѣторожденію, при чемъ обнаруженіе такой способности со стороны женщины вело къ заключенію формальнаго и обрядоваго брака. Кромѣ досвѣтокъ, допускающихъ спанье парней съ дѣвушками безъ нарушенія ихъ невинности, остаткомъ пробнаго брака въ Малороссіи служитъ еще тотъ обычай, по которому женихъ отъ сговоринъ до самой свадьбы ночуетъ въ домѣ невѣсты и даже спитъ съ ней съ

разрѣшенія ея родителей. Такое сближеніе молодыхъ теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ Малороссіи, гдѣ оно соблюдается, не ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, и лишь усиливаетъ привязанность жениха къ невѣстѣ и вызываетъ его лестные о ней отзывы, которые нужно понимать въ смыслѣ отсутствія у невѣсты физическихъ недостатковъ. Съ теченіемъ времени съ развитіемъ народныхъ понятій о нравственности въ жизни семейной и общественной, досвѣтки почти повсемѣстно получили значеніе простыхъ увеселительныхъ собраній молодежи, подъ надзоромъ и руководствомъ взрослой женщины.

У разныхъ народовъ существуютъ досвѣтки. Такъ, на Кавказѣ у осетинъ въ концѣ осени совершается дѣвичій праздникъ—сидѣніе дѣвушекъ ради Матери Маріи, продолжающійся одну ночь или недѣлю. Дѣвушки сосѣднихъ дворовъ собираются въ спальню какой нибудь старухи, приносятъ муку и сыръ, пекутъ прѣсные чуреки, или хлѣбныя лепешки, произносятъ молитвы и гадаютъ по чурекамъ о женихѣ. Дѣвушки на посидѣлкахъ плетутъ конопляныя нити себѣ въ приданое. Мужчинъ не бываетъ (*Вс. Миллеръ*, Осетинск. этюды, II, 281).

У вотяковъ зимой, съ Михайлова дня и почти до Благовѣщенія, въ деревняхъ устраиваются посидѣлки, гдѣ нибудь въ банѣ или у лицъ, поставившихъ новую избу. Во многихъ мѣстностяхъ хозяева до тѣхъ поръ не переходятъ въ новую избу, пока тамъ хоть одинъ разъ не соберутся на посидѣлки (*Вс. Миллеръ*, Сбор. мат. по этногр., III, 52).

Для сравненія съ малорусскими досвѣтками можно еще взять болгарскія „сидѣнки“ и „попрелки“. Устраиваются онѣ обыкновенно осенью на краю деревни вокругъ большаго костра, а зимой въ избѣ. Около Рущука на сидѣнкахъ парни ночуютъ съ дѣвушками, давши обѣщаніе вести себя скромно, въ противномъ случаѣ парня заставляютъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. Въ той же Болгаріи встрѣчаются и совсѣмъ безнравственныя формы общенія молодежи. Такъ, въ южной Македоніи въ окрестностяхъ Прилѣпа парень и дѣвушка отправляются въ праздникъ къ обѣднѣ, во время чтенія св. Евангелія стоятъ вмѣстѣ около священника, послѣ обѣдни цѣлуются, дарятъ другъ другу подарки, называются братомъ и сестрой, но живутъ, какъ мужъ и жена, только врозь, въ раз-

ныхъ домахъ. Въ двухъ селахъ (Габрово и Ново-Село) въ южной части Доспатскихъ горъ еще недавно существовалъ, а можетъ и теперь не совсѣмъ исчезъ такъ называемый „паратеко“; обычай этотъ состоитъ въ томъ, что парни и дѣвицы выбираютъ другъ друга, идутъ попарно въ лѣсъ или, если это происходитъ зимой, на сѣнникъ, и тамъ вступаютъ другъ съ другомъ въ противоестественное общеніе (per anum). Названіе „паратеко“ значитъ лишнее. Старики и старухи относятся снисходительно къ этому обычаю и не запрещаютъ его (*Вс. Миллеръ,* Сборн. матер., изд. при Дашков. этногр. музеѣ I, 5, 4 и 3).

Въ статьѣ о досвѣткахъ я привелъ свидѣтельства Чубинскаго о вечерницахъ въ юго-западномъ краѣ, Лепкаго о галицко-русскихъ, Никонова о воронежскихъ, Аѳанасьева-Чужбинскаго и Костомарова о досвѣткахъ въ полт. губ. и вообще въ Малороссіи. Добавлю, что о вечерницахъ въ Подоліи говорится въ „Основѣ“ 1861, X, 54; въ черниговъ. губ.—въ „Истор.—стат. опис. черниг. епархіи“ Филарета V, 204). Въ дополненіе къ этимъ свидѣтельствамъ о вечерницахъ приведу еще слѣдующее письмо ко мнѣ уважаемаго А. Д. Т. отъ 6 дек. 1888 г. изъ Ахтырки:

„Ни для кого не тайна, что этнографическія изслѣдованія у насъ, въ харьковской губерніи, пока лишь въ зачаткѣ, что многое изъ народной жизни для интеллигенціи, ею интересующейся, во многихъ отношеніяхъ—темна вода во облацѣхъ, какъ гласитъ писаніе. Поэтому факты изъ народнаго быта, уясняющіе его съ положительной или съ отрицательной стороны—вещь, надѣюсь, заслуживающая вниманія. Сообщаю вамъ, какъ человѣку заинтересованному родиной, фактъ изъ быта хухрянъ (Хухра—слоб. ахтыр. у.), именно фактъ досвитчаный.

3 декабря 1888 г., въ Ахтыркѣ, временнымъ отдѣленіемъ сумскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разбиралось дѣло объ обывателѣ с. Хухры, 25 лѣтнемъ Петрѣ Мазкунѣ (онъ же по уличному Легеза), который обвинялся въ грабежѣ съ насиліемъ. Фабула дѣла не сложна. Въ Хухрѣ есть одинъ шинокъ; въ 80 саженяхъ отъ него—досвѣтки „велыкыхъ дивчатъ“, въ 45-досвѣтки „маленькыхъ дивчатокъ“. Маленькія дивчатка, въ сезонъ сходокъ прошлой (1887—8 г.) зимы съ однолѣтками „хлопятами“, которымъ было 10—14 лѣтъ, задумали „почастуватысь горилкою“, само собой, съ согласія досвитчаной матери. Достали пляшку, и маршъ юрмою, 4 хлопца и 4 дивчины, въ шинокъ къ шинкарю. Купили, несутъ, вдругъ изъ подъ плетня шасть велыкій парубокъ.

— Ке пляшку.—Геть къ бису. Тотъ насильно вырвалъ и гайда черезъ пустую леваду. Се—Петро!... Адже винъ?—Винъ, винъ! завопила молокососная громада. Сейчасъ къ уряднику... Явился урядникъ и сдѣлалъ обыскъ у Петра Мазкуна, на велыкыхъ досвиткахъ и у Мазкуноваго дяди, въ пустой хатѣ котораго, отстоящей

отъ жилой на 70 саженей, и была найдена отнятая у хлопчика пляшка, но безъ горилки. Урядникъ составилъ актъ; пошло дѣло къ судебному слѣдователю и привело Петра Мазкуна на скамью подсудимыхъ.

На судѣ свидѣтелями явились со стороны Мазкуна—досвитчана маты, бабенка лѣтъ 30, шустрая и, видимо, моргуха, хлопцы и дивчата его „лавы" и дядя; со стороны обвинителей—откормившійся, широчайшій въ плечахъ, таліи и прочемъ шинкарь, бывшій урядникъ, нѣкто К. и хлопьята съ дивчатками. Послѣдніе въ одинъ голосъ заявили, что въ сумерки вечеромъ 28 декабря 1887 г. Петро отнялъ у нихъ пляшку съ горилкою, которой они ему не давали; они хорошо распознали его.

Петро: Воны по злоби; усе, ще зъ лита враждують проти мене за выгинъ. Я бидный, такъ имъ завыдно, що е въ мене скотына.

Шинкарь отозвался, что водку точно хлопцы и дѣвочки у него купили, а больше ничего не знаетъ. Петро—человѣкъ не пьющій. К. подробно расказалъ, что при обыскѣ дѣлалось: нашелъ бутыль, мѣрялъ сапоги Мазкуна, которые пришлись къ слѣдамъ на пустоши. О Петрѣ сказалъ: не пьющій.

Досвитчана маты, дѣвушки и парни: Петро пришелъ на досвитки въ сумерки и до разсвѣта никуда не выходилъ; горѣлки не приносилъ; самъ не пьетъ.

Прокуроръ досвитчаной матери: вы все время слѣдили за нимъ, что утверждаете, что онъ никуда не выходилъ?—Я була все время въ хати.—И можете поручиться, что рѣшительно никуда не выходилъ, положимъ на короткій срокъ?—Хто его зна!... може про себе й выйшовъ якый разъ, тилко мени щось невпомку...—Вотъ видите... вы не помните... Ну-съ, а когда онъ отъ васъ ушелъ?—У досвита.—Т. е. на разсвѣтѣ?—Ни.—А когда же?—У-досвита, се, бачите, передъ свитомъ—Такъ.. Ну, а водки съ собой не приносилъ?—Ни.

Дядько показалъ: бувъ смеркомъ и пиповъ соби, билшъ ничого не знаю.

Прокуроръ въ своей рѣчи настаивалъ на обвиненіи подсудимаго... Конечно, присяжные вынесли вердиктъ: „нѣтъ, не виновенъ". Петро благодарилъ присяжныхъ со слезами на глазахъ. Онъ недавно женился. Но суть не въ этомъ. Каковы отцы съ матерями, не прекратившіе миромъ этого дѣла, и каково положеніе окружнаго суда, рѣшающаго дѣло какъ грабежъ съ насиліемъ по кодексу, тогда какъ оно со стороны обычнаго права—просто урокъ старшаго молокососамъ, вздумавшимъ въ 10—14 лѣтъ пить горилку... По сбычаю, взрослый человѣкъ, накрывъ такихъ in actu adulterii, въ видѣ улики, могъ снять шапку, сирякъ, отнять люльку, кисныкъ, хрестъ, и въ результатѣ былъ бы смѣхъ надъ накрытыми сторонныхъ, а родители, конечно, постарались бы поступить съ ними по пословицѣ: „катузи по заслузи". Какъ не пожелать, чтобы такія и подобныя имъ дѣла были изъяты изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ и были предоставлены суду общественному, гдѣ и кара гуманнѣе, и безнаказанность въ случаяхъ дѣйствительно обидныхъ (напр., пропой нарубкомъ денегъ, одежды) невозможна. У досвитчанъ свои обычаи, часто грубые; но за нихъ карать арестантскими ротами и Сибирью едва ли приходится. Лучше дома воздать достодолжное, и обычай народный въ такомъ разѣ, какъ извѣстно, не похвалитъ. Я, конечно, выключаю случаи чистой уголовщины. Замѣчу еще, что Хухра, какъ и хутора при-ахтырскіе, мало еще тронуты заводско-фабричной цивилизаціей".

У галицкихъ лемковъ, находящихся подъ сильнымъ вліяніемъ словаковъ, вечерницы отличаются своеобразнымъ характеромъ, мало

напоминающимъ украинскія увеселенія этого рода. На вечерницы сходятся парубки и дивчата, иногда и замужнія женщины, приходятъ, между прочимъ, люди пожилые, старые. Здѣсь разговариваютъ, поютъ пѣсни, разсказываютъ сказки и разныя „приповѣдки", напр., сказки о трехъ братьяхъ, о разбойникахъ, о двухъ сестрахъ—доброй бѣдной и злой богатой. Старики и старухи разсказываютъ про старинное время, кому что случилось испытать въ жизни, какой разумный дьякъ былъ въ селѣ, „якъ то за ихъ батькивъ було и якъ то еще ихъ батькамъ тѣхъ батьки оповѣдали". Отставные солдаты разсказываютъ о походахъ и чужихъ странахъ. По словамъ этнографа лемковъ, А. Торонскаго, „вечерницы (у лемковъ) суть то сходбища, на которыхъ юношество много учится. Онѣ не суть вредливы, якъ то больше на далахъ быти може, понеже не сходятся съ цѣлаго села парубки и дѣвки, а только съ 10 или 20 хатъ разомъ, и то не все въ одной и той же хатѣ, напр. у якой вдовы, но въ различныхъ хатахъ. Суть то семейныи розговорки, на которыхъ старыи и молодыи участвуютъ. Пьянства тамъ также нѣтъ" (*Зоря Галицкая*, 1860 г., 416).

Примѣчаніе. Оставляю въ сторонѣ многіе свадебные обряды, повѣрья и пѣсни, потому что славянскимъ свадьбамъ вообще и малорусской въ особенности ранѣе уже было посвящено мной нѣсколько изслѣдованій; именно: „*Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы*", „*Къ вопросу о вліяніи греко-римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу*" и „*О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ*". Послѣднее сочиненіе издано было въ Харьковѣ въ 1881 г., какъ магистерская диссертація, и сравнительно съ предыдущими представляется болѣе крупнымъ. Содержаніе первыхъ двухъ изслѣдованій видно уже изъ ихъ заголовка. Въ диссертаціи „О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ", говорится о слѣдующемъ: Пѣсни и обряды, относящіеся къ похищенію и куплѣ невѣсты. Небесные браки. Участіе небесныхъ свѣтилъ въ устроеніи человѣческихъ браковъ. Время совершенія свадебъ. Черты небеснаго брака въ бракѣ человѣческомъ. Свадебные символы солнца, грома и дождя. Купаніе молодыхъ (баня). Жертвоприношеніе животныхъ и хлѣба (коровай). Обрядовое употребленіе соли. Жертвенныя возліянія. Посвященіе волосъ. Посадъ. Покрываніе головы невѣсты. Музыка и танцы. Молитвы и религіозныя пѣсни. Вильце. Значеніе растеній въ свадебныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ. Обрядовое употребленіе сѣна и соломы. Домъ и его части. Обрядовое употребленіе стола, вѣника и сора. Одежда молодыхъ. Въ дополненіяхъ помѣщены статьи о роли мальчика на свадьбахъ, обязательномъ молчаніи молодой, разбиваніи посуды, жертвоприношеніи лошади и названіи жениха княземъ, а невѣсты княгиней. Сочиненіе „О свад. обряд." давно вышло изъ продажи. Оно вызвало нѣсколько обширныхъ рецензій: *проф. А. И. Кирпичниковъ* въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ дополненій о французскихъ и нѣмецкихъ

свадебныхъ обрядахъ; *акад. А. Н. Веселовскій* касается моего труда въ разныхъ своихъ статьяхъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ пользуется имъ, въ другихъ опровергаетъ нѣкоторыя мои замѣчанія по миѳологіи или дополняетъ мое изслѣдованіе (напр., по вопросу о разуваніи молодаго); *проф. А. А. Потебня* предложилъ поправки и дополненія въ 1 т. „Объясненій малорусск. и сродныхъ пѣсенъ" (стр. 1, 16 и др.); *акад. И. В. Ягичъ* сдѣлалъ общую оцѣнку моего труда въ Archiv f. slav. Philologie, 1881, V B., IV H. Пустыя рецензіи были въ „Вѣстн. Европы" 1881, VI и въ „Руси" 1881, № 38.

Въ предстоящихъ статьяхъ о свадебныхъ малорусскихъ обрядахъ я буду говорить или о томъ, чего не было въ соч. „О свадебныхъ обрядахъ", или о томъ, что нуждается въ другомъ научномъ объясненіи, на основаніи другихъ фактическихъ данныхъ.

86.

Малорусская свадебная терминологія.

Малорусская свадебная терминологія отличается вполнѣ славянскимъ характеромъ, только въ отдаленномъ уголкѣ русскаго міра въ Буковинѣ появилось нѣсколько чуждыхъ словъ. И въ Великороссіи обнаруживается то же явленіе: въ центральной Россіи всѣ свадебные термины славянскіе, а на сѣверо-востокѣ встрѣчаются уже въ свадебномъ ритуалѣ такія слова, какъ урвалятне, люкшинъ — пряка, челпанъ. Галицко-русскія свадебныя слова и выраженія близко стоятъ къ великорусскимъ; такъ, слова пропой, кичка, бояре, обычныя въ Великороссіи, весьма распространены и въ Галиціи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ малороссы живутъ съ поляками въ близкомъ сосѣдствѣ напр., въ сѣдлецкой губерніи, обнаруживается значительная примѣсь польскихъ свадебныхъ терминовъ, одновременно съ примѣсью польскихъ свадебныхъ рацей. При всемъ томъ, на пространствѣ отъ Дона до Буга свадебная терминологія почти вполнѣ одинакова и устойчива. Тѣ термины, которые находятся въ самомъ раннемъ описаніи украинской свадьбы, сдѣланномъ Калиновскимъ въ 1777 году, встрѣчаются и въ настоящее время на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Свадебная терминологія говоритъ въ пользу нравственнаго и гражданскаго достоинства малорусской свадьбы, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего грубаго, суроваго, что вполнѣ отвѣчаетъ общему мягкому складу и веселому тону малорусской

свадьбы, въ ритуалѣ которой только немногіе обряды напоминаютъ о томъ варварскомъ времени, когда „умыкиваху дѣвицъ у воды“, безъ ихъ согласія, времени доисторическомъ, такъ какъ уже въ XI вѣкѣ въ глухихъ мѣстахъ деревской и сѣверской областей умыканіе дѣвицъ происходило, по свидѣтельству лѣтописца, съ ихъ согласія. Главные предки украинскаго народа поляне уже въ XI вѣкѣ имѣли „обычай кротокъ и тихъ и стыдѣніе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ и деверямъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху, не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче“. За этими словами скрываются уже степенные старосты съ хлѣбомъ въ рукахъ, веселыя дружки и приданки, пѣсни про ясный мисяцъ и его подругу зирочку вечирнюю. Въ настоящее время въ малорусскихъ названіяхъ сватовъ и старостовъ нѣтъ указаній на ихъ чародѣйство; обнаруживается уваженіе къ нимъ, какъ людямъ пожилымъ, опытнымъ, разумнымъ и краснорѣчивымъ и нѣтъ удручающаго и связывающаго опасенія ихъ, какъ колдуновъ; оттого въ Малороссіи нѣтъ и такихъ названій для свата, какъ *ворожецъ* (олонец. губ., *Бесѣда* 1872, VI, 108), *вѣжливецъ* (дружко-колдунъ въ перм. губ., *Перм. Губ. Вѣд.*, 1864, № 3), *опасный* (ib.). Далѣе, въ Малороссіи въ настоящее время хотя и сохраняется обрядовый плачъ невѣсты, но уже нѣтъ такихъ названій и такихъ лицъ на свадьбѣ, какъ *плачея* въ арханг. губ., которая помогаетъ невѣстѣ выкрикивать плачевныя пѣсни (*Москвитян.* 1853, XIII, 31). или *выльница* въ ярослав. губ., которая по приглашенію „воетъ“ на дѣвичникѣ (*Этн.* Сб., III, 21).

Прилагаемъ при этомъ маленькій словарь малорусскихъ свадебныхъ терминовъ, не претендуя на исчерпывающую полноту его содержанія, съ указаніемъ тождественныхъ или сходныхъ свадебныхъ терминовъ другихъ славянскихъ народовъ, великоруссовъ, чеховъ, болгаръ и пр.

1) *Бажантъ*—въ Подлясьѣ такъ называется пѣтухъ, сваренный за селомъ на горѣ и въ концѣ свадьбы подаваемый къ столу въ домѣ отца невѣсты (*Чуб.*, IV, 385).

2) *Балецъ*—въ Галиціи хлѣбъ особаго вида и обряднаго приготовленія въ домѣ невѣсты въ день витья вѣнковъ (*Голов.*, въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи 1872, III, 369).

3) *Баришъ*—выпивка поѣзжанъ и молодыхъ въ домѣ священника послѣ вѣнчанія (*Чуб*. IV, 675).

4) *Богадъ*—почетное мѣсто на покути подъ образами, покрываемое вывернутой шерстью вверхъ шубой, гдѣ сидятъ молодые (*Чуб*. IV, 143).

5) *Бокрейда*—въ Галиціи букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, который женихъ получаетъ отъ невѣсты, дружко отъ ея подругъ, и надѣваютъ на шляпу (*Гол*., IV, 400).

6) *Бояре*—въ М., В. и Б. Россіи участники въ свадьбѣ со стороны жениха и невѣсты или пріятели жениха (*Kolberg*, Pokucie, I, 258).

7) *Бояринъ*—въ В. и М. Россіи распорядитель свадебныхъ поѣзда и обѣда (*Этногр. Сборн*., I, 142). Въ Бѣлоруссіи бояркой называютъ главную подругу невѣсты (*Шейнъ*, Бѣлор. пѣс. 488); въ Галиціи почетный хозяинъ, который несетъ коровай въ домъ молодой (*Kolb*., I, 238).

8) *Ватажела*—въ Буковинѣ старшій дружко (*Зап*. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. II, 480).

9) *Верчъ*—свадебный хлѣбъ, похожій на коровай (*Чуб*., IV, 236).

10) *Весилье*—у малоруссовъ, чеховъ и поляковъ служитъ общимъ названіемъ свадьбы.

11) *Весильны люде*—сваты, дружки, вообще свадебная дружина въ седлецк. губ. (*Янчукъ*, Малор. свад. 15).

12) *Вильце*—разукрашенная сосновая вѣтка на дѣвичникѣ (подробн. въ моемъ соч. о свад. обряд.).

13) *Винкоплетины*—въ Галиціи плетеніе вѣнковъ и угощеніе гостей въ домѣ невѣсты (*Основа*, 1861).

14) *Вино*—приданое: *видвиноваты*—дать приданое (*Kolberg*, Pokucie, I, 225).

15) *Выдавия*—у лаборскихъ русскихъ староста или сватъ со стороны невѣсты (*Науков. Сборн*., 1865, 140); у чеховъ то же „oddavač“ (*Čas. čes. Mus*. I, 93).

16) *Гарасивка*—въ Галиціи платокъ на головѣ невѣсты, къ которому прикрѣпляютъ вѣнокъ (*Основа*, 1862 г.).

17) *Гарбуза пиднесты*—отказать сватамъ (*Kolberg*, Pokucie, I, 286; *Квитка*, въ разн. повѣстяхъ).

18) *Гильце*—украшеніе сосновой вѣтки цвѣтами и фруктами (см. *Сумц*., 80).

19) *Головыця*—у малоруссовъ г. Вилькова (въ Бессарабіи) собраніе дѣвицъ въ субботу вечеромъ, наканунѣ дня вѣнчанія, или дѣвичникъ (*Кіевск. Старина* 1883, кн. II, 396), вѣроятно, отъ болгарскаго названія сватовства „голѣмъ годежъ“ (*Чолаковъ*, Бълг. нар. сб., 51).

20) *Гуски*—въ Угорской Руси собраніе молодежи въ домѣ отца невѣсты наканунѣ вѣнчанія, въ родѣ дѣвичника (*Гол*., IV, 400); въ Галиціи длинный хлѣбъ вмѣсто коровая съ картофелью (*Tomaszewska*, въ Zbior wiadom., XII, 61).

21) *Дивоснубы*—въ сѣдлецкой губ. сваты (*Чуб*., IV, 56).

22) *Дивоцьки запоины*—дѣвичникъ въ мозырск. у. минской губ. (*Чуб*., IV, 214).

23) *Дивичъ-вечеръ*—въ чигиринск. у. кіевск. губ. дѣвичникъ наканунѣ дня свадьбы (*Кіевск. Старина* 1883, т. I, 372).

24) *Домо́вины*—въ полтавск. губ. собраніе родныхъ жениха въ домѣ невѣсты и уговоръ о приданомъ (*Чуб*, IV, 560).

25) *Допыты*—начало сватовства, посылка свахи въ домъ невѣсты, при чемъ сваха наводитъ справки, примутъ ли сватовъ (*Чуб*., IV, 56).

26) *Дружбины*—у малоруссовъ воронежской губ. дѣвичникъ (*Ворон. Бесѣда* 1861, 172).

27) *Дружко*—родственникъ жениха, главный распорядитель на свадьбѣ; въ Малороссіи дружко заправляетъ свадебнымъ поѣздомъ и угощаетъ гостей; въ Великороссіи оберегаетъ молодыхъ отъ порчи, при чемъ въ вологодск. губ. провожаетъ невѣсту въ баню и окачиваетъ ее здѣсь водой, пошептавъ на нее, т. е. воду (*Этн. Сборн*., V, 9). Въ старинное время въ В. и М. Россіи помогалъ молодому исполнить супружескія обязанности, въ случаѣ его робости или немощности. У сербовъ лужицкихъ дружко находится впереди свадебнаго поѣзда (*Haupt und Smoler*, Volkslieder, II, 234).

28) *Дружчины*—потчиваніе дѣвушекъ сыромъ, когда невѣста сидитъ на посадѣ (*Чуб*., IV, 163).

29) *Дывенъ*—въ полтавской губ. свадебный хлѣбъ при короваѣ, какъ дополненіе къ нему (*Полтавск. Губ. Вѣдом*. 1864, № 51).

30) *Заводыны*—въ Буковинѣ первый день свадьбы, суббота или среда (*Зап*. Ю. З. О. Г. Общ., II, 475).

31) *Закуція*—въ Подоліи угощеніе гостей послѣ свадьбы въ домѣ новобрачнаго (*Чуб*. IV, 630).

32) *Залёты*—въ сѣдлецкой губ. первое формальное знакомство жениха съ невѣстой за недѣлю до свадьбы (*Янчукъ*, II).

33) *Заповѣдіе*—въ сѣдлецкой губ. оглашеніе въ церкви три раза по воскреснымъ днямъ (*Янчукъ*, II).

34) *Запой*—въ В. и М. Россіи и въ Славоніи сватовство (*Этногр. Сборн*., I, 47; *Ilič*, Nar. Slav. ob., 43).

35) *Запорозци*—на Волыни называютъ такъ постороннихъ лицъ, присутствующихъ на свадьбѣ безъ приглашенія (*Чуб*., IV, 383).

36) *Заручины*—у в., м. и бѣлоруссовъ, также у поляковъ обрученіе за нѣсколько дней до свадьбы (*Труды* этн. отд. общ. любит. естеств., V, I, 75; *Народы Россіи*, I, 71; *Шейнъ*, Бѣлор. п. 306 и др.).

37) *Застава*—у лаборскихъ русскихъ (въ Галиціи) свадебное знамя (*Гол*., IV, 422); у чеховъ заставникомъ называется дружко, несущій знамя (Časop. čes. Musea, I, 92).

38) *Зводины*—обрядовое подниманіе молодыхъ послѣ первой брачной ночи (*Чуб*., IV, 60; *Янч*., 48); сходныя слова: у великоруссовъ харьк. губ. *своды*—сговоръ за нѣсколько дней до свадьбы (*Этн. Сборн*., III, 9); курской губ.—благословеніе молодыхъ хлѣбомъ и иконой передъ вѣнчаніемъ (ib., V, 33); у поляковъ *звяды*—сватовство (*Нар. Рос*., I, 71).

39) *Згода*—у малоруссовъ сѣдлецкой губ. сговоръ (*Янч*., II).

40) *Змовины*—у малоруссовъ и поляковъ сговоръ (*Kolb*., Lud. III, 250).

41) *Знаки*—въ полтавской губ. свадебныя полотенца (*Вѣстн*. Геогр. Общ. 1855, I, 144).

42) *Казане*—рѣчь молодаго или свата, произносимая на печкѣ, какъ съ каѳедры, дидактическаго характера (*Янч*., 42).

43) *Казаница*—въ сѣдлецкой губ. печка, сидя или стоя на которой сватъ говоритъ рѣчь, при чемъ голосомъ и жестами подражаетъ церковному проповѣднику (*Янч*., 42).

44) *Калачи* — въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи свадебные хлѣбы (*Kolb.*, Pokucie, I, 227).

45) *Княгиня, князь*—названія молодыхъ въ В. и М. Россіи; въ Грузіи ихъ называютъ царь и царица. Различныя объясненія этихъ названій см. въ моемъ сочин. „О свад. обр.“ 205 и въ рецензіи Кирпичникова, 184.

46) *Кодашъ*—въ Буковинѣ возница молодыхъ въ свадебномъ поѣздѣ (*Зап.* Ю. З. О. Геогр. Общ., II, 486).

47) *Коровай—1*) свадебный хлѣбъ и 2) по немъ такъ называется цѣлый актъ свадебнаго ритуала или особый день свадьбы; подробности въ моемъ сочиненіи „Хлѣбъ въ обр. и пѣсняхъ“, дополненія у Янч. 12. Свадебный хлѣбъ называется короваемъ также у румелійскихъ болгаръ (*Чолак.*, Бълг. н. сб. 17).

48) *Курaговъ*—въ Угорской Руси свадебное знамя (*Голов.*, IV, 402).

49) *Ладкане*—свадьба, свадебныя пѣсни (*Гол.*, *Kolb.*, Pokucie, I, 228).

50) *Лежень, лежни* — свадебные хлѣбы; пекутъ ихъ наканунѣ свадьбы вмѣстѣ съ короваемъ (*Чуб.*, IV, 236; *Этн. Сборн.*, I, 352); ѣдятъ въ понедѣльникъ (когда молодые полежали; *Кіевск. Стар.* 1883, т. I, 396).

51) *Маршалокъ*—дружко или сватъ (*Терещ.* Бытъ рус. нар., II, 516; *Вѣст.* Г. Общ., 1853, VIII, 73).

52) *Молодая* — названіе замужней женщины въ Малороссіи до рожденія ребенка (особенно дѣвочки); у сербовъ въ теченіи года (*Rajacsich*, Das Leben der Südslav., 185).

53) *Музыка*—названіе музыкантовъ; въ минской губерніи почетнаго гостя (*Минск. Губ. Вѣд.*, 1865, № 24).

54) *Обзорыны*—въ Галиціи осмотръ родителями жениха дома невѣсты и знакомство съ ея родителями (*Kolb.*, I, 286).

55) *Обминяты хлибъ*—сговоръ (*Этн. Сб.*, I, 352).

56) *Оброкъ*—овесъ и вода, чѣмъ мать невѣсты потчиваетъ молодаго.

57) *Одклуйнщины*—собраніе гостей у жениха и невѣсты наканунѣ дня свадьбы (*Чуб.*, IV, 580).

53) *Очепины*—покрываніе головы молодой очипкомъ; у поляковъ „оканины“ (*Kolb.* Lud., III, 259).

59) *Перезва*—послѣдній свадебный пиръ у матери невѣсты, присутствуютъ только замужнія женщины; поютъ скабрезныя пѣсни (*Чуб.*, IV, 465; *Кистяковск.*, въ Записк. Г. Общ.).

60) *Перейма*- на другой день свадьбы парубки ставятъ на дорогѣ въ честь молодыхъ, возвращающихся домой отъ священника или изъ дома отца молодой, столъ; на него кладутъ хлѣбъ, водку, пшеницу, овесъ, и получаютъ отъ молодыхъ угощеніе (*Чуб.*, IV, 463).

61) *Перепой*—въ сѣдлецкой губ. угощеніе гостей въ понедѣльникъ послѣ свадьбы въ домѣ молодаго (*Янч.*, 30).

62) *Печеглядины*—осмотръ дома жениха или невѣсты, то же у донскихъ козаковъ -„смотрѣть печи“ (*Терещ.*, II, 610); то же у чеховъ—„ohnisco obzerat“ (*Časop.*, 1859, I, 91).

63) *Пиддружій*—помощникъ дружка (*Кіев. Ст.* 1883, т. I, 380; *Чуб.*, IV, 600).

64) *Пидпалокъ*—у лаборскихъ русскихъ въ Галиціи плоскій хлѣбъ (*Науков. Сборн.* 1865, 158).

65) *Пирныкъ*—платокъ, который даритъ женихъ невѣстѣ и въ которомъ она стоитъ подъ вѣнцомъ (*Чуб.*, IV, 214).

66) *Платъ*—кусокъ хорошаго полотна, которымъ перевязываютъ невѣсту (*Чуб.*, IV, 676).

67) *Покликъ*—поклонъ, или дареніе священнику передъ оглашеніемъ хлѣба и куръ (*Kolb.*, Pokucie, I, 286).

68) *Покраса*—въ воронежской губ. снопъ жита подъ образами въ день свадьбы (*Ворон. Бесѣда*, 1861, 170), въ юго-западномъ краѣ рубаха молодой послѣ первой брачной ночи (*Чуб.*, IV, 453).

69) *Покрейта*—связка бѣлыхъ перьевъ, полагаемая въ Галиціи на столѣ (*Науков. Сб.* 1865, 141).

70) *Посагъ*—почетное мѣсто молодыхъ на покути или молодой на дѣжѣ (*Чуб.*, IV, 143; *Янч.*, 21); иногда—приданое (*Янч.*, 11).

71) *Посадъ*—почетное мѣсто для невѣсты (подробн. у *Сумц.* 156; *Nowos.*, Lud ukr., I, 203).

72) *Посыранки*—потчиваніе дружекъ сыромъ, когда невѣста находится на посадѣ (*Чуб.*, IV, 163).

73) *Приданки*—у малоруссовъ женщины, которыя отвозятъ приданое невѣсты въ домъ жениха; у кашубовъ „przedanki"—двѣ почетныя замужнія женщины, съ бѣлыми платками на головѣ (*Этн. Сб.*, V, 59).

74) *Присваха*—въ сѣдлецкой губ. ходитъ съ невѣстой по домамъ созывать гостей на свадьбу (*Чуб.*, IV, 64).

75) *Пропій*—въ Буковинѣ третій день свадьбы и пиръ въ домѣ молодаго (*Зап.* ю. з. о. Геогр. Общ., II, 475); въ многихъ мѣстахъ Великороссіи сговоръ (*Этн. Сб.*, V, 25 и др.); въ Славоніи „popit"=пропой (*Ilič*, 41).

76) *Просатори*—у галицкихъ лемковъ сваты (*Голов.*, III, 367); у мазуровъ сватъ, созывающій гостей, называется „proszek" (*Toeppen*, Abergl. aus Masuren, 84).

77) *Проща*—въ Буковинѣ длинная свадебная рѣчь религіознаго характера (*Зап.* ю. з. о. Геогр. Общ., II, 482).

78) *Розвидки*—то же, что и „допыты", см. это слово выше (*Чуб.*, IV, 56).

79) *Розглядины*—осмотръ дома жениха родителями невѣсты (*Чуб.* IV, 95; *Кіевская Старина*, 368).

80) *Руковины*, *Рукодаины*—заручины, сговоръ (*Чуб.*, 65), въ Славоніи то же—„rukovna" (*Ilič*., 49).

81) *Рушники брать*—сватовство, сговоръ (*Ворон. Бес.* 1861, 161); у чеховъ „rusznica"—женщина, которая отвозитъ приданое въ домъ жениха (*Časop.*, 1859, I, 93).

82) *Свадьба*—у поляковъ начала XVII в. *svadva*, у кашубовъ нынѣ *suadzba*—рядъ брачныхъ увеселеній и обрядовъ (*Терещ.*, II, 32; *Этн. Сб.*, V, 110; *Nowos.*, I, 175).

83) *Сватання*—посылка сватовъ, начало свадьбы (*Кіевск. Старина* 1883, т. I, 368).

84) *Сватъ*—такъ называется лицо, дѣлающее предложеніе отцу дѣвушки отъ имени жениха (*Янч.*, 16) и еще чаще отцы молодыхъ относительно другъ друга. Въ Великороссіи бываетъ одинъ сватъ; въ Малороссіи почти всегда два свата (или старосты). У древнихъ индусовъ въ домъ отца взрослой дѣвушки шли также два

свата съ цвѣтами и плодами (*Weber*, Ind. Stud., V, 276, 291, 380). Въ Малороссіи они почти всегда несутъ съ собой хлѣбъ. Въ Германіи къ отцу невѣсты приходятъ также два свата (*Mülhause*, Die Urrelig., 194). Въ орловск. губ. бываетъ сватъ со стороны жениха и сватъ со стороны невѣсты (*Терещ.*, II, 194), въ родѣ галицко-русскаго выдавца и чешскаго оддавача.

Сваха—изрѣдка устроительница сватовства, какъ въ Великороссіи повсемѣстно, а большею частью такъ называются матери молодыхъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Свахи въ смыслѣ устроительницъ бракосочетаній были у древнихъ грековъ (промнестріи) и у ацтековъ (*Страшкевичъ*, Кратк. оч. греч. древн., 448; *Klemm*, Allgem. Kulturgesch., V, 33).

86) *Свашкы*—родственницы жениха, большею частью жены его братьевъ (*Кіевская Старина* 1883, т. I, 380).

87) *Свитивка или свитилка*—родная или двоюродная сестра жениха; въ старинное время держала въ рукахъ козацкую саблю, украшенную калиной, съ восковой свѣчой на верху (*Абевега*, 1786 г., 44; *Чуб.*, IV, 588; *Зап.* ю. з. о. Г. Об., II, 474; *Kolberg*, Pokucie, I, 231).

88) *Сговорыны*—уговоръ о днѣ свадьбы и пирушка *Кіевск. Старина*, 369), послѣ сватовства или пропоя (*Этн. Сб.*, V, 32).

89) *Сербина*—въ Буковинѣ свадебный танецъ (*Зап.* ю. з. о. Г. Общ., II, 503).

90) *Слово* — уговоръ родителей молодыхъ о приданомъ предъ свадьбой (ib., 474).

91) *Сміины*—въ Буковинѣ четвертый день свадьбы, съ угощеніемъ гостей (обыкновенно суббота—ib, 475).

92) *Сторосты*—устроители свадьбы, послы отъ жениха къ отцу невѣсты (часто упоминаются въ повѣстяхъ и комедіяхъ Квитки, преимущественно въ „Пидбрехачѣ“ и „Сватаньѣ на Гончаривци“).

93) *Старосциины*—свахи, послы отъ жениха (*Чуб.*, 248).

94) *Стульни*—свадебные пироги. Въ Малороссіи молодой относилъ стульни къ тестю, обложивъ ихъ калиновыми вѣтвями, въ случаѣ цѣломудрія невѣсты (*Абевега*, 47; *Терещ.*, II, 536).

95) *Торочины*—собраніе дѣвушекъ въ домѣ невѣсты съ цѣлью пришить къ полотенцамъ тороки—волокнистые концы (*Чуб.*, IV, 96).

96) *Торочки*—вишневыя вѣтви, обвитыя тѣстомъ и воткнутыя въ коровай (*Чуб.*, IV, 672).

97) *Турпанъ*—въ Буковинѣ свадебное покрывало невѣсты (*Зап.* ю. з. о. Г. Общ., II, 491).

98) *Умовины*—сговоръ, розглядины (*Чуб.*, 400, 671 и др).

99) *Хорунжій*—парубокъ, который держитъ свадебное знамя, „весильну корогву“ (*Чуб.*, 262; *Основа* 1862, IV, 27).

100) *Хустка*—платокъ, который невѣста даритъ жениху (*Янч.*, 26), то же, что ширинка на княжескихъ и царскихъ свадьбахъ стариннаго времени (*Забѣлинъ*, Дом. бытъ русск. царицъ 637).

101) *Цыганщина*—послѣсвадебное увеселеніе съ переодѣваніями въ цыганъ, жидовъ и пр. (*Чуб.*, IV, 580).

102) *Чильце*—въ галицкомъ Покутьѣ мѣдный полукругъ, надѣваемый на лобъ невѣсты подъ вѣнокъ (*Kolberg*, I, 232).

103) *Шишки*—небольшіе свадебные хлѣбы при короваѣ въ харьк. губ., въ астраханской г. у малоруссовъ (*Волга* 1864, № 51) и въ др. мѣстахъ М. Россіи.

104) *Шуренци*—въ Подоліи такъ называются четыре мальчика не моложе пяти лѣтъ, которые стоятъ возлѣ невѣсты съ палочками, поднятыми вверхъ (*Чуб.*, IV, 625).

Бокрейда (№ 5) и покрейта (№ 69), кажется, тожественны по значенію; оба эти слова происходятъ отъ мадьярскаго „bokreta" (*Miklosich*, Die Fremdwörter, 6). Слово бажантъ (№ 1) польское, значитъ фазанъ, серб. бажанъ; (ib. 5). Слово балецъ (№ 2), вѣроятно, отъ зап.-слав. bala—приданое, нѣм. Ballen, итал. balla—тюкъ (ib., 4).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НОВЫЙ ИСТОЧНИКЪ О КОЗАЦКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1625 Г. И МѢСТО ЗАКЛЮЧЕНІЯ КУРУКОВСКАГО ДОГОВОРА.

Въ числѣ многихъ интересныхъ памятниковъ, напечатанныхъ въ вышедшемъ въ прошломъ году изданіи кіевской археографической коммиссіи «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси», есть дневникъ похода противъ запорожскихъ козаковъ въ 1625 году. Любопытный этотъ «діаріушъ» извлеченъ проф. В. Б. Антоновичемъ изъ одной записной книги (т. н. Silva rerum) XVII или начала XVIII в. въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ. Вотъ что говоритъ ученый издатель о важности дневника.

«Фактъ, разсказанный въ издаваемомъ дневникѣ: возстаніе козацкаго гетмана Жмайла и усмиреніе его польскимъ гетманомъ Конецпольскимъ, оставленъ въ тѣни какъ козацкими лѣтописцами, такъ и польскими историками. Обыкновенно мы встрѣчаемъ только ссылки на Куруковскій договоръ, долго потомъ служившій польскому правительству какъ бы нормою для регулировки козацкихъ отношеній, но возстаніе, подавшее поводъ къ заключенію этого договора, оставалось долго совершенно почти неизвѣстнымъ и даже имя его предводителя не приводилось историками, описывавшими козацкія возстанія. Впрочемъ, издаваемый нынѣ дневникъ послужилъ источникомъ для двухъ историческихъ сочиненій: свѣдѣнія, заимствованныя изъ него, мы встрѣчаемъ въ жизнеописаніи Ѳомы Замойскаго, изданномъ Батовскимъ и составленномъ въ 1643 году Журковскимъ [1]). Затѣмъ, подробности возстанія Жмайла разсказаны въ предисловіи къ «Богдану Хмельницкому» Костомарова въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ этого сочиненія; мы не знаемъ, заимствовалъ ли почтенный историкъ приводимыя имъ свѣдѣнія изъ указаннаго сочиненія Журковскаго, или изъ подлиннаго дневника, встрѣтившагося ему въ рукописи; во всякомъ случаѣ, такъ какъ первоначальный ис-

---

[1]) „Żywot Tomasza Zamojskiego napisał Stanisław Żurkowski, wydał Alexander Batowski z rękopismu w zbiorze Wiktora Baworoskiego. Lwów. 1860“.

точникъ не былъ приложенъ ни въ одномъ изъ двухъ названныхъ сочиненій, то мы полагаемъ, что изданіе его обогатитъ лѣтописный матеріалъ, собранный для южно-русскаго бытописанія XVII столѣтія [1]).

Такъ какъ дневникъ напечатанъ въ «Сборникѣ лѣтописей» въ подлинникѣ, на польскомъ языкѣ, и изданіе, пріютившее его, не можетъ похвалиться распространенностью среди читающей публики, то уже это одно обстоятельство даетъ ему право появиться на страницахъ «Кіевской Старины» въ русскомъ переводѣ, какъ появились тамъ другіе подобные памятники. Мы, впрочемъ, на этотъ разъ воспользуемся дневникомъ и для рѣшенія одного маленькаго вопроса въ нашей исторіи—вопроса о мѣстѣ заключенія извѣстнаго Куруковскаго договора. Въ печати, сколько помнится, къ вопросу этому относится спеціально одна только замѣтка священника Никифорова, помѣщенная въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины» за 1885 годъ. Почтенный авторъ замѣтки, очевидно хорошо знакомый съ мѣстностью, о которой пишетъ, именно нуждался въ точномъ и ясномъ разсказѣ о событіяхъ, вызвавшихъ Куруковскій договоръ. Мѣсто для него онъ указываетъ въ посадѣ Крюковѣ, что на правомъ берегу Днѣпра, противъ Кременчука. Это, какъ увидимъ, весьма вѣроятно, но по содержанію замѣтки мало доказательно. О. Никифоровъ взялъ разсказъ о возстаніи Жмайла у Костомарова, а покойный историкъ, не имѣя въ виду спеціальнаго описанія именно этого возстанія, коснулся даннаго вопроса только вскользь.

Предлагая ниже цѣликомъ «Дневникъ» въ русскомъ переводѣ, мы позволимъ себѣ для нашей цѣли только подчеркнуть въ немъ тѣ мѣста, которыя касаются топографіи, начиная съ Крылова, который можно взять за послѣдній точно опредѣленный пунктъ на пути, законченномъ искомымъ Куруковскимъ урочищемъ. Для большей ясности прилагаемъ и карту мѣстности отъ Крылова до Крюкова, снимокъ съ трехверстной карты Россіи.

„Дневникъ коммиссіи или экспедиціи противъ войска Запорожскаго. 1625“.

(Diarjusz kommissji albo expedicji przeciwko wojsku Zaporoskiemu. 1625).

«Сталъ его милость п. гетманъ съ войскомъ его королевскаго величества кварцянымъ 5 іюля нынѣшняго 1625 года за Мурахвой,

[1]) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изд. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. К., 1888 г. Предислов. стр. XXIX—XXX.

надъ рѣчкой, между шляхами Чернымъ и Кучманскимъ, чтобы дать отпоръ набѣгамъ поганыхъ и непріятельскимъ замысламъ; здѣсь войско стояло обозомъ во всей воинской дисциплинѣ до 15 сентября; двинувшись отсюда по полкамъ, перешли въ разныхъ мѣстахъ р. Бугъ. Отсюда къ 25 числу того же мѣсяца стали—по крайней мѣрѣ самъ е. м. п. гетманъ съ полкомъ своимъ, отправивъ въ Барѣ пословъ отъ Мехметъ-Ддакъ баши, отъ Шагинъ Гирея, отъ господаря волошскаго и посланца семиградскаго,—въ милѣ предъ Паволочью, гдѣ на его милость напалъ первый пароксизмъ квартанны [1]), которая его жестоко мучитъ и по сей день.

26. Утромъ послы кіевскіе привѣтствовали его милость и получили отвѣтъ на принесенныя письма. Его милость съ полкомъ шелъ черезъ Паволочь, навѣстилъ ея милость панію (каштеляншу) виленскую, а потомъ сталъ обозомъ въ доброй милѣ за городомъ.

27. Обозъ остановился въ полумилѣ за мѣстечкомъ Таборовкой, гдѣ его милость привѣтствовали п. Рогошъ, подстароста бѣлоцерковскій, съ мѣщанами.

28. Тамъ же стояли цѣлый день, ожидая другихъ полковъ и ихъ милостей пп. коммиссаровъ.

29. Обозъ подвинулся на милю и сталъ надъ рѣкой Раставицей, въ тотъ же день къ обозу подошли полки е. м. п. Потоцкаго, подкоморія каменецкаго.

30. Тамъ же присоединился полкъ пана старосты винницкаго и пана Тржцинскаго.

Октября 1. Стоятъ (гетманъ) на томъ же становищѣ.

2. Тамъ же, пришелъ полкъ пана (каштеляна) галицкаго.

3. Тамъ же въ обозъ пріѣхалъ е. м. п. воевода русскій, коммиссаръ его королевскаго величества.

4. Утромъ обозъ тронулся изъ подъ Раставицы и, переправившись черезъ рѣку Каменицу, шелъ мимо Бѣлой-Церкви и остановился въ четверти мили за городомъ.

5. Тамъ же (стояли), ожидая пп. коммиссаровъ.

6. Обозъ двинулся и сталъ въ двухъ миляхъ надъ рѣкою Узенемъ.

7. Въ этотъ день обозъ сдѣлалъ около мили и стоялъ за мѣстечкомъ Рокитной.

8. Тамъ же, въ ожиданіи пп. коммиссаровъ.

9. Утромъ обозъ двинулся и сталъ надъ Кагарлыкомъ, въ трехъ съ половиной миляхъ.

[1]) Перемежающаяся лихорадка.

10. Обозъ шелъ 3 мили и стоялъ надъ урочищемъ Піевомъ. Подстароста каневскій и мѣщане встрѣтили его милость.

11. Двинулся обозъ и остановился въ милѣ отъ Канева. Пріѣхали къ е. м. п. гетману три посла отъ каневскихъ козаковъ съ оповѣщеніемъ, что гетманъ ихъ Жмайло еще на Запорожьѣ, и просили при этомъ, чтобы въ городѣ не дѣлали на нихъ нападенія, дабы имъ можно было безопасно имѣть въ немъ раду между собою.

12. Тамъ же. 3000 козаковъ, не согласившись на радѣ (поддаваться ли п. гетману или нѣтъ?), ушли изъ города; въ погоню за ними п. гетманъ послалъ п. Одрживольскаго съ 10 хоругвями.

13. П. Одрживольскій, догнавъ козаковъ надъ рѣкою Мошною, громилъ ихъ. Тамъ же, твердоуздый конь унесъ къ козацкому табору сына князя Четвертинскаго, котораго козаки и держали въ плѣну впродолженіе всей экспедиціи. Обозъ шелъ 3 мили; переправившись черезъ рѣку Рось подъ Рожнинцами [1]), стоялъ на той сторонѣ. Е. м. п. гетманъ послалъ на помощь п. Одрживольскому кавалера Юдыцкаго съ нѣмецкой пѣхотой и хоругвью п. Коссаковскаго и п. Бѣлецкаго; догнали его только ночью, у рѣки Мошны. А козаки, получивъ подкрѣпленіе, съ таборомъ своимъ направились къ Черкасамъ.

14. Шелъ неутомимо п. Одрживольскій съ подкрѣпленіемъ и съ полкомъ своимъ до Черкасъ, оттуда за часъ до разсвѣта вышло таборомъ 20,000 козаковъ къ войску козацкому, которое изъ Масловаго Ставу дошло уже до Цаловъ (które się już do Całów (sic) z Masłowego Stawu sciągnęli). Давъ знать объ этомъ его милости п. гетману, самъ (Одрживольскій) остался въ городѣ. Обозъ въ этотъ день сдѣлалъ мили три и дошелъ до самой рѣки Мошны, переправившись черезъ которую, остановился. Прибыли въ обозъ: его милость п. воевода кіевскій, князь Панницкій, князь Вишневецкій и ихъ милости пп. коммиссары.

15. Е. м. п. гетманъ съ войскомъ и ихъ мм. пп. коммиссарами прибылъ къ Черкасамъ и сталъ обозомъ подъ городомъ.

16. Тамъ же, впродолженіе цѣлаго дня, вслѣдствіе рады, которую имѣли ихъ мм. пп. коммиссары, собравшись въ полномъ составѣ.

17. Утромъ обозъ двинулся изъ Черкасъ и, прошедши мили 2, сталъ надъ Днѣпромъ. Тамъ же посолъ козацкій выѣхалъ на встрѣчу его милости п. гетмана, съ увѣдомленіемъ, что получили вѣсть о своемъ гетманѣ, который уже двинулся изъ Запорожья съ артиллеріей.

[1]) Вѣроятно с. Рожовка черкасскаго уѣзда (Прим. издат. дневника).

18. Обозъ двинулся и въ двухъ миляхъ прошелъ мѣстечко Боровицу; въ милѣ за нимъ остановился.

19. Утромъ пришли къ е. м. п. гетману послы отъ козаковъ съ просьбою, чтобы онъ не наступалъ на нихъ, а подождалъ бы прибытія изъ Запорожья гетмана ихъ пана Жмайла. Его милость однако обозъ двинулъ и, прошедши около 3 миль, сталъ надъ рукавомъ Днѣпра.

20. Тамъ же. Цѣлый день была рада ихъ милостей пп. коммиссаровъ. Пріѣхалъ посолъ отъ пословъ христіанскихъ, находящихся въ Цареградѣ; пріѣхалъ онъ въ обозъ черезъ государство волошское и имѣлъ аудіенцію у е. м. п. гетмана.

21. Двинулся обозъ и, сдѣлавъ двѣ мили, остановился за милю предъ Крыловымъ.

22. Тамъ же, цѣлый день,—вслѣдствіе рады, происходившей у ихъ м.м. п.п. коммиссаровъ. Посла чужеземнаго е. м. п. гетманъ отправилъ.

23. Тамъ же, впродолженіе дня. Были послы отъ козаковъ, твердя одно и то же, что гетманъ ихъ изъ Запорожья еще не прибылъ.

24. Обозъ двинулся и шелъ до Крылова; вышедши оттуда, *сталъ въ милѣ за городомъ надъ рѣчкою Цыбульникомъ, въ разстояніи одной мили отъ козацкаго табора*; съ этого становища хорошо было видѣть обозъ козацкій и стражу ихъ.

25. Къ е. м. п. гетману прислали (козаки) пословъ, давая знать, что гетманъ запорожскій съ артиллеріей прибылъ въ таборъ своего войска и увѣдомилъ черезъ посла о своемъ прибытіи е. м. п. гетмана.

26. Тамъ же, е. м. п. гетманъ посылалъ къ козакамъ нѣкоторыхъ п.п. коммиссаровъ съ условіями, которыя они должны выполнять, если хотятъ быть вѣрными подданными е. к. в.; козаки взяли условія на раду.

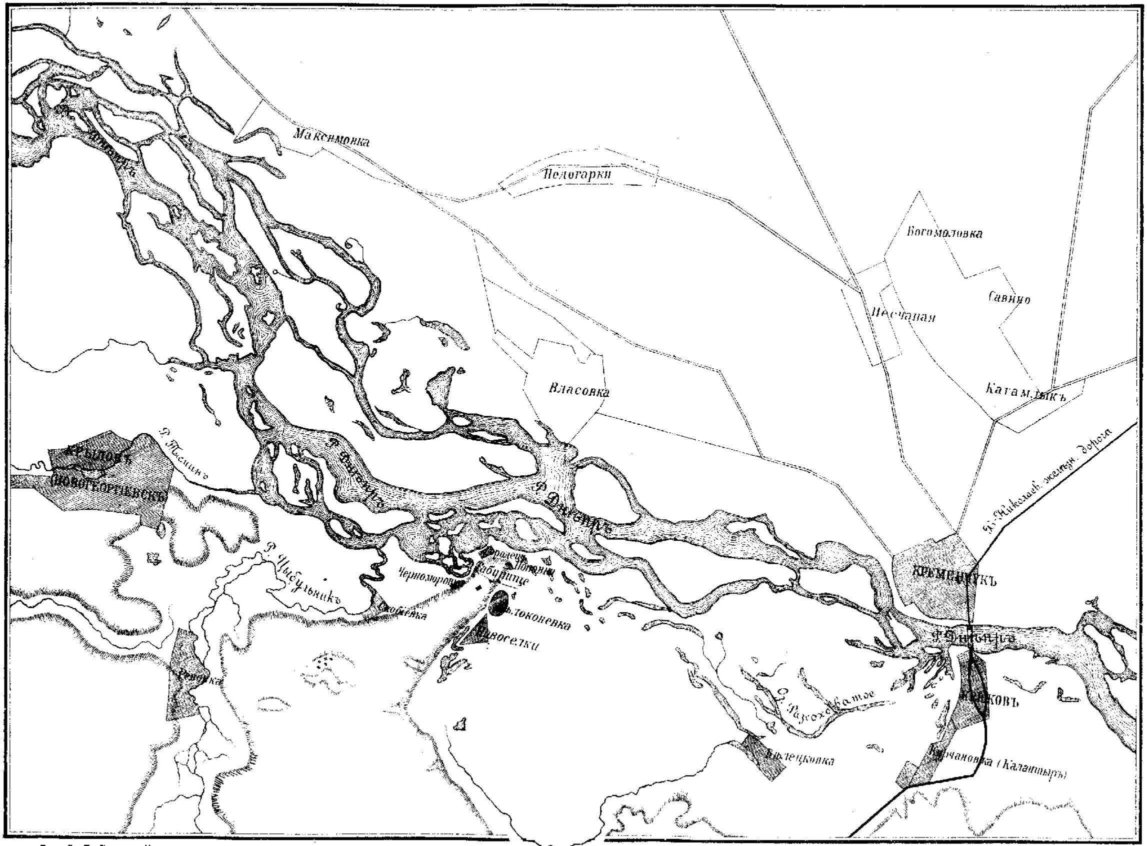
27. Тамъ же. Козаки объявили условія тяжелыми; начали раду между собою.

28. Тамъ же. Рада у козаковъ продолжалась до полудня; вечеромъ 13 старшихъ козаковъ пріѣхали къ е. м. п. гетману съ увѣдомленіемъ, что молодцы рѣшительно не обѣщаютъ исполнять ни одного пункта изъ предложенныхъ условій. Пословъ задержали впродолженіе ночи, а всему войску отданъ приказъ быть къ утру наготовѣ.

29. Утромъ е. м. п. гетманъ отправилъ тѣхъ 13 пословъ, растрогавъ ихъ до слезъ нѣсколькими парами словъ: «такъ какъ вы покорностью, какъ вѣрные подданные, не хотите заслужить милосер-

Карта мѣстности на прав. берегу Днѣпра

между Крыловомъ и Крюковомъ.



Лит. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Масштабъ: въ 1 дюймѣ 3 версты.

дія и благосклонности е. к. в., то мы надѣемся на Бога, что за непослушаніе и своеволіе вы скоро испробуете нашихъ сабель на своихъ шеяхъ; и кровопролитіе, которое произойдетъ, падетъ на души ваши». Вслѣдъ за этимъ гетманъ отдалъ приказъ и всему войску двигаться изъ обоза на козаковъ; строй былъ такой: впереди шли 3 полка—воевода кіевскій съ полкомъ держалъ правое крыло, панъ (каштелянъ) галицкій со своимъ полкомъ лѣвое и полкъ князей Збаражскихъ занималъ середину. За этими тремя полками слѣдовало 800 душъ иностранной пѣхоты п. капитана Бутлера и Винкрота; далѣе шла артиллерія войсковая, и вслѣдъ за нею—пана воеводы кіевскаго (при его же нѣмецкой пѣхотѣ, предводимой п. Фитингсомъ). За ними п. капитанъ Надольскій велъ всѣ хоругви пѣхоты венгерской и отборныхъ (wybrańców), за которыми шелъ п. Потоцкій, воеводичъ брацлавскій, съ полкомъ е. м. п. гетмана; за нимъ п. подкоморій и далѣе п. староста винницкій и п. Шклинскій. День былъ погодный; *широкое поле покрыто было людьми*. Когда построенное такимъ образомъ войско *перешло одну болотную переправу*, е. м. п. гетманъ тоже надѣлъ на себя оружіе и *съ высокихъ могилъ* внимательно осматривалъ козацкій таборъ и мѣстоположеніе; затѣмъ приказалъ своему сторожевому отряду согнать съ мѣста козацкую стражу, а пану Галицкому съ ротой Бутлера и 5 хоругвями гайдуковъ—*обойти низомъ* и занять позицію подъ лѣвымъ рогомъ козацкаго табора, *у лѣса и озера*; то же самое сдѣлать *внизу подъ правымъ рогомъ* поручено было кавалеру Юдыцкому съ ротой п. Винкрота и 5 хоругвями гайдуковъ. Во время этого движенія произошла стычка съ долгой и довольно упорной перестрѣлкой. Но когда наши съ большей рѣшимостью бросились на нихъ съ обѣихъ низинъ и конница наша вогнала козацкую конницу обратно въ таборъ, то и пѣшіе молодцы отступили къ самому окопу. Кавалеръ (Юдыцкій) съ пп. Винкротомъ и Фитингсомъ, разгорячившись, бросились было за козаками прямо къ табору, такъ что ужъ самъ е. м. п. гетманъ, видя близкую для нихъ опасность—быть окруженными козаками—удержалъ ихъ, а е. м. п. воевода кіевскій подкрѣпилъ ихъ собственной хоругвью и пушками, которыя не только вредили табору, но и отражали конныя козацкія вылазки *отъ правой низины*. Е. м. п. гетманъ *загородилъ фронтъ или середину поля, отъ одной до другой низины*, своимъ полкомъ и артиллеріей, которая довольно успѣшно вредила непріятелю и производила у него замѣшательство.

Тѣмъ временемъ панъ Галицкій, замѣтивъ со своей низины, что въ обращенномъ къ ней рогѣ козацкаго табора фортификація слабѣе, хотѣлъ съ п. капитаномъ Бутлеромъ обойти съ этой стороны непріятеля; козаки, замѣтивъ это, направили большую часть своихъ силъ для обороны этой стороны и все время отбивались частой стрѣльбой. Наступилъ за тѣмъ вечеръ; пѣхота, частью измученная, частью перераненная, нуждалась въ отдыхѣ; вслѣдствіе этого е. м. п. гетманъ, хорошо присмотрѣвшись къ табору, приказалъ свести съ позиціи находившуюся передъ таборомъ пѣхоту и артиллерію какъ свою, такъ и е. м. п. воеводы кіевскаго; вслѣдъ затѣмъ онъ отвелъ и все войско къ обозу, расположенному тамъ, гдѣ прежде стояли козацкіе пикеты.

30. Тамъ же, впродолженіе дня, дѣлали коши (туры) для штурма, а каждый въ отдѣльности запасался пулями и проч. Гайдукъ е. м. п. гетмана передался козакамъ и увѣдомилъ ихъ о кошахъ и о готовящемся штурмѣ; козаки, желая уйти изъ табора, пустились было на нѣсколькихъ челнахъ за Днѣпръ; но такъ какъ всѣ они отъ ужасной волны и бури, бывшей въ этотъ день, потонули, то остальные, подъ предводительствомъ гетмана ихъ Жмайла, рѣшили лучше уходить таборомъ *внизъ Днѣпра, къ старому городищу надъ Куруковымъ озеромъ*; тотчасъ отъ нихъ отдѣлилось нѣсколько хоругвей конницы и разсыпалось въ разныя стороны Когда наступила темная ночь, е. м. п. гетманъ выслалъ 40 нѣмцевъ лѣсомъ подъ таборъ, чтобы добыть языка; они, подошедши подъ самый окопъ и не находя тамъ огней и стражи, рѣшили, что козаки ушли изъ лагеря, и тотчасъ дали знать объ этомъ е. м. п. гетману.

31. Въ пятницу наканунѣ Всѣхъ-Святыхъ, е. м. п. гетманъ задолго до разсвѣта выслалъ п. подкоморія съ его полкомъ въ догонку за козаками, которыхъ тотъ и догналъ, спустя часъ послѣ разсвѣта, *въ милѣ разстоянія, уже переправившихся черезъ болото или озеро.* Козаки, оставивъ въ чащѣ лѣса 1500 душъ для обороны переправы, сами *шли таборомъ полмили до другой воды*, перешедъ черезъ которую и оставивъ здѣсь 2000 всадниковъ, *шли таборомъ вторыя полмили, до самаго озера, называемаго Куруково;* выстроивъ для обороны по сю сторону озера 2000 душъ при возахъ полумѣсяцемъ, они переправили затѣмъ войско и *въ полчетверти мили отъ озера, около стараго шанца или городища* заложили таборъ, поставивъ возы въ нѣсколько рядовъ, и укрѣпили его. Какъ только разсвѣло, е. м. п. гетманъ отдалъ приказъ полкамъ въ обычномъ порядкѣ выходить изъ

лагеря, а кавалеру и п.п. капитанамъ приказалъ, чтобы они съ иноземной ихъ пѣхотой, какъ можно скорѣе, бѣжали козацкимъ шляхомъ, что они и исполнили съ большимъ усердіемъ. Когда они раньше конницы достигли *первой переправы* и нашли тамъ п. подкоморія и п. Тышкевича, укрѣпившихся нѣсколько козацкимъ способомъ, то, передавъ имъ приказъ гетмана, начали быстро и охотно обстрѣливать и поражать козацкую засаду, помѣщавшуюся въ гущинѣ. Сами начальники, сошедши съ коней для приданія большей охоты солдатамъ, быстро вскочили въ воду съ мушкетами и оттѣснили козаковъ отъ берега. Тогда легкая кавалерія упомянутыхъ выше полковниковъ, перешедши переправу по ихъ слѣдамъ, смѣло ударила на козаковъ, принудила ихъ обратить тылъ и погнала. Часть козаковъ разсыпалась по травамъ и болотамъ, часть же прямо побѣжала *ко второй переправѣ*: всѣ они были перебиты преслѣдующими. Иноземная пѣхота, прибывъ ко второй переправѣ, сначала частымъ и мѣткимъ огнемъ вытѣснила оставленныхъ здѣсь козаковъ изъ ихъ засады, а потомъ, вскочивъ въ воду, обратила молодцовъ въ бѣгство. Тутъ остервенѣлая конница, не давая отдыха лошадямъ и храбрымъ своимъ рукамъ, поразила всѣхъ на голову, такъ что ни одинъ козакъ не ушелъ къ Куруковской переправѣ для поданія своимъ вѣстей. Предъ этой послѣдней переправой наша конница должна была остановиться и ждать подкрѣпленія отъ иноземной пѣхоты, такъ какъ переправа обстрѣливалась частымъ двойнымъ огнемъ съ того и другаго берега. Подошедшая пѣхота сначала штурмомъ взяла у козаковъ таборчикъ, лежавшій по сю сторону воды, и прогнала ихъ за воду, отнявъ хоругви; затѣмъ, по наступленіи ночи, *изъ за чащи* и покинутыхъ козаками возовъ обстрѣливала другой берегъ. Когда же пѣхота и конница разомъ *перешли въ бродъ глубокое озеро* и завязалась продолжительная стычка, молодцы наконецъ безстыдно принялись улепетывать; а наши, наступая, безъ милосердія рубили ихъ, такъ что за нѣкоторыми въѣхали въ самый ихъ таборъ, который не былъ еще укрѣпленъ какъ слѣдуетъ. Къ этому времени прибылъ е. м. вельможный панъ Галицкій и воодушевлялъ истомленную пѣхоту, чтобы она не допускала непріятеля сильнѣе укрѣпиться до прихода войска; кавалеръ Юдыцкій съ поручикомъ п. Винкрота и съ нѣсколькими десятками мушкетеровъ, въ своемъ стремленіи помѣшать козакамъ окончить таборъ, попалъ подъ непріятельскіе выстрѣлы и, раненый въ то мѣсто груди, гдѣ носитъ крестъ, былъ сведенъ съ позиціи вмѣстѣ съ нѣсколькими убитыми товарищами. Между тѣмъ прибылъ со своимъ полкомъ е. м. п.

гетманъ; онъ указалъ пѣхотѣ болѣе удобное мѣсто для нанесенія вреда непріятелю, а конницу, которой непріятель вредилъ частой стрѣльбой, перевелъ въ болѣе защищенное мѣсто; меньшую артиллерію е. м. п. гетманъ расположилъ въ трехъ мѣстахъ и сейчасъ же отдалъ приказъ ей стрѣлять въ таборъ козаковъ, а всей пѣхотѣ— дѣлать приступъ. Когда онъ самъ подъ сильнымъ огнемъ велъ всѣхъ на штурмъ въ такомъ порядкѣ, то неожиданно наткнулся *на ужасную трясину, находившуюся въ густой травѣ подъ самымъ таборомъ*; гетманъ замѣтилъ ее только тогда, когда былъ уже недалеко отъ непріятельскихъ возовъ, и попалъ въ нее самъ, вмѣстѣ съ пѣхотой и конницей; узнанный и указываемый козаками, онъ испыталъ великую опасность отъ пуль и дивное покровительство Провидѣнія. Убитыхъ у насъ въ этомъ штурмѣ изъ разныхъ хоругвей было нѣсколько десятковъ: изъ хоругви е. м. п. гетмана убитъ п. ротмистръ Рогавскій, товарищъ его п. Моцржинскій и п. Уѣйскій; изъ полка е. м. п. подчашаго короннаго п. Молодецкій; подъ е. м. паномъ Галицкимъ и подъ многими другими знатными людьми убиты были лошади, а особъ знатныхъ застрѣлено было только трое. Отъ такой частой стрѣльбы съ нашей стороны и столь смѣлаго наступленія у козаковъ былъ замѣченъ большой уронъ, такъ что они, получивъ должное возмездіе, громко вопили о милосердіи. Когда услышалъ это е. м. п. гетманъ, онъ приказалъ своимъ перестать стрѣлять, пѣхотѣ далъ знакъ отступить, а орудія свезти съ батарей; когда же наступилъ вечеръ, онъ отвелъ съ поля битвы и все войско, оставивъ только необходимую стражу. Усталый, а еще болѣе мучимый своей лихорадкою, онъ удалился въ лагерь, расположенный *подъ Медвѣжьими Лозами или у Курукова озера*, гдѣ было это третье козацкое побоище.

Ноября 1. Въ день Всѣхъ Святыхъ войско отдохнуло, испытывая съ утра жестокій холодъ отъ приморозка и выпавшаго снѣга. Такъ какъ козаки еще вчера, послѣ заданной имъ трепки (po swej chłóscie), просили о милосердіи, пословъ же боялись будто бы присылать къ разгнѣванному гетману, то его милость отдалъ приказъ всей пѣхотѣ серьезно готовить коши для штурма, не желая болѣе потворствовать козакамъ и собираясь поступить съ ними, какъ съ упорными бунтовщиками. Е. м. п. гетманъ былъ однако уговоренъ пп. коммиссарами и послалъ къ козакамъ п. старосту Бѣлецкаго, ротмистра и п. Хмѣлецкаго. Козаки приняли ихъ радушно, умоляли о милосердіи и обѣщали послать на другой день пословъ къ е. м. п. гетману.

2. Утромъ козаки прислали трехъ пословъ къ его милости съ письмомъ, прося о милосердіи и начатіи переговоровъ; по сему случаю было совѣщаніе пп. коммиссаровъ; е. м. п. гетманъ объявилъ посламъ такую резолюцію этого совѣщанія, что козаки должны завтра прислать нѣсколько уполномоченныхъ для принятія условій.

3. Пріѣхали полномочные послы заключать трактаты и, находясь при радѣ пп. коммиссаровъ для списанія условій, цѣлый день провели въ обозѣ, а вечеромъ уѣхали въ свой таборъ.

4. Послы отъ козаковъ напрасно пріѣзжали; они оспаривали слѣдующіе два пункта условій: выдавать преступниковъ и имѣть столь малое число своихъ, 6,000 только.

5. Quod felix, faustum fortunatumque sit. Козаки принуждены были согласиться на всѣ условія, кромѣ одного: не выдавать прежнихъ преступниковъ, а карать ихъ чрезъ своихъ старшихъ, по правамъ и обычаямъ ихъ войска; на это ихъ милости согласились.

6. Посланъ былъ пп. коммиссарами коллега ихъ е. м. п. староста красноставскій со многими знатными людьми для выслушанія присяги войска козацкаго, которое съ плачемъ и великимъ сокрушеніемъ присягнуло выполнять данныя ему условія. Потомъ въ обозъ нашъ пріѣхалъ п. Михаилъ Дорошенко, выбранный вчера гетманомъ для войска запорожскаго, со своею старшиною; онъ привѣтствовалъ всѣхъ ихъ милостей. Послѣ такого заключенія дѣла е. м. п. гетманъ угощалъ пріѣхавшихъ и, при возвращеніи ихъ въ таборъ, простился съ ними. Они опредѣлили число козаковъ, убитыхъ нашими наканунѣ дня Всѣхъ Святыхъ, въ 8,000 душъ; но когда вернулись домой въ это время, то замѣтили, что число погибшихъ (съ тѣми, которые гибли въ разныхъ мѣстахъ и утонули въ Днѣпрѣ подъ Цыбульникомъ) гораздо выше. Они нарекали на свою глупость и упорство, которыя привели ихъ къ такому кровопролитію, и согласились съ тѣмъ, что долго до этого времени оспаривали, именно, что нѣтъ войска лучше лядскаго.

7. Утромъ рано данъ знакъ для пробужденія и выхода возовъ. Позже другихъ двинулась артиллерія и шла до Крылова; въ милѣ оттуда, надъ Днѣпромъ, остановились. Въ тотъ же день нѣкоторые изъ пп. коммиссаровъ простились и разъѣхались по своимъ дорогамъ.

8. Обозъ двинулся по утру и черезъ милю остановился передъ Боровицей.

9. Прошелъ утромъ обозъ черезъ Боровицу и остановился въ разстояніи двухъ миль, передъ Черкасами.

10. Обозъ переходилъ черезъ Черкасы и сталъ въ двухъ миляхъ за городомъ, подъ Ставками.

11. Обозъ двинулся рано утромъ и, переправившись черезъ рѣку Мошну, сталъ надъ водою.

12. Переправившись черезъ р. Рось, на которой всѣ потерпѣли много повреждений, обозъ остановился надъ Конончой [1]).

13. Тамъ же впродолженіи дня было генеральное «коло», на которомъ разобрано только два преступленія. Е м. п. гетманъ опредѣлилъ, гдѣ какой полкъ будетъ имѣть становище.

14. Е. м. п. гетманъ на ночь уѣхалъ съ полкомъ своимъ подъ Масловъ Ставъ, а другіе полки оставилъ подъ Конончой, приказавъ имъ двинуться оттуда на другой день къ мѣстамъ своего расположенія.

15. Рано утромъ его милость двинулся въ путь съ полкомъ своимъ, и оставивъ его подъ Ольшаницей [2]), уѣхалъ на обѣдъ въ Рокитну къ его милости князю Заславскому.

16. По окончаніи литургіи и послѣ ранняго обѣда е. м. п. гетманъ выѣхалъ изъ Рокитны; на ночь пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь.

17. Выѣхавъ утромъ, е. м. п. гетманъ сталъ на кормежку въ Таборовкѣ; на ночь прибылъ въ Паволочь.

18. Ночевалъ въ Бѣлиловкѣ.

19. На ночь е. м. п. гетманъ пріѣхалъ въ Прилыку.

20. На кормежку въ Вишню, а на ночь въ Баликовцы, имѣніе его милости.

21. Около полудня, больной лихорадкой, прибылъ въ Баръ.

22. Не выходилъ изъ замка.

23. Е. м. п. гетманъ принималъ посла отъ Мехметъ-Джіакъ баши, а утромъ возносилъ благодареніе Господу Богу за счастливый исходъ козацкой экспедиціи».

Для рѣшенія намѣченнаго выше вопроса особенно интересна часть дневника отъ 24 октября по 7 ноября; въ ней и поищемъ необходимыхъ указаній.

24 октября польское войско остановилось *въ милѣ за Крыловымъ, надъ рѣчкою Цыбульникомъ, «въ разстояніи одной мили отъ козацкаго табора»*. Гдѣ же былъ этотъ послѣдній? Достаточно прочесть изъ дневника о 29 октября и взглянуть на карту, чтобы без-

[1]) Село черкасскаго уѣз. Примѣч. издат. дневника. Въ подлин. „nad Konińcą".

[2]) Село на р. Гороховаткѣ, васильковскаго уѣзда. Примѣч. издат. дневника Въ подлинникѣ „pod Hoszanką".

ошибочно помѣстить козаковъ на мѣстѣ нынѣшняго села Табурища, т. е. на оконечности плоскогорія, которое, съуживаясь, подходитъ здѣсь къ Днѣпру. Разстояніе этого мѣста отъ Крылова по дневнику равно двумъ милямъ; карта почти подтверждаетъ это: отъ той части нынѣшняго Новогеоргіевска, которая лежитъ по лѣвую сторону р. Тясмина, до Табурища будетъ верстъ 10 по прямому направленію; если принять въ соображеніе, что на пути протекаетъ рѣчка Цыбульникъ, не вездѣ доступная къ переправѣ, и что разстояніе опредѣлялось авторомъ дневника по глазомѣру, то таборъ козацкій дѣйствительно долженъ былъ находиться въ указанномъ выше пунктѣ. Но положеніе его въ этомъ именно мѣстѣ опредѣляется совершенно ясными и неприложимыми ни къ какому другому мѣсту указаніями дневника. Чтобы приблизиться къ козацкому табору, обозъ польскій долженъ былъ перейти «одну болотную переправу». Гетманъ Конецпольскій приказываетъ каштеляну Галицкому «обойти *низомъ* и занять позицію подъ лѣвымъ рогомъ козацкаго табора, у лѣса и озера», то же самое сдѣлать «*внизу* подъ правымъ рогомъ» онъ поручаетъ кавалеру Юдыцкому; самъ гетманъ затѣмъ «загораживаетъ фронтъ или середину поля, отъ одной до другой низины, своимъ полкомъ и артиллеріей». Козаки отсюда 30 октября пустились бѣжать за Днѣпръ и во множествѣ потонули. Эта переправа упоминается потомъ подъ 6 ноября, какъ переправа «подъ Цыбульникомъ». Судя по картѣ, мѣстность здѣшняя допускаетъ предположеніе, что Цыбульникъ могъ впадать въ Днѣпръ и подъ самымъ плоскогоріемъ. Наконецъ, село Табурище (или правильнѣе Таборище) своимъ названіемъ очевидно обязано бывшему здѣсь козацкому табору.

Вотъ что говоритъ о мѣстности Табурища о. Никифоровъ. «Табурищенское городище находится на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Цыбульника въ Днѣпръ. На этомъ самомъ мѣстѣ Эрихъ Ляссота, плывшій по Днѣпру въ Запорожье въ 1593 г., видѣлъ татарскую мечеть; а если была мечеть, то существовало, конечно, и немалое поселеніе, отдѣльныя же поселенія не обходились въ то время безъ какихъ либо укрѣпленій [1]). И дѣйствительно, тутъ долго суще-

---

[1]) Эрихъ Ляссота дѣйствительно говоритъ въ своемъ дневникѣ: „biss vor ein alte Tatrische Kirch auf einem Hügel zur rechten hand 1/2 Ml...“ (отъ устья Тясмина) Diarium des Erich Lassota von Stebelow. Halle, 1866. Ss. 207—208. Что это за „alte Tattrische Kirch“, не беремся судить. Интересно было бы мнѣніе объ этомъ людей компетентныхъ.

ствовали остатки стараго укрѣпленія. Въ 1860 г., по словамъ прежняго священника с. Табурища (теперь онъ въ Новогеоргіевскѣ, бывшемъ Крыловѣ), жилъ въ этомъ селѣ столѣтній старикъ, который передавалъ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ еще видѣлъ полусгнившіе дубы, окружавшіе частоколомъ городище, и что тогда уже этимъ дубамъ, по ихъ ветхости, давали болѣе ста лѣтъ»[1]). Не беремся судить, отъ какихъ временъ оставались въ Табурищѣ полусгнившіе дубы; но повторяемъ, что названіе села весьма соблазняетъ вывести его происхожденіе изъ событій 1625 года. Интересно, что какъ разъ въ аналогичной мѣстности козаки укрѣплялись таборомъ въ маѣ 1638 года, подъ начальствомъ Остраницы. Таборъ ихъ находился тогда на узкой оконечности плоскогорія, омываемаго съ трехъ сторонъ излучиною р. Псла, гдѣ теперь стоитъ с. Голтва, кобеляцкаго уѣзда, съ четвертой стороны они перегородили плоскогоріе рвомъ и валомъ.

Итакъ, мѣстность нынѣшняго с. Табурища можно, кажется, безошибочно взять за базисъ для дальнѣйшихъ поисковъ Курукова озера и «стараго шанца или городища».

Далѣе уже нѣтъ такихъ неизмѣнныхъ примѣтъ, какъ рельефъ поверхности у с. Табурища. Козаки двинулись къ мѣсту втораго своего табора по узкой мѣстности, изрѣзанной водами и покрытой кое гдѣ болотами. Объ этой мѣстности о. Никифоровъ говоритъ: «Далѣе (за Табурищемъ) горы, идущія вдоль праваго берега Днѣпра, отходятъ отъ него на разстояніе отъ 1 до 7 верстъ. Затѣмъ горы опять понижаются къ Днѣпру и упираются въ него при самомъ селеніи Камяно-потоцкомъ (ниже нынѣшняго Крюкова). Между Табурищемъ и Камяно-потоцкимъ мы видимъ прекраснѣйшую долину, испещренную лѣсками, рощами, наполненную озерами, ручьями, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ «Днѣпровскихъ плавень»[2]). На такой мѣстности, которая заливается ежегодно Днѣпромъ, расположеніе стоячихъ водъ въ разное время года—весьма ненадежный признакъ: одинъ годъ разливъ выше, къ осени воды больше—и ряды лужъ соединяются въ длинныя озера; другой годъ разливъ ниже—и къ осени тѣ же лужи будутъ только болотами. Съ умноженіемъ населенія, плавни обращаются въ сѣнокосы, воды распредѣляются, по возможности, искусственно, локализуются. Растительность—еще менѣе надежный свидѣтель минувшаго

---

[1]) „Кіевская Старина“ за 1885 г., апрѣль, стр. 770—771.

[2]) Ibid. стр. 771.

времени какъ по сравнительной недолговѣчности своей, такъ и по полной зависимости отъ человѣка [1]).

Единственная надежная примѣта въ такой мѣстности—разстояніе искомаго предмета отъ какого нибудь извѣстнаго пункта. Авторъ дневника точно опредѣляетъ разстояніе Курукова озера отъ мѣста первой стычки съ козаками, т. е. отъ нынѣшняго Табурища. 31 октября гетманъ Конецпольскій послалъ въ догонку за козаками, пустившимися внизъ, вдоль Днѣпра, п. подкоморія, который и догналъ ихъ *«въ миль разстоянія, уже переправившихся черезъ болото или озеро»*. Если читатель потрудится взглянуть на прилагаемую карту, онъ тотчасъ замѣтитъ у нынѣшняго села Бѣлецковки группу озеръ, изъ которыхъ одно, очевидно наиболѣе постоянное, называется Разсоховатымъ. Несомнѣнно, что здѣсь гдѣ то и было то «болото или озеро», у котораго козаки были настигнуты подкоморіемъ и для охраненія переправы черезъ него оставили въ чащѣ лѣса 1,500 душъ своихъ.

Далѣе козаки *«шли таборомъ полмили до другой воды»*, гдѣ оставили для той же цѣли 2,000 человѣкъ. Гдѣ искать эту вторую воду? Намъ кажется, что весьма правдоподобно было бы помѣстить первую переправу гдѣ нибудь у западнаго конца указанной выше группы озеръ, а вторую—у восточнаго; тогда разстоянія дневника почти совпадутъ съ разстояніями на картѣ. Отъ второй переправы козаки *«шли таборомъ вторыя полмили до самаго озера, называемаго Куруково»*. Отъ восточной оконечности озера Разсоховатаго до нынѣшняго Крюкова немного менѣе полумили. Не Крюковъ ли нынѣшній на мѣстѣ озера Курукова? Намъ кажется, что *да*. Озеро Куруково въ дальнѣйшемъ разсказѣ дневника называется глубокимъ, хотя и допускаетъ перейти себя въ бродъ.

Судя по картѣ и основываясь на отзывахъ людей, знающихъ близко мѣстность нынѣшняго посада Крюкова, въ настоящее время нѣтъ въ немъ, или около него никакого озера, которое бы было болѣе или менѣе замѣтно и носило бы названіе, близкое къ имени посада. Но еще въ прошломъ вѣкѣ Пишчевичъ, авторъ недавно изданныхъ «Записокъ», переѣзжалъ черезъ рѣчку Крюковъ. Священникъ Никифоровъ въ упомянутой своей замѣткѣ говоритъ: «меня не затрудняетъ то обстоятельство, что Пишчевичъ прилагаетъ названіе «Крюковъ»

[1]) Въ виду этого пусть читатель не обращаетъ особеннаго вниманія и на тѣ „лѣсъ и озеро", которые упоминались, какъ находящіеся внизу лѣваго рога перваго козацкаго табора.

не къ озеру, а къ рѣчкѣ. Кто видѣлъ днѣпровскія плавни въ разное время года, тотъ не могъ не замѣтить, какъ лѣтомъ и осенью, особенно при сушѣ, рукава, заливы и ручьи обращаются въ озера, а при возвышеніи воды изсохшіе ручьи опять наполняются водою. Поэтому не будетъ съ моей стороны ошибки, если я скажу, что «Кураково озеро» у польскихъ писателей и рѣчка «Крюковъ» у Пишчевича, жившаго въ прошломъ столѣтіи, есть одно и то же. Кураковскій договоръ заключенъ въ началѣ ноября, когда убыль воды, особенно въ сухую осень, достигаетъ самаго большаго пониженія и когда, слѣдовательно, многія рѣчки обращаются въ озера, а въ томъ числѣ, конечно, и Крюковъ» [1]). Озеро *Куруково* у Костомарова, откуда взялъ его названіе о. Никифоровъ, неправильно называется *Кураковымъ*. Не говоря уже о нашемъ «Дневникѣ», гдѣ это слово въ такой формѣ не встрѣчается ни разу, подъ самымъ договоромъ Куруковскимъ подписана дата такимъ образомъ: «Działo się na Niedzwiedzich Łozach die 6 miesiąca Listopada roku Pańskiego 1625, u *Kurukowa*» [2]). Потомъ этотъ договоръ воспоминался иногда, какъ «комиссія *Коруковская* или *Куроковская*» [3]). Неустойчивость гласныхъ въ первыхъ двухъ слогахъ этого слова объясняется отсутствіемъ ударенія на нихъ, по польскому произношенію. У русскихъ же поселенцевъ, появившихся потомъ у озера, имя его послужило основаніемъ для послѣдующихъ передѣлокъ не иначе, какъ въ формѣ *Кýруково*, обратившейся потомъ въ *Круковъ* и далѣе, въ устахъ позднѣйшихъ поселенцевъ—великороссовъ,—въ *Крюковъ*.

Нынѣшній посадъ Крюковъ, составляющій заднѣпровскую часть г. Кременчуга, населенъ въ значительной части великороссами, появившимися здѣсь во времена Потемкина. Когда же возникъ самъ Крюковъ и нѣтъ ли данныхъ, указывающихъ прямо на то, что поселеніе возникло у о. Курукова и усвоило его имя? Къ сожалѣнію, мы не можемъ ничего отвѣтить на эти вопросы, хотя и имѣемъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ поселеніи, относящихся къ позднѣйшему времени. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка оно уже называется селомъ Круковымъ и имѣетъ церковь во имя Покрова пресв. Богородицы. Во второй половинѣ прошлаго вѣка Круковъ испытываетъ на себѣ

---

[1]) „Кіевская Старина" 1885 г., апрѣль, стр. 772.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 284—292.

[3]) „Trzymając się Comissiey *Korukowskiey*" (Арх. ю.-з. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 342). Въ извѣстной присягѣ подъ Боровицей козаки говорятъ: „nie pamiętając na *Kurukowską* commissią, krwią naszą pisaną" (Ibid., стр. 397).

всѣ перипетіи административныхъ опытовъ разныхъ новороссійскихъ правителей и послѣ долгихъ бумажныхъ скитаній изъ губерніи въ губернію, присоединяется, наконецъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка къ Кременчугу [1]).

Но возвратимся къ нашему «Дневнику». Козаки, какъ сказано въ немъ, переправивъ войско черезъ Куруково озеро, заложили таборъ *«въ полчетверти мили отъ озера, около стараго шанца или городища»*. Какое это городище и не осталось ли слѣдовъ его до настоящаго времени? Сколько намъ извѣстно, въ настоящее время нѣтъ въ Крюковѣ слѣдовъ какого нибудь древняго землянаго укрѣпленія; мы не знаемъ также и упоминаній о немъ въ прошедшее время. Видѣнное Ляссотою въ 1594 году кременчуцкое городище находилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра, о чемъ прямо и отмѣчено путешественникомъ

---

[1]) Мы были бы очень обязаны кому либо изъ знающихъ людей, кто пополнилъ бы (помѣщеніемъ въ „Кіевской Старинѣ") приводимыя ниже скудныя свѣдѣнія о Крюковѣ.

На разныхъ священныхъ вещахъ крюковской Покровской церкви есть надписи, относящіяся къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка, въ которыхъ Крюковъ называется селомъ (I. На евангеліи: „1743 года мѣсяца августа отмѣнилъ сию книгу Евангелие рабъ божии Мартинъ Курка с женою Мариею до храму Покрова Богоматере в село Круковъ за цену семь рублеи а оправлено за церковніе деньги под сребро". II. На серебряныхъ дискосѣ и звѣздицѣ: „1744 году генваря 30 сей дискус і звѣзду отмѣнили Роман Назаренко з женою Евдокиею за отпущеніе грѣховъ до храму святой Покрови Круковской". III. На подножіи серебрянаго напрестольнаго креста: „Года 1747 маія 9 рабомъ: божимъ Василіемъ: Малькомъ сей: крестъ: отмѣнілъ за отпущеніе грѣховъ своихъ". См. Зап. од. общ. ист. и др. IX, 345—346). Самое построеніе церкви Миллеръ относитъ къ 1740—45 годамъ. По мнѣнію того же Миллера (стр. 76), Крюковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка входилъ въ кременчуцкую сотню миргородскаго полка. Въ 50-хъ годахъ, при образованіи Новой Сербіи, Крюковъ былъ шанцемъ пандурскаго полка (Скальковскій. Хронол. обозр. исторіи Новор. кр., I, 42. Арх. Гавріилъ. Очеркъ пов. о Новорос. краѣ. Тверь, 1857, стр. 11), а когда съ 1764 года образована была новороссійская губернія, онъ вошелъ въ нее, какъ первая рота и штабъ-квартира желтаго гусарскаго полка елизаветинской провинціи (Скальковскій, I, 72, 120—121). При отдѣленіи отъ новороссійской губерніи азовской, обѣ губерніи раздѣлены были на уѣзды, въ числѣ которыхъ былъ и крюковскій, въ новороссійской губерніи (Зуевъ. Путешеств. записки отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 году. Спб. 1787, стр. 222. Въ этой книгѣ сообщается много интересныхъ свѣдѣній о внутренней жизни Крюкова въ концѣ прошлаго вѣка). Когда изъ двухъ губерній въ 1784 году образовано было одно екатеринославское намѣстничество, состоявшее изъ 15 уѣздовъ, въ числѣ ихъ уже нѣтъ крюковскаго; Крюковъ былъ обращенъ въ мѣстечко. Въ 1796 году кн. Платонъ Зубовъ, бывшій екатеринославскимъ, вознесенскимъ и

въ его дневникѣ [1]). Но по смыслу словъ нашего «Дневника» нельзя допустить, чтобы авторомъ имѣлось въ виду городище, лежащее на противоположной сторонѣ Днѣпра, тѣмъ болѣе, что лѣвобережное городище имѣло свое собственное названіе, которое не было бы опущено и авторомъ дневника, если бы онъ имѣлъ его въ виду. Почему же вообще авторъ дневника не опредѣлилъ мѣста заключенія Куруковскаго договора близостью его къ Кременчугу? Потому что до тридцатыхъ годовъ XVII вѣка Кременчугъ былъ извѣстенъ только какъ урочище, хотя и отмѣченное правительствомъ Рѣчи Посполитой. Повелѣніе короля Сигизмунда III, выраженное въ извѣстномъ универсалѣ 1591 года [2]) о построеніи замка въ урочищѣ Кременчугѣ, не было приведено въ исполненіе [3]) и еще по люстраціи 1635 года Кременчугъ лежитъ впустѣ, «какъ и другія прилежащія къ нему урочища» [4]). Слѣдовательно, урочище и городище Кременчуцкое, если и было извѣстно автору дневника, то говорило ему ничуть не болѣе, чѣмъ озеро Куруково, или старый куруковскій шанецъ.

Остается еще одна примѣта искомаго мѣста заключенія Куруковскаго договора,—это Медвѣжьи Лозы. Усталый и больной Конецпольскій, послѣ окончательнаго пораженія козаковъ, «удалился въ лагерь, расположенный *подъ Медвѣжьими Лозами или у Курукова озера*, гдѣ было это третье козацкое побоище». Примѣта эта, къ сожалѣнію, еще болѣе ненадежна, чѣмъ старый шанецъ. Нисколько не обязательно предполагать, кажется, что лозы получили названіе отъ того, что въ нихъ водились медвѣди; медвѣжьими онѣ могли быть названы и по какой нибудь случайной причинѣ. Это случайное названіе могло легко потомъ исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самыхъ лозъ. Въ настоящее время не слышно, чтобы какія нибудь

таврическимъ генералъ-губернаторомъ, предписалъ присоединить Крюковъ къ Кременчугу, но это соединеніе произведено было только по частямъ, съ 1803 по 1817 годъ. Съ этого времени Крюковъ входитъ въ составъ г. Кременчуга, и вмѣстѣ съ нимъ—въ полтавскую губернію.

[1]) .... Biss für Krzemenczek, eine Walstadt eines alten schlosses oder Horodistie zur linken ½ Ml..." (отъ вышеупомянутой „tattriche Kirch"). Въ русскомъ переводѣ дневника Ляссоты, сдѣланномъ проф. Бруномъ, въ этомъ мѣстѣ какъ разъ упущены слова: „zur linken". См. Diarium, loco citato, и „Путевыя записки" Эриха Ляссоты, пер. Бруна, Спб. 1873, стр. 26.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи, ч. III, т. I, стр. 28—31.

[3]) I. Bielski. Dalszy ciąg kron. polskiej, Warszawa 1851, 152. R. Hejdensztejn. Dzieje Polski. Petersburg 1857, II, 300.

[4]) A. Jabłonowski. Lustracye, etc. стр. 226.

крюковскія лозы (которыхъ и до сихъ поръ растетъ много въ этихъ мѣстахъ) назывались Медвѣжьими.

И такъ, ни Куруково озеро, ни Старое городище или шанецъ, ни Медвѣжьи Лозы не помогаютъ намъ въ поискахъ мѣста заключенія Куруковскаго договора; но, не будучи примѣтами долговѣчными, они въ то же время своимъ отсутствіемъ въ намѣченномъ нами пунктѣ нисколько не мѣшаютъ правдоподобію нашего предположенія. Что Куруковскій договоръ 1625 года былъ заключенъ на мѣстѣ нынѣшняго Крюкова, доказывается: 1) соотвѣтствіемъ разстоянія нынѣшняго Крюкова отъ с. Табурища съ данными о разстояніи Курукова озера отъ того же пункта, имѣющимися въ «Дневникѣ», 2) именемъ нынѣшняго поселенія (Крюковъ, правильнѣе Круковъ), которое не могло быть случайно и естественно вытекаетъ изъ слова *Куруково*, 3) отсутствіемъ въ другихъ, ближайшихъ къ Крюкову, мѣстахъ примѣтъ, упоминаемыхъ въ «Дневникѣ», и 4) возможностью и естественностью уничтоженія къ нашему времени въ Крюковѣ перечисленныхъ выше непрочныхъ примѣтъ.

Ѳ. Николайчикъ.

Живая могила.

(Малорусская легенда).

„Любовь сильнѣе смерти и страха смерти“.
Тургеневъ.

Недалеко отъ Днѣстра, близь Лядово, громоздятся отвѣсныя горы; на одной изъ нихъ насыпана „стародавняя“ могила; на могилѣ два куста калины, здѣсь же развалины старинной каплички; а прямо съ могилы—глубочайшій обрывъ; по краямъ его сбѣгаетъ кудрявый лиственный лѣсъ. Сыро и таинственно въ глубокомъ оврагѣ. Серебрянымъ кольцомъ обхватываютъ могилу два ручейка и стремятся съ обрыва бурнымъ потокомъ; но неожиданно, три шага отступя, подымается изъ земли странной формы черная, дикая скала, точно угрюмый козакъ, властно расправившій руки, и противъ воли снова разъединяетъ его на два разныхъ потока, и тихо ропща, спадаютъ розно ручьи на дно глубокаго оврага, а тамъ, точно обрадовавшись избавленію отъ страшнаго тяготѣнія, снова сливаются и весело журча, и крѣпко обнявшись, продолжаютъ дальше свой путь. И тихо... тихо кругомъ. Только и слышно робкое журчаніе, точно два голоса передаютъ другъ другу старыя воспоминанія, да иногда зашумитъ и закиваетъ пестрой головой съ высокой могилы калина. Кажется, сотнею глазъ смотритъ отовсюду сѣдая старина; чуется что то таинственное въ этомъ поэтическомъ покоѣ... И дѣйствительно, у одинокой могилы есть своя легенда.

ГЛАВА I.

Давно это было, еще Брацлавщина пустыней лежала: не было ни селъ веселыхъ, ни шумныхъ городовъ: лѣсъ, да степь, да высокое небо. Охъ, давно это было—еще за Богдана Хмельницкаго, за козацкихъ войнъ. Прiѣхали изъ Украины въ Подолiю два побратыма, а ближе они другъ другу, чѣмъ родные братья. Прiѣхали панъ Жмайло и панъ Громыка „осаду осадить“, „занять займанщыну“. Храбрые были козаки: не побоялись и лихихъ сосѣдей. Осѣли; сталъ подлѣ нихъ понемногу и людъ собираться: при замкѣ вольнѣе и страху меньше. Вотъ и веселый хуторокъ: забѣлѣли хатки, зашумѣли „млыны“, повеселѣла сиротливая степь! Только не весело пану Жмайлу; темныя мысли охватили голову его; очи горятъ недобрымъ огнемъ: у пана Громыки и народу больше, у пана Громыки и „займанщына“ лучше, у пана Громыки и жена краса „порядкуетъ“ въ свѣтлицѣ, и сыночекъ „однолѣтокъ“ протягиваетъ пухлыя рученки... а у него—и въ свѣтлицѣ угрюмо, и народъ не такъ селится, и не такъ его любитъ, и не такъ поважаетъ. И не спится пану Жмайлу, и безконечно длинны ему темныя ночи, а черная зависть ползкомъ пробирается въ сердце и жжетъ пана Жмайла „побратымськый“ крестъ. А панъ Громыка собрался въ походъ—татаръ попугать и проситъ онъ пана Жмайла: „Пане Иване, побратымъ дорогой! на тебя оставляю жену и однолѣтка сына; догляди ихъ въ это смутное время,—батькомъ имъ будь!“ Шевельнулось что то въ сердцѣ пана Жмайла, да сдержалъ онъ себя: „будь спокоенъ, побратымъ мой, другъ мой!“ Попрощались, и поѣхалъ панъ Громыка.

Ой пане Громыко, пане Громыко! Еслибы заглянулъ ты въ сердце побратыма, не бросилъ бы ты на него жены и однолѣтка сына.

Прошелъ мѣсяцъ. Весело возвращается изъ похода панъ Громыка, пѣсни напѣваетъ; вотъ ужъ недалеко и осада его: обрадуется жена, обрадуется сыночекъ, обрадуются и люди его...

Есть же ему чѣмъ всѣхъ и порадовать: вонъ два навьюченныхъ коня—все подарки цѣнные. Уже и домъ близко, только дивно,—что это шуму не слышно никакого? Тишина, точно вымерло все. Пришпорилъ коня панъ Громыка: обгорѣлыя, пустыя хаты, по

улицамъ бродятъ нѣсколько коровъ, да воютъ голодные псы—и ни души! Летитъ Громыка къ дому: на дворѣ валяются всевозможные пожитки; коморы, конюшни пусты; выбиты окна въ будинкѣ, а на порогѣ обезображенный трупъ сына...

Глянулъ Громыка и грохнулся головою объ стѣну. Изъ полуразрушеннаго землянаго погреба показалась сѣдая, трясущаяся голова. „Пане!" Громыка оглянулся на слабый зовъ. Боже! можно ли было такъ наругаться надъ сѣдинами?! Вся спина старика представляла изсѣченный, изорванный кусокъ мяса: несчастный ползъ на четверенькахъ и не могъ разогнуться.— „Диду... що се зъ тобою? Хто се? хто се?" Дѣдъ поднялъ свои тусклые, оловяные глаза—смерть стояла въ нихъ: „Мы боронылысь... Жмайло... и пани завизъ... а мы боронылысь... Жмайло"... старикъ какъ то страшно гикнулъ и ничкомъ припалъ къ землѣ.

Понялъ Громыка, чьихъ рукъ это дѣло, и разгорѣлось въ немъ сердце. Схватилъ онъ „побратымьскый" крестъ, высоко поднялъ къ небу и разломалъ въ куски. „Какъ я ломаю этотъ крестъ „побратымськый", такъ пусть будетъ сломана между нами всякая дружба. Отнынѣ между нами только месть и вражда. Клянусь ни сѣсть, ни съѣсть, ни заснуть, покуда не отомщу тебѣ, злодѣй, кровавой местью! Пусть мои потомки не знаютъ ни минуты счастья и покоя, если забудутъ нашу месть. Будь ты проклятъ, Каинъ, во всемъ твоемъ родѣ и потомствѣ!".

И снова вскочилъ панъ Громыка на коня и съ дружиною своею помчался къ пану Жмайлу.

Не мало ужъ воды съ тѣхъ поръ утекло,—не одна русая головка посѣдѣла, а панъ Громыка и панъ Жмайло только и живутъ, что местью. Пришла пора, и смерть ихъ примирила; но между потомками горитъ та же вражда. Ужъ сколько поколѣній съ тѣхъ поръ прошло,—перемѣнились люди, перемѣнились нравы, да только не измѣнилась месть, и живетъ она себѣ, и охватываетъ ихъ все сильнѣй и сильнѣй.

ГЛАВА II.

Пышный замокъ у пана Данила, потомка древняго Жмайла! Да и не простые мастера его строили, а нѣмецкіе, и выписывалъ онъ ихъ изъ самаго Львова. Крѣпкія, бѣлыя стѣны, высокія башни, двери дубовыя, желѣзомъ кованныя, узкія окна, а стекла всѣ „штучныя“ въ оловяныхъ оправахъ—красивый замокъ; а кругомъ него стѣна „мурованная“, съ башнями по угламъ, съ „гарматами“, съ „гаковныцами“. Стоитъ онъ на высокой горѣ. Смѣло живи здѣсь: что ужъ татары, а и тѣ замокъ обминаютъ! Ясное солнечное утро, на востокѣ еще не разбѣжался сизо-розоватый туманъ; роса блеститъ... свѣжо... А на дворѣ у пана Жмайла уже суматоха: козаки поминутно вбѣгаютъ и выбѣгаютъ изъ конюшни,—бабы съ какими то свертками бѣгаютъ изъ „пекарни“ въ „покои“, дымъ вьется изъ трубъ... И время отъ времени раздаются короткія, отрывочныя приказанія: панъ Данило торопитъ челядь. Что же за причина этого шума? Да сегодня же „Спасъ“, храмовой праздникъ у о. Андрея.—„Добры-день, тату“, прозвенѣло съ „ganка“. Панъ Жмайло сразу обернулся и его суровое, загорѣлое лицо приняло самодовольное выраженіе. „А, это ты, Дорина! Прибралась уже!? Ну, иди же, дай погляжу на тебя, какая ты у меня?“ Высокая, тоненькая фигурка осторожно спустилась съ „ganка“ и, сосредоточенно выбирая сухія мѣстечки, подошла къ отцу. Губки ея сдѣлали совсѣмъ дѣтскую гримаску: „Росяно“,—и она почтительно поцѣловала отцу руку.—„Ну и гарна жъ: ей Богу, красавица. А есть ли у кого дочь краше, чѣмъ дочь пана Жмайла!!“ самодовольно крикнулъ старикъ, отступивши передъ дочкою: „Добудемъ же и жениха, прослышатъ про Жмайла!“ А Дорина стояла передъ нимъ, потупившись: на ея русую головку падалъ цѣлый снопъ солнечныхъ лучей, отчего чистый, высокій лобъ казался еще болѣе; переломанныя, тоненькія „бровенята“ были сдвинуты, между ними легла характерная складочка; большія, задумчивыя „кари очы“ полузакрылись длинными, шелковыми рѣсницами; личико блѣдное, губы сдвинуты. За то жъ какъ горитъ нарядъ: розовый, штофный жупанъ „у швы золотомъ, да серебромъ шытый“ съ золотыми, нѣмецкими пуговицами, алый бархатный спенсеръ, блаватасовая сподница, а монисто, дукачи, а красныя сафьянцы съ серебряными

подковками, золотомъ да перлами шитые! „Славно прибралась! Что жъ мать?“—„Вотъ они“. На „ganку“ показалась пани Жмайлиха: высокая, гордая постать, соколиныя брови, орлиный носъ и глубокія очи, а изъ подъ высокаго кораблика выбиваются пряди черныхъ, безъ единой серебряной нитки волосъ. А нарядъ? Златоглавъ, блаватасъ, золото, перлы, кораллы. Пышная пани!

„Ну что жъ, пани, готовы ли?“ И панъ Жмайло ловко поцѣловалъ женѣ руку: онъ любилъ иногда щегольнуть польской манерой.—„А что жъ, пане, рушаймо съ Богомъ!“

„Гей, хлопцы!“ Изъ сарая, неуклюже покачиваясь на высокихъ колесахъ, выкатился громоздкой рыдванъ, запряженный „цугомъ“. Пани и панна усѣлись; панъ Данило лихо вскочилъ на коня; козаки поправили „зброю“, сбросили шапки, перекрестились...

„Съ Богомъ“ раздался голосъ пана Данила. „Воротній“ спустилъ ворота; впередъ проскакалъ панъ Данило съ козаками, за нимъ покатился рыдванъ, за рыдваномъ еще нѣсколько козаковъ замыкали шествіе; опять поднялись ворота и маленькій кортежъ двинулся въ путь. Что то необычайное сегодня съ Дориной: и легко ей, и весело такъ, а и плакала бъ она, и смѣялася бъ „безъ краю“. Точно птичка со связанными крыльцами трепещется у ней въ сердцѣ. Раннее ли утро, поѣздка ли взволновали ее, только такъ весело, такъ свѣтло, такъ широко ей! Пріѣхали. Вотъ ужъ и церковь, старая, деревянная, кругомъ „цвынтарь“... а сколько народу столпилось: краснѣютъ козацкія шапки, „кораблыкы“, блестятъ на солнцѣ „дукачи“, „шабли“, „пистоли“, пестрѣютъ жупаны, кунтуши, „стричкы“. Пріятный, неопредѣленный шумъ, а со старенькой „дзвиныци“ мѣрно несутся удары надтреснутаго колокола. И все это залито яркимъ свѣтомъ жаркаго августовскаго солнца. Рыдванъ сталъ. Всѣ вышли. Впереди пошелъ панъ и пани, за ними Дорина, а за нею козаки.

— Панъ Жмайло, панъ Жмайло! пронеслося кругомъ.

Толпа стремится дать скорѣе дорогу, сбрасываютъ шапки, кланяются... а Доринѣ и весело, и страшно чувствовать на себѣ столько пристальныхъ взглядовъ... Церковь уже полна... темная, деревянная церковь, почернѣвшія стѣны, дубовый иконостасъ, темные лики святыхъ... Стоитъ тонкій, сизоватый дымъ ладана... пахнетъ яблоками, сливами, медомъ... Въ церкви душно, полумракъ, только широкими

столбами падаютъ изъ купола солнечные лучи, сверкаютъ въ нихъ мелкія пылинки, колеблются сизыя волны дыма, да около иконъ сіяютъ вѣнки свѣчей. Толпа беззвучно разступилась, Дорину сразу охватило тихое, торжественное чувство. Вотъ она передъ алтаремъ. Вонъ отецъ Андрей въ новыхъ ризахъ ласково смотритъ на нее; онъ ее замѣтилъ; вонъ гдѣ, съ того клироса, моргаетъ чорнобривенькая Олеся, дочь о. Андрея,—какая она хорошенькая въ своемъ пышномъ нарядѣ! А на клиросѣ собрались поважные козаки въ синихъ жупанахъ подпѣвать батюшкѣ. „Благослови, Владыко!" загремѣлъ здоровый дьяконъ. Всѣ встрепенулись: началась служба. Дорина усердно прочитала всѣ ей извѣстныя молитвы... какъ же еще молиться?

И смотритъ Дорина на темный образъ Спасителя,—и картина за картиною проходятъ передъ нею, а глаза съ такимъ восторгомъ устремились на икону: Господи, какой Онъ былъ добрый, какой Онъ былъ милосердный!.. Внезапный шумъ заставилъ Дорину очнуться; она оглянулась: толпа разступилась,—къ лѣвому клиросу спокойно проходилъ высокій, статный, молодой козакъ. Уже по покрою его жупана, по его манерѣ держаться, и по всей его изящной, благородной фигурѣ, видно было, что онъ не изъ простыхъ козаковъ, а изъ высокаго шляхетнаго роду. Онъ съ удивленіемъ оглянулся кругомъ и взглядъ его упалъ на Дорину, упалъ да такъ и не оторвался до конца службы. Пани подтолкнула Дорину: —„что жъ ты не молишься, куда смотришь? бей поклоны!" Дорина перекрестилась; но ужъ нѣтъ прежняго чувства чистоты и восторга, и глаза невольно обращаются отъ образа въ сторону козака...

О. Андрей съ торжественной улыбкой, съ крестомъ и двумя просфорами вышелъ изъ алтаря. Толпа заколыхалась; стали подходитъ къ кресту. Приложилась Дорина и сразу оглянулась: прямо, на нее въ упоръ, смотритъ пара сѣрыхъ лучистыхъ глазъ, да какъ смотрятъ! Легкая краска набѣжала Доринѣ на щеки; она нагнула голову и прошла дальше.—„Зъ святымъ Спасомъ будьте здоровы!" говорятъ о. Андрей и матушка, обращаясь къ пану и панѣ Жмайламъ: „Просымо жъ до насъ трапезы одкушать; удостойте, пане, чести!" и онъ подалъ пану и панѣ по большой просфорѣ.—„Спасибо", надменнымъ тономъ проговорилъ Жмайло,—„но у меня дома есть дѣла, да и рѣдко я въ гостяхъ обѣдаю", и сухо глянулъ на о. Андрея.—„Ну такъ

дочь панну оставьте у насъ", прозвучалъ звонкій голосокъ и Олеся съ мольбой глянула на Жмайла.

„Какъ, одну? Не знаю, съ кѣмъ еще моя дочь у батюшки встрѣтиться можетъ". Въ это время на паперти показался статный, молодой козакъ и направился къ выходу.

„Да оставьте ужъ, пожалуйста, сдѣлайте милость", несмѣло прибавила матушка и низко поклонилась.

„Тато, я давно не видѣлась съ Олесею", ласково цѣлуя отцу руку, проговорила Дорина.

„А завтра мы ее сами и отвеземъ къ вамѣ домой!"

„Да что жъ, на васъ можно повѣрить дытыну", вступилась и пани.

„Ну, ладно: пусть будетъ по вашему, пусть остается; но чтобъ завтра въ вечернюю пору была уже дома. Ну, дочко, оставайся здорова!"

„Спасибо, тату"! Дорина почтительно поцѣловала отцу и матери руку, и обнявшись съ Олесей, побѣжала весело къ дому.— „Слушай, серденько, — Иванъ Богушъ сегодня пріѣхалъ, какой „гарный", да веселый, да „гострый!" Еще краще сталъ и". не договаривая словъ, перебивая себя, шепчетъ Олеся Доринѣ:— „Спѣшилъ, говоритъ, чтобъ меня увидѣть", и льются безконечныя, отрывочныя фразы, восклицанія: „Боже мой, лышечко мое, счастья мое!" и все больше разгораются червоныя щечки Олеси. А у о. Андрея все уже готово для пріема дорогихъ гостей: на широкомъ дворѣ длинными полосами растянуты бѣлыя полотна, уставленныя мисками съ борщемъ, кашею, холодцомъ, варениками, колбасами... а посреди двора „пыпаются" два барила съ медомъ да горѣлкою. Въ свѣтлицѣ же ждутъ самыхъ почетныхъ гостей. Чистенькая свѣтлица убрана по праздничному: полъ усыпанъ желтымъ пескомъ, около иконъ бѣлые, гаптованные рушники, цѣлые вѣнки цвѣтовъ, теплятся лампадки; длинный столъ поверхъ дорогого ковра покрытъ тонкимъ бѣлымъ „обрусомъ" и заставленъ весь дорогими полумисками, чарками, кубками.

Матушка окинула все взглядомъ знатока: ничего, гости останутся довольны, есть чѣмъ поподчивать! „Во имя Отца, и Сына, и св. Духа"! раздалось за дверьми. „Аминь", отвѣтила матушка. Двери распахнулись и на порогѣ показался о. Андрей со своими гостями. Начались обыкновенныя церемоніи, „предковични звычаи", старательно оберегаемые и неизмѣнные. Наконецъ, о. Андрей, под-

держивая рукою широкій рукавъ рясы, торжественно благословилъ трапезу, и гости усѣлись за длинный столъ. Точно что то толкнуло Дорину; она подняла глаза: прямо противъ нея сидитъ тотъ самый козакъ и снова пристально смотритъ... Странное и какое то необъяснимое чувство охватило Дорину: не дивно ли; но и она не может оторвать отъ него своихъ глазъ. Да и хорошее лицо у него, не то чтобы и очень красивое, а глянешь разъ—не забудешь по вѣкъ. На высокій лобъ красиво падаютъ волнистые темные волосы, черныя брови немного сдвинуты; шелковые усы..... чуть улыбающіяся грустной улыбкой губы.... а главное глаза,—свѣтлые, точно стальные, кажется, льется изъ нихъ свѣтъ, и такіе они дивные, словно говорятъ что то; только Дорина не можетъ понять что..... И жутко, и любо ей!

„Ну, пане Романе, изъѣздилъ ты свѣта не мало, повѣдай же намъ, что творится въ далекихъ краяхъ, заморскихъ?“ раздался голосъ о. Андрея. Козакъ перевелъ свои глаза на него. Разговоръ зашелъ о далекихъ странахъ. Дивныя вещи разсказываетъ панъ Романъ и какъ чудно говоритъ! Слушаетъ Дорина—и точно широкій горизонтъ раскрывается передъ нею: и видитъ она пышные, королевскіе дворы; видитъ въ дремучихъ лѣсахъ старинные монастыри, мрачныя кельи монаховъ... и страшно и чудно ей!

„Ну, а какъ же вѣра? прервалъ батюшка,—въ благочестіи ли находятся чужеземцы?

„Ахъ отче, отче! До Карпатъ еще наша вѣра, а тамъ все католицкая. Только тамъ завладѣли ксендзы да іезуиты всѣмъ міромъ: во имя Христа рѣжутъ, жгутъ, мечъ и огонь прошелъ черезъ весь край!“

„Заступи, спаси и помилуй!“ батюшка въ ужасѣ перекрестился; на всѣхъ лицахъ появилось выраженіе напряженнаго ожиданія; матушка даже поблѣднѣла.

„Эхъ, пойти бъ намъ, да проучить этихъ католиковъ!“ вставилъ старый, поважный козакъ.—„Да у насъ и подъ бокомъ заводятся!“ замѣтилъ другой.

„Правда, панове: король безъ „грошей“, магнатство свавольства чинитъ, „люде убогіи ускаржаются“... не тѣмъ уже духомъ Польша дышетъ!“ воскликнулъ Романъ.

„Охъ, будетъ когда то похмѣлье!“ отозвалось нѣсколько горячихъ голосовъ.

— „Богъ любы есть, братове!“ произнесъ батюшка. „Такъ, такъ, отче, именно любы есть“,—повторило за нимъ нѣсколько „сивыхъ чупрынъ“.

Разговоръ снова зашелъ о дальнихъ странахъ; разсказываетъ Романъ про неприступные, гордые замки, про великолѣпные соборы, про разныя машины хитрыя...

„Вотъ мы всѣ слушаемъ да дивимся, а у пана Романа порожняя чарка! Эй, пане, влей себѣ того венгерскаго, не горше королевскаго будетъ! Да кланяйтесь же, матушка!“ обратился къ стоящей поодаль матушкѣ о. Андрей.

„Спасибо, пилъ ужъ я довольно“.

„Э, неможно, пане:—„хто чаркы личыть, той добра не зычыть“.

„За здоровье ясной панны!“ тихо произнесъ, обратившись черезъ столъ къ Доринѣ, панъ Романъ. Дорина низко опустила голову; а онъ снова ласково заглянулъ ей въ глаза.

Слушаетъ Дорина, не наслушается... „Эхъ, панове!“ крикнулъ кто то и ударилъ кулакомъ по столу: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!“—„Панове, за волю, за нашъ край!“ И отецъ Андрей высоко поднялъ тяжелый кубокъ. „Виватъ, виватъ!“ раздалось кругомъ. Обѣдъ ужъ приходитъ къ концу. Олеся, по „стародавнёму звычаю“ подставивши на серебряный подносъ тяжелый кубокъ, съ глубокими поклонами обходитъ всѣхъ гостей: „За неньку повненьку, за отця до кинця, а за мылую симъ, щобъ було весело всимъ“, припрашиваетъ Олеся Ивана Богуша, а оченята ея такъ хитренько улыбаются изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ. Ой, не мало силы нужно пану Ивану, чтобъ не броситься тутъ же при всѣхъ, не расцѣловать тысячу разъ эти полныя радости и жизни оченята! Старые козаки остались допивать мальвазію, меды, да угорское, а молодежь и панны вышли на „дворыще“.

„Ну, и приглянулась же ты ему“, подтолкнула Дорину локтемъ Олеся: „и въ церкви очей не сводилъ, и теперь“.

„Хто онъ такой, не знаешь, Олеся?“—„А какъ же: Романъ Громыка, сынъ Васыля Громыкы. Онъ въ братерствѣ учился, а это вернулся изъ за моря къ батьку въ гости“.—Громыка! холодная,

острая струя пробѣжала отъ головы и остановилась въ сердцѣ Дорины. Громыка! это врагъ ненавистный, заклятый врагъ; но тщетно старается настроить себя Дорина: нѣтъ въ ея сердцѣ ненависти, нѣтъ...

А на дворѣ уже гремитъ музыка „троиста". Подъ развѣсистымъ деревомъ усѣлись три цыгана: гремятъ бубны, поетъ скрипка, звенятъ серебряныя подковы; заметая широкими шароварами пыль, несется въ присядку статный козакъ. Кружкомъ обступили танцующихъ зрители, раздаются выкрикиванья, подзадориванья, похвалы; козачекъ перешелъ въ „горлыцю". „Пойдемъ, пойдемъ" подзадориваетъ Дорину Олеся. „Что то мнѣ не хочется, серденько!" „Да, ну бо, голубка!" Неохотно пошла Дорина въ мелкія „дрибушечки"; но музыка такъ какъ будто выговариваетъ: „а козакъ, якъ орелъ, якъ побачывъ, такъ и вмеръ". Голову наклонила Дорина на бокъ, лицо сохраняетъ серьозное спокойствіе, тоненькій станъ плавно покачивается, а маленькіе „сапьянци", сверкая на солнцѣ блестками, такъ старательно выдѣлываютъ труднѣйшія па. „Ухъ, утомылась!" и Дорина тяжело перевела духъ. Свѣтленькія пряди волосъ отъ движенія непослушно разсыпались надъ лбомъ, губы полуоткрыты, щеки заалѣлись. — „А дозволь, ясная панно, зъ тобою въ „танець пойты!" раздалось надъ ея ухомъ.—Рядомъ съ нею стоитъ Романъ; очевидно, онъ любуется ею: рука его молодецки крутитъ усъ, волосы совсѣмъ отлетѣли со лба, глаза блестятъ—статный козакъ!

„А знаетъ ли панъ, кого проситъ въ танецъ?"

„Знаю, панно, знаю! Кралю, краше которой во всемъ свѣтѣ не сыщешь?"

„Здѣсь, пане, не въ ласковыхъ словахъ рѣчь; панъ забылъ, что я Жмайлова дочь".

Но въ гордыхъ словахъ помимо воли зазвучало глубокое сожалѣніе.

„Не считалъ я тебя такою недоброю, панно!" опустивши голову, низкимъ, груднымъ голосомъ произнесъ Романъ и тихимъ шагомъ отошелъ къ свѣтлицѣ.

Словно кольнуло что то Дорину, и жалость и еще какое то непонятное чувство; за что, за что она такъ козака оскорбила? А батько, а родъ—вѣдь онъ врагъ.... и снова тщетно вызываетъ въ себѣ Дорина всѣ старинныя воспоминанія, всѣ заповѣты и заклятія предковъ,—нѣтъ въ ея сердцѣ ненависти, а только тоска....

Вотъ и окончился шумный день; какъ быстро онъ промчался! Олеся и Дорина въ свѣтлицѣ; за стѣной еле доносится отдаленный шумъ: козаки бенкетуютъ. А въ свѣтлицѣ тихо и темно; передъ божницею еле теплится лампадка; въ глубинѣ бѣлѣетъ массой гаптованныхъ подушекъ кровать, а въ штучное окно сквозь множество маленькихъ стеклышекъ бьетъ полная луна, и рисуетъ тысячи дрожащихъ, фантастическихъ узоровъ на каменномъ полу. Олеся не умолкаетъ: „серденько Дорино, если бъ ты знала, какъ онъ меня любитъ, говоритъ, что не жить ему безъ меня, что загубила я его совсѣмъ!"—„Неужто ты слово дала: тебя жъ не отдадутъ за козака".—„А, я принужденія не боюсь; по своей охотѣ подала слово, коли не согласны—убѣгу."—„Безъ благословенія!"—„Богъ благословитъ!"—„А соромъ?" Отвѣта не послѣдовало. Дорина оглянулась; губы Олеси весело улыбаются, глаза закрыты: она заснула на полусловѣ.

Нѣтъ, не спится Доринѣ. Окончила она уже и вечернюю молитву, а мысли бѣгутъ и бѣгутъ безъ конца... Луна такъ ярко свѣтитъ... тоска... голова горитъ... лучше освѣжиться. Растворила она окно; въ комнату широко пахнулъ теплый, ароматный, лѣтній воздухъ... дремлютъ высокіе тополи... трепещетъ серебристымъ листомъ осина, а прямо въ окно, заливая все серебристымъ свѣтомъ, съ высокаго неба смотритъ луна. Какъ можно спать въ такую ночь! Далеко, далеко все видно: обрывъ, гора, темныя пятна лѣсовъ, а тамъ—тамъ, вся серебристая степь... Но вдругъ раздался звукъ, и сонная ночь встрепенулась... Издали, вонъ тамъ съ обрыва, широкою волною, точно жалобный стонъ, пронеслись первые аккорды пѣсни и замерли.

Сердце Дорины забилось: эта пѣсня—это былъ стонъ, это былъ голосъ ея души! И пѣсня полилась и задрожала въ сонномъ воздухѣ грустною, безутѣшною жалобой. Въ ней говорилось о тоскѣ, о страданіи любящаго одинокаго сердца, о тяжести нераздѣленной любви: „Ой любывъ козакъ та дивчыноньку, якъ та матирь дытятко, а теперъ іи покидае, якъ на мори вутятко!" плакали и рыдали грустные звуки....

Стоитъ Дорина у окна, точно окаменѣлая... только горячая слеза медленно катится по холодной щекѣ и тоскливо шепчутъ уста: Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Неужели.....

ГЛАВА III.

Поздно встала на другой день Дорина. Голова тяжелая, въ виски стучитъ. Олеси ужъ нѣтъ. Въ домѣ такъ странно, тихо, вѣрно ужъ всѣ уѣхали; а вдругъ?... Двери скрипнули; вбѣжала Олеся: „что это съ тобой, Дорина, не захворала ли? Господи, какъ блѣдна! А мы думаемъ, что это ты такъ поздно спишь. И всѣ уже уѣхали еще свѣтомъ.“ Послѣдняя надежда Дорины упала. „Значитъ, не увидимся больше никогда, никогда въ жизни,—къ чему, зачѣмъ?“ старается она себя успокоить. „Да скорѣй одѣвайся! ѣхать ужъ часъ“. Вышла Дорина въ свѣтлицу: какъ пусто здѣсь сегодня! Вонъ гдѣ столъ: здѣсь вчера еще сидѣлъ онъ за обѣдомъ, здѣсь глядѣлъ на нее, тамъ сказалъ ей слово ласковое, а нынче ужъ нѣтъ здѣсь его, и никогда въ жизни они не увидятся! А въ домѣ всѣ уже хлопочутъ и складываются, точно въ далекія стороны собираются. Наконецъ окончился скучный обѣдъ; пора! Всѣ, не исключая и столѣтней няньки, усѣлись по мѣстамъ и нѣсколько мгновеній молча посидѣли; первый поднялся о. Андрей и сталъ креститься на образа; за нимъ поднялись и всѣ остальные; начались благословенія, поцѣлуи и пожеланія счастливой дороги.—Матушка, Олеся и Дорина усѣлись въ рыдванъ. „Ну, съ Богомъ!“ произнесъ наконецъ съ высокаго „ganка“, крестя рукою рыдванъ, батюшка. Захлопали бичи, дернули кони и, плавно покачиваясь, двинулся рыдванъ въ ворота. Уже и крышка его въ послѣдній разъ исчезла за горою, а о. Андрей все креститъ ту сторону, въ которую покатились путники. Катится себѣ, погромыхивая, неуклюжій рыдванъ; впереди, по бокамъ и сзади скачутъ Жмайловы козаки: опасное время,—того и гляди выскочитъ изъ за холма какая нибудь татарская рожа... Дремлетъ попадья, перебирая пальцами, голова ея непроизвольно шатается изъ стороны въ сторону; толчекъ, откроются сонные глаза, губы забормочутъ какіе то безсвязные обрывки молитвъ, и снова закиваетъ сѣдая голова. Безъ умолку, безъ перерыву шепчетъ Олеся Доринѣ; глаза ея блестятъ, руки въ движеніи—вся фигура принимаетъ участіе въ разговорѣ. „Да ты не слушаешь, Дорино. Или ты не здужаешь, или что́ сталось съ тобою, точно не при себѣ“?—„Ничего, серденько, это такъ что то“,—и Дорина провела рукою по лбу.

Привычные кони спокойно несутъ рыдванъ; передъ глазами разстилаются зеленыя поля.... мелькнетъ на горизонтѣ группа деревьевъ или высокая, печальная могила, и пусто кругомъ .. ни души.... Печально и въ сердцѣ Дорины: щемитъ какая то тупая боль... Ночь не спала—оттого, успокаиваетъ она себя, а передъ глазами наперекоръ стоитъ взглядъ тѣхъ сѣрыхъ глазъ, такой глубокій, да ласковый, какого не видѣла она никогда ни у батька, ни у матери... А въ ушахъ все звенитъ: „Ой любывъ козакъ та дивчыноньку, якъ та матирь дытятко, а теперъ такъ и покыдае, якъ на мори вутятко". И снова гонитъ она прочь мысли, и снова встаютъ передъ ней „его голосъ тихый", да „поглядъ любый"!

Катится рыдванъ, погромыхиваетъ: дремлетъ попадья, притихла Олеся, грустно смотрятъ Доринины „думныя очи!" Рыдванъ началъ спускаться въ оврагъ и перелѣсокъ. Пронесся рѣзкій, дикій крикъ; изъ-за куста поднялся одинъ татаринъ, другой, третій, бросились къ лошадямъ; раздались выстрѣлы, взвизгнули сабли—и... но что это?--они несутся; взбѣшенные кони вихремъ летятъ, возжи разметались, кучера нѣтъ... рыдванъ скачетъ подъ гору, шатаясь... на встрѣчу несется страшный оврагъ—провалье... Холодомъ обдало всѣхъ...

Дорина оцѣпенѣла, а въ головѣ жужжитъ одна мысль: а, вотъ и смерть, вотъ и смерть! Но что это? Быстро мимо же промчался Романъ; онъ заѣзжаетъ противъ лошадей, Господи, что онъ дѣлаетъ: его сотрутъ, его истопчутъ кони. „Козаче!" успѣла только крикнуть она. Раздался выстрѣлъ, толчекъ, какой то страшный лязгъ и—ничего болѣе! Дорина открыла глаза. Что жъ это, не сонъ ли? Прямо передъ нею глаза Романа съ безпокойствомъ смотрятъ на нее. „Боже мой, не ушиблась ли, не болитъ ли что у тебя, очень перепугалась, панночко!?" И онъ осторожно посадилъ ее на траву.

„Что это? Гдѣ мы?"—„Успокойся; ты сидишь подлѣ меня; все благополучно, всѣ живы". Дорина съ удивленіемъ оглянулась кругомъ: она сидѣла на зеленомъ холмѣ; внизу, шагахъ въ пяти отъ глубочайшаго обрыва, лежалъ опрокинутый на бокъ рыдванъ; безформенная масса лошадей билась, а одна трупомъ лежала,—пуля угораздила ей прямо между глазъ. Надбѣжавшіе козаки суетились. Олеся хлопотала подлѣ разстроенной матери, а та, испуганная на

смерть, вздымала очи „горѣ“, и обильныя слезы текли по ея полному, добродушному лицу.

„Спасибо тебѣ, козаче; ты спасъ намъ жизнь“, шептала Дорина.

„Спасибо, Господу мылосердому... Если бы... что бы со мной тогда было?“ промолвилъ Романъ, смотря въ землю...

„А татаре?“ Она сидѣла передъ нимъ въ высокой травѣ и ея оченята съ такой дѣтской довѣрчивостью смотрѣли на него снизу вверхъ.—„Татаре? Мои козаки далеко отбили ихъ, не тревожься, а я нарочно ждалъ тебя, голубко, близь этой горы, зналъ, что здѣсь будете отдыхать, чтобъ еще разокъ глянуть на тебя коли вижу... Тутъ я бросился... или убью коня, остановлю ихъ, или пусть и я“... голосъ его досказалъ то, чего не договорили слова.

„Козаче! одинъ Богъ!“... Дорина хотѣла сказать что то, но смѣшалась, зардѣлась и слеза благодарности блеснула у ней на глазахъ.

„Слушай, Дорино, я не вѣрю, чтобы ты меня ненавидѣла— у тебя вѣдь доброе сердце? Виноваты ли мы въ насиліяхъ и разбояхъ нашихъ дѣдовъ? За что же, за вражду прадѣдовъ и на насъ, внуковъ, переносить такую злобу, такую месть!?“

„Прости меня, козаче, я“...

„Знаешь, Дорино, у меня нѣтъ матери, кромѣ батька—никого; не зазналъ я съ дѣтскихъ лѣтъ любви, да ласки, росъ себѣ, какъ „перекотыполе“. Былъ я и въ нѣмецкихъ, и въ турецкихъ земляхъ, видѣлъ я много краль, и княгинь, и княженъ, такихъ, что и солнце обрадуется, какъ завидитъ ихъ... а сердце мое къ нимъ не лежало: не сказалось родной, любимой души“. Онъ стоялъ передъ ней во весь ростъ, голосъ его то падалъ низко и тихо, то снова подымался; а глаза ея съ такимъ восторгомъ, съ такою любовью смотрѣли...—„А вчера, вчера, когда я тебя увидѣлъ, Дорино—точно солнце взошло подлѣ меня; вотъ мое счастье, моя жизнь, моя радость, крикнуло сердце! И такъ ты мнѣ мила, такъ ты мнѣ люба стала, точно тебя только и ждалъ я всю мою жизнь. Теперь безъ тебя жизнь—могила, а съ тобою я не боюсь ни горя, ни лиха“... Онъ опустился подлѣ нее: „Скажи жъ, Дорино, ненавидишь ты меня?“

„Нѣтъ, за что же? ты меня“... головка ея низко склонилась.

„А любишь ли?“ Она замолчала, только головка ея склонилася еще ниже.

„А пошла бъ ли ты рядомъ со мною по моему пути?“ Онъ ласково и грустно заглянулъ ей въ глаза, взявши за руку.

Какъ ни настораживали ушки желтенькіе „Иванъ да Марья“,— но имъ не удалось услышать тихаго отвѣта Дорины. А вотъ поцѣлуй такъ услыхала высокая тырса—трава и, заколыхавшись, пошла передавать это всей степи.. и, обрадовавшись, тихо закивала тысячью своихъ пестрыхъ головокъ широкая степь..

Небо поблѣднѣло. Надъ самой головой медленно таяло послѣднее золотисто розовое облачко. Внизу уже привели длинный „драбынякъ“, высоко наложенный сѣномъ. Сытыя лошадки пофыркиваютъ, козаки хлопочутъ, очнувшаяся попадья зоветъ Олесю и Дорину. Пора. Въ высокомъ небѣ блеснула первая звѣздочка... Романъ поднялъ Дорину на руки: „Моя, Дорино, моя до вику?“ Дорина подняла глаза: сколько безконечной любви въ этихъ глубокихъ карихъ оченятахъ, а на рѣсницѣ задрожала крупная слеза— что могло быть больше этого? И Романъ горячо прижалъ дорогую головку къ своей груди.

Тихо поскрипываетъ длинный драбынякъ. Рядомъ, сдерживая коня, ѣдетъ панъ Романъ. Взглянетъ онъ на Дорину, улыбнется она счастливой улыбкой,—у нихъ свой широкій, счастливый міръ и никому до него нѣтъ дѣла, и никто объ немъ не знаетъ... Молчатъ, а сколько счастья, сколько словъ въ этомъ безмолвномъ молчаніи? А глубокое небо все усѣялось миріадами мерцающихъ звѣздъ; потянуло сыростью; гдѣ то прошумѣли въ воздухѣ запоздалыя утки; изъ земли всталъ тонкій легкій паръ... Впереди козаки затянули какую то широкую, вольную пѣсню.

ГЛАВА IV.

Гнѣвенъ панъ Жмайло, страшно гнѣвенъ. Зачѣмъ онъ уступилъ вчера просьбамъ и оставилъ дочь у батюшки? Какъ ему въ голову не пришло, что тамъ, именно тамъ, она можетъ встрѣтиться съ заклятымъ врагомъ! А теперь еще этотъ врагъ спасъ дочь его отъ неминучей смерти и долгъ рыцарскій требуетъ отблагодарить

его... и глухо раздаются въ пустой свѣтлицѣ тяжелые шаги гнѣвнаго пана. Но вотъ Жмайло дернулъ сердито дубовую дверь и кликнулъ сѣдоусаго Власа: „сѣдлай, мой вѣрный слуга, скорѣе быстраго огиря да лети къ пану Громыкѣ; перекажи ему отъ меня большое спасибо за услугу его сына, да спроси непремѣнно, чѣмъ мнѣ прикажетъ онъ отблагодарить его? Да прибавь, козаче, что родъ Жмайловъ ни отъ кого даромъ благодѣяній не принималъ, а тѣмъ болѣе отъ своихъ стародавнихъ сосѣдей!“

Полетѣлъ орломъ старикъ Власъ до сосѣда и передалъ вельможное панское слово. Усмѣхнулся Громыка на эту гордыню, а сынъ его Романъ и ей радъ. Обнимаетъ онъ своего отца крѣпко, и умоляетъ, чтобъ помирился съ паномъ Жмайломъ, чтобъ высваталъ ему красавицу—дочку.

Любитъ старый козакъ Громыка своего сокола-сына, единственную вѣтвь стараго славнаго древа, а чего отецъ не сдѣлаетъ, чѣмъ не пожертвуетъ для своей „дытыны?“ Онъ поступится гордостью, поѣдетъ, протянетъ руку... Но, знаетъ ли Романъ „запеклаго“ Жмайла?...

„Отецъ, вѣдь я спасъ жизнь его единственной дочери,—неужели хватитъ у него совѣсти отвѣтить на это неблагодарностью черной? Неужели вмѣсто сердца у него камень, мохомъ поросшій?“

„Да у него воля желѣзная и сердце стальное... онъ, сыну мой, не согнется ни передъ мольбами, ни передъ слезами, и скорѣе волкъ „сироманець“ пожалѣетъ „ягня“, чѣмъ Жмайло Громыкѣ что добраго вчинитъ!“

„Да когда же прекратится эта безумная вражда, когда уляжется поднятая дьяволомъ злоба?“

„Все то отъ Бога! а для тебя, сынашу мой, все сдѣлаю, по крайней мѣрѣ сердце мое не понесетъ упрека“. И старый козакъ велитъ сѣдлать коней, и собираетъ онъ пышное посольство, и дары богатые, а черезъ сѣдаго Власа шлетъ пану Жмайлу вѣсть, что самъ онъ съ сыномъ будетъ къ вельможному сосѣду въ гости.

Просторная свѣтлица у пана Жмайла; только мрачно и холодно въ ней. Въ „штучныя“ окна проникаетъ блѣдный сѣроватый свѣтъ. Посреди выбѣленнаго потолка широкимъ выступомъ лежитъ дубовый, почернѣвшій отъ времени сволокъ“, съ вырѣзаннымъ глубокимъ

крестомъ. Полы всѣ выстланы цареградскими коврами, подъ окнами „ослоны" и „ослончыкы", краснымъ едамашкомъ и „коцями" крытые; стѣны бѣлыя съ дубовыми полками, а на нихъ разставлены „кубки червленные", „мисы сутозлотыя", „полумиски" серебряные и „келехи" нюренбергской работы. Въ лѣвомъ углу большая, изразцовая печь, хитро и затѣйливо изукрашенная; а въ правомъ—все образа кіевской, искусной работы, увѣшанные шитыми рушниками, „уквиччанные" васильками да душистой гвоздикой. Внизу подъ ними большой дубовый столъ, поверхъ дорогаго ковра тонкимъ обрусомъ крытый; а на немъ хлѣбъ, какъ солнце, и соль—символы гостепріимства. Пышно, роскошно въ свѣтлицѣ, только неуютно и холодно въ ней. Съ утра пріѣхалъ къ пану Жмайлу и отецъ Андрей, встревоженный недобрыми вѣстями; прослезился, увидѣвши свою дочь, и отслужилъ благодарственный молебенъ о чудесномъ спасеніи отъ напасти. Дорина благословляла небо за эту самую напасть и горячо молилась о ниспосланіи въ отцовское сердце мира и забвенія злобы. Къ концу молебна пріѣхалъ сѣдоусый Власъ и объявилъ о близкомъ пріѣздѣ нежданныхъ гостей. Вѣсть эта всѣхъ поразила, какъ громомъ. Дорина вспыхнула вся, и потомъ вдругъ мертвенно поблѣднѣла, увидѣвъ строгій, устремленный на нее батьковскій взглядъ; а панъ Жмайло сердито дернулъ себя за усъ и приказалъ женщинамъ уйти на свою половину.

Пріѣхалъ и панъ Громыка пышнымъ „поѣздомъ". Панъ Жмайло съ батюшкою встрѣчаютъ ихъ въ своей свѣтлицѣ. Панъ Громыка, парадно одѣтый, еще статный и бравый козакъ, вошелъ въ свѣтлицу со своимъ красавцемъ сыномъ и почтенными козаками; всѣ пану Жмайлу поклонились низко и панъ Громыка началъ торжественную рѣчь. Онъ призвалъ въ ней на помощь всю свою ученость, потрепалъ даже прахъ Горація и Ювенала, и подкрѣпилъ свои доводы текстами изъ св. письма. Рѣчь его, несмотря на свою витіеватость, дышала искренностью и чувствомъ; говорилось въ ней, что дѣти за грѣхи отцовъ не отвѣтственны, что злоба унесла не мало жертвъ и пресытилась; что наконецъ, закончилъ панъ Громыка: „десница Божья, надъ нашими родами простертая, съ того злополучнаго дня, егда свершися клятва на брата, и, по мѣрѣ торжества злобы, вѣтви нашего древа всѣ сохнутъ и чахнутъ, и теперь только единственные

отпрыски остались,—у тебя, вельможный пане, дочь, у меня—сынъ. Но промыслъ ли Божій, руководившій спасеніемъ твоей дочери, указуетъ и къ примиренію путь? Онъ вложилъ въ сердце дѣтей нашихъ любовь и забвеніе прошлыхъ обидъ. Поклонимся же и мы челомъ волѣ Господней, забудемъ давнее „лихо“, протянемъ дружески другъ другу руки, и въ любовномъ союзѣ нашихъ дѣтей возростимъ новую силу на славу нашей Украинѣ!“ Громыка остановилъ на Жмайлѣ полный теплоты взоръ; но тотъ, вперивъ очи въ землю, угрюмо молчалъ и теребилъ свой серебристый усъ. Наконецъ раздался его голосъ, хриплый, надменный: „Весьма я доволенъ, что представитель рода Громыкъ пришелъ къ Жмайлу съ покорнымъ поклономъ, весьма благодаренъ я и за оказанную, пане, твоимъ сыномъ услугу—но платы, какую панъ за нее правитъ, дать не могу: велика она и чувствуется въ ней Громычина алчность!... Бери у меня, пане, золото, серебро, драгоцѣнное оружье, коней быстрыхъ; но дочери врагу я не отдамъ“... Громыка хотѣлъ было послать въ отвѣтъ горькое слово; но о. Андрей перебилъ его; онъ поднялъ евангеліе въ дорогой оправѣ и дрогнувшимъ голосомъ началъ: „Братіе, во имя Господа Бога и Животворящей Тройцы, молю васъ, да изгоните изъ сердецъ вашихъ князя мести и злобы и отверзите ихъ для духа мира и згоды. Распятый за ны заповѣдалъ намъ не токмо прощать враговъ, но и молиться за нихъ. Братіе! Кіе убо врази есте? Вы сыны одной матери, одной „нени“. Прадѣды ваши свершили грѣхъ, за что же правнукамъ сугубо его творити? Братіе! Возлюбите другъ друга, до единомысліемъ исповѣмы, и лобзаніемъ сотрите злобительства жало. Да воскликну и я, подъявши руки „горѣ“: „сниди Господи, и виждь и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!“ окончилъ о. Андрей, и изъ старческихъ глазъ его катились слезы. Козаки вытирали тоже непослушныя очи, а глубоко тропутый панъ Громыка сдѣлалъ первый шагъ къ пану Жмайлу. Но послѣдній, какъ камень холодный, стоялъ и въ темныхъ очахъ его не свѣтилось ничего, кромѣ злобы.

„Свято твое слово, панъ-отче; но вмѣстити его можетъ не грѣховная наша плоть, а токмо Божеская... да и та не простила Іуды! А не Іудами ли были дѣды и прадѣды пана Громыки? Не они ли ковали злобу и проливали братнюю кровь? Не вопіетъ ли эта кровь

къ мести? Нѣтъ! Нѣтъ! Мои предки перевернулись бы въ гробахъ, если бы я нарушилъ ихнюю клятву! Не будетъ моя дочь за исконнымъ врагомъ, и не протяну я ему руки въ вѣки: не подобаетъ бо туру съ звѣрюкою „хыжою“ вмѣстѣ быти!“

„Не мы Іуды, а твой прадѣдъ Іуда былъ и совершилъ Каинскій грѣхъ!“ крикнулъ Громыка,—брязнули сабли и неизвѣстно чѣмъ бы кончилось примиреніе, если бы не кинулся къ батьку Романъ, а къ пану Жмайлу батюшка. Печально вышли изъ свѣтлицы непрошенные гости; Роману удалось только увидѣть въ сѣняхъ Олесю и шепнулъ ей что то на ухо.

Эхъ, пане Жмайло, пане Жмайло! Не разумно ты еси думалъ: можешь ты приказывать войску козацкому, побѣждать войско басурманское, да не прикажешь ты сердцу своей дочери разлюбить, кого хочешь. Никто вотъ не съумѣлъ унять рыдающей Дорины, а Олеся съумѣла: сказала одно слово и Дорина, обнявши горячо свою подругу, бросилась къ образамъ молиться...

Ночь, теплая, украинская, звѣздная ночь. Межъ высокихъ тополей выглядываетъ двурогій мѣсяцъ. Въ глубинѣ сада, возлѣ двухъ сросшихся тополей, стоитъ, облокотившись о высокій бѣлый муръ, Дорина; на другой сторонѣ на конѣ сидитъ Романъ. Дорина, обнявши его и положивши голову ему на плечо, тихо, радостно плачетъ. „Ахъ Романъ, Романъ! Дорогой мой, хорошій мой! Я не думала тебя и видѣть уже!“

„Горлычко моя! Недобрый у тебя батько!“

„Недобрый, сердитый! Какъ отецъ твой просилъ, какъ батюшка говорилъ... ледъ бы растаялъ .. а онъ...“

„Не любитъ онъ тебя, только гордыню свою тѣшить хочетъ“...

„Богъ съ нимъ... мать добрая. А ты, мой дорогой?“ Дорина зардѣлась и закрыла лицо бѣлымъ рукавомъ и недоговорила вопроса.

„Я? спросилъ Романъ и прижалъ ее крѣпко, крѣпко къ своей груди. Я? Да нѣтъ ничего въ свѣтѣ такого, что могло бы мнѣ замѣнить тебя! Весь свѣтъ я отдамъ за тебя, не пожалѣю ни славы, ни жизни, ни даже воли козачьей... А ты меня любишь, Дорино?“

„Люблю ли я тебя? Она положила на плечи ему руки и откинула назадъ свою голову: свѣтлыя пряди волосъ сбѣжали по бокамъ и открыли блѣдное личико. Видишь, Романъ,—здѣсь бьется сердце

мое; въ немъ все—Романъ, и никакія угрозы, никакія муки не заставятъ меня выбросить его изъ сердца!"

„Счастье мое! Жизнь моя"! Романъ обхватилъ обѣими руками голову Дорины и крѣпко, крѣпко прильнулъ устами къ устамъ...

Выглянулъ изъ-за тополей мѣсяцъ и бросилъ на нихъ блѣдный, ревнующій лучъ.

„Но какъ же быть, что дѣлать? встрепенулся козакъ:—батько твой не согласится на нашъ бракъ—а безъ тебя не жить мнѣ на свѣтѣ"...

„Не жить"... повторила еще болѣе поблѣднѣвшая Дорина;—„тоска, охъ какая тоска! Лучше скорѣе отъ нея спрятаться подъ „куширъ"... въ омутъ"...

„Такъ уйдемъ! Я все добро продамъ и этотъ край брошу; уйдемъ на Волынь, тамъ завоюемъ себѣ счастье, гетьманами заживемъ"...

„Я за тобою на край свѣта! Только проклянутъ... тяжело съ отцовскимъ проклятіемъ ходить на землѣ... Я въ ногахъ у батька ползать буду... я слезами смою „дóливку"... можетъ умилосердится...

„Бѣдная, бѣдная сиротка! Надѣешься! Ну и подождать можно, только не случилось бы чего худшаго?"

„Матерь Божья не допуститъ! она послала заступника мнѣ, и Сама заступницей станетъ!"...

И не разъ, и не два видится Дорина съ Романомъ.

ГЛАВА V.

Видитъ панъ Жмайло, что таетъ отъ тоски по Роману дочка, и рѣшилъ онъ во что бы то ни стало выдать ее замужъ: и ѣдутъ къ нему женихи, одинъ за другимъ, одинъ другаго пышнѣе, знатнѣе—и изъ Украины, и изъ Волыни и изъ далекой Польши. Рѣшилъ ты, панъ Жмайло, выдать дочку, только трудно это, не такого характера Дорина, не даромъ отцовская дочка!

Не остались батюшка и Олеся послѣ столкновенія съ Громыкою въ этомъ угрюмомъ домѣ, уѣхали они въ свой маленькій, но веселенькій будынокъ. И мракъ, и тоска полновластно воцарились въ старинномъ домѣ. Злобствуетъ Жмайло, плачетъ пани Жмайлыха, только Дорина молчитъ—ни слова, а лицо все блѣднѣетъ, да блѣднѣетъ. И кипитъ злоба въ панѣ Жмайлѣ.

„Слушай, жинко, грозно обратился Жмайло къ женѣ:—долго ты дурѣть будешь?“

Пани Жмайлыха отерла глаза тонкою хусткою: „Та я такъ... ничего... дытыну жалко“... и опять голосъ ея задрожалъ. —„Что жалко! надоѣли ужъ мнѣ ваши бабскія бредни,—завтра же отдамъ замужъ за „машталера“, за чабана, за свинопаса!“ и панъ Жмайло грозно стукнулъ ногой. Въ дверяхъ показалась Дорина; она была бѣлѣе стѣны и тихо дрожала, только глаза ея блестятъ изъ подъ крѣпко сдвинутыхъ бровей. „Отецъ“, тихо, но твердо начала она;— „коли нѣтъ твоей воли меня за Романа отдать, то не разрывай ты моего сердца, отпусти меня въ монастырь; буду я всю жизнь за васъ Бога и св. Панну молить“—„Что?“ заревѣлъ Жмайло;—„ты еще меня учить будешь!? Кошеня! Самъ знаю. что дѣлать! Завтра же пойдешь замужъ, скручу, свяжу, а повѣнчаю—слышишь мое слово— завтра!“—„Отецъ, смилуйся, отецъ, не могу я... не пойду я“... Дорина упала на колѣни.—„Да что ты?! Отецъ я тебѣ, или нѣтъ? Не моя ли надъ тобой воля?“—„Такъ, отецъ, ты породилъ меня, ты и въ жизни моей воленъ. Такъ выйми жъ эту саблю турецкую и убей меня, отецъ, а сердца моего не сломать тебѣ никогда.. никогда“... Глаза пана Жмайла налились кровью, Дорина пригнулась къ землѣ, пани Жмайлыха упала на колѣни.—„Такъ вотъ ты какая! А!“ онъ схватился за рукоять сабли—клинокъ блеснулъ въ воздухѣ и...—„Дитя, дитя... меня убей!“ бросилась пани подъ ноги къ Жмайлу. Онъ стиснулъ зубы, швырнулъ саблю, и, круто повернувшись на каблукахъ, тяжелыми шагами вышелъ изъ свѣтлицы.

И все замерло въ домѣ.... Дорину безъ чувствъ подняли; пани Жмайлыха рыдаетъ передъ образомъ; дивчата „вытираютъ очи“,— жалко бѣдную панночку—да и страшно, что придумаетъ Жмайло!? Старуха нянька крестится и бормочетъ какія то странныя слова; и всѣ трепещутъ, всѣ съ ужасомъ ожидаютъ рѣшенія пана Жмайла. Только Дорина, точно оледенѣла вся—чего ей бояться и что можетъ теперь ужаснуть ее? Бѣжать, бѣжать одно спасенье! Уже и темная ночь спустилась надъ перепуганнымъ домомъ, а въ свѣтлицѣ пана Жмайла все раздаются тяжелые грозные шаги. Пригнулась пани Жмайлыха къ замочной скважинѣ, дохнуть боится: что дѣлаетъ разгнѣванный супругъ? Но замокъ крѣпко запертъ, въ скважинѣ ключъ,

и тяжко вздохнула пани и безнадежно побрела по пустымъ покоямъ въ свѣтлицу, гдѣ лежитъ ея „безталанная“ дочь. А въ свѣтлицѣ Жмайла темно, только двѣ тоненькія полоски свѣта и отражаются въ голубой стали старинной „зброи“. Панъ Жмайло тяжело шагаетъ, брови его нахмурены; время отъ времени сквозь сцѣпленные зубы вырываются отрывочныя восклицанія: „Не пойдетъ.... не пойдетъ.. не такая! Замуровать до смерти..—угаснетъ родъ!“.. И снова тяжелое молчаніе и глухой шумъ шаговъ. „Сбыть... его сбыть ... молода... забудетъ“.... и то же молчаніе, тотъ же шумъ шаговъ. Но вдругъ глаза его блеснули злымъ огонькомъ; онъ остановился, какъ вкопанный, ударилъ себя рукою по лбу и... злобно, радостно захохоталъ... Мѣсяцъ забѣжалъ за облако, и со старинной башни, точно въ отвѣтъ его смѣху, „пугачъ“ прокричалъ три раза: „похóвавъ, похóвавъ, похóвавъ!“

Наступило утро. Жмайло вышелъ изъ своей свѣтлицы и подошелъ къ женѣ. Пани Жмайлыха замерла въ ожиданіи; она боялась поднять глаза на мужа, она боялась прочесть въ его глазахъ суровое рѣшеніе. Но Жмайло ловко поцѣловалъ женѣ руку. Пани подняла на него глаза.—„Что это, что ты!“—„Какъ что? День добрый, пани“!—„Да что это съ тобой?“.—„Ничего, позови дочь сюда!“—„Ой, что это ты задумалъ? Смилуйся, пане!“ она протянула къ нему руки.—„Ничего не задумалъ: хочу дочь увидѣть и баста!“ Панъ Жмайло расправилъ усы и опустился на „дзыглыкъ“.—„Ну жъ!“ Пани бросилась: черезъ минуту ввели Дорину. Она остановилась въ дверяхъ и прислонилась головой къ стѣнкѣ. Что сдѣлалось съ нею за ночь? Лицо прозрачное, вокругъ глазъ черные круги. „Гм!“ произнесъ Жмайло, глянувши на дочку.—„Ну, дочко, подойди ка ко мнѣ!“ Дорина не повѣрила бы и своимъ ушамъ. Въ голосѣ старика зазвучала небывалая ласка.

„Ну, глянь на меня!“ онъ даже ласково потрепалъ ее по щекѣ: „чего жъ боишься?“

„Слушай, дочко, не ворогъ я тебѣ; коли ты ужъ такъ „затялась“ на своемъ, то я, пожалуй, согласенъ“.... Всѣ ахнули! Дорина бросилась на колѣни передъ отцомъ, схватила его руки и изъ глазъ ея хлынули слезы; пани Жмайлыха счастливо улыбалась, хотя глаза ея застилалъ легкій туманъ, но это были теплыя, счастливыя слезы

и каждая изъ нихъ могла бы потопить тысячу тяжелыхъ вздоховъ...

„Такъ, продолжалъ Жмайло,—я никому не перечу искать твоей руки, будь то мнѣ другъ или недругъ, а только достанешься ты храбрѣйшему изъ лыцарей. Пусть твой Романъ тебя заслужитъ. Что жъ, довольна, дочка?“—„Тато, тато“... Дорина подняла на отца глаза—онъ ласково улыбнулся... но въ глубинѣ его глазъ почуялось Доринѣ что то недоброе...

И вотъ шлетъ п. Жмайло ко всѣмъ пословъ: „подношу, де, я войну великую и кто желаетъ получить руку моей дочери, пусть принимаетъ участіе въ походѣ“. Шлетъ онъ гонца и къ пану Роману. „Прости меня де, пане, что круто я съ тобой обошелся; что дѣлать,—нравъ ужъ мой такой, а пора ужъ примириться! Хочешь ты, пане, за себя дочку мою взять,—что жъ, я не перечу, а только далъ свое слово лыцарское, что достанется онъ храбрѣйшему изъ козаковъ; милости же просимъ къ нашей рати“.

Обрадовался да и диву дался панъ Романъ этой ласкѣ. Хорошо, хорошо! Поѣдемъ въ походъ! Завоюемъ свое счастье! Добудемъ себѣ Дорину! А сомнѣваться ему въ этомъ нечего,—пусть еще кто съ нимъ помѣряется? Разлука вотъ... да вѣдь скоро вернутся, а тогда ужъ навсегда... навсегда... И нетерпѣливо торопитъ панъ Романъ отцовскіе сборы.

Мучитъ Дорину вѣщее сердце, снятся ей недобрые сны.... Но вотъ ужъ послѣдній вечеръ,—завтра выступаютъ въ походъ... Давитъ „туга“ Дорину, тоска сосетъ сердце, чуется неотразимое горе, а надежда все таки шепчетъ: вотъ вернется изъ похода, конечно, онъ храбрѣе, славнѣе всѣхъ, станутъ о его подвигахъ думы складывать, пѣсни пѣть, самъ батько признаетъ его достойнымъ руки своей дочери и... а... тогда... тогда... но тутъ взглянетъ на Дорину батько и зазмѣится на губахъ у него торжествующая улыбка... и расправившая крылья надежда падаетъ камнемъ, а сердце тоскливо забьется, точно подстрѣленная птица.

Но будь, что будетъ, сегодня она еще счастлива, сегодня она еще увидитъ Романа.

Оперлась Дорина о бѣлую стѣну—смотритъ трепетно вдаль; высоко стоитъ замокъ, внизу чуть замѣтна рѣка; какъ страшно надъ

нею колышется сѣдой туманъ; а вонъ гдѣ далеко вьется дорога съ горы на гору—вотъ оттуда долженъ онъ пріѣхать.... Что то зашуршало въ травѣ, Дорина быстро оглянулась.—Ничего, это ящерица блеснула на лунѣ своей яркой спинкой и снова спряталась подъ камень. А что дома? Нѣтъ, замокъ спитъ; потухли всѣ огни, только луна ударяетъ въ окна и перламутромъ переливается стекло. Какой онъ мрачный, точно угрюмый старикъ! Смотритъ Дорина на замокъ, сколько пришлось ей выстрадать въ немъ. Какъ мало времени прошло, а сколько горя! Но слава Богу, прошло это все, какъ тяжелый сонъ. А Романа все нѣтъ, какъ нѣтъ! И тоскливо всматриваются глаза въ туманную даль.... Что жъ не ѣдетъ онъ? Не случилось ли чего? Господи, сохрани и помилуй, не можетъ онъ не пріѣхать, не можетъ онъ уѣхать, не простившись со мною! Раздался короткій топотъ. „Романъ“! Дорина упала къ нему на шею:—„Коханый мой, возьми меня лучше съ собою; я не выживу здѣсь безъ тебя. Я буду томиться, тосковать, не знаючи, что съ тобою! Романе, она прижалась къ нему щека къ щекѣ,—коханый мой, какъ я люблю тебя!“

Онъ сталъ цѣловать ея волосы, глаза, губы... „Вотъ, какъ вернусь съ побѣдой, тогда ни одной минуты ждать не стану; возьму да и увезу тебя сразу въ свой замокъ... и тогда ужъ у меня никто не отыметъ моей Дорины“.—„Такъ ли, козаче мой, охъ, не вѣрится мнѣ, не бывать намъ вмѣстѣ!“

— „Нѣтъ, Дорино, я чую, всѣмъ сердцемъ моимъ чую, что насъ никто не разъединитъ съ тобою. И клянусь тебѣ, Дорино, передъ чистымъ небомъ и въ свидѣтели беру наше козачье солнце,—онъ поднялъ къ мѣсяцу руку,—что ни за что, никогда не кину тебя, что рано ли, поздно ли, и что бъ ни случилось со мною, а я за тобою пріѣду“! Что то зловѣщее послышалось Station Доринѣ въ этой клятвѣ—ей стало жутко: она глянула и ей показалось, что мѣсяцъ торжественно кивнулъ ей своимъ острымъ рогомъ. А время бѣжитъ,—минута за минутой.—„Часъ ѣхать! Благослови жъ меня на счастливую дорогу!“ Дорина встрепенулась: „Уже?“ она положила къ нему руки на плечи:—„Господи, Царица Небесная, она съ восторгомъ подняла глаза къ небу, точно ждала сей часъ увидѣть какое нибудь знаменіе:—Ты „захистишь“ мнѣ моего Романа отъ всякаго горя!“ Онъ при-

жалъ ее къ груди крѣпко, такъ крѣпко, какъ только умирающій прижимается къ жизни. „Романе! Коханый мой!“ Еще одна минута,— конь рванулъ, Дорина припала къ стѣнѣ: она еще не плачетъ, она еще вся слѣдитъ за нимъ, еще все ея сердце полно имъ; но вотъ въ послѣдній разъ мелькнула за горой красная шапка: какъ глухо, какъ пусто кругомъ!...

ГЛАВА VI.

Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій. Уже и листья, свернувшись, опали съ деревъ и подошли настоящіе морозы: надвинулись сѣрыя тучи, посыпало снѣгомъ, бѣлой шапкой накрылись лѣса, серебристой скатертью широко постлалася степь. Вотъ ужъ скоро „надбѣгутъ и „Риздьвяны святкы“... а о панѣ Жмайлѣ и о его храброй рати ни слуху, ни духу: поѣхали—точно въ воду канули.

Сидитъ Дорина въ своей свѣтлицѣ на „дзыглыку“ около оконца,—очей не открываетъ: и степь, и лѣса, и небо—все бѣлымъ саваномъ крыто—и тоска, тоска!.. Что теперь съ Романомъ, гдѣ онъ? Можетъ быть какъ разъ въ эту минуту какой нибудь татаринъ... Господи, сохрани и помилуй! И крупная слеза за слезой падаютъ на тонкое шитье. А можетъ быть этой „хусткою“ перевяжу Романа?! И сердце такъ радостно забьется, и какая то чудная теплота пробѣжитъ по всему тѣлу, и съ надеждой и вѣрой подымаются глаза къ образу, освѣщенному неугасаемой лампадой.

Потянулись длинные, зимніе вечера. Лежитъ Дорина на кровати, опершись головою на руки; а столѣтняя ветхая нянька однообразнымъ старческимъ голосомъ, покачивая сѣдой головой, разсказываетъ ей старыя сказки. И встаютъ передъ Дориной изъ темнаго угла страшные и чудные образы: вотъ поползли зловѣщіе драконы съ сверкающими глазами, вотъ промчалась на помелѣ страшная вѣдьма съ распущенной косой, а вонъ на тонкой вѣткѣ, надъ таинственнымъ озеромъ, закачалась блѣдная русалочка съ зелеными глазами, въ бѣлой, длинной одеждѣ—вся въ водоросляхъ; вонъ въ розовомъ лучѣ пролетѣла женщина, нѣтъ, легкій ангелъ со звѣздою на лбу, а за нимъ и „козакъ-нетяга“—спаситель, защитникъ. И толпятся эти образы одинъ за другимъ и тихо киваютъ Доринѣ то

сѣдыми, то граціозными головками, а старуха, однообразно шамкая губами, тихимъ безстрастнымъ голосомъ проводитъ сказку за сказкой. Жутко Доринѣ, не случилось бы и съ Романомъ чего такого—развѣ мало и теперь этихъ колдуновъ и колдуній, развѣ мало и теперь по глубокимъ озерамъ, по темнымъ лѣсамъ мавокѣ да русалокъ? „Господи, зглянься надъ намы!“ съ тоскою шепчетъ она, прижимая руки къ груди.—„Бабусю, а они и теперь встрѣчаются?“—„Кто ихъ знаетъ, дытыно, люди не разъ видѣли!“—„Можетъ быть и съ нашими что нибудь такое приключилось?“—„И и! козаку нечего боятьея: у него шабля свяченая; противъ нее нечистая сила ничего не сможетъ. Вотъ вернется Романъ, „ушкваримъ“ весилля, еще и тебѣ сына—молодца выняньчу!“

О, Господи, когда бъ оно случилось такъ! Да нѣтъ, это немыслимое счастье! Какъ она бросится къ нему, какъ разскажетъ, сколько безъ него выстрадала, какъ пригорнется! И изъ темноты смотрятъ на нее „коханыя очи“ тѣмъ самымъ взглядомъ, который такъ согрѣвалъ ей сердце. А о панѣ Жмайлѣ и о панѣ Романѣ ни слуху, ни вѣсти...

Молится она, кажется, всю душу выливаетъ въ молитвѣ. Въ церковь поѣдетъ и тамъ какъ то не такъ. Отецъ Андрей ужъ не тотъ: закручинился старикъ; чорнобрывенькая Олеся давно уже вышла замужъ за Ивана Богуша и уѣхала на веселую Украину.

Наступилъ февраль—лютый и мокрый; вечеръ; дождь и снѣгъ льетъ и стучитъ въ стекла окошекъ. Въ просторной свѣтлицѣ, въ чистой печи ярко пылаютъ и потрескиваютъ дрова; на печи „каганець“; на лавахъ рядомъ сидятъ „дивчата“, прядутъ „прядыво“; посреди хаты дѣдъ снуетъ основу; пани наблюдаетъ, чтобъ „дивчата“ не теряли даромъ времени; тутъ же и Дорина. Тоскливо въ хатѣ, только однообразно жужжатъ веретена, да несется „дивоча“, грустная, тихая пѣсня. Двери скрыпнули, показалась баба.

„Пани, бандуриста пришелъ“.—„Веди его, веди, да неси сюда закуски, наливки разной“. Всѣ всполошились: вотъ теперь то они узнаютъ, что дѣлается на свѣтѣ бѣломъ. Сердце Дорины замерло за свою судьбу; какъ страшно! лучше бъ ужъ и не знать!—Въ хату вошелъ высокій, степенный старикъ. Сѣдые его усы спадали на грудь, „оселедець“ закрутился вокругъ уха, на лбу прошли двѣ глубокія

морщины; слѣпое его лицо дышало выраженіемъ, а незрячіе глаза, казалось, говорили. Старикъ шелъ твердо, прямо; за нимъ мальчикъ несъ бандуру. Дивчата поклонились; пани встала къ нему на встрѣчу: „Будьте здоровы, дѣду!“—„Будь здорова и ты!“—„Садитесь, диду, утомились?“—„Сядемъ, пора отдохнуть“.—„Да ближе къ печи, сбросьте „керею“ и не побрезгайте, повечеряйте съ нами, чѣмъ Богъ послалъ“. — „Ничего, не помѣшаетъ!“ Дѣдъ медленно опустился, снялъ керею, и оглянулся, точно могъ что нибудь видѣть.

— „Ну, а дочка гдѣ жъ?“ Дорина подошла.

— „Эге, какъ выросла: давно я у васъ былъ“... онъ положилъ ей руку на голову: „Э! замужъ пора... ростетъ то все... пора, пора намъ на покой!“

„Эхъ, дѣду, куда вамъ на покой? какой вы еще старикъ?“

„Что ты, пани!“ дѣдъ ласково улыбнулся,„ я и самъ, почитай, ужъ забылъ, да и не сочту, сколько мнѣ годовъ то... много... много... Ну давай, что тамъ у тебя припасено?!“ Наконецъ пани замѣтила, что бандуристъ подкрѣпился.—„Что жъ, дидусю, въ бѣломъ свѣтѣ дѣется? Не слыхали ли чего о походѣ пана Жмайла?“—„Слышалъ, слышалъ, можно и запѣть!“ Дѣдъ расправилъ свои усы:— „а ну, хлопче, давай ка мнѣ сюда бандуру!“ Онъ осторожно вынулъ ее изъ мѣшка, сдулъ пыль. Раздались первые аккорды—все притихло. Ударили пальцы по струнамъ и полилась торжественная дума. О походѣ пана Жмайла говорилось въ ней, о подвигахъ его храбрыхъ товарищей, о его храбрости, да объ удали пана Романа. Гей, и много храбрыхъ рыцарей, да кто сравнится съ молодымъ Громыкою?!

Съ замираніемъ сердца ловитъ Дорина каждое слово. Блестящая была битва: далеко загнали козаки войско татарское, многихъ бранокъ назадъ повернули, да только горько она окончилась: видѣли всѣ, какъ у стараго Громыки на спинѣ зіяла страшная рана. Соромъ упалъ на козацкія головы: кто могъ нанести такой предательскій ударъ? Схоронили козаки стараго Громыку; только вѣрно Богъ наказалъ ихъ за предательство, потому что съ тѣхъ поръ ни одинъ еще козакъ домой не вернулся.

Тоди Украина зажурылася; де жъ вы зъ паномъ Громыкою опростылыся?
Тоди ôрлы брâты заклекотилы: де жъ вы нашого Громыку подилы?
Тоди сыви хмары заплакалы: де жъ це вы Громыку поховалы?
Не на мылій Украини, на далекій на чужыни?

Торжественнымъ аккордомъ закончилась дума. Замеръ голосъ бандуриста; въ хатѣ раздался тихій плачъ—въ немъ было все: и жалость, и радость, и разрѣшеніе мучительно-напряженнаго состоянія.

Всю ночь не спала Дорина. Ночь безсонная отъ восторга! Онъ живъ, онъ вернется, покрытый славою! Сбылись ея мечты! Неужели, неужели наступило ея счастье? И не спится Доринѣ, и не можетъ она уснуть, а мысли одна другой теплѣе, одна другой заманчивѣе толпятся въ ея головѣ. Вскочить бы, разсказать бы кому, подѣлиться бы съ кѣмъ своимъ счастьемъ! И съ восторгомъ шепчутъ уста: коханый мой, желанный мой—ты живъ, ты будешь счастливъ!

На утро всѣхъ подняла тревога: пріѣхалъ панъ Жмайло. Выскочила Дорина; собралась вся челядь на „ґанку“. Тяжело слѣзъ панъ съ коня, махнулъ челяди рукою, еле поздоровался съ женой, сухо глянулъ на Дорину, молча прошелъ въ свою комнату—и ни слова... Ахнули всѣ и диву дались:—что сталося съ нимъ? Старикомъ дряхлымъ сталъ Жмайло: глаза глубоко ввалились, носъ заострился крючкомъ, побѣлѣли чуприна, усы; согнулся могучій станъ; угрюмый, какъ грозовая туча. Не боленъ ли? Не случилось ли чего? Бросилась къ нему пани разспрашивать: что и какъ; да не тутъ то было: молчитъ Жмайло. „Не захворалъ ли ты? не послать ли за знахаремъ, не позвать ли батюшку?“

„Хоронить меня собираешься?“ Жмайло медленно поднялъ на жену свои потускнѣвшіе глаза:—„мѣшаю вамъ“, онъ захохоталъ, „не трудитесь—еще не скоро умру!“

„Да что ты, Богъ съ тобой, полѣчили бы тебя, можетъ бы что помогло, а то вотъ мучитъ тебя что то, на себя не похожъ сталъ“...

„Не похожъ сталъ, говоришь?“...

„Да лица на тебѣ нѣтъ, пошлю я“...

„Оставь! самъ себя лѣчить умѣю и ничто меня не мучитъ! Что за глупыя мысли забрались въ твою голову!? Слышишь: ничто!!“ Онъ стукнулъ кулакомъ по столу: „Йди!!“

Что жъ это о Романѣ не говоритъ отецъ ничего? Какое то подозрѣніе закрадывается въ душу Дорины. Спросить бы,—не хватаетъ духу; можетъ отдохнетъ, поправится старикъ—тогда. Разспрашивала козаковъ: говорятъ живъ, здоровъ, съ громкою славою, съ богатыми дарами изъ похода выѣхалъ; до Днѣстра видѣли...

Отчего жъ противъ воли такъ тоскливо щемитъ и сжимается сердце? А съ пріѣздомъ пана Жмайла и тѣ небольшія блесточки веселья, и тѣ угасли, и точно что то тяжелое, гнетущее опустилось на домъ. Прошла недѣля—старику не лучше, а все крѣпится, хочетъ обмануть себя и другихъ; еще недѣля—чувствуетъ Жмайло приближеніе смерти и сзываетъ онъ въ свою комнату всѣхъ домачадцевъ выслушать его послѣднюю волю. Вошла Дорина да такъ и остолбенѣла на порогѣ: и прежде она боялась этой мрачной комнаты, а сегодня здѣсь было ужасно—здѣсь пахло смертью...

Направо отъ двери, на низкомъ оттоманѣ, покрытомъ зеленою ковдрою, на высоко наложенныхъ красныхъ подушкахъ лежалъ отецъ. Нѣтъ, это не онъ! Дорина не узнала его: передъ ней лежалъ столѣтній старикъ. Какъ страшно отдѣлялось отъ подушки его зеленовато-желтое изсохшее лицо. Сѣдая чуприна разметалась, запекшіяся губы змѣятся жестокой улыбкой; изъ-подъ нависшихъ бровей глаза горятъ мрачнымъ огнемъ. Глянулъ на Дорину Жмайло—и похолодѣла она.

Всѣ стоятъ, опустивши головы; подлѣ старика пани тихо плачетъ; о чемъ она плачетъ? Что принесъ ей этотъ человѣкъ, кромѣ зла? Жмайло приподнялся на локтѣ и началъ хриплымъ голосомъ:

„Собралъ я васъ тутъ всѣхъ, чтобы вы всѣ слышали мою послѣднюю волю: моя послѣдняя воля, чтобъ дочка моя Дорина вышла замужъ; она одна осталась въ нашемъ родѣ,—ей и продолжать его должно. Клянись же мнѣ, жена, клянись, что родъ мой не угаснетъ!“ Пани хотѣла что то отвѣтить, но не слушались запекшіяся губы.

„А ты, обратился онъ къ Доринѣ:—ты клянись мнѣ, что послушаешь матери; я и съ того свѣта видѣть всѣхъ васъ буду. Клянись мнѣ!“ Дорина вздрогнула.

„На колѣни и клянись!“

„Батьку, тату... а!“...

„Клянешься ты?“

„ А Романъ?“

Старикъ поднялся, сверкнулъ глазами и страшно захохоталъ: „Теперь“ крикнулъ онъ громовымъ голосомъ и повернулъ къ Доринѣ

свои желтые бѣлки, „теперь и за Романа“... Кровь хлынула горломъ и задушила остальныя слова. Раздался страшный хрипъ, поднятая рука закостенѣла въ воздухѣ. Дорина закрыла глаза, пани бросилась къ оттоманкѣ—на подушкахъ лежалъ ужасный трупъ.

ГЛАВА VII.

Похоронили Жмайла. Прошла зима. Проворные великаны-облака, выкрали и спасли отъ жестокой зимы красавицу Ладу-весну. Пролетѣла Лада надъ землею; улыбнулась теплой улыбкой и сбѣжалъ послѣдній снѣжокъ и растаяла послѣдняя льдинка. Надъ зеленымъ озеромъ поднялъ голову дѣдушка-водяной и сонными глазами оглянулся кругомъ; изъ голубой рѣчки вынырнула радостная русалочка; забѣгали, захохотали, закивали въ ожившемъ лѣсу проворныя „мавки“.. Прилетѣли и жаворонки, да не принесли они вѣсти о панѣ Романѣ.

Вотъ май развернулся со всею своею роскошью; потянулись теплыя лунныя ночи съ безконечными трелями соловья. Доринѣ не спится... душно въ низенькихъ комнатахъ... а въ саду такъ тепло... такъ хорошо! Воздухъ—тонкій, раздражающій ароматъ; гдѣ то невдалекѣ заливается соловей; съ болота несется мѣрный крикъ лягушекъ; дорожки всѣ въ цвѣту; въ темнотѣ на листьяхъ блестятъ майскіе жуки... а изъ подъ широкихъ темныхъ листьевъ, изъ подъ прохладной тѣни, тоненькіе ландыши точно протягиваютъ свои головки къ блѣдному свѣту мѣсяца... Все живетъ, все дышетъ, все приготовляется къ новой жизни; а она? Въ ней все перетлѣло, все погребено... и въ глубоко запавшихъ глазахъ не видно ни огня, ни луча, ни искорки... Хотя бы знать, наконецъ, что съ Романомъ—гдѣ онъ? Живъ ли... она боялась докончить свою мысль.

„Господи, если умеръ онъ, пріими меня къ себѣ, не разлучай меня съ нимъ: мнѣ безъ него не жить здѣсь... не жить!“... Длинная вѣтка жасмина зацѣпилась ей за голову и осыпала ей все лицо душистымъ цвѣтомъ. „Романъ, вѣдь если ты... ты жъ видишь, какъ я страдаю, отчего же ты меня?“... Она подняла глаза къ небу, точно ждала сейчасъ увидѣть отвѣтъ на свои мысли... Но небо оставалось такое же глубокое, темное и безмолвное. И постоявши нѣсколько секундъ, снова пошла дальше Дорина. Вотъ и знакомое мѣсто. Сколько

здѣсь прошло счастливыхъ вечеровъ! Все осталось по прежнему: такъ же тихо шепчутъ листья тополей, и такъ же выглядываетъ изъ-за нихъ двурогій мѣсяцъ. „Да гдѣ же ты, Романъ, гдѣ же ты?“ И изъ ввалившихся глазъ медленно выкатилась послѣдняя слеза:—„А вѣдь ты клялся, здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, не бросить меня никогда? Клялся! Не пріѣхалъ, не взялъ съ собою! И ты, мѣсяцъ, ты жъ свидѣтелемъ былъ, отчего жъ молчишь, что жъ теперь скажешь?!“ Раздался глухой топотъ.. Дорина вздрогнула... что это? Не сонъ ли это? Къ стѣнѣ подскакалъ Романъ. Голова его опущена на грудь, сквозь рѣсницы грустно смотрятъ полузакрытые глаза, лицо блѣдное... шапка сдвинута на бокъ, чубъ спустился на холодный лобъ, губы сжаты, рука опустила поводья...

„Романе!“ Дорина бросилась къ нему; онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, только какъ холодны его объятья!—„Пріѣхалъ за тобою!“—„Знала, знала, мое счастье, что ты не бросишь меня!“— „Садись, поѣдемъ!“—„Какъ, куда!?“—„Ко мнѣ, въ мой домъ“.— „Коханый мой, зачѣмъ? Лучше пойдемъ къ матери, она согласится, она согласна!“—„Нѣтъ, нельзя. Садись скорѣй, поѣдемъ!“ Дорина обхватила его шею, Романъ посадилъ ее поперекъ сѣдла, одною рукою держитъ за станъ. Конь тихо двинулся. Ѣдутъ черезъ широкій дворъ,—все спитъ кругомъ. Подъѣзжаютъ къ высокимъ воротамъ:—ворота беззвучно упали.

„Коханый мой, куда жъ мы ѣдемъ?“

„Въ мой домъ!“.

„А гдѣ жъ онъ?“

„Тамъ, недалеко“

Ночь таинственная, безмолвная ночь. Мѣсяцъ заливаетъ землю холоднымъ свѣтомъ. Блестятъ кремнистыя горы,—лентой вьется впереди дорога. Конь беззвучно ступаетъ; мелькаютъ лѣса и овраги. Мѣсяцъ свѣтитъ прямо въ лицо Роману. Отчего онъ блѣдный такой? Глаза смотрятъ на нее, тѣ самыя сѣрыя очи, только отчего они полузакрыты и такія грустныя? „Романе, голубе мой, что съ тобою?“

„Ничего“

„Любишь ли ты меня?“

„Я ль люблю?“ Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ; она припала къ нему на грудь, сердце переполнено неожиданнымъ счастьемъ..

Тихая, мертвая ночь; луна ярко свѣтитъ; конь беззвучно ступаетъ, а передъ глазами быстро проходятъ горы и степи, лѣса. Вотъ они въѣхали въ дремучій лѣсъ—широкая, прямая просѣка, по сторонамъ высокой стѣной ровныя, черныя деревья; мѣсяца не видно за ними... тихо въ лѣсу... Взглянетъ Дорина въ лицо Роману—жутко ей отъ этой тишины.

„Гдѣ жъ твой домъ?"

„Вотъ тамъ, ужъ недалеко"

Ни шелеста, ни пѣсни, ни звука... Проѣхали гору, впереди длинной лентой вьется дорога. Кругомъ степь, безлюдная степь... Вотъ вдали сверкнулъ Днѣстръ. Горы все круче и круче. И снова спрашиваетъ Дорина Романа: „коханый мой, скоро ль твой домъ?" Далеко блеснулъ крестъ. Романъ поднялъ руку: „Вотъ—сейчасъ пріѣдемъ!" Сердце заныло у Дорины. А конь взбирается на страшныя крутизны и точно тѣнь скользитъ надъ глубокими провальями, надъ бездонными пропастями. Но вотъ—конь сталъ. Передъ Дориной маленькая капличка съ крестомъ, и подлѣ нея раскрытая, громадная могила. Глянула Дорина—и все поняла. Въ ужасѣ прыгнула она съ коня и бросилась на паперть. „Такъ вотъ оно что! О, Боже, Боже! спаси меня." Она рыдаетъ и ломаетъ руки. Смотритъ на нее Романъ грустнымъ взглядомъ: „Такъ вотъ какъ ты любила меня?!" Голосъ его полонъ тоски и упрека:—„Неужели ты боишься твоего Романа, неужели ты боишься умереть?" Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки —„Ты не бойся, мы не умремъ никогда, никогда: наша любовь не можетъ умереть, она будетъ согрѣвать намъ грудь, заставитъ биться наше сердце. . Ты жъ видишь,—моя любовь не дала умереть мнѣ; она заставила меня встать изъ могилы и привела къ тебѣ". Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки. И снова Романъ умоляетъ ее: „Прійди ко мнѣ!" —сколько горечи и неземной мольбы дрожитъ въ его голосѣ.—„Дай мнѣ покой, дай мнѣ счастье!"

Конь, опустивши голову, тихо сошелъ въ могилу.

„Видишь, Дорино, конь-друзяка и тотъ не бросилъ меня, неужели же ты, моя единая, неужели ты кинешь меня?" Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки.

„Дорино, мы только днемъ будемъ лежать, покуда „гомонять" люди, а какъ только зайдетъ солнце и серебряный ободокъ

здѣсь прошло счастливыхъ вечеровъ! Все осталось по прежнему: такъ же тихо шепчутъ листья тополей, и такъ же выглядываетъ изъ-за нихъ двурогій мѣсяцъ. „Да гдѣ же ты, Романъ, гдѣ же ты?“ И изъ ввалившихся глазъ медленно выкатилась послѣдняя слеза:—„А вѣдь ты клялся, здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, не бросить меня никогда? Клялся! Не пріѣхалъ, не взялъ съ собою! И ты, мѣсяцъ, ты жъ свидѣтелемъ былъ, отчего жъ молчишь, что жъ теперь скажешь?!“ Раздался глухой топотъ.. Дорина вздрогнула... что это? Не сонъ ли это? Къ стѣнѣ подскакалъ Романъ. Голова его опущена на грудь, сквозь рѣсницы грустно смотрятъ полузакрытые глаза, лицо блѣдное... шапка сдвинута на бокъ, чубъ спустился на холодный лобъ, губы сжаты, рука опустила поводья...

„Романе!“ Дорина бросилась къ нему; онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, только какъ холодны его объятья!—„Пріѣхалъ за тобою!“—„Знала, знала, мое счастье, что ты не бросишь меня!“—„Садись, поѣдемъ!“—„Какъ, куда!?“—„Ко мнѣ, въ мой домъ“.—„Коханый мой, зачѣмъ? Лучше пойдемъ къ матери, она согласится, она согласна!“—„Нѣтъ, нельзя. Садись скорѣй, поѣдемъ!“ Дорина обхватила его шею, Романъ посадилъ ее поперекъ сѣдла, одною рукою держитъ за станъ. Конь тихо двинулся. Ѣдутъ черезъ широкій дворъ,—все спитъ кругомъ. Подъѣзжаютъ къ высокимъ воротамъ:—ворота беззвучно упали.

„Коханый мой, куда жъ мы ѣдемъ?“

„Въ мой домъ!“.

„А гдѣ жъ онъ?“

„Тамъ, недалеко“

Ночь таинственная, безмолвная ночь. Мѣсяцъ заливаетъ землю холоднымъ свѣтомъ. Блестятъ кремнистыя горы,—лентой вьется впереди дорога. Конь беззвучно ступаетъ; мелькаютъ лѣса и овраги. Мѣсяцъ свѣтитъ прямо въ лицо Роману. Отчего онъ блѣдный такой? Глаза смотрятъ на нее, тѣ самыя сѣрыя очи, только отчего они полузакрыты и такія грустныя? „Романе, голубе мой, что съ тобою?“

„Ничего“

„Любишь ли ты меня?“

„Я ль люблю?“ Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ; она прижала къ нему на грудь, сердце переполнено неожиданнымъ счастьемъ..

Тихая, мертвая ночь; луна ярко свѣтитъ; конь беззвучно ступаетъ, а передъ глазами быстро проходятъ горы и степи, лѣса. Вотъ они въѣхали въ дремучій лѣсъ—широкая, прямая просѣка, по сторонамъ высокой стѣной ровныя, черныя деревья; мѣсяца не видно за ними... тихо въ лѣсу... Взглянетъ Дорина въ лицо Роману—жутко ей отъ этой тишины.

„Гдѣ жъ твой домъ?"

„Вотъ тамъ, ужъ недалеко"

Ни шелеста, ни пѣсни, ни звука... Проѣхали гору, впереди длинной лентой вьется дорога. Кругомъ степь, безлюдная степь... Вотъ вдали сверкнулъ Днѣстръ. Горы все круче и круче. И снова спрашиваетъ Дорина Романа: „коханый мой, скоро ль твой домъ?" Далеко блеснулъ крестъ. Романъ поднялъ руку: „Вотъ—сейчасъ пріѣдемъ!" Сердце заныло у Дорины. А конь взбирается на страшныя крутизны и точно тѣнь скользитъ надъ глубокими провальями, надъ бездонными пропастями. Но вотъ—конь сталъ. Передъ Дориной маленькая капличка съ крестомъ, и подлѣ нея раскрытая, громадная могила. Глянула Дорина—и все поняла. Въ ужасѣ прыгнула она съ коня и бросилась на паперть. „Такъ вотъ оно что! О, Боже, Боже! спаси меня." Она рыдаетъ и ломаетъ руки. Смотритъ на нее Романъ грустнымъ взглядомъ: „Такъ вотъ какъ ты любила меня?!" Голосъ его полонъ тоски и упрека:—„Неужели ты боишься твоего Романа, неужели ты боишься умереть?" Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки —„Ты не бойся, мы не умремъ никогда, никогда: наша любовь не можетъ умереть, она будетъ согрѣвать намъ грудь, заставитъ биться наше сердце. . Ты жъ видишь,—моя любовь не дала умереть мнѣ; она заставила меня встать изъ могилы и привела къ тебѣ". Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки. И снова Романъ умоляетъ ее: „Прійди ко мнѣ!" —сколько горечи и неземной мольбы дрожитъ въ его голосѣ.— „Дай мнѣ покой, дай мнѣ счастье!"

Конь, опустивши голову, тихо сошелъ въ могилу.

„Видишь, Дорино, конь-друзяка и тотъ не бросилъ меня, неужели же ты, моя единая, неужели ты кинешь меня?" Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки.

„Дорино, мы только днемъ будемъ лежать, покуда „гомонять" люди, а какъ только зайдетъ солнце и серебряный ободокъ

мѣсяца вырѣжется на небѣ,—раскроется наша могила и мы снова будемъ выходить на землю".

А мѣсяцъ ужъ блѣднѣетъ; подулъ утренній вѣтерокъ; потянуло сыростью; пронеслась стая куличковъ. На востокѣ свѣтлѣетъ розовая полоска.

И съ отчаяньемъ снова умоляетъ онъ Дорину: „Скорѣе, скорѣе, коханая моя, ужъ солнце недалеко!"

Она видитъ его лучистые глаза, видитъ, сколько любви, сколько тоски въ нихъ!—„Дорино!", одною ногою онъ ступилъ уже въ могилу.—„Коханая моя!" Онъ весь блѣднѣетъ, точно таетъ въ воздухѣ...

„Единая моя!" Дорогое лицо съ мольбой смотритъ на нее, руки въ послѣдній разъ къ ней протянулись.

„Беры мене, Романе!" Она бросилась къ нему, онъ схватилъ ее на руки, обнялъ, въ глазахъ мелькнулъ прежній огонь: „Моя Дорина, моя!"

Могила тихо закрылась и покрыла обоихъ. Гдѣ то далеко ударилъ колоколъ и торжествующее выплыло солнце.. И съ той поры каждую ночь, чуть солнце спрячется за горою и надъ землею встанетъ легкій туманъ, а въ чистой волнѣ ручейка закачается вечерняя звѣзда—открывается широкая могила и выходятъ изъ нея Романъ и Дорина; сядутъ они, обнимутся, никому незримые, и ведутъ между собой до зари тихія, нѣжныя рѣчи. И тихо кругомъ, только вѣтеръ подлетитъ, подслушаетъ ихъ бесѣду и передастъ верхушкамъ деревъ, что дѣлается вверху на одинокой могилѣ.

Да, то не ручьи падаютъ со скалы въ обрывъ, то катятся слезы Романа и Дорины; то не калина шумитъ,—то ихъ голоса ведутъ тихую рѣчь. Да, то не скала раздѣляетъ ручьи,—то Дорининъ убійца-отецъ, обратившись въ камень, и послѣ смерти хочетъ разъединить ихъ; но слезы Дорины все бѣгутъ и подмываютъ мрачный камень—и настанетъ пора, когда рухнетъ черная скала, а ручьи соединятся на всю жизнь, навсегда...

Людмила Ста́рицкая.

СТАРАЯ БРАЦЛАВЩИНА И ЕЯ ЛЮДИ.

II.

Ольбрыхтъ Кохановскій, судья земскій брацлавскій[1])

(1620 г.—1642 г.).

Со времени люблинской уніи 1569 г., а еще больше съ 1581 г. послѣдовало уравненіе брацлавскаго воеводства съ коренными польскими воеводствами въ устройствѣ земскихъ учрежденій и должностей. Съ этого времени появляются брацлавскіе воеводы и каштеляны, а за ними подкоморіи, хорунжіи, судьи, стольники, подсудки, писари и т. д. Въ началѣ всѣ эти должности какъ сенаторскія, такъ и чисто земскія занимались исключительно людьми мѣстными, русскими. Такъ, санъ брацлавскаго воеводы до 1609 года принадлежалъ послѣдовательно князьямъ Роману и Юрію Сангушкамъ, Янушу Збаражскому и Іосифу Тышкевичу. Каштелянами брацлавскими вплоть до 1618 г. были тоже люди русскіе: князь Юрій Капуста, Михаилъ Вишневецкій, Василій Загоровскій, Александръ Семашко, Григорій Сангушко и Николай Семашко. Затѣмъ эти должности переходятъ: воеводство къ Яну Потоцкому, а каштелянство къ Яну Харленскому—оба поляки; послѣ этого въ должности воеводы и каштеляна мы русскихъ не видимъ. То же самое замѣчается и въ чисто земскихъ должностяхъ.

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, по имѣющимся у меня документамъ и декретамъ XVIII ст., относящимся къ процессу винницкаго войскаго Мартина Раковскаго съ наслѣдниками каштеляна каминскаго Станислава Коссаковскаго, тягавшимися за кобыленскія земли. Къ сожалѣнію, самые интересные документы, упоминаемые здѣсь мною, какъ то: Тарифа подымнаго брацлавскаго во-два 1629 г., Инструкція винницкимъ посламъ на сеймъ 1641 г. и три завѣщанія Кохановскаго—извѣстны мнѣ только изъ отрывочныхъ цитатъ.

Первымъ брацлавскимъ земскимъ судіей былъ Иванъ Кошка, владѣвшій значительными имѣніями въ брацлавскомъ повѣтѣ. Послѣдній разъ встрѣчаемъ его имя въ этой должности 6 августа 1585 г. при отводѣ границъ кобыленскаго имѣнія. Въ началѣ XVII ст. въ этой должности мы видимъ богатаго и вліятельнаго земянина винницкаго повѣта Ивана Черленковскаго [1]). Другія земскія должности: хорунжаго, стольника, мечника, подсудка, писаря и т. д., переходили между членами тоже мѣстныхъ православныхъ родовъ: Дешковскихъ, Шашковъ, Кропивницкихъ, Черленковскихъ, Микулинскихъ и др. Съ теченіемъ времени русскій элементъ постепенно вытѣсняется пришлымъ польскимъ, такъ что ко времени возстанія Богдана Хмельницкаго на земскихъ должностяхъ нѣтъ почти вовсе русскихъ людей.—Должность брацлавскаго земскаго судьи въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. впервые переходитъ къ поляку, а именно къ Ольбрыхту Кохановскому.

Въ Брацлавщинѣ это былъ homo novus. Выходецъ изъ коренной Польши, извѣстнаго въ сендомирскомъ воеводствѣ рода, съ довольно сильными связями съ первыми вельможами въ государствѣ, но безъ всякихъ почти собственныхъ средствъ, одаренный щедро личными качествами, Ольбрыхтъ Кохановскій является на этой русской окраинѣ весьма интереснымъ типомъ. Это одинъ изъ лучшихъ представителей безчисленнаго множества карьеристовъ и искателей счастія въ далекой злачной украйнѣ, которые впослѣдствіи пріобрѣли громкую славу непризнанныхъ цивилизаторовъ дикой страны, а еще больше колонизаторовъ и устроителей пустыхъ пространствъ. Старая басня о мирныхъ пріобрѣтеніяхъ польскаго плуга на восточныхъ пустыряхъ государства по отношенію къ Брацлавщинѣ сводится въ сущности къ тому, что эти колонизаторы пустырей попадали чаще всего не на пустыя пространства, а поселялись среди мѣстнаго осѣвшаго населенія, которое и прибирали къ своимъ болѣе опытнымъ рукамъ.

Въ первой половинѣ XVII ст. въ сѣверной Брацлавщинѣ, т. е. въ винницкомъ повѣтѣ, вовсе не было уже пустыхъ пространствъ и никому не принадлежащихъ необмежеванныхъ земель, а между тѣмъ въ это то время и замѣчается усиленный приливъ поляковъ въ эту мѣстность. Значительная убыль мѣстнаго населенія въ низшихъ, крестьянскихъ слояхъ, послѣдовавшая послѣ татарскихъ набѣговъ и козацкихъ движеній, быстро пополнялась изъ русскихъ провинцій, менѣе разоренныхъ, безъ всякаго участія польскаго крестьянства. Пришлый

---

[1]) Żródła dziejowe, V, 71.

польскій элементъ состоялъ почти исключительно изъ шляхетскаго сословія. Кромѣ нѣсколькихъ родовъ сановитыхъ магнатовъ, получившихъ въ Брацлавщинѣ значительныя пожалованія изъ королевскихъ имѣній и пріобрѣвшихъ много земель покупкою, главный контингентъ пришельцевъ состоялъ изъ мелкой служилой шляхты, получавшей иногда державы, а въ большинствѣ случаевъ сопровождавшей своихъ богатыхъ патроновъ въ качествѣ военныхъ или дворныхъ слугъ.

Ольбрыхтъ Кохановскій несомнѣнно выдѣлялся изъ этой массы; онъ обладалъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлать въ Брацлавщинѣ совершенно самостоятельно быструю карьеру. Блестящее для своего времени образованіе, недюжинныя умственныя дарованія, предпріимчивость, замѣчательная энергія и тактъ, широкія родственныя связи въ руководящихъ сферахъ—всѣ эти качества вмѣстѣ съ удачной женитьбой помогли Кохановскому въ самое короткое время сдѣлаться богатымъ человѣкомъ и занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди брацлавскаго земянства.

Когда и по какому случаю явился онъ въ Брацлавщину, съ точностію установить трудно. Ему было уже лѣтъ подъ пятьдесятъ, когда онъ, между 1615 и 1618 гг., женился на богатой вдовѣ Александрѣ Боглевской, урожденной Красносельской. Она, вмѣстѣ съ единственнымъ своимъ братомъ Богданомъ Красносельскимъ, получила богатое наслѣдство послѣ родителей въ хмельницкомъ и брацлавскомъ повѣтахъ, но по раздѣлу братъ выплатилъ ея удѣлъ деньгами. Только часть с. Криковецъ въ брацлавскомъ повѣтѣ осталась за нею. Уже послѣ выхода вторично замужъ за Кохановскаго, Александра пріобрѣла отъ Станислава Кронковскаго его право на половину кобыленскихъ имѣній, доставшихся по выдѣлу отъ Θедора Гневошовича Стрижевскаго его дочерямъ Аполлоніи Кронковской и Татьянѣ Шерадовской. Эта покупка случилась около 1618 г.

Покупка богатаго имѣнія подъ самой Винницей, родство съ извѣстнымъ въ Брацлавщинѣ родомъ Красносельскихъ, личныя качества и связи поставили Кохановскаго сразу на видномъ мѣстѣ. Къ тому же земяне отнеслись къ нему сочувственно еще по одной важной причинѣ. Въ то время винницкимъ старостой былъ Адамъ Калиновскій, богатый и сильный магнатъ, досадившій безпардонными наѣздами, грабежами и насиліями всѣмъ земянамъ, имѣвшимъ несчастіе быть его сосѣдями какъ въ старостинскихъ, такъ и въ его частныхъ имѣніяхъ. Найти защиту противъ пана старосты являлось

на дѣлѣ почти невозможнымъ, и всѣ его продѣлки въ концѣ концовъ оставались безнаказанными. Нѣкоторые владѣльцы вынуждены были продать ему свои права за пустую цѣну, лишь бы избавиться отъ постоянныхъ непріятностей и нашествій. Въ одномъ Кохановскомъ встрѣтилъ онъ непобѣдимаго противника. Купивъ права Кронковскихъ въ кобыленскомъ имѣніи, Кохановскій засталъ готовые процессы съ Калиновскимъ, и не уступая ему ни на шагъ, повелъ ожесточенную съ нимъ войну какъ въ судахъ, такъ и на межахъ своихъ имѣній. Ко всеобщему удивленію, Кохановскій съ перваго же начала сталъ выигрывать всѣ процессы, одинъ за другимъ, весьма быстро, и отстаивать даже силою свои интересы, чѣмъ возбудилъ къ себѣ сочувствіе и уваженіе.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы, а именно въ 1624 г., мы встрѣчаемъ его сразу на должности брацлавскаго земскаго судьи. Намъ не удалось найти слѣдовъ и указаній на то, чтобы онъ до этого занималъ какой либо служебный постъ въ брацлавскомъ земствѣ. Должность земскаго судьи какъ по положенію ея въ лѣстницѣ польскихъ должностей, такъ и по дѣйствительному ея значенію и власти, принадлежала къ числу почетныхъ и завидныхъ въ воеводствѣ. Земскіе судьи, наравнѣ съ подкоморіями, маршалками, подсудками и писарями земства, назначались королемъ, по одному на каждое воеводство, пожизненно или до поступленія на высшую должность изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ шляхтой по избранію на сеймикѣ воеводскомъ. Въ составъ земскаго суда входили: судья съ властью предсѣдательской, подсудокъ и писарь; этому суду подсудны были всѣ гражданскія дѣла шляхты даннаго воеводства. Вмѣсто жалованья, члены суда получали въ свою пользу судебныя пошлины отъ тяжущихся и за явку актовъ въ земскія книги, а равно за выдачу выписей. Со времени учрежденія трибуналовъ въ 1581 г., апелляціонной инстанціей для брацлавскаго земскаго суда былъ люблинскій трибуналъ. Въ рукахъ земскаго судьи сосредоточивались гражданскіе интересы шляхты всего воеводства и если онъ былъ мало мальски энергиченъ и дѣятеленъ, то весьма легко пріобрѣталъ серьезное вліяніе и значеніе. Неудивительно поэтому, что и Кохановскій очень скоро является представителемъ брацлавской шляхты на коронныхъ сеймахъ въ роли земскаго посла. На сеймахъ мы видимъ его послѣдовательно въ 1627, 1631, 1632 (элекція Владислава IV) и 1633 годахъ, гдѣ онъ видимо всегда былъ отмѣченъ, такъ какъ почти каждый разъ на него возлагались спеціальныя порученія отъ сейма

по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Въ 1627 г. онъ былъ назначенъ сборщикомъ земскихъ повинностей по своему воеводству; при этомъ оставленъ при немъ и сборъ чоповаго налога и кромѣ того его же избираютъ депутатомъ отъ сейма въ коммиссію для установленія цѣнъ (pretia rerum). На сеймѣ коронномъ 1631 г. онъ избранъ сеймовымъ депутатомъ на два года въ радомскій трибуналъ, вѣдавшій дѣла о государственныхъ сборахъ и податяхъ, о ихъ расходованіи и общій контроль. Въ 1633 г. сеймъ избралъ коммиссію для изысканія средствъ на поставку провіанта для войскъ, расположенныхъ въ Украинѣ, назначивъ съѣздъ этой коммиссіи во Львовѣ на 13 генваря 1634 г. Въ составъ этой коммиссіи попалъ и Кохановскій вмѣстѣ со своими подчиненными: подсудкомъ Михаиломъ Кропивницкимъ и земскимъ писаремъ Сильвестромъ Черлинковскимъ [1]).

Работалъ онъ на пользу общества и государства, какъ и другіе, не безкорыстно. Западная граница кобыленскихъ грунтовъ проходила почти подъ самымъ селомъ Калетинцами надъ рѣчкой Нетяги. Это были старые хутора подъ названіемъ Нетяги, тянувшіеся по теченію рѣчки того же имени, примыкавшіе къ огромному въ то время пруду и лѣсу, слывшими подъ названіемъ Калетыны хутора, Калетынъ ставъ. Западнѣе Нетягъ, у верховьевъ рѣчки Хомутной было старое село Телепинчынъ Рогъ. Поселенія эти считались королевскими и тянули къ винницкому замку. Въ концѣ XVI ст. винницкій староста Юрій Струсъ передалъ эти поселенія въ раззоренномъ видѣ за военные заслуги въ посессію шляхтичу Мартину Хруслинскому; пожалованіе это утверждено королевской грамотой отъ 23 августа 1599 г. Люстрація 1615 г. показываетъ за Хруслинскимъ село слободу «Калужинцы» (описка: должно быть Калитинцы). Въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. посессія эта оказалась почему то вакантной и Кохановскій на первомъ же сеймѣ, въ которомъ участвовалъ, успѣлъ ее выхлопотать у короля для себя. Въ это время народонаселеніе увеличивалось и на Калитинскихъ, къ сѣверу отъ села на рѣчкѣ Хомутной, основался новый поселокъ. Люстрація 1629 г. называетъ эти поселенія: село Калютинцы alias Хруслинцы и село Слобода Новая alias Амброзовице; это нынѣшнія Большія и Малыя Крушлинцы. Село Телепинчынъ Рогъ удержало до сихъ поръ старое названіе въ измѣненномъ видѣ—Телепеньки [2]). Несмотря на сложную и разнородную дѣятельность Кохановскаго въ

---

[1]) Vol. Leg. III, f. f. 539, 546, 575, 673, 772, 788 и 789.

[2]) *Zródła Dziejowe V*, стр. 72 и 187; *Арх. ю.-з. Рос.* VII, I, ст. 259.

качествѣ земскаго судьи и посла на сеймы, онъ проявилъ замѣчательную энергію въ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ своихъ имѣній. Кобыленскія имѣнія занимали почти все пространство земель по системѣ рѣчки Кобыльной, лѣваго притока Буговой Десны или, какъ ее въ старину называли, Десныци. Рѣчка Кобыльная течетъ съ юга на сѣверъ; она составляется изъ двухъ ручьевъ: Малой Кобыльной, вытекающей изъ источниковъ выше д. Счастливой, брацлавскаго уѣзда, и Большой Кобыльной, начинающейся немного сѣвернѣе с. Ободнаго. Съ правой стороны она не имѣетъ почти совсѣмъ притоковъ, а съ лѣвой принимаетъ рѣчку Нетяги, берущую начало выше селъ Гуменной и Михалевки, и рѣчку Хомутную, начинающуюся у с. Телепенекъ, винницкаго уѣзда. Вся мѣстность эта понижается съ юга на сѣверъ, при чемъ, начиная отъ рѣчки Хомутной по направленію къ Деснѣ, представляетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ болотистыя низменности. Почва здѣсь первокласснаго достоинства: богатый черноземъ на глинистой подпочвѣ. Еще въ XVI ст. все это пространство было покрыто богатымъ чернымъ лѣсомъ, остатки котораго сохранились до сихъ поръ въ сѣверной части. Лѣса по системѣ рѣчки Кобыльной составляли восточную окраину огромной лѣсной полосы, простиравшейся по направленію къ западу по всему верхнему Побужью, вплоть до проскуровскаго уѣзда. Эта лѣсная полоса, захватывавшая сѣверную половину винницкаго уѣзда, носитъ до сихъ поръ въ народѣ названіе: «лисы́», въ отличіе отъ безлѣсныхъ пространствъ, идущихъ къ ю.-в. отъ р. Кобыльной, называемыхъ «степы́».

Въ XVI ст. кобыленскіе лѣса были усѣяны лѣсными пасѣками и хуторами. Изъ болѣе обширныхъ поселеній было большое село Кобылое (Кобыля, Кобыльня), с. Половецьке и Козины хутора. Кобыльная расположено было не на томъ мѣстѣ, гдѣ имѣется теперь село того же названія, а нѣсколько верстъ ниже, при впаденіи р. Кобыльной въ Десну. Село Половецьке лежало на лѣвомъ берегу р. Кобыльной на мѣстѣ теперешняго села Коссаковки, у большой старой дороги, ведущей изъ Винницы въ Липовецъ. Акты второй половины XVI ст. называютъ эту дорогу *«старый гостынець*, идучій отъ Винницу въ далекую Украину». Козины хутора ютились при впаденіи рѣчки Нетягъ въ Кобыльную, гдѣ теперь с. Козинцы. Существующія нынѣ въ этой же мѣстности села Приборовка, Кобыльная (новая), Кохановка, Пеньковка, а далѣе Лозоватая, Оленовка, Большія и Малыя Крушлинцы въ то время еще не существовали. Большинство ихъ однако возникло на мѣстѣ старыхъ урочищъ, пасѣчискъ и хуторовъ.

Такъ, Большія и Малыя Крушлинцы, какъ мы это видѣли выше, возникли на урочищѣ с. Нетягъ и Калитиныхъ хуторовъ, Приборовка — на мѣстѣ хуторовъ с. Половецкаго; гдѣ теперь село Лозоватая, тамъ въ первой половинѣ XVII ст. упоминается хуторъ *Лозы*, а с. Оленовка въ это время носитъ названіе «старое пасѣчиско Свынарка».

Только въ старой Кобыльной и Половецкомъ видимо предпринимались кое какія мѣры для обороны: имѣлись валы и частоколъ. Всѣ же другія мелкія поселенія оставались безъ всякой защиты. Частые и разорительные набѣги татаръ въ XVI ст. опустошили этотъ край въ конецъ; на мѣстѣ прежнихъ селъ и хуторовъ остались однѣ пепелища и урочища. Въ концѣ этого столѣтія, когда народъ сталъ снова селиться, а старосты и земяне начали приводить въ порядокъ разоренныя имѣнія, владѣлецъ кобыленскихъ грунтовъ, панъ Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій на мѣстѣ Половецкаго, Козиныхъ хуторовъ и Кобыльной засталъ однѣ пустыя урочища. Собравъ возвращавшихся крестьянъ, онъ основалъ новое село въ центрѣ своихъ кобыленскихъ грунтовъ на правомъ берегу р. Кобыльной, по обѣ стороны винницкаго «гостынця», противъ урочища Половецкаго. Село это названо тоже Кобыльной (Кобыля), въ немъ устроено маленькое укрѣпленіе изъ вала и частокола. На мѣстѣ села старой Кобыльной при впаденіи р. Кобыльной въ Десну новаго поселенія не возникло; о ней осталось одно воспоминаніе и два заросшіе лѣсомъ параллельные вала, идущіе отъ одной рѣчки къ другой. Съ теченіемъ времени народъ сталъ селиться и на лѣвомъ берегу Кобыльной, противъ новаго села возлѣ урочища и валовъ Половецкаго, гдѣ скоро возникъ цѣлый рядъ хуторовъ, потянувшійся внизъ по теченію рѣчки. Въ первые годы XVII ст. новый владѣлецъ панъ Ѳедоръ Гневошовичъ Стрижевскій на мѣстѣ старыхъ Козиныхъ хуторовь основалъ село Козинцы и объявилъ слободу. Народъ сталъ быстро заселять старыя пепелища. Это не было исключительнымъ явленіемъ для кобыленскаго имѣнія. Въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. вообще замѣчается усиленный приливъ населенія въ винницкомъ повѣтѣ, такъ что за это время не только возстановляются всѣ почти старыя поселенія, но и возникаетъ много новыхъ.

Этотъ приливъ населенія требовалъ удобныхъ мѣстъ для поселковъ и выгодныхъ угодій, что и породило ревнивую заботливость объ охраненіи границъ имѣній отъ захватовъ сосѣдей. Возстановленіе старыхъ межевыхъ знаковъ не всегда представлялось легкимъ, а потому весь періодъ съ 1570 г. и по 1647 г. особенно изобилуетъ про-

цессами о межевыхъ спорахъ. Дѣятельность Гневоша отца и Ѳедора сына Стрижевскихъ по заселенію и устройству кобыленскихъ грунтовъ привела къ тому, что на всемъ протяженіи обширныхъ границъ возникли съ сосѣдями споры, драки, наѣзды и процессы. Вмѣстѣ съ покупкою женою Кохановскаго правъ супруговъ Кронковскихъ въ кобыленскихъ имѣніяхъ, на голову ея мужа свалились всѣ эти процессы и пограничная борьба.

Однимъ изъ первыхъ столкновеній былъ споръ съ братьями Кропивницкими, владѣльцами коморовскаго имѣнія. Какъ сказано было выше, въ началѣ XVII ст. на мѣстѣ Козиныхъ хуторовъ съ лѣвой стороны р. Нетяги стали вновь селиться люди съ разрѣшенія кобыленскаго двора. Вскорѣ явился поселокъ и по другую сторону рѣчки въ углу между Нетягами и Кобыльной. Затѣмъ Ѳедоръ Гневошовичъ Стрижевскій отвелъ мѣсто для новыхъ усадьбъ и, объявивъ слободу, отдалъ село въ аренду урожоному Войцеху Пшыборовскому, которому и предоставилъ вести дальнѣйшее устройство села и эксплоатацію сосѣднихъ угодій. Къ югу отъ этой мѣстности начинались грунты богатыхъ владѣльцевъ Коморова пановъ Кропивницкихъ. Ихъ было три брата: Александръ—писарь земскій брацлавскій, Михаилъ—мечникъ и млацшій Иванъ. Считая границей коморовскихъ грунтовъ рѣчки Нетяги и Кобыльную, они предъявили въ 1612 г. къ Ѳедору Стрижевскому искъ въ брацлавскомъ земскомъ судѣ, при чемъ жаловались на пана Стрижевскаго, «ижъ онъ перешедшы знаки и границю давные и сторожытные, грунтъ поводовъ (истцовъ) Коморовски зъ грунтомъ пана Стрижевского Кобыленскимъ дилячые, то есть речки албо руды одну Нетяги а другую Кобылою грунтъ поводовъ власны дедычны до Коморова належачый осегновшы слободку Козыньци на немъ ново осадилъ»; при этомъ они заявили, что желаютъ «тые знаки и граници поновеные и почыненые мѣтъ», и просили принудить пана Стрижевскаго «до поновеня границь старыхъ и знаковъ давныхъ, которыхъ здавна антецессорове ихъ въ ужываню были, а черезъ позваного и отца его въ малости литъ ихъ вытыснени сутъ, где сутъ попсовани до поновеня, а где ихъ не машъ до учыненя новыхъ». Въ 1614 г. въ святомихайловскіе рочки послѣдовалъ декретъ брацлавскаго земскаго суда, коимъ постановлено удовлетворить требованію обновленія границъ. Стрижевскій однако подалъ апелляціонную жалобу въ люблинскій трибуналъ. Въ это время кобыленскія имѣнія были выдѣлены дочерямъ Стрижевскаго Аполлоніи Кронковской и Татьянѣ Пшерадовской, изъ которыхъ первая подарила свои права мужу Стани-

славу Кронковскому. Трибуналъ, разрѣшая искъ 16 августа 1616 г. между Кропивницкими и новыми владѣльцами Кобыльной, утвердивъ рѣшеніе земскаго суда, передалъ дѣло для отвода старыхъ границъ суду брацлавскаго подкоморія. Въ этомъ положеніи засталъ дѣло Ольбрыхтъ Кохановскій послѣ покупки женою правъ Кронковскаго.

Одновременно съ этимъ, Василій Ободенскій, владѣлецъ с. Ободнаго, тоже съ юга граничившаго съ кобыленскими имѣніями, захватилъ грунты, лежавшіе по теченію обѣихъ рѣчекъ Большой и Малой Кобыльны. Въ 1615 году дѣло дошло до того, что панъ Ободенскій съ помощью вооруженной команды прогналъ изъ кобыленскихъ угодій въ этой мѣстности слугъ Пшерадовской и Кронковской и захватилъ сѣно и хлѣбъ. Кронковскій отъ своего имени и по довѣренности пани Татьяны Пшерадовской завелъ съ нимъ процессъ за самоуправства, захватъ земель и убытки; процессъ затянулся на долгое время вслѣдствіе порученія трибунала произвести дознаніе на мѣстѣ о границахъ и о количествѣ убытковъ.

Кромѣ этихъ двухъ процессовъ, немедленно послѣ покупки Александрой Кохановской правъ въ Кобыльной возникъ споръ съ новымъ винницкимъ старостой Адамомъ Калиновскимъ, забравшимъ въ одно лѣто съ прилегающихъ къ винницкому староству кобыленскихъ луговъ и лѣсовъ 5,000 возовъ сѣна. Совладѣлица Кохановской Татьяна Пшерадовская сама дѣлъ своихъ не вела; мужъ ея, человѣкъ тихій и скромный, занятъ былъ хозяйствомъ въ Сиваковцахъ и Кобыльной, а потому всѣ эти дѣла пришлось вести Кохановскому, что составляло не мало хлопотъ. Тяжбы съ Кропивницкими и Ободенскимъ велись то въ Люблинѣ, то на мѣстѣ, а съ Калиновскимъ кромѣ того еще въ Кіевѣ и Варшавѣ.

Легче всего пришлось Кохановскому съ Кропивницкими и Ободенскимъ. Судъ подкоморскій отвелъ границы въ 1624 году отъ с. Ободнаго и оставилъ по дѣлу съ Кропивницкими границы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились въ то время, до разрѣшенія спора съ Калиновскимъ, захватившимъ самое с. Козинцы. По отношенію къ Ободному отводъ границъ утвержденъ трибунальскимъ декретомъ 1-го мая 1626 г., и съ этого времени наступилъ миръ съ Ободенскимъ.

Наѣздъ Калиновскаго былъ только началомъ цѣлаго ряда процессовъ. Въ 1623 г. 26 марта состоялся первый декретъ въ пользу Кохановской и Пшерадовской по дѣлу о грабежѣ Калиновскимъ 5,000 фуръ сѣна. На слѣдующій годъ Самуилъ Ѳедоровичъ Стрижевскій, родной братъ Татьяны Пшерадовской, вошелъ въ сдѣлку съ Калинов-

скимъ о продажѣ ему Стрижовки со всѣми селами и землями, тянувшими къ этому мѣстечку, но предварительно при помощи людей пана старосты занялъ силою всѣ грунты, лежавшіе по лѣвую сторону р. Кобыльной, а съ ними с. Козинцы и урочище Половецкое. Предлогомъ къ тому послужило то обстоятельство, что въ отдѣльной записи только что отошедшаго въ могилу отца Ѳедора Стрижевскаго, данной въ пользу дочерей Аполлоніи Кронковской и Татьяны Пшерадовской, упомянуто только одно «село Кобыленское со всѣми грунтами», о Козинцахъ же и Половецкомъ, лежавшихъ въ чертѣ этихъ грунтовъ, спеціально не упоминалось.—Вслѣдъ за этимъ захватомъ состоялся въ Люблинѣ продажный актъ о переуступкѣ Адаму Калиновскому Стрижовскаго имѣнія, при чемъ въ составѣ его уже указано захваченное с. Козинцы и урочище Половецкое. Присутствовавшій въ то время въ Люблинѣ Кохановскій внесъ 11 сентября 1624 г. въ трибунальскія книги манифестъ противъ старосты Калиновскаго и Самуила Стрижевскаго о незаконности этой продажи и немедленно подалъ позовъ объ уничтоженіи сдѣлки. Стороны однако, не ожидая исхода процесса, успѣли закончить сдѣлку и 20 декабря того же года Самуилъ Стрижевскій созналъ въ пользу Калиновскаго донацію. Принявъ во владѣніе стрижовское имѣніе, а съ нимъ и захваченные Козинцы и Половецкое, Калиновскій лично не могъ слѣдить за сохраненіемъ за собой спорныхъ грунтовъ, такъ какъ весной онъ уже участвовалъ въ кампаніи противъ козаковъ на Поднѣпровіи. Въ виду этого, онъ вошелъ въ сдѣлку съ Войцехомъ Пшиборовскимъ, арендаторомъ только что заселенныхъ Козинецъ, и отдалъ ему въ аренду всѣ захваченные грунты кобыленскаго имѣнія по лѣвую сторону рѣчки Кобыльной вмѣстѣ съ Половецкими хуторами, предоставивъ ему оберегать эти имѣнія силою мѣстной старостинской команды. Уходя весною съ войскомъ противъ козаковъ, Калиновскій, какъ бы на прощаніе съ Кохановскимъ и для его устрашенія, послалъ вооруженную команду за рѣчку въ новую Кобыльную и заграбилъ хлѣбъ Пшерадовскихъ и Кохановской, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто бы онъ былъ снятъ съ его половецкихъ грунтовъ.— Но Калиновскій ошибся. Сдержанный, но энергическій Кохановскій не рѣшился отвѣтить наѣздомъ, быть можетъ понимая неравенство силъ, а ограничился предъявленіемъ новаго иска и принятіемъ болѣе серьезныхъ мѣръ для обороны. Немного выше с. Кобыльной и Половецкаго на большомъ прудѣ находился островъ пространствомъ въ нѣсколько десятинъ, покрытый камышемъ, прилегавшій ближе къ

лѣвому берегу рѣчки. Съ громадными усиліями онъ въ два лѣта (1625 и 1626 г.), пока Калиновскій былъ въ отлучкахъ, выстроилъ на этомъ островѣ солидный замокъ по всѣмъ правиламъ современнаго ему фортификаціоннаго искусства. Замокъ имѣлъ видъ большаго четырехугольника, окруженнаго громаднымъ валомъ съ полисадомъ, съ четырьмя по угламъ башнями. Снаружи была глубокая, наполненная водой канава. Въѣздъ въ замокъ былъ только со стороны лѣваго берега рѣчки; шелъ онъ сначала по насыпи, а затѣмъ передъ воротами замка по подъемному мосту. Одновременно онъ выхлопоталъ у короля на свое имя привилегію на учрежденіе подъ сѣнью этого форта мѣстечка подъ названіемъ Кохаяградъ. Этотъ укрѣпленный городокъ защищалъ единственную переправу черезъ топкую Кобыльную по большой плотинѣ винницкаго тракта, а тѣмъ самымъ служилъ защитой праваго побережья, оставшагося до сихъ поръ въ рукахъ Пшерадовскихъ и Кохановскихъ. Подъ охраною замка, на лѣвомъ берегу пруда весьма быстро возникло цѣлое поселеніе, предмѣстья котораго потянулись до самаго винницкаго тракта и плотины, противъ старыхъ половецкихъ окоповъ. Въ то же время Кохановскій занялъ и грунты, прилегавшіе къ мѣстечку по обѣ стороны р. Хомутной, не трогая впрочемъ грунтовъ, занятыхъ людьми половецкими и козинецкими, до разрѣшенія процесса съ Калиновскимъ.

Между тѣмъ Пшиборовскій, которому была поручена Калиновскимъ охрана и заселеніе этихъ грунтовъ, считалъ своею прямою обязанностію не допускать Кохановскаго къ занятію земель, лежавшихъ между Козинцами и Половецкимъ. Вслѣдствіе этого возникли новые наѣзды и драки, и Кохановскій предъявилъ къ Войцеху Пшиборовскому самостоятельный искъ «о нечынене службы дедичамъ кобыленскимъ и почыненые гвалты и шкоды подданымъ на грунти кобыленскомъ». Но дальнѣйшіе наѣзды на кобыленскіе грунты были безуспѣшны. Замковая команда раза два ихъ отбила и не уступила и пяди больше земли.

Заселеніе Кохангрaда поведено было до того энергично, что тарифа подымнаго воеводства брацлавскаго отъ 16 ноября 1629 года застаетъ это мѣстечко уже заселеннымъ и вполнѣ устроеннымъ.

Кохановскій стремился къ раздѣлу кобыленскихъ имѣній; общее владѣніе съ Татьяной Пшерадовской не представляло для него никакого интереса и поэтому совладѣльцы рѣшились «одкончытыся». Кохановскій взялъ себѣ южную половину грунтовъ по винницкій трактъ, а Пшерадовской досталась сѣверная часть. Раздѣлъ этотъ

вначалѣ заключенъ былъ домашнимъ порядкомъ, такъ какъ его нельзя было оформить въ виду процесса съ Калиновскимъ, захватившимъ столько грунтовъ. По этому раздѣлу во владѣніи Кохановской оказался основанный мужемъ Кохanградъ и та часть села Кобыльной, которая осѣла къ югу отъ винницкаго тракта, проходившаго черезъ это село.

Первый процессъ съ Калиновскимъ о грабежѣ имъ 5,000 возовъ сѣна шелъ очень успѣшно. Декреты по всѣмъ инстанціямъ одинъ за другимъ получались очень быстро, и наконецъ осенью 1627 года полученъ былъ листъ на вводъ Кохановской и Пшерадовской во владѣніе стрижовскимъ имѣніемъ до уплаты имъ Адамомъ Калиновскимъ убытковъ. Кохановскій занесъ этотъ актъ въ брацлавскія земскія книги 20 генваря 1628 года, но въ отвѣтъ на это, лѣтомъ того же года Калиновскій совершаетъ новый наѣздъ и грабежъ сѣна, о чемъ занесъ Кохановскій манифестъ въ трибунальскія книги 21 августа 1628 г. Только въ 1630 г. трибуналъ окончательно рѣшилъ всѣ эти дѣла въ пользу Кохановскаго, а именно: декретомъ 28 мая присуждено съ Калиновскаго взысканіе за наѣздъ на Кобыльную, «гвалты и шкоды» 30,000 зол. польск. убытковъ; вторымъ декретомъ отъ 29 мая урожоный Войцехъ Пшиборовскій отсужденъ отъ всякихъ правъ на Козинцы и приговоренъ къ взысканію за самоуправства, а третьимъ, наконецъ, отъ 10 іюня того же года люблинскій трибуналъ отсудилъ отъ Калиновскаго на вѣчныя времена въ пользу Кохановской и Пшерадовской село Козинцы и урочище Половецкое со всѣми людьми и тянувшими къ нимъ грунтами и кромѣ того присудилъ съ отвѣтчика въ пользу истицъ 5,000 копъ грошей лит. за провладѣніе и убытки.—Полная неудача Калиновскаго въ исходѣ этихъ главныхъ его съ Кохановскимъ процессовъ, крупныя суммы взысканій и общее сочувствіе къ Кохановскому, не позволившему себѣ малѣйшаго реванша въ дѣлѣ самоуправствъ и наѣздовъ, заставили гордаго, но скупаго магната пойти на мировую, вслѣдствіе которой Ольбрыхтъ Кохановскій и Матвѣй Пшерадовскій своимъ и своихъ женъ именемъ сознали въ сентябрѣ (въ среду послѣ праздника Рождества Богородицы) 1631 г. передъ летичевскими гродскими книгами квитъ, данный Адаму Калиновскому въ полученіи полнаго удовлетворенія по всѣмъ дѣламъ, какія только велись отъ имени владѣльцевъ Кобыльной и ихъ подданныхъ.

Выйдя побѣдителемъ изъ этой борьбы съ Калиновскимъ, Кохановскій немедленно привелъ въ исполненіе задуманный раньше

раздѣлъ съ Пшерадовскими. Былъ избранъ третейскій судъ, который, проведя границу, велѣлъ сдѣлать «геометрическое размѣреніе». Граница по прежнему проведена по винницкому тракту, такъ что изъ имѣній, отобранныхъ отъ Калиновскаго, Кохановской достались Козинцы, а Пшерадовской Половецкое. При этомъ оказалось, что ниже Половецкаго возникло совершенно новое село на мѣстѣ половецкихъ хуторовъ, основанное Войцехомъ Пшиборовскимъ во время его управленія захваченными землями. Село это, названное по имени основателя Приборовкой, существуетъ понынѣ.

Кохановскіе были бездѣтны и не желали, чтобы имѣнія послѣ ихъ смерти перешли въ родъ Красносельскихъ, а именно къ брату Александры Кохановской Богдану Красносельскому. Поэтому послѣ утвержденія раздѣла, Александра Кохановская совершила въ пользу мужа дарственную запись, по которой передала ему въ собственность всѣ эти имѣнія, какъ то: Коханградъ, Козинцы и часть Кобыльной.

Съ окончаніемъ процессовъ съ Калиновскимъ, немедленно возникъ новый процессъ съ сослуживцемъ Кохановскаго, земскимъ подсудкомъ Михаиломъ Кропивницкимъ изъ за тѣхъ же злополучныхъ Козинецъ. Процессъ этотъ, собственно говоря, не былъ новый; онъ былъ пріостановленъ въ подкоморскомъ судѣ еще въ 1624 г. вслѣдствіе того, что нельзя было произвести изысканія границъ между козинецкими и коморовскими грунтами, такъ какъ само село Козинцы было захвачено Калиновскимъ и заведенъ былъ споръ о его принадлежности Кохановскому. Во время владѣнія Калиновскаго, спорныя угодія между рѣчками Нетягами и Кобыльной оставались въ пользованіи Кропивницкихъ. Когда же 10 іюня 1630 года Калиновскій проигралъ дѣло, то Кропивницкій, не желая допустить отвода спорной когда то земли изъ своего владѣнія Кохановскому, подалъ того же числа манифестъ въ книги люблинскаго трибунала, заявляя, что границы отъ Коморова должны быть сохранены въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ оставлены подкоморскимъ судомъ въ 1624 г. Этимъ актомъ начался процессъ, длившійся цѣлыхъ девять лѣтъ. Изъ суда споръ вскорѣ перешелъ на межи. Кохановскій понималъ граничный декретъ 1624 года въ томъ смыслѣ, что ему не возвращаются угодія, захваченныя Кропивницкими, до разрѣшенія спора съ Калиновскимъ, и потому теперь, выигравъ дѣло съ Калиновскимъ и вступивъ во владѣніе Козинцами со всѣми принадлежавшими этому селу угодіями, считалъ себя вправѣ воспользоваться и тѣми козинецкими угодіями, которыя временно оставались въ пользованіи Кропивницкихъ. Не

долго думая, Кохановскій, согнавъ людей изъ Крушлинецъ (Хруслинецъ), Кобыльной и Кохангрvärldа, послалъ ихъ подъ прикрытіемъ своей замковой команды и заразъ убралъ все скошенное коморовской экономіей на спорномъ грунтѣ сѣно. Къ этому времени большая коморовская вотчина перешла въ исключительное владѣніе Михаила Кропивницкаго, подсудка земскаго брацлавскаго, сослуживца и даже до нѣкоторой степени подчиненнаго Кохановскаго. — Личность Михаила Кропивницкаго вообще довольно симпатична и интересна. Потомокъ стараго брацлавскаго рода, «ritus graeci», хорошо принятый при дворѣ, впослѣдствіи личный секретарь короля Владислава IV, онъ не могъ чувствовать особой склонности къ Кохановскому, относившемуся свысока къ русскому простоватому земянству. Надо замѣтить при этомъ, что въ жизни Кропивницкаго есть нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что онъ былъ далеко выше своей среды и считалъ долгомъ проявлять свой русскій патріотизмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ пользовался большимъ почетомъ и значеніемъ не только въ Брацлавщинѣ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ. Ссориться окончательно съ паномъ Кропивницкимъ Кохановскому не было интереса и потому, послѣ предъявленія къ нему иска за заборъ сѣна и наѣздъ, онъ поспѣшилъ оправдаться невѣдѣніемъ, свелъ все на недоразумѣніе и согласился на отсрочку разбирательства дѣла для мирнаго улаженія спора. Вскорѣ однако наступили событія, отвлекшія на время вниманіе обоихъ противниковъ отъ этого спора. Съ выборомъ новаго короля въ 1632 г., оба они были поглощены закипѣвшей новой государственной дѣятельностью. Особенно занятъ былъ Кропивницкій, почти не выѣзжавшій изъ Варшавы и Львова. Объ окончаніи спора не было сначала и рѣчи. Между тѣмъ обѣ экономіи кохангродская и коморовская, взапуски одна передъ другой, стали занимать спорныя угодія; наконецъ, въ 1636 г., дѣло дошло до свалки, и Кохановскій предъявилъ искъ къ Кропивницкому за наѣздъ. Въ трибуналѣ стали судью мирить съ подсудкомъ. Три раза (24 августа 1637 и 4 мая и 10 августа 1638 г.) трибуналъ откладывалъ разборъ дѣла въ надеждѣ на миролюбное окончаніе. Только 5 іюля 1639 г. окончилось это дѣло третейскимъ судомъ, который на мѣстѣ отвелъ границу и насыпалъ копцы.

Кромѣ этихъ граничныхъ тяжбъ, извѣстенъ еще въ томъ же родѣ одинъ процессъ, тянувшійся около двадцати лѣтъ между владѣльцами кобыленскихъ имѣній и вотчинникомъ *Липовца alias Гай-*

сина [1]) княземъ Доминикомъ Заславскимъ, старостой саноцкимъ. Процессъ возникъ по жалобѣ Кохановской и Пшерадовской около 1626 года за захватъ кобыленскихъ земель, и послѣ долгой тяжбы послѣдовалъ окончательный декретъ трибунала, постановившаго поручить подкоморію произвести разслѣдованіе старыхъ границъ и отвести таковыя. Декретъ подкоморскаго брацлавскаго уряда по сему дѣлу послѣдовалъ на мѣстѣ спора 16 ноября 1628 года. Но князь Заславскій 25 ноября того же года занесъ въ винницкія гродскія книги манифестъ, жалуясь на неправильныя дѣйствія подкоморскаго суда при разграниченіи, и тѣмъ затянулъ утвержденіе трибуналомъ отвода, которое однако послѣдовало, но уже послѣ смерти Кохановскаго, а именно 4 іюля 1645 г.

Къ той серіи процессовъ слѣдуетъ еще отнести тяжбы о бѣглыхъ крестьянахъ. Такія тяжбы въ первой половинѣ XVII вѣка по винницкому повѣту упоминаются довольно часто. Намъ извѣстны три такихъ процесса у Кохановскаго. Онъ искалъ своихъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ кобыленскихъ имѣній въ м. Городокъ Гіеронима Панявскаго и въ стрижовское имѣніе Калиновскаго. Въ свою очередь владѣлецъ мѣстечка Бабина князь Корецкій позвалъ въ судъ Кохановскаго, требуя выдачи крестьянъ, бѣжавшихъ изъ Бабина въ имѣніе Кобыльню и слободу Кохан градскую. Всѣ эти иски разрѣшены люблинскимъ трибуналомъ 28 и 29 мая 1630 г.

Кромѣ имѣній, указанныхъ выше, Кохановскій пріобрѣлъ еще Сиваковцы отъ Матвѣя Пшерадовскаго, но деньги за имѣніе внесъ въ винницкій гродскій судъ уже послѣ смерти Пшерадовскаго, 4-го апрѣля 1634 г. Владѣлъ онъ имъ, кажется, спокойно, если не считать недоразумѣній съ квартировавшей здѣсь въ 1635 г. хоругвью, пограбившею село, такъ что Кохановскій вынужденъ былъ предъявлять къ ротмистру Зацвилиховскому и его хоругви искъ за причиненные убытки подданнымъ «и всей громади села Сивоковецъ». Искъ этотъ выигранъ Кохановскимъ въ 1636 году. Въ числѣ его имѣній въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. упоминается еще и с. Холявинцы.

Не менѣе энергиченъ былъ Кохановскій во внутреннемъ устройствѣ своихъ имѣній. Онъ, какъ видно изъ актовъ, сплошными массами вырубалъ лѣса на постройки въ Кохан градѣ и Козинцахъ, уве-

---

[1]) Липовецъ одновременно называется и Гайсиномъ въ трехъ разныхъ актахъ первой половины XVII ст., между тѣмъ какъ въ это же время существовалъ другой Гайсинъ, принадлежавшій Свирскимъ и Одривольскимъ.

личивъ этимъ значительно пахатныя пространства. Кромѣ постройки солиднаго кохангородскаго замка, онъ произвелъ и другія капитальныя сооруженія, какъ то: шесть новыхъ мельницъ и громадную кохангородскую плотину черезъ рѣчку Кобыльную на винницкомъ трактѣ. Этой послѣдней заинтересовалось даже все земянство, къ которому обратился Кохановскій, вслѣдствіе чего винницкій посольскій сеймикъ брацлавскаго воеводства 21 августа 1641 года въ инструкцію, данную посламъ, помѣстилъ требованіе, чтобы послы ходатайствовали на сеймѣ коронномъ «о назначеніи ревизоровъ для изслѣдованія плотины въ Кохангородѣ, построенной съ огромными издержками вельможнымъ Ольбрыхтомъ Кохановскимъ для публичнаго переѣзда, съ цѣлью усттновленія мыта, такъ какъ плотина находится на публичномъ трактѣ».

У Кохановскаго имѣлась и надворная милиція и козаки. Начальство надъ замкомъ и военной командой вначалѣ было ввѣрено любимцу Кохановскаго Николаю Казимиру Коссаковскому, женившемуся впослѣдствіи на вдовѣ Татьянѣ Пшерадовской, владѣлицѣ второй половины кобыленскихъ имѣній.

Въ Кохангородѣ построена была Кохановскимъ церковь, католическая каплица и госпиталь.

Отъ раздѣла отцовскихъ имѣній женѣ Кохановскаго, кромѣ денежнаго выдѣла, досталась часть имѣнія Криковецъ въ брацлавскомъ повѣтѣ; другая же часть была во владѣніи ея брата Богдана Красносельскаго, съ которымъ Кохановскій не ладилъ. Подъ конецъ жизни Кохановскаго, когда Красносельскій увидѣлъ, что сестра перевела свои имѣнія на имя мужа, онъ вступилъ въ открытый споръ съ Кохановскими изъ за угодій. Зимою съ 1641 по 1642 г. Кохановскій выслалъ изъ своихъ имѣній Кохангорода, Козинецъ, Сиваковецъ и Холявинецъ нѣсколько сотъ подводъ подъ прикрытіемъ военной команды въ криковецкіе лѣса за деревомъ; при этомъ рубка произведена была именно въ спорныхъ участкахъ, несмотря на протестъ со стороны экономіи Красносельскаго. 19 февраля 1642 г. Красносельскій занесъ по этому поводу манифестъ въ винницкія гродскія книги и началъ процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ.

Кохановскій умеръ бездѣтнымъ въ глубокой старости, свыше семидесяти лѣтъ, 9 мая 1642 года. Послѣ него осталось три духовныхъ завѣщанія: одно составлено 27 іюля 1640 г., второе 22 генваря 1642 г. и третье въ день смерти 9 мая 1642 г. Всѣ свои имѣнія, доставшіяся отъ жены, и с. Сиваковцы онъ завѣщалъ ей же въ по-

жизненное владѣніе съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ с. Сиваковецъ выдавалась потребная сумма на содержаніе кохaнградскаго госпиталя. Затѣмъ всѣ свои имѣнія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ легатовъ, завѣщалъ въ собственность своей сестрѣ Констанціи и ея мужу Стефану Хоментовскому, белзскому подчашію.

Черезъ три недѣли послѣ смерти Ольбрыхта Кохановскаго, 31 мая 1642 г. состоялся вводъ въ пожизненное владѣніе имѣніями вдовы его Александры. Но она немногимъ пережила мужа. Три года спустя послѣ его смерти, въ процессѣ съ княземъ Заславскимъ, владѣльцемъ Липовца alias Гайсина, уже выступаютъ въ качествѣ истцовъ супруги Хоментовскіе. Но имъ не пришлось долго пользоваться богатымъ наслѣдствомъ послѣ брацлавскаго земскаго судьи. Вскорѣ пронеслась надъ Кохaнградомъ страшная буря хмельниччины, не оставившая здѣсь камня на камнѣ. Кохaнградъ стоялъ на одной изъ важныхъ стратегическихъ дорогъ и однимъ изъ первыхъ въ винницкомъ повѣтѣ былъ разрушенъ окончательно. Подробностей катастрофы, поскольку она касается поселеній на рѣчкѣ Кобыльной, не знаемъ. Мы знаемъ только, что винницко-липовецкій трактъ, пролегавшій на Кохaнградъ, служилъ много разъ военной дорогой для походовъ козацкаго и польскаго войска. Сюда проходилъ Глухъ на выручку осажденному въ Винницѣ Богуну; сюда шла часть полковъ Хмельницкаго подъ Пилявцы; той же дорогой два раза пронеслись страшныя хоругви Чарнецкаго.

Только въ послѣдніе годы XVII ст. явились сюда владѣльцы и, какъ видно изъ инвентарей начала XVIII вѣка, застали здѣсь только пепелища, пустыри и совершенное безлюдье, въ полномъ смыслѣ этого слова. Большой кохaнградскій замокъ, созданный единственно въ интересахъ войны съ сосѣдними землевладѣльцами, потребовавшій на постройку и вооруженіе массу труда и средствъ, просуществовалъ совершенно безплодно всего двадцать два года. Затѣмъ никто и не думалъ о его возобновленіи. На мѣстѣ прежняго Кохaнграда нынѣ скромное село Кохановка, да на берегу пруда возвышаются внушительныхъ размѣровъ валы, свидѣтельствуя—не знаю—о барской ли прихоти, или же о разнузданности.

Такъ не плодотворно погибло все, что было создано энергіей и трудолюбіемъ Ольбрыхта Кохановскаго. Личность эта, несомнѣнно, выдѣляется изъ своей среды. Дѣятельность его въ винницкомъ повѣтѣ, главнымъ образомъ, посвящена была хозяйственнымъ и мѣстнымъ земянскимъ интересамъ и рѣдко выходила за предѣлы око-

лотка. Потому его нельзя мѣрить мѣркой польскихъ магнатовъ и сановниковъ, ворочавшихъ судьбами польско-русскихъ провинцій. Онъ принадлежалъ къ многочисленной сѣрой польской массѣ, наводнившей русскія окраины по преимуществу послѣ уніи. Въ этой средѣ онъ выдѣлялся умомъ, трудолюбіемъ, заботливостію и весьма рѣдкой въ то время чертой—кое какимъ уваженіемъ къ законности. Къ сожалѣнію, въ первой половинѣ XVII ст. такіе люди были здѣсь рѣдкимъ явленіемъ.

Ц. Нейманъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго [1]).

Поиски за кондиціями. Профессоръ Гриневичъ.

Для того, чтобы получить кондицію, хоть бы то за столъ и квартиру, нужно было имѣть протекцію и знакомства, а у меня ни того, ни другаго не было. Кто то посовѣтовалъ обратиться къ смотрителю печерскаго дворянскаго училища Фридману. Иду къ нему. Училище помѣщалось тогда на печерской базарной площади, въ деревяномъ одноэтажномъ домѣ, съ мезониномъ и палисадникомъ. Самъ смотритель жилъ на мезонинѣ. Вхожу въ переднюю—никого нѣтъ. Я дальше—меня окликнули: кто тамъ? Не отзываясь на окликъ, иду дальше. Вхожу въ слѣдующую комнату—на диванѣ лежитъ въ халатѣ отвратительнѣйшая фигура въ очкахъ, съ искривленною на сторону физіономіей. Взглянувши на меня сердито—пресердито, фигура схватилась съ дивана и исчезла вонъ изъ комнаты, крича на бѣгу во все горло: Иванъ! Иванъ! потомъ дальше на лѣстницу, въ кухню, все продолжая звать Ивана. Я стою среди комнаты и не знаю, что мнѣ дѣлать? Возвращается мой смотритель, въ сопровожденіи Ивана, ложится на диванъ, принявъ совершенно то же положеніе, въ какомъ я засталъ его, и, обратясь къ лакею, сказалъ: „дай мнѣ сигару!“ А сигары лежали тутъ же на столикѣ, подлѣ дивана. Исполнивши свою обязанность, Иванъ не счелъ нужнымъ оставаться въ передней и опять отправился на кухню. Закуривъ сигару, смотритель спросилъ наконецъ, что мнѣ нужно? Я сказалъ, что очень нуж-

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 9, сентябрь.

даюсь въ кондиціи. Фридманъ заговорилъ со мною по нѣмецки (должно быть выкрестъ, подумалъ я невольно), потомъ по французски, потомъ сталъ экзаменовать меня по латыни. Я съ смиреннымъ видомъ осмѣлился ему замѣтить, что я студентъ и что меня уже подвергали экзамену. „Это, говоритъ, ничего не значитъ: мнѣ нужно, чтобы репетиторъ говорилъ на иностранныхъ языкахъ. Прощайте!"

— Ахъ ты, жидовская образина! выругался я, сходя съ лѣстницы.

Объ этомъ невѣжливомъ и безобразномъ господинѣ по Кіеву ходилъ такой анекдотъ: вышелъ онъ однажды на балконъ въ халатѣ и въ красной фескѣ съ „китыцей". Сидитъ и куритъ трубку. Возвращаются съ базара крестьяне. Одинъ изъ нихъ обратился къ другому, указывая кнутовищемъ на Фридмана, съ такою рѣчью:

— Онъ бачъ, яка малпа (обезьяна) сыдыть, та ще й люльку пыхкае, бисова вира.

Фридманъ вскакиваетъ, начинаетъ кричать и топать ногами, а крестьянинъ ему: грр, грр! бачъ, яка злюча, бисова малпа!...

Я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ этого анекдота и не удивляюсь простакамъ, принявшимъ сего ученаго мужа, говорящаго на трехъ языкахъ, со включеніемъ еврейскаго жаргона, за обезьяну—сходство его съ шимпанзе поразительное!

Замѣчательно, что этотъ уродъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ начальства и имѣлъ въ Липкахъ обширный кругъ аристократическаго знакомства.

Проходивши весь день и потерпѣвъ вездѣ неудачи, я возвратился на квартиру, сѣлъ на своемъ пустомъ сундукѣ и принялся съ горя за колбасу, привезенную изъ деревни, давши себѣ слово не вкушать отъ стола негодной чиновницы, которая, желая меня скорѣе выжить, даже кровать велѣла вынести, такъ что я долженъ былъ растянуться на полу, отдавъ свое тѣло на съѣденіе плотояднымъ насѣкомымъ. Но не столько мѣшали мнѣ заснуть эти негодныя твари, сколько самъ хозяинъ, провоевавшій всю ночь съ женой и угомонившійся на разсвѣтѣ.

— Я за тебя кровь проливалъ! кричалъ онъ осиплымъ отъ пьянства голосомъ: я тебѣ пенсію выслужилъ, ты меня обязана почитать и уважать! Я моему государю дорого стою—я кавалеръ!..

На другой день я снова отправился на охоту за кондиціями. Зашедши въ сборную залу, я получилъ отъ педеля письмо изъ Москвы.

Вася Глотовъ просилъ меня побывать у его роднаго дяди, профессора римской словесности Ильи Θеодоровича Гриневича.

„Познакомься съ нимъ, прибавляетъ онъ, авось онъ тебѣ пригодится“.

Изъ университета я прямо направилъ стопы къ профессору на Кресты. Гриневичъ принялъ меня радушно, какъ земляка, оставивъ у себя обѣдать. Семья у него была огромная: жена и штукъ 8 дѣтей, малъ мала меньше, да пансіонеровъ четверо—два мальчика и двѣ дѣвочки. Сѣли за столъ. Послѣ супу стоявшій за моимъ стуломъ запачканный и босой мальчикъ Микитка, по знаку барина, крикнулъ надъ самымъ моимъ ухомъ: кукуреку! что меня не столько испугало, сколько удивило, что профессоръ заставляетъ своего крѣпостнаго пѣть пѣтухомъ. „Должно быть, большой шутникъ этотъ баринъ“, подумалъ я.

Впродолженіе обѣда хозяинъ нѣсколько разъ вставалъ изъ-за стола и уходилъ въ свой кабинетъ, откуда всякій разъ возвращался облизываясь и покрякивая. Къ концу обѣда онъ совершенно опьянѣлъ и заговорилъ по латыни. Затѣмъ, не попрощавшись со мной, ушелъ и уже не возвращался. Жена просила меня придти вечеромъ—поговорить на счетъ кондиціи, которую Илья Θеодоровичъ желаетъ предложить мнѣ. Вечеромъ, за чаемъ, мы условились: квартира со столомъ за 7 душъ учениковъ; кромѣ того, заниматься со старшимъ сыномъ Ильюшей по методу Жакотò утромъ отъ 5 до 8 часовъ, а съ остальными тремя мальчиками и тремя дѣвочками послѣ обѣда, сколько влѣзетъ. Выгоды, положимъ, не блистательныя, но торговаться было неумѣстно: бери, что даютъ, коли не хочешь остаться на улицѣ съ пустымъ стомахомъ! Правда, профессоръ намекнулъ мнѣ про богатаго дядюшку своихъ пенсіонеровъ, Павла Петровича Должикова, въ домѣ котораго онъ жилъ, но это былъ лишь журавль въ небѣ.

На другой день утромъ я перевезъ на Кресты свой сундукъ. Меня помѣстили вмѣстѣ съ четырьмя мальчиками въ двухъ небольшихъ комнатахъ, поставивши для меня коротенькую, почти дѣтскую кровать, столикъ, стулъ, да еще одну кровать въ той же комнатѣ для Ильюши.

Илья Θеодоровичъ Гриневичъ—личность, въ нѣкоторомъ родѣ, историческая. Въ 1816 году, имѣя уже ученую степень магистра,

онъ вмѣстѣ съ Ковалевскимъ былъ удостоенъ харьковскимъ университетомъ степени доктора философіи; но вслѣдъ за тѣмъ профессоръ Дегуровъ [1]) донесъ министру, что диссертаціи новоиспеченныхъ докторовъ буквально списаны съ печатнаго сочиненія профессора Шада и буквально сходны съ записками студентовъ; вслѣдствіи чего 13 декабря того же года ректоръ получилъ изъ министерства бумагу, въ силу коей отъ Гриневича и Ковалевскаго отобраны докторскіе дипломы, такъ какъ диссертаціи оказались дѣйствительно подложными. Послѣ такого скандала Гриневичу оставаться въ Харьковѣ было неудобно. Ему дали каѳедру въ Ришельевскомъ лицеѣ, а затѣмъ сдѣлали директоромъ кишиневской гимназіи, откуда онъ, не выслуживъ пенсіи, былъ уволенъ въ отставку, съ начетомъ значительной суммы за растрату казеннаго имущества.

По увольненіи изъ университета профессора Якубовича, 27 іюля 1839 года, Гриневичъ подалъ въ совѣтъ прошеніе о предоставленіи ему вакантной каѳедры римской словесности съ приложеніемъ къ нему брошюрки: „Письма о философскихъ предметахъ“ и перевода цицероновой рѣчи „Pro T. A. Milone“. На основаніи отзыва пр. Нейкирха, совѣтъ отказалъ Гриневичу; но онъ вошелъ съ прошеніемъ вторично „о допущеніи его хоть временно къ преподаванію латинскаго языка и словесности и на сей разъ „боголюбивѣйшій совѣтъ“ (такъ выразился Гриневичъ въ прошеніи), допустивъ его къ пробной лекціи „о жизни и сочиненіяхъ Тацита“ и признавъ оную удовлетворительною, предоставилъ ему каѳедру экстраординарнаго профессора, но съ адъюнктскимъ содержаніемъ въ 2300 рубл. асс., съ удержаніемъ $^1/_3$ въ уплату числившейся за нимъ недоимки по кишиневской гимназіи.

Нашедши себѣ пристанище и нѣсколько успокоившись послѣ душевной передряги, я принялся за работу. Меня нисколько не пугали предстоявшіе труды и возня съ бездарными дѣтьми—дѣло для меня привычное: четвертый годъ я промышлялъ репетиціями; но меня

---

[1]) Во время французской революціи у Робеспьера былъ нѣкоторое время секретаремъ *Дюгуръ*, который, сберегая свою голову, бѣжалъ изъ Парижа и явился въ Россію благонамѣренньмъ эмигрантомъ. Въ Петербургѣ, въ качествѣ дѣтскаго гувернера онъ втерся въ дома вельможъ и скоро очутился профессоромъ харьковскаго университета подъ именемъ *Дегурова*; за доносъ, сдѣланный на сослуживцевъ, попалъ въ ректоры петербургскаго университета, но оттуда былъ выкуренъ попечителемъ

приводилъ въ смущеніе Жакоте. Прошло три дня, а профессоръ не открывалъ мнѣ тайны этого чудотворнаго метода, научающаго говорить и даже писать по латыни незнающаго азбуки. Наконецъ тайна разоблачилась.

Развернувъ Цицерона, профессоръ указалъ на первую кателинарію:

— Съ этого, говоритъ, вы и начнете съ Ильюшей. Прежде всего пусть онъ выучить вотъ эту страничку наизусть.

— Позвольте, Илья Өедоровичъ, какъ ему выучить, коли онъ еще и латинской азбуки не знаетъ? возразилъ я.

— Въ этомъ то и штука, продолжаетъ ученый мужъ, иронически улыбаясь моему невѣжеству, на этомъ отрывкѣ мой сынъ долженъ научиться не только читать, но и пройти всю грамматику. Только, пожалуйста, не мудрствуя лукаво, дѣлайте такъ, какъ я вамъ предлагаю: пусть прежде выучитъ эту страничку наизусть.

— Не знаю, какъ это сдѣлать, а впрочемъ попробуемъ. Скачы, враже, якъ панъ каже! говорятъ у насъ за Днѣпромъ.

— Да, любезнѣйшій, займитесь съ моимъ сыномъ по методѣ Жакото—это и вамъ пригодится, когда вы будете учителемъ.

Преподавши такой мудреный способъ ученія, Илья Өедоровичъ ушелъ и я не видѣлъ его цѣлую недѣлю ни дома, ни на лекціяхъ: значитъ, получилъ жалованье и запилъ.

Принялся я за Ильюшу крѣпко. Будилъ его въ 5 часовъ и мучилъ латынью до 8. Вопреки данной мнѣ инструкціи, я сперва научилъ его читать, а потомъ уже, въ угожденіе папашѣ, заставилъ выучить полстраницы на память, такъ что онъ, какъ попугай, преизрядно барабанилъ; Quousque tandem, Catilina... даже съ повышеніями и съ пониженіями голоса на указанныхъ ему словахъ.

Когда профессоръ, по выздоровленіи, пришелъ въ нашу комнату, то былъ пріятно удивленъ быстрыми успѣхами своего сына. Затѣмъ, принялись за грамматику тѣмъ же рутиннымъ способомъ, т. е. съ помощію учебника, о чемъ профессоръ не долженъ былъ знать, возложивъ все упованіе на фокусника Жакото.

Уваровымъ и поселился въ Одессѣ, выстроилъ домъ и продалъ городу свою библіотеку, состоящую изъ 6846 томовъ, похищенныхъ „благопріобрѣтеннымъ способомъ“ изъ библіотекъ университетовъ харьковскаго и петербургскаго и частныхъ боярскихъ библіотекъ, какъ показывали этикеты. (См. „Рус. Старина“ 1888 г. № 9, стр. 589).

Занявшись битыхъ три часа съ Ильюшей, я отправлялся на лекціи, а послѣ обѣда усаживалъ за столъ всѣхъ своихъ питомцевъ и если не случалось послѣобѣденной лекціи, возился съ ними до самаго ужина. Профессоръ взвалилъ на меня всѣ предметы, не исключая и Закона Божія, оставивъ за собой только новѣйшіе языки, но съ дѣтьми никогда не занимался, возложивъ эту обязанность на профессоршу.

Видя мое усердіе, или точнѣе ослиное терпѣніе, въ нескончаемой вознѣ съ избалованными дѣтьми и не будучи въ состояніи вознаградить меня, сообразно моему труду, профессоръ свелъ меня однажды съ дядюшкой своихъ пансіонеровъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ отъ себя назначилъ мнѣ какой нибудь гонораръ. Это былъ никто другой, какъ извѣстный кіевскимъ старожиламъ аферистъ Павелъ Петровичъ Должиковъ, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о его пресловутой библіотекѣ, съ вывѣской: „Аптека для души".

— Извольте, живо согласился Павелъ Петровичъ, я съ моимъ удовольствіемъ могу вамъ отъ себя дать сто рублей асс. въ годъ.

— Да мнѣ, говорю, теперь нужны деньги, я, какъ видите, до сихъ поръ не имѣю форменнаго сюртука и не заплатилъ за матрикулъ. (А о томъ, что я уже двѣ недѣли хожу въ университетъ на собственной подошвѣ, я, конечно, молчалъ).

— Теперь, говоритъ, при мнѣ нѣтъ денегъ, а вотъ я уже приду, тогда и... до свиданія!

Да какъ ушелъ, то я его больше и въ глаза не видалъ.

Находясь въ такой крайности, я, скрѣпя сердце, обратился за помощью къ своему зятю В. Ф. Слищенку, прося его выслать мнѣ 20 рублей, или хоть сколько можно, но не дождавшись отъ него отвѣта, воспользовавшися сумятицей, поднятой въ университетѣ пріѣздомъ министра Уварова, я махнулъ за Днѣпръ, въ надеждѣ поживиться на счетъ кармана лѣсничаго, „чтобы заткнуть ротъ" инспектору, недававшему мнѣ проходу и грозившему исключеніемъ.

Допхавшись на дубѣ до Староселья, я вышелъ на берегъ, надѣясь скорѣй добраться до Сваромья сухопутью, но на мою бѣду обывательскихъ лошадей въ селѣ не случилось и я долженъ былъ цѣлыхъ 10 верстъ плестись на волахъ. Это было въ половинѣ октября, холодъ былъ страшный, а ѣхать мнѣ пришлось лугомъ по-

надъ Днѣпромъ. Чтобы защитить меня отъ стужи, сердобольный возница, привернувши до стога, взвалилъ на меня съ полкопицы сѣна и мнѣ стало такъ тепло, что я проспалъ большую часть дороги. Наконецъ, сквозь сладкую дремоту, мнѣ послышался знакомый лай Милорда: волы подъѣзжали къ крыльцу лѣсничаго.

— А що? сѣнца мени привизъ? вопрошаетъ лѣсничій возницу, вышедши на крыльцо съ перомъ за ухомъ.

— Ни, ваше благородыя—я вамъ панка привизъ!

Не успѣлъ лѣсничій спросить: а дежъ твій панокъ? какъ я, сбросивши съ себя сѣно, предсталъ предъ нимъ во всей красѣ своей. Толстякъ лѣсничій расхохотался такой „студентской штукѣ", а у кузины на глазахъ навернулись слезы: какъ видно, она въ моемъ путешествіи на волахъ въ холодъ и стужу, въ одной шинелишкѣ, подбитой вѣтеркомъ, усмотрѣла не одну „студентскую штуку". Вошли въ комнату. Прежде чѣмъ я заикнулся о цѣли своего пріѣзда, скаредъ лѣсничій, а за нимъ и его дражайшая половина, еще большій скаредъ, догадавшись въ чемъ дѣло, затянули унисономъ дуэтъ на тему: „какъ трудно жить на свѣтѣ", съ нескончаемыми варіаціями, въ которыхъ слышались жалобы на большіе расходы, малое жалованье и т. п.

Жестоко и противно евангельскому слову отказывать въ помощи просящему; но отказывать нуждающемуся прежде, чѣмъ онъ успѣетъ открыть ротъ о своей нуждѣ — безчеловѣчно. А вѣдь люди они были очень и очень не бѣдные. У нихъ порядочное свое состояніе да казенный лѣсъ при большой сплавной рѣкѣ, уносящей внизъ по теченію строевыя и нестроевыя деревья, о которыхъ не вѣдали ни ревизоры, ни управляющій палатой государственныхъ имуществъ, но о которыхъ извѣстно было мнѣ доподлинно. Притомъ, я былъ вправѣ не просить, а требовать за свои прежніе труды хоть какое нибудь вознагражденіе, но считая себя уже достаточно облагодѣтельствованнымъ пошитьемъ шинели и присылкой якобы за мной лошадей, я, скрѣпя сердце, вернулся въ Кіевъ, съ тѣмъ съ чѣмъ оттуда выѣхалъ, а всего то и нужно было 7 р. 50 к.— заплатить за матрикулъ.

Вытерпѣвъ грозу отъ инспектора за самовольную отлучку изъ города, о чемъ не преминулъ отрапортовать ему подлый педель, я, въ ожиданіи денегъ отъ зятя, принялся снова за свои занятія.

Наканунѣ моего возвращенія, 23 октября, инспекторъ донесъ попечителю, что студенты Малеванскій, Полтовичъ, Яровой, Р—ій и Бурцовъ пришли въ институтъ пьяные; попечитель доложилъ министру, а тотъ приказалъ немедленно исключить ихъ изъ университета. Съ первыхъ же словъ инспектора я замѣтилъ, что онъ хочетъ подвести меня подъ одну категорію съ этими забіяками, но выслушавъ мое оправданіе, онъ смягчился и рѣшилъ исключеніе замѣнить карцеромъ. Между тѣмъ министръ уѣхалъ, деньги за матрикулъ уплачены и я остался на свободѣ.

Профессоръ мой каждое первое число предавался запою. Семейство нуждалось страшно. Если бы не помогали ему добрые люди, то, при адъюнктскомъ содержаніи, съ удержаніемъ изъ него третьей части, едва ли бы дожилъ до половины мѣсяца и намъ всѣмъ приходилось бы плохо. Сколько мнѣ извѣстно, ему оказывали матеріальную поддержку преосвященный Иннокентій, профессоръ астрономіи Ѳедоровъ и знакомый всему городу „эмеритъ" Абламовичъ. О послѣднемъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ.

Бывшій профессоръ физики въ кременецкомъ лицеѣ, долгое время путешествовавшій на счетъ виленскаго университета по Европѣ, а по закрытіи лицея переведенный въ университетъ св. Владиміра, Абламовичъ, по выходѣ въ отставку въ 1839 году, навсегда поселился въ Кіевѣ. Кто не зналъ въ началѣ 40-хъ годовъ этого антика? Проводя весь день на улицѣ, „эмеритъ" только спалъ въ своей квартирѣ. Излюбленнымъ мѣстомъ его пребыванія былъ мостъ (гдѣ нынѣ никольскія крѣпостныя ворота): тутъ онъ обыкновенно стоялъ, облокотившись о перила, окруженный толпой студентовъ, рѣдкій изъ которыхъ, проходя по мосту, не былъ остановленъ словоохотливымъ старикомъ. Собравъ такимъ образомъ довольно людную аудиторію, профессоръ начиналъ свои нескончаемые разсказы и анекдоты, длившіеся до тѣхъ поръ, пока призывный звонокъ на лекціи не прерывалъ ихъ до слѣдующаго дня. А ему, какъ очевидцу французской революціи 1830 года и за тѣмъ польской, было о чемъ поразсказать и молодежь слушала его съ большимъ интересомъ. Да

и наружность эмерита была внушительная: онъ сохранилъ и свой профессорскій костюмъ (suknia akademicka), и остатокъ длинныхъ волосъ, когда то обильно разсыпавшихся по плечамъ, и даже свою традиціонную трость.

Оставшись на мосту одинъ, физикъ подзывалъ извощика и за четвертакъ велѣлъ ему ѣхать на Подолъ. Но едва тотъ тронется съ мѣста — „стой! стой!" кричитъ профессоръ: знакомый попался на встрѣчу. Сидитъ себѣ на дрожкахъ и балагуритъ добрыхъ полчаса; потомъ, проѣхавши немного, опять останавливаетъ возницу и такимъ образомъ ѣдетъ на Подолъ добрыхъ два часа, да оттуда почти столько же, а тамъ и обѣдать пора. Если же случалось ему залучить кого нибудь въ квартиру, то гость въ другой разъ не скоро къ нему заглянетъ.

Разъ Илья Ѳедоровичъ попросилъ меня отнесть къ Абламовичу письмо. Жилъ тогда „эмеритъ" на Московской улицѣ, занимая мезонинъ деревяннаго дома съ балкономъ на улицу. Это было вечеромъ. Засталъ я старика за чаемъ. Прочитавъ наскоро посланіе (рѣчь шла о деньгахъ), онъ спросилъ мою фамилію. Я назвалъ себя.

— А знаете ли вы, молодой человѣкъ, откуда „походитъ" ваша фамилія?

— Есть, отвѣчаю, народная дума „Про Саву Чалого", но едва ли можно доказать...

— Нѣтъ, вы меня старика послушайте: я вамъ историческимъ путемъ „выложу и доведу" происхожденіе вашей фамиліи.

И началъ онъ свое историческое изслѣдованіе, чѣмъ бы вы думали? Походомъ Святослава на Византію! Слушалъ я его болтовню битыхъ два часа и неизвѣстно, долго ли еще пришлось бы слушать, если бы меня не выручилъ пришедшій къ нему гость. Я откланялся и ушелъ, пообѣщавъ зайти въ другой разъ дослушать генеалогію моихъ предковъ.

Чѣмъ дольше я жилъ у Гриневича, тѣмъ невыносимѣе становилось житье мое. Помимо вѣчной возни съ дѣтьми, онъ заставлялъ меня переписывать свои „философическія письма", которыя, по его словамъ, долженствовали просвѣтить меня великими истинами. Объемистая тетрадь моего писанья, яко бы просмотрѣнная и одобренная

Иннокентіемъ, должна была появиться въ свѣтъ второю брошюрой. (первая напечатана была прежде въ Одессѣ). Содержаніе этихъ писемъ, если только они не переводъ съ французскаго, по всей вѣроятности, принадлежитъ профессору Шаду. Коли въ 1815 г. Илья Ѳедоровичъ не стѣснился склеить свою докторскую диссертацію изъ лекцій своего профессора еще при его жизни, то спустя 25 лѣтъ, по смерти Шада, онъ смѣло могъ выдать его философію за свою.

Профессоръ Шадъ человѣкъ замѣчательный. Въ 1814 году Шиллеръ и Гете рекомендовали его министру народнаго просвѣщенія, какъ знаменитость, и онъ получилъ каѳедру философіи и естественнаго права въ харьковскомъ университетѣ. Въ сочиненіяхъ его: „De viris illustribus Romae“ и „Institutiones juris naturae“ министерство усмотрѣло вредное направленіе, вслѣдствіе чего въ 1816 году Шадъ былъ висланъ за границу: его не спасли ни Шиллеръ, ни Гете. Мысли, показавшіяся опасными нашимъ охранителямъ тогдашняго времени, заключались между прочимъ въ слѣдующемъ: „Рабство, говоритъ Шадъ, въ собственномъ смыслѣ, по которому человѣкъ разсматривается, какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву, хотя, съ другой стороны, были и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь и не признающіе за рабами личнаго человѣческаго права; однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основанное на общемъ благѣ“. (см. „Р. Мысль“ 1884, 2).

Казалось бы, что ученикъ такого гуманнаго профессора долженъ бы былъ весь проникнуться его высокими идеями, но къ сожалѣнію, сочиненія этого ученаго не имѣли на него ни малѣйшаго вліянія.—У нашего голяка-профессора римской словесности, по примѣру древнихъ римлянъ, были свои рабы, въ классическомъ значеніи этого слова. Несчастная семья его крѣпостныхъ людей состояла изъ дворника, его жены кухарки, горничной и 12-ти лѣтняго пѣтуха Микитки. Бѣдственнѣе положенія этихъ илотовъ едва ли можно вообразить. Вѣчно голодные, оборванные, съ синяками отъ побоевъ, которыми ихъ щедрою рукой почти ежедневно надѣлялъ ученый палачъ профессоръ—право они, не походили даже на людей. Особенно претерпѣвала кухарка Мавра. Какъ только придетъ съ

базара и станетъ отдавать отчетъ въ покупкахъ—и начнется истязаніе за какіе нибудь гроши. Эта бѣдная, забитая, замученная женщина, сдавая отчетъ, постоянно себя обсчитывала, путаясь и сбиваясь отъ страха. Пользуясь ея замѣшательствомъ, ее тутъ же уличали въ воровствѣ и нещадно били по щекамъ. Однажды, въ моемъ присутствіи, произошла такая расправа:

— А позвать ко мнѣ Мавру! прорекъ профессоръ.

Въ залу вошла, трясясь какъ въ лихорадкѣ, исхудалая, беременная женщина и остановилась у порога. Начался инквизиторскій допросъ, „съ пристрастіемъ".

— Ты зачѣмъ своему щенку господское молоко даешь?

— Богъ мене накажи, я только двѣ ложечки дала слабой дытыни, щобъ перестала плакать—взмолилась Мавра, обливаясь слезами.

— А а, двѣ ложечки! двѣ ложечки? Становись на колѣни! Микитка! бей матку по щекамъ, да хорошенько! такъ ее, такъ! еще! еще! приговаривалъ профессоръ, поощряя идіота.

Но и этого показалось мало: самъ баринъ собственноручно далъ ей въ придачу нѣсколько паль лежавшей на учебномъ столѣ линейкой. Я не могъ выности такого безчеловѣчія и оставивъ учениковъ, опрометью пустился бѣжать изъ дому; но куда?...

Кругомъ нашей квартиры гнѣздились дома терпимости; это были знаменитые во время оно „Кресты", гдѣ по цѣлымъ ночамъ совершались безобразнѣйшія оргіи. Дикія завыванія надорванныхъ, пьяныхъ голосовъ; громъ и трескъ проломленныхъ дверей, разбитыхъ оконъ; львиное рыканіе разгулявшагося купца; вопли и визгъ избиваемыхъ женщинъ—нерѣдко среди ночи пугали дѣтей и сокращали время, остававшееся у меня для сна, послѣ изнурительныхъ занятій. Самъ хозяинъ мой, предаваясь запою, въ присутствіи жены и дѣтей приставалъ съ любезностями къ кормилицѣ, красивой, дородной женщинѣ, произнося такія слова, какія только можно было услышать въ сосѣднихъ домахъ. Дѣти такъ привыкли къ подобнымъ безобразіямъ, что и себѣ иногда позволяли непечатную брань и рукопашную расправу съ прислугой. За это я сталъ съ нихъ взыскивать, къ великому неудовольствію родителей, не находившихъ въ такомъ поведеніи мальчиковъ ничего безнравственнаго.

Скоро у моихъ питомцевъ обнаружились нѣкоторые пороки, которымъ научилъ ихъ Микитка. Вслѣдствіе этого способности моего воспитанника день ото дня замѣтно тупѣли: память слабѣла, соображенія не стало вовсе—и съ виду сталъ онъ все болѣе походить на идіота Микитку. Очевидно, наши успѣхи въ латинскомъ языкѣ не только не подвигались впередъ, но пошли назадъ: онъ сталъ забывать и то, чему я успѣлъ научить его съ такими пожертвованіями, въ ущербъ своимъ собственнымъ занятіямъ. Терпѣніе мое наконецъ лопнуло.

Однажды, пробившись съ нимъ по пусту два часа и не видя ни малѣйшаго прогресса въ его успѣхахъ, я вспылилъ. Вырвавъ изъ рукъ его книгу, бросилъ ее въ уголъ, прибавивъ въ сердцахъ: „тебя и самъ дьяволъ ничему не научитъ, если ты не перестанешь дѣлать гадости! Выйдетъ изъ тебя такой же дурень, какъ Микитка".

Одѣвшись наскоро, я ушелъ изъ дому, не зная самъ, что дѣлать съ собой и куда бѣжать отъ этого вертепа? Но развязка, сверхъ моего чаянія, воспослѣдовала очень скоро. Послѣ обѣда, едва я успѣлъ войти въ свою комнату, ко мнѣ влетѣлъ профессоръ.

— А ты, говоритъ, какъ смѣлъ бранить моего сына? Ты—мужикъ, а онъ сынъ статскаго совѣтника!

Не помня себя, я схватился за чубукъ и сдѣлалъ, въ свою очередь, наступленіе на профессора, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поучить этого пьянаго философа болѣе вѣжливому обращенію съ учителемъ его дѣтей; но къ счастію нашему, на нашъ крикъ прибѣжала профессорша и увлекла свое пьяное сокровище въ спальню, заперевъ за нимъ двери.

Выскочивъ на улицу безъ шапки, я подозвалъ извощика, уложилъ свою мизерію и „отряхше прахъ отъ ногъ своихъ", покинулъ навсегда жалкое семейство профессора, оставивъ ему на бѣдность и тѣ три карбованца, которые онъ у меня взялъ до полученія жалованья.

Квартира со столомъ на 2 р. 83 к. въ мѣсяцъ.

Nos sumus bursacia; штанцисque рубацисque caremus, et вошь perpetuo тило cusare solebat.

(Изъ семинарской латыни).

Выбравшись изъ невылазной грязи Крестовскаго проулка на главную тогда Московскую улицу, извощикъ остановилъ лошадь и предложилъ для него весьма обыкновенный, а для меня неразрѣшимый вопросъ: „куда прикажете—на право, или на лѣво?"

— Постой, мой другъ, дай подумать, отвѣчалъ я.

Минутъ пять простоялъ извощикъ, не двигаясь съ мѣста, а я все еще не рѣшилъ, куда мнѣ ѣхать. Наконецъ, поуспокоившись немного отъ сильнаго волненія, я вспомнилъ квартиру двухъ студентовъ-юристовъ, моихъ однокурсниковъ, изъ переяславской семинаріи. Жили они на Никольской улицѣ въ домѣ вдовицы Тевѣшовой, во дворѣ, рядомъ съ кухней, въ двухъ крохотныхъ комнатахъ, на своемъ продовольствіи.

— Валяй на Никольскую!

Оставивъ извощика у воротъ съ своимъ скарбомъ, я вошелъ къ студентамъ: „такъ и такъ, говорю, скверно, пустите, ради Христа, на квартиру, что будетъ слѣдовать—заплачу, когда будутъ деньги, а теперь—нема!"

Старѣйшій изъ студентовъ, съ которымъ я былъ знакомъ нѣсколько короче, назывался Архипомъ Елисеевичемъ Бѣлоконовымъ, а младшій—Иларіономъ Иларіоновичемъ Менделевымъ.

— Какъ вы полагаете, Иларіонъ Иларіоновичъ, обратился старѣйшій къ своему коллегѣ: я думаю, можно ихъ принять?

— А можно, отозвался изъ другой комнаты товарищъ, игравшій въ это время на гитарѣ: только разскажите имъ, Архипъ Елисеевичъ, о нашемъ обѣдѣ, можетъ имъ не понравится?

На это я сказалъ, что мнѣ приходилось жить и вовсе безъ обѣда, а потому я буду доволенъ всякимъ кушаньемъ.

Аккуратнѣйшій во всемъ, какъ нѣмецъ, Архипъ Елисеевичъ принялся на лоскуткѣ бумаги дѣлать разсчетъ, сколько выйдетъ провизіи на троихъ въ мѣсяцъ и что придется на мою долю.

— Я это дѣлаю для того, прибавилъ онъ, чтобы послѣ не вышло между нами какого нибудь недоразумѣнія.

По сдѣланному исчисленію расходовъ, оказалось, что я долженъ вносить въ общую кассу за столъ и квартиру 2 р. 83 коп. въ мѣсяцъ. Обрадовавшись такой находкѣ, я расцѣловалъ Архипа и тотчасъ же перетащилъ свой сундукъ въ первую комнату и принялся устраивать себѣ логово, выпросивши у хозяйскаго кучера два куля соломы.

Разговорившись съ моими новыми сожителями, я узналъ нѣкоторыя подробности изъ ихъ біографій. А. Е. Бѣлоконовъ, сынъ сельскаго дьячка, готовилъ себя во іерея. По окончаніи переяславской семинаріи, онъ женился на приходѣ и, проведши съ женой всего три недѣли, уѣхалъ въ Кіевъ рукополагаться. Пока успѣлъ онъ ублаготворить консисторію да архіерейскихъ келейниковъ, прошло еще двѣ недѣли. Наканунѣ дня, назначеннаго для посвященія, Архипъ Елисеевичъ получилъ отъ отца письмо, извѣщавшее его, что молодая жена „скоропостижно умре". Къ счастію, письмо пришло во́ время, а то пришлось бы молодому вдовцу идти въ монастырь. Потерпѣвши крушеніе, А. Е. опредѣлился учителемъ въ бурсу, а потомъ, съ помощію О. М. Новицкаго, бывшаго профессора переяславской семинаріи, былъ принятъ въ университетъ.

Иларіонъ Иларіоновичъ, уроженецъ Переяслава, хотя и происходилъ изъ дворянъ, но семинарское воспитаніе наложило и на него неизгладимую печать „духовнаго" типа. Сестра его была замужемъ за священникомъ одной изъ переяславскихъ церквей, да и братцу ея слѣдовало бы идти во священники по его аскетическимъ наклонностямъ.

И стали мы жить да поживать втроемъ, на артельныхъ началахъ, какъ живали въ старину кіевскіе бурсаки, у которыхъ сложилось такъ много характерныхъ изреченій, съ примѣсью варварской латыни, въ родѣ приведенной выше.

Архипъ нашъ былъ образцовымъ экономомъ. Самъ ежедневно ходилъ на базаръ, приносилъ провизію, заказывалъ кухаркѣ обѣдъ (за что она получала 75 к. ас. въ мѣсяцъ), а вечеромъ въ собственной грубкѣ готовилъ ужинъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ, а иногда изъ одного блюда, а на ужинъ варился кулишъ или кутья.

Чай пили по воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ, табакъ каждый обязанъ былъ имѣть свой.—Разъ у меня случилось безтабачье, и я нѣсколько дней не курилъ. Архипъ, какъ на зло, купилъ себѣ четверку Мусатова, стоившую гривенникъ. Одолжаться я не привыкъ, а гривенника не было. Но какъ по пословицѣ: голь на выдумки хитра, то и я пустился на хитрости. Въ печкѣ у насъ трещалъ огонь и готовился кулишъ со снятками.

— А съ чѣмъ у насъ, А. Е—чъ, будетъ сегодня кулишъ? спрашиваю я.

— Со снятками, освѣчаетъ онъ добродушно.

— Что жъ положили уже въ горшокъ снятковъ?

— Нѣтъ, еще рано—пусть закипитъ.

— Да вы вѣрно забыли—тамъ уже есть снятки.

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ увѣренностію коллега, ихъ тамъ нѣту, я еще не бросилъ.

— Да увѣряю васъ, вы позабыли—давайте на пари.

— Извольте, я согласенъ—о чемъ же?

— Ну хоть о полпачкѣ Мусатова!

Менделевъ рознялъ наши руки. Помѣшали ложкой въ горшкѣ—тамъ дѣйствительно оказались снятки, брошенные мною тайкомъ отъ Архипа.

— А—плутъ, Михайло Корніевичъ! съ добродушнымъ смѣхомъ воскликнулъ коллега, разрѣзая ножикомъ на двѣ равныя части пачку табаку, и мы, сидя у печки, закурили каждый свой собственный табакъ, не прибѣгая къ одолженіямъ.

Въ концѣ ноября въ сборной залѣ пронесся слухъ, что въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ открылась вакансія. Одинъ изъ студентовъ натворилъ много безобразій, принявъ дѣятельное участіе въ „Крестовыхъ походахъ“, такъ что терпѣть его въ закрытомъ заведеніи не было возможности. На открывшуюся вакансію объявленъ конкурсъ. Соискатели обязаны были выдержать полугодичный экзаменъ; получившій лучшіе баллы занимаетъ вакантное мѣсто. Охотниковъ до казеннаго хлѣба нашлось не мало, но половина ихъ отстала послѣ перваго же экзамена. Остались два словесника, юристъ и математикъ. Сознавая всю важность предстоявшаго мнѣ испытанія, я употребилъ нечеловѣческія усилія, чтобы побороть своихъ соперниковъ. Пройдено втеченіе полугодія было очень

много, а у меня, человѣка кабальнаго, сверхъ того, оказалось много пробѣловъ. Я принялся за дѣло энергически и одержалъ верхъ надъ соискателями, получивъ полные баллы по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, греческаго языка, которому я началъ учиться съ азбуки. Но дѣло этимъ не окончилось; нужно было ждать засѣданія совѣта, отъ котораго зависѣло опредѣленіе въ институтъ. До праздника Рождества оно не состоялось. Товарищи мои уѣзжали на кутью домой—въ полтавскую губернію; мнѣ же приходилось оставаться одному въ нетопленной квартирѣ, безъ обѣда.

Но вотъ 22 декабря, „порой межъ волка и собаки“ нежданно негаданно, въ комнату вползла волчья шуба, вся побѣлѣвшая отъ мороза. Это былъ лѣсничій, пріѣхавшій якобы съ цѣлію взять меня къ себѣ на праздники. Но дѣло не въ томъ, по своей ли надобности пріѣхалъ въ Кіевъ лѣсничій, или ради меня, а пріѣзду его я очень обрадовался.

Когда я обратился къ своему „благодѣтелю“ съ просьбой уплатить за меня малую толику моимъ сожителямъ, спасшимъ меня отъ голодной смерти, толстяка немножко покоробило и онъ, по привычкѣ, собирался уже съ духомъ отказать мнѣ, но не давши ему выговорить ни слова, я поспѣшилъ присовокупить къ своей просьбѣ, что только слѣдовало заплатить 2 р. 83 коп.—и физіономія моего лѣсничаго просіяла.

Для сокращенія расходовъ уѣзжалъ я въ Сваромье на цѣлый мѣсяцъ, поручивъ одному земляку—студенту слѣдить за ходомъ моего дѣла и ежели мое присутствіе въ Кіевѣ окажется необходимымъ, то чтобы онъ извѣстилъ меня.

Предъ отъѣздомъ я узналъ, что Илья Ѳедоровичъ уволенъ отъ должности. Почтенному Нейкирху таки удалось спихнуть съ каѳедры Гриневича и посадить Деллена. Да и какъ „не порадѣть родному человѣчку?“ Но кромѣ того увольненію „моего“ профессора не мало содѣйствовалъ ректоръ Неволинъ, доложившій министру, что этотъ горе-профессоръ служитъ только посмѣшищемъ для студентовъ. Павелъ Петровичъ поспѣшилъ отобрать отъ него дѣтей и выгналъ изъ своего дома, съ помощію полиціи.

Бѣднякъ профессоръ жилъ съ семействомъ разными пожертвованіями, на Графскомъ переулкѣ, въ тѣсной и сырой квартирѣ, по-

томъ переселился на жительство въ Одессу. Тамъ въ 1849 году я нашелъ его на Молдаванкѣ въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Печальная судьба постигла его несчастныхъ сыновей: Ильюша умеръ въ домѣ умалишенныхъ; Сережа въ домѣ родителей отъ той же страшной болѣзни. Отомстилъ Микитка за свои обиды, жестоко, отомстилъ [1]).

Зимній мѣсяцъ въ Сваромьѣ.

Дѣлу время и потѣхѣ часъ.

Лѣсничій во время Рождественскихъ праздниковъ затѣялъ во ввѣренныхъ его опеканію лѣсахъ большую охоту на козъ. Ѣдучи изъ Кіева, мы завернули по пути въ Межигорье. Хотя между чиновниками фаянсовой фабрики не было ни одного настоящаго охотника, но они всѣ изъявили готовность участвовать, если не въ убіеніи дикихъ козъ и тетеревей, то въ истребленіи ихъ мяса, до котораго они были большіе охотники. Переночевавши у любезнаго кума Ивана Маркевича, мы на другой день, въ сопровожденіи всего фабричнаго beau mond'a, размѣстившись на трехъ саняхъ, лихо покатили въ Сваромье. Хотя до праздника оставалось еще два дня, но это нисколько не воспрепятствовало гостямъ провесть эти дни по праздничному. Всѣ они были страстные любители юрдона (извощичья игра въ три листика, довольно азартная): какъ засядутъ съ утра, то просицятъ до обѣда, а отъ обѣда до ужина, а отъ ужина до первыхъ пѣтуховъ. Обходя свой приходъ съ молитвой, къ намъ завернулъ и батюшка о. Василій и притащилъ съ собою порядочный гаманецъ съ вырученными за молитву мѣдяками. Долго смотрѣлъ онъ на играющихъ, не принимая въ игрѣ участія, все порываясь идти домой, но сердце не камень—примостился и онъ. Какъ застукали его межигорцы, какъ сталъ мой батюшка таскать

---

[1]) По наблюденіямъ англійскихъ врачей, на 300 дѣтей съ припадками умопомѣшательства 145 происходили отъ родителей, преданныхъ пьянству; значитъ, не одинъ Микитка былъ причиной погибели дѣтей пьяницы—профессора.

изъ мѣшка пятаки, то только благодаря внезапно налетѣвшей попадьѣ, онъ не проигралъ всего, что принесъ съ собою. Влетѣла матушка въ комнату, какъ фурія, схватила почти пустой мѣшокъ, ругнула всю честную компанію и ушла. Сконфуженный попъ поплелся вслѣдъ за ней, понуривъ голову.

На первый день праздника прибыли еще кой какіе гости и въ числѣ ихъ начальникъ лаврскихъ озеръ изъ Тарасовичъ. Славился онъ на всю округу необычайной крѣпостью головы, въ отношеніи спиртныхъ напитковъ. Споить его, что называется, до положенія ризъ не было никакой возможности, сколько ни старались о томъ гостепріимные лѣсничіе. Я вызвался опровергнуть такое нелѣпое мнѣніе о святомъ отцѣ и выкинулъ еще одну „студентскую штуку".

Не принимая участія въ юрдонѣ, я пригласилъ о. Иліодора въ особую комнату, чтобы и не смотрѣть на богомерзкую игру сію, и заняться душеспасительною бесѣдой, вдали отъ мірскихъ соблазновъ. Монахъ поддался на такія умныя словеса, ввѣривъ свою особу моимъ попеченіямъ. Я потребовалъ маленькій дорожный самоваръ и собственноручно принялся наставлять его; но вмѣсто воды, налилъ половину спирту. Самоварчикъ мой скоро закипѣлъ, и я приготовилъ монашескій пуншикъ.

— Охъ, какой же крѣпкій! воскликнулъ, прихлебнувши, инокъ: позвольте водицы подбавлю.

Подливъ воды и прибавивъ сахару, онъ опять хлебнулъ—не помогаетъ. Отпивши изъ стакана малую толику, снова подбавилъ водицы—все таки крѣпокъ. Совершивъ нѣсколько разъ такую операцію, онъ уже и жаловаться перестал на крѣпость пунша, утративъ способность вкуса, а черезъ нѣсколько минутъ потерялъ и сознаніе.

— Готовъ съ! отрапортовалъ я гостямъ, вошедши въ гостинную: не угодно ли будетъ экспертамъ освидѣтельствовать?

Экспертиза показала, что крѣпкоголовый „начальникъ", въ противность убѣжденію всей честной компаніи, былъ какъ стелька.

— Боже мой! Боже мой! бормоталъ онъ безсвязно: вы всѣ—въ мірѣ, а я монахъ. Что жъ скажутъ *тамъ*? Постыдно будетъ мнѣ окаянному стоять тамъ позади всѣхъ. Ты, скажутъ, монахъ, а что ты въ мірѣ творилъ, непотребный?

Замѣтивъ меня между гостями, онъ закричалъ:

— Отойди отъ мене, сатано! Не искушай меня! Охъ, Боже мой! Боже мой! Уси бачать, якъ чернець гришыть, а нихто не бачыть, якъ винъ кається!... и т. д.

Въ числѣ гостей было два „академика“ изъ Кіева, съ нарочито торжественными физіономіями, самодовольные и надутые своею ученостію, какъ истые бурсаки, говорившіе объ однихъ только важныхъ матеріяхъ возвышеннымъ слогомъ. Одинъ изъ нихъ, кажется, Воскресенскій, въ вицъ-мундирѣ съ бѣлыми пуговицами, отрекомендовался мнѣ „будущимъ баккалавромъ“, хотя ему до окончанія академическаго курса оставалось еще полгода, а я, съ своей стороны, отрекомендовался „будущимъ“ министромъ народнаго просвѣщенія. Другой—тоже какой то праздникъ—Введенскій или Вознесенскій—готовилъ себя въ миссіонеры, безпрерывно полемизируя съ старымъ землемѣромъ Богданомъ Ивановичемъ Ланге о лютеранскихъ догматахъ, должно быть намѣреваясь обратить его, въ видѣ опыта, въ православіе. Тутъ былъ и актеръ—забулдыга Мастицкій, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы. Все время онъ поддразнивалъ монаха.

Между тѣмъ межигорцы вотъ уже четвертый день все потѣютъ за юрдономъ. Ѣдятъ по четыре раза въ день, пьютъ безъ счету вино и наливки, приправляя всѣ сіи упражненія банальными остротами и анекдотами, отъ которыхъ женщины краснѣли и уходили въ другую комнату. На третій день праздника все это сонмище повалило въ Межигорье. Мнѣ пришлось ѣхать въ однихъ саняхъ съ кузиной и кутать ее отъ мороза въ волчью шубу лѣсничаго. Въ Межигорьѣ мы славили Христа цѣлыхъ три дня: у каждаго чина нужно было побывать непремѣнно. Насъ закормили на смерть, такъ что уѣхали мы въ Сваромье, страдая животами. Домъ каждаго межигорца былъ полная чаша; обѣды гомерическіе; наливки—вкусомъ и ароматомъ амврозію превосходящія. Развеселое житье!

Вернувшись домой, лѣсничій засталъ письмо изъ Новгородка. Прочелъ его съ какимъ то особеннымъ настроеніемъ, и не сказавши никому ни слова, положилъ его въ карманъ, потомъ, вышедши въ другую комнату, сталъ таинственно шептаться съ своею супругой.

На другой день по утру, еще до моего прихода къ чаю, былъ семейный конгрессъ, съ участіемъ дочери, но безъ права голоса. По справкамъ оказалось, что ее сватали заочно и она, измѣнница! добровольно и непринужденно изъявила согласіе выйти замужъ за пожилаго и невѣжественнаго господина, предложившаго ей руку и свои „безгрѣшные“ доходы, но не сердце, отданное уже 25 лѣтъ тому назадъ службѣ по министерству государственныхъ имуществъ. Все это отъ меня почему то скрыли, даже она, она сама мнѣ ни слова, и какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала по прежнему со мной цѣловаться. Любовь, значитъ, сама по себѣ, а замужество само по себѣ! Ладно! Что жъ? съ Богомъ, Параню, коли люде трапляються! Не ждать же тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, 18-лѣтней невѣстѣ, четыре года, пока я сдѣлаюсь полноправнымъ мужчиной. Прощай же, моя милая! Будь здорова, якъ корова! А я пойду своей дорогой!

Около половины января мать объявила, не объясняя причины, о своемъ желаніи побывать въ Кіевѣ. Но я догадался зачѣмъ— тряпки для приданаго покупать. Меня пригласили самъ третей, въ качествѣ провожатаго съ тѣмъ, чтобы послѣ опять увезти въ Сваромье, если опредѣленіе совѣта о принятіи меня въ институтъ къ тому времени еще не состоится. Но я далъ себѣ слово не возвращаться. Буду лучше, порѣшилъ я, питаться кутьею да кулишемъ со снятками, чѣмъ быть нахлѣбникомъ у людей, не уважающихъ священнаго чувства любви и совершающихъ постыдный торгъ единственной дочерью, ради сокращенія расходовъ.

Товарищей своихъ я засталъ уже на квартирѣ. Они привезли изъ дому довольное количество провизіи и предложили мнѣ жить безплатно, пока хватитъ некупленнаго продовольствія, котораго, при умѣренномъ употребленіи и образцовой экономіи Архипа Елисеевича, достало намъ до марта мѣсяца.

Въ мартѣ было засѣданіе совѣта. Но такъ какъ сытый голоднаго не разумѣетъ, то ученые мужи порѣшили заставить меня выдержать еще годичный экзаменъ, а до того оставить вакансію незамѣщенной. Такое мудрое рѣшеніе истекало отъ преобладанія въ со-

вѣтѣ юристовъ, съ ректоромъ Неволинымъ во главѣ: они, какъ надо полагать, желали приберечь мѣстечко для родного человѣчка-бурсака, а меня отстранить. Неожиданность такого сюрприза до того меня поразила, что я чуть не рехнулся. Вся моя будущность, вся энергія, съ какою я до сихъ поръ переносилъ всяческія невзгоды, меня покинула.

Къ счастью, не всѣ профессора такъ безучастно отнеслись къ погибающему. Между ними нашелся добрый человѣкъ, обратившій вниманіе на ненормальность моего душевнаго состоянія: это былъ вѣчно достойный памяти Василій Өедоровичъ Домбровскій. Заставши меня однажды въ бесѣдкѣ Царскаго сада одного, гдѣ я сидѣлъ уже болѣе часа, безсознательно глядя въ даль, онъ принудилъ меня разсказать ему, что у меня было на душѣ, и съ живѣйшимъ участіемъ отнесся къ моему горю. Онъ меня успокоилъ, пообѣщавъ снова поднять вопросъ въ совѣтѣ о моемъ кровномъ дѣлѣ. Домбровскій сдержалъ свое благородное слово: вмѣстѣ съ инспекторомъ Сычуговымъ онъ вошелъ въ совѣтъ съ особымъ мнѣніемъ, доведя до свѣдѣнія членовъ о моемъ безвыходномъ положеніи. Говорилъ онъ въ совѣтѣ такъ тепло и задушевно, что растрогалъ даже такого безсердечнаго человѣка, какимъ былъ ректоръ Неволинъ.

Пока длилось засѣданіе, я сидѣлъ, какъ осужденный на смерть, на крыльцѣ, въ ожиданіи своей участи. Прежде всѣхъ выскочилъ изъ залы ректоръ и ускакалъ на своихъ рысакахъ; потомъ вышелъ Василій Өедоровичъ съ инспекторомъ, какъ будто кого то ища глазами. Увидѣвъ меня, они съ сіяющими отъ удовольствія лицами направились въ мою сторону и поздравили съ принятіемъ на казенное содержаніе. Домбровскій даже поцѣловался со мной, а полковникъ не преминулъ похвалиться, что онъ, хотя и могъ бы мнѣ напакостить, припомнивши мой побѣгъ за Днѣпръ, но не только этого не сдѣлалъ, но напротивъ, горой стоялъ за меня.

Поблагодаривъ въ немногихъ словахъ своихъ доброжелателей, я побѣжалъ на квартиру подѣлиться своею радостію съ моими добрыми товарищами, которые до того обрадовались моему великому счастію, что даже самоваръ наставили, хотя день былъ тогда не праздничный.

Послѣ долгой задушевной бесѣды съ этими простодушными юношами, я принялся за письмо къ матери:

„Прилпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебе, моя родная, въ началѣ веселія моего! Забвенна буди десница моя, если я когда нибудь перестану помнить о тебѣ и дѣлиться съ тобой всѣмъ, что будетъ у меня на душѣ и въ карманѣ“ и пр.

Въ такомъ торжественномъ тонѣ было написано письмо мое, послѣ долгаго, томительнаго молчанія...

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Младшій братъ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ ГЕНРИХА ІОССЕ[1]).

(Переводъ съ польскаго).

Несмотря на будній день и рабочую пору, Иванъ Стоколоса, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ и усердныхъ хозяевъ, собирался въ ближайшее мѣстечко. Бритвой, сдѣланной изъ старой косы, онъ тщательно выбрилъ лицо, послѣ этой операціи принявшее видъ стернища, старательно напомадилъ смальцемъ свои волосы, надѣлъ новую свитку и смазанные наканунѣ сапоги; послѣ чего сѣлъ у стола и началъ стучать ложкой, что служило для хозяйки знакомъ давать „сниданьня".

— Чего тебѣ въ мисто?—спросила жена, ставя передъ нимъ порядочную миску молочной каши—вѣдь ярмарки нѣтъ и дѣла у тебя тамъ нѣтъ...

— Выборы—лаконически отвѣтилъ Стоколоса, поворачивая во рту горячую кашу.

— И...и, выборы—замѣтила съ пренебреженіемъ хозяйка—будешь черпать воду рѣшетомъ.

Дѣйствительно, въ тотъ день должны были произойти въ мѣстечкѣ выборы отъ такъ называемыхъ сельскихъ округовъ (мелкихъ землевладѣльцевъ). По весьма хитро придуманной системѣ, мелкіе землевладѣльцы, т. е. селяне, vulgo крестьяне, составляютъ одну большую семью „провыборцевъ", которые выбираютъ изъ своей среды выборцевъ, и затѣмъ уже послѣдніе избираютъ посла. Иванъ

---

[1]) „Głos" 1889 г., №№ 25 и 26.

Стоколоса, наслѣдовавъ недавно послѣ своего отца болѣе десяти морговъ земли, выступалъ теперь въ первый разъ, какъ избиратель, а потому вовсе не удивительно, что у него были нѣкоторыя сомнѣнія относительно того, съумѣетъ ли онъ выполнить эти новыя, неизвѣданныя имъ еще обязанности. Правда, что центральный избирательный комитетъ, съ помощью такихъ же уѣздныхъ комитетовъ, позаботился о достойномъ кандидатѣ, въ лицѣ графа Эдгара Шалавилы изъ Пустомѣховъ, но Иванъ Стоколоса, отличаясь, повидимому, весьма тупой головой, постоянно повторялъ:

— Щось мени не здайеться...

Позавтракавъ, онъ вытеръ размашистымъ движеніемъ руки ротъ, нѣсколько разъ съ наслажденіемъ щелкнулъ языкомъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія по хозяйству и наконецъ собрался въ дорогу. Не желая отрывать отъ работы лошадей, онъ пошелъ пѣшкомъ, къ тому же до мѣстечка было всего лишь полмили. День предвидѣлся хорошій, тѣмъ болѣе, что Стоколоса шелъ мимо своихъ посѣвовъ и любовался своей пшеницей, житомъ и картофелью.

Проходя мимо дома священника, онъ замѣтилъ самого батюшку, стоявшаго у воротъ.

— Хвала Богу!—произнесъ крестьянинъ.

— На вѣки слава—отвѣтилъ священникъ. Стоколоса остановился въ ожиданіи дальнѣйшей бесѣды.

— А куда жъ вы мандруете?... въ мѣстечко?—спросилъ священникъ.

— Еге—отвѣтилъ Стоколоса.

— На выборы?

— Да...

— И за кого жъ подадите голосъ?... га? спросилъ священникъ.

— А не знаю еще—отвѣтилъ Стоколоса—человѣкъ я еще новый и не безъ того, чтобы въ мѣстечкѣ люди не посовѣтовались и не указали бы, кого выбирать... тогда посмотримъ...

— Первое дѣло—торжественно началъ священникъ—чтобы выбрали человѣка, который уважалъ бы святую вѣру и церковь нашу... Вотъ что!...

Стоколоса глубоко вздохнулъ, самъ не зная почему.

— Такъ, такъ—продолжалъ священникъ—въ мѣстечкѣ вамъ будутъ чортъ знаетъ что говорить, ибо на свѣтѣ есть много лжепророковъ... Не вѣрьте имъ и не поддавайтесь ихъ словамъ, а дѣлайте такъ, какъ вамъ совѣсть приказываетъ.

Почтенный священникъ, увлекшись, долго разсуждалъ на тему о ложныхъ пророкахъ, забывъ о слушателѣ и о выборахъ. Стоколоса терпѣливо слушалъ, качалъ утвердительно головой, затѣмъ низко поклонился и пошелъ дальше. Передъ корчмой онъ увидѣлъ довольно странное зрѣлище, которое издали походило на драку. Шинкарь комично прыгалъ около войта Костюха и что то горячо доказывалъ толпѣ, размахивая руками.

— Вы подадите голосъ за него—кричалъ во всю глотку шинкарь, замѣтивъ приближавшагося Стоколосу—знаете ли, за кого? За пана Фейнкопфа, адвоката, у котораго есть зять въ Вѣнѣ, понимаете ли, въ самой Вѣнѣ.

— Не морочь головы, жидюга!—возмутился Костюхъ.

— Что то не морочь головы—говорилъ еврейчикъ, приходя еще въ большій азартъ, — а знаете ли, что панъ Фейнкопфъ сказалъ?... Панъ Фейнкопфъ сказалъ, что онъ ваше дѣло будетъ даромъ вести, такъ какъ вы справедливый хозяинъ.

Стрѣла не попала въ цѣль.

— Не морочь головы—отчетливо повторилъ Костюхъ, потянулъ Стоколосу за рукавъ, и оба пошли въ городъ. По дорогѣ Костюхъ, который „провелъ" уже не одни выборы, разъяснялъ своему товарищу разныя тайны общественныхъ дѣлъ. Старый войтъ очевидно принадлежалъ къ числу пессимистовъ.

— Это все пустячные разговоры—закончилъ онъ свою рѣчь—пообѣщаютъ тебѣ цѣлыя горы сладостей и въ концѣ концовъ дадутъ такого горькаго, что...

Такъ бесѣдуя, пришли они въ городъ. На базарѣ они уже застали цѣлую толпу избирателей, подѣлившихся на малыя группы и ведшихъ оживленныя бесѣды. Костюхъ присоединился къ своимъ „кумамъ", а Стоколоса къ своимъ. Едва успѣлъ онъ съ ними поздороваться, какъ его схватилъ за руку какой то незнакомый ему человѣкъ, что то съ виду въ родѣ кабацкаго адвоката.

— А какъ поживаете, пане войте?—спросилъ онъ—давно я васъ не видѣлъ!

— Я не войтъ—отвѣтилъ Стоколоса, весьма удивленный—можетъ, вамъ нуженъ Костюхъ, такъ какъ онъ въ нашемъ селѣ войтъ.

— Знаю и Костюха, всѣхъ знаю. Но и вы такъ похожи на войта, что какъ будто родились имъ; ну, и что жъ? Прійдетъ и вашъ чередъ быть войтомъ, ей Богу прійдетъ, и знаете ли, что какъ подадите вашъ голосъ за пана Фейнкопфа, то онъ поможетъ вамъ добиться до войта.

Стоколоса промолчалъ и только отмѣтилъ себѣ въ памяти, что теперь его люди, противъ обыкновенія, какъ то особенно уважаютъ.

— А что, еслибы на минуту заскочить на стаканъ пива? спросилъ его тотъ же человѣкъ, прищуривъ одинъ глазъ.

И не успѣлъ Стоколоса раскрыть ротъ, какъ незнакомецъ внезапно исчезъ въ толпѣ, какъ бы по мановенію волшебной палочки. Удивленный крестьянинъ оглядывался вокругъ, напрасно стараясь объяснить себѣ причину этого таинственнаго исчезновенія. Не замѣтилъ онъ ничего особеннаго, потому что вѣдь приближавшійся въ тотъ именно моментъ къ нему жандармъ принадлежалъ къ ряду обыденныхъ явленій.

Стоколоса вторично отмѣтилъ что то себѣ въ памяти, послѣ чего повернулся къ своимъ кумовьямъ, которые тщательно взвѣшивали: выбрать ли посломъ графа Шалавилу изъ Пустомѣховъ, или же пана Менкальскаго изъ Вертоглавъ.

— Бѣлый ли котъ, или бурый, а все котъ—замѣтилъ одинъ изъ кумовей, который до сихъ поръ ничего не говорилъ, а только съ философскимъ спокойствіемъ ѣлъ принесенныя изъ дому сушки (сушеные фрукты).

— Не совсѣмъ—замѣтилъ кто то другой—покойный панъ изъ Холопскои Воли умѣлъ въ Вѣнѣ говорить съ швабами.

— И что изъ этого?... какъ стали крутить, то и выкрутили такъ, что покойный долженъ былъ отречься отъ своего мѣста ивъ сеймѣ. Еще бы! правительство имѣетъ большую силу...

Въ такомъ родѣ шла бесѣда, а солнце, описавъ на небѣ большую дугу, указывало, что ужъ близокъ полдень! Сто-

колоса начиналъ чувствовать голодъ и жажду и когда сообщилъ объ этомъ своимъ кумовьямъ, то узналъ, что и они чувствовали то же. Единогласно рѣшили зайти въ одинъ изъ кабаковъ, въ которыхъ не было недостатка, не знали только въ который именно. Одни стояли за Либескинда, другіе же за Зюсмана; но въ это время неожиданно появился среди нихъ Костюхъ.

— А нуте, панове—сказалъ войтъ, вытирая клѣтчатымъ платкомъ потъ съ лица:—что касается до выборовъ, то я уже разобралъ это дѣло. За Менкальскаго подаютъ свои голоса Вертоглавы и еще немного изъ другихъ селъ, за графа Шалавилу—Пустомѣхи, Голая Волька, Великіе и Малые Недоиды. Теперь комитетъ велѣлъ голосовать за графа, и урядъ, кажется, за него. Въ старосствѣ говорили намъ, чтобы мы помнили, что графъ въ Вѣнѣ очень въ силѣ.

— Э, гдѣ тамъ—попробовалъ было кто то возразить.

— Однако—продолжалъ Костюхъ—ничего мы одни не подѣлаемъ, если столько народу держится вмѣстѣ. У Зюсмана платитъ Менкальскій, у Либескинда—графъ, то идемъ къ Либескинду.

— Костюхъ должно быть *накерованый* (выпивши) — сказалъ Стоколоса, но остался безъ отвѣта.

У Либескинда кишѣлъ народъ, какъ пчелы въ ульѣ. Всѣхъ весьма любезно угощалъ управляющій графа, а ему помогали ловкіе экономы. Новыхъ избирателей приняли съ радостнымъ привѣтомъ. Шинкарь весьма поспѣшно пригласилъ ихъ сѣсть, поставилъ передъ ними бутылку водки, большіе стаканы пива, кольца колбасъ и сигары. Стоколоса отрѣзалъ про запасъ домой кусокъ колбасы для жены и дѣтей и затѣмъ уже занялся собственнымъ желудкомъ. Пилъ онъ и ѣлъ какъ будто по найму. Утоливъ голодъ и жажду, онъ все таки продолжалъ угощаться, пилъ хотя и большими глотками, но ужъ нѣсколько медленнѣе и одновременно внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ шинкѣ.

— Ого! экономъ изъ Пустомѣхивъ цѣлуетъ въ губы Костюха—сказалъ онъ про себя въ полголоса, ставя стаканъ съ такимъ размахомъ, какъ будто онъ Богъ вѣсть сколько вѣсилъ.

По мѣрѣ выпитыхъ стакановъ Стоколоса дѣлалъ все меньше замѣчаній, но за то все больше давалъ волю сердцу. Охотно примирился онъ со своимъ сосѣдомъ Кубой Зайцемъ, котораго подозрѣвалъ въ различныхъ козняхъ и даже обвинялъ себя въ нехристіанскомъ злопамятствѣ. Наконецъ панъ управляющій объявилъ многоуважаемымъ гостямъ, что уже пора идти въ магистратъ на выборы, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы они вечеромъ опять зашли сюда для подкрѣпленія тѣла и духа.

Двинулся народъ отъ Либескинда, вышелъ и отъ Зюсмана, вышелъ и изъ другихъ шинковъ. Эти потоки слились въ магистратѣ въ одну рѣку и поплыли въ залу засѣданій городской думы.. Здѣсь собрались уже члены комитета, кандидаты, а также выдающіяся лица какъ изъ города, такъ и изъ околицы.

Когда дверь захлопнулась за послѣднимъ крестьяниномъ, предсѣдатель прежде всего выполнилъ вступительныя формальности, затѣмъ произнесъ небольшую рѣчь на тему о важности минуты и, наконецъ, пригласилъ кандидатовъ, чтобы они поочереди излагали символы своего политическаго „credo“.

Всѣ ораторы увѣряли, что они втеченіе всей своей жизни интересуются исключительно народомъ и его нуждами, обѣщали устранить всѣ дурныя стороны общественнаго строя и съ этой цѣлью предлагали свои услуги, взамѣнъ же не требовали даже и задатка, ограничиваясь убогимъ мандатомъ, который, какъ всѣмъ извѣстно, не приноситъ никакой пользы...

Графъ Шалавила изъ скромности держалъ рѣчь послѣднимъ, какъ бы придерживаясь того, что тотъ обыкновенно правъ, кто произноситъ послѣднее слово.

Панъ графъ съумѣлъ грубый, жестокій народъ приправить такимъ вкуснымъ соусомъ, что правительственный коммиссаръ торжественно поздравилъ счастливаго кандидата.

— Подобно тому, какъ въ природѣ выступаетъ безконечное разнообразіе, чтобы создать гармонію—заключилъ графъ свою рѣчь,—такъ и въ обществѣ существуютъ различныя сословія, которыя должны стремиться къ согласію. И подобно тому, какъ въ семьѣ старшій братъ заботится о младшемъ и, по волѣ

Божьей, исполняетъ въ важныхъ случаяхъ обязанности отца, такъ и въ обществѣ мы, помѣщики,—старшіе братья крестьянъ, которые, какъ младшіе братья, нуждаются въ нашей опекѣ.... А что я хочу быть вамъ старшимъ братомъ, такъ пусть Богъ мнѣ поможетъ!.....

Затѣмъ приступили къ голосованію. Сыпались билетики красные, желтые, зеленые, и лица кандидатовъ принимали соотвѣтствующую окраску. Относительно результата не было сомнѣнія. Поздно вечеромъ секретарь объявилъ, что ясновельможный графъ Шалавила получилъ посольскій мандатъ. У Либескинда младшій братъ пилъ до пресыщенія на счетъ старшаго брата...

II.

Послѣдніе отголоски выборовъ прогремѣли весьма скоро. Младшій братъ въ потѣ лица трудился на пашнѣ, старшій, съ неменьшими усиліями, въ Вѣнѣ для блага общественнаго. Весною наводненіе уничтожило у младшаго брата все имущество, однако милостивая судьба для уменьшенія ужасныхъ послѣдствій несчастія одновременно устроила такъ, что старшій братъ получилъ званіе каммергера.

Наконецъ наступили и лучшія времена. Въ одинъ прекрасный день появились какіе то неизвѣстные люди, которые носили за собою малые, круглые столики на трехъ ножкахъ, длинные шесты, красные флаги, цѣпи и веревки. Люди эти разсѣялись, какъ муравьи, по полю, вбивали въ землю шесты и флаги, вытягивали веревки и цѣпи, устанавливали круглые столики, что то рисовали или писали и махали руками, какъ бы нѣмыя существа, которыя обмѣниваются мыслями при помощи мимики.

— Должно быть будутъ верки строить—рѣшилъ Недбайло, который, будучи солдатомъ, видѣлъ и участвовалъ въ Краковѣ въ фортификаціонныхъ работахъ.

— Гдѣ тебѣ—отвѣтилъ Костюхъ—дорогу строятъ, вотъ и все.

Костюхъ былъ правъ: строили желѣзную дорогу. Въ нѣсколько недѣль инженеры вытянули длинную, прямую линію,

гдѣ то терявшуюся на право и на лѣво въ туманной дали на противоположныхъ странахъ голубаго горизонта.

— Можетъ быть и людямъ что нибудь придется заработать... замѣтилъ Стоколоса полувопросительно.

— А какъ же иначе—отвѣтилъ Костюхъ.—Всякой работы будетъ довольно и для человѣка, и для скотины. Валы насыпать, раскапывать горбы, землю возить, каменья, грузъ. Если имѣть тачку или заступъ, то можно заработать грошъ. А не станетъ нашихъ людей, то придетъ народъ и изъ другихъ селъ, тогда и наше молоко, и масло, и хлѣбъ найдетъ голодный ротъ.

Костюхъ опять былъ правъ, хотя только теоретически. Вѣдь въ газетахъ весьма много писали объ этой линіи, называя ее цѣлительнымъ бальзамомъ для общественныхъ ранъ... Прежде всего земледѣльцы будутъ имѣть дешевое и скорое сообщеніе, вслѣдствіе чего цѣнность земли, а также земледѣльческихъ продуктовъ значительно повысится. Развитіе промышленности также пойдетъ скорымъ шагомъ. Вотъ недавно корреспондентъ изъ провинціи сообщалъ, что владѣлецъ Недоборовъ замѣтилъ на ключевой водѣ присутствіе нефти, а владѣлецъ Глупотова открылъ на своихъ поляхъ желѣзную руду... Богатства, сокровенныя въ нѣдрахъ земли, будутъ со временемъ добыты нашими промышленниками. Впрочемъ, даже и теперь, во время постройки, страна будетъ имѣть всевозможныя выгоды. Потому что вѣдь прошу не забывать, что во главѣ предпріятія стоитъ посолъ графъ Шалавила, что концессію на постройку дороги получило мѣстное общество, что, наконецъ, продажей акцій занялась мѣстная финансовая компанія. Отсюда очевидное слѣдствіе, что во всѣхъ отрасляхъ работы будутъ имѣть приложеніе исключительно мѣстныя силы, начиная отъ главнаго инженера и кончая послѣднимъ чернорабочимъ. Выпустили изъ виду только такую ничего не значащую мелочь, что помянутыя акціи отправились въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Франкфуртъ.

Итакъ строили дорогу. Работами завѣдывали инженеры изъ Вѣны, при постройкѣ мостовъ работали штирійцы, камни обдѣлывали итальянцы; кромѣ того тьма тьмущая рыжихъ ландсмановъ кишѣла по всей линіи въ различныхъ видахъ.

Все это не имѣло непосредственнаго отношенія къ крестьянамъ. Одинъ возилъ землю, другой камни, третій копалъ канавы или насыпалъ валы, дѣвушки и подростки носили кирпичъ или известку.

Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій. Около праздника Петра и Павла пріѣхали во дворецъ графа какіе то чиновники, которыхъ хозяинъ весьма привѣтливо встрѣтилъ на срединѣ двора. Шли всевозможные толки объ этихъ новыхъ гостяхъ, но никто не зналъ ничего положительнаго, даже войтъ Костюхъ, который, казалось бы, долженъ былъ знать оффиціальныя извѣстія. Только вечеромъ въ корчмѣ дворовый, пропустивши три полкрючка водки, объявилъ любопытнымъ хозяевамъ, что это пріѣхала коммиссія для расцѣнки земель, которыя заняла желѣзная дорога. Коммиссія, благодаря старо-польскому гостепріимству, проводила время у помѣщика весьма пріятно, а въ свободныя отъ этого занятія минуты тѣмъ энергичнѣе занималась оцѣнкой земли. Со стороны помѣщика всѣ были весьма довольны ея дѣятельностію за то между крестьянами неожиданно проявился ропотъ.

— А уже панъ всегда тянетъ за пана—говорилъ Костюхъ.

— Панскія поля оцѣнили по триста бумажекъ за моргъ и даже на Провальяхъ платили ему по семьдесятъ бумажекъ.

Откуда Костюхъ, кромѣ войтовства, зналъ тайны оцѣночной коммиссіи—неизвѣстно, достовѣрно только то, что писарь, пріѣхавшій съ коммиссіей, выпивалъ въ корчмѣ вмѣстѣ съ писаремъ гмины, что впрочемъ не есть чрезвычайное обстоятельство въ виду того, что они были коллегами на поприщѣ общественнаго служенія.

— Наши земли, что были подъ пшеницею, оцѣнили въ сотню бумажекъ за моргъ—продолжалъ Костюхъ—какъ будто бы за то, что онѣ цѣликомъ поступили подъ желѣзную дорогу, а казенныя земли перерѣзаны.

— Какъ разъ—воскликнулъ Стоколоса—а вѣдь и мою же землю такъ безсовѣстно перерѣзали и оставили на томъ боку такіе маленькіе клинки, что ни пахать его, ни боронить, а снопы развѣ послѣ на плечахъ будешь переносить, потому что черезъ линію нѣтъ никакого переѣзда.

— Сдѣлали плотину у рѣчки—добавилъ Куба Заяцъ—и теперь какъ зубами вода рветъ мое поле.

— Будемъ жаловаться—вотъ что! — рѣшилъ старый Кулыба. Посмотримъ, что скажетъ на нашу жалобу начальство.

Дѣйствительно, и оцѣночная коммиссія, и желѣзнодорожные предприниматели совершили не мало злоупотребленій въ отношеніи къ крестьянамъ. По совѣту Кулыбы крестьяне послали жалобу въ намѣстничество, терпѣливо ожидая, что скажетъ правительство. Намѣстничество оставило безъ послѣдствій жалобу, а крестьяне подали апелляцію въ административный трибуналъ въ Вѣнѣ, опять ожидая, что скажутъ власти.

— Пойдемъ даже и къ императору—повторялъ Кулыба, считавшійся человѣкомъ кроткаго нрава.

Между тѣмъ начинали возбуждаться и тѣ толпы безземельныхъ крестьянъ, которыя работали на линіи, выполняя самыя тяжелыя работы за самую скудную плату. И они говорили объ обидахъ, несмотря на то, что требованія ихъ были болѣе, чѣмъ скромны. Нѣмцы и итальянцы имѣли бараки, а они проводили ночи подъ открытымъ небомъ, которое не всегда было къ нимъ милостиво. Но нашъ крестьянинъ ложился на травѣ, укрывался рядномъ и спалъ прекрасно, особенно, когда онъ выпивалъ немного увеличенную порцію водки. Правда, что кое гдѣ проявлялся пятнистый тифъ, однако онъ самъ по себѣ утихалъ, поглотивъ едва 50—60 жертвъ. И работали бы эти толпы спокойно, если бы рыжіе ландсманы не думали, что они имѣютъ дѣло съ беззащитными животными. И вотъ, прикащики самымъ остроумнымъ способомъ выискивали разныя провинности по службѣ, различныя упущенія по работѣ и немилосердно вычитывали въ наказаніе соотвѣтствующія суммы. Люди роптали, угрожали и даже пробовали устраивать забастовки, однако въ концѣ концовъ опять возвращались къ работѣ. Не менѣе терпѣливо переносили они и то, если тотъ либо другой прикащикъ ошибался въ ихъ ущербъ на одну фуру привезенныхъ камней или на одинъ кубическій метръ выкопанной земли.

— Нѣмцы испоконъ вѣка хитрый народъ, — говаривалъ въ такихъ случаяхъ Стоколоса, презрительно сплевывая.

Но хитрый народъ выдумывалъ постоянно новые сюрпризы.

И вотъ въ субботу, при уплатѣ недѣльнаго заработка, крестьяне, къ великому своему удивленію, получили какіе то таинственные квитки, печатанные на незнакомомъ для нихъ языкѣ.

— За эти квитки—разъяснилъ нѣмецъ на ломаномъ чешскомъ языкѣ—вы достанете въ трактирѣ всего—водки, пива, хлѣба, сигаръ. Они имѣютъ такое же значеніе, какъ и деньги.

Крестьяне шептались, пожимали плечами, совѣтовались въ полголоса и... молчали. Они предчувствовали козни, но не знали, какъ ихъ предупредить.

— А все жъ таки деньги всегда имѣютъ большее значеніе, произнесъ наконецъ Стоколоса.

— А конечно такъ—онъ правду говоритъ! кричали крестьяне.

— Только самъ императоръ имѣетъ право дѣлать деньги, крикнулъ Недбайло.

Тотчасъ начался шумъ, изъ котораго долетали грозныя проклятія и вопли. Начали толкать другъ друга и подбивать къ болѣе активному протесту. Вокругъ столика, у котораго сидѣлъ нѣмецъ, начиналась все большая и большая давка. Одно необдуманное слово могло послужить причиной взрыва. Тѣмъ болѣе, что противъ столика стоялъ Недбайло съ такимъ вызывающимъ выраженіемъ лица, что не могло быть сомнѣнія относительно его настроенія въ тотъ моментъ. Но нѣмецъ хладнокровно всталъ, сдѣлалъ рукой знакъ и снова наступила тишина.

— Размѣняйте мнѣ тысячу гульденовъ—спокойно сказалъ онъ, вынимая изъ бумажника какую то кредитную бумажку;—размѣняйте только, и я вамъ сейчасъ же заплачу за работу.

Крестьяне снова совѣтовались и снова молчали, ожидая пока кто нибудь изъ болѣе мудрыхъ дастъ сигналъ. Нѣмецъ между тѣмъ собралъ со стола оставшіеся квитки, спряталъ ихъ въ карманъ, взобрался на стоявшій невдалекѣ возокъ и безпрепятственно уѣхалъ.

— Что то нѣмцы уже начали крутить нашими заработками, замѣтилъ Недбайло, угрожая кулакомъ вслѣдъ уѣзжающему предпринимателю.

— И никто ихъ не пересилитъ, добавилъ съ горечью Кулыба—никто, даже и начальство.

— Идемъ домой,—совѣтовалъ Горчица, страдавшій куриной слѣпотой и потому желавшій дойти домой засвѣтло.

Ничего болѣе цѣлесообразнаго и не могли они сдѣлать. Одни пошли большою дорогою, другіе, подъ предводительствомъ Недбайла, завернули въ трактиръ, изъ котораго долетали звуки музыки. Трактиръ этотъ прежде содержалъ еврей, но такъ какъ желѣзнодорожная санитарная коммиссія констатировала, что напитки были фальсифицированы, а съѣстные припасы испорчены, то въ интересахъ рабочихъ прогнали еврея, а трактиръ былъ сданъ нѣмцу. Хотя работники утверждали, что водка теперь стала еще хуже, а въ хлѣбѣ много отрубей, но это было слѣдствіемъ жидовскихъ интригъ.

Когда они вошли въ трактиръ, музыка, составленная изъ странствующихъ чеховъ, начала играть веселыя коломійки. Расположеніе духа крестьянъ сразу измѣнилось. Они усѣлись у узкаго, но длиннаго стола, на которомъ вскорѣ появился квартовый графинъ водки. Рабочіе выпивали другъ за друга и бесѣдовали о нѣмецкихъ практикахъ.

Соблазняемыя музыкой, дивчата заглядывали въ окно, не рѣшаясь войти внутрь. Долго ждали онѣ, пока ихъ пригласятъ, но такъ какъ парубки, занятые разговоромъ и выпиваніемъ водки, вовсе не трогались съ мѣста, то остроумная Ивга громко запѣла:

Маты жъ моя маты,
Хыба жъ я ледащо,
Що ты не пускаешъ
Мене танцюваты?

Парубки повскакивали съ мѣстъ и возвратились съ дивчатами.

Теперь только наступило настоящее веселье. Чехи такъ за взято играли, что у кларнетиста чуть глаза на лобъ не повылѣзали, парубки гуляли съ дивчатами до изнеможенія, пожилые пили и бесѣдовали. Отъ времени до времени парубокъ подходилъ къ столу, выпивалъ рюмку водки, затѣмъ снова наливалъ и подносилъ ее дивчинѣ, которая медленно ее выпивала, отворачиваясь на бокъ.

Наконецъ, около полуночи нѣмецъ далъ сигналъ музыкантамъ, чтобы они перестали играть.

— Feierabend, feierabend!—вопилъ онъ голосомъ, какъ бы изъ трубы—платите, кто думаетъ платить! Расходившіеся парубки велѣли сыграть еще одну, послѣднюю, послѣ чего подошли къ стойкѣ съ цѣлью заплатить. Недбайло положилъ два квитка, представлявшихъ стоимость двухъ гульденовъ, и послѣ разсчета получилъ тоже два какихъ то квитка, только меньшей величины.

— Что это? спросилъ Войтекъ.

— А это что? спросилъ въ свою очередь нѣмецъ, указывая на полученные отъ Недбайла квитки.

— Но разъ вы даете сдачу квитками, а не деньгами, отвѣтилъ Недбайло—то зачѣмъ ставите за все дороже?

— Заплати наличными, буду считать дешевле—сказалъ нѣмецъ, злобно улыбаясь.

Крестьяне не понимали этой финансовой дилеммы, не знали также ничего и о томъ, что предприниматель, желая употребить свой капиталъ на другое дѣло, обязалъ содержателя трактира принимать эти квитки наравнѣ съ деньгами, отъ чего они оба выигрывали въ томъ смыслѣ, что предприниматель имѣлъ втеченіе болѣе продолжительнаго времени свободный капиталъ, а трактирщикъ пользовался своего рода монополіей въ отношеніи рабочихъ. Но нѣмецъ, чтобы получить двойные барыши, одновременно повысилъ цѣну на всѣ предметы потребленія, будучи увѣренъ, что это ему сойдетъ безнаказанно.

— Вотъ мошенникъ—народъ эти нѣмцы! воскликнулъ Недбайло.

— Dummer Vieh—отвѣтилъ презрительно трактирщикъ.

Недбайло, когда былъ солдатомъ, часто слышалъ эти выраженія и понималъ ихъ значеніе. Такъ что къ двойной обидѣ этого только и не доставало... Огромная ладонь его съ быстротой молніи упала на лицо нѣмца, который въ тотъ же моментъ повалился на землю.

— Охъ матинко! Недбайло прибилъ нѣмца! воскликнула испуганная Ивга.

Нѣмцы накинулись на Недбайла, крестьяне на нѣмцевъ. Дивчата взывали о помощи, хотя имъ вовсе и не угрожала

опасность, чехи улепетывали съ басами на плечахъ, пожилые крестьяне пробовали разнять борющихся. Около стойки наваливались въ кучу человѣческія тѣла—но наконецъ изъ этой свалки выдвинулся Недбайло, вытащилъ за шиворотъ какого то нѣмца, тряхнулъ имъ въ воздухѣ и выбросилъ за двери. Тогда мгновенно прекратилась борьба: нѣмцевъ, очень расходившихся, повыбрасывали за двери.

— А нуте, братцы, повеселимся теперь на нѣмецкій счетъ— крикнулъ Недбайло, вытирая кровь съ лица.

— Недбайло, бойся Бога, брось,—совѣтовалъ старый отецъ Ивги.—Тутъ уже и такъ пахнетъ уголовщиной.

— А мнѣ то что? Вѣдь я солдатъ и побилъ каналью нѣмца.

Ивга тоже обратилась къ Недбайлу и стала его упрашивать идти съ ней домой. Недбайло, который былъ неравнодушенъ къ Ивгѣ, обнялъ за талью дивчину и такъ во главѣ парубковъ возвратился въ село.

На другой день, хотя это было въ воскресенье, жандармъ арестовалъ Недбайла и отвелъ его въ мѣстечко. Затѣмъ стали съѣзжаться разныя коммиссіи, а въ результатѣ получилось то, что арестовали вдобавокъ еще нѣсколько работниковъ.

Въ понедѣльникъ тотъ же нѣмецъ стоялъ снова у стойки, а въ субботу тотъ же предприниматель снова платилъ тѣми же квитками, обѣщавъ впрочемъ, что втеченіе мѣсяца выкупитъ ихъ обратно.

— Нѣмцы крѣпкій народъ—повторялъ теперь подавленный Стоколоса.

— Да, сильный и хитрый народъ. Побѣдили и пользовались побѣдой. Тотчасъ въ понедѣльникъ не хотѣли принимать на работу крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ избіеніи нѣмцевъ, а подозрѣвали почти каждаго.

Резоны, жалобы, просьбы вовсе не помогали. Только по прошествіи нѣсколькихъ дней наступило мирное соглашеніе, въ силу котораго крестьяне уплачивали изъ своего дневнаго заработка часть въ пользу прикащиковъ.

Платили прикащикамъ, платили и еще кое-кому. Они нуждались въ наличныхъ деньгахъ, ибо одинъ хотѣлъ купить общіе сапоги

для цѣлой семьи, другой мечталъ о тулупѣ, третій—о телкѣ, изъ которой со временемъ будетъ корова. Но ни сапожникъ, ни владѣлецъ тулупа и телки не вѣрили въ упомятутые квитки и требовали денегъ. Крестьяне не знали, что дѣлать, но въ это время на ихъ счастіе появился рябой Ицко, прозванный Носачемъ. Этотъ Ицко Носачъ покупалъ квитки, вычитая въ свою пользу 20 со 100. Въ цѣломъ мірѣ за дисконтированіе всякихъ облигацій берется извѣстный процентъ, однако глупый галицкій крестьянинъ утверждалъ, что его всѣ обманываютъ.

И опять было спокойно—только въ одну ненастную ночь сгорѣли нѣмецкіе бараки...

III.

Панъ графъ Шалавила окончилъ приготовленный по-англійски завтракъ и приступилъ къ чтенію газеты, державшейся „ихъ“ стороны. Ко всякой печатной бумагѣ онъ чувствовалъ врожденное отвращеніе, но теперь обязанности человѣка съ общественнымъ положеніемъ принуждали его часто прибѣгать къ скучной мѣстной прессѣ. Онъ пропустилъ передовую статью и политическое обозрѣніе, бѣгло прочелъ хронику и уже намѣревался отложить въ сторону газету, какъ вдругъ между частными извѣствіями замѣтилъ слѣдующее заявленіе: „Гр. Шалавила, каммергеръ и посолъ рейхсрата, прибылъ въ Пустомѣхи, гдѣ проведетъ парламентскія каникулы“.

Онъ иронически улыбнулся. Почему прежде о немъ не писали?—прежде, когда онъ такъ часто ѣздилъ въ Вѣну, чтобы выпросить въ какомъ либо банкѣ экстренный заемъ. Въ то время только въ оффиціальной газетѣ отъ времени до времени появлялись правительственныя объявленія, что Пустомѣхи будутъ продаваться съ публичныхъ торговъ. А теперь тѣ же кредиторы, которые еще такъ недавно ему въ собственномъ его домѣ говорили грубости, теперь тѣ же кредиторы предлагаютъ ему новый кредитъ. Но онъ уже не нуждается въ кредитѣ: вотъ онъ выслалъ жену въ Карлсбадъ и самъ бы уѣхалъ на воды, еслибы важныя финансовыя операціи не удерживали его дома.

Впрочемъ теперь онъ можетъ ожидать—черезъ годъ, черезъ два поѣдетъ на воды, какъ членъ „палаты господъ“ и тайный совѣтникъ съ титуломъ превосходительства.

Онъ погрузился въ сладостныя мечты. Ему теперь 40 лѣтъ, а за кулисами вѣнскаго балета diva ему сказала, что польскіе графы никогда не старѣютъ. Во всякой шуткѣ бываетъ половина правды, а иногда и больше, особенно если ее можно поддержать деньгами.

Въ комнату вошелъ лакей и сталъ неподвижно у дверей.

— Что тамъ?—спросилъ графъ.

— Крестьяне, ясневельможный пане...

— Мои почтенные избиратели—подумалъ графъ—не имѣешь и минуты покоя.

Онъ вскочилъ съ кресла и началъ быстро ходить взадъ и впередъ, размышляя о томъ, нельзя ли какъ нибудь избавиться отъ назойливыхъ гостей.

— Отведи ихъ въ канцелярію—сказалъ наконецъ онъ сердито—только смотри, чтобъ они хорошо обтерли ноги. Понимаешь!

— Понимаю, ясневельможный пане.

Лакей исчезъ, а графъ продолжалъ ходить, закуривъ свѣжую сигару, чтобы скорѣе успокоиться отъ гнѣва. А сердился онъ не безъ основанія. Потому что, сами посудите, эти крестьяне уже въ третій разъ приходятъ во дворецъ и вовсе не удовлетворяются, когда лакей имъ говоритъ, что пана нѣтъ дома.

— Ну, такъ мы придемъ завтра—отвѣчали они съ упорной терпѣливостью.

Крестьяне дѣйствительно обладаютъ удивительной терпѣливостью. Стоятъ въ сѣняхъ и покорно ожидаютъ пана графа.

Въ канцелярію зайти не хотятъ, несмотря на покровительственныя приглашенія лакея, и только украдкой посматриваютъ въ открытую дверь на заброcанное бумагами бюро, на рѣзную мебель, на вертгеймовскую кассу, которая еще недавно была тѣломъ безъ души.

Наконецъ появился панъ графъ.

— Какъ поживаете, люди добрые?—обратился онъ къ крестьянамъ съ весьма любезною улыбкою—какъ поживаете?

Онъ ввелъ ихъ въ канцелярію, почти силою усадилъ въ кресла и предложилъ каждому по сигарѣ, чтобы уничтожить въ зародышѣ возможную оппозицію.

— Что же мнѣ скажете?—спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— А на счетъ этой линіи просимъ ясневельможнаго пана—отвѣтилъ Костюхъ.

— Желѣзной дороги собственно мы еще на имѣемъ, но скоро будемъ имѣть,—замѣтилъ графъ, притворяясь, что не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, хотя прекрасно зналъ все дѣло.

— Линія оченъ выгодна для нѣмцевъ, отвѣтилъ Стоколоса—но нашъ народъ черезъ нее постигло цѣлое бѣдствіе.

Графъ прикусилъ губы.

— Говорите, чего хотите, сказалъ онъ, одновременно сдерживая смѣхъ и зѣвоту.

Крестьяне посмотрѣли на Костюха, уполномочивая его такимъ образомъ дѣйствовать отъ ихъ имени. Костюхъ, который пользовался преимуществомъ войта и независимостью зажиточнаго селянина, представилъ въ мрачныхъ краскахъ нѣмецкій порядокъ дѣйствій и въ концѣ концовъ обратилися къ графу съ просьбой, чтобы онъ, какъ посолъ, выступилъ въ защиту ихъ, обиженныхъ его избирателей. Однако сейчасъ же, какъ бы для смягченія жестокости своей рѣчи, поцѣловалъ графа въ колѣно и въ руку, что, по его примѣру, сдѣлали и остальные крестьяне.

— Какъ младшіе братья, мы отдаемся въ опеку старшаго брата—добавилъ съ удареніемъ Стоколоса, который какъ разъ впору вспомнилъ эту красивую фразу.

Панъ графъ опять прикусилъ губы.

— Защита не будетъ легка—сказалъ онъ, подумавъ:—такъ какъ нѣмцы въ свою очередь жалуются также на разныя злоупотребленія съ вашей стороны. Устраиваете ненужныя драки, вы, кажется, тоже сожгли нѣмецкіе бараки...

— Извините ясневельможный пане—прервалъ Костюхъ, уже нѣсколько возмущенный—всякая тварь, а тѣмъ болѣе человѣкъ, выкручивается, какъ знаетъ, если попадетъ въ бѣду. Правда, что Недбайло немного помялъ нѣмца, но не особенно ему повредилъ, такъ какъ нѣмецъ на другой же день торговалъ водкою въ трактирѣ,

съ немного опухшею губою. А нѣмцы вмѣсто того, чтобы опомниться и притихнуть, еще болѣе задирали насъ всякими несправедливостями, пока огонь не сожралъ бараковъ. И чтожъ? Въ концѣ концовъ ничего не потеряли нѣмцы, а народъ сколько вынесъ бѣдъ.

— Сдѣлаю все, что будетъ можно—увѣрялъ ихъ графъ.—Идите домой и ведите себя смирно.

Крестьяне низко поклонились, поцѣловали по очереди графскую руку и пошли домой. По дорогѣ они разсуждали, что, если правительство ничего не подѣлало съ нѣмцами, то графъ навѣрно сдѣлаетъ, потому что онъ имѣетъ въ Вѣнѣ большое вліяніе.

Иначе думалъ панъ графъ. Итакъ онъ долженъ выступить противъ желѣзнодорожнаго правленія?... Но вѣдь это же правленіе сдѣлало его предсѣдателемъ только потому, что нуждалось въ томъ, чтобы имѣть во главѣ кого нибудь съ аристократической фамиліей и съ парламентскимъ вліяніемъ. Еслибы не эта золотая синекура, графъ Шалавила не сидѣлъ бы теперь въ Пустомѣхахъ и не былъ бы каммергеромъ и in spe тайнымъ совѣтникомъ. А эти наивные крестьяне желаютъ, чтобы онъ собственноручно уничтожилъ прекраснѣйшее зданіе счастія... Правда, въ свое время онъ обѣщалъ торжественно, что будетъ для нихъ добрымъ братомъ, но вѣдь это только фраза, ораторскій пріемъ, ни къ чему его не обязывающій.

Впрочемъ крестьяне всегда имѣютъ странныя требованія—въ этомъ графъ лично убѣдился, когда съ ними велъ дѣло о спорныхъ лѣсныхъ угодьяхъ.

И старшій братъ продолжалъ строить зданіе счастья на счетъ младшаго брата.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Старинное малорусское стихотвореніе

Рѣчь идетъ въ этомъ стихотвореніи о погребеніи Виктора Садковскаго, архіепископа черниговскаго.

Садковскій происходилъ изъ дворянъ малороссійскихъ, учился въ кіевской академіи, въ санѣ игумена нѣкоторое время занималъ должность капеллана или настоятеля при посольской церкви въ Варшавѣ, затѣмъ былъ назначенъ архимандритомъ слуцкимъ. Когда въ царств. Екатерины II возникла мысль о назначеніи особаго архіерея для православныхъ, находившихся въ предѣлахъ Польши, то, по соглашенію съ польскимъ правительствомъ, указомъ 27 марта 1787 г. Екатерина велѣла Синоду посвятить Виктора въ санъ епископа переяславскаго и бориспольскаго, коадъютора кіевской митрополіи, съ назначеніемъ пребыванія ему въ Слуцкѣ. Отсюда Викторъ предпринималъ ежегодные объѣзды своей громадной епархіи и подолгу проживалъ на Украинѣ, въ Богуславскомъ монастырѣ.

Въ 1789 г. поляки почему то ожидали на Волыни и Украинѣ повторенія «колівщины» и въ каждомъ православномъ священникѣ готовы были видѣть агитатора, возбуждающаго народъ по внушенію русскаго правительства. Викторъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и отвезенъ въ несвижскую крѣпость, а отсюда, для суда, переведенъ въ Варшаву. Многіе изъ правосл. священниковъ были казнены, остальные—терроризованы. Это послужило поводомъ для Екатерины къ объявленію (въ 1792 г.). Польшѣ войны, окончившейся *первымъ* раздѣломъ Польши. Садковскій томился въ заключеніи до 19 іюля 1792 г., когда русскія войска подступили къ Варшавѣ.

Послѣ того Викторъ Садковскій былъ назначенъ епископомъ минскимъ, а въ 1796 г. переведенъ, въ санѣ архіепископа, въ Чер-

никовъ. Умеръ здѣсь 11 ноября 1803 года и похороненъ въ каѳедральномъ Ильинскомъ монастырѣ.

Судя по настоящему стихотворенію, помѣщенному въ сборникѣ, составленномъ въ началѣ настоящаго вѣка, Садковскій оставилъ по себѣ прекрасную память среди своихъ пасомыхъ въ черниговской епархіи; но не такъ цѣнили его дѣятельность нѣкоторые лица изъ духовенства или, можетъ быть, изъ консисторцевъ, ближе стоявшіе къ архіерею въ сферѣ служебной. Литературнымъ памятникомъ такой отрицательной оцѣнки служитъ напечатанный въ март. кн. «Кіевской Старины» 1882 г. памфлетъ подъ заглавіемъ: «Эпитафія»... (и проч.) и дополненіе къ нему: «Посланіе Виктора съ того свѣта». Подробности см. въ означ. книжкѣ «Кіевской Старины», стр. 551—557.

Оба эти обличительныя стихотворенія имѣются и въ настоящемъ рукописномъ сборникѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что сборникъ списанъ не тотчасъ послѣ смерти Садковскаго, и лицомъ, мало его знавшимъ, иначе списыватель не рѣшился бы вносить въ свой сборникъ подъ рядъ пьесы, въ которыхъ дѣятельность Садковскаго представлена съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Къ этому соображенію приводитъ то обстоятельство, что первая пьеса въ сборникѣ есть рѣчь, сказанная Ѳеофаномъ, епископомъ полтавскимъ и переяславскимъ, по прибытіи на паству въ 1807 г., слѣдовательно сборникъ не могъ быть составленъ раньше этого года. Переписчикъ вносилъ въ свою тетрадь то, что попадалось ему подъ руку, заботясь больше о полнотѣ ея, чѣмъ о подборѣ разныхъ статей по ихъ содержанію и тону. Можно предполагать, что онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи исправныхъ подлинниковъ разныхъ статей, а можетъ быть, и самъ былъ недостаточно внимателенъ къ подлинникамъ. Этимъ объясняются очевидныя искаженія въ текстѣ стихотворенія о Садковскомъ, которое, вообще говоря, написано живымъ народнымъ языкомъ. Печатаемъ стихотвореніе съ сохраненіемъ особенностей стариннаго малорусскаго правописанія: характерныя особенности его—смѣшеніе *и* съ *ы*, употребленіе буквы *ѣ* для выраженія мягкаго *і* и т. п. Въ скобкахъ отмѣчаемъ предполагаемыя нами въ первоначальномъ текстѣ слова, пропущенныя составителемъ сборника.

Ред.

I.

Малороссійскіе стихи, въ которыхъ описывается погребеніе преосвященнѣйшого Виктора, архіепископа малороссійского, черниговского и ордена святого Александра Невского кавалера, простими сельскими разговорами соображенныя. 1803 г. ноября 11 дня.

1. *Зѣнько.* Магайбѣ, братця моспанове!
Чи вже некрутовъ отвезлы?
Щось наши плачуть всѣ панове:
Яку вы имъ вѣсть привезли?
Э, іонъ уже отець Уласъ
И дякъ его панъ Опанасъ
Николы съ церкви не идуть,
Да все билебни отправляють,
Да панахиды вѣдпиваютъ,
Акапесты усе поютъ.

—

2. *Лесько.* Архіерей якійсь, мижъ ѣми
Старѣйшій, кажутъ, панотець,
Умеръ небѣжчикъ, такъ жалѣютъ,
Що кида бѣдненькихъ овецъ:
Безъ пастуха и безъ владыки
Остались мали и велики;
Всѣ бѣдны сыроты кричать,
По панотцѣ всѣ лелесаютъ,
По улицамъ усѣмъ гасаютъ,
Не знаютъ, що начать.

—

3. Школярники дакъ такъ ридаютъ
Слезами гѣркими усѣ,
Зъ нудьги що ажъ якъ не вмѣраютъ
По жалобному ихъ отцѣ.
Винъ, кажутъ, бувъ що найстарѣйшій,
Надъ всѣми ими розумнѣйщій,
Любивъ покійникъ розумцѣвъ.
Було іому якъ заспѣваютъ
Да по-письменьскій зачитаютъ,
Дакъ тутъ уже винъ и засѣвъ.

—

4. Було, якъ визьме обнимати,
Якъ рѣдныхъ дѣточокъ своихъ,
Або якъ стане цѣловати!
Усѣмъ, було, даруе ихъ:
Жупаны добри всѣ носили,
Не молотили, ни косили,
Сапянцѣ всѣ, було, дерутъ —
Не знали, що то за шкапина;
Иде, шляхтицька мовъ дитина,
Наряженный, якъ бы рекрутъ.

—

5. На всѣхъ були шапки красиви,
А оксамитныи вершки,
Околицѣ ягнячи сивѣ,
На шияхъ добри косинки;
Зъ напальками въ нихъ рукавички;
Ѣдятъ, було, все палянички,
Янъ панскіе сынки.
Идутъ статецько, мовъ панята,
Прехліоцки добрые рибята,
Съ кишень, бря, стирчатъ хусточки.

—

6. Теперъ же всѣ засиротѣвши,
Такъ плачутъ по іому:
«Ахъ, батюшка нашъ любезнѣйшій!
«Нащо покинувъ и кому
«Насъ сиротами безталанныхъ,
«Якъ бы зимою обидранныхъ
«Край поля, край дороги вдругъ!
. . . . [1])

—

7. «Що мы боялись и смѣялись,
«Якъ коло батенька свого,

[1]) Здѣсь не достаетъ трехъ строкъ.—*Ред.*

«Робили добре, шанувались
«Всѣ, дивлячися на іого.
«А винъ бы бувъ, нашъ милостывый,
И ласкавъ, добрый и правдивый,
То бъ не захлялись мы зовсѣмъ,
И ще бъ на Бога положились
И за тебе бъ іому молились,
И щобъ здоровье давъ намъ всѣмъ»

—

8. А городяне всѣ, мѣщани,
Шевци, кравци и ковали,
Ткачи, и бондари, купчани,
Золотари, и токари,
И кушнѣрѣ, и кожумяки,
Мѣщанки и перепѣчайки
И люди всѣ ремесники
Ишли и плакали прецупко,
Зъ очей котились слезы прудко,
Іого изъ дому якъ везли.

—

9. Ишли жъ усѣ, бря, и съ цехами,
Рядами, мовъ бы москали,
Сукнами мары покривали,
Булы у иншихъ и корогви
Таки шовковыи, прекрасни,
Були зелени, инши красни,
Да на маліованыхъ дручкахъ,
Що я на свѣтъ якъ народився,
Не бачивъ, бря, якъ и христився,
Не тильки щобъ державъ въ рукахъ.

—

10. *Зѣнько*. Да якъ же ты туда дочапавъ,
Щобъ подивитися на се?
Лесько. О, вже бо ты расквакавсь!
Се ще сказавъ тобѣ не все.
Ище видъ-далеку дивився,
А ще къ трунѣ не доступився,
Да ты уже издивовавсь;
А якъ бы ты туда попався,
Да межъ панивъ якъ бы упхався.
. . . . [1]).

—

11. А далѣ, брате, якъ учапавсь
Въ середину я мѣжъ панивъ,
До домовины якъ прибрався,
Дакъ тутъ и я, бря, запанѣвъ,
Отъ тутъ набачивсь и наслухавсь
И ладану дакъ такъ нанюхавсь,
Що наче въ раѣ побувавъ!
Попы прехороше читають,
А попинята такъ спѣвають,
Що трохи, братѣку, не впавъ!

—

12. Ченцѣ, попы и попинята,
Повбираны у рызи всѣ,
Якъ янголики всѣ ребята,
Спѣвали, якъ іого везли.
«Святый безсмертный» запѣвали,
И «вѣчну память» зачинали,
И іовангелію святу
То сей, то той усе хватали
Да знай іи усе читали,
Що може прочитали всю.

—

13. Святого жъ батенька санками,
Що съ-подъ берлина узяли,
Прегарнимъ личникомъ заслали
Труну іого, видътѣль везли
Моторни кони вороніи;
Поповичи кругомъ сидѣли,
Повбираны, якъ бы попы;
А инщіи шли изъ звѣздами,
А де-которѣ изъ свѣчками,
А деяки несли хресты.—

—

[1]) Недостаетъ одной строки.—*Ред.*

14. Якъ стали подходить икъ Тройцѣ,
Такъ тутъ у звоны загули,
На встрѣчъ ишли старые хлопцѣ,
Якъ изъ походу москали;
Ишли попы и попинята,
Ишли жинки, шли и дѣвчата,
И мужики, и козаки,
И куцулярники, и штацьки,
И найметюги, инши панськи,
И москали й москалчуки.

—

15. Всѣ зъ города повибѣгали, —
Не знаю, чи була душа;
Одинъ другого поперѣжали,
Якъ бы гуляючи лоша:
Те пада, те переступае,
Одно другого перебѣгае,
Якъ на Орданѣ за водой;
Не знають инши, що робити,
Попереду щобъ доступити,
Кричатъ: «тѣкай!» кричатъ: «постой!»

—

16. Якъ поривнялись, заридали,
Якъ по рѣдненькому отцѣ;
Труну тогдѣ взяли на мари,
Несли іого все панотцѣ:
Елецкій панъ хурхумандрика,
Попивъ (зъ нимъ) зброя превелика
Попередъ маривъ тутъ ишли.
Отъ тутъ гуртомъ якъ заспѣвали,
Дакъ люди всѣ тогдѣ повяли,
Якъ бы у висень ко·ашки.

—

17. Якъ заголоситъ вся громада,
Стари, велики и мали,
Мовъ вѣрные іого, бря, чада!
Захлипали всѣ, загули:
Тее тоненько, те товстенько,
. . . . [1])
Якъ бы весною комари;
Усю дорогу не вгавали,
Всѣ голосили, всѣ ридали,
Покиль до церкви дотягли.

—

18. Якъ стали жъ, бря, у церковъ
браться,
Дакъ, думаю, годынъ изъ пятъ.
Минѣ жъ було нельзя втаскаться,
Дакъ мусивъ трохи подождать.
Ждавъ-ждавъ, ждавъ-ждавъ, ажъ
стало нудно,
Дакъ я поперсь, дарма що трудно,
Да всилу—всилу увибравсь,
Хоть боки, бря, и заболѣли,
Руки и ноги поколѣли
И лиха видъ панивъ набравсь:

—

19. Те штовхае, другее лае,
А инше каже: «да не прись!
Куда тебе несе лихее?
Да не долѣзешъ, не вертись!
Куда ты пресся, лантушище?
Отце недобрый мужичище!
Этъ бачишъ тѣсно, панъ кудіокъ (?)».
Я заразъ, бра, исхаменувся
. . . . [1]).
Да и полѣзъ соби въ кутокъ.

—

20. Ставъ, бря, въ кутку, да и подперся
О каменную тутъ стѣну,
Да винявъ хусточку, утерся,
Бо трохи не заливсь въ поту.
Отъ тутъ то разглядѣвсь, расщупавсь,
Да окукобився, одумавсь:

---

[1]) Не достаетъ строки.—*Ред.*

Чи все пакъ цѣло на минѣ?
Дакъ де!—видлогу одирвали
И кобинякъ трохи не розорвали,
Сорочку хоть выкруть, мовъ въ водѣ!

—

21. Дай церковъ, бря, тамъ привелика!
Якъ грапська клуня, або й билшъ;
Вся каменна, залѣзомъ крита,
Никуды, бря, не влѣзе й мышъ:
Всѣ двери наголо залѣзни,
Мулярщиною влиты стѣны,
Усюди образцѣ стоятъ:
Велики, инши й невелики,
А предъ кажнимъ все ставники
Зелени, гарные горятъ.

—

22. А тее, бря, паникадило,
Що середъ церкви (тамъ) виситъ,
Усюю церковъ освѣтило,
Якъ бы, бря, сонечко блищитъ;
И образцѣ й образинята,
Повбираны, якъ бы панята,
Стоятъ на іому якъ въ раи.
На ихъ юпочки съ щира срибла,
И шапочки и чоботки, бра,
Не такъ, якъ въ нашому краи.

—

23. Тамъ намаліовано и пекло,
Таке страшнее, ажъ бѣда.
Оттамъ, бря, душно, оттамъ тепло!
Смола тече такъ, якъ вода,
Тече зъ гадюки, та й палае,
А чортъ туда людей таскае,
Лиха година, за грѣхи.
Бувало, проступишъ й нехотя,
Якъ прійде нашъ панъ Моркотя:
«Таскай, скаже, у млинъ мѣхи!

—

24. Або у винницю по дрова!»
Якъ-бы куда не заховавсь,
И въ праздникъ не посидишъ дома,
Хоть бы ты вже и муліовавсь;
Да и въ недѣленьку святую,
И въ пятѣнку тягни все тую,
Хоть бы и радъ, щобъ не робить.
Якъ за старихъ панивъ бувало,
Старе й мале въ шинку гуляло,
А до роботы не прибить!

—

25. Уже тогдѣ хоть не вертися,
Якъ скаже війтъ: «иди на тикъ!»
Иди скорій, не оглядайся,
Роби, працюй, щобъ питъ потѣкъ.
Да ще и чести намъ немае:
Якъ прійде панъ, такъ бье и лае,
Хоть бы робивъ и ввередивсь.
Дакъ же вже, бря, въ раи намъ бути,
Коли бъ грѣхи изъ шіи збути
То може бъ отдаль и дививсь.

—

26. *Зѣнько*. Да годи, ты забалагуривсь!
Кажы ты те, про що начавъ,
А то уже на рай обурывсь.
Тебе хто наче обучавъ:
Дывись, яки винъ казьни каже!
Якъ хто сонливый, то и спать ляже,
Не переслухать усіого!
Неначе зъ листу винъ читае,
Іому бъ якъ инше казку бае,—
Якого розуму въ іого!

—

27. *Лесько*. Ой ты, бачу, самый прочвара!
А що жъ ты думаешъ собѣ?
Ты думавъ, такъ душа й пропала!
А умирати, бря, тобѣ
Не такъ, якъ думаешъ, небоже:
Да думай те, що Боже, Боже!

Да и готовся умирать.
Бо мы на свѣтъ на сей родились,
Хвалили бъ Бога и молились,
А не у свята роботать.

—

28. Дарма жъ теперъ, що бьютъ, да лаютъ:
Терпѣть намъ треба до кѣнця,
А мы робимо, що загадаютъ,
Да не загубимо вѣнця.
У царствѣ Божому, святому,
Не вступимо тогдѣ никому,
Хоть чорту, бря, хоть бы панамъ;
Тогдѣ и скажемъ: «мы робили,
Товкли, мололи, молотили,—
Теперъ же вы робите намъ!»

—

29. То Богу знать, що съ нами буде,
А докажу я, що було.
Всѣ терлыся у церквѣ люде,
Видъ крыку въ церкви лишъ гуло.
А далѣ вже якъ повно стало,
И мѣста не було нимало,
Тогдѣ унышкли, брате, всѣ;
Помалу тилько исхлыпали,
Да тяженько всѣ здыхали,
Спѣвали тѣлько папотцѣ.

—

30. А далѣ самъ благословляка
Якъ закрычавъ «благословы»,
Дакъ тутъ дяки всѣ й дячинята
И запищали й загули,
А потимъ у книжку читали,
По перемѣнкамъ заспѣвали
Госпѣдь самъ Бигъ зна, що таке.
Навпоемъ тѣлько якъ спѣвали,
Тогдѣ то вже усѣ ридали,
Усяке, тамъ було яке.

—

31. Попы тутъ заразъ исходиться
Всѣ почали до одного,
И люди стали всѣ дивиться
На святого батенька свого.
Хто надивився, (той) видходивъ,
Не бачивъ хто, (той) такъ проходивъ.
А я въ куточку все стоявъ,
Усе ждавъ, покиль повиходятъ,
Дакъ—де... все свѣжи подходятъ,—
Такъ я не стерпѣвъ, почвалавъ.

—

32. Якъ ставъ (я) пхаться къ домовинѣ,
Дакъ тутъ стоявъ одинъ москаль
Якъ дасть вѣнъ, бря, минѣ по спинѣ:
«Куда ты прессся? ты бъ пождавъ!»
Якъ вытрищывсь московскимъ зизомъ
Да дастъ минѣ своимъ залѣзомъ,
Дакъ я тутъ трохи не кричавъ.
Дакъ я й іому лихе зробивъ:
Якъ персь, такъ видорвавъ судирь
Московскій, зъ боку що стырчавъ.

—

33. Дакъ я тутъ, облизня поймавши,
Ирви (?) видъ іого утѣкать;
То сякъ, то такъ людей роспхавши,
Да ну къ трунѣ чимчиковать.
Да ставъ уже, бря, приближатись:
«Колибъ, кажу, менѣ добратись,
Щобъ тутъ же я не загинувъ!»
Ажъ деся взявся куцулярникъ,
И въ видъ, и въ точъ якъ нашъ школярникъ,—
Мене, спасибе, пѣдопхнувъ.

—

34. А вже я, бря, тогдѣ продрався
Помѣжъ усѣхъ людей и самъ,
Дакъ щось таке побачивъ, баться,
Якъ бы у лавцѣ добрый крамъ.

Труна була тогдѣ роскрыта,
И чорнимъ оксамитомъ оббита,
Стояла, брате, на мѣстку;
А въ головахъ свѣчки стояли,
Ченцѣ евангелію читали,
Совгирь гортали по листку.

—

35. Лежала шапка изъ квѣтками,
Якъ есть у перстняхъ на рукахъ;
Подсвѣчника съ пятьми свѣчами
Горѣли, бря, въ іого ногахъ;
Маленьки образцѣ стырчали
Посреблювани, ажъ блищали,
Якъ мовъ тобѣ щире стекло.
Труну усю позолотили,
. . . . [1])
Позолотки багато тутъ пѣшло.

—

36. Кирелѣ жъ [2]) зъ верху положили
На шапотцѣ, що винъ носивъ
Покійникъ було на шіи,
Якъ службу божую служивъ.
Якъ мисяць, бря, вони блищали
Усю и церковъ осіяли,
Китайка мече мовъ въ очахъ;
Не на тарѣльцѣ деревяный,
На цѣлый, братѣку, сребряный
Поставленни були въ той часъ.

—

37. Свѣчки жъ стояли подлѣ боку,
Таки велики, изъ мене,
Съ зеленого, мось — пане, воску,
А держалко все жерстяне.
Зъ другого боку патериця,
На ій головка мовъ бы птиця,
Або гадючка золота,
Середина була повита —
Висѣла гарна хустка шита,
Шовкова, бѣла, не пуста:

—

38. Ей Богу, брате, що не купишъ
Тепера ни за золотый
И съ таляромъ ище видступишъ
И рубъ мосьпане, буде твій, —
Бо срибряна та золотая,
И держално, и на концѣ,
Квитки на палицѣ й на хустцѣ,
По двѣ, по три, чотири вкупцѣ,
Якъ на весѣлному винцѣ.

—

39. Зирнувши жъ я у домовину,
Не вдержавсь, бря, не заридать:
Издумавъ, бря, у сю годину,
Що се нищетнимъ батько й мать.
Було, напоить, й нагодуе,
Було, зодягне и зобуе,
Изъ старця зробыть богачемъ;
Съ панами винъ було по-паньски,
А съ нашимъ братомъ по-простацьки, —
Не йшли видъ іого исъ плачемъ.

—

40. Дивывсь тогдѣ я на владыку
Пилненько дуже на видокъ:
Искошенный цвѣтокъ якъ въ-лѣтку,
Лежавъ жовтенькій, мовъ вощокъ;
Очицѣ вже позападали,
Яки на бѣдныхъ поглядали;
Склепивъ уста на вѣчный вѣкъ:
Святому слову не навчае,
Було, языкъ и не вгавае;
Чого не вѣдавъ чоловѣкъ!

—

41. Разумныхъ казнѣвъ вже не кажетъ,

---

[1]) Не достаетъ одной строки. *Ред.*

[2] *„Кирели“* — т. е. кавалерію, орденскіе знаки.

Що наперѳдъ до насъ казавъ,
Нихто вже смутныхъ не розважить,
Якъ винъ, покійникъ, розважавъ.
И уши вже іого не чують,
Правдиви люди якъ смуткують,
Кричить (?), що правда изъ брехнѣ;
Нихто уже не оборонить,
Усюда кривда правду гонить:
Сидить бѣдненька ажъ на днѣ.

—

42. А якъ бы ты (оце) проснувся,
До бъ ты й видътиль іи зволикъ;
Якъ бы мижъ нами тутъ очхнувся,
Анциборъ бы съ брехнею втѣкъ.
А то теперь и запанѣли:
И зависть, и брехня засѣли,
Злоба зубами скрежетить,
Кого напала, то й кусае,
А зависть заразъ обдирае;
Нема никого защитить.

—

43. Вони, суциги, излигавшись,
Людей шельмують безъ катавъ;
А правда зъ милостью, забравшись,
Сидять, мовъ мыши видъ котивъ
Залѣзли въ нирку, не вертятся,
Бо сихъ суцигъ сильне боятся;
Лукавство зъ лестію живуть,
И сякъ и такъ вони виляють,
Коло панивъ найбильшъ гасають,
И всюду изъ горщкивъ ирвуть.

—

44. Прошла година и другая,
А я усе въ труну дивывсь,
Ставъ думать да гадать я,
Покиль слезами ввесь обливсь.
А далѣ вивявъ хустку, втерся,
На батькову труну оперся,
Дивывсь на руки и на хрестъ:
Уже и тія, бря, оклякли,
Сухеньки стали дай поблякли,
А на хрестѣ самая жерсть.

—

45. Самая жесть, а може й срѣбло—
Того вже, бря, я не вгадавъ,
Бо вже въ очахъ було несвѣтло,
Все плакавъ, брате, не вгававъ.
На голову надѣли шапку,
Цвяховану усю, негладку,
На щирозлотцѣ вся;
На шіи стіожку положили,
Широку, красну почепили
На кинчику золотця

—

46. Лускотикъ круглій причепили
Меражаній, якъ бы зоря;
Казали, що іому вручили
Видъ пана самого царя
За вѣрную іого роботу,
Що винъ робывъ, бря, ажъ до поту,
Робивъ до смерти, не вгававъ:
Було на кого що не ганить,
За всѣхъ було (винъ) Бога молить,
Покиль своихъ ручокъ не склавъ.

—

47. А ризы на іому парчовѣ,
Въ караквицяхъ шнурки шовковѣ,
У сухозлотицѣ, якъ разъ
Ручки умотаны пять разъ.
А въ головахъ стоить Пречиста,
Сей образокъ изъ злота чиста,
Мовъ дзеркало, хоть подивись;
А на іому карелѣ гарни,
Мовъ въ службу Божую убрани,
Да тильки що, бря, не дививсь.

—

48. Гарненько жъ тута надивившись,
У ручку я поциловавъ,

Видъ домовины отступившись,
До дому въ городъ почвалавъ.
Надъ нимъ читали евангелійску,
А винъ покійникъ изъ недѣльку
Лежавъ у Тройцѣ на стольцѣ,
Покиль такій, якъ винъ, пріихавъ
Кіянскій батько, у доспѣхахъ,
Въ такѣмъ, якъ ходятъ всѣ ченцѣ.

—

49. Винъ, бря, не пышный, такъ якъ иншій,
Зовутъ іого—мость Өеофанъ,
Да ростомъ, бря, нашъ буде вышшій;
Дай се прегарный такъ же панъ:
За те гараздъ, що не пишиться,
До іого можно доступиться
Хоть пану, бря, хоть мужику,
Пріятный, всякому усердный,
Невинный, добрый, чистосердный
На сердцѣ, бря, й на языку.

—

50. Въ пелиповку на першимъ тижнѣ,
Въ четверъ, якъ стало на зорѣ,
Ишовъ я саме просто звѣзнѣ,
Ажъ каже се москаль минѣ:
«Иди у Тройцу поскорѣя,—
Ховатимутъ архіерея»..
Я, догадавшись, почвалавъ,
Пришовъ у Тройцу ще заране,
У церквѣ все повидчиняне,
Дакъ де хотѣвъ, такъ тамъ и ставъ.

—

51. Ажъ тутъ и люде позбирались,
До службы стали, бря, звонить,
Попы (вси) заразъ повбирались,
Пѣшли пріижжого смотрѣть,
Штатецко всѣ постановились,
Студенты шли, да все христились,
Прислужники шатались всѣ;
Свѣчки усюду попалили,
Маненькихъ въ ризахъ становили
И убирались панотцѣ.

—

52. Постали жъ воны край домовины,
Напередъ, бря, стояли якъ,
Свѣчки въ рукахъ всѣ запалили,
Въ роботи бувъ мижъ ними всякъ:
Хто звѣзды взявъ, хто патерицю,
Хто шапку взявъ, хто на звонницю
Побѣгли инши звонить;
Тогдѣ ни одне не гуляло,
А всякее порядковало,
Да правда, що було робить.

—

53. А далѣ щось и на тарилцѣ
Таке, ниначе поясы,
А золота тутъ не по кришцѣ,
Да все на бляхахъ, пѣднесли,
Держали подлѣ домовины;
А тутъ у звоны зазвонили,
Пѣшли на встрѣчу панотцю,
Усѣ у ризы повбѣранны,
Съ кадѣльницами та съ христами,
И церковъ накадили всю.

—

54. Ажъ погодя ведутъ пѣд ручки
Святого батька панотця,
Дяки жъ усѣ зобрались въ кучки
Дай закричала здрая вся—
Тее товстенько, те тоненько,
Дакъ такъ пригоже и гарненько,
Що я и з роду не чувавъ;
Хотя спѣва у Божомъ домѣ
Панъ Омилянъ, да ще Микола
Такъ гарно, славно не спѣвавъ.

—

55. Якъ заспѣвали: «радуйся, батьку»
Такъ тутъ и рызи поднесли,

А инши бря несли и шапку,
А де-котори поясы;
Якъ же его совсѣмъ прибрали,
И обчипляли й росчесали,
Да й свички заразъ подали,
А винъ, у руки свички взявши.
На всѣхъ стоявъ такъ помахавши,
Да й службу Божу начали.

—

56. Святую службоньку служили,
Якъ бы на самыхъ небесахъ,
Коло іого кругомъ ходили,
Спѣвали гарно въ криласахъ;
А далѣ вышли съ переходомъ,
Одинъ за другимъ, скоро ходомъ,
Попѣвъ десятківъ може съ пять;
Служили службу, не хватались,
. . . . [1])
Тяглася жъ служба до пѣвдня.

—

57. Святую жъ службу вѣдслуживши,
Да й принялись за панотця,
Кругомъ труну, бря, обступивши
Ажъ видъ владыки до кинця.
Стояли два хурхумандрики,
Шапки таки, якъ у владыки,
И протопопы и ченцѣ,
Да всѣ були якъ разъ въ нарядѣ,
До царскихъ вратъ ажъ у два ряды
Стояли сіи панотцѣ.

—

58. А далѣ похоронъ начавши,
Спѣвали, брате, всѣ дяки;
И исти можебъ день не ѣвъ,
А те, що треба, видспивавши,
Читали инши щось попы:
И Евангелію святую,
И книжичку якусь малую.
А далѣ війшли два дяки,
И дячинята вышли зъ ними,
Спѣвали тихо «со святыми»
Гули й пищали до руки.

—

59. Да такъ прегарно, мовъ бы въ небѣ,
И исти може бъ день не ѣвъ,
Бо краще, бря, вѣдъ пана Фебѣ,
Дарма що винъ грѣзненько пѣвъ.
И Павликъ такъ не заспѣвае,
Дарма що товсто зачинае,—
Куди іому до сихъ спѣвакъ!
Одъ си то такъ, що вже спѣвали,
Ажъ люде въ церквѣ вси ридали [2]),
Стоявъ хто, бря, дакъ плакавъ всякъ.

—

60. Одинъ якійсь тамъ протопопа
Дакъ такъ пригоже (щось) читавъ,
И шапка на іому высока,
Оксамитна, вышнева вся;
Роздѣльно, гарно и выразно
Изъ книжечки читавъ винъ важно,
Слова въ уста ниначе клавъ.
Кіянскій же благословляка,
И дяконы, и попинята
И самъ владыка, бря, стоявъ.

—

61. А тутъ другій якійсь мижъ ними,
Выдно розумный панотець,
Хорошій, брате, уродливый,
Студенскій, кажутъ, винъ отець,—

---

[1]) Недостаетъ строки.—*Ред.*

[2]) Въ рукописи эти два стиха видимо испорчены:

Одъ то такъ, такъ вѣддирали,
Що люде вси зарыдали...

Якъ ставъ казать надъ батькомъ
казань,
Дакъ плакавъ, бря, хто бувъ, то
каженъ,
Прегарно, мовъ тобѣ съ письма,
Розумно, гладко и поважно;
Прехороше, унятно, славно
Казали щось и хлопцѣ два.

—

62. А потѣмъ батька цѣловали
Владыка самъ и всѣ попы,
Надъ нимъ таке щось прочитали,—
Не чувъ того видъ тѣсноты;
Лице воздухомъ закривали
И очи чимся заливали,
Труну, бря, стали зачинять;
Тогдѣ вже «вѣчну» заспѣвали,
И плакали, якъ не кричали,—
Того не можно и сказать.

—

63. А далѣ, брате, всѣ забравши,
Взяли владыку, понесли,
Кіянского жъ пѣдъ руки взявши,
Іого икъ ямѣ повели.
Пѣдъ церквою іого сховали,
Цеглюками замуровали,
Сховали друга и отця;
Сховали серденько правдиве
. . . . [1])
Пылало къ Богу до кинця,

Зѣнько и Лесько мужики:

64. Нехай іого душѣ тамъ легко,
Перомъ надъ нимъ земля лежитъ!
Теперъ видъ насъ, бря, винъ далеко,
Душа до Господа бѣжитъ.
Пошли, нашъ милый Боже, зъ неба,
Чого душѣ іого тамъ треба,
Іому дай житіе въ раи;
Не виднимы видъ іого панства
И не лиши небесна царства—
Сіого мы просимъ на землѣ.

Два дѣла о волшебствѣ [2]).

Въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, въ числѣ, множества рукописей, хранится и рукописное собраніе историка Малороссіи Н. А. Маркевича (проданное имъ П. Я. Лукашевичу, а отъ послѣдняго поступившее въ Рум. музей). Это собраніе—настоящій кладъ для новѣйшей исторіи Малороссіи (съ XVII в.); состоитъ оно изъ нѣсколькихъ тысячъ (болѣе 6) отдѣльныхъ документовъ, характера и объема самаго разнообразнаго: здѣсь находимъ универсалы, ордеры, приказы, судебныя дѣла, всевозможныя письма лицъ историческихъ и вовсе неизвѣстныхъ, частныя бумаги, всевозможныя публичныя и частныя сдѣлки, люстраціи земельныхъ имуществъ, донесенія управляющихъ и пр. и пр. Объемъ документовъ, разумѣется, самый разнообразный—отъ немногихъ строчекъ до громадныхъ фоліантовъ (какъ напр. дѣло

---

[1]) Не достаетъ строки.—*Ред.*

[2]) Изъ архива Маркевича въ румянц. музеѣ. №№ 3054 и 5903.

знаменитаго атамана разбойничей шайки Гаркуши, составляющее три огромныхъ тома in f⁰). Не все здѣсь одинаковой цѣны, есть, конечно, малозначущія бумаги, но есть и очень много цѣннаго и малоизвѣстного. Изслѣдователь исторіи Малороссіи найдетъ здѣсь обильный матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій; особенно много данныхъ встрѣтитъ онъ для исторіи внутренняго быта Малороссіи XVII—XVIII в. Къ сожалѣнію, матеріаломъ этимъ пока мало кто пользуется, за отсутствіемъ въ Москвѣ спеціалистовъ по южнорусской исторіи. Между тѣмъ ознакомленіе съ этимъ архивомъ не представляетъ особенныхъ трудностей, благодаря трудамъ собирателя, подробно описавшаго свою коллекцію. Описаніе это составляетъ большой томъ in f⁰, въ которомъ, кромѣ перечисленія отдѣльныхъ документовъ собранія, приводятся и болѣе или менѣе значительныя выдержки изъ наиболѣе любопытныхъ документовъ (Маркевичъ впрочемъ останавливается чаще на документахъ курьезныхъ, юмористическаго содержанія). Мы постараемся время отъ времени давать читателямъ «Кіевской Старины» выдержки (цѣликомъ или въ извлеченіи) изъ наиболѣе любопытныхъ документовъ этого богатаго собранія. Въ одномъ изъ прошлыхъ №№ «Кіев. Старины» мы помѣстили заимствованную изъ этого архива весьма курьезную жалобу новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника (іюль 1889); въ настоящемъ № помѣщается два любопытныхъ дѣла о волшебствѣ; въ первомъ обвиняется женщина въ желаніи путемъ волшебства (сыпаніемъ чернаго песка) перетянуть на свою сторону судъ. Гораздо интереснѣе второе дѣло—объ упырѣ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ несомнѣнно психически больнымъ субъектомъ (психопатомъ или визіонеромъ по современной терминологіи), нарекающимъ на себя, что онъ то и есть настоящій упырь (вампиръ) отъ самаго своего рожденія и обладаетъ завиднымъ даромъ узнавать вѣдьмъ.

Подобное признаніе могло бы привесть къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ для обвиняемаго: въ зап. Европѣ носителя такого рѣдкаго и опаснаго знанія несомнѣнно приговорили бы къ сожженію; къ счастію, наши малорусскіе суды прежняго времени относились къ подобнымъ дѣламъ несравненно разумнѣе и гуманнѣе, чѣмъ фанатическій католическій западъ. У насъ волшебниковъ подвергали лишь тѣлесному наказанію, да требовали возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ истцамъ путемъ волшебства [1]). Въ данномъ случаѣ судъ посту-

[1]) Многія изъ подобныхъ рѣшеній приведены В. Б. Антоновичемъ въ статьѣ о колдовствѣ въ юго-западной Руси.

нилъ еще разумнѣе, признавъ Семена Каленичевка просто психически больнымъ субъектомъ, какъ это видно изъ рѣшенія этого дѣла, приведеннаго г. П. Ефименкомъ въ статьѣ объ упыряхъ («Кіевская Старина» 1883, іюнь). Войсковая генеральная канцелярія, препровождая это дѣло въ малороссійскую колегію, пишетъ: «а по усмотрѣнію упыра оного разсудила войсковая енеральная канцелярія его бить *несостоятельнаго ума*, и потому оніе его слова отъ него показали знатно по нѣкоторомъ въ умѣ помѣшательству. О чомъ коллегія малороссійская да благоволитъ вѣдать» (ib. p. 379). Калениченко принадлежалъ притомъ къ числу упырей-благотворителей, обращая свое волшебное знаніе на помощь и добрые совѣты людямъ, предсказывая будущее и обнаруживая вѣдьмъ.

Замѣтимъ еще, что дѣло о Калениченкѣ хранилось въ архивѣ малороссійск. коллегіи (находящемся нынѣ при харьк. унив.). Изъ этого то дѣла г. Ефименко и привелъ нѣкоторыя выдержки въ указанной нами статьѣ. «Къ сожалѣнію, прибавляетъ авторъ, въ дѣлѣ не оказалось признанія Калениченка; оно, по всей вѣроятности, похищено кѣмъ либо изъ любителей старины, рывшихся въ этомъ архивѣ». Признаніе это, помѣщаемое ниже, оказалось въ архивѣ Маркевича, попавъ туда невѣдомыми путями вмѣстѣ съ массою другихъ любопытныхъ бумагъ.

И. А. Линниченко.

Дѣло Вуцки Михайлихи Батраченчихи и Марьи Данилихи иваногородскихъ о волшебствѣ. 1732 году ноеврія 1 дня.

Року 1732 ноеврія 1 дня. Вуцка Михайла Батраченка жона ставши предъ судомъ полковимъ нѣжинскимъ держала в правой руцѣ чорний пѣсокъ з матузкомъ суровимъ, на которомъ завязано узликовъ 5, який пѣсокъ и суровий оний матузокъ тутъ же предъ судомъ з рукъ витрушенъ и для вѣдома записано при битности ихъ млтей пановъ судовихъ членовъ судий Семена Чуйкевича, хоружого Івана Левѣцкого, полковихъ нѣжинскихъ, сотника полкового Евстафія Тарасовича, и значкового товарища Мосѣя Савича. Записалъ судовий полку нѣжинский писарь Яковъ Влаковскій...

Року 1732 ноеврія 1 дня. По записки въ полковой нѣжинской канцеляріи, что Вуцка Михайла Батраченка жена, ставши предъ судомъ полковимъ нѣжинскимъ, держала въ правой руцѣ чорній пѣсокъ з матузкомъ суровимъ, на которомъ завязано узликовъ пять, якій пѣсокъ и суровій оній матузокъ тутъ же передъ судомъ з рукъ витрушенъ; и чего ради, она, Вуцка, тотъ пѣсокъ и матузокъ зъ пятма узликами въ руцѣ держала и где оній взяла была о томъ

въ полковой нѣжинской канцеляріи допрашивана и въ допросѣ показала, что сего 732 году назадъ тому з тиждень, а якого числа не знаетъ, правовалась она, Вуцка, на судѣ сотенномъ Івангородскомъ зъ Остапомъ Росушкою, жителемъ мартиновскимъ, за учиненній нимъ Росушкою ей Вуцкѣ гвалтъ; и она Вуцка на томъ судѣ Івангородскомъ, не получа зъ него Росушки справедливости, намѣривала ити въ Нѣжынъ въ полковую канцелярію для зъисканя з означенного Росушки суда; куда когда ишла, то жіючая в Івангородской ратушѣ женка Марья Данилиха дала ей Вуцкѣ означенніе у платку пѣсокъ чорній и матузокъ з узликами, и при отданю говорила, чтобъ она Вуцка, якъ пріидетъ на судъ, тотъ чорній пѣсокъ, зъ платка вивязавши, зъ тими завязанними на матузку узликами держала въ руцѣ, чтобъ за нею Вуцкою судъ потягъ и она де Марья позиваючись когда съ тое чинила; а где позиваючись тое чинила, она Вуцка не знаетъ и потому она Вуцка, взявши тотъ платокъ зъ пѣскомъ и матузокъ зъ узликами, пошла до Нѣжина, и на дорогѣ объявляла о томъ мужу своему Михайлу Батраченку, толко онъ ей мужъ противъ того ей Вутцѣ нѣчего не говорилъ; и тутъ в Нѣжинѣ будучи она Вуцка передъ судомъ поки ей суперникъ Остапъ Росушка в Нѣжинѣ не билъ, оного пѣску з платка не вивязовала, а держала тотъ пѣсокъ в платку, и матузокъ з узликами при себѣ; а сего ноября 1, когда ей Вуцки суперникъ Росушка въ Нѣжинъ прибулъ, то она Вуцка, идучи до канцеляріи, близъ оной на дворѣ вишписанній пѣсокъ з платка вивязала и изъ онимъ будучи въ судѣ полковомъ нѣжинскомъ, по наученю мененной Марьи Данилихи, такъ тотъ пѣсокъ, яко и матузокъ з узликами держала в руцѣ, якіе пѣсокъ и матузокъ у ней Вуцки въономъ судѣ витрушени, болше же кромѣ вишеписанного она Вуцка отъ означенной Марьи Данилихи жаднихъ примовокъ не чула и нѣгде на судахъ такъ не чинила и не знаетъ.

Къ сему допросу по прошеніи Вуцки Михайла Батраченка жены виѣсто ей Павелъ Дапясоцкій подписался.

Року 1732 ноября 7 дня. Поневажъ Марья Данилиха таитъся сказуючи, что она Вутцѣ Михайлисѣ ниякого писку и матузка не давала и о томъ ей не научала, и она сама, чтобъ когдась будучи на правѣ тожъ чинила, якоби не вѣдаетъ; того ради Вуцка Михайлиха в правду-ль на Марью говоритъ тое, о томъ была з пристрастіемъ допрашивана и в допросѣ показала, такъ слово въ слово якъ и въ допросѣ своемъ доброволномъ, и цѣле тое твердила, что ей Вутцѣ тіе пѣсокъ и матузокъ з завязанними узликами Марья Данилиха дала.

Року 1732-го ноября 6 дня. Противъ допросу Вуцки Михайла Батраченка жены, в которомъ она Вуцка показала, же Марья Данилиха, идучой ей Вутцѣ въ судъ полковый нѣжинской для зисканя справедливости з Остапа Росушки, жителя мартиновского, за учиненный нимъ ей Вутцѣ гвалтъ, дала пѣсокъ чорній

въ платку, и матузокъ суровый, на которомъ завязано пять узликовъ, оная Марья Данилиха была въ полковой канцеляріи о томъ допрашивана и въ допросѣ показала, что она о той чорной землѣ и суровомъ матузку, на которомъ завязано пять узликовъ, не знаетъ и ней Вутцѣ Михайлисѣ, оныхъ, чтобъ потому за нею Вуцкою судъ потягъ, не давала; и такихъ словъ, что и оная Марья позываючись когдась тое чинила, не говорила. Къ сему допросу вмѣсто Марьи Данилихи по ей прошенію Іосифъ Хорчавскій, житель нѣжинскій, руку приложилъ.

Поневажъ Вуцка Батраченкова жена такъ въ доброволномъ, яко и пристрастномъ допросахъ сказуетъ, что ей Вутцѣ Марья Данилиха пѣсокъ чорній и матузокъ дала, что и въ повторномъ пристрастномъ допросѣ сказала; того ради оная Марья Данилиха не таитъся-ль тому была подъ пристрастіемъ допрошевана и показала. Такъ слово в слово якъ и в доброволномъ своемъ допросѣ: же она Марья жадного пѣску и матузка з узликами Вуткѣ Батрачисѣ не давала и не знаетъ. 1732 году ноября 10 дня.

Благороднѣйшый мосцѣ пане судія полковый нѣжинскій, мой велце мосцѣвій пане и милостивій добродѣю.

Сего листа оддавца, сторожъ полевій сотнѣ моей Данило Чарнявскый, едетъ въ судъ полковій нѣжинскый просити в ономъ к женѣ своей, которая опорочена отъ жени Мяхайла Батрака, жителя мартиновского, нѣкоторимъ чародѣйствомъ, милосты: за которимъ и я до вмм. пана и добродѣя пишучи, наипокорнѣйше его прошу, явити къ онимъ свою отеческую милость; ибо помянутого Чернявского жена, есть рода честного, и предъ симъ въ жадной и найменшой не была суспиціи. О якое на онихъ показанное патронское милосердіе и паки вмм. пана и добродѣя просячи, его жъ ласкавой вовѣряю мя приязни. Вмм. Пана и добродѣя нижайшій слуга сотникъ івангород. Андрей Безпалий.

Ноября 6 дня
1732 году.

Року 1732, ноября 16 дня. Я нижеподписанній въ полковой нѣжинской канцеляріи ручусь за Маріею Данила Чернявского, жителя івангородского, жоною въ томъ, что она нѣкуда з Івангорода не увойдетъ и если в оной полковой канцеляріи востребуютъ ей, то она на требованіе станетъ, а буде на требованіе не мѣла бы въ пол. канцеляріи явитись, то я поручникъ долженъ буду ей самъ представить подъ опасеніемъ буде не представлю, того на себѣ понести, чого она будетъ достойна. Къ сей поручной вмѣсто значкового козака Василія Дмитровича по его прошенію житель нѣжинскій Афиногенъ Тигровскій подписался. На оборотѣ адресъ: Благороднѣйшому его милосты пану Сумеону Чуйкевичу, судіи полковому нѣжинскому, моему велцемосцѣвому пану и милостивому добродѣеви. Покорно.

№ 3054. Под. іюля 15 дня 1727 году.

Въ Малороссійскую Енералную войсковую канцелярію доношеніе.

Сего 727 году минувшаго іюня мѣсяца сотнѣ носовской зъ города Носовки присланній человѣкъ іменно Семенъ Каленниченко; которій между протчіими своими словами, говорилъ, что въ Глуховѣ и въ Лохвицѣ пріидучой Спасовки сего 727 году мѣетъ бить моровое повѣтріе.

Того ради его Семена Каленниченка за помянутое слово з допросомъ въ ізбѣ судовой войсковой козелецкой учиненнимъ въ Малоросійскую Енералную войсковую канцелярію присемъ посилаю.

О семъ да благоволитъ Малоросійская Енералная войсковая канцелярія вѣдать, іюня 14-го, 727 году. К сему доношенію кіевский полковникъ Антоний Танский руку приложилъ.

1727 году юля 19 дня по указу Его Императорского величества въ войсковой Енералной канцеляріи приговорили присланнаго при сему доношенію Семена Каленниченка зъ полку кіевского въ Малороссійскую Коллегію при промеморіи зъ войсковой Енералной канцеляріи оного одослать и подлинній его вопросъ, а копію з оного допроса въ Енералной канцеляріи оставить.

Іванъ Мануйловичъ. Ѳедоръ Потребичь Гречании.

1727 году юня 21 дня въ дому судовомъ войсковомъ козелецкомъ Семенъ Каленниченко менуемій упиръ допрашиванъ; а въ допросѣ сказалъ, что де онъ родился отъ отца своего Каленика и матери Татіани в лубенскомъ полку въ мѣстечку Глинску; а когда онъ зродилъся, тоде того жъ часу в свѣтѣ позналъ всѣ вещи, и бабу свою пріемницу Горпину Демчиху заразъ позналъ, что она де вѣдма, и оная де баба сказала матери его, что на ономъ есть сухоти и зашила оного у товарячій киндюхъ, уже де было отъ рода оному полгода, и зашивши, оная баба положила на сѣнномъ порозѣ, сказуючи де матери его, что оная дитина не певная вродилася, и жебы онъ что дитиною мѣти зналъ забувъ, и для того положили были мати з оною бабою намѣреніе, жебы онъ маленкимъ згинулъ, аже того жъ часу собака прибѣгши тотъ киндюхъ съ онимъ ухопилъ и прорвалъ, а оного не образилъ, и сожалѣвшися де оного мати изнову взяла до себе, и почала кормить, а кендюхъ собака зъѣлъ, и когда де у матки своей воспитовалъся, то дитиною все зналъ, где которая есть вѣдьма, толко де онъ сѣмъ лѣтъ не ходилъ, нѣ говорилъ, все сидѣлъ, потомъ что онъ упиромъ родился, зналы уже его отецъ и мати, а хоча онъ упиромъ родился, то до дванадцати лѣтъ до оного вѣдми не прикасалися, а по семи лѣтахъ началъ онъ ходить, и когда де отецъ его бивало хочетъ купить якую товарину, то онъ сказуетъ якую купить, а якую не купить, и хоча бы хто мѣлъ попсовать якимъ чарованіемъ товарину, то онъ де бывало тіе чари отгонитъ, и отъ

того зѣля знаетъ, а по дванадцати лѣтехъ возраста оного, начали де до оного въ Глинску вѣдми прихоживать, а именно Пруска Бабичиха, и другая, прозиваемая Лисенская, а якъ оную зовутъ по имени того не упомнитъ, и всѣхъ ихъ вѣдіомъ было де у Глинску пятнадцать, и на первѣй Бабичиха пришедши де до оного в ночи и викликала оного с хати, и онъ съ нею пошолъ до ея в дворъ, и засталъ ихъ всѣхъ пятнадцать, и оніе де вѣдми заразъ стали оного бить головнямы тимы что с печи викидаютъ, за тое, чтобы онъ не казалъ нѣкому, что они суть вѣдми, и тое ночи варили зѣля, а якъ зовутъ тое зѣля того не знаетъ, толко де познать можетъ где ростетъ, и тимъ зѣлямъ помазалися по подпахвамы и оного помазалы, и помазавши ся всѣ тое ночи лѣтали до Лубенъ, а тое де зѣяя варятъ сутки, и зѣля само в горшку говоритъ, и каждую вѣдму по имени, зоветъ, в Лубняхъ совѣтовали где що злое починить, и тое же ночи до пѣвнювъ всѣ з Лубны до Глинску стали, и кождая в домъ свой поросходилися. А тое де вѣдомское чарованіе трижди въ годъ бываетъ, о святой недѣлѣ разъ, по Рождествѣ святого Предотеча другій, а третій у пилиповку на святого Григорія, и во ономъ де Глинску презъ килка лѣтъ оного вѣдми труднячи докучали боемъ оному, и за тое онъ старшинѣ глинской показалъ тихъ вѣдіомъ, и старшина велѣла ихъ зъисковать, и зискавши ихъ пятнадцать велѣлы и оного шестогонадцеть со оними держать шесть недѣль за приказомъ въ колодкахъ, которіе вѣдми признали тогда себе быть такими, и в томъ старшина въ нихъ оплатку побравши съ онимъ попущали з заприказу. Потомъ де оніе вѣдми, а именно зъ нихъ одна Мищиха Андрушкова сотникова маты сказала де оному жебы з Глинска в иншіе де пошолъ полею (sic), ибо хотѣли де оного за показане ихъ замучить, и онъ де з Глинска молодикомъ поишовши пришолъ до Носувки, и въ Носувкѣ у ткача Ісаія сталъ за хлопца, и вывчившися ремесва у маистрахъ робилъ за челядника ~~лѣтъ~~ съ 15, и хочаи де чресъ тіе лѣта вѣдми носовскіе знали, что де онъ упырь есть, толко жъ де не прикасалися до оного для того что онъ не ихъ сотнѣ, а носовскіе вѣдми именно сказуетъ, что де Андреиха Шевчиха бывшая войтиха, другая намѣсничка томашевская Ворушилиха Шавуленкова, а протчіихъ де убогихъ вѣдіомъ въ Носовцѣ много есть; и пошовши онъ молодикомъ зъ Носовки до Лихачева въ Лихачевѣ оженилъся, и жилъ зъ женою лѣтъ 10, а было де в оного дѣти 2 и померли; а хоче де въ Лихачевѣ вѣдми билы, толко жъ и тамъ ихъ не показовалъ для того, что они де оного ни въ чемъ не заимали; толко де въ томъ Лихачевѣ уже тому лѣтъ 6 померши атаманиха Михачевская Катра Степаниха ходила мертвая по ночамъ недѣль зо три, и приходомъ своимъ домашнимъ докучила, и зять оной мертвой атаманихи Стецко Коханенко, дочувшися, что де знахорка есть въ кіевскомъ полку, и живетъ въ Иржавцѣ именно Олена Кривецкая, ездилъ де до оной просити, жебы тое тещи трупъ по ночи ходитъ запинила, и когда де помененній Коханенко былъ

у Кривецкой у Иржавци то де она Кривецкая сказала, такъ Коханенку, идьте до дому въ Лихачевъ, и есть де тамъ у васъ братъ мой Семенко Горбатенкій ткачикъ, и благайте оного, то де онъ трупъ тещи твоей запинитъ ходить по ночи, и чрезъ оного Коханенка прислала де оному хустку и шостакъ грошей, и онъ отъ Коханенка взявши тую хустку и шостакъ грошей и, послухавши отъ Кривецкой повелѣваемого, ходилъ три ночи на могилу где лежитъ атаманиха, и на тое могилѣ о полночи презъ пѣвнями лежачи до гори очима съ тимъ де мертвимъ трупомъ змагался, жебы болшь не ходилъ по ночамъ, когда же де съ тое могили чи свинею или якою колвекъ бестею виденіе внидетъ, то де онъ ниць на могилѣ ляжетъ, а якъ у землю тое виденіе пойдетъ, то де онъ до гори лежитъ и говорилъ съ такимъ до того трупу приговоромъ, якъ оному де назадъ пятами не ходити, такъ де тому трупу по семъ свѣтѣ уже не ходить и отъ того часу тотъ трупъ атаманихи уже не сталъ по ночи ходить.

Потомъ отъ тихъ поръ лихочувскіе обывателы узнали оного, что онъ упирь есть, и бывало лихачевскимъ людямъ допомагаетъ товару, а оной де Кривецкой и до сего часу онъ ни знаетъ, ни вѣдаетъ. Потомъ зъ Лихачева когда жонка оного померла, пришелъ де онъ до Носовки, и живетъ в семъ 1727 году отъ великого посту, и в Носовцѣ сталъ былъ у Хведора Деркачика ткача ткачство робить и по воскресеніи Господнемъ посварился зъ помененною Андрѣихою бывшою войтихою, назвалъ де оную вѣдмою, а войтиха де, пошедши до Томашевской, сказала де оной, что де онъ зоветъ мене и тебе вѣдмами, и за тое оного в Носовце ковали и были доволно, потому и въ Козелецъ оного припроважено, и когда де будетъ указъ, то де онъ покажетъ і в Козелцу вѣдіомъ. Да тотъ же упирь сказалъ, что де въ пріидучую Спасовку сего 1727 году мѣетъ быть въ Глуховѣ и въ Лохвицѣ моровое повѣтря.

А въ Казелцу сказуетъ, что де Ступалиха вѣдма, Крупяничка, що шинкуетъ горѣлкою Алесиха Крупяничка невинна, и в такомъ подзорѣ не есть причиною.

Въ подлинномъ подписано. Къ сей сказцѣ по прошенію Семена Калениченка Стефанъ Пѣратинской руку приложилъ.

Съ подлиннымъ допросомъ читалъ канцеляристъ Григорий Юркевичъ.

Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи.

Унѣверсалы, во всѣ полки писанные, о заводахъ овечихъ, якіе могли бы способны быти вовною до роблення суконъ.

По титлѣ.

Ознаймуемъ симъ унѣверсаломъ нашимъ пану полковниковѣ N., панамъ: старшинѣ полковой, сотникамъ, атаманѣ, войтамъ, зъ протчими градскими и

сѣлскими урядниками, и всѣмъ кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало: ижъ еще покойный ясневелможный его милость панъ гетманъ Скоропадскій, по именному императорского всепресвѣтлѣшого величества указу, одъ высокихъ лицъ имѣлъ собѣ на словахъ и на писмѣ предложеніе о содержаніи и размноженіи въ Малой Россіи овецъ тыхъ, которыхъ бы вовна могла быти способна на дѣланіе въ манѣфактурныхъ заводахъ добрыхъ суконъ, якъ въ томъ уже и въ полки малороссійскіе прежде сего было публѣковано; а нынѣ и мы, по смерти его велможности, на имя его покойного получили писаніе одъ превосходителного его милости господина Василія Яковлевича Новосѣлцова, государственной манѣфактурной коллегіи президента, зъ тымъ объявленіемъ и предложеніемъ, что его императорское величество неусыпного своего изволитъ прилагати старанія, дабы въ Россійскомъ его величества государствѣ везде, и въ Малой Россіи, овцы зъ потребною до суконныхъ заводовъ шерстю были розведены; а якъ власне надлежитъ оныхъ держати, кормити и дозирати—о томъ по требованію покойного ясневелможного, паче же по указу всепресвѣтлѣшого императорского величества, его жь превосходителство господинъ Новосѣлцевъ особливую инструкцію зъ обстоятелнымъ изъясненіемъ прислалъ до насъ. Прето мы, монаршой его величества волѣ и указу повинуючися, и тотъ интересъ въ ползу государственную по должности нашой желаючи произвести до событія, чрезъ сей нашъ унѣверсалъ прекладаемъ указомъ его императорского величества: абы такъ самъ панъ полковникъ N., яко и другіе урядовые и безурядовые, знатнѣйшіе и мѣлшіе войскового и посполитого стану тамошнего полку обывателѣ, пристойные поля и протчіе выгодные осѣдлости въ себе мѣючіе, по своей его императорскому величеству вѣрности до устроенія помянутыхъ овечихъ заводовъ безъ жадного сумлѣнія и вонтпливости охочо принялись; якіе овцы хто колко подлугъ пропорціи своего достатку у себе имѣти можетъ, старалися содержати и выховувати таковымъ порядкомъ, якъ власне инструкція, при семъ унѣверсалѣ нашомъ описанная, наставляетъ, которую зъ симъ же унѣверсаломъ мѣетъ панъ полковникъ N. везде въ полку своемъ опубликовати и всякому могущому приказати гараздъ внушити для совершенного зрозумленія, же тое овецъ размноженіе не къ яковому всякого тыхъ заводовъ господара дѣятимется убытку и трудности, но еще въ продажѣ зъ оныхъ вовны неменшій будетъ зыскъ и пріобрѣтеніе; котрый интересъ, яко до государственной ползы стягаючійся, долженъ панъ полковникъ въ полку своемъ старатися всѣми неотложными мѣрами въ семъ же року приводити въ дѣствіе, и сколко таковыхъ людей зъ урядниковъ и зъ другихъ тамошнихъ полчанъ зберется на лицо, которые зможутъ вышеозначеные овцы держати,—намъ учинити извѣстно; мы зась подлугъ первого пункту въ инструкціи изображенного извѣстившися, якіе гдѣ въ великороссійскихъ и слободскихъ городахъ овечіе заводы къ малороссійскимъ полкамъ

сутъ близки, о томъ декляруемъ впредъ прислати объявленіе, жебы всякому было вѣдомо—зъ якихъ мѣстцъ людей, на выхованю тыхъ овецъ добре знаючихся, и барановъ къ тымъ же овцамъ способныхъ требовати будетъ надобно. Данъ зъ Глухова, августа 31, року 1722.—А въ подлинномъ подписъ такій: вышменованный полковникъ и наказный гетманъ, рукою власною; войсковый енералный писаръ Семенъ Савичъ; Василій Жураковскій, асаулъ енералный. (Мѣстце печати войсковой).

А вотъ и самая инструкція для заведенія въ Малороссіи улучшенныхъ овечьихъ породъ и ухода за ними.

Предложеніе отъ государственной манифактурной коллегіи о содержаніи овецъ въ Малой Россіи.

Понеже указомъ его императорского величества повелѣно, для суконныхъ и протчіихъ манифактуръ, овецъ умножати, и до нихъ шліонскихъ барановъ припускати, и содержати такимъ порядкомъ, якъ въ нѣмецкихъ сторонахъ вувци содержатся, дабы чрезъ тое добрая шерсть вкоренитися могла, а производити ихъ нижеописанными пунктами:

1.

Вувци яковыи есть въ Малой Россіи у обывателей, изъ тыхъ выбрати вовною бѣлыхъ, и до тыхъ овецъ въ свое время припускати барановъ зъ овчарныхъ заводовъ, которые дадутся изъ манифактуръ коллегіи; также даны будутъ люде, кому указувати, якъ содержати овецъ, изъ учениковъ малороссійскихъ; а которые прежде были домашніе бараны, оныхъ отлучити, и до тыхъ бѣлыхъ овецъ не допускать; и о дачѣ къ тому барановъ и учениковъ къ маіору Кологривову, который овчарными заводами вѣдаетъ, указъ посланъ; а за тыи бараны платить по полталяра, а если хто платити не похощетъ, то брать у тыхъ тамошними баранами тее жъ число въ замѣну, килко хто возметъ.

2.

Между тымъ доставать барановъ изъ Шліонска, щобъ часъ отъ часу добрая шерсть вкоренялася, и хто имѣетъ чорныхъ и сѣрыхъ овецъ, щобъ оные были за часомъ переведены, а которые будутъ приплодные вувци бѣлые, оныхъ пускать на плодъ, а прежнихъ овецъ сѣрыхъ и чорныхъ заживати всякому господару въ расходъ по своему разсмотрѣнію, и оные приплудные вувци, равнымъ образомъ якъ и другіе малороссійскіе, всякъ во своей власти имѣти можетъ.

3.

Всѣмъ обывателямъ, хто имѣетъ сколко овецъ, по числу оныхъ построить кошары теплыи, где есть лѣсъ рубленій, а где лѣсу скудно плетеныи, и вымазать глиною для тепла, или иншимъ, чимъ кому способнѣйше, тилко были бъ зимою теплы; а якъ наступитъ зима, то держать ихъ въ тыхъ кошарахъ, и

зимою на дворъ выпускать по двуйчи и по трійчи на день, когда сѣно закладувають, а лѣтомъ выгонять въ поле якъ слонце всходитъ, а приганять на заходѣ слонца, а въ негоду не выгонять и держать въ кошарахъ.

4.

Овецъ стригти въ годъ по два разы: мая въ первыхъ числахъ, да въ сентебріи мѣсяцѣ, и тую вовну розбирать—весняную особно, а осѣнную особно, а поярочную особно, и употребляти въ продажу и на домашніи росходы по своему разсмотрѣнію, тилко заграницю не отпускати и не продавати.

5.

Пасти вувцѣ тые на тыхъ же мѣстахъ, на якихъ прежде паслись, тилко на болото пасти не пускати, а зимою въ болшіе дни давать сѣна, якое где есть, по чтыри разы, а въ малыи днѣ по три разы у сутки, и наповати чрезъ двое сутки когда ведрено, а въ непогоду и чрезъ тыждень.

6.

Соль давать зимою, ежели имѣетъ кто доволство; въ тыждень по разу, а лѣтомъ на всякій тыждень по одному разу, и що частѣй дается соль, то шерсть будетъ лучшая и овцамъ здорово, а когда буваетъ мокрота зимою метеличная а лѣтомъ дожчевая, тогда соли не давать, и имѣти въ томъ прилежаніе, то изъ того надѣя певная всѣмъ обывателямъ быти можетъ въ такой мѣри, що прежнюю простую рунную шерсть продавали пудъ по копѣ, и по таляру, то тая шерсть, которая зъ овчарныхъ заводовъ, продается на суконное дѣло по одинадцять золотыхъ, и по болшей, и между рунною малороссійскою шерстю есть немалая розница въ цѣнѣ.

7.

А когда вувци захорують, и въ такомъ случаѣ давати имъ суль зъ перепусканою смолою, тутъ же мѣшати оцетъ и горѣлку, на прикладъ: на тисячу овецъ по четыри кварты, также и ячменной муки, которой треба будетъ въ годъ на тисячу овецъ по двѣ четверти; а когда буваетъ короста или раны, мазати чистымъ дюгтемъ, хочай въ нихъ и черви бываютъ.

8.

Барановъ некладеныхъ отлучати отъ овецъ февраля съ послѣднихъ чиселъ, а спускать зъ овцами октоврія зъ 20 числа, и овецъ доити не возбраняется.

Іюля 13 дня, 1722. Семенъ Селезневъ.

Книга генеральной войсковой канцеляріи, содержащая копіи исходящихъ бумахъ, (1722—1727 года). Книга эта хранится въ собраніи документовъ, принадлежащемъ кіевской археографической коммиссіи. Страница 49—50.

Сообщилъ **О. Л.**

Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова.

Въ 1860 г., когда Н. И. Костомаровъ, по возвращеніи изъ Саратова, занималъ уже каѳедру въ петербургскомъ университетѣ, онъ обратился къ кіевскому генералъ-губернатору князю Васильчикову съ просьбою о разысканіи и возвращеніи ему нѣкоторыхъ бумагъ, отобранныхъ отъ него въ Кіевѣ въ 1847 г. Изъ приложеннаго къ его письму *реестра* видно, что рукописи, о разысканіи которыхъ онъ ходатайствовалъ, были слѣдующія:

1) *Автографъ лѣтописи I. Ерлича* и сдѣланная съ него на бѣлой бумагѣ копія; и автографъ, и копія in 4.

2) Рукопись самого Костомарова: *Памятники острогожскаго слободскаго полка*, съ копіями грамотъ, числомъ болѣе 20-ти, на бѣлой бумагѣ, тетрадь въ листъ.

3) *Подлинныя грамоты XVII ст.*, относящіяся къ исторіи острогожскаго слободскаго полка, въ свиткахъ. Костомаровъ не могъ припомнить точнаго количества этихъ грамотъ, но утверждалъ, что ихъ было болѣе 20-ти.

4) Рукопись собственнаго соченения Костомарова: *О принятіи руссами христіанства до Владиміра*, тетрадь на бѣлой бумагѣ въ листъ.

5) Сочиненная Костомаровымъ на малорусскомъ языкѣ историческая драма: «*Косинскій*»; тетрадь in 4, на почтовой бѣлой бумагѣ.

и 6) Читанныя Костомаровымъ въ кіевскомъ университетѣ *лекціи изъ русской исторіи*, въ тетрадяхъ на цвѣтной почтовой бумагѣ in 4. Числа тетрадей Костомаровъ не помнилъ.

По этому поводу князь Васильчиковъ писалъ къ бывшему тогда предсѣдателемъ кіевской археографической коммиссіи М. В. Юзефовичу (отъ 25 іюня 1860 г.) слѣдующее: «Профессоръ императорскаго с.-петербургскаго университета Костомаровъ обратился ко мнѣ съ просьбою о розысканіи и возвращеніи нѣкоторыхъ бумагъ его, отобранныхъ отъ него въ Кіевѣ въ 1847 г. Изъ дѣлъ управленія моего видно, что нѣкоторыя бумаги Костомарова, хранившіяся опечатанными въ квартирѣ Монькиной, согласно желанію его, отданы были женѣ коллежскаго ассесора Мазуровой, которою отправлены къ нему, Костомарову, въ Саратовъ. Затѣмъ, по ходатайству Костомарова, хранившіяся въ канцеляріи генералъ-губернатора въ особомъ тюкѣ бумаги его препровождены саратовскому губернатору для врученія по принадлежности. Болѣе въ управленіи моемъ никакихъ бумагъ Ко-

стомарова нѣтъ. Изъ настоящей же просьбы профессора Костомарова видно, что въ возвращенныхъ ему бумагахъ оказалась записочка неизвѣстно чьей руки, въ которой сказано: «передать бумаги Костомарова профессору Иванишеву». На этомъ основаніи имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, увѣдомить меня: нѣтъ ли этихъ бумагъ въ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ или у дѣйств. ст. совѣтника Иванишева?»

На этомъ письмѣ князя Васильчикова рукою М. В. Юзефовича помѣчено: «Немедленно справиться, нѣтъ ли изъ этихъ бумагъ чего-нибудь при дѣлахъ коммиссіи, и ежели есть, то отъ кого онѣ получены».

Розыски въ коммиссіи не привели, однако, ни къ чему, и спустя нѣсколько дней М. В. Юзефовичъ увѣдомилъ генералъ-губернатора, что «по справкѣ въ дѣлахъ коммиссіи ни одной изъ поименованныхъ въ спискѣ рукописей проф. Костомарова не оказалось, и что по причинѣ отсутствія дѣйств. ст. совѣтника Иванишева въ Варшаву дальнѣйшей справки до его возвращенія сдѣлать не возможно».

Въ концѣ концовъ названныя рукописи оказались пропавшими—навсегда ли? Хотѣлось бы вѣрить, что онѣ еще отыщутся когда либо. Вѣдь нельзя же предположить, чтобы кто нибудь истребилъ ихъ намѣренно. А пока—почитателямъ покойнаго историка остается пополнить длинный списокъ его твореній четырьмя новыми, до сихъ поръ никому невѣдомыми названіями.

L.

Рисунки Шевченка.

Къ перечню книгъ, иллюстрированныхъ Шевченкомъ (см. «К. Ст.» 1888 №№ 1—3), слѣдуетъ прибавить роскошное по своему времени изданіе Жернакова «Русскіе полководцы или жизнь и подвиги россійскихъ полководцевъ отъ временъ императора Петра Великаго до царствованія императора Николая I» Спб. 1845 г. Текстъ этого изданія, какъ и въ «Исторіи Суворова», составленъ Н. Полевымъ. Двѣнадцать портретовъ полководцевъ (Петръ I, Б. П. Шереметевъ, Меньшиковъ, Минихъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Кутузовъ, Барклай де Толли, Витгенштейнъ, Дибичъ и Паскевичъ), какъ упомянуто въ предисловіи къ книгѣ, «рисованы извѣстнымъ художникомъ Т. Г. Шевченко, гравированы на стали знаменитымъ граверомъ Робинсономъ и отпечатаны въ Лондонѣ». Эти двѣнадцать рисунковъ—

самые тщательные изъ всѣхъ встрѣчающихся въ иллюстрированныхъ Шевченкомъ книгахъ, но въ нихъ менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, замѣтна личность рисовальщика. Капризный и не всегда правильный карандашъ украинскаго поэта подвергся здѣсь очевидно выправкѣ аккуратнаго и набившаго руку рѣзчика, сгладившаго индивидуальныя особенности рисунка. Двѣ книги Полеваго съ рисунками Шевченка свидѣтельствуютъ о существованіи между обоими писателями,—одинаково вышедшими изъ народа,—извѣстной близости и знакомства. Приглашеніе Шевченка для иллюстрированья изданья роскошнаго и посвященнаго императору Николаю, а также упоминаніе о немъ какъ о художникѣ «извѣстномъ» показываетъ, что около 1845 года его репутація, какъ артиста, уже стояла на нѣкоторой высотѣ. Это было по окончаніи имъ академіи художествъ и полученіи академической степени. Въ томъ же 1845 году вышла первая серія офортовъ поэта «Живописная Украина». Въ капитальномъ трудѣ г. Ровинскаго «Русскіе гравированные портреты», въ числѣ изданій—серій, упомянуты и «Русскіе полководцы», но безъ означенья о принадлежности рисунковъ Шевченку, которая, между тѣмъ, несомнѣнна.

Пользуемся случаемъ, чтобъ привести изъ того же превосходнаго сочиненія маленькое дополненіе къ списку офортовъ Шевченка, напечатанному у насъ. («К. Ст.» 1888, № 6) Офорты эти многими теперь тщательно разыскиваются и собираются, а установить ихъ полный перечень необходимо. Въ замѣткѣ г. Ровинскаго объ этихъ офортахъ пропущены нѣкоторые нами перечисленные, но упомянуты нижеслѣдующіе, о которыхъ намъ было неизвѣстно. «Въ моемъ собраніи, пишетъ Ровинскій, находятся гравюры Шевченка: Къ «Цыганамъ» Пушкина, Король Лиръ, Головка, Одалиска (не брюлловская Вирсавія), крестьянинъ-старикъ, маленькій малороссійскій пейзажъ и четыре копіи *съ гравюръ* Рембрандта».

Изъ прошлаго г. Кіева.

I. *Дѣло по челобитью кіевскаго Межигорскаго монастыря игумена Θеодосія съ братіею о выдачѣ милостыни.*

Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексіевичу, Петру Алексіевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ бьютъ челомъ богомольцы ваши, кіевскаго Межигорскаго монастыря игуменъ Θеодосій съ братіею. По указу

блаженныя памяти отца вашего государева, и брата вашего и васъ, великихъ государей, велѣно намъ богомольцамъ на препитаніе братіи изъ вашей государевы казны давать милостыни въ пятой годъ; и нынѣ, государи, пятый годъ пришелъ, а вашего государева жалованья намъ не дано. Милосердые государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексіевичъ, Петръ Алексіевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте насъ, богомольцовъ своихъ, велите, государи, по вашимъ, великихъ государей, указомъ на нынѣшній годъ изъ вашей государевы казны выдать намъ, богомольцамъ, милостыню, что вамъ Господь по сердцу извѣститъ. Великіе государи смилуйтеся

На оборотѣ: «202 г. декабря въ 20 д. Выписать».

И въ приказѣ Малыя Россіи выписано:

Въ жалованной великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, грамотѣ, какова дана кіевскаго Межигорскаго монастыря игумену Өеодосію съ братіею въ прошломъ во 192 году написано: велѣно того монастыря игумену Өеодосію и впредь кто по немъ иные игумены будутъ пріѣзжать къ великимъ государемъ къ Москвѣ бити челомъ о милостынѣ или для того же присылать старцовъ трехъ или четырехъ человѣкъ въ пятый годъ.

И въ прошломъ въ 198 г. по вышеписанной ихъ, великихъ государей, жалованной грамотѣ былъ въ пріѣздѣ того Межигорскаго монастыря намѣстникъ Иродіонъ, да келарь Илья, іеродіаконъ Филаретъ бити челомъ великимъ государемъ о милостынѣ, а указной годъ имъ тогда въ 197 году.

И въ томъ же во 198 году послано съ нимъ намѣстникомъ ихъ, великихъ государей, жалованья въ тотъ монастырь игумену съ братіею на милостыню сорокъ соболей въ 50 рублей.

А въ нынѣшнемъ, въ 202 году, пріѣзду ихъ бити челомъ великимъ государемъ о милостынѣ указной годъ.

И великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, кіевскаго Межигорскаго монастыря игуменъ Өеодосій съ братіею бьетъ челомъ, что по ихъ, великихъ государей, указу велѣно имъ на пропитаніе братіи изъ ихъ, великихъ государей, казны давать милостыню въ пятый годъ, и нынѣ указной годъ пришелъ, а великихъ государей жалованья имъ не дано.

И великіе государи пожаловали бъ его, игумена съ братіею, велѣли имъ на нынѣшній годъ изъ своей, великихъ государей, казны выдать милостыню.

Помѣта: «202 г. генваря въ 3 д. великіе государи пожаловали кіевскаго Межигорскаго монастыря игумена Ѳеодосія Васковскаго съ братіею, велѣли имъ дать своего великихъ государей жалованья по своей государской жалованной грамотѣ въ указной годъ милостыни собольми на пятьдесятъ рублей и послать къ нимъ тое милостыню съ намѣстникомъ того монастыря Иродіономъ».

На оборотѣ: «великихъ государей жалованья намѣстникъ Ѳедосъ, монахъ Иродіонъ въ Межигорской монастырь братіи на милостыню шесть паръ соболей въ пятьдесятъ рублевъ взялъ и росписался».

II. *Дѣло по челобитью кіевскаго Свято-Никольскаго пустыннаго монастыря игумена и Братскаго училищнаго монастыря ректора Іоасафа Кроковскаго о выдачѣ жалованья въ Никольскій и Братскій монастыри.*

I. Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьетъ челомъ богомолецъ вашъ изъ Кіева Свято-Никольскаго пустыннаго монастыря игуменъ и Братскаго училищнаго монастыря ректоръ Іоасафъ Кроковскій. По вашему, великихъ государей, указу даны намъ, богомольцомъ, ваши, великихъ государей, жалованныя грамоты, велѣно намъ пріѣзжать къ Москвѣ для вашего, великихъ государей, жалованья изъ Братскаго монастыря въ третій годъ, а изъ Никольскаго монастыря въ пятый годъ. Милосердые великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте меня богомольца своего, велите, государи, по тѣмъ своимъ, великихъ государей, жалованнымъ грамотамъ свое, великихъ государей, жалованье выдать. Великіе государи смилуйтеся!

На оборотѣ помѣчено: «Выписать».

И въ приказѣ Малыя Росіи выписано:

Въ жалованной великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, грамотѣ, какова дана Николаевскаго пустыннаго монастыря игумену съ братіею въ прошломъ во 197 г. сентября въ 19 д. написано: велѣно ему, игумену, и впредь кто по

немъ въ томъ монастырѣ иные игумены будутъ, присылать къ великимъ государемъ бити челомъ для милостыни въ пятый годъ.

И въ прошломъ въ 199 г. къ великимъ государемъ былъ въ пріѣздѣ съ преосвященнымъ Варлаамомъ, митрополитомъ кіевскимъ, того Никольскаго пустыннаго монастыря игуменъ Іоасафъ Кроковскій и билъ челомъ великимъ государемъ по той жалованной ихъ, великихъ государей, о милостынѣ, и съ нимъ послано въ тотъ монастырь великихъ государей жалованья на милостыню собольми на тридцать рублей. А указной годъ тому пріѣзду для милостыни былъ въ 201 году. А нынѣ, по вышеписанной ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, пріѣзду изъ того монастыря къ Москвѣ для милостыни указной годъ будетъ въ прошломъ въ 206 году. Да въ жалованной же ихъ, великихъ государей, грамотѣ, какова дана въ Богоявленской Братской монастырь въ прошломъ въ 192 г. августа въ 16 д. написано: велѣно того монастыря игумену, и впредь кто по немъ иные будутъ, присылать къ великимъ государемъ къ Москвѣ бити челомъ о милостынѣ въ третій годъ.

И въ прошломъ въ 199 г. къ великимъ государемъ былъ въ пріѣздѣ Богоявленскаго Братскаго монастыря намѣстникъ и ректоръ Гавріилъ и билъ челомъ о милостынѣ, и съ нимъ тогда послано въ тотъ монастырь великихъ государей жалованья на милостыню соболей на 30 рублей. А нынѣ, по вышепомянутой жалованной ихъ великихъ государей грамотѣ, Богоявленскаго Братскаго монастыря пріѣзду къ Москвѣ для милостыни указной годъ.

И великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьетъ челомъ Николаевскаго пустыннаго и Братскаго монастырей кіевскихъ игуменъ и ректоръ Іоасафъ Кроковскій, что, по указу великихъ государей, даны имъ ихъ, великихъ государей, жалованныя грамоты, а по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ велѣно имъ пріѣзжать къ Москвѣ для ихъ, великихъ государей, жалованья изъ Братскаго монастыря въ третій годъ, а изъ Никольскаго монастыря въ пятый годъ. И великіе государи пожаловали бъ его игумена и ректора, велѣли по тѣмъ своимъ, великихъ государей, жалованнымъ грамотамъ то свое, великихъ государей, жалованье выдать.

Помѣта: «202 г. декабря въ 19 д. Великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожаловали изъ Кіева Богоявленскаго Братскаго монастыря игумена и ректора Іоасафа Кроков-

скаго, велѣли съ нимъ послать своего великихъ государей жалованья въ тотъ Братской монастырь на милостыню собольми на тридцать рублей, и о томъ въ Сибирскій приказъ послать память, потому что по ихъ, великихъ государей, жалованной грамотѣ нынѣ пріѣзду его изъ того Братскаго монастыря указной годъ. А въ Никольской пустынный монастырь ихъ великихъ государей жалованья на милостыню нынѣ не посылать, для того что пріѣзду изъ того монастыря указной годъ будетъ въ пришломъ въ 206 году».

На оборотѣ: «Великіе государи жалованіа въ Братской монастырь на милостиню три пари соболей по десѧти рублѧ пара того монастыра Парѳеній намѣстникъ взіалъ и расписалсѧ».

II. 202 г. генваря въ 3 д. По указу великихъ государей... дати золотаго дѣла мастеру, иноземцу Якову Буду, за три золотыхъ червонныхъ, что онъ золотилъ ковчегъ серебряной на государственную большую печать къ ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, которую велѣно дать кіевскаго Братскаго монастыря игумену и ректору Іоасафу Краковскому съ братіею на школы, по рублю, по четыре алтына, по двѣ деньги за золотой; да къ тому жъ ковчегу ему жъ, Якову, за прибавочное серебро, за пятнадцать золотниковъ, рубль, пять алтынъ, изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу изъ обмѣнныхъ денегъ на чехи, записавъ въ росходъ, дать деньги съ роспискою.

III. 202 г. генваря въ 8 д. По указу великихъ государей... дати государственнаго посольскаго приказа золотописцу Матвѣю Андрееву за золото, которымъ онъ писалъ на *порıаминномъ* листу застовицу и фигуры на жалованную ихъ великихъ государей грамоту, которую дать велѣно кіевскаго Братскаго монастыря игумену Іоасафу Краковскому съ братіею на школы, три рубля изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу. Діакъ Иванъ Волковъ.

IV. 202 г. генваря въ 19 д. По указу великихъ государей... взято въ приказъ Малыя Росіи къ ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, которую велѣно дать изъ Кіева Братскаго монастыря игумену и ректору Іоасафу Краковскому на школы, въ рядѣхъ у торговыхъ людей на крышку: таѳты струйчатой аршинъ съ четью, да на привязку къ той грамотѣ ковчега шнуру, золото съ серебромъ, пять аршинъ, да четыре варворки, да двѣ кисти, да двѣ жолонки, а по договору дать сурожскаго ряда торговому человѣку Сенькѣ Иванову за таѳту 30 алт., кружевного ряду торговому человѣку Аѳонькѣ Наумову за шнуръ по 8 алт. по 2 д. за аршинъ, за вор-

ворки и за жолонки по 10 д., за двѣ кисти 13 алт. 2 д. изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу изъ тѣхъ денегъ, которыя взяты за остаточный шелкъ сырецъ. Діакъ Иванъ Волковъ.

(Изъ документовъ московскаго архива М. Ю. Сибирскаго приказа столбъ № 6,970).

А. Востоковъ.

Одинъ изъ Мазепинцевъ.

(Прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко).

Прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко и миргородскій Апостолъ по свидѣтельству Орлика, «паче иныхъ, большое до Мазепы дерзновеніе имѣли», т. е. пользовались наибольшимъ на Мазепу вліяніемъ. Апостолъ и Горленко были сваты: старшій сынъ Горленка, Андрей, былъ женатъ на дочери будущаго гетмана. Когда Апостолъ и Горленко, измѣнивъ, пошли за Мазепою къ шведамъ, не отсталъ отъ нихъ и Андрей Горленко. Но Апостолъ скоро разсчиталъ всѣ невыгодныя послѣдствія своего единенія съ Мазепой и—вернулся къ царю. Онъ же конечно, убѣдилъ вернуться къ царю и зятя Горленка, который объ этомъ возвращеніи разсказываетъ: «Я, нижайшій, хочай въ неволѣ и по крайней нуждѣ принужденъ былъ обрѣтатись при отцѣ и матцѣ своей и свойственникахъ; однакъ устороживши измѣнника Мазепы хитрость и змѣну, оставя отца и матерь и свойственниковъ, самъ только зъ тоей непріятельской стороны, увойшолъ, еще на масляницѣ въ 1709 году. И за возвращеніемъ, когда я прибылъ къ тестю своему, полковнику миргородскому, въ м. Голтву, то онъ, тесть, заразъ меня оттоля послалъ до его императорского величества. И я... пріѣхалъ въ Воронежъ и тамъ былъ представленъ предъ лице его величества и пріятъ милостиво, безъ всякого пороку, и получилъ жалованье сто рублей. И при томъ дано мнѣ отъ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) письмо, по именному указу его имп. величества, до гетмана Скоропадскаго; а Меншиковъ написалъ послѣднему: «которыя ни есть на Украинѣ отца его Андрея и его самаго маетности, всѣ отдать ему».—Извѣстіе объ этой милости къ Андрею Горленку произвело межъ прилуцкою старшиною большое смятеніе. Новый прилуцкій полковникъ Носъ, конечно, разсчитывалъ воспользоваться частью Горленковскихъ маетностей, которыхъ въ полку было очень много; то же думала, конечно, и полковая старшина. Желая помѣшать испол-

ненію меншиковскаго распоряженія, Носъ написалъ Скоропадскому письмо, въ которомъ, не жалѣя красокъ, нарисовалъ картину—какъ Горленки нажили въ прилуцкомъ полку свои маетности.—Письмо это представляетъ одно изъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ о Мазепиномъ управленіи Малороссіей и о томъ произволѣ, который царилъ вообще въ администраціи гетманской Малороссіи. Приводимъ это письмо здѣсь полностью [1]).

Ясневелможній мосцѣ пане гетмане, мой велце милостивый пане и особливый добродѣю. Листъ поважній велможности вашой, пана моего милостиваго, рукъ моихъ дойшолъ, въ которомъ виражаетъ велможность ваша, премилостивый мой добродѣй, о прибыттѣ сина бывшого полковника нашего прилуцкаго Горленка и о полученіи причинного листа отъ свѣтлѣйшого князя Александра Даниловича Меншикова, до велможности вашой данимъ, интерцедуючого сторони привернення добръ, такъ его власнихъ наданихъ, яко и отецкихъ таковыхъ же. Прето я на поважній листъ вашъ реиментарскій, пана судью моего и пана асаула полкового посилаю, которіе велможности вашой о всѣхъ кгрунтахъ и маетностяхъ, якимъ способомъ понажилъ на полковництстви своемъ отецъ пана Андрѣевъ, роскажутъ доскonале, а до того и реестръ о томъ споряженній, совершенно посилаючійся до рукъ велможности вашой черезъ оныхъ окажетъ. Прошу теды въ томъ велможности вашой, пана моего, не себе таковой ласки: ежели панъ Андрѣй, сынъ бывшого полковника нашего прилуцкаго, зъ прошлою властию своею до своего на первобытіе повернется дому, то не толко я зъ полковничого уряду, але и всѣ мещане наши, значніе и найподлѣйшіе люде, зъ жилищъ своихъ уступится мусятъ. Доситъ того, же его отецъ здобячи свои доми и распространяючися оними, гдѣ было якое згодное ку пожитку людскому въ полку нашемъ мѣстце, все онъ своими поодннмалъ хуторами, подъ такою кондиціею: будто едному заплатитъ, а сотце и другое людей муситъ и отъ своихъ добръ уступати; настроилъ хуторовъ на волнихъ здавна степахъ, нетолко себѣ, але и своимъ дѣтямъ, на которихъ бѣдніе люде многіе въ заживаню поль, въ кошеню сѣновъ, для отбуваня тяжкихъ своихъ повинностей, чинили пожитки, а онъ все тое поотездилъ на себе и на свои дѣти: сѣна по килкодесять скирдъ кошовалися здавне на особливыхъ въ степу сѣножатехъ за бывшихъ антецессоровъ пановъ пол-

---

[1]) Отрывки изъ него были приведены въ Русск. Арх. 1875 г., кн. II, въ статьѣ о Горленкахъ.

ковниковъ прилуцкихъ, на полковничую потребу; а отецъ его, когда сталъ полковникомъ прилуцкимъ, то не толко тіе особливіе сѣножати, якіе на бывшихъ пановъ полковниковъ прилуцкихъ кошовалися, плугами поизоровалъ и пообкоповалъ скопцами, себѣ и дѣтямъ своимъ на потомніе часи, лечъ и мѣзернихъ людей власніе сѣножати и поля пахатніе, нивы и облоги, все загонами своими поодннмалъ и до хуторовъ своихъ поприворочовалъ, же до сего часу безъ наймання трави въ старостовъ его, трудно было бѣдному человѣкови и на возъ сѣна вкосити. И такое щуплому полку моему хуторами своими и дѣтей своихъ учинилъ стѣснене, же где осмотрѣти, то все (хоть здавна належало на бывшихъ полковниковъ антецессоровъ моихъ) теперь его власное—будто купилъ; и купчіе отбираетъ, хотя хто и не радъ продавати, а онъ яко многомощній будучи властелинъ, все, що хотѣлъ тое и привлащавалъ, мѣючи своего протектора и отца бывшого гетмана Мазепу, которій не толко въ томъ, въ чомъ просилъ, чи слушне, чи не слушне проситъ, не видя обѣди людской, видавалъ на кгрунта и маетности его свои унѣверсали), *лечъ и на цѣлий полкъ, на всѣхъ людей посполитихъ и козаковъ, если бы просилъ его такого унѣверсалу же бы непремѣнно всѣ были ему отдани въ подданство на вѣчность*, *то бы и на тое такъ подуфалому своему синовѣ*, не моглъ бы одмовити. А и такъ онъ любо не мѣлъ таковаго данного отъ Мазепи на цѣлий полкъ унѣверсалу, жебы панщиною людми зо всего полку зжинати збоже и сѣно косити, еднакъ подданимъ своимъ чинячи фолкгу, якихъ мѣлъ болшъ тисячи, все збоже по хуторахъ насѣяное по достатку, бѣдныхъ людей зъ усего полку згоняти—зжинати и спрятовати, онимъ росказовалъ, за которою то его работизною не еденъ бѣдній человѣкъ своего не моглъ спрятати збожя, и такъ роблячи на его все лѣто, мусѣлъ себѣ въ людей зимою заробляти хлѣба. Що всякъ зъ насъ признати муситъ, хто тилко лядзскихъ пановъ памятаетъ, же далеко барзѣй горшая мука въ работизнѣ была одъ полковника бывшого всему нашему полку, нежели за пановъ лядзскихъ: и такъ немордовали пани лядскіе своихъ подданихъ и не забивали до смерти кіями, якъ отецъ его мужиковъ и козаковъ; а не толко отецъ его, лечъ и онъ самъ, панъ Андрѣй—не едныхъ людей боемъ своимъ припроводилъ до калѣцства и смерти, въ чомъ любо не спецѣфѣкую въ листѣ моемъ, еднакъ посланніи мои, если того потреба вказовати будетъ, достовѣрне предъ велможностю вашею неустыдятся его таковаго забойства на очне исказати—кого забывъ и на якомъ мѣсцу. Якой же будемъ мы себѣ сподѣватися на-

дѣи зъ таковаго намъ сожителя, которій подуфалъ енерала Крейца, жебы людей всѣхъ въ мѣстѣ (Прилукѣ) вирубати, повѣдаючи ему, же кромѣ ихъ дому, не машъ въ мѣстѣ (городѣ) шведамъ пріятеля, въ чомъ самую признавалъ истинну. Лѣсы, которіе по панахъ лядскихъ позоставалися и належали бывшимъ паномъ полковникомъ, еднимъ по другихъ, и тое онъ едно полѣтичною штукою, другое властію, давши що колвекъ грошей на церковъ, албо на громаду, хотяй стократъ болшей стояли того, тие кгрунта и на потомніе часи себѣ и дѣтямъ своимъ позаписовалъ, млыни где зналъ пожитечніе, то также себѣ розмайтими понабывалъ способами: подъ мѣстомъ—одвохъ колахъ млынъ, якій зъ ласки велможности вашой, на мою полковничую идетъ особу, таковимъ ему достался способомъ: не велѣлъ потоль греблѣ гатити, поколь ему мелники едного кола не подаровали, а другое будто купилъ за гроши; на Степуриной греблѣ новой, переволочанской млынъ въ двохъ колахъ, якимъ завѣдуетъ до ласки велможности вашой, писаръ мой на сейчасъ полковий, и той таковимъ досталъ себѣ способомъ: потоль не велѣлъ греблѣ той подимати и гатити, повѣдаючи, же лѣси попудтоплювали людскіе, поколь такъ же не учинили мелники тоей Степуринской греблѣ, якъ и прилуцкіе, бо могущему хотя бы и слушне хто чого боронилъ, возбранити неможно. А о инших млинахъ, кгрунтахъ и маетностяхъ, до которыхъ чинитъ интересъ синъ бывшого полковника прилуцкого, особливий реестръ якъ вижей спецѣфѣковалося, покажетъ. Интересъ чинитъ панъ Андрей, синъ бывшого полковника прилуцкого, до маетностей и кгрунтовъ, а того не вѣдаетъ, что отецъ его взялъ войсковихъ грошей зъ мѣста нашего Прилуки, зъ арендъ, черезъ пятнадцятъ лѣтъ, на потребы нуждніе войсковіе припадаючихъ, тридцятъ тисячей и три тисячи, двѣстѣ и пятьдесятъ золотихъ доброй монети, о чомъ уже и подавали велможности вашой полчане мои суплѣку и о тое всѣ плачливе просятъ, ищучи милосердія вашего рейментарского и впредъ если Богъ пошлетъ тихомирній часъ, васъ просити будутъ велможности вашой, въ такихъ скорбнихъ часехъ неменшую въ добрахъ своихъ руину понесши, не отъ кого иншого толко болшей отъ своего бывшого властелина, его родича, жебы не толко его родича села самимъ имъ завладѣніе, але и иншихъ особъ зъ полковъ чужихъ черезъ его жъ въ подданство наданіе, по прежнему для улження и помочи зубожалому и зруйнованому полку моему, до своихъ сотенъ, особливою вашею панскою милостію были попривертаны, а до того и мнѣ сего неспокойного времямешкаючи вотще на полковничомъ урадѣ и подручнимъ моимъ, но-

вопоставленим безъ якой колвекъ нагороды не будетъ охота до услугъ и працъ войсковыхъ ложеня, ежели панъ Андрѣй всѣ свои и отцевскіе посядетъ маетности, бо новимъ моимъ подручнимъ, новіе надаючи маетности не будетъ кому и належитихъ до мѣстечокъ полку моего отдавати повинностей. О томъ всемъ велможности вашой, пану моему ознаймивши, егожъ непремѣнной отческой себе навсегда полецаю ласце. Велможности вашой пана моего и особливого добродѣя во всемъ поволній и радъ служить, его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ прилуцкій Іванъ Носъ. Зъ Прилуки. Апрѣля 11 д., 1709 року.

Плачъ дворянина.

(*Сатира конца XVIII в.*).

Любезнѣйшій изъ всѣхъ губернскій предводитель,
Лѣсовъ, земель, левадъ нелестный былъ любитель.
Недаромъ это все отъ насъ онъ принималъ;
Зато во благородство насъ безспорно постригалъ,
Благоразумно намъ совѣтовалъ всегда,
Какъ въ дозательствахъ писать все безъ стыда:
Иному говорилъ: скажи, что дѣдъ полковникъ;
Другому, что отецъ изъ Польши твой покойникъ;
А благородные двенадцать человѣтъ
Подпишутъ, что было прежде ихъ хоть завѣкъ!
Одни за интересъ, другіе съ простоты...
Что нужды дотого—лишь дворяниномъ ты.
Мы слушая сево разумного совѣта,
Всѣ кланялись ему безъ всякаго отвѣта;
Давали все ему что̀ было у кого,
Понеже вольность намъ дороже отъ всего!
Котору получа, быть чаяли въ блаженствѣ,
И ползуяся всѣмъ считатся въ равенствѣ;
Въ солдаты чтобъ нейтить и не платить оклады,
Избѣгнуть тягости и вырватся какъ съ ада!
Въ чемъ всѣхъ насъ ободрялъ роменскій нашъ меценъ,
Что нынѣ ужъ и самъ посля главы, ничемъ.
Послѣ сего насталъ изъ Веприна начальникъ,
Который также былъ для насъ всегда наставникъ.

Сему хотя были изъ сената повелѣнья,
Чтобъ перебрать дѣла и съ ними всѣ сплетенья...
Но милостивый сей и щедрый нашъ отецъ
Въ дворянствѣ утвердилъ всѣхъ насъ, его овецъ,
Что не жалѣли шерсть и кожу подарить,
Лишь бы попрежнему въ козачествѣ небыть!
Но все пропало то безвратно:
Намъ видно не вкушать что̀ въ свѣтѣ есть пріятно!
Въ четвертомъ поприщѣ иной сталъ предводитель,
Что лжѣ великой врагъ, а истины хранитель.
Извѣстнымъ онъ путемъ старался уничтожить
То зло, которое всѣ тщалися умножить.
Онъ сходной получа указъ съ его желаньемъ,
Всемѣрно поспѣшалъ своимъ благимъ стараньемъ
Очистить плевелы отъ чистыя пшеницы:
Писать во благородство лишь кто былъ слуга царицы.
Онъ разсмотрѣвъ дѣла, со тщаніемъ, безпристрастно,
Нашолъ, что ложно есть—многимъ отдалъ обратно,
Велѣлъ поправится и лучше доказать,
Или какимъ кто былъ, тѣмъ вѣчно пребывать!
Но сколько нижелалъ онъ правду наблюдать,
Принужденъ иногда лукавству уступать:
Въ дворяне приняты два рода изъ крестянъ,
Что ходатаемъ былъ за нихъ великій панъ!
Въ чемъ хоть и погрѣшилъ безъ умысла неложно,
Многимъ одно подвестъ—всегда возможно.
Что дѣлъ всѣхъ онъ немогъ окончить безъ остатка,
Тому причиною блюстители порядка,
Которые ему старалися мѣшать.
Усердіе свое казнѣ чтобъ показать,
При всемъ томъ окончивъ служеніе похвально,
Хоть за поступками смотрѣли и пристально,
Во внутренны дѣла дворянскіе вступилъ,
Для общей выгоды хорошій домъ купилъ,
Денежную казну завелъ изъ складокъ,
И основалъ всему надлежащій порядокъ.
О займахъ правила той суммы положилъ,
И вскорѣ тотъ заемъ дѣйствительно открылъ;
Однакоже не могъ всей угодить громадѣ!

Да гдѣ жъ тотъ человѣкъ, въ раѣ нѣтъ, ни во адѣ,
Чтобъ обществу могъ угодить всему,
Когда упреки есть и Богу самому.
Но что намъ до того, скажу я про себя;
Чрезъ милость Шемета помѣстили меня
Въ число тѣхъ, что въ казну не платятъ ничего;
Зато я не жалѣлъ рублей ста для него.
Но нынѣ ужъ для насъ настало злое время,
Что члены на себя взяли чужое бремя,
И секретарь дѣла обязанъ лишь представить,
А предводитель самъ въ чемъ надобно поправить.
Иваномъ ужъ Петра неможно написать.
А крѣпостей чужихъ не думай представлять!
О всемъ справляются и все трактуютъ дѣло
Ложь найдутъ иль обманъ, какъ ни наступай смѣло...
Чего же какъ и я представилъ вить немало—
Крѣпость, свидѣтельство и чтожъ тутъ недостало...
Изъ первой явственно, что былъ дѣдъ старшина,
Въ котораго была вельможная жена;
Съ второй, что отецъ межъ шляхтъ служилъ,
Подвойнаго себѣ чинъ въ войскѣ получилъ,
Но все не теперь мнѣ отдавать обратно
А что я потерялъ, пропало невозвратно...
Надѣюсь на творца! сей станетъ за меня!
Пусть будетъ тѣмъ и симъ! онъ—праведный судья!

Примѣчаніе. Приведенный здѣсь «плачъ дворянина» писанъ на листѣ сѣрой бумаги, почеркомъ вѣроятно конца XVIII в., такъ какъ передъ заголовкомъ имѣется помѣта: «іюня 3, 1799». Стихотвореніе это вызвано поголовнымъ стремленіемъ въ концѣ XVIII в., малороссійской старшины, отъ полковника до markedвознаго,—попасть въ дворянство, «въ солдаты чтобъ не итти и не платить оклады». Литература этого рода была довольно распространена въ Малороссіи [1]). «Плачъ дворянина» написанъ повидимому въ полтавской губерніи и быть можетъ въ роменскомъ уѣздѣ... Желательно получить поясненія къ сему стихотворенію. *Ред.*

---

[1]) См. „Родословную Данилея Куксы“ въ Кіевск. Стар. 1882 г., т. I, стр. 223.

Для справокъ.

— **По поводу слова „перемотъ"**. Живя лѣтомъ на Короповомъ хуторѣ, который стоитъ у самаго берега р. Донца, мнѣ пришлось нѣсколько разъ слышать слово „перемотъ" въ смыслѣ техническаго термина, именно этимъ словомъ крестьяне называютъ рыболовный снарядъ слѣдующаго рода: длинная, въ нѣсколько саженей, бичевка съ нѣсколькими перпендикулярными къ ней, аршина въ $1^1/_2$—2, веревочками, ан концѣ которыхъ привязаны стальные крючья. Перемотъ ставятъ при входѣ въ заливъ или поперегъ Донца, гдѣ онъ узокъ, послѣднее, впрочемъ, рѣдко; концы бичевки привязываютъ къ двумъ палкамъ (по одному къ каждой), которыя укрѣпляютъ на твердой почвѣ или же въ водѣ, если у береговъ не глубоко; на крючья, находящіеся въ водѣ, насаживаютъ небольшихъ рыбокъ, такъ называемые „жывци" т. е. живыя, которыя и служатъ приманкою главнымъ образомъ для сомовъ, въ изобиліи водящихся въ р. Донцѣ.

И. З.

— **Письмо въ редакцію.**

М. Г. Г-нъ Редакторъ!

Прошу васъ дать мѣсто слѣдующему разъясненію на страницахъ „Кіевськой Старины". Въ августовской книжкѣ вашего почтеннаго журнала я прочелъ краткую замѣтку обо мнѣ г. Ив. Новицкаго (стр. 572). Не стану касаться неточности сообщенныхъ имъ біографическихъ свѣдѣній, хотя въ Кіевѣ ихъ нетрудно было получить. Я считаю нужнымъ лишь заявить, чтобы не вводить въ заблужденіе библіографовъ, что сообщеніе, будто я писалъ также по польски, совершенно невѣрно: *никогда* мною не было написано *ни одной строчки* на этомъ языкѣ. Такимъ образомъ, совершенно просто объясняется то обстоятельство, что „Ruch" не упомянулъ обо мнѣ: въ его программу не входило помѣщать біографіи русскихъ, писавшихъ по исторіи Польши.

Примите и проч.

Николай Любовичъ.

4 сент. 1889 года.

Варшава.

Библіографія.

Этнографическое Обозрѣніе. Періодическое изданіе этногр. отдѣла импер. общ. любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн. I. подъ редакціей Н. Я. Янчука. Москва 1889 г. in 8 182 стр.

Передъ нами первая книжка новаго и единственнаго у насъ періодическаго изданія, посвященнаго исключительно этнографіи. Редакція намѣрена выпускать въ годъ только 4 такихъ книжки въ объемѣ около 10 печатныхъ листовъ цѣною по 1 р. 50 к. за книжку. Посвящая изданіе изученію всѣхъ народностей Россіи, «не устраняя ни одной живущей или жившей въ ней народности», редакція ставитъ своей главной задачей «популяризацію научныхъ выводовъ и разработку вопросовъ мало изслѣдованныхъ или вовсе не затронутыхъ наукою», при чемъ будетъ обращать особое вниманіе на библіографическій отдѣлъ. Въ краткомъ предисловіи редакція оговаривается впрочемъ, что она «не даетъ заранѣе подробной программы изданія». Осторожность эта, полагаю, выйдетъ очень кстати, такъ какъ редакціи придется въ весьма скоромъ будущемъ, забывъ всякую широкую программу, сильно съузить намѣченную выше задачу. Сорокъ печатныхъ листовъ въ теченіе цѣлаго года, посвященныхъ изученію всѣхъ живущихъ и жившихъ въ великой россійской державѣ племенъ и народовъ, да кромѣ того популяризаціи научныхъ выводовъ и разработкѣ новыхъ вопросовъ,—это просто «покушеніе съ негодными средствами». Эта первая напр. книжка, кромѣ библіографіи и замѣтокъ чисто справочныхъ, вмѣщаетъ всего семь статеекъ на 136 стр. по частнымъ вопросамъ этнографіи различныхъ племенъ и даже по этнологіи. Неужели при такихъ средствахъ можно задаваться цѣлью изученія сотенъ племенныхъ разновидностей? Въ силу самой необхо-

димости такое изданіе на дѣлѣ будетъ сборникомъ случайныхъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ читателю со временемъ и разобраться не будетъ возможности. Можетъ ли редакція поручиться, что хотя половина подписчиковъ найдетъ въ этихъ 28 статьяхъ въ теченіе года хотя одну статью по занимающему ихъ вопросу или племени? Я не говорю и не осмѣливаюсь предрѣшать еще другаго вопроса: сможетъ ли редакція устоять на высотѣ своего призванія при такой обширной и разносторонней задачѣ? Вотъ почему я убѣжденъ, что редакціи придется въ весьма скоромъ времени значительно съузить изучаемый раіонъ, если она не пожелаетъ погубить своего изданія въ морѣ хаоса, какой нынѣ представляютъ разрозненные матеріалы русской этнографіи. Но обратимся къ содержанію книжки.

Въ качествѣ предисловія къ изданію помѣщенъ докладъ вице-президента общества любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, профессора Д. Н. Анучина подъ заглавіемъ «О задачахъ русской этнографіи», читанный въ одномъ изъ засѣданій общества. Авторъ въ началѣ дѣлаетъ очень бѣглый обзоръ попытокъ въ области этнографіи Россіи въ XVIII и въ началѣ XIX ст. Онъ совершенно правильно признаетъ великую заслугу постановки этнографіи на научную почву за академикомъ К. Э. фонъ-Беромъ, первымъ предсѣдателемъ отдѣленія этнографіи Россіи русс. геогр. общества. Г. Анучинъ приводитъ обширныя цитаты изъ статей фонъ-Бера, излагая его мнѣнія о задачахъ русской этнографіи, при чемъ отмѣчаетъ, что Беръ, какъ натуралистъ, интересовался всѣми племенами и народностями Россіи одинаково, что не будучи русскимъ, онъ не могъ сознавать важности изученія кореннаго русскаго племени. Пробѣлъ этотъ восполненъ былъ славистомъ-историкомъ Н. И. Надеждинымъ въ 1846 г. въ сообщеніи «Объ этнографическомъ изученіи народности русской». Оба они намѣтили географическому обществу задачи, направленія и даже методы, коими оно должно было пользоваться въ предстоящей дѣятельности собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Указывалось при томъ, что работы должны быть предприняты немедленно со всей энергіей, такъ какъ съ развитіемъ цивилизаціи племенныя особенности исчезаютъ. Вслѣдъ за этимъ начались работы этнографическихъ экспедицій, возбужденъ былъ всеобщій интересъ къ этнографіи и появилась масса частныхъ работъ и изданій. До нашихъ дней накопились груды сырого матеріала со всѣхъ концовъ Россіи, разсыпанныя по всевозможнымъ спеціальнымъ и общимъ изданіямъ и въ рукописяхъ. «Разростаніе литературы, однако, еще не гарантируетъ ея

научности и полноты, и въ этомъ отношеніи остается еще многаго желать». Такого мнѣнія былъ и А. Н. Пыпинъ, выступивъ въ 1885 г. со статьей «О задачахъ русской этнографіи». Въ этой статьѣ замѣчательный знатокъ современной литературы, указавъ на неполноту собраннаго матеріала, поставилъ рядъ дезидератовъ. Онъ повторялъ мнѣніе Бера, что матеріалъ быстро гибнетъ и требуетъ немедленнаго и усиленнаго собиранія, указалъ на необходимость организовать этнографическое дѣло на широкихъ основаніяхъ, учредить этнографическія станціи, издать осмысленную руководящую программу, свести добытый матеріалъ, хотя бы путемъ подробнаго библіографическаго описанія, учредить, наконецъ, періодическое изданіе и привлечь больше рабочихъ рукъ. Статья эта не удовлетворила г. Анучина. «Задачи этнографіи, говоритъ онъ, въ ней очерчены недостаточно ясно и авторъ распространяется почти исключительно о собираніи этнографическаго матеріала. Между тѣмъ, говорить все только о собираніи и собираніи, жаловаться на недостаточность матеріала и требовать для пополненія его цѣлаго ряда предпріятій и значительныхъ средствъ, по нашему мнѣнію, еще не можетъ помочь дѣлу. Нужно дѣйствовать скорѣе примѣромъ, доказать, что съ малыми средствами можетъ быть *кое что* сдѣлано». Вмѣсто намѣченныхъ г. Пыпинымъ desiderat'овъ, почему то найденныхъ неясными, авторъ находитъ, что «одною изъ ближайшихъ нуждъ этнографіи Россіи должно считаться сведеніе во едино разбросанныхъ свѣдѣній о различныхъ инородцахъ и частяхъ русскаго населенія». Онъ предлагаетъ заняться составленіемъ монографическихъ описаній отдѣльныхъ племенъ и этнографическихъ областей (?). Берущійся за такую работу, долженъ собрать во едино весь добытый уже матеріалъ, отправиться въ изучаемую мѣстность на нѣсколько мѣсяцевъ, собрать весь недостающій матеріалъ и затѣмъ составить монографическое описаніе. Указавъ вкратцѣ содержаніе такихъ монографій и способъ ихъ составленія, г. Анучинъ ставитъ на видъ вторую задачу русской этнографіи. «Этнографія не можетъ быть наукой чисто описательной и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ». Вслѣдствіе этого авторъ рекомендуетъ предпринять рядъ аналитическихъ работъ надъ отдѣльными сторонами народнаго быта, матеріальнаго или духовнаго. «Даже извѣстная категорія повѣрій, извѣстный родъ издѣлій, какой нибудь обрядъ, сказка, предразсудокъ и т. п.» могутъ быть предметомъ изслѣдованій, въ которыхъ долженъ

быть примѣненъ главнымъ образомъ сравнительный методъ. «Аналитическія работы въ области этнографіи должны составлять свой отдѣльный циклъ и преслѣдовать свои особенныя цѣли». «Онѣ имѣютъ въ этнографіи подобное же значеніе, какъ работы сравнительно анатомическія, эмбріологическія и, пожалуй, біолого-географическія въ зоологіи». На этомъ собственно и кончаются дезидераты автора, поставленные русской этнографіи. Статья оканчивается нѣсколькими указаніями на пользу, какую можетъ принесть этнографія для исторіи, «исторіи культуры, *этнологіи или исторіи первобытной культуры въ особенности»* и внутренней политики.

Высказанныя авторомъ положенія заставляютъ меня сдѣлать по поводу ихъ нѣсколько замѣчаній. Въ этихъ положеніяхъ много весьма цѣннаго и вѣрнаго, но есть не менѣе серьезныя недоразумѣнія. Прежде всего, не знаю, много ли авторъ найдетъ въ Россіи этнографовъ и этнологовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ признаютъ, что наша этнографія сдѣлала столько, что нѣтъ нужды заниматься болѣе однимъ собираніемъ матеріала. Нѣтъ сомнѣнія, что до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано только начало. Даже и въ тѣхъ счастливыхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе приложено усердія, ознакомленный съ дѣломъ этнографъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ пробѣлы и углы непочатые. А сколько есть мѣстностей, совсѣмъ доселѣ неизслѣдованыхъ! Это знаетъ каждый практическій этнографъ. Не правъ, слѣдовательно, авторъ, упрекая Пыпина въ его скромномъ требованіи во что бы то ни стало собрать скорѣе исчезающіе съ каждымъ днемъ и часомъ этнологическія особенности народонаселенія Россіи. Задача каждой этнографіи, начальная и конечная цѣль ея, описать точно, ясно и *полно* всѣ этническія особенности данной группы. Другое дѣло, какъ это сдѣлать. Прежде, когда этнографія была диллетантствомъ, всѣ работы производились безъ всякаго метода, собирались матеріалы случайно, отрывочно. Со временемъ однако начали безпорядочное собираніе приводитъ въ системы. Одни стали собирать матеріалы на большихъ раіонахъ, относящіеся къ опредѣленнымъ вопросамъ, другіе стали всесторонне изучать цѣлое племя, не взирая на мѣстныя отличія и разновидности, третьи, наконецъ, стали изучать народъ отдѣльными этнографическими группами, созданными въ силу историческихъ и географическихъ условій. Г. Анучинъ совершенно правильно требуетъ монографическаго описанія отдѣльныхъ группъ, но онъ забываетъ, что этнографія, собственно говоря, должна была съ этого и начать. Иными словами, этнографъ долженъ избрать опре-

дѣленную полную этнографическую группу, изслѣдовать ее, собрать и изложить полно, ясно и точно всѣ ея особенности и добытые раньше другими и лично матеріалы. Это новѣйшій и весьма плодотворный этнографическій методъ. Нѣтъ сомнѣнія, что серьезный этнографъ, изучающій избранную группу, не упуститъ случая воспользоваться всѣмъ, что уже издано изъ этой мѣстности, но для него это всегда будетъ матеріалъ второй руки, случайный.

Что касается второго дезидерата г. Анучина относительно аналитической обработки добытаго матеріала, «истолкованія фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ», то признавая таковой весьма основательнымъ, такъ какъ у насъ въ этомъ отношеніи сдѣлано меньше возможнаго, приходится однако замѣтить, что онъ посланъ не по адресу. Это дѣло этнологіи, но не этнографіи. Дѣло въ томъ, что авторъ имѣетъ своеобразный взглядъ на эти термины.—Изъ одного мѣста въ его статьѣ видно, что онъ подъ этнологіей понимаетъ почему то «исторію первобытной культуры».—Объяснимся точнѣе. Значеніе обоихъ терминовъ легко опредѣляется ихъ этимологіей. Этнологія происходитъ отъ слова ἔθνος—народъ и λόγος—знаніе. Поэтому терминъ этнологія означаетъ науку о народахъ, о законахъ ихъ жизни, развитія, отношеній и т. д.—Въ содержаніе этой науки входитъ главнымъ образомъ объясненіе происхожденія и значенія тѣхъ или другихъ особенностей даннаго народа, въ зависимости отъ вліянія окружающей природы и взаимодѣйствія другихъ этническихъ группъ. Въ этомъ смыслѣ эту науку понимаютъ и западные ученые, а точные во всемъ нѣмцы весьма удачно перевели этотъ терминъ словомъ Völkerkunde (Peschel, Kirchhof). Для успѣха этнологіи необходимъ огромный запасъ всестороннихъ свѣдѣній объ изучаемыхъ народахъ, о бытѣ и проявленіяхъ его на разныхъ ступеняхъ развитія и культуры.—Потребовалась отдѣльная отрасль знанія, которая бы занялась собраніемъ и упорядоченіемъ годнаго для этнологіи матеріала, т. е. описаніемъ народовъ, ихъ жизни, быта со всѣми его особенными проявленіями. Latham назвалъ ее descriptive ethnology, т. е. описательная этнологія, но за ней удержался прежній греческій терминъ «этнографія» (γράφειν=описать). означающій собственно описаніе народовъ. При такомъ пониманіи этихъ терминовъ, признанномъ не отнынѣ, ясна до очевидности граница между этнографіей и этнологіей. Первая наука строго описательная, точная, какъ анатомія, собираетъ свѣдѣнія, описываетъ народы, не вдаваясь въ разъясненіе причинности и значенія добытаго матеріала.

Вторая чисто аналитическая, разрабатываетъ добытый первою матеріалъ, оцѣниваетъ, сравниваетъ, объясняетъ и затѣмъ даетъ свои выводы. Исходя изъ этихъ теоретическихъ положеній, все таки надо признать, что г. Пыпинъ былъ правъ, требуя отъ русской этнографіи только собиранія матеріала. Это, повторяю, начальная и конечная цѣль этнографіи. Но онъ требовалъ при этомъ собиранія научнаго, осмысленнаго и освѣщеннаго этнологіей, для которой собственно матеріалъ этотъ и нуженъ. А какъ собрать и изложить матеріалъ, чтобы онъ былъ вполнѣ пригоднымъ, готовымъ—это дѣло метода изслѣдованія.

Несмотря на это, хотя и крупное недоразумѣніе, статья г. Анучина представляетъ несомнѣнный научный интересъ. Самымъ цѣннымъ въ ней является ясная постановка вопроса о монографическомъ методѣ этнографическихъ изслѣдованій.

За этой статьей общаго характера идутъ этнографическія работы. Самая обстоятельная—это статья Н. Н. Харузина «О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей», посвященная вопросу о шаманахъ и колдунахъ.—Затѣмъ идутъ «Свадебныя обычаи ахалцыхскихъ армянъ» В. Н. Акимова, «О черничкахъ» г-жи В. Н. Свѣтъ, «Замѣтка о народной медицинѣ» П. М. Богаевскаго, составленная по разсказамъ знахарки; «Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья» Г. И. Куликовскаго и наконецъ первая глава статьи В. В. Калаша изъ области общей этнологіи «Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ».—За исключеніемъ этой послѣдней статьи, имѣющей болѣе общій интересъ, остальныя четыре составляютъ коротенькія замѣтки по отдѣльнымъ вопросамъ, и не могутъ даже претендовать на полноту.—Очень симпатично сообщеніе г. Куликовскаго о бесѣдахъ на Обонежьи. Эти сѣверныя бесѣды съ складчинами и ссыпчинами живо напоминаютъ малорусскія вечерницы и досвитки.—Можно провести довольно полную аналогію между ними, до того характеръ общенія молодежи и тамъ, и здѣсь одинъ и тотъ же. Весьма жаль, что авторъ привелъ всего одну только пѣсню (виноградіе) изъ цикла, не относящагося впрочемъ къ бесѣдамъ; она поется на Рождество и принадлежитъ къ колядамъ величальнымъ. Интересно бы было познакомиться ближе и подробнѣе съ жизнью этой молодежи, ихъ отношеніями между собою и къ обществу деревни, наконецъ, съ репертуаромъ пѣсеннымъ на бесѣдахъ.—Болѣе прямое отношеніе къ южнорусской этнографіи имѣетъ замѣтка г-жи В. Н. Свѣтъ «О черничкахъ» въ слоб. Тарасовкѣ харьковской губ. купян-

скаго уѣз. Слобода Тарасовка село недавнее,—это бывшее военное поселеніе изъ «малороссіянъ - черкасовъ». Мѣстная учительница г. Свѣтъ обратила вниманіе на совершенно оригинальное явленіе въ жизни этого села. Молодыя дѣвушки, обреченныя на безбрачіе въ силу болѣзненнаго состоянія, обѣта родителей или собственнаго призванія, поступаютъ въ черничкп-монашки. Болѣе состоятельныя семейства строятъ черничкѣ келью въ своей усадьбѣ; чернички же бѣдныя поступаютъ въ общины. Всѣ онѣ считаются божьими, пользуются уваженіемъ и полной самостоятельностью. Общинъ въ Тарасовкѣ двѣ. Живутъ онѣ въ особыхъ собственныхъ домикахъ, занимаются хозяйскими работами, вышиваніемъ и церковнымъ пѣніемъ.—Между ними въ общинѣ есть одна старшая, управляющая общими дѣлами.—Случаи выхода замужъ такой чернички бываютъ очень рѣдки, такъ какъ это считается позорнымъ какъ для нея, такъ и для родныхъ жениха и невѣсты.—Въ селѣ чернички пользуются уваженіемъ и во всѣхъ своихъ нуждахъ находятъ поддержку и помощь.—Изъ нихъ священникъ составилъ прелестный церковный хоръ, нѣкоторыя выучились играть на скрипкѣ и сдѣлались регентами въ сосѣднихъ приходахъ. Живутъ онѣ въ довольствѣ, лучше одѣваются, чѣмъ крестьянки, не стѣсняютъ себя постомъ, имѣютъ бодрый и веселый видъ.—Явленіе это въ современной деревнѣ, насколько мнѣ извѣстно, исключительно и довольно своеобразно. Интересна бы была исторія возникновенія его и вліянія на сосѣднія села.

Въ концѣ книги 46 стр. убористой печати посвящено двумъ справочнымъ отдѣламъ: библіографія и извѣстія и замѣтки. Оба они, особенно библіографія, составлена весьма полно и удобно и принесутъ несомнѣнную пользу всѣмъ, интересующимся этнографіей Россіи.

Вотъ и все, что я нашелъ необходимымъ сообщить читателямъ «Кіевской Старины» о первой книгѣ Этнографическаго Обозрѣнія.—Привѣтствуя это доброе начинаніе искреннимъ пожеланіемъ успѣха, ограничимся замѣчаніемъ, что каждый успѣхъ зависитъ отъ направленія дѣла, а это послѣднее должно не упускать изъ виду старую максиму: non multum, sed multa.

Ц. Г. Нейманъ.

Николай Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ. 1889 года.

Г. Бѣляшевскій долженъ былъ употребить очень много весьма кропотливаго труда для собиранія нумизматическихъ данныхъ, разсыпанныхъ въ изданіяхъ нашихъ археологическихъ и историческихъ обществъ, въ ученыхъ и не ученыхъ журналахъ и даже газетахъ. Кромѣ того составитель книжки, заглавіе которой нами выставлено, пользовался еще указаніями отдѣльныхъ лицъ, какъ напр. В. Б. Антоновича. Если бы и могло у читателя возбудиться какое нибудь сомнѣніе въ достовѣрности показаній трехъ другихъ лицъ, то оно уничтожается постановкой ихъ рядомъ съ именемъ, нами указаннымъ. Затѣмъ г. Бѣляшевскій черпалъ данныя и изъ своего нумизматическаго собранія. Весь собранный матеріалъ распредѣленъ по уѣздамъ, при чемъ городъ Кіевъ выдѣленъ, и всѣ нумизматическія находки, сдѣланныя въ его районѣ, сгруппированы въ отдѣльную главу. Въ каждой изъ такихъ главъ указаны нумизматическіе клады въ хронологическомъ порядкѣ ихъ открытія, а въ скобкахъ внизу сообщенія указанъ каждый разъ источникъ, откуда почерпнуто свѣдѣніе о кладѣ. При монетахъ сдѣлано ихъ описаніе. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель мѣстностей, гдѣ сдѣланы были нумизматическія находки. Такимъ образомъ, трудъ г. Бѣляшевскаго весьма удобенъ для пользованія имъ при научныхъ работахъ. Но при томъ общемъ интересѣ, который въ настоящее время все болѣе и болѣе охватываетъ русское интеллигентное общество къ археологіи, «Монетные клады кіевской губерніи» попадутъ въ руки и неспеціалиста, не обладающаго обширными свѣдѣніями въ области археолого-нумизматическихъ открытій, и въ такомъ случаѣ работа г. Бѣляшевскаго можетъ ввести въ нѣкоторое заблужденіе. Дѣло въ томъ, что составитель не совсѣмъ выдержалъ поставленную себѣ программу—дать указатель монетныхъ кладовъ,—а выходитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ рамокъ и приводитъ данныя о находкахъ вещевыхъ. Указывая монетные клады, г. Бѣляшевскій иногда перечисляетъ и найденныя съ ними древнія вещи. Но количество археологическихъ вещевыхъ находокъ въ районѣ кіевской губерніи было сдѣлано гораздо большее, чѣмъ приводитъ ихъ составитель. Между тѣмъ эти указанія могутъ быть приняты инымъ читателемъ за полныя и повести его къ невѣрнымъ заключеніямъ. Мы думаемъ, что или совсѣмъ не слѣдовало приводить этихъ свѣдѣній въ трудѣ, предназначенномъ спеціально

для монетныхъ кладовъ, или измѣнить самое заглавіе и собрать данныя о всѣхъ археологическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ данной области.

Но для этого потребовался бы двойной трудъ, который затянулъ бы, можетъ быть надолго, выходъ въ свѣтъ книги г. Бѣляшевскаго, весьма полезной и интересной. Не можемъ не высказать еще одного сожалѣнія: по нашему мнѣнію, рядомъ съ указателемъ мѣстностей, гдѣ были сдѣланы нумизматическія находки, не безполезно было дать указатель монетъ. Если мы будемъ исходить изъ положенія, выставленнаго археологомъ оріенталистомъ Григорьевымъ, что монеты попадали въ землю въ тотъ вѣкъ, когда были вычеканены, то въ такомъ случаѣ нахожденіе монетъ одновременнаго чекана и лица въ извѣстныхъ мѣстностяхъ укажетъ намъ: 1) направленіе торговыхъ путей въ данное столѣтіе, 2) какія мѣстности въ данное столѣтіе подвергались вліянію той или иной цивилизаціи и 3) въ какомъ именно столѣтіи въ тѣ или иныя мѣстности *въ первый разъ* проникъ лучъ иноземной культуры. Если существуетъ при книгѣ алфавитный указатель монетъ, то для рѣшенія указанныхъ вопросовъ не представляется ни малѣйшаго труда. Но это маленькое, на нашъ взглядъ, упущеніе и небольшая неточность въ выполненіи программы, которую мы выше указали, нисколько не уменьшаютъ цѣнности труда г. Бѣляшевскаго. «Въ русской нумизматической литературѣ сдѣлано еще очень мало по топографической группировкѣ монетныхъ кладовъ, найденныхъ въ Россіи», говоритъ г. Бѣляшевскій въ предисловіи къ своему труду. Нельзя не сознаться, что это дѣйствительно вѣрно, а между тѣмъ никто не станетъ оспаривать всю важность подобной группировки. Существуетъ масса нумизматическихъ данныхъ, собранныхъ какъ въ изданіяхъ нашихъ археологическихъ обществъ, такъ и въ частныхъ, но всѣ эти данныя, несмотря на всю ихъ научную важность, остаются разбросанными, а вслѣдствіе этого иногда и мало доступными. Въ настоящее время, когда въ русской исторической наукѣ признана необходимой разработка областной исторіи, является вполнѣ неотложной группировка по областямъ нумизматическихъ и археологическихъ данныхъ. Если политическая жизнь русско-славянскихъ областей развивалась и шла не одинаково, то, конечно, это зависѣло въ значительной степени отъ мѣстныхъ условій. Большая или меньшая степень культурнаго развитія той или иной земли должна была оказывать значительное вліяніе и на ея историческую судьбу. О значеніи археологіи въ

рѣшеніи вопроса о большемъ или меньшемъ развитіи данной области въ культурномъ отношеніи нечего и говорить. Нумизматика въ частности даетъ ясныя указанія на культурныя вліянія, на ихъ направленіе и опредѣляетъ хронологически ихъ начало. На основаніи показаній нумизматики мы можемъ прослѣдить постепенность распространенія культурныхъ вліяній на различныя части той или иной земли. Мы видимъ, какъ постепенно цивилизація, путемъ посредственныхъ и непосредственныхъ сношеній съ культурными, иногда очень отдаленными, странами, шагъ за шагомъ прокладывала себѣ путь въ глубь земли того или иного русско-славянскаго племени, и съ глубокимъ интересомъ слѣдитъ историкъ за этимъ постепеннымъ проникновеніемъ свѣта въ глубкій сумракъ доисторической, первобытной жизни племени. Вотъ почему съ глубокимъ интересомъ и благодарностью долженъ быть встрѣченъ трудъ г. Бѣляшевскаго, дающій возможность прійти безъ значительной потери времени къ интереснымъ выводамъ о ходѣ развитія культуры въ кіевской области.

П. Голубовскій.

Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. Т. III. Повѣсти и разсказы. Харьковъ. 1889 г. Стр. 341.

У писателей, какъ и у книгъ, бываетъ своя судьба, живымъ примѣромъ чего можетъ служить Квитка. Почти невѣроятно, но фактъ на лицо: этотъ авторъ, занимающій столь видное положеніе въ литературѣ и столь популярный, только теперь, безъ малаго черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти, удостоивается полнаго изданія сочиненій. Многія книги этого плодовитаго писателя выходили нѣсколькими изданіями; въ шестидесятыхъ годахъ изданы были Кулишомъ украинскія повѣсти его и драматическія сочиненія. Но систематическаго собранія трудовъ Квитки, которое дало бы весь его писательскій образъ, не было до сихъ поръ. Предпринятое харьковскимъ земствомъ подъ редакціей профес. Потебни собраніе квитковскихъ сочиненій должно загладить этотъ грѣхъ передъ памятью почтеннаго стараго автора. Отдѣльные томы этого собранія выходятъ съ значительными промежутками времени, ни число, ни срокъ выхода послѣдующихъ выпусковъ неизвѣстны, но надо думать, что все изданіе будетъ доведено до конца.

По вышедшимъ тремъ книгамъ совершенно нельзя опредѣлить плана изданія. Первыя двѣ книги заключали украинскія повѣсти и

разсказы Квитки съ текстомъ, возстановленнымъ по авторскимъ изданіямъ. Были тамъ и двѣ новинки: повѣсть «Божьи диты», изданная по рукописи, и перепечатка «Лыстовъ до любезныхъ землякивъ». Мы ожидали возстановленія и другихъ пропусковъ Кулишовскаго изданія, но ихъ не послѣдовало. «Ганнуся» большая повѣсть, разсказъ изъ «Маяка»—(въ отдѣльной брошюркѣ «Купованный розумъ»)— опять остаются пропущенными. Какимъ образомъ ускользнули отъ вниманія издателей эти вещицы, существующія отдѣльными книгами? Третій томъ, нынѣ вышедшій, заключаетъ въ себѣ уже русскія повѣсти Квитки историко-бытоваго характера. Мы ничего не имѣемъ противъ такого, довольно удобнаго, дѣленія произведеній автора по группамъ. Въ третьемъ томѣ при каждой повѣсти отмѣчено мѣсто и время ея напечатанія, и если то же соблюдено будетъ вездѣ, то, имѣя полное собраніе, не трудно обозрѣть въ хронологическомъ порядкѣ всю писательскую дѣятельность Квитки. Но отсутствіе пропусковъ и полнота собранія настоятельно необходимы. Мы желали бы видѣть наконецъ собраннымъ вмѣстѣ все напечатанное Квиткой, отъ первыхъ фельетоновъ Ѳалалея Повинухина въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» десятыхъ годовъ, до мелкихъ замѣтокъ и статей послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Квитка былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей, но и однимъ изъ самыхъ неровныхъ. Онъ не всегда сосредоточивалъ свои образы, разбрасывалъ свои силы и, поднимаясь иногда до высшаго творчества, спускался другой разъ очень низко. Онъ писалъ легко и постоянно и на произведеніяхъ его всегда лежитъ печать той или иной степени подъема его духа. Ему ставили въ укоръ переломъ въ писательской его дѣятельности и переходъ отъ народныхъ украинскихъ сюжетовъ и народнаго языка къ новостямъ для русскихъ журналовъ во вкусѣ неприхотливаго большинства публики послѣднихъ. Не говоря о томъ, что вина писателя въ значительной степени должна пасть на родное ему общество, которое не оцѣнило его достаточно и не поддержало на настоящей дорогѣ, мы должны признать, что во многихъ позднѣйшихъ своихъ русскихъ произведеніяхъ Квитка остается совершенно тѣмъ же живымъ, трогательнымъ или добродушно шутливымъ разсказчикомъ, какимъ мы знаемъ его по украинскимъ повѣстямъ. (Такія произведенія, какъ «Маруся», удаются конечно только разъ въ жизни и среди самихъ малороссійскихъ сочиненій Квитки романъ этотъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто). Большіе романы и повѣсти послѣднихъ лѣтъ дѣйствительно свидѣтельствуютъ о пе-

чальной перемѣнѣ пріемовъ и стремленье смѣшить и угодить публикѣ доходитъ въ нихъ до гаерства. Но и въ нихъ есть части, гдѣ появляется прежній художникъ и увлекаетъ жизнью и правдивостью образовъ. Вспомнимъ описаніе пира, даваемаго полковнику въ «Панѣ Халявскомъ». Эти нѣсколько десятковъ страничекъ скрашиваютъ весь пресловутый каррикатурный романъ, давая такую правдивую и мѣткую картинку вырожденія ничтожной и эгоистической козачьей «старшины», которая стоитъ цѣлаго произведенія. Подобныя черты найдутся въ каждомъ изъ сочиненій Квитки и вотъ почему такъ желательно полное ихъ изданіе.

Историческіе наброски и очерки Квитки, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоитъ настоящій третій томъ, помимо литературной своей стороны, имѣютъ для насъ почти значеніе мемуара. Стоя на рубежѣ двухъ эпохъ—старой героической и патріархальной и послѣдующей, близкой намъ, Квитка могъ наблюдать явленія и типы старины по живымъ образцамъ и непосредственнымъ впечатлѣніямъ. Его дѣтство протекло въ средѣ, сформировавшейся въ послѣднія времена гетманщины; разрушенье Сѣчи было тогда недавнимъ событіемъ, участники и очевидцы котораго еще живы были въ значительномъ числѣ, нравы сельскаго народа хранили еще всю свою патріархальную простоту, на глазахъ его выросталъ родной Харьковъ. Между тѣмъ могущественное завоеваніе новаго времени—бытовой и реальный романъ, который сослужитъ такую службу историкамъ будущаго, изображая типичнаго, средняго человѣка, т. е. настоящаго героя исторіи, такой романъ былъ уже созданъ во время появленія Квитки на писательскомъ поприщѣ и свои впечатлѣнія и воспоминанія онъ сталъ передавать въ повѣствовательной формѣ.

Очеркъ «Головатый», которымъ открывается третья книга «Повѣстей», весь основанъ на воспоминаньяхъ дѣтства автора и семейныхъ преданіяхъ. Личность стараго запорожца, положившаго начало черноморскому войску, его похожденья въ Петербургѣ, балагурство, юморъ, пресловутая малороссійская «хитрость», которая часто бываетъ простымъ чувствомъ самосохраненія,—все это очерчено по живымъ слѣдамъ. Въ «Паннѣ Сотниковнѣ» Квитка облекъ въ лица эпизодъ изъ фамильной хроники своего рода, занимающій въ этой хроникѣ три строки: «Того жъ году тарановскаго сотника Мирона Петровича дочь Прасковья Мироновна, когда хотѣли ее кондукторы згвалтовать, сколола себя ножемъ»... Разсказывая о несчастной долѣ злополучной украинской Виргиніи, Квитка набросалъ прекрасный об-

разъ этой сотниковны, друга бѣдныхъ, чистой души, развернувшейся какъ цвѣтокъ въ старосвѣтской глуши. Къ сожалѣнью, разсказъ написанъ слишкомъ эскизно. При большемъ развитіи и болѣе внимательной обработкѣ «Панна Сотниковна» могла бы стать на ряду съ «Марусей». Теперь это не болѣе какъ граціозный силуэтъ. «Преданія о Гаркушѣ», написанныя въ драматической формѣ, воспроизводятъ эпизоды изъ похожденій знаменитаго разбойника, жившіе въ памяти народа. Вездѣ Гаркуша выступаетъ другомъ слабыхъ и угнетателемъ стяжателей и обидчиковъ и только въ одной сценѣ, устами нѣкоего мудраго юноши, авторъ читаетъ мораль Гаркушѣ, какъ врагу государственнаго порядка. Въ этихъ сценахъ Квитка вывелъ множество лицъ стариннаго общества, то болѣе очерченныхъ, то едва намѣченныхъ, съ легкостью богача, который не считаетъ своихъ запасовъ и бросаетъ золото въ свое удовольствіе. «Татарскіе набѣги» обнаруживаютъ одну изъ слабыхъ сторонъ таланта Квитки—излишнюю болтливость. Нить разсказа здѣсь иногда совершенно теряется, анекдоты нагромождены одинъ на другой. «Герой очаковскихъ временъ»—юмористическая повѣсть въ духѣ «Пана Халявскаго», неправдоподобіе разсказа и его шутовство, которыя по плечу развѣ только очень юнымъ читателямъ, лишаютъ значенія эту вещь, гдѣ встрѣчаются все таки нѣсколько чертъ настоящаго комизма.

Не можемъ не пожелать еще разъ, чтобъ все изданіе произведеній Квитки доведено было до конца. Это будетъ и лучшимъ памятникомъ писателю, и наиболѣе солиднымъ фондомъ для учрежденія школы въ Основѣ, въ пользу которой харьковское земство назначило весь чистый доходъ съ изданія.

В Г.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889. VI+90 стр. ц. 60 коп.

Хотя эта работа чисто филологическая, но, какъ мѣстное явленіе, можетъ быть отмѣчена въ библіографіи «Кіевской Старины».

Съ внѣшней стороны трудъ этотъ отличается замѣтною логическою стройностію и строгимъ порядкомъ въ изложеніи матеріала, вслѣдствіе чего объясненіе для любаго явленія языка сразу отыскивается. Книжка распадается, согласно самой сути дѣла, на 2 отдѣла: а) фонетическія особенности гласныхъ звуковъ, б) фонетическія

особенности согласныхъ звуковъ; каждый отдѣлъ въ свою очередь состоитъ изъ: а) обозрѣнія характеристическихъ особенностей малорусскихъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, б) изложенія законовъ этихъ звуковъ; эти подъ отдѣлы, конечно, также разбиты на отдѣльныя статейки. Такая простота плана книги, зависящая въ сущности отъ свойства содержанія ея, но не всегда встрѣющаяся въ книгахъ подобнаго рода, и извѣстная ясность изложенія очень облегчаетъ читателю разсмотрѣніе книги и должна быть поставлена въ заслугу составителю.

Перейдемъ теперь къ внутренней сторонѣ книги, ея содержанію. Здѣсь намъ придется въ нѣкоторыхъ случаяхъ разойтись съ авторомъ либо указать пропуски или неправильности въ объясненіяхъ; указанія эти, быть можетъ, окажутся пригодными для втораго изданія книжки, котораго она, несомнѣнно, дождется и при томъ въ скоромъ времени. Замѣчанія эти, въ общемъ, будутъ касаться частностей содержанія книги, общая же характеристика малорусскаго нарѣчія, представленная авторомъ, не вызываетъ возраженій.

На страницахъ *10* и *31*, гдѣ говорится о происхожденіи секундарнаго *і* и перечисляются звуки, изъ которыхъ получилось это звуковое новообразованіе, нигдѣ не указанъ еще одинъ звукъ, превращающійся иногда въ секундарное *і*, а именно *а*, напримѣръ: гадкій—гідкий, край—крій [1]) и др. Конечно, *і* рѣже всего получается изъ *а*, но все же объ этомъ слѣдовало упомянуть, хотя бы въ интересахъ правописанія. Относительно этого послѣдняго мы, впрочемъ, не совсѣмъ согласны съ авторомъ, дающимъ широкій просторъ фонетическому началу, хотя благоразумно не забывающему и словопроизводственнаго начала, выручающаго его во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Такъ, мы, въ интересахъ сохраненія исторической преемственности, удержанія связи съ предками и сбереженія въ словѣ его первоначальнаго происхожденія, иногда черезчуръ уже затемненнаго въ произношеніи, предпочли бы вышеупомянутое звуковое новообразованіе—секундарное *і* — обозначать правописаніемъ покойнаго Максимовича, а именно: *і*, происшедшее изъ о, изображать знакомъ: ô (стôлъ, гôнкий), происшедшее изъ е—знакомъ ê (пêч, сêм, вечêръ), изъ у—знакомъ у̑ (ду̑брова, заму̑ж), изъ а—знакомъ â (гâдкий, крâи), изъ ѣ—знакомъ

---

[1]) См. это слово хотя бы въ Максимовичевомъ переводѣ „Слова о полку Игоревѣ“ въ началѣ 2-й части: „крâй (крій) тихого Дону“.

ѣ (вѣрити, хлѣбъ). Правда, авторъ вооружается на стран. 12 противъ всякихъ надстрочныхъ знаковъ, не высказываясь однако же по чему; мы, напротивъ, полагаемъ, что эти знаки не только ничему не мѣшаютъ, но еще доставляютъ огромное удобство, въ качествѣ діакритическихъ, и на нихъ, напримѣръ, основана вся система чешской азбуки, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ удобныхъ между европейскими. Ныньче уже у многихъ народовъ (напр. поляковъ) раздаются голоса за усвоеніе чешскихъ надстрочныхъ знаковъ (поляки очень бы выиграли при этомъ: вм. *cz* они имѣли бы č, вм. szcz—šč и пр.); равно и многіе ученые (Шлейхеръ, напр.) высказались за большое удобство чешской азбуки. Если бы нашъ авторъ не боялся надстрочныхъ знаковъ, онъ, въ случаяхъ звуковаго перехода основнаго *у* въ краткое *у* (ў), конечно, предпочелъ бы изображать это послѣднее такъ, какъ его изображали гг. Куцый и Туловъ т. е. черезъ ў, а не черезъ *в* (ўжинокъ, ўже ўбивати).

На стр. 12 авторъ говоритъ, что въ великорусскомъ языкѣ всякое неударяемое *о* въ произношеніи обращается въ *а* (залатой и пр.). Здѣсь, кажется, недоразумѣніе: если имѣлся въ виду не современный русскій книжный языкъ, а живое великорусское нарѣчіе, то такое утвержденіе невѣрно, ибо акаютъ только южновеликоруссы, сѣверновеликорусское же нарѣчіе окаетъ, въ противномъ случаѣ слѣдовало употребить болѣе точное опредѣленіе, т. е. сказать: въ книжномъ русскомъ языкѣ. Это, конечно, мелочь, но мы сочли за необходимое указать и ее во избѣжаніе недоразумѣній.

Бóльшая употребительность облика: повірчувати, сравнительно съ обликомъ поверчувати (16 стр.) намъ кажется сомнительною; мы, по крайней мѣрѣ, даже не слыхали перваго, хотя со вторымъ встрѣчались. Говоря о приставкѣ звука *і* въ началѣ словъ, не отличающемся гласностью (іржа, імгла и пр. 29 стран.), можно было для сравненія, котораго составитель не избѣгаетъ въ другихъ случаяхъ, указать на подобное же явленіе въ великорусскомъ нарѣчіи, гдѣ приставляется, хотя и рѣже, въ такихъ случаяхъ звукъ *а* (аржаной; срав. также въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: аркучи вм. рькучи). На той же страницѣ мы опять таки не соглашаемся съ авторомъ по вопросу о происхожденіи неполногласнаго малорусскаго облика: срібло (существующаго рядомъ съ полногласнымъ: серебро): онъ, кажется намъ, образовался именно подъ вліяніемъ ц. славянскаго облика срѣбро, вмѣстѣ съ словами: храмъ и др,

На стр. 49 говорится: *ск* и *ст* смягчаются въ *шч* (русск. щ). Отчего же не въ *щ*? Развѣ этотъ знакъ окончательно изгнанъ изъ малорусской азбуки и составляетъ принадлежность только русской? Едва ли это было бы удобно для малорусскаго правописанія.

На стран. 39, при обзорѣ тѣхъ случаевъ, когда приставка с отчетливо произносится, какъ *с*, и когда вмѣсто нея слышится *з*, замѣчено, что предъ *т* случаевъ перваго рода нѣтъ, хотя этому противорѣчатъ такія слова, какъ с-торчати, с-трава и др.; то же можно сказать и про звукъ *х*, предъ которымъ нерѣдко можно встрѣтить чистое произношеніе приставки, *с*, наприм., схôдъ, схаменутися и др.

При объясненіи корней глаголовъ *жити* и *вынути* (85 и 79 стр.) авторъ, какъ намъ кажется, впалъ въ ошибку. Второе слово онъ приводитъ въ образецъ такой потери чутья, при которой самый корень забывается, и доказываетъ, что оно при своихъ звуковыхъ измѣненіяхъ утеряло совершенно свой корень. По его мнѣнію, въ этомъ словѣ: «*вы*—приставка (=изъ), *ну*—суффиксъ глаголовъ однократнаго вида, *ть*—окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, а корень ѭ (срав. изъ-*я*-ть, при-н-я-ть) пропалъ совсѣмъ». Намъ сдается однако же, что здѣсь вовсе не происходило такого невѣроятного обстоятельства, какъ потеря корня: этотъ послѣдній преблагополучно здравствуетъ въ словѣ, которое мы разлагаемъ слѣдующимъ образомъ: *вы*—приставка, *ну* (т. е. собственно нѫ) состоитъ изъ √ѫ, поднятаго изъ ѧ (=я) (срв. грязь—грузнуть) и *н*, вставленнаго для устраненія зіянія, *ть*—окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Слѣдоват. историческій ходъ развитія этого слова былъ приблизительно такой: вы-ѭ·ти, вы-н-ѭ-ти (вынять), наконецъ, вы-н-ѫ·ти, причемъ малорусское нарѣчіе предпочло обликъ: вынятп, а великорусское—вынути. Въ словѣ *жити* мы вовсе не видимъ выпаденія *в* (по мнѣнію автора, *жити* вм. *живти*); здѣсь просто √*жи*+ти, окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, что же касается *в*, то это не болѣе, какъ такая же эвфоническая вставка для уничтоженія зіянія: жи-ѫ, жи-в-ѫ живу, какъ *j* въ нѣкоторыхъ славянск. нарѣчіяхъ и малорусскихъ говорахъ, гдѣ образовался обликъ *жи-j-у* также точно и обликъ прошедшаго времени *жила* вовсе не произошелъ изъ *живла*, а образовался обычнымъ образомъ отъ √*жи* съ помощію суффикса прошедшаго времени *л*. Срв. также глаголъ *гоити*=жити, какъ покоити=почити. Объясненіе происхожденія слова *мрець* (88 стр.) у автора нашего сдѣлано, кажется намъ, вѣрнѣе, чѣмъ у гг. Миклошича и Огоновскаго, безъ всякой нужды сокра-

щающихъ это слово изъ облика: *мертвець*: *мрець* образовалось, дѣйствительно, прямымъ путемъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и слова: жнець, жрець, швець, первоначально звучавшія: жьнецъ, жьрецъ, шьвецъ, мьрецъ и пр.

Изложеніе въ книгѣ, какъ мы уже замѣтили, вообще ясное и правильное; можно было бы только менѣе злоупотреблять глаголомъ «просмотрѣть», употребляемымъ весьма часто и при томъ не всегда правильно вм. глагола «разсмотрѣть» (см. напр. стр. 18).

А. Степовичъ.

«Wisła» 1887—1888 г.

Въ польской научной литературѣ въ послѣднее время обнаруживается разностороннее и обстоятельное изученіе народнаго быта. Появилось много цѣнныхъ сочиненій и сборниковъ матеріаловъ по этнографіи и антропологіи. Большинство статей, понятно, трактуетъ о полякахъ; но появляется не мало сочиненій о малороссахъ и бѣлоруссахъ, причемъ мѣстный славянскій матеріалъ освѣщается данными западно-европейскаго фольклора. Что въ особенности бросается въ глаза въ современномъ польскомъ фольклорѣ—это бодрость духа, живое отношеніе къ дѣлу изученія народа, общее свѣжее настроеніе, чего именно недостаетъ въ послѣднее время нашей этнографической наукѣ, находящейся въ застоѣ, ограничивающейся сырымъ матеріаломъ, наваливаемымъ въ кучу по старымъ, давно уже установившимся рубрикамп, по шаблону предшествовавшихъ сборниковъ, безъ проложенія новыхъ путей и безъ творческой идеи въ группировкѣ и разъясненіи. Живое и бодрое отношеніе къ дѣлу народоизученія у насъ обнаруживается теперь въ приложеніи къ одному далекому уголку Россіи, именно къ Кавказу, въ разныхъ статьяхъ и сборникахъ г. Анучина, г. Вс. Миллера, г. М. Ковалевскаго, изданіяхъ управленія кавказскаго учебнаго округа. Въ послѣдніе годы еще посчастливилось бѣлоруссамъ, о пѣсняхъ и бытѣ которыхъ появились новыя извѣстія въ сборникахъ гг. Шейна, Романова и Радченко; но великорусскіе и малорусскіе крестьяне оставлены въ сторонѣ, безъ изученія.

Какъ широко, бодро и энергично поставлено дѣло изученія народа въ польской научной литературѣ, можно видѣть на двухъ замѣчательныхъ польскихъ изданіяхъ: географическо-этнографическомъ журналѣ «Wisła», выходящемъ съ 1887 года въ Варшавѣ, и

на издаваемомъ краковской академіи наукъ Zbiór'ѣ wiadomośći do antropologji krajowej. Въ «Кіев. Старинѣ» 1888 г. былъ уже сдѣланъ отзывъ о послѣднемъ изданіи, въ частности объ XI томѣ; недавно вышелъ XII-й томъ «Zbiór'а», посвященный большей частью описанію быта малоруссовъ; объ этомъ томѣ мы скажемъ въ другое время, а теперь сдѣлаемъ замѣтку лишь о «Вислѣ», какъ наиболѣе характерномъ явленіи современнаго польскаго фольклора.

Названіе фольклоръ (folklore) недавно установилось въ западной наукѣ. По русски его можно перевести: народоизученіе, или, точнѣе, наука о народной жизни, заключающая въ себѣ антропологію, этнографію, исторію языка и словесности. На западѣ появились спеціальныя изданія, посвященнныя фольклору: въ Англіи «The Folklore Journal», во Франціи «Melusine», «Revue des traditions populaires» и «La Traditons», въ Германіи «Zeitschrift für Völkerpsichologie» и «Zeitschr. f. Ethnologie», въ Испаніи «El folklore andaluz», въ Венгріи, «Ethnologische Mitheilungen». Цѣль всѣхъ этихъ изданій—объясненіе народныхъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и сказаній, объясненіе историко-культурное, сравнительно-культурное и сравнительно-этнографическое. Въ рядъ изданій этого рода входитъ также «Wisła».

Въ 1887 г. «Висла» выходила небольшими выпусками, около 4 печатныхъ листовъ въ каждомъ, и вышло всего 9 такихъ выпусковъ. Въ нихъ заключаются статьи: *Завалинскаго* «О способѣ группировки этнографическихъ матеріаловъ»; *Чинскаго* «О численности и разселеніи поляковъ»; *Карловича* «О польскихъ чаровницахъ»; *Матусяка* «О народахъ, жившихъ въ древности при устьѣ Вислы»; *Сарнецкаго* «Объ украинскихъ знахаряхъ» и нѣсколько другихъ небольшихъ статей и замѣтокъ. Статья г. Сарнецкаго «Знахари на Украинѣ» въ 7 и 8 выпускахъ «Вислы» не богата содержаніемъ. Здѣсь приведено нѣсколько повѣрій крестьянъ волынской губерніи о ворожбѣ, преимущественно о «даньѣ», и три заговора отъ болѣзней и уроковъ. Гораздо болѣе цѣнной представляется статья г. Карловича о польскихъ чарахъ и чаровницахъ въ первыхъ шести выпускахъ журнала. Статья распадается на двѣ части: 1) современное польское колдовство и 2) польское колдовство и казни вѣдьмъ въ старину, въ XVI—XVIII вѣкахъ. Въ первой части авторъ отмѣчаетъ извѣстія этнографовъ о народныхъ вѣрованіяхъ въ колдовство въ разныхъ частяхъ Познани, Галиціи, Привислянскаго края, Бѣлоруссіи и Украины. Нѣсколько любопытныхъ сообщеній объ украинскомъ и галицко-рус-

скомъ чародѣйствѣ (исключительно по польскимъ источникамъ) находится во 2 выпускѣ. Во второй, сравнительно съ первой большей части, собраны историческія извѣстія о судебныхъ процессахъ и казняхъ вѣдьмъ въ Польшѣ въ XVI—XVIII ст., которыя производились съ жестокостью, небывалой въ южной Руси. Въ статьѣ г. Карловича встрѣчается много извѣстій объ испытаніи вѣдьмъ водой, часто практиковавшемся въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ.

Съ 1888 года редакторомъ «Вислы» состоитъ г. Карловичъ, и журналъ сильно измѣнился къ лучшему, по внѣшней формѣ и внутреннему содержанію, сталъ выходить книжками, въ годъ по 4 книги, величиной каждая книга около 15-ти листовъ. Библіографическій отдѣлъ, въ 1887 г. слабый, въ 1888 году отличается полнотой и содержательностью. Изданіе, очевидно, находится въ хорошихъ рукахъ и ведется съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ дѣлу, т. е. къ фольклору, къ разностороннему изученію народной жизни. Перу г. Карловича принадлежитъ нѣсколько крупныхъ статей, напр., историко-литературный анализъ народныхъ сказаній о кающемся разбойникѣ (Podanie o Madeju);—статья эта въ 1888 г. только начата (въ IV книгѣ «Вислы» 1888 г.). Авторъ разсмотрѣлъ польскія сказанія о Мадеѣ и обѣщаетъ далѣе разсмотрѣть сходныя сказанія другихъ славянскихъ народовъ, надѣемся и малоруссовъ, въ словесности которыхъ сказанія о кающемся разбойникѣ занимаютъ видное мѣсто (помѣщены въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова); затѣмъ, укажемъ на любопытную замѣтку г. Карловича о «Грижинской березѣ» (народное сказаніе) и на его превосходную библіографическую статью о сочиненіяхъ англійскаго ученаго Ланга, съ историческимъ очеркомъ развитія миѳологической науки на западѣ. Вообще, статьи г. Карловича составляютъ главную силу и украшеніе «Вислы». Г. Карловичъ обнаруживаетъ особенное умѣніе выбирать интересныя темы для научныхъ работъ и останавливается на малоизслѣдованныхъ, но весьма любопытныхъ явленіяхъ и формахъ народнаго быта. Укажемъ здѣсь на такіе его труды, предшествовавшіе появленію «Вислы», какъ «Chata polska», «O imionach własnych polskich miejsc i ludu». Эти изслѣдованія говорятъ не только о трудолюбіи автора, но, болѣе того, о быстромъ, проницательномъ умѣ и живомъ, любовномъ отношеніи къ польскому и другимъ народамъ, что обнаруживается уже въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Zasoby bowiem do ludoznawstwa i krajoznawstwa spoczywają wszędzie, na każdem miejscu, rosną jak kwiaty na wszystkich polach, dostępne dla każdego, a zawsze pożyteczne i nauczające» (Wisła, 1888, I, 217).

Г. Янчукъ, извѣстный въ наукѣ по превосходному описанію малорусской свадьбы въ корницкомъ приходѣ констант. у. сѣдлецкой губ., помѣстилъ въ IV кн. «Вислы» за 1888 г. статью «Szopka w Kornicy». Шопкой или ясельками въ Польшѣ называется украинскій вертепъ, или переносный кукольный театръ. Въ «Кіевск. Старинѣ» много писали о вертепѣ (Н. И. Петровъ, Г. П. Галаганъ, г. Чалый, г. Селивановъ и др.). Оказывается, что вертепъ встрѣчается еще въ разныхъ мѣстахъ Привислянскаго края. Описанію вертепа посвящено, кромѣ изслѣдованія г. Янчука, еще нѣсколько статей въ 1 и 2 кн. «Вислы».

Въ 3 кн. «Вислы» помѣщена любопытная замѣтка г. Цишевскаго о народныхъ польскихъ повѣстяхъ, имѣющихъ основу въ «Тысячѣ и одной ночѣ». Въ той же книгѣ находится интересная статья профессора пражскаго университета Поливки о чешской фольклористикѣ.

Къ книжкамъ приложены хромолитографіи типичныхъ по лицу и одеждѣ крестьянъ и крестьянокъ, и въ самомъ текстѣ встрѣчаются рисунки характерныхъ частей дома, плетней, дворовыхъ строеній, ремесленныхъ издѣлій, что съ внѣшней стороны украшаетъ и оживляетъ журналъ.

Появленіе журнала «Wisła» и успѣшное развитіе его указываетъ на существованіе въ польскомъ образованномъ обществѣ серьезнаго стремленія къ изученію народа и на свѣжее и бодрое настроеніе людей науки, опирающихся на сочувствіе и поддержку всей интеллигенціи. Нельзя не пожелать, чтобы подобнаго рода изданія возникли и укрѣпились на берегахъ Невы и на берегахъ Днѣпра. Находятъ же у насъ большое распространеніе разныя иллюстрированныя исторіи, даже при большой денежной стоимости и съ плохимъ текстомъ, то тѣмъ болѣе можетъ имѣть успѣхъ серьезное періодическое изданіе, посвященное изученію народной жизни, при сочувственномъ содѣйствіи со стороны людей науки разныхъ спеціальностей, антропологовъ, этнографовъ, филологовъ, изслѣдователей народной словесности, разумѣется, безъ натянутыхъ и пустыхъ противоположеній на тему мы и они, но съ полнымъ и уважительнымъ признаніемъ науки и народности, гдѣ бы и въ какой бы формѣ онѣ ни обнаруживались. Къ фольклорѣ всѣ цивилизованные народы дружелюбно сходятся на нейтральной почвѣ науки и подаютъ другъ другу руку въ общемъ дѣлѣ детальнаго изученія народной жизни и цивилизаціи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Краткое описаніе г. Житоміра, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2-е Житоміръ. 1889.

«Краткое описаніе г. Житоміра», вышедшее въ первый разъ въ приложеніи къ «Памятной книжкѣ волынской губ. на 1888 г.» и отдѣльнымъ оттискомъ, выпущено недавно вторымъ изданіемъ. Описаніе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: историческаго очерка Волыни и Житоміра (стр. 3—15), списка волынскихъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, волынско-житомірскихъ архіепископовъ и викаріевъ острожскихъ (стр. 15—25), краткаго очерка нынѣшняго состоянія города (стр. 25—30) и списка источниковъ. Такое распредѣленіе, какъ видно, не совсѣмъ равномѣрно, такъ какъ собственно описанію города, главной цѣли автора, удѣлено только 5 страничекъ.

Пособіями, перечисленными въ концѣ книги, авторъ пользовался очень мало. Такъ, онъ не счелъ нужнымъ прибавить что нибудь во второмъ изданіи своей книги, хотя ему сдѣлались извѣстными 4 новыхъ источника, между прочимъ книга Гамченка «Житомірскій могильникъ». Раскопки г. Гамченка доказываютъ, что поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго г. Житоміра существовало еще въ VII или VIII столѣтіи, и вообще имѣютъ немалый интересъ для исторіи г. Житоміра. Историческое описаніе г. Житоміра у г. Вержбицкаго представляетъ перечень годовъ и событій, невсегда вѣрный; на стр. 7, напр., упоминается битва съ русскими при р. Ирпени въ 1320 г. Начиная съ 1804 г., авторъ не сообщаетъ уже почти ни одного историческаго факта, онъ ограничивается перечисленіемъ губернаторовъ и архіереевъ. А между тѣмъ сказать было о чемъ, если бы внимательно отнестись къ источникамъ. Въ «Волын. Губерн. Вѣдомост.» за 1878—79 сообщены были любопытнѣйшія свѣдѣнія о масонской ложѣ въ г. Житомірѣ, о ея дѣятельности и вліяніи на общество. Далѣе, нужно было упомянуть объ устройствѣ и преобразованіи училищъ въ 30-хъ годахъ, имѣвшемъ важное значеніе для распространенія русскаго вліянія, о томъ, какъ отразилось на положеніи города возстаніе 1863 года. Не менѣе замѣчательны и слѣдующія два десятилѣтія, такъ какъ въ это время пробудился значительный интересъ къ изученію исторіи и этнографіи Волыни; многимъ извѣстны имена Г. Оссовскаго, Пероговскаго, О. Левицкаго, А. Хойнацкаго, Н. Трипольскаго, открыты въ это время въ Житомірѣ публичная библіотека, нѣсколько новыхъ учебныхъ заведеній (прогимназія, женская гимназія), основана частная газета. Всѣ эти факты не долженъ

былъ, по нашему мнѣнію, пройти молчаніемъ авторъ описанія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, конечно, могъ избѣжать сухаго перечисленія именъ волынскихъ губернаторовъ.

Описаніе города, какъ мы уже говорили, очень невелико. Почти ничего не сказано объ отношеніи жителей различныхъ національностей другъ къ другу, о количествѣ и приростѣ населенія, о состояніи учебныхъ заведеній. Вообще, желательно, чтобы г. Вержбицкій, если бы понадобилось новое изданіе «Описанія г. Житоміра», обработалъ его полнѣе, выпустивъ, пожалуй, перечень губернаторовъ и архіереевъ. Слѣдуетъ также уменьшить цѣну за книжку: 30 коп. за 30 страничекъ—цѣна очень высокая.

Арк. Лященко.

Памятная книжка волынской губ. на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1888 г.

Дѣятельность волынскаго губернскаго статистическаго комитета выражается, между прочимъ, въ изданіи ежегодныхъ «памятныхъ книжекъ волынской губ.», главный интересъ которыхъ составляютъ матеріалы по статистикѣ волынской губ. Кромѣ матеріаловъ содержаніе книги составляютъ общекалендарныя свѣдѣнія, адресъ-календарь служащихъ разныхъ вѣдомствъ (въ волынской губ.) и справочный отдѣлъ.

Статистическія данныя (за 1887 г.) довольно разнообразны: тутъ мы находимъ свѣдѣнія о пространствѣ губ., о количествѣ населенія по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ, движеніи населенія, о посѣвѣ и урожаѣ, о цѣнахъ на рабочія руки, числѣ торговцевъ, ремесленниковъ, фабрикъ, заводовъ и суммы производительности ихъ, о пожарахъ, числѣ арестантовъ и родѣ преступленій, числѣ учебныхъ заведеній и т. д. Всѣ цифры приведены для каждаго города и уѣзда въ отдѣльности, далѣе, общая сумма для всѣхъ городовъ и уѣздовъ и наконецъ для всей губерніи. Можно было бы пожелать, чтобы этимъ матеріаламъ была предпослана, хотя бы и краткая историко-статистическая статья о волынской губ. Въ нѣкоторыхъ таблицахъ (напр. на 13 стр.) нужно еще вычислить общую сумму населенія въ губерніи для каждаго вѣроисповѣданія, недостаетъ также общей цифры населенія каждаго города и уѣзда (стр. 4—9), не мѣшало бы вычислить процентное отношеніе жителей по вѣроисповѣданіямъ.

Цифры, приводимыя въ матеріалахъ, представляютъ особенный интересъ при сравненіи съ подобными же за прошлые года. Мы сравнимъ нѣкоторыя изъ нихъ съ цифрами за 1863 г., помѣщенными въ книжкѣ Wolyń i jego mieszkańce w r. 1863 p. F. N. Drezno 1870 г. Общее число жителей волынской губ. въ 1863 г. было:

мужч.	772.287	(49,3%)
женщ.	795.611	(50,7%)
	1,567,898	

Въ сравненіи съ 1835 г. общее число жителей съ 1.300.000 возросло до 1.570.000, т. е. на 20,6%.—Въ 1887 г. жителей всего 2.264.867, изъ нихъ:

мужч.	1.143.800	(50,5%)
женщ.	1.121.067	(49,5%)

Слѣдовательно, съ 1863 г. населеніе увеличилось на 44,5%, но вмѣстѣ съ тѣмъ бросается въ глаза уменьшеніе женскаго населенія.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе распредѣлялось такъ:

въ 1863 г.:			въ 1887 г.:		
правосл. . .	1.192.754	(76,07%)	правосл. . .	1.652.404	(72,9%)
раскольн. . .	3.580		раскольн. . .	5.876	
католик. . .	175.367	(11,18%)	католик. . .	184.203	(8,1%)
протест. . .	5.684		протест. . .	97.000	(4,3%)
гусситовъ. .	—	—	гусситовъ. .	14.919	
евреевъ . .	190.017	(12,13%)	евреевъ . .	305.350	(13,5%)
караимовъ .	250		караимовъ .	102	
магометанъ .	285		магометанъ .	450	

Въ губ. гор. Житомірѣ населеніе съ 38.897 увеличилось до 56.207; замѣчательно увеличеніе Ковля: съ 3.700 жител. въ 1863 г. населеніе возросло въ 1887 г. до 14.241.

Фабрикъ въ 1863 г. было 998 съ производствомъ на 4.221.604 руб., а въ 1887 г.—1312 съ производствомъ на 13.567.057 руб.

Среднихъ учебныхъ заведеній въ 1863 г. было 13 съ 2.427 воспит. (изъ нихъ 2.327 мальчик.), низшихъ учебн. завед. 1.312 съ 16.957 ученик., т. е. 1 учащійся приходился на 92 жителя. Въ 1887 въ 17 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ волын. губ. обучалось 2.569 мальч. и 879 дѣв., т. е. всего 3.448, и въ 1471 низш. учебн. завед. 40.143 мальч. и 9.905 дѣвоч., всего 50.048 учащихся, а всѣхъ учащихся 53.496, или 1 учащійся на 44,2 чел., если же принять во вниманіе одно мужское населеніе, то 1 учащійся мальчикъ на 26,8 мужч. Успѣхи сравнительно большіе.

Арк. Лященко.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 186—192. Столѣтній юбилей новогородсѣверской гимназіи—замѣтка о программѣ празднованія этого юбилея 19-го сентября, утвержденной г. попечителемъ округа.

— Слухъ объ изданіи въ Кіевѣ новой газеты «Театръ и искусство».

187. Освященіе въ Кіевѣ новой церкви во имя Александра Невскаго.

— Переяславъ (корреспонденція). О смерти А. О. Козачковскаго—мѣстнаго старожила.

190. Крестный ходъ 29-го августа въ Кіевѣ, установленный въ 1872 году въ память избавленія отъ холеры на Подолѣ.

— Праздникъ свѣчки на кіевскихъ базарахъ 1-го сентября—замѣтка.

192. Желтоводская битва—замѣтка.

— Гадячская сельско-хозяйственная выставка—замѣтка.

Кіевское Слово №№ 750—773. 754. Село Казиміровка—корреспонденія о праздкованіи въ мѣстномъ костелѣ въ честь чудотворной католической иконы Божіей Матеріи.

775. Кіевскій гостинный дворъ—замѣтка.

— Голодъ въ Галиціи — перепечатка изъ «Славянскихъ Извѣстій» статьи г. Наумовича.

756. Сооруженіе церкви во имя св. кн. Александра Невскаго въ дворцовомъ паркѣ въ Кіевѣ.

— А. О. Козачковскій (некрологъ).

759. Объ исполнившемся 31-го августа 800-лѣтіи смерти кіевскаго митрополита Іоанна.

760. Село Желтое верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губ.,—замѣтка о побѣдѣ надъ поляками Богдана Хмельницкаго, бывшей при этомъ селѣ.

— Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи.

765. Библіограф. замѣтка о книгѣ И. П. Матченка «Св. Владиміръ—просвѣтитель Руси».

768. Перепечатка изъ «Рус. Старины» отрывки изъ дневника А. В. Никитенка.

772. Перепечатки изъ № 9 «Кіев. Стар.» отрывковъ изъ воспоминаній К. А. Трутовскаго и статья Ю. Д. Талько-Грынцевича о семьѣ Шевченка.

769, 770. Археологическое открытіе. Объ открытомъ В. И. Гошкевичемъ на лѣв. бер. р. Гнилуши, притока Черторои, противъ Кіева, у с. Вигуровщины, городищѣ. По предположенію г. Гошкевича, это остатки лѣтописнаго Пѣсочнаго и здѣсь же стоялъ замокъ кн. Симеона Олельковича.

Волынь №№ 138—159. 147. Описаніе Кіево-Печер. лавры, по поводу ея 800-лѣтія (перепечатка изъ «Кіевлянина»).

151. Воспоминанія бывшаго воспитанника переяслав. духов. училища, рисующія нравы школы въ 30-хъ годахъ (Перепечатка изъ «Церков. Вѣстника»).

153. Новыя архивныя данныя о ротѣ амазонокъ въ Крыму въ концѣ прошлаго столѣтія.

153, 154. Отчетъ о состояніи житомирской гимназіи въ истекшемъ учебномъ году.

156. Корреспонденція изъ Ровно о празднованіи 50-лѣтняго юбилея ровен. реал. училища.

159. Указаніе на запущенность и заброшенность развалинъ въ г. Овручѣ древняго Васильев. храма, сооруженнаго св. Владиміромъ.

— Описаніе древней церкви въ селѣ Стидини.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 24—26. 24, 26. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (продолженіе) М. Мизочъ, с. Мирогаща, с. Молодава, с. Мокрое, с. Большая Мощаница, с. Малая Мощаница, с. Обговъ, с. Спасовъ. с. Цурковъ, с. Ступно, с. Тростянецъ, с. Ульбаровъ, с. Конюшки, с. Бакаринъ, с. Пелма, с. Боремецъ, с. Большая Городница, с. Малая Городница, с. Дерно, с. Покашевъ, с. Дидычи.

Православное Крестовоздвиженское братство въ г. Луцкѣ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 33—37. 33. 34. С. Козацкое, с. Сѣнная, с. Бендзари, с. Буриловка, с. Тридубы, с. Люшневатая, с. Лозоватая, с. Таужная, с. Мазурова, с. Ясеновая, с. Великій Бобрикъ, м. Кривое Озеро, с. Познанка, с. Корытная, с. Пассатъ.

— Борьба мѣстной епархіальной власти съ языческимъ чествовованіемъ древней богини Цереры.

Черниг. Губ. Вѣд. №№ 66—72. 66. Известковый и мѣловой промыселъ въ глуховскомъ уѣздѣ. А. Петровскаго.

66, 67. 71. Къ исторіи края. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г. 59. Гриневичъ, 60. Кириченко, 61. Лайкевичъ Иродіонъ, 62. Комовскій, 63. Дераковскій, 64. Чернявскій 65. Ступаковъ.

67. Перепеч. изъ «Кіевлянина» списка кіевскихъ генералъ-губернаторовъ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 16—17. 16. Некрологъ бывшаго архіепископа полтавскаго и переяславскаго Іоанна.

— Рѣчи по случаю закладки каменнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ.

— По поводу пятидесятилѣтія возсоединенія уніатовъ западныхъ областей Россіи съ православною церковію.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости. №. 17. Краткое описаніе села Данкоуцъ, хотинскаго уѣзда.

Крымъ. №№ 95—110. 95. Сообщеніе о раскопкахъ, произведенныхъ проф. Н. И. Веселовскимъ въ Неаполисѣ по Госпитальной балкѣ, при чемъ найдено много посуды, обнаружено существованіе тамъ древняго скиѳскаго кладбища и открыты фундаменты древнихъ сооруженій, можетъ быть храмовъ. (Подробнѣе объ этомъ сообщено въ № 96).

— 96, 98. Статья «Учебная колонія на Салгирѣ» въ Симферополѣ заключаетъ себѣ историч. справку о дѣятельности жившихъ здѣсь академиковъ Палласа (1741—1811), Стивена (1781—1863), доктора Мюльгаузена и г. Сумарокова, автора книги: «Досуги крымскаго судьи» 1803—1805 г.г., по изученію Крыма.

Курскій Листокъ. №№ 96—105. 99. Улучшеніе хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ въ связи съ улучшеніемъ быта крестьянъ—Китаева.

101. По поводу статьи Китаева.

Минскій Листокъ. №№ 62—72. 62. Извѣстіе о возникшей недавно на югѣ Россіи еврейской сектѣ «Новый Израиль», стремящейся къ ассимиляціи евреевъ съ христіанами.

Варшавскій Дневникъ. №№ 179—204. 200, 201. Передовая статья по поводу упомянутой въ предъидущемъ № «Кіев. Старины» книги: «Glos z ludu w kwestyi polskiey».

190. Описаніе побѣды фельдмаршала Миниха надъ турками при м. Ставучанахъ (близь Хотина бессараб. губ.) 28 августа 1739 года—историч. справка по поводу 150-лѣтія этой битвы.

203. Описаніе годичнаго торжества въ г. Холмѣ 8-го сентября и рѣчь К. В. Божовскаго, въ которой авторъ кратко очерчиваетъ исторію отношеній католицизма и уніи къ православію, шляхты къ народу.

204. Замѣтка о брошюрѣ г. В. Левицкаго: «Nasze czy obce zywioły», въ которой авторъ представляетъ статистическія данныя о польскомъ и еврейскомъ землевладѣніи въ Галиціи.

Червоная Русь. №№ 162—193. 162. Некрологъ Лозинскаго.

166. Цѣнная находка.

172. «Къ любителямъ древностей».

174. «800 лѣтъ тому назадъ».

184. Братство св. Георгія въ Яворовѣ.

185. Іеронимъ Анонимъ.

189. Интересныя археологическія находки.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1889 г.

образомъ вознаграждаетъ понесенныя жителями потери. Если отрядъ велъ себя хорошо, поручникъ возвращаетъ эти деньги по окончаніи похода, когда разводитъ по домамъ свои хоругви въ то самое мѣсто, гдѣ получилъ ихъ изъ рукъ кастеляновъ, которые собираютъ ополченіе и распредѣляютъ ихъ на полки и хоругви.—Таковъ въ общихъ чертахъ тотъ порядокъ, какого держатся поляки въ военномъ дѣлѣ, составляющемъ единственное ихъ занятіе какъ дворянъ, которые не должны признавать ничего другаго.

Что касается ихъ вооруженія и военныхъ пріемовъ, то они всегда представляли легкую конницу, одѣтую въ кольчуги и кафтаны изъ лосиной или буйволовой кожи; главное оружіе ихъ составляетъ очень длинное копье, топоръ, булава и ножъ. Большинство изъ нихъ въ особенности жители Литвы, Червоной Руси, Волыни и Подолія употребляютъ сверхъ того турецкій лукъ и стрѣлы, которыми владѣютъ съ большимъ искусствомъ; всѣ же прочіе, уроженцы великой и малой Польши и Пруссіи уже освоились съ пистолетами и карабинами. Во всякомъ случаѣ они менѣе пригодны къ пѣхотной службѣ, нежели къ кавалерійской, а также менѣе способны къ осадѣ или защитѣ крѣпостей, чѣмъ къ сраженію въ открытомъ полѣ. Поэтому, когда польская конница имѣетъ дѣло съ непріятелемъ тяжело вооруженнымъ, она никогда не вступаетъ сразу въ рукопашный бой, но старается безпрерывными аттаками своихъ летучихъ отрядовъ утомить и ослабить его и, если возможно, произвести безпорядокъ въ непріятельскихъ рядахъ. Напротивъ, въ войнахъ съ татарами, москвитянами и всякимъ другимъ непріятелемъ, употребляющимъ тѣ же пріемы, поляки поступаютъ совсѣмъ наоборотъ и стараются какъ можно скорѣе перейти къ холодному оружію, такъ какъ они лучше вооружены, лошади ихъ крѣпче и сами они отважны, мужественны и непоколебимы.

О татарахъ.

Король Владиславъ Локетокъ, приказавши отыскивать мертвыхъ послѣ крупной побѣды, одержанной имъ надъ прусскими крестоносцами, замѣтилъ бѣднаго дворянина, лежащаго навзничь на землѣ, который полу-

чилъ нѣсколько ранъ и удерживалъ руками вывалившіяся изъ живота внутренности. „Посмотрите, каково мужество этого человѣка, замѣтилъ король сопровождавшимъ его лицамъ, Боже мой, какія мученія долженъ онъ испытывать“. „Конечно, государь, отвѣчалъ тотъ, но еще больше терпятъ тѣ, у кого есть дурной сосѣдъ, подобный моему“.

Король, которому легко было сдѣлать это, тотчасъ избавилъ его отъ мученія, предоставивъ ему одному все помѣстье. Но было бы дѣломъ, несравненно болѣе высокимъ и прекраснымъ, если бы этотъ король или кто нибудь изъ его преемниковъ могъ освободить свой народъ отъ татаръ и москвитянъ, двухъ столь дурныхъ и зловредныхъ сосѣдей и вѣчныхъ враговъ, изъ которыхъ первый превосходитъ жестокостью самые варварскіе и безчеловѣчные народы, какіе когда либо существовали. Что же касается втораго, то онъ въ непродолжительномъ времени силою и могуществомъ сравняется съ турками, которыхъ также можно было бы пріобщить къ первымъ двумъ, если бы не удалось установить съ ними нѣкоторое подобіе мира.

Но что за народъ были татары въ древности, гдѣ они обитали первоначально, откуда вышли въ первый разъ, чтобы поселиться въ этихъ странахъ, что они дѣлали и чего не дѣлали,— сказать обо всемъ этомъ что нибудь положительно чрезвычайно трудно, такъ какъ это былъ народъ малоизвѣстный, всѣми презираемый и до того варварскій, можно сказать скотоподобный, что тѣ, которые могли оставить о немъ кое какія письменныя свѣдѣнія, или сами ничего не слыхали, или же считали излишнимъ тратить чернила на такой презрѣнный предметъ. Точно такъ же и сами татары, не знавшіе употребленія письма, тѣмъ менѣе могли оставить потомству какія нибудь воспоминанія о своихъ дѣяніяхъ и судьбахъ. Впрочемъ подъ конецъ у нихъ не было недостатка въ писателяхъ, подобно инымъ, болѣе храбрымъ и образованнымъ народамъ, не взирая на то, что это племя никогда не было въ состояніи усвоить себѣ какую нибудь цивилизацію или понятіе о честности, смягчить нравы и приспособиться къ болѣе культурнымъ формамъ быта.

Дѣйствительно татары даже наружностью отличаются отъ другихъ народовъ: цвѣтъ кожи ихъ смуглый, носъ приплюснутый, глаза

небольшіе, впалые и горящіе, взглядъ всегда косой, лицо круглое и плоское, какъ тарелка, лишенное волосъ на бровяхъ и щекахъ за исключеніемъ бороды, которую они отпускаютъ очень старательно; при большей полнотѣ они малаго роста, но несмотря на это обладаютъ чрезмѣрною силою и выносливостью въ трудѣ и лишеніяхъ, больше какого бы то ни было другаго народа. Такъ напримѣръ, татарамъ случается иногда пробыть верхомъ цѣлыхъ четверо сутокъ, не вставая съ лошади, безъ пищи и питья. Если подъ конецъ татаринъ почувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, истощеннымъ отъ голода и жажды, онъ надрѣзываетъ кожу своей лошади и выпиваетъ добрый глотокъ крови, отчего лошадь, по ихъ словамъ, становится еще лучше. За то по возвращеніи изъ похода они объѣдаются и спятъ за четверыхъ. Поэтому случается нерѣдко, что русскіе и литовцы настигаютъ татаръ (вторгнувшихся въ ихъ страну съ цѣлью грабежа) въ состояніи полнаго безчувствія отъ пресыщеній и сна и производятъ страшную рѣзню.

Любимую пищу для нихъ составляетъ конина, причемъ внутренности и потроха предназначаются главнѣйшимъ начальникамъ и вождямъ, равно какъ и голова, которая считается самымъ цѣннымъ и лакомымъ кушаньемъ, подобно тому какъ бы у насъ хорошо приготовленная кабанья голова, а запиваютъ это нѣжнѣйшимъ для нихъ напиткомъ — кобыльимъ молокомъ, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, они дѣлаются сильнѣе.

Вообще какъ продовольствіе татаръ, такъ и вся ихъ жизнь тѣсно связана съ ихъ лошадьми, такъ какъ эти послѣднія служатъ имъ во время войны, носятъ ихъ самихъ и всѣ необходимыя припасы, одежду и багажъ, питаютъ ихъ своею кровью, мясомъ и молокомъ. И въ самомъ дѣлѣ сами татары скорѣе похожи на лошадей, нежели на существа, одаренные разсудкомъ. Они не признаютъ инаго занятія кромѣ войны, т. е. внезапныхъ набѣговъ, сопровождаемыхъ убійствами и грабежами, такъ какъ ни осады, ни обороны замковъ у нихъ не бываетъ и въ поминѣ. Если удается заманить ихъ изъ степи (гдѣ они чрезвычайно опасны вслѣдствіе своей многочислен-

ности и боевыхъ пріемовъ) въ мѣста тѣсныя и закрытыя, тогда не трудно уже покончить съ ними.

Впрочемъ, татары никогда не просятъ пощады и, хотя избѣгаютъ правильной войны, до послѣдняго издыханія защищаются ногтями и зубами, если не имѣютъ другаго оружія. Дѣйствительно, вооруженіе ихъ весьма несложно и состоитъ по большей части изъ одного лука и стрѣлъ, иногда съ прибавкою кинжала или меча. Они никогда не употребляютъ копій и потому не встрѣчаютъ непріятеля лицомъ къ лицу, сомкнутымъ строемъ и въ боевомъ порядкѣ, а только безпрерывно нападаютъ и отступаютъ. То вдругъ яростно и неудержимо набрасываются на непріятеля, затѣмъ также внезапно обращаются въ бѣгство и это ихъ самый опасный пріемъ; таковы были древніе парфяне, отъ которыхъ татары вѣроятно позаимствовали нѣкогда эту хитрость. Затѣмъ они тотчасъ же снова смыкаютъ свои ряды и стараются какъ можно тѣснѣе окружить и оцѣпить непріятеля, оставляя всегда свободный проходъ для тѣхъ, которые продолжаютъ тревожить его своими аттаками. Во всемъ этомъ они наблюдаютъ величайшій порядокъ и къ этому сводится ихъ военная хитрость и дисциплина. Если разъ удастся остановить ихъ или смѣшать ряды, то нѣтъ уже никакой возможности возстановить порядокъ и татары бѣгутъ, сломя голову.

За то, когда перевѣсъ на ихъ сторонѣ, они быстрымъ, усиленнымъ движеніемъ рѣшаютъ битву и тогда побѣжденные должны приготовиться ко всевозможнымъ жестокостямъ, какія только можно вообразить; поэтому для каждаго гораздо предпочтительнѣе быть убитымъ на мѣстѣ, такъ какъ плѣнъ, куда уводятъ татары всѣхъ попавшихъ къ нимъ въ руки, несравненно хуже самой лютой смерти. Впрочемъ, они позволяютъ рабамъ, прослужившимъ 7—8 лѣтъ, выкупаться на свободу. Что же касается малолѣтнихъ дѣтей и стариковъ, неспособныхъ къ работѣ, то ихъ предоставляютъ молодымъ татарскимъ мальчикамъ для забавы и для того, чтобы пріучить ихъ къ виду человѣческой крови, подобно тому какъ охотники даютъ куропатокъ на растерзаніе молодымъ соколамъ, еще не привыкшимъ къ живой дичи, для того, чтобы пріучить ихъ къ охотѣ.

Дѣти, получившіе этихъ несчастныхъ въ свое распоряженіе, придумываютъ для нихъ всевозможныя мученія: терзаютъ тупыми, иззубренными ножичками, побиваютъ маленькими камешками, или заставляютъ по нѣсколько разъ бросаться съ высокой скалы до тѣхъ поръ, пока они не разобьются на части и пока каждому не достанется по куску мяса, чтобы играть имъ, какъ снѣжкою.

Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти жестокости и переходя къ историческимъ даннымъ (такъ какъ все это заслуживало бы отдѣльнаго и подробнаго трактата), узнаемъ, что около 1162 года, какъ говоритъ преданіе, татары впервые начали сознавать свою силу и рѣшились оставить свою родину. Они избрали предводителемъ одного изъ среды себя, называемаго Чингизъ, человѣка низкаго происхожденія, но одареннаго чрезвычайно предпріимчивымъ и развитымъ умомъ, зарѣзали господствовавшаго надъ ними царя Умкана, иначе называвшагося „попомъ Іоанномъ"; но это не былъ царь Абиссиніи и Эфіопіи, которому ошибочно присваиваютъ этотъ титулъ. Послѣ того татары овладѣли его страною и въ непродолжительномъ времени покорили всѣ окрестныя земли, проникли на востокъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ и береговъ Индійскаго океана въ Китаѣ, Шанхаѣ и Катаѣ [1]). Здѣсь они основали впослѣдствіи величайшій и могущественнѣйшій городъ Камбалю, столицу верховныхъ государей татарскихъ, называемыхъ обыкновенно великими ханами катайскими. Слово ханъ означаетъ не собака, какъ думаютъ нѣкоторые, но императоръ или монархъ, между тѣмъ какъ то же слово безъ придыханія (канъ) означаетъ кровь.

И такъ Чингизъ-ханъ положилъ начало этой могучей и грозной династіи; что же касается заволжской орды, самой главной и многочисленной изъ всѣхъ татарскихъ, орды, которую они также называютъ Таккси (Тасхі), т. е. главная орда, то она многолюднѣе всѣхъ остальныхъ, которыя отъ нея и произошли, по свидѣтельству

---

[1]) Подъ именемъ Катай средневѣковые географы разумѣли сѣверную часть нынѣшняго Китая; въ этой области находился городъ Камбалю, зимняя столица великихъ хановъ монгольскихъ; городъ этотъ описанъ подробно въ путешествіи Марко-Поло въ X—XI главахъ второй книги этого сочиненія.

самихъ татаръ. Слово орда въ татарскомъ языкѣ означаетъ собраніе многихъ народовъ въ одинъ. Заволжская орда расположила свои кочевья на огромныхъ равнинахъ по сю сторону рѣки Волги, иначе называемой Ра, впадающей въ Каспійское море близь города Астрахани 70-ю рукавами, изъ которыхъ самый меньшій равняется величиною р. Сенѣ.

Чингизъ-хану наслѣдовалъ его сынъ Іоку-ханъ, отецъ Заинъ-хана, иначе называемаго Батыемъ, который первый изъ татаръ вторгся въ Польшу въ царствованіе Болеслава Стыдливаго, около 1202 года[1]), причинилъ неисчислимыя бѣдствія и опустошенія и проникъ еще дальше въ Силезію, Моравію и Венгрію. Онъ первый также принялъ законъ Магомета, который исповѣдываютъ татары и понынѣ, между тѣмъ какъ до того времени они были язычниками-идолопоклонниками, или точнѣе говоря, совсѣмъ не имѣли понятія о религіи, даже самой грубой и несложной.—Четвертымъ ханомъ татарскимъ былъ Темиръ-Кутлукъ, что значитъ счастливое желѣзо, сынъ Батыя, иначе называемый Тамерланомъ[2]), обладавшій войскомъ въ 1,200,000 человѣкъ. Онъ взялъ въ плѣнъ турецкаго султана Баязета и возилъ его повсюду за собою заключеннаго въ желѣзную клѣтку. Историческія сочиненія достаточно переполнены разсказами о его подвигахъ и дѣяніяхъ. Пятымъ былъ сынъ этого Тамерлана, Темиръ-ханъ, что значитъ счастливый царь; но онъ погибъ въ битвѣ между Владиславомъ Ягайломъ и прусскими крестоносцами. Шестымъ былъ Махметъ-ханъ, седьмымъ Ахметъ-ханъ, восьмымъ Шихъ-Ахметъ. Этотъ послѣдній, призванный польскимъ королемъ Альбертомъ и великимъ княземъ литовскимъ на помощь противъ хана перекопскаго Менгли-Гирея въ 1500 году, явился съ 60,000-мъ войскомъ, которое сопровождали женщины и дѣти въ количествѣ болѣе 100,000. Въ это время стояли такіе сильные холода, что собственная жена хана, не въ силахъ будучи выдерживать трудностей похода, бѣжала

[1]) Болеславъ Стыдливый съ 1227 по 1279 годъ; нашествіе Батыя на Польшу относится къ 1241 году.

[2]) Считаемъ излишнимъ отмѣчать всѣ грубыя ошибки Виженера, касающіяся генеалогіи и порядка наслѣдованія монгольскихъ хановъ. Ошибки эти слишкомъ элементарны и вполнѣ ясны для читателя.

вмѣстѣ съ самыми избранными его воинами къ упомянутому Менгли-Гирею, который немедленно собралъ свою армію, выступилъ на встрѣчу Шихъ-Ахмету и разбилъ его. Этотъ послѣдній скрылся съ тремя стами всадниковъ и прибылъ въ Мункастро, но узнавши здѣсь, что Баязетъ, у котораго онъ надѣялся найти пріютъ, послалъ людей, чтобы схватить его, повернулъ обратно съ ничтожнымъ отрядомъ въ 50 лошадей и отступилъ въ окрестности Кіева; кіевскій воевода, извѣщенный о его приближеніи, задержалъ его и отослалъ въ Вильно. Великій князь Александръ, присутствовавшій въ это время на генеральномъ сеймѣ въ Брестѣ, приказалъ встрѣтить Шихъ-Ахмета съ большимъ почетомъ, затѣмъ доставить ему нужное количество верховыхъ лошадей и препроводить въ Радомъ, откуда онъ могъ возвратиться въ заволжскую Татарію; а самъ между тѣмъ послалъ впередъ его брата Солтанъ-Козика, чтобы извѣстить о его прибытіи ихъ дядю Албугера. Вскоро однако несчастный Шихъ-Ахметъ былъ схваченъ литовцами въ угоду его смертельному врагу Менгли-Гирею и отправленъ въ качествѣ плѣнника въ ковенскій замокъ, гдѣ и содержался до конца жизни съ женою и дѣтьми.—Такимъ образомъ онъ оправдалъ имя, которое носилъ и которое на его языкѣ означаетъ мученикъ.

Вотъ все, что можно сказать о заволжской ордѣ, иначе называемой джагатайскою. Другое татарское племя, такъ называемая перекопская орда, происходящая отъ первой (отъ которой выдѣлились и всѣ остальныя), получила начало отъ нѣкоего Улана, человѣка безроднаго и неизвѣстнаго происхожденія, который первый овладѣлъ полосою земли, извѣстною подъ именемъ Херсонеса Таврическаго. Это полуостровъ, почти отрѣзанный отъ материка и вдающійся далеко въ Меотійское болото, сѣвернѣе великаго (Чернаго) моря, на протяженіи около 24 миль въ длину и 15 въ ширину. На немъ находятся три города: Солхатъ, Киркея, Каффа и двѣ крѣпости: Манкупъ и Азовъ. Главный городъ Солхатъ, называемый татарами Крымъ; отъ него приняли свой титулъ ихъ государи, которые называются крымскими ханами. Другой городъ, менѣе значи-

тельный, Киркея [1]), въ которой находится замокъ, сдѣланный изъ дерева и дерна на вершинѣ скалы. Разсказываютъ, что нѣкогда жилъ тамъ драконъ, пожиравшій всѣхъ и грозившій совсѣмъ опустошить страну, если бы нѣкоторые изъ проживавшихъ тамъ итальянцевъ, привычныхъ къ различнымъ чудовищамъ, не прибѣгли съ молитвою о помощи къ Дѣвѣ Маріи. Вскорѣ послѣ того они замѣтили какой то свѣтъ въ скалѣ, вырубили въ ней ступени и проникли въ подземелье, гдѣ нашли икону Богородицы, передъ которою горѣла свѣча, а у ногъ ея лежалъ драконъ, пронзенный насквозь. Слухъ о чудѣ распространился и потому ханъ перекопскій Ачи-Гирей, готовясь къ войны съ братьями, также вручилъ себя заступничеству чудотворной иконы и надавалъ множество обѣтовъ, если ей угодно будетъ оказать помощь въ этомъ дѣлѣ. Ибо сами магометане съ большимъ почетомъ относятся къ Пречистой Дѣвѣ, признавая, что она безъ всякаго сообщества мужчины и безъ нарушенія дѣвства зачала и родила великаго пророка Іисуса Христа (какъ они называютъ его). Поэтому ханъ, получивъ помощь, которую искалъ, продалъ пару самыхъ лучшихъ изъ своихъ лошадей, за вырученныя деньги купилъ воску и приказалъ отлить двѣ свѣчи, которыя день и ночь горѣли передъ иконою, что и понынѣ поддерживается его преемниками.

Третій городъ въ Крыму есть Каффа, въ древности называемая Ѳеодосіею, которую султанъ турецкій Магометъ отнялъ у генуэзцевъ и вслѣдъ затѣмъ предалъ въ ней смерти двухъ братьевъ, начальниковъ манкупскаго замка, послѣднихъ представителей готскаго племени. Кажется, онъ занялъ также и Азовъ при устьи Танаиса и укрѣпилъ его.

Татары занимаютъ своими кочевьями всѣ степи и равнины, простирающіяся отъ входа на полуостровъ вдоль Меотиды и Понта Эвксинскаго до самаго Мункастра. Входъ этотъ они укрѣпили на западѣ землянымъ валомъ на протяженіи доброй мили, но сдѣлали это такъ плохо, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ постоянно раз-

[1]) Кирхъ-Эри или Киркоръ есть древнее названіе Чуфутъ-Кале. (Смирновъ. Крымское ханство, стр. 102—103).

мывается водою. Вотъ почему полуостровъ, который слѣдовало называть Таврикою, теперь называется Перекопъ, что на татарскомъ языкѣ означаетъ ровъ, такъ какъ онъ отрѣзанъ рвами со стороны материка.

Послѣ Улана царствовалъ Тохтамышъ, сопровождавшій литовскаго князя Витовда въ походѣ противъ заволжскаго хана Тамерлана, не смотря на то, что тотъ приходился ему братомъ; но оба союзника были разбиты этимъ послѣднимъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Шихъ-Ахмотъ, о которомъ говорилось выше и который былъ изгнанъ Ачи-Гиреемъ, занявшимъ его престолъ. Ачи-Гирей оставилъ семерыхъ сыновей, изъ которыхъ старшій Гайдеръ наслѣдовалъ престолъ. Но братъ его Менгли-Гирей отправился ко двору султана, который женилъ его и помогъ изгнать Гайдера, Ямурци [1]) и всѣхъ остальныхъ братьевъ, которымъ не оставалось инаго исхода, какъ сдаться великому князю московскому Ивану Васильевичу. Тотъ принялъ ихъ весьма охотно и далъ имъ въ управленіе казанское царство.

У Менгли-Гирея было девять сыновей, а именно: Магометъ, Серей, Ахметъ, Махмудъ, Бетый, утонувшій въ Валахіи въ 1510 г., Бурнасъ, Мубархъ, Садехъ [2]) и два другіе, имена которыхъ неизвѣстны.

Перекопскіе татары живутъ въ шестомъ климатѣ, тепломъ и мягкомъ и потому, казалось бы, должны быть милосерднѣе и человѣчнѣе другихъ, на самомъ же дѣлѣ они остались вѣрны своей первоначальной природѣ, жестокой и хищнической, подобно волкамъ или инымъ дикимъ звѣрямъ; ибо не проходитъ года, чтобы они не являлись самымъ предательскимъ образомъ грабить и опустошать русскія области, Литву, Валахію, Польшу, а нерѣдко и самую Московію.

---

[1]) Послѣ смерти Ачи-Гирея ханскій престолъ занялъ старшій изъ его сыновей Нуръ-Даулетъ; младшій братъ Менгли-Гирей вступилъ въ борьбу съ нимъ и, опираясь на помощь турокъ, принудилъ Нуръ-Даулета и другаго брата, помогавшаго ему, Хойдера, бѣжать изъ Крыма. Изгнанные царевичи бѣжали въ Москву, гдѣ поступили на службу къ царю Ивану Васильевичу. (Смирновъ—Крымское ханство, стр. 251).

[2]) Изъ сыновей Менгли-Гирея трое занимали послѣ его смерти ханскій престолъ: Мухаметъ, Саадетъ и Сахыбъ-Гиреи.

Татары третьей орды называются казанскими, по имени крѣпости Казани, расположенной на рѣкѣ Волгѣ на границѣ съ Московіею; они поселились здѣсь, отдѣлившись, подобно прочимъ, отъ главной джагатайской орды. Казанская орда располагаетъ 12,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, а въ случаѣ необходимости могла бы стянуть до 30,000, призвавши на помощь своихъ союзниковъ. Впрочемъ, составляющіе ее татары находятся въ полномъ подчиненіи московскому князю, который располагаетъ ими по своему усмотрѣнію и назначаетъ въ ханы кого пожелаетъ.

Четвертая орда, новѣйшая по времени, возникшая позже всѣхъ названныхъ, оккасійская или ногайская, еще недавно отдѣлившаяся отъ заволжской. Ибо послѣ того, какъ одинъ изъ подданныхъ великаго хана Оккасъ, личность чрезвычайно мужественная и отважная, былъ казненъ, его сыновья, въ количествѣ тридцати, отдѣлились отъ заволжцевъ и удалились въ окрестности сарайской крѣпости около 1450 года. Въ короткое время родъ ихъ до того размножился и усилился, что теперь это самая многолюдная изъ всѣхъ ордъ. Живутъ они сѣвернѣе другихъ, въ болѣе холодной странѣ въ сосѣдствѣ съ Московіею на восточной ея границѣ, куда онѣ нерѣдко вторгаются, причиняя многія бѣдствія и разоренія, точь въ точь какъ перекопцы или заволжцы въ Червоной Руси, Польшѣ и Валахіи. Потомки Оккаса понынѣ господствуютъ надъ ногайцами, которые не знаютъ еще употребленія монеты; вся ихъ торговля состоитъ въ обмѣнѣ рабовъ, скота и лошадей.

Вотъ четыре главнѣйшія орды тѣхъ татаръ, которые наводятъ страхъ не только на сосѣдей, но и на самые отдаленные народы и племена и одно имя которыхъ приводитъ въ трепетъ даже грудныхъ дѣтей. И дѣйствительно, ихъ справедливо можно признать истинною заразою, созданною на погибель рода человѣческаго. Существуетъ еще много другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ отпрысковъ и развѣтвленій этого нечестиваго племени, но всѣ они отдѣлились отъ указанныхъ выше и теперь живутъ и дѣйствуютъ самостоятельно. Они владѣютъ обширными кочевьями въ неизмѣримыхъ степяхъ, или вѣрнѣе сказать пустыняхъ, простирающихся къ востоку до самаго

Катая и границъ Китая. Количество этого народа неисчислимо, подобно песчинкамъ въ морѣ или звѣздамъ на небѣ.

Однако, несмотря на ихъ крайнюю дикость и неспособность къ какой бы то ни было гражданственности, они все же соблюдаютъ извѣстный этикетъ и порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ, при чемъ величайшій почетъ и повиновеніе оказывается ихъ государямъ, называемымъ ханами. Слѣдующія степени знатности составляютъ: солтанъ или сынъ хана, бей, эмиръ, мурза, т. е. сынъ эмира; олбудъ—совѣтникъ, олваудулу—сынъ дворянина; сеидъ-верховный жрецъ или первосвященникъ, пользующійся такимъ почетомъ, что самъ ханъ подходитъ къ нему пѣшій и подаетъ руку, не дожидаясь, пока тотъ сойдетъ съ коня. Подобной чести не оказывается никому другому, такъ какъ знатнѣйшіе вельможи, князья и сановники могутъ прикасаться только къ колѣнамъ хана, дворяне къ его ногамъ, а простой народъ къ одеждѣ. Сверхъ того существуетъ еще четверо лицъ, изъ которыхъ первый называется ширни, второй баринъ, третій гарни и четвертый тзиптзанъ, которые составляютъ совѣтъ хана по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ.

К. М.

Леонардъ Горецкій.

Описаніе войны Ивоніи, господаря волошскаго.

(1574).

Сочиненіе Горецкаго представляетъ памятникъ весьма интересный для исторіи борьбы Польши съ Турціею во второй половинѣ XVI столѣтія за гегемонію надъ Молдавіею. Отношеніе этого памятника къ исторіи южной Россіи состоитъ не только въ томъ, что борьба происходила въ области, сопредѣльной съ южною Русью; памятникъ этотъ, вслѣдствіе недоразумѣнія, основаннаго на употребленной въ немъ терминологіи, послужилъ источникомъ одного изъ ошибочныхъ положеній относительно времени возникновенія и дѣятельности первоначальнаго козачества; недоразумѣніе это было принято большинствомъ писателей, занимавшихся южно-русскою исторіею и до того укоренилось въ общественномъ мнѣніи, что подало даже поводъ къ составленію подложныхъ эпическихъ произведеній, воспѣвавшихъ подвиги одного изъ героевъ разсказа Горецкаго—мнимаго козацкаго гетмана Свирчовскаго.

Полагаемъ, что болѣе близкое знакомство съ самымъ памятникомъ будетъ способствовать къ разъясненію этого историческаго недоразумѣнія.

Леонардъ Горецкій былъ польскій дворянинъ, по вѣроисповѣданію кальвинистъ; въ качествѣ протестанта онъ пользовался покровительствомъ познанскаго кастеляна графа Андрея Гурки, вокругъ котораго группировались болѣе культурныя силы польскаго протес-

тантизма. Горецкій принадлежалъ къ группѣ протестантскихъ польскихъ писателей, посвятившихъ свои труды исторіи; въ исторической литературѣ второй половины XVI столѣтія онъ занимаетъ почетное мѣсто на ряду со своими современниками и единовѣрцами: Мартиномъ Бѣльскимъ и Яномъ Ласицкимъ. Онъ составилъ на латинскомъ языкѣ обширную исторію Польши въ двадцати книгахъ, доведенную до смерти короля Сигизмунда I, и занятъ былъ составленіемъ ея продолженія до восшествія на престолъ короля Стефана; это видно изъ введенія и посвященія, приложенныхъ къ настоящему сочиненію, которое представляетъ эпизодъ предположеннаго продолженія. Большое сочиненіе Горецкаго не было издано и рукопись его утрачена; уцѣлѣлъ только эпизодъ „о войнѣ Ивоніи“, благодаря тому обстоятельству, что авторъ поднесъ его съ особымъ посвященіемъ Андрею Гуркѣ, послѣдній же напечаталъ этотъ трудъ въ 1578 году во Франкфуртѣ, въ типографіи Вехеля, въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: „Descriptio belli Ivoniae voivodae Valachiae, quod anno 1574 cum Selimo II, turcarum imperatore, gessit“. Этотъ трудъ Горецкаго былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Николаемъ Генигеромъ въ видѣ приложенія къ его сочиненію, вышедшему въ Базелѣ 1578 года подъ заглавіемъ: „Hoffhaltung des türckischen Kaisers ûnd othomanischen Reichs Beschreibung biss auff dies 1578, Iahr ersteckt und ausgefüret“.— Вслѣдъ затѣмъ онъ вошелъ въ составъ третьяго тома историческаго сборника, вышедшаго въ Франкфуртѣ въ 1584 году, подъ заглавіемъ: „Rerum polonicarum tomi tres“, въ качествѣ дополненія къ сочиненіямъ Гвагнино.

Но еще раньше своего появленія въ печати, этотъ трудъ Горецкаго былъ извѣстенъ, вѣроятно въ рукописи, его современнику, историку Мартину Бѣльскому († 1575), который занесъ его въ сокращенномъ видѣ подъ 1574 годомъ въ свою „Кронику польскую“.

Въ XVII столѣтіи монографіею Горецкаго пользовался при составленіи своихъ сочиненій Симеонъ Старовольскій; очевидно, что сообщаемыя имъ краткія извѣстія о войнѣ Ивоніи и о гетманѣ Свир-

човскомъ [1]) заимствованы изъ разсказа Горецкаго. Тотъ же разсказъ съ значительными амплификаціями вошелъ въ составъ сочиненія львовскаго кастеляна, воеводы подольскаго, Андрея-Максимиліана Фредра († 1679), носившаго заглавіе: Gesta populi Poloni sub Henrico Valesio". Наконецъ, въ исходѣ XVII столѣтія разсказъ Горецкаго проникъ въ южно-русскіе хронографы. Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ его въ „Лѣтописцѣ", составленномъ въ 1699 году въ Выдубицкомъ монастырѣ, монахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ [2]). По словамъ самого Боболинскаго, онъ заимствованъ составителемъ „Лѣтописца" изъ кроники Мартина Бѣльскаго и переведенъ имъ почти буквально.

Въ XVIII столѣтіи составители малороссійскихъ лѣтописей продолжаютъ пользоваться разсказомъ Горецкаго, заимствуя его изъ пересказа Бѣльскаго. Такъ, полный переводъ текста М. Бѣльскаго мы встрѣчаемъ въ „Собраніи историческомъ" Стефана Лукомскаго [3]) и краткія замѣтки и извлеченія изъ того же разсказа въ „Лѣтописи" Грабянки, въ „Хронологіи высокославныхъ, ясневельможныхъ гетмановъ", въ „Именной переписи малороссійскихъ гетмановъ", въ „Лѣтописцѣ" Якова Лизогуба, въ „Повѣсти о томъ, что случилось на Украинѣ", въ лѣтописи Рубана и т. д. Въ то же самое время разсказомъ Горецкаго пользуются и иностранные ученые, пытавшіеся составить первые опыты систематической исторіи козачества. Такъ напримѣръ, краткую замѣтку о Свирчовскомъ, заимствованную изъ малорусскихъ пересказовъ, мы встрѣчаемъ у Миллера и весьма подробный разсказъ о войнѣ Ивоніи, составленный просто уже по сочиненію Горецкаго, у Энгеля [4]).

---

[1]) Simonis Starovolscii—Institutorum rei militaris libri VIII. Cracoviae, 1639, стр. 154 и 256. Его же—Sarmatiae bellatores, стр. 101.

[2]) См. Южнорусскія лѣтописи, изданныя Н. Бѣлозерскимъ, стр. 110, 130; Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси. Кіевъ 1888, стр. 3; Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ, стр. 1.—Краткая лѣтопись Малыя Россіи, Василія Рубана, стр. 7; Лѣтопись Грабянки, стр. 21.

[3]) Миллеръ. О малороссійскомъ народѣ и запорожцахъ, изд. Бодянскаго, Москва, 1846, стр. 4.

[4]) Engel. Geschichte der Ukraine, Halle, 1796, стр. 72—74.

Невѣдомый намъ составитель „Исторіи Русовъ“ воспользовался разбросанными въ козацкихъ лѣтописяхъ краткими извѣстіями о Свирчовскомъ и войнѣ Ивоніи и, слѣдуя усвоеннымъ имъ пріемамъ, составилъ на основаніи этихъ замѣтокъ довольно пространный разсказъ о гетманствѣ Свирчовскаго, украсивъ его фантастическими подробностями и испещривъ анахронизмами. По его словамъ, Свирчовскій до гетманства занималъ должность генеральнаго обознаго (въ то время еще не существовавшую), затѣмъ состоялъ въ союзѣ съ господаремъ Лупуломъ, сражался съ Кара-Мустафою и т. д.—Талантливое, но совсѣмъ не историческое повѣствованіе Исторіи Русовъ оказалось не безъ вліянія на послѣдующихъ историковъ Малороссіи. Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ повторили этотъ разсказъ въ болѣе или менѣе сокращенныхъ варіантахъ [1]).

Такимъ образомъ первоначальный разсказъ Горецкаго, пройдя черезъ нѣсколько пересказовъ и подвергшись совершенной передѣлкѣ въ Исторіи Русовъ, является у послѣднихъ названныхъ историковъ съ характеромъ легендарнымъ, фантастическимъ, утратившимъ всякую историческую достовѣрность. Между тѣмъ какъ бы въ подтвержденіе подробностей, заключающихся въ этомъ легендарномъ разсказѣ, начали появляться въ разныхъ историческихъ сборникахъ будто народныя историческія пѣсни о Свирчовскомъ; такія пѣсни впервые напечатаны въ „Запорожской Старинѣ“ затѣмъ въ сборникѣ украинскихъ народныхъ пѣсенъ Максимовича 1834 г. и въ Малорусскомъ литературномъ сборникѣ, изданномъ Мордовцевымъ въ Саратовѣ въ 1859 году; всѣ онѣ повторяли, согласно Исторіи Русовъ, имя Свирчовскаго въ передѣлкѣ „Свѣрговскій“ [2]) и считали этого псевдогетмана, со словъ того же источника, погибшимъ во время приступа къ городу Киліи.—Въ настоящее время критика доказала апокрифическое происхожденіе многихъ народныхъ думъ „Запорожской Старины“; что же касается другихъ двухъ сборниковъ, то кажется, они просто заимствовали изъ нея думу о Свирчовскомъ.

---

[1]) Исторія Русовъ стр. 23—24. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, т. I, стр. 131—136. Маркевичъ. Исторія Малороссіи, т. I, стр. 52—56.

[2]) Еще въ концѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе ошибки въ транскрипціи, малорусскіе лѣтописцы передѣлали имя Свирчовскаго въ Свѣрговскаго.

Только послѣ 1855 года историки южно-русскаго козачества вновь возвратились къ первоисточнику, благодаря тому обстоятельству, что въ указанномъ году сочиненіе Горецкаго было издано вновь, въ польскомъ переводѣ, Владиславомъ Сырокомлею [1]). Н. И. Костомаровъ обратилъ вниманіе на это изданіе и на основаніи его составилъ монографію, озаглавленную: „Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI вѣка“ [2]). Все изложеніе и эпизоды этой монографіи основаны на повѣствованіи Горецкаго, но талантливый историкъ не обратилъ должнаго вниманія на судьбу самаго источника, на многочисленныя заимствованія, передѣлки и амплификаціи его разсказа и потому, на ряду съ извѣстіями современника событія Горецкаго, приводитъ данныя изъ сочиненій писателей XVII и XVIII столѣтій, которые заимствовали собственно изъ того же Горецкаго посредственно или непосредственно свои свѣдѣнія и передавали ихъ въ искаженномъ видѣ. Такъ, онъ противопоставляетъ Горецкому данныя Федра, Грабянки, Миллера и даже Исторіи Русовъ и мнимыхъ народныхъ думъ.

Разсматривая самое сказаніе Горецкаго, мы не можемъ не обратить вниманіе на употребленную имъ номенклатуру, которая и подала поводъ къ передѣлкамъ и недоразумѣніямъ позднѣйшихъ писателей. Горецкій называетъ ополченіе, ходившее въ помощь Ивоніи „козаками“ и предводителя ихъ Свирчовскаго „гетманомъ“. Малорусскіе лѣтописцы и писатели XVIII и XIX столѣтія поняли эти слова въ томъ смыслѣ, будто дѣло идетъ о малорусскихъ, днѣпровскихъ или запорожскихъ козакахъ и о малорусскомъ козацкомъ гетманѣ въ томъ значеніи, какое получилъ гетманъ послѣ Хмельницкаго. Между тѣмъ и то, и другое предположеніе ошибочны: историческіе польскіе писатели XVI столѣтія называли козаками вообще всякую милицію, самопроизвольно собравшуюся въ походъ безъ вѣдома своего правительства; въ такомъ именно смыслѣ у современника Горецкаго—Матвѣя Стрыйковскаго, упоминаются козаки-крестоносцы,

---

[1]) Оно появилось въ историческомъ сборникѣ, носящемъ общее заглавіе: „Dziejopisowie krajowi“.

[2]) См. Историческія монографіи и излѣдованія, т. II, стр. 3—33.

козаки польскіе, литовскіе, нѣмецкіе, татарскіе и т. п.—Самъ Горецкій, назвавъ козаками ополченіе, ходившее въ Молдавію, впослѣдствіи, когда желаетъ назвать его участниковъ по національности, называетъ ихъ поляками. Изъ приведенныхъ имъ данныхъ и именъ сподвижниковъ Свирчовскаго мы видимъ, что ополченіе это состояло исключительно изъ дворянъ воеводствъ подольскаго, брацлавскаго и другихъ; всѣ упомянутые Горецкимъ лица носятъ фамиліи польскія, дворянскія.

Точно также и титулъ гетмана польскіе писатели XVI вѣка даютъ всякому независимому военачальнику, предводительствующему самостоятельнымъ отрядомъ войска. Въ этомъ смыслѣ названъ гетманомъ и Свирчовскій; ставить его въ ряду малороссійскихъ гетмановъ невозможно уже потому, что въ то время должность малороссійскаго гетмана еще не существовала. До 1569 года днѣпровскими козаками управляли старосты пограничныхъ повѣтовъ, а послѣ этого года, до времени Петра Конашевича Сагайдачнаго, чиновники, носившіе оффиціальный титулъ „старшаго козацкаго". Свирчовскій принялъ подъ свое начальство отдѣльные шляхетскія партіи уже въ Молдавіи, куда они пришли въ количествѣ 800 человѣкъ пятью отдѣльными отрядами, изъ которыхъ каждый имѣлъ самостоятельнаго предводителя. Отряды эти по словамъ Горецкаго, состояли изъ легкой польской конницы и сформировались нѣсколько раньше, намѣреваясь предпринять набѣгъ съ цѣлью военной добычи на берегахъ Чернаго моря, но были отозваны въ Молдавію вслѣдствіе приглашенія Ивоніи.

К. М

Приступая къ исторіи войны молдавскаго господаря съ турецкимъ султаномъ Селимомъ, считаю умѣстнымъ сдѣлать выписку изъ второй книги „Исторіи польскаго народа", которую я оставилъ въ двадцати книгахъ и довелъ до смерти Сигизмунда I. Я выпишу оттуда свѣдѣнія о географическомъ положеніи Молдавіи, о плодородіи ея почвы, о количествѣ народонаселенія, его обычаяхъ и т. п.

Волощина, извѣстная нѣкогда подъ именемъ Мизіи и Дакіи, граничитъ на востокѣ съ Чернымъ моремъ, на югѣ съ рѣкою Истромъ или Дунаемъ, на западѣ съ Трансильваніею и на сѣверѣ съ Червоною Русью. Весь этотъ край дѣлится на двѣ части: Закарпатскую Валахію и Молдавію. Въ восточной части Закарпатской Валахіи находится изобилующее рыбою озеро, которое образуется нижнимъ теченіемъ рѣчки Прута или Гирасуса, притока Дуная. На западѣ она прилегаетъ къ границамъ Трансильваніи. Въ ней понынѣ сохранились замѣчательныя 34 арки отъ моста на Дунаѣ, построеннаго Трояномъ. На сѣверѣ границу ея составляетъ небольшой потокъ Гойна, впадающій въ Дунай, который своими извилинами образуетъ небольшой островъ, упоминаемый древними писателями и извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Барильяна. Дунай вытекаетъ изъ Арбонскихъ горъ въ Германіи (Шварцвальдъ), близъ швабскаго города Ротвейль, у села Донаушингенъ. Вначалѣ онъ протекаетъ по Иллиріи, гдѣ носитъ названіе Истеръ; затѣмъ принимаетъ около 60 притоковъ, изъ которыхъ половина судоходныхъ, и шестью большими рукавами вливается въ море.

Другая часть Румыніи, изобилующая полями и пастбищами, стадами и прекрасными боевыми лошадями, называется Молдавіею, по имени рѣки Молдавы [1]), протекающей посрединѣ этой страны. Лежитъ она нѣсколько ниже верховьевъ рѣки Серета [2]) у подошвы Трансильванскихъ горъ, на мѣстѣ древней Дакіи и имѣетъ видъ огромнаго амфитеатра, обращеннаго на западъ. Столица воеводъ молдавскихъ Сочава лежитъ надъ р. Серетомъ; затѣмъ эта рѣка принимаетъ небольшіе, но обильные водою потоки: Гойну, Добенису и Арлу, дѣлается многоводною и протекаетъ по Молдавіи и Валахіи, гдѣ вливается въ Ольту или Алюту [3]). Сѣверные предѣлы Молдавіи окаймляетъ большая рѣка Тирасъ, обыкновенно называемая Днѣстромъ.

---

¹) Правый притокъ Серета.

²) Въ текстѣ ошибочно вмѣсто Серета названъ Прутъ. Сочава лежитъ не на Серетѣ, а на правомъ его притокѣ, рѣкѣ Сочавѣ.

³) Также географическая ошибка: Серетъ впадаетъ прямо въ Дунай, Алюта же вливается въ Дунай значительно выше Серета.

Рѣка эта вытекаетъ изъ горъ Сарматскихъ или Карпатъ и направляется къ Черному морю по границѣ Подоліи и Червоной Руси.

Кто впервые владѣлъ страною, извѣстною нынѣ подъ именемъ Молдавіи, о томъ ничего достовѣрнаго нельзя почерпнуть у древнихъ писателей. Подобно Венгріи, Молдавія послѣдовательно служила мѣстомъ жительства многихъ народовъ. Происхожденіе нынѣшняго молдавскаго народа приписываютъ римскому полководцу Флакку, имя котораго, видоизмѣняемое съ теченіемъ времени, должно было сообщить Волощинѣ ея названіе. Ибо съ того времени, когда Флаккъ занялъ Мизію или Дакію, простиравшуюся за Дунаемъ до самой Скиѳіи, — край, о которомъ мы говоримъ, началъ называться Флакціею, а путемъ искаженія названіе это измѣнилось въ слово Валахія. Въ Валахіи сохранились не только римскіе законы, судопроизводство и обычаи, но сверхъ того еще многія выраженія латинскаго языка, вслѣдствіе чего многіе принимаютъ валаховъ за народъ, тождественный съ итальянцами и даже сами нѣмцы называютъ оба эти народа однимъ общимъ именемъ *Welchen*. О причинахъ, въ силу которыхъ Флаккъ занялъ эту страну, Эней Сильвій, бывшій впослѣдствіи римскимъ первосвященникомъ, разсказываетъ, что когда во времена императора Трояна даки или готы задумали освободиться отъ ига римлянъ, то туда посланъ былъ Флаккъ съ 30,000 воиновъ, которыхъ онъ посылалъ въ качествѣ земледѣльцевъ съ обязательствомъ продовольствовать римскіе гарнизоны, охранявшіе границы отъ скиѳовъ и сарматовъ. Съ теченіемъ времени и по изгнаніи готовъ, край, названный по имени Флакка, перешелъ къ римлянамъ. Можно было бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, но иные увѣряютъ, что Сильвій, ослѣпленный славою собственнаго края, былъ склоненъ писать вымыслы. Позднѣйшіе историки признаютъ то же начало для нынѣшней Молдавіи, но приводятъ иныя причины поселенія здѣсь римлянъ, — по ихъ словамъ, здѣсь были водворены изгнанники, а не воины, число которыхъ было такъ велико, что они вытѣснили не только туземцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и готовъ, выстроили мостъ черезъ Дунай и раздѣлились на двѣ части, т. е. на закарпатскихъ валаховъ и молдаванъ.

Обѣ страны имѣютъ собственныхъ правителей. Закарпатская Валахія, которую турки называютъ Карабогданъ, по причинѣ воздѣлываемой въ ней гречихи, имѣетъ въ Тырговищѣ столицу своихъ господарей, которые находятся въ зависимости отъ турокъ и платятъ имъ огромныя суммы золотомъ въ качествѣ обычной дани, называемой гарачемъ. Такъ покупаютъ они позорный миръ и не могутъ освободиться отъ ига, потому что на противоположномъ берегу Дуная, на мѣстѣ поселеній древнихъ изибальтовъ, въ Сербіи и Болгаріи, существуетъ множество неприступныхъ турецкихъ крѣпостей.

Другая половина Волощины, которую Днѣстръ отдѣляетъ отъ Подолія, также платила гарачъ туркамъ со времени султана Магомета, овладѣвшаго Константинополемъ. Но въ прошедшемъ году, послѣ того какъ Ивонія былъ измѣннически схваченъ турками и преданъ мучительной смерти, Валахія и Молдавія были включены въ число турецкихъ владѣній. Сперва воеводы молдавскіе платили легкую дань турецкимъ султанамъ: Казимиръ, отецъ короля Сигизмунда I, занятый войною съ крестоносцами, не могъ оказать поддержки воеводѣ Петру [1]) противъ Магомета, который въ 1455 году наложилъ на него гарачъ въ 2,000 червонцевъ. Впослѣдствіи, когда турецкіе султаны были заняты войнами въ Азіи, Персіи, Аравіи и Египтѣ, Молдавія подчинялась то венграмъ, то полякамъ; но, когда силы ея возросли, разбила нѣсколько разъ польскія войска, сбросила съ себя господство венгровъ и снова подчинилась туркамъ. Молдаване неоднократно приносили присягу на вѣрность польскимъ королямъ и пребывали ихъ ленниками, но это продолжалось лишь до новаго разрыва; впрочемъ при большой предусмотрительности со стороны покойнаго короля Августа, Молдавія могла бы навсегда остаться подъ властью Польши. Альбертъ Ласкій, мужъ великій въ бою и въ совѣтѣ, долго владѣвшій хотинскою крѣпостью въ Молдавіи, просилъ короля Августа прислать ему подкрѣпленіе, послѣ чего вся страна легко признала бы его господство. Еще раньше тотъ же Ласкій, вмѣстѣ съ Ляхоцкимъ, Филипповскимъ и другими, возвратилъ господарскій

---

[1]) Воевода Петръ III Ааронъ княжилъ въ 1450—1458 годахъ.

престолъ Якову, который происходилъ изъ древняго владѣтельнаго рода этой страны [1]. Послѣ гибели Александра вспыхнула жестокая война, господарь былъ предательски убитъ молдаванами, а Вишневецкаго, знаменитаго рыцаря, выдали туркамъ, которые предали его мучительной смерти. Ласкій держался еще нѣкоторое время подъ Хотиномъ, желая отстоять дѣло Александра [2]. Александру наслѣдовалъ сынъ его Богданъ, этому послѣднему Ивонія, исторію котораго я намѣренъ разсказать. Послѣ пораженія войскъ Богдана при помощи турокъ онъ нѣкоторое время княжилъ въ Молдавіи.

И прежде бывали въ Молдавіи славные и воинственные господари, особенно славенъ Стефанъ, нанесшій нѣсколько пораженій венгерскимъ и татарскимъ войскамъ и бывшій грозою главныхъ враговъ

---

[1]) Яковъ, занимавшій столъ молдавскаго господарства въ теченіе двухъ лѣтъ (1562—1564) и овладѣвшій имъ съ помощью Ласкаго, принадлежалъ къ числу ловкихъ политическихъ авантюристовъ. Яковъ Василаки былъ родомъ грекъ изъ острова Крита, онъ долгое время странствовалъ по Европѣ, занималъ различныя должности въ Римѣ, Испаніи, Германіи, Даніи и Польшѣ. Находясь въ Испаніи, онъ завладѣлъ документами встрѣтившагося ему тамъ его земляка Якова Ираклидеса, бывшаго деспота Самоса и Пароса, и принялъ его имя; затѣмъ составилъ подложную генеалогію, въ которой пытался установить свое родство по женской линіи съ династіею молдавскихъ господарей Драгошей, прекратившеюся въ 1552 году, и на ея основаніи добивался молдавскаго стола съ помощью польскаго магната Ласкаго. Очевидно, въ Польшѣ подложная генеалогія Василаки пользовалась полнымъ довѣріемъ, вслѣдствіе чего и Борецкій придаетъ ей серьезное значеніе. (Engel. Geschichte der Walachei und Moldau, стр. 196. Палаузовъ—Валахія и Молдавія, гл. III).

[2]) Александръ Лопушано (1552—1562 и 1564—1566) былъ первый избирательный господарь Молдавіи, занявшій столъ послѣ прекращенія династіи Драгошей. Упорная и веденная имъ съ страшною жестокостью борьба съ боярами возбудила противъ него оппозицію этого сословія и облегчила Якову Василаки достиженіе престола; но послѣдній не могъ также сладить съ боярами; его религіозный индиферентизмъ, покровительство, оказываемое имъ социніанамъ, и значительные налоги, которые онъ вынужденъ былъ назначить, послужили поводомъ къ возстанію. Явилось нѣсколько претендентовъ на господарство, въ томъ числѣ молдавскій гетманъ Томза и кн. Дмитрій Вишневецкій, увлеченный въ Молдавію Альбертомъ Ласкимъ, который бросилъ Якова, не удовлетворившаго его честолюбивыхъ и корыстныхъ надеждъ. Вишневецкій былъ разбитъ Томзою и выданъ туркамъ, отъ руки Томзы погибъ и Василаки, тѣмъ не менѣе господарство досталось не Томзѣ. Во время междоусобной войны Александръ Лопушано, проживавшій въ Константинополѣ, успѣлъ подарками и обѣщаніями склонить на свою сторону турецкое правительство. Онъ былъ назначенъ вторично воеводою Молдавіи, но черезъ два года погибъ отъ отравы.

своихъ турокъ, которыхъ многочисленныя арміи онъ истреблялъ не однократно. Къ числу болѣе извѣстныхъ господарей этой страны принадлежитъ Дракула, которому венгерскій король Матвѣй подарилъ крѣпости Чижову и Цехиль, лежащія на границѣ Трансильваніи съ Малдавіею, въ награду за то, что онъ отнялъ у турокъ городъ Мункастро. Не менѣе славенъ военною доблестью былъ воевода Петръ, враждовавшій съ султаномъ Солиманомъ и потерпѣвшій пораженіе у Обертына отъ храбраго гетмана Тарновскаго въ царствованіе Сигизмунда I.

Вѣра и обряды молдаванъ весьма близки къ церкви греческой и армянской; священники у нихъ женятся. Молдаване особенно славятся конницей, даже бѣднѣйшіе изъ нихъ имѣютъ верховыхъ лошадей, годныхъ для походовъ и сраженій. Подобно венграмъ, они вооружены щитомъ, шлемомъ и копьемъ; употребляютъ въ битвѣ также лукъ и стрѣлы. Порода ихъ лошадей крѣпкая, ретивая, славится не столько быстротою бѣга, сколько выносливостью и силою; здѣсь установился обычай прокалывать ноздри лошадямъ для того, чтобы облегчить имъ дыханіе; вслѣдствіе этого здѣшняя лошадь, даже во время лѣтняго зноя, можетъ втеченіе трехъ дней выдерживать напряженіе военнаго похода. Народъ молдавскій легкомысленъ и непостояненъ по отношенію къ своимъ властителямъ. По самому ничтожному поводу составляются заговоры, господари лишаются престола и на ихъ мѣсто возводятся другія лица, иногда самаго низкаго происхожденія; ибо они не обращаютъ вниманія на знатность рода, а только на богатство. Край этотъ очень богатъ, особенно славится большимъ количествомъ весьма крупнаго рогатаго скота, который жители сбываютъ на Руси и въ Германіи. Изъ плодовъ Молдавія особенно изобилуетъ виномъ, ячменемъ и пшеницею. Армянскіе торговцы провозятъ черезъ Молдавію изъ Турціи въ Польшу различные товары, служащіе предметами роскоши, какъ то: вино малвазію, перецъ, шафранъ, благовонія и ковры. Сдѣлавши этотъ краткій обзоръ Молдавіи, перейдемъ къ историческому изложенію тѣхъ событій, которыя мы намѣревались описать.

Богданъ, получившій Молдавію по смерти Александра, такъ сильно возненавидѣлъ господство турокъ, что заключилъ съ польскимъ

королемъ Августомъ, умершимъ въ 1572 году, вѣчный миръ, въ силу котораго получилъ право посѣщать знатнѣйшіе дома на Руси и искать въ нихъ для себя невѣсту. Въ силу того же договора онъ обязался въ случаѣ войны доставить Августу 20,000 вооруженныхъ всадниковъ. Поговаривали всюду, будто онъ намѣревается купить на Руси помѣстья и поселиться тамъ на случай, если бы вѣроломные молдаване свергли его съ престола. Король Августъ не довѣрялъ туркамъ, которые еще при жизни Солимана, отца Селима, нерѣдко производили вооруженные набѣги на Русь приднѣстровскую, разоряли замки, города и села и уводили въ плѣнъ множество народа и значительные стада скота. Союзъ съ Богданомъ въ случаѣ войны съ турками обезпечивалъ Польшѣ помощь со стороны Молдавіи, которая, находясь посрединѣ между Польшею и Турціею, представляла какъ бы щитъ и крѣпкую стѣну, удерживающую напоръ варваровъ. Польскіе магнаты, сознавая эти обстоятельства, были расположены къ союзу съ Богданомъ; онъ жъ, полагаясь на дружбу великаго монарха, часто бывалъ на Руси, посѣщалъ дома болѣе знатныхъ лицъ, расположеніе которыхъ онъ старался снискивать богатыми подарками. Когда эти обстоятельства сдѣлались извѣстны султану Селиму, вступившему на престолъ послѣ смерти отца, онъ вознегодовалъ на то, что польскому королю въ силу договора обѣщано было господаремъ столь численное вспомогательное войско, и рѣшился втайнѣ низложить Богдана, предоставивши господарство другому лицу. Онъ опасался, чтобы поляки, воинственные сами по себѣ, не пріобрѣли рѣшительнаго надъ нимъ перевѣса при содѣйствіи Богдана и цѣлой Молдавіи. Между тѣмъ господарь возбудилъ также большое къ себѣ нерасположеніе среди молдаванъ за то, что заключилъ тѣсный союзъ съ поляками и обѣщалъ имъ вспомогательное войско отъ имени народа, но безъ его вѣдома; притомъ онъ обѣщалъ отдать въ замужество свою сестру Крыштофу Зборовскому, брату краковскаго воеводы Петра, какъ раньше отдалъ другую сестру замужъ за русина Каспера Пановскаго. Бракъ этотъ былъ весьма желателенъ для Зборовскаго, ожидавшаго получить богатое приданое; чтобы скорѣе покончить это дѣло, Зборовскій посѣтилъ Богдана въ Молдавіи съ многочисленною бле-

стящею свитою. Совершенно для него неожиданно господарь отказалъ ему въ рукѣ сестры. Зборовскій возвратился на Русь, гдѣ владѣлъ обширными помѣстьями, и рѣшился отомстить ему при первой возможности. Случай къ тому вскорѣ представился, такъ какъ Богданъ также отправился на Русь къ Яну Тарлу, на дочери котораго, дѣвицѣ, исполненной красоты и добродѣтели, намѣренъ былъ жениться. Когда онъ на саняхъ переправился по льду черезъ Днѣстръ и въ сопровожденіи одного или двухъ придворныхъ далеко опередилъ свою свиту, онъ встрѣтилъ пажа Зборовскаго, который со слезами на глазахъ жаловался, будто бы потерялъ письма, порученныя ему его господиномъ. Затѣмъ пажъ во весь опоръ понесся къ Зборовскому и извѣстилъ его, что встрѣтилъ господаря, ѣхавшаго безъ всякаго конвоя. Зборовскій немедленно бросился въ погоню съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ и настигъ его, благодаря быстротѣ своихъ лошадей; въ послѣдовавшей затѣмъ схваткѣ Богданъ былъ раненъ въ ухо шляхтичемъ Сецыгніовскимъ и взятъ въ плѣнъ. Зборовскій объявилъ, что выпуститъ его изъ темницы не иначе, какъ получивши отъ него вознагражденіе за убытки, понесенныя имъ на путешествіе въ Молдавію. Находясь въ крайности, Богданъ уплатилъ ему 6,000 червонцевъ и обязался въ опредѣленный срокъ уплатить остальную претензію. За него поручился Пановскій.

Этотъ поступокъ Зборовскаго сильно не понравился королю Августу. Съ другой стороны молдаване, не довѣряя Богдану и негодуя за то, что онъ уѣхалъ въ Польшу, просили Селима назначить имъ другаго господаря. Назначенъ былъ Ивонія, о которомъ думаютъ, что онъ полякъ, родомъ изъ Мазовіи, самъ же онъ утверждалъ, что онъ потомокъ древнихъ господарей молдавскихъ[1]). Это былъ человѣкъ высокаго роста, представительной наружности, лицо его было красиво, взглядъ пріятный, внушающій уваженіе, тѣлосложеніе крѣпкое. Еще при жизни Солимана, послѣ смерти господаря Александра, онъ искалъ молдавскаго воеводства, но тогда это званіе

[1]) Происхожденіе Ивоніи осталось неизвѣстнымъ; онъ выдавалъ себя за побочнаго сына господаря Стефана VII, но въ подтвержденіе этого заявленія не имѣлъ ни документовъ, ни другихъ доказательствъ.

было предоставлено Богдану. Послѣ этой неудачи онъ часто посѣщалъ и Турцію, и Русь вмѣстѣ съ молдаваниномъ Іереміею Черневичемъ, измѣна котораго должна была погубить его впослѣдствіи. Для того, чтобы снискать расположеніе турокъ, Ивонія принялъ обрѣзаніе и сдѣлался мусульманиномъ, разсчитывая такимъ путемъ достигнуть значительныхъ выгодъ; онъ окружилъ себя роскошною и великолѣпною обстановкою, обратившею на себя вниманіе не только болѣе знатныхъ пашей, но и самаго Селима. Подкупивъ дарами членовъ дивана, Ивонія началъ внушать имъ подозрѣнія относительно Богдана, доказывая, что послѣдній преданъ польскому королю, и, опираясь на покровительство поляковъ, можетъ свергнуть турецкое иго. Селимъ внялъ внушеніямъ дивана и, раздраженный отсутствіемъ господаря, который оставался на Руси для излѣченія ранъ, онъ передалъ Ивоніи молдавское господарство; сверхъ того вручилъ ему значительный отрядъ войска для того, чтобы побудить народъ принести ему присягу на вѣрность. Говорятъ, что король Августъ спрашивалъ у Селима объясненія по поводу этихъ распоряженій, но тотъ отвѣтилъ, что послалъ Ивонію въ Молдавію исключительно по дѣламъ торговымъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній безъ труда подчинилъ себѣ страну и привелъ народъ къ присягѣ на вѣрность.

Есть въ Молдавіи крѣпость Хотинъ, недоступная по своему мѣстоположенію; Богданъ рѣшился занять ее сильнымъ гарнизономъ, но турки, оберегавшіе ее, отказались впустить его и дали рѣшительный отпоръ. Въ виду переворота въ Молдавіи Богданъ, на основаніи договора, потребовалъ отъ короля Августа военной помощи противъ турокъ. Король отрядилъ 4,000 конницы подъ начальствомъ подольскаго воеводы Николая Мелецкаго, вождя опытнаго и разсудительнаго, которому поручено было возстановить Богдана на господарскомъ столѣ. Но попытка эта оказалась тщетною, ибо Молдавію занимали столь численныя турецкія войска, что Мелецкій успѣлъ только занять Хотинъ въ пользу Богдана, послѣ чего принужденъ былъ отступить обратно въ Русь, причинивъ туркамъ незначительный уронъ. Во время этого похода въ числѣ другихъ отличился военною доблестью благородный рыцарь Николай Гер-

буртъ. Онъ былъ окруженъ отрядомъ турецкой конницы, но успѣлъ пробиться сквозь ея ряды, перебить многихъ непріятелей и, не получивъ ни одной опасной раны, благополучно соединился со своимъ войскомъ. Богданъ нѣкоторое время продержался въ Хотинѣ и, усиливъ укрѣпленія этого города, передалъ начальство надъ крѣпостью знатному польскому дворянину Доброславскому, а самъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ, какъ говорятъ, и поселился.

Доброславскій не долго управлялъ Хотиномъ; онъ вскорѣ сдалъ крѣпость Ивоніи по приказанію польнаго гетмана Язловецкаго, получившаго соотвѣтственное распоряженіе отъ короля Сигизмунда Августа; при томъ въ это время распространилась молва о смерти короля; Ивонія возстановилъ спокойствіе въ Молдавіи. Онъ обязался уплачивать Селиму гарачъ въ обычномъ размѣрѣ, а противниковъ своихъ, въ особенности родственниковъ Богдана, отличавшихся знатностью рода и богатствомъ, предалъ жестокимъ казнямъ. Такимъ образомъ онъ злоупотребилъ побѣдою, забывая, что подобная участь можетъ постигнуть и его самого.

Между тѣмъ господарь Валахіи Петръ [1]) былъ сильно озабоченъ тѣмъ, чтобы устроить судьбу своего брата. Расположенные къ нему совѣтники Сигизмунда подали ему мысль низвергнуть съ молдавскаго стола, въ пользу брата, Ивонію при помощи турокъ, подобно тому, какъ самъ Ивонія свергнулъ съ престола Богдана. При этомъ послѣдовали точно образу дѣйствій, которому непосредственно передъ тѣмъ слѣдовалъ Ивонія. Петръ сверхъ того обѣщалъ уплачивать двойной гарачъ, т. е. 120,000 червонцевъ, въ случаѣ если братъ его получитъ молдавское воеводство; притомъ онъ донесъ, что Ивонія, отрекшись отъ магометанства, вновь сдѣлался христіаниномъ и открыто покровительствуетъ христіанамъ, что, по примѣру Богдана, онъ завязалъ дружелюбныя сношенія съ Польшею и, опираясь на ея помощь, въ непродолжительномъ времени освободится отъ турецкаго господства. Члены дивана, убѣжденные

---

[1]) Онъ названъ ошибочно; господаремъ Валахіи былъ въ то время Александръ II, сынъ Петра II Хромаго.

этими словами и обѣщаніемъ большаго гарача, успѣли уговорить Селима отправить къ нему посольство и вызвать въ Константинополь, при чемъ онъ долженъ былъ передать послу управленіе Молдавіею. Въ случаѣ, если бы Ивонія не исполнилъ приказа, рѣшено было прибѣгнуть къ оружію. Селимъ, жадный къ деньгамъ и недавно опорожнившій свою казну на вооруженіе флота, который былъ разбитъ венеціанцами на Іоническомъ морѣ во время взятія Кипра— легко склонился на это предложеніе. Онъ отправилъ къ Ивоніи посольство, прибывшее 21 февраля, въ тотъ самый день, когда въ Краковѣ короновался краковскою короною Генрихъ Валуа.

Посолъ турецкій сказалъ слѣдующую рѣчь: „Султанъ Селимъ прислалъ меня къ тебѣ, господарь Ивонія, для того, чтобы я тебѣ передалъ приказанія, которыя ты обязанъ немедленно исполнить: ты долженъ будешь впредь уплачивать гарачъ въ двойномъ количествѣ, т. е. 120,000 червонцевъ въ годъ;—если ты не исполнишь этого требованія, то султанъ имѣетъ уже въ виду другое лицо, которое обязывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ уплачивать эту сумму. Но султанъ Селимъ, полагаясь на твою вѣрность и преданность, не желаетъ лишать тебя молдавскаго стола, если ты станешь уплачивать упомянутый гарачъ. Если же ты не исполнишь требованія, то ты долженъ немедленно уступить свой постъ и послѣдовать за мною въ Константинополь для представленія отчета за время твоего управленія. Но если ты усумнишься исполнить и это требованіе, то знай, что султанъ пришлетъ твоего преемника въ сопровожденіи многочисленнаго войска, которое займетъ Молдавію. Покорись волѣ падишаха, ибо, въ противномъ случаѣ, султанъ, доведенный до крайняго предѣла гнѣва, лишитъ тебя не только престола, но и самой жизни“.

Слова эти сильно встревожили Ивонію; онъ притворился больнымъ и приказалъ своимъ боярамъ отвести посла въ его квартиру для того, чтобы выиграть время; дѣло было слишкомъ важно и требовало обсужденія, потому онъ не рѣшился отвѣчать немедленно послу.—Такъ какъ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ сената, то Ивонія назначилъ его засѣданіе черезъ нѣсколько дней. Между тѣмъ, послѣ

ухода посла онъ сталъ обдумывать требованія султана. Онъ соображалъ, что турки вѣроломны и обыкновенно не исполняютъ обѣщаній, данныхъ даже подъ присягою христіанскимъ владѣтелямъ (непонятно, по какому праву Ивонія причислялъ себя къ нимъ, такъ какъ онъ былъ отступникомъ отъ христіанства) и выжидаютъ только предлога для того, чтобы нарушить принятыя ими обязательства. Непомѣрно большая сумма дани, которую Селимъ требуетъ отъ страны, обнищавшей и разоренной междоусобною войною, не удовлетворитъ его, напротивъ того уплата ея усилитъ его жадность; въ будущемъ году онъ вновь потребуетъ прибавки и требованіямъ его невозможно будетъ удовлетворить даже при самыхъ дружныхъ усиліяхъ всего народа; потому согласіемъ на уплату двойной дани нельзя достигнуть спокойствія и безопасности, тѣмъ болѣе, что есть какое то лицо, которое, повышая сумму дани, пытается добиться господарства.—Обдумавъ всѣ эти положенія, онъ обратился къ сенату съ слѣдующею рѣчью: „Никогда, вѣроятно, вамъ не случалось совѣщаться при болѣе трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ; Селимъ, возгорѣвшись безмѣрною жадностью, не удовлетворяется тѣмъ гарачемъ, который мы ему постоянно уплачиваемъ, и требуетъ уплаты его въ двойномъ количествѣ. Не мое дѣло побуждать васъ къ согласію на это требованіе, ибо вся тяжесть уплаты ляжетъ не на меня лично, но на васъ и на вашихъ потомковъ. Если мы откажемъ, то намъ угрожаетъ война съ грозными силами врага, опустошеніе нашей страны, пожары и грабежи. Если согласимся на требуемую уплату, то я не знаю, какимъ образомъ мы удовлетворимъ требованію при всеобщей нищетѣ вслѣдствіе разоренія страны междоусобною войною.—Пусть всякій изъ васъ выскажетъ свое мнѣніе; я, съ своей стороны, полагаю, что, въ случаѣ если мы рѣшимъ уплачивать столь непосильный гарачъ, Селимъ не удовлетворится имъ и станетъ ежегодно повышать сумму, пока не овладѣетъ всѣмъ нашимъ имуществомъ. По моему мнѣнію лучше лишиться жизни вмѣстѣ съ нашими женами и дѣтьми, чѣмъ терпѣть такія обиды. Я говорю это не изъ желанія сохранить свое имущество, ибо новый налогъ касается васъ, не меня; и потому вы опредѣленно выскажитесь: желаете ли долѣе нести по-

зорное и тягостное ярмо. Я готовъ принять дѣятельныя и усиленныя мѣры для того, чтобы этому невѣрному псу не дозволить взять съ васъ не только новой, требуемой имъ подати, но чтобы вовсе освободиться отъ гарача; я думаю, что я успѣю этого достигнуть, если вы меня дружно поддержите. Я сознаю, милые товарищи, свои обязанности по отношенію къ вамъ и вашей странѣ, за цѣлость и безопасность которой я готовъ сложить голову". Слушая его рѣчь, сенаторы съ грустью обдумывали, молча, его слова и трепетали, будто подъ вліяніемъ страшнаго кошмара.—Слова Ивоніи не были плодомъ досужаго краснорѣчія, но изображали истинное положеніе дѣлъ; дѣйствительно, турецкая неволя развивалась быстрыми шагами; и потому они предпочли смерть безчестію и униженіямъ. Они объявили, что немедленно перевезутъ свои семейства и болѣе цѣнное имущество въ хотинскую крѣпость, сами же соберутъ на свой счетъ войско для Ивоніи и отправятся на встрѣчу врагу на берега Дуная съ твердымъ намѣреніемъ отстаивать свое дѣло до послѣдней крайности, въ чемъ они принесли присягу. Ивоня, выслушавъ ихъ рѣшеніе, одобрилъ его краткою рѣчью и принялъ присягу въ томъ, что они соединятъ съ нимъ свои силы для успѣха общаго дѣла и будутъ до послѣдней крайности сражаться съ турками. Въ свою очередь онъ принесъ присягу въ томъ, что не сложитъ оружія, пока не вытѣснитъ турецкой арміи изъ Молдавіи и не заставитъ турокъ заключить почетный миръ.—Послѣ исполненія присяги, Ивонія приказалъ позвать турецкаго посла и въ присутствіи сената объявилъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Согласно данному мною раньше Селиму, какъ моему сюзерену, обязательству, я готовъ былъ уплачивать гарачъ и не помышлялъ о томъ, чтобы уклониться отъ этой обязанности. Но тягостныя требованія ежедневно возрастаютъ до такой степени, что становится невозможнымъ выносить впредь столь позорную зависимость. Удвоеннаго гарача я не въ состояніи взыскать съ моихъ подданныхъ и потому усиленно прошу Селима, чтобы онъ мнѣ не ставилъ въ вину отказа. Я ожидалъ, что дружба Селима принесетъ мнѣ не угнетеніе, а славу и защиту, и потому я добивался молдавскаго господарства, которое и получилъ въ награду

за мою вѣрность. Еще разъ усиленно его прошу не разрушать упованія, которое я на него возлагалъ". Сказавъ эти слова, онъ отправилъ посланника, не давъ ему никакихъ подарковъ, и приказалъ его проводить за Дунай, до границъ Молдавіи, подъ эскортою молдавской конницы. Такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что отвѣтъ Ивоніи раздражитъ Селима, то немедленно послѣ высылки посла начались военныя приготовленія. Пѣхотѣ было назначено жалованье, равное тому, какое получала конница. Всѣ окружили дружно Ивонію и клялись въ томъ, что будутъ бороться съ жестокимъ Селимомъ до послѣдней капли крови, что скорѣе лишатся отечества, жизни, женъ и милыхъ дѣтей, чѣмъ оставятъ дѣло своего господаря.—Тотчасъ же опредѣлено было взымать усиленную подать, для того, чтобы дать Ивоніи возможность нанять польскихъ солдатъ, которые болѣе другихъ славились мужествомъ.

Ивонія, ободренный готовностью молдаванъ къ борьбѣ, вполнѣ положился на ихъ вѣрность и отправилъ пословъ въ Краковъ, поручивъ имъ извѣстить короля Генриха и польскій сенатъ о положеніи дѣлъ въ Молдавіи и просить помощи для предстоящей трудной войны съ Селимомъ, подобно тому, какъ издревле польскіе короли всегда находились въ союзѣ съ молдавскими господарями и защищали ихъ отъ турокъ; при томъ послы должны были поставить на видъ то обстоятельство, что Польша должна оказать помощь и защиту Молдавіи въ своемъ же интересѣ; ибо она, благодаря Молдавіи, уже много лѣтъ свободна отъ турецкихъ вторженій; если же турки завладѣютъ Молдавіею, то опасность будетъ угрожать польскому королевству. Послы особенно настойчиво просили, чтобы, въ случаѣ отказа въ военной помощи, король приказалъ объявить черезъ возныхъ въ Каменцѣ, Львовѣ и въ другихъ городахъ, что господарь готовъ принять къ себѣ въ военную службу всякаго желающаго служить за хорошее жалованье, ибо господарь болѣе дорожитъ независимостью своего государства, чѣмъ денежными средствами.—Король Генрихъ отвѣтилъ посольству, что онъ не можетъ ни послать вспомогательнаго войска, ни разрѣшить полякамъ

поступать на службу въ Молдавію потому, что Польша заключила съ Турціею мирный договоръ срокомъ на сто лѣтъ.

Ивонія, получивъ печальное извѣстіе объ отказѣ въ помощи со стороны Польши, рѣшился положиться исключительно на своихъ и на малочисленный отрядъ польской конницы, который отправился было искать добычи на берега Днѣпра и Чернаго моря; это были люди, испытанные въ бою и привыкшіе къ побѣдамъ; въ это именно время, не успѣвъ снискать добычи, они возвращались домой. Къ нимъ послано было приглашеніе отправиться въ Молдавію и предложено жалованье по ихъ усмотрѣнію, лишь бы они помогли въ борьбѣ съ турками, для нихъ же ненавистными, такъ какъ на нихъ исключительно возлагается надежда на успѣхъ. Ивонія, по совѣту своихъ сенаторовъ, дважды посылалъ къ нимъ гонцевъ. Конница эта была неутомима, она никогда не оставалась на одномъ мѣстѣ, но постоянно рыскала за добычею, преслѣдуя непріятелей въ пустынѣ вдали отъ всякихъ путей, по самымъ укромнымъ мѣстамъ. Ивонія обратился къ этому отряду, заявивъ, что хочетъ переговорить съ нимъ по дѣлу, и для того, чтобы они не боялись хитрости, онъ приказалъ объявить имъ съ полною откровенностью, что ему угрожаетъ война съ султаномъ, что потому ему необходимо завербовать ихъ на службу и что онъ готовъ имъ давать жалованье, по ихъ собственной оцѣнкѣ, уплачивая его не по полугодіямъ и не по мѣсячно, а даже если нужно каждодневно. Когда козаки (въ Польшѣ симъ именемъ называли этихъ наѣздниковъ) услышали условія Ивоніи, они тотчасъ отправились къ нему, несмотря на запретъ короля Генриха. Заботясь о славѣ и добычѣ какъ своей, такъ и своихъ предводителей, козаки, съ разрѣшенія своей старшины, тотчасъ предприняли разъѣзды съ цѣлью захватить нѣсколько человѣкъ турокъ и татаръ, чтобы вывѣдать отъ нихъ планы и намѣренія враговъ; ибо хотя турки и татары, повидимому, пребывали въ мирѣ съ Польшею и, какъ казалось, дорожили имъ, тѣмъ не менѣе значительныя скопища ихъ врывались часто въ Русь и въ Подоліе, причиняли значительныя опустошенія, и, при приближеніи военныхъ отрядовъ, разсѣивались и убѣгали домой.

Во главѣ этихъ козаковъ стояли слѣдующіе вожди: Свѣрчовскій, мужъ опытный въ военномъ дѣлѣ и отличавшійся необыковенною силою, онъ имѣлъ отрядъ въ 200 конницы, сверхъ того 200 человѣкъ брацлавянъ и столько же барянъ [1]); всѣ они находились подъ начальствомъ Свѣрчовскаго и не могли сражаться безъ его приказанія.—Въ отрядахъ Козловскаго и Стуженскаго находилось по 200 человѣкъ. Янціусъ и Соколовскій имѣли отряды по 100 человѣкъ. Всѣ они, по приглашенію воеводы, прибыли въ Молдавію безъ всякаго опасенія. Ивонія, узнавъ о вступленіи ихъ въ предѣлы Молдавіи, отправилъ посольство съ порученіемъ привѣтствовать ихъ дружески отъ имени господаря и снабдить ихъ всякаго рода провіантомъ. Когда козаки приблизились къ молдавскому лагерю, Ивонія выѣхалъ имъ на встрѣчу, окруженный сенаторами и отрядомъ отборной конницы. Замѣтивъ ихъ расположенность къ себѣ и готовность подвергнуться опасности, онъ произнесъ лишь нѣсколько словъ радостнаго привѣтствія, дальнѣйшую рѣчь его прервали слезы. Затѣмъ онъ пригласилъ предводителей въ свой лагерь на угощеніе,—и здѣсь пространно разсказалъ о войнѣ съ Селимомъ и объ угрожающей опасности. Когда козаки вступали въ лагерь, господарь приказалъ палить изъ большихъ пушекъ, громъ которыхъ отражался въ небѣ и заставлялъ дрожать землю; козаковъ встрѣтила молдавская пѣхота въ равномъ числѣ ихъ количеству, приняла ихъ лошадей и доставила имъ обильный кормъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Ивонія угостилъ козаковъ не походнымъ солдатскимъ обѣдомъ, а роскошнымъ пиршествомъ. Вожди козацкіе и болѣе знатные молдаване приглашены были Ивоніею къ обѣду въ большую палатку, разбитую въ полѣ; остальныхъ козаковъ угощали въ другихъ палаткахъ. По окончаніи обѣда принесли серебряныя миски, наполненныя золотою монетою, которая предложена была козацкой старшинѣ и ихъ слугамъ; господарь заявилъ любезно, что послѣ долгаго похода, они вѣроятно нуждаются въ средствахъ для подкрѣпленія

---

[1]) Т. е. жителей барскаго староства, въ которомъ находились многочисленныя боярскія села.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

Ноябрь.

1889 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 25-го Октября 1889 г.

ВОСПОМИНАНІЯ
О РЕКРУТЧИНѢ ПО ПРЕЖНЕМУ ПОРЯДКУ.

Было это 31 декабря 1862 года (въ *Щедрый вечиръ, на Меланкы* по украински, въ день преподобныя Меланіи римляныни по святцамъ).

Я съ братомъ и шестью загонщиками усталые, съ подтыканными полами полушубковъ, съ двумя одервенѣвшими на морозѣ зайцами—трофеями нашей цѣлодневной охоты, ввалились въ привѣтливо освѣщенную огнемъ печи и свѣчою мою хату.

Я поднесъ по чаркѣ водки загонщикамъ, при чемъ и самъ аппетитно выпилъ, приговаривая—„Будьте здорови зъ Меланкою! Дай Боже намъ новый рикъ у добримъ здоровьи зустрить и старый опровадыть".

Отвѣчая, кто какъ съумѣлъ, на мое „*здоровкання*", хлопцы выпивали водку, закусывали, обтирали губы полами полушубковъ и рукавами и „*дякуючи*"—шли изъ хаты, каждый во свояси, ибо на дворѣ уже темнѣло и начинали „*щедрувать по-пидъ виконью*".

Аппетитно закусывали мы, сидя за столомъ, выпитыя чарки поджаренною колбасою, въ ожиданіи, пока жена поставитъ на столъ встряхиваемые ею въ макитрѣ вареники. Аріонъ (Иларіонъ)—работникъ—не отставалъ отъ насъ—меня и брата. Тепло, свѣтло, сыто и уютно!

Отъ времени до времени подъ окнами слышалось хрустѣнье снѣга и затѣмъ—„Щедрыкъ ведрыкъ! Дайте варенькъ, грудочку кашкы, кильце ковбаскы" и т. д. Это *щедровальныкы* совершали обычный въ этотъ день обходъ. Жена сама лично или черезъ

работницу подавала подачку—вареники, куски сала, а то и мѣдяки; а мы уписывали, какъ говорится, за обѣ щеки горячіе вареники въ сметанѣ.

Но вотъ собака залаяла злѣе и навязчивѣе, чѣмъ на щедровальниковъ, послышался усиленный топотъ на крыльцѣ и въ распахнутыя двери среди цѣлаго облака морознаго пара ввалились въ хату въ кожухахъ, подпоясанные, съ палками (ципками [1]) въ рукахъ четыре человѣка—староста, сотскій и еще два домохозяина нашего сельца.

Вошедшіе какъ то скороговоркой проговорили соотвѣтственное вечеру привѣтствіе и кучкою остановились у порога съ выдвинувшимся впередъ старостою.

Входъ ихъ въ домъ съ *ципками*, скороговорочное привѣтствіе и, наконецъ, эта остановка около порога въ какой то нерѣшительности—все это было необычно и я сразу понялъ, что они пришли не въ гости, а по какому то дѣлу. Отвѣтивъ кратко на привѣтствіе, я всталъ изъ за стола и подошелъ къ старостѣ, всей моей фигурой изображая вопросъ. Сконфуженный и замѣтно блѣдный староста оглянулъ всю хату, всмотрѣлся въ двери валькира и спросилъ меня:

— А хлопци де?

— Яки хлопци? спросилъ я.

— Та полоховци, що булы зъ вамы на вловахъ.

— Похоловци?! Выпылы по чарци и розійшлыся.

— А!... какъ то воскликнулъ староста и, не прощаясь, вытѣсняя собою своихъ товарищей, пошелъ изъ избы.

---

[1]) Кстати обращаю вниманіе Н. Ѳ. Сумцова на значеніе палки, посоха, *ципка*, палицы (по испански тоже—paliza) въ Малороссіи, а также употребленія пояса. Степенный хозяинъ всегда ходитъ съ палкой, сельскій начальникъ, начиная отъ старшины и до посыльнаго при волости стойчика—всѣ при отправленіи службы носятъ палки. Палка у священника, жезлъ у архіерея, съ палкой всегда рисуютъ портреты поважныхъ лицъ, на *весильи* женихъ всегда съ палкой и т. д. Поясъ, теперь выходящій изъ употребленія, тоже прежде считался непремѣнною принадлежностію костюма. Считалось неприличнымъ быть безъ пояса домохозяину внѣ дома, даже парни, нося свитку *на опашь* (въ накидку), подпоясывались поясомъ поверхъ штановъ или поверхъ жилётки. Можно быть безъ свиты и шапки, но въ поясѣ. Я помню, что зазываемый посидѣть въ хату сосѣдъ счелъ необходимымъ побѣжать домой, „щобъ пидперезатысь“.

Я попробовалъ задержать его вопросомъ о томъ, что все это означаетъ; но онъ только кивкомъ головы вызвалъ меня за собою въ сѣни, гдѣ, кромѣ бывшихъ въ хатѣ, я увидѣлъ еще нѣсколькихъ человѣкъ.

— Що це таке? спросилъ я старосту опять.

— Такъ такъ и нема у васъ хлопцивъ?—не отвѣчая на мой вопросъ, спросилъ староста.

— А же бачыте—нема! Не ховаю жъ я ихъ.

— Боронь Боже ховать... Такъ вы вже знаете?

— Про вищо?

— Та про наборъ... Мы зъ Петромъ що увъ обиды прыходылы до васъ бумагу чытаты...

— А!... въ свою очередь воскликнулъ я.

— Мовчить же, поки що, никому не кажить! Ходимъ мерщій!— Тутъ ихъ нема... обратился староста къ своимъ спутникамъ и всѣ они пошли къ воротамъ.

Я вернулся въ избу и только моргнулъ женѣ, вопросительно уставившейся въ меня глазами.

Сразу и аппетитъ пропалъ: не хотѣлось возобновлять прерванной трапезы. Сроднившійся съ селомъ во всѣхъ симптомахъ его жизни, я въ ту минуту душею переживалъ весь горькій для села смыслъ этого событія—набора и то волненіе, которое выяснилось мнѣ теперь въ этихъ искавшихъ у меня *хлопцивъ* сельскихъ властяхъ.

Оглядываясь на это, собственно говоря, недавнее по числу истекшихъ лѣтъ, но далекое по измѣнившимся условіямъ жизни время, мы для уразумѣнія всей драматичности событія должны припомнить, что это былъ первый послѣ уничтоженія крѣпостнаго права рекрутскій наборъ; что военная служба, въ то время все еще довольно продолжительная, не успѣла утратить въ глазахъ народа, а особенно недавняго крѣпостнаго, всей непривлекательности ея условій, которыя большею частью навсегда ломали жизнь подпавшаго этой участи субъекта и, наконецъ, что солидарность и сплоченность громадянъ, созданная нажимомъ крѣпостнаго права, тоже тогда еще не ослабѣла, какъ это мы видимъ теперь. Въ описываемое время пришлось въ первый разъ

этимъ новорожденнымъ вольнымъ гражданамъ, вчерашнимъ рабамъ, самостоятельно отбывать эту тяжелую повинность и безъ указанія пана, безъ участія посторонней воли, взваливать на одного изъ своей громадской семьи тяготу этой повинности, отчуждать его отъ себя, куда то засылать его, поломать его жизнь—однимъ словомъ *запропастыты его голову.*

Я, далекій отъ всякой модулирующей философіи, а поддавшійся вполнѣ тяжелому чувству и грустному настроенію, не выдержалъ да шепотомъ разсказалъ женѣ суть дѣла: мнѣ нужно было подѣлиться съ нею этою болью.

Въ хатѣ водворилось какое то грустное настроеніе: пылавшій въ печи огонь погасалъ, я молча курилъ трубку, пуская дымъ въ коминъ, жена опѣшенная сидѣла, подперши щеку рукой; молча, недоумѣвающе поглядывали на насъ братъ и работникъ, работница сѣла на лавку въ ожиданіи возможности прибирать со стола, не слышно стало и щедровальниковъ. Такъ прошло съ полчаса.

Вдругъ залаяла собака, въ хату вбѣжали двѣ полураздѣтыя молодицы и съ воплемъ повалились мнѣ въ ноги.

— Ой кумочку жъ, голубчыку! Пропала жъ моя та головонька! Ой рятуйте жъ, рятуйте жъ, кумасю риднесенькій, дядечку, батечку! Ой-ой-ой! Доленька жъ моя та нещасная! Лышенько жъ мое довичнее! Ой забралы жъ, забралы жъ, рукы повьязалы! Ой що жъ мени подіяты безталанній, де жъ мени рятунку шукаты, свою голывоньку вызволяты?! Ой-йой! Ой-йой!... Причитывали одна другой жалобнѣе и краснорѣчивѣе насчастныя женщины, то поднимаемыя мною съ полу, то опять припадающія къ моимъ ногамъ, какъ будто во мнѣ была вся сила помочь имъ, освободить ихъ захваченныхъ мужей.

Этотъ горькій, отчаянный вопль сразу обезкуражилъ насъ всѣхъ: братъ и работникъ какъ приподнялись за столомъ, такъ и остались съ изумленными физіономіями, жена и работница сразу захныкали и вотъ вотъ готовы были начать вопить и причитывать, я, совершенно растерявшійся, только и дѣлалъ, что подымалъ падающихъ мнѣ въ ноги молодицъ, не зная, что дѣлать, чѣмъ пособить ихъ горю, а прежде всего чѣмъ унять ихъ надрывающія душу вопли. Мои отрывочныя фразы вродѣ—

„Богъ зъ вамы!“ „Та не плачте!“ „Не голосить!“ „Господь поможе!“ и т. п. ничуть ихъ не успокаивали, а только какъ бы вызывали новый и новый приливъ жалостныхъ причитаній и присущей въ такія минуты всѣмъ украинкамъ импровизаціи.

— Ой на що жъ ти мене моя матинко, на свитъ породыла, та не дала ни щастя, ни доленькы! Та останусь жъ я на поталоньку, на горюваньячко! Закотылася жъ моя зоря ясная, сонечко мое весиннее! и т. д. и т. д.

Я близокъ былъ къ тому, чтобы присоединиться къ этому плачу и своими застилавшими мнѣ уже давно глаза слезами, но въ своихъ причитаніяхъ молодицы подсказали сами, что мнѣ дѣлать.

— Ой риднисенькый! Ходимъ же туды! Та жежъ воны васъ послухають! Заступитьця жъ, батечку! Не дайте жъ загинуть безталанній моій та головоньци...

Не оставалось ничего иного дѣлать, какъ только идти съ этими несчастными женщинами туда, гдѣ совершалось это встревожившее мирную жизнь села событіе, сознавая въ то же время полнѣйшую невозможность пособить ихъ горю.

Наскоро одѣвшись, вышелъ я изъ дому съ переставшими вопить, а только всхлыпывающими *молодыцями*. Мы пошли прямикомъ черезъ огороды. На селѣ, по яру, издали доносились вопли и причитанія, лаяли собаки, хрустѣлъ снѣгъ отъ спѣшнаго хода людей. Когда мы вышли на улицу, то одной изъ моихъ спутницъ какая то дѣвочка вынесла сапоги и я тогда только замѣтилъ, что эта несчастная была босая. Съ нами вмѣстѣ и обгоняя насъ, шло по улицѣ много людей къ хатѣ вдовы Тимошихи, гдѣ на ту пору было что то вродѣ сборни, такъ какъ особой сельской расправы въ нашемъ селѣ общество не успѣло устроить. По пути я узналъ, что „схопылы и звязалы и Опанаса Янченка, и Григорія, и Корнія, и Якима, и Микиту, и Омелька и еще и еще кого то, человѣкъ 10, и что Иванъ Музыка *„розопхнувъ старыкивъ и утикъ“*, что еще не рѣшено, кого именно сдавать на службу, кого весть *до прыйому*, кого ставить *лобовымъ* и кого *на пидставу*, ибо самое предписаніе о наборѣ только сегодня утромъ получено вызывавшимся для этого именно въ волость старостою, что ради этой неопредѣленности и нахватали такъ много ребятъ, хотя изъ нашего

сельца по разсчету долженъ быть отданъ только одинъ рекрутъ.

Все это передано мнѣ моими спутниками обоего пола, число которыхъ увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ хатѣ Тимошихи. Около этой хаты чернѣла толпа народа, такъ что не видно было даже свѣта въ окнахъ. Слышны были оживленные дебаты мужчинъ съ рѣзко прорывающимися женскими голосами. Оказалось, что всѣхъ *захваченныхъ* заперли въ хату и теперь идетъ рѣчь о томъ, кого отдавать въ солдаты и кого брать *на пидставу*, чтобы замѣстить *лобоваго*, если бы онъ почему либо оказался негоднымъ.

Высказывалось тутъ много кое чего. Упрекали тѣхъ, изъ семьи которыхъ еще не было взято ни одного солдата; припоминалось, что вотъ изъ такой то семьи отданы уже двое; возражалось на это то, что тогда была барская воля, что отдавали тогда, не соображаясь съ раскладкою рекрутчины на семьи, а сдавали на службу бобылей и непутныхъ людей, при чемъ припоминались разныя продѣлки сданныхъ на службу лицъ. Не добромъ вспоминались разные паны и экономы и не обошлось безъ нареканій на тѣхъ, кто тогда состоялъ при панахъ и экономахъ отаманомъ или имѣлъ вообще вѣсъ въ селѣ и экономіи.

Эти препирательства отчасти затушевывали то первое тяжелое впечатлѣніе, какому сразу всѣ мы вообще было поддались. Я стоялъ, замѣчаемый мало кѣмъ изъ увлекшихся дебатами, внимая долетающимъ ко мнѣ спорамъ и уже немного успокоившійся. Но не успокоилась одна изъ приведшихъ меня сюда молодицъ; изъ слышанныхъ ли споровъ вывела она заключеніе, что ея мужа непремѣнно отдадутъ въ солдаты, или просто сказалась молодая нервозность, но только она вдругъ припала ко мнѣ на плечо и такъ отчаянно заголосила, что всѣ спорящіе вдругъ замолкли и обратились къ намъ. Я только и нашелся сказать:

— Та киньчайте жъ бо це дило швыдче, не ростроюжуйте народъ! Кажить, кому йти, а кому зоставатьця, та тихъ и одпустить! Що жъ ихъ морить та нудыть...

Эти мои слова, неожиданно для меня самаго, возымѣли желанное дѣйствіе.

— Та вже якъ не змагатьця, а Корнія треба одряжать, а Михайла на пидставу, отозвался старый Якимъ Майоренко.

— Чы такъ той такъ! Тутъ инакше не зтокмаемось... отозвался староста, а за нимъ и еще нѣсколько голосовъ. Еге жъ, Еге жъ!

Опредѣленіе это сразу остановило всѣ препирательства, оно какъ бы только формулировало созрѣвшее въ головѣ каждаго участника сборища рѣшеніе.

Общее хныканье утихло, но за то *стара Кухарка* (мать Михайла) разразилась цѣлымъ потокомъ причитаній, между коими вырывались недобрые посулы всѣмъ ея и ея сына недоброжелателямъ—*лыхымъ вориженькамъ.*

— Ой сыночку жъ ты мій, соколыку! Зростыла жъ я тебе, выкохала, якъ рожевый цвитъ, якъ маковочку на поталу чужую, на лыхую годыноньку, соби на лышенько, на горюваньячко, ворогамъ лыхымъ,—бодай вони сонечка ясного не побачылы,—на знущаньячко. Бодай же воны на соби, та на дитяхъ своихъ цюю довадоньку тай дозналы... и т. п.

По мѣрѣ развитія импровизацій—причитываній *старои Кухаркы, жинкы* опять кое гдѣ начали всплакивать, а мужчины мрачно занялись исполненіемъ своего опредѣленія: откуда то взялись кандалы и Петро Довбань—коваль, всѣ двинулись въ хату, гдѣ сидѣла цѣлая юрба захваченныхъ молодыхъ людей. Ихъ по одиночкѣ выпускали: староста бралъ за плечо, провожалъ до дверей и выпускалъ, приговаривая: „Выпустить! Иды зъ Богомъ!“— не выпущенными остались только Корній и Михайло.

Корній—невзрачный на видъ, съ *продиломъ* [1]), въ цвѣтномъ гарусномъ шарфѣ на шеѣ, въ жилеткѣ и съ серьгой въ одномъ ухѣ—отличался внѣшностію отъ всѣхъ сельчанъ; онъ похожъ былъ на господскаго кучера. Послѣдніе три-четыре года онъ каждое лѣто до поздней осени пребывалъ *десь на Бессарабіи* (т. е. на взморьѣ), на заработкахъ, что еще болѣе сдѣлало его отличнымъ по манерамъ среди села. Онъ былъ сильно пьянъ и,

---

[1]) Въ то время на Украинѣ носили волоса подстриженными въ кружокъ. Носили *продилъ* и зачесывались въ сторону, на бокъ лишь тѣ, кто какимъ бы то ни было путемъ выбивался изъ общей колеи.

какъ оказавшій сопротивленіе при задержаніи, былъ связанъ у локтей поясомъ. На предложеніе старосты сѣсть на полъ, чтобы ковалю было удобнѣе заклепывать кандалы, Корній началъ ругаться *по соромыцькы*, при чемъ бился объ стѣну, метался, размахивалъ ногами, плакалъ и кричалъ.

Михайло—стройный, прекрасно сложенный блондинъ, блѣдный, какъ глина—стоялъ посреди избы въ шапкѣ и разстегнутомъ полушубкѣ, не произнося ни слова; въ рукахъ у него былъ его поясъ, которымъ онъ былъ связанъ на первыхъ порахъ до привода въ хату Тимошихи...

— Ну! сидай ты, хлопче! Що жъ робыть?! обратился староста къ Михайлу.

Михайло сѣлъ на полъ и, какъ бы въ забытьи какомъ, безсознательно протянулъ обѣ ноги. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его блѣдномъ лицѣ, только каріе глаза неестественно блестѣли изъ подъ нахмуренныхъ бровей. Со двора отрывками доносились причитыванія старой его матери.

Кто то взялъ съ припечка *каганець* (свѣтильникъ) и посвѣтилъ ковалю, который дрожащими руками приспособливалъ скобу кандаловъ вокругъ голенища сапога. Все замолкло, вниманіе всѣхъ сосредоточилось на этой скобѣ. Коваль далъ кому то подержать ребромъ поставленные подъ выгибъ скобы клещи, торопливо примостилъ заклёпку и затѣмъ, дрожа, промахиваясь, началъ бить по ней молоткомъ. Только послѣ нѣсколькихъ ударовъ молотка заклёпка, искривившись, сплющилась и коваль, тяжело дыша, приподнялся съ полу съ раскраснѣвшимся потнымъ лицомъ. Тишина въ избѣ, нарушаемая только звякавшимъ о заклёпку молоткомъ, такъ какъ Корній какъ то замолкъ, послѣ окончанія заклепыванія прервана была чьимъ то тяжелымъ вздохомъ. Михайло, все такой же окаменѣлый, сидѣлъ на полу, вытянувъ раздвинутыя ноги, съ откинутымъ назадъ, подпертымъ руками туловищемъ и съ низко опущенною головою. Такъ онъ и остался, когда уже и коваль всталъ и когда напряженная тишина смѣнилась было на минуту движеніями и кое гдѣ слышными вздохами.

— Иды, сидай!—обратился нахмуренный и блѣдный староста къ Корнію и тотъ покорно ступилъ къ Михайлу и, поддержи-

ваемый кѣмъ то за связанные локти, сѣлъ на полу на указанное мѣсто.

Все опять затихло, дыханіе даже затаилось, опять всѣ глаза устремились на освѣщенныя поднесеннымъ каганцемъ ноги Михайла и Корнія. Звякнула цѣпь кандаловъ, послышалось вполголоса произнесенное ковалемъ приказаніе что то повернуть, подержать, гдѣ то посвѣтить, и черезъ мгновеніе стукнулъ разъ и два молотокъ о заклёпку.

— Отъ такъ, такъ! Зразу... послышалось въ центрѣ сцены, около ногъ рекрутъ, и вслѣдъ за тѣмъ кто то брякнулъ:

— Цьому йты: бачъ якъ зъ разу заклепнувъ!.. и всѣ зашевелились, напряженность исчезла. Послышались вопли и ругань расходившагося опять Корнія, *голосинья* Кухарки.

Мнѣ, какъ вѣроятно и всѣмъ, не втерпежъ было переносить долѣе всѣ эти впечатлѣнія и мы двинулись изъ избы.

При общемъ движеніи не слышно было громкаго говора, а только шепотомъ передавались наблюденія. Всѣ мы чувствовали себя угнетенными, подавленными, какъ бы виновными въ совершеніи какого то преступленія.

— Оттакъ було й тоди, якъ Семена ковалы: биля Явтуха скильки возывся—клацавъ, клацавъ молоткомъ, а якъ дойшло до Семена, такъ вразъ!... разсказывалъ кто то старику.

Долго ворочался я на постели съ боку на бокъ, пока сонъ не успокоилъ растревоженныхъ нервовъ...

Нынѣшнее поколѣніе, являющееся въ лицѣ молодыхъ людей, достигшихъ призывнаго возраста, безъ всякаго привода къ отбытію воинской повинности, разумѣется, не увидитъ подобныхъ сценъ и тѣмъ менѣе можетъ быть субъектомъ этихъ страданій. Но мы—къ вамъ обращаюсь, мои сверстники—видывали эти душу раздирающія драмы и, стоя въ нашей уже сознательной юности какъ разъ на грани дореформенной жизни Россіи, отряхнувшіеся отъ крѣпостничества, всецѣло отдавшіеся новымъ въ то время вѣяніямъ, все душей переживали эти горькіе моменты народной жизни. Любящая и отзывчивая юность далека была не только отъ безучастности къ страданьямъ народа, но даже игнорировала

скорбную необходимость извѣстнаго режима, вызываемую условіями быта среды. Мы видѣли только страданія, только насиліе и сочувствовали жертвамъ этого насилія, глубоко жалѣли субъектовъ этихъ страданій.

И, даже оглянувшись на это прошлое изъ настоящаго далека, едва ли найдется возможность укорить насъ въ лишней экзальтаціи, въ преувеличеніи нашихъ симпатій и антипатій. Въ то время любви и симпатій нашихъ къ народу нельзя было допустить никакихъ модулирующихъ эти влеченія „но“. Полагаю, что всѣ дѣятели совершившихся реформъ, съ незабвеннымъ вѣчно государемъ Александромъ Николаевичемъ во главѣ, не чужды были этой односторонности въ своихъ стремленіяхъ къ облегченію субъективныхъ страданій человѣчества, въ своемъ осужденіи всего того, что тяжелымъ гнетомъ лежало на дореформенной Руси. У нихъ тоже не существовало, вѣроятно, никакихъ „но“. Нужно было всѣмъ сердцемъ возлюбить народъ и всею душею возненавидѣть все угнетавшее его, чтобы исполнить всѣ тѣ преобразованія, которыми славно истекшее царствованіе. Да! это поколѣніе исполнило вполнѣ отчетливо роль, указанную ему ходомъ исторіи, оно вѣровало въ своего бога—сознанную истину—а „безъ любви невозможно угодити Богу“. Нынѣшнее поколѣніе, какъ кажется, задалось мыслью подбавить ригоризма въ дѣлѣ режима. Только будущее рѣшитъ вопросъ о томъ, кто и что болѣе подвинетъ Россію на пути къ прогрессу и преуспѣянію въ гражданственности, мы же только, отнесясь, по возможности, объективно въ совершавшемуся и совершающемуся, не ошибемся, кажется, если скажемъ, что любовь исполнила уже свое, а что сдѣлаетъ ригоризмъ—еще неизвѣстно. Лично я стараюсь воспроизвесть тѣ образы прошлаго, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ живописать то, что меня поражало во дни моей юности, вызывало къ себѣ сочувствіе или антипатіи. Однимъ изъ такихъ явленій жизни была рекрутчина, воспоминанія о коей и составляютъ предметъ моей настоящей статьи.

Въ то время, когда отдача на 25-лѣтнюю, тяжело обставленную службу стояла въ прямой зависимости отъ воли помѣщика, его управляющаго или приближенныхъ къ нимъ лицъ, не

всегда руководившихся чувствомъ справедливости и мѣрности, а сплошь и рядомъ личными взглядами, а иногда и низменными чувствами, народъ смотрѣлъ на рекрутчину, какъ на какое то неотразимое, чисто стихійное бѣдствіе, нежданно негаданно обрушивающееся на того или другаго изъ собратій. Понятно, что при такихъ условіяхъ являлось инстинктивное чувство самосохраненія и оправдываемость всевозможныхъ средствъ для избѣжанія этой напасти. „Sauve qui peut", правило всѣми единодушно исповѣдываемое и всѣми оправдываемое, было обыкновеннымъ откликомъ на вызовъ къ исполненію воинской повинности. И дѣйствительно, всѣ спасались, кто какъ могъ.

Для украинца особенно тяжела была рекрутчина: для него, особенно при условіяхъ военной службы того времени, это было не только подчиненіе всей строгости регламента, но и, если можно такъ выразиться, вынародовленіе, ломка всего того, что составляетъ его индивидуальность, всѣхъ особенностей его народнаго характера и кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, отдаленіе отъ родины, загонъ *у чужую дальню сторону* [1]). Отданный въ военную службу—(я говорю о прошломъ)—украинецъ дѣлался для своей родины въ полномъ смыслѣ слова отрѣзаннымъ ломтемъ: въ немъ долженъ былъ умереть Луценко, Онищенко, а возродиться Лукинъ, Анисимовъ, онъ шелъ не только въ солдаты, но и въ „*москали*".

Заженуть тебе въ дальню сторону
И почнуть муштруваты;
И звелять тоби мову ридную
На чужу изломаты.
И наломышся, и забудешъ ты
Свою мову ридненьку...
Спомъянешъ не разъ не поридньому
Свою ридную неньку...

Вдохновенно говоритъ Руданскій въ своей колыбельной пѣснѣ крипачки.

---

[1]) Большинство контингента новобранцевъ изъ Украины шли или на Кавказъ, или въ гвардію.

На Украинѣ *солдатъ* и *москаль* это синонимы и послѣднее слово употребляется исключительно въ смыслѣ солдатъ. Для обозначенія великороссіянина украинецъ употребляетъ слова „руській", „кацапъ", а *москаль, московка* означаетъ солдатъ, солдатка.

Ой рады бъ мы повертатыся—*москаль* не пускае.

Не такъ *москаль*, не такъ *москаль*, якъ *московська* маты,

говорится въ пѣснѣ. Во всѣхъ анекдотахъ, гдѣ фигурируетъ солдатъ, онъ назывался *москалемъ*.

«А що бъ не плакавъ, не журывсь—
Такъ отдалы въ *москали*»...

говоритъ съ горькой ироніей Т. Гр. Шевченко.

Не только въ описываемое прошлое время, но и теперь еще есть возможность наблюдать этотъ горькій процессъ перерожденія вчерашняго ловкаго сельскаго парня въ неуклюжаго рекрута. Здѣсь тѣ же законы метаморфозы, какіе мы видимъ въ жизни насѣкомыхъ. Здѣсь тоже можно видѣть моментъ кукольнаго замиранія прежней жизни, чтобы превратиться изъ мужика въ солдата.

Молодой человѣкъ 21—25 лѣтъ, часто уже женатый, все время этой молодой жизни проведшій подъ ферулой семейнаго, строго моральнаго, режима, стыдливый въ своихъ сердечныхъ влеченіяхъ и цѣломудренный въ словѣ и дѣлѣ, вдругъ становится объектомъ осматриванія чужихъ для него людей, заинтересованныхъ только пригодностію его для ненужной вовсе ему цѣли. Обнаженнаго его осматриваютъ, ощупываютъ, обнюхиваютъ, мѣряютъ его ростъ и вышину его ногъ и, наконецъ, произносятъ роковое „лобъ"—(теперь говорятъ „годенъ"). Послѣ произнесеніи этого роковаго слова онъ поступаетъ въ распоряженіе цирульника, большею частію изъ евреевъ, который бритвою обезображиваетъ его голову, лишая ее природнаго ея украшенія—волосъ и затѣмъ сдаетъ его грубымъ, солдатамъ и всему безсердечному режиму солдатчины—(я говорю все это про прошлое). Позади остается все дорогое, родное, милое сердцу, безвозвратно теряемое, въ настоящемъ—черствое отношеніе пріемщиковъ и сторожей, впереди — строгость, безконечно для-

щаяся служба, страшная еще болѣе своею неизвѣстностію... Моментъ, согласитесь, крайне драматическій, способный убить всю силу воли, все самосознаніе.

Такъ оно и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Рекрутъ замираетъ, становится апатичнымъ, тупѣетъ: онъ не сознаетъ себя, онъ не понимаетъ ничего совершающагося кругомъ него и въ руки „дядьки"—этого продукта муштровки и воплощенія военнаго регламента, — онъ поступаетъ, какъ начинающій говорить и ходить ребенокъ. „Дядька" внушаетъ ему, что все то милое и дорогое, что онъ оставилъ, не хорошо, смѣшно: смѣшенъ и бытъ его села, и сельская манера, и его „*мазёпскій*" языкъ и вообще все то, что составляло суть прежней жизни. Да! въ этомъ новобранцѣ этою процедурой *пріема*, а особенно въ украинцѣ, убивался окончательно homo sapiens, а оставался зоологическій представитель отдѣла двурукихъ, только носящій родовое названіе homo. Это былъ живой организмъ чисто физіологическій, психически мертвый, готовый вполнѣ воспринять нравственный обликъ такой, какой ему придастъ приставленный къ нему воспитатель „*дядька*" и окружающая среда.

Вчерашній ловкій парубокъ, видный танцоръ, лихой табунщикъ, пѣвецъ и прибауточникъ, рекрутъ до того сразу тупѣетъ, что не въ состояніи понимать, гдѣ лѣво, гдѣ право; научиться даже вдвоемъ ходить *въ ногу* составляетъ для него еле преодолимую задачу... А тутъ сразу топчутъ ему въ голову все, что въ состояніи окончательно забить всякое пониманіе. Я помню, какъ проходившій съ партіей одинъ новобранецъ, уже женатый, мой кумъ, зашедшій попрощаться ко мнѣ, уморилъ было меня своею солдатчиною: онъ ничего больше не говорилъ, какъ только, пресмѣшно коверкая, перечислялъ своихъ начальниковъ и хвасталъ знаніемъ названій частей ружья—ладыжка, спускъ, скоба, спусковая пружина и т. д., при чемъ онъ начиналъ словами „зборка и разборка оружія", послѣ чего, не передыхая, говорилъ: „повернуть штыковой хомутыкъ, снять штыкъ" и т. д. Въ эту тяжелую минуту прощанія съ оставляемыми селомъ и семьею онъ, какъ маньякъ, только повторялъ все вышеупомянутое. А я мѣ-

сяца два передъ тѣмъ зналъ его, какъ толковаго, замѣчательно сдержаннаго молодаго громадянина. Бывшія съ нимъ у меня мать и молодая жена его только покачивали на него, какъ будто въ горячкѣ бредящаго, головами и утирали неудержимыя слезы: онѣ хоронили въ немъ сына и мужа и съ грустію взирали на рождающагося солдата.

Интересы государства или государственности требовали этой тяжелой повинности—жертвы отъ народа и не намъ возражать противъ этой мѣры, но мы можемъ выяснять всю тяготу исполненія этой повинности, понятую правительствомъ и облегченную настоящимъ порядкомъ призыва на службу гражданъ, а равно и сокращеніемъ до возможной мѣры срока службы. Мы осужденіемъ прошлаго, тяжелаго въ воспоминаніяхъ, вполнѣ одобряемъ настоящее. А нельзя этого прошлаго не осуждать: къ чему въ самомъ дѣлѣ нужны были всѣ эти муки долгосрочной службы, эта выправка, когда на нашихъ глазахъ новобранцы въ 1877 году послѣ 2—3-хъ мѣсяцевъ обученія дѣлались вполнѣ способными для пополненія рѣдѣющихъ подъ Плевной, Карсомъ и на Шипкѣ рядовъ нашей арміи. Къ чему заковывали въ желѣзо, брили, отцовъ тѣхъ, которые теперь сами являются къ призыву и въ 4—6 лѣтъ настолько изучаютъ военную службу, что государство можетъ вполнѣ разсчитывать на нихъ, какъ на заготовленную силу, вполнѣ способную къ дѣлу въ случаѣ надобности.

Нехорошее, тяжелое было это прошлое. Вспоминая его, мы стараемся припоминать всѣ его стороны и, какъ видите, не только эпизодически, но и въ сужденіяхъ. Ради этого мы не имѣемъ права пропустить молчаніемъ еще одну грустную сторону этого дѣла—умолчать о солдаткахъ.

Говорить мы будемъ не про женъ солдатъ вообще, а про женъ новобранцевъ. Все это молодыя женщины, оставляемыя мужьями на первыхъ порахъ супружеской жизни, рѣдко болѣе двухъ лѣтъ послѣ брака, но часто послѣ двухъ—трехъ мѣсяцевъ, а то и недѣль, сожитія.

Въ крестьянскомъ быту сплошь и рядомъ совершаются браки не по любви, а такъ, какъ придется, при чемъ экономиче-

скія условія жизни обѣихъ брачущихся сторонъ играютъ не маловажную роль. (Этимъ мы не исключаемъ и случаевъ брака по любви, по сердечному влеченію, внѣ всякихъ разсчетовъ. Бываютъ и такіе браки, но первые значительно чаще). Поэтому то и всѣ почти пѣсни *жиноцкія* проникнуты жалобой на семейную жизнь, дѣвичьи—предугадываніями горькой доли супружества. Этимъ же мы объясняемъ и жалобность свадебныхъ пѣсенъ, въ которыхъ оплакивается дѣвичья воля, замѣняемая въ бракѣ неприглядною жизнью молодой невѣстки въ чужой семьѣ. Но и при этихъ условіяхъ брака, особенно въ хорошихъ семьяхъ, жизнь *молодятъ* скрашивается раждающеюся самою по себѣ любовью. Поговорка „сживутся—слюбятся" часто вполнѣ оправдывается. И въ самомъ дѣлѣ, юные, цѣломудренные вполнѣ женихъ и невѣста, просто физіологическою потребностію сближаются другъ съ другомъ и дѣйствительно любятъ другъ друга, сживаются и становятся взаимнымъ пополненіемъ. Она для него есть то, чему онъ отдаетъ весь пылъ молодой страсти, *винъ* для нея все, ея суженый, ея *чоловикъ*, единственный представитель другаго пола, кому она отдана и кому отдалась. Неиспорченныя эти натуры, сблизившись физіологически, связываются и нравственно.

Но вотъ въ моментъ, когда только эти взаимныя отношенія начинаютъ устанавливаться, а иногда когда они достигаютъ самаго кульминаціоннаго пункта, эту любящуюся пару постигаетъ ужасное несчастье: угроза разлуки, чуть не вѣчнаго разъединенія. *Его* берутъ въ рекруты, заковываютъ въ кандалы и вотъ вотъ повезутъ въ городъ, вернуться откуда очень мало шансовъ. Можете себѣ представить, что дѣлается съ этими молодыми, еле начавшими жить полною жизнію существами! Здѣсь нѣтъ разсужденій, нѣтъ даже никакихъ объясненій—есть одно только: это разлука, убивающая чуть не навсегда родившуюся жизнь—любовь.

«Розлучылы насъ зъ тобою,
«Якъ рыбоньку изъ водою»

плачетъ пѣсня. Какъ рыбѣ безъ воды нѣтъ возможности жить, такъ они, недавно слившіеся, взаимно выполнившіе другъ друга, лишатся жизни. Послѣ уже являются обсужденія положенія, но на первыхъ порахъ эта разлука—та же смерть, смерть чув-

ства, супружеской жизни. Ошеломленные, убитые, эти молодые супруги разлучаются еще не сразу. До окончательной разлуки они еще много выстрадаютъ, переживутъ и перечувствуютъ боль этой раны. Раненые на первыхъ порахъ не чувствуютъ боли, а ошеломляются ударомъ пули, ядра, часто оглушаются настолько, что долго бываютъ въ безпамятствѣ, а страданія настоящія начинаются именно съ того момента, когда раненый приходитъ въ память, въ сознаніе. Психическій процессъ, совершающійся въ этихъ двухъ молодыхъ супругахъ, совершенно аналогиченъ съ физіологическимъ процессомъ у раненаго. Опомнившіеся послѣ перваго удара, эти супруги начинаютъ страдать невыразимо. Ужасъ ихъ положенія, всѣ послѣдствія этой разлуки становятся имъ вполнѣ ясными и вполнѣ понимаемыми. *Она*, по многимъ видѣннымъ ею примѣрамъ, хорошо знаетъ, что значитъ оставаться въ чужой семьѣ безъ мужа, безъ друга; знаетъ она, какими глазами будутъ смотрѣть на неё, какъ будутъ помыкать ею свекровь и старшая ятровка [1]), какъ каждый шагъ ея будетъ контролироваться недружелюбно къ ней настроенными наблюдателями, какъ ей трудно будетъ уберечь себя, при ея молодости и при установившемся въ средѣ взглядѣ на солдатку, отъ всего, что тѣнью падаетъ на ея репутацію, не говоря уже о томъ, какъ ей жалко, какъ тяжело разлучаться съ полюбленнымъ ею человѣкомъ. *Онъ* испытываетъ всю тяжесть разлуки съ любимымъ существомъ, которое онъ считалъ неотъемлемо своимъ; онъ знаетъ, насколько этою разлукою нарушается эта неотъемлемость, эта неприкосновенность любимой женщины, какъ она останется безъ него на горе, *на поталу*, какъ она будетъ изображать собою пресловутый *горохъ при дорози*. Разыгрывается въ немъ чувство ревности и доходитъ до болѣзненности. Болѣзненность эта усиливается до невозможности переносить её и въ эти моменты онъ готовъ убить объектъ своего чувства, и во всякомъ случаѣ, помимо воли, испытываетъ къ нему что то враждебное; болѣзненное чувство ревности подрываетъ взаимное довѣріе, онъ начинаетъ заподозрѣвать искренность ея сожалѣнія о немъ; каждый шагъ истолковывается

[1]) Жена деверя—брата мужа.

въ худшемъ направленіи и озлобленіе появляется наружу небывалою прежде руганью, а то и тычкомъ. Подобныя столкновенія въ прежней жизни затирались усугубленною лаской супружескаго сожитія, а теперь и это невозможно. Зародившаяся любовь ослабляется. Въ мысляхъ изстрадавшейся женщины, оскорбляемой, не находящей прежней ласки, не признающей себя виновною въ совершающемся событіи, въ минуты ропота мелькаютъ образы привольной жизни знакомыхъ веселыхъ солдатокъ, выбившихся изъ подъ ферулы семьи и прожигающихъ жизнь въ городѣ. Но она еще гонитъ отъ себя эти омерзительныя ей картины, она еще любовно обращаетъ взоръ на затосковавшаго мужа, все еще ей милаго, героя ея юной жизни. Озлобленный, раздраженный онъ все таки еще тотъ же самый, какого она привыкла видѣть съ того момента, когда впервые стыдливо глянула на него, какъ на жениха, и во все время счастливой жизни молодоженовъ: все тѣ же *кучери*, которыя она не разъ перебирала *ськаючись*, вьются надъ его черными бровями, всё та же загорѣлая шея вырѣзывается изъ подъ разшитаго ею и не разъ любовно застёгиваемаго *комира*. Она его любитъ и дрожитъ при мысли о разлукѣ съ нимъ.

Начинаются проводы въ городъ, послѣднія минуты прощанія съ селомъ. *Она* отправится туда съ нимъ и теперь *онъ* съ нею не прощается. Мало вообще пившій, *онъ* теперь напивается до нельзя, выпивши, въ какомъ то отчаяніи бушуетъ, на неё или мало обращаетъ вниманія, прощаясь съ оставляемыми, или, когда въ охмѣлѣвшемъ мозгу всплываетъ опять чувство ревности, ни съ того ни съ сего оскорбляетъ *её*, сунувшуюся было *его* уговаривать или воздерживать, руганью или оплеухой. Вообще эти два существа, страдающія до нельзя, взаимно другъ въ другѣ видятъ причину этихъ страданій и какъ умирающій, не перенося разлуки съ любимыми имъ людьми въ минуту ощущенія невыносимой тоски при мысли о вѣчной разлукѣ, отворачивается отъ покидаемыхъ, такъ и эта разъединяемая пара, изстрадавшаяся въ душѣ, сторонится другъ отъ друга. *Ему* невыносимо тяжело въ ея присутствіи, *ей* онъ становится невыносимымъ съ его раздражительностію.

Въ мрачномъ туманѣ снѣдающей душу тоски эта пара прибываетъ въ городъ. Все болѣе и болѣе раздражаемый приближеніемъ развязки вопроса быть или не быть, съ отяжелѣвшей съ похмѣлья головою, въ которой цѣлый сумбуръ мыслей, надеждъ и предположеній, *онъ* прибываетъ въ городъ. *Она*, нравственно измученная, физически усталая, тутъ же при немъ въ числѣ другихъ, провожающихъ своихъ. Нужна необыкновенная сила молодой натуры, чтобы вынести всю массу этой совокупности страданій и физическихъ, и нравственныхъ.

Они не видятъ города, въ которомъ они впервые въ жизни; въ ихъ памяти остается только то зданіе, куда они шли съ такими же страдальцами, около котораго вотъ вотъ и окончательно рѣшится ихъ участь. Вотъ, она заплаканными глазами проводила его въ эту черную тучу людей и какихъ то сооруженій, тучи эти закрыли дорогія очертанія ея милаго, обрисовавшіяся на послѣдней ступени крыльца, и остается она одинокая со своею душевною болью, съ невыразимо тяжелою тоской томиться и ожидать рѣшенія свой участи. Вотъ, вотъ услышитъ она радостное слово *затылокъ*, увидитъ бѣгущаго къ ней *его* и они, воскресшіе, со слезами радости, опять заживутъ такъ хорошо, сладостно начавшею было распускаться жизнію. Но неизмѣримо долго длятся минуты томленія, ожиданія. Изболѣвшая душой, она отупѣваетъ, усталый мозгъ уже не работаетъ и она забылась, наконецъ, въ какомъ то отупѣніи.

И вотъ въ эту минуту ее, забывшуюся, расталкиваютъ и говорятъ ей, что *его* приняли, сказали ему *лобъ*. Пробужденіе ужасное! Какъ гальваническій токъ, это сознаніе безвозвратности потери потрясаетъ это молодое существо, она готова свалиться отъ стиснувшей сердце боли, все мутится у нея въ глазахъ, вотъ, вотъ послѣдуетъ обморокъ, столбнякъ, сосуды сердца лопнутъ отъ внезапно прилившей крови... Но благодѣтельная природа открываетъ спасительный клапанъ, отлившая отъ сердца кровь быстро приливаетъ къ мозгамъ, къ лицу, которое изъ смертельно блѣднаго становится краснымъ, и облегчающія страданія слезы льются потокомъ изъ глазъ, возбужденная приливомъ крови дѣятельность мозга выражается причитываніемъ,

этимъ душу разрывающимъ плачемъ съ импровизаціями—*голосиньнямъ.*

Ея *голосинья* сливается съ воплями другихъ такихъ же несчастныхъ и въ этомъ ужасномъ хорѣ оплакивается нѣсколько погибающихъ молодыхъ жизней обоего пола. Этотъ хоръ погребальнаго плача то взмываетъ высокими нотами, то падаетъ до аккомпанируемаго всхлипываніемъ речетатива. Нѣтъ въ этомъ хорѣ установленныхъ кадансовъ, нѣтъ ритмическаго расположенія ноты, но за то каждый въ отдѣльности звукъ, каждое отчетливо услышанное слово рвутъ душу, выжимаютъ слезы изъ глазъ всѣхъ присутствующихъ. Насупливаются брови надъ строгими глазами стоящихъ въ толпѣ мужиковъ, надвигаются на лобъ ниже встряхиваніемъ головы высокія смушевыя шапки и даже въ физіономіи одеревенѣвшаго стараго солдата, стоящаго на крыльцѣ, проявляется какая то мягкость, по лицу его какъ бы пролетаетъ тѣнь какого то сердечнаго воспоминанія. Такъ размягчается засохшая кожа брызгами воды на мгновеніе, чтобы вслѣдъ за испареніемъ влаги еще болѣе отвердѣть, закорузнуть.

Выше мы уже говорили о тѣхъ нравственныхъ испытаніяхъ, какимъ подвергается рекрутъ при пріемѣ.

Вотъ *онъ* въ толпѣ другихъ выходитъ подъ стражею солдатъ, окончательно отупѣвшій, ничего не понимающій, толкаемый тѣми же стражами, на крыльцо присутствія. Замолкло *голосинья,* всѣ ожидавшіе выхода новобранцевъ онѣмѣли въ ожиданіи;—но *она* не узнаетъ *его.* Обезсиленный, осунувшійся, съ бритою головою—это не *онъ,* это не объектъ ея молодой любви, это трупъ, мертвый скелетъ ея милаго, онъ умеръ уже и она уже его оплакала. Это какое то безобразное, какъ трупъ, существо, о которомъ можно плакать, но любить которое уже нельзя и быть съ которымъ тяжело.

Вотъ что *она* чувствуетъ въ эту минуту появленія предъ нею преобразившагося *его.*

Начинается цѣлый рядъ явленій, въ которыхъ *онъ* все больше и больше теряетъ въ глазахъ ея ореолъ героя ея первой любви. [redacted]мъ жизненномъ крушеніи

всю ловкость, развязность молодаго селянина, отупѣлый обезображенный бритвою, онъ становится неповоротливымъ, плохо понимающимъ адресуемыя къ нему на чужомъ для него говорѣ требованія своихъ воспитателей—солдатъ; онъ въ то же время не перестаетъ раздраженно относится къ *ней*, причинѣ своей душевной боли. Жалкій самъ по себѣ, *онъ* ревнуетъ *ее* еще болѣе, не лаская ее окончательно. Ей становится съ каждымъ часомъ все тяжелѣе и тяжелѣе быть съ нимъ, онъ дѣлается ей, наконецъ, даже противнымъ и только еще кое когда пробуждается въ *ней* къ *нему* чувство жалости. Прежняго чувства молодой цѣломудренной любви уже и слѣда нѣтъ. Не окрѣпшая она изчезла въ этомъ кризисѣ. Является на сцену критика, сравненіе его съ другими какъ меньше его угнетенными его сотоворищами новобранцами, такъ и съ молодцоватыми, кокетничающими съ нею солдатами, сравненіе своего обездоленья съ веселою жизнію встрѣченныхъ въ городѣ солдатокъ, съ девизомъ „хоть часъ, та мій“ срывающихъ цвѣты свободной разгульной жизни—и всѣ эти сравненія и наблюденія далеко не склоняютъ *её* къ возстановленію прежнихъ чувствъ къ *нему*, а напротивъ „все не въ пользу *его* говоритъ“.

Наконецъ, они прощаются окончательно, партію угоняютъ на Кавказъ. Она послѣдній разъ голоситъ, причитываетъ, но уже оплакиваетъ не такъ *его*, какъ себя, свою горькую долю, свое одиночество. „Ой на кого жъ покидаешъ ты мене“, и т. п. слышится въ причитываніяхъ, и ни слова не говорится о *его* положеніи. *Онъ* не съумѣлъ формулировать даже своихъ наставленій покидаемой женѣ, наставленій, подсказываемыхъ ревностію. Общая психическая подавленность сказалась и здѣсь: что то въ родѣ „ты жъ *смотри*—(это слово онъ уже позаимствовалъ у солдатъ)—у мене! Щобъ тее, *значитъ*—(опять позаимствованіе).—А то я, якъ вернусь, то“... Не досказано, но понятно.

Народная пѣсня, сложенная внѣ условій этой подавленности, такъ трогательна и граціозно формулируетъ эту сторону прощанья:

Тай забула молода дивчына роспытаты,
Чы дозволыть ій молоденькый погуляты.

«Гуляй, гуляй молода дивчыно, якъ гуляла!
Топчы жовти черевычкы, якъ топтала!
Держы розумъ въ своій головоньци, якъ держала
(будь также цѣломудренна).
Та не гуляй, мое серце зъ парубкамы,
Ой та гуляй, мое серце, зъ старыкамы.
Бо парубкы—(взирающіе на тебя, какъ на
покинутый предметъ моей страсти)—раду радять не такую:—
Воны тебе зъ розума зведутъ молодую—(соблазуятъ
тебя молодую, полную жизни и силы).
А старыкы раду радять статетпюю:
Воны тебе навчатымуть сердечную».

И вотъ она молодая, красивая, полная силы и жизни во всѣхъ функціонированіяхъ организма, остается одинокою, покинутою, беззащитною отъ нападеній увлекающихся ею и увлекающихъ её самцовъ, безсильная въ борьбѣ съ своею собственною кровью и плотью. Устоявшая даже при заигрываніи съ нею мужчинъ въ присутствіи мрачнаго *его*, безъ него она падатъ жертвою сладострастія среды, своего индивидуальнаго зоологическаго инстинкта. И смѣемъ ли мы произнесть слово обвиненія этой несчастной женщинѣ, смѣемъ ли мы по отношенію къ ней чувствовать что либо, кромѣ самого теплаго сожалѣнія, участія?! Хорошо еще, если она судьбою пристроится къ какому нибудь одному человѣку и въ немъ найдетъ потеряннаго мужа сожителя, безъ этого она дѣлается проституткою.

Уйдите вы съ вашимъ словомъ осужденія этой горькой женщины! Не она, а мы—общество, государство—виноваты, создавъ такія ужасныя условія жизни. И простой народъ въ своей совѣсти не капитъ её за на нарушающее филистеризмъ сельской жизни поведеніе, онъ смотритъ на неё снисходительно, прощаетъ ей многое. Она сама чувствуетъ себя нарушительницей правилъ общей морали и уже отказывается отъ почетной *намитки* мужевой жены—(я говорю о прошломъ)—*вывъязалась московкою* платкомъ и въ минуты загула съ горькимъ самоиздѣвательствомъ говоритъ про себя—„мени можна: я московка“ (солдатка)!

Въ болѣе близкое время на вопросъ мироваго судьи, обращенный къ одной солдаткѣ—селянкѣ, но прижившейся въ го-

родѣ:—„Чѣмъ вы, подсудимая, занимаетесь?"—послѣдовалъ отвѣтъ: —Б......! Що}жъ?! Я солдатка, що жъ мини робыть?"... При всемъ безстыдствѣ и нахальствѣ этого отвѣта, сколько горечи и упрёка послышалось мнѣ въ этихъ словахъ! Я солдатка и сама судьба указала мнѣ быть проституткою, судьба, такъ устроившая мою жизнь, и природа не лишившая меня физіологической потребности.

Многія изъ солдатокъ пускаются въ проституцію, руководясь тѣми соображеніями, что при этомъ способѣ удовлетворенія себя онѣ съ большей или меньшей вѣроятностію гарантированы отъ беременности, отъ рожденія обременяющихъ ихъ дѣтей, могущихъ сдѣлаться живымъ попрёкомъ по возвращеніи со службы мужа. Только благодаря установившемуся въ народной средѣ такту по отношенію къ солдаткамъ, не всѣ онѣ остаются проститутками, а по возвращеніи со службы мужей вновь дѣлаются мужевыми женами и хозяйками. Въ ихъ гулящей даже жизни безъ мужей народъ не дѣлаетъ изъ нихъ отверженцевъ общества, а своею терпимостію даетъ имъ возможность возвратиться и на лоно семьи, и въ прежнее положеніе.

Не скоро бы я кончилъ, еслибы захотѣлъ разсказывать еще о горькой долѣ несчастныхъ солдатокъ, приводить здѣсь извѣстные мнѣ эпизоды. Довольно, кажется, разсказаннаго съ возможною вѣрностію, чтобы и съ этой стороны видѣть всю тяготу военной повинности, необходимости коей мы не можемъ отрицать однако жъ, хотя бы и въ томъ далеко несовершенномъ видѣ, какою мы её знаемъ въ описываемомъ недалекомъ прошломъ.

И всѣ почти поголовно жалѣли тогда несчастныхъ рекрутовъ и при возможности помогали имъ избѣгать этого несчастія.

Въ моей замѣткѣ о посѣщеніи императоромъ Александромъ Благословеннымъ Бѣлой Церкви („Кіевская Старина" 1889 года, кн. 4) я разсказалъ случай, когда дѣвки прачки подъ предводительствомъ энергичной кухарки Хотыны, во дворѣ моего дяди, освободили схваченнаго для отдачи въ рекруты нашего кучера. Сколько же возстаетъ въ моей памяти подобныхъ картинъ, видѣнныхъ мною лично или извѣстныхъ по разсказамъ?!

Гимназистомъ я какъ то натолкнулся въ лѣсной чащѣ на спящаго парубка въ грязномъ бѣльѣ и истоптанныхъ чоботахъ.

При немъ тутъ же лежала большая изъ осмоленнаго корня булава. Хотя я тогда изображалъ изъ себя охотника и былъ съ какимъ то плохенькимъ ружьецомъ, но эта сонная фигура показалась мнѣ настолько страшною, что я поспѣшно ретировался и послѣ чуть не бѣгомъ, постоянно оглядываясь, поспѣшилъ къ лѣсной сторожкѣ, гдѣ и разсказалъ двумъ сторожамъ о своей находкѣ. Молодой сторожъ сейчасъ было собрался идти въ лѣсъ и даже взялъ въ руки заткнутую въ стрѣху сторожки пику; но другой—старикъ, дядя молодаго — выразительно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Стривай но лышень! Ты проведы панычa, а я самъ пійду побачу, що тамъ таке...

Оставаясь у сторожки, я вскорѣ увидалъ возвратившагося съ осмотра старика, который и заявилъ, что никого въ указанномъ мѣстѣ не нашелъ. Я хотѣлъ было вести сторожей указать видѣннаго бродягу, но старикъ отклонилъ это мое предложеніе. Онъ пошелъ въ сторожку и сквозь окно мнѣ видно было, какъ онъ, отрѣзавъ половину хлѣба, спряталъ её подъ полу. Вышедши къ намъ, онъ велѣлъ молодому провести меня до опушки.

Лакей моего дяди, которому я дома оживленно разсказывалъ про эту встрѣчу, какъ то особенно серьезно сказалъ:

— Много ихъ теперь скрывается по лѣсамъ! Добрый человѣкъ встрѣтитъ, еще и хлѣба подастъ ему сердечному...

Я понялъ, что видѣнный мною бродяга былъ одинъ изъ бѣжавшихъ отъ рекрутчины.

Эта моя догадка подтвердилась въ ближайшій праздничный день такимъ случаемъ:

Плавалъ я на челнокѣ по р. Роси между ея скалистыми берегами, позади стараго замчища въ м. Бѣлой Церкви. Только что причалилъ я къ низкому, въ уровень съ водою выступу скалы и собирался закинуть удочку, какъ вдругъ услыхалъ топотъ бѣгущаго по горѣ человѣка. Оглянувшись, я увидѣлъ чуть не кувыркомъ стремглавъ съ горы бѣгущую ко мнѣ фигуру нашего гимназическаго водовоза Оныська, безъ свиты и безъ шапки, только въ *жилёткѣ*. Я было струсилъ, ибо намъ, гимназистамъ, запре-

щалось плаваніе по рѣкѣ, и мнѣ показалось, что этотъ Онысько бѣжитъ ко мнѣ въ качествѣ уличителя въ запретномъ дѣлѣ.

Но Онысько оказался самъ какъ то особенно встревоженнымъ, блѣднымъ, онъ вскочилъ прямо въ челнокъ и, припавъ на дно его, вполголоса упрашивалъ меня перевезть на ту сторону. При этомъ онъ тяжело дышалъ и вытягивался по дну челнока, несмотря на то, что тамъ была неотлитая вода. Не давая себѣ отчета, я отпихнулся отъ скалы и погналъ весломъ челнокъ къ противоположному берегу рѣки по направленію къ стоящимъ съ ведрами на камнѣ какимъ то женщинамъ. Не успѣлъ еще челнокъ упереться въ берегъ, какъ Онысько, весь вымоченный бывшею въ лодкѣ водою, вскочилъ, прыгнулъ на камень и пустился со всѣхъ ногъ бѣжать по спускавшимся къ рѣкѣ огородамъ. Женщины съ подтыканными подолами юпокъ и съ коромыслами въ рукахъ изумленно смотрѣли на мокраго, безъ шапки и безъ свиты въ такую пору года—(это было въ сентябрѣ или октябрѣ)—улепетывающаго парня. Я ничего не понималъ. Но молодицы поняли суть дѣла, переглянулись и одна изъ нихъ сказала:

— Це жъ винъ ажъ у Голендерню подався!...

(*Голендерня*—это былъ лѣсъ на правомъ берегу р. Роси противъ парка гр. Браницкихъ Александріи. Назывался этотъ лѣсъ такъ потому, что въ немъ на берегу рѣки устроено было молочное заведеніе графскаго двора, содержались голландскія (hollenderskie—по польски) коровы. Лѣсъ этотъ по берегу р. Роси тянулся далеко на западъ до селъ Пилипчи и Глибочки, и въ этомъ то лѣсу раньше я встрѣтилъ испугавшаго меня бѣглеца).

Проводя глазами скрывшагося въ садахъ Онысько, бабы съ любопытными и ласковыми лицами повернулись въ мою сторону и одна ихъ нихъ сказала:

— Це вы, панычу, соби у Бога спасення заробылы, що перевезли хлопця. Та тилько тикайте же й самы, щобъ не було якои халепы!

Тогда я только понялъ, что помогъ Оныську бѣжать отъ рекрутчины, о которой мнѣ было извѣстно, и въ то же время испугался помянутой молодицею *халепы*. Сейчасъ же, спѣшно по-

пихиваясь весломъ, погналъ я челнокъ вдоль заричанскаго [1]) берега къ вербамъ огорода *дѣда Стрилька*, владѣльца лодки.

Оглянувшись уже изъ огорода *дида Стрилька*, я видѣлъ на камняхъ около замчища нѣсколькихъ человѣкъ, которые что то указывали руками на зарѣчанскій пустой берегъ, такъ какъ тамъ уже и бабъ не было.

Даже любимому Михайлу, вышеупомянутому лакею дяди, я долгое время не разсказывалъ про этотъ случай,—такъ боялся упомянутой бабами *халепы*.

На другой день въ гимназіи мнѣ разсказывали, какъ этотъ Онысько спасся отъ поимки въ гимназическомъ дворѣ. Увидавъ поимщиковъ или, можетъ быть, кѣмъ нибудь предупрежденный, онъ вскочилъ со двора въ ту часть гимназическаго зданія, гдѣ помѣщались гимназисты пансіонеры. Это случилось какъ разъ въ такое время, когда по случаю праздника учениковъ, большею частью католиковъ, выстроили въ пары вести къ вечернѣ (na nieszpory)—въ костелъ. Гимназисты накинули на него шинель, надѣли фуражку и онъ въ парахъ вышелъ за ворота гимназическаго двора. Но, не доходя до костела, Онысько не выдержалъ роли, сбросилъ маскирующее его одѣяніе и пустился бѣжать на замчище во дворъ ксендза. Шедшій сзади гимназистовъ надзиратель и указалъ его поимщикамъ. Но пока тѣ шарили въ постройкахъ ксендзовскаго двора, Онысько очутился на огородахъ Зарѣчья и былъ таковъ.

Послѣ я видѣлъ Ониська все въ той же должности водовоза и припоминалъ ему о томъ, какъ онъ былъ перевезенъ мною черезъ рѣку, но онъ положительно ничего не помнилъ, какъ и кто перевезъ его на Заричье—до такой степени рекрутчина напугала его.

Такія пособничества къ побѣгу отъ рекрутчины въ то время были въ большомъ ходу.

На моей памяти брали въ солдаты (кантонисты) дѣтей евреевъ, часто даже 7—8 лѣтняго возраста. Намъ и теперь еще непонятенъ смыслъ этой правительственной мѣры, но и тогда

---

[1]) *Заричье*—часть м. Бѣлой Церкви, расположенная на лѣвомъ берегу Роси.

мѣра эта осуждалась вообще всѣми. Нечего здѣсь распространяться обо всей ужасности этаго набора, о тѣхъ страданіяхъ, какія должны были выносить несчастные родители этихъ дѣтей и сами дѣти въ солдатской школѣ того времени. Дѣло это само собою вопіетъ за себя и врядъ ли можетъ быть чѣмъ либо оправдываемо. Даже суровый и враждебно по отношенію къ евреямъ настроенный украинецъ въ эти ужасные моменты дѣтскихъ наборовъ являлъ чувства жалости къ евреямъ. Я помню, какъ прислуга дяди—все кровные украинцы—припрятывали у насъ во флигелѣ молодаго, лѣтъ 14, еврейчика, до того времени носившаго продавать ваксу и спички. Онъ сидѣлъ за *маглемъ*[1]), переодѣтый дѣвушкой, и выходилъ не иначе, какъ покрытый платкомъ. Этакъ онъ пробылъ у насъ нѣсколько дней, пока въ одну ночь его не забрали родные, чтобы увезти въ болѣе безопасное мѣсто.

Въ 1856, кажется, году въ м. Бѣлой Церкви я былъ свидѣтелемъ такой сцены: среди огромной, постоянно увеличивающейся подбѣгающими евреями, толпы шагомъ ѣхало нѣсколько большихъ еврейскихъ фургоновъ (брыкъ), биткомъ наполненныхъ малыми еврейчатами, которые стояли, и высовывались, и что то кричали, вытягивая въ сторону толпы руки. Изъ за неистоваго рева толпы слышались дѣтскія возгласы: мамеле! тателе! Но этотъ неистовый крикъ толпы не былъ воплемъ ужаса—это была какая то восторженная радость, необычайное веселье: всѣ прыгающіе и бѣгущіе евреи чему то радовались, кричали, плескали руками, нѣкоторые даже пресмѣшно приплясывали и всѣ тискались къ брыкамъ.

Оказалось, что изъ Василькова, уѣзднаго города, возвращены были набранные въ кантонисты еврейчата вслѣдствіе отмѣны этой мѣры. Нельзя описать всего восторга толпы евреевъ, всѣхъ тѣхъ проявленій радости, какое мнѣ пришлось видѣть въ этой торжественной процессіи. (Проводники нарочно поѣхали не въ центръ мѣстечка, а кругомъ). Но мнѣ хорошо помнится, какъ одна еврейка, протиснувшись къ брыкѣ, судорожно обхватила вы-

[1]) *Магель*—катокъ для бѣлья.

тянувшагося къ ней сына и вмѣстѣ съ нимъ упала, обомлѣвъ отъ радости. Брыки не остановились и продолжали двигаться въ густой толпѣ, а около обомлѣвшей осталось два еврея и еврейка — видно ея близкіе—да мы, зрители этой сцены. Она, бѣдная, такъ крѣпко сжала своего уже оплаканнаго ею сына, что съ трудомъ только его высвободили. Какая то женщина-украинка принесла воды и всѣ мы столпились около сидѣвшей уже на землѣ еврейки. Она истерически рыдала и все хваталась за сына, какъ бы боясь потерять его опять. Женщины и дѣвки-украинки плакали и утирали фартухами и рукавами слезы, а мужчины только потупились.

Припоминаю еще одинъ характерный случай.

Въ большомъ селѣ около корчмы, находящейся въ центрѣ села, на площади, гдѣ по воскресеніямъ располагается базаръ, *гуляютъ* новонабранные рекруты. Тутъ же съ ними и сторожа съ *ципками*, здѣсь же и досужіе селяне, завернувшіе въ корчму ради прощальнаго угощенія рекрутъ, а кто и въ надеждѣ выпить лишнюю чарку при угощеніи. Рекрута *забиты въ дыбы* попарно. Село большое—много и рекрутъ. Они пьютъ съ знакомыми въ корчмѣ, сидятъ подъ навѣсомъ, а нѣкоторыя пары практикуются въ бѣганіи въ дыбахъ, на что́ не совсѣмъ дружелюбно посматриваютъ сторожа.

Къ корчмѣ подъѣзжаетъ на запряженной въ дышло повозкѣ еврей съ кучеромъ крестьяниномъ, останавливается и идетъ въ корчму. Его сопровождаютъ насмѣшки; кто то нарочно кричитъ—„не бый, не бый!“ и еврей, робко озираясь, ускоряетъ шагъ, хотя за нимъ никто и не гонится, и скрывается въ дверяхъ корчмы. Рекруты обступаютъ еврейскій возокъ и кучеръ мрачно посматриваетъ на обступившихъ, подозрѣвая ихъ въ каверзности. Но ничего подобнаго въ виду хмурости кучера не предпринимается, а слѣдуютъ обыкновенные разспросы, кто, откуда и зачѣмъ. При этомъ кто то припоминаетъ, то это тотъ еврей изъ мѣстечка, который еще прошлой осенью скупалъ заячьи шкурки, воскобоину, перья и т. п. Миролюбивыя отношенія между спрашивающими и спрашиваемымъ доходятъ до того, что кто то изъ рекрутъ далъ кучеру табаку на трубку. Два рекрута,

съ трудомъ подлаживаясь другъ къ другу въ деревянной дыбѣ, взгромоздились на возокъ и сидятъ, покуриваютъ. Выглянувшій изъ корчмы еврей приказываетъ своему кучеру напоить лошадей, чего ради тотъ и направляется съ возкомъ къ ближайшему колодцу; рекруты не слѣзаютъ съ возка, при чемъ одинъ изъ нихъ даже взялъ въ руки возжи и правитъ лошадьми. Лошади напоены, кучеръ привязываетъ къ возку цыбарку, взнуздываетъ лошадей и идетъ слѣдомъ за возкомъ—лошадьми правитъ все тотъ рекрутъ.

— Що жъ це винъ не выходыть—кони напылысь... говоритъ одинъ рекрутъ и подергиваетъ возжами и лошади отъ колодца бѣгутъ рысью. Кучеръ слабо протестуетъ „буде, буде!“ но рекруты не унимаются и объѣзжаютъ кругомъ по площади. Въ дверяхъ показывается фигура еврея, недружелюбно поглядывающаго на это катанье на его лошадяхъ, но рекруты не обращаютъ на него вниманія и къ вящшему удовольствію публики еще дѣлаютъ одинъ туръ. Публика посмѣивается, видя, какъ это передергиваетъ хозяина лошадей, кучеръ идетъ на встрѣчу ѣдущимъ со своимъ „буде, буде“. Рекруты не слушали и всѣхъ заинтересовало это столкновеніе, только одинъ изъ сторожей привсталъ съ завалинки и тревожно вперилъ глаза въ повозку. Вдругъ лошади помчались вскачь и укрытая пылью повозка исчезла въ одной изъ выходившихъ на площадь улицъ. Слышно было гиканье и еще какой то непонятный крикъ. Сторожа встревожились, поняли, что происходитъ что то неладное, и нѣсколько мужиковъ, подобравъ полы свитъ, кинулись бѣжать черезъ огороды съ крикомъ: „переймай, переймай!!“

Черезъ полчаса погнавшіеся вернулись на потныхъ лошадяхъ, взятыхъ подъ лѣсомъ, но безъ рекрутъ, оставившихъ въ возкѣ только рознятыя дыбы—колодки. Оказалось, что, повернувъ въ улицу, они, не переставая гнать лошадей, стали кричать: „Сокиру, дайте сокиру!“ пока какая то сердобольная баба, разслышавъ ихъ просьбу, бросила имъ въ возокъ сокиру, которою они и розняли колодки, и, доѣхавъ до лѣса, соскочили съ возка и ушли, забравъ съ собою и топоръ, какъ улику оказавшаго имъ помощь.

Всѣ, разумѣется, въ душѣ одобряли молодецкую выходку рекрутъ и только сторожа, такъ ловко обманутые въ ихъ бдительности, усилили надзоръ за остальными.

Теперь новобранцы поютъ солдатскія пѣсни, а то и „Смотрю я безумно на черную шаль", какъ это я слышалъ въ воронежской губерніи, но въ прежнее время пѣлись чисто украинскія рекрутскія пѣсни. Одну изъ таковыхъ, понравившуюся мнѣ еще подростку-гимназисту, я рѣшаюсь привесть здѣсь цѣликомъ, какъ не вошедшую ни въ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ сборниковъ; заучилъ я ее въ Бѣлой Церкви. Вотъ она.

Та зажурылысь молоди хлопци,
Що на ногахъ кайданы:
«Ой теперь же мы, мылые братья,
Тай на викы пропалы!»
Ой йиде козакъ въ зеленый байракъ,
На грыву похылывся...
Та за нымъ, за нымъ ненька старенька:
«Не идь, сынку, верныся!» —
— «Та не вернуся, моя матуся!
Поиду на Вкраину—
Кинь мій вороный, самъ я молодый,
Може ще й не загыну». —
Прыихавъ козакъ въ зеленый байракъ,
Ставъ коня попасаты...
А за нымъ, за нымъ соцькый зъ выборнымъ,
Щобъ у некруты його взяты.
«Ой батькы жъ мои, вы голубчыкы!
«Берить коня вороного,
«Тильки не берить у неволеньку
«Та мене молодого».
— «Мы коня возьмемъ, мы коня возьмемъ,
Коня треба глядиты,
А тебе возьмемъ на царську службу,
Тай ты будешъ служыты».
Ой за горою, за высокою,
Море корабли носыть.
Ой тамъ нашъ козакъ на вколишкы впавъ,
Губернатора просыть:
— «Ой батьку жъ ты мій, губернаторе!
Пусты жъ мене зъ неволи! —
Стосковалася, зажурилыся [1])
Дивчынонька за мною».
— «Охъ и не пущу, охъ и не пущу,
Бо скоро не прыбудешъ...
Ой пый воду ты все дунайськую
Той про неи забудешъ».
— «Ой пывъ воду я все дунайськую
И солодкыи вына —
Покы жывъ буду, той не забуду
Мою мылу дивчыну» ...

Но я заболтался, какъ говорится, и далеко отошелъ въ сторону отъ начатаго разсказа про наборъ въ нашемъ селѣ въ 1863 году. Прости мнѣ, читатель! Возвращаюсь.

[1]) Варіантъ.—Стосковалася, тай зъ лыця спала.

Такъ и ходили закованные въ кандалы Михайло и Корній по селу недѣли двѣ. Водились съ ними по хатамъ и по корчмамъ и всегда около нихъ былъ кто нибудь кромѣ сторожей, то родичи, то знакомые, желавшіе угостить ихъ на прощанье. Михайло такъ и оставался понурымъ, молчаливымъ, Корній все также былъ подверженъ приступамъ бѣшенства и отчаянія, такъ что въ селѣ возбуждался вопросъ о заковкѣ его особо отъ Михайла по ногамъ и по рукамъ.

Съ 15 января въ уѣздномъ городѣ начинался пріемъ рекрутъ и къ этому времени нужно было собрать назначенныхъ въ солдаты парней со всей волости и уже вмѣстѣ везть ихъ въ городъ

13-го мы были рано разбужены лаемъ собаки и къ намъ зашли попрощаться рекруты Михайло и Корній. Опять тяжелая сцена прощанья, бряцанье кандаловъ и плачъ провожающихъ родителей.

Проводивъ ихъ, мы уже не ложились спать и всѣ нахмурились. Скоро и братъ, провожавшій рекрутъ до корчмы на горѣ, вернулся хмурый и съ заплаканными глазами. Мы его понимали и не разспрашивали. Песъ не переставалъ лаять на возвращающихся мимо моего двора съ проводъ. Аріонъ гдѣ то во дворѣ *поравъ* скотину, работница захаживалась около печи, а жена пошла навѣдаться къ овцамъ, такъ какъ со дня на день ожидался котъ овецъ.

Вдругъ является въ хату жена съ потушеннымъ фонаремъ въ одной рукѣ, раздѣтая, а другою поддерживаетъ какую то женскую фигуру въ накинутой на голову ея жениной куцынкѣ. Фигура эта была босая, съ раскраснѣвшимися на холодѣ ногами, снизу прикрытыми мережанымъ подоломъ рубахи и запаскою. Жена, какъ бы заслоняя собою эту фигуру, проводила ее въ валькиръ и, захлопнувъ двери, махнула на насъ рукою, запрещая этимъ жестомъ даже и разспрашивать. Въ валькирѣ послышалось всхлыпываніе и задушаемыя рыданія. Братъ, не успокоившійся еще послѣ сценъ провожанія рекрутъ около корчмы, сердито сплюнулъ и пошелъ на другую половину, а работница, очевидно понимавшая все это, не отрывалась отъ печи, къ которой подошла и жена согрѣться противъ огня.

Немного погодя, жена вывела изъ валькира эту фигуру, обутую уже въ какіе то сапоги, одѣтую въ кожухъ, но все таки съ закутаннымъ платкомъ лицомъ и провела ее далеко за ворота.

Оказалось, что жена во дворѣ натолкнулась на дрожащую отъ стужи, плачущую *дивчыну*, которая проспала проводы рекрутъ и, проснувшись, какъ была, босая, въ одной запаскѣ, кинулась догонять ихъ. Но на пути, посторонившись съ дороги, она изъ разговоровъ возвращающихся съ проводъ узнала, что уже поздно, и иззябшая вбѣжала къ намъ во дворъ, гдѣ и встрѣтила пріютившую ее жену. Кутаньемъ охранялась ея дѣвичья честь отъ *поговору*.

Тай забула молода дивчына роспытаты,
Чы дозволыть ій молоденькій погуляты...

вспомнилось мнѣ.

Однако жъ тотъ, кого провожала эта дивчына, Михайло— вернулся въ село: забрили Корнія.

На этомъ бы и окончить разсказъ, но мнѣ въ связи съ разсказаннымъ вспомнилось еще одно.

На слѣдующій годъ былъ опять наборъ, повторились опять тяжелыя сцены, но уже *громада*, возмужавшая и осмотрѣвшаяся въ самоуправленіи, не прибѣгала къ поголовному захвату молодыхъ людей и назначенныхъ къ сдачѣ не заковывала въ кандалы. Опять назначили того же Михайла, успѣвшаго жениться на вышереченной дѣвушкѣ, но уже не подставнымъ, а лобовымъ. Кухаренковъ было четыре брата: одинъ жилъ давно уже отдѣленнымъ, а при отцѣ жили второй братъ Гаврило и четвертый Михайло. Третій же—старшій Михайла и меньшій Гаврила,—Иванъ, или, какъ его обыкновенно звали, Иванька, съ дѣтства былъ взятъ въ господскій дворъ, гдѣ, постигнувъ поварское искусство, оставался поваромъ и послѣ освобожденія крестьянъ, разумѣется по найму. Тщедушный, худой, блѣдный, Иванька мало представлялъ шансовъ на то, чтобы его приняли въ солдаты, почему громада и рѣшила сдать Михайла. При этомъ я долженъ сказать, что Палажка, жена Михайла, нѣкоторое время жила у господъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ Иванькой и послѣдній былъ неравнодушенъ къ ней, но на предложеніе жениться на ней онъ всегда говорилъ,

что онъ не годится въ мужья, не съумѣетъ жить на тяглѣ въ селѣ, не знаетъ вовсе мужицкаго дѣла, а такъ какъ внѣ сельскаго хозяйничанья онъ не могъ себѣ представить семейной жизни, то и порѣшилъ не жениться, а остаться холостякомъ. На свадьбу слюбившихся въ селѣ Михайла и Палажки Иванько не захотѣлъ пріѣхать изъ Кіева, а только въ то время, разсказывали, пилъ цѣлую недѣлю безъ просыпу.

Свадьба была въ осенній мясоѣдъ, а послѣ Новаго года Михайла повезли сдавать въ солдаты. Съ нимъ вмѣстѣ въ числѣ провожающихъ поѣхала и его молодая жена.

Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ изъ Кіева Иванька и сейчасъ же поѣхалъ въ погоню за рекрутами въ уѣздный городъ. Тамъ онъ явился въ рекрутское присутствіе и заявилъ желаніе идти на службу за брата, былъ принятъ, а Михайло съ Палажкою вернулись домой.

Борисъ Познанскій.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго [1]).

Мои профессоры.

Итакъ завѣтныя мечты и благородныя стремленія юношей-гимназистовъ наконецъ пришли къ осуществленію: предъ нами стоитъ открытымъ святилище науки, свѣта, истины... Такимъ, по крайней мѣрѣ, представлялся намъ университетъ изъ нашего прекраснаго далека. Въ профессорѣ мы воображали найти какого то особеннаго человѣка, въ родѣ полубога Прометея, похищающаго съ неба огонь божественной мудрости, чтобы передать его смертнымъ. Съ замираніемъ сердца слушали мы восторженныя тирады заѣзжаго студента-краснобая Сени Глотова о лекціяхъ московскихъ профессоровъ [2]); внимать вдохновеннымъ рѣчамъ этихъ оракуловъ стало единственною цѣлію нашей жизни.

Что же мы нашли въ университетѣ? Осуществились ли наши мечты? Утолена ли жажда знаній, томившая насъ въ душныхъ теплицахъ гимназіи, подъ ферулою разныхъ ничтожествъ. Увы! Прометеи, въ большинствѣ, оказались такими же ничтожествами и пигмеями, какихъ мы привыкли видѣть съ гимназической скамьи, и мы горько разочаровались въ своихъ надеждахъ.

Мой современникъ по студенчеству В. Я. Шульгинъ охарактеризовалъ десятилѣтіе отъ 1839 по 1849 годъ временемъ *переходнымъ*. „Первые три года университетъ св. Владиміра развивался подъ вліяніемъ прежней школьной организаціи *обязательнаго*

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 10, октябрь.

[2]) Тамъ, дѣйствительно, было кого послушать (Грановскій, Рѣдкинъ, Чевилевъ, Кудрявцевъ и др.).

слушанія лекцій смѣшанныхъ, строго нераздѣленныхъ факультетскихъ предметовъ. Потомъ, со введеніемъ новаго устава въ 1842 году, университетъ долженъ былъ перейти къ устройству, основанному на совершенно противоположныхъ началахъ—*вольнаго* слушанія и рѣзкаго спеціальнаго разграниченія факультетскихъ курсовъ"; но у насъ и послѣ введенія новаго устава, все оставалось по старому: то же смѣшеніе факультетскихъ предметовъ, то же принудительное посѣщеніе лекцій съ перекличками и тотъ же непотизмъ. Для самостоятельныхъ занятій наукой у насъ не было времени; а потому, не найдя полнаго удовлетворенія своей пытливости, мы стали учиться „не для Іисуса, а для хлѣба куса", не для науки, а службы ради, т. е. аккуратно посѣщали лекціи и зубрили профессорскія записки.

Не имѣя притязанія на историческое значеніе моихъ „Воспоминаній", по выходѣ въ свѣтъ обстоятельнаго, серьезнаго труда проф. Владимірскаго-Буданова, я коснусь лишь нѣкоторыхъ второстепенныхъ явленій и событій, насколько они имѣли отношеніе къ моей личности; вслѣдствіе чего и разсказъ мой будетъ имѣть совершенно частный, индивидуальный характеръ.

Иванъ Михайловичъ Скворцовъ.

Слушаніе лекцій началось съ богословія. Протоіерей Скворцовъ читалъ для студентовъ всѣхъ трехъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ четырехлѣтній курсъ богословскихъ наукъ: богословіе догматическое и нравственное, церковную исторію и каноническое право. Всѣ эти предметы, исключая ц. исторіи, читались по запискамъ. „Послѣ каждой лекціи, съ неизмѣнною аккуратностію, преподаватель выдавалъ студентамъ записки по прочтенной лекціи, объемъ которыхъ никогда не превышалъ одного листа". Листъ этотъ для профессора во время чтенія служилъ конспектомъ. Соразмѣряя свои полуторачасовыя объясненія съ продолжительностію времени, Иванъ Михайловичъ всегда норовилъ такъ, чтобы лекція не превышала одного листа. При отвѣтахъ нашихъ на репетиціяхъ и на экзаменахъ никакихъ дополненій къ тому, что заключалось въ запискахъ, не требовалось; а потому мы на лекціяхъ богословія преспокойно занимались переписываніемъ лекцій по другимъ предметамъ. Этимъ, чисто

механическимъ занятіемъ, значительно сокращалось время монотоннаго и невыносимо скучнаго чтенія, такъ что профессора слушали только сидѣвшіе на переднихъ двухъ скамьяхъ подлипалы, не сводившіе глазъ съ от. протоіерея, что ему очень нравилось. Иванъ Михайловичъ постоянно дѣлалъ переклички и назначалъ репетиціи и послѣ введенія новаго устава, которымъ отмѣнялась обязательность посѣщенія лекцій; за манкировки онъ крѣпко пробиралъ на окончательномъ испытаніи, портя иногда кандидатскіе баллы по спеціальнымъ предметамъ своими двойками.

Алексѣй Ивановичъ Ставровскій.

Послѣ гимназическихъ уроковъ нашего провинціальнаго Герена М. Г. Ерофѣева, въ университетѣ мнѣ пришлось слушать всеобщую исторію и статистику у проф. Ставровскаго. Ожидая найти въ профессорскихъ чтеніяхъ болѣе широкое міровоззрѣніе и болѣе свободы какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ обобщеніи оныхъ, чѣмъ въ учительскихъ урокахъ, я на первой же полуторачасовой лекціи совершенно разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Профессоръ, безъ помощи тетрадки, не могъ изложить ни одного историческаго событія; рыжая голова его, какъ голова гипсовой фигурки, впродолженіе всей лекціи, находилась въ безпрерывномъ движеніи; его глаза, послѣ каждой фразы, быстро перебѣгали отъ тетрадки къ студентамъ и отъ студентовъ къ тетрадкѣ; неоднократно повторяемая попытка обойтись безъ пособія записокъ оканчивалась цѣлымъ потокомъ ненужныхъ частицъ и однозначущихъ словъ, вродѣ напр.: такимъ образомъ, извольте видѣть, собственно говоря, ну-съ, такъ сказать; городъ былъ сожженъ, разрушенъ, уничтоженъ и т. п.

Ежегодно, предъ началомъ лекцій, Алексѣй Ивановичъ рапортовалъ совѣту, что онъ будетъ читать всеобщую исторію, пользуясь сочиненіями Гиббона, Людека, Гизо, Авг. Тьерри, Шлоссера, Мишо, Ранке и др. знаменитостей; между тѣмъ на дѣлѣ оказывалось слѣдующее: записки профессора, на переписку коихъ у насъ терялась бездна времени, впослѣдствіи появились въ печати, подъ заглавіемъ: „Всеобщая Исторія Лоренца“, бывшаго профессора педагогическаго института, гдѣ воспитывался и нашъ непризванный исто-

рикъ, который, вѣроятно, изъ признательности къ своему наставнику, не измѣнилъ въ его лекціяхъ ни іоты. Какъ жаль, что настоящій авторъ этого прекраснаго руководства запоздалъ изданіемъ его въ свѣтъ; онъ, во первыхъ, избавилъ бы насъ отъ безполезной траты драгоцѣннаго времени на переписку, а во вторыхъ заставилъ бы поработать и нашего историка надъ составленіемъ собственныхъ лекцій.

8 декабря 1841 года Ставровскій защищалъ диссертацію на степень магистра: „О значеніи среднихъ вѣковъ въ разсужденіи къ новѣйшему времени", которую Грановскій рекомендовалъ своимъ слушателямъ, какъ „образецъ исторической нелѣпости". На диспутѣ магистрантъ велъ себя, какъ паяцъ. Почтенный классикъ нашъ И. Я. Нейкирхъ сунулся было сдѣлать ему какое то возраженіе изъ области филологіи. „Ну, ужъ ваша филологія,—отвѣтилъ Ставровскій, не дослушавъ до конца возраженія—хороши ваши толкованія, напр. вы производите слово монголы—мы голы!" [1]).

Въ 1843 году, неизвѣстно по какому побужденію, Алексѣй Ивановичъ, предъ началомъ семестра, заявилъ въ совѣтѣ, что онъ прочтетъ студентамъ 4-го курса исторію французской революціи, должно полагать, ради снисканія популярности, которой ему не удавалось добиться прямымъ путемъ. Читать исторію великой революціи 1789 года, въ русскомъ университетѣ 40-хъ годовъ, для всякаго другаго, болѣе даровитаго профессора, было бы дѣломъ весьма

---

[1]) Для казеннокоштныхъ словесниковъ—будущихъ учителей—на 4-мъ курсѣ существовали практическія лекціи педагогіи. А. И—чъ, цинически относившійся ко всѣмъ наукамъ вообще, а къ педагогіи въ особенности, считая ее измышленіемъ нѣмецкихъ гелертеровъ, на первой же лекціи огорошилъ насъ такою предикой: „Вамъ, гг., извѣстно, что я врагъ всяческихъ теорій и такъ называемыхъ высшихъ взглядовъ, а потому не стану переливать изъ пустаго въ порожнее. Для васъ, будущихъ педагоговъ, по моему мнѣнію, будетъ несравненно полезнѣе, если я, искушенный, такъ сказать, житейскимъ опытомъ, ознакомлю васъ съ практической стороной учительскаго званія, чѣмъ, собственно говоря, и ограничится ваша служебная каррьера... Да! а вы, гг., мечтаете переворотъ въ наукѣ произвести, великія открытія сдѣлать—не трудитесь, безъ васъ все уже сдѣлано. Никакой учености на службѣ отъ васъ не потребуется, за нее ни чиновъ, ни денегъ не дадутъ... Лучше я объясню вамъ, какъ вы должны держать себя въ отношеніи начальства, сослуживцевъ, вашихъ учениковъ и ихъ родителей"... За симъ, не будучи вовсе знакомъ съ тою средой, въ которой суждено намъ вращаться, не зная гимназическихъ порядковъ, бывшій семинаристъ приступилъ къ изложенію своей соціологіи и закончилъ „практическую лекцію" такимъ совѣтомъ: „имѣйте, гг., волчьи зубы и лисій хвостъ!".

рискованнымъ. Можно ли было съ должностнымъ уваженіемъ къ истинѣ и безпристрастіемъ объяснять смыслъ и значеніе этого переворота—въ то время, когда, по словамъ Грановскаго, наша цензура не дозволяла употребить въ поваренной книгѣ выраженія: „пирогъ нужно печь въ *вольномъ духу*?“ Ужъ коли нашъ историкъ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Уварова, доказывалъ съ каѳедры, что въ древности римской республики не было, что ее выдумали нѣмцы,—то и съ революціей онъ обойдется такъ же безцеремонно: онъ ручался за свою удивительную способность даже изложеніе исторіи французской революціи опошлить и сдѣлать невыносимо скучной.

На первую лекцію Алексѣя Ивановича собралось множество слушателей: студенты всѣхъ факультетовъ, особенно спеціалисты по части революцій, поляки, побросавъ свои аудиторіи, сошлись слушать „революцію“. Предусмотрительное начальство, узнавъ о такомъ „движеніи“ молодежи, поспѣшило само придти послушать, не внушаются ли юношеству вольныя мысли, такъ какъ профессоръ почему то не захотѣлъ ограничиться какими нибудь ассиріянами и вавилонянами, а вдругъ ни съ того, ни съ сего зачиталъ чортъ знаетъ что такое—„революцію“...

Не прошло недѣли, какъ въ университетъ пожаловалъ г. попечитель. Въ аудиторіи, гдѣ обыкновенно читалась исторія, шла лекція Костыря; туда прежде всего князь и заглянулъ. Вторую лекцію въ той же аудиторіи долженъ былъ читать Ставровскій. Студенты, желая занять ближайшія къ каѳедрѣ мѣста, еще до звонка столпились въ корридорѣ и маленькой передней, подъ самыми дверями аудиторіи. Послѣ звонка, выйдя отъ Костыря, князь, увидѣлъ толкотню и давку; къ нему подскочилъ полковникъ-инспекторъ студентовъ.

— Что это? обратился къ нему попечитель.

— Революція в. с—во! брякнулъ полковникъ, вытянувшись въ струнку. Князь было смутился. Но кто то изъ студентовъ тотчасъ же успокоилъ его, доложивъ, что это не революція, а исторія французской революціи.

— А-а-а! исторія.. промычалъ вполголоса князь.

Прослушавъ лекцію, е. с—во пришелъ къ убѣжденію, что въ чтеніи профессора нѣтъ ничего революціоннаго, и что стало быть опасаться вреднаго вліянія на студентовъ нѣтъ никакого основанія.

Когда профессоръ довелъ свое „изложеніе“ до самаго разгара великой катастрофы—„когда обветшалыя, подгнившія учрежденія Людовиковъ вырваны были съ корнемъ вонъ и на развалинахъ стараго порядка вещей, въ обагренную кровію землю посажено было древо свободы“, на лекцію попечитель явился вторично. Лекторъ сдержаннымъ голосомъ началъ излагать исторію этихъ страшныхъ потрясеній основъ, стараясь, елико можаху, смягчить яркій колоритъ кровавой картины разрушенія разными ненужностями, не жалѣя при томъ крѣпкихъ словъ и эпитетовъ, которыми онъ нещадно громилъ безбожниковъ—французовъ. И все таки многое изъ того, что было приготовлено на лекцію, опущено, вслѣдствіе чего матеріалу до звонка не хватило. Лекцію свою профессоръ закончилъ нравственною сентенціей: „такимъ образомъ, господа, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ, забывъ Бога, оставивъ религію, уничтоживъ, такимъ образомъ, разрушивъ все, что должно, такъ сказать, во всѣ времена составлять предметъ уваженія,—такимъ образомъ, говорю, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ безъ религіи, безъ Бога существовать не можетъ: онъ погибаетъ и такимъ образомъ совершенно уничтожается, исчезаетъ“!... Но профессоръ сентенцію свою кончилъ, а предательскій звонокъ молчитъ. Настала пренепріятная пауза: профессоръ смотритъ на студентовъ, студенты на профессора, нѣкоторымъ почему то стало совѣстно глядѣть и они потупились. Вмѣсто „браво“, которымъ, по всей справедливости, слѣдовало бы поощрить краснорѣчиваго профессора, зазвенѣлъ колокольчикъ... et finita la comedia!...

В. Ѳ. Домбровскій.

Русскую исторію и древности читалъ бывшій воспитанникъ лицея кн. Безбородко Василій Ѳедоровичъ Домбровскій. При огромномъ ростѣ и соотвѣтствующей полнотѣ, онъ имѣлъ весьма привлекательную наружность; голубые глаза его блистали умомъ. Обладая

при томъ необъятною памятью и увлекательнымъ даромъ слова, онъ представлялъ совершенную противоположность неказистому на видъ, нерѣчистому Алексѣю Ивановичу.

„При Домбровскомъ, говоритъ Шульгинъ, русская исторія не выходила изъ границъ учебника Устрялова и лишена была всякой самостоятельности"; затѣмъ, какъ бы въ оправданіе профессора, присовокупляетъ: „причинъ этого должно искать отчасти въ обстоятельствахъ, не зависящихъ отъ преподавателя, а отчасти въ немъ самомъ заключавшихся. Требованіямъ науки онъ не могъ удовлетворить, при всѣхъ своихъ достоинствахъ нравственныхъ, какъ благородный человѣкъ, и умственныхъ, какъ краснорѣчивый лекторъ, не получивъ серьезнаго образованія".

Если профессоръ всеобщей исторіи читалъ по готовымъ запискамъ и читалъ отвратительно, то я не нахожу никакого основанія ставить его выше Домбровскаго, который, хотя тоже придерживался Устрялова, какъ Ставровскій Лоренца, но читалъ превосходно, никогда не имѣя передъ собой даже коротенькаго конспекта. Въ чемъ же тутъ преимущество? Ученость, пріуроченная Алексѣю Ивановичу его прихлебателями, подвержена великому сомнѣнію; напечатанная имъ магистерская диссертація вовсе не составляетъ пріобрѣтенія для науки, хотя авторъ носился съ нею, „якъ съ писаною торбою".

Еще до моего поступленія въ университетъ, въ 1838 году, Василію Ѳедоровичу, вмѣстѣ съ адъюнктомъ русской словесности Красовымъ, разрѣшено было, помимо магистерскаго и докторскаго экзамена, представить и защитить докторскія диссертаціи; но оба докторанта потерпѣли на диспутѣ полнѣйшее fiasco. Какъ диссертація Домбровскаго „Объ отличительномъ характерѣ исторіи московскаго государства", такъ и диссертація Красова „О главныхъ направленіяхъ поэзіи въ англійской и нѣмецкой литературахъ въ концѣ XVIII столѣтія", были признаны совѣтомъ удовлетворительными, но докторанты не могли ихъ защитить. Ректоръ Неволинъ, говоритъ преданіе, предложилъ Красову вопросъ: „что такое изящное?" Врагъ всяческихъ научныхъ опредѣленій, восторженный поэтъ отвѣчалъ одними лишь примѣрами и сравненіями: „вообразите, говоритъ, море во время бури, нависшія надъ пропастью скалы, озаренныя блескомъ молній..., прочтите стихотвореніе Пушкина:

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами... и проч.

Однимъ словомъ, сказалъ въ заключеніе Красовъ, прекраснаго опредѣлить невозможно, его только можно чувствовать.

— Нельзя же, г. Красовъ, быть докторомъ чувствительности, замѣтилъ съ ядовитой улыбочкой Константинъ Алексѣевичъ и тѣмъ заключилъ пренія.

Отказъ Красову въ докторской степени совѣтомъ формулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „отвѣты докторанта оппонентамъ состояли, по большей части, изъ однѣхъ общихъ и неопредѣленныхъ мыслей". Потерпѣвъ пораженіе, онъ подалъ въ отставку 9 октября 1834 года и уѣхалъ въ Москву.

По свидѣтельству г. Буданова, диспутъ Домбровскаго привели къ печальному результату вѣскія и дѣльныя возраженія преосвященнаго Иннокентія.

Въ 1841 году Василій Θедоровичъ еще разъ пробовалъ пріобрѣсть ученую степень магистра и еще разъ потерпѣлъ неудачу, чѣмъ онъ обязанъ исключительно одному Ставровскому, человѣку завистливому и мстительному: онъ не могъ простить своему сослуживцу той популярности, которою тотъ пользовался у своихъ слушателей за свои рѣдкія нравственныя качества, чего лишенъ былъ самъ Алексѣй Ивановичъ.

Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ.

Переводы и объясненія греческихъ классиковъ происходили на латинскомъ языкѣ, тщательно записывались студентами и выучивались наизусть. Лекція обыкновенно начиналась неизмѣннымъ обращеніемъ къ слушателямъ: Commilitones humanissimi! Repetendum est inde a versu N usque ad versum N. Quis vestrum repetat?

Разъ студентъ Пильчиковъ вызвался перевесть отрывокъ изъ Теокрита, имѣя передъ собой тетрадку съ готовымъ переводомъ. Прочелъ онъ до точки начало идилліи, гдѣ говорится о козахъ, а изъ тетрадки сталъ читать совсѣмъ другую идиллію, въ которой

говорилось объ овечкахъ. Профессоръ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ: „Humanissime Pilczykow! verte paginam!

И дѣйствительно, перевернувши въ тетрадкѣ страницу, онъ нашелъ требуемый переводъ и профессоръ вполнѣ удовлетворился его отвѣтомъ, произнося свое обычное: recte!

За повтореніемъ предыдущаго перевода слѣдовалъ новый, при чемъ Иванъ Яковлевичъ, такъ сказать, до костей разбиралъ каждый оборотъ, каждое слово, каждую частицу. Любимый конекъ его —генеалогія боговъ и героевъ. Родословную каждаго божка и каждаго героя онъ передавалъ съ большими подробностями серьезнѣйшимъ тономъ, какимъ развѣ только ученый раввинъ толкуетъ свой талмудъ.

Греческія древности, миѳологія и исторія литературы излагались также на латинскомъ языкѣ. Лекція состояла въ диктовкѣ, сопровождавшейся обильными объясненіями, при чемъ, для большей наглядности, профессоръ показывалъ студентамъ превосходныя изображенія древней архитектуры и скульптуры.

И. Я. Нейкирхъ слылъ и дѣйствительно былъ идеаломъ честности и добросовѣстности. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось, когда онъ забывалъ названіе какого нибудь ничтожнаго городишка или годъ рожденія какого нибудь даже второстепеннаго писателя—весь сгоритъ со стыда, готовый провалиться сквозь землю. Покойный И. Я. Шульгинъ, основательно знавшій древніе языки, любилъ иногда ставить профессора въ тупикъ: не соглашаясь съ толкованіями нѣмецкихъ филологовъ—комментаторовъ, онъ высказывалъ свои собственныя объясненія спорнаго оборота. Однажды онъ до того смутилъ почтеннаго классика, что тотъ торжественно сознался въ своей несостоятельности возразить ему. Краснѣя и конфузясь, онъ сказалъ: dicam postea.

Прошла недѣля; Шульгинъ и позабылъ уже о своемъ возраженіи, какъ въ аудиторію съ сіяющимъ лицомъ влетаетъ Нейкирхъ, быстро вскакиваетъ на каѳедру, наводитъ свои очки на Шульгина и радостно возглашаетъ: domine Schulginius inveni! Значитъ, цѣлую недѣлю копался терпѣливый нѣмецъ въ фоліантахъ, чтобы разрѣшить встрѣтившееся недоразумѣніе. Долго говорилъ онъ съ жаромъ,

измѣнивъ на сей разъ флегматическому темпераменту: глаза горятъ огнемъ, на щекахъ даже румянецъ появился. И чѣмъ же онъ такъ воспламенился? какое открытіе сдѣлалъ въ наукѣ? А вотъ какое: за недѣлю времени онъ узналъ, что думаетъ о спорномъ мѣстѣ Вольфъ, что думаетъ Гофманъ и другіе авторитеты филологіи: Volfius putat ita, Hofmanius ita, ego autem aliter puto. Полъ лекціи прошло, пока онъ распуталъ то, что, потѣхи ради, запуталъ проказникъ Шульгинъ своими возраженіями.

Нашъ историкъ Ставровскій, вообще какъ сказано, цинически относившійся къ наукѣ, трунилъ иногда надъ нѣмцами, говоря, что у нихъ достаточно открыть новую запятую въ давно знакомомъ уже текстѣ, чтобы прослыть ученымъ классикомъ. Циникъ отчасти былъ правъ. И нашъ филологъ Иванъ Яковлевичъ интересовался преимущественно самыми темными уголками классицизма и, углубляясь въ грамматическія тонкости языка, забывалъ совершенно художественную сторону греческихъ писателей. Но не такъ ли поступаютъ и нынѣшніе наши преподаватели классическихъ языковъ не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ?...

А. К. Делленъ.

Въ противоположность серьезному и сухому филологу Нейкирху, въ лекціи профессора римской литературы Деллена вкрадывался романтизмъ. Живая, подвижная натура этого милаго человѣка вовсе не годилась для роли заправскаго классика, который, по общепринятому мнѣнію, обязательно долженъ походить на мертвеца, вставшаго изъ могилы для того, чтобы передать живымъ людямъ о томъ, какъ живали давно истлѣвшіе греки и римляне. Особенно мило и даже игриво Александръ Карловичъ разсказывалъ анекдотъ de causa belli Trojani.

Когда богиня несогласія Дискордія обойдена была приглашеніемъ на пиршество, куда приглашены были другія богини: Юнона, Минерва и Венера, то, съ досады, бросила между нихъ яблоко, съ надписью: detur pulcherrimae! Заспорили богини, кому должно достаться яблоко? Наконецъ пригласили, въ качествѣ эксперта, спе-

ціалиста по части женскихъ прелестей, Париса. Желая задобрить въ свою пользу судью, каждая изъ богинь посулила ему взятку:

Iuno proposuit regnum, Minerva—sapientiam, Venus autem—pulcherrimam feminarum. Paris noluit neque regnum, neque sapientiam, sed pulcherrimam feminarum. Такъ какъ между гречанками красивѣе Елены никого не было, то Венера указала Парису на нее. Онъ ее похитилъ—et haec erat causa belli Trojani!

Вѣчный адъюнктъ.

Начала греческаго языка, на первомъ курсѣ, преподавалъ Кондратій Ѳедоровичъ Страшкевичъ, замѣчательный лингвистъ и классикъ. Мнѣ пришлось учиться языку эллиновъ съ азбуки. Пробившись мѣсяца три надъ спряженіями и не замѣчая прогресса въ своихъ занятіяхъ, я обратился за совѣтомъ къ преподавателю, какимъ способомъ преодолѣть мнѣ грамматическія тонкости, потому что больно хотѣлось познакомиться съ произведеніями Гомера и Софокла не въ переводахъ, а въ подлинникѣ:

— Вставайте, по крайней мѣрѣ, впродолженіе одного года не позже 5 часовъ и учитесь до 8—тогда только вы будете знать греческія спряженія—посовѣтовалъ мнѣ Кондратій Ѳедоровичъ.

— Покорно васъ благодарю! такой жертвы я не въ силахъ принесть богамъ Греціи. Самое лучшее время для занятій употребить на зубреніе, оставивъ болѣе полезные предметы — по моему не разсчетъ.

— Ну, такъ вы никогда не будете знать греческихъ спряженій—сказалъ рѣшительно мой добрый наставникъ—и пророчество его сбылось: τύπτω навсегда осталось для меня камнемъ преткновенія.

Увы! я позабылъ языкъ Эсхила...
На все жъ скажу, что школа сущій кладъ:
Тамъ созрѣваетъ мысль, тамъ крѣпнетъ сила. *(Байронъ).*

Monsieur Борель.

Въ росписаніи лекцій значились новѣйшіе иностранные языки, съ ихъ литературами: французскій, нѣмецкій, итальянскій; но по-

бывавши на лекціяхъ всѣхъ трехъ лекторовъ, я увидѣлъ, что это чистѣйшая потеря времени. M-r Борель 29 лѣтъ переводилъ одного и того же поэта du grand siècle или, точнѣе, переводилъ не онъ—онъ только говорилъ oui! а студенты, потому что сей французъ, хотя жилъ въ Россіи болѣе 30 лѣтъ, не унизилъ достоинства своей великой націи до того, чтобы научиться варварскому языку русскому: за четыре года я не слыхалъ отъ него ни звука русскаго. Что касается т. н. исторіи французской литературы, то она вся заключалась въ мизерной тетрадкѣ, съ кратенькими біографіями писателей, состоявшими изъ анекдотовъ, которые, кажется, только и зналъ г. лекторъ и весьма пикантно разсказывалъ ихъ двумъ-тремъ слушателямъ, забревшимъ, отъ нечего дѣлать, къ нему въ аудиторію. Для характеристики французскихъ писателей у нашего мусью была всегда на готовѣ стереотипная фраза: объ одномъ напр. авторѣ онъ скажетъ: il avait beaucoup d'esprit, mais un peu d'imagination; а о другомъ наоборотъ: il avait beaucoup d'imagination, mais un peu d'esprit.

Краузе.

Втеченіе 30 лѣтъ своей учебной службы, Herr Краузе переводилъ студентамъ перваго курса ежегодно „Тридцатилѣтнюю войну" Шиллера, а для слушателей прочихъ курсовъ читалъ исторію нѣмецкой литературы, но читалъ такъ, что никто ничего не могъ понять. Хотя физіономія лектора напоминала портретъ Гёте, но несмотря на такое сходство его съ геніальнымъ нѣмецкимъ поэтомъ, ему все-таки приличнѣе было бы продавать колбасы, чѣмъ читать лекціи въ университетѣ и говорить о поэзіи Шиллера; его тупому пониманію die Poesie der Würsten была бы гораздо доступнѣе, чѣмъ поэтическія красоты Донъ Карлоса и Вильгельма Теля. Краузе принадлежалъ къ разряду тѣхъ нѣмцевъ, которые отправляются nach Russland съ тою цѣлію, съ какою другіе европейцы стремятся въ Калифорнію: одни дѣлались профессорами и гувернерами, другіе, за неимѣніемъ вакансій,—колбасниками и сапожниками.

Изъ этого краткаго перечня посѣщаемыхъ мною лекцій можно усмотрѣть, что розовыя мечты о „святилищѣ науки" разлетѣлись прахомъ. Я скоро разочаровался въ воображаемыхъ оракулахъ. Существенной разницы между гимназіей и университетомъ не оказалось: лекціи, какъ и уроки, были обязательны; то же зубреніе записокъ, тотъ же звонокъ, тотъ же карцеръ и тѣ же экзамены по билетамъ, что и въ гимназіи. Положеніе студента, который захотѣлъ бы узнать больше того, что заключалось въ запискахъ, было весьма непривлекательно: у него рѣшительно не оставалось времени для занятій самостоятельныхъ. Развѣ въ больницу уйдешь на какую нибудь недѣлю и тамъ, благодаря покровительству доктора Щербины, займешься чѣмъ нибудь серьезнымъ. Вотъ гдѣ кроется между прочимъ причина поверхностнаго образованія, какимъ въ большинствѣ отличались тогдашніе воспитанники университета. Мы понимали отлично, чего намъ не доставало, но лишены были возможности пополнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ самостоятельнымъ трудомъ.

Лекціи, наиболѣе приближавшіяся къ идеалу университетскаго преподаванія и представлявшія для насъ живой интересъ, были: по рус. словесности Н. Т. Костыря и по философіи О. М. Новицкаго и П. С. Авсенева. Такъ какъ до и послѣ Костыря каѳедру русской словесности довольно долго занимали профессоры иного пошиба и направленія, отразившагося на цѣломъ поколѣніи студентовъ, то я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ и о нихъ.

Московская школа словесниковъ.

Московскіе профессоры Мерзляковъ и Шевыревъ образовали на Руси особую школу профессоровъ—диллетантовъ. Это были не ученые въ строгомъ смыслѣ слова, а скорѣй любители изящнаго, эстетики—меломаны. Въ ихъ лекціяхъ проявлялся не строго аналитическій умъ ученаго, опирающійся на незыблемыя начала науки, а вдохновеніе поэта, не подчиняющееся никакимъ началамъ, чуждое логической послѣдовательности. Ихъ лекціи представляли не строгую систему истинъ, а скорѣе лирическій безпорядокъ—desordre lyrique. Прославившійся своимъ вліяніемъ на аудиторію Мерзляковъ къ умозрительнымъ системамъ нѣмецкихъ эстетиковъ всегда относил-

ся презрительно: „вотъ гдѣ система!“ говорилъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце. „Произведенія искусствъ, по его мнѣнію, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ имѣть постоянной системы или науки изящнаго; самое прекрасное чуждо всякихъ законовъ“. Поэтому въ теоріи своего предмета Мерзляковъ стоялъ ниже всякой критики; историческое значеніе науки было также ему чуждо.

О преемникѣ Мерзлякова, Шевыревѣ В. В. Кирѣевскій даетъ такой отзывъ: „читать писаній Шевырева невозможно: языкъ такой изысканный, неточный, поставленный на ходули. поднятый на дыбы. Это не есть недостатокъ краснорѣчія (онъ, подобно Мерзлякову, импровизировалъ лекціи), нѣтъ, это умышленное терзаніе языка. Шевыревъ словечка не скажетъ въ простотѣ, все съ ужимкой, да какой!“

Красовъ читалъ „теорію краснорѣчія“, слѣдуя обычаю московской школы, à la Мерзляковъ — подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Ему недоставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію познаній. Восторженное состояніе, въ которомъ онъ находился постоянно, было скорѣе дѣломъ фантазіи, болѣзненно развитой на счетъ другихъ душевныхъ силъ. Диллетантизмъ, нетерпимый въ наукѣ, въ школѣ московскихъ словесниковъ пріобрѣлъ, такъ сказать, право гражданства: науку о словѣ они третировали не какъ науку, а какъ искусство красно говорить. Подкожный жаръ, звучныя фразы, искусственный паѳосъ, театральные жесты— замѣняли у нихъ спокойное, строго научное изложеніе предмета. Не одинъ Красовъ, но и позднѣйшіе послѣдователи Шевырева были лишь „докторами чувствительности“.

„Краснобайство, напр. Селина, говоритъ одинъ изъ его слушателей (Авсѣенко), не знало предѣловъ. Онъ сидѣлъ совершеннымъ шутомъ на каѳедрѣ, кривлялся, скалилъ зубы, закатывалъ глаза— однимъ словомъ изображалъ актера, срывающаго рукоплесканія съ александринскихъ верховъ. Съ каѳедры лилась разнузданная болтовня о Малороссіи, о Польшѣ, о Мицкевичѣ, о Погодинѣ и т. п.“ — „Къ Селину, говоритъ историкъ университета св. Владиміра, проф. Будановъ можно примѣнить стихъ Толстого: „Коль любить такъ съ

горяча, коль рубить, такъ ужъ съ плеча!" Имѣя натуру проповѣдника и оратора, онъ не удовлетворялся ровнымъ теченіемъ фактовъ своей науки, и еще менѣе логическою связью отвлеченныхъ положеній ея; какъ ораторъ и публицистъ, онъ любилъ собирать большую аудиторію, любилъ сценическую обстановку и оваціи. Ученымъ филологомъ онъ никогда не былъ".

Производимое на слушателей лекціями Селина впечатлѣніе можно уподобить дѣйствію музыки: слушать его—наслажденіе, какое испытываешь въ музыкальномъ концертѣ. Подобно ловкой игрѣ виртуоза, лекціи эти дѣйствовали на душу сильно, но безотчетно и даже безслѣдно: ихъ трудно было воспроизвести, изложить послѣдовательно на бумагѣ.

Для того чтобы получить каѳедру русской словесности, по мнѣнію московскихъ эстетиковъ, достаточно было имѣть даръ слова и врожденное чувство изящнаго—качества, какими можетъ обладать не только поэтъ, подобный Красову, котораго рекомендовалъ ректору Максимовичу Погодинъ, но и натуралистъ, какимъ былъ, по своей спеціальности, самъ Максимовичъ. Пробывъ два года на факультетѣ словесномъ, восхищаясь „обаятельнымъ словомъ Соловія нашего времени" т. е. Мерзлякова, Михаилъ Александровичъ перешелъ на физико-математическій факультетъ, что однакожъ не помѣшало ему, въ качествѣ любителя, посѣщать лекціи Давыдова; тѣмъ не менѣе спеціальный предметъ его изученія была ботаника и онъ изъ профессора ботаники не задумался перейти на каѳедру русской словесности.

Вслѣдствіе подобнаго же легкаго отношенія къ профессорскому званію, воспитанникъ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородка—заведенія съ энциклопедическимъ, а слѣдовательно и весьма поверхностнымъ курсомъ,—нашъ великій писатель Гоголь возмечталъ сдѣлаться профессоромъ и даже не русской словесности (это бы, по тогдашнему взгляду, ему было бы сподручнѣе), а всеобщей исторіи, дерзнувъ вступить въ конкурренцію съ Цыхомъ, человѣкомъ высокой эрудиціи и увы! такъ безвременно похищеннымъ у науки смертію. Извѣстно, что Гоголь былъ геніальный писатель, но весьма жалкій ученый. Въ воспоминаніяхъ Тургенева мы нашли интересную характеристику Гоголя, какъ адъюнкта петербургскаго университета

въ 1835 году. „Гоголь, говоритъ онъ, изъ трехъ лекцій въ недѣлю, непремѣнно пропускалъ двѣ и когда появлялся на каѳедрѣ, то не говорилъ, а шепталъ что то весьма несвязно. Мы всѣ были убѣждены, что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи. На экзаменахъ онъ не разѣвалъ рта: студентовъ за него спрашивалъ И. П. Шульгинъ. Понимая весь комизмъ своего положенія, онъ подалъ въ отставку“.

И послѣ такого полнѣйшаго fiasco на профессорскомъ поприщѣ, Гоголь все таки добивался коѳедры ординарнаго профессора исторіи въ университетѣ св. Владиміра, надѣясь на протекцію Пушкина и ректора Максимовича. Въ письмѣ своемъ отъ 13 мая 1834 года онъ проситъ поэта „похлопотать предъ Уваровымъ о профессорствѣ въ Кіевѣ и для большаго эффекта сказать, будто Гоголя засталъ еле жива“. Потерпѣвъ неудачу, онъ разразился сильною бранью на ни въ чемъ неповинныхъ кіевскихъ профессоровъ:

„Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! пишетъ онъ учителю волынской гимназіи В. В. Тарновскому, жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Я самъ было думалъ въ Кіевъ, да къ счастью не сошелся съ вашимъ Брадке“. Самъ потерпѣвъ неудачу, Гоголь сталъ рекомендовать Максимовичу въ адъюнкты русской словесности Тарновскаго, на что М. А--чъ изъявилъ полнѣйшее согласіе; но попечитель отказалъ ему и въ этомъ ходатайствѣ. Изъ переписки Гоголя съ Максимовичемъ мы узнаемъ, какіе совѣты предлагалъ авторъ „Мертвыхъ Душъ“ своему земляку относительно преподаванія словесности: „Не сиди надъ книгами! Говори свое, и то какъ можно поменьше. Лучше всего ты дѣлай со студентами эстетическіе разборы“ (и въ этомъ видно вліяніе московской школы). Но Михайло Александровичъ и безъ того, сознавая свою слабую сторону, никогда не рисковалъ слишкомъ вдаваться въ исторію, ограничивая свои лекціи одною лишь исторіею литературы и предоставляя своему адъюнкту Красову восторгаться изящнымъ. Но чтобы не наскучить своимъ слушателямъ номенклатурой духовныхъ писателей и ихъ писаній, онъ разнообразилъ свои лекціи разборомъ южно-русскихъ думъ и пѣсенъ, а также стихотвореній новѣйшихъ лириковъ, и это, по мнѣнію слушателей его,

были самыя занимательныя изъ его чтеній или, лучше сказать, импровизацій, которыя и составили ему репутацію краснорѣчиваго словесника, достойнаго послѣдователя Мерзлякова.

Николай Трофимовичъ Костырь.

По выходѣ въ отставку Максимовича и его адъюнкта Красова, на каѳедру русской словесности вступилъ прямо со студентской скамьи 23-хъ лѣтній кандидатъ Костырь. Ему поручено было на первыхъ порахъ преподаваніе исторіи древней русской литературы. Подробное изложеніе памятниковъ до-петровскаго періода—плодъ самостоятельнаго изученія—сопровождалось ихъ критическимъ разборомъ, при чемъ молодому ученому приходилось говорить о такихъ произведеніяхъ, которыя, съ одной стороны, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ выраженію внутренней жизни русскаго народа, ни къ искусству, ни къ наукѣ, а съ другой стороны, по обязательности программы они должны были удержать за собой значеніе историческое. Острота, сказанная на счетъ подобнаго рода памятниковъ студентомъ Лузгановымъ, не лишена основанія: „попъ попу писалъ записку, прося его прислать ему меду, а наши словесники перехватили записку да и внесли въ литературу“.

Вполнѣ сознавая несостоятельность своего предмета, какъ науки, профессоръ тѣмъ не менѣе обязанъ былъ ex officio читать лекціи о Лукѣ Жидятѣ, о Кирикѣ, о разныхъ Кириллахъ и т. п., дѣлать подробный анализъ ихъ писаній, какъ бы для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдить своихъ слушателей въ полнѣйшемъ отсутствіи въ нихъ литературнаго значенія. Изложеніемъ исторіи древняго періода р. литературы Николай Трофимовичъ, замѣтно было, сильно тяготился; только и отведетъ бывало душу на „Словѣ о полку Игоревѣ“, а добравшись до новѣйшаго періода русской литературы, онъ воодушевлялся и воодушевлялъ свою аудиторію, держась всегда на высотѣ своего призванія.

Не уступая даромъ слова своимъ предмѣстникамъ Красову и Максимовичу, онъ внесъ въ преподаваніе словесности чуждый имъ элементъ—философскій. Не нужно забывать, что нашъ Костырь вовсе не былъ подготовленъ преподаваніемъ Максимовича къ философ-

скому взгляду на свой предметъ. Теорію прозы и теорію поэзіи онъ сталъ излагать самостоятельно, по сочиненіямъ нѣмецкихъ эстетиковъ, избравъ пособіемъ для своихъ чтеній словарь Сульцера и эстетику Гегеля. Съ необыкновенной энергіей принялся онъ за изученіе своего предмета и съ наслажденіемъ дѣлился съ нами плодами своихъ кабинетныхъ занятій. Лекторъ зналъ хорошо степень подготовки своихъ слушателей для усвоенія отвлеченныхъ теорій нѣмецкихъ философовъ и потому старался, насколько возможно, упростить тяжеловѣсные трактаты ихъ объ идеѣ, о словѣ, объ изящномъ и т. д., низводя ихъ до средняго уровня нашего развитія. Не переводя духу, втеченіе цѣлаго часа, излагалъ онъ свою лекцію, ни на одно мгновеніе не задумываясь, не допуская и тѣни какого нибудь пустаго фразерства. Нѣкоторые изъ насъ упрекали его въ темнотѣ изложенія, въ многословіи, но недостатокъ этотъ, неизбѣжный въ каждомъ начинающемъ свое поприще профессорѣ, со временемъ долженъ былъ исчезнуть; жаль только, что ему не дали „выговориться". Въ немъ заключались всѣ задатки того, чтобы сдѣлаться превосходнымъ профессоромъ: обнаруживъ необычайную силу и быстроту концепціи, огромную начитанность, онъ съ честію занималъ каѳедру русской словесности, справляясь одинъ съ тремя предметами за адъюнктское жалованье!

Обремененный, при слабомъ здоровьи, изнурительными трудами, немыслимыми для всякаго другаго менѣе даровитаго профессора, Николай Трофимовичъ былъ лишенъ возможности приступить къ магистерскому экзамену ранѣе 1842 года. Занеимѣніемъ въ наличномъ составѣ профессоровъ спеціалиста по его предмету, на экзаменъ былъ приглашенъ Максимовичъ. Столкнулись два поколѣнія и два типа словесниковъ совершенно различные: Максимовичъ —филологъ самоучка, незнакомый вовсе съ исторической литературой языка, заботившійся лишь „о чистотѣ русскаго языка", и Костырь—интересовавшійся философскими основаніями языкознанія „вообще", увлекавшійся положеніями философіи Канта и Гегеля.—Костырь считалъ возраженія Максимовича нестоющими серьезнаго опроверженія, мелочами. Максимовичъ заявлялъ, что магистрантъ въ русской словесности хочетъ видѣть выраженіе не писателей, и не своего народа, а человѣческаго духа... Такъ космополитическія на-

чала науки, выдвинутыя нѣмецкой философіей, были непонятны и чужды старому представителю національныхъ интересовъ!

Михайло Александровичъ вообще былъ врагъ всяческихъ философскихъ теорій. Въ частномъ разговорѣ съ О. М. Новицкимъ онъ сталъ однажды отвергать пользу преподаванія исторіи философіи въ университетахъ, на что ему Орестъ Марковичъ возразилъ: „ежели бы вы, М. А-чъ, учились философіи, то въ вашей книгѣ (Исторія р. литературы, преимущественно древней) писатели не цѣплялись бы одинъ за другаго, „якъ старци", и дѣленіе науки на главы и періоды не было бы такъ неосновательно и произвольно. Позвольте вамъ замѣтить, что безъ философіи немыслима ни одна наука" [1]).

По всему было видно, что М. А-чъ отжилъ свое время. По ходатайству М. В. Юзефовича, въ 1843 году, кн. Давыдовъ пригласилъ Максимовича читать лекціи русской литературы по найму, съ платою по 14 рублей за часъ. Но проживъ на своей Михайловой горѣ четыре года въ отставкѣ, нашъ словесникъ еще болѣе отсталъ отъ науки и конечно не могъ удовлетворить любознательности своихъ слушателей, затронутой чтеніями Костыря. Читалъ же онъ свои лекціи по своей печатной книжкѣ слово въ слово, прерывая по временамъ скучное до тошноты перечисленіе писателей духовнаго чина разсказами о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Иннокентіемъ и др. знаменитостями, да ожесточенными нападками на барона Брамбеуса.

Въ 1844 году Николай Трофимовичъ блистательно защитилъ свою магистерскую диссертацію и удостоенъ степени магистра, хотя утвержденъ въ этой степени только черезъ годъ.

На диспутѣ я не присутствовалъ, находясь уже на службѣ; но у меня сохранилось письмо одного моего пріятеля — студента, въ которомъ описанъ этотъ диспутъ. Помѣщаю здѣсь нѣкоторыя отрывки.

Первое возраженіе сдѣлано Максимовичемъ, по поводу неважной грамматической ошибки въ диссертаціи. Препирались довольно

---

[1]) „Періоды характеризуются Максимовичемъ не степенями развитія словесности, а внѣшними, не относящимися къ ней фактами и обстоятельствами, да и нѣтъ единства въ дѣленіи" (см. критику Каткова на „Исторію литературы, преимущественно древней").

долго. Наконецъ Костырь сказалъ: „чтобы прекратить пустой споръ, я соглашаюсь, что это ошибка, хотя въ душѣ никогда съ вами не соглашусь“.

М—чъ: Отчего вы употребляли слово субъективность, а не личность?

К—ръ: Оттого, что „личность“ у насъ слово неудобное, оно не можетъ быть приложено къ поэзіи.

М—чъ: Вотъ это мѣсто у васъ неясно изложено.

К—ръ: Что для васъ неясно, то для меня очень ясно.

М—чъ: Зачѣмъ вы пишете „гуманистическій“, а не гуманическій?

К—ръ: Это одно и то же. По латыни—humanus, по французски--humain, по нѣмецки—humanistische; вы переводите съ французскаго, а я съ нѣмецкаго. Но Боже мой! давайте мнѣ мыслей, не словъ и я буду защищать мои тезисы до послѣднихъ силъ.

Долго еще длился споръ и все о пустякахъ. Одинъ только О. М. Новицкій дѣлалъ возраженія, какъ должно, и на нихъ Костырь отвѣчалъ прекрасно. Подъѣхалъ къ магистранту съ возраженіями, натурально не безъ задней мысли, пріобрѣвшій впослѣдствіи печальную извѣстность издатель „Домашней Бесѣды“ Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. „Что дѣлаетъ для насъ гуманизмъ?“ спросилъ онъ. Костырь чуть не задушилъ его своимъ отвѣтомъ. Но когда тотъ предложилъ ему еще одинъ вопросъ, касающійся религіи, то Костырь, отгадавъ его мысль, наказалъ его полнѣйшимъ презрѣніемъ.

Дѣлалъ возраженія и нашъ историкъ Ставровскій. Наговорилъ онъ, по своему обыкновенію, много пошлостей, вовсе не идущихъ къ дѣлу.

К—ръ: Я вамъ, Алексѣй Ивановичъ, говорю о поэтическомъ, объ изящномъ, а вы мнѣ толкуете о скотахъ и лошадяхъ.

Такимъ образомъ мучили нашего Костыря часа два. Онъ горячился и задыхался отъ негодованія, и когда Максимовичъ снова присталъ съ своими указаніями на разныя мѣста диссертаціи, что вотъ это для меня непонятно и проч., Костырь спросилъ его: „читали ль вы, Михаилъ Александровичъ, мою диссертацію?“

М—чъ: Нѣтъ не читалъ.

К—ръ: Оттого для васъ и непонятно, а тамъ все объяснено. Да вотъ, напр., хотя это мѣсто.

Затѣмъ кинулся къ диссертаціи, открылъ одно превосходное мѣсто, поднесъ съ самому носу М—ча и прочелъ. Все это онъ продѣлалъ такъ быстро, что тотъ не успѣлъ ничего возразить.

Когда Өедотовъ-Чеховскій сдѣлалъ было тоже какое то замѣчаніе въ родѣ того, что диспутантъ не слушаетъ оппонента, а прерываетъ его, не давая ему высказаться, К—рь сказалъ:

— Не ваше дѣло: на то есть деканъ, а не вы.

Послѣ краткаго совѣщанія членовъ факультета, деканъ Нейкирхъ поздравилъ Николая Трофимовича магистромъ.

Максимовичъ протестовалъ.

Въ 1846 году Костырь перешелъ на каөедру русской филологіи, науки совершенно несродной его пылкому темпераменту. Вдавшись въ своихъ лекціяхъ въ весьма отдаленныя и туманныя сферы сравнительнаго языкознанія и философскихъ основаній языка, онъ не приносилъ уже своимъ слушателямъ той пользы, какую приносилъ преподаваніемъ р. словесности. Филологія его доканала, вогнавъ въ чахотку, отъ которой онъ и умеръ въ Харьковѣ въ 1854 году.

Былъ слухъ, якобы Костырь на докторскомъ диспутѣ высказалъ какія то обидныя для духовенства мысли и что по этому онъ не могъ оставаться въ Кіевѣ, хотя на диспутѣ ничего подобнаго не было, но все таки министръ нашелъ нужнымъ перемѣстить его въ Харьковъ.

Незабвенный профессоръ нашъ Николай Трофимовичъ—личность въ высокой степени даровитая и симпатичная. Къ сожалѣнію, наши кіевскіе принцапалы не съумѣли оцѣнить его по достоинству, предъявляя ему свои нелѣпыя притязанія на уваженіе, какого они вовсе не заслуживали...

Еще нѣсколько словъ о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Николаю Трофимовичу.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ, я имѣлъ случай съ нимъ сблизиться. Въ это время онъ готовилъ свою магистерскую диссертацію: „Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ". Переписчики—семинаристы два раза испортили рукопись множествомъ ошибокъ; авторъ сердился, бросалъ имъ деньги и тутъ же рвалъ въ клочки ихъ маранье. Окончивъ экзамены, мы съ Малавскимъ

предложили свои услуги. Профессоръ съ удовольствіемъ принялъ наше предложеніе и мы втеченіе двухъ недѣль ходили къ нему на квартиру, оставаясь у него съ утра до поздняго вечера, а иногда и ночевали въ его квартирѣ. Жилъ онъ въ это время на Подолѣ въ большомъ купеческомъ домѣ, держалъ тройку вороныхъ, одѣвался изящно, лучше всѣхъ въ городѣ; баринъ задумалъ дескать жениться, да еще на аристократкѣ... Н. Т—чъ сильно увлекся ею, написалъ множество стиховъ, а еще болѣе надѣлалъ долговъ. Ему отказали. Съ горя Николай Тр—чъ ударился въ другую крайность: переселившись изъ купеческихъ хоромъ въ скромную квартирку П. С. Авсенева, онъ, подъ руководствомъ хозяина, сталъ залѣчивать сердечную рану нѣмецкой философіей. Потомъ, отрезвившись, принялся за филологію.

Въ интимныхъ бесѣдахъ нашихъ, по вечерамъ, у насъ выработался планъ ученой экспедиціи по кіевской, черниговской и полтавской губерніямъ для изученія мѣстныхъ говоровъ, съ участіемъ трехъ студентовъ; пишущаго эти строки—для черниговской, Аѳанасія Маркевича—для полтавской и Малавскаго—для кіевской губерніи. Проектъ Костыря не осуществился: разбилъ его въ совѣтѣ А. И. Ставровскій, насмѣшливо относившійся ко всему, что выходило изъ ряда формальнаго выполненія служебныхъ обязанностей. Мысль Николая Трофимовича, такъ блистательно осуществившаяся чрезъ 30 лѣтъ, по инціативѣ П. П. Чубинскаго, не нашла поддержки и сочувствія въ ученомъ собраніи, между тѣмъ какъ наша экскурсія принесла бы, несомнѣнно, больше пользы, чѣмъ нелѣпое отыскиванье кладовъ, предпринятое тѣмъ же бездарнымъ историкомъ и стоившее университету не малыхъ издержекъ. Не дешево обошелся университету найденный Алексѣемъ Ивановичемъ котелокъ съ древностями, поднесенный имъ Д. Г. Бибикову и извѣстный подъ названіемъ „бибиковскаго горшка“. Почти столько же пользы принесли для науки и экскурсіи другаго ученаго мужа, великаго мастера разсказывать о своихъ путешествіяхъ, съ прибавкой множества анекдотовъ, изъ которыхъ видно, что спеціальная цѣль командировокъ на казенныя деньги отходила у него на второй планъ и что г. профессоръ ѣздилъ больше для моціона и развлеченія.

О. М. Новицкій.

Хотя почтенный Михаилъ Александровичъ и отвергалъ пользу преподаванія въ университетахъ философіи, но мы, по собственному опыту, пришли къ совершенно иному убѣжденію. Лекціи Ореста Марковича по психологіи, логикѣ и древней философіи принесли несомнѣнную пользу нашему умственному развитію. Чтенія его отличались необыкновенною ясностію и полнотою изложенія и заключали въ себѣ великій интересъ для слушателей. Лекціи Новицкаго, по словамъ г. Владимірскаго-Буданова, могли быть понятны для ученика IV класса гимназіи. Прослушавъ у него курсъ психологіи и логики въ первые два года университетскаго курса, мы незамѣтнымъ образомъ почувствовали себя въ силахъ понимать философскія сочиненія и разсуждать объ отвлеченыхъ предметахъ съ логическою послѣдовательностью. Такой прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи положилъ рѣзкую грань между гимназическимъ и университетскимъ образованіемъ. Многое намъ представилось въ иномъ свѣтѣ и въ наукѣ, и въ жизни... Да, философія великая наука! Недаромъ ее въ древности величали „наукою наукъ".

Послѣ 1848 года положенъ конецъ „обольстительнымъ мудрованіямъ философіи", какъ выражался министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ. Вмѣсто уволеннаго въ отставку Новицкаго, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ университетѣ св. Владиміра, сталъ читать свою „логику" протоіерей Скворцовъ...

П. С. Авсеневъ.

На III курсѣ, отъ Ореста Марковича, мы перешли къ Авсеневу на исторію новѣйшей философіи совершенно подготовленными къ воспріятію глубины премудрости Канта, Фихте и Гегеля. Характеристику Петра Семеновича, какъ профессора и человѣка, можно найти въ отзывѣ о немъ его ученика и сослуживца по духовной академіи А. И. Капустина (въ монашествѣ Антонина), помѣщенную въ біографическомъ словарѣ профессоровъ кіевскаго университета (К. 1884, стр. 6—11).

Незадолго до того, заслуги Авсенева (въ монашествѣ Ѳеофана) нашли другого достойнаго цѣнителя въ профессорѣ кіев. дух. академіи Малышевскомъ, а потому я не стану распространяться о немъ.

Товарищъ мой Андрюша Блотницкій, жившій на Подолѣ по сосѣдству съ Петромъ Семеновичемъ, много разсказывалъ о домашней жизни этого труженика науки. Самъ онъ до того увлекся его нравственными качествами, что принялъ его за образецъ для себя и въ 20 лѣтъ сдѣлался совершеннымъ аскетомъ. Единственнымъ развлеченіемъ для моего пріятеля, при изнурительныхъ и часто безплодныхъ его занятіяхъ, стали гусли, на которыхъ онъ разыгрывалъ божественные канты, слѣдуя примѣру своего идеала П. С—ча, отъ него же Андрюша получалъ и ноты духовныхъ пьесъ, пользуясь по временамъ его музыкальными уроками. По словамъ Капустина, Авсеневъ любилъ музыку не столько за ея пріятность, сколько за математическое и психологическое значеніе.

Къ сожалѣнію, мой коллега былъ человѣкъ мало даровитый. Усиленнымъ трудомъ онъ думалъ замѣнить недостатокъ способностей и вогналъ себя въ чахотку, чему не мало способствовала скаредность отца, который во всемъ ему отказывалъ, даже въ самомъ необходимомъ. Умеръ Андрей, находясь уже на III курсѣ. Отецъ до того простеръ свою скупость, что наотрѣзъ отказался хоронить своего сына, отговариваясь неимѣніемъ денегъ; а человѣкъ онъ былъ не бѣдный, обладая тремя домами на Спасской улицѣ. Товарищи сдѣлали складчину и похоронили на свой счетъ. Въ складчинѣ принялъ участіе и Петръ Семеновичъ и присутствовалъ на погребеніи.

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

87.

Палка сватовъ.

Въ Малороссіи сваты являются въ домъ невѣсты съ хлѣбомъ, солью и водкой. При этомъ они имѣютъ съ собою палку. Вообще, въ селахъ мужчины носятъ палки, что обусловлено отчасти необходимостью защищаться отъ собакъ, отчасти народнымъ понятіемъ о томъ, что людямъ пожилымъ прилично ходить съ палкой. Точно такое же воззрѣніе на посохъ имѣютъ въ настоящее время болгары (по сообщенію проф. *М. С. Дринова*). Въ Спартѣ посохъ обязательно носили, выйти безъ него на улицу считалось неприличіемъ. Въ Аѳинахъ посохъ до временъ Демосѳена былъ обязателенъ для всякаго благовоспитаннаго человѣка (*Магаффи*, Др.-греч. жизнь, 39). Малорусскіе сваты, или старосты, какъ люди степенные, уважаемые въ селѣ, идутъ всегда съ посохомъ. Въ повѣсти Квитки „Маруся"— „ввійшлы въ хату двое старостивъ, люде хороши, мищане, у сынихъ жупанахъ, аглыцкои каламайкы, поясами попидперизуваны, зъ палычкàми, и у старшого старосты хлибъ святый у рукахъ"; въ другомъ разсказѣ Квитки „Пидбрехачъ" сватъ Остапъ приглашаетъ къ себѣ на помощь своего пріятеля Самійла. „Я буду почынаты брехаты, говоритъ онъ, а ты пидбрихуй"... „Добре, зъумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою"—отвѣтилъ Самійло (*Квитка*, изд. 1887, I, 66, II, 194). Въ Галиціи надъ р. Збручемъ на невѣсту надѣваютъ вѣнокъ, и потомъ староста, имѣя въ рукахъ для

---

[1]) См. „Кіевская Старина" № 11, октябрь.

почета палку, ставитъ молодую передъ ея родителями и проситъ о благословеніи ея (*Основа* 1862, IV, 10). Въ описаніи малорусской свадьбы въ началѣ второй половины прошлаго вѣка находится прямое указаніе, что парубокъ женихъ вручалъ двумъ своимъ сватамъ по палкѣ „въ знакъ ихъ отъ него полномочія и посольства“ (*Калиновскій.* 1777 г., с. 2). Подобное обыкновеніе встрѣчается и у другихъ славянъ; такъ, у поляковъ кашубовъ „старые“ (дружки жениха и невѣсты) созываютъ гостей на свадьбу, имѣя въ рукахъ по палкѣ, выкрашенной въ красный цвѣтъ съ коричневымъ точенымъ набалдашникомъ (*Этн. Сб.* V, 58).

Уполномочіе посредствомъ передачи въ руки палки или жезла, изрѣдка копья, встрѣчается у многихъ народовъ, или какъ бытовое явленіе, или какъ переживаніе. Въ путешествіи Пинто по Африкѣ (на берегахъ р. Коанцо), путешествіи, написанномъ правдиво, съ цѣнными бытовыми подробностями, находится между прочимъ указаніе, что кассамбскій вождь, посылая своихъ слугъ къ путешественнику за полученіемъ подарка, вручилъ имъ свой ассегай, который ранѣе Пинто видѣлъ въ его рукахъ, и слуги принесли этотъ ассегай (копье), какъ доказательство полномочій, своего рода довѣренность (*Пинто*, въ „Вокругъ Свѣта“, 1887, № 26). Въ средніе вѣка въ западной Европѣ назначеніе посла, какъ и вообще облеченіе въ какое нибудь право, инвеститура—была совершаема врученіемъ назначенному перчатки и жезла. Получивъ эти символическіе знаки, посланникъ былъ уполномоченъ во всемъ отъ имени пославшаго. Въ пѣснѣ о Роландѣ Карлъ, посылая Ганелона къ маврскому царю Марсилу, даетъ Ганелону жезлъ и письмо (*Буслаевъ,* Народ. поэзія, 290). Въ старинныхъ нѣмецкихъ законахъ и юридическихъ обычаяхъ палка или жезлъ имѣлъ нѣсколько символическихъ значеній; чаще всего служилъ признакомъ власти или уполномоченія со стороны властнаго лица, des aufgebens und besitzens der gewalt (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth. 1828 г., 133—137) [1]).

Въ сочиненіи „О свад. обрядахъ“ я высказалъ мнѣніе, что въ древности палка служила символомъ солнечнаго луча или, можетъ

---

[1]) Въ „*Zeitschrift für Ethnologie*“ 1882, 1883, 1884 и др. годовъ разбросано много замѣтокъ объ обрядовомъ употребленіи палки, какъ знака власти и полномочія, въ дѣтскихъ играхъ, судьями и проч.

быть, древа жизни (стр. 95). Теперь думаю, что факты, приведенные мною въ подтвержденіе это мнѣнія, какъ то: болгарская (добавлю теперь и малорусская) палки, украшенныя плодами и цвѣтами, благословеніе палкой невѣсты, обрядная палка при первомъ выгонѣ скота въ поле (23 апрѣля), эти и подобные факты, полагаю, объяснются, помимо миѳологическихъ соображеній, христіанскими религіозными понятіями объ освященной вербѣ и библейскимъ (Книга Числъ XVII, 8) сказаніемъ о процвѣтшемъ жезлѣ Аарона.

88.

Могорычъ.

Могорычъ считается существенной принадлежностью разныхъ торгово-промышленныхъ сдѣлокъ и договоровъ. Вещь тогда считается проданной, договоръ тогда считается ненарушимымъ, когда выпитъ могорычъ. Извѣстенъ такой случай: нанятъ былъ плотникъ построить амбаръ; но условія не выполнилъ. Когда наниматель сталъ упрекать его за невыполненіе условія, тотъ сказалъ: „адже жъ мы могорыча не пылы“ (*Основа*, 1861, X, 130; *Чубинскій*, VI. 68).

Въ винницкомъ и литинскомъ уѣздахъ хлопецъ, вступая въ парубоцтво, обязательно долженъ поставить могорычъ. Въ противномъ случаѣ, при косьбѣ сѣна, парубки кладутъ хлопца на первый покосъ и бьютъ жгутами изъ травы или же погружаютъ его въ воду, либо отдаютъ въ залогъ его косу въ шинкѣ и пьютъ на его счетъ. (*Кіевская Старина*, 1887, VIII, 769).

Могорычъ составляетъ необходимое условіе сватовства. Сваты обыкновенно приходятъ къ родителямъ невѣсты съ водкой, которую ставятъ въ бутылкѣ передъ ними, и если они согласны на бракъ дочери, то обыкновенно отвѣчаютъ: „мы могорычу не цураемся“ (*Чубинскій*, IV, 614). Въ „Пидбрехачѣ“ Г. Ѳ. Квитки одинъ староста говоритъ другому, своему товарищу: „я збрешу на палецъ, а ты пидбрихуй на цилый локоть, то и закинчаемъ дило, запьемо могорычи“. (*Квитка*, изд. 1887, II, 194).

Въ судебныхъ дѣлахъ могорычъ почти всегда ставится судьямъ; иногда та сторона и правой оказывается, которая поставитъ бóльшій могорычъ. Въ свадебныхъ договорахъ происходятъ неудовольствіе и обращеніе къ волостному суду тогда, когда стороны расходятся уже послѣ домбвинъ, т. е. уговора о свадебныхъ подаркахъ. Обиженная сторона подаетъ жалобу въ волостной судъ. Виновная сторона должна поставить могорычъ тѣмъ, которые разбирали дѣло; въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что могорычъ ставятъ и та и другая стороны (*Чубинскій,* VI, 37).

При разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи могорыча мы находимъ не лишнимъ отдѣлить названіе отъ сущности обычая. Названіе обычая, несомнѣнно заимствованное, трудно сказать, отъ какого именно народа, вѣроятно, тюркскаго. У лезгинъ аварцевъ бракосочетаніе называется „магари тие", что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „заключеніе брачнаго торга" (*Сборн.* свѣд. о кавказ. горцахъ, III, отд. 3, с. 25). Самое обыкновеніе запивать договоры можетъ быть искони мѣстнымъ, кореннымъ народнымъ, такъ какъ такое запиваніе, на подобіе обрядной ѣды изъ одной миски, служитъ символомъ единенія, развившимся и укрѣпившимся въ народной жизни еще во время господства общинныхъ порядковъ, когда единство и цѣльность общины выражались общей ѣдой, общимъ питьемъ и даже общимъ куреніемъ изъ одной трубки ея членовъ, какъ было, напримѣръ, въ древности въ Спартѣ, въ позднее время въ Запорожьѣ.

89.

Постъ невѣсты.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (*Терещенко,* Бытъ р. н. II, 526), у сербовъ Срѣма (*Rajacsich,* 157), у краковскихъ поляковъ (*Kolberg,* Lud. VI, 46) молодые не ѣдятъ за свадебнымъ столомъ. У чеховъ (*Časop.*, 1859, I, 96) и у бѣлоруссовъ (*Вѣстникъ* Г. Общ., 1853, VIII, 35), не употребляетъ пищи только невѣста. На этихъ фактахъ я останавливался уже въ своемъ сочиненіи „О свад. обр."; но не будучи тогда въ состояніи дать имъ историко-культурное и бытовое объясненіе, я усмотрѣлъ въ

постѣ невѣсты или молодыхъ доказательство ихъ мистическаго значенія, обусловленнаго ихъ близостію къ небеснымъ свѣтиламъ, покровителямъ брака. Отказываюсь теперь отъ этого объясненія, такъ какъ имѣю другое, гораздо болѣе правдоподобное и простое. Древнѣйшими обычаями я здѣсь считаю чешскій и бѣлорусскій, именно, воздержаніе отъ пищи одной невѣсты, воздержаніе отъ пищи жениха считаю позднѣйшимъ расширеніемъ обряднаго поста невѣсты, когда было уже забыто основное его значеніе и тѣ мотивы, которые вызвали его. Въ древности невѣсту подвергали долгому посту, предполагая, что воздержаніемъ отъ пищи у ней будутъ устранены на время мѣсячныя очищенія, которыя считались ядовитыми. Полагали, что отъ поста тѣло женщины настолько высыхаетъ, что ядъ, заключающійся въ ея мѣсячныхъ очищеніяхъ, исчезаетъ или дѣйствіе его настолько ослабляется, что женщина не можетъ причинить вреда. На индійскомъ архипелагѣ невѣста соблюдаетъ строгій постъ и въ добавокъ принимаетъ внутрь еще разныя средства, до такой степени ослабляющія ея организмъ, что она не можетъ ходить и ее переносятъ на рукахъ. У гваякировъ на Ориноко невѣста выдерживаетъ сорокадневный постъ. Индѣйцы племенъ вайка и макузи заставляютъ дѣвушку—невѣсту выдержать строгій постъ и въ добавокъ сѣкуть ее розгами. Гваякирскіе старики въ объясненіе поста невѣсты говорятъ, что „менструаціи причиняютъ болѣзнь и даже смерть всякой вещи“ (*Лефренъ*, Полож. женщ. у дикихъ народ., въ „Дѣлѣ“, 1868, I, 121). Точно такое же воззрѣніе на мѣсячныя очищенія обнаруживаютъ культурные народы семитическаго и арійскаго племенъ. Въ древнихъ еврейскихъ законахъ (*Левитъ*, XV и V гл.) женщина, имѣющая очищеніе, и все, что прикасается къ ней въ это время, признается нечистымъ: „Всякій, кто прикоснется къ ней, нечистъ будетъ до вечера. И все, на чемъ она ляжетъ впродолженіе очищенія своего, нечисто. И всякій, кто прикоснется къ постели ея, долженъ вымыть одежды свои и омыться водой и нечистъ будетъ до вечера. Если проспитъ съ нею мужъ, то нечистота ея будетъ на немъ; онъ нечистъ будетъ семь дней, и всякая постель, на которую онъ ляжетъ, будетъ нечиста“. Еще далѣе шло воззрѣніе древнихъ иранцевъ на нечистоту и зловредность женщины во время мѣсячныхъ очищеній. Въ книгѣ Бун-

дегеша мѣсячныя очищенія олицетворены въ видѣ демона—женщины Дже. Злой Духъ поцѣловалъ ее въ голову, за расположеніе къ нему, и у Дже начались послѣ этого мѣсячныя очищенія. Дже причиняетъ эти истеченія женщинамъ и черезъ ихъ посредство мучитъ огонь, воду, растенія и всѣ творенія Агура-Мазды. Когда женщина во время менструацій смотритъ на эти добрыя творенія, то однимъ своимъ взглядомъ она оскверняетъ ихъ. Въ Авестѣ находятся строжайшія воспрещенія сноситься съ женщиной во время менструаціи и предписывается удалять ее отъ всѣхъ чистыхъ людей и чистыхъ предметовъ. „Кто имѣетъ половое сообщеніе съ женщиной, говоритъ книга законовъ Вендидада, у которой признаки мѣсячнаго очищенія, дѣлаетъ не лучше, какъ если бы сжегъ на желѣзѣ трупъ своего собственнаго сына". Виновный долженъ принести въ жертву огню 1000 вязанокъ твердаго и сухаго дерева, 1000 вязанокъ благовоннаго дерева, убить нѣсколько тысячъ змѣй и лягушекъ (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 116, 122, 107).

Такимъ образомъ въ славянскомъ воздержаніи невѣсты отъ пищи обнаруживается то же воззрѣніе на нечистоту женщины и скрывается то же опасеніе менструаціи, о чемъ такъ подробно говорятъ законодательныя книги древнихъ евреевъ и иранцевъ.

90.

Значеніе „весилья".

Въ Малороссіи, особенно лѣвобережной, весилье имѣетъ важное значеніе въ бытѣ народа. Бываетъ такъ, что повѣнчаются, а весилья не дѣлаютъ по различнымъ причинамъ: „нема часу, нема справы". Вѣнчаться же поспѣшаютъ во избѣжаніе насмѣшекъ и „поговора", что женихъ вѣроятно „хоче одкынуться". Весилье имѣетъ ту силу, что не отпраздновавши его, мужъ не можетъ жить вмѣстѣ съ женой и раздѣлять съ нею одно ложе; если же сожительство и бываетъ, то развѣ тайно. Если повѣнчавшись, но не отбывши весилья, умираетъ кто нибудь изъ новобрачныхъ, то погребаютъ какъ парня или дѣвушку. Весилье составляетъ общественный вѣнецъ—закрѣпленіе брака по общественному мнѣнію. Бывали такіе случаи,

что сговоренные, не вѣнчавшись, справляли весилье и жили, какъ мужъ и жена; молодая переселялась въ домъ мужа и считалась женой. Иногда при самомъ вѣнцѣ весилье не отбывается, а справляется послѣ, недѣли черезъ двѣ и даже черезъ шесть,—однимъ словомъ тогда, когда родители соберутся со средствами (*Чубинскій*, VI, 41).

Весилье безъ вѣнчанія или до вѣнчанія въ настоящее время уже рѣдко встрѣчается. Къ этому обычаю духовенство, понятно, относилось всегда враждебно и преслѣдовало его. Отдѣленіе весилья отъ вѣнчанія и еще болѣе ограниченіе однимъ весильемъ представляется любопытнымъ культурнымъ переживаніемъ, или остаткомъ существовавшаго, повидимому, воззрѣнія, что вѣнчаніе дѣло церковное, занесенное изъ чужа, почти ненужное, воззрѣнія, вышедшаго изъ древняго, еще языческаго строя гражданской жизни, опиравшагося на народныхъ юридическихъ обычаяхъ и твердой религіозно-миѳической обрядности. Извѣстно, что кіевскій митрополитъ Іоаннъ (1180—1189) въ „Церковномъ правилѣ“ указываетъ на обычай простаго норода совершать браки безъ благословенія церкви на томъ основаніи, что вѣнчаніе будто нужно только князьямъ и боярамъ. Въ правилѣ митроп. Максима (1283—1305) находится указаніе, что браки заключались „безъ благословенія церковнаго“. Въ поученіяхъ и грамотахъ митр. Петра († 1326), митр. Кипріана († 1405), митр. Фотія находятся жалобы, что христіане „не по закону живутъ съ женами, безъ благословенія поповскаго понялися“. Въ окружной грамотѣ польскаго короля Сигизмунда I 1509 г.: „мовилъ намъ нареченный митрополитъ кіевскій и всея Руси Іосифъ, штожъ деи тамъ многіе люди Русь въ тыхъ мѣстѣхъ незаконне мѣшкаютъ, жены поймуючи не вѣнчаются и дѣтей крестити не хотятъ и на исповѣдь не ходятъ“ (*Акты* З. Р. II, 51). Тѣ же жалобы повторяются въ грамотѣ новгородскаго архіеп. Макарія 1534 г., въ грамотѣ новгородскаго архіеп. Ѳеодосія 1548 г., въ трехъ святительскихъ поученіяхъ духовенству (1551—1554) и въ нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ и юридическихъ памятникахъ сѣверной и южной Руси XVI и XVII в. (см. *Загоровскій*, О разводѣ, 269—271). Какъ смотрѣли въ южнорусскомъ обществѣ на церковное вѣнчаніе даже въ XVIII в., объ этомъ можно составить нѣкоторое понятіе

по слѣдующему курьезному случаю, происшедшему въ 1722 г. Шляхтичъ Василій Выговскій жаловался на пановъ Вербицкихъ за то, что Вербицкіе, повѣнчавъ съ нимъ свою дочь и назначивъ срокъ дня „акту весильнаго", неожиданно выдали ее замужъ за другаго. Выговскій претендуетъ за „шкоды и дисгоноръ", т. е. убытки и безчестіе (*Загоровскій*, ib. 194). Очевидно, одно вѣнчаніе безъ весилья считалось неполнымъ оформленіемъ брака. Къ 1744 г. относится слѣдующій любопытный синодскій указъ, требующій, чтобы новобрачные послѣ вѣнчанія жили какъ мужъ и жена. „Извѣстно ея Императорскому Величеству учинилось о являющихся въ Малой Россіи бракахъ такихъ, что по отправленіи церковнаго брачнаго таинства по нѣсколько лѣтъ до брачнаго веселія живутъ въ разныхъ домахъ"... Въ Великороссіи браки раскольниковъ, не признающихъ священства, и потому заключаемые безъ вѣнчанія, признаются православными крестьянами. И въ настоящее время изрѣдка въ В. и М. Россіи среди православныхъ встрѣчаются браки безъ вѣнчанія (*Якушкинъ*, Обыч. право, XII—XIII; *Ефименко*, въ „Знаніи", 1874, I, 34).

Бракосочетанія безъ церковнаго благословенія не въ рѣдкость были и въ Германіи въ средніе вѣка (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth., изд. 1828, 435).

91.

Гарбуза пиднесты.

Подъ выраженіемъ „поднести гарбуза" подразумѣвается отказъ жениху или старостамъ со стороны родителей невѣсты. Въ галицкомъ Покутьѣ старосты, получивъ отказъ, говорятъ молодому, что они ему „гарбузъ прыкотылы" (*Kolberg*, I, 286). Въ старинное время, дѣйствительно, въ знакъ отказа подносили жениху на тарелкѣ тыкву или выкатывали ее въ ту комнату, гдѣ онъ находился. Въ „Сватаньѣ" и въ „Конотопской вѣдьмѣ" Квитки женихамъ подносятъ тыкву въ знакъ отказа. Такъ, въ „Конотопской вѣдьмѣ"— „вийшла зъ кимнаты наньмычка, поклонылась та й постановыла на столи передъ паномъ Уласовычемъ на сковороди... печеный гарбузъ!"

Въ Галиціи надъ Збручемъ, наряду съ тыквой, символическимъ знакомъ отказа служитъ иногда макогонъ, при чемъ „макогонъ облизать“ значитъ получить отказъ: „коли парубокъ котрій, пидиславшысь де-небудь нерозважно, вхопыть гарбуза або, якъ тамъ кажуть, макогинъ облыже, то такъ и знай, що ему безпреминно до ранку выстрять здоровенный макогинъ изъ соломы на громадьску потиху, що, мовъ, не въ свое встрявъ“ (*Основа*, 1862, IV, 2).

Обрядная тыква при сватовствѣ нынѣ рѣдко встрѣчается. Вмѣсто самаго дѣйствія осталось только выраженіе „поднести гарбуза“. Повидимому, символическіе макогонъ и тыква встрѣчаются только въ малорусской и галицко-русской свадьбахъ.

Начало обычая поднесенія гарбуза въ знакъ отказа не поддается опредѣленію. Слово „гарбузъ“ восточное, повидимому, тюркское; у многихъ народовъ оно прилагается къ арбузу, кавуну, т. е. Cucumis citrullus. Въ Малороссіи слово гарбузъ прилагается къ такъ называемой кухонной тыквѣ, или Cucurbita maxima, съ какимъ наименованіемъ тыква встрѣчается еще въ Персіи—торбузъ (*Анненковъ*, Ботанич. слов. 115, 116). Возникновеніе названія „пиднесты гарбуза“ обусловлено не только широкимъ распространеніемъ тыквы въ Малороссіи, гдѣ ее охотно разводятъ во всѣхъ огородахъ на пищу людямъ, въ кормъ свиньямъ и для полученія сѣмячекъ. Вѣроятно, обычай поднесенія тыквы въ знакъ отказа служитъ остаткомъ того древняго культурнаго быта, когда тыква служила обычной посудой. Римскій сельско-хозяйственный писатель перваго вѣка по Р. Хр. Колумелла говоритъ: „nam sunt cucurbitae ad usum vasarum satis idoneae“. Тыква, какъ посуда, употреблялась въ древности у славянъ и теперь еще кое гдѣ въ славянскомъ простонародьѣ является съ такимъ значеніемъ (*Šulek*, въ Rad jugosl. Akad., 1877, XXXIX, 24). Вообще, тыква—обычная посуда во многихъ странахъ Азіи и Африки, напр., въ Нубіи (*Лежанъ*, во „Всемірн. Путешеств.“, 1868, I, 15).

92.

Состязаніе загадками.

Одинъ изъ древнѣйшихъ пріемовъ эпической поэзіи—разговоръ двухъ лицъ, препирающихся загадками или вопросами о дѣлахъ темныхъ—до сихъ поръ сохранился на свадьбахъ разныхъ славянскихъ народовъ, въ частности малоруссовъ. Загадочный характеръ имѣетъ уже обычная рацея сватовъ „про куныцю, що ховаетця пидъ соломьяны копыци" (*Чубинскій*, IV, 59) или про лисицу, за поимку которой князь обѣщаетъ десять городовъ и скирду хлѣба (*Квитка*, 1887, I, 66). У лаборскихъ русскихъ въ Галиціи загадки играютъ большую роль во время сватовства, при чемъ всѣ загадки заимствованы изъ Бесѣды Трехъ Святителей, стариннаго весьма распространеннаго апокрифа. Такъ, староста жениха говоритъ: „Ишовъ заяцъ черезъ воду та переплывъ, а стрилецъ шовъ та ся утопывъ". Выдавця отвѣчаетъ: „Заяцъ — то суть жидове; а стрилецъ, то фараонъ". Староста спрашиваетъ, какой цвѣтокъ дѣвушки не берутъ для вѣнка; цвѣтъ на житѣ, отвѣчаетъ выдавця. „Котре е наилепше набожество?" продолжаетъ вопрошать староста, и выдавця разсказываетъ ему въ отвѣтъ евангельскую притчу о милосердомъ самарянинѣ и т. д. (*Науков. Сборн.* 1865, 146). Загадки входятъ также въ великорусскія свадьбы. Въ пошехонскомъ уѣздѣ ярославской губ. „продавецъ" невѣсты спрашиваетъ дружка жениха: „Какъ ты у меня будешь торговать? На загадки идешь или на золоту казну?" Если дружко не умѣетъ отгадывать загадки, то платитъ отъ 1 до 10 руб. Иногда онъ идетъ на загадки (*Этнограф. Сборн.*, III, 22). Въ Москвѣ записана старинная свадебная пѣсня, въ которой женихъ предлагаетъ невѣстѣ загадки, что выше лѣса, что краше свѣта, что чаще лѣса, что растетъ безъ кореня, что говоритъ безъ умолка и что неизвѣстно? Дѣвица отвѣчаетъ, что выше лѣса свѣтелъ мѣсяцъ, краше свѣта красно солнце, чаще лѣса звѣзды, безъ кореня ростетъ камень, безъ умолку сине море и безъизвѣстна Божья воля. Дѣвица такимъ образомъ отгадала шесть мудреныхъ загадокъ и стала потому „купеческой же-

ною“ (*Буслаевъ*, Истор. очерки, I, 33) —У словаковъ сватъ задаетъ невѣстѣ загадки, и если она удачно рѣшаетъ ихъ, то считается хорошей невѣстой (*Časop. čes. Musea*, 1859, I, 101).

93.

Покрытка.

Покрыткой теперь называютъ дѣвушку, которая „прошкодыла“, „прогришыла“. Еще очень недавно существовалъ, а можетъ быть кое гдѣ и нынѣ держится обычай обрядоваго покрытія головы такой дѣвушки платкомъ, или „скрываніе“. Когда станетъ извѣстнымъ, что какая нибудь дѣвушка потеряла невинность, двѣ или болѣе степенныя пожилыя женщины приходятъ къ ней, выговариваютъ ей и повязываютъ ея голову по замужнему. Покрытка не выдѣляется изъ семьи. Это общественное оглашеніе проступка имѣло хорошую сторону для общества и для самой покрытки; въ обществѣ оно поддерживало нравственное начало, а для покрытки уменьшало стыдъ и угнетеніе ко времени родовъ. (*Носъ*, въ Кіев. Стар., 1882, I. 429). Покрывали обыкновенно забеременѣвшихъ дѣвушекъ, и эта огласка беременности устраняла дѣтоубійство. Участь покрытокъ была печальная. Онѣ жили подъ тяжестью общественнаго презрѣнія, что было вызвано не только ихъ проступкомъ, но преимущественно нерасположеніемъ народа къ главному виновнику, какому нибудь мѣстному шляхтичу или панку. Т. Г. Шевченко часто останавливается на горемычной долѣ покрытокъ, изъ деревенскихъ дивчатъ, обманутыхъ управляющими панскими имѣніями, ихъ приказчиками, офицерами и солдатами. „Катерына“ начинается съ пожеланія, чтобы „чорнобрыви не кохалысь съ москалямы“, „Наймычка“ начинается съ описанія нудьги-печали покрытки, матери „нехрещеного сына“. Во „Снѣ“—покрытка „по-пидъ тынню съ байстрямъ шкандыбае: батько и матирь одцуралысь, чужи не пріймають“. Есть у Шевченка цѣлое стихотвореніе, посвященное покрыткѣ, „Мать покрытка“, и здѣсь покрытка—мать названа „великомученицей“, потому что страдаетъ за себя и за ребенка своего. Въ „Марынѣ“ снова выведена плачущая, горемычная покрытка. Въ одномъ сти-

хотвореніи Шевченко прямо заявляетъ: „мини ихъ жаль... моихъ дивчатокъ", и проситъ Бога, чтобы люди научились ходить хорошими путями и миловать брата. Какъ извѣстно, Квитка—Основьяненко подробно обрисовалъ несчастную жизнь обманутой дѣвушки въ повѣсти „Сердешна Оксана".

Покрываніе состоитъ только въ томъ, что дѣвическая честь и краса—коса скрывается подъ платкомъ. Это слабая уже форма того наказанія за прелюбодѣяніе, которое нѣкогда состояло въ обрѣзываніи косы, о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь, что предполагаетъ древнѣйшую казнь посредствомъ обезглавливанія.

94.

Остриженіе волосъ, какъ наказаніе.

Древнее церковное право преслѣдовало прелюбодѣяніе церковной карой въ видѣ эпитиміи и свѣтскими наказаніями въ видѣ смертной казни, урѣзанія носа или пожизненнаго заключенія въ монастырь. Въ московской Руси практиковалось послѣднее наказаніе, а въ западной Руси, гдѣ имѣло примѣненіе право магдебургское, узаконена была смертная казнь обоимъ участникамъ прелюбодѣянія, захваченнымъ „на горячимъ учинку". Но были въ древней Россіи также и свои, т. е. русской жизнью выработанныя, наказанія прелюбодѣямъ, преимущественно публичное бичеваніе по голой спинѣ (*Загоровскій,* О разводѣ, 216—222). Наказаніе прелюбодѣевъ публично присуще разнымъ народамъ, между прочимъ, и малороссамъ. Извѣстно, что въ кіевской губ. въ настоящее время еще практикуется воженіе виновныхъ въ прелюбодѣяніи по улицамъ (ib. 223). Заслуживаетъ вниманія соблюдаемое иногда при этомъ остриженіе головы. Такъ, въ одномъ изъ селеній волынской губ. громада присудила женщину за прелюбодѣйство къ слѣдующему наказанію: дать ей въ трехъ мѣстахъ села по пяти розогъ и остричь голову (*Якушкинъ,* Обычн. право, XXXX). Въ народной поэзіи обрѣзать косу значитъ опозорить дѣвушку. Въ одной старинной пѣснѣ дѣвушка, потерявшая невинность подъ зеленымъ яворомъ съ молодымъ туркомъ, рѣшается на то, чтобы у ней отрѣзали косу и ото-

слали ее матери (*Антоновичъ и Драгомановъ*, Истор. п. малор. н., I, 85). Во время крѣпостнаго права дѣвушкамъ отрѣзывали косу въ наказаніе за потерю дѣвственности.

Обычай отрѣзывать косу за прелюбодѣяніе встрѣчается у древнихъ германцевъ: „Прелюбодѣянія у столь многочисленнаго народа, говоритъ Тацитъ, весьма рѣдки; наказаніе ихъ совершается немедленно и предоставляется самимъ мужьямъ. Мужъ, обрѣзавъ женѣ волосы, обнаженную выгоняетъ ее изъ дому въ присутствіи родственниковъ и гонитъ ее ударами плети черезъ все селеніе". Въ VIII в. наказаніе это продолжало существовать въ Германіи; но оно исполнялось не мужемъ, а толпой женщинъ (*Якушкинъ* XXXXI, прим.). У лаковъ обрѣзать косу дѣвушки значитъ нанести ей жестокое оскорбленіе (*Сборн.* свѣд. о кавк. горц. IV, 19).

Якушкинъ говоритъ, что обычай публичнаго посрамленія женщины за прелюбодѣяніе не встрѣчается въ великорусскихъ губерніяхъ, и потому онъ сомнѣвается въ его древности (XXXXI стр.); но объ этомъ обычаѣ упоминаютъ уже Котошихинъ и Петрей (*Загоровскій*, 223), хотя и безъ указанія на остриженіе головы. Повидимому, остриженіе головы имѣло мѣсто исключительно въ южной Руси. Этотъ обычай нѣкогда, должно быть, служилъ символическимъ выраженіемъ смертной казни за прелюбодѣяніе черезъ обезглавливаніе, но, такъ какъ о такой казни въ Малороссіи нѣтъ извѣстій, а есть извѣстія о ея существованіи въ древней Германіи, то, быть можетъ, обычай остриженія головы въ наказаніе проникъ въ южную Русь изъ Нѣметчины, на ряду со многими другими заимствованіями. На это предположеніе наводитъ уже то обстоятельство, что въ древней Германіи остриженіе волосъ имѣло широкое примѣненіе, такъ какъ, сообразно со степенью вины, прибѣгали къ символическому остриженію волосъ, къ остриженію дѣйствительному и даже къ остриженію головы съ поврежденіемъ головной кожи клещами, „mit der haut abgezogen", „windet im die haar mit einer kluppen oder knebel aus dem haupt", „capillos cum ipsa capitis pelle detrahere" (*Grimm*, D. Rechtsalterth, 703).

Въ древней Англіи (449—1066 г.) обрѣзываніе волосъ у обоихъ половъ считалось признакомъ рабства или преступленія, заслуживающаго самаго строгаго наказанія (*Спенсеръ*, Описат. Соціол., 26).

95.

Обмазываніе дегтемъ головы и воротъ,

какъ наказаніе за прелюбодѣяніе, встрѣчается въ Малороссіи. Такому наказанію подвергаются провинившіяся женщины. Обмазываніе головы дегтемъ теперь уже рѣдко встрѣчается; обмазываніе же дегтемъ воротъ того дома, гдѣ живетъ погрѣшившая дѣвушка, еще весьма распространено въ селахъ. Иногда наказаніе въ формѣ остриженія головы и обмазыванія дегтемъ распространяется на виновныхъ въ воровствѣ. Вора раздѣваютъ до нага, обмазываютъ дегтемъ, обсыпаютъ перьями и водятъ по селенію въ сопровожденіи толпы. Недавно въ харьковской губерніи были преданы суду крестьяне за истязанія, совершенныя надъ одной женщиной. Ее и двороваго человѣка, находившагося съ нею въ связи, раздѣли, вымазали дегтемъ и водили по селу (*Якушкинъ*., Обыч. пр., XXXX). Около Переяслава (полт. губ.) въ с. Рудаковкѣ, въ 1886 г., былъ созванъ „сельскій сходъ, на обсужденіе и заключеніе котораго предложена была словесная жалоба одной обманутой жены, просившей сходъ наказать ея супруга и даму его сердца за „незаконное сожительство“. Изъ приговора этого схода видно, что, по всестороннемъ обсужденіи, рѣшено: вымазать дегтемъ головы и различныя части тѣла влюбленной парочкѣ „за кустодѣйство“. Сельскій староста, явившись въ присвоенномъ ему знакѣ, не замедлилъ привести въ исполненіе рѣшеніе схода, и когда экзекуція совершалась надъ соперницею, то ревнивая жена, уже безъ всякаго на то разрѣшенія схода, сдѣлала собственноручно небольшое добавленіе къ этой экзекуціи, присоединивъ къ дегтю еще и значительную дозу пуху и перьевъ“ (*Свѣтъ*, 1886, № 121). Вымазываніе дегтемъ воротъ представлятся, по моему мнѣнію, расширеніемъ обрядоваго посрамленія и имѣетъ символическое значеніе, наноситъ оскорбленіе женской чести.

Обмазываніе головы дегтемъ за прелюбодѣяніе, вѣроятно, заимствовано малороссами съ запада, гдѣ это наказаніе было распространено въ старинное время. Во Франціи въ XV в. виновнаго въ прелюбодѣяніи обсыпали перьями (*Якушкинъ*. XXXXI, прим.). Въ Германіи обычно было виновныхъ въ прелюбодѣяніи обмазывать дег-

темъ и обсыпать перьями, „mit pech bestreichen und in federn wälzen“. Въ 1189 г. одного вора „pix bulliens super caput ejus efundatur et pluma pulvinaris super caput ejus excutiatur ad cognoscendum eum“. Въ 1198 г. монахиня была обмазана медомъ и обсыпана перьями. Въ 1294 г. двѣ старыя женщины были обмазаны смѣсью дегтя и сала и обсыпаны перьями (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth. 725).

Возможно, что вымазываніе дегтемъ въ древности прилагалось при смертной казни посредствомъ сожженія, что видно, между прочимъ, изъ армянской сказки о Чигали: одна дѣвушка вышла посредствомъ обмана замужъ за царя Чигали; но когда Чигали узналъ, что жена его плѣшивая и что она посредствомъ хитрости устранила его прекрасную невѣсту, то онъ велѣлъ посадить ее съ ребенкомъ на осла, водить по улицамъ столицы и, наконецъ обливъ нефтью, сжечь ихъ (*Сборн. матер.* для опис. Кавказа, VII, 180).

96.

Обычай запрягать въ телѣгу или надѣвать хомутъ

на виновныхъ въ прелюбодѣяніи въ настоящее время рѣдко встрѣчается. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Якушкинъ, что обычай запрягать виновныхъ въ телѣгу или сани въ прежнее время былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ теперь; на это указываетъ почти повсемѣстное существованіе обычая надѣвать на виновныхъ хомутъ, являющійся въ этомъ случаѣ символомъ запряганія“. Въ великорусскихъ губерніяхъ наказаніе это примѣняется почти исключительно къ женщинамъ за прелюбодѣяніе. Въ Малороссіи надѣваютъ, между прочимъ, хомутъ на отца, не усмотрѣвшаго за своею дочерью.

Въ 1874 г. въ екатеринославской губерніи былъ такой случай: мужъ привязалъ жену, убѣжавшую отъ него и найденную имъ, къ оглоблѣ вмѣсто пристяжной и погналъ лошадь, осыпая жену ударами нагайки съ узломъ на концѣ. Въ одной слободѣ острогожскаго уѣзда такое наказаніе наложено было деревенскимъ сходомъ: крестьянинъ принесъ жалобу, что жена его ведетъ неприличную жизнь вслѣдствіе дурнаго вліянія тещи. По рѣшенію деревенскаго схода, мать и дочь

были выведены на слободскую площадь, гдѣ имъ было приказано очищать ее отъ навоза. Послѣ этого онѣ были запряжены въ телѣгу, наполненную навозомъ, и погоняемыя истцомъ, вывезли навозъ за слободу и потомъ подвезли телѣгу къ крыльцу волостнаго правленія. Подобные случаи встрѣчаются и въ Великороссіи; такъ, въ 1872 г. въ тамбовскомъ окружномъ судѣ обвинялся крестьянинъ Минюшинъ за запряганіе жены въ видѣ наказанія (*Якушкинъ*, 43).

„Наказаніемъ въ данномъ случаѣ, говоритъ г. Кулишеръ, очевидно является такой способъ обращеніи съ женщинами и такая работа, которая возлагалась на рабовъ и рабынь, которыми были плѣнные мужчины и женщины. Женщины, забранныя въ плѣнъ, были первыми живыми существами, утилизированными для работы и, между прочимъ, для переноски и перевозки тяжестей, для чего впослѣдствіи только стали употреблять животныхъ" (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этногр. 163).

Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться: иногда къ такому наказанію приговаривались и мужчины за воровство. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ: въ 1873 г. въ слободѣ Бутурлиновкѣ бобровскаго уѣзда пойманы были два крестьянина съ боченкомъ рыбы, который былъ украденъ со взломомъ замка изъ амбара одного торговца. Ихъ избили, выкупали въ полузамерзшей лужѣ, потомъ одного изъ нихъ привязали за ноги къ санямъ, на которыхъ лежалъ боченокъ похищенной рыбы, а другаго запрягли въ сани и, осыпая его ударами, заставили везти сани; затѣмъ подняли волочившагося по землѣ крестьянина и припрягли его на помощь другому (*Якушкинъ*, 43—44).

Въ древности запряганіе въ телѣгу могло примѣняться къ обоимъ поламъ и въ наказаніе за разныя провинности. Наказаніе это, повидимому, было нѣкогда въ большомъ ходу въ южной Руси, такъ какъ вошло въ народное преданіе. По словамъ древней лѣтописи обры творили насиліе женщинамъ дулѣбовъ, запрягая въ телѣгу не вола, не коня, а трехъ, четырехъ или пять женщинъ и заставляя везти себя. Позднѣе преданіе это пріурочено къ полякамъ и жидамъ. До сихъ поръ разсказываютъ, что ляхи, вмѣсто коней и воловъ, запрягали малороссіянокъ и погоняли ихъ бичами, свитыми изъ ихъ же волосъ. Въ лѣтописи Величка помѣщенъ универсалъ Стефана Остранина (по всѣмъ соображеніямъ—подложный), въ которомъ разсказывается, что поляки запрягали въ плугъ людей, преимущественно

женщинъ, и жиды подгоняли ихъ бичами. Въ фальшивую исторію Кониսскаго вошло народное преданіе, будто римско-католическое духовенство разъѣзжало въ Малороссіи на длинныхъ повозкахъ, запряженныхъ людьми (*Костомаровъ*, Истор. моногр. XIII, 32).

97.

Свободный разводъ.

Подъ словами свободный разводъ мы разумѣемъ разводъ по взаимному соглашенію супруговъ или по требованію жены въ случаѣ дурной жизни мужа. Въ малорусскихъ пѣсняхъ сохранилось еще слабое воспоминаніе народа о томъ времени, когда супругамъ можно было разойтись, „не маючи доброго мешканя“, особенно въ случаѣ крайняго пьянства мужа. И теперь горемычная жена пьяницы утѣшается стародавней пѣсnью:

Ой ты пьешь та гуляешь,
Не говоришь зо мною:
Доведется, мій нелюбе,
Розійтися зъ тобою
Ой пиду я до попа,
Скажу ему стиха:
«Розвяжи намъ, попе, руки,
Бо наробляю лиха!...
Я невирну дружину
Та на вѣки покину,
А сама пиду до роду,
Зъ родомъ не загину!» (*Зоря*, 1884, № 18).

Въ старинное время, въ XVI и XVII ст., въ южной Россіи допускался разводъ супруговъ, въ случаѣ семейнаго несогласія, когда между ними возникали „великія разницы и раздоры“,—причина, какъ извѣстно, сама по себѣ не дающая по церковнымъ законамъ никакого повода къ разводу. Здѣсь свѣтскій, народный взглядъ на брачный союзъ, какъ на соединеніе двухъ любящихъ и равноправныхъ лицъ, взялъ верхъ надъ церковнымъ опредѣленіемъ брака на принципѣ пожизненной связи мужа и жены, при главенствѣ перваго, независимо отъ ихъ взаимнаго согласія и любви послѣ бракосочетанія. Когда супруги жили „въ станѣ малженскомъ черезъ колко годъ и

не маючи доброго мешканя межъ собою", тогда они „одинъ другого зъ стану малженскаго выпускали" (*Загоровскій,* О разводѣ, стр. 190). Разводъ происходилъ по обоюдному согласію и послѣ предварительнаго обсужденія его родными мужа и жены. Мужъ и жена давали другъ другу „разлучные листы", опредѣляли при этомъ, къ кому переходятъ дѣти, заносили „разлучный листъ" въ гродскую актовую книгу, и разводъ считался оконченнымъ, каждая сторона, мужъ и жена, могли снова вступить въ бракъ. Съ возстановленіемъ авторитета церкви разводъ все болѣе и болѣе былъ стѣсняемъ, и высшія духовныя лица, епископы, мало по малу лишили свѣтскія власти и даже священниковъ права производить разводы. Такъ, въ 1594 г. владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй соборной грамотой воспретилъ священникамъ своей епархіи совершать разводы собственной властью. Впрочемъ случаи свободнаго развода, съ согласія и утвержденія гродскихъ судовъ, встрѣчаются еще въ XVII и XVIII ст. (*Маячанецъ,* Про шлюбъ на Украини, въ „Зорѣ", 1884 г., № 18).

98.

Злыдни.

Въ полтавской губ. переясл. у. существуетъ повѣрье, что злыдни— невидимые старики нищіе, которые гдѣ только поселятся, то тамъ будетъ вѣчная бѣдность (*Чубинскій,* I, 211). Въ пословицѣ, записанной въ черниг. губ., „просылыся злыдни на три дни, та и выгнать не можна" (ib. 254). Въ харьк. губ. говорятъ „щастя дочасне, а злыдни довични". Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи записаны пословицы: „за злыднями и свита не бачыть", „злыднямы не доробысся", „нехай его злыдни побьють", „не бій, бо и такъ злыдни его побылы", „чужыхъ злыднивъ не насытыть", „высыдилы злыдни" (*Номисъ,* Прыказкы). Еще яснѣе злыдни, какъ живыя миѳическія существа, выступаютъ въ сказкахъ. Пристали къ одному бѣдняку злыдни; бѣднякъ вогналъ ихъ въ баклагъ, заткнулъ отверстіе и закопалъ баклагъ на берегу рѣки. Его богатый братъ, думая, что бѣднякъ закопалъ деньги, вырылъ и открылъ баклагъ. Тогда злыдни уцѣпились за него; онъ принесъ ихъ домой, и вскорѣ

домъ его сгорѣлъ, и все состояніе его погибло (*Драгомановъ*, Мал. пред. 413). Въ другой сказкѣ злыдни поселились у мужика подъ печкой, и мужикъ обѣднѣлъ. Онъ отвезъ злыдни въ лѣсъ на возу, предложилъ злыднямъ помочь ему расколоть дерево, потомъ вытащилъ клинья, и дерево прищемило руки злыдней, такъ что они остались въ лѣсу. Братъ мужика—богачъ—освободилъ ихъ потомъ; они уцѣпились за его шею, поселились въ его домѣ, и онъ разорился (*Чубинскій*, II, 393). Въ варіантѣ этой сказки злыдни также живутъ подъ печкой; съ дѣтьми они танцуютъ по срединѣ хаты подъ игру домохозяина на скрипкѣ (ib. 396). Въ одной сказкѣ злыдни говорятъ домохозяину, что ихъ очень много, могутъ вездѣ помѣститься и такіе маленькіе, что ихъ нельзя разсмотрѣть. Домохозяинъ пригласилъ ихъ помѣститься въ табакеркѣ, и когда они вошли въ нее, то закрылъ табакерку и спряталъ ее подъ мельничный валъ. Изъ зависти, что бѣдный разжился, его богатый односельчанинъ выпустилъ злыдней; они пристали къ нему и вскорѣ „усе пишло урóстичъ и звелось его богатство“ (ib. 398).

Народъ имѣетъ наклонность мыслить образами. Въ древнее время онъ не могъ представить отвлеченныя идеи иначе, какъ въ образахъ, въ вещественныхъ и тѣлесныхъ формахъ. Доля и недоля, счастье и несчастье въ старину и теперь изрѣдка —поэтическіе образы; но въ древности—миѳическія существа. Малорусскимъ представленіямъ о злыдняхъ соотвѣтствуетъ великорусское горе—злосчастіе, превосходно изображенное въ извѣстной старинной повѣсти, изданной Костомаровымъ въ Памят. стар. рус. литер., и во многихъ сѣверно-русскихъ похоронныхъ причетяхъ, изданныхъ Е. Барсовымъ. У сербовъ долѣ и недолѣ соотвѣтствуютъ среча и несреча. Въ народныхъ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и преданіяхъ доля, недоля, горе—злосчастіе, злыдни, среча и несреча, лихо представляются человѣкообразными существами. Они приходятъ къ человѣку, встрѣчаютъ его, гоняются за нимъ въ человѣческомъ или животномъ образѣ, мучатъ, бьютъ человѣка, наваливаются на него, садятся къ нему на плечи, иногда несутъ его на себѣ или работаютъ для него (*Потебня*, О долѣ, 7—10).

Между недолей, горемъ—злочастіемъ, несречей съ одной стороны и злыднями съ другой обнаруживается лишь то различіе, что послѣдніе сравнительно съ первыми болѣе объектированы, болѣе от-

дѣлены отъ человѣка. Въ то время какъ между человѣкомъ и его долей или недолей обнаруживается родъ предъустановленной гармоніи, и доля или недоля отражаетъ человѣка, злыдни дѣйствуютъ довольно самостоятельно. Архаичными чертами злыдней служитъ представленіе ихъ въ видѣ стариковъ нищихъ и въ особенности помѣщеніе ихъ подъ печкой. Въ послѣдней подробности обнаруживается родство злыдней съ домовымъ, проживающимъ за печкою или подъ нею.

Украинскимъ злыднямъ соотвѣтствуютъ нѣмецкіе кобольды. Ихъ также можно спрятать, утопить; они также малы. Въ одной нѣмецкой сказкѣ два семейства, живущія по сосѣдству, которымъ домовые не даютъ покоя, оставляютъ свои жилья. Служанки съ вѣниками въ рукахъ встрѣтились. „Куда это?“ спросила одна изъ нихъ. „Мы перебираемся“, отвѣтило ей множество тонкихъ голосовъ съ верхушекъ вѣниковъ. Служанки догадались, кто отвѣчалъ, и затопили вѣники въ пруду. Съ тѣхъ поръ на новыхъ жильяхъ все было смирно; но въ пруду мерла рыба и по вечерамъ слышались изъ воды тонкіе голоски: „мы перебрались“ (*Потебня*, 17).

99.

Демоническое значеніе болѣзней.

Болѣзни издавна у разныхъ народовъ являются въ формѣ демоническихъ существъ. Уже на первыхъ, низшихъ ступеняхъ культуры была замѣчена связь жизни съ теплотой и свѣтомъ и установилась мысль, что болѣзнь происходитъ или прямо отъ нападенія злаго духа, или косвенно отъ ослабленія огня жизни, помраченія или загрязненія его. Духи мрака—враги здоровья и жизни; духи эти подъ разными наименованіями живутъ въ темныхъ и грязныхъ мѣстахъ, въ оврагахъ, въ лѣсахъ, въ болотахъ, подъ землей, подъ печкой. Отсюда они проникаютъ въ тѣло человѣка и служатъ источниками болѣзней; они помрачаютъ умъ и терзаютъ тѣло человѣка. Изъ такого діагноза болѣзней проистекало и соотвѣтствующее лѣченіе, въ формѣ обращенія къ солнцу, горящему костру, вообще къ яркому свѣту (подроб. у *Caspari*, Die Urgeschichte der Menschheit, 96—114). Уже въ кирпичныхъ книгахъ древнихъ

халдеевъ находятся заговоры противъ болѣзней, какъ демоническихъ существъ, напр.: „отъ сухотки, нездоровья, злаго духа нарывовъ, отъ ядовитаго вреднаго рака—сохрани о духъ небесъ! сохрани, о духъ земли!" (*Сэйсъ*, Ассиро—вавил. литер. 36). Найденъ сумерійскій гимнъ богу огня, четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. съ просьбой о защитѣ отъ болѣзни: „прошу тебя (т. е. бога огня), да будутъ блестящи члены тѣла этого благочестиваго человѣка; да будетъ онъ свѣтелъ, подобно небу, да будетъ онъ блестящъ, подобно землѣ, да будетъ чистъ, какъ внутренность неба; да отойдетъ въ сторону отъ него зловредное слово" (*Никольскій*, Сумерійскій гимнъ, 3). У иранцевъ были весьма распространены магическія заклинанія и очищенія отъ болѣзней, какъ нечистыхъ демоническихъ существъ. Авеста различаетъ три рода лѣкарей, которые лѣчили ножемъ, травами и чарами, при чемъ предпочтеніе отдается послѣднимъ (*Дилленъ*, Дуализмъ, 145, 158). У индусовъ лихорадку вызывали изъ тѣла больнаго или умоляли ее оставить больнаго. Въ Атарва-Веда лихорадка имѣетъ значеніе демоническаго существа. У грековъ и римлянъ болѣзни также имѣли демоническое значеніе. Въ древней Греціи въ болѣзняхъ прибѣгали къ чарамъ, амулетамъ, заклинаніямъ. На ряду съ народной медициной, состоявшей изъ заклинаній, цѣлебныхъ травъ и разныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, здѣсь рано уже появляется научная медицина (см. *Ковнера*, Ист. медиц.). У римлянъ народная медицина состояла въ заклинаніи болѣзней. „Въ tabulae defixionum, или табличкахъ наговоровъ находятся такія выраженія: „здоровье, имѣніе и его самого пусть изсушитъ болѣзнь", „чтобы вы, горячія воды или нимфы, погубили его въ теченіе года" (*Помяловскій*, Эпиграфич. этюды, 10, 11). У древнихъ скандинавовъ внутреннія болѣзни приписывались дѣйствію злыхъ духовъ и лѣчили ихъ заговорами и симпатическими средствами (*Weinhold*, Altnord. Leben, 392). Въ Англіи V—XI вѣковъ (и позднѣе) внутреннія болѣзни считались „непосредственно причиненными злыми духами, эльфами, демонами, чарами колдуновъ или пагубнымъ вліяніемъ дурнаго глаза" (*Спенсеръ*, Опис. соц. 211). Олицетвореніе болѣзней еще живо чувствуется въ западно-европейскомъ простонародьѣ настоящаго времени. Даже въ большихъ западно-европейскихъ городахъ встрѣчаются еще суевѣрные обряды, прямо указывающіе на пере-

живаніе вѣрованія въ демоническое значеніе болѣзней. Въ сборникѣ суевѣрныхъ способовъ лѣченія, собранныхъ Краузе въ Берлинѣ и его окрестностяхъ въ 1862—1872 г., отмѣчены, между прочимъ, такіе: у больнаго отрѣзываютъ часть волосъ, или ногтей, или одежды и кладутъ ее на перекресткѣ, и кто подыметъ ее, на того и болѣзнь перейдетъ; иногда больной лихорадкой три раза обходитъ вокругъ дерева, съ цѣлью переселить лихорадку въ дерево (*Zeitschr. f. Ethnologie,* 1883, 78, 82).

И такъ, начиная отъ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр., отъ древнихъ халдеевъ и кончая современными берлинскими мѣщанами, мы видимъ проявленія вѣрованія въ демоническое значеніе внутреннихъ болѣзней у разныхъ цивилизованныхъ народовъ. Нѣтъ надобности потому и говорить о томъ, что вѣрованіе это чрезвычайно распространено и ярко у народовъ дикихъ и варварскихъ. Здѣсь можно найти ключъ къ объясненію темныхъ деталей современныхъ европейскихъ суевѣрій. Въ Новой Зеландіи каждая болѣзнь приписывается дѣйствію особаго существа; такъ, богъ Тонга посылаетъ головныя боли и тошноту; мѣстопребываніе его во лбу; Мако-Тики, божество ящерица, причиняетъ боли въ груди; Тукино—богъ желудка; Тити-гаи производитъ боли въ ногахъ и лодыжкахъ; Ронгомаи и Тупаритапу посылаютъ сухотку; Коро-Кіо управляетъ родами. Стіены въ Камбоджѣ вѣрятъ, что заболѣваніе происходитъ отъ вселенія въ человѣка злаго духа, а чтобы изгнать его, они производятъ около больнаго большой шумъ (*Лэббокъ,* Нач. цив. 162). Подобнаго рода повѣрья имѣютъ разные африканскіе народы (путешествія *Ливингстона*, *Пинто* и др.).

Славяне, въ частности русскіе, раздѣляютъ со всѣми другими народами вѣрованіе въ демоническое происхожденіе болѣзней. Въ южной Болгаріи вѣрятъ въ демоновъ болѣзней—„болѣштицы“—и для ихъ умилостивленія приносятъ жертвы (*Шишковъ*, Родопски Старини, 1887, I, 13). Въ старинное время въ московской Руси болѣзни приписывались злобѣ чертей, и самыми радикальными средствами лѣченія считались освященная вода и молитвы. До сихъ поръ простой народъ въ В. и М. Россіи думаетъ, что люди разслабленные и хворые изурочены колдунами или испорчены злыми духами; всякое тѣлесное страданіе и всякое тревожное чувство при-

писывается порчѣ недобрыхъ людей, ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу, и называются напускной тоской; нервныя болѣзни—кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, насланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда мстительнымъ колдуномъ. Г. Максимовъ въ сочиненіи „Годъ на сѣверѣ" замѣчаетъ, что онъ слышалъ отъ ямщика разсказъ о дѣвкѣ—икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ (*Аѳанасьевъ*, въ Филол. Зап., 1868, Ш, 276).

Подобнаго рода воззрѣнія на внутреннія болѣзни обнаруживаются въ малорусскихъ клятвахъ, заговорахъ и обрядахъ. Въ клятвахъ недуги призываются на врага, какъ злые духи: „вбій тя трясця", „щобъ тебе родымецъ побывъ", „щобъ тебе прычына вдарыла", „бодай тебе грецъ вымывавъ", „смутокъ бы на тя чорный упавъ", „чортъ бы вбывъ (или мучывъ) твого батька". Малорусскіе заговоры гонятъ лихорадку и другія болѣзни въ дебри, болота и пустыни, гдѣ нѣтъ ни людей, ни звѣрей. Обрядовое лѣченіе болѣзней преслѣдуетъ ту же цѣль изгнанія демоновъ изъ тѣла больнаго человѣка. Заговоры и обряды, соблюдаемые при лѣченіи болѣзней, стоятъ въ связи между собой; но мы здѣсь не будемъ касаться заговоровъ отъ болѣзней, такъ какъ имѣемъ въ виду разсмотрѣть ихъ особо, въ связи съ другими народными заговорами. Заговоры обнимаютъ всю природу и всю жизнь человѣка, и потому выдѣлять заговоры лѣкарскіе неудобно, тѣмъ болѣе, что удачное объясненіе ихъ возможно лишь при широкихъ сравнительно-культурныхъ и сравнительно-этнографическихъ сопоставленіяхъ и параллеляхъ.

На ближайшихъ страницахъ мы разсмотримъ такія малорусскія народныя представленія о болѣзняхъ, въ которыхъ вполнѣ ясно обнаруживается демоническое значеніе болѣзни, въ названіи и лѣченіи болѣзней.

100.

Гостецъ.

Подъ словомъ гостецъ въ однихъ мѣстахъ подразумѣваютъ колтунъ, въ другихъ хроническій ревматизмъ въ суставахъ. По

народному повѣрью, гостецъ живетъ въ костяхъ каждаго человѣка. Онъ заявляетъ о своемъ существованіи по преимуществу ревматическими болями и ранами. Если же кто нибудь оскорбляетъ его неумѣлымъ лѣченіемъ, то гостецъ обращается въ опасную и трудно излѣчимую болѣзнь. Французскій писатель объ Украинѣ первой половины XVII ст., Бопланъ упоминаетъ о болѣзнѣ гостцѣ, подъ которымъ подразумѣваетъ колтунъ. „Смотря по тому, говоритъ А. А. Потебня, предположить ли, что въ суфиксѣьць въ разсматриваемомъ случаѣ преобладаетъ значеніе ласкательности или значеніе собственно уменьшительности, гостецъ значитъ или добрый, милый гость, или гостекъ, маленькій гость. Первое толкованіе подтверждается обычностью умилостивительнаго названія болѣзней, напр. великор. гостья, добруха для лихорадки (*Потебня,* Къ ист. звуковъ IV, 77). Происхожденіе и свойства гостця обнаруживается въ заговорахъ. Гостецъ—такой злой духъ, который живетъ до перехода въ человѣка въ разныхъ мѣстахъ и можетъ войти въ человѣка разными путями: „Съ чого ты почався, гостецъ? Чы ты почався зъ витру, чы ты почався зъ холоду, чы зъ роботы, чы зъ поганыхъ очей, чы зъ раннёго свитання, пивночного, вечирнёго, полуденного, чи зъ сонця, чы чоловичихъ, чы жиночыхъ, чы дивочыхъ, чы дитячыхъ очей. Я жъ тебе замовляю, видтынаю зализнымъ ножемъ. Очыщае Господь Богъ своею ласкою весь свитъ, горы, море, каминня, лиса, очысты, Боже, и тую душу“... (*Чубинскій,* I, 136). Гостецъ бываетъ мужескаго и женскаго пола: „Заклинаю тя, гостецъ, самця и самыцю... абы ты гостецъ самецъ самыця та жадной шкоды не учынывъ“ (*Драгомановъ*, Мал. пред. 40). Гостецъ бьетъ, мучитъ человѣка: „мнеть, якъ гостецъ бубу“ (*Номисъ*). Онъ помѣщается не въ той, такъ въ другой части человѣческаго тѣла: „въ глазахъ, въ шеѣ, въ плечахъ или между плечами, въ мышцахъ, въ груди, въ сердцѣ, въ жилахъ, въ мозгу, въ животѣ, въ костяхъ, въ колѣняхъ, въ рукахъ, въ ногахъ, во всемъ тѣлѣ“. (*Драгомановъ.* 41). Человѣкъ не страдаетъ при спокойномъ положеніи гостця, такъ какъ заговоръ отъ гостця направленъ къ тому, чтобы гостецъ „яко камень на своемъ мѣсцу лежалъ“.

Повидимому, родственникомъ малорусскаго гостця является нѣмецкій husten—кашель, англосакс. hvosta, сканд. hosti, древне-

верхне-нѣмецкое huosto. (*Pictet*, въ Zeitschr. f. vergleich. Sprachvorschung. 1856, V, 347). По свидѣтельству этихъ словъ, кашель представляется слѣдствіемъ поселившагося въ человѣкѣ злаго духа, скорѣе въ смыслѣ латинскаго hostis—врагъ, чѣмъ славянскаго слова гость. Что древніе нѣмцы имѣли или могли имѣть такое воззрѣніе на кашель, можно думать уже потому, что вѣрованіе въ чудесное происхожденіе кашля и въ настоящее время встрѣчается у нѣкоторыхъ народовъ. Такъ, у осетинъ существуетъ повѣрье, что душа иногда во время сна человѣка оставляетъ его тѣло и удаляется въ таинственную область, откуда потомъ приноситъ счастье и несчастье, урожай, болѣзни, особенно кашель (*Вс. Миллеръ*, Осетинск. этюды II, 270).

101.

Лихорадка-пропасныця-поганка.

Въ заговорахъ—молитвахъ противъ лихорадки обнаруживается значительная примѣсь апокрифическихъ сказаній и молитвъ, о чемъ я уже говорилъ въ сочиненіи о южнорусскихъ апокрифическихъ сказаніяхъ, стр. 148; но почти всѣ обряды и повѣрья, относящіеся къ лихорадкѣ, отличаются древнимъ религіозно-миѳическимъ характеромъ. Въ народныхъ способахъ лѣченія лихорадки обнаруживается прямое указаніе на ея демоническое происхожденіе. Мы ограничимся здѣсь описаніемъ способовъ лѣченія лихорадки въ харьковской и кіевской губерніяхъ, при чемъ беремъ эти описанія изъ мало извѣстныхъ и мало распространенныхъ „Харьк. Вѣд." и „Современ. Извѣстій". Нужно добавить, что эти описанія отличаются полнотой и одно изъ нихъ (въ „Харьк. Вѣд.") составлено медикомъ по личнымъ наблюденіямъ въ селѣ въ 9 верстахъ отъ Харькова. Среди крестьянъ харьковскаго уѣзда существуетъ двоякое мнѣніе о происхожденіи лихорадки. „По мнѣнію однихъ лицъ, лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, происходитъ либо отъ простуды, либо отъ употребленія недоброкачественной пищи; по мнѣнію же другихъ, болѣзнь эта происходитъ отъ того, что невидимая простыми глазами, но видимая очень часто во снѣ больными, одержимыми лихорадкою, отвратительная,

морщинистая, костлявая старуха выбираетъ себѣ жертву между людьми и начинаетъ продѣлывать надъ нею разнаго рода штуки: мнетъ ее, трясетъ до изнеможенія, бросаетъ въ холодъ, въ жаръ. Отъ такого двоякаго взгляда на болѣзнь происходятъ и двѣ категоріи способовъ лѣченія: посредствомъ разнаго рода веществъ, даваемыхъ внутрь больному, и посредствомъ преподнесенія, такъ сказать, самой *старушкѣ-лихорадкѣ*, находящейся во время пароксизма вблизи больнаго, а иногда и внутри его, чего либо такого, что ей не нравится и что могло бы отогнать ее на время или даже и совсѣмъ прочь отъ больнаго. По мнѣнію многихъ малороссіянъ, дымъ, образующійся при горѣніи летучей мыши, непріятенъ лихорадкѣ, а потому, при слабомъ проявленіи лихорадочнаго пароксизма, лeченіе обыкновенно и начинается *съ подкуриванія* больнаго летучею мышью. Дѣлается это такимъ образомъ: больнаго ставятъ на полъ около постели, накрываютъ простынею и заставляютъ немного наклониться; затѣмъ у ногъ его помѣщаютъ небольшой черепокъ съ горящими угольями, на которые и бросаютъ куски высушенной летучей мыши. Образующійся при горѣніи мыши дымъ охватываетъ больнаго со всѣхъ сторонъ, при чемъ больной старается какъ можно чаще вдыхать этотъ дымъ въ себя. Дѣлается это раза два, три въ день. Если послѣ этого лихорадка не покинетъ больнаго, то прибѣгаютъ къ другому способу лѣченія, именно, къ такъ называемому *запугиванію лихорадки трубкою*. Больной садится у стола и его накрываютъ свитою, при чемъ стараются, чтобы просвѣтовъ изъ подъ свиты было какъ можно менѣе. Затѣмъ подаютъ подъ свиту больному раскуренную трубку и онъ начинаетъ неистово курить. Такъ какъ дымъ не можетъ выйдти изъ подъ свиты, то больной, черезъ нѣсколько минутъ, задыхается, чумѣетъ и его кладутъ тогда на постели. Когда больной отойдетъ отъ страшнаго табачнаго угара, то, по повѣрью, лихорадка его покидаетъ. Одинъ изъ крестьянъ села Куряжанки разсказывалъ, что, по его мнѣнію, это самое вѣрное средство противъ лихорадки и что онъ однажды такъ пугнулъ лихорадку, что она ему явилась во свѣ и сказала: „та й задавъ же ты мини своею трубкою!“

Но если бы лихорадка не особенно испугалась трубки и продолжала бы мучить больнаго, тогда преподносятъ ей такъ называ-

емаго *табачнаго вина*. Для этого берется очень закуренный, долго непрочищавшійся чубукъ и больнаго заставляютъ выпить, или вѣрнѣе, высосать чрезъ этотъ чубукъ рюмку водки. Этого напитка, по мнѣнію многихъ малороссіянъ, лихорадка очень не долюбливаетъ и, выпивъ рюмку, другой ожидать не будетъ, а предпочтетъ лучше бросить больнаго.

Иногда табакъ преподносится лихорадкѣ и другимъ способомъ. Берутъ 1/2 рюмки нюхательнаго табаку и доливаютъ рюмку до полна водкою; затѣмъ мѣшаютъ хорошенько эту смѣсь и даютъ выпить больному. Обыкновенно, послѣ пріема такого лекарства съ больнымъ дѣлается страшная рвота; извѣстно нѣсколько случаевъ, когда лихорадка, послѣ такого страшнаго пріема нюхательнаго табаку, бросала больнаго.

Къ числу же наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ противъ лихорадки, къ которому малороссіяне прибѣгаютъ только тогда, когда всѣ средства безуспѣшно уже испробованы, это—*съѣданіе горсти земли со свѣжей могилы*. Нѣкоторые малороссіяне вѣрятъ, что съѣвшій этой земли избавляется отъ лихорадки на всю жизнь". (*Харьк. Вѣд.* 1884, № 289).

Крестьяне кіевской губерніи „пропасныцю" считаютъ нечистой силой; „пропасныць" столько, сколько вѣроисповѣданій (пропасныця жыдивська). „Пропасныцю" знахарки лѣчатъ разными способами, но всѣ они такого характера, чтобъ ими „выгнать" болѣзнь изъ больнаго. „Бросали мнѣ, разсказывалъ парубокъ, лягушку въ пазуху, чтобъ я испугался. Я дѣйствительно испугался, но „пропасныця" меня не оставляла. Тогда мнѣ насыпали въ пазуху жита, повели къ пруду, поставили на камнѣ, лежавшемъ въ водѣ, и заставили смотрѣть въ воду на свое отраженіе. Когда я засмотрѣлся, то бабазнахарка толкнула меня въ бокъ и я полетѣлъ въ воду. Измокъ я до костей, такъ что едва доплелся до хаты. Съ тѣхъ поръ лихорадка начала меня мучить еще сильнѣе, но я скрывалъ свою болѣзнь, чтобъ какъ нибудь избавиться отъ бабы, которая не остановилась бы ни передъ какимъ средствомъ". Лѣчатъ отъ „пропасныци" еще вотъ какъ: въ „покрышкѣ" знахарка сожигаетъ рыбу, освященную на св. пасху, и надъ курящейся рыбой усаживаетъ больнаго такъ, чтобъ онъ стоялъ на четверенькахъ; затѣмъ спутываетъ

его „ряднами, кожухами, свитами", чтобъ дымъ не могъ выходить. Несчастный больной задыхается отъ дыма, кричитъ, но его открываютъ только тогда, когда потухнетъ дымящаяся рыба. Иногда завязываютъ въ рукавъ больнаго яйцо на опредѣленный срокъ, чтобъ пропасныця оставила мучить. Если по истеченіи опредѣленнаго срока въ яйцѣ оставался только желтокъ, то „пропасныця" скоро оставитъ больнаго. Иногда завязываютъ больному въ рубаху могильную землю на 9 дней, по прошествіи которыхъ больной долженъ отнести землю на ту могилу, изъ которой она взята. Одна женщина-крестьянка чуть не умерла со страху, когда ея сынъ потерялъ могильную землю изъ рубахи: къ этой женщинѣ приходилъ будто бы мертвецъ и требовалъ землю, взятую съ его могилы. Леченіе „пропасныци" сопровождается купаньями, шептаньями, принятіемъ настоекъ изъ разныхъ травъ и проч. (*Совр. Изв.* 1879).

Въ Великороссіи отъ лихорадки даютъ деготь, полынь, водку съ солью, траву трефоль, черный перецъ, дубовую кору, ромашку, чеснокъ, подсолнечникъ (*Этн. Сб.*, I, 53, II, 165; *Пермск. Сбор.* II, 32). Въ Бѣлоруссіи лѣчатъ лихорадку испугомъ, мочей, цвѣтами васильковъ (*Крачковскій*, въ „Чтеніяхъ", 194). Въ Россіи и въ Чехіи стараются обмануть лихорадку, надписывая на дверяхъ, что такого то дома нѣтъ (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап., 1868, IV, 338). Пруссаки и лужицкіе сербы стараются передать лихорадку дереву (*Zeitschr. f. Ethnologie*, 1883, 78; *Haupt*, Volkslied. II, 261). Въ Сибири больные лихорадкой чернятъ лицо и переодѣваются въ чужое платье, чтобы обмануть лихорадку (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап. 1868, IV, 338). Въ древности въ Англіи демоновъ лихорадки старались заклинаніями прогнать изъ больнаго (*Спенсеръ*, Опис. соц. I, 24). Индусскіе жрецы также прогоняли лихорадку въ „лѣсъ" и горы (*Аѳанасьевъ*, ib. 344). Въ санскритскомъ яз. лихорадка называется tripad—треногій, и „tričiras"—трехъ-главый, названія, очевидно, демоническія. Въ Вишнупурана Кришна побѣждаетъ порожденіе Сивы злаго демона Тричиру. У древнихъ грековъ одно и то же слово (эпіалосъ) означало лихорадку и демона. (*Pictet*, въ Zeitschr. für vergleich. Sprachforschung, 1856, V, 345).

102.

Пристритъ.

Въ одномъ стихотвореніи Шевченка дѣвушка, замѣтивъ, что ея милый грустить и плачетъ, спрашиваетъ „чы не прыстритъ“, и собирается бѣжать къ знахаркѣ за зѣльемъ. Болѣзнь, называемая пристритомъ, проявляется зѣвотой, тошнотой, дрожью и наконецъ горячкой. Такъ опредѣляютъ ее въ летичевскомъ уѣздѣ подольской губ. (*Чубинскій*, I, 134). Въ кіевской губ. думаютъ, что пристритъ обнаруживается у больнаго одышкой и коликой въ боку. „Пристритомъ“ заболѣваютъ будто бы отъ зависти къ какому нибудь хорошему качеству: красотѣ, трудолюбію и др. Если, напримѣръ, какой нибудь старикъ или старуха, войдя въ хату, застанетъ за работой молодую хозяйку дома и скажетъ: ахъ, какъ прекрасно ты работаешь! то непремѣнно и „нападе прыстритъ“.

Послѣ „одмовляння“ баба-знахарка тяжело вздыхаетъ, будто ей очень больно: она будто видѣла, что „прыстритъ“ вышелъ изъ больной.

Народъ вѣритъ въ силу шептаній, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ стиховъ:

Шепоту, шепоту
Пры твоему жывоту.
Якъ я пры тоби,
То и духъ пры тоби:
Якъ я одъ тебе,
То й духъ одъ тебе.

Т. е. пока знахарь сидитъ при больномъ и шепчетъ (заклинаетъ или молится), то и духъ при немъ; коль скоро больнаго оставитъ знахарь, то и „духъ отъ него“ (т. е. больнаго). (*Соврем. Изв.* 1879).

Демоническое значеніе пристрита опредѣляется изъ способовъ его лѣченія, особенно изъ заговоровъ: „Прыстритъ и прыстритыще, иврокы и врочыща, витряный, и водяный, и подуманый, и погаданый и помышляный, и запитаный, и заиданый и прылюбованый, прымылованый... и чоловичый, и жиночый..., и ранній, и денній, и годовый, и лисовый, и шляховый... я тебе вышепчу, щобъ ты не бувъ ни въ рукахъ, ни въ очахъ,

ни въ животи (и пр.); пиды соби тыхенько и легенько зъ хаты зъ дымомъ, а зъ двора зъ витромъ... Вы лисы—лисища, вы боры—борыща визьмить соби прыстритыща и урочыща, занесите ихъ въ пущы, на нетри и на сухи лиса, на быстри воды.. тамъ люды не ходять и куры не поють (*Чубинскій*, I, 135). Очевидно, и здѣсь, въ пристритѣ видимъ маленькаго демона, который мучитъ человѣка и потомъ бѣжитъ изъ него подъ вліяніемъ заклинаній и плохаго корма въ лѣсныя трущобы. Любопытна здѣсь подробность о томъ, что пристритъ уходитъ изъ хаты черезъ трубу вмѣстѣ съ дымомъ. Эта подробность обнаруживаетъ родство пристрита съ чертомъ и домовымъ, которые также выходятъ изъ хаты черезъ трубу. Въ малорусской сказкѣ о вѣдьмѣ Пазехѣ находится такая подробность. Когда вѣдьма умирала, то выслала изъ хаты свою дочь; но послѣдняя не ушла и спряталась за печь. Въ хату налетѣло множество чертей, повертѣлись, побормотали, и одинъ за другимъ—фыркъ!—вылетѣли изъ хаты черезъ дымовую печную трубу (*Nowos.*, Lud. ukr. II, 45). Въ бѣлорусской свадебной пѣснѣ молодая, оставляя отцовскій домъ, уже сѣвши на возъ съ мужемъ, причитаетъ: „добрая доля да идзи за мной съ печи пламенемъ, зъ хаты каминомъ“ (*Потебня*, О долѣ, 16). Печной огонь, пламя въ древности считался домовымъ, spiritus familiaris, какое воззрѣніе встрѣчается у всѣхъ арійскихъ народовъ, начиная отъ индійскихъ Вѣдъ и кончая современными суевѣріями, сказками и обрядами простаго народа въ Россіи и въ западной Европѣ.

103.

Данья.

„Данья“ состоитъ въ томъ, что на больнаго нападаетъ какая то скука, недовольство своею жизнію, физическое изнеможеніе. При этомъ онъ блѣднѣетъ, тѣло его сохнетъ. „Даньею“ заболѣваютъ молодые люди, преимущественно мужескаго пола. Причиняютъ эту болѣзнь или дѣвушки, обманутыя въ любви, или „ворожбиты“. Для излѣченія „данья“ требуется опытная знахарка. Во многихъ малорусскихъ пѣсняхъ находятся указанія на данье, что, кому и за

что оно поднесено, и каковъ печальный результатъ получился отъ данья. Обиженная дѣвушка накопаетъ зѣлья, вымоетъ его, сваритъ и подноситъ обманувшему ее парубку въ пищѣ или питьѣ:

Дала дивчынонька козакови коханъ-зилья спыты,
Щобъ ему молодому на свити не жыты (*Чуб.*, V, 428).

—

Вона ему дала чары въ пшенычнимъ пирози;
Въ еднимъ рази—а въ пирози шальвія и рута,
Въ другимъ рази—а въ пирози годыночка люта (ib. 434).

—

Дала вона мени перепилку въ масли;
Ой изъивъ же я идно крыльце и реберце,
Пидперло мене пидъ груды, пидъ серце (ib. 435).

Во многихъ пѣсняхъ ядъ получается такимъ образомъ: на деревѣ виситъ три змѣи; солнце грѣетъ ихъ и изъ ихъ пастей капаетъ ядъ; дѣвушка наставила „коновочку" и собрала его (*Чуб.*, V, 432).

Иногда „данье" даетъ знахарь. Въ волынскомъ Полѣсьѣ вѣрятъ, что злые люди носятъ ядъ за ногтями и пускаютъ его въ питье, обмакнувъ палецъ въ рюмку (*Brykczyński*, въ Zbiór wiadomosci, XII, 94). Въ кіевской губерніи крестьяне вѣрятъ, что вѣдьмы незамѣтнымъ образомъ даютъ имъ въ пищѣ и напиткахъ гадюкъ, ящерицъ, лятушекъ и порошки изъ разныхъ ядовитыхъ травъ. Внезапныя заболѣванія, долговременная чахлость, извѣстныя болѣзни мозга, по которымъ больной слышитъ мнимый крикъ лягушекъ, лай собакъ, хлопанье крыльевъ и т. п., приписываютъ „даваньямъ" вѣдьмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и помимо такъ называемыхъ вѣдьмъ въ народѣ есть много злонамѣренныхъ и мстительныхъ людей, которые для своихъ враждебныхъ цѣлей прибѣгаютъ къ ядовитымъ веществамъ. Но крестьяне не имѣютъ въ виду этого факта, и всѣ случаи дѣйствительнаго и мнимаго отравленія приписываютъ извѣстнымъ женщинамъ, слывущимъ колдуньями, на которыхъ, вслѣдствіе этого, обрушивается множество непріятностей. Въ одномъ селѣ жила старуха, прозванная вѣдьмой, которую подозрѣвали въ отравленіяхъ людей. Однажды въ селѣ скоропостижно умеръ крестьянинъ. Всѣ заговорили, что онъ умеръ отъ яда, даннаго ему помянутой старухой. Сыновья умершаго рѣшились отомстить вѣдьмѣ.

Случилось ей однажды идти ночью изъ шинка; они напали на нее и перебили ей крестцовую кость, такъ что она шесть лѣтъ до своей смерти ходила на четвереньках (*Краснокутскій*, въ „Кіев. Епарх. Вѣд.“). Однако, къ знахарямъ и знахаркамъ обращаются съ просьбой вылѣчить отъ данья. Обыкновенно дѣло бываетъ такъ: когда заболѣетъ у крестьянина сынъ, онъ готовъ обратиться за помощью къ доктору или фельдшеру, если они живутъ близко; но если далеко, или въ случаѣ лѣкарство, прописанное врачемъ, не скоро помогаетъ, то крестьянинъ везетъ сына къ знахарю. Онъ ставитъ передъ нимъ бутылку съ водкой, кладетъ хлѣбъ и немного денегъ. Знахарь смотритъ на воду въ стаканѣ, шепчетъ, даетъ зѣлье, совѣтуетъ умывать лицо росой, пить холодную воду, въ которую была положена жаба или зубъ изъ бороны, нюхать дымъ съ запаленнаго волоса изъ хвоста коричневой лошади, и получаетъ за свои совѣты могорычъ (*Sarnecki*, въ Wisła, 1887, VII, 266). Гонораръ бываетъ различный: мѣшокъ картофеля, курица, десятокъ или два яицъ, бутылка водки, миска муки или кусокъ свинины (*Nowos.*, Lud. ukr., II, 42).

Когда потчиваетъ водкой лицо, доброжелательство котораго подлежитъ сомнѣнію, то водку эту выливаютъ въ огонь, изъ опасенія данья. Говорятъ, что водку съ „даньемъ“ легко узнать по тому, что на днѣ рюмки всегда находится маленькій столбикъ въ родѣ шпильки. Если такая водка постоитъ нѣсколько времени, то въ рюмкѣ покажутся змѣи и ящерицы. Если вылить данье подъ двери (подъ пяту) или подъ печь, то данье обратится во вредъ тому, кто приготовилъ его. Говорятъ, что для излѣченія данья идетъ особая трава. Знахарки ее копаютъ. Если онѣ находятъ корни этого растенія лежащими накрестъ, то это служитъ признакомъ, что получившій данье не можетъ быть вылѣченъ (*Kopernicki*, въ Zbiór wiadomosci, XI, 198).

104.

Сглазъ.

Въ повѣсти Квитки „Маруся“ дѣвушка, любимая дочь родителей, заболѣваетъ. Мать ея говоритъ: „Нехай Богъ бороныть, чы

не зъ очей ій сталось?"—„У васъ, у жинокъ, усе зъ очей, заворчалъ отецъ; чы дытына змерзла на холоди, чы дытыни душно въ хати, вы кажете: зъ очей; голодна, исты просыть—зъ очей; наившысь не хоче—и то зъ очей; чы засміялась, чы зажурылась—усе зъ очей; усе про все у васъ очи" (*Квитка*, I, 47). Въ этихъ словахъ вѣрно отмѣчено распространеніе повѣрья о сглазѣ, т. е. о возможности вредить человѣку взглядомъ и помысломъ. „Дурной" глазъ, по народнымъ повѣрьямъ, встрѣчающимся въ Россіи повсемѣстно, распространяетъ свое вредное вліяніе на все, чего только касается его взглядъ: отъ него болѣютъ и умираютъ люди и животныя, деревья портятся и засыхаютъ. Въ Великороссіи и въ Малороссіи дурными глазами считаются косые, впалые, выглядывающіе изъ за нахмуренныхъ бровей. Въ волынской губ. существуетъ повѣрье, что дурной глазъ имѣетъ тотъ человѣкъ, которому въ дѣтствѣ мать поднесла грудь нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ отняла отъ груди (*Kopernicki,* въ Zbiór XI, 197; *Nowosielski,* Lud ukr., II, 155). Чаще всего дѣйствіе дурнаго глаза обнаруживается на младенцахъ, и существуютъ разные способы огражденія ихъ отъ дурнаго глаза. Чтобы люди съ дурнымъ глазомъ не вредили курамъ, подъ насѣдокъ кладутъ перо, выдернутое изъ сороки, убитой 1 марта (*Kopernicki,* 197). Въ сборникахъ заговоровъ великорусскихъ—Л. Майкова и малорусскихъ г. Ефименка и Чубинскаго (въ „Трудахъ" I т., 158) находится много заговоровъ отъ сглаза [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи въ избахъ надъ дверьми вѣшаютъ лапоть, чтобы дурной глазъ человѣка на немъ обломился (*Этногр. Сб.* I и V). Вѣрованіе въ сглазъ встрѣчается чуть ли не у всѣхъ народовъ славянскихъ и иноплеменныхъ. Въ одной польской повѣсти отъ недобрыхъ очей пана засыхаютъ деревья и на морѣ поднимаются бури. Всѣ люди бѣжали отъ него. Въ отчаяніи панъ вырвалъ свои глаза и зарылъ ихъ въ землю. Когда впослѣдствіи слуга откопалъ зарытыя очи, они горѣли, какъ двѣ свѣчи въ ночномъ мракѣ, и едва свѣтъ ихъ коснулся его лица—слуга упалъ бездыханный (*Аѳанасьевъ,* Поэт. воззр. I, 175). У балканскихъ славянъ также

---

[1]) Въ харьк. губ. сглазомъ объясняютъ, между прочимъ, тѣлесные недостатки; искривленіе рукъ и ногъ, бѣльма. Искривленіе рукъ и ногъ бабки лѣчатъ нашептываніями и конскимъ навозомъ, который кладутъ на больные члены.

распространено повѣрье въ сглазъ (*Задерацкій*, Слав. ежегод. 1877, 160). Нѣмцы противъ сглазу (entsehen) носятъ лапу слѣпаго крота. Въ германскихъ сагахъ люди съ густыми сросшимися бровями обладаютъ волшебнымъ могуществомъ (ib. 174). Въ древней англо-саксонской поэмѣ Беовульфѣ отмѣчено вѣрованіе въ дурной глазъ (*Спенсеръ*, Описат. соціол., 209). Арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ-Батута говоритъ, что въ Индіи въ г. Дели была утоплена одна вѣдьма за то, что „своимъ злымъ окомъ убила ребенка“, т. е. сглазила до смерти (*Nowosielski*, Lud ukr. II, 83). По мнѣнію турокъ, злой человѣкъ можетъ всякого сглазить, и результатомъ бываетъ потеря богатства, красоты, болѣзнь или смерть. Сглазъ по турецки назаръ—не происходитъ ли это слово отъ слав. назирать, назоръ? Отъ сглазу въ Турціи употребляютъ разные талисманы, амулеты, чеснокъ, окуриванія травами, кабаньи клыки, заячьи головы, рубины, голубое стекло, сердоликъ, страусовыя яйца. Въ Турціи голубыхъ и сѣрыхъ глазъ боятся болѣе темныхъ; люди съ рыжими волосами считаются особенно подозрительными. Восточные народы живутъ въ постоянномъ страхѣ дурнаго глаза (*Народы Турціи*, II, 144—147). Кавказскіе горцы евреи сглазу приписываютъ всякую нечаянную болѣзнь, обморокъ, ударъ. Какъ въ Малороссіи слизываютъ лицо отъ сглазу, такъ и на Кавказѣ у евреевъ сглазившій долженъ смазать своей слюной лицо больнаго. Чтобы узнать, былъ ли сглазъ, бросаютъ на стѣну горсть муки, и если она пристала, то значитъ сглазъ, если же нѣтъ, то причина болѣзни другая. А чтобы узнать, кто именно сглазилъ, горскіе евреи дѣлаютъ изъ тѣста шарики и бросаютъ въ огонь, произнося при этомъ имена всѣхъ односельцевъ мужескаго и женскаго пола или тѣхъ, кого видѣлъ больной въ послѣднее время. Если шарики горятъ при этомъ не трескаясь и не выскакивая изъ огня, то значитъ никто изъ названныхъ не сглазилъ; если же шарикъ выскакиваетъ съ трескомъ при произнесеніи имени кого-либо, то сейчасъ посылаютъ къ этому лицу и просятъ прислать въ блюдцѣ своей слюны или же прійти самому и смазать слюною лобъ больнаго, губы, щеки, подбородокъ и плечо. Шарикъ же, выскочившій изъ

огня, превращаютъ въ порошокъ и даютъ больному съ водой (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр., III. 303)[1]).

Аѳанасьевъ совершенно ошибочно объясняетъ сглазъ древнимъ культомъ солнца и грозы. Тутъ у него является и „знойный блескъ солнечнаго ока", и „сверкающіе взоры Перуна" (Поэт. воззр., I, 172). Источникъ вѣрованій въ сглазъ скрывается въ простѣйшей демонологіи. Злой человѣкъ преисполненъ маленькими вредными демонами, съ его взглядомъ демоны переходятъ на тотъ предметъ, на который онъ посмотрѣлъ. Такъ въ древности была объяснена чарующая сила взгляда, возбуждающая чувства любви, страха, ненависти, злобы, ободряющая и усыпляющая, сила, обнаруживающаяся нынѣ въ гипнотизмѣ. и не объясненная вполнѣ современной наукой. Древній человѣкъ благоговѣлъ передъ этой силой, боялся ее, какъ живаго демоническаго существа. Въ нѣмецкихъ сагахъ человѣкъ съ густыми сросшимися бровями обладаетъ сверхъестественнымъ могуществомъ и можетъ, по своей волѣ, высылать изъ себя духа, который вылетаетъ изъ бровей въ видѣ бабочки и причиняетъ смерть сонному врагу. Въ сербскихъ сказкахъ въ видѣ бабочки вылетаетъ злой духъ вѣдьмы (*Аѳанасьевъ*, I, 174). На такомъ міровоззрѣніи основано и вѣрованіе въ сглазъ. Въ основѣ его лежитъ подавляющая демонологія.

105.

Уроки.

Въ даньѣ вредъ наносится человѣку посредствомъ отравы зельемъ или змѣей, отравы, понимаемой въ смыслѣ вещественномъ и мистическомъ. Въ сглазѣ вредъ наносится посредствомъ одного взгляда, слѣдовательно, преимущественно, въ мистическомъ смыслѣ. Уроки состоятъ въ томъ, что человѣкъ страдаетъ отъ дурнаго слова, сказаннаго съ преднамѣренной злой цѣлью или даже случайно безъ злаго умысла, но въ дурной часъ. Предполагается, что сидя-

[1]) Во 2 кн. Ethnolog. Mitteilungen aus Ungarn 1888 г. напечатанъ румынскій заговоръ отъ дурнаго глаза. Прим. авт.

щіе въ зломъ человѣкѣ или летающіе въ воздухѣ демоны воспользовались дурнымъ словомъ, какъ пользуются они и дурнымъ глазомъ, чтобы войти въ человѣка, сдѣлать его больнымъ и несчастнымъ. Иногда „вроки" отождествляются съ глазомъ, по забвенію этимологическаго значенія слова урочить отъ рѣчь, рѣкти. Въ винницкомъ у. подольск. губ. „врокамы" называютъ боль головы, причемъ объясняютъ „вроки" тѣмъ, что знахарь пристально или долго смотрѣлъ на человѣка (*Чубинскій*, I, 131). Уроками объясняютъ всякое болѣзненное состояніе особенно маленькихъ дѣтей. Чтобы опредѣлить, изурочено ли дитя, знахарка опускаетъ въ воду нѣсколько угольковъ. Если они плаваютъ на водѣ, значитъ дитя страдаетъ отъ уроковъ; если тонутъ—то болѣзнь другая. Въ заговорахъ уроки являются демоническими существами. Они происходятъ отъ встрѣчъ (пристрѣтельны) съ злыми людьми или насланы. Селятся они въ ногахъ, рукахъ, глазахъ, во всѣхъ суставахъ человѣка и нудятъ около сердца, ломаютъ кости. Чтобы они вышли изъ больнаго, на нихъ бабка кричитъ: гамъ, гамъ, гамъ! призываетъ на помощь святыхъ угодниковъ Божіихъ и, съ ихъ помощью, прогоняетъ уроки въ темные лѣса, густые очереты, на болота, за моря (*Ефименко*, 25—27; *Чубинскій*, I, 131—135).

Болгары также боятся „урука", т. е. порчи отъ дурнаго глаза или дурнаго слова. Чтобы охранить родильницу отъ уроковъ, они закрываютъ ей лицо бѣлымъ платкомъ, втыкаютъ въ волосы кусокъ чесноку, кладутъ на подушку красный лукъ (*Слав. Ежегод.* 1877, 160). Болгары вѣрятъ, что ко всякому новорожденному являются три или четыре чудесныя дѣвы и присуждаютъ ему счастливую или несчастную долю. Дѣвъ этихъ называютъ урисницами. Говорятъ, что есть три добрыя урисницы и три злыя, и онѣ ведутъ между собой вѣчную войну. Изъ трехъ добрыхъ одна даетъ младенцу умъ, другая здоровье и красоту, и третья руководитъ его впродолженіи всей жизни. Всѣхъ урисницъ много; онѣ всегда юны и прекрасны и живутъ на небѣ; въ туманахъ и вихрѣ онѣ нисходятъ за душой умирающаго человѣка. Значительное сходство съ урисницами представляютъ славянскія рожаницы, греческія мойры, римскія парки, романскія феи и германскія норны (*Аѳанасьевъ*, III, 343).

Повидимому, между украинскими уроками и болгарскими урисницами существуетъ связь. Въ то время какъ первые не вышли изъ общаго низкаго уровня древнѣйшей демонологіи, остались неопредѣленными и темными миѳическими существами, послѣднія получили въ народномъ міровоззрѣніи опредѣленныя и ясныя черты дѣвъ судьбы, можетъ быть, подъ вліяніемъ богатой миѳологіи греческаго народа.

Вѣрованіе въ уроки встрѣчается у древнѣйшихъ народовъ, напр., у халдеевъ. Въ сумерійскомъ гимнѣ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. уже встрѣчается заговоръ отъ зловреднаго слова (*Никольскій*, Сум. гимнъ). Повѣрье въ уроки основано на вѣрованіи въ силу слова. Въ Калевалѣ Вейнемейненъ пѣніемъ своимъ вгоняетъ своего врага Юхагайнена въ землю (перев. *Гранстрема*, 18). Повѣрье о томъ, что можно заговорить или запѣть человѣка до смерти, встрѣчается въ Индіи и разныхъ мѣстахъ Европы (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 345—346).

106.

Божевильный.

Психическое разстройство у всѣхъ народовъ приписывается дѣйствію сверхъестественныхъ злыхъ или добрыхъ существъ, и въ однихъ случаяхъ сумасшедшіе считаются бѣсноватыми, въ другихъ юродивыми, смотря по свойствамъ и проявленіямъ умопомѣшательства, буйное—считается бѣснованіемъ, тихое—господствомъ добраго духа; если больной часто бываетъ въ церкви и распѣваетъ молитвы, то уваженіе къ нему народа увеличивается, и всѣ считаютъ его человѣкомъ божевильнымъ, пророкомъ. Во многихъ языкахъ одни и тѣ же слова выражаютъ психическое разстройство и демона, производящаго его. Въ санскр. bhâta—домовой, божокъ, кобольдъ отъ корня bhat—decipere, fallere, bhûta—злой духъ, bhauta—демоническій, а производныя отъ bhuta—bhutavikriya—падучая болѣзнь, bhutakranti (срав. нѣмец. Krankheit), bhutasanjara, bhutaveča—бѣшенство. Въ готскомъ яз. bauts—stultus, mutus, surdus. Въ латинскомъ fatuus—глупый, умопомѣшанный отъ демоновъ fatui, которые, по словамъ Плинія, жили въ домахъ. (*Pictet*, въ Zeitschr. für Sprachforschung. 1856, V, 333). Въ малорусскомъ

словѣ божевильный нельзя видѣть указанія на добраго духа, а вообще на демона болѣзни. Мысль о карающемъ божествѣ обнаруживается въ многихъ славянскихъ названіяхъ болѣзней, напр.: bogine—оспа, boža rana—чума, boža moč—падучая, бѣшенство, boža ruka—параличъ. Въ русскихъ областныхъ говорахъ божье или божья немочь—падучая, божья́—общее названіе для эпидеміи (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап. 1868, III, 269). По вѣрованію кавказскихъ горскихъ евреевъ, нечистый духъ Шегаду входитъ въ душу человѣка за какую нибудь вину, и послѣдній теряетъ разсудокъ; оттого сумасшедшіе называются шегадуни т. е. водящіеся съ нечистымъ духомъ. Злые духи шегаду уводятъ людей въ свое царство, и если удается имъ уйти, то они все таки теряютъ разсудокъ. Припадки происходятъ отъ того, что шегаду схватываетъ человѣка за сердце и горло и душитъ (*Сборн.* матер. по этногр. изд. при Дашк. Музеѣ, ст. *Анисимова*, III, 215).

107.

Обмираніе.

Малороссіяне вѣрятъ въ обмираніе, когда душа оставляетъ на время тѣло, странствуетъ и затѣмъ возвращается въ него. Сказки на эту тему находятся въ 2 т. „Трудовъ“ Чубинскаго и въ „Бытѣ подолянъ“ Шейковскаго. Въ одной легендѣ обмиравшая старуха говоритъ, какъ въ моментъ кончины душа ея, какъ птичка, вылетѣла изъ тѣла, посидѣла въ переднемъ углу подъ потолкомъ на образѣ и затѣмъ вылетѣла въ открытое окно. Дѣдъ (Харонъ) повелъ ее въ адъ и здѣсь показалъ, какъ мучатся грѣшники, потомъ отпустилъ ее назадъ въ міръ, приказавъ ей разсказать людямъ про все, что она видѣла въ аду, чтобы люди поменьше грѣшили (*Кулишъ*, Зап. о юж. Руси, I, 303). Подобнаго рода повѣрья и сказанія встрѣчаются въ Бѣлоруссіи. Такъ, въ одной бѣлорусской сказкѣ разсказывается, какъ нищій обманулъ одну женщину, сказавши, что онъ съ того свѣта и выманивши у нея платья и кушанья для ея покойной дочери. Сынъ обманутой женщины пошелъ искать по свѣту болѣе глупой женщины, чѣмъ его мать, въ чемъ и успѣлъ (*Karłowicz*, Podania lud. zebr. na Litwie № 6). Сходныя сказанія встрѣчаются

въ западныхъ фаблью, новеллахъ и фацеціяхъ (*Romania*, 1882, 416), въ легендахъ шваповъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. III, 91).

При объясненія малорусскихъ и сходныхъ съ ними инородныхъ сказаній объ обмираніи, полагаю, слѣдуетъ отличать двѣ стороны—происхожденіе и распространеніе, причемъ происхожденіе объясняется удовлетворительно древними демонологическими представленіями о болѣзни, смерти и душѣ, а въ вопросѣ о распространеніи этихъ сказаній или нѣкоторыхъ частныхъ ихъ мотивовъ на первое мѣсто выступаетъ теорія литературнаго заимствованія, въ частности воздѣйствія письменныхъ памятниковъ на устную народную словесность.

Мысль объ обмираніи возникла изъ первобытныхъ наблюденій надъ людьми, страдающими обмороками, и въ особенности на основаніи сближенія смерти со сномъ. Дикари обморокъ и летаргію объясняютъ предположеніемъ, что душа временно покидаетъ тѣло. Подобнымъ образомъ слабость или упадокъ здоровья приписывается выходу изъ человѣка души или части ея. Въ этихъ случаяхъ обычнымъ методомъ лѣченія является возвращеніе души на ея мѣсто; такъ, сѣверо-американскій знахарь дѣлаетъ видъ, что онъ ловитъ бѣглую душу своего паціента и сажаетъ ее обратно ему въ голову. На Фиджи больной туземецъ взываетъ къ своей собственной душѣ, умоляя ее вернуться къ нему (*Тэйлоръ*, Антропологія, 352). Обитатели о. Тонга думаютъ, что души ихъ начальниковъ возвращаются въ Тонгу, чтобы вдохновлять жрецовъ, и являются въ сновидѣніяхъ. Гренландцы и многіе другіе народы вѣрятъ въ реальность сновидѣній и думаютъ, что ночью душа дѣйствителвно охотится, ходитъ въ гости, отыскиваетъ невѣстъ и т. д. (*Леббокъ*, Нач. цив. 156—157).

Судя по древнимъ славянскимъ воззрѣніямъ на душу, вполнѣ вещественно-анимистическимъ (птица, бабочка, мышь, огонь и пр. т. п.; подробности у *Котляревскаго* въ „Погреб. обрядахъ" и у *Аѳанасьева* въ „Поэт. воззр." и въ ст. „Загр. жизнь по народ. повѣрьямъ"), можно съ увѣренностью сказать, что основа малорусскихъ и бѣлорусскихъ повѣрій и сказаній про обмираніе старославянская. Но весьма возможно, что къ этой основѣ пристали литературные мотивы, зашедшіе изъ Византіи и преимущественно изъ западной Европы; возможно даже, что на ряду съ своенародными повѣрьями этого рода шли цѣлыя заимствованныя повѣсти или сложенныя подъ

вліяніемъ литературныхъ памятниковъ. Онѣ распространялись уже на готовой почвѣ народныхъ вѣрованій въ возможность обмиранія. Въ старинной церковной литературѣ, преимущественно въ западныхъ легендахъ, часто выступаютъ обмиравшіе люди. Въ Англіи Дриттельмъ (VIII в.) воскресъ изъ мертвыхъ и разсказалъ то, что видѣлъ въ аду; позднѣе (въ XII в.) объ адѣ разсказывалъ другой обмиравшій монахъ, Тундель (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 208, 212). Много такихъ разсказовъ вошло въ „Великое Зерцало"—средневѣковый сборникъ чудесъ. Іезуиты издавали и распространяли этотъ сборникъ. Польскій переводъ „Великаго Зерцала" выдержалъ три изданія, съ дополненіями изъ польскихъ источниковъ. Великое Зерцало было извѣстно южнорусскимъ писателямъ XVII в. Въ южнорусскихъ сочиненіяхъ и сборникахъ этого времени встрѣчаются легенды изъ Великаго Зерцала. Между прочимъ, въ Великомъ Зерцалѣ встрѣчаются разсказы въ § 1654: „Яко нѣкій не малое время изшедши изъ тѣла паки въ животъ возвратися и зѣло добрымъ житіемъ живяше"; въ § 2080: „О женѣ умершей и въ животъ возвратившейся хотяше исповѣдатися грѣховъ своихъ"; въ § 2233: „Повѣсть о нѣкоемъ кузнецѣ умершемъ и паки въ животъ возвратившемся" (*Владиміровъ*, Великое Зерцало, прилож. 2). Зная, съ какимъ уваженіемъ южнорусскіе писатели второй половины XVII в., въ особенности Галятовскій и Радивиловскій, относились къ „гисторіямъ" разныхъ латинскихъ авторовъ и какъ охотно вводили ихъ въ свои сочиненія, можно думать, что и западныя легенды о людяхъ обмиравшихъ въ XVII в. нашли доступъ въ Украину.

Сказанія объ обмираніи встрѣчаются также въ памятникахъ старинной московской литературы. Такъ, въ одной изъ „повѣстей отца нашего Пафнутія Боровскаго" XV вѣка находится сообщеніе о нѣкоей обмиравшей инокинѣ. Очнувшись, она разсказала, что и кого она видѣла въ раю и въ аду и въ мѣстѣ посрединѣ (*Веселовскій*, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1888, XI, 97).

108.

Украинскіе знахари.

Знахари всѣхъ народовъ имѣютъ между собой много общаго, и украинскіе отличаются, напримѣръ, отъ великорусскихъ, болгарскихъ, немногими мелочами. Вообще, колдунъ, знахарь въ Великороссіи имѣетъ болѣе значенія въ жизни простаго народа, чѣмъ въ Малороссіи. Въ Великороссіи онъ является необходимымъ лицомъ на свадьбѣ. Въ Малороссіи знахарь уступаетъ пальму первенства знахаркамъ; и бабъ—ворожей гораздо болѣе, чѣмъ знахарей, и къ первымъ чаще обращаются. О знахаряхъ и знахаркахъ принято отзываться съ презрѣніемъ и осужденіемъ; въ томъ положеніи, которое они занимаютъ въ селѣ, въ способахъ практикуемаго ими лѣченія болѣзней часто обнаруживается вредное ихъ вліяніе; они поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія и вредятъ здоровью, иногда даже смерть причиняютъ своимъ невѣжественнымъ лѣченіемъ. Въ кіевской губ. въ с. В. одинъ знахарь въ 1876 г. задушилъ во время лѣченія дитя, и никто въ селѣ не обратилъ на это вниманія. При всемъ томъ, деревенское знахарство имѣетъ свою хорошую сторону и прочныя заслуги. Села наши почти лишены медицинской помощи. Уѣздный врачъ наѣзжаетъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ, для освидѣтельствованія убитаго или утопленника, иногда во время эпидеміи, въ послѣднемъ случаѣ онъ теряется подъ тяжестью непосильной работы, при крайне неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ сельской жизни. Врача часто нельзя найти въ томъ случаѣ, когда онъ въ особенности нуженъ, напримѣръ, при укушеніи змѣей или бѣшеной собакой. Къ тому же научная медицина не представляетъ радикальныхъ средствъ для излѣченія именно этихъ болѣзней, требующихъ быстрой помощи. Между тѣмъ, среди знахарей попадаются такіе, которые лѣчатъ отъ укушенія бѣшеной собаки и отъ укушенія змѣи. Въ статьѣ Н. Т. „Домашняя медицина малороссіянъ", напечатанной въ 289 № „Харьк. Губ. Вѣд." 1884 г., читаемъ: „Между знахарями и знахарками есть люди, заслуживающіе серьезнаго вниманія, это—знахари и знахарки, излѣчивающіе водобоязнь и пріостанавливающіе дѣйствіе яда при укушеніи ядовитою змѣей. Вблизи нашего хутора (вблизи Харь-

кова) проживала женщина, которая пріобрѣла большую извѣстность лѣченіемъ при укушеніи змѣями. Мнѣ пришлось познакомиться какъ съ знахаркой, такъ и съ самымъ способомъ лѣченія при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды утромъ я услыхалъ крикъ пастуха, и, выйдя изъ комнаты, чтобы узнать въ чемъ дѣло, увидалъ его подбѣгающимъ уже къ воротамъ хутора съ плачемъ и крикомъ: „гадюка укусила меня за руку!“ Я и бывшіе въ дворѣ люди бросились къ мальчику съ разспросами, а мать его, бывшая здѣсь же, опрометью побѣжала къ знахаркѣ, чтобы какъ можно скорѣе привести ее, пока дѣйствіе яда не успѣло сильно распространиться. Между тѣмъ, укушенная рука пастуха быстро пухла, и въ то время, когда мать и знахарка прибѣжали во дворъ, опухоль распространилась отъ кисти до плеча. Осмотрѣвъ руку, знахарка дала пастуху выпить деревянную ложку какой то совершенно прозрачной жидкости и этою же жидкостью провела кольцо вокругъ руки у самаго плеча. Затѣмъ она взяла въ правую руку опухлую руку пастуха, поднесла ее къ самому рту и, дѣлая лѣвою рукою какіе то знаки, начала что то нашептывать. Черезъ нѣсколько минутъ можно уже было замѣтить, что опухоль далѣе проведеннаго кольца не распространяется и быстрое ея увеличеніе стало какъ бы задерживаться. Нашептываніе это продолжалось минутъ, я полагаю, двадцать. Въ продолженіи дня опухоль все болѣе и болѣе опадала, такъ что къ утру слѣдующаго дня пастухъ былъ уже совершенно здоровъ и погналъ, по обыкновенію, пасти скотъ. На мою просьбу объяснить мнѣ способъ приготовленія цѣлебной воды, знахарка отвѣчала, что, при всемъ ея желаніи удовлетворить мою просьбу, она этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ вслѣдствіе такого объясненія она сама потеряла бы силу лѣчить отъ укушенія змѣй, да и я былъ бы не въ состояніи ничего сдѣлать, а что она, когда будетъ умирать, передастъ этотъ секретъ старшей изъ своихъ дочерей, а если таковой не будетъ, то ближайшей родственницѣ. Когда я обратился къ знахаркѣ съ просьбою одолжить мнѣ хотя немного цѣлебной воды (съ цѣлью подвергнуть ее химическому анализу), она отвѣчала, что въ запасѣ у нея этой воды нѣтъ, что вода эта—обыкновенная и что цѣлебную силу она получаетъ отъ извѣстнаго ей одной наговора.—Интересно было бы узнать, замѣчаетъ при этомъ г. Н. Т., что именно входитъ въ составъ воды

знахарки, имѣющей столь необыкновенную цѣлебную силу. Хотя пившіе ее и утверждаютъ, что она на вкусъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной воды, однако же нельзя допустить, чтобы силу эту она получала исключительно отъ нашептыванія и, по всей вѣроятности, въ составъ ея входитъ какое нибудь вещество, цѣлебныя свойства котораго неизвѣстны еще медицинѣ".

Въ с. Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда, я знаю одного пожилаго, богатаго, уважаемаго въ селѣ крестьянина, который лѣчитъ послѣ укушенія бѣшеной собаки. Въ этомъ состоитъ все его знахарство. Его часто возятъ въ сосѣднія села. Сначала онъ опредѣляетъ болѣзнь: смотритъ, нѣтъ ли во рту подъ языкомъ (человѣка или животнаго) особаго прыщика, и если есть таковой, то даетъ пить порошокъ какой то высушенной травы. Сельское общество приняло на себя уплату всѣхъ его повинностей, за что онъ обязался не отказывать односельчанамъ въ своей помощи. Лѣтъ десять назадъ бѣшеная собака сильно искусала моего слугу. Дѣло было въ Боромлѣ, во время моего тамъ пребыванія. Упомянутый знахарь долго поддерживалъ раны, вызывалъ гноетеченіе и въ то же время поилъ пострадавшаго травой. Въ результатѣ было полное излѣченіе [1]).

Иногда бабки ворожеи оказываютъ помощь въ нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ, или удачнымъ траволѣченіемъ или разминаніемъ членовъ, что служитъ своего рода массажемъ.

Кромѣ этой реальной пользы, знахари оказываютъ своимъ односельчанамъ и нравственную услугу, поддерживая въ нихъ надежду и бодрость духа въ трудныя минуты жизни. Они удовлетворяютъ народнымъ вкусамъ и желаніямъ, даютъ народу добрый совѣтъ за самое маленькое вознагражденіе, курицу, десятокъ яицъ, кварту горилки. По народному міровоззрѣнію, знахарь тѣмъ силенъ, что обнимаетъ своимъ умомъ духовный и вещественный міръ. Знахарь является на помощь крестьянину не только въ томъ случаѣ, когда послѣдній боленъ, но также на свадьбѣ и во время сбора хлѣба; онъ устраняетъ отъ жениха и невѣсты козни злыхъ людей, снимаетъ закрутки съ нивъ, украшенныхъ золотыми хлѣбными колось-

---

[1]) Въ „*Ветеринар. Вѣстникѣ*" 1886 г. была помѣщена небольшая, но весьма любопытная статья *В. В. Иванова* „Народное лѣченіе бѣшенства". Статья составлена по личнымъ наблюденіямъ въ харьк. и валковскомъ уѣздахъ. *Прим. авт.*

ями... Пусть все это невѣжественное суевѣріе, застарѣлые предразсудки; нужно желать, чтобы въ селѣ утвердилось разумное пониманіе природы, чтобы мѣсто темнаго знахаря занялъ просвѣщенный врачъ; но пока этого нѣтъ, знахарь является нужнымъ и подчасъ полезнымъ человѣкомъ въ селѣ; онъ лѣчитъ, ободряетъ, утѣшаетъ; и если бы вырвать его изъ современной народной жизни, особенно изъ тѣхъ селъ, гдѣ нѣтъ ни врача, ни школы, ни церкви, хотя разумѣется никакая сила его отсюда сразу не вырветъ, потому что знахарь коренится въ основахъ народнаго міровоззрѣнія, такъ—если бы вырвать, то простому народу причинено было бы страданіе, физическое и нравственное.

Знахарь иногда пріобрѣтаетъ большую извѣстность по совершенно незначительнымъ поводамъ, получаетъ власть надъ умами своихъ односельчанъ и пользуется этой властью съ умомъ и осторожностью. Хорошей иллюстраціей можетъ служить слѣдующая біографія одного украинскаго знахаря: въ молодости Ивась (имя знахаря) былъ дворовымъ человѣкомъ; женившись, онъ поселился въ селѣ. Не имѣя своего хозяйства, онъ зарабатывалъ средства къ жизни поденной работой въ сосѣднихъ экономіяхъ. Онъ имѣлъ собаку и когда она заболѣла, то сельчане рѣшили, что она бѣшеная, и хотѣли ее убить. Ивась привязалъ ее во дворѣ, и собака вскорѣ выздоровѣла. Этотъ пустой случай подалъ односельчанамъ Ивася мысль, что онъ „щось знае", и его стали считать знахаремъ. Славу его знахарской силы укрѣпилъ другой пустой случай: однажды, онъ былъ въ гостяхъ у одного крестьянина и собирался ворожить, какъ вдругъ вошелъ въ хату мѣстный помѣщикъ. „Панъ тутъ попсовавъ" сказалъ Ивась. Услышавъ эти слова, панъ вытолкалъ Ивася за двери. Вскорѣ молнія ударила въ клуню этого пана и спалила ее до основанія. „То Ивась!" сказали всѣ въ селѣ, и самъ панъ повѣрилъ вдругъ въ волшебную силу Ивася, просилъ у него прощенія и далъ ему денегъ. Послѣ этого Ивась сталъ уже архи-знахаремъ въ общественномъ мнѣніи. Къ нему стали обращаться за совѣтами кое кто изъ мѣстной сельской интеллигенціи и даже евреи. Какъ удачно и подчасъ благотворно пользовался онъ своимъ вліяніемъ, видно изъ слѣдующаго случая. Родители парубка Гордія и родители дивчины Параски задумали одружитъ ихъ; но сверхъ

всякаго чаянія Гордій влюбился въ дочь мѣстнаго шляхтича, Ягусю Хоронжевскую, и послѣдняя также полюбила красиваго Гордія. Влюбленные стали просить своихъ родителей о согласіи на бракъ и Гордій рѣшительно отказался отъ Параски. Отецъ Гордія и отецъ Параски сначала поспорили и побились въ корчмѣ; но потомъ рѣшили, что „ляхивка“ околдовала парубка, поднесла ему данье и въ этомъ предположеніи хотѣли разнести домъ Хоронжевскихъ; но Гордій сталъ на сторону послѣднихъ и съ коломъ въ рукахъ разогналъ пьяную компанію хлопцевъ, осаждавшихъ дворъ Хоронжевскихъ. Родители Гордія и Параски пошли къ Ивасю за совѣтомъ. Дѣло было лѣтомъ. Они застали Ивася дома, въ садикѣ, на пасѣкѣ. Это былъ уже дидокъ почтенныхъ лѣтъ, „якъ голубонько сывесенькый“. Посѣтители увидѣли въ его хаткѣ много образовъ и много разнаго зелья, что сразу произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Они низко поклонились Ивасю и поставили передъ нимъ на столѣ подарки. Первый заговорилъ знахарь: „говорить, люде добри, господари важни, хлиборобы працовыти, розказуйте, кажить и оповидайте, чого вы одъ Бога велыкого, святого, безсмертного, вичного, мылосердного и справедлывого жадаете, бажаете, чаете, выглядаете, молыте и просыте; яка вамъ бида, журба, напасть, нужда, прыкрость, докука, слабисть, шкода, згуба и вшиляка немичъ душы спасенои и тила гришного—чы то вашого, чы дитокъ ридныхъ, зведенюкивъ, братывъ, сестрыць, кревнякивъ, своякивъ, прыймакивъ, зятивъ и невистокъ, чы помершихъ дидивъ, батькивъ и свекрухъ передъ Богомъ и всимы святымы стоящихъ“... Эта рѣчь усилила благоговѣйное настроеніе пришедшихъ, и они сначала несмѣло, потомъ смѣлѣе и смѣлѣе стали обвинять Хоронжевскихъ въ околдованіи Гордія. Умный дидокъ заранѣе зналъ всю исторію любви Гордія и рѣшился ему помочь. Онъ сдѣлалъ выговоръ отцу Гордія за противодѣйствіе женитьбѣ его на почтительной къ старшимъ и трудолюбивой Ягусѣ, сказалъ, что никакого „данья“ не было, что Гордій не перенесетъ разлуки съ Ягусей и „марно загыне“, пообѣщалъ ему счастливую жизнь съ Ягусей и заочно благословилъ ихъ бракъ. Возвратившись отъ знахаря, отецъ Гордія послалъ сватовъ къ Хоронжевскимъ, которые при настойчивомъ содѣйствіи Ягуси, уладили дѣло сватовства и запили могорычи (*Sarnecki*, въ Wisła, 1887, № 8).

Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что знахаремъ бываетъ тотъ человѣкъ, который родился и былъ отнятъ отъ груди въ понедѣльники. Потомъ знахари постятъ понедѣльники. Впрочемъ, „понедилкованіе“ соблюдается не только знахарями, но и другими крестьянами (*Nowos*. Lud ukr. II, 95).

Въ нѣкорыхъ мѣстахъ Малороссіи отличаютъ знахаря и чаровника; первый дѣлаетъ только добро, второй злыя дѣла. Знахарь, противодѣйствуетъ чаровнику (ib. 95). Иногда знахарь и чаровникъ смѣшиваются въ понятіяхъ народа. Въ винницкомъ уѣздѣ думаютъ, что знахаремъ дѣлается человѣкъ, запродавшій свою душу черту (*Чубинскій*, I, 210).

Лѣчебныя средства знахарей разнообразны. Спеціальное изученіе употребляемыхъ ими травъ и кореньевъ—дѣло медиковъ и ботаниковъ. Въ послѣднее время и у насъ въ Россіи начали обращать вниманіе на эту сторону народной жизни, и все чаще и чаще стали выходить излѣдованія о народныхъ врачебныхъ средствахъ. У нѣмцевъ существуетъ уже довольно обширная литература по этому предмету. Кто желаетъ ознакомиться съ „зильями“, употребляемыми малороссіянами для „ликивъ“, можетъ обратиться къ сочиненіямъ Шмальгаузена, Горницкаго, Роговича (въ Зап. ю. з. отд. Геогр. Общ.), къ статьямъ г. Иванова (въ Ветерин. Вѣст. 1886), Тарачкова (въ Воронеж. Бесѣдѣ 1861 г.) и др. спеціальнымъ трудамъ о народной фармакологіи [1]). Мы отмѣтимъ здѣсь лишь одно поэтическое сказаніе о томъ, какъ народъ узналъ о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, недавно записанное въ харьковской губерніи изъ народныхъ устъ: Одинъ солдатъ томился въ плѣну. Подъ страхомъ смерти ему запрещено было прикасаться къ кушанью, приготовленному будто бы изъ гадовъ. Не послушался плѣнникъ, съѣлъ его и сталъ понимать языкъ животныхъ и растеній. Взялъ онъ въ конюшнѣ лошадь и обратился въ бѣгство. Какъ только онъ выѣхалъ въ чистое поле, каждая травка заговорила съ нимъ. Каждое „зело“ повѣствовало ему о горѣ людскомъ и отъ чего оно можетъ изба-

---

[1]) Для историко-культурныхъ и этнографическихъ сближеній идутъ статьи *Элизы Оржешко* и *Ростафинскаго* въ польскомъ журналѣ „*Wisła*“ 1888 г. и статья *Шулека*: „Pogled iz bilijarstwa u pravek Slavenah, a napose Hrvatah въ *Rad jugoslav. Akad*. 1877, v. XXXIX.—*Прим. авт.*

вить. Ѣхалъ плѣнникъ умиленный, ѣхалъ и слушалъ. Видитъ—коровьякъ стоитъ, подъѣзжаетъ къ нему и думаетъ: „этотъ бурьянъ ни къ чему ужъ не годенъ“, хотѣлъ было наѣхать на него; но коровьякъ сказалъ ему: „не наступай на меня; я также полезное зелье: я помогаю отъ гелы“ (грыжи). Всѣ травы оказались полезными (*Ивановъ*, въ Ветерин. Вѣст. 1886, 2).

„Поможы, Боже, видъ чого гоже“, говорятъ украинскіе „знахари“ и „лѣкарки“, собирая травы или давая ихъ страждущему паціенту. „Не здавайся, та такъ зваляйся,“—говорятъ они, принося собранное домой или даря свое зелье знакомымъ про случай.

Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Маруся“ отмѣчено два главныхъ способа народн.го лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя—„пробигты до знахаркы, щобъ вмыла, або злызала; ,бо се іи мабудь зъ очей; або нехай переполохъ вылыва, або трясцю видшептуе; нехай що зна те и робыть“. Отецъ же Маруси Наумъ „заразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыеи жъ воды трошки напытысь, а самъ пидкуривавъ іи херувымськимъ великоднымъ ладаномъ“..

Далѣе, обычными знахарскими средствами лѣченія являются вода, какъ очистительная стихія, зола и угли—по связи ихъ съ другой природной очистительной силой—огнемъ и въ особенности всякаго рода заговоры и шептанія, отчасти построенныя на религіозно-христіанской апокрифической литературѣ, но въ большинствѣ представляющія древнія молитвенныя обращенія къ небеснымъ свѣтиламъ.

Знахари и знахарки встрѣчаются во многихъ мѣстахъ западной Европы, наприм., въ Норвегіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 315). Въ Берлинѣ и его окрестностяхъ дѣвушки съ цѣлью приворожить къ себѣ мужчину идутъ къ знахаркѣ и несутъ ей фотографическій портретъ возлюбленнаго, иголку и свою сорочку — знахарка прикалываетъ иглой то мѣсто карточки, гдѣ предполагается сердце, заворачиваетъ карточку въ сорочку и приказываетъ положить ее подъ изголовье. (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethn. 1883, 85).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в.

Не такъ давно предварительный комитетъ Высочайше разрѣшеннаго восьмаго археологическаго съѣзда издалъ небольшую программу вопросовъ, имѣющихъ быть затронутыми на съѣздѣ [1]). Просматривая эту программу, мы нашли въ ней не лишенный интереса вопросъ о *кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка* [2]). Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые по своей общедоступности могутъ стать предметомъ вниманія читающей публики вообще, а не однихъ только спеціалистовъ. Вотъ почему ради сознательнаго отношенія къ тому, что намъ дадутъ новаго на съѣздѣ, мы сочли не лишнимъ и своевременнымъ познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ этого вопроса.

Смута, поколебавшая московское государство въ началѣ XVII в., повела къ коренному перерожденію всѣхъ основъ русской жизни и къ возникновенію могучаго политическаго цѣлаго, составившаго крупное звено въ цѣпи европейской цивилизаціи. XVII-й вѣкъ,—время, послѣдовавшее за смутой, представляетъ эпоху перваго возникновенія этого звена, эпоху, правда нешумной, но за то неустанной работы, благодаря которой въ началѣ XVIII в. московское государство сразу становится уже европейскимъ политическимъ тѣломъ. Невзрачная по наружности Москва XVII

---

[1]) Восьмой съѣздъ археологическій въ Москвѣ 8-го января 1890 г. М. 1889 in 4⁰, стр. 24.

[2]) Ib. стр. 18, вопросъ 47.

в. приняла на себя трудную и черную работу выработать для великаго преобразователя XVIII в. програму новой жизни по европейскому образцу. Выработка этой программы производилась не въ кабинетахъ идеологовъ и не въ клубахъ досужихъ крикуновъ; ею руководилъ здравый и практическій умъ московскаго правительства XVII вѣка, безъ устали шедшій и съ большимъ трудомъ поспѣвавшій за ходомъ новыхъ государственныхъ и церковныхъ потребностей. Послѣднія создали рядъ реформъ въ сферѣ государственной и церковной, проведеніе которыхъ требовало людей науки и практическаго знанія. Это привело правительство къ сознанію необходимости умственнаго и нравственнаго развитія. Такъ, почти исключительно по инициативѣ правительства, которое въ нашей исторіи нерѣдко шло далеко впереди общества, является *школа*, долженствующая звучать въ ладъ съ практическими нуждами формирующагося европейскаго политическаго тѣла.

Итакъ, московскую школу XVII в. создали не идеальное стремленіе къ просвѣщенію, не потребность въ умственной выправкѣ и эстетическомъ комфортѣ, а простая практическая нужда, нужда въ ученыхъ справщикахъ книгъ священнаго писанія, въ образованныхъ переводчикахъ съ иностранныхъ языковъ, нужда въ ловкихъ бюрократахъ, въ знакомыхъ съ Европой дипломатахъ. Такой ходъ нашего развитія представляетъ ту рѣзкую индивидуальную особенность, которая отличаетъ Русь отъ ея почтенныхъ коллегъ въ европейскомъ „концертѣ".

Внимательно изучая исторію заботъ московскаго правительства XVII в. о заведеніи школы, мы замѣчаемъ, что правительственныя школы XVII в. то и дѣло рождаются и умираютъ, на первый взглядъ не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ. Только одна изъ нихъ уцѣлѣла отъ скораго разрушенія, и то—основанная уже въ концѣ вѣка. Это—такъ называемая славяно-греко-латинская академія царя Ѳедора и царевны Софьи, подъ именемъ московской духовной академіи [1]) дожившая до нашего поколѣнія, какъ живой свидѣтель того, что скромные труды мо-

---

[1]) Въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

сковскаго правительства XVII вѣка не пропали даромъ. Но если школа XVII в. и не имѣла осязательныхъ результатовъ, то ея скрытое вліяніе было неотразимо. Правительство XVIII в. всецѣло усвоило себѣ идею практической ученой школы, унаслѣдованную отъ XVII в. Изъ всего вышесказаннаго, думаю, до нѣкоторой степени ясно, какое значеніе можетъ имѣть знакомство съ попытками московскаго правительства XVII в. завести школу. Зная эти попытки, осязательнѣе чувствуешь степень напряженія правительства XVII в. въ его трудномъ дѣлѣ и снисходительнѣе, но въ то же время критичнѣе, относишься къ его промахамъ и неудачамъ.

Откуда было взять лицъ, способныхъ принять на себя преподаваніе въ правительственной школѣ? Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, учителей думали найти на православномъ Востокѣ. Первая московская правительственная школа (греко-славянская), основанная при патріахѣ Филаретѣ въ 1632 г., и имѣла учителемъ выходца съ Востока—Іосифа, протосингела александрійскаго патріарха. Этотъ Іосифъ, которому поручено было учить греческому языку и грамматикѣ „малыхъ робятъ" на „учительномъ дворѣ", недолго жилъ въ Москвѣ. 1 октября 1633 г. умеръ патріархъ Филаретъ; мѣсяца четыре съ небольшимъ спустя (вѣроятно, въ февралѣ 1634 г.) умеръ и первый московскій учитель эллинской мудрости Іосифъ. 24 февраля великій государь указалъ дать „своего государева жалованья въ Симоновъ монастырь по гречинѣ, по протосингелѣ Іосифѣ, вѣчный поминокъ для его многіе службы и иноземства 100 рублевъ" (приблизительно 1400 р. на нашъ теперешній счетъ). Со смертью Іосифа школа, несомнѣнно, прекратила свое существованіе, такъ какъ: 1) дальнѣйшихъ извѣстій объ этой школѣ до сихъ поръ не найдено, а 2) присылки въ Москву греческихъ учителей (впрочемъ, неудачныя) и усиленные вызовы ихъ московскимъ правительствомъ продолжаются и 3) ко всему этому бывшій въ Москвѣ въ 1645 г. палеопатрасскій митрополитъ обращается въ посольскій приказъ съ челобитной о заведеніи на Москвѣ греческой школы. Значитъ, въ то время въ Москвѣ школы не было, иначе всѣ указанныя явленія оказались бы невозможными. Такъ,

первая московская правительственная школа просуществовала съ небольшимъ годъ. Она предназначалась для „малыхъ робятъ"; учителемъ въ ней былъ монахъ по положенію и грекъ по происхожденію; учили греческому и славянскому языкамъ и „грамматической хитрости". Учитель получалъ за свои труды квартиру, одежду [1]) и 2500 руб. слишкомъ на наши деньги жалованья; словомъ, матеріально онъ находился въ положеніи теперешняго ординарнаго профессора университета, только работать ему приходилось нѣсколько больше, такъ какъ, помимо преподаванія въ школѣ, учитель числился еще правительственнымъ переводчикомъ греческихъ книгъ вообще и книгъ, написанныхъ на латинскую ересь въ частности. Правительство очень дорожило пріобрѣтеннымъ имъ учителемъ и не скупилось на необходимые расходы; не забыло даже помянуть его значительнымъ поминкомъ по смерти. Школа 1632 г. по происхожденію и обстановкѣ была *духовная*, по направленію *православно-греческая*. Мы ничего не можемъ сказать о непосредственныхъ результатахъ существованія школы, но безъ труда можемъ представить себѣ, чего отъ нея ждали и съ какой цѣлью ее основали. Если прочтемъ грамоту, данную Іосифу, то найдемъ, что школа не предназначалась ни для распространенія простой грамотности, ни для насажденія общеобразовательныхъ идей среди учащейся молодежи, „малыхъ робятъ", какъ выражается грамота. Она имѣла чисто практическую цѣль. Если припомнимъ нѣкоторые факты изъ тогдашней церковной жизни и сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о филаретовской школѣ 1632—34 гг., то легко поймемъ и оцѣнимъ ту практическую цѣль, которую имѣло въ виду московское правительство, заводя „учительный дворъ". Не входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ фактовъ, ограничимся простымъ указаніемъ на нихъ.

При царѣ Михаилѣ снова поднялся трудный и мучительный вопросъ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, породившій не малую смуту въ началѣ и серединѣ XVII в. и закончившійся отпаденіемъ части членовъ русской церкви отъ

---

[1]) Каменная келья, да 10 аршинъ камки куфтерю, да сорокъ куницъ на годъ

господствующей церковной власти. Исторія съ преп. Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ, а также исторія съ патр. Іосифомъ и Никономъ въ особенности достаточно извѣстны всякому, поэтому мы отмѣтимъ только тотъ переломъ въ вопросѣ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, который совершился въ XVII вѣкѣ: 1) признали, что дѣло исправленія церковно-служебныхъ книгъ слѣдуетъ начать съ изученія древне-греческихъ текстовъ (попытка сдѣлана была преп. Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ, а патр. Никономъ такое исправленіе было объявлено, какъ необходимый законъ) и 2) что справщиками должны быть люди съ обще-богословскимъ развитіемъ и съ достаточнымъ знаніемъ техники того и другаго языка, т. е. славянскаго и греческаго. Это былъ значительный шагъ впередъ въ исторіи нашей культуры. Послѣднее признаніе началось съ рѣзкихъ и страстныхъ нападокъ Арсенія Глухаго на прежнихъ справщиковъ церковно-богослужебныхъ книгъ. То были люди, по мнѣнію старца Арсенія, незнающіе ни православія, ни кривославія, писаніе только по чернилу проходящіе; по мнѣнію же самого церковнаго правительства, оффиціально опубликованному, то были воры и бражники [1]). Характеристика немудреная, но за то приблизительно очень вѣрная. Правительство п. Филарета уже не могло довольствоваться такими своеобразными справщиками. Между тѣмъ, не говоря уже о богословіи и грамматикѣ, простое знаніе языка было распространено очень мало. Было бы очень наивно думать, что греческій языкъ, благодаря традиціоннымъ сношеніямъ съ Византіей, пустилъ у насъ глубокіе корни. Великій князь Василій Ивановичъ за неимѣніемъ человѣка, знающаго греческій языкъ, долженъ былъ обратиться за такимъ на Востокъ, а „византійскій царь на русскомъ престолѣ", какъ выразился о царѣ Иванѣ П. В. Безобразовъ, посылалъ „робятъ" учиться греческо-

---

[1]) Акты Арх. экспед. III, № 228; Приб. къ Твор. св. отецъ, III, 152 въ прилож.; *Макарій*, Ист. рус. церкви XI, 189; Правосл. Собес. 1862 г. II, 363; *Соловьевъ*, IX, 385.

Объ Іосифѣ см. *Каптеревъ*, Характеръ относ. Руси къ прав. Вост. М. 1885 с. 450 и др., *Макарій* l. c. стр. 73, 215; Соловьевъ (впрочемъ, онъ не знаетъ объ учительствѣ Іосифа) IX, 387. Срв. Прав. Обозр. 1887 г. № 1, с. 152.

му языку въ Византію. Любопытно, что этотъ пробѣлъ замѣтили даже со стороны и воспользовались имъ, чтобы очень ядовито и зло посмѣяться надъ нами. Извѣстный іезуитъ Петръ Скарга, очень внимательный наблюдатель нѣкоторыхъ сторонъ современной ему жизни, въ своей книгѣ „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи“ (1577 и 1590 г.г.) писалъ въ порицаніе русскихъ, что у нихъ „и не слыхать о такихъ людяхъ, которые бы знали греческій языкъ старый и новый“. Въ отвѣтъ на этотъ „хульный артикулъ“ какой-то монахъ аѳонскаго монастыря въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Христофоръ, инокъ русскій, во святѣй аѳонстѣй горѣ иночествующій“ (изд. 1608) изложилъ рядъ мыслей о характерѣ ученія, какой долженъ господствовать въ русской школѣ. Христофоръ рекомендовалъ учить дѣтей въ школѣ „правовѣрной“, учить сперва грамматикѣ греческой или славянской, потомъ часослову, псалтырю, октоиху, затѣмъ богословію и толкованію книгъ священнаго писанія, но отнюдь не философіи и діалектикѣ, которыми гордятся латиняне и которыя ведутъ къ ересямъ [1]). Въ этомъ и заключалась вся программа филаретовской школы 1632—34 г.г. Церковное правительство первой половины XVII в. не могло не ухватиться за нее, ибо она съ одной стороны какъ нельзя болѣе удовлетворяла его практическимъ требованіямъ, а съ другой не давала ни малѣйшаго повода опасаться, чтобы отъ такого ученія пострадало русское православіе, заразившись латинскою прелестью. Да и потомъ, когда уже окончательно рѣшились отвѣдать латинскаго суемудрія и философскихъ борзостей, эта программа была излюбленной мечтой нѣкоторыхъ представителей церковнаго правительства какъ на Руси, такъ и на Востокѣ, откуда эту программу прислалъ намъ Христофоръ (напр., патр. Іоакимъ московскій и Досиѳей іерусалимскій). Такова одна сторона ожиданій, которыя питало московское правительство, заводя первый „учительный дворъ“. Онъ имѣлъ цѣлью прежде всего образовать людей, способныхъ сидѣть за исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ и за переводами

---

1) *Макарій* l. c. X, 403.

съ греческаго языка на славянскій. Пока „учительный дворъ“ приготовлялъ такихъ людей, самъ профессоръ этого „двора“ долженъ былъ заниматься, по предписанію правительства, переводами греческихъ книгъ на славянскій языкъ.

Чего еще могло ожидать правительство отъ школы 1632—1634 г.г.? Та же грамота отъ 19 сентября 1632 г. поможетъ намъ выяснить и этотъ вопросъ. Изъ грамоты видно, что Іосифъ долженъ былъ заниматься спеціальными переводами книгъ, написанныхъ противъ латинской ереси. Такимъ образомъ учитель и переводчикъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ играть роль полемиста въ интересахъ православной вѣры противъ иновѣрнаго прельщенія. Мы видимъ предъ собою еще одну чрезвычайно настоятельную нужду церковнаго правительства XVII в. въ людяхъ, способныхъ спорить съ иноземными представителями неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій, а позднѣе, во второй половинѣ XVII в., съ представителями раскола старообрядства, хотя противъ послѣднихъ какъ въ XVII в., такъ и XVIII в. не пренебрегали вмѣсто словесныхъ препирательствъ полемизировать батогами, клещами и ссылкой. Этого рода полемика и вызвала столь знаменитый въ нашей культурной исторіи возгласъ Өедосьи Морозовой, ученицы знаменитаго протопопа Аввакума, при видѣ потоковъ крови Марьи Даниловой [1]): „это ли христіанство, чтобъ такъ человѣка мучить!“ Но такого рода полемика не во всѣхъ случаяхъ была возможна да притомъ она и не была особенно желательна московскому церковному правительству, которое ясно сознавало необходимость борьбы посредствомъ словесныхъ препирательствъ и логическихъ, а не палочныхъ доводовъ. Когда основывалась школа 1632—34 г.г., полемизировать нужно было почти исключительно съ протестантизмомъ. О борьбѣ съ католической пропагандой въ это время нечего и упоминать; отъ этой пропаганды пока еще достаточно защищала Москву запретительная политика ея правительства. Въ Москву безусловно былъ воспрещенъ въѣздъ католиковъ [2]). Москва не тер-

---

[1]) *И. Е. Забѣлинъ.* Домашній бытъ рус. царицъ с. 141.

[2]) Акты истор. III, № 181, с. 332; Соб. гос. гр. и дог. III, № 85, с. 317 и т. IV, № 203.

цѣла католика. Въ этомъ отношеніи весьма характерно одно преданіе, дошедшее до насъ отъ времени перваго Лжедимитрія. Говорятъ, что на вопросъ одного изъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить въ Москвѣ костелъ для поляковъ, Лжедимитрій отвѣчалъ: „а почему бы мнѣ этого не сдѣлать? Они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили уже имѣть свою церковь и школу еретикамъ“ (т. е. протестантамъ). Это очень любопытныя для насъ слова, ясно обнаруживающія ту политику различенія по отношенію къ католикамъ и протестантамъ, которой держалось московское правительство и которой далеко не симпатизировалъ Лжедимитрій. Такимъ образомъ возможна была только протестантская пропаганда. Пока довольно трудно сказать, насколько сильна была эта пропаганда. Въ нашей исторической литературѣ господствуютъ относительно протестантской пропаганды въ XVII в. довольно разнообразныя мнѣнія. Покойный Соловьевъ представлялъ себѣ протестантовъ космополитами, равнодушными къ религіозной пропагандѣ. Соколовъ впадаетъ въ противоположную крайность, говоря, что протестанты разставили тайныя сѣти своей пропаганды на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными [1]). Довольно безпристрастно и цѣльно мнѣніе Д. В. Цвѣтаева, по которому пропаганда велась или отдѣльными лицами, или правительствами протестантскихъ государствъ (славянская типографія въ Стокгольмѣ, заведенная въ 1625 г.; посольство Ганса Мюссенгейма въ 1556 г. отъ датскаго короля Христіана III; Иванъ Рокита въ 1570 г. отъ богемскихъ братьевъ) [2]). Не имѣя собственныхъ полемистовъ, московское правительство должно было довольствоваться переводами съ южно-русскаго. Такъ, въ Москвѣ являются переводы соч. Василія, священника острожскаго, „О единой, истинной православной вѣрѣ и о святѣй, соборной и апостольской церкви“ (въ первомъ десятилѣтіи XVII в.), соч. одного изъ современниковъ Буднаго и Чеховича „О

[1]) *Соловьевъ*, Истор. Рос., т. XIII, с. 218—225; *Соколовъ*, Отношеніе протест. къ Россіи, стр. 242.

[2]) *Д. В. Цвѣтаевъ*. Изъ исторіи иностр. испов. стр. 3—4; „Русскій Вѣст.“ 1887 г., № 4, стр. 619.

образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей" (въ третьемъ десятилѣтіи XVII в.) и др. [1]). Учитель Іосифъ долженъ былъ удовлетворять и этой потребности. Такова другая цѣль школы—приготовить людей, способныхъ вести полемику съ протестантами.

Мы видѣли, что школа 1632 г. была недолговѣчна; послѣ нея школьный вопросъ принимаетъ новое направленіе. Изученіе этого новаго направленія и приводитъ насъ къ вопросу о кіевскихъ и вообще южно-русскихъ инокахъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII в. Предшествующее изложеніе прямо вводитъ насъ въ самую сущность дѣла.

По смерти учителя Іосифа не разъ посылали за учителемъ на Востокъ, не разъ оттуда являлись въ Москву учителя, но школы все таки не основывалось. Московское правительство находилось въ затруднительномъ положеніи: потребности росли, разнообразились, а удовлетворять имъ не было ни силъ, ни средствъ. Между тѣмъ средства были подъ рукою. Мы ходили за учителями далеко на Востокъ, а этихъ учителей былъ достаточный запасъ въ Кіевѣ, на дорогѣ изъ Москвы въ далекую Византію. Но мы боялись еще нашего юго-запада. Въ 1640 году въ Москвѣ появился посланный кіевскаго митрополита Петра Могилы Игнатій Оксеновичъ Старушичъ съ грамотой отъ митрополита, въ которой читаемъ такое любопытное предложеніе: „повели, пишетъ м. Могила къ царю Михаилу, въ царствующемъ градѣ благодатію и казною своею царскою монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили". Въ Москвѣ выслушали челобитную митрополита, спросили, въ какомъ городѣ и во имя какого святаго построить монастырь, и, получивъ въ отвѣтъ, что монастырь надо построить въ Москвѣ, а во имя какого святаго „о томъ какъ онъ, государь, произволитъ", тѣмъ и удовольствовались [2]). Другія просьбы митрополита уважили, намѣстнику со спутниками дали на дорогу государево жалованье, но ни мо-

---

[1]) Правосл. Обозр. 1887, № 1, с. 156—7; Русск. Вѣстн. 1887, № 5, с. 279 и № 6 с. 711. Мат. для ист. рас. VI, 143.

[2]) Акты южн. и запад. Росс., III, № 33, стр. 39; № 48, с. 54, стат. 4; № 267.

настырь училищный построить, ни ученыхъ иноковъ вызвать съ юго-запада московское правительство не рѣшилось. Между тѣмъ попытка м. Могилы не осталась безплодною. За мысль Петра Могилы ухватилось частное лицо, съумѣвшее осуществить ее на практикѣ. То былъ знаменитый въ нашей исторіи бояринъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Это одна изъ идеальнѣйшихъ личностей XVII в., окруженная цѣлымъ ореоломъ легенды и довольно сбивчиваго въ своихъ показаніяхъ преданія. До насъ дошло, благодаря Н. И. Новикову, любопытное „Житіе милостиваго мужа Ѳедора Ртищева“ [1]). Это горячій панегирикъ Ртищеву, написанный какимъ то противникомъ п. Никона и испещренный похвальными словесами и премудрыми изреченіями; историческаго въ немъ очень мало, но какъ литературный памятникъ, отражающій на себѣ извѣстное настроеніе, онъ очень интересенъ. Если взять за основаніе это „Житіе“, то въ лицѣ Ѳ. М. Ртищева намъ предстанетъ идеальный образецъ истиннаго христіанина, кроткаго, незлобиваго, покорнаго, презирающаго всякія оскорбленія, любящаго науки, съ самоотверженіемъ исполняющаго обязанности государственной службы, помогающаго нищимъ, утѣшающаго скорбныхъ, пользующаго больныхъ, принимающаго странниковъ, нѣжно заботящагося о нуждахъ совершенно чуждыхъ ему людей, выкупающаго христіанъ изъ плѣна агарянскаго, не боящагося сильныхъ міра сего, смѣло встрѣчающаго опасность. „Болѣзни же его и скорби, восклицаетъ панегиристъ Ртищева, кто изчести можетъ? Въ различныхъ бо скорбѣхъ, напастехъ и во искушеніяхъ непреоборимъ и въ добродѣтеляхъ своихъ не изнемогаяй, препроводилъ двадесять и пять лѣтъ; ради же оныхъ уврачеванія и никакоже когда восхотѣ пріяти врачеваніе, законному повелѣнію противное“. Таковъ былъ, по преданію старины, человѣкъ, который рѣшился отступить отъ греко-аѳонской школьной программы и воспользоваться предложеніемъ Петра Могилы. Что же собственно предлагалъ московскому правительству южно-русскій митрополитъ?

Митр. Могила предлагалъ царю Михаилу устроить въ Москвѣ довольно обычный на юго-западѣ типъ училищнаго мона-

[1]) Древняя Росс. Вивліоѳика, т. XVIII М. 1791.

стыря, монахи котораго, помимо заботъ о спасеніи своихъ собственныхъ душъ, занимаются просвѣщеніемъ мірскихъ душъ. Обращая вниманіе московскаго правительства на подобный типъ монастыря, Петръ Могила предлагалъ дѣйствительно очень цѣлесообразное средство для удовлетворенія неотложныхъ потребностей московскаго правительства, указанныхъ выше. Выписные южно-русскіе ученые иноки должны были играть роль и учителей, и переводчиковъ, и полемистовъ въ одно и то же время. А эти роли, особенно послѣдняя, были хорошо знакомы южно-русскимъ монахамъ. Любопытно, что въ своемъ предложеніи Петръ Могила умолчалъ о латинскомъ языкѣ: это умолчаніе указываетъ на большой политическій тактъ знаменитаго южно-русскаго митрополита. Мы видѣли, что московское правительство не рѣшалось ни на основаніе монастыря, ни на вызовъ подозрительныхъ для него южно-русскихъ ученыхъ. Но отказаться отъ предложенія совсѣмъ было неразсчетливо, тѣмъ болѣе, что и потребность въ переводчикахъ, справщикахъ, учителяхъ и полемистахъ давала себя знать каждую минуту, православный Востокъ все не доставлялъ подходящаго учителя, а предложеніе было такъ заманчиво, такъ просто. Ѳедоръ Ртищевъ при своей любви къ просвѣщенію могъ явиться удобнымъ посредникомъ между Москвою и юго-западомъ. На что не могло отважиться правительство, то легко было осуществить частному лицу въ интересахъ правительства, какъ послушному орудію въ его рукахъ. Въ случаѣ неудачи предпріятія вина падала не на правительство, а на Ѳедора Ртищева. Такъ по мысли Петра Могилы и при помощи исполнителя этой мысли Ѳ. М. Ртищева явился Андреевскій училищный монастырь на берегу Москвы рѣки близъ Воробьевыхъ горъ, воздвигнутый на *частныя средства* Ртищева. На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь приходская церковь Воскресенія Христова, что въ Плѣницахъ [1]). Вѣроятно, въ то время это былъ очаровательный уголокъ, способный внушать религіозное одушевленіе вмѣстѣ въ побужденіемъ къ философскому самоуглубленію. Какъ

---

[1]) Такъ церковь эта названа у *Амвросія*, Ист. росс. іерар. М., 1811, ч. III, стр. 99—100.

идиллическая московская окраина, это мѣсто и теперь не лишено нѣкоторой своеобразной прелести. Основатель монастыря былъ однимъ изъ видныхъ членовъ того любопытнаго кружка людей, который группировался вокругъ молодаго царя Алексѣя. Всѣ члены этого кружка были горячіе борцы противъ недостатковъ и пороковъ современнаго духовенства, люди, стремившіеся къ преобразованіямъ въ сферѣ внѣшняго благочестія и благочинія. Это послѣднее обстоятельство впослѣдствіи разъединило ихъ, сдѣлавъ нѣкоторыхъ непримиримыми врагами другъ друга. Это разъединеніе должно было рѣзко выразиться въ ту минуту, когда одинъ изъ новыхъ членовъ кружка, радикальный Никонъ получилъ возможносгь смѣло и прямо начать крутое реформаціонное движеніе. Къ составу этого передоваго до извѣстной степени кружка въ самомъ началѣ принадлежали: патріархъ Никонъ и протопопъ Аввакумъ, еп. Павелъ коломенскій и бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и извѣстные впослѣдствіи по расколу попы Иванъ Нероновъ, Даніилъ, Лазарь, Логгинъ. Какъ ни разошлись впослѣдствіи всѣ эти лица, но въ началѣ они были довольно близки другъ къ другу по своимъ основнымъ стремленіямъ. Этотъ кружокъ придумывалъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы истребить „безчинная всякая“.

Монастырь, а съ нимъ и школа, основаны были въ промежуткѣ между 1645 и 1647 г.г.; вызвано было до 30 ученыхъ иноковъ, „изящныхъ во ученіи грамматикѣ словенской и греческой (житіе милостиваго мужа, какъ и предложеніе Могилы, молчитъ о латинской) даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати“. Такъ впервые завелась въ Москвѣ *греко-латинская* (мы сейчасъ увидимъ, что въ ней, вопреки показанію житія милостиваго мужа, учили и полатыни) школа, впервые учителями въ Москвѣ явились подозрительные „изящные“ иноки—малороссы и бѣлоруссы. Но это была не правительственная школа, а частная; удовлетворять же она должна была главнымъ образомъ потребности правительства, а не общества. Учителями этой частной школы были ученые иноки, прибывшіе по частному, а не по правительственному вызову. Трудно

представить себѣ то увлеченіе „изящными“ иноками, которое на первыхъ порахъ охватило передовыхъ людей. Ртищевъ цѣлыя ночи проводилъ въ бесѣдахъ съ малорусскими учеными.

Въ нашей исторической литературѣ господствуетъ довольно смутное представленіе о ртищевской школѣ и ртищевскомъ ученомъ братствѣ. Читатель замѣтилъ, конечно, что предложенное выше изложеніе довольно рѣзко отступаетъ отъ обычнаго и хронологически, и эпизодически. Мы вовсе не упоминаемъ объ Епифаніи Славинецкомъ и объ извѣстномъ указѣ отъ 14 мая 1649 г. Припомнимъ бѣгло, что у насъ обыкновенно повѣствуется объ этой школѣ: Ртищевская школа основана была вскорѣ послѣ 14 мая 1649 г. бояриномъ Ртищевымъ, вызвавшимъ для этой цѣли, въ числѣ 30 иноковъ, и Епифанія Славинецкаго, который только въ 1652 г. взятъ былъ патріархомъ Никономъ для ректорства во вновь основанной имъ школѣ. Весь этотъ разсказъ [1]) есть чистѣйшій вымыселъ, основанный на цѣломъ рядѣ недоразумѣній и довольно невнимательномъ отношеніи къ источникамъ. Въ заблужденіе вводило обыкновенно упомянутое выше „Житіе милостиваго мужа“, о которомъ вообще замѣчено, что оно почти не даетъ ничего положительнаго. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ было не то.

1) Ртищевъ никогда не вызывалъ Епифанія Славинецкаго, послѣдній никогда не былъ ни членомъ ртищевскаго братства, ни учителемъ греко-латинской ртищевской школы. Епифаній Славинецкій пріѣхалъ въ Москву 27 іюля 1649 г. [2]) не по вызову Ртищева, а по указу царя Алексѣя отъ 14 мая 1649 г. (ниже намъ придется еще упомянуть объ этомъ указѣ), вызы-

---

[1]) См. его у *Сахарова* въ „Утренней Зарѣ“ на 1839 г., стр. 9—13.; у *Голикова* т. XIII, М., 1840, с. 143; у *Берха*, Царств. Алексѣя Михайл. II, 18; у *Щапова*, Рус. расколъ старооб. с. 69; у *Соловьева*, Истор. Россіи, изд. 1877 г. Т. X, с. 150; у *Костомарова*, Рус. Ист. вып. V, с. 386—7; у *м. Макарія*, Ист. рус. церкви Т. XII, с. 51. О др. мелкихъ статьяхъ не упоминаю.

[2]) См. реестръ малороссійскимъ дѣламъ, выписанный м. Евгеніемъ изъ бумагъ московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ „Молодикѣ“ на 1844 г., изд. И. Бецкимъ, Спб. 1844, стр. 223: „іюня 27 пріѣздъ въ Москву Кіево-братскаго Богоявленскаго монастыря старцевъ Арсенія и Епифанія для риторическаго въ Москвѣ ученія и для переводовъ съ греческаго языка книгъ“.

вавшаго въ Москву Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго. Еп. Славинецкій, этотъ любопытный типъ неутомимаго кабинетнаго ученаго, и пріѣхалъ вмѣсто Дамаскина. Явившись въ Москву, онъ поселился не въ Андреевскомъ монастырѣ, а на большомъ посольскомъ дворѣ, гдѣ и жилъ до самаго своего переѣзда въ Чудовъ монастырь, т. е. до основанія чудовской школы [1]).

2) Значитъ, патріархъ Никонъ не могъ въ 1652 г. взять Еп. Славинецкаго изъ Андреевскаго монастыря, въ которомъ тотъ не былъ, а потому нельзя говорить, что ртищевская школа въ силу этого прекратила свое существованіе именно въ 1652 г.

3) Утверждать, что съ Епифанія Славинецкаго началось преподаваніе въ ртищевской школѣ, значитъ предполагать основаніе этой школы не ранѣе іюля 1649 г. Между тѣмъ какъ на основаніи дѣла по доносу чернеца Саула слѣдуетъ заключить, что школа была основана ранѣе 1649 года (во всякомъ случаѣ уже при ц. Алексѣѣ, т. е. приблизительно въ 1646 г.).

Въ началѣ 1650 г. производилось слѣдствіе по дѣлу объ ученьи у кіевскихъ старцевъ ртищевскаго вызова, изъ котораго видно, что еще лѣтомъ 1649 г., т. е. когда ученые иноки царскаго вызова еще и не пріѣзжали въ Москву или только что успѣли пріѣхать, двое учениковъ ртищевской школы собирались ѣхать въ Кіевъ, чтобы тамъ доучиваться по латыни. Очевидно, что они, эти знаменитые ученики, не могли учиться у Епифанія Славинецкаго.

Итакъ, южно-русскіе иноки *ртищевскаго* вызова явились въ Москвѣ между 1645—49 гг., иноки *правительственнаго* вызова никогда не были членами ртищевскаго братства. Когда же закрылась ртищевская школа, мы не знаемъ. На основаніи свидѣтельства хорвата Юрія Крижанича [2]), можемъ только сказать, что братство Андреевскаго монастыря существовало еще въ 1666—7 гг., ибо въ это время „бѣлоруски андреевскаго мона-

---

[1]) См. Малорос. дѣла 1650 г. въ „Правосл. Обозр." 1887, № 1, стр. 163 въ любопытной статьѣ Каптерева.

[2]) Описаніе славянскихъ рукоп. Московск. Синод. Библ. А. Горскаго и К. Невоструева, № 283, стр. 388—397.

стыря отци“ присутствовали на большомъ московскомъ соборѣ этихъ годовъ [1]).

Ртищевская школа уже далеко отступаетъ отъ извѣстной намъ греко-аѳонской программы Христофора. Вызовъ южно-русскихъ иноковъ и допущеніе въ Москвѣ преподавать латинскій языкъ — цѣлый поворотъ во внутренней политикѣ московскаго правительства. Можно представить себѣ всю важность и новизну этого поворота, совершившагося въ новое царствованіе. Ртищевская школа начинаетъ непрерывное игнорированіе греко-аѳонской программы, но въ умахъ людей греческаго образовательнаго направленія она остается незыблемой. Въ школѣ учили славянскому, греческому и *латинскому* языкамъ, грамматикѣ и, можетъ быть, риторикѣ и философіи. Что въ школѣ учили по латыни и по гречески, это ясно видно изъ упомянутаго мною дѣла по доносу чернеца Саула. „Лучка Голосовъ говорилъ, читаемъ здѣсь, поѣхалъ де... Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ... *до*учиваться у старцевъ, у кіевлянъ, по латыни“. Значитъ, Голосовъ и Зеркальниковъ еще въ Москвѣ начали учиться „полатинямъ“. О Ртищевѣ то же дѣло замѣчаетъ: „учится де у кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ еретичество есть“. Что касается риторики и философіи, то о нихъ ничего нельзя сказать положительнаго: этимъ предметамъ можетъ быть учили, а можетъ быть и нѣтъ [2]). Вообще же иноки ртищевскаго вызова, по свидѣтельству „Житія“, явились въ Москву для обученія русскихъ „свободнымъ наукамъ“. Мы ничего не могли сообщить ни о непосредственныхъ результатахъ школы,

---

[1]) Каптеревъ однако предполагаетъ, что Ртищевъ и не думалъ вызывать южно-русскихъ ученыхъ, а это равносильно непризнанію существованія ртищевскаго братства. Мы видѣли, что дѣло по доносу чернца Саула опровергаетъ это предположеніе. См. Прав. Обозрѣніе 1887 г., № 1, стр. 163 прим. 30. Срв. проф. *В. О. Ключевскаго* „Боярская Дума“ 2 изд., стр. 389—390.

[2]) *Соловьевъ*, Истор. Росс., т. X, изданіе 1877 г., стр. 150. Соловьевъ повторяетъ, очевидно, предметы, упоминаемые въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ „Житія милостиваго мужа“, но тамъ говорится не о дѣйствительной школьной программѣ, а о томъ, что иноки такъ учены, такъ „изящны“, что желающимъ *могутъ* преподавать даже риторику и философію. О преподаваніи же латинскаго языка Соловьевъ умолчалъ.

1632—34 гг., ни объ ея ученикахъ; нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ греко-латинской школой Ртищева. Намъ извѣстно нѣсколько учениковъ этой школы: прежде всего, конечно, самъ основатель ея бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, который „тако о разумѣ, о свѣтѣ души словесныя прилежа, яко во днѣхъ служеніе своего чина исполняя, въ нощѣхъ же, презирая сладостный сонъ, со мужи мудрыми и божественнаго писанія изящными, въ любезномъ ему бесѣдованіи иногда цѣлыя нощи бодростнѣ препровождая и паки ко служенію своего чина обращашеся"; потомъ извѣстны Иванъ Озеровъ и Порфирій Зеркальниковъ, на которыхъ школа съумѣла подѣйствовать такъ обаятельно и серьезно, что они захотѣли доучиваться въ Кіевѣ, пользуясь для того покровительствомъ своего товарища по школѣ Ѳ. М. Ртищева; наконецъ, извѣстенъ Лучка Голосовъ, неважный дворянинъ по происхожденію, превратившійся потомъ въ Лукьяна Тимоѳеевича Голосова и думнаго дворянина[1]. Л. Т. Голосовъ былъ невольнымъ ученикомъ школы, говорившимъ о себѣ, что онъ только манитъ боярину Ртищеву, „а впредь де учиться никакъ не хочу".

Хотя мы и не знаемъ, какъ долго существовала ртищевская школа, однако можемъ говорить о непосредственныхъ результатахъ преподаванія появившихся впервые въ Москвѣ южно-русскихъ иноковъ, результатахъ очень характерныхъ и любопытныхъ.

1) Видно прежде всего, что школа умѣла завлекать умы учениковъ наукою. Бояринъ Ѳ. Ртищевъ сидитъ у ученыхъ иноковъ „изящныхъ" цѣлыя ночи напролетъ; Озеровъ и Зеркальниковъ развиваются настолько, что рѣшаются ради еще большей науки ѣхать на родину своихъ учителей, на юго-западъ. Итакъ, школа, въ которой учили южно-русскіе иноки, съумѣла произвести умственное возбужденіе своихъ учениковъ. Мы увидимъ сейчасъ, что преподавателямъ этой школы удалось внести возбудительный элементъ и въ московское общество XVII вѣка. 2) Школа не только возбуждала умы, но и разгорячала страсти; ея преподаватели внесли смуту въ московское общество, заставили

---

[1]) Срв. *Ключевскій*, Боярская Дума, 2-е изд., стр. 391.

рѣзко обнаружиться извѣстныя образовательныя симпатіи и антипатіи. Южно-русскіе „изящные“ старцы, бывшіе желанными гостями для людей, подобныхъ Ртищеву, оказались терпимыми далеко не всѣмъ составомъ московскаго свѣтскаго, а особливо духовнаго общества. Часть этого общества возстала противъ нихъ подъ видомъ религіозной ревности, въ основѣ которой была добрая доля оскорбленнаго самолюбія. Эта любопытная и весьма поучительная исторія борьбы учителей пришельцевъ съ московскими самоучками можетъ быть предметомъ особой монографіи. Здѣсь важно лишь указать на возникновеніе и ясное выраженіе этой борьбы, которая тянется потомъ чрезъ всю оставшуюся половину XVII вѣка, переходитъ, нѣсколько видоизмѣнившись, въ XVIII вѣкъ и, какъ отдаленное и смутное воспоминаніе, еще разъ появляется въ XIX в. Это страстное возбужденіе московскаго общества особенно усилилось, когда послѣдовалъ второй, уже правительственный, вызовъ южно-русскихъ иноковъ. Но южно-русскіе иноки правительственнаго вызова (Еп. Славинецкій, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій) прибыли въ Москву уже въ такое время, когда начали обнаруживаться слѣдствія дѣятельности южно-русскихъ иноковъ ртищевскаго вызова. Позднѣе приливы южно-русскаго иночества въ Великую Русь пріобрѣтаютъ довольно большіе размѣры. Особенно извѣстенъ приливъ южнорусскихъ иноковъ Кутеинскаго монастыря, изъ Орши, Копыса, Мстиславля. Придворный поэтъ, проповѣдникъ и учитель Alexiani Musei Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій также принадлежалъ къ числу такихъ выходцевъ.

Южно-русскіе иноки, явившись въ Москвѣ, составили себѣ очень незавидную репутацію; ихъ считали не за православныхъ, а за чужеземцевъ, а порою и прямо за еретиковъ, ибо обрядовая сторона ихъ жизни во многомъ отличалась отъ московской: и молились то они не такъ, и пѣли иначе, и постились не какъ слѣдуетъ, не по московски, и философію почитывали, да и еретической „латынской грамоты“ не были чужды. А мы знаемъ, какую роль сыграла въ Москвѣ привычка къ изстари установившемуся, хотя бы и неправильному, обряду. Ни кнутъ, и батоги, ни клещи, ни огонь, ни мягкое и теплое слово увѣщанія не

выбили у многихъ московскихъ людей этой старой привычки къ разъ установившемуся обряду. Да и не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Великой Руси южно-русскіе иноки производили то же впечатлѣніе. Нельзя объяснять это явленіе только тѣмъ, что южно-русскіе иноки выступили въ Москвѣ противниками приверженцевъ самобытнаго чисто русскаго просвѣщенія и принципіально разошлись чуть не со всѣми членами упомянутаго выше кружка. Принципіальная рознь играла, конечно, главную, но далеко не исключительную роль. Сюда примѣшались и оскорбленная гордость московскихъ самоучекъ, и неосторожное поведеніе самихъ пришельцевъ. Пришельцы не пошли по пути постепенной и мирной борьбы изъ за принципа. Привыкнувъ у себя дома къ рѣзкой и безпощадной полемикѣ, на которую иногда слишкомъ много тратилось трудовъ и дарованій, они и здѣсь, въ Москвѣ, продолжали эту привычную имъ полемику: перемѣнился только предметъ нападенія. Пришельцы стали гордо и свысока смотрѣть на уважаемыхъ московскихъ учителей-проповѣдниковъ, искоренявшихъ „безчинная всякая“ и пользовавшихся немалымъ уваженіемъ среди недалекаго по своему умственному развитію московскаго общества. Да и ученики этихъ пришельцевъ, по примѣру своихъ учителей, не спускали устарѣвшимъ теперь московскимъ авторитетамъ. Въ дѣлѣ по доносу чернеца Саула мы читаемъ любопытныя строки о Зеркальниковѣ и Озеровѣ, молодыхъ ученикахъ южно-русскихъ иноковъ, отправлявшихся доучиваться въ Кіевъ; эти строки весьма рельефно рисуютъ намъ отношеніе той и другой стороны другъ къ другу. Лучка Голосовъ, невольный ученикъ ртищевской школы, совѣтовалъ воротить Порфирку и съ Ивашкой и не допустить ихъ до Кіева во избѣжаніе великихъ съ ними хлопотъ—„и такъ де они всѣхъ укоряютъ, и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана (Неронова) и Степана (Вонифатьева) и иныхъ: враки де они вракуютъ, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени не вѣдаютъ, учатъ де, про то ничего не знаютъ, чему учатъ“. Повидимому, и вообще поведеніе южно-русскихъ иноковъ не всегда отличалось достаточною строгостью. По крайней мѣрѣ, одинъ документъ 1669 года въ очень мрачномъ видѣ рисуетъ

намъ поведеніе южно-русскихъ иноковъ. Но мы должны очень осторожно имъ пользоваться, ибо онъ вышелъ изъ не совсѣмъ безпристрастнаго источника. Принимать характеристику, какую дѣлаетъ этотъ документъ, вполнѣ невозможно, но канву, на которой черезъ чуръ усердно подобраны мрачныя краски, мы должны считать болѣе или менѣе прочной. Документъ этотъ—отписка властей Иверскаго монастыря къ архимандриту Чудова монастыря Іоакиму отъ 16 марта 1669 года [1]). Власти Иверскаго монастыря просятъ не присылать къ нимъ бывшаго игумена Андреевскаго монастыря Петронія. „Тотъ Петроній, читаемъ въ отпискѣ, человѣкъ крамолистой, своеобычной, не общежительной: какъ и прежъ сего былъ въ Андреевскомъ монастырѣ игуменомъ, и онъ всю братію бунтовалъ и всякія крамолы чинилъ; а у насъ потому жъ братію учнетъ бунтовать и крамолы чинить, потому что человѣкъ своеобычной, необщежительной; намъ и безъ него братію надобь пасть и воздержать. И прежъ которые у насъ въ Иверскомъ монастырѣ были Андреевскаго монастыря старцы, и они за смуту и за бунтовство высланы изъ монастыря вонъ; и нынѣ того жъ монастыря Андреевскаго іеромонахъ Анастасій, будучи у насъ, говоритъ и бьетъ челомъ, чтобъ отнюдь тотъ Петроній въ Иверскомъ монастырѣ не былъ, потому что человѣкъ развратной и своеобычной“. Такъ изъ провинціи въ Москву писали, что старцы Андреевскаго монастыря бунтовщики и смутьяны. Пришельцы нарушили спокойное теченіе монастырской жизни по неподвижно установившейся табличкѣ, напали на незыблемые до нихъ авторитеты, соблазняли нѣсколько болѣе свободной жизнью, наконецъ, прямо возбуждали противъ себя нѣчто въ родѣ національной ненависти. О поселившихся въ Иверскомъ Святоозерскомъ монастырѣ инокахъ Оршинскаго Кутеинскаго монастыря иверскіе старцы писали въ Москву: „наша русская грамота съ кутеинскою не сойдется, съ ними вмѣстѣ по ихъ пѣти и чести не умѣемъ, и они нашихъ крылосныхъ людей, священниковъ и дьяконовъ поставили подъ стѣною и ихъ не взлюбили... а священника теперь у насъ въ

[1]) Русск. Истор. Библ. Спб. 1878, т. V, № 276, с. 742—744.

монастырѣ *нашей русской вѣры* нѣту ни единого, и намъ померетъ безъ покаянія" [1]).

Итакъ, въ извѣстной части русскаго духовнаго и свѣтскаго общества установилось чрезвычайно враждебное настроеніе къ южно-русскимъ пришельцамъ: то была вражда по внѣшности чисто религіозная, на дѣлѣ же въ сильной степени происходившая отъ оскорбленнаго самолюбія и фанатической узости взгляда. Любопытно, что наравнѣ съ южно-русскими пришельцами ненависть эту возбуждали и ревнители греческаго ученія, и сами греки. Достаточно даже мелькомъ проглядѣть дошедшія до насъ раскольническія челобитныя, чтобы видѣть всю силу возбужденія противъ грековъ. Особенную извѣстность получили въ нашей литературѣ слова Ивана Неронова, обращенныя къ царю Алексѣю. „Молимъ тя, государя, писалъ Ив. Нероновъ отъ 27 февраля 1654 г., *иностранныхъ* иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истиннѣ неразвратниковъ, благочестію ругателей и ересемъ вводителей въ совѣтъ не принимай: зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей". То же выражалъ Ив. Нероновъ и въ личной бесѣдѣ съ патріархомъ Никономъ, бѣжавъ въ Москву изъ Кандалажскаго монастыря. „Святитель, гордо заявлялъ Нероновъ п. Никону, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ пріемлешь. А мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говорилъ намъ: гречяне де, да и *малые Россіи* потеряли вѣру и крѣпости добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ" [2]).

Такимъ образомъ сперва *частный* вызовъ южнорусскихъ иноковъ (между 1645—49 гг.), а потомъ *правительственный* [3]) въ 1649 г. повели къ раздору среди русскаго общества и окончательному сложенію образовательныхъ направленій XVII в. Съ этихъ поръ, т. е. съ половины XVII в., можно о каждомъ изъ образовательныхъ направленій говорить въ отдѣльности. То были: 1) *ультра-русское* направленіе, одинаково ненавидѣвшее и греческую, и латинскую грамоту; его задушевною мечтою было оставаться при скудномъ запасѣ тѣхъ образовательныхъ средствъ,

---

[1]) Ib. № 57, ст. I, стр. 137—8.

[2]) Матер. для исторіи раскола, Т. I, стр. 66, 67, 150.

[3]) П. Соб. Зак. I. № 7.

какія выработала старая Русь; 2) *греческое*, стоявшее за исключительное изученіе греческаго языка и византійской науки и ненавидѣвшее „латинскую ересь“ и 3) *латинское*, стремившееся исключительно къ изученію латинскаго языка и западной науки, презиравшее греческій языкъ и византійскую науку.

Каково же было направленіе южно-русскихъ пришельцевъ? Они первоначально раздѣлились. Часть ихъ, повидимому очень небольшая, съ Епифаномъ Славинецкимъ во главѣ, стала во главѣ греческаго направленія. Большинство было на сторонѣ третьяго направленія. Появленіе этого третьяго направленія довольно вѣрно умѣли объяснять уже въ XVII вѣкѣ. Говоря о происхожденіи неправославныхъ мнѣній среди московскаго общества, патріархъ Іоакимъ такъ объяснялъ себѣ это явленіе: „юноши нѣціи царствующаго града Москвы восхотѣли отъити въ польское кралевство ради ученія латинскаго. Иже отшедши и учащеся въ латинскихъ училищахъ, и яко ученицы въ слѣдъ своихъ учителей ходяще въ костелы латинскія“ [1]) и т. п. Другой причиной появленія неправославныхъ мнѣній было присутствіе въ Москвѣ выходцевъ изъ Польши и юго-западной Россіи.

За какимъ же направленіемъ послѣдуетъ московское правительство XVII в. въ своемъ стремленіи завести школу? Очевидно, что ни за однимъ изъ нихъ исключительно, ибо для правительства XVII вѣка школа не была мѣстомъ для пропаганды того или другаго мнѣнія или направленія, а была только средствомъ для удовлетворенія насущныхъ государственныхъ потребностей. Правительство шло не за *направленіями умовъ общества*, а за *матеріальными его потребностями*. Вотъ почему отъ характера этихъ потребностей зависѣла и программа правительственныхъ школъ.

Актомъ 14 мая 1649 года было признано оффиціальное положеніе южно-русскихъ иноковъ въ Москвѣ; правительство оффиціально и всенародно объявило, что оно нуждается въ нихъ и ищетъ у нихъ духовной помощи. Этотъ актъ имѣетъ огромное значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія. Онъ узаконилъ частный

---

[1]) Опис. рук. моск. син. биб. II, 3, № 291, стр. 431—432.

ртищевскій вызовъ со всѣми его многообразными послѣдствіями. Съ тѣхъ поръ стали въ Москвѣ безъ страха учиться латинскому языку, стали стремиться на юго-западъ для той же науки. Такова роль и значеніе южно-русскихъ ученыхъ монаховъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

Закончимъ нашу статью общей схемой, по какой шло движеніе у насъ образованія въ XVII вѣкѣ. Заботы объ образованіи въ XVII в. возбуждаются главнымъ образомъ путемъ усиленнаго роста государственныхъ и церковныхъ потребностей или отчасти, побужденіями извнѣ (съ православнаго Востока). Заботы эти выражаются въ стремленіи основать постоянную школу съ наиболѣе цѣлесообразно для удовлетворенія потребностей выработанной программой (вызовы ученыхъ и учителей) и въ посылкѣ молодыхъ русскихъ за границу въ началѣ и концѣ вѣка.

Потребности же, которыя не давали покоя московскому правительству, заставивъ его до извѣстной степени дѣятельно приняться за народное образованіе, были слѣдующія: 1) потребности церкви: a) въ ученыхъ справщикахъ для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и переводовъ съ греческаго, b) въ просвѣщенныхъ духовныхъ для борьбы съ протестантизмомъ и расколомъ. 2) Потребности государства: a) въ образованной бюрократіи, способной понимать задачи и цѣли государства, b) въ людяхъ для дипломатическихъ сношеній и переводчикахъ съ иностранныхъ языковъ для посольской канцеляріи.

В. Н. Сторожевъ.

Очерки стариннаго быта Волыни и Украйны.

2. Матери-преступницы [1]).

I.

Весною 1710 года, на проводной недѣлѣ, мѣщанинъ м. Выжвы [2]) Кирикъ Шумиликъ съ сыновьями пахалъ ниву на своемъ огородѣ, примыкавшемъ къ берегу болотистой рѣчки Выжвы. Не успѣлъ онъ пройти плугомъ и двухъ „упруговъ", какъ съ другого конца нивы послышался тревожный окликъ его работника:

— Гляньте, панотче, що то нашъ Рябко носыть?

И работникъ указалъ по направленію къ болоту, откуда вышла перепачканная въ грязь большая собака, тащившая въ зубахъ какой то грязный свертокъ, изъ котораго торчала дѣтская ножка. Взобравшись на пригорокъ, собака остановилась въ нерѣшительности, поглядывая по сторонамъ и точно раздумывая, идти ли ей къ хозяевамъ, или повернуть назадъ въ болото.

— Цюцю, Рябко, на!—кричали на нее сыновья Шумилика, бросивъ плуги и направляясь къ берегу. За ними шелъ спотыкаясь по свѣже-вспаханной полосѣ и старикъ отецъ.

Собака радостно взвизгнула и бросилась на встрѣчу хозяевамъ, выронивъ свою добычу. То былъ полусгнившій трупъ

---

[1]) Составлено па основаніи актовыхъ матеріаловъ, большая часть коихъ издана въ 1 т. V ч. „Архива Югозап. Россіи".

[2]) М. Выжва въ ковельскомъ у. волынск. губ., верстахъ въ 30 отъ Ковля.

крохотнаго, повидимому новорожденнаго ребенка, завернутый въ грязную тряпку. Видно, не малое время онъ пробылъ въ водѣ, такъ какъ кожа во многихъ мѣстахъ успѣла облѣзть и приняла грязно-зеленый цвѣтъ. Крохотное личико было до того вздуто, что на мѣстѣ глазъ едва примѣтны были какія-то складки. Отъ трупа несло ужаснымъ смрадомъ.

— Яка жъ оце собача душа провынила? въ раздумьи проговорилъ старый Кирикъ, слывшій за человѣка строгаго и „вельмы побожного".

Черезъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ происшествія была уже вся семья Шумилика, прибѣжали и сосѣдки, работавшія въ своихъ огородахъ. Пошли толки и предположенія: чей бы это былъ ребенокъ?

— А вже жъ не чый, якъ не Опраскы Вовчыхы! безаппеляціонно рѣшила Приська, невѣстка Шумилика.—Не дурно жъ вона вси святкы на печи пролежала, що й паскы святои не пекла!

Опраска Вовчиха была сосѣдкой Шумиликовъ и жила съ дочкой-подросткомъ въ покривившейся на бокъ лачужкѣ, настолько ветхой, что сосѣдскія дѣти давно прозвали ее „хаткой на курячихъ лапкахъ". Когда то Вовчиха жила въ относительномъ довольствѣ и „повагѣ": имѣла большую „леваду" и собственное поле, держала двѣ пары воловъ, пять коровъ, носила турецкія „плахты" и красные „сапьянци". Мужъ занимался земледѣліемъ, а зимою чинилъ кожи, она же вела мелочный торгъ въ собственной „крамныцѣ" на рынкѣ и ѣздила по окрестнымъ ярмаркамъ и базарамъ. Но со смертью мужа все ея благосостояніе пошло прахомъ: поле и левада были проданы, волы и коровы чужіе люди разобрали за долги, а молодая вдова съ горя стала попивать. Въ послѣдніе годы она дошла до такой крайности, что становилась съ нищими на церковной паперти и ходила по обѣдамъ поминальнымъ, а росшая безъ призора дочь ея Христя, буквально пропадавшая съ голоду и холоду, обкрадывала чужіе огороды, за что невѣстка Шумиликовъ Приська частенько бранилась съ Вовчихой и грозила оборвать всѣ „паціоркы" на головѣ ея вороватой дочки. Вотъ почему Приська такъ охотно

готова была бы обвинить несчастную вдову во всевозможныхъ преступленіяхъ.

— Чы то жъ можна, жебъ бидна удова, уже въ подойшлыхъ литахъ, допустылась такого гриха непрощенного!—вступилась было старая Шумилиха, водившая когда то дружбу съ Вовчихой и дѣлившая съ нею хлѣбъ-соль; но Приська и другія молодыя женщины, ея сосѣдки, не дали говорить старухѣ и, перебивая одна другую, начали припоминать цѣлый рядъ ходившихъ въ околоткѣ неодобрительныхъ слуховъ о поведеніи Вовчихи, якобы подтверждающихъ высказанное Приською подозрѣніе.

Однако, нечего было долго калякать—слѣдовало тотчасъ донести уряду о случившемся.

М. Выжва принадлежала къ числу коронныхъ имѣній, приписанныхъ къ ковельскому староству, и хотя имѣла собственную „магдебургію“ изъ выборныхъ бурмистровъ и лавниковъ, но высшая административная власть въ мѣстечкѣ принадлежала п. подстаростѣ, каковую должность справлялъ въ то время шляхтичъ Янъ Пулковскій, жившій въ выжовскомъ замкѣ. Къ нему то и отправился съ донесеніемъ старый Кирикъ, приказавъ работнику отнести туда же и трупъ ребенка.

По распоряженію подстаросты, въ тотъ же день были созваны въ ратушу бурмистры и лавники, чтобы въ личномъ его присутствіи приступить къ производству слѣдствія по горячимъ слѣдамъ. Общимъ совѣтомъ было постановлено: пригласить старыхъ, заслуживающихъ довѣрія женщинъ, которыя и сами имѣли дѣтей, и другимъ женщинамъ помогали при родахъ, и поручить имъ производство дознанія. Имъ вмѣнялось въ обязанность подвергнуть „ревизіи“ всѣхъ дѣвушекъ, вдовъ и тѣхъ замужнихъ женщинъ, которымъ со дня брака минуло не болѣе полугода, и о результатахъ экспертизы донести магистрату. „Ревизія“ должна была произойти на другой день, утромъ, для чего оповѣщено было, чтобы ни одна молодая женщина или дѣвушка до полудня не смѣли отлучаться изъ мѣстечка.

Въ тотъ вечеръ сады и левады Выжвы не оглашались обычнымъ пѣніемъ и на улицахъ не слышно было звонкихъ дѣвичьихъ голосовъ и молодого веселаго смѣха. Плохо спалось въ ту

ночь выжевскимъ обывательницамъ и у многихъ тоскливо сжималось сердце въ ожиданіи рокового утра.

Въ полдень магистратъ засѣдалъ въ ратушѣ въ ожиданіи результатовъ „ревизіи“; собралась и „громада“ узнать, чѣмъ окончится это небывалое дѣло. Вотъ, наконецъ, появились бабы-эксперты: Катря Павлыха, Малашка Прокопыха и Орына Виндючыха. Чинно вошли онѣ въ ратушу, поклонились урядникамъ и, призывая въ свидѣтельство имя Божіе, доложили собранію, что добросовѣстно исполнили возложенное на нихъ порученіе: „обревизовали“ всѣхъ безъ изъятія дѣвушекъ, вдовъ и молодыхъ женщинъ въ мѣстечкѣ, не „фолкгуючи“ (мирволя) даже роднымъ дочерямъ своимъ,—и ни у кого не нашли „знаковъ“ подозрѣваемаго „учынку“, за исключеніемъ лишь Опраски Вовчихи: ея груди оказались полными молока, какъ у недавно родившей, и молоко это такого точно качества, какое требуется для кормленія новорожденнаго дитяти.

— А що, не моя правда!—злорадствовала Приська, толпившаяся въ числѣ другихъ женщинъ подъ окнами ратуши и больше всѣхъ злобствовавшая на то, что изъ-за одной „поганки“ подвергли „сраму“ почти все женское населеніе мѣстечка.

По распоряженію магистрата, Опраска Вовчиха тотчасъ же была арестована и посажена въ заключеніе. Вмѣстѣ съ нею приведена была въ магистратъ ея четырнадцатилѣтняя дочь Христя, которую почему-то сочли нужнымъ первую подвергнуть допросу.

— Повидай намъ, дивчыно, може ты примитыла: зъ кимъ матка твоя злый учынокъ мивала? колы тое дытя породыла и якимъ способомъ его стратыла?

Бойкая Христя „безъ всякой боязни“ (какъ замѣчено въ актѣ допросномъ) отвѣтила на первый вопросъ незнаніемъ, а на два другіе показала слѣдующее: великимъ постомъ, когда онѣ съ матерью проживали въ домѣ мѣщ. Ивана Смоляра, мать ея, уходя однажды изъ дому, сказала, что пойдетъ къ людямъ на работу. Соскучившись быть одной въ избѣ, дѣвочка вздумала навѣдаться зачѣмъ то „въ мисто“ (на рынокъ), гдѣ была у нихъ своя „коморка“ для мелочнаго торга. Отво-

рила она коморку—и замерла отъ страха: на полу лежала ея мать и какъ будто помирала. Христя начала было громко плакать, но мать приказала ей замолчать. Черезъ нѣсколько минутъ въ ея присутствіи родилось дитя. Христя взяла его на руки, но оно было неживое. Потомъ это дитя около двухъ недѣль лежало въ „коморкѣ“ и куда затѣмъ исчезло оттуда—ей не извѣстно.

Отпустивъ дѣвочку, бурмистры приказали привести ея мать Опраску Вовчиху. Трудно было по первому взгляду опредѣлить возрастъ этой женщины; по виду она казалась довольно пожилой, почти старухой, хотя на самомъ дѣлѣ ей было не болѣе 35-ти лѣтъ. Горе, лишенія и безпорядочная жизнь преждевременно состарили эту когда то красивую женщину, положивъ печать изможденія на ея поблекшемъ лицѣ, худыхъ, опущенныхъ плечахъ и полусгорбленномъ станѣ; и только въ маленькихъ карихъ глазахъ ея, теперь пугливо озиравшихъ грозное собраніе, таился скрытый огонекъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что молодые порывы не совсѣмъ еще умерли въ этомъ дрябломъ тѣлѣ.

Ее подвергли допросу: съ кѣмъ имѣла „грѣхъ“, и нѣтъ ли среди обывателей мѣстечка виновника или участника ея „злого учынку?“

Съ воплями и причитаніями она упала на колѣни и, простирая руки къ судьямъ, клятвенно утверждала, что никто изъ жителей мѣстечка не причастенъ ея „грѣху“, а было де дѣло такъ: прошлымъ лѣтомъ, во время перехода литовскихъ войскъ, когда они постоемъ стояли въ Выжвѣ и „выбирали контрибуцію“ со всего староства ковельскаго, какой то жолнеръ, заставъ ее нечаянно одну въ „коморѣ“, насильно „учинокъ зъ нею пополнилъ“, отъ чего она „понесла“ и на третьей недѣлѣ поста родила мертваго ребенка. Избѣгая огласки и „недоброй славы“, она хотѣла скрыть все, съ нею приключившееся, и въ теченіе двухъ недѣль держала трупъ дитяти въ „коморѣ“, а за тѣмъ, когда рѣка вскрылась, бросила его въ воду.

Стоило лишь взглянуть на лица судей, чтобъ понять, какъ мало вѣры давали они той части показанія обвиняемой, въ которой она старалась представить изъ себя несчастную жертву

насилія. Положимъ, случаи изнасилованія женщинъ проходившими жолнерами искони составляли въ польскихъ областяхъ весьма обычное явленіе, но не было случаевъ, когда бы потерпѣвшія молчали о постигшемъ ихъ насиліи; напротивъ, онѣ оповѣщали о томъ родныхъ и сосѣдей, жаловались пану или своему уряду, требовали возныхъ для удостовѣренія факта насилія, иногда заводили процессъ и хотя никогда не добивались удовлетворенія, но по крайней мѣрѣ смывали тѣмъ позорное пятно, очищали себя въ глазахъ „громады" и сохраняли свое доброе имя. Кто поступалъ иначе, тотъ терялъ право вчинать искъ о насиліи, или точнѣе, такой запоздалой жалобѣ не придавали никакой вѣры.

Порядокъ тогдашняго уголовнаго слѣдствія требовалъ, въ случаяхъ запирательства подсудимаго или же когда онъ давалъ видимо измышленныя показанія, „отдавать его на муку", т. е. подвергать пыткѣ; особенною жестокостью въ этомъ отношеніи отличалось магдебургское право, которымъ руководились магистратскіе суды. Но въ данномъ случаѣ о пыткѣ почему то не было даже упоминанія. Записавъ показаніе обвиняемой, ее отвели въ тюрьму, а разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла, въ виду особой его важности, отложили до ближайшаго засѣданія, на которое имѣла быть приглашена „громадская рада".

Насталъ день суда. Въ среду, 10 мая, въ выжевской ратушѣ, подъ предсѣдательствомъ старшаго бурмистра Григорія Борецкаго, было открыто судебное засѣданіе. На самомъ видномъ мѣстѣ, на особой скамьѣ, покрытой „килимомъ", усѣлись паны бурмистры или радцы, составлявшіе высшую магистратскую коллегію, вѣдавшую дѣла административныя, полицейскія и отчасти судебныя (по гражданскимъ искамъ); рядомъ съ ними, на другой скамьѣ, помѣстились паны лавники присяжные, представлявшіе другую коллегію въ магистратѣ, спеціально судебно-уголовную. На этотъ разъ, въ виду особой важности „справы криминальной", обѣ коллегіи составили соединенное присутствіе, на которое были приглашены „паны бурмистры старой рады", т. е. лица, когда либо служившія въ этой должности по преж-

нимъ выборамъ, и наконецъ—все „поспольство“ м. Выжвы. Такое собраніе называлось „радой громадской“; оно созываемо было лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, превышавшихъ компетенцію магистрата, или же когда послѣдній считалъ нужнымъ, чтобы по извѣстному дѣлу было высказано мнѣніе всего населенія. На особой лавкѣ, въ качествѣ вещественной улики, стоялъ простой сосновый гробикъ съ трупомъ ребенка. Ввели подсудимую. Предсѣдатель доложилъ собранію сущность дѣла, а писарь прочелъ весь слѣдственный протоколъ. Обвиняемую снова подвергли допросу:

— Твоя дытына? Съ кимъ добула и на що стратыла?

— Мои паноченьки и батечки и голубчыки! завопила подсудимая: мій грихъ—моя й покута; але жъ я не стратыла своего дытяты: воно ще до пороженья було въ мени нежыве.—И снова Вовчиха повторила прежнее показаніе, клятвенно утверждая, что ребенокъ родился мертвымъ. Какъ ни убѣждали ее назвать отца дитяти, подсудимая упорно стояла на прежнемъ показаніи, что подверглась насилію со стороны перехожаго литовскаго жолнера.

„Радѣ“ предстояло рѣшить два вопроса: виновна ли Опраска Волчиха а) въ прелюбодѣяніи и б) въ дѣтоубійствѣ?

Относительно перваго вопроса не о чемъ было и раздумывать: фактъ прелюбодѣянія ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣній. Болѣе спорнымъ представлялось обвиненіе въ дѣтоубійствѣ. Судебное слѣдствіе не дало никакихъ данныхъ ни за, ни противъ обвиненія. Медицинская экспертиза, въ лицѣ благонадежныхъ и „умѣетныхъ бабъ“, была безсильна, конечно, отвѣтить на вопросъ: живымъ или мертвымъ родился ребенокъ? А въ этомъ вопросѣ таилась вся разгадка дѣла. Магдебургское право вмѣняло женщинѣ въ вину, если она скрывала свою беременность и никого не пригласила для помощи при родахъ, и уже одинъ этотъ фактъ признавало достаточнымъ основаніемъ для обвиненія въ дѣтоубійствѣ; но здравый народный смыслъ не могъ, вслѣдъ за средневѣковыми юристами, въ такой степени отрѣшиться отъ условій дѣйствительности и стать на точку зрѣнія отвлеченныхъ юридическихъ умозаключеній, чтобы одной изъ второстепенныхъ кос-

венныхъ уликъ придавать столь рѣшающее значеніе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вопросъ шелъ о жизни или смерти обвиняемой.

Наступили безпорядочные толки, столь обычные при обсужденіи сколько нибудь сложнаго вопроса толпой людей, не привычныхъ къ правильнымъ дебатамъ. Вся ратуша жужжала, какъ потревоженный улей. Когда гулъ сталъ понемногу затихать, предсѣдатель поднялся съ мѣста и обратился къ собранію:

— А що, панове рада, якъ будемо судыты: чы по „праву", чы по стародавнему звычаю?

Судить „по праву"—это значило судить на основаніи дѣйствовавшаго кодекса, каковымъ для магистратскихъ судовъ признавалось нѣмецкое, или такъ называемое магдебургское право— и то не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ передѣлкахъ польско-литовскихъ юристовъ XV—XVI ст. Но такъ какъ предписанія этого иноземнаго права не всегда совпадали съ обычными правовыми воззрѣніями южнорусскаго народа и часто шли въ разрѣзъ съ его исконными понятіями о правѣ и справедливости, то на практикѣ сплошь и рядомъ бывали случаи, когда магдебургское право терпѣло видоизмѣненіе подъ вліяніемъ народныхъ воззрѣній и обычаевъ, которые нерѣдко дѣйствовали наряду съ нимъ или даже совсѣмъ замѣняли его. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, магдебургское право, вообще очень строгое, уполномочивало судъ предать смерти подсудимую за одно лишь прелюбодѣяніе, а за дѣтоубійство назначалась не простая даже, а квалифицированная, нарочито жестокая смертная казнь. Но такая жестокость не была въ духѣ южноруского народа, вообще добродушнаго и жалостливаго къ преступникамъ. Поэтому, на вопросъ предсѣдателя, „рада" единогласно отвѣтила:

— Судимо іи по хрыстіянскому звычаю, якъ наши батьки и диды судыли.

При этихъ словахъ магистратскій писарь, готовившійся было прочесть соотвѣтствующіе дѣлу „артыкулы" изъ магдебургскаго права, закрылъ книгу и сѣлъ на свое мѣсто.

Предсѣдатель приступилъ къ сбору голосовъ въ обратномъ (согласно обычаю) іерархическомъ порядкѣ засѣдавшихъ коллегій:

— А яке буде ваше „вотумъ", панове лавныкы прысяглые? обратился онъ сперва къ низшей магистратской коллегіи.

Лавники предложили такое рѣшеніе: выставить подсудимую посреди мѣстечка у позорнаго столба, продержать ее тамъ до ближайшаго воскресенія, а въ этотъ день публично высѣчь розгами.

— А ваше „вотумъ", панове бурмистры? спросилъ предсѣдатель.

Бурмистры присоединились къ рѣшенію лавниковъ, прибавивъ лишь, что въ воскресеніе, прежде чѣмъ сѣчь подсудимую, слѣдуетъ обрѣзать на ней подолъ рубашки и затѣмъ съ позоромъ выгнать изъ мѣстечка.

Очередь была за всей „радой громадской"; ей оставалось утвердить магистратское рѣшеніе, или изречь новый декретъ. Въ толпѣ нельзя было столковаться такъ легко, какъ въ небольшой группѣ; скоро, однако, соглашеніе было достигнуто, и писарю велѣно записать въ книги такой декретъ: такъ какъ судъ не имѣетъ „слушного доводу" относительно вопроса: живое или мертвое дитя родила обвиняемая Волчиха, до настоящаго же случая за ней не было примѣчено ничего такого, что подтверждало бы обвиненіе ея въ дѣтоубійствѣ, то посему не подвергать ее смерти, какъ о томъ „учитъ право"; признавая же, однако, Волчиху виновною въ прелюбодѣйномъ прижитіи ребенка и намѣреніи скрыть слѣды этого проступка, а также „запобѣгая тому, абы на дальшій часъ такои сваволи не було и турбація мѣсту (городу) зъ коштомъ не приходила",—выставить обвиненную у позорнаго столба, уводя на ночь въ тюрьму, а въ воскресеніе у того же столба, связавъ, высѣчь при всемъ народѣ и затѣмъ, обрѣзавъ подолъ „кошули", выгнать прочь изъ города.

Приговоръ этотъ въ тотъ же день былъ утвержденъ подстаростой и приведенъ въ исполненіе.

Несчастная женщина въ теченіе трехъ дней стояла привязанной у столба на базарной площади, при чемъ проходившіе издѣвались надъ ней, уличные мальчишки швыряли въ нее грязью; а въ воскресеніе послѣ обѣдни, въ присутствіи всего почти населенія мѣстечка и ближайшихъ селъ, ее высѣкли розгами, обор-

вали на ней нижнюю часть рубахи и въ такомъ видѣ метлами выгнали изъ мѣстечка, приказавъ ей подъ угрозою смерти никогда не возвращаться сюда, а роднымъ—принимать и укрывать ее.

Такъ строга была народная немезида къ падшимъ женщинамъ, если онѣ ктому же пытались скрыть слѣды своего паденія; но эта строгость—ничто въ сравненіи съ суровостью тогдашняго закона, установленнаго для подобныхъ случаевъ. Народное правосудіе устрашало позоромъ, тогда какъ дѣйствовавшее право жаждало мукъ и крови. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какъ расплачивались другія, подобныя Опраскѣ Вовчихѣ грѣшницы, когда ихъ судили „по праву", а не „по стародавнему звычаю".

II.

Въ апрѣлѣ 1704 г. какая то пани Ярмоховская прислала въ ковельскій магистратъ свою крестьянку Палажку, обвиняя въ томъ, что послѣдняя, будучи замужней женщиной, „впала въ грѣхъ чужеложства" съ дворовымъ пастухомъ Иваномъ и удушила рожденное отъ этой связи дитя. Лавники свидѣтельствовали принесенный въ кошолкѣ самой обвиняемой трупъ ребенка и нашли на немъ явные слѣды удушенія. Палажка откровенно созналась, что сама удушила дитя: „налегла на него зъ умыслу" (т. е. намѣренно). Въ виду такого безсердечія глупой матери, магистратъ рѣшилъ примѣнить къ ней, хотя и не въ полной мѣрѣ, строгость дѣйствовавшаго закона, цитаты изъ котораго, прочтенныя на судѣ, гласили слѣдующее: 1) „Уличенный въ чужеложствѣ долженъ быть усѣченъ мечемъ". 2) „Женщина, истребившая плодъ, рожденный ею живымъ и настолько развитымъ, что можно уже различить на немъ всѣ члены, должна быть, согласно обычаю (нѣмецкому), живою въ землю зарыта и пробита коломъ. Однако, въ предупрежденіе того, чтобы иная, устрашенная строгостью такой кары, не впала въ десперацію, казнь эта можетъ быть замѣнена утопленіемъ въ водѣ. Но въ случаяхъ, когда бы въ какой либо странѣ или городѣ часто приключались подобныя звѣрскія преступленія,—для вящшаго устрашенія и въ примѣръ другимъ злымъ женщинамъ, виновныя

должны быть караемы согласно вышеуказанному обычаю. Если же онѣ будутъ присуждаемы къ утопленію, то предварительно слѣдуетъ рвать ихъ тѣло раскаленными щипцами, какъ это рекомендуется опытными юристами" [1]).

Ковельскій магистратъ, однако, въ этотъ разъ не послѣдовалъ безчеловѣчнымъ рецептамъ „опытныхъ" нѣмецкихъ правовѣдовъ и постановилъ декретъ: казнить преступницу мечемъ, а трупъ ребенка, какъ не крещеннаго, похоронить за городомъ, подъ „фигурой" (крестомъ). Но когда Палажку вели на казнь, явились „велебные отцы": ксендзъ изъ фарнаго ковельскаго костела и уніатскіе священники: соборной церкви о. Василій и благовѣщенской о. Лука, а съ ними и другія „поважныя особы" съ ходатайствомъ освободить обвиненную отъ смерти, наказавъ ее инымъ, болѣе мягкимъ способомъ. Магистратъ охотно уважилъ это ходатайство и, отмѣнивъ декретъ, постановленный имъ „по праву", выдалъ другой „по стародавнему звычаю": подвергнуть преступницу сѣченію метлами у позорнаго столба, давъ ей полтораста ударовъ, и затѣмъ выгнать изъ города.

Спустя шесть лѣтъ послѣ этого случая, въ м. Выжвѣ судилась за дѣтоубійство Опраска Волчиха, а еще черезъ три года ковельскому магистрату снова пришлось судить подобное дѣло.

Случай произошелъ въ с. Клевецкѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Ковля. Строгія клевецкія матроны, изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ, по пословицѣ, и „шило въ мѣшкѣ не утаится", подмѣтили какъ то, что вдова Варвара Дмитрыха Дычикова, мать почти взрослыхъ дѣтей и, какъ ходилъ слухъ, любовница мѣстнаго войта, съ нѣкотораго времени начала пріобрѣтать подозрительную полноту. Тотчасъ заговорило о томъ все село. Отважная Дмитрыха вздумала заткнуть глотку досужимъ кумушкамъ: бранилась съ ними на базарѣ, похвалялась публично отшлепать ихъ „черевыкомъ" по щекамъ и даже грозила привлечь къ суду всѣхъ

---

[1]) Первая цитата взята изъ такъ называвшагося „Саксона" или „Саксонскаго зеркала" (Speculum Saxonum), входившаго въ составъ общаго кодекса, именуемаго магдебургскимъ правомъ, а вторая—изъ „магдеб. права" въ собственномъ смыслѣ.

сплетницъ, которыя смѣютъ распускать про нее дурные слухи. Устрашенныя кумушки притихли, но въ свою очередь рѣшились не спускать очей съ старой грѣшницы. Такъ минуло два-три мѣсяца. Дмитрыха, жившая въ самомъ концѣ села, все рѣже и рѣже стала показываться на улицахъ. Затѣмъ прошелъ слухъ, что она слегла. Сосѣдкамъ, которыя навѣщали ее, она жаловалась, что „подорвалась“ на тяжелой работѣ и оттого заболѣла. Но черезъ два-три дня больная настолько оправилась, что въ ближайшее воскресеніе появилась въ церкви, была на базарѣ, и всѣмъ бросилось въ глаза, что она рѣзко измѣнилась въ лицѣ, а прежней полноты не было слѣда. Заволновались клевецкія матроны: теперь вѣдь и вправду Дмитрыха можетъ привлечь ихъ за клевету! По ихъ наущенію заволновалась вся „громада“ клевецкая, смѣнила войта и обо всемъ донесла старостѣ съ просьбой нарядить слѣдствіе. Изъ Ковля послѣдовалъ приказъ: подвергнуть Дмитрыху осмотру опытныхъ женщинъ, а въ ея домѣ, дворѣ и огородѣ сдѣлать обыскъ, не отыщется ли тамъ живое или мертвое дитя. Дитяти не нашли, но бабки-эксперты единогласно признали Варвару Дмитрыху недавно родившей. Тотчасъ ее посадили въ „колоду“, пригрозили пыткой на „драбынѣ“ и заставили повиниться. И вотъ въ декабрѣ 1713 г. новый клевецкій войтъ съ пятью „мужами громадскими“ привелъ въ ковельскій магистратъ связанную Варвару Дмитрыху и съ нею низложеннаго войта Андруся Морзюка, на котораго она показала, какъ на отца погибшаго дитяти.

На допросѣ Морзюкъ, послѣ долгаго запирательства, сдѣлалъ такое признаніе: ѣздилъ онъ какъ то по дѣламъ своей должности въ м. Миляновичи и на возвратномъ пути заѣхалъ въ домъ къ Варварѣ спросить объ ея постояльцѣ-жолнерѣ. Варвара была одна, приняла войта съ почетомъ, угостила водкой и сама выпила, а когда позднимъ вечеромъ гость хотѣлъ уѣзжать, она, будучи „въ подпиломъ“ состояніи, шепнула, удерживая его: „добре бы тутъ удвохъ спаты!“ Гость, тоже достаточно „подпилый“, не имѣлъ силы противиться искушенію и остался ночевать... А больше никогда не имѣлъ съ нею „грѣха“ и „рады до страченья дитяти“ ей не давалъ.

Дмитрыха, напротивъ, утверждала, что войтъ, какъ лице начальственное, приневолилъ ее къ грѣху, что она просилась у него: „бойся Бога! ты маешъ жену, а я сыновъ дорослыхъ“, на что онъ отвѣтилъ: „не вважай на тое!“ Когда же она почувствовала себя беременной, то страшась и собственнаго безславія, и еще болѣе позора и „зневаги“ для своихъ дѣтей и всего рода, рѣшилась лучше погубить свое здоровье и даже жизнь, только бы освободиться отъ плода, и съ этою цѣлью подымала разныя тяжести: камни, колоды, до тѣхъ поръ, пока родила недоношенное дитя. Она слышала его плачъ, но „черезъ великій встыдъ“ не дала ему никакого „ратунку“ и, оставивъ его въ „коморѣ“, ушла въ избу, никому не сказавъ о случившемся. Черезъ короткое время, вернувшись съ огнемъ, она нашла дитя уже мертвымъ, прикрыла его коробкой и на третьи сутки отнесла на „розстанье“ (гдѣ расходятся дороги) и зарыла въ глинищѣ.

По выслушаніи дѣла, магистратъ, ссылаясь на извѣстные уже намъ „артикулы“ магдебургскаго права, хотя дѣйствуя не во всемъ согласно ихъ предписаніямъ, постановилъ декретъ: обвиняемаго Андруся за то, что онъ, имѣя „шлюбную“ жену, дерзнулъ впасть въ чужеложство съ Варварой Дмитрыхой, подвергнуть публичному наказанію плетьми у позорнаго столба въ Ковлѣ и вторично—среди с. Клевецка, по полутораста ударовъ, послѣ чего онъ обязанъ будетъ испросить прощеніе предъ своей громадой. А что касается Варвары Дмитрыхи, то въ возмездіе за то, что смѣла разныя тяжести носить съ цѣлью повредить собственному здоровью и погубить ребенка, котораго самымъ дѣломъ погубила и зарыла скрытно,—сама она должна быть заживо зарыта въ землю и пробита коломъ.

Въ ближайшую пятницу приступили къ исполненію этого декрета. Весь городъ сошелся поглядѣть на небывалое зрѣлище; цехи явились со своими значками. Когда вели осужденную къ мѣсту казни, во всѣхъ церквахъ звонили, какъ во время похоронъ. Ее сопровождалъ священникъ въ черныхъ ризахъ и всю дорогу громко читалъ молитвы. Далеко за городомъ, среди пустыря, вырыта была могила; здѣсь должна произойти казнь.

Писарь прочелъ декретъ, священникъ окончилъ послѣднее напутствіе—и преступница была предана въ руки палача. Съ связанными руками и ногами ее опустили въ могилу; туда же спустились два „гицеля", т. е. помощники палача, чтобы придержать жертву въ моментъ исполненія послѣдняго акта правосудія. Когда все было готово, палачъ, стоя на краю могилы, высоко поднялъ дубовый, заостренный колъ и съ размаху опустилъ его внизъ. Раздался страшный, нечеловѣческій вопль... Тысячная толпа всколыхнулась. Вопль повторился... „Швыдче, швыдче!" командовали бурмистры, понукая „гицелей", съ юркостью ящерицъ выползшихъ изъ могилы и взявшихся за лопаты. Пока засыпали могилу, палачъ всею тяжестью своей грузной особы налегъ на колъ, который конвульсивно пошатывался. Черезъ нѣсколько минутъ края могилы сравнялись съ землей.

„Со духи праведныхъ скончавшихся"... раздалось пѣніе дьячковъ. Началась панихида. Потрясенная толпа опустилась на колѣни и рада была въ молитвѣ найти исходъ жгучему ощущенію смертной тоски и тревоги. У всѣхъ были блѣдныя и точно виноватыя лица. Женщины рыдали и громко причитывали. За ними почти не было слышно причетниковъ, которые какъ то неестественно торопились и пѣли не своими голосами, точно у нихъ были перетянуты глотки. Среди неулегшагося общаго потрясенія, страннымъ диссонансомъ звучали умилительныя надгробныя пѣсни, наскоро отхватываемыя надъ незаровненной могилой, изъ которой, казалось, все еще неслись леденящіе кровь предсмертные вопли „новопреставленной".

III.

Когда все это происходило, въ числѣ зрителей, сбѣжавшихся на кровавое зрѣлище, находилась и ковельская мѣщанка Марина Васьчиха, и конечно, ей и въ голову не могло прійти, что пять лѣтъ спустя ее постигнетъ трагическая участь несчастной Дмитрихи, которую она теперь безсознательно оплакивала. Это предсказаніе показалось бы тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, что

Васьчиха вовсе не была женщиной легкаго поведенія и незадолго предъ тѣмъ вышла замужъ.

Жили они съ мужемъ очень бѣдно и даже не имѣли собственной хаты. Мужъ служилъ по чужимъ дворамъ въ работникахъ, а она проживала въ домѣ своего брата, ковельскаго мѣщанина Ивана Демидюка. Невѣстка съ ворчаніемъ и ропотомъ сносила присутствіе въ домѣ безполезной нахлѣбницы: слабосильная и вѣчно хворая Марина не была способна ни къ какой работѣ и почти не слѣзала съ печи, пока не угодила отсюда прямо въ тюрьму...

Въ одно ноябрское утро 1718 г. шляхтичъ Колпацкій случайно нашелъ близъ Демидюковой усадьбы трупъ новорожденнаго ребенка, завернутый въ тряпку и едва зарытый въ песокъ. Онъ далъ знать о томъ въ магистратъ, откуда въ тотъ же день были наряжены лавники для производства дознанія. Освидѣтельствовавъ трупъ дитяти, они не замѣтили на немъ никакихъ другихъ знаковъ насилія, кромѣ лишь того, что головка была своpочена на бокъ. Въ числѣ публики, собравшейся на мѣсто происшествія, оказался жолнеръ, квартировавшій въ домѣ Демидюка. Онъ разсказалъ, что прошлой ночью слышалъ въ избѣ какой то подозрительный пискъ, который принялъ онъ за пискъ щенка. Лавники отправились въ избу къ Демидюку и застали тамъ лежавшую на печи больную Марину, которая безъ отговорокъ созналась, что ребенокъ ея, родился живымъ, но тотчасъ умеръ, почему она и зарыла его въ саду. Ее немедленно увели въ тюрьму и подвергли допросу. По ея словамъ, ребенка прижила она съ мужемъ, но никому не говорила о томъ и даже отъ родныхъ скрывала свою беременность. Какъ это случилось, что она зарыла ребенка—она сама плохо помнитъ, потому что находилась въ то время въ состояніи безпамятства и лишь потомъ сообразила, что поступила дурно. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей Иванъ Демидюкъ и его жена показали, что не замѣтили беременности Марины, такъ какъ она постоянно лежала въ „запечку“, сказываясь больной, что во время родовъ не были дома, и только передъ тѣмъ, какъ лавники забирали Марину въ тюрьму, она призналась невѣсткѣ: „если бъ я вамъ

все разсказала, какъ вы шли въ церковь, то застали бъ еще дитя живымъ".

Вторично спрошенная, Марина прибавила: „во время родовъ никого не было въ домѣ, кромѣ одного жолнера, который хотя слышалъ дѣтскій пискъ, но мнѣ не сказалъ ничего. Тогда я не помню, что со мной сдѣлалось: будто сила какая то вытолкнула меня изъ хаты за ворота, и я отнесла ребенка въ садъ, выгребла руками ямку, положила его туда, прикрыла тряпкой и присыпала пескомъ. Сколько еще ни допрашивали подсудимую, она твердила одно: какъ только услышала, что въ избѣ что то запищало, будто курченокъ, въ ту же минуту какая то сила толкнула ее за порогъ... и проч.

Въ показаніяхъ обвиняемой и въ ея поведеніи во время беременности и послѣ родовъ, проглядываетъ какая то ненормальность, свидѣтельствующая или о природномъ скудоуміи подсудимой, или же о болѣзненномъ психическомъ разстройствѣ, столь обычномъ у женщинъ въ ея положеніи. Если Марина прижила ребенка отъ законнаго мужа (а этотъ фактъ на судѣ не былъ подвергнутъ сомнѣнію), то зачѣмъ же она скрывала свою беременность даже отъ близкихъ родныхъ и съ какою цѣлью поспѣшила припрятать ребенка? Вообще, всѣ дѣйствія подсудимой, какъ они изложены въ судебномъ протоколѣ, представляются весьма странными, а ея показанія дѣтски-наивными. Къ несчастью, магистратъ видимо не обратилъ на это никакого вниманія и ни на минуту не усомнился въ томъ, что имѣетъ дѣло съ закоренѣлой преступницей, а не съ психически-больной или же слабоумной женщиной; поэтому онъ, не обинуясь, изрекъ декретъ: „въ виду сознанія подсудимой, что прижитое отъ мужа дитя она осмѣлилась живымъ зарыть въ землю, и сама она за свой звѣрскій проступокъ, согласно праву магдебургскому, имѣетъ быть заживо зарыта въ землю и пробита коломъ".

На третій день лавники донесли магистрату, что его рѣшеніе въ точности исполнено.

Такія жестокія расправы надъ дѣтоубійцами практиковались въ теченіе многихъ столѣтій на всемъ пространствѣ, гдѣ дѣйствовало магдебургское право. А надобно вспомнить, что районъ дѣйствія его не ограничивался политическими предѣлами польскаго государства, но искони распространялся и на восточную часть Малороссіи, такъ называемую „гетманщину“, въ которой правомъ этимъ руководствовались не одни магистратскіе и ратушные суды, но отчасти сотенные и полковые уряды. Конечно, не всѣ преступныя матери подвергались именно той нарочито-лютой казни, какая положена была по магдебургскому праву: въ Малороссіи обыкновенно казнили ихъ „мечемъ“, а часто и вовсе освобождали отъ смерти, замѣняя ее позорнымъ наказаніемъ, какъ то практиковалось нерѣдко на Волыни и Украинѣ. Но все же, еслибъ можно было собрать точныя свѣдѣнія относительно всѣхъ несчастныхъ, подвергшихся погребенію заживо, то получилась бы, полагаемъ, очень внушительная цифра. И несмотря на то, случаи дѣтоубійствъ не прекращались, и даже можно утверждать, что они были болѣе часты, чѣмъ въ нынѣшнее время. Ясно, что кровавый законъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не достигалъ своей цѣли—устрашенія. Блудная жизнь въ городахъ не прекращалась, и страхъ жестокой кары за дѣтоубійство приводилъ лишь къ тому, что преступленія совершались осмотрительнѣе, съ большими предосторожностями; въ руки правосудія попадались лишь весьма неопытныя или наивныя преступницы, въ родѣ Марины Васьчихи, а болѣе умныя и предусмотрительныя искусно заметали слѣды и избѣгали наказанія. Были, слѣдовательно, въ тогдашней общественной жизни какія то скрытыя причины, пересиливавшія устрашающее дѣйствіе жестокихъ наказаній и заглушавшія въ преступницахъ материнскіе инстинкты.

Общими причинами, порождающими тѣ уродливыя и омерзительныя явленія, которыя въ уголовныхъ лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ дѣтоубійствъ, нужно признать: низкій уровень развитія народныхъ массъ и извѣстныя ненормальности въ ихъ соціальномъ строѣ; но, повторяемъ, это—причины общія, существующія и въ наше время ничуть не въ меньшей степени,

чѣмъ сто лѣтъ назадъ. Необходимо, слѣдовательно, предположить въ тѣ времена существованіе иныхъ, болѣе частныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ преступныя матери забывали даже о жестокой расплатѣ, постигавшей ихъ въ случаѣ раскрытія преступленія. Намъ кажется, что такими причинами могли быть: во-первыхъ, слишкомъ неумѣренная строгость къ человѣческимъ слабостямъ, господствовавшая въ тогдашнемъ обществѣ, а еще болѣе—въ законодательствѣ. Даже Лит. Статутъ, столь вообще снисходительный къ шляхетскимъ проступкамъ, опредѣлялъ смертную казнь той дѣвушкѣ („паннѣ"), которая была бы изобличена въ развратной жизни; тому же подвергалась и замужняя шляхтянка за нарушеніе супружеской вѣрности [1]). Магдебургское право, по которому судили мѣщанъ и крестьянъ, еще строже относилось къ блудникамъ и въ особенности къ блудницамъ, да и народная среда гораздо суровѣе смотрѣла на этотъ грѣхъ, чѣмъ сластолюбивое панство, и если не всегда карала блудницъ смертью, то навѣки клеймила ихъ позоромъ. Вникнемъ же теперь въ положеніе тогдашней женщины, случайно впавшей въ грѣхъ и почувствовавшей себя матерью: если она знала, что законъ и люди никогда не простятъ ей паденія, что въ случаѣ обнаруженія ея проступка ее ожидаетъ смертная казнь или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, выставка у позорнаго столба, урѣзаніе уха, позорное изгнаніе изъ города и исключеніе изъ общины—то что же могло удержать ее отъ искушенія скрыть свой позоръ хотя бы путемъ совершенія новаго, болѣе тяжкаго преступленія? Материнская любовь и жалость къ ребенку? Увы! ей хорошо было извѣстно, какая жалкая, страдальческая жизнь предстоитъ ея дитяти. Надо вспомнить, каково было въ то время положеніе незаконнорожденныхъ, или, какъ ихъ даже оффиціально именовали, „бенкертовъ", „выблядковъ". Это были въ полномъ смыслѣ паріи, существа презрѣнныя и безправныя въ общественномъ и гражданскомъ отношеніи. Не было болѣе тяжкаго оскорбленія, какъ названіе кого либо „бенкертомъ", „не-

[1]) Лит. Статутъ 3-й редакціи, раздѣлъ 14, артыкулъ 30. Мужчина шляхтичъ присуждался къ смертной казни лишь за чужеложство и изнасилованіе; за простой же развратъ ему вовсе не грозило никакое наказаніе.

учтивои матки нечистого ложа сыномъ". Бенкертъ не могъ наслѣдовать ни послѣ отца, ни послѣ матери; онъ не имѣлъ права быть свидѣтелемъ на судѣ; не могъ вести никакого иска, ни подавать жалобы. Самое убійство „бенкерта" не считалось преступленіемъ и не преслѣдовалось уголовнымъ судомъ.—Въ виду такой ужасной перспективы, не долженъ ли былъ умолкнуть материнскій инстинктъ, заглушаемый къ тому же инстинктомъ самосохраненія!.

Итакъ, безправное положеніе незаконнорожденныхъ — вотъ другая, не менѣе важная причина въ ряду тѣхъ, которыя нѣкогда порождали частые случаи дѣтоубійствъ. Что это такъ—доказываетъ фактъ постепеннаго уменьшенія этихъ преступленій по мѣрѣ того, какъ въ общественную жизнь и сознаніе, а чрезъ то и въ законодательство, все болѣе проникаютъ высшія христіанскія начала гуманности, снисходительнаго отношенія къ личнымъ человѣческимъ слабостямъ и признанія всѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ за тѣми несчастными, которые въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ несли тяжкую, незаслуженную кару за грѣхи родителей.

О. Левицкій.

О СТАТЬЯХЪ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО (1654 Г.).

Переговоры объ условіяхъ соединенія Малой Россіи съ Великой, веденные въ 1654 году въ Москвѣ между посланниками запорожскими и московскимъ правительствомъ, и результатъ этихъ переговоровъ—статьи съ указами государя и жалованныя грамоты имѣютъ большой интересъ для своего времени; они указываютъ во 1-хъ, какъ постепенно сближались между собою двѣ части Россіи, бывшія оторванными одна отъ другой въ теченіе 4-хъ вѣковъ,—какъ подозрительно жители Малороссіи, особенно высшіе классы, относились къ московскому правительству; какъ ревниво стояли они за свои прежнія права и привилегіи и какъ осторожно поэтому московское правительство должно было держать себя въ переговорахъ и сношеніяхъ съ Малой Россіей, чтобы укрѣпить возобновившуюся связь; во 2-хъ переговоры и статьи о правахъ, предложенныя запорожскими послами, хорошо объясняютъ намъ отношеніе различныхъ элементовъ населенія Малой Россіи другъ къ другу, именно стремленіе высшихъ классовъ—козачества, шляхетства и духовенства добиться себѣ правъ, привилегій и маетностей на счетъ низшихъ классовъ—мѣщанъ и посполъства. Наконецъ, въ 3-хъ, статьи имѣли и то значеніе, что онѣ, послѣ того какъ были утверждены, установляли извѣстныя отношенія между Малой Россіей и Великой; та и другая сторона постоянно ссылались на эти статьи при возникавшихъ недоразумѣніяхъ.

Въ виду такой важности статей Богдана Хмельницкаго, желательно, конечно, знать первоначальный *подлинный списокъ* ихъ. Но здѣсь то и является разногласіе: съ одной стороны—занимавшіеся этимъ вопросомъ въ литературѣ—*Г. Ѳ. Карповъ* въ статьѣ «Переговоры о соединеніи Малой Россіи съ Великой», помѣщенной въ «Жур. Мин. Нар. Просв.» за 1871 годъ № 11 и 12, и *г. Буцинскій* въ 8 й главѣ своей книги «О Богданѣ Хмельницкомъ»—на основаніи нѣко-

торыхъ малороссійскихъ лѣтописей (Грабянки, напр. и друг.) и на основаніи статейнаго списка Трубецкаго (1659 г.) полагаютъ, что подлинный списокъ статей Хмельницкаго долженъ состоять изъ 14 статей [1]), хотя подлиннаго то списка, по ихъ же сознанію, нѣтъ, а они возстановляютъ его по позднѣйшимъ спискамъ (напр. Брюховецкаго), съ другой стороны въ переговорахъ объ условіяхъ соединенія Малой Россіи съ Великой въ 1654 году, напечатанныхъ Г. Ѳ. Карповымъ въ 10-мъ томѣ Актовъ ю. и з. Россіи, гдѣ подробно и послѣдовательно излагается весь ходъ переговоровъ, ни слова не говорится объ упомянутомъ спискѣ въ 14 статей, а приводится нѣсколько другихъ списковъ въ 20, 23 и 11 пунктовъ.

Профессоръ *Антоновичъ* въ отзывѣ своемъ о диссертаціи Буцинскаго («Кіев. Ст.» 1883 г.) придаетъ большое значеніе 8-й главѣ диссертаціи, говоря, что она рѣшаетъ запутанный вопросъ о статьяхъ Богдана Хмельницкаго. При такомъ категорическомъ заявленіи о рѣшеніи вопроса относительно статей Богдана Хмельницкаго, не безъинтересна, конечно, будетъ попытка съ нашей стороны дать этому вопросу иное рѣшеніе и во всякомъ случаѣ указать положительную неправильность упомянутаго выше рѣшенія.

Основаніемъ у насъ будутъ служить Акты южной и западной Россіи, томы: 3, 4, 10 и 11 [2]). Поэтому мы по нимъ и изложимъ сперва вкратцѣ ходъ переговоровъ между запорожскими посланниками и московскими боярами въ мартѣ 1654 года.

8-го марта 1654 г. запорожскіе посланники послѣ обѣда у калужскаго воеводы выѣхали изъ Калуги въ Москву. 8-го же марта былъ въ Москвѣ указъ государя «на старомъ монетномъ дворѣ на хоромахъ кровли и около двора заборы и ворота и навѣсы починить и дворъ очистить тотчасъ, для того, что стоять на томъ дворѣ запорожскимъ посланникамъ».

Отъ *11-го марта* читаемъ указъ путивльцу Микитѣ Булгакову, чтобы онъ «завтра» 12-го марта шелъ къ Москвѣ съ запорожскими посланниками и чтобы въ Москву былъ часу въ 6-мъ или 7-мъ дня [3]).

Все это мы привели съ тѣмъ, чтобы показать неправильность, допущенную въ данномъ случаѣ въ книгѣ г. Буцинскаго, который от-

---

[1]) Перечень ихъ см. *Буцинскій*, гл. 8; *Карповъ* въ *Жур. Мин. Н. Пр.* 1871 г. № 12; и Акты юж. и зап. Россіи т. 4, стр. 262.

[2]) Послѣдними двумя томами г. Буцинскій даже не пользовался, какъ на это указываетъ проф. Антоновичъ и какъ это видно и изъ его сочиненія, хотя томы эти явились гораздо раньше выхода его диссертаціи.

[3]) Акты, т. 10, стр. 422—428.

носитъ пріѣздъ пословъ въ Москву къ 10-му марта; а 10-го же числа они будто бы подали уже и статьи *на письмѣ*; отъ этого, какъ увидимъ ниже, у него произошла путаница въ изложеніи всего хода переговоровъ. Между тѣмъ приведенный указъ государя отъ 11-го марта ясно показываетъ, что послы 10-го числа никакъ не могли пріѣхать; если даже г. Буцинскаго ввело въ заблужденіе неправильное число въ рукописи, то простое соображеніе все таки могло показать невозможность прибытія пословъ изъ Калуги въ Москву 10 марта: послы выѣхали изъ Калуги 8-го марта послѣ обѣда; отъ Калуги до Москвы по самой прямой дорогѣ почти 300 верстъ, слѣдовательно они должны были сдѣлать въ *два дня* 300 верстъ; но этого они при своемъ числѣ—76 человѣкъ, при поклажѣ, да еще на своихъ «шкапахъ», ѣхавшихъ изъ самой Малороссіи [1]), ни въ какомъ случаѣ сдѣлать не могли.

Возвратимся къ нашему изложенію.

13-го марта послы были на пріемѣ у государя въ столовой избѣ. Того же числа, по указу государя, послы были на казенномъ дворѣ у бояръ и думныхъ людей: у боярина и князя А. Н. Трубецкаго, у В. В. Бутурлина, у окольничаго П. П. Головина и у думнаго дьяка Алмаза Иванова и объявили имъ тѣ статьи, о которыхъ наказано имъ бить челомъ государю.

Статьи, объявленныя послами 13-го марта, раздѣлены на 20 пунктовъ, но это раздѣленіе сдѣлано, конечно, московскими приказными людьми во время записи, такъ какъ посланники, на этотъ разъ передавая статьи устно, не могли дѣлить ихъ на пункты. Отъ устной же передачи много зависитъ отсутствіе порядка въ статьяхъ и то, что нѣкоторыя важныя статьи выражены кратко (1-я и 4-я), а сравнительно незначительныя (какъ 10, 17-я) выдѣлены въ особые пункты.

Выслушавъ эти статьи, бояре говорили съ посланниками о предстоящей войнѣ, объ отношеніяхъ гетмана и войска къ крымскому хану, къ ногайскимъ татарамъ и другимъ сосѣдямъ и затѣмъ, отпуская пословъ, бояре велѣли имъ *прислать рѣчи ихъ на письмѣ.*

14-го марта послы прислали уже форменную челобитную отъ имени «гетмана, войска запорожскаго и всего христіанскаго россійскаго міра» объ утвержденіи ихъ правъ и привилегій, которыя излагаются въ той же челобитной ниже. Теперь посланники изложили свои требованія уже по пунктамъ, которые отличаются отъ статей 13-го марта

[1]) Изъ Малороссіи ѣхало 24 подводы да 42 подводы дано изъ Путивля.

большимъ порядкомъ и опредѣленностью, количествомъ (23 п.) и даже составомъ.

1-й пунктъ статей 13-го марта въ статьямъ 14-го марта распался на два пункта: 1-й и 6-й.

2-й и 7-й пункты статей 13 го марта, выраженные запутанно и неясно, въ статьяхъ 14-го марта выражены болѣе опредѣленно и составили 4-й и 16 й п.

4-й п. статей 13 го марта—о жалованьѣ войсковымъ чинамъ распался въ статьяхъ 14-го марта на 5 пунктовъ: 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 21-й.

Пункты 6-й, 10-й, 15-й, 17-й и 19-й опущены вовсе въ редакціи 14-го марта, или по своему очень частному характеру, или потому, что они могли подразумѣваться подъ другими пунктами.

3 й пунктъ о числѣ войска и жалованьѣ ему распался на 2 пункта: о числѣ говорится въ особомъ 2-мъ пунктѣ, о жалованьѣ же въ 21-мъ п., гдѣ говорится также о жалованьѣ и другимъ чинамъ.

Остальные пункты обѣихъ редакцій вполнѣ соотвѣтствуютъ между собою.

Но въ статьяхъ 14-го марта остается еще 2 новыхъ пункта— 20-й и 22-й; они явились слѣдствіемъ переговоровъ 13-го марта пословъ съ боярами [1]).

Подъ этими статьями (14 марта) подписаны государевы указы. 11 статей подтверждены безъ всякихъ оговорокъ: «государь и бояре приговорили быть по ихъ челобитью», при чемъ въ статьяхъ о жалованьѣ прибавлено: «давать изъ тамошнихъ доходовъ». 4, 15 и 16-я также подтверждены, только форма указа нѣсколько иная.

Относительно статьи 14-й—о чужеземныхъ послахъ въ указѣ сдѣлано ограниченіе: «государь и бояре приговорили: *пословъ о добрыхъ дѣлахъ принимать и отпускать*; а о какихъ дѣлахъ приходили и съ чѣмъ отпустили, и о томъ писать къ государю. А которые послы присланы были съ противнымъ дѣломъ государю, и тѣхъ задерживать и писать объ нихъ государю, а безъ государева указу ихъ не отпускати. *А съ турскимъ султаномъ и съ польскимъ королемъ безъ царскаго указа не ссылаться*».

Подъ 18, 19, 20 и 23 й статьями написано «допросить» пословъ; подъ 21-й «отговаривать»—относительно жалованья войску. Вмѣстѣ съ статьями посланники представили документы, подтверждавшіе тѣ

---

[1]) Акты т. 10. стр. 442—446.

права и привилегіи, которыхъ они просили; это—привилегіи польскихъ королей.

Хотя указы на статьи и жалованныя грамоты государя еще не были готовы, но 19 марта, въ вербное воскресенье, назначенъ былъ отпускъ запорожскимъ посланникамъ у государя [1]). Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ говорилъ посламъ рѣчь отъ имени государя, которую оканчивалъ объявленіемъ, что государь пожаловалъ велѣлъ подтвердить ихъ права и привилегіи своею жалованною грамотою. «А послѣ того», говорилось въ наказѣ, «подать имъ государева грамота», но этой грамоты въ то время имъ не было, вѣроятно, дано, потому что переговоры еще не окончились и обработка статей, равно какъ и жалованныхъ грамотъ, продолжалась еще нѣсколько дней. Въ тотъ же день (19 марта) посланники ходили за вербою за боярами и ѣли у патріарха за столомъ.

Послѣ же отпуска у государя послы были на казенномъ дворѣ у боярина А. Н. Трубецкаго, В. В. Бутурлина и думнаго дьяка Алмаза Иванова и *бояре объявили на ихъ статьи государевъ указъ.*

Посланники, выслушавъ государевъ указъ, на его государевой милости били челомъ *и по спросу, о чемъ довелось, объявили:* далѣе слѣдуютъ 12 пунктовъ—отвѣтовъ посланниковъ на вопросы бояръ. Эти вопросы и отвѣты большею частью касаются тѣхъ статей (изъ числа 23), на которыя не было положительныхъ указовъ государя за ихъ неясностью или за несогласіемъ московскаго правительства и гдѣ поэтому подписано «допросить» или «отговаривать».

Именно, требовали обясненій статьи: 10-я о судьяхъ; 20 я о томъ, въ какихъ мѣстахъ по рубежу стоять воеводамъ, и 23-я о Кодакѣ. На эти пункты послы отвѣчаютъ теперь болѣе опредѣленно: на 10-й— «судей войсковыхъ 2 человѣка»; на 20-й—«тѣ де люди (украинные) надобны въ то время, какъ ужъ война минется, а нынѣ въ Кіевѣ и на Украйнѣ государевы люди для обереганія есть»; на 23-й пунктъ отвѣтъ пословъ подъ № 11 и 10-мъ. Подъ статьей 12-й (по редакціи 14 марта)—о содержаніи арматы хотя и написанъ уже былъ указъ «давать изъ тамошнихъ доходовъ», но бояре теперь распросили подробнѣе, сколько давалось прежде на содержаніе, въ какихъ мѣстахъ она стояла; посланники говорили: «А быти бъ арматѣ для прокормленія въ зимнее время по перемѣнамъ въ жилыхъ мѣстахъ, въ которыхъ бы было дворовъ по 300; а въ то бъ время съ тѣхъ мѣстъ,

---

[1]) Акты т. 10, стр. 471—475.

въ которыхъ армата учнетъ стоять, податей ни какихъ не имать» (пунктъ 2-й). Замѣтимъ, что посланники точно не опредѣляютъ, гдѣ стоять арматѣ.

Кромѣ того, бояре повторили указъ государя на статью 14-го: «Чтобъ гетману съ польскимъ и съ турскимъ ссылки не держать». Посланники отвѣчали: «о томъ и гетманъ писалъ къ ц. в., чтобъ польскимъ и литовскимъ лестнымъ ссылкамъ не вѣрить» (п. 3).

Въ первый разъ также бояре напомнили отъ себя о воеводахъ: «Чтобъ быть имъ въ Кіевѣ и въ Черниговѣ». Посланники отвѣтили: «въ томъ воля государева» (п. 4). П. 5. Бояре объявили, что отъ кіевскаго митрополита многія неслушныя дѣла чинятся. Посланники отвѣчали: «что они слышатъ, и то гетману скажутъ». Наконецъ, (п. 7) бояре заговорили относительно жалованья войску. Неизвѣстно, сами ли они заговорили объ этомъ, или, быть можетъ, ихъ вызвали на разговоръ послы, которые, какъ увидимъ, остались недовольны этимъ пунктомъ,—только теперь бояре уже не просто отказываютъ въ жалованьѣ, какъ въ указѣ на 21-й пунктъ, а говорятъ: «царское величество хочетъ послать отъ себя... дворянина добраго и велитъ тамошніе всякіе доходы описать и смѣтить, и что по переписи какихъ доходовъ объявится, и въ то время отъ государя и указъ имъ будетъ; а нынѣ посылаетъ имъ государь свое государево жалованье къ гетману золотые, а къ войску запорожскому на всѣхъ 60,000 чел. по чети золотого угорскаго». Къ этому вопросу относится челобитная посланниковъ къ государю о томъ, чтобы войску назначено было жалованье по 30 золотыхъ въ годъ каждому, что безъ этого имъ нельзя будетъ явиться къ войску. Неизвѣстно, раньше или позже переговоровъ 19 марта подана эта челобитная, но только она не имѣла полнаго успѣха,—указъ остался въ томъ видѣ, какъ изложили его бояре въ пунктѣ 5-мъ. Какіе же указы бояре читали посланникамъ и какой смыслъ имѣли переговоры 19 марта? Нужно думать, что бояре читали именно тѣ указы, которые подписаны подъ статьями 14 марта, такъ какъ послы еще не знали, какъ государь отвѣтилъ на всѣ ихъ требованія; но этотъ списокъ статей 14 марта не могъ быть отданъ посламъ, потому что на нѣкоторые пункты еще не было положительныхъ указовъ государя; нужно было еще разспросить кое о чемъ посланниковъ и для этой цѣли имъ приказано быть на казенномъ дворѣ. Отсюда выводъ тотъ, что боярамъ нужно было измѣнить редакцію статей 14 марта сообразно съ послѣдними объясненіями посланниковъ, а потомъ и вообще обработать и статьи, и жалованныя грамоты. Дѣй-

ствительно, мы видимъ, что посланники подаютъ боярамъ новыя статьи—21 марта [1]). Число статей, поданныхъ 21 марта, только 11 [2]); составъ ихъ съ перваго раза представляется непонятнымъ: изъ перечня статей выпущены всѣ статьи о правахъ и привилегіяхъ войска запорожскаго, за исключеніемъ статей о жалованьѣ; выпущена также статья о правахъ шляхты, о пожалованіи Чигирина на гетманскую булаву, т. е. статьи 1-я, 2, 3, 5, 6, 7, 13 и 17-я (по списку ст. 14 марта); затѣмъ нѣкоторыя статьи измѣнены, именно 3 статьи по ред. 14 марта: 4-я, 15 и 16-я соединены въ редакціи 21 марта въ одну 1-ю, а четыре статьи о жалованьѣ: 8-я, 9, 10 и 11-я (по ред. 14 марта) соединены по ред. 21 марта въ двѣ статьи: 2-ю и 3-ю. Остальныя статьи обѣихъ редакцій вполнѣ соотвѣтствуютъ:

4-я (по ред. 21 марта) соотв.	12-й (по ред. 14 марта).
5-я	14-й
6-я	18-й
7-я	19-й
8-я	20-й
9-я	21-й
10-я	22-й
11-я	23-й

Подъ этими статьями мы находимъ указы государя, изъ которыхъ видно, что они подписаны уже послѣ переговоровъ 19 марта, такъ какъ на тѣ статьи, подъ которыми прежде (въ ред. 14 марта) было написано «допросить», теперь даны уже опредѣленные указы (статьи 10, 11 и 3-я); подъ ст. 9-й—о жалованьѣ козакамъ также нѣтъ уже слова «отговаривать», а повторяется указъ государя, написанный подъ ст. 21 (по ред. 14 марта), и то, что говорили бояре посламъ 19 марта въ п. 7-мъ. Посланники, несмотря на то, что были на отпускѣ у государя еще 19 марта, (вербное воскресенье), могли уѣхать изъ Москвы только 27 марта (2-й день пасхи). Причину этой задержки г. Карповъ объясняетъ тѣмъ, что посланники остались недовольны указомъ государя относительно жалованья войску и подали новую челобитную, чтобы жалованье войску было назначено; вообще же переговорамъ послѣ 19 марта г. Карповъ не придаетъ значенія и статьи, напримѣръ, 21 марта онъ считаетъ частными статьями.

---

[1]) Акты т. 10, стр. 477—484.

[2]) Одна статья между 4-ю и 5-ю вычеркнута въ черновомъ спискѣ.

Въ данномъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ г. Карповымъ. Переговоры 19 марта, по нашему мнѣнію, были продолженіемъ прежнихъ, еще неоконченныхъ переговоровъ; статьи 21 марта явились слѣдствіемъ этихъ переговоровъ и имѣли не частный характеръ, а такой же оффиціальный, какъ и прежнія статьи. Преждевременный же отпускъ посланниковъ у государя, непонятный на первый разъ, объясняется тѣмъ, что въ то время наступила страстная седмица, когда царь говѣлъ, проводилъ почти цѣлые дни на церковныхъ службахъ, посѣщалъ тюрьмы и пр., а затѣмъ наступалъ свѣтлый праздникъ, когда царь опять проводилъ все почти время въ пріемѣ и отдачѣ поздравленій, посѣщеніи монастырей, церквей и когда поэтому дѣловыхъ пріемовъ не было въ теченіе всей недѣли [1]). Вотъ этимъ и объясняется, что отпускъ посламъ сдѣланъ въ послѣдній пріемный день—вербное воскресенье. Отлагать же отпускъ до окончанія неприсутственныхъ дней не хотѣли посланники; они спѣшили домой, что видно изъ ихъ челобитной государю (безъ обозначенія числа подачи), въ которой они просили какъ можно скорѣе отпустить ихъ домой, «а какъ вода пустится, тогда будемъ здѣсь въ деревнѣ на дорогѣ медлити, за что отъ его милости пана гетмана и всего войска велику немилость заслужимъ» [2]).

26 марта былъ указъ государя объ отпускѣ пословъ, а 27 марта они выѣхали изъ Москвы. Теперь обратимся къ вопросу о послѣдней редакціи статей.

Были ли послѣдней редакціей статьи 21 марта, какъ это выходитъ по времени подачи ихъ, или послѣ нихъ была еще новая редакція, напримѣръ та, которая состоитъ изъ 14 статей и которую обыкновенно считаютъ послѣднею редакціей?

Вопросомъ о родѣ переговоровъ и о послѣдней редакціи статей, какъ мы выше сказали, занимались въ литературѣ два лица—Г. Ѳ. Карповъ и г. Буцинскій.

Г. Буцинскій въ 8-й гл. своей книги «О Богданѣ Хмельницкомъ», говоря о ходѣ переговоровъ въ Москвѣ и о времени подачи статей, перепутываетъ почти всѣ числа. Онъ полагаетъ, прежде всего, что послы пріѣхали въ Москву 10 марта, чего, какъ мы выше доказывали, быть не могло. Переговоры, по его мнѣнію, начались 12 марта, въ этотъ день, говоритъ онъ, послы подали статьи въ 23

---

[1]) *Забѣлинъ*. Быт. рус. царей, I, гл. 4-я.

[2]) Акты т. 10. стр. 486.

пункта, т. е. тѣ, которыя по актамъ (10 т.) поданы 14 марта. Здѣсь, намъ кажется, двѣ ошибки допущены г. Буцинскимъ; во 1-хъ, вѣроятно, 12-мъ марта въ рукописи помѣчены статьи въ 11 пунктовъ, какъ это видно изъ актовъ, а во 2-хъ г. Буцинскій не воспользовался замѣткою г. Карпова, который отлично доказалъ, что цифра 12 стоитъ на выскобленномъ мѣстѣ ошибочно вмѣсто 21 марта [1]).

Затѣмъ г. Буцинскій говоритъ, что 13 марта *были поданы боярамъ* статьи въ 20 пунктовъ; между тѣмъ изъ актовъ мы видимъ, что эти статьи были изложены посланниками *устно*, а *на письмѣ* поданы на другой день 14 марта; съ этимъ согласенъ и г. Буцинскій: онъ говоритъ, что 14 марта были поданы *«рѣчи на письмѣ»*; число пунктовъ въ этихъ статьяхъ было, по его словамъ, или 5, или 13, а по нѣкоторымъ спискамъ, прибавляетъ г. Буцинскій, статьи эти были *разговорные*. Однимъ словомъ трудно понять порядокъ переговоровъ въ изложеніи г. Буцинскаго. Но особенно курьезно онъ толкуетъ *переговоры у пословъ съ боярами 19 марта*, послѣ отпуска у государя. Отвѣты пословъ на тѣ вопросы, которые имъ предлагали бояре, г. Буцинскій считаетъ за новыя статьи, поданныя будто бы послами въ этотъ день; этотъ промахъ произошелъ оттого, что онъ въ данномъ мѣстѣ не дописалъ, или не дочиталъ *одного слова*; онъ пишетъ на стр. 159: «послы, выслушавъ указъ государя, снова били челомъ» и «*по спросу о чемъ*» объявили новыя просьбы (просьбъ однако не приведено). Между тѣмъ въ актахъ, т. 10, стр. 475, совершенно въ томъ же мѣстѣ мы читаемъ: «и посланники, выслушавъ государевъ указъ, на его государевой милости челомъ били *и по спросу, о чемъ довелось,* объявили»: слѣдуютъ 12 отвѣтовъ пословъ на вопросы бояръ, а частію разъясненія со стороны бояръ. Ясно, что здѣсь посланники отвѣчали на вопросы бояръ относительно тѣхъ статей, которыя требовали разъясненія, т. е. подъ которыми стояло «допросить» и пр., а вовсе не давали новыхъ статей.

О статьяхъ въ 11 пунктовъ г. Буцинскій вовсе не упоминаетъ. Наконецъ, переходя къ вопросу о послѣдней редакціи статей, онъ говоритъ [2]): «не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что число пунктовъ этого договора было именно 14», но при этомъ онъ основывается не на черновыхъ спискахъ ихъ въ архивѣ, что было бы важно въ данномъ случаѣ, а на лѣтописи Грабянки и на статейномъ спискѣ князя

---

[1]) Акты т. 10, стр. 477–478, и его статья въ *Жур. М. Н. Пр.* 1871 г. № 12.
[2]) Стр. 154.

А. Н. Трубецкаго 1659 года. Насколько основаніе это вѣрно, будетъ видно ниже.

Г. Ѳ. Карповъ въ упомянутой статьѣ «Переговоры объ условіяхъ соединенія М. Р. съ В.» говоритъ, что посланники, при отъѣздѣ изъ Москвы, могли имѣть у себя списокъ статей 21 марта въ 11 пунктовъ (слѣдовательно согласно актамъ, гдѣ подъ этими статьями (стр. 484) написано: «таково письмо дано посланникамъ») и кромѣ того, говоритъ онъ, посламъ была дана окончательная редакція въ 14 статей, хотя оригинальнаго списка этихъ статей не находится нигдѣ, ни въ московскихъ, ни въ малороссійскихъ архивахъ и его не было еще въ началѣ XVIII вѣка, такъ что г. Карповъ возстановляетъ этотъ списокъ по подлинному списку статей Брюховецкаго 1665 года. Приводя эти статьи, г. Карповъ *удивляется*, почему москов. правительство въ этой редакціи само формулировало статьи и при томъ въ строгой формѣ, тогда какъ прежде оно цѣликомъ заимствовало просительные пункты изъ войсковыхъ статей и подъ ними подписывало свои указы, и онъ дѣлаетъ по этому поводу только *«гадательное объясненіе»*, именно, что москов. правительство не хотѣло подписывать свои указы подъ статьями, начинавшимися словами: «въ началѣ изволь твое цар. вел. подтвердить права и вольности войсковыя». При объясненіи статей этой редакціи ему также приходитъ дѣлать натяжки, такъ какъ многія статьи послѣдней редакціи находятся въ прямомъ противорѣчіи со всѣми прежними статьями и указами москов. правительства и по содержанію, и по характеру отношенія москов. правительства къ козакамъ и гетману.

Остановимся подробнѣе на этихъ противорѣчіяхъ.

Въ пунктѣ 3-мъ (ред. 14 статей) говорится: «на булаву гетманскую дано староство чигиринское... *да ему же тысяча золотыхъ червонныхъ*». Такого прибавленія о жалованьѣ гетману мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ сохранившихся спискахъ статей 1654 года, и при посылкѣ государемъ жалованья войсковымъ чинамъ и козакамъ и въ грамотахъ государя не упоминается объ опредѣленномъ жалованьѣ гетману; въ Актахъ т. 10 стр. 569 [1]) говорится: «А нынѣ мы в. г. жалуемъ тебя Б. Х. и все войско зап., для службы, указали тебѣ послать собрать *на писаря и на списковыхъ ясауловъ... и на козаковъ 60,000 наше жалованье* Малые Россіи со всѣхъ городовъ... *и раздати имъ, по чему доведется*»; на стр. 692-й моск. посолъ Протасьевъ

---

[1]) Въ жалованной грамотѣ къ гетману.

повторяетъ предъ гетманомъ то же самое, т. е. что государь указалъ «собрать жалованье *на писаря, на ясауловъ... и козаковъ, а гетману посылаетъ государь жалованье одинъ золотой въ девять золотыхъ и сорокъ соболей въ 100 рублей*». Слѣдовательно, опредѣленнаго жалованья гетману не было въ августѣ 1654 г. [1]).

Пунктъ 6-й этой редакціи—о жалованьѣ простымъ козакамъ находится въ противорѣчіи съ госуд. указами подъ статьями 14-го и 21-го марта, именно въ п. 6-мъ говорится о жалованьѣ простымъ козакамъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ,—«а давати имъ жалованье (30 зол.), сбирая войска зап. съ городовъ, со всякихъ доходовъ ежегодь». Такого указа правительство московское не дало посламъ въ 1654 г. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ актовъ.

1) Въ государевой грамотѣ къ Б. Х., посланной съ гетманскимъ посланцемъ Филономъ Горкушей, въ половинѣ апрѣля 1654 года, *буквально* повторяется о жалованьѣ козакамъ тотъ самый указъ, который подписанъ подъ статьями 21 марта п. 9-й:

«Въ нынѣшнемъ въ 162 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, какъ были у насъ в. г., у нашего ц. в., посланники Самойло Богдановъ да полковникъ Павелъ Тетеря съ товарищи, и били челомъ, чтобъ намъ в. г. пожаловати, велѣти учинити число войска зап. списковыхъ козаковъ 60,000 человѣкъ; а нашего царскаго жалованья велѣти бъ имъ давати по 30 или хотя и по 15 золотыхъ польскихъ человѣку; и отъ насъ в. г. имъ посланникамъ *сказано и на письмѣ дано*, что Малые Росіи въ городѣ и мѣстахъ какихъ доходовъ собирается и про то намъ в. г. невѣдомо и для переписи тѣхъ доходовъ мы в. г. посылаемъ дворянъ; *а какъ тѣ .. дворяне доходы всякіе опишутъ и смѣтятъ и въ то время о жалованьѣ войску зап., по разсмотрѣнію, нашего ц. в. и указъ будетъ*» [2])...

2) Въ отпискѣ государю посланца Петра Протасьева отъ 5 авг. 1654 г. читаемъ опять,—что опредѣленнаго жалованья войску еще не было назначено, такъ какъ не были еще описаны доходы въ Малороссіи, а государь опять присылаетъ только въ видѣ подарка нѣсколько тысячъ золотыхъ для раздачи войску 42 тысячамъ; но и этого сдѣлать не пришлось, потому что не былъ составленъ еще реестръ войску [3]).

---

[1]) И тогда какъ писарю и др. чинамъ жалованье собиралось изъ „тамошнихъ доходовъ“, гетману шло жалованье въ видѣ подарковъ лично отъ царя.

[2]) Акты, т. 10, стр. 568—569.

[3]) Акты, т. 10, стр. 692—693.

3) Не было этого жалованья и въ 1657 году; именно посолъ Кикинъ, будучи въ Малороссіи, въ разговорѣ съ козаками (августъ 1657 г.) говоритъ о жалованьѣ козакамъ только на то время, когда козаки пойдутъ на службу [1]).

Окончательно этотъ вопросъ рѣшенъ только въ 1659 году при договорѣ съ Юріемъ Хмельницкимъ.

Пунктъ 7-й о томъ, чтобы «арматѣ войсковой быть въ Корсуни», также не могъ находиться въ статьяхъ 1654 года, потому что этотъ городъ отданъ былъ на войсковую армату только по переяславскому договору 1659 года съ Юріемъ Хмельницкимъ [2]).

Совершенно невозможенъ также былъ въ мартѣ 1654 года указъ государя подъ статьею 8-ю (ред. 14 статей) о митрополитѣ: «А митрополиту кіевскому, также и инымъ духовнымъ Малыя Россіи, быть подъ благословеніемъ св. патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Россіи»... Даже во время переговоровъ въ Москвѣ съ посольствомъ отъ малороссійскаго духовенства (въ августѣ 1654 г.) вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ и оставленъ до возвращенія царя изъ войска [3]). А чтобы видѣть, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ былъ до 1659 года, достаточно прочесть слѣд. мѣста изъ актовъ: 1) томъ 4-й, стр. 7—8, № II; 2) т. 4-й, стр. 89, № 53. 3) т. 4., стр. 257, пунктъ 12.

Первое изъ указанныхъ мѣстъ актовъ заключаетъ разговоръ кіевскаго воеводы Андрея Бутурлина съ епископомъ Лазаремъ относительно избранія новаго митрополита, за смертью Сильвестра Коссова. Воевода Бутурлинъ съ товарищи находитъ нужнымъ убѣждать еп. Лазаря, архимандрита печерскаго Гизеля и другихъ, чтобы они «были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя святѣйшаго Никона, патріарха московскаго... и нынѣ бъ безъ государева указу по епископовъ не посылали и безъ благословенія в. г. патріарха митрополита не обирали». Епископъ Лазарь на это сказалъ, «что онъ государевой милости и великаго патріарха благословенію радъ, что де ему подумать о томъ съ архимандриты и съ игумены, и что придумаютъ, о томъ скажутъ воеводѣ». Подумавши, епископъ и архимандриты объявили, что они согласились быть подъ благословеніемъ Никона, патріарха московскаго, но что они пошлютъ отъ

---

[1]) Акты, т. 11, стр. 806.

[2]) См. *Костомаровъ*. Гетманство Юрія Хмельницкаго. *Вѣстн. Евр.* 1868 г. № 4, стр. 502.

[3]) См. Акты т. 10, 762, грамота государя къ Б. Х. отъ 11-го августа.

себя нарочнаго въ Москву послѣ погребенія гетмана [1]). Но, какъ видно, дѣло это въ 1657 году не было еще рѣшено, потому что въ январѣ 1658 года гетманъ Выговскій въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Зюзину говоритъ объ этомъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и въ 1657 году: «Писалъ ты, братъ мой, ко мнѣ, чтобы обраный на митрополію кіевскую Діонисій Балабанъ *не впередъ* до патріарха константинопольскаго на посвященіе слалъ, чтобы у в. г. святѣйшаго Никона, патріарха московскаго... былъ и о томъ самъ изустно говорилъ... И я по письму твоемъ братскомъ пишу къ новообранному митрополиту, чтобы онъ потамѣстъ до константинопольскаго патріарха не слалъ по благословеніе, какъ святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій, съ нимъ, патріархомъ константинопольскимъ, о томъ листами сошлютъ» [2]). Слѣдовательно, и теперь вопросъ этотъ нисколько не подвинулся впередъ. Рѣшенъ онъ былъ только въ 1659 году по переяславскому договору съ Юріемъ Хмельницкимъ и то не сразу. Юрій Хмельницкій въ поданныхъ имъ статьяхъ (п. 12) говоритъ опять, что «митрополиту кіевскому быть по прежнему подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха»; но въ поданныхъ боярами и воеводами 14 статьяхъ, подъ именемъ прежнихъ статей Богдана Хмельницкаго, въ указѣ на 8-ю статью было прибавлено, что митрополиту кіевскому быть подъ благословеніемъ патріарха московскаго. Теперь только, когда статьи Юрія Хмельницкаго были отвергнуты и приняты статьи, поданныя боярами, вопросъ о митрополитѣ былъ рѣшенъ въ смыслѣ 8-й статьи.

Наконецъ, пункты 9 и 10-й о пріемѣ пословъ рѣзко отличаются отъ указа государя подъ 5-ю статьею по ред. 21 марта и подъ 14-ю статьею по редакціи 14 марта. Что такихъ указовъ, какъ въ 9 и 10-мъ п., не могло дать московское правительство въ 1654 г., можно доказать во 1-хъ тѣмъ, что статьи 9-я и 10-я противорѣчатъ совершенно тому мягкому характеру отношеній москов. правительства къ козакамъ, который замѣтенъ во все время переговоровъ; во 2-хъ статьи эти заключаютъ противорѣчіе въ отношеніяхъ между козаками и ногайцами. Въ 1654 г. отношеніе ногайцевъ къ козакамъ было самое дружественное, какъ это видно изъ разговоровъ запор. посланниковъ съ боярами въ мартѣ 1654 года [3]); ногайцы свободно ко-

1) Акты т. 4, стр. 7—8.

2) Акты т. 4, № 53.

3) Акт. т. 10, стр. 443—445.

чевали около Полтавы и Черкасъ и, по словамъ посланниковъ, они обѣщались быть въ дружбѣ съ гетманомъ и козаками, еслибы даже и крымскій ханъ порвалъ дружбу съ гетманомъ. Между тѣмъ по редакціи «14 статей» отношенія крымскаго хана и ногайцевъ къ козакамъ представляются враждебными. Эта статья, очевидно, вставлена позднѣе, когда отношенія козаковъ къ ногайцамъ измѣнились. Въ 3-хъ, самымъ важнымъ доказательствомъ противъ появленія 9-й и 10-й статей въ 1654 году служитъ то, что во время переговоровъ въ Москвѣ съ гетманскими послами «Павломъ Тетерею съ товарищы» въ 1657 году, бояре о пріемѣ пословъ повторяютъ буквально такъ, какъ это выражено въ 5-й ст. по ред. 21 марта или 14 статьѣ по редакціи 14 марта [1]). «Посланникамъ же говорено: *въ статьяхъ же написано: изъ которыхъ государствъ къ войску запорожскому учнутъ приходить послы и о томъ писать къ его ц. в., а которые послы отъ кого присланы будутъ цар. величеству съ противнымъ дѣломъ и тѣхъ пословъ и посланниковъ въ войскѣ задерживать и писать объ нихъ къ ц. в. о указѣ и безъ указу ихъ назадъ не отпущать.* И гетманъ Б. Х. того по обѣщанію своему не исполнилъ: изъ которыхъ государствъ къ нему послы и посланники пріѣзживали и о добрыхъ дѣлахъ, и онъ объ нихъ государю не писывалъ и принималъ и отпускалъ ихъ безъ ц. в. указу» и т. д. Все это мѣсто, изъ котораго мы привели только часть, самымъ лучшимъ образомъ показываетъ, что еще и въ 1657 году москов. правительство продолжаетъ сохранять въ отношеніи къ гетману ту же осторожность, мягкость, какъ и въ 1654 году. Пересчитавши всѣ случаи нарушенія гетманомъ 5-й статьи, бояре напоминаютъ только объ обѣщаніи гетмана, данномъ имъ предъ евангеліемъ, и предостерегаютъ отъ кары Божіей за нарушеніе клятвы: «И гетманъ бы то памятовалъ: хотя которая его проступка ц. в. милостью и покровенна, только за всякое клятвопреступленіе надобно боятися гнѣва Божія».

Сравните съ этимъ теперь статью 9-ю по редакціи 14 статей: «*Гетману пословъ, посланниковъ и гонцовъ, изъ окрестныхъ и ни изъ которыхъ государствъ къ себѣ не принимать и противъ тѣхъ присылокъ въ окрестныя и ни въ которыя государства пословъ же, и посланниковъ, и гонцовъ отъ себя не посылать для убытковъ денежныхъ и иныхъ всякихъ расходовъ войска запорожскаго* [2]) и т. д. Такая

---

[1]) Акты т. 11, стр. 745—746.

[2]) Акты т. 11, стр. 264, к. 9.

статья могла явиться уже гораздо позднѣе 1657 года, именно послѣ открытія измѣны гетмановъ.

Итакъ, спросимъ теперь, зачѣмъ же именно эти 14 статей, подлиннаго списка которыхъ не сохранилось и въ которыхъ встрѣчаются такія противорѣчія, считать за настоящія статьи, тѣ именно, которыя даны были изъ Москвы въ 1654 году запор. посланникамъ?

Намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ, что послѣдней редакціей были статьи 21-го марта, какъ это выходитъ и по актамъ, и онѣ однѣ, *какъ дополненіе къ жалованнымъ грамотамъ* государя, даны были вмѣстѣ съ послѣдними посланникамъ изъ Москвы. Для доказательства нашего мнѣнія сличимъ статьи 21 марта (въ 11 пунктовъ) и государевы жалованныя грамоты [1]), помѣченныя 26—27 марта, между собою и съ статьями 14 марта въ 23 пункта.

Грамоты, данныя посламъ 27-го марта, были слѣдующія: 1) войску запорожскому о правахъ войсковыхъ; 2) малороссійской шляхтѣ на ихъ шляхетскія права; 3) о томъ, что чигиринскому староству быть при гетманской булавѣ; остальныя 3 грамоты имѣли частный характеръ: онѣ даны были гетману Б. Хмельницкому на маетности и для насъ въ данномъ случаѣ не важны.

Посмотримъ теперь содержаніе 1-й грамоты [2]). Въ ней говорится сперва о томъ, какихъ правъ и привилегій просило войско запорожское, и затѣмъ слѣдуетъ подтвержденіе ихъ государемъ [3]): «и мы тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушать ни въ чемъ не велѣли и 1) судитьсь имъ велѣли отъ своихъ старшихъ по своимъ прежнимъ правамъ. 2) А число войска запорожского указали есмя, по ихъ же челобитью, учинить спискового 60,000, всегда полное. 3) А буде, судомъ Божіимъ, смерть случится гетману, и мы в. г. поволили войску запорожскому обирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ межъ себя; *а кого гетмана оберутъ, и о томъ писати къ намъ государю*, да тому жъ новообранному гетману на подданство и на вѣрность *вѣру намъ в. государю учинити, при комъ мы в. г. укажемъ* [4]). Также и имѣній козацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитку, отнимать у нихъ и вдовъ послѣ козаковъ осталыхъ, у дѣтей не велѣли, а быти имъ за

[1]) Акты т. 10, стр. 489—502.

[2]) Акты т. 10, стр. 492—494.

[3]) Для ясности мы дѣлимъ отвѣтъ государя по статьямъ.

[4]) А не сказано, что гетманъ по избраніи долженъ ѣхать въ Москву, какъ это говорится въ 4-мъ п. „14 статей“.

ними по прежнему, 5) и прежнихъ ихъ *правъ*, каковы даны *духовнаго и мірскаго чина людямъ* отъ великихъ князей русскихъ и отъ королей польскихъ, не нарушать, 6) и на тѣ ихъ права дати нашу государскую жалованную грамоту, за нашею государскою печатью»...[1])

«*А о которыхъ иныхъ статьяхъ* намъ великому государю... тѣ посланники Самойло и Павелъ... *челомъ били и подали нашимъ ц. в. ближнимъ боярамъ статьи, и мы в. г. тѣхъ статей выслушали милостиво и что на которую статью наше ц. в. изволенье и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статьями, да тѣ статьи съ нашимъ ц. в. указомъ велѣли дати тѣмъ же посланникомъ*»[2]).

Если сравнить приведенные 6 пунктовъ грамоты съ статьями 21 марта (въ 11 пунктовъ), то увидимъ, что они тамъ опущены; затѣмъ въ черновомъ спискѣ жалованной грамоты зачеркнуты 2 статьи: о пожалованіи Чигирина на гетманскую булаву и о пріемѣ гетманомъ иностранныхъ пословъ; но изъ этихъ статей одну (2-ю) мы находимъ въ статьяхъ 21 марта подъ № 5-мъ, а на другую дана особая грамота — 3-я; точно также и статьи о шляхтѣ нѣтъ въ статьяхъ 21 марта, а на нее есть особая жалованная грамота—2-я. Отсюда можно сдѣлать такой выводъ, что въ число статей 21 марта не вошли всѣ статьи о правахъ войска запорожскаго, о пожалованіи Чигирина, о шляхтѣ,—потому что на нихъ даны особыя жалованныя грамоты государя, а лица, завѣдывавшія редактированіемъ статей, не хотѣли повторяться, что видно изъ тщательнаго исключенія всѣхъ тѣхъ статей, которыя повторяются и въ грамотахъ, и въ спискѣ статей; мы видѣли, что двѣ статьи такимъ образомъ вычеркнуты изъ жалованной грамоты; это же можно замѣтить и въ спискѣ статей 21 марта, если обратить вниманіе на зачеркнутыя мѣста; такъ, на стр. 479-й послѣ 4-й статьи (въ примѣчаніи) мы находимъ, что одна статья зачеркнута и противъ нея, на полѣ, написано: «Ся статья надобь ли? потому что грамоты посылають» и затѣмъ противъ 6-й статьи, на полѣ, написано: «Писать ли о митрополитѣ? потому что грамоты нынѣ не будетъ; а въ письмѣ о грамотѣ написано жъ: только говорили словами»[4]). Это же стремленіе очистить

---

[1]) Акты т. 10, стр. 491.

[2]) Слѣдовательно, здѣсь отдѣляются тѣ статьи, которыя, перечислены въ грамотѣ, отъ тѣхъ, которыя находятся въ особомъ спискѣ.

[3]) См. Акты т. 10, стр. 479—480. Въ данномъ случаѣ нужно благодарить Г. Ѳ. Карпова, что онъ при изданіи не выпускалъ и такихъ, повидимому, мелочей, а между тѣмъ много объясняющихъ дѣло.

статьи отъ всего лишняго видно и въ томъ, что нѣкоторые пункты изъ статей 14-го марта съ одинаковымъ содержаніемъ соединены въ статьяхъ 21 марта вмѣстѣ: такъ 4-я, 15-я и 16-я—въ одну 1-ю; 8-я, 9 я, 10-я и 11-я—въ двѣ: 2-ю и 3-ю.

Принявши все это во вниманіе, мы видимъ, что въ составленіи статей проходитъ одна опредѣленная и строго проведенная мысль—представить возможно болѣе краткую и вмѣстѣ полную редакцію статей, чтобы избѣжать при этомъ всего лишняго, и дѣйствительно ни одна статья изъ 23 статей 14 марта не опущена: на однѣ изъ нихъ,—самыя важныя, даны государевы жалованныя грамоты, а остальныя находятся въ особомъ спискѣ.

Затѣмъ въ концѣ списка статей 21 марта приписано [1]: *«таково письмо дано посланникомъ»*. Слѣдовательно, эти именно 11 статей отправлены были вмѣстѣ съ жалованными грамотами къ гетману и о нихъ именно сказано въ припискѣ къ росписи грамотамъ, отправленнымъ съ войсковымъ посольствомъ (стр. 512): «тутъ статьи вклеить, что даны имъ»; и тогда получаютъ смыслъ слова жалованной грамоты: *«А о которыхъ иныхъ статьяхъ посланники били челомъ и подали нашимъ ц. в. ближнимъ бояромъ...»* [2]).

Такимъ образомъ странность состава статей 21 марта объясняется тѣмъ, что московское правительство да и козаки, просившіе грамотъ *«за печатями вислыми»*, считали болѣе важнымъ документомъ—жалованныя государевы грамоты, а списокъ статей считался только прибавленіемъ и въ немъ помѣщены менѣе важныя статьи.

Остается теперь рѣшить, откуда же взялись и когда составлены «14 статей» Богдана Хмельницкаго?

Если читать безъ предвзятой мысли по актамъ дальнѣйшую исторію событій въ Малороссіи послѣ 1654 года и особенно переговоры московскаго правительства съ представителями козачества, то можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что т. н. «14 статей Богдана Хмельницкаго» явились во время Переяславскаго договора московскихъ пословъ—князя А. Н. Трубецкаго и его товарищей съ Юріемъ Хмельницкимъ и козацкой старшиной въ октябрѣ 1659 г. [3]).

Возстановимъ вкратцѣ эти переговоры Трубецкаго съ Юріемъ Хмельницкимъ.

---

[1]) Акты т. 10, стр. 484.

[2]) См. выше, или Акты т. 10, стр. 493—494.

[3]) См. Статейный списокъ князя А. Н. Трубецкаго—Акты т. 4, № 115, стр. 252—276.

28 сентября 1659-го года изъ Переяславля Трубецкой съ товарищами послали къ Юрію Хмельницкому за Днѣпръ путивльца Зиновія Яцына и съ нимъ писали, чтобы онъ, Юрій, «памятуя великаго государя премногую милость и жалованье къ отцу своему гетману Богдану Хмельницкому и къ себѣ»..., убѣдилъ бы всѣхъ заднѣпровскихъ полковниковъ и козаковъ, чтобы они принесли государю въ винахъ своихъ повиновеніе и «учинились бы у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ по прежнему».

1-го октября Зиновій Яцынъ возвратился въ Переяславль; съ нимъ прибыли отъ Юрія Хмельницкаго полковникъ Петръ Дорошенко съ сотниками отъ всѣхъ полковъ. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ устныхъ о томъ, кто къ кому долженъ ѣхать для переговоровъ, Юрій ли Хмельницкій въ Переяславль, или князь Трубецкой за Днѣпръ къ Юрію, «полковникъ П. Дорошенко съ товарищи боярину и воеводамъ князю А. Н. Трубецкому съ товарищи *подавали четырнадцать статей* и сказали: прислали де тѣ статьи съ ними Юрій Хмельницкій и полковники и велѣли бити челомъ великому государю царю и в. кн. Алексѣю Михайловичу всея Россіи..., чтобы в. г. пожаловалъ—велѣлъ имъ быти подъ своею государевой самодержавной высокой рукою *на тѣхъ статьяхъ*. А объявя, тѣ статьи велѣлъ имъ Юрій съ полковники привезти къ себѣ. И бояринъ и воевода князь А. Н. Трубецкой съ товарищи, тѣхъ статей слушавъ, полковнику П. Дорошенко съ товарищи говорили, что *въ тѣхъ статьяхъ многое написано вновь сверхъ прежнихъ статей, которыя даны прежнему гетману Богдану Хмельницкому* и какъ Юрій Хмельницкій будетъ у нихъ боярина и воеводъ и они о томъ начнутъ говорить съ нимъ Юрьемъ и съ полковниками.

И велѣли съ тѣхъ статей списать списокъ, а подлинныя отдали имъ» [1]). Далѣе слѣдуютъ самыя статьи.

Прежде всего, изъ приведенной рѣчи Дорошенка и разговора бояръ не видно, чтобы поданныя статьи имѣли претензію называться прежними статьями Богдана Хмельницкаго; а содержаніе статей подтверждаетъ это и даетъ даже полное основаніе сказать, что Юрій Хмельницкій и старшина козацкая при составленіи своихъ статей не имѣли въ рукахъ ни прежнихъ статей 1654 года, ни жалованныхъ грамотъ государя. Въ этомъ убѣждаетъ и языкъ польско-украинскій, и самое содержаніе статей, мало напоминающее прежнія статьи, по-

[1]) Акты т. 4, стр. 255—256.

данныя запорожскими послами въ Москвѣ. На статьи московскія даже нѣтъ и ссылки въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго, а дѣлается ссылка только на переяславскіе переговоры Богдана Хмельницкаго съ В. В. Бутурлинымъ въ самомъ началѣ 1654 года.

Изъ 14 статей Юрія только 1, 5, 6, 7, 8, 10 и 12-я напоминаютъ по содержанію статьи, постановленныя въ Москвѣ, а остальныя 7 являются совершенно новыми и потому вызываютъ возраженіе Трубецкаго.

Нельзя сказать что Юрій и его полковники совсѣмъ не знали прежнихъ статей; они слышали ихъ одинъ разъ, именно въ августѣ 1657-го года въ Чигиринѣ при избраніи на гетманство Выговскаго[1]), но чрезъ 2 года содержаніе ихъ было забыто, возстановлено только самое главное и всѣмъ извѣстное—о правахъ и вольностяхъ всякихъ чиновъ людей; а затѣмъ прибавлено то, что считалось почему либо важнымъ для козаковъ въ то время. Число статей (14) здѣсь не имѣетъ никакого значенія, потому что раньше нигдѣ не встрѣчается такого количества статей и въ данное время послѣ Юрія не называютъ предложенныя ими статьи прежними Богдановыми, слѣдовательно онѣ являются какъ бы новыми.

Князь Трубецкой съ товарищами, вѣроятно, видя, что ни гетманъ, ни козацкая старшина не имѣютъ и не помнятъ подлинныхъ статей Богдана Хмельницкаго, предложили отъ себя Юрію Хмельницкому, когда онъ пріѣхалъ въ Переяславль, прежнія статьи Богдана Хмельницкаго и кромѣ того, еще 19 новыхъ статей, присланныхъ государемъ для утвержденія ихъ войскомъ запорожскимъ. Число прежнихъ статей здѣсь *14* и редакція ихъ та самая, въ которой обыкновенно приводятся эти т. н. «статьи Богдана Хмельницкаго» [2]). Вотъ въ данное время (1659-й годъ) можно допустить появленіе въ прежнихъ статьяхъ 1654 года тѣхъ измѣненій, которыя отличаютъ редакцію 14-ти статей и которыя не могли быть сдѣланы въ 1654 г.

Главныя и болѣе важныя различія въ статьяхъ, поданныхъ отъ имени Юрія Хмельницкаго, и въ статьяхъ, предложенныхъ Трубецкимъ подъ именемъ «прежнихъ статей», касаются вопросовъ—о митрополитѣ, о пріемѣ пословъ и о гетманѣ (т. е. пункты 4, 8, 9 и 10-й статей Трубецкаго); статьи прежнія нѣсколько ограничивали

---

[1]) Акты т. 11, стр. 802.

[2]) Напр. см. у *Карпова въ Журн. Мин. Нар. Просв.* 1871 г. № 12, у Буцинскаго и въ Актахъ т. 4 стр. 262—265.

вольности козаковъ, т. е. собственно гетмана, старшины и духовенства, но за то другія статьи гораздо опредѣленнѣе и полнѣе, чѣмъ статьи Юрія, пересчитывали права и вольности козацкія, поэтому статьи эти понравились старшинѣ и войску, такъ что послѣ прочтенія ихъ на радѣ, «гетманъ Юрій Хмельницкій, и обозный, и асаулы войсковые, и полковники, и старшина, и козаки и чернь на радѣ, выслушавъ тѣхъ прежнихъ статей, били челомъ великому государю... что имъ, всему войску запорожскому, *всѣ тѣ прежнія статьи надобны»* [1]).

Прежнія статьи являются такимъ образомъ здѣсь какъ бы новостью для войска и старшины и они принимаютъ ихъ охотно. А на тѣ важныя отличія, которыя являются въ этихъ статьяхъ, сравнительно съ статьями 1654 года и которыя очень замѣтны для всякаго прочитавшаго тѣ и другія [2]), войско и старшина не сдѣлали никакихъ возраженій; мало того, они согласились еще и на новыя довольно важныя ограниченія, которыя заключались въ поданныхъ вновь на утвержденіе войска 19 пунктахъ [3]). Напримѣръ въ пунктѣ 5-мъ гетманъ и козаки согласились на такую важную уступку, что воеводы московскіе могутъ быть, кромѣ Кіева, еще въ *пяти* городахъ: Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Браславѣ и Умани.

Остается еще одинъ, повидимому важный, вопросъ, почему и въ составленномъ московскими послами спискѣ число статей 14: не указываетъ ли это, что именно съ такимъ числомъ статей была первоначальная редакція, данная изъ Москвы?

Вопросъ такой, конечно, можетъ возникнуть, но онъ не имѣетъ за себя никакихъ основаній, развѣ только то, что московскіе бояре— князь Трубецкой съ товарищами—хотѣли, чтобы ихъ списокъ внѣшнимъ своимъ видомъ—количествомъ статей—соотвѣтствовалъ списку, поданному отъ имени Юрія Хмельницкаго. Намъ кажется, что происхожденіе этихъ статей можно доказать болѣе естественнымъ путемъ; именно, кн. Трубецкой съ товарищами, увидѣвши, что гетманъ и козаки совсѣмъ не знаютъ прежнихъ статей Богдана Хмельницкаго и не имѣютъ жалованныхъ грамотъ государя, составили имъ списокъ статей по имѣющимся у нихъ, безъ сомнѣнія, черновымъ спискамъ статей изъ московскаго приказа. Составленіе этихъ статей было самое

---

[1]) Акты т. 4, стр. 265.

[2]) На эти отличія мы указали раньше, когда разбирали „14 статей".

[3]) Акты т. 4, стр. 265—269.

простое; московскіе послы могли просто сократить, напримѣръ, статьи 14 марта (въ 23 пункта).

Сравнивая статьи 14 марта 1654 г. и 14 статей 1659-го года, мы находимъ, что изъ 23 пунктовъ 14 марта выпущены пункты— 19, 20, 22 и 23-й или 7, 8, 10, и 11-й по ред. 21 марта и выпущены потому, что 14 статей написаны въ 1659 году, когда уже нужда въ помощи противъ поляковъ у Смоленска, въ обереганіи границъ отъ Литвы на рубежѣ и отъ крымцевъ миновалась; а статья о Кодакѣ выпущена, вѣроятно, по своей неопредѣленности, на которую указывалось и въ указѣ на эту статью въ 1654 году.

Затѣмъ статьи 8, 9, 10, 11 и 21-я по редакціи 14 марта или 2, 3, 4, и 9-я по ред. 21 марта—о жалованьѣ различнымъ войсковымъ чинамъ и козакамъ, вслѣдствіе одинаковаго содержанія, сокращены по редакціи 14 статей 1659 года въ одну *6-ю* статью. Статья 2-я по ред. 14 марта—о числѣ козаковъ слита въ редакціи 1659 года съ 6-й статьей—о жалованьѣ козакамъ. Статья 11 о пріемѣ пословъ (14-я) разбита въ ред. 14 статей на двѣ—9-ю и 10-ю. Статья 3-я—о шляхтѣ слита въ ред. 14 статей въ одну статью съ правами другихъ сословій (8-ю). Остальныя 12 статей вполнѣ соотвѣтствуютъ.

Редакція 14 марта 1654 г.	*Редакція «14 статей» 1659 г.*
1.	1
4.	2
5.	3
6.	4
7.	5
8, 9, 10, 11 и 21	6
12.	7
13	8
14.	9—10
15.	11
16.	12
17.	13
18.	14

Что дѣйствительно сокращеніе сдѣлано по списку 14 марта въ 23 пункта, на это указываетъ одинъ и тотъ же порядокъ слѣдованія статей, исключая выпущенныхъ по указаннымъ выше причинамъ.

Итакъ, повторяемъ, число статей здѣсь не важно; но важно другое обстоятельство, именно то, что послѣ присяги гетмана, стар-

шины и козаковъ на вѣрность государю и послѣ приложенія рукъ къ клятвенному листу и къ статьямъ—гетмана, полковниковъ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ (стр. 272—273, Акты т. 4), князь Трубецкой приказалъ списать списокъ съ этихъ документовъ и отдалъ его своему товарищу В. Б. Шереметеву для того: «по указу великаго государя, *велѣно съ того списка въ Кіевѣ напечатать многія книги, и тѣ печатныя книги изъ Кіева разослать во всѣ великаго государя черкасскіе полки, чтобъ про тѣ статьи, которыя съ гетманомъ съ Юріемъ Хмельницкимъ и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ постановлены на радѣ, вѣдомы были во всѣхъ полкахъ всему Войску Запорожскому.* А гетману Юрью Хмельницкому, и обозному, и судьямъ, и ясауламъ, и полковникамъ, и всей старшинѣ и черни бояре и воеводы князь А. Н. Трубецкой съ товарищи дали такову же книгу за своими руками».

Изъ этого указанія становится очевиднымъ, почему редакція въ 14 статей получила такое распространеніе въ Малороссіи, что на нее постоянно ссылались при послѣдующихъ переговорахъ козаки и московское правительство, а также, что позднѣйшіе лѣтописцы Малороссіи указывали на нихъ, какъ на подлинныя статьи Богдана Хмельницкаго. Это и понятно, потому что, какъ мы указывали, статьи и жалованныя грамоты 1654 года козаки слышали всего одинъ разъ только въ 1657 году изъ устъ Выговскаго, а потомъ онѣ вмѣстѣ съ Выговскимъ исчезли, тогда какъ статьи по редакціи 1659 года получили самое широкое распространеніе и при томъ съ названіемъ «прежнія статьи Богдана Хмельницкаго», хотя, какъ мы видѣли, въ этихъ прежнихъ статьяхъ сдѣланы были боярами,—Трубецкимъ и его товарищами, значительныя измѣненія.

Итакъ все разсужденіе наше о статьяхъ Богдана Хмельницкаго сводится къ утвержденію слѣдующихъ положеній: 1) послѣднею редакціей статей во время переговоровъ 1654 года въ Москвѣ слѣдуетъ считать статьи 21 марта въ 11 пунктовъ.

2) Эти статьи служили однако только дополненіемъ къ жалованнымъ грамотамъ государя, которыя были главными документами, утверждавшими права и привилегіи войска запорожскаго.

3) Статей въ 14 пунктовъ въ той редакціи, которая обыкновенно приводится (напримѣръ, въ Актахъ томъ IV-й, у г. Карпова и у г. Буцинскаго), въ 1654 году не было и не могло быть.

4) Такая редакція статей явилась гораздо позднѣе, именно въ 1659-мъ году въ Переяславлѣ во время переговоровъ съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ.

5) Широкое распространеніе и популярность статьи этой редакціи пріобрѣли потому, что онѣ были напечатаны во множествѣ экземпляровъ и разосланы во всѣ черкасскіе полки.

П. А. Шафрановъ.

Анастасія Яковлевна Марченко.

(Т. Ч. или А. ТЕМРИЗОВЪ).

1830 — 1880.

ОЧЕРКЪ.

I.

Съ появленіемъ повѣстей и романовъ Жоржъ-Зандъ въ европейскую литературу хлынулъ потокомъ новый циклъ мыслей, взглядовъ, убѣжденій. Затронутые ею вопросы жизни назрѣвали и разрѣшались еще въ прошломъ столѣтіи. Вопросъ о женской эмансипаціи поднимался и рѣшался еще во время 1-ой французской революціи,—и рѣшался въ положительномъ смыслѣ. Но Жоржъ-Зандъ первая въ беллетристикѣ явилась провозвѣстницей части этихъ идей, ихъ популяризаторомъ.

Этого было достаточно, чтобы къ ней приковалось всеобщее вниманіе не только публики, но и литературы. Публика зачитывалась ея романами не въ одной Франціи; исторія литературы занесла ея имя на свои страницы. Во многихъ странахъ писательница нашла своихъ послѣдователей. Одни вторили ей, увлекаясь модой, настраивая себя на модный ладъ; другіе брались за перо въ силу внутренней необходимости, уступая напору собственныхъ чувствъ и мыслей, которыя — оказалось — звучали въ унисонъ съ идеями французской писательницы.

Къ числу такихъ искреннихъ представительницъ въ нашей литературѣ жоржъ-зандовскаго направленія, исповѣдывавшихъ и популяризировавшихъ одни съ нею взгляды, надо отнести весьма

талантливую писательницу конца 40-хъ и 50-хъ годовъ—*Анастасію Яковлевну Марченко*.

Въ тотъ годъ, когда 16-лѣтняя Е. А. Фадѣева у алтаря одной изъ екатеринославскихъ церквей отдавала свою руку П. А. Ганъ, въ этотъ самый годъ—1830-й—на другой окраинѣ Россіи, въ городѣ Ковно—въ Литвѣ—родилась на свѣтъ дѣвочка, выросшая впослѣдствіе въ писательницу Марченко, имя которой было хорошо знакомо читателямъ толстыхъ журналовъ. Она являлась сначала подъ таинственными буквами Т. Ч. и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ [1]) выглянула подъ собственымъ именемъ, которое въ 60-хъ годахъ снова окутала псевдонимомъ Темризова [2]).

Анастасія Яковлевна была третьимъ ребенкомъ въ семьѣ богатыхъ, широко жившихъ родителей. Отецъ ея былъ малороссъ, мать полька. У отца было свое имѣніе въ кіевской губерніи, близъ Чигирина. Туда изъ Литвы переѣхала жить вся семья Марченковъ.—Здѣсь, среди красивой природы Украины, съ ея темно-синими ночами, пирамидальными тополями и пѣснями чумаковъ,—воспиталась, выросла и возмужала А. Я., живя на просторѣ лѣсовъ, полей и чистаго воздуха.

Съ ея появленіемъ на свѣтъ увеличеніе семейства Марченко не прекращалось. Многочисленная семья подроставшихъ дѣтей требовала заботы о воспитаніи. Отецъ и мать, какъ люди «образованные» [3]), не могли не сознавать необходимости серьезнаго образованія. Переѣзжать ради этого въ городъ представляло не мало затрудненій, и деревня своими удобствами и просторомъ перетянула городъ. Рѣшено было дать дѣтямъ домашнее воспитаніе. Для этого выписаны были учителя и гувернеры изъ Кіева, не скупились выписывать и изъ столицъ.

Ек. Мих. Ильина,—бывшая въ домѣ старшей гувернанткой, которой было поручено воспитаніе, развитіе дѣтей и надзоръ за общимъ ходомъ обученія, ради котораго въ домъ приглашались учителя,—была выписана изъ Петербурга. Она была воспитанница Смольнаго института и хорошо по тому времени знала французскій

---

[1]) Въ первый разъ Марченко выставила свою фамилію въ 1855 году въ От. З. (іюнь) подъ повѣстью: „Вокругъ да около“.

[2]) Романъ въ 3 частяхъ „Разлучники“. А. Темризовъ. Спб. 1869 г.

[3]) Автобіографическая записка А. Марченко, хранящаяся въ петер. публ. б. За любезное указаніе на нее и за доставленіе съ нее копіи приношу искреннюю благодарность О. П. Конради и И. А. Бычкову.

и русскій языки. Къ тому же она была одна изъ тѣхъ счастливыхъ гувернантокъ, которыя занимаются дѣтьми съ любовью, а не въ силу только необходимости, въ которую ставитъ иногда молодую дѣвушку злая судьба, навязывая скучнѣйшую изъ заботъ—обучать и дѣлать умными чужихъ дѣтей тогда, когда собственная душа переполнена жаждою личной молодой жизни.. Ек. Мих. была большая любительница книгъ; свою страсть къ чтенію она незамѣтно сообщила и воспитанницамъ. Скоро любимымъ занятіемъ маленькой А. Я. стали книги. Изъ русскихъ писателей преимущество отдавалось Лермонтову, Пушкину, Гоголю,—именами которыхъ былъ тогда полонъ самый воздухъ, какъ полонъ онъ въ наше время словами, произведеніями и самой личностью Л. Н. Толстаго. А. Я. читала также и произведенія французской литературы, а подъ вліяніемъ матери знакомилась въ подлинникахъ и съ польскими писателями.

Любившая свое дѣло гувернантка старалась какъ можно упростить изученіе такихъ скучныхъ предметовъ, какъ грамматика и реторика,—которая тогда была въ большомъ ходу. Вмѣсто зазубриванія малодоступныхъ ребенку правилъ, она заставляла при себѣ писать упражненія на эти правила, писать сочиненія, конспекты. Разумѣется, это сильно облегчало и упрощало изученіе. Благодаря такому способу, ничего не приходилось зазубривать, не понимая, и дѣти привыкали незамѣтно одолѣвать трудную механическую сторону передачи мыслей на бумагу.

Еще во время занятій съ Ек. Мих. Ильиной А. Марченко пріучилась безъ труда излагать свои мысли. Отъ частыхъ упражненій незамѣтно самъ собой вырабатывался и слогъ. Этимъ объясняется та стилистическая легкость, помимо красоты, присущей таланту,—которыми отличается самое раннее произведеніе писательницы «Гувернантка» [1]), сложившаяся еще въ дѣтскомъ—14-ти лѣтнемъ возрастѣ.

Развивая любовь и вкусъ къ чтенію, Ек. Мих. считала своею обязанностью наводить учениц на тѣ или другія мысли, бесѣдуя по поводу прочитаннаго. А южная малороссійская природа, ея красота, музыкальность малороссійской народной поэзіи способствовали вмѣстѣ съ систематическимъ музыкальнымъ образованіемъ и развитію вкуса къ изящному.

Забота о музыкальномъ образованіи дочерей лежала на отцѣ. Онъ страстно любилъ музыку, и одной изъ его главныхъ заботъ

---

[1]) „Путевыя Замѣтки“. Т. Ч. 1847 г. Одесса, выпускъ I.

было развить эту любовь въ дѣтяхъ. Онъ нанималъ учителей, слѣдилъ за успѣхами. И заботы его не пропали даромъ: изъ Анастасіи Яковлевны вышла замѣчательная музыкантша. Это отражается и въ ея повѣстяхъ, гдѣ главная героиня часто очень хорошо играетъ, сознательно и съ большимъ пониманіемъ говоритъ о классической музыкѣ и ея композиторахъ [1]), а въ случаѣ крайности, когда должна прибѣгнуть къ заработку, непремѣнно избираетъ преподаваніе музыки [2]).

Учительницы музыки, гувернантки, учителя рисованія, танцевъ довольно часто фигурируютъ въ произведеніяхъ Т. Ч. и всегда пользуются глубокимъ сочувствіемъ, сердечной симпатіей автора. Несомнѣнно, въ этихъ образахъ воплощаются и отражаются впечатлѣнія яснаго дѣтства. Особенно симпатично вырисовывается въ повѣсти «Первый шагъ»—этой первой повѣсти, напечатанной въ журналѣ [3]) и заслужившей похвалы,—добрый, кроткій, любящій до забвенія о себѣ—учитель рисованія Евгеній Семеновичъ, который сильно влюбился въ свою ученицу Ниночку; мучился, страдалъ, никому не жалуясь, когда она спокойно на его глазахъ выходила замужъ за пустаго, безсердечнаго фата. Сколько любви, доброты, утонченной деликатности проявилъ онъ, когда Ниночку постигло горе, когда она вынуждена была покинуть домъ и мужа! Его постоянство, любовь тихая, молчаливая до забвенія себя невольно напоминаетъ любовь рыцаря среднихъ вѣковъ,—въ ней что то романтическое,—это какъ бы любовь Тогенбурга, только совсѣмъ не бездѣятельная, не пассивная.

II.

Анастасія Яковлевна еще съ дѣтства отличалась насмѣшливымъ умомъ, смѣлымъ, гордымъ, настойчивымъ, упрямымъ характеромъ. Трудно было ее—ребенка—заставить сдѣлать то, чего она не хотѣла, что было ей не по душѣ. Строгость, угрозы дѣлали ее только еще упрямѣе, еще настойчивѣе. Надо было особое педагогическое умѣнье ладить съ дѣвочкой даже за классомъ. Чего не хотѣла изучать—нельзя было заставить. Родные, напримѣръ, какъ ни настаивали на изученіи нѣмецкаго языка, А. Я. ни за что не хотѣла ни прислушиваться,

---

[1]) Романъ „Дина"—От. З. 1853. № 3, стр. 49.

[2]) Ниночка въ „Тернистомъ пути", Юлія Михайловна въ „Мыльныхъ пузыряхъ".

[3]) Сѣверное Обозрѣніе 1848 г. № 7.

ни произносить этихъ грубыхъ, тяжелыхъ, шипящихъ звуковъ. Такъ и вышла изъ подъ опеки воспитателей безъ знанія нѣмецкаго языка. За то что нравилось, то изучала со всѣмъ жаромъ.

Ей недолго пришлось быть подъ опекой доброй Екатерины Мих. и учителей. Въ 12 лѣтъ мы ее видимъ уже больнымъ ребенкомъ. Ее везутъ въ городъ къ докторамъ, приглашаютъ докторовъ въ деревню. Совѣщаются, консультируютъ. Доктора предполагаютъ одну изъ страшныхъ болѣзней въ такомъ юномъ возрастѣ—*аневризмъ*. Съ этихъ поръ книги, чтеніе, занятіе музыкой—все запрещено больной дѣвочкѣ. Всѣ въ домѣ не знаютъ, какъ и чѣмъ угодить больному ребенку. Доктора дали совѣтъ—не раздражать, не противорѣчить, иначе грозили плохимъ исходомъ. И каждый въ домѣ, начиная съ отца, кончая прислугой, старался быть мягкимъ, уступчивымъ.— Кроткое обращеніе, ласка подѣйствовали на своенравную, вспыльчивую дѣвочку самымъ благотворнымъ образомъ, она теперь поражала мягкостью, послушаніемъ, теплотой.

Развиваясь на полной свободѣ, она цѣлые дни проводила въ лѣсу съ какой нибудь книгой въ рукахъ или гуляя подъ руку съ гувернанткой,—или же шла въ поле посмотрѣть на полевыя работы, послушать пѣсни украинской или игру паробка на сопилкѣ. Эта жизнь вольная, свободная среди деревенской природы, когда безъ малѣйшаго стѣсненія могли развиваться и крѣпнуть ея нравственныя и умственныя силы, надолго осталась памятна въ душѣ дѣвушки.

„Когда мнѣ было лѣтъ 13—14—15,—говоритъ Ниночка въ повѣсти „Первый шагъ“, сравнивая воспитаніе своихъ дѣтей въ пансіонѣ съ собственнымъ воспитаніемъ, на волѣ, въ деревнѣ:—я подъ руку съ своей гувернанткой, впрочемъ, уже не съ гувернанткой, а съ другомъ бродила по саду въ такую ночь; какъ тогда становилось страшно и пріятно, точно слушаешь сказку о колдунахъ и духахъ. Сторожъ застучитъ сильно въ доску, собака кинется въ кусты, кошка пробѣжитъ по крышѣ,—вздрогнешь, сердце забьется. А если запоетъ соловей, если вдругъ колокольчикъ зальется вдали... Гдѣ то теперь Евгеній Семеновичъ? И онъ любилъ замечтаться, и онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, глядя на луну. Добрая душа! Какъ онъ помогалъ узнавать, различать звуки его, шутя: вотъ становой скачетъ, вотъ военный кто нибудь; то нетерпѣливый, запоздалый гость, то утомленные дорожные... Маменька, маменька! и ты была со мною, маменька!“ [1]).

Много книгъ перечла за это время Ан. Як. вмѣстѣ съ своей любимой наставницей, много переговорила, много переспорила на тему прочитаннаго. Въ этотъ же періодъ она принялась писать стихи.

---

[1]) От. Зап. 1849 г., окт., стр. 185.

Но стихотворенія ея были немногочисленны и не несли въ себѣ ни особенныхъ достоинствъ, ни недостатковъ. Они въ большинствѣ были отзвукомъ, подражаніемъ современной имъ «женской» поэзіи, отражая въ себѣ ея недостатки, но не отличаясь какими нибудь, хотя бы внѣшними, достоинствами. Въ ея стихахъ не было ни особенной музыкальности, ни красоты.

Вотъ стихотвореніе, помѣщенное въ Пантеонѣ [1]):

Садись, работникъ, за работу;
Гляди вновь въ пестрые листы,
Всю сердца нѣжную тревогу
Въ нихъ сохрани на вѣки ты.

Авторъ какъ бы хочетъ въ работѣ заглушить тоску сердца по жизни, по живымъ людямъ.

Или:

Меня опять влечетъ, влечетъ моя судьба!
Куда, зачѣмъ и какъ свершается стремленье—
Не знаю я, но мнѣ ужъ тяжела борьба,
Такъ не боюся я и вѣрю въ назначенье...
Сегодня вихрь крутитъ меня передъ тобой,
А завтра вдаль умчитъ опять безъ сожалѣнья,
Я—мертвый листъ, оторванный грозой [2]).

Попадаются стихотворенія и на патріотическую тему,—такія стихотворенія встрѣчаются съ подписью автора въ Инвалидѣ: «Государю Императору Николаю Павловичу» [3]); стихотвореніе, «посвященное барону Дмитрію Ероѳеевичу Остенъ-Сакену» [4]).

Самымъ же удачнымъ, кажется, надо считать стихотвореніе «Сашѣ Лачиновой», гдѣ картина разгульной вакханаліи взята только, какъ символъ, гдѣ подъ пѣнящимся виномъ и подъ дномъ опорожненной чаши надо понимать юность съ ея радостями и ея исчезновеніе.

Сашѣ Лачиновой.

Мы встрѣтились среди гостей шумливыхъ,
На общемъ пирѣ жизни молодой,
Ты полная надеждъ еще счастливыхъ,
Я—съ грустной и болящею душой.
Ко мнѣ съ улыбкой дѣтскаго веселья
Ты протянула жизненный бокалъ,
И чокнуться подъ общій гулъ похмѣлья
Меня твой голосъ звонко приглашалъ.
О чашу, чашу! посмотри, какъ хлещетъ

---

[1]) 1855. № 7.

[2]) Тамъ же.

[3]) Рус. Инвалидъ 1854. № 62.

[4]) Тамъ же № 104.

И пѣной бьетъ на столѣ твое вино,
А у меня, взгляни, давно ужъ блещетъ
Изъ подъ напитка золотое дно.
На встрѣчу дружбѣ не бросаюсь съ жаромъ,
Но въ жизнь твою привязанность волью,
Остатокъ прежняго не трачу даромъ—
Я крѣпкое вино по каплѣ пью.
Товарищъ молодой, давай мнѣ руку!
О чашу, чашу! Станемъ веселѣй,
Ты будешь дѣтской лаской вторить звуку
Всѣхъ нѣжныхъ словъ любви къ тебѣ моей [1]).

Здѣсь и мысль, и избранная, какъ символъ, картина веселья—все выдержано прекрасно, стихъ сильный, живой. Этому стихотворенію уступаютъ не только раннія, но и болѣе позднія.—Но во всякомъ случаѣ ея стихи не настолько замѣчательны,—да ихъ и немного, чтобы стоило на нихъ останавливаться подробнѣе. Достаточно отмѣтить, что А. Марченко одновременно съ графиней Ростопчиной прибѣгала къ риѳмованной, кадансированной рѣчи и иногда удачно выливала въ ней свои мысли и чувства. Для насъ много интереснѣе ея проза и развитіе ея беллетристическаго таланта.

III.

Первые проблески писательства Ан. Як. относитъ въ своей «Автобіографической запискѣ» [2]) къ черезчуръ раннему возрасту: къ 8 годамъ, когда ею была написана маленькая комедія, а вслѣдъ за комедіей рядъ небольшихъ комическихъ сценъ или отрывковъ. Къ 12 годамъ она принялась за стихи, а отъ стиховъ перешла къ прозѣ,—написала разсужденіе на тему: «О грустномъ положеніи въ обществѣ существа, развитаго душой и умомъ преждевременно».

Въ этой темѣ уже слышатся слѣды вѣяній поэзіи разочарованія, которая была модной въ то время и отъ вліянія которой уберечься было едва ли возможно. На произведеніяхъ Марченко, въ особенности на герояхъ ея повѣстей сильно отразилось вліяніе этой поэзіи.

Написала—и ей захотѣлось подѣлиться съ кѣмъ нибудь тайной своего писательства. И вотъ А. Я. избираетъ въ слушательницы, въ судьи перваго своего прозаическаго опыта не друга—наставницу, Екатерину Михайловну, не мать (о которой въ автобіографической запискѣ

---

[1]) Пантеонъ 1855. № 7.

[2]) Рукоп. въ Пет. П. Б.

почти совсѣмъ не упоминается) и даже не сестру, которая была значительно ея старше;—какъ натура гордая и крайне самолюбивая, она избираетъ того, кто въ семьѣ менѣе всѣхъ могъ бы быть компетентнымъ судьей,—избираетъ дѣвушку, которой занятіе въ домѣ—разливать чай. Что могла понять, замѣтить, сказать «чайная» дама? Развѣ умилиться отъ удивленія, что Настенька—ребенокъ—а можетъ ужъ сочинять, да еще такія мудреныя вещи, въ которыхъ не сразу все поймешь. Во всякомъ случаѣ А. Я. послѣ этого чтенія почувствовала такую бодрость и смѣлость, что принялась писать повѣсть подъ названіемъ «Игрокъ».

Повѣсть готова. Но А. Я. не рѣшается и ее отдать на строгій, безпристрастный судъ наставницы или матери; не читаетъ и «чайной» дамѣ. Въ силу крайне развитаго самолюбія она предпочитаетъ положиться исключительно на собственный судъ. Черезъ годъ я буду умнѣе,—рѣшаетъ она и тщательно убираетъ подъ спудъ первую повѣсть. И только черезъ годъ рѣшаетъ заглянуть въ завѣтную тетрадку и подвергнуть своему собственному суду, который теперь несомнѣнно долженъ былъ сдѣлаться зрѣлѣе, а главное—самое произведеніе на разстояніи годоваго промежутка допускало извѣстную долю объективности, необходимой при сужденіи о собственномъ произведеніи. И «Игрокъ» не выдержалъ суда автора: онъ былъ присужденъ къ немедленному истребленію.

Съ этихъ поръ А. Я устанавливаетъ правило: «судить каждое свое произведеніе собственнымъ судомъ всегда черезъ годъ отъ того дня, въ который оно было написано» [1]).

При такомъ способѣ собственной критики А. Я. уничтожаетъ одну повѣсть за другой. Но—авторъ не унываетъ: прирожденная страсть къ писательству сберегаетъ охоту и энергію писать,—и дѣвушка принимается за новую повѣсть «Гувернантка», которую также тщательно подвергаетъ годовому испытанію.

Ей теперь минуло 14 лѣтъ. Она выросла, окрѣпла; здоровье поправилось. Въ эти года на югѣ дѣвушка считается какъ бы взрослой,—она уже выѣзжаетъ на балы. А—ѣ Я—ѣ захотѣлось тоже шуму, блеска, танцевъ—мазурки, захотѣлось восхищать и восхищаться. Раненько бы еще—да все вокругъ занято этими интересами: старшая сестра давно выѣзжаетъ на балы, давно въ домѣ идутъ разговоры о томъ, какъ такой то богатый кавалеръ оказываетъ сестрѣ предпо-

---

[1]) Тамъ же.

чтеніе, давно высчитываютъ ея успѣхи въ свѣтѣ, судятъ и рядятъ о костюмахъ... Какъ же не захотѣть веселья?

Но ея желанія, даже самыя прихоти давно стали въ домѣ закономъ, и теперь она не встрѣтила отказа своему желанію. Ее повезли въ городъ. Она выѣхала на балъ. За первымъ баломъ, о которомъ съ такимъ наслажденіемъ говоритъ одна изъ героинь въ «Тернистомъ пути» [1]), слѣдовалъ другой—третій...

Такъ незамѣтно, весело проскользнула зима,—а тамъ снова прилетѣли весеннія птицы и еще съ большей силой захотѣлось въ деревню, въ лѣсъ, въ луга—на деревенскій просторъ. И мы видимъ ее снова въ деревнѣ—она весело скачетъ верхомъ на своей лошади въ любимую пасѣку. Здѣсь въ уединеніи, вдали отъ всѣхъ, рѣшила она подвергнуть строгому авторскому суду еще въ прошломъ году написанную повѣсть «Гувернантка».

Словно цѣлый ареопагъ строгихъ, неумолимыхъ судей собрался слушать писательницу,—такъ боязливо, робко развертывала она тетрадку и съ сердечнымъ замираніемъ принималась читать свою повѣсть... По мѣрѣ чтенія она успокоивалась, и улыбка довольства, необычайной радости скользила по лицу. Авторъ не находилъ въ новомъ произведеніи ничего смѣшнаго, что такъ сильно проглядывало въ крайней экзальтаціи раннихъ повѣстей. Она прочла «Гувернантку»— и не присудила ея къ уничтоженію. Повѣсть снова была убрана подъ спудъ съ тѣмъ, чтобы время отъ времени ее перечитывать и исправлять.

Одновременно съ отдѣлкой и выправленіемъ «Гувернантки» писалась другая повѣсть «Три варіаціи на одну тему». Писалась въ промежутки отъ выѣздовъ, бальнаго веселья, которому отдавала молодая дѣвушка уже третью зиму. Съ 14-ти до 17-ти лѣтъ зиму она проводила въ городѣ, весну и лѣто—въ деревнѣ за книгами, съ перомъ или карандашемъ въ рукахъ. Много книгъ было прочитано за эти три года. Но только то были не романы,—ее влекли книги серьезнаго содержанія философскія и даже медицинскія. Такимъ чтеніемъ она развивала и укрѣпляла свой умъ, черезчуръ рано освободившійся отъ всякой посторонней опеки и черезчуръ рано предоставленный саморазвитію. Впрочемъ, такова была судьба почти всѣхъ нашихъ писательницъ. Припомнимъ: Елена Андреевна Ганъ покончила ученье въ тринадцать лѣтъ, ученье граф. Ростопчиной шло безсистемно... и развѣ только Е. Кульманъ составляла исключеніе, но и то печальное.

[1]) От. Зап. 1849, октябрь.

Лѣтніе дни не шли, а мелькали. Мелькали и года. Къ этому времени успѣли подрости и братья А. Я., которые были моложе ея. Ихъ надо было отдавать въ гимназію, надо было везти въ городъ.

Это обстоятельство заставило родныхъ рѣшиться на полное переселеніе изъ деревни въ городъ. Для такого переселенія, разумѣется, требовались большія деньги,—такъ какъ семья Марченковъ, какъ мы видѣли, была многочисленная, при томъ привыкшая къ удобствамъ и даже къ роскоши. И вотъ тутъ то пришлось отцу подвести итоги своимъ приходамъ и расходамъ и неминуемо признать, что расходъ давно въ нѣсколько разъ превышаетъ приходъ,—почему надѣлана масса долговъ,—признать, что имѣніе пришло въ упадокъ, что семьѣ грозитъ быстрое разореніе, а затѣмъ нищета. Онъ увидалъ, что недалеко то время, когда нищета должна будетъ смѣнить довольство, въ которомъ жили и къ которому привыкли, живя на малороссійскомъ просторѣ, его жена, дѣти... Какъ и чѣмъ спасти семью отъ предстоящей грозы? Объявить, открыть всю правду? Но развѣ этимъ поможешь? Только себѣ увеличишь, а имъ ускоришь страданіе. И отецъ рѣшилъ скрывать отъ семьи положеніе дѣлъ; онъ еще надѣялся какъ нибудь собственными силами придумать возможность лучшаго выхода.

Семья, не зная ничего объ угрожающей бѣдѣ, занята хлопотами переѣзда изъ деревни въ городъ. Возня, толкотня, суета съ утра до вечера наполняетъ домъ. Но почему то выбранъ изъ городовъ не Кіевъ, а Одесса,—и семья съ лона красотъ малороссійской природы перекочевываетъ въ Одессу, на берегъ Чернаго моря, гдѣ картины вечерняго заката, освѣщающаго высокія мачты безчисленныхъ кораблей, занимающихъ не только пристань, но и большую часть моря,—конечно, въ силахъ поспорить съ красотой Малороссіи, гдѣ счастливо, весело прожила наша писательница до 17-ти лѣтняго возраста, гдѣ воспитался ея умъ, гдѣ сложились ея первыя появившіяся въ печати произведенія. Любовь къ Малороссіи сказывается у нея не только въ «Автобіографіи», гдѣ она такъ говоритъ о себѣ: «Она выучилась гордиться тѣмъ, что она малороссіянка, и полюбила грустнымъ, страстнымъ чувствомъ и край тотъ, и народъ», но и въ романахъ; напр. въ первой части большаго романа «Мыльные пузыри», гдѣ авторъ прекрасно, живо описываетъ деревенскую ярмарку въ Малороссіи и тутъ же говоритъ: «Но не передать мнѣ того теплаго, синяго неба, тѣхъ яркихъ красокъ, той изумительно полной жизни каждаго ра-

стенія, того ароматнаго дыханія безчисленныхъ, душистыхъ травъ, всего—чѣмъ богата Украйна, чѣмъ даритъ она глаза, нѣжитъ чувства, чѣмъ мила она памяти нашей» [1]).

IV.

Но вотъ синее небо Украины осталось позади, а передъ глазами стелется не менѣе красивая синева Чернаго моря и южной морской дали.

Какъ бы хорошо было здѣсь, если бы не мѣшала общему веселью, общей радости какая то непонятная грусть отца. Что съ нимъ? Какое горе тяготитъ его душу? Здѣсь такъ все ново, красиво, интересно, что только бы жить и радоваться,—здѣсь кромѣ моря, аромата бѣлыхъ акацій, есть и итальянская опера, есть чудныя преданія о незабвенномъ Пушкинѣ... Здѣсь въ самомъ воздухѣ разлиты поэзія, искусство. А отецъ, несмотря на это, цѣлые дни ходитъ пасмурный. Видимо, его тяготитъ какое то горе... И безпокойный видъ отца всѣмъ внушаетъ опасеніе. А тутъ еще его внезапное, ничѣмъ необъяснимое желаніе немедленной, неотложной поѣздки въ Петербургъ. Зачѣмъ? Что заставляетъ ѣхать такую даль? Но разспросы и совѣты не ѣхать только доводятъ его до болѣзненнаго раздраженія,—онъ твердъ въ своемъ рѣшеніи. На этотъ разъ оказалось менѣе твердымъ и менѣе выносливымъ его здоровье. Оно не вынесло всѣхъ нравственныхъ мукъ, какими за послѣднее время переполнена его душа—и желаніе какъ нибудь извернуться, поправить состояніе, и боязнь за судьбу любимой семьи, и желаніе скрыть отъ нея положеніе дѣлъ, а также и свое безпокойство—довели бѣднаго старика до паралича.

Только теперь, когда онъ недвижимо лежалъ въ постели, семья узнала все,—она встала лицомъ къ лицу съ неожиданной дѣйствительностію. Тутъ только узнали, для чего отецъ хотѣлъ пуститься въ далекій путь: онъ надѣялся сдѣлать въ Петербургѣ заемъ и поправить свои денежныя дѣла. Но теперь, когда онъ недвижимый лежалъ въ постели, разумѣется, нечего было и думать о поправленіи дѣлъ. Кое какъ были уплочены долги остатками уцѣлѣвшаго капитала—а на долю семьи оставалась все та же неизбѣжная бѣдность и больной параличный отецъ. Что было дѣлать? Чѣмъ жить? По мо-

---

[1]) Романъ въ 3 ч. „Мыльные пузыри". 1855 г. 24 стр. Часть 1-я.

лодость храбро глядитъ и на трагическое въ жизни. Энергичная, сильная Анастасья Яковлевна не задумалась и еще менѣе склонна была къ унынію, хотя отлично понимала, что семья всею тяжестью своей матеріальной стороны ложилась на ея молодыя, еще не совсѣмъ окрѣпнувшія плечи. Она храбро объявила: будемъ работать и будемъ жить. Ея примѣру послѣдовала и другая сестра, которая была младше ея годомъ,—старшая же въ это время была уже замужемъ.

Но чѣмъ и какъ будутъ заработывать деньги эти обѣ молоденькія дѣвушки, выросшія въ довольствѣ? Единственный трудъ, возможный въ тѣ времена для женщины былъ, разумѣется, трудъ гувернантки. Но, чтобы получить мѣсто гувернантки, надо имѣть дипломъ, а для полученія диплома требовалось выдержать экзаменъ на домашнюю учительницу. И вотъ обѣ дѣвушки твердо рѣшаютъ готовиться къ экзамену.

Теперь въ домѣ на мѣсто прежней роскоши поселилась бѣдность,—потому не было больше ни учителей, ни гувернантокъ; готовиться пришлось безъ всякой посторонней помощи, на собственный страхъ. Младшая сестра, не привыкшая къ такому усиленному труду, не вынесла и слегла отъ нервной горячки; а Ан. Як. въ шесть недѣль приготовилась и отлично держала экзаменъ, несмотря на душевныя безпокойства и хлопоты, которыя еще больше усилились отъ болѣзни сестры. Теперь она была въ новомъ вооруженіи на борьбу и стала искать мѣста гувернантки. Мѣсто скоро нашлось,—но на кого она броситъ своихъ больныхъ? И пришлось отказаться отъ предлагаемаго мѣста. Вмѣсто этого, она взялась давать уроки музыки въ одномъ изъ одесскихъ пансіоновъ. Давала по семи часовъ въ день. Это не могло не отразиться на здоровьи. Черезъ полтора года такого усиленнаго труда—ради семьи и любимаго отца она разстроила здоровье и принуждена была оставить занятіе.

Не въ силу теоретическихъ размышленій—какъ видимъ—пришелъ нашъ авторъ къ необходимости труда для женщины, сама жизнь поставила ему на пути эту задачу,—и онъ разрѣшаетъ ее утвердительно въ силу самой жизненной необходимости. Потому А. Я. ни сама, ни одна изъ ея героинь не смотрятъ на трудъ, какъ на геройство, какъ на признакъ передоваго развитія, какъ относились къ труду литература и сама женщина освободительнаго періода. Эта особенность произведеній А. Марченко, гдѣ не разъ въ холѣ и довольствѣ воспитанная дѣвушка, въ силу надвинувшихся обстоятельствъ, безъ разсужденія и безъ рисовки принимается за педагогію, какъ

Юлія Михайловна въ «Мыльныхъ пузыряхъ», или какъ Елена въ повѣсти «Гувернантка», гдѣ изображается аналогичное съ семьей Марченко обѣднѣніе отца,—или Ниночка въ «Тернистомъ пути», гдѣ молодая женщина, сдавленная мужемъ и свекровью, пробуетъ взяться за уроки музыки, а за неимѣніемъ ихъ не пренебрегаетъ и рукодѣльнымъ заказомъ въ родѣ дѣланія искусственныхъ цвѣтовъ,—эта особенность должна была дѣйствовать благотворнымъ образомъ и служить лучшимъ подготовительнымъ курсомъ къ тѣмъ проповѣдямъ о трудѣ и женской равноправности, которыя стали громко раздаваться съ конца 50-хъ годовъ.

Марченко въ этомъ случаѣ стояла на почвѣ жизни и практики. Этимъ объясняется и отсутствіе въ ея произведеніяхъ той узкой односторонности, которую неизбѣжно вносили въ жизнь строгіе послѣдователи теоріи эмансипація. Героини Марченко, какъ и она сама, принимаясь за серьезный трудъ ради заработка, не отворачивались ни отъ радости жизни, ни отъ жизненныхъ утѣхъ. Онѣ не считали неприличнымъ для себя скользить въ свободныя минуты по гладкому паркету въ освѣщенныхъ залахъ, упиваться галопомъ или кататься на масляницѣ съ горъ на Васильевскомъ острову...

V.

Та же насущная необходимость, тотъ же недостатокъ матеріальныхъ средствъ, который заставилъ Зенеиду Р—ву печатать свои произведенія, былъ побудительнымъ стимуломъ и для Марченко, чтобы выступить на литературное поприще. Мы помнимъ, какъ еще въ Малороссіи она писала повѣсти и, не показывая никому, прятала завѣтныя тетрадки подальше отъ посторонняго взгляда. Теперь съ переѣздомъ въ Одессу, очутившись со всей семьей среди бѣдности, она рѣшаетъ пустить въ оборотный капиталъ имѣющіяся на готовѣ произведенія. Тщательно перечитывая и исправляя еще и еще разъ свою первую пощаженную отъ истребленія повѣсть «Гувернантку», она рѣшаетъ предложить ее и «Три варіаціи на одну тему»—одному изъ извѣстныхъ тогда въ Одессѣ книгопродавцевъ—Карлу Осиповичу Тотти. Какъ новичекъ, она такъ боязно относится къ возможности выступить передъ публикой, что даже не рѣшается на первый разъ что нибудь просить за свой трудъ, а также и выставить свою фамилію. Почемъ знать, какъ встрѣчены будутъ ея произведенія? А если ихъ ждетъ позоръ?... Тогда пусть ужъ онъ хоть не ложится еще но-

вою тяжестью на больнаго, разбитаго горемъ отца. И Ан. Як. выставляетъ подъ первыми повѣстями среднія буквы своего имени и фамиліи--*Т. Ч.*,—съ которыми долго появляется въ литературѣ во всѣхъ толстыхъ журналахъ.

Тотти не воспользовался неопытностью автора,—онъ дѣлилъ съ ней пополамъ полученную выручку за вышедшую книжку подъ общимъ названіемъ «*Путевыя замѣтки*».

Итакъ--это была первая печатная вещь А. Марченко, вышедшая въ свѣтъ въ Одессѣ въ 1847 году.

Книжка хоть и носила названіе «*Путевыхъ замѣтокъ*», но то было путешествіе по жизненному пути, а не по проселочнымъ или другимъ дорогамъ, съ тоскливыми остановками на грязныхъ станціяхъ. «Тысячи людей путешествуютъ—говоритъ авторъ въ предисловіи: тысячи людей закидываютъ насъ описаніемъ городовъ и мѣстъ, обычаевъ и нравовъ, горъ и восхитительныхъ съ нихъ видовъ; заставляютъ насъ слѣдовать за собой на воды, разсказываютъ ходъ своихъ болѣзней и встрѣчу съ своими знакомыми, томятъ насъ жалобами на трактирщиковъ,—и мы все это читаемъ, и многіе изъ насъ, читая, восхищаются. Какъ будто всѣ мы не тѣ же туристы! Широко стелется передъ каждымъ изъ насъ путь жизни, и на пути этомъ встрѣчаемъ мы не города, не полуразвалившіяся зданія—твореніе рукъ человѣческихъ—встрѣчаемъ другихъ людей, ближнихъ своихъ. Неужели не на чемъ остановиться наблюдательному взору? или человѣкъ не стоитъ нашихъ наблюденій? Или сердце его такъ безцвѣтно, или душа такъ ничтожна, что ничего не прочтешь въ нихъ? Всѣ мы неблагосклонно судимъ родъ людской, забывая, что мы составляемъ незамѣтную частицу «ничтожнаго» цѣлаго. Каждый изъ насъ рѣзко судитъ о людяхъ, забывая, что онъ тотъ же человѣкъ; каждый, втаптывая всѣхъ другихъ въ грязь, считаетъ себя неприкосновеннымъ, чистымъ и тѣшится мыслью и радуется, бросая подобную пищу своему самолюбію.

Подобно всѣмъ вамъ, я путешествую; подобно всѣмъ, встрѣчаю людей»... «Человѣкъ — вѣчный калейдоскопъ. Хорошъ ли, дуренъ ли—онъ всегда разнообразенъ. Внутреннимъ ли міромъ дается ему это разнообразіе, обстоятельствами ли жизни покупается оно,—все равно. Добро или зло въ людяхъ одинаково, но проявленіе этихъ двухъ началъ въ каждомъ человѣкѣ разное. Тѣ, кого я встрѣчала или встрѣчаю, составляли для меня живой предметъ любопытства. Я

стала писать свои путевыя замѣтки и вздумала печатать ихъ. Да не вмѣнится мнѣ въ грѣхъ эта общая слабость всѣхъ туристовъ»[1]).

Кто могъ угадать въ этомъ высоко-гуманномъ и философски настроенномъ авторѣ семнадцати-лѣтнюю дѣвушку? Но авторъ не замаскировывалъ своего платья—онъ какъ въ самыхъ повѣстяхъ, такъ и въ предисловіи выдаетъ себя женщиной.

До 1840-хъ годовъ вся литература наша сосредоточивалась въ столицахъ. Провинція — можно сказать — совсѣмъ не имѣла своей прессы, если не считать двухъ-трехъ журналовъ въ Харьковѣ, Тобольскѣ и около 30 сочиненій оригинальныхъ и переводныхъ, вышедшихъ внѣ столицы[2]). Писатель, живущій въ провинціи, если хотѣлъ видѣть свое произведеніе въ печати, долженъ былъ для этого тащиться въ Петербургъ или въ Москву на долгихъ по ухабамъ, рытвинамъ и буеракамъ, какіе представляли изъ себя въ то время наши дороги. Внѣ столицъ почти не было типографій. И только съ 40-хъ годовъ начинаетъ развиваться провинціальная пресса,—особенно много въ это десятилѣтіе вышло книгъ въ Одессѣ, которая въ то время была едва ли не самымъ изящнымъ, самая блестящимъ изо всѣхъ провинціальныхъ городовъ,—да къ тому же тамъ было и много литературныхъ преданій.

«*Путевыя замѣтки*» — какъ провинціальное изданіе — возбуждаетъ къ себѣ интересъ столичной прессы: Библіотека для Чтенія, Современникъ, Отечественныя Записки, Финскій Вѣстникъ, Сынъ Отечества, Сѣверная Пчела, Санктъ-Петербургскія Вѣдомости, Сѣверное Обозрѣніе — всѣ разомъ заговорили о «*Путевыхъ Замѣткахъ*»[4]). Одни только хвалили, другіе, какъ Отечественныя Записки и Современникъ, были умѣреннѣе, они рядомъ съ похвалой не забывали указать и на недостатки,—уберечь отъ нихъ автора на будущее время, такъ какъ они видѣли въ немъ несомнѣнный талантъ и желали ему процвѣтанія[5]).

---

[1]) Стр. 5—6.

[2]) Сѣверн. Обозр. 1849; августъ; 545 стр.

[3]) От. Зап. 1847 г. № 8; Совр. 1847. № VII; Финскій Вѣст. 1847. № 8; Сынъ От. 1847 № 4; Сѣвер. Пчела 1847. № 281 и т. д.

[4]) Приведу нѣсколько выдержекъ. „Г-жа Т. Ч. заслуживаетъ полной похвалы. Языкъ ея чистъ и разсказъ привлекателенъ... Книга г-жи Т. Ч. есть одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ нашей литературѣ. Не гоняясь за рѣшеніемъ современныхъ вопросовъ, она только рѣшаетъ вопросы близкіе женскому сердцу“. (Фин. Вѣст. 1847. № 8. стр. 49).

Трудно было дать о книжкѣ плохой отзывъ. Обѣ повѣсти были мило, просто, правдиво написаны,—это были какъ бы картинки съ натуры, растушеванныя талантливой рукой. Въ первой изъ нихъ «*Три варіаціи на одну тему*» разсказывается, какъ молодая дѣвушка влюбилась въ мальчика Лёлю. Но, не встрѣчая отвѣта въ его чувствѣ, вышла замужъ. Но и замужемъ все помнила и думала о Лёлѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ она встрѣтилась съ нимъ у своей знакомой, только теперь онъ былъ ужъ не Лёля, а m-eur Alexis. Теперь онъ полюбилъ ее,—онъ сдѣлалъ ей нѣчто въ родѣ признанія. Она стала требовать, чтобы онъ уѣхалъ.—Но уѣзжаетъ она, а не онъ. Ея мужъ заболѣлъ, она везетъ его заграницу. Изъ письма пріятельницы узнаетъ, какъ ее страстно, восторженно любитъ Alexis.—Мужъ вскорѣ умираетъ. Она остается 35 лѣтней вдовой. Несмотря на года, она еще очень привлекательна,—выѣзжаетъ на балы. И разъ на балу у губернатора встрѣчается съ Алексисомъ,—только теперь онъ не Алексисъ, а Алексѣй Петровичъ. Онъ былъ уже женатъ, искалъ связей, былъ тщеславенъ, а на нее взглянулъ, какъ на «допотопную» знакомую.

Повѣсть написана просто, живо, читается съ интересомъ, только одно непріятно: авторъ прибѣгаетъ къ избитому способу знакомить съ героиней посредствомъ ея записокъ. Критика указывала автору на этотъ избитый пріемъ. Но замѣчанія критики не предостерегли А. Марченко отъ ошибокъ въ томъ же родѣ. Черезъ 10 лѣтъ въ повѣсти «*Саламандра*» [1]) всю судьбу, всю жизнь героини мы узнаемъ опять изъ записокъ; тотъ же пріемъ встрѣчаемъ и въ романѣ «*Разлучники*» [2]).

Уже въ «*Трехъ варіаціяхъ*» попадаются длинныя отступленія на тему о любви, объ ея живительномъ, благотворномъ вліяніи на человѣка,—какую полноту жизни даетъ любовь и т. д.

„Въ разсказѣ ея есть теплота, женственность, замѣтны наблюдательность, способность задумывать характеры, склонность входить въ закоулки души въ психологическій анализъ"... „Недосозданность повѣсти скрывается въ случайности столкновенія такихъ, а не другихъ событій жизни; случайность же никогда не возвысится до единства. Милліонъ лицъ, набросанныхъ на полотно безъ необходимой между ними связи, не составитъ группы. Эта то необходимость и составляетъ одну изъ тайнъ искусства, если художественное произведеніе понимать, какъ нѣчто цѣлое, органически развившееся изъ одной идеи". (Совр. 1847. № 7. Стр. 105).

[1]) От. Зап. 1859.

[2]) Романъ въ 3 частяхъ. Спб. 1869.

Такія большія лирическія отступленія составляютъ какъ бы неотъемлемую принадлежность женщинъ писательницъ. И Зенеида Р-ва, и Ростопчина, и Жоржъ-Зандъ безпрестанно прибѣгаютъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ къ этой манерѣ лирическихъ изліяній. Лирическія отступленія—это ихъ собственные вздохи, это—ихъ душевный отдыхъ, отливъ ихъ собственныхъ переполняющихъ душу чувствъ. Здѣсь онѣ выливаютъ свои жалобы, недовольство, высказываютъ свои радости—и это даетъ имъ силу на борьбу съ жизнью.

Такими отступленіями переполнена и повѣсть *«Гувернантка»*, гдѣ красивая Елена, дочь нѣкогда богатыхъ родителей, принуждена силою обстоятельствъ или выдти замужъ за какого нибудь человѣка со средствами, или идти въ гувернантки. «Но выдти замужъ безъ любви за человѣка, который ждетъ любви, который увѣренъ въ ней; бояться убить въ немъ эту увѣренность, бояться оскорбить его равнодушіемъ, и потому отягчить себя вѣчнымъ притворствомъ и вѣчно бороться съ своими чувствами и вѣчно видѣть ту же безотрадность, хотя другаго рода—это было выше силъ Елены. А между тѣмъ оставаться въ домѣ родительскомъ она не хотѣла. Что за цѣль, что за будущность! Она уже теперь была безполезной вещью, а въ 20 лѣтъ стала бы тягостью для своего отца. Какъ тяжела, какъ горька эта жизнь, проведенная безъ пользы, въ ничтожествѣ, когда такъ много силъ, и умъ, и душа развиты вполнѣ, кипятъ жизнью, а назначеніе—хоронить ихъ заживо» [1])...

И Елена не хочетъ, она не въ силахъ идти общей колеей притворнаго замужества ради того только, чтобы пристроиться, найти свой стулъ въ обществѣ,—она идетъ въ гувернантки.

Это были смѣлыя мысли, отважные поступки,—ихъ рядомъ съ литературными достоинствами повѣстей нельзя было не замѣтить, не оцѣнить. *«Путевыя замѣтки»* *Т. Ч.* отмѣтилъ даже и Бѣлинскій въ статьѣ: «Взглядъ на русскую литературу 1847 года» [2]). Онъ называетъ книжку А. Марченко единственною замѣчательною вещью по части словесности, вышедшей въ этотъ годъ: «Эта маленькая, красиво напечатанная книжка, вышедшая въ Одессѣ; авторъ—женщина; это видно по всему, особенно по взгляду на предметы. Много сердечной теплоты, много чувства; жизнь—невсегда понятая, или понятая уже

---

[1]) Стр. 65.

[2]) Соч. Бѣлинскаго. Т. II. Стр. 425.

слишкомъ по женски, но никогда не набѣленная, не нарумяненная, увлекательный разсказъ, прекрасный языкъ: вотъ достоинства двухъ разсказовъ г-жи Т. Ч.»

VI.

Такіе отзывы давали, конечно, много бодрости и окрыляли на дальнѣйшій писательскій трудъ. И А. Марченко выступаетъ въ слѣдующій же годъ сотрудницей Сѣвернаго Обозрѣнія [1]) и Современника [2]),—затѣмъ встрѣчаемъ ее въ Отечественныхъ Запискахъ [3]), гдѣ дѣлается постоянной сотрудницей, печатая не только повѣсти, стихотворенія, но и большіе романы. Изрѣдка ея имя появляется и въ Русскомъ Вѣстникѣ [4]), гдѣ авторъ одновременно подписался и буквами Т. Ч. и фамиліей А. Марченко, отождествивъ такимъ образомъ иниціалы Т. Ч. съ своей фамиліей, что нѣкоторые относили къ двумъ различнымъ лицамъ. Въ Библіотеку же для Чтенія она попала уже послѣ той хвалебной рѣчи, какою встрѣтилъ рецензентъ этого журнала второй выпускъ *«Путевыхъ замѣтокъ»* [5]), изданныхъ въ 1849 году въ Одессѣ тѣмъ же книгопродавцемъ Тотти [6]). Въ этотъ выпускъ вошли три повѣсти: *«Танцевальный учитель»*, *«Четверть жизни человѣческой»* и *«Поздно»*, помѣщенная раньше въ Современникѣ.

Этотъ томикъ *«Путевыхъ замѣтокъ»* опять былъ встрѣченъ хоромъ похвалъ со стороны тѣхъ же журналовъ,—только Библіотека для Чтенія на этотъ разъ превзошла всѣхъ изысканностью своихъ похвалъ [7]).

---

[1]) 1848 года, № 4, повѣсть „Поздно".

[2]) 1849 г., № 4, повѣсть „Тернистый путь", посвященная А. А. Скальковскому.

[3]) 1850 г. № 5. Повѣсть „Тѣни прошлаго".

1853 г. сент. Два стихотворенія.

1855 г. №№ 1—2—3. Романъ въ 3 частяхъ „Дина".

1855 г. іюнь,—повѣсть „Вокругъ да около",—гдѣ въ первый разъ Т. Ч. замѣнены фамиліей.

1856 г. № 8, повѣсть „Горы".

1858 г. (или 1859), повѣсть „Саламандра".

[4]) 1858 г. Т. XI, №№ 17, 18—современная повѣсть „На походѣ".

[5]) Второе изданіе „Путевыхъ замѣтокъ" вышло въ Петербургѣ въ 1853 г.

[6]) 1853. 121—122: „Умная женщина".

[7]) Не могу не сдѣлать хоть маленькой выписки: „такъ они (разсказы) милы, такъ тонки, прозрачны, неуловимы: это кружево, плетенное изъ лунныхъ лучей, которое развертывается безконечнымъ серебристымъ узоромъ въ пріятной темнотѣ

Въ небольшой промежутокъ, лѣтъ въ 12, Анастасія Яковлевна написала больше пятнадцати повѣстей и романовъ. Изъ повѣстей назову, какъ лучшія: *«Первый шагъ»* или вѣрнѣй *«Тернистый путь»*, куда *«Первый шагъ»* входитъ какъ начало повѣсти, *«Вокругъ да около»*, *«Горы»*, *«Саламандра»*... Всѣ онѣ съ удовольствіемъ могутъ быть прочтены и въ наше время. Остальныя же не представляютъ ни новыхъ типовъ, ни положеній,—это осколки только что названныхъ произведеній, откуда выглядываютъ все тѣ же герои, только не въ видѣ полныхъ характеровъ, а какъ силуэты или же просто черновые наброски. То же можно сказать и о романахъ, выдѣливъ изъ нихъ романъ *«Мыльные пузыри»*, какъ кульминаціонную точку литературнаго и художественнаго развитія писательницы. Напр., первая часть романа *«Разлучники»* есть та же повѣсть *«Саламандра»*, только въ значительно худшей редакціи: одно и то же положеніе семейныхъ дѣлъ заставляетъ героиню искать заработка и уйти изъ дому съ любимымъ чоловѣкомъ.

Главный мотивъ всѣхъ повѣстей писательницы—любовь, по преимуществу любовь женская во всѣхъ ея положеніяхъ, изгибахъ и проявленіяхъ. Мужчина выводится только, какъ необходимая принадлежность этой любви,—но какъ самостоятельное лицо, могущее интересовать собою читателя, какъ главное лицо, на себѣ сосредоточивающее интересъ, онъ выводится только въ одной повѣсти *«Тѣни прошлаго»*. Едва ли это не самая слабая вещь изъ всѣхъ произведеній Марченко. Герой, какъ и вообще вся повѣсть, носитъ на себѣ сильное подражаніе Пушкину. Герой *«Тѣней прошлаго»* напоминаетъ въ каррикатурѣ Онѣгина: онъ играетъ роль, представляется разочарованнымъ, но играетъ такъ неискуссно, что не можетъ замаскировать своей игры; это просто глупый и пустой человѣкъ.

Къ тому же этотъ характеръ, какъ и вообще всѣ мужскіе характеры, плохо удается автору. Впрочемъ, на этотъ недостатокъ, какъ общій всѣмъ писательницамъ, указывали давно и указывали справедливо. Справедливость такого замѣчанія не подрываетъ и Жоржъ Зандъ своими многочисленными произведеніями. Ея герои часто безжизненны, созданіе ихъ неполно, они повернуты къ читателю только той стороной, какой мужчина обращается къ женщинѣ. А его общественное положеніе, общественная физіономія почти совсѣмъ не

задумчивости и тоски. Это—воздухъ, въ которомъ по гладкой синевѣ текутъ облака"... Библ. д. Чт. 1849. Сент. 1—2 стр.

интересуетъ писательницу.—Все это можетъ быть съ одинаковой справедливосью отнесено ко всѣмъ произведеніямъ А. Марченко. Какъ Ж. З., такъ и Марченко, задаваясь въ жизни и въ литературѣ одними мотивами, одними интересами—любовь во всѣхъ ея проявленіяхъ, не переходящихъ границу чистаго чувства,—онѣ и на мужчинъ смотрѣли только, какъ на предметъ женской страсти, на причину горя и радости женщины. Потому понятно, что у нихъ мужскіе образы выходили односторонни, блѣдны, дѣланны, въ нихъ сказывалась та предвзятая мысль, по которой лѣпился образъ мужчины.

И Ж. З., и Марченко, выступая адвокатами женскаго чувства—за его право свободно жить и развиваться, смѣло, открыто, также какъ общество допускаетъ жизнь любви для мужчины (въ ея лучшемъ смыслѣ),—незамѣтно для себя увлекаются и впадаютъ въ неизбѣжный недостатокъ каждаго адвоката: умалить противника и возвести на недосягаемый пьедесталъ своего кліента. Мужчина повѣстей Марченко всегда уступаетъ женскимъ характерамъ и превосходитъ женщину развѣ только со стороны внѣшности: герой въ повѣстяхъ Марченко почти всегда красивый и молодой, женщина чаще—некрасива и стара. Этотъ красавецъ—герой непремѣнно служитъ въ военной службѣ и занятъ, кромѣ жизненныхъ наслажденій, еще фронтомъ.

Кромѣ каррикатуръ на Онѣгина, Печорина, въ романахъ и повѣстяхъ Марченко мы встрѣчаемся и съ мечтателями въ родѣ Ленскаго, которые чахнутъ отъ самоотверженной, нераздѣленной любви,—каковъ Васильевъ въ романѣ «*Дина*». Всѣ они живутъ, ничего не дѣлая, или наслѣдіемъ отцовъ, или на счетъ благодѣтелей; цѣлые дни проводятъ въ куреніи сигаръ,—отъ скуки развлекаются любовью. Это народъ вялый не только въ моральномъ, но и въ физическомъ отношеніи, больной, разслабленный, живущій исключительно заботою о себѣ,—это неисправимые эгоисты, которымъ ничего не значитъ пошутить съ дѣвушкой въ любовь, а прошла охота—бросить надоѣвшую игрушку, не задумываясь. Таковъ герой повѣсти «*Тѣни прошлаго*». Если же между этими эгоистами выдаются люди, одаренные крѣпостью мышцъ, подвижностью, здоровьемъ, каковъ Борисъ въ повѣсти «*Горы*»,—изъ него выходитъ прекрасный глисёръ; онъ на скачкахъ беретъ первый призъ... Борисъ не задается никакими правилами жизни; съ нравственной сторочы онъ эгоистъ много худшей породы, чѣмъ герой «*Тѣней прошлаго*»,—тотъ былъ хоть искрененъ въ чув-

ствѣ, а у этого чувствомъ драпируется или тщеславіе, или матеріальныя выгоды.

И только въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ (*Дина*, *Мыльные пузыри*) выводятся мужчины съ высшимъ образованіемъ. Таковъ Поль, братъ Дины; онъ кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ, вступилъ въ жизнь съ жаждой принести пользу человѣчеству; но что вышло изъ этого пылкаго юноши? Послѣ ряда печальныхъ, но неизбѣжныхъ смертныхъ исходовъ съ его паціентами, которыхъ онъ старался изо всѣхъ сихъ поставить на ноги, онъ увидалъ, что его наука безсильна: смерть уносила у него изъ—подъ рукъ все дорогое, что онъ любилъ, что готовъ былъ спасать цѣною собственной жизни, и онъ перестал серьезно смотрѣть на жизнь. Поль—это типъ, довольно часто встрѣчающійся, а еще больше встрѣчавшійся въ жизни среди людей, начинающихъ жить съ идеальными взглядами. Но въ изображеніи Марченко—это не типъ, не живое лицо, даже не силуэтъ, какими выходятъ герои перваго типа,—это только идея.

Вотъ и весь мужской персоналъ повѣстей и романовъ Марченко, если не упоминать о танцевальномъ учителѣ, морякѣ Иванѣ Петровичѣ (въ повѣсти *«Вокругъ да около»*), напоминающемъ Лермонтовскаго Максима Максимовича,—и симпатичнѣйшаго учителя рисованія Евгенія Семеновича, о которомъ говорилось раньше. Любовь послѣдняго не старѣетъ, не слабѣетъ; онъ любитъ съ полнымъ самоотверженіемъ, глядитъ на обожаемую женщину только издали—и незримо для нея играетъ роль ея ангела хранителя. Это, кажется, лучшій мужской типъ повѣстей Марченко—гуманный, самоотверженный; но вѣдь онъ не герой,—это второстепенное, аксессуарное лицо, это—учитель, на котораго тѣ, кого онъ любитъ, не бросятъ вниманія.

VII.

Насколько однообразны и мало удачны въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія мужскія лица въ произведеніяхъ Марченко,—за исключеніемъ «Мыльные пузыри»,—настолько удивляютъ разнообразіемъ, удачею, цѣльностью воспроизведенія женскіе типы, въ особенности тѣ, которые приглашены играть второстепенную роль. Онѣ выходятъ, пожалуй, удачнѣе главныхъ героинь.

Всѣ второстепенныя женскія фигуры служатъ яркимъ доказательствомъ способности автора наблюдать, подмѣчать самыя разно-

образныя способности души, характера, а главное—живо воспроизводить цѣльный женскій образъ послѣ одной—двухъ мимолетныхъ встрѣчъ. Какъ хороша, напримѣръ, въ своей невинности и беззащитности молоденькая съ бѣлыми волосами нѣмочка Эмма въ *«Тѣняхъ прошлаго»*, съ которой развлекается герой Березовъ, отъ скуки бросающій на нее молніеносные взгляды, и которая въ него, безъ сомнѣнія, влюбилась. Или въ романѣ *«Дина»* какъ прекрасно удался типъ Вареньки—этой легкомысленной дѣвочки, которая сама не знаетъ, кого любитъ—романтика ли Васильева, или легкомысленнаго, пустаго князя Радуцкаго. И ее не трудно склонить выдти за любаго изъ нихъ. Подумать о нравственныхъ достоинствахъ жениха ей и въ голову не приходитъ, да и молода еще она для этого. Впрочемъ, и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ она думаетъ весьма мало.

Скоро она сдѣлалась женой богатаго князя Радуцкаго,—также скоро мужъ разлюбилъ ее и сошелся съ другой. Варенька недолго грустила: у нея была масса поклонниковъ, но она отдала предпочтеніе красивому, молодому Максу де Вильеръ, который считалъ десятками свои побѣды надъ женщинами. Онъ завладѣлъ ею деспотически, требовалъ, повелѣвалъ,—и въ этомъ рабскомъ поклоненіи она находила свое счастье.

Въ повѣсти *«Горы»*, гдѣ не безъ улыбки описывается великосвѣтское петербургское общество, его пустота, безсодержательность, пустая болтовня, сплетни, свѣтскій тактъ,—выводится много женскихъ лицъ: и княгиня бабушка, напоминающая извѣстный Грибоѣдовскій типъ, и безличныя, ради мебели присутствующія въ гостинной дамы, «которыя способны вышивать только англійскимъ швомъ», и Зина, вышедшая замужъ за нелюбимаго человѣка и потомъ отдававшаяся легко всякому летучему чувству...

Всего же больше и разнообразнѣе женскихъ типовъ встрѣчается въ романѣ *«Мыльные пузыри»*; тутъ между прочимъ мелькаютъ типы провинціальнаго общества, напоминающіе гоголевскихъ дамъ—просто пріятную и пріятную во всѣхъ отношеніяхъ, которыя снуютъ изъ одного дома въ другой и, какъ кружево, плетутъ сплетни. Особенно женскими типами изобилуетъ 2-я часть романа, гдѣ разсказывается о прошломъ героя Салынина. Здѣсь выводятся тѣ женщины, съ которыми онъ встрѣчался. И какъ онѣ прекрасно удаются автору! Какъ рельефно и мѣтко очерчиваетъ онъ эту женщину—кошечку Фанни!—«Она была миніатюрна и слаба; малютка по росту, ребенокъ по силѣ, съ бѣлой и блѣдной кожей, съ сверкающими сѣрыми

глазами, съ улыбкой, пробѣгающей быстрѣе молніи по полненькимъ губамъ, съ граціозными, вкрадчивыми и коварными движеніями красивой кошки» [1]).

Эта женщина кокетничала своею слабостью, завлекала мужчинъ, чтобы поиграть, какъ кошка съ мышкой. «И все это дѣлалось съ такимъ простодушіемъ, во всѣхъ этихъ выходкахъ былъ видѣнъ прелестный избалованный ребенокъ, игрушка блестящая, дорогая и ломкая, которою любуешься и за которую вѣчно боишься» [2]). Мужчину привлекаетъ она «своей женственностью, слабостью, что она вѣчно какъ будто ищетъ опоры, покровительства, защиты, что женщина именно мила свей беззащитностью и отсутствіемъ геройства».

Въ этомъ романѣ даже на обрисовкѣ этихъ второстепенныхъ фигуръ бросается въ глаза значительный ростъ автора. Это уже не силуэты,—это ясно очерченные, опредѣленные типы. Напримѣръ, эта лицемѣрка, разыгрывающая роль женщины долга,—роль молчаливой страдалицы баронесса Ш., которая на самомъ дѣлѣ давитъ въ домѣ всѣхъ своимъ деспотизмомъ, или еще эта чудная наѣздница цирка Гастана Альфино, представленіе которой описано такъ мастерски.

«Гастана, все еще стоя на своей лошади, протянула ногу на ругую; вторую пару прицѣпили къ легкимъ шлеямъ впереди и подали бенефиціанткѣ длинныя возжи, музыка заиграла. Плясали и пѣнились кони. Гастана улыбалась и смотрѣла на публику, стоя спокойно на двухъ лошадяхъ, сдерживая пылъ всей четверни. Она проѣхала четвертую долю арены шагомъ, вторую четверть—рысью, третью—галопомъ, въ бѣшеный карьеръ всей четверни унеслась при крикахъ и неистовыхъ рукоплесканіяхъ зрителей. Толпа вздохнула свободнѣй: во все время этой страшной игрушки не было груди, въ которой бы не сперлось дыханіе, не замерло сердце, не было глазъ, которые покинули бы хоть на минуту это слабое, ничтожное созданіе въ отважной борьбѣ съ четырьмя сильными и разъяренными конями. И когда растянулось каждое изъ гордыхъ животныхъ, когда бѣшено рванулись они и въ неистовый карьеръ понеслись, и взоръ едва могъ замѣтить красную греческую шапочку и тонкую руку, натянувшую длинныя возжи—всѣ невольно крикнули, и всѣ головы, унизывающія циркъ, подались впередъ съ выраженіемъ трепетнаго ожиданія» [3]).

---

[1]) 86—87 стр.

[2]) 90 стр.

[3]) 125 стр.

Умѣнье живо, хорошо описать разговоръ, нарисовать сцену или нѣмую картину—все это было замѣтно у Марченко еще въ первыхъ, даже самыхъ раннихъ повѣстяхъ; но мастерскаго выполненія не только сценъ и картинъ, но изображенія тонкаго психологическаго анализа она достигла въ концѣ 50-хъ годовъ, въ своемъ романѣ *«Мыльные пузыри»*.

VIII.

За то главныя героини повѣстей А. Марченко—или вѣрнѣй—героиня, такъ какъ ѳнѣ почти всѣ составляютъ развитіе одного и того же не только типа, а даже лица—эта героиня головою выше всѣхъ остальныхъ фигурирующихъ въ произведеніяхъ женщинъ и мужчинъ.

Начиная съ самой ранней, еще почти дѣтской повѣсти—*«Гувернантка»*, кончая *«Мыльными пузырями»* и повѣстью *«Саламандра»*, героиней выступаетъ женщина сознательная, думающая,—какъ скоро она выходитъ изъ періода дѣтства. Но и въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ Ниночка въ *«Тернистомъ пути»*, она стоитъ передъ нами чистая, невинная, мягкая, любящая, но какъ ребенокъ еще легкомысленная, съ дѣтской радостью относящаяся къ первому свѣтскому выѣзду—балу, отъ котораго быстро заноситъ ногу на «тернистый путь»—на дорогу замужней жизни, гдѣ ее встрѣчаютъ шипы и тернія. Какъ ребенокъ, она легкомысленно, по дѣтски глядитъ на бракъ; но когда жизнь не щадитъ этого милаго, невиннаго ребенка, она выростаетъ въ женщину, не утрачивая своей способности любить горячо, крѣпко съ чувствомъ всепрощенія.

Въ слѣдующихъ повѣстяхъ главная героиня далеко не въ такомъ раннемъ возрастѣ, какъ Ниночка, выходитъ замужъ: она знакомится съ жизнью и людьми еще до брака. Она, какъ въ романѣ *«Мыльные пузыри»*, успѣваетъ еще до замужества пожить трудовою жизнью. Юлія Михайловна, рано лишившаяся родителей, остается по окончаніи курса въ томъ же пансіонѣ учительницей музыки. Жизнь въ стѣнахъ пансіона, ограждавшая отъ жизненныхъ бурь, разумѣется не тронула ни ея идеальныхъ взглядовъ, ни нарушила ея вѣры въ людей. Такъ что и тутъ, хотя и въ болѣе позднемъ возрастѣ, но въ смыслѣ знанія жизни она выходитъ замужъ такимъ же ребенкомъ, какъ и Ниночка въ *«Тернистомъ пути»*. На этотъ разъ надежды не обманули Юлію Михайловну. Улимовъ—ея мужъ—не чаялъ въ ней души,—за то ее

постигло едва ли не большее несчастіе, чѣмъ Ниночку: любимый ею мужъ на ея глазахъ постепенно и безвозвратно сходитъ съ ума. Какъ прекрасно здѣсь выдержаны всѣ переходы этого злаго недуга отъ самаго незамѣтнаго зарожденія до гигантскаго роста, когда человѣкъ совершенно отдѣляется отъ міра дѣйствительной жизни и уносится окончательно въ созданный болѣзненной фантазіей мірокъ. Прекрасно выдержанъ самообманъ и страхъ больнаго за дорогое существо—за жену, на которую, по его мнѣнію, обратилась наслѣдственность, тяготѣющая надъ родомъ Улимовыхъ. Мысль о наслѣдственности, о больной матери не давала покою Улимову, когда онъ былъ еще маленькимъ. Новое направленіе этой мысли далъ товарищъ Пленчаниновъ въ лѣта юности: онъ сказалъ, что наслѣдственность можетъ перейти на ту женщину, съ которой Улимовъ соединитъ свою жизнь. И эта мысль болѣзненно засѣла въ душу молодаго человѣка. Но тутъ встрѣча съ Юліей Михайловной, любовь, женитьба... какъ бы разсѣяли мрачныя думы. Онъ забылся и былъ счастливъ. Но не надолго. Мысль, та же мысль о переходѣ наслѣдственнаго недуга на горячо любимую жену не давала ему покоя.

Замѣчая его грусть, жена невольно и сама становилась грустна. Это еще болѣе усиливало подозрѣніе мужа на счетъ того, что жена уже захворала ужаснымъ недугомъ. Онъ всѣми силами старается, чтобы другіе этого не замѣтили. Когда замѣчалъ тревожные взгляды жены, устремленные на него самого, онъ приходилъ въ неописанную тревогу: онъ видѣлъ въ этихъ заботахъ наивѣрнѣйшее подтвержденіе своихъ догадокъ, т. е. что женою овладѣваетъ idée fixe—что не она, а мужъ боленъ... И вотъ это то состояніе его съ каждымъ днемъ по пріѣздѣ съ женой за границу становится все тревожнѣе. И наконецъ разростается яснымъ, открытымъ приступомъ сумасшествія,—то было въ театрѣ во время представленія пьесы, въ которой была выведена сумасшедшая жена, не признающая себя больной. Въ пьесѣ много было аналогичнаго съ положеніемъ Улимовыхъ, и Улимовъ, смотря на сцену, пришелъ въ страшное возбужденіе.

Жена, глядя на него, плакала. Мужъ приписалъ ея слезы не сожалѣнію, которымъ она была охвачена, а какъ бы признанію въ героинѣ пьесы собственной своей болѣзни...—Вотъ это qui pro quo до того хорошо выдержано, съ такимъ тактомъ, умѣньемъ, такъ тонко анализировано душевное состояніе больнаго, подозрѣвающаго свою болѣзнь въ другомъ, что положительно эта часть романа могла бы сдѣлать честь перу любаго высокоталантливаго автора съ наклонностью

заглядывать въ душу больныхъ героевъ.—Здѣсь особенно хорошо удается автору дневникъ больнаго, который ведется на протяженіи долгаго времени. Вы видите, какъ болѣзненный зародышъ болѣзненной мысли постепенно ростетъ у васъ на глазахъ и, какъ червь, подтачиваетъ душу, подтачиваетъ все, что въ ней есть здороваго, для котораго уже не остается мѣста. Вотъ что мы читаемъ въ концѣ дневника: «Я знаю, почему чижъ пересталъ пѣть сегодня въ клѣткѣ подъ окномъ нашей привратницы, и почему листья посыпались съ деревьевъ Тюльерійскаго сада. Но это моя тайна, я ее никому не скажу. А продавецъ старыхъ платьевъ, что всегда въ 8 часовъ кричитъ у насъ подъ окномъ, будетъ ангажированъ на слѣдующій сезонъ первымъ теноромъ въ здѣшнюю оперу—это достовѣрно. Журналы еще не говорятъ, боятся прокричать преждевременно, но онъ былъ ученикомъ великаго Дюпре—и вотъ какъ судьба играетъ талантами, людьми съ способностями. Завтрашній день я сойду и буду ждать его появленія, я скажу ему, что знаю его тайну, и посовѣтую непремѣнно принять предложеніе оперной дирекціи. Зачѣмъ ему скрываться передо мной? Я не принадлежу ни къ одной партіи» [1]).

Также удачно изображено и дальнѣйшее развитіе болѣзни, и лѣчебница въ Парижѣ, и больные ея обитатели,—прекрасно изображено, какъ постепенно умираетъ заживо человѣкъ для всѣхъ близкихъ и всего окружающаго.

Но Юлія Михайловна, какъ женщина, привязанность которой неизмѣнна, остается вѣрна своей любви и къ больному мужу. Она слѣдитъ за нимъ, мучается развитіемъ его болѣзни и не покидаетъ его до тѣхъ поръ, пока доктора и свекоръ не заставляютъ помѣстить больнаго въ лѣчебницу душевно-больныхъ въ Парижѣ.

Но, кажется, только Юлія Михайловна и героиня «*Тернистаго пути*» выходятъ замужъ на первыхъ страницахъ разсказа; въ другихъ же, за исключеніемъ «*Дины*» и «*Саламандры*», гдѣ читатель на послѣдней старницѣ узнаетъ, что героиня вотъ вотъ сейчасъ выйдетъ замужъ—черезъ день, черезъ два, какъ съ ней разстанется читатель,—героини мелькаютъ передъ нами въ моменты тѣхъ тяжелыхъ испытаній, какія имъ посылаетъ свободная любовь: онѣ влюбляются, имъ отвѣчаютъ тѣмъ же,—но ихъ скоро бросаютъ. Чувство въ мужскомъ сердцѣ тухнетъ раньше,—чуть не при самомъ зарожденіи; женщина же долго переживаетъ этомъ ударъ—будетъ ли онъ первымъ, какъ въ

[1]) 190 стр.

повѣсти *«Вокругъ да около»* и въ *«Саламандрѣ»*, или вторымъ и третьимъ, какъ въ *«Горахъ»*, *«На походѣ»*, въ 2-ой и 3-ей части *«Мыльныхъ пузырей»*, въ которыхъ каждый разъ любовь кончается разлукой. Эту способность женщины любить глубоко, долго, постоянно авторъ не только отмѣчаетъ, но подчеркиваетъ, выставляетъ на видъ, какъ бы въ укоръ чувству мужчины, который любитъ слабо, поверхностно и чаще, по мнѣнію автора, совсѣмъ не любитъ, а только тѣшится, наслаждается любовью, развлекается ею отъ скуки.

Въ этомъ, а также и въ невысокой нравственности мужчины авторъ усматриваетъ причину его непостоянства. Мы видѣли, мужчина у нея постоянно эгоистъ, занятъ только собой, жалѣетъ только себя. Любитъ онъ или отъ скуки, или подстрекаемый гордостью, недоступностью героини,—и въ послѣднемъ случаѣ онъ направляетъ всю свою энергію къ тому, чтобы вызвать любовь, достигнуть взаимности; а какъ только цѣль достигнута, самолюбіе удовлетворено, всѣ стимулы любить и высказывать любовь исчезли.—Таковъ мужчина въ произведеніяхъ Марченко. Понятно, чѣмъ выше, чѣмъ лучше, чѣмъ развитѣе женщина, встрѣтившая и полюбившая такого мужчину, тѣмъ больше она должна выстрадать и переиспытать горя. И почти всѣ героини Марченко очень страдаютъ. Онѣ любятъ, страдая, и, страдая, не перестаютъ любить.—Но какъ могутъ онѣ—такія умныя—любить такихъ пустыхъ, такихъ пошлыхъ, больше чѣмъ зауядныхъ, повѣсъ, волокитъ? А гдѣ же было взять лучшихъ героевъ? вѣдь, авторъ жилъ на окраинѣ.

Вспомнимъ, какъ плакалась другая писательница—Зенеида Р—ва, жившая въ екатеринославской губерніи среди общества офицеровъ, товарищей мужа, какъ плакалась, что не съ кѣмъ слова перемолвить, что вокругъ только цѣнители собакъ да породистой лошадиной масти. Взять неоткуда было иныхъ мужчинъ.—Положимъ, впрочемъ, что Марченко въ этомъ отношеніи была счастливѣе Зенеиды Р—вой: Марченко уже съ 17 лѣтъ жила въ Одессѣ, куда наѣзжали, гдѣ жили то тотъ, то другой изъ столичныхъ литераторовъ; въ Одессѣ былъ цѣлый интеллигентный кружокъ педагоговъ, ученыхъ, здѣсь была интеллигентная молодежь—студенты; наконецъ, въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, Марченко переѣхала жить въ Петербургъ... Но Марченко не такъ была требовательна, какъ Зенеида Р—ва. У Марченко мы нигдѣ не встрѣчаемъ жалобы на неудовлетворенность средой или тѣмъ обществомъ мужчинъ, среди которыхъ приходилось жить и вращаться. Только всего разъ въ романѣ *«Разлучники»* она

говоритъ, что не прочь бы была ввести въ свой домъ людей образованныхъ, болѣе подходящихъ къ ней по развитію, уму, чѣмъ общество офицеровъ, товарищей мужа, но она не хочетъ стѣснять мужа своими знакомыми.—За что же она и ея героини такъ любили? Просто потому, что любили; а любили потому, что это была ихъ сфера. Инаго отвѣта вы не найдете у писательницы. Ея героини оскорблялись, мучились, изнывали, видя, какъ чувство мужчины къ нимъ тухнетъ. Но онѣ никогда не упрекали, не мстили любимому человѣку, а продолжали и послѣ этого еще долго беззавѣтно любить и только самихъ себя считали во всемъ виноватыми.

IX.

Главная героиня Марченко нерѣдко живетъ для родныхъ, трудится для нихъ, даетъ уроки; всегда серьезно относится къ жизни и къ людямъ, не увлекается легкими побѣдами, свѣтскимъ успѣхомъ; это человѣкъ почти всегда съ сильнымъ характеромъ и почти всегда симпатичный. Она не легко и не вдругъ поддается чувству: она долго, упорно отталкиваетъ отъ себя надвигающееся счастье, не довѣряя ему,—скептицизмъ въ ней посѣянъ самой жизнью, окружающимъ. Она всегда воспитывается на волѣ и просторѣ, ея молодымъ силамъ и развитію нѣтъ преградъ,—потому она всегда выходитъ сильная, крѣпкая, самостоятельная, энергичная, гордая. Она держитъ себя независимо, не подчиняясь людскому мнѣнію, для нея всего важнѣе ея собственный судъ, ея собственное мнѣніе. Вотъ характерный разговоръ Маргариты Юрьевны въ повѣсти *«Вокругъ да около»* съ другомъ ея отца Иваномъ Петровичемъ, служащимъ въ морской службѣ:

— По моему мнѣнію, сказала Рита (Маргарита), принявъ самый серьезный тонъ: не слѣдуетъ дѣлать только то, что приноситъ вредъ другимъ или дѣлаетъ насъ самихъ дурными. Развѣ я сдѣлаюсь хуже оттого, что буду курить или сдѣлаю этимъ вредъ кому нибудь?

— Конечно, нѣтъ; но знаете ли, какъ непріятно видѣть, когда женщина куритъ, скачетъ на лошади или стрѣляетъ изъ пистолета?

— Кому непріятно? Вѣрно, вамъ только, Иванъ Петровичъ.

— Нѣтъ, всякому благоразумному; а я такъ просто терпѣть такихъ женщинъ не могу.

Рита встала.

— Такъ прошу васъ выбирать себѣ общество женщинъ, которыя плачутъ и падаютъ въ обморокъ отъ каждаго вздора, сказала она, разобиженная не на шутку. Я не курю и курить не стану, потому что это мнѣ не доставляетъ никакого удовольствія; но стрѣляю изъ пистолета очень недурно и мастерски ѣзжу. Если бы вы

были кавалеристомъ, то вѣрно съ радостію бы предложили себя въ спутники на моихъ прогулкахъ, а такъ какъ вы сами на лошади похожи на ночную бабочку, то конечно—не рѣшитесь и найдете, что гораздо красивѣе для женщины править гичкой, нежели лошадью[1]).

Дальше такой свободы, какъ право ѣздить верхомъ, право любить безъ брака, любить безъ мысли о бракѣ,—дальше этого у Марченко свобода женщины не идетъ. Ея Рита по тому времени дѣлаетъ уже большой шагъ, рѣшаясь вступить съ Кермутовымъ, котораго видала только въ театрѣ, въ переписку,—свѣтъ за это, конечно, не преминулъ бы ее наказать или по крайней мѣрѣ осудить. А Рита, какъ видимъ, не придаетъ цѣны мнѣнію свѣта, она спрашивается собственнаго чувства, собственной совѣсти. Если собственное чувство за нее, она не побоится уйти изъ дому и жить съ любимымъ человѣкомъ безъ брака, если его женитьбѣ мѣшаютъ родные или даже просто съ его стороны боязнь испортитъ карьеру. Авторъ является защитницей такихъ женщинъ, грудью и собственной любовью защищаетъ ихъ отъ нападокъ свѣта, старается указать, какая громадная пропасть лежитъ между этой любящей беззавѣтно женщиной и содержанками, кокотками и т. д. Ея героиня Саламандра, пренебрегшая мнѣніемъ свѣта и ушедшая изъ дома аристократки - благодѣтельницы къ любимому человѣку, — спокойна душей и не краснѣетъ за свою любовь. «Меня никогда никто не могъ убѣдить, пишетъ она въ своемъ дневникѣ, что я должно краснѣть за свою любовь. Я постоянно чувствовала, что съ первой и до послѣдней минуты въ этой любви было полное, безграничное самоотверженіе»..... «Кого могла я бояться, чьего суда трепетать? Суда Божьяго, конечно, и суда своей совѣсти»... «Пусть судятъ меня равнодушные: я чувствовала, что это осужденіе не упадетъ на мою голову, а пролетитъ мимо».

Не слышится ли въ этихъ горячихъ адвокатскихъ рѣчахъ за право женщины любить того, кто любится,—не слышится ли проповѣди Жоржъ-Зандъ? Авторъ осторожно переносилъ эту проповѣдь въ русскую жизнь, не разливая ее въ тотъ безграничный потокъ, какимъ лилась она въ произведеніяхъ Жоржъ-Зандъ, а постепенно примѣняя и приспособляя ее къ русской жизни.—Такая горячая защита высокой, безкорыстной свободной любви, олицетвореніемъ которой является симпатичная фигура Саламандры, разумѣется, была новымъ

[1]) 407 стр.

шагомъ въ нашей литературѣ такъ же, какъ и адвокатская рѣчь за право женщины любить много разъ въ жизни. «Неправильно думаютъ—говоритъ Марченко—что можно любить только разъ въ жизни: для женщины это такъ же невозможно, какъ и для мужчины, но ни въ томъ, ни въ другомъ не должно приписывать этой способности непостоянству вкуса или перемѣнчивости убѣжденій» ... [1]). И во всѣхъ такихъ вопросахъ Марченко—подобно Жоржъ-Зандъ—становится защитницей женщины.– Но это ни въ какомъ случаѣ не даетъ права смѣшивать ее съ защитниками и поборниками женскихъ правъ, какіе выступили въ жизни и въ литературѣ въ 60-е годы.—Марченко сама открещивается отъ солидарности съ ними въ своемъ послѣднемъ романѣ «*Разлучники*», собственно въ предисловіи къ нему. «Вотъ эти господа, –говоритъ она—спорятъ тутъ за равноправность мужчины и женщины, а я кладу для насъ—женщинъ—рамки тѣснѣе и горизонтъ уже, я стою только за равноправность мужа и жены, отца и матери семейства» [2]). «Не въ ремеслахъ, не въ должностяхъ гражданскихъ должна только искать женщина своей равноправности: она богата способностями, никто не споритъ, но физической силой она бѣднѣе мужчины, а между тѣмъ физической силы у нея же больше и уходитъ на семейство: таковъ законъ природы; вотъ почему ея равноправность и гражданственность должны быть въ семействѣ и съ семейныхъ ея правъ начинаться»... [3]).

Но авторъ во всякомъ случаѣ не противникъ и дальнѣйшаго расширенія женскихъ правъ, но находитъ, что борьба за первыя нужна настоятельнѣе, неотложнѣе, –съ нихъ должна начаться эмансипація женщины, всецѣло зависящей отъ воли и прихоти мужчины. И самъ авторъ, какъ начинающій проповѣдь о равенствѣ, начинаетъ съ уравненія правъ женщины съ мужчиною на любовь и на одинаковую зависимость другъ отъ друга мужа и жены.

Съ этой стороны А. Я. Марченко по всей справедливости можетъ назваться насадительницей въ нашей литературѣ идей M-me Dudevant, которая несомнѣнно шла гораздо дальше нашей русской Жоржъ-Зандъ, боящейся и ужасающейся мысли о разводѣ.

Къ половинѣ 50-хъ годовъ слѣдуетъ, по всему вѣроятію, отнести переѣздъ Анастасіи Яковлевны въ Петербургъ и ея замужество за Кирьякова.

---

[1]) 68 стр.

[2]) Стр. 4.

[3]) Стр. 5.

Съ выходомъ замужъ надолго прерывается ея литературная дѣятельность—и только послѣ ряда долгихъ, семейныхъ неудачъ она пробуетъ опять взяться за перо,—но не ради воспроизведенія тѣхъ или другихъ картинъ, созданія тѣхъ или другихъ образовъ, а ради—обличенія своихъ враговъ—родственниковъ мужа, которыхъ она выводитъ въ романѣ «Разлучники» подъ прозрачными псевдонимами [1]).

Въ литературномъ и художественномъ отношеніи романъ не заслуживаетъ ни вниманія, ни разбора; слишкомъ прозрачно въ немъ желаніе выставить себя прекраснымъ, высоколюбящимъ существомъ и какъ можно сильнѣй унизить родныхъ мужа и все провинціальное херсонское общество, среди котораго жила впослѣдствіи Анастасія Яковлевна Кирьякова. Здѣсь, въ херсонской губерніи, и умерла она въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1880 года.

Читая краткій некрологъ о ней, невольно припоминаешь ея слова на счетъ единственной награды, которая ждетъ художника артиста, писателя за многострадальную, трудную жизнь: «Авторы и композиторы могутъ почувствовать пріятность своей литературной и музыкальной извѣстности хоть одинъ разъ—въ некрологѣ, если только они что либо могутъ чувствовать еще въ пору появленія ихъ некролога. Страницы некролога—это самая утѣшительная будущность для всякаго литератора, одареннаго и талантомъ, и душой; настоящее же его, какъ и слѣдуетъ быть всякому настоящему, уныло. Надо однако надѣяться, что оно пройдетъ мгновенно, а сущность все таки сулитъ некрологъ» [2]).

Молчаніе автора за нѣсколько лѣтъ передъ смертью было причиною, почему не оправдалась его единственная въ жизни награда за его литературную дѣятельность. Пусть же мой очеркъ будетъ тѣмъ некрологомъ на ея могилу, котораго она ждала, какъ должной награды.

Е. Некрасова.

---

[1]) „Новое Время", 1880 г., № 1685, Некрологъ.

[2]) От. З. 1856. № 8: „Горы", стр. 134.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія [1]).

1789—1889.

13-го октября кіевская I гимназія ежегодно совершаетъ свой торжественный актъ. Этотъ актъ связывается съ воспоминаніемъ важнаго для кіевскаго общества событія—подписанія императоромъ Александромъ I грамоты на учрежденіе въ Кіевѣ его первой гимназіи. Это было 13-го октября 1811 г. Такимъ образомъ старѣйшее свѣтское учебное заведеніе нашего города закончило 77-й и вступило въ 78-й годъ своей жизни. Но 77 лѣтъ есть возрастъ лишь гимназіи, а первая кіевская гимназія не явилась въ 1811 г. въ видѣ новаго учебнаго заведенія, не имѣющаго прошлаго, а лишь подверглась реформѣ, просуществовавъ до того времени, какъ учебное заведеніе, уже двадцать два года, именно съ 1789 г. Еще до своей реформы гимназія не мало потрудилась въ дѣлѣ просвѣщенія служа образованію кіевскаго населенія, хотя и подъ другимъ названіемъ—«главнаго народнаго училища». Это училище было открыто 1-го мая 1789 г.; съ этого то времени первое свѣтское учебное заведеніе въ Кіевѣ и имѣетъ право начинать свое лѣтосчисленіе. Будемъ надѣяться, что когда нибудь кіевское общество ознакомится съ исторіей просвѣтительныхъ трудовъ

[1]) Пособіями при составленіи этой замѣтки служили: 1) Андріяшевъ, „Историко-статистическое обозрѣніе пятидесятилѣтняго существованія кіевской I-й гимназіи“. Кіевъ, 1862; 2) Владимірскій-Будановъ, „Исторія Императорскаго университета св. Владиміра“, т. I. Кіевъ, 1884; 3) Графъ Д. А. Толстой, „Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II-й“. Спб. 1886; 4) Андріяшевъ, „Кіевское главное народное училище“ (напечатано въ „Отчетѣ о состояніи кіевской I-й гимназіи за 1885—86 учебный годъ“. Кіевъ, 1886.

кіевской первой гимназіи, въ настоящее же время мы хотимъ ознакомить нашихъ читателей съ обстоятельствами возникновенія этого учебнаго заведенія.

Еще въ 1775 году только что созданнымъ тогда приказамъ общественнаго призрѣнія вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность «попеченіе и надзираніе» объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ, при чемъ предписывалось учредить школы не только во всѣхъ городахъ, но и въ большихъ селеніяхъ. Но результатовъ въ то время не получилось никакихъ. Тогда императрица Екатерина обратилась за совѣтомъ къ извѣстному барону Гримму, и даже предлагала ему взять на себя завѣдываніе учебнымъ дѣломъ въ Россіи. Гриммъ отказался отъ предложенія, хотя и прислалъ императрицѣ записку о школьномъ дѣлѣ. Не задолго предъ этимъ въ Австріи была введена новая система школьнаго образованія. Ознакомившись съ нею при посредствѣ имп. Іосифа II, Екатерина рѣшила принять ее и для Россіи. Въ 1782 г. была открыта коммиссія объ учрежденіи училищъ подъ предсѣдательствомъ сенатора графа Завадовскаго. Въ эту коммиссію входилъ и Янковичъ де Мирьево, педагогъ, пріобрѣвшій себѣ извѣстность еще въ Австріи и приглашенный теперь въ Россію. Коммиссія рѣшила открыть прежде всего «главное народное училище» въ Петербургѣ, имѣя въ виду сдѣлать его разсадникомъ учителей для училищъ въ имперіи. Это петербургское училище въ протоколахъ коммиссіи носитъ названіе то учительской гимназіи, то учительской семинаріи, но затѣмъ учительская семинарія была отдѣлена отъ главнаго народнаго училища, а позже, при Александрѣ I, преобразована въ педагогическій институтъ. На первыхъ же порахъ коммиссія встрѣтила немалыя затрудненія. Недоставало учителей, не было и руководствъ. Поэтому коммиссія озаботилась составленіемъ учебниковъ, которые и были написаны или профессорами московскаго университета, или учителями учительской семинаріи. Нѣкоторыя руководства были составлены самимъ Янковичемъ де Мирьево.

13-го сентября 1782 г. коммиссія приступила къ выработкѣ общаго плана для народныхъ училищъ. По этому плану всѣ училища дѣлились на малыя, среднія и главныя. Впрочемъ, среднія никогда не были открыты. Малыя училища должны были состоять изъ двухъ классовъ, а главныя изъ четырехъ, при чемъ въ послѣднемъ классѣ курсъ былъ двухгодичный. Сначала были открыты училища въ петербургской губерніи, а въ 1786 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть главныя народныя училища въ 25 губерніяхъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ императрица разослала рескриптъ къ намѣстникамъ губерній, въ которомъ возлагала на нихъ обязанность заботиться объ успѣшномъ ходѣ и развитіи школьнаго дѣла. Она рекомендуетъ имъ побуждать городскія общества къ пожертвованіямъ на великое дѣло народнаго образованія, высказывая, впрочемъ, надежду, что общества эти сами придутъ на помощь правительству въ его благодѣтельномъ, но для того времени гигантскомъ предпріятіи. Создать школьное дѣло, разсыпать училища по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ и даже по селамъ,—это дѣйствительно для того времени гигантскій планъ, который могъ быть выполненъ лишь соединенными усиліями правительства и общества (не нужно забывать, что средства государства въ этотъ моментъ были крайне истощены вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ). Къ намѣстникамъ писалъ отъ себя и Завадовскій, обращая ихъ вниманіе на необходимость содѣйствія общества. Въ томъ же 1786 г. было выработано окончательно общее подробное положеніе о народныхъ училищахъ. По этому положенію коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ переименовывалась въ главное правленіе училищъ россійской имперіи, или главное училищное правленіе. Оно состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы, которой и представляло свои доклады. Въ каждой губерніи высшее наблюденіе надъ училищами поручалось генералъ-губернаторамъ, а управленіе ими губернаторамъ, которые становились попечителями училищъ. Училища должны были находиться въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія: приказы обязаны были изыскивать денежныя средства на содержаніе училищъ, устраивать для нихъ помѣщенія, содержать учителей и покупать учебники. Учебная часть ввѣрялась директору народныхъ училищъ, который назначался генералъ-губернаторомъ. Ученіе было безплатное. Экзамены происходили два раза въ годъ: предъ Новымъ годомъ, съ 26 декабря по 6 января, и послѣ Петрова дня, съ 29 іюня по 9 іюля. 5-го августа 1786 г. «Уставъ народнымъ училищамъ въ россійской имперіи» былъ утвержденъ императрицей. 3-го ноября 1788 г. повелѣно было учредить народныя училища въ тѣхъ губерніяхъ (числомъ 14), въ которыхъ они не были еще открыты. Въ числѣ этихъ губерній были и южныя: новгородъ-сѣверская, черниговская, кіевская и харьковская. Въ 1789 г. послѣдовало и самое открытіе училищъ. Еще въ 1788 г. были отправлены изъ кіевской духовной академіи въ Петербургъ четверо молодыхъ людей для приготовленія въ тамошней учительской семинаріи къ занятію преподавательскихъ должностей въ предполагаемомъ глав-

номъ народномъ училищѣ. Въ 1789 г. они возвратились въ Кіевъ, и вслѣдъ затѣмъ правитель кіевскаго намѣстничества назначилъ директоромъ училища Петра Ивановича Симоновскаго. Зданіе для училища было приготовлено на Подолѣ, въ то время самой населенной и важной по торговлѣ части города.

Когда все было готово, правитель намѣстничества объявилъ черезъ управу благочинія жителямъ Кіева о времени открытія училища. Въ 10 часовъ утра 1-го мая 1789 г. двинулась торжественная процессія изъ зданія училища въ Успенскую церковь на Подолѣ, гдѣ совершены были обѣдня и молебенъ. По возвращеніи оттуда, митрополитъ Самуилъ совершилъ водоосвященіе въ самомъ училищномъ зданіи. Затѣмъ были произнесены рѣчи: протоіереемъ Левандой «о важности открываемаго училища» и учителемъ Карабановскимъ «о пользѣ наукъ». Послѣ водоосвященія было провозглашено многолѣтіе императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, при чемъ произведенъ былъ тридцать одинъ выстрѣлъ изъ магистратскихъ пушекъ. Послѣ этого начато было ученье при всей собравшейся публикѣ, а въ заключеніе вновь принятый ученикъ Семенъ Калиновскій говорилъ рѣчь. Такъ было открыто кіевское главное народное училище и началось въ немъ ученіе.

Въ первомъ классѣ обучали чтенію и письму, а также латинскому языку и одному изъ новыхъ; во второмъ классѣ изучались, кромѣ предметовъ I класса, еще катехизисъ, книга о должностяхъ человѣка и гражданина, священная исторія, ариѳметика и новые языки; въ III классѣ проходили: пространный катехизисъ и изъясненіе евангелія, россійскую грамматику, ариѳметику, географію, исторію, латинскій языкъ и одинъ изъ новыхъ языковъ; въ IV классѣ были слѣдующіе предметы: географія, естественная исторія, русская грамматика, латинскій языкъ, одинъ новый языкъ, геометрія, архитектура, механика и физика. Занятія происходили утромъ и вечеромъ, кромѣ среды и субботы, когда послѣобѣденное время полагалось на отдыхъ. Каникулы были лѣтнія и зимнія; лѣтнія продолжались всего одинъ мѣсяцъ. Полугодовыя успытанія происходили торжественно въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ и публики. Предъ началомъ этихъ испытаній кто нибудь изъ учениковъ говорилъ привѣтственную рѣчь, а по окончаніи ихъ произносилась рѣчь благодарственная. Обыкновенно каждый годъ на этихъ экзаменахъ происходилъ также разговоръ между двумя учениками о пользѣ наукъ. Иногда произносились оды, какъ напр. въ 1791 г., когда публика слушала оду «Просвѣтительницѣ россовъ». За успѣхи ученики награждались книгами и похваль-

ными листами. Бывали случаи, что объ успѣхахъ учениковъ публиковалось въ газетахъ. Бывали награды и особенныя. Такъ, въ 1790 г. генералъ-губернаторъ Кречетниковъ за привѣтственную рѣчь, произнесенную ученицей Авдотьей Шишкиной, приказалъ сдѣлать ей платье, а другому ученику «за порядочное чтеніе» пожаловалъ два червонца. Иногда произносили рѣчи и учителя, а позже учитель физики нерѣдко занималъ публику показываніемъ физическихъ опытовъ, что доставляло ей величайшее удовольствіе. Эти опыты производились также и самими учениками.

Въ числѣ учащихся въ главномъ народномъ училищѣ были и дѣвочки, но онѣ заканчивали курсъ двумя низшими классами. Впрочемъ, надо сказать, что и ученики не всегда проходили весь пятилѣтній курсъ. Очевидно, причины этого явленія въ Кіевѣ были тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1789 г. былъ посланъ для осмотра училищъ совѣтникъ академіи наукъ О. П. Козодавлевъ, бывшій нѣкоторое время директоромъ учительской семинаріи въ Петербургѣ, и вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ въ своемъ отчетѣ: «во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ найдено мною, что число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало, и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученіе въ третьемъ разрядѣ. Сіе происходитъ отъ того, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны токмо предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными, или по крайней мѣрѣ ненужными, ибо хотя науки и каждому полезны, однакожъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, немногіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно *одно токмо чистописаніе*, почему и невозможно ожидать, чтобъ многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы, слѣдственно главныя народныя училища и не могутъ приносить государству ожидаемыя пользы». Объяснивъ вѣрно причину ухода учениковъ изъ училища до окончанія курса, Козодавлевъ сильно ошибался относительно приносимой училищами пользы. Польза отъ нихъ была, ибо выходило все таки сравнительно небольшое количество учениковъ, а большинство кончало курсъ. Главное же заключалось въ томъ, что были брошены въ русскую почву сѣмена народнаго образованія. «Съ теченіемъ времени, говоритъ графъ Д. А. Толстой, учительская семинарія возвысилась до педагогическаго института, *а главныя народныя училища возросли до*

степени гимназій, что дало учебному вѣдомству возможность наполнить учащими и учащимися въ началѣ этого столѣтія, при существованіи тогда только трехъ гимназій, два университета, харьковскій и казанскій, а впослѣдствіи и петербургскій.

Основаніе въ Кіевѣ главнаго народнаго училища встрѣтило полное сочувствіе въ тогдашнемъ кіевскомъ обществѣ, что и выразилось тотчасъ же разнообразными пожертвованіями для бѣдныхъ учениковъ и въ библіотеку училища. Книги для библіотеки пріобрѣтались, кромѣ того, и покупкою приказомъ общественнаго призрѣнія. Эти книжныя покупки и пожертвованія легли въ основаніе библіотеки кіевской I-й гимназіи, такъ какъ библіотека главнаго народнаго училища цѣликомъ перешла къ ней.

Въ такомъ видѣ кіевское главное народное училище существовало съ 1789 по 1803 г., когда начинается постепенный переходъ его въ гимназію. 9-го марта 1803 г. изъ приказа общественнаго призрѣнія получено въ главномъ народномъ училищѣ предложеніе, въ которомъ значилось, что впредь сіе училище будетъ состоять въ вѣдѣніи не приказа, а виленскаго университета. Затѣмъ 29-го іюня того же года новое извѣщеніе, что суммы на содержаніе училища будуть идти уже изъ казенной палаты, въ размѣрѣ 3736 р. 46 к. Въ это время попечителемъ виленскаго учебнаго округа былъ назначенъ кн. Адамъ Чарторыйскій, ректоромъ виленскаго университета—князь Стройновскій, а визитаторомъ училищъ губерній кіевской, волынской и подольской—Өаддей Чацкій. Въ 1804 г. Чацкій въ первый разъ посѣтилъ кіевское главное народное училище и внесъ въ книгу актъ своего посѣщенія *на польскомъ языкѣ*. Чацкій высказываетъ въ своей визитѣ *неудовольствіе*, что учителя не знаютъ *по польски*, что въ библіотекѣ училища нѣтъ *польскихъ книгъ*, а только русскія,—замѣчанія, бывшія началомъ новаго, антиисторическаго направленія въ жизни старѣйшаго кіевскаго учебнаго заведенія, направленія, продолжавшагося до перехода гимназіи въ вѣдѣніе харьковскаго учебнаго округа. Чацкій по отношенію къ вопросу о народномъ образованіи въ юго-западномъ краѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія исключительно польской. Всѣ мѣропріятія его, какъ визитатора училищъ, клонились къ ополяченію края путемъ школьнаго образованія. Во время его правленія русскіе учителя подвергались преслѣдованію. Русскій языкъ разсматривался на равнѣ съ языками иностранными. Взглядъ Чацкаго на нашъ край лучше всего выясняется его собственными словами, въ которыхъ высказывается негодованіе на направленіе школьнаго

преподаванія въ Кіевѣ до его визитаторства. Вотъ эти замѣчательныя слова: «*исторіи россійской учились, а народной исторіи польской почти нигдѣ не преподавали*, полагая, что правительство требуетъ, чтобы ученикъ уже совсѣмъ не зналъ *собственной* провинціальной исторіи, и что ему слѣдуетъ внушать привязанность къ новому правительству посредствомъ презрительнаго забвенія *собственной земли и собственныхъ предковъ*». Выходитъ, что поляки—предки малороссовъ! И этотъ то историческій абсурдъ былъ положенъ въ основаніе школьнаго дѣла въ южной Россіи.

Впрочемъ жизнь кіевскаго главнаго народнаго училища текла нѣкоторое время по прежнему. Но уже въ томъ же 1803 г. началось назначеніе учителей для гимназіи. Они пока прикомандировывались къ училищу. Такъ продолжалось до 1809 г., когда визитаторъ Чацкій далъ знать училищу о назначеніи директоромъ кіевской гимназіи и училищъ кіевской губерніи нѣкоего Мышковскаго, воспитанника іезуитскихъ школъ. 5-го ноября 1809 г. III и IV классы кіевскаго главнаго народнаго училища составили I классъ гимназическаго отдѣленія. Учителя въ гимназію были назначены частью новые, частью остались старые. Это были: Василій Берлинскій для преподаванія исторіи натуральной, технологіи, онъ же, за неимѣніемъ пока учителя словесности, долженъ былъ преподавать логику и общую грамматику; Холщевниковъ назначался для преподаванія всеобщей исторіи, географіи и статистики; Шульговскій опредѣленъ учителемъ математики и физики; Орловскій—латинскаго языка; Грекко—нѣмецкаго и Ванновскій—французскаго языка. Вотъ составъ кіевской I-й гимназіи или преобразованнаго главнаго народнаго училища тотчасъ послѣ реформы. Всѣ учебныя пособія, вся библіотека училища перешли въ гимназію. Реформа эта была введена директоромъ Мышковскимъ, при чемъ для успѣшнаго начала новаго періода жизни учебнаго заведенія было отслужено молебствіе священникомъ Дмитріемъ Иванишевымъ, законоучителемъ гимназіи.

До 1812 г. гимназія существовала на прежнемъ мѣстѣ, на Подолѣ. Но все это время кіевское общество находилось въ возбужденіи: рѣшался вопросъ, гдѣ быть помѣщенію гимназіи—на Подолѣ, на Печерскѣ или въ Липкахъ. Происходилъ споръ между визитаторомъ Чацкимъ, который вмѣстѣ съ дворянствомъ хотѣлъ помѣстить гимназію въ Липкахъ, чтобы поставить ее подъ польское вліяніе магнатовъ, населявшихъ эту часть города, и городскимъ обществомъ, желавшимъ сохранить гимназію среди православнаго населенія Подола.

Гражданское начальство, кажется, предполагало помѣстить гимназію на Печерскѣ. Но дворянство, внесшее въ пользу гимназіи капиталъ въ 450,000 рублей, приносившій 5% ежегоднаго дохода, одержало верхъ. Въ Липкахъ находился домъ, принадлежавшій духовному вѣдомству. Это зданіе осталось отъ бывшаго здѣсь нѣкогда Кловскаго монастыря. Теперь, по Высочайшему повелѣнію, оно было передано въ вѣдѣніе учебнаго начальства. 13-го октября 1811 г. императоръ Александръ Павловичъ утвердилъ грамоту, предоставлявшую гимназіи особыя преимущества, которыя состояли въ расширеніи курса наукъ и въ предоставленіи окончившимъ курсъ гимназіи правъ дѣйствительныхъ студентовъ университета. Въ курсъ гимназіи должны были входить въ то время слѣдующіе предметы: языки—латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, русскій и польскій; высшая математика, химія, физика, технологія, архитектура, естественное право, римское, русское право, политическая экономія, коммерція, статистика, естественная исторія, сельское хозяйство, всеобщая литература, русская и польская литература, нравственная философія, логика, психологія и эстетика. Такъ обширенъ былъ курсъ первой кіевской гимназіи при преобразованіи ея изъ главнаго народнаго училища. Вполнѣ естественно, что преподаваніе не могло быть успѣшно: не было по всѣмъ предметамъ ни необходимыхъ пособій, ни подготовленныхъ преподавателей. Въ числѳ преподаваемыхъ предметовъ входили также танцы, фехтованье, музыка и рисованье. Въ началѣ курсъ былъ четырехгодичный, на его обширность вызвала вскорѣ учрежденіе приготовительнаго класса. Всѣ науки предписывалось преподавать на русскомъ языкѣ, а преподаваніе польскаго языка вводилось на томъ же основаніи, какъ и новѣйшихъ языковъ. Въ этомъ случаѣ совершилось не то, чего желали Чацкій и польское дворянство. Въ началѣ послѣднее за свои пожертвованія требовало, «чтобы знатная часть наукъ въ сей гимназіи преподавалась на польскомъ языкѣ». Когда послѣдовало возраженіе со стороны министра народнаго просвѣщенія, то Чацкій не задумался отвѣчать, что «пріобрѣтеніе свѣдѣній въ россійскомъ языкѣ для польскаго юношества облегчено будетъ тѣмъ, что предполагается обучать оному въ первыхъ четырехъ классахъ, и при томъ завести классъ латинской словесности и филологической грамматики славянскихъ діалектовъ; а между тѣмъ россійское юношество изучилось бы польскому языку, могущему быть ему полезнымъ по сосѣдству съ жителями, его употребляющими». Задняя мысль, при всей изворотливости отвѣта, видна

здѣсь сама собой. Къ счастью, вспомнили во время, что Кіевъ русскій городъ, и отстояли русскій языкъ въ его первой гимназіи. Но все же она оставалась въ вѣдѣніи виленскаго университета, отъ котораго зависѣло и назначеніе учителей.

Въ гимназіи должны были происходить педагогическія собранія учителей; вѣдѣнію этихъ собраній предоставлялись дѣла учебныя и хозяйственныя. Гимназіи предоставлялось право имѣть свою типографію.

Торжественное открытіе кіевской первой гимназіи произошло 30-го января 1812 г. Въ этотъ день въ 9 часовъ утра раздалось три пушечныхъ выстрѣла. Тотчасъ директоръ гимназіи, Мышковскій, съ восемью учениками и учителями вошелъ въ гимназическій залъ, чтобы привѣтствовать визитатора Чацкаго. Затѣмъ гимназическій священникъ, Дмитрій Иванишевъ, поднесъ гимназіи поставной крестъ съ рѣзьбою изъ слоновой кости. Явились делегаты отъ духовной академіи съ префектомъ ея во главѣ и члены волынской коммиссіи, учрежденной для выясненія училищныхъ фундушей. Въ это самое время маршалы и дворянство съѣзжались къ губернскому маршалу, графу Потоцкому. Передъ домомъ генералъ-губернатора Милорадовича собирались мѣщанскіе цехи со своими хоругвями. Въ 10 часовъ послѣдовалъ второй пушечный выстрѣлъ, и тотчасъ члены всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и городскаго магистрата съѣхались къ губернатору, а духовенство собралось въ церковь Кіево Печерской лавры. Въ домъ графа Потоцкаго въ это время прибыла изъ гимназіи процессія въ такомъ порядкѣ: восемь учениковъ изъ дворянства, учителя, директоръ съ делегатами академіи, Чацкій съ членами фундушевой коммиссіи. Эта процессія была встрѣчена въ залѣ губернскимъ и повѣтовыми маршалами и съѣхавшимся начальствомъ. Затѣмъ всѣ, здѣсь находившіеся, поѣхали въ домъ генералъ-губернатора. Козацкія и полицейскія команды встрѣтили ихъ и проводили до крыльца генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ всѣхъ принимали и провожали чиновники губернатора. Въ залѣ, на подушкѣ малиноваго бархата, лежала Высочайшая грамота. Чацкій обратился къ генералъ-губернатору съ просьбой о передачѣ грамоты. Тогда генералъ губернаторъ вручилъ ее губернскому маршалу Потоцкому и визитатору училищъ Чацкому для перенесенія въ гимназію. Былъ данъ новый пушечный сигналъ, и началось шествіе въ Кіево-Печерскую лавру. Во время этого торжественнаго хода Высочайшая грамота была везена въ парадной каретѣ визитаторомъ и членами фундушевой коммиссіи. По

прибытіи къ святымъ воротамъ лавры, грамота была вынута и несена Чацкимъ на подушкѣ, кисти которой несли два маршала и два члена фундушевой коммиссіи. Во все время движенія процессіи войска отдавали честь оружіемъ и музыкой. При входѣ процессіи въ храмъ, митрополитъ Серапіонъ благословилъ её. Когда окончилась литургія и молебенъ, процессія въ такомъ же порядкѣ, какъ и прежде, двинулась въ зданіе гимназіи, которое было разукрашено фестонами и транспарантами для иллюминаціи. Ученики были расположены по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, ведущей въ залъ, гдѣ грамота была положена предъ портретомъ государя. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ гимназію митр. Серапіонъ съ духовенствомъ. Послѣ совершенія водосвятія и окропленія комнатъ святою водою, директоръ Мышковскій прочелъ Высочайшую грамоту, послѣ чего провозглашено многолѣтіе императору Александру Павловичу, что сопрождалось сто однимъ выстрѣломъ изъ пушекъ. Торжество закончилось обѣдомъ, даннымъ въ гимназическомъ залѣ Чацкимъ, и баломъ у генералъ-губернатора. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Предъ гимназіей были зажжены вензеля. Одинъ изъ нихъ, на балконѣ, представлялъ въ лучахъ имя «Александръ I» съ надписью: «Отцу будущихъ родовъ»; надъ воротами изображался жертвенникъ съ надписью: «благодѣтелямъ просвѣщенія»; третій вензель представлялъ старика Днѣпра и нереидъ рѣкъ Роси и Русавы, «взирающихъ на торжество со вниманіемъ, какъ на происшествіе, подобное временамъ греческой славы»; на четвертой картинѣ Хроносъ открываетъ завѣсу времени, представляя взорамъ храмъ о семи столпахъ, осѣненный внутри именемъ «Александръ I»; на жертвенникѣ и на подножіи его знаки наукъ съ рогомъ изобилія; при ступеняхъ храма лицо кіевской губерніи въ мантіи и со щитомъ своего герба; внизу надпись: «для потомковъ россоланскихъ», а въ воздухѣ надъ всѣмъ этимъ паритъ Фама съ трубой.

Во время торжества говорилось много рѣчей, но въ особенности обращаетъ на себя вниманіе рѣчь Чацкаго. Она дышетъ примиреніемъ, высокой любовью къ наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней ясно проглядываетъ основной взглядъ Чацкаго на нашъ край и народное образованіе въ его предѣлахъ; онъ говоритъ: «почитайте славу и несчастія *дзже угасшаго отечества однихъ*, уважайте отечество другихъ. Докажите, что *въ этомъ общемъ уже государствѣ* есть Монархъ, котораго благодѣянія обязываютъ насъ къ благодарности».

Кіевская первая гимназія пробыла въ вѣдѣніи виленскаго университета до 1813 г., когда была подчинена непосредственно министер-

ству народнаго просвѣщенія; затѣмъ она снова была причислена къ виленскому университету, а съ 1818 г. къ харьковскому учебному округу. Наконецъ, съ назначеніемъ въ Кіевъ попечителемъ фонъ-Брадке, первая гимназія перешла въ вѣдѣніе кіевскаго учебнаго округа, при чемъ она подчинялась и попечителю, и университету, а съ 1837 г. одному попечителю.

Садовскій.

Еще объ Иванѣ Поповичѣ.

Статья г. Ляскоронскаго «Паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ» въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г., т. XXV, май—іюнь, стр. 570—577, раньше прочитанная авторомъ въ историческомъ общ. Нестора Лѣтописца, нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ, а можетъ быть и поправкахъ. Г. Л-скій основалъ свою работу на нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ, разбросанно упомянутыхъ у двухъ извѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ, на лѣтописи, составленной цѣлымъ полувѣкомъ позже, и на мемуарахъ, хотя и современныхъ, но авторъ которыхъ, по тенденціозности не только своихъ личныхъ взглядовъ, но и всей той среды, къ которой принадлежалъ и въ которой вращался, не можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ, безъ подтвержденія его словъ другими источниками: онъ не могъ всегда быть таковымъ, даже при всемъ его желаніи, по одному уже отсутствію безпристрастія, а главнымъ образомъ потому еще, что самыя извѣстія о событіяхъ далеко не всегда доходили къ нему въ точности, а нерѣдко съ преувеличеніями, съ искаженіями въ подробностяхъ, вообще въ видѣ «слуховъ», прошедшихъ уже нѣсколько инстанцій и получившихъ при этомъ и наращенія, и разнообразно тенденціозную окраску. Главныя дополненія, приводимыя ниже, извлечены изъ документовъ, вышедшихъ изъ печати въ началѣ нынѣшняго года, и неудивительно, что они г. Л—скому при составленіи реферата не были еще извѣстны; но онъ, къ сожалѣнію, упустилъ изъ виду и нѣкоторыя документальныя данныя, обнародованныя раньше, а равно и показаніе другаго южнорусскаго лѣтописца, такого же современника, какимъ былъ и Ерличъ, считаемаго наиболѣе достовѣрнымъ (хотя авторитетъ его, можетъ быть, нѣсколько и преувеличенъ), но съ Ерличемъ кое въ чемъ несогласнаго.

Г. Лясковонскій говоритъ, что Поповича встрѣчаемъ впервые, уже паволоцкимъ полковникомъ, въ концѣ 1662 или въ самомъ началѣ 1663 года, основываясь на показаніяхъ Ерлича. Но именно въ послѣднемъ (XIV) томѣ «Актовъ ю. и з. Россіи» встрѣчаемъ нѣсколько упоминаній о лицѣ того же имени, датированныхъ 7—8-ю годами раньше; конечно, здѣсь можетъ возникать еще сомнѣніе о тождествѣ самой личности, такъ какъ совпаденія прозвищъ и именъ среди многотысячной козацкой массы, въ особенности такого шаблоннаго прозвища, какъ «Поповичъ», и такого шаблоннаго имени, какъ «Иванъ», не только весьма возможны, а даже болѣе чѣмъ вѣроятны, и едва ли можно надѣяться отыскать съ достовѣрностью занимающую насъ личность въ «Регистрахъ» 1649 г., изданныхъ Бодянскимъ. Соображенія, по которымъ тождественность одноименныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ 1654—55 гг., а потомъ въ 1663, можетъ считаться доказанною, изложимъ ниже, а прежде приведемъ свѣдѣнія о Поповичѣ, какія встрѣчаемъ въ упомянутыхъ «Актахъ», проставляя ихъ даты по времени написанія документовъ, а не такъ, какъ дѣлаетъ ихъ редакторъ, ставящій въ заголовкахъ актовъ помѣту о времени ихъ полученія въ той или иной канцеляріи [1]).

Письмо Ив. Золотаренка отъ 16 августа 1654 г. о сдачѣ ему 13 ч. Гомеля было послано съ нѣжинскимъ сотникомъ Ив. Борсукомъ, менскимъ сотн. Степ. Даценкомъ и *Иваномъ Поповичемъ, обознымъ*. Какимъ именно обознымъ былъ тогда Поповичъ, въ письмѣ не упомянуто, но едва ли войсковымъ, такъ какъ имя его поставлено *послѣ* сотниковъ даже (ст. 145). Впрочемъ, возможно и то, что на эту формальность этикета не обратили вниманія въ козацкой канцеляріи, еще въ томъ не искусившейся, а придали ей значеніе только дьяки, составляя роспись жалованья. Когда пріѣхалъ къ государю подъ Смоленскъ самъ Золотаренко, со свитою, и на отпускѣ его, 27 сентября, раздавали имъ всѣмъ государево жалованье, то въ числѣ поименованныхъ лицъ встрѣчаемъ и Ив. Борсука, слѣд. тутъ же былъ и Поповичъ, но не въ числѣ тѣхъ 166 простыхъ козаковъ, которые получили только по «меньшему золотому», а въ числѣ тѣхъ «13 человѣкъ ко-

---

[1]) Вслѣдствіе такого ненаучнаго пріема, читатель актовъ, редактированныхъ Г. Ѳ. Карповымъ, получаетъ иногда неожиданные сюрпризы. Такъ, подъ 15 августа помѣщено „Письмо къ государю наказнаго гетмана Ивана Золотаренка“: посылаетъ онъ къ государю часть своего войска, но самъ, не взявши Гомеля, идти не рѣшается (столб. 139—140), а черезъ страницу (стр. 143) оказывается, что Гомель сдался еще 13 числа.

заковъ и сотниковъ», которымъ дано «по парѣ соболей по 2 рубли пара, да по парѣ жъ соболей по полутора рубли пара человѣку» и которыхъ имена почему то оставлены при изданіи росписи ненапечатанными (ст. 180).

Полугодомъ позже упоминается безъ фамиліи обозный войсковой Иванъ, котораго г. Карповъ вполнѣ основательно отождествилъ въ своемъ указателѣ съ Поповичемъ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ видимъ его исполняющимъ эту обязанность. 10 мая 1655 г. Золотаренко, послѣ побѣды надъ отрядомъ («заставою») изъ корпуса гетмана Радзивила, отсылалъ царю взятаго «языка», нѣкоего Домбровскаго, и трофеи,—«четыре знамени и литавры двои, съ послы своими, съ Васильемъ Никифоровичемъ, полковникомъ нѣжинскимъ, съ братомъ своимъ, да съ полковникомъ менскимъ, съ Пашкомъ, да съ *обозным войсковым Иваном*» (603). Въ Смоленскъ они прибыли 18 ч., всѣмъ имъ было дано жалованье, и отпущены безъ задержанья, но что именно получилъ каждый, изъ письма объ этомъ думнаго дьяка Лар. Дм. Лопухина къ З-ку, отъ 23 мая, не видно (612).

Вскорѣ наказной гетманъ, вызванный самимъ государемъ, прибылъ къ нему въ Шкловъ, въ сопровожденіи большой свиты, въ числѣ которой помянуты: протопопъ Максимъ, двое судей, три полковника (Василій З-ко нѣжинскій, два другіе—Иванъ Поповичъ и Юхно Коробка), и сынъ Ивана, Данило, «гетмановичъ». Гетману пожалованъ на пріемѣ 10 іюня «кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею» (въ прошлый разъ такой же подарокъ показанъ въ росписи цѣною въ 180 рублей), четыре сорока соболей (прошлый разъ только два), всѣмъ остальнымъ упомянутымъ по одному сороку (690). Изъ одной позднѣйшей справки узнаемъ, что протопоповы соболи стоили 80 рублей, а полковничьи по 60 р. (778).

Изъ другого документа, отъ 2 іюля, узнаемъ, какимъ полковникомъ былъ Поповичъ: именно, *черниговскимъ*, и въ этомъ званіи, командуя самостоятельнымъ передовымъ отрядомъ, успѣлъ оказать крупное отличіе, которое нак. гетманъ описываетъ государю отъ 2 іюля такъ: самъ онъ, «скоро рушився о(тъ) Березынѣ (направляясь къ Минску), напредъ себе пославъ Ивана Поповича, полковника черниговского, придавъ ему товарыштва нѣсколко сотъ. Тогда... мѣсто Свислочь знатное, въ которомъ было немало непріятелей и недруговъ в. ц. величества, тогда то мѣсто взявъ черезъ мечь и немало въ ней (sic) непріятелей будучихъ всѣхъ подъ мечь пустили, а самое мѣсто и замокъ огнемъ безъ остатку сожгли, въ которомъ городѣ

и языка подлинного и вѣдомого о всякихъ дѣлахъ служилыхъ людей взяли Максима Клиновскаго, которой служилъ при пану Галабурдѣ. Для чего, не задерживая у себя, того жъ часа посылаю до в. ц. в-ва». О томъ же совершенно согласно доноситъ и находившійся при З-кѣ стольникъ Михаилъ Дмитріевъ (ст. 743—748).

Послѣднія въ настоящемъ томѣ упоминанія о Поповичѣ представляютъ особый интересъ. Еще въ бытность свою въ іюнѣ у государя, Золотаренко испросилъ, между прочимъ, разрѣшеніе подвигать свой корпусъ налегкѣ, одну конницу, оставляя всѣ тяжести въ таборѣ, позади, подъ охраной особаго отряда (694—695). Мотивомъ конечно, выставлялась скорость и успѣшность дѣйствій противъ непріятеля, задняя же мысль заключалась въ томъ, чтобы опережать московскія войска и первымъ захватывать неразоренныя еще войною и неразграбленныя мѣста. Кромѣ погони за добычей, къ такимъ захватамъ понуждала и необходимость, такъ какъ для сбора кормовъ каждая мѣстность отводилась тѣмъ именно войскамъ, которыя заняли ее первыми. 11-го іюля состоялся приказъ: идти Ивану гетману съ княземъ Черкасскимъ на Вильно, а брату его съ княземъ Трубецкимъ за Нѣменъ (747—748). Оба они двинулись безъ обозовъ. При такого рода форсированныхъ маршахъ, какъ знаемъ изъ постоянныхъ упоминаній въ другихъ подобныхъ случаяхъ, отправлялся «людъ перебраный», т. е. отборное по личнымъ военнымъ качествамъ и по вооруженію войско, а все менѣе годное оставлялось для охраны табора, по современной терминологіи вагенбурга, гдѣ находились также больные и раненые. Начальствованіе таборомъ, стоявшимъ неподалеку Вильна, въ селѣ Жупряничахъ, поручено, на правахъ самостоятельно дѣйствующаго обознаго, черниговскому полковнику Поповичу. Онъ и обращается, 25 іюля, непосредственно къ государю, прося распоряженій. «Вѣдомо чиню о томъ, пишетъ онъ, что меня оставя при обозѣ съ ранеными и зъ болными людми... гетманъ наказный... пошолъ... со всѣми ратными людми подъ городъ Вилню. А я нынѣ, при тѣхъ болныхъ людяхъ остався,... прошу..., изволь... государь, указъ свой царской дать, какъ, здѣ осталой, что имѣю дѣлать». Отвѣтъ ему гласилъ: «Ты бъ съ нашими... войска запорозского ратными людми, которые при тебѣ въ обозѣ оставлены, стоялъ крѣпко и усторожливо, а для... кормовъ посылалъ отъ себя на чаты, чтобъ нашимъ людямъ въ селахъ и (въ) конскихъ кормахъ скудости никакіе не было. А то бы еси заказалъ подъ смертною казнью, чтобъ селъ и деревень не жгли и крестьянъ, которые не бьются, не побивали, а

также женской полъ и ребятъ никово одноличнo не побивали. А какъ... отпишетъ къ тебѣ... нак. гетманъ,... велитъ тебѣ съ нашими ратными людми и обозомъ куда идти, по тому и дѣлай» (899—902). Предостерегательное приказаніе Поповичу о недопущеніи мародерства и ненужныхъ жестокостей вызвано было дошедшими до государя свѣдѣніями, что вообще Золотаренково войско ведетъ себя непозволительно даже и для тѣхъ временъ. «Вѣдомо намъ учинилось, писалъ царь за недѣлю раньше, 17 ч.., что твоего полку козаки мѣста, и села, и деревни жгутъ, и женской полъ, и дѣвицъ, и малыхъ робятъ сѣкутъ и побиваютъ до смерти». Далѣе предписывается «козакомъ учинить заказъ крѣпкой, подъ смертною казнью», чтобы поселеній не пустошили, «для того, что намъ государю со всѣми нашими ратми въ здѣшнихъ мѣстахъ зимовать»; воспрещеніе жестокостей противъ мирнаго населенія изложено въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ грамотѣ Поповичу (753—754). Скоро однако оказалось, что если золотаренковцы на походѣ грабили, жгли и убивали, неразбирая ни пола, ни возраста, не щадя мирныхъ жителей на равнѣ съ вооруженнымъ непріятелемъ, то въ бездѣйственно стоявшемъ отрядѣ Поповича завелись еще и другіе пороки, особенно претившіе благочестивому Алексѣю Михайловичу. Уже 30 іюля, подтвердивъ Поповичу приказъ противъ жестокостей и воспрещая опустошеніе жилыхъ мѣстъ въ виду предстоящей зимовки, государь добавляетъ: «А будетъ, которые воры будутъ непослушны, и ты бъ тѣхъ вѣшалъ безо всякіе пощады. А что у васъ въ полкѣхъ жонокъ и дѣвокъ, и ты бъ одноличнo велѣлъ ихъ изъ обозу выбить, для того, что мы великій государь идемъ, за милостію Божіею, на недруга своего со всѣми вами нашего ц. в—ва ратми, и за блудные дѣла, кто, забывъ страхъ Божій, такое скверное дѣло творитъ,—Богъ не помогаетъ». (901—902).

Этимъ благочестивымъ размышленіемъ «тишайшаго» царя заканчивается XIV томъ Актовъ ю. и з. Р. и исчерпываются заключающіяся въ немъ свѣдѣнія объ Иванѣ Поповичѣ, черниговскомъ полковникѣ и обозномъ въ арміи Золотаренка. Впрочемъ, надо еще упомянуть о подписяхъ въ приведенномъ письмѣ его къ государю. Въ началѣ письма, въ челобитьи, онъ называетъ себя «Иванъ Аврамовичъ полковникъ черниговскій», а въ концѣ подписался: «Иванъ Поповичъ Абрамовъ рукою». Оказывается, что искать въ другихъ источникахъ Поповича можно еще и подъ именемъ Абрамова или, по отечеству, Ивана Аврамовича. И точно, въ каталогахъ Максимовича (Сочиненія, т. I, стр. 695), къ сожалѣнію, безъ всякой ссылки на источникъ

лѣтописный или документальный, въ ряду полковниковъ черниговскихъ, какъ разъ въ данное время, съ 1654 по 1662 г. находимъ *Ивана Аврамовича*, только опять подъ новымъ прозвищемъ, *Выбельскаго.* Впрочемъ, здѣсь въ тождествѣ лица сомнѣніе едва ли умѣстно, въ виду полнаго совпаденія имени и отчества черниговъ. полковника Выбельскаго, и полковника, вступившаго въ эту должность, по актамъ, именно съ 1654 или первой половины 1655 г. подъ именемъ то Поповича, то только Ивана Аврамовича, то даже просто обознаго Ивана. Полковники не заурядные козаки, ихъ такъ немного и люди они замѣтные, что предполагать какое либо совпаденіе здѣсь—слишкомъ мало вѣроятно. Прозваніе «Выбельскій» обозначаетъ, можетъ быть, происхожденіе, а скорѣе всего только мѣсто жительства, осѣдлость, нисколько не противорѣча въ такомъ случаѣ утвержденію Ерлича о происхожденіи Ив. Поповича изъ Ходоркова.

Гораздо труднѣе доказать, что лицо, извѣстное въ Черниговщинѣ подъ именемъ Ивана Аврамовича, онъ же Поповичъ, и онъ же Выбельскій, то же самое, которое принимаетъ участіе въ паволоцкой трагедіи подъ вторымъ изъ этихъ именъ. Единственное пока косвенное указаніе имѣемъ только во времени оставленія первымъ званія полковника черниговскаго и появленія втораго въ томъ же званіи въ Паволочи. Этому противорѣчитъ какъ будто указаніе Ерлича на «молодость» этого втораго Поповича, заставлявшую его дорожить жизнью, тогда какъ первый былъ уже человѣкомъ заслуженнымъ, а попасть въ полковники невозможно было какому нибудь юношѣ, которому должны бы въ такомъ случаѣ подчиняться сѣдоусые ветераны изъ козацкой вольницы. Но здѣсь противорѣчіе только кажущееся. И теперь въ сельскомъ быту пятидесятилѣтній возрастъ считается еще молодымъ, инымъ не могли считать его ни козаки XVII вѣка, ни шляхтичи-земледѣльцы въ родѣ Ерлича. Поповичу могло быть лѣтъ около сорока, когда онъ началъ выслуживаться среди козачества Золотаренковой арміи,—возрастъ достаточно зрѣлый, «статечный», чтобы получить возможность командованія другими, и въ томъ случаѣ ему могло не быть еще пятидесяти при поступленіи въ Паволочь. Ерличъ не могъ выразиться иначе о человѣкѣ такихъ лѣтъ, какъ только, что онъ «był jeszcze w młodych niecnota leciech», и напрасно г. Ляскоронскій понялъ его слова слишкомъ буквально, прилагая при томъ къ нимъ мѣрку современной городской интеллигенціи. Самое намѣреніе Поповича принять священство показываетъ, что онъ былъ уже человѣкомъ не первой моло-

дости,—иначе такое намѣреніе не могло бы способствовать возбужденію участія къ нему. Замѣтимъ мимоходомъ, что смѣна сабли на рясу и обратно не была тогда явленіемъ исключительнымъ. Въ ту самую почти пору преобразился извѣстный интриганъ нѣжинскій сотникъ Ракушка сразу въ брацлавскіе протопопы, а позже, уже въ XVIII в., ставшій еще болѣе извѣстнымъ своими безчинставами новгородсѣверскій сотникъ Лисовскій правилъ свою военно-административную должность, не снявъ священнаго сана (1716 г.).

Гораздо важнѣе для насъ другая подробность въ изложеніи Ерлича. Тетеря раньше уже хотѣлъ было казнить Поповича за то, что онъ «оскорблялъ и билъ шляхтичей», а главное, что «сносился съ московскимъ воеводою въ Кіевѣ». Поповичъ обращается къ «полковникамъ, сотникамъ, наконецъ къ митрополиту и чернецу—Хмельниченку», встрѣчаетъ вездѣ сочувствіе и заступничество. Между тѣмъ, по г. Л—скому, до 1663 г. онъ совершенно неизвѣстенъ; но и въ полковники люди попадали не сразу, о многихъ изъ нихъ имѣемъ и прямыя указанія, что они раньше служили на низшихъ должностяхъ, только Поповичъ паволоцкій является сразу, какъ deus ex machina, и сразу же пріобрѣтаетъ всеобщую популярность. Неестественность подобнаго факта заставляетъ насъ не только предположить, а прямо утверждать, что въ данномъ случаѣ мы *навѣрно* имѣемъ дѣло съ *кѣмъ либо* изъ лицъ, знакомыхъ уже раньше подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Если между дѣятелями недавняго прошлаго встрѣчаемъ лицо не только одноименное, но и по всѣмъ другимъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствующее будущей роли паволоцкаго полковника, одного изъ руководителей новаго возстанія противъ польской власти, то столь же естественно предположить, что именно это и есть искомая для насъ личность. Не настаиваемъ пока на этомъ *предположеніи*, быть можетъ, найдутся и доказательства болѣе прямыя.

Разсмотримъ теперь изложеніе тѣхъ же событій въ *современной* лѣтописи «Самовидца»: быть можетъ, она дастъ намъ возможность опредѣлить, на чьей сторонѣ болѣе правды въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ показанія *современника* Ерлича и *позднѣйшей* лѣтописи Грабянки разногласятъ между собою, а г. Лясконскій отдаетъ безусловное предпочтеніе первому. Разногласія ихъ относятся ко *времени* втораго возстанія Поповича, къ *характеру* этого возстанія и *связи* его съ событіями по лѣвой сторонѣ Днѣпра, самой *сдачи* или *выдачи* Поповича Тетерѣ, наконецъ, *казни* его и ея *времени*.

Г. Ласкоронскій категорически утверждаетъ, что возстаніе Поповича, уже ех-священника, относится къ началу мая, такъ какъ разсказъ о немъ помѣщенъ у Ерлича подъ 4 ч. того же мѣсяца, а 8 іюня писалъ о томъ же къ царю Брюховецкій, какъ о недавнемъ фактѣ. Указаніе Ерлича, говорящаго здѣсь же и о событіяхъ болѣе раннихъ, само по себѣ было бы мало убѣдительно: приводя свои замѣтки въ окончательный порядокъ, Ерличъ одинаково могъ пріурочить *обѣ* записи и ко времени болѣе поздней изъ нихъ, и ко времени болѣе ранней, т. е. къ первымъ враждебнымъ шляхтѣ шагамъ Поповича, до священства еще его, когда онъ «szlachtę znieważał i bijał», т. е. побивалъ, и когда хотѣлъ въ первый разъ Тетеря предать его смертной казни. Столь же неопредѣленно и показаніе времени въ письмѣ Брюховецкаго отъ 8 іюня, т. е. передъ черною радою, состоявшейся 17 и 19 или 20 числа. Впрочемъ, всѣ эти даты не противорѣчатъ другимъ показаніямъ, и потому могутъ быть приняты. Во всякомъ случаѣ, судъ надъ Поповичемъ состоялся *позже* этой рады, провозглашенія гетманомъ Брюховецкаго и заключенія подъ стражу Сомка, Васюты Золотаренка и ихъ сторонниковъ. Дату суда Ерличъ обозначаетъ 15 іюля, но и это еще не даетъ права заключать, какъ дѣлаетъ г. Л—скій, что и самая казнь совершена тогда же, а не черезъ большій или меньшій промежутокъ времени. По Ерличу, Поповичъ былъ выданъ announced поволоцкими мѣщанами, вмѣстѣ съ пятнадцатью главными сообщниками, по Грабянкѣ—сдался лично и добровольно. О самой казни Ерличъ сообщаетъ возмутительныя подробности, равно какъ о предшествовавшихъ ей пыткахъ и допросахъ Поповича лично Тетерею. У Грабянки объ этомъ не находимъ ни слова. Лѣтопись Самовидца (по кіев. изд. 1878 г., подъ ред. О. И. Левицкаго, с. 78) передаетъ эпизодъ о Поповичѣ въ очень сжатомъ видѣ, но сообщаетъ указанія по всѣмъ этимъ сомнительнымъ пунктамъ:

«Того жъ лѣта (1663), *под часъ тоей рады* (т. е. черной, о которой только что разсказано весьма подробно), у Паволочи перше билъ полковникомъ Іванъ Поповичъ, а напотомъ сталъ священникомъ; и, же оному чинили укоризну жиды и инніе, знову, хотячи ся привернути до Кіева, узялся за полковництво и жидовъ казалъ усѣхъ вибити; толко ж оному *не дано помочи* с Кіева, *и Сомка узято*, на которого мѣлъ надѣю. И такъ пришло войско *от* Тетери гетмана, и оний (т. е. Поповичъ), *не хотячи мѣста згубити, здался*, которого страчено: бо *тіе посланци* от того *паволоцкого попа* до *Бруховецкого* удалися о помочъ, але оній ничого не далъ помочи Паволочи, а ру-

шивши с под Нѣжина под Переясловле, и тамъ стоялъ з войскомъ у Креста, на которого татаре приходили, але нѣчого не вскурали».

Подчеркнутыя нами мѣста въ изложеніи современнаго, и потому имѣющаго передъ Грабянкою преимущество, малорусскаго лѣтописца нѣсколько разъясняютъ темные вопросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно подрываютъ авторитетъ Ерлича. Необходимо, однако, комментировать ихъ нѣсколькими замѣчаніями.

Изъ словъ «под часъ тоей рады» нельзя выводить, будто авторъ относитъ самое *начало* возстанія Поповича ко второй половинѣ іюня. Изъ дальнѣйшаго видно, что оно началось раньше, и Поповичъ послалъ просить о помощи въ Кіевъ и къ Сомку, слѣд. считалъ послѣдняго еще въ силѣ; но тѣ же посланцы его прибыли въ Нѣжинъ уже послѣ рады и заключенія Сомка подъ стражу, почему и обращались со своимъ порученіемъ къ Брюховецкому. Этимъ объясняется и неточность Грабянки, который посылку Тетерею войскъ противъ паволочанъ относитъ ко времени *послѣ казни* Сомка: это могло имѣть мѣсто въ промежутокъ времени *между* его арестованіемъ и казнью, если принять даже показаніе Ерлича о датѣ суда (15 іюля); во всякомъ случаѣ это показываетъ, что Тетеря не рѣшался на крутыя мѣры противъ Поповича до исхода партійной борьбы за Днѣпромъ, въ которой и самъ былъ заинтересованъ, а весьма возможно, что принималъ и тайное участіе. Въ этомъ, думается, и отвѣтъ на недоумѣніе г. Ляскоронскаго: «едва ли бы гетманъ Тетеря, находившійся въ ту пору на лицо въ правобережной Украинѣ, дозволилъ открыто возставшему Поповичу безнаказанно хозяйничать въ паволоцкомъ полку въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ». Конечно, Тетеря не потерпѣлъ бы того и раньше, если бы не опасался вооружить противъ самого себя партію Сомка и склонившагося на его сторону Васюты, которая была сильна и на правобережьи. Этимъ только и можно объяснить снисходительность Тетери къ Поповичу въ болѣе раннее время: она черезчуръ исключительна и непонятна въ эпоху, когда въ Заднѣпровьи, подчиненномъ Москвѣ, не стѣснялись рубить головы сподвижникамъ и родичамъ Б. Хмельницкаго, а въ Украинѣ, признававшей власть Польши, простой полковникъ Маховскій судилъ сенатора Рѣчи Посполитой Выговскаго и разстрѣливалъ его на мѣстѣ. Но она становится вполнѣ объяснимой и естественной, если за виновнымъ лицомъ стояла могущественная партія. Это даетъ намъ, между прочимъ, путь, гдѣ именно слѣдуетъ искать заступниковъ и покровителей, а можетъ быть даже и подстрекателей Поповича.

Сдача Поповича, чтобы не губить города и населенія, констатируется, вопреки Ерличу, Самовидцемъ, и соотвѣтствующее мѣсто у Грабянки составляетъ только риторическую перифразу словъ современника. Любопытнѣе же всего, что ни послѣдній, ни южнорусскій лѣтописецъ позднѣйшій, оба враждебные полякамъ и не упускающіе случая выставить какъ можно рѣзче на видъ каждую жестокость съ ихъ стороны (Грабянка приводитъ и преданія легендарнаго характера), рѣшительно ничего не говорятъ о тѣхъ мученіяхъ, какимъ подвергали, по словамъ лѣтописца—шляхтича, паволоцкаго полковника при допросахъ и во время самой казни. Если бы о такихъ варварскихъ пыткахъ разсказывали лѣтописцы козацкіе, а молчалъ о нихъ Ерличъ, дѣло было бы понятное, хотя самый фактъ затемнялся бы, и приходилось бы рѣшить вопросъ: или истязанія Поповича имѣли мѣсто въ дѣйствительности, но шляхетскій лѣтописецъ замалчиваетъ жестокость представителя своей партіи; или же, наоборотъ, ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было, мученія выдуманы врагами поляковъ и Тетери, чтобы очернить и омерзить ихъ въ глазахъ народа. Мимоходомъ замѣтимъ, что одна изъ подробностей казни, «aby pierwey koronę albo plesz rozpaloną cegłą albo kamieniem starto», должна была изображать кощунственную пародію на обрядъ лишенія священнаго сана, разстриженія. Слова Самовидца набрасываютъ сомнѣніе и на то, что самъ будто бы гетманъ Тетеря осаждалъ Паволочь,—онъ говоритъ только о посланномъ отъ гетмана войскѣ. Подробности допросовъ, якобы снимаемыхъ лично Тетерею, наединѣ, отсылая каждый разъ въ сторону даже палача, на нашъ взглядъ носятъ прямо апокрифическій характеръ, какой мы и признаемъ за всѣми росказнями Ерлича объ этой сторонѣ дѣла. Но эти росказни имѣютъ иное значеніе: онѣ показываютъ степень страха мѣстной шляхты передъ каждымъ народнымъ волненіемъ, хотя бы только мѣстнымъ и незначительнымъ. Шляхтичи не безъ основанія видѣли во всемъ южнорусскомъ населеніи своего времени одну громадную массу горючаго матеріала, для котораго въ высшей степени опасна каждая малѣйшая искра. Тѣмъ болѣе должно было возбуждать опасеній возстаніе Поповича, о которомъ было извѣстно, что ему покровительствуютъ люди гораздо болѣе вліятельные,—Сомко былъ гораздо популярнѣе, чѣмъ самъ Тетеря, которому, поэтому, и приписана личная роль въ раскрытіи посредствомъ пытокъ широкаго заговора. Таковой несомнѣнно существовалъ, хотя Поповичу едва ли были извѣстны его размѣры и развѣтвленія: руководящія нити должны были сосредото-

чиваться у Самка, и даже ослабленная его смертью партія старшинская или, что то же, сторонники автономіи Украины на основаніяхъ гадяцкихъ пактовъ, въ слѣдующемъ же году пыталась взять на себя руководящую роль, въ лицѣ Выговскаго, недаромъ сносившагося съ Сѣркомъ и Сулимой, и не разъ еще подавала признаки жизни въ Заднѣпровьи, до Мазепы включительно и даже гораздо дальше. Первоначально она возненавидѣла родовитую олигархію Польши, но желала сама занять ея мѣсто, подъ покровительствомъ Москвы. Въ рецензіи тѣхъ же Актовъ ю. и з. Р. («Кіев. Старина», сентябрь) мы отмѣтили уже очень раннія попытки старшинъ къ созданію латифундій, къ превращенію самихъ себя въ тѣхъ же королятъ, противъ которыхъ первоначально поднято возстаніе Богданомъ Хмельницкимъ. Но разочаровавшись съ этой стороны въ содѣйствіи ихъ видамъ со стороны Москвы, убѣдившись, что ея нивеллирующій централизмъ одинаково оказываетъ давленіе и на нихъ самихъ,—старшинская партія возненавидѣла было и Москву, пока не съумѣла приладиться къ новымъ условіямъ и возродиться въ позднѣйшихъ «высокородныхъ» дворянахъ-душевладѣльцахъ...

Въ 1663 году, конечно, стремленія партіи еще не объединились, пути къ ихъ достиженію не выяснились достаточно, образцомъ служила та же польская олигархія, а южнорусскіе поклонники ея идеаловъ, при условіи осуществленія ихъ въ собственную пользу, чуть не ежедневно мѣняли подданство и возбуждали возстанія то въ Заднѣпровьи противъ Москвы, то на правой сторонѣ Днѣпра противъ Польши, надѣясь выиграть въ этой борьбѣ сосѣднихъ государствъ на счетъ ихъ обоихъ.

Въ паволочскомъ возстаніи мы видимъ одно изъ проявленій этой гибельной для страны политики, а въ Иванѣ Поповичѣ орудіе старшинской партіи. Связи его съ Самкомъ одинаково удостовѣряются всѣми. Если удастся доказать его связь и съ Васютою, то можно признать его безъ колебаній за одно лицо съ Поповичемъ, черниговскимъ полковникомъ 1654—55 годовъ, подначальнымъ Ивана Никифоровича Золотаренка, сослуживцемъ Василія Никифоровича, т. е. именно Васюты, полковника нѣжинскаго, и двоюроднаго ихъ брата, Тимофея Оникіевича Золотаренка, на ту пору полковника стародубскаго.

Ив. Н.

Библіографическія замѣтки.

I.

Рѣдкое старопечатное евангеліе.

Въ «Кіевской Старинѣ» (іюль 1889 г., стр. 289—290) было сообщено г. О. Л. *любопытное* извѣстіе о томъ, что въ библіотекѣ владиміро-волынскаго братства есть чрезвычайно любопытное старопечатное евангеліе. Въ этой статьѣ оно описано такъ: «Евангеліе средняго формата, довольно крупной печати, къ сожалѣнію безъ выходнаго листа и потому мѣсто и время его изданія неизвѣстны, но внизу по листамъ идетъ собственноручная запись жертвователя о томъ, что онъ «положилъ» это евангеліе «до церкви» св. Николая (въ с. Будятычахъ) «лѣта ҂зо҃в (7072) мѣсяца марта кі҃ день» т. е. въ 1564 г. Надпись эта по своимъ палеографическимъ признакамъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея соотвѣтствія тому времени, какое въ ней означено, и буквы года ҂зо҃в—(7072) такъ ясно и отчетливо написаны, что иначе и прочесть ихъ нельзя. Между тѣмъ до сихъ поръ первенцемъ западно-русской печати признается *Заблудовское евангеліе учительное* 1569 г. Первое же славянское евангеліе было издано лишь въ 1575 г. въ Вильнѣ у братьевъ Мамоничей. А будятычское евангеліе уже въ началѣ 1564 г. было пожертвовано въ церковь, слѣдовательно издано еще раньше. Признать же его изданіемъ Скорины невозможно, какъ по языку (чистый славянскій языкъ), такъ равно по формату и шрифту,—въ послѣднемъ отношеніи оно болѣе всего имѣетъ сходство съ изданіемъ Мамоничей. Предлагаемъ эту загадку вниманію историковъ западнаго и южно-русскаго книгопечатанія».

Заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, мы попросили одного изъ профессоровъ московской духовной академіи выписать означенное евангеліе для подробнаго изслѣдованія онаго нами и убѣдились, что это евангеліе принадлежитъ къ числу тѣхъ *трехъ* старопечатныхъ евангелій, безъ выходныхъ листовъ, которыя уже давно обратили на себя вниманіе нашихъ библіографовъ и описаны подробно въ извѣстномъ сочиненіи И. Каратаева: «Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Т. I. Съ 1491 по 1652 г.» С-Петербургъ. 1883 г.

Вышеупомянутыя евангелія безъ выходныхъ листовъ описаны у И. Каратаева подъ № 64, 65 и 66. Будятычское евангеліе по типографскимъ признакамъ есть то самое евангеліе, которое описано у него подъ № 66-мъ. А такъ какъ тамъ значится всего лишь

четыре экземпляра онаго: въ Спб. въ публичной библіотекѣ, въ Москвѣ въ библіотекѣ общ. исторіи и древн. Рос. и въ публичн. и румянц. музеѣ, въ Вильнѣ, въ публичн. библіотекѣ, слѣдовательно будятычское евангеліе есть *пятый* экземпляръ старопечатнаго евангелія № 66.

Это евангеліе описано у И. Каратаева слѣдующимъ образомъ: (стр. 151): № 66. Четвероевангеліе, въ листъ. Выходнаго листа во всѣхъ извѣстныхъ экземплярахъ нѣтъ. Всѣхъ 397 листовъ, не имѣющихъ нумераціи, и по какому то странному случаю, въ книгѣ нѣтъ необходимой въ типографическомъ дѣлѣ сигнатуры тетрадей, что составляетъ такую особенность, которой нельзя видѣть ни въ одной славянской старопечатной книгѣ кирилловскаго шрифта. Это отсутствіе нумераціи листовъ, а главное сигнатуры тетрадей, доказываетъ ничто иное, какъ неопытность трудившихся въ изданіи. Четвероевангеліе это напечатано, вѣроятно, во второй половинѣ XVI вѣка. Полный наборъ страницы составляютъ 18 строкъ. Шрифтъ довольно красивъ. Въ этомъ изданіи попадается буква *о*, имѣющая въ срединѣ иногда двѣ точки, а иногда крестикъ. Заглавныя надписанія, прописныя и мѣстами строчныя буквы печатаны киноварью. Предъ каждымъ началомъ четырехъ евангелій отпечатано по фигурной, черной заставкѣ; въ одной изъ нихъ, у ев. Матѳея, въ срединѣ помѣщено изображеніе этого святаго, сидящаго у стола и пишущаго. Еще пять заставокъ, меньшаго размѣра, находятся предъ оглавленіями къ евангеліямъ и предъ соборникомъ. Каждое изъ четырехъ евангелій, начинается большой фигурной черной буквой. Содержаніе *соборника* такое же, какъ и у предъидущихъ двухъ (№ 64 и 65) также безъ выходныхъ евангелій. Въ евангеліи Іоанна въ концѣ 45 зачала, съ боку столбца, находится изображеніе креста, напечатанное черною краской». Далѣе, въ описаніи псалтири № 68 (стр. 153) И. Каратаевъ замѣчаетъ: «Эта псалтирь, какъ и сходное съ нею по шрифту вышеназванное евангеліе (№ 66),—*изданіе виленское*, и такъ же, какъ это послѣднее, *всего вѣроятнѣе относится къ древнѣйшей эпохѣ виленской типографіи, прежде виленскаго изданія 1575 г.*» Итакъ, догадка О. Л., что будятычское евангеліе должно быть виленской печати (братьевъ Мамоничей), оказывается справедливой, а извѣстіе о его вкладной записи 1564 г. въ свою очередь подтверждаетъ догадку И. Каратаева.

Въ этомъ экземплярѣ въ концѣ не достаетъ двухъ конечныхъ листовъ (должно быть 397, а на лицо 395).

Приведемъ двѣ вкладныхъ записи онаго: Первая письма XVII в. русская—латинскими буквами. Вторая 1564 г. славянскими буквами.

1) «Ta Ewanielia jest Cerkwi Butiatyckiej».
2) „лѣта ҂зоѯго мца марта ке
дно на благовещеніе прест
владычицы нашея Бцы и
Двы марей полажи сіе
евангиліе уніе...“

Послѣ настоящаго открытія о будятичскомъ евангеліи съ большею достовѣрностію можно выразиться относительно времени и мѣста напечатанія всѣхъ трехъ евангелій, описанныхъ у И. Каратаева подъ № 64, 65 и 66.

а) Евангеліе № 64 (извѣстно въ 4 экзем., одинъ изъ коихъ со вкладною записью 1563 г.), *несвижской печати*, не позже 1563 года.

б) Евангеліе № 65. (извѣстно въ 3 экз., одинъ изъ коихъ со вкладною записью 1569 г.), московской печати Ивана Федорова 1566, или 1567 г. См. о немъ мою статью съ рисунками: «Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564—1569» (Памятники древней письменности, 1883 г.).

в) Евангеліе № 66, виленской печати, не позже 1563 г., доселѣ извѣстно *пять* экз. онаго, къ числу которыхъ принадлежитъ и *будятичское* (со вкладною записью 25 марта 1564 года), хранящееся въ библіотекѣ владиміро-волынскаго братства.

II

Типографія въ Угорцахъ (деревня въ Галиціи въ самборскомъ округѣ) іеромонаха Павла Домжива-Лютковича.

Библіографы признаютъ, что первая книга, вышедшая изъ этой типографіи, есть:

1) *Выкладъ вѣры*, изд. 1611 года (форматъ неизвѣстенъ. Вишневскій, Исторія польской литературы, т. VIII, стр. 434. Головацкій со ссылкою на Вишневскаго. Голубевъ, Библіографич. замѣчанія, стр. 42. И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ т. I, 1883 г., стр. 319).

2) Събраніе въкратце словесъ отъ Божественнаго писанія и з'объясненіемъ изложенія святыхъ Апостолъ, двунадесяти Артикуловъ Православной вѣры. Выдруковано коштомъ и накладомъ благо-

честиваго Его М. Пана Александра Шептицкаго з'Шептицъ. Працею і стараньемъ Іеромонаха Павла Домжива-Лютковича, Іеродіякона Селивестра. Въ Угорцахъ року 1618 мѣсяца марта 30 день.

(И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I, стр. 346).

3) Апостолы и Евангеліа чрезъ всѣ Неделѣ и празд: и избрани ст. на весь годъ. Первое изобразися В'Угорцахъ року 1620.

На оборотѣ заглавнаго листа гербъ съ надписью «гербъ ясневелможныхъ Шептицкихъ». Слѣдующая часть этой книги издана иждивеніемъ того же пана Александра Шептицкаго, на оборотѣ послѣдняго листа, въ концѣ: въ Угорцахъ, в'друкарни іеромонаха Павла Домжива Лютковича, року 1620.

(И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ т. I, стр. 362).

И такъ, доселѣ библіографы знали лишь *три* изданія, вышедшія въ *Угорцѣ* изъ типографіи іеромонаха Павла Домжива Лютковича съ 1611 по 1620 годъ включительно.

Очевидно, что здѣсь что нибудь да не такъ [1]): или первое изданіе этой типографіи вышло гораздо позже, или извѣстны доселѣ далеко не всѣ изданія оной,—первое предположеніе, полагаемъ, имѣетъ болѣе вѣроятности, хотя и второе, какъ увидимъ ниже, тоже не лишено основанія.

Въ недавнее время намъ случилось открыть еще одно изданіе угорецкой типографіи 1619 года: въ одной рукописи конца XVII или начала XVIII вѣка (родословной) встрѣтили мы статью: «Краткій хронологической лѣтописецъ», въ концѣ коей значится, что онъ выписанъ въ Козловѣ и списанъ съ книги «Литовскихъ печатей, печати *Пана Шептицкаго въ Угорцахъ, лѣта Господня 1619 года,* а та книга находится у Алаторца у Кузьмы Власова».

Заглавіе книги тутъ не показано, но очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о книгѣ историческаго, а не богословскаго содержанія (Лѣтописецъ или Синопсисъ). Во всякомъ случаѣ это извѣстіе указываетъ на существованіе такого изданія въ *Угорцахъ* 1619 г., о которомъ доселѣ не было ничего извѣстно нашимъ библіографамъ и которое если поискать, можетъ быть найдено.

При этомъ нельзя не замѣтить, что открытіе новаго, доселѣ неизвѣстнаго изданія типографіи въ Угорцахъ 1619 года ведетъ къ

---

[1]) Если первое изданіе угорцкой типографіи относится къ 1611, а второе къ 1618, спрашивается, отъ чего же типографія эта бездѣйствовала въ теченіе цѣлыхъ 7 лѣтъ?

заключенію, что первое изданіе этой типографіи «Выкладъ вѣры» едва ли не должно быть тоже пріурочено къ 1617—1620 год., или, говоря другими словами, что типографія эта существовала въ Угорцахъ не болѣе четырехъ лѣтъ (1617—1620) и что всѣ вышедшія изъ нея въ этотъ періодъ изданія были сдѣланы на иждивеніе благочестиваго пана Александра Шептицкаго. Благочестивый (православный)' панъ Александръ Өедоровичъ Шептицкій скончался въ концѣ 1621 года, судя потому, что книга «Казанье на чиненю памяти по зешломъ (т. е. отшедшемъ) его милости пану Александрови Өеодоровичу Шептицкомъ, презъ отца Павла Домжива Лютковича игумена мѣнскаго (минскаго) отправованое мѣсяца декабря 20 дня» (вѣроятно вь день годовой памяти), вышла въ свѣтъ въ 1622 году и при томъ безъ означенія мѣста печати (вѣроятно въ Минскѣ, гдѣ тогда находился отецъ Павелъ въ Петропавловскомъ монастырѣ).

Въ 1625 году типографія отца Павла Домживы Лютковича и самъ онъ съ своимъ товарищемъ іеродіакономъ Сильвестромъ уже находились въ Четвертнѣ (на Волыни) и тамъ продолжали печатаніе церковно-славянскихъ книгъ на иждивеніе князя Григорія Четвертинскаго.—(См. у И. Каратаева стр. 378, № 296).

Архимандритъ Леонидъ.

Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ.

Въ журналѣ «The Academy» за настоящій годъ (Aug. 17, № 902, p. 105) помѣщена небольшая замѣтка В. Н. Александренка: «Запорожскіе козаки въ описаніи англійскаго посла при русскомъ дворѣ 1736 г.». При занятіяхъ своихъ въ британскомъ государственномъ архивѣ авторъ изслѣдованія «Англійскій тайный совѣтъ и его исторія» встрѣтилъ любопытное донесеніе англійскаго резидента въ С.-Петербургѣ Клавдіуса Рондо лорду Гаррингтону отъ 24 апрѣля 1736 г. объ обычаяхъ и устройствѣ запорожской военной общины, которая принимала въ ту пору участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи противъ турокъ и поэтому остановила на себѣ вниманіе англійскаго дипломата; донесеніе это и приведено г. Александренкомъ цѣликомъ въ помянутой замѣткѣ. Не прибавляя ничего существенно новаго къ нашимъ свѣдѣніямъ объ устройствѣ Новой Сѣчи и основанное на данныхъ, почерпнутыхъ изъ вторыхъ рукъ, извѣстіе Рондо не лишено нѣкотораго интереса: оно показываетъ, что Сѣчь еще и въ

то время считали важнымъ факторомъ въ военномъ отношеніи, что въ козакахъ нуждались и потому стремились уразумѣть строй ихъ жизни,—именно въ это время русское войско подвигалось къ Азову. Новая Сѣчь, которую характеризуетъ Рондо, какъ извѣстно, была основана въ 1734 году, послѣ ухода запорожцевъ изъ крымскихъ предѣловъ и окончанія т. наз. вавилонскаго плѣненія въ Алешкахъ и Каменкѣ. Тяжелыя условія жизни сѣчевиковъ подъ турецкой властью вынудили ихъ вновь перейти на русскую сторону, такъ какъ иначе предстояла горькая перспектива воевать за Польшу. Устроенная въ Омиловомъ, на балкѣ Каменкѣ, а затѣмъ нѣсколько повыше у р. Пидпильной, Новая Сѣчь закончила свои дни катастрофой 4 іюня 1775 г. при имп. Екатеринѣ II. Въ эти 40 лѣтъ Запорожье играло чисто служебную роль, но, какъ видно отчасти и изъ донесенія Рондо, основныя начала сѣчеваго устройства продолжали твердо держаться въ сознаніи сѣчевиковъ и даже безучастнаго наблюдателя поражали своею цѣльностью и своеобразною законченностью.—Предлагаемъ здѣсь полный переводъ донесенія Рондо.

Н. Молчановскій.

«Такъ какъ нынѣ много говорятъ о запорожскихъ козакахъ, которые заселяютъ нѣсколько небольшихъ острововъ въ устьѣ рѣки Днѣпра или Борисѳена, а фельдмаршалъ Минихъ часто упоминаетъ о нихъ въ своихъ реляціяхъ, и по всей вѣроятности здѣшній дворъ съ пользою употребитъ ихъ противъ турокъ, то, надѣюсь, послѣдующее описаніе этихъ козаковъ не будетъ неумѣстнымъ.—Запорожскіе козаки представляютъ весьма сильное и неутомимое племя. Ихъ кошевой (Cashevoy) или генералъ имѣетъ отдѣльное помѣщеніе размѣромъ около десяти квадратныхъ футовъ, но прочіе живутъ въ обширныхъ избахъ, называемыхъ куренями, въ каждомъ изъ коихъ находится около шести или семисотъ человѣкъ; всякій желающій явиться въ курень можетъ жить и ѣсть съ ними безъ всякихъ разспросовъ или благодарности за гостепріимство. Такъ какъ весь народъ представляетъ необыкновенное племя, болѣе привычное къ жизни въ полѣ, нежели въ постоянныхъ жилищахъ, то обыкновенно при каждомъ куренѣ находится четыреста или пятьсотъ человѣкъ, живущихъ подъ открытымъ небомъ, но имъ вольно являться въ избу, когда пожелаютъ, безъ всякаго стѣсненія. Запорожцы представляютъ родъ рыцарей, которые не допускаютъ въ своей средѣ женщинъ, потому что если обнаруживается, что кто либо изъ нихъ держитъ у себя женщину, то такой побивается камнями. У нихъ нѣтъ писаннаго права, а всѣ дѣла рѣшаются шестью или семью лицами, которыхъ они избираютъ для этой цѣли, но рѣшеніе послѣднихъ не можетъ

быть исполнено, пока не будетъ утверждено братствомъ. Если у нихъ случится кража и похититель захваченъ, его немедленно вѣшаютъ за ребра. Обнаруживъ убійцу, выкапываютъ яму, кладутъ убитаго на убійцу и зарываютъ ихъ разомъ. Запорожцы исповѣдуютъ греческую вѣру, и пока они находились подъ властью турокъ, священниковъ назначалъ имъ константинопольскій патріархъ; но въ послѣдніе два года, когда они подчинены царицѣ, священниковъ присылаетъ имъ митрополитъ (въ текстѣ—Arch-bishop) кіевскій. У нихъ лишь одна церковь, гдѣ служитъ игуменъ (an Abbot) и нѣсколько священниковъ, которымъ не разрѣшено вмѣшиваться въ какія либо мірскія дѣла, исключая заступничества за преступниковъ и присутствованія при публичномъ покаяніи ихъ въ церкви въ случаѣ учиненія послѣдними какихъ либо неважныхъ правонарушеній. Запорожцы допускаютъ въ свое братство всѣхъ вообще, безъ различія національности, если поступающіе принимаютъ греческую вѣру и согласны подвергнуться семилѣтнему искусу ранѣе полученія званія рыцаря. Если кто либо изъ братства уходитъ, такихъ не преслѣдуютъ, но считаютъ ихъ недостойными своего общества. Богатства запорожцевъ заключаются въ скотѣ, особенно лошадяхъ, нѣкоторые имѣютъ свыше ста головъ, и едва ли найдется хоть одинъ козакъ, у котораго не было бы десяти или двадцати штукъ. Хотя козаки владѣютъ многими тысячами лошадей, которыя ходятъ табунами въ открытыхъ поляхъ, но конокрадство у нихъ почти неизвѣстно, ибо такая кража считается въ этомъ народѣ непростительною. Запорожцы не сѣютъ хлѣба: во время войны они грабятъ всевозможные запасы у враговъ, а въ мирное время вымѣниваютъ все, что необходимо, на лошадей и рыбу. Они ловятъ множество рыбы, особенно осетрину въ Днѣпрѣ. Для своихъ конскихъ заводовъ запорожцы пользуются турецкими и черкесскими жеребцами. Оружіе свое, состоящее изъ карабиновъ (Rifled Guns) и сабель, они изготовляютъ сами. Къ званію рыцаря допускаются въ ихъ обществѣ только люди очень сильные и хорошо сложенные, но каждый можетъ быть принятъ въ качествѣ холопа (cholopp) или слуги, и нѣкоторые держатъ ихъ по два или по три. Запорожцы никогда не заботятся считать, сколько рыцарей числится въ ихъ братствѣ, и на вопросъ объ этомъ отвѣчаютъ, что не могутъ опредѣлить, такъ какъ число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ; но, говорятъ, ихъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Извѣстно, что большую часть этого народа составляютъ козаки, бѣжавшіе изъ Украины, но холопы или слуги въ большинствѣ поляки. Запорожцы подѣлены на тридцать большихъ избъ или куреней, каждый курень имѣетъ своего командира или атамана, которые тѣмъ не менѣе всѣ обязаны повиноваться кошевому или генералу. Всѣ рыцари имѣютъ право голоса при выборѣ генерала или кошеваго; если послѣдній держитъ себя ненадлежаще, его смѣняютъ и выбираютъ другаго, какъ это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ нынѣшнимъ

кошевымъ (Иваномъ Милашевичемъ?), который былъ смѣщенъ и избранъ другой, затѣмъ умершій, послѣ чего нынѣшній выбранъ вновь. Умирая, запорожскій рыцарь можетъ оставить своихъ лошадей и все вообще имущество кому пожелаетъ, но обыкновенно болѣе всего получаетъ церковь для содержанія священника».

Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг.

Настоящія письма писаны къ намъ во время нашего студенчества, въ отвѣтъ на тѣ вопросы, съ которыми мы обратились къ О. М. Бодянскому, какъ знатоку малорусской старины. Простота и сердечность отвѣтовъ малознакомому студенту другаго университета могутъ послужить дополненіемъ къ представленію о личности достопамятнаго ученаго. Въ четвертомъ письмѣ говорится о небольшой библіографической нашей работѣ, которая была посвящена О. М. Бодянскому. Правописаніе сохранено подлинниковъ.

А. Л.

1) Сердечно благодарю васъ за присланныя вами малороссійскія пѣсьни. Хоть онѣ и не цѣльныя, но все же и обломки нерѣдко годятся къ дѣлу. Впрочемъ не изъ такихъ ли нецѣльностей строятъ намъ мозаичныя картины? Будемъ благодарны и за то, что дошло къ намъ и въ етомъ видѣ. Всѣ почти етѣ обломки мнѣ давно уже извѣстны; а все же чѣмъ больше, тѣмъ больше и лучше для человѣка, занимающагося такимъ, какъ я, дѣломъ. Есть изъ чего повыбрать, знаешь, что и какъ портилось, передѣлывалось и т. под. Что до намѣренія вашего издать текстъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, то, во первыхъ я бы непомѣстилъ послѣднихъ съ первыми. Пословица сама по себѣ, а поговорка сама по себѣ, хотя обѣ иногда трудно бываетъ отличить между собою; но въ томъ то и хитрость вся, чтобъ не смѣшать ихъ. Во вторыхъ: я самъ больше 1500 имѣю пословицъ, совсѣмъ приготовленныхъ къ печати, а все таки не рѣшаюсь то сдѣлать, безпрестанно пополняя свой сборникъ новыми. Лучше поздно, чѣмъ плохо и скоро. Примѣръ тому видите сами на сборникѣ Харьковскомъ, который когда то (лѣтъ 20 или около того) я разбиралъ въ Телескопѣ почти въ ету пору года, и принужденъ былъ вступить въ перестрѣлку, по етому случаю, съ однимъ изъ теперешнихъ моихъ сокаѳедренниковъ. А впрочемъ вольному воля, а спасенному рай. Sumite materiā, viribus vestris, aequā, кажется Горацій сказалъ гдѣ-то. Стало возможная полнота и вѣрность подобнаго

рода вещей первое достоинство изданія ихъ, а ето достигается исподоволь, временемъ да временемъ. Знайте, что народныя произведенія никогда не теряютъ своего вѣса. Я не раскаяваюсь, что по сю пору не выдалъ еще ни пѣсень, ни пословицъ: когда подумаю, въ какомъ видѣ явилось бы то и другое 10-ть лѣтъ тому назадъ, и въ какомъ теперь—слова тѣ Христе! Конечно жизнь человѣческая яко цвѣтъ польный; но жывый жыве й гадае.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго вамъ отъ души, вашего покорнѣйшаго слугу О. Б.

Авг. 14 дня 1855 г.

2) Спѣшу отвѣчать на послѣднее ваше письмо, отъ 21-го, полученное мною лишь 25-го текущаго мѣсяца, и отвѣчать въ томъ порядкѣ, какъ вы предлагаете мнѣ вопросы. Издатель малороссійскихъ пословицъ, явившихся когда то въ Харьковѣ, есть какой то *Смирницкій*, кандидатъ тамошняго университета, по крайней мѣрѣ, такъ онъ названъ на подносномъ екземплярѣ своему цензору въ то время, видѣнномъ мною на свѣжихъ порахъ. Впрочемъ объ етомъ вамъ болѣе можетъ сообщить Измаилъ Ивановичъ вступавшійся за него въ перебранкѣ со мной, по поводу разбора, написаннаго тогда мною въ Телескопѣ. Такъ по крайности, говорилъ мнѣ въ ту пору издатель Телескопа. Противъ посвященія вашего «Указателя» мнѣ я не имѣю ничего возразить, кромѣ, развѣ, благодарить васъ за вниманіе къ моимъ посильнымъ когда то трудамъ на полѣ родной старины. Долженъ также сердечной благодарностью вамъ и за намѣреніе ваше касательно присоединенія собранныхъ вами пословицъ къ сборнику моему, а также и за вновь сообщенныя (6-ть) малороссійскія пѣсьни. Изъ нихъ дѣйствительно подъ № 2-мъ и мнѣ не извѣстна: жаль, что она только въ отрывкѣ; прочія же всѣ имѣются у меня; однако, не смотря на то, нѣкоторыя съ замѣчательными разнорѣчіями. Что до пѣсьни: «Ихавъ козакъ за Дунай», то она, какъ показываютъ самый устрой и стихъ ея, не есть произведеніе народа, но точно принадлежитъ «письменному», какъ увѣряетъ Максимовичъ въ своемъ сборникѣ «Малороссійскихъ пѣсень». Москва, 1827, стр. 216, тому самому, котораго вывелъ на сцену кн. Шаховской въ своемъ водевилѣ, кажется, «Козакъ стихотворецъ». Наконецъ: «Стихотворенія Іосифа Олова», можетъ быть и были писаны Гоголемъ, а можетъ быть и нѣтъ. Что то и я слышалъ объ етомъ въ Бѣлокаменной; при первомъ же свиданіи съ его племянникомъ, который теперь здѣсь и занимается изданіемъ 1-ой части «Мертвыхъ душъ», равно какъ и

слѣдующихъ томовъ его «сочиненій», спрошу хорошенько о томъ; статься можетъ, онъ что нибудь о томъ знаетъ. Современемъ, при случаѣ, извѣщу и васъ, буде что откроется занимательнаго по етому случаю. Затѣмъ будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго вамъ отъ души, вашего покорнаго слугу О. Б.

У насъ наклевывается новый журналъ, который будетъ издаваться «Общиной», подъ редакціей Каткова. Говорятъ что и о другомъ сильно хлопочетъ другая «Община», совершенно противоположная первой. Въ добрый часъ!

30 октября 1855 г.

3) Сердечно благодарю васъ за ваше обязательное письмо и при немъ тетрадку малороссійскихъ пѣсень. Между ними есть нѣсколько довольно милыхъ, хоть вообще извѣстныхъ. Впрочемъ, найдется 3—4 такихъ, что годятся въ разнословія. Чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ лучше. Жалѣю что вы не завернули ко мнѣ проѣздомъ черезъ Бѣлокаменную. Мы бы потолковали объ Украини на чужыни.

Читаете ли вы въ Бесѣдѣ «Дни и мѣсяцы въ Малороссіи?» Не пропускайте ихъ; они стоятъ нашего вниманія. Въ слѣдующей книжкѣ явятся «Филологическія письма къ Погодину», того же самаго сочинителя: не поздоровится отъ нихъ многимъ и многимъ.

Наши студенты тоже затѣваютъ какой то журналъ, въ родѣ вашего; но, сказать правду, я мало проку вижу въ етой «пробѣ пера и чернила, какова въ нихъ сила». Не ето намъ нужно; прошла уже та пора, и прошла безвозвратно, когда нужно было пряниками подстрекать молодежь взбираться на Парнасъ, Геликонъ и подобныя тому холмы и горы. Скорѣе нужна всѣмъ намъ выдержка, впрочемъ, безъ задержки. Кто же одержимъ противнымъ духомъ, въ любомъ журналѣ можетъ пріютиться, съ личиной и безъ личины, ища себѣ славы, а князю чти, какъ говорится въ нѣкоемъ Словѣ о полку Игоревѣ. А впрочемъ, что голова, то разумъ, и проч. Вѣдь на вкусъ да на цвѣтъ уставу нѣтъ! Весь вашъ отъ души О. Б.

Октября 23 дня, 1856 г.

4) Когда вы будете читать етѣ строки, ровно минетъ тому мѣсяцъ, какъ я получилъ ваши, въ которыхъ столько для меня лестнаго, а главное теплаго, участія. И, однако же, при всемъ желаніи моемъ, я никакимъ образомъ не въ силахъ былъ отвѣчать вамъ ранѣе сегодня. Причиной тому многое и многое, въ особенности же выпускъ 2-ой книги «Чтеній». Вы не повѣрите, чего они мнѣ теперь

стоятъ. Прежде я (десять лѣтъ тому назадъ) издавалъ каждый мѣсяцъ по такой книжкѣ, а нынче и въ *три* не въ состояніи сколотить, не смотря на то, что въ ревности къ тому не только не охолодѣлъ, но еще пуще окрѣпъ; что готоваго запаса на 2 года, если бы пришлось издавать даже по прежнему (по 9-ти книжекъ въ годъ); что таже типографія и почти тѣже наборщики; что словомъ вся обстановка старая, *да ба!* Вчера покончилъ 2-ую книгу, и первымъ же дѣломъ, которое лежало у меня цѣлой мѣсяцъ на сердцѣ (отвѣтъ на ваше обязательное письмо)—отповѣдь на него вамъ сегодня. Надѣюсь вы сколько нибудь извините мою невольную неточность въ етомъ случаѣ. Сердечно благодарю васъ за присылку екземпляра изданного вами «Указателя источниковъ для изученія Малороссійскаго края»; давно въ немъ настояла нужда; давно слѣдовало бы за него взяться кому ни есть изъ малороссіянъ. На первой разъ вы сдѣлали ето прекрасно, сколько то позволяли вамъ ваши средства. Совершенствованіе какъ его, такъ и послѣдующихъ вашихъ и нашихъ работъ—въ будущемъ: много значитъ начало, особливо толковое, обдуманно и ревностно исполненное начало. Dimidium facti habet, qui bene coepit. Недостатковъ въ комъ нѣтъ? Дожидаться, пока ихъ не будетъ, можетъ привести, пожалуй, къ тому, что желаннаго нами и вовсе не будетъ, какъ ето и видимъ довольно таки частенько на требователяхъ совершеннаго. Что до листика въ вашемъ «Указателѣ», слѣдующаго за заглавіемъ непосредственно, то мнѣ остается только вамъ подяковаты щыро та пильно (?) за такую смачную цяцю. Мабуть, и наша денежка не щербата, або якъ кажуть то: «Нàте й мій глекъ на капусту, щобъ и я Настя була», може той, до которого те надпысаньня касаеться, сказаты, та й письля того замовчаты. Дяковаты, дяковаты, нызенько дяковаты! Съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда вашего въ Бѣлокаменную. Побачемось и де що побалакуемо. А до того жъ бувайте соби жывенькы, здоровенькы, та й не забувайте вашого щырого земляка О. Б.

8 іюня 1858 г.

Образцы старо-семинарской поэзіи.

Какъ извѣстно, въ нашихъ старыхъ духовныхъ школахъ въ большомъ ходу было обыкновеніе подносить начальствующимъ лицамъ поздравительныя стихотворенія на дни праздниковъ и на раз-

ные случаи въ ихъ жизни.—Предлагаемыя ниже стихотворенія составляли изящную тетрадку съ красивою виньеткою и изображеніями разныхъ миѳологическихъ божествъ. Протоіерей Ѳеодоръ Домонтовичъ, которому тетрадка была поднесена, начальствовалъ въ переяславской семинаріи въ званіи префекта съ 1786 года, ректоромъ же онъ былъ переименованъ въ 1802 году.—Одинъ изъ студентовъ—поэтовъ Леонтій Савичъ, перу котораго принадлежитъ большая часть прилагаемыхъ стихотвореній, по окончаніи курса семинаріи и затѣмъ кіевской академіи, проходилъ при переяславской семинаріи до 1817 г. должность учителя поэзіи и извѣстенъ какъ большой любитель поэзіи и какъ глубоко преданный своему предмету наставникъ.

П. Левицкій.

Его высокопреподобію, переясловскія семинаріи ректору, Богословіи учителю, и каѳедральнаго собора протоіерею, отцу Ѳеодору, милостивѣйшему благодѣтелю господину Домонтовичу. Въ знакъ чувствительнѣйшей благодарности, усердія и высокопочитанія за отеческія его милости, сіи стихотворенія приносятъ и посвящаютъ всепокорнѣйшіе слуги студенты богословіи 1802 года іюня 8 дня.

О д а.

Сойди о! муза съ мѣстъ Парнасскихъ
Отъ сферъ небесныхъ гдѣ живешъ
Оставь на мигъ утѣхи райски
Гдѣ нектаръ сладостей піешъ;
Сойди, чтобъ пѣть меня наставить
Чтобъ слабой разумъ мой направить,
Почтить, прославить, восхвалить
Щастливаго отца рожденье;
Когда небесъ благоволенье
Ему здѣсь указало жить.

—

Отверзлась дверь... неизмѣримость!
Всеобщаго паденья мать,
Мать Кронова непостижимость
Всѣхъ смертныхъ ярый, злобный тать,
Се вѣчность! длани простираетъ
Твой годъ какъ сына принимаетъ,
И прячется въ пучинахъ тьмы
Гдѣ цѣлы вѣки погрязаютъ
Быстро—орлиными крыльми.
Куда всѣ времена мелькаютъ

—

Но се! Господь ниспосылаетъ
Тебѣ знакъ милостей своихъ,
Се! новый годъ твой наступаетъ
Се! даръ для подвиговъ твоихъ
Се! Ангелъ тезоименитый
Твой ревностный стражъ знаменитый
Пришелъ тебѣ днесь возвѣстить
Отраду, щастье, славу нову,
Жизнь мирну, сладку, милость многу,
И въ новый годъ велитъ вступить.

—

За подвиги твои велики
За трудъ, за истощенье силъ
За милости ко всѣмъ толики
За потъ, кой ты до нынѣ лилъ,
Чтобъ щастье устроять врученнымъ,

Сію награду Богъ излилъ;
Да вяще ты ихъ умножаешъ
Да вяще щастье устраяешь
Тѣхъ, коихъ онъ тебѣ вручилъ.

—

О! годъ златый о! день блаженный
Тебя мы жаждали узрѣть
Тебя надеждой окрыленны
Давно готовы были срѣсть;
Да во твои часы священны
Въ твои минуты драгоцѣнны,
Врученные сему отцу,
Сыновней радостью взыграемъ
Въ восторгѣ духа въ выспрь взываемъ
О здравіи сего къ Творцу.

—

Но се! какъ Фебъ съ высотъ эфирныхъ
Чело лазурью кроя горъ
Нисходитъ къ намъ въ долины мирны
И гонитъ мраковъ прочъ соборъ
Такъ ты желанный! къ намъ приходишь
Въ восторгъ сердца и духъ приводишъ
Кой мы не могши внутрь сокрыть
Тебѣ нашъ милый покровитель,
Отецъ, наставникъ, попечитель!
Пришли сердечно изъявить.

—

О ты! въ покровъ чей прибѣгаютъ
Соборы музъ и сей Парнассъ
Чье имя всѣ въ немъ прославляютъ
Во дни, въ нощи, на всякой часъ,
Среди твоихъ благодѣяній
Средь всѣхъ отличій достояній,
Пріими достойнѣйшій вѣнецъ,
Во мѣсто лавровъ и трофеевъ
И въ мѣсто звучныхъ арфъ Орфеевъ,
Нелестны чувствія сердецъ.

—

Да будетъ жизнь твоя цвѣтуща,
Красна, какъ роза при водахъ
Какъ лилія средь травъ, растуща,
Прекрасна, какъ тюльпанъ въ садахъ,
А силы, бдѣньемъ изнуренны
Какъ юность орля обновленны,
Да будутъ вновъ до поздыхъ лѣтъ,
И здравіе твое священно
Да будетъ вѣчно совершенно
Пока ты прейдешъ въ горній свѣтъ.

—

О ты! Творецъ всея природы,
Творецъ міровъ, Господь временъ,
Кого чтятъ славятъ всѣ народы
Дая различныхъ тьмы именъ:
Услыши насъ тебя молящихъ
Отъ сердца и души просящихъ
И къ счастью къ пользѣ общей насъ,
Храни ревнителя къ успѣхамъ
Пока сведешь его къ утѣхамъ
Небесный населять Парнассъ.

Сочинилъ *Леонтій Савичъ.*

Акростихъ.

Послалъ Творецъ сей день желанный
Единъ день радости приспѣлъ
Рожденья ангелъ твой избранный
Ефирныхъ на крылахъ слетѣлъ,
Яснѣйшими лучами блещетъ,
Свѣтъ яркій онъ веселья мещетъ,
Ліетъ въ сердца отраду всѣхъ.
Ахъ! день пріятный, день утѣхъ,
Въ душахъ горитъ чистѣйша радость,
Смущенья гонитъ всюду прочь;
Какая въ чувства льется сладость!
Оставя насъ пасмурна ночь,
И се спѣшатъ сыны усердны,
Спѣшатъ, любовію возженны,

Единственно къ тебѣ, отецъ,
Младыхъ наставнику сердецъ,
И ты, зиждитель благоденства,
На верхъ ведешъ насъ въ щастья храмъ,
А паче вѣчнаго блаженства
Разженъ даешъ свѣтилникъ намъ,
I такъ въ сей день благословенный
Излити жаръ, въ душахъ возженный,
Раскрывъ сердца, къ тебѣ спѣшимъ
Единодушно и гласимъ:
Ко щастью нашему о! Боже
Творецъ! Θеодора храни:
Онъ есть всего для насъ дороже;
Распространяй его ты дни,
Услыши, Господи! въ сей часъ,
храни его, храни для насъ.

Сочинилъ *Данило Максимовичъ.*

Рондо.

Кто нища милуетъ, кто сиру пособляетъ,
Невинность страждущу въ бѣдахъ кто защищаетъ,
Не претикаяся въ законѣ кто течетъ,
Воономъ Богъ живетъ.
Кто истину хранитъ ненарушимо свято,
Услуги обществу приноситъ кто богато,
Въ примѣръ Христа себѣ во всѣхъ дѣлахъ беретъ,—
Во ономъ Богъ живетъ.
Чья жизнь — спасенію другихъ служить и слово
Горитъ желаніемъ и всякой часъ готово,
Кому отъ суеты земной препоны нѣтъ,—
Воономъ Богъ живетъ.
Но ты Отецъ! въ себѣ—въ себѣ все возмѣщаешъ
Другъ добродѣтеля, другихъ ты просвѣщаешъ:
Такъ неприлично ли нашъ духъ тебѣ поетъ
Что Богъ въ тебѣ живетъ.

Сочинилъ *Данило Максимовичъ.*

Рондо.

Тебѣ, о ректоръ нашъ! тебѣ, драгой наставникъ,
Достойну честь воздать спѣшимъ, наукъ участникъ.
Мы щасливы тобой—душа такъ всѣхъ гласитъ—
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ съ небеснаго эфира,
Среди утѣхъ земныхъ, при вертоградѣ мира,
Потоки счастья льетъ, и благодать даритъ
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ, наукамъ посвященно,
Въ трудахъ и подвигахъ всегда неутомленно,
Которое для насъ блаженство здѣсь творитъ—
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ, и ангелъ твой хранитель
Не уснетъ тя храняй, отъ бѣдъ нашъ покровитель,
Да благостью своей Богъ вѣкъ твой озаритъ
и міръ познаетъ, что Твое онъ сердце зритъ.

Сочинилъ *Василій Зеленскій.*

Кантъ.

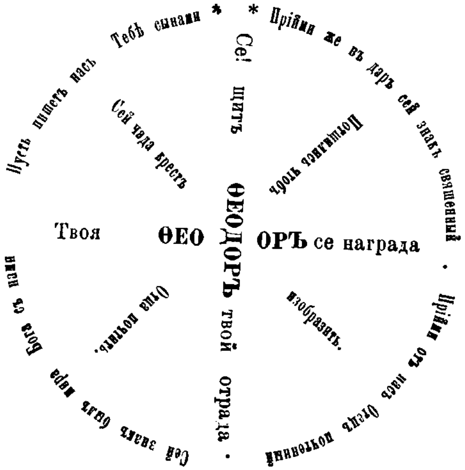
Взыграйте, Музы, пѣснь согласно,
Плещите въ радости своей,
Трубой гласите громогласно—
Се день! щастливѣйшій всѣхъ дней.
Се день! въ которой попечитель
Принялъ щитъ вѣры, крестъ Христа,
Въ кой геній, общій покровитель,
На прагѣ міра жизни сталъ.

Парнассъ воспой сей день прекрасной,
Вину блаженства твоего,
Бряцай на арфѣ стройно-гласной
Отца наставника сего.
И вы, о сироты, теките!
Вы, коимъ сущій онъ отецъ,
Предъ нимъ падите и гласите:
«Да сохранитъ тебя Творецъ».

Сочинилъ *Леонтій Савичъ*.

Applaudant manibus puris nunc sidera coeli
Terraque cum maribus condita magno Deo;
Nam Musae praeclaro die, dulcique fruuntur,
Nam fortuna illis dat bona multa sua.
Magnus Praeceptor novos ingreditur annos,
Qui nervos animi acuit—illuminat.
Ingreditur Rector, fert qui subsidia magna
Adversis rebus periculisque hominum
Et bona quis oculis videns haec non fateatur
Contentas Musas esse felices las?
Certe te magno Theodore! Rectore nostro
Contenti sumus, nam bonitate tua
Nos fruimur semper qui te salutamus,
Ut salvus tu sis incolumisque diu.

Exarauit *Sophronius Cochnovsky*.



Сочинилъ *Леонтій Савичъ*.

Для справокъ.

— **Съ Высочайшаго соизволенія открыта подписка для составленія капитала на учрежденіе при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ преміи и медали имени Николая Михайловича Пржевальскаго.**

Пожертвованія принимаются въ конторѣ нашего журнала или адресуются непосредственно:

С.-Петербургское Императорское Русское Географическое Общество.

Имена жертвователей будутъ опубликованы.

Библіографія.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора—Лѣтописца. Книга 3-я. Издана подъ редакціею Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1889 года.

Вслѣдъ за второй книгой «Чтеній» въ обществѣ Нестора—Лѣтописца, о которой мы сообщили недавно, появилась и третья, благодаря заботливости и неутомимой дѣятельности секретаря общества проф. Н. П. Дашкевича, ибо редакція книги лежала всецѣло на немъ одномъ. Подобно предъидущей книгѣ, настоящая заключаетъ въ себѣ два отдѣла: 1) свѣдѣній о засѣданіяхъ и личномъ составѣ историческаго общества въ 1888 году и 2) изслѣдованій; сверхъ того въ третьей книгѣ есть еще и приложеніе.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ служатъ непосредственнымъ продолженіемъ такихъ же свѣдѣній во второй книгѣ; они обнимаютъ полный годъ дѣятельности общества. Втеченіе истекшаго года было прочтено 20 сообщеній [1]) въ восьми засѣданіяхъ. Прочтенные рефераты касались разныхъ періодовъ исторіи и ея вспомогательныхъ наукъ, именно: къ *археологіи*, имѣвшей предметомъ не только бытъ населенія въ до-историческую эпоху, но и въ велико-княжескій періодъ, относились три реферата проф. В. Б. Антоновича, съ замѣчаніями къ одному изъ нихъ проф. В. З. Завитневича, и одинъ проф. Ѳ. И. Кнауэра. Проф. *В. Б. Антоновичъ* представилъ характеристику древлянскихъ могильниковъ по своимъ послѣднимъ раскопкамъ, которыя онъ произвелъ лѣтомъ 1887 года; кромѣ опредѣленія бытовыхъ чертъ древлянскаго населенія по добытымъ въ могилахъ предметамъ, расположеніе кургановъ позволило референту установить фактъ, что южная

---

[1]) Къ числу сообщеній должно отнести, что мы и дѣлаемъ, въ виду ихъ величины, возраженія и замѣчанія В. З. Завитневича на доклады А. И. Соболевскаго и В. Б. Антоновича.

граница древлянскихъ поселеній проходила по теченію рѣкъ: Ирпеня, Упавы, Каменки и Растовицы. Во второмъ чтеніи В. Б. Антоновичъ обратилъ вниманіе на состояніе вопроса о городищахъ въ русской археологіи и предложилъ программу ихъ изученія, по которой имъ и изслѣдовано въ томъ же 1887 году 24 городища; онъ дѣлитъ ихъ на двѣ группы: одну по р. Растовицѣ и другую по р. Тетереву и его притокамъ; городища первой группы онъ считаетъ черно-клобуцкими и берендичекими, а городища второй—древлянскими IX и X вв. дохристіанской эпохи. Въ третьемъ своемъ рефератѣ о городищахъ—майданахъ В. Б. Антоновичъ указалъ на малоизслѣдованность ихъ и отсутствіе достовѣрныхъ свѣдѣній о нихъ въ археологіи; изслѣдовавъ рядъ майдановъ по линіи Золотоноша—Кременчугъ на разстояніи 10 верстъ отъ Днѣпра, референтъ пришелъ было къ выводу, что это сторожевые пункты литовскаго періода; но его догадка рушилась при изученіи имъ майдановъ по р. Собу, перемѣшивающихся съ скиѳскими курганами.

По поводу майдановъ *В. З. Завитневичъ* въ своемъ возраженіи высказалъ мысль, принявъ во вниманіе связь ихъ съ могилами, что они могли быть священными мѣстами, въ родѣ, напр., коллективныхъ могилъ или мѣстъ для отправленія религіозныхъ обрядовъ, всенародныхъ пиршествъ и т. п. Проф. *Ѳ. И. Кнауэръ* сообщилъ, что раскопанные имъ пять кургановъ у села Сарата, аккерманскаго уѣзда, въ Бессарабіи онъ считаетъ принадлежащими гуннамъ.

Къ церковной археологіи относился рефератъ проф. *П. А. Лашкарева* объ остаткахъ церкви, сооруженной кн. Владиміромъ Мономахомъ въ Переяславлѣ.

Древнѣйшаго періода русской исторіи касались доклады проф. А. И. Соболевскаго и В. З. Завитневича о времени крещенія Руси и кіевлянъ. Разбирая вторую книгу «Чтеній», мы сообщили мнѣнія обоихъ ученыхъ и теперь не будемъ поэтому возвращаться къ нимъ. Этого же періода касался рефератъ проф. *И. И. Малышевскаго*, который подвергъ весьма основательному и подробному разсмотрѣнію извѣстіе ново-открытаго архим. Леонидомъ владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи княгини Ольги и нашелъ его мало вѣроятнымъ.

Изъ *средняго періода русской исторіи* проф. *В. С. Иконниковъ* обратилъ вниманіе общества: 1) на напечатанный въ «Рус. Архивѣ» документъ, изъ котораго можно заключить о существовавшемъ у Димитрія Самозванца планѣ начать войну съ Польшей, и 2) на новые

матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ, отмѣтивъ на ихъ основаніи новыя черты въ характерѣ и дѣятельности Никона.

Исторія русскаго права нашла себѣ выраженіе въ сообщеніяхъ: 1) проф. *В. С. Иконникова*, который открытымъ недавно документомъ доказалъ, что X-я глава «Наказа» вошла, послѣ закрытія екатерининской коммиссіи, въ дѣйствительную силу и пріостановила пристрастные допросы и пытки, 2) проф. *А. В. Романовича-Славатинскаго* о комитетѣ, учрежденномъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сент. 1826 года, и о первой исторіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, вышедшей въ Харьковѣ въ 1816 году и авторомъ которой былъ М. Грибовскій, докторъ обоихъ правъ, и 3) проф. *И. В. Лучицкаго* о сябринномъ землевладѣніи, имѣющемъ въ своей основѣ начало семейное; оно отличается и отъ общинной, и отъ подворной формы землевладѣнія.

По исторіи церкви сдѣланы доклады проф. *А. А. Дмитріевскимъ* объ открытомъ имъ документѣ, который доказываетъ, что настоящій типъ богослуженія въ страстную и пасхальную седмицы установился приблизительно въ началѣ IX или первой половинѣ X вѣка, и *М. И. Лилеевымъ* о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ; по мнѣнію референта, поселеніе московскихъ раскольниковъ относится къ концу шестидесятыхъ или началу семидесятыхъ годовъ XVII вѣка и стало усиливаться во время стрѣлецкихъ и раскольничьихъ движеній при Софьѣ Алексѣевнѣ и въ эпоху преобразованій Петра В., а въ XVII вѣкѣ, несмотря на удаленіе и запрещеніе, они продолжали увеличиваться въ числѣ.

Къ *бытовой исторіи* должно отнести рефератъ проф. *С. Т. Голубева*, въ которомъ онъ изобразилъ матеріальное положеніе профессоровъ кіевской духовной академіи въ XVIII в. и ихъ отношеніе къ ректору.

По *архивовѣдѣнію* проф. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ свѣдѣнія объ архивѣ государственнаго совѣта, указавъ на значеніе хранящагося въ немъ матеріала, и прочиталъ нѣкоторыя извлеченныя имъ оттуда письма графа Блудова.

Наконецъ, по *статистикѣ* мною сообщены цифровыя данныя о количествѣ еврейскаго населенія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. Изъ перечисленныхъ рефератовъ значительная часть напечатана была въ «Кіевской Старинѣ».

Въ *личномъ составѣ* произошла слѣдующая перемѣна: избрано 6 почетныхъ членовъ и 5 дѣйствительныхъ, выбыло за смертью два

члена. Къ началу 1889 г. общество состояло изъ 18 почетныхъ и 89 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ отдѣлѣ «Изслѣдованій» помѣщено таковыхъ два; оба высокаго достоинства и большой важности:

Проф. *Н. П. Дашкевича: Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.* Авторъ, принявъ во вниманіе, что до сихъ поръ историческое значеніе нашей былевой поэзіи признается не всѣми историками, произвелъ для выработки опредѣленной точки зрѣнія наблюденія надъ историческими народными пѣснями и пришелъ къ выводу, что онѣ имѣютъ несомнѣнно историческую основу; Н. П. Дашкевичъ подтверждаетъ свой выводъ анализомъ былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на св. Руси; онъ останавливается на этихъ былинахъ потому, что вопросъ о нихъ не былъ разсмотрѣнъ во всей полнотѣ, не были представлены вполнѣ отчетливо всѣ моменты развитія былинъ объ Алешѣ и кончинѣ богатырей. Авторъ подвергаетъ этотъ вопросъ новому и самому подробному пересмотру и находитъ разительное совпаденіе былины объ Алешѣ съ лѣтописными извѣстіями объ Александрѣ Поповичѣ и былины о кончинѣ богатырей съ лѣтописнымъ сказаніемъ 1223 г. о калкскомъ побоищѣ. Анализируя былины и лѣтописи, авторъ касается и общаго хода развитія нашего былеваго эпоса. По мнѣнію Н. П. Дашкевича, былевой эпосъ возникалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ, которое вызывали крупныя историческія событія, и слагался постепенно въ большой циклъ, въ который входили и мѣстные богатыри, и герои бродячихъ сказаній; былевой эпосъ сохранился на далекихъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ. Въ южной Руси общерусскій былевой эпосъ началъ вымирать въ половинѣ XVII вѣка, когда южнорусскому народу пришлось напрягать всѣ свои силы въ тяжелой борьбѣ за существованіе; къ старымъ врагамъ, татарамъ, заступившимъ мѣсто печенѣговъ и половцевъ, присоединились новые—турки. Подъ вліяніемъ усиленной борьбы съ тѣми и другими былины начали переходить въ думы; съ теченіемъ времени былины получили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ козацкій оттѣнокъ. При этомъ авторъ задается вопросомъ: «подпадалъ ли въ этомъ случаѣ богатырскій эпосъ вліянію козацкаго или, наоборотъ, самъ составлялъ переходъ къ этому послѣднему?» и думаетъ, что современныя былины, кажется, прониклись отчасти козацкимъ духомъ на Дону; въ южной Руси могло происходить такое же примѣненіе древняго эпоса и постепен-

ное замѣщеніе старыхъ героевъ его новыми; рядомъ съ остатками древняго творчества должно было имѣть мѣсто новое, но и въ немъ по временамъ слышались отголоски стараго эпоса княжескаго періода.

Второй замѣчательной работой въ отдѣлѣ изслѣдованій является монографія проф. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: *«Помѣстное право въ древнюю эпоху литовско-русскаго государства»*. Такъ какъ имущественныя права на землю въ литовско-русскомъ государствѣ въ древнюю эпоху представляютъ загадку, то являясь принадлежащими князю, безъ воли котораго частныя лица не могли распорядиться находившейся въ ихъ владѣніи землей, то принадлежащими частнымъ лицамъ, которыя могли свою землю продавать, дарить, завѣщать и т. п., то авторъ, имѣя въ виду важность разрѣшенія этихъ противорѣчій для исторіи права, посвящаетъ этому вопросу настоящій трудъ свой. Прежде всего онъ указываетъ на всѣ до сихъ поръ напечатанныя акты по землевладѣнію въ ихъ незначительномъ количествѣ и останавливается на анализѣ одного документа, заключающагося въ III-ей книгѣ Записей Литовской Метрики. Авторъ занялся изученіемъ настоящаго акта во 1-хъ за его типичность, во 2-хъ потому, что при изложеніи, онъ имѣетъ въ виду и нѣкоторые другіе источники, и въ 3-хъ потому, что, при большомъ разнообразіи формъ землевладѣнія, приблизиться къ ихъ полному изученію можно только такимъ детальнымъ изученіемъ отдѣльныхъ источниковъ; такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія думать, что выводы автора недостаточно обоснованы или преждевременны. А выводы эти слѣдующіе: а) условность и ограниченность правъ на имущества въ литовскомъ государствѣ отнюдь не есть результаты мнимаго литовскаго завоеванія; б) тѣ же свойства имущественныхъ правъ, и даже въ высшей степени, нужно предположить въ обще-русскомъ правѣ въ эпоху Русской Правды; в) условность и ограниченность правъ первоначально простирается не на одни жалованныя имущества въ точномъ смыслѣ, но и на всѣ прочіе виды ихъ; г) причина ограниченности имущественныхъ и другихъ правъ частныхъ лицъ лежитъ въ глубинѣ до-историческихъ явленій (зависимости лицъ отъ общества) и съ теченіемъ исторіи не возрастаетъ, а ослабляется; лицо постепенно завоевываетъ себѣ самостоятельность въ правѣ; д) процессъ возвышенія правъ частнаго лица начался съ древнѣйшихъ временъ и ни въ эпоху Русской Правды, ни въ литовскомъ государствѣ типъ помѣстнаго права или жалованныхъ вотчинъ отнюдь не есть единственный типъ вещныхъ

отношеній къ землѣ; е) путь возвышенія правъ частнаго лица есть путь естественнаго роста этихъ правъ и не зависитъ отъ политическихъ переворотовъ или имущественныхъ законодательныхъ мѣръ. Эти послѣднія могутъ лишь ускорить естественный ходъ процесса или задержать его; первое случилось въ литовскомъ государствѣ (для одного высшаго класса) вслѣдствіе сближенія съ Польшею; второе—въ московскомъ государствѣ. Нельзя, по нашему мнѣнію, не согласиться ни съ правильностью указанныхъ выводовъ, ни съ толкованіями авторомъ отдѣльныхъ мѣстъ избраннаго имъ документа.

Въ «Приложеніи» буквально «приложена» брошюра, вышедшая въ Кіевѣ еще въ 1881 году, подъ заглавіемъ: «Поминка по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ». Она состоитъ изъ некролога А. А. Котляревскаго, четырехъ поминальныхъ рѣчей и списка сочиненій покойнаго профессора. Списокъ является наиболѣе интересной и нужной частью брошюры; въ настоящее время онъ выходитъ безъ малѣйшихъ измѣненій, слѣдовательно пропусковъ въ немъ при первоначальномъ составленіи не оказалось.

Такова третья книга «Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца». По составленію отдѣла протоколовъ засѣданій она оказывается болѣе обстоятельной въ сравненіи съ предъидущей, а по важности статей въ отдѣлѣ изслѣдованій въ высокой степени цѣнной.

И. Каманинъ.

Лопатинъ Н. М. и Прокунинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть 1 и 1-й выпускъ второй части. Москва. 1889.

Настоящее изданіе д. б. любопытно для нашихъ читателей не только потому, что въ него попало до десятка пѣсенъ, усвоенныхъ малорусскимъ населеніемъ воронежской губ. (острогожскаго у.) и потому принявшихъ нѣсколько и малорусскую окраску въ языкѣ и напѣвѣ, о чемъ ниже, но и по тому новому пути, на который начинаетъ вступать русская этнографія. Пришло, повидимому, время подвергнуть извѣстной обработкѣ, тотъ значительный сырой матеріалъ, какой заключается въ многочисленныхъ сборникахъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому приходилось слѣдить за этими послѣдними и изучать ихъ, тотъ не могъ не прійти къ заключенію о крайнемъ однообразіи нашихъ сборниковъ пѣсенъ. Почти всѣ они въ значительной части своего содержанія повторяютъ другъ друга, такъ что

изслѣдователю невольно приходитъ въ голову мысль о совершенно напрасной огромной тратѣ силъ и времени, потребованныхъ этими сборниками, и о крайней важности въ этнографическомъ дѣлѣ во 1-хъ объединенія трудовъ отдѣльныхъ дѣятелей, а во 2-хъ болѣе основательнаго ознакомленія ихъ съ работами соратниковъ. Кромѣ того, почти всѣ сборники представляютъ изъ себя только, такъ сказать, первую ступень въ этнографіи, въ полномъ смыслѣ слова сырой матеріалъ, безъ всякой почти попытки къ обработкѣ его. Названное выше изданіе представляетъ собою первую попытку разобраться какъ нибудь въ огромномъ множествѣ собраннаго матеріала, дать ему извѣстное объясненіе, поставивши въ связь съ данными быта, распредѣлить по категоріямъ понятій, словомъ внести стройность и порядокъ въ хаосъ сыраго матеріала. Дѣло это, несомнѣнно, крайне трудное и требуетъ отъ посвятившаго себя ему дѣятеля, кромѣ необычайной тщательности въ изученіи, еще и самыхъ разностороннихъ познаній и способностей; кромѣ историческихъ и филологическихъ свѣдѣній, кромѣ основательнаго знакомства съ бытомъ населенія, ему необходимо еще обладать и значительными познаніями въ музыкальной теоріи, о которыхъ можно сказать, что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше для дѣла. Понятно, что сочетаніе такихъ разнообразныхъ свѣдѣній и способностей и вообще встрѣчается не часто, а у насъ на Руси и подавно. Вотъ почему нисколько неудивительно, что разсматриваемое нами изданіе ведется двумя лицами, изъ которыхъ одно (Прокунинъ)—присяжный музыкантъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ дѣлѣ объясненія и разработки народныхъ пѣсенъ, а еще болѣе въ дѣлѣ записыванія ихъ непосредственно изъ народныхъ устъ сотрудничество двухъ лицъ, этнографа и музыканта—является обстоятельствомъ въ высокой степени важнымъ, можно сказать, даже неоцѣнимымъ въ смыслѣ успѣха. Пишущему эти строки самому пришлось на опытѣ убѣдиться въ этомъ, во время его совмѣстной съ чешскимъ музыкантомъ Л. Кубою поѣздки для собиранія народныхъ пѣсенъ. Дѣло идетъ чрезвычайно успѣшно и быстро, такъ такъ каждый изъ сотрудниковъ, работая исключительно надъ своимъ дѣломъ: одинъ надъ записью словъ пѣсни, а другой надъ воспроизведеніемъ напѣва, имѣютъ полную возможность не развлекаться и потому наиточнѣйшимъ образомъ заносить на бумагу исполняемую народнымъ пѣвцомъ пѣсню. Кто знаетъ, съ какими почти неодолимыми затрудненіями приходится иногда встрѣчаться записывателю народныхъ пѣсенъ, тотъ вполнѣ согласится съ нашимъ мнѣніемъ.

Сборникъ Лопатина и Прокунина состоитъ изъ 5 отдѣловъ, одинаковыхъ въ обѣихъ частяхъ: художественно-бытовой и собственно музыкальной, связанныхъ также и тождественностью расположенія пѣсенъ и ихъ нумераціи. Отдѣлы эти (общелирическія (?), мужескія пѣсни, разбойничьи, женскія и пр.) раздѣлены на подъотдѣлы, въ которыхъ сведены и сравнены пѣсни, болѣе или менѣе однородныя по содержанію (Горы [1]), Поле, Кубань (Донъ и Уралъ) Степь, Дороженька, Ночи, Снѣги и пр.). Нѣкоторые подъотдѣлы, намъ кажется, можно было бы безъ ущерба для дѣла и съ очевидною выгодою въ смыслѣ уменьшенія излишней пестроты, соединить съ другими; такъ, напр., подъотдѣлъ VIII въ отдѣлѣ I «Поднялась погодка» (непогодка), состоящій всего изъ одной пѣсни (!), легко могъ бы быть соединенъ съ XIII «Подуй непогодка», состоящимъ всего изъ 3 пѣсенъ. Да и вообще подъотдѣлы, состоящіе всего изъ одной пѣсни (напр. XX «Жавороночекъ» (разбойничья), XIX «Не шуми мати», XVIII «Усы», и др.) слѣдовало бы или дополнить другими однородными пѣснями, или соединять съ другими подъотдѣлами; такъ, XIX и XX очень легко соединяются.

Обѣ части, и чисто этнографическая, и музыкальная, снабжены предисловіями, объясняющими тотъ способъ и характеръ работы, какой былъ принятъ составителями; первой части, кромѣ того, предпослано введеніе, довольно обширное (1—48 стр.), гдѣ сдѣлана недурная и въ общемъ вѣрная характеристика русской народной пѣсни, предложены нѣкоторые практическіе пріемы и указанія при записываніи пѣсенъ, сдѣланы правдивыя замѣчанія о причинахъ замѣны старыхъ народныхъ пѣсенъ новыми плодами заводской и солдатской цивилизаціи, разсмотрѣны всѣ предыдущіе печатные сборники пѣсенъ, начиная съ половины 18 вѣка.

Во введеніи этомъ отмѣтимъ слѣдующій довольно любопытный эпизодъ. Говоря о необыкновенной способности народныхъ пѣвцовъ быстро схватывать любой напѣвъ и развивать его контрапунктически, путемъ такъ называемыхъ подголосковъ, составитель приводитъ въ примѣръ случай, бывшій съ нимъ. 18 человѣкъ пѣсеннаго солдатскаго хора, частію малороссовъ, частію тамбовцевъ, послѣ перваго же исполненія на фортепьяно никогда ими дотолѣ неслыханной пѣсни «Эй ухнемъ», заявили, что они «пѣсню понимаютъ» и могутъ пѣть;

---

[1]) Между пѣснями этого подъотдѣла не можетъ не отмѣтить первую же пѣсню „Горы вы мои“ (adagio), съ чрезвычайно красивою хоровою разработкою.

заучивъ слова, хоръ спѣлъ пѣсню очень увѣренно и строго соблюдая ритмъ.

Для всѣхъ, занимающихся этнографіею, и для лицъ, вообще, интересующихся способами записи и разработки народной пѣсни, разсматриваемое нами изданіе можетъ быть очень пригодно, тѣмъ болѣе, что бытовыя и художественныя объясненія пѣсенъ сдѣланы въ общемъ толково и правдоподобно и могутъ для лицъ неопытныхъ послужить недурными указателями того, какъ дѣлать такія объясненія народной пѣсни. Въ частности же для читателей «Кіевской Старины» должны быть особенно любопытны, повторяемъ, тѣ пѣсни воронежскаго края, которыя могутъ служить прекраснымъ примѣромъ измѣненія великорусской народной пѣсни подъ довольно сильнымъ вліяніемъ малорусской народности. Вотъ, наприм., характерное окончаніе пѣсни № 14 «За рѣчкою за быстрою добрый молодецъ гулялъ, комишъ травочку ирвалъ»:

Не кажи же ты, мой конь, что убитой я лежу,
А кажи же ты, мой конь, что засватаный хожу.
Якъ засватала мене пуля быстрая, сабля острая,
А звинчала мене мать сырая земля.

Такихъ пѣсенъ записано издателями до десятка, и онѣ, вмѣстѣ съ тѣми малорусскими пѣснями, какія распространились у великоруссовъ [1]), могутъ послужить любопытнѣйшимъ матеріаломъ для опредѣленія степени и характера взаимнаго вліянія двухъ русскихъ племенъ.

Это вліяніе еще далеко не изучено и не изслѣдовано, несмотря на кажущуюся легкость этого дѣла и на близость района изслѣдованія, т. е. мѣстностей, гдѣ сталкиваются двѣ народности, каковы,

---

[1]) Мнѣ лично приходилось, напр., слышать въ орловской губ. извѣстную украинскую пѣсню „Ой не спыться, не лежыться, и сонъ мене не бере“ (см. напр. Сборникъ Гулака-Артемовскаго) въ слѣдующемъ видѣ:

Ой не спится, не лежится, и сонъ меня не беретъ,
Пошелъ бы я и къ дѣвчинѣ, такъ не знаю, гдѣ живетъ.
Попросилъ бы товарища, пущай меня отведетъ,
Такъ товарищъ красивѣе, онъ дѣвчину отобьетъ. и т. д.

Какъ видитъ читатель, здѣсь произошло только звуковое приспособленіе пѣсни къ своему нарѣчію (пишовъ бы я до дивчыны, такъ не знаю, де жыве. Попросывъ бы товарыша, нехай мене одведе, такъ товарышъ краще мене, винъ дивчыну одибъе). Напѣвъ былъ нѣсколько измѣненъ; ему былъ приданъ болѣе грустный и протяжный характеръ. Содержаніе пѣсни, сравнительно съ малорусскою, нѣсколько расширено.

напр., курская, воронежская губ. А между тѣмъ вопросъ о взаимодѣйствіи русскихъ племенъ представляетъ собою одинъ изъ основныхъ и любопытнѣйшихъ въ русской сравнительной этнографіи [1]).

А. Степовичъ.

Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Въ пользу свято-владимірскаго братства составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Кіевъ. 1889.

Два года тому назадъ въ г. Владимірѣ-Волынскомъ учреждено церковное православное св. владимірское братство, по примѣру братствъ въ другихъ городахъ сѣверо и юго-западной Россіи. Если братства другихъ городовъ по своимъ задачамъ и имѣютъ въ виду, кромѣ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ своихъ церквей и прихожанъ, распространеніе образованія среди населенія въ школахъ, то молодое владимірское братство дѣлаетъ шагъ впередъ, ставя въ число своихъ задачъ «ознакомленіе мѣстнаго населенія съ памятниками древняго православія» не только одними владимірскими, но и всей нашей юго-западной окраины. Для исполненія этой задачи, которая сама по себѣ должна будетъ принять очень широкіе размѣры, предполагается изданіе ряда небольшихъ очерковъ по исторіи и археологіи и прежде всего Волыни. Братство ставитъ, такимъ образомъ, своей цѣлью, между прочимъ, развитіе мѣстной науки; а что служеніе наукѣ будетъ достойно полнаго уваженія, въ этомъ убѣждаетъ насъ разбираемый первый выпускъ изъ предполагаемаго ряда ихъ [2]); онъ касается исторіи православныхъ церквей и составленъ съ полнымъ знаніемъ предмета: г. Дверницкій не только воспользовался лучшими и важнѣйшими существовавшими уже, работами, но произ-

---

[1]) Изъ статей, посвященныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ этому вопросу, отмѣтимъ особенно „Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности“ г. Т—ова (1882 г. кн. 11), гдѣ читатель съ удовольствіемъ встрѣчаетъ уваженіе автора къ истинно научнымъ пріемамъ, стремленіе примѣнять ихъ къ дѣлу и правильный взглядъ на недостаточность сравнительно историческихъ изслѣдованій взаимнаго вліянія разныхъ вѣтвей русскаго племени. Для этихъ изслѣдованій не пройдутъ безслѣдно и замѣтки самого г. Т—ова, гдѣ обстоятельно разсмотрѣнъ одинъ частный случай.

[2]) Въ іюльской книжкѣ нашего журнала было уже сообщено о полезной въ этомъ направленіи дѣятельности братства, благодаря иниціативѣ его предсѣдателя, автора настоящей книжки; тогда было указано на устройство археологическаго музея и библіотеки.

водилъ изслѣдованія и розысканія въ мѣстныхъ архивахъ (церковныхъ и духовн. правленія) и имѣлъ въ своемъ распоряженіи выписки изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіев. центральн. архива, сообщенныя ему членомъ кіев. археологич. коммиссіи О. И. Левицкимъ; слѣдовательно, авторъ имѣлъ возможность сообщить совершенно новыя историческія данныя о владимірскихъ церквахъ, и онъ ихъ дѣйствительно сообщаетъ не мало; эти данныя устанавливаютъ время сооруженія церкви, говорятъ о ея судьбѣ, характеризуютъ обычаи церковные своего времени [1]). Перечисленіе всѣхъ этихъ новыхъ данныхъ заняло бы у насъ слишкомъ много мѣста; можно даже, пожалуй, сказать, что здѣсь многое ново даже для тѣхъ, кто не затрудняется и интересуется чтеніемъ такого тяжеловѣснаго и обстоятельнаго изданія, съ актами на древне-русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, какъ «Архивъ юго-западной Россіи», издаваемый кіевской археографической коммиссіей, и все ново, все поучительно для обыкновеннаго читателя. Напр., едва ли кто думалъ, что въ такомъ маленькомъ городкѣ, каковъ нынѣшній Владиміръ Вол., въ теченіе X—XVII вв. было сооружено 20 православныхъ храмовъ; они разсуществовали, конечно, не всѣ одновременно: одни лежали въ развалинахъ, когда другіе воздвигались; но этотъ одинъ фактъ указываетъ уже на значеніе города, какъ очага православія на далекомъ западѣ Россіи. По времени же упоминанія въ историческихъ памятникахъ о томъ или другомъ храмѣ (но не по времени сооруженія его, которое не всегда можно опредѣлить съ точностью) они по вѣкамъ могутъ быть распредѣлены такъ: въ X—XI вв. упоминается о 3-хъ храмахъ, въ XII—о 2-хъ, въ XIII—о 5-ти, въ XIV—о 2 хъ, въ XV—объ 1-мъ, въ XVI—о 6-ти и въ XVII—объ 1-мъ [2]). Однѣ эти голыя цифры какъ бы говорятъ, что до татарскаго нашествія число храмовъ быстро возрастало; послѣ него возрастаніе сильно уменьшилось; наканунѣ уніи оно снова поднимается, а послѣ нея сооруженіе новыхъ храмовъ совершенно прекращено; ergo: для православія унія была губительнѣй татарщины. При шести храмахъ изъ 20-ти

[1]) Напр. особенно любопытны факты о безправномъ положеніи православнаго священника въ XVI вѣкѣ (стр. 36) и такомъ же положеніи церквей, при которомъ онѣ изъ общественной собственности переходили въ частную, подвергаясь продажѣ или передачѣ по завѣщанію отъ отца къ сыну (стр. 40—54).

[2]) Намъ кажется, что церковь XVII в. и часть упоминаемыхъ въ XVI в. надо отнести къ болѣе раннимъ вѣкамъ, тогда мы получимъ, что въ каждомъ столѣтіи сооружалось приблизительно три церкви, что могло соотвѣтствовать росту населенія въ городѣ въ періодъ отъ нашествія татаръ и до усиленія уніи.

существовали монастырскія общежитія. Итакъ, 6 монастырей и 14 церквей до уніи, а съ тѣхъ поръ и по сей день ни одной новой! Уніатами, правда, сооружены въ XVII в. два храма, изъ коихъ одинъ былъ совершенно закрытъ, а другой переданъ православнымъ. Тяжелое воспоминаніе о быломъ! Православное населеніе (3122 д.) удовлетворяется теперь соборною церковью, каковою служитъ каплица Іосафата Кунцевича, извѣстнаго гонителя православія, да древнею Васильевскою церковью. И только! Вотъ какую ужасную и горькую истину выразила высокоцѣнная книжка г. Дверницкаго! Мы увѣрены, что и послѣдующія книжки прольютъ столь же много свѣта на наше прошлое, и какъ настоящая. Какъ же не пожелать послѣ этого полнаго успѣха начинающему братству въ его благихъ намѣреніяхъ? Какъ же не пожелать, чтобы наше общество откликнулось на призывъ братства и помогло бы, если не создать новые храмы, то возобновить хотя важнѣйшіе древніе? Отъ всей души поэтому желаемъ автору продолжать начатое дѣло и начатое такъ удачно и съ такой доброй цѣлью, какъ польза братства. Подъ удачей мы разумѣемъ не только внутреннія достоинства книги, о которыхъ говорили выше, но и внѣшнія: прекрасное изложеніе, ясное и мѣстами живое и картинное, прекрасную печать, прекрасныя гравюры древнихъ храмовъ и проч. То и другое дѣлаетъ изданіе г. Дверницкаго весьма полезной, пріятной вещью, и мы тѣмъ болѣе желаемъ самаго широкаго распространенія ея, что небольшая сумма отъ продажи увеличитъ хотя сколько нибудь средства братства и послужитъ на благое дѣло, ради котораго г. Дверницкому пришлось безвозмездно и безвозвратно затратить съ своей стороны не мало труда и денежныхъ средствъ. Пожелаемъ также, чтобы подобныя настоящему изданія, посвященныя мѣстнымъ древностямъ, поскорѣе явились и въ другихъ волынскихъ городахъ: Луцкѣ, Острогѣ, Кременцѣ, Ковлѣ, Овручѣ и др., гдѣ также сохранилось не мало памятниковъ православно-русской старины.

И. Каманинъ.

Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ членъ совѣта, инспекторъ классовъ кіевскаго института М. М. Захарченко. Кіевъ. 1889. Стр. 163.

Книга эта отпечатана съ разрѣшенія совѣта института и принадлежитъ къ разряду т. наз. юбилейныхъ изданій. Всякому извѣстно,

что юбилейныя рѣчи, по свойственной людямъ слабости, обыкновенно не блещутъ безпристрастіемъ изложенія и трезвой оцѣнкой фактовъ и лицъ, но качества эти безспорно, совершенно необходимы для изданій, имѣющихъ притязаніе на занятіе мѣста въ священномъ храмѣ исторіи. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, «Исторія» г. Захарченка представляетъ, на нашъ взглядъ, крайне печальное явленіе.

Книга состоитъ изъ пяти главъ: возникновеніе института, первое его 50 лѣтіе, штаты института и ихъ исполненіе, личный составъ института, 50-лѣтній юбилей института. Собственное изложеніе г. Захарченка занимаетъ около 50 страницъ,—остальное мѣсто занято голыми списками, таблицами, юбилейными и др. рѣчами, телеграммами и т. п. Существенные факты, которые сообщаетъ нашъ авторъ, сводятся къ нижеслѣдующему: кіевскій генералъ-губернаторъ гр. Левашевъ, убѣдившись въ недостаточности женскаго образованія въ краѣ и въ необходимости обрусѣнія послѣдняго, испросилъ въ 1833 г. разрѣшеніе на открытіе въ Кіевѣ института благородныхъ дѣвицъ. Составленный въ слѣдующемъ году проектъ устава вручалъ управленіе этой закрытой школой высшимъ представителямъ мѣстной администраціи и дворянства, учебную часть попечителю округа, хозяйственную—члену совѣта, воспитательную—начальницѣ. Цѣлью заведенія, по проекту, было «внутреннее образованіе» дѣвицъ, «не оставляя безъ вниманія и наружнаго ихъ образованія»: такъ, преподаваніе исторіи было ограничено только фактами важнѣйшими или разительными въ нравственномъ отношеніи; географія должна была сообщать одни предметы важные, примѣчательные и любопытные; ариѳметику положено было преподавать болѣе практически; учителя физики и естественной исторіи должны были сообщать ученицамъ только самое любопытное и полезное въ общежитіи и домашнемъ быту, и т. д. Институтъ предположено было открыть на 120 воспитанницъ: 60 пансіонерокъ приказовъ общественнаго призрѣнія трехъ юго-западныхъ губерній и 60 своекоштныхъ дворянокъ тѣхъ же и смежныхъ губерній, съ платою по 800 р. ас. въ годъ. 5 ноября 1834 г. уставъ утвержденъ, а 22 августа 1838 г. институтъ былъ открытъ временно въ губернаторскомъ домѣ. Благодаря тѣснотѣ помѣщенія пріемъ учащихся былъ на первыхъ порахъ ограниченъ, но съ переходомъ института въ собственное зданіе въ 1843 г. и съ постепеннымъ открытіемъ классовъ число воспитанницъ постоянно возрастало и къ 1866 г. штатъ былъ разсчитанъ уже на 200 восп., а ко дню

юбилея въ институтѣ числилось 253 восп. Въ 1852 г. разрѣшено принимать въ заведеніе дочерей почетныхъ гражданъ и купцовъ 1 гильдіи. До начала шестидесятыхъ годовъ учители института получали крайне недостаточное содержаніе, обыкновенно 114—200 рублей въ годъ при 4—7 урокахъ. Въ составѣ преподавателей преобладали на первыхъ порахъ профессора университета, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ знаменитаго историка Костомарова. Въ 60-хъ годахъ институтъ былъ преобразованъ изъ трехкласснаго (съ двухлѣтнимъ курсомъ) въ семиклассный; для обезпеченія исправности платежа потребованъ въ теченіе всего курса денежный залогъ въ размѣрѣ полугодовой платы; прекращенъ пріемъ воспитанницъ на счетъ суммъ приказовъ общественнаго призрѣнія; плата за ученіе возвышена съ 230 на 280, а при урокахъ музыки—на 330 рублей; содержаніе учителей возвышено до 60 рублей за урокъ; управленіе институтомъ было преобразовано: во главѣ заведенія поставлена начальница, инспекторъ классовъ и управляющій хозяйственной частью. Какъ видно изъ Высочайшаго рескрипта, въ началѣ 70-хъ годовъ институтъ находился въ состояніи неудовлетворительномъ до такой степени, что, напр., въ 1872 г. число воспитанницъ упало до 158, тогда какъ въ 1866 г. ихъ было 219. Въ 1878 году разрѣшено принимать въ институтъ дѣвицъ всѣхъ неподатныхъ сословій и смягчены нѣсколько правила объ отпускахъ. Въ настоящее время комплектъ воспитанницъ доведенъ до нормы, далѣе которой идти нельзя безъ ущерба для воспитательной стороны дѣла: въ каждомъ классѣ числится до 40 восп. Плата за обученіе и содержаніе въ институтѣ постоянно возрастала: въ 1838 г. она равнялась 800 р. ас., съ 1842 г.—230 р., съ 1867—280 р., съ 1871 г.—300 р. и съ 1878 г.—350 р. сер. въ годъ безъ уроковъ музыки, за которые платилось особо около 50 руб. въ годъ.

Таковы основные и существенные для исторіи школы факты, которые возможно извлечь изъ изложенія нашего автора. Конечно, большинство ихъ не новость: они находятся въ брошюрѣ пок. Шульгина, изданной въ 1871 г. Но будь и эти скудныя данныя изложены въ правильномъ порядкѣ и естественномъ освѣщеніи—слѣдовало бы лишь поблагодарить г. Захарченка за поднятый имъ на себя трудъ. Къ сожалѣнію, «Исторія» нашего автора пестритъ особенностями крайне утомительными для безпристрастнаго читателя. Г. Захарченко не ограничивается перечисленіемъ внѣшнихъ фактовъ въ жизни заведенія: онъ стремится уяснить ихъ, гдѣ они представляются неожиданными, поставить ихъ въ связь съ движеніемъ общественной жизни

и мысли; не уклоняется онъ и отъ характеристики дѣйствующихъ лицъ. Задача весьма похвальная, и намъ остается лишь послушать рѣчи автора.

Если вѣрить изложенію г. Захарченка, вся 50-лѣтняя жизнь института протекла въ процвѣтаніи просто невѣроятномъ въ нашей юдоли плача и скорбей. Освѣщая факты, г. Захарченко такъ живописуетъ развитіе школы. Вслѣдъ за открытіемъ института къ нему «съ разу же» привлечены были «симпатіи и полное довѣріе всего мѣстнаго населенія: вслѣдствіе чего» уже въ 1839 г. пришлось принять среди курса пять воспитанницъ сверхъ комплекта (стр. 27. Соблюдаемъ пунктуацію автора). Послѣ перваго выпуска воспитанницъ въ 1844 г., «общество воочію убѣдилось въ превосходствѣ институтскаго образованія сравнительно съ воспитаніемъ въ частныхъ женскихъ заведеніяхъ» (32). Институтъ «скоро сталъ настолько славенъ», что считалось очень лестнымъ преподавать въ немъ. «Конечно, всѣ эти силы привлекались въ институтъ сознаніемъ пользы послѣдняго, его благоустройствомъ и высокими качествами лицъ, стоявшихъ во главѣ заведенія: потому что... служба въ институтѣ не представляла матеріальныхъ выгодъ: какъ это, напримѣръ, мы можемъ видѣть изъ распредѣленія уроковъ и вознагражденія за нихъ, при полуторачасовой ихъ продолжительности, первымъ преподавателямъ и учителямъ института, въ 1840 году, когда было еще только два коренныхъ класса» (37). Слѣдуетъ перечисленіе размѣровъ поурочной платы и затѣмъ: «такъ, благодаря дружнымъ усиліямъ всего служебнаго персонала кіевскаго института, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росла слава послѣдняго. Только въ 1849 году совершенно случайнымъ обстоятельствомъ была нѣсколько нарушена мирная жизнь заведенія:» случился, извольте видѣть, ураганъ, испортившій трубы, заборъ и оконныя рамы. «Со вступленіемъ въ 50-е годы въ институтѣ произошла затѣмъ полная перемѣна въ главныхъ его руководителяхъ. Но къ счастью заведенія новые члены совѣта оказались вполнѣ достойными своихъ предшественниковъ: такъ что общество не только не охладѣло къ кіевскому институту, но еще болѣе усилился приливъ желавшихъ помѣстить въ него своихъ дѣтей (38). Приходится ли ходатайствовать объ открытіи параллельнаго отдѣленія, учреждается ли частнымъ лицомъ стипендія—все это для нашего автора служитъ доказательствомъ «полнаго довѣрія» родителей или общества къ заведенію. И немудрено, въ самомъ дѣлѣ. «В. Я. Шульгинъ составилъ цѣлую эпоху въ жизни кіевскаго института...

Будучи самъ блестящимъ преподавателемъ и высоко держа знамя науки (?!), В. Я. Шульгинъ старался привлечь къ преподаванію въ институтъ всѣ лучшія педагогическія силы Кіева. Между ними встрѣчаемъ цѣлый рядъ славныхъ именъ»,—слѣдуетъ перечисленіе славныхъ именъ, изъ коихъ многія принадлежатъ и донынѣ благополучно процвѣтающимъ въ Кіевѣ лицамъ: это уже по меньшей мѣрѣ нескромно. (42).

Эпоха 60-хъ годовъ заслужила неодобреніе нашего автора. Это была трудная эпоха. Она была «ознаменована вообще нѣкоторою шаткостью учебно-воспитательнаго направленія и быстро чередовавшеюся ломкою въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній». Тѣмъ не менѣе, «благодаря опытности и усердію членовъ совѣта, при всѣхъ этихъ реформахъ столь трудной эпохи шестидесятыхъ годовъ, ознаменованной», какъ сказано, шаткостью и быстро чередовавшеюся ломкою, «институтъ, не отрицая основныхъ началъ прежней своей системы, съумѣлъ измѣнить у себя постепенно нѣкоторыя устарѣвшія частности, приглядываясь къ чужимъ опытамъ» (47). Въ этомъ запутанномъ и малограмотномъ экскурсѣ авторъ намъ перифразируетъ собственно слова Шульгина, очевидно не выразумѣвъ ихъ смысла. Въ чемъ вина злосчастной эпохи? Въ упрекъ ей ставится «происшедшая въ это время перемѣна экономическихъ условій, грустныя событія въ краѣ», возвышеніе платы до 280 рублей, требованіе залога, прекращеніе пріема пансіонерокъ приказовъ общ. призрѣнія и, наконецъ, даже открытіе женскихъ гимназій,— «все это, конечно, должно было неблагопріятно отразиться, какъ на самомъ составѣ (?) воспитанницъ, такъ равно и на ихъ количествѣ». Таковъ пассивъ этой эпохи, не особенно грозный, какъ видно. Если бы нашъ авторъ внимательно просмотрѣлъ свою книгу, то вспомнилъ бы при этомъ, что плата за обученіе въ институтѣ возростала постоянно, что колебанія въ числѣ воспитанницъ бывали постоянныя и особенно рѣзкія въ концѣ 50-хъ и началѣ 70-хъ годовъ (84, 85). Между тѣмъ именно въ 60-хъ годахъ улучшено распредѣленіе и порядокъ занятій въ институтѣ, преобразовано его прежнее анархическое управленіе, увеличена норма пріема, повышена плата учителямъ и, наконецъ, какъ безграмотно перифразируетъ г. Захарченко слова Шульгина, «вслѣдствіе всего этого въ результатѣ получилось то, что... мы уже видимъ въ институткахъ позднѣйшаго времени вмѣсто той сантиментальности и восторженности, которыя проглядывали въ нихъ прежде, столь свойственныхъ впрочемъ и вообще дѣвицамъ стараго

времени,—большую готовность и лучшую подготовку, когда то понадобится, потрудиться и для себя, и подчасъ для семьи своей. И все это достигнуто .. осмотрительнымъ чуткимъ прислушиваніемъ къ потребностямъ идущей впередъ жизни и дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ къ сближенію школы и семьи» (47). Отсюда выводъ: заимствовать чужія мысли нужно «осмотрительно—чутко», иначе выходитъ нехорошо.

Но послѣдуемъ за нашимъ авторомъ. «Переживъ счастливо всѣ реформы шестидесятыхъ годовъ, кіевскій институтъ вступилъ въ семидесятые годы», и разумѣется все пошло превосходно. Правда, число воспитанницъ въ 1872 году, при начальницѣ Шидловской, упало до 158, но виной тому, по остроумному объясненію нашего автора, была смѣна главныхъ руководителей и возвышеніе платы «до 300 рублей въ годъ, а съ музыкой до 350 рублей». Лишь случайно, изъ рескрипта начальницѣ А. А. Родзянко, узнаемъ, что заведеніе до 1872 года находилось въ состояніи не вполнѣ удовлетворительномъ, но въ чемъ состояли эти недостатки, авторъ не объясняетъ любопытному читателю. Только изъ перечня такъ наз. «преуспѣяній» позднѣйшаго времени возможны нѣкоторыя заключенія по этому немаловажному вопросу. «Въ 1883 году приказано сумму, расходовавшуюся на образцовую кухню, обратить на улучшеніе стола воспитанницъ, особенно на продовольствіе слабыхъ молокомъ» (sic. Стр. 51). Значитъ, продовольствіе было плоховато и образцовая кухня безполезна? Въ 1887 году замѣчено «его высокопревосходительствомъ господиномъ главноуправляющимъ статсъ-секретаремъ Иваномъ Николаевичемъ Дурново переутомленіе воспитанницъ, особенно въ выпускномъ классѣ, во время экзаменовъ, по причинѣ обширности программъ», почему программы сокращены и приказано при экзаменахъ «обращать вниманіе въ каждомъ изъ предметовъ только на существенное» (51). Значитъ, программы то были плоховаты и экзамены производились безтолково? «Въ 1871 году, съ устройствомъ въ городѣ водопровода, послѣдній былъ проведенъ и во всемъ зданіи института, что дало, конечно, возможность пользоваться большимъ количествомъ воды и лучше поддерживать чистоту въ заведеніи». Въ 1872 г. поднятъ потолокъ въ одномъ изъ дортуаровъ, а въ 1883 году только расширены дортуары. Въ 1884 передѣлана лѣтняя галлерея въ саду, «прежде неохотно посѣщавшаяся дѣтьми и служившая скорѣе складомъ для старой мебели, а нынѣ, послѣ исправленія, составляющая излюбленное мѣсто воспитанницъ во время лѣтнихъ ихъ занятій». Съ 1888 года «расширенъ дѣтскій

садъ, присоединеніемъ къ послѣднему бывшихъ садиковъ инспектора классовъ, эконома, старшаго служителя и другихъ» и тогда же устроенъ отдѣльный рисовальный классъ. Въ лазаретѣ не имѣлось до послѣдняго времени особаго отдѣленія для заразныхъ больныхъ. Оканныя рамы во всемъ главномъ зданіи пришли въ совершенную ветхость и только въ прошломъ году приступлено къ ремонту. Классы переполнены: «теперь въ среднихъ классахъ очень часто скопляется (sic) по 45 и болѣе воспитанницъ» (53). Наконецъ, до послѣдняго года воспитанницы во время богослуженія «стояли въ холодной части храма, которая была окружена до сихъ поръ пятью большими окнами и обогрѣваніе которой было невозможно» (53). Перечисливъ распоряженія, изъ коихъ мы случайно узнаемъ всѣ эти прискорбныя вещи, г. Захарченко беззаботно пишетъ въ заключеніе своего краснорѣчиваго очерка: «Такъ счастливо протекло первое пятидесятилѣтіе существованія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ»... Своею полувѣковою дѣятельностью кіевскій институтъ, такимъ образомъ (cur, quomodo, quibus auxiliis?), подобно другимъ такимъ же заведеніямъ, несомнѣнно, очень много *способствовалъ* смягченію нравовъ въ югозападной окраинѣ нашего отечества, далъ значительный контингентъ благовоспитанныхъ и образованныхъ учительницъ и воспитательницъ, и тѣмъ хотя отчасти *способствовалъ* вытѣсненію господствовавшихъ у насъ подчасъ невѣжественныхъ иностранокъ, и наконецъ, своимъ фактическимъ существованіемъ не мало *способствовалъ* сознанію необходимости для русской женщины серьезнаго образованія» (54). Темно, очень темно!

На стр. 65 и 66 нашъ авторъ производитъ разсчетъ общаго денежнаго оборота школы за истекшее 50-лѣтіе и приходитъ къ заключенію, что институтъ—благотворительное заведеніе, такъ какъ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи приплатило на каждую воспитанницу около 80 рублей въ годъ. Весьма возможно, что это справедливо, но изъ приведенныхъ г. Захарченкомъ цифръ этого рѣшительно не видно. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ, слагая суммы, сдѣлалъ ариѳметическую ошибку болѣе чѣмъ на $1^1/_4$ мил. рублей и потому понять его разсчетъ нѣтъ никакой возможности. Этого мало. Изъ книжки г. Захарченка видно, что институтъ былъ основанъ на средства московскаго опекунскаго совѣта, который по повелѣнію императора Николая долженъ былъ отпустить для этого 500 тыс. руб. сер. Изъ этихъ денегъ въ 1838 г. выдано институту 259 тыс. руб. Послѣднюю сумму г. Захарченко внесъ въ счетъ общаго оборота за-

веденія за 50 лѣтъ и затѣмъ сдѣлалъ свой выводъ о благотворительномъ характерѣ этой школы. Такимъ образомъ, и ариѳметика, и бухгалтерія нашего автора оказываются весьма шаткими и, такъ сказать, фантастическими.

Чтобы нѣсколько «способствовать» нашему историку къ исправленію его неистоваго стиля и грамматики, укажемъ, въ заключеніе, еще на нѣкоторые драгоцѣнные въ этомъ отношеніи перлы, въ ужасающемъ изобиліи разсыпанные на каждой страницѣ его повѣствованія. Вотъ образцы этого style perlé или, если хотите, flamboyant. Отдѣлъ характеристикъ: «Предшественница ея (Голубцовой), взявъ отъ родителей дитя ихъ, на немъ сосредоточивала все свое вниманіе и всю свою любовь. Голубцова, сама мать многочисленнаго семейства, мать, у которой билось сердце той матери, которая любитъ дѣтей именно потому, что она мать. Голубцова входила въ положеніе не одного ребенка, лишеннаго родной матери, но и матери, лишенной роднаго дитяти... И странно: воспитанная подъ вліяніемъ мистическаго настроенія послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра, эта довольно идеализированная воспитательница содѣйствовала, «побуждаемая материнскимъ сердцемъ, къ практически-полезнымъ результатамъ воспитанія» (40). Ад. Ал. Родзянко «показывала примѣръ рѣдкаго въ наше время уваженія къ казенной собственности» (48). «А Г. Петровъ, человѣкъ очень опытный въ веденіи педагогическаго дѣла и вполнѣ подходившій къ этой должности по своей благонадежности» (35). Отдѣлъ описаній: «Для каждаго класса было положено по двѣ дамы, которыя должны были дежурить посуточно и безотлучно, замѣняясь въ случаѣ необходимости пепиньерами» (14). «Учебный годъ положено было начинать въ институтѣ съ перваго августа и длить по первое іюля... День институтскій распредѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ: въ 6 часовъ утра положено было вставать воспитанницамъ, а въ 6 съ половиной собираться въ общую залу для молитвы, послѣ чего давался завтракъ; отъ 7 до 8 часовъ было свободное время отъ всякихъ умственныхъ занятій; отъ 8 до 9 часовъ было назначено время для приготовленія къ урокамъ, а отъ 9 до 12 ч. въ каждомъ классѣ было по два полуторачасовыхъ урока, отъ 12 до 1 ч. по полудни было время обѣда, послѣ чего слѣдующій часъ предназначался для отдохновенія; отъ 2 до 3 часовъ по полудни шло приготовленіе къ послѣобѣденнымъ урокамъ; а отъ 3 до шести часовъ п. п. во всѣхъ классахъ положено было по два также полуторачасовыхъ урока. Отъ 6 до 7 часовъ вечера было

время отдыха, въ продолженіе котораго раздавался воспитанницамъ полуденникъ... въ 9 часовъ вечера былъ ужинъ; послѣ ужина слѣдовала вечерняя молитва и получасовый отдыхъ, послѣ чего всѣ воспитанницы ложились спать» (15). «Вслѣдъ за симъ графъ Левашовъ сталъ искать подходящаго мѣста для института, и остановился на одномъ изъ отроговъ сѣверо-западной части печерской возвышенности» etc (16). Да не посѣтуетъ на насъ читатель за эти выдержки: мы твердо надѣемся, что онѣ, быть можетъ, «возспособствуютъ» къ искорененію въ россійской словесности того стиля, который еще Ломоносовъ именовалъ «подлымъ».

Въ книгѣ г. Захарченка приложены портреты нынѣ царствующихъ государя и государыни, имп. Николая I и Александра II съ ихъ супругами, портреты начальницъ института, нѣсколько фотографическихъ снимковъ институтскаго зданія и наконецъ планъ институтской усадьбы. Должно пожалѣть, что хорошо исполненные снимки украшаютъ столь неизящную и малограмотную «Исторію», которая сама по себѣ составляетъ крайне печальную страницу въ исторіи института.

Н. М.

Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріѣ и практики. Выдають: д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д-ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. Львѣвъ, 1 цвѣтня 1889.

Мало знакомые съ доходящими до насъ рѣдко и случайно галицкими изданіями вообще, русскіе читатели едва ли что нибудь знаютъ о трудахъ галицкихъ юристовъ. Если историку, этнографу, лингвисту при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной старины и народности, необходимо считаться съ жизнью Галицкой Руси и ея литературой, то русскіе юристы могутъ заниматься своимъ дѣломъ и не подозрѣвая о существованіи галицкой юридической литературы. И при томъ эта литература находится въ совершенно зачаточномъ состояніи. Вся она (если не считать сочиненій, изданныхъ галицкими писателями на иностранныхъ языкахъ) заключается въ небольшомъ числѣ книгъ, преимущественно популярныхъ, изъ которыхъ лучшею считается вышедшая года четыре тому назадъ книга: «Русскій правотарь домовый» В. Лукича и Ю. Семигиновскаго (Львовъ, 1885), о которой одинъ изъ галицкихъ юристовъ К. Левицкій, давая

отзывъ, выразился, что «се перший правотарь, якимъ не можутъ повеличатися инші народы словяньскі». Кромѣ этой книги, представляющей въ первомъ, до сихъ поръ вышедшемъ томѣ популярное изложеніе гражданскаго права, слѣдуетъ упомянуть сочиненія *Ин. Гальки*: «О правахъ въ громадѣ, повѣтѣ, краю и державѣ» (1875) и «О правахъ и повинностяхъ въ громадѣ» (1881), Стеф. *Тихого*: «О опѣкунахъ и кураторахъ» (1880) и «О пожичкахъ», *К. Левицкаго* — «Нашъ законъ громадскій, або які мы маемъ права и повинности въ громадѣ» (1889) и другія.

Никакихъ періодическихъ изданій, которыя были бы посвящены изученію права, до сихъ поръ въ Галиціи не было, и только съ апрѣля текущаго года началъ выходить во Львовѣ первый юридическій журналъ, названіе котораго мы выписали и первая книжка котораго вышла за четыре мѣсяца вмѣстѣ.

Прежде всего въ книгѣ этой напечатано краткое «*Слово вôдъ выдавцѣвъ*», въ которомъ издатели говорятъ о трудностяхъ предстоящаго имъ новаго дѣла по изданію перваго юридическаго журнала и, заявляя просьбу о доставленіи имъ статей теоретическихъ и практическихъ, выражаютъ желаніе, чтобы журналомъ ихъ живо интересовались юристы, гдѣ бы они ни были: въ Галичинѣ, въ Буковинѣ, Угорщинѣ, Украинѣ, или Босніи и Герцеговинѣ. Въ особенности же издатели обращаются къ юристамъ украинцамъ съ такимъ заявленіемъ: «Вôдкликуемъ ся головно до братôвъ правникôвъ на Украинѣ, котрыхъ вѣсти про тамошный устрôй правный були бы для насъ поучаючі, а се тымъ бôльше, що захôдно — европейска література правнича майже жодныхъ жерелъ не подае про розвитокъ и станъ правознавства въ далекôй державѣ россійскôй».

Не совсѣмъ понятнымъ кажется, почему галицкіе писатели ожидали, чтобъ западно-европейская литература познакомила ихъ съ нашими правовыми порядками и развитіемъ у насъ правовѣдѣнія, и почему они не обращались для этого къ русской литературѣ, если такое ознакомленіе было для нихъ желательно. Нельзя однако объяснять это однимъ отсутствіемъ вниманія къ русской литературѣ. Нельзя упускать изъ виду, что, если мы можемъ гораздо легче получить какую нибудь нѣмецкую или французскую книжку, трактующую о Галиціи, чѣмъ книжку того же самаго содержанія, изданную на родномъ языкѣ въ Галиціи, то въ такомъ же самомъ положеніи находились и галичане относительно книгъ, выходившихъ на русскомъ языкѣ въ Россіи. Съ какими затрудненіями не только галичанамъ, а

вообще обитателямъ австрійской имперіи, и въ томъ числѣ серьезнымъ ученымъ, приходилось бороться, чтобъ получить какую нибудь книгу, изданную въ Россіи, видно между прочимъ изъ писемъ Фр. Миклошича къ М. П. Погодину [1]). Вслѣдствіе этого, галиційскія библіотеки не могли какъ слѣдуетъ пополняться русскими изданіями.

Съ другой стороны, юристовъ—практиковъ двухъ мѣстностей раздѣляють различные законы, которые имъ приходится примѣнять и толковать. Понятно, что, какъ мы не пойдемъ ни къ нѣмцамъ, ни къ галичанамъ искать разрѣшенія разныхъ юридическихъ вопросовъ, касающихся примѣненія къ практикѣ нашего законодательства, такъ точно и галичане не могли за разрѣшеніемъ подобныхъ же вопросовъ о примѣненіи дѣйствующихъ у нихъ законовъ обращаться къ тѣмъ писателямъ, которые сами никогда этихъ законовъ не примѣняли.

Во всякомъ случаѣ, изъ какихъ бы причинъ это ни происте кало, но не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что какъ мы очень мало знаемъ о трудахъ галицкихъ юристовъ, такъ точно и послѣдніе совершенно незнакомы съ русской юридической литературой. Это видно какъ изъ приведеннаго заявленія издателей, такъ и изъ содержанія статей, помѣщенныхъ въ первой книгѣ «Часописи правничой». Разрѣшая въ этихъ статьяхъ разные теоретическіе и практическіе юридическіе вопросы, авторы сличаютъ постановленія римскаго права, древнее германское право, уставы: австрійскій, прусскій, саксонскій, ганноверскій, баварскій, ольденбургскій, венгерскій, французскій, итальянскій, но нигдѣ, ни въ одной строкѣ не упоминаютъ о русскомъ законодательствѣ. Равнымъ образомъ, ссылаясь на авторитеты разныхъ писателей, авторы приводятъ цѣлые десятки именъ иностранныхъ писателей, преимущественно нѣмецкихъ, но нигдѣ не упоминаютъ ни объ одномъ русскомъ писателѣ. Очевидно, что и русскіе законы, и русская юридическая литература для галицкихъ писателей —terra incognita. И издатели сами въ этомъ сознаются, заявляя юристамъ украинцамъ просьбу познакомить ихъ съ нашими правовыми порядками. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту просьбу.

---

[1]) См. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“ (Москва, 1880), стр. 458.

Свое вступительное слово издатели оканчиваютъ такимъ заявленіемъ относительно языка, котораго они будутъ придерживаться: «Въ кôнци заявляемъ симъ, що въ справѣ нашои терминологіи правничои будемъ зъ всею строгостію стеречи чистоты нашои рôдкои бесѣды рускои на основѣ нашихъ богатыхъ памятникôвъ літературныхъ якъ такожъ устнои простонароднои словестости. *Хочемъ писати живымъ рускимъ словомъ—кождому зразумѣлымъ*» (курсивъ въ подлинникѣ).

Однако не все, что помѣщено въ первой книгѣ журнала, наши читатели найдутъ написанымъ языкомъ «кождому зрозумѣлымъ», и пожалуй многіе читатели не поймутъ нѣкоторыхъ статей, если не запасутся предварительно словарями латинскимъ и нѣмецкимъ. Не говоря о томъ, что почти всѣ страницы журнала испещрены пространными выписками на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ и законодательныхъ кодексовъ, сами издатели журнала въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 1-й книгѣ, несмотря на обѣщаніе «стеречи чистоты рôдкои бесѣды рускои», безпрестанно пересыпаютъ свою «рускую» рѣчь такими терминами, какъ слѣдующіе: делятъ, диферентъ, авскультантъ, екстрема, опінія, инвазія, дискусія, интенція, интервенція, санація, каденція, консеквенція, екстрикація и проч. и проч.

Конечно, выполнить обѣщаніе, о которомъ упомянуто выше, не такъ легко, какъ дать его. Начиная издавать на мѣстномъ нарѣчіи первый юридическій журналъ, при зачаточномъ состояніи юридической литературы, издателямъ приходится во многихъ случаяхъ впервые устанавливать юридическую терминологію и вырабатывать юридическій языкъ, а это—задача трудная. И можетъ быть, еслибъ юристы украинцы исполнили ту просьбу, съ которою къ нимъ обращаются издатели, то своимъ сотрудничествомъ въ журналѣ они могли бы принесть значительную долю пользы, содѣйствуя галицкимъ писателямъ въ дѣлѣ выработки правильнаго юридическаго языка. По крайней мѣрѣ, можно бы было надѣяться, что юристы украинцы въ изложеніи своихъ мыслей обошлись бы безъ «опіній», «екстрикацій» и т. п. нескладныхъ терминовъ, безъ всякой надобности вводимыхъ изъ иностранныхъ языковъ.

Что касается затѣмъ до содержанія статей, помѣщенныхъ въ первой книгѣ «Часописи Правничой», то только одна изъ нихъ имѣетъ мѣстный интересъ, именно—*«Галицке судовництво и справа его реформы въ законодавчихъ тѣлахъ»* А. Горбачевскаго. Въ ней

идетъ рѣчь о неудовлетворительномъ состояніи судебной части—въ Галиціи, выясняются причины такого состоянія и указывается на необходимость реформы, которая и была уже предметомъ обсужденія въ мѣстныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ 1-ой книгѣ, статья Ол. Огоновскаго разсматриваетъ интересный вопросъ о значеніи заблужденія или ошибки при заключеніи договоровъ; статья К. Левицкаго трактуетъ о значеніи присяги; статья Е. Олесницкаго посвящена исторической школѣ въ политической экономіи (по поводу 50 лѣтняго юбилея В. Рошера). Кромѣ того, въ первой книгѣ имѣются воспоминанія о Фр. Гольцендорфѣ, практическія замѣтки, выписки изъ судебныхъ рѣшеній и краткій отдѣлъ библіографіи.

Не считаемъ нужнымъ вдаваться въ бóльшія подробности относительно содержанія упомянутыхъ статей, какъ посвященныхъ предметамъ, изслѣдованіе которыхъ не входитъ въ кругъ задачъ «Кіевской Старины».

Н. Шугуровъ.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 193—221. 194. Корреспонденція изъ Ровно, волынской губ., о праздновании 50-лѣтія ровенскаго реальнаго училища.

195. Библіографическая замѣтка о книгѣ И. П. Матченка св. равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.

196. Извѣстіе о появившейся въ слоб. Ямной богодух. у. новой сектѣ.

197. Извѣстіе о найденномъ въ кіевской губерніи бронзовомъ старинномъ кувшинѣ.

204. Замокъ кн. Симеона Олельковича. Докладъ В. И. Гошкевича въ церковно-археологич. общ. объ осмотрѣнномъ имъ городищѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра, немного выше с. Вигуровщины. На мѣстѣ городища стоялъ, по мнѣнію референта, замокъ Симеона Олельковича, выстроенный въ свою очередь на мѣстѣ болѣе древняго поселенія.

— Находка свайныхъ построекъ. О найденныхъ доцентомъ кіевской духовн. академіи Завитневичемъ на Князь или Жидъ озерѣ минской губ. мозырскаго уѣзда свайныхъ постройкахъ.

208. Некрологъ А. П. Вальтера, бывшаго профессора университета св. Владиміра.

215. Годичный актъ въ коллегіи Павла Галагана.

— Засѣданіе историческаго общества. Отчетъ о докладѣ проф. В. Б. Антоновича объ археологическихъ изысканіяхъ на берегахъ р. Тетерева.

217. Интересная находка. Извѣстіе объ открытіи во дворѣ дома Посудзѣвскаго на Софійской ул. вертикальной трубы изъ кирпичныхъ плитъ стариннаго типа.

— Извѣстіе о поступленіи въ одесск. общ. ист. и древностей плана г. Каменецъ-Подольска 1672 г.

219. 25-лѣтіе кіевскаго свято-владимірскаго братства.

— Замѣтка о свв. кн. Ѳеодорѣ Острожскомъ и княжнѣ Іуліаніи Гольшанской.

220. Отчетъ о торжественномъ собраніи членовъ свято-владимірскаго братства.

— Замѣтка о найденныхъ на Александровской площади въ Кіевѣ остатковъ старинныхъ водопроводныхъ сооруженій.

221. Замѣтка о раскопкахъ въ усадьбѣ Посудзѣвскаго (см. № 217).

Кіевское Слово 762—793. 765. Замѣтка о 150-лѣтіи взятія Хотина

— Забытыя древности. Замѣтка о печальномъ состояніи развалинъ Свято-Васильевскаго златоверхаго храма въ г. Овручѣ волынск. г.

770. Развалины замка кіевск. князя Симеона Олельковича. Замѣтка.

772. Изъ историч. журналовъ. Выдержки изъ воспоминаній акад. Трутовскаго (Кіевская Старина 1889 г., кн. 9).

773. Археологическое открытіе. О развалинахъ замка Симеона Олельковича.

783. Отчетъ о засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 1 октября.

786. Разныя суевѣрія угроруссовъ.

787. Интересная раскопка. О раскопкѣ во дворѣ дома Посудзѣвской на Софійской ул. въ Кіевѣ.

— Извѣстіе о находкѣ въ г. Острѣ въ усадьбѣ мѣстнаго казначея серебряныхъ монетъ XVII в.

791. Корреспонденція съ Полѣсья (волынск. г. ровенск. у.) заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя этнографическія данныя.

793. Замѣтка объ имѣющемъ быть открытымъ въ Харьковѣ художественно-промышленномъ музеѣ.

— Актъ 1-й кіевской гимназіи.

— Современная кургаиоманія. Изложеніе статьи И. А. Линниченка подъ тѣмъ же заглавіемъ напечатанной въ Газетѣ Гатцука.

— Корреспонденція изъ Винницы о суевѣрныхъ обрядахъ, употребляемыхъ крестьянами для избѣжанія воинской повинности.

Волынь №№ 160—176. 160. Въ статьѣ: «Изъ писемъ народнаго учителя» изображается состояніе школъ и положеніе учителей на Волыни.

170. Корреспонденція изъ Кіева о выставкѣ-базарѣ, о народныхъ чтеніяхъ проф. Н. А. Хржонщевскаго, о предполагавшихся новыхъ кіевскихъ изданіяхъ: «Кіевскомъ Листкѣ Объявленій» г. Жуковскаго, «Юго-Западномъ Вѣстникѣ» г-жи Китченко и «Искусство и театръ»; два первыя не разрѣшены, судьба третьяго пока не извѣстна и сомнительна.

— Выдержки изъ сочиненія прот. А. Ѳ. Хойнацкаго: «Исторія православной церкви и древняго православія на Волыни»: 1) препод. Ѳеодоръ, кн. Острожскій, въ монашествѣ Ѳеодосій и 2) св. Іуліанія дѣва изъ Домбровицы, княжна Ольшанская (окончаніе въ №№ 171 172 (отъ 5 октября).

172. Передовая статья по поводу перенесенія въ Житоміръ частицъ мощей кн. Ѳеодора Острожскаго и кн. Іуліаніи Ольшанской.

— Описаніе торжества перенесенія мощей.

174. Слово, сказанное въ житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ свящ. Михаиломъ Щегловымъ 8-го октября по случаю торжества перенесенія мощей этихъ святыхъ.

Волынскія Губенскія Вѣдомости №№ 40—73. 67, 70, 71. Остатки волынской старины. Историческо-археологическія замѣтки. Братчикова.

73. Къ житомирской хроникѣ. Братчикова. Свѣдѣнія о мощахъ преп. Ѳеодора Острожскаго и преп. Іуліаніи и о перенесеніи частицъ ихъ въ г. Житоміръ.

Волынскія Епарх. Вѣдомости №№ 27—28. 27—28. Историко-статистическое описаніе церкей и приходовъ волынской епархіи.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 38—40. 38. Борьба мѣстной епархіальной власти съ языческимъ чествованіемъ древней богини Цереры.

39. Корреспонденція изъ Тульчина о празднованіи 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ и объ актѣ въ мѣстномъ женскомъ духовномъ училищѣ.

39—40. Изъ записной книжки преподавателя духовной семинаріи. О штундѣ.

40. Празднованіе 25-лѣтія подольскаго училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства.

Одесскій Листокъ 1889 г. №№ 137—272. 229. Для чего Богъ посылаетъ громъ (народное повѣрье), *Д. Ѳедоровъ.*

№ 241. 150-лѣтіе со дня взятія Хотина. *Е. Василевскаго.*

№ 244. О каменныхъ бабахъ. *Д. Эварницкаго.*

№ 245. Юбилейный: столѣтіе взятія Хаджибея.

Одесскій Вѣстникъ №№ 246—272. 246. Празднованіе 100-лѣтія завоеванія Хаджибея.

— Извѣстіе изъ «Новостей» о подаркѣ художникомъ Х. Гусиковымъ 70 портретовъ Т. Г. Шевченка въ пользу племянницы послѣдняго, И. Ковтуновой.

— Перепечатка изъ «Кіевскаго Слова» о слѣпыхъ племянницахъ Т. Г. Шевченка.

247—271. Бессарабская сельско-хозяйственная и промышленная выставка.

248. Краткое извѣстіе о спектакляхъ въ г. Елисаветградѣ малороссійской труппы Скорбинскаго.

249. О состояніи медицины въ одесскомъ уѣздѣ. Статья написана по поводу вышедшаго въ свѣтъ «Медицинскаго и санитарнаго отчета по одесскому уѣзду за 1888 г.».

252. Краткія біографическія свѣдѣнія о литераторѣ Н. Г. Вучетичѣ.

272. Къ исторіи женскихъ гимназій въ г. Николаевѣ.

Новороссійскій Телеграфъ № 4523. Статья: Резеши и резешское землевладѣніе.

4536. Фельетонъ: Къ столѣтнему юбилею Одессы со дня завоеванія крѣпости Хаджибея.

4534—35. Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея.

4549—4550. Херсонское дворянство и херсонская губернія въ 1862 г.

Елисаветградскій Вѣстникъ. №№ 181—219. 182. Присказка до нюхарей. (Перепечат. изъ Екат. Губ. Вѣд.).

186. Историческій очеркъ г. Балты. (Перепеч. изъ Под. Епарх. Вѣд.).

189. Коротенькое извѣстіе о новой пiесѣ М. Старицкаго «Богданъ Хмельницкій» (еще въ рукописи).

190. Маленькая замѣтка о новой малорусской труппѣ, давшей 27 авг. въ Елисаветградѣ первое представленіе; шла піеса «Сватання на Гончаривци».

194. Замѣтка по поводу представленія въ г. Елисаветградѣ малорусской драмы «Невольникъ» новой труппой подъ управленіемъ г. Скорбинскаго.

214. Разборъ 4-го тома Матеріаловъ для оцѣнки земель херс. г., заключающаго въ себѣ статистико-экономическое описаніе тираспольскаго уѣзда.

215. О драматическомъ представленіи въ Елисаветградѣ малорусской труппы (драма Карпенка-Караго «Наймычка»).

217. То же о драмѣ Карпенка-Караго «Розумный та дурень».

218. То же о драмѣ Карпенка-Караго «Безталанна».

— Тутъ же напечатано малорусское стихотвореніе, сочиненное въ Полтавѣ въ честь М. К. Заньковецкой.

219. То же о комедіи Карпенка-Караго «Мартынъ Боруль».

Крымъ №№ 113—120. 118 Разборъ книги А. В. Абрамова: «Вниманію интеллигентныхъ провинціаловъ». (Изъ обществ. жизни г. Харькова).

Кубанскія областныя Вѣдомости № 41. 40. Празднованіе 100-лѣтней годовщины пораженія Баталъ-паши русскими войсками. В. Галкина.

Курскій Листокъ № 117—109. Прошлое Одессы.

113, 116, 117. Курскіе кустари. I. Производство скатертей. II. Кожевенное и сапожное производство.

Минскій Листокъ №№ 73—78. 78. Изложеніе содержанія изслѣдованія проф. С. А. Бершадскаго: «Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады вел. княж. литовскаго»; сочиненіе это было помѣщено въ «Кіев• Старинѣ».

Варшавскій Дневникъ №№ 205—226. 205. Статья о положеніи греко-уніатскаго духовенства въ Галиціи.

Корреспонденція изъ Лѣсны о состояніи православной лѣсненской женской обители.

209. 210. Историч. замѣтка по поводу столѣтія г. Одессы.

222. Извѣстіе объ открытіи развалинъ замка князя Симеона Олельковича, правившаго Кіевомъ во второй половинѣ XV вѣка.

223. Отчетъ о защитѣ врачемъ В. В. Святловскимъ диссертаціи на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: «Фабричный рабочій»; сочиненіе это имѣетъ предметомъ изслѣдованія санитарное состояніе фабричныхъ рабочихъ въ Малороссіи и Привислинскомъ краѣ.

Червоная Русь 194—215 193, 194, 201, 202. Домашній промыслъ въ Галичинѣ. Гонтарство. Боднарство.

199. Замѣтка о № 8 «Наука».

201. Народныя школы въ Галичинѣ.

— Замѣтки о № 18 «Страхопуда» и № 18 «Новаго Галичанина».

212. Замѣтка о раскопкахъ проф. Шараневича на мѣстѣ древняго Галича.

215. Середніи школы въ Галичинѣ.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

Бентовскій И. В. Гребенцы. Историческое изслѣдованіе. Изданіе 2-е. 8 д. 39 стр.

Werygo. Dumki białoruskie ze wsi Głębokiego w powiecie lidzkim, gub• wileńskiej. Odb. ze Zb. wiad. antrop. kraj. t. XIII. Kr. 1889. 20 str. 8 d.

Гульдманъ В. К. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія. Изданіе подольскаго губернскаго статистическаго комитета.

Каменецъ-Подольскъ. 8 доля 414 + 63 + 1 + 26 + 2 + IV страницъ и IX табл.

Доброво М. Изъ малорусскаго быта. Разсказы. Кіевъ. 8 д. 158 стр.

Иванова Е. Путевыя воспоминанія о Крымѣ. Москва. 8 д. 41+1 стр.

Музыкантовъ П. И. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. Кіевъ. 8 д. 58 стр.

Панченко М. Бури у сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря. Одесса. 8 д. 28 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1889 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

усталыхъ членовъ и для омовенія въ банѣ. Предводители козацкіе, исполненные удивленія, по скромности долго отказывались отъ подарка, но должны были уступить настойчивымъ просьбамъ господаря и молдавскихъ вельможъ. Они поблагодарили за такую щедрость, встали съ мѣстъ и объявили, что въ присутствіи господаря они не осмѣлятся сѣсть. Ивонія пригласилъ ихъ на правое крыло лагеря, гдѣ назначена была стоянка козакамъ; туда онъ послалъ шесть большихъ амфоръ прекраснаго вина и 600 талеровъ, прося козаковъ выпить за его здоровье. Въ сосудахъ этихъ обыкновенно сберегается вода для солдатъ, которые, во время похода черезъ безводныя степи, сильно страдаютъ отъ жажды. Затѣмъ господарь прикомандировалъ къ козакамъ отрядъ фуражировъ, которые должны были заботиться о продовольствіи людей и лошадей. На разсвѣтѣ Ивонія самъ посѣтилъ козацкихъ предводителей и пригласилъ ихъ въ свою палатку для совѣщанія совмѣстно съ молдавскимъ совѣтомъ о важномъ дѣлѣ. Когда козаки явились, Ивонія сказалъ имъ слѣдующую рѣчь на польскомъ языкѣ: „Храбрые рыцари! я бы не рѣшился вызывать васъ изъ вашего отдаленнаго отечества для помощи въ столь трудномъ и опасномъ дѣлѣ, еслибы я не былъ увѣренъ въ вашемъ мужествѣ и стойкости; но убѣдившись въ этомъ непреклонно, я пригласилъ васъ для того, чтобы вы оказали мнѣ содѣйствіе военными трудами и вашею опытностью въ предстоящей войнѣ съ моимъ жестокимъ врагомъ, султаномъ Селимомъ. Назначая вамъ жалованье, я опасаюсь лишь того, чтобы вознагражденіе не оказалось ниже заслугъ вашихъ; во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ войны съ грознымъ врагомъ, я вамъ доставлю въ изобиліи денегъ, провіанта и корма для лошадей. Я увѣренъ, что, сохраняя вашу прежнюю доблесть, вы въ предстоящей войнѣ будете дѣйствовать соотвѣтственно заслуженной вами повсемѣстно репутаціи, которой я всецѣло довѣрился. Искренно благодарю васъ за то, что вы, христіанскіе воины, прибыли ко мнѣ, христіанскому владѣтелю; я всегда буду съ благодарностью вспоминать вашъ поступокъ. Хотя число вашего войска слишкомъ незначительно въ виду предстоящей опасности, тѣмъ не менѣе приходъ вашъ обнадежилъ меня болѣе,

чѣмъ присылка любаго вспомагательнаго отряда въ 20,000 человѣкъ. Я охотно обязываюсь уплачивать вамъ жалованье, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы сами потребуете. Я не желалъ бы изображать вамъ турецкія силы непобѣдимыми, но я долженъ признать, что понынѣ судьба имъ постоянно благопріятствовала; происхожденіе турокъ ничтожно и презрѣнно, а между тѣмъ они снискали такое могущество, что неимовѣрный ростъ его слѣдуетъ приписать скорѣе ихъ коварству и преступленіямъ, чѣмъ ихъ доблести. Я полагаю, что Господь тѣмъ долѣе терпитъ безнаказанно ихъ злодѣянія, чѣмъ тяжелѣе ихъ преступленія и чѣмъ строже уготовленное имъ возмездіе; если понынѣ турки пользовались постояннымъ успѣхомъ, то это было слѣдствіе воли Господней, дозволившей имъ возвыситься для того, чтобы паденіе ихъ было тяжелѣе. Не стану далѣе распространяться. Расположеніе мое къ вамъ вы достаточно чувствуете и сознаете; какую участь ни готовила бы намъ судьба, я ее охотно раздѣлю съ вами".

Свѣрчовскій отвѣчалъ отъ имени своихъ товарищей краткою, но энергичною, какъ подобало воину, рѣчью: „Не жалованье твое, Ивонія, привлекло насъ сюда, ибо о немъ мы менѣе всего думаемъ, но рыцарскій порывъ къ борьбѣ съ жестокимъ и тягостнымъ врагомъ христіанства. Мы не настаиваемъ на количествѣ платы, пусть прежде исходъ войны рѣшитъ нашу участь. Лучшая для насъ награда будетъ состоять въ томъ, если мы успѣемъ вытѣснить врага изъ твоей страны и принудить его къ заключенію мира на справедливыхъ условіяхъ. Сопровождая насъ, ты раздѣлишь нашу участь. Мы не страшимся турецкаго могущества, надежду на успѣхъ возлагаемъ на волю Провидѣнія и смѣло выступимъ противъ врага, чтобы отразить его нападеніе на твои владѣнія". Ободренный рѣчью Свѣрчовскаго, Ивонія пригласилъ къ себѣ на обѣдъ козацкихъ начальниковъ, на другомъ же столѣ логофетъ Іеремія, начальникъ молдавской конницы, угощалъ молдавскихъ сенаторовъ. Встрѣча эта происходила марта 20 числа.

Селимъ, услышавъ отвѣтъ Ивоніи, воспламенился гнѣвомъ, который старался еще болѣе усилить его посолъ (обиженный тѣмъ,

что не получилъ обычнаго подарка). Султанъ немедленно отправилъ въ Валахію 30,000 турокъ и 2000 венгерцевъ и приказалъ волошскому господарю [1]) присоединить къ этому войску свои силы, схватить Ивонію и доставить его въ Константинополь, молдавское же господарство предоставить своему брату. Господарь немедленно поднялъ всѣ свои силы и, соединившись съ турками и венграми, переправился черезъ рѣку Молдаву. У него была армія численностью почти въ 200,000, которая не только была достаточна для того, чтобы изгнать Ивонію изъ Молдавіи, но могла побѣдоносно сразиться съ силами могущественнѣйшаго монарха. Армія эта, утомленная форсированнымъ маршемъ впродолженіе сутокъ, не ожидая нападенія со стороны Ивоніи, безпечно расположилась на берегахъ рѣки и выгнала лошадей на окружающіе лагерь луга. Между тѣмъ разъѣзды извѣстили Ивонію во время обѣда, что большая армія турецкая, которой число трудно точно опредѣлить, повидимому болѣе чѣмъ въ 100,000 человѣкъ, переправляется черезъ Молдаву, что она расположилась въ лагерѣ безпечно: люди отправились спать, лошадей же выгнали на пастбища; что Ивоніи легко будетъ разгромить враговъ, если онъ произведетъ быстрое нападеніе. Ивонія встрѣтилъ это извѣстіе съ восторгомъ. Онъ тотчасъ отправилъ Свѣрчовскаго съ козаками и 6,000 молдаванъ, которые, зная турецкій языкъ, легко могли собирать нужныя извѣстія; самъ же господарь съ тяжело вооруженными отрядами отправился вслѣдъ за Свѣрчовскимъ.

Свѣрчовскій заявилъ своимъ подчиненнымъ, что для успѣха предпріятія они должны хранить во время похода глубокое молчаніе, чтобы не встревожить непріятеля. Подступивши къ стоянкѣ враговъ, онъ замѣтилъ волошскій караулъ, состоявшій изъ 40 человѣкъ, которому поручено было оберегать безопасность лагеря; козаки окружили этотъ отрядъ и забрали его въ плѣнъ. Плѣнниковъ допросили сначала благосклонно, потомъ съ угрозою, о расположеніи и

[1]) Господаремъ Валахіи былъ въ то время Александръ II (1567—1577); онъ, по примѣру дѣда своего Мирчи III и отца Петра II Хромаго, велъ съ помощью турокъ ожесточенную борьбу съ боярами; молдавское господарство онъ желалъ доставить своему брату Петру, поддерживавшему его весьма усердно въ этой борьбѣ.

намѣреніяхъ враговъ; устрашенные угрожавшею имъ опасностью, они покорно пали на колѣни и сказали, что волохи и турки сильно утомлены продолжительнымъ и труднымъ походомъ, что они безпечно расположились для отдыха, вовсе не ожидая нападенія Ивоніи, и что ихъ легко побѣдить, захвативши въ расплохъ; численность арміи они опредѣлили слѣдующими цифрами: волоховъ 70,000, турокъ 30,000, венгровъ 3,000. Собравъ эти свѣдѣнія, козаки отправили гонца къ Ивоніи, чтобы сообщить ему извѣстія о состояніи врага; они понуждали его ускорить походъ въ виду легкой побѣды, сами же залегли вблизи непріятельскаго лагеря, сохраняя полную тишину, дабы не разбудить враговъ и не подать имъ повода къ опасенію. Ивонія, освѣдомившись о состояніи дѣлъ, явился усиленнымъ маршемъ; онъ поручилъ Свѣрчовскому аттаковать лагерь, свои же довольно значительныя силы онъ придвинулъ съ трехъ сторонъ къ лагерю, остававшемуся безъ всякой охраны и защиты. Съ четвертой стороны произвелъ нападеніе Свѣрчовскій, бросившись на враговъ стремительно съ громкимъ крикомъ, чѣмъ произвелъ въ лагерѣ страшное смятеніе. Непріятели, проснувшись отъ неожиданнаго страшнаго шума, не могли опомниться; они недоумѣвали: обратиться ли въ бѣгство, хватать ли оружіе, или принимать другія мѣры. Всѣ кричали, но никто не становился въ боевой порядокъ, между тѣмъ козаки устремлялись отовсюду, разнося страхъ и смятеніе; когда безпорядокъ и паника враговъ достигла высшей степени, появился Ивонія съ своимъ войскомъ и отовсюду окружилъ и сжалъ обращенныхъ уже въ бѣгство противниковъ; всякая возможность бѣгства исчезла, тѣмъ болѣе, что лошади волоховъ находились далеко на пастбищѣ. Лагерь наполнили стоны отчаянія; никто почти не былъ въ состояніи спастись; съ большимъ лишь трудомъ волошскій господарь и его братъ Петръ, претендентъ на молдавское господарство, успѣли отыскать своихъ лошадей и бросились бѣжать; они переправились въ бродъ черезъ озеро, соединяющееся съ Дунаемъ, и спаслись въ крѣпость Браиловъ, гдѣ начальствовалъ комендантъ, назначенный Селимомъ. Остальное войско было перебито и сдѣлалось достояніемъ хищныхъ птицъ. Поразительное зрѣлище представляло

обширное поле, усѣянное воинами или убитыми, или ранеными, которые не были въ состояніи ни бѣжать, ни предпринять что либо существенное для своего спасенія, землю устилали трупы и оружіе и обагряли потоки крови. Значительную добычу, взятую въ лагерѣ, Ивонія распредѣлилъ солдатамъ и особенно козакамъ, которые достаточно ею обогатились. Ивонія простоялъ въ лагерѣ четыре дня, желая доставить отдыхъ солдатамъ, утомленнымъ походомъ и битвою; все это время онъ приказалъ старательно, хотя напрасно, разыскивать трупы волошскаго воеводы и его брата.—Затѣмъ со всѣмъ войскомъ онъ двинулся въ Валахію, сталъ занимать города и замки, которыхъ никто не защищалъ; онъ приказалъ истреблять всѣхъ встрѣтившихся жителей безъ различія пола и возраста; села и города опустошалъ и предавалъ пламени. Занятая имъ часть Валахіи представляла печальную картину: вся она дымилась пожарами, стариковъ и дѣтей предавали смерти, матроны и дѣвицы дѣлались жертвами насилія. Ивонія поощрялъ солдатъ, благодарилъ ихъ и утверждалъ, что они имѣютъ право на захватъ добычи послѣ успѣшно одержанной побѣды. Такимъ образомъ войско, угнетая беззащитное населеніе, опустошило страну до границъ Трансильваніи. Здѣсь Ивонія узналъ, что волошскій господарь и братъ его Петръ скрылись въ браиловской крѣпости и немедленно повелъ туда свое войско.

Городъ Браиловъ расположенъ на берегу Дуная; въ немъ былъ обширный замокъ, лежавшій въ мѣстности, защищенной самою природою и снабженный сильнымъ гарнизономъ. Ивонія расположилъ свой лагерь недалеко отъ города и замка, на такомъ однако отъ нихъ разстояніи, чтобы крѣпостная артиллерія не могла причинять ему вреда. Онъ отправилъ письмо къ коменданту замка, требуя выдачи волошскихъ бѣглецовъ: своего непримиримаго врага—господаря и брата его Петра, которые, безъ всякаго съ его стороны повода, затѣяли съ нимъ войну и, потерпѣвъ пораженіе, спаслись бѣгствомъ и укрылись въ Браиловѣ. Онъ заявилъ, что не прекратитъ осады, пока его требованіе не будетъ исполнено, и силою добьется удовлетворенія. Комендантъ замка прислалъ отвѣтъ черезъ четырехъ турокъ (двое изъ нихъ были браиловскіе мѣщане, двое же замковые

служители). Посланные принесли Ивоніи 10 большихъ и 10 малыхъ пушечныхъ ядеръ, двѣ стрѣлы и слѣдующій отвѣтъ: „Ты выдаешь себя за вассала и слугу Селима и уже потому требованіе твое весьма странно и неудобоисполнимо—между тѣмъ до меня дошло извѣстіе, что ты разгромилъ значительное султанское войско, которому поручено было водворить Петра на молдавскомъ господарствѣ—потому я тебѣ объявляю, что если ты немедленно не прекратишь осады и не отступишь, я тебя угощу лакомствами, образецъ которыхъ посылаю, и надѣюсь, что они въ достаточной мѣрѣ насытятъ тебя и твоихъ подчиненныхъ". Отвѣтъ этотъ непомѣрно раздражилъ Ивонію; онъ приказалъ схватить посланныхъ, обрѣзать имъ ноздри и уши и повѣсить передъ крѣпостью вверхъ ногами. Это ужасное зрѣлище должно было служить угрозою, что такая же участь предназначается коменданту и скрывшимся у него бѣглецамъ. Исполнивъ этотъ жестокій и омерзительный поступокъ, Ивонія приказалъ немедленно придвинуть къ стѣнамъ, окружавшимъ городъ, заготовленныя лѣстницы и пѣхотѣ идти на приступъ. Приказаніе его было исполнено: пѣхота бросилась на стѣны съ громкими криками и овладѣла ими столь быстро, что гарнизонъ не успѣлъ принять нужныхъ мѣръ для защиты. Стѣны были тотчасъ разрушены и все войско молдавское вступило въ городъ.

Послѣдовало страшное истребленіе турокъ; пощады никому не было; кровь убитыхъ жертвъ ручьями текла въ Дунай; убивали даже грудныхъ младенцевъ, исторгая ихъ изъ рукъ матерей. Убійства эти продолжались втеченіе четырехъ дней; тщательно осмотрѣли всѣ укромныя мѣста и спрятавшихся въ нихъ жителей извлекали и предавали смерти; страшную месть закончили тѣмъ, что разорили и сожгли городъ, на развалинахъ котораго не осталось не только живаго человѣка, но даже и собаки. Въ добычу солдатамъ досталось множество золота, серебра, жемчугу, денегъ; сокровищъ этихъ награблено было очень много, такъ какъ городъ принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ въ этой странѣ, ибо послѣ завоеванія турками греческой имперіи, онъ наслаждался постояннымъ спокойствіемъ и первый разъ только подвергся разграб-

ленію. Побѣдители не оставили ни одного дома, все было разорено и сравнено съ землею, за исключеніемъ замка, въ которомъ затворился немногочисленный гарнизонъ. Ивонія побуждалъ свое войско идти на приступъ къ замку, обнадеживая, что онъ не замедлитъ сдаться несмотря на сильныя укрѣпленія.

Когда войско Ивоніи было занято грабежемъ покореннаго города, лазутчики извѣстили господаря о приближеніи 15,000 турокъ, которые усиленнымъ маршемъ спѣшили на выручку Браилова. Не смущаясь численностью этого отряда, Ивонія отправилъ ему на встрѣчу Свѣрчовскаго съ козаками и восьмитысячною дивизіею молдаванъ. Свѣрчовскій, встрѣтивъ враговъ, немедленно ударилъ на нихъ и нанесъ имъ пораженіе раньше, чѣмъ они успѣли развернуть свои силы и стать въ боевой порядокъ; только одна тысяча турецкой конницы спаслась бѣгствомъ. Козаки пустились въ погоню за разсѣянными врагами и многихъ перебили. Всѣ, успѣвшіе убѣжать, укрылись въ Тегини [1]), крѣпости, лежащей въ турецкихъ предѣлахъ; у этого города расположена была турецкая армія и татарская орда. Свѣрчовскій отправилъ немедленно гонца къ Ивоніи съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ; онъ сообщилъ господарю надежду на счастливый исходъ дѣла, но совѣтовалъ ему оставить осаду браиловскаго замка и со всѣмъ войскомъ двинуться къ Тегини. Ивонія, получивъ радостное извѣстіе, прекратилъ осаду Браилова, которая требовала большихъ усилій и представляла значительныя опасности, и поспѣшилъ соединиться съ отрядомъ Свѣрчовскаго. Вслѣдствіе ихъ совѣщанія, вся армія двинулась къ Тегини; городъ былъ взятъ безъ особыхъ усилій и жители его были также перебиты безъ различія пола. Въ этомъ дѣлѣ Свѣрчовскій много способствовалъ побѣдѣ; козацкая конница сражалась въ первомъ ряду и рѣшила битву рукопашною схваткою; при этомъ козаки расположили свой строй такимъ образомъ, что въ серединѣ линіи помѣстили людей вооруженныхъ мушкетами, которые учащенною стрѣльбою должны были разстроить турецкую линію; на правомъ крылѣ стали

---

[1]) Тегинь—нынѣ Бендеры; Бѣлгородъ—Аккерманъ.

лучники, выпускавшіе на враговъ градъ стрѣлъ, на лѣвомъ же копейщики, прикрывавшіе молдаванъ какъ бы непреодолимою стѣною копій. Послѣ взятія Тегини отрядили 600 козаковъ на бѣлгородскую крѣпость, которую они сожгли, обогатившись при этомъ значительною добычею.

Эти постоянныя побѣды сильно утомили армію Ивоніи, что заставило его втеченіе восьми дней остановиться для отдыха у разоренной тегинской крѣпости. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что новый отрядъ турокъ и татаръ приближается со стороны Бѣлгорода, но что враги эти не подозрѣваютъ близости молдавской арміи и потому идутъ безпечно, раздѣлившись на мелкія партіи, которыя разсѣялись въ различныхъ направленіяхъ. Козаки обратились къ Ивоніи съ просьбою, чтобы онъ предоставилъ исключительно имъ истребленіе этихъ враговъ; Ивонія въ отвѣтъ на эту просьбу отвѣтилъ слѣдующее рѣчью, которую мы заимствуемъ изъ сочиненія Бартоша Папроцкаго: „Храбрые поляки! Вы заявили столь невѣроятное мужество, такую военную отвагу и увѣнчались такими успѣхами, что я не въ состояніи отказать вамъ ни въ какомъ вашемъ желаніи. Ступайте, истребите съ Божескою помощью вражеское войско, пользуясь пріобрѣтенною вами опытностью. Тебѣ, Свѣрчовскій, я поручаю начальство надъ отрядомъ и я увѣренъ, что ты съумѣешь распорядиться имъ самымъ лучшимъ образомъ, смотря по тому, какъ этого потребуютъ обстоятельства“. Сказавъ это, Ивонія отдалъ, кромѣ козаковъ, въ распоряженіе Свѣрчовскому отрядъ молдаванъ въ 3,000 человѣкъ. Свѣрчовскій благодарилъ господаря за выгодное о немъ мнѣніе и обѣщалъ приложить всѣ старанія, дабы оправдать таковое. Онъ не смѣшалъ молдаванъ съ козаками, но составилъ изъ нихъ отдѣльный отрядъ, который помѣстилъ въ арріергардѣ; своихъ же 1200 козаковъ онъ распредѣлилъ на три партіи: изъ нихъ 400 человѣкъ, вооруженныхъ круглыми щитами, онъ помѣстилъ впереди для защиты отъ турецкихъ копейщиковъ; 400 лучниковъ подъ его личнымъ начальствомъ составили правое крыло; остальные, вооруженные копьями, помѣстились на лѣвомъ крылѣ. Турки, встрѣтивъ это войско, расположились также въ

боевой строй. Свѣрчовскій приказалъ конницѣ, стоявшей въ центрѣ, открыть ружейный огонь, въ то же время съ лѣваго крыла полетѣлъ градъ стрѣлъ на отборную турецкую рать, съ праваго же крыла пошли въ аттаку копейщики, которымъ приказано было спѣшиться. Турки въ самомъ началѣ битвы потеряли надежду на успѣшный ея исходъ; столпившись въ кучу, они хотя и пытались защищаться, но дали возможность козакамъ свободно выбирать слабыя стороны для нападенія. Въ началѣ битвы побѣда колебалась на обѣ стороны, но вскорѣ въ дѣло вступили молдаване, находившіеся въ резервѣ сзади за козацкою конницею; они бросились въ аттаку съ громкимъ крикомъ и отчаянно налегли на отборную турецкую конницу, которая расположена была въ перемежку съ пѣхотою; конница эта первая обратилась въ бѣгство и стала давить собственную пѣхоту, которая въ свою очередь побѣжала въ разсыпную. Эта блестящая побѣда стоила немногихъ жертвъ: въ битвѣ погибли только три козака и около 100 молдаванъ. Ивонія смотрѣлъ лично издали на ходъ битвы. Лагерь и обозъ турокъ были взяты; богатая добыча досталась въ раздѣлъ солдатамъ, все же остальное было уничтожено. Двѣсти плѣнниковъ, подобно стаду, были пригнаны къ Ивоніи; онъ приказалъ гнать ихъ сквозь строй своей пѣхоты и они погибли всѣ подъ ударами косъ, имѣвшихся при арміи для съемки травы. Начальникъ побѣжденнаго войска былъ взятъ въ плѣнъ поляками; это былъ человѣкъ внушительной и благородной наружности, которая располагала въ его пользу; при томъ онъ былъ очень богатъ и обѣщалъ дать за себя выкупъ въ шесть разъ больше обыкновеннаго: онъ предлагалъ одну мѣру жемчугу, двѣ мѣры золота и три мѣры серебра, лишь бы его не выдавали Ивоніи. Но поляки предпочли этимъ богатствамъ сохраненіе вѣрности, въ которой они поклялись Ивоніи, при томъ они уже имѣли большой запасъ золота и серебра, доставшійся имъ въ качествѣ добычи, взятой у турокъ; потому они пренебрегли его обѣщаніями и выдали его Ивоніи. Господарь втеченіе нѣсколькихъ дней допрашивалъ его о состояніи турецкихъ дѣлъ и потомъ приказалъ своей пѣхотѣ изрубить его въ куски. Затѣмъ Ивонія передвинулъ свое войско

къ крѣпости своей, называемой Уссенъ (Яссы), и расположилъ его для отдыха послѣ столь утомительнаго похода и трудныхъ битвъ.

Селимъ былъ сильно встревоженъ столь блестящими успѣхами Ивоніи; онъ боялся потерять не только Молдавію, но даже Грецію, и искалъ утѣшенія въ молитвѣ.

Въ этомъ мѣстѣ Горецкій помѣстилъ краткій, довольно поверхностный, исполненный неточностей и ошибокъ, очеркъ исторіи турецкой монархіи и мугаметанскихъ государствъ и народовъ вообще. Очеркъ этотъ, не представляющій научнаго интереса и составляющій вводный эпизодъ, неимѣющій непосредственной связи съ разсказываемыми событіями, мы пропускаемъ.

Одержавъ три раза побѣду надъ турками, Ивонія вызвалъ къ себѣ Іеремію Черневича, хотинскаго баркалаба (титулъ этотъ по молдавски значитъ комендантъ крѣпости) и обратился къ нему публично съ слѣдующею рѣчью: „Судьба понынѣ благосклонно покровительствуетъ нашимъ усиліямъ въ борьбѣ съ жестокими врагами нашими—турками: мы должны вѣчно воздавать хвалу всевышнему, милосердному Господу за то, что онъ благоволилъ оказать намъ заступничество передъ врагами и ниспослалъ намъ важныя многократныя побѣды. Теперь намъ предстоитъ распустить по домамъ войско, изнуренное продолжительными трудами, предписавъ ему быть наготовѣ къ сбору при полученіи перваго извѣстія о новомъ вторженіи турокъ. — Тебѣ, доказавшему мнѣ вѣрность и постоянство, я вручаю начальство надъ остальнымъ войскомъ (оно состояло изъ 30,000 молдаванъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу). Поручаю тебѣ расположиться на берегахъ Дуная и защищать переправу черезъ эту рѣку въ случаѣ, если турки задумаютъ новое вторженіе въ нашу страну. На турецкомъ берегу Дуная ближайшая къ нашимъ предѣламъ крѣпость Мачинъ [1]); постарайся занять ее и, если турки попытаются переправляться черезъ Дунай въ другомъ мѣстѣ, извѣсти меня какъ можно поспѣшнѣе объ ихъ намѣреніяхъ“. Когда Ивонія произносилъ эту рѣчь, многіе проливали слезы умиленія. Затѣмъ онъ обнялъ Черневича, который, ставъ на колѣни, принесъ присягу въ непоколебимой вѣрности.

---

[1]) Въ текстѣ она по ошибкѣ названа Облачимъ.

Сдавши начальство Черневичу, Ивонія распустилъ по домамъ остальное войско для того, чтобы воины укрѣпили отдыхомъ свои силы, разсчитывая, что по первому сигналу они вновь явятся для борьбы съ врагомъ. Между тѣмъ Черневичъ, исполняя данное ему порученіе, отправился на берега Дуная и, занявъ указанныя позиціи, сталъ зорко слѣдить за движеніями турокъ и оберегать переправу черезъ рѣку. Дѣйствительно, значительная турецкая армія приблизилась къ Дунаю, но въ виду его войска не осмѣливалась переправляться. Тогда паши отправили къ Черневичу довѣренныхъ лицъ, предлагая ему 30,000 венгерскихъ червонцевъ за то, чтобы онъ явился къ нимъ для секретныхъ переговоровъ. Прельстившись крупною суммою, Черневичъ рѣшился на подкупъ; онъ принялъ присланныя деньги и тайно отъ своихъ отправился для переговоровъ къ Петру [1]), господарю волошскому, который съ значительнымъ своимъ войскомъ находился въ турецкомъ лагерѣ за Дунаемъ. Петръ изложилъ ему положеніе дѣлъ: онъ доказывалъ, что дѣло Ивоніи нужно считать несомнѣнно проиграннымъ, что Селимъ до того озлобленъ его успѣхами и гибелью своихъ войскъ въ борьбѣ съ вассаломъ, что не приметъ никакого другаго удовлетворенія, кромѣ головы Ивоніи; послѣднему, несмотря на всѣ усилія, невозможно удержать за собою молдавское господарство, которое навѣрно вскорѣ перейдетъ въ другія руки. „Въ виду такого положенія дѣлъ, говорилъ онъ, если ты человѣкъ разсудительный, ты долженъ пользоваться удобнымъ временемъ для того, чтобы серьезными услугами снискать расположеніе Селима. Сообрази, что легко начать войну, но трудно ее выдержать впродолженіе долгаго времени; въ началѣ всегда проявляется больше энергіи, чѣмъ впослѣдствіи, между тѣмъ существенное значеніе имѣетъ не первоначальный успѣхъ, а окончательная побѣда. Мы теперь сознаемъ необходимость войти съ тобою въ сношенія и заключить дружбу, которая для тебя будетъ выгоднѣе войны; правда, Ивонія расточаетъ деньги, но ты сообрази, что не слѣдуетъ жертвовать прочною выгодою изъ за

[1]) Выше уже было замѣчено, что господарь Валахіи Александръ II ошибочно названъ Петромъ.

сомнительнаго дѣла. Ты уже получилъ 30,000 червонцевъ, вскорѣ можешь получить гораздо больше, но внемли моему искреннему совѣту и не связывай своей судьбы съ дѣломъ Ивоніи, которое обречено на вѣрную гибель. Пропусти черезъ Дунай безпрепятственно сильную турецкую армію, которой Селимъ приказалъ занять Молдавію и арестовать Ивонію. Когда страна эта будетъ покорена, ты и твои друзья будете пользоваться высочайшими милостями. Необходимо только, чтобы ты на нѣкоторое время скрылъ отъ Ивоніи переправу турокъ черезъ Дунай, когда же она будетъ благополучно совершена, легко будетъ захватить въ расплохъ бунтовщика, разсѣять его силы и однимъ ударомъ отмстить за нанесенныя имъ пораженія". Эти льстивые совѣты Петръ высказывалъ со слезами на глазахъ, стараясь всѣми мѣрами убѣдить Черневича, чтобы онъ отодвинулъ свои войска отъ Дуная и не препятствовалъ туркамъ переправиться черезъ эту бурную рѣку. Черневичъ, прельщенный обѣщаніями, согласился на предложенныя условія и измѣнилъ присягѣ, которую недавно принесъ Ивоніи. Онъ отстранилъ свои войска отъ береговъ Дуная, которые зорко сторожилъ до того времени, и предоставилъ туркамъ возможность безпрепятственной переправы. Турки перешли рѣку въ числѣ 200,000 съ огромными обозами и со значительнымъ количествомъ тяжелой осадной артиллеріи. Когда переправа была окончена, они приказали Черневичу извѣстить о ней Ивонію. Онъ отправился лично къ господарю и разсказалъ ему, что турки нагрянули столь громадными силами, что онъ не имѣлъ возможности остановить ихъ; онъ совѣтовалъ спѣшить на встрѣчу врагамъ для того, чтобы затруднить въ самомъ началѣ ихъ дѣйствія. Ивонія выслушалъ спокойно это извѣстіе и вовсе не падалъ духомъ; онъ разспрашивалъ Черневича о числѣ турецкаго войска и освѣдомился объ именахъ начальниковъ. Перкалабъ отвѣтилъ, что турецкая армія состоитъ пока изъ 10 или 12,000 тысячъ человѣкъ, но что къ ней подходятъ постоянно новые отряды, такъ что она выростетъ вѣроятно до 15,000, пока господарь успѣетъ выйти ей на встрѣчу. Въ то время Ивонія съ козаками осаждалъ крѣпость Тейницу,—онъ тотчасъ созвалъ сенатъ и спросилъ его мнѣ-

нія: слѣдуетъ ли прежде взять крѣпость, или же оставить осаду и поспѣшить на встрѣчу грозному врагу и попытаться разсѣять его полчища? Всѣ признали единогласно, что слѣдуетъ прежде разсѣять враговъ, а потомъ уже заняться осадою крѣпости.

Господарь внялъ этому совѣту, выплатилъ жалованье пѣхотѣ и на четвертый день выступилъ изъ своей стоянки при звукѣ трубъ и роговъ, направляясь къ непріятельскому лагерю, находившемуся въ 12 миляхъ. Девятаго іюня онъ расположилъ свой станъ въ трехъ миляхъ отъ непріятельскаго; здѣсь къ нему явились козацкіе предводители для рѣшительнаго совѣщанія. Въ козацкихъ рядахъ слышались одушевленные возгласы, требовавшіе немедленнаго нападенія на грознаго врага, смущеннаго уже значительно столь частыми пораженіями.

Впрочемъ козаки высказывали нѣкоторое смущеніе: они не могли лично провѣрить извѣстій за незнаніемъ турецкаго языка и не довѣряли приближеннымъ Ивоніи. „Господарь, говорили они, колеблется и довѣряетъ болѣе всего лицу, которое мы считаемъ подозрительнымъ. Вслѣдствіе этихъ недоразумѣній, весьма опасныхъ въ настоящемъ положеніи дѣла, намъ необходимо лично объясниться съ Ивоніею". Предводители козаковъ, вслѣдствіе этой молвы, поспѣшили явиться къ Ивоніи и Свѣрчовскій, попросивъ слова, сказалъ отъ имени всѣхъ товарищей слѣдующую рѣчь: „Уважаемый господарь! Мы понынѣ были тебѣ непоколебимо вѣрны и ты самъ прекрасно знаешь, какія услуги мы оказывали тебѣ въ совмѣстной борьбѣ съ свирѣпымъ врагомъ. Мы вновь готовы сражаться по твоему призыву до послѣдней капли крови, такъ что враги проникнутъ въ Молдавію развѣ по нашимъ трупамъ; но мы считаемъ необходимымъ хорошо сообразить и обдумать дѣло, мы не желаемъ бросаться въ битву на-обумъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній ни о количествѣ, ни о планѣ дѣйствій врага; бросившись неосмотрительно, мы можемъ попасть въ ловушку, въ которой насъ перебьютъ подобно безсмысленному стаду. Потому ты долженъ намъ обстоятельно изложить свои намѣренія относительно предстоящей кампаніи".

Ивонія, тронутый словами Свѣрчовскаго, глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ: „Храбрые рыцари! Вы для меня дороже жизни; я умѣю вполнѣ оцѣнить вашу храбрость, которую я лично видѣлъ на дѣлѣ, и заслуги, оказанныя вами въ минувшей кампаніи. Я менѣе всего желаю легкомысленно бросать васъ въ жертву врагамъ, но я долженъ заботиться о томъ, чтобы замыслы непріятеля не увѣнчались успѣхомъ. Вблизи отъ насъ расположено мое войско подъ начальствомъ Черневича; онъ первый встрѣтилъ враговъ и успѣлъ хорошо развѣдать ихъ замыслы. Это важное порученіе я возложилъ не на первое встрѣчное лицо, но именно для этой цѣли я выбралъ человѣка, который доказалъ мнѣ вѣрность и преданность среди обстоятельствъ весьма тяжелыхъ и неблагопріятныхъ, который былъ товарищемъ моимъ въ изгнаніи и ссылкѣ. Лично отъ него я знаю, что количество турокъ не превосходитъ 15,000 человѣкъ, но если даже допустимъ, что ихъ вдвое больше, то я полагаю, что мы успѣемъ съ Божьею помощью справиться съ ними". Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Свѣрчовскій просилъ Ивонію, чтобы онъ совокупилъ всѣ свои силы въ одно мѣсто и чтобы разрѣшилъ козакамъ отправиться въ разъѣздъ подъ его начальствомъ съ цѣлью захватить въ плѣнъ кого либо изъ турокъ и такимъ образомъ получить возможность выпытать точныя свѣдѣнія о количествѣ турецкой арміи и о планахъ ея дѣйствій. Ивонія охотно согласился съ этимъ предложеніемъ и отправилъ вмѣстѣ съ Свѣрчовскимъ начальника своей конницы Іеремію съ 6,000 отрядомъ молдаванъ. Посланные наткнулись на пути на разъѣздъ турецкій, состоявшій изъ 6,000 отборной конницы; произошла незначительная стычка; турки очень скоро разсѣялись и обратились въ бѣгство. Въ плѣнъ захваченъ былъ одинъ изъ турокъ, израненный и почти умиравшій; онъ разсказалъ, что турецкая армія весьма малочисленна; но козаки сообразили, что онъ говоритъ неправду, ибо сама численность отряда, посланнаго въ разъѣздъ, указывала на то, что армія должна быть весьма значительна. Они изложили Ивоніи свои соображенія, совѣтуя ему серьезно обдумать свое положеніе и провѣрить правдивость сообщеній Черневича, которому онъ довѣряетъ слишкомъ слѣпо. Ивонія, какъ сказываютъ, отвѣтилъ кратко: „Не-

чего смущаться и страшиться. Я знаю самъ, кому долженъ довѣрять; мы вскорѣ убѣдимся, какова численность непріятельской арміи; что до меня касается, то я прибылъ сюда для того, чтобы защищать мое отечество отъ враговъ до послѣдняго издыханія".

Вслѣдъ за тѣмъ Ивонія придвинулъ свой лагерь къ озеру, соединяющемуся съ Дунаемъ, и распорядился, чтобы доставлены были свѣжія лошади для той конницы, которая въ предъидущую ночь ходила въ разъѣздъ противъ турокъ, для того, чтобы она не отставала отъ остальнаго войска. Вблизи непріятельскаго лагеря возвышался холмъ: Ивонія въѣхалъ на его вершину съ своею свитою, желая обозрѣть расположеніе враговъ, но это оказалось невозможнымъ, потому что турецкій лагерь былъ прикрытъ другою, болѣе къ нему близкою возвышенностью. Онъ увидѣлъ только въ четырехъ различныхъ мѣстахъ турецкіе пикеты, которые передвигались вокругъ своего лагеря, стараясь укрываться за возвышенностями отъ взоровъ молдаванъ. Въ виду близости непріятеля Ивонія раздѣлилъ все свое войско (которое состояло изъ 30,000 солдатъ и множества челяди) на 30 отдѣльныхъ отрядовъ; предъ каждымъ изъ нихъ онъ расположилъ большія осадныя орудія, выбрасывавшія огненныя ядра; такихъ орудій онъ имѣлъ 80. Многочисленную свою пѣхоту онъ отдѣлилъ отъ конницы и предполагалъ самъ оставаться возлѣ нея; но пѣхота, увидѣвъ это намѣреніе и заботясь о его безопасности, обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ переѣхалъ подъ защиту польскихъ козаковъ, гдѣ его жизнь и свобода будутъ гораздо лучше обезпечены; ибо молдавская пѣхота состоитъ изъ крестьянъ, вооруженныхъ весьма плохо, почти исключительно косами, луками, кривыми турецкими саблями и дубинами: крестьяне эти отличались особенною преданностью Ивоніи.

Когда войско было устроено въ крѣпкомъ боевомъ порядкѣ, Ивонія, раньше чѣмъ приказалъ подать сигналъ къ аттакѣ, въѣхалъ еще разъ на вершину возвышеннаго холма, для того, чтобы разсмотрѣть расположеніе непріятелей; онъ увидѣлъ такое огромное количество враговъ, которое превосходило всякое ожиданіе; теперь только онъ убѣдился, что Черневичъ измѣнилъ ему и завлекъ его въ засаду,

онъ немедленно приказалъ призвать его, но Черневичъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ явиться, потому, что уже отправляется на бой съ турками за интересы господаря—подъ его предводительствомъ находилось 13,000 прекрасной, пріученной къ бою конницы. Наконецъ данъ былъ боевой сигналъ и Черневичъ первый вступилъ въ битву. Турки ожидали сраженія, выстроивъ свои силы въ боевой порядокъ. При первомъ столкновеніи Черневичъ, условившійся съ врагами, приказалъ своему отряду опустить знамена, снять шлемы и, положивъ на землю копья и мечи, преклонить головы. Турки, увидѣвъ, что отрядъ этотъ сдается добровольно, подняли вверхъ оружіе и приказали сдавшимся вступить въ свой лагерь. Измѣна Черневича наполнила ужасомъ остальное войско Ивоніи; оно подалось назадъ; господаря извѣстили о случившемся, заявивъ ему, что все потеряно. Но извѣстіе это не поколебало его рѣшимости, онъ сохранилъ въ несчастіи богатырскій духъ, ободрилъ своихъ солдатъ и приказалъ аттаковать турокъ. Но турки, увидѣвъ отступленіе и колебаніе молдавскаго войска, уже налегли на него всѣми силами и стали его гнать передъ собою; увидѣвъ бѣгство своихъ передовыхъ отрядовъ, Ивонія воспылалъ яростью и приказалъ открыть по нимъ пушечный огонь; такимъ образомъ эти отряды молдаванъ подверглись двойной опасности: отъ турокъ и отъ своихъ. Между тѣмъ турки выдвинули впередъ сдавшихся молдаванъ, и прикрываясь ихъ рядами, по трупамъ ихъ двигались на центръ арміи Ивоніи черезъ ручьи молдавской крови. Въ это время козаки по своему обычаю ударили съ боковъ на турокъ и произвели значительное замѣшательство въ ихъ рядахъ. По слѣдамъ ихъ многіе молдаване, отличавшіеся лучшимъ вооруженіемъ или большею тѣлесною силою, успѣли проложить себѣ путь и храбро напали на враговъ. Смѣшались крики команды, возгласы радости, стоны раненыхъ, бряцаніе оружія, свистъ стрѣлъ, сыпавшихся градомъ съ обѣихъ сторонъ; облака отражали этотъ смѣшанный гулъ. Турки, не будучи въ состояніи выдержать напора молдаванъ, начали было отступать; уступая отчасти страху, отчасти же надѣясь на военную хитрость, они разсѣялись въ разныя стороны, разсчитывая увлечь молдаванъ въ засаду, подъ выстрѣлы пушекъ,

расположенныхъ въ закрытой позиціи, но Свѣрчовскій угадалъ опасность и громкимъ голосомъ приказалъ остановиться польскимъ и молдавскимъ отрядамъ. Тогда турки вновь ударили на нихъ свѣжими силами, но молдаване мужественно отразили аттаку и возвратились въ лагерь невредимыми. Ивонія, обрадованный успѣхомъ, выстроилъ молдаванъ и поляковъ около своей артиллеріи—всѣ они наполнили колчаны стрѣлами, приготовили копья и стали ожидать нападенія враговъ. Турки, получивъ новыя подкрѣпленія, ободрились и вновь повели сильную аттаку; составивъ густую колонну, они сломили безстрашно линію молдаванъ. Послѣдніе бросились впередъ и завязался кровавый рукопашный бой съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ; турки и молдаване валились съ коней, люди выбивались изъ силъ, оружіе притуплялось; туманъ пыли и дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ покрылъ солнце; въ общемъ смятеніи нельзя было разслышать ничьего голоса; сражавшіеся не видѣли другъ друга и артиллеристы потеряли возможность направлять выстрѣлы. Ивонія, не потерявшій бодрости духа, среди горячей схватки, громкимъ голосомъ приказалъ своимъ войскамъ отступить подъ прикрытіемъ пушекъ и собраться у своихъ знаменъ. Тогда турки отступили. Жители Мачина, смотрѣвшіе на битву съ городскихъ стѣнъ, увидѣвъ, что молдаване осиливаютъ турокъ, стали бѣжать изъ города, исполненные страха, и искали спасенія во внутреннихъ турецкихъ областяхъ, ибо этотъ городъ лежитъ по ту сторону Дуная на турецкой территоріи.

Послѣ этой битвы, обѣ стороны, будто по условію, прекратили военныя дѣйствія. Разразилась страшная гроза и проливной дождь хлынулъ на оба войска. Дождь этотъ причинилъ молдаванамъ большую потерю, ибо подмочилъ порохъ и пушки, оказывавшія имъ въ битвѣ самую существенную пользу [1]).

Когда буря миновала, турки и молдаване возобновили битву съ удвоенною энергіею; 20,000 турокъ, образовавъ колонну, напали

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Горецкій помѣстилъ разсужденіе объ исторіи изобрѣтенія пороха и о боевомъ значеніи огнестрѣльнаго оружія, которое мы опускаемъ, какъ эпизодъ, не имѣющій непосредственной связи съ историческимъ разсказомъ.

на ту позицію, гдѣ стояла молдавская артиллерія, теперь уже безвредная, вслѣдствіе порчи подмокшаго пороха; тѣмъ не менѣе молдаване мужественно сомкнули ряды и стали храбро отражать напоръ турокъ. Въ это время появились новые турецкіе отряды и татарская орда, которая, видя, что ей болѣе не угрожаютъ пушечные выстрѣлы, оставила позицію, въ которой до тѣхъ поръ укрывалась, и вступила въ бой. Татары бросились на молдаванъ съ пронзительнымъ крикомъ, оттиснули ихъ отъ пушекъ и обратили въ бѣгство. Бѣглецовъ, разсѣявшихся по обширному полю, турки умерщвляли подобно безоружному стаду. Только 250 козаковъ остались въ строю. Такимъ образомъ, вслѣдствіе измѣны Черневича, рѣшена была судьба войны и послѣдовала окончательная гибель Ивоніи. Господарь между тѣмъ ушелъ къ своей пѣхотѣ, къ которой примкнулъ и упомянутый выше отрядъ 250 козаковъ, которыхъ турки не осмѣлились тронуть во время погони за молдавскою конницею. Прибѣжавъ къ нимъ, Ивонія сказалъ: „Вижу я, храбрые воины, что измѣна Черневича причинила намъ совершенную погибель; увѣряю васъ лишь въ томъ, что трупъ мой ляжетъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы погибнете отъ оружія враговъ, и души наши вмѣстѣ улетятъ въ лучшій міръ“. Свѣрчовскій ему отвѣтилъ: „Приближеніе смерти нисколько меня не смущаетъ: совершенно естественно воину ожидать смерти на полѣ битвы; но для того, чтобы смертью нашею не доставить лишняго торжества врагамъ христіанскаго имени, я полагаю, что намъ слѣдуетъ отступить, пока еще имѣемъ для этого время“. Козаки немедленно спѣшились и, ставъ въ ряды пѣхоты, стали помогать тащить большія осадныя пушки, которыхъ было у Ивоніи 60 штукъ. Самъ Ивонія потащилъ лично одну изъ нихъ, подъ которую обыкновенно запрягали 12 лошадей, ибо онъ обладалъ изумительною силою; видя это, поляки выхватили у него эту пушку, предоставивъ ему другую, болѣе легкую. Такимъ образомъ Ивонія сталъ отступать съ 20,000 отрядомъ своей пѣхоты, но вскорѣ оказалось, что пушки слишкомъ тормозятъ отступленіе, потому ихъ бросили, предварительно испортивъ такъ, чтобы онѣ не годились туркамъ для стрѣльбы. Дѣй-

ствительно, когда турки, овладѣвъ ими, попытались употребить ихъ въ дѣло, то онѣ отъ перваго же выстрѣла потрескались.

Между тѣмъ Ивонія, истощенный и павшій духомъ, отступалъ съ своею пѣхотою, остатками конницы и нѣсколькими пушками; отступленіе его происходило весьма медленно и было затруднено грудами труповъ, валявшихся на полѣ битвы. Въ этотъ день онъ успѣлъ пройти едва 1,000 шаговъ; онъ остановился на мѣстѣ, покрытомъ развалинами недавно сожженнаго села; здѣсь онъ расположилъ свой лагерь, окруживъ его валами во избѣжаніе внезапнаго нападенія турокъ. Въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ ошибку, хотя, можетъ быть, онъ и не могъ поступить иначе, окруживъ себя укрѣпленіями въ мѣстности, совершенно лишенной воды, ибо вскорѣ непреодолимая жажда должна была побудить къ сдачѣ его войско. Іюня 10-го, при закатѣ солнца, турки, преслѣдовавшіе бѣжавшихъ молдаванъ, наткнулись на лагерь Ивоніи и осадили его. Очевидцы разсказываютъ, что ихъ было такое множество, что нельзя было усмотрѣть конца ихъ арміи. Осажденные были окружены столь тѣсно, что никто не могъ выйти изъ лагеря, и они были совершенно отрѣзаны отъ сосѣднихъ селъ, въ которыхъ можно было надѣяться найти провіантъ; турки сожгли ночью эти села, устроивъ большіе костры изъ строеваго матеріала и поддерживая ихъ въ теченіе всей ночи для того, чтобы осажденные не воспользовались темнотою для бѣгства или для внезапнаго нападенія. На разсвѣтѣ 11 іюня турки открыли пушечный огонь по лагерю Ивоніи, но ядра не причиняли особеннаго вреда, ибо валы были достаточно высоки; перестрѣлка эта продолжалась три дня съ значительнымъ урономъ турокъ, которыхъ молдаване и поляки разили изъ за валовъ мѣткими выстрѣлами. Непріятели, сообразивъ, что нелегко будетъ овладѣть лагеремъ, вступили съ Ивоніею въ переговоры; они требовали, чтобы господарь сдался немедленно, положившись на милосердіе турокъ и оставивъ надежду на свои разстроенныя военныя силы; ему представляли, что раньше или позже онъ долженъ будетъ сдаться, такъ какъ помощи ему не откуда ждать; потому онъ поступитъ благоразумно, если, обдумавъ свое положеніе, немедленно положитъ оружіе, не проливая напрасно крови ни своего, ни турец-

каго войска. На предложенія эти Ивонія отвѣтилъ: „Я вижу ясно крайность своего положенія, хотя еще могу долго защищаться съ своею пѣхотою, причиняя вамъ немаловажный вредъ; но отчетливо понимая безвыходное состояніе, въ которомъ я нахожусь, я изъявляю готовность къ сдачѣ, но не приступлю къ ней прежде, чѣмъ начальники ваши поручатся за мою неприкосновенность и принесутъ семикратную присягу въ томъ, что они сохранятъ предложенныя мною условія капитуляціи“. Сказавъ это онъ приказалъ проводить изъ лагеря парламентеровъ, которые обѣщали вскорѣ принести отвѣтъ на его предложенія. Затѣмъ Ивонія, созвавъ поляковъ и молдаванъ, обратился къ нимъ съ слѣдующею примѣрно рѣчью: „День этотъ горестенъ для насъ, храбрые воины! Мы должны или сдаться, или погибнуть отъ жажды среди этихъ укрѣпленій. Рѣшайте, что для васъ желательнѣе: или сдаться, или затворить лагерныя ворота и готовиться къ неминуемой погибели, или выйти на бой и славно умереть, причинивъ врагу возможный вредъ? Смерть безъ сомнѣнія служитъ исходомъ всякаго бѣдствія: она освобождаетъ тѣло отъ мученій и взоры наши отъ позорныхъ зрѣлищъ; она переселяетъ насъ въ вѣчную жизнь, гдѣ мы будемъ лицезрѣть величіе Господа!“ дальнѣйшую рѣчь его прервали слезы; тогда поляки сказали ему въ отвѣтъ: „для насъ, Ивонія, смерть никогда не была и не будетъ устрашеніемъ; потому, если ты рѣшился выйти на послѣдній бой съ врагами, мы также охотно примемъ въ немъ участіе и предпочтемъ славную смерть плѣну, въ которомъ насъ ожидаетъ также гибель среди мученій и издѣвательствъ, ибо турки не имѣютъ обыкновенія сдерживать обѣщанія, данныя христіанамъ“. Но молдаване, не чувствуя влеченія къ славной смерти, совѣтывали сдаться, если только Ивонія имѣетъ основанія полагать, что турки исполнятъ принятыя ими на себя обязательства, если же онъ сомнѣвается въ ихъ искренности, то они предпочитаютъ остаться вѣрными господарю и рисковать жизнью вмѣстѣ съ поляками, чѣмъ предательски подвергнуться турецкому плѣну.

Ивонія остался въ нерѣшимости и нѣкоторое время колебался, но наконецъ сожалѣніе о горестномъ положеніи его войска заста-

вило его принять окончательное рѣшеніе; дѣйствительно солдаты гибли отъ жажды и смертность увеличивалась съ каждымъ днемъ; господарь съ горечью созналъ сдѣланную имъ ошибку, вслѣдствіе которой онъ основалъ свой лагерь въ неудобномъ мѣстѣ. Горько рыдая, онъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью: „Предпочитаю сдаться въ плѣнъ врагамъ и подвергнуться участи, опредѣленной мнѣ судьбою, нежели быть виновникомъ гибели многихъ тысячъ людей; я немного только еще протяну дѣло въ надеждѣ, что турки подтвердятъ присягою условія, которыя я имъ предложилъ, и лишь только они принесутъ присягу, мы положимъ оружіе“. Онъ приказалъ призвать турецкихъ парламентеровъ. которые ожидали отвѣта за лагерными валами, и сказалъ имъ: „Ступайте къ начальникамъ вашимъ, скажите имъ, что, хотя силы мои еще настолько значительны, какъ сами вы видѣли, что бы отразить ваше могущество, но я рѣшаюсь преклониться предъ волею судьбы; я сдамся, если всѣ вожди ваши обяжутся семикратною присягою исполнить слѣдующія условія капитуляціи:

1) Вы дозволите безпрепятственно возвратиться на родину польской конницѣ, явившейся сюда по моему приглашенію и заслужившей вѣрностью и мужествомъ всеобщее уваженіе у всѣхъ народовъ. Вы дозволите ей съ лошадьми и багажами переправиться черезъ Днѣстръ.

2) Меня живаго и невредимаго вы препроводите къ султану Селиму, моему повелителю.

3) Молдаванъ, когда они сдадутся, вы пощадите—впрочемъ это будетъ въ вашихъ же интересахъ, ибо если вы посягнете на ихъ свободу или жизнь, вы принесете этимъ ущербъ султану, котораго они подданные, или тому лицу, которое султанъ назначитъ правителемъ Молдавіи.

Когда парламентеры предложили эти условія турецкимъ вождямъ и комендантамъ замковъ, они всѣ приняли ихъ охотно и каждый, по турецкому обычаю, семь разъ поклялся въ ихъ исполненіи отъ имени своего и своихъ подчиненныхъ. Тогда Ивонія вышелъ безъ всякаго смущенія къ турецкимъ начальникамъ и сказалъ имъ

въ присутствіи поляковъ; „Находясь по волѣ всевышняго и милосердаго Бога, въ вашей власти, я прошу васъ во имя вашей вѣры, присяги и рыцарской чести, чтобы вы позволили польскимъ воинамъ съ лошадьми и имуществомъ ихъ свободно возвратиться домой; ибо они достойны уваженія и почета всѣхъ народовъ. Если вы питаете къ нимъ непріязнь, то обратите месть вашу на меня, ибо я готовъ претерпѣть за нихъ всякую крайность". Затѣмъ, обратившись къ сопровождавшимъ его полякамъ, онъ сказалъ: „Тяжкая судьба разлучаетъ насъ, храбрые воины! каждому изъ васъ я пожимаю руку и заявляю вамъ, что пока сохраню душу въ смертномъ тѣлѣ, буду вспоминать съ благодарностью ваши имена". Поляки выслушали, рыдая, слова его и оросили слезами руку господаря. Когда они отошли уже отъ лагеря на разстояніе трехъ выстрѣловъ, Ивонія обратился къ молдаванамъ и также со слезами простился съ ними, раздавъ имъ бывшіе при немъ деньги и драгоцѣнности; затѣмъ онъ вновь обратился къ полякамъ, раздарилъ имъ свое оружіе и сказалъ со слезами: „Если бы отрядъ вашъ былъ вдвое численнѣе или еслибы онъ, по крайней мѣрѣ, весь оставался невредимымъ, я не сомнѣваюсь, что еще до заката солнца я поразилъ бы невѣрныхъ псовъ и изгналъ бы ихъ изъ этой страны, которой нынѣ Господь лишилъ меня ради великихъ моихъ прегрѣшеній. Но если Богу благоугодно будетъ спасти меня отъ свирѣпыхъ и жестокихъ враговъ, если наши исполнятъ данное ими обѣщаніе и препроводятъ меня къ Селиму, то я клянусь, что въ такомъ случаѣ я еще возвращусь въ Молдавію. Прошу васъ сохраните пока добрую обо мнѣ память, въ случаѣ же моего возврата, всѣ мои сокровища, какія успѣю сохранить, я предоставлю вамъ и всѣ высшія должности раздамъ людямъ вашего народа, потому что я испыталъ въ несчастіи вашу вѣрность, мужество и постоянство". При этомъ онъ подарилъ полякамъ послѣднія, оставшіяся у него цѣнныя вещи и прибавилъ: „Не хочу чтобы вещи эти достались моимъ дикимъ врагамъ, вамъ же дарю ихъ въ награду за вашу храбрость, за вашу вѣрность и достойную удивленія преданность, которую вы оказывали мнѣ до конца; благодарность къ вамъ я сохраню до послѣдняго издыханія,

въ чемъ свидѣтелемъ да будетъ мнѣ Господь, котораго покровительству я васъ поручаю". Поляки, тронутые его словами, прощались съ нимъ исполненные благодарности. Ивонія же, снявъ съ себя оружіе, въ качествѣ плѣнника вступилъ въ турецкій лагерь въ сопровожденіи поляка Осмальскаго, съ которымъ бесѣдовалъ еще въ продолженіе трехъ часовъ.

Капуданъ-паша вступилъ въ разговоръ съ Ивоніею, но, раздраженный его словами, забывъ свои обѣщанія и рыцарское слово, онъ обнажилъ мечь и ударилъ его въ лицо и въ животъ. Раненаго Ивонію схватили янычары и полумертвому отсѣкли голову, тѣло же его растерзали, привязавъ къ двумъ верблюдамъ и части его разбросали въ добычу хищнымъ звѣрямъ. Голову воткнули на копье [1]), кости же турки раздѣлили между собою; кровью Ивоніи они намазывали острія сабель и примѣшивали ее къ водѣ, которою поили лошадей въ увѣренности, что вмѣстѣ съ кровью къ нимъ перейдетъ мужество и рыцарское одушевленіе убитаго. Такова была смерть Ивоніи, постигшая его вслѣдствіе жестокости и вѣроломства турокъ; я, впрочемъ, полагаю, что это бѣдствіе не постигло бы его, еслибы онъ самъ не измѣнилъ христіанской вѣры и еслибы относился болѣе добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ. Его печальная судьба да послужитъ примѣромъ превратности человѣческой жизни: вначалѣ онъ пользовался неимовѣрнымъ успѣхомъ и одерживалъ блестящія побѣды, потомъ, какъ бы въ доказательство непрочности человѣческой судьбы, онъ растратилъ пріобрѣтенныя силы и средства и подвергся жестокой и позорной смерти.

Послѣ горемычной кончины Ивоніи, турки напали на молдаванъ, вышедшихъ изъ своего лагеря и умерщвляли ихъ, какъ скотъ. Польскіе всадники, видя турецкую измѣну, поняли, что имъ не дозволятъ безопасно возвратиться домой; они попытались отступить въ укрѣпленный лагерь, но оказалось, что онъ былъ уже занятъ тур-

---

[1]) Голова Ивоніи была отправлена въ Букарештъ и прибита къ городскимъ воротамъ: два года спустя ее видѣлъ тамъ, проѣзжая съ посольствомъ въ Константинополь, польскій историкъ Стрыйковскій.

ками. Увидѣвъ это, они, молча, построились въ боевую линію и ринулись въ густую толпу турокъ; истребивши ихъ значительное количество, они почти всѣ погибли, за исключеніемъ немногихъ, тяжело раненыхъ, которые были взяты въ плѣнъ. Турки были поражены удивленіемъ при видѣ столь малочисленнаго польскаго отряда, богатырски бросившагося на несмѣтныя турецкія силы: многіе изъ нихъ, несмотря на смертельныя раны, продолжали сражаться, врѣзываясь больше въ турецкіе ряды и впослѣдствіи, несмотря на эти необычныя усилія, они не умерли, но вылѣчились отъ ранъ.—Вотъ имена болѣе значительныхъ поляковъ, попавшихъ въ плѣнъ; Свѣрчовскій, который снискалъ въ этой кампаніи особенно громкую славу храбростью и опытностью въ военномъ видѣ, Козловскій, Садовскій, Янчикъ, Залѣсскій, Копытскій, Земковскій, Соколовскій, Либишовскій, Цишовскій, Суцинскій, Богшицкій [1]). Всѣ они впослѣдствіи были выкуплены изъ плѣна родственниками за значительныя денежныя суммы [2]). Турки предлагали имъ принять магометанство и принести присягу на вѣрность султану, обѣщая, что въ такомъ случаѣ они получать отъ Селима богатыя помѣстья, въ которыхъ они будуть проводить жизнь въ довольствѣ. Но они съ презрѣніемъ отвергали предложенія турокъ и предпочли убогую жизнь на родинѣ, богатствамъ, сопряженнымъ съ потерею душевнаго спасенія. Турки съ похвалою отзывались объ ихъ качествахъ и выказывали предположеніе, что они вѣроятно самые воинственные и храбрые мужи во всемъ польскомъ королевствѣ. Но польскіе плѣнники отвѣчали имъ: „Мы, напротивъ того, гораздо хуже другихъ, ибо мы были на ро-

---

[1]) Имена, приведенныя Горецкимъ, ясно свидѣтельствуютъ, что отряды такъ называемыхъ козаковъ, ходившіе на службу къ Ивоніи, состоили изъ польскихъ шляхтичей. Самъ Свѣрчовскій, по свѣдѣніямъ Симона Старовольскаго, былъ родомъ изъ Мазовецкаго воеводства: „Ioannes Sviersczovius..... equestri familia in Mazovia natus“. Simonis Starovolskii—Sarmatiae bellatores. Wratislaviae 1734 стр. 102.

[2]) Старовольскій утверждаетъ, что 30 только поляковъ взято было въ плѣнъ. Свѣрчовскій излѣчился отъ ранъ въ Константинополѣ и попалъ затѣмъ на галеру. Впослѣдствіи, выкупленный изъ плѣна, онъ возвратился на родину, и до конца жизни занимался организаціею отрядовъ, съ которыми предпринималъ набѣги на турецкіе предѣлы, причемъ онъ весьма много способствовалъ успѣху этихъ нападеній, вслѣдствіе хорошаго знанія условій мѣстности. Starowolski, ibid. 101—102.

динѣ очень бѣдны, и, не будучи въ состояніи снискать себѣ пропитанія, мы принуждены были отправиться въ Молдавію для того, чтобы найти славную смерть или обогатиться добычею, которая обезпечила бы наше безбѣдное существованіе на родинѣ". Но словамъ этимъ турки вѣрили неохотно.

Послѣ позорной казни Ивоніи, Селимъ занялъ всю Молдавію и истребилъ множество народа, предавая казни безразлично знатныхъ и неимущихъ. Занявъ страну, онъ помѣстилъ сильные гарнизоны въ крѣпостяхъ и принялся строить новые замки, разсчитывая затѣмъ ворваться въ Русь. Дѣйствительно Польша должна теперь зорко оберегать свои области отъ непримиримаго, вѣроломнаго и могущественнаго врага; ибо турки понимаютъ прекрасно, что занявъ Молдавію, вслѣдъ затѣмъ Покутіе [3]), за обладаніе которымъ Польша вела продолжительный споръ съ Молдавіею, они откроютъ себѣ свободный путь для вторженія въ Польшу, ибо Покутіе, расположенное между Днѣстромъ, Прутомъ, Каменцемъ и Галицкою землею, составляетъ область пограничную съ Молдавіею.

Пріемъ политики турецкихъ султановъ состоитъ въ томъ, чтобы подготовлять побѣду надъ сосѣднимъ народомъ, поддерживая распри, возникающія между его вельможами по какому бы то ни было поводу. Отцы наши помнятъ ихъ поведеніе по отношенію къ Греціи, мы сами были свидѣтелями ихъ поступковъ въ Венгріи и Молдавіи. Одна только Польша, хотя лишенная отовсюду защиты и союзниковъ вслѣдствіе раздоровъ, господствующихъ среди христіанскихъ державъ къ крайнему утѣшенію магометанъ, успѣшно отражаетъ нападенія турокъ и татаръ. Турки страшно желаютъ покорить Польшу для того, чтобы потомъ обратить всѣ силы противъ Германіи, такъ какъ

---

[1]) Покутіемъ называлась область, составлявшая юго-восточный уголъ Червоной Руси, врѣзывавшійся клиномъ (кутомъ) между Молдавіею и Венгріею. Она обнимала нынѣшніе повѣты восточной Галиціи: Коссовскій, Коломыйскій, Снятинскій, Городецкій, Надворнянскій, Тлумачскій и Богородчанскій. Въ 1530 году молдавскій господарь Петръ Рарешъ занялъ было Покутіе и овладѣлъ въ немъ многими укрѣпленными замками, но попытка его окончилась неудачно; въ 1531 году польскій гетманъ Янъ Тарновскій нанесъ ему рѣшительное пораженіе у Обертина и заставилъ очистить Покутіе.

укрѣпленія Вѣны мѣшаютъ имъ безпрепятственно проникнуть внутрь этой страны.

Вскорѣ послѣ занятія Молдавіи Селимъ умеръ на четвертомъ году своего царствованія, 15 декабря 1574 года. Старшій въ его родѣ Амуратъ поспѣшилъ занять престолъ и явился въ Царьградъ, не ожидая приглашенія пашей, которымъ онъ не довѣрялъ. По обычаю турецкихъ султановъ, привыкшихъ управлять грозою, онъ началъ правленіе свое казнями: онъ приказалъ умертвить пять братьевъ, двѣ жены Селима, изъ которыхъ одна была беременна, и значительное количество вельможъ. Въ угоду янычарамъ, доставившимъ ему престолъ помимо желанія пашей, онъ выдалъ имъ въ награду по 70 талеровъ на человѣка, увеличилъ ихъ жалованье и собственныхъ сыновей записывалъ въ янычары, по мѣрѣ достиженія ими юношескаго возраста, притомъ онъ увеличилъ количество янычаръ на 2,000, такъ что милиція эта достигла числа 16,000; онъ освободилъ ихъ отъ всѣхъ трудныхъ военныхъ обязанностей и озаботился о щедромъ ихъ продовольствіи.

Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ рѣшился отмстить полякамъ, за пораженія, которыя нанесъ туркамъ Ивонія съ помощью польскихъ козаковъ; съ этою цѣлью, въ октябрѣ 1575 года онъ отпустилъ въ Русь 11,000 крымскихъ татаръ, которые опустошили эту страну на 40 миль: они сожгли до 200 дворовъ шляхетскихъ и разорили множество селъ, перебили въ нихъ стариковъ и дѣтей; около 30 шляхтичей пали въ стычкахъ или вмѣстѣ съ женами и дѣтьми были увлечены на арканахъ въ Молдавію; угнаны были огромныя стада быковъ, овецъ и лошадей, тѣмъ животнымъ, которыя изнемогли на пути, татары подрѣзывали мышцы на ногахъ и, сдирая съ животныхъ кожу, предоставляли ихъ въ пищу плѣнникамъ. Послѣдніе разразились страшнымъ плачемъ на переправѣ черезъ Днѣстръ, ибо, они поняли, что за этою рѣкою прекращается всякая надежда на освобожденіе изъ рукъ дикаго врага. Наши могли бы ихъ поразить навѣрно, если бы они не были введены въ заблужденіе ложными увѣреніями молдавскаго господаря Петра, который далъ обѣщаніе, что не дозволитъ татарамъ возвращаться черезъ

Молдавію, но охотно разрѣшитъ нашимъ войскамъ преслѣдовать ихъ. Вслѣдствіе этого польское войско отправилось въ сторону Кіева, полагая, что татары будутъ возвращаться по той дорогѣ, и не успѣло задержать ихъ на переправѣ черезъ Днѣстръ. Многихъ плѣнниковъ татары умертвили на пути, нѣкоторые были освобождены жителями Руси и, скитаясь среди рыскавшихъ повсюду непріятельскихъ отрядовъ, съ трудомъ пробрались подъ защиту войска, состоявшаго подъ начальствомъ Мелецкаго, воеводы подольскаго.— Въ то время нашими захваченъ былъ татаринъ, угонявшій 70 плѣнныхъ; онъ былъ непомѣрно громаднаго роста; когда онъ палъ въ битвѣ, то трупъ его измѣрили: одно туловище его, безъ головы, равнялось среднему человѣческому росту, чело же представляло ширину въ 24 дюйма.

Между тѣмъ какъ татары угоняли плѣнныхъ въ Молдавію, храбрые днѣпровскіе козаки подъ предводительствомъ Богдана Ружинскаго ворвались въ татарскія владѣнія, они опустошили страну огнемъ и мечемъ, женщинамъ рѣзали груди, многихъ лишали глазъ, убивали дѣтей и освобождали встрѣченныхъ плѣнниковъ.

Но пора окончить это повѣствованіе; изъ него, между прочимъ, возможно вывести то заключеніе, что христіане могутъ побѣждать турокъ, если составятъ бодрое духомъ и храброе войско, если будутъ снабжены необходимыми средствами и, что важнѣе всего, если будутъ находиться подъ начальствомъ мужественнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ вождя.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ А. С. Лашкевича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1889.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

Декабрь.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Декабря 1889 г.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

31-го минувшаго октября, послѣ тяжкой болѣзни, скончался на 48-мъ году жизни издатель-редакторъ „Кіевской Старины" Александръ Степановичъ Лашкевичъ. Общество потеряло въ немъ честнаго, идейно-сознательнаго труженика, проявившаго свою энергію на разныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія; мы же, совмѣстно работавшіе съ нимъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ въ журналѣ, сверхъ всего этого, потеряли въ немъ и лично дорогаго намъ сотоварища,—это послѣднее налагаетъ на насъ обязанность почтить память покойнаго, подѣлившись съ читателями нѣкоторыми свѣдѣніями о болѣе характерныхъ моментахъ его жизни и дѣятельности.

Уроженецъ с. Брахлова, новозыбковскаго уѣзда, черниговской губерніи, А. С. Лашкевичъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, которая находилась въ родствѣ со многими старинными малороссійскими фамиліями и о которой прежней редакціей нашего журнала была напечатана статья Ѳ. Д. Николайчика подъ заглавіемъ: „Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ" [1]). Прадѣдъ Александра Степановича, Степанъ Ивановичъ, женатый на дочери прилуцкаго полковника Григорія Игнатьевича Галагана, Прасковьѣ, служилъ бунчуковымъ това-

[1]) „Кіевская Старина", 1887 г., № 12.

рищемъ въ стародубскомъ полку, а потомъ — предсѣдателемъ новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда, и оставилъ послѣ себя веденный впродолженіе 14-ти лѣтъ (съ 1768 по 1782 г.) дневникъ, о которомъ идетъ рѣчь въ упомянутой статьѣ. Онъ владѣлъ большимъ имѣніемъ, находившимся въ селеніяхъ Брахловѣ, Любечанахъ, Павловѣ, Шомовѣ, Обтеняхъ, Бровничахъ и Тимоновичахъ — новозыбковскаго уѣзда, Ущерпьѣ — суражскаго уѣзда, Норицы (Галагановка то же), Желѣзномъ-Мостѣ и Гремячкѣ—новгородсѣверскаго у. и въ городахъ Стародубѣ и Погарѣ. Дѣдъ Александра Степановича, полковникъ Иванъ Степановичъ, былъ женатъ на Анастасіи Петровнѣ Милорадовичъ (дочери черниговскаго полковника, потомъ генералъ-маіора, Петра Степановича Милорадовича и внучкѣ бунчуковаго товарища Семена Полуботка) и, въ прибавленіе къ своимъ имѣніямъ, получилъ за женой часть Полуботковскихъ имѣній въ черниговскомъ уѣздѣ. Служа сержантомъ измайловскаго полка и имѣя 20-ть лѣтъ отъ роду, онъ перевелъ съ англійскаго языка книгу Франкли, которую и издалъ въ 1781 г. [1]). Склонность къ литературнымъ занятіямъ у отца Александра Степановича, Степана Ивановича, выразилась въ составленіи „Историческаго очерка стародубскихъ раскольничьихъ слободъ“, который напечатанъ не былъ и хранился въ рукописи у Александра Степановича.

Если признать, что родовыя традиціи вообще играютъ роль при формировкѣ характера, наклонностей и даже привычекъ даннаго лица, то по отношенію къ покойному можно сказать— эта теорія вполнѣ оправдалась. Весь родъ его какъ по мужской, такъ и по женской линіи былъ родомъ истыхъ малорусскихъ земцевъ разныхъ эпохъ и поколѣній, а потому—и разныхъ оттѣнковъ; эту черту любви къ родной землѣ и земскому дѣлу традиціонно унаслѣдовалъ Александръ Степановичъ, усиливъ ее

---

[1]) Прогуливаніе Г. Франкли, изданное на англійскомъ языкѣ сестрою его. На россійскій языкъ перевелъ Иванъ Лашкевичъ. Москва, въ университетской типографіи, 1781 г.

качествомъ сознательности въ періодъ воспитанія своего въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, когда самой жизнью вливалась въ молодыя поколѣнія эта любовь ко всему родному и вырабатывалось сознаніе въ необходимости послужить народно-земскому дѣлу. Нельзя не обратить вниманія и на то, что нѣкоторые ближайшіе по времени представители рода Лашкевичей (отецъ и дѣдъ покойнаго) заявили себя любовью къ книжному дѣлу. Эту черту всецѣло воспринялъ покойный отъ рода своего и доказалъ ее цѣлымъ рядомъ фактовъ въ своей жизни, и между прочимъ тѣмъ, что по смерти своей оставилъ библіотеку, которая можетъ служить украшеніемъ не только частнаго кабинета какого нибудь спеціалиста—ученаго, но и любаго общественно-научнаго учрежденія; при чемъ нельзя забывать, что библіотеку эту оставилъ не кабинетный ученый, а помѣщикъ—земскій дѣятель. Эти двѣ черты—любовь къ родинѣ и народно-земскому дѣлу и такая же любовь къ книжному дѣлу—красной нитью проходятъ черезъ всю жизнь покойнаго, главнѣйшіе моменты которой мы и постараемся теперь представить читателю.

Родился Александръ Степановичъ 19 іюля 1842 г. въ с. Браховлѣ, которое было главнымъ имѣніемъ его прадѣда и которое впослѣдствіе перешло къ нему. Дѣтство и юность свою Александръ Степановичъ провелъ въ Кіевѣ, гдѣ въ то время отецъ его жилъ съ своимъ семействомъ. Образованіе онъ получилъ въ 1-й кіевской гимназіи, а потомъ въ университетѣ св. Владиміра, который окончилъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета въ 1864 г. По окончаніи университетскаго курса, Александръ Степановичъ поступилъ на службу въ канцелярію бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора Безака, откуда былъ назначенъ на должность мироваго посредника въ одинъ изъ уѣздовъ кіевской губерніи; послѣ того Ал. Ст. служилъ предсѣдателемъ повѣрочнаго отдѣленія въ г. Звенигородкѣ, затѣмъ—предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ въ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губ. Въ томъ фактѣ, что Ал. Ст.,

окончивъ курсъ университета кандидатомъ-филологомъ, не пошелъ по обычному пути большинства, впервые ясно сказалось, что, во 1-хъ, наукой занимался онъ не съ практическими цѣлями, а любилъ ее самое по себѣ, а во 2-хъ, что основной идеей его была идея земской дѣятельности, для которой тогда (въ началѣ 60-хъ годовъ) такъ много было сдѣлано правительствомъ и которая составляла существеннѣйшій вопросъ общественной жизни Россіи вообще и юго-западнаго края въ частности. Во имя той же самой идеи земской дѣятельности оставляетъ онъ въ концѣ 60-хъ годовъ свою службу для земскаго дѣла въ лѣвобережьи и переселяется въ родную Черниговщину, требовавшую тогда людей для новаго дѣла послѣ введенія земскихъ учрежденій.

Поселившись въ своемъ имѣніи въ с. Брахловѣ, Ал. Ст. и посвятилъ себя общественной дѣятельности въ качествѣ гласнаго земства (уѣзднаго и губернскаго) и мироваго судьи, причемъ въ теченіе 3-хъ трехлѣтій былъ предсѣдателемъ новозыбковскаго съѣзда мировыхъ судей; въ то же время, съ открытіемъ въ Новозыбковѣ реальнаго училища, онъ сдѣлался почетнымъ попечителемъ его.

Въ началѣ 1886 г. Александръ Степановичъ переселился изъ новозыбковскаго уѣзда въ Кіевъ, и здѣсь принялъ участіе въ „Кіевской Старинѣ,“ помѣстивъ въ ней нѣсколько небольшихъ статей. Когда же покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ по болѣзни вынужденъ былъ прекратить изданіе „Кіевской Старины“, Александръ Степановичъ, пріобрѣтя у него журналъ, съ начала 1888 г. принялъ изданіе его на себя, и отдался этому дѣлу всѣмъ сердцемъ своимъ. Какъ во всѣхъ предъидущихъ положеніяхъ Александра Степановича руководило не желаніе доставить себѣ какія нибудь выгоды, а исключительно служеніе общественной пользѣ, такъ было и въ новомъ положеніи: тотъ же самый характеръ имѣла дѣятельность его, какъ издателя-редактора, тѣмъ же идеалистомъ онъ остался. Далекій въ веденіи журнала отъ всякихъ личныхъ разсчетовъ и побуждаемый единственно

желаніемъ посильно служить тому дѣлу, которое онъ считалъ полезнымъ, Александръ Степановичъ, не щадя своихъ средствъ и жертвуя журналу личными интересами, всѣ силы употреблялъ къ тому, чтобы, привлекши лучшихъ сотрудниковъ, поднять достоинство журнала, посвящая его возможно болѣе всестороннему возстановленію мѣстной исторіи и къ выясненію характеристическихъ особенностей народнаго міровозрѣнія, художественнаго творчества и сложившихся исторически бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Онъ старался не только улучшить содержаніе журнала, но и придать ему возможно болѣе изящную внѣшность; однимъ словомъ онъ хотѣлъ, чтобы „Кіевская Старина", будучи органомъ мѣстной исторіи, какъ по интересу содержанія, такъ и по своей внѣшности, ни въ чемъ не уступала нашимъ лучшимъ журналамъ. Насколько удалось Александру Степановичу осуществить свои мечты и желанія—предоставляемъ судить нашимъ читателямъ; замѣтимъ только, что по отзыву автора одного изъ некрологовъ, помѣщенныхъ въ кіевскихъ газетахъ, „Кіевская Старина" подъ редакторствомъ А. С. Лашкевича „расширилась до предѣловъ крупнаго литературнаго предпріятія и приняла видъ изданія, раньше никогда не появлявшагося въ провинціи." Такая же въ сущности оцѣнка дѣятельности покойнаго, какъ редактора, дана и въ некрологѣ, появившемся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ".

Здоровье Александра Степановича пошатнулось съ весны этого года, хотя ничего серьезнаго болѣзнь его тогда не представляла. По совѣту медиковъ, для поправленія здоровья, онъ отправился на лѣто въ деревню. Но когда онъ возвратился оттуда, вмѣсто ожидавшагося улучшенія здоровья, мы замѣтили въ немъ упадокъ силъ. Другіе медики, къ которымъ обратился тогда Ал. Ст., сказали ему, что ему вовсе не нужно было ѣздить въ деревню, а необходимо было съѣздить въ Карлсбадъ. Но наступала осень и ѣхать въ Карлсбадъ уже было поздно. Онъ сталъ лечиться карлсбадскими водами здѣсь, и повидимому, начи-

налъ чувствовать себя лучше, какъ неожиданно въ половинѣ сентября съ нимъ случился апоплексическій ударъ, послѣ котораго онъ уже не вставалъ съ постели. Образовавшійся вслѣдъ затѣмъ карбункулъ сдѣлалъ положеніе больнаго опаснымъ; въ ночь съ 30 на 31-е октября ударъ повторился, и послѣ того часы жизни Александра Степановича были сочтены, а въ 10 часовъ вечера 31 октября его уже не стало.

Несмотря на поразившій Александра Степановича тяжелый недугъ, думы и заботы о „Кіевской Старинѣ" не оставляли его до послѣднихъ дней его жизни. Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по разстроенному здоровью и нѣкоторымъ личнымъ обстоятельствамъ, затруднявшимъ для Александра Степановича изданіе журнала, одинъ знакомый его совѣтывалъ ему отказаться отъ продолженія изданія „Кіевской Старины", Александръ Степановичъ отвѣтилъ: „я душу свою положилъ въ это дѣло, и не могу отъ него отказаться". Уже лежа на смертномъ одрѣ, за нѣсколько дней до кончины, когда зашелъ разговоръ о томъ же предметѣ, Александръ Степановичъ, желая выразить, насколько ему дорога „Кіевская Старина", и чтобъ не говорить много, сказалъ: „Кіевская Старина"—„это мое третье дитя" [1]).

Она дѣйствительно была ему дорога, какъ родное дитя, и еслибъ безвременная кончина не прервала его жизни, онъ ни за что не отказался бы отъ этого дорогаго ему дѣтища, какихъ бы жертвъ для этого ни требовалось. Мы, посильно сотрудничавшіе въ журналѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ Александру Степановичу всегда это чувствовали и, потерявъ его, не можемъ не скорбѣть глубоко о нашей утратѣ. Мы потеряли въ немъ и добраго, симпатичнаго, отзывчиваго человѣка и преданнаго своему дѣлу издателя - редактора, готоваго жертвовать для журнала всѣми своими средствами.

Въ пространной эпитафіи, написанной въ стихахъ неизвѣстнымъ авторомъ прадѣду Александра Степановича, Степану Ива-

---

[1]) Александръ Степановичъ оставилъ послѣ себя двухъ дѣтей.

новичу, и напечатанной въ вышеупомянутой статьѣ г. Николайчика, означенный авторъ, сравнивъ Ст. Ив. Лашкевича съ Авраамомъ по гостепріимству (которымъ, кстати сказать, отличался и покойный Александръ Степановичъ) и указавъ далѣе на храмъ, воздвигнутый имъ, говоритъ: „се трудъ и коштъ его, се ревности есть плодъ". Невольно вспоминаются теперь эти слова, потому что и объ Александрѣ Степановичѣ можно сказать, указавъ на „Кіевскую Старину" двухъ послѣднихъ лѣтъ: *„се трудъ и коштъ его, се—ревности есть плодъ"*.

Погребеніе Александра Степановича состоялось 2 ноября. Въ 9½ часовъ утра совершенъ былъ выносъ тѣла покойнаго въ Георгіевскую церковь, при собравшейся значительной группѣ друзей и сотрудниковъ Александра Степановича. По окончаніи заупокойной литургіи, была совершена каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, въ сослуженіи двухъ протоіереевъ, панихида, ко времени которой церковь переполнилась многочисленной публикой; въ средѣ ея было много студентовъ и вообще молодежи. Въ 12½ часовъ сотрудники „Кіевской Старины" вынесли на своихъ рукахъ изъ церкви гробъ; онъ былъ украшенъ вѣнками, на которыхъ виднѣлись надписи: „отъ друзей и товарищей по изданію „Кіевской Старины", „отъ женщинъ-друзей", „отъ молодыхъ украинцевъ". Былъ сумрачной, осенній день, въ теченіе котораго не переставая шелъ мокрый снѣгъ; но, несмотря на ненастную погоду, многочисленный кружекъ друзей, сотрудниковъ и почитателей Александра Степановича проводилъ печальную процессію на Аскольдову Могилу, гдѣ нашелъ себѣ успокоеніе дорогой и уважаемый сотоварищъ нашъ. Предъ опусканіемъ гроба въ могилу, товарищъ покойнаго по университету и одинъ изъ близкихъ друзей его П. И. Житецкій произнесъ глубоко прочувственное слово, текстъ котораго приводимъ здѣсь:

„Добрый товарищъ и другъ мой! Не для тебя, а для себя и для моихъ друзей и сверстниковъ моихъ я хочу сказать здѣсь

нѣсколько словъ, чтобы облегчить тяжелыя минуты послѣдней разлуки съ тобой.

Я хочу напомнить здѣсь давніе, давніе годы, когда мы съ тобою въ дружной толпѣ товарищей нашихъ готовились къ жизни, — напомнить золотую пору юности нашей, когда люди съ пѣснями горе встрѣчаютъ, съ пѣснями его и провожаютъ.

Ходили мы съ тобой въ ту пору по этимъ дивнымъ урочищамъ Кіева, не разъ были и здѣсь, гдѣ теперь хоронимъ тебя. Припоминали мы въ этихъ прогулкахъ давнее историческое прошлое Кіева, задумывались надъ исторической судьбой родной земли нашей.

Изъ Alma mater нашей, изъ университета кіевскаго, мы вынесли глубокое уваженіе къ сознательной общественной дѣятельности, къ сознательному труду для блага родины нашей. Мы вынесли изъ него горячія симпатіи къ народу русскому въ его дѣйствительномъ, а не выдуманномъ существованія.

Мы вступили на путь общественной жизни при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Тогда во всѣхъ концахъ русскаго міра раздался благодатный призывъ къ честному труду на пользу народа, выходившаго изъ крѣпостной неволи. Святымъ трепетомъ отозвался этотъ призывъ въ сердцахъ нашихъ, и ты пошелъ вмѣстѣ съ другими сѣять доброе сѣмя на родной нивѣ своей.

Прошли годы.

Я не знаю, какъ мы исполнили наши задачи, какъ мы осуществили завѣтныя мечтанія юности нашей. Знаю только, что мы никогда не были довольны собою, что мы часто искали въ самихъ себѣ причины нашихъ разочарованій и разбитыхъ надеждъ нашихъ. Знаю также, что вокругъ насъ выросло новое племя, появились новые люди, а вмѣстѣ съ ними и новыя вѣянія, которыя уже не ласкаютъ насъ весною юности нашей.

И вотъ, чтобы сберечь эти остатки юности, ты пришелъ къ немногимъ друзьямъ своимъ на помощь въ ту минуту, когда они чувствовали нравственную потребность сказать новымъ лю-

дямъ, что новое не вѣчно будетъ новымъ, и что въ немъ нѣтъ прочныхъ залоговъ жизни безъ широкаго историческаго самосознанія.

Ты пришелъ къ намъ въ ту минуту, когда оборвался голосъ „Кіевской Старины", и снова, подъ твоимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ, раздался этотъ голосъ, какъ живое слово правды и добра, какъ искреннее и честное слово, которое не всуе произносится, но отъ сердца отрывается.

Не знаю, умолкнетъ-ли этотъ голосъ на всегда,—но не забудется подвигъ твой, съ которымъ ты слилъ все свое существованіе до самыхъ послѣднихъ минутъ твоей жизни, не забудется среди людей, которые знали тебя, симпатичный и свѣтлый образъ твой съ неисчерпаемой добротой души твоей—незлобливой и кроткой.

Пусть-же родная земля покроетъ тебя, обниметъ тебя, какъ мать роднаго сына своего!...

Прощай, добрый товарищъ и другъ мой!"

Глубоко тронутая и этимъ словомъ, и вообще прощаніемъ съ дорогимъ покойникомъ, публика разошлась съ кладбища около 3-хъ часовъ дня.

На имя вдовы покойнаго А. С. Лашкевича и редакціи были получены сочувственныя телеграммы отъ редакцій журналовъ, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, текстъ которыхъ занялъ бы много мѣста. Память покойнаго почтили и въ историческихъ обществахъ кіевскомъ и харьковскомъ.

Засѣданіе историческаго общества Нестора Лѣтописца, 5 ноября, открылось краткой рѣчью предсѣдателя общества, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, посвященной памяти покойнаго редактора-издателя „Кіевской Старины", А. С. Лашкевича, состоявшаго дѣйствительнымъ членомъ общества Лѣтописца Нестора. По двумъ причинамъ, сказалъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, покойный А. С. Лашкевичъ заслуживаетъ вѣчной памяти о немъ членовъ историческаго общества. Почти прямо

со студенческой скамьи А. С. Лашкевичъ получилъ должность мироваго посредника въ одной изъ губерній юго-западнаго края и этимъ призванъ былъ къ участію въ улучшеніи быта мѣстныхъ крестьянъ послѣ возстанія 1863 г., т. е. принялъ активное участіе въ томъ великомъ историческомъ процессѣ, въ которомъ надо видѣть не только экономическое возрожденіе нашего края, но и возрожденіе національное. Хотя покойный Лашкевичъ игралъ не первенствующую роль въ этомъ великомъ дѣлѣ, но отъ участниковъ преобразованій въ краѣ, предначертанныхъ правительствомъ, и не требовалось громкихъ подвиговъ; нужно было честное, энергичное отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ, да заботливое участіе къ нуждамъ народа, такъ недавно еще терпѣвшаго беззаконныя несправедливости. Всѣ эти качества въ высокой степени присущи были покойному Лашкевичу, и онъ честно выполнилъ гражданскій долгъ. Другой моментъ въ дѣятельности покойнаго А. С. Лашкевича, дающій ему право на вѣчный дипломъ почетнаго члена историческаго общества—это изданіе и редактированіе „Кіевской Старины"—единственнаго историческаго журнала на всемъ обширномъ югѣ Россіи. Онъ вложилъ всю душу въ это дѣло, положилъ на него не мало труда и матеріальныхъ затратъ, никогда не думая о личныхъ выгодахъ. Въ заключеніе проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ предложилъ почтить память усопшаго обычнымъ вставаньемъ съ мѣстъ.

Въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ предсѣдатель его проф. А. А. Потебня предложилъ почтить память Лашкевича вставаньемъ съ мѣстъ, а проф. Д. И. Багалѣй сдѣлалъ краткій очеркъ дѣятельности покойнаго.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго[1]).

Университетская администрація.

Высшая власть во всемъ юго-западномъ краѣ принадлежала генералъ-губернатору. Объ отношеніяхъ этой власти къ попечителямъ кіевскаго учебнаго округа любопытно свидѣтельство перваго попечителя фонъ-Брадке.

„Гр. Гурьевъ, говоритъ онъ, ненавидѣлъ (?) всѣ университеты. Хотя между нами не было никакихъ неудовольствій, но по университетскимъ дѣламъ выходили столкновенія, такъ что дѣло доходило до Государя, рѣшавшаго ихъ въ мою пользу. На мѣсто Гурьева назначенъ Бибиковъ, человѣкъ великихъ природныхъ дарованій, но безъ научнаго образованія. По внѣшности мы были друзьями, но потомъ ясно оказалось, что онъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе соединить попечительское мѣсто съ генералъ-губернаторскимъ и добивался этой цѣли“.

Весьма естественно, что при наклонности все въ управляемомъ имъ краѣ подчинять своей власти, приснопамятнаго Димитрія Гавриловича, такое учрежденіе, какъ университетъ, съ извѣстной долей автономіи, не могло ему нравиться. А все таки, послѣ увольненія фонъ Брадке, ему не удалось захватить въ свои руки[2]) управленіе кіевскимъ учебнымъ округомъ: попечителемъ назначенъ гродненскій губернаторъ кн. Давидовъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 11, ноябрь.

[2]) Въ 1812 году Бибиковъ потерялъ при Бородинѣ руку. Кіевская аристократія называла его manchot (однорукій). Говорятъ, одинъ исправникъ, отправляя къ нему секретное донесеніе, затрудняясь, какъ ему надписать на конвертѣ: въ *собственныя руки* или въ *собственную руку?*

Попечитель кн. Давидовъ

былъ человѣкъ крайне лѣнивый. Въ университетъ онъ заглядывалъ рѣдко. На экзаменахъ обыкновенно садился на студентскую скамью и все время рисовалъ на лоскуткѣ бумаги головки. Въ дѣла округа онъ также не входилъ: назначеніе учителей, ихъ перемѣщенія, повышенія, награды и увольненіе зависѣло отъ всемогущаго при немъ правителя канцеляріи А. А. Лазова. Князь подписывалъ бумаги, не читая. Административная его бездѣятельность, въ сравненіи съ „барабанной поспѣшностію" фонъ Брадке, очень рѣзко бросалась въ глаза. Явно недовольный его назначеніемъ Бибиковъ постоянно запускалъ въ него шпильки.

Хвалился князь передъ кіевской аристократіей, что ему лично извѣстны всѣ студенты, но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ только двѣ студентскія фамиліи: Вернадскаго и Пухальскаго. Гуляетъ, напр., попечитель въ Царскомъ саду съ своими знакомыми; встрѣчается студентъ и дѣлаетъ фронтъ.

— А, здравствуй, Вернадскій! привѣтствуетъ онъ любезно юношу.

Встрѣчается другой:—„а, здравствуй, Пухальскій!"

— Неужели, prince, вамъ извѣстны фамиліи всѣхъ студентовъ? удивляется гулявшая съ нимъ дама.

— О, да, отвѣчаетъ за князя его супруга, онъ знаетъ всѣхъ молодыхъ людей: они у насъ, какъ дѣти—мы постоянно съ ними.

Если на бѣду попадался на встрѣчу еще одинъ студентъ, то князь или старался его не замѣтить, или называлъ Вернадскимъ.

Да, нашъ сіятельный не обладалъ твердой памятью; не то что Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке, который зналъ по фамиліи не только всѣхъ студентовъ, но и гимназистовъ. Бибиковъ подмѣтилъ его слабую струнку. Исторія съ Денисомъ Подпружниковымъ, во время царскаго посѣщенія университета, навела Димитрія Гавриловича на мысль—въ ожиданіи новаго посѣщенія—заставить князя выучить фамиліи студентовъ: это было предъ Высочайшимъ пріѣздомъ въ Кіевъ Императора Николая Павловича, въ 1841 году.

За двѣ недѣли до царскаго пріѣзда насъ начали собирать по вечерамъ въ институтскую залу, ставили въ ряды, а князь ходилъ между рядами въ сопровожденіи инспектора и училъ фамиліи, повторяя каждую по нѣсколько разъ. Но память его не слушалась: едва

онъ успѣвалъ пройти одинъ рядъ и перейти къ другому, какъ уже рѣшительно не помнилъ ни одной фамиліи, возвратясь къ первому. Пробившись такимъ манеромъ недѣли полторы, его сіятельство бросилъ свои упражненія въ мнемоникѣ, да такъ и остался при двухъ фамиліяхъ: Вернадскаго и Пухальскаго.

Былъ гдѣ то попечитель на именинномъ обѣдѣ. Тамъ въ присутствіи генералъ-губернатора стали говорить о похожденіяхъ студентовъ въ ночное время, особенно казеннокоштныхъ. Не заѣзжая домой, прямо изъ гостей, ѣдетъ князь въ институтъ. Мы жили уже въ новомъ зданіи на четвертомъ этажѣ. На лѣстницахъ не оказалось ни одной лампы. Пробираясь въ потьмахъ до студентскихъ каморъ, онъ не разъ спотыкался и падалъ. Затѣмъ, преодолѣвъ всѣ трудности восхожденія на высоту, врывается въ первую попавшуюся камеру и тамъ не находитъ никакого кутежа, ни даже преферанса, а только одинъ лирическій безпорядокъ: раздѣтые студенты лежали съ книгами въ рукахъ, кто на полу, подложивъ подъ голову латинскій лексиконъ или логариѳмы, кто на сдвинутыхъ комодахъ или на окнѣ; но всѣ, однакожъ были заняты дѣломъ, а не кутили, какъ на нихъ насплетничали. Нашумѣвши вволюшку за безпорядокъ, попечитель вошелъ въ другую камеру, но тамъ не нашелъ уже ни одного человѣка: всѣ разбѣжались и попрятались въ сторожку, кто въ чемъ былъ, оставивъ на полу зажженную свѣчу.

— Чья свѣча? признавайся! закричалъ князь, завидѣвъ одного студента, успѣвшаго одѣться и вернуться въ камеру.

— Моя, ваше сіятельство! отвѣчаетъ студентъ.

— А, твоя? озлился князь, въ солдаты!

— Помилуйте, в. с-во, за что же въ солдаты?

— Въ солдаты, въ солдаты! свирѣпствовалъ князь, выходя изъ камеры. Когда, обошедши всѣ камеры, гдѣ успѣли уже все привесть въ порядокъ, попечитель сходилъ внизъ по освѣщеннымъ уже лѣстницамъ, мой пріятель, Фердинандъ Лыщинскій, поддерживая князя подъ руку, не переставалъ умолять его о пощадѣ.

— Нѣтъ, братъ, не выкрутишься, говорилъ уже шутливымъ тономъ попечитель, будешь солдатомъ, будешь!

— Ну, Богъ съ вами, в. с-во, сказалъ съ притворнымъ отчаяніемъ Фердинандъ, я вамъ жизнь спасъ, а вы меня въ солдаты...

— Что ты говоришь? когда ты мнѣ жизнь спасъ?

— Когда я былъ въ первомъ благородномъ пансіонѣ гимназистомъ— забыли? Вы, сходя съ лѣстницы, поскользнулись и если бы я васъ не поддержалъ, то вы ушиблись бы до смерти.

— Другъ мой! умилился князь, трепля по румяной щекѣ Фердинанда, ты не будешъ солдатомъ — приходи завтра ко мнѣ обѣдать!

По поводу стоявшей на полу свѣчи, во избѣжаніе могшаго отъ того произойти пожара, въ студентскихъ камерахъ, вмѣсто сальныхъ свѣчей, появились стѣнныя лампы, по одной на двухъ человѣкъ. Такое освѣщеніе весьма гибельно повліяло на наше зрѣніе, вслѣдствіе чего мы просили начальство отмѣнить свое распоряженіе и вновь ввести свѣчи. Но насъ заставили молчать. Не получивъ удовлетворенія законнымъ путемъ, мы выразили свой протестъ другимъ способомъ: не проходило вечера безъ того, чтобы не было испорчено нѣсколько лампъ, такъ что на ремонтъ ихъ потребовалось больше денегъ, чѣмъ выходило прежде на сальныя свѣчи. Только такимъ манеромъ, охраняя свои глаза, мы могли заставить начальство убрать противныя лампы съ вонючимъ масломъ и копотью, замѣнивъ ихъ свѣчами.

При кн. Давыдовѣ помощникомъ попечителя былъ сперва Карлгофъ. Но изъ за популярности, какую онъ успѣлъ пріобрѣсть въ кіевскомъ обществѣ, князю онъ не понравился и былъ перемѣщенъ въ харьковскій учебный округъ. На его мѣсто назначенъ инспекторъ казенныхъ училищъ Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ, остававшійся на службѣ до назначенія попечителемъ Пирогова.

Къ сонму окружной администраціи сопричислялъ себя и нашъ всемогущій Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ. Придешь бывало въ канцелярію—сидитъ „правитель“ на какомъ то возвышеніи, въ родѣ амвона—настоящій Юпитеръ громовержецъ. Взглянетъ на тебя, да такъ у порога и остановитъ орлинымъ взглядомъ. Скажетъ какую нибудь незначущую фразу, да и прощайте!

И не спроста этотъ гордый бюрократъ присвоилъ себѣ право такъ презрительно—обидно относиться къ труженикамъ разныхъ захолустьевъ—онъ былъ всемогущій властелинъ судьбы ихъ: чрезъ

него всего можно было достигнуть и мѣсто лучшее получить и въ инспекторы гимназіи попасть. Что захочетъ, то и поднесетъ къ подписи попечителю.

Ректоры Неволинъ и Ѳедоровъ.

Послѣ перемѣщенія Неволина въ петербургскій университетъ, ректоромъ былъ избранъ Василій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, профессоръ астрономіи, благороднѣйшая и добрѣйшая личность, хотя и далеко уступавшій своему предмѣстнику—юристу въ административныхъ способностяхъ. А дѣло извѣстное, что добродушные люди никогда не бываютъ хорошими администраторами.

Василій Ѳедоровичъ принималъ всегда живѣйшее участіе во всѣхъ нашихъ невзгодахъ, помогая намъ своимъ заступничествомъ на экзаменахъ и даже при случаѣ деньгами. Какъ человѣкъ одинокій и чрезвычайно общительный, онъ каждый почти вечеръ приглашалъ къ себѣ двухъ-трехъ казеннокоштныхъ студентовъ на бесѣду, разспрашивалъ о нуждающихся, давалъ полезные совѣты и разсказывалъ забавные анекдоты. Доступностію, простотой обхожденія нашъ ректоръ астрономъ составлялъ совершенную противоположность гордому, неприступному юристу Неволину, который ни разу ни къ одному студенту не заговорилъ по человѣчески. Настоишься бывало въ пріемной, пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета, выхватитъ изъ рукъ прошеніе, заглянетъ въ него вскользь и процѣдивъ свою обычную фразу: „въ свое время будетъ объявлено!"—юркнетъ и исчезнетъ за дверью своего кабинета. Носился между студентами слухъ, что когда родная мать его—пономарица, прійдя изъ вятской губерніи въ Кіевъ на богомолье, хотѣла повидаться съ своимъ чиновнымъ сыномъ, то онъ не допустилъ ее къ себѣ, выславъ черезъ лакея ассигнацію, какъ нищей.

Въ ректорство Ѳедорова въ университетѣ св. Владиміра между профессорами образовалось двѣ партіи русская и нѣмецкая; къ послѣдней принадлежалъ и самъ ректоръ, какъ воспитанникъ дерптскаго университета.

Въ 1843 году, въ университетской церкви нашей былъ совершенъ обрядъ крещенія еврея Гринбаума. Окончивъ каменецъ-по-

дольскую гимназію на счетъ кагала, который предполагалъ сдѣлать изъ своего стипендіата ученаго раввина, молодой человѣкъ измѣнилъ своимъ единовѣрцамъ: бросивъ жену и дѣтей, онъ тайно убѣжалъ въ Кіевъ и отдался подъ покровительство ректора, изъявивъ желаніе креститься. Василій Ѳедоровичъ былъ воспріемнымъ отцомъ и далъ ему свою фамилію.

И. М. Скворцовъ совершилъ обрядъ крещенія съ подобающею торжественностію. Посреди церкви была поставлена огромная кадь съ водою. Хотя было очень холодно (это было въ ноябрѣ) жидка раздѣли до нага и трижды окунули съ головой въ ледяную воду; послѣ чего окутали простыней... Неофитъ весь посинѣлъ, дрожалъ...

Нареченный во св. крещеніи Владиміръ Васильевичъ вошелъ въ казенную палату съ прошеніемъ о выдачѣ ему 20 рублей, слѣдующихъ по закону всѣмъ новокрещенцамъ, т. е. выкрестамъ.

По окончаніи университета Ѳедоровъ назначенъ учителемъ греческаго языка во 2-ю кіевскую гимназію, потомъ перешелъ на службу въ канцелярію генералъ-губернатора. Говорятъ, онъ, посредствомъ княгини Васильчиковой, повліялъ на князя и главнымъ образомъ содѣйствовалъ (за крупное вознагражденіе со стороны кагала) великому переселенію іудеевъ въ нашъ богоспасаемый градъ, куда они до того времени пріѣзжали лишь на самое короткое время, не имѣя права жительства.

Университетская полиція.

Gassatim laufunt schnurri
Studentes, pedellque...

Полицейскій персоналъ университета св. Владиміра въ мое время состоялъ изъ инспектора полковника Сычугова, двухъ субъинспекторовъ Гудимы и Троцкаго да трехъ педелей. Съ открытіемъ въ 1842 году медицинскаго факультета штатъ полиціи утроился.

Причисленный къ гвардейскому корпусу М. К. Сычуговъ былъ человѣкъ не злой, но безъ всякаго почти образованія. Очутившись волею судебъ въ ученой средѣ профессоровъ и студентовъ, онъ не зналъ, какъ ему быть. Будучи въ ударѣ, полковникъ любилъ иногда бесѣдовать со студентами, причемъ часто попадался въ просакъ.

— Что вы читаете, г. Вернадскій? спрашиваетъ онъ студента, заѣдавшаго какіе нибудь „зразы съ кашей" французскимъ романомъ.

Студентъ молча подаетъ ему книгу.

— А, это сочиненіе я давно читалъ... когда еще учился въ университетѣ, говоритъ полковникъ, взглянувъ на заглавіе.

Хотя мы всѣ знали, что нашъ инспекторъ ни въ какомъ университетѣ не былъ, да и романа того тогда еще не было на свѣтѣ, но, не желая портить ему хорошаго расположенія духа, молчали, значительно переглянувшись.

А вотъ и другой фактъ крайняго невѣжества г. полковника:

Въ институтѣ была порядочная библіотека для пользованія казеннокоштнымъ студентамъ; но такъ какъ ею распоряжались сами же студенты, то книги часто зачитывались и исчезали безслѣдно. Узнавши о такомъ безпорядкѣ, попечитель предписалъ инспектору произвести ревизію. Способъ повѣрки наличности книгъ былъ такой: полковникъ, держа въ рукахъ каталогъ, громогласно провозглашаетъ званіе и № сочиненія, а студенты разыскиваютъ книгу и показываютъ ему.

— Сочиненія Гу́мана! выкрикиваетъ инспекторъ.

Послѣ долгаго исканія, ему докладываютъ, что такого сочиненія въ студентской библіотекѣ никогда не бывало; но полковникъ и слышать не хотѣлъ, думая, что книга утеряна.

— Ищите, ищите! говоритъ, вѣрно зачитали да и толкуете, что ее никогда не было. Коли въ каталогъ записана, значитъ должна быть.

— Да позвольте, г. полковникъ взглянуть, какое тамъ точное заглавіе этого сочиненія — можетъ быть ошибка переписчика.

По справкѣ оказалось, что въ каталогѣ значится: De natura humana—Цицерона, а нашъ гвардеецъ сдѣлалъ изъ него Гу́мана.

Два раза въ годъ инспекторъ обязанъ былъ представлять попечителю кондуитные списки студентовъ, составляемые по извѣстной формѣ съ разными рубриками, долженствовавшими охарактеризовать нравственный обликъ каждаго субъекта.

Разъ, съ приближеніемъ срока подачи списковъ, полковникъ, собралъ совѣтъ изъ субъинспекторовъ и педелей, подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ. Засѣданіе происходило въ канцеляріи инспектора. Застигнутый врасплохъ въ письмоводительской комнатѣ, гдѣ меня, заснувшаго надъ греческими спряженіями, уходя на почту,

заперъ на ключъ письмоводитель Мирковскій,— я сдѣлался случайнымъ участникомъ совѣщанія экспертовъ-спеціалистовъ по части изученія характеровъ. Лучшими отмѣтками подъ рубриками: „характера тихаго“, „откровеннаго“, „веселаго“ и т. п. воспользовались студенты весьма непривлекательныхъ свойствъ: или неразвитые и пустые шалопаи, или назойливые болтуны и подлипалы; худшими: „скрытаго“, „подозрительнаго“, „строптиваго“, — самые лучшіе юноши, съ виду несообщительные и молчаливые, вѣчно занятые своимъ дѣломъ, или нетерпѣвшіе неправды и несправедливости и нескрывавшіе этого.

— Студентъ А! провозглашаетъ инспекторъ, какого ему?

— Откровеннаго, я полагаю, отозвался одинъ изъ членовъ.

— Помилуйте, Порфирій Петровичъ, какъ можно „откровеннаго“, возразилъ полковникъ, я ему нѣсколько разъ приказывалъ остричься, а онъ и до сихъ поръ ходитъ съ патлами. Влѣпить ему: „подозрительнаго!“

А то и физіогномія иного студента не понравится или педель насплетничаетъ, не получивъ гривенника на табакъ—пиши ему: „скрытнаго“!—Такъ легко и скоро опредѣлялись наши характеры.

При устройствѣ помѣщенія для казеннокоштныхъ студентовъ въ новомъ зданіи, нужно было надъ каждой камерой прибить таблички. По поводу сего нехитраго дѣла, также состоялось засѣданіе членовъ полиціи, безъ участія, впрочемъ, педелей.

— Я полагаю господа, началъ полковникъ, надъ каждой камерой слѣдуетъ надписать „занимательная комната“ № такой то.

— Нѣтъ, возразилъ Гудима, этакъ писать нельзя: такъ говорится, напр., о книгѣ, что она занимательная, а о комнатѣ сказать неудобно.

— По моему мнѣнію, отозвался другой субъинспекторъ Троцкій, слѣдуетъ написать „занимающаяся комната“.

— Что вы, что вы, Порфирій Петровичъ, осадилъ его полковникъ, развѣ комнаты будутъ заниматься—занимаются студенты.

Толковали—толковали, да такъ и оставили вопросъ о табличкахъ открытымъ, его разрѣшилъ ректоръ, велѣвъ написать надъ каждый камерой: „комната для занятій № такой то“.

Нашъ бравый полковникъ, къ сожалѣнію, лишенъ былъ одного изъ пяти внѣшнихъ чувствъ—именно обонянія: „носъ у него былъ

не въ порядкѣ-съ!“ какъ выразился однажды педель Ѳедоръ-съ. Говорили, что уже послѣ взятія Паскевичемъ Варшавы нашего полковника ранила какая то рьяная патріотка. Кто знакомъ съ фанатизмомъ польскихъ женщинъ, тотъ нисколько не усомнится въ справедливости такого факта. Этотъ, повидимому неважный, физическій недостатокъ экономъ нашъ Чепурковскій ловко эксплоатировалъ въ свою пользу. Когда, напр., студенты выражали свое неудовольствіе на недоброкачественность говядины или сала „до каши“ и жаловались инспектору, то онъ не могъ убѣдиться въ справедливости претензіи, сколько ни нюхалъ поднесенную ему порцію: мы говоримъ воняетъ, а онъ утверждаетъ, что мы капризничаемъ; эконому это и на руку.

Впрочемъ иногда и мы эксплоатировали полковничій носъ. Въ камерахъ, по крайней мѣрѣ до обѣда, куреніе табку запрещалось, но мы курили и увѣряли полковника, что въ комнатѣ не табачный дымъ, а туманъ, вошедшій черезъ открытую форточку.

Былъ у насъ одинъ товарищъ, отличный малый и страстный курильщикъ вакштафу Жукова. Трубка у него была съ длиннѣйшимъ чубукомъ, который студенты прозвали „пикой“. Когда въ новомъ зданіи началось сильное преслѣдованіе за куреніе въ камерахъ, онъ принужденъ былъ, съ сердечной болью, перерѣзать свою пику пополамъ, чтобы удобнѣе было прятать ее въ комодъ.

Однажды, по случаю хорошей погоды, всѣ казеннокоштники разбрелись на прогулку; я почему то остался дома. Проходя по корридору, подлѣ 4-й камеры я услышалъ сильнѣйшій запахъ гари. Подхожу къ дверямъ—заперты на замокъ; прислушиваюсь—что то трещитъ, а дымъ такъ и претъ въ замочную скважину. Понатужившись, я сломалъ замокъ и чуть не задохся отъ дыму: горѣлъ внутри комодъ, куда нашъ курильщикъ спряталъ непогасшую еще трубку. Уже успѣло сгорѣть все, что было въ двухъ верхнихъ ящикахъ и третій началъ загораться. Побѣжать въ лакейскую и принесть ведро воды—было дѣломъ одной минуты. Огонь былъ залитъ. Еще нѣсколько минутъ и милліонное зданіе, едва успѣвшее отстроиться, сгорѣло бы ни за что, ни про что. Съ недѣлю послѣ этого случая на всемъ 4-мъ этажѣ слышалась сильная гарь и кромѣ меня и виновника этого несчастія никто не зналъ о причинѣ, сколько ни ломали головы субъинспекторы.

Обязанности помощниковъ инспектора состояли въ контролированіи посѣщенія студентами лекцій и соблюденія ими формы: чтобы сюртуки были застегнуты на всѣ пуговицы, бороды и усы выбриты, головы гладко выстрижены. На разные же дебоши внѣ стѣнъ университета полиція наша смотрѣла сквозь пальцы на томъ разумномъ основаніи, что молодежь, занятая скандальными похожденіями. не станетъ думать о чемъ нибудь этакомъ. Такого, по крайней мѣрѣ, принципа держался дававшій всему тонъ Д. Г. Бибиковъ.

Въ наше время пріобрѣли громкую извѣстность „крестовые походы“ студентовъ. Походовъ этихъ было не три и не четыре, какъ въ средніе вѣка, а немного поболѣе того. Послѣ великой руины, постигшей лучшую часть города—Печерскъ, по случаю постройки крѣпостныхъ башенъ,—не осталось и слѣда этого развеселаго квартала: „яко же духъ пройде въ немъ и не будетъ, и не познаетъ ктому мѣста своего“. Роль „Крестовъ“ впослѣдствіе выпала на долю „Андреевской горы“, пока Андрей Николаевичъ Муравьевъ своимъ вмѣшательствомъ не выселилъ падшихъ дѣвъ на Подолъ—за канаву.

Студентскіе кутежи юнѣйшаго изъ русскихъ университетовъ не представляли ничего необыкновеннаго: ими славились съ давнихъ временъ всѣ германскіе университеты съ тою лишь разницей, что нѣмцы, хотя и больше кутили и пили, да ума не пропили, мы же совершенно напротивъ. Германскіе университеты, передавая цѣлыя столѣтія всему міру вѣковые подвиги ума,—нашимъ русскимъ студентамъ передавали лишь разгульную жизнь буршей, вмѣстѣ съ раздалою пѣсню „Gaudeamus“. Шумны были кутежи нѣмецкой молодежи конца XVIII вѣка и странное явленіе: ни одно время не произвело столько геніевъ въ области наукъ и поэзіи, сколько произвела ихъ знаменитая въ исторіи германской культуры эпоха бурныхъ стремленій—Sturm und Drang...

Нынѣшніе нѣмецкіе студенты также кутятъ, вливаютъ въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дерутся на дуэляхъ, цѣлые годы не берутъ книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождаются, начинаютъ работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали и блестящимъ образомъ оканчиваютъ свою ученую карьеру. Die Iugend muss austoben, говорятъ нѣмцы. Но... должно полагать, что́ нѣмцу здорово, то русскому смерть...

Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ.

Это благотворительное учрежденіе, оказавшее немалую услугу высшему образованію, служило вмѣстѣ съ тѣмъ, впродолженіе цѣлой четверти столѣтія разсадникомъ учителей гимназій кіевскаго учебнаго округа. „Содержаніе, доставляемое казеннокоштнымъ студентамъ, говоритъ проф. Будановъ, должно быть признано дѣйствительнымъ благодѣяніемъ, предохранявшимъ молодежь отъ растраты силъ и времени на неблагодарные заработки, въ ущербъ научныхъ занятій и отъ того моральнаго озлобленія, которое часто заползаетъ въ душу среди нищеты".

Доставляя недостаточнымъ молодымъ людямъ средства достигнуть высшаго образованія, съ обязательствомъ прослужить не менѣе шести лѣтъ въ должности учителя по назначенію отъ правительства, институтъ ежегодно поставлялъ потребный контингентъ преподавателей для гимназій и дворянскихъ училищъ, которыя, благодаря этому учрежденію, не нуждались въ преподавателяхъ такъ, какъ стали нуждаться, когда института не стало.

Съ 1856 года, при новыхъ „вѣяніяхъ", это въ высшей степени гуманное и полезное учрежденіе представилось въ иномъ освѣщеніи: тогда періодическая печать наша сильно вліяла на общественное мнѣніе; считая закрытыя заведенія вредными, она ополчилась противъ нихъ и главнымъ образомъ содѣйствовала ихъ закрытію. Той же участи не избѣжалъ и институтъ казеннокоштныхъ студентовъ при университетѣ св. Владиміра.

Причины, побудившія совѣтъ къ ходатайству объ его упраздненіи, были слѣдующія: увеличеніе числа воспитанниковъ съ 50 до 150 и происходящій оттого недостатокъ средствъ, при увеличеніи цѣнъ на содержаніе [1]).

Попечитель Пироговъ, раздѣлявшій вполнѣ взглядъ современной печати на закрытыя заведенія, присоединился къ мнѣнію совѣта, прибавивъ отъ себя (какъ доктора) еще одну причину: тѣсноту помѣщенія, низость камеръ; кромѣ того, онъ считалъ закры-

---

[1]) По штату 1833 года на одного воспитанника полагалось по смѣтѣ 400 рубл. асс., на 1840 годъ по 500 рубл. асс. или 114 руб. 28 коп. серебр., а по уставу 1842 г. 143 руб. сер. на каждаго студента, да кромѣ того на Рождество и на Пасху отпускалось по 110 руб. сереб.

тыя заведенія для взрослыхъ вредными въ политическомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ, Николай Ивановичъ просилъ министра уменьшить число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, хоть на половину; но министерство, считая институтъ учрежденіемъ полезнымъ, согласилось лишь на то, чтобы желающимъ жить на вольныхъ квартирахъ выдавать по 143 руб. сер. въ годъ. Генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ раздѣлялъ мнѣніе министерства; но Пироговъ въ 1858 году вошелъ снова съ представленіемъ о закрытіи института, замѣнивъ его выдачею стипендій и учрежденіемъ „педагогическихъ курсовъ", которые, однакожъ, ни въ какомъ отношеніи не могли замѣнить прежняго способа приготовленія студентовъ къ учительскому званію. Такъ называемыхъ „кандидатовъ — педагоговъ" бывало на курсахъ всего два-три человѣка, а „руководителей" (профессоровъ и учителей гимназій), получавшихъ вознагражденіе за чисто фиктивные труды, — человѣкъ 15 — 20. Да и тѣ немногіе кандидаты-педагоги, такъ дорого стоившіе казнѣ, весьма неохотно шли въ учителя и уходили въ другія вѣдомства, безъ возврата затраченныхъ на ихъ приготовленіе денегъ.

Другая, весьма значительная часть капиталовъ, оставшихся послѣ закрытія института, обращена на выдачу стипендій.

Деньги студенты стали получать на руки, чѣмъ, казалось, устранено было великое зло, происходившее отъ совмѣстнаго жительства болѣе сотни молодыхъ людей. Но, устранивъ такимъ образомъ воображаемое зло, антагонисты закрытыхъ заведеній, помимо того, что лишали гимназіи готовыхъ преподавателей, въ сущности весьма мало обезпечивали существованіе студентовъ въ матеріальномъ отношеніи: они почти такъ же стали нуждаться, какъ и прочіе бѣдняки, живущіе изо дня въ день впроголодь однѣми репетиціями—за 5—8 рублей въ мѣсяцъ. Разница въ обезпеченіи между бывшими казеннокоштными студентами и нынѣшними стипендіатами—громадна: тогда какъ первые, поступая въ институтъ, получали все необходимое для жизни натурой: теплую и удобную комнату, столъ, одежду, обувь, книги и всѣ учебныя пособія и ни о чемъ не заботились,—стипендіаты, которымъ самимъ предоставлено распоря-

жаться выданными имъ деньгами, часто не знаютъ, гдѣ будутъ ночевать сегодня, гдѣ придется обѣдать завтра.

По крайней мѣрѣ для себя лично, я считаю мое трехлѣтнее пребываніе въ институтѣ величайшимъ благодѣяніемъ, и не перестану до самой смерти благословлять судьбу и добрыхъ людей, давшихъ мнѣ возможность докончить свое образованіе и быть полезнымъ обществу. Будучи вполнѣ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, я всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, не тратя молодыхъ силъ на безплодную борьбу съ нуждою и неизбѣжными для каждаго бѣдняка житейскими дрязгами, дѣлающими человѣка негоднымъ для регулярной умственной работы и убивающими его морально.

Существованіе института во время моего въ немъ пребыванія можно раздѣлить на два, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго, періода, какъ въ отношеніи научныхъ занятій, такъ и въ отношеніи образа жизни студентовъ. До 1842 года институтъ помѣщался въ домѣ Бухтѣевой vis à vis съ институтомъ благородныхъ дѣвицъ (нынѣшняя квартира гражданскаго губернатора). Состояніе института въ этотъ періодъ имѣло за собой то преимущество, что онъ по наружному виду и по внутреннему устройству не имѣлъ казеннаго характера, какимъ обыкновенно отличаются закрытыя заведенія. Домъ Бухтѣевой состоялъ изъ главнаго двухэтажнаго корпуса, деревяннаго флигеля для эконома, другаго для субъинспектора Троцкаго и небольшаго фруктоваго сада. Въ первомъ этажѣ главнаго корпуса помѣщались дортуары, столовая и гардеробная, а во второмъ залы для занятій, раздѣленныя глухою стѣной на два отдѣленія: въ одномъ жили юристы, а въ другомъ словесники и математики. Несвязанные никакими обязательствами, подобно словесникамъ и математикамъ, юристы однако жъ, очень часто, не находя мѣстъ по своей спеціальности, добровольно поступали въ учителя, такъ какъ они слушали нѣкоторые предметы вмѣстѣ съ словесниками.

Съ переходомъ университета въ собственное зданіе, въ немъ отведено особое помѣщеніе для института—на 4-мъ этажѣ.

Съ открытіемъ медицинскаго факультета число казеннокоштныхъ студентовъ утроилось; они заняли весь верхній этажъ: словесники,

юристы и математики помѣщены съ правой, а медики—съ лѣвой стороны. Столовая была общая—на 2-мъ этажѣ. Надобно замѣтить, что мы, первые переселенцы въ новое зданіе, должны были, такъ сказать, собственнымъ дыханіемъ осушать не совсѣмъ еще высохшія стѣны, будучи обречены на жертву разнымъ болѣзнямъ. Если покойниковъ было у насъ немного, сравнительно съ количествомъ заболѣвавшихъ, то этимъ мы обязаны лишь той жизненной силѣ юношескаго организма, которая нерѣдко производитъ чудеса. При всемъ этомъ, пребываніе наше въ сыромъ помѣщеніи отразилось на нашемъ здоровьи впослѣдствіи. Только черезъ годъ послѣ нашего переселенія начальство спохватилось и энергически принялось за осушку зданія посредствомъ желѣзныхъ печей, разставленныхъ по всѣмъ четыремъ этажамъ.

Время нашего новоселья какъ разъ совпало съ открытіемъ медицинскаго факультета; на первомъ этажѣ устроенъ былъ анатомическій театръ въ круглой залѣ подъ костеломъ, а человѣческіе трупы для секцій хранились въ подвалѣ. Стало быть, кромѣ сырости, порча воздуха, которымъ намъ приходилось дышать, еще усилилась отъ разложенія труповъ. А простодушные граждане Подола распустили слухъ, что студенты рѣжутъ по ночамъ людей и прячутъ въ университетскихъ подземельяхъ. Подвалы ихъ воображенію представлялись какими то пещерами, о какихъ говорится въ сказкахъ о разбойникахъ—людоѣдахъ. Жители же прилежащаго къ университету квартала—„Новаго строенія" нѣсколько смягчили такой ужъ черезчуръ строгій приговоръ подолянъ надъ сынами Эскулапа, утверждая, что студенты рѣжутъ не людей, а жидовъ.

Распространенію такой нелѣпости весьма много способствовало изолированное положеніе университетскаго зданія, кругомъ котораго въ то время на большое разстояніе не было никакого жилья, такъ что въ темныя осеннія ночи не безопасно было проходить запоздалому студенту, хотя и вооруженному, совершенно впрочемъ безвредной, шпаженкой. Были случаи грабежа и разъ чуть не случилось убійства, жертвою коего едва не сдѣлались тѣ же самые медики, которыхъ подозрѣвали въ каннибальскихъ наклонностяхъ.

Вообще говоря, до открытія университета, Кіевъ былъ бѣдный провинціальный городъ. Тамъ, гдѣ нынѣ университетъ, три

гимназія, ботаническій садъ—въ дикихъ ярахъ росъ одинъ колючій будякъ; люди, еще живущіе повынѣ, охотились по болотамъ Лыбеди на бекасовъ, а нынѣшній Крещатикъ—это была грязная, глухая низменность, отдѣлявшая Старый городъ отъ Липокъ, гдѣ былъ рядъ дачъ, тонувшихъ въ зелени.

Въ домашнемъ быту казеннокоштныхъ студентовъ едва ли не самая значительная роль выпадала на долю эконома: на его обязанности лежало удовлетвореніе насущныхъ потребностей молодыхъ людей, насыщеніе ихъ желудковъ, отопленіе, освѣщеніе, постройка одежды и т. д. не безъ участія, конечно, главнаго воротилы экономическихъ операцій института—г. полковника.

Пользовавшаяся въ чиновномъ мірѣ былыхъ временъ большою популярностію пословица: „дай намъ казеннаго воробья кормить, мы и корову свою прокормимъ“ — вполнѣ примѣнялась къ нашему почтенному кормильцу Степану Кириловичу Чепурковскому. На его долю выпала благодать кормить не воробья, а людей, на содержаніе которыхъ отпускалась весьма крупная сумма. Не взирая ни на безконечные протесты со стороны студентовъ, ни на угрозы кн. Давыдова—отдать его въ солдаты, Чепурковскій не переставалъ немилосердно эксплоатировать казенныя суммы въ свою пользу. Ему въ глаза говорятъ, что онъ воръ, а онъ улыбается и продолжаетъ свое дѣло съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Оградивъ себя отъ нападеній студентовъ властію инспектора, великаго мастера зажимать рты недовольныхъ крикуновъ, нашъ экономъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на наши претензіи. Какъ только за какимъ нибудь столомъ во время обѣда послышится ропотъ по поводу скверныхъ „лозанокъ съ сыромъ“ или „говядины въ своемъ соку“, г. полковникъ, съ чисто военной тактикой, не обращается къ тѣмъ, которые больше всѣхъ шумятъ, а выберетъ какого нибудь бѣдняка да и накинется на него съ азартомъ:

— Милостивый государь! молитесь Богу, что васъ приняли на казенное содержаніе, а вы еще кричать вздумали? Что бы вы ѣли теперь, если бы васъ лишили казеннаго продовольствія? и т. д.

Зубастыхъ и болѣе достаточныхъ воспитанниковъ онъ никогда не трогалъ, а избиралъ козломъ отпущенія исключительно такого, который

дорожилъ казеннымъ содержаніемъ и разумѣется меньше другихъ шумѣлъ, хотя его желудокъ такъ же требовалъ удовлетворенія, какъ и тѣхъ, которые могли бы насытиться, не прибѣгая къ казенной благотворительности.

Эксплоатація эконома не ограничивалась лишь крупицами, падающими отъ стола студентскаго, главный доходъ его заключался не въ этой дряни. Постройка форменной одежды, бѣлья, обуви, отопленіе, поставка письменныхъ принадлежностей, освѣщеніе—вотъ гдѣ скрывалась цѣлая Калифорнія для нашего кормильца [1]). Помимо плутовскихъ сдѣлокъ съ купцами и подрядчиками, Чепурковскій, открылъ у себя въ квартирѣ лавочку розничной продажи, гдѣ не онъ былъ продавцемъ, а студенты. Дѣло въ томъ, что обезпеченные на счетъ продовольствія, не нуждаясь ни въ квартирѣ, ни въ одеждѣ, ни въ учебныхъ пособіяхъ, мы лишены были карманныхъ денегъ на молочные расходы: нужно было, напр., купить четверку табаку, хоть изрѣдка пойти за четвертакъ въ раекъ, послать письмо къ роднымъ и т. п. Гдѣ взять на это денегъ? Конечно, у эконома. Но экономъ кулакъ, у него не выпросишь въ займы ни за какіе проценты. При томъ же каждый изъ насъ хорошо помнилъ поговорку нѣмецкихъ буршей: Schulden sind keine Haasen sie laufen nicht davon! Поэтому мы не занимали у него денегъ, а продавали ему за полцѣны подлежавшія къ выдачѣ намъ ежемѣсячно вещи, расписываясь въ полученіи ихъ натурой. На вырученные такимъ способомъ деньги мы иногда устраивали скромные кутежи гдѣ нибудь въ погребкѣ Братскаго монастыря (теперь тамъ булочная), состоявшіе изъ нѣсколькихъ рюмокъ краснаго вина, нѣсколькихъ трубокъ Жукова, да селедки или колбасы на закуску. И все это мизерное пиршество было приправлено такими задушевными бесѣдами, такими искрометными вспышками остроумія и неподдѣльной веселости! Блаженное время! Счастливые, невозвратные дни неприхотливой молодости!

---

[1]) На столъ отпускалось по 14 коп. въ сутки на каждаго студента; на учебныя пособія 2 р. с. Чертежныя и рисовальныя принадлежности 28 к., бѣлой бумаги 10 дестей,—1 р. 70 к., синей—20 дестей 1 р. 50 к., карандашей 30 въ годъ—48 к., перьевъ 100 на 10 мѣсяцевъ—28 коп., чернилъ на 14 к. Сюртукъ, брюки, жилетъ—на одинъ годъ, мундиръ съ брюками на два года, шинель — на 4 года, шляпа и шпага—тоже на 4 г. Пара сапоговъ, бѣлье, галстухъ, перчатки на 1 годъ.

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post exactam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!....

А театръ, съ очаровательной актрисой, дочерью антрепренера Рыкановскаго!—сколько наслажденія доставлялъ онъ нетребовательному нашему вкусу! А „ученица славной Тальони", легкая, какъ Сильфида, танцовщица Адель, съ своей очаровательной „лезгинкой"! Зыковъ! гдѣ ты? ужели ты не восчувствуешь зуда въ своей честной десницѣ, при воспоминаніи объ этомъ, когда то дорогомъ для тебя имени и не отзовешься ко мнѣ пламенными строками дружеской переписки, которая, увы! такъ давно прекратилась между нами!

И какъ мы волновались и шумѣли, когда отъ начальства вышелъ приказъ не ходить студентамъ въ „рай?" Гдѣ же намъ, бѣднякамъ, съ четвертакомъ въ карманѣ, возсѣдать въ креслахъ, рядомъ съ аристократіей? Но, несмотря на такое воспрещеніе и угрозы полковника, мы и тутъ ухитрялись надуть соглядатаевъ: въ институтѣ имѣлось нѣсколько партикулярныхъ шинелей: подымешь воротникъ выше ушей, да еще и щеку подвяжешь бѣлымъ платкомъ—и никакой фискалъ-педель тебя не узнаетъ, никакая гончая собака—Гудима не занюхаетъ; а если какимъ нибудь образомъ и узнаютъ—невелика бѣда посидѣть нѣсколько часовъ въ карцерѣ.

Но вотъ, во время заурядныхъ представленій жалкой труппы Рыкановскаго, по Кіеву пронесся слухъ, что къ намъ ѣдетъ геніальный трагикъ Мочаловъ. Засуетилась наша казенная голытьба и стала заблаговременно добывать средства, тѣмъ болѣе, что цѣны на билеты увеличены вдвое. Впродолженіе нѣскольких дней квартира эконома находилась въ осадномъ положеніи. Проданы были не только вещи, слѣдовавшія къ выдачѣ въ текущемъ мѣсяцѣ, но и тѣ, которыя слѣдовало получить въ будущіе мѣсяцы—за цѣлое полугодіе. Къ счастію, по причинѣ возвышенія цѣнъ на билеты, распоряженіе начальства относительно райка было отмѣнено—и вся галлерея наполнилась голубыми воротниками. Переносясь мыслію къ этому времени и провѣряя впечатлѣнія давно минувшихъ лѣтъ, удивляешься тому очарованію, той всемогущей силѣ обаянія, какое производила

на душу бурная игра Мочалова, не взирая на весьма жалкую обстановку и мизерный ансамбль. Естественно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ полнаго, цѣлостнаго очарованія ни Гамлетъ, ни Отелло произвесть не могли, но мы, слѣдя за геніальной игрой трагика старались игнорировать ломанье другихъ актеровъ, годныхъ лишь для пошлыхъ водевилей и ходульныхъ драмъ.

Вызвавъ изъ памяти цѣлую вереницу типовъ прошлаго, не могу пройти молчаніемъ честнѣйшаго и благороднѣйшаго нашего буфетчика „дядюшку Ѳаддея“, достойнаго по своимъ нравственнымъ качествамъ болѣе выдающейся роли. Кто изъ моихъ товарищей не помнитъ этой замѣчательной личности? Кто изъ насъ не преклонялся передъ нравственной силой этого мощнаго характера? Съ виду до крайности суровый и несообщительный, этотъ бравый усачъ, съ нависшими густыми бровями, изъ подъ которыхъ свѣтились честные сѣрые глаза, пользовался такою любовію и уваженіемъ студентовъ, что рѣдкій изъ насъ, по окончаніи курса, отправляясь на службу, не заходилъ въ столовую проститься съ дядюшкой Ѳаддеемъ самымъ дружескимъ образомъ, удѣляя ему малую толику изъ 90 рублеваго третного не въ зачетъ жалованья“?

Обязанности буфетчика состояли въ выдачѣ обѣда и въ продовольствіи воспитанниковъ чаемъ утреннимъ и вечернимъ. Оставшіяся отъ обѣда и отъ чая порціи сохранялись имъ до слѣдующаго дня. Проголодавшійся студентъ, по возвращеніи домой изъ болѣе или менѣе отдаленной экскурсіи, могъ во всякое время дня и ночи потребовать свою порцію. Чай и сахаръ, развѣшенный съ точностію аптекарскихъ вѣсовъ, не доставлялъ эконому ни малѣйшаго барыша. Институтскихъ лакеевъ Ѳаддей держалъ въ строжайшемъ подчиненіи, съ чисто военной дисциплиной. На несправедливыя требованія студентовъ онъ отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и суровостію, граничившею съ грубостью. Остатками студентскаго обѣда и чая онъ обдѣлялъ прожорливое лакейство, сверхъ положеннаго ему продовольствія. Себѣ же никогда ничего не оставлялъ, довольствуясь однимъ жалованьемъ.

И не однимъ лишь точнымъ исполненіемъ своихъ скромныхъ обязанностей почтенный нашъ Ѳаддеюшка заслужилъ всеобщее ува-

женіе: намъ извѣстно было нѣсколько фактовъ, возбуждавшихъ въ насъ удивленіе къ этому старому гвардейцу.

Разъ сидѣлъ я послѣ обѣда въ столовой и занимался. Ѳаддей развѣшивалъ сахаръ на лоты и бросалъ въ симметрически разставленные стаканы. Кто то робко постучался въ дверь, какъ видно не студентъ, а посторонній. Окончивъ свое дѣло, нисколько не торопясь, Ѳаддей отворилъ двери. Вошелъ съ плачемъ крестьянинъ и бухъ ему въ ноги. Это былъ кумъ Ѳаддея. Такое самоуничиженіе ему не понравилось, онъ отвернулся молча и ушелъ за свой буфетный прилавокъ. Давъ куму выплакаться, онъ усадилъ его рядомъ съ собой. Изъ слезнаго разсказа крестьянина я успѣлъ разслышать, что въ Кіевѣ на базарѣ у него „украдено волы", единственное его достояніе и что онъ безъ „худобы" остался нищимъ, „хочъ топися въ Днипри". Долго слушалъ Ѳаддей жалобы своего кума, насупивъ сѣдыя брови и по временамъ шевеля усами, наконецъ всталъ. Громко щелкнулъ замокъ въ буфетномъ шкафу и онъ вынулъ оттуда шкатулку, досталъ изъ нея пачку ассигнацій и, отдавая куму, промолвилъ:

— Возьми это, больше у меня нѣтъ, заработаешь—отдашь. Въ пачкѣ было 75 рублей, припрятанныхъ про черный день изъ маленькаго жалованья.

А вотъ и другой фактъ. Сидимъ мы за вечернимъ чаемъ и разговариваемъ. Къ намъ присоединился одинъ изъ своекоштныхъ товарищей, пришедшій подѣлиться своимъ горемъ: получивъ съ почты 10 рублевую ассигнацію, онъ обронилъ ее гдѣ-то на Крещатикѣ, вслѣдствіе чего хозяйка отказала ему отъ квартиры. Ѳаддей стоитъ за своимъ прилавкомъ и внимательно прислушивается къ разговору.

— А не можете ли вы, примѣрно, сказать, въ какомъ мѣстѣ вы обронили деньги? неожиданно предложилъ онъ вопросъ.

— Я должно быть потерялъ ихъ недалеко отъ почтовой конторы, когда доставалъ изъ кармана платокъ.

Щелкнулъ замокъ, Ѳаддей беретъ съ верхней полки буфетнаго шкапа ассигнацію и отдавая ее студенту, говоритъ:

— Вотъ ваши деньги: я ихъ нашелъ сегодня именно на томъ мѣстѣ, гдѣ вы ихъ обронили, доставая платокъ.

Совершенный контрастъ дядюшкѣ Ѳаддею представлялъ изъ себя другой инвалидъ—институтскій педель Ѳедоръ-съ. Главнѣйшая его обязанность состояла въ томъ, чтобы отпирать и запирать двери запоздавшимъ послѣ десяти часовъ студентамъ. Это былъ, собственно говоря, швейцаръ, но безъ ливреи. Обо всѣхъ воротившихся позже десяти часовъ онъ на другой день рапортовалъ г. полковнику. Никакія просьбы скрыть отъ инспектора поздній приходъ на него не дѣйствовали.

— Отъ просьбы, какъ и отъ брани, мнѣ нѣтъ никакой пользы-съ, говорилъ онъ обыкновенно, потому, я отвѣчаю за евто за самое-съ передъ своимъ начальствомъ.

Такая рѣчь клонилась къ тому, чтобы ему, какъ церберу, охранявшему двери ада, бросили въ жадную пасть какую нибудь лепешку, въ видѣ пятіалтыннаго.

Очерки институтской жизни.

Первое впечатлѣніе при вступленіи моемъ въ институтъ было неблагопріятно. При всемъ томъ, переходъ отъ существованія впроголодь, близкаго къ нищетѣ,—къ довольству былъ такъ рѣзокъ, что я долго не могъ оріентироваться среди новой обстановки. Все какъ будто не вѣрилось, чтобы такая жизнь продлилась цѣлые годы до окончанія университета. Мнѣ указали учебный столъ между словесниками. Такъ какъ годъ приходилъ къ концу, а одежда студентамъ строилась во время каникулъ, то на меня пригнали въ гардеробѣ готовое, нѣсколько приношенное платье очистившаго мнѣ вакансію товарища. Сокурсникомъ моимъ былъ пока одинъ студентъ Малавскій, отличный музыкантъ, но мало способный къ наукамъ, да и тотъ сторонился отъ меня. Возсоединенный уніатъ, мой коллега плохо говорилъ по русски и больше тянулъ въ сторону поляковъ.

Словесники или, какъ насъ называлъ г. полковникъ, философы, какъ будущіе педагоги, жили между собой дружно; юристы же держали себя особнякомъ, составляя нѣкоторымъ образомъ отдѣльную корпорацію. На половину между ними были поляки, на половину семинаристы, поступившіе на казенное содержаніе по про-

текціи профессоровъ юристовъ, которые почти всѣ происходили изъ духовнаго званія.

Извѣстно, что поляки, по крайней мѣрѣ наружно, народъ вѣжливый, деликатный: у нихъ grzeczność—первѣйшее условіе порядочности; они ставятъ ее въ иныхъ случаяхъ выше нравственности: безнравственный проступокъ они простятъ скорѣе, чѣмъ niegrzeczność. Какъ во всемъ юго-западномъ краѣ, такъ и въ институтѣ, они старались удержать за собой права интеллигентнаго класса между русскими; но ихъ шляхетскіе нравы все таки не могли пересилить грубой бурсацкой натуры своихъ товарищей и они сами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинились вліянію семинаристовъ, такъ что общій, господствующій тонъ въ средѣ юристовъ отличался тривіальностію и грубостію, напоминавшею собой скорѣе бурсу, чѣмъ университетъ. Не странно ли, напр., было слышать раздававшіеся изъ конца въ конецъ по институтскимъ заламъ, изъ устъ въ уста дикія уличныя клички, которыми юристы надѣляли другъ друга: быкъ, кнуръ, бугай, поросенокъ, муха, куцый, козликъ, Танька (имя извѣстной въ то время проститутки), гадюка и т. п.? Несмотря, однако жъ, на всю свою грубость, клички очень мѣтко попадали въ цѣль, характеризуя особенности каждаго субъекта. Хотя нѣкоторые изъ героевъ этого животнаго эпоса впослѣдствіе занимали не послѣднія ступени на лѣстницѣ чиновной іерархіи, черты ихъ характера не измѣнились: такъ, мнѣ извѣстно, что „гадюка“ и до сего дня остался такою же гадиной, какою мы всѣ знали его во время оно. Чтобы не возвращаться въ другой разъ къ своеобразной личности сего господина, я разскажу о немъ нѣсколько анекдотовъ, рисующихъ нравы нашей институтской общины.

Въ 1839 году въ Кіевъ прибыло нѣсколько семинаристовъ для поступленія въ университетъ. Между ними былъ нѣкто Прокопецъ N, который съ перваго же шагу въ новую для него среду сдѣлался притчей во языцѣхъ.

Въ самой бóльшей аудиторіи шла лекція богословія, въ сборѣ были студенты всѣхъ курсовъ. Едва они усѣлись по мѣстамъ и по прочтеніи молитвы приготовились слушать от. протоіерея, въ аудиторію проскользнула какая то странная фигура въ бѣломъ парусинномъ балахонѣ „по сіе время“ и, отыскавши глазами образъ,

начала преусердно молиться; затѣмъ, отвѣсивъ поясной поклонъ профессору, при дружномъ хохотѣ студентовъ, стала пріискивать и себѣ мѣстечко. Не осмѣлившись сѣсть на скамью, рядомъ съ прочими слушателями, чучело это сѣло на подножку задней скамьи: „Ничего, говоритъ, мнѣ и здѣсь будетъ хорошо!“ Это былъ тотъ самый Прокопецъ, гадюка тожъ, о которомъ я хочу разсказать въ предстоящемъ очеркѣ. Съ поступленія въ институтъ для Прокопця начался нескончаемый рядъ преслѣдованій со стороны товарищей. Чѣмъ терпѣливѣе сносилъ онъ насмѣшки, тѣмъ изобрѣтательнѣе на нихъ становились студенты, задавшіеся, какъ видно, цѣлію искоренить въ немъ бурсацкія угловатости. Сознавая свои недостатки, Прокопецъ весьма усердно занялся полировкой своихъ манеръ: не пропускалъ ни одного танцкласса, упражнялся до третьяго пота въ фехтованіи, учился верховой ѣздѣ, даже пробовалъ заучивать французскія фразы для изъясненія въ любви знакомымъ барышнямъ. Не обращая вниманія на насмѣшки товарищей, онъ съ невообразимымъ упорствомъ преслѣдовалъ свою цѣль—сдѣлаться совершеннѣйшимъ джентльменомъ. Но, несмотря ни на танцы, ни на фехтованье, ни на французскіе діалоги съ латинскимъ произношеніемъ—онъ на всю жизнь остался неисправимымъ бурсакомъ, какимъ явился въ первый разъ на лекцію богословія. Быть можетъ, товарищамъ его скоро бы и прискучило возиться съ этимъ антикомъ; натѣшившись вдоволь надъ смѣшными ухватками вѣчнаго семинариста, они, вѣроятно, оставили бы его въ покоѣ, еслибъ къ его угловатой фигурѣ не пристало новое, весьма зловредное качество—подлизываніе къ профессорамъ и даже наушничество. Замѣтивъ въ Прокопцѣ такое ехидство, студенты стали къ нему еще безпощаднѣе и прозвали его „гадюкой“.—Замѣчательно, что всѣ пакости, чинимыя гадюкѣ, исходили главнѣйшимъ образомъ изъ среды такихъ же бурсаковъ, какимъ былъ и онъ самъ. Какъ видно, эти господа соскучились по оставленнымъ въ семинаріи нравами и обычаями и готовы были учинить ему „вселенскую смазь“ или „выжать изъ него масло“, еслибъ только не боялись осужденія со стороны благовоспитанной части товарищей, незнакомыхъ съ такими милыми шутками.

Самая ядовитая изъ такихъ шутокъ, нелишенная впрочемъ юмора, принадлежитъ покойному И. Я. Шульгину (будущему по-

мощнику попечителя въ Вильнѣ), который, хотя и не происходилъ изъ духовнаго сословія, но получилъ первоначальное образованіе въ семинаріи.

27 февраля утромъ, въ день преподобнаго Прокопія Декаполита, когда еще нашъ дорогой имянинникъ находился въ постели, человѣкъ 20 студентовъ, облачившись въ мундиры и надѣвши треуголки, но безъ панталонъ, окружили его ложе. Двое изъ нихъ держали огромной величины хлѣбъ, нарочито заказанный для сего торжества (Прокопецъ истреблялъ за обѣдомъ огромное количество хлѣба). Неудержимый хохотъ проснувшихся студентовъ, при видѣ такой карнавальной процессіи, разбудилъ имянинника. И тутъ Иванъ Яковлевичъ, принявъ важную мину, ставши на табуретъ, произнесъ сочиненныя имъ вирши, помѣщаемые здѣсь, ради курьеза.

Возстань отъ сна нашъ присноосклабленный!
Яви намъ лучезарны искры зрака твоего!
Возрадуйся въ сей день, тебѣ тезоименный—
Несемъ ти даръ отъ братства своего.
Возрадуйся и осклабнися,
И зубы бѣлыми сіяй,
И яко нѣкіимъ, такъ намъ ты умилися
И гласу нашему внимай!
Великъ бѣ Голіафъ, и силенъ бѣ Давидъ,
Но что сіи предъ славой чрева твоего?
Ничто же есть и бочка Данаидъ,
Егда восхощеши расширити его.
Возрадуйся! утробу днесь возможешь ты согрѣти;
Но первѣе ослабь, елико можеши, попруги
И тѣмъ утѣшиши здѣ зрящи на тя други.
И аще пити хощеши, дадимъ тебѣ всего:
Воды дванадесятъ сосудовъ принесохомъ
И аще хлѣбецъ малъ предъ хлябей чрева твоего—
Прости намъ—большаго во градѣ семъ не обрѣтохомъ!

На поднесенномъ хлѣбѣ была наклеена такая надпись:

Какъ капля, въ море опущенна,
Такъ крошкой предъ тобою я,
И крошкой будетъ вся вселенна,
Егда расширится кишка твоя.

Были между казеннокоштными воспитанниками люди иного пошиба, которые возмущались подобными издѣвками надъ товарищемъ,

явно высказывая свое неодобреніе; но они составляли незначительное меньшинство. Были между нами и отчаянные франты въ сиреневыхъ перчаткахъ, въ сюртукахъ изъ собственнаго сукна либеральнаго покроя—съ широчайшими рукавами и съ голубой шерстяной матеріи подкладкой, вѣчно раздушенные и скрипящіе лакированными ботинками. У одного изъ такихъ щеголей заботы о своей наружности простерлись до того, что онъ ежедневно смачивалъ квасомъ свои черныя дипломатическія бакенбарды, для приданья имъ металлическаго блеска, а чтобы они плотнѣе прилегали къ щекамъ, укручивалъ ихъ на ночь полотенцемъ. Господинъ этотъ „пустѣйшій изъ самыхъ безтолковыхъ",—до поступленія въ университетъ былъ нѣсколько лѣтъ юнкеромъ, но когда дядюшка его, Никита Андреевичъ Дьяченко, сдѣлался профессоромъ высшей математики, онъ счелъ болѣе для себя выгоднымъ получить кандидатскій дипломъ и вступить на педагогическое поприще. Не будучи въ состояніи грамотно написать нѣсколько строкъ, этотъ штыкъ-юнкеръ, съ помощію дядюшки, получилъ золотую медаль, за образцовую диссертацію по математикѣ, а по выходѣ изъ университета, будучи уже учителемъ, былъ рекомендованъ тѣмъ же Никитой въ профессоры, на мѣсто Тихомандрицкаго. Къ этому господину я буду имѣть случай вернуться впослѣдствіе.

Ареной, гдѣ фигурировали наши франты былъ Царскій садъ. Туда съѣзжался по вечерамъ весь кіевскій beau monde. Тамъ можно было встрѣтить постояннаго завсегдатая, пріобрѣвшаго печальную извѣстность, убійцу поэта Лермонтова—Мартынова, присланнаго въ Кіевъ на эпитемію—замаливать, подъ руководствомъ о. Василія Панова, тяжкій грѣхъ, онъ же не простится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!.. Самоувѣренно и гордо шагалъ онъ по главной аллеѣ сада съ своею всегдашнею спутницей, извѣстной куртизанкой Ш—чъ [1]). „Въ бытность свою свою на Кавказѣ Мартыновъ выдѣлялся изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя такъ нравятся женщинамъ: высокимъ ростомъ,

---

[1]) Студентъ П—скій побился объ закладъ, что онъ на Крещатикѣ публично поцѣлуетъ Ш-ву и выигралъ пари; Бибикову очень понравилась такая смѣлая выходка.

выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Взглядъ его былъ смѣлъ; вся фигура, фантастическій костюмъ и жесты полны были удали и молодечества". Бѣлый бешме́тъ, которымъ онъ плѣнялъ сердца пятигорскихъ красавицъ, въ Кіевѣ замѣненъ синимъ халатомъ съ расшитыми по немъ золотыми звѣздами. Какъ теперь вижу его сидящимъ у раскрытаго окна своей квартиры (въ три окна, противъ Царскаго сада), презрительно посматривающаго на проходящихъ.

Въ шумныхъ аллеяхъ желающіе могли познакомиться съ гр. Т—мъ. Пресыщенный чувственными удовольствіями старикъ ловилъ между гуляющими рослыхъ и румяныхъ юношей, предлагая имъ на собственный счетъ на Крестахъ тѣ удовольствія, которыми самъ онъ, отъ истощенія силъ, уже не могъ пользоваться. Объ этомъ развратномъ циникѣ можно сказать то же самое, что сказалъ въ своей автобіографіи фонъ-Брадке о 80-лѣтнемъ фельдмаршалѣ Сакенѣ: „на немъ ясно можно было видѣть, что чувственность не умираетъ даже тогда, когда изсякла возможность удовлетворить её". Кромѣ господъ офицеровъ и юнкеровъ, къ стыду нашей интеллигентной молодежи, и между нашими студентами находились охотники до лакомаго угощенія сіятельнымъ польскимъ магнатомъ...

По вечерамъ, послѣ занятій, институтская зала оглашалась музыкой Малавскаго. Изъ камеръ выскакивали студенты и составлялись танцы; а въ положенные дни въ институтъ приходили учителя искусствъ: танцмейстеръ Дебре́ и гимнастъ Урсб и зала оглашалась то звуками скрипки, то воинственными кликами вѣчно пьянаго фехтмейстера: rompez! сопровождаемыми звяканьемъ сабель и рапиръ. Желающіе могли пользоваться и уроками верховой ѣзды у старика Ольшанскаго, сынъ котораго, отличный наѣздникъ, впослѣдствіи былъ избранъ предводителемъ конницы, вошедшей въ составъ той грозной арміи изъ гимназистовъ и студентовъ, которая вышла изъ Кіева по житомирскому шоссе въ 1863 году и была переловлена крестьянами.

Танцмейстеръ нашъ былъ великій комикъ. Онъ весьма удачно копировалъ каждаго танцующаго, за что иногда долженъ былъ выслушивать крупную русскую брань, но онъ прикидывался не понимаю-

щимъ ни слова по русски. Французу было особенно много возни съ семинаристами, разучившимися подъ ферулой монаховъ и ходить по людски, по причинѣ длиннополой одежды. Они то охотнѣе другихъ накинулись на танцы. Прочіе принимали участіе въ танцахъ, потѣхи ради, „для моціона". Распотѣшить веселую компанію и побѣсить Дебре́ козлиными прыжками и обезьянними ужимками для нѣкоторыхъ было большимъ удовольствіемъ. Особенно отличался по этой части своекоштный студентъ, жившій въ институтѣ—Кандыба, по адресу котораго было сочинено четверостишіе: ни ракъ, ни рыба и пр. Тутъ же, во время танцевъ, потѣшникъ этотъ пѣлъ иногда преуморительную пѣсню:

Бувъ соби Грицю въ нашей Украини,
Вчився винъ добре та все по латыни...

Съ большимъ комизмомъ выкрикивалъ онъ стихъ, въ которомъ Грицъ, пріѣхавши домой на каникулы, началъ въ свиномъ хлѣву учить свиней по латыни: „задавъ свинямъ орацію!".. пѣсня, очевидно, направлена была противъ бурсаковъ-студентовъ.

Между юристами находился и мой землякъ Денисъ Подпружниковъ, получившій отъ товарищей за свой неукротимый нравъ прозваніе „свирѣпаго".

„Бываютъ люди, которыхъ съ ранняго дѣтства приходится назвать натурами надломленными, неудачниками, которымъ словно суждено стать рѣшительно въ разрѣзъ со всѣмъ окружающимъ жизненнымъ строемъ".

Строки эти, относящіяся къ біографіи Свифта, можно отчасти примѣнить и къ моему земляку Денису.

Какъ Свифтъ, упустивши во время уженья большую пойманную рыбу, съ того же момента почувствовалъ себя несчастнымъ неудачникомъ, такъ и Денисъ ожесточился характеромъ именно съ того времени, когда у него, тогда еще гимназиста, почти изъ рукъ ушелъ пойманный имъ на удочку сомъ, давши ему плесомъ пощечину. Родился и выросъ Денисъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, въ семьѣ, зараженной наслѣдственнымъ порокомъ пьянства. Отецъ его и два старшіе брата погибли въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ; но Денисъ

какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ. Окончивъ гимназію и желая продолжать образованіе, онъ поступилъ на кондицію къ ближайшему помѣщику, чтобы заработать сперва деньги. Но едва онъ успѣлъ пріѣхать въ деревню, какъ на помѣщичьемъ дворѣ появилась маменька, съ требованіемъ отъ него денегъ Не получивъ отъ него ни гроша, она разбранила всѣхъ, начиная съ лакея и кончая самимъ бариномъ. Сыну, конечно, досталось больше всѣхъ. Это неожиданное посѣщеніе матери, опозорившей молодого человѣка въ присутствіи дворни, до того ожесточило его, что онъ, уже отъ природы желчный и подозрительный, во всю остальную жизнь не только не могъ говорить, но слышать о ней безъ гнѣва и волненія.

Землякъ мой былъ въ нѣкоторомъ родѣ историческій человѣкъ: съ нимъ постоянно случались исторіи, чему причиной была его несчастная наружность, а отчасти его неукротимый нравъ. Съ нимъ безпрерывно случалось то, чего съ другимъ никакъ не могло случиться.

Послѣ вступительнаго экзамена въ университетъ, Денисъ отправился въ Лавру, не съ цѣлію помолиться (набожностію онъ не отличался), а просто изъ любопытства. Смѣшавшись съ толпой богомольцевъ, онъ дошелъ до пещеръ, куда, однакожъ, войти не захотѣлъ, а остался у входа. Сидѣвшій у дверей монахъ замѣтилъ это и спросилъ его, отчего онъ не идетъ вмѣстѣ съ другими приложится къ св. мощамъ кіевскихъ угодниковъ?

— Вы, вѣроятно лютеръ или католикъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Денисъ, я православный!

— Зачѣмъ же вы пріѣхали въ Кіевъ?

— Учиться въ университетѣ.

— Такъ вамъ, молодой человѣкъ, не мѣшало бы передъ экзаменами помолиться святымъ угодникамъ.

— Я уже выдержалъ экзаменъ.

— Да что съ нимъ, безбожникомъ, толковать? вмѣшался другой монахъ, къ митрополиту его тащи!

Замѣтивъ, что св. отцы намѣревались схватить его и вести къ владыкѣ, Денисъ далъ тягу, укрывшись среди богомольцевъ.

Землякъ мой былъ страстный рыболовъ. Все свободное отъ лекцій время онъ употреблялъ на плетеніе разной толщины лесъ,

дѣланіе изъ коры поплавковъ и приготовленіе грузилъ. Сидя постоянно сгорбившись у своего учебнаго стола, онъ всю зиму занятъ былъ этой нескончаемой работой или же валялся на грязной постели неделя Өедора, куря отвратительную махорку и ведя съ нимъ интимныя бесѣды. Общества товарищей онъ избѣгалъ, предпочитая ему компанство стараго инвалида; но, дождавшись каникулъ, изчезалъ изъ института съ зарею—удить въ Днѣпрѣ рыбу.

Земляковъ своихъ, какъ вообще всего, что напоминало ему милую родину, Денисъ не терпѣлъ; меня же до глубины души ненавидѣлъ, чего я долго не подозрѣвалъ, пока случай не помогъ мнѣ узнать причину такой ненависти. Возвратясь, послѣ первой своей поѣздки на каникулы домой, я привезъ своему земляку письмо отъ его матери. Что заключалось въ семъ родительскомъ посланіи, я не зналъ; но, судя по тому, что Денисъ, при встрѣчѣ со мной, харкалъ и плевалъ, я заключилъ, что я, противъ своего желанія, сдѣлалъ ему большую непріятность, привезши письмо. Мало того, онъ считалъ меня авторомъ его и когда я потребовалъ объясненія, кто взвелъ на меня такую клевету, то онъ указалъ на Васю Глотова, которому будто бы я самъ въ томъ сознался. Потребовалась очная ставка; пошли искать Глотова. Шли мы вдвоемъ на Подолъ, за канаву, молча, не глядя другъ на друга, какъ самые непримиримые враги.

— Ты, Василій Савичъ, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что онъ (указавъ на меня) написалъ ругательное письмо отъ имени моей матери?

— Нѣтъ, я тебѣ этого никогда не говорилъ! отвѣчалъ Глотовъ.

Денисъ харкнулъ и плюнулъ ему прямо въ лицо, а передо мною тутъ же извинился.

Идучи вмѣстѣ съ Подола въ институтъ, я отъ своего милаго земляка между прочимъ узналъ, что онъ цѣлый годъ питалъ ко мнѣ смертельную злобу, что бурсаки-юристы еще больше раздули въ немъ эту вражду, дѣлая ему разныя пакости и сворачивая на меня, какъ на виновника ихъ. Такъ, однажды они бросили ему въ постель дохлую крысу и взвели эту мерзость на меня; утащили изъ моего стола тетрадь и старались увѣрить его въ сходствѣ почерка

съ письмомъ, привезеннымъ мною отъ матери и т. п. подлости, на какія способны только быки, поросята, кнуры и прочія животныя, наполнявшія юридическія камеры.

— Все это, сказалъ въ заключеніе Денисъ, до того меня ожесточило, что разъ ночью я подходилъ къ вашей кровати съ цѣлію задушить соннаго.

Шли мы по глухой аллеѣ Царскаго сада и когда мой спутникъ разсказалъ мнѣ о своемъ покушеніи на мою жизнь, мнѣ до того стало жутко, что я бросился отъ него въ сторону и выбрался на большую аллею, гдѣ было много гуляющихъ. Только теперь я узналъ, что за свирѣпый человѣкъ этотъ волкообразный Денисъ и на что онъ былъ способенъ въ своей свирѣпости.

На выпускномъ экзаменѣ—опять исторія. Изъ 60 вопросовъ, на которые раздѣлена была чреватая энциклопедія законовѣдѣнія Неволина, Денисъ застраховалъ всего два послѣдніе билета. Выходитъ отвѣчать, беретъ билетъ — застрахованный! Не довѣряя своему счастію, онъ проситъ самого Неволина взять за него билетъ Взялъ билетъ ректоръ, опять застрахованный. Денисъ не вытерпѣлъ: харкнулъ неистово, плюнулъ и въ присутствіи экзаменаторовъ загнулъ крѣпкое словцо судьбѣ-злодѣйкѣ. Хотя, по правиламъ, третьяго билета брать не полагалось, но такъ какъ неудачникъ объявилъ, что онъ только этихъ двухъ вопросовъ не успѣлъ приготовить, то ему дозволили отвѣчать безъ билетовъ. Спросили его по всѣмъ отдѣламъ науки и онъ отвѣчалъ отлично; а все таки кандидатскаго диплома лишился. Сознавая свои природные недостатки, Денисъ не отважился поступить въ гражданскую службу, а избралъ педагогическое поприще и отправился учительствовать въ Черноостровское дворянское училище. Тамъ съ нимъ опять случилась исторія.

Приглянулась ему одна шустрая полька. Не будучи съ нею вовсе знакомъ, Денисъ въ одно прекрасное утро явился къ ея матери съ предложеніемъ себя въ супруги ея единственной дочери. Озадаченная такимъ страннымъ сватовствомъ вдовица отвѣтила ему, что дочь ея вовсе его не знаетъ, но просила бывать у нихъ въ

домѣ и если онъ успѣетъ заслужить ея расположеніе, то она i owszem очень будетъ рада выдать свою дочь za pana professora [1]).

Началъ мой Денисъ ухаживать за хорошенькою панной очень усердно. Придетъ, сядетъ подлѣ нея и глядитъ на нее молча, какъ козлоногій сатиръ на нимфу. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Думая, что испытаніе уже кончилось, т. е. что онъ уже достаточно успѣлъ влюбить въ себя панну, Денисъ пришелъ однажды къ ней съ рѣшительнымъ намѣреніемъ добиться положительнаго отвѣта: да или нѣтъ?

Матери не было дома. Безъ всякихъ прелюдій, мой землякъ обратился къ дѣвушкѣ съ вопросомъ: выйдетъ ли она за него замужъ или не выйдетъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Денисъ вынулъ изъ кармана баночку съ сѣрной кислотой и откупоривая ее сказалъ: такъ я жъ тебѣ всю физіономію изуродую!

Панна съ ужасомъ выбѣжала на улицу и стала звать на помощь. Сбѣжались сосѣди и влюбленнаго жениха выпроводили изъ дому, принявъ его за помѣшавшагося отъ любви „виріата“.

Со введеніемъ законовѣдѣнія въ гимназіяхъ, Денисъ, какъ юристъ, переведенъ въ волынскую гимназію учителемъ этого предмета. А когда мать подала попечителю просьбу о томъ, чтобы заставили сына помогать ей на старости лѣтъ, то его перевели въ Новгородъ-Сѣверскъ. Въ 1854 году тамъ случился пожаръ, истребившій лучшую часть города; сгорѣлъ при этомъ и домикъ Денисовой матери, но онъ о немъ не столько жалѣлъ, сколько о любимой сукѣ, которую не успѣли спасти.—Еще будучи въ Житомирѣ, онъ женился на полькѣ же. Нашлась таки дура, рѣшившаяся связать свою судьбу съ этимъ дикобразомъ. Лишившись во время пожара лягавой собаки, Денисъ возложилъ ея обязанности на жену, таская ее за собою на охоту и заставляя подбирать убитую птицу и носить охотничьи принадлежности.

Послѣ пожара, неугомонная старуха еще больше стала приставать къ начальству съ своими жалобами. Это наконецъ до того всѣмъ надоѣло, что сына перевели въ Немировъ.

---

[1]) Поляки всѣхъ учителей титулуютъ профессорами, гимназистовъ—студентами, а студентовъ—академиками.

Къ немалому удивленію всѣхъ знавшихъ свирѣпаго Дениса, по протекціи М. А. Тулова [1]), его сдѣлали инспекторомъ сперва новгородъ-сѣверской, а потомъ черниговской гимназіи, гдѣ онъ распился до безобразія. Сказалась такъ наслѣдственная слабость хоть на старости лѣтъ!

Уволенный въ отставку, онъ отправился въ Житомиръ, гдѣ скоро и умеръ, оставивъ семью въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

На выходѣ.

Weg corpus juris, weg Pandecten
Weg mit den theologischen Secten,
Weg mit der Medicinerei—
Von solchen Dingen bleib'ich frei!

(Изъ студентской пѣсни).

Окончивъ свой послѣдній экзаменъ, я далъ себѣ льготу. Намучившія до отвращенія профессорскія записки были сложены, завязаны въ мертвый узелъ снуркомъ и отброшены въ сторону. Наконецъ то, думалось мнѣ, я воленъ въ выборѣ занятій по сердцу! Съ этого времени все, что будетъ вложено въ сокровищницу моей внутренней жизни, все, чѣмъ обогатится мой умъ, моя память— все останется неотъемлемой моею собственностью. Опротивѣли мнѣ эти вѣчные экзамены [2]), обязывающіе каждому встрѣчному давать отчетъ въ своемъ умственномъ достояніи, низводящіе взрослаго развитаго человѣка до степени школяра, вызубрившаго заданный урокъ. Теперь, какъ сказалъ безсмертный Пушкинъ,

.... ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить возможешь ты свой трудъ.

Чувство довольства, знакомое каждому труженику, добросовѣстно выполнившему свой долгъ, пробудило въ душѣ забытыя или

---

[1]) Бывшій послѣ Зимовскаго директоромъ немировск. гимназіи. М. А. Туловъ повыводилъ въ инспекторы и потомъ въ директоры большую часть своихъ сослуживцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Денисъ Подпружниковъ.

[2]) Казеннокоштные воспитанники, кромѣ годичныхъ, держали еще полугодичные экзамены.

точнѣе сдержанныя на время порыванія въ очарованный міръ поэзіи, непереставашей тянуть меня къ себѣ съ гимназической скамьи...

Дай оглянусь!... Непривѣтливо сурово встрѣтила меня жизнь, при моемъ вступленіи въ университетъ. Много было потрачено молодыхъ силъ въ борьбѣ съ нуждою и лишеніями; то было время тяжелаго для меня испытанія; въ такія минуты человѣку не до поэзіи.

И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный.

Потомъ настало другое время: обезпеченный на все продолженіе университетскаго курса и успокоившись духомъ, я чуть было не свернулъ на старую дорогу, но, къ счастію, скоро отрезвился. Ознакомившись съ истинно художественными произведеніями великихъ поэтовъ и пораженный, уничтоженный недосягаемой высотой ихъ творческой силы и глубиною ихъ идей, я пришелъ къ сознанію собственнаго ничтожества. Неумѣренныя и всегда пристрастныя похвалы друзей, принявшихъ „избытокъ юныхъ силъ и плѣнной мысли раздраженье“ за признаки вдохновенія — перестали волновать мое разгоряченное воображеніе. Непримиримый врагъ всяческихъ увлеченій — разсудокъ сталъ мало по малу вступать въ свои права и на сей разъ сослужилъ мнѣ немалую службу. Какъ отрезвившійся пропойца, я сталъ лучше сознавать свое положеніе, яснѣе различать окружающіе меня предметы. Наконецъ, въ душѣ заговорила и совѣсть: честно ли поступлю я, казеннокоштный воспитанникъ, бросивъ обязательныя для меня занятія, отдавшись личнымъ моимъ вкусамъ? И не въ правѣ ли общество, обезпечившее мое существованіе, потребовать отъ меня въ будущемъ сослужить и ему службу за его жертвы? Не стиховъ оно потребуетъ отъ меня, а знаній... И въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ я размышлять, не для „веселой науки“—этой gaya scienza—провансальскихъ трубадуровъ, я поступилъ въ университетъ. Вѣдь за поэтическое чувство, какъ бы оно сильно не проявлялось, не только не даютъ „доктора чувствительности“, какъ основательно замѣтилъ Неволинъ, но и дѣйствительнаго студента, пожалуй, не получишь. И съ чѣмъ, наконецъ, предстану я предъ своими будущими учениками, любознательность

которыхъ жаждетъ свѣта, науки, знанія? Чему же я научу ихъ, не обладая самъ научными свѣдѣніями? Нѣтъ, далѣй, далѣй отъ искушенія!

Такія мысли волновали меня, прежде чѣмъ я дошелъ до полной рѣшимости освободиться отъ пагубной страсти „стихоманіи". Людямъ позднѣйшихъ поколѣній покажется страннымъ, что эта страсть могла играть такую важную роль въ жизни развитаго человѣка. Но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что въ 30-хъ годахъ почти вся наша, такъ называемая, изящная литература приняла стихотворческое направленіе, что всѣ, выходившіе тогда періодическія изданія, не говоря объ альманахахъ, даже газеты были переполнены стихотвореніями разныхъ наименованій. Съ легкой руки Пушкина и блестящей плеяды его подражателей, образовавшихъ „пушкинскую школу", русскій стихъ сталъ достояніемъ всякаго, кто только мало-мальски владѣлъ перомъ. Каждый недоучившійся юноша, ознакомившись съ механизмомъ стихосложенія по книжкѣ Пѣнинскаго, начиналъ писать стихи, воображая себя поэтомъ. Преподаватели русской словесности не только не сдерживали своихъ питомцевъ отъ опасныхъ увлеченій стихотворствомъ, но, въ ущербъ научнымъ занятіямъ, весьма усердно поощряли „незрѣлыя творенія" стихоплетовъ и своими неумѣренными похвалами сгубили не одного даровитаго юношу, раздувъ въ немъ страсть къ стихотворству до чудовищныхъ размѣровъ. Молодые люди часто теряли способность къ серьезному труду, переставали учиться и на всю жизнь дѣлались жалкими мечтателями.

„Наши премудрые педагоги забывали, что многочисленность стихотворцевъ у всякаго народа есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія и что самыя поэтическія эпохи въ исторіи всегда представляли самое малое число поэтовъ. Истинные поэты всѣхъ вѣковъ были глубокими мыслителями; но въ 30-хъ годахъ чувство освобождало насъ отъ обязанности мыслить и прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекало отъ высокой цѣли усовершенствованія (поэтъ Веневитиновъ).

Кромѣ знакомаго уже намъ сѣверскаго поэта Павла Кирилловича Лазаревича, у насъ въ гимназіи было еще нѣсколько до-

морощенныхъ піитовъ, изъ которыхъ весьма немногимъ удалось, съ грѣхомъ пополамъ, окончить свое образованіе. Отвѣтственность за ихъ неудачи падаетъ на нашихъ непризванныхъ педагоговъ.

Одною изъ жертвъ педагогическаго недомыслія былъ мой землякъ Діомидъ Рубчевскій, извѣстный у насъ подъ именемъ Дёмы.

Какъ живой, стоитъ передо мной этотъ коренастый дѣтина, съ своей угловатой фигурой, съ выдавшимися скулами щекъ, съ маленькими, глубоко сидящими глазками и съ своею неизмѣнною саркастическою улыбкой. На всѣ шутки и подтруниванья товарищей, надъ его чудачествами онъ всегда отвѣчалъ добродушнымъ смѣхомъ, съ прибавкой вѣчной своей поговорки: „умора!“ или „глупъ какъ сапогъ!“.

Находясь еще въ V классѣ гимназіи, Дёма написалъ на заданную тему стихотвореніе „Смерть Святослава“. Словесникъ нашъ Коконко возьми да и расхвали это „твореніе“, въ присутствіи всего класса. Этимъ, быть можетъ, и окончилось бы поэтическое поприще Демы, но когда онъ увидѣлъ свое произведеніе напечатаннымъ, въ „Трудахъ воспитанниковъ“, при Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—у него закружилась голова. Юноша возмечталъ о себѣ, что онъ просто геній; сталъ чуждаться общества товарищей, по цѣлымъ ночамъ не спалъ, и главное перестал вовсе учиться. Хотя гимназію онъ и окончилъ, но, поступивъ въ университетъ, гдѣ потребовалось болѣе усидчивыхъ и серьезныхъ занятій, онъ все время посвятилъ стихотворству. Побывавъ на двухъ трехъ лекціяхъ, онъ порѣшилъ, что ходить въ университетъ не стоитъ. Ни одинъ изъ профессоровъ не удовлетворилъ его любознательности; о каждомъ изъ нихъ онъ отзывался съ пренебреженіемъ; каждый у него былъ „глупъ, какъ сапогъ!“

Окончивъ въ первомъ полугодіи свою поэму „Ванюша малый“, начатую еще въ гимназіи, второе полугодіе Дёма просидѣлъ надъ сочиненіемъ другой поэмы „Ванюша большой“. Находя, что его крѣпкое тѣлосложеніе даетъ слишкомъ большой перевѣсъ плоти надъ духомъ, препятствуя ему проявлять свою творческую силу, чудакъ началъ морить себя голодомъ и съ 1 января 1844 года заключилъ съ хозяйкой условіе давать ему обѣдъ только четыре дня въ не-

дѣлю, остальные три дня онъ сталъ питаться однимъ чаемъ. Но такъ какъ и это средство не помогло, то Дёма пришелъ къ убѣжденію, что онъ нехорошо понимаетъ свойства тѣлесной природы человѣка, вслѣдствіе чего счелъ нужнымъ прослушать курсъ анатоміи у проф. Вальтера, а затѣмъ заняться изученіемъ психологіи, чтобы лучше ознакомиться съ духовной стороной человѣка и найти такимъ образомъ связь между тѣломъ и духомъ, опредѣливъ съ точностью зависимость души отъ тѣла и т. д. Но планъ этотъ остался безъ исполненія. Побывавъ нѣсколько разъ въ анатомическомъ театрѣ, Дёма свою затѣю бросилъ и прибавилъ къ числу голодныхъ дней еще одинъ.

Что же это за поэма, стоившая нашему товарищу такихъ лишеній? спроситъ любопытный читатель. Насколько я могъ узнать, изъ моихъ частыхъ бесѣдъ съ авторомъ, главная идея его произведенія заключалась въ томъ, чтобы представить въ образѣ „Ванюши" что то въ родѣ „Вѣчнаго жида" Кюхельбеккера, проведши своего героя черезъ всѣ періоды и эпохи всемірной исторіи, олицетворивъ въ немъ все человѣчество на разныхъ ступеняхъ его историческаго развитія [1]). Задача, какъ видите, нелегкая.

Принимая въ землякѣ своемъ живѣйшее участіе, я началъ было убѣждать его оставить пока „Ванюшу" въ покоѣ и заняться предварительно изученіемъ предметовъ, необходимыхъ для уразумѣнія историческихъ судебъ человѣчества: прослушать курсъ всемірной исторіи, познакомиться съ философіей исторіи и исторіей философскихъ системъ, подъ руководствомъ такихъ достойныхъ профессоровъ какъ Новицкій и Авсеневъ, потому-де что философы съ глубокой древности не переставали думать и додумались, втеченіе цѣлыхъ столѣтій, до тѣхъ истинъ, до которыхъ—онъ, Дема, хочетъ дойти собственнымъ умомъ въ продолженіе лишь одного года. Но на всѣ мои доводы чудакъ отвѣчалъ своимъ излюбленнымъ словцомъ: „умора!" и продолжаетъ писать чуть ли не 20-ю главу своей поэмы.

---

[1]) Въ поэмѣ Кюхельбеккера обозначаются четыре появленія Агасфера: 1) Разрушеніе Іерусалима, 2) Паденіе Рима, 3) Поле битвы, послѣ Бородина и лейпцигскаго побоища, 4) Смерть послѣдняго человѣка.

Пробовалъ я дѣйствовать на упрямца и другимъ способомъ. Руководясь тѣмъ соображеніемъ, что коль скоро предметъ нашего поклоненія хоть разъ предстанетъ передъ нами въ смѣшномъ видѣ, онъ въ нашихъ глазахъ теряетъ свою цѣну—я написалъ ему посланіе въ стихахъ, изобразивъ въ немъ „Ванюшу" въ каррикатурѣ; а въ заключеніе выразилъ мысль, что дидактизмъ поэзіи несвойственъ, что если авторъ желаетъ философствовать, то ему изложить свои мысли гораздо удобнѣе прозой, а еще лучше если бы онъ самъ поучился прежде, чѣмъ поучать другихъ и т. д.

На мое посланіе Дёма отвѣтилъ тоже посланіемъ, въ которомъ онъ старается отстоять принятую имъ стихотворную форму для выраженія философскихъ идей—примѣрами древнихъ произведеній. Посланію своему онъ придалъ шутливый тонъ, разсказавъ исторію Пегаса, возившаго поэтовъ на Парнассъ.

Когда крылатому коню надоѣло возить на Парнассъ людей, онъ сталъ проситься въ отставку:

И просьба принята богами
Пегасъ, какъ вихрь, взмахнулъ крылами,
Заржалъ, запрыгалъ и взвился
Стрѣлой подъ небеса:

Не бывъ никѣмъ осѣдланъ болѣ,
Пегасъ гулялъ себѣ на волѣ,
Объѣхалъ тысячи планетъ,
Преслѣдовалъ кометъ.

Но, соскучившись „гульней" ретивый конь подаетъ просьбу богамъ—поступить къ нимъ на службу:

И просьба принята. Юпитеръ—
Въ одну перо, въ другую скипетръ,
Сѣвъ на Пегаса, полетѣлъ
И одой прогремѣлъ.

Смѣялись люди пышной одѣ—
Она была уже не въ модѣ—
И спрыгнулъ, разсердясь, Зевесъ
Съ Пегаса средь небесъ.

За Зевсомъ наѣздничали и другіе боги; одна лишь Минерва скромничала, отговариваясь „незнаньемъ верховой ѣзды".

Пегасъ печаленъ—нѣтъ работы—
У олимпійцевъ нѣтъ охоты.
Идетъ въ раздумьи самъ не свой,
Бесѣдовать съ судьбой.

Ему отвѣтствуетъ судьбина:
«Оселъ ты, глупая скотина!
Лишь та богиня, что съ совой
Управится съ тобой.

Пегасъ отправляется къ Минервѣ и униженно проситъ ее хоть разъ проѣхаться на немъ.

Надѣвъ дурачества порфиру,
Минерва показалась міру,
Взяла сову и тотъ же часъ
Махнула на Парнассъ.
Ѣздою люди изумились,
Упали ницъ и поклонились:
Изъ всѣхъ боговъ она одна
Забавна и умна.

Всѣ восхищаются нарядомъ
Слѣдятъ за нею быстрымъ взглядомъ,
Мечтаютъ ей во слѣдъ бѣжать
И стали подражать.
Пегасъ Минервою доволенъ:
Онъ съ нею веселъ, быстръ и воленъ,
Сова плѣнила мудрецовъ,
Дурачества глупцовъ.

Такъ какъ рукопись „Ванюши Большого" до потомства не дошла, то это посланіе можетъ дать понятіе о достоинствахъ утраченной поэмы.

Въ сентябрѣ я уѣхалъ на службу. Пріятели по временамъ извѣщали меня, что Дёма ни на волосъ не измѣнилъ своихъ привычекъ и продолжаетъ чудить по старому. Наконецъ въ январѣ 1845 года Зыковъ увѣдомилъ меня, что наканунѣ новаго года съ Дёмой случился казусъ. Знакомая многимъ студентамъ молодая и красивая торговка яблоками, извѣстная у насъ подъ именемъ „кузины", подобно своей прародительницѣ Евѣ, искусила своими яблоками нашего анахорета... „вслѣдствіе чего нашъ Адамъ какъ будто немножко поумнѣлъ и просилъ меня, продолжаетъ Зыковъ, написать тебѣ о своемъ грѣхопаденіи". Товарищи нагрянули къ нему цѣлою толпой съ поздравленіями, а я, отсутствующій, привѣтствовалъ его „возрожденіе" одой въ анакреонтическомъ родѣ, начинавшейся стихомъ: Ура! ура! философъ взятъ!...

Близко знавшіе Дему земляки отъ души порадовались благодѣтельной перемѣнѣ въ его образѣ жизни и надѣялись, что онъ наконецъ перестанетъ чудить и примется за дѣло, болѣе полезное; но не тутъ то было.

Въ концѣ февраля, окончивъ своего „Ванюшу", Дема понесъ его къ М. А. Максимовичу, прося его высказать свое мнѣніе о его любимомъ дѣтищѣ. Отзывъ Михаила Александровича былъ далеко не въ пользу недоноска Ванюши; но авторъ нисколько тѣмъ не смутился: произнесши любимую свою фразу: „глупъ, какъ сапогъ!" онъ отправился къ другому авторитету—Н. Т. Костырю, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтить болѣе компетентнаго критика. Николай Трофимовичъ довольно долго держалъ у себя рукопись „Ванюши" и наконецъ высказалъ свое мнѣніе на счетъ этого про-

изведенія. Приговоръ его былъ еще строже. Идя отъ Костыря, Дема, какъ надо полагать, совершенно разочаровался въ своихъ надеждахъ на будущую славу... Горько ему было убѣдиться въ своемъ заблужденіи. Оказалось, что онъ самъ былъ глупъ, какъ сапогъ, а не тѣ, кто изъ желанія ему добра старались отклонить его отъ пагубной страсти къ стихотворству и притянуть къ занятіямъ болѣе производительнымъ.

Что же случилось съ Демой послѣ такого горькаго разочарованія?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я приведу отрывокъ изъ письма того самаго пріятеля, который такъ сильно заботился о судьбѣ бѣдняка-товарища, попавшаго на скользкій путь сочинительства.

„Любезный другъ! Увѣдомляю тебя о неожиданномъ происшествіи, которое, безъ сомнѣнія, поразитъ тебя, какъ громомъ. Не знаю, съ чего начать? Скажу прямо: Рубчевскій 14 марта утопился. Что побудило его къ этому, постарайся разгадать самъ. За день до того онъ былъ у своихъ товарищей, въ томъ числѣ и у меня; спрашивалъ о твоемъ адресѣ и говорилъ, что приготовилъ тебѣ „закатистое посланіе“... Дема оставилъ прекомическое завѣщаніе, въ силу коего, всю свою мизерію раздѣлилъ, на память, между земляками: кому книги, кому рубахи, кому тюфякъ. Тебѣ завѣщалъ онъ перо, которымъ писалъ своего Ванюшку, мнѣ фуражку, въ которой писалъ по ночамъ, а инспектору Сычугову старые сапоги. Въ заключеніе же прибавилъ: „Иду въ Днѣпръ разрѣшить задачу на кой чортъ созданъ человѣкъ?“ Вотъ такъ выкинулъ штуку! Послѣдніе дни онъ былъ неестественно веселъ и никто не могъ догадаться, что онъ замышляетъ такое недоброе!... 24 марта 1845 г.“

Пораженный такимъ печальнымъ извѣстіемъ, подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, я въ самый день полученія письма написалъ элегію на смерть Демы и отправилъ ее въ Кіевъ для прочтенія землякамъ.

На смерть Рубчевскаго.

Прощай, мой философъ, злосчастный страдалецъ,
Безрадостный житель печальной земли!
Въ Днѣпрѣ ты укрылся, безлюдный скиталецъ,
И шумныя волны тебя унесли.

Всю жизнь ты томился химерной мечтою
Постичь недоступныя тайны небесъ
И нылъ безутѣшно пытливой душою,
Безсильный проникнуть въ міръ Божьихъ чудесъ.
За темной завѣсой, за тучей сомнѣній
Скрывается міръ тотъ отъ смертныхъ очей—
Къ нему уносилъ тебя злобный твой геній,
Смѣясь надъ безсиліемъ мысли твоей.
Измученный долгимъ, напраснымъ томленьемъ,
Ты въ вѣчности зрѣлъ лишь желанный предѣлъ—
Къ нему, истомленный земнымъ заключеньемъ,
Разбивши оковы, твой духъ улетѣлъ.
Лишенъ ты могилы, бѣднякъ одинокій,
Никто не оплакалъ кончины твоей,
Безвѣстно ты скрылся въ пучинѣ глубокой—
Въ холодное лоно кипящихъ зыбей:
Привыкшему мыслью парить надъ землею,
Тебѣ былъ бы тѣсенъ подземный пріютъ,
Куда всѣ отходятъ по смерти къ покою,
Гдѣ медленно сирыя кости гніютъ.
Нѣтъ ты не покоя искалъ за могилой:
Ты умеръ, чтобъ тайну проникнуть душой,
Стѣсненной при жизни вещественной силой,
Томившейся долго темницей земной.
Тебя ужасало безмолвье кладбища,
Гдѣ спятъ безмятежно собратья твои,
Кончая насиліемъ юные дни,
Иного искалъ ты по смерти жилища;
Днѣпръ сталъ тебѣ гробомъ: тамъ вѣчно кипитъ
Тревожная жизнь на раздольи широкомъ,
Волна твое тѣло въ себя претворитъ,
А кости заростъ въ лиманѣ далекомъ...
Не люди свершали обрядъ погребальный
Надъ трупомъ бездушнымъ твоимъ,
Не вѣрилъ ты воплямъ разлуки печальной,
Суровый страдалецъ, степной нелюдимъ!
Людей не встревожилъ твой голосъ прощальный,
Червей не насытилъ ты тѣломъ своимъ.

Другою жертвою той же педагогической безтактности былъ весьма дѣльный и кросивый молодой человѣкъ Матушевичъ. Онъ кончилъ еще хуже нашего стародубскаго поэта-философа—съ ума

сошелъ. Занимаясь долго писаніемъ безгрѣшныхъ стишковъ, онъ, подъ конецъ университетскаго курса, принялся за сочиненіе философскаго романа, задавшись мыслію, подобно Демѣ, примирить философію съ поэзіей, съ тою только разницей, что сей юноша прослушалъ курсъ философіи, а Дема до всего доходилъ собственнымъ умомъ. Ненормальное состояніе его умственныхъ способностей впервые проявилось у него на гуляньѣ, въ Царскомъ саду, гдѣ публично, во всеуслышаніе, онъ сталъ проповѣдывать о несовершенствѣ всѣхъ философскихъ системъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ и что только одна его собственная система, построенная на религіи католической, докажетъ міру, что значитъ истинная философія. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, онъ явился къ Новицкому и объявилъ, что пришелъ по очень важному дѣлу. Орестъ Марковичъ попросилъ его въ кабинетъ.

— Видите ли г. профессоръ, въ чемъ дѣло: я хочу преобразовать христіанство—оно слишкомъ устарѣло для человѣчества.

Смекнувъ въ чемъ дѣло, Новицкій принялъ надлежащія мѣры; пока реформаторъ развивалъ свою теорію объ устройствѣ новой религіи, онъ послалъ за инспекторомъ и юнаго реформатора свели въ студенческую больницу. Тамъ до пріѣзда родителей онъ находился около двухъ недѣль, не переставая философствовать.

Товарищей онъ не узнавалъ, принимая ихъ за еретиковъ, а полковника постоянно титуловалъ превосходительствомъ. Польщенный такимъ величаніемъ, инспекторъ сталъ увѣрять насъ, что Матушевичъ не совсѣмъ сумасшедшій. Но когда больной принявъ полковника за царя Ирода, намѣревался схватить его за усъ, тогда только испугавшійся гвардеецъ призналъ несчастнаго дѣйствительно помѣшаннымъ.

Въ гостяхъ у монаха.

По окончаніи экзаменовъ мы съ Добрашовымъ совершили фантастическое путешествіе по Днѣпру въ незабвенное Сваромье. Сидя однажды вечеромъ въ Царскомъ саду, мы заглядѣлись на Заднѣпровье: на лугахъ тамъ и сямъ свѣтились огоньки рыбаковъ, широкая полоса Днѣпра сверкала во мракѣ, отражая въ своей

зеркальной поверхности звѣздное небо. Наслаждались мы этою картиной молча.

— А что еслибъ мы съ тобой, дружище, махнули вверхъ по Днѣпру dahin, dahin, wo die Zitronen blühn? Понимаешь? задалъ я вопросъ.

— Отчего жъ, поѣдемъ, согласился пріятель. Это будетъ даже очень кстати: во первыхъ мы переночуемъ на лугу sub divo, какъ говоритъ Нейкирхъ, а во вторыхъ, я увижу тѣ хваленыя мѣста, о которыхъ ты мнѣ прожужжалъ уши.

Сказано, сдѣлано. На другой же день мы отправились на Подолъ, нашли тамъ сваромцевъ, влѣзли въ дубъ и поѣхали. Пока свѣтило и грѣло солнце и пока не заговорилъ желудокъ, мы блаженствовали.

Къ вечеру, подъѣзжая къ Вышгороду, мы стали томиться голодомъ. Съ собой у насъ не было никакихъ запасовъ. Что дѣлать? Увидѣвъ подъ горой шалашъ, я направился туда добывать провизію. Тамъ я нашелъ семью жидовъ: дѣти въ порванныхъ и грязныхъ рубашенкахъ копошились на полу или лучше на пескѣ; на треногомъ подобіи стола стояла коза, жуя жвачку и тряся своей наполеоновской бородкой; на палатяхъ охала больная старуха; другая еврейка помоложе, мать ползавшихъ по полу дѣтей, стояла возлѣ печки съ рогачомъ и готовила обѣдъ. „Нѣтъ ли у тебя продать чего нибудь съѣстного? „обратился я къ ней черезъ отверстіе въ шалашъ.

— Що у мене есть? мы сами съ голоду дохнемъ, отвѣчала мнѣ болѣзненнымъ голосомъ еврейка.

— А этого не можешь продать? спросилъ я ее, указывая на лежавшую тутъ только что зажаренную рыбу, долженствовавшую насытить цѣлую семью.

— Ну, дайте мени 40 грошей да й возьмить соби.

— А что жъ вы сами будете ѣсть?

— Ну, мы будемъ исты хлибъ та цыбулю. Коза дасть молока дѣтямъ.

Торгъ состоялся. Схвативъ добычу, я побѣжалъ къ рѣкѣ подѣлиться ею съ пріятелемъ. Но увы! отвѣдавши жидовской стряпни, мы скоро разочаровались въ надеждѣ утолить свой голодъ: рыба до того была пропитана перцемъ, что во рту словно огнемъ жгло.

А тутъ еще предательскій совѣтъ товарища напиться послѣ кушанья воды—хоть на стѣну лѣзь! Но полакомившись рыбой, мы должны были побѣдить другого противника — нестерпимый холодъ ночью надъ водою. Мы убѣдились на опытѣ, что изъ прекраснаго далека все кажется привлекательнѣе: издали мы любовались огнями и завидывали тѣмъ счастливцамъ, которые наслаждались ночлегомъ на лугу, вдыхая въ себя ароматическій воздухъ, пропитанный запахомъ травъ и цвѣтовъ и засыпая здоровымъ сномъ подъ трескъ потухающаго костра. Костеръ то и мы развели, да все таки онъ не могъ согрѣть насъ, весьма легко одѣтыхъ, съ пустымъ желудкомъ, надъ самымъ Днѣпромъ. Сколько мы ни старались согрѣться усиленнымъ движеніемъ и разными гимнастическими упражненіями—ничто не помогало. А вѣдь до Межигорья рукой подать: стоило только обогнуть гору и мы бы покоились на мягкой перинѣ любезнаго кума и благодѣтеля Ивана Маркевича. Къ утру стало еще невыносимѣе. Такъ какъ мы не могли найти достаточно топлива, то костеръ нашъ скоро погасъ. Пристали мы къ хозяину дуба и заставили его продолжать путешествіе, что бы сколько нибудь согрѣться, работая веслами. Ворча и подтрунивая надъ нашимъ горемъ, онъ отчалилъ. Около 7 часовъ утра мы сидѣли уже за чаемъ. Выпивъ по три стакана горячаго чаю да еще съ ромомъ, и плотно покушавши, мы избавились, быть можетъ, отъ опасныхъ послѣдствій простуды и весело продолжали свой путь. Около часу мы были уже въ Сваромьѣ у почтеннаго о. Василія. Въ ожиданіи обѣда, посѣтили завѣтныя мѣста. Насъ сопровождалъ и самъ батюшка, который до того расчувствовался, вспоминая недавнее прошлое, когда жилъ тутъ лѣсничій съ семействомъ, что даже прослезился. Особенно жаль ему было разставаться съ кузиной, къ которой онъ питалъ чувство самой нѣжной привязанности, близкое къ обожанію. Мы посѣтили сельское кладбище, осѣненное столѣтними соснами, число которыхъ значительно убавилось: ихъ весною унесъ Днѣпръ, вмѣстѣ съ костями покойниковъ, отмежевывая себѣ ежегодно часть песчанаго берега и угрожая въ будущемъ цѣлому селенію своимъ непріятельскимъ нашествіемъ [1]). Исчезла подъ водой и половина ого-

[1]) Въ настоящее время, по разсказамъ крестьянъ, мѣсто, гдѣ было село покрылось водой, а жители переселились на болѣе возвышенное.

рода, гдѣ четыре года тому назадъ росли такіе сочные арбузы... Бровки и Жучки постарѣли и едва узнавали стараго знакомаго полуослѣпшими глазами. Не измѣнился только хозяинъ квартиры лѣсничаго хромоногій Тимишъ, вѣчно веселый и живой, со всегдашнимъ своимъ юморомъ и плутовскою усмѣшкой на рябоватомъ лицѣ.

Посидѣвъ на берегу Днѣпра подъ сосною и насладившись до сыта пріятною бесѣдой о старинѣ, мы отправились къ батюшкѣ на обѣдъ, а послѣ обѣда затѣяли совершить прогулку къ о. Иліодору въ Тарасовичи, версты за четыре отъ Сваромья. Путь лежалъ лѣсомъ, который, благодаря ревностному опеканію казенной собственности гг. лѣсничими, втеченіе четырехъ лѣтъ значительно порѣдѣлъ. Протрясшись порядкомъ на поповской чертопхайкѣ по корнямъ вѣковыхъ сосенъ, мы благополучно прибыли къ монаху и готовы были къ новому, еще обильнѣйшему угощенію. Домъ, занимаемый о. Иліодоромъ, представлялъ собой прекраснѣйшую помѣщичью усадьбу. Окруженный съ трехъ сторонъ лѣсомъ, фасадомъ онъ выходилъ на озеро, соединяющееся съ Днѣпромъ узенькимъ проливомъ и потому изобилующее всевозможными рыбами. Обширный дворъ кругомъ застроенъ сараями, гдѣ приготовлялась рыба въ прокъ бабами изъ Тарасовичей и загроможденъ рыболовными снастями. Въ озерахъ, завѣдываемыхъ о. Иліодоромъ было такое обиліе рыбы, что, не смотря на великое множество лаврскихъ потребителей, остается столько, что ее солятъ и продаютъ, выручая ежегодно весьма почтенную сумму въ пользу св. обители. У крыльца насъ встрѣтилъ честной отецъ своимъ обычнымъ восклицаніемъ: „Ааа! и вы пріѣхали".

Онъ былъ по домашнему, въ старенькомъ подрясникѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ, въ остроконечной монашеской шапкѣ. Поздоровавшись съ радушнымъ хозяиномъ, я между прочимъ спросилъ:

— А гдѣ же, отче, ваша лисичка, что тутъ бѣгала по канату съ однаго конца двора на другой?

— Волкъ, бездѣльникъ, волкъ! не повѣрилъ я вамъ, когда вы увѣряли меня что то волкъ, я все думалъ, что лисичка, а онъ, разбойникъ, выросъ, перегрызъ веревку и отблагодарилъ меня за мое о немъ попеченіе: задавилъ двухъ барановъ, что были возлѣ лошадей, да и убѣжалъ въ лѣсъ.

Дѣло въ томъ, что крестьяне подарили монаху маленькаго волченка, увѣривъ его, что то лисичка. Онъ ее кормилъ и холилъ, стараясь сдѣлать ручною, забывъ народную поговорку: волка сколько ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.

— Просимъ же покорно до моей убогой монашеской хаты!

Вошли, помолились на образа и сѣли.

— Михайло! кликнулъ хозяинъ въ другую комнату, поставьте самоваръ.

Вышла высокая, мрачная фигура, вся обросшая густыми съ просѣдью волосами, взяла двухведерный самоваръ и исчезла съ нимъ молча за дверью. Чаемъ обыкновенно начиналось монашеское угощеніе, въ какое бы время дня и ночи ни пріѣхалъ гость. Чай подавался въ огромныхъ межигорскихъ чашкахъ, вмѣстимость каждой изъ нихъ безъ малаго равнялась вмѣстимости суповой вазы. Выпили мы, по двѣ такихъ порціи, а хозяинъ подноситъ по третьей съ прибавочкой. Не безъ страха приступили мы къ осушенію предложенной чаши, и когда окончили, радушный хозяинъ проситъ выпить еще по одной. Но мы съ Добрашовымъ отказались на отрѣзъ.

— Ото вже, якіе вы! Я монахъ, а колы двухъ чашекъ не выпью съ прибавкой, то и не засну, а вы въ мірѣ живете, вамъ бы слѣдовало больше меня выпить!

Послѣ чаю о. Иліодоръ повелъ насъ въ садъ, со множествомъ сажалокъ, въ которыхъ плавали огромные судаки, лещи, коропа. Хозяинъ предложилъ намъ выбрать на жаркое любыхъ рыбъ. Пойманные, по нашему указанію, исполины отправлены на кухню и едва мы успѣли обойти садъ и пройтись по берегу озера, отставной гвардеецъ Михайло уже успѣлъ съ ними управиться и насъ пригласили закусить. Надобно отдать честь искусству приготовленія блюдъ монашескимъ поваромъ: это не то, что жидовская фишъ— это объяденіе! Ужинъ сопровождался приличными возліяніями, слѣдуя совѣту римскихъ гастрономовъ: post pisces vinum misces! Наливки и медъ оказались великолѣпными. А между тѣмъ, пока мы смаковали разныя питія, вкусомъ и букетомъ нектару неуступающія, на озерѣ снаряжался огромной величины дубъ для самой лучшей тони, какія только находились во владѣніи о. Иліодора. Желая доставить гостямъ полнѣйшее удовольствіе, хозяинъ устроилъ

невиданное нами зрѣлище. На дубѣ сидѣло около 30 человѣкъ рабочихъ; сложенный въ образцовомъ порядкѣ неводъ представлялъ цѣлую гору сѣтей. Не знаю доподлинно, сколько было въ немъ саженъ въ длину, не помню хорошо, что ширина его простиралась до четырехъ саженъ. Бросаніе въ воду такой снасти продолжалось около часу; неводъ, съ помощію каната, обхватилъ пространство версты на двѣ въ окружности. О. Иліодоръ, великій знатокъ рыбнаго промысла, все время стоялъ посрединѣ дуба и раздавалъ приказанія. Закинувши неводъ, насъ выпустили на берегъ, гдѣ пылалъ костеръ, озарявшій магическимъ свѣтомъ и озеро, и лѣсъ, и монашескій котеджъ. При заревѣ костра, люди, тянувшіе неводъ и хлестко потрясавшіе по водѣ канатомъ, казались вышедшими изъ хладной глубины озера духами, а неугомонный монахъ метался во всѣ стороны въ зачарованномъ кругѣ, очерченномъ едва замѣтной полосой поплавковъ изъ коры осокоря, недававшихъ неводу погрузиться на дно и державшихъ его грозною стѣной на водѣ. Но вотъ очарованный кругъ мало по малу начинаетъ уменьшаться; вотъ сошлись уже оба крыла и всѣ 30 человѣкъ дружно принялись за самый неводъ. По мѣрѣ приближенія къ берегу „кормы“ крупная рыба, почувствовавъ близкую опасность и не находя себѣ простору, подняла цѣлую бурю. Смиренный инокъ Иліодоръ преобразился въ яростнаго предводителя пиратовъ, во время абордажной схватки: онъ неистово кричалъ, потрясая въ воздухѣ весломъ, бросался по поясъ въ воду, хватался то за одно крыло, то за другое, то бранился, то поощрялъ рабочихъ, пока не притянули къ берегу самой кормы. Увидавъ множество блещущей чешуей рыбы, монахъ издалъ какой то особенный горловой звукъ, не то пискъ, не то визгъ, не то рычаніе звѣря; однимъ словомъ, что то такое, что напоминало торжество хищника, сжимающаго въ когтяхъ пойманную добычу. Рыбы было громадное количество, и какое разнообразіе: сомы, щуки, лещи, язи, окуни... Да и неудивительно; на этой тонѣ, передъ самыми окнами „Начальника озеръ“, при самомъ входѣ въ Днѣпръ, только три раза въ годъ бросался неводъ. Рыбы всегда здѣсь бываетъ изобильно, но, по словамъ самого монаха, никогда столько не лавливали за одинъ разъ, сколько поймали, на наше счастье, теперь.

Небывалая удача тони объясняется отчасти и тѣмъ, что неводъ забросили передъ грозой, когда рыба особенно хорошо ловится.

Дѣйствительно, съ запада надвигалась черная туча, предвѣстница грозы. Какъ ни желательно было пересидѣть дождь за бутылкой доброй сливянки, но от. Василію нужно было почему то поспѣшить во свояси. Вѣрно побоялся матушки.

Туча неслась за нами быстро, и едва мы въѣхали въ лѣсъ, гроза разразилась съ страшною силой. Молнія, сопровождаемая оглушительными ударами грома, ежеминутно озаряла непроглядную глубь лѣса, невдалекѣ отъ насъ задымилась громадная сосна, расколотая пополамъ ударомъ молніи, дождь лилъ, какъ изъ ведра, лошаденка нѣсколько разъ падала на переднія ноги, дрожа отъ страха; о. Василій шепталъ молитву—куда тотъ и хмѣль дѣвался.

У насъ на троихъ былъ единственный парусинный зонтикъ, которымъ, по праву владѣльца, пользовался одинъ батюшка. У меня давно уже сухой нитки не было и мнѣ стало завидно, что попъ, одѣтый въ суконную рясу, а слѣдовательно и болѣе меня огражденный отъ враждебной стихіи и безъ помощи зонтика, мало заботился о другихъ. Я попробовалъ завладѣть зонтикомъ хитростію:

— О. Василій! въ вашемъ зонтикѣ мѣдный наконечникъ?

— Да, мѣдный, а что?

— А то, что это очень небезопасно: вѣдь металлъ притягиваетъ электричество—вы знаете?

Вмѣсто отвѣта, батюшка чуть не бросилъ зонтика на землю, но я остановилъ его и устроилъ себѣ защиту отъ дождя.

— А вы зачѣмъ же держите надъ собой зонтикъ? спросилъ онъ.

— Да мнѣ то что? мнѣ нечего бояться—одна голова не бѣдна, за мною никто не заплачетъ. Вотъ вамъ дѣло другое: у васъ семья.

Уже стало свѣтать, когда мы постучались у воротъ церковнаго дома. Хороши мы были тогда! Прежде всего нужно было позаботиться о томъ, что бы сбросить мокрое платье и обсушиться; а такъ какъ у насъ не было другой перемѣны бѣлья, то мы, скинувши все, остались въ томъ, въ чемъ насъ мать родила. За стѣной слышалось змѣиное шипѣнье неспавшей всю ночь матушки.

Ушедши благополучно отъ грома, бури и молніи, батюшка никуда не могъ уйти отъ гнѣва своей супруги. Предметомъ препи-

рательства между ними была постель для насъ—странниковъ: разсвирѣпѣвшая попадья не только не хотѣла дать намъ никакой постели, но не позволила батюшкѣ предложить намъ рваное одѣяло для прикрытія наготы нашей.

Пока о. Василій возился съ своей неукротимой супругой, мы, отыскали въ шкафчикѣ графинчикъ съ полынной и согрѣли дрожавшее нутро живительною влагой, такъ что, когда вошелъ къ намъ батюшка, волоча за собой цѣлый ворохъ всякой рвани для сооруженія намъ логовища, то мы попотчивали и его, а онъ за то принесъ намъ бутылочку вишневки, а тамъ и самоваръ поспѣлъ. Согрѣвшись такимъ манеромъ окончательно, мы вовсе не ложились спать, а дождавшись, пока высохла одежда, отправились на село искать дуба для обратнаго путешествія, избѣгнувъ тѣмъ способомъ встрѣчи съ невѣжественной хозяйкой, не оказавшей намъ гостепріимства.

Лѣтъ 20 спустя, мнѣ случилось быть въ Лаврѣ. Вошедши въ церковь, я увидѣлъ стоящаго въ „формѣ" стараго инока. Присмотрѣвшись къ нему, я узналъ о. Иліодора. Онъ былъ уже іеромонахомъ и казначеемъ.

— Зачѣмъ вы, отче, оставили Тарасовичи? тамъ такъ хорошо жилось вамъ когда то на свободѣ, спросилъ я его.

— Что жъ бы я тамъ высидѣлъ? Я былъ тамъ простой монахъ, а теперь меня іеромонахомъ сдѣлали! похвалился онъ.

О честолюбіе! не чуждо ты и людей, отрекшихся отъ міра! И подъ монашескій клобукъ не уйдешь отъ тебя!

Лѣтъ черезъ пять послѣ этого послѣдняго нашего свиданія, о. Иліодоръ принялъ схиму и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ въ ангельскомъ чинѣ...

Прощаніе съ родиной.

Послѣднія свои студенческія каникулы я провелъ на родинѣ. Избравъ темой для кандидатской диссертаціи „Послѣднее десятилѣтіе русской словесности" (съ 1834—1844), я разсчитывалъ заняться ею дома, такъ какъ матеріалъ для нея былъ у меня подготовленъ еще въ Кіевѣ; но увлекшись охотой и разными похожде-

ніями по окрестнымъ весямъ, я рѣшительно ничего не сдѣлалъ путнаго. Написалъ, правда, нѣсколько дружескихъ посланій и стихотвореній въ анакреонтическомъ родѣ, которыя хотя тоже относились къ послѣднему десятилѣтію русской литературы, но большая часть изъ нихъ канула въ Лету, о чемъ, конечно, не очень пожалѣетъ потомство.

Натѣшившись вдоволь охотой, я посвятилъ нѣсколько дней бесѣдѣ съ родными, оставаясь безотлучно дома. Наканунѣ моего выѣзда, ночь была такъ хороша, что я просидѣлъ до зари у раствореннаго окна своей „келіи". Полный мѣсяцъ, пробиваясь сквозь густыя вѣтви деревъ, освѣщалъ садъ, располагая къ мечтательности. Тишина была мертвая.

Вдругъ изъ за угла показалась бѣлая фигура. Внезапность такого появленія обняла меня страхомъ. Настроенная на тонъ чудезнаго и таинственнаго фантазія, подъ вліяніемъ балладъ Жуковскаго, готова была вспыхнуть блуждающимъ огнемъ суевѣрія; но послѣ минутнаго испуга, разсудокъ вступилъ въ свои права. Вглядѣвшись въ „привидѣніе", я узналъ въ немъ сосѣдку Жучиху. Эту несчастную женщину весь городъ считалъ страшною вѣдьмой. Но для меня, прослушавшаго курсъ „Исторіи души" у П. С. Авсенева, женщина эта показалась лишь жалкою больною. Я тихо назвалъ ее по имени. Она вздрогнула, оглядѣлась вокругъ себя и со слезами стала просить у меня прощенія, сама не зная въ чемъ. Она рѣшительно не сознавала, какъ очутилась въ саду, когда вышла изъ дому и зачѣмъ? При полнолуніи, какъ извѣстно изъ исторіи душевныхъ болѣзней, для страдающихъ лунатизмомъ настаетъ самый трудный періодъ: не проходило ночи, чтобы Жучиху гдѣ нибудь не встрѣтили; не было утра, что бы ее не проклинали сосѣди. Бѣдная женщина! Никто не въ состояніи помочь ей; никто не сжалится надъ нею: всѣ ее чуждаются, боятся, ненавидятъ. Суевѣры—горожане, проходя мимо ея дома, ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ, нечаянная встрѣча съ ней считается предвѣстіемъ несчастія; родныя дѣти выгоняютъ изъ дома, не будучи въ силахъ переносить попрековъ отъ сосѣдей; съ ея внуками и внучками не хотятъ играть дѣти, уходя отъ нихъ прочь безъ оглядки.

Спустя нѣсколько дней послѣ описанной встрѣчи въ саду, (поѣздка моя была на нѣсколько дней отложена) въ одно прекрасное утро, чуть только начало свѣтать, по берегу Десны шла торговка изъ Покровской парафіи на базаръ, съ кошикомъ подъ мышкой. Подъ „кручей", не доходя береговой Васи, содержавшей перевозъ черезъ рѣку, она увидѣла что то бѣлое, медленно двигавшееся ей на встрѣчу, при самой водѣ. Приблизившись, она разглядѣла женщину, съ опущенною на грудь головою, полунагую, съ распущенными по плечамъ волосами. Торговка узнала въ ней Жучиху.

— Домна! Богъ съ тобою, куда ты идешь такъ рано, въ одной сорочкѣ?

Не успѣла она договорить этихъ словъ, какъ больная, услышавъ свое имя, всѣмъ тѣломъ грохнулась о земь и стала биться въ страшныхъ конвульсіяхъ. Черты лица ея безобразно исказились, кости трещали, изо рта клубилась пѣна.

Между тѣмъ совершенно развѣло. На зрѣлище сбѣжалась большая толпа любопытныхъ; но никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста помочь несчастной, прикрыть ея наготу.

— А що! тараторили кумушки, доигралась, на свого таки наскочила! такъ тобѣ й треба, видюга!.

Такими привѣтствіями осыпали безчувственную больную окружавшіе ее мужчины и бабы.

Прибѣжалъ наконецъ и сынъ Григорій: рознялъ ей зубы, влилъ въ ротъ воды и приводилъ въ чувство, положилъ на телѣгу и повезъ домой, сопутствуемый язвительными насмѣшками прохожихъ.

Вмѣшавшись въ толпу зѣвакъ, долго еще не расходившихся по домамъ, слыша нелѣпые, обидные толки про вѣдьму Жучиху, я попробовалъ вразумить глупое стадо разясненіемъ болѣзненнаго припадка Жучихи, стараясь пробудить въ этихъ темныхъ людяхъ не презрѣніе къ ней, а сожалѣніе, котораго она вполнѣ заслуживала. Я сталъ читать этой буйной толпѣ что-то въ родѣ народной лекціи Соляного-Городка—о лунатизмѣ.

Случалось ли вамъ, любезные мои сограждане, испытывать во снѣ, что вы какъ будто бы ходите, или бѣгаете? Хотя на самомъ дѣлѣ вы не ходите, а лежите въ своей постели, но вамъ кажется что вы ходите. Такіе сны снятся человѣку здоровому. Но есть

несчастные больные, которые дѣйствительно ходятъ во снѣ, оставляя свою постель, но не переставая спать. Такой болѣзни подвержены бываютъ не однѣ женщины, но и мужчины, молодые и старые, дѣти, страдающія глистами, дѣвицы при достиженіи совершеннолѣтія, пожилыя женщины въ истерическихъ припадкахъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ, у которыхъ нутро испорчено, тѣлесныя машины не въ порядкѣ и потому не дѣйствуетъ правильно. Такою то болѣзнію страдаетъ и бѣдная моя сосѣдка Домна Жучиха, которую вы только что видѣли и которую вы позорите, называя ее вѣдьмой. Такія, какъ она, больныя называются „лунатиками."

1) Они, съ перваго взгляда, совершенно похожи на спящихъ: глаза у нихъ закрыты, или если и открыты, то неподвижны, какъ у мертвеца; уши не слышатъ даже сильнаго стуку—значитъ, они спятъ.

2) Однакожъ, несмотря на свое сонное состояніе, они встаютъ съ постели, ходятъ, занимаются иногда своими дѣлами, взлѣзаютъ на крыши, ходятъ въ темнотѣ по карнизамъ и не падаютъ оттуда. Знающіе музыку играютъ на инструментахъ, поютъ, другіе разсуждаютъ, отвѣчаютъ даже на предложенные имъ вопросы; словомъ, дѣлаютъ то, что они всегда дѣлаютъ днемъ, когда не спятъ. Дѣти, вставши, или твердятъ свои уроки, или идутъ драть воробьиныя гнѣзда, женщины стряпаютъ, наряжаются, молятся или идутъ доить коровъ своихъ, чужихъ и т. п. Нѣкоторые больные склонны въ припадкѣ къ воровству, къ порчѣ вещей своихъ и чужихъ, даже обнаруживается наклонность къ убійству и самоубійству.

3) Похожденія лунатиковъ начинаются, по большой части, въ началѣ новолунія, съ прекращеніемъ мѣсяца становятся чаще, а съ ущербомъ прекращаются. Вотъ отчего больные любятъ бродить при лунномъ свѣтѣ, въ мѣсячную ночь, какъ это было всегда съ Жучихой. Когда случится, что мѣсяцъ зайдетъ за хмару, больные нерѣдко просыпаются, возвращаются домой и ложатся въ постель.

4) Я вамъ уже сказалъ, что самый сильный стукъ не въ состояніи разбудить лунатика, но стоитъ только назвать его по имени — онъ тотчасъ пробуждается. Такъ было и съ несчастной Домной. У меня въ саду, назадъ тому три дня, въ пятницу, я ее окликнулъ и она проснулась, заплакала и пошла домой.

5) Послѣ пробужденія, больные совсѣмъ не помнятъ о своихъ похожденіяхъ или вспоминаютъ о нихъ такъ, какъ мы, здоровые, вспоминаемъ то, что намъ приснилось.

Лекція моя была прервана дикимъ хохотомъ толпы и осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. „Глупаго учити, что камень доко-тити", говорилъ еще въ XII столѣтіи блаженной памяти Даніилъ Заточникъ. Я горячился, укорялъ своихъ согражданъ въ жестокосердіи, а они продолжали скалить зубы. Косоглазый шаповалъ Маслёнка отнесся ко мнѣ съ такою любезностію:

— Бачъ, лыхо ёго батьку, яке учене зробылось, що хоче старыхъ людей навчать! А чи давно воно тутъ по березi съ удочкой бигало.

— Эгежъ! поддакнулы баби: яйця да курей учать!

Это была моя первая и послѣдняя попытка просвѣтить заскорузлые въ непроходимомъ невѣжествѣ умы моихъ согражданъ. Потерпѣвъ fiasco, я, отряхши прахъ отъ ногъ своихъ, направилъ стопы своя на далекую чужбину—проповѣдывать съ учительской каѳедры—межи Чехи и Лехи.

Nemo propheta est patriae suae.

М. К. Чалый.

ПОДСУДОКЪ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ВОЛЫНСКОЙ ХРОНИКИ.

НИКОЛАЯ САРНЕЦКАГО.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

I.

Дѣло было въ 184... году.

Въ губернскомъ городѣ Житомирѣ предстояли дворянскіе выборы на новое трехлѣтіе. Изъ среды дворянъ—землевладѣльцевъ избирались губернскій и уѣздные маршалки (предводители дворянства), предсѣдатели и ассесоры отдѣленій главнаго губернскаго суда, депутаты легитимаціонной коммисіи, кураторы (попечители) учебныхъ заведеній, делегаты по ревизіи общественныхъ запасныхъ магазиновъ, наконецъ, судьи и подсудки уѣздныхъ судовъ. Каждый землевладѣлецъ обязанъ былъ явиться въ Житомиръ къ назначенному сроку и въ качествѣ законнаго избирателя предстать въ т. наз. „выборовомъ" залѣ.

Добраться до Житомира было въ ту пору дѣломъ нелегкимъ, особенно для жителей окрестностей Ковеля, Владиміра и Луцка: приходилось тащиться нѣсколько десятковъ миль на лошадяхъ. О желѣзной дорогѣ тогда имѣли такое же понятіе, какъ о какомъ-нибудь желѣзномъ волкѣ; объ устройствѣ шоссе еще носились лишь темные слухи; дороги были убійственны; сколько-нибудь сносныхъ гостиницъ вовсе не существовало, а

въ еврейскихъ корчмахъ и „заѣздахъ“ нельзя было ничего добыть, кромѣ водки, пива, яицъ и подозрительнаго молока; встрѣчался правда, вѣчно грязный и испорченный самоваръ или закоптелый котѣлокъ съ фаянсовымъ чайникомъ, безъ крышки или носка; о постели нечего было и помышлять. На дорогу въ Житомиръ приходилось вслѣдствіе этого запасаться полнымъ хозяйствомъ, начиная съ тюфяковъ, подушекъ и одѣялъ, свернутыхъ въ огромные узлы, и кончая коробками, коробочками, ящиками и корзинками со всякаго рода снѣдью, напитками и посудой. Тяжелое было это путешествіе, но всѣ ѣздили аккуратно, исполняя гражданскій долгъ.

Но кромѣ долга нерѣдко и другія причины поддерживали эту любовь къ поѣздкамъ въ губернскій городъ: желаніе получить извѣстную должность, поддержать или провалить того или другого кандидата, развлечься послѣ трехъ лѣтъ соннаго безделья, наконецъ, поддержать и возобновить старыя знакомства и отношенія, узнать что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, и т. д.

Были впрочемъ и такіе что̀ являлись въ Житомиръ лишь въ силу приглашенія отъ маршалка. Для нихъ было совершенно безразлично, кого изберутъ на ту или иную должность. Не желая никого обидѣть, напротивъ, готовые угодить всѣмъ, являлись они въ „выборовую“ залу, брали шары, означавшіе голоса, и заботились единственно о томъ, чтобы не промахнуться и положить свой шаръ непремѣнно вправо, „на аффирматыву“. Исполнивъ такимъ образомъ свой долгъ, они начинали мечтать, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этой непривычной сутолоки къ домашнему затишью. Они дивились и въ душѣ даже не одобряли избирателей рьяныхъ и безпокойныхъ, которые, ставъ въ оппозицію и примкнувъ къ извѣстной партіи, поддерживали однихъ кандидатовъ, проваливали другихъ, сѣяли смуту и несогласіе между братьями-дворянами—и тѣмъ самымъ, конечно, отдаляли срокъ, указанный свыше для окончанія выборовъ.

Къ числу такихъ миролюбивыхъ и безпристрастныхъ избирателей безспорно принадлежалъ и панъ Эва́рыстъ, владѣлецъ небольшой деревеньки на Волыни, гречкосѣй, домосѣдъ, словомъ, человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ. Отдаленная дере-

вушка, которою онъ владѣлъ, была не изъ послѣднихъ въ своемъ родѣ: поля съ песочкомъ, луга—все на лѣсныхъ мочарахъ. Несмотря на это, панъ Эварыстъ, хозяинъ усердный, а еще болѣе бережливый, при томъ же бездѣтный, мало по малу добился гроша,—его считали однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ. Пани Эварыстóва, значительно моложе мужа, женщина энергичная и работящая, была что называется завзятой хозяйкой: на нѣсколько миль въ окрестности ни у кого не было такихъ коровъ, такой домашней птицы, никто не приготовлялъ лучшаго масла, превосходнѣйшихъ сыровъ, чудеснѣйшей ветчины или копченаго гуся; а наливки, варенья, повидла, сласти разныя—просто пальчики оближешь. Распорядительная и неугомонная, пани Эварыстóва помогала мужу во всѣмъ хозяйствѣ вообще, и кто знаетъ, весь этотъ порядокъ и разумная бережливость, а затѣмъ и достатокъ—не были-ли они всецѣло дѣломъ пани Эварыстóвой.

Панъ Эварыстъ никогда не занималъ общественныхъ должностей и не нося никакого титула, очевидно, не могъ передать его и своей женѣ.

Между тѣмъ, по традиціонному обычаю, какая-нибудь судейша, подсудкóва или депутатóва пользовались привилегіей первенства къ кругу уѣздныхъ домъ, совершенно независимо отъ своихъ личныхъ достоинствъ. Поэтому, если пани Эварыстóва занимала почетное мѣсто на какомъ-либо публичномъ балу или обѣдѣ, гдѣ присутствовалъ весь уѣздный beau-monde, то этимъ она обязана была исключительно своему достатку, который могъ импонировать. Прилично меблированный домъ, рессорная коляска, четверка бравыхъ коней, дорогое шелковое платье—замѣняли титулъ. И все таки мысль объ этомъ титулѣ не давала покоя пани Эварыстóвой.

Приближалось время поѣздки на выборы.

Въ каждомъ дворянскомъ домѣ и домикѣ царствовало волненіе и бѣготня: выкатывали кареты, брички и фургоны, внимательно осматривали ихъ, исправляли, чистили, подмазывали; далѣе, выбирали лучшихъ лошадей, болѣе пригодныхъ для дальняго пути; приготовляли и упаковывали вещи, укладывали съѣст-

ные припасы,—словомъ, готовились въ дорогу такъ, чтобы имѣть подъ рукою все необходимое.

Въ домѣ пана Эварыста, гдѣ обыкновенно господствуетъ невозмутимая тишина, теперь совершенная ярмарка: стукъ, шумъ, крики, толкотня, точно, упаси Боже, на пожарѣ. Пани Эварыстóва за всѣмъ присматриваетъ хозяйскимъ глазомъ, собственноручно все приготовляетъ и укладываетъ, въ величайшемъ порядкѣ разставляетъ кострюли, горшки и горшечки, банки, бутылки, связки большія и малыя съ разными надписями: масло, сыръ, соленья, ветчина, птица, печенья, корнишоны, рыжики, повидла, варенье, старка, медъ, малиновка,—развѣ только птичьяго молока не найти здѣсь. Рядомъ на другомъ столѣ выложены горы свѣже-выглаженнаго бѣлья, одежа, постель и разныя разности. Ежеминутно подносятъ что-нибудь еще и еще, то или другое передвигается съ мѣста на мѣсто или исключается, наконецъ, все то, что должно *идти въ дорогу*, заносится въ особый реестрикъ. Неудивительно, если пани Эварыстова, женщина солидной комплекціи, что называется „утопталась" и просто ногъ подъ собою не чуетъ. Природный румянецъ, подъ вліяніемъ бѣготни и горячаго утюга, залилъ ей теперь все лицо; потъ ручьемъ струился по лбу; выразительныя и отрывистыя приказанія, съ которыми она поминутно обращается къ слугамъ, обличаютъ нѣкоторую горячность, раздражительность и даже дурное расположеніе духа....

Панъ Эварыстъ, не желая мѣшать женѣ, старался держаться подальше и спозаранку отправился въ обходъ по хозяйству: заглянулъ въ клуню, загоны и овчарню, безъ всякой цѣли побродилъ по полямъ, зашелъ на пасѣку; завернулъ затѣмъ въ конюшню, все время болтая съ экономомъ и гуменнымъ; но должно быть темы для бесѣды изсякли, да и пора было что-нибудь перекусить, потому что панъ Эварыстъ возвратился наконецъ въ комнаты. Увидѣвши что здѣсь творится, онъ примостился въ уголку и сталъ машинально перелистывать бердичевскій календарь, который попался ему на глаза.

— Скажи пожайлуста, милый Эварсю,—замѣтила пани съ нѣкоторой ироніей въ голосѣ—зачѣмъ ты ѣздишь на эти выборы? Очень интересно!

— Ихе!—вздохнулъ панъ Эварыстъ, который обыкновенно прибѣгалъ къ этому средству, если не могъ или не хотѣлъ дать прямого отвѣта на вопросъ.

— Однакожъ?—настаивала пани:—право, интересно-бы узнать.

— Тодуню, душа моя (пани Эварыстóва носила имя Теодосіи), видишь-ли, Тодуню—мягко возразилъ панъ Эварыстъ—ты иногда задашь такой вопросъ, что....

— Такой трудный, что-ли? Странно!—прервала пани брюзгливо.

— Ѣзжу, потому что всѣ ѣздятъ,—обязанъ...

— Всѣ, всѣ—зашипѣла пани—но изъ этихъ всѣхъ одинъ сталъ маршалкомъ, тотъ депутатомъ, тотъ судьей, предсѣдателемъ, ассесоромъ, подсудкомъ, а ты... а ты...

— Вотъ тебѣ разъ! кого выбрали, тотъ и сталъ... дѣло извѣстное, кажется.

— Ну, а ты что же, хуже всѣхъ, что-ли? Не такой же дворянинъ, какъ и всѣ?

— Бога ради, Тодуню...

— И тебя тоже могли-бы выбрать, но ты самъ избѣгаешь, не хочешь. Халатъ и лежанка—вотъ твое излюбленное занятіе и мѣсто! Ради халата ты на все махнулъ рукой,—просто злость разбираетъ, клянусь Богомъ!

Должно быть, послѣднія слова пани Эварыстóвой сопровождались какимъ-нибудь энергическимъ жестомъ, потому что одна изъ стоявшимъ на столѣ банокъ свалилась на полъ и разлетѣлась въ дребезги.

— Успокойся, Тодуню, ради Бога—умолялъ панъ Эварыстъ.

— Прежде, когда было въ карманѣ пусто,—продолжала пани—сидѣлъ себѣ дома и смотрѣлъ за хозяйствомъ, но теперь, когда слава Богу есть средства, могъ-бы и ты сѣсть на урядѣ, какъ сидятъ другіе—прочіе. Дѣти, что-ли, насъ стѣсняютъ, неоткуда потянуться? Но лежанка, халатъ и... и... немощь, Господи прости—прибавила пани тише.

— Ихе!—тяжко вздохнулъ панъ Эварыстъ.

— Если-бы мною такъ пренебрегали, оттѣсняли, унижали, я имѣла-бы по крайней мѣрѣ настолько самолюбія, что или добивалась-бы своихъ правъ, или сидѣла-бы дома, и ужъ конечно

ни за какія коврижки не поѣхала-бы на выборы. Одно изъ двухъ: либо то, либо это...

— Да кто же пренебрегаетъ мною, кто оттѣсняетъ? О чемъ ты собственно хлопочешь, Тодуню, право, не пойму.

— Господи, Боже мой—воскликнула пани—смѣхъ людямъ сказать,—онъ не пойметъ! Развѣ не унизительно, что какая-нибудь делегатóва, ничтожество, бывшая горничная Пражмовскихъ...

— Но почему же горничная? Гувернантка—осторожно замѣтилъ панъ Эварыстъ.

— Велика бѣда! Ни я, ни моя мать, ни бабушка никогда не были гувернантками, а та твоя гувернантка, теперь жалкая делегатóва, деретъ носъ, садится впереди всѣхъ и едва удостаиваетъ взглянуть на твою жену, пренебрегаетъ мною, какъ простой шляхтянкой...

Панъ Эварыстъ, понявъ, что собирается жестокая буря, рѣшилъ ретироваться; поэтому всталъ, незамѣтно придвинулъ шапку и уже готовъ былъ скрыться, какъ вдругъ на дворѣ загрохотало, собаки залаяли и къ крыльцу подкатилъ панъ Янъ близкій сосѣдъ пана Эварыста.

— Депутатъ пріѣхалъ—молвилъ панъ Эварыстъ, заглянувъ въ окно, и поспѣшилъ на встрѣчу гостю.

II.

Пока гость явится въ комнату, познакомимъ съ нимъ читателя.

Панъ Янъ получилъ послѣ родителей богатое наслѣдство, обремененное впрочемъ значительными долгами. Ничего не понимая въ хозяйствѣ и еще менѣе въ денежныхъ дѣлахъ, легкомысленный по натурѣ, онъ велъ разгульную жизнь, не думая о будущемъ; въ кружкѣ такихъ же гулякъ онъ былъ ревностнѣйшимъ членомъ и послѣдователемъ. Не было ярмарки, скачекъ, картежной игры, попойки и скандала, гдѣ-бы панъ Янъ не принималъ дѣятельнѣйшаго участія. Состязаясь съ собутыльниками, онъ безъ разсчета тратилъ средства и здоровье и однажды въ пьяномъ видѣ дошелъ до того, что вздумалъ было насильно

овладѣть молодой дѣвушкой, дочерью бѣднаго шляхтича, которая ему приглянулась. Застигнутый на мѣстѣ преступленія, онъ былъ такъ сильно скомпрометированъ, что долженъ былъ поручить имѣнія управляющему и долго скрывался заграницей, по слухамъ, въ Турціи. Но и здѣсь ему не повезло: присвоивши титулъ барона, онъ сѣялъ деньгами пока были; затѣмъ кажется поступилъ въ военную службу, увлекся какой-то дамой, выдержалъ дуэль и едва отлежался послѣ удара шпаги или съ пулей въ боку. Для такой жизни необходимы были большія средства; поэтому управляющій его, въ виду безконечныхъ требованій денегъ, продавалъ село за селомъ, а когда нѣсколько лѣтъ спустя панъ Янъ вернулся на родину, во владѣніи его оставалась всего одна деревушка, половина которой какъ то уцѣлѣла изъ числа другихъ имѣній.

Какъ бы то ни было, это многолѣтнее шатанье по бѣлу свѣту, эта жизнь полная приключеній, о которыхъ носились самые невѣроятные слухи, наконецъ, свѣтскія манеры и французскій лоскъ, которыми любилъ щеголять панъ Янъ, создали ему извѣстную репутацію на нѣсколько миль въ окрестности. Всякому было понятно, что старый кавалеръ не станетъ сидѣть дома, да и что ему дѣлать въ одиночествѣ въ своемъ разоренномъ гнѣздѣ? Панъ Янъ любилъ общество и сильно скучалъ безъ него; поэтому, когда наступили выборы, кто-то подалъ благую мысль назначить пана Яна депутатомъ по ревизіи общественныхъ запасныхъ магазиновъ. Должность эта, не связанная въ сущности ни съ какими опредѣленными обязанностями, была создана какъ будто спеціально для пана Яна: благодаря ей онъ могъ теперь торжественно разъѣзжать въ качествѣ чиновника отъ села до села, отъ стола до стола, не упуская случая поразвлечься, вкусно поѣсть и попить,—нужно знать, что депутатъ, какъ нарочно, обладалъ просто волчьимъ аппетитомъ.

Время, безжалостно украшая сѣдиною голову депутата, постепенно измѣняло и его характеръ и наклонности, но далеко не къ лучшему. Если прежде панъ Янъ былъ легкомысленъ и забавенъ, то теперь онъ становился смѣшнымъ и несноснымъ; мѣсто побасенокъ объ успѣхахъ на чужбинѣ и видѣнныхъ тамъ

чудесахъ заняли теперь провинціальныя сплетни; панъ Янъ непрочь былъ при случаѣ и поинтриговать; охотно впутывался онъ въ чужія дѣла, чтобы выступить затѣмъ въ роли непрошеннаго посредника. На выборахъ у него было бездна работы: онъ старался плодить какія-то партіи и кружки, суетился, интриговалъ, однихъ поддерживалъ, другимъ вредилъ безъ всякой нужды, хлопоталъ и толкался безъ толку и смысла, словомъ, былъ истымъ и рьянымъ „выборовичемъ". Хотя вліяніе депутата ограничивалось тѣснымъ райономъ, но все же съ нимъ приходилось считаться. Нѣкоторые опасались, другіе помыкали имъ, число недоброжелателей росло; а когда кто-то остроумно прозвалъ депутата „лисой", слово это до такой степени пришлось по вкусу, что достаточно было въ разговорѣ упомянуть о „лисѣ"—всякій понималъ, что рѣчь идетъ о панѣ депутатѣ.

Панъ Эварыстъ, человѣкъ прямой и благодушный, не имѣлъ привычки осуждать своихъ ближнихъ, такъ какъ не вникалъ въ ихъ поведеніе; къ депутату относился просто какъ къ земляку и сосѣду и хотя не чувствовалъ къ нему особенной симпатіи, но принялъ его съ распростертыми объятіями, какъ всякаго гостя. Что касается пани Эварыстовой, то она, нужно сказать, видѣла людей насквозь и поэтому терпѣть не могла депутата, котораго величала не иначе, какъ шалопаемъ и проходимцемъ; но имѣя въ виду близкіе выборы и свой разговоръ съ мужемъ, прерванный пріѣздомъ пана Яна, она сдѣлала привѣтливое лицо, оправила чепчикъ и встрѣтила депутата вѣжливо и любезно.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, начались безконечныя разсужденія о будущихъ выборахъ... Оказалось, что депутатъ уже собрался въ Житомиръ и будто-бы лишь по дорогѣ завернулъ къ сосѣду, хотя сильно спѣшилъ ѣхать, потому что выборы на этотъ разъ должны имѣть рѣшающее значеніе, избирательная борьба предстоитъ жестокая въ виду существованія двухъ враждебныхъ партій, изъ которыхъ одна рѣшила удержать Бобра, а другая—провести въ предводители Швейковскаго.

Депутатъ страшно торопился, толковалъ о массѣ дѣлъ, лежащихъ у него на шеѣ, нетерпѣливо потиралъ руки, какъ будто собирался на какую-то работу, поминутно выскакивалъ на крыльцо...

но объявленіе хозяйки, что обѣдъ на столѣ, успокоило депутата—остался.

За столомъ, разговоръ о выборахъ не прерывался ни на минуту, и пани Эварыстова вскользь замѣтила, что обоимъ панамъ лучше-бы отправиться въ одной бричкѣ четверкой, чѣмъ гонять два экипажа, восьмеро лошадей и двухъ кучеровъ. Мысль эта признана была вѣрной и практичной. Послѣ длинныхъ переговоровъ рѣшили взять бричку пана Эварыста, какъ болѣе просторную и удобную, и къ двумъ его коренникамъ припречь пару лошадей депутата, а на козла посадить Омелька, любимца пана Эварыста, превосходнаго кучера и человѣка въ дорогѣ незамѣнимаго. Такимъ способомъ пріятное соединялось съ полезнымъ: путешествовать придется въ компаніи, а расходы на худой конецъ сократятся вдвое. Комбинація эта до чрезвычайности понравилась депутату: онъ сберегалъ бричку, пару лошадей и немало расходовъ; кромѣ того, зная пани Эварыстову какъ образцовую хозяйку, онъ былъ увѣренъ, что въ дорогѣ не придется жаловаться на голодъ,—краснорѣчивой порукой въ томъ служилъ цѣлый рядъ приготовленныхъ узловъ, которые депутатъ разсматривалъ не безъ любопытства. Поэтому онъ только *pro forma* торговался и возражалъ по вопросу о равновѣсіи въ бюджетѣ, наконецъ во всемъ уступилъ дорогой пани Эварыстовой и былъ въ чудеснѣйшемъ гуморѣ. Пани Эварыстова рѣшила воспользоваться такимъ настроеніемъ депутата и какъ-бы невзначай и полушутя замѣтила:

— Не забудь же, панъ депутатъ, и о моемъ старикѣ тамъ на выборахъ.

— Ихе!—смущенно оглянулся на жену панъ Эварыстъ.

— О, о... дорогая пани—отвѣчалъ депутатъ съ низкимъ поклономъ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Вотъ уже, помнится, седьмой разъ что̀ мой мужъ ѣздитъ на выборы, и однакоже... господа дворяне слишкомъ нелюбезны съ нимъ. Отчего другимъ почетъ и вниманіе, а о мужѣ никто и не вспомнитъ? Согласись, панъ депутатъ, что обидно и тяжело....

Панъ депутатъ внезапно ударилъ себя рукою по лбу.

— Ахъ, comme j'aime Dieu, клянусь Богомъ—прервалъ онъ, возвышая голосъ — правду, святую правду сказала дорогая пани!—и тотчасъ-же обратившись въ сторону пана Эварыста, торжественно воскликнулъ:—Просимъ пана Эварыста въ маршалки, просимъ единогласно!...

— Дорогой сосѣдъ шутитъ—возразилъ панъ Эварыстъ съ благодушной улыбкой.

— Нисколько!—продолжалъ депутатъ, нимало не смутившись и съ возрастающимъ жаромъ: — Почему же это невозможно, спрошу? Шляхтичъ на загродьи равенъ воеводѣ, а достоуважаемому сосѣду почему-бы и не быть нашимъ предводителемъ? Вотъ еще!... Вѣдь мы обязаны добиваться—нѣсколько смѣшался ораторъ—чтобы шляхта, демократія, глубокочтимый пане, стала у кормила, и тогда судно, гонимое по бурному... по бурному... океану, достопочтеннѣйшій!.... Ораторъ запнулся, голосъ его пресѣкся.

— Почтеннѣйшій депутатъ—выручилъ его панъ Эварыстъ—все это такъ, конечно, но что меня касается, то я не сталъ бы и мечтать о высокомъ положеніи маршалка. Возможно-ли!...

— Такъ просимъ въ судьи!—нашелся панъ депутатъ послѣ минутнаго размышленія.

— Ни въ какомъ случаѣ! Положеніе судьи не менѣе важно, оно требуетъ извѣстныхъ способностей, знакомства съ законами. Вѣдь судья руководитъ всѣмъ, постановляетъ рѣшенія, чинитъ судъ и расправу...

— Такъ наконецъ и безъ всякихъ отговорокъ—прервалъ депутатъ—просимъ почтеннаго сосѣда въ подсудки! Ни противорѣчій, ни отказовъ! Не уступимъ ни на волосъ и конецъ дѣлу! А что будетъ такъ, достоуважаемый—прибавилъ депутатъ многозначительно—я въ томъ порукой!

И низко поклонился.

Панъ Эварыстъ думалъ было протестовать, но пани не дала ему говорить.

— Не спорь, душа моя,—молвила она мужу—панъ депутатъ лучше нашего посвященъ въ эти дѣла. Разъ онъ предлагаетъ свое содѣйствіе, слѣдуетъ согласиться и поблагодарить. Наконецъ, у

тебя братъ, который тоже поддержитъ, и какъ-нибудь это устроится, только—прибавила пани лукаво—придется забыть о лежанкѣ...

Нужно сказать, что у пана Эварыста былъ братъ, который владѣлъ деревней по сосѣдству, но получивъ въ приданое за женой имѣніе въ овруцкомъ уѣздѣ, обыкновенно жилъ тамъ.

Часа черезъ два послѣ обѣда, огромная бричка пана Эварыста, вполнѣ снаряженная и представлявшая настоящій возъ сѣна, уже стояла передъ крыльцомъ. Омелько въ новой свиткѣ возсѣдалъ высоко на козлахъ, ежеминутно отплевывался и такъ и сыпалъ чертями, съ презрѣніемъ поглядывая на пару кляченокъ депутата, которыхъ долженъ былъ припречь къ своимъ дышловымъ рысакамъ. Толпа слугъ и домашнихъ глазѣла тутъ же, полусловами выражая свое сочувствіе недовольному Омельку. Дворовые псы, сидя на заднихъ лапахъ, казалось съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда можно будетъ выпроводить уѣзжающихъ оглушительнымъ лаемъ и пляской впереди лошадей. Наконецъ появились на крыльцѣ господа и депутатъ; пани Эварыстóва обнимала мужа, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ; депутатъ раскланивался и что-то бормоталъ; слышно было только: „будьте здоровы", „счастливой дороги", „до свиданья!"... Оба пана съ великимъ трудомъ взобрались на переполненную бричку; Омелько снялъ шапку, перекрестился трижды и взявъ возжи въ руки, издалъ свое: віо! го!... Лошади тронули разомъ, псы заливались, пыль поднялась столбомъ, окутала весь дворъ, закрыла бричку; нѣкоторое время слышенъ былъ еще грохотъ экипажа, затѣмъ все умолкло... уѣхали!

III.

Нашимъ путешественникамъ предстояло нѣсколько дней пути и нужно было спѣшить, потому что день выборовъ приближался; поэтому ѣхали вскачь, несмотря на отвратительную доррогу (о поддержаніи которой никто не заботился: дожди ее портили, солнце сушило, а колеса бричекъ и возовъ укатывали какъ попало). Сидя въ тряской и неудобной бричкѣ, которая ежеминутно подскакивала, какъ мячъ, наваливаясь то вправо, то влѣ-

во, наши спутники болтались, толкали и тѣснили взаимно другъ друга; время отъ времени они должны были высаживаться, чтобы исправить что нибудь или обойти пѣшкомъ разоренную плотину, или дырявый мостикъ; ночевали и подкармливали лошадей въ грязныхъ и ободранныхъ корчмахъ—и несмотря на все это, путешествіе не казалось имъ ни тяжелымъ, ни мучительнымъ! Крылась ли причина тому въ привычкѣ, терпѣніи и закаленности, или все объяснялось нѣкотораго рода рѣшимостью отчаянія—важно то, что спутники наши не издавали стоновъ, а наоборотъ, безпечно бесѣдовали другъ съ другомъ и, что̀ еще важнѣе, время отъ времени дремали самымъ комфортабельнымъ образомъ, совсѣмъ какъ дома гдѣ-нибудь, въ удобномъ креслѣ передъ каминомъ.

Старая какъ міръ пословица гласитъ:

„Towarzysz w drodze mowny
„Starczy za wozek smarowny.
(Разговорчивый попутчикъ
Сто̀итъ хорошаго возка).

Именно такимъ попутчикомъ для пана Эварыста былъ депутатъ: рѣчь неизсякаемымъ потокомъ лилась съ его устъ. Онъ разсказывалъ разные случаи и приключенія, импровизировалъ забавныя побасенки и шутки, декламировалъ самые разнообразные стишки въ легкомъ и комическомъ родѣ. Все это забавляло-бы пана Эварыста, если-бы панъ депутатъ не имѣлъ привычки бранить все, что попадалось на пути, сравнивая съ видѣннымъ якобы въ чужихъ краяхъ. Повѣрить пану депутату, оказывалось, напримѣръ, что соловьи поютъ здѣсь хуже, нежели на Рейнѣ; кукушки куковали хрипло и немелодично; скворцы чирикали по-воробьиному; виды по Горыни и Случи казались депутату однообразными, безъ простора и перспективы; села—лишены всякой оригинальности и далеко не живописны; палацы и дома, напр. въ Романовѣ и Мирополѣ—неизящны и тяжеловѣсны; равнины утомляли взоръ своею монотонностью, лѣса—скрывали виды, воды—недостаточно прозрачны... Даже сельскія красавицы съ ихъ кокетливыми улыбками не удостоились одобренія пана депутата: куда имъ до тѣхъ, что приходилось видѣть на востокѣ, въ Тиро-

лѣ, Пиренеяхъ и Богъ-вѣсть въ какихъ еще заморскихъ земляхъ. Все это немного досаждало и сердило пана Эварыста, который упорно доказывалъ, что нѣтъ лучше, какъ свое, и пробовалъ хоть въ чемъ-нибудь разубѣдить депутата. И вотъ, когда минули Чудновъ и углубились въ огромную дубовую пущу въ окрестностяхъ Трехъ-Горъ и Денешъ, панъ Эварыстъ предложилъ небольшую прогулку; замѣтивъ у дороги свѣжій пень недавно срубленнаго гигантскаго дуба, онъ подвелъ сюда пана депутата, растянулся на пнѣ во весь ростъ и воскликнулъ съ торжествомъ:

— Взгляни-ка, дорогой сосѣдъ! Отъ ногъ осталось добрыхъ полтора фута, значитъ дубъ-то не меньше шести локтей въ діаметрѣ!... Вотъ великанъ... вотъ такъ дубъ, пане!

— Ничего особеннаго, сосѣдъ—спокойно возразилъ депутатъ—заграницей такіе дубы—да это просто прутья...

— Пхе!—фыркнулъ возмущенный панъ Эварыстъ и вскочилъ на ноги.

Депутатъ понялъ, что хватилъ черезъ край, и поспѣшилъ исправить дѣло:

— Шутки въ сторону,—дубокъ конечно недуренъ, а этотъ пень—настоящій столъ. Хоть десять персонъ угощай. Сколько разъ случалось бывать въ лѣсу на пикникахъ... въ Фонтенбло́, напримѣръ...

— Ну, что жъ, быть можетъ хоть вдвоемъ закусимъ?—сообразилъ догадливый панъ Эварыстъ.

— Avec plaisir, съ удовольствіемъ,-- отвѣчалъ депутатъ съ пріятной улыбкой.

Омелько принесъ огромную корзину и поставилъ на пнѣ. Депутатъ осушилъ чару старки и уплеталъ за троихъ; все ему пришлось по вкусу, а когда панъ Эварыстъ откупорилъ бутылку малиновки и подалъ полный стаканъ депутату, послѣдній, осушивъ его моментально, поднялъ стаканъ надъ головой и съ улыбкой удовольствія созерцая его, патетически воскликнулъ: цвѣтъ, видъ, вкусъ и запахъ... восхищеніе!

Щелкнулъ языкомъ и прибавилъ:

— Parole d'honneur, клянусь частью, такой прелести, правду сказать, не пивалъ и въ Парижѣ... délicieux!

— Ну, хоть этимъ угодилъ—подумалъ про себя панъ Эварыстъ.

— Удивительная хозяйка почтеннѣйшая наша пани подсудкóва—вставилъ депутатъ.

— Ужъ будто и подсудкóва?—возразилъ панъ Эварыстъ съ улыбкой.—Дорогой сосѣдъ не поймавъ уже скубетъ.

— Слово сказано—не отступлюсь!—настаивалъ депутатъ.—Утро вечера мудренѣе: дѣло вѣрное! Но летимъ, летимъ, дорогой сосѣдъ, нечего мѣшкать, еще три проклятыхъ мили осталось да песокъ въ придачу.

Къ вечеру наши странники прибыли въ Житомиръ. Пока перебрались вбродъ черезъ рѣчку Каменку, протекающую подъ городомъ, и вскарабкались по убійственной мостовой на крутую гору, называемую Чудновской улицей, наступилъ полный мракъ. Заморосилъ дождь, а между тѣмъ нужно было еще доставить пана депутата къ какому-то родственнику, жившему у „Дѣвичьей площади“, затѣмъ отправиться на другой конецъ города и разыскивать постоялый дворъ. Поэтому, когда промокшій и измученный панъ Эварыстъ остановился въ Виленской улицѣ передъ „заѣздомъ“ Тышкевича, гдѣ съ трудомъ нашлась еще незанятая конурка, было уже поздно и оставалось лишь подумать объ отдыхѣ.

Услужливый „мишуресъ“ подалъ самоваръ.

— Ну, что у васъ тутъ новенькаго?—освѣдомился панъ Эварыстъ.

— Слава Богу, все благополучно, ясне-пане.

— Наплывъ большой?

— Ой вей! всѣ ясне-панове уже тутъ, всѣ заѣзды заняты, въ панскихъ домахъ полно, великій гармидеръ, а завтра выборы. Ясне-панъ какъ разъ поспѣлъ.

— Чтó за постой теперь?

— Два злоты.

— Да ты въ своемъ ли умѣ!—воскликнулъ панъ Эварыстъ—за что такъ дерете?

— Вѣрьте совѣсти, ясне-пане! Станція и конюшня на четверку, а выборы—не въ счетъ?

— Овесъ по чемъ?

— Четверикъ на десять гарнцевъ по злоту, съ сѣчкой.

— Вотъ дерутъ безбожно... А обѣдъ?

— Обѣдъ? тоже по злоту. Не хуже какъ у Микульскаго—тамъ берутъ два злоты и полрубля, а никто не скажетъ, что дерутъ,—на то фанаберія!

— Ну помни же: завтра утромъ подай самоваръ да приведи цирульника волосы стричь. Больше ничего.

— Ничего?—повторилъ мишуресъ, простоялъ еще съ минутку какъ бы въ раздумьи и вышелъ озираясь.

IV.

Несмотря на усталость, панъ Эварыстъ долго не могъ уснуть. Мысль о предстоящихъ выборахъ, о кандидатурѣ, которую нужно было поставить въ угоду Тодунѣ, о вмѣшательствѣ депутата, которое что-то не улыбалось пану Эварысту, наконецъ, о возможной удачѣ—все это до крайности волновало нашего героя: онъ ворочался на постели, стоналъ, вскакивалъ, закуривалъ трубку, снова укладывался и только подъ утро захрапѣлъ такъ сильно и глубоко, что проснулся уже поздно. Нужно было торопиться, панъ Эварыстъ вскочилъ, кликнулъ „мишуреса“ и поспѣшно приступилъ къ туалету. Тутъ возникли новыя и непредвидѣнныя затрудненія: въ послѣдніе три года панъ Эварыстъ, очевидно, такъ располнѣлъ, что парадное его убранство, въ особенности мундиръ, оказывалось тѣснымъ; тщательно сберегаемыя бѣлыя перчатки рѣшительно не вмѣщали всѣхъ пяти пальцевъ; сапоги, вычищенные на-славу, какъ то ссохлись и сжимали ногу какъ въ тискахъ; по мѣстамъ не доставало пуговицъ. Панъ Эварыстъ страшно измучился и даже выбранился раза два,—случай необыкновенный, но просто силъ не было! Съ превеликимъ трудомъ удалось наконецъ застегнуть мундиръ: панъ Эваристъ долженъ былъ задержать дыханіе и вытянуться въ струнку по-военному; онъ энергично топнулъ ногой, приводя въ порядокъ сапоги, сунулъ перчатки въ карманъ, напялилъ треуголку и сердито поглядѣлся въ зеркало. „Какъ есть чучело»—подумалъ панъ Эва-

рыстъ и поспѣшилъ на Бердичевскую улицу, гдѣ находилась „выборовая“ зала.

Онъ пришелъ какъ разъ во время. Вся улица была запружена разнообразными экипажами, которые подъѣзжали ежеминутно; толпа зѣвакъ преграждала всякій доступъ. Комиссаръ для наблюденія за порядкомъ, Сташевскій, дѣтина огромнаго роста, дѣлалъ безплодныя попытки осадить наваливавшую отовсюду толпу. Панъ Эварыстъ съ великимъ трудомъ протолкался въ переднюю, но проникнуть въ залъ не было никакой возможности: толкотня была такая, точно въ церкви передъ великой заутреней. Именно въ эту минуту всѣ наличные избиратели *in gremio*, съ губернаторомъ и маршалками во главѣ, двигались рядами по залу, для участія въ молебствіи и принесенія затѣмъ присяги въ соборѣ.

Панъ Эварыстъ присоединился къ дворянамъ своего уѣзда и тутъ только впервые примѣтилъ брата и сосѣдей по имѣнію. Вся процессія чинно и въ молчаніи двинулась въ соборъ.

Блиставшій тысячью огней, изукрашенный вѣнками зелени и цвѣтовъ, роскошный храмъ былъ переполненъ публикой, которая толпилась здѣсь съ самаго утра. Пріѣхавшія на выборы и мѣстныя дамы занимали обширный притворъ. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ торжества, которое началось величественными, мелодическими звуками орга́на... Наконецъ взошелъ на каѳедру правившій службу капелланъ, съ осанкой торжественной и важной. То былъ прелатъ Куликовскій, нѣкогда профессоръ кременецкаго лицея, а теперь ректоръ мѣстной семинаріи, знаменитый въ свое время проповѣдникъ: онъ обыкновенно говорилъ проповѣдь на торжественномъ богослуженіи въ день открытія выборовъ.

Послѣ привѣтствія присутствующимъ и нѣсколькихъ теплыхъ словъ по адресу тѣхъ, которые сидѣли здѣсь три года назадъ, теперь же „перешли въ жизнь вѣчную, полную таинственнаго свѣта, очамъ разума непостижимаго“, ораторъ разсказалъ слушателямъ басню о лѣсныхъ деревьяхъ, которыя просили масличное дерево взять ихъ подъ свой скипетръ. Отвѣтъ масличнаго дерева, которое не желало разстаться съ своимъ жиромъ,—

намекая на лицъ, подъ разными предлогами уклонявшихся отъ общественной службы,—ораторъ передалъ такъ: „Зачѣмъ связывать себя узами долга, когда мнѣ милѣе домашнее затишье, сладкое бездѣлье, послѣобѣденный сонъ и лежанка“...

Панъ Эварыстъ поднялъ очи на проповѣдника и подумалъ „Неужели прелатъ въ заговорѣ съ моей Тодуней“.

По окончаніи службы и пѣнія „Te Deum“ избраннымъ хоромъ клириковъ подъ управленіемъ викарія Кендзерскаго и капеллана Боратынскаго, избиратели возвратились въ „выборовую“ залу.

По дорогѣ панъ Эварыстъ сообщилъ брату о своихъ честолюбивыхъ планахъ касательно мѣста подсудка.

— Неужели же, милый мой, тебѣ надоѣло домашнее спокойствіе? удивился братъ.

— Чудакъ ты!—возразилъ панъ Эварыстъ—развѣ не слышалъ что̀ говорилъ нашъ проповѣдникъ?

— Слышалъ... но, дорогой мой, это не касается насъ, стариковъ. Мы свое отжили; теперь иное время, новыя понятія, выдвигаются молодыя силы—дадимъ имъ дорогу и удалимся на покой благодарить Господа.

— Вѣрно! Но, говоря между нами—прибавилъ панъ Эварыстъ, понижая голосъ—Тодуня просто сама не своя...

— Ага! Ну, такъ бы и сказалъ... что-жъ, рискни! Для начала вотъ тебѣ мой голосъ... и дастъ Богъ, увидимъ!

— И депутатъ обѣщалъ...

— Депутатъ! Не вѣрь ему, братъ! это... лиса...

Избиратели явились на сей разъ въ залъ собственно лишь для провѣрки списка лицъ, имѣвшихъ право голоса, и для соблюденія другихъ необходимыхъ формальностей, послѣ чего всѣ *in gremio* отправились въ домъ губернскаго предводителя, который по обычаю устраивалъ въ этотъ день завтракъ... Маршалокъ Бобръ жилъ открыто, кухня и винный погребъ были у него снаряжены превосходно, если запасовъ хватало на пятьсотъ гостей.

Замѣчаніе депутата за обѣдомъ у пана Эварыста, что избирательная борьба должна на этотъ разъ принять ожесточен-

ные размѣры, повидимому, вполнѣ подтверждалось. Выборъ губернскаго предводителя служилъ яблокомъ раздора. Избиратели разбились на двѣ главныя партіи: одна желала удержать бывшаго маршалка Бóбра, который въ свое время былъ избранъ огромнымъ большинствомъ и вполнѣ подходилъ къ своему сану; другая стремилась выдвинуть людей помоложе и поэнергичнѣе и непремѣнно требовала Красицкаго или Швейковскаго... Глухая борьба, агитація и всякіе происки обѣихъ партій, происходившіе сперва за кулисами, постепенно давали себя чувствовать, возбужденіе росло и поднималось, угрожая принять острый характеръ у избирательной урны, когда голосованіе покажетъ на чьей сторонѣ перевѣсъ.

Но кромѣ выборовъ, вниманіе съѣхавшихся въ Житомиръ дворянъ было сильно возбуждено дѣломъ Млодецкаго, владѣльца множества деревень на Волыни и Украинѣ, собственника города Бродъ въ Галичинѣ. Въ это время Млодецкій уже сталъ притчей во языцѣхъ: про него разсказывали цѣлыя легенды, которыя, переходя изъ устъ въ уста въ преувеличенномъ и прикрашенномъ видѣ, приняли наконецъ колоссальные размѣры и чудовищный характеръ. Въ основѣ всѣхъ слуховъ лежали панскій капризъ, неслыханная надменность магната и безграничное его самодурство и своеволіе, жертвами котораго служили евреи принадлежавшихъ Млодецкому городовъ и мѣстечекъ, многочисленные его крѣпостные, дворовые, официалисты, прикащики, словомъ, всѣ, кому приходилось сталкиваться съ Млодецкимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Млодецкій, человѣкъ скупой и жадный, чрезмѣрно преданный дѣлу пріумноженія своихъ доходовъ, обложилъ еврейскіе кагалы разными поборами и повинностями; вымогалъ у крестьянъ чрезмѣрныя панщины и такъ наз. „дани“, которыя были впослѣдствіи отмѣнены закономъ [1]). Непослушныхъ и недоимщиковъ наказывали „кожанною плетью о пяти концахъ“ или бросали въ т. наз. „гусакъ“, устроенный въ палацѣ Млодецкаго [2]). Официалисты пана, отъ управляющаго до послѣдняго

[1]) „Дани“ состояли изъ куръ, пряжи, грибовъ, и т. п. Такъ наз. *инвентарныя правила* 24 мая 1847 г. освободили крестьянъ отъ этихъ „даней“.

[2]) „Гусакъ“—это деревянные кандалы, устроенные въ неподвижной колодѣ

писарька, исполняли тутъ же постановленные приговоры, и послѣ жестокой экзекуціи евреи, крестьяне и даже крестьянки нерѣдко платились здоровьемъ, иногда даже жизнью!... Къ ворамъ, плутамъ, бездѣльникамъ и нищимъ Млодецкій былъ неумолимъ. Конечно, насилія эти не всегда проходили безнаказанно. Но суды, весьма благосклонные къ Млодецкому, обыкновенно обрушивались на его официалистовъ, какъ орудія преступленія. Цѣлые томы слѣдственныхъ дѣлъ о различнаго рода насиліяхъ странствовали по разнымъ судебнымъ инстанціямъ и округамъ, такъ какъ имѣнія Млодецкаго были разсѣяны по тремъ губерніямъ и каждое дѣло производилось въ томъ судѣ, въ округѣ котораго находилось данное имѣніе. Уголовно-слѣдственныя коммисіи не выѣзжали изъ Варковичъ.

Такіе порядки завелись уже давно, потому что еще въ 1831 г. отдѣленіе главнаго волынскаго суда приговорило официалиста Млодецкаго, нѣкоего Тышкевича, къ уплатѣ крестьянкѣ Ульянѣ Прокоповой за побои „четырехъ копъ литовскихъ грошей"; официалиста Збилитовскаго за жестокое обращеніе съ крестьянами тотъ же судъ приговорилъ къ тюремному заключенію, уплатѣ двухъ копъ литовскихъ грошей и лишилъ права завѣдывать имѣніями, и т. д.

Такимъ образомъ, прячась за спину своихъ служащихъ, Млодецкій избѣгалъ всякой личной отвѣтственности, хотя было совершенно очевидно, что бóльшая часть насилій производилась съ согласія и по прямому приказанію пана, который не разъ „засыпалъ батоги" официалистамъ за малѣйшее отступленіе отъ его распоряженій.

Въ исключительныхъ случаяхъ, когда насиліе грозило личной отвѣтственностью, Млодецкій представлялъ куда слѣдуетъ добытыя путемъ насилія свидѣтельства крестьянъ, удостовѣренныя мѣстными священниками и гласившія, что—„панъ Млодецкій—якъ ридный батько: побье и пожалуе"...

Но не все коту масляница. Нашелся человѣкъ, который, не взирая на огромное вліяніе Млодецкаго, какъ магната, и не

такимъ образомъ, что нѣсколько десятковъ человѣкъ бывали ущемлены въ нихъ за ногу и лежали какъ гуси.

обращая вниманія на его гнѣвъ и угрозы, не побоялся выяснить истинное положеніе дѣла и объявить во всеуслышаніе, что виновникомъ безпрестанныхъ и безчеловѣчныхъ насилій въ имѣніяхъ Млодецкаго—былъ самъ Млодецкій! Такимъ непримиримымъ обличителемъ Млодецкаго явился маршалокъ Омецинскій. Высшее начальство, основываясь на этомъ, предало Млодецкаго суду сословныхъ представителей. Судную коммиссію составляли уѣздные предводители дворянства и столько же депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго маршалка.

Млодецкій долженъ былъ явиться въ коммиссію, собранную въ Житомирѣ, и оправдываться противъ обвиненій.

Ожидаемый пріѣздъ Млодецкаго совершился съ великимъ торжествомъ и роскошью. Въ огромной желтой каретѣ осьмерикомъ, окруженный надворными козаками, ѣхалъ самъ Млодецкій; далѣе тянулись повозки съ официіалистами и челядью; въ концѣ двигались брички и громадные фургоны съ кухней и разными запасами. Толпы зѣвакъ глазѣли на это чрезвычайное торжество, невиданное еще въ Житомирѣ, а домъ, гдѣ остановился Млодецкій, былъ въ настоящей осадѣ!...

Всѣ думали и даже громко заявляли, что Млодецкому все сойдетъ какъ съ гуся вода и никто пальцемъ его не тронетъ. Разсказывали, что у него есть сторонники, которые станутъ за него горой. Мнѣнія расходились, интересъ былъ всеобщій, любобытство возбуждено до высочайшей степени.

— Я снабдилъ своего управляющаго Чемеровскаго—объяснялъ Млодецкій въ коммиссіи—довѣренностью, гдѣ именно указано ему блюсти и заботиться, чтобы въ имѣніяхъ моихъ наистрожайше исполнялись законы и предписанія властей. Если, какъ вы утверждаете, были безчинства, что́ мнѣ впрочемъ неизвѣстно, пусть отвѣтитъ Чемеровскій!...

— Чемеровскій—прервалъ предсѣдатель—въ такихъ то и такихъ-то случаяхъ дѣйствовалъ согласно полученнымъ приказаніямъ...

— Ну, что-жъ—возразилъ Млодецкій, возвышая голосъ—если ему случилось исполосовать жида-мошенника, гультяя-хлопа или батогами заставить попрошайку бросить суму и палку и взяться

за цѣпъ, то что за бѣда? По моему, онъ былъ правъ и лучшаго желать нельзя. Считаю пренія исчерпанными и свидѣтельствую свое почтеніе...

Съ этими словами Млодецкій удалился изъ зала засѣданія.

Послѣ продолжительныхъ дебатовъ, коммиссія вынесла обвинительный вердиктъ, въ силу котораго, предоставляя подлежащимъ судамъ разрѣшить вопросъ о виновнсти Млодецкаго въ отдѣльныхъ уголовныхъ проступкахъ, она устраняла магната отъ управленія имѣніями, подлежавшими передачѣ въ опеку [1]).

Пока приговоръ былъ утвержденъ сенатомъ, Млодецкій умеръ.

Современники называли Млодецкаго чудакомъ. Бѣда лишь въ томъ, что чудачества свои онъ записывалъ на чужой спинѣ, слѣдовательно, не былъ безвреднымъ чудакомъ, какихъ встрѣчалось въ ту пору не мало. Напримѣръ, панъ Зенонъ. Онъ считалъ, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ему равнаго пана. Господа Бога и всѣхъ святыхъ онъ почиталъ, но былъ убѣжденъ, что стоитъ не ниже... Разъ зимою, при переѣздѣ черезъ рѣку, подъ нимъ подломился ледъ и панъ едва спасся отъ вѣрной гибели. Благодарный панъ Зенонъ велѣлъ поставить на берегу памятникъ съ слѣдующею надписью:

„Pan pana od smierci zbawił—
„Pan Panu figurę wystawił [2]).
(Богъ пана отъ смерти избавилъ—
Панъ Богу „фигуру“ поставилъ).

Какой то насмѣшникъ прибилъ рядомъ съ этою надписью такое двустишіе:

„Не бойся, Зеноне:
„Кому висѣть—не утонетъ“.

Возвратимся однако въ залъ выборовъ.

Въ прежнее время, панъ Эварыстъ всегда бывало держался на выборахъ въ сторонкѣ. У него былъ излюбленный уго-

---

[1]) При этомъ исчислены были гражданскіе убытки крестьянъ въ суммѣ 72,000 руб. сер., хотя мнѣнія раздѣлились въ этомъ вопросѣ.

[2]) Игра словъ: попольски, pan--панъ и Господь Богъ. „Фигура“—крестъ съ изваяніемъ Спасителя. Подробнѣе о томъ же эпизодѣ см. въ замѣткѣ г. О. Л. „Панская пыха“ („Кіев. Стар.“ 1887 г. кн. 9, стр. 174). *Пр. пер.*

локъ за колоннами, гдѣ панъ Эварыстъ обыкновенно проводилъ время въ тихой бесѣдѣ съ какимъ нибудь благопріятелемъ о хозяйствѣ, о тяжелыхъ временахъ, иногда о политикѣ, если была подходящая тема. О томъ, что происходило въ залѣ, панъ Эварыстъ и не думалъ,—это его вовсе не касалось. На сей разъ, однако, помня о выговорахъ жены, которая упрекала его, что онъ отъ всѣхъ сторонится и на все махнулъ рукой, панъ Эварыстъ рѣшился хоть чѣмъ нибудь заявить о своихъ намѣреніяхъ и желаніи выступить на арену общественной дѣятельности; поэтому онъ счелъ нужнымъ занять другое мѣсто и держался поближе къ центру, гдѣ приходилось все время стоять на ногахъ, несмотря на безжалостные толчки, выпадавшіе на его долю. На глухо застегнутый мундиръ стѣснялъ дыханіе; жара была невыносимая. Панъ Эварыстъ украдкой взглянулъ на свой любимый уголокъ: обычный собесѣдникъ былъ уже тамъ и видимо поджидалъ пана Эварыста,—а недостатка въ темахъ не было: происходили важныя событія въ мірѣ политики; въ воздухѣ пахло порохомъ; носились слухи о питейной реформѣ, о какомъ-то акцизѣ; свеклосахарное производство на Волыни, въ Славутчинѣ начинало развиваться—словомъ, было о чемъ потолковать. Но панъ Эварыстъ боялся потерять разъ занятое мѣсто и долженъ былъ отказаться отъ всего. Его толкали и тѣснили безпрестанно, но панъ Эварыстъ держался на мѣстѣ, какъ вкопанный, отирая фуляромъ потъ, градомъ катившійся по лицу. Поминутно къ нему обращался тотъ или другой изъ сосѣдей, что-то кричали ему въ лицо, что-то доказывали, въ чемъ-то старались убѣдить, довольные, что попался молчаливый и повидимому внимательный слушатель. Панъ Эварыстъ утвердительно кивалъ головою, ровно ничего не понимая.

— Изъ-за чего они бьются—размышлялъ панъ Эварыстъ—право не возьму въ толкъ. Вѣдь если, по ихъ словамъ, Бобръ—почтенный человѣкъ и Красицкій—тоже почтенный, и Швейковскій, и Ледоховскій—такъ чего же имъ наконецъ нужно? [1]).

---

[1]) Если хочешь получить идеальнаго маршалка—потѣшался Кондрацкій изъ Добраго-Кута—вотъ рецептъ: положи въ реторту: фунтъ прямодушія Ледоховскаго, фунтъ такта Швейковскаго, сколько влѣзетъ богатства Сангушки; прибавь по лоту;

Не успѣлъ панъ Эварыстъ задать себѣ этотъ вопросъ, какъ надъ головой его раздались оглушительные крики:

— Просимъ пана Бóбра въ маршалки, просимъ единогласно!

— Красицкій маршалкомъ!—отвѣчали хоромъ— всѣ просимъ!

Смятеніе возрастало и поднялось такое замѣшательство и сутолока, что панъ Эварыстъ, толкаемый въ разныя стороны, едва устоялъ на ногахъ. Онъ задыхался.

— Просимъ Бóбра!—вопили одни.

— Просимъ Красицкаго единогласно!—кричали другіе.

— Къ урнѣ, панове, на голоса!

— Тише, тише! восклицали отовсюду.

Шумъ и гамъ мало по малу улеглись... Настала тишина. Всѣ молча ожидали результата баллотитировки... Подсчитали голоса—Красицкій побѣдилъ!

Буря возгласовъ и крики «браво» слились въ одно оглушишительное эхо. Всѣ наперерывъ тѣснились къ новоизбраннному маршалку для поздравленій. Видимо взволнованный, Красицкій вѣжливо раскланивался во всѣ стороны, благодаря за оказанную честь, и поспѣшилъ уйти изъ залы.

Всѣ двинулись за нимъ вслѣдъ и поднялась такая давка, что выходъ былъ прегражденъ совершенно. Болѣе сильные пробивали себѣ дорогу локтями, слабѣйшіе падали, а панъ Эварыстъ, жестоко прижатый въ толпѣ, былъ выброшенъ на улицу совершенно измученный, облитый потомъ, обезсиленный и почти безъ чувствъ.

Съ трудомъ дотащился онъ до своей квартиры. Подали обѣдъ, но панъ Эварыстъ и не притронулся. Онъ прилегъ, тяжко вздохнулъ и все повторялъ лишь: О, Тодуню, Тодуню!... если-бы ты знала чтó здѣсь творится!...

отваги Лозинскаго, знанія гдѣ раки зимуютъ Пражмовскаго и пониманія какъ трава растетъ Стецкаго; смѣшай; прибавь перцу въ мѣру—и получится идеальный маршалокъ.

V.

Если-бы выборы, подобные житомирскимъ, происходили въ большомъ городѣ, гдѣ издаются газеты, послѣднія отмѣтили-бы всѣ подробности и успокоили-бы любопытство публики. Житомирцамъ въ ту пору о газетахъ и не снилось, но публика безсознательно чувствовала этотъ недостатокъ и потому жадно хваталась за всякіе листки и писанья, гдѣ хотя-бы отчасти и въ случайной формѣ обрисовано было како либо выдающееся событіе мѣстной жизни.

Въ описываемое время жилъ въ Житомирѣ доморощенный стихотворецъ, человѣкъ уже немолодой, принятый въ обществѣ, превосходно знакомый съ мѣстными отношеніями и общительный, но иногда желчный и саркастическій. Онъ сочинилъ по разнымъ поводамъ немало стихотвореній, которыя въ безчисленныхъ спискахъ ходили по рукамъ; всякое выдающееся происшествіе или событіе, въ томъ числѣ конечно и выборы, давали матеріалъ для его остроумія, которымъ онъ несомнѣнно обладалъ. Обыкновенно онъ писалъ по малорусски,—съ языкомъ этимъ былъ знакомъ въ совершенствѣ, зналъ всего Котляревскаго наизусть.

Въ описываемое время, губернскій маршалокъ Бобръ, жившій постоянно въ городѣ, человѣкъ въ высшей степени общительный и гостепріимный и при этомъ державшій домъ на широкую ногу, не только устроилъ обычный завтракъ въ первый же день выборовъ, но и вообще щедро угощалъ все дворянство. Обѣды задавались изысканные, вина были превосходны: винный погребъ былъ собственный и снабженъ всѣмъ въ избыткѣ, а мѣстный купецъ Ринебергъ изъ „красной каменной лавки“ поставлялъ чудесное вино. Послѣ побѣды Красицкаго надъ Бббромъ, уже на другой день по городу кружили такіе стишки:

„Я казавъ вамъ, що недобре
„Буде зъ вамы, пане Бобре:
„Шляхта чысто васъ окпыла,
„Бо хлибъ зъила, выно спыла,
„Васъ на коши посадыла“...[1]).

[1]) „Окпыла“—одурачила; „на коши посадыла“—обманула, надула: выраженія употр. и нынѣ на Волыни и заимств. съ польскаго (okpić, osadzić na koszu).—*Пр. пер.*

Не понравился также нашему юмористу и выборъ куратора мѣстной гимназіи. Дѣйствительно, выборъ былъ самый неудачный. Новый кураторъ, „съ виду похожій на лошадь, никогда въ Аѳинахъ не былъ и съ софистами не водился“, а между тѣмъ любилъ произносить спичи, пересыпая ихъ, къ довершенію несчастія, французскими фразами ни къ селу, ни къ городу. Слѣдуетъ прибавить однако, что кураторъ этотъ помогалъ не одному школьнику: вносилъ плату за право ученія, снабжалъ теплой одежей и обувью, давалъ деньги на покупку учебниковъ, посылалъ въ квартиры бѣднѣйшихъ гимназистовъ, которые не уѣзжали домой на праздники, рождественскую кутью и лично являлся съ святымъ хлѣбомъ.—Ну, хлопцы—говаривалъ онъ—будетъ у васъ кутья и первую ложку къ потолку за здоровье куратора! [1]).

Не понравился, говоримъ, выборъ куратора доморощенному поэту, который сочинилъ по этому поводу слѣдующее четверостишіе:

„Якъ-же вамъ, панове, не стыдъ и не соромъ,
„Выбрать Божыдара та ще й кураторомъ,
„Бо якъ скоро почне въ школи мудру ричъ заводыть,
„Побачыте, що всихъ дитей дурнямы поробыть“.

Другой обыватель, овцеводъ и гречкосѣй, сколотилъ значительное состояніе, благодаря чему успѣлъ породниться съ графскимъ домомъ. Послѣ этого онъ возмнилъ себя важнымъ паномъ и водился только съ магнатами, пренебрежительно относясь къ мелкому дворянству, къ которому самъ принадлежалъ и въ свое время льнулъ всей душей.

Этому ренеегату поэтъ посвятилъ такое посланіе:

„Гей, Данылу, глянь на Бога, змылуйся надъ намы,
„Десь нечыста тебе сыла спутала зъ панамы,—
„Бо якъ скоро сіешъ гречку або й загонъ проса,
„То чого жъ ты такъ на шляхту задераешъ носа?!
„Схаменысь, Даныло, прошу, прытулысь до братьи,
„На панивъ махны рукою, най ихъ пирвуть кáты“ [2]).

---

[1]) Малорусская примѣта: если брошенная къ потолку кутья прилипнетъ—паска будетъ хороша.

[2]) „Схаменысь“—очнись, удержись.

Такія и подобныя риѳмы возбуждали противъ автора большое негодованіе, не обходилось и безъ скандаловъ, если острякъ слишкомъ уже явно задѣвалъ кого-нибудь; пробовали, какъ говорится, клинъ клиномъ вышибать; такъ, когда юмористъ купилъ домъ, нѣкто приклеилъ на стѣнѣ такое четверостишіе:

„Howy dziedzic kamienicy
„Chodzi tylko po ulicy,
„Węszy, gada, nic nie robi—
„Na autora się sposobi".
(Новый владѣлецъ каменнаго дома
Только ходитъ по улицѣ,
Водитъ носомъ, болтаетъ, ничего не дѣлаетъ—
Готовится въ писатели).

Клинъ, какъ видно, былъ плоховатъ, поэтому остался безъ всякаго дѣйствія. А такъ какъ на малорусскіе юмористическіе стишки существовалъ большой спросъ, ихъ читали нарасхватъ и переписывали другъ у друга, то нашъ поэтъ, польщенный такимъ успѣхомъ, не обращалъ вниманія на неудовольствіе и угрозы и продолжалъ пописывать...

Понятно, что стишки эти, переходя изъ руки въ руки, возбуждали мимолетный смѣхъ своею мѣткостью, но не оставляли по себѣ глубокаго впечатлѣнія; какъ бы то ни было, нужно сказать, что описываемые выборы отличались большею осторожностью при назначеніи тѣхъ или другихъ лицъ на общественныя должности; теперь искали молодыхъ сихъ, болѣе пригодныхъ для дѣла; такъ, кураторомъ школъ былъ избранъ Крашевскій, явились маршалки, подобные Ледоховскому, Владиміру Швейковскому, Викентію Піотровскому и другимъ... даже Даныло понизилъ тонъ и по прежнему примкнулъ къ братьямъ—шляхтѣ!...

Хотя по закону для выборовъ былъ назначенъ лишь двухнедѣльный срокъ, за рѣдкими исключеніями, но большинство избирателей не спѣшили домой по окончаніи выборовъ. Житомиръ, при такомъ многолюдномъ и избранномъ обществѣ, какое собралось на выборы, представлялъ столько пріятныхъ развлеченій, что разстаться съ нимъ было нелегко, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ нечего было и мечтать о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя представлялись въ городѣ чуть не ежедневно. Кромѣ зав-

траковъ, обѣдовъ и банкетовъ, которые задавали по обычаю новоизбранные сановники въ честь своихъ избирателей, и наоборотъ,—безпрерывно тянулись публичные балы и разнообразныя развлеченія въ частныхъ домахъ и кружкахъ. Магазины мѣстныхъ и пріѣзжихъ купцовъ были въ постоянной осадѣ; модистки работали день и ночь; ресторанъ Микульскаго представлялъ настоящій адъ; кондитерскія Малиновскаго и Явора не успѣвали выполнять заказовъ; даже рѣдко посѣщаемая „усатая тетушка", которая обыкновенно продавала вкусный „верещакъ" [1]), принарядила теперь свое скромное заведеніе по мѣрѣ силъ и заготовила всего, точно въ первостатейномъ ресторанѣ: соборный клиръ съ паномъ Яншевскимъ во главѣ не былъ уже теперь единственнымъ ея постояннымъ посѣтителемъ. Словомъ, жизнь и движеніе кипѣли въ городѣ, чтобы уступить затѣмъ мѣсто трехлѣтней спячкѣ.

Кромѣ баловъ, развлеченій разнаго рода, вечеринокъ и экскурій въ окрестности Житомира, на Тетеревъ, въ городѣ существовалъ еще постоянный театръ съ ежедневными представленіями, подъ дирекціей Паулины Зелинской. Публика имѣла случай наслаждаться такими артистами, какъ Юзефовичъ, Лукашевичъ, комикъ Янковскій, игравшая въ наивныхъ роляхъ Елена Зелинская и др. Пріѣздъ знаменитаго Листа и его концертъ просто наэлектризовали публику. Извѣстный гитаристъ Маркъ Соколовскій всегда появлялся въ Житомирѣ къ выборамъ. Наконецъ, панъ Станиславъ изъ Томашграда привезъ съ собою хоръ пѣвицъ, составленный изъ тридцати слишкомъ сельскихъ дѣвушекъ, которыя подвизались на эстрадѣ, передавая малорусскія пѣсни и думки. Это былъ пріятный сюрпризъ: дѣвушки все чернобровыя, кровь съ молокомъ, въ плахтахъ краснаго аксамиту и синихъ юбкахъ съ золотымъ галуномъ, пѣли онѣ превосходно—публика валила толпой.

Для дополненія картины слѣдуетъ отмѣтить, что игра въ карты занимала не послѣднее мѣсто. „Дябелекъ" и фараонъ были тогда въ большой модѣ; золото цѣлыми горстами броса-

---

[1]) Верещакъ—колбаса подъ соусомъ.

лось на зеленое сукно, а „пульку“ засыпали не иначе, какъ новенькими полуимперіалами въ огромную вазу, которая нерѣдко наполнялась до краю. Нѣкто С—чъ, прозванный барономъ, по происхожденію иноземецъ, а по профессіи шулеръ, человѣкъ свѣтскій и элегантный, погружался иногда въ эти золотыя розсыпи и извлекалъ приличные куши; но затѣмъ на бердичевской ярмаркѣ попался къ несчастію въ такую передѣлку, чисто какъ коса на камень, что спустилъ не только золото, но даже повозку, лошадей и весь свой скарбъ и долженъ былъ вернуться домой въ Красиловъ въ одномъ халатѣ, спрятавшись въ фургонѣ у еврея-извощика, т. наз. „балагулы“.

Развлеченія шли своимъ чередомъ, а засѣданія въ „выборовомъ“ залѣ происходили ежедневно по заведенному порядку; впрочемъ, послѣ избранія предводителей дворянства и предсѣдателей судовъ, избирательная горячка нѣсколько поулеглась; выборы низшихъ чиновниковъ уѣздными депутаціями совершались гораздо спокойнѣе, не вызывая такого гама и сутолоки. Поэтому панъ Эварыстъ, упорно не покидавшій своего мѣста въ залѣ, могъ вздохнуть свободнѣе и терпѣливо ожидать своей очереди... Онъ уже прочелъ свое имя на одной изъ урнъ подъ словомъ „подсудокъ“ и съ отчаяніемъ рѣшился ждать до конца.

Дошла наконецъ очередь и до него.

Когда секретарь собранія панъ Пробансъ громко провозгласилъ имя пана Эварыста и вмѣстѣ съ тѣмъ назвалъ должность подсудка, на которую тотъ заявляетъ притязаніе, приглашая приступить къ выборамъ, панъ Эварыстъ конвульсивно вздрогнулъ, холодный потъ выступилъ у него на челѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сталъ за колонною, какъ бы желая скрыться... Въ эту минуту онъ походилъ на юношу, который задумалъ жениться и просилъ объ оглашеніи, но когда затѣмъ въ церкви услышалъ съ каѳедры, что это именно онъ, онъ самый намѣренъ вступить въ бракъ, мысль, какъ молнія, подсказала ему: что ты дѣлаешь, несчастный? остановись!... Но пока юноша собирался сказать это, оглашеніе кончилось. Такъ и панъ Эварыстъ, при звукѣ собственнаго имени, думалъ было выступить впередъ, поблагодарить за вниманіе и отказаться, онъ готовъ

былъ даже сорвать съ урны предательскую надпись—но то была лишь мгновенная мысль: для исполненія не хватило рѣшимости; напротивъ, желая выступить впередъ, панъ Эварыстъ обратился вспять и почти въ обморокѣ укрылся за колонной.

Черезъ нѣсколько минутъ—минутъ тяжкихъ для пана Эварыста и долгихъ какъ вѣкъ—пока шло голосованіе, секретарь съ серьезнымъ видомъ выдвинулъ ящикъ урны, предназначенный для утвердительныхъ голосовъ, и замѣтивши тамъ одинъ—единственный шаръ, свободно катавшійся по дну, печально произнесъ: одинъ голосъ!...

— Всего одинъ!—отвѣчали въ толпѣ:—маловато!...

— Браво!—воскликнулъ другой.

— Одинъ голосъ—значитъ, выбранъ единогласно,—потѣшался третій.

Такія рѣчи поразили пана Эварыста какъ громомъ: онъ затрясся, остолбенѣлъ, сердце стучало молотомъ, лицо побагровѣло; онъ дико озирался кругомъ, пошатнулся... братъ явился на выручку: взялъ пана Эварыста подъ руку, отвелъ въ сосѣднюю комнату, предназначенную для возныхъ, усадилъ, вспрыснулъ лицо водою и старался успокоить:

— Ну, что-жъ, братъ Эварыстъ, пустяки, пожалѣй себя Бога ради! Если такъ вышло—такъ неужели же умирать изъ-за этого?

Что происходило съ паномъ Эварыстомъ—описать невозможно. Отчаянію его не было границъ. Тщетно утѣшалъ его братъ, желая умѣрить его горе и внушить благоразуміе—казалось, онъ лишится разсудка!

— Умоляю тебя, успокойся—говорилъ братъ.

Панъ Эварыстъ тяжко—тяжко вздохнулъ, затѣмъ всталъ и бросившись въ объятія брату, застоналъ:

— Дорогой ты мой, единственный другъ! такой позоръ, такое униженіе въ мои годы...

И громко зарыдалъ.

— Не ты первый, не ты послѣдній—утѣшалъ его братъ—непріятно, слова нѣтъ, но зачѣмъ же такъ убиваться, нужно отнестись спокойнѣй...

— Да, я спокоенъ теперь—отвѣчалъ панъ Эварыстъ, оправившись нѣсколько—мнѣ лучше. Жаль мнѣ Тодуни, послушался, сдѣлалъ по ея волѣ. И что́ бы мнѣ захворать въ ту пору... такъ нѣтъ-же...

— Ступай, братъ, домой, отдохни, а я сейчасъ буду, лишь только здѣсь все кончится.

— Но растолкуй же мнѣ, братъ, какъ понять поведеніе депутата? Вѣдь онъ былъ противъ меня — твой голосъ былъ единственный...

— Я же тебѣ говорилъ не вѣрить депутату. Сплетникъ и интриганъ, онъ впутался въ дѣло Млодецкаго, сулилъ ему золотыя горы, говорятъ, даже погрѣлъ руки въ панскомъ карманѣ. Разумѣется, всѣ вознегодовали, а такъ какъ было извѣстно, что вы пріѣхали разомъ, то въ концѣ концовъ это и отразилось на тебѣ.

— Бога ради! Да что же у меня общаго съ депутатомъ?! Онъ попросту навязался ко мнѣ, вотъ и все.

— Знаю братъ, знаю, но всѣхъ не разубѣдишь. И кромѣ того это только мои догадки, такъ какъ ты напомнилъ о депутатѣ. Въ сущности дѣло вотъ въ чемъ: времена мѣняются такъ-то, старики должны очистить дорогу—пусть поработаетъ молодежь. Посмотри, кого выбрали въ маршалки. Посыпемъ главу пепломъ и признáемся, что они правы. Ну, иди, иди, успокойся, братъ, и баста!...

Пошатываясь и спотыкаясь о неровную мостовую, доползъ панъ Эварыстъ въ свой „заѣздъ“. Безпечная его веселость исчезла, улыбка покинула лицо, онъ казался въ отчаяніи и тоскѣ, былъ угнетенъ страшно. У воротъ его встрѣтилъ Омелько. Догадливый слуга смекнулъ, что пану плохо или онъ чѣмъ то огорченъ.

— А чы не пора намъ, пане, до дому—молвилъ Омелько—бо вже очортило въ тимъ мисти сыдиты.

— Правда, Омельку!—отвѣчалъ панъ Эварыстъ и послѣ короткаго раздумья прибавилъ: Пакуй, Омельку, и запрягай... жыво... до дому!

— А депутатъ, проше пана?—вопросилъ Омелько.

Панъ Эварыстъ только рукой махнулъ.

— То и чортъ его беры—заключилъ расторопный Омелько—покынемо его и ту калічъ. Пара нашыхъ довезé.

Весело собирался Омелько въ обратный путь, работа такъ и кипѣла у него въ рукахъ. Часъ спустя все было готово, и панъ Эварыстъ уѣхалъ. Брату онъ написалъ письмо, которое поручилъ „мишуресу". Лошади депутата остались въ заѣздѣ.

„Дорогой братъ,—писалъ панъ Эварыстъ—Душно мнѣ здѣсь и тяжело до крайности. Чувствую, что будетъ плохо, если еще останусь. Мнѣ нужно воздуху, ѣду. Умоляю тебя всѣмъ святымъ, пріѣзжай къ намъ. До свиданья, обнимаю тебя. Твой Эварыстъ".

Въ тотъ же самый день происходило баллотированіе депутата на должность подсудка: не успѣлъ провалиться панъ Эварыстъ, депутатъ, тутъ какъ тутъ, тотчасъ же поставилъ свою кандидатуру, отказавшись отъ прежней должности, которая оказывалась теперь уже неподходящею для него,—депутату улыбалось жить въ городѣ.

Но онъ жестоко ошибся въ разсчетѣ. Ему казалось, что разъ его выбрали въ депутаты, когда онъ и не мечталъ объ этомъ, то большинство и теперь будетъ на его сторонѣ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ добивается мѣста. Между тѣмъ настроеніе измѣнилось, всѣ раскусили депутата и нетрудно было догадаться, что его желаютъ сплавить. Только депутатъ не понималъ этого или лучше сказать умышленно закрывалъ глаза. Результаты оказались крайне печальными для депутата: въ ящикѣ, предназначенномъ для утвердительныхъ голосовъ, вмѣсто шаровъ лежала... фига! [1]) Избѣгая скандала, панъ Провансъ ловко спряталъ ее, но стоявшіе поблизу, и самъ депутатъ въ томъ числѣ, прекрасно подмѣтили этотъ маневръ. По залу пронесся гомерическій хохотъ; разъяренный депутатъ что то забормоталъ и внѣ себя выскочилъ на улицу. Онъ летѣлъ куда глаза глядятъ, бранясь на чемъ свѣтъ стоитъ, и остановился только передъ „заѣздомъ" Тышкевича.

— Пойду—рѣшилъ онъ—къ этому добряку и постараюсь убѣ-

---

[1]) Случалось, хотя очень рѣдко, что въ избирательную урну попадали фиги, копѣечки и т. п.

дить его отправляться сейчасъ же,—нечего намъ тутъ дѣлать, будь они прокляты...

Каково же было изумленіе и гнѣвъ депутата, когда ему сообщили, что панъ Эварыстъ уже часа два какъ уѣхалъ; а когда мишуресъ добавилъ, что лошади остались въ заѣздѣ, панъ Янъ пришелъ въ такую ярость и поднялъ такой содомъ, что передъ заѣздомъ собралась толпа любопытныхъ. Депутатъ неистово махалъ руками, бранился и разсказывалъ публикѣ свою, бѣду, не зная какъ быть теперь съ лошадьми, безъ кучера, брички и упряжи и вдобавокъ безъ денегъ!... Онъ ожидалъ сочувствія—встрѣтилъ насмѣшку. Въ страшномъ гнѣвѣ ушелъ онъ изъ заѣзда, давая зарокъ никогда болѣе не являться на эти проклятые выборы и даже не возвращаться домой на родину. На другой день депутатъ спустилъ лошадей, нанялъ извощика и уѣхалъ къ родственникамъ на Побережье[1]). Съ тѣхъ поръ онъ точно въ воду канулъ[2]).

VI.

Когда панъ Эварыстъ выѣхалъ за городской шлагбаумъ и вздохнулъ полною грудью, казалось, у него гора съ плечъ свалилась, такъ ему стало легко и привольно. Но мучительная мысль о прошломъ постепенно возвращалась, забыть все это—не было возможности. Онъ вспомнилъ прежніе годы, когда возвращался тою же дорогою домой, спокойный и довольный сознаніемъ исполненнаго долга, и поспѣшалъ къ родному затишью, къ женѣ, чтобы разсказать ей о своихъ приключеніяхъ въ пути, подѣлиться новостями, покалякать о выборахъ...

Теперь—какая разница! Измученный, оскорбленный до глубины души, онъ задавалъ себѣ вопросъ, чѣмъ то онъ подѣлится съ женой? Униженіемъ, позоромъ... Мысль эта новой тяжестью налегла на него; убитый видъ, молчаніе и лихорадочная дрожь обличали душевную муку.

---

[1]) Побережье—нын. Подолія.—*Пр. пер.*

[2]) Имѣньице депутата, объявленное впослѣдствіи въ продажу за долги, пріобрѣли нѣмцы-колонисты, которые массами начали стекаться на Волынь.

Словоохотливый Омелько пробовалъ завязать бесѣду—панъ Эварыстъ упорно молчалъ.

Ночь провелъ онъ безъ сна, волновался, постоянно срывался съ постели; жаръ одолѣвалъ его, силы постепенно оставляли. Онъ звалъ Омелька и торопилъ отъѣздомъ, забывая, что лошади измучены и требуютъ отдыха.

— Поганяй, Омельку—время отъ времени повторялъ онъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

Омелько тревожно оглядывался на пана и пытался начать разговоръ.

— Завтра, якъ Богъ помóже—говорилъ онъ—о сю пору якъ разъ будемо дома. А тамъ вже пани выглядàе...

— Поганяй, Омельку—застоналъ панъ Эварыстъ.

Остановившись на послѣдній ночлегъ въ корчмѣ у проѣзжей дороги, панъ Эварыстъ уже не въ силахъ былъ сойти съ брички. Омелько снесъ его на рукахъ, поручилъ лошадей корчемному пáхолку (слугѣ) и всю ночь сторожилъ господина. Больной въ жару метался на постели, безпрерывно бредилъ о чемъ то, но такъ неясно и путаясь, что Омелько могъ только разобрать слова: „одинъ голосъ“, „депутатъ“... Видя пана въ такомъ ужасномъ положеніи, Омелько совсѣмъ потерялъ голову, ломалъ въ отчаяніи руки и ничего не могъ придумать. Лишь къ утру успокоился нѣсколько панъ Эварыстъ. Обрадованный Омелько, желая какъ можно скорѣе добраться домой — оставалось всего три мили—заложилъ лошадей во мгновеніе ока. Панъ Эварыстъ поднялся, но тутъ же пошатнулся и не могъ ступить шагу. При помощи пáхолка усадилъ Омелько своего пана на бричку. Проѣхавши нѣсколько сотъ шаговъ, Омелько оглянулся и увидѣлъ, что больной, уже не въ силахъ сидѣть, улегся на мѣстѣ; бричка трясла немилосердно, и больной жестоко страдалъ. Тогда Омелько подсѣлъ къ пáну, прислонилъ его голову къ своей широкой груди, а свободной рукой правилъ, но такъ осторожно, чтобы собственными движеніями не увеличивать тряски, которая очевидно докучала больному.

— Пане, мій голубе—возрадовался Омелько—онъ де вже нашъ лисокъ, поле, все село якъ на долони, двиръ биліе, Богъ до дому прывивъ. Віо, малютки! прикрикнулъ онъ на лошадей.

Измученные кони не узнали знакомой дороги и полей и понуро тащились шагъ за шагомъ. Омелько страшно волновался, готовъ былъ на рукахъ донести пана поскорѣе; наконецъ, наши путники медленно въѣхали во дворъ...

Стоявшая на крыльцѣ пани Эварыстóва долго всматривалась и никакъ не могла узнать пріѣзжихъ, но когда Омелько поднялся съ мѣста—вскрикнула. Прибѣжали слуги, поднялось замѣшательство, плачъ и рыданія... Обезсиленнаго и совершенно безчувственнаго пана внесли въ комнаты...

Въ ближнемъ мѣстечкѣ жилъ цирульникъ Рафаилъ. То былъ уже старый еврей, человѣкъ уважаемый, пользовавшійся репутаціей архизнатока въ своемъ искусствѣ. У него былъ въ мѣстечкѣ свой домъ, на фасадѣ котораго висѣла громадная вывѣска, съ такою надписью:

„Здѣсь живетъ цирульникъ Рафаилъ:
„Кровь отворяетъ,
„Зубы вырываетъ,
„Оспу прививаетъ,
„Во всемъ помогаетъ.
„Мушки иль пьявки
„Отсюда возьмешь—
„Здоровье найдешь“.

Вотъ этого то господина и доставили къ больному безъ замедленія.

По обыкновенію, не раздумывая долго, Рафаилъ выпустилъ больному двѣ тарелки крови, обмакнулъ большой палецъ, внимательно разсмотрѣлъ и объявилъ, что кровь все покажетъ и большой будетъ здоровъ.

А пану Эварысту дѣлалось все хуже и хуже; онъ впалъ въ постоянную сонливость, сознаніе не возвращалось; лицо поблѣднѣло и осунулось, глаза глубоко впали. Безпокойство пани Эварыстóвой возрастало. Послали въ Колки за докторомъ Калусовскимъ.

Послѣ изслѣдованія больнаго докторъ призналъ положеніе его весьма серьезнымъ и предложилъ консиліумъ. Приглашенные

врачи Гакинъ и Ростковскій присоединились къ мнѣнію коллеги, прописали лѣкарства... Нѣсколько дней спустя пану Эварысту стало все хуже и хуже, онъ видимо угасалъ... Во всѣ концы разсылали за лѣкарями и лѣкарствами, обращались даже къ Ходковскому въ Млыновъ, къ Осѣцкому и Ивановскому въ Славуту, въ аптеку Антонія Махницкаго... все было безполезно, и врачи наконецъ отказались отъ больного.

Кто то посовѣтовалъ пригласить татарина. То былъ отставной воинъ, принадлежавшій къ племени, съ незапамятныхъ временъ осѣвшему на Волыни. Татары эти бóльшею частію мелкіе землевладѣльцы и званіемъ дворяне, таковы напр. Драгомирецкіе, Моравскіе, Бѣляки, Шахманцеры, Козакевичи и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ занимались такъ наз. знахарствомъ и пользовали больныхъ нашептываніями и бумажками, на которыхъ писали слова корана; спеціально же психическихъ больныхъ лечили домашними средствами: холодной водой и березовой... кашей [1]). Приглашенный татаринъ шепталъ надъ головою пана Эварыста, писалъ свои каракули, обнадеживалъ—все напрасно!...

Однажды вечерней порой, когда уже не было сомнѣнія, что больной доживаетъ послѣднія минуты, пріѣхалъ братъ пана Эварыста. Больной повидимому узналъ гостя: онъ усиливался подняться—но не могъ. Братъ подошелъ на цыпочкахъ и наклонился къ больному. Тотъ взглянулъ на брата полуугасшимъ взоромъ—и вѣки его упали. Приблизилась пани Эварыстóва и прошептала:

— Эварсю, милый, братъ пріѣхалъ,—узнаешь его, лучше ли тебѣ?

— Пхе—вздохнулъ панъ Эварыстъ въ послѣдній разъ и скончался.

И вотъ, нѣсколько недѣль спустя по отъѣздѣ пана Эварыста на выборы, снова подкатилъ къ крыльцу Омелько, но на этотъ разъ лишь затѣмъ, чтобы доставить своего пана на мѣсто вѣчнаго упокоенія!...

На похоронахъ, куда собрались сосѣди ближніе и дальніе, а также всѣ крестьяне изъ села покойнаго, ксендзъ Чачковскій произнесъ надгробное слово, которое закончилъ такъ:

---

[1]) Въ с. Ивковцахъ, острожскаго уѣзда, существовало даже нѣчто въ родѣ лечебницы для душевнобольныхъ, подъ управленіемъ татарина.

„Вотъ наконецъ та пристань, тотъ берегъ дальній, къ которому человѣку суждено причалить рано или поздно, въ ведро, или бурю, слякоть и мятель. Въ сію то пристань прибылъ нынѣ присноминаемый рабъ Божій Эварыстъ! Въ послѣднія мгновенія земной его жизни прочили его въ подсудки, и хотя свершиться сему было не суждено, всячески можемъ сказать смѣло, что каковъ былъ усопшій Эварыстъ какъ супругъ, какъ гражданинъ, какъ сосѣдъ, такимъ точно былъ бы онъ и... подсудкомъ".

Результатомъ рѣчи ксендза Чачковскаго было то, что пани Эварыстóву тотчасъ же стали величать „пани подсудкóвой".

Убитая горемъ, пани Эварыстóва сперва не обратила на это вниманія; позже, новый титулъ повидимому обижалъ ее, такъ что она пробовала слегка отклонять эту честь; но постепенно она какъ то освоилась и такъ ужъ и осталась навсегда „пани подсудкóвой".

Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, подгнилъ и повалился крестъ на могилѣ покойнаго, пани Эварыстóва поставила болѣе показной памятникъ, на которомъ велѣла вырѣзать такую надпись:

„Здѣсь покоится Эварыстъ,
„Незабвенный супругъ,
„Гражданинъ и подсудокъ".

Н. М.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

109.

Цыганка-ворожка.

Всѣ восточные народы обнаруживаютъ наклонность къ гаданіямъ и ворожбѣ. Особенно много гадальщиковъ находится въ Индіи. Многіе индійскіе гадальщики предсказываютъ будущее по чертамъ лица и рукъ. Хиромантія служитъ въ Индіи для опредѣленія того, будетъ ли человѣкъ счастливъ, богатъ, будутъ ли у него дѣти. Цыгане, какъ народъ индійскаго племени, обнаруживаютъ вполнѣ эти наклонности. Цыганки-ворожки до сихъ поръ охотно берутся за предсказываніе будущаго по чертамъ руки, причемъ много говорятъ и разсказываютъ разныя небылицы. Съ появленіемъ въ Малороссіи въ XVI вѣкѣ цыгане на первыхъ порахъ заявили себя спеціалистами ворожбы и гаданія, несомнѣнно, своеобразныхъ, отличныхъ отъ украинскаго знахарства. Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ 1624 г., уже находится жалоба, что суевѣрные люди обращались за совѣтомъ къ цыганкамъ-ворожкамъ (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Въ старинной вертепной драмѣ змѣя кусаетъ запорожца въ ногу, и онъ обращается къ цыганкѣ съ просьбой вылѣчить его (*Маркевичъ*, Обыч. малор. 52). Цыганка-ворожка выступаетъ въ малорусскихъ пѣсняхъ; здѣсь находятся указанія на нѣкоторые изъ ея пріемовъ ворожбы. Такъ, въ одной пѣснѣ:

Ой у лиси при дорози
Цыганы стоялы,

А межъ тымы цыганами
Цыганка ворожка;

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 11, ноябрь.

А до теи цыганочкы
Бытая дорожка.
«Цыганочко-вороженько,
Учыны мни волю
Чи не стане дивчынонька
До шлюбу зо мною?»
Цыганочка-вороженька
Волю учынила:
Сывому коныкови
Грыву устрыгла (*Чуб.* V, 418).

Въ варіантѣ этой пѣсни дѣвушка обращается къ ворожкѣ—съ просьбой причаровать козаченька. Цыганка „увирвала зъ коня грывы, дивчину курила“ (ib. 419).

Въ Малороссіи химородникомъ называютъ колдуна, причемъ чаще всего названіе это прилагается къ старымъ кузнецамъ. Самое слово химородникъ, химорода—цыганское, означаетъ кузнеца и коновала. Извѣстно, что цыгане занимаются кузнечнымъ мастерствомъ. Наковальней у нихъ служитъ камень, а орудіями двойной раздувальный мѣхъ, молотъ и пр., съ которыми они переходятъ съ мѣста на мѣсто. У индійцевъ то же самое и тѣ же, какъ у цыганъ, инструменты. Индусы также носятъ ихъ съ собою и со всей своей кузницей располагаются близъ того дома, гдѣ находятъ работу.

Малороссіяне невысокаго мнѣнія о цыганскомъ знахарствѣ, что доказываетъ слѣдующій разсказъ: Пришелъ цыганъ къ одному пасѣчнику на пасѣку и сталъ выдавать себя за большаго знахаря по пчеловодству. Пасѣчникъ не любилъ цыганъ; ему особенно не понравилось хвастовство этого знахаря, и онъ рѣшился его проучить: „Все у меня хорошо на пасѣкѣ; да вотъ бѣда, тамъ на дубу, очень высоко поселились злыя пчелы“. Цыганъ взялся заговорить ихъ злость. Онъ полѣзъ на дубъ по лѣстницѣ; сталъ шептать и постукивать въ дубъ; въ это время вылетѣли изъ дупла шмели; пасѣчникъ поспѣшилъ принять лѣстницу, бѣдный цыганъ, не зная, какъ назвать лѣстницу, просилъ пасѣчника: „кумъ, кумъ! подай то суковатое“; не дождавшись лѣстницы, преслѣдуемый шмелями, онъ падаетъ на землю (*Nowos.*, Lud. ukr., II, 213) [1]).

---

[1]) Общая литература о цыганахъ указана въ соч. *Патканова* „Цыгане“ (1887 г.) и въ послѣднее время въ „*Journal of Gipsy lore Society*“. Литература о малорусскихъ цыганахъ очень бѣдна. Короткія замѣтки см. въ „Ист. стат. опис. харьк. епарх.“ Филарета I, 25 (заботливость еп. Іосафа Горленка, † въ 1754 г., о духовномъ просвѣщеніи цыганъ); въ *Воронеж. Бесѣдѣ* 1861 (118 цыг. словъ); въ Малор. нар. пред. *Драгоманова*; въ „Трудахъ“ *Чубинскаго;* въ 2 т. Lud. ukr. *Nowosielskiego*; въ „*Кіевск. Стар.*“ 1886, I, 198, X, 401 (сказки о цыганахъ); въ *Запискахъ* имп. общ. сел. хоз. южной Россіи 1861. № 8; въ *Херсон. Губ. Вѣд.* 1874, № 44 (о цыганахъ въ Новороссіи).—*Прим. авт.*

110.

Ворожба по слѣду.

Ворожба по слѣду довольно обычна въ Малороссіи. Въ народныхъ пѣсняхъ она занимаетъ видное мѣсто. Такъ, въ одной пѣснѣ парубокъ, полюбивъ дѣвушку, подозрѣваетъ, что она дала ему приворотнаго зѣлья. Дѣвушка отвѣчаетъ ему:

Ой я жъ тоби, мій миленькій, зилья не давала,
Слидокъ брала, къ сердцю клала, що вирно кохала (*Чуб.* V, 418),

Въ другой пѣснѣ дѣвушка говоритъ парубку, что она его дѣйствительно приворожила такимъ образомъ: „я зъ пидъ тебе землю брала, до сердця клала, тебе чаровала“. Результаты чарованія оказались такими, что парубокъ не можетъ жить безъ очаровавшей его дивчины, и „вечеря ему немыла, и робота немыла“, (ib. 422). Въ варіантѣ дѣвушка, чтобы привлечь любовь парубка, „брала песокъ изъ пидъ билыхъ ногъ та вычаровала“ (ib. 423). Иногда мотивъ чарованія по слѣду выражается въ очень граціозной формѣ, напримѣръ:

Чогось мини чудно, чогось мини дывно,
Десь мого мылого третій день не выдно,
Не выдно, не выдно, та й не выдаты;
Тылько зосталося на жовтымъ писочку два слидочки знаты;
То еденъ слидочокъ коня вороного,
А другій слидочокъ мыленького мого.
Пиду я въ лисочикъ, вырву я листочикъ,
Я накрыю свого мыленького слидочикъ,
Щобъ витеръ не звіявъ, пташкы не склювалы,
Щобъ мого милого инчи не спріялы (*Чуб.* V. 46).

Повѣрье въ снятіе слѣда еще въ шестидесятыхъ годахъ держались среди помѣщиковъ воронежской губерніи (*Воронеж. Бесѣда*, 206). Оно нынѣ часто встрѣчается въ Великороссіи; было здѣсь и въ старинное время, въ XVI—XVII ст. Выбранный слѣдъ замазывали въ печи или сожигали; оттого изсыхалъ тотъ, изъ подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Выбирали слѣдъ и не для злой цѣли, а для того, что бы приворожить къ себѣ (*Костомаровъ*, Очеркъ домаш. жизни великор. нар.).

Поляки также раздѣляли, а м. б. и теперь имѣютъ, вѣрованіе въ чарованіе посредствомъ снятія слѣда. Въ 1674 г., нѣкая Доротея Пикецкая была привлечена къ суду за чародѣйство, состоявшее въ томъ, что она, по словамъ обвинявшаго ее крестьянина Конставнаго, шла за его коровами, вынимала слѣды отъ ихъ ногъ (wyrzynała stopy) и унесла ту землю съ собой (*Karłowicz*, въ „Wisla“ 1887, IV, 138).

Нѣчто подобное мы находимъ у дикихъ Африки и Америки. Чтобы нанести вредъ своему врагу, они не только стараются сжечь или зарыть часть его одежды или часть волосъ съ его головы, какъ pars pro toto, но и такіе предметы подвергаютъ сожженію, которые не имѣютъ прямаго отношенія къ врагу. Колдунья негрскаго народа Конго, желая погубить одного христіанскаго миссіонера, вырыла яму и бросила въ нее какое то растеніе, увяданіе котораго должно было повлечь за собой ослабленіе силъ и здоровья миссіонера. На островахъ Фиджи кладутъ въ храмѣ на огонь кокосовый орѣхъ, задумавъ его на извѣстное имя; по мѣрѣ разрушенія орѣха, должно разрушиться и здоровье того лица, которое представляется имъ, пока это не закончится смертью (*Леббокъ*, Нач. цивил. 176).

Любовное чарованіе по слѣду посредствомъ приложенія его къ сердцу представляетъ, очевидно, нѣкоторое уклоненіе въ сторону отъ настоящей ворожбы по слѣду съ сожженіемъ земли или помѣщеніемъ ее въ печкѣ.

111.

Ворожба по волосамъ и ногтямъ человѣка.

Въ Малороссіи повсемѣстно распространено повѣрье, что остриженныхъ ногтей или волосъ не слѣдуетъ бросать, чтобы не подвергнуться болѣзни. Совѣтуютъ остриженные волоса бережно собрать и сжечь ихъ или бросить въ рѣку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совѣтуютъ прятать срѣзанные ногти за пазуху, чтобы не нашелъ ихъ чертъ; сохранять ихъ слѣдуетъ еще для того, чтобы предъявить ихъ ангелу при переходѣ на томъ свѣтѣ черезъ мостъ (*Чубинскій*, I, 87). Изъ брошенныхъ обрѣзковъ ногтей черти шьютъ шапки не-

видимки. Если птица унесетъ остриженные волоса для своего гнѣзда, то, говорятъ, человѣкъ тотъ страдаетъ головными болями (*Nowosielsky*, Lud ukr., II, 153). Въ южнорусскихъ документахъ о колдовствѣ первой половины XVIII ст. находятся указанія на повѣрья, что обрѣзанные волосы и ногти могутъ служить, какъ для излѣченія, такъ и для причиненія болѣзней. Съ первой цѣлью больному обрѣзывали ногти, отрѣзывали нѣсколько прядей волосъ и вмѣстѣ съ различными другими веществами забивали въ дверныя лутки осиновыми гвоздями. Подбрасываніе отрѣзанныхъ волосъ, особенно подъ подушку, считалось вреднымъ для здоровья. (*Антоновичъ*, Колдовство, въ „Трудахъ" Чуб., I, 357).

Подобнаго рода повѣрья и сказанія встрѣчаются у разныхъ народовъ. Прежде всего отмѣтимъ здѣсь весьма сходное съ малорусскимъ норвежское повѣріе о томъ, что демоны Эльбы собираютъ брошенные людьми обрѣзки ногтей и дѣлаютъ изъ нихъ пули, которыми стрѣляютъ въ рогатый скотъ, такъ что даже находили въ коровахъ такія пули (изъ волосъ и ногтей). Другое норвежское повѣрье, также весьма сходное съ малорусскимъ, состоитъ въ томъ, что лѣтучія мыши собираютъ обрѣзки волосъ и ногтей, относятъ ихъ чертямъ, которые, благодаря этому, пріобрѣтаютъ большую власть надъ людьми. Потому въ Норвегіи совѣтуютъ обрѣзывать ногти и волоса въ то время, когда въ церквахъ идетъ служеніе, потомъ обрѣзки закапывать или сожигать (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 324, 330). Въ Берлинѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ существуетъ въ настоящее время обыкновеніе для излѣченія больнаго обрѣзать ногти или волоса и пучекъ ихъ положить въ котелкѣ на перекресткѣ; кто подниметъ котелокъ, на того и перейдетъ (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethnologie 1883, I, 78). Во Фландріи женщины (какъ и въ Малороссіи) во время расчесыванія головы собираютъ вышедшіе волосы и сожигаютъ ихъ. Въ противномъ случаѣ волоса попадутъ въ руки колдуна, и онъ станетъ повелѣвать неосторожными женщинами. Съ цѣлью вызвать любовь, берутъ волосъ того человѣка, котораго хотятъ приворожить, помѣщаютъ его въ орѣхѣ и кладутъ въ дупло дерева (*Gittée* въ Revue d. trad. popul. 1888, 495). Американскіе и африканскіе дикари кладутъ обрѣзки своихъ волосъ подъ крыши домовъ, причемъ иногда окапываютъ канавой дома, чтобы

устранить колдовство (*Леббокъ*, Нач. цивил. 177). Пшавы (на Кавказѣ) не бросаютъ остриженные волосы и ногти, чтобы чертъ не овладѣлъ ими, а прячутъ ихъ въ землю или сожигаютъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. мат. по этногр. III, 89).

Запрещеніе ронять или бросать обрѣзки волосъ и ногтей встрѣчается уже въ древнѣйшихъ законодательствахъ и священныхъ книгахъ арійскихъ народовъ. Вотъ что говоритъ относительно этого Авеста: Тотъ кто приводитъ въ порядокъ волосы свои и стрижетъ ногти, роняя на полъ обрѣзки, содѣйствуетъ развитію могущества демоновъ, потому что эти поступки заставляютъ собираться на землѣ Девовъ и вредныхъ животныхъ, пожирающихъ зерно въ житницахъ и грызущихъ одежды въ хранилищахъ. По этой причинѣ кто стрижетъ волосы и ногти долженъ относить обрѣзки на разстояніе десяти шаговъ отъ вѣрующихъ, 20 шаговъ отъ огня, 30 шаговъ отъ воды. Потомъ надо вырыть въ землѣ яму не очень глубокую, если земля тверда, и поглубже въ рыхлой землѣ, положить туда волосы, произнести заговоръ и начертать вокругъ ямы 3, 6 и 9 круговъ... Для ногтей надо вырыть яму на краю жилища, глубиною въ верхній составъ мизинца, положить въ нее ногти и произнести надлежащій заговоръ (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 138—141).

И въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, обнаруживается большое сходство между славянскими, въ частности малорусскими, повѣрьями и обрядами и древнѣйшими религіозными и законодательными постановленіями азіатскихъ аріевъ. Въ малорусскихъ разсказахъ обрѣзками ногтей пользуются черти; въ Авестѣ—злые духи, слуги Аримана—Девы; украинскіе черти дѣлаютъ себѣ изъ обрѣзковъ ногтей шапку невидимку; авестическіе Девы дѣлаютъ изъ нихъ для себя копья и стрѣлы; (норвежскіе—пули).

Въ Малороссіи записанъ любопытный разсказъ о томъ, какъ опасно давать кому нибудь обрѣзки своихъ волосъ. Здѣсь выступаетъ уже повѣрье мѣстныхъ евреевъ. Еврейка говоритъ, что у ея дочери роскошная коса; одна крестьянка, бывшая прежде въ услуженіи, стала просить дать ей локонъ отъ этой косы. Подозрѣвая лихой умыселъ, еврейка отрѣзала волоса въ ситѣ и дала ихъ просительницѣ. На другой день, какъ только ударили въ колоколъ въ церкви, сито соскочило съ колочка и полетѣло прямо къ церкви,

гдѣ уже стояла колдунья съ полученными наканунѣ и присмаленными ею потомъ волосами. Евреи думали, что если бы волоса дѣйствительно принадлежали дѣвушкѣ, то ей грозило обращеніе въ христіанство (*Nowosielski*, Lnd ukr., II, 107).

112.

Ворожба на восковой фигурѣ человѣка.

Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“ (1624 г.) Захаріи Копыстенскаго замѣчено въ обличеніи южнорусскихъ суевѣрій, что нѣкоторые „ворожили зъ воску, зъ олова“ (*Костомаровъ*, Рус. ист. II, 69). Въ настоящее время ворожба и гаданіе по воску рѣдко встрѣчается, потому что воскъ сталъ дорогъ, имѣетъ хорошій сбытъ и встрѣчается въ достаточномъ количествѣ только у зажиточныхъ пасѣчниковъ. Ворожба съ злой цѣлью состояла въ томъ, что выливали изъ воску фигурку человѣка и прокалывали ее булавкой. Любопытная ворожба на воскъ или присушка состоитъ въ томъ, что дѣвушка, желающая возбудить къ себѣ любовь мужчины, достаетъ нитку изъ его шапки или скоблитъ подошву его сапога и то, что получаетъ такимъ образомъ, залѣпливаетъ въ комокъ воску и бросаетъ въ огонь, приговаривая: „Щобъ тебе за мною такъ пекло, якъ пече вигонь той вискъ; щобъ твое серце за мною такъ топылось, якъ топится той вискъ, и щобъ ты тоди мене покинувъ, якъ найдешь той вискъ“. Утверждаютъ, что послѣ этого чаруемый мужчина пристрастится къ очаровавшей его дѣвушкѣ; въ противномъ случаѣ будетъ чахнуть, сохнуть и умретъ (*Ефименко*, Малор. заклин. 1).

Матеріаломъ или средствомъ ворожбы бывалъ не только воскъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ олово, и чаще тѣсто. Въ 1706 г. ковельскій мѣщанинъ Трофимъ Григорьевичъ жаловался на сосѣда своего Михаила Максимовича о томъ, что послѣдній съ женою, посягая на здоровье истца, вылѣпили изъ тѣста что то круглое въ видѣ калача и въ собственномъ саду истцовъ повѣсили на дерево. По распоряженію магистрата отправленъ былъ присяжный лавникъ освидѣтельствовать фактъ, и дѣйствительно онъ нашелъ на вербѣ кругло

вылѣпленный калачъ изъ ржанаго тѣста. Максимовичъ не явился въ судъ къ отвѣту и былъ заочно приговоренъ къ уплатѣ и штрафа и судебныхъ издержекъ (*Антоновичъ,* Колдовство, 333).

Ворожба на воскѣ восходитъ въ глубокую древность. За много вѣковъ до Р. Хр. въ аккадскіе (халдейскіе) тексты магическихъ формулъ вошла уже такая молитва—заговоръ: „Отъ того, кто дѣлаетъ изображеніе съ цѣлью повредить человѣку, отъ дурнаго глаза, отъ болѣзни рта и губъ, отъ вреднаго питья—сохрани духъ небесъ! сохрани духъ земли!" (*Сэйсъ,* Ассиро-Вавил. литература, 36).

Обычай наносить врагу вредъ посредствомъ прокалыванія иголкой или помѣщенія въ печкѣ на огнѣ его восковаго изображенія былъ извѣстенъ древнимъ грекамъ, въ частности Платону, и былъ весьма распространенъ въ средневѣковой Европѣ (*Lang.,* Myth, Ritual and Religion, I, 93). Въ древней Англіи (V—XI вѣковъ), по словамъ Беды Проповѣдника (VIII в.) бытовало „invultuatio", или заклинаніе жизни врага при помощи восковой или иной фигуры, въ которую метали острыя стрѣлы (*Спенсеръ,* Описат. соціол., 209). Индѣйцы сѣверной Америки, желая обезпечить себѣ успѣхъ въ сватовствѣ, на войнѣ или охотѣ, дѣлаютъ грубый рисунокъ или небольшое изображеніе, представляющее женщину, мужчину или животное и прилагаютъ къ нему извѣстныя волшебныя средства или прокалываютъ ему сердце, если желаютъ смерти изображаемаго лица. Въ Индіи колдуны лѣпятъ небольшія фигуры изъ глины и пишутъ на груди ихъ имена тѣхъ лицъ, которымъ они хотятъ нанести вредъ. Затѣмъ, они уродуютъ эти фигуры или прокалываютъ ихъ иглами (*Леббокъ,* Нач. цив. 176; *Тэйлоръ,* Антропол. 338). Сѣверо-американскіе индѣйцы дакоты лѣчатъ больныхъ такимъ образомъ, что вырѣзываютъ изъ дерева маленькія фигурки и поражаютъ ихъ потомъ стрѣлами (*Lang.,* Myth., I, 98). Предъ началомъ войны дакоты поступаютъ такъ: старикъ колдунъ изготовляетъ шарики, изображающіе враговъ, и начальникъ дакотовъ поражаетъ ихъ стрѣлами. Подобное обыкновеніе замѣчено въ Индіи (ib. 99).

Ворожба на воскѣ для нанесенія человѣку вреда часто упоминается въ старинныхъ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ и нынѣ еще входитъ въ число польскихъ народныхъ суевѣрій. Въ

1554 г. сожжена была Дорота Гнѣчкова за то, между прочимъ, что, желая опредѣлить кто укралъ деньги у одной пани, выливала воскъ съ наговоромъ. Въ 1559 г. была высѣчена и подверглась изгнанію одна женщина за то, что съ цѣлью любовнаго очарованія мужчины выливала воскъ (*Karłowicz*, въ „Wisła", 1887, 97, 98).

Въ Малороссіи и въ Великороссіи существуетъ обыкновеніе выливать въ случаѣ болѣзни человѣка золотую или серебряную фигурку и вѣшать ее въ церкви на иконѣ. Иногда выливаютъ только ножку или ручку, если болѣзнь сосредоточивается въ этихъ частяхъ тѣла. Вѣроятно, суевѣріе это представляетъ антитезъ символической ворожбы. Возможно, впрочемъ, здѣсь допустить вліяніе ветхозавѣтнаго сказанія о магіи филистимлянъ во время нахожденія у нихъ въ плѣну ковчега завѣта. Въ это время на поляхъ филистимскихъ размножились мыши, а люди стали подвергаться болѣзнямъ. Жрецы и прорицатели посовѣтывали филистимлянамъ сдѣлать золотыя изображенія поразившихъ ихъ язвъ и опустить эти изображенія въ ящикъ ковчега (Перв. кн. *Царствъ*, гл. 5). Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ Англіи VIII—XI вв. въ случаѣ выздоровленія ставили по обѣту восковую свѣчу величиной съ больнаго или его изображеніе изъ воска, серебра или золота (*Спенсеръ*, Описат. соціол., 211).

113.

Обидящая свѣча.

Въ землѣ войска донскаго съ цѣлью наказать неизвѣстнаго вора ставятъ на его погибель „обидящую" свѣчу. Это—обыкновенная свѣча, но поставленная нижнимъ концемъ вверхъ. Если при этомъ не проклинать и не ругать укравшаго, а служить обѣдни за его здоровье, то его начнетъ мучить совѣсть, и онъ, пожалуй, возвратитъ украденное (*Якушкинъ*, Обыч. право. Пред., 46).

Точно такое же повѣрье существовало въ старину и нынѣ еще извѣстно въ Малороссіи, хотя тутъ карающая врага свѣча, кажется, не имѣетъ особеннаго названія. Мнѣ приходилось только слышать въ харьковской губерніи, что для отомщенія врагу за обиду ставятъ

въ церкви свѣчку нижнимъ концомъ вверхъ. Въ старинныхъ украинскихъ судебныхъ процессахъ женщинъ по обвиненію въ колдовствѣ встрѣчается обидящая свѣча. Такъ, въ 1705 г. въ каменецкій магистратъ жаловалась мѣщанка Морская о томъ, что она находится въ опасности потерять здоровье отъ чародѣйства сосѣдки ея Зелинской, которая ночью ходила по двору Морской со свѣчкой, въ одной рубашкѣ, босая и простоволосая, и затѣмъ она, Зелинская, въ костелѣ доминиканцевъ сломала свѣчу и обратила ее внизъ. Зелинская пояснила, что она ночью искала свою дочь, бѣжавшую изъ дома, и свѣчу поставила какъ слѣдуетъ. Магистратъ приговорилъ Зелинскую къ епитиміи,—въ теченіи двухъ обѣденъ лежать „крыжемъ“ въ томъ же доминиканскомъ костелѣ. Между тѣмъ, нѣкій армянинъ Лукашевичъ, узнавъ о ходѣ этого дѣла, заявилъ магистрату свое подозрѣніе, что свѣча была зажжена въ обратномъ положеніи во вредъ не Морской, а женѣ его, Лукашевича, которая въ этотъ именно день серьезно заболѣла, тѣмъ болѣе, что ранѣе Зелинская произносила таинственныя угрозы (*Антоновичъ*, Колдовство. 332).

Въ основѣ повѣрій и обрядовъ съ обидящей свѣчей лежитъ древнее отождествленіе души и вообще жизни съ огнемъ, имѣвшее мѣсто у славянъ и у другихъ народовъ. Представленіе душъ въ видѣ блуждающихъ огней распространено въ повѣрьяхъ лужичанъ, сербовъ и русскихъ. „Свѣча чья-нибудь погасла“ (=кто нибудь умеръ), говорятъ приморскіе сербы, когда звѣзда катится по небу и гаснетъ (*Котляревскій*, О погреб. обрядахъ, 190). Весьма сходныя повѣрья обнаруживаются у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Такъ, одинъ дикій изъ племени шаунисовъ, выдававшій себя за пророка, послалъ сказать европейскому путешественнику Танеру, что огонь его хижины неразрывно связанъ съ его жизнью. „Отнынѣ, сказалъ онъ, огонь въ твоей хижинѣ никогда не долженъ угасать. Лѣтомъ и зимою, днемъ и ночью, въ бурю и въ затишье ты долженъ помнить, что жизнь въ твоемъ тѣлѣ и огонь въ твоей хижинѣ одно и то же. Какъ только потухнетъ у тебя огонь, въ ту же минуту кончится и твое существованіе“ (*Леббокъ*, Нач. цив. 175).

114.

Веревка отъ висѣльника.

Въ старинное время въ Малороссіи большое значеніе, какъ средство чародѣйства, имѣла веревка вообще, въ особенности веревка отъ церковнаго колокола и веревка, на которой былъ повѣшенъ преступникъ. Ремесленники считали весьма дѣйствительнымъ средствомъ для снисканія большаго количества заказовъ забивать куски веревки въ щели своихъ станковъ. Въ 1717 г. въ Каменцѣ возникла тяжба между двумя шинкарями, Маньковскимъ и Колецкимъ, о томъ, что послѣдній распустилъ слухъ о женѣ Маньковскаго, будто она завлекаетъ въ свое заведеніе тѣмъ, что держитъ въ шинкѣ добытый ею у палача отрѣзокъ веревки, на которой былъ повѣшенъ преступникъ. Она будто бы совѣтывала Колецкому употребить также это средство. Судъ призналъ этотъ слухъ клеветой и приговорилъ Колецкаго къ штрафу и тюремному заключенію (*Антоновичъ*, Колдовство, 350, 389). Въ настоящее время сохранились слабые остатки этого повѣрья. Такъ, я слышалъ въ харьковской губерніи отъ мѣщанъ и дворянъ, что въ старое время будто бы любители карточной игры покупали у палачей веревку, на которой былъ повѣшенъ преступникъ, потому что обладатель ея былъ счастливъ въ игрѣ. Говорятъ, у одного шулера нашли такую веревку, причемъ концы были скрѣплены серебромъ.

Любопытно, что такое же повѣрье о большомъ значеніи веревки отъ висѣльника попадается въ польскихъ судебныхъ процессахъ колдуновъ и вѣдьмъ. Такъ, въ 1559 г. въ Познани къ суду была привлечена одна женщина по обвиненію, что она ходила подъ висѣлицу съ цѣлью достать веревку отъ висѣльника, которая помогла бы ей удачно торговать въ шинкѣ (ku wyszynkowaniu miodu) и кромѣ того на нее взведены были другія обвиненія въ чародѣйствѣ. По приговору суда, ее высѣкли и выгнали изъ города (*Karlowicz*, въ „Wisła“ 1887, III, 98).

Заслуживаетъ вниманіе та подробность, что дѣла происходили въ 1559 г. въ Познани, а въ 1717 г. въ Каменцѣ—въ мѣстностяхъ находившихся подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Можетъ быть, предпочтеніе веревки отъ висѣльника всякой другой веревкѣ шло

изъ Германіи или вообще изъ Западной Европы, гдѣ веревкѣ отъ висѣльника приписывалось чародѣйское значеніе. Въ Англіи въ старинное время заботились о пріобрѣтеніи веревки отъ висѣльника, приписывая ей значеніе полезнаго домашняго талисмана. Въ общемъ, уваженіе къ веревкѣ можно считать кореннымъ, славянскимъ. Уваженіе это основывалось на томъ, что на веревкѣ завязывались узлы, что составляло весьма важную часть стариннаго знахарства и колдовства.

Веревка отъ висѣльника потому оказывается особенно волшебной, что на нее переносится понятіе о смерти, а отсюда вытекаютъ уже понятія о ея способности притуплять чувства, память. Въ харьковской губерніи совѣтуютъ отъ лихорадки повѣсить на шею мертвое путо, т. е. ту тесьму, которою связывали ноги умершихъ; но оно помогаетъ всего одинъ разъ, а далѣе теряетъ свою цѣлебную силу (*Ивановъ*, въ „Кіев. Стар.", 1885, XII, 741). Это суевѣріе поясняетъ значеніе веревки отъ висѣльника, именно, предметъ, прикасавшійся къ мертвецу, даже произведшій смерть получаетъ таинственное умерщвляющее значеніе. Такая идея обнаруживается уже въ Авестѣ въ многочисленныхъ предписаніяхъ объ удаленіи трупа и объ очищеніи всего того, что къ нему прикасалось или было близко къ нему, во избѣжаніе нечистоты, или точнѣе, болѣзни и смерти чистыхъ людей и чистыхъ предметовъ, честью и правдой работающихъ во славу творческой и свѣтлой силы природы, Агуры Мазды.

115.

Могильная земля.

Въ харьковской губерніи при крайне продолжительной и упорной лихорадкѣ совѣтуютъ съѣсть горсть земли съ свѣжей могилы (*Харьк. Вѣд.*, 1884, № 289). Въ кіевской губ. завязываютъ больному въ рубаху могильную землю на 9 дней (*Соврем. Извѣст.*). То же самое обыкновеніе существуетъ у кавказскихъ горскихъ евреевъ. При сильныхъ боляхъ берутъ съ могилы земли, смѣшиваютъ

съ водой и даютъ пить больному (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этногр., III, 262).

Могильная земля, какъ лѣчебное средство, основана на той же мысли, что и веревка висѣльника, т. е. на мысли объ умерщвляющемъ значеніи предмета по его близости къ трупу.

116.

Свѣча изъ человѣческаго жира.

Недавно въ газетахъ проскользнуло извѣстіе о возмутительномъ преступленіи: воры разрыли могилу и урѣзали часть трупа для приготовленія свѣчи изъ человѣческаго жира, съ помощью которой, по народнымъ повѣрьямъ, можно безпрепятственно воровать въ домахъ по ночамъ, такъ какъ всѣ будутъ спать мертвымъ сномъ. Повѣрье это основывается на той же мысли, что и два предъидущія, о веревкѣ висѣльника и могильной землѣ. Оно весьма распространено въ Малороссіи. Въ екатерин. губ. прибавляютъ, что такую свѣчу можно потушить только конскими кизяками (*Драгомановъ*, Малорос. пред., 67). Повѣріе это обычно въ Великороссіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ той добавкой, что свѣча должна быть сдѣлана изъ жиру некрещенаго младенца (*Якушкинъ*, Обыч. право, 34). Точно такое повѣрье имѣютъ латыши (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр., II, 116).

Въ Малороссіи подобныя повѣрья связаны еще съ мертвой рукой (*Драгомановъ*, 67). Въ Московской Руси въ XVI—XVII ст. (и теперь) воры употребляли руку трупа для усыпленія хозяевъ. Въ старину въ Московской Руси совершались заговоры на воровство надъ мертвыми человѣческими костями, рукой и зубами (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар.).

117.

Наузы.

Первый завязанный узелъ ознаменовалъ большой успѣхъ въ развитіи прогресса, матеріальнаго и умственнаго. Съ одной стороны

съ узломъ появились нѣкоторыя первобытныя формы ремесла, съ другой узелъ оказался пособіемъ для памяти и средствомъ для передачи мысли, а изъ сочетанія узловъ возникла своеобразная таинственная письменность. Для первобытнаго человѣка завязанный узелъ представлялся таинственнымъ гіероглифомъ, загадкой; за нимъ скрывалась чья то мысль, какое то намѣреніе, можетъ быть, злой умыселъ. Отсюда возникаетъ страхъ передъ узломъ, и узелъ входитъ въ разные народные обряды, повѣрья, сказанія и заклинанія. Большое значеніе придавали тому, когда завязанъ, какъ завязанъ узелъ, что было сказано или только подумано при этомъ.

Чародѣйское значеніе наузовъ проходитъ нитью черезъ всю всемірную исторію, въ жизни дикихъ, варварскихъ и цивилизованныхъ народовъ, начиная отъ халдейской литературы и кончая современными украинскими народными суевѣріями и обрядами. Уже у вавилонянъ и ассиріянъ въ случаѣ болѣзни человѣка знахарка окропляла его волшебной водой, за исключеніемъ лѣвой стороны, и потомъ обвязывала ему голову, бокъ и ноги двукратъ семью узлами. Для аккадіянъ, какъ и для евреевъ, число семь было священнымъ (*Сэйсъ*, Ассиро-Вавил. литер., 34). На древней греческой свинцовой дощечкѣ, найденной въ Аттикѣ и заключающей въ себѣ чародѣйскій наговоръ: „я свяжу Сосиклею и ея имущество, и великую славу, и дѣла, и разсудокъ; пусть она будетъ врагомъ для друзей. Свяжу я ее подъ туманный Тартаръ страшными узами съ подземной Гекатой и безумными Эринніями“ (*Помяловскій*, Эпиграф. этюды, 17). Кавказскіе горскіе евреи вѣрятъ, что во время свадьбы и дьяволъ, и лихіе люди завязываютъ узлы во вредъ молодымъ. Узелъ дьявола можно развязать посредствомъ молитвы къ Богу. Гораздо опаснѣе узлы чародѣя, потому что ихъ трудно найти. Три-четыре узла мѣшаютъ молодымъ соединиться три-четыре года (*Сборникъ* матер. по этн., изд. Дашк. Муз., III, 295—296). Турки чрезвычайно боятся заколдованныхъ узловъ, „buya bohcha“. Заколдованный узелъ бываетъ изъ разныхъ предметовъ, волосъ, ушей, земли вмѣстѣ съ лоскуткомъ одежды намѣченной жертвы, завязанныхъ въ тряпку. Если хотятъ смерти человѣка, то пучку придаютъ форму сердца и втыкаютъ въ него 41 иголку, отъ дѣйствія которыхъ человѣкъ изсыхаетъ и умираетъ. Въ любую жен-

щину можетъ быть брошенъ заколдованный узелъ, и ея любовь къ мужу или его къ ней исчезнетъ. Ударъ можетъ нанести всякій недоброжелатель. Говорятъ, что послѣ смерти султана Абдулъ-Меджида въ его диванѣ было найдено около пятидесяти заколдованныхъ узловъ, подброшенныхъ въ разное время женами его, желавшими сохранить надъ нимъ свою власть. Узлы эти были брошены въ огонь или въ море (*Народы Турціи*, II, 143).

Въ русской жизни изстари наузы играли большую роль. Въ древней лѣтописи находится уже извѣстіе, что волхвы навязали наузъ на голову князя Всеслава, котораго мать родила „отъ волхвованія". Всеславъ носилъ всю жизнь наузъ, и вліянію этого чародѣйственнаго узла приписывалась его воинственность и жестокость. Въ XVI и XVII ст. въ Великороссіи наузы были обычнымъ способомъ волшебства; надъ ними наговаривали и отдавали желающему: имъ приписывали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ знахарей чародѣйственные узлы и навязывали ихъ на дѣтей: „баба начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше бѣса проклинать". Въ старину узлы навязывали на оружіе, чтобы сообщить ему твердость или мѣткость. Вѣрили, что можно такъ завязать чужое оружіе, что оно перестанетъ или будетъ плохо дѣйствовать (*Костомаровъ*. Очеркъ домаш. жизни, 540). Въ 3 т. Поэт. воззр. славянъ *Аѳанасьева* (429—439) много указаній на великорусскія (старинныя и современныя) повѣрья о наузахъ. Въ Великороссіи особенно боятся наузовъ на свадьбахъ. Вѣроятно, отъ этой боязни произошло обыкновеніе надѣвать на невѣсту рыбачью сѣть, какъ предохранительное средство отъ колдовства. Обычай этотъ бытуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи и кое-гдѣ въ Сибири среди русскихъ и инородцевъ. Въ Бѣлоруссіи, увидѣвъ аиста, завязываютъ узелъ отъ лихорадки (*Крачковскій*, въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древ.", 1873, IV, 194).

Въ Малороссіи нѣкогда было сильное вѣрованіе въ могущество наузовъ, что обнаруживается уже въ существованіи въ малорусскомъ языкѣ такихъ выраженій, какъ: „завязанный свитъ", „мини якъ завязано" (т. е. ничто не удается). Въ 1700 г. въ гродскій луцкій судъ поступила жалоба отъ дворянъ Порванецкихъ и другихъ

лицъ на дворянъ Березницкихъ и родственниковъ ихъ за многія обиды и оскорбленія; между прочимъ, Порванецкіе жаловались, что Березницкіе очаровали стадо ихъ овецъ, привязывая конскія кости къ шеямъ животныхъ. Неудовлетворившись этимъ, Березницкіе научили крѣпостную свою женщину Хведоныху, подозрѣваемую односельцами въ чародѣйствѣ, чтобы она причинила вредъ истцамъ. Хведоныха, публично похваляясь, что причинитъ уронъ Порванецкимъ, стала околдовывать ихъ какими то узелками, обливала водой дорогу въ ихъ имѣніи и безъ спросу ходила въ ихъ пасѣку. Истцы замѣтили, что съ этого времени стали околѣвать у нихъ лошади, скотъ и другія животныя, и пасѣка перестала приносить доходъ (*Антоновичъ,* Колдовство, 348). Веревкой съ особеннымъ образомъ завязанными узлами лѣчатъ отъ пьянства. Совѣтуютъ для излѣченія пьяницы разыскать на дорогѣ веревку, завязать концами въ середину и палить ее на сковородѣ. Какъ только загорится веревка, нужно трижды сказать: „такъ якъ ся веревка завъязана, такъ бы мени, рабу Божому, завъязано видъ всякого пьянства мысленого". Когда веревка сгоритъ, то пепелъ ея даютъ въ чемъ нибудь пить (*Ефименко*, Малор. закл., 24).

Завязываніе узловъ съ наговорами обычно также у поляковъ. Въ петрковской и кѣлецкой губерніи знахарь насылаетъ болѣзнь или смерть на человѣка, завязывая на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, 9 узловъ на ниткѣ, вынутой изъ сорочки покойника, и приговаривая: „завязываю тебя (имя рекъ) во имя чорта, всемогущаго и проклятаго дьявола, на смерть (или на мѣсяцъ болѣзни), чтобы тебѣ было больно и нудно. Аминь". Завязывая узлы знахарь говоритъ: „одинъ, не одинъ, два, не два" и т. д. Если онъ пожелаетъ избавить человѣка отъ заклятія, то развязываетъ узлы, приговаривая: „развязываю тебя (имя рекъ) отъ болѣзни во имя всемогущаго Бога. Аминь" (*Federowicz,* Lud, II, 233).

118.

Закрутка.

Закрутка представляетъ большое сходство съ наузомъ: тотъ же волшебный узелъ, только въ полѣ, на хлѣбной нивѣ. Крестьяне

23 іюня, наканунѣ дня Іоанна Предтечи осматриваютъ свои поля, чтобы воспрепятствовать злымъ людямъ дѣлать на посѣвахъ „завивки“, которыя, по народнымъ вѣрованіямъ, чаще всего завиваются въ этотъ день на скотъ или на извѣстнаго человѣка и бываютъ весьма пагубны, какъ для тѣхъ лицъ и предметовъ, на которые завиваются, такъ и для людей, вырвавшихъ эти завитки. „Завивки“ дѣлаются такимъ образомъ: берутъ два пучка стеблей ржи или пшеницы и, не вырывая ихъ, связываютъ вверху въ особенный узелъ и колосья втыкаютъ въ землю (*Чубинскій*, Ш, 193, „Zbior wiadomosci“, XII, 94). Чтобы снять закрутку, приглашаютъ знахаря, который вырываетъ закрутку, произнося при этомъ заговоръ, втыкаетъ на томъ мѣстѣ три осиновыхъ палочки и самую закрутку сожигаетъ (*Kopernicki*, въ Zbior wiadom. XI, 199). Въ заговорахъ „на завитьте“ знахарь говоритъ: „не я тебе пилю, а осиновый кій“, упоминаетъ при этомъ „беззаконного Іуду (Юду или „Юдиху“), „мисячнаго видьмача“ и готовится вырвать закрутки (и скрывающуюся въ ней вѣдьму) въ „ростани однесты и осиновымъ коломъ пробить“ (*Ефименко*, 41, 42).

Въ старинное время въ Малороссіи было весьма распространено вѣрованіе въ закрутки и породило не мало судебныхъ процессовъ. Такъ, къ 1666 году относится любопытный судебный процессъ въ стародубскомъ полку по клеветѣ одного мельника на нѣкую женщину Арину въ томъ, что она „якобы мѣла зъ своего знахарства жита заламываты“, называлъ ее вѣдьмою, и ссылался на нѣкоторыхъ очевидцевъ. Но такъ какъ обвиненія эти не подтвердились, то по жалобѣ мужа оклеветанной женщины мельникъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца; но Арина „за упрошеніемъ людскимъ будучи милосердемъ знята простила его во всемъ“. (*Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 70). На одной малорусской картинѣ страшнаго суда на полотнѣ XVIII в., находящейся въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, между прочимъ, изображена колдунья заламывающая жито (*Покровскій*, въ Трудахъ одес. археол. съѣзда Ш, 327). Въ 1718 г. въ овручскій гродскій судъ жаловались дворяне Невмержицкіе на своихъ сосѣдей, дворянъ Верповскихъ и Ярмолинскихъ, за то, что отвѣтчики „очаровали и завили ярую пшеницу истцевъ“. Въ 1723 г.

въ с. Мошкахъ около Овруча дворянки Люба и Анастасія Мошковскія заподозрѣны были своимъ односельцемъ дворяниномъ Духовскимъ въ томъ, что онѣ дѣлаютъ завитки. Когда завитка оказалась на нивѣ Никона Мошковскаго, то Духовскій взялся отворожить ее и, съ этой цѣлью, встрѣтивъ Любу Мошковскую, ударилъ ее въ грудь на отмашь такъ сильно, что опрокинулъ ее ударомъ на землю (*Антоновичъ,* Колд. 348).

Повѣрье въ завязываніе закрутки съ цѣлью погубить урожай и человѣка встрѣчается въ Великороссіи (*Аѳанасьевъ,* Поэт. возэр. III, 515) и въ Привислянскомъ краѣ (*Karłowicz,* Wisła 1887, II, 58, V, 172). Въ старинныхъ требникахъ встрѣчаются молитвы на закрутку; послѣ молитвословія священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ. Теперь въ Великороссіи для снятія закрутки приглашаютъ знахаря, который вырываетъ закрутку осиновымъ коломъ и сожигаетъ ее благовѣщенской свѣчей. На мѣстѣ закрутки знахарь вбиваетъ осиновый колъ, что причиняетъ колдуну нестерпимыя муки (*Аѳанасьевъ,* III, 516).

119.

Порча коровъ.

Вѣдьмы наносятъ вредъ не только лично человѣку, но вредятъ и его домашнему скоту, именно, коровамъ, иногда вредятъ домашней птицѣ, преимущественно курамъ. Повѣрье въ порчу коровъ вѣдьмами чрезвычайно распространено въ Малороссіи. Въ кіевской губерніи со словъ сельской бабки записано, что „вѣдьмы наравнѣ съ людьми уважаютъ годовые праздники, посѣщая церковь, одѣваясь по праздничному, а къ столу готовя молочныя кушанья. Коровье молоко, смѣшанное съ утреннею росою, есть необходимость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣнецъ ихъ праздничнаго стола. Гостепріимство по праздникамъ принято и у нихъ. Гостями бываютъ злые духи и иносельныя волшебницы. Но, чтобы столъ былъ полонъ для гостей, наканунѣ праздниковъ вѣдьмы проникаютъ въ хлѣвы къ чужимъ дойнымъ коровамъ и выдоиваютъ ихъ до крови. Въ моментъ доенія коровъ онѣ принимаютъ образъ женщины, имѣющей небольшое, бѣлое, какъ молоко, лицо, собачьи карые глаза и длинные желтые

волосы, въ безпорядкѣ раскиданные по плечамъ, на которыхъ накинутъ длинный бѣлый плащъ [1]). При встрѣчѣ съ человѣкомъ эта бѣлая женщина превращается въ какое нибудь животное, а иногда въ клубокъ, или обручь, и быстро исчезаетъ. (*Краснокутскій*, въ Кіев. Епар. Вѣд.). Порчу молока и болѣзнь сосковъ приписываютъ всегда волхвованію. Въ подольской губерніи говорятъ, что вѣдьма старается выдоить корову или на Благовѣщеніе, или въ день св. Георгія, или въ первый день Свѣтлаго праздника. Такая корова не даетъ уже молока своимъ хозяевамъ, она принадлежитъ исключительно вѣдьмѣ. „Родимая" вѣдьма доитъ обычно; ее можетъ увидѣть человѣкъ „первакъ", ее можетъ разорвать собака „первакъ" и, наконецъ, ее можно поймать на „очкуръ" (поясъ штановъ). „Ученая" же вѣдьма послѣ перваго доенія пробуравливаетъ въ одномъ изъ столбовъ своего дома или кладовой дырку, затыкаетъ ее съ заговоромъ колышкомъ, и потомъ молоко течетъ изъ этой дырки, какъ изъ крана. На Свѣтлый праздникъ вѣдьмы стоятъ въ церкви съ дойницей на головѣ, что посторонніе не видятъ (*Чубинскій*, I, 198, 203, 205; *Nowosielski*, Lud ukr. II, 81). На Волыни особенно опасаются порчи коровъ на Ивана Купалу. Въ ночь подъ Ивана Купалу не отлучаютъ телятъ отъ коровъ, передъ дверьми хлѣва ставятъ косу; въ хлѣвѣ посыпаютъ освященнымъ макомъ и ставятъ четверговую свѣчу, причемъ послѣднюю вѣдьма иногда грызетъ со злости и на ней видны слѣды ея зубовъ. На Волыни говорятъ, что вѣдьма можетъ испортить сразу всѣхъ коровъ въ селѣ, перегородивъ конопляннои ниткой коловоротъ, т. е. ворота на краю села, черезъ которыя коровы идутъ на пастьбу (*Kopernicki*, Zbior, XI, 194—196). Въ воронежской губерніи записаны еще слѣдующія подробности: вѣдьма доитъ въ свой передникъ, безъ дойницы, при доеніи перевязываетъ соски волосками, отчего и портятся коровы; волосковъ этихъ никто не видитъ (*Воронеж. Бесѣда*, 1861, 193). Въ разныхъ мѣстахъ есть свои подробности, свои детали, неизмѣняющія общаго характера народныхъ повѣрій о порчѣ коровъ вѣдьмами.

---

[1]) Подробности о бѣлой одеждѣ вѣдьмы, вѣроятно, заимствованы изъ народныхъ сказаній о Бѣлой Паннѣ, подъ которой скрывается французская фея Мелюзина въ бѣлой одеждѣ.—*Прим. авт.*

Вѣдьмы обращаются въ разные предметы. Въ воронежской губерніи говорятъ, что онѣ могутъ принимать не болѣе 12 видовъ: сороки, собаки, кошки, свиньи, иглы, копны сѣна, клубка, козы, метлы, колеса и мухи (*Воронежская Бесѣда*, 192), но въ юго-западномъ краѣ часто встрѣчаются сказанія о превращеніи вѣдьмы въ птицу, жабу, коня, бревно и др. предметы (*Чубинскій*, *Kopernicki*, *Драгомановъ*, *Nowosielski*, и др.).

Средства защиты отъ вѣдьмъ чрезвычайно разнообразны; выше мы уже указали на свѣчу, макъ, косу; добавимъ, что у скотнаго двора ставятъ осиновыя колья; въ рога коровъ заворачиваютъ часть ремезоваго гнѣзда (*Красницкій* и *Воронежская Бесѣда*); въ лохань, изъ которой даютъ коровамъ пойло, бросаютъ живую черепаху (*Красницкій*); окуриваютъ старымъ ситомъ (*Kopernicki*); обливаютъ и поятъ „непочатой" водой, т. е. взятой въ полночь изъ колодца въ одинъ пріемъ; опрыскиваютъ егорьевской росой, т. е. собранной наканунѣ св. Георгія Побѣдоносца, 23 апрѣля, рано утромъ (*Воронежская Бесѣда*).

Повѣрье о порчѣ коровъ вѣдьмами часто встрѣчается въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ XVII в. (*Karłowicz*,, въ „Wisla" 1887, III, 94 и др., V, 172, 178) и нынѣ обычно въ Привислянскомъ краѣ (*Fedorowicz*, Lud. II, 262), въ Великороссіи, Болгаріи, Чехіи, Германіи, (*Аѳанасьевъ*, III, 485—500). Католическое духовенство южной Германіи до сихъ поръ эксплуатируетъ это повѣрье, какъ доходную статью. Въ 1887 г. вышла вторымъ изданіемъ небольшая книга швабскаго католическаго священника Бишофсбергера объ изгнаніи демоновъ средствами католической церкви. Авторъ сочиненія на основаніи 37 лѣтней опытности (37 jär. Priesterleben) утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ коровы по колдовству не даютъ молока, несмотря на самый лучшій кормъ, а куры не несутъ яицъ. Съ цѣлью устраненія чаръ авторъ совѣтуетъ полагать крестное знаменіе на стойло и на сѣно, класть въ нихъ священные предметы, окроплять освященной водой, окуривать освященнымъ ладономъ, омывать соски освященной водой (*Längin*, Der Wunder und Dämonenglaube der Gegenwart, 42). Въ Норвегіи также вѣрятъ въ порчу коровъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 316).

Объясненіе происхожденія повѣрій о вѣдьмахъ вообще, въ частности о доеніи ими коровъ, дано миѳологами, въ Германіи Я. Гриммомъ, въ Россіи Аѳанасьевымъ въ 3 т. „Поэт. воззр. слав. на прир.“ и г. Потебней въ соч. „О миѳич. знач. нѣкот. обр. и повѣрій“. Нѣкоторыя частныя замѣчанія въ этихъ трудахъ подлежатъ другому объясненію и въ настоящее время не могутъ быть приняты; напр., мнѣнія Аѳанасьева, что „затменіе луны должно быть разсматриваемо, какъ утрата ею молока—свѣта“, что „приготовленіе вѣдьмами чародѣйнаго масла вышло изъ уподобленія грозы взбиванію масла“ и др. т. п. Намъ кажется вѣрнымъ то общее положеніе ученыхъ миѳологическаго направленія, что сказанія о вѣдьмѣ указываютъ на связь ея съ нѣкоторыми явленіями природы, и въ частности сказанія о доеніи коровъ вѣдьмами стоятъ въ связи съ метеорологическими явленіями природы. Вѣдьма во многихъ повѣрьяхъ представляетъ олицетвореніе тучи. Тучи посылаютъ дождь, скрываютъ свѣтила небесныя отъ глазъ человѣка; соотвѣтственно съ тѣмъ вѣдьмы повелѣваютъ дождемъ и росой (которая въ народныхъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ является маленькимъ дождемъ), похищаютъ звѣзды и мѣсяцъ.

120.

Собираніе росы.

Сказанія о доеніи коровъ вѣдьмами тѣсно связаны съ сказаніями о собираніи ими росы, которая служитъ вѣдьмамъ въ однихъ случаяхъ средствомъ для очарованія коровъ и людей, въ другихъ случаяхъ для питья. Въ кіевской губерніи ранніе слѣды хожденія по лугу, убѣленному росой, признаются слѣдами вѣдьмъ, собиравшихъ на разсвѣтѣ росу. На зарѣ лѣтней ночи вѣдьмы выходятъ на лугъ и ударяютъ длинными платками о траву, приникшую къ землѣ отъ тягости росы. Изъ намокшихъ платковъ роса выжимается въ сосуды, содержащіе звѣриное молоко. Смѣшанное съ росою, оно употребляется какъ любимое питье въ собраніяхъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ (*Красницкій*, въ „К. Еп. Вѣд.“). По другому повѣрью, записанному также въ кіевской губерніи, вѣдьма моетъ юрьевской росой цѣдилку (т. е. ситечко для процѣживанія молока), а потомъ

выдавливаетъ ее, и изъ нея тогда вмѣсто росы течетъ молоко, а сосѣдскія коровы остаются съ пустыми сосками. Тожественное повѣрье существуетъ въ Литвѣ. Здѣсь хозяйки наканунѣ Иванова дня варятъ цѣдилку въ святой водѣ, взятой изъ трехъ костеловъ, что заставляетъ чародѣевъ возвращать коровамъ выдоенное молоко (*Аѳанасьевъ*, III, 494). Подобное обыкновеніе существуетъ у волынскихъ малороссовъ, причемъ въ цѣдилку втыкаютъ булавки (*Kopern*, Zbiór, XI, 195). На Волыни говорятъ, что вѣдьмы на Ивановъ день до разсвѣта ходятъ простоволосыя по рвамъ и собираютъ росу, которую потомъ употребляютъ во вредъ скоту (ib., 194).

Въ Великороссіи, въ Привислянскомъ краѣ, въ Чехіи, въ Болгаріи, въ Германіи, въ Англіи записаны повѣрья, сходныя, а иногда тожественныя съ малорусскими (*Аѳанасьевъ*, III, 490—494; *Wisła* I, 16, II, 58; *Federowicz*, Lud, II, 262; *Krause*, въ Zeitschr. f. Ethnol. 1883, 82; *Спенсеръ*, Описат. соціол. 179). Вездѣ роса является цѣлебнымъ средствомъ; люди собираютъ ее въ платокъ, въ подойникъ, умыватся ея, обрызгиваютъ скотъ, для полученія красоты или здоровья, а вѣдьмы употребляютъ ее во зло, во вредъ людямъ и животнымъ. Въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ XVII в. встрѣчается обвиненіе вѣдьмы въ томъ, что она „rosę Zbierała z Liela, z drzewa, a potem na ludzi, na zboże, na bydło kropiąc, psowała“ (*Karłowicz*, 172). Во Франціи вѣрятъ, что колдуны собираютъ росу до восхода солнца въ день Іоанна Крестителя и потомъ опрыскиваютъ ею на мѣстѣ, гдѣ пасется скотъ, отчего у коровъ пропадаетъ молоко (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 342).

Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго.

Κωφὸν γάρ τῷ ὄντι πως καὶ διάκενον
τό σῶμα τῆς ἱστορίας. ὅταν ἐστερημένας
ἔχει τὰς αἰτίας τῶν πράξεων

Theoph. Cont. IV. 17.

Профессоръ с.-петербургскаго университета В. Г. Васильевскій въ октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія напечаталъ полемическую замѣтку, направленную противъ автора статьи «Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.», помѣщенной въ майской кн. журнала „Кіевская Старина“. Опроверженіе выставляемыхъ мной посылокъ и заключеній составляетъ не главную часть замѣтки В. Г. Васильевскаго, иначе это и не была бы полемическая, а просто критическая замѣтка; цѣль ея заключается въ томъ, чтобы выразить протестъ противъ моихъ критическихъ пріемовъ и тѣмъ предупредить русскихъ историковъ противъ соблазнительнаго и опаснаго примѣра. Этимъ двоякимъ характеромъ замѣтки долженъ опредѣляться и мой отвѣтъ. Мнѣ предстоитъ защищаться какъ противъ нападеній на упомянутое мое изслѣдованіе, такъ и противъ жестокихъ упрековъ и поученій общаго характера, высказываемыхъ за мои ненаучные пріемы.

Начну съ того, что въ замѣткѣ В. Г. Васильевскаго составляетъ критику моихъ положеній и выводовъ.

Есть въ древнемъ періодѣ русской исторіи роковые вопросы, наболѣвшія мѣста, къ которымъ безнаказанно нельзя при-

касаться. Одни ученые обходятъ эти мѣста, другіе отъ времени до времени берутся за разрѣшеніе ихъ, придумывая новыя комбинаціи и подыскивая новое освѣщеніе фактамъ. Между другими вопросами сюда относится и тотъ, которымъ я занимался въ статьѣ, подавшей поводъ къ настоящей полемикѣ. Большая часть подразумѣваемыхъ непорѣшенныхъ вопросовъ имѣетъ то общее свойство, что для рѣшенія ихъ имѣется мало прямыхъ свидѣтельствъ. Этою малочисленностью свидѣтельствъ или прямыхъ текстовъ объясняется то, что малѣйшая особенность въ толкованіи одного мѣста влечетъ за собой уже появленіе исторической теоріи, ибо за легкимъ измѣненіемъ смысла того или другаго текста слѣдуютъ необходимо соотвѣтственныя перемѣны въ толкованіи другихъ сродныхъ мѣстъ. Едва ли настоитъ надобность оправдываться въ томъ, что я не обошелъ молчаніемъ одинъ изъ такихъ вопросовъ; по одному тому уже это было бы излишне, что вопросъ о Саркелѣ поднятъ мной не самъ по себѣ, а слѣдовательно безъ всякаго дурнаго намѣренія, о чемъ и заявлено въ началѣ статьи.

Изслѣдованіе о византійскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря состоитъ изъ трехъ частей. Элементы, изъ которыхъ состоитъ каждая часть, не мной открыты, давно извѣстны и не разъ подвергались разнообразнымъ объясненіямъ. Мнѣ принадлежитъ только то, что путемъ дозволенныхъ, какъ думаю, пріемовъ критики я сдѣлалъ первую попытку сблизить между собой эти элементы и указать на принадлеждность ихъ къ одному разрушенному до основанія зданію посредствомъ подбора сходныхъ чертъ въ ихъ структурѣ и стилѣ. Если бы болѣе меня свѣдущій и опытный архитекторъ доказалъ мнѣ, что я ошибаюсь въ опредѣленіи характера и стиля обломковъ, что между ними нѣтъ ничего общаго, я бы съ благодарностью воспользовался сдѣланными указаніями и не преминулъ бы сознаться въ увлеченіи и ошибкѣ, отъ которыхъ не свободно человѣческое дѣло. Но авторъ „полемической замѣтки“, заявивъ, что все мое построеніе есть не болѣе какъ миражъ, долженствующій исчезнуть при свѣтѣ внимательной и строгой критики, слишкомъ по-

надѣялся на свою опытность и поступилъ очень неосторожно, что я и надѣюсь доказать въ своемъ отвѣтѣ.

1. Прежде всего я останавливаюсь на свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго о построеніи Саркела. Пришедши къ заключенію, на основаніи изученія произведеній этого писателя, что въ нихъ находится сводъ археологическихъ и историческихъ матеріаловъ, которые можно было собрать въ X вѣкѣ, я высказываю догадку, что и 42 гл. de Administr. imperio не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Доказательство того, что и эта глава составлена на основаніи архивнаго матеріала и не представляетъ личнаго творчества Константина, нахожу въ географической части этой главы, которая носитъ признаки вставки. Анализируя мѣсто о построеніи Саркела, я отнесся къ нему какъ къ литературному факту, къ которому можно приложить пріемы внѣшней и внутренней критики. Въ извѣстіи оказались логическія и фактическія несообразности. Первыя усматриваю въ заключеніи разсказа, которое измѣнено уже у ближайшаго писателя, внесшаго это мѣсто въ свою лѣтопись. Вторыя же и прежде и теперь продолжаю видѣть въ томъ, что фактъ построенія византійцами крѣпости въ варварской землѣ безъ намѣренія оставить ее въ собственной власти—представляетъ весьма рѣдкое и почти невозможное явленіе въ политикѣ Византіи, ревниво охранявшей отъ варваровъ тайны своего военнаго искусства. Нашедши, далѣе, у I. Каменіаты извѣстіе объ инженерѣ Петронѣ и приходя къ весьма натуральной догадкѣ о тождествѣ Петроны—строителя Саркела и Петроны—инженера, я приведенъ былъ къ мысли, что мѣста Константина Порфиророднаго и I. Каменіаты не могутъ относиться къ тому же лицу, ибо едва ли могъ одинъ и тотъ же Петрона дѣйствовать на пространствѣ 60 лѣтъ. И здѣсь, въ качествѣ догадки, привожу соображеніе, что имя Θεόφιλος въ текстѣ Константина могло явиться изъ прилагательнаго θεόφιλος,—случай весьма нерѣдкій, зависящій отъ употребленія прописной буквы вмѣсто простой (Μακάριος и μακάριος, Ῥώμη и ῥώμη и мн. др.). Таковъ въ существенномъ ходъ мыслей, приведшій меня къ перенесенію извѣстія Константина съ 837 на 904 годъ.

Протестъ и опроверженія В. Г. Васильевскаго прежде всего направлены на эту часть статьи [1]). Какимъ, говоритъ онъ образомъ, одесскій профессоръ можетъ знать о такихъ дѣлахъ лучше, чѣмъ императоръ Константинъ Багрянородный, жившій въ X вѣкѣ и придававшій такое значеніе *своему* сообщенію, что не только помѣстилъ онъ въ *собственномъ* (sic) сочиненіи, но и заставилъ повторить его въ хроникѣ, составлявшейся подъ его руководствомъ?

Но развѣ не извѣстно, что первая обязанность изслѣдователя по отношенію ко всякому историческому извѣстію заключается въ провѣркѣ его? Развѣ современники, очевидцы и участники въ событіяхъ могутъ быть свободны отъ всякихъ подозрѣній въ неправильномъ освѣщеніи излагаемыхъ ими событій. Насколько я понимаю задачи научной критики, въ своемъ стремленіи къ истинѣ она не можетъ останавливаться передъ тѣми преградами, на которыя указываетъ мой оппонентъ. Я конечно не позволю себѣ сказать, что я знаю о „такихъ дѣлахъ" лучше Константина Порфиророднаго, но гдѣ угодно я могу защищать ту мысль, что Моммсенъ знаетъ древній Римъ лучше Ливія или что книга Зибеля лучше знакомитъ съ исторіей 1 крестоваго похода, чѣмъ сочиненіе Вильгельма Тирскаго. Дѣло не въ томъ, лучше ли меня знаетъ о своемъ времени писатель, жившій за 1000 лѣтъ, а въ томъ, что современный событіямъ писатель не можетъ быть свободнымъ отъ духа партіи и разнообразныхъ интересовъ, которыми водятся живые люди. Самъ же мой оппонентъ говорилъ когда-то, что царевна Анна Комнина не могла излагать всю правду про своего отца.

Не напрасно ли, продолжаетъ В. Г. Васильевскій, начинать критику извѣстія столь рѣшительнымъ заявленіемъ своихъ личныхъ, субъективныхъ воззрѣній на возможное и невозможное? Это самый опасный критическій пріемъ сейчасъ же объявлять невозможнымъ то, что намъ покажется страннымъ, неожиданнымъ

[1]) При чемъ оппонентъ, передавая содержаніе текста Константина допустилъ двѣ неточности: помѣстилъ Саркелъ *при устьяхъ Дона* и приписалъ построеніе *протоспаварію* Петронѣ.

или невѣроятнымъ. Что одному кажется неправдоподобнымъ, то другой можетъ находить совершенно возможнымъ.

Здѣсь представляется образчикъ воззрѣній на возможное и невозможное въ исторіи, мой оппонентъ изгоняетъ субъективный элементъ въ изслѣдованіи. Но позвольте, Василій Григорьевичъ, вѣдь рѣчь идетъ о текстахъ, которые слѣдуетъ объяснять. Вѣдь если постановить правиломъ, чтобы изслѣдователь непремѣнно держался того мнѣнія, которое имѣли его предшественники, тогда наука не будетъ имѣть поступательнаго движенія. Вотъ и Вы проводите же совершенно субъективное воззрѣніе на основной вопросъ нашего спора, утверждая, что Саркелъ былъ при устьяхъ Дона; точно также Вы вдаетесь въ субъективизмъ, развивая мысль, что по византійскому взгляду построеніе крѣпости для варваровъ въ варварской землѣ было дѣломъ возможнымъ. Сучецъ во оцѣ брата видиши, а бревна въ своемъ глазу не замѣчаеши! Напрасно Вы еще настаиваете на томъ, что я смѣлъ критиковать писателя „облеченнаго въ порфиру" и „вѣнценоснаго",—это ужъ очень субъективно. Я совѣщался съ Константиномъ Порфиророднымъ по поводу Вашихъ нападокъ на меня и сообщу его мнѣніе въ концѣ отвѣта. Теперь же прибавлю отъ себя, что Вы напрасно устраняете политическія тенденціи у писателей, ими многое поясняется. Вспомните Ранке или критику римской анналистики у Петера.—На счетъ того, что Константинъ не могъ приписать „честь, подобающую собственному отцу, неправовѣрному, иконоборческому государю (т. е. Ѳеофилу)" позвольте Вамъ объяснить, что въ X вѣкѣ память Ѳеофила была уже обѣлена, тогда уже составилось сказаніе объ изъятіи его имени изъ синодика. Признавъ мои соображенія неправдоподобной выдумкой и страннымъ хитросплетаніемъ, В. Г. переходитъ къ тому, въ чемъ я усматриваю доказательство дѣйствительной принадлежности Саркела Византіи, т. е. къ 11 гл. Константина. Я говорю, что мѣсто это такъ ясно, „что не требуется никакихъ толкованій, чтобъ установить его смыслъ", а мой оппонентъ пишетъ, что я комментирую эти строки и нѣсколько ниже уязвляетъ выраженіемъ „критизирую". Въ самомъ дѣлѣ, главой 11 утверждается положеніе, что когда хазары будутъ проходить къ Саркелу, Клима-

тамъ и Херсону (т. е. указываются мѣста, не принадлежащія хазарамъ, не подчиненныя имъ), то властитель аланъ можетъ вредить имъ, занимая пути. Хотя В. Г. и ссылается на выраженіе текста ἐν τῷ διέρχεσθαι и притомъ опять таки съ замѣчаніемъ, что я отъ себя подставилъ смыслъ, но вѣдь онъ понимаетъ хорошо, что διέρχεσθαι употребляется и въ смыслѣ τὴν πολεμίαν и что мой переводъ ничѣмъ не хуже предложеннаго имъ.

Ну, кого могутъ убѣдить нижеслѣдующія слова: аланы просто могли пресѣчь путь хазарамъ къ ихъ же собственной крѣпости, когда они къ ней захотѣли бы пройти для какихъ либо цѣлей, хотя бы для смѣны или подкрѣпленія гарнизона.—Съ какой же стати говорить въ этомъ мѣстѣ о чужой крѣпости, когда основная мысль главы показать, какъ враждой аланъ можетъ пользоваться имперія къ своему благу и ко вреду хазаръ.

Въ главѣ 11 идетъ рѣчь о движеніи μετὰ φοσσάτου приводится глаголъ πολεμεῖν, съ какой же стати совершенно произвольно подставлять тутъ „какія либо цѣли". Что же касается неупоминанія Саркела во второй разъ, то это именно указываетъ, что послѣдній можетъ подразумѣваться въ выраженіи Климаты.

Что касается текстовъ, на которыхъ основаны мои соображенія объ имени строителя Саркела, въ этомъ отношеніи проф. Васильевскій упрекаетъ меня въ томъ, что я упустилъ изъ виду фамилію Петроны и уже этимъ много повредилъ убѣдительности своихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что строителемъ Саркела Константинъ называетъ не просто Петрону, а Петрону Каматира, а тотъ Петрона, который отличился устройствомъ загражденій въ Солуни, названъ просто Петроной. Только напрасно предполагаетъ мой оппонентъ, что я это упустилъ изъ виду. Конечно мнѣ было труднѣй отыскивать спеціалиста инженера Петрону, чѣмъ Каматира, ибо для первой цѣли можно пользоваться указателями именъ, а для второй нужно вчитываться въ литературу, нужно владѣть достаточнымъ запасомъ начитанности. Что я предпочелъ трудное болѣе легкому, это объясняется состояніемъ источниковъ, а никакъ не должно быть приписано моей небрежности. Понятное дѣло, моему оппоненту здѣсь было бы весь-

ма кстати поразить меня указаніемъ Петроны Каматира въ началѣ 9 вѣка, чѣмъ былъ бы нанесенъ мнѣ ударъ въ самое сердце и чѣмъ былъ бы спасенъ авторитетъ защищаемаго имъ писателя. Но онъ указываетъ на дѣйствовавшаго въ 912 году Петрону Трифиллія и тѣмъ думаетъ заподозрить мои соображенія. Конечно, это не есть удачный пріемъ. Еще можно сближать Петрону Каматира и просто Петрону, если принять во вниманіе, что фамилія не всегда употреблялась писателями, что видно и у Константина, только разъ назвавшаго нашего инженера по фамиліи, а потомъ два раза только по чину и имени.

Итакъ, дѣло объясняется очень просто. Между дѣятелями конца 8 и начала 9 в. въ византійской исторіографіи мы не нашли Петроны Каматира, хотя и встрѣчали много разъ просто Петрону, находили и фамилію Каматира, но не съ тѣмъ именемъ, какого нужно было [1]). Когда поиски въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ, мы направили ихъ въ другую сторону, и стали разыскивать на пространствѣ 8 вѣка такого Петрону, который бы занималъ не очень крупныя должности и который бы подходилъ по спеціальной подготовкѣ къ строителю Саркела. И напрасно В. Г. съ такимъ пренебреженіемъ отнесся къ протоспаѳарію Петронѣ, строившему загражденія въ Солуни. Постройка Саркела требовала не только выдѣлки кирпича и рабочихъ для кладки стѣны, и устройство загражденій въ Солуни было дѣломъ инженернаго искусства. Но неизвѣстно то обстоятельство, что даже и грубыя, такъ называемыя циклопическія, постройки, искусно приспособлялись къ стратегическимъ цѣлямъ; съ точки зрѣнія нашего оппонента теперешнія земляныя укрѣпленія, оказывались бы еще проще византійскихъ, и для устройства ихъ не требовалось бы никакого искусства, а только рабочія руки, заступъ и лопата. Чтó значитъ его указаніе на выраженіе текста ἐξεῦρε? Я его перевожу „изобрѣлъ", а онъ „придумалъ, догадался". Но, конечно, я вѣрнѣй перевожу это слово, а не В. Г. Васильевскій; словомъ ἐξεῦρε передается, напр., изобрѣтеніе письменъ готскихъ (*Migne,* 115, col. 708). Я

[1]) Такъ въ Актахъ VII всел. собора, у Ѳеофана, у продолжателя Ѳеофана, у Амартола.

по совѣсти и по крайнему разумѣнію изслѣдую вопросъ, не отступая передъ затрудненіями, а оппонентъ издѣвается надъ моими словами!

2. Вторая глава моей статьи посвящена разбору записки готскаго топарха. Смѣю думать, что самое больное мѣсто въ изученіи этого памятника есть полная его изолированность. Съ точки зрѣнія исторической критики можетъ считаться уже одно то доказательствомъ неправильной постановки вопроса, если памятникъ, или текстъ, или просто возраженіе стоитъ совсѣмъ одиноко и не находитъ себѣ удобнаго мѣста въ ряду другихъ. Попытка объяснить отрывки Газе другими византійскими текстами и болѣе или менѣе вѣроятное сближеніе этого литературнаго памятника съ другими извѣстіями—во всякомъ случаѣ есть настоятельная потребность; на эту потребность авторитетно указалъ въ свое время академикъ Куникъ, призывая ученыхъ viribus unitis толковать памятники.

Профессоръ Васильевскій упрекаетъ меня, что я не согласился съ его толкованіемъ Отрывковъ Газе, что не принимаю, впрочемъ, и всѣхъ другихъ общихъ толкованій. Я полагаю, что нечего было бы и говорить мнѣ объ Отрывкахъ Газе, если бы я не пришелъ при изученіи ихъ къ нѣкоторымъ своимъ выводамъ. Другое дѣло—удачна или нѣтъ моя попытка. Нельзя же въ интересахъ науки издавать правила: такихъ то авторитетовъ не трогать, такихъ то мѣстъ не объяснять. Въ общемъ смыслѣ моихъ заключеній по отношенію къ Отрывкамъ Газе сводится къ слѣдующему: 1) въ Отрывкахъ идетъ между прочимъ рѣчь о постройкѣ стѣны въ области на сѣверъ отъ Крыма неизвѣстнымъ византійскимъ начальникомъ отряда, при чемъ тоже неизвѣстные варвары мѣшали своими нападеніями этой постройкѣ. Такъ какъ въ періодъ X вѣка, къ которому относятся Отрывки, нѣтъ въ византійской лѣтописи указанія на движеніе грековъ въ сѣв. области Чернаго моря, то мнѣ натурально было ухватиться за извѣстный фактъ—построенія Саркела Петроной. 2) Палеографическія наблюденія Газе, единственнаго лица, видѣвшаго Отрывки, пропавшіе послѣ него безслѣдно, для всякаго знакомаго съ состояніемъ палеографіи, должны показаться нѣсколько смѣлыми

въ виду того, что онъ помѣчаетъ рукопись, въ которой видѣлъ отрывки, концомъ X вѣка, а самые отрывки признаетъ письмомъ младшей руки. Конецъ X вѣка и младшая рука, но тоже X вѣка—такія положенія во всякомъ случаѣ не надежны, чтобы на нихъ построить зданіе пріуроченія Отрывковъ къ концу X вѣка т. е. къ Святославу Игоревичу, на чемъ настаиваетъ проф. Васильевскій. 3) Анализируя Отрывки, я отмѣтилъ въ нихъ мѣсто которое указываетъ, что византійскій военачальникъ, строитель стѣны или крѣпости, возвратился послѣ этого въ Константинополь, а не измѣнилъ своему государю и не предался властителю на сѣверъ отъ Дуная. А это измѣняетъ взглядъ и на многое другое. Наконецъ, въ 4-хъ, я пришелъ къ заключенію, что Отрывки Газе должны быть изучаемы параллельно съ извѣстіемъ Константина о построеніи Саркела на Дону, и что въ нихъ трактуется именно о той экспедиціи, которая изложена у Константина.

Въ подробности моихъ заключеній проф. Васильевскій не входитъ, а ограничивается двумя замѣчаніями: 1) что по извѣстію Константина Петрона прибылъ изъ Корсуня водою на судахъ, и, нужно думать, тѣмъ же путемъ воротился сначала въ Корсунь, потомъ въ Царьградъ (а въ Отрывкахъ идетъ рѣчь о возвращеніи византійскаго военачальника сухимъ путемъ, добавимъ отъ себя); 2) ссылается на палеографическія замѣчанія Газе, которыя препятствуютъ пріуроченію Отрывковъ къ самому началу X вѣка и признаетъ, что Отрывки написаны во время экспедиціи, а не послѣ, какъ я думаю на основаніи того, что въ Отрывкахъ есть указаніе на послѣдующія событія, на результаты, обнаружившіеся уже послѣ экспедиціи (докладъ объ ней и награда).

Слишкомъ пренебрежительно отнесшись къ моей попыткѣ дать иное освѣщеніе памятнику, проф. Васильевскій не позаботился и опровергать моихъ доводовъ: мы не чувствуемъ, говоритъ онъ, охоты ни опровергать его, ни подробно разбирать. Напрасно, вѣдь можетъ кто-нибудь подумать, что здѣсь то и находится сущность моихъ положеній! Во всякомъ случаѣ приведенное заявленіе оппонента освобождаетъ меня отъ отвѣтственности.

3. Въ третьей части я пытаюсь выяснить борьбу византійской и болгарской политики въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря, и для этого пользуюсь письмами Н. Мистика. Чтó бы, повидимому, могло быть законнѣй права изслѣдователя расширять поле изслѣдованія и привлекать для разъясненія своей темы побочный, повидимому, матеріалъ? Мой оппонентъ неблагосклонно относится и къ этому, говоря: „не довольствуясь отрывками Газе, Ѳ. И. Успенскій обращается къ письмамъ патріарха Н. Мистика“. Но здѣсь я подвергаюсь едва ли не самому крупному обвиненію, которое, если бы было доказано, могло бы покрыть меня позоромъ. Если я и въ самомъ дѣлѣ „исказилъ (и притомъ несомнѣнно) точный смыслъ выраженій патріарха въ самомъ важномъ и рѣшительномъ мѣстѣ“, если „посредствомъ нѣкоторой, на первый взглядъ невинной и небольшой неисправности перевода на русскій языкъ греческой фразы“, ввожу въ обманъ легковѣрнаго читателя, то конечно я становлюсь обманщикомъ, котораго слѣдуетъ поставить къ позорному столбу. Не слишкомъ ли много беретъ на себя мой ученый оппонентъ; подумалъ ли онъ, что такъ можно обращаться только съ большимъ негодяемъ, а не съ ученымъ другомъ, какъ называетъ онъ меня въ началѣ статьи. Зачѣмъ же видѣть искаженіе, обманное и умышленное, вѣдь я же привелъ фразу? Вѣдь я былъ очень скупъ на приведеніе текстовъ, а эту фразу привелъ?

Въ чемъ же тутъ дѣло? Я доказываю, что въ ту эпоху, на которую, по моимъ заключеніямъ, можетъ быть отнесена постройка Саркела и Отрывки Газе, что въ эту эпоху происходила упорная борьба изъ-за вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря между ромэями и болгарами. Указанія на эту борьбу нахожу въ письмахъ Николая Мистика, приводя въ переводѣ нужныя мѣста и подъ строкой сообщая самый выразительный текстъ. И вотъ тутъ-то будто бы „я нашелъ въ письмахъ нѣчто такое, чего въ нихъ совсѣмъ нѣтъ“. До чего негодованіе ослѣпило моего оппонента, видно изъ слѣдующихъ его словъ, которыми онъ прямо подкрѣпляетъ мою мысль о борьбѣ политическихъ вліяній Византіи и Болгаріи на обширной аренѣ къ сѣверу отъ Чернаго моря: „Изъ посланія видно (идетъ рѣчь о посланіи Н. Ми-

стика), что Симеонъ стремился выставить виновниками войны самихъ византійцевъ,—именно онъ указывалъ: 1) на то, что греческія войска были вызваны изъ Сиріи и двинуты къ болгарскимъ границамъ, которыя послѣ и переступили, и 2) на то, что византійцы возбуждали противъ болгаръ печенѣговъ, съ которыми заключили чрезъ посредство *херсонскаго стратига* Воги направленный противъ Болгаріи союзъ: нужно прибавить, что, по всѣмъ даннымъ, о томъ же самомъ, то-есть о союзѣ съ печенѣгами противъ византійцевъ, еще ранѣе хлопоталъ самъ Симеонъ, и тѣмъ болѣе онъ досадовалъ на свою неудачу, что она была торжествомъ противниковъ и дипломатическимъ пораженіемъ его агентовъ". Но я вѣдь ничего другаго не утверждаю, и готовъ подписаться подъ приведеннымъ мѣстомъ, такъ зачѣмъ же открыть враждебный походъ противъ меня? Солью полемики В. Г. Васильевскаго посыпано слѣдующее затѣмъ мѣсто, гдѣ онъ приводитъ съ дополненіями, нами пропущенными, девятое письмо патріарха Николая. Этимъ письмомъ несомнѣнно устанавливаются слѣдующіе факты, которые мы и выдвинули въ своей статьѣ, подчеркнувъ ихъ: а) стратиги Ѳракіи и Македоніи извѣщали, что болгаре преслѣдуютъ одну цѣль, грабить и опустошать нашу страну (оппонентъ находитъ точнѣе слѣд. переводъ: „что болгаре питаютъ намѣреніе совершенно разграбить и разорить нашу страну"—не буду съ нимъ спорить, кромѣ забавнаго, поправка его ничего не представляетъ); б) херсонскій стратигъ Вога постоянно дѣлаетъ донесенія, что болгаре все стараніе прилагаютъ привлечь на свою сторону печенѣговъ и другія племена, живущія въ этихъ мѣстахъ, въ походъ и на войну съ ромэями (оппонентъ даетъ тоже „болѣе точный" переводъ: Вога „также не перестаетъ увѣдомлять". Ужь и точность: не перестаю увѣдомлять, вмѣсто постоянно дѣлаю донесенія!), что болгаре всячески стараются поднять печенѣговъ и другіе народы тѣхъ странъ противъ грековъ"; 3) объ этомъ же доводятъ до свѣдѣнія и 16 человѣкъ печенѣжскаго посольства, явившихся сюда, что изъ Болгаріи приходятъ къ печенѣгамъ и не одинъ разъ, а часто и что эти послы предлагаютъ вступить съ ними въ союзъ, и что болгаре такъ озабочены устройствомъ этого союза, что соединяютъ сво-

ихъ сыновъ браками съ печенѣжскими дѣвицами, дабы приготовить этимъ военное сотоварищество болгаръ и печенѣговъ; болѣе точный переводъ оппонента даетъ слѣдующее: „сверхъ того, до 16 человѣкъ изъ печенѣговъ приходили съ вѣстями, что изъ Болгаріи нѣсколько разъ присылали къ нимъ съ приглашеніемъ быть въ союзѣ; для этого стараются и браками связать два народа“. Болѣе точный переводъ этого мѣста оказывается ужъ совсѣмъ не переводомъ, какъ можно убѣдиться въ этомъ при сличеніи съ текстомъ. Но такъ или иначе, ясно, что печенѣги подвергались сильнымъ вліяніямъ изъ Болгаріи, и что дипломатическая борьба Византіи и Болгаріи несомнѣнно увлекала печенѣговъ и другіе народы тѣхъ странъ. А какъ вѣсти приходили объ этомъ и отъ херсонскаго стратига, то также очевидно, что дѣло идетъ не объ отдаленной какой-нибудь опасности, а именно о ближайшей, то-есть, угрожаемы были интересы византійскаго вліянія и на сѣверномъ берегу Чернаго моря, гдѣ были въ то время печенѣги, привлеченіе которыхъ къ союзу съ болгарами представляло серьезную опасность.

Выставивъ указанныя артиллерійскіе снаряды, В. Г. Васильевскій хотѣлъ убить меня наповалъ нижеслѣдующимъ: „Вотъ ради чего, сколько я могъ убѣдиться изъ данныхъ мнѣ положительныхъ удостовѣреній, произошли у насъ сборъ войска и его передвиженіе, а также посылка къ печенѣгамъ (слѣдуетъ текстъ) не для того, чтобы поднять войну, не для того, чтобы совершить избіеніе твоего народа, но чтобы себѣ самимъ обезпечить безопасность, чтобы съ другой стороны остановить ваше стремленіе какъ они выражаются, и удержать отъ нашествія на греческую землю“... Приведенное мѣсто у меня передано такъ: Ради этого у насъ былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю (и подъ строкой приведенъ текстъ). Но это не ради военныхъ дѣйствій и не для того, чтобы возбудить убійство твоего народа, но частію для того, чтобы позаботиться о собственной безопасности, частію же, чтобы пресѣчь и остановить ваше стремленіе и воспрепятствовать набѣгамъ на ромэйскую землю, какъ въ этомъ навѣрное извѣстились мы и чрезъ Вогу, и чрезъ пословъ печенѣжскихъ, и чрезъ донесеніе другихъ стратиговъ.

Тутъ есть нѣкоторая тонкость, которую слѣдовало бы объяснить, иначе вся соль полемики пропадаетъ. В. Г. Васильевскій изволилъ тутъ смѣшать переводъ съ объясненіемъ. Ужъ если онъ такъ любитъ хвалиться точностью перевода, въ особенности если хочетъ меня поразить обвиненіемъ чуть ли не въ подлогѣ, то долженъ былъ весьма осторожно самъ подбирать выраженія. Вѣдь злополучную фразу нельзя переводить такъ, какъ онъ переводитъ. Вся его махинація, говоря его же словами, „достигается посредствомъ нѣкоторой, на первый взглядъ невинной и небольшой, неисправности перевода на русскій языкъ греческой фразы“.

Τούτου ἕνεχεν ἡ τοῦ στρατοῦ γέγονεν συλλογή καὶ συγκίνησις καὶ ἡ πρὸς πατζηνακίτας διάπεμψις	Вотъ ради чего произошли у насъ сборъ войска и его передвиженіе, а также посылка къ печенѣгамъ.

Я утверждаю, что, вставивъ не по требованію текста слово „также“, В. Г. Васильевскій старался придать фразѣ желаемый имъ смыслъ, утверждаю еще и то, что безъ прибавки этого „а также“ ἡ διάπεμψις—посылка совершенно правильно въ грамматическомъ и логическомъ смыслѣ дополняется тѣмъ же словомъ, какимъ συγκίνησις и συλλογή (т. е. στρατοῦ). Если моему оппоненту желательно при διάπεμψις предполагать дополняющее слово πρεσβείας и вообще толковать это мѣсто въ томъ смыслѣ, что было движеніе арміи въ болгарскіе предѣлы и посылка пословъ къ печенѣгамъ, то ужъ это будетъ его толкованіе, а не переводъ.

Итакъ, я перевелъ фразу такъ, какъ требуется и никакихъ умышленныхъ цѣлей при этомъ не преслѣдовалъ и смысла рѣчи Н. Мистика не искажалъ. А затѣмъ, позволю себѣ обратиться къ моему оппоненту съ вопросомъ, какъ онъ думаетъ на счетъ исторической достовѣрности переписки Н. Мистика съ Симеономъ. Патріархъ Н. Мистикъ долженъ былъ выдавать всѣ тайны политики своего правительства, ведя дипломатическую переписку съ врагомъ имперіи? Вѣдь Симеонъ то на то и негодуетъ, что Византія старалась побудить печенѣговъ къ союзу противъ Болгаріи, такъ ужели мой оппонентъ думаетъ, что патріархъ въ отвѣтъ на эти обвиненія такъ и будетъ прямо докладывать, что вотъ правительство послало къ печенѣгамъ отрядъ вой-

ска. Развѣ можно вѣрить и тому, что стяженіе арміи было „не для того, чтобы совершить избіеніе твоего народа", вѣдь это просто фраза въ дипломатической перепискѣ, фраза, которою маскируется фактическое положеніе дѣла. Мой оппонентъ часто любитъ повторять: источники ничего не говорятъ о томъ, стало быть этого не было.

Довольно наивная мысль, которая не понравится и русскимъ историкамъ, взятымъ имъ подъ защиту. Мало ли чего прямо не говорятъ источники, а с чемъ догадываются изслѣдователи...

Заключеніе изъ всего вышесказаннаго ясно. Никакихъ „миражей, долженствующихъ исчезнуть при свѣтѣ внимательной и строгой критики" полемическая замѣтка не обнаружила. Мало того, она даже ни на волосъ не подвинула изученіе вопроса. Вмѣсто того, чтобы обрушиваться на меня посредствомъ протеста и укорять за продѣлки съ текстами, такому извѣстному знатоку дѣла, пользующемуся общепризнаннымъ авторитетомъ, лучше было бы, не снисходя до тона страстной полемики, заняться еще разъ тѣмъ же вопросомъ и снова провѣрить тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ 10 лѣтъ назадъ. Вѣдь этимъ вопросомъ и въ самое послѣднее время занимались западноевропейскіе ученые и не пришли къ тѣмъ же заключеніямъ, на которыхъ онъ настаиваетъ [1]).

Слѣдуя примѣру В. Г. Васильевскаго, я съ своей стороны обращаюсь къ Константину Порфирородному и нахожу въ его сочиненіяхъ нижеслѣдующій совѣтъ, направляемый къ моему оппоненту.

Меня радуетъ, что иперборейскіе скиѳы держатъ въ помыслахъ блаженной памяти предковъ и потомковъ моихъ, носившихъ скипетръ ромэйскаго царства, что читаютъ и складываютъ въ душѣ мои сочиненія, извлекая изъ нихъ уроки для своей политіи. Тебя же я не могу не отличать передъ другими и потому, что своимъ именемъ ты напоминаешь мнѣ дѣда моего, а въ своемъ прозваніи носишь стихіи ромэйской державы. Ты любезенъ сердцу моему, а потому я и открою тебѣ то, чѣмъ бы

[1]) Pič, Die Dacischen Slaven, Prag 1888, s. 238.

ни подъ какимъ видомъ не согласился дѣлиться съ варварами. Мои склонности неудержимо влекли меня къ литературнымъ занятіямъ, въ особенности къ историческимъ трудамъ. Но судьбамъ промысла угодно угодно было предназначить мнѣ ромэйское царство, которое не могло не отвлекать меня отъ бесѣдъ съ учеными и отъ усидчивыхъ занятій надъ рукописями. Я помышлялъ о большомъ историческомъ сочиненіи, но оказалось, что я не могу располагать для такого труда ни свободнымъ временемъ, ни всѣми необходимыми удобствами—завидуютъ вѣнценосцамъ, но это тяжелый и часто непосильный подвигъ! Къ этому присоединилось и то, что я не пользовался хорошимъ здоровьемъ, и часто рука моя отказвалась водить стилемъ по хартіи. На многихъ произведеніяхъ ромэйской письменности стоитъ мое имя. Ты знаешь сочиненіе о придворномъ чинѣ и отъ твоего глубокоумія не могло укрыться,—да я объ этомъ и не умолчалъ—что оно составлено по извѣстіямъ древнихъ писателей, частію же на основаніи записокъ современниковъ и очевидцевъ. Хорошіе и добродѣтельные и благочестивые люди, служившіе вѣрой и правдой нашимъ предшественникамъ, оказывались иногда не совсѣмъ справедливыми описателями дѣлъ и вещей, въ особенности если они мало были причастны еллинской мудрости. Но съ большимъ трудомъ отыскавъ какую либо рукопись, хранившуюся въ отдаленномъ монастырѣ, часто дурно написанную, мы считали полезнымъ не оставить и такую безъ вниманія. Ты знаешь, что II часть этого сочиненія такъ неисправна, что оглавленіе не соотвѣтствуетъ содержанію.

Все это я говорю съ тѣмъ, чтобы ты зналъ, что я и самъ причастенъ человѣческихъ слабостей и не смотрю на свой трудъ какъ на совершенство. Очень жалѣю, что въ иперборейскую страну не были доставлены въ свое время мои сочиненія. Вамъ приходится теперь знакомиться съ моими трудами по тисненію, сдѣланному франками. Скажу тебѣ, что мнѣ часто бываетъ больно взглянуть въ мои сочиненія; къ первоначальнымъ неисправностямъ, происходившимъ отъ тѣхъ причинъ, о которыхъ говорю выше, теперь присоединились другія, въ которыхъ я неповиненъ: я отмѣтилъ для тебя эти неисправности и при

случаѣ сообщу ихъ. Весьма часто не такъ прочитаны нѣкоторыя буквы, отчего слово измѣняетъ смыслъ, нарицательныя имена сдѣланы собственными и наоборотъ, допущены во многихъ случаяхъ пропуски, даже смѣшаны нѣкоторыя части.

Но скиѳы, какъ я вижу, внимательнѣй знакомятся съ другимъ моимъ произведеніемъ „Объ управленіи имперіей". И въ сіи обители, въ которыхъ упокоенъ, по благости Божіей, духъ мой, дошелъ слухъ, какъ ты, возгорѣвъ ревностью свыше должной мѣры, допустилъ осмѣяніе въ вашихъ періодическихъ писаніяхъ одного скиѳа, обитающаго на Понтѣ Евксинскомъ. Я не похвалю тебя за это по двумъ причинамъ. Первая та, что ты безъ надлежащаго искусства защищаешь меня. Мнѣ конечно не составляетъ большой пріятности уже и то, что ты устами почитая меня, называя порфиророднымъ и вѣнценоснымъ, не постыдился моего царскаго величія и потревожилъ мой прахъ въ такомъ, увы, дѣлѣ, какъ распря твоя съ тавроскиѳомъ. Въ вашемъ хронографѣ читается: суть бо греци льстиви до сего дне, я же скажу, что скиѳы превосходятъ ихъ въ этомъ. Ты много, затѣмъ, возлагаешь на меня, какъ на писателя. Конечно, составляя, напр., жизнеописаніе дѣда моего, я не чуждъ былъ того, что у франковъ называется тенденціозностью и на что я смотрѣлъ какъ на долгъ династическій. Первыя главы этого сочиненія имѣютъ задачей показать древность нашего рода, родство его съ Арсакидами съ одной стороны и съ ромэйскимъ царскимъ родомъ, съ другой. Мнѣ также желательно было доказать, что родъ мой не непричастенъ и такихъ заслугъ, которыя высоко ставятъ его передъ церковью. Божественное его избранничество и тѣ символы и указанія, которыми знаменуется это избранничество, я считалъ нужнымъ включить въ это жизнеописаніе, хотя какъ же могъ я все это провѣрить? Ты долженъ знать, что въ мое время была въ царской библіотекѣ книга, написанная на древнемъ пергаменѣ и древнимъ письмомъ, въ которой изложены пророчества и предсказанія о нашей династіи. Правда, говорили, что патріархъ Фотій подложилъ эту измышленную имъ исторію въ царскую библіотеку. Но кто же можетъ поставить мнѣ въ упрекъ, что я воспользовался этой книгой и

допустилъ нѣчто невѣрное въ исторіи моего дѣда, когда франки въ родословное дерево своего короля Карла внесли и не такія прикрасы. Вторая же причина заключается въ слѣдующемъ. Не скажу, чтобы мнѣ пріятно было, когда меня поправляютъ франки ли, скиѳы ли или другіе. Но и между эллинами былъ обычай, при изученіи какого-либо древняго писателя дѣлать на свободныхъ мѣстахъ вставки и даже поправки. Отъ такихъ вставокъ не остались свободны и мои сочиненія. Иногда онѣ удачны, иногда нѣтъ. Но въ вашей странѣ неизвѣстны мои хирографы, вы пользуетесь печатными книгами. Въ этихъ послѣднихъ есть несомнѣнныя *σφάλματα*, которыя конечно настоятельно нуждаются въ исправленіи. Напр.

De adm. imp. p. 108	читай	Ἴβηρ	вмѣсто	ὕδωρ
178	—	χελάνδια	—	μελάνδια
180	—	Ἰβηρίαν	--	Συρίαν
198	—	μέγα	—	μέτα
205	—	Ἰβηρίαν	—	Ἰλλυρίαν
259	—	Συμβόλῳ	—	συμβόλῳ
—	—	λιμένι	—	λιμῶνι

Я уже не говорю о тѣхъ частію ненамѣренныхъ и невольныхъ ошибкахъ, въ которыя я былъ вовлеченъ моими сотрудниками и помощниками. Иногда я долженъ былъ довольствоваться сдѣланными мнѣ донесеніями и принять ихъ безъ провѣрки, не могъ же я ѣхать въ Скиѳію и подвергать опасности жизнь мою на вашихъ днѣпровскихъ порогахъ. Точно также я не могу отвѣчать за свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ другими, о славянахъ долматинскихъ и о поселеніи въ ромэйской области сербовъ и хорватовъ.

Сообразивъ все мной сказанное, ты поймешь какъ меня удивила твоя раздражительная полемика противъ того скиѳа, обитающаго на Понтѣ. Я самъ имѣлъ дѣло съ представителями разныхъ мнѣній въ области наукъ, и могу понять, что тутъ вполнѣ законны сомнѣнія, догадки и предположенія. Царскій родъ ромэйскихъ автократоровъ уважалъ научныя занятія и нерѣдко брался за стиль. Знаю царевну Анну, царя Кантакузина, не говоря о другихъ. Ради успѣховъ вашихъ занятій необходимо

выдѣлять и у нихъ истину отъ заблужденій: они тоже были люди своего времени и народа, они тоже имѣли свои симпатіи и антипатіи и, какъ облеченные тѣломъ, подвержены были человѣческимъ слабостямъ: иное выставляли больше на видъ, иное сглаживали, на вѣру всего нельзя принимать и у нихъ.

Самое же худшее въ твоей полемикѣ это цѣль ея. Ты преступилъ мѣру и принялъ весьма высокомѣрный тонъ по отношенію къ мужу, хотя и не живущему въ царственномъ городѣ и не такъ хорошо, какъ ты, знакомому съ музами и харитами, но все же прилагающему ревностное стараніе узнать чинъ нашей политіи и имѣющему заслуги по изученію ромэйской имперіи. Ты подвергаешь осмѣянію его стремленіе разобраться въ темныхъ мѣстахъ нашихъ текстовъ, которые имѣютъ значеніе для вашей исторіи. Это тѣмъ больше не хорошо, что у васъ еще такъ мало охотниковъ посвящать свои силы такого рода занятіямъ и что скиѳская невоздержность можетъ тутъ нанести вредъ начинающимся занятіямъ. Развѣ представляютъ хорошіе франкскіе органы подобный образецъ ученой критики, какой ты освящаешь своимъ авторитетомъ на страницахъ вашего періодическаго списанія.

Ѳ. Успенскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Опись имѣній Бороздны, 1638 г.

Предлагаемый актъ, пріобрѣтенный нами межъ остатками Бороздниинскаго семейнаго архива, представляетъ собою пока единственный документъ, знакомящій насъ съ населеніемъ Сѣверщины въ первой половинѣ XVII в. Кромѣ того, опись Бороздниинскихъ имѣній заключаетъ въ себѣ интересныя частности для исторіи заселенія той же Сѣверщины. Опись печатается здѣсь въ переводѣ съ польскаго подлинника

А. Л.

Инвентарь имѣній: двора и села Горска надъ р. Сновью, села Клюсъ надъ р. Цатою, слободки Хреновичъ, селища Тарасовскаго и Пралниковскаго, селища Дане (Dane), селища Забѣжы, Измаиловскаго, Сѣмашкина надъ рѣчкой [1] .., Тыхоничъ, Дороховскаго, бортныхъ уходовъ, острова Мѣншыцкаго и другаго Бабичи, также трехъ городищъ, лежащихъ въ разныхъ мѣстахъ: городища Волжина ниже устья рѣчки Жолвѣди, городища Чижова надъ р. Жолвѣдою и третьяго Горскаго надъ Сновью; а равно находящихся въ томъ же селѣ и мѣстечкѣ Горскѣ двухъ церквей: св. Николая и св. Юрія и третьей церкви св. Спаса, стоящей на землѣ Клюсовской, на Красномъ Борку, надъ р. Сновью; а также деревни Куршиновичъ, двора и села Медвѣлова и иныхъ всѣхъ селищъ и пустошей, издавна къ тѣмъ дворамъ и селамъ принадлежащихъ,—составленный мною Александромъ-Владиславомъ Быковскимъ, мечникомъ повѣта Рѣчицкаго, дворяниномъ Е. К. М., при передачѣ тѣхъ выше и ниже именованныхъ имѣній во владѣніе пану Іосифу Бороздѣ, согласно привилегіямъ, декретамъ и листу Е. К. М., ко мнѣ писанному при посылкѣ меня для передачи тѣхъ

[1] Пропускъ въ подлинникѣ.

имѣній, лежащихъ въ Стародубскомъ повѣтѣ, съ именнымъ спискомъ осѣдлыхъ подданныхъ и всякихъ другихъ принадлежностей тѣхъ имѣній.

Прежде всего, городище и село *Горскъ*, въ которомъ не много посуроекъ: пекарень двѣ, свирня [1]) надъ погребомъ и конюшня изъ плетня (tyniona). Въ томъ селѣ живутъ подданные, осѣдлые [2]) отчичи:

Ермакъ Чорный съ женою и дѣтьми. Васько Кушниръ съ женою и дѣтьми. Савко Черниговецъ съ женою и дѣтьми. Ермакъ Головко съ женою и дѣтьми. Левонъ Вильменецъ съ женою и дѣтьми. Хома Лышъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ, Лысаго пасынокъ, съ женою и дѣтьми. Хведоръ Колесникъ съ женою и дѣтьми. Андрей Кула съ женою и дѣтьми. Петръ Колесниченокъ съ женою и дѣтьми. Семенъ Жила съ женою и дѣтьми. Тышко Бѣлый съ женою и дѣтьми. Демидъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Евхимовъ съ женою и дѣтьми. Игнатъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Стефанъ Щасный съ женою и дѣтьми. Васько, Игнатовъ братъ, съ женою и дѣтьми. Илья Колесниченокъ съ женою и дѣтьми. Овдѣй Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Романъ Олиференовъ съ женою и дѣтьми. Данило Плахозичъ съ женою и дѣтьми. Васько Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Филя Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Савко, Лысаго зять, съ женою и дѣтьми. Давидъ Скрабко съ женою и дѣтьми. Гришко Подвыйскій съ женою и дѣтьми. Митюкъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Тимохъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Аниско Никифоровичъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Засыпечь съ женою и дѣтьми. Ничыпоръ Засыпечь съ женою и дѣтьми. Стефанъ, Щасного шваѓеръ, съ братомъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Трухонъ Исаковичъ, съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Стефанъ Добошъ съ женою и дѣтьми. Юрко Евтуховичъ, съ братомъ своимъ Якимомъ, съ женами и дѣтьми. Бабурсовій (?) съ женою и дѣтьми. Сасинъ Синявскій съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Акула (Вакула) съ женою и дѣтьми. Кондратъ, племянникъ (bratanek) Вакулы, съ женою и дѣтьми. Петръ Литвинъ съ женою и дѣтьми. Савко Пастухъ съ женою и дѣтьми. Адамъ Ляховичъ съ женою и дѣтьми. Тышко Рудый съ женою и дѣтьми. Курилко съ женою и дѣтьми. Стефанъ Зломъ съ женою и дѣтьми. Карпъ Новикъ съ женою и дѣтьми. Яцко Новиченокъ (Но-

---

[1]) *Свирня* — кладовая.

[2]) Osiadły — крестьянинъ, высидѣвшій въ имѣніи льготный срокъ, въ теченіе котораго онъ освобождался отъ обычныхъ повинностей.

виченко?) съ женою и дѣтьми. Логвинъ съ женою и съ сыномъ Сидоромъ. Горелько съ женою и дѣтьми. Кондратъ Логвиновичъ съ женою и дѣтьми. Васько Божымиръ съ зятемъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Андрей Логвиновичъ съ женою и дѣтьми. Андрей Слюба съ женою и дѣтьми. Семенъ Попіонекъ (Попенко?) съ женою и дѣтьми. Иванъ Попіонекъ (?) съ женою и дѣтьми. Якубъ Дроздовскій съ женою и дѣтьми. Гришко Караба съ женою и дѣтьми. Васько Матлюнъ съ женою и дѣтьми. Гришко Малчонекъ съ женою и дѣтьми. Исько Малчонекъ съ женою и дѣтьми. Сенько Коваль съ женою и дѣтьми.

Деревня *Клюсъ* надъ рѣкой Цатою, въ которой живутъ подданные:

Иванъ Булка съ женою и дѣтьми. Аксіонъ Гульный съ женою и дѣтьми. Авакумъ Жаденокъ съ женою и дѣтьми. Якубъ Булдзенокъ съ женою и дѣтьми. Андрей Амелюновъ съ женою и дѣтьми. Петръ Булдзенокъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ Сиротко съ женою и дѣтьми. Апанасъ Федоровъ съ женою и дѣтьми. Андрей Соловей съ женою и дѣтьми. Омелянъ Любенко съ женою и дѣтьми. Овдокимъ Коваль съ женою и дѣтьми. Евфимъ Коминокъ съ женою и дѣтьми. Семенъ Лихачъ съ женою и дѣтьми. Гришко Левоновъ съ женою и дѣтьми. Михайло Булдзенокъ съ женою и дѣтьми.

Слобода *Хреновичи* надъ болотомъ Рожечнымъ, въ которой подданныхъ не много:

Федоръ Мишуковъ съ женою и дѣтьми. Ничыпоръ Левоновичъ съ женою и дѣтьми.

Деревня *Куршиновичи*, селище *Крашево*, островъ *Исайовскій* и *Городецъ* надъ рѣкой Трубешомъ и Медвѣдкой; въ томъ селѣ подданные:

Якимъ Лайловичъ съ женою и дѣтьми. Максимъ Опара съ женою и дѣтьми. Стефанъ Ермаковъ съ женою и дѣтьми. Лашко Косякъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Ермаченокъ (Ермаченко?) съ женою и дѣтьми. Кондратъ Плоскій съ женою и дѣтьми. Стефанъ Пидчеропъ (?) съ «прыймою» своимъ Борисомъ. Алексѣй Поджола съ женою и дѣтьми. Микита Ласкевичъ съ женою и дѣтьми. Филонъ Щкляричъ съ женою и дѣтьми. Федоръ Тѣсто съ женою и дѣтьми. Кондратъ Плоскаго племянникъ съ женою и дѣтьми. Атрохъ Тѣсто съ женою и дѣтьми. Демидъ Будникъ съ сынами своими, съ женами и дѣтьми. Захарко Козакъ съ братомъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Алексѣй Кутыкъ съ женою и дѣтьми. Осипъ Дудка съ женою и дѣть-

ми. Ничыпоръ Апаренокъ съ женою и дѣтьми. Радко Кудрявый съ женою и дѣтьми. Лашко Тымошенокъ съ женою и дѣтьми. Лукьянъ Рыжій съ женою и дѣтьми. Романъ Сукачъ съ женою и дѣтьми.

Дворъ и село *Медвѣдово* надъ рѣчкою Пѣнейкою. Въ немъ немного построекъ: пекарня съ сѣньми и подъ избою свирня съ подклѣтомъ, конюшня съ кошарою и гумно, сверхъ того мельница со всѣми принадлежностями. Въ томъ селѣ подданные отчичи:

Матвѣй Шустѣловъ съ женою и дѣтьми. Климъ съ женою и дѣтьми. Якимъ изъ Велемоножъ съ женою и дѣтьми. Гаврикъ Шустѣненокъ съ женою и дѣтьми. Леонъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Яцко, зять Леоновъ, съ женою и дѣтьми. Зѣнько съ женою и дѣтьми. Гаврикъ Лысый съ братомъ своимъ Кондратомъ, съ женами и дѣтьми. Атрошко, Романовъ зять, съ женою и дѣтьми. Андрей Лазевскій съ женою и дѣтьми. Матьяшъ съ женою и дѣтьми. Романъ съ женою и дѣтьми.

Къ тѣмъ селамъ и деревнямъ издавна принадлежатъ: селище Бутовскаго, Каптюжино верхъ рѣки Пѣнейки, Заничи, Иваничи, селища Клещово надъ рѣчкой Цитвой, Бахаевское надъ рѣчкою Перестянкою, Ярцово надъ рѣчкою Цитвою, селище Чекарцове (?) надъ рѣчкою Росткою въ Мглинской волости, селище Рощиновское надъ рѣчкою Судынкою, селище Рожевское надъ Тростянкою и Возницою въ Послинской волости; на земляхъ Клющевскихъ и Горскихъ три городища въ разныхъ мѣстахъ: одно Чижово надъ рѣчкою, а другое Волжино ниже устья рѣчки Жолвѣди, а третье Горское надъ рѣкою Сновью. Горску принадлежатъ три церкви: св. Миколая, св. Юрія и третья св. Спаса. Къ нему же принадлежатъ селища: Тарасовское, Пычоничи, Дороховское надъ рѣчкою Илькучею, селище Праликовское надъ рѣкою Сновью, селище Данки надъ рѣчкою Вербью, селище Измаиловское, Сѣмашкино надъ рѣчкою Тетивою и Мищанкою; сверхъ того бортные уходы, островъ Меншицкій и островъ Бабичи,— со всѣмъ, что издавна принадлежало къ тѣмъ селищамъ и деревнямъ; сверхъ того усадебное мѣсто (plac) съ постройками на улицѣ Могилевской въ городѣ Стародубѣ.

Разграниченіе тѣхъ всѣхъ вышеименованныхъ маетностей:

Первая пята начинается отъ двора и села Горска и деревни Клюсовъ, направляясь отъ пустой хоромины и Галаго болота и отъ

Частаго (Częstego) кургана да въ рѣку Сновь; рѣкою Сновью внизъ правымъ берегомъ въ Быстрицу; отсюда черезъ лугъ сѣчеными рубежами [1]) да въ Венище; отсюда также сухимъ берегомъ сѣчеными рубежами въ Велькунь; съ Велькуни къ болоту вверху рѣчки Илькучи; отсюда черезъ болото Илькучи да въ рѣчку Слотъ; вверхъ рѣчки Слота, правымъ ея берегомъ, приходимъ къ границѣ съ деревнею Лозами, ясновельможнаго пана каштеляна Черниговскаго п. Адама Киселя; отсюда сѣчеными рубежами въ рѣчку Илькучу, а этою рѣчкою да въ рѣку Сновь; рѣкою Сновью вверхъ, правымъ берегомъ черезъ луга этой рѣки къ озеру Кутчища; отъ этого озера и р. Мѣщанки (?) въ Черцовъ лугъ; вверхъ лугомъ Черцовымъ, правымъ берегомъ, да въ Липовые лѣски, сѣчоными рубежами, въ болото Жилино; съ этого болота Жилина сѣчоными рубежами да въ Крутой лугъ; а тѣмъ Крутымъ лугомъ въ болото Мостище да на Терновскую дорогу (шляхъ); съ того Терновскаго шляха да въ рѣчку Колыбельку; рѣчкою Колыбелькою да въ рѣку Даворку сѣчоными рубежами; той же рѣчкою Даворкою да въ Сасовыя поляны, сухимъ берегомъ, сѣчоными рубежами въ лѣсъ Медвѣжій; съ Медвѣжьяго лѣса да въ рѣчку Цату; тою рѣчкою Цатою вверхъ къ рѣчкѣ Вакѣ (Валіи?), а этою рѣчкою въ рѣчку Берложную; рѣчкою Берложною вверхъ, а отсюла сухимъ берегомъ сѣчоными рубежами да въ Галое болото, къ Частому кургану да въ рѣчку Сновь. Отсюда началась первая пята двора и села Горска, также деревни Клюсовъ и иныхъ селищъ и пустошей, къ тѣмъ селамъ издавна принадлежащихъ, какъ было за его предковъ.

Ограниченіе деревни Куршиновичъ и селища Красова и острова Городца и Саевскаго: первая пята начинается по рѣкѣ Снови отъ устья рѣчки Злынки, правымъ берегомъ р. Снови, до рѣчки Столпни; рѣчкою Столпнею вверхъ Умертвицы, сѣчоными рубежами, сухимъ берегомъ да въ лѣсъ Ямный, вверхъ, пересѣкая Черниговскій шляхъ, да въ Кривыя сосны, сѣчоными рубежами, да въ рѣчку Крайню, Берложную, а той рѣчкой Берложной внизъ да въ Крушиновые лѣски, а тѣми перелѣсками да въ рѣчку Храпіолку; тою-жъ рѣчкою Храпіолкою да въ рѣчку Цату, а рѣчкою Цатою вверхъ правымъ берегомъ въ рѣчку Ваку; съ той рѣчки Ваки да въ Чорный лугъ, а лугомъ, берегомъ, сѣчеными рубежами, въ лѣсъ Ржавецъ да

---

[1]) *„Сѣченые рубежи“*—граничные знаки на деревьяхъ.

въ рѣку Трубешъ; рѣкой Трубешемъ да въ рѣчку Крапивну; отъ рѣчки Крапивной въ лугъ болота Ольшанецъ, а съ того луга Ольшанца сѣчеными рубежами въ рѣчку Сѣмчу, тою жъ рѣчкою внизъ да въ рѣку Сновь, а рѣкой Сновью до устья рѣчки Злынки, откуда началась первая пята того села Куршиновичъ и иныхъ пустошей, издавна къ тому селу принадлежащихъ.

Граница села во дира Медвѣдова и селищъ къ тому двору принадлежащихъ: селища Иваничъ, Вышкова и Шумова, Прибыткова и... (пропускъ) и Заниховъ.—Первая пята начинается отъ Клещовскаго болота, идетъ внизъ по рѣкѣ Титвѣ, отсюда въ рѣку Сновь, а вверхъ рѣкою Сновью въ рѣчку Черноту, рѣчкой Черноткой вверхъ тѣмъже лугомъ Черноткинымъ да въ Осиновые лѣски, сѣчеными рубежами, въ Скоморожскіе лѣски по старую дорогу Топальскую, этой-же дорогой Топальской, ѣдучи до Медвѣдева, въ Юрковую Лозу сѣчеными рубежами по курганъ, а отъ того кургана сѣченымъ рубежемъ въ рѣчку Пѣнейку, въ Большіе Колодязи, внизъ рѣчкою Пѣнейкою правымъ берегомъ до рѣчки Титвы, откуда началась первая пята той границы двора и села Медвѣдева.

Ограниченіе двора деревни Бутовскаго, селища Каптюжина и селища Заничъ.

Первая пята той границы начинается отъ рѣчки Пѣнейки и отъ Колдышова «прядыща» (конопляннника) къ кургану, отъ того кургана въ Чорную Лозу и съ Винной Купѣли къ Виловатому дубу сѣчеными рубежами, лугомъ вверхъ въ Юрковую Лозу; съ той Юрковой Лозы на Старый гостинецъ Терновской дорогой къ осиновому колку (пню) Скоморошки; отъ осиноваго колка сѣчеными рубежами до дубоваго колка, а отъ того дубоваго колка Старымъ гостинцемъ къ кургану, а отъ кургана да въ Чорную Лозу; отъ Чорной Лозы вверхъ сѣчеными рубежами да Шкваркою дорогой въ осиновые колки; съ осиновыхъ колковъ въ Козье Болото, отъ Козья Болота Шкваркою дорогою да въ Мохъ; отъ того Моху гостинцемъ великимъ въ Литовскіе... тѣмъ гостинцемъ въ дубовые колки сѣчеными рубежами да въ Орловое Гнѣздо: съ Орловаго Гнѣзда да въ Крутой Лугъ; съ того Крутого Луга вверхъ сѣчеными рубежами къ Змѣевому кургану; отъ Змѣеваго кургана сѣчеными рубежами въ Крутой Лугъ; Крутымъ Лугомъ въ болото Иржавецъ, съ котораго болота въ рѣчку Пѣнейку,

а рѣчкой Пѣнейкой внизъ правымъ берегомъ къ Кѣльдышову прядыщу, откуда началась первая пята той границы.

Въ этихъ границахъ панъ Іосифъ Борозна самъ и подданные его, а равно жена и потомство его имѣютъ право вольнаго распоряженія какъ землями всякими, такъ деревомъ бортнымъ, ловами звѣриными, птичьими и рыбными, гонами бобровыми, рѣками, рѣчками и озерами и вообще всѣмъ отъ малаго до большаго, какъ съ давнихъ временъ предки его пользовались. И на то я, дворянинъ, даю этотъ инвентарь, учинивъ его согласно привилегію и листу Е. К. М. ко мнѣ писанному,—съ печатью и съ подписью руки моей, а также съ печатями и съ подписями рукъ вознаго и шляхтичей, при мнѣ находившихся, кто изъ нихъ писать умѣли; даю его шляхетному пану Іосифу Борознѣ, женѣ, дѣтямъ и потомкамъ его на всѣ послѣдующія времена. Писанъ въ Горскѣ, лѣта Господня 1638 го, мѣсяца іюля 30-го дня.

Александръ Владиславъ Быковскій, мечникъ повѣта Рѣчицкаго, дворянинъ Е. К. М. Янъ Жолтовскій, возный Е. К. М. повѣту Рѣчицкаго (по-русски). Александръ Сенигорскій рукою власною. Наумъ Петровскій рукою (по-русски). Григорій Жеды... рукою.

Запорожье въ концѣ XVIII вѣка [1]).

(Современная записка).

Предлагаемая здѣсь записка взята нами изъ одного *сборника*, (Silva rerum) конца XVIII в. (въ собраніи графа А. С. Уварова, № $\frac{451}{л.}$. л. 157—173), гдѣ она названа ***примѣчаніемъ о запорожцахъ***. Писана она, какъ видно изъ §§ 2 и 9, въ царствованіе Екатерины II, во время первой турецкой войны (1768—1774), слѣдовательно незадолго до взятія Сѣчи генераломъ Текели (1775). Въ запискѣ этой можно видѣть обвинительный актъ противъ запорожцевъ, написанный, быть можетъ, по порученію правительства, которое въ то время задумывало уже объ уничтоженіи Сѣчи [2]). Какъ бы то ни было, за-

[1]) Настоящая записка перепечатывается нами изъ одного малоизвѣстнаго изданія (Архивъ юридическ. свѣдѣній) 60-хъ годовъ.—*Ред.*

[2]) См. Современ. 1848 г., N 7, *А. В. Головатый* и ср. *Разсужденіе о запорожцахъ*—Миллера. Чтен. Моск. Общ. истор. и древн. 1847 г.

писка эта, вмѣстѣ съ извѣстною «Исторіею о козакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкаго [1]), и повѣствованіемъ Коржа [2]), представляетъ довольно вѣрную картину отжившаго свой вѣкъ Запорожья [3]).

Ал. Лазаревскій.

1) Земли какъ ниже Старой Линіи, по обѣимъ сторонамь Днѣпра, съ присвоенными, въ нынѣшнюю войну, отъ новороссійской губерніи, въ длину—отъ Бахмута до рѣки Буга, до 600, а въ ширину отъ устья Бердъ до старой украинской линіи—350 верстъ.

2) Граничатъ оныя съ войскомъ донскимъ, слободскою и новороссійскою губерніями; отъ стороны турецкой—съ очаковскою и нынѣшняго нашего союзнаго Крыма землями; а противъ Кубани по Азовское море. По оной границѣ, съ открытой стороны, заведены нынѣ вновь россійскія крѣпости, какъ то: Таганъ Рогъ, по рѣкамъ: Бердъ, Конской, при устьяхъ Московки, а отъ Очакова--Екатерининскій шанецъ.

3) Мѣста имѣютъ они изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ, и при морскихъ заливахъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Бердъ и близь очаковскаго Лимана, и въ ономъ, по договору съ турками, за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова.

4) Въ мирное время имѣютъ комерцію отъ Сѣчи по Днѣпру, черезъ Очаковъ и Лиманъ, Чернымъ моремъ, купеческими, наемными у турковъ кораблями, въ Царьградъ и далѣе, на Бѣлое море, отправляя туда получаемые товары и изъ польской Украины, Малороссіи и изъ разныхъ мѣстъ, граничащихъ съ ними: желѣзо, говяжье и овечье мясо, полотно, храшъ, пеньку и канатъ; оттоль вывозятъ мыло, сафьянъ, мишини (?), хлопчатую бумагу, турецкія матеріи, виноградное вино, лимонный сокъ, деревянное масло и разную бокалею, то есть: изюмъ, винныя ягоды, лимонъ, сарочинское пшено, кофей и разныхъ родовъ орѣхи.

5) Поставляютъ хлѣбъ пшеничный и также изъ вышеписанныхъ потребныя вещи въ Крымъ и въ Очаковъ и имѣютъ продуктъ съ турками и татарами, продажею имъ на сихъ дикихъ земляхъ получающихъ [4]) ими довольнаго числа разнаго рода бывающихъ въ ук-

---

[1]) Москва, 1847—8, и Одесса, 1852, 8.

[2]) Устное повѣствованіе бывшаго запорожца Н. Л. Коржа. Одесса, 1842, 8.

[3]) Печатая записку, мы позволили себѣ держаться въ ней правописанія современнаго.

[4]) Получаемыхъ (?).

раинскихъ мѣстахъ дикихъ звѣрей, а изъ Крыма вывозятъ соль, также вино и бокалею жъ.

6) Продаютъ оные, вывозимые, товары и мѣняютъ на тѣ, отправляемые ими, а также и на горячее вино съ Малороссіею и польской Украины промышленниками.

7) Получаютъ знатную сумму отъ купцовъ, поставляя отъ Сѣчи разные товары по Днѣпру, въ Очаковъ и Кинбурнъ, а также и оттоль, съ приходящихъ кораблей, какъ оные случается, что въ сухменное время и шедъ очаковскимъ Лиманомъ, выше устья Буга, въ разливъ, называемый Козій, днѣпровскими гирлами, иногда не проходитъ безъ облегченія съ нихъ на лодки. А случается, при томъ, часто, что турки съ купцами и договоры имѣютъ поставлять товары до Очакова, а не до Сѣчи.

8) Сбираютъ они съ купечества не меньше половинной части, противъ таможенныхъ сборовъ, подъ видомъ не такъ чтобъ учрежденной отъ нихъ тарифы, а берутъ они за перевозъ войсковыми лодками, а на сухомъ пути, черезъ рѣки, за мосты (ибо во всей ихъ землѣ нѣтъ ни единаго моста, или хотя бы на малѣйшемъ протокѣ гати, съ которыя бы не собиралось на полковника той паланки, въ дачахъ которой есть переѣзды, съ порожной телѣги по копѣйкѣ). А также и за безопасность въ пути, отъ ихъ людей за конвоеваніе приставленнаго одного человѣка къ ѣдущему обозу, съ войсковымъ пернначемъ или булавою, а больше прилѣпленною на булавѣ войсковою печатью; однакожъ хотя бы сего конвоя кто и не требовалъ, но ему даютъ и долженъ расплатиться непремѣнно, по точности ихъ установленія.

9) Число ихъ, запорожцевъ, всегда считалось военныхъ людей 40,000, а вмѣсто того весьма ихъ было мало и дѣйствительно вооруженныхъ и справныхъ, отъ собственнаго своего имущества, козаковъ никогда бы больше конныхъ выѣхать не могло, за остающимися у присмотра домовъ, какъ тысячъ до шести; а также и пѣшихъ козаковъ не болѣе быть можетъ, какъ тысячи четыре, должность которыхъ отправляютъ съ нихъ въ пѣхотѣ всякій, неимѣющій ремесла и пропитанія, бродяга, убѣгая работы, за плату изъ казны 12 р. жалованья и провіанта. А нынѣ они, запорожцы, имѣютъ людей всякаго званія тысячъ до ста, ибо у нихъ, въ нынѣ продолжающуюся войну, вновь поселилось и безпрестанно населяется убѣгающихъ отъ службы и податей изъ Малороссіи, изъ новороссійской и слободской губерній, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, противъ елисаветградскаго и мол-

давскаго полковъ, впереди Старой Линіи и по рѣкамъ Самарѣ, Орели и по Кривому Торцу, болѣе двадцати пяти тысячъ дворовъ съ фамиліями; коими людьми они себя достаточно подкрѣпили и могутъ войска поставить, имущественныхъ людей, кои отъ собственнаго своего капитала исправиться въ состояніи, которыхъ козаковъ, безъ нужды, тысячъ пятнадцать и болѣе, кромѣ бродягъ, служащихъ, какъ выше значится, въ пѣхотѣ, изъ пропитанія, и нынѣ у нихъ службы отбываютъ въ походѣ конную все почти женатые. Неслужащіе же, домовные люди, обращены въ подданство, разчисленіемъ на содержаніе сорока куреней, отъ которыхъ старшины знатнымъ образомъ полнятъ свои карманы; ибо у нихъ курень называется такъ какъ бы полкъ, а всѣ люди, записанные въ ономъ, только числятся, а живутъ въ разныхъ мѣстахъ и довольствуются всякъ своимъ, слѣдственно и расходу больше быть не можетъ, какъ только тотъ курень починить, настатчить, удовольствовать тепломъ и кормить живущихъ въ немъ нѣсколько сторожей.

10) Отъ службы ихъ военной, какъ отъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, въ регулярномъ войскѣ польза больше только та, что умножаетъ счетъ, а впрочемъ помощь отъ нихъ весьма мала, но и то видъ сей военныхъ людей отправляютъ они во время только одной кампаніи, на нѣсколько мѣсяцевъ, а всегдашней службы, чтобъ оную нести, безъ разсчета своихъ выгодъ, или относительно закопорованія земли (?) и прочаго, въ зимнее время попеченія, никогда прямой тягости и нужды, въ войнѣ почерпаемыхъ, такъ какъ другіе военные люди, или донскіе и малороссійскіе козаки, отдѣлены отъ своего гнѣзда, снести не могутъ, даже и послѣдней помощи не дѣлаютъ, что на собственныхъ ихъ земляхъ почтъ для случившихся курьеровъ содержать имъ не ввѣряютъ.

11) Народъ сей отечеству никакихъ податей не платитъ, кромѣ вышеписанной службы, пользуется такою, по ихъ прихотямъ, вольностью и выгодами, каковыхъ ни одна земля между устроенными межами не имѣетъ.

12) Закона и учрежденій никакого у нихъ нѣтъ; пріемлютъ себя, что быть имъ повинными одной только, когда къ нимъ особливо написана будетъ о чемъ, императорской грамотѣ, а въ прочемъ, касающемся до нихъ, какъ по военнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ, исполняютъ тогда, когда они ласковостью бываютъ увлечены, хотя бы и отъ высокихъ чиновъ, и всякія государственныя учрежденія считаютъ, что оныя имъ не принадлежатъ.

13) Начальникъ у нихъ кошевой атаманъ, и, по ихъ обыкновенію, долженъ быть грамотѣ незнающій и зависящій отъ общественнаго выбора; но однакожъ нынѣ сей выборъ согласіемъ старшинъ пресѣкся; главная въ правительствѣ ихъ министерія та, что въ ономъ обществѣ, кто только возжелаетъ препроводить, сколько будетъ его воля, дней своего вѣка и записаться въ козаки, то хотя бы онъ рожденъ и воспитанъ былъ разумно, долженъ учиться суровости и невѣжеству, во всѣхъ поступкахъ, и казаться свѣту, что ихъ сердца, смѣшанныя съ сущею простотою и всегдашнимъ хмѣлемъ, ничего не устрашаются и о всей жизни будто бы не пекутся, и никакимъ собственнымъ интересамъ, никакой повинности не привязаны, кромѣ доброй своей ко всякому дѣлу воли. И тѣмъ самымъ начальники сего войска, обучившіеся сему ремеслу, утверждаютъ, что ни въ чемъ они не властны, когда къ чему не приступитъ чернь, называемая ими товариществомъ, и что принадлежитъ до сей черни, то оная и въ самой вещи наполнена невѣжествомъ и слабостью къ пьянству, и по простотѣ своей природы, и безъ той ихъ старшинской внушаемой науки, довольно глупа. Но однакожъ столько повинны и порабощены, что послушанія таковаго въ разумномъ и распоряженномъ народѣ бываетъ не всегда и нельзя не быть, по ихъ обыкновенію, потому что хотя бы и малѣйшая противность примѣчена за кѣмъ была, властенъ кошевой атаманъ, безъ всякаго суда, да хотя бы и безъ вины, не отвѣтствуя никому, приказать лишить жизни; а въ сущемъ дѣлѣ, оное только въ предметѣ, къ пользѣ однихъ своихъ личныхъ интересовъ, почерпающихъ между внушенною простотою своей черни, ибо нерѣдко случается, что тѣ же старшины, казавшіеся въ Сѣчи запорожской ничего непонимающими, но бывъ нѣсколько лѣтъ, изъ бѣднаго студента, выѣзжаютъ въ Малороссію съ хорошими капиталами и происходятъ въ чиновники, а съ тѣмъ чиномъ, въ мѣсто того, что онъ въ Сѣчи запорожской не зналъ грамотѣ россійской, вдругъ раждаются и другія науки.

15) Всякой у нихъ начальникъ за продерзость въ малѣйшемъ хотя воровствѣ, или примѣтя волокитство за женскимъ поломъ, воленъ того преступника лишить всего имущества въ собственной свой карманъ, какого бы то капиталу онъ ни былъ, а никому за то не отвѣтствуетъ; а кольми паче въ волокитствѣ, хотя бы виновный и безъ прилики приведенъ былъ, всячески стараясь найтить истину его прегрѣшенія, сему наказанію подвергаютъ; о чемъ находящіеся при старшинахъ письменные, кои генерально изъ малороссійскихъ

школьниковъ у нихъ бываютъ, не пропускаютъ времени усугублять свое попеченіе о надсматриваніи за богатыми козаками, обходя бѣдныхъ.

16) Мѣста тѣ, которыя граничатъ съ запорожцами, никогда въ желаемый порядокъ приведены и успокоены быть не могутъ. Они тѣхъ сосѣдей своихъ, разстроенныхъ порядкомъ, раззоряютъ безпрестанно: дѣлаютъ набѣги, отнимаютъ близь ихъ лежащую землю, съ населенными людьми, и разными оныя старшины алчностями къ прибыткамъ, пріобрѣтаютъ изъ нихъ свои интересы, какъ такіе люди, которые для того только и жертвуютъ своимъ состояніемъ сему образу гнусной жизни, чтобъ, успѣвъ нажиться, выйти скорѣе обратно въ тотъ край, гдѣ единоземцы его, въ жизни своей, чувствуютъ спокойствіе и благоденствіе. Какого бы рода и званія ни былъ человѣкъ, уволенный ли отколь, или бѣглецъ, они его принимаютъ, а въ сосѣднихъ мѣстахъ, простой народъ подговариваютъ и тѣмъ дѣлаютъ въ податяхъ и службѣ государевой подрывъ. Чрезъ то никакого основательнаго и крѣпкаго въ оныхъ господственныхъ съ ними мѣстахъ, учрежденія, въ разсужденіи побѣговъ и скрывалища безпрепятственнаго, сдѣлать невозможно. Юношество и молодыхъ, несовершеннаго разума людей, сколько обманомъ, а иногда увозятъ при удобномъ случаѣ и неволею. Нерѣдко случается, что достаются имъ въ добычу и благородныхъ людей дѣти, имѣющіе начало въ наукахъ, и вмѣсто того, что возросшій съ лѣтами его разумъ, полезенъ бы былъ обществу, то у нихъ какъ по молодости своей немогущій проникнуть старшинскаго притворнаго обращенія, которые пьяницами и непонятными никогда не бывали, и въ самой вещи пріучаются между симъ обществомъ невѣжеству и пьянству. Словомъ, ни одно войско регулярное пройти по ихъ землѣ никогда не можетъ, чтобъ они его не убавили своими подговорами и принятіемъ бѣглецовъ.

17) Говорятъ, при томъ, запорожскіе старшины, что у нихъ въ войскѣ есть разнаго рода иностранные люди и наполняютъ его со всѣхъ сторонъ; но однакоже великаго бы имъ труда стоило, еслибъ они во всей своей землѣ отыскали нѣсколько человѣкъ прибѣгающихъ къ нимъ иногда армянъ, грековъ и жидовъ; да могутъ и хвалиться, что черезъ нынѣшнюю войну, ниже Стараго Казака, у Днѣпра, населили село Волоховъ, а впрочемъ, какъ сами, а не старшины, такъ и всѣ ихъ козаки населившіеся, есть природные россійскаго престола, а нѣкоторые, но весьма малая часть есть въ числѣ оныхъ изъ польской Украйны.

18) Родъ сей, въ правительствѣ ихъ секты, весьма хитеръ, проницателенъ и остороженъ въ разсужденіи своихъ интересовъ, сопряженныхъ съ таковою вольностію, чрезъ которую не даютъ они никому въ оныхъ отчета; прилежно пекутся всячески, дабы оная не подвергалась законамъ своего отечества и власть ихъ въ оныхъ безпредѣльная и неограниченная была порядкомъ.

19) И потомъ, недовольно внутреннія свои прибыли, но и весь оной шаръ земли обращать стараются въ неизвѣстность и неполезность никакое обществу распоряженіе.

20) Одинъ генералъ въ 1763 г., по бытности своей въ Украйнѣ, послалъ къ нимъ съ просьбою, чтобъ нѣсколько товаровъ изъ Сѣчи сплавить въ Очаковъ, Днѣпромъ; однако они, держась своей осторожности, не преминули упредить, дабы такіе люди дороги къ нимъ впередъ не накладывали и тѣ товары на камень, который лежитъ въ Днѣпрѣ, ниже рѣки Рогачика и урочища, называемаго Насоновская Плавня, накрытой водою (къ) крымскому берегу небольшія лодки посадили; а ихъ запорожскія недовольно лодки, но и турецкіе большіе корабли, всегда приходятъ благополучно, и доказываетъ сіе то, что въ нынѣшнюю войну, когда турецкая флотилія вошла въ Днѣпръ и запорожцы ихъ прогнали, то разбитой при томъ сраженіи одинъ корабль, выше Шингерейскаго ретраншамента, противъ урочища Виливалъ, и нынѣ лежитъ и виденъ и хотя оной небольшой величины, однакожъ на немъ было, съ военными людьми, девять пушекъ, но были же въ той флотиліи конечно и больше.

21) А при томъ запорожцы не забываютъ смотрѣть и на обстоятельства политическія, и по онымъ себя измѣрять, когда имъ прибавить или убавить своей смѣлости и говорить о своемъ обществѣ и утверждать оное отъ самодержавной власти, и знаютъ время, когда имъ что нибудь предпринять на примѣръ.

22) Какъ скоро нынѣшняя съ Портою Отоманскою война открылась, то запорожцы тотчасъ въ совѣтѣ своемъ положили, всѣ селенія, лежащія отъ устьи Салери (Самары?) до рѣки Конской по рѣкамъ Волчей, Терномъ, сухимъ и мокрымъ яламъ [1]), по Торцу и по Калміусу—сжечь, а нѣкоторыя оставить безъ жителей, что того жъ времени и исполнили: селеніе Усть-Козмиуса (sic), гдѣ было дворовъ

---

[1]) Ср. Опытъ областн. словаря, стр. 274, *яловый*—порожній, пустой, неплодный; *яловая скриня*—потокъ, на которомъ нѣтъ мельницы. Слово *ялъ* должно быть равнозначущимъ *байраку, балкѣ*. А. Л.

до пятисотъ и церковь, сожгли, а жителей всѣхъ согнали къ устью Самары и къ Сѣчи запорожской; а тоже самое сдѣлали и въ живущихъ при Днѣпрѣ, ниже Сѣчи запорожской, къ рѣкѣ Бугу и къ елисаветградской провинціи. Но чтобы отъ сего заключить? Если согласно говорить съ запорожцами, можно сказать, что они сдѣлали хорошо, дабы ихъ люди, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, по ихъ зимовникахъ, не сдѣлались непріятелю жертвою; но если жъ посмотрѣть въ послѣдующее потомъ съ новороссійскою губерніею ихъ обращеніе, то конечно увидѣть можно, не было ли тогда у запорожцевъ на умѣ, чтобы въ право къ елисаветградской провинціи, а влѣво къ Старой Линіи и до Бахмута, татары очистили имъ земли по ихъ батиреевой (sic) грамотѣ, по которой они имѣютъ дѣло съ новороссійскою губерніею.

23) Сіе доказываетъ то, что еслибъ запорожцы въ охраненіи отечества своего границы, войска своего въ одно мѣсто не сбирали, а оставили бы хотя по малой части при устьяхъ рѣкъ Московки къ вершинамъ Волчей и посреди рѣки Калміуса, а въ правую сторону къ устью Буга и устью рѣки Синюхи, то татарамъ приходить бы было трудно, или по крайности свѣдомъ бы былъ непріятель о его предпріятіяхъ и удерживаемъ, поколь собрались бы россійскія войска онаго преслѣдовать и имъ отдалять отъ себя опасности не было никакой, въ разсужденіи свободной ретирады къ россійскимъ границамъ; но вмѣсто онаго, увидя на послѣдокъ, что татары ворвались въ границы новороссійской губерніи, большаго вреда не сдѣлали и селенія оныя остались въ своей силѣ, запорожцы, спустя тѣ татарскіе набѣги, въ скоромъ времени начали отнимать и отняли отъ новороссійской губерніи земли съ населенными людми отъ елисаветградской провинціи по самыя ротныя селенія полковъ молдавскаго и елисаветградскаго, отъ екатерининской провинціи, съ служащими донецкаго полку пикинерами, по рѣкѣ Орель, отъ вершины оной по Старую Линію, а также и отъ изюмской провинціи; и дѣлали сіе отнятіе самымъ хитрѣйшимъ образомъ: какъ скоро пошлютъ команду отъ котораго селенія отнимать, то въ тожъ время отправятъ депутата въ Петербургъ съ просьбой, что они обижены отъ новороссійской губерніи.

24) Неудовольствуясь же тѣмъ отнятіемъ селъ и деревень, обнадеживъ себя, что имъ была въ томъ удача, вдругъ противъ городовъ Бахмута, Спора (?) и Изюма и близь самой Старой Линіи и противъ полковъ пикинерскаго донецкаго и елисаветградскаго и гу-

сарскаго молдавскаго, въ виду тѣхъ селеній, подѣлали полковыя избы, называемыя ими, запорожцами, *палатками*, и всякую тяжесть народную, какъ обыкновенно во время военное случается, начали накликать вольность, обѣщавши приходящимъ къ нимъ людямъ по два года льготы; почему въ сіе короткое время накликали и населили, прежде упомянутые, дворовъ болѣе двадцати пяти тысячъ, слободы, дѣйствительно изъ жителей новороссійской губерніи и частію изъ Малороссіи и слободской губерніи.

25) Когда же успѣли запорожцы отнять земли и сдѣлаться новороссійской губерніи такъ ближними сосѣдями, то завели безпрестанную и конечно вседневную ссору и чинятъ великія раззоренія, грабятъ безпрестанно, отгоняютъ скотъ, умерщвляютъ людей, жгутъ селенія и лишаютъ хлѣбопашества и единственно только для того, чтобъ люди къ нимъ переходили, а землю, на которой они обитаютъ, оставляли впустѣ, дабы и оною имъ впредь воспользоваться.

26) Теперь запорожцы поселили на отличныхъ земляхъ, противъ всей новороссійской губерніи, зачавъ отъ молдавского полку, до рѣки Донца, а слободской губерніи, противъ Изюма и Тора, а также и противъ Бахмута великія слободы, заграждаютъ свои пустыя, впереди оныхъ лежащія земли, тѣми поселянами; а тѣ великія степныя мѣста, отъ Самары и отъ Калміуса до Азовскаго моря, на рѣку Конскую, а отъ елисаветградскаго и молдавскаго полковъ до Днѣпра оставляютъ впустѣ, въ намѣреніи, чтобъ той пустой и необъяной ими земли было всегда у нихъ много, ко удобности той, чтобъ было гдѣ, въ случаѣ, скрыть имъ что нибудь встрѣчающееся.

27) Нынѣ, они, утвердя свои границы самовластно, ведутъ министерію своими просьбами объ отдачѣ имъ земель по батереевой грамотѣ (коей они подлинной, какъ я слышалъ, не имѣютъ, а пользуются полученною малороссійскаго миргородскаго полку, въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ, отъ какого то старшины копіею), чтобы всю елисаветградскую провинцію свесть имъ и отдать, а также земли отъ устья рѣки Орели на Донецъ донскихъ селеній, въ которую дачу входятъ города Торъ и Бахмутъ, съ принадлежностями, а также и бахмутскій гусарскій полкъ, готовятъ же просьбу и объ отставленіи вновь заведенныхъ при рѣкахъ Московкѣ, Конской и Берданѣ линіи, поелику по оной дѣлаются крѣпости на ихъ земляхъ, и они чувствуютъ будто бы утѣсненіе, а самой вещи главнѣйшій ихъ предметъ тотъ, что хотя бъ у нихъ и больше еще земли взяли, нежели какъ они имѣютъ претензію, но только бъ они оставлены были при ихъ без-

предѣльныхъ вольностяхъ, и, при оныхъ оставшись, получить утвержденіе на свою межу, да прилежно пекутся, дабы ихъ границы были соединены съ донскимъ войскомъ.

28) Словомъ, маленькой сей кусокъ земли примѣтенъ относительно до общества, а оной навѣрное не таковъ въ самой вещи, по нынѣшнему ихъ положенію и жизни, какъ объ оныхъ заключаютъ по ихъ виду.

29) Прежде запорожцы были бѣдны, а нынѣ всѣ они богаты и подчиненные ихъ привязаны ко всякой повинности; гдѣ прежде у нихъ были хутора, тамъ нынѣ распостранились великія селенія, и живутъ домами, имѣютъ женъ, дѣтей, хорошее скотоводство и промыслы.

30) Старшины, это правда, что не женаты, однакожъ своими великими экономіями также подвергаютъ себя, въ случаѣ какого объ нихъ учрежденія, всему что бы ни случилось, повиновенію, а прочихъ бродягъ, кои до сихъ временъ часто, по несогласію старшинъ, за начальническія мѣста дѣлали между собою драки, подобныя бунтамъ, нынѣ немного, то ихъ тѣ же самые женатые козаки усмиряютъ; да хотя бы онаго сброду тысяча какая и разошлась, то оное ничего не значитъ.

31) Въ заключеніе же скажу, что, хотя министерія запорожскихъ старшинъ велика и удачлива, однакожъ и то самое неоспоримо они знаютъ, что, въ случаѣ нехотѣнія ихъ оставлять долѣе на такой ногѣ, исполнятъ они какъ бы всякой вѣрноподданный.

Двѣ лирницкія пѣсни.

Въ № 9 «Кіевской Старины» 1889 г. къ ст. г. Боржковскаго «Лирники» былъ приложенъ небольшой сборникъ лирницкихъ пѣсенъ. Теперь г. Боржковскій сообщилъ намъ еще двѣ пѣсни, которыя помѣщаются ниже.

На войнахъ свитъ настае.

Охъ на войнахъ свитъ настае (2)
На войнахъ ся й скинчае.
Чомъ на свити нема добра?
Нема добра нехай буде.
Нема добра, нехай буде,
Бо сынъ отца не шануе.

Ой сынъ отца не шануе,
Дочка матку зневажае.
Дочка матку зневажае,
Маты дочку проклынае:
Дочка во викы счастья не мае
Тай у пекли пропадае.
Въ чыстимъ поли на роздоли
А тамъ травы зелененьки;
А тамъ травы зелененьки,
Ой тамъ лежать три молодци молоденьки.
А тамъ лежать три молодци молоденьки
Несчаснои удовоньки вси три риднiи сыноньки.
Посичени, порубани
На раноньки позмагани.
Ахъ журуцця, турбуюцця:
Бидна наша головонька,
Що чужая сторононька.
Мувыть иденъ до другого:
Тутъ намъ треба пропадаты,
Бо никому доглядаты.
Тутъ мы, браття, порубани,
Тутъ мы, браття, постриляни.
Тожъ не стрилы насъ пострилялы,
Тожъ не стрилы насъ пострилялы,
Не шабли насъ порубалы;
Не шабли насъ порубалы
Тилько отцеви слова покаралы.
Отцеви слова слагидненьки,
Матерыни слезы все дрибненьки.
Тожъ то воны въ калъ не впалы
Насъ несчасныхъ покаралы.
Колы бъ за насъ матка знала
Щебъ надъ нами змылувалась:
Службы Божи понаймала,
Жалибно-ревно заплакала,
Жалибно-ревно заплакала,
Якъ ластивка заспивала,
Якъ ластивка заспивала,
Якъ зозулька закувала.

Обизвався орелъ чорноперый:
Не журицця ридни братта,
Я вамъ буду товарышомъ.

Я вамъ буду товарышомъ
Я васъ буду доглядаты,

Я васъ буду доглядаты:
Исты й пыты подаваты,

Смажни уста закрипляты,
Ваши раны завываты.

Якъ ставъ орелъ доглядаты—
Жывцемъ очи выдыраты,

Жывцемъ очи выдыраты,
Тило наше поидаты,

Тило наше поидаты,
Червону кровъ пролываты.

—Ой орлоньку чорноперый,
За що жъ ты насъ це караешъ?

—Ой не я це васъ караю
Отцеви слова васъ караютъ,

Отцеви слова слагидненьки,
Матерыни слезы все дрибненьки.

То жъ то воны въ калъ не впалы
Васъ несчасныхъ покаралы.

Старша сестра выражала, коня вела,
Середужча нарадъ несла,

А найменча воритечка видчыняла
Сырій земли прыпадала:

—Ой, братику риднесенькый,
Ой колы ты въ гости будешъ?

Прыбудь, прыбудь буйнымъ витромъ
Прыбудь, брате, яснымъ сонцемъ.

—Визьмы, сестро, писку въ жменю,
Посій, сестро, по каменю,

Якъ той писокъ въ гору зійде,
Тоди твій братъ зъ войны прыйде.

—Ще я того не выдала,
Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ.

Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ,
Щобъ мій братикъ зъ войны прыйшовъ.
(Зап. отъ лирника Дорохтея Карнаухаго въ Винницѣ)

Космына.

Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ горохъ молотыть.
Дай тоби Боже сто кипъ змолотыты, въ решето зибраты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
—Ой ты сыну умный нерозумный,
Такъ тоби трапылось такъ тоби бачыты,
То ты сказавъ бы: дай вамъ Боже не перевозыты,
не переносыты,
Возы поломыты, кони потомыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Охъ тамъ люде тило до гробу провадятъ.
—Дай вамъ Боже не перевозыты, не переносыты,
Возы поломыты, кони потомыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Ой ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось такъ тоби бачыты,
То бъ ты ставъ бы, перехрыстывся, Богу помолывся,
То ты сказавъ бы вичную память,
А намъ ще прожыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ сына женыть.
Дай тоби Боже вичную память,
А намъ ще прожыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Охъ ты сыну умный, нерозумный,

Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
Тобъ ты сказавъ: дай тоби Боже сына одружыты,
Ще сто литъ прожыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ свыню шмалыть.
Дай тоби Боже іи ошмалыты,
Бракъ зъ нею получыты, ще сто литъ прожыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Ой ты сыну умный-нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
То ты сказавъ бы: дай тоби Боже
Іи ошмалыты, іи спорадыты,
Коло стола систы, зъ диточками ззисты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ сивъ у рови с....
Дай тоби Боже цее спорадыты,
Коло стола систы, зъ диточками ззисты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
—А ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
Тобъ ты ставъ бы тай бы не дывывся,
Плюнувъ, оступывся.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ лошата пасе.
Дай тоби Боже ци лошата спасты,
Злодіеви вкрасты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
А ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,

То ты сказавъ бы: дай тоби Боже ци лопата спасты,
На корысть узяты.
Коцюби лопати на охвиру
А хрестіянамъ на здоровля.

(Зап. отъ лирн. Александра изъ Мизякова).

Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ.

Извѣстно, что во время пребыванія въ Бендерахъ, Карлъ XII, независимо отъ регулярной денежной помощи, получилъ отъ турецкаго султана подарки. Объ этомъ, между прочимъ, сохранилось и точное указаніе въ письмѣ французскаго купца Delisle de Birz, находящемся въ парижскомъ національномъ архивѣ (G, 7, 1649), гдѣ оно было найдено Ю. Е. Аѳанасьевымъ, передавшимъ выписку изъ него мнѣ для «Кіевской Старины». Delisle de Birz писалъ изъ Перы 1 марта 1710 г. французскому генералъ-контролеру Desmaretz: «король шведскій все еще находится въ Бендерахъ. Султанъ послалъ ему въ подарокъ 30 лошадей, изъ коихъ на двухъ сбруя украшена брилліантами и жемчугомъ, саблю и султанъ (aigrette), украшенные драгоцѣнными камнями».

Ал. Маркевичъ.

Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи.

Въ извѣстной статьѣ покойнаго М. Максимовича подъ заглавіемъ «Бубновская Сотня» (см. Собраніе сочин. Т. I) удѣлено не мало мѣста одному изъ видныхъ по своей дѣятельности сотниковъ Ѳеодору Василевичу, бывшему сотникомъ съ 1738 по 1752 г. Въ характеристикѣ, данной ему авторомъ, читаемъ: «по преданію извѣстно, что сотникъ Василевичъ... жизнь велъ трезвую, жилъ въ небольшой хатѣ, но держась пословицы: «не красна изба углами»... Имѣнье-же себѣ онъ умножилъ хозяйскимъ трудомъ». Дѣйствительно, не получивъ никакого жалованнаго имѣнья, что не часто бывало съ старшиной козацкой, сотникъ Василевичъ оставилъ послѣ смерти своей порядочное земельное имущество, пріобрѣтавшееся имъ разновременно и по мелочамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ видѣнные нами остатки фамильныхъ документовъ рода Василевичей, хранящіеся теперь у потомковъ сего рода Каніевскихъ, живущихъ въ с. Келебердѣ (Золото-

нощскаго уѣзда). Тутъ встрѣчаемъ болѣе двухъ десятковъ купчихъ крѣпостей, совершенныхъ сотникомъ Θеодоромъ Василевичемъ на сравнительно мелкіе участки земли и по самымъ разнообразнымъ цѣнамъ. Одинъ изъ этихъ документовъ приведенъ М. Максимовичемъ въ указанной статьѣ его, изъ котораго видно, что въ 1743 году Василевичемъ была пріобрѣтена земля, принадлежавшая Кіево-Межигорской обители, находившаяся въ полку лубенскомъ, въ сотнѣ пирятинской, въ степу надъ рѣчкою Чумгакомъ, а именно—лѣсъ, прозываемый *Яровое*. Цѣна за этотъ лѣсъ опредѣлена была такая: «коровъ сѣмь зъ телятами, а восѣмь безъ телятъ, толко надежныхъ къ плоду на будущіе года, да при тѣхъ коровахъ и бугая одного». Но цѣна эта, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, имѣющихся у насъ подъ руками, установлена была не сразу, а послѣ многихъ торговъ. Документы эти—три письма архимандрита Кіево-Межигорской обители Герасима къ отцу писарю катедры Свято-Софійскія (Модесту Стефановичу, впослѣдствіи архимандриту Михайловскаго монастыря), бывшему въ родствѣ съ Θеодоромъ Василевичемъ. Письмо первое писано было 14 февр. 1743 г. въ отвѣтъ на письмо Модеста Стефановича, предлагавшаго уступить Василевичу означенную землю. Вотъ это письмо:

Превелебнѣйшой въ Богу отецъ писаръ катедры Свято-Софѣйскія намъ зичливой о Христѣ брате. На письмо вашея превелебности о продажѣ пану швагру вашему, сотниковѣ бубновскому Θеодору Василевичу грунта нашего Межигорскаго монастыря, въ полку лубенскомъ въ сотнѣ пиратинской надъ *Кагамликомъ* (ошибка—вм. *Чумгакомъ*) купленного, а съ его землею сумѣжного, тако отвѣтствуемъ, что по совѣту всея монастыря нашего братіи приговорили оной грунтъ ему пану сотнику продать за цену отъ монастиря нашего данную, именно за *осмьдесятъ рублей*, да сверхъ того ежели онъ панъ сотникъ не пожалѣетъ монастырю межигорскому дарить *жеребця доброго съ одною кобилицею, згоднихъ на приплодъ лошадейной*, то въ тотъ часъ и оной грунтъ отъ насъ уступленъ будетъ, и о семъ ему пану сотнику ваша превелебность изволите объявить, въ прочемъ же пребываемъ превелебности вашея доброжелателніе Кіевомежигорской обители архимандритъ Герасимъ зъ братіею».

Очевидно, на эту цѣну Василевичъ не согласился и предложилъ свои условія, что видно изъ письма того же архимандрита Герасима къ Модесту Стефановичу отъ 24 февраля 1743 г.:

«Чрезъ нарочного отъ вашея превелебности извѣстилися мы, что имянно панъ сотникъ бубновскій зъ своей стороны поступаетъ

монастырю нашему дать за грунтъ нашъ въ степу надъ Чумгакомъ полку лубенского въ сотнѣ пиратинской остаючій; и на то по согласному всея монастиря нашего братіи совѣту крайне приговорили; ежели онъ панъ сотникъ или *деньгами сто рублевъ*, или *коровъ пятнадцять* молодихъ згоднихъ для *плоду съ однымъ бугаемъ*, или въ замѣну *при селѣ Демянчичахъ* землю (которую городничой нашъ тамошной усмотря за годную въ монастирь нашъ предъявитъ) за плату отдастъ; то въ тотъ часъ и сватами будемъ, за якую землю лучше всего можемъ означенной нашъ грунтъ чумацкой уступить, а иначей нѣкакимъ способомъ онаго мы не намѣрены збувать, о чемъ на произволеніе ему пану сотнику новолите ваша превелебность объявить; сымъ окончавъ пребываемъ» (подпись).

Ясно, что Василевичу, постоянно пріобрѣтавшему землю, не было разсчета согласиться на обмѣнъ земель, а равно и сумма 100 рублей показалась ему дорогою,—и вотъ изъ трехъ предложеній онъ останавливается на способѣ обмѣна земли на коровъ, но и еще разъ пробуетъ поторговаться, что видно изъ третьяго письма архимандрита Герасима къ писарю свято-софійской катедры отъ 28 марта 1743 года:

«Его милость панъ сотникъ бубновскій въ письмѣ своемъ, якое отъ вашея превелебности при писаніи сего марта 26 дня въ монастирѣ нашомъ получено, объявляетъ, что за грунтъ межигорскій, въ сотнѣ пиратинской лежачій надъ Чумгакомъ, желаетъ онъ панъ сотникъ дать монастирю нашему *коровъ десять и бугая.* Мы же за единогласнимъ всея братіи совѣтомъ якъ прежде извѣствовали, такъ и теперъ тѣмъ же крайнимъ словомъ вашой превелебности и ему пану сотнику объявляемъ, что ежели поволитъ онъ панъ сотникъ по первому нашему общебратственному приговору дать за тотъ грунтъ коровъ пятнадцять молодыхъ, рослыхъ и во всемъ здоровыхъ для плоду способныхъ съ однимъ добрымъ же бугаемъ, то оной грунтъ межигорской ему пану сотнику во владѣніе отданъ будетъ, а иначей уступить весма не желаемъ; и о томъ на произволеніе ему пану сотнику изволите превелебность ваша объявить (подпись).

Всѣ эти торги Василевича, какъ видно изъ уступной записи, оказались тщетными: монастырская братія твердо стояла на своемъ, и Өеодоръ Василевичъ въ маѣ мѣсяцѣ пріобрѣлъ этотъ грунтъ за сумму *15 коровъ съ однимъ бугаемъ*, что, по монастырскому разсчету, было равноцѣнно *ста рублямъ*, т. е. каждая рогатая скотина цѣнилась среднимъ числомъ въ $6^1/_4$ рублей.

В. Науменко.

Къ исторіи Мазепиной измѣны.

Мазепина измѣна не могла не произвести нѣкотораго замѣшательства въ народѣ, особенно по ея связи съ нашествіемъ шведовъ. Народъ враждебно встрѣтилъ послѣднихъ. Не менѣе враждебно отнесся народъ и къ той старшинѣ, которая въ виду непріятельскаго нашествія, хотѣла было укрыть свои семьи и свое имущество въ защитныхъ мѣстахъ [1]). Предлагаемый универсалъ Скоропадскаго указываетъ на одну такую вспышку народа. **А. Л.**

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорожскаго гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Пану полковникови наказному стародубовскому, зо всею полковою старшиною тамошнему, ознаймуемъ, ижъ пнъ Панкевичъ, писарь вашъ полковый стародубовскій, жалобливе прекладалъ намъ, что когда отъ наступства непріятелскаго хотячи для беспечнѣйшого убереженяся, выправадити зъ Почепа жону свою за Десну, мѣлъ переѣздъ чрезъ село Чеховку, тамъ бунтовничимъ а праве розбойничимъ способомъ, жители того села Чеховки зобравшися съ другими селянами Карбовскими и Савастьяновскими, заступили дорогу и що колвекъ было при пну Панкевичу въ возахъ худобы, все разграбовали, и самого зъ жоною и зовсѣми при немъ будучими, мало на смерть не позабивали Прето для выведеня о томъ разбою слушной инквѣзиціи, полецаемъ пну Искрѣ, сотникови Погарскому, и пану Турковскому, дозорци добръ нашихъ почеповскихъ, до того села Чеховки зъехати, и по розиску на комъ доведется тая разбойническая вина, самыхъ принципаловъ до вязеня побрати, и абы вся шкода п. Панкевичу вернулася, конечне доискати, а виноватцовъ всѣхъ ведлугъ слушности, скарати приказуемъ. Данъ въ Лебединѣ, декаврія 13 року 1708. Звышъменованный гетманъ рукою власною. (*Съ подлинника*).

[1]) См. Опис. Старой Малороссіи, I, 74.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи. Кіевъ, 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ— просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. С.-Петербургъ. 1889.

Редакція журнала «Кіевская Старина» чувствуетъ себя въ долгу передъ своими читателями, не давъ до сихъ поръ отчета о двухъ крупныхъ литературныхъ явленіяхъ, вызванныхъ девятисотлѣтнимъ юбилеемъ крещенія Руси. Это упущеніе произошло совершенно по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ и отчасти объясняется позднимъ выходомъ въ свѣтъ труда г. Матченка. Спѣшимъ теперь заполнить этотъ случайный пробѣлъ въ критико-библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала и хотя вкратцѣ ознакомить читателей съ указанными выше историческими работами.

Владимірскій сборникъ составленъ изъ трудовъ профессоровъ кіевской духовной академіи, гг. Малышевскаго, Петрова, Пѣвницкаго, Завитневича. Лишь незначительную часть этого сборника составляютъ статьи первыхъ трехъ ученыхъ. Большую и при томъ центральную часть его наполняетъ трудъ г. Завитневича: «Владиміръ Св. какъ политическій дѣятель». Мы и начнемъ съ него нашъ отчетъ.

Трудъ г. Завитневича представляетъ изъ себя органическое цѣлое; части его непосредственно вытекаютъ одна изъ другой и взаимно дополняютъ другъ-друга, но тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть разбитъ на двѣ главныя части. Первая изъ нихъ посвящена снова разрѣшенію вопроса о времени крещенія св. Владиміра. Авторъ не мало потрудился для разъясненія обстоятельствъ, при которыхъ произошло это великое событіе. Мы уже указывали раньше на отдѣльную брошюру г. Завитневича «О мѣстѣ и времени крещенія св. Вла-

диміра и о годѣ крещенія кіевлянъ», и въ свое время высказали мнѣніе о пригодности метода, избраннаго авторомъ для рѣшенія даннаго вопроса. Въ настоящемъ своемъ трудѣ авторъ нѣсколько измѣнилъ свой методъ изслѣдованія. Хотя и теперь онъ продолжаетъ считать панегирикъ Іакова Мниха краеугольнымъ камнемъ строенія, но отводитъ гораздо болѣе мѣста разбору и другихъ источниковъ, посвящаетъ ихъ анализу и сопоставленію ихъ извѣстій гораздо болѣе вниманія, чѣмъ прежде. Можно спорить съ авторомъ, не соглашаться съ его мнѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что нѣкоторыя соображенія г. Завитневича отличаются замѣчательною тонкостью и находчивостью. Такова та часть работы автора, которая посвящена вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси. Что касается остальной части труда г. Завитневича, то едва ли въ ней онъ сказалъ что нибудь новое, что не было бы уже, хотя и мимоходомъ, высказано другими учеными, а то, что принадлежитъ лично автору, отличается такою гипотетичностью, что далеко не можетъ быть принято за научную истину. Это особенно рельефно выступаетъ на стр. 83 и слѣд., гдѣ авторъ производитъ анализъ разсказа лѣтописи о посольствахъ къ Владиміру и обратно. Тутъ цѣлый безконечный рядъ: *«можетъ быть»*, *«можно предполагать»*, и даже: *«можно вывести заключеніе»*, *«можно сдѣлать выводъ»*. Такихъ мѣстъ въ трудѣ г. Завитневича очень много. Авторъ, впрочемъ, и самъ не отрицаетъ преобладанія гипотетичности въ своемъ трудѣ, ибо самъ говоритъ на стр. 210 [1]): «бѣдность показаній источниковъ ***мы старались наверстать разными комбинаціями наличныхъ данныхъ, а гдѣ и это не помогало, прибѣгали къ всевозможнымъ, иногда очень смѣлымъ, догадкамъ и предположеніямъ***». Никакая наука не можетъ обойтись безъ гипотезъ; болѣе или менѣе прочно обставленныя гипотезы могутъ быть даже полезны и въ дальнѣйшемъ повести къ важнымъ научнымъ открытіямъ, но только ни въ какомъ случаѣ не можетъ получиться пользы для науки, если труды ученыхъ будутъ представлять собой лишь сплошныя гипотезы, и при томъ не всегда прочно обставленныя. Къ сожалѣнію, таковъ въ общемъ характеръ послѣдняго труда г. Завитневича. Отъ увлеченія гипотезами можетъ иногда произойти и вредъ для науки. Припоминаются въ этомъ случаѣ слова предсѣдателя Общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ, г. Шестакова, сказанныя имъ по другому

[1]) Страницы указываемъ по „Владимірскому сборнику".

случаю: «но, какъ нерѣдко бываетъ, высказанное сначала скромно въ въ видѣ предположенія, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени обращается въ категорическое утвержденіе, подобно тому, какъ слухъ, сначала темный и робкій, съ теченіемъ времени выдается за несомнѣнную истину». (Извѣстія Общества археологіи и т. д., т. III, 1880—82 г., Казань, 1884 г., стр. 61). Къ несчастью, подобнаго смѣшиванія ранѣе поставленныхъ гипотезъ съ якобы доказанными уже истинами не чуждъ и авторъ разбираемаго труда. Мы уже указывали, что во многихъ мѣстахъ своего сочиненія г. Завитневичъ, послѣ цѣлаго ряда «можетъ быть» ставитъ «можно сдѣлать выводъ». Но и гипотезы, высказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ, въ данномъ трудѣ онъ считаетъ уже прочными научными выводами и дѣлаетъ на нихъ ссылки. Такъ напр., вновь заговоривъ въ разбираемомъ трудѣ о Турѣ, г. Завитневичъ дѣлаетъ ссылку: «Смотри нашу статью: «Область дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія». Труды кіев. дух. ак. 1886 г. августъ, стр. 587». Но кто читалъ этотъ небольшой трудъ г. Завитневича (а читалъ его, вѣроятно, всякій спеціалистъ по рус. исторіи), тотъ не можетъ не признать, что, исключая сообщенія объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ самимъ г. Завитневичемъ, въ остальномъ онъ представляетъ собою опять таки не мало гипотетичнаго, а особенно тамъ, гдѣ авторъ старается доказать дѣйствительное существованіе миѳическаго Тура. Между тѣмъ въ новомъ, разбираемомъ трудѣ г. Завитневичъ выражается уже категорически: «этотъ князь (Рогволодъ) *при помощи своего подручника Тура*»..., т. е. оказывается, что Туръ не только дѣйствительное историческое лицо, но даже точно извѣстны его отношенія къ другому князю. Мы не имѣемъ въ виду разбирать здѣсь указанную статью г. Завитневича и привели этотъ фактъ въ доказательство вѣрности словъ г. Шестакова, сказанныхъ, повторяемъ, по другому поводу, но получающихъ, какъ оказывается изъ приведеннаго примѣра, общее значеніе. Не можемъ не упрекать автора разбираемаго труда и въ другомъ недостаткѣ, проистекающемъ, по нашему мнѣнію, всецѣло изъ горячаго желанія выяснить, хотя бы путемъ постановки гипотезъ, нѣкоторые темные вопросы русской исторіи. Но, увлекаясь гипотезами, г. Завитневичъ *не всегда* справляется съ тѣмъ, что̀ сдѣлано въ наукѣ по тому или иному вопросу, и игнорируетъ труды своихъ предшественниковъ. Мы не всегда видимъ въ трудахъ г. Завитневича исчерпываніе вопроса, а получаемъ новыя гипотезы, которыя, можетъ быть, и не появились бы, если бы авторъ болѣе удѣ-

лялъ вниманія работамъ, появившимся гораздо раньше, или могли бы явиться въ болѣе прочно обставленномъ видѣ. Укажемъ хоть слѣдующіе факты. Въ одномъ мѣстѣ своего труда г. Завитневичъ категорически указываетъ на рѣчной путь отъ Днѣпра въ Азовское море [1]) Конечно, не особенно важно, что авторъ не указалъ источника, откуда заимствовалъ свое показаніе, именно «Черноморье» покойнаго одесскаго профессора Бруна, знатока древней южно-русской географіи, а важно то обстоятельство, что категорическое отождествленіе этого пути съ Залознымъ также не можетъ еще пока имѣть серьезнаго значенія: болѣе ранніе ученые колебались въ своихъ указаніяхъ относительно путей Соленаго и Залознаго (Карамзинъ, Арцыбашевъ, Соловьевъ, Аристовъ, Брунъ), а противъ гипотезы Бруна были сдѣланы вѣскія возраженія другимъ не менѣе извѣстнымъ знатокомъ древне-русской географіи, г. Бурачковымъ (см. его «Замѣтки по древней географіи новороссійскаго края» въ Извѣстіяхъ имп. рус. геогр. общества 1875 г. т. XI, №№ 3 и 5). Далѣе является нѣсколько страннымъ почему авторъ разбираемаго труда совершенно игнорировалъ превосходныя работы В. Г. Васильевскаго по вопросу о сурожской и амастридской легендахъ? Г. Завитневичъ не разъ ссылается на другіе труды этого ученаго, но почему то, относя происшествіе, описанное въ сурожской легендѣ, ко временамъ Владиміра Св. [2]), не упоминаетъ ни о статьѣ «Житіе Стефана Новаго» (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. № 6), ни о «Житіи Георгія амастридскаго» (Ж. М. Н. Пр. 1878 г. № 2), а между тѣмъ болѣе внимательное отношеніе къ нимъ, можетъ быть, повело бы къ инымъ выводамъ, чѣмъ пришелъ г. Завитневичъ. Не можемъ вообще не сказать, что разсужденія автора о посольствахъ къ Владиміру Св. и обратно, о замѣткѣ готскаго топарха и сурожской легендѣ, представляются весьма искусственными и слабыми. Къ числу такихъ же слабыхъ мѣстъ разбираемаго труда приходится причислить и все то, что авторъ говоритъ о войнахъ съ болгарами. Особенно поражаетъ слѣдующее соображеніе г. Завитневича: «Нѣтъ поэтому ничего неправдоподобнаго и въ томъ предположеніи, что наши предки волжско-камскихъ болгаръ, *какъ главныхъ поставщиковъ серебра, назвали серебряными*», въ отличіе отъ дунайскихъ, чрезъ которыхъ шло къ намъ изъ Византіи золото [3]). И подобныя наивныя

[1]) Владимірскій сборникъ, стр. 160.

[2]) Владимірскій сборникъ, стр. 161—163.

[3]) Владимірскій сборникъ; стр. 40. Должно замѣтить, что пагинація въ каждой статьѣ принята отдѣльная, какъ она идетъ въ отдѣльныхъ брошюрахъ тѣхъ же статей.

соображенія высказываются въ серьезномъ ученомъ трудѣ серьезнымъ ученымъ и при томъ послѣ такихъ капитальныхъ работъ какъ Григорьева (въ сборникѣ «Россія и Азія») и Шпилевскаго (Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ казанской губерніи, Казань, 1877). Замѣчательно, что авторъ ни разу даже не намекнулъ на существованіе этихъ трудовъ, а между тѣмъ у него было для этого и мѣсто, и время, и поводъ. Но пусть бы даже и такъ, пусть въ глазахъ автора соображеніе вполнѣ научное, что «серебряные» есть переводъ слова «нукратъ» не имѣетъ значенія, то все таки имена Григорьева и Шпилевскаго заслуживали бы хоть мимолетнаго упоминанія. Мало этого. Дѣлая подобное соображеніе, г. Завитневичъ высказываетъ этимъ пренебрежительное отношеніе даже къ самымъ первоисточникамъ. Если бы авторъ внимательно отнесся къ даннымъ нашихъ лѣтописей, то увидѣлъ бы, что «серебряными» наши предки называли не всѣхъ болгаръ, а лишь одно племя. Болгары распадались на два племени: серебряныхъ (нукратъ) и челматъ; первые по р. Серебрянкѣ, на которой стоялъ г. Геюларь, а вторые по р. Камѣ (Челманъ или Чулманъ — Кама). Объ этомъ дѣленіи говоритъ намъ Ипатьевская лѣтопись (изд. 1871 г. стр. 423). Г. Завитневичъ проглядѣлъ это извѣстіе и даже не указываетъ на него. Почему? Далѣе. По прямому извѣстію Ибнъ-Даста у болгаръ монету замѣнялъ собою куній мѣхъ (Хвольсонъ, стр. 24—25). Русскіе жили въ Булгарѣ (Гаркави, Извѣстія мусульм. писателей, 219 и 130 и Frähn, Ibn-Foszlan's.), а потому прекрасно знали и это обстоятельство и то, что диргемы шли отъ арабовъ, которыхъ также видѣли и въ Булгарѣ, и въ Итилѣ. Слѣд. наши предки имѣли полное право назвать «серебряными», арабовъ, а не болгаръ. А отъ хазаръ къ намъ не приходило серебро? Вѣроятно, еще въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ отъ болгаръ. Странно, что серьезному ученому, какимъ мы признаемъ г. Завитневича, приходится указывать и на лѣтопись, и на другіе источники, которые могли бы, при внимательномъ къ нимъ отношеніи, обязательномъ для спеціалиста, предохранить автора отъ подобныхъ неудачныхъ гипотезъ. Можно было бы набрать еще нѣсколько примѣровъ смѣлыхъ гипотезъ въ разбираемомъ трудѣ, но мы не имѣемъ для этого возможности; предполагаемъ, что и указаннаго достаточно для доказательства, что не всѣ гипотезы полезны для науки, а иногда даже могутъ быть вредны, увеличивая собою количество литературнаго балласта. Указывая на сильную гипотетичность труда г. Завитневича, на сравнительно не-

значительную долю новаго категорическаго, внесеннаго его трудомъ въ науку русской исторіи, мы однакоже не отрицаемъ заслуги автора, принесшаго своими иногда остроумными соображеніями нѣкоторое освѣщеніе запутанныхъ событій эпохи Владиміра святаго.

Г. Малышевскому принадлежатъ двѣ статьи: «Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. апостоломъ Андреемъ» и «Рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 14 іюля 1888 г. по случаю исполнившагося девятисотлѣтія со времени крещенія Россіи». Въ первомъ своемъ трудѣ И. Игн. Малышевскій съ свойственной всѣмъ его изслѣдованіямъ научностью, соединенной съ замѣчательнымъ умѣньемъ, просто и въ высшей степени послѣдовательно анализировать вопросъ, приходитъ къ выводу, что на Руси сказаніе о св. апостолѣ Андреѣ возникло постепенно изъ двухъ источниковъ: южнаго—греческаго и сѣвернаго—варяжскаго. Факты, приводимые уважаемымъ ученымъ, вполнѣ, какъ намъ кажется, подтверждаютъ такое мнѣніе. Въ своей рѣчи г. Малышевскій выясняетъ великое значеніе принятія нашими предками христіанства. По вопросу о факторахъ, подготовившихъ на Руси это событіе, авторъ держится своего прежняго мнѣнія, высказаннаго имъ раньше въ трудѣ «Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ», отводя первую выдающуюся роль въ этомъ дѣлѣ варягамъ. Намъ приходилось уже высказать наши мысли по поводу этихъ соображеній уважаемаго Ив. Игн. Малышевскаго, а потому снова останавливаться на нихъ мы не будемъ. Съ большимъ также интересомъ читаются статьи г. Петрова, «Древнія изображенія св. Владиміра» и «Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ». По мнѣнію г. Петрова, изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра явилось у насъ въ Россіи подъ сильнымъ византійско-болгарскимъ вліяніемъ, выразившемся въ монетныхъ изображеніяхъ этого князя; національныя же русскія черты являются на фрескѣ Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ миньятюрахъ XIV и XV вв. и на стѣнномъ изображеніи въ новгородской Ѳеодоровской церкви XV вѣка. Въ другой статьѣ г. Петровъ говоритъ о видахъ чествованія св. Владиміра на югѣ Россіи различнымъ образомъ и въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ.—Таковъ составъ «Сборника», изданнаго кіевской духовной академіей. Переходимъ теперь къ труду г. Матченка и постараемся быть насколько возможно краткими.

Сочиненіе г. Матченка распадается на три части: 1) введеніе, 2) христіанство на Руси до Владиміра и 3) княженіе Владиміра. Въ

свою очередь каждая изъ указанныхъ частей заключаетъ въ себѣ по нѣскольку главъ. Разбираемая книга, несмотря на свою обширность (373 стр.), читается очень легко и съ большимъ интересомъ. По нашему мнѣнію, нѣкоторое затрудненіе при ея чтеніи для неспеціалиста можетъ проистекать лишь вслѣдствіе того, что авторъ отводитъ очень много мѣста полемикѣ съ мнѣніями ученыхъ, трудившихся раньше на одномъ съ нимъ полѣ, а эта полемика съ успѣхомъ могла бы быть отнесена въ примѣчанія. Несмотря на то, что надъ разработкой исторіи Владиміра св. трудились многіе и многіе, что значеніе дѣятельности этого князя въ русской исторіи достаточно выяснено, существуютъ однако же нѣкоторые темные вопросы, хотя, по нашему мнѣнію, и не краеугольные, а такъ сказать, детальные, но отъ такого или иного рѣшенія которыхъ можетъ измѣниться въ нѣкоторой степени нашъ взглядъ и на дѣйствующихъ лицъ, и пожалуй, на самую эпоху. Отсюда вытекаетъ полемическій характеръ и всей почти литературы, вызванной юбилеемъ, и почти всего труда г. Матченка. Лучшіе мѣста разбираемаго сочиненія несомнѣнно тѣ, гдѣ авторъ подвергаетъ критикѣ существующія въ наукѣ мнѣнія по тому или иному вопросу изъ исторіи Владиміра св. Нѣкоторыя замѣчанія г. Матченка такъ основательны, что съ ними, по нашему крайнему разумѣнію, нельзя не согласиться. Онѣ разсыпаны по всей книгѣ, но особенно обращаютъ на себя вниманіе его вѣскія возраженія г. Голубинскому относительно цѣнности сообщеній Іакова Мниха. Взглядъ самого автора на «Похвалу» Іакова Мниха и на «Слово о Благодати» митрополита Иларіона, какъ на историческіе источники, мы признаемъ вполнѣ научнымъ. Что касается тѣхъ мѣстъ труда г. Матченка, гдѣ онъ, оставляя полемику, рисуетъ эпоху Владиміра св., его дѣятельность, какъ государя, приводитъ свои соображенія по вопросу о факторахъ, подготовившихъ принятіе и распространеніе христіанства на Руси, то здѣсь ему приходится высказывать многое такое, что не разъ уже было высказано прежде, хотя нельзя отрицать и того, что авторъ придаетъ нѣкоторымъ фактамъ новое и интересное освѣщеніе. Но мы не можемъ не сказать, что нѣкоторыя мысли автора отличаются большою смѣлостью и едва ли могутъ найти себѣ подтвержденіе въ тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ историческихъ источникахъ. Слабость труда г. Матченка и въ полемической и неполемической его части происходитъ отъ неполнаго знакомства автора со всей литературой вопроса и со всей суммой необходимыхъ источниковъ. Это приводитъ его иногда къ та-

кимъ соображеніямъ и заставляетъ высказывать такіе взгляды, которые положительно противорѣчатъ современному состоянію русской исторической науки. Чтобы не быть голословными, укажемъ два-три факта.

Авторъ говоритъ о сурожской и амастридской легендахъ, но при этомъ упускаетъ совершенно изъ вида труды гг. Васильевскаго и Куника [1]). Анализируетъ онъ разсказъ лѣтописи о крещеніи Владиміра св. и Руси, но забываетъ основной взглядъ, господствующій въ современной русской наукѣ на этотъ разсказъ, какъ на вставную повѣсть, законченную не ранѣе 1099 года [2]). Авторъ повторяетъ старое забытое мнѣніе о превосходствѣ полянскаго племени въ культурномъ отношеніи надъ другими русско-славянскими племенами [3]), хотя это мнѣніе абсолютно уничтожается современными археологическими открытіями. Отсутствіе личнаго знакомства съ изданными извѣстіями арабскихъ писателей ведетъ автора къ невѣрному утвержденію о значительномъ распространеніи христіанства у хазаръ и о будто бы существовавшемъ христіанскомъ вліяніи послѣднихъ на русскихъ славянъ [4]). Но особенно замѣчательно въ трудѣ г. Матченка то мѣсто, гдѣ онъ громитъ бредни западно-европейскихъ писателей, утверждавшихъ, что на Руси ранѣе православія господствовалъ католицизмъ. Авторъ смѣшиваетъ два факта [5]): распространеніе Бруномомъ католичества на Руси (что есть дѣйствительная ложь) и путешествіе его къ печенѣгамъ (что есть историческая истина). Происходитъ этотъ промахъ автора вслѣдствіе того, что онъ, какъ видно, и не подозрѣваетъ существованія весьма важнаго историческаго документа,—дѣйствительнаго письма Брунона къ императору Генриху. Этотъ документъ служитъ наилучшимъ опроверженіемъ тѣхъ бредней, противъ которыхъ такъ горячо ратуетъ г. Матченко, такъ какъ въ своемъ дружескомъ письмѣ къ императору Брунонъ ни слова не говоритъ о распространеніи имъ католичества на Руси (о чемъ, конечно, не преминулъ бы разсказать, если бы цѣль его путешествія состояла въ этомъ), а разсказываетъ о своей дѣятельности у печенѣговъ и о ласковомъ обхожденіи Владиміра. Такъ авторъ отнялъ самъ у себя наилучшій аргументъ для опроверженія исторической лжи. Письмо

---

[1]) Святый равноапостольный Владиміръ, стр. 35—36, 54.

[2]) Ibidem, стр. 221 и слѣд.

[3]) Ib., стр. 39.

[4]) Ib., стр. 32—34, 49, 51—53.

[5]) Ib., стр. 310.

это было сначала издано Гильфердингомъ въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 г. (по не совсѣмъ исправной рукописи), а потомъ Бѣлевскимъ въ Monumenta Poloniae historica, т. I. Жаль, что авторъ не позаботился лично ознакомиться со всѣми необходимыми первоисточниками, ибо отсутствіе этого личнаго знакомства отнимаетъ половину цѣны у его интереснаго труда.

На этомъ мы заканчиваемъ нашъ отчетъ о Владимірскомъ сборникѣ и о трудѣ г. Матченка.

Нашъ отчетъ вышелъ длиннѣе, чѣмъ бы мы желали, чтобы не утомлять читателей, хотя мы и старались указать лишь на самое главное, выдающееся въ разсмотрѣнныхъ трудахъ, non odii causa, sed ad majorem veritatis gloriam. **П. Голубовскій.**

Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г.

Книга, заглавіе которой здѣсь обозначено, представляетъ значительный интересъ для людей, занимающихся изученіемъ края въ экономическомъ отношеніи. Эта книга напечатана in 4°; имѣетъ около 700 страницъ; издана довольно аккуратно. Въ этой книгѣ идетъ сначала перечисленіе всѣхъ волостей въ алфавитномъ порядкѣ (ихъ 261 въ губерніи); далѣе разсматривается каждый уѣздъ по слѣдующимъ рубрикамъ: а) названіе волости; б) число выборныхъ, имѣющихъ участіе въ волостномъ сходѣ; в) общества, входящія въ составъ волостей (здѣсь обозначены имена населенныхъ мѣстъ оффиціальныя и народныя, напримѣръ, хуторъ Плюйковъ, тожъ Соцкая-Балка); г) разстояніе извѣстнаго мѣста отъ волости, уѣзднаго и губернскаго города; д) число крестьянъ-собственниковъ, государственныхъ, приписанныхъ къ волости, число козаковъ; е) количество земли, состоящей въ пользованіи каждаго общества, находящейся въ частномъ владѣніи и надѣленной отъ казны съ опредѣленіемъ годоваго выкупнаго оклада платежей за землю казенныхъ крестьянъ и ж) число училищъ и школъ, число душъ мужескаго пола, получившихъ въ 1886 г. паспорты на отлучку.

2) Сравнительная таблица о землевладѣніи по селеніямъ полтавской губерніи на наличную душу. Въ этой рубрикѣ показано количество десятинъ земли на наличную душу, начиная съ количества менѣе $^1/_2$ десятины и оканчивая 3 и болѣе десятинами. Если срав-

нить надѣлы (менѣе $^1/_2$ десятины) крестьянъ-собственниковъ, бывшихъ помѣщичьихъ и надѣлы отъ казны бывшихъ государственныхъ крестьянъ, то это сравненіе даетъ неблагопріятные результаты для первыхъ, именно: въ 556 населенныхъ мѣстахъ 36,173 души имѣютъ надѣлъ менѣе $^1/_2$ десятины; между тѣмъ, какъ во второй категоріи, т. е. бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ 268 населенныхъ мѣстахъ только 12,232 души имѣютъ менѣе $^1/_2$ десятины по всей губерніи.

Крестьяне-собственники ежегодно уплачиваютъ выкупныхъ платежей за 1 десятину усадебной 3 р. 43 коп.; за 1 десят. полевой (за исключеніемъ константиноградскаго уѣзда) 1 р. 68 к. Казенные крестьяне въ среднемъ выводѣ уплачиваютъ выкупныхъ платежей за 1 десятину 1 р. 37 к.; земскихъ сборовъ ежегодно приходится на 1 десятину земли 42$^1/_2$ коп. Къ этому слѣдуетъ еще добавить мірскіе сборы, среднее количество которыхъ на душу выражается 1 р. 32, 84 к.

Въ третьей части помѣщенъ алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи съ обозначеніемъ волостей, въ которыхъ находится это мѣсто.

Очень жаль, что нѣтъ никакого предисловія въ книгѣ и не указаны источники, которыми пользовались при составленіи ея. Во всякомъ случаѣ эта книга весьма интересна. Желательно, чтобы и крестьянскія присутствія юго-западнаго края издали подобныя книги.

A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons I—X. A—Gui. (Florense, Paris, Leipzig, 1888—1889. Édit. L. Nicolai, Florence). Стр. 1120, in—4.

«Международный словарь современныхъ писателей», редижируемый неутомимымъ проф. Анжело де-Губернатисомъ, представляетъ переработку, съ значительными дополненіями и исправленіями, изданнаго тѣмъ же авторомъ еще въ 1880 г. на итал. яз. «Dizionario biografico degli scrittori contemparonei». Издатель старался по возможности дать въ своемъ трудѣ мѣсто авторамъ всѣхъ странъ земнаго шара, народностей, направленій и спеціальностей и въ предисловіи обращается за посильнымъ содѣйствіемъ къ читателямъ и всѣмъ писателямъ вообще. По легко понятнымъ причинамъ, біографіи и характеристики писателей русскихъ отличаются нѣкоторою лаконичностью, за немногими исключеніями. Встрѣчаются, конечно, и неизбѣжныя

погрѣшности въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что де-Губернатисъ женатъ на русской (рожд. Безобразова), участвуетъ въ русскихъ журналахъ (В. Евр.) и для первой буквы алфавита легко могъ бы почерпнуть богатый и превосходно сгруппированный матеріалъ въ прекрасномъ изданіи г. Венгерова.—Послѣдній (X-й) выпускъ разсматриваемаго словаря вышелъ 15 ноября 1889 г.

Въ «Кіевской Старинѣ» (авг. 1889 г., стр. 570—574) г. Новицкимъ напечатаны были біографическія данныя о польскихъ писателяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ нашимъ краемъ. Въ дополненіе къ этой замѣткѣ, приводимъ здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ словаря г. де-Губернатиса, нелишенныя, по нашему мнѣнію, извѣснаго интереса для читателей нашего журнала, тѣмъ болѣе, что большая часть свѣдѣній доставлена самими авторами. Придерживаемся алфавита словаря и данныя общеизвѣстныя опускаемъ.

Афанасьевъ (Г. Е.), приватъ-доцентъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при одесскомъ ун-тѣ. Издалъ книгу о министерствѣ Тюрго (магист. дис. 1884 г.), брошюры объ англійской конституціи XIX в., о внѣшней политикѣ Наполеона III и, въ 1887 г., публичныя лекціи объ Ирландіи и брошюру о Маріи Стюартъ.

Антоновичъ (Влад. Бониф.), проф. рус. ист. при кіев. ун-тѣ. Род. въ 1834 г. (Слѣдуетъ перечисленіе главныхъ трудовъ).

Ашкенази (Евг.), русскій ботаникъ, проф. ботаники при гейдельб. ун-тѣ. Род. 5 мая 1845 г. въ Одессѣ. Издалъ по нѣмецки: «Къ критикѣ дарвинизма» (Лейпцигъ, 1871); «Этюды по морфологіи растеній», нѣсколько статей въ *Botanische Zeitung*, *Berichte des naturhist. medic. Vereins in Heidelberg* и *Botan. Jahresbericht*. Изъ важнѣйшихъ трудовъ упом. еще напечат. въ *Bibliothèque Universelle de Genève*, *Archives des sciences physiques et naturelles:* «Température des plantes au soleil», 1878, т. LVI: «Destruction de la chlorophylle des plantes vivantes par la lumière sur la couleur des fleurs» 1878., т. LXII.; «La période annuelle des bourgeons», 1878, т. LXII.

Авенаріусъ (Мих. Петр.), род. 28 сент. 1835 г., проф. физики при кіев. ун-тѣ, членъ кор. имп. акад. наукъ и физическаго общества въ Берлинѣ. (Перечислены труды на нѣм. и франц. яз.).

Аверкіевъ (Дм.), рус. критикъ и драматургъ, род. въ Екатеринодарѣ 12 февр. 1836 г. (Перечислены главныя произведенія).

Авсѣенко (Вас.), бывшій доцентъ кіев. ун-та, редакторъ «Спб. Вѣдомостей», публицистъ и романистъ, род. 5 янв. 1842 г., бывшій сотрудникъ «Рус. Вѣстн.» (Историч. работа его не упомянута).

Баворовскій (Викторъ), польскій писатель, родомъ изъ Галичины. Извѣстенъ какъ перводчикъ нѣкоторыхъ поэмъ Байрона, Виланда и др. Владѣетъ обширнымъ собраніемъ рѣдкихъ книгъ, картинъ, рукописей и произведеній искусствъ.

Безсоновъ (Петръ), род. 1828 г., собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ (Труды охарактеризованы, но не указаны подробно).

Бобрецкій (Ник. Вас.), зоологъ, проф. кіев. ун-та, род. въ 1843 г. въ подольской губ.; съ 1873 г. докторъ зоологіи; былъ командированъ съ ученою цѣлью на два года заграницу и работалъ на зоологической станціи въ Неаполѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя назначенъ проф-мъ. Изъ трудовъ на русск. языкѣ упомянуты изслѣдованія объ *Annulata Cactepoda*, *Annaelida polychaeta*, *Saccocillus papillocercus*, о новомъ видѣ *Lycastis* и спеціально объ аннелидахъ, напеч. большею частью въ *зап. кіев. общ. естеств.* 1868—1881 г., по нѣмецки—въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie* 1874—1878 г. Далѣе, «Zur Embryologie des Oniscus murarius» и «Ueber die Bildung des Blastodermas und der Keimblätter bei den Insecten» въ *Archiv'ъ für microscopische Anatomie* 1876 г.; «Studien über die embryonale Entwickelung der Gastropoden» и по фр. «Étude des Annélides du golfe de Marseille», въ сотрудн. съ М. Маріономъ, въ *Annales des Sciences Naturelles* 1875 г. (Объ учебникѣ зоологіи на рус. яз. не упомянуто).

Бунге (Ник. Христ.), бывшій проф. кіев. ун-та, нынѣ предсѣдатель комитета министровъ, род. въ Кіевѣ въ 1825 г., гдѣ и окончилъ образованіе. Сперва профессоръ нѣжинскаго лицея кн. Безбородко, въ 1850 г. переведенъ проф-мъ въ Кіевъ, гдѣ преподавалъ въ теченіи почти 30 лѣтъ. Въ 1859—63 гг. принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ коммиссіи по освобожденію крестьянъ. (Указано дальнѣйшее движеніе по службѣ). Труды: о торговомъ законодательствѣ при Петрѣ Вел., 1848 г.; о кредитѣ, рѣчь, 1849 г.; теорія кредита, 1852 г.; курсъ статистики, 1865 г.; полицейское право, 1869—77 г., 2 т; начала политич. экономіи, 1870 г.; складочные магазины и варранты и о возстановленіи монетнаго обращенія въ Россіи, 1877; нѣсколько экономич. статей въ *Вѣстн. Евр.* и *Сборн. госуд. знаній* Безобразова, послѣдняя о соврем. состояніи нашей монетной системы и средствахъ къ ея упорядоченію.

Буняковскій (Викт. Як.) не давно ум. математикъ, род. 3 дек. 1804 г. въ подольской губ. (подробная біографія съ многоч. указаніями на труды).

Будиловичъ (Ант.), славистъ и историкъ литературы, проф. варш. ун-та, род. въ 1846 г. въ гродней. губ. (подробно перечислены труды по славяновѣдѣнію и рус. литературѣ).

Бущынскій (Стефанъ), польскій писатель, род. въ 1821 г. въ кіевской губерніи, гдѣ окончилъ ун-тъ въ 1845 г. Участникъ возстанія 1863 г., приговоренъ заочно къ смертной казни и эмигрировалъ. Послѣ продолжительныхъ странствованій въ Швейцаріи, Франціи, Италіи и Германіи, для изученія учрежденій и быта этихъ государствъ, поселился въ Краковѣ и занялся изученіемъ литературы и исторіи, публикуя на протяженіи 20 лѣтъ результаты своихъ трудовъ. Первая книга его, вышедшая во Львовѣ въ 1862 г., посвящена Подоліи, Волыни и Украйнѣ. Затѣмъ издалъ по франц.: «La Pologne et ses provinces méridionales», Paris, 1863; «La décadence de l'Europe», ib., 1867; «La catéchisme sociale», ib., 1876; «La population de l'Europe au point de vue ethnographique», Rome, 1883 г., въ *Atti del Congresso geografico* въ Венеціи; по ит. «Italia e Polonia», рѣчь произн. въ Местре (Венеція, 1883 г.); по нѣм.: «Bestandtheile der russischen Bevölkerung und deren Confessionen», Львовъ, 1885; «Die Wunden Europa's. Statistische Thatsachen mit ethnogr. und histor. Erläuterungen», Лейпцигъ, 1875, и до сорока разныхъ другихъ произведеній, поэмъ, разсказовъ, рѣчей, бесѣдъ, брошюръ, монографій на польск. яз., и т. п. Послѣдній трудъ: «Obrona spotwarzanego narodu», Крак. 1888. Краковская академія наукъ избрала Бущ. своимъ почетнымъ членомъ.

Цеглиньскій (Григ.), галицкій писатель, род. 9 марта 1853 г. въ Катушѣ въ Галичинѣ. Окончилъ гимназію въ Станиславовѣ и поступилъ въ вѣнскій университетъ, гдѣ въ 1875—1879 гг. занимался изученіемъ классической филологіи и сравнительнаго языкознанія. Въ 1880 г. назначенъ учителемъ (профессоромъ) классическихъ языковъ въ львовской акад. гимназіи, гдѣ преподаваніе ведется по малорусски, Изъ ученыхъ трудовъ Ц. указаны: «De Hipponacte Ephesio, Jambographo», крит. опытъ, Львовъ, 1880 г.; «Schewtschenko und seine zeitgenossische Kritik», ib., 1881 г.; въ качествѣ директора русскаго театра, составилъ комедію «Съ благотворит. цѣлью», въ 3 актахъ, 1883 г.; «Папенька на свадьбѣ», ком. въ 1 актѣ, ib., 1884 г.; «Соколы», ком. въ 4 актахъ, ib., 1885 г.; «Скверный денекъ», ком. въ 1 актѣ, ib., 1886 г.; «Видно пана по холявамъ», ком. въ 4 актахъ, ib., 1887 г.; «Приключенія любовника», монодрама. Кромѣ того, издалъ нѣсколько разсказовъ: «Двѣ пары», «Сыновья»

«На бѣлокъ», «Рождественскія картинки», всѣ въ журналѣ *Зоря* (изд. подъ его же редакціей съ 1887 г.), въ 1885—87 гг. Всѣ разсказы и комедіи Цегл. имѣютъ цѣлью воспроизведеніе современной галицкой жизни. Кромѣ того, Ц. издалъ малорусскій переводъ греческихъ упражненій Шенкля.

Целевичъ (Юл.), галицкій писатель, род. въ Павелчахъ въ Галичинѣ, въ 1843 г. Окончилъ гимназію въ Станиславовѣ, затѣмъ изучалъ философію во львовскомъ университетѣ (1865 г.). Въ 1869—71 г. состоялъ младшимъ преподавателемъ львовской нѣмецкой гимназіи, въ 1871—75 г. учителемъ станиславовской гимназіи, затѣмъ въ львовской академич. гимназіи, гдѣ состоитъ и нынѣ. Труды его: «Унія въ двухъ русскихъ округахъ Венгріи, Мункачѣ и Эперисѣ» въ журн. *Правда*, Львовъ, 1867 г.; «Историч. замѣтки объ Отеркѣ Довбущукѣ» въ журн. *Дило*, ib., 1882 г. (польскій переводъ Шопинскаго изд. въ Краковѣ 1887 г.); «Скитъ Манявскій», Львовъ, 1887 г., монографія.

Ходзѣвичъ (Владисл.), польскій журналистъ и романистъ, род. въ м. Тульчинѣ подольск. губ. 16 іюня 1813 г. Первые опыты помѣщалъ въ спб. юмор. журналѣ *Баламутъ* Мих. Конарскаго, затѣмъ корреспондировалъ въ *Спб. Недѣлю* и участвовалъ въ польскихъ журналахъ *Библ. Варш.*, *Звѣзда*, *Хрон. Варш.*, *Странникъ* и т. д. Издалъ романы: «Три лиліи» 1845 г., «Замокъ Чарнокозинцы», 2 т. 1846 г. Въ 1847 г. отправился въ продолжительное путешествіе по Италіи, Испаніи, Греціи, Турціи, Египту, Палестинѣ, Сиріи и Малой Азіи. Въ крымскую кампанію служилъ во франц. арміи. Затѣмъ поселился навсегда во Франціи и состоитъ инспекторомъ западной желѣзнодорожной линіи. Въ свободное время занимался изученіемъ клинообразныхъ надписей и издалъ нѣсколько мемуаровъ, таковы напр.: «Un vers d'Aristophane. Texte persan de la comédie les Acharniens expliqué», «Etudes paléo-perses» и «Une inscription cunéiforme de Persepolis», Парижъ, 1876 г.

Хтендосскій (Казим.), польскій литераторъ, род. въ Ровномъ въ Галичинѣ, 1843 г., обучался во Львовѣ. Издалъ нѣсколько сатирич. романовъ, разсказовъ и очерковъ, отличающихся точнымъ воспроизведеніемъ мѣстнаго колорита. Таковы, напр., «Альбомъ фотографій», «Нитка въ иголкѣ и мотокъ», «Зерцало глупости», имѣвшее значительный успѣхъ.

Чымянскій (Эмилій), польскій химикъ, род. 26 февр. 1824 г. въ Галичинѣ (?) (перечисл. многоч. спец. труды по химіи на поль-

скомъ и нѣм. яз., въ томъ числѣ «Польскій химич. словарь» 1853 г., изд. въ Краковѣ).

Домбровскій (Стан. Фил.), польскій археологъ, консерваторъ музея въ Ажанѣ, департ. Лоты и Гаронны во Франціи, род. въ 1830 г. въ Ясеновкѣ, воспитывался въ Маріамполѣ въ Галиціи. Поселившись во Франціи, изучалъ медицину, также живопись въ Бордо, и на выставкахъ его картины пользовались успѣхомъ. Онъ издалъ интересныя ученыя изслѣдованія о дольменахъ Бретани и доисторич. погребальныхъ пещерахъ. Членъ музея доисторической археологіи въ Бордо и корресп. нѣсколькихъ ученыхъ обществъ въ Парижѣ по отдѣлу палеонтологіи. Издалъ кромѣ того: «Essai sur les oiseaux sans ailes de la Nouvelle-Zélande», «Étude sur la période antéhistorique dans l'Amérique du Sud» и др. работы по естествознанію и археологіи.

Драгомановъ (Мих. Петр.), род. въ Гадячѣ полт. губ. (подробн. біографія и перечисленіе трудовъ).

Драгомировъ (Мих. Ив.), генералъ, военный писатель, бывш. проф. и директоръ академіи генер. штаба. Издалъ между прочимъ «Лекціи тактики», «Очерки австро-прусской войны» и т. д.

Францозъ (Карлъ-Эмиль), австр. беллетристъ и публицистъ, род. 3 окт. 1848 г. на австро-русской границѣ (въ Галичинѣ?), сынъ еврея-врача. Изучалъ право въ Вѣнѣ и Грацѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ уже работалъ въ качествѣ журналиста въ Вѣнѣ, затѣмъ въ Пештѣ, но извѣстностью обязанъ главнымъ образомъ своимъ бытовымъ романамъ и этнографическимъ разсказамъ. Труды: «Aus Halb-Asien» (по терминологіи Францоза—Полуазію изображаютъ Галичина, Буковина, Румынія и юж. Россія), первая часть обширнаго изданія, вышедшаго въ Лейпцигѣ въ 1876—83 г. подъ заглавіемъ: *«Halb-Asien Land und Leute des östlichen Europa»*. Беллетристич. произведенія: «Moschko von Parena. Geschichte eines jüdischen Soldaten», Лейпцигъ, 1889 г.; «Ein Kampf ums Recht», Бресл., 1882 г., 2-е изд.; «Die Juden von Barnow», 1880 г., 3-е изд.; «Stille Geschichte», 1883 г., 3-е изд.; «Mein Franz», стих. разсказъ, Лейпц., 1883 г.; «Der President», 1884 г., романъ, первоначально напечатанный въ *Jour. de St. Pétersbourg.* и въ *Neue Freie Presse*; «Tragische Novellen», 1885 г. Кромѣ того, Фр. изд. «Deutsches Dichterbuch aus Oesterreich», 1883 г. Францозъ—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ вѣнской *Neue Fr. Presse.*

Гавронскій (Францишекъ), изв. подъ псевдон. *Равиты* (см. упом. выше статью г. Новицкаго въ «Кіев. Стар.», стр. 570. Въ словарѣ

г. де Губернатиса упомянутъ еще романъ: «Фалены» и неизвѣстное намъ произведеніе «Права женщинъ», опущенные г. Новицкимъ).

Гладринскій (Станисл,), польскій новеллистъ, поэтъ, публицистъ и ксендзъ, редакторъ варш. *Tyg. Powsz. Illustr.*, род. въ 1852 г. въ Водрянкѣ (?) въ Малороссіи. Онъ издалъ, между прочимъ, фантастич. поэму «Идеалистъ», «Мечты и пѣсни», «Порванныя струны», «По метру и литру» и новеллу «Женщина безъ страха».

Гогоцкій (Сильв. Сильв.), род. въ 1813 г. въ подольск. губ. (по ошибкѣ наборщиковъ, надо думать, попалъ въ профессора вѣнскаго университета и основатели высшихъ женскихъ курсовъ тамъ же. Ошибка эта повторена и въ итальян. изд. 1880 г. Труды перечислены подробно и вѣрно).

Голубевъ (Степ. Тим.), сынъ свящ. пензенской губ., род. въ 1849 г., профессоръ кіев. дух. акад. и доцентъ университета. Обучался въ пензенской семинаріи и кіев. дух. академіи. Изъ трудовъ упомянуты лишь: «Петръ Могила» и Матерьялы для ист. рус. церкви въ зап. краѣ. Труды эти названы почему то «теологическими».

Горшковскій (Марьянъ), польскій археологъ. Издалъ, между прочимъ, «Cymeliarchium», исторія и значеніе свадебнаго кольца, 1864 г. и «Хороманія», историч. этюдъ о танцахъ. Прибавимъ, что Горшковскій, состоя учителемъ черниговъ. гимназіи, ограбилъ архивы мѣстныхъ монастырей и увезъ компрометирующія католическое духовенство документы въ Римъ, гдѣ вступилъ въ орденъ іезуитовъ.

Легко видѣть пропуски, допущенные издателемъ, что касается нашего края. Конечно, пополнить эти пробѣлы зависитъ отъ самихъ же дѣятелей литературы. Для этой цѣли редакція словаря обѣщаетъ издать особый дополнительный томъ. **Н. Молчановскій.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ XXVII.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1889 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVII, 1889 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1890 ГОДЪ. ОБЪ ИЗДАНІИ **1890 ГОДЪ.**

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Программы, конспекты и библіографичнскіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—историко-филологическій; отдѣлъ II—юридическій; отдѣлъ III—физико-математическій; отдѣлъ IV—медицинскій, отдѣлъ V—критико-библіографическій—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), отдѣлъ VI—научная хроника заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣденія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1890 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за **12 книжекъ** ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки **6 руб. 50 коп.**, а съ пересылкою **7 рублей**. Въ случаѣ выхода ПРИЛОЖЕНІЙ (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **ИЗВѢСТІЙ**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 р. сер., а студенты прочихъ унивирситетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевѣ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

№ 6. 1—1. Главный редакторъ *В. Иконниковъ.*

ВЪ **1890** ГОДУ

При Кіевской Духовной Академіи

БУДУТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ и ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаженнаго Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церквей западныхъ".

Указомъ Св. Синода отъ 3/13 февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи", такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ" рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи"—7 р

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписаться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61, XXV (1861 62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII, (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. Воскресное Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 руб. за за экземпляръ съ пересылкою.

Епархіальныя Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп, а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 руб.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1889 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ" за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ пересылкою 80 коп; 1874—1889 гг. по 1 руб. № 7. 1—3.

Въ вышедшихъ 1—11 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета.**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф. очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Черникъ. **А. А. Востокова.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой.** Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А. Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ап. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Двор-

СОДЕРЖАНІЕ.

Тома XXIV 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVI 1889 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

стр.

турнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. Проф. Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1889 г. **И. Каманина.** Н. Н. Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава. 1889 г. **И. Каманина.** Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 г. Кременчугъ. 1889 г. **Ѳ. Н.** Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г. **А. Степовича.** Кіево Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историч. очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Изданіе означеннаго монастыря. Кіевъ. 1889 года. **П. Голубовскаго.** Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государстяа. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Кіевъ. 1889 г. **И. Каманина.** Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По «Исторіи козаковъ» Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889. г. **И. Каманина.** Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 r. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Варшава. 1889. **И. Новицкаго.** Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммиссіею. Томъ четырнадцатый (дополненіе къ III тому). **Ив. Н.** Иванъ Манджура. Степовы думы та спивы. **В. Г.** J. Topolnicki. Mapa do dziejów Polski. Второе изданіе (съ помощью краковской академіи наукъ) исправл. и дополненное по новѣйшимъ изслѣд. **Ц. Неймана.** Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для народнаго чтенія) составилъ священникъ Павелъ Аѳонскій. 1889. Его же: Православныя святыни города Минска. 1889. **И. Каманина.** Časopis Musea královstvi českeho. 1888. Выпускъ III—IV. **А. Степовича.** Обозрѣніе газетъ и

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVII, 1889 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIV. 1886 г.

Январь, 1886 г.

Февраль, 1886 г.

Мартъ, 1886 г.

Апрѣль, 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XV. 1886 г.

Май, 1886 г.

Іюнь, 1886 г.

Іюль, 1886 г.

Августъ, 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

Октябрь, 1886 г.

Ноябрь, 1886 г.

Декабрь, 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVII. 1887 г.

Январь, 1887 г.

Февраль, 1887 г.

Мартъ, 1887 г.

Апрѣль, 1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVIII. 1887 г.

Май, 1887 г.

Іюнь и Іюль, 1887 г.

Августъ, 1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1887 г.

За Сентябрь, 1887 г.

Октябрь.

Ноябрь.

Декабрь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, Февраль и Мартъ, 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXI. Апрѣль, Май и Іюнь, 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXII. Іюль, Августъ и Сентябрь 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIII. Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Тома XXIV 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVI 1889 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVII, 1889 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА.

(1717 — 1767 гг.).

Изданіе „Кіевской Старины“,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ АЛ. ЛАЗАРЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1717 — 1725 гг.).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1893.

Предисловіе.

Болѣе тридцати лѣтъ назадъ были изданы „Дневныя Записки“ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (М. 1859. 2 ч., въ 8 д. л.), который будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ перв. полов. XVIII в. (р. 1696 † 1770), оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ цѣнный матеріалъ для изученія внутренней жизни Малороссіи XVIII в.—Дневникъ веденъ, безъ перерыва, въ теченіе того полувѣка (1717—1767), который былъ временемъ постепеннаго сокращенія автономной жизни старой Малороссіи и перехода къ общегражданскимъ формамъ государства. Начавъ свой дневникъ при гетманѣ Скоропадскомъ, Марковичъ пересталъ его писать только при президентѣ малороссійкой коллегіи Румянцевѣ... Издателемъ и редакторомъ перваго изданія „Дневныхъ Записокъ“ былъ родной внукъ ихъ автора, Ал—ндръ Мих—чъ Марковичъ (р. 1790 † 1865), принадлежавшій также, въ свою очередь, къ образованнѣйшимъ малороссіянамъ первой половины настоящаго вѣка. Оцѣнивъ по достоинству значеніе дневника, какъ историческаго памятника, Ал. Мих—чъ издалъ его однако съ значительными сокращеніи и, главное, съ весьма частыми поновленіями языка... Насколько сокращенъ дневникъ въ изданія 1859 г. видно изъ того, что первая часть нашего изданія, вмѣщающая въ себѣ болѣе 20-ти листовъ и оканчивающаяся 1725-мъ годомъ, по изданію А. М. Марковича занимаетъ всего только *девять листовъ* (собственно 142 стр.) разгонистой печати; можно сказать, что дневникъ Марковича по изданію 1859 г. сокращенъ не менѣе какъ наполовину. А какъ значительны измѣненія въ

языкѣ, допущенныя редакторомъ перваго изданія съ цѣлію поновить языкъ, читатель можетъ самъ усмотрѣть, сравнивъ на-выборъ страницу-другую прежняго изданія съ настоящимъ, причемъ можно иногда замѣтить замѣну однихъ словъ другими даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда этого вовсе нетребуетъ принятое первымъ изданіемъ поновленіе языка [1]).

Отсюда видно почему дневникъ Марковича требуетъ новаго изданія,—полнаго и во всемъ точнаго съ подлинникомъ.— Такое изданіе мы и желаемъ представить, воспроизводя въ немъ подлинникъ памятника безъ какихъ либо сокращеній и измѣненій собственно самого дневника.

Для оцѣнки дневника Марковича, какъ историческаго памятника, считаемъ необходимымъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о личности его автора.

Марковичи заняли видное мѣсто въ рядахъ козацкой старшины по вліянію гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Родоначальникъ Марковичей—Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей, поселившійся въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. въ Прилукѣ [2]). Здѣсь онъ женился на до-

---

[1]) Для примѣра измѣненій въ языкѣ и замѣны однихъ словъ другими, приводимъ однакоже и здѣсь нѣсколько строкъ.

Подлинникъ. У тіотки немоществующей былемъ, а у вечеру къ себѣ пріехалемъ пообѣдать, а потимъ знову, у вечеру, поехалемъ и допозна пробавилемъ. (1729 г., дек. 14).

Изданіе 1859 г. У тетки немоществующей былъ и ввечеру пріѣхалъ къ себѣ пообѣдать, а потомъ снова къ ней поѣхалъ и допоздна пробылъ.

Подлинникъ. Тіотка моя Анастасія Скоропадская, гетманова, сего ранку, год. сполночи 7, мѣнутъ 40, временное сіе окончила житіе. Болѣзнь была горячка. Толко при христіанской доброй рефлексѣи, ибо, при кончинѣ, Господа Бога отъ сердца своего призывала и наконецъ сказала: о проклятая временная жизнь, о вѣчная тамъ радость. (Дек. 19).

Изданіе 1859 г. Тетка моя, Анастасія Скоропадская, гетманова, сего утра годины съ полночи 7, минутъ 40, временное сіе окончила житіе, при христіонской доброй рефлекціи; ибо, передъ кончиною, Господа Бога отъ сердца призывала и наконецъ сказала: „о тяжкая временная жизнь, о вѣчная будущей радость"!

[2]) Архіепископъ Филаретъ ошибается (Опис. Черниг. епарх., VII, 300) называя родоначальникомъ Марковичей—Марка Кимбару, владѣльца с. Березы, глуховскаго уѣзда. Кимбара умеръ въ 1659 г., оставивъ вдову Агафью Ефимовну, ко-

чери богатаго мѣщанина Григорія Корнѣенка [1]) и скоро сталъ отцомъ значительнаго семейства. Средства къ жизни Маркъ Аврамовичъ добывалъ себѣ разными промыслами; но главнымъ изъ нихъ былъ промыселъ „арендарскій“, заключавшійся въ торговлѣ водкою, право продажи которой до начала XVIII в. въ Малороссіи отдавалось на откупъ. „Арендарскій“ промыселъ считался очень выгоднымъ и имъ не брезгала и козацкая старшина меньшихъ ранговъ. Вѣроятно, этимъ промысломъ Маркъ Аврамовичъ и нажилъ тѣ достатки, которые дали ему возможность повыдавать дочерей въ замужество за людей большею частью очень замѣтныхъ въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ. Славившаяся красотою дочь Настасья [2]) выдана была за генеральнаго бунчучнаго Константина Голуба, шурина гетмана Самойловича; другая, Ирина—за Степана Миклашевскаго, сына стародубскаго полковника; Марина—за лохвицкаго протопопа Павла Имшенецкаго, Прасковья—за журавскаго сотника Демьяна Якубовича и только пятая дочь Марка Аврамовича выдана была за бѣдняка Андрея Кондзеровскаго, котораго впослѣдствіи Скоропадскій устроилъ „маршалкомъ двору гетманскаго“. Браками своихъ дочерей Маркъ Аврамовичъ сталъ извѣстнымъ въ Малороссіи человѣкомъ.—Окончательно измѣнилась судьба этой семьи, когда Настасья Марковна, овдовѣвъ и выйдя во второй разъ замужъ за Скоропадскаго, стала, въ ноябрѣ 1708 г., гетманшей. Зять-гетманъ немедленно надѣлилъ тестя маетностями, давъ ему въ прилуцкомъ полку два села: Великую и Малую Дѣвицы, въ которыхъ и дожилъ свой вѣкъ Маркъ Аврамовичъ. Умеръ онъ въ 1712 г., какъ видно изъ сохранившагося письма Скоропадскаго, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ шурина своего Андрея М—ча, что ни онъ, ни „Настуся“ на похороны пріѣхать не могутъ [3]). Кромѣ пяти дочерей, у Марка Ав-

торая, постригшись въ монахини, въ 1671 г. устроила глуховскій преображенскій дѣвичій монастырь. Родоначальникъ Марковичей, Маркъ Аврамовичъ умеръ въ 1712 г.

[1]) Отъ него пошли настоящіе полтавскіе дворяне Огроновичи.

[2]) Портретъ ея приложенъ къ изданію 1859 г. Подлинникъ этого портрета находился въ Гамалѣевскомъ монастырѣ (глуховск. уѣзда), но недавно мы его видѣли далеко уже отъ монастыря...

[3]) Украинскій Журналъ 1824 г. № 21, стр. 130—132.

рамовича было столько же и сыновей. Межъ ними самимъ замѣтнымъ былъ старшій—Андрей, который пользуясь положеніемъ близкаго человѣка къ гетману и полковничьимъ урядомъ, нажилъ такія маетности, что родъ его уже въ полов. XVIII в. сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи.

Изъ дѣтей и внуковъ Андрея Марко́вича выдѣлился лишь одинъ сынъ его—авторъ дневника Яковъ. Яковъ М—чъ учился въ кіевской академіи и за свои способности былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Феофана Прокоповича, который повидимому возлагалъ на него большія надежды въ будущемъ. Ка̀къ смотрѣлъ на Марковича бывшій его ректоръ, видно изъ письма послѣдняго, которое онъ писалъ къ своему въ то время двадцатилѣтнему ученику. Вызванный Петромъ Великимъ, въ 1716 г., въ Петербургъ, Феофанъ ѣхалъ черезъ Глуховъ и хотѣлъ здѣсь повидаться съ любимымъ своимъ ученикомъ, но, не заставши его дома, написалъ къ нему письмо, съ первой станціи отъ Глухова (Есмани). „Во время твоего отсутствія, я былъ у тебя въ гостяхъ и пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Это было для меня очень пріятно; непріятно и досадно только то, что я не засталъ тебя дома и потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ. Живой примѣръ этого—ты самъ, который при помощи Божіей въ короткое время оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, *о какихъ и помышлять не могутъ украшенныя митрами головы*; а между тѣмъ прежде никто и ожидать не могъ отъ тебя подобныхъ занятій. Продолжай-же счастливо идти тѣмъ-же путемъ“ [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Прокоповичъ опять писалъ Марковичу, изъ Петербурга, очень длинное письмо, въ которомъ дѣлится съ нимъ тамошними своими впечатлѣніями. Жалуясь между прочимъ на схоластическое направленіе современныхъ ему теологовъ, Прокоповичъ говоритъ: „о если-бы, по твоему прекрас-

---

[1]) „Труды кіевск. дух. акад., 1865 г., январь. 141—142.

ному примѣру, во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предвзятаго мнѣнія. Тогда была-бы надежда что изъ тьмы возсіяетъ истина! Но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ: всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться... Ты, clarissime, по своему ревностному обычаю, учись и не позволяй себѣ ни мало ослабѣвать. Правда, у тебя нѣтъ собесѣдника и, конечно, я съ своей стороны всего болѣе желалъ-бы жить, обращаться и бесѣдовать съ тобою и съ подобными тебѣ; но если Промыслъ рѣшилъ иначе, то нужно будетъ покориться. У тебя есть мудрые собесѣдники и учителя лучше насъ скудныхъ; съ ними бесѣдуй [1]).

Нельзя видѣть въ этихъ письмахъ лести, а слѣдуетъ заключить, что Яковъ Марковичъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться ученымъ кіевскимъ монахомъ и „украситься митрою“, но его манила къ себѣ жизнь мірская съ ея матеріальными благами. Кіевскіе академисты оканчивали свое ученіе лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать; въ такомъ же возрастѣ оставилъ академію и Марковичъ. Въ это время тетка его—Настасья Марковна была уже гетманшей. Не имѣя сыновей, Настасья Марковна нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, который помогалъ-бы ей въ веденіи письменной части ея хозяйственныхъ дѣлъ, которыя она вела, частью, отдѣльно отъ мужа. Такого человѣка она нашла себѣ въ старшемъ сынѣ любимаго брата Андрея, почему и взяла этого племяника подъ свое особое покровительство, какъ только онъ покончилъ свое кіевское ученіе. Прежде всего тетка позаботилась женить Якова М—ча, чтобы онъ, ставъ семьяниномъ, могъ начать устройство особаго своего „господарства“. Выборъ жены при этомъ гетманша взяла на себя и прежде всего позаботилась, разумѣется, о богатствѣ и знатности того рода, изъ котораго любимый племянникъ будетъ брать себѣ жену. Первымъ богачемъ, въ это время, въ Малороссіи былъ черниговскій полковникъ Полуботокъ, а у него оставалась еще невыданная замужъ третья дочь—Елена. Хотя Яковъ Мар-

---

[1]) Тамъ-же, 141—150. См. также „Интимную переписку Өеофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ“. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., II, 498 и слѣд.

ковичъ самъ по себѣ, и собственно по своему происхожденію, не представлялъ завиднаго жениха, но сватала гетманша любимаго своего племяника и—бракъ состоялся. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Марковичъ женился на дочери Полуботка. Скупой тесть надѣлилъ свою дочъ впрочемъ лишь одними „фантами" и „клейнодами", а маетности не далъ и самой малой, не смотря на то, что ихъ было у него—десятки. Отецъ Якова Марковича въ это время еще не успѣлъ нажиться, такъ какъ полковничій урядъ онъ получилъ въ годъ женитьбы сына. Ждать маетности отъ гетмана Якову М—чу было еще рано, такъ какъ маетности давались за „службы", а ихъ за молодымъ академистомъ и быть не могло.—Спустя четыре года послѣ женитьбы племяника, гетманша нашла однако-же, что право на маетность онъ уже заслужилъ: въ январѣ 1718 г. Скоропадскій, „усмотрѣвши знатного войскового товарища Якова Марковича до услугъ войсковыхъ способность и впредь къ онымъ его заохочивая", далъ ему хорошее село Сварковъ, къ тому же находившееся около Глухова, тогдашней гетманской резиденціи. Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, гетманъ выхлопоталъ Марковичу на Сварковъ и царскую грамоту. Въ началѣ 1721 г. отецъ Якова Марковича назначенъ былъ въ ладожскій походъ; на время отсутствія полковника назначался, по войсковымъ обычаемъ, наказный полковникъ, выбиравшійся обыкновенно изъ старшихъ полковыхъ чиновъ; но когда Андрей Марковичъ ушелъ въ походъ, наказнымъ въ лубенскій полкъ гетманъ назначилъ, неожиданно для всѣхъ полчанъ, старшаго полковничьяго сына—Якова Марковича, двадцатипятилѣтняго войсковаго товарища, который до того ни въ какихъ „акціяхъ" не бывалъ. Назначеніе это конечно возбудило неудовольствіе полковой старшины, которая въ этомъ назначеніи должна была увидѣть кромѣ личной обиды еще и попраніе старыхъ войсковыхъ обычаевъ родства ради... Около полугода правилъ Яковъ Марковичъ лубенскимъ полкомъ и, вѣроятно, за эту службу гетманъ нашелъ возможнымъ дать ему, въ слѣдующемъ году, еще одну маетность—село Сухоносовку. Но въ томъ-же году Скоропадскій и умеръ, а со смертью его тетка-гетманша теряла прежнее свое

значеніе. Но судьба Марковичу повидимому благопріятствовала: послѣ Скоропадскаго, наказнымъ гетманомъ сталъ тесть Марковича—Павелъ Полуботокъ. Послѣдній, какъ извѣстно, началъ борьбу съ президентомъ только что устроенной тогда въ Глуховѣ малороссійской коллегіи, стараясь защитить старшинскія маетности отъ налоговыхъ посягательствъ Вельяминова. Но та старшина, интересы которой Полуботокъ отстаивалъ, уклонялась отъ помощи своему предстателю, боясь навлечь на себя подозрѣніе правительства въ оппозиціи.—Зять Полуботка дѣйдѣйствовалъ, какъ и остальная старшина, избѣгая при этомъ даже встрѣчъ съ тестемъ... А когда въ 1723 г. пріѣхалъ въ Малороссію Румянцевъ, присланный Петромъ Великимъ для разслѣдованія объ участіи старшины и народа въ жалобахъ Полуботка на Вельяминова, то Марковичъ такъ ловко повелъ себя въ отношеніи къ царскому слѣдователю, что заслужилъ полное расположеніе послѣдняго [1]). Такимъ своимъ поведеніемъ Марковичъ прежде всего заслужилъ себѣ репутацію человѣка „неподозрительнаго", а съ такою репутаціею можно было разсчитывать на полученіе всякихъ житейскихъ благъ. А ихъ то Марковичъ главнымъ образомъ и искалъ. Житейскія блага, по міросозерцанію тогдашняго малорусскаго чиновнаго человѣка, заключались въ полученіи вліятельнаго уряда, на которомъ можно было бы наживать всякія движимыя и недвижимыя имѣнія.

Въ годъ смерти Скоропадскаго, отецъ Марковича былъ отправленъ командиромъ отдѣльнаго козачьяго „корпуса" въ дербентскій походъ, при чемъ исправленіе должности лубенскаго полковника поручено было снова Якову Марковичу. И на этотъ разъ порученіе исходило отъ близкаго человѣка,—отъ тестя, который при этомъ прислалъ зятю и наставленіе—какъ вести себя, въ виду конечно, того-же неудовольствія полковой старшины, которое должно было снова при этомъ проявиться противъ ужъ слишкомъ молодаго „наказнаго" полковника. Около двухъ лѣтъ правилъ М—чъ на этотъ разъ лубенскимъ

---

[1]) См. подробности въ Кіевск. Старинѣ 1884 г.. № 1, „Марковичи".

полкомъ и не смотря на открытую непріязнь къ нему старыхъ полковниковъ, громко называвшихъ Марковича „новокрещеннымъ жидомъ“ [1]), устроилъ наилучшія отношенія съ тѣми царскими совѣтниками, которымъ тогда было ввѣренно главенство надъ Малороссіей (А. И. Румянцевъ и кн. М. М. Голицынъ). Въ другое время М—чъ конечно съумѣлъ бы извечь плодотворные результаты изъ своихъ отношеній съ такими людьми, но это время для Малороссіи было слишкомъ тревожно, что-бы можно было дѣйствовать по обычному порядку вещей. Въ началѣ 1725 г. отецъ Марковича вернулся изъ похода и принялъ отъ сына полкъ, а вслѣдъ затѣмъ, весною начались сборы въ такъ называемый сулацкій походъ отряда малороссійскихъ козаковъ, съ которымъ вмѣстѣ должны были идти въ походъ и— почти всѣ тогдашніе бунчуковые товарищи; высылая въ походъ поголовно этотъ цвѣтъ молодой старшины, стоявшей неудѣлъ и носившей почетное званіе бунч. товарищей, правительство точно боялось этихъ давно уже облѣнившихся полувоиновъ... Въ число отправленныхъ къ Сулаку бунч. товарищей попалъ и Яковъ М—чъ. Почти два года пробылъ онъ въ сулацкомъ походѣ, записавъ за это время въ своемъ дневникѣ интересныя свѣдѣнія, какъ бунчуковые товарищи, которые были побогаче, разнаго рода подарками улучшали свое положеніе... Очень умѣло въ этомъ отношеніи велъ свои дѣла и М—чъ, чрезъ что и получилъ возможность вернуться изъ похода въ числѣ тѣхъ, которые были „аттестованы больными“. Вернулся М—чъ домой весною 1727 г. и не успѣлъ отдохнуть, какъ снова долженъ былъ испытать разнаго рода треволненія, когда новопоставленный гетманъ Апостолъ обрушился съ своимъ гнѣвомъ на семью Марковичей. Марковичъ - отецъ лишенъ былъ полковничества и на него было подано, отъ обиженныхъ полчанъ, множество всяческихъ жалобъ. Защищаться отъ этихъ обвиненій М—чи поѣхали въ Москву и пробыли тамъ полтора года, отыскивая покровителей и заискивая у нихъ. Всѣ эти искательства велъ главнымъ образомъ Яковъ М—чъ и велъ съ обычнымъ

---

[1]) См. Русск. Арх. 1880 г., I, 190.

своимъ умѣньемъ—добиваться у сильныхъ людей благопріятныхъ результатовъ въ исканіяхъ... Уладивъ не только отцовскіе, но и дѣла тетки Скоропадской—объ оставленіи въ ея владѣніи части мужниныхъ имѣній,—Яковъ М—чъ вернулся въ Глуховъ и зажилъ тутъ мирною жизнью „пана“, на рукахъ котораго лежало распоряженіе значительнымъ хозяйствомъ въ нѣсколькихъ маетностяхъ. Изъ обыденнаго его житья, за время гетманства Апостола, можно отмѣтить два факта: попытка М—ча взять на откупъ „индукту“ (сборъ ввозной пошлины), платежъ за которую простирался до 20 тысячъ, и исканіе одного изъ генеральныхъ урядовъ. Попытка съ индуктой не удалась потому что она осталась за прежнимъ откупщикомъ, съ ловковстью котораго трудно было бороться, но эта попытка указываетъ, что М—чъ не боялся браться за такое большое по тогдашнему дѣло, требовавшее и капитала, и умѣнія. Не удалась и другая его попытка—получить урядъ генер. бунчучнаго, кандидатомъ на который онъ былъ „опредѣленъ“ лѣтомъ 1732 г.—Въ январѣ 1734 г. умеръ Апостолъ и правителями Малороссіи стали назначаться генералы. Для Марковича настала забота искательства пріязни у этихъ генераловъ. Пріязнь послѣднихъ онъ пріобрѣталъ, повидимому, безъ труда, благодаря своему умѣнію вовремя поклониться, вовремя поднести подарокъ, но результатовъ, въ смыслѣ служебнаго движенія впередъ, М—чъ ни какъ не могъ добиться. Въ 1739 г. производились выборы кандидатовъ на урядъ генер. судьи, при чемъ въ число трехъ кандидатовъ былъ выбранъ и М—чъ, но при наилучшихъ отношеніяхъ къ тогдашнимъ правителямъ, М—чъ и на этотъ разъ былъ обойденъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1740 г., отставленъ былъ Марковичъ-отецъ отъ уряда генер. подскарбія, за старостью; выбраны были три кандидата и на этотъ урядъ, при чемъ въ число ихъ опять попалъ М—чъ. Малороссіей въ это время временно правилъ Шиповъ, настолько благорасположеный къ М—чу, что поручилъ послѣднему временное исправленіе уряда генер. подскарбія, „до указа“. А когда вслѣдъ засимъ пріѣхалъ въ Глуховъ новый правитель Малороссіи генералъ Кейтъ, то и благорасположеніе этого замѣчательнаго по честности и образован-

ности шотландца-масона М—чъ съумѣлъ сразу же пріобрѣсти. М—чъ умѣлъ угодить Кейту—историческими своими знаніями и своего библіотекою; образованный Кейтъ пріѣхавъ въ Малороссію, захотѣлъ познакомиться съ исторіею послѣдней и источники для этого знакомства, повидимому, могъ найти у одного М—ча. Черезъ три недѣли послѣ пріѣзда Кейта въ Глуховъ, М—чъ везетъ уже ему Пасторія—„De bello scytico-cosacico" и еще двѣ книги, въ которыхъ, повидимому, тоже заключались историческія свѣдѣнія о Малороссіи. Снабжая Кейта книгами, М—чъ нерѣдко и „подпивалъ" съ нимъ, повидимому заслуживъ расположеніе и этого правителя; но и изъ этихъ отношеній ничего существеннаго М—чъ не получилъ. Весною 1741 г. Кейтъ замѣненъ былъ Неплюевымъ, а вслѣдъ за отъѣздомъ Кейта изъ Малороссіи, полученъ былъ изъ Спб. указъ о назначеніи генер. подскарбіемъ Мих. Скоропадскаго, а не Марковича. На этотъ раза М—чъ кажется совсѣмъ оскорбился и находя, что оставаться ему, 45-тилѣтнему человѣку, въ подчиненномъ положеніи бунчуковаго товарища, уже не приличествовало, обратился къ тогдашнему правителю Леонтьеву съ просьбою выхлопотать ему по краней мѣрѣ чинъ „вакансоваго" полковника; такъ какъ это былъ чинъ, а не должность, то Леотьевъ и не затруднился послать въ Спб. представленіе о „награжденіи" М—ча этимъ чиномъ.—Затѣмъ, тогда же, М—чъ „подалъ генералу челобитье—о бытіи ему подъ особливою дирекціею войсковой генеральной канцеляріи". Видимо, М—чъ находилъ неловкимъ оставаться въ средѣ той молодой по лѣтамъ старшины, которая, нося почетное званіе бунчуковыхъ товарищей состояла на посылкахъ у „генераловъ" и генер. канцеляріи. Отличенъ былъ М—чъ въ концѣ 1741 г., когда онъ былъ выбранъ, въ числѣ трехъ, депутатомъ для посылки въ Спб., для поздравленія императрицы Елисаветы Петровны съ восшествіемъ на престолъ. Цѣлый годъ пробылъ М—чъ въ Петербургѣ и сохранилъ въ своемъ дневникѣ интересныя подробности о начальномъ времени возвышенія Разумовскаго. Никакихъ повышеній въ служебной лѣсницѣ М—чъ не добился и во время своеко пребыванія въ Петербургѣ; не сдѣлали его тамъ даже и

„вакансовымъ“ полковникомъ, чѣмъ М—чъ думалъ хотя нѣсколько успокоитъ свое честолюбіе. Вернулся М—чъ въ Глуховъ тѣмъ же бунчук. товарищемъ, и—потянулась для него тутъ прежняя однообразная жизнь, неизмѣнившая своего характера и съ возстановленіемъ гетманства. Въ Глуховѣ вмѣсто велико русскихъ „генераловъ“, явились свои—въ лицѣ Теплова, Семена Кочубея... Теперь пришлось годитъ имъ. Но скоро М—чъ убѣдился, что ни на какія служебныя повышенія ему за старостью разсчитывать нечего и—успокоился. Въ пятидесятыхъ годахъ стали умирать его друзья и „кондисципулы“ (М. Скоропадскій, Петръ Валькевичъ, Н. Ханенко); увидѣлъ и Марковичъ свою старость, и сталъ проситься у гетмана въ отставку, которую, въ мартѣ 1762 г., и получилъ, при чемъ „награжденъ“ былъ *чиномъ* генеральнаго подскарбія. Въ слѣдующемъ году окончилось въ Малороссіи и гетманство, на смѣну которому явился президентъ малороссійской коллегіи, сынъ стараго благопріятеля Марковича, Александра Ив—ча Румянцова. Пріязненныя отношенія установились у М—ча и съ этимъ президентомъ коллегіи тѣмъ болѣе, что президентъ, не располагая капиталами, принужденъ былъ обращаться за ссудою ихъ къ М—чу.—Въ апрѣлѣ 1767 г. посѣтилъ М—ча и предвѣстникъ конца жизни — параличъ, лишившій его возможности быть лично въ „собраніи шляхетства глуховскаго повѣта“, выбиравшаго депутата въ коммисію о сочиненіи уложенія. Впрочемъ черезъ два мѣсяца послѣ паралича М—чъ, будучи въ это время семидесятилѣтнимъ старикомъ, пробовалъ—„верхомъ поѣздить“... Но старость брала свое: въ декабрѣ 1767 г. М—чъ прекратилъ даже писаніе своего дневника, потому что потерялъ отъ старости зрѣніе. Проживъ слѣпцомъ почти три года, М—чъ умеръ 9 ноября 1770 г.—Къ этому бѣглому очерку жизни М—ча прибавимъ нѣсколько словъ о его семьѣ. Мы видѣли уже, что М—чъ 18-ти лѣтнимъ юношею женился на дочери Павла Полуботка. Отъ этой жены онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ выросли только двѣ дочери, Анна и Пелагея; обѣ онѣ были выданы замужъ за людей малозамѣтныхъ (старшая—за Степана Есимонтовскаго, а младшая—за Степана Пиковца); М—чъ не нашелъ „знатныхъ“ зя-

тей, соотвѣтствовавшихъ его достаткамъ [1]), или потому что дочери его были некрасивы или вслѣдствіе его скупости... Обѣихъ этихъ дочерей М—чъ пережилъ. Умерла въ 1745 г. и первая жена Марковича, долго передъ тѣмъ болѣвшая. Три года оставался М—чъ вдовцомъ и скучая полнымъ одиночествомъ, женился во второй разъ, имѣя отъ роду уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Въ старой Малороссіи соблюдался обычай, что вдовецъ можетъ жениться только на вдовѣ. Такую невѣсту М—чъ подыскалъ себѣ сначала въ лицѣ вдовы кіевскаго полковника Танскаго; но посватавшись на ней (въ февралѣ 1748 г.) М—чъ черезъ два дня почему то отъ этой невѣсты „политично" отказался, а женился (въ маѣ того же года) на вдовѣ бунч. товарища Яворскаго. Отъ этой жены родился у М—ча, въ 1752 г., сынъ Михаилъ, который и былъ продолжателемъ рода своего отца. О воспитаніи этого сына М—чъ очень заботился, какъ заботился, онъ впрочемъ и о воспитаніи всѣхъ дѣтей. Сначала „Миша" учился дома, а четырнадцати лѣтъ онъ былъ отвезенъ въ Глуховъ, къ какому то Верту, „учителю латинскаго языка". Но ученіе у этого Верта отца не удовлетворило и онъ, лѣтомъ 1767 г., отправилъ своего Мишу въ Москву, „для наученія, съ Иваномъ Осинскимъ и камердинеровъ при немъ два"... Отъ этого сына родилось нѣсколько сыновей, межъ которыми было два такихъ же книжныхъ человѣка, какимъ былъ и дѣдъ ихъ: одинъ Яковъ, начавшій было печатаніемъ свои „Записки о Малороссіи" (первая и единственная книжка (98 стр.) которыхъ напечатана въ 1798 г.), но кончившій жизнь рано, самоубійствомъ (1804 г.), а другой—Александръ, издавшій въ 1859 г. дневникъ своего дѣда и вообще занимавшійся мѣстною стариною.—Происхожденіе этого дневника объясняется тѣмъ, что Яковъ М—чъ по природѣ своей былъ человѣкъ что называется книжный. Любилъ онъ книгу отъ младыхъ ногтей и за эту любовь къ ней былъ отличенъ знаменитымъ своимъ учителемъ Феофаномъ Прокоповичемъ.—Ближайшимъ поводомъ

---

[1]) У Марковича, въ 1744 г., было сто дворовъ крестьянъ, а изъ дневника видно, что немалый имѣлся у него и капиталъ, которымъ онъ не отказывался ссужать пріятелей, обыкновенно, обезпечивая себя при этомъ залогомъ.

къ началу дневника послужила коротенькая малороссійская „кроничка", записанная Павломъ Полуботкомъ въ одномъ его рукописномъ сборникѣ, который потомъ попалъ къ Якову М—чу; встрѣтивъ эту „кроничку", на ряду съ рецептами разныхъ водокъ, М—чъ сначала дополнилъ ее нѣсколькими событіями, потомъ, продолжилъ нѣсколькими годами, а затѣмъ—войдя во вкусъ—сталъ изо дня въ день вести свой „домашній протоколъ", какъ называлъ сначала онъ свой дневникъ [1]). Такіе дневники велись нерѣдко людьми книжнаго характера. Въ польской литературѣ напр. извѣстенъ „diaryusz priwatny" витебскаго воеводы Храповицкаго, веденный во второй половинѣ XVII в. [2]). Въ Малороссіи такой дневникъ велъ, какъ извѣстно, „кондисципулъ" М—ча по кіевской академіи—генер. хоружій Ханенко. Историческое значеніе этого рода памятниковъ заключается въ томъ, что въ нихъ мы находимъ достовѣрное изображеніе домашняго быта со всѣми мелочами ежедневной житейской сутолоки. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается значеніе и дневника М—ча, при чемъ важность собственно этого дневника значительно увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ обнимаетъ собою цѣлое полустолѣтіе.—Слабая сторона дневника М—ча заключается въ незначительности въ немъ политическаго матеріала. М—чъ по характеру былъ человѣкъ мелочной и скопидомъ. Эти главныя черты его характера всецѣло отразились и въ его дневникѣ. Всѣ мелочи жизни М—чъ старательно и неуклонно записывалъ въ своемъ дневникѣ отъ молодости и до глубокой старости. Мелочность записей доходитъ до того, что М—чъ съ точностью означаетъ напр. результаты принятія „порошку пургуючого"... Будучи скопидомомъ, авторъ

---

[1]) Мы нашли нелишнимъ внести въ текстъ дневника и „кроничку" Полуботка, напечатавъ ее мелкимъ шрифтомъ, для отличія отъ прибавокъ Марковича.

[2]) Dyaryusz wojewody Witepskiego J. A. Chrapowickiego, wydany z autentyku przez J. Rusieckiego z Trojanki. Odział pierwszy. Варшава. 1845. 8°. Изъ этого дневника, издатель ограничился напечатаніемъ только четырехъ лѣтъ (1668—672), обѣщавъ остальную часть его напечатать послѣ, но обѣщаніе это, сколько мы знаемъ, осталось неисполненнымъ. Въ дневникѣ Храповицкаго, между прочимъ, можно найти нѣкоторые нелишенные значенія факты для исторіи заднѣпровскаго козачества времени Дорошенка и Мих. Ханенка.

дневника неуклонно записывалъ мелочи своихъ хозяйскихъ дѣлъ и въ этихъ записяхъ сохранилъ для насъ частью—цѣнныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ „пана“ къ его „подданнымъ“, а главнымъ образомъ—обильныя свѣдѣнія о тогдашней сельско-хозяйственной промышленности. Въ этомъ отношеніи дневникъ М—ча навсегда останется драгоцѣннымъ источникомъ при изученіи экономической жизни старой Малороссіи. Политическій элементъ въ дневникѣ М—ча, какъ уже сказано, незначителенъ, быть можетъ по причинѣ особой осторожности автора, усвоенной имъ, кажется, послѣ тревожныхъ годовъ Полуботковой исторіи. Изъ дневника мы видимъ, что ко времени проѣзда А. И. Румянцева, въ 1723 г., на слѣдствіе въ Малороссію, М—чъ вырываетъ изъ этого дневника нѣсколько листовъ, боясь конечно, что царскій слѣдователь можетъ и до дневника добраться... Насколько справедливы были такія опасенія, мы не знаемъ, но эта боязнь М—ча могла отразиться и во всемъ послѣдующемъ содержаніи дневника. М—чъ, записывая факты изъ общественной жизни своей родины, ограничивается тѣми изъ нихъ, которые большею частью сохранились и въ другихъ письменныхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе только описанія походовъ—сулацкаго, въ 1725—727, и—хотинскаго,—въ 1739 гг. Въ обоихъ описаніяхъ найдется немало любопытныхъ чертъ изъ военнаго быта „гетманскихъ козаковъ“, которые, какъ воины, въ это время, повидимому, потеряли уже совсѣмъ прежнюю свою славу и заслужили отъ Миниха сравненіе ихъ—въ походѣ—съ „мышами, которыя напрасно только хлѣбъ ѣдятъ“... Незначительны свѣдѣнія дневника и объ отдѣльныхъ лицахъ. Въ этомъ отношеніи дневникъ даетъ впрочемъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для знакомства съ личностью гетмана Апостола, этого героическаго еще козака, принужденнаго дѣйствовать подъ ферулою глуховскихъ „министровъ“. Но чѣмъ дальше, тѣмъ подобныхъ свѣдѣній въ дневникѣ меньше и меньше.—Такимъ образомъ главное значеніе дневника М—ча заключается въ томъ, что онъ рисуетъ намъ ежедневную, будничную жизнь малорусскаго пана прошлаго столѣтія, который будучи вовсе не обремененъ общественными обязан-

ностями, проводилъ трудовую жизнь—въ заботахъ объ увеличеніи своихъ достатковъ, а отдыхъ—въ „подпиваніи", соединенномъ съ игрою въ карты. Умственная жизнь въ этомъ обществѣ была развита мало, не смотря на то, что большинство средняго по достаткамъ малорусскаго панства получало образованіе въ кіевской академіи. Такія личности, какъ Яковъ Марковичъ и товарищъ его по академіи Николай Ханенко, въ этомъ обществѣ были исключеніями. И вотъ благодаря образованію и литературнымъ наклонностямъ этихъ двухъ „кондисципуловъ", оба они и оставили намъ по дневнику. Дневникъ Ханенка уже напечатанъ. Дневникъ Марковича,—въ полномъ объемѣ,—начатъ печатаніемъ въ настоящей книгѣ. Остается пожелать, чтобы печатаніе его было доведено до конца... Дѣло это нелегкое по недостатку матерьяльныхъ средствъ—въ виду весьма значительнаго объема памятника, рукопись котораго состоитъ изъ *десяти* книгъ въ листъ. Объемъ и содержаніе ихъ слѣдующее:

1) Въ сборникѣ Полуботка находится начало дневника, обнимающее собою 1717—1722 гг. и начало 1723-го года, оканчивающееся записью 20-го февраля (стр. 12-я настоящаго изданія). Всего дневникъ здѣсь занимаетъ, съ „кроничкою" Полуботка, 7 лл.

2) Заключаетъ въ себѣ записи, начиная съ 7-го марта 1723 г. и оканчивая 31-мъ декабря 1724 г. Начало рукописи утрачено. Въ настоящее время въ ней 75 лл. (См. стр. 178 настоящаго изданія).

3) Четыре года, 1725—1728.—300 лл., изъ которыхъ 21 листъ—чистые.

4) Два года, 1729—1730.—106 лл.

5) Шесть лѣтъ, 1731—1736.—271 лл.

6) Четыре года, 1737—1740.—188 лл.

7) Три года, 1741—1743.—164 лл.

8) Четыре года, 1744—1747.—204 лл.

9) Семь лѣтъ, 1748—1754.—212 лл. (Первые четыре листа заняты рецептами).

10) Восемь лѣтъ, 1755—1762 и 28 дней января 1763 г., при чемъ эта запись 1763 г.—переписана, чужою рукою, и въ слѣдующемъ томѣ.—210 лл.

11) Пять лѣтъ, 1763—1767 (13-го декабря).—160 лл.

Подлинникъ рукописи писанъ мелкимъ почеркомъ, который очень нерѣдко, особенно при выдвѣтшихъ чернилахъ, читается съ трудомъ. Нѣкоторыя слова остались нами неразобранны; они обозначены точками съ знакомъ вопроса въ скобкахъ. Во всемъ остальномъ—дневникъ печатается полностью, за исключеніемъ нѣкоторыхъ внесенныхъ въ дневникъ актовъ и выписокъ изъ книгъ и газетъ, которые если опускаются, то объ этомъ дѣлается оговорка. Поясненія въ подстрочныхъ выноскахъ, къ отдѣльнымъ мѣстамъ дневника, принадлежатъ намъ.

Подлинная рукопись дневника принадлежитъ нынѣ внуку его автора, Пармену Андреевичу Марковичу, и сохраняется въ той усадьбѣ села Сваркова, которую когда то съ такою заботливостью устраивалъ Яковъ Марковичъ.

24 ноября, 1892 г. **Ал. Лазаревскій.**

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА

(1717—1767 г.).

Предисловіе.

(первое).

Болѣе тридцати лѣтъ назадъ были изданы „Дневныя Записки" генеральнаго подскарбія Якова Марковича (М. 1859. 2 ч., въ 8 д. л.), который, будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ перв. полов. XVIII в. (р. 1696 † 1773), оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ очень цѣнное пособіе для изученія внутренней жизни въ Малороссіи XVIII в. Дневникъ веденъ, безъ перерыва, въ теченіе того полувѣка (1717—1767), который былъ временемъ постепеннаго сокращенія автономной жизни старой Малороссіи и перехода ея къ общегражданскимъ формамъ государства. Начавъ свой дневникъ при Скоропадскомъ, Марковичъ пересталъ его писать только при Румянцевѣ... Издателемъ и редакторомъ „Дневныхъ Записокъ" былъ родной внукъ ихъ автора, Ал. Мих. Марковичъ (р. 1790 † 1865), принадлежавшій также, въ свою очередь, къ образованнѣйшимъ малороссіянамъ первой половины настоящаго вѣка. Оцѣнивъ по достоинству значеніе дневника, какъ историческаго памятника, Ал. Мих—чъ издалъ его однако же такъ, какъ въ его время большею частью издавались подобные памятники,—вспомнимъ напр. ка̀къ первоначально были напечатаны записки Болотова,—редакторъ „Дневныхъ Записокъ" нашелъ нужнымъ значительно ихъ сократить и подновить языкъ... Отсюда необходимость переизданія этого памятника.

Вновь издается дневникъ Марковича по подлиннику въ полномъ его видѣ, безъ сокращеній и, разумѣется, безъ какихъ

либо измѣненій текста[1]). Поясняя нѣкоторыя мѣста дневника въ примѣчаніяхъ, мы печатаемъ послѣднія, для удобства читателя, подъ строкою.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ дневника и описаніе рукописи будутъ приведены дальше, во второмъ предисловіи. Здѣсь скажемъ лишь, что Марковичъ началъ писать свой дневникъ по слѣдуюшему случаю: встрѣтивъ въ одной тетради своего тестя, извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботка, написанную послѣднимъ коротенькую малороссійскую лѣтопись, Марковичъ эту „кроничку" сначала дополнилъ нѣсколькими фактами, потомъ—продолжилъ нѣсколькими годами, а затѣмъ—войдя во вкусъ—сталъ изо дня въ день вести свой „домашній протоколъ", какъ называетъ онъ этотъ дневникъ. Поэтому мы нашли не лишнимъ внести въ текстъ дневника и лѣтописанье Полуботка, напечатавъ послѣднее мелкимъ шрифтомъ, для отличія его отъ прибавокъ Марковича.

28 февраля 1891 г.

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Подлинникъ дневника принадлежитъ правнуку ихъ автора—Пармену Андреевичу Марковичу и сохраняется въ той же усадьбѣ глуховскаго села Сваркова, которую когда-то съ такою любовью устраивалъ Яковъ Марковичъ.

1452. Турки Константинополь взяли [1].

1497. Ляхи зъ волохами войну точили и волохи ляховъ были, и побравши многихъ въ неволю, въ плугъ запрагали, орали оними и жолуде сѣяли, що и до сего часу лядскою назиается дубровою. За Котноромъ на горѣ, до Ясъ едучи.

1577. Земля трасласся.

1591. Быдло велми здихало и невидимо по окнахъ были слова написани.

1614. Царъ Феодоръ чернцемъ сталъ.

1617. Война Сагайдачного.

1622. Петръ Конашевичъ Сагайдачний умеръ.

1625. Комисѣя война.

1630. Іовъ Борецкий, митрополитъ кіевскій, умеръ въ 1630.

1633. Первая война Московская Шейнова на Смоленскъ, за цара Михаила Феодоровича.

1634. Тимошъ умеръ. Арендаренка гетманомъ учинено.

1635. Кумейская война.

1647. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, умеръ.

1648. Хмелницкий у Бороша (sic) листи укравъ и войну первую почалъ.

Того жъ року ляхи зъ Украини поутѣкали.

---

[1]) При началѣ лѣтописи въ рукописи рукою Ал. Мих. М—ча написано: „Писано рукою Полуботка. (Книга эта ему принадлежала, а послѣ перешла къ зятю его Якову Марковичу, который продолжалъ вписывать въ нее примѣчательные акты)“.

1649. Обобранъ зосталъ на кролевство Жикгмунтъ Казимеръ третий.

1650. Берестецкая война; въ томъ року Хмелницкий зъ козаками ляховъ былъ, Калиновского, Маховского и иншихъ многихъ у неволю татаромъ отдано, а другихъ побыто.

1651. Хмелницкий цару Алексѣю Михайловичу зо всѣми козацкими войсками поклонился.

1654. Дрижиполская война.

1655. Царъ Алексѣй Михайловичъ Вилню и Брестя Литовское взялъ.

Того жъ року на козацкого гетмана Івана Золотаренка подъ Старимъ Быховомъ простий человѣкъ засѣвши, забылъ зъ мушкета и тѣло его проважено черезъ Нѣжинъ до Корсуна, где, подчасъ похорону его, церковъ святаго Николая зъ людми згорѣла.

1656. Селивестръ Косовъ, метрополитъ кіевский, умеръ.

1657. Хмелницкий померъ. Силвестръ Косовъ, митрополитъ киевский, умеръ.

1658. Іванъ Виговский зосталъ гетманомъ и цару Московскому присягу виконалъ. Пушкара убыто.

1659. Подъ Конотопомъ була бытва. Юрася Хмелницкого гетманомъ учинено по змѣнѣ Выговского.

1660. Хмелницкий змѣнилъ и Василя Шереметева въ неволю взято.

1661. Въ Кіеви, за воеводы Івана Ржевского, татаре много людей порубили и въ неволю побрали. Іорданский монастирь паненский спалили.

Того жъ року, Сомка гетманомъ учинено.

1662. Хмелницкий чернцемъ сталъ, а на его мѣсцу сталъ гетманомъ Павелъ Тетера.

1363. Подъ Нѣжиномъ була великая рада войска московского и козацкого, и тамъ учинено гетманомъ Бруховецкого. Сомка и Васюту страчено въ Борзнѣ.

1664. Була на небѣ метла зъ звѣздъ, и една зходила зъ полночи на заходъ солнца, другая зъ вечера на заходъ солнца, якая комета тривала недель двѣ.

1665. Гетманъ Бруховецкый на Москву ездилъ и, оженившися тамъ, зъ великымъ жалованемъ повернулся.

Того жъ року, монастиръ Межигорскый вигорѣлъ.

1666. Воеводи стали по украинскыхъ городахъ.

1667. На заднѣпру учинено гетманомъ Петра Дорошенка.

Тогда жъ подъ Чигиринъ турки приходили у превеликой силѣ.

1668. Бруховецкого убыто на Говтвахъ, за Зѣнковомъ.

1669. Учинено гетманомъ Демяна Многогрѣшного.

1671. Королемъ обобрано въ Полщѣ Михаила Вишневецкого Коробута.

1672. Многогрѣшного на Москву взято.

Того жъ року, царъ турецкый зъ ханомъ кримскымъ и Дорошенкомъ, Каменецъ Подольскый взялъ, и того жъ року сталъ гетманомъ Іванъ Самойловичъ.

1674. Григорій Ромодановскій зъ гетманомъ Самойловичемъ Дорошенка въ Чигиринѣ взяли. Мурашка Волоскую землю воевалъ, залогу турецкую у волохахъ взялъ.

Того жъ року, Ладижинъ взятъ, Умань; уманцемъ голови луплено, дѣтей забирано и, вибравши дванадцять тисячъ, въ неволю запроважено.

1675. Померъ въ Чигиринѣ метрополитъ Токалскый.

Того жъ року, турки виходили подъ Чигиринъ, и вбачивши войска великіе московскые, поутѣкали.

Того жъ року, царъ Алексѣй Михайловичъ померъ.

1676. Помазанъ на царство царъ Феодоръ Алексѣевичъ.

1678. Чигиринъ взято.

1679. Войска великіе стояли подъ Кіевомъ, ожидаючи бѣсурманского приходу.

1680. Зима була барзо легкая, да суша была великая.

1681. Царъ Феодоръ Алексѣевичъ померъ и, збунтовавшися, стрѣлцѣ многихъ бояръ побыли.

1683. Помазано на царство царя Іоанна и Петра Алексѣевичовъ.

1686. Первый походъ подъ Перекопъ, въ якомъ походѣ гетмана Самойловича взято, вмѣсто его Мазепу гетманомъ учинено.

1689. Саранча була. Того жъ року, другій былъ походъ подъ Перекопъ.

1695. Казикерменъ взято.

Того жъ року, царь Іоаннъ Алексѣевичъ померъ.

1696. Озовъ взято. Тогда Яковъ Марковичъ родился.

1697. Царь Петръ Алексѣевичъ ходилъ въ иноземскіе краи.

1699. Голодный рокъ былъ. Леонтій Свѣчка, полк. луб., умеръ

1700. Святѣйшій патріархъ Андріанъ померъ.

1701. Подъ Ругодевъ ходили.

1702. Зими не было, тилко тиждень снѣгъ лежалъ. Гамаль Гришко умеръ [1]).

1703. Івана Івановича, полковника ахтирского, взято.

1704. Іустинъ Базилевичъ митрополитою сталъ бѣлогородскимъ и Ругодевъ взятъ того жъ року. Яковъ Лизогубъ, полк. чер., умеръ [2]).

1706. Царь Петръ Алексѣевичъ зо всею арміею былъ въ Чернѣговѣ и, когда чинено смотръ въ полкахъ драгунскихъ и пѣхотныхъ, свѣтлого дня перунъ на церковъ Тройцѣ святой ударилъ. Михаилъ Миклашевскій, полк. стар., убитъ отъ шведовъ. Иванъ Мировичъ, полк. переясл., взятъ.

1707. Кіево Печерская фортеца строилася козацкими войсками. Варлаамъ Ясѣнскій умеръ.

1708. Булавинъ былъ появился на Дону, якого розбито. Тогда митрополитою сталъ Іоасафъ Кроковскій.

Того жъ року Кочубеевѣ и Іскрѣ шіи втято, и того жъ року Мазепа змѣнилъ, а гетманомъ сталъ Іванъ Скоропадскій.

1709. Подъ Полтавою була енералная баталія зъ шведомъ, гдѣ шведскіе войска розбити зостали, а король шведскый зъ Мазепою въ малолюдствіи утѣкъ до Бендеру.

1710. Въ Кіевѣ було моровое повѣтре, и того жъ року въ Чернѣговѣ, на подолѣ, отчасти було, толко ускромилося.

1711. Въ Чернѣговѣ, Седневѣ и Сосницѣ було моровее повѣтре и по многихъ селахъ.

Того жъ року, за Прутомъ царь Петръ Алексѣевичъ боталію зъ турками чинилъ. По сконченю тоей боталіи послани до Порти Отоманской, при великомъ вейзировѣ, посли царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ (для укончена примиря) зъ Михаиломъ Борисовымъ Шереметовомъ.

Того жъ року войска були подъ Каменымъ Затономъ и вивозивши оттоль борошенные запаси до Орла [3]) и до инших мѣстечокъ полтавского полку, Каменный Затонъ, Самаръ и Кодакъ роскидали. Въ томъ походѣ панъ Михайло Максимовичъ, панъ Тризничъ, судія

---

[1]) Григорій Гамалѣя, бывшій лубенскій полковникъ.

[2]) Должно быть Ефимъ Лизогубъ—сынъ Якова, умершаго въ 1698 г.

[3]) Мѣстечко кобелякцкаго уѣзда.

полку черн҃ѣговского, и панъ Стефанъ Войцеховичъ, реентъ канцеляріи войсковой, померли. Тогди жъ и саранча була.

Того жъ року преосвященного Іоанна Максимовича на Сибѣрскую взято митрополію.

1712. Стояли войска московскіе по надъ берегомъ днѣпровымъ, почавши отъ Лоева ажъ до Навозу [1]), для которихъ мости козаки поробыли були черезъ Днѣпръ, толко жъ не переходили на той бокъ, але пошли ку Смоленску.

1713. Войска козацкіе стояли подъ Кіевомъ и робыли валъ, почавши отъ московского города, поузъ Лыбедь, до Подолу.

Того жъ року обобранъ зосталъ на архиепископію чернѣговскую архимандритъ новгородскый на Стритеніе Господне Антоній Стаховскый, а посвятившися пріехалъ на престолъ въ катедру мало не въ рукъ (рокъ?) передъ Рождествомъ Христовымъ.

1714. Послы царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ, Толстой, Безстужій и Михайло Борисовичъ Шереметевъ, отпущены отъ Порти Отоманской, по учиненю мирнихъ договоровъ, одколь поворочаючи, Михайло Борисовичъ Шереметевъ въ дорозѣ померъ, и тѣло его припроважено до Кіева, и поховано въ манастиру Печерскомъ. Король шведскый зъ Орликомъ пошолъ въ свою землю, а Горленко, полковникъ бывшій прилуцкий, зъ товарищи пришолъ на Украину и удержанъ въ Глуховѣ, а потомъ взятъна Москву, где подъ Дѣвичимъ жилъ, зъ Максимовичомъ Антоновичомъ и Ломиковскимъ.

Василий Савичъ, полк.(овникъ) луб., умеръ.

1715. Отпущены зъ Москви панъ Михайло Гамалѣя, Кандиба и прочіи, на Украину, а въ Новгородку сталъ сталъ сотникомъ бувшій протопопа гадяцкій Федоръ Лисовскый.

Въ томъ же року мѣсяця іюня 10 дня преставился въ Тоболску преосвященный митрополитъ сибѣрскый его милость отецъ Іоаннъ Максимовичъ.

Въ Глуховѣ въ мѣсяцю марту 13 числѣ, упалъ верхъ церкви святой Тройци мурованой, въ день по полудню.

Того жъ року, декабрь. Енералъ Ренъ въ Полщи умеръ.

Того жъ року, уже на зиму, гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ войско вийшолъ и стоялъ у Гадячомъ самъ, а около него полки всѣ.

Сего року, въ лѣтѣ, генералъ маіоръ Бауръ померъ.

---

[1]) Село черниговскаго уѣзда.

1717 годъ.

Януар. 13, въ недѣлю, Стефанъ Бутовичъ, асаулъ енералный, преставился.

Того жъ року, февр. 8, въ пятокъ, на Феодора Стратилата, Евфимія Полуботкова [1]) преставилась.

Того жъ року, государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Парижа и Амстердаму, куда перегринуючи два года замедлѣлъ, въ осени, къ С.-Питербурху возвратилъся.

1718 годъ.

Януаръ. Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ Москву ездилъ, а при немъ полковниковъ было 4: чернѣговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, гадяцкій Михайло Милорадовичъ, полтавскій Іванъ Чернякъ, писарь енералный Семенъ Савичъ, бунчучный Яковъ Лизогубъ и прочіи бунчуковіи, бо и самъ государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Санктпитербурху тогда жъ приехалъ зъ царицею Екатериною Алексѣевною.

Того жъ року, и мѣсяця, повернулъся царевичъ Алексѣй Петровичъ зъ Германѣи отъ цесара, куда былъ ушолъ, а приехалъ къ государю въ Москву, где его отъ наслѣдія царства отдалено, а на томъ же юнѣйшого сина царевича Петра Петровича уставлено, на що першее царевичъ Алексѣй присягу виконалъ, а потомъ и всѣ, тогда жъ и гетманъ въ недѣлю, въ церквѣ соборной, на тое жъ присягалъ. А зъ Москви гетманъ Скоропадскій, по желанію царского величества, о серединѣ поста великого, въ Санктпитербурхъ поехалъ, где при великой милости государевой найдовалъся и по отездѣ на море государевомъ (которій юля 16 имѣлъ) виѣхалъ въ Украину оттуда, того жъ року 1718 іюля 23, а приѣхалъ въ Глуховъ августа 22, въ пятокъ, передъ заходомъ слонца.

Того жъ року, подъ часъ бытности гетманской въ Санктпитербурхе, царевичъ Алексѣй Петровичъ, оддаленій одъ наслѣдія, мѣсяця юня 28 преставился.

---

[1]) Первая жена Павла Полуботка.

Того жъ року, на Москвѣ, въ вел. постъ, за волею и сватанемъ самаго царя и царици, дочерь гетманскую за сина Петра Андреевича Толстого засватано.

Того жъ року, преосвященній митрополитъ кіевскій Іоасафъ Кроковскій въ Санктпитербурхъ по указу государевомъ черезъ умисл-ного посланця, капитана преображенского полку Писарева, за нѣякуюсь вину, взятъ зъ Кіева о праздницѣ сошествія Святаго Духа, а зъ нимъ купно и архимандритъ печерскій Іоаникій Сенютовичъ; але митрополитъ за слабостю и немощію своею до самого С.-Питербурху не допроваженъ и за Москвою, въ Тверѣ, померъ, где архиерей тверскій его погреблъ.

Того жъ року, по Воскресеніи Христовомъ, мая—Печерскій монастиръ, кромѣ печеръ, весь згорѣлъ зо всѣми скарбамы и церковнимы украшеніямы. Потомъ, на третій день, Подолъ—Кіевъ мало не въвесь, кромѣ коллеgіума да побережныхъ дворовъ, тако жъ погорѣлъ.

Того жъ року по томъ кіевскомъ пожару, Чернѣговъ, старое мѣсто, все вигорѣло, тилко въ мѣстѣ заледво осталася катедра архиепископа чернѣговского, якую уже й занявшуюся заледво угасили.

Той же рокъ на овощи всякіе такъ оскудній былъ, же барзо рѣдко где можно было знайти овощи якойнибудь.

Того жъ року, августа 9, зъ субботи на неделю, противъ 10 числа, на святаго апостола Матфія, родился Петръ синъ у пол. луб. [1]).

Того жъ року, септеврія—Петръ Івановичъ генералъ маіоръ Яковлевъ, стоявшіи въ Лубняхъ, отъ горячки захоровавши, своей хороби 11 дня преставилъся.

Того жъ року, отъ весни козацкіе войска мѣли походъ ажъ до Царичина, къ Волзѣ рѣцѣ, надъ которими былъ гетманомъ наказнымъ Іванъ Сулима, хоружій енералній, а бавилися тамъ долго и повернулись около початку зимы.

Того жъ року, Лукянъ Жораковскій, полковникъ нѣжинскій, передъ Вознесеніемъ, мая мѣсяца преставился.

---

[1]) Т. е у Андрея Марковича, отца автора дневника.

Того жъ року, мѣсяця октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселіе було: гетманъ Скоропадскій дочерь свою Уліяну отдалъ за сина Петра Андреевича Толстого, тайного совѣтника, Петра Петровича, зъ которимъ приехали браття его въ сватахъ: братъ родній старшій Іванъ Петровичъ, а другій въ первихъ Борисъ Івановичъ, и нѣсколько при нихъ особъ великороссійскихъ.

Тогда жъ, въ купѣ зъ сими, приехалъ секретарь зъ Москви Михайло Павловичъ Шафѣровъ до гетмана зъ грамотою, обявляющою рожденіе дочери царскому величеству Наталіи Петровни, якая сего жъ году, авгус. 21, родилася.

Того жъ року, еще въ февр., Александеръ Васильевичъ Кикинъ, ближайшій двору царевому, за тое что подмовилъ царевича Алексѣя Петровича уйти зъ С.-Питербурха до цесара, казненъ былъ на Москвѣ: руки и ноги ему ламано и голову оттявши, на паль зложено.

Такъ же и Досифея, епископа ростовского, ростригши, казнено, а тѣло его спалено. Тогди жъ Степана Глѣбова живого на желѣзний колъ зъсажено. А тое чинилося при гетману, въ Москвѣ.

Король шведскій Кароль убытъ въ Норвекгіи, подъ городомъ названнимъ Фридерштатъ, отъ дацкого войска, картечою зъ города вистреленною, октовр.

1719 годъ.

Марта 3. Царское величество царь Петръ ездилъ зъ царицею Екатериною въ Аленецъ, где новіе лѣчителніе води винайшолъ, а повернулъся оттуду въ С.-Питербурхъ.

На королевство шведское избрана сестра убытого короля шведского, а жена князя Гессенъ Кассель и коронована февр. 6.

Баталѣя въ Мекленбургіи була, гановерци зъ рускимы имѣли войну; гановерцовъ було въ Мекленбургіи—8000 нарознь, а русскихъ войскъ 2000, пре то збыти зостали гановерци.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фелтмаршалъ, въ вовторникъ, въ неделѣ вел. поста, февр., умеръ въ Москвѣ, а для погребенія попроваженъ въ С.-Питербурхъ, въ остатнѣхъ дняхъ того жъ поста.

Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, кгубернаторъ сѣбирскій, отъ кгубернѣи отставленъ, за караулъ посаженъ, и всѣ животи его на государя взяти апр., за нѣкоторіе его до кгубернѣи належніе преступленія.

Сего жъ году, проявился въ С.-Питербурсѣ присланній отъ короля прусского къ государу силній человѣкъ, которій пушку у 250 фунтовъ или у 50 каменей, едною рукою поднимаетъ; тако жъ ослонъ у 12 фунтовъ зубамы подиймаетъ, за еденъ конецъ взявши; канатъ, якого три лошади не могутъ разорвать, перериваетъ; лошадей двое его не могутъ зъ мѣста двигнути, когда обопрется; желѣзній гвоздь, у палецъ товстій и довгій у пять, въ сукъ вмѣсто свердла рукамы скрутитъ; ногамы да головою ляжетъ на стулахъ, а все тѣло виситъ, да на томъ тѣлѣ камене, у двохъ человѣка заледво зтащивши, положатъ и розбываютъ etc.

Сего жъ году, въ постъ вел., синъ Петра Андреевича Толстаго, а зять гетманскій, Петръ Петровичъ, отъ самого государя пожалованъ въ полковники нѣжинскіе, у графа Гаврила Івановича Головкина.

Королева шведская королевскую свою власть отдала мужу своему князю Гессенъ Кассель, которій потомъ отъ всѣхъ за цѣлого принятъ зосталъ короля и коронованъ.

Того жъ року, мѣсяца априля, царевичъ Петръ Петровичъ наслѣдственній въ С.-Питербурсѣ преставился.

1720 годъ.

Генв. 7. Вийшолъ новий монарший указъ, повелѣваючій всѣмъ въ поготовости бути противъ шведовъ и ихъ союзниковъ.

Синъ полковника лубенского Андрея Марковича, Андрей, поялъ себѣ въ жену дочерь полковника сумского Івана Кондратіева.

Марта — числа. Свѣтлѣйшій князь Александеръ Даниловичъ Меншиковъ, фелтмаршалъ и губернаторъ с.-питербурскій, пріехалъ въ Украину зъ Ст.-Питербурха, которого ясневелм. гетманъ Іоаннъ Скоропадскій поткалъ въ Шептакахъ и принималъ, а сталъ онъ квартерою въ Нѣжинѣ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, мая въ первихъ числехъ, въ Гадячое зъ своей квартерѣ, отъ Нѣжина, ездилъ, куда и его велможность панъ гетманъ Іванъ Скоропадскій зъ Глухова пріехалъ былъ и вся енералная старшина, такожъ и полковники. Ясневелможній самъ, якъ туда въ Гадячъ виехалъ немощнимъ отъ болѣзни подаgричной, такъ и оттуду повернулъся весма ослабѣлимъ, и заледво у Глуховѣ по волѣ до первобитного здоровя прійшолъ. Тамъ, въ Гадячомъ, якіе трактата чинилися нижей изображено есть [1]).

Зъ Украини, по указу царского величества Петра Первого, вистатчено муки житной четвертей московскихъ 30,000 и спроважено въ Смоленскъ подрядами; таковій указъ въ листѣ приcланъ былъ; ради исполненія указу сего, паны полковники всѣ пріѣздили въ Глуховъ, декабря 8 числ. [2]).

Свѣтлѣйшій князь Менщиковъ выѣхалъ зъ Украины въ лѣтѣ, мѣсяця июля въ первыхъ числехъ.

Панъ асаулъ генералный Василій Жураховскій, обозный прилуцкій Огроновичъ и судя гадяцкій Грабянка, мѣсяця декавр. первыхъ числъ, посланы отъ цѣлой Украины въ Санктъ-Питербургъ зъ прошеніемъ о милость въ нуждахъ малороссійскихъ, куда потомъ въ своемъ дѣлѣ и полковникъ нѣжинскій Петръ Петровичъ Толстой, сего жъ мѣсяця числа 18-го, въ недѣлю, зъ Глухова выехалъ.

Въ семъ году великороссійская армия новымъ образцемъ на зимовой квартери стала въ Украинѣ, такъ же по городкамъ и значнѣйшимъ селамъ, цѣлыми поставлялися ротами, при которыхъ и стайнѣ такъ великіе подѣлано, жебы конѣ цѣлой роти могли въ едной змѣститися.

Панъ писарь енералній Семенъ Савичъ другую себѣ получилъ жену, бувшую сотникову ічанскую Стороженкову, въ октовр. мѣсяцѣ.

---

[1]) Вписанные здѣсь въ дневникѣ —„пункты, князеви свѣтлѣйшему отъ цѣлой Украины поданные“ и отвѣты кн. Меньшикова, напечатаны въ приложеніяхъ къ изданію 1859 г., т. I, стр. 462—492.

[2]) Вписанный при этомъ указъ слѣдующаго содержанія: „Господинъ гетманъ. Увѣдомились мы, что на Украине въ малороссійскихъ городѣхъ, за помощію божіею, хлѣбъ уродился и въ покупке гораздо дешевъ. Того ради прикажѣте купить до 30000 четвертей муки, расположа на всѣ полки по ровному числу, и перевезть въ

1721 годъ.

Въ януар. первыхъ числехъ, принесенъ указъ зъ С.-Питербурху, чрезъ собственоручній весь листъ царскимъ величествомъ писанний, до ясневельможного, жебы 10 тисячей козаковъ до Ладоги ишло на робленне каналу, окроме кашеваровъ и тѣхъ, которіе при обозу будутъ, по якому и февр. 1-хъ числъ вийшло помянутое указное число, где главнѣйшихъ комендѣровъ было 3: полковникъ черноѣговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, хоружій енер. въ мѣсто цѣлого полковника переясловского Іванъ Сулима, а зъ инших полковъ наказніе.

Въ февр. мѣс., на всеидной, захоровалемъ на болѣзнь мою скорбутико меляхолію. По отходѣ родителя моего, полковника лубенского Андрея Марковича, зъ волѣ рейментарской, содержалемъ правленіе полку лубенского до повороту его зъ канала.

1722 годъ.

Гетманъ Скоропадскій ездилъ въ Москву, и съ нимъ писарь генералный Савичъ, бунчучній генер. Яковъ Лизогубъ, полковникъ нѣжинскій Петръ Толстой и сама гетманова Скоропадская. Повернувся въ юнѣ, въ Глуховъ, боленъ и преставился.

Колегія малороссійская устроена, въ которой члени были: 6 штапъ офицеровъ, а президентъ оной брегадиръ Степанъ Веляминовъ.

Архиепископъ, а не митрополитъ, въ Кіевѣ устроенъ Варлаамъ Ванатовичъ, прежде бывшій архимандритъ Печерского монастира.

1723 годъ.

Въ януар., присиланъ былъ зъ Москви отъ самого імператорскаго величества капитанъ лейбъ кгвардіи Александеръ Лукинъ въ Глуховъ и взялъ за караулъ коменданта глуховскаго Писарева и повезлъ въ Москву.

Смоленскъ, по первому зимному пути сего 1720 году, и въ тимъ приложите свой трудъ, чтобъ оное исполнить, а денги за оной хлѣбъ указали мы послать въ вамъ зъ камеръ коллегіи господину президенту князю Голицыну. Зъ С.-Питербурха, ноевр. 4 1720 рок. Петръ".

Правителѣ малороссійскіе, Павелъ Полуботокъ, полковникъ чернѣговскій и наказній гетманъ, зъ старшиною енер., послали къ государю, въ Москву, прошеніе свое о избраніи нового гетмана на мѣсто покойного Скоропадского, через наручнихъ посланниковъ Грабянку, судю гадяцкого, Войцеховича, седневского, Холодовича, воронѣжского, и Добронѣзкого, переяславского, сотниковъ, и Гамалѣю Стефана, бунчукового товариша.

Въ февр., присланъ зъ Москви въ Глуховъ, отъ тайной канцеляріи, оберъ лейтнантъ князь Волконской отъ лейбъ кгвардіи, и указъ привезлъ, даби асаулъ енер. Жураковскій и протчіе бывшіе на межѣ почеповской [1]), ехали въ Москву для отвѣтствія взглядомъ межованния того.

Сего жъ февр. 20, въ среду сирную, полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ, по именному указу імператорского величества, главнимъ опредѣленій комендѣромъ надъ десятотисячнимъ числомъ войска запор., маршъ свой воспринялъ зъ Ромна къ крѣпости Святого Креста, близъ Дербенѣ, у Каспѣйского мора, обрѣтаючойся.

(Здѣсь въ рукописи, кажется, недостаетъ листа).

Отвѣтніе писма отъ п. Петра Апостола и Луки француза, же онъ по воскресеніи будетъ тутъ. Нѣкоторіе справи въ жалобахъ на п. Данила Савуского занесеннихъ, окончили, обвинивши его. Жиди привезли позовъ на Чернѣцкого и перехриста Алексѣя, за арестъ онихъ въ Ромнѣ учиненній.

Перемѣна воздуха стала, ибо у вечору вияснилось небо и морозъ хорошъ былъ черезъ ночь.

Писали глинчане, что принуждаетъ ихъ коммиссаръ ингермоланского полку, по указу самого полковника, до репараціи города и ордеръ полковничій сюда прислали.

У вечеру, поздно, пріехалъ отпущенний зъ обозу слуга род(ителскій) Ігнатъ въ домъ зъ листамы о заводѣ хоролцовъ зъ лукомцами знаймур (?)

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., I, 278 и 285.

8 (марта). Отправлонъ листъ и унѣверсалъ до Леонтія, вручаючій ему економство, а листъ, жебы осторожность въ хуторѣ Криворудномъ имѣли.

Отписали до Глинска и до Чернухъ, же оправлять теперъ города нелзя, але передомъ виганять въ походъ до Ладокги, о чомъ и до полковника, господина Шереметева, писалемъ.

Отправилемъ въ Глуховъ, до правителей, листъ, питаючись ихъ, що далѣй зъ вязнямы великороссійскимы, тутъ въ Ромнѣ пойманнимы, чинить.

9. Принесенъ листъ отъ сотника сенецкого, что онъ любо и не радъ, однакъ муситъ до канала ити, а требуетъ до себе сотника цѣлого, асаулу полкового наказного и капеляна, тако жъ и объ указѣ господина полковника Шереметева, чтобъ городъ оправлять, ознаймуетъ, о чомъ и городискій сотникъ пишетъ. Тако жъ и тое ознаймуетъ, что гайворонскіе козаки, висланніе въ низовій походъ, знову повернулися до домовъ своихъ.

Зъ Глухова писма принесенны отъ правителей о перестереженню воровскихъ донегъ, указъ сенатскій и ихъ унѣверсалъ, и денги прислани отъ его мил. панъ тестя зъ наставленіемъ, якъ на урадѣ наказництва полкового мнѣ поступать, а цедулою обявляетъ, что въ Москвѣ п. Борзаковскій Андрей 3 февр. померъ[1]) и тамъ погребенъ; а потомъ тамъ же и панъ Войцеховичъ, сотникъ седневскій, хоровавши черезъ 9 день на горячку, преставился, февр. 20-го год. 9 зъ полдня[2]). Тогда жъ и отъ Орановского о домовихъ поведеніяхъ зъ Глухова писано сюда.

10. Неделя. Отправили писма до Глухова черезъ Іваницю, слугу ясневел., до ясневелм., до наказного гетмана и до другихъ; до чернѣговского (полковника) зъ отвѣтствіемъ о преставленіи п. Войцеховича сожалытелнимъ. Тамъ же и тое писалемъ, что комменде́ри русскіе Інгермоландского полку, получивши указъ отъ полковника, остановку чинятъ въ виправѣ на каналъ.

---

1) См. Русск. Арх. 1880 г., I, 172.

2) См. Сулимовск. Арх., XV.

Виправили въ Кіевъ братьевъ Марка, Луку и Івана, при отцу Василію Савѣцкомъ, где вина купити и зѣлля достати розного полѣцили, которихъ випроважалисмо зъ родителкою за городъ и тамъ до пизна простояли. Архимандритъ обѣдалъ у насъ зъ Афонской гори монастира Ксенохъ (?) прозиваемого св. Георгія.

11. Тотъ же архимандритъ воду святивъ и мощи показовалъ святихъ и о себѣ свѣдителство князя кгубернатора кіевского Івана Юровича Трубецкого презентовалъ. П. писаръ Савѣцкій приѣхалъ зъ обозу, отпущенъ зоставши, и привезлъ писма родителскіе. Писали до п.п. сотниковъ чорнусского и лохвицкого, тако жъ и до Петровского, жебы до Ладоги ишли. До атамана пѣратинского писалемъ, ганячи ему за тое, что виганялъ людей безъ указу на оправку города.

Приехалъ вчорайшого дня зъ Смѣлого атаманъ зъ жалобою, же поручикъ виганяетъ всѣхъ до роботи города. Приехали коммиссаре полковіе въ Роменъ, для ревизіи полку гадяцкого. Емщикъ чили почтарь роменскій, возившій Казѣмира, посиланного за покупкою лѣкарствъ въ Москву, повернулся самъ зъ Руд. (?), а оттоль Казѣмиръ за родителемъ въ низовій поехалъ походъ. Писали до лубенского сотника, чтобъ зъ сотнѣ своей 200 человѣка до канала выготовалъ.

12. Шлафрокъ покроялъ кравецъ. День барзо хорошій бувъ. Отправили атамана смѣловского зъ указомъ откритимъ, жебы поручика не слухать, а передомъ виправлять до Ладоги. Принесенни зь Глухова 3 листи; 1, о видачѣ по зол. 1 компанѣйцямъ за овесъ, другій, о видачѣ онимъ же возовъ, зъ другимы рѣчами, 3, о присилцѣ грошей на Печерскій монастиръ [1]). Виданъ указъ откритій атаманови смѣловскому, жебы не до города, але до канала козаковъ виганялъ. Принесенъ отвѣтъ отъ п. сотника лубенского о прошлорочной роботѣ у канала.—Охоту излишнюю показали на Монастырищи [2]), где и важились; я зъ одежою легкою, юпкою, кафтаномъ и кунтушемъ легкимъ, суконнимъ, важилемъ 6 каменей [3]) ровно.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1884 г., январь, стр. 77.

[2]) Урочище около г. Ромна, на берегу Сулы; здѣсь, по преданію, существовалъ когда то монастырь.

[3]) Камень=50 фунтовъ.

13. Отправили въ Глуховъ до правителей листи, зъ обявленіемъ о виправѣ до канала другимъ вигономъ до роботи городовой оффѣцерами затѣваемимъ, перешкодоючойся; о компанѣйцяхъ, жебы на 10 человѣка возъ дать для провіянта. Отправили асаулу компанѣйского зъ указамы, жебы по два зол. на два мѣсяця видано зъ сотень. До полковника Шереметева писалемъ, протестуючись, что за трудностями въ вигонѣ людей до городовой роботы, чинячойся одъ офѣцеровъ, остановка въ виправѣ до каналовъ учинится. Послали указъ о перестерѣганню воровскихъ денегъ въ Лохвицю до Юзка, жебы по всѣхъ сотняхъ розвезлъ и денги обявилъ, и отъ нихъ отвѣти получилъ. Повернулся зъ табору, отъ Красной Яруги, отпущеній п. Василь, сотниченко глинскій[1]), а зъ нимъ и Казѣмиръ, слуга, и листи нѣкоторіе попривозили, особливе родителскіе. Зъ Рѣчицѣ отъ Якова прійшло писмо, же не випускаютъ и треба туда Чернѣцкому и Алексѣю ѣхать. П. Лисенко, асаулъ полк. чернѣговскій, випровадивши полкъ чернѣговскій въ низовій походъ, самъ поворочаючись въ Роменъ, заехалъ и былъ у мене. Была жалоба на Борсукову сотню, полку нѣжинского, отъ атамана бубновского, же, стоявши въ полѣ край скирты и не загасивши огня, отехали, которій вѣтромъ роздутій, покотивши до цѣлой пріишолъ скирти и всю спалилъ, для чего сотнянъ тихъ у Ромнѣ грабежемъ принудили до нагороди шкодуючому. П. сотникъ сенчанскій пріехалъ. До Глухова, къ Ораковскому писалемъ о винѣ венкгерскомъ, а до смѣловского атамана о возахъ, зъ Глухова випроваженнихъ, а на дорозѣ за распутіемъ остоявшихся, жебы, извѣстившись, где они, и мене увѣдомилъ.

14. Петру Калениченку до ярмарку борзенского далемъ на на покупки грошей зол. 40. Тузлукъ дарованъ. Отъ п. Петровского листъ принесенъ, въ якимъ виражаетъ, же за слабостю своею въ походъ до Ладоги ити не можетъ; тако жъ и отъ п. сотника чорнуского писано, же атаманъ тамошній въ арештѣ у капитана Караблина за не вигонъ людей до роботи валовой, а самъ пойдетъ до канала, тилко зъ тиждень въ дому позабавитъ. До полковника Ше-

---

[1]) Жуковскій.

реметева писалемъ листъ зъ жалобою за вигонъ людей всѣхъ токаревскихъ и лучанскихъ и за побой, учиненній въ Луцѣ[1]) отъ наехавшаго въ дворъ дракгуна.

15. Виправилемъ Алексѣя Перехриста въ Глуховъ, зъ листами до правителей, прося о писма до трибуналу литовского о заарештованю въ Рѣчицѣ возовъ родителскихъ. Тамъ же и о насиліи отъ оффѣцеровъ, вигономъ людей всѣхъ на валовую роботу чинячомся, писалемъ. Атаманомъ роменскимъ Василя Гиню Савуска устроили. Отправилемъ листъ до Петровского, Максимовича и лохвицкого сотника о виходѣ ихъ до Ладокги непремѣнномъ. Панъ Ясноползкій приехалъ зъ обозу, отпущенъ въ Роменъ для болѣзнуючей жени своей, и листъ привезлъ отъ родителя, о скоромъ его знову въ походъ виезду писанній. Получилъ листъ отъ еи милости паней Павловой[2]) о учинившомся оной въ грошахъ крадѣжствѣ, зъ прошеніемъ на розискъ кого о прислане. Поданъ листъ отъ п. сотника чернусского о томъ, что капитанъ Караблинъ за тое, же не вистачилъ до города для роботи 1500 человѣка, прислалъ въ его сотничій домъ для екзекуціи 25 человѣка дракгунъ. Родителка послала въ Андрѣевку. Братъ, панъ Андрѣй, зъ Сумъ приехалъ въ Роменъ. Купилемъ меду вѣдерокъ 7, по 8 зол. и 3 шага; купилемъ мѣди камень за 49 зол. Вози зъ Глухова, для забранння отсюду жита и въ Глуховъ перевезення, прибули сего вечора.

16. Виправили п. Данила Савущенка зъ указами, во всѣ сотнѣ, чтобъ виходили козаки въ ладожскую дорогу зъ поспѣшеніемъ. Отъ полковника Шереметева получилемъ отвѣтъ, что онъ посилалъ по селахъ драгунъ для вигону людей до роботи городовой по требованію старшини, и что онъ виходячимъ козакамъ до Ладокги такого въ вигонѣ насилія не чинилъ и не писалъ до ротнихъ комендѣровъ о томъ. Пана Василя Дяченка послалемъ на розискъ въ Лохвицю о украденнихъ грошахъ п. Павловой. Попъ Симеонъ, бувшій капелянъ вятского полку, привезлъ за собою зъ Харкова листъ, отъ его милости господина енер барона Аларта до родителя писа-

[1]) Села [illegible] и Лука—лохвицкаго уѣзда.

[2]) Вдова Павла [illegible], родная сестра гетманши Скоропадской.

ній, о учиненю сатисфинцѣи зъ человѣка лохвицкого, завювшого коня его, якій листъ послалемъ туда жъ въ Лохвицю, до п. Василя. Тогда жъ, злецивши правленіе п. Савѣцкому, писареви полковому, поехалемъ въ Андрѣевку, зъ братомъ п. Андрѣемъ, куди пизно уже самъ я приехалемъ, для того же блудили по степу.

17. Неделя. Въ Андрѣевцѣ всеношное и кресту въ неделю крестопоклонную церемонѣю отправляно. Туда жъ отъ сенецкого сотника приѣхалъ козакъ зъ писмомъ, же Петровскій не хочетъ жадною мѣрою въ войско до канала ити, до которого отписалемъ, жебы онъ теперъ виходилъ наказнимъ на время, для порядку, а цѣлимъ наказнимъ лохвицкій албо чорнусскій п.п. сотники имѣютъ бути, а онъ повернется. Ездилисмо зъ братомъ п. Андрѣемъ въ поле, гдѣ зайцовъ нѣсколко гонили, а одного толко затравили. Тогда жъ у вечеру пріѣхали въ Андрѣевку, до родителки, глинскіе—п. суддѣная бувшая, зъ сотниковою глинскою [1]), п. Заруднимъ, п. Зарудною и п. Василь, сотниченко, зъ узваромъ отъ дочки своей новорожденной. Тогда жъ принесени зъ Глухова писма одъ панеи тещи и другихъ, въ которихъ было написанно, что покойного п. Войцеховича тѣло припроважено зъ Москви въ Березу село, близъ Глухова стоячое, куда панъ тесть зъ енералними персонами, пп. писаремъ и бунчучнимъ, ездилъ и, тамъ панихиду совершивши, отпустилъ оное въ Седневъ, до дому небожчиковского. Тамъ же вираження дивная, якоби смерть его, же зъ великою рефлексіею и при зрѣніи лица Богоматерного, такожъ и радости вѣчной и мукъ геенскихъ, окончилъ жизнь свою, передомъ жегнателніе до своихъ пописавши листи и своему имѣнію порадокъ учинивши. Того жъ вечора, п. Зарудній, зъ намы въ компанѣи бувшій, отъ люлки п. Андрѣемъ тягненной, а зъ порохомъ наложенной, случаемъ зовсѣмъ брови, вѣки и часть усовъ спалилъ.

18. Рано, пожегнавши родителку, первей отправилемъ листъ до сотника лубенского, писавшого о томъ, что, по опредѣленію моемъ, не можна такое число винайти товариства ку виправѣ до канала, зъ

---

[1]) Жуковскіе.

таковимъ предложеннемъ, жебы конечне старался тую квоту виславь. А потомъ виѣхалемъ въ Кривую Руду, на Токарѣ, где зачулемъ о винайденню грошей п. Павловой, украденнихъ будто Іваномъ токаровскимъ; а оттоль на Пѣски Великіе, а съ Пѣсокъ—шляхомъ гадяцкимъ на шляхъ Ромодановскій, у футора п. полковника гадяцкого, на рѣчцѣ Бодаквѣ стоячомъ, зъехалемъ, въ якомъ футорѣ и полудновалемъ; а проехавши миль зо 3, ночовалемъ въ полѣ противъ Снѣтина, у футора п. Якова Новѣцкого, тамъ же близъ того шляху обрѣтаючогося. Того жъ дня градъ зъ снѣгомъ и вѣтромъ холоднимъ вирывался.

19. Отъ того мѣстца проехавши миль зо 4, обѣдалемъ на степу, у футорѣ нѣякогось Демченка, козака хоролского, полку миргородского; а оттоль поѣхавши шляхомъ же Ромодановского мил. зо три, зехалемъ потимъ на степъ криворудскій на низъ и на дорогу лубенскую; да приехалемъ еще заранни въ футоръ родителскій на Жостеръ, до Строкачовъ. Туды жъ потимъ и п. Леонтій, економъ, зъ господаремъ Андрѣйцемъ, Ігнатомъ род. и Алексѣйцемъ моимъ слугами, приехали зъ футора моего Криворудского, где до стада моего дрикганта темногнѣдого род.(ителского) опредѣлили.

20. Рано оставивши въ Строкачахъ Леонтія, поехалемъ въ Криворудскій футоръ родителскій и тамъ своихъ трехъ дрикгантовъ осмотрѣлемъ и видѣлемъ кози окочуючіеся; а оттуду на обѣдъ приехалемъ въ мой Криворудскій же футоръ, куда потомъ и п. атаманъ лукомскій Гордѣевичъ приехалъ, где велми малій порадокъ, за недбалствомъ старости, увидѣлемъ. Потомъ, по отездѣ лукомского атамана, приехалъ горошинскій атаманъ Омелянъ, риби и пива привозилъ, и немного бавившись, знову отехалъ. Въ Чигиринъ Дуброву писалемъ до п. Занковского, о присланню сюда риби хорошой.— Ревидовалемъ статокъ зтодившійся тутъ, корови дойніе зъ телятами, тѣлніе и яловіе; а такъ дойнихъ коровъ показалось 36, тѣлнихъ 13, яловихъ 18, назимковъ, бичковъ и телицъ 54, овецъ, затимъ же котніе, нелзя било перепускать. У вечору на листъ старости буромского, о вигонѣ всѣхъ людей буромскихъ до Горошина на робленне валу писанній, отписалемъ. Такожъ и до Занковского о томъ, чтобъ

въ Горошинъ зъехавши, учинилъ розискъ о супплѣкантови, жителеви горошинскому жъ, и мене по тому увѣдомилъ. До стар.(осты) буромского жъ писалемъ о присланню двохъ возъ въ футоръ мой воловихъ.

21. Передъ виездомъ моимъ зъ футора Криворудского, дворника за небрежене велѣлемъ скарати, тако жъ и овчара вибити за дѣло, якого не велѣлемъ збырать (?) до святъ. Молодика Алексѣйца оставилемъ въ Кривой Рудѣ, для отлученння на кущѣ (на косяки) кобилъ, а самъ поехалемъ рано на перевозъ висше у милю отъ Горошина, где атаманови приехавшому горошинскому говорилемъ, чтобъ паръ 5 огаровъ (гончихъ собакъ) постарался достать; а до перевозу зъ футора дорожкою поузъ Стовповаху могилу (?), якая была въ лѣвой руцѣ, болшъ одъ милѣ, оттуду миля до Оржицѣ, где обѣдалемъ. Тамъ же, бившій атаманъ лукомлскій, бувши у мене, просилъ позволення, жебы дерево готовое лежачое, обернути до церкви на опасанне въ томъ селѣ, где онъ живетъ, чому соизволилемъ. Тамъ же, на прошеніе попа оржицкого Антонія, писалемъ до лукомлского атамана, чтобъ его, попа, росправилъ зъ соперники его. Оттуду поехалъ до Юсковецъ мил. 4 вел (?), а оттоль заразъ до Пулинецъ и тамъ, взявши въ проводники атамана тамошнего, за неисправность и противность его, пріехалемъ ноччю уже въ Воробѣ, куда зъ Юсковецъ, чили Пулинецъ, миль добрихъ 3 есть.

22. Виехалемъ оттуду рано и пріехалемъ въ Сухоносовку, въ милю легкую отъ Воробіовъ отстоящую, где бувъ отецъ намѣстникъ Красногорскій нинѣшній у мене[1]), зъ отданнемъ визити и просилъ о уволненню отъ походу настоящего ладожского монастирскихъ бояръ, козаковъ, въ чомъ я на отвѣтъ родителскій зсилался, зъ моимъ отреченіемъ. Тамъ же у козака сухоносовского Яковенка купилемъ мѣстце себѣ на дворъ, цѣною у 100 зол., якое недалече отъ церкви понадъ ровомъ, где криниця течетъ, стоитъ и задатку 20 зол. того жъ часу старостѣ казалемъ дати, якіе колоти (?) первей лѣчили, а потимъ самъ Яковенко взялъ. Тамъ же старосту за нед-

---

¹) Намѣстникъ Красногорскаго монастыря, находившагося около м. Чернухъ.

балство около футора, наказовалемъ словесно и приказалемъ, жебы заразъ ехалъ въ футори зъ Алексѣйцемъ, стадо все перереведовать и разлучить на кущи, и весь порадокъ тамъ устроилъ за преслушаніемъ, подъ опасеніемъ 100 ударовъ кіевихъ. Тамъ же врученни мнѣ листи, отъ ихъ милостей пановъ правителей зъ Глухова отпущенніе, подъ еднимъ блянкетомъ, въ которомъ листовъ два: о висилцѣ скорой козаковъ до Ладокги писанныхъ заключено, зъ которихъ въ едномъ и тое упомянуто, что за нескорую висилку намѣреніе есть правителское, куда надлежитъ мене въ отвѣтъ представити. Да въ томъ же пакетѣ и унѣверсалъ приложенъ, въ якомъ приказуютъ правителѣ ослушнихъ до помянутого походу въ колодки забывать и отсилать въ Глуховъ, для наказанія. Оттуду поехавши, приехалемъ въ Лохвицю передъ заходомъ слонца и сталемъ въ дворѣ п. тіотки Павловой, где поданъ мнѣ пакетъ, отъ п. писара полкового Савѣцкого отправленній, въ которомъ листъ правителскій и унѣверсалъ приложенни были. Въ листѣ виражено тое, чтобъ на поруки плѣнника бодаквянского, въ Глуховѣ обрѣтаючогося, сродники его въ Глуховъ же поехали, о чомъ прежде именемъ моимъ п. писаръ писалъ до сотника сенецкого; а въ унѣверсалѣ виражено тое, чтобъ дракгунамъ, на карауле зъ квартиръ маршируючимъ, по 6 зол. давати въ зимніе мѣсяци, за порціи и рацію, а лѣтнихъ мѣсяцевъ, почавши отъ мая, за самую рацію по 3 зол. давать, соломи дать на постѣль, якая мѣетъ зъ изидовъ (остатковъ отъ корма) конскихъ бути, оннмъ не вимагать. Тогда жъ явился вахмистръ нижегородского полку зъ листомъ подполковника своего Шхонмана ко мнѣ зъ прошеніемъ писаннимъ, чтобъ въ томъ, же люде его служивіе, збѣгши отъ его дому и забравши лошадѣ, явились въ сотнѣ лохвицкой и оніе лошадѣ продали въ Луцѣ, жителемъ тамошнимъ, учиненна была справедливость. Тогда жъ листъ отъ г. полковника Шереметева черезъ коммиссара полкового Григоріевича врученъ мнѣ, въ якомъ предлагаетъ тое, что надлежитъ розисковать о дракгуну, ездившомъ въ Луку для вигону и войта побившомъ, понеже будто сего дракгунъ не дѣлалъ. Тогда жъ п. сотникови лохвицкому, згодившомуся въ Лохвицѣ, предлагалемъ

упоминатолно, что по сюю пору не виходилъ въ указанную до канала дорогу.

23. Рано отправилемъ во всѣ сотни укази упоминателніе о невиходѣ въ походъ ладожскій, зъ таковимъ предложеніемъ, что они будутъ отвѣтствовать за тое сами и унѣверсалу правителского копѣи во всѣ сотни послалемъ. Писалемъ особливе до п. сотника сенецкого, упоминаючи, же по сей часъ не виходилъ зъ дому, которому для лутшого порадку на время наказнимъ вийти опредѣлилемъ, поколь, злучившиесь зъ полкомъ, здать п. Гамалѣи, лохвицкому сотникови, урядъ тотъ. О томъ же ознаймуючи и до п. сотника чорнуского писалемъ и же не вийшолъ по сейчасъ зъ дому упоминалемъ. До п. сотника наказн. глинского писалемъ, жебы висилалъ заразъ козаковъ, до Ладокги означенныхъ, якихъ (якъ онъ писалъ) якоби капитанъ не пускаетъ туда, приганяючи до роботи валовой. До пана писара полкового писалемъ, жебы Дейнека вмѣсто Остапенка ишолъ до Ладокги.

(Засимъ вырванъ листъ).

29. Писалемъ до старшини сенецкой о видане медвежовского человѣка въ Медвежое, на розискъ. Повторне писалемъ до Лентовича, старости короваевского, о присланне коровинского Олихвѣра въ Роменъ, на судъ зъ роменскимъ Кириченкомъ. Повторне писалемъ до атамана смѣловского о присланне въ колодкахъ козаковъ тихъ, которіе зъ п. Громичиною заводъ мѣютъ, за ихъ ослушность

30. Получилемъ листи отъ коммиссара полкового Григорія, зъ которихъ въ едномъ отвѣтуетъ, что п. сотникъ лохвицкій, еще позапрошлого року до канала идучи, взявши зъ собою ратушнихъ 600 зол., для вспоможення въ нуждѣ тоей сотнѣ товариства случитись тамъ могучой, всѣ оніе не на общіе, но на приватніе свои интерессы изжилъ, жебы зъ сихъ грошей п. сотникъ часть половинную на товариство опредѣлилъ; а въ другомъ пишетъ, что на листъ мой, до полковника г. Шереметева писанній, о томъ, чтобъ понаравить мало зъ роботою городовою людямъ, жадного подлинного не учинилъ отвѣту, а на форпости коммендерующимся не по 6 зол., але по пол. 8 велѣлъ брати, вмѣсто провіянта и фуража,

и когда въ томъ обстоялъ чорнусскій коммиссаръ, то за тое капитанъ Караблинъ оного за карауломъ на морозѣ такъ долго держалъ, покамѣстъ далъ пол. 8 зол. Зъ Глухова принесени два листи: одинъ отъ правителей, о висилце въ Медвожое кого зъ старшини роменской, на розискъ, а другій отъ его мил. пана писара енер. отвѣтній, зъ комплиментомъ, где и цѣдула приложенна зъ таковимъ требованіемъ, чтобъ пану писареви пол. Савѣцкому позволить ехать въ Гадячъ, чили въ Лютенку, розискать зъ п. Турковскимъ о заводѣ между п. Бороховичевою и соперники ея вщавшомся [1]).

31. Недѣля. П. Яснопольскій рано виехалъ зъ Ромна въ походъ слѣдовать за его родительскою милостю въ низовій, черезъ которого писалемъ до родителя и брата Семена, о дочерѣ моей и протч. Дочерь моя крещенна отцемъ Василіемъ Савѣцкимъ; восприемникъ отъ купели бувъ п. Федоръ Билимъ, а воспріемницею родителка. Листъ принесенъ отъ правителей о уволненю отъ походу ладожского п. сотника лохвицкого. Тамъ же въ листѣ приписалъ своеручно панъ тесть, же панъ Войцеховичъ покойній погребенъ зосталъ въ Седневѣ мѣстечку, въ церквѣ св. Георгія, марта 22. Отправилемъ листъ до п. сотника лохвицкого отвѣтній, жебы зъ тихъ 600 зол. на ему зависячихъ грошей, 300 зол. опредѣлилъ для товарыства, а если бы вознегодовалъ онъ походомъ нинѣшнимъ и не хотѣлъ бы ити въ оній, то долженъ всѣ тіи грошы отдать.

1. Априль. До п. Петровского писалемъ, жебы албо ишовъ въ походъ, албо далъ мнѣ подлинній отвѣтъ, якое его есть предсявзате. До п. п. сотниковъ сенецкого и чорнусского писалемъ о опредѣленіи Петровского, обявляючи правителскомъ и тое предлагаючи, если онъ не пойдетъ, то п. чорнускому быть наказнимъ, которому и унѣверсалъ родителскій утвержаючи коммепду, послалемъ. Писалемъ листи до всѣхъ п. п. сотниковъ, въ пересторогу предлагаючи, жеби еслибъ зборщики по полученнихъ зъ коллегіи

---

[1]) Дочь генер. писаря Савича Марья была замужемъ (первымъ бракомъ) за Романомъ Өедоровичемъ Бороховичемъ. Второй ея мужъ былъ майоръ Юрій Өедоровичъ Еропкинъ.

указахъ 24 марта, неразумѣючи сили въ онихъ виражонной, похотѣли надъ указъ у людей домогатись, въ томъ онимъ старшина обстояла. Тежъ до всѣхъ п. п. сотниковъ писалемъ, предлагаючи, чтобъ дали знать, для чего по тихъ сотняхъ, где вигону людей кгвалтовного на роботу валовую не было, остановка стала въ виправѣ до Ладокги. Зъ Полтави отъ коммендаита Чечерина приехали въ Роменъ капралъ и 2 солдати зъ листомъ, ко мнѣ писанымъ, въ которомъ требуетъ по указу, зъ коллекгіи къ себѣ будто засланномъ, Коропки нѣякогось къ допросу въ Полтаву зъ запорожцами, а указъ тому капралу видалъ взять колодниковъ русскихъ, зде въ Ромнѣ держимыхъ, которіе его людми себе назвали. До которого отвѣтовалемъ, что Коропки жадного въ Ромнѣ не опиталемъ, мещанина (якъ онъ пишетъ) роменского, кромѣ козака значкового, который пошолъ въ походъ низовій, где и тое приложилемъ, что ежели таковіе и впредъ случатимутся потребы о видачѣ людей нѣкоторыхъ, то жебы онъ писалъ до правителей въ Глуховъ и оттуда ко мнѣ требовалъ указу, безъ которого не смѣю я нѣчого дѣлати. А о выдачѣ колодниковъ чили воровъ русскихъ, отписалемъ, что тожъ безъ волѣ правителской видати оныхъ не смѣю, понеже повелѣли они мнѣ толко объ онихъ увѣдомить его коммендаита, а не видавать, а до того, что и шкоди, починенніи воровствомъ ихъ, не суть пополненни. Молодикамъ своимъ барму, сукно и грошей по пол. 8 зол. раздалемъ. Того же дня, вѣлчура ляпартовая и шлафрокъ блакитного штофу мнѣ покраяно. До п. сотника чорнуского писалемъ, по прошенію законника Красногорского монастыра, жебы козаковъ пѣщанскихъ, определенних на послугу къ монастыру, не выганялъ въ войско, але якъ можно и слушне, такъ бы и учинилъ. Цедулою упомянулемъ его зъ устрашеніемъ о нескоромъ его порушенню въ походъ. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и пизно приехалемъ въ Смѣлое, где и заночевалемъ.

2. На дорогѣ принесенъ и врученъ листъ засталъ отъ правителей, о забороненню зъборщикамъ заказанныхъ зборовъ збирать. Обѣдъ кушалемъ на Кроснахъ, а передъ вечеромъ приехалемъ до перевозу, где п. Павла Корнѣенка засталемъ, едучого въ Глуховъ.

Перевезшись, ночовалемъ въ Мутинѣ, въ дворѣ ясневельможного, где дубогаевскій староста Давидъ и ченцѣ мутинскіе два были.

3. Рано поехалемъ зъ Мутина черезъ Ворголъ на Уздицѣ, але въ Ворглѣ споткавшись зъ п. Демяномъ Якубовичомъ, заехалиемо до п. Стефана Миклашевского и тамъ обѣдъ кушалисмо. Тамъ извѣстилемся о п. Федоровой Кочубеевой умершой и п. асаулѣ енер, зъ товарищи зъ Москви повернувшимся. Заехалемъ въ уздицкую пасѣку и тамъ пчолъ поставленныхъ видѣлемъ числомъ 63. Оттуду поехавши, прибылемъ въ Калюжного футоръ, и тамъ немного забавивши, ноччю поехалемъ въ Глуховъ и приехавши, всего осмотрѣлемъ въ дворѣ. Тамъ же поотбиралемъ листи, къ себѣ писанніе отъ п. Орановского, а писанніе отъ многихъ персонъ зъ подякованнемъ за родинного звару розсилку и зъ поздравленіемъ дочерію; а одъ козака роменскаго одобралемъ листовъ два правительскихъ, еденъ о п. Павловой, жебы тамъ погодилися зъ соперникамы своимы, а другой отъ Троцкой, жебы курѣнскій дозорца покабанщини не вимагалъ съ купленнихъ млиновъ частей тоя жъ Троцкой и третій зъ табели.

4. Поехалемъ зъ Глухова передъ свѣтомъ, въ село Сварковъ, где и обѣдалемъ. Тамъ же атаманови сварковскому, призвавши его передъ себе, казалемъ, жебы въ шинкованню перепони не чинилъ, въ видаванню провіанту солдатамъ указного толко обстоялъ и зъ братчиковъ и титаровавшихъ доводячеея на церковъ доправилъ. Тамъ же, въ пасѣцѣ бувши, видѣлемъ пчолъ 47 цѣлихъ. Оттуду, поехавши на Калюжного хуторъ и тамъ приказавши дворовіе господареви нѣкоторіе интересса, яко то: поправку скорую возовъ воловихъ и подвишенне греблѣ на ставу, а особливе зъ тютюнникомъ торгъ учинивши ведлугъ тютюну, жебы гроши и борошно всякое давать такою ценою, якъ на мѣстѣ продается, а всего тютюну камень по 9 шаговъ пріймать. Тое все приказавши, приехалемъ ноччю въ Тулиголовы.

5. Въ Тулиголовахъ переночовавши, полдня пробавилемъ, где усмотрѣвши нѣкоторіе непорадки, Остапа скаралемъ; ему жъ и меморіалъ пунктами до чинення далемъ. Горѣлки въ тотъ часъ у імбарѣ было куховъ великихъ 5, а малихъ 4, а 6-я великая насипалася

у винницѣ набѣжкою. Оттуду поехавши, приехалемъ въ Мутинъ, и тамъ старостѣ мутинскому Коржу отдалемъ листъ п. господара ясневел., жебы не потягалъ до мужицтва рибалокъ нашихъ двохъ. Того жъ дня переехавши черезъ Сеймъ, ночовалемъ не доехавши Кросенъ, въ полю.

6. Приехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое и извѣстилемся, же подводи воловіе, по жито зъ Глухова приездившіе, взяли зъ Сухоносовки привезенного жита, а лежавшого въ Смѣломъ, четвериковъ 55 роменской мѣри. При заходѣ слонца приехалемъ въ Роменъ, где подавани листи, зъ розниxъ сторонъ ко мнѣ писанніе. Того жъ вечора п. Туранскій Демянъ приехалъ въ Роменъ зъ листомъ, ко мнѣ писаннимъ, правителскимъ, виражаючимъ тое, же онъ посланъ въ Лохвицю викорстать (?) п. обозного до Ладокги наказнимъ, кудѣ онъ и поехалъ. Тамъ же въ листѣ и тое предложено, жебы козаковъ, нехотѣвшихъ въ Ладокгу ити, публѣчно карать для постраху протчимъ.

7. Неделя. Рано врученъ мнѣ отъ полковника Шереметева листъ о покражѣ, прапорщику полку его учинившойся въ Пѣратинѣ, предлагаючій, жебы туда отъ себе послать на розискъ, а и онъ пошлетъ, до которого отписалемъ, злецаючи тотъ розыскъ Григор., коммиссару полковому. Веселой и шумной черезъ день держалисмоея компанѣи.

8. Панъ сотникъ чорнусскій Максимовичъ, мимоездомъ зъ Чорнухъ до обозу, заехалъ въ Роменъ и отехалъ. До п. Павловой послалемъ правительскій листъ о заводѣ ея зъ Нещеретомъ, якъ окончити предлагаючій. Орановскому економское правленіе господарства моего вручилемъ и наказъ далемъ.

9. Алексѣя и Чернецкого виправили въ Рѣчицю. Алексѣеви реестрикъ данъ купить книгъ полскихъ да 2 антали вина венкгер., а Чернецкому казалемъ купить локоть атласу рожевого. Послалемъ листи въ Глуховъ до Молчанова, о присланю отъ него подводъ для взяття отсель хлѣба ему; до господара—о присилцѣ нѣкоторыхъ рѣчей при подводахъ, мѣючихъ для жита по святахъ висилатись. П. сотникъ сенчанскій повернулся зъ Пѣщаного Броду, здавши комменду зъ себе п. сотникови чорнусскому.

10. Отправилемъ листъ до п. чорнусского въ обозъ, жебы онъ описался до п. полковника гадяцкого, требуючи себѣ въ семъ походѣ наставленія, а особливо извѣстія—гдѣ мѣетъ получать провіянтъ на козаковъ и фуражъ. Також и о томъ писалемъ, жебы въ себѣ порадное имѣлъ вѣденіе о взиманіи провіянта и фуража на дорозѣ и на мѣстцу, и о работѣ козаковъ у канала, и о протчемъ всемъ. Отъ его жъ принесенъ ко мнѣ листъ зъ вѣденіемъ, же еще не все товариство зъ сотень постягалось до обозу и присланню священника виражаючій. Тогда жъ отъ коммиссара полкового Григорія принесенъ листъ о томъ, что присланъ къ полковнику указъ по 6, а не по 7 зол. брать на форпости отправляючимся и что передъ симъ много лисше перебрано.

11. Листъ принесенъ отъ п. сотника городисского, объявляючій о утекшихъ козакахъ отъ обозу рушившого въ низовій походъ, до которого отписано, жебы тихъ утѣкачовъ по святахъ въ колодкахъ сюда, въ Роменъ, присылалъ. Алексѣецъ, посиланный зъ зваромъ до Чернѣгова, приехалъ. Панъ писаръ полков. Савѣцкій повернулся зъ Лютенки, куда ездилъ на розыскъ въ заводѣ п. Бороховичевой старой и молодой [1]).

12. До п. п. сотниковъ въ копіяхъ правителскіе листы посланы. Тамъ же и о утѣкачахъ зъ ладожского походу написано, жебы, въ колодки забивши, до обозу онихъ отсилать. Алексѣйця отправилемъ знову зъ зваромъ до тещи и швакгровъ въ Орловку, которому полѣцено риби лящовъ живыхъ на плодъ у пана Григорія [2]) випросить. Ему на купленне плити дано грошей зол. 40. П. Кграбянка, судя гадяцкій, повернувшись зъ Москвы, бувъ мимоездомъ въ Ромнѣ.

13. Принесенъ листъ правителскій зъ Глухова тое предлагаючій, жебы при п. обозномъ, висилаючомся до Ладокги наказнимъ, еще другого цѣлого сотника къ чорнусскому виправить; тако жъ и о томъ предложене въ томъ же листѣ, жебы на ваканси,

---

[1]) См. выше, стр. 22.

[2]) Сынъ стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки, женатый на родной сестрѣ жены Марковича, т. е. на дочери Полуботка.

избравши, кого въ урядъ по едному кандидату, посилать въ Глуховъ, где поставленни будутъ при виконанню присяги. Писалемъ до лохвицкого п. сотника, жебы по тому правителскому указу виходилъ въ походъ въ Ладокгу. Отъ его жъ получилемъ листъ вимѣраючійся, же послалъ давно и сотника наказного, и все товариство випроводилъ, хочъ не скоро, поневажъ онихъ и туремнимъ вязеннемъ принуждалъ, але за убожествомъ не возможно было скоро ихъ випроводить. Коней зъ Сухоносовки, чили зъ Кривой Руди, иждżалихъ, припровожено въ Роменъ, моихъ 15.

14. Недѣля. Занемогъ былъ на желудокъ.

15. Гостей великороссійскихъ и всѣхъ роменчанъ знатнѣйшихъ трактовали въ дому род. Листи принесени зъ Глухова, отъ Молчанова, о присилкѣ борошна, отъ князя Четвертенского [1]) о купленномъ винѣ и отъ господаря о томъ же винѣ, же оное за 200 зол. куплено de siccis; въ его жъ листѣ и потребы прислани золотіе.

16. Во вторникъ ездили въ пасѣку Засулскую, где пять пчолъ даровала родителка; отецъ Савѣцкій и Нестер.(овичъ) по 1.

17. Отправили въ Глуховъ Павла важничого для покупки вина и зъ листами, вѣншуючими святъ первѣйшимъ персонамъ; до пана тестя приложилемъ о п. сотникови лохвицкомъ, о показанщинѣ не бывалой въ здешнемъ полку и о непорожнихъ мѣсцахъ урядовыхъ, кромѣ судейства.

18. Отъ отца ігумена мгарского присланъ зъ повѣншованнемъ законникъ отецъ Демчинскій. У п. писара полк. обѣдъ кушали. Вахмистръ приходилъ о реванжъ упоминаючисъ за афронтъ, своему порутчикови Хлопова полку учиненній, зъ того, что кгранадѣра, за нашъ караулъ постерегши его воровство, взято.

19. П. Занковскій, сотникъ наказ. чигиринъ-дубровскій, подалъ доношеніе листомъ о утискахъ козакамъ, форпости отправуючимъ, отъ дракгунъ, на форпостахъ стоячихъ, чинячихся и о инишихъ обыдахъ. До господина генорала лейтнанта де Вейзбаха послали въ Харковъ писма, одно отъ правителей, а другое отъ мене, о пре-

---

[1]) Князь Юрій Четвертинскій—племянникъ митрополита Гедеона Четвертинскаго и зять гетмана Самойловича. См. Историч. Вѣстн. 1881 г., августъ, 719—722.

дерзостехъ андріяшовского прикажчика [1]), а другій листъ до Роппа, въ Полтаву, зъ скаргою на Шереметева полковника и подкомандних ъ его. Отъ п. бунчучного слуга бувъ зъ арештомъ на двори роменского жителя, задолжавшагося ему, якіе двори оному по арешту и отдали. Супплѣку худолѣевского человѣка на атамана за срубъ лѣса далемъ Занковскому, чтобъ онъ розискалъ мимоездомъ. П. Демянъ Туранскій [2]) зъ Лохвицѣ въ Роменъ приехалъ, тогда жъ и отехалъ.

20. Занковскому далемъ грошей зол. 20 на подрядъ уліовъ 200, у Чигиринъ-Дубровѣ. Отецъ Пясецкій, новопоставленний намѣстникъ Красногорскій, бувъ въ Ромнѣ. До пана тестя дичину послалемъ въ Глуховъ.

21. Недѣля. Принимали п.п. сотниковъ и протчіихъ, пріехавшихъ зъ повѣншованнемъ святъ, когда и оберъ фискалъ бувъ, которому о продерзости подпоручтчика обявлялемъ.

22. Посилалемъ до подпоручтчика п. Григораша зъ требоваленіемъ сатисфакціи на вахмистра, которій нѣчого не здѣлалъ, а тилко зъ спессю отправилъ посланнихъ. Алексѣецъ зъ Глухова зъ писмами повернулся въ Роменъ, особливо отъ п. Григорія зъ Новгородка о томъ, что въ осени обѣщаетъ дать лящовъ на плодъ въ Глуховъ. П. Павлова отехала въ Лохвицю. П. сотникъ наказній глинскій далъ за рукою сказку о учинившомся побиттю надъ греченкомъ перекоповскимъ [3]) батожжемъ въ Глинску, по указу подполковника інгер. полку Реткина. Послали листъ правителскій козакамы стойчиками до п. обозного лубенского.

23. Атаманъ сенецкій приездилъ зъ тимъ, что 40 человѣкъ не стало будто до Ладокги, которого страфовалемъ за таковую остановку. На жито ездили, бо Георгія свято було. Табель спорадивши, далемъ Орановскому сухоносовского и криворудского господарствъ. Отъ п. суддѣиной глинской пчолъ 5 прислано.

24. Ездилемъ въ Коцупѣевщину, где молодикамъ конѣ поопредѣлялемъ: Александру дрикганта гнѣдого, Алексѣйцеви рижого,

---

[1]) С. Андріяшевка, лохвицк. у., принадлежала Вейсбаху.

[2]) Сынъ генер. судьи Алексѣя Туранскаго.

[3]) С. Перекоповка, роменск. у.

Роману шлапака, Демянови кологривого, Гаврилови хлопцямъ (?) Вѣжевскому рижострокатенкого, Козлу давнего (?), Орановского слузѣ мисливого. Тамже видѣлемъ воли свои 10, отъ возовъ воловихъ оставшіеся. Кувшика, сотни глинской козака, заводъ окончили.

25. Принесени листи зъ Глухова, черезъ Павла важничого, припроводившого вино 2 антали венкгер., на подводахъ воловихъ, приехавшихъ по жито, зъ якихъ писемъ въ едномъ правителскомъ виражено тое, чтобъ п. сотникъ лохвицкій ехалъ въ Ладокгу.

26. Вѣтеръ такъ великій бувъ, же много шкоди людямъ учинилось: стрѣхи и дахи (крыши) зъ будинковъ зривало. Получилемъ позволенне материнское пасѣку устроить на Плавиницахъ [1]) Листи, обявляючіе объ обыдахъ, починенних отъ ингермонландского полку, подавалемъ пану писареви полков. для обявленія тому, хто мѣлъ бы присланъ быти на розискъ отъ енерала Роппа, до которого о томъ писали. Виехалемъ у вечеру въ Глуховъ. На ночь приехалемъ въ Смѣлое.

27. Оттуду на ночъ приехалемъ въ Мутинъ; стрѣтилемся на дорозѣ зъ п. Яснополскимъ, господаремъ.

28. Неделя. Ездилемъ на службу до монастирця Мутинского и оттуду назадъ на обѣдъ зъ Заборовскимъ повернулемся. Отправилемъ рано Леска, сторожа, въ Глуховъ до правителей, о старостахъ коровинскомъ, медвежовскомъ и аксютинскомъ, заборонюючихъ людямъ ити на городовую роботу. Приехалемъ на ночъ въ Тулиголовъ.

29. Въ Тулиголовахъ, на бутурлиновскомъ млину, казалемъ колесо подъ субуйникъ (?) перемѣнить и медведокъ здѣлать. На ночъ приехалемъ въ Глуховъ.

30. Бувъ въ правителей.

Май. 1. У прокурора Хрущова, Михайла Семеновича, былемъ и долго въ него сидѣлемъ.

2. Рано ездилемъ до пана тестя и, тамъ у паней тещи водки випивши, на обѣдъ въ домъ отехалемъ. Увечору у Кошеліова сидѣлемъ и тамъ извѣстилемся о писму отъ коммендаnta полтавского

---

[1]) Плавинищи—село около Ромна, при р. Сулѣ.

писанномъ, что не видали зъ Ромна колодниковъ людей его, на мене зъ жалобою. Далемъ отцу Стефану сварковскому на 10 четвериковъ жита, у новину, зол. 40.

3. Капитанъ, зъ С.-Питербурху посланій до пана родича о поспѣшеніи ихъ въ Терекъ, обѣдавъ у мене, которому и листи далемъ до его родителской милости. Виехалемъ у вечеру въ Гамалѣевку до ясневел., а ночовалемъ въ Словутѣ [1]) Передъ выездомъ получилемъ зъ канцелляріи унѣверсалъ о поготовости всѣхъ козаковъ до службы воинской и другій о поготовости жъ бунчуковихъ, въ полку лубенскомъ обрѣтаючихся. Тогда жъ у Остапа шинковыхъ взялемъ 30 рублей, зъ якихъ 20 руб. далемъ на расходи господареви.

4. Зъ Словута писалемъ до п. Федора писаревича [2]), просячи его о инстанцію до пана писара, чтобъ вещи старости короваевского, оставленніе въ куренѣ, отданни были ему невозбранно. Пріехалемъ на службу въ Гамалѣевку, где засталемъ п. судію енер. и панию его, которіе по обѣдѣ и отехали въ Глуховъ.

6. Неделя. День неделній тамъ же въ Гамалѣевцѣ отправилемъ и у столу, зорвавшуюся дотканвую паней рѣчь Маріянни, загамовалемъ [3]). Тогда жъ зъ Ромна принесени писма отъ паней родителки о пожару, случившомся близъ греблѣ, и о побиттю сотника наказного отъ подпоручика, учинившомся на томъ же пожару. Отъ Якова Дуброви о его приездѣ зъ Рѣчицѣ, зъ лѣкарствами. Отъ паней моей о виездѣ Калницкого зъ волами въ С.П.Бурхъ. Листи отъ его мил. п. родит. принесени.

6. Виехалемъ по обѣдѣ зъ Гамалѣевки въ Глуховъ и оттуда жъ отпустилемъ п. сотника наказного глинского въ Роменъ и Глинскъ, черезъ которого и писалемъ на листы тіе отвѣтуючи; ему жъ полѣцилемъ и коня виторговать у обозненка гнѣдого бѣгуна. Черезъ его жъ во всѣ сотнѣ послалемъ унѣверсали о поготовости всѣхъ козаковъ къ службѣ и до п. писара полк.

---

[1]) С. Слоутъ—около Глухова.

[2]) Сына генер. писаря Семена Савича.

[3]) Т. е. рѣчь, обращенную къ панеи, подъ которою здѣсь слѣдуетъ разумѣть гетманшу Скоропадскую.

7. Ездилемъ на Красную-горку [1]), где оглядалемъ свиней, зъ которихъ опоросило по сказкамъ свинара 15, а поросятъ будетъ малихъ зъ 50, кабановъ въ сажу 13. Бувъ у Щепотева и Жданова, посидѣлемъ долго.

8. Принесени зъ Ромна 2 листи, одинъ отъ родителки, зъ Луки писанній, о приездившихъ туда прикажчику андріяшовскомъ, писару генерала Девейзбаха и подпоручику и упоминаючихся о тое, чтобъ андріяшовцѣ, за межу, учиненнную къ Андріевцѣ, поля пахали и сѣножати косили. Отъ моей паней, о меду полкуфѣ, присланного прѣсного отъ Орановского, и дѣжечцѣ патоки, тако жъ и о дворѣ шинковномъ, же оного не хочетъ стар. засулскій оправляти.

9. У полковника Ушакова пили и у прокурора—на Николая.

10. П.п. Василь Дяченко, атаманъ роменскій Гиня и протчіе, отехали зъ Глухова, черезъ которихъ писалемъ до родителки, отвѣтуючи на писмо, же нѣчого того смотрѣть, же генералскій писаръ упоминается неслушне поля за межою оставшогося. До своей паней писалемъ о своемъ виездѣ, до стар. засулского о направкѣ двора шинковного. Въ нуждахъ полку лубенского составивши доношеніе пунктами 19, у войсковую енер. канцеллярію подалемъ правителямъ своимъ, прося рѣшенія. Ездилемъ въ Калюжного хуторъ, гдѣ обихавши цѣлини и облоги, казалемъ лисомъ (?) зорувать все по волѣ. Тамъ же видѣлемъ конѣ робочіе хуторніе 8, зъ которихъ кобилу бѣлую колгачую (?) далемъ тютюнникови, за 8 копъ.

11. Зъ Калюжного хутора отправилемъ въ Роменъ до родителки о томъ, что еще откритого указу нема, шобъ не пропускать въ Кримъ. До атамана роменского—о зробленню колесъ воловихъ паръ 20. До стар. Засулского—о зробленню сохъ цѣлинних, воловихъ 6. Ездилемъ оттуду въ Сварковъ и тамъ погребъ казалемъ робити, а землею будинокъ висипать. На ночь въ Глуховъ приехалемъ.

12. Недѣля. Обѣдавъ у мене п. Володковскій зъ канцеляристамы Листъ до коровин. стар. объ Гириченку (?) непослушномъ за. . . . . (?).

---

[1]) Предмѣстье г. Глухова.

13. П. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, обѣдалъ у мене. Тонконогъ [1]) бувъ и упоминался о плату компанѣйскую. У Сергіихи взяли грошей за цукеръ 130 зол., а 10 копъ отвернула за должокъ паней, а еще за 10 головъ канарского неплатила фунт. 40.

14. Пересмотрѣвалъ цукеръ, зъ которого канарскихъ головъ 10, а простого головъ 5, итого 15. Ездилъ въ Калюжного хуторъ и тамъ ночлѣгъ мѣлъ. На свѣтелку тутъ зробить сторговался зъ теслями 12 зол.

15. Уговорился зъ Лаврѣномъ, мѣрочникомъ, на греблю калюжновскую подвисшить оную, отъ руки дать ему сукна на кунтушъ и грошей . . . . (?). Тогда жъ билемъ и въ Сварковѣ, где росказовалемъ майстровѣ двѣ свѣтлички придѣлать и сходи на гору въ селѣ зробить. Пасѣка перевезена зъ Сваркова въ Уздицю. Листъ принесенъ зъ канцелляріи енер. о прибитіи сюда къ . . . . . (?) Александровича. Резолюцію на часть пунктовъ въ доношеніи моемъ вираженнихъ, чинили правители. Листи послалемъ въ Роменъ до родителя, до родителки и до Орановского, о зробленню колѣсъ воловихъ 40 и о возахъ.

16. Уляна, дочь п. Андрѣя Полуботка, умерла въ ночѣ, а ховали рано, у Михайла церквѣ; положили близъ гроба п. писаревой енер. Пожегналемъ п. тестя у вечеру. Ясневелможная приехала у вечеру жъ. Атаманъ отъ Тонконога бувъ зъ листомъ, упоминаючись о плату, на которомъ помѣтивши, отослалемъ въ Роменъ.

17. Пожегналемъ ясневел(можную) по обѣдѣ. Вина венкгерского 2 антали за баренки (?) виторговалемъ. Грошей господареви на расходи далемъ рублей 30.

18. Виехалемъ зъ Глухова къ Ромну въ Тулиголови, где горѣлки куховъ 8, 1 самой оковитой, 4 перегоняной, а 3 простой, примѣшавши по 2 носатки оковитой, казалемъ виготовати, для чого и Гаврила тамъ зостановилемъ. Лозовского наинформовалемъ въ Стародубъ къ ярмарку....

(Засимъ вырваны листы).

---

[1]) Полковникъ компанейскаго полка.

(Іюнь) 23. Неделя. На службу Божую приехалемъ въ Смѣлое, где, куповавшого жито Андрѣя призвавши, увѣдомилемся отъ него, что подводи, виправленніе зъ дому по жито, взяли тутъ, въ Смѣломъ, жита четвериковъ 40, а осталось еще купленного у его 2 четверики, а буромского тутъ въ дворѣ 3. Еще жъ грошей у его осталось отъ покупки житной 20 зол. На дорозѣ, едучому мнѣ въ Роменъ, оттуду посланніе ко мнѣ указы колежскіе 3, о поташѣ одинъ, о откупѣ зборовъ другій, а третій о недѣйствіи безъ подпису колежского унѣверсаловъ правителскихъ въ генералнихъ дѣлехъ, врученни мнѣ стали.

24. Отправленъ почтарь въ Глуховъ зъ писмами до ясневел., и до брегадир., о овощахъ къ нимъ посланнихъ, а до паней особливе отъ мене, о виправѣ, висилаючойся до Царичина. До домашнихъ моихъ писалемъ, приказуючи кухву оковитой горѣлки здѣлать и въ барила перелить. Туда жъ отсель послалемъ коробку зъ 100 трубками пѣнковими, барилко вина полинного. Оттоль велѣлемъ прислать отласъ рожевій, булдинокъ паръ 4 и пару карабѣнеровъ. Грошей моихъ, присланнихъ прежде до п. асаула полкового, 40 рублей, а теперъ обискавшихся у п. атамана роменского, отобравши, далемъ Якову Дубровѣ, онъ далъ Плетюнцѣ до тихъ 70 рублей и другихъ отъ его данних.

25. Виправленъ сторожъ поліовій сенецкій Джикгилъ въ Глуховъ, зъ писмами двома до старшини енер., о виправу енералную въ Терекъ упоминаючися. Другое о графскомъ приказчику, возбранившомъ ревѣдовать козаковъ въ Константиновѣ [1]) и о присланню подорожной отъ правителей. Особливе до коллекгіи доношеніе послано черезъ его жъ отвѣтное, о полученнихъ 3 указахъ: объ откупѣ зборовъ, о недѣйствіи по указахъ правителскихъ о генералнихъ дѣлахъ, безъ подпису колежского писаннихъ, и о поташу. Писалемъ до паней своей о присилцѣ декокту и до Столповского о вѣдомостяхъ. Писалемъ до п. обозного, чтобъ пріехалъ въ Роменъ для общого совѣту,

---

[1]) М. Константиновъ, роменск. уѣзда, послѣ Мазепиной измѣны, подарено было Петромъ В. графу Головкину.

якъ артиллерію и иншіе дѣла полковіе споражать. Писалемъ до п.п. сотниковъ о присланню вѣденя о зборахъ ратушнихъ и о расходахъ онихъ, прежде нинѣшного указу шедшихъ на ратуши. До чорнуского п. сотника писалемъ о пѣщанскомъ человѣку, служившомъ при Грикгорашу, подъ часъ коммиссарства полкового, а теперъ атаманомъ тамошнимъ обиженнимъ. Праздновали день государева коронованія. По молебнѣ бувъ въ дому Бакѣева зъ товарищи и, по 2 чарки водки випивши, розийшлись по домахъ.

26. Послалемъ 4 кухви горѣлки при Андрѣю кролевецкомъ, зъ которихъ одну дать въ Лохвицѣ на шинкъ писалемъ до стар. лучанского, а зъ тихъ трехъ: одну въ Сухоносовцѣ, другую въ Лубняхъ, а третюю въ Кривой Рудѣ, для косарей, на шинкъ опредѣлити, о чомъ до Орановского писалемъ. До Занковского о приездѣ его въ Роменъ и о доправленню грошей покуховнихъ отъ шафара, 200 зол. и килкохъ шагъ, и чтобъ увѣдомился о двохъ палубцяхъ, робившихся для потреби моей въ Буромли. Збօрщики полку всѣхъ сотенъ, отпущенніе зъ Глухова, являлися всѣ у мене и инструкцѣи, себѣ въ коллекгіи данніе, показовали. Худолѣй мимоездомъ въ Гадячъ бувъ у мене. Полубцівъ на двохъ колесахъ привезено пару, неокованнихъ и необбитихъ, зъ Александровки [1]).

27. П. Андрѣй, швакгеръ, зъ Михайловки [2]) едучи въ Чернѣговъ, мимоездомъ бувъ въ Ромнѣ и въ дому. П. Андрѣй, братъ, приехалъ зъ Сумъ въ Роменъ, зъ братовою. Укази въ всѣ сотнѣ послалемъ зъ обстоятелнимъ вираженнемъ, якъ готоватись и якій приборъ повинни мѣти козаки и самимъ п. сотникомъ онихъ апробовать. Послалемъ въ Глуховъ до паней своей, черезъ почтара нашего роменского, грошей рублей 30, да писалемъ до правителей два листи: еденъ о козакахъ, повернувшихся зъ Дербенѣ, якъ висилать ихъ въ походъ настоящій, а другій о бунчуковихъ, что онихъ тилко есть, сколко въ реестрѣ, оттуду присланнимъ, найдуется вираженно, цедулъ двѣ: 1, о Чигириндубровѣ, где не могутъ на стоячій въ

---

[1]) Село лубенскаго уѣзда.

[2]) Село лебединскаго уѣзда, харьковской губ., принадлежавшее Полуботку.

лакгерѣ полкъ, дровъ настатчити, 2, о вѣденіяхъ дворовъ, шедшихъ до ратуша прежде вновъ принесенного указу. До ясневел. писалемъ и листъ отъ оной, писанній до імператрици, включилемъ. П. Петру Калениченку реестръ далемъ купить мнѣ въ Шліонску флинту и пару пистолетовъ гладкихъ, и ладовничку.

28. Родителка послала воловъ 10 своихъ, а я 4, и вручили п. Петру Калениченку продать въ Шліонску, що учинити и обѣщался. Федора Юрченка зъ Демяномъ и Плетюнку зо всѣмъ отправили въ царичанскую дорогу. Федору зъ Демяномъ вручено: возовъ 7 воловихъ, кождій возъ по 4 воли, а въ тихъ возахъ, кромѣ харчи данной имъ, тютюну каменей 100, горѣлки простой 4, а оковитой 4 кухви, зъ якихъ куховъ попересипали въ барила, а барилъ всѣхъ 25, але и въ простіе 4 кухви, повсипали во всякую кухву по 2 носатки горѣлки оковитой; пшона четвериковъ роменской мѣри 9 и золот. сто; и сіе злѣценно Юрченку зъ Демяномъ. Плетюнцѣ зась дано грошей черезъ Якова 110 рублей: 10 рублей на проходъ, а 100 на купленне риби и соли въ Царичинѣ, зъ чимъ мѣетъ онъ назадъ вскорѣ и повернутись. Стар. Засулскій, бувши у мене, обявилъ, что въ пасѣцѣ моей на Плавинищахъ, 15 роювъ уже. Въ Сухоносовку до Орановского послали 6 воловъ. Въ Царичинъ пойшло воловъ: подъ возами 28, а про запасъ два, и того 30, а коней рижихъ двое. Бувъ въ пасѣцѣ и оглядѣлемъ старой пчоли 34, а роевъ 17, у Плавинищахъ. Зъ Чорного Яру, мая 26 отпущенній, Черевко приехалъ въ Роменъ и листи попривозилъ.

29. Праздновали день ангела государевого: въ церквѣ молебенъ отпѣли соборомъ и на ономъ 3 рази зъ пушокъ стрѣляли; по молебнѣ, господинъ Бакѣевъ зъ товарищи въ дому бувъ и, по 3 чарки водки випивши, отишолъ. П. обозній рано явился мнѣ, зъ которимъ, тако жъ и зъ п. писаремъ полк., уговорили написать по сотняхъ, жебы отъ вдовъ, немогучихъ висилать цѣлого козака въ походъ надлежащій, по коню взято подъ артиллерію полковую. Особливе коней купить за гроши полковіе. Принесенъ правителскій листъ, чтобъ юля 5 прислать въ Глуховъ извѣстіе, сколко въ полку лубенскомъ поставлено маяковъ и где и по сколко козаковъ при

онихъ обрѣтается. Зъ Глухова повернулся . . . . (?) зъ листамы, виспенамѣненнимъ правителскимъ и другимы.

30. Неделя. Казѣмиръ, слуга, посланній до родителя зъ лѣкарствами, повернулся назадъ. П. Кочубей и п. Трощинскій пизно приехали въ Роменъ, для ревизѣи всего полку. Писалемъ до п. сотниковъ о коняхъ подъ артиллерію, жебы у вдовъ побрать и прислали бъ до п. обозного.

Юль. 1. Орановскій приехалъ и о мѣдѣ взятой собою, говорилъ, что зъ оной въ Лубняхъ дѣлаютъ глеки и проч., а мѣди камень 1. П. Михайло батуринскій бувъ у мене, которому жита дать казалемъ четвер. 4. Взаимную въ контроверсѣяхъ зъ п.п. Кочубеемъ и Трощинскимъ, листовную въ Ромнѣ, имѣлисмо корреспонденцѣю. Бувъ городничій бодаквянскій зъ листомъ отца ігумена Михайловского кіевского просителнимъ о уменшенне стоялцовъ великорос., до которого отписалемъ.

2. Указъ въ потвержение другихъ указовъ, данъ атаманови роменскому, виганять людей до роботи валовой. П. суддѣ покойного синъ Яковъ приехалъ о чолобитчику лукомскомъ претендуючомъ много дечого, прося наставленія, що зъ нимъ чинити. Орановскому вмѣсто коней, данихъ прежде ему, въ перемѣну другихъ казалемъ дать. Попадя короваевская привезла унука своего и листъ отъ старости короваевского, въ якомъ ознаймуетъ о кобилахъ 12, отогнанихъ моихъ въ Кривую Руду, зъ которихъ лоша у дванадцятой здохло.

3. Комисаръ Григорій пріехалъ въ Роменъ, зазванній для ревѣзіи. Дацѣй лукомскій явился. До короваевского старости отписалемъ о виданне коня и харчевихъ рѣчей. Василь, молодикъ великій, виехалъ сего вечора у царичанскую дорогу. У Падка (?) меду купили вѣдерко по 9 зол. до вимѣру.

4. До п. сотника чорнуского писали, отвѣтуючи, чтобъ по прежнему зъ того человѣка папѣръ видаванъ былъ на росходи ратушніе, зъ которого и прежде видавалась, и приказуючи, жебы на жалобу Пѣщанского, служившого за писарчика при Григорашу, присилалъ конечне сюда атамана Пѣщанского. Повернулся сторожъ

зъ Глухова зъ листомъ отъ старшини енер., въ которомъ отвѣтуютъ, что промеморія еще не прислана въ канцелярію зъ коллекгіи—ежели висилать осталнихъ къ Дербенѣ или нѣтъ? И о томъ предложено въ листѣ томъ же, что бимъ готовался до походу. Тогда жъ указъ присланъ зъ енер. канцеляр. ко мнѣ, чтобимъ отобравши у сотниковъ репорти, сколко козаковъ до походу будетъ готовихъ, а сколко за скудостію въ домахъ останется, посилалъ до Глухова въ канцелляр.

5. Зъ пасѣчникомъ своимъ тутейшимъ плавинскимъ, уговоръ учинилемъ при п. писареви полковомъ: за лѣто все, поколь сховаетъ въ имшаникъ пчоли, дать ему грошей копъ 5, да харчъ наша, для чого и задатку далемъ таляра оному теперъ. Видѣлемся зъ Кочубеемъ. Послани укази до всѣхъ п. п. сотниковъ, чтобъ заразъ репортовали мене, сколко готовихъ, а сколко неготовихъ козаковъ до походу указанного. По жалобѣ Терновского, жителя сотнѣ лубенской, писано до старшини тамошней, жеби присилали сюда злодѣя, укравшого у него нѣкоторіе вещи, купно зъ тимъ, которій оніе переховувалъ.

6. Александръ пригналъ коней зъ футора Криворудского 4: сивострокатого, вороностропокатого, рижострокатого и голого, лошаковъ четвертаковъ. Орановскій отехалъ въ Сухоносовку, черезъ Глинскъ, где мѣлъ отъ паней судіиной отобрать грошей рублей 30, даннихъ зимою на жито.

7. Неделя. Оберъ фискалъ повернулся зъ Кіева, отъ князя Трубецкого, и видѣлся зъ мною въ церквѣ. П. сотникъ наказн. глинскій приехалъ и привезъ .....говъ (?) 5. П. Леонтія Янковского виправилемъ въ Волошиновку, куди зъ Лохвицѣ мѣлъ приехать и Григор. Остапенко, коммиссаръ, розискать про подданнихъ паней суддѣной и п. сотника глинского etc. По жито подводи прійшли зъ Глухова.

8. Выправлени зъ житомъ подводи, на которіе наложено жита четвер. 60, а вола одного въ позику зъ Засулля взяли, для того что не было одного вола, затимъ що при виходѣ ихъ зъ Туличоловъ захоровалъ. Бондарцеви Остапу данъ указъ, жебы артил-

лерію споражалъ до походу. П. п. Івану Осталенку и Петру Верещацѣ данъ указъ ехать до п. п. ревизоровъ, на мѣсто сотника наказного Савуска. Писалемъ до Данила Кулябки и Григорія, писар. лубенского, жеби зехали въ Юсковцѣ и розискали заводъ мё̆жи тамошними людми и трембачемъ.

9. Приехалъ человѣкъ господина Чечерина, комменданта полтавского, зъ указомъ отъ коллегіи малороссійской, жеби жида Лейбу и двохъ воровъ колодниковъ, людей его Чечерина, посилать въ Глуховъ. Повернулся зъ Сорочинецъ слуга п. Скоропадского Павелъ и подалъ мнѣ писмо отъ Луки француза, о его сюда прибытіи.

(Засимъ вырванъ листъ).

19. Ездилемъ до пасѣки своей на Плавинище, где опрочъ старой пчоли 34, показалось роевъ 48. Послали укази во всѣ сотнѣ — о перестереганню полтавцовъ, а барзѣй переволочанцовъ и щобъ безъ указу . . . . (?) не пропускать.

20. Коней двое своихъ продалемъ верховихъ, вороностр окатого за 55 зол. да рижестрокатого за 50 зол. Бандурка зъ Кухтикомъ утекли.

21. Недѣля. Воловики по жито зъ Глухова прійшли. Бандурку и Кухтика зискано. Въ Глуховъ по самую (жену Марковича?) послалемъ конѣ черезъ Леска сторожа; черезъ его жъ послалемъ и доношеніе родителское въ малороссійскую коллегію, зъ экскузацѣею о умедленіи и оное, жеби далъ въ коллегію, писалемъ до чорнуского п. сотника, туда жъ поехавшого. Зъ Астраханѣ, отпущеніе роменцѣ отъ родителя, Бувшенко, Томенко и Билимовъ зять, повернулись и прибули въ Роменъ и писма попривозили.

22. Листъ черезъ тихъ же зъ Астраханѣ отпущенних до п. миргородского [1]), писанний зъ Царичина, отъ брегадира Шамардина принесенній, послалемъ въ Сорочинцѣ, черезъ сотника яресковского Коломина, черезъ его жъ и до Луки писалемъ и до самого п. миргородского. П. полковнѣкова сумская у вечеру отехала въ

[1]) Полковника миргородского Данила Апостола, будущаго гетмана.

Суми. До Кочубея написалемъ отвѣтъ; и до Обозненка и Криштопенка писалемъ, чтобъ они имъ присутствовали. Зъ Глухова приносени двѣ писма правителскіе о Кочубею и Трощинскомъ, писанное зъ нарѣканнемъ одно, а другое о приборѣ въ походъ. Хлопцямъ и Мартину покрояно суннѣ. Бандурка и Кухтикъ наказаніе за побѣгъ понесли.

23. Коня сивого купилемъ у Гудима старого, ценою за 90 зол., при битности брата п. Андрея и отца Александра Кролевецкого и другихъ слугъ. Жидовъ, на Дяченкову за проданній другимъ тютюнъ скаржившихся, росправилемъ, такожъ и Цися зъ суплѣкантомъ голѣнскимъ. Пожаръ близъ Николая свят. учинился у вечеру, але толко одна згорѣла хата, где дракгуне въ мѣсто того, чтобъ розривать хату, людей били и рабовали. Желѣза купилемъ полъзвязки и 6 фунт. родзѣнокъ. До Константинова зъ листомъ правителскимъ посилалемъ Котлубая.

24. Городничимъ устроилемъ Нестора и наказъ пунктами ему далемъ, якъ и чого смотрѣть. Воловики зъ житомъ въ Тулиголови посланни и черезъ нихъ послано 14 колѣсъ воловихъ и въ кучцѣ (клѣткѣ?) 2 пари огаровъ и о томъ до Остапа писано; а взято жита зъ ями тутъ 39 четвериковъ, пожичили у Василя писара 15 четвериковъ, а мѣли взять въ Смѣломъ 6 четвериковъ. Зъ Глухова писма принесени правителскіе: о дачѣ возовъ компанѣйцамъ, отъ самой и господара о поведеніяхъ домовихъ, и привозѣ лагонского вина въ Глуховъ зъ Березной. Отъ правителей доношеніе зъ поправкою назадъ прислано.

25. П. бунчучній зъ обознимъ прилуцкимъ и Столповскимъ канцеляристою, переехали Роменъ и поехали черезъ Сорочинцѣ чили Гадячъ, въ Ахтирку, до князя Михайла Михайловича Голицина. Греки купци були у мене зъ протестомъ на индуктарей, же у нихъ не по давнемъ обикновенію индукту взимаютъ и для того въ Свѣнскъ на ярмарокъ не поехали, але протестъ учинивши и подписавши своими руками, дали мнѣ. Прикажчикъ константиновскій бувъ у мене и говорилъ, что писано къ нему отъ правителей

нашихъ о зборщикахъ, жеби тамъ устроени били, а то по колежской промеморіи.

26. Г. генералъ маіоръ Роппъ переездомъ зъ Варви до Гадячого бувъ въ Ромнѣ и, часъ одинъ чили другій забавивши, и отехалъ почтою, а за почту прогоннихъ денегъ не платилъ. Малъ бувъ контентъ зъ господи, якая показанна була въ дворѣ п. суддѣной. Родителка до Андріевки виехала. Торгъ зъ жидами на тютюнъ учинили, подлѣйшій по 2, а лутшій по 3 зол.

27. Зборщиковъ два прислано на перемѣну зъ Лукомля и зъ Пѣратина. Раховано гданчанъ [1]) Чернѣцкого, Алексѣя, Якова и Селецкого, а раховали отецъ Савѣцкій, Яковъ дозорца, сотникъ наказ. Савуско и атаманъ Гѣня. Зъ Криму родителскихъ прійшло 5 возовъ зъ товарами. Указы знову послани въ сотнѣ о крайней готовности въ походъ. До Орановского о разныхъ интерессахъ, а до стар. буромского о палубахъ отвѣтъ, и до другихъ, до Леонтія и до Мацковского Василя, о видачѣ харчи на Кривую Руду писано.

(Засимъ вырванъ листъ или два).

Августъ. 24. Всѣ полки князь рано ревѣдовалъ, радемъ поставивши пѣшо и велѣвши стрелять имъ [2]). По ревѣзіи обѣдалъ у миргородского [3]). По обѣдѣ, комменду вручилъ миргородскому. Сотникъ сенецкій князеви супплѣку на мене подалъ, за посаженне его на армату, якую князь вичитать велѣвши, казалъ помиритись. После князь заездилъ до гадяцкого и прилуцкого полковниковъ, где немного посидѣвши, и отехалъ къ Красному Куту, 4 часа зъ полдня, а приехалъ въ Красній Кутъ 10 часа. За нимъ и я поехавши ночовалемъ, не доехавъ Красного Кута, на полѣ.

25. Недѣля. Приехалемъ у Красній Кутъ рано и, бувши у князя, обѣдалемъ зъ нимъ. Тамъ же изъ полковникомъ ахтирскимъ Лесевицкимъ видѣлемся и зъ полковникомъ Ларіоновимъ. По обѣдѣ

---

[1]) Возвратившихся изъ поѣздки въ Гданскъ (Данцигъ).

[2]) Говорится о смотрѣ козачьяго войска княземъ М. М. Голицынымъ на Коломакѣ. См. Русск. Арх. 1880 г., I, 195.

[3]) Т. е. миргородского полковника Апостола.

зъ Краснаго Кута за княземъ поехалемъ и дорогою едучи, о своей нуждѣ ему говорилемъ; и зъ нимъ же передъ вечоромъ приехалемъ въ Каплуновку; а передомъ стрѣлъ насъ полковникъ Загрязкой кіевского полку тамъ стоячого. Булисмо зъ княземъ у вечернѣ, а по вечернѣ бувъ за князя молебенъ, а по молебнѣ чудотворной иконѣ всѣ прикладовалися. Церковъ и иконостасъ хорошіе. Сотникъ балакліевскій Лѣсаневичъ да писаръ полковій Узюмского полку були передъ княземъ и супплѣку дали на полковника узюмского Гахалстрова (?). Старшина енералная пріехали въ обозъ до Коломаку.

26. Муштровалъ князь полкъ кіевскій и конно и пѣшо, часовъ зъ 6. По муштрѣ, обѣдали у полковника Загрязкого. По обѣдѣ, поехалъ князь въ Ахтирку, за которимъ и я поехалемъ зъ Загрязкимъ и, опровадивши его за верстъ 5, пожекгналисмо и вернулися назадъ. Князь, при отклонѣ моемъ, милостиво мене отпустилъ. Ночовалемъ на той сторонѣ Красного Кута. Старшина енер. пріехавши въ обозъ, а не заставши князя, поехали за нимъ въ Ахтирку.

27. Обѣдъ мѣлемъ переехавши Красній Кутъ, куда пріехали писаръ полк. Савѣцкій и сотникъ сенецкій и сказали, что едутъ зъ супплѣкою, данною отъ ихъ миргородскому по приказанню миргородского жъ, и зъ мною обѣдали. Приехалемъ заранни до Буцкого броду сюда, и заехалемъ первей до прилуцкого полку, къ п. п. суддѣ и сотнику полковимъ, и взялемъ оттуду для свѣдителства сюди, въ лубенскій полкъ, Березинского. Пришли ко мнѣ обозній полковій и всѣ сотники и когда спиталемъ онихъ про супплѣку, на мене написанную отъ нихъ до миргородского, первей обозній, а потомъ сотникъ чорнусскій, а послѣ и всѣ сказали, что они такой супплѣки не хотѣли писать, жебы мнѣ отставленну быти отъ комменди, тое жъ и не подписовалися бъ, але мусѣли тое учинити зъ принужденія миргородского п. полковника, которій того вечора, якого князь отехалъ, призвавши всѣхъ лубенцовъ до себе, публѣчно лаявъ родителя моего, а после приказалъ, жебы конечне написали на мене супплѣку, сказавши и тое, же если не напишутъ и не подпишутся, то онъ ихъ въ такіе заженетъ тарапати, що

трудно имъ вiйти будетъ, о чомъ я того жъ вечора, писалемъ до князя, до аттютанта Шипова и до Бирулева. Вечералемъ у лохвицкаго сотника зо всѣми.

28. Бувъ я рано у миргородского, которiй ласкавъ ко мнѣ оказался. Обѣдалемъ у суддѣ миргородского. Холодовичъ отъ п. полковника нѣжинского передомъ прiѣхалъ, зъ которимъ у п. п. суддѣ и сотника полковихъ прилуцкихъ булисмо. Такъ же у Галагана, а оттоль у п. Стефана Миклашевского, где при мнѣ и сотникъ чернускiй бувши явне тое говорилъ повторе, что приказовалъ онимъ миргородскiй писать на мене супплѣку и же бранилъ родителя. Стаховичъ вечералъ и ночовалъ у мене.

29. Чернѣговскiй полкъ прiйшолъ. Ездилемъ зъ чернускимъ сотникомъ до п. Миклашевского, где многая о томъ же говорилъ при п. Миклашевскомъ; зъ нимъ же прiехавши въ обозъ, обѣдалемъ. Писма, до правителей отъ мене писаннiе, знову зъ Ромна ко мнѣ прислано, и отъ Василя, писаря, грошей зол. 100 на служителей войсковихъ. Передъ вечеромъ полкъ нѣжинскiй прiйшолъ и я тогда жъ бувъ у нѣжинского п. полковника. Писалемъ до родителки о своей нуждѣ.

30. Писаръ и сенецкiй (сотникъ) отъ князя повернулись; тако жъ и Гаврило молодикъ повернулся, зъ отвѣтомъ до мене княжимъ, же онъ не имѣетъ безъ изслѣдованiя причины отставлять мене отъ комменди. Обѣдалемъ у нѣжинского зъ гадяцкимъ. Максимовичъ у вечеру передъ нѣжинскимъ говорилъ тое, что миргородскiй велѣлъ супплѣку писать и бранилъ отца моего.

31. Отправилемъ 3 человѣка въ Роменъ и чрезъ нихъ писалемъ до коллегiи о томъ, что обозній не вернулся въ Роменъ для правленiя полкового, хочай ѐму и говорилемъ. До прокурора пространно, а до ясневелможной кратко, о своей нуждѣ писалемъ. До Занковского о удержанню ся его тамъ. До писара глух. о ревѣзѣи сенецкой, до господара пунктовъ нѣсколконадцять, о интерессахъ домовихъ. По обѣдѣ у гадяцкого зъ нѣжинскимъ булисмо, а потомъ зъ нѣжинскимъ и у мене були п. п. суддя и сотникъ пол. прилуцкiе.

Септевр. 1. Неделя. У нѣжинского полковника бувъ банкетъ, але толко миргородскiй да прилуцкiй полковники не були. Листи

зъ Астраханѣ отъ отца, отпущенніе 7 и 12 юля, принесенни ко мнѣ зъ Ромна. Стародубскій полкъ прійшолъ.

2. Писма писалемъ до родителя въ Астрахань и до родителки о своемъ поведеніи. Обозній, бувши у мене рано, говорилъ тое, что оному приказовалъ миргородскій, жебы отпустить отсюду лукомского атамана да жебы тамъ атаманомъ не бувъ, але инного бъ избрано.

3. У нѣжинского пол. обѣдалемъ. Миргородскій листъ отъ старшини енер. и 2 супплѣки присилалъ до нѣжинского, жебы подписался о избраніи гетмана и отставцѣ зборовъ писанніе. Заездилемъ до прилуцкихъ (старшинъ), а оттоль до Миклашевского. Соколничій зъ Ромна пріехалъ зъ писмами, обявляючими тое, что присланъ въ Роменъ зъ коллекгіи указъ зъ солдатомъ взять нѣкоторихъ людей родителскихъ до коллекгіи респектомъ зборовъ.

4. Пѣлули пуркгуючіе, у Алвиза взявши, пріймалемъ. Козакъ полтавского полку, бувши у мене, сказовалъ, что родитель мѣвъ по Преображеніи на море пойти. П. Григор. швакгеръ бувъ у мене.

5. Писма отправлени черезъ Леска сторожа въ Роменъ и грошей зол. 100 до панеи моей зъ писмомъ. До брегадира, прокурора и Кошеліова о взятихъ зъ Ромна людяхъ дворовихъ въ коллекгію взглядомъ зборовъ. Тогда жъ и до родителя въ Астрахань. Присилалъ миргородскій асаулу свого полкового Семена, что бимъ до его ехалъ зо всею старшиною. Тогда жъ бувъ я у его и подписался на супплѣцѣ, але подписавшись, говорилемъ о нѣкоторихъ термѣнахъ, что оніе досадни кажутся, вмѣсто протесту.

6. Писаръ пол. Савѣцкій приносилъ рано ко мнѣ супплѣку другую до п. миргородского писанную и подписанную отъ старшини, на якій я не подписалемся [1]). Почтарь зъ Ромна пріехалъ зъ листомъ Янковского, которимъ змѣнкуетъ, что отобранъ Бекетовимъ у Гадячу провіянтъ, привезенній зъ полку лубенского. Тотъ же почтарь привезлъ вина полинного барилко и барило пива. Зарудній пріехалъ. Грошей по лѣчбѣ Якова показалось 150 зол., якіе въ

---

[1]) Говорится объ извѣстныхъ „Коломацкихъ челобитныхъ", напечатанныхъ въ приложеніи къ Кіевск. Стар. 1890 г., стр. 102—110.

скринку вложилемъ. Трембачамъ роздати гроши казалемъ и для того 100 зол., присланнихъ зъ Ромна, отдалемъ черезъ Городиского и Худолѣя обозного, которій и подавалъ по части, оставивши у себе 60 зол.

7. Соколничого отправилемъ и ему жъ вручилемъ листи до родителя, отъ мене и нѣжинского п. полковника писанніе и отъ его жъ до сотника глуховского. Лубенскій сотникъ пріехалъ въ обозъ. Обѣдалисмо у глинского наказного сотника.

8. Неделя. Службы Божой слухалемъ у нѣжинского; по обѣднѣ зъ прилуцкимъ полковникомъ були въ наметѣ, а потомъ поехалисмо до гадяцкого и тамъ всѣ обѣдалисмо.

9. У миргородского бувъ я рано и, мало посидѣвши, отійшолемъ. Коней 120 нѣжинского полку, короповской сотнѣ, у ночѣ зпужались и разбѣглись, але потомъ обискались. Обѣдалемъ у нѣжинского. По обѣдѣ ездилемъ до швакгра п. Григорія, оттоль до п. п. Миклашевскихъ, где въ карти игралемъ и вечералемъ у п. Стефана. Указы 2 принесенни у вечеру, отъ малороссійской коллекгіи зъ Глухова отпущенніе, зъ которихъ въ одномъ предлагается тое, чтобъ хто хотѣлъ покупалъ медъ зборній десятинній [1]), а въ другомъ, якъ пенку (пеньку́) дѣлать и указы въ обоихъ тихъ указахъ для для публѣкацѣи всенародной включенни.

10. Почтара, которій сюда привозилъ пиво да вино, отпустилемъ назадъ зъ писмомъ, а зъ нимъ и Данила татарина захоровавшого. Стрелцовъ человѣка 9 послалемъ для добычи въ степъ. П. Григорій швакгеръ обѣдалъ у мене зъ п. судденкомъ нѣжинскимъ Василемъ и другими.

11. Черезъ слугу п. полковника нѣжинского, писалемъ въ Глуховъ до ясневелможной и до своей жени. Обѣдалемъ у нѣжинского полковника. Игравши въ карти, програлемъ 3 рублѣ.

12. Обѣдалемъ въ дому. Гаврила молодика послалемъ въ Полтаву для покупокъ нѣкоторихъ, которому и грошей на оніе далемъ рублей 10.

(Засимъ вырванъ листъ).

---

[1]) О „медовой десятинѣ", которая въ это время собиралась въ Малороссіи, по распоряженію Вельяминова, см. Русск. Арх. 1880 г., I, 159.

25. Надъ 200 козаками, оставленними у Буцкого броду, оставилемъ каммендѣромъ лохвицкого сотника Гамалѣю, а самъ передъ обѣдомъ рушилемъ оттуду къ Ахтирцѣ, полкъ отпустивши при обозномъ домой. Обѣдалемъ не доѣжжая Красного-Кута, зъ п. Демяномъ Якубовичемъ, Раковичемъ и Левенцемъ. Мимоездомъ п. полковникъ гадяцкій постоялъ и, випивши зъ своею панею по кубку вина, отехалъ до Каплуновки. А ми, по обѣдѣ поехавши, ночовалисмо не доеждая Ахтирки болшъ милѣ.

26. Приехалисмо къ Ахтирцѣ рано и перенявши миргородского, приездившого туда жъ, зъ нимъ сталисмо за городомъ, у левадѣ. Булисмо у князя, кушали и подпили значне. Князь ласкавъ до всѣхъ оказовался. Отпустивши всѣхъ, велѣлъ мнѣ удержатись. У вечеру отойшовши отъ его, булемъ у Бирулева, а оттоль до квартири своей поехалемъ и вечералемъ у п. Демяна Якубовича. Отдалемъ князови бандурку малого своего.

27. Рано булисмо у князя и, кагве (кофе) напившись, пошлисмо зъ нимъ до церкви. По службѣ, миргородскій подалъ князеви суплѣку за подписомъ цѣлихъ полковниковъ о томъ, чтобъ ихъ коллекгія не посилала салдатъ зискуватъ, и князь обѣщался служить по возможности, а до того сказалъ, же онъ не надлежитъ (?). Миргородскій и протчіе отклонились, а мене удержалъ князь на обѣдъ; и обѣдалисмо зъ Милорадовичемъ гадяцкимъ пол. По обѣдѣ я, отехавши, ночовалемъ якъ бы у 3 милѣ, не доеждая Комишевъ села, и вечералемъ тамъ у п. Демяна Якубовича.

28. Обѣдалисмо у Веприку, якъ бы у 2 милѣ отъ ночлега. По обѣдѣ завчасу приехавши въ Гадячъ, булисмо у Турковского, господара гадяцкого, и випивши по 3 кубки меду, отехалемъ и ночовалемъ у села Липового.

29. Неделя. Передъ Ромномъ стрѣтили мене братъ п. Андрѣй, Бутурлимъ и прочіе, и приехалисмо въ Роменъ на службу. Полянскій, Іванъ Макаровичъ, присилалъ офѣцера въ церковъ до мене, зъ поздравленіемъ приезду моего. Бакѣевъ по службѣ бувъ и простился зо мною, бо мѣлъ отехать къ Царицину. Худолѣй, Василь глинскій и проч. отехали домой.

30. Листи получилемъ отъ атамана чигириндубровского о Гордѣевичу, о коню, о которомъ писалъ енер. Роппъ, чтобъ заплатить оного утраченого капитанского. У оберъ-кригсъ-коммиссара Полянского былемъ у вечеру. Отъ Орановского листъ принесенъ зъ требованемъ денегъ на заплатку за пчоли.

1. Октовр. До Орановского писалемъ и грошей 10 рублей послалемъ. До родителя въ Астрахань писалемъ и до атамана отписалемъ чигир.-дубровского. Глинскій Василь и Заруднепко були въ Ромнѣ. Сенецкій сотникъ проехалъ черезъ Роменъ.

2. Листъ правителскій, 24 септ. отправленній зъ Глухова, принесенъ зъ требованіемъ о присилку вѣденія маетностей змѣнничихъ и другого вѣденія о умершихъ въ Терку и Ладозѣ козакахъ.

3. О присилкѣ тихъ вѣденій укази и листи къ сотникамъ порозсилалемъ. Писалемъ въ Глуховъ до ясневел. о своемъ приездѣ. До старшини енер. тожъ о приездѣ, а другой листъ, отвѣтуючи на ихъ писмо, и до господара. Ямщикъ на войта скаржился. Принесени зъ коллекгіи малорос. 2 укази. одинъ о непропуску старцовъ безъ пропускнихъ грамотъ монаршихъ, а другій о предуготовленіи лѣса и дровъ на магазейны. Раховали Семениху, бувшую шинкарку лохвицкую, и показалась она винна по реестру Романовомъ 177, а подлугъ еи сказки, 109 зол. и копѣекъ 5. У Мѣрочника, шинкара роменского, отобралъ Романъ грошей зол. 60.

4. Писалемъ до сотниковъ о приуготовленіи роботниковъ, дерева и дранѣ на магазейны. Особливо писалемъ о пересмотрѣ монаховъ зъ Греціи приежджаючихъ, на форпостахъ, до чигир.-дубр. сотника. Василь Дяченко, бувши у мене, принесъ табаку гишпанского и пуздерко въ ценѣ. У вечеру виехалемъ зъ Ромна въ Андрѣевку, и стрѣвшись зъ Григоріемъ, коммиссаромъ полковимъ, едучимъ въ Глуховъ до правителей зъ реестрами о собраннихъ денгахъ на церковъ Печерскую [1]) розговорувалемъ зъ нимъ долго, а приехалемъ потимъ на ночъ въ Андреевку. Отъ писара Савѣцкого писмо принесено о заводѣ походномъ и о его заочной будто

---

[1]) См. выше, стр. 14.

конфузіи зъ горливостю виражаючое. П. Василю Дяченку, за пуздерко, далемъ черезъ отца Савѣцкого 27 зол.

5. Бувъ глинскій сотникъ наказ. и прикажчикъ андріяшовскій Грудзѣнскій. Козаки зъ Царицина повернулись сотнѣ глинской, которіе туда посилани були зъ писмами.

6. Желяза послали зъ Андрѣевки въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллегію малороссійс. Черезъ его жъ писалемъ до прокурора о присилцѣ ему и до господара. Зъ Ромна получилемъ листъ отъ Билима о злодѣяхъ, андрѣяшовскимъ прикажчикомъ пойманнихъ, и самихъ двохъ злодѣевъ. Зарудній зъ своею женою и сотничка глинская пріехали.

7. Рано поехалемъ зъ Андрѣевки степомъ ромадановскимъ и на обѣдъ приехалемъ къ Бодаквѣ, у футора гадяцкого полковника. Оттуду поехавши, ночлегъ мѣлъ на озницѣ (?) противъ Сенчи. Проехалъ писаръ Савѣцкій до Сорочнинецъ зъ села своего.

8. Обѣдалисмо не доиждджаючи Пѣсочокъ, села монастира мгарского; оттуду поехавши на ночъ, приехали къ Березнякамъ и тамъ вечернѣ вислухали.

9. Тамъ же въ Березнякахъ утренѣ и служби божой вислухали, а поехавши оттоль, на поздній обѣдъ приехали въ Криворудскій футоръ. По обѣдѣ зревѣдовали стадо конское.

10. Асаулу арматного поставилемъ сотникомъ наказнимъ лукомскимъ. Попъ лукомскій бувъ отецъ Петро. Писма зъ Ромна принесенни отъ Билима, о приехавшихъ салдатахъ и порутчику Пенякову въ Роменъ. Отъ сотника лубенского вѣденіе о умершихъ козакахъ въ походахъ ладожскомъ и дербенскомъ прислано. Зъ Луки отъ родителки прислано писмо о приехавшемъ капитану Сеничову для осмотру мѣста на магазени. Леонтій економъ бувъ.

11. При отездѣ зъ футора рубля грошей далемъ дворникови на розніе потреби. Былемъ у Жостѣру и своихъ 3 дрикгантовъ осмотрувалемъ и машталѣрови Іванови далемъ 6 зол., оттоль поехавши къ перевозу и перевезшись, на ночъ пріехалемъ въ Оржицю.

12. Зъ Оржицѣ послалемъ листъ откритій въ Лукомле Кузмѣ асауловѣ на сотництво наказное. Поехавши оттоль, обѣдалемъ въ

Денисовцѣ, гдѣ и Пѣковчиха [1]) видѣлася. Пріехалемъ на ночъ въ Короваи и въ лазнѣ зъ братомъ, п. Андреемъ, мился.

13. Неделя. Листъ приносенъ ко мнѣ отъ правителей о грошахъ печерскихъ писанній [2]) и о присилцѣ запорожця и Худолѣя. Отвѣтъ учинилемъ въ коллекгію на 2 укази, одинъ—о непропуску монаховъ зъ Греціи безъ жалованнихъ грамотъ, а другій—о магазенахъ, чтобъ предуготовленіе било. Родителка коня даровала молодого. Гуляли доволно.

14. Ездилемъ до Ангелювщини и вибралемъ двохъ лошаковъ третяковъ, воронихъ, одного легчаного, а другого дрикганчука. Старосту короваевского перемѣнили. Тіе лошаки послалемъ въ Кривую Руду, черезъ Мартина молодика. Пріехали на ночъ въ Пѣратинъ, где капитанъ Семичовъ бувъ и видѣлся зъ мною взглядомъ магазеновъ. Зборщики тамошніе були. Кватира була у п. Худолѣя.

15. Рано оттоль поехалемъ на обѣдъ въ Сухоносовку. Отецъ Пясецкій бувъ у мене. Писалемъ до Худолѣя въ Пѣратинъ о приездѣ его въ Глуховъ. До Милорадовича василковского отписалемъ и тогда жъ и тотъ листъ послалемъ.

16. Сотникъ чорнускій бувъ у мене. Обѣдали у отца Пясецкого. Зъ Горошина атаманъ прислалъ 2 пари огаровъ и пару журавлювъ. Алексѣйцю конюшество вручилемъ и далемъ ему зол. 10 на потреби. Черезъ его жъ послалемъ въ Горошинъ до атамана зол. 50 на купленне лѣса. Орановскому коня гнѣденкого даровалемъ. Осмотрувалемъ набѣлу, которого тамъ показалось масла 12 и сира 12 дѣжокъ. Чорнускій сотникъ опроважалъ насъ и простился. Ночовали у 10 верст. отъ Лохвицѣ.

17. Пріехали на службу въ Луку. Подгуляли. Писма отъ лукомского сотника и отъ Савѣцкого писара. Отъ прикажчика константиновского. Гуляли доволно.

---

[1]) Вдова лукомскаго сотника Василія Матвѣевича Пиковца, вышедшая потомъ вторично замужъ за серба Славуя Требинскаго. Младшій сынъ „Пѣковчихи"—Степанъ впослѣдствіи сталъ зятемъ автора Дневника.

[2]) См. выше, стр. 14 и 46.

18. Принесенъ указъ съ коллегіи о деревняхъ ратушныхъ. Отвѣтъ получилемъ отъ Худолѣя, же не можетъ въ Глуховъ ехать. Отписалемъ до лукомского, до прикажчика и до писара. Обѣдали въ Луцѣ, а ночовали въ Токарахъ.

19. Коней осмотрувалемъ своихъ, которихъ тамъ стоитъ 13. Оттоль поехалемъ до Андрѣевки, на службу приехали. Переездомъ, видѣлемъ у Артополотского хутора своихъ 2 кобилъ, отъ суддѣхи [1]) дарованнѣхъ, обидвѣ темногнѣдіе, у едной лошакъ гнѣдой. Зъ Андрѣевки ездилемъ въ Купупѣевщину и тамъ своихъ коней осмотрувалемъ 18. На ночъ приехалемъ въ Роменъ.

20 недѣля. Рано бувъ у мене ундеръ-офѣцеръ, зъ коллегіи малороссійской присланний, требуючи вѣдомостей о селахъ ратушнихъ. Розослали укази о присланню вѣдомостей о селахъ ратушнихъ и о взятіи штрафа зъ бородатихъ промишлениковъ. Писалемъ въ Глуховъ до правителей и отвѣтъ послалемъ Худолѣевъ. Ездили до монастирища [2]) и тамъ гуляли всѣ, и подпияхомъ.

21. Господаръ п. Федора Кочубея, пріехавшій сюда, въ Роменъ, по дѣвку служебку нашу, Мотру, а сестру Кочубеевой [3]), отпущенъ зъ нею зосталъ въ домъ. Погоня по его и по дѣвку послана, для обмана его. Листи послалемъ до Леонтія и Кузмѣ асаула о розискахъ. До Орановского о Нѣславскомъ (?). Григор. Остапенко пріехалъ зъ Глухова зъ листомъ правителскимъ о зборахъ на церковъ Кіевопечерскую, которій и вѣсти добріе говорилъ. Василя Дацѣя въ турму посадить казалемъ, за украденную имъ инквизицію. П. братъ Андрѣй поехалъ до Бубновъ. Снѣгъ началъ ити.

22. Житель липовскій бувъ зъ жалобою на Мартинця, за коня, имъ взятого зъ собою его, о чомъ и писалемъ до Орановского. Опредѣлилемъ къ п. Билиму до правленія Василя Дяченка и для писання—Петра Верещаку. Виехалемъ зъ Ромна передъ вечоромъ. У Хмѣловѣ послалемъ атамана роменского въ дворецъ монастирскій,

---

[1]) Жуковской.

[2]) См. выше, стр. 14.

[3]) Отсюда можно заключить, что младшій сынъ казненнаго Кочубея—Θедоръ былъ женатъ на крестьянкѣ.... О немъ см. Русск. Арх., 1876 г., III, 366.

где бувъ господаръ Кочубеевъ, для припровaженя его ко мнѣ, которій тогдажъ безъ вѣсти уйшолъ, а дѣвку отослали въ Роменъ. Пріехалемъ на ночъ въ Смѣлое, где стрѣлцѣ [1]) явились.

23. Стрѣлцямъ, вмѣсто Степана Романчука, опредѣлилемъ старшимъ атамана смѣловского. Писалемъ до сотника чорнуского и до Орановского о куплѣ греблѣ Пузницкой, зъ сотникомъ пополамъ. Тогда жъ писалемъ до Леонтія Янковского — о учиненню розисковъ нѣкоторихъ въ Лукомлѣ, Наружжю, Горошинѣ и Буромлѣ. Поехалемъ зъ Смѣлого и оглядалемъ степу, продаючогося отъ Романчука Левка. Пріехалемъ на ночъ до футора Корсакового.

24. Отъ футора Корсакового отправилемъ Леска сторожа зъ листами въ Роменъ до сотника, а особливе до атамана роменского о Дацѣеви. Поехавши оттоль, прiѣхалемъ на полудень къ Сейму и, перевюзшись, обѣдалемъ въ Мутинѣ, где Василя Книша засталемъ. У вечеру пріехалъ къ намъ Федко Ганничъ зъ писмомъ и зъ хлопцемъ артюхувскимъ.

25. Писалемъ рано зъ Мутина до Леонтія, о инквированню взятковъ Кочубеевскихъ. Пріехалемъ оттоль о полднѣ въ Тулиголови, где въ имбару було горѣлки 4 кухви. На ночъ приехалемъ въ Глуховъ.

26. Рано бувъ я у ясневелможной и тамъ обѣдъ кушалемъ, зъ п. п. Василемъ Томарою и Федоромъ Марковичомъ, дядкомъ. Потомъ былемъ у Кошелева, а у вечернѣ ст. (свят.) Михайла, а оттоль у пана асаули енер. Человѣкъ хоружовскій пріехалъ на розискъ о заграбленнихъ волахъ у футора Калюжновского, Константиновскихъ... Котлубай приехалъ тутъ, въ Глуховѣ, збирать пчоляпую торочную (тогорочную) десятину, зъ Яковомъ дозорцею. Извѣстилемся отъ п. Федора, что прошлими днями, пріехавши въ Глуховъ, отклонился самъ за сотничество полковое прилуцкое.

27. Недѣля. На службѣ божой былемъ у церквѣ Анастасіи и кушалемъ у ясневелможной, где брегадирша, прокурорша и Коше-

---

[1]) Козаки-стрѣльцы занимались добычею всякаго рода дичи для гетмана и для мѣстныхъ полковниковъ. О нихъ см. статью Мих. Плохинскаго въ III-мъ томѣ Сборн. Харьк. Ист.-Филол. Общества.

ліовѣ обѣ були. По обѣдѣ у п. Скоропадского бувши, читалемъ присланніе зъ Петербурху челобитніе с.: либов. (?). Оттоль поехавши, былемъ у п. асаули енер., а оттоль и у брегадира, где до полночи просидѣли. При мнѣ писмо къ нему отъ губернатора кіевского принесенно, что Матюшкинъ генералъ-маіоръ пожалованъ въ генерали поручтики.

28. Бувъ у правителей и доношеніе дано мнѣ Кочубеемъ и Трощинскимъ, поданное на мене онимъ. Такожъ принялемъ у нихъ и листъ ко мнѣ писанній о присланню вѣденій о селахъ и деревняхъ ратушнихъ и о приходахъ зъ онихъ, зъ тимъ докладомъ, якіе села суть именно ратушніе, тіе мѣютъ грамоти или другіе привилеи, другіе зась сливутся толко ратушними, о якихъ обоихъ інтерессахъ писалемъ укази во всѣ сотнѣ и до Билима. До Петрановского—о прибуттю его сюда. До роменской старшини о присланню вѣденія—о козакахъ умершихъ въ походахъ. Обѣдали у мене п. Федоръ дядко и п. Тарнавскій.

29. У ясневелможной именини ея отправляли и гуляли зъ брегадиромъ, прокуроромъ и Кошелевимъ, и подпіяхомъ гаразда, когда изъ куріеромъ въ задіоръ войшолъ въ дому прокурорскомъ. Послалемъ рано Бяловского и Остапа въ Тулиголови переписать все господарство и отобрать отъ Остапа, а вручить войту сварковскому.

30. Войта сварковскаго послалемъ въ Тулиголови для отобраня на свои руки всего тамошнего господарства, когда и человѣка сварковского определилемъ для скупленя и отобраня осенщины отъ сварковціовъ. Василь, глинскій сотникъ наказ., отехалъ и отецъ Петро лукомлскій. У Василя ключника отобралемъ грошей рублей 30. Присилалъ сотникъ срѣбранскій [1]) своего человѣка Себестіяновича, за доводячимися себѣ отъ мене грошми зол. 80.

31. Обѣдалемъ у ясневелможной. П. Федоръ дядко простился и отехалъ въ Прилуку. У п. асаула енер. читалемъ укази сенатскіе рѣшителніе, въ 5 пунктахъ заключенніе.

1. Ноеврій. Остапови господарство глуховское вручилемъ. Ездилемъ до футора Калюжновского, где воловъ 30, а коровъ 9, козъ 12,

---

[1]) Антонъ Троцина.

коней 6, осмотрѣлемъ и еще два стоги жита незмолочени. Послалемъ укази до сотниковъ роменского, лохвицкого и лубенского о избранню двохъ щетчиковъ и одного комисара. Получилемъ писемъ правителскихъ двѣ; о принаттю 10 компанѣйцевъ и видаванню онимъ провіанту. Еще жъ получилемъ указъ зъ коллегіи—о присланню отвѣту въ томъ, что греки купци о ярмарку Іліиномъ роменскомъ въ Ромнѣ протестовались передъ мною на Шереметева. Войтомъ въ Сварковѣ Павла Лазаренка учинилемъ.

2. Принялемъ грошей еще отъ Василя ключника 10 рублей до первихъ 30, октовр. 30 взятихъ, и роспись учинилемъ ему о 40 рубляхъ забраннихъ. Нѣжинскій полковникъ пріехалъ въ Глуховъ зъ Нѣжина, а зъ С.-Петербурху—князь Волконскій, ундеръ-лейтнантъ отъ гвардіи. Зъ Ромна получилемъ писма отъ старшини и отъ криксъ-комиссара Толкачова, чтобъ дракгунамъ, прійшовшимъ на караулъ до коммиссаріяту, дать провіянтъ и фуражъ. Бувъ у склепу и вина смотрѣлъ: анталовъ 2 повнихъ и 2 неповнихъ, да бочочокъ 2 да бочка 1 и кухва неповна въ дулями налита виномъ. Зъ Ромна зъ дичиною пріехали изъ гостинцемъ царичанскимъ. Доводячіеся гроши 80 зол. п. сотникови срѣбранскому черезъ зятя его послалемъ.

3 неделя. На службѣ у монастирѣ чорничомъ бувъ, а по службѣ у ясновелможной, когда брегадиръ и протчіе були. По обѣдѣ були на вечеринцѣ у брегадира. Бѣловскій зъ Федкомъ ездили въ Калюжинскій футоръ и ревѣдовали.

4. Листъ о требованіи небуваломъ провіянта и фуража караулнимъ въ Ромнѣ, послалемъ до правителей черезъ Клима. У Милютиновича бувъ рано. Дядко зъ Чернѣгова пріехалъ зъ писмами жени моей и швакгра п. Андрѣя Полуботка, о пріездѣ моемъ туда, просителними, въ Кувѣчичи. Плетюнка пріехалъ зъ рибою и кавяромъ, у которого и грошей отобралемъ 106 зол. копѣйками, а полушками 22 зол. Горбикъ бурумскій, бувши у мене, сказалъ, что уже поеднался зъ Федоромъ, бувшимъ старостою бурумскимъ.

5. Далемъ за дворъ солодовникови Степанови грошей рублей 9. Отлѣчовалъ Комаровскихъ (?). Далемъ Бутурлимови грошей рублей 5, на медъ, якій мѣлъ въ Ромнѣ отпустить.

6. Нѣжинскій полковникъ отехалъ въ Нѣжинъ. У брегадира бувши, игралисмо въ карти и виграле̄мъ. Гайдаямъ [1]), ходившимъ въ Царичинъ, заплатилемъ 48 зол. додатнихъ.

7. Рано бувъ въ коллекгіи и (у?) старшини енер.; и Семенъ Лизогубъ (былъ?) и розговорували о заводѣ его зъ родителемъ. Зъ Лисенкомъ чернѣговскимъ, пріехавшимъ зъ грамотами на села свои, видѣлемся. У вечеру глинскій бувъ отъ полковника Ковбаси.

8. Писалемъ въ Роменъ о присилцѣ вѣденій и другихъ интерессахъ. Отправилемъ чернѣговского дядка зъ лошадми и писалемъ до чернѣговскихъ и жени своей. Леонтого (?) отпустилемъ въ Овдоколле и 5 рублей грошей далемъ ему на кухви винніе и чтобъ купилъ 100 дощокъ липовихъ. Лукомскій сторожъ приехалъ зъ писмами многими, между которими були и отъ родителя зъ Сулаку и отъ Полянского зъ Астраханѣ, о щастливомъ его прибытіи въ Сулакъ. Лихаровъ, маіоръ, зъ С. П. Бурху пріехалъ.

9. У правителей былемъ и отвѣтствовалемъ на суплѣку Дацѣеву и просилемъ розищиковъ. Въ Ясманъ на розискъ посилалемъ Фѣдка да Остапа. Писаръ Савѣцкій зъ Манджосенкомъ и Билименкомъ були у мене.

10. Неделя. Були у ясневелможной всѣ и гуляли до поздна.

11. Продали рибу 500 сомовъ, сотце по 6 рублей безъ золотого. Тамъ же продали кавяру 36 пуд. зъ двома кухвами, пуд. по 6 зол. Поставилемъ дворника въ Калюжновскій футоръ, огородника сварковского за 7 копъ, и одежу ему и женѣ его. Ясманскихъ войтовъ, настоящого и бувшого, отправилемъ, казавши на бувшомъ доправить 4 четверики жита. Забара взялъ 3 кухви горѣлки минять на жито 3 четверти, а на гроши, гуртомъ, носатками по 2 рублѣ. Пургансъ приймалемъ. Доношеніе зъ копѣею протесту кгрецкого, данного мнѣ въ Ромнѣ на Шереметева, отослалемъ въ коллекгію, черезъ Комаровского. Роману, стар. тулиголов., далемъ 10 копъ на всякіе росходи и новіе реестра. Грома, вороницкого козака, лубенской сотнѣ, отправилемъ зъ листомъ до сотника лубенского.

(Засимъ вырванъ листъ).

[1]) Гайдай—погонщикъ воловъ.

23. Василь Дяченко пріехалъ зъ денгами, на церковъ Печерскую определенними, якихъ коллекгія доправляетъ 1060 рублей. Привезлъ зъ собою книгъ латинскихъ, Калениченкомъ Петромъ купленнихъ. У лазнѣ п. суддѣной бувъ.

24. Неделя. Александръ Івановичъ Румянцовъ пріехалъ рано въ Глуховъ и зъ нимъ братъ его Никита и швакгеръ — графа Матвѣева синъ, Федоръ Андреевичъ. Бувъ молебенъ на Екатерину въ Николая св. Обѣдали у ясневел. и гуляли доволно.

25. Былемъ рано у Румянцова, а оттоль у ясневелможной. Никиту Плетюнку войтомъ учинилемъ. Зъ березовскими людми, о сѣножать упоминавшимися, розійшлись и карту они дали и я казалъ Останови дать имъ, уступуючи имъ сѣножати тоей, подъ кондиціею буде купчой нѣтъ.

26. У Румянцова на банкетѣ були, у вечеру, и въ карти іграли и програлъ 5 рублей, пополамъ зъ княземъ Волконскимъ. Гадяцкому полковникови рукавички, купивши, далемъ.

27. У Румянцова бувъ рано. Золотара вибили за плутовство. У ясневел. обѣдалъ. Господара бувшого раховали. Писма зъ Ромна о Шелеховской и яру великомъ (?) крѣпости, прислани.

28. Кокошкинъ пріехалъ зъ Москви. Гуляли у п. асаула енер.

29. Былемъ у коллекгіи; зборщицкіе доношенія зъ Лохвицѣ и Лубенъ видѣлъ, о мнѣ и протчіихъ поданніе. У ассессоровъ былемъ. У правителей бувши, промеморію читалемъ натермѣнованную о грошахъ взятихъ въ походъ п. родичомъ. Тамъ же бувши, Кочубей и Трощинскій читали указъ, зъ коллекгіи данній имъ. о ревизѣи футоровъ въ полку лубенскомъ.

30. У брегадира банкетъ бувъ, понеже брата его Андрея Лукича именини, где и я былъ. Прежде въ дому. потимъ, когда и Карпѣка прійшолъ, ездившій въ полкъ лубенскій—ревѣдовать невисланнихъ козаковъ въ походъ низовій и зъ оного утекшихъ, и указъ, себѣ данній зъ канцелляріи, отдалъ мнѣ. Отъ Василя Кочубея бувъ его человѣкъ Кованка и указъ, зъ коллекгіи данній ему, о ревизѣи футоровъ въ полку лубенскомъ показовалъ, по которомъ писалемъ во

всѣ сотнѣ, чтобъ реестровани були футерѣ и остановка бъ отъ старшини не была ни въ чемъ. Комаровскій довжицкій бувъ у мене.

1. (Декабрь). Недѣля. Писалемъ указы до сотниковъ глинского, лубенского, и чигир.-дубровского о присланню вѣденій о козакахъ, пошовшихъ въ низовій походъ. Обѣдалъ у ясневел. По обѣдѣ булъ у брегадира, где играли въ карти Румянцовъ и проч.

2. У прокурора рано былъ, когда принесено къ ему писмо отъ коменданта стародубовского Пашкова, о полковникахъ великороссійскихъ, будто пріехавшихъ до Стародуба, зъ прошеніемъ о извѣстіе о семъ. У правителей бувъ и о 100 рубляхъ зъ дому родителского на церковъ Кіевопечерскую говорилемъ, жеби онихъ не править. Горѣлки куховъ 3 еще взяли въ Сварковъ на шинкъ: Плетюнцѣ одна, а 2 Забарѣ, замѣнювать на жито. П. п. Скоропадскій и седневскій сотникъ обѣдали у мене и сами исти себѣ варили, за отлучкою въ Ясманъ кухара.

3. Дацѣй лукомскій явился. Румянцовъ, брегадиръ и протчіе були у ясневел. и чарокъ по 10 випивши водки, пойшли на обѣдъ до Кошелева, а ясневел. поехала въ Гамалѣевку. Железо зъ Ромна пріехалъ и привезлъ унѣверсали на села, данніе родителю моему, а отъ Билима писмо о магазенахъ, зъ прошеніемъ наставленія. Отвѣтъ учинивши на 3 чолобитніе Кодинченка, Петра Кривого, лукомского, и Надсуленка, козака горошинского, послалемъ до ассессоровъ суду енер., а тіе всѣ чолобитчики отехали въ доми своя.

4. Федоръ Івановичъ Протасіевъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ въ дворѣ сотника глух. Онъ же и Румянцовъ зъ брегадиромъ и протчіими, на вечеринцѣ, у мене долго просидѣли.

5. У Протасіева рано былемъ. Лезовскій пріехалъ зъ жидовкою обложковскою, которая за горѣлку отдала грошей 5 рублей Остапови, а болшъ 20 рублей на ней есть. Алексѣецъ за побитте его, Лезовского, наказанъ. У ключника взялемъ грошей рибнихъ 50 рублей.

6. Ключникъ рано наказанъ бувъ. Рано у брегадира былемъ и розговорувалемъ зъ нимъ о Свѣчцѣ Лукяну и картѣ отъ его теперъ данной, да зъ нимъ же пойшолъ до Румянцова, где чли указъ новій о коронацѣи государинѣ імператрици. Тамъ же брегадирови

говорилемъ о денгахъ печерскихъ 1000 рублей, которіе доправлялъ на дому родителскомъ, о 100 рубляхъ, которихъ старшина енералная доправляетъ. У п. Кондзеровского обѣдалемъ, а оттоль бувъ у брегадира. Комаровскій поехалъ.

7. Листъ зъ Ромна отъ Билима о заплатѣ годовой полковимъ и вѣденіе о числѣ онихъ принесенни. Отъ писара цедула о томъ же, отъ родителки о зборщикахъ лубенскихъ, обнеших въ коллекгіи насъ, будто имъ возбраняли зборовъ збырать; отъ Тарновского—о курѣнчикахъ козакахъ, чтобъ по унѣверсалу родителскомъ привернуть и о забраномъ на городъ полю отъ проступника его жъ курѣнчика. Въ Роменъ писалемъ до родителки, до Билима и Савѣцкого писара отвѣтъ о заплатѣ годовой, до самаго Билима о магазенахъ. Доношеній двое, одно о магазенахъ, другое о заплатѣ полковимъ служителямъ, послалемъ черезъ Комаровского въ вой. енер. канцеллярію, якіе онъ Валкевичу и отдалъ. Онъ же принюсъ листъ правителскій о перемѣнѣ всѣхъ зборщиковъ. Дацѣй зъ березняковскими людми помирился. Писаръ кампанѣйскій полку Тонконога бувъ у мене зъ унѣверсаломъ правителскимъ о видаванню провіянта и фуража товариству ихъ, въ полкахъ гадяцкомъ и лубенскомъ. Василь Дацѣй повинную намъ далъ, а я далъ листъ до сотника наказ. лукомского, о защищеніи его отъ безчестячихъ его.

8. Неделя. Послали укази во всѣ сотнѣ о перемѣнѣ всѣхъ зборщиковъ черезъ лукомского сторожа и Крутка. Шинкара жида въ Обложки приняли и меду мѣрницю дали. Зъ п. Федоромъ, писаревичомъ (Савичемъ), видѣлся и въ насъ обѣдъ кушалъ. Матяшу березняковскому писмо до сотника наказ. луком. далъ о раздѣленню 10 копъ и на другихъ, до отплаченя Дацѣеви.

9. Рано бувъ я у Румянцова, а оттоль у церкви Анастасіевской; послѣ оттоль зъ п. Скоропадскимъ прійшли до дому обѣдать, когда п. судѣная и Кондзеровская у насъ обѣдали. Рано задатку садовничому далемъ рубля нѣмцеви. По обѣдѣ пойшлисмо вкупѣ до сотника глуховского, пріймовавшого всѣхъ, где у карти игравши зъ Румянцовимъ, на мѣстцу Протасіева, програлемся.

10. Юдка Якубовичъ, жидъ, бувши у мене зъ своимъ швакгромъ, жидомъ Иллею обложковскимъ, моимъ шинкаремъ, поручился и карту поручную далъ.

11. Караулъ поставленъ у дворахъ чернѣговского [1]), судѣ и писара енер. Валкевичъ за караулъ посаженъ. Сенецкій сотникъ зисканъ и Галецкій въ Глуховъ, и послани въ С. П. Бурхъ.

12. Молодикамъ далемъ вмѣсто футра 100 зол. и щось (?). Подѣ за давнее вино заплатилемъ 16 зол. Ясневелможная зъ Гамалѣевки пріехала въ Глуховъ.

13. Александеръ Івановичъ Румянцовъ зъ Протасіевимъ поехали зъ Глухова въ Стародубъ. П. Яснополскій, господаръ ясневел., пріехалъ зъ С. П. Бурху въ Глуховъ.

14, Полковникъ нѣжинскій у себе бувъ и ми у его, где сотникъ глуховскій и отаманъ були. Пива полвару зварили. Листи родителскіе зъ крѣпости св. Креста принесенни въ Глуховъ.

15. Неделя. Брегадиръ зъ коллекгіи бувъ у ясневел., оттуду въ свою квартиру пошолъ, за которимъ и я ходилъ и просилъ его о уволненне себе отъ правленія сего полкового. Кушалъ у ясневелможной. Въ дому засталемъ п. Добронизкого.

16. Остапу на росходи далемъ зол. 100. Должнихъ казалемъ ему жъ отнесть до сотника глухов. зол. 75, якіе для того и отдалемъ ему. Рублей 10 Степану Солодовнику далемъ же до прежнихъ 9 зол. даръ (?) его Комаровскому 10 зол. за контерфектъ [2]). Взялемъ рибнихъ грошей у Василя ключника зол. 100. Поехалемъ, не обѣдавши, въ Роменъ и пріехалемъ на ночъ въ Камень, куда и Романъ молодикъ зъ будками пріехалъ.

17. Черезъ Романа, молодика, писалемъ до паней о господареви бывшомъ и о Антону кухареви. Поехавши рано, обѣдалемъ на степу, а на ночъ пріехалемъ въ Роменъ позно уже, куда и родителка зъ Луки позно жъ пріехала.

18. Воску 2 кружки отобралемъ тутъ. Писалемъ въ сотню лубенскую о лѣсѣ на магазеинъ, и въ лукомскую—о безчинникахъ све-

---

[1]) Т. е. у черниговскаго полковника Полуботка.

[2]) Т. е. за написаніе портрета.

верних (?) проявившихся. До того воску еще круговъ 2 болшихъ и 2 малихъ осмотрувалемъ своего, и когда весь зважили воскъ, показалось всего 71 фунтъ, у 6 кружкахъ малихъ и великихъ.

19. Видѣлемся на Засуллю зъ Кочубеемъ. Отписалемъ до капитана о магазенахъ, у Веремѣевку, и того жъ дня опредѣлилемъ коммиссара къ тому жъ строенію Івана Остапенка. Писалемъ до лубенского сотника о лѣсѣ. Тако жъ до сотниковъ писалемъ о моемъ скоромъ въ Глуховъ отездѣ, и щобъ посѣтили мене по обикновенію по святахъ заразъ, для отезду моего скорого объявлялемъ.

20. П. Михаило Скоропадскій проехалъ рано через Роменъ, зъ Глухова, до Сорочинецъ. Івана Остапенка вислалемъ зъ Ромна комисаромъ до магазеновъ, въ Веремѣевку. Въ канцеллярію енералную послалемъ вѣденіе о маетностяхъ змѣнничихъ. Въ коллекгію малороссійскую послалемъ доношеніе о магазенѣ—отколь брать дрань и дерево и работникамъ чимъ платить. А послали через мѣского козака. Ісаия Сухаревъ, подполковникъ, проехалъ через Роменъ до Бурокъ [1]) для арешту. Гаврила послалемъ за ланцужкомъ золотимъ у 40 червонихъ, которій взялъ жидъ робити; на заплату далемъ ему грошей рублей 5.

21. Зъ коллекгіи принесенъ указъ о присланню щетчика. Коммунѣковалемся ст. таинамъ. Родителка до Бубнувъ поехала.

22. Неделя. Писалемъ до Орановского, въ отвѣтъ объ інтерессѣ горошинскомъ. Отецъ Захарія, кіевскій ст. Михайловскій, бувъ у мене и кушалъ. Родителка зъ Бубновъ пріехала.

23. Родителка даровала хребтовое лисее футро. Пару юхтъ купилемъ. Михайло Перехристенко бувъ и листъ отъ отца Гавріила зъ П. бурху далъ и книгу системму махометанской вѣри принеслъ отъ его и прошку ревелского.

24. Зборщиковъ новихъ лубенскихъ и щетчика, давши ему доношеніе, объ немъ же до коллекгіи писанное, отправилемъ въ Глуховъ. Павелъ кгрекъ роменскій за матеріи, данніи ему на продажъ, принеслъ грошей зол. 77, а еще якоби, по словахъ его, остался виноватъ зол. 100.

---

[1]) Разумѣется мѣстечко Борки, принадлежавшее генер. судьѣ Чарныщу.

25. Писма отъ зборщиковъ лохвицкихъ 1, а другое отъ Михайла ревѣзора о заплатѣ за кола etc., а третее отъ атамана чигиринъ-дубровского принесении. Оберъ комисаръ Бакіевъ у вечеру бувъ и просидѣлъ долго.

26. Принесенъ указъ зъ войсковой канцел. зъ печатнимъ указомъ о коронацѣи імператрици и тогда жъ оній прочитанъ зосталъ въ церквѣ. Тако жъ другій получилемъ указъ о присилкѣ въ зборщики посполитихъ, а не козаковъ. И отвѣтній листъ зъ канцелляр. получилемъ о принесенномъ туда вѣденіи маетностей измѣнничихъ. Обѣдали у насъ Полянскій, Бакѣевъ и пр. Зъ Кіева Маленикъ пріехалъ.

27. *(Оторвана часть листа).*

28. Родителка рано отехала въ Глуховъ. Тако жъ рано и п. Скоропадскій отехалъ. Сотники чорнускій, пѣратинскій и лукомскій попріезди. Отецъ Пясецкій, красногорскій намѣстникъ, пріехалъ.

29. Неделя. Далемъ рано осподареви Андрееви зол. 40 на купленне солоду, а еще 40 послать въ Харковъ, Хведчуну, а 10 зол. на справленне барилъ 20. Укази два, 1) о публѣкованню печатного о коронацѣи гсд. імператрици, а другій, о присланню въ зборщики посполитихъ, подписалемъ и послалемъ. П. писареви отдалемъ вѣденіе о селахъ ратушнихъ. Пріехалемъ зъ Ромна на обѣдъ въ Смѣлое, а на ночъ въ Камень.

30. Зъ Каменя поехавши, пріехалемъ на обѣдъ въ Тулиголови, где усмотрѣлемъ въ імбарѣ куховъ 2 повнихъ, а въ третой 2 носатки, а въ росходной—зъ двѣ. Жита около 30 четвериковъ привезено зъ Сваркова зсипного. Въ бутурлимовскимъ млинѣ розмѣру два полубочка повнихъ жита. Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ.

31. Взялемъ у Василя ключника рибнихъ грошей рублей 15, а шинковихъ за 2 кухви горѣлки, которіе носатками Забара роздавалъ, 36 рублей. Тіе жъ всѣ денги Остапови на расходи отдалемъ.

Протоколъ домашній, на рокъ 1724 заведенный.

Януар. 1. Купилемъ на мѣстѣ рукавички, за копу, сѣбирками подшитіе. Извѣстилемся, что Лукянъ Свѣчка вчорайшого дня по-

халѣ до Семена Лизогуба, въ Андрѣевку, и зъ нимъ въ одной былѣ тутъ, у Глуховѣ, господѣ.

2. Въ коллекгіи былемъ, где брегадиръ взглядомъ магазеиновъ предлагалъ мнѣ, что остановка отъ полку лубенского учинилась. Опредѣлилемъ п. Зарудного въ всѣ сотнѣ о магазейнахъ ехать и спросить объ остановцѣ въ оних старшину, которому інструкцѣя дана.

3. Бувъ у коллекгіи. Обѣдали у насъ п. п. суддѣная и асаулиная енералніе, зъ родителкою, когда приходила Ткачиха нѣякаясь, упоминаючись о дерево, взятое во время погорѣлого будинку. У Кошелева зъ п. Миклашевскимъ бувъ и торгъ учинилъ ведлугъ крестянина его, за 50 рублей. Полковникъ нѣжинскій пріехалъ въ Глуховъ.

Родителка зъ Глухова отехала рано. Сухаревъ повернулся. У брегадира рано былемъ и тогда жъ его пожекгналемъ. Грошей рублей 40 у ключника было въ тотъ часъ. Поехалемъ зъ Глухова въ Камень, на ночъ; ехалемъ часовъ полъ 5.

5. Неделя. Поехавши оттуду, пріехалемъ на ночъ въ Роменъ.

6. Пріехала родителка, зъ Глухова, рано. Провіантъ-мейстеръ Голенищевъ привезлъ зъ собою писмо отъ Полянского ко мнѣ, зъ Ахтирки отпущенное, о томъ, чтобъ провіантъ и фуражъ посилать зъ сеей сотнѣ въ Ахтирку, на коммиссаріатъ.

7. Черезъ сторожа лубенского послалемъ доношеній 2 въ канцеллярію, одно—о безчинникахъ и о вѣденіи сѣлъ ратушнихъ посилаючомся, а другое о требованіи Полянского, оберъ-криксъ комисара, вчорайшого дня принесенномъ въ писмѣ; черезъ его жъ писалемъ до Кошелева, полковника, о крестянину, сторгованномъ за 50 рублей, и до жени моей, о многихъ домашнихъ інтерессахъ. До капитана чорторизского и до Остапенка въ Веремѣевку писалемъ о магазенахъ, отвѣтуючи и Остапенка наказуючи. О присилцѣ туда тертичниковъ писалемъ въ сотнѣ лубенскую и чорнускую. О виданню для посилокъ Остапенку козаковъ, писалемъ въ Чигиринъ-Дуброву. О присланню сюда сторожовъ поліовихъ писалъ въ сотнѣ лукомскую, лубенскую, лохвицкую и пѣратинскую. До городничого смѣлянского

писалемъ, жебы онъ посылалъ зборщиковъ въ Глуховъ, о томъ же и до атамана писалемъ. Отписалемъ до Полянского, въ Ахтирку. на листъ его зъ прошеніемъ объ отставцѣ. Тожъ, чтобъ въ Ахтирку отсоль не везти провіянту, але близше бы определено было для того якое село или место. Сотника Данила виправилемъ на встрѣчъ противъ Румянцова.

8. Купилемъ меду вѣдерокъ 10 и полвѣдерка ценою по 8 зол., у людей санджаровскихъ. Выехалемъ зъ Ромна зъ полночи 1 години, въ Лохвицю, стрѣтить Румянцова.

9. Пріехалемъ свѣтомъ у Лохвицю, где у полковника Шереметева былемъ и у п. Павловой, а оттоль заразъ поехалемъ у Івахники; на дорозѣ стрѣлемся зъ п. Стефаномъ Гамалѣею, ехавшимъ въ полкъ гадяцкій для ревизѣи. Пріехалемъ у Івахники, у обѣднюю годину, отколь у вечеру виехавши къ Жабкамъ, якби у версту, ночною добою, стрѣтилемъ господина Румянцова, и вечѐру кушали, уготованную мною, тамъ же, когда и Протасіевъ пріехалъ. У Лохвицю Зарудного отправилемъ повторе.

10. Рано зъ Івахниковъ поехали, пріехали въ Лохвицю рано жъ, и заехали въ квартеру полковника Шереметева и, тамъ по чарцѣ водки випивши, отехалъ Румянцовъ въ Сенчу, на обѣдъ, а я, отпровадивши его за 3 версти, вернулся назадъ, до п. Павловой, а оттоль поехалемъ въ Луку, а оттуду на ночъ въ Токарѣ.

11. Зъ Токаровъ поехалемъ рано и пріехалемъ на обѣдъ въ Андрѣевку; тамъ получилемъ писмо отъ чорнуской старшини о зборщикахъ и тертичникахъ и отписалемъ къ ней, жебы такъ тертичниковъ 4 у Веремѣевку, яко и зборщиковъ 2 въ Глуховъ, посилани были немедленно. Писалемъ и до Михайла ревизора о податѣ зборщикамъ лохвицкимъ, писавшимъ объ оной до родителки, жебы заплатилъ. Глинскій Василь видѣлъся зо мною тамъ же. Поехалемъ оттуду въ Куцупѣевщину и оглядалемъ своихъ воловъ, которихъ, сказалъ овчаръ тамошній, числомъ 29. На ночъ пизно пріехалемъ въ Роменъ.

12. Неделя. Получилемъ писмо зъ канцелляріи о зборщикахъ, за подписомъ колежскимъ. Зъ Пѣратина писано о зборщикахъ зъ

посполитихъ невинаходячихся. Зъ Веремѣевки отъ капитана писано, что дерева и работниковъ нѣтъ, тако жъ и отъ комисара Остапенка о томъ же и о протчемъ.

13. Черезъ Григорія Манджоса указъ посланъ во всѣ сотнѣ о висилцѣ зборщиковъ зъ посполитихъ въ Глуховъ, и ему жъ дана інструкцѣя и нормъ (?) двухъ доношеній. Черезъ чигиринъ-дубровского сторожа посланъ указъ во всѣ сотнѣ о висилцѣ дерева и тертичниковъ у Веремѣевку. Черезъ его жъ писано до капитана о томъ же и до комисара Остапенка. А объ обсилцѣ до буромского старости капитанови. Черезъ сторожа пѣратинского Божка послано доношеніе въ канцеллярію и вѣденія о маетностяхъ ратушнихъ, а въ доношеніи — и о требованіи писменномъ Полянского взглядомъ привозу провіянта и фуража въ Ахтирку, на коммисаріатъ, зъ сотнѣ роменской, предложено. У шинкара тутейшого роменского Дениса грошей взялемъ рублей 10. Козлинъ краснихъ до шоръ пару купилемъ. Михайло, ревизоръ бывшій, прислалъ ко мнѣ вѣденіе взятихъ зборщиками лохвицкими за прошлій 1722 годъ грошей 261 зол., а другое вѣденіе за 1723 годъ, требуемихъ еще ими жъ зборщиками грошей 189 зол. за добра родителскіе, въ лохвицкой сотнѣ обрѣтаючіеся.

14. Черезъ Петра Чернецкого послалемъ въ Глуховъ доношеніе въ коллегію и грамоту, тако жъ и унѣверсали для обявленія, на села мнѣ данніе, о чемъ до паней, тако жъ до Кошелева, прокурора и Заплатина писалемъ.

15. Черезъ лубенского сторожа послалъ 3 рубля грошей и рецептъ на декоктъ въ аптеку, о чомъ до лубенского атамана писалемъ; до его жъ и о присилцѣ зборщика, вмѣсто Степана, писалемъ. Въ сотнѣ лубен., луком. и чигир.-дубр. писалемъ о компанѣйцяхъ, жебы зъ вибором нового окладу, по копѣ за фуражъ, удержатись до указу, поколь зъ Глухова оній получу. До сотниковъ о ихъ прибуттю сюда для пріезду господина Румянцова, писалемъ, совершенних [1]). Ковалямъ роменскимъ грошей рубля далемъ за роботу и на уголле.

[1]) Т. е. до сотниковъ совершенних (дѣйствительныхъ, а не наказныхъ).

16. П. Федоръ Зарудній повернулся зъ полку въ Роменъ и привезлъ отъ жадной старшини ассекураціи о висилцѣ дерева и протчего въ Веремѣевку, до магазеновъ строячихся. Писмо отъ правителей о присилцѣ зборщиковъ прислано.

17. Писалемъ до прикажчика константиновского, жебы онъ посилалъ зборщиковъ въ коллекгію, въ Глуховъ. О томъ же и до городиского сотника писалемъ. Черезъ Микиту судейского получилемъ письмо правителское о Василю Евраху, лубенскомъ жителеви. Черезъ его жъ получилемъ указъ за подписомъ коллежскимъ и правителскимъ, о иноку Рѣшилову, которій посланъ за капитанами чили расколщиками, жебы ему помоществоване чинить. Василь Дяченко повернулся зъ Кіева и привезлъ зъ собою листъ отъ войта кіевского до правителей, и роспиcку зъ майстрату тамошнего о принятихъ денгахъ тамъ въ Кіевѣ отъ него 5000 зол., на церковъ печерскую. Федоръ Іванов. Ушаковъ, отъ гвардіи капралъ, зъ С.П.Бурху едучи до господина Румянцова, заехалъ ко мнѣ и, посидѣвъ мало, поехалъ въ Гадячъ. Іоска Шимка коммиссаромъ въ Веремѣевку до магазеновъ послалемъ.

18. Зборщикъ роменскій повернулся зъ Глухова и привезлъ грошей отъ паней моей 150 зол. Черезъ сторожа лохвицкого писалемъ доношеній двѣ въ вой. енер. канцеллярію, одно — о новомъ требованіи компанѣйцевъ по копѣ за фуражъ, а другое—о посланномъ вкупѣ поручномъ доношеніи лубенской сотнѣ о щетчику. Послалемъ въ сотнѣ указъ о вистатченню деревъ еще такого числа, якъ прежде, у Веремѣевку до магазеину. Слюзиха явилась о денги упоминаючись. Подводи зъ Сухоносовки прійшли въ Роменъ 4, на которихъ привезено бочку орѣховъ, да яблукъ возъ, да мяса свинного. Они жъ принесли два глеки мидянихъ. Климъ молодикъ зъ Глухова пріехалъ.

19. Неделя. Панове сотники лохвицкій и городискій цѣліе и наказній пѣратинскій пріехали въ Роменъ. Господинъ подполковникъ Андрей Семен. Кропотовъ до господина Румянцова зъ Борзни поехалъ и, въ Ромнѣ бувши, зайшолъ къ намъ и посидѣлъ. Отъ писара хоружовского получилемъ отвѣтное писмо на листъ мой до

прикажчика о зборщикахъ писанній, же прикажчикъ зъ старими зборщиками самъ поехалъ въ Глуховъ. Отъ Григор. Манджоса получилемъ писмо о зборщикахъ. Поехалъ Ющенко въ Гадячъ.

20. Зборщики городскіе, явившись у мене зъ доношеніемъ о себѣ тамошней старшини, поехали въ Глуховъ. Зъ крѣпости отъ род(ителя) писма принесенни зъ Будокъ тамошнимъ человѣкомъ. Отъ капитана Чарторизкого зъ Веремѣевки и отъ нашого комисара писма принесени о непривозѣ зъ жадной сотнѣ деревъ туда по 14 число генваря.

21. Въ Глуховъ послалемъ писма до правителей о константиновскихъ зборщикахъ и о городискихъ посланнихъ. До прокурора зъ поздравленіемъ въ капитанахъ и до паней. Григор. Манджожъ повернулся и отвѣтъ старшинъ о зборщикахъ привезлъ.

22. Писалемъ до коммисара Шимка въ Веремѣевку и послалемъ къ нему вѣденіе опредѣленного дерева и работниковъ зо всѣхъ сотень до ма(га)зеину. Человѣкъ процювскій, посиланній до Федчуна зъ грошми 40 зол., повернулся назадъ и гроши привезлъ зъ собою, не винайшовши его. До сотниковъ наказ. лукомского, чигир., глинского и смѣловского о прибитіи ихъ сюда, писалемъ, тако жъ и до чорнуского о зборщикахъ чорнускихъ. Черезъ презенти послалемъ зъ листомъ п. писара до юсковского отца Савѣцкого 300 зол. Слюзисѣ.

23. Зъ Веремѣевки пріехалъ козакъ зъ писмами капитанскимъ и комисарскимъ, зъ которихъ въ послѣднемъ пишетъ, что дерево привозить треба туда тросаженное. Отъ господина брегадира Румянцова принесено писмо, чтобъ старшина вся была въ Роменъ собранна, тако жъ и козаковъ, со всякой сотнѣ по 50 человѣкъ, и дожидались его въ Ромнѣ, а листъ его отправленъ зъ Полтави 19 д. генваря. Того жъ дня и отправили укази во всѣ сотнѣ, черезъ сторожа пѣратинского, о прибуттю сюда старшинъ и козаковъ. Черезъ его жъ послани укази и о присилцѣ дерева, якъ и прежде писано, до Веремѣевки, на магазеинъ. Особливо работниковъ, жеби, кромѣ тертичниковъ, было числомъ 10. Особливо кроковъ и латъ, а именно: зъ смѣловской сотнѣ работниковъ 3, зъ ромен. 8, а зъ глинской 4.

Зъ лохвицкой роботи.	. 7	тертичи.	пар. .	3	кроковъ	пар. .	7	латинъ	20
Зъ сѣнчан.	„	5	„	„	2	„	„	5	„	10
Зъ лубенской	„	8	„	„	4	„	„	15	„	30
Зъ лукомской	„	6	„	„	3	„	„	5	„	20
Зъ чигир.	„	4	„	„	2	„	„	4	„	15
Зъ город.	„	2	„	„	—	„	„	2	„	10
Зъ чорнуской	„	5	„	„	2	„	„	6	„	—
Зъ пѣрат.	„	8	„	„	6	„	„	6	„	20

Швакгеръ п. Михайла проехалъ черезъ Роменъ. Климъ молодикъ отпущенъ въ Глуховъ до панеи зъ конми 10.

24. Важничого синъ поехалъ въ Гадячъ. Зъ Глухова принесенъ указъ и зъ нимъ сенатскій указъ зъ формуляромъ, якъ судить и якъ чолобитніе принимать.

25. Полковникъ Манштейнъ, зъ Полтави едучи, нарочно заехалъ въ Роменъ и тутъ ночовалъ. Человѣкъ, козакъ хоролскій, отъ сотника тамошнего пріехалъ зъ листомъ о злочинцахъ, проявившихся у футорѣ моемъ. Чернѣцкій Петро, посиланный въ Глуховъ, зъ грамотою и унѣверсалами, въ коллегію, повернулся назадъ зъ тимъ, будто оніе и показовани и скопіовани въ коллегіи.

26. Неделя. Полковникъ Манштейнъ обѣдалъ у насъ и долго гулялъ, а потимъ и ночовалъ и всѣ подпіяхомъ. Отдавалъ дочь свою Яковъ, дозорца, за Уманца молодого, въ Глуховъ.

27. Пріехалъ салдатъ зъ Глухова отъ коллегіи зъ указомъ, чтобъ дать вѣдомость въ коллегію почему продается водка простая кухва, и сколко въ оной вѣдеръ московскихъ etc. Козакъ хоролскій отправленъ зъ отвѣтомъ до сотника тамошнего, о злочинцахъ. Полученъ листъ зъ Веремѣевки, отъ комисара Шимка Іосифа, о работникахъ, дранѣ и протчемъ увѣдомляючій.

28. Зъ писмами отъ Манштейна пріехалъ дракгунъ. Отправилемъ отвѣти до капитана и Шимка, у Веремѣевку. Послалемъ Алексѣйця, конюшого, въ Токарѣ, чтобъ онъ зъ конми 4, воронострокатими, ехалъ въ Ахтирку, до князя Голицина. Повернулся назадъ зъ Гадяча Ющенко.

29. Отправилемъ дракгуна отъ Манштейна присланного, зъ конми гнѣдими, въ даръ ему посланними, и зъ писмомъ къ нему писаннимъ. П. п. Федоръ и Демянъ, дядки, пріехали въ Роменъ.

30. Виехалемъ зъ Ромна на ночъ въ Засулле, а потомъ вернулемся назадъ. Братъ п. Андрѣй пріехалъ.

31. Прапорщикъ, квартермистръ, зъ Гадяча пріехалъ отъ Румянцова, а самъ господинъ Румянцовъ зъ Гадяча поехалъ въ Лютенку для сватби, п. Бороховичевой, Юрю Еропкину приговореной. Куріеръ зъ С. П. Бурху до господина Румянцова пріехалъ. Повернулся зъ Глухова Степанъ лубенскій и привезлъ отъ домашнихъ моихъ писма ко мнѣ: отъ господара и панеи о поведенияхъ господарскихъ.

1. Февраль. Виехали на встрѣчъ къ Липовому, противъ брегадира господина Румянцова, и стрѣтили его на границѣ полку гадяцкого, которій въ нашей каретѣ въехалъ въ Роменъ и поздравили его 7 штуками пушокъ. Того жъ вечора просто въехалъ въ домъ нашъ и вечералъ у насъ.

2. Неделя. Рано бувъ я у Протасіева, которій, же его не поткано, много зъ гнѣвомъ виговорувалъ. По службѣ божой брегадиръ велѣлъ всѣмъ намъ къ нему на квартеру его бить, где питался о чолобитной, поданной въ С. П. Бурху імпер. величеству, хто извѣстенъ. Потимъ обѣдалъ у насъ и бувъ до ночи, а после опроважали его до квартери и тамъ играли въ карти, и я програлся.

3. Молебенъ бувъ соборній и стрѣляли зъ 9 пушокъ на день Анни, тезоименитой государини цесаревни, а по молебнѣ въ брегадира обѣдъ кушали и въ карти играли. У вечеру у насъ вечерали и долго просидѣли.

4. Брегадиръ самъ на своей обѣдалъ квартерѣ. Отъ Шимка, комисара, зъ Веремѣевки, получилъ писмо о магазену здѣланномъ. Романъ молодикъ зъ Глухова пріехалъ.

5. Брегадиръ рано далъ указъ и чолобитніе для изслѣдованія. Другій указъ собственно къ мнѣ прислалъ о козакахъ, въ Наружжю будто отъ нѣкоторого старости за караулъ бранихъ и битихъ, на что я отвѣтъ учинилъ, что того не свѣдомъ. Знову повторително указъ далъ мнѣ увѣдомитись самому и потомъ о томъ—было ли или нѣтъ, его репортовать. Обѣдалъ у насъ и виехалъ у вечеру, которого опроважали за Процювку, и тамъ долго пивши, розлучились;

онъ поехалъ въ Глуховъ, а я вернулся и долго блудилъ по дорозѣ, поколь налучилъ въ Роменъ.

6. Сотники дали вотумъ быть Приймѣ Семену атаманомъ въ Лубняхъ. Прийму за зборщиками послалемъ зъ чорнуской одного, а зъ городиской двохъ вибрать. Потимъ порозездились старшина.

7. Були первій разъ у судовнѣ и супплѣки многихъ изслѣдовали. Алексѣецъ слуга повернулся зъ листомъ отъ князя Голѣцина, зъ Ахтирки. Адамъ отъ родителя повернулся и подпіяхомъ. Отправили Верещаку въ Медвежое, чтобъ онъ виправилъ козаковъ нововписнихъ и старосту Захарія въ Глуховъ.

8. Были такожъ у судовнѣ и вершили нѣсколко чолобытень. Получилемъ знову писмо отъ Шимка, о здѣланномъ магазейну. Указъ отъ брегадира получили о козаку волошиновскомъ Пилипенку, чтобъ ему попадя тамошная кгрунта привернула, а сама за оніи взяла грошей зол. 60, о чомъ ми такъ и указъ дали. П. Федоръ, дядко, отехалъ въ Прилуку. Василь Бажановичъ (?) пріехалъ зъ виномъ, зъ Кіева. Получилъ я писмо отъ правителей о вистатченню 100 подводъ въ Гадячъ, подъ провіянтъ, для запроваження оного въ Ахтирку, о чомъ симъ сотнямъ, смѣловской, роменской и глинской, указами и предложилемъ. Отписалемъ до Шимка, жебы деревню, якая отъ магазену останется, здалъ атаману веремѣевскому зъ роспискою.

9. Неделя. Принесенъ ко мнѣ отъ правителей листъ о зборщикахъ въ глинскую сотню, зъ Ромна вибраннихъ, что будто они не писменніе. П. Кочубей зъ Засулля поехалъ въ Глуховъ. Обозній и писаръ писали ко мнѣ о челобитчикахъ зъ доткливостю.

10. Атаманъ хоролскій пріехалъ ко мнѣ зъ листомъ обозного миргородского о злочинцяхъ, у хуторѣ моемъ проявившихся. Неспалемъ ночь для алтераціи сонной.

11. Капитанъ Юрій Федор. Яропкинъ пріехалъ въ Роменъ зъ Гадячого. Атамана хоролского отправилемъ зъ отвѣтнимъ до обозного писмомъ. Староста сухоносовскій пріехалъ и явился мнѣ. Знову отъ Шимка получилемъ писмо о магазену додѣланомъ.

12. Рано зъ Яропкинымъ видѣлъся. Писалемъ до Занковского, чтобъ онъ зъ атаманомъ горошинскимъ розискалъ о козакахъ наруж-

скихъ, о которихъ господинъ брегадиръ писалъ ко мнѣ. Тако жъ, чтобъ после о злочинцяхъ тихъ розискалъ, о чомъ и до Орановского писалемъ. Юска, конюшого, зъ конми и зъ писмами отправилемъ въ Глуховъ. Соколничій зъ Глухова зъ каретою, якою туда пріехалъ брегадиръ, повернулся.

13. Куляничъ бувъ зъ атаманомъ роменскимъ, зъ которимъ розговорували.

14. Попадю миколаевскую мѣрковали, на килко сотъ зол. ей давано и жита. У судовнѣ о Жванченку мнѣнія говорили. Писмо отъ Протасіева о чинахъ получилъ. До смѣловского городничого о зборщикахъ писалемъ. Гаврило зъ Глухова пріехалъ.

16. Недѣля. Обозній обѣдалъ. У вечеру канонъ воскресенскій пѣли.

17. Послали въ Глуховъ доношеніе къ брегадиру Румянцову, въ коллекгію и канцеллярію, о медвежовскихъ. Особливое доношеніе послалемъ о требованіи новомъ компанѣйцовъ.

18. Господаръ зъ Ігнатомъ и Каневскимъ отправленъ въ Токарѣ. Шимко зъ Веремѣевки пріехалъ и донеслъ о магазейну зробленномъ.

19. Старшина здѣшная роменская за арештъ на арматѣ осажена была, за нескорую виправу зборщиковъ въ Глуховъ зъ сотнѣ глинской. Князя Александра Лукича, полковника тверского полку, поворочоючогося отъ князя Голѣцина, зъ Ахтирки, отютантъ билъ у мене. Отъ Манштейна вахмистръ приехалъ зъ писмомъ и зъ денгами 20 рублями въ доплатку за лошадѣ 4, до князя Голѣцина отпроваженніе. Зборщиковъ въ Глуховъ отправили глинскихъ. Полъ 4 кухви меду розсичени въ шинкъ мой.

20. Вахмистръ отправленъ назадъ зъ отвѣтомъ до Манштейна. Отписалъ смѣловскій городничій, же не винаходится единъ зборщикъ. Шишка, атаманъ караулній, вибитъ зоставъ за отпускъ зъ за друка (?) войта. Старшина прощени зостали. Писмо отъ надзирателя противъ донесення зборщиковъ. Романъ въ Лохвицю посланъ. Воску, зъ меду оставшогося, забито камень и 4 фунти, отъ 10 вѣдерокъ. До суддѣ гадяцкого послалемъ о подводахъ, если оніе потребни для отпроваження оттоль провіянту въ Ахтирку.... (?).

21. Отъ брегадира Румянцова и зъ канцелляріи войс. писма медвежовскій козакъ попривозилъ. Въ Городище, до сотника тамошнего, писалемъ по жалобѣ козаковъ городискихъ.

22. Причащался. Юско, повернувшись съ Глухова, привезлъ отвѣтніе писма отъ брегадира, Веляминова и отъ графа Матвѣева, отъ панеи 30 рублей. Отъ Манштейна повторне пріехалъ зъ денгами и трубкою. Отъ отца Ѳоми збриского получилемъ писмо. Отъ суддѣ Штишевского отвѣтъ о подводахъ получилемъ, же потреба оніе висилать.

23. Неделя. Укази повторніе о висилцѣ подводъ въ Гадячъ писалемъ. До Манштейна дракгуна отправилемъ, взявши 10 рублей, писалемъ и до капитана Филозофова. Алексѣй, конюшій, отправленъ въ Кривую Руду. Въ Бубни рано зъ п. Демяномъ поехавши, наспѣлисмо на службу и на крестини дочери отца Свѣта.

24. Зъ Глухова повернулся лубенскій сторожъ Михайло зъ отвѣтнимъ писмомъ брегадира господина Румянцова о принятихъ рѣшеніяхъ нѣкоторимъ чолобитнимъ и о мнѣнію на чолобитте Жванченка. Ячменю послалемъ въ Глуховъ 24 четверика сеей роменской мѣри. Прійму Семена атаманомъ въ Лубняхъ городовимъ устроилъ.

25. П. Демянова пріехала. О Рубашного справѣ переговорували. Прійма атаманомъ лубенскимъ отправленъ, которому и чолобитная горошинцювъ дана.

26. Заболѣлемъ на жолудокъ. Проносне лѣкарство принималъ. До полковника Шереметева писалемъ о занятомъ дракгунами въ Лохвицѣ шинку родителскомъ, чтобъ былъ ослобоженъ.

27. У шинкара тутейшого взято грошей 60 зол. Каптенармусъ зъ Глухова въ Сорочинцѣ до Жукова, полковника, поехалъ и визичилъ у мене кулбаку. Писалемъ до суддѣ гадяцкого о подводахъ, посилаючихся для провіянта въ Гадячъ, чтобъ, если возможно, отпущени были назадъ. До надзирателя Нелидова писалемъ противъ доношенія зборщиковъ. Въ Смѣлое до атамана писалемъ, требуючи извѣстія, если подводъ 25 виправлено въ Гадячъ. До Якова писалемъ, жебы онъ ехалъ въ Горошинъ для присутствія розискови, мѣючому по чолобиттю горошинцювъ о шкодахъ ихъ, чинитись.

28. Прапорщикъ гварнизону глуховского Тихонъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ и подалъ мнѣ указъ зъ коллекгіи о себѣ, что онъ и бунчуковій товаришъ Іванъ Ломиковскій послани сюда, въ Роменъ, для розиску новописнихъ медвежовскихъ козаковъ. Отъ Занковского получилемъ писмо зъ розискомъ въ Наружжю оправленнимъ. Писалемъ до Григораша и протчіихъ, чтобъ въ Горошинъ для розиску з'ехали, о чомъ обявляючи и до Орановского писалемъ, а писма послани Михайломъ сторожемъ. Василь Дацѣй пріехалъ зъ писмомъ громаднимъ на атаманство лукомское. Обозную зъ вувковцями роспоравили. Черезъ козака хмѣловского принесенъ указъ зъ коллекгіи о томъ, чтобъ виборъ за щетчикомъ Яковомъ Алифѣровимъ прислать за руками старшини лубенской, о чомъ того жъ часу и писалемъ въ Лубнѣ и листъ отправить Яновскому далемъ.

29. Указъ зъ коллекгіи малор. принесенъ о показаніи зборщикамъ імбаровъ на збори.

1. Мартъ. Стесліовскій пріехалъ зъ указомъ монаршимъ зъ вой. енер. канцелляріи, за подписомъ коллежскимъ, чтобъ висилать 350 козаковъ до крѣпости и до Дербенѣ, для строенія, на перемѣну прежнимъ. Волжинъ, прапорщикъ, обѣдалъ у насъ.

2. Указъ отъ правителей листовне о судѣ, чтобъ оній по давнему обикновенію и порадкамъ отправлять. П. Демянова отехала въ Журавку. Перейшолъ въ хату просторную (?).

3. Обозній пол. луб. отехалъ въ домъ, для жени своей болѣзнуючой. Гаврило зъ конми по панюю посланъ. Матвѣецъ, писарчикъ, пріехалъ зъ Глухова, ездившій за п. Кочубеемъ. Компанѣйцѣ, пріехавши, були у судовнѣ и упоминались, особливо асаулъ, зъ доткливою рѣччю о фуражніе денги. Книги, привезенніе Матвѣйцемъ, компута полковіе за Зеленского бившого и настоящого полковниковъ, отослалемъ къ Волжину.

4. Каптенармусъ, ездившій въ Сорочинцѣ, повернулся и у мене кушалъ, черезъ которого папѣръ табаку къртузного графу Матвѣеву послалемъ въ Глуховъ. Литвишко пріехалъ зъ Глухова зъ указомъ господина Румянцова, жебы по челобитной его, занесенной на родителя, дѣло его было изслѣдовано.

5. Указъ получилемъ зъ коллекгіи о подрадѣ вина. Несторъ зъ Глухова повернулся. Отецъ Кирилъ, іерусалимита, пріехалъ.

6. Черезъ лохвицкого сторожа писалемъ до Румянцова Александра Івановича, доносячи о наружскихъ козакахъ. До коллекгіи послалемъ поручне писмо о щетчику Олихвѣрову, до енер. канцелляр. о заплатѣ полковимъ служителемъ и о нововписнихъ козакахъ до походу.

7. Черезъ сторожа чорнуского до господина Румянцова писмо отъ родителки послано, объ отставцѣ справи зъ Литвишкомъ до повороту, до канцелляр. енер. о Корицкомъ опушнянскомъ—онъ ли устроенъ въ походъ, до п. Скоропадского; до его жъ и писмо, къ ясневел. писанное, послалемъ. Зъ коллекгіи указъ ко мнѣ присланъ, о присилкѣ 20 рубліовъ, взятихъ сотникомъ сенецкимъ, когда въ Пѣтербурхъ ехалъ, зъ добръ его. До атамана чорнуского писалемъ. чтобъ ишолъ въ походъ. До епископа бѣлгород. отца Тихорского. черезъ Кирила, іерусалимиту, писалемъ, тогда отехавшого отъ насъ его, Кирила. Зарудного отправилемъ.

8. Нецѣля. Листи, до Девейзбаха писанніе, послалемъ къ Зарудному. Крестини были у отца намѣстника роменскаго Іоанна, где и я былъ.

9. Повернулся Воротелякъ зъ репортами отъ старшини, что получили они указъ о виправѣ товариства до крѣпости Св. Креста 600 человѣка зъ полку и готови по тому повѣленное вскорѣ исполнить.

10. Леонтій Янковскій, зъ Павломъ, поехали въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллекгію о нововписнихъ козакахъ, прося изслѣдованія. Мокіенко, атаманъ чорнускій, пріехалъ отпрошуватись отъ походу. До Корицкого, сотника опошнянского, учрежденного коммендѣромъ до крѣпости, писалемъ повторне, питаючись, где бы полкъ лубенскій моглъ зъ нимъ злучитись. Значковихъ во всѣ сотнѣ для вигону товариства зъ указами нарадилемъ и оніе Яновскому, писареви, далемъ. До Скосира, чигирин. атамана, писалемъ, жебы о жовнинцяхъ, скинувшихъ Пархома зъ атаманства, розискалъ и виннихъ скаралъ. Самойла Заиского, жителя рокгинского, судили въ судовнѣ,

которій, вину свою признавши, и повинную далъ. Воронижскій отецъ Филипъ пріехалъ. Зъ п. Демяномъ о его отездѣ корреспондовалисмо.

11. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и обѣдалемъ въ Смѣломъ; тамъ указъ Стефану, атаманови смѣлянскому, о учрежденіи его коммендѣромъ надъ товариствомъ въ походъ низовій, полковій далемъ, а другій Леонтію Романчуку, о устроеніи его атаманомъ и сотникомъ наказнимъ. До п. п. Федора Билима, писара Савѣцкого и Василя Дяченка о правленіи полковомъ писалемъ. На ночъ пріехалемъ въ Грузкую и тамъ ночовалемъ.

12. Повернулися съ Глухова сторожъ чорнускій и лохвицкій, зъ отвѣтнимъ о справѣ Литвишка писмомъ господина Румянцова, о здѣлкѣ и зъ другимъ листомъ правителскимъ, о непремѣнномъ Корицкого въ походъ за коммендѣра опредѣленіи, о нововписнихъ, чтобъ тихъ не висилать, о якихъ идетъ споръ, о заплатѣ служителемъ пол., что развѣ въ другій разъ промеморію въ коллекгію о томъ пошлютъ. Отправилемъ сторожа лохвицкого въ Роменъ зъ листами до родителки о Литвишку, до писара о вишшеозначенномъ листѣ правителскомъ и о публѣкованіи указовъ, зъ коллекгіи присланнихъ; тако жъ о посилцѣ 3 человѣка въ Перекоповку, для осмотренія заводу ихъ зъ судѣною; до сотника чорнуского зъ отвѣтомъ, что на прошеніе его нельзя уволнить Мокіенка отъ походу. Поехавши оттуду, пріехалемъ къ Сейму и, перевезшись, обѣдалемъ въ Мутинѣ, откуду писалемъ Василю Бажановичу експедицію и послалемъ черезъ римарового зятя Кирика. Янковскій видѣлся. Виехавши оттуду, пріехалемъ позно до Тулиголовъ. Въ Тулиголовахъ, въ имбарѣ, горѣлки оковитой зъ кухви, а простой 8. Присмотрувалемся въ винницѣ и тамъ въ оной ночовалемъ.

13. Перепустъ зъ кадкою вимѣрали, такъ отъ кадки остается еще глекъ, которихъ въ носатцѣ чили кадцѣ 17 есть, а такъ повинни бъ быти набѣжки семанадцять. Пріехалемъ на ночь въ Глуховъ.

14. Рано бувъ въ п. суддѣной енер. и на службѣ тамъ же, въ дворѣ панскомъ. У вечеру былемъ въ дворѣ брегадирскомъ зъ Никитою. Оттоль у маіора Кошелева, где и господину Румянцову кланялся, куда потомъ и брегадиръ Вельяминовъ приехалъ. Лаврѣна,

сотника бывшого бѣлоцерковского, припроважено въ Глуховъ, по сказцѣ Василя запорожця, которій потомъ, отпущенъ зоставши, бувъ зъ нами у брегадирскомъ дому.

15. Недѣля. Рано у господина Румянцова былемъ. По службѣ божой у брегадира Вельяминова; оттоль у сотника глуховского, где просилемъ, чтобъ писара Савѣцкого не брали въ секретарѣ, чили реента, до канцелляріи. П. Андрѣй, швакгеръ, освобожденъ зосталъ зъ подъ арешту. Дома обѣцали всѣ ми, а зъ нами Тарновскій и Доброницкій.

По обѣдѣ, у вечеру, господинъ Румянцовъ, Протасіевъ и протчіе поехали зъ Глухова въ Москву, которихъ всѣ опровожалисмо за городъ. Вернувшись, у брегадира были и, випивши по стакану, домой разехались. Пріехавши до дому, вечералемъ зъ швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ.

16. Писалемъ въ Роменъ до родителки о поведеніи глуховскомъ, о себѣ, до писара Савѣцкого о полковихъ дѣлехъ, до сотника наказ. глинского, о кущахъ сливахъ 300, чтобъ оніе сюда прислать, о томъ же и до господара Андрѣя. Особливе до его о соли, жебы сюда прислать оную всю. Ездилемъ въ Сварковъ, где Плетюнцѣ погребъ направить верхній и сподній зробить велѣлемъ, и у его за конѣ, по его словахъ, 70 зол. есть, за якіе куповать брусся казалемъ дубовіе. Оттоль въ Калюжновскимъ футорѣ бувъ, где возовъ осмотрувалемъ направляючихся семи, а целихъ добрихъ возовъ 8 воловихъ. Тютюну осмотрувалемъ. На греблѣ калюжновской былемъ, где оную справить поднялся Грицко Перехристъ. Павелъ Огѣенко пріѣхалъ за Кролевца въ Глуховъ. Поруччикъ Нелединскій інгермоландского полку былъ у мене зъ указомъ колежскимъ, тое въ себе маючимъ, жебимъ далъ вѣдать—дани ли раціони оберъ и ундеръ офѣцерамъ, коммендѣрованнимъ прошлого году на каналную роботу, или не дани и кому именно, о чомъ писалемъ до Савѣцкого писара зъ товарищи, чтобъ они, справившись зъ коммисарами зъ полковими, о томъ вѣдомостъ ко мнѣ прислали, и тотъ листъ зъ указомъ самимъ, въ оній включеннимъ, черезъ того Нелединского и отправилемъ въ Роменъ.

17. Бувъ у Кошелева полковника, а при мнѣ и Леонтій былъ и писмо ему отъ матки дано. Оттоль поехавши, былемъ у п. Андрѣя Миклашевского, где и Іванъ Максимовичъ билъ, которому говорилемъ о водцѣ двойной, за якую пеняетъ мене братъ его, а я оную по его прошенію не въ Москву, але въ Почепъ отослалъ. Оттоль поехавши, съ княземъ Четвертинскимъ и зъ племѣнникомъ его Дзѣневичомъ видѣлемся, а оттоль былъ на огородѣ бѣлополовскомъ и водою до двора пріехалемъ. Обѣдалемъ въ дому, а зо мною швакгрѣ и Тарнавскій и Добронизкій. Рано Остапъ, за пянство и небреженіе о господарствѣ, наказанъ. Отправилемъ 5 подводъ въ Тулиголови, а оттоль оніе, взявши 3 кухви горѣлки оковитой и двѣ простой, поехали въ Роменъ. У склепу билемъ, где у споднемъ вина 2 бочалки, а анталовъ 3 неповнихъ, а еденъ повнѣйшій, четвертій, куда Михайло Скоропадскій привалился зъ Никитою Степановимъ да зъ Сухаревимъ, аттютантами.

18. Рано бувъ у брегадира, где и правителѣ були; оттоль до правителей ходилемъ, где 4 чолобитнихъ на родителя видѣлемъ. Микола лубенскій пріехалъ зъ Лубенъ зъ жалобою на сотника, и письма привезлъ отъ писара Савѣцкого. Садовнику два рублѣ денегъ далемъ. Войту Плетюнцѣ далемъ наказъ пунктами о нѣкоторихъ інтересахъ.... (?) поехалъ.

19. Принесенъ указъ къ брегадиру—ехать ему въ Москву ради обявленія о зборахъ. Въ коллекгіи былемъ и зъ Артелнимъ [1]) видѣлемся. На чолобитную Калюжненковъ о футорѣ калюжновскомъ отвѣтное подалемъ доношеніе. У вечеру у брегадира былемъ, которій о бувшемъ войту Александру, чоломбитствовавшомъ на родителя, говорилъ, что оному до повороту отказано. Тогда жъ его и пожекгналемъ.

20. Петро брегадирскій бувъ у мене, которому на дорогу московскую далемъ тютюну 50 папушъ. П. Андрѣю, швакгру, кортикъ далемъ. Гаврилови указъ далемъ переписать отъ шинкарей

---

[1]) Иванъ Артельный—секретарь малороссійской коллегіи.

реестра. До правителей отписалемъ о своемъ отездѣ, и виехалемъ на ночь въ Тулиголови.

21. Въ Тулиголовахъ Романови далемъ грошей зол. 40, на заплоченне виннику. Мартина, молодика, отправилемъ въ Глуховъ, и черезъ его послалемъ наказъ Остапови во многихъ пунктахъ, другій—ключникови, третій—писмомъ до Гаврила. Горѣлки въ имбарѣ 6 куховъ, а семая сипалась. Безъ квѣтка ключникового не казалемъ Романови горѣлки нѣкому давать, опричъ тулиголовского шинкара. Казалемъ, жебы винникъ двадцятую набѣжки отселѣ давалъ, а набѣжки давней сѣмъ носатокъ заразомъ далъ. До кролевецкого сотника писалемъ о учиненню сатисфакцѣи зъ Бориса Сикаленка, козака бистрицкого, купившого себѣ гай, которій давно ми еще купили на зрубъ. До Леонтія Янковского писалемъ, чтобъ онъ зъехалъ въ Тулиголови и увидѣлся зъ Михайломъ Турчиномъ и переговорилъ зъ нимъ о пенѣ попа тулиголовского, за футоръ упоминаючогося, такожъ и о чолобиттю его Михайлового сина за коня и погребщину. Виехавши оттоль, пріехалемъ на ночь въ Ворголъ, до п. Стефана Миклашевского.

22. Неделя. Писалемъ въ Тулиголови до Романа, повторяючи о двадесятой набѣжцѣ. Тако жъ, чтобъ розокъ зъ гливы парѣзавши, послалъ въ Глуховъ щепити. На службу божую пріехалемъ въ пустинку Мутинскую, зъ п. Стефаномъ Миклашевскимъ. Надиктовалемъ п. Стефану доношеніе въ канцеллярію и листъ до судящихъ о 30 рубляхъ, доводячихся ему отъ жида, шинкара его, Побѣлѣвичу (?).

23. Черезъ Леска, кухара, пріездившого сюда, послалемъ писемъ три въ Роменъ: 1, до родителки, и подорожная Бажановичу; 2, до писара Савѣцкого, а въ немъ листовъ правителскихъ два для дѣйствія, и унѣверсалъ мой о посилцѣ супплементу козакамъ, будучимъ у крѣпости, зъ домовихъ; 3, до Селецкого, а въ немъ порахунокъ, рукою отца Савецкого писанній, Чорнѣцкого, Алексѣя Перехриста, и Якова Дуброви и Селецкого; а тіе писма Лескови велѣлемъ зъ Мутина козакамъ послать заразъ. П. Стефанъ Миклашевскій отехалъ въ Ворголъ, черезъ его писалемъ до

Остапа, что онъ куповалъ въ пятокъ прошлій жито по 10 зол. зъ шостакомъ, а господаръ п. Миклашевского пишетъ, что продавалось тогда жито по 9 зол. Тако жъ и о томъ писалемъ до его жъ, жебы онъ побувавъ у Дорофѣевича Афанасія и торгъ учинилъ о нивахъ его, близъ Калюжновского футора обрѣтаючихся. Жена моя вчорайшого дня виехала зъ Глухова и теперъ въ Ворглѣ обрѣтается.

24. Въ пустинцѣ Мутинской будучи, 17 каѳиму противъ еврейской библіи перевелъ зъ инших діялектовъ на рускій. Швакгеръ п. Андрей прислалъ своего молодика о томъ, что якоби хлопецъ... (?) мѣлъ виправленъ бить ко мнѣ отъ Леонтія, зъ фалшивимъ доношеніемъ. Писалемъ до Остапа о Забарѣ, въ дорогу его спросить, и о взяттю горѣлки войтомъ и о розданню въ Сварковѣ носатками передъ святками (?) носатка по 10 зол.

24. С. Григорія, Неокесcарійского чудотворца, слово на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы зъ латинского на язикъ рускій переведлемъ. Отъ Григорія Остапенка получилемъ листъ зъ инквизиціею о Рубашномъ виведенную, которой суплѣковалъ на родителя до Румянцова, за вирубъ луга. Отъ енерала Девейзбаха отвѣтній листъ, о межованню Андрѣяшовки писанній, что андрѣевскимъ людямъ позволяетъ поля будто андрѣяшовского употреблять до осени, а отъ осени запрѣщаетъ. Отъ пѣратинского сотника наказ. о дворянахъ Андрѣяша, побившихъ дощенского козака велми. Отъ Скосира атамана зъ питаннемся—где грошi взять на заплату ремесникамъ, работавшимъ у магазена.

26. Ігнату Каменскому далемъ кущиковъ 10 орѣховъ волоскихъ, особливе яблунъ, рузокъ на щепленне и черешень, да листъ до Якова Вурвихвоста, просячи его о рузки дулевіе, все жеби отсилалъ въ.... човъ казалемъ ему жъ, и писмо до Остапа писалэмъ о пересланню того всего въ Сварковъ. До старости мутинского Коржа писалемъ о уволненню рибалки одного. Выѣхалемъ зъ пустинки човномъ до пристанѣ, где обѣдалемъ зъ Троцкимъ меншимъ, повернувшимся зъ Глухова. Поехавши оттоль, ночовалемъ въ Грузкой.

27. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Смѣлое о полудни, где городничій обогналъ и самъ бувъ. Григор. Манджосъ явился тутъ

же и о своемъ послушаніи, то есть вигонѣ въ походъ товариства, донеслъ, что сотникъ наказній зъ тиждень, якъ вийшолъ, а еще до указного числа человѣка 10 козаковъ невійшло, которому и осталнихъ висилать приказалемъ. Писалемъ до Леонтія Янковского, жебы упомянулся объ отвѣтъ у правителей на доношеніе мое, въ канцелярію енер. о заплатѣ полковимъ служителемъ писанное, а если самъ виехалъ зъ Глухова, то жебы Бяловскій тое учинилъ. Писалемъ тако жъ до Остапа господара, чтобъ онъ прислалъ 2000 папушъ тютюну въ Камень [1]) и написалъ би до Ігната, чтобъ тамъ зложенъ былъ въ цѣлости; приложилемъ и тое, чтобъ Плетюнка роздавалъ подданимъ горѣлку, хто . . . . тъ по 10 зол. носатку передъ святами, вмѣсто того, чтобъ куповали въ городѣ. Пріехалемъ на ночъ въ Роменъ, где и Леонтій Янковскій явился. Тогда жъ явился и Орановскій, пріехавшій зъ Сухоносовки.

28. Подводи сварковскіи, припровадившіи сюда горѣлки оковитой 3, а простой 2 кухви, взяли отсюду соли бочокъ 5, а ячменю четвериковъ 10, въ Глуховъ, мѣри роменской. Іванъ Перехристъ, пріехавши зъ ярмарку борзенского, привезлъ купленнихъ рѣчий: аксамиту чорного локоть зъ чверткою, полкаруну штуку-локоть у 27, и 5 киндяковъ зеленихъ. Черезъ брата сторожа лохвицкого послалемъ указъ во всѣ сотнѣ о скоромъ вигонѣ козаковъ въ низовій походъ.

29. Неделя. Обѣдалъ Волжинъ и судіевичъ Василь у насъ. Романъ, молодикъ, привезлъ зъ собою воску 2 пуда и 10 фунтовъ. Указъ зъ коллекгіи присланъ ко мнѣ о гаченню гребель, по прежнему, козаками и посполитими.

30. Зъ трехъ куховъ горѣлки оковитой, насипали барилъ числомъ 11. Толко простой горѣлки продали вѣдерокъ 4, а всѣхъ вѣдеръ будетъ (?), а написалъ оніе Василь, бывшій ключникъ. Сторожъ глинскій отправленъ зъ доношеніемъ въ канцелярію о виходѣ товариства въ низовій походъ. Черезъ его жъ писалемъ до Остапа о господарскихъ інтересахъ. До отца Пахомія мутинского масть и

---

[1]) Село кролевецкаго уѣзда.

листъ (?), до п. Миклашевского Стефана—8 папушъ турецкого тютюну. Писмо получилемъ отъ Корицкого, въ которомъ ознаймуетъ о скоромъ своемъ виходѣ и нечеканню другихъ полковъ.

31. По тому писму писалемъ указъ во всѣ сотнѣ о якъ найскорѣйшемъ виходѣ и порушенню; тако жъ и до сотника наказ. смѣлянского, чтобъ поспѣшался. Барму молодикамъ моимъ далемъ: лутшимъ карунъ и по 5 копъ грошей; середнимъ тожъ карунъ и по 11 зол., другимъ карунъ же и по 10 зол., а подлѣйшимъ полкарунъ и по 9 зол., машталѣрамъ—блакитное товстое сукно и грошей: одному рубль, а другому 3 зол., Кухтикови Петру такое жъ сукно и грошей талярь; Лисому, новутному машталерови, 3 зол.; Орановскому—сукна французжского и лудану бѣлого. У шинкара роменского до першихъ 60 зол., взяли теперь 40 зол. Кафанъ, зеленій, штофовій, мнѣ покраяно. Масть на голову отъ аптекара. Виправили подводъ три въ Глуховъ зъ борошномъ, именно: шпона кухва, муки пшеничной и крупъ, мяса свинного 50 пат. (?); суконъ двѣ, едно лутшое, а другое карунъ Остапу и его женѣ, а третее полкарунъ Климу, и писалемъ до нихъ, жеби Остапъ зъ грошей росходнихъ себѣ взялъ 20 зол., а Климу 9 зол. далъ. Тогда жъ послалемъ сѣмена садовнику. Отъ сотника наказного глинского привезено сливъ венкгерскихъ кущиковъ 44, а черешень 36, якіе на Манастирищи [1]) волошинъ винограднії посадилъ. Леско сторожъ въ Глинскъ ездилъ виганяти въ походъ противниковъ.

1. Априль. Слово на Страсти Христови началемъ компоновать. До сотниковъ наказнихъ лукомского, сенецкого и пѣрятинского, чтобъ для сторожъ ихъ, обрѣтаючихся въ походѣ, вибравши плату, посилали черезъ ординуючихся козаковъ. Зъ Нѣжина для пана (?) привезено тютюну турецкого 5 окъ. Сторожа новутного сенецкого послалемъ въ Глуховъ зъ двома доношеніями въ коллегію малороссійскую, зъ которихъ въ едномъ резолюціи просимъ: медъ зборній, порученній намъ, якъ би продавать, а въ другомъ—розиски и рѣшенія противъ чолобитнихъ, отъ господина Румянцова данныхъ намъ, включенни.

---

[1]) Въ г. Ромнѣ.

2. Гаврило молодикъ пріехалъ зъ Глухова и привезлъ грошей, отъ шинкарей отобраннихъ, 12 рублей, а 20 р. далъ господару Остапу, на жито куповать. А такъ всѣхъ грошей отобралъ отъ шинкарей 32 р. за напитокъ роздачи Василевой, а еще, по сказкамъ шинкарскимъ, доводится: на Плетюнцѣ за кухву гор. остатку, сколко по вимѣру покажется, бо далъ уже 15; такъ же и отъ Забари за кухву жъ ихъ, до 13 рублей взятихъ, тожъ по вимѣру, а отъ Івана, замѣского шинкара, за мѣрницю меду, недоплаченнихъ 11 зол. Тютюну всего калюжновского, по его лѣчбѣ, показалось 2236 папушъ. Воску, всего въ склепу и на горѣ, показалось грудокъ 28, а въ нихъ ваги каменей 14 и полъ 7 фунта. Замковъ 4 до дверей. Цегли 5000 здѣланой обявилъ Остапови и казалъ оную зпровадить въ Сварковъ. Калнѣцкій зъ Москви пріѣхалъ и за воли мои 14, такожъ грошей 15 р. привезлъ готовихъ грошей рублей 40 (?) да перцю полпуда, да три пари панчушокъ дѣтямъ, да смирни фунтъ, да шкатулку за рубля, а на немъ доводится немалая сума, бо приходитъ 100. Отъ Бидлова листъ и лѣкарства и рецептъ [1]. Пилипъ шоръ шестерню черних принеслъ, зовсѣмъ зробленнихъ. Кунтушъ суконній зеленій покраяли мнѣ. Ездилемъ на Засулле, где у кулики тютюнъ казалемъ класти.

3. Указъ зъ канцелляр. за подписомъ колежескимъ присланъ ко мнѣ, а въ немъ копія именнихъ указовъ імпер. величества нѣсколько о разнихъ інтерессахъ, которіе указы далемъ Яновскому, жеби отнеслъ до Савѣцкого писара, для переписки и посилки, ради публѣкаціи, въ сотнѣ. При томъ же указъ до Новѣцкихъ, о прибуттю ихъ въ Глуховъ.

4. Отъ смѣлянского сотника получилемъ отвѣтъ о его оборотѣ у нѣякихся Бѣркахъ (?). Сторожъ сенецкій, посиланній въ коллекгію, зъ доношеніями двома, однимъ о меду, якъ его продавать, прося резолюціи, а другимъ о рѣшенныхъ челобитнихъ, якіе подавалъ Румянцовъ намъ судить, вмѣсто отвѣту, карту привезлъ такую, что доношенія тіе приняти у коллекгіи, отъ его жъ сторожа.

---

[1]) Сбоку выписанъ рецептъ.

Вози мои 4 къ Царицину війшли, а Гаврило тютюну 1000 папушъ взялъ, зъ которихъ 800 въ позику я себѣ казалемъ взять, а 200 ему позволилемъ. Подъ тими жъ возами воловъ 16.

5. Неделя. Коваль, сторожъ роменскій, пріехалъ отъ родителя зъ писмами.

6. Пасѣчника наняли до моеи пасѣки за 6 коп. и свиту, албо зол.

7. Глинскіе гости поприездили.

8. Нѣчого потребного до записання не случилось.

9. Виправили Юска да Гаврила, и Якова Величка. Юскови врученнихъ родителскихъ возовъ 27, Гаврилови моихъ 4, а Величко поднялся услужить намъ въ томъ, чтобъ на вози тіи накупить рибы вялой, на якую далемъ грошей 20 р., а особливе кухву болшую горѣлки велѣлемъ тамъ продать въ царич., що справити, и картою мнѣ данною поднялся. Прето въ завѣдованню Гаврила горѣлки оковитой 12 барилъ, а въ нихъ вѣдеръ 64 и 1 кварта. Тютюну подлѣйшого 1000 папушъ, а лутшого 800. Ему жъ на дорожніе експенса далемъ грошей рублей 6. Подъ тимъ воловъ 16, а подъ нимъ конь шинкаръ. Леска сторожа послалемъ въ Сорочинцѣ зъ листами до п. Петра Апостола и до обозного Родзянки, упоминаючись о людей и статокъ мой, въ Хоролѣ державіе. Романъ молодикъ поехалъ въ Лохвицю и Сенчу меду куповать, а грошей въ него было шинковихъ 18 таляр., а я далемъ отъ себѣ 14 рублей, а всѣхъ на зол. 124 зол. Отъ Корицкого, сотника опошнянского, ординованного въ низовій походъ, полученъ листъ о его у Олшаной оборотѣ и о учрежденіи справнѣйго якого бъ комендѣра, вмѣсто Назаріева. Сотникъ наказній роменскій, по взяттю указу еще позавчорайшого дня, сего дня поехалъ у вечеру къ товариству, наряженному въ походъ. Отцу Павлу кафанъ данъ отъ мене. Староста коровинскій присилалъ писмо о побиттю, учинившомся, якоби отъ виправнихъ людей нашихъ, куда на розискъ посланъ отсюду атаманъ роменскій и Калнѣцкій дворанинъ.

10. Указы въ сотнѣ посланни до старшинъ о продажѣ меду казенного, а посланъ оденъ зъ нихъ въ глинскую сотню, а оттоль

велено сотникови сторожемъ глинскимъ послать везде. Въ роменской сотнѣ указъ данъ Івану Евстафѣевичу да Михаилу Петрову медъ продавать. До зборщиковъ константиновскихъ писалемъ о привозѣ сюда меду. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ красногорскій, и отецъ Фома Збрискій были и обѣдали. Зъ Глухова подводи повернулись 3, на которихъ припроважено кухви горѣлки, зъ Тулиголовъ взятой, мѣрою у полдесяти посатки, да тютюну папушъ 2000. 1000 папушъ тютюну послалемъ до обозу зъ листомъ, къ Юску и Гаврилу писаннимъ, жебы взяли оній зъ собою. Зъ Глухова писма привезени и отъ господаря, и отъ п. Андрѣя. Братъ п. Андрѣй пріехалъ. Подводчикамъ тамъ казалемъ еще по 5 алт. дать. До пѣратинского писалемъ о присилкѣ сюда писара Петрановского. Писаръ полковій Савѣцкій отехалъ до Луговиковъ отсюду, которому и листовъ два, для пересилки въ Лубнѣ, далемъ, еденъ до Ісаи Івановича, о лѣкарствахъ зъ рецептомъ, а другій до Стефана Стефанова, зборщика, въ которомъ и тотъ листъ включенъ, жеби онъ тіе лѣкарства, отобравши и заплативши, прислалъ. Указъ Івану Остапенку и Михаилу Петрову черезъ Яновского данъ, жеби вѣдерко меду, подлого, середного и лутшого, зваживши, дали о томъ знать мнѣ, сколко заважитъ пудъ.

11. Послали въ Глуховъ доношеніе въ коллегію о меду зборномъ, якъ оного продавать, тако жъ и о імбарахъ для хлѣбного збору, а послалъ черезъ козака атаманъ роменскій. До п. Андрѣя отвѣтъ, до господаря два листи: еденъ о господарскихъ інтерессахъ, а другій зъ напомненіемъ за.........(?) противъ п. Андрѣя. Братъ п. Андрѣй зъ Сумъ пріехалъ. П. атаманъ роменскій, зъ Калнѣцкимъ ездившій до обозу, розискивать о побитю учинившомся, повернулся и писмо отъ старости коровин. привезлъ благодарное, что сатисфакцѣя учинена и онъ доволенъ.

12. Неделя. Тютюну присланного зъ Глухова возъ послалемъ до обозу, на низъ идучого, которій въ кулики 4 зложили, а показалось папушъ 950, а не 1000. Авдиторъ Зубовъ отъ князя Галѣцина, зъ Ахтирки, пріехалъ осведомится о дракгунахъ болнихъ и умершихъ. Коваля сторожа послали до обозу, а писала панѣ до

Юска, жеби чужихъ возковъ, подъ именемъ родителскимъ, не провадилъ и въ судно не бралъ бы, а я до Гаврила, жебы 2000 тютюну взялъ зъ собою, а 800 безъ 50 отдалъ би В........ (?). Да ему жъ послалемъ еще на дорогу грошей рублей 3. Писалемъ до Юска, жебы хорта, отъ Зарудного дарованного, а взятого зъ собою, завернулъ. П. Павлова лохвицкая пріехала въ Роменъ, и зъ Кролевця госпожа Демянова.

13. Сторожъ чигириндубровскій зъ писмомъ отъ тамошней старшини пріехалъ роспечатаннимъ, которое було въ рукахъ писара Савѣцкого. Да онъ же привезлъ грошей козакамъ, обрѣтаючимся при Сулаке, зъ домовъ ихъ 307 зол., якіе онъ же и повезлъ до табору, о чомъ до наказ. сот. ром. писалемъ. Онъ же отъ атамана чигир. привезлъ моихъ позиченнихъ ему 6 рублей. Справи чолобитчиковъ судились и многіе. Бутурлимови кафанъ стар.. ...(?) далемъ. Коваль сторожъ повернулся и хортовъ двохъ привелъ отъ Юска конюшого, взявшого онихъ. Орановскій поехалъ, которому и наказъ далемъ въ пунктахъ 10. Сотникъ чорнускій обѣдалъ у насъ etc.

14. Леско сторожъ зъ Хорола и Сорочинецъ повернулся зъ отвѣтнимъ писмомъ обозного миргород., въ которомъ отвѣтуетъ готового себе бити до занесення справи о злодюгахъ въ коллекгію. Железо посланъ въ Глуховъ, въ коллекгію, зъ доношеніемъ, чтобъ велено розискать о козакахъ нововписнихъ въ маетностяхъ родителскихъ и чтобъ велено по прежнему зъ курѣнской греблѣ приходъ брать розмѣровій до двора родителского. Чорнускій сотникъ отехалъ домой и пѣратинскій, которому объ отцу Фомѣ предлагалемъ. Хведчунъ явился знову, что не пропускаютъ товару моего.

15. Въ пасѣку свою на Плавинище ездилемъ, где пчоли было 39, и зъ тоей 2 подлихъ. Отецъ Іоанъ, началникъ пустинки Мутинской, пріехалъ. Петровскій явился по розиску, въ Вовковцяхъ учинившомся. Отцу Збрискому инстанцѣялніе объ немъ, къ архиерею кіевскому, писма послалемъ. Романъ молодикъ пріехалъ и привезлъ купленного собою меду кухву повную, а въ ней, по его сказцѣ, вѣдерокъ мѣри сенецкой 14, и особливо вѣдерко едно патоки. До Луки отправили черезъ засулцовъ кухву горѣлки, въ якую 4 вѣ-

дерки води досипали и полъ кухви соли. У шинку своемъ былемъ, где видѣлемъ новихъ не оббитихъ палубовъ своихъ 3, 1 палубъ старій оббитій, возъ воловий цѣлий, другий цѣлий же, новий, конній, и третего снасть, опрочъ колѣсъ и драбинъ. По отправѣ Гаврила молодика, осталось воловъ моихъ на Куцупѣевщинѣ 14, которіе и мастю въ Ромнѣ переписали.

16. До обозного миргородского знову, черезъ сторожа глинского, писалемъ, склоняя его до злагодного помѣркования. П. Федору Билиму и Василю Дяченку указъ далемъ править дѣла полковіе по моемъ отездѣ, до которихъ въ присидящихъ придани Петро Верещака и писаръ пѣратинскій. Черезъ старостиху Сухоносовскую писалемъ до Орановского о присилцѣ тютюну, 2500 папушъ, въ Роменъ. Сотникъ наказ. ром. Савуско повернулся и привезлъ реестра козаковъ.

17. Роману, молодику, казалемъ отправить въ Глуховъ коней 3, у хуторъ, кухву тую, купленную, меду, въ якой вѣдерокъ 14. по его словамъ, а ваги сороковихъ пудовъ 25 безъ 8 фунтовъ; такъ же 10 барановъ до пана Андрѣя, а на насѣнне 12 четвериковъ пшеницѣ, а жеби сіе запроважено было до Каменя, а зъ Каменя, чтобъ Ігнатъ отослалъ въ Глуховъ, писалемъ къ нему. Виехалемъ въ Ахтирку рано, а по виездѣ моемъ, пожаръ въ Ромнѣ учинившись, спалилъ дворовъ не малое число за мѣстомъ и въ мѣстѣ, где и отца намѣстника дворъ зовсѣмъ згорѣлъ. Перевюзшись черезъ Псіолъ у манастира гадяцкого, ночовалемъ якъ би у полъ-милѣ.

18. Поехавши оттуду, переехалемъ Веприкъ и обѣдалемъ, якъ би отъ него верстъ у 3, куда и Мартинъ молодикъ пріехалъ зъ Ромна зъ бутилми (?) водки, до князя данними. Поехавши оттоль, пріехалемъ до манастира ахтирского и противъ оного, на низу, ночовалемъ. Зъ обѣда черезъ почтара писалемъ до Билима и другихъ, чтобъ зслѣдовали, кого недостаетъ въ походѣ нинѣшнемъ и зъ якой сотнѣ, и о томъ бы заразъ писали до сотниковъ, о висилцѣ.

19. Неделя. Пріехалемъ рано въ Ахтирку и сталемъ за городомъ, въ левадѣ п. Василя, брегадирского зятя. Бувъ въ князя Михайла Михайловича Голѣцина, который мене милостиво приняль

и, по службѣ Божой, обѣдалемъ у оного и до подпитку трактованъ былемъ; оттоль пошовши, бувъ у суддѣ Матвѣя Боярского. Принесени писма зъ Ромна, еденъ отъ старшини о пожежѣ и зъ Глухова отъ п. Андрея, о господаревихъ поступкахъ. Присилалъ до мене князь, жебы до завтройшого дня позабавился, а онъ поехалъ поліовать, где и ночовалъ. Марковскій отъ полковника стародубовского присланъ до князя о зведенню мекленбурцовъ, который у мене и ночовалъ.

20. Былемъ у секретаря княжого Василія Григор. Бѣрулева и у сотника Боярского, у которого о Копилу розговорувалемъ. Обѣдали у мене Бѣрулевъ и конюшій княжій. Сторожъ глинскій повернулся зъ листомъ отвѣтнимъ отъ миргородского обозного, въ которомъ обявляетъ о волахъ моихъ и коняхъ, что оніе до розиску и вершенія дѣла, не отданни мнѣ будутъ. Черезъ Марковского писалемъ до п. Андрѣя, въ Глуховъ, и листъ до Левенца включилемъ въ его листъ, писанний о въ турму посаженнихъ моихъ людяхъ. У вечеру бувъ у Полянского, оберъ-криксъ-коммиссара.

21. Рано пріѣхалъ Хведчунъ зъ Копиломъ и явились мнѣ у моего становиска, а Копилови являтись ли до полковника ахтирского, или вернутись, отвѣту жадного не чинилемъ, и поехавши въ городъ, до князя, зъ дороги послалемъ Івана Ющенка, отказуючи ему, жебы онъ у мене не бувалъ, але якъ собѣ хочетъ, такъ бы и чинилъ. У князя по службѣ божой былемъ, где кушалемъ и, по кушанню, отклонилемся. Заехалемъ до полковника ахтирского Алексѣя Лесевицкого, где архидіякона бѣлогородского, архиерея Тихорского засталемъ, и когда съ хати съ полковникомъ, випроважавшимъ мене, вийшлисмо, въ тотъ часъ на дворѣ полковничомъ, и овихъ Хведчуна и Копила увидѣлемъ. Писалемъ до архиерея бѣлогородского и листъ отцу архидіякону, черезъ сторожа пѣратинского, отослалемъ.

22. До себе Хведчуна призвалемъ и, увѣдомившись зъ его словесного донесения, что зъ девяти воловъ моихъ, осталось 7, и то зъ прикупленними отъ его, а тютюну папушъ 2300, якие купилъ, продавши рибу мою вялую и солсную, имъ же въ Черкаскомъ куп-

ленную Далемъ ему еще грошей червонихъ два и такъ его отправилемъ. Атютантъ княжий Петръ Григоріевичъ Василковъ писмо мнѣ княжое далъ о солдатахъ болнихъ, оставленнихъ въ шпиталѣ роменскомъ, жеби о нихъ потимъ, когда чили оздоровѣютъ, чили тожъ умрутъ, увѣдомилъ его сіятелство. Виехалемъ зъ Ахтирки передъ вечеромъ, а ночевалемъ якби миль у двѣ, на той сторонѣ Комишовъ. Едучи, нагналемъ двохъ козаковъ пѣратинской сотнѣ села Перервинецъ, зъ табору домой ворочаючихся, которихъ когда спиталемъ для чого вернени, подали мнѣ отпускное писмо Савви Мокіенка, атамана чер. данное имъ. Атаманъ николаевскій [1]), посланний до табору зъ Ромна отъ Билима и Дяченка, споткалъ мене на дорозѣ и подалъ писмо къ мнѣ писанное отъ ихъ, въ якомъ виражаютъ о томъ, что о недосталномъ числѣ товариства писали они жъ до старшинъ, чтобъ висилали вслѣдъ за таборомъ, а до наказного послали репорти отъ сотниковъ, ко мнѣ присланніе, въ якихъ виражено, сколько товариства и хто по именни випроважени въ походъ; зъ тимъ теди ихъ писмомъ и зъ репортами, велѣлемъ ему атаману ехать, наздоганяючи полкъ лубенскій, обрѣтаючійся около Харкова.

22. Зъ ночлега отправилемъ рано сторожа пѣратинского Божка, въ Ахтирку, до князя зъ писмомъ, питаючись, если безопасно позволить ити въ Кримъ купеческимъ людямъ, и давать ли имъ подорожніе, о чомъ до атютанта и до Бѣрулева писалемъ. Поехавши оттоль, обѣдалемъ переѣхавши Веприкъ къ Гадячу, якби у полъмилѣ, а ночовалемъ въ Андріевцѣ, позно пріехавши туда.

23. Въ Андрѣевцѣ служби божой слухалемъ; поехавши оттуду, пріехалемъ въ Луку на обѣдъ и засталемъ родителку и свою (жену?) и многихъ гостей, въ попа отца Федора, где и подпіяхомъ. Братъ п. Андрѣй до Девейзбаха посиланъ былъ въ Андріяшовку зъ писмомъ объ Андрѣевцѣ и привезлъ склонний отвѣтъ отъ его до родителки. Панъ Григорій (Журавка) швакгеръ преставился.

24. Сказали Адаму въ Кримъ готоватись. Отцу протопопѣ лохвицкому Имшенецкому двѣ писмѣ далемъ, sub volanti sigillo на-

[1]) Село Николаевка, роменскаго уѣзда.

писанныхъ до архиерея, едно отъ родителки, о отцу Филиппу, а другое отъ мене объ отцу ігумену мгарскомъ Роgалскомъ, инстанціялніе. Сотникъ лохвицкій поехалъ въ Глуховъ. Бабакъ лохвицкій бувъ и говорилъ многая объ обозномъ. Родителка зъ женою моею отехала на Короваи.

25. Братъ п. Андрѣй отехалъ зъ Луки въ Роменъ и оттоль въ Суми, я хорта завелъ Мазана. Алексѣецъ пріехалъ и конѣ лошаки чернѣговскіе зъ собою привелъ. Подполковникъ полку Інгерморландского Редкинъ, идучи въ лаgеръ до Гавронецъ, бувъ по службѣ у мене и, напившись водки, отехалъ. Писма привезени ко мнѣ зъ Ромна родителскіе, зъ крѣпости писанніе, о Несторовичу, посланномъ въ Москву оттуду.

26. Неделя. Комисари полковіе Вишневскій и Григорій были у мене и по обѣдѣ отехали. Сотникъ глинскій наказ. Василій пріехалъ. Гудименко зъ писмами родителскими до родителки отправленъ. Мартинъ молодикъ, посиланній отсюду за хортомъ, повернулся зъ онимъ и зъ виномъ стоянцемъ (?) и бутилками двома. Алексѣецъ отправленъ въ Кривую Руду, изъ листами до Милорадовича о степу Коломійченка и до атамана лубенского о найму людей до футора. Онъ же тихъ чернѣговскихъ взялъ лошаковъ, зъ которихъ едного злегчати, а другого оставити на дрикганти казалемъ. Зъ Чигиринъ-Дуброви писано ко мнѣ о забитомъ человѣку отъ дракгуна.

27. Цисъ, наказній сотникъ лохвицкій, пріехалъ, которому тое, что подбивалъ людей на насъ, виговорувалемъ, а писаръ лохвицкій на себе и сказку далъ, что онъ писалъ суплики зъ повелѣнія ихъ. Тому Цисеви велѣлемъ розисковать тутъ, у Луцѣ, зъ Михайломъ ревизоромъ о натягненномъ на старосту убійствѣ отъ мужиковъ и о злодѣйствѣ Далилоя (?) и другихъ у здешнихъ же селянъ. Сторожъ лохвицкій Ничипоренко скаржился на Лукаша, зборщика лохвицкого, что кухву гор. взялъ у его и нещадно его билъ.

28. Желязо повернулся зъ Глухова зъ нѣщимъ. Хоружій Бутурлимъ пріехалъ. По розиску показался: староста не виноватъ, а Далилой пороченъ. Мужики лучанскіе и два зъ козаковъ ступники (?)

наказани. Мартинъ молодикъ посланъ въ Роменъ для виправи возковъ въ Кримъ; ему жъ дано грошей рублей 5 и болшъ у шинку велено у взяти. До Волжина посилалемъ листъ о заводѣ хоролскомъ.

29. П. Андріяшъ пріѣхалъ ко мнѣ. Цисъ отправленъ въ Лохвицю. Романъ молодикъ пріѣхалъ и зъ шинку лубен. привезлъ 5 рублей. Получилемъ указъ зъ енер. канцелляріи за подписомъ колежскимъ о даванию подводъ безъ прогоновъ князю Трубецкому и при ему обрѣтаючимся инженѣру и гедиозистамъ, мѣючимъ осмотрувать дороги подле Днѣпра. При томъ же указѣ и листъ правителей зъ требованіемъ вѣдомости отъ мене: жиди и другіе посторонніе купци сукна и матеріи гуртомъ ли или въ раздробъ торгують, по якомъ определѣнію?

30. Получилемъ листъ отъ п. Павловой о подданихъ ея, не хотячихъ слушать, такъ же и о Андріенку, винномъ ей же, до которой и отвѣтовалемъ, а о подданихъ писалемъ до Бутурлима, жеби, туда зехавши, смирилъ, а о Андріенку до Цися, жеби до отдання долгу его принудилъ. До Билима и Дяченка писалемъ въ Роменъ о продажѣ меду зборного. Укази отъ себе въ полкъ, противъ принесенниҳъ указовъ, писалемъ. Черезъ Москалця, жителя роменского, послалемъ грошей рублей 5 Мартину, взявши у Романа для виправи у Кримъ. Отъ Івана Остапенка о меду, якъ его продавать, доношеніе.

1. Май. Укази мои, пописанніе противъ указовъ 29 числа принесенниҳъ, послалемъ въ сотнѣ козаками лучанскими. Василь Дейнека, бувши тутъ, далъ карту за рукою о поступкахъ Кальнѣцкого, и зъ тимъ отехалъ, что мѣлъ дать грошей рублей 30 мнѣ, якихъ будто 134 зол. виненъ Кальнѣцкому, а не 50 рублей. Андріяшъ отехалъ. Далилою и другому, здешнимъ козакамъ, наказалемъ ехать шукать своихъ синовъ, въ злодѣйствѣ показавшихся, а если не зищутъ, то жебы сами платились за ихъ преступство. До Бутурлима писалемъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ степу Федора Коломиченкового и козакомъ лучанскимъ листъ посланъ.

2. Лѣкарство—пявки принималемъ. Листъ зъ канцел. енер. присланъ о уменшенню компанѣйцевъ у селахъ Троцкой. Другій

листъ, оттуду жъ, о присилцѣ сторожовъ двохъ въ Глуховъ на мѣсяцъ, для отвозки, куда потреба укажетъ, зъ оной канцелляріи писемъ. Бутурлимъ и Григорашъ, посиланніе въ Чернухи ради постановлення атамана, писали ко мнѣ, доносячи, что за завзятестію сотника невозможно было Янковского, которого и многіе хотѣли, учредить. Сотникъ чорнускій за тимъ же, жебы ему не быть, пріездилъ сюда.

3. Неделя. Сотникъ чорнускій отехалъ отсюду зъ тимъ, чтобъ одержатись зъ атаманствомъ до повороту род. Заборовскій пріехалъ просить на веселній свой актъ. Романъ молодикъ посланъ въ Роменъ на перемѣну Мартина; черезъ его жъ писалемъ листъ и въ ономъ інформацію о покупкахъ до Адама. Бутурлимъ, хоружій пол., повернулся зъ Чернухъ.

4. Прапорщикъ Волжинъ зъ Романовичемъ, повернувшись зъ Городища, были тутъ у мене въ Луцѣ. Заборовскій отехалъ. Черезъ сторожа лохвицкого Ничипоренка послалемъ въ Глуховъ до правителей отвѣтъ о полученнихъ указахъ и объ отставцѣ сторожовъ. До Кошеліова такъ же писалемъ, просячи себѣ наставленія о продажѣ меду. Такъ же до п. Андрѣя и до Остапа, о господарскихъ поведеніяхъ. Зъ Чигиринъ-Дуброви прислано осятровъ два. По старосту, войта и атамана присланъ указъ ехать имъ въ Глуховъ (лучанскихъ).

5. Указъ данъ Бутурлиму ехать въ Токарѣ, и тамъ атамана Боженка скинуть, а прежнего поставить. Атаманови лучанскому казалемъ ехать едному въ Глуховъ, противъ жалоби Петренка отвѣтствовать, за которимъ и писмо до правителей писалемъ и до роменской старшини писалемъ о томъ же, чтобъ писмо дали. До той же старшины писалемъ о продажѣ меду, отвѣтуючи на доношеніе Остапенка, и о болнихъ дракгунахъ. До чигиринъ-дубровской старшины объ отвозѣ меду въ Лубнѣ писалемъ, а о пріемѣ онаго до лубенской. До пѣратинского наказного писалемъ о присилцѣ въ Луку двохъ злодѣевъ, подездившихъ подъ футоръ п. асаулиной. До Цися о зятеви, что онъ не бивалъ ли въ Сѣчѣ, писалемъ. Виехалемъ зъ Луки передъ вечеромъ, а пріехалемъ позно на ночь въ Сухоносовку.

6. Писалемъ зъ Сухоносовки до старости короваювского, чтобъ онъ до винницѣ моей зъ ярмарку пѣратинского купилъ кадокъ три и протчіе посуди. Сотникъ чорнускій пріехалъ и презентовалъ атамана наказ. чорнуского. Онъ же сотникъ подарилъ пару кадей. У пасѣцѣ былемъ и видѣлемъ пчоли цѣлой 91 улей. Поехавши зъ Сухоносовки по обѣдѣ, пріѣхалемъ на ночь въ Юсковцѣ.

7. Зъ Юсковецъ поехавши, пріехалемъ къ перевозу оржицкому и тамъ обѣдалемъ; оттоль поехавши, приехалемъ ноччю у футоръ свой криворудскій. Коронацѣя императрици била.

8. Четвертака, вороного лошака, родител. дарованного, проучували, и рижострокатого. Чигириндубровскій атаманъ бувъ и двохъ короповъ привезлъ свѣжихъ. Два укази зъ коллекгіи получилемъ: 1, о присилцѣ для свѣдителства въ оную коллекгію, въ интересныхъ дѣлехъ, Михайла Кривого пѣратинского, а 2, отвѣтній о меду, чтобъ по прежнему указу продавать оной. Чобилу (?) приблуду Кузка лукомскій припроводилъ зъ собою. Мартинъ молодикъ повернулся зъ Ромна и на писмѣ далъ вѣденіе о виправленнихъ возахъ моихъ у Кримъ трохъ, на которихъ тютюну лутшого каменей 20 и 5 фунтовъ, подлѣйшого 51 камень; папушъ зась всѣхъ числомъ 3460, а такъ ваги всего тютюну: каменей 71 и 5 фунтовъ. Горѣлки кухва простой, заправлюваной носаткою оковитой, а въ ней ваги 32 каменѣ, а кухва особливе положена въ трохъ каменяхъ; и масла кухва, а въ ней ваги самого масла 28 каменей, а кухва 3 каменѣ. На тую жъ дорогу Адамови дано грошей 20 таляръ. У Василя Дейнеки Мартинъ, по указу моему, отобравши 30 рублей, зъ тихъ то грошей 20 талеръ далъ Адамови, а 30 талеръ ко мнѣ сюда привезлъ; особливе привезлъ червоныхъ два, отобравши отъ Романа Молодика, а зъ тихъ 10 рублей, даннихъ ему Мартинови, стратилъ на дорогу кримскую, купуючи дещо, особливе задатку двомъ далъ гайдаямъ 10 зол., а третему гривню, и еще для того жъ задатку Романови рубля оставивши; стратилъ всего 32 зол. и 7 шаг., а въ его осталось 17 зол. и 3 шаг. Бѣлого дрикганта позичилемъ Андріяшу, якого молодикъ его и взялъ зъ собою.

9. Слизкоухъ, за безчестіе мое, покаранъ кіемъ. Атаманъ горошинскій подалъ супплѣку на горошинцовъ, именно: Івана Ілляшенка за многіе безчестія ему чинячіеся, по якой оніе зисканни, и Уласа ктитора, ухилившогося отъ походу, за тое положили и вдарили 4 раза, а потомъ отпросили старшина. Указъ посланъ черезъ сторожа лубенского Кабанниченка до Юска Василченка, жебы Михайла Кривого зъ Пѣратина въ Глуховъ, до коллекгіи, запровадилъ. Данъ указъ сотникови наказ. лукомскому о продажѣ меду и о репортѣ, другій—о вспоможенню въ форпостахъ по 50 человѣка, 3, о утвержденіи атамана и войта въ Горошинѣ, чтобъ впредъ не скидано. До роменской старшини писалемъ о писмѣ князя Голѣцина, о пропуску въ Кримъ. Ездилемъ оглядать копцовъ, около футора моего починенныхъ по могилахъ, а отъ футора Григор. Горошка по рудку. Въ криворудскомъ футорѣ показалось, по картѣ Орановского, статку всего: дрикгантовъ 7, семій бѣлій, Андріяшу позиченъ, кобилъ зъ лошатами 24, яловихъ и жеребнихъ 44, коней иждмалихъ 6, неиждмалихъ, пятаковъ 5, четвертак. 5, и третяковъ—17, стрижаковъ—17, лошатъ—24, стрижокъ—12, итого 161. Товару: коровъ дойнихъ 44, яловихъ—31, бугаевъ—5, воловъ рабочихъ—20, четвертаковъ—13, третяковъ—21, доблятковъ—12, назимковъ—12, третякъ—22, назимокъ—13, телятъ—бичковъ—18, теличокъ—18, итого 229.

10. Неделя. Поѣхавши рано зъ криворудского футора, обѣдалисмо противъ Мойсѣевки, гдѣ ляхъ, шинкаръ горошинскій, за арештъ взятъ и посланъ въ Лубнѣ. Ілляшенку и другимъ козакамъ двомъ простилемъ, а они передомъ карту дали за подписомъ писара лукомского, уступаючи степу до футора моего по концѣ. У футорѣ криворудскомъ взялисмо молодихъ коней четвертаковъ 3, 1 гнѣдій лисой, 2 вороній бѣлоногій, 3 вороній, а оставилисмо тамъ иждмалихъ 3, для отпасу. Еще жъ взялисмо вороного лошака, род. дарованного, молодого и иждмалого вороного, бѣлоногого. Оставленни тамъ конѣ: 1, гнѣдій четверній, 2, рижій шинкар., 3, кобила сухоносовская. Еще жъ браку оставилисмо тамъ коней 7, зъ которихъ 5 велѣлемъ гнать въ Роменъ, зъ овцами. Получилемъ указовъ

2 зъ канцеляріи: 1, объ обученіи людей дѣлать фашини, 2, о даванню свѣдителствъ зъ городовъ посадскимъ, а отъ помѣщиковъ крестьянамъ—взглядомъ подрадовъ. Тамъ же и 3 указъ объ описѣ, коя . . . . (?) зъ коллегіи въ сенатъ, и отъ правителей о денги на церковъ печерскую. Особливо 2 указа зъ коллегіи получилемъ: 1, о подрадѣ вина, а 2, о дѣлахъ, которіе тайности подлежатъ. Въ Лубнѣ пріехалемъ при заходѣ слонца, где засталемъ у родителки полковникову миргородскую, которая долго сидѣла въ ночъ и вечерала.

11. По службѣ божой у Ісаии Івановича, аптекара, былисмо, и тамъ кагве напившись, до панеи Івановой, а оттоль до аптеки пошлисмо, оставивши п. Корнѣя болного; въ аптецѣ долго замедлѣли, где водкою почтувано. Потомъ до п. Троцкой зайшлисмо, а оттоль поехали въ Александровку на обѣдъ. Тамъ отецъ Петро лукомскій явился, прося управи зъ своихъ злочинцовъ, покравшихъ у его гроши. Кодинця старого синъ [1]) подалъ супплеку о покраденнихъ волахъ его.

12. Писма получилемъ зъ Глухова отъ швакгра п. Андрѣя и господара о розкихъ поведеніяхъ господарскихъ, особливо о саду и о 9 кухвахъ гор., въ Тулигол. обрѣтаючихся. Между тими писмами, писма отъ п. Несторовича получилемъ, зъ которихъ въ едномъ пишетъ о своемъ въ Москву апр. 4 прибитіи, где надѣется милости монаршой и на пославшихъ, и на себе. Писма послалемъ 2: 1, до сотника наказ. лукомского, о межѣ учиненню зъ горошинцями, 2, до Орановского, о томъ же, и объ осторожности при футорахъ, взглядомъ пожежи отъ хоролціовъ. Отправилемъ въ Глуховъ сторожа чорнуского до Яснополского, швакгра и господара. Въ монастирь лубенскій пріехалемъ и тамъ службы божой слухалемъ. Тамъ же получилемъ писмо отъ Еропкина Александра, пріѣхавшого въ Лубнѣ, которій проситъ о колеса задніе, къ которому и отписалемъ. Занковскому—о присилцѣ осятровъ двохъ и упомненюся у п. Івановой о коновцѣ, предлагалемъ. Атамана лубенского, за побитте писара

---

[1]) Повидимому, говорится о Мартынѣ Кодинцѣ, бывшемъ въ 1728 г. лукомскимъ сотникомъ.

тамошнего, наказовалемъ. Ему жъ говорилемъ о присилцѣ допросу, надъ ляхомъ учинившомся. До Тишокъ пріехалемъ на обѣдъ, где родителка у столу говорила о дарованнихъ отъ себе намъ 50 бранкахъ овцахъ зъ ягнятами тилкомажъ и 5-ма баранами, и объ обѣщанной четвернѣ коней. Зъ Тишковъ писалемъ до Занковского о намѣренной отъ хоролціовъ пожежи хутора и до атамана лубенского черезъ Сухомузкого, о присилцѣ сказки ляха. Сотникъ лубенскій, ворочаючій въ домъ зъ Бубнувъ, бувъ тамъ же и видѣлся зъ нами. Листъ получилемъ отъ Романа молодика зъ Ромна, въ якомъ виражаетъ о виправѣ кримской, что моихъ возовъ війшло 3, на которихъ тютюну каменей 70, масла каменей 27, горѣлки кухва, ваги каменей 30. Поехавши зъ Тишковъ, пріехалисмо въ Луку на ночъ.

13. Конь гнѣдій, циганъ, на которомъ Василь молодикъ ехалъ, здохъ. Черезъ Федка бѣлополовского послалемъ до Романа грошей на покупки въ ярмарку нѣкоторихъ рѣчій, червонихъ 4 московскихъ и рубліовиковъ 5. Отъ лукомской старшини получилемъ писмо о томъ, что меду покупать тамъ нихто зъ тамошнихъ жителей не обыскуется. До лукомской старшини писалемъ, жеби медъ дослали увесь у Лубнѣ, а до лубенской, жеби оній приняли и старались спродать. До лубенского атамана о сказцѣ ляха, жебы была прислана зъ упомненнемъ, писалемъ. До овдоколского старости писалемъ о присилцѣ куховъ 20 олѣи, посудку дворового въ Глуховъ и о покупцѣ кошолъ паръ 30 для парубковъ, у ярмарку стародубовскомъ. Сторожъ лохвицкій повернулся зъ Глухова и привезлъ указъ отъ правителей, въ которомъ предложено, же по доношенію Корицкого показалось въ походѣ настоящомъ самихъ господарей полку лубенского зъ сотень 502, наемнихъ 73, а недосталнихъ 25, и чтобъ недосталнихъ заразъ висилать, а о наемнихъ слѣдованіе будетъ и отвѣтствовать предлагаетъ. Отписали правителѣ ко мнѣ конечне, требуючи присилки товарищей значковихъ.

14. Вознесеніе. Послалемъ лучанскими козаками въ Глинскъ, а въ Лохвицю писаремъ лохвицкимъ Терентіевимъ, укази, во всѣ сотнѣ annotated писанніе, о висилцѣ недосталного товариства въ походъ, и

объ отвѣтствіи, въ якой сотнѣ наймити вислани и чего ради? До Григорія, комиссара пол., черезъ того жъ писара, писалемъ о присилкѣ ко мнѣ смѣти роздачѣ грошевой на церковъ печерскую, обложенной на полкъ. Указъ зъ коллегіи присланъ о показаніи списку компутовъ Волжину по челобытью нѣкоторихъ вовковчанъ. Тогда жъ принесена інструкцѣя, солдату Баеву данная, чтобъ я и срѣбранскій сотникъ явились въ Глуховъ, въ коллегію, для свѣдителства въ дѣлѣ князя Четвертенского. Передъ вечеромъ поехавши зъ Луки, пріехалемъ на ночъ въ Токарѣ. До старости короваювского писалемъ, жеби кадки куплени, конѣ прислани въ Луку и пострижена би вовна, и зложена до указу моего зъ овецъ дарованнихъ мнѣ 50 зъ ягнятами, тилкомажъ бранками.

15. Семенъ Слюзенко пріехалъ зъ Москви и явился въ Токарахъ и отдалъ писмо отъ Несторовича, зъ Москви писанное, въ которомъ обявляетъ, что милостивый его імператорского величества указъ состоялся перемѣнить корпусъ, въ крѣпости ст. Креста обрѣтаючійся, другимъ толикожъ численнимъ, тоесть десятотысящнимъ корпусомъ, къ которому коммендиромъ главнимъ опредѣленъ Михайло Милорадовичъ, полковникъ гадяцкій, и велено имъ стати тамъ въ іюл. мѣсяцѣ, у крѣпости святаго Креста. Въ Токарахъ устроилемъ атаманомъ прежнего Бѣличенка, а Петра Богданенка велѣлемъ взять и припровадить въ Роменъ, за противность. Кобилъ моихъ судейскихъ 2 у артополотского футора, гнѣдихъ, зъ которихъ една зъ лошакомъ гнѣдимъ, по сказцѣ старости токаровского. Пріехалемъ въ Андрѣевку о полудни. До обозного въ Лохвицю писалемъ, чтобъ старался медъ зборній по указу продавать. У Куцупѣевщинѣ былемъ, где оставилемъ коней молод. 4, а старѣйшихъ 16. Ляхъ Матяшевскій зъ Лубенъ присланъ.

16. Солдатъ зъ інструкцѣею явился ехать мнѣ въ Глуховъ, которій после кричалъ. Лубенскій сторожъ въ Глуховъ посланъ зъ листами многими; 1, въ коллегію, что я свѣдитэлства въ дѣлѣ князя Четвертенского не имѣю и нелзя ехать за дѣлами; 2, до правителей, о ляху Матяшевскомъ; 3, о вѣденіи зборовъ на церковъ печерскую; 4, до Кошелева и 5, до Сухарева, о солдату

кричавшомъ; 6 и 7, до п Андрѣя, о присилцѣ грошей, и до господара, о поведеніяхъ. Зъ нимъ же и хлопецъ Цапъ отправленъ. Получилемъ листъ отвѣтній отъ п. обозного, что онъ боленъ, имѣетъ въ Лубнѣ на розискъ ехать, и потому меду продавать не можетъ, до которого отписалемъ, на першій мой зсилаючись листъ. До Седнева отправилемъ зъ отвѣтомъ, что нелзя бить на веселля. Юско Василченко зъ Михайломъ Кривимъ пѣратинскимъ поехалъ въ Глуховъ. У Волжина былемъ и у лазнѣ.

17. Неделя. Волжинъ и аптекаръ Єейтеръ обѣдали; по обѣдѣ Нелидовъ приходилъ. Чаю фунтъ купилемъ. Вори черкаси убили здешняго жителя за Проціовкою[1]), Павлюка, 2 человѣка, 2 жуник и собака чорній.

18. Родителка вина венкгерского 2 бочки купила за 100 рубл. на воскъ (?) Теперъ сторожъ лубенскій и Цапъ, а не 16 числа, отправлени. Укази імпер. велич. опублѣковалемъ и послалемъ въ сотнѣ: 1, о подрадѣ вина, 2, о несудимихъ подозрителнихъ въ коллекгіяхъ. Были на Монастирищѣ.

19. Укази о меду въ сотнѣ лохвицкую, пѣрат., чернус. и город. Особливо указъ опублѣкованъ о пеписаніи тайнихъ дѣлъ въ писмахъ. Лучанскій староста пріехалъ и привелъ кобылу, приведенную къ нему зъ Пѣратина, а коня, заносатѣвшого, въ Луцѣ оставилъ лѣчити.

20. Глинскій житель Горулювичъ зъ дякомъ николскимъ Малишевичомъ до помѣркованя прійшли и карту мнѣ на себе дали доносителную. Литвинко машталѣръ пригналъ зъ Кривой Руди овецъ 40, 7 коней и 3 корови зъ телятами да вовни рунъ 600. Черезъ его жъ прислалъ Орановскій писмо, отъ горошинціовъ данное мнѣ, въ которомъ уступуютъ степу до футора моего Криворудского на сей сторонѣ рѣчки Кривухи,—по конць, а на той—поки хотя. О меду другіе укази послани въ сотнѣ роменскую, глинскую, смѣловскую и сенецкую.

---

[1]) Село около г. Ромна.

21. Именини сестри и жени моей праздновали. По обѣдѣ, принесена вѣсть зъ Курознова отъ Рубцевой, что Семенъ Рубецъ, новоустроенній суддя полку стародубовского, умеръ мая 4. Того жъ числа 9, померъ и п. Демянъ Якубовичъ журавскій.

22. Повернулся Юско Василченко зъ Глухова и далъ вѣдать, что Михайло Кривой отданъ за караулъ въ коллекгіи. До Сухомузкого посланъ указъ—суди ярмарковіе въ Лубняхъ отправляти. Госпожа Михайлова воронѣжская и протчіе гости воронѣжскіе и кролевецкіе поехали зъ Ромна. Въ Глуховъ послано 40 овецъ и 3 корови и 5 кобилъ до футора; зъ тихъ велено вилучить овецъ 5, а корову 1, до пустинки Мутинской. Еще жъ послано вовни ярочой рунъ 200, кухву пшена и муки всякой, опрочъ житной, по кухвѣ; а назадъ кобилокъ молодихъ 2 послано черезъ Литвинка машталѣра въ футоръ Криворудскій. Яковъ позичилъ родителскихъ грошей, на ратушѣ положеннихъ, 100 зол. Якову далемъ облѣкгъ отъ купца гданского, на 70 р. данной, и дзигарикъ, и листъ до Костенецкихъ, и листъ другій до аптекара гданского, о информаціи лѣкарствамъ писанной, а все тое Костенецкимъ, жебы отдалъ Яковъ, предложилемъ ему; еще жъ и реестръ на покупки тимъ же Костенецкимъ. И пасѣцѣ своей былемъ, где пчоли показалось 34, а 5 пропало.

23. Указъ зъ войсковой канцеляріи принесенъ о томъ, чтобъ хто похочетъ подрадится поставить муки житной и крупъ у Изюми, где магазейни устроенни, явился. Сотникъ городискій пріехалъ. Отъ обозного писмо получилъ, въ якомъ себе нехотячого принятись до продажи меду признаетъ. Отъ лукомского сотника писмо зъ городшинскимъ писмомъ, о уступленню степу до футора моего, принесенно и писмо хоролского сотника о футорѣ родителскомъ, жебы его знести. Вахмистръ полку Інгермонландского пріехалъ зъ указомъ коллежскимъ о видачѣ раціоновъ штапъ, оберъ и унтеръ офѣцерамъ нѣкоторимъ того жъ полку, за каналъ. Селецкій поехалъ въ Глуховъ зъ чолобитними въ коллекгію и зъ нимъ войтъ лучанскій на отвѣтъ по челобиттю Петренченка.

24. Неделя. Сошествіе ст. Духа. Указъ зъ вой. енер. канц. о висилцѣ 176 подводъ зъ полку въ Гадячъ, для отвозу оттуду провіянту въ Ахтирку, ландъмилицѣи. Указъ о подрадѣ муки въ Узюмъ и проч. опублѣкованъ. Сотникъ лохвицкій пріехалъ зъ Глухова etc. На Засуллю ночовали. Указъ колежскій о доправкѣ 20 рублей на сотничцѣ сенецкой присланъ.

25. Гайдученка и Івана Солодушенка виправили до пана. Поехалисмо на обѣдъ въ Вовковцѣ до обозной, ради веселля, совершившогося синови ея зъ дочерю панѣ Войцеховичевой Седневской.[1]) Кубочокъ срѣбній отъ Іванихи Корнѣе: даровань имъ. На ночъ пріехалисмо въ Роменъ и на Засуллю ночовали. Сторожъ повернулся зъ Глухова.

26. Укази о висланню подводъ зъ полку, по указу, въ Гадячъ послани черезъ Івана Гузенчишиного зятя, въ сотнѣ. Черезъ Котлубая указъ посланъ до сенецкой сотнички о видачѣ 20 руб. Григорій комисаръ пол. пріехалъ и отправленъ знову въ Лохвицю, чтобъ ехалъ въ Гавронцѣ, за раціонами, требуемими отъ інгермоландскихъ офѣцеровъ, и сказки отъ нихъ ему взять. Данило Кириловъ, войтъ бывшій, отехалъ, которому жеби бить по прежнему войтомъ писалемъ до сотника лохвицкого. Отецъ Александеръ кролевецкій пріехалъ. Фузѣй 2 зробили слюсари. Брату моему п. Андрѣю Богъ даровалъ сина Іоанна.

27. До пана судіи прилуцкого отписалемъ о требованіяхъ его двохъ и писма: одно, до сотника наказного пѣратинского, о зездѣ его въ Перервинцѣ, за степъ, а другое, до сотниковой пѣратинской о зогнаню статку ея зъ перервинского степу. До Григорія Остапенка, комисара пол., отписалемъ и писма до Шереметева и Редкина, тако жъ и інструкцѣю ему въ 5 пунктахъ послалемъ, въ дѣлехъ до полку стягаючихся. До Андріяша писалемъ о томъ, чтобъ далъ вѣдать, если посилать по вино волосское. Чернѣговскіе чили седневскіе гостѣ поехали зъ Ромна. Жена моя отехала въ

---

[1]) Говорится о женитьбѣ бунч. тов. Өедора Ивановича Тимченка-Заборовскаго на дочери умершаго седневскаго сотника Петра Войцеховича Өедосьѣ. См. Сулимовск. Арх., XXI, с. 267.

Глуховъ, а зъ нею пошло коней 18 всѣхъ. До Григораша потрете писалемъ о прибиттю его сюда. Золотореви дано робить мосенджѣ 5 фунтовъ, бляхи и пряжки. Статутъ и мѣди фунт. 88 прислано зъ Глухова.

28. Фузѣю, взятую у склепу, слюсаръ вихондожилъ належите. Ездилемъ до пасѣки своей, где 3 пчоли весма худихъ видѣлемъ. Сторожѣ роменскіе въ Луку послани для взяття мужиковъ. Сакганенко скаранъ городиский за противность суду полковому. Отъ Дракгановского, о винайденнихъ его худобу (?) розбившихъ ворахъ, писмо. До ясневелможной писма, писанніе въ .... (?) послалемъ въ Глуховъ, зъ сторожемъ лохвицкимъ. До Ігната тогда жъ, о присилцѣ дробини, въ Глуховъ писано. До лукомского и чигириндубровского старшинъ отписано въ ихъ интерессахъ. Уманцева була и обѣдала и о презенту, дарма будто турбуючую, говорила. Старшина роменская дала доношеніе, что меду зборного нѣхто покупать не хочетъ.

29. Судились Громѣки зъ маткою и обвиненни стали, и на арматѣ осаженни.[1]) Укази 2: до Костантія Лисевича, да Григораша, принесени о походѣ въ крѣпость ст. Креста, черезъ поступникового человѣка, зъ Глухова, зъ вой. енер. канцеляр. Яновскій писаръ строфованъ за тое, что обвинулъ Левченка въ висилцѣ подводъ до Гадяча, для отвозу оттуду въ Ахтирку провіанта. Отписалемъ самъ до лубенского атамана о меду, жебы якъ можна продавать. До старости коровинского писалемъ о шкодѣ человѣка вовковского отъ стадника ихъ. До городиского сотника отписалемъ о Тимошенку, у которого онъ правитъ зол. сто. До Сухомозского о присилцѣ сюда коня. Войтъ принеслъ сунки (?) 2 золотарскіе, и кунтишовъ 3 зъ ярмолукомъ [1]) Мартинъ молодикъ ездилъ въ Куцупѣевщину и тамъ показалось коней 17, а одинъ гдесь забѣгъ, кромѣ сихъ чотирохъ, итого всѣхъ 22, опрочъ дрикгантовъ трохъ

---

[1]) Сыновья Василія Громѣки, бывшаго въ 1695 г. сотникомъ въ м. Смѣломъ, лубенскаго полка. Василій Громѣка былъ родственникъ Мазепы; едва ли не племянникъ его.

на Засуллю стоящихъ, и опрочъ 18 коней зъ панею въ Глуховъ пошовшихъ; итого всѣхъ 43, опрочъ криворудскихъ чтирохъ, да въ Хоролѣ двохъ, а всѣхъ 49, опрочъ двохъ бѣлихъ Орановского. Отпущенъ менший Громѣка въ Смѣлое для зискання сюди срѣбра, у матки своей ими заграбленного, а старший на поруку Івана Остапенка отпущенъ зъ армати тутъ, толко незездить.

30. Мужиковъ лучанскихъ за противность припроважено въ Роменъ. Голубъ, посланний зъ указомъ о висилцѣ козаковъ въ крѣпость ст. Креста, въ полкъ Полтавскій, бувъ у насъ. Слуга отъ п. Бурковской, зъ Сорочинецъ, пріехалъ зъ листомъ и чепчикомъ до моей панеи. Листъ отъ обозного получилемъ и цедули полковника своего миргородского о спаленню футора Криворудского родителскаго. Ездилемъ съ п. Василемъ Романовичемъ, на Засулле, зайцовъ травить. Зъ Хмѣлова Бондарусь писалъ листъ, же козаки сгурились и не попускають нововписнихъ знову въ мужики по указу канцел. енер. Рано посланъ сторожъ лубенскій въ Лубнѣ зъ указами до Костантія и Григораша зъ войск. енер. канцеляр.

31. Неделя. Хоружій полковій нѣжинскій Левицкій, идучи зъ осталними козаками въ походъ низовій, бувъ у насъ, черезъ которого писалисмо до пана род. Отъ брата Андрѣя пріехалъ слуга зъ узваромъ, что Богъ даровалъ ему сина Іоанна, 26 сего мая. Зъ Тулиголовъ Лезовскій пріехалъ и привезено куховъ три оттуду жъ горѣлки, въ которихъ по реестрику Романа тулиголовского показалось носатокъ 28. Слуга п. Бурковской отправленъ назадъ зъ листами, моимъ до ей, а материнскимъ до самой полковниковой миргородской. Василій Дяченко отехалъ въ дорогу шлюнскую, которому далемъ реестрикъ покупить вещи мнѣ, именно: табаку картузовъ 7; фузѣю гладкую довгую и лѣкарствъ штукъ 4, да сегнѣтъ (печать) здѣлать. Лукьянъ Свѣчка пріехалъ зъ Роменъ до прапорщика по жалобѣ его на насъ.

Юнь. 1. Антонъ Маценко, товаришъ значковій полку прилуцкого, пріехалъ зъ указомъ зъ вой. енер. канцелляріи о висилцѣ козаковъ въ походъ низовій 1100, козаковъ также, бѣжавшихъ отъ низового походу—343 и невийшовшихъ зъ домовъ—177, а всѣхъ

козаковъ зъ Малой Россіи—6500, опрочъ бѣжавшихъ и невійшовшихъ. Черезъ Шоверку Воротолякомъ поручного послани гроши въ Глуховъ до канцелляріи. Другого збору на церковъ кіевопечерскую. Черезъ его жъ писмо род. до ясневелможной послано. и до Селецкого о намѣреніи обозного хоролского писалемъ. Громѣки, за тое, что не все заграбленное отдали, посажени на арматѣ. Яковъ Дуброва повернулся зъ Конотопу и назадъ привезлъ облѣкгъ посиланній до Веліоватихъ,[1]) которіи ничего не приняли. До Григорія. комисара полкового, отписалемъ, жебы раціони інгермоландскимъ офѣцерамъ збирали и онъ би отвезлъ до Гавронецъ. Домъ полковника миргородского арештованъ прокуроромъ Михайломъ Семеновичомъ Хрущовимъ.

2. Петро Воротелякъ, прежде своей дороги, бувъ у мене, которому реестрикъ далемъ покупить мнѣ фарбъ нѣмецкихъ: блакитной, красной и блейвасу и дзикгарикъ ему жъ для направки далемъ. Черезъ его жъ писалемъ до Василя Дяченка, жебы въ аптецѣ купилъ speci: de cucupha (?). Особливо шкуръ лосиних чиненихъ 10 и книжокъ 5, и вина венкгерского штофовъ зъ десять. Укази о походѣ низовомъ послалемъ въ сотнѣ къ Пѣратину черезъ Рабуху, а къ Чигириндубровѣ черезъ Токаренка, а козаковъ опредѣленно въ сотняхъ именно: зъ смѣловской 75, а лишнихъ, мѣючихъ зъ Царицина повернутись зъ конми и возами, 5 зъ Роменской 135, а лишнихъ 9, зъ глинской 80, а лиш. 6, зъ лохвиц. 135, а лиш. 9, зъ Сенецкой 90, а лиш. 6, зъ лубен. 165, а лишнихъ 11, зъ городиской 36, а лиш. 2, зъ чорнуской 90, а лишнихъ 6, зъ пѣратинской 135, а лишнихъ 9, зъ лукомской 145, а лишнихъ 8, зъ чигириндубровской 20, а лишнихъ 2, итого 1100, а лишнихъ 73. Указъ до старшинъ далемъ Антону Маценку, же онъ отправленъ понуждать старшину до походу. Романъ важилъ золотарскую мѣдь и воскъ, теди и мѣдь, и воскъ заважили по 7 фунтовъ. Квартермистръ бувъ Інгермоландского полку, присланной за раціонами, котораго отправилемъ, зсилаючись

[1]) Т. е. Костенецкихъ, которые въ народѣ звались Волёватыми.

на писмо до Григорія комиссара писанное. До прапорщика Волжина и Василя Романовича отвѣтовалемъ на листъ ихъ о Короваяхъ, о Горошинцяхъ. Громѣки отпущени зъ армати подъ кондиціею, жеби матку перепросили и все заграбленное ими возвратили ей. Орановскій писалъ о кадкахъ и рибѣ вялой, до которого тогда жъ отвѣтствовалемъ, а о рибѣ вялой писалемъ до Михайла ревизора бывшого. Старшина роменская доношеніе дали, что нѣхто не покупаетъ меду на пудъ, але развѣ на ведерка. Роману молодикови далемъ наказъ въ 15 пунктахъ. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и ночовалемъ, переѣхавши Борзенку.[1]) Коней зъ мною пойшло въ дорогу 15, а осталось. Сторожъ лохвицкій, повернувшись зъ Глухова, стрѣлъ мене на дорозѣ и подалъ отъ панеи писмо, въ якомъ выражаетъ, что доношеніе отъ насъ въ коллекгію посланное, не принято, потому же зайшолъ якобы указъ, жебы не доношенія, але чолобитніе были подавани во всякихъ жалобливихъ справахъ.

3. Зъ ночлѣгу вставши, видѣлемъ пріѣхавшихъ ко мнѣ черцовъ хмѣлевскихъ, а я отехавши оттуду, пріехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое. Зъ Смѣлого виехавши, стрѣтилемся зъ говтвянскимъ сотникомъ. Ночлѣгъ имѣлемъ у Грузкой, где сторожъ говтвянскій, ехавшій до Глухова, явился. Въ Смѣломъ еще писалемъ черезъ Бондаруся до Григорія Манжоса, жеби Антону Маценкови бувъ въ товарищахъ, и въ сотнѣ би поехалъ вигонять козаковъ, о чомъ и до п. Билима и до его, Маценка, писалемъ. До старшини роменской писалемъ, жебы турму новую зробыли.

4. Поехавши отъ ночлѣгу полюючи, приехалемъ на обѣдъ къ перевозу, откуду отправилемъ лохвицкого сторожа зъ указами до п. п. старшини, жебы въ походъ низовій означенное число товариства висилали зъ домовъ заразъ, которое би стягалось на Сухомъ Артополотѣ, близъ села Коноваловъ; а жебы укази тіе во всѣ сотнѣ дойшли, писалемъ до п. Билима и старшини лохвицкой. Перевюзшись черезъ Сеймъ, увидѣлемъ почтара, поехавшаго въ Роменъ и далѣ, зъ указомъ до Григораша Шаргородского о вигонѣ козаковъ.

---

[1]) Урочище по дорогѣ между Ромномъ и Хмѣловомъ.

Пріехалемъ позно въ Тулиголови, где засталемъ въ имбарѣ горѣлки: куховъ 4 великихъ, и двѣ бочки, а третая, неповная, на росходъ. Извѣсно мнѣ стало зъ словъ Романа старости, что у футорѣ Тулигол. обрѣтается воловъ рабочихъ 8, а коней 16.

5. Рано въ Тулиголовахъ ходилемъ до далного Бутурлимовского млина, где ступникъ казалемъ робыти и уговорити о другомъ мѣрочника велѣлемъ. Жида, шинкара тулиголовского, перемѣнилемъ и вмѣсто его Данила Вуциного, мужика, устроилемъ, а напитокъ замѣривши, здать казалемъ Лозовскому. Поехавши оттуду къ футору Калюжновскому, недоиждджаючи, на шляху увидѣлемся зъ Милорадовичемъ, пол. гадяцкимъ, повернувшимся зъ Москви. Розехавшись зъ нимъ, былемъ у млина Калюжновского, а оттоль пріехалемъ у футоръ, где по словамъ дворника показалось воловъ рабочихъ 19, коней старихъ 6, а вновъ пригнанихъ 3, итого—9, коровъ 11, еще 1 коникъ гнѣден. приблуднїй, всѣхъ 10, третяковъ 5, телятъ тогорочныхъ 8, лошатъ съ кобилами 2, овецъ 43, козъ и козенятъ 11; по словахъ же того жъ дворника показалось, что посѣяно на полю калюжновскомъ овса четверт. 8, пшеницѣ чет. 2, проса 4 мѣрки, гречки четвер. 3.

6. Пообѣдавши у футорѣ, поехалемъ до Сваркова, где оглядѣвши саду, приказалемъ Микитѣ Плетюнцѣ, жебы онъ харчъ видавалъ садовнику и протчїимъ работникомъ. Поехавши оттоль, на дорозѣ зайця поймалемъ и пріехалемъ у вечеру въ Глуховъ, где арестанти[1]) вмѣсто процессѣи стрѣтоша мя, при антесиgнану своемъ п. Тарновскомъ.

7. У ключника Клима отобралемъ грошей 335 зол. На службѣ Божой былемъ у Михайла, а по службѣ зъ Кошеліовимъ, полковникомъ, были у сотника Мануйловича и тамъ випивши по двѣ чарки, отийшлисмы всѣ. Зъ тихъ же грошей Василеви, ключникови бывшому, далемъ грошей зол. 100 на купленне жита и другихъ потребъ, а господарь Остапецъ, упивавшійся, незнать где дѣлся. Поехалемъ въ городъ до Кошеліова и у Сухарева бывши,

¹) Говорится объ арестованной по дѣлу Полуботка старшинѣ.

играмемъ въ карти. Приходили п. п. Чарнолузкій, Пироцкій, Богаевскій, Бѣличъ и проч.

8. Зъ Лаврѣномъ мѣрочникомъ торгъ учинилемъ за зробленне Калюжновского млина: дать ему зол. сто, носатка горѣлки и сукна на кунтушъ. Романъ, староста тулиголовскій, бывши тутъ купилъ гречки на насѣнне и про камень одинъ, лежачій близъ млиновъ германскихъ нашъ извѣстившись, сказалъ. Получилемъ зъ Ромна указовъ канцелярийскихъ два: 1, о присилцѣ комиссаровъ полковихъ новихъ, 2, о висилцѣ козаковъ въ походъ. П. сотникъ лохвицкій писалъ, требуючи денегъ на товариство въ дорогу. Криштопенко, наказній сотникъ, подалъ чолобитную правителямъ, чтобъ въ походъ низовій ему не ити и о томъ зо мною уговорувался. Я подалъ доношеній двѣ въ канцеллярію: 1, о козакахъ хоружовскихъ, якъ би ихъ вислать, а 2, о ему Криштопенку, чтобъ онъ до своей коменди ехалъ. Романови тулиголовскому далемъ грошей на расходи зол. 25. Плетюнцѣ войтови казалемъ дать грошей майстру Андрѣю рублей 6, а тютюннику рублей 5; а въ его гроши таковіе; за конѣ зол. 70, за горѣлку носатками виданную зол. пол. 70, итого 135 зол., опрочъ тихъ грошей, якіе доводятся за кухву, имъ теперъ шинкуючуюся. До зборщиковъ роменскихъ о видачѣ меду писалемъ роменской старшинѣ. До Билима писалемъ, о указѣ отъ его опублѣкованномъ, похваляючи его. До роменской старшини писалемъ о козакахъ мѣрними (?) ставшихъ, чтобъ ихъ въ походъ висилать, и до лохвицкого отписалемъ о грошахъ, требуючи виразнѣйшой резолюціи. Отъ Демяна получилемъ, что за горѣлку 5 зол. зълишкомъ взялъ. Отъ Гаврила о вовнѣ, въ Астраханѣ продаючойся добре. Меду зъ полтори куфи, доброго, розсичоного и играного, въ ліодовню зъ хати винесли.

9. Вчора былемъ у полковника Кошелева и зъ нимъ въ коллекгіи, где Кошелевъ предлагалъ о виижджихъ, будто помѣшателство чинячихъ въ зборахъ и наклади беручихъ; знову о доправкѣ грошей 20 р. у сотнички сенецкой предлагано. Былемъ у п. сотника глуховского и тамъ по нѣсколько чарокъ горѣлки випивши, отехалемъ домой. Грицка Петренка, лучанского козака, за досаж-

деніе вдарилемъ. У п. Гречаного былемъ, а оттоль у Кошелева; Тарасу, молодикови, здани, на руки конѣ, ронди, шори, вози и оружже, и устроенъ подконюшимъ, о чомъ реестрикъ, составленній, данъ ему.

10. Шеверда отправленъ въ Роменъ, а черезъ его писано: 1, указъ до старшинъ объ учрежденіи сотника лохвицкого наказнимъ полковникомъ въ походъ; 2, до его жъ сотника лох. о томъ же; 3, до Билима о доправкѣ грошей 20 р. на сенецкой сотничцѣ, о чомъ и інструкцѣя приложенна; 4, до ромепской старшини о продажѣ меду зборного вѣдеркою и о заброненіи другій медъ продавать до збуття сего; 5, до атамана роменского о доношеніи зборщицкомъ о виижджихъ; 6, до Дракганевского и Сухомузкого о рѣчахъ заграбленнихъ его ворами; 7, до Романа, молодика, о зисканню гончара лубенского знову въ Роменъ, и о шорахъ и о козлинахъ; 8, о принужденіи Криштопенка въ походъ; 9, до Леонтія, о кадкахъ винничнихъ, жебы 3 въ Шабалиновѣ достать и прислать въ Роменъ; 10, до родителки о листѣ ясневел. и о приѣздѣ въ Роменъ еи зъ Сумъ. Доношеніе въ коллекгію Малой Россіи о томъ, что послалемъ указъ доправить на сотничцѣ сенецкой 20 р., поданно отъ мене. Романъ умовилъ тулиголовскій мѣрочника зробити ступникъ за 35 зол. четверикъ жита, полчетверика гречки, полпуда сала, перепустъ горѣлки. Ему жъ задатку далисмо грошей зол. 5. Василь и далъ. Артѣлній приходилъ. Былемъ у п. Гречаного и Кошелева.

11. Михайло Старій тулиголовскій приходилъ зъ суплѣкою, просячи будто недоданихъ грошей ему за тулиголовскій млинъ и проч. 300 зол. Отъ п. Федора Марковича писмо о курѣнчикахъ его, на якое до его отписалемъ и до пѣратинского атамана. Такожде до атамана роменского о калиновскихъ стрѣлцяхъ.

12. Раховалы реестра Остапа и Клима ключника; на Остапу доводячихся показалось грошей 220 зол., жита четвериковъ 8 и четверть 1, овса 4 четверики безъ четверти и солоду на цѣлій варъ и 3 четверти ячменю; а на ключнику явилось 43 зол. доводячихся. Былемъ въ коллекгіи и тамъ отвѣтъ учинилемъ въ

требованномъ свѣдителствѣ въ справѣ князя Четвертенского. Далемъ Василеви грошей на купленне жита и на другіе потреби 150 зол. Далемъ въ судъ енер. свѣдителство протопопенку пѣратинскому въ справѣ его зъ Омеляномъ Таволгою, повстинскимъ, жителемъ. Савѣцкій писаръ пріехалъ въ Глуховъ. Слуга ясневелможной зъ Москви пріехалъ.

13. Ездилемъ въ винницю красногорскую, где по словамъ свинара показалось опоросившихся свиней 4, а поросятъ 24, порожнихъ зась 15, въ сажу 3 кабаны, а четвертій Островского Оттуду поехавши, заехалемъ до п. Федора и зъ нимъ видѣлемся. Зъ Овдоколля, отъ старости тамошнего, привезено дощокъ липовихъ 40 и барило олѣи. Зъ вой. енер. канцелляріи принесени укази 2: 1, о висилцѣ утекшихъ зъ прошлолѣтного походу козаковъ; 2, о висилцѣ скорой настоящого числа. При томъ листъ отъ правителей о висилцѣ Максимовича чорнуского сотника въ походъ низовій. Ездилемъ до склепу и вина осмотрувалемъ зъ п. Андрѣемъ, швакгромъ, и Стаховичомъ. Ключникови реестровъ 12 далемъ, бувшому Василеви Новѣцкому.

14. Неделя. У Кошелева на банкетѣ былемъ. Федко Бѣлополовскій зъ ключникомъ Климомъ пересипали зъ двохъ анталовъ вино у одинъ, итого теперъ вина 3 антали и 2 бочки. Указовъ 2 составили въ полкъ: 1, открито, о виходѣ въ походъ низовій, 2, листомъ о висилцѣ утѣкачовъ.

15. Черезъ засулского козака Семена Безпалчого отправлени тіе виспеписанніе подъ нумеромъ 14 числа укази до Билима, жеби онъ двома нарочними козаками отослалъ въ сотнѣ. Федко зъ Карпомъ и Федоромъ Бѣлополовскимъ поехали изслѣдовать о кгрунтахъ нашихъ, тутъ по близу вездѣ будучихъ, въ Ясмань, Чортории, Баничи, Землянку, Тулиголови и Бистрикъ. У засеймскихъ московскихъ людей, безъ битности Василя молодика, отехавшого зъ Федкомъ и прочіими, за розискомъ о кгрунтахъ, купилемъ жита четвериковъ 8, полъ четверика и полъ четверти, а особливе жита у ихъ же припахаючого купилемъ четвериковъ два; а тое першое жито куплено по 9 зол. четверикъ, сіе зась два четверики по 3

копи, и того всѣхъ грошей заплатилемъ 92 зол. и 6 шаг., якіе гроши я отъ себе далемъ. Савѣцкій писаръ приходилъ ко мнѣ зъ Худолѣемъ, такъ же и Троцкій. Указъ получилемъ зъ канцелляр. о подводахъ до Гадяча, для отвозу провіянта въ Ахтирку, ради ландмилиціи. Войту Плетюнцѣ далемъ кадѣлницю срѣбную до церкви сварковской и книжокъ 2, молитовниковъ.

16. Панѣ Яковиная поехала въ Нѣжинъ. Рано былемъ у коллекгіи и тамъ доношеніе далемъ о меду зборномъ, что пудами нихто покупать не хочетъ, а вѣдерку настоящая цѣна 8 зол. и полъ 8, которое важитъ меду 74 фунта, а патока 77 фунтовъ. Промеморія зъ коллекгіи отправлена въ канцелярію о томъ, что архимандритъ новгородскій подалъ чолобитную въ коллекгію о греблѣ Удайской и о перевозѣ близъ Шабалинова будучомъ. Кодинецъ старій бувъ у мене и супилѣку подалъ о Строкачахъ и о пропалихъ его волахъ, будто отъ футорнихъ моихъ. У ключника взялемъ грошей зол. 100. Надсулній горошинскій зъ супилѣкою до правителей на мене явился. Зъ Дорофѣевичомъ о полѣ его розговорувалемъ у п. Левенца.

17. Черезъ сторожа сенецкого посланни укази въ сотнѣ: 1, о виходѣ въ походъ низовій, 2, до старшинъ роменской, лохвицкой и лубенской, о торгованню инострантнихъ купцовъ товарами, гуртомъ или на роздробъ, по якому опредѣленію? 3, о висилцѣ подводъ въ Гадячъ подъ провіянтъ, для отвозу оного въ Ахтирку. Писалемъ до роменской старшини, черезъ того жъ сторожа, о присланню сюда ляха Яна Мутяшевского за крѣпкимъ карауломъ. До п. Билима и до Маценка о висилцѣ козаковъ-писалемъ. До Романа молодика о присилцѣ риби вялой, 1000, купленной, тамъ въ Ромнѣ будучой. Въ войсковую енер. канцеллярію доношенія послалемъ: 1, зъ пашпортомъ самимъ ляха Мутяшевского, въ сѣчѣ ему даннимъ, 2, отвѣтъ о виходѣ козаковъ въ низъ; 3, о Петренку лучанскомъ, ускаржаючомся на мене за побой; 4, о подводахъ въ Гадячъ, мѣвшихъ вислатись; 5, листъ за старостихою мутинскою до правителей; 6, о заводѣ хоролъскомъ зъ жалобою на обозного миргородского. Былемъ въ коллекгіи и доношеніе о томъ, что денги

взять у сотники сенъчанской послалемъ указъ 20 р., подалемъ. Былемъ у п. Левенца, где и Надсулній явился. До Левенца коляску на двохъ пасахъ, въ позику. черезъ Тараса, послалемъ. Бувъ Максимъ, секретарь, у мене. Швакграмъ по штофу дано. Николай злотникъ приходилъ и приносилъ до шаблѣ едной штучки срѣбраніе.

18. Черезъ Селецкого доношеній двѣ писалемъ въ войсковую канцеллярію: 1, о томъ, что економъ печерскій, пріехавши въ Смѣлое, остановку козакамъ въ виходѣ зъ домовъ ихъ въ походъ учинилъ, розискомъ чинячимся о землѣ ихъ; 2, о Надсулного челобитной, что оная пенливая есть. Ездилемъ въ Сварковъ, где еренджерѣ (sic) дѣлать казалемъ. Оттоль въ футоръ Калюжновскій, где солодовникъ Степанъ о полѣ своемъ на 500 копъ будто мѣючомся, говорилъ, же оное за 230 зол. отбираетъ кредиторъ. Получилемъ указъ зъ канцелляріи, зъ копѣю сенатскою указа, въ якомъ предложено новіе монаршіе укази, якіе належатъ къ определѣнію вѣчному, тѣ печатать и отдавать, а которіе къ реглянтамъ, тѣ къ реглементамъ. Воску по первой рахубѣ, въ пріемѣ лишнего надъ давній, показалось 3 круги, а всѣхъ круговъ 25, между которими одинъ малій, а два маленкихъ. Зварили меду 2 бочки неповнихъ.

19. Николаю злотнику заплатилемъ за шаблѣ 10 зол., а еще приходится 40 зол. Федоръ Івановичъ Протасіевъ пріехалъ зъ Москви въ Глуховъ. Дядко зъ Ромна, а сорожъ лохвицкій отъ сотника лохвицкого, зъ писмами, пріехали. Савѣцкій писарь г. Протасіеву объ отдаленіи себе отъ правленія скаржился (зачеркнуто). Позичилемъ п. сотнику глуховскому спалнѣ своей, зъ Протасіевимъ поехавшому. Въ красногорской винницѣ приказалемъ нѣчого горѣлки не робыть.

20. Приступилъ (?) Федко зъ протчіими повернулись зъ дѣла розиского о кгрунтахъ. Михайло Надсулній приходилъ и при Бяловскомъ и прочіихъ, уступилъ претенсѣи за побытте надъ нимъ бывшое. Ездилемъ до Кошелева и простился. П. Федоръ Савичъ зъ Столповскимъ були.

21. Неделя. Надсулній Михайло, мужикъ горошинскій, до помѣркования зо мною прійшолъ, которому далемъ грошей зол. 30

и полъ 2 носатки горѣлки. Подѣ, за давній долгъ винній, заплатилемъ рубля. Прокуроръ Михайло Семеновичъ Хрущовъ повернулся зъ Сорочинецъ. Федко зъ Василемъ и прочіими оглядали бору, за Березою будучого, и тамъ, рубавшихъ дерево, уловили человѣка 4 зъ конми и сюда въ Глуховъ припровадили. Прокуроръ и Кошелевъ були у мене не вечоринцѣ. Получилемъ зъ Ромна писма, отъ Билима и Маценка, о виходѣ козаковъ на Артополоть. Отъ Петровского также зъ скаргою и доношеніемъ на чернуского сотника. Вѣсть прійшла, же Калнѣцкій умеръ Афанасій.

22. У ключника Клима взялемъ грошей рублей 20. Пуховиченку Івану долгу давнего заплатилемъ рублей 6, а 10 виноватъ. Зъ Іваномъ, Гетманенкомъ прозиваемимъ, мужикомъ села Гримячки, уловленнимъ въ пущѣ нашей и припроваженнимъ въ Глуховъ, зъ 4 конми, уговоръ сталея: далъ онъ карту за подписомъ руки Худолѣевой, же мѣетъ зъ прочіими шкодцами всю шкоду въ томъ лѣсѣ нагорожати. Доношеній 3 въ канцеллярію послалемъ: 1, о виходѣ козаковъ зъ домовъ на степъ артополотскій и оттоль до барабашевого байраку, въ походъ низовій; 2, о полученіи указу о печатованіи указовъ во вѣчне надлежащихъ опредѣленіе, а которіе къ рекгляментамъ, тѣ къ рекгляментамъ; 3, о ляху Яну Мутяшевскомъ, которого въ Глуховъ припроважено; тамъ же и о подводахъ, бывшихъ въ Гадячомъ и отвезшихъ въ Ахтирку провіянтъ. Черезъ сторожа лохвицкого писалемъ: 1, до сотника наказ. смѣлянского и листъ правителскій, приложенній, послалемъ о непритяганіи къ розиску козаковъ, въ походъ наряженнихъ; 2, до Билима, о ляху, якій привезенъ потимъ въ Глуховъ зосталъ; 3, до сотника лохвицкого зъ отвѣтомъ о требуемихъ имъ грошахъ товариству; особливе, о утекшихъ и укрившихся отъ походу, жеби съ ихъ имѣнія инишхъ посилать; 4, о грошахъ же и до Григорія комисара, жеби видалъ, якъ належитъ. Куховъ 8 вимѣрили носатками и квартами и число носатокъ, такъ же и квартъ виписавши на паперахъ, оніе къ куфамъ приклеили. Остапа, бывшого господара, отправилемъ отъ себе. Шапочникови шапку далемъ шить зъ чорного оксамиту и сѣрихъ баранковъ двохъ. Виехалемъ зъ

Глухова въ Роменъ, а опроважали мене швакгрѣ и Стаховичъ. Заездилемъ въ Сварковъ. На ночъ въ футоръ Калюжновскій. Висшереченного Гетманенка мужика, по отданню отъ его мнѣ карти, отпустилемъ въ домъ его зъ конемъ еднимъ, а до учинення отъ ихъ нагороди удержалемъ у себе коней ихъ же 3.

23. Въ футорѣ Калюжновскомъ рано торгъ учинился зъ каменщикомъ нѣмцемъ: здѣлать ему каминковъ два, а коменовъ простихъ 3; за тое дать ему денегъ 8 рублей, полъ четверика жита, полчетверти пшеничного борошна, гороху мѣрокъ 2, пшона 2 и крупъ гречанихъ 2, полпуда сала и такъ же соли, барановъ 2, 5 курей, 3 гусей, 4 утятъ, 60 квартъ горѣлки, 5 квартъ оковитои, барило пива, а матерялу 3500 цегли и 12 бочокъ вапни. Ниви солодовниковой, заставленной, осмотрували. У пасѣцѣ уздицкой бувши, видѣлемъ пчоли 162 своей, а рой 1 толко. Оттуду писалемъ до Кошелева и до п. Андрѣя о куплѣ крастьянина. До п. Андрѣя приложилемъ 5 пунктовъ господареви Василю, а 4 войту сварк. Наніч пріехалемъ въ пустинку Мутинскую.

24. Черезъ сторожа лукомского писалемъ до бурмистровъ путивльскихъ, заохочуючи ихъ куповати въ Ромнѣ медъ зборній. Виехалемъ зъ пустинки Мутинской по обѣдѣ и переѣхавши черезъ Сеймъ, пріехалемъ на ночъ на Кросна.

25. Рано оттоль поехавши, стрѣтилемъ Леонтія Янковского, Сухомузкого и Василя писаря, поехавшихъ въ Глуховъ зъ солдатомъ, взглядомъ ярмарковъ, въ которихъ бивали они виижджими. Пріехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое, где указъ послалемъ до Бондауся, Остапа, Степана, Анцибура, козака смѣловского, въ колодки забивши провадить до табору. Пріехалемъ на ночъ въ Роменъ.

26. Родителка до Бубновъ поехала. Зборщики моего шинкара за друкъ посадили. Карпа, Романа и Тараса послалемъ въ Куцупѣевщину конѣ переписать.

27. Прапорщикъ обѣдалъ у мене зъ судіевичемъ Василемъ. Указъ о меду послалемъ лубенскимъ сторожемъ во всѣ сотнѣ и о козакахъ—лохвицкимъ сторожемъ.

28. Недѣля. Доношеніе въ коллекгію о віиждджихъ и писмо до Кошелева, швакгра п. Андрѣя и своей жени послалемъ черезъ сторожа Коваля. Маценко Антонъ пріехалъ зъ Яновскимъ и донесли, что 26 юня зъ Сухого Артополоту полкъ рушилъ въ походъ.

29. Петра и Павла. Праздновали до шуму. Орановскій прислалъ зъ Сухоносовки 2 фаски масла и вовни ярочой рунъ 120, а на тую жъ подводу послали туда 2 мѣри соли и 450 риби вялой. Брати зъ Кіева пріехали.

30. Доношеній 2 послалемъ въ вой. канцеллярію: 1, черезъ Соколничого о писмахъ ляха Яна Мутяшевского, а 2, черезъ Маценка, о вишедшихъ козакахъ и рушившихъ въ походъ зъ Сухого Артополоту 26 юня. Зъ Глухова отъ моей сожителници писмо принесено, въ якомъ обявляетъ о 16 рубляхъ, взятихъ у подданнихъ черничихъ, за шкоду въ бору починенную; также и о меду 16 вѣдеркахъ прѣсномъ, присланномъ туда. Соколничій, зъ Лескомъ сторожемъ, посланъ въ Глуховъ, а черезъ нихъ писано до Кошелева, Левенца, Артѣлного, которому и коня послано жъ и до моей..... (?) Указъ зъ войсковой канцелляріи принесенъ о запрѣщеніи всѣмъ дѣлать въ отиздѣ своемъ въ полскіе сторони, смалъцуги. До комиссара Вишневского писалемъ, информуючи его, якъ поступить у Гавронцяхъ, и полѣцаючи инструкцѣю, данную Григорію, отобрати.

Юль. 1. Іванъ Ющенко отправленъ къ сотнику лохвицкому, зъ листомъ и інструкцѣею объ изслѣдованіи козаковъ настоящого числа, также 73, мѣючихъ отъ Царицина повернутись и утѣкачовъ. Ігуменія Флоровская, гостивши здесь, отехала.

Капитанъ Бранчинъ, отправленній зъ Глухова въ Сорочинцѣ, заехалъ въ Роменъ и билъ у мене. П. Романовичу конь данъ. Зъ куховъ горѣлки моей трохъ, 4 меншихъ Романъ учинилъ. Сторожъ сенецкій пріехалъ зъ отвѣтами отъ всѣхъ старшинъ о подводахъ, отпроводившихъ въ Ахтирку провіянтъ и о висланнихъ въ походъ козакахъ. Сторожъ лохвицкій отъ сотника лохвицкого пріехалъ зъ писмомъ о недосталнихъ.

2. Сенецкій сторожъ, посиланній зъ указами въ сотнѣ, о висилцѣ козаковъ на низъ и о висланню подводъ въ Ахтирку, повернулся зъ отвѣтами, въ якихъ исполненіе обоихъ интерессовъ виражено *(зачеркнуто)*. Дроздъ чорнусскій, сотникъ наказний, бувъ у мене и отехалъ; бувъ зъ писмомъ сотника чорнусского, рекомендуючимъ его. Ездилемъ въ пасѣку свою, на Плавинище, где всѣхъ пчолъ показалось 28, а протчіе пропали, и роевъ 8. Принесенъ указъ въ вой. енер. канцелл. о недѣланіи смалъцуги здешними обивателми, отездомъ ихъ въ полскихъ краяхъ. Указъ послалемъ въ сотнѣ о звезенню дерева на имбари для зборного хлѣба. Ясневелможная зъ Петромъ Петровичомъ (Толстымъ) пріѣхали въ Глуховъ.

3. Указовъ 2 послалемъ въ сотнѣ: 1) о недѣланіи смалъцуги etc., противъ висшереченного; 2) о недочотѣ козаковъ до указного числа, который зъ вѣденія сотника лохвицкого присланного ко мнѣ, показался. Писма въ Глуховъ черезъ ямщика послани и барилце свѣжихъ огурковъ, а писма въ коллекгію объ опредѣленнихъ бревнахъ на имбари для зсипання хлѣба; 3) доношеніе Волжиново о справѣ Лукяна Свѣчки; 4) доношенія въ вой. канцел. о полученнихъ указахъ, прежде и о семъ, что о смалцузѣ; 5) о томъ въ оную жъ канц., же жиди и протчіе купци по давнему поведенію, гуртомъ и на роздробъ торгуютъ; 6) листъ до правителей, о грошахъ посланнихъ 200 зол., отъ людей лучанскихъ; 7) о томъ же до Бяловского; 8) до правителей, листъ отвѣтній о вѣденіи грошей на церковъ печерскую окладнихъ; 9 и 10) до ясневелможной писемъ двѣ. Намѣстникъ повернулся зъ Сенчи, куда за 20 р. до сотнички ездилъ и обявилъ, что противна указу учинились и на писмѣ далъ. Сіе устроивши, поехалемъ полюючи, до Кучупѣевщини, и тамъ на ночлѣгъ пріѣхалемъ, и тамъ ночовалемъ.

4. Зъ Кучупѣевщини на обѣдъ пріѣхалемъ въ Роменъ. Писма 2 правителскіе дани: 1) о присланню коней ляха Яна Мутяшевского, 2) о протестѣ писара Савѣцкого, жеби селъ у него не отнимать и до его не интерессоватись. Сторожъ Коваль зъ Глухова повернулся.

5. Неделя. Послалемъ указъ до лукомльского сотника о виданню коней ляховихъ посланному, а до лохвицкого, чтобъ суди ярмарковіе отправилъ и чтобъ отослалъ комисара въ Нѣжинъ, до Каратаева; Котлубаеви указъ далъ ехать въ Сенчу и привезти сюда сотниченка и Лукянця. Ему жъ данъ указъ належачій. . . . . (?) на сотничество наказное. До Адама писали о продажѣ тютюну, хочай на базарѣ торгуючи, а если покупу не будетъ, то зложить где, а самому за масло и горѣлку покупивши полѣценніе рѣчи, вернутись.

6. Отъ лубенского атамана получилемъ отвѣтъ, что все товариство по указу въ нинѣшній походъ виправлено. Суплѣка до архиерея о отцу Іоанну. . . . . (?). Козакъ зъ Глухова пріехалъ зъ писмами п. Скоропадского и моей панеи etc.

7. Коваль посланъ въ Глуховъ зъ писмами до панеи и Янковского. Зборщикъ Алексѣй и Павелъ Прядка дали писма на себе, что нѣчого не говорили противного до мене касаючогося. Занковскій зъ указомъ до Стефана лубенского отправленъ о заплатѣ людямъ за четверти. Вишневскій, комисаръ полковій, повернувшись зъ Гавронецъ, показовалъ квѣтанціи офѣцеровъ полку Інгермоландского о взятихъ денгахъ у его за раціони, якіе во время каналной роботѣ доводились по указу коллегіи Малой Россіи.

8. Янковского и ямщиковъ, по жалобѣ баби Устѣ, судили и показался виноватъ висше всѣхъ Петруша ямщикъ. Василецъ хлопецъ и Залюбовскій пріехали отъ пана род. з . . . . (?) Архиерея кіевского архиепископа Варлаана Ванатовича стрѣтилемъ, которій не похотѣвши близъ города стати, близъ Гарасимовки сталъ. Кухву горѣлки взялъ засулскій человѣкъ за 80 зол., а покуховного пологину то есть 5 зол. намъ, а 5 ему заплатить. Іванъ Юшенко повернувся отъ табору зъ писмами и зъ реестромъ козаковъ всѣхъ.

9. Сторожъ лубенскій пріехалъ зъ писмомъ и двома инквизиціями и зъ реестромъ, виправленнихъ на низъ козаковъ отъ сотника лубенского. Романъ поехалъ въ Лохвицю, Сухоносовку и Лубнѣ, и взялъ кухву горѣлки зъ собою въ Сухоносовку и 9 трубъ до казановъ направить. Отъ Занковского получилемъ писмо, въ которомъ за подписаніемъ своей и Михайла, бывшого ревизора, рукъ,

обявляетъ, что надзиратель говорили себе о мнѣ нѣчого не слишавшаго въ противности. Сторожъ лубенскій зъ указомъ въ сотнѣ ром., смѣл., глин., лохв., чор. и лубен., о присилцѣ оттуду реестровъ обстоятелнихъ, виражаючихъ особливо настоящое число товариства въ низъ висланного, особливе мѣючихъ отъ Царицина повернутись, особливе утѣкачовъ. Въ томъ же указѣ и о висилцѣ на вздогонъ осталнихъ и несущихъ до указного числа. Попи роменскіе составили чолобитную до архиерея о протопопіи . . . . . . (?) Ездилемъ до архиерея и самого не видѣвши, зъ консисторийстами просидѣлемъ. Указъ зъ коллекгіи принесенъ, если хто схочетъ вибирать денги зъ циганъ, 200 р. зъ наддачею, тотъ би явился въ коллекгіи зъ прійдучого 1725 году.

10. Сотникови наказному роменскому далемъ указ. 2, чтобъ онъ послалъ въ сотнѣ нарочнимъ кимъ: 1, о присланню реестровъ зъ сотенъ нѣкоторихъ о козакахъ, въ низовій походъ коммендерованнихъ; 2, указъ объ откупѣ атаманства циганского, якое теперъ Михайло глуховскій держитъ. Въ Глуховъ послалемъ доношеніе о сборщикахъ, обидившихъ людей. Отвѣтъ послалемъ до правителей о Савѣцкомъ. Лукянця, бывшого зборщика сенецкого, припроваженного въ Роменъ, за противность указови объ отдачѣ денегъ отъ сотниковой сенецкой 20 р. показанную, по прошенію прапорщика Волжина и Нелидова, отпустилемъ. Коваль сторожъ зъ Глухова повернулся зъ писмами отъ паней моей и п. Скоропадского. Поехалемъ въ Куцупѣевщину и оттуду позно въ Андрѣевку, хотячи на другой день бить въ Андріяшовцѣ у господина генерала Девейзбаха, которій о полуднѣ отехалъ въ полкъ прилуцкій.

11. Въ Андрѣевцѣ обѣдалемъ. До енерала писалемъ и писмо родителское послалемъ через Важниченка. Тамъ же бувъ Кулиній, которій мѣлъ завести—поки онъ продалъ своего степу родителеви, где стали Андрѣяшовцѣ косить теперъ, у которихъ и коси побрати. Для того розезду пріехали Василь Дяченко, Василь сотникъ наказ. глинскій и атаманъ роменскій Василь Ѳѣня. Але приказчикъ Андрѣяшовскій не пріехалъ, и такъ нѣчого нездѣлавши отехали. Тогда жъ и перекоповчане були. Я оттуду отехавши, приехалемъ къ ар-

хиерею, у которого доволно посидѣлемъ, а потомъ отехалемъ. Пасѣчникъ мой приходилъ зъ Плавиница о томъ, что 4 рои Богъ далъ. Генералъ Девейзбахъ писалъ до родителки о возвращеніи забратихъ косъ, будто напрасно, бо, якъ онъ написалъ, андріяшовцѣ на своей землѣ косили траву, а не на нашей. Отецъ Фома Збрискій пріехалъ въ Роменъ до архиерея. Зъ Лукомля о коню писано, которого Тишко, сторожъ чорнускій, у Горошка отобралъ. Тишко, сторожъ чорнускій, повернулся зъ сотенъ и привезлъ реестра именіе отъ сотниковъ о козакахъ, пошовшихъ въ походъ.

12. Неделя. Зъ Короваювъ привезено моей вовни бранки 50 рунъ старихъ, а ярачихъ 50, якая вся зложена въ муру. Циганъ Василенко приходилъ ко мнѣ и кружку срѣбную принеслъ мнѣ. Объ откупѣ атаманства циганского просилъ. Отецъ ректоръ Волчанскій бувъ у мене и просидѣлъ долго, а взялъ библіотецкую книжку Opera Gregorii Thaumaturgi, а другую позичилъ для прочитання Алъкоранъ Русскій . . . . (?). Черезъ козака лукомского писалемъ до Цися о присланню сторожа лохвицкаго, для отсилки оного въ походъ за п. Гамалѣею; 2, до атамана сенецкого, о присланню отвѣту о козакахъ, если всѣ війшли; до лукомского сотника и Орановского о коню рижомъ, Тишкомъ сторожемъ зъ Горошина припроваженномъ. Роменъ горѣлъ въ ночѣ и два двори згорѣло.

13. Архиерей кіевскій бувъ у Ромнѣ и службу Божую служилъ въ церквѣ Свято-Успенской Богородичиной. По службѣ у насъ обѣдъ кушалъ и до вечора забавился, а познѣй его еще писаръ и архидіяконъ.

14. У архиерея кушалисмо обѣдъ и доволно гуляли. Присланъ черезъ значкового товарища полку чернѣговского указъ зъ інструкцѣею обервалтмейстерскою, и другій указъ о утѣкачахъ, чтобы онихъ висилать за полкомъ, а утѣкачахъ тихъ, якіе отъ коменди Корицкого бѣжали. Писаръ Савѣцкій просилъ прощенія и за нимъ отецъ Слѣнскій, ігуменъ кирилскій, у таборѣ архиерейскомъ.

15. Олховскій, архиерейскій покоевій ближайшій, обѣдалъ у насъ. Архиерей киевскій отехалъ изъ Ромна въ Гадячъ. Стадо, кобили зъ лошатами п. полковника миргородского, продавано въ Ромнѣ. Получилемъ указовъ два зъ войсковой енер. канцелляріи: 1, о недержаню долгомъ въ вязенню колодниковъ, но рѣшеніе скорое онимъ, именно въ главныхъ винахъ сидячихъ, чинить; 2, о томъ, чтобъ зъ полку лубенского виелать подводъ 165 посполитихъ въ Царицинъ для подіому козаковъ болнихъ, при крѣпости обрѣтающихъся. Отецъ писаръ Ладинскій и архидіяконъ мились въ лазнѣ и вечерали. Котляръ лубенскій явился у насъ, которому карту далемъ до Романа, жеби въ Лубняхъ кухву меду взялъ, по настоящей цѣнѣ, розситити до шинку моего. Сторожъ лохвицкій посланъ въ сотнѣ зъ указомъ о висилцѣ въ походъ утѣкачовъ и зъ другимъ указомъ о береженіи лѣсовъ и зъ інструкцѣею обервалтмейстерскою. Остапъ Бондарусь опредѣленъ атаманомъ надъ значковыми роменскими. Карпъ ушолъ. Атаману Гинѣ говорилемъ, чтобъ уговорилъ зробить колѣсъ 60 воловихъ. Старостѣ засулскому, говорилемъ, жеби людямъ продалъ горѣлки моей куховъ 2, якая есть на Засуллю. Пархомъ о двухъ телицяхъ приблуднихъ, у его обрѣтаючихся, говорилъ, что мѣлъ отослать въ Криворудскій мой футоръ. Чабаную телицю приблудную казалемъ атаманови у себе удержати, до указу. Верещацѣ Петру судами ярмарковими казалемъ завѣдовать.

16. Капитанъ кгранадѐрского полку Философовъ бувъ у мене. Остапъ Глумъ скаржился на дячиху лубенскую, же межи скиртами его покосила сѣно. Кагве фунтовъ 5 купилемъ собѣ, взявши у Дениса шинкара 9 копъ. Зъ Ромна въ Глуховъ виехалемъ, а на ночъ пріехалемъ за Борзенку. Едучи билемъ въ Плавиницахъ, у своей пасѣцѣ, где улліовъ новихъ роевъ показалось 5, а самихъ роевъ 6.

17. Зъ ночлѣга писаръ Петрановскій отпущенъ въ Роменъ, а черезъ его писалемъ: 1, указъ въ сотнѣ о висилцѣ подводъ въ Царицинъ, именно: зъ ромен. 20, зъ смѣлян. 13, зъ глин. 13, зъ

лохвиц. 17, зъ сенец. 13, зъ город. 9, зъ чорнус. 11, зъ перат. 18, зъ лубен. 23, зъ луком. 18, зъ чигириндуб. 10, итого 165; 2, указъ о недолгомъ держаніи въ вязенняхъ колодниковъ; 3, до Семена Слюзенка, о висилцѣ козаковъ зъ сотнѣ сенецкой; 4, до Билима и Дяченка, о порученномъ имъ правленіи полковомъ; 5, до Верещаки, о судахъ ярмарковихъ и присутствіи его къ суду полковому; 6, до сотника наказ. пѣратинского, о висилцѣ утѣкачовъ нинѣшнихъ; 7, до родит. и сотника лохвицкого, черезъ сторожа лохвицкого. Лубенскій сторожъ въ Роменъ отправленъ для посилки его зъ указами. Федоръ Чуйкевичъ, едучи въ Роменъ, на ярмарокъ, бувъ у мене. На обѣдъ у Сухого Ромна, за Смѣлимъ, стали. Черезъ сторожа глинского отправилемъ указъ до Громѣки Івана, жебы приставомъ ишолъ при подводахъ въ Царицинъ. О томъ же и до Билима зъ товарищи писалемъ, чтобъ они о семъ опублѣковали въ сотнѣ, особливе писали би о подводахъ до городничого смѣловского. Селецкій зъ указомъ до прапорщика спойкался. На ночъ пріехалисмо за Грузкую и стали на шляху, до Бѣлихъ Береговъ лежачомъ. Сотниченко сенецкій вернулъся зъ Глухова и сказалъ, что 20 р. денегъ отдалъ въ коллегію. Пріехалемъ до Грузкой и за Грузкою якъ би у милю ночовалемъ. Черезъ сторожа лукомского указъ послалемъ о меду продавать оного вѣдерко по 8 зол., буде дорогше неможно продати.

18. Оттуду поехавши къ перевозу Бѣлимъ Берегамъ и переехавши у озера, прозиваемого Святого, обѣдалемъ. Зъ обѣда поехавши къ Глухову черезъ Волокитинъ и Уздицю, билемъ въ пасѣцѣ своей, где пчоли роевъ молодихъ показалось 28. Оттуду едучи къ Глухову, стрѣтилемъ Василя и Грицка Перехриста, ехавшихъ въ Баничи, затимъ что тамъ атаманъ тамошній сѣно наше забираетъ, интерессуючись до сѣножати. Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ.

19. Неделя. Билемъ въ городѣ рано у дворѣ ясневелможной и не засталемъ самой, а видѣлемся зъ п. Скоропадскимъ. Листъ правителскій, въ Роменъ ко мнѣ посланній, зъ Ромна присланъ ко

мнѣ, о висилцѣ коммендѣра якого полкового, справного до козаковъ, коммендерованихъ до крѣпости, при которихъ якобы искусного нѣтъ коммендѣра, зъ донесення о томъ п. Милорадовича. Пріехала родителка въ Глуховъ. Былемъ у прокурора и просидѣлемъ. Марса хорта Павелъ п. Скоропадского взялъ, за которимъ и прокуроръ присилалъ.

20. Бувъ я рано у п. Левенца и службы Божой у Михайла ст. слухалемъ. Романъ тулиголовскій, бувши въ Глуховѣ, доноситъ, что горѣлки въ Тулиголовахъ есть 4 кухви и 3 бочки. Отправленъ козакъ сотнѣ роменской въ Роменъ отъ мене, зъ писмами двома, отъ архиерея бѣлогородского и родителки, до ігумена Сумского о ванпѣ, до Билима о выправѣ подводъ въ Царицинъ, до роменской старшини. Писмо до пѣратинской старшини послалемъ черезъ руки п. Яснополского, взглядомъ чинячихся отъ нихъ обидъ подданимъ ясневелможной. Поехалисмо въ монастиръ Гамалѣевскій зъ родителкою до ясневелможной, и ночовали на половинѣ дороги, за Словутомъ.

21. Пріехалисмо рано въ Гамалѣевку, где Вѣжевскій хлопецъ, за неисправность свою наказанъ зоставши, ушолъ. Указъ зъ Глухова принесенъ у вечеру за подписаніемъ колежскимъ зъ канцеляріи, въ которомъ предложено тое, ежели кто пожелаетъ смалцугъ свой продать, тотъ бы для торгу явился въ комерцъ-колегіи, а смалцугъ билъ бы добрій, крѣпкій, голубий.

22. Салдатъ зъ інструкцѣею пріехалъ, ехать мнѣ въ Глуховъ. Суддя нѣжинскій Лазаревичъ бувъ у ясневел. Гуляли до шуму.

23. Отправленъ салдатъ зъ картою, отъ мене данною ему, въ якой обявилемъ свой пріездъ въ Глуховъ, явленіе себе завтрійшого дня въ коллегіи. Староста лучанскій пріехалъ по указу правителей. Поехалемъ зъ Гамалѣевки и пріехалемъ въ Глуховъ передъ вечоромъ и былемъ у Кошелева.

24. Ездилемъ въ Сварковъ и тамъ ночовалемъ.

25. Поліовали зъ прокуроромъ и Скоропадскимъ; обѣдали въ Сварковѣ. На ночъ пріехалемъ въ Глуховъ, заехавши до Калюж-

ного футора. Получилемъ зъ Ромна писма: 1, указовъ 3, между которими и соотвенноручній монаршій о содержаніи овецъ; 2, отъ сотника лохвицкаго, о утекшихъ зъ походу козакахъ; 3, отъ правящихъ Билима и протчихъ, о принесенныхъ тудажъ указахъ и опубликованнихъ ими и о худолѣевскихъ; 4, указъ о послушенствѣ духовнихъ суду въ коллегіи; 5, отъ п. суддѣ прилуцкого о отцу Василію сорочинскомъ и о болѣзни его.

26. Неделя. На службу Божую пріехала родителка зъ Гамалѣевки въ Глуховъ. Бувъ я на службѣ въ Михайла, а по службѣ у сотника глуховского.

27. Бувъ въ коллегіи рано. Родителка отехала въ Роменъ. Пріехавши зъ коллегіи, отправилемъ черезъ п. Василя глинского, сотника наказного, указовъ два въ полкъ о присланню вѣденій: у многихъ ли, и именно у кого, обрѣтаются собственніе свои овци, и съ тихъ указовъ единъ Кривокобилскому, а другій Іосифу Василченку въ сотнѣ везти інструкцѣи послалемъ. О семъ всемъ, такъ же о посилцѣ Петра Верещаки въ сенецкую сотню, для злѣцення уряду наказного сотничества Семену Слюзенку и о худолѣевскомъ Гайдученку предерзостнику писалемъ до Билима. Бувъ у Николая злотника и видѣлъ шаблѣ свои, едну готовую, полскую, а другую непозолоченую.

28. П. Андрѣевая, швакгровая, пріехала зъ Сумъ. Зъ Овсѣемъ мѣрочникомъ торгъ учинился за зробленне и зовсѣмъ споражение млина, на греблѣ Калюжновской: дать ему грошей зол. 50, житной муки полъ 2 четверика, гречаной полчетверика, пшеничной четверть, пшона полчетверти, горѣлки носатку, соли и сала по полтора пуда, риби вялой сотня, задатку дали 5 зол. Пива полъвару, тоесть 3 мѣрницѣ, зварили. Тишко сторожъ, посиланній до Овдоколля, повернулся зъ мужиками тамошними, привюзшими сюда гусей, утятъ и курей. Онъ же Тишко отправленъ зъ листами до паней о 100 зол., Зарудному отъ родителя даннихъ, на покупку верблюдовъ и комличатъ. До глинского Василя о присилцѣ меду, до Романа молодика о заплатѣ въ Ромнѣ за медъ, до Мартина о

пріездѣ его сюда и припроваженню коня сивого старого, до Лезовского о отосланню въ Роменъ каретокъ и посланню реестра объ штукахъ ихъ. Обозній Мартосъ лубенскій оженился на Кичкаровской.

29. Подводи зъ житомъ пошли до Тулиголовъ, на которихъ сюда прислать 2, а въ Камень 3 куховъ горѣлки, писалемъ до старости. П. Скоропадскій у насъ обѣдалъ. У лазнѣ билемъ. Зъ Смѣлого стрелцѣ дичину привезли

30. Получилъ я письмо отъ Артемія Петровича Волинского о присланню бандурки и скотини, коровъ и биковъ. У прокурора кушалъ я и билъ до вечера. Донесено мнѣ отъ войта Плетюнки, же на Калюжновскомъ полѣ нажато жита копъ 294. Допрошувалемъ Леонтія Янковского и писара Василя о допросѣ ихъ, что показали, будто они збирали викладніе денги по указу моему, чему они таятся и себе того не говорившихъ, признаютъ бити.

31. Сторожа бывшого смѣловского отправилемъ въ Роменъ зъ листами до Билима и Дяченка о присланню сюда Котляренка и Якима Кулябки въ комисари полковіе. До ихъ же листъ правителскій о утекшихъ зъ коллегіи 2 колодникахъ, для опубликованния о томъ послалемъ. Особливо указъ о подрадѣ смалцуги въ камерцъколегію для того жъ послалемъ къ нимъ. Сторожа глинского послалемъ въ Прилуку зъ листомъ до п. суддѣ прилуцкого и зъ лѣкарствами. Алексѣй Макодонскій, пѣвчій княжій, бувъ у мене и игралъ на клавицимъбалѣ. У ключника грошей отобралемъ шинковнихъ рублей 30, 10 себѣ удержалемъ, а 20 Василеви господ. на росходъ всякій далемъ. Тарасъ ездилъ до Уздицѣ, гдѣ видѣлъ роевъ всѣхъ 53, а всей пчоли 211 изъ роями.

1. Августа. Князь Янъ Четвертинскій [1]) бувъ у мене, которому въ позику далемъ жита четверикъ розмѣрного зъ млина родионовского. На горѣ тутъ бувши, самъ смотрѣлемъ воску, кото-

---

[1]) Братъ Юрія Четвертинскаго, зятя гетмана Самойловича. (См. о немъ Историч. Вѣстн. 1880 г., августъ, 720 и слѣд.

рого показалось грудокъ 26, а една маленкая и въ нихъ ваги фунтовъ 712, опрочъ воску того, которій въ склепу 9 грудокъ.

2. Сторожъ чигириндубровскій отправленъ зъ Глухова, а чрезъ него писалемъ: 1, до Билима и проч., о присланню сюда въ комисари двохъ зъ 5-ти, Котляренка, Якима Кулябку, Громѣку меншого, Черняховского и Христича; 2, до чигиринду. старшины, о меду и лубенской о томъ же; 3, до комиссаровъ пол., о посланной къ нимъ інквизиціи о убійствѣ тамошнего человѣка; 4, до Орановского, о господарскихъ дѣлехъ. Черезъ Тараса молодика до пана Левенца послалемъ доношеніе, въ канцолярію надлежащее, о колодникахъ, въ Ромнѣ державмыхъ. Бувъ я у млинѣ Калюжновскомъ, где розмѣру по малой части було, а въ карбу мѣрочника показалось отъ Дмитровой суботи, когда онъ сталъ у млинѣ, до сего дня 86 четвертей жита.

3. Рано бувъ у коллегіи и получилъ указъ о томъ, чтобъ за тютюнъ и пчолу десятину брати по 20 л., а зо всѣхъ млиновъ противъ великороссійского по четвертой долѣ розмѣру, а владѣлцѣ сами мелници оправлялибъ. Мартинъ молодикъ повернулся зъ Ромна и привезлъ писма: 1, отъ родителки листъ утѣшителный зъ приложенною цедулою, требуемихъ п. суддѣною енер. вещей 41; 2, отъ Петрановского, о его зеханню въ Пѣратинъ; 3, отъ Слюзенка, о поворотѣ Криштопенка и взяткахъ; 4, отъ Гаврила Юска зъ Астраханѣ; и 5, реестръ о повернувшихся возахъ зъ Астраханѣ зъ рибою при Величку, а всей риби на 4 возахъ било: сазани 800 сотце, по полъчварта рубъ. зъ 5 копѣйками, сомовъ сотня 7 р., сули 1000, 6 р. и того на покупку рибъ пойшло грошей 189 зол. и 5 копѣй., а на протчіе розійшлись подорожніе росходи и харчъ, 12 зол. и 6 коп.; всѣхъ 201 зол. и 11 коп. Особливе зъ кримской дороги соли возъ присланъ. Черезъ козака, зъ Мартиномъ пріехавшого, сотнѣ чорнуской, зъ Курѣнки, Ярему пасинка пи . . . . . ного (?) послалемъ въ Роменъ: 1, до Билима, указъ колежскій висшенаписанній, для публѣкаціи; 2, до Петрановского, объ его въ Роменъ поворотѣ; 3, до Билима жъ и роменской стар-

шини, объ опредѣленіи ему жъ села . . . . . (?); 4, до Семена Слюзенка о виправѣ козаковъ сенецкихъ; 5, къ нему жъ цедулою, о взяткахъ и приложенъ указъ до старшини тамошней о битіи его сотникомъ наказнимъ; 6, до Романа, чтобъ рибу и соль сюда припровадилъ. Николай злотникъ принюсъ шаблю едну полскую, а на другую далемъ еще червоного.

4. Въ коллегіи бувъ у допроса о виіжджихъ. Джикгилъ, бившій сенецкій сторожъ, пріехалъ отъ слѣпого Криштопенка, зъ листами его однимъ, а другимъ Милорадовича, о его поворотѣ въ домъ. Козакъ роменскій стойчикъ привезлъ письма отъ Савѣцкого писара, інквизицію о проступцахъ чорнускихъ.

5. Черезъ двохъ козаковъ стойчиковъ писалемъ до род. о присланню крѣпостей на Калюжновскій футоръ и о указѣ къ Волжину, посланномъ о слѣдованіи на зборщиковъ поданнихъ чолобитнихъ. До Билима о худобѣ ляха Яна Мутяшевского, о посланню кого въ Сенчу взглядомъ болѣзни Криштопенка, о магазенахъ и о нестроеніи амбаровъ. Джикгилъ посиланъ зъ листами правителскимъ и моимъ до старод. товарищей, объ отпуску двохъ подводъ овдоколскихъ.

6. Преображеніе. Коммунѣковался. Вижевского хлопця сторожъ глинскій зъ Прилуки привезлъ. Другій сторожъ глинскій привезлъ зъ Глинска куфу меду. Джикгилъ повернулся зъ отвѣтомъ, нѣчого нескуравши, поневажъ оніе товарищи не вернули тихъ подводъ овдоколскихъ, но зъ собою въ Царицинъ потягли. Червоного Василеви отдалемъ писару.

7. Ездилемъ въ Калюжновскій футоръ и въ Сварковъ, и тамъ осмотрѣвши, пріехалемъ въ Глуховъ. Вѣжевскій въ Сварковъ отосланъ. Антонъ и Соколничій пріехали зъ Ромна и дрикганта воронострокатого привели. Вимѣрали куфу меду и показалось 12 вѣдерокъ ровно глинскихъ, по 8 зол., итого 96 зол.

8. Билъ въ склепу и замѣровалъ вина. Получилъ указъ колежскій о томъ, чтобъ увѣдомить о здѣланномъ магазейну въ Ве-

ремѣевцѣ. Зъ вой. енер. канцеляріи принесено ко мнѣ доношеніе, отъ чаусовцевъ подданное въ оную на овдоколцовъ, за кгрунта.

9. Джикгилъ, бившій сторожъ сенецкій, отправленъ зъ указомъ и обявленіемъ о екзекуціи, въ С.П.Бурху януар. 24 бывшой, во всѣ сотнѣ. До Билима, о присланню сюда худолѣевскихъ людей, писалемъ черезъ его жъ. Въ Овдоколле глинского сторожа посла-лемъ. Заплатинъ и проч. обѣдали и подпияхомъ. Тогда жъ къ нему о слабости жени его вѣдомость прійшла.

10. 3 рублѣ Николаю злотнику посладемъ черезъ Клима за шаблѣ, и того далемъ 5 рублей всѣхъ, а еще 5 доводится. Трость купилемъ за 4 зол. Отъ атамана горошинского, пріехавшого въ Глуховъ, увѣдомилемся, что въ Круворудского футора зробили 70 скиртъ сѣна. Василя послалемъ въ Есмань за житомъ, сколко нажато, а Тараса въ Обложки за грошми, въ Тулиголовы за горѣлкою и житомъ, сколко нажато жъ, въ Уздицю за грошми, отъ шинкарей доводячимися. Соколничій отправленъ въ Роменъ зъ листомъ до родителки, а Антонъ въ Кролевецъ. Карпъ Огіенко явился у мене. Ездилемъ въ Сварковъ, где Козелъ хлопецъ утекъ.

11. Івану шабелнику далемъ шаблю полскую оправлять и на срѣбро 10 л. Допросъ мой читано въ коллегіи У прокурора бувши, розговорувалемъ о віиждджихъ.

12. Зъ рибою Романъ пріехалъ: 4 вози риби, а пятій соли; риби, сомовъ „ ", короповъ 780, сули 9. Тарасъ молодикъ пріехавши сказалъ, что въ Тулиголовахъ жита нажали 134 копи; въ Уздицѣ пчоли 219. Романъ сказалъ, что на Кривой Рудѣ накосили сѣна 80, а въ степу сухоносовского—10 скиртъ.

13. У ясневел. обѣдалъ. По обѣдѣ, у склепу бувъ; потомъ у Кошелева, прокурора и князя Четвертинского, зъ прокуроромъ, а оттоль поехавши, до мене на вечеринку заехали и тутъ до полночи просидѣли.

14. Черезъ сторожа смѣловского получилемъ писма отъ родителки, и родителя 6 юня зъ Сулаку и отъ брата Семена, отпра-

вленіе. Антонъ Маценко бувъ у мене, допрошуючись реестровъ о козакахъ вишедшихъ. Писалемъ до родителки черезъ старосту лучанского, отправившогося; до сотниковъ сенецкого, городиского и лукомлского о присилцѣ сюда именнихъ реестровъ козаковъ, вишедшихъ на низъ, а писалемъ черезъ сторожа лукомлского. Обослалемъ колекгистовъ рибою, сомовъ—, короповъ—, сули—. Шаблю полскую, оправивши, шабелникъ принеслъ. Пшеницѣ нажали въ Калюж. хуторѣ 51 копа, а еще другая нива не зжата.

15. У п. Левенца рано билъ. Обѣдалъ у ясневел., где и прокуроръ, у которого по обѣдѣ сидѣли. Привезли зъ Тулиголовъ кабана оправного.

16. Неделя. Обѣдалъ у себѣ. Бувъ у Хрипунова. Оттоль у ясневелможной и поехалъ зъ попомъ Островскимъ въ футоръ Калюжновскій и тамъ ночовалъ. У футорѣ тогда оказалось овса нажатого 110 копъ, а еще часть недожата.

17. На обѣдъ въ пасѣку до Уздицѣ пріехалемъ, где пчоли 27 убито, а осталось 192.

18. Пріехавши оттуду, приспѣлемъ на обѣдъ у футоръ Калюжновскій, где у млина на обмѣлѣ, противъ скринѣ, докопались ями, куда вода текла. Коня сивого отцу Островскому за позиченное у его жито 4 четверики, далемъ, а онъ мѣетъ додать 2 четверти. Ему зась за брусся рубля. Поехавши оттуду къ Сваркову и тамъ бувши, велѣломъ майстрови свѣтелку дѣлать еще одну и ему жъ, жеби войтъ далъ 6 копъ грошей, казалемъ, а каменщику рубля Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ. Господинъ брегадиръ Велъяминовъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ на Веригинѣ, у которого позно билемъ и просидѣлемъ до полночи и вечералемъ. Взялъ п. Николай злотникъ срѣбра 3 гривни, 13 лот. и 2 злотника. У полской шаблѣ 2 гривни 7 лот. безъ ползлотника. У турецкой шаблѣ, 1 гривня и ползлота.

19. Брегадиръ у ясневелможной билъ и, по двѣ чарки виливши, отехалъ, а ми гуляли. Люде худолѣевскіе въ интересномъ дѣлѣ привезени въ Глуховъ. Полвару пива зварили.

20. Указъ зъ коллегіи получилемъ о показаніи імбаровъ для зсипки хлѣба надзирателю Нелидову. Моду 3 дѣжки розситили, а било 2 казани броварнихъ, зъ которихъ взяли розваренного меду куфу болшую и 4 бочки, мѣрницъ 4. У брегадира вечералемъ.

21. Въ колегіи бувъ и зятя Плетюнчиного на поруку освобожено. Романа послалемъ въ Роменъ зъ двома скринями запечатанними. До Билима о нескоромъ присланню худолѣевскихъ людей; до сенецкого сотника наказнаго о висилцѣ козаковъ зъ Буйнѣцкимъ и опредѣленіи наказного атаманства Коцубѣю Лукяну; до Глинского о моей горѣлцѣ; до Савѣцкого объ изслѣдованіи въ сотняхъ пѣр., гор., сенец. и лох. колодниковъ и въ онихъ же сотняхъ о продажѣ меду писалемъ. Романови далемъ указъ въ пунктахъ що чинить. Скоропадскій и князь били рано у мене. Овса въ Калюжновскомъ футорѣ нажали копъ 130 и гречки 130.

22. Указъ зъ коллегіи повторній о томъ, чтобъ увѣдомить оную о магазенѣ въ Веремѣевцѣ будучомъ, если въ цѣлости есть и нѣтъ ли течѣ дожчу и починкѣ оного, получилемъ. У прокурора рано былемъ, а зъ нимъ у брегадира. Брегадиръ пріймалъ гостей въ себе, где и я подпялій бувъ. Патрекей, секретаръ бившій колежскій, умеръ. Сенецкій сторожъ пріехалъ зъ писмами отъ сотника сенецкого, въ якомъ его писмѣ виражаетъ прежде посланную ко мнѣ вѣдомость, о взяткахъ сотника наказ. Криштопова; и отъ Орановского, въ якомъ пишетъ, что въ Кривой Рудѣ стало скиртъ сѣна нового 46, а еще 7 велѣлъ уробить, а старого 33; въ Сухоносовцѣ 11 уробили, а старого 6. Шабелнику на шаблю турецкую далемъ грошей 2 гривни; особливо ему жъ въ заплату далемъ зол. 2. Николаю злотнику доводится дать за шаблѣ еще 27 зол. и 5 ш. Ключникъ Климъ далъ грошей должнихъ Пуховичу зол. 30.

23. Неделя. Циганка, мужика сварковского, послалемъ подрадитись на дубину и грошей далемъ ему зол. 4. Василь поехалъ въ Ясманъ зъ людми орать. Столповскій бувъ у мене. П. Миклашевскій пріехалъ въ Глуховъ.

24. Заливали горло за городомъ двумъ грошоробамъ. Зъ Матвѣемъ, цехмистромъ гончарскимъ веригинскимъ, умовилемся, при отцу Островскомъ печъ въ боковой свѣтелцѣ зробить за 5 копъ. Билемъ у Сварковѣ и казалемъ дать Андрѣеви майстрови 5 рублей Плетюнцѣ. Сторожа сенецкого зъ писмами послалемъ въ Прилуку до п. суддѣ и п. Федора.

25. Рано бувъ у брегадира, оттуду въ дому. У ясневел. гуляли и подпияхомъ. Пуховиченку отдали и решту грошей 4 рублѣ и уже не виновати.

26. Зъ Матвѣемъ, цехмистромъ гончарскимъ, торгъ учинился, зробить ему 3 печи въ Сварковѣ, а ему за то дать 20 зол., а теперь задатку далемъ ему на всѣ печи рублей 2. Ездилемъ до радионовского млина, где розмѣру било близъ четверика. Полвару пива зварили.

27. Отъ Билима писмо о медленномъ присланню худолѣевскихъ людей получилемъ. Отъ родителки писмо жъ объ овцахъ получено жъ. Шинкарѣ тулиголовскій и уздицкій приездили, которимъ зъ денгами пріехать казалемъ.

28. Ясневел. була у брегадира и о нашемъ дѣлѣ говорилось. Билемъ у секретаря, у коллекгіи и у ясневел.; тамъ кушалемъ. П. Левенца зъ коллегіи отпущено въ домъ. Романъ тулиголовскій бувъ у Глуховѣ. Въ писмѣ сотника лукомского наказ., август. 10 писанномъ, приложенъ реестръ пригнанних коней моихъ зъ Хорола и статку, именно: шкапа гнѣдая зъ лошамъ, тожъ гнѣдая безъ лошати, чалій конь, гнѣдій, воловъ 6, гнѣдій, два половихъ, рижій, рябій, чорній.

29. Писма послалемъ черезъ козака пѣратинской сотнѣ села Осюковъ, Дмитра Макуху до правителей въ Роменъ о присланню сюда Криштопенка; объ овцахъ, жеби вѣдали силу указу: не овци, але господарей зревѣдовать. До ігумена мгарского о грошахъ 100 рубляхъ, брегадиромъ требуемихъ. До старшини роменской объ овцахъ же, толкуючи имъ указъ. До Билима о его правленіи. Ездилемъ въ Калюжного футоръ, где еще вновъ ужали пшеницѣ копъ 27,

а всей будетъ 82 копи. Оттоль билемъ въ Сварковѣ, где Циганокъ, вернувшійся отъ послушанія своего, ему о подрадѣ дубини приказанного и, нескуравши нѣчого, гроши вернулъ данніе ему 4 зол., зъ которихъ зъ двѣ гривны садовнику далемъ. Степанъ Новомлинскій дуль полумисокъ принюсъ, у вечеру. Епископъ чернѣговскій Іродіонъ Жураховскій бувъ въ Глуховѣ и отехалъ у монастырь Гамалѣевскій. Брегадиръ, прокуроръ, Скоропадскій въ Кролевецъ отехали. У Калюжновскомъ футорѣ засѣяли житомъ поле все, а пойшло жита полъ 5 четверика.

30. Неделя. Бувъ рано у секретара. Отправивъ Василя, господара, въ Кролевецъ, на ярмарокъ, за воскомъ, которого грудокъ 6 давнихъ, а семая теперъ забитая, въ якой ваги 40 фунт., а всего воску въ семи грудкахъ 6 каменей, да вовни 100 рунъ. Яманскій шинкаръ, пріехавши, взялъ пиво и далъ 6 рублей и 10 алт.

31. Отцу Островскому, едучому до Кролевца, на ярмарокъ, далемъ еще воску 50 фунт. Поехалемъ въ Гамалѣевку, где чернѣговского епископа Жураховскаго засталемъ.

Септевр. 1. Архиерей въ Гамалѣевцѣ молебенъ новому году отправилъ, и подпияхомъ. Сторожъ сенецкій повернулся зъ Прилуки зъ тимъ отъ п. суддѣ и п. Федора писма привезлъ, въ которихъ болѣзнь, пухлятиною усугубившаяся, п. суддѣ означается.

2. Рано епископъ отехалъ. У лазнѣ въ Гамалѣевцѣ билемъ. Потомъ, надъ вечери, виехалемъ оттуду и пріехалемъ позно въ Тулиголови, где брегадира, прокурора и п. Скоропадского Михайла, зъ ярмарку кролевецкого повернувшихся и пріехавшихъ сюдажъ, въ мой дворокъ, засталемъ.

3. Брегадиръ, зъ протчіими поснѣдавши, поехали поліовать, а потомъ брегадирша зъ дочерю Василиссою, поснѣдавши жъ, поехала въ Глуховъ. Въ імбарѣ засталемъ горѣлки куховъ 3 и часть бочки. Моя сожительница на обѣдъ сюда жъ, въ Тулиголови, пріехала. Плетюнчинъ синъ пріехалъ по кухву горѣлки, на вишинкъ. Романъ, дворникъ, повернулся зъ Кролевца и сказалъ, что проданъ воскъ по 27 зол. камень, а всего воску, якоби было 7 камен. безъ 8 фунт.

Джикгилъ сеноцкій повернулся зъ полку лубенского и привезлъ: 1) писмо отъ Билима и Дяченка, отвѣтное на многіе укази, до нихъ засиланіе, и приложеній реестръ писемъ, до нихъ посиланнихъ отъ мене; 2) репорти о полученномъ обявленіи бившой въ С. П. Бурху екзекуціи; 3) тожъ репорти о анбарахъ, жеби онихъ вновъ до указу не строить; 4) о утекшихъ съ походу козакахъ; 5) о подводахъ, виправленнихъ до Царицина; 6) о дачи вѣдомостей, у кого собственніе свои имѣются овци; 7) о подрадѣ смалцуга; 8) о утекшихъ зъ коллегіи колодникахъ; 9) о пчелной и проч. десятинахъ, жеби грошми платить въ казну, а не пчолами; 10) отъ Тонконога писмо о зимнихъ квартирахъ и мисячной платѣ; 11) отъ Занковскаго, о подсусѣдкахъ козацкихъ, въ Веремѣевцѣ будучихъ, якихъ притягаетъ Галаɡанъ до подданнихъ своихъ; 12) отъ старшины чигириндубровской, о Никифору, еремѣевскому жителеви, на которого показано во взятіи воровскихъ денегъ розискъ, особно ли онъ отъ матери своей живетъ и добрій ли человѣкъ, о томъ зъ коллегіи розискать велено; 13) отъ родителки писмо, желаючое нашего прибытія; 14) отъ Билима жъ отвѣтъ о слѣпомъ Криштопенку, по которого посланъ значковій, сюда оного припроводить въ Глуховъ, по указу канц. енер.

4. Стрѣлца чорторійского отпустилемъ домой, чтобъ бувъ въ понедѣлокъ взглядомъ шинку. Плетюнцѣ куфу горѣлки видано зъ імбару. Шинкарка тулиголовская принесла за медъ копъ 9, якіе взялъ Мартинъ и вмѣсто ключника Клима, писмомъ оную квѣтовалъ. Роману старостѣ наказъ далемъ о непередержованню великороссійскихъ людей. Ему жъ казалемъ деревъ, хвоини товстой, нарубать 200, якое мѣютъ въ Сварковъ перевезти тамошніе мужики, осипное жито мѣючіе возити. До старости ярославского писалемъ о томъ, чтобъ вернулъ тамошній мужикъ заграбленного коня, чили кобилу, Куриленка Ігната. Василь господаръ, зъ грошей, принятихъ за воскъ, Роману далъ рублей 9. Виехалъ зъ Тулиголовъ, а едучи поузъ шинкъ мой, казалемъ тамъ погребъ сдѣлать. Пріехалемъ въ футоръ Калюжновскій, где противъ скринѣ прокопано, а землею и гноемъ засипали, для того, что вода поузъ тарасованне ишла. У

футорѣ тютюнникъ сказовалъ, что шнуровъ на 1500 есть тютюну, а еще на 500 и болшъ, якоби мѣетъ бити. Тамъ же дворникъ говорилъ, что ліонъ першій змолотивши, насѣння полубочокъ зобралъ, а теперъ еще молотилъ послѣднего копъ на 5. Просо вязали тамъ же, у футорѣ. У Сварковъ пріехалемъ, где десятника, за невистатченне работниковъ садовнику, наказалемъ боемъ кіевимъ. Оттоль въ Глуховъ едучи, споткалемъ Плетюнку, зъ мѣста ехавшого, зъ побитимъ окомъ и щокою, пяного. Заездилемъ до шинковъ замѣскихъ и пріехалемъ въ домъ. Надзиратель Нелидовъ и зборщики пріехали въ Глуховъ.

5. У брегадира рано бувъ зъ княземъ и, не увидѣвши его за слабость, отехали къ прокурору, а отъ его поехалемъ домой и кушали у насъ князь и Скоропадскій. П. п. сотниковая седневская Войцеховичева и Григоріева Жоравкова пріехали въ Глуховъ, такъ же и отецъ Павелъ Свѣтъ зъ своею сожителницею. Отправилемъ Джикгиля въ Роменъ зъ писмами: 1) до родителки, о небытіи нашемъ въ Андрѣевцѣ на празднику, и о листѣ, Селецкимъ писанномъ до Леонтія, и о присилцѣ сюда овецъ и водки; 2) до правителей полковихъ, о присилцѣ сюда зъ сотенъ, город., луком, и сенец., именнихъ реестровъ козаковъ, въ низовій походъ виправленнихъ; 3) до Орановскаго, о присилцѣ сюда барановъ и овецъ непотребнихъ килка десятъ, о пчолѣ, жеби самую подлую бити, о запасѣ на хмѣль и о протчемъ, и чтобъ озимую пшеницю посѣять на степу сухоносовскомъ, и жита бъ болшъ посѣяно; 4) до Романа, слуги, объ увѣдомленіи мене о полѣценнихъ ему дѣлехъ. Зъ Ромна и съ Каменя пригнано сюда овецъ 20, да кухву горѣлки привезлъ конюшого хлопецъ; горѣлка оковитая пополамъ зъ простою.

6. Неделя. Надзиратель бувъ у мене и говоривъ о імбарахъ и придаванню карауловъ до коморъ, хлѣбомъ насипаннихъ, которому указъ зъ коллегіи ко мнѣ виправити о томъ казалемъ и въ тотъ часъ тое будетъ чинитися по оному. На службѣ Божой билемъ у Михайла ст. и на службѣ у церкви. Докторовичъ, на лѣвомъ криласѣ стоявшій, ссоръ зъ дяками имѣлъ и зъ крилаcа випхано. Артѣлному барановъ 3, а козловъ 1, и по барилу водки даровалъ.

Столповскій обѣдалъ у мене и о своей сватби говорилъ. Отецъ Павелъ Свѣтъ отехалъ изъ Глухова. Ямщикъ привезлъ зъ Ромна письма: 1) отъ Івана Славѣнского доношеніе, что онъ овецъ продавать въ Коровинцяхъ не запрещалъ; 2) отъ Петрановского, о его отездѣ въ домъ прошеніе; 3) отъ Билима, о уменшенню компанѣйцевъ у Хмѣловѣ, а притягненню Медвежого къ дачѣ оного, и о глинчанахъ, нехотячихъ за зборщиковъ, зъ Ромна въ сотню ихъ вибраннихъ, дачи давать; 4) отъ Билима же, о присилцѣ сюда въ Глуховъ Івана Криштопенка; 5) отъ правител. пол., о полученнихъ указахъ зъ колегіи объ откупѣ индукти, о суддяхъ родственникахъ, о преступленіяхъ государственнихъ и партикулярнихъ, о переписованіи овецъ въ Коровинцахъ, по доношенію тамошнего старости, о амбарахъ, что оніе въ цѣлости суть; 6) объ овцахъ вѣденія и о полученномъ тамъ моемъ ордерѣ, о продажѣ меду зборного и о трембачахъ; 7) отъ отца ігумена мгарского отвѣтъ о денгахъ, 100 р., за павиліонъ должнихъ; 8) отъ сотника городиского, о пожежѣ двора его и реестру присланномъ козаковъ, въ походъ низовій ординованнихъ, безъ подпису руки его; 9) отъ Шимка, о магазейну, же цѣлъ увесь; 10) отъ чорнуского уряду, о проявившихся ворахъ. Вѣденіе объ овцахъ положено, сколько господарей въ полку лубенскомъ обрѣтается, которіе имѣютъ свои собственіи овци, именно въ сотняхъ лубенской—1976, въ ром.—2420; въ смѣлов.—744; въ глин.—1169; въ лохвицкой—1856; въ сенецкой—904, въ городис.—317; въ чорнуской—1139; въ пѣрат.—2344; въ луком.—1271; въ чигриндубров.—1350 и того всѣхъ господарей 15485.

7. Въ Ромевъ послалемъ листи, через почтаря ямщика, до правителей—резолюцію о трембачахъ компанѣйцяхъ и въ Чорнухахъ держимихъ ворахъ и чтобъ допросили, зъ якой причини перепѣсь овечая учинилася, и оніе реестра овечіе отослалемъ назадъ. До сотника городиского о пожежѣ двору его учинившойся зъ диссимуляціею и чтобъ на Саданку суда искалъ, и не самъ собѣ управу чинилъ, и реестра, козаковъ внизъ посланнихъ, для подпису руками ихъ, воспятъ послалемъ. До правителей же и инквизиція чорнуская послана. Степану, шевцю сварковскому, —шинковатъ казалемъ въ

Сварковѣ и чтобъ видалъ Романъ кухву ему горѣлки, писмо далемъ. Такъ же и стрелцеви Чорторискому. Плетюнцѣ, войту, указъ данъ о тогоручной осипщинѣ, жеби везли оную въ Тулиголови, а оттоль дерево рѣзанное брали би. Такъ же и сеголѣтную осенщину вибирать указъ данъ ему жъ именно: отъ имѣючихъ по одной и по двѣ сохи, по 3 четверти жита, а отъ имѣючихъ по три и по чотири сохи, по четверику брати, да жеби сами жъ тое жито отвезли въ Тулиголови, а оттоль дерева взяли. Ему жъ данъ указъ смотрѣть того, чтобъ всѣ до церкви въ святніе дни ходили. Забара зъ чотирма подводами посланъ по дрань, а нѣ по валъ. Скриню зъ платтемъ черезъ того жъ ямщика москаля послали въ Роменъ, а панѣ отъ себе объ оной писала въ Роменъ до господарки. Івана Криштопенка отослалемъ зъ Худолѣемъ до правителей, при моемъ доношеніи. Отехалемъ въ Гамалѣевку, где у ясневел. вечералемъ.

8. Праздникъ Рождества Пресвятой Богородици отправляли въ Гамалѣевцѣ, гдѣ били: брегадиръ, прокуроръ, Кошелеви и прочіе, и подпіяхомъ.

9. Стойчикъ зъ Ромна пріехалъ зъ писмами: 1, Занковского о амбарахъ и сараяхъ, въ Веремѣевцѣ будучихъ, ознаймуючимъ что оніе цѣли, а миргородскимъ полкомъ строившіеся худи, и что князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ билъ въ Чигириндубровѣ, а оттоль поехалъ въ Переяславль, Нѣжинъ и протчіе городи; 2, отъ Орановского, о домашнихъ поведеніяхъ. Козакъ сотенній роменскій отправленъ въ Роменъ зъ пятма писмами: 1, до правителей, о сочиненіи вѣденія господарей, до десятка овецъ имѣючихъ и о респектѣ Петрановскому должномъ; 2, до Орановского, отвѣтъ; 3, до Романа, о его тамъ пребиваніи, и злегчанню дрикгантовъ, на Засуллю стоячихъ и 4, о томъ же до господара и о трубницѣ до сухоносовской винницѣ; 5, до родителки привѣтъ. Въ трапезѣ обѣдали, где и подпіяхомъ; после у п. суддѣной.

10. Обѣдали тамъ же. По обѣдѣ отехали зъ Гамалѣевки въ Глуховъ; на дорозѣ стрѣлисмо сотника глуховского, ехавшого въ Гамалѣевку просити ясневелможной на веселле, мѣючое въ его дому бити дочерѣ его ужъ приговоренной Пѣроцкому, и пріехали въ

Глуховъ. Іванъ, машталѣръ, пріехалъ зъ лубенского полку и привезлъ писмо отъ Романа, въ которомъ объявляетъ, что горѣлки куфъ 2 роздалъ людямъ по 89 зол.; воловъ моихъ 20 въ Купуиѣевщинѣ переписалъ. Пчолй на Плавиницахъ убито 15, а оставилъ 28 добрихъ. Медъ, бувшій въ муру, на шинкъ розситилъ. Леско сторожъ пріехалъ зъ писмами родителскими зъ Сулаку, 2 юля отпущенними. Въ Гамалѣевцѣ ясневел. дала карту архиерея чернѣговского, ко мнѣ писанную, и при оной образъ Распятія Христа Господа. Едучи въ Глуховъ, стрѣлисмо Войцеховичеву и п. Григоріеву, уже зъ Глухова поехавшихъ. Наихали на валъ, проваженній нашъ, подъ которимъ ось уломилась, для чего Дядко оставленъ.

11. Плетюнку, войта, упомянулъ я за его небреженіе. Отецъ протопопъ бувъ у мене. Черезъ Сухомузкого послалъ доношенія въ колегію: 1, о полученнихъ указахъ объ откупѣ индукти, преступленіяхъ партикулярнихъ и государственнихъ, о суддяхъ родственникахъ; 2, о магазейнѣ веремѣевскомъ, по вѣдомости Шимка и чигириндубровской старшини; 3, о Славѣнскомъ, ѣздившимъ въ Коровинцѣ зъ его доношенія, что онъ не запрѣщалъ овецъ на свои потреби употреблять тамошнимъ людямъ; 4, о Никифору веремѣевскому зъ приложеннимъ розискомъ, что онъ человѣкъ добрій и простій (?) противъ указу колежского, и оніе доношенія Сухомузкій Артѣлному отдалъ. Пожаръ за мѣстомъ бувъ.

12. Яхневецкій бувъ рано. Зъ Глинска сливъ привезено, которими обослалемъ здесь [1]). До заплатина послалъ 6 барановъ, 2 носатки горѣлки двойной и до протоколѣсти—меншъ. Черезъ глинского козака, сливи припровадившого, послалемъ казанъ винничной мѣдній зъ диркою въ сподѣ, до Романа, въ Роменъ, и написалемъ къ ему о томъ, чтобъ отсилалъ въ Сухоносовку албо Лубнѣ. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, где тютюну казалъ тютюнникъ 2182 шнуровъ. Проса зняли зъ поля калюжновского 30 копъ.

---

[1]) Мѣст. Глинскъ, роменскаго уѣзда, донынѣ славится своими сливами; „глинскіе" и „опошанскіе" (изъ м. Опошни) сливы даютъ, по увѣренію знатоковъ, наилучшую наливку-сливянку.

Сторожъ лубенскій, ездивший до Каменя, повернулся зъ отвѣтомъ, что горѣлки з кухви моей и теперъ тамъ въ Каменѣ обрѣтается, а въ Роменъ не слано за небитіемъ подводъ; онъ же сторожъ зъ Тулиголовъ горѣлки на образецъ привезлъ и сказалъ, что горѣлки въ імбарѣ толко 5 носатокъ тамъ,. затимъ что чорторійскому Стрелцю и сварковскому Шевцю по кухвѣ видалъ на вишинкъ. Дранѣ 500, зъ Протопоповки, паробки привезли до млина калюжновского.

13. Неделя. Веселле у сотника глуховского было, але молодіе, Пѣроцкій зъ дочерю его, поехали кончить въ Борзну, въ домъ Пѣроцкого. У сотника обѣдалисмо. Василя гос(подара) посилалемъ въ футоръ и въ Сварковъ за господарствомъ.

14. Шинкаръ уздицкій припроваженъ зосталъ. Романъ тулиголовскій бувъ тутъ и четверникъ озимой пшеницѣ посѣять въ Тулиголовахъ взялъ зъ собою. Сама моя занемогла на знакъ фебри. Савичъ Василій бувъ у насъ и п. асаулиная. Князя Трубецкого, Івана Юревича, дочери зъ Москви въ Глуховъ пріехали. Бувъ у склепу и вина осмотрувалъ, и насипавши въ бутилки, позапечатовалъ. Зъ Ромна стойчикъ, козакъ перекоповскій сотнѣ глинской, привезлъ писма: 1, отъ Билима зъ товарищи, о продажѣ меду, о переписѣ овецъ, о Петрановскомъ и переехавшомъ Роменъ князю Михайлу Михайловичу Голѣцину сего септ. 9; 2, пакетъ, а въ немъ репорти зъ сотенъ роменской, лохвицкой, сенецкой, городиской, чорнуской и пѣратинской, о продажѣ меду; 3, листъ отъ Шимка, о поправленномъ магазейнѣ; 4, отъ Савѣцкого писара, о колодникахъ и продажѣ меду.

15. У брегадира рано бувъ и у коллегіи, где зятеви войта Плетюнки приговорено платить 32 рублѣ, по промеморіи воинской колегіи. Осмотрувалемъ на горѣ (чердакѣ) шкла великихъ аркушовихъ шибъ и всѣхъ показалось 30. Такъ же и замковъ московской роботи нѣмецкихъ 4 до дверей, а нашихъ побиліованихъ, до дверей же, 5; особливе замковъ комнатнихъ 4, а дверецъ желѣзнихъ до печей 2. У говорили молотниковъ до футора молотить

зъ 15 коробки [1]). Сухомузкому казалемъ дать оковитой горѣлки квартъ 10, а простой 20.

16. Веремѣевскіе козаки явились зъ жалобою на старосту веремѣевского, передержуючого злодѣевъ. Отправилемъ сторожа лубенского Охрѣма въ Прилуку до пп. суддѣ и Федора зъ писмами и вина венкгерского фляшку и бутилку плетеную послалемъ. Козака сотнѣ роменской рѣпчанского Юска Трушенка послалемъ въ Роменъ зъ писмами до Билима, о сочиненіи единого вѣденія зъ репортовъ сотенних о продажѣ меду, и присланню сюда, и о сочиненіи вѣденія о господарахъ, неимѣючихъ до десятка овецъ, и о Петрановскомъ. До родителки о ковалеви, когда вишлется, прося вѣдомости, и о Лукяну Свѣчцѣ. До Романа слуги о завѣскахъ и къ ему жъ послалемъ козлинъ пару на шори римареви Филипови. Брегадиру отослалемъ 150, а синови Никитѣ 30 папушъ тютюну. П. Антонова пріехала въ Глуховъ, а ясневел. зъ Гамалѣевки пріехала. Ездилемъ до Сваркова, где начали огорожувать садъ. Гончаръ печъ сталъ дѣлать. У п. Федора Савичи родилася дочъ.

17. Бувъ у колегіи, оттоль у п. Савича и у себе на Красной горцѣ; оттоль у ясневелможной, где и обѣдалъ. По обѣдѣ бувъ у секретара. Архипъ посланъ въ Савинки, до гути тамошней, за 50 аркушовими шибами и прочіимъ шкломъ, которому на тое дано грошей 5 рублей. Давидъ бувъ у брегадира, посидѣлъ и вечералъ.

18. Писалемъ до Романа въ Тулиголови, жеби дерево брали въ Сварковъ сварковцѣ, которіи жито осипное привозить будутъ до Тулиголовъ. Бувъ у колегіи и просидѣлъ зъ Галаганомъ, прилуцкимъ полковникомъ. У Кошелева бувъ Петра и о продаемой отъ его семѣ говорилось [2]). Василь господаръ поехалъ въ Ясманъ, оправить шинкъ. Ему жъ дерево перенести зъ Красной горки, а имбаръ тутъ устроили, казалемъ.

19. Ясневелможной писмо родителское и Нестеровичево отдалемъ. Брегадиръ у ясневел. билъ зъ зятемъ и водки по чарки

---

[1]) Т. е. изъ вымолоченной ржи хозяинъ получалъ 14-ть частей, а 15-я отдавалась молотнику за трудъ.

[2]) Кажется, слѣдуетъ понимать, что говорилось о продаваемой семьѣ крестьянъ.

випивши, отехалъ. Худолѣевскій донощикъ, у колегіи сидѣвшій, померъ. У Сухарева билемъ. Князь Александръ Лукичъ Долгорукій, черезъ Глуховъ едучи въ Москву, остоялся и квартеровалъ въ дому Александра Іванова. Билемъ у брегадира, где Петро повернувшись зъ Сумъ и привювши двохъ собакъ борзихъ, сказовалъ про брата п. Андрѣя, отехавшого въ Роменъ и запровадившого зъ собою половую собаку, брегадиру отъ полковника сумского дарованную. Яловицю, взявши зъ футора Калюжновского, зарѣзали. Микита судейскій, голивши (бривши) мене, сказалъ про вишнѣ безъ кустокъ: до пенка вишневого прищепить верхъ другой вишнѣ, и не отрѣзовать оной прищепленой отъ дерева вишнѣ поколь прійиется и станетъ кучеравіе листи изростувать, въ ту пору отрѣзать пропорціонално. Василь, господаръ, повернувшись зъ Ясманѣ, сказалъ, что тамъ зняли съ поля гречки 35 копъ, овса 37 копъ, а зъ жита 12 копъ вимолотили якоби толко 5 четвериковъ. Еще жъ тамъ не засѣяли жита на едной близъ села нивѣ, где становится 15 копъ. Князь Долгорукій Александръ Лукичъ проехалъ Глуховъ въ Москву.

20. Неделя. Воловики 6 возами привезли дубини зъ Каменя, до млина, на штуки. У ясневел. обѣдалъ. По обѣдѣ билъ въ дому; оттоль поехалъ къ брегадиру, которого стрѣтилемъ, ехавшого опроважать зятя своего Андрея Степановича Зѣновева, зъ дочерю его жъ Василиссею Степановною, отездившихъ отсюду въ Москву, и опроводивши я за мѣсто, вернулся и заехалъ до князя Четвертенского, зъ которимъ бувши у мене на Бѣлополовцѣ, заехали въ городъ до маіора Лаврентія Хрипунова, где посидѣвши мало, поехалиемо ко мнѣ и стрѣвшись на дорозѣ зъ ясневел., ехавшою отъ брегадирши и отъ нашего дому (где посидѣла мало), постояли мало и заехали въ домъ мой и напившись по шклянцѣ вина, князь отехалъ. Романъ, тулиголовскій дворникъ, пріехалъ въ Глуховъ и сказалъ, что въ Тулиголовахъ 2 кухви горѣлки, другая досипалась. Козакъ зъ Ромна пріехалъ зъ писмами: 1, отъ родителки, о присланню писемъ моихъ до родителя, якіе черезъ коваля пошлются; 2, отъ сотника городиского и реестръ о козакахъ, на низъ

висланнихъ; 3, отъ Дракганевского, о коню претендуемомъ у его отъ конотопского человѣка и на Сухомузкого зъ жалобою. Овечій майстеръ, бувши у мене, сказалъ лѣкарства на товаръ рогатій, когда заболитъ а потечетъ зъ очей и ноздеръ флякгма, на тое: ацту, галуну 4 золотники, бузини ягодъ четверть фунта, подорожнику фунтъ, и щавля на болотѣ родячогося, и тое все въ горшку утушковавши, варить и тою водою, рано и вечоръ, ротъ и ноздрѣ вимивать, а вимивши, ячною мукою засипать. Также соли полфунта, полиню 4 лоти, посушивши, стовкти и дри... (?) 4 золотника, кварту діогтю и тое змѣшавъ, на язицѣ товаринѣ мазать и на хлѣбъ давать исти. Когда дворовое птаство занеможетъ, взять на тое крейди и въ коваля зужелицѣ, по полфунта, и потовкши, воду вложить, где они пютъ.

21. Роману, старостѣ тулиголовскому, отездившому, казалемъ двори шинковіе обложковскій и тулиголовскій оправити, а до чорторійского ліодницю зробить, въ пущѣ нанять теселъ и готовую отвезсти. У колегіи бувъ и переговоривъ зъ Сухаревимъ, отехалъ на службу до ст. Михаила. Брегадиръ затимъ же опровожалъ зятя, не билъ въ колегіи. Обѣдалемъ дома; по обѣдѣ ездилемъ въ футоръ Калюжновскій, где видѣлемъ близъ млина привезенную зъ Каменя дубину, 17 штукъ, и дерево на ступи. Оттоль ездилъ въ Сварковъ, где гончареви додѣловать печей бѣлими кахлями, такъ же и покоротить блакитной печи, казалемъ, а Плетюнцѣ насипать хати велѣлемъ. Пріехалемъ позно въ Глуховъ. Пріехалъ сторожъ лукомскій Грицко зъ писмами: 1, отъ сотника наказ. лукомского. зъ жалобою на Петра Іванова также и на Ященкового сина, которій за лѣсъ свой Лукомцями до магазейну порубаній, хочай и взялъ таляръ 20 однакъ болшъ правитъ и побралъ грабѣжъ, коней 2; 1, отъ атамана лубенского и Котляренка, о инквизиціи въ Лукомлѣ виведенной, о беззаконно прижитой и страченной дитинѣ; 3, отъ родителки, о присланню туда отъ мене листовъ до родителя; 4, отъ войта роменского, о присланню указу до сотника наказ. глинского, чтобъ за зборщиковъ отдалъ надлежащіе гроши, якіе зъ нихъ мѣли вибратись; 5, отъ брата зъ повѣншованнемъ, п. Андрѣя; 6, отъ

правителей полковнихъ, о господарахъ не имѣючихъ до десятка овецъ, о чомъ и вѣденіе о нихъ числомъ 9755 виписанное, зъ приложённою цедулою чигириндубровской старшини о кре...нихъ (?) тамъ проявившихся, готова и о реестрахъ зъ сотенъ сенецкой и лукомской козаковъ въ походъ низовій висланихъ, и вѣденіи проданного зборного меду зъ сотенъ всѣхъ, кромѣ чорнуской, лубенской и лукомской присланнихъ; 7, и саміе такіе реестра, также и вѣденія присланни. Лубенскій сторожъ повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтними писмами пп. суддѣ прилуцкого и п. Федора.

22. Рано въ колегіи билемъ и долго просидѣлемъ, поколь отдѣлалемся въ дѣлѣ віиждджихъ. Обѣдалемъ дома, и зъ дому знову ездилемъ до секретара, до Кошелева и до брегадира, где посидѣвши, позно пріехалемъ въ домъ. Овецъ 29 пригнали зъ футора моего Криворудского, при листѣ Романа, въ якомъ обявляетъ, что горѣлку людямъ далъ ценою по 15 р. (?) до Рождества Христова. Зъ шкляремъ Семеномъ уговоръ: зробить ему оболони, а ему дать отъ всякой по полкопи, три мѣрки муки житной, а 2 гречаной, 10 квартъ горѣлки и возъ смолини. 1000 цегли взяли у цегелнѣ до Сваркова, а натомѣстъ дали 20 возовъ дровъ. Уласу, слюсареви, до квартири казалемъ зробить завѣски, защипки и наружники. Плетюнка войтъ, зъ зятемъ своимъ Федоромъ Івановимъ, просили, чтобъ его зятя оплатить въ колегіи 32 рублѣ, а ему бить моимъ вѣчно.

23. Плетюнка зъ зятемъ дали писмо на себе, что ему зятю за оплаченне тое бить моимъ вовся подданнимъ, а я указъ далемъ до селянъ, чтобъ они зобрали змежду себе 33 рублѣ на уплаченне его. Ему жъ Плетюнцѣ указъ далемъ и лѣкарство виписалемъ хоруючому статкови. Козакъ, стойчикъ, пріѣхалъ зъ писмами: 1, родителя и брата п. Семена, которій тое объявляетъ, что денегъ моихъ у сотника смѣловского 400 р.; 2, Билима, о полученномъ указѣ объ откупѣ порубежнихъ пошлинъ и указъ колежскій о томъ же писанній прислали; 3, родителки, о братахъ п. Марку и прочіихъ, чтобъ ихъ экзаминовать. Черезъ сторожа сенецкого писалемъ до родителки о собацѣ половой, брегадирской, братомъ п.

Андрѣемъ запроваженной въ Роменъ и дѣлѣ Сухомузкого зъ тованищи; о томъ же и до брата. Обѣдалемъ у ясневел., где были и п. Антонова зъ швакгровими. Сухомузкій зъ товарищи отдѣлались въ колегіи. Лѣкарство каплѣ и пѣкгулки бидловаго рецепту принялемъ. Билемъ у Сухарева и въ колегіи; у вечеру—у секретара.

24. Сухомузкого отправилемъ въ Роменъ и листъ писалемъ до родителки объ ономъ. Сварковцѣ були у мене, просячи, чтобъ денегъ уменшити имъ зъ 32 рублей, за плетюнчиного зятя опредѣленнихъ имъ зобрати; и по ихъ прошенію карту до Плетюнки далемъ, жебы они всѣ подданіе наши зобрали 23 р., а къ тимъ моихъ грошей шинковихъ взялъ би 8 р., да отъ себе положилъ би 2 р. Сухарева и Хрипунова обослалъ по 3 овци и горѣлки по барилцю. У ясневел. забавились долго, при подпиттю венкгерского.

25. Ясневелможная поехала въ Нѣжинъ зъ Глухова и виехала рано. Бувъ рано у брегадира и пожекгнавши его, пріехалемъ въ домъ. Ясневелможную неуспѣвши рано випроводить, писалемъ листовне черезъ лубенского сторожа, въ Тулиголови, прощенія просячи. Футра смотрѣли наши на горѣ, у ключника обрѣтаючіеся, якіе моль барзо попсовала, особливо футро сѣбирковое Орановского, якое ключникови прикинуто, а велено ему доброе купить. Барило горѣлки простой отъ Селецкого Леску Кухару данное, отобрано въ дворъ и дано ради перегнаття на оковитую горѣлку. Рибу вялую перелѣчили и здали ключникови, а риби тоей всей именно: щукъ 670, короповъ 750, сомовъ 76. Ясвевел. прислала швакгромъ овецъ десять и яловицю. Ячменю куплено 4 четверика, господаремъ, по 7 зол. безъ 3 шаг. Писалемъ писма: 1, до родителя; 2, брата п. Семена, 3, до людей моихъ, чтобъ невпорожнѣ сюда ишли, а ишлибъ зарання; 4, до Волинского, о бандуристѣ и купленнихъ на его потребу бикахъ и коровахъ; 5, до Орановского, о приблудахъ, 3, въ Лукомлю, въ футоръ; (?) 6, до родителки, о отездѣ моей жени въ Роменъ и моемъ въ Прилуку и листъ родителскій послалемъ, въ якимъ пишетъ нѣкого зъ каретокъ (?) не посилать въ Царицинъ; 7, до правителей въ Роменъ, отвѣтъ о указѣ, взглядомъ порубежнихъ пошлинъ, о видачѣ грошей зъ Глинска за зборщиковъ ромен-

скихъ, о росходахъ, якимъ бить неналежитъ. Получилемъ листъ отъ Орановского, черезъ Котлубая пяного, роспечатаний, о трубницяхъ, жеби написать объ нихъ до старости шабалиновского, чтобъ прислалъ въ Роменъ; а зъ Сухоносовки подводъ 3 со всякою дробиною пришлются сюда.

26. Жена моя отехала зъ Глухова зъ Роменъ и воскъ весь, на горѣ бившій, забрала зъ собою. Кошелевъ прислалъ копію купчой о крестянину своемъ, которого мнѣ продаетъ, Афанасія Яковлева сына Лохова. Билемъ у вечеру у секретара Заплатина, и зъ нимъ простился. Пп. Тернавскій, сотникъ срѣбранскій[1]), Панченко, Минѣцкій и Доброницкій були у мене и посидѣвши мало, отійшли. Бувшій полковій лубенскій комисаръ и прежніе зборщики пріехали въ Глуховъ и були у мене. Климъ ключникъ видалъ Мартину въ Роменъ воску: зъ гори грудъ 18, а въ нихъ каменей 4 и 18 фунтовъ и полфунта, а всего груд. 28, а каменей 15, 20 фунт. и полфунта.

27. Неделя. У Кошелева билъ и купчую отъ мене сложенную о крестьянину ему отдалъ. У сотника глуховского и п. судѣной, по службѣ, билъ. Солодовникъ Степанъ, бувши у мене, уговоръ учинилъ: взять у мене 30 зол., а мнѣ въ годъ дать 100 зол. и на мою потребу солоди робить. Посланъ Василь, господаръ, крестянина Кошелевого переписать. Били въ склепу зъ пп. Андрѣемъ и Яковомъ Милѣцкимъ, и подпіяхомъ.

28. Пиво при мнѣ зварили варъ 6 мѣрнихъ, зъ которихъ п. Андрѣеви 2 мѣрницѣ велѣлемъ отдать. У Клима, ключника, зол. 20 грошей отобралемъ. Виехалемъ зъ Глухова въ Сварковъ рано, где и обѣдалемъ. Передъ отездомъ, бувъ капралъ отъ капитана Хрипунова за солдатомъ Маркомъ, понявшимъ подданую мою въ Сварковѣ, жеби ей поля половину дать зъ братомъ ей жъ.

29. У Забари, шинкара, взялемъ на дорогу грошей 21 зол., якіе доплачовать за кухву ключникови отъ его подобало. У Шевця, шинкара, также на дорогу взялемъ 5 рублей. Зъ Андрѣемъ,

---

[1]) Троцина.

майстромъ, уговоръ учинилемъ на годъ дать ему грошей зол. 60, жита полтора четверика, гречки четверикъ, сала полтора пуда, соли два пуда, носатку горѣлки, пшона полчетверника и уже забралъ на будущій годъ рубль 1 грошей, а годъ лѣчити отъ октовр. 1, сего году до будущого 1725 году. Сварковцѣ подданніе приходили просити облегченія въ осипщинѣ, которимъ отъ сохи по четверти жита отставлено, а велено дать по четверти овса. Марка солдата женѣ казалемъ пашню братнюю взять, а до поля не интересоватися. Донесли мнѣ сварковцѣ, что писма розездніе зъ Заруцкимъ и Чорнусцями (?) есть у Федора Юрченка. Василь господаръ пріехалъ въ Сварковъ и привезлъ шуфляду зъ шкломъ, въ якой шибъ цѣлихъ великихъ 29, а една тридцятая мало розбита. Тіе шиби казалемъ оправлять въ рама деревяніе Андрѣеви. Садовнику казалемъ зробить цвѣтникъ другій передъ свѣтелками. Василеви казалемъ, жеби Матвѣй ганчаръ переробилъ печи. Спорадивши все, поехалемъ зъ Сваркова на ночъ въ футоръ Калюжновскій. Осмотрувалемъ млина калюжновского и велѣлемъ Василю, чтобъ Андрѣемъ. майстромъ, осмотрѣлъ строенія.

30. Рано у футорѣ Калюжновскомъ далемъ наказъ Василю у 43 пунктахъ, а Плетюнцѣ, войту, у 12 пунктахъ другій наказъ. Поехалемъ оттуду въ Тулиголови на обѣдъ, где винника за пьянство и что худую горѣлку даетъ, скаралемъ боемъ кіевимъ. Роману тулиголовскому наказъ далемъ у 11 пунктахъ. Листъ до брегадира отъ мене писанній, о брату Андрѣеви, взглядомъ собаки половой, будто имъ заведенной въ Роменъ зъ Сумъ. Такъ же и, въ дополненне до 50 пунктовъ, наказъ до Василя послалемъ въ Глуховъ. Поехалемъ зъ Тулиголовъ въ монастирецъ Мутинскій и довго по пущи блудивши, заледво позно уже въночѣ въ монастирецъ утрафили.

1. Октовр. Служби Божой въ монастирцѣ слухалемъ и по обѣдѣ поехалемъ въ Камень, где греблѣ каменской осмотрѣвши, билемъ у футорцѣ, где винниця, и осмотрѣвши тамъ горѣлки моей 3 куховъ, еще въ Роменъ не отосланной, отехалемъ въ Мутинъ, а Лозовского на дорозѣ завернулемъ. Пріехалемъ въ дворецъ му-

тинскій на ночъ и засталемъ жида шинкара мутинского, въ дворѣ прибираючогося зъ тютюномъ панскимъ въ дорогу, а староста мутинскій передомъ отехалемъ въ Гадячъ.

2. Послалемъ писма до Василя господара и Романа тулиголовского писанніе въ Камень къ Лазовскому, жеби переслалъ. До господара приложилемъ еще пунктовъ 3, и того всѣхъ 53; а до Романа о дичкахъ, жеби викопать у гаяхъ и о бересту на валъ, способномъ въ Каменѣ найдуючомся. Рибалкамъ велелемъ сѣтми ловить рибу у озерахъ. Віехалемъ рано зъ Мутина и у перевоза зехалемся зъ шишацкимъ сотникомъ. Приехалемъ на обѣдъ въ Конотопъ, а оттоль наночъ, черезъ Сосновку, въ Самборецъ Малій, отъ Конотопу отстоящій въ двохъ миляхъ.

3. Рано зъ Самборця Малого виехалемъ и пріехалемъ на обѣдъ въ Гайворонъ, отстоящій отъ Самборця въ двохъ миляхъ. По обѣдѣ виехалемъ къ Іваницѣ и недождаючи, заехалемъ въ село Кропивное, Андрѣя Лизогуба, и тамъ написавши писма: 1, до родителки, о моемъ поездѣ въ Прилуку; 2, до жени моей, о томъ же и о ея приездѣ въ Короваи; 3, до брата п. Андрѣя, о писмѣ моемъ, данимъ взглядомъ собаки половой, писанномъ до брегадира; 4, до глинского наказного, о его приездѣ въ Прилуку зъ Яковомъ судіевичемъ; и оніе писма кропивянскимъ козакомъ въ Бубни послалемъ. Пріехалемъ на ночъ въ Іваницю и ночовалемъ въ дворѣ попа отца Михайла.

4. Неделя. Вислухавши служби Божой въ Іваницѣ, пріехалемъ на обѣдъ въ Ольшаную, отстоящую оттуду въ двохъ миляхъ. По обѣдѣ, пріехалемъ въ Прилуку передъ вечеромъ, где пана суддю, дядю моего, засталемъ въ тяжкой болѣзни, которая на немъ показалась ex obstructione hepatis. Пана Кондзеровского, зъ панею его, засталемъ тутже. Отецъ Лѣсаневичъ бувъ у пана суддѣ и диспоновалъ пана суддю на смерть, исповѣдовалъ и коммунѣковалъ. Ночовалемъ въ п. суддѣ, зъ паномъ Федоромъ дядкомъ.

5. Лѣкаръ, кгрекъ Николай, куруючій пана суддю, повернулся зъ аптеки зъ лѣкарствами. Отецъ ігуменъ Клеопа бувъ у п. суддѣ и отехалъ въ Кіевъ. Посѣщали квартиру мою протопопъ

прилуцкій Михаилъ Трифановскій, отецъ Лѣсаневичъ и обозній прилуцкій Михайло Григоріевичъ.

6. П. Василь глинскій пріехалъ въ Прилуку. Обѣдалемъ у отца протопопи, где Петрикъ брегадирскій бувши, въ ссоръ войшолъ зъ обознимъ. Подпіяхомъ. Брати мои Марко, Лука, Іоаннъ пріихали въ Прилуку. Обѣдалисмо всѣ у пана Федора дядка; оттоль булисмо у п Голѣнковского, писара полкового прилуцкого. Панъ суддя коня вороного подарилъ мнѣ и о Перервинцяхъ розговаривали.

8. Брати мои, поснѣдавши у пана суддѣ, отехали. Такъ же и я после ихъ отехалъ; а оставилъ тамъ своего человѣка, пѣшого, на фебру (якъ сказовалъ Николай лѣкаръ кгречинъ) захорувавшого. Виехавши я зъ Прилуки, пріехалъ позно въ Пѣратинъ и тамъ ночовалъ въ Мойсѣя Худолѣя.

9. Рано оттуда поехавши, приіехалемъ на службу Божую въ Коровинци (Короваи?) где именини мои роздрѣшивши, проили и пропили. Ездилисмо до футора Ангелювщины и тамъ заночовали. Писалемъ зъ Короваювъ: 1, до родителки, чтобъ въ Луцѣ праздновали именини родителскіе; 2, до Орановского, о его въ футоръ Криворудскій прибитіи; 3, до Томари п., о его прибитіи завтрійшого дня сюда; 4 до александровского старости Славѣнского о присилцѣ у футоръ Криворудскій водки оковитой и простой, пива и булокъ,

10. П. Василь Томара пріехалъ въ Короваи и кушалъ со мною, а по обидѣ, просидѣлисмо и о футору его, продаемомъ, Чумгаку, розговорували, которій сказуетъ достался ему отъ Кохна, за 1000 зол. грошей и за кгрунтъ, стоячій 3000 зол. При вечору Томара отехалъ въ домъ свой, а я поехавши зъ Короваевъ зъ своею панею, пріехалемъ па ночъ въ Городище Свѣчки, отстоящое отъ Короваювъ въ милѣ едной. Іванъ Соколничій, припроводившій конѣ въ Короваи, отстался тамъ.

11. Неделя. Поехавши оттуду рано, пріехали до Савинецъ, отстоящихъ отъ Городища въ 3 миляхъ и тамъ служби Божой вислухавши и пообѣдавши, поехалисмо степомъ до перевозу Горошинского, въ трохъ миляхъ отстоящого оттоль, до Жостерского роди-

телского футора, где видѣлемъ на стайнѣ стоячихъ своихъ дриктантовъ 6: вороностронатого, сивого, тарана, вороного, шпаковатихъ двохъ; оттоль на ночъ пріехали въ свой футоръ Криворудскій.

12. Пересмотрували стадо конское и показалось лошатъ сеголѣтнихъ 42, а въ товару рогатомъ телятъ 49. Орановскому даровалемъ кобилу чалую зъ лошамъ и коня кологривого лукомского, а Алексѣйцеви далемъ коня вороного старого четверного. Проучували коней чтирохъ молодихъ, пятаковъ.

13. Шкапу приблудную, съ Лукомля пригнатую, даровали Лескови кухареви. Овецъ всѣхъ по рахубѣ панеи и п. Василя глинского показалось именно: овецъ старихъ и молодихъ 780, барановъ 144, цаповъ и козъ 71. Зъ того жъ числа п. Василеви даровалемъ овецъ 20 и барановъ 2, и корову зъ телямъ. Телятъ болшихъ, въ томъ же футорѣ, по той же рахубѣ — 42, а меншихъ 9, и того 51. Взялисмо молодихъ неижджалихъ коней до езди 4: 1, гнѣдій болшій, 2, гнѣдій меншій, 3, рижострокатій, 4, малій сивій, а 5, взяли рижого шинкара, 6, зѣкраху старого. Оставили у футорѣ коней иждж алихъ молодихъ 3, вороного бѣлоногого, вороного и подпалого, а трое старихъ, пару рижихъ и за козла вимѣнятого. Сѣна показалось тамъ зробленного скиртъ—. Масла и сира по дѣжцѣ у футорѣ показалось. Поехали зъ футора передъ вечоромъ и на ночъ пріехалисмо въ Березняки.

14. Рано зъ Березняковъ поехавши, пріехали на обѣдъ въ Лубнѣ, гдѣ була у насъ старшина, и зъ дому билемъ въ Івана Івановича Ѳейтера аптекаря. Комисарови дали цѣни полумисковъ ламанихъ фунтъ 26, а велѣли ему зробити фляшу цѣновую, круглую, у полтора ℊарца, голяничокъ двѣ, тацу на чай или кагве, и чайникъ, и зъ остатку—полумиски. Гончареви плютинскому Стецкови казалемъ зробить до печей сварковскихъ лазаревой: поясковъ нижнихъ зеленихъ 11, поясковъ середнѣхъ 16, кахоль 80, кзимсовъ 13, карунокъ 15, а до жовтой: поясковъ нижнихъ 13, кзимсу верхнего 8, карунковъ 13, середнѣхъ поясковъ 6, кахоль 10. Другому гончареви казалемъ sta .... (?) робити и полѣцилемъ

его котляреви; а котляреви Семенови, здѣлавшому теперъ мнѣ два казани, еще трубъ 6 до онихъ казалемъ здѣлать, а третій казанъ послѣ зробится. Казалемъ атаманови Пріймѣ да Семену Котляреви о сливахъ старатись. Романъ молодикъ казалъ, что въ шинкъ нашъ лубенскій розситилъ меду полъ 3 кухви, а пива—. Горѣлки зась мало есть. Виехалисмо зъ Лубенъ на ночъ до Александровки, где въ лазнѣ мились. Едучи, Павелъ Корнѣенко розговорувалъ со мною о Турковскомъ. Далемъ рецептъ Θейтеру лѣкарствъ потребнихъ мнѣ на хороби.

15. Обѣдалисмо въ Александровцѣ; старшина лубенская були знову въ Александровцѣ и привезли вина стоянецъ. У лукомского сторожа коня вороностроватого отобралисмо, а ему мѣетъ асаулъ Кузма дать вороного приблуду и другого коника. Булисмо у Сухомузкого виехавши, где бувши у винницѣ его, видѣлемъ носатку у полтретя вѣдерка зъ квартою, а на онную идетъ муки четвериковъ 2, мѣри роменской. Кашира сварковскій стрѣлся зъ нами на дорозѣ, едучи онъ на дворничество до футора нашего Криворудского. Пріехалисмо позно до Сухоносовки.

16. Въ Сухоносовку пріездили сотникъ городискій, отецъ намѣстникъ красногор(скій). Пчоли у Сухоносовцѣ теперъ показалось 85. Тютюну нового 400 шнуровъ, а старого папушъ 700. Сѣна старого и нового, на степку, 17 скиртъ, а една за селомъ. Масла въ Сухоносовцѣ показалось 10 дѣжокъ, а сира по болшъ: толко, же погнилъ, велѣли поперекладовать. Зъ Сухоносовки того жъ дня поехалисмо и на степку обѣдали, а на ночъ пріехали въ Луку где застали родителку и брата п. Андрѣя и братовую.

17. Именини родителскіе отправляли, принималемъ гостей собраніи (?) и подпияхомъ.

18. Неделя. Тіе жъ гости були допозна трактовани. Атаманови лубенскому Пріймѣ да Григорію Котляренку полѣцилемъ словесно зъехать въ сотню лукомскую для учинення розисковъ о убійствѣ отъ Петра Кривого и о протчемъ. Алексѣй Хелкидецкій и Циболскій у вечеру пріехали въ Луку. Явились дроновскіе подда-

ніе князя свѣтлѣйш. и отправлени въ Роменъ до правителей, ради рѣшенія дѣла ихъ.

19. Отецъ Савѣцкій зъ отцемъ Іоанномъ въ примиреніе прійшли. Панъ судда прилуцкій Іванъ Марковичъ 4 години дня преставился. У лазнѣ булисмо. П. Василь Романовичъ пріехалъ зъ Ромна.

20. Отца Савѣцкого виправили въ Кіевъ зъ пистами: инстанціялнимъ еднимъ о ему до архиерея, а до архиерея жъ, ректора и писара, о отцу Іоанну, взглядомъ церкви святой Николской, напрасно запечатанной. Поехалисмо въ Глинскъ на обѣдъ, где вѣсть принесена о умертвіи пана судіи. Позно у вечеру поехалемъ зъ Глинска въ Прилуку.

21. Пріехалемъ въ монастиръ Густинскій рано, где передъ двермн, лѣвими, боковими, положенъ панъ судія. Пообѣдавши у ігумена Клеопи, пріехалемъ въ Прилуку. Получилемъ писмо отъ обозного, въ которомъ обявляетъ, что прокуроръ колегіи малор., бувши переездомъ зъ Сорочинецъ, въ Лохвицѣ, и стоявши въ его дому квартерою, виговорувалъ будто нерѣшени чолобитніе на родителя поданніе господину Румянцову, о чомъ би мнѣ отвѣтствовать.

22. Получилемъ писма зъ Чорнухъ и вѣденій двѣ: одно, о проданномъ зборномъ меду, а другое, о принятихъ регляментахъ объ овцахъ мѣючихъ содержатись. Обѣдъ бувъ въ дому пана судіи; по обѣдѣ бувъ у п. Федора, где Синдаровского видѣлемъ и кагве пили. П. Федоръ мнѣ копію тестаменту п. суддѣ небожчика далъ.

23. Рано у мене п. Федоръ бувъ и розговорувалисмо о тестаментъ, когда говорилъ при Федору Засулному, что коня сивого турецкого суддѣ мѣютъ дать на мою персону. Послалемъ писма до родителя, самой родителки, и отъ еи до правителей въ Глуховъ о присилкѣ указу къ Волжину, взглядомъ козаковъ новоуписнихъ засулскихъ; до правителей лубенскихъ о томъ, чтобъ написали въ сотнѣ, даби дали всѣ господари мѣючіе свои овци доношеніе, что приняли они регляменти и готови по нихъ содержать свои овци и чтобъ старшина, кому печатнихъ нестанетъ регляментовъ, тимъ би

скопіевать давать. До ихъ же и зъ чорнуской сотнѣ присланіе двѣ вѣденія: одно о зборномъ, проданномъ меду, а другое, объ овцахъ и регляментахъ послалемъ; а все тое послалося черезъ Якима, сторожа лукомского. Бувши зъ п. Федоромъ въ п. судіиной, пожекгналемъ еи и п. Демянову, которой далемъ карту, жеби мѣрочникъ журавскій у млинѣ родителскомъ пашню п. Демяновой безъ продолженія моломъ. Зъ п. Федоромъ поехалисмо зъ Прилуки на Соричинцѣ, до его дому достроючогося, где порозглядѣвши, отехалемъ въ монастиръ Густинскій. Въ монастирѣ отца ігумена Клеопу просилемъ панахиду надъ п. суддею отправити, и отправлена передъ службою. Ему жъ далемъ руб. 2. По службѣ отехалемъ, а едучи до Срѣбного, стрѣтилемся, на половинѣ дороги, зъ п. сотникомъ срѣбранскимъ, которій въ розговорѣ своемъ сказалъ мнѣ, что иноземецъ овечій надзиратель, бивши въ Срѣбномъ, сказалъ для ста овецъ здѣлать овчарню 7 сажень и аршинъ долготою, а шириною 3 сажень. Пріехалемъ позно въ Срѣбное и въ городѣ ночовалемъ, въ шапочника Дацка.

24. Поехавши рано зъ Срѣбного, переехалемъ села: Харитоновку до ратуша срѣбранского тагучую, и Хоминцѣ Билимови, и пріехалемъ на обѣдъ въ Глинскъ, до Василя. Зъ Глинска послалемъ сторожа лохвицкого зъ писмомъ до маіора Кологривого о баранахъ до бранокъ овецъ способнихъ, жеби продажею или обмѣною намъ уступилъ и о томъ би отъ его передомъ мнѣ увѣдомить. Виехавши по обѣдѣ зъ Глинска, заехалемъ до Федора Зарудного и тамъ посидѣвши мало, поехалемъ зъ старимъ Заруднимъ до Луки и позно пріехалемъ. Засталемъ у Луцѣ брата п. Андрѣя зъ братовою, которій вернулся зъ Короваювъ, а моя сожителница передомъ сего жъ дня отехала въ Роменъ. Также и Алексѣй Хелкидоцкій.

25. Неделя. Полку Інгермоланского офѣцери зъ ротами ехали черезъ село на квартери зимніе и тутъ 9 роти капитанъ ночовалъ. Писмо отъ старшини роменской получилемъ о прибувшемъ капралу 9 роти Інгермоланского полку въ Роменъ для занятя квартери капитану въ Засуллю, котором приговорили старшини оную отвести въ городѣ, або (?) въ инших селахъ. якъ согласуючи и я отпи-

саломъ. Алексѣйця послалемъ въ Роменъ, а казалемъ ему взять оттуду сюда вина у 4 бутилкахъ, виходокъ (?) корѣння и сюда привезти Хелкидоцкого, а до родителки послалемъ папѣрковъ два, пурgуючого и потного лѣкарствъ. Лѣкарство на ипохондрію началемъ у вечеру брать.

26. П. Василь, сотникъ наказний глинскій, пріехалъ у Луку. П. Андрѣй, послѣ прошку пурgуючого, якого ему зъ аптечки далемъ скрупуловъ 3, мѣлъ sedes 8. Капитанъ 9 роти полку Інгермоланского, рано бувши у мене, сказалъ, что прійшолъ указъ къ нему—остоятись тутъ у Луцѣ, а далѣй не ити, а то для того, что всему полку стать по надъ Днѣпромъ, въ Чигириндубровѣ, Веремѣевцѣ и другихъ селахъ, казано. Послалемъ листъ до короваювского старости, жеби бранокъ овецъ 100 и барановъ 20 прислалъ у Сухоносовку; а черезъ козака глинского писалемъ листомъ до Сухомузкого и Орановского, чтобъ они зехали къ Томари для осмотру футора и слободки Семеновки продаемихъ; особливежъ до ег Орановского цедулою писалемъ о господарскихъ разнихъ интересахъ. Староста лучанскій повернувшись зъ Лохвицѣ, сказалъ что у Нещеретовомъ лѣсѣ половлени злодѣе, зъ 6 конми и 3 мѣхами соли и били въ допросѣ. У старости позичивши грошей 3 копи, послалемъ сторожа лубенского въ Прилуку, зъ листомъ до п. Федора, а казалемъ ему купить цукру голову, картъ 2 и 2 фунти родзѣнокъ свѣжихъ. Соколничій зъ конми пріехалъ зъ Ромна. Ему жъ, сторожеви, казалемъ ворочаючись, заехать до сотника срѣбранского зъ писмомъ моимъ, въ якомъ прошеніе о визиченню клявикордовъ виражено. Въ Роменъ до самой писалемъ о присилцѣ сюда полумисковъ и Алексѣя пѣвчого.

27. Гудимъ пріехалъ зъ Ромна зъ листомъ родителскимъ и привезлъ вина 3 бутылки и 4 полумиски цѣни. Черезъ козака чорнуского послалемъ въ Чорнухи, до сотника наказного чорнуского, отвѣтъ на листъ его писанній о тертицяхъ мѣскихъ Янковскимъ затраченнихъ, жебы отшукать. Туды жъ послалемъ листъ до Орановского и въ ономъ включенній другій листъ до Томари, о томъ чтобъ позволилъ имъ осмотрѣть продаемого футора писанній, и тре-

тій листъ до атамана лубенского, о сливахъ, кущикахъ, которихъ достать 1000. Трембачъ .Петро юсковскій привезлъ письмо отъ правителей зъ Глухова, чтобъ до его утрати билъ причетнимъ атаманъ юсковскій. Атаманъ глинскій суплѣковалъ о своей дочерѣ, сѣдячой въ вязенню за безчиніе.

28. Солдатъ пріехалъ зъ Глухова зъ указомъ колежскимъ, въ якомъ виражено тое, что въ добавку еще въ полкъ лубенскій регляментовъ и экземпляровъ о содержаніи овецъ прислано 4485, которіе давать би имѣючимъ овци до 50 числа, а не меншъ, и зъ росписками, которіе въ колегію присилать би; и оній солдатъ отсюду отправленъ въ Роменъ зъ листомъ и зъ тимъ же указомъ до правителей, чтобъ они отобравши оніе регляменты, репортовали доношеніемъ колегію черезъ его. Зубко, молодикъ родителскій, поехалъ въ Глуховъ, а писалемъ черезъ его до родителки о моемъ тутъ до вовторка медленіи; да самой—о зробленню 20 завѣсъ до дверей и о сафянѣ—пошить мнѣ двѣ пари чоботъ; а до правителей листъ приложилемъ лохвицкого сотника Гамалѣи, писанній зъ Царицина, чтобъ росписали по сотняхъ, даби утѣкачовъ новихъ въ вязенне брали и увѣдомляли би насъ, если где обищутся. Такъ же и о цигану Федору, даби онъ въ Глуховъ ехалъ за циганскимъ атаманствомъ, буде похочетъ, а передомъ ко мнѣ пріехалъ бы[1]). Глинскій Василь отехалъ на время въ Глинскъ, а въ пятокъ мѣлъ бити. Григорій Андрѣенко лохвицкій явился зъ листомъ правителскимъ о учиненню зъ попа сатисфакцѣи, котораго въ Роменъ зъ тимъ отправилемъ, же тамъ будутъ судить. Самойловичъ прилуцкій зъ жителемъ зъ Ісаиемъ Фукаломъ явились и декретъ, данній въ Ромнѣ, презентовали въ справѣ ихъ. Войтъ лохвицкій, бувши тутъ, донеслъ, что злодѣи поймани и 6 коней, а давнѣйшій у Цися семій, которихъ зъ розискомъ въ Роменъ посилать. Братъ п. Андрѣй вернулся зъ мисливства дводневного и привезлъ болшъ 20 зайцовъ.

29. Фукало и прилуцкій Самойловичъ, взглядомъ шаблѣ украденной у Фукала, помирились и мировее дали мнѣ доношеніе. Зъ

---

[1]) См. статью г. Плохинскаго—Цыгане Старой Малороссіи, въ Этнографич. Обозр. 1891 г.

Ромна писма принесени отъ писара Савѣцкого о томъ, же о чомъ и обозній писалъ 21 сего октовр.; отъ родителки, о здѣланню кошари на бранки въ Андрѣевцѣ. Писалемъ въ Глинскъ до п. сотниковой о сливахъ 500. Зъ Чорнухъ подано письмо о знайденнихъ грошахъ 3 рубляхъ, жеби на церковъ, а не чолобитчику отдать. Алексѣецъ повернулся зъ Ромна; о Алексѣю Хелкидоцкомъ хоруючомъ донеслъ. Отъ лукомского сотника писмо о Петру крамару, убійцѣ, проявившомся. До Ромна къ самій писалемъ о 2 коняхъ, мѣючихъ зъ Лохвицъ прислатись. Гудимъ молодикъ отклонился и отехалъ въ Роменъ. Цедулу родителскую, о здѣланню кошари, старостѣ тутейшому лучанскому далемъ и велѣлемъ въ оной выраженное исполнить. Полковникъ Шереметевъ прибулъ на свою квартиру въ Лохвицю.

30. Сторожъ лубенскій зъ Прилуки повернулся и привезлъ картъ пару и цукру голову канарского у шесть фунт. Ему жъ доплатить грошей казалемъ хлопцеви пол. 6 шага. Онъ же привезлъ отъ пана Федора писмо и въ писмѣ включеніе тестаментъ покойного п. судіи прилуцкого о селѣ Перервинцяхъ и листъ его жъ до родителя писанній о футорѣ Перервинскомъ. Зъ Чигириндуброви козакъ подалъ листъ отъ тамошней старшины о томъ, что 4 роти Інгермоланского полку, туда пришедшіе, сами берутъ у людей сѣно и дрова, также дошки байдачніе и кажутъ на раскатахъ у городѣ караулить и пушки туда звозити. Федоръ, циганъ роменскій, пріехалъ взглядомъ атаманства циганского. Надзиратель Нелидовъ билъ у мене и вечералъ. П. братъ Андрѣй повернулся зъ мисливства, где поймалъ зайцовъ 30 и лисицъ 2. Обозній повторне писмо прислалъ ко мнѣ о томъ же, о чомъ и 21 сего октовр. Цилюрикъ Ходецкій зъ Ромна зъ пявками пріехалъ. Перестаемъ пекгулокъ брать. Отписалемъ на писма, до лукомского—о Петру Кривомъ, что велено о ему розискать атаману лубенскому и Григорію Котляренку, а Мартишевскую, злѣгшуюся зъ овчаремъ, а пойманную, отпустить на поруки; объ обидахъ себѣ отъ Кодинця и Дацѣя чинячихся, жеби суплѣку написалъ, а не картки. До Чернуского отписалемъ, зсилаючись на словесное мое предложенне, о грошахъ,

если нема доводу, то отказать и чтобъ писмо до Орановского послалъ певнымъ кимъ, которое писано о зеханню его въ Перервинцѣ и переписѣ всего. До чигир., что о всемъ томъ писано до Черняховского комисара, жеби было имъ учинено облегченіе, о чомъ и до Черняховского писанъ жъ и листъ ихъ приложенъ для извѣстія. До обозного отписалемъ, что ложне хтось доносилъ прокурору, же будто скаржившимся до господина Румянцова на родителя, награжденіе не учинено, понеже Рубашному зол. 100 отложено и теперь на ратушѣ лежать, а ему не отдано за его отлученнемся; Богданенку наказано часть старостѣ, а часть людямъ токаровскимъ заплатить, да кудась онъ и повѣялся, то можетъ бить затимъ и не взялъ грошей тихъ; Ющенковой Данилисѣ—зол. 100, вмѣсто милостини, хочъ и купля фундаменталная есть; а перекоповскій козакъ, скаржившійся, неявился. Окончилемъ зъ тимъ, что еслибы праведно и безпристрастно сужено было, тобъ лутше и полезнѣй на сторону родителскую показалось. Братовая п. Андрѣева поѣхала въ Роменъ.

31. Пявки, лѣкарство пріймалемъ. Листи, вчорайшого дня пописанніе, отправилемъ, опрочъ до обозного отписанного. Сторожъ, до маіора Кологривова зъ листомъ о баранахъ посиланній лохвицкій. повернулся, не винаймовши его въ Сумскомъ полку нѣгде. Отъ старости короваювского получилемъ листъ отвѣтній, что бранокъ овецъ 100, а барановъ 20 отослалъ въ Сухоносовку. П. Василь глинскій пріехалъ зъ Глинска, а сказалъ, что розродилася Федору Зарудному вчорайшого дня Анастасія. Отъ канцеляристи Троцкого пріехалъ зъ листомъ слуга его, въ якомъ пишетъ о курѣнчикахъ, въ Лазуркахъ себѣ отъ правителей опредѣленнихъ, и о футорянахъ, въ Лубняхъ жиючихъ, даби ихъ старшина не обътяжали грабежами. Копію указу сенатского, до старшины енер. писанного, прислалъ о нарядѣ бунчуковихъ къ Гилянѣ и придатку къ нимъ 1500 или 2000 козаковъ, на пришлое 1725 лѣто. Іосифъ Василченко пріехалъ сюда и знову отехалъ за инструкцѣею, данною ему, о переписѣ господарей, имѣючихъ свои овци, чтобъ сюда оную привезти ко мнѣ. Зъ п. Василемъ глинскимъ сторговалисмося за конѣ вороніе въ 120 зол.

Ноевр. 1 неделя. Листъ до обозного, отвѣтній на его писмо 21 октовр. врученное мнѣ, послалемъ. Братъ п. Андрѣй поехалъ въ Роменъ. Отцемъ Федоромъ лучанскимъ п. Зарудній уличенъ зосталъ, что въ его пилъ горѣлку. Комисаръ пол. Черняховскій бувъ и о жестокости полковника Шер. говорилъ. На листъ Савѣцкого писара, о томъ же, о чомъ и обозній писалъ, писанній отвѣтъ, таковій же якъ и до обозного, послалемъ въ Глуховъ. Также и до Василя господара писалемъ, отвѣтуючи на его писмо и предлагаючи, чтобъ онъ повсякій тиждень мене увѣдомлялъ о тамошнихъ поведеніяхъ. Особливо о садовнику, винницѣ, млинахъ и грошахъ, а барзѣй о листѣ моемъ до господина брегадира писанномъ. До отца Фоми писалемъ о томъ же інтерессѣ, якій въ листѣ къ обозному виражень есть.

2. Петра трембача зъ писмомъ до сотника наказ. лукомскаго отправилемъ, чтобъ онъ противъ его суплѣки, якая тамъ же включена, розискалъ и если возможно его зъ атаманомъ юсковскимъ привелъ до помѣркования; буде же нѣтъ, то прислалъ би обидвѣ сторони въ Роменъ. Ему жъ далемъ и другое писмо до Григораша, чтобъ зъехавши въ Городище, розискалъ о пожару учинившомся въ домови тамошнего сотника, яковій супплѣкуетъ произшедшій бити отъ Саганки. П. Василь глинскій отехалъ, которому о сливахъ говорилемъ. Цись пріехалъ въ Лохвицю и ознаймилъ о 6 коняхъ, посланпихъ въ Роменъ, а о самомъ, мѣючомъ сюда въ Луку прислатись, и отехалъ знову. Черняховскій, комисаръ полковій, отехалъ въ Роменъ выправлять провіянтъ и фуражъ въ Чигириндуброву, куда и полкъ Інгермоланскій рушилъ на винтерквартеру. Писалемъ до глинского п. Василя у вечеру, чтобъ прислалъ для подему моего санѣ сюда. Тогда жъ и до роменской старшини писалемъ о учиненіи порадку подъ нинѣшное ярмарковое время и управленіи справъ всякихъ.

3. Зъ Глинска санѣ привезли. Велѣлемъ старостѣ двѣ кадки зробить, едну у 40, а другую у 60 квартъ. Старостѣ лучанскому говорилемъ, что мѣлъ конь присланъ бити отъ Цися, и о другимъ чтобъ присланъ билъ, казаломъ. По обѣдѣ виехалемъ зъ Луки и

не доежджаючи Токаровъ, стрѣтилемся зъ обозним, которій мнѣ показовалъ термѣну листу до прокурора писанного о челобитчикахъ родителскихъ. Пріехавши въ Токарѣ, видѣлемъ коней своихъ тамъ стоячихъ 26. Староста приблудившихся двохъ буланихъ коней, до футора Артополотского, показовалъ носатихъ чили зорозуючихъ [1]). Виехавши оттуду. пріехалемъ у футоръ Артополотскій, где кобилъ двѣ моихъ гнѣдихъ и лоша подпалое видѣлемъ. На ночъ пріехалемъ въ Андрѣевку.

4. Рано зъ Андрѣевки къ Ромну виехалемъ, а на дорозѣ подалъ мнѣ листъ козакъ перекоповскій отъ отца Совѣцкого зъ Кіева, о его помислной тамъ гостинѣ. Пріехалемъ въ Роменъ передъ служ-бою. Бувъ прапорщикъ Інгермоланского полку, пріехавшій за провіянта отправкою къ Чигириндубровѣ. Комисарамъ полковимъ велѣленъ диспозицію учинить въ сотнѣ роменской. Псковского полку отъ прапорщика, пріехавшого конѣ покупать, приходилъ вахмистръ, требуючи сѣна для коней. Алексѣеви Холкидоцкому далемъ коней рижострокатихъ 2, должнихъ за клавицимбалъ на Москвѣ въ его взятій. Подводъ сухоносовскихъ 6 воловихъ въ Роменъ пришли, а на нихъ сира куховъ 4, масла фасокъ 10, да дробини поголовя (?) 50, що все на Засуллю Алексѣйцеви зложити казано, а подводи отпустить назадъ и на нихъ кухву горѣлки въ Сухоносовкѣ послать. Швецъ Лысій паръ двѣ чоботъ мнѣ зъ сафяна викроилъ. Коней 6 зъ Лохвицѣ присланнихъ и 2 мѣшки соли.

5. Юско Зубко подалъ мнѣ указѣ зъ вой. енер. кан. о присилкѣ двохъ мѣщанъ до пріему провіянта и надсмотрщика надъ ними значкого товариша; особливо листъ отъ Столповского зъ комплементомъ. Отъ Бяловского, о указѣ п. п. бунчуковимъ въ Гилянъ готоватись. Отправилемъ въ Глуховъ писма: 1) до швакгровъ, о доношеніи, жебы оное сочинилъ Бяловскій о ланцужку моемъ, 2) до Бяловского, о томъ же и о указѣ; 3) до Троцкого, о томъ же указѣ; до Василя господара, о поведеніяхъ господарскихъ. Писмо отвѣтное до п. Павловой отправилемъ, чтобъ сюда пріехала въ Роменъ,

---

[1]) Золозуючихъ?

зъ Бабакомъ, для поради, якъ его въ Глуховъ отправить въ дѣлѣ еи зъ Кочерженкомъ. Воротелякъ Петро явился зъ Шліонска, пріехавши и дзикгарикъ мой направленій привезлъ, за которій далъ тамъ 4 таляр. битихъ безъ чвертки, а копѣйками полъ 8 копи. Антонъ принюсъ книгъ двѣ, въ Кіевѣ купленнихъ: 1) октоихъ и ярмолойчикъ, а третую рускую, позиченную отъ мене отцу ректору, алкоранъ.

6. Ездилемъ на Засулле, где коней злодѣйскихъ лохвицкихъ 3 казалемъ Алексѣйцеви взяти, а 3 оставити; еще жъ въ Лохвицѣ у Цися отобрать 2 казалемъ, а его виправилемъ разставити конѣ въ Бурумцѣ всѣ, оставивши тутъ тилко въ Токарахъ четверенъ 2, сивого и царичанского и возовихъ 10, итого 20. Ему жъ позволилемъ продать скиртъ зъ 10 сѣна, роменцямъ, зъ нимъ же для тоей куплѣ поехавшимъ туда на Кривую Руду, якое на 9 роту мѣютъ отдавать. Слѣпій сенецкій, бувши у мене зъ листомъ правителскимъ его оправдаючимъ, отпущенъ въ домъ зосталъ. Яковъ Литвишко приходилъ ко мнѣ зъ реестромъ доводячихся денегъ въ казну отъ родителскихъ добръ, болшъ 50 р. Комисари полковіе отехали отсюду въ Лохвицю. Зъ Чигириндубротской сотнѣ тамошній сторожъ привезлъ доношеніе и вѣденіе о принятихъ регламентахъ и екземплярахъ о содержаніи овецъ предлагаючихъ. П. Селецкій, сотникъ дѣвицкій, пріехалъ зъ Сулаку въ Роменъ и подалъ писма до ясневел., брегадира и мене писанніе, зъ которихъ въ послѣдномъ виражено, что принцъ грузинскій, уходя преслѣдованія отъ Порти отаманской, удался подъ протекцѣю всемилостивѣйшого нашего государя, а съ нимъ всей компанѣи, зачисляя епископовъ 6, архимандритовъ 14 и прочіихъ монаховъ и служителей всѣхъ и женской полъ 1185.

7. Манджосъ Григорій бувъ у мене и сказалъ про сегнѣтъ, что жидови робити далъ. Онъ же и мѣнуціи мнѣ на прошлій годъ принюсъ. Отецъ Савѣцкій пріехалъ зъ Кіева, новоустроенъ протопопою Роменскимъ. Онъ же привезлъ указъ архіерейскій освятити церковъ ст. Николая и отца Іоанна паки намѣстникомъ устроити. Зъ сенецкой сотнѣ прислани утѣкачи, которихъ знову отослано туда жъ, а велено ихъ подъ арестомъ держать. Бившій комисаръ полковій

Вишневскій, бувши у мене, подалъ на писмѣ, что у его денегъ 48 руб., на неналичнихъ взятихъ. Сотникъ дѣвицкій п. Селецкій отехалъ въ Дѣвицю. Зъ Глинска въ Глуховъ послано сливъ венкгерскихъ 270, а черешенъ 80. Черезъ сторожа лохвицкого послани листи до брегадира и ясневелмож. родителскіе зъ Сулаку, и мои, и до п. Скоропадского, объ інтерессѣ челобитчиковскомъ, разговоренномъ отъ прокурора обозному. Рондзѣкъ старій чорній разобрали на новій, ременъ чили тясму обсадить, а въ немъ штучокъ всѣхъ малихъ и великихъ 145, а додѣлать потреба хвостиловъ 8, штучокъ малихъ 2, пуклинъ 1, на носѣ наконечникъ 1, и того всѣхъ имѣетъ бить штучокъ 157. Романови реестръ данъ покупокъ разнихъ и у войта велено позичить денегъ. Григорашъ Губскій, наехавши на домъ писара Савѣцкого, где греки стояли, поссорился зъ ними и побился, чего ради зъ жалобою кгреки приходили ноччю.

8. Неделя. П. Василь глинскій привюлъ коней воронихъ пару, въ Луцѣ сторгованнихъ за 130 зол. Пос(вя)щали церковъ ст. Николая, отецъ Савѣцкій зъ отцемъ Іоанномъ и отцемъ Стефаномъ службу Божую служили. Рано у мене бувъ надзиратель Нелидовъ, зъ которимъ о 3 колахъ вешнякахъ въ Луцѣ стоящихъ, говорилемъ. Черезъ Славѣнского отъ родителки писано до Михайла ревизора, въ Лохвицю, и до Стефана зборщика въ Лубнѣ, жеби въ казну за збори въ казну росплатились. До Василя господара въ Глуховъ писано, жеби прислалъ сюда желѣза штабного пудовъ 3 на глинскихъ подводахъ. До Алексѣйця писалемъ, жеби верхового вороного коня отослалъ въ Короваи. Лоренцовъ, прикажчикъ хоружовскій, зъ женою своею бувъ у насъ. Андрѣй Стаховичъ пріехалъ въ Роменъ и бувъ у насъ и сказовалъ о грошахъ зъ Седнева и Чернѣгова повезенних въ Глуховъ, при маіору Федору Кошелеву.

9. Отецъ Фома, протопопъ пѣратинскій, пріѣхалъ. Ходили по ярмарку и покупили дещо. Громѣчиха старая на сына своего Кирила дала суплѣку. Федоръ Заруднѣй зъ узваромъ пріехалъ, которого за уши рвали. Бутурлимъ, пяний, бивъ Василця нижника.

10. Воскъ нашъ проданъ зосталъ, камень по 26 зол. и 5 копѣекъ, а воску всего било, по сказцѣ Романа, 15 камней и 8 фун-

товъ. Салогубъ прилуцкій приходилъ за своимъ зятемъ, тутъ въ полку начавшимъ теперъ жить, жеби на его респектовать, поколь обживется. Гончаръ лубенскій привюзъ двѣ статуи. Господинъ генералъ маіоръ и маіоръ отъ гвардіи Александръ Івановичъ Румянцовъ, пріехавшій въ Глуховъ 3, виехалъ зъ Глухова 6 ноевр. въ Кіевъ, а оттоль въ Цариградъ посломъ. Отъ Василя, господара, двокротніе получилемъ писма о тамошнемъ поведеніи, одно, черезъ козака, а другое черезъ сторожа Якима лукомского. Черезъ того жъ писмо отвѣтное отъ Троцкого о походѣ получилемъ бунчуковимъ. Слугамъ розданни гроши на барму именно: Роману 15, Мартину 12, Тарасу 9, Вѣжевскому пол. 8 зол.; машталѣрамъ кожухи, чоботи и рукавицѣ. Здешнему сотникови указъ на писмѣ подъ штрафомъ далемъ, жеби козаковъ определилъ до розсилки регляментовъ. У лазнѣ мился. Бутурлимъ пяний, рано прійшовши, фуріовалъ. Листовъ два отъ панеи Павловой и отъ мене до правителей о посилаючомся въ ея дѣлѣ Кирилу Бабакови за стряпчого, составили. Отъ сторожа Якима, зъ Глухова пріехавшого, извѣстилися, что сотникъ смѣловскій, виправленній зъ Сулаку зъ болъними, повернулся въ домъ свой.

11. До Василя господара писалемъ черезъ Парфененка глуховского, въ отвѣтъ на его писма, и о протчемъ домашнемъ поведеніи и чтобъ далъ мѣрницю пива швакграмъ. До русановского старости о волу моемъ, зъ Куцупѣевщини туда приблудившомся, писалемъ, чтобъ онъ видалъ его намъ. До Горба писано, жеби жителя села Тарандинецъ успокоилъ и свой грабѣжъ 6 воловъ выкупилъ. Трембачи 3 явившись побились передъ нами, съ которихъ двохъ за тое за друкъ посажено. Гончареви лубенскому полталяра далемъ и фарбъ розниxъ и 6 фунтовъ олова, на зробленне статуй, купили, а писалемъ до атамана лубенского, чтобъ ему глини возовъ 3 зъ Комишной привезено, а до старости александровского, жеби далъ ему харчи: житной, гречаной и пшеничной, ему жъ и контерфектъ (портретъ) п. судіи прилуцкого данъ. Повторе до старшини лохвицкой писано, жеби присилали зборщика до провіянта, якъ надлежитъ зъ доношеніемъ. Отецъ Фома, протопопъ пѣратин-

скій, переписавши зъ себѣ зъ книги ст. Василія Вел. литургію его, отехалъ домой, которому чорную козлину купилемъ. Золотаръ Бородатій взялъ 140 штучокъ рондзѣка для позлоти, на которую ему купилисмо 6 лотовъ живого срѣбра. Кирило Бабакъ отправленъ въ Глуховъ въ дѣлѣ п. Павловой, черезъ которого писалемъ до Василя, чтобъ онъ бувъ въ дворѣ, а конѣ его отосланибы били зъ человѣкомъ его жъ въ Тулиголови. Да въ томъ же листѣ писалемъ о шаблѣ, данной шабельниковѣ, жеби отшукалъ оную. Получилемъ листъ отъ Орановского писанній о томъ, чтобъ бувши онъ съ Сухомузкимъ въ селѣ Перервинцяхъ, зревѣдовалъ тамошніе рѣчѣ, якихъ показалось именно; людей лутшихъ 23, а въ нихъ воловъ 30, а коней 4, а пѣшихъ 6, стада дрикгант. 9, клячъ 63 и другихъ коней, всѣхъ же числомъ 184, а воловъ рабочихъ 20, четвертаковъ и третяковъ 27, коровъ 25 и протчей скотини, которой всей зъ волами будетъ на 121, такъ же и протчого дворового птаства, свиней, пашнѣ. Отъ атамана лубенского и Григорія Котляренка получилемъ писмо и інквизиціи о убійствѣ Петромъ лукомскимъ учинившомся, къ которому и самъ онъ повинился, толъко оное причитуетъ своего ума изступленію.

12. Отъ швакгровъ зъ Глухова писма, и отъ Якова Дуброви зъ Смѣлого о томъ, что денегъ 100 зол. позиченихъ, не можетъ еще уплатити намъ, подани листи. Столповскій и Савѣцкій, писаръ, пріехали зъ Глухова. Зъ Питербурху Іванъ Перехристенко пріехалъ и писма отъ пѣвчихъ государинѣ імператрицѣ, оправдаючіе Калнѣцкого отъ клевети Василя Дейнеки, подалъ. Кузма, асаулъ артилер., зъ Лукомля пріехалъ и о тамошнемъ сотнкови, прошедшого пятка въ Лукомле пріехавшомъ, говорилъ. Трембачи два, Никола да Новотний, наказани за предерзости. Отправили писма: до Орановского, о зеханню его въ Перервинцѣ; до лубенской старшини, о Петру Крамару лукомскомъ, убійцѣ; до пѣратинского атамана, о войтови тамошнемъ, зъ наказаніемъ за его предерзости; до лохвицкой старшини, о допросѣ Нещерета въ дѣлѣ злодѣевъ. Надзиратель бувъ. Полтарацкій лѣкаръ пріехалъ въ Роменъ.

13. Сотникъ смѣлянскій пріехалъ въ Роменъ. Полторацкій

бувъ. Столповскій сватанъне себѣ зъ дочерю Манджосихи Григорихи учинилъ. Листъ послали черезъ лубенского сторожа до Славѣнского, о присилцѣ сливъ. Мартинъ молодикъ повернулся и на пробу привезлъ горѣлки простой, которая началась робитись въ Сухоносовцѣ прошлого (?). Козакъ глинскій, отпровадившій сливи въ Глуховъ, повернулся назадъ. Черезъ сторожа пѣратинского Божка писалемъ до п. Федора въ Прилуку, жеби прислалъ мнѣ копію реестру п. судіи покойного и обявилемъ, же посилалемъ въ Перервинцѣ и чтобъ прислалъ мнѣ унѣверсали на оное селце п. судіи данніе. Мартиномъ привезенни тулѣпановъ 3 и насѣння ихъ же и красолѣ, отъ Милорадовичевой Стефановой. На рондзѣкъ позолотити далемъ золотареви червонихъ два, якіе Верещацѣ казалемъ заплатить по 11 зол. Надзиратель зъ отцемъ Павломъ Свѣтомъ пробалакали и пили у насъ. Писаръ Савѣцкій, не сказавшись, отехалъ зъ Ромна въ Луговики.

14. Вовка люде принесли. Грошей 100 рублей далемъ Верещацѣ Петру, зъ которихъ 300 зол. отдалъ церковнихъ должнихъ отъ мене, а 200 еще у его обрѣтаются. На сватанпю у п. Столповского вечеромъ булисмо и просидѣли. Онъ же бувъ у мене и зъ хусткою кланялся.

15. Неделя. Гарбузъ машталѣръ пріѣхалъ зъ Токаровъ отъ коней за овсомъ, а тамъ коней стоитъ нашихъ—19, а злодѣискихъ 3. Черезъ его до токаровского старости при писмѣ послалемъ 10 зол., на покупку овса, для тихъ же коней. Романъ молодикъ мой вчорайшого дня упившись, внѣ ума билъ и теперъ болитъ. П. Петро Тарновскій, індукторъ, бувши у насъ принюсъ око тютюну и голову цукру. Комаровскій рисовалъ многихъ на паперѣ. Зъ Глухова повернулся сторожъ лохвицкій зъ отвѣтними писмами ясневел. и брегадира о полученнихъ писмахъ родителскихъ. Получилемъ листъ зъ вой. енер. канц., жеби дать вѣденіе о селахъ державскихъ за руками державцовъ, по якимъ крѣпостямъ оніе имѣютъ.

16. П. Петро, індуктаръ, присилалъ ко мнѣ своего служителя о кухвѣ горѣлки взятой у Конотопѣ отъ тамошнего фактора,

родителской, жеби взять оную. Укази листами послалемъ въ сотнѣ о томъ, чтобъ старшина присилали вѣденія о селахъ державскихъ, почому оніе въ державѣ чіей обрѣтаются, за руками державскими. До чорнуской старшини отписалемъ на ихъ листъ, жеби утѣкачовъ державли, козакамъ кгрунтовъ своихъ продавать не давали, и зборщикъ тамошній, бувшій зъ виборомъ давнего долгу своего за войтовства его на людяхъ учинившогося, подождалъ до повороту родителского. До Горба Бурумского писалемъ, жеби сюда для староства въ Луку пріездилъ. До Орановского писалемъ, жеби въ Винницѣ сухоносовской все устроено противъ порадку винничного Сухомузкого, такъ же о куплѣ лѣса и млина. Петро Верещака отдавши 300 зол. церковнихъ долгу, еще отдалъ п. Дяченку Василю зъ моихъ же грошей 271 зол. и такъ уже п. Василю все заплачено. Особливо онъ же отлѣчилъ п. Василю глинскому, пріехавшему теперъ сюда, за кухву меду зборного, въ Глинску на мою потребу взятого, 88 зол. а за вороніе кони, у его жъ купленніе, отлѣчилъ же ему 130 зол. Онъ же п. Василь привезлъ грошей 25 зол. не сполна и отехалъ. Надзиратель приходилъ и говорилъ о подводахъ, подъ рибу до Глухова потребнихъ. Зъ мѣшечка Федко отлѣчилъ 7 копъ грошей себѣ за камень верхній, въ Глуховѣ лежавшій, а до нашего млина взятій.

17. До Орановскаго писалемъ листъ и черезъ чорнуского козака послалемъ, въ которомъ включилемъ и облѣкъ Петра Іванова Свѣтового зятя, отъ которого доводится намъ грошей 120 зол. Получилемъ отъ Булюбаша, сотника чигириндубр., писмо о чинячихся сотнянамъ тамошнимъ обидахъ отъ консистентовъ, и отписалемъ тогда жъ о томъ же и до полковыхъ комисаровъ писалемъ. До лубенской старшини писалемъ о присланню двохъ мѣщанъ въ зборщики до магазейну. У атамана требовалъ о суплѣку, взглядомъ протопопства. Въ Глинскъ послалемъ мѣди фунтъ 157, на зробленне казановъ 3 винничнихъ, сороковихъ съ трубами 9, зъ которихъ въ каждомъ ваги булобъ по 9 фунт. Ломака поехалъ за тютюнною десятиною и оному, жеби дано козака въ Глинскъ, писалемъ.

18. Мѣди остатней зважили, ажъ показалось 3 каменѣ безъ двохъ фунтовъ. Стаховичъ зъ Дорошенкомъ, бувши у мене, протестовались, что сотникъ смѣловскій побилъ жестоко слугу Дорошенкового. Онъ же Стаховичъ, узявши у мене писмо причинное до атютанта княжого о себѣ, поехалъ въ Ахтирку до князя, на услугу. До Нѣжина посланъ козакъ зъ листами, до полковника Толстого, зъ родителскимъ и моимъ. До Каратаева о сѣмени луку нѣмецкого, до Петра Тарнавіота о дрикганту и наметику (палатка) кругломъ. До Прилуки посланъ сторожъ лохвицкій зъ писмами: до п. Федора, о присланню унѣверсаловъ на селце Перервинцѣ и о книзѣ Żywoty s. Oycow[1]), зъ другимъ до обозного, питаючи, якій респектъ зъ полку показанъ щетчику ихъ. Божко повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтомъ отъ п. Федора и реестръ привезлъ худоби, легкованной отъ небожчика судіи п. судіиной, именно: денегъ 9000 зол., воловъ рабочихъ 70, коровъ 53, назимковъ 24, коней 40, кобилъ зъ лошатами 30, дрикгантовъ 2, овецъ 400, козъ 60, свиней 200, срѣбро цѣн. мѣ. въ 100 рубляхъ; модерунокъ всякій женскій въ 1000 рубляхъ, у Переволочной камень и ступи вешняки, у Новой Греблѣ 2 колѣ млива, хлѣбъ у ямахъ на 10000 зол., засѣво на прошлій рокъ 70 осмачокъ прилуцкой мѣрѣ, каретъ спаленъ, шоръ etc. на 100 рублей; всего будетъ по порахунку п. Федора въ томъ же реестрѣ вираженномъ на 40500 зол. Єлѣнскій, бувши у мене, кланялся. После Яковъ Дуброва пріехалъ.

19. Черезъ презента послали писма въ Глуховъ, въ колегію доношеніе одно, питаючись откуду барани на заводъ до спускання зъ овцами по указу, надлежитъ брати и обявляючи, что посилалемъ за оними въ слободи сторожа лохвицкого, але и Кологривова маіора и барановъ не сыскалъ тамъ. До канцеляріи енер. двѣ доношеній: 1, прося резолюціи о колодникахъ, которихъ умножилось тутъ, 2, о козакахъ новихъ утѣкачахъ, проявлюючихся, о що зъ ними чинити. Черезъ его жъ, до Василя господара, о розних ин-

[1]) Żywoty Swiętych, Лазаря Барановича, напеч. въ Кіевѣ, въ 1690 г.

терессахъ и о спроданню риби, писалемъ и послалемъ грошей 50 р., жеби оніе тулиголовскому старостѣ далъ на покупку жита. Черезъ Якова Дуброву писалемъ до городничого смѣловского о томъ, чтобъ продалъ кобилъ 10 мнѣ, на плодъ, стада алоевского. Черезъ того жъ презента писалемъ до п. Скоропадского комплементъ и до Троцкого объ указѣ о бунчуковихъ. Молодикови п. Андрѣя, поехавшому въ Суми, на ярмарокъ, дала 15 зол. сама на покупки. Уманецъ Степанъ пріехалъ зъ указами зъ канцелляріи и съ коллегіи, жеби бунчуковіе готовалися въ походъ до Гилянѣ, такъ же и козаковъ полку лубенского нарадить бы 375, зъ дѣйствителнимъ сотникомъ. У лазнѣ булисмо. Асаулъ арматний Кузма отпущенъ зъ листомъ до лукомской старшины, жеби ему козаковъ въ полковихъ интерессахъ давано. Черезъ его жъ писано до старшины лубенской, жеби зехавши въ Лукомле, изслѣдовали и аппробовали розискъ о беззаконницѣ и дѣтоубійцѣ. Въ едномъ мѣшечку, зъ присланнихъ отъ Сулаку, недолѣчились 15 шаг., а въ другомъ 13 зол. Дядко поехалъ до Луки, а Опанасъ, тамошній староста, отстановленъ для чародѣянія, якъ слишно, отчасти (?).

20. Кафисму третую переведлемъ зъ інних діялектовъ, противу еврейского, на славенскій. Шубу оправити казалемъ и на оправку оной мало не все футро самой пойшло. Горба бурумского жона пріехавши, сказала о ему, что умеръ. Атласъ червоний панѣ дала на кафанъ. Поехали панѣ и моя сама до Бубновъ, где мѣютъ до коммунѣи приступать. Прапорщикъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ.

21. Коммунѣковался я и Зарудній. Прапорщикъ и протчіи були на водцѣ и отійшли. Родителка зъ моею самою повернулись зъ Бубновъ, въ Роменъ. Отъ Орановского получилемъ листъ, въ которомъ ознаймуетъ, что бувши у п. Томарѣ увѣдомились о продаемомъ футорѣ на Чумгачку и слободцѣ Семеновцѣ; у футорѣ— дворъ, хатъ людскихъ 7, а межъ ними тяглихъ 3, близъ футора лѣсъ въ довжъ—на версту, вширъ—узкій, и пустий ставочокъ, а Семеновка отъ футора у 3 верстахъ отстоитъ, где хатъ 30, межъ ними тяглихъ 12; берегъ сѣнокосній на милю, ставочокъ въ селѣ

у версту, другій ставокъ зъ млиномъ, а въ Семеновцѣ и футорѣ становится сѣна будто на 100 воз., и за тое все будто править 12000 зол. Петро Лукомскій, убійца, припроваженъ въ Роменъ и посаженъ за арештъ.

22. Неделя. Укази послани въ сотнѣ, о нарадѣ козаковъ 375 въ Гилянъ зъ бунчуковымъ товариствомъ, именно: зъ смѣлянской, ром., лох., сенец., гор , чорн , пѣр , лубен., лук., а послани въ 3 руки, Воротелякомъ, Іваномъ Ющенкомъ, и Славѣнскимъ. Особливе зъ інструкцѣею да зъ другимъ указомъ, посланъ Григор. Манджосъ до п.п. бунчуковихъ. Зъ колегіи указовъ, 2 получилемъ: 1, о томъ, чтобъ магазейнъ направить въ Веремѣевцѣ, построенній полкомъ миргородскимъ, а 2, о подрадѣ—купить роговъ пороховихъ, бичихъ или коровихъ, не малое число. Тарасъ молодикъ, повернувшись отъ коней, сказалъ, что буланіе приблудніе носатіе суть и ихъ лѣчатъ у Луцѣ. Бородатій золотаръ приносилъ позиченний рондзѣкъ, въ немъ штучокъ всѣхъ 153, а ваги фунтъ и 3 лоти, а рондзѣкъ обсаженъ на чорномъ ременѣ. Обѣдали у насъ прапорщикъ Волжинъ, отецъ протопопъ и отецъ намѣсникъ и сотникова глинская и отчасти подпіихомъ.

23. Сторожъ лохвицкій повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтомъ отъ п. Федора, что унѣверсали на Перервинцѣ запечатани въ скринѣ у п. судіиной стоячой суть. Отъ обозного прилуцкого о щетчику, же ему зъ полку жадного нѣтъ респекту, и объ овцахъ чили баранахъ, копія указу колежского. Отъ п. судійной писмо и книгу полскую Żywoty swiętych ...... (?) привезено. Роднѣцкій, брата п. Андрѣя слуга, повернулся зъ сумского ярмарку и сказалъ о п. Стефану Миклашевскомъ, тамъ обрѣтаючомся, и о умершемъ п. Василеви сумскомъ. Провіянтмейстеръ Полянскій, зъ коллегіи посланній осмотрѣть магазейновъ, проехалъ въ Роменъ и бувъ у мене. Компанѣйцѣ явились зъ указомъ давать имъ мисячное и на конѣ отъ декавр. до мая, давать по два возн сѣна и 30 гарцивъ овса, албо по копѣ грошей на мисяць. Зъ вой. енер. канцел. листъ присланъ, жеби гудимовская старшина сѣлская, сотнѣ глинской, заплатили 23 рубля, 6 л., 4 д. въ походную канцелярію князя

Голѣцина, въ Ахтирку, за необявленнаго бѣглого дракгуна, а тому, которій минялся зъ онимъ дракгуномъ на платте, дать наказаніе 40 ударовъ, о которого присилкѣ сюда, такъ же и доправкѣ денегъ, писалемъ до глинского сотника.

24. Романъ молодикъ болшъ сутокъ пючи, пяній многія безчинія починилъ, между которими шинкарку обезвѣчилъ барзо, и посаженъ за друкъ. Молебенъ за именинницю государиню імператрицу, зъ семочисленнимъ стрѣлянnемъ пушечнимъ, отправивши, були всѣ у насъ на водцѣ. Братъ п. Андрѣй зъ своею женою поехали зъ Ромна въ Суми. До отца Іоанна мутинского послалемъ, черезъ смѣлянского козака, 5 зол., а просилемъ, жеби коганця на образецъ прислалъ намъ. О направленню магазейна, миргородскимъ полкомъ строенного, писалемъ до сотниковъ чигир., луком. и Іосифа Шишка. П. Заруднiй далъ на себе писмо, подъ потераніемъ футора, если станетъ горѣлку отселѣ пить, кромѣ крайней нужди. Попъ бѣловодскій, Федковъ братъ, поклони посередъ церкви бивъ. Бувъ я у Павла ключника, который сталъ обмагатись въ своей хоробѣ.

25. Козакъ повернулся зъ Нѣжина, посиланий туда зъ писмами, и привезлъ сѣмя нѣмецкого луку и писмо отъ дворецкого полковничого Каратаева, а отъ Петра індуктара о продаемомъ дрикганту турецкомъ за 20 р. Посаженіе за арештъ за безчинія, наказани всѣ кіевимъ боемъ. Алексѣецъ, конюшій, пріехалъ въ Роменъ и донеслъ, что продалъ сѣна нашего людямъ пять скиртъ, за 60 таляр. Онъ же подалъ писмо отъ Орановского, въ якомъ пишетъ, что въ сухоносовской винницѣ виробылось 6 кадокъ горѣлки, якой и проба, же не худа, прислана. Тютюну въ Сухоносовцѣ зложили папушъ 3010. Лѣсокъ тамъ же въ Сухоносовцѣ купили за 10 таляр. Полковникъ Ямбурского полку, иноземецъ Гротъ, пріехалъ переѣздомъ въ Роменъ, у которого я бувши извѣстился, что отъ князя Голѣцина опредѣленъ зъ бунчуковими ити въ Гилянъ, полку его бивній маіоръ, а нинешний подполковникъ Іванъ Василіевичъ Подимовъ. Родителка мнѣ и моей самой сукна на кунтушѣ дала и протчего. Кровъ пускалемъ зъ головной жили правой руки. О Василевѣ сумскомъ иначей, что живъ, стало слишно.

26. Єротъ, полковникъ Ямбурского полку, рушилъ зъ Ромна рано. Сторожъ лубенскій посланъ въ Глуховъ зъ доношеніями двома: въ канцеллярію, о великой компанѣйцамъ дачѣ, тоесть по копѣ грошей на зимніе мѣсяци на коня, и о присилкѣ реестровъ нового полку лубенского ревизѣи, а съ третимъ въ колегію, что необискался закупщикъ циганского атаманства, писанними; да зъ писмомъ до Василя и срѣбра полтори цѣвки и шовку чорного 3 лоти, на зробленне потребъ до кунтиша. Сторожъ чорнускій посланъ въ Лохвицю, до Григорія Остапенка зъ листомъ и 100 зол., жеби оніе Рубашному далъ, ежели доводятся. Черезъ его жъ до Ороновского писалемъ о розниxъ домовиxъ рѣчаxъ и грошей, на покупку лѣса до футора, послалемъ 100 зол. Да черезъ его жъ писалемъ до сотника лубенского о приуготовленіи его въ Гилянъ, а до чигириндубровского о присилкѣ писемъ родителскихъ. Маляреви тутейшому, бывшого покровского попа, далемъ книжку симболя для перерисовання нѣкоторыхъ лицъ и гусли маліовать. Прапорщикъ Волжинъ, бувши у мене, предлагалъ скаргу на сотника наказного здешнего, что онъ ему подводъ и козаковъ не отдаетъ. Сотникъ здешній зъ войтомъ перемовлялись передъ мною. 5 рублей далемъ своихъ Якову Дубровѣ, въ доплатку позиченнихъ имъ же грошей зол. 100, Рубашному отложенниxъ.

27. Блядки въ Несторовичевомъ шинку будучіе, осажени, скарани и пущени. Зарудній старій отехалъ въ Глинскъ, которому кафанъ старій отласовій далемъ зелен. Писалемъ до Орановского и Звѣраки о розниxъ інтерессахъ домовиxъ. Отъ лубенской старшини получилемъ вѣденіе о маетностяхъ державскихъ и о томъ отвѣтъ, что въ зборщики до магазейну нѣкого тамъ вибрать. Ярошенко, повернувшійся зъ Криму, сказалъ, что Адамъ продалъ масло по 7 окъ, а тютюнъ по 17 за лева[1]). Волжинъ прапорщикъ писмо прислалъ ко мнѣ о противности здешней старшини, будто показуючойся. Получилъ отъ Шишкевича вѣдомость о походѣ. Уже килка денъ, якъ дочь моя Настуся захоровала на куръ. У вечеру Стол-

[1]) Левъ—турецкая монета.

повскій бувъ и читали житіе Ксаверія по полску. Купилемъ у сотника тутейшого меду прѣсного неповную кухву, а въ оной вѣдерокъ 10 и квартъ 10. Зъ другой кухви, другого меду показалось полъ куфи, а того доклавши, учинили повную кухву и забили, якая заважила 26 каменей сороковихъ.

28. Презентъ, посиланний въ колегію за баранами, повернулся безъ отвѣту, якого не дано. Отъ Троцкого канцеляристи получисти получилемъ вѣдомость о повторно засланномъ зъ правителствующого сенату указѣ, на имя старшини енералной написанномъ, чтобъ зъ бунчуковими вислать 2000 козаковъ въ Гилянъ, въ пріидучомъ мартѣ мѣсяцѣ. Отъ Василя, господаря, получилъ писмо, въ якомъ пишетъ, что Степану Солодовнику далъ грошей 30 зол., а онъ въ годъ по 5 р. 4 рази давать мѣетъ, и что грошей 50 рублей отъ его презента принялъ. Зъ Глухова, отъ правителей, о Грому и Гавриленку 2 писмѣ получилемъ, жеби ихъ росправить. Панѣ Іванова, бившая сотникова луб., пріехала. Козакъ отъ Івана Новѣцкого привезлъ сказку, почому они владѣютъ своими селами.

29. Неделя. Послѣ служби Божой, були здешніе всѣ въ насъ и войтъ сина своего представилъ. У вечеру отецъ Савѣцкій зъ п. Столповскимъ бували, просилъ къ себѣ на завтрее. Пилипу Римареви далъ Тарасъ зол. 2. Алексѣйцеви казалемъ, отобравши за сѣно, взять зъ онихъ себѣ зал. 10.

30. П. Булюбашъ, сотникъ чигириндубровскій, пріехалъ въ Роменъ и подалъ писма отъ родителя и брата п. Семена, зъ которихъ въ послѣднѣйшомъ пишется, что Гаврило зъ 4 барилами горѣлки пріѣхалъ въ Сулакъ. П. Якимъ Кулябка пріѣхалъ же и просилъ инстанцѣй за собою писменнихъ въ Лубнѣ до тамошнихъ ктиторанъ. Указъ данъ старшинѣ роменской по доношеніи отца Савѣцкого, чтобъ безчинія, такъ въ городѣ, яко и по селахъ, заборонени были.

Декабр. 1. Романа за пянство, а Войтенка за побѣгъ и разбои по шинкахъ, наказалъ. Обѣдали у насъ Булюбашъ и Якимъ Кулябка. Григорій Манжосъ пріехалъ и привезлъ росписки отъ бунчуковихъ, что они готови въ походъ до Гиляни, опрочъ нѣкоторихъ. Зъ Глинска привезенъ реестръ козаковъ до Гиляни опре-

дѣленнихъ и деньги за бѣглого дракгуна 22 рублѣ зълишним. Зъ вой. енер. канцел. принесени два укази: 1, о присилкѣ новихъ зборщиковъ, въ Глуховъ, до коллегіи, а другій—о переписѣ всѣхъ въ полку козаковъ отъ болшого до меншого и бунчуковихъ, хто, где и когда въ походахъ бувалъ. Третій указъ зъ колегіи о подрадѣ вина простого на питейніе двори въ С. П. Бурху.

2. Козакъ сотнѣ глинской присланній зъ грошми за бѣглого дракгуна зъ села Гудимъ, посланъ при листѣ моемъ до правителей въ Глуховъ, а оттоль въ Ахтирку. Указы: 1, о перемѣнѣ зборщиковъ, 2, о подрадѣ роговъ килкохъ тисячъ, 3, о подрадѣ вина простого на питейніе двори Сп.-бурскіе подписани и дани писаревѣ пѣратинскому, для розсилки въ сотнѣ. Булюбашъ, сотникъ чигириндубровскій, отехалъ по службѣ. Писма отъ братовъ зъ Кіева получилемъ. Млинокъ одинъ робыти, а два направляти далемъ. Дочерѣ моей Настусѣ захоровавшой уже тому дней зъ десятокъ на горло, cataplasma прикладана: гнѣздо ластовинее, корень фіялковій и калъ собачій варили въ молоцѣ и тимъ горло обкладали, зъ совѣту Полторацкого. Медвежую шкуру стрѣлецъ смѣловскій привезлъ.

3. Листи и купчіе въ скринцѣ своей пересмотрѣлемъ. Послалемъ листи до п. Федора о присланню ко мнѣ контерфекту (портрета) панского, а до п. судіиной зъ визнанемъ моей зичливости отвѣтъ. Якимъ Кулябка отехалъ зъ Ромна. Прадка, бившій зборщикъ, приходилъ за подорожною себѣ въ Литву намѣрившому ити. Ездилемъ до Ярошенка вина кримского гледѣти, якого бутку за 200, а буту болшую за 400 зол. продавалъ. Тогда жъ и въ своемъ шинку билъ, где всякій билъ напитокъ. Дочерь моя Анастасія, въ 1722 году родившаяся, преставилася 5 години зъ четвертю по полудни, зъ хороби, якую зовутъ медики angina, которая посля кору показавшогося на тѣлѣ и якъби доспѣвшого и злущившогося по обоихъ сторонахъ горла, показалась; болѣла дній 12.

4. Павлу ключнику на розніе обрадки, до погребу оной дочери, моей далемъ 40 зол. Ілку Важниченку на покупку табаку далемъ 50 зол. Тишко сторожъ, повернувшись, далъ карту отъ Орановского о принятихъ 20 зол., а отъ Григорія Остапенка писмо

о данних Рубашному тожъ 100 зол. зъ роспискою отъ его данною, под кондицією написанною. Сотникъ лубенскій отвѣтствуетъ, же за слабостію здоровя въ походъ ити не можетъ. Вчора преставлшойся дочерѣ моей, сегодня погребеніе чинилисмо, которая погребена въ церквѣ Успенія пресвятой Богородици на правомъ боку, передъ формами, межи Петромъ братомъ и Іоанномъ синомъ (которій 1722 году, въ юнѣ мѣсяцѣ, преставился) моими, положенна. Григорашъ розискъ о спаленню дому сотницкого въ Городищу справивши, прислалъ, по якомъ на Саġанку явного нѣтъ доводу.

5 Іванъ Перехристъ, повернувшися зъ Криму, сказалъ объ уже также виехавшомъ и оставленномъ отъ его Адамовѣ около Таванѣ, которій масло попродалъ по 6 окъ, тютюнъ по 14, 17 и 20 окъ за лева, и везетъ мусулесу да простого вина по кухвѣ, сафяну бунтувъ 30, да заполочи 10 окъ; а онъ Іванъ продававъ футра простіе заячіе. лапковіе, по 6 зол., а хребтовіе по 12, также кошечіе лапковіе по 12, сѣбирковіе брушковіе по 22 зол. Укази о переписѣ старшини и всѣхъ радовихъ зъ описаннемъ служби ихъ, хто въ якихъ и когда бивалъ походахъ, послани. Другіе укази, о томъ, чтобъ старшина зборщикамъ денги за медъ давали. До чорнуской старшини указъ посланъ о присланню Леонтія Янковского въ надзирателѣ надъ магазейномъ, а до Жуковского Якова послани укази и листъ, чтобъ онъ поехавши въ Лубнѣ, оттуду двохъ целовалниковъ къ магазейну вибравши, сюда прислалъ, а зъ Лукомля Лаврѣна Кодинченка въ щетчики вибравши, прислалъ же. Указъ зъ канцеляріи енер. присланъ, чтобъ дать въ оную вѣдать почому четверть муки всякой и крупъ продается, также и пудъ сѣна. А зъ колегіи о взяттю штрафа зъ сотниковъ за невисланнихъ козаковъ прошлого году въ походъ, за всякого козака по 3 руб., а всѣхъ невисланнихъ зъ полковъ показалось 178 козаковъ, а въ лубенскомъ зъ городиского сотника взять за двохъ, 6 р. Кодинецъ, сотникъ лукомскій, пріѣхавъ въ Роменъ и обѣдалъ у насъ и зъ нимъ челобитчики на Кузму, асаулу арматного, лукомцѣ.

6. Неделя. Сторожъ лубенскій, повернувшися зъ Глухова, привезлъ отвѣтніе писма отъ правителей: два указа, 1) о непре-

мѣнномъ вистатченню плати на компанѣйцовъ по прежнему, 2) о нарадѣ козаковъ въ Гилянъ и о допросѣ Самойловича и Худолѣя зъ товарищи—суть ли въ ихъ гетманскіе унѣверсали или они значковіе?—Лаврѣну Кодинцеви дано доношеніе въ канцеллярію быть ему щетчикомъ. Іванъ принюсъ, Перехристъ, шербету вишневого, якого глечикъ мнѣ дано. Писмо п. Нестеровича до п. Нестеровичевой писаное, читали, въ якомъ дата положена октовр. 9. и что надѣются родителя въ Астраханъ къ запустамъ филиповимъ. Орановскій пишетъ, что купили лѣса до винницѣ въ Сухоносовцѣ, на зрубъ, за 10 копъ. Звѣрака, писаръ чорнускій, писалъ о млинкахъ въ селѣ будучихъ, о церковномъ, также здавна оній бувъ Яковця Захарченка, а потимъ достался отцу Якиму, попови тамошнему, а попъ въ заставу отдалъ Івану Колотенку, 1717 року, за 160 зол., а отъ его въ замѣну нижше собою занятого млинка отданъ до церкви. Нелидовъ, у вечеру бувши у мене, обявилъ указъ зъ колегіи присланній къ нему о слѣдованіи козаковъ и посполитихъ, которіе бы чиншъ платили на чинъ полковничій. Черезъ Джикгиля въ Глуховъ отправили доношеніе о Петру лукомскомъ и лубенскомъ жоноубійцѣ.

7. П. Василь глинскій пріехалъ и по обѣдѣ отехалъ. Казановъ два зроблено и 6 трубъ новихъ; одинъ казанъ безъ полфунта, а другій безъ полъ 3 фунта; въ трохъ трубахъ полъ 8 фунта, а въ другихъ трохъ 10 фунтовъ, итого всей мѣди въ 2 казанахъ а въ 6 трубахъ, 94 фунта и пол. До Орановского писалемъ о многихъ господарскихъ рѣчахъ. Вина кухву Андрѣй зборщикъ виторговалъ, намъ зъ родителкою, за 30 р. Атаманъ городовій роменскій, бувши у мене, сказалъ, что будто я виноватъ ему 150 зол., якіе давалъ Хведчунови и Якову Дубровѣ. Отецъ Савѣцкій просидѣлъ вчора зо мною у вечеру и розговаровали.

8. Степана Уманца, присланного зъ вой. енер. канцелляріи за спискомъ козаковъ зъ полку 375 и росписками бунчуковихъ о пріуготовленіи въ Гилянъ, отправилемъ зо всѣмъ тимъ и зъ доношеніемъ моимъ въ Глуховъ. Вина кухву, зборщикомъ сторгованную, зъ родителкою передѣлили и всего вина коновъ болшихъ 7, въ которихъ

окъ по 29, а меншихъ 2, итого всѣхъ окъ—. Зъ Глинска привезено казановъ 2 и 6 трубъ, въ одномъ важитъ 40 фунтовъ, а въ другомъ 35 и полъ фунта, въ 6 трубахъ 17 фунт. До Шереметева писмо отвѣтное послалемъ и до комисаровъ. Прапорщикъ Волжинъ писалъ ко мнѣ о указѣ, къ ему присланномъ, розискать утѣкачовъ, зъ походу отъ Милорадовича утекшихъ, полку лубенского. Дѣвокъ наказовано за заліоти и Романа чуть не споткало тоежъ. У вечеру били у мене всѣ и атаманъ калиновскій привозилъ карла сина своего. У лазнѣ мился. Романа раховали сотникъ наказній Савуско и писаръ пѣратинскій и по ихъ рахубѣ показалось данного всякого напитку шинкамъ роменскому за Михайла шинкара за 74 зол., а за Дениса за 1026 зол., и шаг. 5. лохвиц. Семену за 46 зол., и 5 копѣекъ, Василеви за 334 зол., лубенскому Пилипови за 283 зол., Артемови за 819 зол., итого summ. 2582 зол., и пол. 8 шаг. Казанъ зъ 3 трубами послани въ Сухоносовку.

9. Указъ послалемъ въ сотнѣ о присланню вѣдомости почому пашня и сѣно въ сотняхъ продается. Микола трембачъ зъ указомъ колежскимъ и зъ инструкцѣею посланъ доправить у городиского сотника 6 р. за двохъ козаковъ, въ походъ невисланнихъ. Именини родителки отправлялисмо зъ шумомъ пянственнимъ.

10. Юско, молодикъ брата п. Андрѣя, посиланній въ Астраханъ, повернулся вчорайшого дня, а сего явился у мене и сказовалъ, что тамъ сперва горѣлку Демянъ продавалъ: гор. вѣд. по 6 и по 5 коп. и что тютюну моего, якого было болшъ 30 каменей, продали камень по полъ 7 зол., а барилъ 4 гор. Гаврило въ Сулакъ возилъ и тютюну бочку, якого тамъ не спродавши, назадъ привезлъ. Полторацкій реестръ медикаментовъ въ моей аптецѣ содержуемихъ, составилъ, якъ и нащо оних уживати, и оному за то червонца далемъ. Панѣ сотникова глинская сливянику обѣщала прислать. Алексѣецъ вчора заболѣвши и теперъ лежитъ. До Сенчи писано о присланню сюда писара тамошнего, якій мѣетъ въ Глуховъ ѣхать и переписивать компутъ полку лубенского. Указъ канцеляріи енер. зъ інструкцѣею моею черезъ Козенка посланъ до Худолѣя,

Самойловичовъ и Константія Лисевича допросить—ихъ до бунчука ли или до знаку полкового належатъ. Вино пересипали зъ кухви въ бочку и барило; въ бочцѣ вѣдерокъ роменской мѣри—10 безъ 4 квартъ, въ барилѣ—3 вѣдерки, въ барилцѣ—5 квартъ. Гайдаеви, ходившему до Царичина зъ Гавриломъ, четвертому, заплатилемъ 7 зол. Всего вина 263 кварти. Глинскіе гостѣ розехались, инніи рано, а инніе у вечеру. Полторацкій залѣцалъ книгу медическую Paol Sarbeidi anglicani.

11. За 4 кухви меду прѣсного зборного черезъ Алексѣйця, а за пятую черезъ Мартина, заплатилемъ 424 зол., и 4 шаги, зачисляючи сѣннія, а вѣдерокъ въ нихъ 53 и една кварта. За вино, взятое у Ярошенка, заплатилемъ черезъ Павла ключника, Андрѣеви зборщикови зол. 75. Черезъ его жъ далемъ Якови еще на покупку табаку и тютюну зол. 50. Асаулъ арматній Кузьма бувъ рано, черезъ которого послани писма до атамана лубенского и чигириндубр. и Григорія Котляренка о розиску на жалобу лукомцовъ, скаржачихся на его, асаула. А другое писмо до его жъ атамана лубенского съ товарищи, якъ окончити заводъ Ламехи и Горба. Рѣпчанского шинкара моего, бившого роменского, батко продалъ господареви дворовому лѣсъ за 17 копъ, якій въ 50 зол., за мой долгъ заарештованъ. Днѣстрови (?) рано кравцови 2 копи сцѣлнихъ далемъ (?). Золотаръ приносилъ бляхи мосіенжніе подѣланніе до шоръ моихъ, въ якихъ ваги фунт. 2 и 5 лот., а передомъ виробилъ до тихъ же шоръ въ пряжкахъ полъ 5 фунт., а еще около 2 фунт. осталось, бо взялъ всей мосіенджи фунт. 9. Меду теперъ моего на лице есть куховъ 2 и полдѣжки прѣсного. Въ Сухоносовку послали вовни рунъ 100 на тамошніе росходи, а осталось на Засуллю всей вовни 264 рунъ. Зъ тихъ куховъ една заважила 26, а другая 27 каменей 5 фунтовъ, а каменей сороковихъ.

12. Янковскій чорнускій пріехалъ зъ доношеніемъ поручнимъ, даннимъ въ вой. канцелляр., у надсмотрщики надъ магазейномъ. Алексѣецъ принюсъ ко мнѣ квѣтацію отъ старшими тутейшой о заплаченню меду 330 зол., за подписомъ руки атаманской. Порутчикъ и прапорщикъ полку Троецкого пріехали передомъ полку, ко-

торій марширует зъ слободъ въ полкъ Чернѣговскій. Микола трембачъ повернулся отъ сотника городиского зъ 6 рублями штрафними за двохъ козаковъ, въ походъ невисланнихъ. Занковскій зъ Чигириндуброви пріехалъ. Хоружій Бутурлимъ пріехалъ зъ Коржовъ и явился ко мнѣ, которого за его зухвалство словесно упоминалемъ. Писаръ пѣратинскій Петрановскій поехалъ въ Пѣратинъ, отпущенній зъ поворотомъ сюда между святами, а всѣ дѣла зъ роспискою отдалъ Петру Верещацѣ. Алексѣецъ посланъ въ Кривую Руду, которому въ 14 пунктахъ наказъ данъ. Зъ Тарандинецъ козаки жаловались на атамана своего, которого розискать писалемъ до Звѣраки, въ Чорнухи. Петро Верещака и Петро Чернѣцкій раховали Дениса шинкара моего роменского и по порахунку показалось доводячихся денегъ: за гор. 4 кухви 350 зол., за медъ 580 зол., и 5 шаг., за пиво 248 зол., итого всѣхъ 1178 зол., и 5 шаг. Романъ взялъ зол. 314 зол. и шаг. 2, въ розніе руки отдалъ, 474 зол. безъ шага, итого въ отдачѣ 792 зол. и шагъ а доводятся еще отъ Дениса намъ грошей 386 зол. и шаг. 4 за весь напитокъ. Алексѣйцеви, посланному въ Кривую Руду, данъ облѣкгъ Петра Свѣтового зятя, жеби доправилъ на немъ по тому облѣкгу 120 зол. Ему жъ данъ и рецептъ взять въ аптецѣ пѣлулъ, у Лубняхъ.

13. Неделя. Тарасъ молодикъ отправленъ въ Глуховъ зъ сторожемъ чорнускимъ Тишкомъ. Черезъ сторожа чорнуского послани 2 доношеній въ колегію; одно, о поправленномъ магазейну у Веремѣевцѣ, миргородскимъ полкомъ построенномъ, сотникомъ багацкимъ, о чомъ Іосифъ Шимко мене репортовалъ; другое, о доправленнихъ 6 рубляхъ на сотнику городискомъ, за невисилку двохъ козаковъ въ походъ низовій и тіе денги черезъ его жъ послани въ коллегію. А черезъ Тараса писма: 1, до ясневельможной, взглядомъ Гилянского походу, 2, до сотника глух. Мануйловича о томъ же, 3, до швакгра, о томъ же, 4, до Кондзеровского о томъ же, 5, до Василя господара, о поведеніяхъ господарскихъ. Да ему жъ Тарасу дана інструкцѣя въ 33 пунктахъ, о розних домашнихъ дѣлѣхъ. Романъ донеслъ мнѣ у вечеру, что вимѣрали кухву, данную шин-

кареви здешнему Денисови на вишинкъ зъ горѣлкою, въ якой показалось вѣдерокъ тутейшихъ 22, а квартъ 460, кварта по 4 шаги, итого грошей 184 зол. а десятину отложивши, приходитъ намъ 165 зол. и 6 шаг. Пилипъ римаръ принюсъ четверню шоръ новихъ зробленную. Обѣдали у насъ протопопъ отецъ Іоанъ Столповскій и Занковскій. Сожителница моя, еще захоровавшая позавчорайшго дня на колку и боль у боку правомъ, исцѣлѣлася пропшкомъ краснимъ називаючимся specificum cephalicum (?), взявши въ чаю. Зъ Лохвицѣ писмо отъ старшини и сказки отъ державцовъ, почому хто владѣетъ селами, подани. Яковъ Жуковскій, посиланній въ Лубнѣ и Лукомле за целовалниками до магазейну и за щетчикомъ въ колегію, повернулся управившись. Отъ брата п. Андрѣя слуга его Руднѣцкій и посиланній Матвѣй повернулись. Сторожъ лохвицкій, бившій въ Астраханѣ при Гамалѣи, повернулся, отъ котораго получилемъ писмо Демяна до Кирила Житнянского писанное, о стіонжцѣ, московкою ему заставленной.

14. Въ колегію Янковского и двохъ цѣловалниковъ до магазейну лубенской сотнѣ послалемъ, зъ доношеніемъ въ канцелларію, въ Глуховъ. П. Сотникова глинская прислала мнѣ барило сливяннику. Городниченко Юско, пріехавшій зъ Астрахани, говорилъ о тютюну проданномъ тамже моемъ, братовомъ и Юска, а доводится моего на 40 каменей, бо братового було 40 безъ одного, Юского—20, а всего було 100, такъ решта 41 камень. Отцу Савѣцкому протопопѣ позичилемъ книги латинской Василія вел. Зъ Глинска отъ тамошнего сотника получилъ писмо, въ которомъ о зловленномъ хоминскомъ ковалю, о которого воровствѣ отписалемъ розискать. До Григорія Остапенка, въ Лохвицю, писалемъ, строфуючи его, что неналежне 100 зол. далъ Рубашному, а до тамошней старшини упоминаючи, что безъ подпису именъ своихъ листъ прислали. Вѣденія о селахъ державскихъ,—хто почому держитъ, зъ Лохвицѣ присланніе для сохраненія, далемъ Верещацѣ. Пересмотровалемъ писемъ и обискались до записки потребніе именно: доношеніе Івана Остапенка роменского, въ якомъ доноситъ, что вѣдерку меду патоки заважило 76 фунт., а свѣжого меду вѣдерко 74 фунт.

Посилитель Дубовки, близъ Царицина, зовется Яковъ Івановичъ Жидковъ. Суплѣка Григорія Андрѣевича, попа чеплѣевского, въ якой виражаетъ, что за футоръ Тулиголовскій Бутурлимовскій приговорено ему дати 1000 зол., а будто недодано 200 зол. Копія суплѣки попа тулиголовского за футоръ Тулиголовскій, будто купчую его, данную ему отъ Михайла, родитель взялъ у его, а при томъ билъ Рихловского монастира іеромонахъ Силвестръ. Реестръ компанѣйцовъ въ сотняхъ полку лубенского мисячное взимаючихъ, въ якомъ оказалось онихъ: въ сотнѣ смѣлянской 16, ромен. 41, лохвиц. 23, сенецкой 15, а въ Сулаку будучихъ въ чорнуской 30, пѣрат. 36, лубенск. 49, лукомской 14, чигир. 25, итого тутъ будучихъ 95, а терковскихъ 154. Опрочъ сотнѣ глинской, въ которой на трембачовъ вибирается 14 паіокъ.

15. Родителка рано, передъ службою, отехала зъ Ромна въ Андрѣевку. Романъ молодикъ въ Лохвицю и Лубнѣ отехалъ, до шинковъ. Гусли обмаліованніе принесла жонка молярова. Исти шарую рибу самъ готовалемъ. Отецъ Савѣцкій поумедлѣлъ зде, у насъ. Зъ Чигиридуброви, отъ тамошнего сотника, пріѣхалъ сторожъ зъ писмомъ, въ якомъ ускаржается на комисаровъ полковихъ, нехотячихъ облегченя учинить оной сотнѣ въ сустентацѣи дракгунской. Отъ глинского сотника листъ поданъ о Горуновичу, ухиляючомся отъ зборщицтва и поехавшомъ въ Лохвицю, а оттуду въ Кіевъ на попи. П. Василь Дяченко зъ старшиною тутейшою бывши зде, сказали, что приговорили, жеби Андрѣй зборщикъ за грунтъ рѣпчанского чловѣка (которого синъ прошинковался у мене) заплатилъ мнѣ 50 зол., а особливе часть тихъ грошей, якіе далъ билъ господаръ Андрѣй за вирубъ лѣска тому жъ чловѣкови, якій онъ бувъ продалъ, хочай мнѣ и въ арештъ былъ отданъ.

16. До Глинского отписали о Горуновичу, жеби писалъ до отца протопопи лохвицкого, ижъ бы онъ не удержовалъ его у себе. Онъ же отписалъ о ковалю хоминскомъ, же учинится інквизиція и что казанъ мой здѣланъ будетъ на прійдучую пятницю. Отецъ Павелъ бубновскій бувъ и городничій хмѣловскій, ускаржаючись на мужиковъ противнихъ, у козацтво потиснувшихся. Василецъ

Нижникъ скаржился на Комаровского за побитте его. Бутурлимъ бувъ и отойшолъ у вечеру. Составилемъ табулу господарскую на аркушѣ многихъ рѣчій. Інтерлѣкгатору далемъ 10 листковъ злота (за якое Сеглаю заплатилемъ зол. 1) для оправи тестаменту; ему жъ казалемъ оправить на прійдучій годъ протоколъ [1]). Лютенъ двѣ и третую бандуру далемъ маляреви помаліовать.

17. Проносное лѣкарство принималемъ pulv. purg. uj. Sedes било 11. Писмо отъ полуполковника полку Сѣбирского Арапова получилемъ, въ которомъ обявляетъ, что ротѣ его четвертой стоять въ полку лубенскомъ, и жеби на половинное число декабря присилать провіантъ и фуражъ въ Городище полку миргород. зъ полку лубенского на оную роту. Также отъ комисаровъ полковихъ полученъ листъ о томъ, что ротѣ Сибирского полку опредѣлили кватеру въ лубенской сотнѣ и чтобъ ищислить двори въ сотняхъ глинской, роменской и смѣловской, а въ прочіихъ они сами мѣютъ ищислить. Джикгилъ, сторожъ сенецкій, повернулся зъ Глухова зъ писмами ясневел., швакгровъ обоихъ, въ которихъ сожалѣніе о преставлшойся дочерѣ моей Анастасіи виражено. А отъ господара Василя о господарскихъ поведеніяхъ, именно: что риба не продана, свѣтелка цеглою вимощена и гребля въ Ясманѣ порвалася. Отъ правителей онъ же далъ указъ о присланню сентенцѣи, якъ казнить колодниковъ здѣ держимихъ и листъ о принятіи въ козаки мужиковъ монастира, а незнать якого и въ якомъ селѣ назначено. Заплатинъ секретарь померъ въ Глуховѣ.

18. Занемощѣлъ на болѣзнь на кшталтъ диссентерѣи, и столчаковъ 10 имѣлъ. Отписалемъ до полуполковника Сѣбирского полку Арапова, что ротѣ ихъ опредѣлена квартера у лубенской сотнѣ; до комисаровъ пол. писалемъ о томъ, же листѣ его подполковника и что сотнѣ глинск., ром, и смѣлов. зревѣдовать значковимъ. Грошей 50 зол. еще Илкови далъ Мартинъ на покупку табаку, и того 50 зол. Рокгѣнского человѣка уговорили на колѣсъ 20 по золотому и задатокъ далъ 10 золот. Отца Петра Лукомского синъ, бувши у

---

[1]) Т. е. приготовить тетрадь для продолженія дневника въ 1725 г.

мене, зъ суплѣкою отца своего о томъ, чтоби я за нимъ интерцедовалъ до архиерея, даби ему бить попомъ на его мѣстѣ написанною, получилъ отъ мене такое писмо. До лукомской старшини, о роздачѣ и остатнего числа регляментовъ, писалемъ. Отъ Адама пріишли паробки зъ Переволочной и сказують, что онъ нѣчого болшъ не везетъ кромѣ, двохъ куховъ, одной мусулесу, а другой . . . . . (?), 30 бунтовъ сафяну, куль заполочи, поясовъ шовковихъ десятокъ. Полторацкій бувши у мене просидѣлъ. Василь старий пріехалъ отъ панеи зъ писмомъ до мене, о моемъ приездѣ на свята въ Луку, писанномъ. Мартинъ взялъ грошей 29 зол. и полъ 7 шаг. у атамана, якіе онъ отобралъ отъ рѣпчанского человѣка, продавшого грунтъ мною заарештованный господареви на зрубъ.

19. Григорій Антоновъ, житель горошинскій, значковій товаришъ, подписался на писмѣ, данномъ мнѣ отъ горошинцювъ на степъ криворудскій, где футоръ мой. Отъ Исаии Ивановича, аптекара, получилемъ писмо о доводячихся отъ мене грошахъ въ аптеку 101 зол. и 8 шаг. П. Василь глинскій и судденко пріехали въ Роменъ и обѣдали. Комисаръ Черняховскій, пріехавши сюда, показовалъ два указа зъ колегіи къ нему присланніе: одинъ, о взиманіи офѣцерамъ половину раціоновъ и порціоновъ, а другій о недаваніи на отлучки и на комендерованнихъ на день по 5 копѣекъ. Василця старого отпустилемъ до родителки зъ листомъ моимъ: тутъ ли въ Ромнѣ, албо въ Луцѣ праздникъ отправлять, на волю полагаючи ея. Селецкій пріехалъ зъ требованіемъ, абы спалню (зимній возокъ) въ Луку санную посилать. Спалню послалемъ до родителки на всю ночъ зъ сторожемъ Джикгилемъ и листомъ обявляючимъ тое, что п. сотниковая глуховская мѣетъ завтрійшого дня зъ Гудимъ пріехать на службу сюда, въ Роменъ.

20. Неделя. Послани 4 подводи въ Глуховъ (зъ межи которихъ 2 моихъ 4 волами) и на онихъ послани рѣчи, именно: кухва меду у два каменей, бочка вина кримского, 3 барилѣ сливянику, казановъ 3 винничихъ и трубъ 10, хмелю мѣшковъ 2, завѣсковъ зъ кручками 48, тарадайка, и писано черезъ нихъ же до Василя о розних интерессахъ домашнихъ, а притомъ, жеби на тіе подводи

зложилъ 5 пуд. штабъ у Камене, кухву горѣлки, каретку спалню, колеса и шоръ пару. Денегъ, доводячихся отъ мене въ аптеку полевую, 101 зол. и полъ 9 шаг. отдалемъ присланному за тимъ нарочно ученику аптекарскому Якову Обернибѣсову, которій и росписался на томъ. Зъ Глинска котляръ глинскій привезлъ казанъ и 3 труби у 50 фунт., а мѣди еще доводится отъ его полъ 7 фунта, якую мѣдь и казанъ зъ тими трубами взявши, знову, п. Василь глинскій мѣлъ переслать до Сухоносовки оттуду, а ему, котляреви, за труби далемъ кожухъ бѣлій и гривню грошей. Указовъ 4 зъ вой. енер. канцелляріи получилемъ о присланню зборщиковъ; 2, о взяттю сказокъ у Андрѣяша и Якима Кулябки, о ихъ пріуготовленіи въ походъ до Гилянѣ; 3, о присланню вѣдомостей, о градскихъ артилеріяхъ, мѣскіе ли суть или сотенніе; 4, о присланню вѣдомостей о сторожахъ полевихъ, сколко где есть. Писмо до отца протопопи о Горуновичу глинскомъ, жеби его не укривалъ отъ зборщицтва глинского, писалемъ. Полковникъ Троецкого полку іноземецъ Heydenreych пріехалъ въ Засулле и сталъ тамъ у ктитора, где и я вечоромъ бувъ и гоствъ у его. П. Василь глинскій и Зарудній Федоръ отехали въ Глинскъ. Промеморію отъ князя Голѣцина въ вой. енер. канцелляр. писанную, послалемъ черезъ козака того, которій въ Глуховъ при возкахъ поехалъ. Костирку, третего комисара, тутъ въ Ромнѣ устроилисмо.

21. Мартинови далемъ 80 зол., жеби оніе Ілкови на покупку тютюну отдалъ, оставивши у себе на росходи рубль. Маляреви за гуслѣ и лютнѣ заплатилемъ рубля. Полковникъ полку Троецкого нѣмецъ Heydenreych былъ у мене и долго просидѣлъ. Отъ глинского п. Василя козакъ привюзъ замочокъ.

22. Родителка пріехала зъ Луки рано. Полковникъ Троецкого полку переехалъ Роменъ къ Бубнамъ. Андрѣй зборщикъ за рѣпчанскій лѣсъ принюсъ грошей мнѣ 40 зол. Зъ Селецкимъ, въ дорогу полскую, сани наложили тютюну, каменей 45, по сказцѣ Мартина молодика, а папушъ вѣхъ числомъ 1650. Гайдай подъ тіе жъ сани нанятъ засулскій, на тижденъ по 5 алтинъ. Гусенко, посиланній до Самойловичовъ и прочіихъ, повернулся и отъ меншого Са-

мойловича толко росписку привезлъ, а болшого и Лесевича въ дому не засталъ. Федору Зарудному послалемъ на его болѣнь дизурію (?) балсамовъ два: balsam. sulphur. terebinthinat., также balsam. de capaive. Послани укази въ сотнѣ повторніе о присланню зборщиковъ, о присланю вѣдомостей о сторожахъ поліовихъ, сколко ихъ есть, о пушкахъ, где и сколко ихъ есть, и оніе сотенніе или мѣскіе суть. Посланъ листъ до Самойловича старшого листъ мой, жеби листовне отвѣтствовалъ о себѣ бунчуковій ли есть или значковій? Посланъ указъ до Остапенка, Пештича, Іосифа Василченка, Григораша Шаргородского, жебы были въ походъ готовіе. Зъ Глухова листи принесени: 1, отъ ясневел., сотника глух., швакгровъ и Гурковского. Секретаръ Терентій Онисимовъ Заплатинъ померъ 17 сего декабр.

23. Горуновичъ глинскій зъ листомъ явился отца протопопи лохвицкого, жебы его отъ зборщицтва уволнить, яко причетника церковного, которого зъ листомъ въ Глинскъ до п. Васпля отправилемъ, намѣнивши и о другихъ многихъ таковихъ же людехъ способнихъ до того дѣла, въ чомъ жебы по самой слушности учинили, предложилемъ. Петро, слуга бригадира, Вельяминова, былъ у мене и отехалъ. Укази до Андріяша и Якима Кулябки, о росписцѣ отъ нихъ мѣючой взятись, что мѣютъ готови быти въ походъ до Гиляни; 2, до значковичъ, Пестича, Остапенка, Василченка и Григораша, о поготовости ихъ въ тотъ же походъ, черезъ Джикгиля послалемъ. Інструкцѣю о зборщикахъ зъ сотенъ нѣкоторихъ дано Манжосу, жеби по оной вибрани и вислани были. Тарасъ молодикъ повернулся зъ Глухова, а между иншими рѣчами донеслъ о томъ именно: 1, что за поле Солодовниково заплатилъ господаръ 130 зол., еще 100 зол. отложилъ до весни; 2, ячменю на солодъ 18 четвериковъ купилъ онъ же; 3, въ саду сварковскомъ посажено теперъ, въ осени, сливъ венкгерскихъ 204, яблучнихъ дичокъ 188, грушовихъ 178, черешенъ 63, вишенъ 63; 4, тютюну складеного въ Сварковѣ 5000, а еще некладеного столко жъ; 5, тютюну въ Тулиголовахъ складеного 500, а еще некладеного столко жъ будетъ папушъ; 6, горѣлки тамъ, въ імбарѣ, куфъ 4 повнихъ, а пятая неповная, а всѣхъ носатокъ въ нихъ 49 и квартъ 106. Мар-

тинъ гайдая въ Полщу подъ возъ нанялъ, по 5 алт. на тижденъ, и уже давъ ему задатку на 3 неделѣ. Казанне на Рождество Христово компоновалемъ.

24. Черезъ чорнуского сторожа писалемъ до Орановского, жебы на 4 казани у винницѣ робилося и щобъ казалъ на конѣ купити овса наши, въ Засуллѣ стоячіе, особливе жебы вѣдавъ, что заплатилемъ въ аптеку должніе денги 20 руб и 39 копѣекъ. Далемъ грошей 3 зол. слюсареви, на прошеніе его и на отробленне, тому що зъ Астраханѣ пріехалъ. Такъ же и Данилови татаринови копу. Коммуниковалемся. Слово о Рождествѣ Христовомъ окончилемъ у вечеру.

25. Комаровскій отъ служ(ителей) говорячи орацію, недокончилъ оной. Днѣстру кравцю, до первого рубля, еще другого рубля далемъ. Леонтій Янковскій зъ целовалниками повернулся, нѣчого нескуравши, бо еденъ зъ тихъ целовалниковъ писменний въ Конотопѣ захоровалъ. Указовъ два привезлъ зъ канцелляріи: 1, о присланню другихъ вмѣсто тихъ писменнихъ; 2, другій, о учиненіи приговору, якъ всякого зъ колодниковъ карать, чего ради и реестръ колодниковъ присланъ оттуду назадъ.

26. Посланъ листъ до старшини лубенской о Якиму Кулябцѣ, жебы онъ сказку далъ о себѣ инакшую, то есть, что онъ готовъ будетъ въ походъ до Гилянѣ, а если якъ слишно, поехалъ онъ въ Кіевъ для поповства, то жебы навздогонъ послали за нимъ, чтобъ онъ того не дерзалъ чинити. Тогда жъ писалемъ до Романа молодика о розних приватнихъ дѣлехъ, и до Славѣнского о фурману, палубу и о 60 колесахъ. Особливе писалемъ до смѣлов., глин , сенец., луком. и чигир. о дичинѣ. Отъ полковника Троецкого полку Гейденрейха пріехалъ слуга офѣцера Подимова вишукувать лошади, збѣгшой его. Трактовани были люде здешніе у насъ.

27. Неделя. Каптенармусъ Інгермолонского полку, бувши у мене, требовалъ отсилки атаманнѣ селской сотнѣ роменской до полку, справитись зъ комисаромъ, тамъ подъ карауломъ держимимъ за провіянтъ и фуражъ. Обѣдалъ прапорщикъ и коптенармусъ; тутъ и глинскіе гостѣ. Отъ аптекара Іохемса зъ Лубенъ поданъ листъ и пѣкгулки. Остапенко и Михайло Перехристъ дали доношеніе, что

зборщики не хотятъ брати денегъ за медъ наложнихъ. Сказали глинскіе о п. Василевѣ глинскомъ, что на ногу захорувалъ.

28. Указъ до лубенской старшини посланъ о присланню еще двохъ посполитихъ чловѣка грамотнихъ, для пріему провіянту у магазейна. Писалемъ до Петрановского о его прибытіи сюда. Ілкови черезъ Мартина еще далемъ грошей зол. 100 на покупку табаку. Глинскій п. Василь пріехалъ сюда и того жъ вечора отехалъ, черезъ которого также и черезъ старого Зарудного, наказовалемъ, жебы молодий Зарудний да Яковъ Жуковскій пріехали сюда— ехать зо мною въ Ахтирку. Бѣляевъ дракгунъ Інгермоланского полку подалъ чолобитную о своемъ долгу на якомсь Солодусѣ, уже якоби давно въ Черкасскомъ за злодѣйство повѣшенномъ, доводячомся, якую далемъ слѣдовать. По прошенію тутейшой старшино писалемъ до Орановского, а въ небытности его до Алексѣйця, и продажѣ сѣна скиртъ нѣсколко, але дорогшою нѣжъ прежде ценою. Подводи, посиланніе въ Глуховъ, повернулись позно у вечеру, а що привезли зъ собою того не смотрѣли, але до завтрого отложили. Толко по сказкамъ видно, что кухву горѣлки, шори да желѣза штабъ 4 привезли, а въ нихъ пудовъ 5 и 15 фунтовъ. Черезъ сторожа лохвицкой сотнѣ послали въ Глуховъ: 1, доношеніе въ колегію о присланню указовъ до зборщиковъ, дабы они приняли денги за продажу зборного меду; 2, до ясневелможной; 3, до Скоропадского, зъ повиншованнемъ святъ писалемъ. Заборовскій бувъ зъ панею и Яковъ Дуброва. Увечеру бувъ Полторацкій и просилъ о виданне зъ церкви его скринки, которую видать изнову когды рѣчи тамъ найдуючіеся висушаться, отобрать приказалемъ атаманови Сѣнѣ. Мартинъ и Тарасъ за ночную прохадзку наказани. Авраамъ кушнѣръ, вичинивши вовна, принюсъ.

29. Кровъ зъ руки правой, головной жили, пускалемъ. Горуновичъ глинскій бувъ у мене и отправленъ зъ листомъ до п. Василя, до которого тогдажъ цедулою писалемъ о коню ворономъ его. Намѣстникъ Красногорской пустинки зъ ктиторами Колотомъ и проч. бувъ у мене и отправилемъ его зъ листомъ о нихъ до старшини чорнуской писаннимъ. Сторожъ лохвицкій ажъ теперъ отправ-

ленъ зосталъ въ Глуховъ, зъ писмами вчора написанними, да еще въ добавку и зъ доношеніемъ въ вой. енер. канцеллярію о томъ, чтобъ обстоятельно ко мнѣ написали о жителяхъ монастира, которихъ въ реестръ козацкій принять бы, ибо не означено нѣ сотнѣ, нѣ села где они живутъ, въ томъ листѣ правителскомъ. Якову Дубровѣ, отправленному въ Глуховъ, далемъ наказъ въ 5 пунктахъ. Романъ молодикъ пріехалъ зъ Лубенъ, которому завтрійшего дня велѣлемъ возокъ зъ тютюномъ моимъ провадить до Селецкого, въ якомъ каменей 45, и папушъ 35, и, припровадивши, вручилъ би возъ и листъ къ нему писанній, зъ 4 рублями на проѣздъ, въ томъ же листѣ запечатанними. До его жъ Селецкого, довѣдавшись отъ отца Федора лучанского, же якоби рушилъ зъ Токаровъ въ дорогу, послалемъ сторожа лубенского, жеби остоялся а подождалъ воза моего. Указомъ імпер. велич. предложилемъ п.п. Билиму и Дяченку правленіе полковое содержати, до моего поворету, а самъ позно уже виехалемъ зъ Ромна къ Ахтирцѣ, до Гадячого трактомъ и, не едучи простою дорогою до Липового, заблудилисмо по проводнику Івану Ющенку до футора сотниковой роменской, и хучай оттуду поехалисмо были къ его футору Івановому, однакъ, округъ сотничій футоръ обехавши, знову къ оному приблудились, потому что дороги не було и серенъ великій палъ, а тамъ въ томъ же футорѣ мусѣлисмо заночовати.

30. Рано поехавши оттуду, тако жъ блудили по степу, поколь около обѣдной години приблудилися до Липового, где пообѣдалисмо. Хлопецъ Вѣжевскій признался, же у футорѣ сотнички роменской, где ночовалисмо, запомнѣвъ шапки моей армянской зъ рожками баранковой, которую вишукать молодикови Івана Ющенка, отправленному отсюду, приказали. Пріехалисмо на ночъ въ Гадячъ и кватиру въ дворѣ удови Кушевской, въ городѣ, имѣлисмо. Мартинъ Штишевскій, судди и наказ. полков. гадяцкій, бувъ у насъ, которій зъ розговору сказалъ, что отъ трави лихой на степу, до Сулаку лежачомъ, найдуючойся, ратовать конѣ и бидло оною заразившоеся — медомъ патокою зъ горчицею змѣшавши и зливши въ горло коневи или скотинѣ.

31. Рано зъ Гадяча поехавши, переехалисмо черезъ Веприкъ и пріехали на обѣдъ до села Комишовъ, до замку Гадяцкого належачого, о полуднѣ, и тутъ обѣдалисмо, куда отъ Гадяча будетъ миль близъ чотирохъ. А прежде въ Гадячу почтара роменского отправилемъ въ Роменъ, зъ трома листами до родителки, самой и правителей полковихъ; въ первомъ, виразилемъ вѣдомость, отъ п. Мартина завзятую, о порушенню близъ десяти недель, отъ Сулаку родителскомъ учинившомся; въ второмъ, о Селецкомъ, жеби повторне ему предложила сама сподарить реестръ лѣкарствъ данній ему и если оставатимутся гроши, купилъ би каруну и полкаруну штукъ по двѣ, и Романъ би слуга вози воловіе спораж‌алъ, и предложила би до Якова Дуброви, чтобъ ехалъ въ Глуховъ; а въ третемъ, до правителей, чтобъ колодниковъ дѣла розисковали зъ сотниками цѣлими и наказними, мѣючими на сей часъ пріѣхать въ Роменъ и оніе децедовали би зъ артикуловъ правнихъ; такъ же писали бы въ Лубнѣ о присланню целовалниковъ, а въ Лукомле о присилкѣ щетчика Лаврѣна Кодинца, а въ протчіе сотнѣ — о зборщикахъ, сторожахъ полевихъ, пушкахъ, ценѣ всякой пашнѣ и сѣна и еще о чомъ вѣденія не прислани откуду. А такъ по отправленню кушаня въ селѣ Комишахъ, пріехалисмо на ночъ до селця Злодѣевки, полковника ахтирского п. Лесевицкого, поздно барзо, куда отъ Комишовъ милъ будетъ зъ три добрихъ, и тутъ ночовалисмо въ дому полковничомъ, где слуга его Румнѣцкій принялъ насъ, которій сказалъ, что духовникъ государевъ отецъ Тимофѣй [1]) вчора зъ Тростянця поехалъ въ Москву и что Василь Кондратіевъ сумскій похороненъ въ Сумахъ.

КОНЕЦЪ ПРОТОКОЛУ [2]).

---

[1]) Тимофей Васильевичъ Надаржинскій, въ монашествѣ Товій. См. нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія и его портретъ — въ „Молодикѣ" на 1844 г. (Спб., 1844).

[2]) Этимъ оканчивается первый томъ рукописи дневника, въ которомъ находится 75 полулистовъ (150 стр.), изъ которыхъ три (20, 21 и 75) — чистые. Въ этомъ томѣ недостаетъ нѣсколькихъ полулистовъ въ срединѣ рукописи, о чемъ сказано въ текстѣ. Рукопись переплетена въ кожу, на которой, по обѣимъ сторонамъ, по краямъ, вытѣсненъ бордюръ.

Протоколъ на 1725 рокъ.

Януарій 1. Пятокъ. Рано поехавши, пріехалисмо рано жъ до Ахтирки и, рано жъ, князю Михайлу Михайловичу Голѣцину кланялся, у которого засталемъ генерала маіора Роппа, полковника Псковского полку Лоренца и Нарвского полку Димитрія Федоровича Яропкина и многихъ; и обѣдалисмо у князя и до вечора позно забавились зъ шумомъ. Яковъ Василіевичъ и Коваль сторожъ пріехали въ Ахтирку отъ родителя, зъ Царицина, зъ писмомъ ко мнѣ родителскимъ, что прибули въ Царицинъ 15 декабря, а оттуду сюда рушили 18 декабря жъ. Отъ брата п. Семена листъ поданъ же, въ которомъ пишетъ, что люде мои 4 возами едутъ сюда, а хочай и болшъ десяти лошадей купили были, однакъ разсуждаючи трудность дороги нинѣшной, мѣли подлѣйшіе продать. Пили за здорове князя Голштинского, которому цесаревна Анна Петровна въ малженство послюблена, але еще не било малженства. Извѣстилемся, что въ Гилянъ съ полковъ Слободскихъ наряжено козаковъ 1000, а коммендиромъ надъ ними пойдетъ полковникъ харковскій Квѣтка.

2. Субота. Яковъ Василченко отправленъ въ Роменъ зъ Ковалемъ сторожомъ, черезъ которого писалемъ до родителки зъ поздравленіемъ оборотомъ родителскимъ, до ясневельможной — о томъ же и до правителей полковихъ — о присланню ко мнѣ сторожъ двохъ. Музиканти княжіи были у мене, которимъ 5 зол. далемъ. Бувъ рано у князя, а оттуду у Яропкиних, а оттуду въ церквѣ; и знову у князя, и кушалъ у его столу, и очинъ шумни были. Яропкинъ сказовалъ, что Монсъ, бывшій при государинѣ імператрицѣ камергеръ, за нѣкоторое свое преступленіе, казненъ плахою.

3. Неделя. Рано бувъ у п. Матвѣя Федоровича Боярского, суддѣ полкового ахтирского, и тамъ же видѣлся зъ атютантомъ княжимъ Петромъ Григор. Баскаковимъ и о Гилянѣ розговаривали. Его жъ Баскакова да секретара Василія Бѣрулева обослалемъ водкою и проч., за любовъ пріятелскую. Часовъ послухавши у церкви ст. Георгія, въ господѣ кушалисмо. По обѣдѣ, поехалисмо зъ Ах-

тирки и пріехали, по заходѣ слонца, въ село замку гадяцкого Комишѣ и тутъ ночовалисмо, где дзигарикъ свой розбиралемъ и направилемъ мало.

4. Понеделокъ. Рано вставши, горѣлку паленую пили и поехали къ Венрику, куда будетъ миль 2 добрихъ, и тамъ перекусивши мало, пріехалисмо до Гадяча, у милю едну. Сторожъ лубенскій Охрѣмъ да Дмитра Постулниченка человѣкъ пріехали зъ Ромна, которихъ отправилемъ до родителя зъ писмами и брата п. Семена, въ которихъ привѣтъ виразилемъ, а особливе цедулою до родителя: о указѣ бунчуковимъ, въ походъ до Гилянѣ предлагаючомъ, о моей въ Ахтирцѣ битности писалемъ и на дорогу имъ 3 зол. далемъ и зъ подорожною. Пообѣдавши тамъ, позно уже, и поехавши оттуду, пріехали на ночъ въ Липовое село, въ 26 верстахъ отстоящое, и тутъ ночовали. Бутурлимъ хоружій (въ компанѣи при мнѣ бывшій зъ Яковомъ судденкомъ, Андрѣемъ молодимъ Заруднимъ, Іваномъ Ющенкомъ) въ розговорѣ своемъ сказалъ мнѣ, что Калюжновскій футоръ, доставшійся намъ — самой Калюжной батковщина, а не Калюжненковъ отца, которіи и неповинни Калюжненками зватися, бо ихъ отецъ запорожецъ, родомъ зъ Нѣжина, отъ старого Калюжного матки ихъ отца принятъ зосталъ, которому и дочь свою, а ихъ матку, Калюжновну въ малженство далъ.

5. Вовторникъ. При всходѣ слонца, рушивши зъ Липового, пріехалемъ, передъ полуднемъ двома годинами, въ Роменъ, отстоячій оттуду въ 30 верстахъ. Жена моя листи зъ Глухова, писанніе ко мнѣ и безъ мене принесеніе, вручила: 1) отъ ясневелможной—отвѣтній, повѣншователній; 2) отъ Троцкого канцеляристи, о его домовомъ інтерессѣ и о посланномъ реестрѣ за рукою гетманскою бунчуковихъ; зъ войсковой енеральной канцелляріи въ колегію малороссійскую, а зъ Лубенъ отъ Петра Кулябки листъ зъ прошеніемъ на актъ веселній сина его зъ дочерю п. Турковского господара гадяцкого, мѣючій чинитися январ. 8. Писаръ Петрановскій, прійшовши, обявилъ указы, присланніе сюда на імя мое: 1) зъ колегіи о індуктѣ, закупленной прежними індукторами, Петромъ Тарнаіотомъ зъ товарищи, за прежную суму около 100000 зол., 2) зъ канцел-

ляріи енер. о учрежденіи кого зъ значковихъ, албо полковихъ особъ, въ Гилянъ коммендиромъ и чтобъ сотникъ лубенскій бувъ готовъ про запасъ; 3) о присланню щетчика; 4) о присилкѣ зборщиковъ. Посиланній до Андрѣяша и Кулябки Якима повернулся и карту отъ Якима привезлъ, а отъ Андріяша не взялъ, бо не далъ. Шапку зимнюю рисюю покрилъ мнѣ Авраамъ кушнѣръ. Казалемъ старшинѣ Дмитра Постулника наказать за непослушенство, же самъ не едучи, зъ лубенскимъ сторожемъ своего футорного вислалъ. У лазнѣ милемся по вечерѣ, где и кошулю новую родителка дала. Листъ отъ Орановского о козакахъ сухоносовскихъ и перервинскихъ полученъ.

6. Середа. Крещеніе. До п. Федора и до п. судійной писма отправилемъ въ Прилуку, въ которихъ о зближеннюся родителскомъ писалемъ. Григорій Манжосъ далъ доношеніе въ полковую канцеллярію, что Андріяшъ росписки не далъ зъ такимъ предложеннемъ, же мѣлъ до князя Голѣцина Михайла Михайловича ехать. Шапку рисюю принюсъ Авраамъ, зробивши.

7. Четвер. До лубенского сотника и до Худолѣя писалемъ о пріуготовленнюся имъ въ походъ до Гиляни. Получилемъ листъ отъ п. сотника глуховского о присланню сказки: почему владѣю Сварковомъ и того жъ часу отписалемъ и сказку послалемъ. Золотаръ, зъ пари шоръ зорвавши бляшки, взялъ переробить, а всей мосіенджи изъ шматками у его фунт. 2. Лаврѣнъ Кодинецъ, посиланній въ Глуховъ, въ щетчики, не принятъ, того ради что за нимъ доношеніе било въ канцеллярію, а не въ коллегію и того ради отправленъ въ домъ зъ указомъ до лукомской старшини, жебы доношеніе въ колегію поручное за нимъ дано. Зборщики чорнускіе два, а еденъ чигириндубровскій непринятіе въ Глуховѣ. Указъ до всей старшини о індуктѣ закупленной посланъ въ сотнѣ. Адамъ повернулся зъ Криму и привюзъ всего товару: сафяну 30 бунтовъ, заполочи 20 окъ, вина простого и мусулесу по кухвѣ. Намѣрилемъ былъ ехать въ Глуховъ, але надѣючись скорого пріезду родителского, оставилемъ тую дорогу.

8. Пятокъ. До родителя виправленни Воротелякъ, Іванъ Ющенко, Федко Глинній и Пархомъ, атаманъ жовнинскій, и черезъ

нихъ писалемъ до родителя, а родителка сани ликгомѣни розныхъ въкупѣжъ послала. Писалемъ въ Глуховъ до ясневелможной о моей въ Ахтирцѣ бытности и до правителей, п. сотника глуховского и Троцкого, о наданню мнѣ курѣнчиковъ сух(оносовскихъ) и перер(винскихъ) [1]).

Петрановскому казалемъ пописать указы въ Чорнухи и Чигириндуброву о присланню грамотнихъ въ зборщики. Віехалемъ зъ Ромна рано и пріехалемъ до футорця Березового озера, где молодий дрикганчукъ буланострокатій зчѣлгановатѣвъ (?) барзо. Оттуду поехавши, прибули въ Куцупѣевщину, где коней брата п. Андрѣя стрижаковъ и третяковъ на станѣ 32 стоить, а тамъ же воловъ моихъ самъ пересмотрѣлемъ 18, зъ которихъ двохъ велми худихъ казалемъ взять на брагу, а такъ всѣхъ воловъ останется 16. Оттуду поехавши, прибули въ Андрѣевку, где горѣлки 10 куфъ, а одинадцятая неповна, дванадцятая дана шинкарцѣ Лаврнисѣ по отездѣ родителки. Тамъ же конѣ мои тарани перемѣнилемъ буланими родителскими, которими пріехавши въ Токарѣ, старосту пяного засталемъ, а горѣлки въ коморѣ 2 куфи. Перемѣнивши тамъ коней, але взявши въ помочъ пару буланихъ, пріехалемъ позно въ Луку, где засталемъ Никиту Плетюнку, войта моего сварковского, и Романа лисого, которіи и писмо дали мнѣ отъ Якова Дуброви, въ якомъ пишетъ, что на мѣсто Плетюнки учинилъ войтомъ Пантелеймона Забару; такъ же и о тютюну ознаймуетъ, же въ Калюжномъ половину шнуровъ, тоесть 1200, повязалъ тютюнникъ въ папушѣ, и надѣючись около 200 каменей, а меншая половина, то есть 1000 шнуровъ, неповязани. Въ Тулиголовахъ казановъ уже мѣло устроитись 11, а дванадцятий не обискался; и о томъ пишетъ, что вдова Максимиха, сварковская подданая наша, зъ подданства перейшла до козака. Плетюнка далъ реестръ мнѣ, въ которомъ означенни пахарѣ сварковскіе: одни двосошніе зубажаліе велми, а другіе односушніе, мѣючіеся добре; именно двосушніе: Федоръ

---

[1]) Можно понимать, что Маркович выпросилъ у Голицына, въ Ахтыркѣ, козаковъ сухоносовскихъ и перервинскихъ себѣ въ „куренчики".

Заика, Васко Муравей, Василь Король, итого чловѣка 3, а односошніе: Андрѣй Дмитренко, невѣстка его, Евхимъ Оврученко зъ братами, Яковъ Василченко, Іванъ Пугавченко, Артемъ Ларченко, Степанъ Швецъ, Самуйло Сохаченко, итого 8 чловѣка.

9 Суббота. Рано въ Луцѣ дрикгантовъ своихъ легчанихъ трохъ осмотрувалемъ, гнѣдого, вороностирокатого и бѣлого, которіе середніе сити показались. Буланенкихъ приблудъ двохъ носатихъ осмотрувалемъ, зъ которихъ одинъ вихожуватись показался. Опанасъ, бувшій староста, зъ женою були у мене и вимѣрались отъ нанесенного на ихъ пороку. Рибу, у криницѣ задихаючуюся, ловили и цеберъ привезли при мнѣ. Пообѣдавши тамъ рано, пріехалемъ въ Сухоносовку о полуднѣ и при мнѣ Плетюнка. У винницѣ былемъ, где на 3 казани горѣлка робится, а на четвертій не починалася. Горѣлки виробили, по сказцѣ Орановского, 24 кадки, а кадка квартъ вѣдерковихъ 50, и зъ тоей горѣлки роздано на шинкъ 21: въ Лубнѣ, Лохвицю и Перервинцѣ по кухвѣ, а тутъ на лице кухва 1 горѣлки болшая. Тютюну осмотрувалемъ, которій барзо хорошій показался, а всего 3000 зъ чимсь папушъ. Отъ Черняховского писмо мнѣ врученно, въ которомъ обявляетъ, что полковникъ Шереметевъ, по указу колежскомъ, не хочетъ половинныхъ взимать раціоновъ и порціоновъ, да въ томъ же листѣ онъ же, Черняховскій, проситъ определѣнія себѣ двохъ или трохъ чловѣка, на послугу. У вечернѣ булисмо, которую отспѣвалисмо за попа запившогося. Подданая наша, которой синъ затратилъ грошей Орановского 109 зол., просила респекту, въ чомъ ей отказано.

10. Неделя. Отецъ намѣстникъ Красногорскій и старшина чорнуская были у мене зъ обсилками. Бондаренки козаки приходили ко мнѣ за тимъ, что велено имъ готовитись въ походъ, а отъ нихъ братъ молодшій посланъ въ походъ низовій. Звѣраку атаманомъ чорнускимъ устроилемъ. Старшинѣ чорнуской говорилемъ, жебы по моемъ отездѣ, зъехали въ Сухоносовку и тутъ бы приговорили о млину, що край церкви, сколко за годъ прибилѣ надѣятись и тое бы отъ мене давано на церковъ, а млинкомъ владѣти мнѣ. Попъ отецъ Якимъ давалъ мнѣ суплѣку, писанную до отца

протопопи пѣратинского, въ якой громада проситъ его о тое, чтобъ поповъ синъ въ діакони посвятился. Той же старшинѣ говорилемъ, если отецъ протопопъ пѣратинскій не учинитъ мнѣ справедливости зъ отца Якима, задолживш огося мнѣ, то жебы они, зохавши въ село, учинили разсмотреніе и писмомъ росправили. Орановскому казалемъ зъ Перервинецъ въ позику взять зъ ями 150 четвериковъ жита лѣкомъ. Плетюнку старостою въ Сухоносовцѣ устроилемъ и емужъ шинки лохвицкій, лубенскій, сухоносовский и перервинскій, и футоръ Криворудскій вручилемъ. Казалемъ Алексѣйцеви 6 коней подлихъ до двора сухоносовского зъ стада вилучить для поездки старостѣ и для дворовихъ потребы. Далемъ наказъ въ 11 пунктахъ Орановскому и листъ до отца протопопи пѣратин. о дѣлѣ нашемъ зъ отцемъ Якимомъ, а Алексѣйцеви наказъ въ 6 пунктахъ, и передъ вечоромъ виехалемъ зъ Сухоносовки. Пріехавши въ Лохвицю, былъ въ шинку своемъ, где шинкаръ сказовалъ, что по порахунку Романа остался онъ за давній напитокъ виноватъ 64 зол., а вновъ взялъ горѣлки кухву у 80 зол., и меду кухву у 30 зол., и барило меду жъ по вимѣру. Поехавши оттуду, пріехалемъ позно въ Луку, где Тарасъ наказанъ кіемъ, за тое что оставался въ Пузникахъ, а насъ не здоганялъ. Ходилемъ у винницю, где винника вдарилемъ за тое, что самъ спать люгъ, а водка паровала. Отецъ Федоръ приходилъ и горѣлки пробовали, ажъ худа.

11. Понеделокъ. Конѣ, бывшіе дрикганти, гнѣдого и вороностροкатого поставили межъ панскими конми. Чернецъ зъ Красногорского монастирця, за кухвою горѣлки, обѣщанною отъ родителки, туда пріехалъ, которому оному видать казалемъ. Отецъ Федоръ лучанскій подарилъ мнѣ дуба болшъ двохъ саженъ должиною, которого казалемъ послать въ Сухоносовку старостѣ, на трубницю. Віехалемъ рано зъ Луки къ Андрѣевцѣ, а на дорозѣ отецъ Федоръ споткавши, доносилъ о нѣкоторомъ безчиніи, въ селѣ проявившомся. Пріехалемъ въ Андреевку, куда потомъ и родителка пріехала, и обѣдалисмо. Отъ Гамалѣйки старой Михайловой былъ листъ просителній на актъ веселній, мѣючій въ дому ихъ чинитись, внуцѣ

еи, а дочерѣ п. Івана Гамалѣи [1]), сотника лохвицкого, зъ Елисеемъ Заруднимъ узюмскимъ, януар. 29. Просилемъ у родителки жита до винницѣ сухоносовской и обѣщала хочъ зъ Журавки, хочъ зъ Савинецъ видать. Казалемъ войту и дворнику Федору винайти берестъ на трубницю до Сухоносовки. Передъ вечоромъ поехалемъ оттуду и пріехалемъ, осмой год. зъ полудня, въ Роменъ, где дякови и господареви приказалемъ де що зъ родителскихъ інтерессовъ. Обявила жена моя, же въ скринцѣ родителской, викиненой зъ свѣтлицѣ въ сѣнцѣ, знайшли грошей 70 зол., старихъ копѣекъ. Писмо отъ старости шабалиновского подано мнѣ, въ которомъ пишетъ о посланнихъ сюда трубницяхъ двохъ и двохъ кадкахъ. Отъ п. Федора прилуцкого, другое, о его отездѣ въ Глуховъ и таковимъ далъ вѣдать ему и панея его, когда родитель въ домъ повернется и прибудетъ.

12. Вовторокъ. Писаръ Петрановскій приносилъ 3 укази, безъ бытности моей сюда зъ коллегіи принесенніе: 1) о спусканню овецъ зъ сими баранами; 2) о присланню вѣдомости въ коллегію о селѣтрѣ, почему продается; 3) объ откупѣ ловлѣ рибной въ Обмачевѣ. Сторожъ чорнускій посланъ въ Глуховъ зъ доношеніемъ въ колегію о селѣтрѣ. Зъ листомъ до отца протопопи глуховского объ Орановскомъ и зъ другимъ листомъ до Василя господара о домашнихъ інтерессахъ. Гаврило мой молодикъ, пасинокъ атаманскій и сторожъ глинскій, отъ родителя зъ Богучаровъ отправленніе, пріехали зъ листами; онъ же Гаврило говорилъ: 1) что коней купили мои люде 14, а 3 вози идетъ; 2) что за горѣлку первую взяли грошей 7(?); 3) онъ, особливо, за 4 барилѣ взялъ 134 рублѣ; 4) за тютюнъ взяли 1000 зол., а въ Астраханѣ продали 30 каменей по полъ 7 зол; 5) покупки, родзѣнки, микъдали, рижу 8 каменей, баранковъ 20, шовку простого 20, а кренцоного 5 фунтовъ;

---

[1]) Вдова генер. есаула Михайла Андреевича Гамалѣи, который получилъ отъ Мазепы, въ 1694 г., сс. Безсалы и Ивахники, въ 1708 г.—с. Позники и отъ Скоропадскаго въ мартѣ 1709 г.—с. Вел. Пески. За участіе въ Мазепином дѣлѣ Мих—лъ Г—лѣя жилъ въ Москвѣ, въ ссылкѣ, до 1715 г. Онъ живъ былъ еще въ 1723 году.

6) въ Астраханѣ моего тютюну оставилъ 1000 папушъ; 7) за горѣлку Якова прислали гроши Федоръ, а себѣ купивши, запровадили въ Сулакъ. Онъ же Гаврило посланъ до родителки зъ листами родителскимъ и моимъ, черезъ которого и о житѣ писалемъ, просячи оного до Сухоносовки. Посланъ указъ до Звѣраки о бытіи ему при правленіи атаманскомъ въ Чорнухахъ. Посланъ указъ до Гузенка, жебы зъехалъ до Самойловича за роспискою — значковий ли онъ или бунчуковий и буде бунчуковий, то жебы бувъ готовъ въ походъ. Такъ же и до Цися указъ—готовитись ему въ Гилянъ. До сенецкого сотника о присланю сюда Джикгиля съ росписками отъ значковихъ о поготовости въ Гилянъ. Сторожеви глинскому, зъ походу прійшовшому, далемъ сукна тузѣнку локотъ 5, за тое що Вѣжевского хлопця зловилъ въ осени, въ Прилуцѣ, и привюзъ въ Глуховъ. Черезъ его жъ отправилемъ писма: 1, до Петра Зарудного и Василя сотника наказного, о прибытіи ихъ сюда, а 3, до Федора Зарудного и писара глинского о зъеханню ихъ въ село Луку ради слѣдованія о безчиніи проявившомся. Лютню взялемъ и настроилемъ и, впервое, игралемъ. Вѣрши дочкамъ своимъ на привѣтъ родителскій сочинилемъ.

13. Середа. П. Василь глинскій пріехалъ и привюлъ коня вороного мнѣ, у Горуновича за 60 зол. купленного, а ему отъ мене приходится зол. 25; и Зарудний пріехалъ. Іеромонахъ Авимелехъ зъ гори Синайской бувъ у мене и обѣдалъ. Зъ канцел. енер. 3 указы принесени: два о присланню зборщиковъ таковихъ, якъ указъ требуетъ, а третій о приняттю мужиковъ нѣкоторихъ въ козаки въ Бодаквѣ, по изслѣдованію прапорщика Волжина. Зъ Сенчѣ доношеній 2 прислано: 1) о индуктѣ, а 2) о ценѣ пашнѣ. Гаврило повернулся зъ Луки и сказалъ, что родителка жита 100 четверти зъ Журавки видать обѣщала приказать до Сухоносовки. Попъ левченскій зъ суплѣкою явился на сотника наказ. роменского. Шевця Лисого наказалемъ и робить черевики зъ сафяну далемъ. Вѣрши Олесѣ на привѣтъ родителскій написани. П. судіина глинская була и просила на весѣлле дочерѣ своей, мѣючее 17 сего генваря отправоватись зъ синомъ Панченка прилуцкого.

14. Четверъ. Родитель мой пріехалъ въ Роменъ, въ ночѣ, год. зъ полночи около другой. Родителка пріехала зъ Луки, передъ службою, въ Роменъ. Молебенъ благодарственній бувъ и зъ пушечнимъ поздравленіемъ. Укази послани 2: одинъ въ пѣратинскую, а другій въ лохвицкую сотнѣ, о перемѣнѣ непринятихъ зборщиковъ и отсилцѣ въ Глуховъ. Писалемъ листъ до правителей о зборщикахъ неписменнихъ и зъ церковниковъ, что оніе въ недостатку другихъ избираются. Пробавили день и вечеръ зъ шумомъ пянственнимъ. Подводи въ Глуховъ отправлени 3, между которими отсюду пошло моихъ 4 воли, а зъ ними и Леско кухаръ, да на тихъ подводахъ два станки каретки и спалнѣ, меду прѣсного кухва, орѣховъ бочка, мѣди фунт. 20 и олова столко жъ, а велено имъ на Камень ехать для забрання оттуду переда спалнѣ. П. Семенъ братъ ночовалъ зъ нами.

15. Пятокъ. Архимандритъ гори Синайской Авимелехъ обѣдалъ. Зъ сотнѣ чигириндубровской доношенія о інтерессахъ сотеннихъ принесени, такъ же и зъ сотнѣ чорнуской. Булисмо у вечеру у п. Несторовича зъ братомъ п. Семеномъ, Заруднимъ и Василемъ глинскимъ, которій бардакъ персидскій даровалъ мнѣ. Романъ поѣхалъ въ Сухоносовку росквѣтоватись въ шинкахъ зъ Плетюнкою, которому всѣ шинки поручени. Червоного своего и ещещось Романъ и Мартинъ придали Ілкови важничому на покупку тютюну.

16. Субота. Гаврило собою данніе п. Семену денги, за 4 барилѣ водки 134 р., отобралъ и отдалъ намъ; зъ тихъ грошей послалемъ черезъ Романа до Сухоносовки 100 зол., зъ которихъ винявши 10 зол., казалемъ купить овса для коней, на Засуллю стоячихъ, зъ тихъ же грошей заплатилемъ п. Василю глинскому 25 зол., за коня вороного. Зъ тихъ же грошей Антонови, отежджаючому въ Кіевъ, по братовъ, далемъ 40 зол., на покупку минеи общой, тріодѣ постной и вина полинкового. Гаврило и Демянъ принесли отъ пана Семена грошей 8 мѣшечковъ и 4 р. П. Семенъ подарилъ мнѣ рися, а ему табакеръ золотую. Указъ зъ колегіи объ откупѣ перевозовъ чернѣговскихъ озеръ и проч. принe-

сенъ. Леонтій Янковскій зъ двома посполитими отправлени въ Глуховъ, до колегіи, на опредѣленіе ихъ къ магазейну. Гузенко повернулъся зъ Лохвицѣ и привюзъ отъ Самойловича писмо, и росписку отъ Цися, а за роспискою отъ Самойловича знову ехать ему предложено. Сторожъ чорнускій пріехалъ зъ Глухова зъ отвѣтомъ отца протопопи глуховского, что чарторійского попа дочеръ отдана замужъ. П. Андрѣй братъ пріехалъ въ Роменъ. Писалемъ до Орановского о прибытии его сюда. П. Семенъ братъ говорилъ, что хоружій Корсунъ виноватъ намъ грошей 44 р. Казѣмиръ отправленъ въ Глуховъ зъ листами, черезъ которого писалемъ до господара о розниxъ інтерессахъ.

17. Неделя. Архимандритъ Авимелехъ воду святилъ и крестъ показовалъ, въ которомъ сказовалъ часть животворящаго древа и мощи на обоихъ сторонахъ ст. мучен. Пантелеймона, да ст. апостола Варфоломея. Яковъ Дуброва повернулся зъ Глухова и реестра господарей глуховского и тулиголовского и ключницкіе привезлъ зъ собою. Обѣдали много число людей зъ старшинами до шуму. Зъ Савѣцкимъ писаремъ поссорился. До п. Несторовича ходилисмо.

18. Понеделокъ. Ілкови далемъ грошей еще на покупку тютюну и табаки 190 зол. Мартинъ купилъ 2 вѣдерки меду по 9 зол., на що и на иншіе потребы дано ему жъ грошей зол. 50. Орановскій пріехалъ и зъ нимъ Плетюнка. Указъ объ откупѣ въ Чернѣговѣ перевоза и протчіихъ зборовъ публѣкованъ.

19. Вовторокъ. Орановскій зъ Яковомъ Дубровою грошей въ насъ взяли 100 рублей и зъ нихъ вилѣчивши дали 100 таляръ церковнихъ, а 200 зол. войту должнихъ отъ мене. Микита Плетюнка въ Глуховъ отпущенъ и ему бъ тамъ болшъ тижня не бавитись, о чомъ къ господару писано. Отецъ протопопъ Савѣцкій бувъ у мене и говорилъ о Орановскомъ и дочерѣ отца Іоанна намѣстника. Сотникъ олишевскій и наказ. полков. нѣжинскій зъ хоружимъ полковимъ нѣжинскимъ же, бывшіе въ Сулацѣ, обѣдали и отехали. У вечеру Комаровскій зъ Коленскимъ и Джулаемъ смѣшніе строили жарти. Зъ Глухова отъ Столповского писмо привесено и приложенній трактатъ мирний шахового посла Ісмаилъ Бѣка и

минѣстровъ его імператорского величества. Указъ зъ канцелляріи присланъ о нарадѣ значковихъ зъ бунчуковими, вмѣсто радовихъ козаковъ, въ Гилянъ. П. Андрѣевая братовая пріехала въ Роменъ. Гаврило въ допросѣ своемъ сказалъ мнѣ: 1, что Федоръ да Демянъ въ Сулацѣ продавали горѣлки вѣдерко по 6 рублей; 2, зъ горѣлки, собою припроваженной въ Астраханъ, возилъ онъ въ Сулакъ барилъ 4 и въ нихъ вѣдерокъ роменскихъ 22; 3, да съ тоей же горѣлки продали они, насипавши куфу, короткую бажану (?) у полъ 14, албо полъ 15 вѣдерка.

20. Середа. Золотаръ приносилъ трость и срѣбро оправу, которое заважило 8 лот. Кійлянъ данъ золотареви для позлоти, а на оній и на трость данъ червоній. Родитель черезъ мене Петрановскому далъ грошей зол. 50. Петрановскій да Орановскій зъ мѣшечка денегъ моихъ вилѣчивши 474 зол., отдали сотникови наказному Данилови Савускову, якіе онъ у Смоленска, 721 году привюзши, стратилъ на мою потребу, и въ томъ мене квѣтовалъ. Хлопцеви далемъ на росходи 10 зол. П. Василь 'глинскій пріехалъ зъ зваромъ родиннимъ, что родилась дочь ему Татіяна 18 числа. Повернулись подводи зъ Глухова, возившіе туда меду бочку, мѣдь и олово. Увѣдомилисмося, что сира 4 кухви, а масла 10 фасокъ моего на Засуллю есть. У лазнѣ милисмося. Мартинъ штабу желѣза далъ ковалямъ робить завѣси до дверей, до будинку сварковского. Іванъ конюшій родителскій веселле свое зъ Малашкою сего вечора началъ имѣти. Указъ зъ канцелляріи принесенъ о присилцѣ зборщиковъ писменнихъ. Доношеніе отъ старшини лубенской принесено, что Лаврентій Кодинецъ посланъ въ Глуховъ въ щетчики. Гузенко повернулся зъ роспискою Самойловича, что онъ готовъ будетъ въ Гилянъ.

21. Четверъ. 200 руб. денегъ далемъ атаману роменскому на купленне воловъ, якіе денги пѣратинскій писаръ Семенъ Петрановскій да слуга мой Демянъ въ дому его лѣчили и отдали. 100 р. зъ собою до Глухова взялемъ денегъ, а еще 4 осталось. Родитель подарилъ куницъ 21 нечиненихъ. Веселле брачное Івану конюшому отправилося въ дому родителскомъ. Сотникъ и атаманъ лубенскіе,

и лукомскій сотникъ и протчіе попріездили. Отъ родителя унѣверсали пописани о содержаніи овецъ и походѣ значковихъ до Гиляни. Комисари полковіе Черняховскій и Христичъ пріехали въ Роменъ и презентовали мнѣ указъ, зъ колегіи къ нимъ отправленній, чтобъ сношеніе имѣли они зъ комисарами полку гадяцкого въ расположеніи дракгунскихъ полковъ, дабы оное было равномѣрно. Тростъ, оправивши, принесъ золотаръ.

22. Пятокъ. Родитель и при немъ я, брати п. Андрѣй и п. Семенъ и п. Нестеровичъ виехали зъ Ромна рано, передъ свѣтомъ, а правленіе полковое поручено п. есаулѣ Семену, черезъ Петрановского. Пріехали на обѣдъ въ Смѣлое, куда и Казѣмиръ, посиланній въ Глуховъ, зъ листами отъ родителя, повернулся зъ писмомъ отвѣтнимъ ясневелможной. Братъ п. Андрѣй зъ Смѣлого отпущенъ назадъ въ Роменъ, черезъ которого писалемъ до родителки и жени своей объ Орановскомъ, дабы его одружить хочъ за дочъ отца Іоанна, хочъ за Гапку, свойственную нашу. Якову Дубровѣ далемъ пункта, почому Федора допросить. Пріѣхали оттуду передъ вечоромъ у Корсаковъ футоръ и тамъ съ полчаса забавивши, на ночъ пріехалисмо до Козацкой и тамъ до веходу мѣсяца опочили, а поехавши знову оттуду, пріехалисмо передъ свѣтомъ у Камень.

23. Субота. Рано поснѣдалемъ зъ братомъ п. Семеномъ и п. Несторовичомъ. По снѣданню скоро свѣтать стало; зъ благословеніемъ, взятимъ отъ родителя, поехалемъ и пріѣхалемъ до Тулиголовъ, где засталемъ у імбарѣ въ 7 кухвахъ великихъ 80 зъ лишкомъ горѣлки, у винницѣ на 11 казановъ стала горѣлка робитися, а винникъ Сова майстеръ, которій после Козѣ сталъ робить у винницѣ сего 16 януар. Свиней у сажу 25 обрѣтается. У винницѣ на кадку горѣлки 4 коробки жита, 1 овса, а одна солоду житного; а зъ четверти молотого борошна 4 коробки виходитъ; зъ четверика глуховской мѣри виходитъ 3 носатки и коробка молотого борошна остается, а зъ четверика жита, на солодъ зробленного, придавши овса полъ 2 четверти, виходитъ коробокъ 20, а иногда 21. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Глуховъ у вечеру,

куда потомъ и родитель пріехалъ. Засталисмо въ дому швакгровъ обоихъ, Горковского и п. Антонову.

24. Неделя. Рано булисмо у господина брегадира, которій сказовалъ намъ зъ вѣдомостей заморскихъ отъ Амстердама, что въ портѣ Либавскомъ появилась риба чрезвичайной величини, которая по одному потоку рѣки заплила у верхъ и, за убувшою водою, осталася на песку; а она въ долготу 24 аршина 6 вершковъ, самая болшая толщина 12 аршинъ, висота 3 аршина и 10 вершковъ, хвостъ кончится двома хвостами, а разстояніе одного отъ другого 4 аршина, пространство ея рота 16 аршинъ и полъ, зубовъ въ еи числомъ 495, въ должину 2 аршина 10 вершковъ, переднѣе зуби ея 1 аршинъ и полъ, у верхней части въ носѣ щетина длиною въ перстъ, очи въ ей 9 дуймовъ, то есть четверть аршина съ полвершкомъ, а разстояніемъ одно отъ другого въ 3 аршина, въ 10 вершковъ зъ полвершкомъ. По службѣ у п. сотника билисмо и тамъ по чарцѣ водки випивши, заехали до прокурора, где и обѣдалисмо. Поехавши оттуду, на ліоду зъехалисмося съ ясневелможною, п. Федоромъ п. Кондзеровскимъ, ехавшими зъ Гамалѣевки, зъ которими, въ дворъ заехавши, просидѣли доволно. Укази зъ канцеляріи енер. дани мнѣ 4: 1) о присланню нѣкоторихъ зборщиковъ, 2) пункта въ доношеніи інструкцѣи обервалтмейстерской о нерубаніи лесовъ заповѣднихъ, 3) о подозрѣніи на судей, 4) о посулахъ служителямъ.

25. Понеделокъ. Демяна допрашовалемъ о послушаніи его, и отвѣтъ его прописалемъ. Троцкій и Столповскій були у мене. Отецъ протопопъ зъ попами были у родителя. Шкляра зъ войтомъ сварковскимъ послалемъ въ Сварковъ. Былисмо въ церквѣ ст. Апастасии, а потомъ обѣдалисмо у ясневелможной. Поехавши оттуду, билисмо у брегадира и просидѣли долго. П. Федоръ зо мною ночовалъ и п. Семеномъ братомъ.

26. Вовторокъ. Тарнавскій рано приходилъ. Були рано у Кошелева и тамъ родитель листъ записалъ на себе за лошадей пару безъ данихъ (?) его Кошелевихъ въ продажу, за 28 рублей пущенихъ. Обѣдалисмо у ясневелможной, где и ігуменія Карачевского

монастира и компанея приехавши, обѣдали. У вечеру булисмо въ Сухарева и тамъ просидѣли. Листъ отъ Столповского зъ Ярославця получилемъ зъ цедулою etc. Гаврило зъ ключникомъ были въ склепу и вина зо всякого антала по 2 бутилки взяли.

27. Середа. Отецъ протопопъ глуховскій бувъ у мене и розговорували объ Ораповскомъ. Реестровъ чили наказовъ господарскихъ пересмотрувалемъ и 17 речій начиталемъ неисполненнихъ. Зъ Ромна припровожени, на 3 подводахъ воловихъ, сира куховъ 4 и масла дѣжокъ 4. На мѣстѣ рукавички суконніе купилемъ за 2 зол. и 5 копѣекъ. Обѣдалисмо у ясневелможной, где и пожекгналисмо. По обѣдѣ заехали до брегадира, где посидѣли долго и простились. До Хрипунова Лаврентія заехали, куда и Бурковскій потомъ пріехалъ и до куреня моего въ походѣ просилъся. Пріездилъ Стаховичъ просить до Кошелева въ лоти играть Заруцкая и Голубиха були у родителя у вечеру. Родитель сталъ ускаржатись на ноги опухліе и боль въ нихъ. Указовъ 3 зъ канцелляріи енер. принесено ко мнѣ, на мое имя: 1) о присилцѣ радовихъ козаковъ въ Глуховъ, нараженнихъ до Гилянѣ, для смотру, 2) о взятіи росписокъ у бунчуковихъ о пріездѣ ихъ въ Глуховъ, тожъ для смотру, въ февр. 10 числѣ, 3) о непринаттю бѣглихъ крестянъ и где бы появились они, взяттю онихъ за карауля. Коленскому казалемъ отписать до старости овдоколского, писавшого ко мнѣ зъ требованіемъ наставленія о бѣглихъ крестянахъ нѣкоторого смоленского шляхтича, познавшого онихъ въ Овдоколлю, зачимъ согласно указови къ нему отписано, что самъ долженъ тую трудность отбувать. На горѣ бувъ, где казалемъ Гаврилови взять паргамѣнъ, вовни, кунтушъ легкій и прочая.

28. Четворъ. Імператорское величество Петръ Алексѣевичъ, по дѣлахъ, великій преставился, а манѣфестъ о немъ февр. 18 виражепъ, а преставился противъ сего числа, рано зъ полночѣ, 6 години 20 мѣнути. П. Минѣцкій, бувши у мене, далъ карту до своего чоловѣка о видачѣ намету его, которій на своей ценѣ, то есть 100 зол., отпускаетъ. Покушавши, родитель отехалъ въ Камень, а я передамъ ~~зъ крестяниномъ~~ Кошелева Лоховимъ, что онъ

отъ себе еще мѣетъ на себе дать мнѣ кабалу, переговорилемъ и купить его казалемъ господаревѣ. Отехалемъ въ Сварковъ, где шкляра уговорилемъ оболони дѣлать, а ему за тое дать пару суконъ, кунтушъ тузѣнковій, да кафанъ мусулбесовій и пашнѣ всякой, але потомъ певнѣ уговорить его Василеви казалемъ. Войту Забарѣ указъ о его войтовствѣ далемъ ему и що ему чинить. Пріехалемъ въ футоръ Калюжновскій, гдѣ видѣлемъ 4 кипи тютюну зложеного, а пятую докладаетъ. Коней дрикганта вороностcatого, да верхового бѣлого оглядалемъ, але же дрикганта перелиты взяли, того ради до мѣста его попровадили, а я, побувши въ шинку калюжновскимъ, отехалемъ въ Тулиголови, куда годиною передъ полноччю пріехалемъ, бо будетъ миль 3. Реестръ мнѣ достался шкла, Архипомъ привезенного, именно: фляшки до 4 пуздерокъ, баніокъ лазебнихъ 60, бутилокъ плоскихъ 54, бутилокъ круглыхъ 46, штоповъ до столу 20, фляшъ ģарцевихъ 15, глековъ 15, шибъ аркушовихъ 55, опрочъ шматковъ. Еще въ Глуховѣ далъ господаръ грошей мнѣ рублей 6, которіе Вежовскимъ дани на расходъ, и того въ первомъ пунктѣ записать запомнѣлось. Въ Глуховѣ, у Кошелева, когда костми метали лоти, синъ брегадирскій Никита кинулъ вмѣсто родителя и пало 47, и же нѣхто столко не кинулъ, того ради лошадей пара припроважена до родителя.

29. Пятокъ. Въ Тулиголовахъ рано далемъ Роману дворникови, на покупку жита до винницѣ тамошней же, зол. 300. Тогда жъ, составивши наказъ, Василю господареви въ 25 пунктахъ далемъ, ему жъ Романови и грошей рублей 20, и листъ, писанній до старости овдоколского о садовнику, жебы дать ему подводу до Стародуба и о присилцѣ въ Глуховъ барилъ у полкуфи 15, алѣи, крупцювъ всякихъ и боклаговъ; сіи три рѣчи, наказъ, денги и листъ отдалемъ Романови, жебы онъ вручилъ Василеви. Въ імбарѣ горѣлки куфъ 7 великихъ, повнихъ, обрѣтается. Устроивши вижей вираженніе рѣчи, отехалемъ въ Камень, где уже не засталемъ родителя, передомъ отехавшого къ Ромну на обѣдъ въ слободку Корсакову. Тамъ малое время забавилемъ, толко наказъ до Романа въ 6 пунктахъ написалемъ: 1) чтобъ перегналъ горѣлки 4 кухви

оковитой на мяту, 2) чтобъ ліодовню въ Обложкахъ оправилъ, 3) о покриттю ступника дранню, 4) о Совѣ и Козѣ винникахъ, 5) о оберненню данихъ ему грошей на единое жито, 6) о пересланню тютюну въ калюжновскій футоръ къ тамошнему тютюнникови, жебы поперевязовалъ лутше, нѣжъ тулиголовскій тютюнникъ. Посхалемъ зъ Каменя по полуднѣ, а пріехалемъ передъ смеркомъ въ слободку Корсакову, где и заночоваломъ; а зъ Каменя до Хижокъ, отколь милѣ меншъ, отъ Хижокъ до Козацкой миля 1, а одъ Козацкой до Грузской болшъ милѣ, а отъ Грузкой до слободки Корсаковой болшъ версти 1.

30. Субота. Съ полночи другой годины поехалемъ зъ слободки Корсаковой до Смѣлого и, на дорозѣ зъ версту поблудивши, а потомъ винайшовши дорогу, пріехалемъ въ Смѣлое свѣтомъ; ехалемъ 6 годинъ, а миль будетъ добрихъ 4. Въ Смѣломъ служби Божой вислухалемъ и, по службѣ Божой, по чарцѣ водки сотнику и господареви, Кгресю старому, поднюсши, поехалемъ къ Ромну. На дорозѣ стрѣтилемся зъ Яковомъ Дубровою, до Смѣлого зъ Ромна ехавшимъ, и, взявши у его допросъ Юрченка, поехалемъ и пріехалемъ передъ обѣдомъ въ Роменъ. Засталемъ Федора Юрченка, вчорайшого дня пріехавшого зъ обозомъ въ Роменъ. Орановскому кунтушъ легкій, зъ . . . . (?) лиштвами, позичилемъ.

31. Неделя. Человѣкъ отъ нѣжинского Самойловича, значкового товариша, пріехалъ и обявилъ мнѣ інструкцѣю, его панови данную, жебы зо всѣхъ бунчуковихъ, мешканне свое въ полку нѣжинскомъ мѣючихъ, взялъ сказки, хто, когда и въ которихъ походахъ бувалъ и хто небувалъ, за якою сказкою и ко мнѣ пріехалъ. Орановскій шлюбъ зъ Агафѣею дворовою дѣвкою и свойственною самой родителки взялъ отъ отца Савѣцкого протопопи Роменского. Брати мои Марко, Лука и Іоанъ, зъ Кіева пріехавшіе, мнѣ явилися. Коней 10, припроваженнихъ зъ Федоромъ Юрченкомъ, посдалемъ до Сухоносовки, а въ Токарѣ давніе тутейшіи послани конѣ и на овесъ дано 3 копи.

Февр. 1. Понедѣлокъ Пересмотрували реестровъ Юрченковихъ, и показалось облѣкговъ отъ позичившихъ денги 20, а тютюнъ 23,

а пшоно 8. Знималъ родитель серпанокъ зъ молодой и даровалъ Орановскому коня, а я по паре коней, кобилъ и воловъ, а самой зол. 50. П. Зарудній старий и п. Василь зъ Глинска пріехали. Подпіяхомъ. Родитель Василю Дяченку говорилъ и послушаніе судебное злецилъ. Василеви писареви за жито 15 зол. заплатилемъ, котораго задолжился я. У Демяна отобрали грошей 105 зол., и отдани Якову.

2. Вовторникъ. Родитель подарилъ мнѣ фунтъ шафрану, зъ Баки привезенного, подобно: (?). Человѣка Самойловичевого, за сказкою о служб ахъ моихъ пріехавшого, отправилемъ зъ сказкою моею. Демянъ въ своей скринцѣ перебиралъ дещо и видалъ реестра и полотно, и баранки, и грошей рублей зъ 20. Указъ зъ колегіи, давно ко мнѣ принесенній, о томъ, чтобъ учинить вѣдомо, сколко денегъ въ скарбцю полковомъ есть, отдалемъ Петрановскому. Указъ зъ канцеляріи енер. о виключенню радовихъ, а вписанню значковихъ на мѣсто ихъ, въ Гилянъ врученъ мнѣ на мое імя. Іванъ Івановичъ Гейтеръ, аптекаръ, пріехалъ зъ Лубенъ, а едетъ въ Москву.

3. Середа. Старшина чорнуская, Дроздъ и Звѣрака, пріехавши сюда, подали мнѣ карту за подписаніемъ рукъ своихъ, въ якой предложили тое, что сухоносовскіе жители за млинокъ въ годъ по 5 рублей до церкви тамошней, да поколѣщину 7 зол. заплатить. Такъ же другую купчую на грунта попа сухоносовского въ ценѣ 100 зол. Федоръ Юрченко отправленъ въ Глуховъ, черезъ которого до господаря писалемъ, и послани наручники до кватирокъ и завѣсъ до дверей 12 паръ. На покупки розніе казалемъ дать Якову Дубровѣ 100 р. и зъ нихъ вилѣчити атаманови на покупку воловъ къ 200 р., первей даннимъ, и еще 20 р. Баранковъ и шовку пересмотрували, дакъ шовку кренцоного 5, а простого 30 фунтовъ, а баранковъ лутшихъ 10, сѣрихъ 2, а подлѣйшихъ 12, а давнихъ 2. По вчорайшой рахубѣ показалось доводячихся отъ п. Семена 87 руб., а панеи 10 рублей, и того 97 р Романъ пріехалъ и донеслъ, что въ обѣ ліодовнѣ лохвицкую и лубенскую набыто ліоду. У п. Несторовича обѣдалиемо и позно въ ночъ отехали. Молебенъ за царевну Анну Петровну отправлялся.

4. Четвергъ. Ездилемъ за Сулу осмотрувать воловъ моихъ, въ походъ наступуючій купленнихъ, которихъ всѣхъ куплено 60, равно и 1 прибылній, и оніе, поклейновавши, послали въ Сухоносовку. Кобили персидской и дрикгантовъ грузинскихъ осмотрувалемъ родителскихъ. Ходилемъ по ярмарку и нѣкоторіе рѣчи покупилемъ. Поприездили многіе гостѣ и на двохъ столахъ обѣдали, отъ нихъ же и госпожа Михайловая воронѣжская. Купилемъ регляментъ и букварь Прокоповича.

5. Пятокъ. Родитель ярмаркового 20 р. далъ моей сожителницѣ. Орановскому далемъ грошей 50 зол. Тарасъ посланъ въ Сухоносовку и Лубнѣ за кунми и иншими інтерессами, которому данъ наказъ въ 12 пунктахъ, да при немъ же мѣди 16 фунт. послалемъ. Полковникъ Шереметевъ Василій Петровичъ былъ у насъ и кушалъ. Інтеллѣкгаторови далемъ копу грошей за оправку книжокъ и еще 3 книжки оправити далемъ же. П. Василь глинскій и Федоръ Зарудній пріехали. Отецъ Фома у вечеру былъ и просидѣлъ зо мною. П. Несторовичу на хоробу коробки далемъ въ папѣрку pulv. cord. rubr. ʒii. Вечералисмо сами, а родитель ускаржался на слабость свою.

6. Субота. Указъ, зъ войсковой енер. канцелляріи данній писару Сави Рагозѣнского, объ изслѣдованіи на ратушѣ здешней заводу его зъ купцами протчіими, показованъ мнѣ. Указъ зъ колегіи на імя мое о поправкѣ магазейну въ Веремѣевцу принесенъ и врученъ мнѣ черезъ сотника тутейшого наказного. Панъ Петрувскій, бувшій асаулъ, бувъ у мене и сторговалемъ у его дворъ попа сухоносовского и леваду, прозиваемую Козубовщину за 120 зол., якіе кгрунта ему отъ отца протопопи Пѣратинского и прежде судомъ консисторскимъ за долгъ его, на попу зависаючій, отданой ему вовся. П. Федоръ зъ Прилуки писалъ до родителя, что будто п. суддѣна послала въ Перервинцѣ вилучить себѣ кобили зъ лошатами зъ того стада, чего ради писалемъ до тамошнего атамана и войта, жебы нѣкому нѣчого оттуду невидавано и листъ нарочнимъ послать Орановскому далемъ. Параскеве (?) капитанъ и індуктаръ обѣдалъ у насъ. Адамъ грошей далъ 100 зол. за горѣлку мою, въ Криму

проданную. У лазнѣ былемъ. П. Василь глинскій отехалъ въ домъ. Ходилемъ по ярмарку и купилемь нѣкоторіе рѣчи.

7 Неделя. Запусти сирніе. Плетюнка пріехалъ въ Роменъ на 4 подводахъ по два конъ. Да онъ же писмо привезлъ отъ Василя господара, въ которомъ обявляетъ, что зъ шклярӧмъ уговорился за каждую оболону платить по 4 зол. Онъ же, Плетюнка, показовалъ квѣтацѣю, данную себѣ отъ Василя, что онъ, Василь, отобралъ отъ его доводячихся денегъ 40 зол., и уже онъ не виноватъ. Онъ же, Плетюнка, далъ писмо крепостное, отъ зятя его Федора Іванова написанное, на которомъ и онъ во свѣдителство вмѣсто себе упросилъ Орановского о подписъ руки. Онъ же, Плетюнка, радилъ взять намъ зъ собою зъ людей сварковскихъ Федка Сохаченка, да Івана Шевця. Орановскому чеховъ зъ шагами болшъ 10 р. далемъ мѣнять на копѣйки. По вечерѣ спѣвалисмо канонъ воскресенскій, когда и прапорщикъ Волжинъ зъ Несторовичомъ приходили и, випивши мало, отойшли, а по окончаніи, и ми, розійшовшись зійшлись ко мнѣ, братъ п. Андрѣй зъ п. братовою и п. Семенъ, и тутъ повторне перекусили.

8. Понеделокъ. Постъ вел. Плетюнка отправленъ въ Сухоносовку зъ наказомъ, въ 9 пунктахъ содержимимъ, которому и 60 зол. денегъ далемъ на заплаченне дворика и левади поповской п. Петровскому. У жида, отъ Дубровского пріехавшого, взялисмо двѣ штуки полуштамету, локот. 77, а ему вовну дали; вовни пудъ по 7 гривенъ, а сукна локот. по 8 шаг. До п. Федора въ Прилуку отправленъ Іванъ Войтенко—для переписѣ рѣчій покойного п. судіи и до п. судіиной о присланню грамоти писано. Чаю фунтъ за 40 алт. купилемъ у Івана Перехриста. Полянка Котляренко и протчіе отехали домой. Докупали еще до прежнихъ покупокъ декоторіе, на якіе Гаврилу далемъ 5 р.

9. Вовторокъ. Івану Перехристу, едучому до Сумъ на ярмарокъ далемъ для покупокъ 40 зол. Максиму Коржовскому на приборъ далемъ зол. 5. Шкляра, дѣлаючого окна въ Сварковѣ, женѣ далемъ грошей таляръ. Орановскій поехалъ въ Сухоносовку для отправленняся себе отъ дѣлъ. Между баранками показались лутшихъ 8, подлѣйшихъ 16, сивихъ два. Прапорщикъ Волжинъ булъ у насъ

и простился, понеже ему ехать въ Глуховъ въ колегію принесенъ указъ, которій у вечеру и компутовъ 3 прислалъ ко мнѣ черезъ своего писара при писмѣ своемъ, на якое и я отписалъ къ нему. Пива зъ Глухова бочку привезлъ ямщикъ, посиланній туда зъ Юрченкомъ.

10. Середа. Івану Перехристу еще далемъ грошей рублей 4 на покупку футра сѣбиркового; ему жъ далемъ 14 зол. чеховъ, да шаговъ розмѣнять на копѣйки. Романъ у шинкара тутейшого взялъ 40 зол. грошей, 20 Перехристу тихъ далъ, и 20 есть. Гаврило молодикъ далъ на себе облѣкгъ, что онъ за тютюнъ виноватъ мнѣ 26 руб. Сотникъ пѣратинскій, бувши тутъ, отехалъ въ домъ, а атамана зоставилъ. Вовни бранки родителской показалось 230 пудъ, а въ пудъ входитъ 21 руно. Сотникъ наказній роменскій приходилъ зъ обявленіемъ, что надзиратель едетъ въ Глуховъ, и сказку отъ себе о чиншовикахъ, якую написалъ, показовалъ, зъ кружками. Яковъ Дуброва переважовалъ астраханскіе покупки, рижу полъ 7 каменя, микгдалю безъ лушпинъ самихъ каменей 3 безъ 3 фунт., микгдалю зъ лушпинами каменей 3 и 30 фунтовъ, родзѣнокъ дробнихъ каменей 3 безъ 3 фунт. родзѣнокъ болшихъ каменей 2 и фунт. 2.

11. Четвергъ. Отъ старости перервинского Максима Захарченка, черезъ перервинскихъ козаковъ дворцевихъ, принесено писмо, въ которомъ обявляетъ, что минувшого сего февр. 6 пріехалъ зъ Глухова нѣмецъ отъ ясневелможной зъ листомъ п. Федора туда, и вибралъ самихъ лутшихъ дрикгантовъ воронострокатого и гнѣдого, и попровадилъ зъ собою. Также отъ судіиной прилуцкой пріехавши, ея человѣкъ зъ козаками вилучили самихъ лутшихъ кобилъ 50 зъ лошатами 29, дрикгантами двома, сивимъ и рижимъ, и особливе конемъ иждж алимъ рижимъ и погнали къ ней. О чомъ къ старостѣ отписано, жебы онъ сюда ехалъ, а до Орановского писалемъ, чтобъ тамъ атаману и войту зъ роспискою все тамошнее господарство вручилъ, что мѣютъ въ цѣлости до указу содержати. Повторые, у вечеру, до его жъ Орановского писалемъ, чтобъ онъ въ Сухоносовку жито зъ Перервинецъ забралъ, зъ запискою, оставивши тамъ на харчъ и удѣливши до футора криворудского всякого борошна, о чомъ

и до старости сухоносовского Плетюнки писалемъ. Зъ войсковой енер. канцелляріи указъ на імя мое принесенъ, въ которомъ предложено о присилцѣ вѣдомостей зъ полку въ оную жъ канцеллярію, именно: 1) отъ полковника начавши, невичисляючи и бунчуковихъ, ажъ до самихъ радовихъ козаковъ, хто где и когда въ походахъ бывалъ и хто небивалъ; 2) о артиллеріи, по городкахъ сотеннихъ найдуючойся, сотенная ли она, или мѣская; 3) имѣются ли въ полку лубенскомъ сторожѣ полевіе и сколко онихъ; 4) почему въ городахъ продавалась рожъ и иншая пашня, также и сѣна возъ. Савѣцкій писаръ через отца Василія капеляна отзивался зъ тимъ до родителя, что мѣетъ прійти прощенія просити. Вѣжевскій хлопецъ отобралъ у Гаврила за тютюнъ мой, проданній въ Сулаку, 200 папушъ 4 рублѣ, а отъ Антона оставшіеся гроши 12 зол отъ покупокъ въ Кіевѣ, имъ же справленнихъ. Вовни моей бранки взяли въ Москву 6 каменей и 10 фунтовъ, а було всей 130 рунъ, старой 60, а ярочой 70. Гаврило молодикъ далъ реестръ девяти рублямъ, взятимъ отсюду на проходъ, и доводится на немъ 3 рублѣ, а особливе на горѣлцѣ доводится на немъ полъ 5 ведерка, въ чомъ и самъ признался. Въ лазнѣ милемся, а передомъ оглядалемъ унѣверсаловъ п. Нѣсторовича, даннихъ на селце его Будки, зъ которихъ еденъ покойного гетмана Скоропадского Івана Іллича есть.

12. Пятокъ. Рано сукно бенкель штуку далемъ ступовать, въ которой показалось локоть. Родитель сюда ко мнѣ приходилъ, куда и Іванъ Вуйтенченко прійшолъ, повернувшись зъ Прилуки и привюзъ писма отъ п. Федора, поехавшого на смотръ въ Глуховъ, и судіиной, между которими п. судіиная въ едномъ своемъ писмѣ обявляетъ о унѣверсалу на Перервинцѣ, рейментарскомъ, что хочай оного и шукала у себе, однакъ незнать, где дѣвся, и развѣ впредъ чи не обшукается и проч. Да онъ же, Іванъ Войтеченко, привезъ зъ собою коней верховихъ судейскихъ 2, одного чалого, а другого сивого. Савѣцкій писаръ, бувши у пана, получилъ прощеніе и у мене и зъ тимъ отозвался, что село и урядъ въ волю родителскую пустилъ. До Ісаака Івановича Іохемса писали и послали рецептъ медикаментовъ, которого копія зде, при протоколу. Черезъ Шолудка,

козака лукомского, поехавшого въ Глуховъ на смотръ, писалемъ до господара, а черезъ человѣка заборовского послала сама въ Глуховъ до швакгровъ кавяръ, селдѣ и протч.

13. Субота. Комунѣковался родитель, я, и браття вси, и сожителница моя. Андріяшъ былъ и обѣдалъ зде. Чернецкій Петро и Афанасъ, бувшій староста луганскій, поѣхали зъ вовною въ Москву, которимъ 2 рецепти до аптеки далемъ (якихъ копія въ книзѣ memorabilium), а третій реестрикъ покупокъ за вовну мою 6 пуд. 10 фунт., мѣючихъ спорадитись. До сотника смѣловского о присланню сюда вѣдомостей писалемъ; атаманъ чорнускій говорилъ мнѣ, что Горлишинъ млинъ, въ заставѣ Колотъ своей имѣючій, уступаетъ мнѣ, а застава силна до 727 году, зъ которого надлежитъ намъ отбирать 5 частей. семую мѣрошнику а семую оной Горлисѣ, а платить въ годъ за оній.—Родителка, ездившая по футорахъ, пріехала въ Роменъ вечеромъ.

14. Неделя. Солодуха, ходившій зъ волами родителскими въ въ С П. бурхъ, повернулся. Романъ молодикъ отправленъ въ Глуховъ. зъ наказомъ, даннимъ ему въ 10 пунктахъ. Да черезъ его жъ послано бочалку кавяру у 8 пудъ и рижу полъ 7 каменя, и листъ до Василя о продажѣ того и другихъ інтерессахъ. Брати Марко, Лука и Іоаннъ отехали въ Кіевъ, а при нихъ Антонъ, которому на вино полинковое далемъ 5 рублей грошей. Черезъ Романа жъ послани 22 пар. завѣсокъ до оконъ въ Сварковъ. Яковъ Дуброва пріехалъ зъ Смѣлого и говорилъ о курьеру, въ мимошедшій пятокъ проехавшомъ Смѣлое зъ С. П. бурху, а слався дому государинѣ імператрицѣ.

15. Понеделокъ. До п. Василя глинского отписалемъ, соболѣзнуючи его слабости и при томъ предлагаючи, жебы прислалъ сюда бондаровъ человѣка два и послалъ бы по наметокъ п. Минѣцкого. Петровскій мимоездомъ въ Глуховъ заходилъ до насъ. Лесковъ синъ посланъ въ Глуховъ до ясневелможной зъ листами отъ родителя и гостинцемъ шафрану 2 фунт. и отъ мене поздоровленнемъ посту. Черезъ его жъ послалемъ до господара Василя 6 лотовъ шовку и цѣвку срѣбра, жебы шмуклѣръ паски здѣлалъ до

шаблѣ, и о горѣлцѣ писалемъ, жебы, если оной скудно будетъ, зъ 6 куховъ здѣлалъ 8 переганяной. Родителка шовку у насъ взяла торгомъ 7 фунтовъ. Мартинъ реестръ показалъ воловъ 60 купленнихъ, за которіе грошей пойшло 1210 зол. и шагъ, а осталось 7 рублiовъ и, якіе всѣ у Мартина. Інтеллѣкгаторъ принюсъ 3 книжки новіе, неписанніе, оправніе. Magнеса дѣйствіе показовалемъ братамъ.

16. Вовторникъ. Получена вѣдомость, что его величество Імператоръ и самодержецъ всероссійскій временное на вѣчное премѣнилъ блаженство, январ. 28. Ездилемъ до Плавинища риби ловить и, тамъ нѣкого не заставши, повернулемся назадъ на обѣдъ тощъ. Вѣдомости въ Глуховъ въ вой. енер. канцеллярію послалемъ о розниxъ інтересахъ зъ моимъ доношеніемъ. Родитель ордеръ свой далъ, п. п. п. Федору Билиму, Семену асаулѣ и Василю Дяченку судемъ полковимъ и правленіемъ полковимъ, въ отлученіи его, завѣдовати. Староста овдоколскій пріехалъ въ Роменъ, которому о крупцяхъ, посудѣ и протчемъ предлагалемъ. Перспективо далемъ золотареви здѣлать шрубокъ до оного. Тарасъ молодикъ и Алексѣецъ пріехали сюда и привезли воловъ 61 купленнихъ тутъ, реестръ которихъ показалось рижихъ 15, сивихъ 2, чорнихъ 10, бѣлихъ 2, гнѣдихъ 4, рижоперѣстихъ 2, сѣрихъ 10, половихъ 7, чорносѣрій 1, перистосѣрій 1, темносѣрій, лисій 1, чалихъ 2, гнѣдоперѣстій 1. Онъ же привезлъ купчую, отъ Колота данную, на розмѣръ отъ млинка Ярмолихи Горлихи, на полтретя году пять мѣрочокъ, шестая Горлисѣ семая мѣрочнику, а поколѣщини 6 зол. за сей годъ онъ повиненъ дать, а за протчіе я, а ему платить годъ по 8 копъ. Лѣкарства зъ Лубенъ привезени по рецепту. Въ Смѣломъ опредѣлени стрелцѣ зо мною, Василь Передеровъ, Самойло Саенко, Василь Римаренко, Стефанъ Романчукъ.

17. Середа. Рано, скоро свѣтъ, виехалъ родитель въ Глуховъ и, мало пождавши, я вслѣдъ, и на обѣдъ пріехали въ Смѣлое, куда потомъ и п. Несторовичъ пріехалъ же. Зъ Смѣлого писали въ Роменъ, до родителки родитель, а я до самой, предлагаючи, жебы

въ Кіевъ на орѣхи дали грошей зол. 10, приливаніе волоскіе. Поехавши оттуду, пріехали на ночъ въ Каменъ.

18. Четвергъ. Поснѣдавши въ Каменѣ, поехалисмо по полуднѣ въ Глуховъ, подлинно извѣстилисмося о преставленіи его імператорскаго величества зъ манѣфесту сенатского, которій такъся въ себѣ имѣетъ [1]).

Тутъ же въ Глуховѣ въ память его імператорскую отъ того времени, когда принеслася вѣдомость тая, рано и у вечеру по годинѣ по всѣхъ церквахъ звонятъ. П. полковникъ нѣжинскій Петръ Петровичъ Толстой зъ своею панею заехалъ до насъ повидатся зъ родителемъ и отехали въ Нѣжинъ. Булисмо у ясневелможной, где мало забавивши, отехали и заехали до прокурора, где и бригадиръ, и Михайло Скоропадскій и, тамъ мало просидѣвши, въ домъ пріехалисмо. Зъ вѣдомостю сею въ Москву пріехалъ маіоръ отъ гвардіи Іванъ Іличъ Мамоновъ. Полковника чернѣговского Павла Полуботка люде минувшого дня пріехали въ Глуховъ зъ Пѣтербурха и обявили, что преставился онъ въ Пѣтербурху въ крѣпости декабр. 18 числа, третой години зъ полудня минувшого 1724 году.

19. Пятокъ. Былемъ у коллегіи, где повѣтчикъ полку лубенского Петръ Михайловъ предлагалъ мнѣ о меду зборномъ, дабы вѣденіе о немъ прислать въ коллегію. У правителей былемъ, оттоль у Яснополского, где и Косовича видѣлемъ. На мѣстѣ у лавокъ бувъ и чубукъ купивъ. Роману, дворникови моему тулиголовскому, сукна тузѣнку далемъ. Полки гварнѣзонніе, на ліоду собранніе, стояли, а имъ обявили о преставленіи імператорскомъ. Бяловскій бувъ у мене и, поговоря, отійшолъ. Николая, бывшого слугу моего, зъ П.Бурху отъ п. Чернѣговского по его преставлѣніи пріехавшого, задержалемъ на время у себе.

20. Субота. Троцкій бувъ рано и оставилъ я его, а отехалъ до Кошелева, где и родитель бувъ, откуду (повидавшись зъ маіоромъ Молчановимъ, пріехавшимъ зъ кіевского гварнѣзону въ коллегію) заехали до брегадира, где засталисмо нашихъ правителей,

---

[1]) Вписанный здѣсь манифестъ напечатанъ въ изданіи „Дневныхъ Записокъ" 1859 года т. І. стр. 60—61.

пуженнихъ отъ брегадира и, забавши тамъ доволно, отехали. Бувъ у мене иноземецъ зъ винами розними продажними. Войтъ мой сварковскій Забара бувъ и, де о чомъ донесши, отехалъ. Бувъ я въ вечернѣ у судейской церквѣ, где панахиду по небожчику тестеви моемъ правили, тамъ увидѣлемся зъ п. Григоріевою новгородскою, пріехавшою зъ Новгородка.

21. Неделя. Рано зобранъ бувъ полкъ лубенскій на смотръ, и первей тутъ родитель въ дворѣ осмотрѣлъ оного и потомъ и на ліоду казалъ онимъ порадне стати козакамъ, але коллеисти и правители не смотрѣли оного. У службѣ Божой у Михайла святого былисмо, где синъ брегадирскій Никита Степановичъ, стоявши купно со мною, обявилъ о себѣ, что мѣлъ сего дня ехать въ С.П.бурхъ. По службѣ Божой былисмо у ясневелможной, где брегадиръ зъ товарищи бувъ и, випивши по 2 чарки водки, отойшли, а ми обѣдали и пообѣдавши, родитель пожекгналъ ея велможность. По обѣдѣ смотръ былъ полку, а смотрѣли брегадиръ Кошеловъ, правители, Мануйловичъ и Левенецъ, козаковъ било около 400 въ Гилянъ, а по осмотрѣ брегадиръ со всѣми заходилъ до насъ и, по 2 кубка вина випивши, отехалъ, зъ которимъ и другими родитель простился, а правители, посидѣвши должае, отехали домой. Худолѣй давалъ суплѣку, отпрошуючись отъ походу у родителя. Купилисмо вина бутилокъ плетенихъ 6 буркгунского, а 6 еремѣтаржу у іноземца пополамъ зъ родителемъ, онъ же мнѣ въ придатокъ далъ 2 бутилки бупор...(?). Отъ ясневел. Савка слуга принюсъ вини и водки въ бутилкахъ родителеви. Стаховичъ, канцеляристъ, вечералъ зъ нами и много его ирритовали. Отъ Якова писмо получилемъ, зъ жалостію на тестя своего писанное. Писмо писалемъ до Якова и грошей зол. 50 послалемъ къ нему жъ черезъ п. Семена брата и штабъ желѣза 4, а въ нихъ ваги 5 пудъ, и вужищъ и наралниковъ по 4 пари. Ясневелможная ужаловалася зъ виговоромъ передъ нами на брата п. Андрѣя.

22. Понеделокъ. Отехалъ родитель въ Роменъ рано, а я остался тутъ для дѣлъ господарскихъ. Черезъ козака глинского, при тамошнемъ же сотникови найдуючогося, писалемъ, до родителя о

томъ, что увѣдомилемся о намѣреніи обозного зъ товарищи респектомъ занесення суплѣки брегадиру и что сенецкій въ С.п.бурсѣ подалъ у вишній судъ. П. Минѣцкій и отецъ Василій капелянъ п. писара енер. были зде. Ездилемъ до млина радіоновского, где жита на 3 четверики будетъ, гречки полубочокъ, пшеницѣ полтора, солоду ячного и овсяного. Жена моя пріехала зъ Ромна въ Глуховъ. Осмотрувалемъ реестровъ господарскихъ и на пріемномъ грошевомъ реестрѣ написалемъ 8 и 20 рублей, даннихъ ему на росходъ.

23. Вовторникъ. Ездилемъ въ калюжновскій футоръ и первей въ шинку былемъ, о потомъ заехалемъ до футора, где возовъ 4 воловихъ спорадити казалемъ. Тамъ же видѣлемъ воли рабочіе 27, коровъ 7, а по реестрику, отъ тамошнего дворника показанномъ, отослано въ Тулиголови воловъ 3, коровъ 4, дробязку 15. Тамъ же въ тютюнника былемъ и видѣлемъ тютюнъ увесь зложенъ въ 5 кипахъ. Поехавши оттуду и пріехавши въ Глуховъ, заехалемъ до двора ясневелможной и тамъ, по набоженствѣ, обѣдалемъ и до вечора забавилемъ. Пріехалемъ домой, где въ розговорѣ зъ швакгромъ п. Андрѣемъ тое отъ его чулемъ, что обѣщаются во знакъ вдячности и зъ своихъ добръ, буде имъ верненни будутъ и мнѣ уступить часть купленнихъ и войсковихъ. Отъ писара Сави Ракгозѣнского бувъ чловѣкъ зъ писмомъ, въ которомъ требуетъ, ижъ бымъ отвѣтъ учинилъ въ канцеллярію енер. о его інтерессѣ, мнѣ полѣценномъ до изслѣдованія, которому на словахъ отвѣтъ учинилемъ, что, несправясь зъ допросомъ, въ Ромнѣ чинившимся, нелзя отвѣтствовать. Стаховичъ бувъ и просидѣли, розговоруя.

24. Середа. Ездилемъ рано до Сваркова и оглядалемъ строенія тамошнего. Казалемъ майстрови Андрѣеви передѣлать сходи на гору и оттуда повернулемся на службу въ Глуховъ. По службѣ былемъ у ясневелможной и на обѣдъ въ домъ отехалемъ. По обѣдѣ Тарасъ молодикъ далъ мнѣ реестръ, въ которомъ всѣ иждждаліе конѣ означенни суть, и онихъ числомъ 66. (Въ день 26 пч 1 ясно—тоежъ виражено. Господаръ медъ розсичовалъ. Лвовъ саржантъ отъ гвардіи пріехалъ въ Глуховъ и знову отехалъ. Куріеръ зъ Пѣтербурху пріехалъ и указъ привезлъ сюда зъ воинской коллегіи,

дабы брегадиръ съ товарищи присягу виконали на вѣрность ея величеству Государинѣ імператрицѣ. Былемъ у Кошелева и, едучи, обернулъся и передягся у п. Тарнавскаго. 4 ослонци подорожнихъ необбитихъ послани въ Роменъ. У брегадира позно бувши, (пріехалемъ въ домъ и книгъ своихъ пересмотрувалемъ.

25. Четверъ. Книги въ библіотекахъ пересмотрувалемъ, которихъ въ скринѣ показалось и зложилось 66, а въ библіотецѣ 146, въ той же библіотецѣ зъ другой сторони 44, а винятихъ въ походъ 31, итого всѣхъ 287 и болшъ, (vide день 26 № 2).

Іванъ Івановичъ Львовъ саржантъ отъ гвардіи, приехавшій сюда зъ грамотою Еропкину, зятеви п. писара енер., потребною о деревняхъ, обѣдалъ у насъ купно зъ Волжиномъ Іваномъ Афанасіевич. Шабелнику за оправу шаблей доплатилемъ зол. 1. Демянъ отправленъ въ Роменъ зъ листомъ до родителя и наказомъ, даннимъ ему. чтобъ онъ, взявши денги, доводячіеся отъ Івана Перехриста, ехалъ до Нѣжина и Борзни для покупокъ, въ походъ мнѣ потребнихъ, которому и тутъ далемъ грошей самъ 50 зол., а ключникъ далъ 50 зол. Брегадиръ Степанъ Лукичъ Велдяминовъ и протчіе штапъ оберъ и ундеръ офѣцери и салдати присягали на вѣрность государинѣ Імператрици Екатеринѣ Алексѣевнѣ, наслѣдницѣ россійского престола. Тарнавскій и Доброницкій були зде у насъ. Господаръ кухву меду, присланную зъ Ромна прѣсного, розситилъ, и стало куховъ 4, да 2 бочки меду неповнихъ, сиченого. Дрикганта вороностерокатого козаки, зъ нами сюда пріехавшіе, попровадили въ Роменъ. Извѣстилемся отъ Тарн., что о намѣреніи нашего обозного и протчіихъ нашихъ полчанъ говорилъ п. Левенецъ.

26. Тарасъ молодикъ показалъ мнѣ реестръ всѣхъ иждждалихъ коней, итого верховихъ 8, четверенъ 4, дрикгантовъ зхорещенихъ 4, возовихъ и подмолодиковъ 24, зъ Астраханѣ пришедшихъ 12, у Орановского 2, итого всѣхъ 66. Книги пересмотрувалемъ всѣ и знову поскладалемъ, отобралемъ зъ собою 32, а оставилемъ въ скринѣ 69, въ библіотецѣ сюй сторонѣ 144, а въ другой 44, итого всѣхъ 289. Зъ Тулиголовъ черезъ Івана паробка получилемъ на писмѣ вѣдомость отъ Романа старости и Романа слуги, что простой горѣлки

въ походъ мой перегнали 144 носатки, а на досипку уже оковитой горѣлки розійшлося, простой же носатокъ 6 и квартъ 11, зъ простой зась горѣлки 144 носатокъ війшло, оковитой носатокъ 85 и квартъ 67, къ которой придавши досипку простой, то теперъ въ кухвахъ 8 всѣхъ носатокъ 91 и квартъ 78 оковитой, а простой на оную обернулось 150 носатокъ и квартъ 11, и межи тоею оковитою горѣлкою 6 куховъ зъ ганишомъ и мятою, семая кухва на самую мяту, осмая кухва зъ ганишемъ и конвалѣею. Дуплоногу и ковалю сварковскимъ казалемъ дерева на хати зъ Тулиголовъ дати. Ездилемъ ловити рибу въ радіоновскомъ ставу. Панахида по небожчику тестю била у судейской церквѣ.

27. Субота. Хлопецъ за презрѣніе росказанния, что не збудилъ до утренѣ, наказанъ. Полонскому далемъ маліовать, чили рисовать дверцѣ. Поехалемъ на службу до ясневелможной и тамъ обѣдалемъ, по обѣдѣ пріехавши, заснулемъ, бо въ головѣ боль былъ. Архипъ сварковскій, мой подданний, посланъ въ Тулиголови, где ему велено, взявши горѣлку, запровадить въ Роменъ въ 26 днѣ, 3 числѣ, помянутую и описанную. Ездилемъ на вечерню до Михайла святаго, а по вечернѣ зъ п. Левенцемъ простоялемъ доволное время. П.п. швакгри тягнули неводъ на радіоновскомъ млинѣ и витягнули риби щучокъ щось и едну болшую щуку.

28. Неделя. Рано Минѣцкій приходилъ зъ обявленіемъ вѣдомости о пріездѣ Девейзбаха Господинъ генералъ- лейтенантъ Девейзбахъ пріехалъ зъ С.П.бурху въ Глуховъ зъ манѣфестами о смерти імператорской, которій сказовалъ: 1, что імператорское величество мѣлъ лежать на ложѣ 15 денъ, а после вложенъ быти въ труну, и послѣднихъ числъ марта погребенъ быти въ церквѣ с. Апостолъ Петра и Павла между обоима синами своими посерединѣ; 2, что освобожденни наша старшина въ С. П. бурху; 3, и что зде будетъ симъ арестантамъ свобода. Былъ онъ по обѣдѣ, генералъ, у брегадира, оттуду у ясневелможной и поехалъ ноччю въ Ахтирку къ князю Голѣцину. Обѣдалемъ у ясневелможной и, отъ ґенерала позно пріехавши до брегадира, тамъ о моемъ удержаннюся отъ по-

ходу говорилося, и приехалемъ ноччю домой. Орановскій зъ Ромна пріехалъ зъ писмами родителскимъ и п. Семена.

Мартъ 1. Понедѣлокъ. Панъ Скоропадскій и Минѣцкій були рано, и первой, кагве напившись, отехалъ. Полки гварнѣзонніе присягали на вѣрность государинѣ імператрицѣ. Неводничого Кочерувского уговорилемъ здѣлать до воскресенія два неводка, 1 по 6 сажень крило, а другій по 15 и за то дать ему 30 зол. и 10 квартъ горѣлки, о чомъ и до старости кучеровского писалемъ, жебы онъ ослабу ему учинилъ. Дворника калюжновского уговорили за годъ дать ему 20 зол. и кожухъ, свиту и чоботи, а годъ ему отъ Филиповихъ запустъ. Черезъ Пулверинского писалемъ до родителя о домашнихъ інтерессахъ. Здешнимъ арестантамъ нашимъ всѣмъ, именно Тарнавскому, асаулѣ переясловскому Лукашу, сотнику полковому переясловскому Добронизкому, сотникови полковому нѣжинскому Пѣроцкому, писареви полковому нѣжинскому Минѣцкому, писареви пол. стародубовскому Демяновичу, сотникови бакланскому Антипу, полковому писару полтавскому Богаевскому, тожъ полковому полтавскому асаулѣ Сибилевичу Федору обявлено въ коллегіи малороссійской свобожденіе и отпускъ на поруки, которихъ господинъ брегадиръ Румянцевъ прошлого году взялъ за арештъ и зде осадилъ. П. судіиной енер. Чарнишевой именины отправляли у ясневелможной, где кушалисмо купно зъ брегадиромъ и прокуроромъ. Пріехали въ Глуховъ зъ С. П. бурху Полунѣцкій Іванъ, писаръ пол. чернѣгов. Криштопенко, сотникъ сенецкій и прочіи служители старшинскіе.

2. Вовторникъ. Дѣдикъ, подданній мой сварковскій, бувши тутъ, оправдался противъ чолобиття вдови новогребелской. Продали каваръ пудъ по рублю, а заважили зъ бочечкою пудовъ полъ 7. Ездилемъ у городъ и въ церквѣ Іліи Пророка присягу виконалемъ при брегадиру и протчіихъ на вѣрность государинѣ імператрицѣ и подписалемся между бунчуковими на клятвенномъ обѣщаніи, где также правителѣ и протчіе подписивались и присягали. Купилемъ коломійки локоть 11, локоть по 2 зол. и 5 копѣекъ. Обѣдалемъ у ясневелможной и до вечора просидѣлемъ. До п.п. судіиной и писаревой отъ ихъ сожителей писма привезени.

3. Середа. Манѣфестъ, чили указъ подъ именемъ государинѣ імператрици публѣкованъ, въ якомъ читани вини, чили погрѣшенія полковника чернѣговского Полуботка и старшини енералной, также и миргородского полковника Апостола описани, и что имъ всѣмъ жить въ С. П. бурсѣ безиздно, а имѣніе имъ движимое и недвижимое возвратить, печатанъ февр. 8; у ясневелможной обѣдалъ, где листъ читанъ п. судіи енер. о присланню туда провіянта, до самой п. судіиной писанній февр. 9. У брегадира у вечеру билемъ и о швакграхъ своихъ просилемъ. У чорномъ платтю началемъ ходить.

4. Четверъ. Рано былемъ у прокурора и о швакграхъ розговорувалемъ. У склепу былемъ и вина зъ розних анталовъ понасипалемъ. Кухву пива купилъ господаръ за полъ 6 зол. У Кошелева былемъ и оттоль домой пріехалемъ, где Полунѣцкій и Іванъ писаръ були. Отецъ протопопъ глуховскій билъ у мене и объ Орановскомъ розговорували. Пасѣчнику уздицкому по рахубѣ дача годовая показалась, именно грошей 25 зол., жита четвертей 12, гречаной муки мѣрокъ 12, крупъ гречанихъ мѣрокъ 6, сала каменей 2, соли полтора каменя, риби вялой въ постъ по части, свиту, кожухъ, шапку, чоботи.

5. Пятокъ. Были швакгрѣ у коллегіи, куда и я ездилемъ за нихъ ручитися, того ради, что имъ отпускъ по указу обявленъ. Ездилемъ до Сваркова, где Забарѣ приказовалемъ досадить високой липини, а дробную повикопувать, а Андрѣю теслѣ казалемъ еренжерѣ хати дѣлать и пріехалемъ по павечернѣ въ Глуховъ. Швакгрѣ еще крайней резолюціи о своемъ отпуску неполучили, але на завтрейшій день отложено.

6. Субота. Орановскій и господаръ въ Сварковъ ездили за дѣломъ Орановского зъ суплѣками, насвященство его жъ промуючими. Въ колегіи малороссійской за швакгровъ своихъ Андрея и Якова поручилемся. У ясневелможной обѣдалемъ, где Яснополскій господаръ въ Роменъ мнѣ будку визичилъ. Швагри мои освободились въ коллегіи. У брегадира Степана Лукича просидѣлемъ долго въ ночъ, а пріехавши оттуду, засталемъ тутъ ночуючихъ п. п. Тарнавскаго,

Добронизкого и Лукаша, асаулу полкового переясловского, отеждfestжаючихъ уже зъ Глухова.

7. Неделя. Рано п. Андрѣева, швакгрова, виехала отсюду зъ Глухова въ Суми. Швакгри мои оба виехали зъ Глухова у вечеру и до Рихловского монастира, по своемъ обѣщанію, перво поехали. Калюжненки давали писмо, за футоръ Калюжновскій упоминаючись. Сварковцѣ суплѣку подали мнѣ за Орановскимъ, просячи его въ попи. Семенъ, господаръ бувшій, приходилъ ко мнѣ, упоминаючись за якогось коня. Пожекгналемъ ясневелможную и протчіихъ всѣхъ и п. Левенца. Пріехалъ Верещака зъ Ромна, отъ родителя, зъ писмами до ясневел. и ко мнѣ и зъ доношеніями въ колегію и канцелярію взглядомъ заплати полковимъ служителямъ доводячойся и респектомъ умноженнихъ отъ вой. енер. канцелляріи вновъ теперъ консистентовъ; зъ листу родителского извѣстилемся, что отехалъ въ пятокъ въ Ахтирку до князя Михайла Михайловича Голѣцина. Отъ Якова листъ поданъ зъ Ромна, въ якомъ виражаетъ, что горѣлки оковитой 8 куфъ припроважено въ Роменъ, барилъ зробили 32, людей наняли 27, и задатку имъ толко дали по шагу.

8. Понеделокъ. Рано писалемъ писмо до п. сотника глуховского объ Орановскомъ, которого бъ онъ архиерею писмомъ рекомендовалъ респектомъ священства. Скриню зъ книгами запечаталемъ. Виехалисмо зъ Глухова обое, зъ женою, на обѣдъ въ Сварковъ. Въ Сварковѣ теслѣ говорилемъ коморку придѣлать, мостъ черезъ Клевень просто на огородъ Жидовленка зробить и проч. По обѣдѣ приехалисмо въ футоръ Калюжновскій, где и ночовали.

9. Во второкъ. У футорѣ Калюжновскомъ гуменного жита всего неслано еще въ Тулиголови 16 четвериковъ, а всего зъ 296 копъ, 40 четвериковъ. Панюи о нѣкоторихъ рѣчахъ предложилемъ, а наказъ господару въ 18 пунктахъ, а войту Забарѣ въ 13 пунктахъ до рукъ панеи далемъ. Поехавши рано оттуду, пріехалемъ на обѣдъ въ Тулиголови, где въ імбарѣ горѣлки оковитой осталось 2 носатки, а простой 24 носатки въ двохъ куфахъ. Роману дворнику далемъ наказъ въ трохъ пунктахъ. Извѣстно мнѣ учинилось, что принялъ Романъ отъ тютюнника тютюну папушъ 1500, а оній въ імбарѣ

зложенъ. По обѣдѣ виехавши зъ Тулиголовъ, приехалемъ на ночъ въ Каменъ, где Шрамченка, которого братъ у Сулаку задолжился по Юрченковой позичцѣ, призивалемъ и долгъ отдать казалемъ.

10. Середа. Писалемъ до сожителници о взяттю сюда бутилокъ 6 купленнихъ съ виномъ и 9 оплѣтованихъ въ Сварковѣ, порожнихъ. До еи жъ писалемъ, чтобъ господаръ зехалъ въ Тулиголови и тамъ купчіе, Романомъ взятіе у продавцовъ на нѣкоторіе кгрунта, неисправно написанніе, переправилъ и пораднѣйшіе отъ заводцовъ отобралъ и сіе бъ записалъ себѣ до чиненния къ 18 пунктамъ, а такъ теперъ, въ наказѣ его, 19 пунктовъ должно быть До Романа тулиголовского писалемъ, чтобъ онъ 3 кухви отискалъ зъ Кролевця, заплативши за оніе по копѣ, а 3 зъ Каменя, взамѣну 2 приславши болшихъ, и оніе би 6 куховъ на шинки употребились. Шрамченку говорилемъ, жебы онъ горѣлки 10 носатокъ и 100 зол. старались отдать Лазовскому, а онъ чтобъ переслалъ въ Тулиголови, приказалемъ. Поехавши зъ Каменя пріехалемъ въ Грузкую, где и обѣдалемъ, а оттуду на ночъ приехалемъ въ Смѣлое до Кгреся. Імператоръ всероссійскій Петръ Великій погребенъ въ С П. Бурсѣ, въ церквѣ Ст. Апостолъ Петра и Павла, въ крѣпости; слово при погребеніи говорилъ Прокоповичъ, архиепископъ псковскій.

11. Четверъ. Зъ Смѣлого писалемъ до своей сожителници о ея въ Роменъ пріездѣ и козаковъ трохъ послалемъ. Тогда жъ и до п. Михайла Скоропадского писалемъ. Віехавши зъ Смѣлого рано, приехалемъ въ Роменъ на обѣдъ, где засталемъ родителя и родителку. Листъ отъ Плетюнки зъ Сухоносовки, марта 7 писанній, достался рукамъ моимъ, въ якомъ пишетъ: 1, о присилцѣ сюда возовъ 6 воловихъ . . . . (?) 12, полотна на мѣхи, сукна на попонки, шкуръ шкапиних 3, а яловичихъ 2 и важницъ 3. 2, о присланню туда соли бѣлой; 3, что горѣлки оковитой 2 кухви готовіе суть; 4., что зъ Перервинецъ взялъ свиней 25 въ Сухоносовку; 5., что зъ Колотового и церковного млинковъ розмѣръ збирается до двора; 6., что за кгрунтъ попа сухоносовского Петровскому заплатилъ 120 зол., и у его купчая и крѣпости бывшіе на оній, отобралъ при атаману чорнускомъ. Книгъ въ Ромнѣ остав-

ленних пересмотрувалемъ и показалось: богословскихъ 21, философскихъ 12, историческихъ 10, медическихъ 5, протчіихъ 8, и того всѣхъ 56, а зъ Глухова привезлемъ 32, и того тутъ всѣхъ 345, о чомъ зри въ февр. 26 числѣ, нумерѣ 2. Отъ Селецкого зъ Слуцка присланъ листъ 25 февр, писанній ко мнѣ, въ которомъ виражаетъ, что тютюнъ мой зъ родителскимъ зложенъ въ шпѣклѣръ, а даютъ за мой по 2 зол. и по полъ 8 шага, (на поляхъ: NB значитъ—7 шаговъ съ половиною) и чтобъ паробку, туда ходнвшому, заплатить за тиждень по полъ 8 шага, зъ которимъ пара коней моихъ, ходившихъ туда подъ тютюномъ, прійшло сюда въ цѣлости. Покупки Демяновой осмотрувалемъ, между которою и кагве окъ 5, на якую розійшлося денегъ 98 зол. и 7 шаг., зъ даннихъ ему 100 зол. Начали кагве—и кубочокъ зсмажили. Извѣстно мнѣ учинилось, что Тихонъ Волжинъ, прапорщикъ, пріехалъ сюда въ полкъ лубенскій зъ присягами на вѣрность ея величеству и зъ обявленіями о погрѣшеніи нашихъ пп. старшинъ пѣтербурскихъ. Тожъ извѣстилемся, что генералъ-порутчикъ Девейзбахъ въ Гадячомъ квартеру имѣетъ, куда сими часи и генералша поехала.

12. Пятокъ. До старости сухоносовского писалемъ, въ отвѣтъ на его писмо, о многихъ інтерессахъ господарскихъ, а притомъ о присилцѣ сюда горѣлки оковитой и хмелю etc., а послалемъ оное писмо через александровского козака. Извѣстилемся, что статуи въ Лубнахъ дѣлавшіеся, теперъ у Луцѣ суть 12. Прапорщикъ отъ енерала Вейзбаха ехалъ через Роменъ и сказовалъ о его генералской битности въ Гадячомъ обрѣтаючойся. Ездилемъ до своего шинковного двора, где видѣлемъ возовъ новихъ воловихъ 16, а еще два вскорѣ будутъ зроблени. Палубовъ новихъ, оббитихъ, 2, такъже старихъ палубціовъ 4, возовъ коннихъ 2, барилъ зробленнихъ болшъ 40, зъ которихъ не всѣ повніе и насипаніе; але въ насипанихъ барилахъ вѣдерокъ роменской мѣри 160, а еще кухва повна горѣлки. Колѣсъ воловихъ зайвихъ 4, и инші́е рѣчи подорожніе. Бондаромъ 4-мъ далемъ по золотому. Оттуду едучи булемъ на Монастирищѣ, где видѣлемъ у імбарѣ нашего сира давнего 5

дѣжокъ неповнихъ. Тамъ же приказалемъ стелмахови доробить тарадайки. Извѣстно мнѣ учинилося, что зъ Тулиголовъ воловъ моихъ прійшло сюда зъ горѣлкою 8 и оніе тутъ удержани. Демянъ поехалъ зъ спалнею до Каменя, для пріезду сюда на оной женѣ моей.

13. Субота. Перервинскій староста отправленъ отъ родителя зъ тимъ, жебы статокъ, присланній зъ Прилуки, знову отогналъ въ Прилуку, того ради, что п. Федоръ, тайно приславши своихъ людей въ Перервинцѣ, взялъ увесь статокъ къ себѣ и лутшіе повибравши, саміе подлѣйшіе поприсилалъ и то малое число. По службѣ Божой ранной, виехалисмо зъ Ромна къ Ахтирцѣ, родитель, я и братъ п. Семенъ и асаулъ гонцювскій и пріехали въ Липовое на обѣдъ; зъ Липового писалемъ до Плетюнки о томъ: 1) чтобъ билъ у футорѣ, затимъ, же ягнята пропадають; 2) о лѣсѣ, на которого купленне 90 зол. дано Василевѣ мацковскому старостѣ, увѣдомился купленъ ли есть; 3), о коняхъ въ Лубняхъ и Сухоносовцѣ стоячихъ, чтобъ били въ добромъ досмотрѣ; 4) о перервинскомъ старостѣ ему подчиненномъ А до Якова Дуброви тотъ листъ, при другомъ листѣ къ нему писанномъ, посланемъ, чтобъ онъ отдалъ перервинскому старостѣ до отдання ему Плетюнцѣ, и о другихъ інтерессахъ къ нему Якову писалемъ. Зъ Липового, поехавши до Гадячого (куда будетъ верстъ 27), пріѣхали позно и тутъ ночовалисмо.

14. Недѣля. Рано, передъ службою, приходили къ родителю старшина полковая и Турковскій господаръ зъ поздравленіемъ пріезду и зъ нами жъ купно пошлисмо до служби Божой, которую вислухалисмо въ теплой церквѣ святого вел.-мч. Димитрія. По службѣ булисмо у господина генерала лейтенанта Девеизбаха, которій ласкаве насъ принялъ и упросивши насъ на обѣдъ, на время отпустилъ до квартери, того ради что онъ еще мши не слухалъ своей. По отправѣ мши, генералъ прислалъ своего служителя къ намъ, прося на обѣдъ, и кушалисмо оній у его. А въ томъ часѣ Алексѣецъ зъ Ромна привюзъ коня верхового моего бѣлого. По обѣдѣ, до вечернего часу у его забавилисмося, при розних розго-

ворахъ, а потомъ пожехгнавши его, заехалисмо на квартеру и оттуду заразъ виехалисмо, и приехали на ночъ до Веприка, отъ Гадяча отстоящого въ 11 верстахъ, где въ дому сотницкомъ и квартиру имѣлисмо. Алексѣецъ ускаржался на Юска конюшого, которій ему руку висше локтя обрубалъ шаблею.

15. Понеделокъ. Рано зъ Веприка поехалисмо, а пріехали на обѣдъ въ село Комишѣ, отстоящое отъ Веприка въ 21 верстахъ, и у попа квартеру имѣлисмо. Пообѣдавши тамъ, поехалисмо и пріехали въ Ахтирку передъ заходомъ слонца, отстоящую отъ Комишовъ, якъ бы въ 35 верстахъ, або мало меншъ, и стали квартирою на предмѣстѣ, у лѣвомъ кутѣ. Петро Воротелякъ, напередъ сюда въ Ахтирку присланний за кватирою, посиланъ былъ до полковника ахтирского отъ родителя зъ поздравленіемъ. Казѣмирецъ, машталѣръ, утекшій зъ Куцупѣевщинѣ, явился еще у Комишахъ родителевѣ зъ супдѣкою, жебы ему рѣчи его были вернени, въ чомъ и листъ своего нинѣшного пана Василя Осипова, ротмистра ахтирского полку, до родителя жъ писанный, вручилъ.

16. Вовторокъ. Рано булисмо у князя Михайла Михайловича Галѣцина и поклонъ ему отдалисмо, которій ласкаве принялъ насъ, а засталисмо тамъ штапъ офѣцеровъ немало, зехавшихся для нѣкоторого своего интерессу имъ. Да туда жъ при насъ пріймотъ Алексѣй Бибиковъ, мануфактурколегіи прокуроръ, пріехавшій зъ С. П. бурха до князя зъ обявленіемъ о смерти імператорской и присягами на вѣрность ея величеству. Обѣдалисмо у князя всѣ и подпіяхомъ. П. Михайло сумскій пріехалъ зъ Сумъ и тутже былъ, а сказовалъ себе слишавшаго отъ п. Андрѣя Полуботка тое, что будто п. полковникъ сумскій преставился, що однакъ не достовѣрно. Отъ княжихъ извѣстилемся, что въ Гилянъ наряженъ коммендиромъ Димитрій Федоровичъ Яропкинъ, полковникъ Нарвского полку, и съ нимъ еще два: штапъ офѣцеръ и другій оберъ офѣцеръ. Отехалисмо отъ князя всѣ разомъ, родитель же поехалъ просто на квартеру свою, а я заехалемъ до Василія Петровича Шереметева полковника зъ полковниками Ролондомъ, Гроковимъ и Бибиковимъ, и тамъ не бавлячись, на свою пріехалемъ квартеру. Полковникъ ахтирскій и Бибиковъ,

у его дому квартирующій, обидва Алексѣи, просили на завтрейшній день тезоименитства своего къ себѣ, чого ради и удержалисмося. Леско сторожъ пріехалъ зъ Ромна зъ писмами войсковой енер. канцелляріи, асаули полкового и комисаровъ полковихъ, о виститченню провіянту и фуражу двомъ ротамъ, по ордеру оной канцелляріи, на полкъ лубенскій опредѣленнимъ, писанними и что хоружій Корсунъ пріехалъ зъ Глухова безъ резолюціи колежской на нужди полковіе, за которими туда билъ посиланъ.

17. Середа. У князя рано былисмо и кагве напившись, пошлисмо до церкви. По службѣ Божой, князь, княгиня и прочіе полковники армейскіе и мы кушалисмо у полковника ахтирского Алексѣя Лесевицкого, для его нинешнихъ іменинъ, а по обѣдѣ опровадилисмо князя въ домъ его и пожекгналисмо, а пожекгнавши, заеуалисмо знову до полковника и тамъ мало посидѣвши, отехали, а мимоездомъ у полковника Василія Петровича Шереметева билисмо и нѣмало не бавлячись, къ своей поехалисмо квартерѣ, а недоиждждаючимъ намъ оной, настиглъ насъ п. полковникъ ахтирскій и купно зъ нами пріехалъ, а после его къ намъ же пріѣхали Максимъ Тимофѣевичъ, духовниковъ синъ [1]), Василь Даниловичъ, ротмистръ полку ахтирского подпрапѣрнихъ товарищей, которіе всѣ долго просидѣли у насъ и зъ тими всѣ ми гараздъ подпіяхомъ.

18. Четверъ. Рано виехалисмо зъ Ахтирки назадъ и пріехавши къ яру, оставилисмо дорогу до Комишей идучую, а взяли у право, на гору, у самомъ яру, къ Олешнѣ и Лебедину лѣсомъ. Виехавши зъ лѣса на горѣ, пріехалисмо къ селцю, прозиваемому Чортовка, которое отъ Ахтирки будетъ у милю, и оное въ лѣвомъ боку отъ насъ было. Минувши оное селце, пріехалисмо въ городокъ прозиваемый Олешню, отъ помянутого селця якбы у полъ милѣ отстоящій; но и тамъ не зостановляючись, поехалисмо просто до Лебедина, отстоящого отъ Олешнѣ якбы у полтретѣ милѣ, а пріехавши туда въ обѣдную годину, сталисмо въ дому сотничомъ и обѣдалисмо. По обѣдѣ виехавши оттуда, пріехали въ Ми-

---

[1]) Т. е. Надаржинскій, см. выше стр. 178.

хайловскихъ належачое, а въ разстояніи отъ оного обрѣтаючееся въ милю, и тутъ ночовалисмо. Староста тутейшій въ розговорѣ сказалъ, что сего году зъ сего селця вибрали збору зъ тягла грошей 30 рублей, въ годъ горѣлки куховъ 5 вишинковалось; овецъ тутъ болше 2000, скотини на 400, зъ коней стрижчатъ есть тилко на 80, а 18 здохло отъ лѣта до сего году.

19. Пятокъ. Рано зъ Грунки віехалисмо и степомъ все ехали; не доѣжджаючи слободки Семіоновки Корсаковой, въ степу найдуючойся, а отъ Грунки отстоячой якъ би миль у полъ 3, оставилисмо шляхъ до Коровинецъ идучій и взяли влѣво степомъ, и поузъ оную Семіоновку ехалисмо, а оттуду степомъ ажъ до самого Ромна пріехалисмо, куда отъ Семіоновки будетъ миль болше двохъ, и пріехалисмо по полудни уже. Писмо отъ п. Михайла Скоропадского получилемъ, въ которомъ обявляетъ, что указъ ея величества въ колегіи полученъ о отпечатеваніи дворовъ всѣмъ арестантамъ, чего ради и онъ, купно зъ прокуроромъ, въ Сорочинци едетъ, а зъ Смѣлого пишетъ, по якому писму и жена моя писала до моего швакгра п Андрѣя, жебы ехалъ въ Чернѣговъ къ дому своему. Отъ Василя господара полученъ листъ, въ которомъ, между иншими інтерессами, обявляетъ, что въ Тулиголовахъ купчіе нинѣшнимъ статтемъ побрани у продавцовъ. Извѣстилемся, что горѣлки оковитой 2 кухви зъ Сухоносовки сюда привезено, которой било вѣдерокъ тутейшихъ 32 вѣдерки и 3 кварти, пересипано оную въ барила. Засталемъ свою жену болѣзнуючую на уши, же мало слишитъ.

20. Субота. П. Минѣцкій, писаръ пол. нѣжинскій, въ Роменъ пріехалъ. Тарасъ въ Лубнѣ и далѣ, а Гаврило въ Нѣжинъ отправлени. Тарасу на овесъ для коней далемъ зол. 10, а Гаврилу на покупки талярь 20. Демянъ за огурство свое, посаженъ за друкъ. Шапку далемъ шить себѣ зъ чорного аксамиту и баранковъ 2 чорнихъ. Зъ Сулаку отъ Гамалѣи до родителя писмо, въ якомъ виражаетъ о 60 козакахъ, тамъ же умершихъ. Барма слугамъ данна, Алексѣйцю, Демяну Гаврилу, Роману, Мартину и Василю господару, Леску Кухару карунъ и 15 зол., Тарасу ка-

рунъ и 10 зол. Вѣжевскому сукно и 10 зол., Петру Кухтику сукно и 3 зол. Машталѣрамъ лутшимъ сукно и по 5 зол., подлѣйшимъ габи и по 4 зол. Коваль сторожъ, до п. Андрѣя швак гра посиланній, зъ вѣдомостю объ отпечатаваніи ихъ имѣнія, повернулся и сказалъ, что п. Андрѣй мѣлъ ехать черезъ Глуховъ въ Чернѣговъ. Тарасу данъ рецептъ въ аптецѣ взять лѣкарства числомъ 3 штуки: 1, ole. amigdal., декоктъ и пѣлули, которіе въ моемъ дефектѣ, прежде пявокъ, употребляются.

21. Неделя. Демянця освободить казалемъ и по утренѣ упомянулемъ и о нѣкоторихъ рѣчахъ допросить его казалемъ Якову. Демко Пиндюренко зъ Глухова .пріѣхалъ и коня привюлъ бѣлоногого дрикганта, вороного, да онъ же привюзъ желѣза 5 штабъ и шкуру. А въ листѣ господаръ пишетъ, что въ колегіи освobожено колодниковъ 118 чловѣкъ, по указу ея величества, въ оной колегіи 15 марта полученному. Романъ зъ шапками (которіе той же Пиндюренко привюзъ) и другими рѣчами посланъ бувъ въ Глуховъ, але стрѣвши Демка, вернулся. Будискій чловѣкъ подалъ мнѣ доношеніе, просячи о приверненне ему коня, якого у его взято у Лохвицѣ, когда его съ ворами поймали. Обѣдали у родителя зъ жен. и мужеского пола, на двохъ столахъ. Корсунъ, хоружій, домой отехалъ, а Слюзенко пріехалъ въ Роменъ зъ Сенчѣ, где Криштопенко сотникъ небилицѣ многіе якоби дѣлаетъ. Данило татаринъ въ вечернѣ пяній показался, и за то посаженъ у куну. Писма всякіе пересмотрувалемъ и на реестра зводити оніе казалемъ, п. Семену Минѣцкому и Хмелику. Зъ колегіи присланъ указъ зъ приложеніемъ печатного указу ея величества, въ якомъ виpаженно, арештантовъ, чили рачей колодниковъ, зъ подъ арештовъ освобожать всякихъ, опрочъ убійства, возмущенія народного и ізмѣни. Писмо отъ Кашири, дворника криворудского, получилемъ о тамошнихъ непорадкахъ и зъ скаргою на Булавина. До его жъ отписалемъ указомъ, утверждаючи его, а до Тараса и Плетюнки писалемъ, жебы они зехавши у футоръ, поклейнали лошакѣ и похолощали и кобили на кущѣ роздѣлили бы. Салдатъ отъ прокурора зъ Сорочинецъ проехалъ, почту для его розставляючи.

22. Понеделокъ. Отъ енерала Девейзбаха писмо зъ дракгуномъ прислано до родителя о покупцѣ вина кримского, для его росходу. Кунтушъ новій, чорній, мнѣ покраяно. Шапку новую шить далемъ и на оную два баранки чорнихъ и на вершокъ чорній аксамитъ.

23. Вовторокъ. Прокуроръ Михайло Семеновичъ Хрущовъ, ездившій въ Сорочинцѣ знимать арешту зъ дому полковника миргородского, а при немъ Михайло Скоропадскій, поворочаючись оттуду, пріехали сюда въ Роменъ, на обѣдъ. Указъ вновъ зъ собранія енералного суда, въ колегію принесеній, у нихъ же видѣлемъ, въ якомъ виражено: 1, енералнимъ — судіи Чарнишу, писару Савичу, асаулѣ Жураковскому, бунчучному Лизогубу и женѣ зъ дѣтми Полуботковимъ, хотя надлежало по ихъ винѣ такое учинить наказаніе, чтобъ ихъ зъ женами и дѣтми заслать въ Сѣбиръ въ (с)силку, а имѣніе все движимое и недвижимое взять на ея величество, однакъ ея величество ради поминовенія блаженной памяти его імпер. величества и для своего многолѣтнего здравія, пожаловала ихъ и все имѣніе имъ возвратить велѣла, (кромѣ червоннихъ и ефимковъ, которіе въ росходѣ уже, и лошадей), но жить имъ безиздно въ С.П.Бурху, и съ тогожъ имѣнія двори себѣ тамъ подѣлать, и впредъ имъ не писать сюда нѣ до кого, ниякихъ писемъ, кромѣ въ господарскихъ чили домашнихъ дѣлахъ. 2, Полковнику миргородскому Апостолу, яко въ меншомъ оказавшомуся преступленіи, тамъ же жить безиздно, толко едного зъ синовъ своихъ посилать сюда въ Украину для осмотренія своего господарства. 3, Корецкому, наказному пол. старод., Кгребюнцѣ, судіи гад., Кирпичу, асаулѣ переясл., и Валкевичу — удержатись еще въ С.П.-Бурсѣ до указу. 4. Покорскій сосланъ въ силку въ Архангельскій городъ, где по гривнѣ давать ему на день денегъ. 5. Ханенку быть учителемъ въ гварнѣзонской школѣ дѣтей офѣцерскихъ и салдацкихъ. Обѣдалъ у насъ прокуроръ и п. Михайло, а (я) у ихъ квартери до 11 год. просидѣлемъ. Орановскому далемъ 50 зол., да онъ же купилъ мнѣ спалню бѣлую за 2 зол. Іванъ Перехристъ бувъ, которому шинкаръ мой довюлъ, что онъ до Сумъ взялъ грошей 20 таляръ, опрочъ чеховъ зъ шагами, на отмѣну даннихъ.

24. Середа. Рано прокуроръ отехалъ въ Глуховъ, а прежде о сенецкомъ сотнику розговаривалъ. Родитель отехалъ въ Бубни, для пріуготовленія себе къ причастію. П. Минѣцкій отехалъ въ Глинскъ. П. Михайло Скоропадскій до своей невѣсти, дочери п. полковника миргор., далъ писмо, которое зъ двома писмами отъ родителки до п. полковниковой, а отъ мене до полковниченковъ писанними, писалемъ. Цилюрику Ходецкому еще за хлопця цилюричка далемъ 5 зол. Демянцеви, за прошлій годъ и за сей, сукна и 65 зол., далемъ черезъ Якова. Термѣни амплѣфикаціи, до всякой рѣчи служачіе, зискалемъ: 8 absolutos, 8 relatinos и по онихъ, на кшталтъ казання на страсти короткого, діялектомъ латинскимъ скомпоновалемъ. У лазнѣ милемъся.

25. Четверъ страстній, Благовѣщеніе. Отправленъ Демко Пиндюренко въ Глуховъ и черезъ него: 1) послано сукна господару, 2) а писано къ нему, чтобъ онъ взялъ къ себѣ грошей 12 зол., Вовдѣ далъ 10 зол. а сукно мѣетъ прислатись, а ключнику за все 20 зол. да 3) бутилки послани къ ему, которіе велено поросплѣтовать знову Сварковскому, а вновъ плести лутше, и нѣмецкая одна для образца послана; 4) да черезъ его жъ Діомка, послана лилѣя бѣлая и прочіе и велено ему тое все посадить въ Сварковѣ. А листъ пунктами написанъ, пунтовъ въ немъ болшъ 10. Составилемъ перемѣни, зъ якихъ бы дѣлать всякую амплифѣкацію и оніе въ книгу уписалемъ, которихъ числомъ 29. Родитель зъ Бубновъ, где коммунѣковался, повернулся въ Роменъ. Якову далемъ кунтишъ свой старий, легкій, мастю рудий. Демянъ на допросѣ давнемъ подписался. Указъ зъ колегіи, на імя мое написанній, врученъ мнѣ, о томъ, что лубенского полку два чловѣка, гусаръ и другій роменскій чили глинскій, освобожени зъ подъ караулу, по указу ея величества, а ихъ бы пустить тутъ, взявъ поруки по формѣ, которую прислано при томъ же указѣ сюда. Федоръ Івановичъ Протасіевъ у С.П.Бурсѣ померъ, по причастіи, якъ сѣлъ книгу честь и будто кинуло его заразъ и духъ вонъ.

26. Пятокъ. Слово о страданіяхъ Христовихъ слагалемъ Родитель на око лѣвое заболѣлъ, которое начало кграти. Гаврило

пріехалъ зъ Нѣжина, а привезлъ соку лимоніового бѣлого и чорного по барилцю, тютюну 8 окъ, имбричокъ малий, соломоняку и цѣни, и на тое розійшлося грошей даннихъ ему 60 зол. и 7 зол его собственнихъ. Онъ же привезлъ писма отвѣтніе отъ п. полковниковой нѣжинской и п. Якова швакгра, поехавшого въ Чернѣговъ.

27. Субота велик. Слово вчора компонованое докончилось. Коммунѣковался. Алексѣеви кунтишъ темнозелений, а Гаврилови кафанъ старий, штофовій далемъ. Тарасъ повернулся зъ Лубенъ и привюзъ лѣкарства зъ аптеки, 6 штукъ, и за оніе належитъ въ аптеку заплатить 3 рублѣ и копѣекъ 93. Зъ Глухова прибѣгъ коберникъ зъ писмами Бяловского и господара, въ которихъ обявляетъ, чтобъ прислано зъ дому родителского денегъ въ коллегію 500 р., будто неслушне забратихъ Завратинскимъ, Леонтіемъ и Занковскимъ, за що и взятъ бувъ за караулъ господаръ, але на поруки отпущенъ. Грошей на всякіе росходи Вѣжевскому далемъ 40 зол., да лихихъ придалъ къ тимъ Мартинъ болшъ 10 зол. Пилипови далемъ грошей 2 зол. а бондарямъ, робившимъ барила. чтиромъ, по золотому. Въ Сорочинцѣ посиланній козакъ повернулся зъ отвѣтами къ прокурору и мнѣ отъ полковниченковъ миргородскихъ до родителки и пана Михайла Скоропадского, отъ п. полковниковой миргородской, до его жъ отъ невѣсти его. Караулъ знятъ зъ двора Полуботкового.

28. Неделя. Воскресеніе. Зъ поздравленіемъ къ родителю и ко мнѣ приходили панове старшина полковая. Обѣдалисмо и домашніи всѣ, сожители честнѣйшіи, въ столу сидѣли.

29. Понеделокъ свѣт. Духовенство и старшина здешняя и всѣ значковіе, и мѣщане кушали у насъ и подпіяхомъ. Нестеровичъ у мене просидѣлъ до вечерни, а по вечерни уснулъ. Отъ п. Минѣцкого получилемъ листъ зъ поздравленіемъ.

30. Вовторокъ свѣт. Заборовскій Федоръ, зъ своею сожительницею, нриехалъ сюда зъ повѣншованнемъ. Отъ п. Андрея швакгра писмо принесенно, въ которомъ о своемъ пріездѣ сюда, на фоминой неделѣ мѣючомъ быти, и о протчемъ поволенню своемъ, въ переездѣ своемъ черезъ Глуховъ и въ Чернѣговѣ, обявляетъ. Во-

нѣтовалемъ тяжко, но укрипился при вечери, когда отецъ Юс)ъ(?) пріехалъ.

31. Середа. Прапорщикъ Волжинъ, ездившій по сотняхъ за присягами, повернулся въ Роменъ. Леонтій економъ отправленъ въ Глуховъ въ інтерессѣ родителскомъ, что 500 р. колегія доправляетъ прежде собраннихъ, по указу сенатскому съ 1723 году, черезъ Володковского принесенному на родителя. Черезъ его писалемъ до ясневелможной, п. судіиной енер. и п. Михайла Скороп. и листи зъ Сорочинецъ къ нему присланніе послалемъ. Гаврило посланъ въ Чернѣговъ, которому на дорогу 2 зол. дано, а черезъ него послани писма до старой тещи и до швакгровъ и вина 4, а водки 3 бутилки. Орановскій поехалъ въ Коровинцѣ и черезъ его до п. Андрѣевой швакгровой посланъ листъ и водки бутилка и вина 2 бутилки. Коберпику киндякъ данъ и полуштамету на верхъ и грошей копу. Онъ же отправленъ въ Глуховъ и зъ нимъ кущовъ сливъ и черешенъ 36 и рузокъ на щепи 46 розниxъ, и листъ до господара о розниxъ інтерессахъ. Глинскіе гостѣ пріѣхали и зъ нами были на Монастирищу; важилемся и заважилемъ въ сукманахъ, кунтушѣ легкомъ, 5 камень и 3 фунт.

Априль 1 четверъ. Началъ составлять о Воскресеніи Христовомъ повѣсть отъ евангелистовъ разнихъ текстовъ. Зъ колегіи салдатъ зъ указами пріехалъ о продажѣ хлѣба зборного. У п. асаула обѣдалисмо и подпіяхомъ, и зъ Савѣцкимъ въ бесѣдѣ прикрой.

2. Пятниця. Сенецкого сотника допрашовали, что онъ пашпорту себѣ данного, не показивалъ. Корсунъ, хоружій, пріехалъ и зъ привѣтомъ бувъ у мене. До отца ігумена мгарского отвѣтное поздоровленне послалемъ. Демко Пиндюренко пріехалъ зъ Глухова и 3 лошатъ пригналъ, и листъ отъ господара вручилъ, въ якомъ пишетъ, что въ ліодъ поставилъ 18 бочокъ пива и меду 2 бочки. На Демянкови казалемъ доправить доводячіеся гроши, болшъ 20 р., опрочъ тютюнниxъ, якиxъ всѣxъ будетъ около 7 р.

3. Субота. Плетюнчиха пріехала зъ Сухоносовки и привезла зъ собою полотна 3 сувои да плахотъ 4, и обявляла, что 40 коровъ дойниxъ у футорѣ. Яковъ отобралъ у Демянця облѣкъ на

24 р. и сказку о тютюнѣ. Яковъ поехалъ въ Смѣлое женитись на дочцѣ Кгресевой Микитисѣ, за которимъ до отца Самсона, городничого, писалемъ. За лѣкарства въ аптеку казалемъ Тарасови дать грошей 3 р. и 93 копѣйки; ему жъ ехать въ Сухоносовку, Кривую Руду и Перервинцѣ казалемъ и до управленяся нѣсколконадцять пунктовъ въ наказѣ далемъ. Прапорщикъ Волжинъ обѣдалъ у насъ и отехалъ въ Глуховъ, которому за интересъ высокій, за которимъ ездилъ, въ честь лошадь родитель подарилъ. Обозній Шаргородскій и протчіе попріездили. Атаманъ Калиновскій при Данилу Савуску и Остапу Бондарусю прийшовши, подалъ мнѣ суплѣку—вовся своего сина отдаючи мнѣ карлика.

4. Неделя. Лубенскій атаманъ бувъ у мене зъ привѣтомъ и протчіе. Обѣдали старшина у насъ вся, и подпіяхомъ. Тарасу всѣхъ грошей далемъ 50 зол. да два рубліовика сцѣлнихъ и габи 2 штучки, машталѣрамъ по габѣ и по 5 зол. Да съ сихъ же грошей заплатить въ аптеку, да еще, на що потребно будетъ, старостѣ Сухоносовскому.

5. Понеделокъ. Каретку господара Яснопольского, через Демка Пиндюренка, послалемъ въ Глуховъ и листъ къ ему жъ писанний. Через его жъ и до господара писалемъ о разнихъ пунктахъ да при томъ же и новий указъ ему выписалемъ, чтобъ онъ понеделно мене о пунктахъ, даннихъ ему въ наказѣ, репортовалъ, якіе исполнени и якіе ни, и чего ради. Старшина обѣдали приватно, всѣ зде. Старшина чорнуская писали до родителя о Янковскомъ, что онъ бранилъ матерно родителя и мене, и въ томъ приговорили старшина наказаніе учинить по артикуламъ. Ездилемъ зъ братомъ п. Семеномъ на Засулле и зайцѣ травили. П. Павловая лохвицкая пріехала зъ Лохвицѣ. Зъ Кіева отъ братовъ и Кивачицкого получилемъ писма повѣншователние настоящого праздника. Хлопецъ родителскій Андрѣецъ признался у столу, что грошей 7 зол. винялъ зъ скринки родителской потаемнимъ способомъ. Зъ колегіи салдатъ присланъ въ полкъ лубенскій доправить на родителю, въ колегію, денегъ 300 рублей и щось еще, будто отобраннихъ у зборщиковъ и за 240 пуд. тютюну.

6. Вовтор. Днѣстрови*) казалемъ дать и дано рубля. Обѣдалисмо у сотника наказного Савуска и передъ вечоромъ розійшлись. П. Павлова у насъ ночовала. Зъ Сумъ отъ п. Андрѣевой писма отвѣтніе и отъ п. Антоновой поприходили, зъ подякованнемъ за обсилку.

6. Середа. Схимникъ зъ монастира Рихловского пріехалъ милостини ради и обѣдалъ у насъ. Скосиръ, атаманъ чигириндубровскій, на своего сотника ускаржался и доносилъ о 4 селахъ називаючихся Кагамликахъ, имъ сотникомъ владѣемихъ, и 6000 зол. ратушнихъ, въ его дому незнатъ где дѣвшихся. Леонтій зъ Глухова писалъ до родителя о інтерессѣ, за которимъ посланъ, ознаймуючи, что початокъ добрій, и что стрѣтилъ прокурора и п. Михайла Скоропадского, поехавшихъ въ Сорочинцѣ, на веселле ему, п. Михайлу, зъ Параскевіею, дочерію п. полковника миргородского, мѣючее чинитися. Отъ сотника вепрецкого и Балясного принесенъ листъ, въ якомъ обявляетъ, что они въ Хоролъ пріехали розискивать въ заводѣ хоролціовъ зъ футорянами нашими и чтобъ туда, на розискъ, въ присутствіе отсюду родитель отъ себе кого послалъ, до которихъ отписано, чтобъ имъ въ Лубнѣ зехать и тутъ дѣлать тотъ розискъ надлежащимъ порадкомъ. Отъ брата п. Андрѣя слуга пріехалъ зъ листами къ родителямъ и ко мнѣ, въ якимъ листѣ пишетъ, что господинъ брегадиръ за отосланніе собаки къ нему, благодаренъ и писалъ о томъ листъ зъ подякованнемъ. Родитель ездилъ на Засулле до пасѣки, а у мене по вечернѣ старшина были и просидѣли нѣкоторое время. Присланъ указъ зъ вой. енер. канцелляріи до родителя, предлагаючій, жебы присланна была зъ полку лубенского вѣдомость—въ поготовости козаки въ Гилянъ обрѣтаются ли.

8. Четверъ. Ездилемъ у пасѣку засулскую, где и своей пчоли видѣлемъ 27. У лазнѣ былемъ, а родители ездили за Сулу и забавились допозна Роману молодику отъ службы отказалемъ. Да татаринъ, при дворѣ тутъ бывшій, поехалъ зъ схимъникомъ въ Рихловскій монастиръ зъ таковимъ обявленіемъ и намѣреніемъ тожъ ему быть тамъ монахомъ.

9. Пятокъ. Пасѣчника хмѣловского уговорили до моей пасѣки за 6 копъ и свиту. Столповскій приходилъ просить на зав-

трейшій день къ себѣ на веселле. Зъ Глухова листи принесени до родителя о томъ, что непремѣнно требуютъ зъ колегіи въ оную заплатить близко 500 р. Гаврило пріехалъ зъ Чернѣгова зъ листами отъ швакгровъ и ланцужокъ у 40 червонихъ нашъ, въ арештѣ бывшии, привезлъ, и обявилъ, что караулъ зъ двора Черниговского (т. е. Полуботка) знятъ у суботу страстную, прошедшого марта 27. Табулу составилемъ коней еждгалихъ.

10. Субота. Скарга отъ п. Нестеровича показалась на Архипа Леска кухара, и Дениса шинкара, что они нѣякуюсь женщину били жестоко, которіе за то посажени теперъ въ турму. Обѣдалисмо у отца протопопи Савѣцкого, где веселле Столповского началось. Отъ госцодара Василя принесенъ листъ подъ датою 8 апр., въ якомъ ознаймуетъ, что отъ тютюнника калюжновского отобралъ тютюну и зложилъ подъ шопію папушъ 12939, а въ нихъ ваги будто каменей 285, а выходитъ въ камень по рахубѣ 460 папушъ и 171 папушъ лишніе. Да въ томъ же листѣ и допросъ Юрченка виразилъ, что Демянъ продалъ горѣлки 20 вѣдерокъ, оковитой, у Сулаку по 4 р., якая тамъ тогда продавалась по полъ 6 р.

11. Неделя. Нижникъ Василь, пріехавши зъ Сухоносовки и Чернухъ, сказовалъ, что атаманъ чорнускій у Каната въ селѣ Сухоносовцѣ сторговалъ на мене садъ его за 60 зол. Онъ же говорилъ, что старостиха бившая лучанская Гарпина Опанасиха прошлой суботи 3 апр., зъ допущення Божого, учинилась бѣсноватою. На веселлю Столповского былисмо, которій понялъ въ малженство себѣ дочь небожчика Григорія Манжоса.

12. Понеделокъ. Лѣкарство pulverem purgantem mij и gran нѣсколко принялемъ и доволную ляксацію имѣлемъ. Отъ атамана чорнуского Звѣраки писмо принесено, черезъ козака тамошнего Григорія Николаева Лисянского, въ которомъ обявляетъ, что сторговалъ у Каната садъ намъ за 60 зол. Пересмотрувалемъ книгъ которихъ въ дорогу вибралемъ числомъ 50, а имъ реестрикъ составленъ есть. П. Демяновая журавская [1]) пріехала. Архипъ, шинкаръ

---

[1]) Жена Демьяна Якубовича, жившаго въ м. Журавкѣ.

Денисъ и Леско кухаръ наказани кіями за свою предерзость. Пасѣчника другого уговорили за тую жъ цену, 6 копъ и свиту, и задатку дали копу.

13. Вовтор. Кровъ зъ головной жили правой руки пустилемъ. Черезъ того жъ чорнуского козака до Звѣраки отписалемъ, жеби на садъ тотъ купчую прислалъ мнѣ, а на задатокъ послалемъ къ нему 20 зол., а 30—жеби староста сухоносовскій доплатилъ. Орановскій по справкѣ зъ Денисомъ, шинкаремъ тутейшимъ роменскимъ, росписку ему далъ и отъ его таковую жъ взялъ, что онъ виноватъ мнѣ еще зостаетъ 296 зол. и шостакъ, опрочъ двохъ варовъ пива теперъ ему пущенныхъ у 60 зол.

14. Середа. Родитель поехалъ на футорѣ для осмотру господарства. Орановскій по справкѣ зъ Ілкомъ Важниченкомъ показалъ тое, что онъ взялъ грошей на покупку тютюну и табаки, рознимъ часомъ, 509, а отвернувши 15 зол., вагового, еще на ему остается грошей 19 зол., а тютюну куплено каменей, „—“, а табаки каменей „—“. Орановскому даровалемъ пару коней бѣлихъ, которими бивало онъ ездитъ. Взялемъ у самой грошей еще 50 зол., въ дорогу. Дрикганта бѣлого оставилемъ оъ Ромнѣ, чтоби билъ схолощанъ. Родителка образокъ Хреста Господняго и Пресвятой Богородици даровала мнѣ. Передъ вечоромъ виехалемъ зъ Ромна къ Глухову, а пойшло со мною коней 12. Пріехалемъ у Смѣлее позно, и билемъ въ господѣ Якова Дуброви, которій теперъ понялъ себѣ за жену вдову доб.(родія?) Григорія Кгреся. Извѣстилемся, что вчорайшого дня переехалъ прокуроръ и п. Скоропадскій зъ своею женою черезъ Смѣлее. Въ Ромнѣ еще отправилемъ до п. Семена 3 прошки purgantum sudorifenum et cordialem albam, зъ информацѣею, якъ ихъ заживать, а въ Ромнѣ оставилемъ два родителцѣ purgan. et cord. alb. Трещѣ засъ, на кольку хоруючому, оставилемъ spermaceti. Зъ Ромна едучи, близъ Процювки зъ отцемъ Савѣцкимъ застановилемся и дещо розговорувалося.

15. Четверъ. Дощъ, якъ началъ зъ ночи ити, то до полудня ишолъ хорошій. Стрелцямъ тромъ наготовитись въ дорогу, а не чтиромъ, казалемъ Якову. Поехалемъ зъ Смѣлого и пріехалемъ

на обѣдъ до Грузкой, а по обѣдѣ оттуду поехавши, пріехалъ къ перевозу передъ заходомъ слонца, где Грабовскій и компанѣйскій асаулъ случились со мною. Перевозились черезъ Сеймъ полтори години, а пріехали въ Мутинъ уже ночной добы.

16. Пятокъ. Зъ Мутина отправленъ козакъ Роменскій въ Роменъ, черезъ которого писалемъ до жени своей о своемъ прибуттю въ Мутинъ и ps.—о нѣкоторихъ интерессахъ, полѣценнихъ до справлення Мартинови. Поехавши рано оттуду, приехалемъ, передъ полуднемъ, въ Тулиголови, где 1) засталемъ въ імбарѣ горѣлки полъ-4 куфи; 2) салъ 2; 3) шинкарь тулиголовскій 2 пчоли купилъ за 7 зол; 4) отобралъ у Лозовского Романъ зол. 70, должнихъ за позиченніе Юрченкомъ у Сулаку; 5) свиней старихъ 60, подсвинковъ 40, поросятъ зъ 50. Поехавши оттуду, пріехалемъ позно у пасѣку Уздицкую, буде миль 2, где пчоли по лѣчбѣ на точкахъ показалось 184, а 6 въ погребѣ пало, але и змежду сихъ болшъ 20 будетъ худихъ Зъ пятка на суботу, въ ночѣ годин: „—“, родился въ Ромнѣ синъ мой Семенъ.

17. Субота. Рано, у квартерѣ, Івана Степановича Бранчанина видѣлемся и просилемъ его о людяхъ моихъ уздицкихъ, чтобъ ихъ защищалъ. Поехавши зъ Уздицѣ рано, пріехалемъ до Калюжновского млина, где въ шинку Перехриста незасталемъ, поехавшого вслѣдъ за якимсь паробкомъ, бывшимъ у его и обокравшомъ его и утекшомъ. Въ футорѣ Калюжновскомъ былемъ и увѣдомилемся что 16 четвериковъ жита въ ямѣ тамъ есть и что цѣлину, облугъ, на просо виорано. У Сварковъ на обѣдъ пріехалемъ, куда потомъ и отецъ Островскій пріехалъ. Войту о закупкѣ млиновъ княжихъ и о покупкѣ сѣна говорилемъ. Пріехалемъ у Глуховъ и былемъ у п. судіиной, немошествующей на кашель. Леонтія Янковского, будто въ інтерессномъ дѣлѣ, привезено въ колегію. Господаръ Василь донеслъ, что Юрченко взялъ грошей 99 р.

18. Неделя. У ясневелможной рано былемъ, а по службѣ, и на обѣдѣ, где брегадиръ, прокуроръ, сотникъ Мануйловичъ зъ женами были и обѣдали. По обѣдѣ былемъ у прокурора и до ночи просидѣлемъ. Савѣцкій Стефанъ и сотникъ сенецкій Криштоповъ

пріехали въ Глуховъ тожъ позивать мене якобы, а сей отъ походу отпрашуватись.

19. Понеделокъ. Получилемъ зъ Ромна вѣдомость, что синъ мнѣ родился Семенъ. Черезъ Лесковего, сина сторожа роменского, писалемъ, въ Роменъ до родителей, сожительници моей и до Якова о розныхъ дѣлехъ и о приборѣ въ походъ. Зъ князем Четвертенскимъ и п. Стефаномъ Миклашевскимъ видѣлемся. Обѣдалисмо у брегадира всѣ и до ночѣ прогуляли, а въ ночѣ были у прокурора и позно розехались. Привезени зъ Ромна статуи числомъ „—“ и отослани въ Сварковъ.

20. Вовтор. У п. судіиной енер. былемъ, где и ясневелможная изволила быть. Ясневелможная дала моей женѣ перстень зъ изображеніемъ Пресвятой Богородици, и писма къ ней и къ родителю казала написать. Гаврило зъ зваромъ родиннимъ посланъ въ Чернѣговъ, до швакгровъ и тещи. Обѣдалисмо у сотника глуховского. Ездилемъ до огорода Бѣлополовского, где липину и кленину казалемъ по поясъ поурѣзовать, а оттуду заехалемъ до Сухарева и тамъ мало посидѣвши, пріехалемъ домой. Началемъ лѣкарства весняное заживать, прежде пявокъ.

21. Середа. Отправленъ козакъ зъ узваромъ пріездившій, чили рачей зъ листовною вѣдомостю о сину моемъ, въ Роменъ и черезъ его писма, отъ ясневел. и отъ мене до родителей и жени моей, послали и перстень отъ ясневел. Іванъ, Кгузенковъ зять, посланъ зъ писмомъ и бутилкой водки до п. Григоріевой Журавковой, въ Новгородокъ. Денегъ Юрченко привюзъ 101 р., а передомъ далъ господареви 99 р., итого 200 р., зъ которихъ взялемъ у его и у господара 150 р. до себе. 2 куфи горѣлки онъ же Юрченко привюзъ зъ Каменя, зъ которихъ сего жъ часу куфу и дано Грицку Перехристу на вишинкъ. П. Нестеровичъ зъ Ромна пріехалъ зъ узваромъ до ясневел. и до господина брегадира, у которого и былисмо. Бранчинъ былъ у мене и просилъ о сѣножатѣ Уздицкой. Стаховичъ обѣдалъ и ночовалъ со мною.

22. Четверъ. Обѣдали: п. Павлова, Островскій и Бяловскій, а п. Несторовичъ отнюсши къ ясневел. узваръ, тамъ и обѣдъ ку-

шалъ. Зъ Ромна старшина нѣкоторая пріехала зъ денгами въ колегію, за медъ зборній проданний собранними. П. Михайло Скоропадскій зъ своею женою поехалъ въ Нѣжинъ. Ночовалъ Стаховичъ со мною. Былемъ у ясневел. у вечеру.

23. Пятокъ. Листъ до родителя посланъ зъ прошеніемъ о посланню передомъ въ Царичинъ чловѣка якого для уготовання судна волного. Архипу поздавани всѣ рѣчи потребніе въ походъ. Обѣдалъ у насъ п. Стаховичъ, п. Нестеровичъ, попъ Островскій и Бяловскій. Зварили пива варъ. Ездилелъ въ городъ и зъ п. Левенцемъ посидѣлемъ, а мимоездомъ видѣлемъ сенецкого сотника и Савѣцкого, подъ дворомъ войсковимъ сидѣвшихъ. Перестале́мъ брать пѣкгуловъ, передъ пявками принимаемихъ.

24. Субота. Пявки приставлялемъ къ мѣстцу геморгоидалному. Савѣцкій и сенецкій сотникъ были у брегадира и жаловались въ своихъ претенсѣяхъ. Обѣдали у мене хоружій пол. нѣжинского, Троцкій и Стаховичъ. Савѣцкій зъ Сенецкимъ, бувши тутъ у мене, примиреніе получили. У п. судіиной былисмо зъ п. Несторовичомъ, по вечернѣ, и, посидѣвши мало, восвояси отишлисмо.

25. Неделя. Обѣдалисмо у ясневолможной, где и господа копеисти были и кушали. Получилемъ писмо отъ сожительници своей, въ которомъ обявляетъ, что къ прійдучой неделѣ актъ крестинний синови нашому отложенъ. П. Федоръ дядько пріехалъ зъ Прилуки. Стаховичъ ночовалъ зъ нами.

25. Понеделокъ. Сторожъ чорнускій отправленъ зъ листами до родителя, семи моей и Якова Дуброви. Обѣдалисмо у ясневел. зъ п. Федоромъ, а по обѣдѣ у Левенца были. Гаврило зъ Чернѣгова повернулся зъ писмами отвѣтними швакгровъ моихъ, въ якихъ о своемъ пріездѣ обявляютъ, и что зъ тещею мѣютъ роздѣлатися. Сотникъ сенецкій и Савѣцкій были у мене рано и сенецкій получилъ у мене писмо, за собою до родителя писанное о походѣ. Несторовичъ (черезъ которого писалемъ до родителя, цедулою, о розговорѣ нашемъ, бывшомъ зъ п. Федоромъ объ уступцѣ нѣкоторихъ добръ родителеви), сенецкій сотникъ и Савѣцкій поехали въ Роменъ. Ездилемъ до брегадира и тамъ позабавившись, до дому позно

пріехалемъ. Попъ Островскій пяній приходилъ до насъ и тутъ, по своемъ достоинству, трактованъ былъ де-чимъ. Посланъ указъ въ полкъ лубенскій о прибытіи сюда родителскомъ и протчей старшини.

27. Вовтор. Рано зъ Калюжненками приходилъ ко мнѣ канцеляристъ Романовичъ, требуючи отъ мене отвѣту на ихъ чолобитте. Былемъ у правителей и о томъ розговарилемъ, гдѣ и Олховского, зъ С.П.Бурху пріехавшого, видѣлемъ. Да зъ нимъ же Чернѣцкій Петро пріехалъ зъ Москви, которій донеслъ, что вовна въ манѣфактури продалася, пудъ по 2 р. и по гривнѣ. У ясневелмножной кушалисмо и еи велможность опроводилисмо за городъ, ехавшую до Гамалѣевки. Надзиратель Прокопій Ігнатовичъ билъ у мене и посидя, отийшолъ. Зъ полковой нѣжинской канцеляріи пріехалъ Салогубъ зъ інструкцѣею о походѣ, чтобъ намъ выходить въ оній зд 25 априля, которому на тое отъ себе и росписку далемъ. Уже позно въ вечеру Стаховичъ Андрей, канцеляристъ, поехалъ въ Кіевъ. Николай злотникъ былъ у мене и говорилъ о шаблѣ покойного п. судіи прилуцкого, у его обрѣтаючойся. Розмѣняли пѣратинскіи медовие зборщики таляри мнѣ битіе по рублю талярь, а всѣхъ таляр. 158, змежи якими 2 надачи, а взяли рублей у мене 156 и теперъ, зъ давними талярами, всѣхъ талярь 165., и тотъ мѣшокъ запечатавши, вложилемъ въ шкатулку.

28. Середа. П. Федоръ дядко подарилъ мнѣ небожчика п. судіи прилуцкого шаблю, въ якой небожчиковского срѣбра 24 лоти и полтора золотника, а п. Федорового срѣбра 4 лоти безъ золотника. Опанасъ, бувшій староста лучанскій, пріехалъ зъ Москви и за гроши взятіе за вовну мою 6 пуд., привезлъ лѣкарства мнѣ штукъ 10, отъ лѣтери А до лѣтери К. Обѣдалъ со мною князь Четвертенскій и по обѣдѣ отехалъ. Андрей Еропкинъ, зъ Цариграда отъ господина Румянцова посланний въ С.П.Бурхъ, проехалъ Глуховъ. П. Федоръ дядко отехалъ въ Прилуку. Гудименко Грицко просилъся на службу ко мнѣ и послишавши о смерти отца своего, отехалъ въ Роменъ, черезъ которого писалемъ до родителя и до Якова о походѣ, и о сенецкомъ до род. Божко, сторожъ пѣратинскій пріехалъ зъ писмами отъ родителя и Якова.

29. Четверъ. Романъ, стар. тулиголовскій, бувши тутъ, сказалъ, что горѣлки есть 5 куфъ. Кутневскій бувъ рано и отехалъ. Ездилемъ въ канцеллярію енер. и тамъ зъ Іваномъ Максимовичомъ увидѣвшись, стехаломъ домой. Обѣдали у мене попи и Троцкій. Винялемъ зъ скринѣ на горѣ свѣчки восковіе, хустку зеленую и мѣшечокъ цѣномину повний. Ездилемъ въ городъ и билемъ у п. Левенца, оттуду въ колегіи, где зъ Лучинимъ, управителемъ почепскимъ, видѣлемся, и о водцѣ Максимовичу Федору, посланной отъ мене, разговарували, и отехалемъ домой, а тутъ въ церквѣ п. судіиной бувши, до п. судіиной зайшолъ и тамъ мало посидѣвши, отишолъ домой.

30. Пятокъ. Садовникъ и войтъ сварковскіе были; войтъ купчіе на огороди зъ собою привезлъ и отдалъ мнѣ. Подорожніе до Ахтирки и до Чернѣгова получилемъ. Бувъ у склепу и вина понасипалъ у одно пуздро и 1 бутилку. Виехалемъ зъ Глухова до Гамалѣевки и пріехалемъ по заходѣ слонца, и тутъ ночовалемъ.

Май. 1. Субота. Александеръ і Михайло, слуги панеи, ездившіе до Ямполя въ інтерессѣ панскомъ, сказали, что видѣли тамъ брегадира и протчіихъ колеистовъ, туда жъ ездившихъ за скарбомъ, будто винятомъ отъ простого человѣка, але нѣчого незискавши, назадъ вернулись. П. Василь Романовичъ былъ у Гамалѣевцѣ и со мною видѣлся. Поехалемъ оттуду и пріехалемъ въ Глуховъ, где пана Андрѣя швакгра, пріехавшого зъ Чернѣгова, засталемъ. Ездилемъ до брегадира и просилемъ его въ Роменъ на крестини.

2. Неделя. Билъ у брегадира и оттуду до церкви поехали. Едучи до церкви въ каретѣ зъ правителями, видѣлемъ листъ Милорадовича, въ якомъ онъ зъ Сулаку, 10 марта, обявляетъ—о непомислномъ тамъ своемъ пребываніи. По службѣ Божой, зъ брегадиромъ былемъ у прокурора, где брегадиръ обѣщался поехать въ Роменъ, на крестини, быть воспріемникомъ сину моему. Отправилемъ черезъ лубенского сторожа писма, въ Роменъ, до родителя и сожителници, о прибитіи ясневел. и брегадира, и до Петра Петровича, и п. Скоропадского, о ихъ прибуттю туда жъ. Буйволъ чудеса дѣлалъ.

3. Понеделокъ. Ездилемъ до Сваркова, где указалемъ, якъ еренжерей дѣлать. Пріехалемъ на обѣдъ въ домъ и обѣдалисмо зъ п. Андрѣемъ, швакгромъ, и Бяловскимъ. Былемъ у прокурора и просидѣлемъ до вечора и его жъ увенеровалемъ отъ швакгровъ. Демянъ пріехалъ зъ Гамалѣевки, отъ ясневелможной, и сказалъ, что завтра будетъ въ Глуховъ сюда, а отсюду мѣетъ въ четверъ виехать, зъ Глухова, на ночъ въ Мутинъ. Зъ паномъ Андрѣемъ, швакгромъ, разговаривали о своемъ интерессѣ, которій отложилъ до пріѣзду пана Якова. Войтъ глуховскій Іванъ Івановичъ, братъ Александра, померъ. Конотопъ городъ вигорѣлъ зъ многими домами и 3-ма церквами.

4. Вовторокъ. Ясневелможная пріехала зъ Гамалѣевки въ Глуховъ. Зъ С.П.бурху указъ сенатскій въ колегію прийшолъ о висилки пановъ бунчуковихъ въ Гилянъ, чего ради и брегадиръ поездъ свой въ Роменъ отставилъ и съ тимъ Арсеніева ко мнѣ прислалъ. Войту Забарѣ наказъ въ 12 пунктахъ далемъ, и Андрѣю теслѣ. У ясневел. былемъ, у вечеру, и у брегадира. Асаулъ гонцювскій Михайло Кириловъ, Черняховскій и Шостакъ лубенскіе, пріехали въ Глуховъ, позванни салдатомъ отъ колегіи по дѣлу Леонтія Янковскаго.

5. Середа. Ездила ясневелможная рано до брегадира и я при ней. Обѣдалисмо дома зъ швакграми. Почепскіе коменданти были у насъ и дворъ шарфовский отдали свѣтлѣйшому князю п. п. швакгри.

6. Четверъ. У ясневелможной кушалисмо, также брегадиръ и полковникъ чернѣговскій. По обѣдѣ, пожекгналемъ ясневел. и дала 469 зол. У брегадира былемъ и писма за мною получилемъ до енерала Матюшкина, брегадира Левешова, и полковника Яропкина. Швакгри мои, въ разговорѣ зо мною, уступуютъ села Крисіокъ мнѣ, а болшъ нѣчого.

7. Пятокъ. Московское пуздерко насипали водкою мастихиною. Пожекгналемъ швакгровъ своихъ, а оставилемъ Демяна для того, чтобъ онъ увѣдомился у нихъ, когда будутъ въ Роменъ. Пріехалемъ въ Тулиголови, где наказъ давши Роману въ 7 пунктахъ, отехалемъ въ Мутинъ. Зъ Мутина послалемъ 20 зол. до Лозовского,

зъ якими жеби и отъ себе 7 копъ доводячіеся отослалъ въ Тулиголови до Романа. Перевюзшись черезъ Сеймъ, поехалемъ почтою на Конотопъ, куда отъ перевозу будетъ болшъ 20 верстъ, а оттуду до Карабутова верстъ 20, а оттуду до Хмѣлова 20 верстъ, и зъ Хмѣлова до Ромна 20 же верстъ.

8. Субота. Пріехалемъ въ Роменъ на обѣдъ, гдѣ засталемъ пана Федора и пана Тарновского, и п. судіину прилуцкую, а по обѣдѣ Бурковскій пріехалъ. Тарасъ молодикъ показалъ реестри стаднини и статку въ Криворудскомъ футорѣ, где показалось по ищиcлоніи его: кобилъ 71, лошаковъ третяковъ 15, стрижаковъ 21, четвертаковъ 17, третячокъ 14, стрижачокъ 20, опрочъ нинѣшнихъ лошатъ, итого, опрочь дрикгантовъ, 158; а зъ рогатого: коровъ 91, телятъ малихъ 46, воловъ 42, бичковъ назимковъ 40, телицъ 28, и того всѣхъ, опрочъ бугаевъ, поголовья рогатого—247. Максимъ староста перервинскій донеслъ на картѣ, что тамъ обрѣтается жита немолоченого 2 скирти, пшеницѣ осмачокъ 3, овса осмачокъ 5, проса ямъ 3.

9. Неделя. Синъ мой Семенъ крещенъ зосталъ протопопою роменскимъ отцемъ Василіемъ Савѣцкимъ, а воспріемниковъ било двѣ пари: панъ Федоръ, дядко прилуц., зъ родителкою, да п. Бурковскій Андрѣй зъ п. судіиною прилуцкою, дядиною. П. Михайло Скоропадскій зъ своею панею пріѣхалъ въ Роменъ. Селецкій, за тютюнъ посилавшійся въ Полщу, привезлъ лѣкарства разного штукъ зъ 12. Плетюнка пріехалъ зъ Сухоносовки и явился тутъ. Подпіяхомъ при немаломъ собраніи гостей.

10. Понеделокъ. Гостѣ у насъ всѣ обѣдали. Гостѣ всѣ порозоздилися. Плетюнку отправилемъ зъ словесною інформаціею. Козакъ, стойчикъ полковий, посланъ въ Глуховъ зъ писмами отъ п. Михайла до прокурора, а отъ мене до господара и до Кондзеровского. Архипъ пріехалъ зъ Смѣлого и обявилъ, что купили мнѣ воловъ 8. Родитель о Перервинцяхъ говорилъ мнѣ, чтобъ тамъ всѣмъ мнѣ владѣти.

11. Вовторокъ. Рано, Козелъ хлопецъ зъ почтаромъ поехали въ Глуховъ, зъ писмами въ розныхъ інтерессахъ. Вина, 60 квартъ

зъ чимсь, волоского купилемъ, по 3 шаги кварта. Козакъ дунайскій отъ князя Четвертенского зъ Глухова присланний зъ писмомъ, отправленъ и чрезъ него послалемъ до прокурора листъ и баранковъ 2, до князя листъ и баранковъ 1, до господара листъ. Покроилъ швецъ чоботъ мнѣ паръ 4 и юпку зъ сафяну. Родителка бунтъ сафяновъ видала привозу Адамового. П. судіиная прилуцкая даровала мнѣ 500 зол. и пуздерко зъ мисками и тарѣлками мѣдними. Гаврилови предложилемъ ити въ дорогу передомъ зъ возами.

12. Середа. Ездилемъ за Сулу и тамъ осмотрѣвши коней своихъ всѣхъ иждялихъ, поехалемъ до табору, где вози мои воловіе, которихъ осталось 17, а воловъ при иихъ всѣхъ 75; да при тому жъ обозѣ Несторовичевыхъ 2 воза, а Якова 1; да съ того жъ обозу 3 вози воловихъ передомъ вылучили зъ харчею, чтобъ зъ мною ишли. Пуздра пересипали и до Монастирища ездили, где полтора пуздра родителка велѣла насипать. Панъ Андрѣй братъ даровалъ мнѣ коня верхового, сивого. У лазнѣ милемся

13. Четверъ. Гаврилу листи подавалемъ отъ мене писанніе, до коменданта царичанского, до Полянского, до Волинского губернатора и до Горки, архіерея астраханского. Федоръ Юрченко, явившись тутъ, далъ еще грошей 60 р., а такъ отдалъ уже 260 р., а еще мѣлъ зъ Глухова прислать 40 р., черезъ которого о томъ до Василя господара писалемъ и до п. судіиной. Леско сторожъ посланъ въ Смѣлое за стрелцями. Перебралемъ писма, купчіе и всѣ иншіе крѣпости вложилемъ въ зеленую скринку. Пуздра винніе и бутилокъ лутшого вина 7, а подлѣйшого 8, позапечатовали. Пару болдинокъ Гаврилу на дорогу далемъ. Ему жъ Гаврилу облѣкъ его на 28 р. отдалемъ. Зъ Чорнухъ отъ Звѣраки присланъ листъ и въ ономъ декретъ на лѣсъ и ниви поповскіе, закрѣпленний рукою отца Ѳомы Збриского, протопопи пѣрат.

14. Пятокъ. Коваль сторожъ до Тарнавскаго посланъ, о его прибытіи сюда. Якову на расходи 90 зол далемъ. Сухоносовскимъ мужикамъ по копѣ читиромъ далемъ. До Плетюнки писмо писалемъ и до Звѣраки отвѣтъ. Божко въ Перервинцѣ посланъ за козаками курѣнчиками. Швакгри мои оба, Андрей и Яковъ Полуботки, прі-

ехали сюда. До Лубенъ посланъ листъ и 4 р. въ аптеку и рецептъ. Спалню у Василя глинского взялемъ, а ему свою далемъ.

15. Субота. Швакгри мои Полуботки отехали въ Коровинцѣ, нѣчого неучинивши. Юско Залускій и Казѣмиръ Шпаковскій послани въ Царицинъ и Астрахань передомъ, за уготованнемъ судна водного, о чомъ и я до коменданта царичанского писалемъ. Слюсаръ, що зъ Астраханѣ принюсъ 2 фузѣя, чили ручницѣ, зъ ґвѣнтами, мнѣ зробленніе, за которіе ему далемъ толко 2 зол., до давно данних грошей. П. Семенъ братъ подарилъ рогъ на порохъ. Родитель подарилъ мнѣ въ дорогу два конѣ, сивого, прозиваемого смѣлянского, и чалого прилуцкого. Казанъ котляри, зробивши, принесли у 12 фунт. Стрелцѣ изъ Смѣлого, а козаки зъ Токаровъ по 3 чловѣка, пріехали, со мною мѣючіе пойти въ походъ. До родителя съ колегіи указъ принесенъ ехать самому въ Глуховъ, а до асаули Семена, Василя Дяченка и Петрановского салдатъ пріехалъ, взять ихъ въ Глуховъ же.

16. Неделя. Тройца Св. Прапорщикъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ и обѣдалъ съ нами. П. Нестеровичъ посланъ отъ насъ до швакгровъ Полуботковъ, въ Коровинци, зъ уговоромъ о нашемъ дѣлѣ. Почтаръ, зъ Козломъ хлопцемъ, повернулся зъ Глухова. Наказъ пунктами Никитѣ Плетюнцѣ составилемъ, въ 30 пунктахъ.

17. Понеделокъ. Ездилисмо за Сулу и тамъ служби Божой вислухавши, обѣдалисмо. Вѣдомо учинилося, что Грицько Гудимъ поехалъ до Рибного, зъ дядкомъ своимъ, купеческимъ промисломъ, зъ горѣлкою, для чого дядиная его въ турму была посажена, а потимъ и випущена зостала. Зъ аптеки отъ Ісаака Івановича Іохемса привезени лѣкарства, за 4 р. купленніе и заплаченніе уже именно: Spir. Cachlearia ttij. Elixir. proprietі ttij и въ слоику прошку (про?)носного часть. Отъ п. Тарнавского до родителя принесенно писмо, въ которомъ обявляетъ о себѣ, что мѣетъ ити въ походъ, а для опроваженния его до обозу далъ бы сотникъ пѣратинскій 4 козаковъ, просить. Пріехалисмо зъ женою въ городъ и тутъ ночовалисмо.

18. Вовтор. Возки виправилисмо въ походъ, а приставъ—Яковъ Дуброва. Возковъ глабчастихъ, по два конѣ—3, а палубовъ, по 2 жъ конѣ—3, Палубецъ зъ сукнями, у 2 жъ конѣ, палубецъ на 2-хъ колесахъ, спалня 2 конѣ, верховихъ 4 зайвихъ, а зъ обозомъ, верхахи, поехали: Яковъ Алексѣецъ, Мартинъ, Леско кухаръ, Литвишко, Максимъ Коржовскій, да зъ ними жъ, при Якову, скринка зъ денгами, а въ ней чер. 40, тал. (битыхъ?) 150, руб. 100. П. Нестеровичъ, ездившій до швакгровъ, повернулся зъ Грунки и о ихъ укоризненномъ предложилъ виговорѣ. Родитель въ дорогу далъ мнѣ 200 р. За фузѣи слюсареви заплатилемъ. Слугамъ далемъ по 2 р., а машталѣру 2 р., другому 3 р. Отецъ Островскій пріехалъ въ Роменъ. Пунктовъ 35 составивши господареви въ наказъ, отдалемъ до рукъ паней.

19. Середа. Молебенъ о путешествіи моемъ въ церквѣ, отцемъ Савѣцкимъ и другими, отправленъ. Родитель подарилъ мнѣ перстенъ шмаракгдовий зъ 6 діяментиками, на благословеніе; такъже и кулбаку нѣмецкую. У лазнѣ милемъся. Вѣжевскому на росходъ далемъ грошей 4 р. Орановскій отъ швакгровъ Полуботковъ повернулъся зъ листомъ до отца протопопи причиннимъ—бить ему въ Коровинцяхъ. Григорий Тишенко принеслъ печатку мою на сегнѣту, у Шліонску здѣланную, за которую будто заплатилъ за злото и за камень, 10 твардихъ а за роботу 5 чвертокъ, а всѣхъ грошей налѣчилъ 9 р. безъ полкопи. Виездъ опредѣленъ бувъ мой зъ Ромна, въ походъ, у вечеру, а на ночъ за Сулу, а потимъ отложенъ на завтрейший ранокъ. О братови п. Семенови родителіе со мною розговорували и листъ отъ нихъ написалемъ до ахтирского полковника. Рекоммендаціи листовніе отъ родителя 10, до розникъ персонъ, о мнѣ.

20. Четвер. Конѣ рано заложени были до виезду моего, а потомъ знову виложени. За перстенъ, на которомъ печатка моя зъ гербомъ, заплатилемъ Манжосу 7 р. Орановскому далемъ 5 таляр. бытихъ. Родитель взялъ себѣ печатку тую и далъ мнѣ каменецъ красній четвероуголний, которій я далъ тому жъ Григорію Манжосу, жебы въ Шліонску вирѣзано на ономъ печатку мою зъ та-

ковимъ компартиментомъ, яковій на сталной моей есть печатцѣ, на що далемъ ему червоного, 2 таляр. битихъ п рубля грошей, и для образца, випечатавши на паперѣ, печатки мою и родителскую, оніи емужъ далемъже. — Виездъ въ походъ зъ Ромна. Виехалемъ зъ Ромна по обѣдѣ, въ походъ настоящій Гилянскій, а опроважали мене: родитель, родителка, протопопъ и другихъ много очинъ присутствуючихъ, даже до села Гарасимовки, где годинъ скилка простояли, а наконецъ пожекгнавшись, отехалемъ въ Коровинцѣ на ночъ, а съ нами: жена моя, братъ съ братовою, Василь глинскій, Зарудніе Федоръ и Андрѣй, Столповскій, которій и отедетъ, Федко и другіе; а пріехалисмо въ Коровинцѣ на ночъ,

21. Пятокъ. Рано поехавши зъ Коровинецъ, пріехалисмо до Будокъ о полдни, куда будетъ миль зо три добрихъ, и тамъ обѣдалисмо и ночовалисмо. Тамже зъ отцемъ Островскимъ, трижди подпивавшомъ, тѣшились. Іванъ, конюшій родителскій, пріехалъ зъ Ромна и привюзъ бутилу вина венкгерского доброго. Черезъ козака коровинского писалемъ до родителей листъ, жекгнаючи ихъ и просячи о молитви. Сватба била въ Питербурху: цесаревна Анна Петровна отдана за голштинского князя Фридерика, а якимъ способомъ що было, тогда зри юня 13 числа.

22. Субота. Служби Божой вислухалисмо у Будкахъ и по службѣ поснѣдалисмо. Братови п. Андрѣеви даровалемъ шаблю свою и оную казалемъ отдать женѣ моей до его рукъ. Помѣнялисмося съ ними кулбаками, ему жовтую далемъ, а себѣ кгранатовую. Пожекгналемся съ нимъ, братовою, также и зъ своею женою и, поехавши зъ Будокъ, черезъ пѣщаній брудъ, где гребля на Сулѣ, пріехалемъ степомъ до Грунѣ, куда будетъ миль 3 добрихъ и оттуду виехавши, недоежджаючи Михайловки, постояли въ полѣ малое время, поколь братъ п. Семенъ, приостановившийся въ Будкахъ, нагналъ насъ, а оттуду поехавши, пріехали до Михайловки, отъ Грунѣ зъ милю добрую отстоячихъ, и тамъ заехалемъ до швакгровъ Полуботковъ и видѣлемся съ ними, также и зъ п. Андрѣевою и п. Антоновою и, малое время позабавивши у ихъ, поеха-

лемъ до Лебедина, у милю отстоячого, и, оний переехавши, на степу, недоежджаючи городка Олешнѣ, ночовали, якъ би у полъ 2 милѣ.

23. Неделя. Рано вставши барзо, поехалисмо и минувши Олешню, пріехали въ Ахтирку, отстоящую отъ Лебедина у 4 милѣ, и стали на пастовнику. зъ пріезду, п. полковника ахтирского. У князя былемъ зъ братомъ и зваромъ родиннимъ поклонилемся ему; да онъже далъ за мною писма до Матюшкина, Кропотова, и Ягопкина. А по обѣдѣ, у полковника просидѣлемъ, и оттоль зъ Стефаномъ Гамалѣею и Самойловичами пріехалемъ къ себѣ и тутъ о дѣлѣ брата зъ нимъ розговоровши, и зъ лука пострелявши и вина випивши, отправилемъ его. Князь давалъ читать обявленіе сенатское о Өедосію Яновскомъ, архиепископу новогородскомъ, первомъ вицепрезиденту синодалному, который за нѣкоторіе укоризненніе слова противъ монаршей персони и другіе причини, лишенъ епархіи и синодалного мѣста, а сосланъ въ силку въ монастиръ Корѣлскій, близъ Двини реки устя.

24. Понеделокъ. Слишно намъ стало, что у Василія Даниловича умеръ синъ, куда полковница ахтирская и п. Сгефанъ Гамалѣя ездили. По прошенію п. Стефана Самойловича, отъ п. полковника ахтирского къ намъ присланного, поехалисмо на обѣдъ. У п. полковника ахтирского зговоръ здѣлалисмо: дочь ихъ Парасковію за брата п. Семена, при битности зъ ихъ сторони его: п. полковника, самой п. полковниковой, Стефана Гамалѣи, обоихъ Самойловичовъ, Федора Гамалѣи и прочіихъ, а зъ нашей: насъ, Василя Жуковского, Федора и Андрѣя Зарудниxъ, где и хустки всякому зъ насъ подавала панна, а оной братъ далъ дуката золотого у нѣсколко червоних. П. полковникъ ахтирскій даровалъ мнѣ фузѣю хорошую. Отехалисмо отъ п. полковника, шумни, до себе.

25. Вовтор. Билисмо у князя Голѣцина и обявили ему о учинившойся сватбѣ нашой, которою онъ насъ поздравлялъ и пожекгналисмо его. Обѣдалисмо у п. полковника и до вечора прозабавили шумни. Зъ Ромна емщикъ пріехалъ зъ 2 бутилами вина, одною водки и зъ хлѣбомъ и листами родителя, родителки и жени

моей. Сторожъ п. полковника нѣжинского пріехалъ зъ Нѣжина и о ясневелможной сказалъ, что тамъ теперъ обрѣтается.

26. Середа. Заехалисмо рано до п. полковника на чай, по которомъ и водки по нѣсколько чарокъ випили. Онъ же зъ панею своею подарилъ мнѣ слоикъ кристалний, полнъ мира святителя Христова Николая чудотворца, а брату п. Семену шаблю, полскимъ манѣеромъ зробленную. Отехалисмо предъ обѣдомъ зъ Ахтирки, а ехали поузъ левади тютюнние государеви, очинъ великіе и поузъ мури превеликіе, изрядно зъ рѣзаного дерева подѣланніе, а пріехалисмо на обѣдъ, у двѣ милѣ отъ Ахтирки, къ урочищу и потоку, прозиваемому Веселая. Оттуду писалисмо до родителей и моей жени о сватбѣ и о протчемъ зъ комплементами, а зъ тимъ отпустилисмо Грицка коваля, сторожа роменского да Залюбовского, да имъ же и листъ п. полковника ахтирского, писанний о той же сватбѣ, вручилисмо. Поехавши оттуду, переехали село прозиваемое Купіоваха, до ратуша ахтирского належачое, а отъ Ахтирки въ трохъ миляхъ отстоящое, а оттуду еще миль зо двѣ поехавши, а не доежджаючи Богодухова, сталисмо на ночлѣгъ въ полѣ, противъ села Губаровки, якое намъ въ правомъ боцѣ було.

27. Четверъ. Рано отъ ночлѣга поехавши, пріехалисмо на обѣдъ въ мѣстечко сотенное полку ахтирского, прозиваемое Богодуховъ, и тамъ у сотника Федора Павловича сталисмо на квартерѣ и кушалисмо, а Богодуховъ отъ Ахтирки въ 6 миляхъ, а отъ Купіовахи въ 3 миляхъ отстоитъ, где поневажъ дожчъ началъ ити, того ради и переночовать тамъ резолвовалисмося. Черезъ сторожа ахтирского, опровадившаго насъ до Богодухова, писалисмо листи я и братъ, до п. полковника ахтирского, зъ благодареніемъ, за угощеніе и зъ комплементомъ о сватбѣ. Да черезъ того жъ писалемъ до родителя и вѣдомость о Феодосію приложилемъ. Сотники полку лубенского, глинскій Афанасій и лукомскій Кодинецъ, и Прийма, атаманъ лубенскій, опровадивши свои сотнѣ до обозу, повернулись и били тутже у насъ. Слуга Холодовича, воронѣжского сотника, посиланний къ нему зъ дому зъ запасомъ, повернулся зъ Дербенѣ, и обявилъ, что тамъ Шафкалъ и Усмей стали

противность свою показовать. Черезъ его жъ писалемъ до родителя, что писмо отъ атамана смѣлянского къ его особѣ писанное, читалемъ.

28. Пятокъ. Глинскій сотникъ Афанасій обѣщалъ прислаль въ слѣдъ за мною обухъ. Рано простившись мы зъ нимъ и зъ сотникомъ богодуховскимъ и женою его, виехалисмо оттуду и переехали греблю на рѣчцѣ Мерлѣ, близъ Богодухова текучой; уехали миль зо двѣ и на степу обѣдъ имѣли, а по обѣдѣ поехавши, прибули къ городку полку харковского, прозиваемому Вулшаная, которое отъ Богодухова остоитъ въ 3 миляхъ, а оттуду верстъ за 4 проехавши, приехали къ селу, прозиваемому Кутъ и оній обминувши, приехали до села называючогося Пересѣчнее, въ 4 верстахъ отъ Кута отстоящое; оттуду якъбы у милю доехали села полковничого прозиваемого Синоницювка и проехавши оное село, якъбы у полъмилѣ отъ оного, пріехали къ монастиру харковскому, въ якимъ архимандритъ Ефремъ, постриженецъ нѣжинского монастира, а монастиръ, едучи къ Харкову, у лѣвой руцѣ на горѣ стоитъ, сооруженъ зъ древяною церковію. Минувши оній, якъби у 2 версти, сталисмо въ полѣ при дубровѣ, на ночлѣзѣ, а лошадѣ въ сѣносъ Лаврентія Шидловского пустилисмо. На становиску обѣдномъ купилисмо, за копу, 4 спинки осятровихъ у донцовъ, да оніе жъ донци говорили намъ, что 3000 донцовъ пошло въ Гилянскій походъ уже тому недель зо двѣ. Грошей еще 3 рублѣ Вѣжевскому далемъ на росходи.

29 Субота. Отъ ночлѣга поехавши, прибыли рано до Харкова, отстоящого отъ Олшаной въ 3, а отъ Богодухова въ 6 миляхъ, котории имѣетъ свое расположеніе нехудое, бо на пригорбку стоитъ, рѣчка зъ пріезду нашего, подъ городомъ течетъ Лопатень, а зъ другой сторони другая рѣчка Харковка. Приехавши въ городъ, службы Божой вислухалисмо и въ церквѣ увидѣлисмося зъ п.п. Борзнами. По службѣ Божой заехалисмо до п.п. Миклашевскихъ и зъ оними повидѣвшись, виехали зъ Харкова. Купили въ Харковѣ вина волоского квартъ 8 по 3 алт. а особливо 3 кварти за приговорку Василя Жуковского. Поехавши зъ Харкова, поми-

нулисмо шляхъ у право до Печенѣгъ, а влѣво дорогу до Салтова взялисмо и миль зо двѣ проехавши, стали на обѣдъ, не доежджаючи якъби у полъмилѣ Барабашевихъ байраковъ. Тамже бунчуковіе Костенецкій и Грабовскій приходили до насъ. По обѣдѣ поехавши, прибили на ночлѣгъ до селця чили деревнѣ, прозиваемой Баба, владѣнія Петра Матвѣевича Апраксина, до Салтова належачого, а отстоящого отъ Харкова въ 4 миляхъ добрихъ, и сталисмо при селѣ на лукахъ боярскихъ. Увѣдомилисмося, что Семенъ Лизогубъ сего дня обѣдалъ у Салтовѣ у прикажчика тамошнего.

30. Неделя. Мужикъ тамошнего села, войтъ въ заводъ зъ нами увойшолъ за тое, что на онихъ лукахъ стоялисмо, и до Салтова побѣгши, прикажчику тамошнему іноземцу наговорилъ, которій заразъ пріехавши въ село первей, посилалъ, еще ноччю, своихъ мужиковъ конѣ наши отокрасть, а когда осмотрѣлись наши и недопустили того, потомъ самъ приходилъ и межи возами нашими ходячи, нѣчого нѣкому несказавши, отийшолъ, а прислалъ потимъ уже въ день того села войта и зъ нѣмъ чловѣка скилка, явне грабить конѣ, чого наши недопустили, и тогда жъ оттуду поехали. а пріехали подчасъ службы въ Салтовъ мѣстечко, отстоящое отъ того села въ 5 верстахъ, а отъ Харкова 5 миляхъ, и тамъ же, въ Салтовѣ, зъ Кандибою, Новѣцкими и прочими бунчуковими, повидѣлемся; и оттуду заразъ поехавши и переехавши мостомъ черезъ рѣку Донецъ, стали на семъ боцѣ, у версту отъ Салтова, на обѣдъ, и тутъ зъ своимъ обозомъ и зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ совокупилемъся, где и Семенъ Лизогубъ и прочіе бунчуковіе и полки стояли. Прикажчикъ салтовскій недоволенъ будучи тоей своей зачѣпки, писалъ листъ до Семена Лизогуба, ускаржаючись на мене, будто я ставши на лукахъ боярскихъ, зовсѣмъ оніе спустошилъ и за то бы я награжденіе учинилъ, якое писмо прислалъ ко мнѣ Лизогубъ черезъ середнего Бутовича и на оное отвѣтъ учинилемъ, оправдаючи себе. Видѣлемся зъ Семеномъ Лизогубомъ и прочіими бунчуковими. Поехавши по обѣдѣ, заехалисмо на дорозѣ до Баска (?) наказного полковника чернѣговского, и тамъ пива напившись, отехали, и присмотрувались, якъ честь отдавалъ полкъ чер-

нѣговскій бунчуковимъ. Рушивши оттуду, всѣ ми пріѣхали къ байраку, отъ дороги у правой сторонѣ будучому, и тутъ ми сами, зъ прочіими бунчуковими, заехали къ намъже и напившись, пива, меду и вина, нѣкоторіе зъ нихъ поехали далѣй, якъбы верстъ у 3, до рѣчки, називаючойся Костумля, переноринами идучой и тамъ перебравшись черезъ рѣчку, стали отъ Салтова въ двѣ милѣ. Панъ Федоръ дядко позабавилъ у насъ и розговорувалъ о швакграхъ моихъ, намѣрившихъ болшъ 1000 р. дать намъ денегъ по духовной небожчика тестя. Пріездилъ къ намъ Себастяновичъ прилуцкій и Яковъ, судденко глинскій, и посидя мало, отехали. Да онъ же сказовалъ, что Лизогубъ устроилъ генералѣтетъ: обознихъ двохъ Кандибу и Тарасевича, судію Кочубея Василя, писара Якубовича Якова, асауловъ—Гречаного и Жураховского, хоружого—Сулиму.

31. Понеделокъ. П.п. Миклашевскіи пріехали къ обозу нашему и повидавшись съ нами, поехали къ обозу енералному и тамъ стали. Писма черезъ брата п. Семена писалемъ до родителей, ясневелможной, брегадира, прокурора, моей жени, п. Андрѣя брата, п. Петра Апостола, п. Якова Полуботка, п. полковника ахтирского о нашемъ обращеніи, и о другихъ розниxъ потребахъ. Зъ п. Василемъ глинскимъ поминялисмося на конѣ, я у его вороного его взялемъ, а ему сивого гудимовского, жебы дома отдано писалемъ до жени. Братъ п. Семенъ, Василь Жуковскій, Федоръ и Андрѣй Заруднiи и при нихъ слуги мои Тарасъ и Максимъ Коржовскій и зъ кареткою машталѣръ Іванъ и зъ возкомъ и одноконнимъ палубцемъ, поехали назадъ, а не ехали на Салтовъ того ради, что п. Андрѣй Миклашевскій остерeглъ насъ, будто прикажчикъ салтовскій зъ позволенния Лизогубового намѣренъ насъ зграбить, когда будутъ ворочатись назадъ. По отездѣ ихъ, ездилисмо до табору и тамъ были у Лизогуба и Бурковского и, позабавившись нѣкоторое время, отехали домой назадъ къ своему обозу. Тогда жъ у насъ гасло пятница, тоесть Параскевея, на памятку п. Михайловой. Обозъ п.п. Гамалѣевъ стародубовскихъ прийшолъ и сталъ зъ нами тутже. У ночѣ дожчъ превеликій ишолъ по сторонамъ правимъ, и насъ гарадза зачепилъ, зъ блискавицею и отчасти громомъ.

1. юнь. Вовтор. Обѣдалисмо у себе сами, а по обѣдѣ нашемъ пріехали Гамалѣи Стефанъ, Василь и Григорій, и стали близъ насъ обозомъ. Потомъ поехалисмо до табору и заехали просто до п. п. Миклашевскихъ и тамъ просидѣлисмо часъ немалій. Козакъ полку нѣжинского у рѣчки Хотомлю, где обозъ стоитъ, утонулъ, купаючись, которого поховали при стрелбѣ мушкетной, да на томъ же мѣстцу еще нѣсколько козаковъ померло. Отехавши отъ п. п. Миклашевскихъ, заехали до прилучанъ п. п. Федора, Горленка и прочіихъ, где книжку писанную лѣтописную о козакахъ взялисмо для прочитання. Гасло било у насъ Марія. Зъ обозу Гамалѣевъ визивали ихъ козаки нашихъ на вкулачки, и когда наши вийшли бытись съ ними, то при нашихъ побѣда осталася и заледво розогнать возмогли онихъ отъ того бою. Книжку тую, позиченную, лѣтопись, читаючи начиталисмо: *1-mo*, что козаки отъ рѣчки прозиваемой Козара назвались, первей, козарами, а потомъ, за временемъ, прозвани козаками. *2-do*, князи ихъ козарстіи обладали кіевскою и другими странами, а взимали дань отъ двора, по бѣлковой шкурѣ, а отъ плуга по шелягу. *3-tio*, Гедимъ, вел. князь литовскій, подбилъ подъ свою область Кіевъ и другіе сторони и намѣсникомъ тамъ своимъ оставилъ князя Голшанского. *4-to*, 1471 року, Казѣмиръ четвертій, король полскій, княженіе кіевское на воеводство перемѣнилъ. *5-to*, 1516 року, за Жикгмунта первого, короля полского, всѣ жители малороссійскіе стали козаками зватись. *6-to*, 1534 року, за Генриха француза, короля полского, гетманъ Свѣрчовскій, упрошенній отъ Івани, господара волоского, былъ при немъ зъ своимъ войскомъ, которого тилко на 1400 было и баталѣю имѣлъ зъ турками 14 разъ. *7-mo*, 1575 року, козаки човнами, рѣкою Днѣстромъ, на орди напавши, много онихъ въ плѣнъ взяша. *8-vo*, Тогда жъ зъ гетманомъ Богданкомъ землю татарскую повоевали. *9-no*, 1576 року, король полскій Стефанъ Баторий, сучредивши гетмана запорожского, устроилъ въ войску обозниxъ, судей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ и атаманы и мѣстечко Терехтемировъ далъ имъ на зимовую квартеру. Тогда козаки Азію на тисячу миль повоевали, Трапезонтъ взяли и витяли, Синопъ

збурили и подъ Константинополемъ многіе взяли користи. *10-то*, За того жъ короля, 1577 року, гетманъ запорожскій Шахъ, прийшовши въ волоскую землю, зъ войскомъ своимъ, устроилъ тамъ козака Подкову господаремъ волоскимъ, по прошенію волохъ, а Петра воеводу, господара тамошнего, изъ господарства изгналъ. Послѣди тому жъ Подковѣ, хитростію пойманному отъ поляковъ, король велѣлъ въ Львовѣ голову отсѣкти. *11-то*, Того жъ року, соборъ былъ въ Брестѣ Литовскомъ и унѣя началася. *12-do*, 1597 року, гетманъ запорожскій Наливайко, прийшовши зъ козаками на Литву, много розорилъ мѣстечокъ и сѣлъ, а потомъ, отъ гетмана коронного Жолкевского пойманний, подъ Лубнями на мѣстцу урочищѣ, прозиваемомъ Солониця, и запроваженний до Варшави, на мидяномъ волѣ роспаленномъ сожженъ зосталъ. *13-tio*, 1606 року, Петро Конашевичъ Сагайдачный, гетманомъ запорожскимъ учинившись, ходилъ подъ Кефу, турецкое мѣсто, и оного воевалъ. *14-to*, 1608 року, за Жигмунта, короля полского, гетманъ коронний Жалковский, зобравши зъ Украини козаковъ, ходилъ на Цоцору, между которими билъ и Михаилъ Хмелницкій, отецъ гетмана Богдана Хмелницкого, сотникомъ надъ козаками. *15-to*. На Цоцорѣ отъ турковъ и татаръ Жолковскій збитъ и Михаилъ Хмелницкій убіенъ, а синъ его Богданъ въ плѣнъ взятъ и, по двоелѣтномъ своемъ плѣненіи, отъ козаковъ викуплѣнъ; родомъ билъ, сказуютъ, зъ Лисянки. *16-to*. 1623 року, Османъ, царь турецкій, побѣдивши поляковъ на Цоцорѣ, прийшолъ въ годъ потомъ на полскую землю зъ многими силами, а король полскій Жикгмунтъ сина своего вислалъ противъ его Владислава, до которого призванний и гетманъ Сагайдачній прийшолъ въ помочъ зъ шестма тисачами козаковъ и переднее мѣсто удержалъ зъ великимъ турецкимъ урономъ, такъ далеце, же мусѣлъ султанъ мира просить и учинилося тогда примиреніе зъ королевичомъ. *17-то*, 1622 року, Сагайдачний гетманъ померъ, а тѣло его поховано въ Братскомъ Кіевскомъ монастирѣ, въ проводную неделю. *18-vo*, По смерти Сагайдачного, по многой войнѣ Ляховъ зъ Шведами, войска полскіе въ кіевское переведени воеводство и поставлени на консистенцію по городахъ

и селахъ бувши, многіе озлобленія жителямъ чинили; тогда гетманъ коронний Конецполскій зъ гетманомъ запорожскимъ Тарасомъ войну имѣли подъ Переяславлемъ и побѣжденни стали отъ козаковъ. *19-по.* Гетманъ запорозкій Павлюкъ зъ Поляки войну имѣлъ подъ Кумейками декавр. 6. и отъ Конецполского побѣжденъ зосталъ, а подъ Боровицею примиреніе учинилось; але скоро потомъ пойманъ Павлюкъ и запроваженъ до Варшави, тамъ въ голову усѣченъ зосталъ. *20-то.* 1638 року, козаки, устроивши себѣ гетмана Остраницю, бились знову зъ Ляхами, подъ Говтвою, Лубнями, Лукомлемъ и Жовниномъ, где другий козакъ Тимошевичъ Гуня гетманомъ обранъ зосталъ, але на рѣчкою Старцемъ пакта мирніе зъ Поляками составили. *21-то,* Отъ того часу у козаковъ вмѣсто гетмана комисаръ великій зъ лядской сторони, также и полковники были устроенни. *22-do.* 1639 року, Кодакъ городокъ надъ Днѣпромъ у низу отъ Конецполского былъ устроенъ и нѣмцами служивими осаженъ, даби зъ Украини бѣжачихъ козаковъ за пороги могли переймать. *23-tio.* Чаплинскій, подстаростѣй Івана Даниловича старости Чигиринского, отнялъ у Богдана Хмелницкого Суботовъ и самого въ вязенне осадилъ, але, на прозбу жени своей, потомъ освободилъ. *24-to.* Хмелницкій Богданъ у Барабаша, асаули енералного, о привилеяхъ довѣдавшись королевскихъ, у жени его оніе отобралъ и, зъ оними побѣгши, первей, въ Микитиномъ Розѣ 300 козаковъ сискалъ и зъедналъ себѣ, а потомъ за позволеннемъ хана Исламъ Герея мурза Тогамъ Бей помоществовалъ ему. *25-to.* Первую баталѣю Хмелницкій имѣлъ зъ Ляхами на Жовтой Водѣ, где гетмана коронного Потоцкого синъ, два рази устрѣленъ, умре, асіе било 1648 року, въ постъ великий. *26-to,* Другую баталѣю имѣлъ подъ Корсуномъ, где также Ляхи побити и оба гетмани Потоцкій и Калѣновскій въ плѣнъ достались татарамъ. *27-то.* Подъ Пилявцами била баталѣя и тамъ побѣжденни Поляки такъ, же однихъ возовъ кованнихъ осталось у козаковъ сто тисячъ. *28-vo.* Отъ того часу Хмелницкій печать войсковую устроилъ. *29-по.* Полковники во всей Украинѣ отъ Хмелницкого устроени стали: чигиринскій, черкасскій, переяславскій, каневскій, браславскій, бѣлоцерковскій,

уманскій, корсунскій, калницкій, гадяцкій и прочіи року 1649. *30-то.* Подъ Збаражемъ Хмелницкій зъ Фирляемъ, главнимъ енераломъ полского войска, баталѣю имѣлъ, где стисненни Поляки до такой пришли нужди, что мусѣли зъ великого голоду конскіе, собачіе, мишачіе и кошечіе мяса исти, куда и король Казѣмиръ прийшовши на помочъ, также нужду утерпѣлъ, отъ которой мусѣлъ на трактати, зъ сторони козацкой предложенніе, соизволити, между которими и тотъ билъ включенъ пунктъ, жеби митрополитъ кіевскій первій по примасѣ въ Сенатѣ имѣлъ стулецъ. *31-то.* Але когда пріехалъ до Варшави митрополитъ кіевскій Силвестръ Косовъ, не дано ему въ Сенатѣ мѣста и такъ отехалъ въ Кіевъ. *32-do.* Хмелницкій списалъ козаковъ и роздѣлилъ на 60 (sic) полковъ и сколко въ коемъ полку козаковъ, а именно; чигиринскомъ—3189, въ черкаскомъ—2989, въ каневскомъ—3120, въ корсунскомъ—3472, въ уманскомъ—3930, въ браславскомъ—2072, въ калнѣцкомъ—2046, въ кіевскомъ—2080, въ переясловскомъ—2150, въ кропивянскомъ—2059, въ остранскомъ—1958, въ миргородскомъ—3158, въ полтавскомъ—2785, въ нѣжинскомъ—985, въ чернѣговскомъ—996. *33-tio.* Отъ солтана турского прийшолъ Османъ aga до Хмелницкого зъ предложеннемъ таковимъ, дабы онъ, отступивши Ляховъ, поддался подъ солтана турского и привезлъ ему чугу, мечъ, короговъ и булаву. *34-to.* 1651 року, баталѣя била подъ Берестечкомъ, где король Казѣмиръ билъ зъ посполитимъ рушеннемъ, а войска било лядско(го) на 300 тисячъ. Тамъ же Хмелницкій и ханъ Кримскій зъ своими силами били. Але когда ханъ, оставивши козаковъ съ татари, пойшолъ въ свояси и за нимъ Хмелницкій въ слѣдъ пошолъ же, а войско при Виговскомъ и полковникахъ оставилъ, тогда козаки утѣсненни зостали отъ поляковъ и мусѣли, оставивши все, арматъ 60, утекти оттуду. *35-to.* Того жъ року, уже королю зъ посполитимъ рушеннемъ повернувшуся до Варшави, била акцѣя подъ Бѣлою Церквою, где Хмелницкій новіе пакта учинилъ. *36-to.* 1652 року, гетманъ Хмелницкій послалъ сина своего Тимоша и зъ нимъ воиска 36 тисячъ козацкого и татарского до Молдавского воеводи, дабы дочь свою отдалъ за его

Тимоша, якій путь поневажъ Калѣновскій гетманъ заступилъ билъ ему Тимошеви; того ради великая учинилась баталѣя на Батозѣ, где все войско полское побито и самому гетману голову урѣзалъ татаринъ и принеслъ предъ самого Хмелницкого, тамъ тогда зго-дившогося, и Нурадинъ Салтана. По семъ Хмелницкій, вернувшись до Чигирина, послалъ уже сина своего Тимоша зъ 20-ма тисячами коннихъ козаковъ на веселле до Яссъ, где мусѣлъ господарь от-дать дочь свою за его. *37-mo*, 1653 року била война козаковъ зъ поляками подъ Монастирищемъ, где зъ козацкой сторони Богунъ Чернецкого такъ устрашилъ, убравши козаковъ въ одежу татарскую, же Ляхи, покинувши обозъ свой, утекли; а помянутій Чернецкій зъ войскомъ полскимъ того ради присланъ билъ на козаки, что из-вѣстно учинилось онимъ смятеніе между козаками, ибо когда Хмел-ницкій до солтана посилалъ своихъ пословъ, поддаючись ему, тогда полковники нѣкоторіе, не пристаючи до того, укарали его, за що Гладкому, полковнику миргородскому, и Хмелецкому голови велѣлъ отсѣкти, а Гуляницкій, нѣжинскій, у монастирѣ крился. *38-vo*. Сенаторъ полскій Радзіовскій, отъ канцелляріи отстановленний, бѣ-жалъ у шведскую землю и оттуду писалъ до Хмелницкого, жебы крѣпко стоялъ противу поляковъ, понеже и король шведскій хо-четъ бить козакамъ помощенъ. *39-no*. Адамъ Кисѣль, воевода кіевскій, умеръ. *40-mo* Тимошъ, синъ Хмелницкого, тестя своего господара Мултянского, отъ венгерского князя Ракочого изгнанного, посадилъ знову на господарствѣ, але потомъ знову оний изгнанъ билъ, а Тимошъ въ Сочавѣ въ засадѣ билъ, где и убитъ зосталъ зъ армати. *40-mo*. Надъ Жванцемъ баталѣя била Хмельницкому зъ самимъ королемъ Казѣмиромъ, где войско лядское до такой прийшло нужди, же мусѣли зборовскіе потвердити пакта и хану, тамъ же бившому, въ закладъ двохъ сенаторовъ отдати. *42-do*. Хмелницкій блаженной и вѣчнодостойной памяти цару Алексѣю Михайловичу поддался въ Переяславлѣ, при Василіевичу Бутурли-ну, 1654 року, януар. 16. *43-tio*. Царь Алексѣй Михайловичъ, увѣдавши отъ Хмелницкого о томъ, что король полскій и ханъ кримскій, услишавши о подданствѣ Хмелницкого великому государю

учинившомся, пріязнь между собою учинили и приговорили войною ити на Москву, послалъ бояріна Срѣбрного и Хованского въ литовскіе краи, а потомъ и самъ своею особою, мѣючи при себѣ наказного гетмана Золотаренка, тудажъ пошолъ и первую имѣлъ баталѣю зъ Радивиломъ надъ рѣчкою Березицею, подъ Шкловомъ, и славную получилъ викторію, и много мѣстъ доставши и плѣнивши, повернулся назадъ. *44-to.* По смерти Исламъ Герея хана, Месли Герей ханъ зъ поляками воевали козаковъ и въ Уманѣ облегли крѣпко, которихъ хотячи освободить, Хмелницкій пошолъ туда на отсѣчъ, але зачувши о томъ ханъ и поляки, обернулись на его и между Ставищами и Охматовомъ въ полѣ (которое потомъ Дрижиполемъ названо) осадили, откуду, сквозь обозъ лядской пробившись, Хмелницкій прибѣгъ до Умани и освободилъ онихъ зъ Пушкаренкомъ осаженнихъ и, совокупившися, подъ Буки пойде и тамъ пять полковъ козацкихъ зосталъ, а поляки повернулись назадъ; татаре зась, зъ позволення лядского, народъ, поддавшийся имъ, въ неволю побравши, вернулися зъ онимъ до Криму.

2. Середа. П. п. Гамалѣи, стоявшіи зъ нами здѣ обозомъ, отехали совсѣмъ и стали купно зъ таборомъ. Послани Демянъ да Леско кухаръ въ Бурлуки до Захаржевского и въ Балаклійку до Лѣсаневича зъ листами моими, для покупки риби, пива и меду, на що п. Михайло далъ 3 р., а Заборовскій 2 р. Обѣдалисмо сами безъ всякихъ гостей. Гасло сего вечора у насъ било Потапъ.

3. Четвер. Рано сего дня поехавши зъ обозомъ, переехалисмо рѣчку Хотумлю, и пріехали на становиско обѣдное болшъ милѣ и сталисмо обозомъ своимъ у версту отъ табору, недоеждяжая Бурлукъ, якби у едину версту. Обѣдалисмо у п. Семена Лизогуба, оттоль сидѣли у п. Миклашевскихъ, Бурковского и Василя Томари, а передъ вечоромъ до своего обозу пріехалисмо, где погожую криницю у яру увидѣлисмо, изъ оной пили воду зъ шербетомъ п. Михайловимъ. Захаржевскій, владѣлецъ Бурлукъ, пріехалъ былъ въ село свое, а потомъ и отехалъ, знать збуваючи гостей. Посиланніе Демянъ да Леско повернулись зъ нѣщимъ, да риби толко достали мало. Гасло было у насъ маляръ.

4. Пятокъ. Рушилисмо зъ всѣмъ таборомъ въ предлежащій путь и пріехали въ мѣстечко Бурлуки п. Захаржевского, где я, осмотрѣвши церкви, билемъ въ дворѣ его, куда потомъ п. Семенъ Лизогубъ зъ всѣмъ товариствомъ пріехалъ и покилка кубковъ пива и меду випили; а Бурлуки отъ Салтова въ разстояніи будутъ близъ 4 миль. Поехавши оттуду, разлучилемся зъ знакомъ и самъ зъ п. Сулимою, швакгромъ, ехалемъ зъ милю добрую, а потомъ, совокупившись зъ п. Михайломъ, пріехалисмо на становиско, якъ би у 20 верстъ отъ Бурлукъ обрѣтаючееся, недоижджаючи села неподалеку будучого, називаючогося Колодяжнее, владѣніе волоховъ. Тутъ осмотрувалемъ реестровъ Мартина и Вѣжевского, взятихъ въ дорогу рѣчій. П. Іванъ Забѣла посидѣлъ у вечеру зъ нами и правилъ намъ нѣчто до нашего утѣшенія. Меду купили боклагъ, цицю и барилце. Гасло у насъ теперъ мѣрочникъ, а то въ другое на памятку Алексѣецъ.

5. Субота. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ уснувши, ходилемъ до Бурковского, оттоль до Тамари, зъ которимъ и въ свой обозъ прийшолемъ и кушалисмо вечеру. Гасло било у насъ фурда.

6. Неделя. Рано барзо рушилисмо всѣ зъ обозами въ предлежащій путь и пріехалисмо до села Колодяжного, въ владѣніи волохъ девяти человѣкъ обрѣтаючогося, которое отъ Бурлукъ якби у 3 милѣ легкихъ отстоитъ, и тамъ службы Божой вислухавши, поехалисмо далѣй и пріехалисмо до мѣстечка Каменки, полку узюмского, подъ которимъ рѣка Осколъ иде, на якой и млини суть; а въ Камянцѣ сотникомъ Горпинченко Андрей Івановичъ. Неостановляючись въ городку, виехалисмо далѣй и, верстъ зо двѣ отъ городка отехавши, стали на обѣдъ и поневажъ тамъ паши не было для коней, того ради ми, побувавши у Семена Лизогуба, поехалисмо зъ п. Михайломъ и зъ курѣнчиками нашими, Іваномъ Забѣлою, Заборовскимъ и Ѳомою Скоропадскимъ, и пріехали до села, прозиваемаго Тополѣ, въ 8 верстахъ отстоящого отъ Камянки, а до Камянки жъ належачого, и тутъ черезъ мостъ переехалисмо рѣку Осколъ и стали близко обозомъ своимъ. Гасло било у насъ Михайло.

7. Понеделокъ. Рано заехали къ намъ Костенецкій, Федоръ Чуйкевичъ, Якубовичъ и Худолѣй и, випивши водки, отехали, а мы сами, своимъ куренемъ, кушали у себе обѣдъ. По обѣдѣ Семенъ Лизогубъ зъ всѣми бунчуковими, переехавши черезъ мостъ, мимо насъ проехали и стали отъ насъ якъ би у версту обозами своими, а потомъ пріехали къ намъ Василь Гамалѣя, Федоръ Марковичъ дядко, Терновіотъ и Березинскій (которій говорилъ, что полковникъ Яропкинъ у Харкови, взялъ въ конвой себѣ зъ Прилуцкого, Гадяцкого и Миргородского полковъ по 10 козаковъ въ конвояхъ себѣ до Царицина) и Андрей Горленко и посидѣвши отехали. П. Федоръ говорилъ, что Карпѣки, бувши у князя, чули отъ его самого и въ Ахтирцѣ о ясневелможной и Квѣтцѣ, харковскомъ полковнику, розговоръ. Гасло било у насъ Роменъ.

8. Вовторникъ. Рано передъ обѣдомъ ездилисмо ободва зъ п. Михаиломъ до обозу, где, заехавши до прилучанъ, были у нихъ на водцѣ, а оттоль пошовши до Семена Лизогуба, зосталисмо на обѣдъ у его, зъ которимъ полѣтичную имѣли контроверсѣю, а потомъ, отехавши зъ обозу, пріехалисмо сами передомъ въ обозъ свой. После насъ пріехали прилучане п. п. Федоръ дядко, Андрѣй Горленко и Павелъ Раковичъ и кушали у насъ, куда заехалъ до насъ Петракій, а потомъ Синдаровскій и, по обѣдѣ, розехалися, зъ онихъ до лазнѣ нѣкоторіе, а другіи въ обозъ. Въ день заехали до насъ Василь Томара, Федоръ Сулима, п. Федоръ дядко и, посидя, розехались. Тогда жъ Василь Томара позичилъ у мене атлясъ на время. П. Андрѣй Горленко сказовалъ, когда конь якій заднимъ копитомъ переднего касается, то въ передномъ копитѣ около мичку помазать діогтемъ. Гасло било у насъ Глуховъ.

9. Середа. Обѣдали у насъ Костенецкій и Грабовскій. По обѣдѣ были у насъ Томара и Григорашъ нашъ. Черевко зъ возами своими мимо насъ ишолъ къ Царицину. У вечеру дожчъ зъ превеликимъ громомъ бувъ. Гасло било у насъ Березнее. Гаврило посиланъ билъ отъ насъ до Кандиби и Семена Лизогуба объ отводѣ намъ мѣста въ таборѣ.

10. Четверъ. Ездилъ п. Михайло въ обозъ до Семена Лизогуба за тимъ же, за чимъ вчорась Гаврило посиланъ былъ и привюзъ резолюцію его, чтобъ нашему куреню быть въ куренѣ прилучанъ, а атаманомъ надъ всѣми быть Андрѣю Горленку. Повернулся п. Михайло и пріехалъ къ намъ Худолѣй зъ Черевкомъ и Семеномъ Литвиномъ, присланнимъ зъ Ромна зъ грошми сотнянамъ роменскимъ, будучимъ у Сулаку; и обѣдалъ у насъ Худолѣй. А Черевко зъ Литвиномъ, випивши водки, отехали, черезъ которихъ писалемъ до Юска зъ товарищи въ Царичинъ, дабы они старались тамъ непремѣнно судна достать для обозу, чили багажу, при насъ обрѣтаючогося, и чтобъ губернатору дали кухву оковитой и кухву вишневой гор., а коменданту царицанскому куѳу простой. Гречаний Якимъ присилалъ асаулчика до насъ, чтобъ наши конѣ зогнанни были зъ лугу, а то по жалобѣ тутейшихъ жителей, ускаржавшихся Семену Лизогубу. Михайло, полковникъ бывшій бѣлоцерковскій, бувъ у насъ, которому по обѣтницѣ показалось. У лазнѣ милися ми, тутъ въ селѣ, а гасло было Худолѣй трусъ.

11. Пятокъ. Сего дня рано прійшолъ сюда полкъ Стародубовскій и недалече нашего обозу сталъ. Въ обѣднюю годину пріездилъ Микита Холодовичъ, а после его Григорашъ до насъ. Черезъ Ѳедка готовали писма въ домъ и тогдажъ началемъ до брата своего п. Семена писать листомъ исторію нашего походу, а написалемъ полъ третя листа великого. Того жъ дня было у насъ гасло Коровинцѣ.

12. Субота. Рано до службы Божой ездилемъ, въ село Тополѣ, когда и полкъ Азовскій, стоявшій въ Узюмскомъ полку, прійшолъ, которій мѣетъ слѣдовать къ Царицину. По службѣ Божой заехали до насъ Забѣла Стефанъ, Григорашъ, Худолѣй и Березинскій и, випивши водки, розехались нѣкоторіе, а Худолѣй и Григорашъ обѣдали у насъ. По обѣдѣ рушилисмося зъ мѣстца своего зо всѣмъ обозомъ и пріехали до обозу всѣхъ и стали зъ прилучанами на малое время, поневажъ уже увесь таборъ приуготовился до порушення. Зъ обозу прилуцкого Ѳедко отпущенъ въ Роменъ зъ подорожною отъ мене, Андрѣемъ Трощинскимъ написанною, а

черезъ его писма писалисмо: 1) до родителя, 2) родителки, 3) жевии о присланню вина волоского и конфектовъ, и о нашемъ інтерессѣ зъ швакграми и о протчемъ, 4) до ясневелможной, 5) до п. Семена зъ описаніемъ походу сего, а п. Михайло Скоропадскій до Петра Андрѣевича, Петра Петровича, прокурора, и протчіихъ. Рушивъся весь таборъ и, увойшовши верстъ зъ 20, прійшлисмо надъ байракъ, у лѣвой руцѣ отъ дороги отстоящій, прозиваемій Ровеніокъ, и тутъ ночовалисмо, въ серединѣ обозу, купно зъ прилучанами.

13. Неделя. Кушалисмо у себе, а у насъ п. Федоръ дядко и п. Тарноліотъ [1]). По обѣдѣ рушивши, у половинѣ дороги зогналисмо козу дикую и гонили близко, а потомъ пріехалисмо на ночъ до рѣчки, прозиваемой Красна, отстоящой отъ Ровенка въ 15 верстахъ, а отъ Тополѣ села въ 35 верстахъ. Вѣдомо учинилось, что Яковъ Якубовичъ Петровского нашего сина порубалъ шаблею лобъ, которій на его и жаловался до Семена Лизогуба. За пріездомъ нашимъ сюда, явился тутъ чловѣкъ, повернувшійся зъ рибою зъ Черкаского, которій говорилъ, что донци вийшли въ походъ да ждутъ нашего войска.

14. Понеделокъ. На семъ же становиску обѣдъ кушалисмо сами, а зъ нами п. Андрѣй Горленко и п. Федоръ дядко и Петракій. По обѣдѣ приходили ко мнѣ п. п. Миклашевскіе и Бурковскій и розговорували де о чомъ и пограли въ маріяша, а потомъ просидѣлемъ у прилучанъ, куда зъ горѣлкою приходилъ Стефанъ Забѣла и почтувалъ всѣхъ. Зъ п. Михайломъ въ первое игралемъ въ пикетъ карти. Гасло било у насъ и во всемъ таборѣ Сула.

15. Вовторокъ. Рушилисмо барзо рано зъ становиска и переехалисмо рѣчку, прозиваемую Красную, гатѣ подѣлавши своими людми, и часть нѣкоторую переехавши, нехалисмо (sic) зъ Дону людей идучихъ, которіи сказовали, что донцовъ 3000 війшло и къ нимъ 2000 колмиковъ и пушокъ 5, и мѣли ити просто до Сулаку, а 2000 знову донцовъ велено виелать до лѣнѣи, отъ Волги до Дону лежачой. Оттуду поехавши, пріехали надъ рѣчку Бѣленкую, отъ

---

[1]) Должно быть Тернавіотъ.

Красной около 15 верстъ отстоящую, такъ же плесами якъ и Красная идучую, и перебравшись на другую сторону, сталисмо на обѣдъ. Обѣдалисмо дома, а зъ нами Раковичъ и Петракій. По обѣдѣ Лизогубъ рушилъ далѣй, а ми осталисмося тутъ ночовать и зъ нами п. Федоръ дядко, Тарноліотъ, Холодовичъ, Заборовскій и Тимофѣй Скоропадскій. При порушенню табора, пріехали до Лизогуба донци, которіи то жъ о походѣ, что и вижей у 1 пунктѣ предложилось, говорили, а они сказались, что едутъ до Москви по жалованне и двохъ колодниковъ некрасовціовъ, нашихъ людей, повезли зъ собою. Гасло было у насъ Богъ. Демяну далемъ 3 р., чтобъ онъ ехалъ передомъ до Осиновой и тамъ покупки нѣкоторіе справилъ.

16. Середа. Рушилисмо своимъ обозомъ рано и въ половинѣ дороги отъ Осиновой, догналисмо таборъ, и пріехали до села чи городка Осинового, полку рибянского, а тутъ сотникомъ Сербинъ, въ которого заехавши и посидѣлисмо, а отъ его поехавши, и переехавши городокъ, и рѣчку подъ нимъ текучую, прозиваемую Гайдаръ, сталисмо у версту отъ городка. Пріехавши до табору, у п. Борковского снѣдалемъ смаженую рибу, а потомъ обѣдалисмо сами, а въ насъ п. Стефанъ Забѣла. Сотникъ сей сказовалъ, что указъ къ нему зъ Рибного принесенъ, жебы городокъ оправлялъ, и что донцы вислани зъ Черкаского къ Сулаку и на линѣю. Роменскій житель, сидѣвшій въ колегіи, принюсъ ко мнѣ тіошу бѣлужую, а онъ повернулся зъ Царицина. Гасло било у насъ Новгородокъ. Въ день сидѣли въ насъ Борковскій и, Томара, и кагве напившись, отойшли, а ми зъ прилучанами посидѣлисмо. Черезъ того жъ роменского жителя писалемъ писма теперъ до родителя и жени, до родителя—о поведеніи нашемъ и о присилцѣ бандуристи губернатору астраханскому, а до жени тожъ о поведеніи и чтобъ прислала ожинъ отсмаженихъ и увѣдомила бъ мене о всемъ домашнемъ поведеніи. Городокъ Осиновее отъ ночлѣга нашего, то есть отъ рѣчки Бѣленькой, отстоитъ въ 25 верстахъ, а отъ села Тополѣ и рѣки Оскола въ 70 верстахъ же.

17. Четверъ. Писма, писанніе до домашнихъ моихъ, отдани чловѣку роменскому. Обѣдалемъ у п. Семена Лизогуба зъ п. Ми-

хайломъ, куда и Черняк Григорій, наказ. полтавскій полковникъ, отъ лагера своего прибувши къ намъ, прійшолъ и совокупне жъ обѣдалъ. По обѣдѣ рушили оттуду въ предлежащій путь, и мало проехавши, оглядали лошадей, колмиками зъ Саратова пригнанныхъ, для ярмарку узюмского, которихъ болшъ 1000 было, и пріехалисмо на становиско, отстоящое отъ Осинового въ 12 верстахъ, при дорозѣ, до Богучаръ идучой, на горѣ при байраку, надъ рѣчкою, прозиваемою Камянка, плесами але барзо глубоко идучою, надъ которою близше, на горѣ жъ, стоялъ и полкъ полтавскій. Заразъ зъ табору зъ Лизогубомъ ездилисмо до полтавского наказного въ обозъ ихъ полковій, у которого випивши по килка кубковъ меду, зайшлисмо оттуду до обозу Кочубея, которій насъ такъ же медомъ почтовалъ доволно, и потомъ, пріехавши до табору, чай у Борковского, а кагве у Лизогуба пилисмо. Значковіе не похотѣли ѣхать передъ бунчуковими зъ знакомъ, для чого зъ виговоромъ приходили стародубовскіе при насъ до Лизогуба и Галецкій Семенъ бувъ первимъ заговорчикомъ и зъ п. Михайломъ перемовлялся. Въ обозѣ полтавскомъ и у п. Кочубея черезъ всю ночь стрѣляно залпомъ, бо були тамъ знать шумни. Гасло било у насъ въ таборѣ Лютенка.

18. Пятокъ. Простояли тамъ же на одномъ мѣстѣ. Демянъ посиланъ былъ въ Осиновее для покупки риби и напитку и, мало що скуравши, повернулся. Богаевскій, харковскій писаръ, явился у мене и сказалъ, что имѣетъ писма ко мнѣ, отъ Ромна въ Ахтирку, а оттуду въ Богодуховъ и въ Харковъ къ нему принесеніе. Кутневскій пріехалъ, синъ Данила Кутневского. Гасло было у насъ Лютенка.

19. Субота. Тамъ же простоялисмо, а обѣдали у насъ п. дядко и Раковичъ. Сторожъ новомлинскій, полку нѣжинского, отпущенъ зъ табору назадъ, а писалемъ черезъ его до ясневелможной, до родителей и жени своей. Харковскій Богаевскій отдалъ мнѣ писма тіе, отъ родителей и жени писанніе. Чуйкевичъ Семенъ и Василь Романовичъ приходили зъ предложеннемъ п. Семена Лизогуба до насъ, жебы бунчуковимъ давать своихъ слугъ впередъ ити имъ вмѣсто значковихъ, которимъ отказалисмо въ томъ. Якимъ

Горленко предлагалъ намъ и протчіимъ, отъ его жъ Лизогуба, о сторожѣ плецовой и полевой и приговорилисмо на полевой сторожѣ стоять значковимъ зъ радовими, а объеждјати бунчуковимъ товарищамъ. Бурковскій и Томара были у насъ и просидѣли. Гасло было Батуринъ. У п. Лизогуба былисмо и поговоря отойшли. Завадовскій и Дзявулскій, бунчуковіе товарищи, во первихъ начали объеждјать сторожу полевую въ ночъ.

20. Неделя. Обѣдалисмо тамъ же сами зъ п. Іваномъ Забѣлою. По обѣдѣ рушилисмо и, увойшовши верстъ зъ 5, черезъ рѣчку Камянку, стали на ночлѣгъ по близу оной. Кулачки были жестокіе, полтавскій полкъ зъ лубенскимъ и чернѣговскимъ оніе отправляли, которихъ Якимъ Горленко розогналъ заледво, а Андрѣй Горленко Петракія канчукомъ утялъ. Гасло было Лохвиця; а сторожу полевую обездили Ширай зъ Городискимъ бунчуковіе.

21. Понеделокъ. Рушилисмо оттуду рано, а уехавши верстъ зъ 20, стали на обѣдъ у вершини рѣчки, прозиваемой Богучаръ. Снѣдалисмо у п. Семена Лизогуба, оттуду у прилучанъ посидѣли. Оттуду пошовши я до п. п. Миклашевскихъ, тамъ просидѣлемъ и обѣдалемъ, и потомъ назадъ прийшолемъ до своего куреня. Чловѣкъ зъ Бурлукъ привюзъ медъ, которого купилисмо 32 ȣарци. Гасло было у таборѣ Сосниця, а объездили (sic) сторожу полевую Василь Гамалѣя. Козаки, опроважавшіи полковника Яропкина, повернулися назадъ, а его оставили у млина Мигулиного.

22. Вовтор. Поехавши отъ ночлѣга низомъ поузъ рѣчку Богучаръ, пріехалисмо на обѣдъ верстъ у 12 и, перебравшись черезъ помянутую рѣчку, сталисмо на обѣдъ, гдѣ и ночлѣгъ имѣлисмо. Пріхавши на становиско сее, первей былисмо у п. п. Миклашевскихъ, зъ которими и въ дами [1]) игралисмо, где и Кураховскій зъ п. Михайломъ въ задіорѣ сталъ. Обѣдалисмо сами толко, да въ тую жъ пору пріехалъ въ обозъ нашъ порутчикъ азовского полку Чобуковъ, отъ полковника Яропкина зъ писмомъ, до комъмендира нашего отправленнимъ, въ которомъ виражено, что въ інструкцѣи

---

[1]) Шашки.

ему полковнику отъ князя генерала и кавалера Голѣцина предложено было, чтобъ онъ нашъ корпусъ въ Царичинѣ пересмотрѣлъ, а 7 юня получилъ онъ указъ ея величества, зъ правителствующого сената, дабы ему зъ нерегулярними войсками слѣдовать до крѣпости Святаго Креста съ великимъ поспѣшеніемъ, и съ тимъ указомъ для принужденія присланъ къ нему саржантъ отъ гвардіи Цизиревъ, и потому нашъ корпусъ поспѣшался бы въ самой скорости до Царичина, оставивши излишніе всѣ тягости и прихоти. Для чего мы умислилисмо обозъ воловій передомъ отправить къ Царицину, а онъ, порутчикъ, 18 юня зъ Царицина виехалъ и сталъ зде въ палатцѣ тутъ винайденной, зъ Себестіяновичемъ, а п. Лизогубъ отвѣтъ на листъ той до Яропкина намѣрилъ отправить черезъ Василя Томару, бунчукового товарища. Гасло было Сеймъ.

23. Середа. Поехавши рано зъ ночлѣга, пріехалисмо къ байракамъ, у правой руцѣ стоячимъ, и тутъ на обѣдъ сталисмо особно, а уехалисмо верстъ около 15. Вози воловіе свои отправилисмо зъ приставомъ Потапомъ, передомъ, къ Царицину. Демяна да Гаврила, зъ козакомъ токаровскимъ, послалисмо передомъ къ Царицину для покупки 4 верблюдовъ, 2 фунтовъ чаю и пуда цукру и для наняття судна водного, на що онимъ далисмо пополамъ зъ п. Михайломъ я 80 р., а поехали они при заходѣ слонца и писалемъ черезъ нихъ до Юска, Казѣмира и Гаврила и до Якова Івановича, поселителя слободки Дубовки. Василь Томара позно поехалъ зъ обозу въ путь свой до Царицина, зъ писменнимъ отвѣтомъ до полковника Яропкина таковимъ, что сколко можемъ столко поспѣшаемъ, а лишнихъ у насъ тягостей и прихотей нѣтъ. Да ему жъ полѣцено упомянутись о суда водніе. Осталось у мене грошей 17 р. зъ полтиною. Гасло било у нашемъ обозѣ Іванъ, а въ таборѣ — Конотопъ.

24. Четверъ. Рано присмотрувалисмося слонцу сходячому зъ тоей причини, что Іванъ Забѣла заложился зъ другими товаришами, будто слонце на сей день для святаго Предтечи играетъ и зеленѣ бываетъ. Поехавши всѣ мы рано, сталисмо у байракъ, на лѣвой сторонѣ стоячихъ, якъ бы у 40 верстъ отъ ночлѣга, бо близко

7 годинъ уставичне ѣхалисмо. Тутъ въ насъ обѣдалъ, съ нами, Семенъ Лизогубъ, п. Федоръ дядко, Рощаковскій и мы, а по обѣдѣ и порутчикъ пріехалъ къ намъ. Передъ вечеромъ поехалисмо своимъ обозомъ и порутчикъ зъ нами, и пріехали надъ вершину рѣчки Тихенкой, черезъ которую переехавши, сталисмо подъ горою, а протчіе бунчуковіе на той сторонѣ, и при горѣ, и въ низу стояли; отъ становиска обѣднего будетъ верстъ около 20. Орановскій рукоположенъ въ Кіеви въ пресвитери на село Коровинци до половини парохіи.

25. Пятокъ. Пріймалисмо обыдва, зъ п. Михайломъ, проносное лѣкарство въ конфектѣ и легкую ляксацію имѣли. Къ обѣду пріехалъ п. Семенъ Лизогубъ зо всѣми бунчуковими и, не доежджаючи рѣчки, на горѣ сталъ обозомъ. Рушилъ онъ же зо всѣмъ таборомъ передъ вечоромъ и мимо насъ поехалъ далѣй, и сталъ ночовать оттуду за 7 верстъ, и мы на томъ же мѣстѣ переночовалисмо. Попа отца Федора, запившогося и оставшогося отъ обозу, а блукавшого по степу, козакъ припроводилъ до нашего куреня.

26. Субота. Рано пріехалисмо до становиска цѣлого табору, за 7 верстъ отстоящого, и тутъ засталисмо нерушаючихъ, и побудили прилучанъ и Миклашевскихъ. Обѣдалисмо у Лизогуба, а по обѣдѣ просидѣлисмо у себе и у п. п. Миклашевскихъ, и въ дами пограли. Сторожъ гадяцкій пріехалъ зъ Царицина и привезлъ писма отъ Юска ко мнѣ и отъ губернатора Волинского до родителя.

27. Неделя. Рано Лизогубъ рушилъ со всѣми, а мы приоставшись, отправили сторожа гадяцкого, вчора зъ Царицина въ обозъ нашъ пріехавшого, а писалемъ до родителя и листи губернаторскій и Юсковъ приложилемъ зъ прошеніемъ о присланне бандуристи господину Волинскому, и до жени о своемъ поворженню и что сегодня передомъ поеду до Царицина зъ п. Михайломъ для повиданняся зъ губернаторомъ, мѣючимъ на сихъ часахъ до Саратова ехать. По отправѣ листовъ, поехалисмо оба и пріехали до табору, надъ Тихенькою ставшого, на обѣдъ, отъ ночлѣга на 10 верстъ отстоящого, и тутъ у Лизогуба обѣдалисмо. По обѣдѣ переклалисмося у возки 2 легкіе, которіе зъ нами пойдутъ при спалняхъ и рушилъся та-

боръ, а пріехалисмо и стали тожъ надъ Тихенкою у близшого млина, прозиваемого Мигулиного, на той же рѣчцѣ построенного, а отъ обѣдного становиска въ 15 верстахъ отстоящого. Тутъ мы пожекгнавшись зъ Лизогубомъ и протчіими, поехалисмо въ предлежащій путь до Царицина и, проехавши верстъ зъ 6, оставилисмо дорогу у лѣво до манастирця Мигулинского, взяли у право до мосту, на Тихенкой будучого, до которого едучи, минулисмо у правой руцѣ дворець чернецкій монастирскій и, переехавши черезъ мостъ, тутъ же неподалеку сталисмо на ночлѣгъ, где и Себестіяновичъ стоялъ у 2 верстахъ, а ехали зъ нами порутчикъ Петръ Филиповъ Чобуковъ, Худолѣй, Голенковскій, Кулябка Іванъ и прочіи. Прислухалисмося утѣшной контроверсѣи курѣнчиковъ нашихъ Забѣли и Заборовского и отъ оной ссорѣ произшедшой о годности бунчуковихъ къ шляхетству. Порутчикъ Чабуковъ сказовалъ, что въ дворѣ чарнецкомъ, котрий мы у правой руцѣ проминули, стоитъ учрежденная почта отъ лѣнѣи, межи Волгою и Доном обрѣтаючойся до Рибного, да на той почтѣ онъ бывши извѣстился, что вчорайшого дня проехалъ порутчикъ отъ князя Голѣцина до линѣи, за тимъ жебы донци всѣ зъ станиць были виведени и поставлени при линѣи для осторожности. Тихенкой рѣчки такое состояніе: вершина оной прописана у 24 числа, идетъ она перенорinами, у лѣвой сторонѣ по надъ нею гори, ажъ до толь, поколь она въ Донъ близъ манастира Мигулинского упадаетъ. всей будетъ должини ея на 38 вер.

28. Понеделокъ. Конь половий, лошакъ, якимъ Вѣжевскій ехалъ, захромалъ велми, которого когда прежде зашкварованнья саломъ промивали ногу, то онъ спинившись копитомъ Якова ранилъ. Оставивши мы оба зъ п. Михайломъ обозъ свой Якову, сами виехалисмо въ предлежащій путь до Царицина, да зъ нами Данило Галенковскій молодій до обозу своего, передомъ виправленного, поехалъ. Лескови кухареви на розніе кухарскіе потребы далемъ 10 зол. Ехали ми верстъ зъ 40 и стали на обѣдъ на степу, а вода у лѣвой руцѣ была за версту отъ насъ, у байраку. По обѣдѣ поехавши верстъ болшъ 10, наехали на обозъ воловий полку лубенского, где Кгригорій Котляренко приставомъ и тутъ заночовалисмо. Кап-

ралъ Вологоцкого полку зъ дракгуномъ тутъ же явились намъ и сказали о себѣ, что они зъ Яика отправлени отъ капитана отъ гвардіи и полковника, 12 мая, по жалованно, а оной капитанъ посланъ туда зъ 300 чловѣка дракгунъ для розиску о проявившомся тамъ бунтѣ отъ козаковъ яицкихъ противъ государства россійского, отъ которого хотѣли они отторгнутися. Едучимъ намъ отъ ночлѣга, гори и рѣка Донъ у лѣвой руцѣ били, а сей ночлѣгъ имѣетъ противъ станицѣ — — —, за полъ милѣ отъ насъ отстоячой.

29. Вовторникъ. Ст. Ап. Петра и Павла. Тутъ же мы розвелисмося, а зъ нами Галенковскій и Григорій Котляренко. По обѣдѣ рушилисмося и, проехавши верстъ зъ 20, наехали въ яру криницю барзо холодную, текучую и тутъ малое время забавилисмося. Оттуду проехавши верстъ зъ 40, стали на ночлѣгъ надъ рѣчкою, у правой руцѣ намъ бывшою, надъ которою увидѣлисмо и полкъ Нѣжинскій и Аѳанасія Дорофѣевича зъ Флемъ (?) стоячихъ, тогда жъ дожчъ зъ громомъ былъ.

30. Середа. Рано поехалисмо оттуду и, проехавши верстъ зъ 30, сталисмо на обѣдъ противъ станицѣ донской, Роспопинъ прозиваемой, у 2 версти отъ насъ стоячой. Въ тую жъ станицю ездилисмо оба передъ обѣдомъ зъ п. Михайломъ и, бувши у атамана, знову до своего намету пріехалисмо и тутъ кушалисмо, а атаманъ ліодомъ и рибою вялою намъ у насъ кланялъся. По обѣдѣ нашемъ пріехалъ полкъ Нѣжинскій и сталъ на ночлѣгъ, а ми, рушивши зъ полъверсти, знову тутъ же стали на ночъ. Старикъ донецъ, едучи въ поле зъ станицѣ, призванъ къ намъ былъ, который въ разговорѣ своемъ сказалъ себе быти осмдесятолѣтна, въ сей же станицѣ родившогося, але тѣломъ бодръ крѣпко. Онъ же сказалъ: 1) что станицѣ начинаются на Дону висше Мигулинского монастирця, и первая станиця — Казанка; 2) а станиць всѣхъ на Дону 52, на рѣчцѣ Хопру 26, на рѣчцѣ Медведицѣ 15, по Донцу 12, по Бузулуку 13, и того всѣхъ станиць 107; 3) въ станицѣ сей, Роспопѣнъ, по переписѣ показалось дворовъ на сотню; 4) атаманъ въ Черкаскомъ главний Андрѣй Івановичъ Лопатѣнъ, по указу госу-

даревомъ устроенъ; 5) а по станицямъ сами межи собою, кого хотятъ, поставляютъ своими атаманами; 6) донцовъ 3000 пошло весною въ Кгилянъ и имъ жалованя дано государева по 5 р.; 7) а всегда имъ зъ казни дается жалованне по 8 гривенъ, да за аршинъ сукна по 4 гривни, да по четверти муки; 8) разсуждалъ онъ, старикъ, что во всѣхъ станицяхъ на 20000 боевихъ козаковъ донскихъ можетъ винайтися; 9) теперъ висилаются 2000 козаковъ на Яикъ, а чего ради они сами не знаютъ, толко не зъ причини ли той, что тамъ прочулися бунти отъ нѣкоторихъ по розиску Захаріева капитана.

Юль. 1. Четверъ. Рано рушилисмося, и уехавши верстъ около 30, сталисмо на обѣдъ, а по обѣдѣ, также около 30 верстъ уехавши, сталисмо на ночлѣгъ на степу у лѣвой сторонѣ при байракахъ, въ которихъ и криницѣ были.

2. Пятокъ. Поехавши мы оттуду рано, и уѣхавши верстъ зъ 30, сталисмо на обѣдъ между байраками, где увидѣлисмо и донцовъ килкохъ чловѣка стоячихъ, которіе виехали на Яикъ. Сюда къ намъ пріехалъ Юско молодикъ, да Демянъ мой зъ словеснимъ предложеннемъ отъ господина губернатора Артемія Петровича, чтобъ мнѣ поспѣшать въ Царицинъ, бо мѣетъ въ Саратовъ скоро виежджать, и потому мы скоро рушилисмося въ предлежащій путь, але же, по ихъ же сказкамъ, не безтрудной на станицѣ Качалинѣ есть черезъ Донъ переездъ, того ради близше на станицю Лавлю разсудилисмо ехать и, проехавши мало, взялисмо у лѣво и пріехали до Дону, отъ обѣда верстъ у 10 отстоящого. Переправивши черезъ Донъ возки поромомъ, а конѣ уплинъ при каюкахъ, засталисмо на сей сторонѣ Дону обозъ Кандиби и протчіихъ и тутъ заночовалисмо у станицѣ Лавлѣ.

3. Субота. Тутже обѣдалисмо зарання, а по обѣдѣ поехалисмо и, переехавши черезъ рѣчку Качалинъ, у 10 верстахъ отъ Лавлѣ отстоящую, оставилисмо дорогу столповую у лѣво до Царицина, а сами у право верхами поехалисмо до лагеру, где брегадиръ Ветеранинъ стоитъ надъ лѣп... (?) и, пріехавши въ таборъ, чили лагеръ великороссійскій, булисмо, первей, у полковника Кроншлотского

полку Петра Івановича Бутурлина, где зъ полуполковникомъ Алексѣемъ Веровкинимъ увидѣлемся; тамъ посидѣвши мало, пойшлисмо пѣши до брегадира, у которого ласкаве приняти зосталисмо и тамъ застали п. Василя Томару, еще зъ рана туда заехавшого, который заразъ и отехалъ въ путь, а мы, тамъ посидѣвши чимало, отехали и, еще до полуполковника Веровкина заехавши, тутъ просидѣли часъ, а потомъ отехавши, доехали возковъ и будокъ своихъ, оттуду поехавши, уехалисмо отъ лагера верстъ 20 и сталисмо на ночъ купно зъ Томарою, Гамалѣею и Дорошенкомъ.

4. Неделя. Рано барзо рушилисмося зъ ночлега и на дорозѣ стрѣтилисмося зъ возами воловими, родителскими и нашими, а моихъ возовъ 18, зъ рибою и протчее, чего зде именное есть изображеніе зъ реестра Гавриловогo: риби вялой сули 8000, чабака 7000 зъ лишкомъ, еще жъ сули 450, чабака 2000 и 300 и того всей (сули 8450) чабаковъ 9300 и зъ лишкомъ, а подъ тимъ и при томъ возовъ воловихъ 18, конний 1, воловъ 75, коней 3, сокиръ 6, а при сему обрѣтается подданий нашъ Федоръ Сурайченко. Пріехалисмо до Царицина, отъ Лавлѣ въ 61 верстахъ отстоящого, а отъ лагеру въ 56, при линѣи будучого, и сталисмо на квартерѣ, отведенной въ новомъ городѣ, не подалеку рѣки Волgи. Едучи осмотрувалисмо линѣи, которая въ ширину будетъ на 4 саженя, але у глубину болше двохъ сажень не будетъ ровъ; по надъ ровомъ 4 городка, чили крѣпости. Рано былисмо у губернатора астраханского Артемія Петровича Волинского и милостиво приняти у его былисмо; тутъ же увидѣлисмося и зъ коммендиромъ нашимъ означеннимъ полковникомъ Яропкинимъ. Обѣдалисмо у дворанина Михаила Івановича Бакулина, куда зъ губернаторомъ и семею его Александрою Лвовною водою на шлюпцѣ ездилисмо, да зъ нами жъ былъ Еропкинъ, полковникъ харковскій Квѣтка, оберъ-іеромонахъ отецъ Давидъ и протчіе; по кушанню, игралисмо въ карти, потомъ, пріехавши назадъ, осмотрували конюшни Артемія Петровича, между которою (sic) конь жеребецъ сивострокатий, дивной шерсти, же мало оной и есть, а полемъ (?) будто на вишляфованой якой матеріи. После вечералисмо у Артемія Петровича и на квартеру отойшлисмо

свою. Куріеръ отъ Матюшкина зъ Гиляни повернулся и сказалъ — тамъ все благополучно и что тамошніе жители, прежде у гори збѣгшіе, теперъ начали на свои прежніе поворачатись жилища. Тогда жъ явился и слуга сина Милорадовичевого, зъ Сулаку пріехавшій.

5. Понеделокъ. Рано былисмо на суднѣ, на которомъ нашъ багажъ зложенъ, а оттуду пошедши, были у полковника Яропкина, а отъ него у Артемія Петровича и кушали тамъ же. Прошеніе на писмѣ въ 5 пунктахъ подалемъ Артемію Петровичу, о суднѣ тутъ и Астраханѣ, верблюдахъ и протчемъ, вина волоского на 5 р. купислисмо у двѣ барилцѣ. Передъ вечоромъ у губернатора жъ были и тамъ ужинали, онъ же въ разговорѣ зъ нами сказовалъ про персидскую страну: 1) что тамъ толко пшеница да ячмѣнь родится, а дважди въ лѣто, въ маи и октовиріи, 2) а землю, отъ упаловъ солнечнихъ вмѣсто каменя изсохшую, первей лопатками желѣзними острими первей (sic) издираютъ, а после орутъ мякшую, 3) въ Гиспаганѣ огкроди изрядніе зъ частими фонтанами, 4) дни жаркіе барзо, а ночи такъ же вопроки холодніе лѣтомъ, 5) наехалъ онъ рѣку, до Шамахи едучи отъ Испагана, которая розлившись, когда станетъ упадать, то остаючаяся вода на травѣ засихаетъ и биваетъ чистою селѣтрою. Два комисара пріехали, одинъ зъ Гиляни, а другій зъ Баки сегодня, и сказуютъ, что тамъ слава Богу все благополучно и жители тамошніе, прежде позбѣгавшіе, стали на свои жилища возвращатись.

6. Вовторокъ. Обѣдалисмо у себе сами и Томара позабавился у насъ. Далемъ грошей Демяну 30 р., да Юскови на судно въ Астрахань 15 р., да Гаврилови 6 р., итого 51 р., Юско зъ писмами Артемія Петровича отехалъ въ Астрахань почтою. У насъ были князь Андрей Григоріевъ Волконскій, порутчикъ Кроншлотского полку, комендированний къ Артемію Петровичу зъ 80 дракгунами въ Саратовъ, капитанъ Степанъ Федоровъ синъ Кондиревъ, да саржантъ Симеоновского полку Петръ Івановъ синъ Цизеринъ. У вечеру былисмо у Яропкина, а оттуду у Артемія Петровича, вечерали и, по вечери, играли въ карти.

7. Середа. Обѣдалисмо у Артемія Петровича и по обѣдѣ позабавили и зъ нами Томара и Дорошенко. По обѣдѣ тіе жъ гостѣ великороссійскіе и Томара были у насъ и, позабавивши, отойшли. У Артемія Петровича знову былемъ, который изволилъ говорить о 5 верблюдахъ, мнѣ уступленнихъ, и о Гаврилу слузѣ п. Михайла, козака Узюмского полку похитавшемъ (?) и о протчомъ, а потомъ, отойшовши я оттуду зъ п. Михайломъ, у лазнѣ въ себе милемся.

8. Четверъ. Рано поехавши я въ городъ, службы Божой слухалемъ, а по службѣ былемъ у Артемія Петровича и Еропкина и кушалемъ тамъ же, а по обѣдѣ у Селиванова, которій и взглядомъ судна обнадежилъ насъ; да потомъ у насъ бувъ капитанъ Банѣнъ и Томара. Гаврилу въ 10 пунктахъ далемъ інструкцѣю, едучему въ Астрахань, и листи два, еденъ до Ѳорки архиерея, а другій до Юска.

9. Пятокъ. Рано судно, на которомъ первій мой багажъ зложенъ былъ, затонуло и часть немалая багажу моего замокла, а то зъ причини Кондирева капитана, что излисше тяжару на судно взялъ. Яковъ зъ обозомъ пріехалъ до Мечетной и сталъ тамъ, а тутъ на время бувъ. У Артемія Петровича былемъ и, нѣкоторое время пробивши, ходилемъ зъ Петромъ Васил. велблюдовъ, намъ опредѣленнихъ, осмотрувать пяти. У вечеру Василь Томара съ нами просидѣлъ, а за судномъ посилалемъ до Селиванова и осмотрували оного по предложенню бережного, зде бывшого.

10. Субота. Рано обѣдалисмо у себе сами. Верблюдовъ 5 приведено къ намъ при Гаврилу, слузѣ п. Михайла, по указу Артемія Петровича. Былисмо потомъ у Еропкина, а оттуду у Артемія Петровича, где покушавши игралисмо въ карти, оба, Василь Гамалѣя и князь Андрей Волконскій, и Гамалѣя програлся. Гаврило, слуга мой, зъ багажомъ моимъ первимъ отпустился въ Астрахань судномъ зъ капитаномъ Кондиревимъ. Прійшовши ми зъ Василемъ Томарою домой, просидѣли и после вечерню отпѣли.

11. Неделя. За верблюди заплатилисмо оба по 30 р. и по 12 ал. присланному чловѣку отъ Петра Василіевича порутчика. У службы Божой булисмо, а по службѣ війшовши, кушали у Ероп-

кина и въ карти играли. Показовалъ Яропкинъ листъ, въ якомъ пишетъ Семенъ Лизогубъ, что онъ вчорайшого дня прибылъ до перевозу къ Дону. Оберъ іеромонахъ пріехалъ сюда зъ синода до Колмицкого Петра Петровича, которого служитель латинщикъ у Артемія Петровича тумани отнеслъ (?). Отійшовши мы отъ полковника, были у Томари и, просидѣвши чимало, прийшлисмо до себе. Демянъ купилъ вина волоского у двѣ барилцѣ, а въ нихъ умѣстилось квартъ 22.

12. Понеделокъ. Вчорайшого дня обѣдалисмо вси на двохъ столахъ у Артемія Петровича, понеже дочери его Аннушки день былъ рожденія. По обѣдѣ поигравши въ карти, прийшлисмо до своей квартери, а отсюду зъ Дорошенкомъ былисмо у отца Лѣнкевича на суднѣ, а оттоль у полуполковника Толстеина. Данило Івановъ синъ Опачининъ, капитанъ посиланний отъ Яропкина до Лизогуба, повернулъся сюда. Молитвенникъ мой отдалемъ Артемію Петровичу.

13. Вовтор. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ были у Артемія Петровича, а оттуду у Данила Опачинина и играли въ карти. Артемій Петровичъ виехалъ зъ Царицина къ Саратову, водою, для примиренія Петра Петровича Колмика зъ прочіими его свойственними, а зъ нимъ жена его Александра Лвовна опроважать поехала жъ, да въ дорогу жъ князь Волконскій Андрей да порутчикъ Ярмолаевъ и оберъ-іеромонахи оба, отецъ Давидъ и отецъ Лѣнкевичъ. По отездѣ его, былисмо у Еропкина, оттуду у Опачинина и въ домъ прийшлисмо. Гварнѣзоновъ кіевского и глуховского солдати, коммендированніе до Сулаку, прибули сегодня водою сюда зъ гори. П. Михайло небилицѣ провадилъ. — Достался намъ реестръ, въ екомъ виражено, что на сватбѣ цесаревны Анны Петровны зъ голштинскимъ княземъ пожалованы нѣкоторіе чиновники, той сватби приличніе на той часъ, а инніи въ чини вовсе. (*Засимъ слѣдуетъ, опускаемый здѣсь, списокъ лицъ, получившихъ награды*).

14. Середа. Вина волоского квартъ 20 купилъ Демянъ. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ були у Еропкина и, въ карти погравши, були потомъ у губернаторши. Поехалисмо до Артемія Петровича зъ

Еропкинымъ, я, п. Михайло и п. Гамалѣя Василь, Опачининъ и Цизиринъ я, черезъ рѣчку Мечетную, близко у Волgу упадаючую, и инние поточки переехавши, доехали до Артемія Петровича у 20 верстахъ отъ города, тамъ вечералисмо и по вечерѣ играли въ карти. Артемей Петровичъ далъ писма до Астраханѣ о мнѣ до Івановского, Полтева и Трифонова, а поехалисмо назадъ шлюпкою полъ 3 часа на низъ, а било болшъ 20 верстъ водою. Ночовалъ у насъ п. Василь Гамалѣя, который едучи еще туда такъ жаждою роспалился, же табакерою воду пилъ, понеже и кунтушъ и каѳанъ роспасавши, акиярижка на конѣ приgалъ.

15. Четверъ. Сегодня обѣдали у насъ Василь Гамалѣя и Дорошенко, а по обѣдѣ приходили до насъ Опачининъ капитанъ и Цизеринъ, и Костенецкій явилъся у насъ же. Милисмося у лазнѣ оба, зъ п. Михайломъ. Демянъ молодикъ уговорилъся зъ человѣкомъ рускимъ, астраханскимъ жителемъ, на судно взять нашъ запасъ въ Астрахань и припроводить туда въ цѣлости, а ему за то отъ воза по рублю дать волового. Куріеръ до Еропкина полковника зъ Питербурху пріехалъ, а зъ чимъ еще ми не извѣстилисмося.

16. Пятокъ. Сегодня рано конфектъ ляксуючихъ принималисмо оба, я 2 ложечки малихъ зъ верхами и имѣлемъ sedes 9, а то зъ тихъ мѣръ, что вчорайшого чи еще позавчорайшого дня рибою спортилемъся. Куріеръ Зѣновіевъ нѣякійсь, вчорайшого дня пріехавшій зъ С. П. Бурху до полковника Еропкина зъ сенатскимъ указомъ, чтобъ онъ поспѣшалъ зъ тими въ походъ до Сулаку, которіи въ его суть командѣ, а для малороссійскихъ войскъ оставилъ бы кого зъ штапъ или оберъ офѣцеровъ, отправленъ зъ отвѣтомъ, что онъ, уже дождавшись бунчуковихъ и козаковъ, совокупно со всѣми пойдетъ въ надлежащій походъ. Обѣдали у насъ Костенецкій, Покотило и Грабовскій, а по обѣдѣ Опачининъ зъ капитаномъ, отъ линѣи пріехавшимъ, посѣщали насъ и, посидя мало, отехали въ лагеръ полковника харковского Квѣтки, сина своего меншого въ домъ отпускаючого.

17. Субота. Казалемъ Демяну, жебы Леску кухару далъ зол. 5 на расходъ. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посилалисмо сво-

ихъ людей на ту сторону Волги, до колмиковъ, для покупки коней, которіе повернувшись сказали, что конѣ дешевою ценою продаются, а всего лутше рускіи промишленики чили баришники мѣняютъ на конѣ колмикамъ свои товари, именно чоботи жовтіи и красніи, крашанину, киндяки и протчіе симъ подобніе, високую цену онимъ ставлячи. На судно, у четверъ еще Демяномъ сторгованное, поскладалисмо свои рѣчи. Былисмо передъ вечоромъ у Еропкина, который писмо показовалъ намъ о(тъ) князя Голѣцина, зъ Ахтирки писанное къ нему зъ тимъ предложеннемъ, жебы онъ по указу Ветеранина брегадира, если нужда необходимая указоватиметъ, оставилъ при линѣи козаковъ для неспокойства колмикъ, однакъ знову то отрѣшаетъ, тимъ что полкъ Азовскій моглъ прийти туда къ линѣи, которой нарочно для того отъ его сіятелства комендировалъся. Такъ же и Худолѣя видѣлисмо, и Василь Гамалѣя зъ нами жъ былъ. Десанъ, князь колмицкій, переехавши черезъ Дунъ, былъ у лагерѣ въ Ветеранина и такъ якбы кушалъ, а при немъ ассистенцѣи было на 200 чловѣка.

18. Неделя. По службѣ Божой былисмо у Яропкина на водцѣ, а зъ нами харковскій полковникъ Квѣтка и офѣцери, а потомъ п. Михайло осталъся тамъ же обѣдать, а я въ квартерѣ своей, зъ Дорошенкомъ и Худолѣемъ, обѣдалемъ. По обѣдѣ былемъ у полковника Еропкина, где играли у карти они зъ п. Михайломъ, програвшимъся тогда. Тогда жъ принесено писмо къ Еропкину полковнику отъ брегадира Ветеранина, что онъ зъ собою взялъ нашихъ малороссійскихъ козаковъ 600 и пріехалъ къ крѣпости, при линѣи, по рединѣ отъ Волги до Дону обрѣтаючойся, прозиваемой Грачевская, ради неспокойства калмикъ.

19. Понеделокъ. Сегодня Лизогубъ зъ нѣкоторими бунчуковими передъ обѣдомъ пріехалъ сюда передомъ и обѣдалъ у Еропкина, а обозъ остался при Дону. Были у насъ п. Андрѣй Миклашевскій, Ширай, Дорошенко и послѣдніе зъ нихъ обѣдали у насъ. Судно на пп. Миклашевскихъ и курѣнчиковъ нашихъ приторговалисмо у тутейшого хозяина по рублю отъ воза двоволового и 10 ведръ московскихъ вина. Былисмо у Еропкина, который показовалъ

доношеніе, написанное въ сенатъ о томъ, что брегадиръ Ветеранинъ писалъ къ нему о учрежденіи форпостовъ нашими козаками, для неспокойства калмикъ, такъ же въ томъ же дѣлѣ, что и Артемей Петровичъ писалъ къ нему, а доношеніе тое послалъ въ Питербурхъ, черезъ салдата гвардіи, повернувшогося зъ Баку, котрий сказалъ, что Матюшкинъ пріехалъ въ Баку при ему еще и что теперъ въ Гиляни смирно, потому что, когда нѣкоторое число гребенскихъ козаковъ и грузинцовъ, партіями ходившихъ, сожгли деревень непріятельскихъ 140 и болшъ, въ тотъ часъ стали поворочатися гилянскіе жители на свои мѣста и присягу виконивать государинѣ імператрици. Онъ же сказовалъ, что турки Гиспагань взяли.

20. Вовторникъ. Сегодня вѣдомость учинилася, что посиланная партія дракгунъ 300, донцовъ 2000 и слободскихъ козаковъ зъ полуполковникомъ Василіемъ Івановимъ Засѣтскимъ розбила калмицкого владѣлца Нѣтаръ-держу, брата Десанового, и калмикъ на 40 чловѣка убито, а самъ владѣлецъ ушолъ на лошадѣ у одной рубашкѣ. Обѣдалисмо у себе и у насъ Дорошенко и Ломиковскій; по обѣдѣ ходилъ п. Михайло въ лагеръ нашъ, а я до Селиванова комменданта, и тамъ доволно посидѣвши, отийшолъ и зайшолъ до Опачинина, где многихъ нашу браттюю засталъ, зъ которими скоро и отийшолемъ. Риби вялой въ три вози воловихъ понакладали мнѣ Яковъ и Демянъ, а именно: сули 2000, чабаковъ 1000, а сомовъ 100, за всю грошей дано 25 р., 3 алт., 4 д.

21. Середа. Сегодня обѣдали у насъ Ширай и Якубовичъ на квартерѣ, а п. Михайло захоровалъ на кшталтъ фебри. До 30 р., даннихъ Демяну, еще далемъ 13 р. и 20 к. для росплатки за рибу, вчорайшого дня въ числѣ 3 означенную. Ездилемъ въ лагеръ нашъ и тамъ у Кочубея зъ полуполковникомъ Толстеинимъ и Лизогубомъ были и подпивали, а по отездѣ ихъ я зъ Кочубеемъ на свою пріехалемъ квартеру.

22. Четверъ. Сегодня кушалъ у насъ Андрей Миклашевскій, оба Гамалѣи стар. (?). Брегадиръ Ветеранинъ пріехалъ въ Царицинъ и былъ у Яропкина, куда я ходилъ, а п. Михайло, немощенъ будучи, въ дому остался. Тогда жъ и п. Федоръ дядко

пріехалъ. Семенъ Лизогубъ и Андрѣй Горленко за караулъ взяти по доношенію ченця нѣякогось монастира Мигулинского. Хлопецъ Вѣжевскій и у (о)бѣда, и у вечеру за упрамость каранъ.

23. Пятокъ. По утру были у нашей квартерѣ п. Федоръ дядко и Раковичъ и кушали, тако жъ и арестантъ Андрей Горленко зъ капитаномъ Аненковимъ и Василь Томара, о каменю нонъ дубѣти (?) сказивавший; а по обѣдѣ капитанъ Опачининъ зъ Павловимъ, порутчикомъ Азовского полку, и Андреемъ Миклашевскимъ пріездили до насъ въ гостѣ. Надъ вечеръ Андрей Горленко зъ тимъ же капитаномъ, Кандиба, Борковскій, Тернавскій були у насъ и, посидя мало, отойшли. Брегадиръ Ветеранинъ надъ вечеръ отехалъ зъ Царицина до своего лагеру.

24. Субота. Кушали сегодня у насъ п. Федоръ дядко, Тернавскій; а по обѣдѣ Горленко и протчіе были. По обѣдѣ жъ ходилемъ, чи ездилемъ, до Еропкина, оттуду былемъ у Миклашевскихъ, а оттоль, зъ нами жъ и Кочубеемъ, у Семена Лизогуба и зъ нимъ пожекгналемъся я и всѣ протчіи товариство. Такъ же и зъ Горленкомъ у нашей квартерѣ, до которого много товариства пріездило, а то для того, что они завтра мѣютъ быть отослани въ Ахтирку до князя Голѣцина.

25. Неделя. Семенъ Лизогубъ и Андрѣй Горленко попроважени отсюду за карауломъ до лагеру къ брегадиру господину Ветеранину, а оттуду въ Ахтирку до его сіятелства князя Голѣцина. По службѣ Божой кушали наши курѣнчики. Отъ князя зъ Ахтирки пріехалъ куріеръ до полковника господина Еропкина зъ указомъ взять у бунчуковихъ и полковниковъ вѣдомость, чего ради въ пути было медленіе и когда зъ домовъ своихъ рушились и потому всѣ, такъ же и мы оба зъ п. Михайломъ, далисмо отъ себе на писмѣ тое, что по указу вийшлисмо зъ домовъ первихъ числъ мая и, совокупясь зъ полками малор. близъ Барабашевихъ Байракъ, слѣдовали совокупно, а не порознь, ибо такъ велено указомъ зъ вой. енер. канцелляріи. У полковника былисмо Еропкина, а оттуду дома и вечералисмо зъ Томарою и Дорошенкомъ у себе.

26. Понеделокъ. Сегодня рано смотръ былъ намъ бунчуковимъ, которихъ осматривалъ полковникъ Яропкинъ у двѣ версти отъ города. Обѣдали у насъ Томара, Дорошенко и Ломиковскій. Черезъ куріера, присиланного сюда зъ Ахтирки, послалисмо писма пакетомъ до ахтирского полковника и листъ къ нему, такъ же къ родителю, родителцѣ, женѣ и ясневелможной и къ Михайлу Семеновичу. По обѣдѣ были у насъ п. Андрѣй Миклашевскій зъ товарищи. Далемъ хлопцеви Вѣжевскому 3 р. на росходи приватніе.

27. Вовторокъ. Сего дня полковникъ Еропкинъ окончилъ смотръ всѣмъ полкамъ нашимъ. Былемъ у колмицкихъ кибѣтокъ, для присмотрениякся ихъ состоянія, и увидѣлемъ у нихъ многіе вещи ихъ состоянія, единого негодованія и смѣху достойніе: 1) молитву абизъ ихъ отправлялъ сѣвши долѣ, а межи ногами книгу читаючи, писмо незнать якого язика, толко подобное персидскому; 2) бурханъ показовали свой, который вмѣсто икони почитаютъ и кланяются ему, шкурка заячая, да при ногахъ и ушахъ чирвонимъ шовкомъ обязанная и арканъ зъ мякой шерсти верблюжой и на ономъ ремѣнніе капшучки маленкіе и тое все въ каптурку повстномъ, чему при мнѣ и кланялся колмикъ; 3) на зиму для препитанія сушатъ килка разнихъ скотинъ, здохлихъ найболше; 4) пѣніе ихъ на кшталтъ лобурского, простимъ голосомъ, безъ всякой мелодіи; 5) по переспѣванню, книжку абизъ обвертѣвъ у 3 матерійки и, въ мѣсто благословенія, до всякого зъ колмикъ къ головѣ прикладивалъ и тое все чинили зъ благоговѣніемъ, але нѣкоторіе, смотря на насъ, зъ того всего смѣючихъся, и сами смѣялися. П. Федору дядку позволилисмо въ своемъ суднѣ до Астрахани водою ехать. Обѣдали у насъ наши курѣнчики. Сего дня по обѣдѣ бунчуковіе и всѣ полки переправились черезъ городъ за линѣю. Былисмо у Еропкина и, увѣдомившись о походѣ нашемъ пріидучого четверга, былисмо потомъ у Миклашевскихъ, где и панчохи волосяніе за 7 зл. купилъ мнѣ Цизиринъ. Оттуду былисмо у Селиванова и посидя отойшли домой. Приходили до насъ козаки Чернѣговскаго полку, зъ Сулаку зъ болними повернувшіеся сюда, которіи сказовали, что въ Сулаку смирно, и зъ начальнихъ всѣ живи, а еще донци не прийшли, а они 5

недель якъ оттуду. У лазнѣ милисмося оба, а передомъ були у насъ п. Федоръ дядко, Томара, Дорошенко и Худолѣй.

28. Серода. Сегодня обѣдали у насъ Дорошенко и Ломиковскій, а Томара просидѣлъ. Верблюдовъ ми своихъ 4-хъ навючивши послалисмо до лагера бунчуковихъ, где и наметъ нашъ розбитъ за линѣею, куда и самъ я ездилъ и, посидѣвши у Кочубея, заехалемъ до харковского полковника Квѣтки и, тамъ мало посидѣвши, пріехалемъ въ квартеру. Писма Якову поотдавалемъ свои до ясневелможной при термѣнѣ листу до государинѣ імператрици, до родителя, родителки о себѣ, до жени о розныхъ интерессахъ господарскихъ и о присланню сюда виправи на весну вѣдомостей государства, винъ у бутилкахъ и проч., до п. Павловой, Кондзеровского, братовъ п. Андрѣя и п. Семена.

29. Четвер. У полуполковника рано былисмо, а оттуду у полковника Еропкина, где и куріера видѣлисмо, пріехавшого зъ С. П. Бурха къ нему зъ указомъ о поспѣшеніи нашемъ и виходѣ въ предлежащій маршъ. Обѣдали у насъ въ дому п. Федоръ дядко, Яковъ Якубовичъ, а по обѣдѣ Томара былъ и фузѣею раздратованний п. Михайла хлосталъ. Виправивши мы передомъ возки до лагеру, сами заехалисмо до полковника (где атестатъ бунчуковихъ за Фаемъ, что онъ боленъ, видѣлисмо) и, простившись зъ полковницею, заехалисмо потомъ до Селиванова (где до Артемія Петровича писмо написавши, отдалемъ салдату посилаючомуся) и, попростившись зъ нимъ, пріехалисмо въ лагеръ, за линѣею стоячій, и тутъ зъ товариствомъ заночовалисмо, при утѣшеніи жартовномъ п. Василя Гамалѣи, а лагерь отъ города у версту обрѣтается.

30. Пятниця. Якова Дуброву отправилемъ въ домъ, а Вѣжевскому далемъ 3 р. безъ гривни на росходи. Полковникъ Еропкинъ, едучи верхомъ, зъближился къ нашому лагеру и казалъ намъ и полкамъ нашимъ маршировать рекгулярно и, переехавши черезъ рѣчечку малую, прозиваемую Олшанка, отстоящую отъ Царицина въ 7 верстахъ, пройшлисмо еще верстъ зъ 6, и близъ полковъ слободскихъ сталисмо обозомъ всѣ фѣкгурою баталіонъ декари (декаре?) четвероуголно, по сторонахъ трохъ полки наши, а на передѣ

полки слободскіе, въ серединѣ дракгуне, а по самой серединѣ полковникъ Еропкинъ зъ присутствующими себѣ опредѣлилъ место, а ниже въ линѣи двѣ—бунчуковіе всѣ. Дощъ мочилъ тяжко, а мы зъ Еропкинимъ у полковника харковского Квѣтки былисмо, откуду Еропкинъ поехалъ въ Царицинъ, оставивши на писмѣ ордеръ всѣмъ коммендирамъ о заводѣ сторожи полевой, лозону (лозунга?) нестрѣляннію, о непропусканню лошадей за полевую сторожу. Гасло—Управи.

31. Субота. Сего дня на вчерайшомъ становиску дновалисмо, а обѣдали совокупно у едного столу зъ Миклашевскими и Гамалѣями. По обѣдѣ отправилемъ Алексѣйця въ Царицинъ зъ писмомъ до Селиванова и верблюдами, чтобъ онихъ взялъ въ соблюденіе до повороту людей нашихъ зъ Астраханѣ, а ему казалемъ возъ воловій тамъ достать зъ ярмами. Гасло—Боже!

Августъ 1. Неделя. Сегодня обѣдалисмо совокупне зъ Миклашевскими и Гамалѣями въ наметѣ ихъ. Алексѣецъ повернулся зъ Царицина зъ отвѣтнимъ писмомъ отъ Селиванова, что онъ верблюдовъ принять не хочетъ, которого знову послалемъ въ Царицинъ зъ повторнимъ о томъ же писмомъ. По обѣдѣ полковникъ Еропкинъ пріехалъ къ намъ и подполковникъ Манштейнъ и оберъ офѣцери и тогда рушилисмо зъ становиска, а прійшлисмо до рѣчки Сарпи, зъ степу у Волгу текучой, при которой и чагарники, и, не доходя ей мало, сталисмо на ночлѣгъ въ той же фѣкгурѣ, то-есть баталѣонъ декари. Отъ Царицина до становиска сего, то есть до рѣчки Сарпи, верстъ 25. Слишно, что будто донци мѣли зъ кубанцами акцѣю, не доходя Терку и хорошо показались противъ кубанцовъ, со стидомъ ихъ. Слава Богу! Гасло—поспѣшествуй.

2. Понеделокъ. Сегодня взялъ Еропкинъ полковникъ бунчуковихъ молодихъ къ себѣ и къ полуполковнику по едному чловѣку на ординансъ, такъ же и зъ значковихъ и радовихъ козаковъ. Поехавши мы рано зъ ночлѣга, ехалисмо степомъ верстъ 30 и стали години 3 зъ полудня на урочищѣ, прозиваемомъ Перелоги, близъ рѣчечки, отстоящомъ отъ Царицина въ 55 верстахъ. Обѣдалисмо у наметѣ Гамалѣи зъ Миклашевскими. По обѣдѣ и передъ обѣдомъ Опачининъ билъ въ куренѣ нашомъ. Гасло Москва.

3. Вовторокъ. Поехалисмо рано зъ ночлега и пріехалисмо на становиско, називаючеѳся по рѣчцѣ Дубовцѣ, отстоящой отъ Царицина въ 77 верстахъ. А между тимъ житель царичанскій обявилъ, что колмики уже третій день, якъ перевозились зъ за Волги на сюю сторону, при Дубовцѣ рѣчцѣ, за которими харковскій асаулъ комендерованъ билъ въ 40 человѣкъ и капралъ за ними гонитъ, а никого видѣть не могли. Алексѣецъ рано пріехалъ зъ Царицина и обявилъ, что онъ зъ дячкомъ царичанскимъ уговорился за то, что верблюдовъ нашихъ, которихъ передержитъ черезъ два мисяца, дать за всякого по рублю и далъ задатку 25 зл. Гасло—Коломна.

4. Середа. Рано поехалисмо зъ ночлега и на дорозѣ зайдалисмо (?) зъ Еропкинимъ, а пріехали на ночлѣгъ при урочищѣ, прозиваемомъ Везовка, которое отстоитъ отъ Царицина въ 90 верстахъ. Гасло—.

5. Четвер. Сегодня рано рушивши зъ мѣста, переехалисмо черезъ тую рѣчку и долго замедлѣли, поколь обозъ весь переправился, а после зъ Кочубеемъ и прочіими посидѣли и закусили, а пріехали до урочища, прозиваемаго Сухій Байракъ, и тутъ стали на ночлѣгъ, якое становиско отъ Царицина въ 108 верстахъ отстоитъ мѣранихъ веровками. Вечерню передъ Преображеніемъ правилисмо у наметѣ Еропкина и спѣвали многіе, а попъ при насъ бывшій рускій совершалъ. Гасло—.

6. Пятокъ. Сегодня праздновалисмо день Преображенія Господня и утреню, зъ часами и молебнемъ, отпѣли въ наметѣ полковника Еропкина. Обѣдали у насъ Еропкинъ, харковскій полковникъ, полуполковникъ, Кандиба, Кочубей и прочіе, а по обѣдѣ игралисмо у карти. 4-го часа зъ полудня поехалисмо, и прибули на ночлѣгъ до урочища, прозиваемаго Пади, второй години въ ночъ, а становиско сіе отъ Царицина отстоитъ въ 120 верстахъ. Лозонъ былъ Чабаксаръ.

7. Субота. Сегодня дожчъ рано началъ ити, ради которого, а барзѣй для того, что вчорайшаго дня въ ночѣ уже лошади государеви, пригнаніе сюди, спужавшись чогось, утонули 24, а другихъ тожъ немалое число виратовано, однакъ уже зъ дефектами (остано-

вились?) Козакъ полку лубенского умеръ и похованъ. Козаковъ двохъ, а третего драгуна спуженніе лошади мало не до смерти притоптали. Левенцевого чловѣка бито за тое, что вистрелилъ, а Левенецъ самъ, за то, что бранилъ п. Миклашевскаго Андрѣя, привязанъ былъ до колеса. Донци пріехали къ намъ отъ Сулаку, которіе сказуютъ себе 4-го дня зъ Астраханѣ, а другой неделѣ зъ Сулаку и что донцевъ 3000 еще туда не прійшли; и Матюшкинъ енералъ тамъ обрѣтается, куда и енералша Матюшкинова поехала. Казань гасло было.

8. Неделя. Сегодня рано поехавши, уехали верстъ 20 и пріехали до Чорного Яру, такъ городка прозиваемаго зъ деревянимъ валомъ, якій городокъ отъ Царицина отстоитъ въ 141 верстѣ и, пріехавши туда, былисмо тамъ у кабаку и пили пиво. Едучи до Чорного Яру вибѣгалисмо коньми моими, между которими сивий мой скоръ показался. Въ Чорномъ Яру на мѣстѣ коменданта умершого управляетъ прозиваемій порутчикъ (sic). Отъ Чорного Яру поехавши верстъ въ 12, стали близъ Волги на становиску, откуду посилалемъ Мартина въ Чорний Ярь покупать зъ Алексѣемъ пива, хлѣба, овса и діогтю; и пива рубліовъ за 2 купили, такъ же и протчего, а пріехали они сюда въ таборъ третей години или болшъ въ ночъ. А становиско сее зовется Солоновскій Падъ. Гасло было Калуга.

9. Понеделокъ. Сего дня рано поехавши отъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 17 и стали на становиску, отстоящомъ отъ Чорного Яру въ 32 верстахъ, а полковникъ Еропкинъ за болѣзнь свою, на палцѣ учинившуюся, въ кибѣтцѣ ехалъ; а становиско Грачовка, отъ Чорного Яру 49. Петро Мандрика, значковий полку чернѣговского козакъ, отъ горячки сегодня померъ и на вчорайшомъ становиску сегодня рано похованъ. Игралисмо у Еропкина въ палатцѣ его въ карти и 3 р. виигралъ. Гасло было Саратовъ.

10. Вовторокъ. Сегодня о пятомъ часу зъ полночи рушивши и минувши урочище, отъ ночлѣга отстоящое въ 15 верстахъ, прозиваемое Ветлюная Лучка, где доволно пашни было, прибули на другое становище, прозиваемое Полозовъ базаръ, а ишлисмо 13 часовъ уставичне, а пришли передъ вечоромъ 33 версти. День бувъ хо-

лодний, а у вечеру и у ночѣ дожчъ ишолъ. Минувши Ветляную Лучку, пріехали противъ селища на томъ боку Волgи, где рибалки живутъ. Ради такъ долгого маршу, много воловъ и коней поприставало. Гасло было Харковъ. Отъ Чорного Яру версти 62.

11. Середа. Сего дня простоялисмо до обѣда, а по 10 часу рушивши, пріехалисмо до становиска, прозиваемого Копанская Лучка, отстоящого отъ вчорайшого ночлѣга въ 14 верстахъ, а отъ Чорного Яру въ 8 верстахъ. Игралисмо зъ п. Михайломъ и Гамалѣею въ карти у полковника Еропкина и програлисмося оба. Гасло было Астрахань. Ординарци Янъ Миклашевскій и Домонтовичъ.

11. Четверъ. Сего дня тутъ, на семъ становиску, перестоялисмо, а у полковника Еропкина обѣдалисмо и по обѣдѣ, игралисмо въ карти у его жъ и виграле́мъ, потомъ у его жъ вечерали. Ординарецъ Василь Гамалѣя. Лозонъ Ахтирка.

13. Пятокъ. Сего дня рано рушивши, пришлисмо на становиско, прозиваемое Ерокъ подстепний, за 14 верстъ отстоящій отъ вчорайшого ночлѣга, а отъ Чорного Яру 90 верстъ, и тутъ ночлѣгъ имѣлисмо. Яжъ въ наметѣ своемъ былемъ, а п. Михайло и Гамалѣя играли въ карти у полковника. Гасло было Полтава.

14. Субота. Сегодня барзо рано, двома годинами передъ свѣтаннемъ вставши, пошлисмо и, пройшовши верстъ 17, сталисмо на обѣдъ въ урочищи „ “ (?), отстоящого отъ Чорного Яру въ 107 верстахъ, где Еропкинъ полковникъ провожатаевъ козаковъ чорноярскихъ при насъ батожемъ казалъ быть, за то что близко стали. По обѣдѣ рушивши, увойшлисмо верстъ 15 и прійшовши до урочища, отъ Чорного Яру отстоящого въ 12 верстахъ, тутъ на ночлѣгъ сталисмо. Ходилисмо зъ лагера на гору пѣши и зъ переспектива дивилисмося на ту сторону Волgи, за которою увидѣлисмо городокъ, прозиваемий Селитраний, где комендантомъ. „ “ Вечерню отпѣли въ наметѣ Опачинина соборно. Лозонъ Кіевъ. 3 овци и корову Еропкину, 3 овци подполковнику, а 2 Опачинину далъ. Татаре зъ писмомъ отъ криксъкомисара пріехали зъ Астраханѣ до Еропкина, о увѣдомленіи о насъ Матюшкина писанимъ. Ординарецъ Дзявулскій.

15. Неделя. Сегодня на томъ же становиску часовъ вислухавши, кушалисмо у полковника харковского Квѣтки. А по обѣдѣ рушивши, увойшлисмо верстъ 12 и стали на ночлѣгъ въ урочища „ “, отъ Чорного Яру 134 верстъ. Гасло было Чернѣговъ. Рано зъ вчорайшого становиска послалъ Еропкинъ Галецкого, зъ товарищи и зъ татари, въ Астрахань передомъ. Ординарецъ Якимъ Кулябка.

16. Понеделокъ. Рано, передъ свѣтомъ, поѣхалисмо и, увойшовши верстъ 21, стали на ночлѣгу при урочищѣ „ “, на лугу у Волgи. Обѣдалисмо сами куренемъ, у полатцѣ п. Миклашевского, а по обѣдѣ подполковникъ билъ у тимъ же куренѣ, а у полковника играли у карти п. Михайло и Василь Гамалѣя, которій и програлся. Отъ урочища сего до Чорного яру верстъ 155. Ординарцъ Пекалецкій да Дмитрашко.

17. Вовтор. Рано уставши, поехалисмо въ предлежащій путь и, уехавши верстъ 22, сталисмо на ночлѣгъ. Отъ Чорного Яру 177 верстъ.

18. Середа. Сегодня рано жъ, поехавши верстъ зъ 15, стали на лугу и отдохнули, а ми, передомъ оттуду зъ п. Андрѣемъ Миклашевскимъ и п. Михайломъ поехавши, пріехали на берегъ Волgи, отъ ночлѣга вчорайшого верстъ 26, и тутъ перевезшись черезъ рѣчку Солянку, уехали еще верстъ 2 и стали противъ Астраханѣ, куда я передомъ, а потомъ и протчіе перевезлися. Отъ Чорного Яру 205 верстъ. Перевюзшись, я бувъ у архиерея Горки и у его до ночи забавилемъся, и любително трактованъ былемъ; а оттуду пойшовши на квартеру п. Стефана Миклашевского, тутъ ночовалемъ.

19. Четверъ. Сегодня рано былемъ у Любима Совѣтовича Полянского и потомъ на своей квартерѣ, при березѣ, а оттоль на квартерѣ п. Стефана Миклашевского; оттуду шлюпкою зъ Опачининомъ переехалисмо на той бокъ къ лагеру, и були у Еропкина и перекусили у его жъ, а потомъ зъ нимъ же знову переехалисмо въ Астрахань, и былисмо зъ нимъ у коменданта Митрофанова, а оттуду у Безобразова Івана Григ., полковника, куда князь Василій Алекс. Урусовъ и Полянскій и протчіе поприездили и просидѣли. Оставя ихъ тамъ, я былемъ по всѣхъ радахъ, индийскихъ, арменскихъ и

московскихъ, и въ нихъ осмотрѣлемъ индиянъ, малюючихся на чолѣ фарбою чирвоною и играючихъ, напримѣръ дакъ (?) въ четвереуголномъ суннѣ да костями метались. Оттуди прийшовши въ квартеру п. Стефана, а оттуду знову у п. Федора дядка, дойшлемъ до своей квартерѣ, где засталемъ п. п. Миклашевскихъ и протчіихъ. Купилемъ табакерку и перспективъ.

20. Пятокъ. У полковника Безобразова былемъ рано, а оттуду пошовши, зайшолемъ до Томари, где и обѣдалемъ. Туда жъ прийшолъ секретаръ капитана морского флота фонъ Вердина, Яковъ Павловичъ, который въ разговорѣ о Гилянѣ сказалъ, что тамъ въ юнѣ, юлѣ, августѣ, септевріи и октовріи мѣсяцахъ превеликіе жари бываютъ, ради которихъ тамошніе жители збѣгаютъ у гори, где воздухъ холоднѣйший. Ращъ городъ гилянский, такъ многолюдний, что въ ономъ самихъ дворовъ гостинних 73, а поселеніемъ темнимъ, потому же въ лѣсахъ частихъ живутъ тамъ люде; зъ Астраханѣ туда пріехать можно въ 7 день, когда добрая погода. Подъ часъ гарячости люде умираютъ. Оттуда пошовши, я зъ Тамарою былемъ въ аптецѣ и купилемъ фунтъ дерева sassafras за 15 копѣекъ, а 2 фунта куреня за 24 коп., на затички до бутилокъ. Откуду былемъ у подполковника нашего Топстейна, а оттуду у князя Урусова, Алексѣя Василіевича, которому и листъ родителскій отдалемъ. Да туда жъ, къ намъ сидячимъ, пришли полковники Безобразовъ да Еропкинъ, откуду со всѣми пошлисмо до Полянского, и тамъ я мало посидѣвши, прийшолъ на свою квартеру. Ездилемъ одноколкою Полянского до судна своего буси, и оной осмотрѣвши, оглядного мастерамъ далемъ полкопи.

21. Субота. Рано былемъ у п. Федора дядка, а оттуду у Стефана Миклашевского, куда и Полянскій прийшолъ, откуду пошовши зъ п. Михайломъ, переехалисмо на ту сторону Волги до лагера. Смотръ былъ болнимъ чиненъ отъ полковника Еропкина и штапъ лѣкара, почому оставлени болніе: бунчуковихъ 19 чловѣка, радовихъ изъ старшини 24 и дракгунъ число нѣкоторое, и оніе злѣцени Безобразову. Обѣдалисмо тамъ же у Еропкина, который мнѣ водою ити въ Сулакъ опредѣлилъ. Доношеніе Еропкину по-

далъ Кандиба, за подписаніемъ его, Якима Горленка, Тарасевича и Івана Забѣли, а въ ономъ виразилъ, что зъ болнихъ бунчуковихъ, отъ Царицина водою до Астраханѣ приехавшихъ и тутъ остаючихся, притворили нѣкоторіе себѣ болѣзни и чтобъ безъ освѣдительствованія ихъ никого не оставлять зде, такъ же и водою никого непускать, развѣ кого бы они приговорили. Приехалемъ на ночъ сюда въ Астрахань, до своей квартери.

22. Неделя. Сегодня рано былемъ у Еропкина, стоявшого у Безобразова квартерѣ, а служби Божой слухалемъ у соборной епископской церквѣ, а по службѣ былисмо многіе бунчуковіе у архиерея на водцѣ, а оттуду зъ Опачининомъ обѣдать пошлисмо до Безобразова. При вечерѣ полковникъ Еропкинъ прийшолъ къ судну, близъ квартери нашой стоявшему, и простившись со всѣми и я зъ нимъ сѣлъ у судно, зъ п. Михайломъ и Василемъ Гамалѣею, отехалъ въ лагеръ. П. Андрѣй Миклашевскій просился у Еропкина водою ити, але не позволилъ. П. Михайло повернулся зъ лагеру и пріехалъ къ намъ на ночъ. Опачинину 6 бутилокъ вина черезъ Мартина послалемъ.

23 Понеделокъ. Сегодня рано п. Михайло, п. Миклашевскій, Григорій Гамалѣя, Іванъ Миклашевскій, простившись со мною, отехали до лагеру. На розніе потреби вилѣчилемъ зъ мешечка 15 р. и далъ Гаврилу, а осталось 80 р. Былъ у насъ Якимъ Кулябка, который сказовалъ, что еще наши не рушали зъ лагеремъ въ маршъ. Мартинъ коней двохъ, сивого верхового и сивенкого, сюда припровадилъ, а потимъ и буланого п. Федорового, которого знову туда жъ велѣлемъ отпровадить въ лагеръ. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ Якубовичемъ, а по обѣдѣ былемъ у п. Стефана Миклашевского, а оттуду у полковника Андріяна Петровича Дебринея, сего дня отъ С. П. Бурга, сюда въ Астрахань, пріехавшого, а оттуду у коменданта Митрофанова, которому и листъ Артемія Петровича далемъ; а пошедши оттуду, купиломъ футро 1 сѣбирковое за 4 р., а два лапковихъ сѣбирковихъ же за 2 р. и смолки черной полчетверти за 16 л.; оттуду прамо у архиерея былемъ, а посидя съ нимъ до ночи, отийшолъ на свою квартеру.

24. Вовторокъ. Сегодня рано былъ я у Полянского и оттуду въ церквѣ Николая ст. на службѣ Божой, где зъ Зазѣтскимъ подполковникомъ видѣлемся. Обѣдалемъ у себе зъ Дмитріемъ ɡречиномъ, а передъ вечоромъ были у мене на квартерѣ полковникъ Дебриней, маіоръ инженѣръ и садовникъ государинѣ, и посидѣвши доволно, отойшли. Казѣмирови денегъ 20 р. далемъ на розніе потреби; до буси Гаврило умовилъ работниковъ до буси на годъ по 13 р. на ихъ харчи. Сего дня полковникъ Еропкинъ зъ бунчуковими и всѣми козаками земнимъ путемъ рушилъ до Сулаку и, у войшовши верстъ 12, сталъ на ночлѣгъ. У лазнѣ милемся у Афанасія Сергѣевича Крашенинникова, посадского здешнего первого астраханского, отколь зъ Якубовичемъ идучи, зайшолемъ до Стефана Миклашевского, а потомъ и въ квартеру; зачулемъ отъ Якубовича, что якобы его мать пошла замужъ за Буцкого, суддю полкового полтавского. Мартинъ, отпровадивши до лагеру буланого коня ступака, повернулся назадъ. Козаковъ смѣловского стрелця и токаровского отправилемъ въ Царицинъ зъ конми моими всема, давши имъ карту подорожную и листъ до Якова Івановича у Дубовку, чтобъ тамъ они ждали прибуття Юска конюшого, да имъ же на дорогу и рубля грошей. Сегодня помаршировавшая наша компанѣя землею до Сулаку увойшла верстъ 12 и стала на ночъ у рѣчечки по лѣвой сторонѣ, при урочищи Безскал татар.

25. Середа. Сегодня рано заходилемъ до п. Федора дядка, а оттуду до соборной церкви, где и службы Божой слухалемъ, а по службѣ ходилемъ въ ради индѣйскіе да арменскіе, где купилисмо две штучки на чекмени сукна за 4 р. зъ полтиною. Рано Димитрій грекъ принюсъ шафрану паляничокъ 5 и фунт. 1 за 2 р. и 5 л. и чубукъ тростяній за 2 гривни. Іванъ Тарновіотъ приходилъ ко мнѣ и посидя отойшолъ. Работникамъ 10 чловѣкамъ, умовленнимъ вчера черезъ Гаврила до буси, на годъ по 13 р. всякому, далемъ теперъ черезъ его жъ Гаврила половину денегъ, то есть 65 р. Особливе ему жъ на росходи далемъ 10 р. Вѣжевскому въ росходъ далемъ рублей 2. Сегодня кампанѣя наша земная увойшла верстъ 15 отъ становиска перваго, а отъ Астраханѣ 27, и стали при

болотѣ у лѣво въ урочища, прозиваемаго по татарску Бакъ Клушунъ, а въ лѣво были озера солоніе.

26. Четверъ. Сегодня рано козаки роменскіе зъ Гудименкомъ пріехали сюда въ Астрахань, а зъ дому отъ Ромна отпущени юля 17, и писма зъ нѣкоторими посилками попривозили: писма отъ родителей и червон. 20, писмо отъ ясневел. и червонихъ 10, отъ жени писмо, отъ п. Семена брата, отъ Петрановского, отъ Афанасія, глинского сотника, отъ сина его Василя кожухъ (?), отъ Орановского и отъ прокурора 2 писмѣ до мене и до п. Михайла. Да съ тихъ же писемъ вѣдомости: 1) 5000 козаковъ идутъ сюда въ Сулакъ на перемѣну прежнимъ, а коммендѣромъ обозний прилуцкій Михайло Григоріевичъ [1]). Томара, суддя чернѣговскій, зъ Савѣцкимъ на розграниченне до Черкасского поехали. Да п. Михайлу жъ ясневел. прислала 100 р. и Заборовскому Матею столко жъ. Черезъ дворецкого Еропкинового, зъ табору сюда за покупкою вина пріездившого, послалемъ до п. Михайла писма зъ дому, до его належачіе, и бутилку водки мастихини и о себе писмо. Былемъ у соборной церквѣ на молебнѣ, за великую княжну Наталію Алексѣевну, самимъ здешнимъ архиереемъ отправляемимъ, а на службѣ Божой и тутъ зъ Полтевимъ видѣлемся. Шевцю тутейшому далемъ сафянъ свой жовтий и казалемъ зробить 2 пари чоботъ колмицкихъ за 8 гривенъ и очернить. Былемъ у дядка п. Федора, которій на ноги и на диссенторію хоруетъ. Дебринея обислалемъ 2 барилцями, водкою полинковою и вишневкою. Переехалемъ къ архиерею на ночъ и тутъ въ келіи близъ трапези, по лѣвой сторонѣ, идучи зъ церкви до архиереискихъ полатъ, обрѣтаючихъся, ночовалемъ купно зъ Якубовичемъ. Якубовичъ же, прийшовши ко мнѣ, сказивалъ, что Еропкинъ полковникъ до полковника Безобразова писалъ, чтобъ оставшихся бункуковихъ и протчіихъ козаковъ, забывши въ колодки, присилалъ до лагору. Сегодня наша компанѣя земная увойшла 33 версти отъ ночлѣга, а отъ Астраханѣ 60, и стали въ урочища, прозиваемого по татарску Джурукъ Узанъ.

---

[1]) Огроновичъ.

27. Пятокъ. Зъ архиереемъ розговоръ былъ о латвости достать колмикъ и татаръ къ крещенію, которимъ хто воспріемникомъ будетъ, тотъ и имѣть ихъ у себе может̑ъ. Попи армен̑скіе були у архиерея и приносили просфири свои, на подобіе оплатковъ кругліе, величиною зъ рубль сцѣлний, тонкіе, а по серединѣ Христосъ роспятий зъ приписомъ словъ нѣякихъ, по бокамъ низко. Да они жъ всѣ, и не толко архиерей, въ митрахъ служатъ, а депенденцію мѣютъ до своего патріарха, въ Великой Арменѣи обрѣтаючогося, а не до папи. Молитву передъ исповѣдію исповѣдающему приличную скомпоновалемъ. Зъ полученной у архиерея книги Goar. (?) нѣсколько молитвъ Якубовичъ зъ латинского на руский діялектъ перевелъ. За 7 л. Вѣжевскій мнѣ панчохи волосяніе купилъ. Ночовалемъ у архиерейской келіи, мнѣ отведенной при трапезѣ. Сегодня наши, увойшовши 26 верстъ отъ ночлѣга, а отъ Астраханѣ, 86, стали въ урочища прозиваемого Бассудъ.

28. Субота. Коммунѣковалемъся у трапезной церквѣ архиерейской. По обѣдѣ, ездилемъ зъ Якубовичемъ до слободи татарской, где заехавши до едного бухарца, посидѣлемъ у мазанцѣ его, которий сказовалъ, что де Бухаръ черезъ Яикъ и Хиву отсюду ездятъ на верблюдахъ у полтора мѣсяця, а зъ Бухаръ до границъ индійскихъ у мѣсяцъ, становлятся жъ землею, самимъ степомъ. Оттуду поехавши, заехалемъ до едного татарина, игравшого у балабайку, до которой два татарчата танцовали въ присѣдки, на подобіе простого козацкого танцу; поехавши оттуду заехалемъ до полковника Безобразова, тамъ посидѣлемъ мало, а оттуду пріехалемъ въ монастиръ и вечералемъ у Рощаковского. Сегодня наши увойшли бунчуковіе и проч. землею 24 версти отъ вчорайшого ночлѣга, а отъ Астраханѣ 110 и стали въ урочища Дидалѣ по татар.

29. Неделя. На всенощной и на утренѣ былисмо у соборной церквѣ, а обѣдалисмо у архиерея. Службы же Божой вислухалисмо у грузинской церквѣ, въ которой еденъ архимандритъ зъ палицею безъ митри зъ 3-ма священниками служилъ, кромѣ киріе елейзон, все своимъ язикомъ спѣвали; а женскій полъ подобіемъ платка турецкого имѣютъ и всѣ помаліовани не толко лицемъ и бровами,

але и вѣками округъ очей. По тий церемонѣй, у архиерея застались Безобразова съ товарищи, на водцѣ бывшого. Передъ вечоромъ ездилисмо зъ архиереемъ въ сади его и государеви, два последнихъ при рецѣ Котумѣ, где и полати деревяніе; туда жъ пріехали къ намъ Івановскій, а после Безобразовъ и протчіе офѣцери и Андрѣй Іванов. Змѣевъ, подполковникъ. Оттуду поехавши, приехали къ архиерею, зъ которимъ посидѣвши мало, отойшлисмо до своей квартери и тутъ ночовали. Куріеръ зъ П. Бурху до Еропкина пріехалъ землею черезъ Астрахань. Сегодня компанѣя наша увойшла 16 верстъ, а отъ Астрах. 126, и перейшла 2 брода по черево коневи, отъ заливи морской и стали у урочища Джурилѣ.

30. Понеделокъ. Сегодня обѣдалемъ у своей квартерѣ зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ. По обѣдѣ Тернавскій былъ у насъ, а по отездѣ его, ездилемъ водою, Кутумовою рѣчкою, до лазарета и противъ оного въ стоящой квартерѣ п. Федора дядка посѣщалемъ и, посидя съ нимъ, отехалемъ въ свою квартеру и отсюду ходилемъ до Полянского и у его вечералемъ. Сегодня наши, увойшовши отъ ночлѣга 28 верстъ, а отъ Астраханѣ 154, стали въ урочища, прозиваемого по татарску Алазанъ Тарне.

31. Вовтор. Сегодня принималемъ проносное лѣкарство въ конфектѣ и доволно, болшъ 10, столцовъ было. При вечеру ходилемъ до Томари, где штапъ лѣкаръ билъ, Кгуревъ капитанъ, Тернавскій и лѣкаръ, и оттуду пришлисмо зъ Тернавскимъ до одного капитана и посидѣвши мало, отойшлисмо до нашей квартери, где Тернавскій и ночовалъ. Шапку за 4 р. сторговалемъ мнѣ зробить. Сегодня наши, увойшовши отъ вчорайшого ночлѣга 25 верстъ, а отъ Астраханѣ 179, стали въ урочища Ала Бугара.

Септевр. мѣсяцъ. 1. Середа. Сегодня рано кровъ зъ головной жили зъ правой руки пускалемъ. Конюшому п. Андрѣя Миклашевского казалемъ, чтобъ Гаврило далъ 10 р. на потребу пана его. Ездилемъ водою до Ишайка, где церковъ каменная и дворецъ архиерейский рѣчкою Луковкою (?), куда и архиерей пріехалъ землею, и тамъ забавилисмо до вечера, а у вечеру водою пріехалисмо сюда и билъ архиерей въ моей квартерѣ и, посидѣвши мало, оте-

халъ. Якубовичъ на жолудокъ захоровалъ билъ тяжко. Сего дня наши, увойшовши 25 верстъ, а отъ Астраханѣ 204, а на початку маршу у версту перебравшись черезъ бродъ, отъ мора заходячій, глубиною въ черево коневи, стали въ урочища Ясубасъ, при морскихъ заливахъ солонихъ.

2. Четвер. За шапку сегодня заплатилемъ 4 р. Гаврилу на покупку потребъ до буси далемъ 40 р. Якубовичъ у мене позичилъ 6 р. а почалемъ мѣшокъ п. Михайла, въ моемъ зась мѣшку 3 р. недолѣчени. Обѣдали у мене Максимовичъ, сотникъ чорнускій, и Полунѣцкий; по обѣдѣ ходилъ я до Томари, а оттуду до полковника Безобразова и тамъ ужиналъ. Зеленецкій, Іванъ Забѣла и Яковъ Жураковскій, пріехали зъ Царицина въ Астрахань. Сегодня наши рушивши, а увойшовши зъ полъверсти, переходили 2 брода отъ мора и всего увойшли верстъ 23, а отъ Астраханѣ 227, и стали въ урочища Деспбасъ.

3. Пятокъ. Сего дня рано Якубовичъ жестоко захоровалъ на диссентерію, вомѣти и фебру, а зъ причини—позавчорайшого дня бывшого, что дулѣ и шапталу чили бросковки илъ. П. Андрѣя Миклашевского слузѣ конюшему Гаврило далъ 5 р. въ позику. Рано былъ у мене Степанъ Забѣла, а по обѣдѣ Семенъ Карпѣка и посидѣвши отийшли. Ходилемъ самъ пѣши до буси своей, которая еще вчора вся висмолена зостала, да зъ Яномъ Новѣцкимъ видѣлемся, которій въ разговорѣ сказалъ, что полубусокъ нанялъ зъ ихъ куреня до Сулаку за 60 р., а Карпѣка зъ товарищи другое наняли судно за 105 р. у татаръ. Листи сегодня до дому писалемъ. Сегодня наши, увойшовши верстъ отъ ночлѣга 17, а отъ Астраханѣ 244, пришли до рѣки Куми (которая неподалеце Кабарди взялась, а впадаетъ въ море Каспѣйское, тамъ на примѣръ озера розлившогося, смакъ води солон. кгурковат.) и тамъ ночлѣгъ имѣли.

4. Субота. Сегодня рано осмотрувалемъ своей водки, которая пополамъ зъ водою заледво можетъ поднятись и барилъ 36 цѣлихъ, зъ которихъ двѣ отпечаталемъ и въ онихъ гор. (?) неповно, одно на корхъ, а другое на 3 палцѣ неполно. Обѣдалъ у мене Криштофъ македонянинъ, здешній купчинъ, которій сказовалъ: 1) что

Мирвейцъ родомъ зъ Кандавагаръ провѣнцѣи, царству персидскому прилеглой, але близъ Индіи обрѣтаючойся, до которой зъ Гиспагану будетъ езди на 2 мисяца и болшъ; 2) Шамаху, сказуетъ, уже тому килка лѣтъ якъ збунтовавшись, взялъ тамошній незнатний чловѣкъ Даутъ Бекъ; 3) да въ городѣ жъ, прозиваемомъ Шамахъ, въ той же провинцѣи будучомъ, будетъ домовъ на 70000; 4) въ Мизондаранѣ, кромѣ инныхъ овощей, и цукеръ дѣлается, толко не можетъ такъ дѣлатся якъ належитъ, за недоумѣніемъ въ томъ тамошнихъ; 5) въ Астрабадѣ мало чего есть зъ такимъ вещей, якъ у Гилянѣ и инде, але воздухъ здоровій; 6) въ Гилянѣ воздухъ нездоровій, потому что отъ землѣ гори Сивозъ (?) заступили Гилянъ и потому тамъ вѣтровъ мало; да тутъ же воздухъ отъ води, жаромъ солнечнимъ до засмердѣнія запсовавшейся, заражается; а найпаче тамъ где рижъ родится, потому что тамъ вездѣ канали покопани и водою упущенною наполнени, которая долго стоячи портится и воздухъ заражаетъ; 7) бухарци подобіемъ калмиковъ живутъ и въ нихъ за безстрашіе, что всякъ зъ ханомъ владѣтелемъ ихъ за брата есть, всегда междоусобіе разногласное (sic). По обѣдѣ ходилемъ до Полянского, которій на завтрейшій ранокъ приобѣщалъ людей дать до спусканни на воду буси моей. А оттуду былемъ у у Тамари, и чаю у его напившись, зайшолемъ до полковника Безобразова, где засталемъ подполковника Змеіова, да при мнѣ жъ пріехалъ зъ Сулаку за 8 день служитель морской до Безобразова. Составилемъ термѣну тестаменту до жени. Сегодня наши перебирались черезъ рѣку Куму, глубиною по черево коневи, и увойшовшы 39 верстъ, а отъ Астрах. 283, стали въ урочища Исунъ Бѣракъ, где жадной води не было.

5. Неделя. Сегодня рано ходилемъ до церкви и, службы Божой вислухавши, повернулемся зъ Степаномъ Забѣлою до своей квартери, откуду посилалемъ до Тарнавского и Івана Тарноліота, зъ которими обѣдалемъ; а по обѣдѣ ходилемъ зъ ними жъ до штапъ лѣкара, куда потомъ и полковникъ Безобразовъ пріехалъ и, посидѣвши до вечера, прийшолемъ до своей квартири. Буса моя начала спускатись на воду, але остановка учинилась.

6. Понеделокъ. Сегодня рано буса моя на воду спущенна зостала. Билемъ у Тамари, где Каневского и Тарноліота засталемъ, зъ которими, до квартири своей прийшовши, обѣдалемъ, а по обѣдѣ ходилемъ до лѣкара Карла Павловича и, у его посидѣвши, ходилемъ до буси, а оттуду переехавши черезъ рѣку Кутуму, билемъ у Бурковского, и посидя мало, заходилемъ до дядка п. Федора и оттуду Тарнавскій и Максимовичъ, опроводивши мене до берега, отойшли, а я до своей пріехалемъ квартери. Сегодня наши увойшли отъ позавчорайшого ночлѣга и отъ вчорайшого верстъ 69, а отъ Астраханѣ 352, и стали въ урочища Кизларъ, сие есть дѣвка. Тогда з брода переходили по черево коневи, и четвертую заливу морскую болшую, въ ширъ съ полтори версти, по сѣдло коневи, глубокую, а вода солоная, а остатній бродъ билъ води солодкой, тамъ трава худая начала показоватись трохъ видъ, на примѣръ полиню.

7. Вовторокъ. Сегодня рано пересмотрувалемъ аптеки родителской, зде оставленной, и зъ оной по части взялемъ медикаментовъ именно: rad. beroa . . . . (?), spermaceti, pulv. . . . . (?) ol. anisi. Обѣдали у мене Тернавскій и Максимовичъ и приседѣлъ Тарноіотъ; а по обѣдѣ у Маслова, полковника бывшого астраханского, а нинѣшнего гилянского коммენданта, сюда на время пріехавшаго. Гаврилу 20 р. далемъ еще на росходи. По щоту зъ реестра Гаврилового въ росходѣ гор. вѣдеръ нашихъ 25, а есть 186. Билемъ у вечеру у Поланского, у которого извѣстилемся, что еще сегодня пріехалъ куріеръ зъ С. П. Бурга до Еропкина.

8. Середа. Сегодня рано былемъ у архиерея, у котораго увѣдомилемся, что у синодѣ псковскій архиепископъ новагородскимъ устроенъ, а тверскій отецъ Лопатинскій вице-президентомъ въ синодѣ поставленъ. Архирей служилъ у церквѣ Рождества Пресвятой Богородици, бо празникъ тамъ билъ, а мы, вислухавши въ соборѣ службы Божой, пришлисмо до моей квартери зъ Тернавскимъ и Семеномъ Карпѣкою и тутъ кушалисмо. Атютантъ господина генерала Матюшкина иноземецъ Іоганъ „ “ пріехалъ зъ Сулаку и, пообѣдавши у штапъ-лѣкара, до которого и ми тогда ходилемо, при

насъ же и отехалъ до С. П. Бурха. Былемъ на суднѣ, которимъ идетъ Семенъ Карпѣка, нанявши подъ разніе багажи за 105 р., а судно—буса мѣрная; а бувши я отдалъ листъ ему Карпѣцѣ до п. Михайла Скоропадского, о моемъ зде медленіи писанний, за нескорою додѣлкою буси моей. Былъ у мене Масловъ зъ прочіими своими офѣцерами, которому водки и табаку отослать казалемъ Гаврилу. Сегодня наши, рушивши зъ ночлѣга позавчорайшого, увойшли 30 верстъ, а отъ Астрах. 382 и стали въ урочища Кайпунъ Бугоръ.

9. Четверъ. Сегодня рано принесенъ ко мнѣ листъ Гавриломъ отъ канцелляріи губернской, писанний отъ пана Михайла зъ походу отъ урочища, прозиваемого Алабуксара, отстоящого отъ Астраханѣ въ 174 верстахъ, а въ листѣ дата 31 августа, въ якомъ пишетъ, же лошадѣ стали и что къ прийдучому числу, сего сент. 3-му, мѣютъ стать у Куми рѣки, да при томъ и листъ до своей жени прилагаетъ. Гаврилу далемъ еще грошей на росходи 20 р. Обѣдалъ со мною Іванъ Тарноліотъ, а по обѣдѣ былъ у мене п. сотникъ чорнускій и, отшедшимъ имъ, я ездилъ до буси своей водою, а оттуду былъ у п. Федора дядка, и повернувшись былемъ у Тамари и, посидѣвши мало, прийшолемъ до квартери своей. Козаку Василеви казалемъ дать 3 р. и со мною моремъ ехать казалемъ ему жъ. Семенъ Карпѣка рано маршъ восприялъ водою до Сулаку судномъ, на которомъ многихъ бунчуковихъ багажъ поскладанъ. Осмотрувалемъ лѣкарствъ своихъ, кромѣ аптеки обрѣтаючихся, которихъ показалось певное число, именно: 1) трави на декоктъ прежде пявокъ, 2) spir. cochlearia; 3) spir. antiparalyti; 4) elixir puri p. . . . 5) Unguent. antiparaliti; 6) r. purg. cum pelulis adhibenda sub. lit. D; 7) electuar. laxat.; 8) pilula cum vulgar. decoctio, другій слоикъ зъ такими жъ пилулами lit D; 9) pilula cum ra. suburo 6; 10) essen. sangu. purifica; 11) philonium romanum; 12) sat. vol. oleos; 13) reguies Nicolai; 14) ungv. antiparalit., такихъ якихъ sub n-ro *5 to*; 15) cremr. tr.; 16) lapis prunella. 17) spir. antiparalyt. такій якій sub n-ro *3-tio*. 18) essen. sang. purifi sub. lit K.; 19) eplastr de miscellag. st. iej.; 20) pi-

lul. cum vulg. decocto, такіе якіе sub n-ro *8-vo.* 21) species pro decocto vulgar.; 22) pilula l. . . . . ; 23) oleum anesi; 24) pulv. italy contra phtisi; 25) essen. pectoral., 26) elixir ol. . . . . ; 27) elixir pestil. . . . . Заездилемъ до птичого двора, где видѣлемъ барани, чапури, лебедѣ и рябіе чапури зъ тонкимъ, а острымъ и долгимъ носомъ, та еще заперскіе (?) дикіе гуси дивной композитури: шіи долгіе отъ лебедних, да тоншіе, носъ долгій горбатій, на низъ закривлений, бѣлочорній, корпусъ—пѣрье бѣлое, да по концамъ крилъ фабры рожевой пѣре и ноги тонкіе, а високіе, збитъ того жъ коліору рожевіе. Сегодня наши, увойшовши 34 версти, отъ Астрах. 416, стали въ урочища Курдюковъ Дупъ.

10. Пятокъ. Сегодня буса наша рушила зъ мѣста своего и, минувши квартеру мою, стала на якорахъ. По вѣдомости Мартина показалось: бутилокъ плетенихъ именно: зъ бургунскимъ 3, зъ еремѣтари. 3, зъ полин. 3, зъ рен. солод. 3, зъ церков. 6, зъ красnимъ 10, зъ рен. твердимъ 22, зъ водкою француз. 6, порожнихъ 7, итого зъ виномъ бутилокъ 50, зъ водкою франц. 6, а порожнихъ 7, всѣхъ бутилокъ, повнихъ и порожнихъ, 63. А вина барилъ: 1 церковного, 1 ренского, 3 полинкового, четвертое неповно, волоского отъ ясневел. одно, сотницкого одно, купленного одно, и того 9. 5 р. Мартину на розніе покупки, а 6 р. Василеви зъ Лескомъ кухаремъ, на кури и гуси, далемъ. Сегодня наши, увойшовши отъ становиска 24, а отъ Астрахан. 440 верстъ, пришли къ рѣцѣ, Терекъ прозиваемой, и перебрались черезъ оную не подалеце городка Курдюкова, собою въ ширъ и довжъ по 40 саженъ будучого, въ право; тутъ гори кавказскіе стали видни, будто облаки.

11. Субота. Сегодня рано далемъ Гаврилови зъ мѣшка Заборовского рублей 30. Демянъ принюсъ зъ аптеки 3 лѣкарствъ—elixir vitriol. mynsichti, essen. pectoral., elixir pestilenteal. aa ℥iij, а далъ 30 зл. Билемъ у Томари, которій подарилъ мнѣ пороховницю роговую, а оттуду заходилемъ до Безобразова, который далъ мнѣ писмо до Еропкина отъ Волинского; оттуду пошовши зъ Дорошенкомъ, кушалисмо у себе, и въ лазнѣ милисъ у Крашенниникова. Безобразовъ подорожный пашпортъ далъ Юску.

12. Неделя. Сегодня рано былемъ у архиерея, а оттуду у церквѣ соборной, а по службѣ былемъ же у архиерея, и, поводковавши, отойшолемъ и обѣдалемъ у Любима Совѣтовича Полянского; да у его жъ были на обѣдѣ полковники Безобразовъ, Пѣцъ и комендантъ, Митрофановъ, секретаръ губернскій, и протчіи; по обѣдѣ зась прійшолъ я до своей квартири.

13. Понеделокъ. Сегодня рано билъ я у Полянского, а потомъ билъ у насъ Полунѣцкій и, по отходѣ его, обѣдалемъ зъ Якубовичемъ. Кравецъ рускій покроялъ гусарку, суконную зъ футромъ сѣбирковимъ и обранне зъ черкаского чили шамаханского сукна. Сегодня наши отъ Терку рушивши, увойшли 41 версту, а отъ Астрах. 481, и стали въ урочища, прозиваемого Баксай, тутъ брода топкіе перейшли.

14. Вовтор. Сегодня рано былемъ у Безобразова полковника, которій зказовалъ, что получилъ онъ отъ генерала Матюшкина писмо о присилки бунчуковихъ и протчіихъ въ Сулакъ, буде оздоровѣетъ кто зъ нихъ. Юску писма до дому подавалемъ до розниxъ персонъ; ему жъ далемъ 6 р. для того, что зъ сихъ же денегъ надобно въ Царицинѣ покровскому дячку дать 3 р. безъ гривни, за 4 верблюди, да харчовалъ конѣ, данніе стрелцу смѣловскому и козаку токаровскому, числомъ 7., гнѣдихъ 2, рижихъ старихъ 2, сивихъ 2 и Вѣжевского еденъ бѣлогубий, поколь оніе до дому запроводятся. У архиерея зъ Рощаковскимъ обѣдалемъ, а оттуду заходилемъ до Тамари, где немедлячи, прийшолемъ до своей квартири шуменъ зѣло (?). Гаврила п. Михайлового исповѣдали. Сегодня наши, увойшовши 29, а отъ Астрах. 510 верстъ, стали у озеръ, прозиваемихъ Толмы, где худой трави много.

15. Середа. Юско и Казѣмиръ сегодня отправленни зъ писмами и поехали въ Царичинъ, да у Юска жъ фузѣю за 2 р. зъ полтиною взялемъ. Безобразова пожекгналемъ и листи у его взялемъ до Еропкина и до Ушакова Костантина, атютанта генерала Матюшкина. Демяну на потреби розніе зъ мѣшка Заборовского далемъ 6 р. У Томари билемъ, которій далъ чубукъ тростяній, а прийшовши до дому, обѣдалемъ зъ Дорошенкомъ, отцемъ Петромъ,

священникомъ рождественскимъ, Максимовичомъ, сотникомъ чорнускимъ, и Яковомъ Жуковскимъ. Черезъ Максимовича, отехавшого сегодня къ Царицину, домой писалемъ до родителей и жени. Купилемъ чубукъ слоніовий за рубль, а пугвиць 48, за 8 гривенъ. У архиерея былемъ и пожекгналемъ его, да его жъ за Кондрата слугу его, прогнѣвившого его нѣкоторимъ словомъ, перепросилемъ. Ему жъ архиерею testamentum до жени далемъ. Сегодня наши, увойшовши верстъ 9, а отъ Астраханѣ 519 верстъ, прийшли къ прорвѣ Сулацкой, бо Сулакъ, у верху отъ крѣпости Ст. Креста прорвавшись, туда потеклъ.

16. Четверъ. Сегодня рано былемъ у Полянского, и оного 2 вѣдерками водки обослалемъ. Ездилемъ до церкви арменской, где засталемъ уже на концу службы: 1) которую отправлялъ попъ зъ діакономъ; 2) але попъ въ ризахъ подобнихъ плащу, спереду застебнулся, въ митрѣ подобной архиерейской, зъ крестомъ; 3) на концу службы прочиталъ Евангеліе и по прочтеніи, посредѣ церкви ставши, давалъ евангеліе цѣловать всѣмъ, а по цѣлованіи евангелія и руки его, отъ малого хлопца принималъ всякъ даръ; 4) олтаръ на примѣръ католицкого, толко за запоною великою, которая весь олтаръ заслоняетъ, а когда потреба оную отнимаютъ, отъ земли високъ у аршинъ, а долъ церкви вистиленъ коберцами; 5) женскій полъ на задѣ въ церквѣ, за оградою решотками здѣланою, стоитъ, по дару (?) ходятъ, укривши лице и все тѣло бѣлимъ полотномъ; 6) архиерейская митра подобна бѣскупской инфулѣ; 7) попи въ церкви въ плащахъ матеріальнихъ темного коліору въ церквѣ стоятъ; 8) протопопъ арменскій въ розговорѣ со мною говорилъ себе нѣчимъ отъ насъ неразнствуючихъ, кромѣ календаря, по которому и свята неравно съ нами и пости имѣютъ, же Благовѣщеніе апр. 5 дня, а Рождество купно зъ Богоявленіемъ, 1 генваря празднуютъ; 9) люде и попи въ церквѣ сидятъ и кленчатъ, и стоятъ, когда что важнѣйшое, отправляется; 10) сказалъ, что патріярховъ у себе въ Арменіи имѣютъ двохъ, одного на мѣстѣ святого Григорія арменского, а другого меншого честію. У того жъ протопопи, по его прошенію, былемъ и по чарцѣ водки випивши, пріехалемъ до своей

квартери. Обѣдали у мене Полянскій и капитанъ, здешній комисаръ. Рощаковскій зъ отцемъ Соколовичомъ посѣщали мене, а по отходѣ ихъ, ездилемъ до пана Федора дядка, зъ которимъ и зъ п. Раковичемъ пожегнавшись, отехалемъ до квартири своей. По щоту показалось, что неповніе барила долили трома барилами, а зъ нихъ розійшлось на досипку водки вѣдеръ 19 и квартъ 7. Остается барилъ тутъ 5, водою нерозведенихъ, а самою горѣлкою досипленихъ, а въ нихъ водки вѣдеръ 21 и полъ кварти, да остается жъ барилъ 9 водою досипленихъ, а въ нихъ вѣдеръ 42 и квартъ 12 и полъ кварти, а всѣхъ вѣдерокъ 63 и 13 квартъ.

17. Пятокъ. Сегодня рано Тернавскій, Полунѣцкій и Забѣла Степанъ были у мене и, посидѣвши мало, отойшли восвояси. Зъ мѣшка Забор. винялемъ грошей 10 р. Гаврилови, да еще жъ 10 р. винялемъ, зъ которихъ тутъ на харчъ далемъ Демянови 3 р., 30 зл. Андрущцѣ, при Демяну остаючомуся, да за 4 кулѣ солоду (которий зъ собою взялисмо) 4 р. заплатилисмо, да кравцю за гусарку и обранне 25 зл. Мартину на барилка 1 р. и на другіе мѣлкіе потреби розійшлись. Демянъ далъ карту рѣчій зъ нимъ оставленихъ зде, а въ ней написано: барилъ гор. 14, а въ нихъ вѣд. 63 и квартъ 13, муки жит. и пшенич. куѳъ 5, пшона куѳъ 2, товчи куѳъ 1, бокуну кулей 5, тютюн. кул. 5, муки пшенич. кул. 2, сала полъ-бочки, овса кулей 3, тютюну молодецкого кул. 3. Былемъ вечоромъ у Полянского и черезъ Демяна получилемъ подорожную отъ Безобразова.

18. Субота. Сегодня рано былемъ у Алексѣя Василіев. Івановского, где и Петра Петровича Посевита, француза, садовника государского, засталемъ, зъ которимъ оттуду ходилемъ до склепу мурованого государевого, въ кремлѣ обрѣтаючогося, и тамъ осмотрувалемъ винъ государевихъ здешнего винограду. Зъ тихъ же винъ розныхъ купилемъ у 4 барилцѣ 7 вѣдеръ, по рублю вѣдро. Заходилемъ до службы Божой и после зъ Тернавскимъ и Полунѣцкимъ пришлисмо до моей квартери, где зъ нами и зъ Рощаковскимъ кушалисмо; да до насъ же посредѣ обѣда прийшолъ Івановскій и кушалъ тутъ же. Посланникъ государевъ італѣянецъ, називаючійся Фліоръ Белевеци,

у бухарского хана 6 лѣтъ обрѣтавшийся, пріехалъ въ Астрахань, до которого, стоячого квартерою у садовника помянутого, ходилемъ зъ Тернавскимъ и прочіими, бывшими на обѣдѣ у мене, где онъ въ розговорѣ своемъ сказалъ намъ: *1-mo*, что онъ зъ Бухари 7 день ѣхалъ до Хиви, а зъ Хиви до границь російскихъ сталъ въ 25 день; *2-do*, въ Хивѣ видѣлъ Чибишова, брата подполковници Ниловой, еще за походу Бековича князя Черкаского тамъ въ полонъ взятого, чому будетъ лѣтъ 8, въ роботѣ найдуючогося, такой, что надъ 6 чловѣками, рижъ товкучими, надзирателемъ есть; *3-tio*, у Хивѣ и у Бухарахъ, теперъ по два хана, чего ради у ихъ междоусобная брань; *4-to*, Бухари граничатъ зъ индійскимъ государствомъ, въ которомъ есть імператоромъ Мугolъ, подъ своею властію нѣсколько імперій содержачій, вѣрою махометанинъ, где и жителей тамошнихъ болше того махометанъ, а не идолопоклонниковъ; *5-to*, проехалъ зъ великимъ небезпеченствомъ черозъ Хиву, где хочай билъ и удержанъ и виговорувано ему, что будто ихъ посланнихъ бывшій прежде у государя, отруенъ зосталъ зде, однакъ потомъ отпущенъ зосталъ.—Оттуду пойшовши, мы зайшли до Томари зъ капитаномъ Гуревимъ и Каневскимъ и протчіими и, пожекгнавшись, прийшолемъ до своей квартири, але знову ходилемъ видѣтись зъ прежде реченнимъ посланникомъ, у дому подполковници Ниловой, и посидѣвши тамъ мало, прийшолемъ до дому и тутъ голову и увесь обмилемся. А отъ посланника листъ принеслъ человѣкъ его Николай, до Матюшкина енерала писанний. Сеей ночи перейшолемъ на бусу, посередъ рѣки Кутуми на якорѣ стоячую и тутъ заночовалемъ. Далемъ Демянови наказъ въ 8 пунктахъ: 1) о надзираніи багажу, 2) о частомъ репортованню мене, 3) о покупцѣ сули, судна на оніе и работниковъ найму къ тому жъ до Царицина, 4) о коняхъ нашихъ двохъ тутъ оставленнихъ, 5) о татарчатахъ и комличатахъ, жебы ихъ достать, 6) о купленню барилковъ, 7) о збуттю надлежащею, 8) о данню гор. (?) отцу Петру Рождественскому и хозяйцѣ нашей, чили хазяинови. Да тотъ же посланникъ Benevеci сказалъ и сіе, что у Бухарѣ суть шляхта, на примѣръ мурзи, котори хана и поставить и скинуть силни, але зъ

нихъ фамилѣи ханъ не избирается. Сегодня наши, рушивши отъ прорви, увойшли верстъ 9, а отъ Астрах. 528, и прийшли къ станицѣ Кузмѣнъ Ярокъ, надъ Астраханню осаженной, и тутъ стали, и отъ станицѣ сеей до крепости С. Креста 7 верстъ, а отъ Астраханѣ 535 верттъ.

19. Неделя. Сегодня рано, зъ буси переехавши на землю, былемъ у Полянского, которій просилъ у себе кушать и потому, после службы Божой, у его кушалемъ, купно зъ Василемъ Тамарою и Василемъ Дорошенкомъ, ко мнѣ до буси первей, а потомъ и къ намъ оттуду пріехавшими; а по обѣдѣ пріехалисмо ми всѣ три до буси, куда потомъ капитани Гуревъ и Ісацкій пріехали, а по отездѣ ихъ и Полянскій и просидѣвши зъ нами отехалъ, а Тамара и Дорошенко тутъ остались и заночовали со мною на бусѣ. Рушилисмося бусою въ путь свой, але за противною погодою и дожчемъ заразъ знову сталисмо на якорѣ противъ квартири моей. Вина Демянъ купилъ бутилокъ 6 и цицю за полтора рубля, которіе въ его денги причтени, межи росходъ мѣючихъ быть. Отъ Полянского писма до провіянтмейстеровъ, въ Яркахъ будучого Брухова и у астраханского транжамента, Кмита, въ моемъ дѣлѣ и пакетъ до сина его получилемъ отъ его жъ на бусѣ.

20. Понеделокъ. Сего ранку Томара и Дорошенко, простившись со мною, отехали. Мартинъ бутилокъ 6 вина купилъ за рубля, а въ нихъ вмѣстилось 6 голіонковъ. Воспріялемъ путь свой, поднявши паросъ, и уехалисмо до вечора 45 верстъ. Ботъ почтовій вечеромъ проехалъ насъ.

21. Вовтор. Сегодня рано рушилисмо зъ ночлѣга своего и минувши многіе притоки (о которихъ будетъ нижей) уехалисмо толко верстей зъ 15, ради противного вѣтру, и сталисмо о полуднѣ при березѣ, минувши якъ би у версту учудъ (?) государевъ, у правой руцѣ, прозиваемий Урусламъ. Щиталемъ, що пойшло на сооруженіе буси моей и показалось росходу на оную купно зъ работниками и лоцманомъ (которому толко 10 р. дано и болшъ еще дается) 1896 зол.

22. Середа. Сегодня за противною погодою зъ мора, отъ сторони гилянской вѣявшою, доночи тутъ же, на вчорайшомъ стано-

виску, перестоялисмо, толко, отъ берега на середину зехавши, на якорѣ запустились. Вѣжевскому далемъ 4 р. на росходи. Смотрѣлемъ тютюну тур. у Вѣжевского найдуючогося и есть окъ 7, 1 фунтъ и полъ. Сегодня въ Сулакъ пріехалъ турецкій посолъ въ 20 чловѣкахъ, зовемій „ “, присланъ отъ Юсси Баши, обрѣтаючогося въ Персѣи зъ войсками, а пріехалъ зъ таковимъ договоромъ, чтобъ шафкалу, солтанскому будто подданному, нечинена была обида. Въ компанѣи нашей товаришъ бунчуковий Федоръ Рубецъ зъ горачки умеръ.

23. Четвергъ. Сегодня для того, что тихше мало показалось, рушилисмо зъ своего мѣста и минувши протокъ Чувпанъ, прійшлисмо до Илмена, Житного Бугра прозиваемаго, и тутъ на якорѣ на ночъ сталисмо уже позно, а увойшли близъ 10 верстъ. Зъ Мазуромъ Василемъ Терновцемъ въ разговорѣ бывшомъ зачулемъ, что на Терку станиць (въ которихъ козаки, особливо гребенскими називаючіеся, живутъ) есть 4, отъ моря—городъ Терекъ, а висше его гараздъ: 1) станиця Курдюковъ, 2) Гладкая, 3) Шадринъ, 4) Черніоний, а во всѣхъ станицяхъ всѣхъ семей на 1000 будетъ, а до потреби козаковъ 400, а хочъ и мало болшой; жалованне имъ дается по 4 р. въ годъ и по 8 мѣшковъ годового провіянта, а наиболше тамъ захожихъ донцовъ. Терекъ рѣка болшая и прудшая отъ Куми, а Кума узшая и болотнистая.

24. Пятокъ. Сегодня рано рушивши прийшлисмо до Яровокъ чили Ярковъ и потоковъ нѣсколько проминувши, къ гавани зближилисмося и недоеджаючи, сталисмо на якорѣ, а Гаврило зъ протчіими ездилъ туда въ самую гавань и отдалъ тамъ писмо отъ Полянского Брухову, провіянтмейстеру, и повернулись сюда до насъ. Тутъ протоки окончились и за версту отъ гавани всякій особно впадаютъ въ море, а всѣхъ малихъ и великихъ протоковъ будетъ на 77. Знатнѣйшіе зась на правой сторонѣ отъ Астрахани идучи, заразъ: Солянка, Канда, еще несвѣдомій еденъ, Бертюль, Сомовка, Каранчакъ, двѣ Таракуши, Микиткина, Бесарда и проч., а по лѣвой сторонѣ тожъ недалече Астраханѣ понижей у версту или и болшъ Царевъ у верстъ 5, Кѣзанъ у верстъ 6, Башмаковка у

версту одну жъ, Мансутъ, Тепленкой Чадонъ, Іванчукъ, Борунтай, Іванчуцкее, Бѣрулъ, Коклѣй, Чувпанъ и другіе маліе даже до Еровокъ. Ездилемъ самъ, по приездѣ ко мнѣ и отездѣ отъ мене провіянтмейстера Брухова, до Еровокъ и тамъ пріехавши ходилемъ до капитановъ Рентеля, а потомъ и до фонъ-Вердина и до Брухова и, позабавившись у нихъ, отехалемъ до своей буси уже Чекбати проминувшой и на якорѣ ставшой, и тутъ ночовалемъ. Сказивали капитани, что они 18 сего сент. вѣдомость зъ Сулаку имѣютъ, что наша компанѣя землею пошовшая, за 40 чили мало болшъ верстъ того числа отъ Сулаку найдовались. Въ Яркахъ строенія барзо мало, але на висповатомъ (?) мѣстцу магазейнъ округъ устроенъ, а неподалеку его домишка, да тутъ же гекъ ботамъ гаванъ опредѣленна, которихъ теперъ тутъ до 20 найдуется. Поселъ турецкій сегодня зъ крепости С. Креста отехалъ во свояси.

25. Субота. Сегодня рано отправилемъ Гаврила до Ярковъ къ Брухову Степану Васил., зъ писмомъ писаннимъ до Полянского о моемъ обращеніи, да въ томъ же писмѣ включенъ листъ до Демяна о его дѣлѣ и о покупцѣ 10 галіонковъ фронтиніаку. После повороту назадъ Гавриловото, отпустившись, вийшлисмо зъ Волди на самий лиманъ и якъ бы верстъ зо 4 увойшовши сталисмо на якорѣ и цѣлий день тутъ простоялисмо за противною погодою. Ездилемъ шлюпкою, чили лодкою своею, до гекъ бота неподалеку отъ насъ стоявшого, на которомъ середняя машта зломанна стала на самій серединѣ мора, и осмотрувалемъ строенія его, которій на примѣръ бота простого здѣланъ, толко великъ, якъ бы у 4 буси нашихъ. Тамъ же въ коморцѣ посидѣвши зъ коммендиромъ оного гекъ бота, роспиталемъ его, хто онъ, ажъ онъ сказался быть галанцемъ, а ездилъ онъ до Остъ Индеи, где сказуетъ народъ до иностраннихъ кажется склоненъ и вмѣсто комлемента, кому оній хотятъ отдати, присѣдаютъ на колѣнка и въ долонѣ плещутъ; язикъ у нихъ на примѣръ калмицкого. Сегодня нашимъ приказъ учинился въ Сулаку прибиратись въ гори, а брать на 4-хъ бунчуковихъ 3 возка и провіянту на 2 неделѣ.

26. Неделя. Сегодня рано проминулъ насъ почтовій ботъ, подобно до Астраханѣ отправленний, а мы такъ же, же отчасти служилъ намъ косий отъ лѣвой сторони вѣтръ, такъ же двигнулись и уехали верстъ зъ 15; когда же перемѣнилась погода и стала бытъ намъ противною, того ради мусѣлисмо стать на якорѣ и до ночѣ и отъ ночи до свѣта простоялисмо. Верстъ якъ бы у 5 четыри бугри були отъ насъ у правой сторонѣ, которіи видно било по вежѣ въ день, а въ ночѣ по огню, которій роскладиваютъ нарочно для того, жебы не наехали судна на мѣль, а щитаютъ отъ Ярковъ до оныхъ 20 верстъ.

26. Понеделокъ. Сегодня за противною погодою простоялисмо до вечора, а передъ вечеромъ дожчъ зъ вѣтромъ пройшолъ, а послѣ оного вѣтеръ учинился намъ полезній, чего ради, поднявши паросъ, рушилисмо и часовъ зъ 4 пройшовши, знову сталисмо на якорѣ, за отмѣнившимся вѣтромъ. Лоцманъ росказовалъ о звѣздѣ повижей води стоячой, близъ которой 2 знѣзди яснѣйшіе отъ другихъ стоятъ, якую звѣзду по татарску зовутъ темиръ казинъ, то есть желѣсній гвоздь, потому что всегда она на полунощной странѣ безъ перемѣни стоитъ неподвигно; да онъ же сказовалъ о Стенки Рагозину бунтовщику, что онъ зъ Дону побѣгши и въ Янку собравшись зъ другими, моремъ прийшолъ до Гиляни и тамъ ращу вирубавши и бывши въ Мазондранѣ, заехалъ и до рѣки Кури, где жестокая ему била баталѣя зъ Бакинцями; оттуду пріехавши въ Астрахань и болшъ себѣ собравши товарищей, пошолъ былъ въ гору, але тамъ отъ войскъ государевихъ побежденъ и после въ Москѣ казненъ. Переводилемъ пѣснь Якопонія латинскую: „cur mundus militat sub vana gloria etc“... на вѣрши рускіе, нижей писанніе:

Чому свѣтъ о славѣ стоитъ нестатечной
А сталости его не видно безпечной?
Такъ падаетъ сила его безъ отмѣни,
Якъ утло начинне, здѣланое зъ глини.
На ліоду лѣтерѣ болшъ вѣрь начертанной,
Нѣжъ свѣта бѣдного обманѣ убранной.

Облудный, въ заплатѣ, видомъ добротливий,
Але въ рѣчѣ самой есть завше зрадливий.
Болше повѣрити можно шклу утлому,
Нѣжели бѣдному щастю свѣтовому.
Ложное оно есть, якъ во снѣ въ марности
Омилно въ милости и въ своей сладости.
Скажи где Саломонъ шляхетне врожоний,
Албо где Самсонъ есть вожъ незвитяжоний,
Альбо Авесаломъ, лицемъ доброзрачний,
Албо Іоноѳанъ, оний барзо вдячний?
Где подѣлся цесаръ властію високій,
Албо тотъ богатий въ роскошахъ глубокий
Скажи, где Тулліушъ, ораторъ вимовний,
Албо Аристотель, философъ верховний?
Якъ барзо славнихъ премного бывало
Духовнихъ пастирей, царствъ силнихъ немало.
Сколко монархъ силнихъ на свѣтѣ живало,
А во мгненню ока всѣхъ уже не стало.
Короткое свято, свѣтъ въ славѣ хорошій,
Якъ тѣнь есть людская, такъ его роскоши,
Да еще жъ лишаютъ и вѣчной заплати
И проводятъ людей во адъ погибати.
О прахъ! земля! о нощъ! о червей потрава!
Чему такъ хлюбишся человѣча славо?
Не знаешь всякъ утро будеши ли жити,
Чини добро, поколь можеши чинити!
Такъ мирская слава висока здается,
Въ писаніи святомъ цвѣтъ селний зовется,
Якъ листя легкіе, же вѣтеръ звѣваетъ,
Такъ житте людское скоро ищезаетъ.
Не називай своимъ, що можешъ втеряти,
Що свѣтъ даетъ тебѣ, намѣренъ отняти.
Помишляй вишняя, серцемъ въ небѣ живи,
Щастливъ есть человѣкъ свѣтъ марний презрѣвий.

Сегодня бунчуковіе зъ всѣми рекгулярними и нерекгулярними войсками въ командѣ гг. генераловъ Кропотова и Шереметова рушили въ гори.

28. Вовтор. Теперъ передъ свѣтомъ наша повѣяла погода и мы рушилисмо, поднявши паросъ и шли мало не до полудня, а потомъ за премѣною погоди, знову сталисмо на якорѣ и до ночи простояли. Гекботъ виденъ намъ былъ въ правой руцѣ, которій кажется ишолъ до Ярковъ. Судно буса зъ запасомъ отъ Торноліота, после насъ зъ Астраханѣ отправленная, доехала насъ и близко жъ насъ на якорѣ також стала. Началемъ другій листъ писать до брата п. Семена протоколно и сеей ночи написалемъ два листа.

29. Середа. Отъ ночи, якъ начало качать насъ, то и черезъ увесь день барзѣй хитало пожестоко и многихъ ухитало, а по заходѣ слонца пришедшой погодѣ, будто нашой, поднялисмо паросъ и рушили. Мозури сего лѣта бывшіе у Кгилянѣ сказивали, что тамъ нефти бакѣнской барминъ продавался по 7 гривенъ, которій въ Бацѣ становится по 5 денегъ, а возятъ оную въ тулубахъ овечихъ, въ Дербенѣ и Бацѣ по 2 гривни и дешевше продаючихся; въ тулубъ еденъ 10 и болшъ батмановъ вомѣщается, а батманъ шаховъ 14, а гилянскій 12 фунтовъ содержитъ въ себѣ. Такъ засъ мягкой матеріи 8 пудъ, а твердой 13. До брата Семена еще того жъ писма листъ написалемъ.

30 Четвер. Сегодня рано показавшойся отчасти погодѣ нашой, шлисмо парусомъ мало не до полудня, а потомъ перемѣнившойся, стали на якорѣ. Отъ полудня до ночи и чрезъ ночъ жестоко хитало насъ. Листъ еще еденъ писма до брата написалемъ рано.

Октоврій мѣсяцъ. 1. Пятокъ. Сеей ночи противъ дня години 3 зъ полночи, показалася погода наша и мы поднявш парусъ ишли ажъ до вечора, а по заходѣ слонца знову наша жъ пришла погода косая, надъ мѣру жестокая и пошлисмо велми скоро. Теперъ до брата п. Семена написалемъ писма 2 листи и полъ и противъ завтрійшого дня окончилемъ оное писмо листовъ 6 и полъ. А по-

года отъ правой стороны. Ботъ почтовій зъ Аграханѣ до Астраханѣ идучій минулъ насъ.

2. Субота. Вчорайшою погодою единако черезъ цѣлую ночь тривавшою, а до полудня уже переставшею ишлисмо, а после полудня на якорѣ сталисмо. Отъ нинѣшнего дня увидѣлисмо гори кавказскіе. Минулисмо Туленѣй островъ, такъ прозиваемый, у право намъ бывшій, который въ своей околичности барзо малый, але башню на ономъ здѣланную отъ далеку видать. На томъ острови Терковци и протчіе жители рибу ловлятъ.

3. Неделя. Сегодня на томъ же мѣстѣ до полудня простоялисмо, а по полуднѣ, за показавшоюся отъ части нашою погодою, ехалисмо до вечора, а у вечеру знову сталисмо, потому что и погоди не стало.

4. Понеделокъ. Рано погода зъ лѣвой стороны стала жестокая, которою ишлисмо до вечора, а вечеромъ уже стали на якорѣ. Минулисмо Терекъ городъ, который намъ у правой руцѣ, зъ двома церквами, соборною и воскресеніемъ, видать било, а зайшли косу прозиваемую Кучъ у море протягшуюся, при которой и транжаментъ акграханскій, але передамъ минулисмо островъ Чечень у лѣвой руцѣ бившій намъ. Index слагалемъ Стефана Хаввѣна.

5. Вовтор. Сегодня до полудня простоялисмо на якорѣ, а жестоко насъ хитало; после полудня зась рушилисмо и уже передъ заходомъ слонца пришли до пристанѣ у транжаменту акграханского будучой и тутъ недоходячи гекботовъ, на якорѣ сталисмо. Гаврило зъ протчіими ездилъ въ транжаментъ и, обявившись тамъ, повернулъся уже позно. Тарноліотъ Іванъ бунчуковій товаришъ по отходѣ нашомъ зъ Астраханѣ, отпустившійся бусею, прійшолъ скоро после насъ и сталъ тутъ же близъ насъ на якорѣ зъ бусею, зъ которою пріездилъ сюда, и тутъ со мною посидѣлъ доволно и до своего судна отехалъ.

6. Середа. Пріездилъ ко мнѣ рано Семенъ Карпѣка и кушалъ со мною, а по обѣдѣ пріехали на судно жъ ко мнѣ Тарноліотъ зъ старшимъ Покотиломъ и посидѣвши доволно, поехалисмо въ транжаментъ и былисмо у коменданта маіора Мерзлюкина, Ни-

кити Дмитрiевича, отъ его заходили до провiянтмейстера Юрия Iванов. сина Кмита, а оттуду прiехалемъ до своей буси сюда.

7. Четвер. Сегодня коменданта Мерзлюкова 2 вѣдерками водки обослалемъ. Обѣдалъ у мене Тарнолiотъ, Семенъ Карпѣка и Стефанъ Холодовичъ. Алексѣй Купчинъ, бывшiй съ нами тутъ на суднѣ, вигрузился и поехалъ въ Сулакъ завознею. Получилъ копiю указу сенатского до г. генерала Матюшкина о свободной безъ пошлини продажѣ вина и табаву въ крѣпости ст. Креста и по другихъ новозавоеванныхъ провинцiяхъ [1]). Увѣдомилемся отъ Архипа, что взяти 3 куѳи горѣлки Якова Дуброви въ нашъ расходъ, зъ которихъ 1 меншая, въ которой горѣлки было 16 вѣдерокъ московскихъ, а вѣдерку цену торгъ людскiй учинилъ по полтора рубля и за оную приходитъ грошей 24 р.; другая, въ якой было горѣлки 25 вѣдерокъ, а цена вѣдерку по 2 р., за которую приходитъ грошей 50 р.; третая невимѣрувана и теперъ зъ горѣлкою, але сподѣватись мовитъ въ оной на 20 вѣдерокъ гор. Гаврило показалъ реестъ чили вѣденiе взятимъ запасамъ рожнимъ и заплатѣ за онiе надлежащой, 1) за п. Заборовского запасъ—7 р., 16 л. и 14 д., 2) за п. Тимофея Скоропадского—2 р., 6 л., 4 д., 3) за п. Андрея Миклашевскаго—17 р., summa 26 р. 23 алт. 2 д. Составилемъ и окончилемъ реестръ чили indicem Ilesaphri philosophici ordine alphabeti codigeri noth. Steph . . . . Василя Патику послалемъ въ крѣпость ст. Креста, конемъ Семена Карпѣки, о своихъ увѣдомитись.

8. Пятокъ. Сегодня рушилисмося зъ мѣста своего и приближились къ пристанѣ, жебы латвѣй было вигруживатись. Гаврило вѣденiе показалъ провiянта нашего, въ бусѣ сущего, а въ его и Архиповомъ вѣденiи будучуго, именно: бочокъ зъ борошномъ 5, барилъ зъ водкою 22, мѣховъ зъ розною мукою 15, бокуну куливъ 15, табаку зъ молодецкимъ 8, (куфъ зъ гор. 2) масла полъ 2 фаски, сухарей кулювъ 11. П. Тарналiотъ посидѣлъ у мене и въ

---

[1]) Приведенный здѣсь указъ отъ 5 августа 1725 г. напечатанъ въ изданiи 1859 г., ч. I, стр. 111.

посидѣнню говорилъ, что певное лѣкарство на сканцерованніе перси женскіе есть такое: цеглу свѣжовипаленую взять и разбивши на двое, одну объ другую часть терти и пилу цегляного натерти доволно, да до того хлѣба ситного мякушки натерти руками столко жъ и тое змѣшавши въ купу полити добримъ оцтомъ и приложить до персей. Сегодня вигружалисмо часть малую провіянта за вознею на сухо и зложили въ казарнѣ, отведенной отъ коменданта Мерзлякова. Алексѣй конюшій зъ Василемъ козакомъ пріехалъ зъ Сулаку и донеслъ о походѣ 27 сент. въ гори учинившомся.

9. Субота. Сегодня былъ праздникъ моего патрона, а отъ позавчорайшого дня мнѣ житія моего лѣтъ 29, ибо я родился 1696 року. Обѣдали у мене Тарноліотъ, Семенъ Карпѣка и Холодовичъ и по обѣдѣ отѣхали, а я на шлюпцѣ, отъ гекбота присланной ко мнѣ, ездилемъ до оного и принятъ тамъ былемъ любовно отъ мичмана Алексѣя Костинтиновича Бѣлоселского, который уже и по отездѣ отъ его моемъ на бусу, обослалъ мене яблуками дербенскими, тютюнами картознимъ и персидскимъ. Составилемъ писма и включилемъ до Полянского въ пакетъ, въ которомъ писмо до Демяна о присилцѣ сюда горѣлки нерозведеной; до брегадира Ветеранина о пересилцѣ писемъ въ Ахтирку до полковника ахтирскего о пересланню онихъ же въ Роменъ, до родителя о моемъ поводженню, о присланню, весною, виправи, о тютюну въ Астраханѣ, уступцѣ мнѣ и цедулою о томъ его жъ къ Ветеранину написать (просилъ?) о пересилцѣ писемъ въ Ахтирку, до жени о поводженню жъ, о виправѣ о корѣнню зъ товарищи, жебы прислать сюда по первомъ листу.

10. Неделя. Сегодня обѣдалемъ у себе самъ, а по обѣдѣ были у мене мичмани оба, въ которихъ я вчора былемъ, а потомъ и комендантъ Мерзляковъ, и, посидѣвши мало, отехали зъ буси моей. Гаврилу на покупку риби въ Терку далемъ 90 р., а у его 8 р. и 4 грив., да у Архипа 4 р. и 4 грив. Якова Дуброви, и того всѣхъ 102 р. и 8 гр. Далемъ особливе слугамъ п. Заборовского 2, а п. Тимофѣя Скорупи 3 р. Горѣлки взялемъ зъ числа въ Астраханѣ взятого ста вѣд., 2 барилѣ, зъ которихъ въ одномъ

5 вѣдерокъ, а въ другомъ 5 же безъ 4 квартъ, всѣхъ 10 вѣдерокъ безъ 4 квартъ, а въ остатку у Гаврила 90 вѣдерокъ и 4 кварти; да особливе жъ, не въ зачотъ тихъ, взялемъ 2 куфи и барило третее Яковиной горѣлки, въ 6 вѣдерокъ зъ баришемъ а всѣ вѣдерка ромен. Потребнѣйшіе рѣчи въ завозню зложивши и самъ въ оной поехалемъ при заходѣ слонца зъ 6 работниками Мозурами, да зъ 4 слугами и приехалемъ въ усте рѣчки Аграханѣ, которою до свѣта ехалемъ, але жъ на мѣлѣ стала завозня, такъ что далѣй нелзя било ехать, того ради сталисмо якъби у 6 верстъ, недоеждяая нижней станицѣ. 6 пунктовъ зъ реестромъ покупокъ далемъ Гаврилови що покупать.

11. Понеделникъ. До того мѣста на Аграханѣ, где зъ завознею на мѣлѣ ставшою медлѣлисмо, пріехалъ Алексѣецъ отъ крѣпости зъ подводами, будкою и возами трома, на которіе поскладавшись зъ завознѣ, поехалемъ землею, оставивши при остатку рѣчий Гудима Грицка, и пріехалемъ до станицѣ нижней, тутъ обѣдалемъ: Дракгуне приходили коней нашихъ грабить, по жалобѣ Дончихи, будто за потравленную капусту отъ людей моихъ, еще якъ до мене ехали, и покричавши довольно, отойшли, а я ездилъ до провіянтмейстера и оного укрившогося неувидѣвши, повернулемся назадъ. Нижная станиця городкомъ здѣланна зъ роскатами, але низкими и валомъ такимъ же, а внутръ мазонки бѣдніе, на половинѣ отъ транжамента аграханского и крѣпости стоитъ у Алексѣйця увѣдомилемъся о домашнихъ жалосномъ поводженню. Поехавши по обѣдѣ оттуду, пріехалемъ позно до лагеру у крѣпости ст. Креста стоячого нашого, и тутъ зъ п. Семеномъ Чуйкевичомъ видѣлъся.

12. Вовторникъ. Рано поехалемъ въ городъ Крѣпость ст. Креста и первей, у полковника Добринея былемъ, а оттуду у Милорадовича, оттоль у генерала Матюшкина. Оттуду пошедши, обѣдалемъ у Добринея и до вечора забавившись, и въ лазнѣ его вимившись, ночовалемъ у Милорадовича. Тутъ вѣдомости веселіе о нашихъ пошовшихъ въ гори получилисмо.

13. Середа. Сегодня рано у весь корпусъ, ходившій у гори, повернулся назадъ зъ помислною Слава Богу вѣкторіею, понеже

Шафкалово владѣніе все разорено и спалено. Обѣдалисмо у Милорадовича многіе зъ бунчуковихъ, а по обѣдѣ прійшлисмо до лагеру. Куфу горѣл. визичилемъ двойной товарищамъ на гостинецъ господамъ.

14. Четвер. Сегодня рано билемъ у Михайла Афанасіевича. Росходу къ тому показалось 5 вѣдеръ гор. оковит. и барило вишневки и пуздерко розийшлось. Билемъ у Шереметева, оттуду у Еропкина, а между тимъ получилемъ вѣдомость, что въ транжаментѣ аграханскомъ бура збитъ великая била и первей наводненіе излишнее учинила, же и мою бусу и прочіе къ берегамъ позаносило, а потомъ, за перемѣною погоди, вся вода у море увойшла и сухо стало, чего ради я поехалемъ зъ лагеру туда и недоехавши оного мало, заночовалемъ зъ п. Заборовскимъ.

15. Пятокъ. Сегодня, рано поехавши передъ обѣдомъ, пріехалемъ до транжамента и тутъ бувши у коменданта, потомъ билемъ и на бусѣ своей на землѣ стоячой, до которой конемъ ездилемъ. Писма 2 писалемъ до Полянского и до Демяна, въ другомъ писалемъ о присилцѣ вина фронтиніяку 20, а ренского 40 бутилокъ и 20 куліовъ овса.

16. Субота. Сегодня тутже въ транжаментѣ покушавши зъ Заборовскимъ и Шубою, отехалемъ до крѣпости и на дорозѣ стрѣтилемся зъ атютантомъ генерала Матюшкина, Константиномъ Федоровичемъ Ушаковимъ, въ С. П Бурхъ посланнимъ, и простившись зъ нимъ, пріехалемъ позно въ лагеръ. Козаки наши и слободскіе уступили отсюду и стали лагеромъ у нѣсколько верстъ отсюду, въ лѣсахъ.

17. Неделя. Сегодня службы Божой вислухавши, прийшлисмо до своего лагеру и кушали у себе, а господа генерали и протчіе штапъ-офѣцери кушали у генерала Кропотова. Посѣщали мене капитанъ Дефаршъ и Іванъ Полянскій. Іванъ Миклашевскій зъ пистолета случаемъ разилъ козака, але куля винята. Писма до дому сочинилемъ черезъ сотника коваловского.

18. Понеделокъ. Сегодня рано былемъ у Кропотова и Шереметева и тому листи, а сему 2 оки тютюну тур. далъ и ласкаве

отъ нихъ принятъ былемъ. Обѣдалисмо 6 чловѣка бунчуковихъ у Матюшкина и подпіяхомъ.

19. Вовтор. Присланному вахмистру отъ Дебринея отдалемъ ложечки срѣбніе, данніе до отдачи ему отъ садовника Пасета астраханского. Миколаевичъ плутъ былъ призиванъ ко мнѣ и призналъ себе быти виннимъ за тое, что не записивалъ, почому лососѣ спродалъ у Бацѣ и что виноватъ по своемъ реестрѣ остается 14 р. Несторовичу да асаулѣ по 30 р., Конюшему 16 р. Получилемъ сегодня писма родителскіе и протчіе зъ Ромна отпущенніе юля 30-го.

20. Середа. Сегодня рано ездилемъ въ городъ и былемъ у Дебринея оттуду зъ Дефаршомъ осмотрувалемъ квартири мнѣ отъ Дебринея отводячойся, а по обѣдѣ Дебриней у насъ былъ и посидя отехалъ и съ нами Опачининъ обѣдалъ. Писма составилемъ въ домъ до родителя и жени о виправѣ, о присилцѣ слугамъ кошуль и чоботъ, а особливе пявокъ, и до прокурора.

21. Четвергъ. Сегодня послалемъ до Опачинина черезъ Алексѣйця 6 р. должнихъ, а Вѣжевскому 4 р. на росходъ зъ мѣшка Заборовского.

22. Пятокъ. Сегодня рано билисмо въ городѣ у генерала Матюшкина и Милорадовича. Писма до дому составленніе, до п. Федора дядка и до Демяна вручилемъ Івану Полянскому, о которихъ прежде 10 числа въ 2 нумерѣ упомянулемъ. Генералъ Матюшкинъ передъ обѣдомъ виехалъ зъ крѣпости ст Креста къ ретранжаменту аграханскому, которого оправожалисмо верстъ зъ 5 и поцаловавшись зъ нимъ нѣсколко разъ, такъ и зъ самою генералшою Софіею Дмитровною, воротилисмося, а нѣкоторіе зъ штапъ офѣцеровъ и генералъ Кропотовъ поехали зъ нимъ до ретранжаменту. Туда жъ послалемъ зъ листомъ Василя козака да Гаврила. Зъ первого лагера перейсилисьмо всѣ на другій, где и козаки малор. и слободскіе стоятъ, надъ Аграханю, пониже мало городка донского прозиваемого Кузмѣнъ Ерокъ, а отъ города крѣпости ст. Креста въ 7 верстахъ отстоящого, и тутъ ночовалисмо зъ п. Михайломъ. Сегодня Миклашевскіе и Гамалѣи зъ Завадовскимъ отлу-

чились отъ насъ и перевезлись въ старую крѣпость на кватеру, отведенную имъ отъ Сойманова.

23. Субота. Сегодня до вечора и до ночи тутъ въ лагерѣ обрѣталисмося, а остатокъ рѣчій нашихъ зъ прежнего мѣста сюда перевезено. Обѣдали у насъ Костенецкій и Григорашъ. Человѣкъ Заборовского на дорозѣ умеръ, отъ лагера сюда въ новий едучи, и поховали его.

24. Неделя. Сегодня рано ездилисмо оба въ крѣпость ст Креста и кушалисмо у генерала Шереметева, а по обѣдѣ играли у карти зъ виграшемъ. У его жъ денщикъ на дворовой женился при насъ. Гайдемиръ, владѣлецъ Андрѣевскій, ездившій къ генералу Матюшкину до транжамента, возвратившись оттуду зъ генераломъ Кропотовимъ, былъ у старой крѣпости у сина своего, которий отъ его въ аманатчикахъ сидитъ.

25. Понеделокъ. Противъ сего числа въ ночѣ коней 4, 2 верховихъ п. Михайла, а мой верховий вороний и гнѣденкій пропали въ полѣ. Обѣдалисмо у себе, а у насъ Костенецкій, Андрѣй Трощинскій и Заборовскій, а по обѣдѣ ездилъ до города и билъ у Шереметюва и Кропотова за квартерою.

26. Вовтор. Сегодня ексекуція чинена была, 2-хъ повѣшено, а нѣсколко бито кнутомъ и ноздри вирвано салдатамъ збѣгшимъ. Обѣдалисмо у Миклашевскихъ, а по обѣдѣ билемъ у Яропкина и Дебринея, и оттуду пріехалемъ въ домъ. Послалемъ рано въ транжаментъ Мартина и черезъ его писалемъ до Гаврила о его обхожденіи и поездѣ въ Терекъ и Баку и взяттю куеи Миклаш., буде конюшій незаплатилъ, и писалемъ до Мерзлякина о завознѣ вимѣраясь. Якимъ Гречаний сказивалъ мнѣ про писмо зъ Астраханѣ до мене писанное, у нѣякогось офѣцера найдуючееся.

27. Середа. Сегодня въ лагерѣ дновалисмо, а обѣдали у насъ Трощинскіе и Костенецкій. Ащутилемъ въ себе боль въ правой пахвѣ.

28. Четвер. Сегодня конѣ наши пропаліе обыскалися. Обѣдалисмо у себе и зъ нами Гамалѣя Стефанъ и Григорашъ. Мартинъ повернулся зъ транжамента и обявилъ, что еще вчорайшого дня

генералъ Матюшкинъ и Гаврило за непогодою нерушали и что Потапу на покупку риби далъ 1 р. Сегодня чинилась ексекуція надъ 4-ма салдатами, якихъ колесовано и положено живцемъ на колесахъ за убитте маркѣтантовъ и 2 донцовъ, за тое что вѣдали про оное убійство и умилчали.

29. Пятокъ. Сегодня п. Михайло ездилъ въ крѣпость, а я при лагерѣ дновалъ.

30. Субота. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Трощинскіе и Заборовскій. Вѣжевскому на росходи далемъ 5 р. Мартиномъ послалемъ до Еропкина 2 бутилки красного вина, а 3 ренского бѣлого (на которіе теперъ 1 р. розійшолся) и пудъ меду патоки. Грошей у мене всѣхъ осталось цѣлнихъ рубліовиковъ зъ полтинами 20, а дробнихъ 12 р. Получилемъ писмо отъ Любима Полянского о здравственномъ поводженню бунчуковихъ, въ Астраханѣ обрѣтаючихся.

31. Неделя. Сегодня ездилемъ ряно въ крѣпость ст. Креста и повидѣвшись зъ Дебринеемъ, у службы былемъ, а потомъ у Еропкина обѣдалемъ и по обѣдѣ зъ Трощинскимъ Андрѣемъ пріехалемъ въ лагеръ.

Мѣсяць ноевр. 1. Понеделокъ. Сегодня обѣдалисмо у себе, а надъ вечеру извѣстились, что пятотисячной комменди мароросcійской прибили нѣкоторіе уже зъ Сенецкимъ сотникомъ Криштопенкомъ въ аграханскій транжаментъ и что колмикъ 6000 сюда жъ слѣдуютъ.

2. Вовторникъ. П. Михайло ездилъ самъ въ городъ, а я зъ Костенецкимъ обѣдалемъ у себе. Василь козакъ повернулся зъ станицѣ и сказалъ, что купилъ сѣна на 6 воз. Татаре зъ горъ напавши на середній караулъ донскій, былись съ ними ноччю по заходѣ мисяца и тогда жъ, безъ вреда нашихъ, татаре уехали толко едному донцу плече копіемъ прокололь татаринъ, а татаръ сказуютъ на 40 человѣка было.

3. Середа. Сегодня было холодно и дожчъ зъ снѣгомъ прорывался, а рано ездилемъ до крѣпости ст. Креста и былемъ у Шереметева, оттуду у Кропотова, где и обѣдалемъ; по обѣдѣ ви-

дѣлемъся зъ Дефаршомъ и приговоривши коминки въ свѣтлицѣ строити, въ квартерѣ нашой, отехалемъ зъ города и заехалемъ до Миклашевскихъ и тамъ немного медля, пріехалемъ позно въ лагеръ. Вѣжовскому на расходи далемъ 4 р. Василь козакъ посланъ знову въ станицю зъ донцами куповать сѣно.

4. Четвер. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Костенецкимъ, а по обѣдѣ збирались зъ товарищи и радились о покупцѣ горѣлки декляррованной нѣкоторимъ персонамъ и куфу гор. оковитой гонишковой купили у Якова Жураковского за 80 р., а простую продавали по 60 р. и меншъ отдать нехотѣли. Мартинъ посланъ въ транжаментъ для запроваженния оттуду сюда запасу нашего лодкою, на которую далемъ ему жъ 3 р. Сотникъ Сенецкій пріехалъ сюда въ лагеръ и былъ у Стефана Гамалѣи. Вѣдомость учинилась, что по совѣту генералитету приговоръ состоялся коммендировать партію въ гори въ 5000 числѣ, а коммендиромъ полковникъ Еропкинъ означенъ, а походъ зъ причини означенной числа 2-го, нумера 3-го, приговоренъ.

5. Пятокъ. Сегодня ездилъ п. Михайло въ городъ, а я оставалъся дома; онъ же пріехавши въ таборъ, обявилъ мнѣ, что поидетъ и онъ въ походъ зъ Еропкинимъ. Куріеръ зъ С. П. Бурху 8 октовр. отпущенний, пріехалъ сюда зъ указами.

6. Субота. Сегодня козаки прошлолѣтніе въ командѣ Милорадовича будучіе, отпущенни зъ самимъ Милорадовичомъ и зо всею старшиною въ доми, черезъ которихъ писалъ и я до родителей и жени, о себѣ, о виправѣ, о недоправцѣ интерессу зъ должниковъ до ясневелможн оба писалисмо о неприсланню зъ С. П. Бурху о насъ резолюцій и до брегадира Веляминова, прокурора и Петра Петровича Толстого, и листи тіе вручени самому Милорадовичу. Обѣдалемъ у Еропкина и Дебринея, и випросилемля у енераловъ ити въ партіи въ гори зъ Еропкинимъ и п. Михайломъ.

7. Неделя. Сегодня рано послалисмо вози до Ниженей станицѣ по провіантъ, который мѣлъ Мартинъ водою привезти. Былъ у насъ генералъ Шереметювъ зъ полковникомъ Еропкинимъ и другими, повернувшись отъ лошадей дракгунскихъ, которихъ осмотру-

валъ. Вѣжевскому на росходи далемъ 4 р. Обѣдалисмо сами зъ Костенецкимъ и Трощинскимъ и неездили никуда.

8. Понеделокъ. Сегодня рано ездилисмо оба въ крѣпость и бывши у Кропотова, Еропкина, зайшли до Дебринея, где и обѣдалисмо, и пріехали до дому позно въ лагеръ пошумни.

9. Воотор. Сегодня пріехали вози наши отъ Нижней Станицѣ, зъ провіянтомъ нашимъ, водою, завознею, припроваженнимъ отъ транжаменту, а далѣй станицѣ зложенимъ на оніе, за 7 копъ Писалемъ писма до родителей и жени черезъ слугу Тимофѣя Скоропадского, отпущенного землею, ознаймуючи о себе чи живъ. У вечеру посѣщалъ насъ харковскій полков. Квѣтка и посидя отійшолъ.

10. Середа. Сегодня дневали мы въ лагерѣ и въ себе обѣдалисмо ми, и у насъ Федоръ Чуйкевичъ. Бунчуковіе прійшовши до насъ, нѣкоторіи розговорували о контрибуцѣи—заплатить 5 куховъ горѣлки, и составилм оную на 600 р. Іванъ Борзна сказовалъ вѣдомость, что будто полковниця Сумская взята въ Москву.

11. Четверъ. Сегодня ездилемъ въ городъ и бувши у генераловъ Кропотова и Шереметева, обѣдалемъ у полковника Аракчѣева зъ полковниками Фонстралемъ и Харковскимъ, а по обѣдѣ у Дебринея былемъ, где и сенецкого сотника увидилемъ, и осмотрѣвши кватири своей, отехалемъ и мимоездомъ зъ капитаномъ Дефаршомъ заехавши до Миклашевскихъ и забавившись мало, пріехалемъ отъ нихъ въ лагеръ. Тамъ вѣдомо мнѣ учинилось, что п. Андрѣю Миклашевскому родился синъ Михайло. Вола нашего украдено.

12. Пятокъ. Сегодня рано послалемъ въ транжаментъ до Івана Тарноліота писмо къ Полянскоиу писанное, а въ немъ и до Демяна о томъ, чтобъ горѣлки тамъ не продавалъ, але сюда присилалъ бы и чтобъ оною обослалъ атютанта Ушакова, когда повернется зъ С. П. Бурху, а писмо до Тарноліота послалемъ черезъ Александровича Чорнуского. П. Андрѣй Миклашевскій прислалъ денги должніе мнѣ позиченніе 15 р., а за провіянтъ 3 р. зъ полтиною, такъ же и Тимофѣй Скоропадскій 3 р., якіе 3 р., далемъ Вѣжевскому на расходъ. Вола еще взять казалемъ у Якубовичевихъ людей. Мартинъ пріехалъ зъ провіянтомъ нашимъ сюда.

13. Субота. Сегодня въ лагерѣ дновалисмо, пообѣдали у себе зъ Гамалѣею Стефаномъ, Трощинскимъ и Костенецкимъ, по обѣдѣ жъ пріездилъ ко мнѣ сенецкій сотникъ Криштоповъ и, посидѣвши, отийшолъ. Онъ же потвердилъ про полковницу Сумскую, что въ Москву взята. У вечеру велено на завтрее приготоватись всѣмъ нараженнимъ въ походъ. Церкви войсковой посвященіе въ лагерѣ било и въ первое служба Божая была.

14. Неделя. Сегодня рано, когда стали були рушать въ походъ, принесенна вѣдомость, что отставленъ походъ до завтрего. Билемъ весь день въ лагерѣ, а п. Михайло ездилъ въ городъ. Дофаршу коня п. Федорового, кучеравого, вороного даровалемъ. Маргинъ зъ всзами поехалъ до Нижней станицѣ по провіянтъ, черезъ которого писалемъ до Гаврила въ Терекъ, чтобъ онъ о себѣ увѣдомилъ мене, и Мартину казалемъ, чтобъ далъ рубля на рибу лососѣ и щукъ купилъ бы и посолилъ, на що такъ же и на протчіе потребы далъ Вѣжевскому еще 3 р.

15. Понеделокъ. По ранномъ обѣдѣ віехалемъ зъ лагера въ городъ и тутъ пожегнавши генераловъ и Дебринея, поехалемъ въ походъ зъ партіею въ 4000-мъ числѣ, а именно: дракгунъ 1000, малороссійскихъ и слободскихъ 1000, донскихъ и яицкихъ зъ колмиками 2000, коммендиромъ главнимъ полковникъ Еропкинъ, полуполковниковъ 2, Соймоновъ и Сомовъ, маіора 2, Аргаровъ и другій мнѣ несвѣдомъ, зъ бунчуковихъ на два зъ п. Михайломъ, Худолѣй, Метелскій, Богаевскій меншій, Голубъ и Солонина, а пошли просто къ Таркамъ, у лѣво понедалеку мора Каспѣйского, и увойшовши того дня верстъ 10, ночовали у сухого Сулаку. Получилемъ писмо отъ Любима Полянского, зъ Астраханѣ, объ отправленномъ моемъ человѣку сюда оттуду зъ водкою и виномъ.

16. Вовтор. Пошли 3-го часа зъ полночи и увойшовши болшъ 20 верстъ, стали на ночлѣгъ при очерету, а на всѣхъ становискахъ заказано имѣти огонь, трубки курить, и бить въ барабани, але зъ якою могли тихостію и молчаніемъ, такъ себе содержали, нерозбираючись и сами, и коней отъ себе нѣкуда непускаючи.

17. Середа. Рушилисмо 3-го часа зъ полночи и пройшовши верстъ нѣсколко, прійшлисмо надъ рѣку Кумъ-Таркалскую, отъ Кум-

таркаловъ текучую и неподалеку упадаючую въ море, которая хочай собою топка и немѣлка, однакъ всѣ конми переходилисмо и перебравшись всѣ черезъ оную, зближалися къ Таркамъ, куда якъбы верстъ у 7 недоижджаючимъ намъ, ординовано донцовъ, яицкихъ и колмикъ, также малор. и слободскихъ, на полтори тисячи передомъ къ Таркамъ, которіе, не увидѣвши близъ Тарковъ нѣкого, за Тарки побѣгли и тамъ, наехавши на татаръ, былись зъ ними и зъ нихъ 11 чловѣка убито, а 3 татаръ, до насъ пріехавшихъ уже къ Таркамъ и лагеромъ противъ самихъ Тарковъ ставшихъ, приведено также татарку едну и малчика едного татарчука; тогдажъ и потомъ обежджаючи помянутое легкое войско, около мора, наехали на стада татарскіе и загорнули товару рогатого на 400 штукъ и болшъ, але толко 212 пригнали до лагеру, а на 200 колмики покололи; що-жъ могли забрати на вюки, тое забрали, а остатокъ поколотивъ товару, покидали на килнадесятъ. Тогда жъ коммендированъ былъ маіоръ Аргаровъ, зъ двома ротами дракгунъ за Тарки, якъбы у 5 верстъ, для того что сказано тамъ татаръ быти многое число и скоту, але нѣчого не винайшовши, назадъ повернулся. Ездилемъ нарочно въ Тарки, уже разореніе, однакъ полатъ еще показалось много цѣлихъ, кромѣ що стелѣ поупадали, и видѣлемъ строеніе онихъ избъ ихъ нехудое и на примѣръ иноземского, понеже въ нихъ окна великіе, стелѣ мѣрно високіе, коминки у стѣнахъ подѣланніе гладко и мѣстерно (?), матеріялъ же камѣнне самое поскладанное порадне и равно у стѣну, да потомъ глиною, зъ посѣченою яринною соломою змѣшаною, помазано, а потомъ крейдою отинковано, равно и гладко, а между камѣння, где двери, албо окна, дерево укладовано для крѣпости. Зъ мѣстца того надъ вечоръ рушилисмо назадъ зъ боемъ барабаннимъ и не такъ тихо, якъ туда ишли, и перейшовши знову черезъ прежде помянутую Кумъ-Таркалскую рѣку, где за темность ночную немалая учинилась конфузѣя, стали заразъ на ночлѣгъ, и тутъ оній имѣвши часовъ зъ 6, поколь мѣсяцъ подобралъся, рушили оттуду далѣй.

18. Четвер. Въ порушенню нашомъ свѣтать стало и, уже пройшовши чимало, доехали заливи морской и черезъ оную здѣлавши

греблю зъ комишу, переправились всѣ, и проехавши еще нѣсколко верстъ на степу, сталисмо на ночлѣгъ, недоеждджаючи Сулаку верстъ за 20.

19. Пятокъ. Рушилисмо уже передъ свѣтомъ зъ ночлѣга и недоеждджаючимъ намъ Сулаку, віехалъ противъ насъ Аракчѣевъ полковникъ и другіе, и привитавшись зъ оними, зближились къ рѣцѣ Аграханѣ и, переехавши бродомъ черезъ оную, пріехалисмо зъ Еропкиномъ въ крѣпость ст. Креста, где, у генераловъ побувавши, до своей квартери прійшлисмо и тутъ ночовали оба зъ п. Михайломъ. П. Михайла конь, въ ровъ городовий упавши, здохъ.

20. Субота. Обѣдалисмо оба у своей квартерѣ, а по обѣдѣ, побувавши у господъ генераловъ, пріехалисмо въ лагерь. Верблюдовъ зъ Астраханѣ государевихъ пригнато 132 сюда для возѣння фашинъ и протчего. Андрушко, человѣкъ мой сухоносовскій, зъ Астраханѣ отъ Демяна посланний, пріехалъ и привезлъ гор. 4 барилѣ, а въ нихъ вѣдеръ 15 и квартъ 13 и полкварти, да вина фронтиніяку сулѣю и половину боклажка. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р. Вола купилисмо за 9 копъ, и того у насъ 5 воловъ.

21. Неделя. Въ лагерѣ по набоженствѣ кушалисмо у себе зъ Трощинскими. У донца купилемъ коберецъ татарского издѣлія за полъ 9 зол. Поехалемъ зъ лагера и заехалемъ въ старую крѣпость, до Соймонова, куда потомъ Еропкинъ и Дебриней пріехали и, забавившись тамъ до полночи, пріехалисмо въ новую крѣпость, и заехали на квартеру Еропкина, которій тамъ мнѣ пѣщаль татарскую, сего походу добутую, подарилъ; оттуду булисмо у Дебринея, оттоль у нашой квартерѣ, знову у Дебринія, у насъ и у Дефарша, таковое до свѣта бдѣніе отправивши, розійшлись.

22. Понеделокъ. Припималемъ electuarium laxativum. Еропкинъ и Сойкановъ были у насъ. По сѣно, звезти оное до лагеру, послани подводи зъ Василемъ, которій, надъ сѣномъ заставши яицкого козака, коня взялъ у его бѣлого и сюда запровадилъ. Бутилокъ, опрочъ фрон. (тиньяку?), 19 повнихъ.

23. Вовтор. Согодня обѣдалисмо у себе и по обѣдѣ были у генерала Шереметева и у Дебринея, а я нѣкоторую въ себѣ ощу-

тилъ. Послали Василя отсюду за сѣномъ и грошей ему черезъ Вѣжевского дано 3 р. Яицкіе козаки два пріездили за конемъ, вчора при сѣнѣ отъ Василя пограбленнимъ, которимъ казали завтра явитись. Отъ Дебринея черезъ п. Михайла увѣдомилемся о нѣкоторомъ specі (?). Король французжскій нинѣшній понялъ себѣ въ жену дочь Лящинского, самъ будучи 16 лѣтъ, а ей 23, да ему жъ, Лящинскому, дается жалованне по 200,000 р. въ Франціи.

24. Среда. Сегодня праздновали день стія вел. мучен. Екатерини, ради тезоименитства ея величества, въ свѣтлихъ одеждахъ, а подъ часъ молебня 3 рази зъ всѣхъ пушекъ стреляно, потомъ штапъ офѣцери гуляли у Кропотова, у вечеру же фейверкъ мелкій отправлялся. Зъ п. обознимъ прилуцкимъ въ первое увидѣлемъся и листъ Деміяновъ получилемъ, въ которомъ пишетъ, что въ Астраханѣ цѣна гор. вѣд. 3 р. 14 а., 4 д. и что сюда зъ Андрушкомъ прислалъ гор. вѣтер. 15 и квартъ 14. Гулялисмо у Дебринея въ глубокую ночь.

25. Четвер. Сегодня обѣдалисмо оба у Еропкина и по обѣдѣ играли въ карти.

26. Пятокъ. Сегодня въ кватери своей былисмо. Кропотову генералу гостинецъ далъ. Писма до дому составляли. Кочубей зъ Сулимою, посидя у насъ, отойшли.

27. Субота. Сегодня кушалисмо у себе и у насъ Іванъ Тарновіотъ. У вечеру былемъ у Шереметева, оттуду у Дебринея, до которого тогда жъ Гайдемиръ прислалъ въ гостинецъ кумичку дѣвчину и вина. Консилѣумъ генералѣтета состоялось о походѣ будущемъ.

28. Неделя. Сегодня на водки были у насъ генерали оба и другіе штапъ офѣцери. А обѣдалисмо сами зъ Тарновіотомъ. Отправили писма въ Пѣтербурхъ, до Петра Андрѣевича, и въ домъ черезъ Бейкѣчева прапорщика, а въ домъ до родителей и жени о своемъ поведеніи, и чтобъ виправа зарання была прислана. О поведеніи жъ до брегадира, прокурора и Петра Петровича, особливо до ясневелможной, а до Демяна о покупцѣ тамъ разнихъ рѣчій въ Астраханѣ до кухнѣ и смушковъ и чтобъ кромѣ 4 барилъ розведеной водки болшъ не продавалъ, тамъ теперъ у его 10 барилъ

горѣлки всеей. Писалемъ и до Полянского о пересилки писемъ и до ахтирского полковника.

29. Понеделокъ. Сегодня рано былисмо у Дебринея, оттуду у Кропотова и кушалисмо тамъ оба, я и п. Михайло. Шереметевъ подарилъ стогъ сѣна п. Михайлу и посланъ за тимъ Алексѣй. У вечеру Дебриней, Дефаршъ, Діонетъ и Макарте были у насъ и просидѣли долго, въ карти играючи, въ ломбаръ и пѣкетъ, и потомъ отойшли. Щиталемъ сколко разій писалемъ въ домъ, зъ дому рушившись, и показалось, отъ мая 21-го до ноевр. 28, 18 разъ. Писалемъ до Кандиби, упоминаючись о куфу гор. мою позиченую. П. Михайло Вѣжевскому далъ въ росходъ своихъ грошей 10 р.

30. Вовтор. Сегодня рано по службѣ Божой былъ я въ Еропкина, оттуду въ квартеру прійшолъ и кушали у себе, оба, зъ обознимъ прилуцкимъ и Панченкомъ. По обѣдѣ Еропкинъ и Сомовъ были у насъ и играли до позна въ карти. У лазнѣ, въ кватирѣ Кочубея, милисмося, а по лазнѣ у Дефарша, где и Дебриней зъ Макартіемъ и зъ ихъ женами былъ, и тамъ танчили, и до полночи просидѣли.

Мѣсяцъ Декав. 1. Середа. Сегодня рано былисмо у генераловъ Шереметева и Кропотова, у которого и кушалисмо оба зъ Кочубеемъ, а оттоль были у Еропкина, и тамъ зъ нимъ и зъ Сомовимъ играли въ карти за полночъ, зъ виграшомъ. Капитана, зъ epistema болѣзни умершого, ховано, и стреляно. Получилъ писмо Гаврилово, зъ Терку 23-го ноевр. писанное, въ которомъ обявляетъ, что онъ лососіовъ насолилъ 1370.

2. Четвер. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Тарновіотомъ, а у вечеру былъ у насъ Дебриней, Дефаршъ и Макарте, и посидя отойшли, зъ которими ми пойшли къ Дебринею и тамъ прозабавили до полночи, и о Дефаршу его перепросили.

3. Пятокъ. Сегодня обѣдалъ у насъ Худолѣй. Мартину далемъ 10 р. на розніе потреби и на заплатку вола. Извѣстилисмося, что позавчорайшого дня принесенъ указъ споминать въ церквѣ его королевское височество князя Голштинскаго зъ супругою его, государинею цесаревною Анною Петровною.

4. Субота. Сегодня рано были мы въ службѣ Божой, въ церквѣ малой, зъ Кочубеемъ, а по службѣ обѣдали у себе и зъ нами Петракий. Извѣстно учинилось, что угнато слободскихъ 42 лошадѣ, якобы татарами, которіе пріехавши, будто хотѣли и часового схватать, але за суккурсомъ донскихъ прогнани зостали. Ходилемъ смотрѣть работи козацкой около валу, оттуду зайшолъ до оберпровіянтмейстера Лутавина, оттуду въ Еропкина и оттоль въ Дебринея, гдо прогуляли за полночъ.

5. Неделя. Сегодня былъ я въ церквѣ великой на службѣ, а по службѣ, прійшовши въ домъ, обѣдалисмо оба зъ Костенецкимъ и Тимофѣемъ Скоропадскимъ. Терковскіе козаки и татаре пріехали сюда для походу, и являлись Еропкину у Дебринея. У вечеру ходилисмо до Гевалдіера енер., где генерали были. Чепанъ Шафкалъ отзивался сюда, якоби съ тимъ, что мѣетъ пріехать къ генераламъ и отдать своего унука въ аманати.

6. Понеделокъ. Сегодня по службѣ Божой былисмо у генераловъ и кушали зъ Еропкиномъ у Кропотова, а после у Шереметева играли въ карти. Отъ княгинѣ Братунской пріехали 2 посланца и були у генерала Шереметева, и писма, на малихъ картках состоящіе, вручили. Гудимъ посланъ въ лагеръ затимъ, чтобъ оттуду по провіянтъ до Нижней станицѣ, где Потапъ уже найдуется. Василь козакъ, пріехавши зъ лагера, донеслъ, что накосили трави на насъ 25 копицъ въ двохъ мѣстцахъ.

7. Вовторокъ. Сегодня обѣдалемъ у Еропкина, по обѣдѣ пріехалъ Гаврило слуга п. Михайла зъ Астраханѣ и сказалъ, что привезлъ онъ овса четвертей 10, да вина бочонокъ, Демяномъ купленніе. Прошлой ночи татаре подбѣгали и пококоли донца одного. У вечеру играли въ карти у Шереметева зъ Еропкиномъ и офѣцеромъ.

8. Середа. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ заходилъ до насъ Еропкинъ и харковскій полковникъ Квѣтка, и играли въ карти. Милисмося въ лазнѣ у кватирѣ Кочубея, а потомъ до Шереметева ходили. Въ лагерѣ полку лубенского куреней скилка згорѣло.

9. Четвер. Сегодня рано муштровались полки великор. рекгулярніе и стреляли, куда генерали смотрѣть и протчіи ходили на

валъ, где и я былъ. Кандиба присилалъ Андрѣя Трощинского ко мнѣ уговоруватись, за куфу гор. оковитой, у мене позиченой, чтобъ я, цену оной сказавши, денгами, а не горѣлкою взялъ. Зъ нимъ же Трощинскимъ обѣдали ми въ своей квартерѣ, а по обѣдѣ ездилемъ посѣщать болѣзнуючихъ Андрѣя Миклашевского и Василя Гамалѣю, и посидѣвши у нихъ, отехалемъ на свою квартеру. Получилемъ писма отъ Полянского и Демяна зъ Астраханѣ, Демянъ пишетъ, что онъ писалъ ко мнѣ 4 рази и что послалъ овса четвертей 10 и вина ренского, черезъ Гаврила, п. Михайлового слугу, и что зъ Бухарѣ въ каравану часть, а горѣлка въ Астрах. по 3 р. подробицею, а гуртомъ по 2 р. зъ полтиною продается.

10. Пятокъ. Сегодня билисмо въ своей квартерѣ. Оглядалемъ тют. тутъ, которого будетъ $3^{2}/_{1}$ ($^{1}/_{2}$?) окъ. Сало малое, позиченное у лубенского чловѣка, и куль овса, отослалъ къ Еропкину. Ходилемъ у вечеру зъ п. Михайломъ до Шереметева и, тамъ игравши въ карти зъ Еропкиномъ и комисаромъ Шеншиномъ зъ виграшомъ, прийшолъ въ домъ.

11. Субота. Сегодня по службѣ Божой былъ у Кропотова и тамъ оба кушалисмо, а по обѣдѣ были у Дебринея и тамъ въ ломбаръ играли. У вечеру билъ у насъ Дебриней, Макарти и Дефаршъ, и посидя отойшли. Сегодня малороссійскіе и слободскіе козаки и бунчуковіе, рушивши зъ своего лагеру, прійшли къ крѣпости ст. Креста и стали лагеромъ на первомъ мѣстѣ близъ города. П. Михайло своихъ грошей далъ Мартину 5 р. на розніе потреби, по отходѣ нашемъ. Вѣжевскому далемъ 3 р.

12. Неделя. Сеей ночи противъ неделѣ татаре отогнали лошадей 22 полку чернѣговского. Мартину далемъ 3 червонихъ на потреби. Ему жъ зъ Алексѣемъ наказъ далемъ, що мѣютъ по отходѣ нашемъ дѣлать, а сами по службѣ Божой, покушавши, были у Дебринея и у Шереметева, откуду зъ Кропотовимъ прійшли до Кочубея, а оттоль и въ нашей квартирѣ. О полднѣ рушили въ походъ мы при генералахъ Кропотову и Шереметеву, и дойшовши лѣса, прозиваемого татарскимъ языкомъ Дурвасъ, въ 20 верстахъ отъ крѣпости отстоящого, тутъ на ночлѣгъ стали лагеромъ, а ла-

геръ устроенъ былъ фѣкгурою баталіонъ де каре; въ переду ишли передъ авангардіею терковскіе и гребенскіе козаки, потомъ авангардія, а въ корпусѣ въ чолу пѣхота и на задѣ по бокамъ дракгуне, которихъ было на 4000, а зъ нерекгулярними всѣхъ 9404 чловѣка; поузъ дракгунъ по бокахъ малороссійскіе и слободскіе, и донскіе козаки ишли. Въ мѣсто брегадира отправлялъ полковникъ Аракчѣевъ, надъ нерекгулярними полковникъ Еропкинъ, надъ пѣхотою полковникъ Фонстраль, да подполковникъ Лопухинъ. Сеей ночи къ нашему лагеру подбѣгало татаръ нѣсколконадцять чловѣка подсмотрувать и провѣдувать о насъ; огнѣ на горахъ видни были. Бунчуковіе за авангардіею при генералу Кропотову ишли и становились за ними жъ, за палаткою Еропкина.

13. Понеделокъ. Сегодня рушили зъ вчорайшого ночлѣгу свѣтомъ уже, и ишли верстъ зъ 10 отъ лѣса Дурвасу, взявши у право и пройшовши степъ безтравний и безводний, прийшли до води солодкой, болотомъ стоячимъ, и тутъ на травѣ нехудой стали лагеромъ.

14. Вовтор. Сегодня рушилисмо свѣтомъ зъ вчорайшого ночлѣга, и пройшовши около 10 верстъ, прійшли къ горамъ кавказскимъ къ ущеллю, къ правой руцѣ отъ Кумъ Таркаловъ будучому, въ которое первей легкіе войска, потомъ авангардія и особливо коммендированнихъ зъ полковъ кавалеріи 400, а пѣхоти 400 увойшли, а после и увесь корпусъ. Ущелле тутъ весма натурою крѣпкое, ибо сквозь камяніе гори вмѣсто валу, за которими если бы моглъ непріятель зъ пушками засѣсти, то зъ великою развѣ-бъ трудностю входъ моглъ быти, але зъ непріятеля жадного чловѣка невидать было. Близъ сего ущелля нѣкоторіе лошадѣ, отгнанніе татарами 12-го числа, найшлися. Таковимъ ущеллемъ, инде узкимъ барзо, инде поширшимъ, ишлисмо верстъ зъ 6, поминувши у лѣво шляхъ до деревнѣ Капчударъ, шафкалского владѣнія, и прійшовши стали подъ горою, поколь обозъ сталъ надходити, а потомъ, оставивши дорогу, у право идучую до Андрѣевой деревнѣ, у лѣво на гору пошлисмо и, зійшовши на гору, увидѣли тамъ раздолъ пространний, толко на немъ мало трави, и пройшовши онимъ верстъ зо двѣ, спустились зъ гори у низъ, и стали на низу лагеромъ межи горами,

куда нескоро вози наспѣли за гороватою збитъ дорогою. Ординансъ при Шереметеву отправовалисмо, оба зъ п. Михайломъ. Вечералисмо у Еропкина оба.

15. Середа. Сегодня рано рушилисмо зъ вчорайшого ночлѣга и, роздоломъ пройшовши верстъ около 5, прийшли надъ рѣчку Кумтаркалскую и, минувши въ лѣво дорогу, ущелломъ до Кумтаркаловъ ведучую, пошли вправо ущелломъ и, пройшовши ущелломъ верстъ зо двѣ, прийшли до Капчудаю, деревенки разоренной, и отъ оной пройшовши и переправившись черезъ тую жъ рѣчку, стали лагеромъ на пригорбку, гте и первого походу стояли. Обѣдалисмо у капитана Никити Іван. Уварова. Зъ сего лагера побѣгли донскіе козаки, яитскіе и колмики 150 чловѣка впередъ къ кумикамъ, и напавши на татаръ, подля лѣса найдовавшихся 20 чловѣка, бились зъ ними и отъ нихъ живцемъ одного взяли, а двохъ убыли, протчіе же порозбѣгались въ гори, и отбыли у нихъ 135 товару рогатого, да 400 овецъ; оний татаринъ, живцемъ взятий, сказалъ себе быти слугою владѣлца деревнѣ Капчудай. Да онъ же въ допросѣ сказалъ, что впереду многое число татарскихъ ауловъ есть, и что шафкалъ въ селѣ своемъ Кайдарахъ обрѣтается и много число всякаго скота вчорайшого дня отсюду далѣй загнато, чого ради 700 чловѣка нерекгулярнихъ со всѣхъ камандъ наражено посилать въ погоню.

16. Четверъ. Сегодня зъ вчорайшого ночлѣга рушили мы свѣтомъ, а за 3 часа до свѣта комендировано вишепомянутихъ козаковъ, которихъ мы, не доежджая села Капиркумикъ, доехали и увѣдомились, что они никого невидѣли, толко въ Капиркумикахъ застали хати затопленіе, а татаре знать передомъ порозбѣгались. Въ маршу нашемъ нинѣшнемъ, охотники зо всѣхъ командъ нерекгулярніе, побѣгши влѣво на гори, напали на аулнихъ татаръ, которихъ было чловѣка зъ 30 и, учинивши съ ними бой, убыли одного, а другіе въ гори порозбѣгались, женъ зась ихъ и дѣтей обоего пола многое число забрали и припровадили до лагера, такъ же и скоту всякого. Идучи мы до Капиркумикъ, видѣли, что вода ровомъ текла у гору на килка верстъ, импетъ забираючи отъ рѣчки бистро текучой, отъ которой тотъ ровецъ улѣво здѣланъ, и помалу внизъ то

вгору, для забрання болшого импету, прокопанъ, на которомъ и мелницы маліе, при водяныхъ колахъ сторчъ стоячихъ, построени. Пройшовши мы до села Капиркумики, отъ вчорайшого ночлѣга якбы у 6 верстъ отстоящого, увидѣли оное разореное, а на другой сторонѣ рѣчки въ другомъ селѣ, Халѣбѣкгай називаючомся, хочай разоренномъ, было вновъ уже строячихся, але недостроенныхъ хатъ нисколко.

17. Пятокъ. Сего ранку рушивши зъ вчорайшого лагера зъ подъ деревнѣ Халѣбѣкговъ ишли все роздоломъ и видѣли деревню, Шуру зовемую, якая намъ была влѣво отъ дороги за версту, спаленную подчасъ первого еще походу, а ишли мы отъ Халѣбикгава, завернувши вправо, Казаниши же за горою были намъ влѣво, и пришлисмо къ селу Ірпелямъ нижнимъ и стали лагеромъ, недоходя села, якъ бы у полъ версти. Зъ маршу сего нашего, до Ірпеліовъ недоходя оныхъ, коммендѣрованно рекгулярныхъ нѣсколко сотъ и нерекгулярныхъ близъ двохъ тисячъ передомъ къ селу Ірпелямъ и далѣй, которіе пройшовши къ Ірпелямъ, нѣкого тамъ зъ татаръ незастали, для чого за Ірпелѣ пошли и, пройшовши мало, рекгулярніе стали, а нерекгулярніе къ вишнимъ Ірпелямъ пошли, где на многихъ местахъ наехавши татаръ, съ ними бой имѣли и зъ ущеллей ихъ повиганяли въ гори болшіе, по близу будучіе, а пожитки ихъ розніе, въ ярахъ, въ гарбахъ лежавшіе, позабырали, и убито тамъ татаръ много число, около 100 чловѣка, а зъ нашой сторони убито 6 чловѣка, а ранено около 10, между которими драгунъ еденъ убитъ, а другій раненъ. Ірпелѣ Нижніе съ приходу нашего сидятъ на роздолѣ великомъ, а отъ горъ високихъ зайшолъ яръ барзо глубокій, въ которомъ вода течетъ, въ оныхъ жилля 300; строеніе противъ другихъ деревень горскихъ хорошіе, особливе домъ каменний князя ірпелѣнского, каменний, въ которомъ на верху и на сподѣ жилля доволно, въ которихъ зъ генералами ходилисмо. Князь сей ірпелѣнскій до владѣнія шафкалского надлежитъ. По обѣдѣ коммендировано рекгулярныхъ и нерекгулярныхъ въ вишніе Ірпелѣ того жъ владѣнія для спаленния оныхъ, которими подъ висшими горами сидятъ, отъ сихъ Ірпелей будетъ туда верстъ зъ 4, а въ нихъ жилля было 600. Татаръ 2 взято въ полонъ и козакъ

единъ донскій, прошлого року взятий въ полонъ подъ Дербентомъ, вийшолъ и сказовалъ, что за сими висшими горами еще суть снѣговіе гори еще висшіе.

18. Субота. Сей день дновали мы на семъ же мѣстцу, откуду коммадированъ подполковникъ Лопухинъ въ деревнѣ, именуеміе Каранай и Медичинъ, для спаленния онихъ, и при немъ 400 інфантеріи, а 400 кавалеріи, нерекгулярнихъ зась пѣшихъ и коннихъ на 3000 зъ 2-ма пушками, которіе за прибытіемъ своимъ туда оніе деревнѣ запалили, а татаръ, при ущелляхъ стоявшихъ, розигнали, вистрѣливши залпомъ нѣсколко на нихъ, а пожитки татарскіе, въ ярахъ зложенніе, побрали, которихъ было многое число, медних посудъ, ковровъ и проч. Тамъ же знайдено двохъ козаковъ нашихъ раненихъ, которіе вчорайшого дня зъ другими бувши тамъ и неуспѣвши повернутись, а видячи близко татаръ, приходившихъ къ тимъ пожиткамъ, схоронились тамъ же межи пожитки и лежали до сего часу, которіе сказовали, что татаре черезъ всю ночь вивозили оттуду лутшіе свои пожитки далѣй въ гори; тогда жъ убито козака едного донского и 2 ранено, и съ татаръ такъ же убито, а сколко несвѣдомо. Караначай и Медичинъ деревнѣ князя ірпелѣнского, владѣнія шафкалского, въ Каранаи дворовъ 100, а въ Медичинѣ 60, сидятъ оніе подъ болшими горами, между глубокими и крутими ярами, къ которимъ жадного проезду возами немашъ. Надъ вечоръ запалени нижніе Ірпелѣ, при которихъ мы лагеромъ стояли, и всю ночь горѣли. Бунчуковій товаришъ Леонтій Чуйкевичъ, житель полтавскій, въ той же партіи бывшій, невѣдомо где подѣлъся.

19. Неделя. Сегодня поутру много кгрузинцовъ зъ женами своими поприходило къ намъ. Рушилисмо зъ прежнего лагера и, назадъ повернувши, ишлисмо поузъ прежде реченной деревнѣ Шуру и Халѣбикгавъ, и минувши Халѣбикгавъ, повернулисмо улѣво назадъ къ ущеллямъ Кумтаркалскимъ, и недоходя Капчудаю якъ бы верстъ у 5 отъ Халѣбикгава, стали лагеромъ на горѣ. Сегодня передъ вечоромъ коммендировано 100 нерекгулярнихъ къ ущеллямъ, черезъ рѣчку Кумтаркалскую будучимъ, которіе наехавши на татаръ аулнихъ, прогнали онихъ, а взяли верблюдовъ 7 и коровъ зъ быками

около 40, и пригнали въ лагеръ; тогда жъ взятъ и полоняникъ еденъ, взятий еще малимъ у Камянного Затону, который сказалъ себе вѣдаючого многихъ татаръ аулнихъ, при которихъ многое число всякой скотини обрѣтается.

20. Понеделокъ. Сегодня рано, по сказцѣ вчора припровaженного полонянина руского, комендировано въ партію маіора Аргарова къ онимъ 400 драгунъ и гранадеровъ 50, особливе нерекгулярнихъ и полтори тисячи на аулнихъ татаръ, о которихъ помянутий полонянинъ говорилъ, чего ради мы на семъ мѣстѣ дновали. А въ день генерали оба были въ насъ и посидѣвши отойшли. Маіоръ Аргаровъ зъ партіи позно возвратилъся, которій за прибытіемъ своимъ обявилъ, что татаръ аулнихъ на томъ мѣстѣ незасталъ, где полонянинъ застать надѣялся, того ради, что оніе татаре передомъ съ того мѣста отойшли, якъ пойманний тамъ татаринъ обявилъ, и раздѣлились надвое, едни пошли влѣво въ яри глубокіе и лѣси, а другіе поишли жъ къ Казанишамъ, которихъ оставивши, за першими слѣдовалъ, и наехалъ онихъ, межи горами кріючихся, где до 50 мужеска и женска барзѣй полу отъ нашихъ убито зостало, а живихъ татаръ приведено въ лагеръ 4 чловѣка, межи которими и мурзи аулного племенникъ приведенъ, и татарокъ зъ дѣтми около 40 душъ и скотини съ ними взято рогатой до 1500, овецъ до 1200 и нѣсколко верблюдовъ зъ гарбамы. Тогда жъ грузинцовъ чловѣка около 10 вийшло зъ неволѣ къ намъ.

21. Вовтор. Купилемъ татарчука малого, якобы троелѣтного у яицкихъ козаковъ, и далъ за его 7 р. Сегодня рано рушившись мы зъ понеделкового ночлѣга, ишли поузъ деревню Капчудай и тимъ же ущелемъ виходили въ межигоръ, якимъ первого походу октовр. 11, о чомъ на концу сеей книги описано, виходили, и вишедши стали лагеромъ на томъ же мѣстѣ, где и прежде, проминувши у право стоячій городокъ Кумтаркали на горѣ, куда оба зъ полковникомъ Еропкиномъ ездилисмо и видѣли увесь разоренний першого походу и, пройшовши мало, неподалеце стали пещанихъ горъ на сей же сторонѣ.

22. Середа. Сегодня на свѣтанню енералъ Кропотовъ и мы всѣ бунчуковіе рушили съ нимъ съ подъ Кумъ Таркаловъ до Су-

лаку, оставивши коменду генералу Шереметеву, да при немъ же дракгунъ 2 роти и козаковъ нерекгулярнихъ 1000, а доехавши лѣсу, зовемого Дурвасъ, въ половинѣ дороги отъ Кумтаркаловъ до Сулаку будучой, тутъ опочили годинъ на 2, оттуду рушивши, онъ же зъ притомними себѣ приближился къ Сулаку, противъ которого за 2 версти отъ города виехалъ на встрѣчъ полковникъ Лѣцкинъ, зъ синами Кропотова и другими офѣцерами, и когда вежджали въ крѣпость вистрелено зъ пушокъ 7-ми, честь ему отдаючи.

23. Четвер. Сегодня поутру милися мы у банѣ зъ Кучубеемъ и другими. Въ обѣдную годину генералъ Шереметевъ зъ всѣмъ корпусомъ пріехалъ, которому честь отдано зъ 7 пушокъ. Дебриней зъ прорви пріехалъ, у которого, также и у Еропкина, былемъ. Мартину 4 р. вернулемъ, якіе онъ стратилъ, а Вѣжевскому до прежнихъ 3 р. придалемъ еще 7 р. и того всѣхъ 10 р., на власніе мои потреби. Получилемъ 2 писмѣ Демяновихъ, 13-го и 19-го ноевр. писанніе, въ которыхъ пишетъ, что водка дешева въ Астраханѣ и табакъ; и Стефанъ Миклашевскій зъ Шираемъ послали въ Гилянъ свою водку. У вечеру былъ у насъ Дебриней, а потомъ мы у его сидѣли до полночи.

24. Пятокъ. Сегодня ездилемъ въ лагеръ, и тамъ ночовалемъ у п. Трощинского. Яицкимъ козакамъ, продавшимъ въ походѣ еще татарчука мнѣ, заплатилемъ 7 р., позичивши у пана Борзни (sic), а червоного отобралемъ. Получилемъ писмо зъ Астраханѣ отъ Дорошенка, въ которомъ пишетъ, что Павелъ Козловскій умеръ 14-го ноевр. и погребенъ при лазаретѣ.

25. Субота. Рождество Христово. Сегодня рано пріехалемъ зъ лагера въ крѣпость и былъ у генераловъ и Еропкина, а обѣдалисмо у себе зъ Лазаревичомъ; по обѣдѣ были у Шереметева, а оттуду у Кропотова, а у вечеру былисмо оба зъ п. Михайломъ и Кочубей у полковника Дебринея и просидѣли до полночи, гуляючи, того ради, что онъ сей день своего рожденія празднуетъ. Зъ Гиляни пріехалъ мичманъ Норовъ и сталъ тутъ 19-го дня своей езди, того ради, что таковіе вѣтри жестокіе и противніе ему были, ради которихъ мусѣлъ на якорѣ стоять.

26. Неделя. Сегодня были по службѣ у полковника Лѣцкина, а оттуду у Дебринея, где и кушали и за полночъ прогуляли, а компанѣя была: насъ 2, Кочубей, Дефаршъ, Макарти; Панченко, асаулъ прилуцкій, потомъ пришолъ, за которого перепросили Дебринея. Отъ Гаврила получилъ зъ Терку писмо, писаное 21 ноевр., въ которомъ писмѣ тожъ що и въ первомъ ознаймуетъ декавр. 1, числа 3 го полученомъ намъ, и что покупалъ 100 лососей по 6 р. и по 6 р. съ полтиною. Василь козакъ, при мнѣ бувшій, отойшолъ. Черезъ того донца, который Гавриловъ листъ привезлъ, и риби лососей 15 прислалъ онъ же Гаврило, а самъ въ путь (?) рушилъ (?).

27. Понеделокъ. Сегодня обѣдалисмо у Кочубея. Дебриней поехалъ въ прорву. Полковникъ Андрей Яковлевичъ Лѣцкинъ въ розговорѣ, съ нами бывшомъ своемъ, сказовалъ, что когда онъ прошлого року ездилъ зъ командою встрѣчу принцу Грузинскому, пришолъ до Кабарди меншой и болшой, въ горахъ кавказскихъ будучой, где видѣлъ рѣку Аксай, многократно въ маліе ровчаки розделенную, которими оная въ гору на 100 и болше саженъ идетъ бистро; да онъ же говорилъ про состояніе Грузинского государства, что прежде сего за 60 лѣтъ, оное государство силно было и принца сего прадѣдъ былъ абсолютъ, имѣлъ свое государство, составленное зъ 4 провинцій, Милитійской, Грузинской, Георгіянской и Кахетанской, которий, умираючи, помянутое свое государство роздѣлилъ синамъ своимъ тромъ, старшому 2 провинцѣи, а меншимъ обоимъ по едному, зъ которихъ середній синъ, не контентуючись тимъ, зъ братомъ своимъ старшимъ войну имѣлъ и, немогучи одолѣть, подъ протекцѣю торецкую удался, зъ которою брата своего побѣдилъ и войска турецкіе впровадилъ, которіе, тамъ осѣвши, гварнѣзони завели и подъ область турецкую все пригорнули, а теперъ и самий столичний городъ Тевризъ (sic) взяли, отъ якого гоненія тогда еще старшій братъ еще удалился подъ протекцѣю россійскую, а теперъ и нинѣшній принцъ того жъ племени, за кгвалтовное насиліе, отъ турковъ и горскихъ чинившееся ему, мусѣлъ уехать и поддатись тожъ подъ россійскую протекцѣю.

28. Вовтор. Сегодня по службѣ Божой билисмо у Кропотова и тамъ кушали, а по обѣдѣ заходили до Кочубея и тамъ посидѣли. У вечеру полковникъ Лѣцкинъ призивалъ по насъ, до себе зовучи, у которого былисмо и, просидѣвши до позна, прийшли въ свою квартеру. Мартинъ станицкому донцеви степану далъ гор. на вишинкъ. Кандиба зъ прочіими товарищи былъ у насъ и разговорували о посилцѣ писма къ Матюшкину генералу.

29. Середа. Сегодня рано были у насъ Кочубей, Сулима и Шидловскій капитанъ, а ми сами по одходѣ ихъ кушали у себе. У вечеру были у Шереметева и тамъ играли въ карти зъ Еропкиним и Пронтищевимъ, а потомъ вечерали.

30. Четвергъ. Сегодня рано былисмо въ банѣ, обрѣтаючойся въ квартерѣ Кочубея и зъ нимъ же Кочубеемъ, а по банѣ призивани были до Шереметева и тамъ кушалисмо; по кушанню играли въ карти зъ виграшомъ. Мартинъ въ лагеръ поехалъ, а прежде тутъ насипалъ вина красного 20 бутилокъ. Капитанъ Діонетъ, бывшій при прорвѣ, пріехалъ и обявилъ, что вскорѣ загачена будетъ оная и вода сюда пойдетъ.

31. Пятокъ. Сегодня рано отправленъ Потапъ въ лагеръ, а зъ нимъ и писмо до Кандиби, упоминателное про горѣлку мою позиченную. Мартинъ далъ на вишинкъ горѣлки козаку лукомской сотнѣ, жителю села Онушокъ Яцку Шендрикови, чарка по копейки. Василь козакъ былъ тутъ рано и подалъ карту чили реестръ Миколаевича и про тютюнъ астраханскій говорилъ, что кромѣ куховъ по лѣчбѣ его показалось папушъ 8950, зъ которого продалъ Юско толко два пуда. Кропотову подалемъ доношеніе о пропуску Грицку Гудиму въ Астраханъ. Обѣдалисмо у Яропкина, где капитанъ Титъ Петровъ синъ доволно плутовалъ до увеселенія нашего. Отправилемъ писмо отвѣтное до Дебринея, что теперъ на прорву быть не можемъ за виправою слуги въ Астраханъ и отсилкою коней на прорву. Сегодня впервое снѣгъ малій спалъ и лежалъ оній часовъ зъ два, а противъ завтрейшего дня показалъся морозъ, а то до селѣ держало погодою теплою сухо.

Короткое описаніе походу великороссійского и малороссійского и слободского войска, такъ жъ донцовъ и колмикъ въ гори противъ Шафкала. 1725 року, септ. 26 дня при Сулаку.

Мѣсяц. Сопт. день 26, неделя. По обѣдѣ малороссійскіе козаки и товариство бунчуковое рушили зъ лагера и ишли вкругъ города крѣпости ст. Креста, за рекгулярними заразъ, по 4 чловѣка въ шеренкехъ. Одийшовши отъ города за версту, стали лагеромъ впереду регулярнихъ, а въ передѣ донскіе козаки, фѣкгурою баталѣонъ де кари. Компанѣя сія состоялася въ слѣдуючемъ числѣ: было рекгулярнихъ інфантеріи 2 полка, надъ которихъ имѣлъ комменду полковникъ фонъ Страль; а 2 полка кавалеріи, надъ ними полковникъ Аракчѣевъ; бунчукового товариства 70, малороссійскихъ козаковъ 2000, слободскихъ 1000, донскихъ 3000, яитскихъ 1000, терковскихъ и гребенскихъ 300, колмикъ, около Черкаского кучуючихъ, 700, пѣшихъ донскихъ зъ станицъ, по надъ Сулакомъ рѣкою осаженнихъ, нѣсколко десятковъ; а надъ всѣми за генерала аншефта правилъ генералъ маіоръ Кропотовъ, да другій генералъ маіоръ Шереметевъ, надъ малоросс. и слободскими и другими нерекгулярними полковникъ Еропкинъ, а вмѣсто брегадира полковникъ Лѣцкинъ, да въ рекгулярнихъ же въ кавалеріи зъ штапу полуполковника 2—Сомовъ и Соймоновъ; при рекгулярнихъ было пушекъ 8, а при слободскихъ 2.

27. Понеделокъ. Рано сегодня пріехалъ въ лагеръ генералъ Матюшкинъ и генералъ Кропотовъ и рушили 8-го часа по полночи, къ Таркамъ видомъ, и когда рушали полки, оба генерали Кропотовъ и Шереметевъ винявши шпадъ, отдали честь генералу поруччику Матюшкину и вдарили везде по полкамъ въ барабани, когда генералъ Матюшкинъ всѣ комменди обездилъ, и опровадивши компанѣю верстъ за 5 отъ города, пожекгналея со всѣми и вернулся назадъ, а корпусъ увойшовши отъ города верстъ зъ 15, стали лагеромъ 3-го часа пополудни, на степу, недоходя верстъ за 7 лѣса, зовемого Дурвасъ, и тутъ ночлѣгъ имѣли.

28. Вовторокъ. Сего дня передъ свѣтомъ коммендировано донскихъ, яитскихъ и колмикъ зъ капитаномъ Павловимъ подъ деревенку, неподалеце Тарковъ будучую, для взяття язика, а корпусъ увесь рушившись зъ становиска, увойшли верстъ зъ 15 и стали подля рѣчечки малой; посиланний зась капитанъ Павловъ зъ комендою, повернувшись до лагера, обявилъ, что имѣли они бой зъ татарами при оной помянутой деревнѣ, и ранено нашихъ 8 чловѣка, а татаръ убито 10 и ранено нѣсколко; зъ тихъ же убитихъ татарина едного голову привюзъ колмикъ.

29. Середа. Сегодня рушивши 6 часа по полночи зъ ночлѣга вовторкового, обходили озера вправо и, недоходя горъ, при Кумтаркалахъ будучихъ, увидѣли татаръ отъ Тарку маршируючихъ на суккурсъ Кумтаркалцамъ по пудъ горами, противъ которихъ ординовано нерекгулярнихъ войскъ всякихъ довольное число, и когда наши перейшли яръ, въ которомъ вода по каменню течетъ, начался у нашихъ зъ татарами бой и стали татаре конніе тилъ подавати и утѣкати до горъ, за якими угнавшись наши нерекгулярніе войска, набѣгли на пѣхоту татарскую (которихъ, якъ самовидци сказуютъ, неболшъ било отъ 300 чловѣка) тайно засаженную, тогда устрашившись наши оной, стали назадъ черезъ яръ, где рекгулярніе фрунтомъ стояли, утѣкать, которихъ оборотясь конніи татаре нагоняючи разили и стреляли, и тутъ нѣсколко чловѣкъ забили, между которими и полковнику донскому тат(ар?)инъ, набѣгши, шию утялъ; а отъ корпуса зъ такой причини коммендировано туда, на тотъ бокъ яру, где билъ неприятель, 2 роти инфантеріи и 4 роти дракгунъ зъ 2-ма пушками; а по сей сторонѣ яру палено на нихъ зъ 3 пушекъ, толко имъ некакового вреда неучинено. Перебравшимся черезъ яръ рекулярнимъ 6 ротамъ, рота одна дракгунская, пошла фрунтомъ къ нимъ, якую заразъ 2 другіе дракгунскіе жъ суккурсовали, и когда увидѣли татаре, что прамикомъ къ нимъ идутъ, то стали по малу до горъ братись, стреляючи отводомъ по ротахъ и по малу утѣкати, за которими подъ саміе гори подогнались; татаре зась, зайшовши за каменне и въ ущелля въ горахъ, стали по нашихъ палить, и бувъ бой зъ обоихъ сторонъ до заходу слонца,

и вибили наши рекгулярніе и некгулярніе татаръ зъ ущелліовъ и немало число онихъ поранено и побыто. При томъ полковникъ Аракчѣевъ отъ корпуса коммендированъ зъ 2-ма ротами дракгунъ, для спаленния городка Кумтаркаловъ, и якъ смеркло запалили городокъ. Того жъ вечора живцемъ двохъ чловѣка татаръ привезено. Городокъ Кумтаркали зъ приходу отъ крѣпости ст. Креста сидитъ надъ крутою горою, тако жъ и отъ горъ раздѣленіемъ яра, зъ другой сторони зъизду до его немашъ, отъ Тарку ровнина, где и бой билъ; валъ въ немъ каменний вишиною въ чловѣка, жилцѣ татаре, жилля мазанки, толко велми чисто дѣланніе; въ которомъ городку шафкалского зятя дворъ былъ; подъ онимъ городкомъ течетъ рѣчечка по каменню въ яру, по обоихъ сторонахъ рѣчки сади виноградніе и другихъ деревъ израдніе, поузъ сади починени канали, которими вода течетъ мѣстами и въ гору. Лагеромъ стояли по сей сторонѣ отъ Сулаку рѣчечки надъ горою, которій въ разстояніи былъ отъ вовторкового ночлѣга около 20 верстъ.

30. Четверъ. Сегодня днювали на томъ же мѣстѣ и помянутого допалювали городка.

Мѣсяця Октовр. 1. Пятокъ. Сегодня рушивши отъ Кумтаркаловъ 8-го числа зъ полночи, пришли на ночлѣгъ 5 часа по полуднѣ, подъ деревенку невеликую, отъ Тарковъ въ 5 верстахъ отстоящую, въ которихъ никого зъ жилцевъ тамошнихъ не было, бо разбѣжались, а помянутая деревенка сидитъ подъ горою шафкалскою, по которой многіе татаре на коняхъ ездили и ходили тогда. Увойшли сегодня верстъ около 15 отъ Кумтаркаловъ.

2. Субота. Отъ ночлѣга вчорайшного рушивши 7-го часа по полночи, ишли два часа и прийшли 9 часа по полночи подъ городокъ Тарки, и стали лагеромъ на лугу, видомъ къ городку, куда отъ ночлѣга вчорайщого будетъ верстъ 5, а въ городку жителей никого не було, для чего безъ опасенія многіе зъ рекгулярнихъ и нерекгулярнихъ ездили въ городъ и забирали покиданніе татарами рѣчи, именно: коберцѣ, килими, пашню, ячмень, пшеницю и иншіе мелкіе рѣчи. Тарки городокъ сидитъ подъ самою крутою горою, пріездъ до оного зъ одной сторони отъ моста, отъ

котораго проспектъ веселий до самаго моря, въ 3-хъ верстахъ въ разстояніи будучого, жилля въ немъ 1000 дворовъ, а двори строеніемъ израдно мазанками, где и самаго шафкала домъ былъ каменний, въ якомъ самъ онъ живалъ; а въ ономъ дому 2 фонтани чистой води натурално текутъ. Надъ вечоръ, призапасившись въ фуражъ, запалили городокъ Тарки и 5 малихъ деревеніокъ, около Тарку по близу будучихъ, двѣ отъ пріезду Кумъ-таркалского, а 3 отъ Дербенскаго, такъ же по подъ горами имѣючіе свою осѣдлость. Тогда жъ поймали колмики татарина близъ Тарковъ, которій въ допросѣ своемъ сказалъ, что шафкалъ вчорайшого дня о полуднѣ зъ Тарковъ зъ пріездившимъ въ Сулакъ посланникомъ турецкимъ отехалъ, толко невѣдаетъ куда; да и тое обявилъ, что шафкалъ писалъ до владѣлцовъ горскихъ другихъ, просячи себѣ въ людехъ помоществованія, въ чемъ оніе владѣлци ему отказали, а его шафкалскихъ людей до бою болшъ 3000 нѣтъ, и тіе не барзо имъ доволни.

3. Неделя. Сегодня рано коммендировано 300 чловѣкъ, зъ розних коменд, Тарковъ допалювать и разбивать доми въ ономъ мѣстечку и впомянутіе 5 деревнѣ близъ Тарковъ сидячіе, которіе, спаливши и разоривши, возвратились надъ вечоръ въ лагеръ, где дневали. Казанскихъ татаръ чловѣка 2, въ полону бившихъ въ горахъ, вийшли зъ горъ и прийшли въ лагеръ.

4. Понеделокъ. Сегодня 7-го часа по полночи, рушивши отъ лагера, ишли все по дирбенской дорозѣ по пудъ горами, которіи были намъ у право, а въ лѣво Каспѣйское море, и отийшовши отъ Тарковъ впередъ верстъ около 15, повернули вправо, внутръ горъ и ишли ущелемъ между високими горами, сажень на килкадесятъ протягшимъся, безъ трудности, а после вийшли на ровное мѣсто, а пройшовши оттуду, где повернули вправо, верстъ 5, прийшли подъ городокъ, зовемій Карантаки и стали недоходя помянутого городка лагеромъ на горѣ високой, а въ городокъ коммендировано 5 ротъ дракгунскихъ и нерекгулярнихъ число особливое, и когда оніи спустились съ гори и начали приходить подъ городокъ близко, то тамъ татаръ чловѣка зъ 10, вистреливши зъ пѣщалей своихъ., побѣгли

въ гори и оставили приречоний городокъ безлюденъ, въ которій войшовши наши брали що могли застать зъ всякихъ вещей. А колмики, передомъ и по сторонамъ бѣгаючи, спалили много число кутановъ, между горами построеннихъ, то есть дворовъ загороднихъ. Городокъ Карaптаки сидитъ на горѣ, на мѣстцу веселомъ, вкругъ оного сади изрядніе виноградніе и другихъ деревъ, а именно: кедровіе. сливяніе, дулевіе и волоскихъ орѣховъ, которіе такъ суть великіе, же заледво 2 чловѣка могутъ обнять дерево; фруктовъ всякихъ доволно всему войску было, а найбарзѣй дуль дивной величины. Дворовъ въ ономъ 790, строеніемъ тожъ чисти противъ кумтаркалского жилцѣ татаре владѣнія мафкалского, води чистіе вокругъ оного текутъ, чистіе и холодніе по камѣнню, где многіе были устроенни мелници и канали починени, которими оная вода имѣетъ свое въ гору теченіе. По обѣдѣ запалили городокъ и сади порубали, и татаръ 3 чловѣка поймали.

5. Вовтор. Сегодня рано, спустившись зъ високой гори, где лагеромъ стояли, на низъ маршировали по пудъ самими Карaптаками и, отойшовши отъ оного за версту впередъ къ Казанишамъ, стали лагеромъ и тутъ начовали.

6. Середа. Сегодня 7-го часа по полночи рушивши отъ лагера, маршировали поузъ двѣ деревнѣ большіе, зовеміе Гиле и Перавль, въ которихъ зъ жителей никого небыло, а що наши застали тамъ, тое забырали, а именно: посуди мѣдніе, коберцѣ и другіе дробязки, тако жъ много ячменю и пшеницѣ и набравши доволно фуражу, обѣ деревнѣ помянутіе запалили и, отийшовши отъ деревнѣ Перавль въ глибъ въ гори верстъ у 5, стали на ночлѣгъ лагеромъ. Увойшли тогда отъ Карaптаковъ до ночлѣга верстъ около 15, въ дорозѣ по полю и по подъ деревнями просовъ въ копахъ стоячихъ, сѣна много попалили Обѣ деревнѣ Гиле и Перавль шафкалского владѣнія, сидятъ оніе на хорошихъ мѣстахъ противъ другихъ, при всякомъ доволствѣ; дворовъ въ деревнѣ Гиле 400. Якъ стали лагеромъ рекгулярніе войска, тогда нерекгулярніе побѣгли впередъ подъ городокъ, прозиваемій Чумгуте, въ 5 верстахъ отъ лагера въ глибъ отстоящій, где татаре бывшіе имѣли зъ нашими баталѣю пе-

редъ городкомъ, а после, немогучи татаре устояти, уступили за помянутій городокъ и, роздѣлившись на 3 части, былися до заходу слонца, противъ которихъ коммендированніе 4 роти, когда прийшли, заразъ татаре уступили и розбѣглись въ ущелля, за которими, же позно уже было, нелзя было гнати, але взяли наши немало пожитковъ, въ гарбахъ зложенныхъ, коберціовъ, килимовъ и проч. Городка сего не палили для того, что оній не шафкалского владѣнія, але тавлинского, толко фуражу доволно набрали. Подъ часъ бою нашихъ донскихъ козаковъ 3 чловѣка ранено, а татаръ немало побито. Городокъ сей сидитъ подъ самими горбами лезкгійскими, при всякомъ доволствѣ противъ другихъ.

7. Четвер. Сегодня рано зъ ночлѣга вчорайшого рушившись, ишли назадъ поузъ село Перавль, для того, что минули були дорогу, до Казанишъ лежачую отъ села Перавль въ лѣво, и маршировали тогда часовъ около 6 и, увойшовши верстъ зъ 13, стали лагеромъ, не доходя Казанишъ въ 2 верстахъ тамъ тревога учинилась, едно отъ того, что поехавшихъ по фуражъ нашихъ въ деревню Будленъ, которая вълево лежитъ, едучи до Казанишъ, за горою, напали татаре, которіе, за прибуттемъ нашего суккурса, прогнани, другое, что отъ Казанишъ показался булъ непріятель.

8. Пятокъ. Сегодня поутру рушившись, перейшли гору, недоходя Казанишъ будучую, и прийшли подъ село Казаниши, къ которимъ коммендировано заразъ пѣхоти 200, драгунъ 300, козаковъ всѣхъ командъ 2000 конно, и когда оніе спустились зъ гори и подійшли подъ помянутіе Казаниши близко, то начали татаре около онихъ Казанишъ и въ нѣсколко будучіе кричати и шапками махати, до которихъ посилани били наши сами первей толмачи, и зъехавшись они зъ татарами сажень якобы 10, розговоръ чинили и, повернувшись толмачѣ нами до генераловъ обявили, что просятъ татаре, жебы деревень не палили, тако жъ пашень и другихъ вещей не пустошили, чего ради посланъ Соймоновъ подполковникъ для розговору, которій въ такой силѣ предлагалъ имъ, что дается татарамъ на 2 часа времени и чтобъ оніе между тимъ въ аманати 2 чловѣка знатнихъ прислали, а после самъ шафкалъ приехалъ бы

къ генераламъ, албо синовъ своихъ или зъ первѣйшихъ татаръ для переговору прислалъ; а по вистю 2-хъ часовъ, ежели не являтся аманати, то повелено будетъ войскамъ вступить въ Казаниши и и разорять оніе. По оконченню таковаго розговору, повернулся Соймоновъ и сказалъ, что просятъ, мовитъ, татаре милости немножко подождать, поколь о томъ увѣдомлятъ шафкала, который будто тогда былъ у Вишнихъ Казанишахъ; и данъ былъ онимъ срокъ, которіе первей бѣгали то взадъ, то впередъ через Казаниши и по за Казанишами, а потомъ, по прошествію 4-хъ часовъ, не явилися, а такъ комендированимъ нашимъ войскамъ, которіе подъ Казанишами стояли, повелено, перейшовши через Казаниши, на той сторонѣ стати, а протчіе, въехавши въ Казаниши, брали що могли найти, коберцѣ, килими и протчіе мелкіе рѣчи. Оніе татаре, что розговоръ чинили, знатно, что обманували нашихъ тимъ своимъ розговоромъ, а то для того, чтобъ имъ пожитки свои, которихъ прежде зъ Вишнихъ Казанишъ не успѣли вивезти въ гори, теперъ убрать било можна, якожъ и учинилось; а до Вишнихъ Казанишъ отъ сихъ будетъ 2 версти. Казаниши село болшое, сидитъ болшая часть оного на ровнинѣ, а другая на горѣ и въ яру, строеніе противъ другихъ городковъ; подъ онимъ текутъ рѣчечки по камѣнню чистой води и на онихъ много мелницъ; оное село шафкалъ вмѣсто приданого за женою взялъ. Тогда війшолъ рускій пензовскій житель зъ женою и зъ синомъ, въ Казанишахъ прижитимъ, который кубанцями взятъ былъ въ неволю и проданъ жителю казанишскому, где через 7 годъ жилъ, толко сказовалъ, что нужди и бѣди жадной не имѣлъ. Лагеромъ стояли зъ приходу нашего, не доходя болшихъ Казанишъ у полъ версти.

9. Субота. Сегодня комендировано зъ лагера 200 чловѣка пѣхоти и 200 дракгунъ зъ 2-ма пушками до Вишнихъ Казанишъ, для спаленння оной деревнѣ; тако жъ велено охотникамъ нерекгулярнимъ, по вѣдомостямъ виходніовъ, вдарить на пожитки татарскіе, которіе влѣво отъ Казанишъ въ лѣсу на гарбахъ були, и недоходячимъ нашимъ нерекгулярнимъ, которихъ около 4000 было до Вишнихъ Казанишъ, стрѣтили онихъ татаре конніе и пѣшіе, и

стали зъ нашими давать бой, куда въ скоромъ времени и висшереченніе рекгулярніе прибули, и начался въ нашихъ такъ рекгулярнихъ, яко и нерекгулярнихъ зъ татарами великій огонь и битва, и була палба отъ 9-го часа до 12-го, безъ перерывки, и випалено зъ пушокъ по нихъ 64 раза, и такъ прогнавши татаръ въ саміе лезгийскіе гори и ущелля, пожитки ихъ, на гарбахъ въ лѣсу лежачіе, отбили. Зверхъ вишъпоказанного числа рекгулярнихъ коммендировано еще 200 пѣхоти и 200 дракгунъ на суккурсъ нашимъ, противъ неприятеля зъ едною пушкою, которій по окончаніи уже акцѣи и по прогнаттю въ гори неприятеля, туда приспѣли и, совокупившись зъ протчіими, пошли до Казанишъ Вишнихъ, где брали всякіе пожитки, якіе тамъ були и передъ вечоромъ, запаливши оніе, возвратились паки до лагера. На оной акцѣи убито нерекгулярнихъ 3-хъ чловѣка, а ранено 31, дракгунъ 6 чловѣка ранено; а зъ непріятелской сторони по даннимъ вѣдомостямъ отъ комендъ да и по сказкамъ, взятихъ въ полонъ, после 2-хъ татаръ, убито болшъ 300 и ранено немало число. Якіе полоняники и тое сказивали, что на ономъ бою были и иныхъ опрочъ шафкала владѣлцовъ люде, а именно: усмойци, суркайци, тавлинци, а въ якомъ числѣ невѣдомо. Толко усмойцовъ побито и ранено на ономъ бою болше всѣхъ; да и самъ шафкалъ издалека, изъ дачи, будто смотрѣлъ на то, а синъ шафкалскій, якобы убитъ тамъ зосталъ. Бой у нашихъ зъ помянутими татарами бувъ подъ самими почитать горами болшими, прозиваемими лезгійскими, отъ Казанишъ Вишнихъ въ 3-хъ верстахъ влѣво, между ярами и пригорбками, окритими густо дубовими кущами. Вишніе Казаниши отъ Нижнихъ въ 3-хъ верстахъ сидятъ, владѣнія шафкалского, сидятъ оніе надъ ярами, подъ самими горами Лезгійскими при всякомъ противъ протчіихъ деревень угодіи. Сегодня надъ вечеръ, вивезли наши що лутшое зъ Нижнихъ Казанишъ и запалено оніе, которіе черезъ всю ночъ горѣли, чего для на едномъ семъ мѣстцу сей день простояли.

10. Неделя. Сегодня 7-го часа зъ полночи, рушивши зъ подъ Казанишъ Нижнихъ, пошли круто направо и прийшли до села, зовемого Кумики, которое въ владѣніи сина шафкалского обрѣтается.

Отъ Казанишъ около 7-ми верстъ до оного села есть; въ ономъ селѣ на скалѣ построенъ дворъ помянутого сина шафкалского високій; и пройшовши отъ оной деревнѣ около 8 верстъ, стали лагеромъ подля деревнѣ, Капчудай призиваемой, которая сидитъ при самомъ ущеллю, якимъ до Сулаку виходили. Въ дорозѣ, идучи еще до предреченого села Кумикъ, спалили по лѣвой сторонѣ 2 села великіе, прозиваеміе Мизулмавъ и Шура зъ двома деревенками со всѣми угодіями въ нихъ бывшими, а перебравшись черезъ село Кумики, и оное такъже спалили, и еще одно село черезъ рѣчечку, якоби у полъ версти отъ Кумикъ лежачое, именуемое Холѣбѣкчавъ, спалили жъ зъ сѣнами и зъ кутанами, при ономъ бывшими, да еще жъ зверхъ показаннихъ, деревенки 3 маленкіе, въ сторонѣ бывшіе, тогда жъ разорени. Оніе села и деревнѣ шафкалского были владѣнія, осаженни при водахъ живихъ и при всякомъ угодіи, строеніе такъ якъ и въ другихъ селахъ.

11. Понеделокъ. Сегодня, рушивши 7-го часа зъ полночи, ишли поузъ деревню Капчудай, якая сидитъ подъ самимъ ущелемъ, и пройшовши запалили оную и вступили въ самое ущелле, которимъ (нѣмъ и йшли до Кумтаркаловъ, где перший зъ татарами бой былъ) ишли верстъ болшъ 7, и війшовши, стали на прежнемъ мѣстцу лагеромъ, неподалеку пѣщанихъ горъ. Оное мѣсто узкое, называючоеся ущелле, мѣстами такъ узко, что толко чотиромъ человѣкомъ можна проехать верхи, и внутръ оного вода, отъ деревнѣ Капчудай начавшись, течетъ по дорозѣ до самихъ Кумътаркаловъ, глубиною у полъ колѣна; по обоихъ сторонахъ оной дороги, превисокіе каменніе гори, а мѣстцами есть и широко, тако жъ и полянки, да тамъ же и черезъ гору переездъ есть и до проходу оное мѣсто весма есть трудное противъ того, которимъ входили внутръ горъ, где еслиби непріятель засѣлъ на версѣ горъ, то би не толко моглъ стрелбою вредить внизу, но и камѣннемъ побилъ би, а супротивъ наши ниякого вреда онимъ не могли бъ учинити, однакожъ безъ всякой перепони перейшли черезъ тое мѣсто.

12. Вовтор. Сегодня, 6-го часа зъ полночи рушивши зъ подъ Кумтаркаловъ, пришли 4-го часа по полуднѣ до лѣса, зовемого

Дурважъ, и пройшовши лѣсъ, не доходя крѣпости ст. Креста, лагеромъ стали, куда отъ Михайла Афанасіевича Матюшкина до генераловъ присланъ зъ поздравленіемъ Ушаковъ, атютантъ его.

13. Середа. Сегодня рано генералъ Кропотовъ, передомъ другихъ, при ему и бунчуковое товариство, въ крѣпость приехали ст. Креста, а потимъ и увесь корпусъ. А сколко деревень разорено и якіе именно, и сколко въ нихъ дворовъ, также кутановъ, то есть загороднихъ дворовъ, и мелницъ разорено, и сколко чего добуто зъ виднѣйшихъ рѣчій, о томъ слѣдующій реестръ приложенъ: села: 1) Кумътаркали, а въ нихъ дворовъ 200, 2) Сиса, двор. 200, 3) Туркали, двор. 90, 4) Амерхалникъ, двор. 60, 5) Тарки, двор. 1000, 6) Вилдиръ, двор. 60, 7) Канадуръ, двор. 200, 8) Агаксулъ, двор. 100, 9) Караптаки, двор. 790, 10) Гиле, двор. 400, 11) Барикентъ, 400, 12) Двургели, двор. 200, 13) Губленъ, двор. 200, 14) Болшіе Казаниши, двор. 1000, 15) Маліе Казаниши, двор. 300, 16) Мамликъ, двор. 100; 17) Шура, двор. 100, 18) Капиркумикъ, двор. 100, 19) Халимъбекъ, двор. 60, 20) Капчегай, двор. 50, summ. 6420 дворовъ. Спалено жъ и разорено кутановъ 1000, мелницъ 400, судовъ морскихъ полбусковъ—2, лодокъ 5, пушокъ взято 5, ядеръ пушечнихъ 34, гранату 1, цепъ желѣзнихъ 2, ядеръ судовихъ 2.

Конецъ первой части.

МАРКОВИЧИ.

А. И. Маркевича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1890.

РОДОСЛОВНАЯ МАРКОВИЧЕЙ.

Отцевск. №

I.

1. Авраамъ—владѣлъ землями въ прилуцкомъ полку.

II.

2. Маркъ, обыватель прилуцкій, арендарь пирятинскій; умеръ въ августѣ 1712 г. и похороненъ въ Густынскомъ монастырѣ. Женатъ на дочери богатаго мѣщанина Григорія Корніенка, прилуцкаго войта, позднѣе прозывавшагося Ограновичемъ, предка этой фамиліи. 1

Дочь—по мужу Бендычка 1

III.

3. Андрей, родился около 1674 г.; сотникъ глуховской въ 1709—1714 г., полковникъ лубенскій въ 1714—1729 г.; генеральный подскарбій 1729—1740 г.; получилъ потомственное дворянство въ 1736 г.; генеральный обозный въ отставкѣ съ 1740 г.; † 3 генваря 1747 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа въ Ромнахъ. Женатъ на дочери кролевецкаго сотника Маковскаго Аннѣ Ивановнѣ; † 9 августа 1743 г. и погребена тамъ же, гдѣ и мужъ. 2

4. Иванъ, прилуцкій судья; † 19 окт. 1724 г. бездѣтнымъ и погребенъ въ церкви Св. Троицы въ Густынскомъ монастырѣ. Женатъ на Софьѣ Кондратьевнѣ NN . . . 2

Отцевск. №

5. Федоръ, знатный войсковой товарищъ въ 1711 г., бунчуковый товарищъ; наказной полковникъ прилуцкій, потомъ гадяцкій; † около 1738 г. и похороненъ въ церкви Св. Николая въ с. Сорочинцахъ возлѣ г. Прилукъ. Женатъ на дочери переяславскаго полковника Тамары Екатеринѣ Степановнѣ (ея первый мужъ) 2

Анастасія, † 19 дек. 1729 г. и погребена въ Гамалѣевскомъ монастырѣ глуховскаго уѣзда. Замужемъ была за: 1) генеральнымъ бунчужнымъ Конст. Ив. Голубомъ (вторая его жена) и 2) за гетманомъ Ив. Ильич. Скоропадскимъ. 2

Ирина за бунчуков. товарищемъ Ст. Михайл. Миклашевскимъ, сыномъ полковника стародубскаго 2

Пелагея за Андр. Гонзеровскимъ, господаремъ (домоправителемъ) у гетмана Скоропадскаго. 2

Марина за Павл. Имшенецкимъ 2

Параскевія, † 4 марта 1730 г., за бунчук. товарищемъ Демьян. Якубовичемъ 2

Дочь, за И. Даровскимъ, господаремъ у гетмана Скоропадскаго (первая его жена), † 1721 г. 2

Дочь (?) 2

IV.

6. Яковъ; родился около 1696 г.; знатный войсковой товарищъ, потомъ бунчуковый товарищъ; наказной полковникъ лубенскій въ 1724—1725 г. и генеральный подскарбій въ отставкѣ съ 1762 г.; † 23 апр. 1770 г. и погребенъ въ с. Сварковѣ. Женатъ на: 1) дочери черниговскаго полковника Полуботка Еленѣ Павловнѣ, † 1745 г. и 2) Маріи Прохоровнѣ Миткевичевой, по первому мужу Яворской, † 1790 г. 3

7. Андрей, бунчуковый товарищъ, † 4 февр. 1728 въ Ромнахъ; женатъ на дочери сумскаго полковника Кондратьева Аннѣ Ивановнѣ, † 1729. 3

8. Марко, бунчуковый товарищъ, † 1754 г. въ Москвѣ,

Отцевск. №

гдѣ и погребенъ въ церкви Ап. Петра и Павла. Женатъ на дочери стародубскаго эсаула Марфѣ Семеновнѣ Березовской, † 1779. 3

9. Лука, бунчуковый товарищъ, † до 1747 г. Жена его была во второмъ бракѣ за стародубскимъ полковникомъ Федор. Дмитр. Максимовичемъ 3

10. Семенъ, сотникъ роменскій, † 1738 г. въ Крыму. Женатъ на: 1) дочери ахтырскаго полковника Лесевицкаго Прасковіи Алексѣевнѣ, † 1730 г., и 2) дочери генер. хорунжаго Горленка Зиновіи Акимовнѣ (ея первый мужъ). 3

11. Иванъ, сотникъ роменскій въ 1742 г., потомъ обозный полковой лубенскій, † въ декабрѣ 1760 г. Женатъ на: 1) дочери господаря гадяцкаго замка, внучкѣ гетмана Апостола, Настасьи Ивановнѣ Ломиковской и 2) дочери полковника сумскаго Романова Марфѣ, его пережившей. 3

Елена (Олеся), † до 1747 г., замужемъ за Яким. Троцкимъ, наказнымъ полковникомъ миргородскимъ, † 1751 г. 3

12. Дмитрій, бунчуковый товарищъ, † не ранѣе 1751 г.; женатъ на дочери лубенскаго судьи Жуковскаго . . . 5

13. Андрей, бунчуковый товарищъ, а послѣ 1763 г. прилуцкій подкоморій; женатъ на дочери полтавскаго полковника Горленка Ульянѣ Андреевнѣ 5

14. Григорій, † до 1747 г. бездѣтнымъ 5

15. Василій, лейбъ гвардіи преображенскаго полка капитанъ лейтенантъ, † послѣ 1747 г., былъ женатъ 5

16. Михаилъ, бунчуковый товарищъ переяславскій, † не раньше 1743 и не позже 1747 г. бездѣтнымъ . . . 5

17. Иванъ, † до 1747 г.; женатъ на Евфросиніи Федоровнѣ Думитрашко Раичъ, † около 1761 г. 5

Марія за Ширяемъ. 5

V.

18. Семенъ р. 16 апр. 1725 г. † 1726 г. 6

19. Андрей р. 27 ноября 1735 г. † 10 апр. 1749 г. . 6

Отцовск. №

20. Сынъ р. 24 февр. 1737 г. † младенцемъ. 6

21. Михаилъ р. 18 апр. 1752 г., титулярный совѣтникъ въ 1797 г., † 18.. г. и погребенъ въ с. Сварковѣ; женатъ на дочери полковника Забѣлы Анастасіи Петровнѣ. 6

22. Гавріилъ р. 8 іюля 1753 г. † 30 іюля 1754 г. . . 6

Анна † 1757 г.; замужемъ за сыномъ стародубскаго полковаго обознаго Степан. Афан. Есимонтовскимъ . . 6

Пелагея † 1744 г.; замужемъ за сотникомъ лукомскимъ Степ. Пиковцемъ 6

Анастасія р. 1722 г. † 3 дек. 1724 г. 6

Анастасія р. 30 окт. 1749 г., за кролевецкимъ предводителемъ дворянства Н. И. Забѣлою, † не раньше 1783 г. 6

Анна р. 19 авг. 1754 г, † 6 ноября 1757 г. . . 6

Ирина р. 7 ноября 1757 г., † не раньше 1766 г. . 6

Марина р. 16 іюня 1759 г., † 8 дек. 1759 г. . . 6

23. Иванъ, батуринскій подкоморій, потомъ коропскій предводитель дворянства и надворный совѣтникъ; † между 1786 и 1797 г.; женатъ на дочери сотника Максимовича Наталіи Васильевнѣ, † 1783—1786 г. 7

Анастасія 7

Анна за Иваномъ Бѣлоровскимъ. 7

Ульяна за Лукьяновичемъ. 7

24. Андрей, бунчуковый товарищъ, † между 1756 и 1797 г., женатъ на Авдотьѣ Алексѣенковой 8

25. Иванъ р. 1733 г., умеръ во младенчествѣ 8

26. Маркъ умеръ во младенчествѣ 8

27. Іосифъ, въ 1797 г. надворный совѣтникъ и судья земскій роменскаго повѣта; † бездѣтнымъ 8

Дочь за сыномъ полковаго обознаго лубенскаго Иваномъ Ивановичемъ Кулябкою. 8

Анна, за войсковымъ товарищемъ Никол. Ив. Гамалѣею. 9

28. Иванъ р. 8 мая 1727 г., † 24 іюля 1750 г. бездѣтнымъ; женатъ на дочери котельвскаго сотника Іосифа Романовича Гнѣдича, его пережившей 10

Отцевск. №

29. Иванъ, бунчуковый товарищъ, потомъ коллежскій ассессоръ; умеръ между 1764 и 1797 г., былъ женатъ . . . 10
Варвара р. 4 дек. 1733 г. 10
Анна. 10
30. Андрей, въ 1797 г. арміи полковникъ; † бездѣтнымъ . 11
Дочь за отставнымъ маіоромъ Козьмою Андреевичемъ Полетикою 11
31. Константинъ, бунчуковый товарищъ; женатъ на Варварѣ NN 12
32. Иванъ, коллежскій ассессоръ; женатъ на Варварѣ Васильевнѣ Кулябкѣ Корецкой 12
33. Иванъ р. 1747 г., старшій совѣтникъ гражданскаго суда Новгородъ Сѣверскаго намѣстничества, † 1814 г.; женатъ на Елисаветѣ Васильевнѣ Кочубей 13
34. Владиміръ; былъ женатъ . , ... 13
Елена за Яковомъ Никитичемъ Мандрыкою 13
Праскевія за Дурново. 13
Анна за Максимовичемъ 13
35. Евграфъ р. 1746 г.; † молодымъ 15
36. Яковъ, переяславскій бунчуковый товарищъ съ 1767 г.; женатъ 2 раза: на Маріи Григорьевнѣ Иваненко и на Аннѣ Семеновнѣ Сулимѣ 17
Екатерина, за капитаномъ Петромъ Лукашевичемъ . . 17

VI.

37. Яковъ р. 16 окт. 1776 г.; въ 1797 г. былъ на службѣ; послѣ 1798 г. † въ С.-Петербургѣ молодымъ. . . . 21
38. Петръ р. 18 ноября 1782 г.; въ 1797 г. недоросль; † молодымъ. 21
39. Андрей р. 3 янв. 1785 г.; въ 1797 г. учился въ Морскомъ Корпусѣ въ С.-Петербургѣ, потомъ мичманъ, † 18.. г. въ с. Мечетѣ (пирят. у., полт. губ.); женатъ на Аннѣ Александровнѣ Иваненко 21
40. Александръ р. 24 авг. 1790 г.; въ 1797 г. недо-

Отцевск. №

рослъ; глуховской повѣтовый судья 1820—1821; глуховск. уѣздн. предводитель дворянства 1826—1827 г.; генеральный судья 1827—1831 г.; черниг. губернск. предводитель дворянства 1832—1838 г.; членъ черниговск. губернск. комитета по освобожденію крестьянъ; † 15 дек. 1865 г. бездѣтнымъ и погребенъ въ с. Сварковѣ (глуховск. у.). 21

Анна р. 25 іюля 1775 г., † 16 дек. 1796 г.; замужемъ за Василіемъ Петровичемъ Лизогубомъ . . . 21

Марія р. 17 іюля 1778 г.; за Алексѣемъ Алексѣевичемъ Литвиновымъ 21

Феодосія р. 21 ап. 1780 г.; † ф. 1819 г., за Похвистновымъ . 21

Ульяна, р. 14 авг. 1781. 21

Елисавета р. 7 апр. 1794 г., † 1 авг. 1866 г., за Павломъ Ивановичемъ Лузановымъ 21

41. Михаилъ; въ 1797 г. маіоръ въ отставкѣ, потомъ коропскій уѣздный предводитель дворянства; женатъ на: 1) дочери сотника ивангородскаго Кониского Иринѣ и 2) Сердюковой 23

42. Николай; въ 1797 г. капитанъ въ отставкѣ; женатъ . 23

43. Василій; служилъ въ кавалергардахъ; въ 1797 г. маіоръ въ отставкѣ, † не женатымъ. 23

44. Матвей; въ 1797 г. подпоручикъ въ отставкѣ . . . 24

45. Иванъ, коллежскій канцеляристъ; въ отставку вышелъ, не имѣя чина, † до 1797 г.; женатъ на Аннѣ Ивановнѣ NN (во второмъ бракѣ за Керстиномъ). . . . 29

46. Петръ, полковой канцеляристъ, † до 1797 г. бездѣтнымъ. 29

47. Иванъ р. до 1784 г.; женатъ 31

48. Михаилъ р. до 1784 г.; женатъ 31

49. Андрей р. до 1784 г. † молодымъ. 31

Елисавета 31

Евдокія за Миславскимъ 31

Отцевск. №

50. Василій; женатъ на Прасковіи Васильевнѣ Родзянко. . 32
51. Дмитрій, отставной прапорщикъ; женатъ на Анастасіи Ивановнѣ Лукомской 32
52. Александръ; женатъ на Матренѣ Фоминичнѣ Мандрыкѣ. 32
53. Илья; женатъ на Варварѣ Николаевнѣ Кобеляцкой . . 32
54. Петръ; женатъ на: 1) Маріи Васильевнѣ Ограновичъ и 2) Евдокіи Андреевнѣ Брежинской. 32
Любовь за Александромъ Игнатьевичемъ Гижицкимъ. . 32
55. Андрей р. 1782; прилуцкій уѣздный предводитель дворянства; † 1831 г.; женатъ на графинѣ Анастасіи Васильевнѣ Гудовичъ. 33
Пульхерія за Михаиломъ Яковлевичемъ Скоропадскимъ . 33
56. Иванъ; умеръ бездѣтнымъ. 34
Софія за докторомъ французской гвардіи г. Де ла Флизъ. 34
Марія 34
57. Михаилъ. Сержантъ курскаго пѣхотнаго полка въ 1784 г., подсудокъ переяславскій въ 1804 г., штабъ капитанъ; † до 1826 г.; женатъ на Маріи Акимовнѣ Сулимѣ, дочери генеральнаго судьи 36
Дочь за Бѣлухою Кохановскимъ. 36

VII.

58. Александръ р. 1 февр. 1811 г., † молодымъ . . . 39
59. Николай р. 22 дек. 1819 г.; юношею утонулъ въ Днѣпрѣ 39
60. Михаилъ р. 20 окт. 1821 г., статскій совѣтникъ, новгородъ сѣверскій уѣздный предводитель дворянства, † 3 дек. 1883 г. бездѣтнымъ; женатъ на Наталіи Матвеевнѣ Остроградской 39
61. Дмитрій, корнетъ, † 1874 г. бездѣтнымъ; женатъ на дочери кіевскаго коменданта генерала Гебеля Софіи Густавовнѣ. 39
62. Андрей † 1886 г. бездѣтнымъ; женатъ на Александрѣ Львовнѣ Свѣчкѣ 39

Отцевск. №

63. Пармен, статскій совѣтник, предводитель дворянства глуховскаго уѣзда 1875—1888 г.; женат на Ульянѣ Семеновнѣ Трифановской 39
64. Борис; предводитель дворянства конотопскаго уѣзда в 1880 г.; женат на Еленѣ Николаевнѣ Иваненко . . 39
Анастасія р. 20 янв. 1812 г., за А. М. Щербаком . 39
Екатерина р. 20 янв. 1812 г., за П. А. Шимковым. 39
Евдокія р. 27 февр. 1813 г.. за П. Пригарою. . . 39
Варвара р. 14 апр. 1816 г., за Витал. И. Лизогубом. 39
Софья за Павл. И. Рудановским 39
65. Семен † не женатым 41
66. Иван, полковник, † бездѣтным 41
67. Матвей, штаб капитан в отставкѣ, †; женат на дочери сосницкаго уѣзднаго предводителя дворянства Марьѣ Мойсеевнѣ Бобырь. 41
Пелагія 41
68. Илья р. до 1784 г., коллежскій секретарь, † до 1822 г.; женат на Ульянѣ Петровнѣ NN 52
Варвара за г. Дубровой 42
69. Василій р. 1780 г. (в д. Яру); в 1797 г. был на службѣ, коллежскій ассессор, †; женат на Еленѣ Леонтьевнѣ Керстич (?). 45
70. Дмитрій, прилуцкій уѣздный судья, †; женат на Надеждѣ Александровнѣ Маркович (дочери № 52). . . 47
71. Сергѣй † бездѣтным; женат на Екатеринѣ Александровнѣ Милорадович. 47
Софія за: 1) г. Стороженко и 2) Михаил. Алексѣев. Діаконовым. 47
72. Федор, прапорщик, †; был женат 48
73. Арсеній †, был женат 48
Варвара. 48
Варвара за Лаврентіем Андреевичем Раковичем . . 50
74. Спиридон †, женат на Матрен Степановнѣ Сулимѣ (ея первый муж) 51

Отцевск. №

IX.

X.

Гербъ рода Марковичей помѣщенъ въ общемъ гербовикѣ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи Ч. VII, 2 отдѣл., стр. 170.

Почему Марковичи имѣютъ именно этотъ гербъ, не зналъ уже въ 1797 г. Іосифъ Марковичъ, который заявлялъ: а по какому праву и случаю присвоенъ (гербъ этотъ Марковичамъ), по древности покрыто неизвѣстностью. Роменскій маршалъ Андрей Полетика и другіе чиновные роменцы тоже засвидѣтельствовали, что гербъ этотъ издавна употреблялся и употребляется фамиліей Марковичей. Изъ дѣлъ, находящихся въ Департаментѣ Герольдіи, видно, что показаніе это совершенно справедливо. Не былъ ли этотъ гербъ данъ Андрею Марковичу (№ 3) въ 1736 г. при пожалованіи его дворянствомъ? Какъ бы то ни было, но Іосифъ Марковичъ представилъ гербъ своего рода въ 1798 г. въ Герольдію, хлопоча о внесеніи рода Марковичей въ гербовникъ, чего, какъ видно, и достигъ.

Намъ однако стало извѣстно, что нѣкоторые Марковичи, нашего же рода, употребляютъ и другіе гербы; чаще всего это лебедь—гербъ западно-русскихъ Маркевичей, и смѣшеніе здѣсь понятно; но употребляются и иные совершенно необъяснимые гербы.

Родъ нашъ писался прежде Марковичи; но потомъ нѣкоторыя семейства стали писаться Маркевичи, можетъ быть по сходству съ тѣми Маркевичами, которые жили въ западной Руси, были католики и произносили свою фамилію Маркéвичи. Есть извѣстіе, что впервые сталъ писаться Маркевичемъ Иванъ Андреевичъ (№ 33), и это очень вѣроятно, такъ какъ Маркевичемъ писался и внукъ его, историкъ Николай Андреевичъ Маркевичъ. Такъ писались до послѣдняго времени и его сыновья, изъ которыхъ старшій, сенаторъ Андрей Николаевичъ, недавно возстановилъ съ Высочайшаго разрѣшенія для своей семьи право писаться Марковичами. По авторитету историка Маркевичами стали писаться и иные Марковичи, въ томъ числѣ и мой отецъ, очень близкій къ покойному историку человѣкъ, а затѣмъ такъ пишетъ себя и слѣдующее поколѣніе Марковичей—уже

имѣющихъ въ русскомъ языкѣ тенденцію переходить одна въ другую. Но иные нашего же рода по прежнему пишутся Марковичами.

Впрочемъ, въ западной Руси и вообще въ Рѣчи Посполитой были не только Маркевичи, но и Марковичи—см. далѣе въ приложеніи.

Примѣчанія къ родословной Марковичей.

Настоящая родословная составлена нами главнымъ образомъ на основаніи различныхъ бумагъ рода Марковичей (Маркевичей), предоставленныхъ въ наше распоряженіе, какъ нѣкоторыми членами этой фамиліи, такъ и иными лицами. Въ этомъ отношеніи особенную важность имѣютъ слѣдующіе акты: а) Копія съ родословной Марковичей старшей линіи (отъ Андрея Марковича—№ 3 нашей родословной), поданной однимъ изъ членовъ этого рода Іосифомъ Марковичемъ (№ 27) 1797 г. декабря 15-го въ земскій судъ роменскаго повѣта. Составитель родословной могъ хорошо знать своихъ близкихъ родичей, жившихъ около половины XVIII в.; отъ нихъ онъ могъ имѣть свѣдѣнія и о такихъ родичахъ, которые жили нѣсколько раньше; тѣмъ болѣе, что составитель родословной, какъ сказано будетъ ниже, своимъ родомъ интересовался. Впрочемъ, онъ не помѣстилъ въ родословную нѣкоторыхъ, извѣстныхъ намъ изъ другихъ источниковъ, своихъ родичей—Марковичей первой половины XVIII в., даже родныхъ братьевъ, умершихъ въ молодыхъ лѣтахъ. Копія, о которой мы говоримъ, сохранилась въ фамильныхъ бумагахъ почетнаго мироваго судьи роменскаго уѣзда К. П. Лукьяновича; ее прислалъ нѣкогда одинъ изъ Лукьяновичей другому въ образецъ для составленія родословной Лукьяновичей, которые были родственниками Марковичей (см. въ нашей родословной, дочь № 7); б) Духовное завѣщаніе Федора Марковича (№ 5) 1737 года и в) уступочное письмо его вдовы дѣтямъ на различныя имѣнія 1747 года. Копіи съ этихъ двухъ документовъ сохранились у переяславскаго мироваго судьи И. И. Марковича (№ 129), отъ котораго мы получили и другія его фамильныя бумаги, возстано-

вляющія родословную Марковичей, происходящихъ отъ одного изъ сыновей Федора Марковича—Ивана (№ 17 въ нашей родословной).

Многія свѣдѣнія о родѣ Марковичей, относящіяся къ первой половинѣ XVIII в. и даже къ концу XVII в., собраны въ статьѣ А. М. Лазаревскаго: Марковичи, напечатанной въ журналѣ „Кіевская Старина“ за 1884 г. № 1; причемъ авторъ заимствовалъ данныя преимущественно изъ Дневныхъ записокъ малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича (Москва, 1859 г., два тома), хотя и не воспользовался всѣмъ находящимся въ этихъ запискахъ о родѣ Марковичей матерьяломъ, который можетъ еще пополниться, когда Записки Якова Марковича (№ 6) будутъ изданы полностью въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Марковичахъ находятся и въ статьѣ П. Я. Дорошенка: Два письма историка Н. Ав. Маркевича (№ 85), напечатанной тоже въ „Кіевской Старинѣ“ за 1885 г. № 12. Авторъ статьи располагаетъ однако еще и иными данными, добытыми имъ изъ фамильныхъ бумагъ тѣхъ Марковичей, потомковъ Якова Марковича (№ 6), которые владѣли селомъ Сварковымъ, глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи. Нѣкоторыя свѣдѣнія были любезно сообщены намъ г. Дорошенкомъ и мы воспользовались ими для настоящей родословной.

Затѣмъ мы разсмотрѣли тѣ дѣла о Марковичахъ-Маркевичахъ, которыя находятся въ Архивѣ Департамента Герольдіи, и извлекли изъ нихъ много родословныхъ показаній; въ большинствѣ случаевъ дѣла эти заключаются въ томъ, что различные Марковичи (Маркевичи) доказываютъ свое дворянское происхожденіе съ цѣлью поступленія въ военную службу. Ходатайства ихъ всегда бывали настолько основательны и подкрѣплены документами, что увѣнчивались успѣхомъ; причемъ курьезно то, что Марковичи одного и того же рода попадали въ различныя части родословной книги— I, II и VI.

Къ сожалѣнію мы не пользовались дворянскими родословными книгами, хранящимися въ Черниговѣ и Полтавѣ, т. е. въ губернскихъ городахъ тѣхъ губерній, гдѣ почти исключительно жили

Марковичи, родословная которыхъ нами печатается; но мы не думаемъ, чтобы мы нашли тамъ что либо новое, такъ какъ считаемъ родословную этихъ Марковичей достаточно выясненною.

Еще о кое какихъ актахъ, откуда заимствованы нами отдѣльныя показанія о родѣ Марковичей, будемъ говорить въ примѣчаніяхъ къ этимъ показаніямъ.

Пользовались мы, сверхъ записокъ Якова Марковича (№ 6) и указанныхъ выше статей А. М. Лазаревскаго и П. Я. Дорошенка, еще нѣкоторыми печатными источниками: напр., дневникомъ Ханенка, историко-статистическимъ описаніемъ черниговской епархіи архіеп. Филарета, историко-статистическимъ описаніемъ роменскаго Святодуховскаго собора, сост. И. Ал. Курловымъ (Ромны), и др., указанными въ своемъ мѣстѣ. Ожидаемъ сообщенія о Марковичахъ, если не новыхъ, то болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній въ начавшемся издаваться Описаніи Старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго; впрочемъ, въ недавно появившемся 1-мъ томѣ заключающемъ описаніе стародубскаго полка, свѣдѣній о Марковичахъ найдено нами немного.

Родословная Марковичей, довольно обстоятельная и доведенная почти до настоящаго времени, напечатана въ Родословной книгѣ, изданной Русской Стариной въ 1873 г. т. I, стр. 225 и слѣд., безъ указанія источника, откуда она заимствована. Эта родословная весьма невѣрна и не полна, въ чемъ легко можно убѣдиться, сличивъ ее съ печатаемою нынѣ, основанною на документальныхъ данныхъ. Но мы не рѣшились исключить нѣсколькихъ ея показаній, относительно которыхъ въ актахъ не нашли ни потвержденія, ни отрицанія, такъ какъ намъ кажется, что родословная изд. Русскою Стариною, заимствована изъ бумагъ историка Н. Ан. Марковича, который могъ располагать свѣдѣніями, у насъ не находящимися, напр. заимствованными изъ дворянской родословной книги черниговской, или полтавской губерніи.

Наконецъ свѣдѣнія о современныхъ Марковичахъ внесены нами на основаніи или личнаго знакомства, или показаній самихъ же Марковичей, конечно, своихъ ближнихъ родныхъ хорошо знающихъ.

Мы помѣстили № 1 Авраама Марковича, какъ лицо, отъ котораго несомнѣнно произошли исторически извѣстные малорусскіе Марковичи; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что къ тому же самому роду относится и еще нѣсколько извѣстныхъ намъ малорусскихъ Марковичей XVII в.., напр. жившій въ Прилукѣ въ 1615 г. Якубъ Маркевичъ, давшій, вмѣстѣ съ нѣсколькими благородными православными панами, рекомендательную грамоту настоятелю Густынскаго монастыря Исаѣ Копинскому къ князю Вишневецкому (Лѣт. мон. Густынск. стр. 8); причемъ изъ контекста видно, что Якубъ Маркевичъ самъ паномъ не былъ; вѣроятно, онъ былъ лицомъ, служившимъ у кн. Вишневецкаго. Затѣмъ извѣстенъ Адамъ Марковичъ, урядникъ прилуцкій въ 1638 г., по всей вѣроятности, сынъ предшествующаго, судя по близкимъ его отношеніямъ къ кн. Вишневецкому, именемъ котораго онъ и распорядился съ Густынскимъ монастыремъ (Акты относ. къ истор. Южн. и Зап. Россіи т. III, стр. 6—7). Очень возможно, что Адамъ Марковичъ, угождая кн. Вишневецкому, сталъ уніатомъ, или даже католикомъ (Якубъ Маркевичъ былъ, конечно, православнымъ); а потомки его снова вернулись въ православіе, каковое ихъ поведеніе и не осталось безъ вліянія на образованіе разсказа о перекрещенствѣ Марковичей, о которомъ будемъ говорить далѣе.

Свѣдѣній объ Авраамѣ Марковичѣ (№ 1) нѣтъ; но соображенія о немъ см. въ статьѣ П. Я. Дорошенка (стр. 697); то, что сообщено объ Авраамѣ Марковичѣ въ Родословной изд. Русскою Стариною, есть лишь догадка ея составителя.

О Маркѣ Авраамовичѣ (№ 2) см. въ статьяхъ Лазаревскаго и Дорошенка. Изъ духовнаго завѣщанія сына его Федора Марковича (№ 5) можно заключить, что отецъ его жилъ въ с. Сорочинцахъ возлѣ г. Прилукъ.

О сестрѣ Марка Авраамовича Бендычкѣ см. у Дорошенка. Не знаемъ, были ли у нея наслѣдники, но такая фамилія не встрѣчается въ Прилукщинѣ, а въ числѣ имѣній, которыми, судя по уступочному письму вдовы Ф. Маркевича (№ 5), владѣлъ этотъ Марковичъ, племянникъ Бендычки, былъ и хуторъ Бендзиковскій.

Библейскія имена первыхъ извѣстныхъ Марковичей: Авраамъ, Маркъ, жизнь ихъ въ Прилукщинѣ, погребеніе Марка Авраамовича (и сына его Ивана—№ 4) въ Густынскомъ монастырѣ, имъ обогащенномъ—все это, по нашему мнѣнію, не можетъ не считаться достаточнымъ доказательствомъ принадлежности этихъ Марковичей къ одному роду съ названными выше Якубомъ и Адамомъ Марковичами; и мы полагаемъ, что Авраамъ Марковичъ скорѣе всего былъ сыномъ Адама Марковича. Библейскія имена, какъ увидимъ ниже, продолжаются въ родѣ Марковичей и далѣе.

Андрей Марковичъ (№ 3)—лицо достаточно извѣстное; см. о немъ хоть у Лазаревскаго въ статьѣ о Марковичахъ; нѣкоторыя новыя свѣдѣнія см. въ Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 261—262; съ Андрея Марковича начинается родословная 1797 г. (см. выше). О смерти жены Андрея Марковича см. записки Як. Марковича II, 195. Въ Истор. стат. опис. ром. Св. Дух. Собора жена Андрея Марковича названа Марѳою Семеновною, урожд. Столповскою; но это ошибка—см. ниже.

Объ Иванѣ Марковичѣ (№ 4) тоже см. у Лазаревскаго и Дорошенка; о смерти его Зап. Як. Марк. I, 49. Онъ былъ бездѣтенъ и жена, его пережившая, получила весьма значительное движимое имущество—ibid. 51; недвижимыя же имѣнія перешли къ роднымъ; изъ завѣщанія брата его Федора Марковича (№ 5) знаемъ, что Иванъ Марковичъ подарилъ ему нѣкоторыя имѣнія еще при жизни. Имя жены Ивана Марковича указано намъ г. Дорошенкомъ, причемъ онъ считаетъ Софію Кондратьевну второю женою, а первою называетъ Евфросинію Федоровну Думитрашко-Раичъ; но это ошибка—см. ниже. Въ статьѣ о Марковичахъ г. Дорошенко тоже Е. Ф. Думитрашко называетъ женою этого Ивана Марковича и говоритъ, что она похоронена въ Густынскомъ монастырѣ; вѣроятно послѣднее извѣстіе надо отнести къ Софіѣ Кондратьевнѣ. Въ родословной 1797 г. Ивана Марковича нѣтъ, такъ какъ она спеціально приводитъ лишь поколѣніе Андрея Марковича.

О Федорѣ Марковичѣ (№ 5) тоже см. у Лазаревскаго и Дорошенка, равно и любопытныя свѣдѣнія у Лучицкаго Сборникъ

матерьяловъ для исторіи общественныхъ земель и угодій въ лѣвобережной Украинѣ № XIII, стр. 139—149. Родословная 1797 г. и о немъ, конечно, не упоминаетъ. Въ родословной Русск. Стар. Федоръ Марковичъ показанъ старшимъ сыномъ Марка Авраамовича; но это явная ошибка: онъ именно былъ младшій сынъ; см. у Лазаревскаго, узнавшаго объ этомъ изъ духовнаго завѣщанія Ф. Марковича. Изъ духовнаго завѣщанія видно, что хотя братья и сестры обобрали Федора Марковича, но ему достался отцовскій домъ въ Сорочинцахъ, гдѣ онъ и жилъ въ „великомъ будынку". Еще до смерти отца Ф. Марковичъ получилъ нѣкоторыя земли отъ него и отъ своего тестя Тамары. Такъ въ самый годъ женитьбы онъ купилъ у Семена Забѣлы хуторъ возлѣ с. Туровки (прилуцкаго у. полтавск. губ.), гдѣ и построилъ для себя дворъ. Послѣ смерти отца, когда Ф. Марковичъ былъ обобранъ, по его словамъ, братьями и сестрами, ему снова помогли родные его жены; на ея деньги прикуплено было много всякихъ угодій; затѣмъ многіе мелкіе грунты, лѣса и пр. нажиты были Ф. Марковичемъ совмѣстно съ женою; иные подарилъ ему братъ—Иванъ Марковичъ; такъ что у Ф. Марковича были огромныя имѣнія, разсыпанныя по всему нынѣшнему прилуцкому уѣзду, а частью находившіяся въ пирятинскомъ (въ м. Журавкѣ), переяславскомъ (въ м. Яготинѣ), нѣжинскомъ (въ м. Монастырищахъ), борзенскомъ (около м. Ични) и др. уѣздахъ полтавской и черниговской губерній. Въ 1737 г. 21 ноября Ф. Марковичъ написалъ обширную духовную, гдѣ перечислилъ всѣ свои имѣнія, разсказавъ и о способахъ ихъ пріобрѣтенія, и всѣ оставилъ во владѣніе жены, отъ воли которой зависѣло такъ или иначе надѣлить ими дѣтей. Умеръ онъ вѣроятно вскорѣ послѣ этого; по словамъ уступочнаго письма его жены онъ составилъ свое завѣщаніе, будучи въ крайней смертной слабости здоровья своего; притомъ 20 апрѣля 1741 г. его вдова, представившая его завѣщаніе къ утвержденію въ переяславскую полковую канцелярію, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Александромъ Саковичемъ. Хотя Екатерина Степановна вышла замужъ еще до 1712 г., т. е. до смерти свекра, и въ 1737 г. одинъ изъ сыновей ея былъ уже на само-

стоятельномъ хозяйствѣ и женатъ (см. ниже), но все же она, повидимому, осталась по смерти мужа женщиною не старою, такъ какъ въ 1737 г. у нея была еще несовершеннолѣтняя дочь. Уступочное письмо Екатерины Степановны показываетъ, что она въ 1747 г. жила въ с. Туровкѣ; грамотѣ она не умѣла. Федоръ Марковичъ въ завѣщаніи 21 ноября 1737 г. приказалъ похоронить себя рядомъ съ братомъ Иваномъ въ церкви св. Тройцы въ Густынскомъ монастырѣ, но потомъ передумалъ и приписалъ въ P. S., чтобы его похоронили въ склепѣ въ приходской церкви св. Николая въ с. Сорочинцахъ, ибо, какъ онъ выразился: не мѣстце человѣка святитъ, но человѣкъ мѣстце. Вѣроятно, это его желаніе было исполнено.

Лазаревскій въ статьѣ о Марковичахъ говоритъ, что у Марка Аврамовича (№ 2), кромѣ Андрея, Ивана и Федора было, кажется, еще 2 сына. Повидимому это мнѣніе основывается на показаніи духовной Ф. Марковича, что послѣ смерти его отца его имѣніе было раздѣлено на 10 частей; а такъ какъ у Марка Аврамовича извѣстно было 5 дочерей, то отсюда выводъ—что у него было и 5 сыновей. Но, неговоря уже о томъ, что фактъ раздѣла имѣнія Марка Аврамовича на 10 частей самъ по себѣ еще не обозначаетъ, чтобы было у него 10 дѣтей, такъ какъ одну или двѣ части могли взять и иные родичи, изъ которыхъ даже упоминается, какъ попользовавшаяся пожитками дѣда, внучка Марка Аврамовича, дочь его дочери, бывшей за Голубомъ (см. ниже), сама бывшая замужемъ за Чарнышомъ; одну часть могъ взять себѣ швагеръ Марка Аврамовича Михаилъ Ограновичъ, принимавшій, какъ видно изъ духовной Федора Марковича, участіе въ раздѣлѣ имѣній Марка Аврамовича,—во всякомъ случаѣ, даже допустивши, что у послѣдняго было 10 дѣтей, приходится принять, что дочерей было семь, а сына только три. Свѣдѣнія о дочеряхъ Марка Авраамовича сохранились случайныя и даже нѣсколько сбивчивыя; въ духовномъ завѣщаніи Ф. Марковича упоминается напр. всего двѣ сестры: Скоропадская (въ 1-мъ бракѣ за Голубомъ) и Гонзеровская. Тогда какъ въ этой духовной постоянно говорится только о 3-хъ братьяхъ; напр. хуторъ возлѣ Рудовки дѣлится на три части: одна достается Андрею, другая Ивану, третья

Федору. Млыны въ м. Журавкѣ раздѣляются на 2 части между Андреемъ и Федоромъ, а Иванъ вмѣсто своей части беретъ изъ отцовскихъ денегъ 1000 золотыхъ монеты доброй. Вообще Федоръ Марковичъ постоянно говоритъ въ своей духовной о братьяхъ, но только объ Андреѣ и о покойномъ Иванѣ; очевидно другихъ у него и не было. Младшими, чѣмъ онъ, эти воображаемые братья быть не могли, такъ какъ видно, что Федоръ былъ самый младшій сынъ, почему и сѣлъ на отцовскомъ гнѣздѣ; умереть послѣ 1712 г. особенно молодыми они тоже не могли, ибо въ это время Федоръ Марковичъ, самый младшій, былъ уже женатъ и имѣлъ свое собственное хозяйство.

Одно мѣсто записокъ Якова Марковича могло бы быть истолковано такимъ образомъ, что у него былъ дядя Андрей—см. I, 433: слышно намъ, что дядько нашъ роменскій Андрей преставился. Но здѣсь авторъ записокъ называетъ дядькомъ Андрея Гонзеровскаго, мужа своей родной тетки; ср. II, 14: рано поѣхали.... до дяди Стефана Миклашевскаго, т. е. мужа другой родной тетки.

Имена дочерей Марка Аврамовича, кромѣ одной, существованіе которой можно допустить лишь на основаніи показанія духовной Федора Марковича и имени которой мы не знаемъ (см. выше), и ихъ мужей видны изъ записокъ Якова Марковича; см. у Лазаревскаго и Дорошенка. Что одна изъ дочей была за Даровскимъ см. въ Опис. стар. полка стр. 352. Дорошенко приводитъ указаніе историка Н. Ал. Марковича, что одна изъ дочерей Марка Аврамовича была замужемъ за наказнымъ гетманомъ Павломъ Полуботкомъ; но это ошибка, сдѣланная историкомъ, какъ это видно изъ письма, приведеннаго Дорошенкомъ, потому, что онъ писалъ по памяти, не справляясь съ источниками, которыхъ у него въ то время не было подъ руками. Тутъ же Н. Ал. Марковичъ надѣлалъ и еще ошибокъ и, конечно, по той же самой причинѣ. На дочери этого Полуботка былъ женатъ извѣстный авторъ записокъ Яковъ Андреевичъ Маркевичъ (№ 6).

Невѣрно и указаніе родословной, изд. Русской Стариной, что одна изъ дочерей Марка Аврамовича была за Андр. Гудовичемъ; сынъ этого Гудовича—Василій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ

Даровскаго урожденной Нос—см. Опис. стар. пол. стр. 353, а потомъ на внучкѣ Марка Аврамовича—Маріи Миклашевской, см. Зап. Як. Марк. II, 297 и 391.

Яковъ Андреевичъ (№ 6)—извѣстный авторъ записокъ, гдѣ, конечно, заключаются важнѣйшія о немъ свѣдѣнія; см. и статью Лазаревскаго. Затѣмъ много извѣстій о немъ разсыпано въ Кіевской Старинѣ, гдѣ ихъ легко найти по указателямъ собственныхъ именъ, и въ Истор. стат. опис. черн. епархіи. О смерти его первой жены см. его Записки II, 221; потомъ Яковъ Андреевичъ чуть было не женился на Танской, даже обручился съ нею (ibid. 258); о времени смерти второй жены см. Ист. ст. оп. черн. епархіи VII, стр. 299. У второй жены Якова Андреевича мать тоже была во второмъ бракѣ—за генеральн. судьею Федоромъ Лысенкомъ (Зап. II, 261 и 290). Въ Ист. ст. опис. черн. еп. V, стр. 388 упомянута Марія Марковичева подскарбіева генеральная въ 1713 г.; но здѣсь въ годѣ явная опечатка и видно, что рѣчь идетъ о женѣ Як. Андр. Марковича.

Остальныя дѣти Андрея Марковича (№ 7—11) въ печати извѣстны менѣе Якова Андреевича, хотя о нихъ есть достаточно свѣдѣній въ запискахъ послѣдняго; къ сожалѣнію авторъ не сообщаетъ даже порядка ихъ старшинства; въ нашей родословной мы держимся порядка, указаннаго въ родословной 1797 г., такъ какъ очень вѣроятно, что Іосифъ Марковичъ (№ 27) хорошо зналъ порядокъ старшинства своихъ дядей; притомъ въ такомъ же порядкѣ дѣти Андрея Марковича постепенно являются на службѣ, какъ это видно изъ записокъ Якова Марковича.

О смерти Андрея Андреевича (№ 7) см. Зап. Як. Марк. I, 271; о смерти его жены ibid. 335; она умерла въ с. Будкахъ, которыми, вѣроятно, владѣла.

Маркъ Андреевичъ (№ 8) жилъ въ Стародубѣ, но умеръ въ Москвѣ (Зап. Як. Марк. II, 324), о женѣ его—Марфѣ Семеновнѣ урожденной Березовской—ibid. I, 353, 357, II, 386. Объ этой семьѣ часто упоминается и въ Дневникѣ Ханенка (о вдовѣ Марка Андреевича на стр. 507); послѣ смерти Марка Андреевича вдова его жила въ с. Засульи около г. Роменъ.

Въ Ист. ст. опис. роменск. Святодуховск. собора, составл. И. Ал. Курловымъ, стр. 30 и д. говорится, что въ Ромнахъ жила богатая помѣщица Марфа Семеновна Марковичъ, жена генеральн. обознаго Андрея Марковича, дочь полковаго лубенскаго хорунжаго Семена Столповскаго, родной братъ котораго Степанъ Столповскій былъ настоятелемъ Успенскаго собора въ Ромнахъ. Авторъ сообщаетъ даже нѣкоторыя подробности о роменскомъ домѣ этой Марфы Семеновны Марковичъ. Умерла она въ 1779 г. и погребена въ своемъ же с. Засульи, возлѣ Роменъ, въ Троицкой церкви, постройкѣ которой она много содѣйствовала; она имѣла сына—Андрея.

Не трудно доказать, что у генеральнаго обознаго Андрея Марковича жены Марфы Семеновны не было. Онъ овдовѣлъ въ 1743 г., когда имѣлъ около 70 лѣтъ; къ тому же фактъ вторичной женитьбы отца несомнѣнно былъ бы занесенъ въ записки сына—Якова Андреевича; да и вообще Андрей Марковичъ былъ лицомъ очень важнымъ въ свое время и біографія его хорошо извѣстна. Очевидно, авторъ описанія просто ошибся, хотя и пользовался рукописными источниками, хранящимися въ роменскихъ церквахъ и въ архивѣ роменской городской думы. Возможно, что, найдя указанія въ своихъ источникахъ о пожертвованіяхъ на церкви въ Ромнахъ жены генер. обознаго Андрея Марковича, которая тоже жила въ Ромнахъ, онъ и смѣшалъ ее съ другою благотворительницею, Марфою Семеновною Марковичъ, ему лучше извѣстною.

Не сомнѣваемся, что эта послѣдняя должна считаться вдовою Марка Андреевича Марковича, которая тоже называлась Марфою Семеновною, жила въ половинѣ XVIII в. въ с. Засульи и имѣла сына Андрея. Существованіе въ с. Засульи одновременно двухъ Марфъ Семеновнъ Марковичъ, да еще имѣвшихъ сыновей Андреевъ, очень трудно допустимо. Но мы не умѣемъ согласить извѣстія, что Марфа Семеновна была урожденная Березовская съ обстоятельнымъ показаніемъ Курилова, заимствованнымъ, судя по точности, изъ писаннаго источника, что она была дочь Столповскаго, лица въ свое время очень извѣстнаго (см. о немъ Кіевск. Стар. 1888 г. № 9, Теличенко: Очеркъ кодификаціи малоросс. права, passim).

Что знаніе родословія Марковичей у Г. Курилова не безошибочно, видимъ изъ упоминаемаго имъ сына генеральнаго обознаго Андрея Марковича и названной выше Марфы Семеновны—Андрея же, полковника, жившаго въ Ромнахъ въ самомъ концѣ XVIII в. Полковникъ Андрей Марковичъ въ концѣ XVIII в. въ Ромнахъ дѣйствительно жилъ (№ 30 нашей родословной); онъ былъ живъ въ 1797 г. во время подачи Іосифомъ Марковичемъ родословной; но это былъ внукъ генеральнаго обознаго Андрея Марковича, сынъ Ивана Андреевича (№ 11), того самого сотника роменскаго, который упоминается г. Куриловымъ на стр. 76 его Описанія и у котораго 2-ая жена, его пережившая, тоже называлась Марфа, хотя была урожденная не Столповская, а Романова; притомъ Иванъ Андреевичъ былъ тоже обозный, только не генеральный, а лубенскій полковой, и вдова его въ зап. Як. Марковича наз. панею обозною (II, 375, 394). Не былъ ли Романовъ, сумской полковникъ, родственникомъ Столповскаго? У генеральнаго обознаго Андрея Марковича (№ 3) былъ однако сынъ Андрей (№ 7), дядя полковника; онъ умеръ въ Ромнахъ въ 1728 г. и могъ при жизни что либо для роменскихъ церквей сдѣлать. Въ довершеніе всего и у Марфы Семеновны Марковичъ былъ дѣйствительно сынъ Андрей, по отчеству Марковичъ, жившій въ Ромнахъ (№ 24,—старшій братъ Іосифа Марковича). Очевидно, что обиліе Андреевъ Марковичей въ Ромнахъ въ XVIII в. сбило составителя описанія и онъ не разобрался въ имѣвшихся у него свѣдѣніяхъ; тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ указанномъ нами примѣрѣ онъ легко могъ отчество Марковичъ принять за фамилію Марковичъ. Во всякомъ случаѣ будемъ ему благодарны за сообщеніе нѣкоторыхъ новыхъ свѣдѣній о родѣ Марковичей.

О смерти Луки Андреевича (№ 9) см. у Лазаревскаго; о женѣ его знаемъ изъ архивнаго дѣла о Марковичахъ, о которомъ сейчасъ скажемъ.

О смерти Семена Андреевича (№ 10) см. зап. Як. Андр. II, 48; о первой его женѣ—ibid. 72 (ср. 65) и 351 (умерла въ Ахтыркѣ); о второй женѣ ibid. 376. Изъ духовной Федора Марковича видно, что Семенъ Андреевичъ жилъ въ Журавкѣ, нынѣ мѣстечко пирятинск. у., полтавск. губ.

Объ Иванѣ Андреевичѣ (№ 11) см. зап. Як. Марк. II, 350 и 370; о первой женитьбѣ его ibid. I, 399, 416; тоже Кіевск. Стар. 1886 г. № 1, стр. 10; о второй женитьбѣ зап. Як. Марк. II, 32; о вдовствѣ его жены—ibid II, 375, 394.

О бракѣ Олеси Андреевны съ Троцкимъ ibid. I, 356 и 363; о смерти ея ibid. II, 244; ея мужа ibid. 238. Изъ разныхъ мѣстъ дневника Як. Андреевича видно, что у автора была всего одна сестра.

Нѣсколько свѣдѣній о Марковичахъ, дѣтяхъ Андрея Марковича (№ 3), стало намъ извѣстно изъ доставленнаго Ал. А. Андріевскимъ дѣла $175^4/_5$ г., находящагося въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, слѣдующаго содержанія:

Село Коровай, лубенскаго полка, пирятинскаго повѣта, сперва принадлежало Свѣчкамъ, а потомъ въ 1720 г. отъ Лукьяна Свѣчки, повидимому не безъ насилія, перешло къ Андрею Марковичу (Кіевск. Стар. 1882 г. № 8, Лазаревскій: Свѣчки, стр. 255 и слѣд.). Когда онъ дѣлилъ свои имѣнія между сыновьями, то формальнаго раздѣла не учинилъ, а лишь отдалъ каждому предназначенный ему участокъ, и с. Коровай досталось дѣтямъ уже умершаго Семена Андреевича (№ 10), которыхъ обоихъ звали Иванами, (№№ 28 и 29). Тогда одинъ изъ Свѣчекъ, кажется, двоюродный внукъ Лукьяна Свѣчки, оттягалъ у Ив. С. Марковича (№ 28) часть с. Короваевъ. Впрочемъ, онъ притязаніе свое объявилъ еще въ 1743 г. ко всѣмъ наслѣдникамъ Андрея Марковича, а отвѣчалъ одинъ Иванъ Семеновичъ. Въ 1754 г. дочери Лукьяна Свѣчки уступили свое право на остальную часть с. Короваевъ Ильѣ Милорадовичу, который и началъ процессъ съ Ив. С. Марковичемъ (№ 29), сославшимся тогда на то, что онъ не одинъ наслѣдникъ Андрея Марковича, почему отвѣтчиками должны быть всѣ сонаслѣдники. Ихъ спросили; они отказывались отъ отвѣта, на томъ основаніи, что Ив. С. Марковичъ (№ 28) самъ владѣлъ с. Короваями, самъ и потерялъ одну ихъ часть. Чѣмъ окончилось дѣло—не видно.

Свѣдѣній о дѣтяхъ Федора Марковича (№ 5) имѣемъ весьма немного, такъ какъ Яковъ Андреевичъ Марковичъ жилъ отъ нихъ

довольно далеко (они жили въ Прилукщинѣ), встрѣчался съ ними, особенно въ послѣдніе годы, но часто и почти не упоминаетъ о нихъ въ своихъ запискахъ, по крайней мѣрѣ въ напечатанной ихъ части. По родословной изд. Русской Стариной у Ф. Марковича было 6 сыновей; въ уступочномъ письмѣ ихъ матери названо три: Дмитрій, Андрей и Василій, и сверхъ того говорится о наслѣдникахъ покойнаго сына Ивана; но еще два сына Ф. Марковича: Михаилъ и Григорій, указанные родословной изд. Р. Стариною, могли умереть до 1747 г., когда составлено было уступочное письмо, не оставивъ наслѣдниковъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что о Михаилѣ Федоровичѣ Марковичѣ свѣдѣнія есть (см. ниже); поэтому мы внесли въ родословную и Григорія Федоровича.

Порядокъ сыновей Федора Марковича опредѣлить трудно: совершенно ясно, что Дмитрій былъ старше Андрея, Василія и Ивана; изъ духовной Ф. Марковича видно, что сынъ его Дмитрій въ 1737 г. уже имѣлъ собственное хозяйство; тогда какъ братья его еще таковаго не имѣли; женился Дмитрій еще въ 1731 г.; въ поступномъ письмѣ матери порядокъ сыновей всегда одинаковъ: Дмитрій, Андрей, Василій; Дмитрію отданъ былъ отцовскій дворъ въ Сорочинцахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, и жилъ, такъ какъ мать его жила въ с. Туровкѣ. Затѣмъ изъ поступнаго письма видно, что Андрей былъ старше Василія; причемъ въ 1747 г. Андрей уже имѣлъ самостоятельное хозяйство тоже въ с. Туровкѣ. Можно еще сдѣлать предположеніе, что Иванъ былъ изъ младшихъ сыновей, такъ какъ имѣнія, назначенныя его наслѣдникамъ, малолѣтнимъ въ 1747 г., были расположены вмѣстѣ съ имѣніями, назначенными Василію; тогда какъ Дмитрій и Андрей получили имѣнія, лежащія въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, но не тамъ, гдѣ были имѣнія Василія и наслѣдниковъ Ивана. Что же касается до Григорія и Михаила, то, какое мѣсто занимали они среди братьевъ, опредѣлить пока не возможно, и мы поставили ихъ все же нѣсколько придерживаясь порядка родословной изд. Р. Стариною. Въ родословной 1797 г. и эти Марковичи, конечно, не помѣщены.

О Дмитріѣ Федоровичѣ (№ 12) см. выше, также зап. Як. Марк. I, 367 (женитьба его) и Дневн. Ханенка стр. 477.

Объ Андреѣ Федоровичѣ (№ 13) см. выше; кое что о немъ еще сообщимъ далѣе.

О Григоріи Федоровичѣ (№ 14) см. выше.

О Васильѣ Федоровичѣ (№ 15) см. выше; чинъ его обозначенъ въ подписи на поступномъ письмѣ матери 1747 г.; нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ есть въ зап. Як. Марк. II, 210, 212, 220 и въ Дн. Ханенка подъ 1745—1746 г., когда Ханенко постоянно встрѣчалъ его въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ былъ близкимъ къ гр. Ал. Гр. Разумовскому лицомъ.

О Михаилѣ Федоровичѣ (№ 16) упоминаетъ Як. Андр. Марковичъ въ Зап. II, 19 и 93 и Ханенко въ Дневникѣ въ ноябрѣ 1743 г.

Объ Иванѣ Федоровичѣ (№ 17) см. выше; о томъ, что онъ былъ женатъ на Евфросиньи Федоровнѣ Думитрашковой Раичъ, видно изъ бумагъ, доставленныхъ И. И. Марковичемъ; отъ отца онъ получилъ земли при с. Козловѣ переясл. у., полт. губ.; жена, кажется единственнная дочь Федора Думитрашка и жены его Федосьи Михайловны, урожденной Гамалѣя, принесла въ приданое земли при м. Березани и сс. Семеновкѣ, Лехковкѣ, Ярешкахъ, переясл. же уѣзда, и половину с. Бербеницъ съ разными хуторами лохвицк. у.

О дочери Федора Марковича Маріи, бывшей за Ширяемъ, говорится въ духовномъ завѣщаніи ея отца и уступочномъ письмѣ ея матери; она вышла замужъ между 1741 и 1747 годами.

Свѣдѣнія о сыновьяхъ Якова Андреевича (№№ 18—22) и о дочеряхъ его частью взяты изъ его записокъ, частью сообщены намъ П. Я. Дорошенкомъ; изъ нихъ первые три сына и три дочери рождены отъ первой жены, остальныя дѣти отъ второй.

О Семенѣ Яковлевичѣ (№ 18) см. Зап. I, 220.

Объ Андреѣ Яковлевичѣ (№ 19) ibid. 446, II, 272.

О третьемъ сынѣ (№ 20) ibid. 19.

О Михаилѣ Яковлевичѣ (№ 21) въ Запискахъ отца его есть очень много свѣдѣній, начиная съ II, 304; его одного изъ сыновей

Якова Андреевича показалъ Іосифъ Марковичъ въ родословной 1797 г., пропустивъ остальныхъ очевидно потому, что они умерли малолѣтними и очень давно. Къ этому же Михаилу Яковлевичу относится указаніе Кіевск. Стар. 1885 г. № 10, стр. 337, что наслѣдникъ умершаго генеральнаго подскарбія въ 1777 г. захватилъ поспольскія имѣнія (кажется, цибельскія). Онъ былъ очень богатъ, изъ дѣлъ департамента Герольдіи видно, что у него было 5258 душъ. Имя жены Михаила Яковлевича сообщено г. Дорошенкомъ; что она была дочь полковника Забѣлы, видно изъ дѣлъ Герольдіи.

О Гаврилѣ Яковлевичѣ (№ 22) см. Зап. II, 317 и 325 и Дневн. Ханенка стр. 500.

О дочеряхъ Якова Андреевича свѣдѣнія имѣются: 1) Объ Аннѣ въ Запискахъ ея отца I, 398, 410 (ея свадьба въ 1733 г.) и др.; умерла она въ с. Евдокольи, вѣроятно, своемъ имѣніи, въ 1757 г.—ibid. II, 347. 2) О Пелагеѣ—ibid. I, 368, II, 2, 12 (ея свадьба въ 1736 г.), 202 (ея смерть), 257 и др. 3) Объ Анастасьи ibid. I, 53. Что у Якова Андреевича въ 20—30-хъ годахъ было двѣ дочери, см. ibid. 57 и 370. 4) О другой Анастасіи—ibid. II, 276, 369 и др.; О мужѣ ея—въ Спискахъ черниговск. дворянъ 1783 г., Черн. 1890 г. стр. 81. 5) Объ Аннѣ и 6) объ Иринѣ сообщено намъ г. Дорошенкомъ. Что у Якова Андреевича въ 1766 г. была еще дочь, кромѣ Анастасіи (второй), видно изъ Зап. II, 403; значитъ это была Ирина. 7) О Маринѣ см. ibid. 360, 363.

У Якова Андреевича была еще падчерица, тоже Марина, замужемъ за Рачинскимъ, бывшимъ капельмейстромъ у Гр. Разумовскаго, а потомъ сотникомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Яковъ Андреевичъ постоянно называетъ Рачинскаго зятемъ (напр. ibid. II, 392, 398; см. Опис. Стар. Малорос. вып. I, стр. 209).

Указанія на лицъ, означенныхъ №№ 23—29, т. е. родныхъ племянниковъ Якова Андреевича (и ихъ сестеръ), тоже есть въ его Запискахъ; о нихъ, кромѣ тѣхъ, которые умерли въ младенчествѣ, говорится и въ Родословной 1797 г.; кое что есть и въ изложенномъ нами выше архивномъ дѣлѣ о с. Короваяхъ.

Объ Иванѣ Андреевичѣ (№ 23) говорится въ родословной 1797 г. и въ Списк. двор. черн. губ. стр. 49; затѣмъ см. Зап. Як. Марк. II, 298 г. — его женитьба въ 1751 году въ с. Шабалиновѣ, которое ему и его наслѣдникамъ потомъ принадлежало. Онъ владѣлъ еще землею въ с. Куреняхъ, нѣжинскаго полка, бахмачской сотни, и здѣсь же ему принадлежалъ хуторъ на бѣловѣжской степи, поселенный дѣдомъ его Андреемъ Марковичемъ, который и понынѣ назыв. Марковичевъ хуторъ (см. Зап. черн. губ. ст. Коммитета 1866 г. кн. I, стр. 273 и 325); изъ дѣлъ Департамента Герольдіи видно, что у него было свыше 500 душъ; имя его жены тоже сохранилось въ бумагахъ, находящихся въ Департаментѣ Герольдіи. Потомство Ивана Андреевича Марковича внесено было въ VI ч. родосл. книги.

Другихъ сыновей у Андрея Андреевича (№ 7) не было—см. Зап. Як. Марк. II, 244; дочери же его Анна и Ульяна сперва жили у дѣда, Андрея Марковича (№ 3), а съ 1743 г. у дяди, Якова Андреевича (№ 6)—ibid. 198,—отъ котораго и вышли замужъ; о ихъ мужьяхъ см. ibid. 257, 270, 289. О Анастасіи Андреевнѣ сообщено нами г. Дорошенкомъ.

Объ Андреѣ Марковичѣ (№ 24) говоритъ родословная 1797 г., поданная его роднымъ братомъ; затѣмъ см. Зап. Як. Марк. II, 275, 298, 330; жена его Вовдя была горничною у дяди его Якова Андреевича и онъ женился на ней, укравши ее ночью изъ дома дяди. Жилъ онъ въ с. Засульи; вѣроятно, къ нему относятся нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя г. Куриловымъ—см. выше; мы даже готовы думать, не этотъ ли Андрей Марковичъ былъ женатъ во второй разъ на Столповской.

Иванъ Марковичъ (№ 25) упоминается въ Дневникѣ Ханенка, какъ родившійся въ 1733 г.; такъ какъ о немъ болѣе свѣдѣній нѣтъ, даже и въ родословной 1797 г., составленной его роднымъ братомъ, то очевидно онъ умеръ ребенкомъ.

Маркъ Марковичъ (№ 26) указанъ въ родословной изд. Р. Стариною; родословная же 1797 г. и о немъ не упоминаетъ. Если указаніе первой не есть простая ошибка, значитъ и онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Іосифъ Марковичъ (№ 27)—составитель указанной выше родословной 1797 г., въ которой онъ говоритъ и о себѣ. Затѣмъ въ нашей семьѣ сохранилось выданное ему изъ Департамента Герольдіи Доказательство дворянъ Марковичевъ. Такъ какъ родство наше съ Іосифомъ Марковичемъ отдаленное, то полагаемъ, что, когда онъ выхлопоталъ для себя Доказательство, и другія вѣтви рода Марковичей выпросили для себя въ Департаментѣ копіи съ него. Въ Зап. Як. Марковича объ Іосифѣ Марковичѣ упоминается—II, 398, 412; ему принадлежала часть с. Засулья и, кажется, часть с. Тарасовки въ Стародубьи (Оп. стар. Малор. вып. I, стр. 167).

О дочери Марка Марковича, бывшей за Кулябкою, см. Зап. Як. Марк. II, 339, 351 и др.

Объ Аннѣ, дочери Луки Андреевича (№ 9), есть свѣдѣнія въ Зап. Як. Марковича и въ архивномъ дѣлѣ о с. Короваяхъ; о мужѣ ея см. Зап. II, 378.

Иванъ Семеновичъ (№ 28) былъ сынъ Семена Андреевича (№ 10) отъ перваго брака. По Зап. Як. Марковича можно прослѣдить его жизнь довольно обстоятельно—см. I, 376, II, 121, 244, 276, 283, 285, 286; онъ женился въ 1749 г., а въ 1750 г. уже умеръ. О томъ, что онъ владѣлъ с. Короваями, упоминаетъ и Як. Андр. Марковичъ, но подробно говорится въ архивномъ объ этомъ селѣ дѣлѣ. Въ родословной 1797 г. онъ не показанъ, вѣроятно, потому, что умеръ давно, и родъ отъ него не пошолъ.

Иванъ Семеновичъ (№ 29) былъ сынъ Семена Андреевича (№ 10) отъ втораго брака; см. Зап. Як. Марк. II, 294 и 300. Женился онъ въ 1751 г. очень молодымъ, еще когда учился; потомъ жилъ въ с. Короваяхъ (см. выше архивное дѣло). Къ этому Ивану Семеновичу относится актъ, напечатанный Лучицкимъ op. cit. стр. 265, причемъ, судя по примѣчанію, подобные акты есть и еще. Въ родословной 1797 г. объ этомъ Марковичѣ упоминается.

О Варварѣ Семеновнѣ см. Зап. Як. Марк. I, 413; объ Аннѣ Семеновнѣ сообщено намъ г. Дорошенкомъ.

Объ Андреѣ Ивановичѣ (№ 30) говоритъ родословная 1797 г.; очевидно о немъ же, какъ о жителѣ г. Роменъ, сообщены свѣдѣнія

въ Ист. ст. опис. ром. Св. Дух. собора сост. И. Куриловымъ, только онъ ошибочно называется тамъ Андреемъ Андреевичемъ. О немъ же и о сестрѣ его упоминаетъ Як. Андр. Марковичъ въ Зап. II, 393, и видно, что въ этой семьѣ болѣе лицъ не было.

Но нами указаны, повидимому, не всѣ женщины V поколѣнія рода Марковичей, вѣтви Андрея Марковича (№ 3). Яковъ Андреевичъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ еще нѣсколькихъ племянницъ; это могутъ быть дочери или Семена Андреевича (№ 10), т. е. Варвара Семеновна и ея сестра (или сестры), или Марка Андреевича (№ 8), что менѣе вѣроятно, такъ какъ объ этой семьѣ въ запискахъ сохранилось болѣе свѣдѣній, или, наконецъ, Олеси Андреевны Троцкой. Въ виду неясности, я не помѣстилъ этихъ племянницъ въ родословную; но вотъ на нихъ указанія: II, 110—племянница Якова Андреевича была за Турковскимъ и умерла до 1740 г. II, 355—въ 1758 г. племянница Парафѣевская; это можетъ быть фамилія, ибо такая въ Малороссіи существуетъ; но можетъ означать, что эта племянница была изъ с. Парафіевки, которая тоже есть (нынѣ въ борзенск. у. черниг. губ.); и II, 356—племянница, бывшая раньше попадьей въ с. Евдокольи, потомъ капитаншей.

Константинъ и Иванъ Дмитріевичи (№№ 31 и 32) есть въ родословныхъ; имя жены перваго узнано изъ дѣла въ Департаментѣ Герольдіи; имя жены второго, нашей прабабки, извѣстно намъ изъ семейныхъ разсказовъ.

Лица подъ №№ 33 и 34 и ихъ сестры—родъ историка Н. Ан. Марковича, и, какъ мы сказали, повидимому свѣдѣнія о нихъ внесены въ родословную изд. Русск. Стариною изъ его бумагъ.

№ 35 упоминается въ Дневникѣ Ханенка стр. 261; вѣроятно, отъ него родъ не пошолъ.

Свѣдѣнія о дѣтяхъ Ивана Федоровича Марковича (№ 17): сынѣ Яковѣ (№ 36) и дочери Екатеринѣ, старшей чѣмъ сынъ, сохранились въ бумагахъ, полученныхъ нами отъ И. И. Марковича (см. выше), потомка этого Якова Ивановича. Изъ нихъ видно, что въ 1747 г., когда мать Ивана Федоровича уступнымъ письмомъ дѣлила имущество между наслѣдниками, его уже не было въ живыхъ,

а дѣти его были малолѣтними; потомъ они состояли въ опекѣ, и опекуномъ былъ дядя Андрей Федор. Марковичъ (№ 13), а березанскія имущества Думитрашковъ были въ опекѣ у значк. тов. лубенскаго Григорія Петровскаго. Около 1762 г. Яковъ Ивановичъ и Екатерина Ивановна раздѣлились родительскимъ имуществомъ, причемъ сохранился во первыхъ раздѣльный реестръ отъ 1762 г. марта 16-го, которымъ Екатеринѣ Ивановнѣ выдѣлялось весьма значительное движимое имущество изъ наслѣдства послѣ ея матери, и во вторыхъ мировая запись между Яков. И. Марковичемъ и мужемъ Ек. Ив—ны капитаномъ Петромъ Лукашевичемъ, 1766 г. февр. 4, коею Як. Марковичъ выдѣляетъ сестрѣ четвертую часть с. Козлова, а за провладѣніе ею въ теченіе 4 лѣтъ отдаетъ въ прилуцк. полку хуторъ Воронизкій со всѣми угодьями и съ лѣсами переволочанскими.

Еще ранѣе, въ 1763 г. 16 января Яковъ Ивановичъ уступчивымъ записомъ передалъ дядѣ своему Андр. Фед. Марковичу грунты въ Прилукѣ и возлѣ нея, полученныя въ наслѣдство, въ благодарность за хлопоты дяди по опекѣ. Но, кажется, эта передача была не совсѣмъ пристойная, такъ какъ сохранилось начало жалобы Екатер. Ивановны, бывшей уже замужемъ, въ генеральный судъ, что дядя ея, прилуцкій подкоморій Андр. Фед. Марковичъ не сдалъ находящаго у него въ опекѣ ея и брата отцовскаго, а болѣе материнскаго имущества, и что, устроивъ передачу опеки фавориту своему полковому эсаулу Никифору Носенку, онъ склонилъ затѣмъ Якова Ивановича передать ему, какъ сказано выше, отцовскія земли въ Прилукщинѣ. Въ прошеніи упоминается, что, какъ ею, такъ и ея братомъ къ Андр. Фед. Марковичу предъявлены иски. Чѣмъ кончилось дѣло—не видно, но Е. И. Лукашевичъ вела этотъ процессъ и въ 1766 г.

Затѣмъ о Яковѣ Ивановичѣ см. еще у Лучицкаго op. cit. № XLII. Имя жены его сообщено И. И. Марковичемъ; другое имя значится въ Мотыженскомъ архивѣ, К. 1890, стр. V; надо полагать, что онъ былъ женатъ дважды.

О лицахъ подъ №№ 37—40 (и сестрахъ ихъ) свѣдѣнія по-

лучены отъ П. Я. Дорошенка; есть эти лица и въ родословной 1797 г.

Яковъ Михайловичъ (№ 37)—авторъ Записокъ о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ ч. I, Спб. 1798; см. о немъ еще предисловіе къ 1 ч. Исторіи Малороссіи Бантыша-Каменскаго.

Объ Александрѣ Михайловичѣ (№ 40) см. еще въ журналѣ Древняя и Новая Россія 1879 г. № 1, стр. 53—55 г. Лазаревскаго: Марковичи стр. 82. Это издатель Записокъ Якова Марковича; онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ; изъ его сочиненій знаемъ историческую и статистическую записку о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ черниговской губерніи—Матерьялы для статистики Росс. Имперіи отд. IV, изд. 1840 г.

Свѣдѣнія о лицахъ, находящихся подъ №№ 41—43 частью есть въ родословной 1797 г., частью сообщены намъ внукомъ лица, означеннаго подъ № 41, Иваномъ Матвеевичемъ Марковичемъ; о женѣ указаннаго подъ № 41 — Кониской см. Сп. черниг. двор. стр. 49. Василій (№ 43) показанъ здѣсь начинающимъ службу въ измайловскомъ полку (стр. 50).

Лица, указанныя подъ №№ 44—46, есть въ родословной 1797 г. Свѣдѣнія о женѣ лица, означеннаго подъ № 45, и ея 2-мъ бракѣ сохранились въ дѣлахъ Департамента Герольдіи.

Лица подъ №№ 47—49 упоминаются въ дѣлахъ Департамента Герольдіи; о первыхъ двухъ (и ихъ сестрахъ) знаемъ и изъ разсказовъ ихъ потомковъ.

Лица, означенныя №№ 50—54 (и сестра ихъ) извѣстны намъ изъ семейныхъ разсказовъ; иныхъ мы и сами помнимъ; изъ нихъ Дмитрій и Илья Ивановичи (№№ 51 и 53) жили въ с. Туровкѣ, прилуцк. у.; а Петръ Ивановичъ (№ 54) въ с. Смоши того же уѣзда. Не ручаемся однако за правильность порядка именъ №№ 50—54, заимствованнаго нами изъ родословной изд. Русск. Стариною. По словамъ нѣкоторыхъ нашихъ родственниковъ вторымъ сыномъ Ивана Дмитріевича (32) былъ Александръ, третьимъ Петръ, четвертымъ Илья и пятымъ Дмитрій; впрочемъ, это не имѣетъ особаго значенія.

№№ 55 и 56 (и ихъ сестры) указаны въ родословной изд. Русск. Стариною; родъ историка Н. А. Марковича; № 55 жилъ въ с. Туровкѣ прилуцк. уѣзда.

Свѣдѣнія о № 57 (и его сестрѣ) частью сообщены И. И. Марковичемъ, его внукомъ, частью есть въ Департаментѣ Герольдіи; см. еще Сулиминскій Архивъ стр. 150.

Свѣдѣнія о лицахъ, означенныхъ №№ 58—63, и ихъ сестрахъ получены отъ П. Я. Дорошенка. № 60 жилъ въ с. Бучкахъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда, № 61 въ д. Антоновкѣ пирятинск. уѣзда, и № 62 въ с. Перервинцахъ, тоже пирятинскаго уѣзда.

О лицахъ №№ 65—68 сообщено намъ И. Матв. Марковичемъ; иныя свѣдѣнія нашлись въ Департаментѣ Герольдіи; см. также Списки черн. двор. стр. 49. Эта вѣтвь Марковичей владѣла с. Шабалиновымъ.

Василій Ивановичъ (№ 69) упоминается въ родословной 1797 г., иныя свѣдѣнія отыскивались въ Департ. Герольдіи; жилъ онъ въ с. Кулажинцахъ пирятинскаго уѣзда. О женѣ его сообщилъ намъ его внукъ Д. В. Марковичъ, оговорившійся, что фамилію бабки онъ помнитъ не точно; между тѣмъ мать этого Василія Ивановича была во второмъ бракѣ за Керстиновымъ. Родословная изд. Р. Стариною считаетъ этого Василія Ивановича сыномъ Ив. Фед. Марковича (№ 17); Дмитр. Вас. Марковичъ полагалъ, что его дѣдъ Вас. Ив—чъ (№ 69) былъ сынъ Ив. Сем. Марковича (№ 29); но оба мнѣнія ошибочны; точныя свѣдѣнія мы нашли въ дѣлахъ Департамента Герольдіи; В. И. Марковичъ—внукъ Ив. Сем—ча (№ 29).

Лица, означенныя №№ 70—84, и ихъ сестры, извѣстны намъ или лично, или по семейнымъ разсказамъ; № 75 упоминается въ Департ. Герольдіи; № 70 жилъ въ с. Колесникахъ, №№ 74—80 въ с. Туровкѣ, № 81 въ с. Смоши и № 84 въ с. Гурбинцахъ; всѣ въ прилуцкомъ уѣздѣ.

№№ 85 и 86 и ихъ сестры—семья историка Н. Ан. Маркевича; самъ онъ жилъ въ с. Туровкѣ, братъ его въ с. Васковцахъ прилуцкаго же уѣзда.

№№ 87—89 частью извѣстны изъ дѣлъ Департамента Герольдіи, частью указаны И. И. Марковичемъ.

№№ 90—97 и ихъ сестры указаны намъ г. Дорошенкомъ.

О лицахъ подъ №№ 98—102 знаемъ частью отъ Ивана Матвеевича Марковича (№ 98), частью изъ дѣлъ Герольдіи.

Свѣдѣнія о №№ 103—107 сообщены Дмитріемъ Васильевичемъ Марковичемъ, сыномъ № 107.

Лица, помѣщенныя подъ №№ 110—121, и ихъ сестры намъ извѣстны лично.

Свѣдѣнія о лицахъ подъ №№ 122—127 и ихъ сестрахъ сообщены намъ сыномъ Андрея Николаевича Марковича (№ 122); но большинство изъ нихъ намъ извѣстно лично.

О лицахъ, указанныхъ подъ №№ 128—135, намъ сообщено Ипполитомъ Ивановичемъ Марковичемъ (№ 129).

№№ 136—140 извѣстны по указанію И. М. Марковича (№ 98) и по свѣдѣніямъ въ Департаментѣ Герольдіи.

О №№ 141—145 и сестрахъ ихъ сообщено намъ Дмитріемъ Васильевичемъ Марковичемъ (№ 143).

№№ 146—147 и ихъ сестры намъ извѣстны лично.

О №№ 148—157 и ихъ сестрахъ сообщено Ю. Н. Марковичемъ (№ 150).

О № 158 есть въ дѣлахъ Департамента Герольдіи.

О № 159 сообщено постороннимъ лицомъ.

Въ настоящей родословной есть, конечно, пропуски; напр. навѣрное не внесены многія лица, умершія въ молодости, память о которыхъ у ихъ родныхъ сгладилась; затѣмъ намъ извѣстно, что нѣкоторые Марковичи VIII и IX поколѣній имѣютъ семейства; но мы не знаемъ ихъ точно; они могутъ сами заявить о себѣ въ исправленіе настоящей родословной. Возможно, что въ этой родословной есть и неправильности.

Изъ старинныхъ портретовъ лицъ изъ рода Марковичей намъ извѣстны слѣдующіе, весьма немногіе:

1) Марка Аврамовича (№ 2) у Пармена Андреевича Марковича (№ 63) въ с. Сварковѣ, глуховск. у. (по указанію П. Я. Дорошенка). Это старая и нѣсколько испорченная копія съ оригинала, который долженъ былъ храниться въ Густынскомъ монастырѣ; см. объ этомъ Кіевск. Стар. 1885 г. № 12, статью П. Я. Дорошенка.

2) Андрея Марковича (№ 3)—несовсѣмъ достовѣрный, подаренный кѣмъ-то И. М. Марковичу (№ 98), владѣльцу с. Шабалинова; по словамъ лица, подарившаго портретъ, онъ изъ дома Скоропадскихъ или Полуботковъ перешолъ по наслѣдству въ его родъ и всегда былъ извѣстенъ, какъ портретъ Андрея Марковича (сообщено И. М. Марковичемъ).

3) Гетманши Анастасіи Марковны Скоропадской, очень хорошій— въ Гамалѣевскомъ монастырѣ; съ него хорошая литографія въ Дневныхъ Запискахъ Якова Марковича изд. 1859 г. (сообщено г. Дорошенкомъ).

4) Якова Андреевича (№ 6)—хранился въ с. Сварковѣ, но сгорѣлъ во время бывшаго тамъ въ 1870-хъ годахъ пожара. Литографія съ него, чрезвычайно удачная, въ тѣхъ же Дневныхъ Запискахъ (Сообщено г. Дорошенкомъ).

Затѣмъ имѣется нѣсколько портретовъ Марковичей, жившихъ недавно, напр. изъ VI поколѣнія: Андрея и Александра Михайловичей (№№ 39 и 40) у П. Ан. Марковича (№ 63) въ с. Сварковѣ; Ивана Константиновича (№ 47), бывшій въ с. Колесникахъ прилуцк. у. у Дм. Ив. Маркевича (70), а теперь находящійся въ с. Смоши того же у. у Мих. Александр. Гижицкаго; Петра Ивановича (№ 54)—два портрета: на полотнѣ и очень изящный медальонный на фарфорѣ—въ с. Гурбинцахъ того же уѣзда, у Елисаветы Петровны Новицкой; вѣроятно такіе, сравнительно поздніе, портреты есть и еще у кого либо изъ рода Марковичей.

Приложенiе къ родословной Марковичей.

Изслѣдованiе о происхожденiи рода Марковичей.

Вопросъ о происхожденiи Марковичей—Маркевичей былъ источникомъ не малыхъ споровъ и до сихъ поръ не можетъ считаться рѣшеннымъ. Въ сущности для насъ интересно лишь происхожденiе извѣстныхъ малорусскихъ Марковичей, именно потомковъ Марка Аврамовича (№ 2 въ нашей родословной), а не вообще Марковичей, и даже не вообще малорусскихъ Марковичей. Это вопросы неразрѣшимые, такъ какъ фамилiя Марковичей патрономинальная, подобно великорусскимъ Марковымъ; она сперва была отчествомъ, а потомъ стала прозвищемъ и фамилiей и лишь обозначаетъ дѣтей и потомковъ Марка, какого бы ни былъ этотъ Маркъ происхожденiя. Какъ отчество, Марковичъ употреблялось еще въ древне-русской исторiи: въ половинѣ XIII в. знаемъ галицкаго боярина Якова Марковича, въ началѣ XIV в. былъ тверской бояринъ Александръ Марковичъ; но смѣшно было бы видѣть въ нихъ предковъ позднѣйшихъ Марковичей: у этихъ бояръ просто отцы имѣли имя Марка. Если мы гдѣ либо позднѣе въ исторiи южной Руси встрѣчаемъ Марка [1]), то дѣти его, если у него таковыя имѣлись, были Марковичи. Но дѣло въ томъ, что попадаются такiе Марковичи (и Маркевичи) въ южной Россiи XVI—XVIII в., генеологическая связь которыхъ съ извѣстными малорусскими Марковичами путемъ гипотезъ можетъ казаться установленною, хотя эти гипотезы и очень смѣлы. Вотъ онѣ то и

[1]) Напр. Маркъ, Пекаринъ зять, мѣщанинъ межирицкiй въ Брацлавщинѣ, бывшiй въ 1596 г. атаманомъ въ войскѣ Лободы, или Маркъ, козацкiй черкасскiй полковникъ, жившiй въ половинѣ XVII в. въ с. Антоновкѣ, и т. п.; см. этихъ лицъ въ указателѣ къ изданiямъ Кiевск. коммиссiи для разбора древн. актовъ К. 1878 г.

повели къ спорамъ, почти безуспѣшнымъ, и стали источникомъ мнѣній о происхожденіи малорусскихъ Марковичей отъ евреевъ, сербовъ, изъ западной Россіи и изъ южной Россіи; причемъ иные изслѣдователи пытались и согласить эти мнѣнія, хотя очень малоуспѣшно.

Мнѣніе о еврейскомъ происхожденіи Авраама (№ 1 нашей родословной), а слѣдовательно и его потомковъ—Марковичей есть наиболѣе ходячее и, пожалуй, найболѣе обоснованное на фактахъ; его особенно поддерживаетъ Лазаревскій въ статьѣ о Марковичахъ. Но приводимые имъ въ доказательство факты можно истолковать и такимъ образомъ, что относительно Андрея Марковича (№ 3) уже было въ 20-хъ годахъ XVIII в. преданіе, что его предки были выкресты изъ евреевъ, объясняемое, можетъ быть, какъ характеромъ Андрея Марковича, такъ и знаніемъ, что есть Марковичи евреи (см. ниже), да еще, пожалуй, и тѣмъ, что Марковичи, какъ мы сказали выше въ примѣчаніяхъ къ родословной, могли дѣйствительно перейти изъ православія въ уніатство и изъ уніатства опять въ православіе. Но окончательнаго убѣжденія въ еврейскомъ происхожденіи Андрея Марковича, человѣка начала XVIII в., факты, приводимые Лазаревскимъ, не даютъ, особенно когда мы видимъ дѣйствующими въ XVII в. въ той же самой мѣстности, гдѣ жили Авраамъ и его потомки Марковичи, иныхъ Марковичей, какъ то прилучанина Якуба Марковича въ 1615 г. (Лѣт. мон. Густ. стр. 8) и урядника прилуцкаго Адама Марковича въ 1638 г. (Акты отн. до истор. южн. и зап. Рос. т. III, стр. 6—7), въ дѣятельности которыхъ находимъ достаточно общихъ чертъ съ дѣятельностью извѣстныхъ уже намъ Марковичей XVIII в. (см. выше). Г. Дорошенко, даже не располагая этими фактами, все же отрицаетъ мнѣніе о еврейскомъ происхожденіи извѣстныхъ Марковичей, не выставляя, впрочемъ, своего мнѣнія, кажется, онъ склоненъ приписывать Марковичамъ присхожденіе мѣстное, южнорусское.

Иное мнѣніе, горячо поддерживаемое въ свое время историкомъ Никол. Андр. Марковичемъ и перешедшее въ родословную изд. Русскою Стариною, приписываетъ Марковичамъ происхожденіе сербское. Въ Сербіи, въ Нахіи Барской, между Баромъ и Скутарскимъ озе-

ромъ есть цѣлое племя Мрковичей, иначе Марковичей; нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли въ послѣднее время историческую извѣстность, напр. Свѣтозаръ Марковичъ. Относительно переселеній сербовъ Марковичей въ Россіи въ XVIII—XIX в. имѣются положительныя данныя; такъ въ 1754 г. былъ сербскій прапорщикъ Дмитрій Марковичъ, даже презрительно относившійся къ „малороссійской породѣ“ (Кіевск. Стар. 1885 г. № 7, стр. 510); какой то Николай Марковичъ сербской націи изъ г. Будина въ 1761 г. поступилъ корнетомъ въ острогожскій легкоконный полкъ, и потомство его живетъ въ бирючск. у. воронежск. губ. [1]); въ Одессѣ и теперь есть г. Марковичъ, сербъ по происхожденію, даровитый каррикатуристъ и сотрудникъ мѣстныхъ газетъ. Но нельзя ли найти въ южной Руси сербовъ Марковичей въ XVII в.?

Сперва сопоставимъ такіе факты: сербы въ Малороссію вообще выѣзжали и съ XVI в. въ козакахъ служили [2]); въ XVII в. мы ихъ встрѣчаемъ даже въ старшинѣ; такъ Иванъ Сербинъ (убитый въ 1665 г.) былъ козацкимъ брацлавскимъ полковникомъ, Василій Войца Сербинъ былъ при ц. Феодорѣ Алексѣевичѣ переяславскимъ полковникомъ и т. п. Въ 1611 г. мы и встрѣчаемъ „свовольнаго козака“ Марка Сербина [3]), жившаго на Волыни (Арх. ю. з. Росс. ч. I, т. 1, стр. 174—184); дѣти его, или другого, подобнаго ему серба Марка, непремѣнно были Марковичи, а затѣмъ и ихъ потомки, если только эти дѣти и потомки существовали.

Далѣе, была какая то связь между малорусскими Марковичами начала XVIII в. и сербскими выходцами вообще; такъ епископъ г. Ниша Рувимъ, прибывшій въ Россію изъ Сербіи и долго жившій въ построенномъ имъ монастырѣ близъ г. Сосницы, поѣхалъ за

---

[1]) Изъ дѣла въ Департ. Герольдіи; въ другомъ дѣлѣ упоминается Иванъ Марковичъ подполковникъ въ 1789 г. въ иллирическомъ полку—греческой націи; его потомство живетъ въ бахмутск. уѣздѣ екатериносл. губ.

[2]) Въ южной Руси есть даже села Сербы, изъ которыхъ одно на Волыни въ нынѣшнемъ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ, другое въ подольской губерніи, въ могилевскомъ уѣздѣ.

[3]) Этого факта не знали ни историкъ Ник. Андр. Марковичъ, ни составитель родословной, изд. Русск. Стариною, иначе они не преминули бы имъ воспользоваться.

милостынею къ ирклiевскому сотнику Словую [1]), родомъ тоже сербу, а потомъ къ Андрею Марковичу, въ гостяхъ у котораго и умеръ (Чтен. моск. общ. ист. и др. 1884 г. кн. II, Опис. актовъ южнорусск. монастырей стр. 23). Извѣстный Феофанъ Прокоповичъ не разъ отправлялъ къ Якову Андреевичу Марковичу (№ 8) сербовъ съ просьбою о нихъ позаботиться (Кiевск. Стар. 1882 г. № 6. Письма Феофана Прокоповича къ Як. Андр. Марковичу 1716—1719 г.). Такiе факты дѣйствительно могутъ сдѣлать довольно правдоподобнымъ предположенiе о сербскомъ происхожденiи малоруcскихъ Марковичей; но для окончательнаго въ этомъ убѣжденiя ихъ все же недостаточно; можетъ быть Марковичи начала XVIII в. уже знали о сербахъ Марковичахъ и сами хотѣли казаться людьми сербскаго происхожденiя.

Иные изслѣдователи выводятъ малорусскихъ Марковичей изъ западной Руси; именно архiеп. Филаретъ черниговскiй считалъ предкомъ Маркевичей слуцкаго выходца XVII в. купца Марка Гимбара (Ист. ст. опис. черн. еп. VII, стр. 300), преданiя о которомъ, какъ объ основателѣ с. Березы подъ г. Глуховомъ, сообщилъ нѣкто Козьма Зарульскiй Як. Андр. Марковичу, помѣстившему ихъ въ своихъ Запискахъ. Будою, гдѣ Маркъ Гимбаръ [2]) выдѣлывалъ поташъ и смальчугъ, владѣла по его смерти жена его „Марчиха", почему и буда эта стала называться Марчишина буда (Дневн. Зап. Як. Марк. I, 286—287).

У этого Марка Гимбара былъ сынъ Маркъ Марковичъ Гимбаровичъ, владѣлецъ с. Березы въ 60-хъ годахъ XVII в., о которомъ нѣкоторыя свѣдѣнiя тоже сообщены у архiеп. Филарета (op. cit. VII, стр. 300, также стр. 359); но онъ, повидимому, смѣшиваетъ его съ отцомъ, тогда какъ это явно два разныхъ лица, почему преданiе объ основанiи Маркомъ Гимбаромъ с. Березны опро-

---

[1]) Предокъ Романовичей-Славатинскихъ.

[2]) Архiеп. Филаретъ и Лазаревскiй называютъ этого Гимбара Кимбарою (первый, впрочемъ, съ извѣстною цѣлью—см. ниже); конечно, онъ писался Кгимбаръ или Кгимбара, причемъ Кг произносилось, какъ g; Як. Андр. Марковичъ и называетъ его Гимбаромъ; потомъ иные стали произносить Кг, какъ к.

вергнуто у арх. Филарета неправильно, такъ какъ универсалъ 1662 г. нѣжинскаго полковника Василія Золотаренка, по которому дано Марковичу с. Береза, гдѣ уже былъ войтъ etc. (Зап. черн. губ. ст. комм. 1866 г. кн. I, стр. 17) относится къ сыну, т. е. къ Марку Марковичу и очевидно лишь подтверждаетъ его право на владѣніе с. Березой. Къ Марку Марковичу же относятся и указанія Лазаревскаго, что онъ умеръ въ 1669 г., а вдова его Агафья Ефимовна постриглась въ 1671 г. въ монахини и устроила глуховскій Преображенскій монастырь. Отецъ же, т. е. Маркъ Гимбаръ въ такомъ случаѣ былъ человѣкомъ примѣрно первой четверти XVII в.

Сознаемся, что показаніе Зарульскаго въ началѣ XVIII в. о событіи начала XVII в. есть свѣдѣніе довольно смутное; Як. Андр. Марковичъ и занесъ его въ Записки, какъ преданіе; но оно недурно объяснило бы намъ появленіе въ лѣвобережной Малороссіи нѣкоторыхъ изъ Марковичей раньше рода Авраама, и притомъ какъ разъ въ томъ районѣ (Стародубье, Глуховъ), гдѣ потомъ дѣйствовалъ и родъ Марка Аврамовича. Якубъ и Адамъ Марковичи прилучане могли быть родственниками черниговскихъ Марковичей и предками Авраама, Марка Авраамовича и т. д.

Лазаревскій считаетъ предположеніе о происхожденіи Марковичей отъ Гимбара однако ошибочнымъ, не объясняя, почему; между тѣмъ оно вовсе не противорѣчитъ его мнѣнію о еврейскомъ ихъ происхожденіи, ибо слуцкій купецъ Гимбаръ могъ быть именно выкрещенный еврей. Принимать же мнѣніе архіеп. Филарета о происхожденіи Гимбара отъ литовскихъ шляхтичей герба Сѣкиры фамиліи Кимбаръ вовсе нѣтъ необходимости. Какъ извѣстно, и въ посполъствѣ и у евреевъ попадаются фамиліи, сходныя съ шляхетскими, напр. Абрамовичи [1]).

---

[1]) Были евреи и Ограновичи—см. Проток. засѣд. археогр. комм. I, стр. 327 въ 1516 г.; припомнимъ, что Маркъ Аврамовичъ (№ 2) былъ женатъ на дочери Корнѣенка, позднѣе прозывавшагося Ограновичемъ, предка малорусскихъ Ограновичей.

Одно время и мы готовы были утверждать, что дѣйствительно Марковичи, потомки Авраама (№ 1), происхожденія западно-русскаго, а именно, что они родомъ изъ Корнина (нынѣ мѣстечко сквирского уѣзда кіевской губерніи). Въ помянникѣ Супрясльскаго монастыря (Виленская Публичная библіотека рукопись № 29, стр. 58) записанъ родъ Марковичи з Корнина: Помяни, Господи, рабъ своихъ Феодора, Акилину, Пелагею, Ирину, Мартина и Лазаря. Такъ какъ у Марка Аврамовича (№ 3) былъ сынъ Феодоръ (№ 5) и дочери Пелагея и Ирина, то можно было полагать, что записанные въ супрясльскомъ помянникѣ Марковичи относятся къ извѣстнымъ малорусскимъ Марковичамъ, которые такимъ образомъ явились бы родомъ изъ Корнина; тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ ниже, есть достаточо указаній на пребываніе вообще Марковичей на Волыни, на границѣ съ которою лежитъ и м. Корнинъ. Принявъ предположеніе г. Лазаревскаго, что у Марка Авраамовича (№ 3) было пять сыновей, мы видѣли въ Мартинѣ и Лазарѣ тѣхъ сыновей, имена которыхъ остаются неизвѣстными. Имя Акилины Марковичъ насъ не затрудняло, такъ какъ неизвѣстны многія изъ женщинъ рода Марковичей XVII—XVIII в., какъ это видно изъ самой родословной. Но знакомство съ копіей духовнаго завѣщанія Феодора Марковича убѣдило насъ, что у него было только два брата (см. выше). Однако предположеніе, что запись относится къ роду прилуцкихъ Марковичей, все же возможно: Мартинъ и Лазарь могутъ быть такими лицами изъ рода Марковичей, которыя умерли очень молодыми и потому не попали въ какіе либо акты или въ родословныя.

Смущаетъ насъ нѣсколько приписка на боку въ Супрясльскомъ помянникѣ при этомъ родѣ Марковичей: рока 1724,—какъ-бы указывающая, что означенныя въ помянникѣ лица умерли до этого года, тогда какъ и Федоръ Марковичъ, и сестры его этотъ годъ пережили; но самое помѣщеніе приписки сбоку, какъ бы случайно, указываетъ, что она позднѣйшая и потому можетъ быть неточною.

Почему внесены въ супрясльскій помянникъ только эти Марковичи, сказать трудно; но опять возможно предположеніе, что семья Феодора Марковича, послѣ его смерти, могла вспомнить о Корнин-

скомъ происхожденіи Марковичей и сдѣлать пожертвованіе въ Супрасльскій монастырь на поминъ души его и нѣкоторыхъ, почему либо въ данное время обратившихъ вниманіе его семьи, членовъ его рода. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, что на корнинскомъ происхожденіи Марковичей нашего рода мы не особенно настаиваемъ; прибавимъ развѣ, что на единство этого рода съ родомъ малорусскихъ Марковичей, равно и съ родомъ Марка Кгимбаровича указываютъ и библейскія имена: Яковъ, Адамъ, Авраамъ, Маркъ, Лука, Лазарь. Имена эти собственно еврейскія; но ими можно подкрѣпить и нетолько гипотезу о еврейскомъ происхожденіи рода Марковичей, но и о сербскомъ, такъ какъ у сербовъ тоже очень часты библейскія имена.

Конечно, приведенное выше указаніе, что Марковичи могли быть родомъ изъ Корнина, нисколько не противорѣчитъ мнѣнію Лазаревскаго о ихъ еврейскомъ происхожденіи: они могли быть тамъ выкрещенными евреями.

Въ доказательство западно-русскаго происхожденія Марковичей приводятъ еще одинъ, слѣдующій фактъ: Въ спискѣ волынскихъ обывателей 1569 г. упоминается Павелъ Яцковичъ Черневскій з Марковичъ (жизнь кн. Курбскаго I, 20). Указаніе на Волынь довольно любопытно; припомнимъ, что и Марко Сербинъ жилъ на Волыни, и Корнинъ близко отъ нея, и Слуцкъ не особенно далеко отъ Волыни, особенно тогдашней; ниже приведемъ и еще указанія на Марковичей съ Волыни. Но что значитъ з Марковичъ? Вѣрнѣе всего, что это обозначеніе мѣстности; извѣстно даже село Марковичи въ мельницкой волости въ луцкомъ повѣтѣ [1]), на Волыни (Акты отн. къ ист. ю. и з. Р. т. VI подъ 1450 г.; ими владѣлъ луцкій земянинъ панъ Олизаръ Шиловичъ); тогда это указаніе не имѣетъ той важности, которую ему приписываютъ. Но, если понимать з Марковичъ въ смыслѣ изъ рода Марковичей, то оно

---

[1]) Въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой въ XVII в. были еще села Марковичи (Старые и Новые—Доп. къ А. И. т. XI, стр. 17); есть они и нынѣ, на южной границѣ могилевской губерніи; см. въ Новомъ Времени 1886 г. № 3699 въ статьѣ С. В. Максимова въ концѣ насмѣшки надъ жителями с. Марковичей.

служитъ довольно важнымъ указаніемъ на существованіе западно-русскихъ Марковичей въ XVI в.

Чтобы спасти это, казавшееся ему столь цѣннымъ, указаніе на родъ Марковичей, составитель родословной изд. Русскою Стариною допускалъ, что Марковичи сербы сперва переселились на Волынь и потомъ, уже во время гоненій на православіе, не желая принять уніи, перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Это, конечно, домыслъ самого составителя родословной и несовсѣмъ удачный, такъ какъ одинъ изъ очень рано извѣстныхъ Марковичей лѣвобережья Адамъ былъ именно гонитель православія; но, какъ мы видѣли, Марко Сербинъ въ 1611 г. дѣйствительно жилъ на Волыни, и эта дата отдѣлена отъ указанія на Павла Яцковича з Марковичъ промежуткомъ всего въ 42 года, что весьма немного; на переселеніе же Марковичей изъ правобережья Днѣпра въ лѣвобережье указываетъ и гипотеза архіеп. Филарета и запись помянника Супрясльскаго монастыря; смѣнить же унію на православіе Марковичи могли въ половинѣ XVII в.

Мы готовы допустить еще одно предположеніе, которое, еслибы его можно было доказать, не мало могло бы содѣйствовать разрѣшенію вопроса о происхожденіи Марковичей. Не ошибся ли архіеп. Филаретъ въ показаніи, что Маркъ Гимбаръ былъ выходецъ изъ Слуцка и не слѣдуетъ ли читать с Луцка, т. е. изъ Луцка, значитъ опять съ Волыни? [1]) Это предположеніе еще лучше можетъ быть согласовано съ корнинскимъ происхожденіемъ Марковичей и не противорѣчитъ мнѣнію Лазаревскаго.

Словно нарочно для того, чтобы затруднить рѣшеніе вопроса о происхожденіи рода Марковичей, но въ тоже время и завлечь къ его рѣшенію, находимъ очень странное совпаденіе: мы видѣли на Волыни въ 1569 г. пана Павла Яцковича Черневскаго з Марковичъ, причемъ Яцковичъ здѣсь вѣроятнѣе всего отчество—сынъ Яцека (Іакинфа). Маркъ Гимбаровичъ, о которомъ тоже было говорено выше, былъ товарищемъ пана Ивана Яцковича: они вмѣстѣ

---

[1]) По крайней мѣрѣ знаемъ, что на Волыни въ луцкомъ повѣтѣ былъ землевладѣльцемъ одинъ изъ Кимбаровскихъ (Арх. ю. з. Р. ч. 3, т. II, стр. 375).

заложили около г. Чернигова двѣ буды (Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 359). Затѣмъ встрѣчаемъ около г. Стародуба и село Яцковичи (ibid. 100—101 и Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 146). Фамилія Яцковичъ, потомъ Яцкевичъ, могла быть и сербскою; по крайней мѣрѣ мы сами знали въ Москвѣ Яцкевичей, приписывавшихъ себѣ сербское происхожденіе; съ другой стороны Яцковичи могли быть и евреями, только выкрестившимися и нобилизированными.

Укажемъ и еще одно совпаденіе: Сергій Кимбаръ около 1536 г. былъ супрясльскимъ архимандритомъ (А. ю. з. Р. ч. I, т. VII, стр. 1).

Въ XVII—XVIII в. встрѣчаются въ лѣвобережной Малороссіи, т. е. въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ, Марковичи,—которые живутъ и дѣйствуютъ въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ и потомки Авраама и въ одно и тоже время, но, повидимому, не принадлежатъ къ этому роду; фактовъ мы подобрали достаточно, занимаясь въ архивѣ Департамента Герольдіи, и здѣсь укажемъ лишь на важнѣйшіе:

Въ архивѣ Департамента Герольдіи находится дѣло 1791 г., изъ котораго видно, что искали признанія ихъ дворянами Марковичи, представившіе слѣдующую свою генеологію: предокъ ихъ Маркъ былъ шляхетской породы и жилъ въ Чигиринѣ, откуда сынъ его Иванъ или Богданъ въ 1677 г. пріѣхалъ въ нынѣшнюю Полтавщину съ двумя братьями Григоріемъ и Калеником и съ сыномъ старшаго брата Ивана же Кирилломъ. Всѣ эти лица въ концѣ XVII в. были козаками, причемъ Григорій Марковичъ въ 1712 г. былъ рѣшетиловскимъ сотникомъ; козами были и дѣти ихъ. Потомство этихъ Марковичей въ нѣкоторыхъ линіяхъ измѣнило фамилію: такъ потомки Богдана стали Богдановичами (вѣроятно, извѣстный и нынѣ малорусскій родъ), потомки Григорія съ фамиліей Марченко жили въ константиноградскомъ уѣздѣ и затѣмъ переселились въ екатеринославскую губернію, гдѣ живутъ и нынѣ. Изъ дѣла видно, что родъ (Марченки) сталъ очень мелкопомѣстнымъ; но все же въ дворянствѣ онъ былъ признанъ.

Замѣтимъ здѣсь, что указанный родъ Марковичей считалъ себя вышедшимъ изъ Чигирина, т. е. для конца XVII в. изъ польскихъ владѣній; такое же происхожденіе приписывалъ себѣ и еще

одинъ родъ Марковичей, искавшій дворянства въ 1837 г.; этотъ родъ производилъ себя отъ Карпа Марковича, выходца изъ Польши въ Черниговъ, гдѣ, судя по документамъ, онъ жилъ въ 1681 г.; сынъ его Иванъ былъ войсковымъ товарищемъ, внуки бунчуковыми товарищами и пр. Лицо, искавшее дворянства, жило въ г. Енотаевскѣ, астраханск. губ.

Въ Черниговщинѣ въ концѣ XVII в. знаемъ и еще родъ Марковичей, происхожденіе котораго не извѣстно. Лица изъ него, искавшія дворянства тоже въ 1837 г., показали предкамъ Якова Марковича, обывателя стародубскаго, который въ универсалахъ гетмана Самойловича называется паномъ; самый ранній универсалъ 1673 г.; имъ жалуется Якову Марковичу млинъ на р. Човпнѣ. Здѣсь Яковъ Марковичъ осадилъ село Човпню, которое и наслѣдовали его потомки, сперва бывшіе войсковыми товарищами Марковичами, потомъ, ставшіе въ отличіе отъ другихъ Марковичами—Човплянскими, и наконецъ просто Човплянскими, причемъ они очень измельчали, захудали и превратились въ простыхъ козаковъ; дворянство ихъ было признано.

По всей вѣроятности указанный выше Яковъ Марковичъ есть то самое лицо, которое въ 1667 г. было войтомъ стародубскимъ (см. Ист. стат. оп. черн. епарх. VII, стр. 100).

Въ Стародубьи же встрѣчаемъ въ XVII в., даже въ первой половинѣ, шляхтича Марковича, владѣльца с. Синина (см. Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 142).

Затѣмъ въ 1691 г. при размежеваніи земель Бречицкаго монастыря (въ 4 верстахъ отъ м. Березны) въ числѣ сосѣднихъ обывателей былъ панъ Василій Марковичъ, есаулъ полка черниговскаго (Ист. ст. опис. черн. епар. IV, 175—176 примѣч.); а въ церкви с. Локотки, глух. уѣзда, есть синодикъ, начатый въ 1704 г. при пресвитерѣ Иванѣ Марковичѣ (Зап. черн. губ. стат. комм. 1866 г. кн. I, стр. 158). Въ синодикъ этотъ внесены для поминанія гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій, жена его Анастасія Марковна и дочь ихъ Іульянія Ивановна Толстая. Это могло бы служить доказательствомъ принадлежности локотковскаго священника

къ тому роду Марковичей, изъ котораго была и гетманша (что одинъ изъ Марковичей былъ пресвитеромъ, это встрѣчаетъ себѣ аналогію и среди весьма многихъ малорусскихъ родовъ); но съ другой стороны гетманскую семью и безъ того могли поминать въ малорусской деревенской церкви, да еще и возлѣ Глухова, гдѣ она легко могла пользоваться гетманскою благотворительностью.

Всѣ приведенныя выше указанія достаточно объясняютъ существованіе весьма многихъ Марковичей, не принадлежащихъ къ роду Марка Аврамовича, даже изъ живущихъ нынѣ въ Черниговщинѣ или въ Полтавщинѣ (см. напр. нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые есть въ черниговской дворянской книгѣ); иные могли получить дворянство поздно, путемъ выслуги, какъ это произошло въ 1830 г. съ роменскимъ повѣтовымъ врачемъ Филиппомъ Ивановичемъ Марковичемъ, происходившимъ изъ малорусской шляхты и дослужившимся до статскаго совѣтника; отъ него пошолъ особый родъ Марковичей (дѣло въ Департаментѣ Герольдіи). По адрессъ-календарямъ встрѣчается Марковичей и Маркевичей весьма много.

Можемъ привести нѣсколько указаній на малорусскихъ Марковичей даже первой половины XVII в., но, по нашему мнѣнію, они не принадлежатъ къ роду Марковичей, а просто каждый изъ нихъ имѣлъ отцомъ какого либо Марка. Такъ козакъ войска запорожскаго Андрей Марковичъ пожертвовалъ 14 сентября 1600 г., вмѣстѣ съ товарищами (изъ коихъ одинъ—Петръ тоже, кажется, Марковичъ) евангеліе въ переяславскую Воскресенскую церковь (Максимовичъ соч. I, стр. 318); въ дневникѣ Окольскаго подъ 1638 г. упоминается козачій сотникъ каневскій Петро Марковичъ (Лѣт. Сам. Величка т. IV, прилож. стр. 283); въ лѣтописи Грабянки подъ 1650 г. въ числѣ пословъ Богдана Хмельницкаго къ королю Яну Казимиру названъ козакъ Марковичъ, пожалованный королемъ въ шляхетское званіе, что, впрочемъ, тогда въ глазахъ козаковъ значенія еще не пріобрѣло (Лѣт. Григ. Грабянки К. 1853 г. стр. 88). Къ этимъ козакамъ, имѣющимъ отчество Марковичъ, могли бы подойти и дѣти названныхъ выше Марка Пекарина зятя и Марка козацкаго черкасскаго полковника, если только у нихъ были дѣти.

Въ концѣ XVII и въ XVIII в., когда малорусскіе Марковичи стали историческими дѣятелями, по прежнему встрѣчаются въ правобережной Малороссіи, и особенно на Волыни самые разнообразные Марковичи—Маркевичи, и православные, и уніаты (т. е. раньше все же православные), и католики: такъ въ 1697 г. одинъ изъ Марковичей былъ панцырнымъ бояриномъ въ волынскомъ имѣніи кн. Доминика Шуйскаго (Арх. Ю. З. Р. ч. 3, т. II, стр. 350); въ 1710 г. Остапъ Маркевичей былъ бургомистромъ г. Выжвы въ ковельскомъ староствѣ на Волыни (ibid. ч. 5, т. I, стр. 239)[1]).

Въ половинѣ XVIII в. знаемъ каменецкихъ мѣщанъ Александра, Андрея и Михаила Маркевичей, изъ которыхъ первый игралъ въ г. Каменцѣ выдающуюся роль, былъ райцею и войтомъ[2]). Уніатомъ былъ Михаилъ Маркевичъ, пребендарій коденскій, можетъ быть родственникъ переселившихся въ лѣвобережье Марковичей, судя по отношенію къ Супрясльскому монастырю, которому онъ далъ 500 tymfów, съ тѣмъ чтобы еженедѣльно по средамъ у алтаря св. Іосафата мученика въ отпущеніе грѣховъ жертвователя, до самой смерти его, служилась обѣдня, а послѣ его смерти отслужено было по душѣ его 250 заупокойныхъ обѣденъ. Запись объ этомъ почерка XVIII в.. находится на 7 стр. Супрясльскаго синодика. (Рукопись № 89 въ Виленск. публ. библіотекѣ; она зачеркнута—вѣроятно потому, что обязательство было монастыремъ выполнено).

Наконецъ въ XIX в. знаемъ Маркевичей (православныхъ) изъ правобережья, принадлежащихъ къ духовному сословію, напр. Григорія Маркевича, статьи котораго помѣщались въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, Арсенія Ивановича Маркевича, автора изслѣдованія о Крыжаничѣ и другихъ[3]).

---

[1]) Въ указателѣ къ изданіямъ Кіев. Комм. для разбора древн. актовъ т. I К. 1878 г. упомянуты и дворяне Марковичи, но по ссылкѣ ихъ не оказывается. Есть здѣсь и еще указанія на Марковичей и Маркевичей.

[2]) См. названный выше указатель, но Андрея и Михаила надо искать подъ словомъ: Маркевичи, мѣщане каменецкіе.

[3]) Въ 1869 г. около м. Турова въ д. Черничахъ былъ крестьянинъ *Авраамъ* Тихонов. Маркевичъ—Сборн. Чубинскаго т. VI, стр. 330—331.

Можетъ быть отъ какихъ либо волынскихъ, кіевскихъ, или подольскихъ Марковичей, впослѣдствіи сополячившихся, принявшихъ католичество и нобилизированныхъ, пошли и нынѣ существующіе въ западной Россіи и Польшѣ дворяне Маркевичи, герба Лебедь; хотя собственно шляхтичи Маркевичи извѣстны въ Рѣчи Посполитой, кажется, съ XVII в.; такъ какой то Марковичъ, чуть ли не жмудинъ, былъ въ хотинской войнѣ, т. е. въ 20-хъ годахъ XVII в., товарищемъ въ ротѣ Самуила Паца (Wolff Pacowe стр. 90); панъ Янъ Маркевичъ былъ весною 1634 г. старостою виленскимъ (Восходъ 1887 г. № 4. Бершадскій стр. 72); какой то Маркевичъ подписалъ элекцію короля Яна Казимира [1]). Католиками были и недавній владѣлецъ с. Ягорлыка, балтскаго уѣзда, подольск. губ., М. М. Маркевичъ, бывшій въ г. Одессѣ мировымъ судьею, и братъ его, извѣстный романистъ Болеславъ Михайловичъ, перешедшій, впрочемъ, въ православіе.

Но въ Рѣчи Посполитой были не только Маркéвичи, но и Марковичи, даже католики и, какъ это видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Департамента Герольдіи, такихъ было не мало родовъ; затѣмъ въ львовской университетской библіотекѣ сохранилась очень важная для исторіи края Księga sklepowa Iana Markowicza, kupca korzennego i lawnika miasta Krakowa, подробно описанная д-ромъ Кубалою (см. его Szkice historiczne, serya druga, Lwów 1881 г., стр. 293—323). Этотъ краковскій купецъ Янъ Марковичъ жилъ въ XVII в. (1613—1686 г.); отецъ его—тоже Янъ Марковичъ, былъ мѣщанинъ краковскій, а одинъ изъ сыновей былъ капелланомъ въ г. Луцкѣ—на Волыни.

Въ той части Малороссіи, которая принадлежала Россійской Имперіи, и въ Запорожьи встрѣчаемъ обособленныхъ, повидимому, Марковичей въ 30-хъ годахъ XVIII в., т. е. когда дѣти и нѣкоторые изъ внуковъ Марка Аврамовича были уже замѣтными лицами

---

[1]) Какіе то Маркевичи оказались родственниками Мартина Лютера! у нихъ въ теченіи 200 лѣтъ сохраняется его обручальное кольцо, которое въ концѣ 1886 г. было выставлено въ Варшавѣ (Новости 1886 г. № 336, 1-е изданіе).

въ Малороссіи [1]). Таковъ былъ іеромонахъ, а потомъ намѣстникъ Кіево-Межигорскаго монастыря Павелъ Марковичъ (Маркевичъ), живавшій и въ Запорожьи, и вообще въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской епархіи (см. Историч. обозр. правосл. христ. церкви въ предѣл. нынѣшн. екатериносл. епархіи Ек. 1876 г., стр. 42—43; Скальковскій Ист. Нов. Сѣчи ч. I изд. 3, стр. 131; Историч. очерки изд. Ал. Андріевскимъ вып. 9, стр. 76 и д.). Этотъ Павелъ Марковичъ выкрестилъ еврея, который принялъ его фамилію и сталъ Иванъ Марковичъ Перехристъ (Андріевскій l. c.); онъ потомъ былъ въ Запорожьи; по крайней мѣрѣ въ 1748 г. встрѣчается запорожецъ Иванъ Марковичъ (Скальковскій op. cit. стр. 261).

Но среди евреевъ были, да и теперь есть свои Марковичи. Уже въ 1648 г. Самуель Марковичъ былъ старшиною виленской еврейской общины (Восходъ 1887 г. № 7—8, стр. 105); во время коронаціоннаго сейма 1669 г. король Михаилъ (Вишневецкій) утвердилъ за евреями извѣстныя права и преимущества въ Польшѣ, причемъ во вступленіи сказано, что это сдѣлано отчасти вслѣдствіе покорной просьбы невѣрнаго Мойсея Марковича, генеральнаго еврейскаго синдика, уполномоченнаго еврейскими общинами королевства. Съ другой стороны намъ извѣстны и нынѣ евреи Марковичи въ Одессѣ. По объясненію знакомыхъ евреевъ эти новые еврейскіе Марковичи—въ большинствѣ случаевъ собственно Мордковичи; но, для благозвучія, они смѣнили свое прозвище на сходную и притомъ довольно извѣстную фамилію, что у евреевъ практиковалось постоянно.

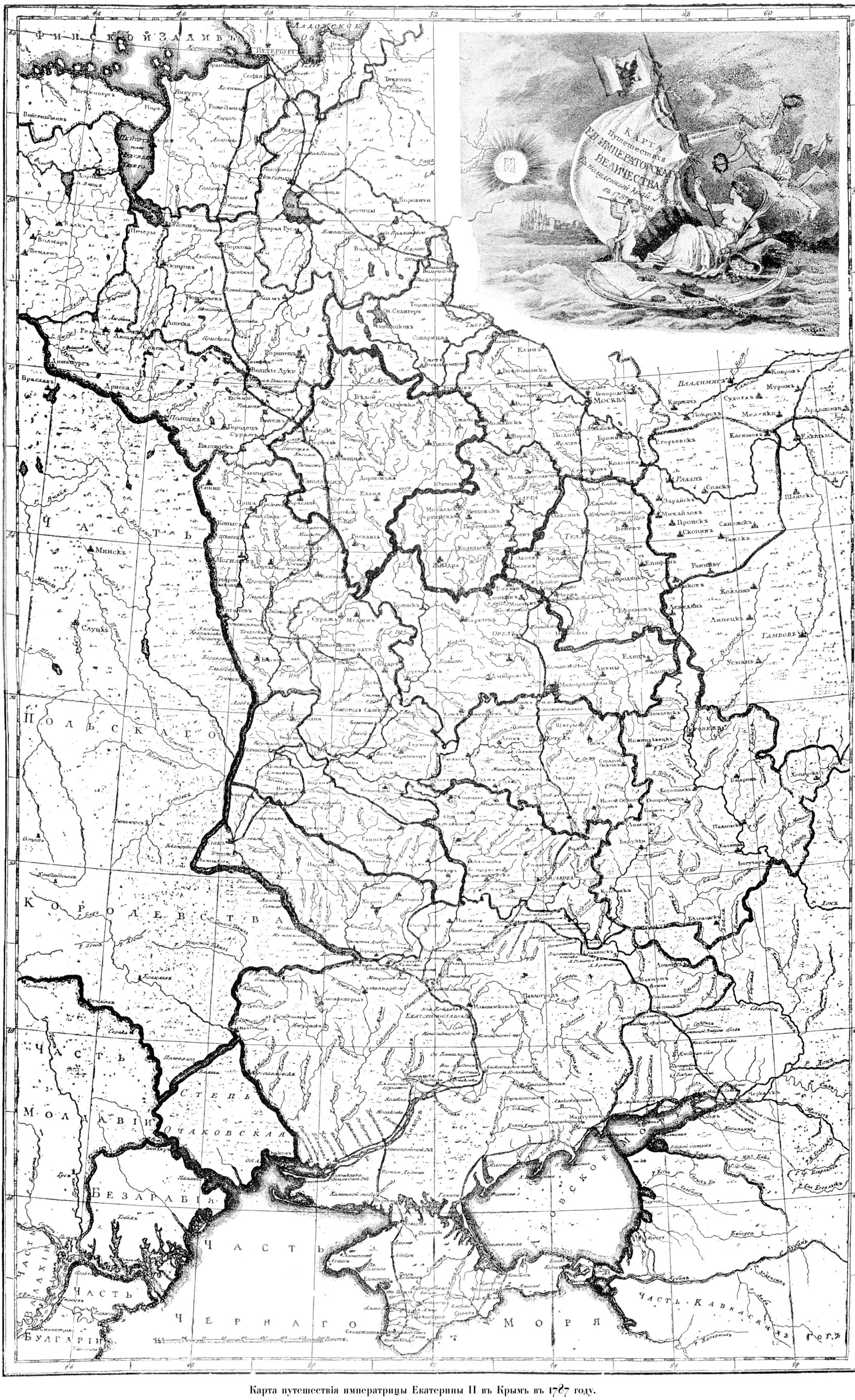
Сообщивъ о Марковичахъ—Маркевичахъ такъ много фактовъ, къ какимъ же результатамъ можемъ мы прійти относительно вопроса о происхожденіи извѣстныхъ малорусскихъ Марковичей? Очевидно,

[1]) Въ Дневникѣ Ханенка стр. 468—469 упоминается Антоній Михайловичъ Марковичъ, управитель имѣніями графа Петра Ив. Шувалова. Зная о роли малороссовъ въ С. Петербургѣ при И. Елисаветѣ Петровнѣ, мы полагали, что этотъ Марковичъ изъ рода Марка Аврамовича, но тамъ ему нельзя найти подходящаго мѣста. Судя по имени Антоній, а не Антонъ, не былъ ли онъ изъ западной Руси?

этотъ вопросъ еще рѣшенъ быть не можетъ; но наиболѣе вѣроятнымъ кажется намъ предположеніе, что эти Марковичи происхожденія сербскаго и что предки ихъ въ XVI в., или въ самомъ началѣ XVII в. поселились на Волыни, откуда Марковичи и распространились въ разныя стороны, причемъ одна вѣтвь переселилась въ Прилукщину, гдѣ отъ Якуба Марковича и сына его Адама и пошли исторически извѣстные Марковичи; послѣднее, полагаемъ, почти несомнѣннымъ. Мнѣніе же о еврейскомъ происхожденіи Марковичей считаемъ не болѣе, какъ гипотезою, причины возникновенія которой указаны нами выше.

Алексѣй Маркевичъ.

Одесса 21 декабря 1889 г.



Карта путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году.

- Т III. ВЫПУСК ВОСЬМОЙ: ОБЩАЯ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ. КИЕВ, 1908 Г. 222 С.
- Т III. ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ: ОБЩАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ. КИЕВ. 1910Г. 376 С.
- IV. ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ И ОДИННАДЦАТЫЙ: РУССКАЯ ИСТОРИЯ — ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. КИЕВ. 1912Г. 531 С.
- IV. ВЫПУСК ДВЕНАДЦАТЫЙ: РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И НАРОДОВЕДЕНИЕ. БИБЛИОГРАФИЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ. КИЕВ 1913 Г. 379 С.
- V. БОГОСЛОВИЕ. ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ: ДОПОЛНЕНИЕ К ВЫПУСКУ ПЕРВОМУ ТОМА ПЕРВОГО - СВ. ПИСАНИЕ И ПАТРОЛОГИЯ. КИЕВ, 1915 Г. 352 С.
- СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. (БЫВШЕЙ ПОЛОЦКОЙ УНИАТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ). 1906 Г. 432 С.

1. АСКОЧЕНСКИЙ В. КИЕВ С ДРЕВНЕЙШИМ ЕГО УЧИЛИЩЕМ АКАДЕМИЕЮ. ЧАСТЬ 1. КИЕВ. 1856Г. 360 С.
2. АСКОЧЕНСКИЙ В. КИЕВ С ДРЕВНЕЙШИМ ЕГО УЧИЛИЩЕМ АКАДЕМИЕЮ. ЧАСТЬ 2. КИЕВ. 1856Г. 553 С.
3. ТІТОВ ХВ. СТАРА ВИЩА ОСВІТА В КИЇВСЬКІЙ УКРАЇНІ XVI-ПОЧ. XIX. КИЕВ 1924 Г. 431С. 180 ИЛЛЮСТРАЦИЙ.
4. ГОЛУБЕВ С. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ 1 ТОМ. КИЕВ 1883Г. 1165 С.
5. ГОЛУБЕВ С. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ 2 ТОМ. КИЕВ 1898Г. 1028 С.
6. ЩЕРОЦКІЙ К. В. КІЕВЪ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ. ИЗДАНИЕ В. С. КУЛЬЖЕНКО. 1917 Г.
7. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ И ЕЕ СТУДЕНТЫ (1697-1702 Г.) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1882 Г.
8. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 3, 7 1882 Г.
9. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА. (БИОГРАФ. ОЧЕРК) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 4 1882 Г.
10. БУЛАШЕВ Г. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКИЙ. КОАДЬЮТОР КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1, 5, 8 1883 Г.
11. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКОГО. ЧАСТЬ I. (1762-1784 Г.Г.).
12. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ, МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО, К АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТИЮ, РЕКТОРУ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 6 1883 Г., № 2 1884 Г.
13. УКАЗ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МАЛОРОССИЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ. «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 8 1883 Г.
14. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА К АРХ. КИЕВСКОМУ РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 4 1884 Г.
15. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О КИЕВЕ. О НАЧАЛЕ БОГОЯВЛЕНСКОГО БРАТСКОГО МОНАСТЫРЯ И КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 10 1884 Г.
16. ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ СКАЗАНИЯ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1 1885 Г.
17. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТВЕТ С.Т. ГОЛУБЕВУ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1885 Г.
18. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1886 Г.
19. КАМАНИН И. М. ЕЩЕ О ДРЕВНОСТИ БРАТСТВА И ШКОЛЫ В КИЕВЕ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ДЕВЯТАЯ., КИЕВ. ТИПОГРАФИЯ Г.Т. КОРЧАК-НОВИЦКОГО, МИХАЙЛОВСКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 4., 1895

20. КИВЛИЦКИЙ Е.А. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ РОССИИ В 1783-1803 ГГ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ДЕВЯТАЯ., КИЕВ. ТИПОГРАФИЯ Г.Т. КОРЧАК-НОВИЦКОГО, МИХАЙЛОВСКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 4., 1895

21. ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ЗА XVIII СТОЛЕТИЯ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» №4 1889 Г.

22. СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРА МОГИЛЫ / АРХИВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ Т. 7 Ч. 1 (СТР. 49-189)

23. ГОЛУБЕВ С.Т. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕТРЕ МОГИЛЕ ДО ПОСВЯЩЕНИЯ ЕГО В САН КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО АРХИМАНДРИТА. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ПЕРВАЯ., КИЕВ. В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ., 1879 Г.

24. ЛЕБЕДЕВ АМФИАН. ИОСАФ ГОРЛЕНКО, ЕПИСКОП БЕЛГОРОДСКИЙ И ОБОЯНСКИЙ. ХАРЬКОВ. 1900 Г.

25. ЖИТТЄПИС АКАДЕМИКА МИКОЛИ ЙВАНОВИЧА ПЕТРОВА. / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

26. БІБЛІОГРАФІЯ НАЙВАЖЛИВІШИХ ПРАЦЬ АКАД. М.І. ПЕТРОВА. / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

27. ПЕТРОВ Н.І. КИЇВСЬКА АКАДЕМІЯ (З НАГОДИ МИНУЛОГО 300-ЛІТТЯ ЇЇ ІСНУВАННЯ). / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

28. ПЕТРОВ Н.И. ДРЕВНЕЙШИЕ РУКОВОДСТВА ПО ФИЛОСОФИИ В КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1888 Г. ФЕВРАЛЬ

29. ПЕТРОВ Н.І. ДВА ДОКУМЕНТИ ДО ПОБУТОВОЇ ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ МОГИЛЯНСЬКОЇ КОЛЕГІЇ В XVII СТ. ЗАПИСКИ НТШ CXXIII-CXXIV. ЛЬВІВ, 1917 Р.

30. ПЕТРОВ Н.І. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II (1762-1796 ГГ.) / «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1906 ГГ. ИЮЛЬ-НОЯБРЬ

31. ПЕТРОВ Н.И. ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII И XVIII ВЕКОВ. Л., 1911 Г. 541 С.

32. ПЕТРОВ Н.И. УКАЗАТЕЛЬ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. КИЕВ. 1897Г. 291 С.

33. ПЕТРОВ Н.И. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА. К., 1895

34. ПЕТРОВ Н.И. АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩИЕСЯ К КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТДЕЛЕНИЕ II., (1722-1795) ГГ. I-V Т., 1904-1908 Г. 3234 С.

35. ОТЧЕТ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ЗА 1898 Г. КИЕВ. 1899 Г. 36 С.

36. СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ КИЕВА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ. К., 1874 Г.

37. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1860-1904 ГГ.

38. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1905-1914 ГГ.

39. ГОЛУБЕВ С.Т. НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. К., 1907. 236 С.

40. ГОЛУБЕВ С.Т. ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. ПЕРИОД ДО-МОГИЛЯНСКИЙ. КИЕВ., 1886Г. 436 С.

41. ТИТОВ Ф.И. РУССКИЙ ЦАРСТВУЮЩИЙ ДОМ РОМАНОВЫХ В ЕГО ОТНОШЕНИЯХ К КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. / ТРУДЫ КДА 1913 Г. ИЮЛЬ-АВГУСТ, НОЯБРЬ.

42. ТИТОВ Ф.И. ДВА МНЕНИЯ МАКАРИЯ БУЛГАКОВА, БЫВШЕГО МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО, О РЕФОРМЕ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. / ТРУДЫ КДА 1906 Г. АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ.

43. ПОЛОЖЕНИЕ О ПРАВАХ И ПРЕИМУЩЕСТВАХ ЛИЦ, СЛУЖАЩИХ ПРИ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ. 24 СЕНТЯБРЯ 1876 Г.

44. ПОЛОЖЕНИЕ О ПРЕМИИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО МИХАИЛА, ЕПИСКОПА КУРСКОГО И БЕЛГОРОДСКОГО, УЧРЕЖДЕННОЙ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. 19 МАЯ 1888 Г.

45. ТИТОВ Ф.И. РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 26 СЕНТЯБРЯ 1898 ГОДА, НА АКАДЕМИЧЕСКОМ ГОДИЧНОМ АКТЕ. / ТРУДЫ КДА. 1898 Г. НОЯБРЬ

46. СЕМЕЙКИН Н. М. Ф. БЕРЛИНСКИЙ, БЫВШИЙ УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И ЕГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. К., 1916 Г. 230 С.

47. ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ В ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА КНИГУ: КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ. (ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ). Т. 1. КИЕВ, 1883 Г. С. ГОЛУБЕВА. К., 1884 Г.

48. ТИТОВ Ф.И. АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩИЕСЯ К КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТДЕЛЕНИЕ III., (1796-1819 ГГ.) I-V Т., 1910-1914 Г. 4768 С.

49. ИННОКЕНТИЙ ГИЗЕЛЬ. (К ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 10 1884 Г.

50. СУМЦОВ И.Ф. ИОАННИКИЙ ГОЛЯТОВСКИЙ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1-4 1883 Г.

51. СУМЦОВ И.Ф. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1 1885 Г.

52. НОВИЦКИЙ ИВ. НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ПЕРВОЙ ФУНДАТОРКИ БРАТСКИХ ШКОЛ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 8 1885 Г.

53. РАЗГОВОР ВЕЛИКОРОССИИ С МАЛОРОССИЕЙ. (ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА). «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1882 Г.

54. ДОПОЛНЕНИЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССИИ С МАЛОРОССИЕЙ» / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1882 Г.

55. ВИШНЕВСКИЙ Д.К. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ (НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ЭТОЙ АКАДЕМИИ ЗА УКАЗАННОЕ ВРЕМЯ). К., 1903 Г. 371 С.

56. ВИШНЕВСКИЙ Д.К. ИЗ БЫТА СТУДЕНТОВ СТАРОЙ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1-3 1896 Г.

57. ПРОШЕНИЕ МАЛОРОССИЙСКОГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИН, ВМЕСТЕ С ГЕТМАНОМ, О ВОССТАНОВЛЕНИИ РАЗНЫХ СТАРИННЫХ ПРАВ МАЛОРОССИИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНЕ II В 1764 ГОДУ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 6 1883 Г.

58. ПЕРЕТЦ В. К ИСТОРИИ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ КОЛЛЕГИИ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ., ВЫП. I КИЕВ., ТИПОГРАФИЯ Т.Г. МЕЙНАНДЕР., 1900 Г.

59. СОБОЛЕВСКИЙ А. НЕИЗДАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ВАРЛААМА ЯСИНСКОГО. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ., ВЫП. I КИЕВ., ТИПОГРАФИЯ Т.Г. МЕЙНАНДЕР., 1900 Г.

60. МУХИН Н. КИЕВО-БРАТСКИЙ УЧИЛИЩНЫЙ МОНАСТЫРЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. К., 1893 Г. 430 С.

61. ХРОНИКА КИЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПИОНА (1804-1824 Г.). / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1884 Г.

62. ПОСЕЩЕНИЕ КИЕВА В. КН. ПАВЛОМ ПЕТРОВИЧЕМ И В. КН. МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1883 Г.

63. ОБЗОР РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (862-1720 ГГ.). СОЧИНЕНИЕ ФИЛАРЕТА, АРХИЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКОГО. КНИГА I. ХАРЬКОВ, 1859 Г. 448 С.

64. ОБЗОР РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (1720-1858 ГГ.). СОЧИНЕНИЕ ФИЛАРЕТА, АРХИЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКОГО И НЕЖИНСКОГО. КНИГА II. ЧЕРНИГОВ., 1863 Г. 311 С.

65. ЧЕРНЫШЕВ С.И. ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ И ПАТРИАРХ ФИЛАРЕТ НИКИТИЧ РОМАНОВЫ В ИХ ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ. ТРУДЫ КДА. ИЮЛЬ-АВГУСТ., 1913 Г.
66. ГОЛУБЕВ С.Т. ИСТОРИИ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ. (ВЫП. 1). КИЕВ, 1891 Г. 83 С.
67. МАКСИМОВИЧ М.А. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. I-III. К. 1887-8. 2142 С.

СТОИМОСТЬ КОМПЛЕКТА 112 $.

ТВОРИ ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛИШАНА 2-Х CD

ТВОРИ

1. ТВОРИ ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛЇША. Т.1-6 «ПРОСВІТА». 1908-1909
2. СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА П.А. КУЛИША. ТОМ 2,4-Й. ИЗД. А.М. КУЛИШ. ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. КАМАНИНА КИЕВ. 1908, 1910
3. СОЧИНЕНИЯ П.А. КУЛИША. ТОМ 1-Й. ХАРКІВ. 1930
4. СОЧИНЕНИЯ П.А. КУЛИША. ТОМ 6-Й. 1932
5. ИСТОРИЯ ВОЗСОЕДИНЕНИЯ РУСИ В 2-Х ТОМАХ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», 1874
6. ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ. ТОМ ПЕРВЫЙ С.-ПЕТЕРБУРГ. «В ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА», 1856
7. ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ. ТОМ ВТОРОЙ С.-ПЕТЕРБУРГ. «В ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА», 1857
8. ОТПАДЕНИЕ МАЛОРОССИИ ОТ ПОЛЬШИ В 3-Х ТОМАХ . М., 1888-1889
9. ХУТОРСЬКАЯ ФИЛОСОФІЯ И УДАЛЕННАЯ ОТ СВЕТА ПОЭЗІЯ С.-ПЕТЕРБУРГ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», 1879
10. ЖИЗНЬ КУЛІША. «ПРАВДА». 1868
11. ГРАМАТКА
12. ДВІ МОВІ, КНИЖНЯ І НАРОДНЯ

ПЕРЕКЛАДИ

1. СВЯТЕ ПИСЬМО СТАРОГО І НОВОГО ЗАВІТУ ВІДЕНЬ. 1896
2. АНТОНІЙ І КЛЕОПАТРА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1901
3. БАГАЦЬКО ГАЛАСУ З НІЧЕВЛЯ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1901
4. ГАМЛЕТ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1899
5. КОМЕДІЯ ПОМИЛОК ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
6. КОРІОЛЯН. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1900
7. КОРОЛЬ ЛІР. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1902
8. МАКБЕТ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА

ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900

9. МІРА ЗА МІРУ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1902
10. ОТЕЛЛО ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
11. ПРИБОРКАНА ГОСТРУХА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900
12. РОМЕО І ДЖУЛЬЄТА. ЗА РЕДАКЦІЄЮ М. ВОРОНОГО ВИДАВНИЦТВО «УКРАЇНСЬКИЙ РОБІТНИК». ХАРКІВ. 1928
13. РОМЕО І ДЖУЛЬЄТА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1901
14. ТРОЇЛ І КРЕССІДА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
15. ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900
16. ГОРДОН БАЙРОН. ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДОВА МАНДРІВКА. ЛЬВІВ, 1905

БІОГРАФІЧНІ НАРИСИ, ЛИСТУВАННЯ, БІБЛІОГРАФІЯ, НАУКОВІ РОЗВІДКИ

1. ПОРТРЕТНА ГАЛЕРЕЯ П. КУЛІША
2. БІБЛІОГРАФИЯ. УКРАЇНСЬКІ ПИСЬМЕННИКИ. БІО-БІБЛІОГРАФІЧНИЙ СЛОВНИК. ТОМ 2. К., ВИД. ХУД., ЛІТ. 1963
3. Ш-РОВ Н. У МОГИЛЫ П.А. КУЛИША И В. М. БЕЛОЗЕРСКОГО «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 09.1899 Г.
4. КОСТОМАРОВ П. КУЛІШ И ЕГО ПОСЛЕДНЯЯ ЛІТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02.1883 Г.
5. ШЕНРОК П. А. КУЛІШ (БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРК) «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02-10.1901 Г.
6. ВЛ. ДАНИЛОВ П. А. КУЛИШ И «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» ПОД РЕДАКЦІЕЙ Ф.Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА «УКРАЇНА», № 07.1907 Г.
7. НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ С Н. КОСТОМАРОВЫМ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 06.1885 Г.
8. ЧАЛЫЙ ЮНЫЕ ГОДЫ П.А. КУЛИША «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 05.1897 Г.
9. ЛОБОДОВСКИЙ М. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРЕ У ПАНТЕЛЕЙМОНА АЛЕКСАНРОВИЧА И АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ(ГАННЫ БАРВИНОК) КУЛИШ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 04.1897 Г.
10. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ П.А. КУЛИША «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 05.1897 Г.
11. БРОШЕННЫЙ ИЗ-ЗА УГЛА КАМЕНЬ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 09.1885 Г.
12. НОМИС М. ПАНТЕЛЕЙМОН АЛЕКСАНДОВИЧ КУЛИШ. НЕКРОЛОГ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 03.1897 Г.
13. ОЛЕНА ПЧИЛКА НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ СТОРОЖЕНКО «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02.1906 Г.
14. ДОРОШЕНКО ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ. ДО 10-РІЧЧЯ ЗО ДНЯ ЙОГО СМЕРТІ «УКРАЇНА», № 02.1907 Г.
15. КУЛІШ П. О. МАТЕРІЯЛИ ТА РОЗВІДКИ ЛЬВІВ. 1929-1930
16. ФРАНКО ІВАН ІЗ ПЕРЕПИСКИ П. КУЛІША З ГАЛИЧАНАМИ В 1870-1871 Р. ЗАПИСКИ НТШ № 26
17. БАРВІНСЬКИЙ ОЛЕКСАНДР ТРИ ЛИСТА М. КОСТОМАРОВА ДО П. КУЛІША ЗАПИСКИ НТШ № 128
18. ЄВГЕН КИРИЛЮК. БІБЛІОГРАФІЯ ПРАЦЬ П.О. КУЛІША ТА ПИСАНЬ ПРО НЬОГО. К., 1929
19. ВІКТОР ПЕТРОВ. ЕТНОГРАФІЧНЕ ОПОВІДАННЯ П. КУЛІША

20. ФИЛИПОВИЧ. КУЛІШЕВА ВАРІЯЦІЯ СЮЖЕТУ ПРО НАВЗІКАЮ
21. МІЯКОВСЬКИЙ. МАЛЮНОК КУЛІША ДО НАРОДНОЇ ПІСНІ
22. ЄВГ. КИРИЛЮК. ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ.
23. ОПЫТ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ. «СОВРЕМЕННИК» Т. XLIII. 1854
24. БАРВИНСЬКИЙ. РОДИННІ ЛІТОПИСИ. ЇХ ІСТОРИЧНЕ Й КУЛЬТУРНО-ПОБУТОВЕ ЗНАЧЕННЯ.
25. ВІКТОР ПЕТРОВ. СПОГАДИ З МОЛОДИХ ЛІТ
26. ВІКТОР ПЕТРОВ. ШЕВЧЕНКО, КУЛІШ, В. БІЛОЗЕРСЬКИЙ - ЇХ ПЕРШІ СТРІЧІ.
27. ПЕТРОВ ВІКТОР. РОМАНИ КУЛІША. К., 1930
28. ЗАЙЦЕВ П. ЛИСТИ КУЛІША ДО Н. ОЛ. БІЛОЗЕРСЬКОЇ. НАШЕ МИНУЛЕ № 1,3 1918 Р.
29. ГЛУШКО С. ЛИСТУВАННЯ П.О. КУЛІША З Л.М. ЖЕМЧУЖНІКОВИМ. УКРАЇНА № 2-3(17) 1926 Р.
30. ПЕТРОВ ВІКТОР. ПАНТЕЛИМОН КУЛІШ У П'ЯТИДЕСЯТІ РОКИ. К., 1929
31. МІЯКОВСЬКИЙ В. КУЛІШ І ЦЕНЗУРА. НАШЕ МИНУЛЕ № 2 1918 Р.
32. МІЯКОВСЬКИЙ В. КУЛІШ І КВІТКА. НАШЕ МИНУЛЕ № 2 1918 Р.
33. В ТРИДЦЯТИ РОКОВИНИ КУЛІША. «УКРАЇНА» КН. 1-2 1927 Р.
34. БУЖИНСЬКИЙ М. ЗВІЛЬНЕННЯ КУЛІША З-ПІД ЦЕНЗУРИ "III ОТДЕЛЕНИЯ". УКРАЇНА № 1(16) 1926 Р.
35. ДАНИЛОВ В. П.А. КУЛІШ І М.О. МАКСИМОВИЧ. УКРАЇНА № 5(19) 1926 Р.
36. ЗАЙЦЕВ П. ПЕРЕДМОВА КУЛІША ДО "НЕОФІТІВ". НАШЕ МИНУЛЕ № 1-2 1919 Р.
37. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К О. М. БОДЯНСКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ВЕРЕСЕНЬ, ЖОВТЕНЬ, ЛИСТОПАД, ГРУДЕНЬ 1897
38. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К И. ХИЛЬЧЕВСКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», СІЧЕНЬ 1898.
39. ПИСЬМА КУЛИША К В. В. ТАРНОВСКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», КВІТЕНЬ, ГРУДЕНЬ 1898.
40. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ТРАВЕНЬ, СЕРПЕНЬ, ГРУДЕНЬ 1898.
41. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К В. В. ТАРНОВСКОМУ-СЫНУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», СІЧЕНЬ 1899.
42. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К М. В. ЮЗЕФОВИЧУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ЛЮТИЙ 1899.
43. ИЗ ПИСЕМ П. А. КУЛИША К С. Д. НОСУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», КВІТЕНЬ 1899.
44. ПИСЬМО П. А. КУЛИША В БУКОВИНУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», КВІТЕНЬ 1899.
45. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ҐАЛАҐАНА, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ВЕРЕСЕНЬ 1899.
46. ПИСЬМО П. А. КУЛИША К М. ГРАБОВСКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ЛИСТОПАД 1900.
47. ПИСЬМА К ОСТАПУ ВЕРЕСАЮ..., «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ЛЮТИЙ 1904.
48. САВЧЕНКО Ф. НЕНАДРУКОВАНІ ЛИСТИ КУЛІША ДО БОДЯНСЬКОГО. ЗА СТО ЛІТ. В. 4. 1929
49. ЛИСТИ КУЛІША ДО ТАРНОВСЬКОГО. ЗА СТО ЛІТ. В. 6. 1930
50. ЕФРЕМОВ С. ДРУКАРНЯ КУЛІША. УКРАЇНСЬКА КНИГА. IX-X. 1937
51. АРЕСТ КУЛИША В ВАРШАВЕ В 1847 Г. ПРАЦІ НАУКОВОГО ІНСТИТУТУ ТОМ XXXV. ВАРШАВА. 1937

ВИДАВНИЧА ДІЯЛЬНІСТЬ

1. ХАТА. 1860
2. ОСНОВА. ЮЖНОРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ ВЕСТНИК ЗА 1861-1862 Г.

СТОИМОСТЬ КОМПЛЕКТА 122 $.

- **РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКИЙ СЛОВНИК. КИЕВ. 1924-1933Г. ГЛ. РЕДАКТОР АКАД. А.КРЫМСКИЙ И ЕФРЕМОВ. 3 ТОМА 6 ВЫПУСКОВ (2632 С.) - 24** $